КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерингoвская ул. № 6.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская, № 6.
1904

Дозволено Цензурою, Кіевъ 23 декабря 1903 г.

Приходскія школы въ старой Малороссіи и причины ихъ уничтоженія.

Въ 1802 году въ Россіи учреждено министерство народнаго просвѣщенія, начавшее свою дѣятельность съ составленія программы, или «предварительныхъ правилъ», утвержденныхъ 24 января, 1803 года. Этой программой, какъ извѣстно, было установлено четыре типа школъ: а) училища приходскія, б) уѣздныя, в) губернскія, или гимназіи и г) университеты. Послѣдніе три рода учебныхъ заведеній, хотя и въ весьма ограниченномъ числѣ, существовали въ имперіи и до того времени. Что же касается до приходскихъ училищъ, назначавшихся для сельскаго населенія, то въ ихъ учрежденіи впервые выразилась правительственная заботливость о насажденіи въ Россіи собственно народнаго образованія. Означенными министерскими правилами предписывалось въ каждомъ приходѣ имѣть приходское училище или, въ крайнемъ случаѣ, два смежныхъ прихода должны имѣть одну общую школу. Если такія школы устраивались въ казенныхъ селеніяхъ, то наблюденіе надъ ними поручалось приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ гражданъ; въ помѣщичьихъ же селеніяхъ учрежденіе приходскихъ школъ предоставлялось, какъ сказано въ 4 пунктѣ «правилъ», «просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ». Общій же надзоръ за этими школами, главнымъ образомъ за учебною частью, возлагался на смотрителя мѣстнаго уѣзднаго училища. Согласно § 8,

эти смотрители должны были располагать помѣщиковъ къ оказанію пособій школамъ въ ихъ имѣніяхъ и въ нужныхъ случаяхъ могли обращаться за содѣйствіемъ по этому предмету къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Вообще въ «правилахъ» нѣтъ опредѣленныхъ указаній, на какія именно средства предполагалось завести приходскія училища; по пункту же 42, рѣшеніе этого вопроса «предоставлялось учинить впредь по соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ и удобностей».

Въ приходскихъ училищахъ дѣти должны были обучаться чтенію, письму и первымъ дѣйствіямъ по ариѳметикѣ; кромѣ того, требовалось «наставлять учениковъ въ главныхъ началахъ закона Божія, въ благоправіи, въ обязанностяхъ къ государю, начальству и ближнему, и вообще простымъ, яснымъ и состоянію учащихся соотвѣтственнымъ образомъ стараться дать имъ правильное понятіе о вещахъ».

Такъ какъ опредѣленный контингентъ учителей для этихъ школъ пока еще отсутствовалъ, то министерству не оставалось иного выхода, какъ привлечь къ народному учительству единственно пригодный для того классъ—духовенство. Помимо того, что приходскимъ священникамъ поручено было ближайшее наблюденіе за вновь учрежденными школами, «предварительныя правила» прямо признавали желательнымъ, чтобы священники и церковно-служители сами исправляли учительскую должность, «толь соотвѣтственную ихъ званію, о чемъ святѣйшій синодъ и долженъ пещись», чтобы въ непродолжительномъ времени «сіе произведено было въ дѣйствіе безъ малѣйшаго отягощенія какъ для священниковъ, такъ и прихожанъ».

Такъ предполагалось организовать начальное обученіе при первомъ министрѣ народнаго просвѣщенія, графѣ П. В. Завадовскомъ, по инціативѣ котораго и были составлены означенныя «правила». Само собою разумѣется, что этотъ утопическій планъ повсемѣстнаго учрежденія въ имперіи приходскихъ школъ безъ всякихъ затратъ со стороны государства, безъ опредѣленныхъ учителей, въ расчетѣ на самодѣятельность прихожанъ, «благонамѣренную попечительность» помѣщиковъ и да-

ровой трудъ приходскаго духовенства, заранѣе обреченъ былъ на полное фіаско, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Но то былъ вѣкъ сентиментализма не только въ литературѣ, но и въ политикѣ, когда вѣрили въ магическую силу гуманныхъ принциповъ, провозглашенныхъ съ высоты трона, когда даже такой сложный политико-соціальный вопросъ, какъ уничтоженіе крѣпостного права, мечтали разрѣшить посредствомъ призыва къ просвѣщенной благонамѣренности помѣщиковъ въ надеждѣ, что они изъ чувства человѣколюбія станутъ отпускать на волю своихъ крестьянъ [1]). Точно также и въ дѣлѣ образованія народныхъ массъ правительство полагало, что достаточно его призыва къ этому общеполезному дѣлу, и тѣ же помѣщики станутъ устраивать школы для своихъ крѣпостныхъ, а духовенство не откажется безвозмездно взять на себя трудъ учительства.

Къ числу такихъ благородныхъ мечтателей-идеалистовъ принадлежалъ тогдашній малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, человѣкъ весьма просвѣщенный, одинъ изъ видныхъ дѣятелей массонскаго движенія, гонимый за то при Екатеринѣ II и реабилизованный лишь императоромъ Павломъ I. Поставленный въ 1802 г. во главѣ управленія двумя малороссійскими губерніями (полтавской и черниговской), кн. Куракинъ оказался заботливымъ, справедливымъ и просвѣщеннымъ администраторомъ и въ короткое время пріобрѣлъ всеобщее расположеніе въ краѣ и вполнѣ заслужилъ тѣ простодушныя похвалы, какими осыпалъ его авторъ «Энеиды», И. П. Котляревскій въ извѣстной малороссійской «Одѣ». Все, что клонилось къ культурному развитію и благосостоянію управляемыхъ имъ губерній—заботы о шелководствѣ и садоводствѣ, о разысканіяхъ каменнаго угля, ртутной руды, минеральныхъ источниковъ, о раз-

---

[1]) Такіе примѣры бывали изрѣдка. Въ 1811 г. полтавскій помѣщикъ Сахновскій далъ вольную своимъ крѣпостнымъ, за что высочайше былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 ст., который повелѣно было генералъ-губернатору вручить ему, при особомъ рескриптѣ, въ собраніи дворянъ.

работкѣ торфа и т. под.,—все это неизмѣнно встрѣчало въ просвѣщенномъ генералъ-губернаторѣ живѣйшій интересъ и энергичную поддержку и покровительство [1]). Тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ онъ долженъ былъ отозваться на призывъ правительства о содѣйствіи дѣлу народнаго образованія.

Не входя въ критическую оцѣнку того, насколько осуществимъ планъ министерства относительно созданія изъ ничего цѣлыхъ тысячъ приходскихъ школъ, кн. Куракинъ, со свойственнымъ ему увлеченіемъ и настойчивостью, занялся этимъ дѣломъ, какъ предметомъ первостепенной важности, всѣми мѣрами побуждалъ къ тому дворянъ, чиновниковъ, духовенство, требовалъ усерднаго содѣйствія со стороны подвѣдомыхъ ему лицъ и учрежденій и, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, не опускалъ рукъ даже и въ то время, когда самъ министръ П. В. Завадовскій пришелъ къ печальному заключенію относительно преждевременности задуманнаго имъ дѣла. Эти благородныя усилія друга просвѣщенія, независимо отъ достигнутыхъ результатовъ, сами по себѣ заслуживаютъ того, чтобы отмѣтить ихъ въ исторіи края, что и составляетъ предметъ настоящаго очерка, составленнаго на основаніи новыхъ матерьяловъ, извлеченныхъ нами изъ архива полтавскаго губернскаго правленія.

I.

Надобно замѣтить, что для Малороссіи вопросъ о народныхъ школахъ вовсе не являлся новостью, какъ для иныхъ частей имперіи. Приходскія училища, о заведеніи которыхъ хлопотало теперь министерство, повсемѣстно существовали еще въ XVIII вѣкѣ; по имѣющимся за 1740—48 гг. статистическимъ даннымъ видно, что почти въ каждомъ городскомъ и сельскомъ

---

[1]) См. рядъ нашихъ замѣтокъ въ «Кіев. Старинѣ» въ X, XI и XII книгахъ за 1901 г., а также «Полтава въ началѣ XIX столѣтія» въ «Кіев. Стар.» 1902 г. и отдѣльно.

приходѣ находилась отдѣльная школа. Ни гетманское правительство, ни епархіальныя власти не участвовали въ созданіи этихъ скромныхъ разсадниковъ грамотности и кое-какого образованія: они были созданы самимъ ходомъ культурной жизни страны, подъ вліяніемъ просвѣтительнаго движенія, начатаго церковными братствами еще въ эпоху борьбы за вѣру и народность и затѣмъ поддерживаемаго образовательнымъ вліяніемъ высшаго училища въ краѣ—кіевской академіи.

Ревизскія полковыя книги первой половины XVIII в. показываютъ, что въ 1740—48 г. въ семи полкахъ старой Малороссіи было 866 школъ и онѣ распредѣлялись слѣд. образомъ: въ нѣжинскомъ полку было 217, въ лубенскомъ 172, въ черниговскомъ 154, въ переяславскомъ—119, въ полтавскомъ—98, въ прилуцкомъ 69 и въ миргородскомъ 37. О полкахъ—стародубскомъ, кіевскомъ и гадячскомъ свѣдѣнія утеряны, а Украина лѣваго берега Днѣпра раздѣлена была, какъ извѣстно, на 10 полковъ. Всѣхъ городовъ въ 7 поименованныхъ полкахъ было 35, мѣстечекъ 61, селъ 792, деревень 206 и слободокъ 11.

Сопоставляя эти данныя съ числомъ школъ, нельзя не видѣть, что почти во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ были приходы, были и школы [1]). Приходы встарину были малолюднѣе нынѣшнихъ и потому пропорціональное отношеніе тогдашнихъ школъ къ числу населенія едва ли не было болѣе благопріятнымъ, чѣмъ такое отношеніе нынѣшнихъ земскихъ и даже церковно-приходскихъ школъ [2]). Въ Слободской Украинѣ (съ 1835 г.—харьковская губ.) были также школы, но много меньше. По переписи 1732 г. упоминаются слѣд. школы: около Харькова, въ Куряжѣ, при соборной церкви двѣ школы, изъ которой въ одной было три наставника; въ самомъ Харьковѣ при Троицкомъ храмѣ, кромѣ богадѣльни, была школа съ 7 учителями; въ селѣ

---

[1]) А. Лазаревскій. Школы въ XVIII в. Основа, 1862, май 82—89 стр.

[2]) О. Левицкій. Очерки нар. жизни въ Малороссіи, стр. 280.

Дергачахъ--школа и шпиталь, а также въ селахъ Новой Водолагѣ, Рогозянкахъ etc. Всѣхъ школъ было 45. Школы въ Малороссіи находились при церквяхъ и назывались именемъ того праздника или святого, которому посвящена мѣстная церковь; напр. нѣжинскія школы именовались: покровскою, успенскою, святоникольскою и т. д. Строился храмъ, и при немъ строилась изба, называемая «школой», гдѣ обыкновенно жилъ дьячокъ, «панъ-дякъ», какъ его называли прихожане. Въ XVIII вѣкѣ причтъ церковный состоялъ изъ священника и дьяка; пономарей не было до введенія штатовъ, а дьяконы были рѣдки. Пономарскія обязанности исполняли «школяры и молодики», обучавшіеся и обучавшіе въ школѣ. Дьякомъ въ то время могъ быть всякій, не было надобности принадлежать къ духовному званію, что сдѣлалось обязательнымъ лишь со времени введенія въ Малороссіи церковныхъ штатовъ въ 1786 году, точно опредѣлившихъ число причетниковъ при каждой церкви. Дьякъ избирался приходомъ, громадой, за «добрый гласъ», за знаніе церковной службы и за умѣнье вести службу «благолѣпно и благочинно». Къ этому пану-дьяку общество предъявляло и педагогическія требованія; онъ долженъ былъ умѣть преподавать въ школѣ, и потому его называли «панъ бакаляръ», а какъ начальникъ школы онъ именовался «панъ-дирехторъ». На основаніи древняго обычая южнорусскихъ причтовъ приготовлять для своей церкви служителей, изъ которыхъ выходили дьячки и потомъ священники, въ Малороссіи въ XVIII в. при каждой приходской церкви обучались мальчики, по преимуществу сироты, безпріютные, которымъ и поручали разныя обязанности при богослуженіи. Эти школьники жили въ церковныхъ домахъ и помогали дьячку въ церкви и при совершеніи утребъ. Вмѣстѣ съ дякомъ, они принимали участіе въ колядованіи, въ пѣніи духовныхъ гимновъ, виршъ и т. д. Старшій изъ нихъ назывался «подьячимъ», т. е. помощникомъ дяка, другіе назывались клиросниками, псаломщиками. Изъ нихъ и избирались настоящіе дяки. Многимъ приходилось оставаться въ званіи «школьниковъ и молодиковъ» до весьма почтеннаго возраста, на что указываетъ вѣдомость города Прилукъ за 1765 годъ.

Въ этой вѣдомости приведенъ списокъ мѣстныхъ школьниковъ. Оказывается, что въ 4 приходскихъ школахъ ихъ было 18, по возрасту же они распредѣлялись такъ: 6 изъ нихъ имѣли отъ 12 до 20 лѣтъ, четыре отъ 20 до 30 л. и 8 отъ 30 до 39 лѣтъ. Изъ этихъ школъ выходили не одни церковно-служители, но и вообще грамотные люди, достигавшіе впослѣдствіи виднаго общественнаго положенія. Таковъ былъ, напр., извѣстный Петрикъ, претендовавшій на гетманское достоинство. Когда онъ въ 1692 году подступилъ съ ордой и запорожцами къ границамъ полтавскаго полка, то Мазепа отправилъ къ нему укорительное письмо, въ которомъ говорилось: «всѣ мы знаемъ, же батько твой жебракъ (нищій) есть, въ городѣ нашемъ въ Полтавѣ мешкалъ, а ты, въ школѣ, межъ нищими валяючися и по-подъ окнами нашими ходячи, окрушками выкормился» [1]). Петрикъ точно былъ воспитанникомъ одной изъ полтавскихъ школъ, гдѣ онъ настолько «выпольоровался», т. е. образовался, что могъ занять должность старшаго канцеляриста въ генеральной канцеляріи. «Школьніи выростки», или «молодики», какъ ихъ называли, не были только учениками школы, но и сами занимались обученіемъ. Если это имъ надоѣдало, то они бросали обученіе и принимались за другое. «Это была нищая, убогая братія»—говоритъ О. И. Левицкій,—способная даже на воровство, и если у кого-либо изъ нихъ оказывались сколько-нибудь значительныя деньги, то это возбуждало недобрыя подозрѣнія. Учились ли и сами эти «выростки школьніи» чему-нибудь, трудно сказать; если и учились, то развѣ дьячковскому искусству подъ руководствомъ «дидаскала», который, конечно, былъ опытнымъ псаломщикомъ [2]). Это была вольная артель особаго рода ремесленниковъ, промышлявшихъ учительствомъ и дьячковствомъ. Ихъ называли «мандроваными дьяками», т. е. странствующими. Сохранилась автобіографія одного изъ такихъ дьяковъ—Иліи Турчиновскаго. Его странствованіе напол-

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. III, стр. 114.

[2]) О. Левицкій: „Очеркъ народной жизни въ Малороссіи въ XVII ст., стр. 286.

пено приключеніями и прекрасно характеризуетъ этотъ интересный типъ странствующаго учителя и вмѣстѣ церковника. Жизнь этого мандрованнаго дьяка рисуетъ намъ нравы и бытъ тогдашнихъ дьяковъ, вообще отличавшихся, по словамъ П. И. Житецкаго, «продерзостью и отвагой, управляемой голодомъ, и выносливостью въ испытаніяхъ всякаго рода» [1]).

Такова была старинная малорусская школа и ея оригинальные «дидаскалы». По мнѣнію О. И. Левицкаго, этотъ своеобразный типъ школы заимствованъ съ Запада: нѣмецкіе vagi scholares, бокханты и польскіе rybałty—это тѣ же наши «мандрованные дьяки» [2]). Такая школа могла возникнуть и существовать, прежде всего, благодаря тому, что въ Малороссіи существовало выборное начало въ замѣщеніи церковныхъ должностей и отношеніе между священно-церковнослужителями и приходомъ опредѣлялось договоромъ. Была и другая причина, благопріятствовавшая существованію «мандрованныхъ дьяковъ». Это право свободнаго передвиженія, которымъ пользовались всѣ классы населенія въ Малороссіи, начиная отъ высшаго и кончая подданными, т. е. посполитыми крестьянами [3])

Этихъ мандрованыхъ дьяковъ называли въ насмѣшку «пиворѣзами». Получили они это названіе, какъ надо думать, отъ пристрастія къ пиву. П. И. Житецкій приводитъ интересные отрывки изъ одной интерлюдіи XVIII ст., рисующей этихъ дьяковъ-пиворѣзовъ. Интерлюдія начинается монологомъ одного пиворѣза, раздумывающаго, куда бы ему отправиться: въ Березну, или въ Коропъ. Въ Коропѣ его хорошо знаютъ и будутъ рады его появленію. Въ эту минуту является другой пиворѣзъ, и вотъ между ними завязывается разговоръ:

---

[1]) Автобіографія Турчиновскаго напечатана въ „Кіев. Старинѣ“ 1885 г. февраль. См. также книгу П. И. Житецкаго—„Мысли о думахъ“, стр. 46—48.

[2]) «Очерки народной жизни въ Малороссіи», стр. 287.

[3]) Харьков. календарь; разборъ проф. Багалѣя «Кіев. Старина», 1885 г., мартъ, 552—558 стр.

Якъ колись на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странни въ школу прихождали.
Ми, бувало, всіого по достатку маемъ,
И хто прійдеть къ намъ въ школу, любезно
вгощаемъ.
Веліе бяше число у насъ горѣлицѣ,
Полни чваицы текущи зъ-подъ трубной криницы;
И всего, слава Богу, бяше по достатку,
Що у людей, то и въ насъ—всякого статку;
Да и теперь богати: маемъ воли и телицы,
Иже купно мандрують по стѣнѣ къ трубницѣ».

— Не хвалѣтесь,—отвѣчаеть своему собрату первый пиворѣзъ:

« бо и мы блощичного роду,
Маемо по достатку и всякого плоду
Довольствуемъ же зѣло, что хлѣба нѣ куса,
Все ходячи по школѣ справляемо труса,
Потрясши кучерамы, да спаты лѣгаемъ,
А уставши раненко, бражку подчиваемъ».

Далѣе эти пиворѣзы спрашивають другъ у друга, куда кто идеть. Первый заявляеть, что хотѣлъ бы пойти въ Березну, но боится, и объясняеть почему:

« бо построивъ штуки,
Такъ щобъ не попастися протопопѣ въ руки».

Оба порѣшили идти вмѣстѣ въ Коропъ, но задумали прежде снять портреты другъ съ друга. Въ это время къ нимъ приходить мужикъ, пожелавшій также, чтобы и съ него сняли портреть.

« Добрѣ, мы служить охочѣ,
Отмалюемъ усіого, толко заплющь очи.

Мужикъ повиновался, и пиворѣзы размалевали ему все лицо; при чемъ одинъ изъ нихъ сожалѣлъ, что мужику

« не залѣпивъ рота:
Якъ пѣйде до громады да войту искаже,
То й намъ кіями ктиторъ пекарню помаже [1]).

Но среди этихъ безшабашныхъ скитальцевъ, прожигателей жизни, попадались и такіе, которые, вмѣстѣ съ семинаристами, приглашались въ домы зажиточнаго шляхетства, въ качествѣ домашнихъ наставниковъ. Состоя «на кондиціи», они назывались инспекторами. Желавшій получить такого наставника обращался обыкновенно къ архіерею и при этомъ опредѣлялъ свои требованія и условія, на какихъ желалъ имѣть наставника. «Ваше преосвященство—писалъ одинъ изъ такихъ просителей: мнѣ нуженъ учитель учить дѣтей грамматикѣ, риторикѣ, поэзіи; жалованья ему десять или пятьнадцать рублей и одежда» [2]).

Чему же учили въ старинной приходской школѣ? Обученіе обыкновенно начиналось съ «грамáтки»—букваря и затѣмъ изучали часословъ, псалтырь—двѣ основныхъ богослужебныхъ книги, учили также и письму. Вотъ вся программа этой школы. Букварю учили съ указкой и иногда наглядымъ способомъ. «Учили, разсказываетъ Крыжановскій, съ указкой и надо было викрикивать: Азъ, Буки, Вѣди, Глаголь и т. д. Придумывали и позы для изображенія буквъ. Дьячекъ подбоченится, выпрямится—сталъ Фертъ; подниметъ руки вверхъ,—выходитъ Пси, опуститъ ихъ—это Ща; протянетъ одну руку вверхъ, другую внизъ на откосъ—вотъ и Хѣръ; опуститъ руки, разставитъ ноги—вотъ и Люди». Наглядность эта такъ занимала учениковъ, что она служила и дома для нихъ игрой [3]). Ознакомившись съ главными богослужебными книгами, надо было изучить всѣ церковные напѣвы

---

[1]) Житецкій, «Мысли о думахъ», 48—51 стр.

[2]) Данилевскій, „Украинская Старина“, т. 21, стр. 13.

[3]) Крыжановскій, Сочин., т. I, 561—562 стр.

и обязательно—восемь гласовъ на «Господи воззвахъ», восемь гласовъ на «Богъ Господь и явися намъ» и столько же гласовъ на ирмосы. Помимо этого, надо было изучить пѣніе «самогласное», т. е. тѣ же псалмы и ирмосы на особый голосъ, и «подобное», т. е. пѣніе двойного текста на одинъ и тотъ же гласъ. Пѣніе церковное для этихъ школьниковъ было очень важно, оно могло выдвинуть школяра въ будущемъ, дать ему мѣсто дьяка, а то могло помочь «выдряпаться и на попа», какъ выражались въ то время. Неизбѣжными спутниками обученія въ школѣ были побои и тѣлесное наказаніе, безъ котораго въ то время казалась немыслимой возможность и самаго обученія. Въ малорусской литературѣ сохранилась вирша, прекрасно рисующая эти побои:

Казавъ мени бокалярь промовыты: Азъ, Азъ,
А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци: разъ, разъ!
Крыкнувъ же винъ у друге: А ну, кажы:«Букы»
Ой це жъ бо я не вымовывъ—попавъ въ ёго рукы.
Крыкнувъ дали въ третій разъ, щобъ вымовывъ: «Виде»,
А вже жъ его жвава рука по чупрыни иде.
Ой якъ сказавъ у четверте: вымовляй: «Живите»,—
Ну те жъ, хлопци, заразъ ёго на лавку кладите!
И просывся и молывся, а ще бильшъ зляквся,
Бо задалы таку хлосту, що й свита цурався [1]).

Помимо того, что били при самомъ обученіи, были установлены «субботники», т. е. расплата по субботамъ за лѣнь и шалости въ теченіе недѣли. Это учрежденіе очень древнее, оно встрѣчается впервые въ уставѣ Луцкой братской школы 1624 г., гдѣ читаемъ: «по субботамъ дидаскалъ маетъ дѣтямъ и памятного не боронити, по чаши школьной испити». Эти «субботники», какъ извѣстно, очень привились къ русской школѣ и уничтожены сравнительно недавно, незадолго до крестьянской реформы. О

---

[1]) Житецкій. Мысли о думахъ, 41—42 стр.

наступленіи этой субботы, когда школьники должны были отдать отчетъ за цѣлую недѣлю, дьячокъ предупреждалъ наканунѣ: «Завтра день святой, нужно каждому очиститься»,—говорилъ онъ. Наступаетъ суббота. Дьячекъ читаетъ проступки каждаго изъ учениковъ своихъ. «Ложись»!—заканчиваетъ дьячокъ; ложились на скамью и получали удары не розгами, а линейками. Бывали случаи, что не щадили и хорошаго ученика. Подойдетъ «дядя» (такъ называли школяры дьячка) и говоритъ: «Ты учился хорошо, не шалилъ, а все-же что-нибудь сдѣлалъ или думалъ нехорошее и чѣмъ-нибудь согрѣшилъ—нужно очиститься наказаніемъ» и затѣмъ слѣдовало роковое: «ложись». Отбывши наказаніе, надо было поцѣловать дядю и сказать: «спасибо за науку», на что дядя отвѣчалъ: «Богъ тебѣ да поможетъ, съ Богомъ пройдешь всякую науку» [1]).

Интересны цѣны за обученіе, какія брали дьячки въ XVIII ст. За выучку букваря плата была отъ 50 к. до 1 р., а въ Кременчугѣ брали 2 р. За обученіе часослову отъ 1 до 2 р., а въ Кременчугѣ отъ 3 до 4 р. Изученіе псалтири цѣнилось еще дороже: въ большинствѣ школъ брали 2 р, въ Переяславѣ цѣна доходила до 4 р., а въ Кременчугѣ до 5 р. Цѣна опредѣлялась безъ обозначенія времени, а за выучку, только въ константиноградскомъ уѣздѣ плата была годовая, отъ 4 до 5 р.

Должны мы, впрочемъ, оговориться, что плата эта существовала въ 1803 г., а въ XVIII стол. она была, несомнѣнно, меньше [2]).

Таковы были школы въ Малороссіи въ XVIII столѣтіи. Несомнѣнно, что это были очень скромные разсадники просвѣщенія, но и въ этомъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ онѣ просуществовали въ Малороссіи въ XVII и XVIII стол., культурно-историческая заслуга ихъ неоспорима. Но школы эти, начиная съ конца XVIII столѣтія, начинаютъ постепенно исчезать. Гдѣ же причина этого, несомнѣнно, очень грустнаго явленія? Заботы пер-

---

[1]) Крыжановскій, т. I, 562—563 стр.

[2]) Арх. Полт. Губ. Правл. по описи № 247, донесенія городничихъ и нижнихъ земскихъ судовъ.

ваго малороссійскаго генералъ-губернатора кн. А. Б. Куракина о насажденіи приходскихъ школъ въ Малороссіи вызвали съ его стороны желаніе узнать что-либо объ этихъ школахъ, и вотъ эти данныя, сохранившіяся въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія, и раскрываютъ намъ причину ихъ исчезновенія.

II. [1])

Князь Куракинъ, получивъ «предварительныя министерскія правила», предписалъ черниговскому губернатору барону ф. Френсдорфу и полтавскому—А. Б. Сонцеву донести ему, какія и гдѣ существуютъ въ ихъ губерніяхъ школы и въ какомъ онѣ состояніи. «И за скоростію времени, писалъ имъ князь, и по многочисленности занятій, вдругъ меня встрѣтившихъ, не удалось мнѣ основательнѣйшимъ образомъ узнать, полюбопытствовать и посмотрѣть, какъ слышу я здѣсь, весьма издревле существовавшихъ приходскихъ училищъ, разумѣется кромѣ тѣхъ, кои извѣстны подъ именемъ народныхъ; есть-ли дѣйствительно сего рода школы въ губерніи полтавской и черниговской и понынѣ находятся, я бы желалъ знать и особенно о томъ прошу ваше прев-во не оставить безъ попечительнаго надзрѣнія вашего, дабы оныя приведены были въ возможный порядокъ. Поелику здѣсь есть предположеніе откомандировать одного члена отъ коммиссіи народнаго просвѣщенія училища сіи обозрѣть, слѣдовательно и доставится намъ обоюдное удовольствіе, буди при сей ревизіи и сіи заведенія найдены будутъ въ желаемомъ совершенствѣ, какъ и всѣ протчія; я надѣюсь, что по предмету сему не оставите вы меня вашимъ извѣщеніемъ». Это предложеніе князь прислалъ изъ Петербурга въ мартѣ мѣсяцѣ, вскорѣ послѣ утвержденія «предварительныхъ правилъ» [2]).

---

[1]) Глава эта составлена исключительно по архивнымъ даннымъ полтав. г. правленія, по описи № 153, 1803 г. и № 247, 1805 года.

[2]) Арх. полт. губ. правленія № 153, есть и въ № 247.

Черниговскій губернаторъ не замедлилъ отвѣтомъ, что начальныхъ школъ въ его губерніи очень немного, помѣщаются онѣ въ церковныхъ домахъ, гдѣ дѣти обучаются у дьячковъ букварю, часослову, псалтири и церковной печати. Дѣти обучаются у дьячковъ по добровольному уговору съ ними родителей. Что же касается болѣе точныхъ свѣдѣній о состояніи этихъ школъ, то баронъ Френсдорфъ, въ виду того, что дьячки находятся подъ начальствомъ духовнаго вѣдомства, высказалъ уклончивое замѣчаніе, что «привесть въ порядокъ сіи школы и дать о нихъ совершенное свѣдѣніе, гдѣ онѣ точно есть, а гдѣ нѣтъ, неудобно». Такой отвѣтъ не могъ, конечно, удовлетворить кн. Куракина, очень настойчиваго въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и сильно желавшаго что-либо сдѣлать для своего края въ дѣлѣ образованія. Онъ вторично предписалъ губернатору снестись съ архіепископомъ черниговскимъ [1]) относительно доставленія свѣдѣній о начальныхъ школахъ и просилъ его «усугубить» свое попеченіе, дабы привесть школы въ совершенный порядокъ». Это предписаніе было исполнено губернаторомъ. Оказалось, что въ Козелецкомъ и Нѣжинскомъ повѣтахъ совсѣмъ не было правильно организованныхъ школъ, а лишь кое-гдѣ дѣти разныхъ званій обучались грамотѣ у дьячковъ, о другихъ же уѣздахъ въ донесеніи свѣдѣній не находимъ. Въ то же время генералъ-губернаторъ счелъ не лишнимъ и съ своей стороны обратиться къ архіепископу черниговскому съ предложеніемъ позаботиться о школахъ. «Желая, писалъ онъ, всемѣстно споспѣшествовать учрежденію въ Малороссіи приходскихъ училищъ, кои, по правиламъ народнаго просвѣщенія, должны быть подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ, обращаюсь къ вашему преосв-ву, съ покорнѣйшею просьбою о вспоможеніи въ семъ случаѣ начальственнымъ вашимъ содѣйствіемъ въ предписаніи приходскимъ священникамъ вашей епархіи о принятіи на себя попеченій наблюдать за таковыми училищами». Такую же просьбу послалъ князь и полтавскому

---

[1]) Черниговскимъ архіепископомъ былъ въ то время Викторъ.

епископу Сильвестру [1]). Но просвѣщенная заботливость кн. Куракина не встрѣтила надлежащаго сочувствія со стороны епархіальной власти, въ чемъ и заключалась главная причина безуспѣшности его стараній. Интересны отвѣты архіереевъ на предложеніе генералъ-губернатора. Архіепископъ Викторъ писалъ, что въ школахъ его епархіи дѣйствительно обучаютъ дѣтей грамотѣ дьячки по книгамъ церковнымъ, но что «таковое обученіе до распоряженія по части духовнаго правительства никогда не относилось и нынѣ не относится, а по предварительнымъ правиламъ министерства народнаго просвѣщенія сказано: приходскія училища въ селеніяхъ казенныхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, а въ помѣщичьихъ онѣ предоставляются попечительности самихъ помѣщиковъ, и я,— пишетъ далѣе архіепископъ,—не находилъ въ проѣздѣ моемъ нынѣ по губерніи заведенныхъ училищъ». Вообще въ этомъ уклончивомъ отвѣтѣ архіепископъ Викторъ не выразилъ ни малѣйшаго желанія помочь князю въ устроеніи народныхъ школъ. Губернаторъ черниговскій доносилъ, что онъ, съ своей стороны, принялъ должныя мѣры въ видахъ содѣйствія этому дѣлу и убѣждалъ маршаловъ и предписалъ нижнимъ земскимъ судамъ стараться объ устроеніи школъ въ казенныхъ селеніяхъ и въ имѣніяхъ помѣщиковъ, ввѣряя надзоръ за ними приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей.

Епископъ полтавскій Сильвестръ отвѣтилъ на предложеніе князя, что онъ не находитъ возможнымъ предписать священникамъ озаботиться устройствомъ приходскихъ школъ, впредь до полученія прямыхъ указаній по этому предмету святѣйшаго си-

---

[1]) Сильвестръ II Лебединскій былъ ректоромъ казанской академіи. Хиротонисанъ въ 1799 г. во епископы малороссійскіе и съ 1803 года повелѣно ему именоваться епископомъ полтав. и переяславскимъ. Въ 1807 г. переведенъ въ Астрахань архіепископомъ; 10 янв. 1808 г. уволенъ на покой въ Глуховской Петропавловскій монастырь, но на пути скончался 5 ноября 1808 года, въ с. Ровенькахъ, острогожскаго уѣзда, воронеж. губ., гдѣ и погребенъ.

пода, куда онъ послалъ, по требованію послѣдняго, свое мнѣніе по вопросу о преподаваніи священно-служителями въ этихъ училищахъ. Надо сказать, что министерство народнаго просвѣщенія сообщило въ синодъ «предварительныя правила» съ ходатайствомъ о принятіи мѣръ къ учрежденію школъ. Синодъ запросилъ у всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ мнѣнія по этому вопросу. Кн. Куракинъ, получивъ донесеніе еп. Сильвестра, обратился къ митрополиту петербургскому и новгородскому Амвросію съ просьбой ускорить разсмотрѣніе присланыхъ въ синодъ мнѣній епархіальныхъ архіереевъ. Митрополитъ обѣщалъ немедленно увѣдомить князя о ходѣ этого дѣла, какъ только будутъ получены свѣдѣнія отъ другихъ епархій.

Пока шла переписка съ черниговскимъ и полтавскимъ архіереями, были наконецъ доставлены въ ноябрѣ 1803 года изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія о школахъ въ полтавской губерніи. Полтавскій губернаторъ Сонцевъ собиралъ эти свѣдѣнія отъ городничихъ и нижнихъ земскихъ судовъ, исполнявшихъ въ то время полицейскія обязанности.

Въ этихъ доношеніяхъ содержатся любопытныя указанія о судьбѣ тѣхъ «школъ», которыя, какъ мы знаемъ, когда-то существовали почти при каждой церкви въ старой Малороссіи и затѣмъ невѣдомо куда исчезли къ концу XVIII в. По собраннымъ даннымъ, какъ увѣдомлялъ Сонцевъ, въ полтавской губерніи школъ нѣтъ. Въ прежнее время были при церквахъ училища подъ названіемъ «школы», гдѣ обучали дьячки, зашедшіе изъ разныхъ мѣстъ. Не имѣя никакой осѣдлости, дьячки эти жили въ этихъ домахъ при церквахъ и за умѣренный платежъ деньгами или хлѣбомъ обучали дѣтей грамотѣ. Ревизія 1782 года, обнаружившая постоянные переходы дьячковъ съ мѣста на мѣсто, заставила ихъ «сообразно своему званію, обзавестись жительствомъ въ своихъ домахъ, а школы между тѣмъ пришли въ обветшалость и сами собой упразднились, и нынѣ таковыхъ въ полтавской губерніи нѣтъ. По нѣкоторымъ городамъ дѣти дворянскіе, козачьи и другого званія обучаются у дьячковъ россійской грамотѣ за разную плату».

Нельзя сказать, чтобы школъ совсѣмъ уже не было въ краѣ, какъ доносилъ Сонцевъ. Школы еще были, но въ очень небольшомъ количествѣ. Вотъ статистическія данныя, доставленныя городничими о школахъ въ уѣздныхъ городахъ, а нижними земскими судами о школахъ въ уѣздахъ. Изъ уѣздныхъ городовъ остались школы: въ Пирятинѣ 1, въ Кременчугѣ 3, въ Ромнахъ 2. Хоролѣ 4, въ Переяславѣ 3, въ остальныхъ городахъ ихъ уже не было. Въ уѣздахъ было школъ немного: въ гадяцскомъ, лубенскомъ, миргородскомъ, кременчугскомъ, роменскомъ, пирятинскомъ, прилуцкомъ—школъ не было совсѣмъ, въ остальныхъ онѣ еще существовали: въ хорольскомъ ихъ было 4; въ переяславскомъ 18, въ золотоношскомъ 16, въ константиноградскомъ 24 и въ полтавскомъ 6. Всѣхъ обучавшихся въ такихъ школахъ (числомъ 87) было 738 ч., изъ нихъ дворянъ было 149, козаковъ 151, духовныхъ 6, церковно-служит. 17, помѣщичьихъ крестьянъ 21, мѣщанъ 102, купцовъ 18, казенныхъ крестьянъ 34, остальные были дѣти чиновниковъ, солдатъ, военныхъ и др. Сюда же въ общее число вошли и учащіеся въ хорольск. и переяславскомъ уѣздахъ, которые не показаны по сословіямъ.

Но, конечно, всѣ эти данныя едва ли точны; многія изъ этихъ школъ помѣщались не въ церковныхъ домахъ, а въ квартирахъ дьячковъ, бравшихъ дѣтей для обученія грамотѣ. Но во всякомъ случаѣ, не будетъ ошибкой выводъ, что очень немного школъ осталось въ Малороссіи къ началу XIX столѣтія изъ того количества, которое существовало полувѣкомъ раньше. Кременчугскій нижній земскій судъ такъ же, какъ и губернаторъ Сонцевъ, указалъ на ревизію 1782 г., какъ на причину, имѣвшую вліяніе на уничтоженіе школъ. Прибавимъ еще, что въ числѣ прежнихъ дьяковъ, обучавшихъ грамотѣ, было много заштатныхъ, которые распоряженіемъ императрицы Екатерины II были отправлены въ военную службу при черноморскомъ адмиралтействѣ [1])

---

[1]) «Кіев. Старина», 1901, май. Статья Иванова—Переселеніе заштатныхъ церковниковъ. Отправлено было 611 ч. обоего пола церковниковъ. Стр. 288—297.

Такова была участь многихъ изъ этихъ насадителей грамотности въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ.

Донесеніе Сонцева не порадовало просвѣщеннаго князя, и онъ предписалъ губернатору навести новыя справки и дать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о дьячковскихъ школахъ, какія все еще существовали въ губерніи. Тогда губернаторъ предписалъ, съ своей стороны, городничимъ и нижнимъ земскимъ судамъ собрать такія свѣдѣнія, которыя мы и привели выше.

Одновременно съ донесеніемъ Сонцева преосвященный Сильвестръ сообщилъ князю точную копію своего мнѣнія, посланнаго имъ въ св. синодъ. Признавая вообще крайне обременительнымъ для приходскаго духовенства привлеченіе его къ дѣлу учрежденія школъ и въ особенности къ личному въ нихъ учительству, какъ того желали министерскія правила, преосвященный Сильвестръ исходитъ изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ. Всѣхъ священнослужителей было въ то время въ полтавской епархіи 769. Селеній, гдѣ было по два прихода и болѣе, 232, а селеній съ однимъ приходомъ 450. По разсчету преосвященнаго, если соединять и по два селенія для устройства одного училища, то необходимо устроить въ губерніи 457 школъ.

Что касается контингента учителей, то преосвященный предлагалъ тѣхъ изъ воспитанниковъ переяславской семинаріи, которые не могутъ продолжать курса въ высшемъ классѣ (разумѣемъ богословскій, уже введенный въ то время въ переяславской семинаріи), зачислять въ причтъ и назначать учителями приходскихъ школъ. Если же въ приходѣ былъ одинъ только священникъ, то преосвященный Сильвестръ не считалъ возможнымъ поручить ему преподаваніе и надзоръ за школами, въ виду его прямыхъ занятій по приходу.

Кн. Куракинъ принялъ въ соображеніе мысль о привлеченіи къ учительству неокончившихъ семинаристовъ и порѣшилъ учредить для нихъ подготовительные курсы при черниговской гимназіи, для чего и обратился къ преосвященному Сильвестру и преемнику архіепископа Виктора, преосвященному Михаилу, съ просьбою назначить семинаристовъ на эти курсы, при чемъ со-

держаніе ихъ порѣшилъ отнести на средства черниговской городской думы. Объ этомъ кн. Куракинъ сообщилъ министру гр. П. В. Завадовскому, съ которымъ часто совѣтовался въ дѣлѣ устройства школъ. Министръ выразилъ князю свое удовольствіе и пожелалъ успѣха его начинаніямъ. Упоминая о заботахъ кн. Куракина учредить школы, министръ пишетъ: «Извѣстно, сколько таковые опыты усердія къ благу общества близки къ сердцу того, съ кѣмъ вы раздѣляете подвиги распространенія наукъ, и потому мнѣ весьма желательно, чтобы вы въ совершеніи вашего предпріятія споспѣшествоваемы были усердіемъ той страны обитателей и благонамѣреніемъ духовнаго начальства, у котораго вы испрашиваете семинаристовъ».

Но какъ отнеслись къ этой мысли преосвященные? Пр. Сильвестръ остался вѣренъ себѣ. Онъ и теперь не нашелъ возможнымъ исполнить желаніе князя, ссылаясь на указъ св. синода, о чемъ и увѣдомилъ князя. Это было въ декабрѣ 1805 г. Но онъ все-таки назначилъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ своей епархіи смотрителя изъ духовенства, а учителями предназначилъ нѣсколько человѣкъ изъ церковно-служителей и 16 семинаристовъ—6 изъ философскаго класса и 10 изъ риторики.

Черниговскій преосвященный отнесся иначе къ этому дѣлу. Онъ нашелъ, что желаніе князя не противорѣчитъ указу синода. «Таковое благонадежнѣйшее вашего сіятельства требованіе, по моему мнѣнію, сходственно и съ предписаніямъ святѣйшаго синода, которымъ предопредѣлено имѣть нѣкоторое пріуготовленіе къ народнымъ учительскимъ должностямъ и въ самыхъ духовныхъ семинаріяхъ. А потому и предписалъ я семинарскому правленію избрать къ сему способныхъ и желающихъ изъ учениковъ высшихъ классовъ, каковыхъ оказалось десять человѣкъ». Содержаніе семинаристамъ преосвященный полагалъ назначить слѣдующее: студенту богословія 35 р. асс., фисософіи—30 р. и риторики—25 р. ас.

Ознакомимся кстати и съ мнѣніемъ святѣйшаго синода, на которое часто ссылался епископъ Сильвестръ.

Синодъ пришелъ къ такимъ выводамъ. Обученіе въ сельскихъ школахъ можетъ происходить лишь въ періодъ времени отъ окончанія полевыхъ работъ до начала ихъ, ибо во время полевыхъ работъ священно- и церковно-служители, «упражняясь въ земледѣліи, имѣютъ слѣдующія занятія: убираютъ хлѣбъ, молотятъ, производятъ починку строеній, мочатъ пеньку, сушатъ и обработываютъ, возятъ въ городъ продавать и т. п.; исправляютъ должности благочинныхъ, депутатовъ и т. д. Въ силу этого нѣтъ надлежащей удобности преподавать поученія самимъ священникамъ. Но, съ другой стороны, и принимая въ разсужденіе имѣющіеся при церквахъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по два и по три комплекта священно-церковно-служителей, а особливо по такимъ приходамъ, кои по разнымъ отдаленнымъ селеніямъ не разсѣяны, усматривается, что можно, на первый случай и доколѣ не будутъ совершенно приготовлены для сего учителя, начать преподаваніе оное учившимся въ семинаріяхъ и испытаннымъ въ честномъ и добромъ и въ прилежномъ званія своего прохожденіи дьяконамъ и причетникамъ подъ смотрѣніемъ целѣностнаго преподаванія ими ученія приходскаго священника». Поэтому синодъ постановилъ: 1) учредить эти училища по сношенію съ епархіальными архіереями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть такіе священно-церковно-служители, которые могутъ преподавать ученіе; 2) въ домахъ священно-церковно-служителей школъ не учреждать, а для сего «отводить особые домы отъ свѣтскаго правительства», неподалеку отъ жилищъ причта; 3) ученіе преподавать по книгамъ, какія изданы будутъ по повелѣнію правительства, и 4) если учительская должность «одному, опредѣленному въ оную, покажется тягостною, то въ таковомъ случаѣ позволить священно-церковно-служителямъ чередоваться въ оной погодно».

Разсматривая это постановленіе, нельзя не видѣть, что св. синодъ считалъ дѣло учительства въ народныхъ школахъ занятіемъ постороннимъ для духовенства, допустимымъ постольку, поскольку оно не будетъ помѣхой не только пастырскимъ, но и хозяйственнымъ его занятіямъ; поэтому и былъ предоставленъ епархіальнымъ архіереямъ полный просторъ дѣйствій въ этомъ

дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій призналъ и такое содѣйствіе со стороны духовнаго вѣдомства на первый разъ достаточнымъ.

Князь Куракинъ былъ болѣе настойчивъ. Получивъ отказъ отъ полтавскаго архіерея назначить семинаристовъ въ черниговскую гимназію для приготовленія къ учительству въ народныхъ школахъ, онъ вторично писалъ ему о томъ же. Преосв. Сильвестръ отвѣтилъ, что въ Петербургѣ министерствомъ учреждается особое училище для приготовленія учителей, куда уже затребовано отъ него 5 семинаристовъ изъ философскаго класса. Очевидно, преосвященный намекалъ на учрежденіе въ Петербургѣ Педагогическаго института, имѣвшаго совсѣмъ другое назначеніе. Князь Куракинъ не удовлетворился этимъ уклончивымъ отвѣтомъ и послѣ третьяго письма добился наконецъ того, что Сильвестръ назначилъ девять семинаристовъ для приготовленія къ учительству. Это порадовало князя, и онъ поспѣшилъ увѣдомить о томъ министра; графъ Завадовскій вскорѣ отвѣтилъ ему, и это письмо его очень интересно въ томъ отношеніи, что самъ министръ пришелъ къ печальному заключенію относительно преждевременности задуманнаго имъ дѣла. «Встрѣчалъ я многократно неподатливость равнымъ образомъ, какъ вы видите въ отношеніяхъ къ вамъ епархіальныхъ пастырей, которые приложены къ почтеннѣйшему писанію вашего отъ 22 декабря (князь писалъ въ 1805 г.). По вниманію къ отзывамъ святѣйшаго синода, что отъ обращенія духовныхъ семинаристовъ къ образованію въ учители для народныхъ училищъ оскудѣютъ епархіальныя семинаріи для предмета наполненія изъ оныхъ въ епархіяхъ весь причтъ церковный (sic), государь императоръ повелѣлъ, дабы министерство народнаго просвѣщенія о всякомъ семинаристѣ, котораго хотѣло бы къ употребленію по своей части, докладывало ему безпосредственно. Слѣдственно, не можно считать на великую помощь вообще учебной части отъ сихъ разсадниковъ, плодами не изобилующихъ. Я чувствую всю цѣну горячихъ попеченій вашего сіятельства въ устроеніи учебныхъ заведеній въ вашихъ губерніяхъ, въ побужденіи дворянамъ основать приходскія училища. Сія статья

хотя есть въ генеральномъ предположеніи, но она къ послѣдствіямъ принадлежитъ, когда лучъ просвѣщенія воздѣйствуетъ въ другихъ степеняхъ и выведетъ насъ изъ настоящаго недостатка имѣть учителей. Потому приходскія училища не вдругъ повсюду, а исподоволь и гдѣ есть способы къ тому, могутъ быть открываемы. Ближе было бы приходскому священнику преподавать въ оныхъ ученіе, но многіе ли изъ нихъ способны или ревнительны питать овцы своего стада ученьемъ имъ полезнымъ? Предавъ сію мысль вашему проницательному разсужденію, имѣю честь быть...» (подпись).

Планъ Куракина былъ—учредить приходскія училища въ уѣздныхъ городахъ, а затѣмъ нѣсколько по уѣздамъ, расширяя ихъ сѣть постепенно. Полтавская казенная палата, по его предписанію, представила ему статистическія данныя о количествѣ церквей, приходовъ, о числѣ муж. пола въ каждомъ изъ приходовъ, а также приблизительную смѣту, во что обойдется наемъ помѣщеній для училищъ и отопленіе ихъ. Эти данныя были собираемы съ 1806 г. и представлены только въ 1807 году. Всѣхъ церквей въ полтавской епархіи по этимъ даннымъ было 777, приходовъ 884, жителей мужскаго пола 337,713 д. Всѣхъ школъ предполагалось учредить 598. Наемъ помѣщеній для нихъ, по разсчету палаты, долженъ обойтись въ 9766 руб., а отопленіе въ 11606 руб. асс.

Но князь Куракинъ не успѣлъ привести въ исполненіе хотя бы часть этого проекта. Въ 1808 г. онъ занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ и переселился въ Петербургъ. Изъ представленныхъ нами данныхъ нельзя не видѣть, что кн. Куракинъ, такъ много желавшій сдѣлать для ввѣренныхъ ему губерній въ дѣлѣ школьнаго обученія, не встрѣтилъ сочувствія въ представителяхъ тогдашняго духовенства и, понятно, его просвѣтительныя начинанія не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ.

Не встрѣтилъ онъ сочувствія и среди дворянства черниговской и полтавской губерній. Еще въ 1805 году кн. Куракинъ обратился ко всѣмъ уѣзднымъ маршаламъ этихъ губерній съ предложеніемъ озаботиться устройствомъ школъ въ помѣщичьихъ имѣ-

ніяхъ. Разсчетъ князя, что въ дворянствѣ, какъ культурномъ классѣ общества, онъ встрѣтитъ сочувствіе, не оправдался. Это было время крѣпостного права, когда объ образованіи крѣпостныхъ не только не думали, но считали его лишнимъ и даже вреднымъ, не соотвѣтствующимъ самому положенію крѣпостныхъ людей, въ которыхъ видѣли только даровыхъ работниковъ для помѣщика. Многіе изъ предводителей даже не отвѣтили князю, другіе увѣдомили только о полученіи его предложенія, и лишь немногіе отвѣтили на его предложенія. Такъ, зѣньковскій предводитель отвѣтилъ: «многіе дворяне въ отзывахъ своихъ изъясняютъ, что въ помѣстьяхъ учреждать приходскія училища неудобно, поелику оные есть малопомѣстные и расположены по разнымъ мѣстамъ, а безъ помощи другихъ нѣтъ удобности. Въ случаѣ учрежденія школъ, добавляетъ предводитель, мелкопомѣстные готовы участвовать, при чемъ подполковникъ Козицкій вызвался пожертвовать 200 р. Обѣщалъ оказать все свое содѣйствіе и роменскій предводитель, если будутъ учреждены школы». Вотъ и всѣ отзывы на предложеніе князя приступить къ устройству школъ. Таковы были результаты заботъ кн. Куракина о насажденіи просвѣщенія въ черниговской и полтавской губерніяхъ.

Подведемъ итоги всему сказанному нами.

Въ старой Малороссіи существовали многочисленныя приходскія школы, не только подготовлявшія учащихся къ прохожденію дьячковской должности, но и дававшія грамотность и извѣстное книжное и эстетическое образованіе. Школы эти были созданы не правительствомъ, ни епархіальнымъ начальствомъ, а самыми прихожанами, народомъ. Къ концу XVIII в. школы эти постепенно начинаютъ исчезать, чему причиной послужило введеніе при церквяхъ штатовъ, а болѣе всего ревизія 1782 г., прикрѣпившая всѣхъ и каждаго къ опредѣленному мѣстожительству и роду занятій. Прикрѣпленіе это уничтожило, конечно, свободное передвиженіе, чѣмъ и уничтожило эти школы.

И. Фр. Павловскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Извлеченіе изъ архивныхъ дѣлъ объ учрежденіи приходскихъ школъ въ Малороссіи въ генералъ-губернаторство князя А. Б. Куракина. (Архивъ Полт. Губ. Правленія по описи № 153 и Полт. Депут. Собр. по описи № 10).

I. *Донесеніе черниговскаго губернатора барона Френсдорфа.*

Его сіятельству, господину дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору, малороссійскому генералъ-губернатору, дѣйствительному камергеру и кавалеру князю Алексѣю Борисовичу Куракину отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, малороссійскаго черниговскаго гражданскаго губернатора рапортъ.

Вслѣдствіе предписанія вашего сіятельства отъ 22 прошлаго марта, за № 667, ко мнѣ послѣдовавшаго, а мною сего апрѣля 6 числа полученнаго, имѣю честь вашему сіятельству донести: приходскія училища, или такъ называемыя школы, хотя имѣются въ здѣшнемъ краю, но не во всякомъ приходѣ, а въ нѣкоторыхъ только при церквахъ въ выстроенныхъ корпусахъ изъ церковныхъ доходовъ или отъ прихожанъ для жительства дьячковъ, которые, сколько мнѣ извѣстно, состоятъ изъ одной или двухъ простыхъ избъ и то въ худомъ положеніи, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то въ собственныхъ дьячковъ домахъ; дѣти отдаются для обученія грамотѣ, читать и писать, большею частью по городамъ—купцовъ и мѣщанъ, а въ селеніяхъ—козаковъ и другихъ средняго рода людей; они обучаются дьячками первоначально читать по букварю, потомъ часословъ и псалтырь церковной печати и по

старому методу; нѣкоторые же и писать, но въ самомъ несовершенствѣ по неумѣнію того дьячковъ; а принимаются дѣти для обученія по добровольному съ родителями или попечителями ихъ условію, съ заплатою за обученье каждой книги, безъ означенія на то времени и смотря по состоянію каждаго. И какъ церковные дьячки состоять всѣ въ вѣдѣніи духовнаго начальства, то привесть въ порядокъ сіи школы и даже имѣть объ нихъ совершенное свѣдѣніе, гдѣ точно оные есть, а гдѣ нѣтъ, мнѣ неудобно, что и предлагаю на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства. Губернаторъ баронъ Френсдорфъ. Апрѣля 10 дня 1803 г. Черниговъ.

Князь А. Б. Куракинъ, получивъ это донесеніе, предписалъ губернатору снестись съ черниговскимъ архіепископомъ, что и сдѣлалъ губернаторъ, о чемъ и увѣдомилъ князя:

«Вашего сіятельства предписаніе отъ минувшаго апрѣля подъ № 1039 (чтобы снестись съ черниговскимъ архіепископомъ усугубить попеченіе, дабы привесть приходскія школы въ совершенный порядокъ) сего маія 12 числа я имѣлъ честь получить и во исполненіе онаго отнесся я къ преосвященному Виктору, архіепископу малороссійскому черниговскому и кавалеру, чтобъ онъ, какое по сему предмету учинитъ распоряженіе, меня увѣдомилъ къ вспоспѣшествованію, есть ли что будетъ и отъ меня зависѣть моимъ содѣйствіемъ къ совершенному устройству приходскихъ школъ, вашему сіятельству почтеннѣйше о томъ доношу, докладывая притомъ, что по испытанію моему, въ проѣздъ мой нынѣ черезъ козелецкій и нѣжинскій повѣты, приходскіе священники объявили, что нарочитыхъ приходскихъ школъ при церквахъ городскихъ и сельскихъ не имѣется, а обучаются дѣти у дьячковъ, и то у нѣкоторыхъ только, въ домахъ ихъ. 1803 года, мая 15, Нѣжинъ. № 2769».

Получивъ эту бумагу, кн. Куракинъ предписываетъ губернатору обратить вниманіе на устройство школъ, «ежели оные не существуютъ, дабы устроеніе и заведеніе ихъ на правилахъ, для сего постановленныхъ, воспріяло свое начало въ непродолжительномъ времени, тѣмъ болѣе, что сіе относится къ пользѣ общей и просвѣщенію юношества». (Іюня 12, 1803 года, за № 1521).

На это черниговскій губернаторъ донесъ князю рапортомъ о своемъ сношеніи съ черниговскимъ архіепископомъ Викторомъ:

«Вашего сіятельства предписаніе отъ 12 іюня, подъ № 1521, о обращеніи вниманія, дабы устроеніе и заведеніе въ сей губерніи при-

ходскихъ училищъ на правилахъ для сего постановленныхъ воспріяло свое начало въ непродолжительномъ времени, сего жъ іюня 18 числа я имѣлъ честь получить, и какъ на отношеніе мое объ оныхъ приходскихъ училищахъ преосвященный Викторъ, черниговскій архіепископъ и кавалеръ, извѣщаетъ меня, что по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ нѣкоторые въ школахъ приходскихъ проживающіе дьячки обучаютъ дѣтей разнаго званія людей русской грамотѣ по произволу отцовъ, столько, сколько кому время и обстоятельства позволятъ, единственно по книгамъ церковнымъ и ихъ ученіе до распоряженія по части духовнаго правительства никогда не относилось и нынѣ не относится; а по предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія сказано: приходскія училища въ селеніяхъ казенныхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, а въ помѣщичьихъ онѣ предоставляются просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ, то я, не находя нигдѣ въ проѣздъ мой нынѣ по губерніи заведенныхъ приходскихъ училищъ, кромѣ тѣхъ, о коихъ имѣлъ уже я честь вашему сіятельству донести, предписалъ повѣтовымъ господамъ маршаламъ, нижнимъ земскимъ судамъ, чтобы съ нихъ первіе, внуша помѣщикамъ, предоставили старанію и попеченію ихъ о заведеніи и устроеніи въ помѣщичьихъ селеніяхъ приходскихъ училищъ, а нижніе земскіе суды, также внуша въ казенныхъ селеніяхъ жителямъ, старались бы, согласно предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія, устроить и завесть таковые училища, ввѣря оные приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, въ каждомъ ли приходѣ можно оные учредить, или въ двухъ вмѣстѣ, объ ономъ, какъ по распоряженіяхъ и успѣхѣ по сему, мнѣ донести, о чемъ вашему сіятельству почтеннѣйше доношу». Іюня 30. 1803 года. Стародубъ.

Князь А. Б. Куракинъ, получивъ это донесеніе, рѣшился самъ обратиться къ преосвященнымъ—черниговскому Виктору и переяславскому Сильвестру съ такого рода письмами:

Ваше преосвященство, милостивый мой архипастырь!

Желая всемѣрно споспѣшествовать предварительно учрежденію въ Малороссіи приходскихъ училищъ, въ правилахъ народнаго просвѣщенія назначенныхъ, кои должны быть подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ, обращаю къ вашему преосвященству покор-

нѣйшую просьбу мою о вспоможеніи въ семъ случаѣ начальственнымъ вашимъ содѣйствіемъ въ предписаніи приходскимъ священникамъ вашей епархіи о принятіи на себя попеченій наблюдать за таковыми училищами, дабы лучшій успѣхъ получило сіе высочайше назначаемое введеніе просвѣщенія. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть навсегда вашего преосвященства, милостиваго моего архипастыря... Полтава. Августа 1 дня. 1803 года. (Арх. Полт. Губ. Правленія, по описи № 153).

На это письмо послѣдовалъ отвѣтъ пр. Сильвестра:

Ваше сіятельство, милостивый государь мой и благодѣтель!..

На почтеннѣйшее вашего сіятельства отношеніе о предписаніи приходскимъ здѣшней епархіи священникамъ о наблюденіи за училищами въ правилахъ народнаго просвѣщенія, имѣю честь ваше сіятельство извѣстить, что какъ по указу изъ святѣйшаго правительствующаго синода, минувшаго марта отъ 18 числа, вслѣдствіе даннаго оному высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшему, представлено отъ меня въ оный мнѣніе о преподаваніи въ тѣхъ училищахъ ученія священно-церковно-служителямъ, съ чѣмъ сопрягается и наблюденіе священниками за училищами, то до полученія на оное разрѣшенія, священниковъ къ сему наблюденію опредѣлить я не могу, а когда изъ святѣйшаго синода послѣдуетъ по сему предмету повелѣніе, тогда не премину дать черезъ кого слѣдуетъ священникамъ и прочимъ церковнослужителямъ надлежащее о томъ предписаніе и ваше сіятельство увѣдомить; въ прочемъ есмь и пребыть имѣю всегда съ истиннымъ къ особѣ вашего сіятельства высокопочитаніемъ и совершенною преданностью вашего сіятельства, милостиваго государя моего и благодѣтеля, покорнѣйшій слуга Сильвестръ, епископъ малороссійскій переяславскій. № 188. Августа 13 дня, 1803 года. (Арх. Полт. Губ. Правленія по описи № 153).

Письмо кн. Куракина къ митрополиту петербургск. Амвросію.

Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь мой!

Желая всемѣрно споспѣшествовать предварительно учрежденію въ Малороссіи сельскихъ училищъ, въ правилахъ народнаго просвѣщенія, назначеніе коихъ должно быть подъ наблюденіемъ приходскихъ

священниковъ, относился я къ обоимъ малороссійскимъ преосвященнымъ: Виктору, архіепископу черниговскому, и Сильвестру, епископу переяславскому, о споможеніи въ семъ случаѣ начальственнымъ ихъ содѣйствіемъ, вслѣдствіе сего епископъ переяславскій извѣстилъ меня, что по указу святѣйшаго правительствующаго синода, минувшаго марта отъ 18 числа къ нему послѣдовавшему, представлено отъ него мнѣніе о преподаваніи ученія священно-и церковно-служителями, съ чѣмъ сопрягается и наблюденіе священниками за училищами, а потому и отношу къ вашему высокопреосвященству покорнѣйшую просьбу употребить милостивое содѣйствіе, дабы представленіе сіе получило незамедлительное разрѣшеніе; имѣю честь быть впрочемъ съ совершеннымъ неизмѣннымъ почтеніемъ вашего высокопреосвященства, милостиваго архипастыря моего... (Арх. полт. губ. правленія по описи № 153). Сентября 7, 1803 года.

Отвѣтъ митрополита Амвросія.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

На почтеннѣйшее отношеніе вашего сіятельства отъ 7 числа минувшаго сентября, коимъ требовать изволите содѣйствія моего, дабы по представленію преосвященнаго епископа переяславскаго о преподаваніи ученія священно-церковнослужителями въ сельскихъ школахъ въ святѣйшемъ синодѣ рѣшеніе скорѣе послѣдовало, честь имѣю отвѣтствовать, что оное неукоснительно послѣдовать имѣетъ по собраніи изъ всѣхъ епархій потребныхъ на сей предметъ свѣдѣній. О чемъ извѣстя, съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностью пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга Амвросій, м. новгородскій. (Арх. полт. г. правл. № 153) Октября 1 дня, 1803.

Отношеніе къ преосвященному Сильвестру.

Ваше преосвященство, милостивый мой архипастырь!

Ваше преосвященство почтеннымъ отзывомъ ко мнѣ отъ 13 августа за № 188 предварили меня не оставить увѣдомленіемъ о повелѣніи, какое послѣдуетъ изъ Святѣйшаго Синода по представляемому мнѣнію нащетъ преподаванія ученія священно и церковно-служителями въ приходскихъ училищахъ подъ наблюденіемъ священниковъ, что по благословному вашему ко мнѣ благорасположенію повторили лично въ

проѣздъ мой черезъ Переяславъ. Я, получивъ теперь отъ высокопреосвященнаго Амвросія, митрополита новгородскаго, извѣщеніе, что разрѣшеніе упоминаемаго мнѣнія въ святѣйшемъ синодѣ неукоснительно имѣетъ послѣдовать, въ надѣяніи на сіе обѣщаніе, прошу покорнѣйше васъ, милостивый мой архипастырь, о снисходительномъ ускореніи въ удовлетвореніи моей просьбы, чѣмъ обязать изволите совершенною благодарностью пребывающаго съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ вашего преосвященства, милостиваго архипастыря... (Арх. полт. губ. правл., по описи № 153). Декабря 2/ 1803 года.

Отвѣтное письмо еп. Сильвестра.

Ваше сіятельство, милостивый государь мой и благодѣтель!

Въ угодность требованію вашего сіятельства, вчерашняго дня въ почтеннѣйшемъ вашемъ отношеніи сего мѣсяца отъ 2 числа мнѣ сообщенному, пріятнѣйшимъ поставляю для себя долгомъ препроводить и сію къ вашему сіятельству копію съ рапорта моего въ святѣйшій синодъ, содержащаго мое мнѣніе по предмету преподаванія священно-церковно-служителями въ приходскихъ сельскихъ училищахъ ученія. Увѣдомляя васъ, что разрѣшеніе на сіе еще не послѣдовало, но какъ скоро оное получу, въ тоже время извѣстить васъ, милостиваго государя, не премину, впрочемъ прошу ваше сіятельство совершенно быть увѣренными въ истинномъ къ особѣ вашей высокопочитаніи и преданности, съ которыми имѣю честь быть всегда вашего сіятельства мил. государя моего и благодѣтеля всепокорнѣйшій слуга Сильвестръ, епископъ малороссійскій переяславскій. (Архив. полтав. губ. правленія, по описи № 153). Декабря 20, 1803 года.

Мнѣніе епископа Сильвестра, поданное въ святѣйшій синодъ.

Въ святѣйшій правительствующій синодъ. Сильвестра, епископа малороссійскаго переяславскаго и ордена святыя Анны 1 класса кавалера, рапортъ.

Его императорскаго величество указомъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода, минувшаго марта отъ 18-го, подъ № 104, съ прописаніемъ имянныхъ его императорскаго величества высочайшихъ указовъ: перваго, даннаго святѣйшему синоду генваря 24 дня о принятіи со стороны оннаго соотвѣтственныхъ мѣръ для содѣйствія бла-

гоуспѣшному теченію народнаго просвѣщенія; второго, объявленнаго святѣйшему синоду, въ вѣдѣніе правительствующаго сената, даннаго оному того же января въ 24 день съ утвержденіемъ поднесенныхъ его императорскому величеству министромъ просвѣщенія обще съ членами правленія училищъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія,—между прочимъ велѣно мнѣ, въ святѣйшій синодъ представить мнѣніе свое: можно ли приходскимъ сельскимъ священникамъ, хотя нѣкоторымъ, а особливо, гдѣ состоитъ не одинъ причтъ священнослужителей и имѣются притомъ дьяконы, поручить преподаваніе ученія, для приходскихъ училищъ предполагаемаго, безъ отягощенія ихъ и остановки въ исправленіи прочихъ ихъ должностей? или не найдутся ли къ сему на первый случай способные изъ церковниковъ, при тѣхъ церквахъ состоящихъ, такъ же изъ уволенныхъ отъ должностей священно-церковнослужителей, коихъ съ пользою можно было употребить подъ смотрѣніемъ только приходского того селенія священника?..

Во исполненіе такого святѣйшаго правительствующаго синода предписанія, по собираніи переяславскою духовною консисторіею, въ каковыхъ здѣшней епархіи селеніяхъ священники или дьяконы или причетники состоятъ изъ учившихся въ семинаріи или академіи и въ которыхъ учившіеся одному россійскому и другихъ къ составленію по сему предмету положенія нужныхъ свѣдѣній, явствуетъ 1) изъ уволенныхъ отъ должностей священноцерковнослужителей хотя является въ вѣдомствѣ духовномъ нѣкоторое число, а именно 102 человѣка, но оные всѣ, какъ въ сообразность указа 1778 года, октября 8 дня, по старости и слабости отъ должностей уволены, потому къ употребленію сему мало надежны. 2) Напротивъ же, какъ изъ состоящихъ въ дѣйствительномъ служеніи учившихся въ семинаріяхъ или академіяхъ священнослужителей является 769, селеній же, кромѣ городовъ, во всей епархіи изъ двухъ и болѣе приходовъ состоящихъ 232, да одноприходныхъ 450, изъ коихъ въ первыхъ полагая по одному приходскому училищу, а въ послѣднихъ по одному таковому, соединяя по два селенія, нужно будетъ по сей епархіи жителей для всѣхъ по епархіи приходскихъ училищъ 457. 3) Хотя изъ показанныхъ учившихся въ семинаріяхъ или академіи, въ дѣйствительномъ служеніи состоящихъ 769 человѣкъ и найдутся таковые, коимъ по одиночеству въ своемъ служеніи не совмѣстно будетъ преподаваніе ученія, но какъ довольное количество въ переяславской семинаріи семинаристовъ изъ свя-

щенноцерковнослужительскихъ дѣтей, съ одной стороны требующихъ въ продолженіи ученія своего пособій казенныхъ, съ другой—не подающихъ надежды къ продолженію съ успѣхомъ высшихъ наукъ, заставляетъ меня каждогодно въ сентябрѣ дѣлать разборъ, паче достигшимъ риторическаго ученія, и изъ таковыхъ каждогодно исключается въ причтъ довольное количество, а ихъ мѣста въ казенномъ семинарскомъ домѣ занимаютъ другіе, къ классическому ученію изготовленные священнослужительскіе дѣти, такъ что каждогодно и выбываетъ въ причтъ довольное количество, и комплектное число въ семинаріи каждогодно пополняется. Кромѣ жъ сего, и самимъ своекоштнымъ таковой же ежегодно дѣлается разборъ. Всѣ тѣ безъ исключенія семинаристы изъ самыхъ нижнихъ грамматическихъ классовъ, кромѣ учебныхъ каждаго класса предметовъ, обучаются въ опредѣленныя часы по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ—ариѳметикѣ, а по субботамъ катехизису; потому таковые исключающіеся по извѣстнымъ разборамъ семинаристы способны и могутъ, буде гдѣ дѣйствительно служащимъ несовмѣстно преподаваніе ученія, пополнять учительскія въ приходскихъ училищахъ мѣста; 4) при всемъ семъ, какъ соблюдается со стороны моей во ввѣренной мнѣ епархіи то, что каждогодно къ сентябрю и вѣдомости отъ духовныхъ правленій и благочинныхъ присылаются въ консисторію объ обучившихся россійскому письму священноцерковнослужительскихъ дѣтяхъ, и самыя таковыя дѣти въ семинарію доставляются, такъ соблюдено будетъ и то, чтобъ и самые возрастные, при отцахъ безъ помѣщенія состоящіе, не иначе помѣщаемы были на причетническія мѣста, какъ по предварительномъ въ семинаріи хотя въ начаткахъ ариѳметическихъ и въ катехизисѣ образованіи, дабы и таковые, бывъ помѣщены въ причтѣ, могли употреблены быть по сему предмету, хотя подъ смотрѣніемъ приходскаго, совершеннѣше въ сихъ предметахъ образованнаго священника, но по одиночеству въ своемъ служеніи должности сельскаго учителя отправлять не могущаго. По таковымъ обстоятельствамъ при сихъ моихъ предположеніяхъ полагаю мнѣніе, что во ввѣренной мнѣ переяславской епархіи можно, при распоряженіи отъ надлежащаго правительства по селеніямъ приходскихъ училищъ, поручить преподаваніе ученія, для таковыхъ училищъ предполагаемаго, священноцерковнослужителямъ здѣшней епархіи, поставляя самое расположеніе или размѣщеніе къ тому способныхъ къ самому тому времени и положенію, когда и какъ расположены будутъ таковыя приходскія училища; что

однако на благоразсмотрѣніе святѣйшему правительствующему синоду покорнѣйше предаю.

Іюля 8 дня, 1803 года. Подлинный подписалъ: Сильвестръ, епископъ малороссійскій переяславскій. Іосифъ Козачковскій, городского собора протоіерей, семинаріи профектъ. (Архивъ. полт. губ. правленія по описи № 153).

Рапортъ полтавскаго губернатора Сонцева о причинѣ исчезновенія школъ.

Господину малороссійскому генералъ-губернатору.

По содержанію почтеннаго предписанія вашего сіятельства, прошлаго апрѣля 10 числа мною полученнаго, о надзрѣніи, дабы существующія издревле въ Малороссіи приходскія училища, естьли онѣ и нынѣ въ полтавской губерніи находятся, приведены были въ возможный порядокъ, я предписалъ всѣмъ полтавскимъ городничимъ и нижнимъ земскимъ судамъ, чтобы они, учиня выправку, естьли училища такого рода въ вѣдомствахъ ихъ окажутся, то, взявъ таковыя въ попечительное надзрѣніе, имѣть въ таковомъ-всегда съ наблюденіемъ, дабы въ возможнѣйшемъ порядкѣ содержимы были, мнѣ же доставить свѣдѣнія какъ объ оныхъ училищахъ, такъ о находящихся въ оныхъ ученикахъ, на какомъ положеніи оные содержутся и какой отъ кого учители получаютъ платежъ. Изъ собранныхъ нынѣ мною о семъ донесеній значится, что хотя въ прежнихъ годахъ состояли по селеніямъ при приходскихъ церквахъ училища подъ названіемъ «школы» и въ нихъ бывали ученики изъ разнаго званія людей и преподавалось имъ ученіе россійской грамоты отъ приходскихъ дьячковъ, кои были зашедшіе изъ разныхъ мѣстъ и, не имѣвъ своихъ осѣдлостей, въ тѣхъ школахъ проживали, получая отъ родителей тѣхъ учениковъ за ученье умѣренный платежъ деньгами и хлѣбомъ, однако то было во время свободнаго съ мѣста на мѣсто перехода людей, т. е. до сочиненія въ 1782 году ревизіи, а когда затѣмъ таковый переходъ пресѣченъ и тѣ дьячки, поступивъ по оной ревизіи въ званіе, каждому свойственное, обзавелись жительствомъ въ своихъ домахъ, а школы между тѣмъ пришли въ обветшалость, то сами по себѣ и упразднились, и нынѣ таковыхъ училищъ въ губерніи полтавской нѣтъ. Обучаются же по нѣкоторымъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ дѣти дворянскіе, козачіе и другаго званія начальной россійской грамотѣ,

граматки, часослова и псалтирѣ у дьячковъ приходскихъ церквей и другихъ частныхъ людей, собственными своими домами живущихъ, за разнообразную по договорамъ заплату. О чемъ вашему сіятельству честь имѣю донести. Полтавскій губернаторъ Сонцевъ. (Архивъ полт. губ. правленія № 153. 10 ноября, 1803 года, № 4827.

Получивъ это донесеніе, князь Куракинъ еще разъ отнесся къ губернатору Сонцеву:

Господину полтавскому гражданскому губернатору.

Степень ученія, въ предварительныхъ правилахъ о народномъ просвѣщеніи названная «приходскія училища», по мнѣнію моему, заключаетъ въ себѣ тѣ самыя школы по нѣкоторымъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ полтавской губерніи, гдѣ дѣти дворянскіе, козачіе и другаго званія обучаются начальной россійской грамотѣ у дьячковъ приходскихъ церквей и другихъ частныхъ людей, хотя собствеными своими домами живущихъ, за разнообразную по договорамъ заплату; а поелику не имѣютъ они никакого еще образованія, я прошу ваше превосходительство, собравъ вѣрнѣйшіе объ оныхъ подробныя свѣдѣнія: въ которыхъ мѣстахъ они именно существуютъ и на какихъ основаніяхъ, доставить ко мнѣ, употребивъ при томъ начальственное ваше попеченіе въ приведеніи тѣхъ училищъ въ положеніе, соотвѣтственное правиламъ для нихъ предначертаннымъ. Свѣдѣнія, сколько и гдѣ именно по губерніи таковыхъ существуетъ, оныя доставить ко мнѣ. Малорос. генер.-губернаторъ. (Архивъ полт. губ. правленія, по описи, № 153). Ноября 30 дня, 1803 г. № 5750.

Мнѣніе св. синода и указъ правит. сената объ участіи сельскаго духовенства въ преподаваніи въ школахъ.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго. Изъ малоросійскаго полтавскаго губернскаго правленія заступающему мѣсто здѣшняго губернскаго маршала, прилукскому повѣтовому господину маршалу Горленку. Въ указѣ его императорскаго величества изъ правительствующаго сената, отъ 31 января подъ №. 1622 пущенномъ, а въ семъ правленіи 23 февраля сего года полученномъ, напечатано: по указу его императорскаго величества правительствующій сенатъ слушали донесеніе министра народнаго просвѣщенія, господина дѣй-

ствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера графа Петра Васильевича Завадовскаго, что препровожденное къ нему при указѣ правительствующаго сената прошедшаго 1804 года, сентября 12 дня вѣденіе святѣйшаго синода о сдѣланномъ въ ономъ положеніи касательно преподаванія священно и церковно-служителями въ сельскихъ приходскихъ училищахъ ученія предложено отъ него было главному училищъ правленію, которое признало принятыя по сему предмету святѣйшимъ синодомъ мѣры на первый случай достаточными; съ каковымъ мнѣніемъ онъ, господинъ министръ, будучи согласенъ, представляя о семъ правительствующему сенату, возвращая при томъ въ подлинникѣ помянутое вѣденіе святѣйшаго синода, въ которомъ значитъ: что святѣйшій синодъ, разсматривая мнѣнія, вступившія отъ епархіальныхъ архіереевъ, относительно преподаванія въ приходскихъ училищахъ священно и церковно-служителями ученія и соображаясь какъ съ предварительными правилами народнаго просвѣщенія, такъ и съ обстоятельствами самихъ священно-церковнослужителей, находитъ, что въ приходскихъ училищахъ назначается продолжать ученіе отъ окончанія полевыхъ работъ до начала оныхъ въ слѣдующемъ годѣ; а въ показанное время священно и церковно-служители, упражняясь въ земледѣліи, имѣютъ слѣдующія занятія: убираютъ хлѣбъ съ поля, молотятъ, сѣно, солому и дрова возятъ, присмотръ имѣютъ за прокормленіемъ скота, производятъ починку и строеніе около дома, пеньку мочатъ, сушатъ, обработываютъ и возятъ въ городъ избытки свои для продажи, по званіямъ же ихъ занимаясь служеніемъ и требами, исправляютъ сверхъ того должности благочинныхъ, духовниковъ, депутатовъ, занимаются перепискою метрическихъ и исповѣдныхъ книгъ, а въ случаѣ выбытія изъ котораго прихода священника, до опредѣленія другаго, отправляютъ и по тому приходу служеніе и требы, для каковыхъ требъ, особливо гдѣ прихожане живутъ въ разныхъ мѣлкихъ селеніяхъ и въ отдаленности отъ церквей, бываютъ въ отлучкѣ по нѣскольку времени; почему и нѣтъ надлежащей удобности преподать то ученіе самимъ священникамъ. Но съ другой стороны, пріемля въ разсужденіе имѣющіяся при церквахъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по два и по три комплекта священно- церковнослужителей, а особливо по такимъ приходамъ, которые по разнымъ и отдаленнымъ селеніямъ не разсѣяны, усматривается, что можно на первый случай и доколѣ не будутъ совершенно приготовлены предположенные для сего учители, начать преподавать оное ученіе учившимся въ семинаріяхъ и испи-

таннымъ въ честномъ и добромъ поведеніи и въ прилежномъ званія своего прохожденіи дьяконамъ и причетникамъ подъ смотрѣніемъ относительно нелѣностнаго преподаванія ими ученія приходскаго священника и благочиннаго; а въ разсужденіи должнаго тому повиновенія и послушанія учащихся, на основаніи предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія главы I, статьи 4, подъ надзираніемъ почетнѣйшаго жителя. А по таковымъ обстоятельствамъ святѣйшій синодъ впредь до разсмотрѣнія и полагаетъ: *Первое*, училища въ приходахъ учредить по сношеніямъ съ епархіальными архіереями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть такіе священнослужители, кои могутъ преподавать ученіе, въ противномъ случаѣ епархіальные архіереи не оставятъ взять своихъ мѣръ переведеніемъ или опредѣленіемъ въ тѣ приходы способныхъ къ сему преподаванію. *Второе,* училищъ въ домахъ священноцерковнослужителей не учреждать, а отводить для сего особые домы отъ свѣтскаго правительства, неподалеку отъ жилищъ священноцерковнослужителей и прихожанъ; да и самое ученіе преподавать по книгамъ, какія изданы будутъ по повелѣнію правительства, и учащимъ какъ для покупки книгъ, такъ и для прочаго нужнаго къ преподаванію ученія никакихъ расходовъ отъ себя не имѣть. *Третье*, въ селеніяхъ обращавшихся въ православную вѣру греко-россійскаго исповѣданія, какъ то: корелъ, черемисъ, мордвы, вотяковъ, татаръ, чувашъ и прочихъ, кои дѣти по-русски не разумѣютъ, учить священно и церковнослужителямъ въ школахъ и въ церквахъ наставленіе производить на ихъ природномъ языкѣ дотолѣ, доколѣ всѣ ихъ прихожане отъ мала до велика разумѣть будутъ совершенно россійскій языкъ; а для преподаванія таковаго ученія и можно будетъ употребить на первый случай назначенные святѣйшимъ синодомъ къ изданію въ печать книги на россійскомъ языкѣ съ переводомъ на упомянутые, содержащія въ себѣ церковныя молитвы, символъ вѣры, десятословіе и катехизисъ, каковыя книги для сихъ обращенныхъ въ вѣру греческаго исповѣданія народовъ могутъ послужить къ лучшему вразумленію ихъ и понятію о богопочитаніи и истинномъ познаніи святости христіанской вѣры. И для того въ тѣ села во всѣ священнослужительскіе чины, открываться имѣющіе, производить или изъ семинаріи тамошнихъ уроженцевъ, знающихъ непремѣнно употребляемый тамъ языкъ, или и самыхъ жителей, обучая послѣднихъ при производствѣ первымъ дѣйствіямъ ариѳметики въ семинаріи. *Четвертое*, буде учительская должность одному опредѣленному въ оную окажется тягостною, въ тако-

вомъ случаѣ позволить священноцерковнослужителямъ чередоваться въ оной погодно или какъ они сами за благо и полезно для себя разсудятъ; а къ таковому облегченію ихъ себя, особливо же въ которомъ селѣ окажется изъ священно и церковнослужителей одинъ только ученый, а прочіе нимало въ семинаріяхъ и училищахъ не обучавшіеся, долженъ обучающій на ряду съ будущими учениками заставить слушать въ училищахъ и причетниковъ нужное къ учительскому званію и приготовлять на помощь себѣ, а со временемъ и на перемѣну себя, что исполниться можетъ въ очень короткое время, ибо читать и писать каждый церковникъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, а остается только показать каждому начальныя дѣйствія ариѳметики, до чего прочіе ученики временемъ нужнымъ на обученіе читать и писать дойти могутъ; слѣдовательно каждый изъ причетниковъ неученыхъ къ нужному времени исправиться можетъ. *Пятое*, если гдѣ окажутся священно и церковнослужители всѣ въ семинаріи и духовныхъ училищахъ не обучавшіеся, въ такомъ случаѣ переводить въ оные изъ другихъ селъ, въ коихъ таковыхъ избыточно окажется, по согласію однакожъ нужныхъ къ переводу, а затѣмъ несогласіе на то прихожанъ и самаго переводимаго за неспособностію причетника не уважать; равнымъ образомъ и изъ обучающихъ дьяконовъ и причетниковъ преимущественно производить въ высшія степени на открывающіяся при другихъ церквахъ мѣста, гдѣ нѣтъ таковыхъ училищъ, дабы когда сіи и тамъ учредятся, могли они преподавать въ нихъ ученіе или имѣть смотрѣніе надъ училищами; соразмѣряя сему, дѣлать опредѣленіе въ мѣстахъ и семинаристовъ, какъ оканчивающихъ ученіе, такъ и выписываемыхъ за неспособностью къ высшимъ наукамъ учениковъ, но для обученія въ приходскихъ училищахъ довольно наставленными быть долженствующихъ. *Шестое*, у обучающихъ въ училищахъ священно и церковнослужителей за небытіе ихъ во время преподаванія ученія при исправленіи требъ, подлежащихъ на ихъ часть доходовъ какъ отъ земли, такъ и отъ требъ, не удерживать. *Приказали:* поелику оное положеніе правительствующаго синода о преподаваніи священно и церковнослужителями въ сельскихъ приходскихъ училищахъ ученія, какъ главнымъ училищъ правленіемъ, такъ и господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія признано на первый случай достаточнымъ, то и сенатъ, соглашаясь съ онымъ, полагаетъ всѣмъ начальникамъ губерній и губенскимъ правленіямъ предписать, дабы они къ благоуспѣшнѣйшему произведенію въ дѣйство таковыхъ святѣйшаго синода

мѣропріятій содѣйствовали всегда по отношеніямъ духовныхъ начальствъ всѣми зависящими отъ нихъ мѣстными распоряженіями, для свѣдѣнія же дать знать о томъ и прочимъ присутственнымъ мѣстамъ, а равно и гг. министрамъ указами, московскимъ же сената департаментамъ вѣденіемъ, каковое сообщить и въ святѣйшій правительствующій синодъ для дальнѣйшаго съ его стороны по вышеизъясненному положенію его распоряженія. И по указу его императорскаго величества, малороссійское полтавское губернское правленіе опредѣлили: по оному чинить отъ сего правленія должное исполненіе, для свѣдѣнія объ ономъ и равномѣрнаго въ потребномъ случаѣ исполненія, съ прописаніемъ того правительствующаго сената указа, послать таковые отъ правленія губернскому и всѣмъ повѣтовымъ господамъ маршаламъ, полиціймейстерамъ и подкоморскимъ судамъ, городовымъ магистратамъ и ратушамъ указы. И о семъ въ здѣшнія казенную палату, генеральный судъ по обоимъ департаментамъ и приказъ общественнаго призрѣнія сообщить, совѣстному суду предложить. Іюля 28 дня, 1805 года. (Арх. Полт. Двор. Собр., 1805 г., по описи № 109, и Полт. Губ. Правленія, по описи № 247).

Увѣдомленіе Кременчугскаго нижняго земскаго суда о существованіи школъ.

Хотя въ прежнихъ годахъ состояли по селеніямъ при приходскихъ церквахъ училища подъ названіемъ отъ простолюдиновъ «школы» и въ нихъ бывали ученики, большею частію, изъ козачьихъ и крестьянскихъ дѣтей и симъ россійской грамоты преподавалось отъ приходскихъ дьячковъ, кои были зашедшіе съ разныхъ мѣстъ и, не имѣвъ осѣдлостей, въ тѣхъ школахъ проживали, получая отъ родителей тѣхъ учениковъ за ученіе ихъ умѣренный платежъ деньгами и хлѣбомъ, однако то было во время свободнаго съ мѣста на мѣсто перехода людей, то есть до сочиненія въ 1782 г. ревизіи, а когда затѣмъ таковый переходъ пресѣченъ и тѣ дьячки, поступивъ по оной ревизіи въ званіе каждому свойственное, обзавелись жительствомъ въ своихъ домахъ, а школы, между тѣмъ, пришли въ обветшалость, то сами по себѣ упразднились и нынѣ таковыхъ въ здѣшнемъ повѣтѣ нѣтъ, обучаются же, и то въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, козачьи дѣти россійской грамотѣ у дьячковъ приходскихъ церквей, собственными своими домами живущихъ, за плату симъ по договореннымъ неодинаковыми цѣнами въ разсужденіи, что таковые ученики въ маломъ числѣ обучаются въ зимнее время, а въ лѣтнее

большею частью занимаются полевыми работами. (Донесеніе отъ 16 мая 1803 г. за № 1873, по описи Полт. Губ. Правленія № 247).

Число школъ и учащихся въ 1803 г. въ полт. губ.

Князь А. Б. Куракинъ очень интересовался узнать, существуютъ ли еще школы въ Малороссіи, почему и предписалъ всѣмъ городничимъ собрать свѣдѣнія о школахъ въ уѣздныхъ городахъ, а нижнимъ земскимъ судамъ о школахъ въ уѣздахъ, что и было исполнено. Донесенія ихъ сохранились въ архивѣ; мы сочли за лучшее, въ видахъ сохраненія мѣста, а также для большей наглядности, всѣ эти данныя сгруппировать въ видѣ таблицы. Эти данныя заключаются въ дѣлѣ архива Полтавскаго Губернскаго правленія, за № 247. Они относятся къ 1803 году.

Уѣздные города.

	Число школъ при церквахъ.	УЧАЩIЕСЯ.										
		Дѣти дворянъ.	Козаковъ.	Священно-служ.	Церковно-служ.	Помѣщ. крест.	Мѣщанъ.	Купцовъ.	Дѣти чиновник.	Солдатъ.	Воен. поселянъ.	Казен. крест.
Пирятинъ . . .	1	3	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—
Кременчугъ . . .	3	17	—	—	—	—	45	6	—	—	—	—
Ромны	2	2	6	—	—	3	14	1	—	—	—	—
Переяславъ . . .	3	5	1	—	—	2	15	—	6	2	1	2
Хоролъ	4	8	7	—	5	3	6	—	—	—	—	—
Итого	13	35	14	—	5	8	84	7	6	2	1	2

Въ остальныхъ городахъ, если вѣрить донесеніямъ, школъ не было, какъ то: въ Лубнахъ, Миргородѣ, Гадячѣ, Полтавѣ, Константиноградѣ, Прилукахъ.

Школы по уѣздамъ.

УѢЗДЫ.	Число школъ при церквахъ.	Учащіеся.										
		Дѣти дворянъ.	Козаковъ.	Священно-служ.	Церковно-служ.	Помѣщ. крест.	Мѣщанъ.	Купцовъ.	Дѣти чиновник.	Воен. поселянъ.	Солдатъ.	Казен. крест.
Переяславскій . .	18	20	53	4	2	8	—	—	—	—	—	—
Золотоношскій . .	16	47	53	2	1	—	3	1	—	—	—	22
Полтавскій . . .	6	39	24	—	4	8	9	—	—	—	—	10
Хорольскій . . .	8	8	7	—	5	3	6	—	—	—	—	—
Итого	48	114	137	6	12	19	18	1	—	—	—	32

Сюда еще надо прибавить константиноградскій уѣздъ, куда входило въ то время много селъ, перечисленныхъ потомъ въ кобелякскій уѣздъ. Въ константиноградскомъ уѣздѣ было всѣхъ школъ 22, а обучавшихся въ нихъ 187, изъ которыхъ училось букварю 24, часослову 53, псалтири 50 и обучалось письму 60. Опредѣлить число учащихся по сословіямъ трудно на основаніи донесенія нижняго земскаго суда.

О школахъ въ остальныхъ уѣздахъ свѣдѣнія таковы: въ миргородскомъ нѣтъ, въ лубенскомъ, пишетъ нижній земскій судъ, школъ нѣтъ, а обучаютъ дѣтей козаки и дьячки въ своихъ домахъ; то же самое въ прилукскомъ, роменскомъ и пирятинскомъ, гдѣ школъ нѣтъ, а есть, какъ видно изъ донесеній, при церквахъ избы, гдѣ живутъ церковники такъ называемые дьячки, но избы, большею частью, собственныя, гдѣ дьячки обучаютъ грамотѣ. Въ хорольскомъ повѣтѣ 8 школъ и обучающихся всѣхъ 53 (по сословіямъ не указано). Подведя итоги, мы видимъ, что въ 1803 году въ полтавской губерніи было: школъ 87, а обучалось въ нихъ 738 чел. Но это были только жалкіе остатки той густой сѣти школъ, какая существовала здѣсь въ XVIII ст.

Проектъ сѣти школъ въ полтавской губерніи.

Князь А. Б. Куракинъ въ 1805 г. предложилъ полтавской казенной палатѣ составить приблизительный расчетъ, сколько потребуется

начальныхъ школъ въ губерніи, во что можетъ обойтись наемъ помѣщеній и отопленіе ихъ. Казенная палата представила такой проектъ въ 1807 году, 28 мая. Эти статистическія данныя не лишены интереса. Данныя эти озаглавлены: «Вѣдомость,. составленная изъ доставленныхъ отъ волостныхъ правленій и староствъ свѣдѣній о состоящихъ въ дистанціи оныхъ вѣдомства казеннаго обитателей церквахъ, имѣющихъ одинъ или два, три прихода, по количеству людей, и въ тѣхъ приходахъ ревизскихъ мужескаго пола душахъ, съ объясненіемъ, въ какихъ приходахъ предполагаются училища для народнаго просвѣщенія. Учинена мая 28 дня, 1807 года (Арх. Полт. Губ. Правленія, по описи № 247, л. 281—323).

Надо сказать, что эта вѣдомость очень подробна; мы беремъ изъ нея только итоги по каждому уѣзду.

ПОВѢТЫ.	ЧИСЛО.				Во что ежегодно сіи домы обществу обойдутся примѣрно.	
	Церквей.	Приходовъ.	Мужск. пола душъ.	Приходскихъ училищъ.	Наемъ помѣщенія.	Отопленіе.
					рубли.	рубли.
Полтавскій . . .	51	59	30235	38	218	945
Константиноград.	16	19	9422	17	235	260
Кобелякскій . . .	62	71	30455	49	345	660
Кременчугскій . .	37	41	16399	33	460	1215
Золотоношскій . .	55	60	21764	45	469	639
Хорольскій . . .	37	44	19349	34	943	981
Лубенскій	54	56	20649	44	290	460
Пирятинскій. . .	37	40	12215	37	433	717
Переяславскій . .	104	110	26612	53	2245	1125
Прилукскій . . .	54	59	21652	48	446	516-50 к
Роменскій. . . .	43	59	28266	32	688	930-50 к
Лохвицкій. . . .	78	82	25808	56	871	713
Миргородскій . .	46	53	20771	33	512	605
Гадячскій . . .	40	61	24267	37	928	1125
Зѣньковскій . . .	57	70	29860	42	683	714
ВСЕГО . .	777	884	337713	598	9766	11606

Какая роль „Возьного" въ „Наталкѣ-Полтавкѣ"?

На памятникѣ Котляревскому въ Полтавѣ изображена изъ «Наталки-Полтавки» сцена разговора Возьного съ Наталкою въ тотъ моментъ, когда его прерываетъ Выборный пѣснею «Дидъ рудый, баба руда»! Выборный показывается изъ-за огромной вербы слѣва, тогда какъ обыкновенно на сценѣ онъ выходитъ изъ задней правой кулисы, при чемъ лѣвую аванъ-сцену занимаетъ хата, куда уходитъ Наталка съ ведрами. Почему художникъ взялъ эту сцену, а не «Розмышлявъ я предовольно...», гдѣ могъ бы быть представленъ весь персоналъ піесы въ моментъ наибольшаго напряженія чувствъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, почему онъ нашелъ нужнымъ измѣнить обычную декорацію,—это дѣло его выбора и вкуса. А насколько вѣрно изобразилъ онъ типы избранныхъ лицъ для горельефа,—это дѣло исторической критики, такъ какъ время дѣйствія «Наталки-Полтавки» въ пригородномъ селѣ подъ Полтавою удалено отъ насъ чуть-ли не на такой же періодъ, какъ и время дѣйствія въ «Недорослѣ» Фонъ-Визина.

Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ трехъ лицъ этого горельефа, именно о Возьномъ: изображенъ ли онъ такимъ, какимъ представлялъ его себѣ авторъ этой удивительной піесы, не сходящей со сцены уже девятый десятокъ лѣтъ? Такимъ ли его представляютъ и артисты малорусскихъ театраль-

ныхъ труппъ, прибѣгающихъ, по отзыву спеціалиста, къ «Наталкѣ-Полтавкѣ», чуть только дѣла ихъ плохи:

... «Якъ тильки заробитку нема,—говоритъ г. Карпенко-Карый,—антрепренеръ заразъ почынае вышукуваты у своій труппи Выборного чы Возьного, або хочъ и одну Наталку, абы поставыты сю популярну піесу, щобъ хочъ «зборъ узяты» ..

«Поставыть «Наталку»,—и повный збиръ» [1])!

Очевидно, на трехъ указанныхъ лицахъ главнымъ образомъ держится успѣхъ піесы; очевидно, они три предпочтительно передъ тремя остальными привлекаютъ вниманіе публики. Можетъ быть, поэтому и художникъ Позенъ выбралъ именно ихъ для своего горельефа. Что же въ нихъ привлекательнаго? Въ чемъ секретъ живучести на сценѣ этой неумирающей піесы?

Лѣтъ 20 и 30 назадъ приходилось намъ слышать мнѣнія, что наивная по замыслу, слащавая по изображенію въ ней пейзанъ «Наталка-Полтавка» должна бы быть сдана въ архивъ. А и теперь лица, высказывавшія такія мнѣнія, какъ увидятъ афишу «Наталка-Полтавка»,— идутъ въ театръ. Интрига піесы—крайне несложная: «пидстаркувата вже» баба Терпилыха, хорошо узнавшая за свою жизнь, «якъ то гирко той насущныкъ люде заробляють», убѣждаетъ дочку спасти себя и ее отъ убожества и умоляетъ ее выйти замужъ за богатаго жениха, забывши Петра, пропадающаго гдѣ-то въ Тavріи или на Дону уже 4 года, а можетъ быть и совсѣмъ пропавшаго. Но Петро возвращается, застаетъ заручины Наталки за другого. Изъ этого возникаютъ разныя сцены, оканчивающіяся благополучно: любящіе сердца возсоединяются!

Такъ все это банально, такъ пахнетъ Карамзинскими прописными правоученіями о пользѣ добродѣтели, что, кажется, давно бы пора перестать играть и посѣщать устарѣвшую піесу, проникнутую насквозь складомъ сентиментализма тоже Натальи, но не мужички, а боярской дочери. И однако и въ XX вѣкѣ ее играютъ, и публика идетъ слушать, и сборы піеса даетъ! И на-

[1]) Литературный збирныкъ. У Кыйиви, 1903, стр. 105.

писалъ ее авторъ, который раньше à la Гоголь безпощадно осмѣивалъ все окружающее въ лицахъ громовержца Юпитера, колебателя морей Нептуна и ниже и ниже по чинамъ вплоть до «пройдысвитивъ и ланцивъ»,—обидраныхъ Троянцивъ. И умудрился онъ какъ-то въ томъ же окружающемъ его обществѣ найти что-то такое, что и до сихъ поръ заманиваетъ въ театръ публику, а уходитъ она изъ театра не въ угнетенномъ состоянiи, а съ разглаженными морщинами на челѣ и съ возобновленною вѣрою, что стоитъ жить на свѣтѣ!

Гоголь, ближайшiй землякъ Котляревскаго, похожденiя своего Энея—Чичикова и другого пройдысвита Хлестакова писалъ и обрабатывалъ такъ-же долго, какъ и Котляревскiй свою «Энеиду», и тѣ же прiемы юмора практиковалъ, что и Котляревскiй. «Мертвыя души» и «Энеида» одинаково дѣйствуютъ на читателя: онъ заливается смѣхомъ при чтенiи подробностей, но когда подводитъ итоги своимъ впечатлѣнiямъ отъ этихъ сатирическихъ произведенiй, то приходитъ къ заключенiю Гоголя: «скучно на свѣтѣ, господа»! А выходя изъ театра послѣ представленiя «Ревизора» и «Наталки», зритель выноситъ противоположныя настроенiя. Нахохотавшись до упаду надъ всѣми дѣйствующими лицами (кромѣ развѣ дочери городничаго, хоть и глупенькой, но чистой дѣвицы), онъ чувствуетъ, какъ слезы и безотрадное отчаянiе начинаютъ душить его, особенно послѣ изъ ряда вонъ выходящаго трагическаго оклика Сквозника-Дмухановскаго:

«Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь»!

Не утѣшаетъ его и deus ex machina—появленiе жандарма въ форменномъ платьѣ!

При выходѣ же изъ театра послѣ представленiя «Наталки-Полтавки», нѣтъ мѣста даже для элегическаго настроенiя зрителя, несмотря на то, что онъ слышалъ вопли горя изстрадавшейся Наталки, рѣшившейся на противоестественное самопожертвованiе для успокоенiя старой матери. Зритель испытывалъ сначала щемящее чувство сожалѣнiя къ этой дѣвушкѣ, такъ задушевно выливавшей свою любовную тоску, свое отчаянiе и наконецъ мо-

литву о томъ, чтобы ей хоть разъ увидѣть Петра и... умереть. Это чувство сожалѣнія къ Наталкѣ и у дамъ, и у простолюдиновъ вызываетъ искреннія слезы. Когда мать упрекаетъ Наталку за ея безжалостное отношеніе къ ней и къ ея судьбѣ; когда Выборный истязаетъ Наталку требованіемъ дать слово и не «згедзгаться»; когда, давши это слово, она падаетъ на колѣни съ молитвою къ Богу,—зрителямъ вовсе не до смѣха, несмотря на шутливыя прибаутки Выборнаго о городскихъ барышняхъ, сотникахъ и хорунжихъ—«якъ той грекъ мовлявъ». Не до смѣху ему и тогда, когда Петро и Наталка—оба хотятъ покончить съ жизнью. Но тучи, накоплявшіяся въ теченіе всей піесы надъ несчастною долею влюбленныхъ и грозившія погубить ихъ, вдругъ какъ-то естественно, сами собою разсѣиваются—безъ волшебной палочки Финна, разгоняющей чары Наины въ «Русланѣ»; трагическое настроеніе на сценѣ переходитъ въ веселье всѣхъ дѣйствующихъ лицъ безъ исключенія, а зрители, выслушавъ радостную и торжественную пѣсню о «згодѣ въ семействѣ», также съ облегченнымъ и развеселившимся сердцемъ» расходятся по домамъ.

Подкупы, взяточничество, пьянство героевъ «Энеиды», какъ и «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора», не могутъ уничтожиться съ появленіемъ истиннаго ревизора вмѣсто самозванца, или другого какого-либо чудеснаго избавителя міра отъ золъ, такъ какъ ни Чичиковъ, ни Сквозникъ-Дмухановскій, при существованіи того строя жизни, какимъ они окружены, измѣниться не могутъ. Это ясно всякому, и потому наружный, видимый міру смѣхъ, какъ у авторовъ, такъ и читателей и зрителей, переходитъ въ подавляемыя внутри слезы. Какимъ же способомъ композиціи, какою формою конструкціи своей піесы Котляревскій достигаетъ обратнаго перехода отъ горькаго къ радостному чувству? Если онъ по пріемамъ художественнаго творчества въ «Энеидѣ» является родственнымъ Гоголю, то и въ этомъ отношеніи, т. е. по содержанію, чѣмъ «Наталка» отличается отъ «Энеиды», піесы того же автора, или «Ревизора», піесы его земляка?

Тема поэмы Котляревскаго—политическій и соціальный строй съ крѣпостнымъ правомъ, какъ основою жизни, съ пошлостью,

пьянствомъ и чревоугодіемъ—въ ея проявленіяхъ. Въ піесѣ же «Наталка-Полтавка» эта сторона жизни отодвинута на второй планъ: Возьный и Выборный выпиваютъ, потому что ритуалъ заручинъ того требуетъ, или же потому, что второму случайно подвернулся панъ Щипавка; обстройка города Полтавы, новости о реформахъ въ земской жизни и судебномъ мірѣ, клонящихся къ искорененію взяточничества, извѣстіе о появленіи на сценѣ Харьковскаго театра новой піесы князя Шаховского и т. п.—являются вставными анекдотами, не связанными съ ходомъ дѣйствія; главною же цѣлью піесы является анализъ души человѣческой, насколько она, внѣ соціальныхъ положеній и политическихъ правъ, проявляетъ себя въ сферѣ семейныхъ отношеній. Гоголь подъ конецъ своей жизни молился передъ образами и просилъ у нихъ ниспослать ему вдохновеніе, чтобы изобразить идеально-хорошаго помѣщика внѣ отмѣны крѣпостного права... но образы идеально-нравственныхъ людей выходили трафаретными, расплывчатыми, недостойными пера и кисти этого великаго художника. Котляревскій, съ тѣмъ же сарказмомъ и юморомъ, какъ и Гоголь, бичевавшій строй современнаго ему общества, доживши до 50 лѣтъ, въ годъ изданія Аракчеевской разцѣнки «душъ» въ 22, 44, 66, 88, 110 и т. д. до 1000 руб. за штуку, смотря по возрасту продаваемыхъ душъ [1]),—съумѣлъ написать піесу, которая и до сихъ поръ образами высоконравственныхъ людей въ убогой обстановкѣ пробуждаетъ въ зрителяхъ отрадный взглядъ на міръ Божій.

Болѣе поверхностное мнѣніе по этому поводу можно часто слышать такое. Обратившись къ пасторальному быту пейзанъ и къ сферѣ сельской идилліи, Котляревскій противопоставилъ чистоту отношеній селянъ—извращенной цивилизаціею города чиновничьей средѣ, переполненной ябедою, крючкотворствомъ и взятками. Онъ представилъ, съ одной стороны, героя Петра, который 4 года возитъ сѣно и пшеницу и пасетъ овецъ, хоть и не

---

[1]) Первое полное собраніе законовъ Р. И. Т. XXXVIII, № 29312 и т. XXXIX, № 29, 768

у дяди Лавана, а гдѣ-то въ Донскихъ станицахъ, откуда является на сцену съ чистымъ сердцемъ, а съ другой—изувѣра, живущаго по законамъ конца XVIII и начала XIX вѣка «животами просителей» и выполняющаго роль судебнаго пристава—Возьного. Какъ видно изъ «Москаля чаривныка» того-же Котляревскаго, въ тѣ времена на Украинѣ распѣвались сладостныя пѣсенки въ родѣ:

«Не прельщай уже мене, драгая,болѣ,
Бо я й самъ уже тобой прелстился»!...

или:

«Почто, ахъ, не склонна!...

или еще лучше:

«Прочь, обманъ всякойи славы,
Прочь и вы, вси забавы: прочь! прочь!
Я, стадо овцы гоня,
Тѣшу въ лугахъ себя!
Кушанье мни не въ думци
Хлѣбъ и сѣль ношу въ сунци (т. е. въ сумкѣ)
Сладку воду пью,
Въ рощахъ подъ тѣнью сплю»! и т. д.

Такія и подобныя пѣсни размножались подъ вліяніемъ сильно распространявшагося тогда на югѣ ученія Сковороды, который въ своихъ сочиненіяхъ также писалъ:

«Ничего я не желатель, кромѣ хлѣба и воды»!

или:

«О селянскій, любый, мылый мій покою» [1])!

Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ журналѣ «Русское Слово», когда публицисты хотѣли смотрѣть на міръ «трезво»,—и эти чувствительныя пѣсни и все ученіе Сковороды обзывались «схоластическою ерундою и семинарскою мертвечиною». Но раньше (въ 20-хъ и 30-хъ годахъ того же прошлаго вѣка), когда и

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды. Харьковъ 1894. Стр. 268, 289.

«Телескопъ», и «Отечественныя Записки» очень интересовались Сковородою, такого рода пѣсни были еще въ фаворѣ. Понятно, что и Котляревскій влагалъ ихъ въ уста дѣйствующихъ лицъ; а затѣмъ всѣмъ извѣстно изъ Тургенева, что «хохлы»—очень чувствительный народъ, и стоитъ лишь имъ запѣть:

«Грае, грае воронае»!—

они сейчасъ же раскиснутъ и расплачутся. Такъ и съ «Наталкою Полтавкою» вышло: играютъ ее и поютъ «Вѣють вѣтри», или «Иды жъ, Петре, до тіеи»,— а они и плачутъ!

Такіе комментаріи какъ будто и просты, и ясны; но они крайне поверхностны, ибо не даютъ объясненія тому факту, который у всѣхъ передъ глазами: что не смотря на повременныя смѣны настроеній въ обществѣ сентиментальнаго, романтическаго, объективно-идеалистическаго, натурально-реалистическаго, матеріалистико-атеистическаго, сатирическаго, нигилистическаго, спиритуалистическаго, соціалъ-демократическаго, матеріалъ-экономическаго, марксическаго, неомарксическаго, декадентскаго и проч. и проч.,—«Наталку Полтавку» съ одинаковою охотою слушали и слушаютъ вотъ уже девятое десятилѣтіе... Всѣ подобные коментаріи не разрѣшаютъ вопроса о томъ, какія особенности отличаютъ эту театральную піесу отъ другихъ подобныхъ и создали для нея такое же безсмертное положеніе въ репертуарѣ, какое имѣетъ и «Ревизоръ». Очевидно, что, кромѣ трогательныхъ пѣсенъ и мѣткихъ выраженій, въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» есть какая-то основная мысль, которая можетъ пережить десятки лѣтъ съ измѣненіями въ теченіи ихъ и вкусовъ и требованій публики. Отыскать ее и разсмотрѣть въ связи съ тѣми умоначертаніями, какія подъ вліяніемъ Сковороды исповѣдывалъ авторъ, будетъ плодотворнѣе, чѣмъ отыскивать мѣткія, стереотипныя выраженія того или другого изъ дѣйствующихъ лицъ, ставшія поговорками на югѣ Россіи.

Къ Сковородѣ, оставившему службу профессора потому, что онъ не могъ при изложеніи своего предмета подчиняться программамъ и инструкціямъ, преподаваемымъ со стороны, и отправившемуся съ котомкою за спиною подъ «селянськую сѣнь» простыхъ хатъ, относятся теперь уже не такъ, какъ во времена,

когда Пушкина объявляли пустомелею, воспѣвавшимъ неизвѣстно для чего кисейныхъ барышень. Послѣ новаго болѣе полнаго изданія сочиненій Сковороды признано то, что утвердилъ много разъ Костомаровъ относительно широкаго вліянія его на умственную жизнь Юга Россіи конца XVIII и начала XIX вѣка. Есть возможность уже прослѣдить до извѣстной степени ту преемственность идей, какая имѣла мѣсто при развитіи южнорусской интеллигенціи новаго типа послѣ объединенія старой Малороссіи, Слободской Украины, Юго-Западнаго края и Новороссіи. Когда перестали дѣйствовать старыя типографіи на югѣ Россіи, а традиціи былого просвѣщенія сохранялись еще кое-какъ въ школахъ мандрованныхъ дьяковъ, мало по малу утрачивавшихъ свои знанія,—сочиненія Сковороды переписывались вездѣ на Югѣ Россіи еще очень долго—лѣтъ 70—80 послѣ ихъ написанія, что подтверждается массою рукописныхъ списковъ его сочиненій. Шевченко, въ своемъ стихотвореніи, посвященномъ Козачковскому, признается, какъ онъ на краденый у дьяка пятакъ покупалъ листъ бумаги, и составлялъ—

> Маленьку кныжечку; хрестамы
> И вызерункамы зъ квиткамы
> Кругомъ лысточкы обведу,—говоритъ онъ:
> Та й зпысую «Сковороду».

А время, когда этотъ геніально-талантливый мальчикъ учился у дьяка, относится уже къ 20-мъ годамъ XIX вѣка, тогда какъ первое большое сочиненіе Сковороды для молодого шляхетства харьковской губерніи было написано въ 1766 году. Что Шевченко, списывая сочиненія Сковороды, вникалъ и въ мысль ихъ, видно изъ позднѣйшихъ его произведеній, выраженія которыхъ непонятны безъ сличенія съ ученіемъ Сковороды, напр., о значеніи для духовной жизни человѣка утренняго (невечерняго) и вечерняго свѣта («И свитъ тыхый *невечерній* тыхенько засяйе») и т. п. Что и Шевченко, и Котляревскій были подъ обаяніемъ ученія Сковороды—сомнѣній быть не можетъ. А училъ Сковорода и украинское шляхетство въ аудиторіяхъ Харьковскаго кол-

легіума, и добившихся, въ замѣнъ шляхетства, званія дворянства знакомыхъ ему помѣщиковъ (ходатайствовавшихъ впослѣдствіи объ учрежденіи университета въ Харьковѣ), и мужиковъ по селамъ и хуторамъ—простой философской морали, хотя и выраженной въ замысловатыхъ выраженіяхъ, что «счастье доступно каждому»—не такъ, какъ другіе аттрибуты нашей жизни, какъ напр., богатство, здоровье, какіе достаются въ удѣлъ далеко не всѣмъ; училъ онъ, что χαλεπὰ τὰ' κακά, т. е. что трудно дѣлать зло, а добро дѣлать очень легко, и дѣлать его—необходимо нужно; а все нужное—вовсе не трудно. «Нужно ли солнце, вода, земля, огонь?»—спрашивалъ онъ учениковъ своимъ сократическимъ методомъ: «а трудно ли пользоваться этими благами»? Всѣ люди—равные братья, и истина, по утвержденію Сковороды, доступна и простому мужику, и образованному вельможѣ.

При такихъ исходныхъ точкахъ зрѣнія на людей, добро и зло, не могъ Котляревскій осмѣивать одно какое-либо сословіе, одно какое-либо соціальное положеніе, противопоставляя его другимъ. Въ «Прѣ бѣса съ Варсавою», гдѣ послѣдній есть Григорій Савичъ Сковорода, люди дѣлятся на классы иначе, и для нихъ тутъ указывается два пути жизни: одинъ путь радости—путь скромный и тихій (по которому слѣдуетъ и Сковорода); другой путь—вентеръ (вьятеръ—рыболовный снарядъ)—путь сребролюбцевъ, сластолюбцевъ, честолюбцевъ, шествующихъ подъ звуки музыки и лязгъ бичей среди запаха гастрономическихъ кушаній, при восклицаніяхъ торжествующихъ льстецовъ и т. п. Есть, наконецъ, люди, которые не рѣшаются вступить открыто ни на одинъ изъ этихъ путей, а постоянно стоятъ между двухъ стульевъ, идутъ какъ-то по срединѣ между двумя ясными путями. Это—лицемѣры: «есть то сатана, преобразивыйся въ ангела свѣтла; нѣтъ сего злѣе во всемъ адѣ!»—говоритъ Сковорода.

Сославши въ адъ представителей двухъ послѣднихъ разновидностей въ своей «Энеидѣ», не разбирая чиновъ ихъ—отъ царей и до босяковъ и «бывшихъ людей», послѣдователь ученія Сковороды сталъ искать идущихъ по первому, тихому и незамѣтному пути, но по пути истины. И онъ нашелъ ихъ—во всѣхъ шести

лицахъ персонала своей «Наталки-Полтавки», несмотря на присущія каждому личные недостатки.

Общепринятое мнѣніе гласитъ, что нельзя во всѣхъ ихъ видѣть положительные типы, что много есть отрицательныхъ чертъ и въ Выборномъ и въ матери Наталки; что же касается Возьного, то это—отъ начала до конца типъ отрицательный, выведенный Котляревскимъ съ цѣлью оттѣнить всю прелесть неиспорченности пэйзанъ. Вотъ по этому поводу мы и желаемъ высказать противоположное мнѣніе, которое, можетъ показаться парадоксальнымъ многимъ изъ артистовъ малорусскихъ театральныхъ труппъ. Имъ кажется, что и Выборный, и Возьный выведены авторомъ для осмѣянія ихъ и косвеннаго возвеличенія остальныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Выборнаго бурла́ка Мыкола характеризуетъ какъ такую хитрую лисицу, которую нужно посылать туда—«де и чортъ не зможе». Онъ и Возьного опредѣляетъ не иначе, какъ—«юрыста завзятый и хапунъ такый, що й зъ ридного батька злущыть». Но и теперь всѣ бурлаки Мыколы точно такъ-же выражаются обо всѣхъ адвокатахъ, попахъ, докторахъ, землемѣрахъ, инженерахъ и прочихъ представителяхъ профессіональнаго труда, неоплачиваемаго опредѣленнымъ жалованьемъ. А самое главное, что тотъ же Мыкола знаетъ, что и Возьный, и Выборный, и Терпилыха—полтавцы, а всѣ полтавцы, по его мнѣнію, не плачутъ, а веселятся, гуляютъ и радуются. По заключительной пѣснѣ піесы авторъ также всѣхъ полтавцевъ безъ исключенія причисляетъ къ идущимъ по пути работы Сковороды: «злые»—плачутъ, но между полтавцами—нѣтъ злыхъ: оттого они и гуляютъ и веселятся.

Но неужели и Возьный причисленъ авторомъ къ этимъ ликующимъ при побѣдѣ добра надъ зломъ полтавцамъ?

— «Возьный—приказная строка, канцелярская крыса, типъ крючка и ябедника, увы, весьма среди хохловъ распространенный!»—говоритъ авторъ въ одной изъ статей, посвященныхъ Котляревскому по случаю открытія ему памятника [1]). Вставленнымъ

[1]) „Новое Время“ 1903 № 9870. Приложеніе.

междометіемъ «увы!» этотъ авторъ обнаружилъ свое если не полтавское, то «хохлацкое» происхожденіе. Ему жаль, что между его земляками много крючковъ и ябедниковъ. А намъ очень жаль, что онъ такъ голословенъ и не подтверждаетъ свое мнѣніе о Возьномъ какими-либо доказательствами.

Канцеляріи, въ которой, по словамъ этого автора, «со временъ Екатерины II, а въ духовномъ вѣдомствѣ даже со временъ Петра I», пресмыкаются люди, подобные Возьному, на сценѣ „Наталки-Полтавки"--вовсе и нѣтъ; ни на кого эта приказная строка въ теченіе всего представленія ябеды не пишетъ; если онъ и взяточникъ, какимъ рисуетъ его Мыкола,—прибавимъ мы отъ себя,—то ему также въ піесѣ не представляется случая взять такой „взятокъ, сыричь вынужденный подарочокъ", о какомъ онъ вздыхаетъ. Профессіональныя его дѣйствія и качества, обусловленныя регламентами Петра I или Екатерины II, авторъ „Наталки-Полтавки" оставилъ въ сторонѣ. Со многими взяточниками, начиная отъ Юпитера и Нептуна, онъ имѣлъ дѣло въ своей „Энеидѣ"; тамъ онъ для нихъ, какъ политическихъ дѣятелей, нашелъ казни, усиливши Дантовскую и Виргиліевскую изобрѣтательность картинами дикихъ запорожскихъ расправъ съ преступниками. А здѣсь онъ беретъ Возьного внѣ его общественной дѣятельности въ тотъ моментъ жизни, который нѣмцы называютъ schönste Lenz der Liebe, и анализируетъ его душу въ этотъ моментъ съ цѣлью рѣшить вопросъ, по какому изъ двухъ сковородинскихъ путей отправится его герой-полтавецъ?

Злоба Василиска, по словамъ Сковороды, царствуетъ въ мірѣ: онъ—глухъ, какъ камень, холоденъ, какъ ледъ. Но для чего является ледъ?—Для того, чтобы таять! Мертвая матерія вся лежитъ въ тузѣ (въ тугѣ, т. е. печали), въ ней нѣтъ инициативы; она не можетъ вызвать любви въ себѣ. А у людей любовь эта есть, но она спитъ. Разбудите ее въ сердцахъ вашихъ, эту силу любви, мысли и стремленій къ идеалу,--и ледъ, заковавшій ваше сердце, растаетъ, а въ награду за то вы получите радость, выше которой ничего нѣтъ на землѣ.

Съ такими примѣрно рѣчами, при переводѣ на нынѣшній русскій литературный языкъ съ языка Сковороды, на половину библейскаго, на половину малорусскаго и русскаго XVIII столѣтія, обращался къ однимъ своимъ ученикамъ этотъ философъ. Другимъ онъ могъ говорить: «Хочете буты веселымы, хочете радости,—робить добри дила! Не выненъ тому свитъ, що мы тужымо: мы сами тому вынни, бо сатана гасыть божеськый вогонь у нашому серци; а згасла въ ёму любовъ,—воно жмется и тужыть. Розбудить ёго, розтопить крыгу, що вкрыла ваше серце, воскресить ёго,—и вы зазнаете счастя й радисть на земли!»

И Котляревскій заставилъ полтавца Возьного сдѣлать доброе дѣло,—и это доброе дѣло его замѣнило искусственное появленіе deus ex machina, чтобы піеса не окончилась трагически. Попросимъ читателя не поскучать за болѣе подробнымъ изложеніемъ по тексту Котляревскаго хода роли Возьного, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Онъ является на сцену, какъ человѣкъ, котораго въ первый разъ въ жизни заполонила любовь «съ ея небесною отрадой, съ ея мучительной тоской». Это произошло, по его признанію, тогда, когда онъ увидѣлъ «душистый, прекрасный, майскій» (варьянтъ—«райскій») цвѣтокъ—Наталку. Съ тѣхъ поръ все въ головѣ его пошло вверхъ дномъ: канцелярскія бумаги, статьи и параграфы законовъ, судебные иски, засѣданія копныхъ судовъ, для которыхъ онъ долго, вѣроятно, изучалъ всѣ параграфы и запятыя Магдебурскаго права, даже чинъ, котораго не безъ труда онъ добился,—ему опротивѣли. Онъ молитъ предметъ своей любви доставить ему рай, ибо будущая жизнь съ нею, какъ съ женою, ему представляется сладкою, какъ медъ и молоко. Онъ и Наталку, и публику театральную увѣряетъ, что если бы зналъ столько языковъ, сколько было статей въ тогдашнихъ законахъ, то и этихъ средствъ не хватило бы для полнаго изображенія всѣхъ ея прелестей съ его субъективной точки зрѣнія на нее.

На возраженія Наталки, что онъ—панъ, а она—мужичка, онъ приводитъ тѣ же доводы, какіе будутъ всегда приводить влюбленные въ особу съ низшимъ положеніемъ въ обществѣ. Развѣ

онъ виноватъ, что ко всѣмъ знакомымъ ему дѣвицамъ его круга— дочерямъ судей, священниковъ, писарей онъ равнодушенъ? А ея образъ преслѣдуетъ его даже ночью! И такое состояніе его началось не со вчерашняго дня, а еще съ тѣхъ поръ, какъ она съ матерью перебралась изъ Полтавы въ то подгороднее село, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Когда Наталка ссылается на свое положеніе и проситъ его не ухаживать за нею, ибо это можетъ ее опозорить: «какъ про дѣвицу начнутъ шептать!..»—онъ прерываетъ потокъ своего краснорѣчія и *задумывается*. «Смѣшныя мины играютъ у него на лицѣ»—сказано въ ремаркѣ: актеру предоставлено рѣшить,—думаетъ ли онъ при этомъ, какъ несостоятельны ея возраженія и какъ онъ съумѣетъ ихъ разбить дальнѣйшимъ своимъ поведеніемъ, или онъ самого себя почувствовалъ въ смѣшномъ положеніи и не знаетъ, какъ выпутаться изъ него, или еще что-нибудь смѣшное пришло ему въ голову; но *задумывается* онъ такъ сильно, что даже не замѣчаетъ, какъ Наталка, отпарировавши ударъ, ей нанесенный, уходитъ домой.

Послѣ убѣжденій Выборнаго, что ни одна мужичка не осмѣлится отказаться отъ предложенія руки такого пана, какъ Возьный, онъ ухватывается за предложеніе этого ловкаго человѣка стать сватомъ; онъ проситъ Выборнаго пустить въ ходъ всѣ средства, даже пойти на обманъ, лишь бы достичь благополучія его, а слѣдовательно и Наталки, которую онъ постарается вывести изъ бѣдности. Когда тотъ возражаетъ противъ утвержденія, что цѣль оправдываетъ средства, Возьный въ пѣсняхъ Сковороды, какъ высшаго авторитета того времени, старается найти доказательства, что и ложь допустима, если она практикуется не во вредъ, а на пользу ближнимъ.

Во второмъ актѣ Возьный уже «съ самодовольнымъ лыцемъ», какъ сказано въ ремаркѣ автора, чувствуетъ себя на верху блаженства: «наикраща зо всёго села и прикосновенныхъ околыць» дѣвица сама согласилась выйти за него замужъ, благодаря содѣйствію прекраснаго и умѣлаго свата! Съ развязностью человѣка, готоваго «весь міръ обнять», онъ, по поводу сообщаемыхъ новостей по литературѣ, дѣлаетъ бойкія критическія замѣчанія о «Козакѣ

стихотворцѣ» Шаховского, находитъ, что цѣль этихъ піесъ—осмѣять все малорусское—не состоятельна, ибо два плута не могутъ скомпрометировать не только цѣлаго края, но даже и небольшого села. Тутъ онъ является такимъ же полтавцемъ, какъ и всѣ остальныя дѣйствующія лица.

Но вотъ онъ—съ глазу на глазъ съ своимъ болѣе счастливымъ соперникомъ Петромъ въ присутствіи невѣсты, матери ея, свата и Мыколы. Жалкій «годованець» умершаго Терпила, пройдысвитъ, ланець—посягаетъ на его счастье! Фраппированный такимъ возможнымъ оборотомъ своей судьбы, Возьный вспоминаетъ о своемъ положеніи въ селѣ, о своей власти и силѣ и иронически, но твердо предлагаетъ нищему-проходимцу убираться своею дорогою, матери Наталки грозитъ судомъ, и хочетъ поставить на своемъ. Его поддерживаетъ Выборный, а мать Наталки, зная, что значитъ «посыдиты на вежи», послѣ бурной сцены, забывая свои чувства къ Наталкѣ и Петру, говоритъ ему, что что́ бы онъ ни сдѣлалъ,—все будетъ хорошо: «Вы у насъ—панъ пысьменный»!

Вопросъ о томъ, ведетъ ли «пысьменство» къ безнравственности и практикованію насилія, является ли эгоизмъ или альтруизмъ въ видѣ плодовъ просвѣщенія,—поставленъ авторомъ въ ея словахъ на судъ публики очень рѣзко и открыто, съ такою же силою, какъ и у Л. Толстого въ его «Плодахъ просвѣщенія». Въ исторической перспективѣ вопросъ этотъ можетъ быть редактированъ слѣдующимъ образомъ: «семинарская-ли мертвечина и схоластика та мудрость, которая изъ Харьковскаго коллегіума, Кіевской академіи и Переяславской семинаріи разливалась тогда по новой Украинѣ—и Слободской, сёгобочной, и тогобочной, гдѣ только бывалъ Сковорода и гдѣ переписывались его сочиненія, или же эта наука можетъ привести къ тому, что «великодушный поступокъ» пересилитъ страсти?

Слѣдующія реплики дѣйствующихъ лицъ открываютъ, что Наталка дала согласіе на бракъ съ Возьнымъ только по настоянію матери, а на самомъ дѣлѣ ея влеченіе къ Петру теперь получило новую непреодолимую силу, что Петро—вовсе не такой нищій, какъ казалось всѣмъ раньше, но... несмотря на свою лю-

бовь къ Наталкѣ, чтобы не поселять раздора между нею и матерью, онъ отказывается отъ невѣсты!..

Возный второй разъ *задумывается*, но уже безъ всякихъ «смѣшныхъ минъ» на лицѣ. Онъ переживаетъ борьбу между абстрактнымъ ученіемъ морали, какую теоретически исповѣдывалъ, и конкретными своими стремленіями къ счастью, построенному, какъ видитъ онъ теперь, на несчастьи ближнихъ. Онъ пораженъ уяснившимся для него теперь самопожертвованіемъ Наталки для матери и другимъ самопожертвованіемъ Петра для той же Терпилыхи. «Ледъ» Сковороды, окутывавшій до сихъ поръ душу Возьного, по ученію того же Сковороды, растаялъ; сатана побѣжденъ; въ сердцѣ полтавца, изучавшаго наставленія великаго земляка-учителя и пропагандировавшаго ихъ въ первомъ актѣ Выборному, открывается путь истины и радости. Послѣ раздумья произноситъ онъ свой знаменитый монологъ: «Розмышлявъ я предовольно..., а затѣмъ съ соизволенья «ветхой деньми», у которой испрашиваетъ благословенія на «доброе дѣло», объявляетъ Наталку невѣстою Петра. Онъ въ піесѣ дѣйствительно совершаетъ чудо безъ «deus ex machina»,—не то чудо, о которомъ молилась раньше Наталка («Боже! выжены любовъ до Петра зъ мого серця!»), а другое, опрокидывающее весь предыдущій ходъ дѣйствія, переламывающее всю драматическую интригу, развивавшуюся до сихъ поръ, и обращающее піесу изъ трагической въ веселую.

Такова роль Возьнаго. Если текста ея одной нельзя перевести на нынѣ употребительные литературные малорусскій или великорусскій языки, оставивъ неприкосновеннымъ все остальное,—переведите всю «Наталку-Полтавку» на итальянскій языкъ со всѣми ея пѣснями, и дайте эту роль выполнить опытному и умѣющему изображать высокія душевныя движенія jeune premièr'у. Будетъ ли это та роль, какую мы привыкли видѣть въ исполненіи «Наталки Полтавки» у насъ? Какъ отнесется итальянская публика и къ любовной аріи Возьного «Одъ юныхъ литъ», и ко всей его роли? Не въ немъ ли она увидитъ перваго героя всей піесы, побѣдившаго своимъ самопожертвованіемъ подобное

же проявленіе воли Петра и Наталки? Если такъ, то это вполнѣ будетъ соотвѣтствовать той сентенціи, какую авторъ, по обычаю своего времени, подъ конецъ піесы влагаетъ въ уста Выборнаго и Мыколы:

— «Оттакови то нашы полтавци! Колы дило иде, щобъ добро зробыты, то одынъ передъ другымъ хапаются!

— Наталка—по всему полтавка, Петро—полтавець, та й Возьный, здается,—не зъ другои губерніи!»

Малорусскій оборотъ въ концѣ послѣдней фразы для всѣхъ, кто знаетъ характеръ малорусскихъ разговоровъ, выражаетъ тутъ превосходную степень въ смыслѣ: «а Возьный въ великодушіи и самопожертвованіи превзошелъ всѣхъ!» Понятно, что если полтавцы обладаютъ такими доблестями, то они и поютъ на зло всему свѣту:

«Почынаймо жъ веселыться,
Часъ намъ слёзы осушыть:
Докы жъ лыха намъ страшыться,—
Не до смерти жъ въ гори жыть!
Нехай злыи одни плачуть,
Бо не добре замышляють,
А полтавци добре скачуть
И на зло другымъ гуляють!»

Слушатели піесы и въ Нижнемъ Новгородѣ, и на Кубани, и въ Петербургѣ, и въ Полтавѣ инстинктивно понимають, что прославленіе полтавцевъ—то же, что говорятъ малороссы не безъ юмора про себя: «мы люде добри сами себе хвалымо»! Въ этомъ шутливомъ оборотѣ рѣчи всѣ видятъ лишь гимнъ высокимъ движеніямъ человѣческой души, которыми авторъ надѣлилъ больше всѣхъ Возьного. Но выносилъ ли кто-либо оттуда, гдѣ играли «Наталку Полтавку», такое заключеніе о Возьномъ, приходилъ ли кто-нибудь, выйдя изъ театра, къ мысли, что наиболѣе высокій нравственный подвигъ совершилъ Тетерваковскій?

Вѣроятно, къ сожалѣнію, никто, нигдѣ и никогда; а виною тому—исполненіе роли Возьного.

Всякій актеръ, начинающій разучивать эту роль, знаетъ, насколько она «выигрышна» и въ какомъ смыслѣ по сложившейся традиціи—при подчеркиваніи и пересаливаніи того комическаго элемента, какой въ ней есть. «Смѣшныя мины» Возьнаго, о которыхъ есть упоминаніе въ концѣ второй сцены I-го акта, артистъ истолковываетъ своеобразно, старается довести ихъ до той степени шаржа, какая отвѣчаетъ, напр., роли dottore Bartolo въ «Севильскомъ цирульникѣ». Онъ забываетъ, что Бартоло ни за что не отказался бы по своей волѣ, какъ Возьный, отъ Розины, если бы на дорогѣ не явился всесильный графъ Альмавива и нотаріальный актъ... Представивъ себѣ въ лицѣ Возьного такого же 60—70-лѣтняго старика—селадона, актеръ и гримъ подбираетъ подходящій для dottore Bartolo и появляется на сцену въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ—уродъ-уродомъ, съ лысиною на все темя, нюхающимъ табакъ и утирающимъ платкомъ сомнительнаго цвѣта бритую губу подъ носомъ, забитымъ табачищемъ. Такой уродливой фигурѣ, одѣтой въ какіе-то невозможные картузы и балахоны, присваивается гнусявый голосъ, произносящій дѣйствительно смѣшныя по настоящему времени выраженія изъ книжной рѣчи получавшихъ полубогословское образованіе и начиненныхъ канцелярскою мудростью интеллигентовъ старой Малороссіи.

Народный языкъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ въ «Наталкѣ-Полтавкѣ»—тотъ же, какимъ говорятъ и теперь въ Полтавѣ и вокругъ Полтавы. Искреннія и глубокія чувства Наталки, ея матери, Петра, проникнутыя юморомъ замѣчанія Мыколы, а особенно Выборнаго, поражаютъ своею пластичностью и ярко-выразительнымъ стилемъ простонародной рѣчи—«безъ прымису ухыщренія», какъ сказалъ бы Возьный. Задушевныя пѣсни «Чого вода каламутна»? «Віють витры» и др. трогательны не только по мелодіи своей, но и по чарующей прелести языка, какой рѣдко достигаетъ кто-либо изъ нынѣшнихъ малорусскихъ поэтовъ. Неуклюжій же книжный языкъ Возьного съ его риторическими, но плоскими уподобленіями, метафорами и синекдохами, устарѣвшій уже и для времени написанія «Наталки-Полтавки» (1819), слиш-

комъ контрастируетъ съ живою народною рѣчью, можетъ быть даже больше чѣмъ нынѣшній канцелярскій языкъ оффиціальныхъ бумагъ съ тою же рѣчью. Если теперь весь театръ снизу до верху хохочетъ неудержимо, когда г. Кропивницкій въ роли волостного старшины на сценѣ, гдѣ слышится народная малорусская рѣчь, начинаетъ читать предписаніе уѣздной земской управы, въ которой выражено, «категорическое требованіе предпринять мѣры противъ эпизоотическихъ заболѣваній», то что прикажете дѣлать, когда, послѣ вышепрописанной подготовки въ гримѣ и костюмѣ, на сцену является карикатура на человѣка вообще и начинаетъ рѣчь словами:

«Благодэнствэнного и мырного пребыванія»!

Дальнѣйшая рѣчь этого сатира въ образѣ Возьного пересыпается иностранными словами, отчасти уже вышедшими изъ употребленія, въ родѣ: «терминъ, партикулярно, резолюцыя, оказія, артикулъ, контроверсія, позвы, копы, утроба (въ смыслѣ тайники души), чювствіе, зракъ, кринъ, сугклитъ, вышереченный, кмиты хожденіе, возженіе крови» и т. п. Чѣмъ болѣе изысканный стиль хочетъ употребить «пысьменный панъ», сплетая свои вычурныя слововыраженія, тѣмъ онъ смѣшнѣе для публики, хотя никто изъ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ не находятъ его языка уродливымъ: они ничѣмъ не выражаютъ, что стиль этотъ для ихъ ушей неожиданный, страшный, или смѣшной.

Когда Возьный объясняетъ Наталкѣ: «ты одна заложыла йому (моему сердцу) позовъ на вичныи роки и душа моя ежечасно волаеть тебе посли пышпорнои даже годыны»,—Наталка просто отвѣчаетъ: «Воля Ваша, добродію: а Вы такъ зъ-пысьме́нна говорыте, що я того не зрозумію». Такъ отвѣтила бы предсѣдателю суда, если бы была въ состояніи, знаменитая преступница М. Левицкаго, на его вопросъ:

«Подсудимая! копія обвинительнаго акта была вамъ вручена?» [1]) но она, какъ извѣстно, была въ томъ положеніи, что могла только рыдать.

---

[1]) Литературный збирныкъ. У Кыиви, 1903, стр. 296.

Дѣйствительно, трудно «зрозумиты» простому человѣку всѣ условности книжной рѣчи, мѣняющіяся при томъ десятилѣтіями такъ, что мы теперь ужъ не можемъ безъ улыбки слышать со сцены восклицаніе влюбленнаго Собинина: «Такъ ты для земного счастья—грядущая женка моя»!

А къ высокопарному языку Возьного, чуждому по своей архаичности и малороссамъ и великороссамъ, да еще въ противопоставленіи его съ языкомъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ, зрители относятся только съ гомерическимъ смѣхомъ. Зрители изъ простонародья, незнакомые съ исторіею развитія литературныхъ языковъ, но изрѣдка слышащіе газетныя выраженія (конверсія, институція, конституція, ликвидація и т. п.)—не смѣются. Послѣ перваго акта «Наталки-Полтавки» они правильно опредѣляютъ положеніе Наталки, Выборнаго, ея матери, принимая Выборнаго за волостного старшину; но относительно Возьного намъ приходилось слышать и такое опредѣленіе: «це, мабудь, якыйсь нимець»! Такъ поражаетъ ихъ его языкъ, хотя смѣшного въ немъ они видятъ столько же, сколько и въ языкѣ церковныхъ проповѣдей, т. е.—ничего; надъ кривляньями же актера, изображающаго Возьного, они смѣются наравнѣ съ остальною публикою. Для послѣдней же отношеніе къ этому уроду рѣшено съ перваго появленія его на сценѣ: что бы онъ ни сказалъ,— хохочутъ, полагая при этомъ, что и авторомъ онъ выведенъ на посмѣшище, тѣмъ болѣе, что актеръ каждой фразѣ Возьного придаетъ не только комическій, а пошло-комическій оттѣнокъ. Когда дѣло доходитъ до акта самоотреченія Возьного отъ земного счастья ради высшихъ благъ, уже всѣ смотрятъ на него, какъ на какого-то полишинеля, и несмотря на то, что его «благородный поступокъ» долженъ бы вызвать другое отношеніе къ нему, продолжаютъ хохотать; этотъ хохотъ сливается съ смѣхомъ отъ радости, что все окончилось благополучно: и Петро не ушелъ куда-то скитаться или погибать, и Наталка не утопилась!

Но слѣдуетъ ли актерамъ такъ играть роль Возьного? слѣдуетъ ли публикѣ такъ относиться къ его признанію, напр., что

«за недосужностью по службѣ» ему не удалось сдѣлать ни одного добраго дѣла?

Что хуже: взяточникъ и канцелярская крыса, или горькій пьяница и тупоумный канцелярскій писецъ? Можно и надъ Акакіемъ Акакіевичемъ смѣяться и сыпать ему на голову бумажки, но—до извѣстнаго предѣла. Когда этотъ низенькій чиновникъ съ лысиной на лбу скажетъ: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» и въ этихъ словахъ зазвенятъ другія: «я—братъ твой!»—даже весь вѣкъ смѣявшійся Гоголь смѣяться не рекомендовалъ. Можно и надъ пьянчужкой смѣяться; но когда въ другой театральной піесѣ онъ восклицаетъ: «Шире дорогу! Любимъ Торцовъ идетъ!»—и публика и весь хоръ на сценѣ, до этого момента хохотавшій надъ нимъ, притихаетъ, ибо при надлежащемъ выполненіи роли этого Торцова чувствуютъ, что тутъ заговорило долго унижавшееся человѣческое достоинство, при томъ не изъ-за своихъ выгодъ, а ради спасенія ближнихъ.

А развѣ монологъ Возьного «Розмышлявъ я предоволно...» не ниже и не выше возгласа Торцова? Возьный еще болѣе вправѣ, чѣмъ Сквозникъ-Дмухановскій, крикнуть на смѣющихся надъ нимъ титулярныхъ и надворныхъ совѣтниковъ: «Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь!.. Развѣ и вы всѣ не такъ же ли, спѣша на службу, или оканчивая срочную служебную работу, не находите времени на доброе дѣло и по недосугу даже не выслушиваете просящихъ у васъ помощи? Да! по милости дворянъ несу обязанности непріятной службы, на которой произвожу взысканія, присужденныя судомъ, несмотря на слезы разоряемыхъ отъ продажи послѣдней коровы! Да! я живу на счетъ вынужденныхъ подарочковъ, ибо такъ полагается. Но я—и сковородынецъ (какъ теперь сказали бы—«толстовецъ»), и никто изъ васъ, здѣсь присутствующихъ не смѣетъ отнять у меня права на другое—«святѣйшее изъ званій—человѣкъ»!

Монологъ его приблизительно это и говоритъ; но публика, какъ и послѣ раздирающихъ душу возгласовъ Сквозника-Дмухановскаго съ его бранью на «проклятыхъ либераловъ», видя комическія ужимкии и прыжки Возьного, продолжаетъ хохотать.

А этого ли хотѣлъ достичь авторъ, вложивъ въ уста Возьного этотъ монологъ? Возьный—болѣе скроменъ, чѣмъ Сквозникъ: разразившись сначала бранью противъ Петра и Наталки, этихъ проклятыхъ либераловъ, разсѣивающихъ всѣ его мечты о счастьи, какъ дымъ,—онъ затѣмъ одумался и, по рецепту Сковороды, совершаетъ свой подвигъ тихо и смирно, чтобы затѣмъ присоединиться, по тому же рецепту, къ общей радости всѣхъ «ближнихъ».

Мы приближаемся къ концу нашей замѣтки. Если она вызоветъ у солидныхъ критиковъ художественныхъ произведеній желаніе обстоятельно пересмотрѣть сочиненія Котляревскаго въ исторической перспективѣ въ смыслѣ установленія преемственности идей южно-русской литературы XVIII—XIX вѣковъ, если она побудитъ г.г. артистовъ подумать о роли Возьного, прежде чѣмъ ее исполнять по создавшемуся шаблону, то цѣль ея мы будемъ считать достигнутой. Мы только напоминаемъ признанное положеніе, что ничто не появляется въ исторіи развитія мысли и искусства во всеоружіи, какъ когда-то Паллада вышла изъ головы Юпитера: каждое художественное произведеніе имѣетъ предшественниковъ и корни въ общенародныхъ умоначертаніяхъ. И Софоклъ, и Пушкинъ, и Шевченко брали темы изъ народныхъ разсказовъ. Если Котляревскій сумѣлъ разъяснить неясную, наполовину мистическую философію Сковороды, разъяснить театральной публикѣ и читателямъ въ образахъ персонажа и дѣйствія «Наталки-Полтавки», то это и есть одна изъ его заслугъ, за которыя поставили ему памятникъ.

Котляревскій—не изъ того рода писателей, которые подсмѣиваются надъ неотесанностью, простоватостью или глуповатостью мужика—только потому, что онъ мужикъ, или же наоборотъ надъ неисправимою испорченностью канцелярскихъ крысъ и ябедниковъ только потому, что они сидятъ въ канцеляріяхъ. Онъ бралъ предметомъ своего анализа человѣка, какъ таковаго, а потому-то и сочиненія его, если не безсмертны, то очень долговѣчны. Такой знатокъ человѣческаго сердца и правдивыхъ ху-

дожественныхъ концепцій, какимъ былъ Шевченко, въ стихотвореніи «На вичну памьять Котляревскому» говоритъ:

«Будешъ, батьку, пануваты,
Покы жывуть люде,
Покы сонце зъ неба сяйе,—
Тебе не забудуть»!

Пророчество якобы очень сильное; похвала будто свыше мѣры: но она вылилась изъ такихъ компетентныхъ устъ! Что нашелъ Шевченко (не говоря объ «Энеидѣ») въ этой маленькой театральной піесѣ? Несомнѣнно ту широту замысла и ту художественную экспрессію экспансивныхъ чувствъ, какія руководили и имъ въ любовномъ отношеніи и къ княгинямъ, поработившимъ его братьевъ и сестеръ, и къ полякамъ, поработителямъ всей украинской націи. «Будьте людьми»!—твердилъ онъ въ унисонъ съ своими учителями Сковородою и Котляревскимъ въ своихъ вдохновленныхъ поэтическихъ воззваніяхъ и къ мертвымъ, и къ живымъ, и къ ненародившимся еще тогда своимъ землякамъ, и ко всѣмъ читателямъ его произведеній. Потому онъ и оцѣнилъ такъ высоко музу Котляревскаго.

Если спеціалистъ по исторіи литературы профессоръ Дашкевичъ въ «Энеидѣ» нашелъ идеалъ «всенароднаго поэтическаго произведенія», то пусть дозволено будетъ и намъ въ «Наталкѣ Полтавкѣ» признать идеалы всенароднаго театральнаго произведенія, а затѣмъ просить дѣятелей на поприщѣ малорусскаго театральнаго искусства играть роль Возьного не такъ, какъ они играютъ, а такъ, какъ она представится имъ послѣ болѣе обстоятельнаго ея изученія.

Не слѣдуетъ, намъ кажется, представлять его старикомъ, а человѣкомъ лѣтъ 30—35, ибо нигдѣ въ піесѣ нѣтъ указанія на его преклонный возрастъ съ лысиною во всю голову и безобразными складками старческаго лица, какія попали по милости актеровъ и на горельефъ памятника Котляревскому въ Полтавѣ. Наталка, дѣлая возраженіе матери наединѣ и называя бракъ свой

съ Возьнымъ—неравнымъ, ни разу не проговаривается, что ко всему тому онъ и старикъ; Выборный находитъ только, что пану Возьному «пора» жениться; если онъ не называетъ его «паны-чемъ», то просто потому, что послѣдній занимаетъ слишкомъ высокое положеніе въ селѣ по отношенію и къ Выборному и къ прочимъ Щипавкамъ, засѣдателямъ и т. д. Ни изъ чего не видно, почему Возьный не могъ бы явиться на сцену такимъ же красавцемъ, какъ и Петро: вѣдь графа Невера не дѣлаютъ безобразнымъ только потому, что Валентина предпочла ему красавца Рауля; да и Рауль—не обязательный красавецъ по наружности.

Не слѣдуетъ при выполненіи роли Возьного подчеркивать смѣшныя мины, какія могли бы являться у толстовца, выведеннаго на сцену въ крестьянской толстовской колоніи, какъ внѣшній признакъ людей, попавшихъ не въ привычную обстановку, но вовсе не смѣшныхъ по существу и внутреннему складу мыслей и желаній.

Не слѣдуетъ утрировать и доводить до шаржа смѣшныхъ выраженій устарѣлаго языка, опредѣляющихъ только время дѣйствія, а не уродливость мыслей и чувствъ, какія обуреваютъ Возьного.

Не слѣдуетъ придавать всѣмъ дѣйствіямъ и словамъ Возьного характеръ похотливыхъ стремленій селадона, желающаго сорвать цвѣтокъ съ невинности наивной свѣженькой мужички съ тѣмъ, чтобы обратить ее потомъ въ свою кухарку, или бросить какъ старую тряпку, ибо и этихъ чертъ вовсе нѣтъ въ роли Возьного и во всѣхъ его рѣчахъ.

Если артистъ, выполняющій роль Возьного отрѣшится отъ этихъ вошедшихъ почему то въ обычай пріемовъ, то получится не уродъ и сатиръ, а такой же влюбленный въ Наталку человѣкъ, какъ и Петро, исполненіе роли котораго зависитъ уже отъ таланта артиста. Такими пріемами, намъ кажется, можно будетъ возстановить, по крайней мѣрѣ, типъ того человѣка, какимъ представлялъ его себѣ авторъ,—вовсе не отрицательный, а скорѣе возвышенный, положительный.

А на памятникѣ Котляревскому въ г. Полтавѣ уже не исправишь тѣхъ чертъ, какими увѣковѣчилъ Возьного г. Позенъ, и остается только пожалѣть, что г.г. артисты театральнаго дѣла ввели въ заблужденіе художника-скульптора своимъ обычнымъ, но неправильнымъ, какъ мы старались показать, толкованіемъ произведенія перваго народнаго малорусскаго писателя.

А. Русовъ.

Омелько Пацюкъ на курорти.

Оповидання.

I.

— Та пустить-бо, нехай васъ Господь Богъ поздоровыть!..

— Не можно! Бачыте, що не можно!

— Але чому-жъ не можно, колы мени треба до дохтора?

— Перше заплаты, то пидешъ. Тутъ зъ кожного, хто йде цимы воритьмы, беруть по двадцять грошей.

— Якъ це таки мудри ворота, то я и черезъ барканъ перелизу... Але слухайте-но, нехай вамъ кумця гарненько засміется,— пустить! Хыба я що вкраду, або що? Я тильки до дохтора...

— Все одно, чы до дохтора, чы до кого другого... Тутечкы за музыку треба заплатыты.

— Та на якого смутка мени здалась ваша музыка? Та я іи и слухаты не буду! Далеби! Я й вуха заткну. Пустить! Хыба-жъ вы не бачыте, що я соцькый...

И выпроставшы трохы свій зигнутый станъ, дядько показавъ на круглу бляху, що высила у ёго на грудяхъ.

— А мени все одно, хочь и самъ прыставъ.

Такъ пры парадному входи у сл—ый кумысный курортъ, у 12 годыни дня, колы музыка грала у саду, торгувався дядько Омелько Пацюкъ зъ контролеромъ, поставленымъ для того, щобъ выдаваты всякому за гроши билета для входу. Пацюкъ уперто

думавъ, що платыты грошы ёму зовсимъ не потрибно; винъ выказувавъ контролёрови всяки прычыны: що винъ не злодій и на ёму святый хрестъ йе, що земля—Божа, для кожного, що тильки жыда та цыгана не тра пускаты и т. и. Вси ти прычыны не вдовольнялы контролера, и розмова ихъ почала вже переходыты на суперечку. Хто ёго зна, до чого-бъ воно дійшло, якъ-бы, случаемъ, не панокъ якыйсь, що выходывъ зъ саду, звернувъ увагу на дядька и заступывся за ёго...

Омелька впустылы у курортъ.

Досыть було глянуты на зигнутый станъ и на запáли, хочъ и шыроки, груды селянына, щобъ видразу прызнаты ту хворобу, на яку винъ вже не одынъ рикъ слабувавъ.

Здалеку Омелько скыдався на дида, але винъ бувъ чоловикъ ще не старый. Высушывъ ёго кашель, зигнула ёго станъ хвороба, поорала зморшкамы ёго блидый, худый выдъ. Прыдывывшысь уважно до плечыстои, колысь дуже здоровенной постати Омелька, можно було запрымитыты, що ёго станъ бувъ, кримъ того, покаличеный ще якоюсь иншою прычыною: винъ трохы шкутыльгавъ и все тило ёго якось здригалося, колы винъ пры ходи пидіймавъ ливу ногу.

Хочъ день бувъ парный, але одежа Омелькова була тепла и святкова. На ёму бувъ мишковатый теплый лейбыкъ зъ простого сирого сукна, защипнутый ажъ до самого комира. Спереду лейбыкъ бувъ непаче довшый, а ззаду здавався коротшый; на швахъ винъ бувъ обшытый червоною жычкою. Шырокый червоный поясъ спереду бувъ завьязаный гудземъ и спадавъ велыкою кытыцею. Велыка суконна квадратова шапка покрывала ёго голову, насовуючысь на ёго невелыке зморщене лыце до самыхъ очей, а ти чорни маленьки очи, мовъ дви жарынкы, нервово свитылысь, якъ у гарячци. Довги чоботы зъ велыкымы пидковамы, що гучно и далеко видбывалы кожный ступинь ходы, обувалы страшенно худи и сухи ногы, а били полотняни штаны, заправлени у халявы, стовбурчылысь на стегнахъ: очевыдячкы у глыбокыхъ дядьковыхъ кешеняхъ ховалысь и креминь, и люлька, и тютюнъ, и мотузочкы про всякъ случай, а може навить и де-якый

харчъ на скильки день. Пашпортъ и калытка зъ гришмы лежалы за пазухою, бо воны—речи важнійши. И дядько разъ-у-разъ лапавъ за пазуху своею довгою сухою рукою, щобъ перевирытысь, чы не згубывъ те, що сховавъ. Перевирывшысь, винъ ступавъ дали, опыраючысь на ципокъ, по дорижци, та та́къ обережно, наче-бъ йшовъ по-надъ якымъ проваллямъ.

Ёго хода показувала, що винъ не звыкъ бувъ ходыты такымы трамбованымы дорижками: дядько доси ходывъ лышъ звычайнымы сильськымы стежкамы та дорогамы.

— Куды лизешъ, старычокъ?—спытавъ ёго сторожъ, що замитавъ дорижкы.

— Та якый я тамъ старычокъ?—обернувся до сторожа Омелько, наче-бъ ураженый, наче-бъ здывованный тымъ пытанням̀ъ.

— Тутечкы не можно гуляты.

— Та мени не до гулянНя,—голоснійше видповивъ селянынъ, ураженый, що про ёго подумалы, буцимъ-то винъ гуляе та слухае музыку.—Гуляты... Таке сказалы!.. Я вже догулявся, дяка Богу! Я зъ Космачева...

Але тутъ ёго взявъ такый кашель, що винъ нiякъ не мигъ договорыты.

— Не тутешній?

Омелько, кашляючы, замотавъ головою и пишовъ дали такъ смилыво и ришучо, що сторожъ не важывся бильше ёго запыняты.

Идучы дали, винъ зустричавъ чымъ разъ бильше панивъ и чымъ разъ бильше бентежывся.

Винъ метушывся, спотыкаючысь на гладкому, дававъ панамъ дорогу, що й такъ була шырока, ставъ о́сторонь и разъ-у-разъ скыдавъ шапку, витаючы: здрастуйте! поздоровъ, Боже!

— Такъ ось якъ тутечкы! Матинко моя рідна!—щыро дывувався селянынъ, увійшовшы у саму глыбъ чыстого, гарного саду. Дали винъ побачывъ чепурненьки дубкы, скляни переходы,—курзалъ.

— Пробачайте, пане, якъ тутечка пройты до дохтора?—осмилывся винъ спытаты одного панка, почуваючы, що самъ

не дасть соби рады и не выберется зъ заплутаныхъ садовыхъ дорижокъ.

— До доктора? Тамъ,—и панокъ показавъ ёму на докторськый павильонъ, що стоявъ о́кремо будынкивъ, назначенныхъ для хворыхъ.

— Въ тій палати?—несмилыво озвався селянынъ, побачывшы павильонъ зъ рундучкомъ, обсаженнымъ зеленью та квиткамы.— Пробачайте пане,—увичлыво вклонывся ще разъ Омелько,—а скильки тутечкы беруть? Бо въ мене всёго на всёго тильки сорокъ карбованцивъ. То може въ мене и грошей не выстачыть? Бо якъ... я самъ зъ Космачева.

— Не знаю, голубчикъ, не знаю,—идучы дали промовывъ панокъ, котрый, очевыдячкы, жывъ лыше одною думкою про свое здоровья и котрому байдуже було про другыхъ хворыхъ.

Николы ще Омелько не почувавъ себе такымъ одынокымъ и безпомичнымъ. Винъ ясно зрозумивъ, що ти дохторы и той кумысъ, котрого винъ николы не бачывъ, але въ котрого чудову сылу цилющу винъ наче-бъ вирывъ,—не для ёго воны.

— Ось тоби и прыйихавъ! Здоровеньки булы, Омельку! Вылычытесь тутечкы! Эге... Останни грошы выкыньте зъ кешени, тай помирайте, задершы ногы до горы. Ось тоби й кумысъ!... Напыйтеся соби Омельку, на здоровля!

Такъ грызъ винъ самъ себе, передвчасно досадуючы за непотрибну мандривку и за дурно вытрачени останни грошы. Ще нихто ничого ёму не казавъ, а винъ вже почувавъ, що ти сорокъ карбованцивъ, яки винъ взявъ зъ собою—якъ плюнуты. Таку думку мымохить наганяло ёму все те, що винъ тутъ бачывъ кругъ себе. Винъ прыгадавъ, якъ тяжко досталыся ёму трыдцять карбованцивъ.

— Ще зъ осени продавъ де-якый корець жыта, бо, хвалыты Бога, бувъ такый урожай... за-десять карбованцивъ,—розмовлявъ самъ зъ собою Омелько. Тры карбованци пишло Ёселю, а симъ зосталося. А на Мыколу сынъ прыславъ два карбованци, то вже девять. А зновъ весною, у велыкый пистъ, возывъ до вокзала землемира, то заробывъ десять злотыхъ. То скильки то воно тепереньки мусыть буты? Эге... А потимъ, дай Боже памьять, за

полотно, що жинка продала, тежъ десять злотыхъ безъ двадцяткы. Та столяркою ще заробывъ де-якого рубля... А на решти, якъ не було чымъ на весни телятокъ годуваты, то тра було ихъ продаты Хаиму—щобъ винъ згоривъ!.. Эге... Ось такъ, одне до одного, до гурту... тай набралося трыдцять карбованцивъ... А десять позычывъ у старшыны... Нема що...

И на якого биса прыперло мене сюды?—нехай ось тепереньки мене хто спытае. А то все пысарь: «йидь, каже, на кумысъ; полегчае!» А писля и старшына: «йидь, каже, тамъ вси хвори поправляются»... Отъ таке! Чыста дурныця, далеби! Послухавъ, мовъ людського чого... Чы не все одно де дубомъ статы... Правда, що и пипъ казавъ, щобъ йихаты, и благословеніе навить давъ. Але я вже бачу добре, що ця писня, хочъ и гарна, та не для мене. Може панови тутъ и поможе, а нашъ чоловикъ»...

И винъ сумно похылывъ голову. Але згодомъ винъ зрадивъ и пидбадёрывся, побачывшы середъ чепурно и по-панськи одягненои публикы, що проходыла повзъ ёго, двохъ селянськыхъ дивчатъ.

Воны йшлы обнявшысь и весело про щось цокотилы.

Одягнени воны булы квитчасто, якъ у свято—у нови, темносыни керсеткы, обшыти червоною стрычкою, червони кытайчати спидныци, а обути у чобиткы зъ высокымы закаблукамы и пидкивкамы. На шыи малы воны по велыкому жмуткови намыста, кораливъ и стричокъ.

— А якъ ся-маете, дивчата; здоровеньки булы!—смилыво звернувся до ныхъ Омелько, поспишаючы за нымы.—А чыи вы?—

— Та зъ Горыньгорода.

— А що вы тутечкы поробляете?

— Личымося. А вы звидкиль?

— А нехай-же васъ Господь мылосердный „поздоровыть!—зрадивъ Омелько, наче-бъ ридныхъ дитей побачывъ. Винъ бувавъ у Горыньгороди. Колысь винъ возывъ туды жорна для млына. Винъ, навить, чувъ про батькивъ тыхъ дивчатъ.

Винъ учепывся за дивчатъ, якъ слипый за поводаря, и вырытавъ у ихъ все, що ёму треба було.

Дивчата розсказалы, якъ ёму повернутыся.

Теперъ винъ повеселищавъ, такъ наче-бъ у нёго въ кешени було не сорокъ, а прынаймни пятьдесятъ карбованцивъ.

II.

Колы дохторъ, посадывшы Омелька на стилци, почавъ уважно оглядаты ёго груды, то перш усёго звернувъ увагу на те, що кисть була запала, погнута, а на шкури була сыла довгыхъ смугъ та шрамивъ.

— Оце що таке?

— Пытаете про тыи шрамы? То я, проше пана, на папирни такый тестаментъ соби диставъ. Эге... у пана Z (винъ назвавъ того пана, що мавъ сахарни и папирни фабрыкы) служывъ... ризавъ папиръ на циркулярни... такый, значытся, валъ тамъ йе, що риже папиръ. Два злотыхъ и двадцять грошей за день зароблявъ. Одного разу, якъ щось пидъ ногы попало, то посковзнувся, та впавъ на циркулярню... То ще счастя, що рукамы оперся на пасы, то такъ и одкынуло раптомъ мене на анкеръ. Крычавъ я, крычавъ... та де тамъ въ смутка,—нихто не чуе... бо машына йде соби, стукотыть... за нею голоса не почуешъ. Ажъ опислям мене вже взялы, якъ я безъ намьяти бувъ, та понеслы до лазарету.

— Давно це було?—спытавъ дохторъ и почавъ мацать ребра, котри булы крыви.

— А вже... вже буде рокивъ зъ пьять. Бо вже два рокы якъ пансіона не получаю. А то тры рокы дававъ князь пивъ корця жыта и по два карбованця що мисяць, ажъ покы не поправывся. А якъ поправывся, то буде такы два рокы... Бо я самъ-то зъ Космачева.

— А теперъ що у князя получаешъ? Пансіона не дае?

— Дулю дае малёвану. Бильшъ ничого.

— Не багацько-жъ ты, небоже, заробывъ у свого князя. Ты зъ тіеи поры, кажешъ, въ тебе груды болять и кровъ показалася?..

Селянынъ видмовно похытавъ головою.

— Ни. Костоправъ мени поставывъ груды якъ треба: и не болило... Я ихъ саломъ теръ и зилля пывъ. И хвершалъ оглядавъ груды. Казавъ, що ничого... Але зъ весны щось кепсько дуже зробылося. Бо це було таке дило, я вамъ заразъ розскажу... Якъ разъ у другу недилю на велыкопости, дай Боже памьять, прыходыть до мене кумъ Степанъ тай каже: «пипъ кличе до сина, йды сино зъ луга возыты».

— А до тіеи поры ты не кашлявъ?

— Эть... потрошку. Вже и тоди була ядуха. Але слухайте-но... «зъ луга возыты». Кажу я ёму: не пиду, бо въ грудяхъ въ мене стало щось». Бо чую я такы, що не безпечне щось въ грудяхъ. А винъ: «и въ бокахъ, каже, стане, якъ попа не слухатымешъ»». Писля попивськый наймытъ прыходыть, а опысля и самъ староста прыходыть. «Ахъ, лыхо вашій та не риднiй!—думаю соби...

— Ну, ты намъ довго тутъ языка не чешы,—остановывъ ёго дохторъ, бачывшы, що оповидання балакучого пацiента щось затягуется.

— Ни, бороны Боже,—замахавъ той обома рукамы,—заразъ кинчу... «вашій та не риднiй—думаю соби... Треба вже послухаты. А сино добре тоди у попа було: сухе, терпке и зляглося, якъ нибы каминь. Сокырамы стырту рубалы. Отже-жъ и впотивъ я зъ тiеи роботы... Та якъ запригъ я свои волы, та якъ повизъ... та трись! въ рiчку и провалывся. Отъ, якъ бачыте! И попередъ мене багацько йихало: и кумъ Степанъ, и Васыль Мырошныкъ, и Гаврыло Лемишъ.. ци вси тежъ зъ Космачева... Такъ ни! На тоби, Омельку, попробуй ще, яка-то вода на велыкопости въ ричци бувае... Божа воля! Тай й пишло зъ того.... На другый день кашель вже гопанцемъ пишовъ, въ грудяхъ ось такъ щось здавыло, въ горли... и кровъ тоди була... але не багацько.

Дохторъ довго и стукавъ, и слухавъ груды Омелька, казавъ ёму то дыхать, то не дыхать, то говорыть, пиднявшы рукы до горы: «двадцять одынъ, два, тры»... то зновъ вытягнуты рукы передъ себе и ничого не говорыть.

Омелько одно лышъ просывъ у дохтора:

— Якъ, проше пана, моя хвороба дуже тяжка, то скажить мени по чистій правди... то я вже не буду и тратытысь, бо въ мене, далеби не брешу, тильки що трыдцять карбованцивъ... жинка и диткы есть... Воны въ Космачеви...

Дохторъ обицявся и звеливъ ёму пидняты рукы на голову. Прытулывшы ухо до лопаткы, винъ щось довго слухавъ и, звернувшысь до помичныка, сказавъ:

— Phthisis pulmonum, безперечно, и кримъ того... Винъ назвавъ ще скильки сливъ по латыни.

Помыраты? Га?—спокійно спытавъ Омелько, на котрого чужеземне слово робыло тяжке враження, наче-бъ ти слова прымовлялы ёго до смерты.

— Прыйде часъ, вси помремо,—сказавъ дохторъ.

— А въ семьи у тебе нихто не вмыравъ видъ ядухы?

— Видъ ядухы? Крый Боже! Ни... наши Пацюкы зъ чого хочете вмиралы, тильки ще не видъ ядухы. Пацюкъ въ Космачеви зъ ядухы вмеръ! Оце сказалы! Хе, хе...—усмихнувся селянынъ, хытаючы головою и дывуючысь, що може буты така чудна думка.

— А батько видъ чого вмеръ?

— Батько?—винъ спустывъ очи и зитхнувъ.—Небищыкъ любылы выпыты... о! любылы! Дай Боже, щобъ кожному такый смакъ!.. Нехай имъ легка земля!

— А самъ пьешъ?

Омелько почухався и трохы усмихнувся.

— Та не дурень выпыты, проше пана, якъ той казавъ! Що правда—то правда. Видъ одной сосны шышка.

— А тутечкы ничого не пьють, окримъ кумыса,—сказавъ поважно дохторъ.

— Запевне,—послушно и звычайно видповивъ Омелько.— Я бачу... я тильки однымъ окомъ зыркнувъ, то вже бачу, що тутъ за химерія.

— Чай, якъ хочешъ, можно пыты.

— Ни... чай Пацюкы въ Космачеви не вжывають. Тамъ кытайськи, кажуть, гныды попадаются. А може то и неправда?—

додавъ Омелько, побачывшы усмихъ на лыцяхъ дохторивъ и стараючысь яко мога сгожуватысь зъ ихъ поглядамы.

— Ну, чай тамъ якъ соби хочешъ, а тильки йисты треба якъ можно бильшъ.

— О-о!—ажъ прбсяяло лыце Омелька, неначе передъ нымъ стояла сама любыма йижа.

И дохтори, своимъ звычаемъ, почалы розсказуваты Омелькови, яки прости, але сытни селянськи стравы винъ мигъ-бы йисты.

— О про це не журиться,—спивчуваючы, похытнувъ головою Омелько.—Кышка не кешеня, щобъ зъ неи що згубылося. И дурень морды видъ кашы не одверне. Тильки подавай...

III.

Що добре въ сл—кому курорти, такъ безперечно те, що винъ не дуже дорогый. Певна ричъ, у самому курорти бидній людыни не можлыво було-бъ жыты, але, найнявшы за скильки карбованцивъ кутокъ у якій селянській хати поблызу, селянынъ за скилька-десять карбованцивъ може провесты увесь курсъ кумысного ликування.

Дохтори кажуть, що на с—кому курорти що року чымъ разъ бильше буває селянъ.

Зъ другого такы дня Омелько почавъ дуже справно, якъ того потрибуе порядокъ курорта, и щыро выповняты та видбуваты все чысто, що казавъ дохторъ.

Все, що бачывъ винъ тутъ кругъ себе, вражало ёго видразу, якъ щось невыдане, нечуване, и справляло якыйсь дывный, незвычайный пастрій у ёго души, захопляло ёго якымысь невидомымы почуваннямы. Лисъ, той звычайный, простый лисъ, зъ яливцемъ, шышкамы и всякымъ хмызомъ, де винъ зъ-малку пасъ коровы та кони, куды винъ йиздывъ на ночлигъ, де звыкъ бачыты вовкивъ, ужывъ, деркачивъ, зайцивъ та смердячыхъ удодивъ, бувъ тутъ зовсимъ иншый, такый, що й не снывся Омелькови.

— Ото лыхо його ма, що то гроши не зроблять на свити! И треба-жъ таке вымудроваты!—дывувався Омелько.

Спершу все його вражало: и велыки будынкы, и квитныкы, и гимнастыка, и тенисъ, и кегель-банъ. До концертового залу зъ галлеріею винъ и не пидходывъ, вважаючы, що тамъ ему буты не слидъ, щобъ паны не прогнивалысь...

— А це що таке?—зацикавывся винъ, побачывшы невелычку башту, що стояла посередъ зеленого мурижку, а на ній зъ рижныхъ сторинъ булы навишани: тепломиръ, барометръ, гигрометръ та инше.

— Це показуе, яка мае буты погода.

— О-о... Ну-ну! И винъ уважно слухавъ, якъ ему розсказувалы, що таке барометръ, а видъ себе такы додавъ, що якъ корова, задершы хвоста, бигае по полю або по лугу, то мусыть буты гримъ, а якъ тулытся пидъ стриху, то запевне, що буде дощъ.

— А чы воно покаже, якый буде рикъ—врожайный, чы неврожайный?—пытавъ Омелько, зацикавывшысь барометромъ.

Ему выяснылы, що такого прыстрою нема, щобъ показувавъ на врожай, що це неможлыво...

— Якъ то?—дывувався селянынъ. Запевне можно знаты, бо якъ боцюнъ въ Космачеви на весни скыне зъ свого кубла дытыну, малесеньке боценя, то завжде бувае неврожай. Це вси знають... всякый навить дурень на сели...

На курорти не зналы, що ему на те казать.

Але найбильше звертала його увагу военна музыка, що грала на эстради середъ лису. До цього мисця ему легче и вильнійше було доступыты. Навкругы галявкы, блыжче до оркестра, сыдила звычайно рижна публика. Найбильше бувало тутъ жыдивъ.

— А-а! и вашого пантофлевого мосци-паньства тутечкы досыть, якъ я бачу!—не здержавшысь, скрыкнувъ мымохить Омелько, колы побачывъ на лавочкахъ жыдивъ. Зъ нымы винъ почувавъ себе зовсимъ вильно.

Просыжувавъ тутъ дядько цили годыны и жадлыво слухавъ ту музыку, що гула трубамы и барабаномъ. Де-колы вона прой-

мала ёго незвычайно. Винъ стававъ середъ дорижкы, самъ того не помичаючы, видбывавъ ногою въ ладъ зъ музыкою, похытуючы своимъ велыкымъ и худымъ станомъ: зворушувався ёго духъ и винъ промовлявъ:

— Отъ такъ ёго! Шкварь!... Ще! ще!

Але ридни украинськи писни наганялы на ёго смутокъ. Тоди винъ прыгадувавъ соби свою симью и журывся, думаючы про те, що то діется безъ ёго вдома, и що ёго диткы тамъ поробляють. Чаривно-гармонычна писня: «Та нема гиршъ никому, якъ тій сыротыни»—вражала ёго дуже сыльно, захоплювала вси ёго почування и думкы, и, мовъ зачарованный, винъ сыдивъ, затопывши очи у далечинь увесь часъ, покы грала музыка. А якъ кинчалася писня, винъ наче прокыдався зъ якогось дывного сну, зитхавъ, якыйсь часъ прыспивувавъ тыхо на голосъ писни, котра все ще лунала въ ёго ухахъ, а потимъ, зитхнувшы важко, казавъ, дывлячысь кудысь у гору, кризь виты высокои хвои:

— Отъ таке-то... Жыття, якъ та хмара. Звидкиль то вона ввійшла и куды иде—хто ёго видае... Чоловикъ жыве соби та мудрує, а Богъ вже каже: досыть!

Омелька довго дывувалы яйцевати, кругло-довги кумысови бутылкы, що нагадувалы ёму огиркы-жовтякы, яки звычайно лышають бабы на насиння. Таки бутылкы вжываются на курорти для тои прычыны, що воны выдержують сыльный тыскъ кумыса, колы винъ квасне и мусуе. Але найбильше гнитыла ёго та думка, що за таку бутылку тра даты сорокивку и що-день тра ковтнуты ось такыхъ бутылокъ килька штукъ. На кумысъ винъ переставъ покладаты надію зъ тои поры, якъ довидався, звидкиль винъ добувается и якъ робытся.—Правда, що кобыла тильки чысту траву йисть, але якъ Богъ не захоче, то кобыла не поможе. Але гамакъ ёму дуже такы вподобався. Винъ уважно роздывывся, якъ винъ справленый и, не думавшы довго, на другый день купывъ соби пивъ третья аршына мицного, сирого полотна та пару посторомкивъ, прышывъ пры кинцяхъ впоперекъ дви ломакы, кинци зашморгнувъ у посторомкы тай выйшовъ гамакъ. Правда, на ёму треба було лежаты дуже спокійно и обережно,

але за те Омелько мигъ казаты, що ёго гамакъ коштуе не пивтора карбованця, а два злотыхъ зъ десяткою.

— Десять злотыхъ за якусь ситку! Та у насъ, у Космачеви, за карбованця цилу клумлю [1]) можно купыты! Якъ бы знавъ, що видъ ситкы чоловикъ здоровійшае, то, далеби, прывисъ бы зъ собою цилого волока...

Дуже любывъ Омелько прохожатысь по «панськыхъ дошкахъ»—по склянній галеріи, колы тамъ не бувало публикы. Винъ почувавъ себе тоди якось незвычайно.

— Такъ такы и не по дорози, и не по стежци... Ани соломы, ни гною, ни навить пылу нема... И стовпци тоби мыгають, и чобота нигде не зачепышъ... И до того ще квиткы тоби навкругы... Пахне... А зверха покривля—нибы хата, тильки що стинъ нема; замисць стинъ—скло... Нибы въ якійсь склянци соби ходышъ, тай годи! Дуже гарно, лыхо ёго матери»!..

Ось такъ похожавъ Омелько, заклавшы рукы назадъ, лантуховато пересовуючы ногы, «шпацерувавъ» соби инколы по галеріи. Але винъ не мигъ тамъ довго ходыты. Видъ того шлептання по вузенькій довгій дорижци, помижъ стовпцивъ, повытыхъ выноградомъ, свитъ ёму, незвычному, почынавъ крутытысь; винъ боявся, колы-бъ не впасты та не побыты скла, и заходывъ звидтиль помалецьку, обережно, а ногы, мовъ-бы чужи, забигалы и сюды, и туды.

— Чортъ ёго батька зна, що воно таке,—думавъ соби Омелько. И якъ тутъ ходыты?...

IV.

Курортна публика, якъ то скризь бувае, дилылась на гуртки. У глыбыни парка, виддаля видъ панськыхъ мисць, мижъ музыкою та тыномъ, бувъ кутокъ, де лежалы на земли або у гамакахъ селяне. Ихъ було де-килька. Воны лежалы соби звычайно, харкалы просто на траву, не вважаючы на те, що це на курорти дуже

---

[1]) Велыка ситка, що ловлять рыбу.

заборонялось. Спершу воны дуже багато спалы, корыстуючысь незвыклымъ безробочымъ дозвиллямъ.

Кожный зъ ныхъ прыносывъ зъ собою у паркъ клуночокъ або «кошиль», де ховавъ убогый скарбъ свій... Лышъ тяжкый недугъ прымусывъ тыхъ людей увійты въ незвыкле, чуже для ныхъ курортне жыття. Кумысъ воны пылы поволомъ, смакуючы кожный ковтокъ, бо кожный ковтокъ коштувавъ скилька копіёкъ.

— Працюешъ цилый день, щобъ заробыты якого-небудь карбованця, а тутечкы карбованець—мовъ та муха: пролетила, такъ чортъ іи и ма...—мудрувавъ Омелько зъ того прыводу, що такъ швыдко «грошенята» розходятся на курорти.

— А за те спатымешъ пидъ музыку, нибы панъ,—лагодывъ ту сумну думку ёго сусида Гаврыло Чорногузъ.

— Эге... Що правда—то правда. Тильки що до церквы у недилю ходымо, а то зовсимъ вже булы-бъ господынъ Пацѣнскій та Чорногускій,—кепкувавъ самъ зъ себе селянынъ.

— Чому-то паны не ходять до церквы?

— А за тымъ, що, бачъ, ихъ кобыла бильшъ личыть, якъ Богъ...

Гаврыло Чорногузъ лежавъ у гамаци поручъ зъ Омелькомъ, и воны найбильше промижъ себе балакалы Чорногузъ бувъ селянынъ зъ черныгивськои губерніи. Сухоты булы у ёго вже давно и у дуже тяжкій формі.. Дывлячысь здалека на Гаврыла, колы винъ стоявъ пидъ сосной, можно було подуматы, що це лышъ кистякъ селянына, невидомо для чого прыставленый до дерева. Лышъ жыви, ворухлыви очи ёго показувалы, що це жыва людына. Горбата спына и запали груды выгнулы ёго станъ, якъ дугу. Дывуватысь треба було, якъ зъ того худого и нужденного тила выходывъ гучный и голосный кашель. Той кашель далеко лунавъ по всёму саду. Де-колы, не можучы видкашляты, Гаврыло, спершысь до сосны и ще гирше зигнувшысь, стогономъ стогнавъ скилька хвылынъ. Збигалысь звидусиль слаби, щобъ помогты нечастному, але, звычайно, нихто не мигъ даты раду.

Разъ-у-разъ хапаючысь рукамы за груды, Гаврыло нарешти на превелыку сылу видкашлювавъ и, поводячы мокрымы очима на всихъ панивъ, що зибралысь коло нёго, промовлявъ:

— Отъ же-жъ и довелося погавкаты, нибы нашъ становый! Далеби. Все жыття мусыть мужыкъ втышкы говорыты передъ паномъ, а тильки передъ смертью може соби досыть погавкаты. Эге... Пробачайте панове!—невидомо для чого перепрошувавъ слабый публику, що спивчуваючы дывылась на ёго.

— Та и то не дарма! И за гавкання платытымешъ пану-доктору,—доповнывъ Гаврылову думку Пацюкъ.

— Ну, а за те вже попови то безъ мене заплатять,—казавъ Гаврыло, и ёго свитло-блакитни очи дывылысь на всихъ прыхыльно, наче усмихаючысь, и свитылась у ныхъ тая ласка и покирнисть, зъ якою селянынъ корытся своій тяжкій доли. Гаврыло не дуже клопотався своимъ кашлемъ и говорывъ, що ёго дидъ, батько, и маты завше кашлялы и довго жылы... Журба та сумни думы не часто находылы на Гаврыла, а колы, бувало, й находылы, то винъ швыдко розганявъ смутокъ, прыслухаючысь до якои чужои розмовы. Музыку винъ любывъ и слухавъ іи, не покыдаючы розмовы. Не такъ Омелько: той, зачувшы музыку, заразъ змовкавъ, уважно слухаючы, а потимъ знову почынавъ балачку зъ того самого слова, на якому спынывся.—Омелько и Гаврыло часто и довго балакалы промижъ себе, бо багато було у ныхъ спильного и цикавого для розмовы.

Третій селянынъ, що лежавъ недалеко видъ Омелька, бувъ землякъ Гаврыла. У цёго уражене було хворобою горло, и винъ не мигъ говорыты голосомъ. Звався винъ Дмытро Порошъ.

Омелько здывувався, колы, пидійшовшы до Дмытра уперше и промовывшы: «здоровеньки булы, чоловиче», почувъ замисць голосу якесь незвычайне шыпиння, мовъ-бы зъ-пидъ папороти, що росла пидъ кущемъ недалечко, вылизла гадюка.

— Та Бога-жъ вы бійтеся, чоловиче! А чого це вы такъ, мовъ нипъ у велыконистя на сповиди? Га?

А Дмытро все шыпивъ и замахавъ рукамы.

— Стрила въ горли заступыла,—ледве чутно прошыпивъ винъ, и зъ рота ёго потягло такымъ поганымъ духомъ, що навить Омелько, що прывыкъ до всякыхъ пахощивъ, мымохить видступывъ трохы назадъ.

— Трымается и не выходыть,—чыста напасть!

— А-а?—протягъ Омелько, наче-бъ теперъ винъ усе зрозумивъ.—Та це вы, якъ я бачу, зовсимъ такъ по-панськи захворилы.

Пизнише, розговорывшысь зъ Гаврыломъ, Омелько довидався, що за чоловикъ бувъ Дмытро и видчого сталася ёму така напасть.

Дмытро зъ молоду—а теперъ ёму вже доходывъ пьятый десятокъ—бувъ гультяй и пьяныця. Де лышъ, бувало, у сели пьють, то тамъ вже певне не безъ Дмытра.

Разъ покладено на ёго грихъ, нибы-то винъ укравъ теля и продавъ ёго ялышныкамъ. Дмытро не прызнавався; ёго забралы у волость и тамъ прылюдно вышпарылы ризкамы. Писля того винъ загынувъ кудысь; нихто не знавъ, куды ёго посыло, а повернувся винъ до дому лышъ черезъ пьять литъ и прынисъ зъ собою грошы.

Розпытувалы ёго люде, де и якъ винъ ти грошы доставъ, але Дмытро завжде якось выкручувався, якъ то кажуть, собачою стежкою.

— Чы мало де-кому грошы достаются? На свити ще досыть дурнивъ,—казавъ винъ.

— Ой, вкравъ!.. Выдко по очахъ, що гулявъ по ночахъ,—вважавъ де-якый, бачывшы Дмытрову непевнисть.

— Ну й гулявъ, а тоби що? Не за твои грошы,—видповидавъ той, смилыво дывлячысь всимъ въ очи.

Розсказувалы люде, що не разъ и батюшка на сповиди допытувавъ ёго про грошы, але ничого не довидався.

— Винъ сповидается очима, а не языкомъ... Моргае... Его такъ и прозвалы на сели: «моргунъ».

Навить оженывшысь, винъ не все розсказавъ жинци про грошы: вона ніякъ не могла допытатысь, скильки винъ ихъ мае. И ховавъ ихъ въ рижныхъ мисцяхъ. Розсказувалы, що ёго грошы

перебувалы пидъ всима стовпамы хаты. Напувалы його чы-разъ, та дарма: и пьяный, було, ни слова про гроши не выкаже. А колы, було, пры компаніи за чаркою пожартуе хто, тай крыкне зненацька: «Дмытро, въ тебе гроши вкралы!», то винъ неначе прокыдався и увесь хмиль пропадавъ зъ його головы.

Дмытро не цурався ніякого громадського дила; пывъ зъ людьмы, самъ людей частувавъ, а про те люде його не любылы. «Винъ зъ Моргуномъ за пани-брата»—говорылы звычайно про всякого непевного чоловика.

Мыналы лита, а Моргунъ чымъ разъ стававъ чогось бильше невеселый, мовчазный.

Але случылась прыгода, котра дуже переминыла Дмытра. Якось у литку, писля гулянкы у свято, винъ лигъ на ничъ у клуни, на вышци. Нихто, бувало, навить у симьи його не знае, де винъ ночуе. Скаже: у клуни, а пійде у комору, або що.

— А у ту ничъ клуня якъ разъ и запалылася,—розсказувавъ Гаврыло, що бувъ пры тій прыгоди.—Чую я, люде по вулыци крычать—«пожаръ! Мытро горыть»! Бижу... Ажъ и справди горыть соби Мытрова клуня зо всихъ кинцивъ. Нихто не знавъ, що тамъ Дмытро, и ребрыны вси попрыймалы. А винъ въ ту хвылыну пробудывся, побачывъ що злизты нема де, отъ же и почавъ винъ допиро крычаты! Не дай Боже, якъ зъ переляку винъ репетувавъ! Люде ёму крычать: «скакай, дурный, внызъ»! А винъ не догадуется, бо зовсимъ забаламутылося тоди въ його голови. А потимъ якъ скокнувъ, то просто въ стійло, де коровы стоялы... Тутъ його и вытяглы. И ото зъ тіеи поры голосу въ його нема. Въ Почаивъ ходывъ часто, кажуть, тамъ каявся и сповидався. И хворости, здается, велыкои въ його немае, але що то за чоловикъ безъ голосу? Бабы ёму рижного зилля давалы, а въ решти сказалы, що це огнева стрила. Ну, то прыйихавъ на кумысъ. Винъ пысьменный.

— Але?...

— Далеби. Вміе пысаты и чытаты, але ёму теперъ не до чытанкы. О, це розумный бувъ колысь чоловикъ... Теперъ винъ, якъ то кажуть, трошкы зйихавъ зъ даху... Сумуе все...

— А грошы въ ёго тепереньки йе?

— А хто ёго знае! Иды, запытай, якъ що скаже...

— Тс...

Балакаючы, воны не запрымитылы, що Дмытро, котрый сыдивъ нерухомо у гамаку, пыльно дывывся на ныхъ и наче уважно слухавъ. Але це такъ лышъ здавалося. Прыдывывшысь пыльно, можно було побачыты, що ёго велыки, сыви, мутновати очи дывылысь кудысь у друге мисце, дальше, нижъ думалы ёго товарыши.

— Винъ все одно не чуе,—сказавъ Гаврыло.

— Чуе!

— Ни!.. То тильки такъ здается. Винъ часто ось такъ. Сяде—и нибы винъ комусь на небо моргае...

Справди надъ ёго очима здригалась то одна, то друга брова. Черезъ те ёго темне, неначе скамениле облыччя здавалось трохы жывійше. Часомъ, наче втомывшысь глядиты все въ одно мисце, Дмытро заплющувавъ очи и швыдко засыпавъ, не вважаючы на те, де винъ бувъ. А найбильше звертало увагу публикы те, що винъ мигъ спаты сыдячы. Сяде, було, у саду на якый шырокый пень, схылыть нызько голову на груды, скорчытся, зтулытся, ажъ нибы поменьшае весь, и хропе соби на вси заставкы; тай сыдыть такъ нерухомо по скилька годынъ. Розмова, шумъ, навить музыка ничогисенько не шкодылы ёму спаты. Прокынувшысь, винъ закладавъ рукы назадъ и казавъ, що болыть ёго спына. Колы-бъ товарыши не будылы ёго надъ вечиръ, то може такъ спавъ-бы винъ тамъ и до другого дня.

Выспавшысь гарненько, Дмытро почувавъ себе дуже добре, и брала ёго тоди охота балакаты. Але говорыты було ёму дуже важко.

Ходывъ Дмытро завжде поважно, ривно, одну руку державъ за пазухою, звидкиль выглядала шыйка кумысовои бутылкы, а другу—у кешени своихъ чорныхъ, зъ грубого сукна, штанивъ. Чоботы ёго булы складно пошыти, а зъ-пидъ кацавейкы на полотняній пидкладци выглядало щось таке, неначе жылетка...

Гаврыло тежъ одягався не зовсимъ по-селяньськи. Бувъ на ёму якыйсь пиджакъ, жылетки не було, и проста полотняна сорочка була розхрыстана у комири, а штаны булы тежъ зъ чорного сукна, не широки. а шыти по мирци.

За те Омелько одягався якъ справный, щырый полищукъ. Не було въ його одежыни, якъ кажуть, ни бляшкы, ни зализа — хиба що тильки пидковы на чоботяхъ. Вси гудзыкы булы деревьяни, и поробывъ ихъ соби самъ Омелько.

Проста сира свыта, куплена на ярмарци, мало не двичы могла обгорнуты його худый станъ; добри, хазяйськи чоботы доповнялы цю верхню одежу Омелька. Повстяна шапка його уявляла зъ себе те, що по-полисськи называется: «штыре губерніи, пьятый повить», тобъ-то: штыре куты, а зверха по середыни бахматый суконный гудзь. Полотняна сорочка зъ шырочезнымъ комиромъ, була пошыта хочь и не зовсимъ зручно, але за те мицно. Прости полотняни шыроки штаны ніякъ не хотилы держатысь на худыхъ Омельковыхъ стегнахъ и разъ-у-разъ обсовувалысь: хочъ винъ разъ-у-разъ пидтягавъ ихъ, але про те матня высила ёму ажъ до чобитъ.

Омелько проводывъ увесь часъ въ компаніи зъ Гаврыломъ и Дмытромъ. Балакалы, звычайно, бильше Омелько и Гаврыло, а колы, було, заговорыть Дмытро, то вси його уважно слухалы. Воны варылы соби «декохть» зъ рижныхъ травъ и вирылы, що той декохтъ помогае видъ сухоть.

Зилля на декохтъ селяне купують у знахоривъ або по маленькыхъ крамныцяхъ и платять видъ 50 коп. до 2 рублив за фунтъ.

Воны розсказувалы одынъ одному про свои вражиння, разомъ ходылы у церкву. И ти тры селянына — Моргунъ, Каплюнъ и Полиха (такъ прозвалы потимъ Гаврыла и Омелька), — що ходылы зъ своимы кумысовымы бутылкамы по стежкахъ парка, то вси врядъ, то одынъ за другымъ, зверталы на себе увагу усіеи курортнои публикы.

— И ото дывно, чы побувае чоловикъ въ води, чы въ огни, а хвористь одна—кашель и часамы голоса немае,—найчастише,

трохы передумавшы, почынавъ розмову Гаврыло, розглядаючы хворыхъ на курорти.

— Одна то одна, а личыты ризно... Якъ видъ водянои стрилы перестае голосъ, то саме лишне пыты декохтъ... Эге... Це дуже, кажуть, помогае. А якъ видъ огню, то треба ляпысомъ, не инакше...

— Що ляпысъ? То все на ницъ,—видповивъ Гаврыло, гойдаючысь злегка у своему гамаци. Показувавъ мени хвершалъ того ляпыса. Эть, якыйсь тамъ каминецъ. Що воно поможе? Кажуть, що громова стрила помогае видъ рижнои хворобы... Але я іи не пывъ... Кажуть знову стари люде, що треба дуты на жаръ та говорыты ризне, що баба каже... Але те все за́-ницъ—махнувъ винъ рукою.

— Правду сказавшы, чого тильки я не перепробувавъ,—казавъ Омелько. И бабы мени шепталы, и знахори пидъ викамы лызалы, и батюшка видчытувалы, и цыганови руку я показувавъ, и въ монастыръ одынъ ходывъ... Казалы, тамъ одынъ чернецъ личыть ядуху, все одно що самый лишшій дохторъ... Та ничого не помогло. Йивъ я и медъ зъ березовымы брунькамы. Э, вже я такъ скажу: чы круты, чы верты, а все треба вмерты.

— Ну, а я то знову такъ скажу,—видповивъ Гаврыло,—що на ядуху та задышку ще можна порадыты. Ну, а проты сухоткы ничого не подієшъ, братику...

— А що-жъ ты проты ядухы поробышъ!

— Йисты добре треба. Далеби. Саме лишне йисты ячминь переварений, щобъ винъ въ сали плававъ. Та зъ каваломъ добрымъ хлиба.. А потимъ масло зъ медомъ, такъ на половыну. Не зле тежъ и сало, тильки не просте, а зъ козы, або зъ собакы. Я знавъ одного чоловика, що дуже хорувавъ задушыною, то винъ що робывъ? Самъ бывъ гладкыхъ собакъ, деръ зъ ныхъ сало, топывъ ёго и йивъ на всю губу. Оть же-жъ и роспёрло ёго! Ось такый ставъ,—и Гаврыло розвивъ рукы. Чыстый гыцель!.. И такъ ёму це сподобалося, що винъ гыцлювавъ до самои смерти... Здоровый ставъ чоловичына. Далеби. Якъ кому що йде.

Омелько и Гаврыло збиралысь вже лягты у гамакы заснуты, якъ до ныхъ пидійшовъ Дмытро и пошепкы сказавъ:

— На весни, якъ зійде ярове, пидросте ось таке,—и винъ показавъ долонею на чверть видъ земли,—то, вставшы до схидъ сонця, треба назбираты самыхъ чыстыхъ ривныхъ травынокъ зъ жыта, въ саму тыху погоду, щобъ зовсимъ не було витру, бо якъ хочъ трохы витеръ похылыть траву, то вона вже не буде маты того соку... Эге, та збиравшы, все треба говорыты якунебудь молытву до Богородыци. Нисля ту траву завьязаты въ пучечкы и засушыты, а потимъ даваты слабому пыты, заварывшы нибы чай, то помогае, особлыве якъ впустыты туды скильканадцять капель хрещеной святои воды...

Згадавшы про святу воду, Дмытро перехрестывся. Хрестывся винъ тежъ всякый разъ передъ тымъ, якъ мавъ пыты кумысъ. Нихто не видповивъ ёму ничого на ти слова, бо нихто не мавъ охоты тягнуты дали цю розмову. Лышъ тоди, якъ Дмытро пишовъ на свое мисце и лигъ, Омелько переглянувся зъ Гаврыломъ и нышкомъ, такъ щобъ не чувъ хворый, спытавъ ёго: «чы пье Дмытро сёгодня кумысъ?» Гаврыло видмовно похытавъ головою.

— Каже, що винъ не лошакъ и не нимець, щобъ не памьятаты, колы середа и пьятныця... А сёгодня окримъ огирка и хлиба ничого ни йисть. Бороны Боже, щобъ винъ колы въ пистъ скоромне зйивъ, або въ свято до церквы не пишовъ. Хутійшъ вмре, а йисты не стане. Винъ давно пишовъ бы въ монастырь, та жинка не пускае... «Хочъ бы, каже, мени наймытомъ пры монастыри послужыты». И це все зъ нымъ таке зробылося зъ теи поры, якъ клуня згорила...

— А скильки винъ, братику,—трохы зъ годомъ почавъ зновъ Гаврыло про Дмытра,—молебнивъ наймае, и то все найбильшъ Пантелеймонови, и на службу завше дае. Раньше паламара до церквы прыходыть... Стане биля дверей въ церкви та все молытся.

— Чого-жъ винъ сюды прыйихавъ? Певне, що ёго сылкомъ заставылы прыйихать?

— Ни, самъ по своій воли прыйихавъ. Бачъ, ёму одна баба сказала: пый всяке молоко, яке тильки йе на свити, то выдужаешъ и голосъ проявытся. То винъ якого тильки молока вже

нэ пывъ: и видъ коровы, и видъ козы, видъ овечкы и навить видъ сучкы...

Омелько сплюнувъ.

— Отъ якъ бачышъ, и справди поправляется потрошку. Позаторикъ винъ такъ хорувавъ, що думалы—вже вмре нашъ Моргунъ... Та якъ ставъ всяке молоко пыты—выдужавъ. И видъ кобылы молоко пывъ—просте, тепле... Якъ почувъ зимою, що йе особе молоко—кумысъ, то захтивъ и его попробуваты, то прыйихавъ... Ну, и я зъ нымъ... Одынъ не пойихавъ-бы, бо мени кумысъ видъ кашля ничого не поможе, я знаю, бо у насъ вси зроду кашляють. Але, якъ то кажуть, въ гурти и крывый прыскакуе... Та и дохторъ до мене прыставъ, мовъ оса,—йидь та пый кумысъ... Дмытро мени и грошей давъ, бо у мене не було.

— Оце то винъ не скупый?

— Першъ страхъ якый бувъ скупый. Ничогисенько никому бувало не дасть... А теперь дае нышкомъ щобъ нихто не бачывъ и щобъ жинка не знала; покладе грошы на викни, рубля, а часомъ и два, кому дуже треба... Й не хоче, щобъ виддавалы назадъ и дякувалы: каже, що то видъ Бога... А жинка сварытся. И багато навить грошей роздае, але про те не люблять такы ёго у насъ люде, та й годи...

— Чому?

— А хто ихъ знае? Не люблять. Бо то кажуть,—ще тыхше, поглядаючы на Дмытра, сказавъ Гаврыло,—що винъ нибы завмырае... зовсимъ якъ вмре и бачыть, що на тому свити діется и що кожному буде, все, все бачыть... А якъ прокынется, то хочъ-бы кому-небудь що сказавъ. Скильки бувало просять,—а ни слова. Дывытся кудысь та моргае. То у ёго око нечысте...

— А на хазяйстви у ёго хто?

— Жинка. О, працёвыта це баба, голосна, проворна та и дитей добре доглядае. То тежъ—ни зъ жинкою, ни зъ дитьмы часомъ рота не роззявыть... Мовчыть, мовъ сомъ. Це винъ тута тильки щось трошкы ставъ балакаты... Чудный це мужыкъ. И то все зъ того пожара. Огнева стрила ёму мову заткнула.

— Ни,—задумавшысь промовывъ Омелько, выслухавшы оповидання Гаврыла,—не такъ стрила, якъ ти грошы ёму поперекъ горла тепереньки стоять.—Але звидкиль винъ ихъ взявъ?—цикавывся Омелько.

V.

Була на курорти людына, зъ котрою познаёмылысь наши селяне: лакей одного багатого хворого пана, котрый не одну вже тысячу вытратывъ на ликування по заграныцяхъ и теперъ прыйихавъ на курортъ зъ цилою юрбою челяди, и навить собакъ своихъ забравъ.

Той лакей, невелычкого зросту, зъ кругленькымъ черевцемъ, рябый на выду, звертавъ на себе увагу всихъ своею постатью и одежою. Рукы ёго булы таки коротеньки, наче прыставлени до тила патычкы-обрубкы, мовъ у крота. Бороду винъ голывъ, а лышавъ пидъ ушыма невелычки клаптыкы, що малы скыдатысь на бакенбарды; маленьки руди вусы винъ коротко стрыгъ, а голова була лыса, якъ макогинъ. Одягався винъ у рябi вузеньки штанци, що щильно облягалы ёго тонки ногы, у билый пиковый жилетъ, поверхъ котрого була якась зеленовато-сыня пиджачына зъ двома гудзыкамы ззаду. Ззаду пиджачына роздвоялась на два хвостыкы, а видъ гудзыкивъ высилы дви кытычкы. На голови бувъ рябенькый круглый картузокъ.

Колы винъ у-перше пройшовъ по стежци поузъ того мисця, де лежалы у гамакахъ селяне, Омелько не стерпивъ тай розреготався и прозвавъ ёго «якымсь недоробкомъ». А колы лакей показався у-друге, Гаврыло звернувся до ёго:

— Якъ ся маете, мось-пане! Идить сюды!

Лакей важно пидийшовъ и подавъ руку селянамъ. На пучци у ёго бувъ срибный перстень зъ якымсь велыкымъ каминцемъ.

— Звидкиля прыйихалы?

— Изъ за-границы, изъ Мерана.

— О-о!—протяглы селяне вси въ одынъ голосъ и высунулы зъ гамакивъ свои головы, якъ гусы, колы побачуть въ своимъ гурти индыка або павыча.

— О, то вы свита де-якый шматокъ такы побачылы?

— Ну да,—по чугункѣ—ѣздили-съ. И скажите пожалуйста, тамъ очень лучше-съ... весьма хорошо-съ... за границей.

— А скильки днивъ туды треба йихаты? въ тую заграныцю?

— Не весьма долго-съ... И скажите пожалуйста, вы можете быть тамъ черезъ четыре дня-съ. Это въ Австріи... И тамъ-съ, тамъ все весьма хорошо. Что, скажите пожалуйста, этотъ паркъ по сравненію-съ? тамъ пожалуйста будетъ въ двадцать разъ больше-съ, весьма больше-съ. И музыка въ четырехъ мѣстахъ играетъ-съ. Ну да.

— Чы ты бачышъ?—дывувався Гаврыло, пидгынаючы ногы пидъ себе и злегенька гойдаючысь у гамаку.

— Тамъ, можно сказать, необыкновенно-съ,—казавъ тымъ часомъ лакей, выхыляючысь передъ селянамы и розмахуючы невелычкымъ прутыкомъ надъ ногою, котру винъ выставывъ впередъ. Цикависть слухачивъ додавала ёму охоты оповидаты дали про заграныч́ни дывовыська.

— И если угодно, какіе тамъ, скажите пожалуйста, аллеи, галлереи и моціонсъ-съ! Да... тутъ что?—И винъ повернувся на своихъ коротенькихъ пижкахъ кругомъ и махнувъ рукою.—Все это, можно сказать, не весьма хорошо-съ... истинные пустяки. Тамъ первымъ дѣломъ нужно поступить-сь на курсъ... Масса публики всякой, весьма разнообразной, и даже есть, можно сказать, баллюстрада и оперъ-штрассе... весьма великолѣпно-съ за границей.

Довго оттакъ оповидавъ лакей про заграныцю, выкручуючысь та выхыляючысь на вси способы передъ селянами, котри мовчкы слухалы ёго.

— Слухай-но, мось-пане,—перепынывъ ёго Омелько,—якъ тебе зваты?

— Иванъ Өеодоровичъ-съ!—сказавъ лакей, трохы прысидаючы и легенько торкаючысь картуза, котрый зсунувся бувъ ёму на потылыцю.

— Ха-ха-ха!—голосно зареготався Омелько, а за нымъ и други селяне.

— Та якый-же ты Иванъ Өеодоровичъ,—регочучы промовывъ Омелько,—ты просто Ефендрикъ! Далеби Ефендрикъ!...

Иванъ Өеодоровичъ зовсимъ не вразывся и навить усмихнувся. Нове прызвысько нибы навить вподобалось ёму.

— И скажите пожалуйста, какія-съ, можно сказать, шутки. Иванъ Өеодоровичъ—и вдругъ, какъ вы изволили сказать, Ефендрикъ. Такого имени нѣтъ-съ... Увѣряю васъ...

— Чы увирай, чы не увирай... а ты Ефендрикъ—и шабашъ. Тай годи!

Зъ тои поры у Ивана Өедоровыча на курорти стало прызвысько «Ефендрикъ».

Безцеремоннисть селянъ зъ Иваномъ Өедоровичемъ стала ще бильша, колы воны довидалысь, що Ефендрикъ зъ простыхъ селянъ зъ Подилля. Змалку винъ ставъ на службу при паньському двори, тай такъ и лышывся до вику лакеемъ.

Дмытро, що за молоду бувавъ въ рижныхъ мисцяхъ, знавъ и ёго село.

Але колы Ефендрикъ, розбалакавшысь зъ селянамы про знаёмыхъ панивъ, згадавъ про одного панка Лепешковського, у котрого вкрадено грошы,—Моргунъ здригнувся и пидвивъ голову.

Омелько тымъ часомъ зацикавывся тымъ панкомъ и просывъ Ефендрика розсказаты, якымъ чыномъ сталася та крадижка. Ефендрикъ залюбкы розсказавъ.

Зъ того оповидання Ефендрика селяне довидалысь, що не всимъ панамъ добре жыветься на Подилли; що тамъ йе паны, котри жывуть не краще заможнёго селяныпа. Такый власне бувъ той панъ Лепешковськый. Мавъ винъ щось биля трыдцяты десятынъ земли, скилька штукъ товару, а жывъ у простій хати, якъ казавъ Ефендрикъ, «не весьма хорошо-съ»... Разъ до того панка ставъ на службу якыйсь пройдысвитъ; винъ не прослужывъ и мисяця, якъ панъ ёго выгнавъ и грошей не заплатывъ. А той, забираючысь зъ двору, вкравъ у пана образъ Почаивськои Богородыци въ гарній срибній оправи. Панъ трохы не збожеволивъ, колы увійшовъ у хату и побачывъ, що нема образа. Казалы люде,

що въ тимъ образи булы захований гроши, щось биля тысячы карбованцивъ.

— Гультяямъ часомъ счастыть, лыхо-ма...—промовывъ Гаврыло, що блукавъ очыма на вси стороны нидъ-часъ оповидання.

— Ни... крадене добро—то не на добро,—поправывъ ёго Омелько.

Але нихто такъ уважно не слухавъ того оповидання, якъ Моргунъ. Пры першыхъ словахъ про Лепешковського, винъ заразъ повернувся спыною до всихъ, заплющывъ очи, вдаючы нибы спыть. Але винъ не пропустывъ ни однисенького слова. Нихто не бачывъ, якъ зблидло ёго облыччя, якъ здригалысь нервово ёго уста. Збентеженый, зворушеный, винъ разъ-у-разъ розплющувавъ свои моргаючи очи, зрывавъ лысточкы и нервово грызъ ихъ, ажъ зубы скрыпилы...

— И скажите пожалуйста, какое, можно сказать, удовольствіе быть такимъ-съ помѣщикомъ? Никакого тебѣ плезира-съ... въ родѣ, какъ бы сказать, настоящій мужикъ,—скинчывъ розмову Ефендрикъ и пишовъ.

— А самъ хто?—сказавъ ёму наздогинъ Омелько. Пидтырае пана десь... той думае, що и винъ тежъ нибы панъ. Чыстисенько це якась мавпа, що на ярмарци часамы показують.

Селяне багато сміялысь зъ Ефендрика, до котрого чы мало прыкладокъ выгадувалы воны вси.

Лышъ для одного Дмытра той Ефендрикъ бувъ цикавійшый, нижъ для иншыхъ. Винъ не разъ спынявъ своихъ товарышивъ и казавъ, що грихъ сміятысь зъ хрещеного чоловика, хто-бъ винъ не бувъ. Писля розмовы про Лепешковського Моргунъ почавъ якось неспокійно поводытысь въ присутности Ефендрика. Кримъ того, винъ ни на одну хвылыну не покыдавъ своихъ товарышивъ у ту пору, колы звычайно на «кермашъ» (такъ называлы те мисце, де лежалы селяне; кермашъ—ярмарокъ) прыходывъ Иванъ Ѳедоровычъ. Винъ ставъ трохы спокійнишый лышъ тоди, колы одного разу нибы ненарокомъ дигнавъ Ефендрика на далекій стежци, завивъ зъ нымъ розмову про подольскыхъ панивъ.

— А той що вы казалы.. якъ ёго,—и Моргунъ заморгавъ сыльнише,—Лепешковській не найшовъ того робитныка? Га?

Его щось дуже дерло у горли, и винъ, шынивъ цей разъ якось незвычайно, зъ велыкымъ напруженнямъ.

— Можно сказать-съ, что совершенно пропали-съ деньги,— нехотячы видповивъ Ефендрикъ, закрываючысь рукою видъ того духу, що йшовъ зъ Дмытрового рота.—И скажите пожалуйста, какой дуракъ останется на мѣстѣ, если онъ деньги взялъ? Очень просто...

— Хто-жъ то такый? Вы ёго не... Вы не чулы, Иванъ Өедоровычъ, якъ казалы про ёго люде?—поволи, але зъ велыкымъ неспокоемъ спытавъ ще Моргунъ, и ёго уста щось зашопотилы тыхенько.

— Очень просто-съ. Не знаю. Я слышалъ только, что укралъ тысячу рублей. Аревуаръ... и пожалуйста до свиданія,—промовывъ повернувшысь Ефендрикъ, очевыдячкы хотившы видчепытысь видъ селянына зъ такымъ тяжкымъ та прыкрымъ запахомъ. —Можно сказать, что вамъ зубы нужно полоскать. Есть такой порошокъ,—пораявъ Ефендрикъ, видийшовшы трохы дали.

Але Дмытро не слухавъ вже ёго. Винъ глядивъ на небо, невпынно моргаючы и щось шепотивъ. Про що винъ шепотивъ?.. Може про те, що въ тимъ образи за дошкою не тысяча карбованцивъ була, а всёго лышъ симсотъ, що теперъ вже винъ по рижныхъ людяхъ роздавъ бильшъ двухсотъ карбованцивъ, що винъ що-року ходыть у Почаивъ... що винъ постыть що середы та пьятныци, навить ось того кумысу не пье..., що винъ не знавъ, що тамъ такъ багато грошей...

VI.

Бувъ парный день у кинци лыпця, пидъ Маковія. Видъ спекы не могла захыстыты навить тинь густого бору. Пекучи сояшни промини пробывалысь зверха, и у лиси було дуже ясно. Сонце розпекло сосну, сосна выпускала смолу, а повитря пашыло тымы пахощамы, що, якъ думають, дуже помогають на слаби груды.

Не було витру, и той смоловый духъ стоявъ нерухомо. Було дуже душно. У парку було тыхо, лишь травяни конықы-стрыбунци невгаваючы цвирчалы, та спивала всяка лисова птыця, а найбильше надсажувався смердячый удодъ. Крякало гайвороння на верхахъ хвой. Дитвора, що не знае втомы и не вважае ни на яку духоту, бигала шумною юрбою по стежкахъ. Де колы зъ верхивля сосенъ спадалы шышкы и кора,—мабуть тамъ на гори хазяйнувалы вывиркы.

А пидъ соснамы у нызу, мовъ паутыння, стелылысь по всихъ всюдахъ гамакы зъ хворымы, котри, лежачы, дывылысь у гору, наче сподиваючысь видъ того свитла, повитря та лису здоровья соби. Ляскалы затычкы кумысовыхъ пляшокъ, и кумысъ сыльнымъ токомъ бывъ зъ пляшокъ, бо у гарячый день винъ мусуе сыльнийше. Ци прыгоды зъ кумысомъ трохы веселылы курортну публику, знуджену бездиллямъ.

А зъ лугу, що почынався за Горынемъ, доносылось иржання лошатъ та кобылъ, котрыхъ держалы табунъ для кумысу. Лошата не розумилы, яке значиння мають ихъ маткы для людей и разъ-у-разъ тягнулысь ссаты; а ихъ, щобъ не ссалы, коротко прывьязувалы до шыи кобыламъ. Пастухы переганялы табунъ на нови мисця, верхамы займалы и завертали неслухняныхъ кобылъ, ляскаючы довгымы бычамы.

— Душно,—промовывъ Гаврыло, пидсидаючы до Омелька, що лежавъ у гамаци, розплющывшы очи и дывлячысь у гору.—Такъ парыть, що хочь штаны скынь..

— А я оце лежу соби, задерши голову, та й думаю: чы далеко до сонця, чы ни? Бо першъ, якъ не було на свити монополіи, то стари люде казалы: не буде до сонця двадцять верстовъ, бо якъ бы було бильшъ, то безпремино тамъ мусыла буты корчма. А тепереньки, якъ корчму прыставъ запечатавъ, то и чортъ ёго батька знае, скильки то воно буде. Мабуть теперъ бильше.

— Запевне,—згодывся Гаврыло.—Оттого-то теперечкы и лита таки холодни бувають. Инколы выпаде такый хорошый день, якъ сёгодня... а то все доцци та доцци.

— И що то таке сонце?—мовывъ дали, знечевья, Омелько. И видъ чого воно свитъ бере и такъ пече?

— Кажуть, що воно гаряче, якъ жаръ... и завжде горыть... а янголы головешкы мишають.

— Хто про те може знаты? Нихто того не бачывъ.—Вси замовклы на хвылыну. Дмытро, що прыслухався до розмовы, пидийшовъ теперъ до Омелька и, нагнувшись до ёго, прошепотивъ, порухуючы бровамы:

— «Якъ Богъ творывъ сонейко, то янголы спивалы «святъ»... и трыста святыхъ янголивъ катають ёго по неби видъ схода до захода. А по заходи други трыста янголивъ качають ёго на той свитъ. А якъ зійде до насъ, то зновъ наши трыста берутся за нёго».—И ще щось хотивъ розсказаты Дмытро про янголивъ, що качають сонце, але Омелько спытавъ:

— А хто-жъ ихъ личывъ? Га?

Облыччя Дмытра вмыть переминылось. Вигъ заморгавъ дужче, ротъ ёго непрыемно скрывывся и у горли почалысь спазмы.

— Шкода, що въ мене горло болыть и я не можу говорыты, а то я...—шопотивъ Дмытро энергычно, розмахуючы рукамы.

— Ни... то що правда, то правда,—промовывъ, дывлячысь у землю Гаврыло.—Запевне, що трыста ихъ качае. Я тежъ чувъ. Правда такы, що трыста...

— Про це въ кныжкахъ добре напысано,—трохы тыхше промовывъ Омелько.—Диткы наши вже такы дойдуть до розуму; тепереньки вже инший хлопець то такъ лопоче по кныжци, що чортъ ёго и розбере... а мы якъ булы дурни, такъ и помремо. Мій батько, хай царствуе, навить до школы мене виддавъ, та не знавъ, що треба кудысь покрипче быты... жалкувавъ, певне,—то дурнемъ и выйшовъ я...

Омелько спынывся; мовчавъ и Гаврыло. Але, наче вгадавшы думкы свого товарыша, Омелько, высякавшы носа и усившысь выгиднійше, почавъ:

— Насъ було въ батька трое... та Мыкыта вмеръ, а Иванъ зновъ на хазяйстви, на батькивщыни зостався, а я меньшый бувъ, пидъ мирку пидійшовъ, то мене въ москали взялы. Въ москаляхъ де-чому вчылы: и чытаты, и пысаты, и навить словесности. Эге! Це бачъ таке—кажы мени заразъ: хто такый царъ и що таке знамя? «Знамя есть священная хоругвь»...

Ось бачъ и доси у голови трымается, бо якъ стукне бувало ось сюды «дядька»,—Омелько показавъ на чоло,—то мусышъ намьятаты. «Священная хоругвь»...

— И довго ты служывъ пидъ миркою?

— Ни, всёго пивъ-року. Та «священная хоругвь»... Вже я тоди и азбуку прыгадавъ, що колысь-то у школи вывчьывся. Воно-бъ то и не-що въ москаляхъ, колы дуже робитно. Тильки що, дай Боже, розсвине, вже дижурный крычыть тоби на всю казарму: «вставай, кипятокъ готовый!» То нехай хто попробуе не встаты. О-го-го!.. (Омелько докинчивъ свою думку выразно помахавшы кулакомъ). Отъ схопышся зъ пары, мовъ скаженый, вмыешся... заразъ барабанъ бье на молытву, потимъ—чай пый... а писля—казарму прыбырай и пидлогу тры, щобъ чыста була. Тильки що потеръ—барабанъ: иды маршыруй, покы ажъ тоби нога полинцемъ стане, та ще до того и писню ёму спивай; а потимъ—словесность. Цилу годыну треба, бувало, репетуваты: «здравія желаю ваше высокоблагородіе», щобъ гуртомъ до складу выйшло.. якъ генералъ, то «ваше превосходытельство!» А тамъ дрова рубай, та носы на кухню. Не пойивъ ще добре за обидомъ, барабанъ зновъ бье, зновъ маршыровка. А до чого вона здалася? Отъ таке лыхо! Тай радый же я бувъ, що заслабъ... «Воспаленіе въ легкыхъ» зробылося... Лежавъ де-якый часъ у лазарети, а нарешти и до-дому пустылы. Така була моя и служба...

— Ну, а дали що?

— Дали? Якъ поправывся, то пишовъ на Волынь наймытуваты и на жнывахъ литомъ бувавъ. Де мене тильки не бувало? Не дарма до лыхои хворобы дожывся...

Скильки хвылынъ винъ помовчавъ. Омелько не дывывся вже на небо. Винъ спустывъ ногы зъ гамака и потупывъ очи у

землю. Облыччя ёго дуже зморщылося и иначе потемнило. Спогады мовъ бы старилы ёго.

— Зовсимъ гнылый чоловикъ ставъ: якъ то кажуть: де дощъ иде, тамъ и гные. А де мене тильки не мочыло?

— На Волыни досыть заробывъ?

— Якого тамъ смутка заробышъ? Не разъ я соби думаю, що у кого багато грошей, той самый скупый чоловикъ, окримъ хиба жыда, котрый все одно скупый, чы мае, чы немае грошей. Тожъ то таки паны на Волыни... маёнтокъ въ ёго на цилый повитъ, а пиды попросы въ ёго хочъ копийчыну лышню! Та не то що лышню, а навить не додасть тоби того, що слидуе. Далеби! Въ N—ой экономіи мене ошукалы на карбованця и трыдцять грошей. Правда, що траплялося де-колы и добре заробляты, нема що. Памьятаю—бувъ я на жнывахъ у одного пана, та не выйшло щось у насъ до згоды. Пишовъ я видъ нього. Було насъ чоловикъ двадцять, не збрехавшы, що ніякъ не можемо найты соби роботы, бо такы и погода щось мерзенна була. Идемо мы черезъ маёнтокъ графа X. А выкынувся тоди на наше счастя гарный, теплый день. Сонце такъ и пануе. Бачымо, ажъ бижыть до насъ графскій экономъ.—«Гей, крычыть, хлопци, чы не найметеся овесъ косыты».—«А що, якъ дасте, кажу, за покисъ по дви сорокивкы, то будемо косыты»,—сказавъ я такъ соби, мовъ, що то зъ того выйде.—«Чы вы, каже, подурилы? За пивъ дня я плачу два злоты, а вы за одынъ покисъ хочете дви сорокивкы!»—«Якъ соби хочете, пане экономе,—кажу ёму,—колы не дасте, то нехай вашъ овесъ высыпается, а мы пійдемо до пана К. (недалеко туть жывъ), въ ёго тежъ певне робитныкивъ нема»...—«А нехлайдакы! каже, а самъ чухае и бороду и потылыцю,—косить! нема що». И невелычки навить покосы булы. По сорокивци кожный. Скильконадцять днивъ мы въ ёго булы, то де-що такы заробылы. То знову же, сказавшы правду, якъ перекынутся де-яки грошенята, то такъ тебе, лыхо-ма, засвербыть... такъ занудыть... мусышъ до Мошка на цвиркунця якого піймы. А звычайне: почнешъ цвиркунцемъ, а кинчышъ свыстунцемъ. Посвысты потимъ!... Але шкода мени такы Мошка!—зовсимъ несподивано сказавъ

Омелько и похытавъ, зитхнувшы, головою. Не винъ мене згубывъ, а я ёго выкурывъ.

— Якъ то?

— А такъ. Знайшовъ я якось на лузи уженять, забравъ ихъ соби за пазуху,—воны не кусаются,—прыйшовъ до Мошка та й кажу: твоя Ривка просыла, щобъ я диткамъ котеня прынись, то вытягны въ мене зъ пазухы, тамъ котенятко маленьке сыдыть. Засадывъ жыдъ руку, та якъ скынется, якъ заренетуе, вылупывшы банькы; а уженята такъ и вьются по руци. Покы збиглыся жыдкы раду даты, мои ужы—тыркъ! тыркъ! тай пидъ пидлогу... тильки ихъ и бачылы. И що-жъ ты думаешъ? зъ тои поры у Мошка стало все меньше людей въ корчми и меньше... а на решти и зовсимъ перебрався жыдъ на друге мисце. Буде такы винъ мене памьятаты, кобъ винъ згоривъ! Ну, то вернувшыся... якось я тутъ вже оженывся та й ставъ хазяйнуваты.

— Довго на хазяйстви булы?

— Колы-бъ то на свому хазяйнуваты, то воно не що... а прыймакуваты—тяжко. Якъ родылася въ мене дытына, а потимъ друга, а земли чортъ-ма, тесть не хоче дилытыся, та й въ ёго ще своихъ дитокъ досыть. Плюнувъ я та й пишовъ на плысъ... геть ажъ на Прыпить, на Пинскъ, та на Гомель. Всю зиму бувало повертаемося въ лиси, а на весни гонымо дерево—хто по Днипру, а хто на Ниманъ, хто на Вислу, та на Бугъ. Це саме добре жыття було, бо хочъ николы и выпьешъ чарку, але якъ згадаешъ про дитокъ та жинку, то надъ другою задумаешся и почекаешъ. Де-якого карбованця диткамъ и жинци посылавъ.

— А яки тамъ люде?

— Тамъ ихъ называють билоруссы, а дали вже жмудь. Паршыви люде... дуже скупи и не люблять розмовляты та балакаты, якъ ось, напрыкладъ, оце мы. Зберутся де до купы билоруссы, то нема въ ныхъ, щобъ яки жарты або смихы, а стоять та мовчать мовъ злодіи якіи. Хиба выпьють трохы, то почнуть де про що балакаты. Не зле пьють, лыхо-ма... але не такъ, въ гурти, якъ у насъ, а кожный окремо пье. А писля якъ видъ того заслабне, то крычыть, що въ ёго жывитъ «болиць».—«Видъ чого

це *вамъ*, дядьку, зробылося?»—спыта хто-небудь.—«А кабъ ты на свою голову завывъ!»—видкаже... да такъ гыдко, брыдко. Дуже не люблять, якъ межъ собою хто-кому скаже—«вы». Хиба чоловикъ зовсимъ незнаёмый, то скаже часомъ—«вашесть». «Вашець куды пойдзѣцѣ?» «Вашець, барынько, може копѣйку дасцѣ?» Отъ таке! Брыдко говорять... и люде брыдки. Нема въ ныхъ того, щобъ помогты одынъ одному. Кожный свою сопдю жуе та ковтае, тай каже—«смачно»... а багати!... а багати!... Жыве, якъ то кажуть, въ свиныици, жуе ледве не каминци, а мошню повну потрясае, тай ще каже, що ничого не мае. Чысти злыдни!.. Я прыглядився такы добре до ихъ жыття. Я черезъ тыхъ билоруссивъ мусивъ на Бога працюваты.

— Якъ то на Бога працюваты?

— Въ тюрми сыдивъ де-якый часъ,—пояснывъ Омелько и прыкро плюнувъ, згадавшы цю подію.

— Бачъ, якъ бувъ на плыси, то зъ намы йихавъ въ скарбовци (така хата на плоти) самъ пидрядчыкъ и въ ёго бувъ комисаръ, що выдававъ намъ...

— Гей, пане Ефендрику!—гукнувъ вразъ Гаврыло, побачывшы лакея, що проходывъ биля ныхъ. А чому це вы не зайдете? не поплюсте навить у нашу сторону? Чы вы може тее зовсимъ вже на папа сталы?

Иванъ Өедоровычъ на хвылыну спынывся, задеръ голову до горы и зырнувъ соби поверхъ носа.

— Очень просто... променадъ!...—сказавъ винъ,—въ родѣ сказать какъ бы прогулка... для освѣженія.—Потимъ пидійшовъ до селянъ и подавъ имъ руку, выгынаючы іи зовсимъ по-лакейськы, такъ, неначе пидставлявъ долоню.

— Что себѣ подѣлываете? а?—спытавъ Ефендрикъ, торкаючи себе сзаду прутыкомъ по жыжци.—Жарко-съ! И скажите пожалуйста, какъ необыкновенно, можно сказать, печетъ-съ!... А вы въ настоящей еще свиткѣ,—показавъ винъ на Омелька, хытаючы головою.—И скажите, пожалуйста, вамъ теперь холодно?

— Мени въ цій свытчыни и литомъ и зимою тепло.

— Хи, хи, хи,—засміявся Ефендрикъ. До зимы еще далеко-съ... скажите, какія разсужденія?

— А въ тебе на-зиму йе що-небудь, чы нема?—спытавъ ёго Омелько, озыраючы одижъ лакея.

— Конечно-съ... но мы не нуждаемся. Я давно не чувствовалъ, что такое зима. Не весьма безпокоюсь...

— Якъ то?

— А такъ. Очень то есть просто-съ. Я зимою ѣзжу съ бариномъ на югъ Франціи—въ Ниццу, или въ Меранъ. И скажите пожалуйста, какая тамъ зима? Тамъ, можно сказать, очень хорошо всегда бываетъ—и никакой зимы нѣтъ...

— Не може того буты!—не йнялы виры селяне. Якъ то безъ зимы?

— А колы-жъ въ ныхъ Риздво?—прошепотивъ Дмытро, злизаючы зъ свого логовыська.

— Рождество-съ? Все равно какъ у насъ лѣтомъ... такъ тамъ на Рождество... и ска...

Гучный регитъ вразъ зъ кашлемъ заглушывъ слова Ефендрика.

— Оце зовсимъ якый-сь мешигене,--промовывъ хтось регочучы. Лакей повертався на вси бокы, хотивъ щось казаты, але ёму не далы...

— Какъ вамъ угодно-съ,—сказавъ винъ, колы регитъ трохы утыхъ,—а только это истино-съ... Тамъ и километры-съ есть... и... даже дрова тамъ продаютъ на километры... потому что тамъ больше въ употребленіи уголь... И скажите пожалуйста, зачѣмъ тамъ шубы? Можно сказать, ихъ вовсе нѣтъ..

— Та мы вже бачымо, що нема! Може тамъ люде и безъ штанивъ ходять?

— Фи-донкъ,—зморщывся Ефендрикъ, закыдаючы голову назадъ, ажъ картузъ зсунувся ёму на шыю.

— Це що значыть?

— Одна то есть презрительность, и больше ничего.

— А у барына йе шуба?

— Есть... богатый человѣкъ-съ! Милліонеръ-съ! силь-вупле... по нашему: если хотите... очень просто-съ!

— А по нашому...,—и Омелько промовывъ таке слово, видъ якого увесь «кермашъ» знову зареготавъ. Найбильше сміявся Гаврыло.

— На що твій барынъ заслабъ?—спытавъ Омелько, котрый почынавъ цикавытысь Ефендрикомъ.

— Тимпературой-съ?..

— Це- що таке?

— Очень просто-съ... бациллы есть такія...

— А на що винъ якусь трубочку въ роти трымае?—пытавъ дали Омелько, котрый колысь бачывъ, якъ милліонеръ державъ у роти термометръ.

— Градусы...

— Шо воно таке?

— Для нормальности... Только посмотрѣть и сейчасъ видно: повышенная температура или нѣтъ... Очень, то есть, просто...

— А що въ тебе въ кешени?

— Газета-съ, «Биржевыя Вѣдомости». Можно сказать—политика-съ!

— Отъ же й мова въ тебе! Де це ты такъ премудро навчывся говорыты?

— Очень просто... Можно сказать единственно отъ собственнаго ума.

— Воно, бачъ, и выдно, що ты велыкый розумака. А по чому ты матерію на штанци купувавъ?

Ефендрика закыдалы пытаннямы, и на кожне, винъ видповидавъ дуже поважно, не вважаючы на прыкладкы и кепкування. Винъ покладавъ себе безмирно розумнійшимъ видъ селянъ, и жарты ихъ булы ёму байдуже.

— Ну, тай що жъ дали?—спытавъ Гаврыло, сидаючы якъ ранійше, колы пійшовъ Ефендрикъ и на кермани зновъ стало тыхо. Омелько сивъ зновъ на свое мисце.

— .. Комысаръ, що выдававъ намъ хлибъ, муку, крупу, огиркы,—почавъ винъ такъ, неначе Ефендрика зовсимъ не було, и облычча ёго зновъ зморщылось и зистарилося.—Покы не бувъ пистъ, то ничого—винъ насъ, бестія, годувавъ, а якъ настала Петривка, такъ хочь ты языка повынпай та самъ свои зубы зйижъ. Вже про горилку нема що й казаты: це самъ соби купуй. Хочь бы мы бачылы якого огирка, або редьку. Тильки мы знаемо,

що якыйсь крупнычокъ та кашу. Щобъ вона була добре пасмачана, ну то ще... а то тильки слава, що олія... може биля оліи вона и стояла. Тьху! Ахъ, трясця жъ твоеи та не ридній! думаю соби,—винъ насъ голодомъ заморыть... а на витри йисты хочется, плывешъ соби цилый день та слыну ковтаешъ. Кажуть мени плысакы: зачепы комысара, скажы, щобъ оліи бильшъ дававъ и огиркы зъ редькою щобъ булы, а мы вси гуртомъ будемо за тебе. Я и послухався. Отъ добре. Прыстали мы до якогось миста, я й кажу:—«Пане комисаре, закупайте бильшъ оліи, огирківъ, та редькы...» А винъ:—«ты мени що туть за указъ»? А я: «чы указъ, чы не указъ, а такъ громада хоче».. А винъ: «ты свого носа гляды». Та заразъ до пидрядчыка: такъ и такъ, каже, Омелько Пацюкъ бунтуе. Ось ажъ прыходыть самъ панъ пидрядчыкъ... пузатый такый, ныкатый жыдюга... и завжде въ ёго слына зъ рота йшла. Каже: «що ты тута за бунтарь такый»? А я: «уся громада сёго хоче... На це, кажу, контрактъ»! А винъ: «не твое це дило, въ контракти цёго нема»! А я: «брешешъ, кажу, паршывый жыду». А винъ зновъ: «я тебе выжену геть и грошей не заплачу»... Бачу я, що нибы кепсько, и схаменувся на де-яку хвылыну, бо дуже грошы потрибни булы. А громада стоить и хочъ ты що: мовчыть. Тильки одынъ щось сказавъ за мене, тай не дуже голосно. Отъ тоби и зачепывъ! Тымъ часомъ почавъ пидрядчыкъ мене лаяты:—Ахъ ты, каже, собака»! Я мовчу.—Ахъ, ты паршывець! Я...

— Але якъ же то жыдъ смивъ таке казаты?—перебывъ Омелька Гаврыло, котрому здалася незвычайною смилывисть жыда...—Я ще такыхъ жыдивъ не бачывъ...

— Бо ты не жывъ въ Лытви... Тамъ люде паршыви, а жыды—мое почтеніе. То тильки въ насъ жыды, здается, таки несчасни, а тамъ воны паны-панамы. Слухайте-но дали. Я мовчу. «Ахъ ты, каже, такый сякый!»... Я мовчу. Всякымы словамы винъ мене тоди частувавъ,—я все мовчавъ, бо бачу, що громада тежъ мовчыть. Але якъ сказавъ винъ: «ахъ ты—мозырськый акцызныкъ»! Ну, туть вже я не вытрымавъ. Та зибравшы жменю, по-

плювавъ, та якъ тарахнувъ ёму зъ одного боку въ морду... а потимъ, одвернувшы та зъ другого...

— Вартъ!—вдоволеный промовывъ Гаврыло.

— Такъ винъ покотывся, мовъ корова, що телытысь збирается... Жыдъ заразъ наробывъ репету, крычыть: «ой вей, бунтъ! каравулъ»! Заразъ туть збиглыся люде, вратныкъ. А мои хлопци стоять и хочъ бы одынъ що сказавъ, нибы имъ вовкъ мову заткнувъ. Де-котри повтикалы, сталы здалеку дывытыся, що буде... А я заразъ пишовъ на свій плить забиратьі свои маентки, бо бачу, що вже мени дальше не плысты. Та якъ йшовъ, та мижъ балкамы въ воду и провалывся, отъ по-доты,—винъ показавъ соби по груды,—а день тоди бувъ дуже холодный... Здается, не дуже боявся я и воды; правда, що купатысь мене не кортило. И ото зъ тои поры схопывъ я хворобу.

— Ну, а дали?

— Дали? звисно що. Прыйшовъ прыставъ, зробылы протоколъ, и сыдивъ я до осени тамъ, де муляри певне такы зробылы, якъ мурувалы стину... А вдома не зналы, куды я подився, думалы, що може втопывся, або що... Всихъ, що йшлы черезъ село, пыталы про Омелька Пацюка. И скажы ты мени: що тутъ такого, якъ зайихаты жыдови въ пыку хочъ бы и два разы? а мусышъ за те просыдиты въ тюрми тры мисяци.

— Ну, за нашого жыдка меньше, нашъ того не вартъ,—завважывъ Гаврыло.—То може тамъ, въ Лытви...

— Я тежъ думаю... бо якъ за кожного жыда сыдиты въ холодній, то яка-жъ то повынна буты холодна? А до жинкы лыста не пысавъ, бо соромъ: черезъ парха-жыда у холодній сыдышъ. Думаю соби: якъ выпустять, то пиду служыты... Нехай жинка думае, що я служывъ. Отсыдивъ я свое, и выпустылы мене на уси чотыры бокы. Службы якось не трапляЛося, то пишовъ я до-дому: на Высоцкъ, Домбровыцю, Бережныцю... Иду до Космачова лисомъ тай гукаю. Геть по всёму лиси моя гуканка луна, дарма, що и тоди вже кашлявъ. Ажъ йиде пипъ парою коней.

— «Тпру, стій»...—каже фурманови. Той стрымавъ коней.

— «А чого це ты такъ розгукався?» —пытается мене.— «А чому-жъ мени и не гукаты? Хиба я злодій, або жыдъ, або цыганъ»? Роспытавъ винъ мене, звидкиля я иду и куды. Все сказавъ, одно тильки едыне не сказавъ, що сыдивъ за жыда у тюрьми.—«Хочешъ, каже до мене... коривъ доглядаты»?

— «Чому?»—кажу.—«То сидай»... Отъ почавъ я въ ёго и пасты и коривъ доглядаты. Два рубли на мисяць и харчи... А бувъ у батюшкы пысьменный сынъ, въ Кремянци у семынарыи вчывся, то винъ лыстъ мени до-дому напысавъ. То жинка вже знала, де я... Грошей пославъ де-якый карбованець и пысавъ, що якъ мынется рикъ, то до-дому прыйиду, бо пипъ згодывъ мене на рикъ. Але не дожывъ я не то що до року, а навить и до весны не пробувъ. Черезъ попадю мусывъ выйты.

— А що?

— А те, що дуже якась заздрисна попадя була у того попа. Не дай Боже! Що ій хто не дае, все ій не таке: и масло не свиже, и кнышъ черствый, и троячка зъ диркою. И николы ій не догодышъ: и те не такъ и це не такъ, и за маслосвятіе мало дають...—«Слухайте-но, кажу бувало я ій,—тожъ вы здается не пипъ, це не ваше дило». А вона: «то все одно—винъ священныкъ, а я священныця». Що ты будешъ зъ нею робыты? Усюды свого носа дотыкае. Скильки мы зъ нею по хазяйству сперечалыся, не дай Боже! Вона крычыть, и я спуску не даю.— «Що то въ тебе, каже, вси лопаты порепалыся и зъ диркамы?

— «А я ій: а ваша лопата давно порепалася, а однаково ще служыть».

Гаврыло засміявся, а Дмытро докирлыво похытавъ головою.

— О, въ мене языкъ добре такы прычепленый; колы треба, не зачепытся! Бо зъ нею, зъ тою попадею, инакше не можно було. Якъ добре ій одкажешъ, тоди тильки и видчепытся на деякый часъ.. Отъ, одного разу прыносять кумы до хреста. Прынисъ кумъ пивня, правда, що не дуже гладкого, але дежъ ёго гладкого взяты, якъ нема? Якъ угледила попадя:— «А що це за пивень! Це здыхота якась»! Та взявшы того пивня, окунула въ помыйныцю и давай кропыты кумивъ. Тутечкы вже я не вытры-

мавъ.—«А це, кажу, що за хрещеніе таке? Попадя повынна браты, що дають»... Кумы побачылы, що я не дуже панькаюсь зъ попадею, тежъ до мене прысталы. Выйшовъ и пипъ... Ось ажъ теперъ сталы мы сперечатыся, якъ треба. А черезъ два дни я пишовъ видъ ныхъ. Це було якось пися Риздва. Прыхожу додому. А булы морозы на двори. Дорогою десь зновъ застудывся. Добрый вже такы тоди кашель взявъ, и въ грудяхъ—то тамъ, то тутъ болило. Всю весну, якъ бачышъ, лежавъ,—така хвористь взяла. На сылу выдужавъ... То що ты думаешъ? Выдужавшы, зновъ кортыть мене кудысь иты та шукаты хлиба на сторони. Певне, на тому мисци, де я родывся, цыганята кашу йилы,—не инакше. Пишовъ я до князя на папирню. Зарибокъ тамъ не що. Добре було-бъ, кобъ на цыркулярни валомъ мене не поломало. Якъ поломало, то вже я подумавъ: досыть бурлакуваты—сыды дома. Тоди тесть выдилывъ мени за дочкою шматочокъ земли. Диткы пидрослы, и почавъ я хазяйнуваты на своему грунти.

Омелько замовкъ и задумався. Гаврыло стыха прыспивувавъ якусь сумну писню. Витрець зоворушывъ верхы сосенъ... И по всёму лиси зашумило.

— А тоби за пивня грихъ,—прошепотивъ Дмытро, наблызывшысь своею тыхою ходою, ажъ Омелько и Гаврыло здрыгнулысь.—Яке тоби дило судыты попа?

— Тожъ я не попа, а попадю...—хотивъ выправдытысь Омелько, але не сказавъ ничого.

— Ему же власть—власть... ему же честь—честь, а ему же...—шопотивъ соби Дмытро, видходячы.

— А якъ же тебе за соцького выбралы?—запытавъ ще Гаврыло, зацикавывшысь оповиданнемъ, а це бувало зъ нымъ не часто. Винъ не звыкъ слухаты довгои мовы.

— А такъ и выбралы... Сказалы, щобъ я за свое бурлацтво громади послужывъ. Мушу... що зробышъ? Сказалы на сходи такъ: колы земля баби прыйшлася (нибы-то моій жинци), то нехай чоловикъ хочъ за соцького побуде.

— Тутъ Омелько закашлявся, и харкнувъ разивъ скильки кровью, червонымы жылкамы.

— Ты довго говорывъ, а дохторъ казавъ, щобъ не довго,— промовывъ Гаврыло зъ спивчуттямъ дывлячысь на Пацюка и заразъ почавъ шопотиты—кровъ замовляты.

— Пусте,—махнувъ рукою Омелько, другою рукою вытыраючы вусы и бороду и стараючысь виддохнуты повнымы грудямы.

— ... На Божому мисци, пры чыстій крыныци...—швыдко шопотивъ Гаврыло, у третте промовляючы.—Иды-но ты до дохтора,—порадывъ винъ Омельку.

— Эть... твій дохторъ тямыть те, що чоловикъ покы въ сухотци дыше, то ще жыве, а якъ вмре, то перестане дыхаты. Що винъ зробыть, якъ Богъ здоровья не дае? Литъ трыдцять тому назадъ въ нашому мисци не було а ни однисенького дохтора, а бувъ тилькы Юдко, мизерный такый жыдочокъ... То винъ, кому тра було, пьявкы ставывъ и банкы, и такъ кровъ пускавъ... а кого стрыгъ и бороду голывъ. И обходылыся люде безъ дохтора, та ще и здоровійши булы...

— Що правда—то правда,—згодывся Гаврыло и до речы розсказавъ прыгадку зъ своимъ кумомъ, якому дохторы сказалы, «що винъ безпреминно черезъ тры-чотыры дни вмре въ больныци... То винъ такъ злякався смерти, що взявъ, забравъ свои манаткы и навтикача зъ тіеи больныци... и ще доси жыве. А якъ бы зостався, то хто знае»...

— А я знаю одного дохтора, що завжде спизнявся. Прыйде тоди, якъ хворый вже ногы задере. Прыйде та, лыхома, ще пытае: «чы гыкавъ винъ передъ смертью, чы ни»? То якъ скажуть—гыкавъ», то похвалыть, скаже: «добре—такъ и повынно буты»...

Оповидання про дохторивъ булы безконечни. Кожный мигъ розсказаты чы-мало прыгодъ. Здебильшого ти оповидання перепыняла музыка, котра прыходыла у пьятій годыни. Тоди селяне вылазылы зъ гамакивъ и шлы до самои эстрады, де сыдилы музыкы. «Кермашъ» зъ тои поры пустувавъ.

VII.

Зпершу селяне почувалы себе ніяково у своему новому становыщи. Воны мымохить згадувалы, що дома у ныхъ саме робоча пора—жныва, а воны лежать соби въ гамакахъ мовъ панське стегно... и имъ було соромъ за те, що воны сыдять тутъ на курорти, куды йиздять, якъ видомо, лышъ паны.

Першый тыждень Омелько не вгаваючы розмовлявъ зъ своимы новымы знаёмымы, але потимъ ёму швыдко докучыла тая повсякчасна гулянка, наче у свята. Прывыкъ винъ до щоденнои праци и не мигъ теперъ знайты соби спокою.

Колы повзъ «кермаша» курортни сторожи прочыщалы дорижку, Омелько якый часъ дывывся на ихъ роботу, а потимъ взявъ лопату и самъ ставъ зъ ными до роботы. Але поробывшы годыну, винъ почувъ биль у грудяхъ и покынувъ лопату.

— Я тоби що казавъ?—напався на ёго дохторъ, довидавшысь выпадкомъ про роботу свого неслухняного пацієнта.

— Та невже-жъ це робота? Ге, ге... чы то такъ працювавъ колысь Омелько Пацюкъ!

Другымъ разомъ Омелько зъ Гаврыломъ не моглы байдуже дывытыся, якъ здіймалы зъ воза поклажу, що прывезлы зъ вокзалу на курортъ.

— Не такъ, не за той кинець—берешъ! И Омелько скочывъ помогаты... Ему завдалы чы малый кишъ, и винъ поперъ ёго у павильонъ.

Дохторъ, до котрого мусывъ ходыты видъ часу до часу Омелько, зновъ довидався, що винъ берется до роботы, почавъ крычаты и грыматы на Омелька и похвалывся навить выгнаты ёго зъ курорта. Омелько задумався надъ своимъ становыщемъ. Не те ёго клопотало, що у грудяхъ болыть: до цего винъ звыкъ зъ давныхъ давенъ,—ёму здавалося дывнымъ, що така дрибныця, якъ той кишъ, що винъ перенисъ зъ воза, може ёму зашкодыты.

— Дило кепське... Вже коды и такои роботы не можно робыты, то решта... Прышла певне пора помыраты.

Зпочатку лыцця на курорти зъявылась людына, зовсимъ не така, яки йиздять на кумысъ. Ызенькый, грубенькый, зовсимъ

выголеный панокъ, зъ велыкымы очима, горбатымъ носомъ, у сыній пиджачыни, що щильно облягала ёго станъ, та въ узенькыхъ штанцяхъ, та въ чоботяхъ зъ блыскучымы халявкамы,— бигавъ по паркови, спынявся на галявкахъ, мирявъ ихъ ступнямы и щось соби миркувавъ. У рукахъ у ёго бувъ прутыкъ, а на голови сывый велыкый брыль, що зовсимъ не пидходыло до ёго вдачы та зросту. У брыль винъ уткнувъ два павьячыхъ пера. Винъ бигавъ швыдко, а балакавъ мишаною мовою—знаты було, що це бувъ чужынецъ. Де збиралася було громадка народу, винъ пидходывъ туды и говорывъ:

— О, у мине есть хорошій собака, отличный козолъ и отличная наѣздница, миссъ Эмилія, и отличный жеробка...

И публика знала, що на курорти буде комедія. Але колы той венгеръ звернувся зъ такою промовою до «кермаша», то Омелько довго реготавъ, дывлячысь на ёго, и спытавъ, показуючы соби пальцемъ на лобъ:

— А чы тутечкы въ тебе що-небудь йе? Га?

— За то у мине туть есть,—видповивъ венгеръ, показуючы на кешеню, котра була у ёго ззаду.

— О, я бачу, що тамъ въ тебе бильшъ розуму, якъ въ голови,—видказавъ зновъ Омелько.

Колы на другый день у паркъ зайихала велыка хура, наладована всякымъ добромъ, зъ посередъ якого выглядала морда цапа, барана, та маленького цикавенького песыка, котрого держала на рукахъ «миссъ Эмилія», пидстаркувата нимкеня, у короткій спидныци, звисывшы свои груби ногы зъ полудрабкивъ,— Омелько зъ Гаврыломъ не выдержалы зъ цикавости и, «загубывшы по двадцятци», пишлы за тою хурою на комедію. Дывувалысь селяне, якъ той песыкъ перевертався, стрыбавъ цапъ, маршыровавъ пидъ музыку кинь. А Гаврыло разъ-у-разъ пытавъ у свого сусиды—«навищо це? Ну тай що жъ зъ того, що винъ перевернувся? Ну»?

А Омелькови стало якось прыкро за себе. Облыччя ёго увесь той часъ якось кысло усмихалося, и винъ разъ-у-разъ оглядався на публику, бо боявся, чы нема кого зъ ёго села. Винъ

не знавъ-бы куды подиты очи, колы-бъ якый ёго землякъ—ну, хочь бы кумъ Сыдиръ, зъ котрымъ винъ звыкъ поважно балакаты—заставъ-бы ёго тутъ, на такій никчемній комедіи-дурпыци. Почувавъ винъ себе такъ, неначе робывъ-бы щось негарне.

— Певне, що мій батько, и дидъ, и прадидъ не тратылы двадцяткы, щобъ забачыты, якъ собака перекыдается... Винъ бачывъ середъ глядачивъ багато курортнои публикы, а найбильше панськои челяди, що весело дывылась на тую комедію, и це трошкы розважало ёго. А побачывшы Ефендрика, котрый сыдивъ на паркани, пидигнувшы свои рябеньки нижкы, и обганявъ комары своимъ прутыкомъ, навить зрадивъ Омелько.

— Далеби, це самый найлипшій фокусъ,—промовывъ винъ, показуючы на Ефендрика, котрый завзято плескавъ въ долони. —Винъ показуе рижни выкрутасы не згиршъ цапа.

Вертаючысь зъ комедіи, Омелько чухавъ потылыцю и зъ серцемъ сплёвувавъ.

— Такъ ось чымъ паны забавляются! А трясця жъ вашій та не ридній! Не мають чого робыты! Кому кинь здався для хазяйства, а ёму для забавкы, щобъ черево та... показувавъ... А панъ дывытся соби, то ще и грошп за те платыть! Ото!

Ще бильше здывувавъ Омелька панськый смакъ, колы на другу недилю довелось ёму чуты, стоячы биля дверей курзала, оперу, котру спивалы якись зайиздни артисты.

— Ото серденьки мои,—розсказувавъ потимъ Омелько на «кермаши» про свои вражиння,—крычалы воны! Нехай Богъ боронить! Першъ вона выйшла... та стала... ось такъ.—Омелько повернувся на вси бокы,—ось такъ, якъ ця сосна (и винъ показавъ на блыжчу сосну), и почала репетуваты. А потимъ прыйшовъ винъ, ставъ якъ ось... сосна (и показавъ на другу сосну) и почалы вже обое тужыты задершы головы... Винъ то зовсимъ якъ пивень спивавъ, голосно такъ... Думаю, що якъ бы такъ заспиваты въ Космачеви, то мусыть буты чутно ажъ до Збужа... А вона все квокче щось, та все ко-ко-ко... та до ёго горнытся, лыхома! И сорому ій нема... Ну, то потимъ поставылы лижко (перемина декораціи) и дзыглыкъ, ось такъ, якъ цей дубокъ била

сосны... То багато ихъ тоди выйшло, поставалы, ось якъ ціи корчи (и винъ показавъ на блыжчи кущи)... Та все рукы нидіймають и на дыбкы стають и пибы лаются. А одна-одинсенька небога сыдыть соби биля музыкы, ось якъ цей пенёкъ, та все: трень-брень. трень-брень .. А потимъ ти, що мовчалы,—ось якъ мы сыдымо,—почалы рукамы плескаты... Такого ляску наробылы, що хочъ зъ цилого Космачова выведы усихъ бабивъ зъ прачамы на ричку, то такого не зроблять. О, куды!.. Отъ потимъ взялы тай поховалыся соби за стинку. Але не надовго, бо передягнувшысь. зновъ выйшлы и сталы репетуваты. А до чого то воно? Хто его разбере. И грошенятъ, кажуть, имъ чы мало платять за це, бо даремно, запевне, нихто такъ не стане голосыты... Ще бильше кепкуючы, дывывся Омелько на гымнастыку, кегельбанъ, крокетъ и взагали на все, що на думку здавалося дурныцею, «панськымы фиглямы». Вже меньшъ дывувавъ его лаунтенисъ, де перекыдалысь опукою черезъ барканъ, але не подобалысь ему ти одежи: англійськи сорочкы та шыроки поясы. Кегли тежъ на короткый часъ зацикавылы Омелька. Ему самому навить захотилось «жбурнуты» кулю такъ, «щобъ все перекынулося». Але крокетъ вже ему здавався зовсимъ чудернацькымъ. Винъ не мигъ спокійно дывытыся на тихъ що гралы, особлыво колы це булы поважни, груби паны.

— Оце товкачыкамы штовхаются, зовсимъ якъ ти маленьки диткы! Якъ бы тому товстому та датыципа, або косу, щобъ добре намахався, то певне, що за товкачыка не взявся бъ... та не взявся...

И махнувшы рукою, винъ ишовъ дывытыся, якъ сыва кобыла круцяломъ воду набирае зъ Горыня. Це его цикавыло бильше. Сившы пидъ дубомъ биля круглого дашка, пидъ котрымъ коняка, вытягнувшы шыю и выгнувшы хребетъ, повертала валъ, Омелько уважно прыдывлявся до цеи роботы. Хочъ у цій роботи все було одностайне, одноманитне, проте Омелько умивъ уважно прымитыты вси дрибныци іи.

— Эй, слухай!--звертався винъ до поводаря,--онъ шлея зъихала набикъ, поправъ... Повидъ дуже задовго прывьязавъ, неможно

такъ .. Щось дуже коротко прывьязани посторонкы... Пидсыпъ-но тутъ писку, щобъ легче було кобыли ходыты, а то дуже сухый грунтъ.

Обжывшысь на курорти, Омелько зовсимъ незалежно держався своихъ звычаивъ, хочъ воны не зовсимъ пидходылы до курортного жыття. Звычаемъ батька, дида и прадида Пацюкъ, напрыкладъ, ни якъ не мигъ прывчыты себе корыстуватысь тымы «мисцямы», безъ якыхъ трудно обійтысь панамъ.

— Тутъ не можно!.. Тамъ отдѣленіе есть!—крычавъ на ёго сторожъ.

— Якъ тоби не можна, то тебе нихто, здается, не сылуе. Мени добре и безъ «отдѣленія».

— Забирайтесь звидсиль!—гнавъ Омелька сторожъ.

— Або що? Тебе завыдкы беруть? Може ты збираешъ та продаешъ?—дывувався Омелько.—А почому берешъ за чвертку? и т. и.

Свои думкы винъ высловлявъ зовсимъ вильно, не вважаючы на те, колы и зъ кымъ винъ говорывъ.

Пры щоденній и тяжкій праци зпоконъ вику, розумъ и думкы Омелька непаче булы скованн, прыгноблени клопотамы. Тутъ на курорти ёго жыття стало зовсимъ инше: не було ніякои роботы, багато зайвого часу, велыка сыла новыхъ вражинь. И допытлывый, дотепный розумъ Омелька неначе прокынувся тутъ, розвернувся вильно и широко, якъ бувае тая рична, що выбьется зъ-пидъ каминя та грузу на шырокую долыну. Завважывшы, що де-хто зъ панивъ, бувало, зачыпалы ёго розмовою, колы винъ ходывъ по кумысъ, Омелько смилывійше почавъ звертатысь до ныхъ зъ рижнымы пытаннямы. Курортни паны, що булы вже вси знаёми промижъ себе и вже одынъ одному надокучылы, зъ нудьгы та нечевья шукалы розмовы зъ селяныномъ, котрый чымъ дальше здавався имъ розумнійшый и цикавійшій.

— Омельку! Дывысь, яка гарна пани иде...—показувалы ёму на яку-небудь поважну, чепурну та франтовыту паню, сподиваючысь почуты яку прыкладку видъ нёго.

— А що вы думаете? Прычепыты ій до хвоста полинце, хочъ таке невелычке,—винъ розводывъ рукы на аршынъ, та пустыты въ пекло, то вона-бъ всихъ чортивъ перелякала,—промовывъ Омелько, звертаючы увагу на довгый шлейфъ пани.

— Ну, а ця?—показувалы Омелькови на другу напудрену паню.

— Ця въ млыни мабуть була... ій всю морду, бачъ, борошномъ засыпало...

Пислля третёи пани винъ пытавъ, чого вона найилася, «що писля неи такъ дуже гарно пахне».

Про одну молоду паню, яку разъ-у-разъ шукавъ іи десятылитній хлопчыкъ, Омелько сказавъ, «що ій тра було-бъ прыпнуты сынка до ныи такъ саме, якъ прычеплюють лошать до кобылъ... щобъ вона чула, що и въ неи сынъ е...

По скильки разивъ прохалы Омелька розсказаты, якъ у ныхъ въ сели панъ пысаръ зъ суддямы судыть.

— До сто чортивъ розумный пысаръ, панъ Цыбульськый! Не дарма у насъ вси люде кажуть, що винъ у самого чорта за кума бувъ... Эге... Бо якъ треба судытыся кому, то винъ заразъ спытае, чы тебе по закону судыты, чы по совисти? То доведы Боже сказаты по закону, —кинця не буде суду: якъ достане одну кныжку, то чытае довго, а достане другу—то ще довше чытае, а потимъ треттю... и хутко-хутко такъ чытае, ничого нихто не розбере. То вже суддя скаже: а чы не краще-бъ судыты по совисти... Ну, то за совисть тра де-що даты панови пысареви.

Колы Омелька пыталы, чы полегшало ёму, винъ видповидавъ:

— А вже... хвалыты Бога... вже, не збрехавшы, на рублывъ двадцять и пьять полегшало. Добре такы чую, що полегшало...

VIII.

Одного разу прыйшовъ на «кермашъ» Омелько зъ Ефендрикомъ и засталы тамъ своихъ товарышивъ. Дмытро стоявъ передъ Гаврыломъ и, нагнувшысь надъ нымъ, щось ёму говорывъ; Гаврыло, сыдячы пидъ сосною, мастывъ кумысомъ якусь ранку

на нози (бо вирывъ що кумысъ помога видъ усихъ хоробъ) и сперечався зъ Дмытромъ. Ефендрикъ сивъ пидъ сосну.

— Скажы ты мени,—звернувся до ёго Омелько,—що ты робышъ у свого пана, завищо ты грошы видъ ёго берешъ?

— И скажите пожалуйста, какое недовѣріе... Мало-ли работы-съ? Можно сказать, завсегда работа найдется.

Ефендрикъ почавъ выщытуваты всяки свои роботы и згадавъ якось про собаку, котру винъ мусывъ доглядаты.

— А цикаво-бъ знаты, що варть прогодуваты ту собаку тутечкы? на курорти?

— Имперьялъ-съ! Пятнадцать рублей!—можно сказать, въ мѣсяцъ...

— Та не може буты! Въ одынъ голосъ скрыкнулы Омелько зъ Гаврыломъ.—Отъ лыхо-ма, куды грошенята идуть! Кому добре на свити жывется!

— Это собака особой алжирской породы-съ,—розсказувавъ тымъ часомъ Ефендрикъ.—И не скажите, чтобы дешево за неё дали. Стоить-съ около двухсотъ франковъ-съ. Можно сказать, настоящая собака изъ самой Алжиріи.

— А де та Алжирія?—спытавъ Гаврыло, скинчывшы натырання кумысомъ.

— За моремъ, въ теплой странѣ... Тамъ холодовъ, можно сказать, совсѣмъ не бываетъ-съ. И куда не поѣдешь теперь по желѣзной дорогѣ, вездѣ, скажите пожалуйста,—станціи, буфеты, начальники станцій.

Зъ пивъ годыны оповидавъ лакей про Алжирію. Чы слухалы ёго селяне, чы йнялы ёму виры, сказаты трудно. Але Омелько пидъ кинецъ оповиданя зитхнувшы озвався:

— Ти паны—зовсимъ якъ чорногузы... де теплійше, то винъ туды и летыть; але все одно видъ смерти не втечешъ.

— Прочытай-но намъ що небудь—звернувся винъ до Ефендрика —Ты намъ сёгодня ничого не чытавъ.

Ефендрикъ не разъ чытавъ имъ, хочъ селяне здебильшъ ничого не розумилы зъ того, що винъ имъ чытавъ. И цей разъ, сившы на пень и добувшы зъ кешени старе чысло «Бир-

жевыхъ Вѣдомостей», винъ почавъ чытаты щось про «артыстычно-промыслови замиры министерства финансовъ».

Хочъ селяне и не розумилы ничого, але слухалы уважно, зъ повагою. Не розумивъ и чытачъ того, що чытавъ, але ёму подобалася ёго роль, подобалось и те, що ёго такъ довго и уважно слухають.

Одынъ зъ курортныхъ панивъ, котрому Омелько дуже подобався, прымитывшы таку цикависть селянъ до чытанкы, надумавъ зацикавыты ихъ кныжкою и взявъ для початку «Сорчынськый ярмарокъ» Гоголя. Але здывувався винъ дуже, колы ся кныжка не вподобалась селянамъ. Воны не тильки не сміялыся, але навить дывувалысь, навищо треба такъ опысуваты якыйсь ярмарокъ. А прыгоды червонои свыткы выклыкалы у Омелька несподивано таку гадку.

— Це хтось добре пысавъ, та пысавшы, не-зле певне и горилку смакувавъ, бо тверезый того не напыше...

Таке-жъ враження зробылы на ныхъ и инши оповидання Гоголя: «Риздвяна ничъ»,—«Майська ничъ». Де яки мисця зъ цыхъ оповиданъ селяне слухалы такъ, неначе робылы ласку чытачеви. А про сварку Ивана Ивановыча зъ Иваномъ Ныкыфоровычемъ, зъ якои Гаврыло дуже сміявся, Омелько, котрый тежъ трохы усмихався, просто такы сказавъ: «що це все брехня... а якъ и есть де така дурна свыня, то навищо про неи пысаты...

— Отъ прочыталы-бъ вы намъ де що про війну яку, або про сотворение мыра, про землю та небо... и де якъ поводытся въ другыхъ краяхъ... Це цикавійше...—попросывъ Омелько.

Чыталы имъ и про свитъ Божый. Особлыво Омелько слухавъ дуже уважно и до самого кинця. Колы жъ кашель дуже нападавъ ёго, винъ спынявъ рукою чытача. А выкашлявшысь, весь червоный, винъ вытеравъ кулакомъ слёзы и просывъ чытаты дали.

— Отъ нехай же хочъ передъ смертью пизнаю, що то и якъ то воно...

И винъ затоплявъ свои очи у небо, про яке ёму чыталы.

— Та вы будете ще здорови—пробувавъ потишаты ёго панъ, але, глянувшы на спокійне, величне облыччя Омелька, котрый хытавъ головою и усмихався тымъ усмихомъ, якый бувае тильки у селянъ, розумивъ, ще потишаты ёго зайва ричъ.

— Э... де-вже!—казавъ Омелько, дывлячыся у землю.—Не одынъ Пацюкъ ще сюды не заглядавъ, а колы заглядавъ, то не на добро. Вже наше мынулося... Дякую Богу мылосердному, що хочъ передъ смертью сподобывся де що добренького почуваты... Дякуваты Богу за все.

IX.

Якъ почалась «косовыця» и за ричкою Горынемъ чоловикъ зъ двадцять косаривъ, гарненько обходячы кущы та корчы, вывывалы на-откидь густу траву (лито того року було мокре), Омелько вже не мигъ сыдиты на курорти. Сившы на лавочци на горбочку, звидкиля було выдно косовыцю, Омелько не зводывъ очей зъ лугу. Винъ жывъ вже тымъ жыттямъ, котре було тамъ на лузи, зъ розмовамы, писнямы, жартамы, до котрого винъ належавъ зъ пупьяночку. На курорти винъ бувъ наче у неволи, и та неволя зкувала ёму груды.

— А дай же, Боже мылостывый, въ добреньку погоду траву зибраты,—шопотивъ винъ самъ до себе, думкою прыстаючы до роботы, наче-бъ трава косылась на ёго власнимъ лузи.

Пизнимъ вечеромъ, колы пысля десятои годыны на курорти все вгавало, Омелько довго стоявъ надъ ричкою и озыравъ лугъ.

— Гей, кобыла ходыть по покоси!—гукнувъ винъ зненацька зъ усіеи сылы на весь курортъ. Винъ доглядивъ, що зъ сусиднёго пасовыська одна кобыла парейшла на покосы.

— А чого ты репетуешъ?—закрычавъ на ёго адмыныстраторъ курорта.—Та ты перелякаешъ усихъ... Чы ты здуривъ?

— Онъ дывиться, що робытся... кобыла перескочыла, а за нею...

— Не твое це дило... Иды спаты...

— Але якъ же то можно? Тажъ воны вытолочать усю траву, бо за нею перескочыть и друга, и третя и четверта... Имъ тильки дорогу даты... я вже знаю...

— Иды спаты, кажу тоби,—штовхаючы, потягъ Омелька сыломиць администраторъ. Але Омелько такы не пишовъ. Колы администраторъ пишовъ соби, Омелько знайшовъ другый куточокъ надъ ричкою, сивъ и задумавсь.

На лугъ билымъ серпанкомъ осидавъ туманъ и закрывавъ и покосы и кобылъ. Винъ наче сунувся зъ лису и стелывся закутуючы все.

Омелько не бачывъ вже кобылы, що ходыла по лузи... Але винъ думавъ: чому се тутъ вси таки байдужи до чужои шкоды. У ныхъ въ Космачеви завжде одынъ одного зповищае про шкоду, якъ побачыть, а якъ застануть коней або свыней на покоси, то бувае тоди таке що й годи.

Далеко пидъ лисомъ ясно горило багаття, а зъ другого боку хтось вертався зъ «тартака» (зъ лисопыльни), спиваючы писню: «Молодый чумаче, чого зажурывся»... Здоровый, молодый голосъ лунавъ далеко, сыльно.

«Чы волы пропа-а-лы?
Чы зъ дорогы збывся?»

—неслось, лунало надъ лугомъ. Голосъ добигавъ до лиса и вертався, лынувъ до курорта, мовъ-бы зъ бочкы.

— Отже-жъ и спивае, собачый сынъ! Колысь то и я не згиршъ спивавъ.—Довго слухавъ Омелько знаёму писню, потимъ оглянувшысь навкругы, чы нема кого, не выдержавъ и заспивавъ... але на другому виршови здушывъ ёго кашель... «Э... вже... не до спививъ»—махнувъ винъ рукою и пишовъ—

— Волы не пропалы,
Зъ дорогы не збывся,
Того-жъ зажурывся,
Що не оженывся...

—спивавъ спивакъ. «Отже-жъ його и розбирае»... Ще разъ спынывся дядько. Въ цимъ голоси и знаёмому спиви згадалась ёму його власна молодисть. Тамъ далеко була вона десь у тумани «Жыття—якъ та хмара», промовывъ Омелько свою любыму думку.

Другого разу, оглядаючы лугъ, Омелько наробывъ велыкого репету зъ того прыводу, що кобыла, у котрои до шыи було прыпнуте на оркани лоша, запутала повидъ за пенёкъ, звалыла лошя и воно задрыгало ногамы.—

— Гей рятуйте, бо лошя задушытся!

Здавалося, що винъ ось-ось скочыть и переплыве у плавъ ричку, щобъ вырятуваты видъ смерти те лошя.

Ще покы горнулы сино у копыци, Омелько дывывся на те спокійно, але колы напроты курорта почалы стягаты воламы копыци и класты стижокъ, Омелько не мигъ всыдиты и здержатысь, бо здалося ему, що стижокъ закладають не такъ, якъ слидъ, и черезъ те одынъ кутъ выходыть крывый.

— Воны не бачать! Прысяйби не бачать... бо здалеку лирше выдно... Це не по-хазяйськи! Подывиться, що воны роблять?—звертався винъ до всякого. Але нихто не мигъ его зрозумиты.

Якый часъ винъ махавъ рукамы въ тій надіи, що громадыльныкы зрозуміють свою помылку, покы ще часъ. Але нихто зъ ныхъ не дывывся на Омелька; тоди винъ зъ Гаврыломъ спустывся у нызъ, до перевозу.

Черезъ пивгодыны воны вже орудовалы коло стижка, а позаякъ зъ краю неба насувалась хмара и треба було поспишаты, то воны обое взялысь до роботы. Якъ наставъ часъ полудноваты, воны пропустылы по чарци и закусылы огиркомъ.

— Оце, лыхома, хочъ згадаешъ, що колысь настоящимъ чоловикомъ бувъ!

Про кумысъ воны забулы.

Скинчылась косовыця. На лузи стало безлюдно; лышъ стоявъ ривный, гарный стижокъ, загороженый жердкамы, а кругъ его блукалы, неначе сонни, кобылы, що ставалы чымъ разъ худійши,

бо паша не була вже така достатна та сытна, а доилы ихъ якъ и ранійшъ.

— Що то тепереньку вдома робытся?--думавъ Омелько.—Чы въ пору зибралы сино? Певне вже ячминь покосылы.

Журба чымъ разъ частійше гнитыла его душу, чымъ разъ яснійше почувавъ винъ, що теперъ винъ потрибный вдома... Тамъ теперъ горяча пора. Вси працюють черезъ сылу, а винъ байдыкуе... И пишовъ бы винъ дорогóю душею, та за кумысъ грошы булы виддани. Шкода грошей...

X.

Бувъ вечиръ пицъ Илью. Для такои поры той вечиръ бувъ якыйсь дывный, незвычайный. Але, кажуть люде, таки неспо-диванкы въ С. бувають часто, бо навкругы розлигся тамъ без-межный, виковичный биръ. Сонце пекло цилый день и стояло ще надъ лисомъ, а зъ-за ричкы потягло вже холодомъ. Смугамы насувався зъ бору туманъ... Винъ неначе чекавъ заходу сонця. Ти смугы, насуваючысь, затоплялы все. Лышъ де-не-де зъ того моря туману выглядалы верхы деревъ на лузи, а густый лисъ чорною смугою выдався навкругы, мовъ бы берегъ того моря. Въ долын-кахъ та яркахъ та хмара туману була густійша, а на горбоч-кахъ, де выще, проглядала земля, мовъ бы борючысь зъ туманомъ. Сонце сидало ныжче, а туманъ лягавъ чымъ разъ выще, и неза-баромъ червоный проминь сонця мыготивъ лышъ на верхахъ де-ревъ, пробывшысь кризь туманъ.

— Сонейко на Илью грае,—сказавъ Омелько, котрый стоявъ недалеко одъ громадкы панивъ, що глядила на се выдо-высько.

— Незвычайне зъявысько у лыпци,—казавъ ликаръ, якый бильшъ другыхъ цикавывся сухистью курорта.—Видколы жыву та-кого не бачывъ.

— Все це теперъ звертають на выбухы на Мартыныци... Що воно справди таке?

— Буде завтра дощъ,—спокійно сказавъ Омелько, неначе видповидаючы на ци пытання.—Це часто бувае. Часамы въ Космачеви...

— Але барометръ показувавъ бильшъ на ясну погоду. Тай теперъ небо зовсимъ чысте.

— Мусыть буты на Илью дощъ,—уперся такы Омелько. Увесь другый день зновъ була спека и погода тыха; здавалось Омелько бувъ помылывся.

У вечери того дня въ курзали грала музыка весело, танцювалы молоди панянкы та паничи, яки найихалы зъ сусиднихъ мистечокъ. Хворымъ танцюваты не дозволялося. На дорижкахъ, що велы до курзалу, зибралыся люде слухать музыку и часомъ пидъ тактъ іи яка чорнобрыва дивчына втынала гопака зъ парубкомъ, покы администраторъ не прыходывъ ихъ выгоныты. Дядько Омелько стоявъ пидъ викномъ и дывывся у залу. Гралы мазура. Жваво проносылась пара за парою, а лыця ихъ палалы тымъ запаломъ, якый бувае у полякивъ, колы воны танцюють свій національный танець,

— Гужа! Гужа!—прымовлявъ Омелько поглядаючы на ныхъ.

— Чого це ты гужаешъ?

— Бо то справди скачуть, якъ ти козы, колы нацькуешъ ихъ въ горбди собакамы. Де-котра то навить и головою ось такъ точнисенько зробыть. Та я не знавъ до цеи поры, де воны такъ навчылыся скакаты.

Тымъ часомъ несподиванно насувалась зъ заходу чорна хмара, подаючы про себе звистку далекымы блыскавкамы... За высокымъ лисомъ іи не прымичалы, и лышъ колы въ разъ зъ барабаномъ музыкы загуркотивъ гримъ и зашумилы сосны своимы верхамы, де-яки глянувшы у гору, промовылы: «а буде дощъ».

Публика зъ саду повтикала на веранду зъ галеріи. На одній галеріи въ юрби стоялы Омелько та Гаврыло, якихъ гроза не злякала и не здывувала—«на Илью завше дощъ бувае»....

Хуртовына збиралась чымъ разъ грізнійша. Зоряне небо заволоклося чорнымъ покровомъ. Паркъ стогнавъ. Гулы и трищалы сосны, неначе тамъ десь на верхахъ велася люта бытва.

Соснови шышкы сыпалысь рясно и торохкалы по зализныхъ покривляхъ курорта. Незабаромъ побиглы стругы воды по стежкахъ. Биля схидцивъ галеріи вмыть зибралыся калюжи воды, котри полыскувалы яснымъ свитомъ видъ блыскавкы. Слипуча блыскавка на одну мыть осяювала паркъ такъ ясно, що можно було розглядиты всяку дрибныцю, але заразъ такы наставала така темрява, що годи було побачыть що небудь на пару ступнивъ.

А музыкы гралы свое...

Вразъ сыльный гримъ и блыскавка вдарылы десь дуже недалеко видъ курзала такъ, ажъ вси стрепенулыся, хто стоявъ на галеріи.

Забренилы шыбкы, здригнулысь стины легенькои деревянои будивли. Шахнулысь навить здорови, а де-якыхъ хворыхъ мусылы завесты по ихъ номерахъ.

— Вси пары разомъ!—лунало тымъ часомъ зъ залу, де, не вважаючы ни на що, танцювалы мазура своимъ чыномъ.

— Але доброго мазура втынае сёгодня и пророкъ Илія!—сказавъ, выходячы зъ залу якыйсь франтъ у фраци и билыхъ рукавыцяхъ

— Справжня mazourka générale...—додавъ другый франтъ, вытыраючы хусточкою мокре чоло.

— А знаете—промовывъ докторъ, лысый дидокъ, що вернувся видъ слабыхъ—колы-бъ ся штука (винъ показавъ на небо) вдарыла въ нисъ, то я думаю бувъ бы нежыть. Хе, хе.

И выстукуючы ногою тактъ о помистъ курзала, винъ весело заспивавъ:

Николай!
Подавай
Съ ромомъ чай,
А потомъ—
Одинъ ромъ...

А гримъ гуркотивъ на неби. Омелько дывывсь кризь викно на танцюривъ, на тыхъ, що гулялы въ другій кимнати на биліарди.

въ карты, и дывувався. Въ Космачеви, Горынь-Городи, въ Степани и скризь, де винъ доси бувъ, пры такій прыгоди люде хрестылысь и промовлялы молытвы. Ёму стало дуже тяжко, такъ тяжко, що винъ, повагавшысь яку хвылыну, сипнувъ Гаврыла за рукавъ и, задершы свытку на голову, почемчыкувавъ зъ нымъ до дому черезъ паркъ, не вважаючы на дощъ, котрый почавъ потроху вгаваты. Здавалося имъ, що Богъ такого не вытерпыть, и тутъ, конче, щось не добре станется. Хиба може пророкъ Илія такого не покараты? Почувалы воны себе тамъ на галеріи такъ, якъ той, хто уперше пидіймается на аэростати: ёму все здается, що аэростатъ заразъ лусне...

— Оце-е!—казавъ Омелько, переплыгуючы черезъ калюжы.

— Эге-е!...—згожувався Гаврыло, поспишаючы за нымъ.

Такъ розмовляючы, дійшлы воны до дому.

На другый день спека була ще бильша. Душно було незвычайно. Лисове повитря та теплый паръ писля злывы, ще побильшувалы ту духоту. Бажалось-бы прорубаты просикою той лисъ, щобъ пустыты свижого повитря, витерцю, щобъ зрушыты ту нерухому духоту. А вона дуже вадыла хворымъ.

— Чы ты чуешъ, Омельку, якъ въ мене пташкы ось тутъ щось спиваютъ,—сказавъ Гаврыло, зустрившы Омелька. Винъ показавъ на свои груды, и справди у грудяхъ ёго дуже хрыпило.

— Оце зовсимъ я застудывся, якъ вчора ишовъ...

Биля полудня почало хрыпиты дужче. Гаврыло не вважавъ на те и кепкувавъ самъ зъ себе.

— Це зовсимъ въ моихъ грудяхъ, якъ те трень-брень, що вчора гралы.

Лышъ надъ вечиръ, якъ стало зовсимъ важко дыхаты, Гаврыло взявъ пивъ-рубля и пишовъ до дохтора про всякъ случай,— що то винъ скаже?

Дохторы здывувалысь, ажъ рукамы розвелы, якъ обслухалы Гаврыла. Гаврыло вразъ зблидъ и увесь затремтивъ. Винъ не сподивався, що *це* настане такъ швыдко.

— А я думавъ... та якъ же?... на чужій сторони... не може буты... а диткы? Не хочу, ни!... Богъ мылосердный....

Дохторы своимъ звычаемъ не сказалы ёму всю правду, але Гаврыло по очахъ ихъ побачывъ, що зъ нымъ сталося щось дуже недобре. Неспокійни очи ёго перебигалы на вси стороны и дывылысь воны по той бикъ людського жыття. На чоли выступывъ питъ и велыкымы капкамы збигавъ по лыцю.

— Чому воны, дохторы, не взялы въ мене пивъ-рубля?—зъ тревогою пытавъ Гаврыло Омелька, спыраючысь на ёго руку.

Омелько ничого не мигъ сказаты. Гаврыло намагався всимы сыламы боротысь зъ тымъ лыхомъ, яке ёму грозыло. Якъ-бы трапылось таке лыхо зъ нымъ вдома, винъ не такъ журывся-бы.

Хрыпы не вгавалы. На другый день хрыпило дужче, ще й клекотило у грудяхъ бидного Гаврыла, и винъ надумався иты до знахоркы. Ёму сказалы, що недалечко, верстъ скилька, жыве баба, яка роспизнае чужу хворобу, якъ свои гладышкы. Гаврыло збирався до неи, а видъ неи думавъ иты до-дому, але тымъ часомъ несподивано вмеръ, нагнувшысь надъ клуночкомъ свого добра.

Омелько сердечно заклопотався похорономъ свого прыятеля. Чому-сь здалося ёму, що милліонеръ повыненъ даты чымалу суму на похоронъ бидного чоловика. Винъ смилыво прыступывъ до богатыря, колы той задумавшысь сыдивъ на лавци, покурюючы грубу сыгару, и почавъ такъ:

— Тутъ, проше пана, чоловикъ одынъ вже вмеръ, царство ёму небесне...

Багатырь струсывъ попилъ зъ сыгары и обернувся до Омелька...

— То якъ буде ваша ласка. Може-бъ...

Багатырь кывнувъ рукою, щобъ Омелько ишовъ дали своею дорогою.

— Може-бъ вы де-що далы,—настырлыво мовывъ Омелько, наче не помичаючы того.

Панъ зновъ махнувъ рукою и до того ще кывнувъ головою.

— Прошу пана мылосердного... тожъ вы, я чувъ, що... ваша одна собака вжывае що мисяця на пьятнадцять карбованцивъ! Прошу пана...

— Про-хо-ди...—промовывъ багачъ своимы обвыслымы губамы и одвернувся.

Може винъ и давъ-бы що, та не хотилось ёму ворухнутысь; калытка ёго лежала у кешени, а винъ такъ добре усився, щобъ слухать музыкъ.

Безголосый Дмытро доглядавъ, щобъ справлени булы коло померлого вси хрыстьянськи звычаи. У Гаврыла не було чыстои сорочкы, то Дмытро виддавъ свою зовсимъ нову. А колы покійныка поклалы вже на лави, винъ увесь вечиръ шыпивъ надъ нымъ по складахъ псалтырь, спыняючысь лышъ на хвылыну, щобъ поправыты свичку. Чытаючы, винъ видганявъ зъ покійного мухъ.

А Омелько, зигнувшысь у дугу и голову взявшы у рукы, сыдивъ въ ногахъ и думавъ свою думу: «Жыття—якъ та хмара»...

XI.

Поховавшы Гаврыла, Омелько ходывъ самъ не свій. Винъ дожыдався кинця кумысового курсу, щобъ забратысь зъ курорта. А курсъ той счытается 150 пляшокъ. Нищо вже ёго не могло розважыты. Ефендрика винъ называвъ не инакше, якъ «панськый пидстырачъ» и хочъ просывъ ёго чытаты, але часто говорывъ:

— Ты сёгодня щось чытаешъ—мекаешъ, якъ та жыдивська коза, що въ осени въ попивськый городъ зайшла.

Хочъ винъ и поправывся добре видъ того кумысу, але нищо не могло розважыты ёго нудьгу та неспокій, яки обгорталы ёго душу що день дужче. Часто згадувавъ своихъ, свою хату, хазяйство, всяку роботу. До того ще й Дмытро выйихавъ зъ курорта.

— Що тамъ таке?—поспишавъ администраторъ у кутокъ парка, зъ якого чувся незвычайный спивъ захрыплого голосу.

Винъ ажъ сплеснувъ рукамы, побачывшы у кутку въ куцахъ пидъ тыномъ пьяного Омелька на земли. Кумысни пляшкы лежалы коло нёго, але биля ныхъ администраторъ побачывъ чвертку монополіи. Шматкы хлиба, огирковъ, редькы показувалы, що Омелько давно вже бенькетуе.

— А якъ-ся маете пане!—весело прывитавъ Омелько администратора, пидводячысь трохы и спыраючысь спыною до тына. Голова ёго хылылась на бикъ. Очи блыщалы. Вся ёго постать выявляла радисть та жвависть.

— А пся-лайдакъ! Такъ це ты такъ?

Але на це Омелько заспивавъ своимъ хрыплымъ голосомъ:

— Та нема гиршъ никому,
Якъ тій сыротыни.
Нихто не прыгорне
У лыхій годыни..

— Такъ це ты... сміешъ? Що то тутъ за писни?

— А що? не вподобалося—промовывъ Омелько, поводячы навкругы пьяными очыма.—То може ця?

— Болыть въ мене серце.
Болыть голова,
Хотивъ бы я монопольки,
Та чортъ іи ма.

— Геть звидсиль! Ты такъ, паршывець, пьешъ кумысъ!—ажъ кыпивъ администраторъ.

— Эге, прошу пана, кумысъ! О, це кумысъ! Хо, хо—трясучы порожнею пляшкою видъ горилкы, реготавъ Омелько.—Це такый кумысъ, що не тильки ядуху, а и всяку хворобу выличыть. «Не пры-го-о-рне у лыхій годыни»,—непевнымъ языкомъ белькотавъ Омелько писню.

Зибралася публика. Администраторъ поклыкавъ стороживъ и звеливъ вывесты пьяного геть зъ курорта.

— И самъ пиду! Не треба. Прощайте панове!—ледве стоячы на ногахъ, кланявся Омелько на вси стороны.—Простить, Хрыста рады. Але все одно помырать. Що я пывъ, що я не пывъ—все одно. Вси, вси дубомъ станемо... геть!

Винъ розмахнувъ рукою, ажъ похытнувся. Его пиддержалы сторожы и вывелы на улыцю.

— Гаврыло, го-овъ! Де ты?—крычавъ Омелько, хытаючысь межъ двохъ сторожывъ.

Выкынутый по-за курортъ, Омелько ще спивавъ якый часъ, а потимъ впавъ на выгони и заснувъ. На счастя погода була гарна. Повзъ ёго проходылы юрбы людей. Де-яки дывылыся, спочувалы ёму; други, спынывшыся, думалы: добре було-бъ перенесты ёго хочъ у холодокъ...—Але нихто ничого не зробывъ.

Прокынувшысь у вечори зъ тяжкою головою, Омелько озырався на вси бокы и довго не мигъ опамьятатысь, де винъ и що зъ нымъ діется? Але побачывшы биля себе свою свытку, гамакъ и торбу, винъ зрозумивъ, що всяки дила зъ курортомъ вже покинчени. Винъ задумався.

— Та вже-жъ певне и нашому Омелькови тежъ хутко кинець. Дяка Богу за все. Пиду до дитокъ.—Голова ёго спускалась чымъ разъ нызче на груды.

Сонце заходыло и залывало червонымъ свитломъ огорожу. Подыхнувъ холодный витерець, сповищаючы захидъ сонця. Омелько схопывся за груды и закашлявся. Ёго зокололо мижъ лопаткамы и у грудяхъ захрыпило.

— Нихто не прыго-о-рне
У лыхій годыни!

Богданъ Степанець.

м. Славута р. 1902.

Поэзія Н. Ѳ. Чернявскаго.

Недавно въ Кіевѣ вышла изящно изданная книжечка въ 276 страницъ, съ стихотвореніями на малорусскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Зори». Авторъ, Н. Ѳ. Чернявскій, уроженецъ бахмутскаго уѣзда екатеринославской губ., питомецъ Донца и степи, которой посвящено много прочувствованныхъ строкъ:

А ты, мій Донче, вирный друже,
Мій любый брате, за тобою
Невтишно серце й доси туже
Старою давнею журбою...
Ты льешся тыхо мижъ лисамы
Крыштально-срибною лукою
И горы били зъ небесамы
Глядять, любуются тобою.

Всѣхъ стихотвореній 164. Содержаніе довольно разнообразное—внѣшняя природа, треволненія человѣческаго сердца, сужденія о поэтѣ и поэзіи, два-три случайныхъ историческихъ мотива. Въ книгѣ, кромѣ языка, нѣтъ ничего такого, что объединяло бы стихотворенія. Нѣтъ никакой тенденціозности; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и отчетливо выраженнаго, опредѣленнаго міровоззрѣнія. Общее впечатлѣніе въ пользу автора, въ силу общцаго гуманистическаго настроенія всей его поэзіи.

У г. Чернявскаго есть излюбленные мотивы. Такъ, около 15 ст. посвящено степямъ, съ десятокъ отдано описанію ночи, и почти въ десяти стихотвореніяхъ описано море. Встрѣчается затѣмъ по нѣсколько стихотвореній о веснѣ, объ осени, о долѣ, о лѣсахъ и садахъ. Въ особенности много стихотвореній посвящено опредѣленію значенія поэта и поэзіи (до 20 №№) и описанію звѣздъ и вліянія звѣздного неба на душу. Нужно отдать автору справедливость, у него нѣтъ повтореній или перепѣвовъ, и каждое стихотвореніе производитъ впечатлѣніе самостоятельнаго.

Изъ стихотвореній о степяхъ по художественности выдаются обрисовки степи въ ночное время. Хорошо, напр., изображеніе молитвеннаго состоянія степи ночью въ стихотвореніи

«Смутно сяють въ неби зори»...

Недурно обрисованъ костеръ въ степи ночью въ «Степови огни»:

Далеко геть горыть одынъ
Въ ночи огонь въ степу глухому:
Вечерю варе селянынъ;
Чы то чумакъ, йдучы до-дому
Зъ вагою зъ Дону, ночувать
Въ толоци ставъ окрай дорогы;
Чы цыганъ, степу сынъ убогый,
Роздувъ багатте,—не дизнать.
А ничъ стоить сумна, понура,
На неби хмаръ покривля хмура
Навысла нызько, и зъ-за ныхъ
Зирокъ не выдно золотыхъ.

Въ другомъ стихотвореніи ярко изображена спаленная солнцемъ степь, безъ лѣсу, безъ рѣки, степь, просыпающаяся только...

Колы, бува, зъ громамы
Зъ моря хмары налетять,
Степъ охрестять блыскавкамы,
Надъ ланамы прогремлять...

Степь сродни поэту, что ярко выражено въ ст. «Стрибожи внукы» (вѣтры)

Не боюсь васъ, легкокрыли,
Не страшни ніякъ мени
Ваши гукы, ваши стрилы,—
Бо я самъ богамъ зъ ридни...
Я сынъ Темрявы и Свиту...
Тильки крылъ нема мени,
Щобъ у грудяхъ искру скрыту
Въ ваши кынуты огни...

Какъ поэтъ степи, г. Чернявскій идетъ рука объ руку съ Никитинымъ, Кольцовымъ, А. Майковымъ, мало уступая имъ въ яркости красокъ или въ силѣ выраженія.

Хорошія стороны поэзіи г. Чернявскаго—серіозность міросозерцанія и оригинальные пріемы творчества. Подобно В. Гюго, г. Чернявскій въ «Де ты, о Боже», выразилъ образно ту мысль, что Богъ открывается въ природѣ.

Въ ст. «Пытання» мысль поэта обращается поочередно къ солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, тучамъ съ вопросами, и вездѣ она

Правды свитовои
Зернятка збирае,
Всюды ихъ збирае
На корысть родыны...

Не менѣе оригинально по формѣ и болѣе ясно по содержанію небольшое ст. «На крылахъ». Поэтъ мчится на крыльяхъ по Украинѣ и ищетъ свѣта.

Темно въ палацахъ у панства старого

. . . .

Панство славутне у склепахъ дримае,
Спадкы жъ ихъ славы опукъ прожывае...

. . . .

Темно у бидній мужичій хатыни...

потому что «свиту не зналы николы си люде»—дѣды умирали въ неволи, отцы выросли въ бѣдности, а сыновей ихъ тяжело гнететъ тьма невѣжества.

Есть много стихотвореній о звѣздахъ, о морѣ, большей частью удачныхъ. Въ видѣ примѣра ограничимся однимъ «Тыхо гойдаются», въ которомъ соединены оба излюбленныхъ авторомъ мотива, море и звѣзды.

Тыхо гойдаются въ сынёму мори
Искоркы-зори,
Нибы купается въ хвыли блыскучій
Рій ихъ летючый.
Скели здіймаются, ще неостыли,
Темни, похыли.
Въ чорнимъ межгирьи десь свитло палае
И погасае.
Чуете писню въ тыхому мори,
Въ сынимъ простори?...
Слухайте, ось вона знову обизвалась
И увирвалась.
Човенъ малюется въ мори на хвыли
Геть за пив-мыли.
Хто, безталанный, тамъ хоче вловыты
Долю у сити?...
Тыхо купаются въ сынёму мори
Искоркы-зори;
Тыхо гойдается пина тамъ нижна,
Вся билоснижна.
Писня далекая ледве лунае,
Мовъ замирае...
Дай ёму, Господы, въ ничъ сю вродлыву
Долю щаслыву!...

Тутъ есть прелесть, почти непереводимая на другой языкъ; звукамъ малорусской рѣчи придана такая мелодія, которая не отдѣлима отъ содержанія, и все это скрашено гуманнымъ заключи-

тельнымъ аккордомъ. Поэтъ желаетъ счастья неизвѣстному пѣвцу въ лодкѣ на морѣ, исходя изъ предположенія, что пѣвецъ этотъ ищетъ въ морѣ долю. Рыбакъ ли это, или не рыбакъ—не важно. Важно, что одно человѣческое сердце звучитъ гдѣ-то въ синемъ морѣ, а другое человѣческое сердце отзывается къ нему любовью, лучшими пожеланіями; важно то симпатичное и альтруистическое чувство, которымъ проникнуто стихотвореніе, и въ которомъ въ сущности и заключается все достоинство поэтическаго воздѣйствія.

Звѣздная ночь вообще пробуждаетъ въ душѣ поэта горячее и широкое чувство любви къ ближнимъ. Такъ въ ст. «Зоряна ничъ» поэтъ говоритъ;

Та въ сю ничъ дывлюсь я смило
На людей и на жыття:
Можна скризь робыты дило,
А не гынуть безъ путтл.
Найбиднійша, темна доля
Краще смерти...

Насколько поэзія г. Чернявскаго разнообразна по содержанію, настроенію и отраженію его въ формѣ, можно убѣдиться, сравнивъ, напр., стихотвореніе о веснѣ съ стихотвореніемъ объ осени. Первое, какъ маленькое, приведемъ въ цѣлости, второе въ отрывкѣ.

Каже все, що буть весни:
И глыбоки, и ясни
Зводы неба, и нигде
Теплый витеръ не веде
Сниговыхъ холодныхъ хмаръ.
Узялася десь одна—
И розвіялась вона,
Якъ летючый билый паръ
И весела, и ясна...
Ни, сёгодня вже весна!

Картинка природы схвачена на лету, и субъективное отъ нея впечатлѣніе прочно закрѣплено. У кого въ душѣ затуманились эти весеннія облака, веселыя и ясныя, поэтъ ихъ возстановитъ; онъ напомнитъ милые и радостные образы.

Отъ этой весенней картины сильно отличается «Сильска осинь»:

Мынуло лито золоте:
Холодне небо вкрылы хмары,
И темносызи ихъ отары
На пивничъ витеръ десь веде.
Въ тумани сонечко зиходе,
У мли у вечери згаса...
Гудуть цины ще де у кого,
Изъ клунь иде солодкый пахъ
Соломы й зерна золотого,
Що затаилось по снопахъ.
И день, и ничъ шумыть-гуркоче
На ричци млынъ, и тыхый ставъ
Воды у щерть соби набравъ;
Налывсь—мовъ греблю рваты хоче,
Щобъ скризь по лукахъ за селомъ
Жывымъ розлытыся срибломъ...
. . . .

Общественное настроеніе поэта проникнуто гуманностью:

Не ворогъ правди я й законамъ,—
Я правды прагну и просю,
Щобъ легше дыхать всимъ було намъ,
У тимъ и правду бачу всю.
И хай звеныть мій спивъ журлывый,
Якъ дзвинъ вартовый у-ночи,
Якъ голосъ брата незрадлывый,
Братывъ до свиту зовучы.

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ говоритъ, что

У кожного неба и сонце свое,
А спильный ключъ правды засохъ и не бье...

Поэта возмущаютъ сплетни, мелочность, лѣнь и апатія; онъ обращается къ Богу съ такимъ молитвеннымъ воззваніемъ:

О, Боже, Ты
Слаби пиддержуй наши сылы
И поможы намъ донесты
Любови свитъ у ти хаты,
Братамъ у питьми тамъ сыдячымъ,
Прыгриты серцемъ ихъ гарячымъ,
Щобъ зерно правды изійшло
И добре симья прынесло!..

Поэзіи поставлена такая гуманная задача:

О, писне блаженна, о писне крылата,
Леты надъ землею, дзвены и зовы
До свиту, до сонця изъ темрявы брата,
Надію у серци ёму ожывы!

Теплымъ чувствомъ человѣколюбія и прощенія согрѣты стих. «Ихъ двое зійшлося»..., «До ночи», «Не полемъ чыстымъ», «На ридній нывй», «Голодни».

Превосходно по народному колориту, нѣжности чувства и мелодичности стихотвореніе:

Ой помалу, мій мылесенькый,
Тыхше грай,
Мени серця молодесенькій
Не вражай.
Бо зелена въ гаи лыпочка,
Та сумна,
Ще сумнійша въ тебе скрыпочка
Голосна:

Якъ заграешъ потыхесеньку—
Серце мре,
А мене всю молодесеньку
Сумъ бере.
Якъ заграешъ веселесенько—
Пнемъ стою,
Осмихнешся самъ тыхесенько—
Слёзы лью.
Ой не грай же, чаривныченьку,
Ты мени.
Не палы мене, мовъ свиченьку,
На огни:
Яснымъ зорямъ не прыказано
Въ день свитыть.
А тоби й мени заказано
Вкупи жыть.

Первыя строки и отчасти послѣдующее содержаніе внушены народнымъ стихомъ въ сказкахъ про волшебную свирѣль. Содержаніе этой сказки извѣстно. Дѣвушка-падчерица, убитая злой мачехой, обратилась въ липу; братъ вырѣзалъ сопилочку, и сопилочка разсказала ему о преступленіи,—художественный мотивъ, распространенный у многихъ народовъ (въ Россіи, Германіи, у западныхъ и южныхъ славянъ и др.). Въ сборникахъ малорусскихъ сказокъ (Чубинскаго, Рудченка и др.) два брата разумныхъ убиваютъ третьяго меньшаго, дурня. На его могилкѣ выросло дерево (черешня, липа и др.). Изъ этого дерева братья убитаго сдѣлали свирѣль, которая и запѣла:

Помалу-малу, братику грай,
Не вразы мого серденька вкрай.
Ты жъ мене вбывъ, у землю зарывъ,
За того вепрыка, що въ саду рывъ.

Малорусскій языкъ очень богатъ плѣнительными именами, что выразилось въ народной словесности, что неоднократно отмѣ-

чали люди науки (напр., проф. Метлинскій въ предисловіи къ «Думкамъ»). Этой особенностью языка искусно воспользовался г. Чернявскій: «скрыпонька», «чаривныченьку» и пр.

Одно изъ самыхъ крупныхъ достоинствъ поэзіи г. Чернявскаго состоитъ въ яркой образности. Поэтъ въ немногихъ выпуклыхъ чертахъ достигаетъ стройнаго и яснаго выраженія явленій природы и народнаго быта. Такова, напр., прекрасная картина села въ лунную ночь въ ст. «Село затыхло», картина осенней природы въ «Осинь», изображеніе тучи и дождя въ «Хмары», лѣтней жары въ «Спека», хлѣбнаго поля въ «Урожай». Какъ авторъ свободно и мастерски владѣетъ малорусскимъ стихомъ, видно, напр., изъ обрисовки змѣи въ «Спека». Поэтъ въ жаркій лѣтній день легъ въ тѣни отдохнуть;

Дывлюсь и бачу, що хыстку
Траву хытае щось помалу.
Чы не гадюка то?.. Вона!
Повзе до стежкы, порына
Въ дрибній трави, склызька, моторна,
И залягла на стежци чорна.
Перевернулася уся,
На сонци черевомъ засяла,
Зибралась зновъ и засычала,
Якъ молоде мале гуся.
А потимъ стыхла, розвылася
И по дорижци простяглася.
Прытыхла вража, и лежыть,
И сонця свитъ на ій дрижыть.
Лежу и я. Нема охоты
Іи злякаты. Хай лежыть!
И гадъ бажа на свити жыть,
Побуты часъ безъ той турботы...

Въ заслугу поэта нужно поставить свободное и непринужденное обращеніе со стихомъ и искренность настроенія—не вездѣ, но въ большинствѣ стиховъ. Такъ, одно изъ лучшихъ

произведеній «Вечерни мріи» прямо начинаются такимъ образомъ:

> Я выйшовъ въ степъ. Санна дорога.
> Уже накочена, склызька... И одыноко
> Иду я. Сонце ще горыть
> На неби чыстому ясному,
> И степъ въ убори снигову,
> Мовъ у крышталяхъ гра-блыщыть.
> Иду неслышною ходою,
> И очи мане далечинь...

По внѣшней формѣ есть стихи длинные и тягучіе, напр. «Писля бури».

> Море ще довго не спало и тыхо въ ночи хвылювалось
> Зъ шумомъ рытмычно-журлывымъ скаржучысь скелямъ холоднымъ,

и тутъ же рядомъ идутъ стихи сжатые, краткострочные, напр.

> Весняный ранокъ...
> Роса скризь сяе
> И мла лощыны
> Оповивае.
> Туманъ поважно
> Сплывае вгору...
> Десь чуты—дятелъ
> Довбае кору...

При несомнѣнныхъ крупныхъ достоинствахъ, въ произведеніяхъ г. Чернявскаго есть и недочеты.

Въ однихъ произведеніяхъ поэтъ вдается въ оптимизмъ, въ другихъ—въ пессимизмъ, невсегда мотивированные; въ результатѣ получается неопредѣленность міросозерцанія и случайный характеръ настроенія. Такъ, пессимистичны: «Дывлюся навколо», «Писня ночи», «У мряци», «Шляхъ викивъ», «Ставъ». Основной

мотивъ грустнаго настроенія—ничтожность человѣка. Поэта смущаетъ, что «вси мы никчемни, вси мы хвылынни», что

Мы осядемо вси въ прахъ,
И омофоръ свій смерть накыне
Надъ намы въ мертвыхъ небесахъ...

Эти сѣтованія въ значительной степени покрываются оптимистическими стихотвореніями, напр., «Пидъ зорямы», гдѣ поэтъ говоритъ:

Не турбуе мене,
Що мій викъ промыне;
Такъ бо все промына
Нибы хвыля ясна
И, дійшовшы меты,
Згаснуть навить свиты...

Въ стихотвореніи «Що найкращи наши рокы» поэтъ утѣшается мыслью о вѣчности любви. Въ ст. «Писня бенкетова» говорится: «и старисть не страшна: намъ спокій дасть вона». Поэтъ забылъ о старческихъ болѣзняхъ.

Вообще, философствованіе вредитъ поэту, и мѣстами, напр., въ стих. «Дывлюся навколо», «Пидъ зорямы», это философствованіе облеклось въ туманность и выражено тяжело, искусственно, натянуто, напр., «муче намъ души непевнисть гризна».

Изъ стремленія къ философствованію возникли такія неудачныя, темныя и тяжелыя стихотворенія, какъ:

Якъ все никчемне, наше щоденне.

Тутъ ужъ и языкъ, обыкновенно плавный и ясный, измѣняетъ г. Чернявскому; всплываютъ странныя выраженія, напр., «чванство страшенне», «щастя злыденне», «зводе шахрайство зъ честью стосункы».

Также тяжелы и сухи стихотворенія: «Хто душу несыту та заздрисну мае», «Я жывъ свій викъ», «Клычъ неба», «Мечъ». Эти неудачныя, очевидно, надуманныя, мѣстами вымученныя

стихотворенія лишь портятъ впечатлѣніе и въ рукахъ литературныхъ зоиловъ легко могутъ быть обращены въ орудіе осужденія.

Автору вредятъ далѣе небрежныя сочетанія и риѳмы, въ родѣ «хаты́» съ удареніемъ на ы́ при риѳмѣ «воды», «дере»—«умре» и т. под.; вредятъ повторенія нѣкоторыхъ излюбленныхъ словъ, въ особенности слова: «мовчазна», «мовчазній».

Недочеты эти покрываются лучшими сторонами, и авторъ, человѣкъ, повидимому, еще молодой, при большей осторожности, можетъ разсчитывать на видное мѣсто въ пантеонѣ малорусской литературы. Тѣ образцы, которые приведены въ обиліи выше, ясно свидѣтельствуютъ о свѣжемъ и оригинальномъ талантѣ. Какъ бы то ни было, «Зори» полезное пріобрѣтеніе малорусской литературы, и многія вещицы этого сборника будутъ по достоинству оцѣнены друзьями и почитателями малорусской поэзіи.

Н. Ѳ. С.

Село Курень (конотопскаго у.) и его старина.

Среди мѣстныхъ жителей существуетъ не мало преданій и разсказовъ о глубокой старинѣ. Преданія эти, переходя изъ устъ въ уста отъ дѣдовъ ко внукамъ, въ настоящее время почти уже всѣ отживаютъ свой вѣкъ и, отходя, такъ сказать, сами въ область преданій, держатся исключительно только среди стариковъ, да и то, сравнительно, немногихъ. Можно поэтому полагать, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ многіе разсказы о старинѣ исчезнутъ совершенно. Къ числу такихъ отживающихъ свой вѣкъ преданій относится, между прочимъ, преданіе объ основаніи села; преданіе это среди жителей Куреня существуетъ почему-то въ двухъ, совершенно несходныхъ одна съ другою, версіяхъ. Такъ, одни изъ мѣстныхъ старожиловъ разсказываютъ объ этомъ слѣдующее:

— «Давнымъ-давно это было; не помнятъ того ни дѣды, ни прадѣды наши, а слышали они о томъ такъ же, какъ и мы, отъ дѣдовъ своихъ. На этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ село, и на много верстъ кругомъ росли огромные лѣса. Время тогда стояло смутное: были войны, разбои, насилія; со всѣхъ сторонъ нежданно-негаданно нападали враги, убивали людей, грабили имущество, а села и деревни жгли. Многіе поэтому уходили изъ этихъ мѣстъ куда-либо дальше, гдѣ жить было хоть немного спокойнѣе, а многіе прятались и селились по лѣсамъ. Вотъ и въ этотъ лѣсъ забрелъ одинъ такой человѣкъ, поставилъ на берегу протекавшей

здѣсь тогда рѣки «курень» (хату) и зажилъ въ немъ со своею семьей. Отсюда-то и началось село и получило свое названіе».

Другіе же, и такихъ, нужно сказать, преобладающее большинство, передавая слышанную ими отъ дѣдовъ исторію возникновенія села, говорятъ, будто первыми поселенцами Куреня были свободно поселившіеся здѣсь «синельники», т. е. мастера, занимавшіеся окраской холста, суконъ и др. матерій. Мѣстомъ для поселенія они избрали лѣвый берегъ рѣки. Нѣкоторое время они жили здѣсь одни, а потомъ, перегоняя съ мѣста на мѣсто по обширнымъ степямъ Украйны свои стада, забрелъ сюда «чабанъ» (пастухъ) и, «облюбовавъ» себѣ мѣсто тоже на лѣвомъ берегу рѣки, какъ болѣе низменномъ и изобиловавшемъ травой, поставилъ для себя «курень» (шалашъ). Такъ мѣсто это и стало зваться Куренемъ. Съ теченіемъ времени стали селиться на другомъ берегу рѣки, а когда число людей и дворовъ на одномъ и другомъ берегу размножилось, то на правомъ, какъ болѣе возвышенномъ, была поставлена церковь [1]).

Эти преданія не противорѣчатъ и подлиннымъ историческимъ свѣдѣніямъ, по коимъ с. Курень образовалось въ первой половинѣ XVII ст. изъ Бахмацкихъ выселковъ, хозяева которыхъ для хозяйскихъ выгодъ оставляли мѣстечко и селились въ окраинѣ степи, тянувшейся къ р. Остру и впослѣдствіи получившей названіе Куренской степи, въ отличіе отъ Бѣловежской. По мнѣнію А. М. Лазаревскаго, названіе села произошло отъ тѣхъ *куреней*, которые устроены были отдѣльными Бахмацкими домохозяевами, для хозяйскихъ цѣлей, въ видѣ полужилыхъ построекъ, и которые послужили основою возникшаго здѣсь самостоятельнаго поселенія. Село Курень уже упоминается въ актахъ 1654 г. [2])

---

[1]) Въ Куренѣ и понынѣ есть фамиліи Синельниковыхъ и Чабановъ, считающихъ себя потомками тѣхъ «синельниковъ и чабановъ», которые основали село. Нѣкоторые изъ потомства Синельниковыхъ и до сей поры, изъ рода въ родъ, занимаются ремесломъ своихъ предковъ.

[2]) См. «Описаніе Старой Малороссіи», А. Лазаревскаго, т. II, стр. 178.

Изъ надписи, сдѣланной на заглавномъ листѣ хранящагося въ архивѣ Куренской Николаевской церкви рукописнаго октоиха, видно, между прочимъ, что въ 1671 году въ Куренѣ была церковь. Къ сожалѣнію, время и небрежность почти уничтожили эту надпись,—отъ нея къ нашему времени только и остались слѣдующія слова: «Сія книга глаголемая Офтай... тщан... церквѣ... Ник... 1671...» Но и эти немногія слова говорятъ уже многое. На Евангеліи же (Львовской печати 1670 г.) еще довольно ясно сохранилась слѣдующая сдѣланная по листамъ надпись: «Сія книга глаголемая Евангелионъ напрестолное раба Божія Ігната Новополца... і жены его Марии и з дѣтми ихъ, обывателей Корѣнскихъ, купленая за десять талярей за своя працу вѣрьную и за отпущение грѣховъ своихъ и за славнои памяти отца ихъ Филиппа и... Катерини і родичовъ ихъ и дано до церкви святой, до храму Святителя Христова Николая вѣчними часи в село Корѣнь для отправи и хвали Святой. Абы оной нѣхто не важился от церкви святой отдалити: а хто бы и хотѣлъ и важился... буди анафтема в сий вѣкъ і у будучий і росудится со мъною пред нелицемѣрнымъ судиею. Аминъ. Писано в семъ Корѣнѣ, при священнику отцу Максиму, при... войту, при Ктиторахъ церковнихъ Семену Великому и Опанасу К... року 1676, марта 29 дня»...

Но упоминаемый въ этой надписи священникъ Максимъ, какъ можно заключить по нѣкоторымъ даннымъ, былъ не первымъ священникомъ въ Куренѣ. Такъ, въ синодикѣ церковномъ, заведенномъ съ 1734 года, въ поминаніи «священнихъ іереевъ» первымъ записанъ іерей Савва, а затѣмъ уже Максимъ; то же самое видимъ мы и въ другомъ мѣстѣ Синодика, гдѣ сначала помѣщены іереи Савва и Максимъ, а третьимъ вписанъ самъ основатель синодика—Афанасій [1]). Если мы къ этому прибавимъ теперь, что къ 1746 году церковь въ Куренѣ стала настолько ветхою, что даже со стороны начальства было предписано возобновить ее [2]), и ограничимъ существованіе церкви приблизительно

---

[1]) О Синодикѣ см. «Кіевск. Старину» 1903 г. № 9.

[2]) См. Истор.-Стат. описаніе Черн. Епар. Арх. Филарета, кн. VI-я.

столѣтнимъ періодомъ, то станетъ внѣ всякаго сомнѣнія, что церковь въ Куренѣ существовала уже въ половинѣ XVII ст. [1]). А это въ свою очередь говоритъ въ пользу того, что въ то время Курень было селеніе уже не маленькое. Дѣйствительно, въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. въ Куренѣ насчитывалось болѣе 150 дворовъ; а въ 1754 году здѣсь было уже 250 дворовъ съ 2738 жителями обоего пола [2]).

Въ настоящее время Курень разрослось въ громадное селеніе: со всѣми прилегающими къ нему хуторами оно имѣетъ болѣе 30 верстъ въ окружности, а въ длину достигаетъ до 7 верстъ; въ немъ насчитывается болѣе тысячи дворовъ и около семи тысячъ жителей.

Въ прежнее, далекое отъ насъ, время, чрезъ село протекала рѣка Борзна и дѣлила его на двѣ части—Городокъ и Закуренье [3]). Названія эти остались и до нашихъ дней; но рѣка дав-

---

[1]) Вѣроятно, отъ того далекаго времени сохраняются въ церкви двѣ оловяныхъ чаши.

[2]) Интересна, между прочимъ, сохранившаяся въ архивѣ вѣдомость за 1754 годъ о томъ, сколько было представлено въ этомъ году отъ церкви въ Кіевскую Митрополію денегъ. Вотъ дословный текстъ этого документа: «Ми нижеподписавшіеся в катедру Митрополитанскую Кіевскую объявляемъ, что сего 1754 года било в нашемъ приходѣ Дворовъ Двѣстѣ пять десятъ за которіе в Казну Катедральную уплатили Денегъ столовихъ По двѣ Копѣйки Рублей пять Міровихъ Поденежки Рубль Двадцать пять копѣекъ солодовихъ по полушки шесть десятъ Двѣ Копейки и полъ ітого всѣхъ Денетъ столовихъ мировихъ и солодовихъ Рублей шесть восемъ Десятъ семъ Копеекъ и полъ». Затѣмъ слѣдуетъ подпись священниковъ Іосифа и Тимоѳея Кибальчичей и вѣдомость о «квитовыхъ» деньгахъ, тоже отсылавшихся въ Митрополію. Всѣхъ «квитовыхъ» денегъ по вѣдомости числится 9 р. 87 к. (выдано 32 квита). Деньги по одной и другой вѣдомости, какъ видно изъ имѣющейся въ архивѣ церковномъ копіи Указа Митрополита Кіевскаго Тимоѳея отъ 15 іюня 1756 г. № 181, высылались въ Митрополію по третямъ года.

[3]) См. Ист.-Стат. оп. Черн. Епар. Арх. Филарета кн. VI-я. Въ Описи 1654 г. здѣшняя рѣчка неправильно названа рч. *Куренью*. Въ

нымъ-давно изсякла; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно опредѣлить даже бывшее ея русло. И только въ одномъ мѣстѣ сохранился небольшой водоемъ, но это не что иное, какъ лужа съ стоячею и гнилою водой. Были уничтожены прибрежные лѣса—«хранители водъ»—и рѣка изсякла. Но среди мѣстныхъ жителей держится суевѣрное преданіе, что рѣка высохла потому, что была «заклята». «Жила на селѣ, говоритъ преданіе, одна вдова козачка, «злая вѣдьма»; была у этой вѣдьмы дочка-красавица, единственное ея дѣтище и утѣха. Однажды въ жаркую лѣтнюю пору пошла красавица съ подругами на рѣку купаться и утонула. Обезумѣвъ отъ горя, вдова «заклята» рѣку «словомъ клятвеннымъ», и рѣка высохла». Но заклятье это, по повѣрью куренцевъ, было положено на рѣку не на «вѣки вѣчные»,—оно можетъ быть во всякое время снято «знающимъ» человѣкомъ.

Старики разсказываютъ, что при ихъ дѣдахъ въ Куренѣ будто-бы и объявился такой «знающій» человѣкъ, который могъ снять съ рѣки заклятье, но свое волхвованіе онъ обставилъ такими трудно выполнимыми со стороны куренцевъ условіями, что куренцы предпочли остаться лучше безъ рѣки.

Въ окрестностяхъ села есть не мало кургановъ, называемыхъ мѣстными жителями общимъ именемъ «могилы», напримѣръ: Губарева могила, Ивашкова, Малыкина, Остаськовы могилы и др. [1]) На вопросъ о томъ, къ какому времени относится происхожденіе этихъ кургановъ, мѣстные жители, обыкновенно, отвѣчаютъ: «чы мало ихъ тутъ Петръ насадывъ!» и въ подтвержденіе своихъ словъ указываютъ даже ту мѣстность, гдѣ, по преданію, происходила стычка русскихъ со шведами [2]).

Описи 1781 г. она именуется *Рудою*, т. е. полуобсохшею ложбиною когда-то бывшей здѣсь степной рѣчки, которая, засохнувъ, потеряла и свое старое названіе. См. «Описаніе Ст. Малороссіи».

[1]) Всѣ эти названія произошли отъ фамилій бывшихъ владѣльцевъ тѣми участками земли, на которыхъ расположены курганы. Только четыре кургана, находящіеся почти у самого села, не имѣютъ никакого имени, а просто зовутся «четыре могилы».

[2]) Урочище «Квашино»—недалеко отъ села.

Впрочемъ, не всѣ курганы относятся ко времени Шведской войны. Нѣкоторые изъ нихъ и сами жители Куреня, основываясь на разсказахъ своихъ дѣдовъ, относятъ къ болѣе раннему времени, именно къ тому, когда «губернія звалась не Черниговскою, а Сѣверскою и когда было много войнъ». Эти курганы есть не что иное, какъ сторожевые пункты, съ которыхъ наблюдалось приближеніе врага, и которые безъ всякаго сомнѣнія нужно отнести ко времени татарскихъ набѣговъ. Что эти курганы были насыпаны именно съ такою цѣлію, доказывается прежде всего тѣмъ, что такъ говоритъ объ этомъ преданіе, называя ихъ «маяками», а также формою и сравнительною высотою самихъ кургановъ. «Маяковъ» въ окрестностяхъ Куреня три; всѣ они въ настоящее время сильно разрушены временемъ и опахиваніемъ, но еще лѣтъ 50—60 назадъ, какъ разсказываютъ очевидцы, были до 4 саженъ высоты, такъ что съ вершины ихъ было видно болѣе, чѣмъ на десять верстъ.

Діаконъ **Иванъ Егоровъ**.

ТОРЖЕСТВО УКРАИНСКОЙ ПѢСНИ.

I.

Истекшій годъ ознаменовался не однимъ только праздникомъ украинской литературы, выразившемся въ постановкѣ памятника ея творцу и начинателю на мѣстѣ его жизни и дѣятельности; близкимъ по своему значенію къ этому событію является также и другое торжество, имѣвшее мѣсто въ самое послѣднее время,—торжество нашей пѣсни и музыки по случаю 35-лѣтняго юбилея славной дѣятельности Н. В. Лисенка. Украинская литература и народная пѣсня въ лицѣ своихъ представителей получили на двухъ упомянутыхъ торжествахъ полное признаніе со стороны общества и показали, съ одной стороны, свою глубокую жизненность, а съ другой—обнаружили также тѣсное единеніе и солидарность съ интересами того народа, изъ нѣдръ котораго онѣ вышли. Очевидно—«не бездарна та природа, не погибъ еще тотъ край», которые выдвигаютъ изъ своей среды такихъ дѣятелей, какъ И. П. Котляревскій и Н. В. Лисенко, и если первый является отцомъ украинской литературы, то второго по справедливости можно назвать отцомъ украинской музыки.

Юбилейныя торжества въ честь Н. В. Лисенка, подвести итогъ которымъ имѣетъ цѣлью настоящая замѣтка, распались на двѣ части. Въ то время, какъ центромъ ихъ самъ собою долженъ былъ сдѣлаться Кіевъ, въ которомъ протекла почти вся жизнь и

дѣятельность заслуженнаго юбиляра; въ то время, какъ въ Кіевѣ къ юбилею начали заблаговременно готовиться,—закордонная Украина (Галичина и Буковина) также пожелала принять самостоятельное участіе въ юбилейныхъ торжествахъ, чтобы хотя такимъ образомъ выразить глубокую признательность и благодарность своему любимому композитору, трудами котораго наши закордонные братья наравнѣ съ украинцами пользуются уже ровно 35 лѣтъ [1]). Возникла среди галицкихъ украинцевъ мысль пригласить Н. В—ча въ столицу Галицкой Украины Львовъ для торжественнаго празднованія юбилея. Юбиляръ отвѣтилъ согласіемъ, и спеціально основанный во Львовѣ для устройства юбилея комитетъ открылъ свою дѣятельность. Юбилейныя торжества въ закордонной Украинѣ состоялись 24 и 25 ноября (7 и 8 декабря н. ст.) во Львовѣ, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Галичины и Буковины.

Путь юбиляра за кордономъ, отъ момента вступленія его на территорію галицкой земли, былъ непрерывнымъ рядомъ самыхъ сердечныхъ овацій, искреннихъ привѣтствій и неподдѣльнаго восторга. Такъ встрѣчаютъ только дѣйствительно дорогого гостя. Уже въ Подволочискѣ, первой станціи въ Австріи, юбиляра встрѣтила депутація мѣстныхъ русиновъ съ букетами и привѣтственными рѣчами. Въ Тернополѣ, первомъ крупномъ центрѣ, лежащемъ на пути ко Львову, встрѣча приняла характеръ грандіозной народной демонстраціи: на вокзалѣ собралось уже нѣсколько сотъ человѣкъ, привѣтствовавшихъ съ нетерпѣніемъ ожидаемаго гостя пѣніемъ, рѣчами, букетами. Въ Красномъ юбиляра встрѣтила депутація отъ львовскихъ русиновъ, съ проф. Шухевичемъ во главѣ. Ко времени прибытія поѣзда къ львовскому вокзалу, здѣсь собралась многочисленная толпа, запрудившая перронъ; при выходѣ Н. В—ча изъ вагона головы обнажились и вслѣдъ за краткимъ привѣтствіемъ проф. Вахнянина раздались торжественные звуки много-

---

[1]) Въ первый разъ произведеніе Н. В—ча было исполнено во Львовѣ въ 1868 г. «на роковинах» Шевченка. Это была композиція на слова Шевченковскаго «Заповіта».

лѣтія въ честь прибывшаго юбиляра. Столица Галицкой Украины горячо привѣтствовала любимаго композитора. Номера львовскихъ украинскихъ газетъ въ этотъ день (22 ноября ст. ст.) были почти сплошь заняты статьями, посвященными юбиляру.

24 ноября въ 2 часа дня въ помѣщеніи львовской филармоніи состоялась такъ называемая академія, т. т., собственно чествованіе. Встрѣченный громомъ аплодисментовъ, юбиляръ взошелъ на эстраду въ сопровожденіи членовъ юбилейнаго комитета, а затѣмъ послѣдовалъ длинный рядъ депутацій съ адресами и привѣтственными рѣчами. Открылъ привѣтствія голова «Союза Бояні» [1]) извѣстный въ Галичинѣ композиторъ, проф. Вахнянинъ. Въ своей красивой рѣчи ораторъ указалъ на значеніе пѣсни въ жизни нашего народа вообще, яркими штрихами изложилъ исторію народной пѣсни и, переходя затѣмъ къ характеристикѣ заслугъ юбиляра, мѣтко назвалъ послѣдняго «Бояном нового времени». «Ты,—закончилъ ораторъ, обращаясь къ юбиляру,—полюбывъ сю писню, видчувъ іи красу, прыгорнувъ іи до теплои груды, выкохавъ іи, выплекавъ, вылеліявъ, прыбравъ у святочну одижъ, впровадывъ мижъ славянськи посестры и посадывъ высоко—на посади: заквитчану, омережану, прыстроєну въ багате намысто, а таку щыру та сердечну, буйну та велетню, якою вона выйшла зъ грудей цилого народа. Въ тимъ твоя и лышетвоя заслуга, писенный нашъ Кобзарю, «Бояне нового времени». («Руслан», ч. 267). Рѣчь проф. Вахнянина какъ бы намѣтила въ общихъ чертахъ ту программу, которую въ частностяхъ подробнѣе развивали послѣдующіе адресы и привѣтствія, слѣдовавшія въ такомъ порядкѣ:

1) Своему почесному членови Миколі Лисенкови «Руська Бесіда» (адресъ и почетный дипломъ), 2) Славному українському музикови-композиторови Миколі Лисенкови в 35-літній ювилей його діятельности товариство „Просьвіта“ у Львові, 3) Наукове Товариство імени Шевченка, 4) Товариство „Народна Торговля“ у Львові 5) Товариство руських ремісників «Зоря» у

---

[1]) Бояни́—пѣвческія и музыкальныя общества въ Галичинѣ, имѣющіеся почти въ каждомъ городѣ.

Львові (почетный дипломъ), 6) «Реміснича Бурса», 7) «Товариство для розвою руськоі штуки» у Львові (кромѣ адреса—художественной работы портретъ) 8) Товариство педагогичне у Львові 9) Союз співацьких і музичних товариств (Боянів) у Львові, 10) Високоповажаному Ювилятови Миколі Лисенкови в 35 роковини його композиторськоі творчости з Зеленоі Буковини, з над синього Прута щирий привіт і глибокий поклін (приняли участіе 27 „товариств"), 11) Русини-украінці з Бережанщини (8 товариств) 12) Перемиські товариства, 13) Читальня в селі „Золотому Потоці" (депутатъ—крестьянскій мальчикъ), 14) Миколі Лисенкови Стрийщина (10 товариств) 15) Клюб Русинок, 16) Товариство «Труд,» 17) Товариство „Руська Захоронка" у Львові, 18) Високодостойному Ювилятови Миколі Лисенкови в 35 роковини його праці на полі народноі музики—украінсько-руські товариства в Тернополі (10 товариств) 19) Товариство «Кружок украінських дівчат» у Львові, 20) Украінсько-руське драматичне товариство ім. Котляревського у Львові, 21) Украінсько-руські товариства з Самбора (5 товариств) 22) Духовна семинарія у Львові 23) Достойному Миколі Лисенкови в дні ювилейного свята привіт від русинів-украінців Ярославського повіту (114 подписей) 24) Дрогобицька филія „Просьвіти", 25) Львівський «Боян», 26) Товариство техників „Основа" (почетный дипломъ, кромѣ адреса съ 34 подписями). 27) Товариство касинове урядників „Дністра". 28) „Академична Громада (украінська молодіж університетська) у Львові, 29) Русько-украінські товариства в Станиславові (13 товариств), 30) Коломийський Боян, 31) Русини-украінці з Комарни. 32) Филія товариства «Просьвіта» в Комарні, 33) Читальня «Просьвіти» в Комарні, 34) Боянови Руси-Украіни, Високоповажаному Миколі Лисенкови товариство „Руська Бесіда" в Бучачі. 35) Від хору читальні в Скалі, 36) Русини-украінці з Заліщиків, 37) Филія „Просьвіти" в Рудках, 38) Кобзареви Миколі Лисенкови, своему почесному членови Снятинський Боян несе привіт в день його ювилею (35 подписей). 39) Від учениць приватноі женськоі руськоі семинариі у Львові, 40) Читальня «Просьвіти» в Кракові, 41) Товариство гимнастичне «Сокіл» у Львові, 42) Буковинський Боян—почесному членови. 43) Дівоча школа ви-

ділова ім. Шевченка у Львові, 44) Русько-українська громада в Празі, 45) Редакція „Руслана", 46) Редакція „Буковини".

Чтеніе перечисленныхъ адресовъ, продолжавшееся около двухъ часовъ, было непрерывнымъ тріумфомъ для юбиляра; каждый адресъ покрывался громомъ аплодисментовъ и шумными оваціями. Большинство адресовъ помѣщено въ папкахъ, изъ которыхъ многія представляютъ собою настоящія произведенія искусства по своей художественной отдѣлкѣ. Особенно, бросается въ глаза́ папка львовской «Руськоі Бесіди», составленная изъ тонкихъ деревянныхъ досокъ, украшенныхъ художественно исполненой рѣзьбой въ гуцульскомъ стилѣ; адресъ отъ города Стрыя заключенъ въ папку изъ полотна съ вышитыми узорами въ народномъ вкусѣ и т. п. Когда было окончено чтеніе адресовъ, юбиляръ въ краткой рѣчи благодарилъ за привѣтствія, служащія яркимъ доказательствомъ симпатіи закордонныхъ братьевъ къ украинскому народу и украинской пѣснѣ, и обѣщалъ всю свою дальнѣйшую жизнь посвятить на служеніе родному народу въ прежнемъ направленіи. Концертная часть «академіи» состояла изъ чтенія стихотворенія г. Лепкого «Миколі Лисенкови на спомин дня грудня 1903 р.», весьма умѣло продекламированнаго самимъ авторомъ, и пѣнія слѣдующихъ пьесъ: «За сонцем хмаронька пливе» (соединенный хоръ «Боянів» подъ управленіемъ о. Нижанковскаго), «На прю» (студенческій хоръ) и кантаты «Бьють пороги» (гимназическій хоръ).

Въ 7½ часовъ вечера начался юбилейный концертъ; обширный залъ филярмоніи вторично былъ заполненъ публикой какъ мѣстной, такъ и пріѣзжей изъ разныхъ мѣстностей Галичины. Энтузіазмъ собравшихъ выражался безконечными аплодисментами и оваціями по адресу юбиляра, присутствовавшаго лично на концертѣ. Концертъ начался кантатой «На вичну память Котляревському», исполненной хоромъ, состоявшимъ изъ 250 пѣвцовъ подъ управленіемъ того же талантливаго диригента о. Нижанковскаго; затѣмъ слѣдовали какъ хоровые, такъ и сольные номера: «Ой бре море бре», «Ой, що жъ бо то за воронъ», «Ой летила горлыця» (мужской хоръ), дуэтъ изъ оперы «Риздвяна ничъ» (г. Лопатинська и г. Волошинъ), «Шумка-козакъ» (оркестръ) «Заповитъ»

(хоръ) «Дивчыно-рыбалонько», «Хиба тилькы рожамъ цвисты», «Ой пишла бъ я на музыкы (г. Лопатинська) и закончился ораторіей «Радуйся ныво неполытая». Но гвоздемъ концерта была несомнѣнно игра на фортепіано самого юбиляра,—энтузіазмъ публики достигъ въ это время высшей точки напряженія. Н. В—чъ исполнилъ свою 1-ю рапсодію и весь залъ, затаивъ дыханіе, внималъ роскошнымъ звукамъ этой чрезвычайно красивой пьесы. Но вотъ замеръ послѣдній звукъ—и залъ пробудился, сбросилъ съ себя очарованіе: раздался громъ аплодисментовъ. Юбиляръ былъ буквально засыпанъ цвѣтами, дождь которыхъ падалъ изъ ложъ, изъ партера, со всѣхъ сторонъ. При нескончаемыхъ аплодисментахъ опять потянулся длинный рядъ депутацій съ вѣнками, образовавшими скоро цѣлую гору на эстрадѣ; на развѣвающихся сине-желтыхъ лентахъ вѣнковъ красовались надписи:

1) Мыколи Лисенкови—Русько-украинськи товарыства въ Станиславови, 2) М. Л—ви—Молодижъ украинсько-руськои гимназіи у Львови, 3) М. Л—ви—Товарыство «Просьвіта», 4) М. Л—ви—Дрогобыцьки русыны, 5) М. Л—ви—Драматычне товарыство ім. Котляревського, 6) Mikołajowi Lysence, natchnionemu piewcu ruskiemu Dyrekcya teatru miejskiego, 7) Батькови нашои музыки—Тернопильськый Боянъ, 8) М. Л—ви—Руська Бесіда у Львови, 9) М. Л—ви—Союзъ Боянивъ у Львови, 10) Велыкому сынови Украины—Урядныкы товарыства «Днистеръ» у Львови, 11) М. Л—ви—Кружокъ украинськыхъ дивчатъ, 12) М. Л—ви—Львивськый Боянъ, 13) М. Л—ви—Реальна школа, 14) Творцеви «Риздвяной ночи—Дирекція театру, 15) М. Л—ви—Наукове Товарыство им. Шевченка, 16) М. Л—ви—Буковынськый Боянъ, 17) М. Л—ви—Клюбъ русынокъ у Львови, 18 М. Л—ви—Буковынськи украинкы, 19) М. Л—ви—Ученыци школы выдиловои им. Шевченка у Львови, 20) М. Л—ви—Ученыци жиночои руськои семинаріи у Львови, 21) М. Л—ви—Ученыци учительськои семинаріи въ Черпивцяхъ, 22) М. Л—ви—Руська школа въ Старій Мамаевци, 23) М. Л—ви—Зъ Галыча, 24) М. Л—ви—Проф. Пулюй и його симья (срибный), и 25) М. Л—ви—Ювилейный комитетъ у Львови (срибный).

Но вотъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, аплодисменты вдругъ затихли; еще мгновеніе—и изъ устъ $2^1/_2$-тысячной толпы полились величественные звуки гимна; пѣлъ весь зрительный залъ, пѣла вся авдиторія, и уже нельзя было отличить пѣвцовъ, еще недавно стоявшихъ на эстрадѣ, отъ обыкновенной публики... И это былъ несомнѣнно наиболѣе величественный моментъ цѣлаго празднества, наиболѣе оригинальный номеръ всего концерта, тѣмъ болѣе поразительный, что онъ не былъ подготовленъ заранѣе, а вышелъ какъ то самъ собою, вырвавшись отъ полноты потрясеннаго сердца. Впечатлѣніе было настолько сильное, что у многихъ на глазахъ стояли слезы...

Такъ какъ залъ не могъ помѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать на юбилейномъ концертѣ, то онъ былъ повторенъ при полномъ театрѣ и по прежней программѣ на слѣдующій день. Нечего и говорить, что новая публика такъ же тепло и восторженно принимала юбиляра, какъ и публика предыдущаго вечера.

25 ноября вечеромъ въ залѣ «Народного Дома» состоялся спектакль: ученицами мѣстной «виділовоі школи [1]) імени Шевченка» весьма живо и въ общемъ очень удачно розыграна дѣтская опера юбиляра «Коза-дереза» при громадномъ стеченіи публики. Спектакль послужилъ новымъ поводомъ для нескончаемыхъ овацій по адресу композитора. Послѣ спектакля состоялся ужинъ, участники котораго въ рѣчахъ всесторонне выясняли какъ заслуги юбиляра, такъ и значеніе даннаго торжества для украинскаго народа...

На слѣдующій день Н. В—чъ отбылъ изъ Львова въ Черновцы, столицу Буковины, останавливаясь по дорогѣ въ Станиславовѣ и Коломыѣ. Вездѣ юбиляра встрѣчали толпы народа, крестьяне, общества «Січі» [2]), самымъ восторженнымъ образомъ вы-

---

[1]) «Виділові школи»—въ Галичинѣ, гдѣ нѣтъ женскихъ гимназій, занимаютъ среднее мѣсто между нашими двухклассными училищами и гимназіями.

[2]) «Січі», возникшія въ послѣднее время въ Галичинѣ по иниціативѣ доктора Трильовскаго, представляютъ собою крестьянскія общества, организованныя по образцу Запорожской Сѣчи и преслѣдующія самыя разнообразныя цѣли взаимопомощи.

ражая ему свое глубокое уваженіе и любовь. Во время этого ори- гинальнаго путешествія юбиляръ могъ убѣдиться въ томъ, что имя его и произведенія извѣстны здѣсь не только интеллигенціи, но и народу, представители котораго съ восторгомъ встрѣчали своего «кобзаря» и «бояна нового времени»... Остановки въ Станисла- вовѣ, Коломыѣ и Черновцахъ были отмѣчены тѣмъ же радушнымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ юбиляру, какъ и пребываніе его во Львовѣ.

II.

Украинская народная пѣсня за все время существованія укра- инскаго театра всегда имѣла тѣсное соприкосновеніе съ послѣд- нимъ, служа украшеніемъ для пьесъ, вдохновляя авторовъ; съ другой стороны, и самъ юбиляръ принадлежитъ къ числу дѣятелей род- ного театра, будучи авторомъ многихъ популярныхъ оперъ и опе- ретъ. Вотъ почему, надо полагать, юбилейныя торжества въ честь Н. В. Лисенка въ Кіевѣ открылись 19 декабря постановкой въ театрѣ Бергонье украинской труппой г. г. Саксаганскаго и Садовскаго извѣстной опереты юбиляра «Чорноморци». Послѣ спектакля была исполнена его же кантата «Бьють пороги», и вся труппа привѣт- ствовала юбиляра, поднеся ему серебряный вѣнокъ съ надписью: «Славному украінському кобзареві Миколі Лисенкові од Садовсь- кого, Саксаганського, Карого і всіеі іх украінськоі трупи артистів». Собравшаяся въ большомъ количествѣ публика громкими аплодис- ментами сопровожала это театральное чествованіе.

20 декабря въ залѣ Купеческаго Собранія состоялась цен- тральная часть торжества, иниціативу котораго взяло на себя Кіевское Литературно-Артистическое Общество. Къ 8 часамъ ве- чера залъ былъ буквально биткомъ набитъ публикой, среди кото- рой было много пріѣзжихъ изъ разныхъ концовъ Украины. Общее вниманіе обращали на себя делегаты изъ Галичины и Буковины, среди которыхъ были даже крестьяне въ своихъ живописныхъ ко- стюмахъ. Встрѣченный шумными аплодисментами и криками «слава», юбиляръ занялъ почетное мѣсто на эстрадѣ среди членовъ пра-

вленія Литературно-Артистическаго Общества; началось чтеніе адресовъ и привѣтствій. Первымъ привѣтствовало юбиляра Литературно-Артистическое Общество, въ лицѣ своего предсѣдателя г. Николаева, поднесши юбиляру изящно исполненный жетонъ, а затѣмъ слѣдовало произнесеніе привѣтствій заграничными гостями [1]) и чтеніе многочисленныхъ адресовъ. Сдѣлаемъ перечень послѣднихъ:

1) Отъ Кіевскаго Литературно-Артистическаго Общества, 2) Отъ членовъ того же Общества—украинцевъ (на украинскомъ языкѣ), 3) Отъ Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца, 4) Мыколи Лисенкови, украинськи пысьменныкы зъ Кыива (на папкѣ эпиграфъ изъ Кулиша: «Покы прокынеться сонна краина, покы диждеться жывои весны—Ты намъ по хатахъ убогыхъ дзвоны»—23 подписи), 5) Мыколи Лисенкови, славному заступныкови народнои украинськои писни видъ Кыивського Общества Грамотности, 6) Высокоуважаемому Н. В. Лисенку Кіевское Общество содѣйствія начальному образованію, 7) Отъ Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго Общества, 8) Отъ музыкальной школы Н. А. Тутковскаго, 9) Отъ дирекціи Королевскаго Чешскаго земскаго и музыкальнаго театра (Прага), 10) Отъ артистовъ театра «Соловцовъ», 11) Славному Кобзареви М. В. Лисенкови видъ редакціи часопыси «Кіевская Старина», 12) Отъ редакціи журнала «Археологическая лѣтопись Южной Россіи», 13 и 14) Два адреса отъ почитателей поляковъ (на польскомъ языкѣ), 15) Славному Кобзареви М. В. Лисенкови одъ Кыивськыхъ товарышивъ-украинцивъ (16 подписей), 16) Видъ украинцивъ-Кыянъ, 17) Украинському Боянови одъ Кыивськыхъ украинокъ (поднесено роскошное изданіе «Кобзаря» и «рушныкъ», 18) Одъ выдавцивъ украинськыхъ кныжокъ (епиграфъ изъ Шевченка: «Наша дума, наша писня не вмре, не загыне»,—

---

[1]) Отъ имени „Союза Боянів" привѣтствовалъ юбиляра проф. Вахнянинъ, отъ Наукового Товариства імени Шевченка—проф. Студинскій, отъ товариства «Просьвіта»—депутатъ львовскаго сейма, докторъ Олесницкій, отъ галицко-украинской прессы—редакторъ газеты «Діло», докторъ Левицкій и отъ имени всѣхъ буковинцевъ—депутатъ вѣнскаго рейхсрата, г. Пигулякъ.

12 подписей), 19) Славному Кобзареви Мыколи Лисенкови одъ студентивъ университету Св. Володымира въ Кыиви (382 подписи), 20) Славному украинському композиторови Мыколи Лисенкови одъ студентивъ-политехникивъ у Кыиви (263 подписи), 21) Видъ Кыивськои малёвнычои школы (адресъ съ 15 подписями и альбомъ иллюстрацій къ народнымъ пѣснямъ), 22) Вельмышановному украинськомуБоянови одъ старого хору студентивъ университета Св. Володымира, 23) Видъ Нового Кыивського студентського хору, 24) Дорогому Кобзареви Украины видъ хора имени Лисенка (50 подписей), 25) Лисенкови, Бандурыстови Украины (200 под.), 26) Высокошановному Мыколи Лисенкови одъ учнивъ зъ Кіева, 27) Славному пѣвцу Украины и земляку Н. В. Лисенку Полтавская губернская земская Управа, 28) Высокоталантливому украинскому композитору отъ полтавскаго городского общественнаго управленія, 29) Славетному сынови Украины Миколи Лисенкови одъ щырого серця землякивъ Полтавы (40 подписей), 30) Щырому орачеви на ридній ныви М. В. Лисенкови одъ редакціи «Хуторянина», 31) М. В. Лисенкови полтавськи статистыкы (28 подписей), 32) Украинському Боянови Мыколи Лисенкови одъ Полтавського музыкально-драматычного товарыства (27 подписей), 33) Шановному батькови музыкы и спививъ Мыколи Лисенкови одъ полтавськыхъ робитныкивъ (73 подписи), 34) Видъ учнивъ полтавськои земськои ремисныиои школы, 35—36) Батькови украинськои музыкы—два адреса отъ учениковъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній г. Полтавы. 37) Славному украинському музыци Мыколи Лисенкови одъ Черниговцивъ (77 подписей), 38) М. В. Лисенкови Черниговське украинське театральне товариство (25 подписей), 39) Славному украинському музыци Черниговськый музыкально-драматычный Кружокъ (20 подписей), 40) Дорогому М. В. Лисенкови одъ харькивцивъ (96 подписей), 41) Від землякивъ зъ Харькова (26 подписей), 42) Видъ украинськои харькивськои академичнои молодижи, 43) М. В. Лисенкови одъ товариства робитныкивъ-аматоривъ украинськои штукы пры харькивському народному доми (30 подписей), 44) Отъ профессоровъ харьковскаго университета (22 подписи), 45) Видъ одеськыхъ землякивъ (60 подписей), 46) Видъ петербургськыхъ землякивъ (79 подписей), 47) Видъ «Правленія благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» (адресъ и по-

становленіе объ избраніи юбиляра почетнымъ членомъ общества) 48) Видъ украинськои академичнои молодижи зъ Петербургу, 49) Видъ громады украинськои академичнои молодижи въ Москви, 50—53) Славному Боянови М. В. Лисенкови украинци зъ Дерпту (4 адреса съ 83 подписями), 54—55) Вельмышановному М. В. Лисенкови зъ Камянця-Подольського (два адреса съ 61 подписью), 56) Землякы зъ Катерынослава, 57) Украинци зъ Катерынослава (10 подписей), 58) Видъ Чорноморськои громады (65 подписей), 59) Славному украинському Кобзареви М. В. Лисенкови одъ прыхыльныхъ студентивъ-украинцивъ у Новій Олександріи (эпиграфъ изъ Шевченка: «И забудеться срамотня давняя годына, и ожыве добра слава, слава Украины»...), 60) Землякы зъ Ставрополя-Кавказського (7 подписей), 61) Отъ хора изъ Ставрополя-Кавказскаго, 62) Отъ грузинъ почитателей, 63) Видъ землякивъ изъ Читы (7 подписей), 64) Украинського Бояна витають Черкасци (60 подписей), 65—66) Славному Кобзареви Украины видъ вдячныхъ роменцивъ (два адреса съ 97 подписями), 67) Видъ мыргородськыхъ дивчатъ, 68) Видъ землякивъ изъ Звягеля (31 подпись), 69) М. В. Лисенкови въ день 35-го юбилею його музыкальнои діяльносты видъ Уманськыхъ украинцивъ, 70) Высокошановному ювилятови М. В. Лисенкови одъ учнивъ агрономичнои школы. 71) М. В. Лисенкови одъ щыро-прыхыльныхъ Винныччанъ (51 подпись) 72) Видъ землякивъ изъ Севастополя, 73) Славному Кобзареви Мыколи Лисенкови одъ Барышпольцивъ (89 подписей), 74) Видъ селянъ зъ Ерешокъ кыивськои губерніи сквирського повиту (41 подпись), 75) Видъ шпычынецького (сильського) пивчого гурту (50 подписей), 76) Высокоповажаному Мыколи Лисенкови на день ювилею видъ селянъ м. Романивкы, 77) «М. В. Лисенкови одъ щырого серця хлиборобъ Мыхайло и дочка його Люба Качурыны прыносымо».—Кромѣ того два адреса: 78) Отъ кіевскаго городского общественнаго управленія и 79) Отъ золотоношскаго земства—были прочитаны 21 декабря въ городскомъ театрѣ во время представленія оперы «Риздвяна ничъ».

Помимо адресовъ, Литературно-Артистическимъ Обществомъ и лично юбиляромъ получена масса телеграммъ и привѣтствій, между прочимъ изъ Америки, Берлина, Лейпцига, Рагузы, отъ

г. г. Направника, Короленка, Лесевича, Шишманова (болгарскій министръ народнаго просвѣщенія), Горленка, Мышуги, Менцинскаго, Кропивницкаго и Заньковецкой, Ясевичъ-Бородаевской, проф. Куплевасскаго, Книттеля (директора пражской консерваторіи), Лубковской, Прибика (капельмейстеръ одесскаго городского театра), отъ Болгарскаго Музыкальнаго Общества (за подписью проф. Златарскаго), отъ Дирецкіи Петербургскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музык. Общества (за подписью г. Кюи), отъ Дирекціи Харьковскаго отдѣленія того же Общества, отъ артистовъ, хора и оркестра Варшавской оперы, отъ Московской Музыкально-этнографической Комиссіи (за подписью г. Янчука), отъ ректора Кіевскаго университета, проф. Бобрецкаго, отъ ректора Новороссійскаго университета, отъ редакцій многихъ газетъ, отъ земскихъ и городскихъ управъ, отъ ученыхъ обществъ и друг.,—всѣхъ телеграммъ было получено около 200.

Конечно, такая масса привѣтствій не могла быть выслушана въ теченіе одного вечера, поэтому большую часть ихъ пришлось, къ сожалѣнію, оставить непрочтенными; даже не всѣ делегаты, которые лично присутствовали на торжествѣ, успѣли произнести свои привѣтствія (къ такимъ принадлежатъ, между прочимъ, адресы отъ грузинъ, отъ нѣкоторыхъ крестьянскихъ обществъ и мн. др.). Содержаніе всѣхъ привѣтствій можно резюмировать въ общемъ слѣдующими словами одного изъ крестьянскихъ адресовъ: «Дякуемо Вамъ за Вашу працю невпынну; за те, що насъ, простыхъ людей, не цураетесь, мовы нашои риднои безталанной не забуваете, що нашу писню-тугу про наши крывды та недолю Вы на папери спысалы та на всесвитній судъ выставылы».—Кстати, этой простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко-вѣрной оцѣнкѣ вполнѣ соотвѣтствовали и тѣ вѣнки, которые принесены были крестьянами для возвеличенія своего національнаго композитора: два громадныхъ, безыскусственныхъ, но именно своею безыскусственностью и производящихъ особенное впечатлѣніе вѣнка изъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтовъ отъ «меншаго брата» рѣзко выдѣлялись въ массѣ серебряныхъ. Всѣхъ вѣнковъ было поднесено 10; приводимъ надписи на нихъ:

1) Славному украинському Кобзареви Мыколи Лисенкови одъ Садовського, Саксаганського, Карого и всіеи ихъ украинськои трупы артыстивъ, 2) Отъ артистовъ театра «Соловцовъ», 3) Отъ кіевскаго городского театра, 4) Отъ фортепіанной фирмы Керитопфъ 5) Славному украинському музыци-Бояну складаемо довичну подяку и шану. Заньковецька, Кропывныцькый, Волыкъ, трупа и оркестръ, 6) Дорогому кобзареви Украины слава. Видъ хора його имени. 7—8) Два вѣнка изъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтовъ отъ крестьянъ изъ Барышполя и Романовки, 9) Отъ общества русскихъ драматурговъ, писателей и оперныхъ композиторовъ, и 10) Высокоповажаному Мыколи Лисенкови, славному Кобзареви Украины—Кыивська Народна Авдиторія (поднесенъ на юбилейномъ концертѣ въ народной аудиторіи).

Чтеніе привѣтствій затянулось почти до 12 часовъ, послѣ чего началась концертная часть. Первымъ въ этомъ отдѣленіи выступилъ знаменитый крестьянскій хоръ изъ с. Охматова подъ управленіемъ доктора Демуцкаго и сразу же овладѣлъ слушателями, исполнивъ въ чисто-народномъ духѣ много пѣсенъ разнообразнаго содержанія; затѣмъ кобзарь Терешко Пархоменко пропѣлъ подъ аккомпаниментъ бандуры «думу про Морозенка», «Чечитку» и др. Закончился вечеръ двумя хоровыми номерами подъ управленіемъ г.г. Яциневича и Стеценка; хоръ послѣдняго исполнилъ написанную г. Стеценкомъ кантату, посвященную Н. В. Лисенку. Концертное отдѣленіе, за исключеніемъ послѣдняго номера, имѣло цѣлью иллюстрировать дѣятельность юбиляра съ этнографической стороны.

Характеристикѣ Н. В. Лисенка, какъ оригинальнаго композитора, былъ посвященъ другой концертъ, состоявшійся 21 декабря въ городскомъ театрѣ. Въ качествѣ исполнителей здѣсь выступили уже оперные пѣвцы и хоръ; исполнителямъ соотвѣтствовала и программа. Концертное утро открылось кантатой въ честь юбиляра, написанный на слова г. Старицкаго г. Горѣловымъ, далѣе слѣдовали: интродукція къ оперѣ «Остання ничъ» (оркестръ) «Доля» (г. Каміонскій), хоръ изъ оперы «Сапфо», квинтетъ изъ оперы «Тарасъ Бульба» (г-жи Бѣлевичъ и Ковелькова, г.г. Зи-

новьевъ, Дракули и Камiонскій), гимнъ Геліосу и Венерѣ изъ оперы «Сапфо» (хоръ), дуэтъ изъ оперы «Тарасъ Бульба» (г-жа Шульгина и г. Секаръ-Рожанскій), «Ой люли люли, моя дытыно», «Лугомъ иду» (г. Дейша-Сіоницкая), соло на скрипкѣ (г. Шутманъ) и кантата «Бьють пороги», которой и закончился концертъ.

Вечеромъ 21 декабря въ томъ же городскомъ театрѣ состоялся юбилейный спектакль; шла въ первый разъ въ Кіевѣ послѣ долгаго перерыва опера Н. В—ча «Різдвяна ніч», такъ гармонирующая своимъ содержаніемъ и господствующими въ ней мелодіями колядокъ съ приближающимися рождественскими праздниками. Успѣхъ оперы среди публики, заполнившей театръ, былъ несомнѣнный. Юбиляра-композитора слушатели и здѣсь привѣтствовали такъ же восторженно, какъ и на концертахъ, часто прерывали исполненіе аплодисментами и заставляли повторять отдѣльные номера. Судя по первому пріему, сдѣланному публикой вобновленной оперѣ, можно думать, что она займетъ прочное мѣсто въ репертуарѣ кіевскаго городского театра; по крайней мѣрѣ въ теченіе праздниковъ опера шла еще четыре раза и каждый разъ при полномъ театрѣ.

Послѣ спектакля почитателями юбиляра былъ устроенъ ужинъ, затянувшійся почти до утра. Участники ужина, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, въ своихъ рѣчахъ дѣлились впечатлѣніями пережитаго.

С. Ефремовъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Просьба подполковника Пугачевскаго о перемѣнѣ его фамиліи. Проживавшій въ Черниговѣ отставной подполковникъ С. Н. Пугачевскій обратился въ 1810 г. съ просьбой за себя и двухъ братьевъ къ кн. Лобанову-Ростовскому, второму малороссійскому губернатору, о перемѣнѣ своей фамиліи «по близкому подобію фамиліи ихъ съ названіемъ бывшаго измѣнника Пугачева». При этомъ онъ просилъ разрѣшить ему носить фамилію Леонтовичъ, каковую носила ихъ мать до замужества. Императоръ Александръ I не счелъ возможнымъ согласиться на такую замѣну, въ виду того, что Леонтовичи—извѣстный дворянскій родъ, а потому и повелѣлъ герольдіи назначить Пугачевскому какую-либо иную, новую, «никакому дворянскому роду не присвоенную фамилію», и, составивъ гербъ, представить на Высочайшее усмотрѣніе. И вотъ начинается переписка и выборъ фамиліи.

Пугачевскій очень обрадовался согласію императора на перемѣну фамиліи. «Я не могу, писалъ онъ кн. Лобанову-Ростовскому, никакими словами изъяснить благодарности за милостивое вашего сіятельства исходатайствованіе высокаго монаршаго благоволенія о перемѣнѣ нынѣшней фамиліи. Покудова жизнь моя продолжится, я и всѣ тѣ, кои будутъ носить новую фамилію, конечно, будутъ всегда чувствовать и ощущать непрестанную живѣйшую благодарность и воспоминаніе къ драгоцѣнному имени вашего сіятельства, столь много облаготворившему родъ». Далѣе Пугачевскій проситъ ходатайства о перемѣнѣ фамиліи на Александрова. «Я искалъ, пишетъ онъ князю въ сентябрѣ 1810 г., имени, которое было бы наиприятнѣйшее для составленія фамиліи, не присвоенной никакому дворянскому роду, по-

желалъ бы, сіятельнѣйшій князь, къ воспоминаніямъ имени всемилостивѣйшаго Государя, какъ даръ его всещедрой руки, имѣть фамилію Александровъ». Но князь на это не согласился. «Желанію вашему,—писалъ онъ,—присвоить фамилію Александровъ споспѣшествовать не могу, ибо таковая существуетъ, а герольдія не приняла и перваго назначенія»; съ своей стороны князь предложилъ подполковнику сократить свою фамилію, отбросивъ первыя двѣ буквы, и именоваться «Гачевскій». Но это Пугачевскому не понравилось. «И такъ, сіятельнѣйшій князь,—писалъ онъ,—остается избирать фамилію безъ всякаго предмету хотя бы однакожъ таковую, чтобы другіе не могли сказать, что я столь драгоцѣннымъ случаемъ, особеннымъ благоволеніемъ монаршимъ, худо воспользовался. Желаю, сіятельнѣйшій князь, принять фамилію Леонидовъ,—кажется, оной въ Россіи нѣтъ, ибо другая извѣстна подъ названіемъ Леванидовъ». Князь, получивъ это письмо, самъ ужъ предложилъ ему фамилію Измаильскаго, въ виду того, что подполковникъ Пугачевскій принималъ участіе въ штурмѣ Измаила, гдѣ былъ и раненъ. Подполковникъ остался очень доволенъ этой фамиліей. «Принимаю ее съ величайшею благодарностью,—писалъ онъ,—тѣмъ болѣе буду сею фамиліею доволенъ, что выборъ оной происходитъ отъ благодѣтельной руки вашего сіятельства и того участія, которое вы, милостивый государь, въ семъ дѣлѣ столь великодушно пріемлете». На этомъ письмѣ оканчивается это дѣло, и неизвѣстно, была ли удовлетворена просьба подполковника Пугачевскаго. Можно предположить, что переименованіе состоялось, такъ какъ таковой фамиліи въ то время, по крайней мѣрѣ, среди знаменитыхъ родовъ, не было. (Арх. полт. губ. правленія по описи № 408).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Современная переписка о землетрясеніи въ Малороссіи 14 окт. 1802 г. I. *Письмо графа К. Г. Разумовскаго князю А. Б. Куракину.* Вчерашняго дня, по полудни въ часъ и тридцать пять минутъ, чувствовано было здѣсь при совершенно ясномъ небѣ и тихой погодѣ землетрясеніе, продолжавшееся съ минуту и довольно ощутительнымъ показавшееся всѣмъ сидѣвшимъ или лежавшимъ, наипаче же находившимся въ верхнихъ этажахъ, гдѣ всѣ безъ изъятія, даже и работою занимавшіеся люди его чувствовали, такъ что въ превеликомъ страхѣ повыбѣгали вонъ. Я сообщаю о семъ вашему сіятельству, какъ о весьма въ здѣшнемъ краѣ рѣдкомъ и не малаго вниманія заслу-

живающемъ происшествіи, не зная, было ли оно въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы пребываніе свое имѣть изволите, и подъ какими обстоятельствами было оно тамъ чувствовано. Честь имѣю быть съ отличнымъ къ вамъ почитаніемъ, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорный слуга графъ Разумовскій.

Октября 15, 1802 г. Батуринъ.

II. *Отвѣтъ кн. А. Б. Куракина.* Милостивый государь графъ Кириллъ Григорьевичъ! Съ чувствомъ полнѣйшей признательности получилъ почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 15 октября сего мѣсяца. Поставляю долгомъ во взаимности вашему сіятельству донесть, что не только здѣсь, но и во всѣхъ окрестностяхъ, сколько понынѣ не получаю я свѣдѣній, 14 текущаго мѣсяца въ одномъ и томъ же часу всюду было чувствуемо землетрясеніе, но благодаря Провидѣнію, оно не влекло за собой никакихъ пагубныхъ послѣдствій. Пользуясь симъ случаемъ, дозвольте мнѣ, милостивый государь, возобновить въ памяти вашего сіятельства, что всѣ опыты вашего ко мнѣ благорасположенія наполняютъ душу мою чувствованіемъ живѣйшей благодарности и непоколебимаго чистосердечнаго прилепленія, и ничто столь много меня не утѣшитъ, какъ удостовѣреніе о вашемъ здоровьѣ; я надѣюсь воспользоваться первою возможностью узнать сіе лично, представить вамъ мою жену и дѣтей, пріѣхавшихъ нынѣ ко мнѣ, и симъ показать новый опытъ, что особеннѣйшею вмѣняю себѣ честью съ всесовершеннымъ высокопочитаніемъ на всегда быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорн. слугою кн. Куракинъ.

Полтава. 1802 года.

III. *Донесеніе Пирятинскаго нижняго земскаго суда князю Куракину.* Вашему сіятельству Пирятинскій нижній земскій судъ рапортуетъ, что въ истекшей первой половинѣ сего мѣсяца октября во всемъ Пирятинскомъ повѣтѣ состояло благополучно, спокойно и никакихъ важныхъ произшествій и удивительныхъ въ натурѣ дѣйствій, равно и пожарей, не случилось и на пребываніи военныхъ дезертировъ и другихъ сомнительныхъ и безпаспортныхъ ни у кого не оказалось, кромѣ продолжавшагося сего октября 14 числа во второмъ часу сполдня черезъ три минуты землетрясенія. Засѣдатель Степанъ Ященко. Октября 16 д. 1802 года. (Арх. полт. губ. правленія по описи № 148).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Два письма гр. Румянцева-Задунайскаго къ кіевскому оберъ-коменданту Я. В. Ельчанинову [1]. 1) *Отъ 24 генваря 1776 г. изъ Каинарджи.* Милостивый государь мой Яковъ Васильевичъ! Домъ, въ которомъ живетъ теперъ Федоръ Матвѣевичъ, я оставляю въ полное его распоряженіе и ни малѣйше не помышляю тревожить спокойство сего смирнаго моего друта и заслуженова человѣка; а вмѣсто оного хотѣлъ бы я знать о выгодахъ тамошняго двора и можно ли мнѣ въ ономъ помѣститься, чего для покорнѣйше васъ прошу прислать ко мнѣ на встрѣчу оному планъ, показавъ особливо въ примѣчаніи, буде есть комнаты такія, кои требуютъ починки, либо что попорченное и изломанное или въ чемъ видимъ недостатокъ въ оныхъ. Я льщу (себя) удовольствіемъ вскорости увидѣть моего любезнаго друга, къ которому преисполненъ я усердія и преданности. Имѣю честь быть в. п—ва покорнѣйшимъ слугою.

—

2) *Отъ 12-го февраля того же года изъ Глухова.* Изъ пріятнѣйшаго письма вашего вижу бл...-ное и обыкновенное вамъ для всѣхъ гостепріимство и для меня оказанное. Я не хотѣлъ бы лучше какъ съ вами и въ домѣ вашемъ жить, зная всѣ въ ономъ для меня выгоды, ежели бы, съ другой стороны, не приносилъ неминуемаго со мною по настоящей моей тамо за дѣломъ бытности безпокойства, коего я ни въ какомъ случаѣ вамъ сдѣлать не желаю, то по сей причинѣ, да и по сносной уже стужѣ, хотѣлось бы стать въ тамошнемъ дворцѣ, гдѣ надобное только необходимо число покоевъ приказать поправить и почистить прошу. Посылая съ симъ архитектора г. Квасова, есмь съ совершеннымъ усердіемъ в. п—ва покорнѣйшимъ слугою.

Изъ архивовъ юго-западнаго края. *Лѣченіе укушенныхъ бѣшенными животными (способъ Кабанца).* 4 апрѣля 1855 года инспекторъ ревизіонной кавалеріи генералъ-отъ-кавалеріи графъ Никитинъ сообщилъ исправляющему должность подольскаго и волынскаго

---

[1]) Указомъ пр. сената отъ 2-го декабря 1775 г. кіевскій генералъ-губернаторъ Фед. Матв. Воейковъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, а до пріѣзда гр. Румянцева дѣла по управленію губерніей поручены были Я. И. Ельчанинову, который и правилъ этими дѣлами до самой своей смерти 10-го февраля 1781 г.

генералъ-губернатора и кіевскаго военнаго губернатора князю Васильчикову, что въ госпиталяхъ округовъ военнаго поселенія кавалеріи введенъ способъ лѣченія людей отъ укушенія бѣшенными животными, изобрѣтенный крестьяниномъ Кабанцомъ; всѣ желающіе будутъ пользованы безвозмездно.

Получая приведенное увѣдомленіе и описаніе самаго способа лѣченія, князь Васильчиковъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ за указаніями.

Въ іюнѣ генералъ-адъютантъ Бибиковъ увѣдомилъ генералъ-губернатора о томъ, что способъ лѣченія былъ уже на разсмотрѣніи медицинскаго совѣта въ декабрѣ 1854 г. и можетъ быть распубликованъ.

Описаніе способа Кабанца: 1) Внутреннее лѣченіе. Укушенному бѣшеннымъ волкомъ или собакою человѣку Кабанецъ даетъ внутрь: сперва порошокъ корня *бѣлаго шильника* съ квасомъ, въ слѣдующей пропорціи—порошка берется 3 раза столько, сколько помѣстится на концѣ обыкновеннаго остроконечнаго столоваго ножа; эти 3 доли всыпаются въ трехунцевый стаканъ, налитый обыкновеннымъ хлѣбнымъ квасомъ, размѣшиваются, и такую смѣсь укушенный выпиваетъ разомъ. Послѣ этого пріема тотчасъ дается больному такое же количество порошка изъ корня *желтаго шильника* съ квасомъ. Послѣдній пріемъ производитъ у больныхъ сильную рвоту, а иногда и поносъ. Когда укушенный успокоится послѣ рвоты, что обыкновенно бываетъ по прошествіи полу или трехъ-четвертей часа, тогда ему дается внутрь съ квасомъ, въ такой же пропорціи, порошокъ корня травы *сухозолотицы*. 2) Наружное лѣченіе. Укушенное, или только оцарапанное бѣшенною собакою мѣсто сперва натирается плотно огнестрѣльнымъ порохомъ, стертымъ въ мелкій порошокъ, потомъ, въ тотъ же часъ, на укушенное мѣсто насыпается обыкновенный зернистый порохъ, который должно посредствомъ фитиля, натертаго пороховою мякотью, воспламенить для необходимаго прижиганія укушенной раны.

Далѣе, если будутъ замѣчены подъ языкомъ укушеннаго бѣшенною собакою такъ называемые бѣлые червячки, а правильнѣе бѣленькіе, едва видимые простымъ глазомъ пузырьки, то берется полувлажная суконка, напитывается съ одной стороны мелко истертымъ огнестрѣльнымъ порохомъ, вытирается ею вся подъязычная полость до истребленія пузырьковъ. Вытираніе порохомъ подъ языкомъ дѣ-

лается только одинъ разъ. (Подлинное подписалъ штабъ-докторъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса статскій совѣтникъ Соколовъ).

21 іюня 1855 года о способѣ Кабанца генералъ-губернаторомъ сообщено господамъ губернаторамъ юго-западнаго края.

Сообщ. **А. Мѣрдеръ.**

Музей И. П. Котляревскаго. Въ недавнее время, подъ впечатлѣніемъ торжествъ по поводу открытія памятника И. П. Котляревскому, харьковское историко-филологическое общество пришло къ мысли учредить при своемъ этнографическомъ музеѣ особый отдѣлъ, посвященный памяти родоначальника новой украинской литературы. Въ этотъ отдѣлъ, который впослѣдствіи можетъ быть преобразованъ въ самостоятельный музей, должно войти рѣшительно все, что такъ или иначе связано съ именемъ и памятью знаменитаго писателя, какъ-то: а) подлинныя рукописи Котляревскаго и принадлежавшіе ему предметы; б) его портреты; в) изданія его сочиненій; г) различные рисунки, относящіяся къ его біографіи; д) иллюстраціи къ его произведеніямъ; е) матеріалы для его біографіи, а равно печатныя статьи и изслѣдованія, касающіяся его жизни и дѣятельности; ж) рисунки, изданія и прочіе предметы, относящіеся къ торжествамъ въ честь его, и т. под. Въ настоящее время отдѣлъ музея имени Котляревскаго открытъ, но пополняется онъ слабо, такъ какъ у ученаго общества нѣтъ средствъ для покупки предметовъ и оно вынуждено разсчитывать, главнымъ образомъ, на пожертвованія со стороны почитателей поэта.

Отъ души привѣтствуя прекрасное начинаніе харьковскаго историко-фил. общества, мы, съ своей стороны, обращаемся къ нашимъ читателямъ съ просьбою оказать ему содѣйствіе присылкою предметовъ, могущихъ войти въ составъ музея, посвященнаго національному генію. Посылки могутъ быть адресованы: въ Харьковъ, въ историко-филологич. общество при университетѣ.

Письмо въ редакцію. Многоуважаемый Господинъ Редакторъ! Въ виду исторической точности, усердно прошу Васъ помѣстить въ журналѣ «Кіевской Старины» нижеслѣдующія строки.

Въ № 45 текущаго года газеты «Областное обозрѣніе и Вѣстникъ казачьихъ войскъ», издаваемой въ Петербургѣ, помѣщена, за

подписью Г. И. Дмитренка, небольшая статья, посвященная памяти послѣдняго кошевого атамана Запорожской Сѣчи, П. И. Кальнишевскаго. Въ этой небольшой статьѣ допущено нѣсколько неточностей, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія

Прежде всего въ ней говорится о томъ, будто бы Кальнишевскій былъ выбранъ въ кошевые атаманы 1 января 1765 года.

Это невѣрно: Кальнишевскій выступилъ въ роли кошевого атамана уже съ половины 1762 года, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая надпись, сдѣланная на евангеліи, принесенномъ имъ самимъ въ даръ Свято-Троицкой церкви с. Пустовойтовки, теперешней полтавской губерніи, роменскаго уѣзда, откуда онъ происходилъ родомъ.

«Сія книга евангеліе въ церковь свято Троицкую. села Пустовойтовки издѣлано стараніемъ и коштомъ войска запорожскаго Низового войскового Судьи нынѣ уже Кошевого Атамана Петра Івановича Калнишевского за здравіе его и за упокой умершаго Іvана Агафіи Зиновіи еже въ живыхъ Андрея, Параскавеи, Симеона, Андрея и Іосифа еще въ живыхъ пребывающаго, оному жъ Евангелію цена пятъ сотъ рублей подписана в сѣчѣ запорожской 1762 году іюля 3 дня".

Повидимому эта надпись сдѣлана была, какъ дополненіе, нѣсколько позднѣе двухъ надписей, вырѣзанныхъ раньше,—одной на верхней серебряной доскѣ, другой—на внутреннемъ борту нижней, также сесеребряной доски.

«Сія книга евангеліе издѣлано коштомъ войска запорожского низового судіи войскового Петра Ивановіча Калнишевского. В церковъ святотроицкую села Пустовоітовки 1762 году цена жъ оному пять сотъ рублей».

Затѣмъ и неполно и неточно передана у г. Дмитренка надпись, сдѣланная на нагдробной плитѣ Кальнишевскаго, лежащей надъ его прахомъ въ Соловецкой обители, возлѣ алтарной части собора.

Вотъ какъ передаетъ ее г. Дмитренко:

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ, не хочетъ смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго кошевого бывшей когда-то (?) Запорожской грозной Сичи (?) казаковъ атамана Калнышевскаго, сосланнаго въ сію обитель по Высочайшему повелѣнію 1776 года на смиреніе. Онъ въ 1801 году по Высочайшему повѣленію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрелъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои вины.

Скончался 1803 года октября 23 дня (?), въ субботу, 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою доброю».

Въ 1887 году я посѣтилъ Соловецкій монастырь, довольно долго работалъ въ мѣстномъ архивѣ, видѣлъ могилу Кальнишевскаго, скопировалъ и сфотографировалъ надпись, сдѣланную на его надгробной плитѣ, нашелъ нѣсколько документовъ, проливавшихъ свѣтъ на положеніе страдальца въ мрачной тюрьмѣ, и все это своевременно напечаталъ въ трехъ моихъ трудахъ: „Запорожье въ остаткахъ старины“, „Матеріалы для запорожскихъ козаковъ», „По слѣдамъ запорожцевъ“.

Вотъ что у меня было напечатано и вотъ что у меня имѣется теперь на фотографическомъ снимкѣ:

„Господь нашъ Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ не хочетъ смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго Кошевого бывшей некогда запорожской грозной Сѣчи козаковъ атамана Петра Кольнышевскаго, сосланнаго въ сію обитель по Высочайшему повелѣнію въ 1776 году на смиреніе. Онъ въ 1801 году по Высочайшему повелѣнію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина искренно познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня въ Суб. 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою доброю. Блаженни мертвіи умирающіи о Господѣ: Аминь 1856 (Адамова голова) А. А.“.

Какъ видимъ, кромѣ недостающаго конца и нѣкоторыхъ мелкихъ неточностей, у г. Дмитренка допущена ошибка въ днѣ кончины Калнишевскаго: онъ заставляетъ умирать его не 31 октября, а 23-го.

Въ свое время я также хлопоталъ у наслѣдниковъ и издателей „Крестнаго календаря“ А. А. Гатцука занести въ дни кончины замѣчательныхъ людей на 31 октября и фамилію послѣдняго кошевого атамана П. И. Кальнишевскаго, и издатели исполнили мою просьбу.

Также точно невѣрно передана у г. Дмитренка и надпись на томъ замѣчательномъ евангеліи, которое было сооружено Кальнишевскимъ въ обитель св. Преображенія и преподобныхъ Зосима и Савватія (сравни у г. Дмитренка и въ названныхъ моихъ сочиненіяхъ).

Въ 10 № „Кіевской Старины“ также была напечатана статья г. Г. Б. „Ко дню столѣтней кончины П. Кальнишевскаго“.

Перечитывая эту статью, я въ ней также не нашелъ ни полноты, ни точности относительно надписи на плитѣ Кальнишевскаго и оставленныхъ имъ вещей Соловецкой области. Такъ, надгробная над-

пись почему-то у г. Г. Б. приведена не сполна,—безъ трехъ начальныхъ строкъ, хотя день смерти Кальнишевскаго указанъ точно, 31 октября; надпись на евангеліи также не полна и не совсѣмъ точна (сравни „По слѣдамъ запорожцевъ“, стр. 186, и статья Г. Б., стр. 207).

О запрестольномъ четырехъ-конечномъ крестѣ, пожертвованномъ Кальнишевскимъ въ обитель, г. Б. не говоритъ вовсе, а между тѣмъ на немъ имѣется слѣдующая надпись:

«Сей крестъ сдѣланъ вкладомъ Петромъ Ивановымъ Кошевымъ 1794 года, вѣсъ тринадцать фунтовъ (48) сорокъ восемъ золотыхъ», т. е. золотниковъ.

О тѣхъ архивныхъ документахъ, которые находятся въ Соловецкомъ монастырѣ и которые касаются личности Кальнишевскаго, г. Г. Б. также умалчиваетъ, хотя онъ и посѣтилъ лично Соловецкую обитель въ настоящемъ году.

Д. И. Эварницкій.

Будаковка, миргородскаго уѣзда.

Колядки. Предлагаемыя колядки, записанныя въ Подольщинѣ, принадлежатъ къ группѣ колядокъ самыхъ древнихъ, касающихся мотивовъ любовно-бытовыхъ, еще не связанныхъ даже съ полународною легендою рождественскою, а имѣющихъ, быть можетъ, древне-миѳологическую основу. Образцы колядокъ этого типа были помѣщены на страницахъ нашего журнала, но предлагаемые номера всё же представляютъ интересъ, какъ любопытные варіанты. Особенно интересенъ конецъ 3-ей колядки; мотивъ обѣщанія соколомъ награды молодцу за пощаду жизни не новъ, (хотя все-же довольно рѣдокъ),—но намъ не приходилось встрѣчать его съ такими поэтическими метафорами, какъ упоминаемыя въ этой подольской колядкѣ:—душистыя «гатки зеленои мяткы», звонъ «палей въ быти таляры» и т. д...

Къ сожалѣнію, колядки записаны, какъ намъ кажется, не совсѣмъ точно, по отношенію къ размѣру стиховъ, едва-ли могущихъ въ такомъ видѣ, какъ они написаны, уложиться въ опредѣленный музыкальный мотивъ; вѣроятно, въ пѣніи эти строки получали одинаковую музыкальную стройность посредствомъ повторенія полустиха, или прибавки частицъ «ой», «та» и другихъ, обыкновенно употребляемыхъ въ этомъ случаѣ при самомъ пѣніи. (Поэтому такъ полезно бываетъ записанную, иногда со *словъ*, пѣсню—снова провѣрить *по пѣнію*,

чтобы сгладить невольную неточность записи, выправить её соотвѣтственно исполненію въ пѣніи).—Въ помѣщаемыхъ колядкахъ замѣчаются также искаженія самыхъ словъ (б. м. явившіяся и не по винѣ записывавшаго): такъ, наприм., слово *гришная* панна (въ 3-ей строкѣ 1-й колядки) стоитъ, вѣроятно, вмѣсто *гречная* панна,—старое слово, особенно присущее правобережному говору и представляющее довольно обычный эпитетъ старыхъ веснянокъ и колядокъ («гречная панна», «гречный молодець»). Такимъ же искаженіемъ кажется намъ и выраженіе «*терновый* винокъ» (въ концѣ 2-й колядки): обыкновенно употребляется въ старыхъ колядкахъ эпитетъ: «*перловый* винокъ», (или «*павовый* винокъ», но не терновый).

Во всякомъ случаѣ, всѣ три подольскія колядки прядставляютъ большой интересъ по своему содержанію—колядокъ древнихъ, записи которыхъ особенно желательны, какъ типовъ въ настоящее всемя уже рѣдкихъ, вытѣсняемыхъ колядками послѣдующихъ типовъ,—«божествéнными»...

Ред.

№ 1.

Ой въ чыстимъ поли по край дороги
Стоить коршомка мурованая,
А въ тій коршомци гришная *(гречная)* панна,
Шынкуе вона трома шынкамы:
(Що) Першымъ шынкомъ—солодкымъ медкомъ,
А другымъ шынкомъ—пывомъ, та выномъ.
Прыйшлы до неи тры товарыши;
Ой пылы, пылы та не платылы,
А вона у ныхъ заставы взяла:
(Въ) Першого взяла вороного коня,
(Въ) У другого взяла ясну шабельку,
(Въ) У третёго взяла золотый перстеныкъ;
Вороного коня батеньку дала,
Ясну шабельку братику дала,
Золотый перстень сама сходыла.
За цимъ-же словомъ бувай-же здорова...

№ 2.

А въ субботу та пораненьку
Рано встала [1]), косу чесала;

[1]) Должно быть имя дѣвушки (напр. „Ганнуся встала косу чесала“).

Прыйшлы до неи подругы іи:
— Кыдай, *(Ганнусю?)* косу чесаты
Та иды зъ намы колядуваты.
— Подругы мои, ни́колы мени;
Бо мій братикъ *(братичокъ)* зъ войны прыйихавъ,
Прывизъ *(винъ)* мени тры подарочкы:
Першый подарокъ—золотый перстень,
Другый подарокъ—терновый *(перловый)* винокъ.
Третій подарокъ зеленая шуба.
Золотый перстень на руци сяе,
Терновый винокъ голову стеле,
Зеленая шуба слидъ замитае.

№ 3.

Надъ двором, дворомъ,
Надъ сынимъ моремъ,
Стоить дерево тонке, высоке, (2?)
Лыстомъ шыроке.
Лыстомъ шыроке, верхомъ кучеряве,
А на тыхъ кучерахъ соколы сыдять.
Красный панычъ нашъ лукъ направляе, (2?)
Соколивъ стриляе;
А воны его хороше просять:
— Красный панычу, не стриляй-же насъ,
Не стриляй-же насъ, не збавляй-же насъ,—
Мы-жъ тоби станемъ въ велыкій прыгоди:
(Ой) Якъ ты будешъ молодый *(молодъ)* женыться,
Якъ ты будешъ зъ своею панею йихать,—
Зазвенять пали въ быти таляри,
Запахнуть га́ткы зеленои мяткы,
Зацвитуть поля сынимъ дженжуромъ.

(Собралъ А. Грепачевскій,—въ с. Мизяк. Хуторахъ, винницкаго уѣзда).

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 4852 р. 83 к. (см. № 12-й 1903 г., стр. 141—143) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день празднованія 35-тилѣтія его музыкальной дѣятельности, вновь поступило: 1) Е. К. Тимченко—3 р.; 2) М. Н. Тимченко—3 р.; 3) Ю. Л. Крамаренко—5 р.; 4) З. И. Краковецкій—5 р.; 5) З. и И. Мѣрные—5 р.; 6) П. Р. Тимошокъ—5 р.; 7) И. Ф. Винда—5 р.; 8) А. П. Пучковскій—3 р.; 9) Х. В. Бѣлицкій—3 р.; 10) П. А. Стаховскій—3 р.; 11) И. Ф. Захарьевичъ—3 р.; 12) З. Г. Краковецкая—2 р.; 13) П. Г. Петрушевскій—2 р.; 14) А. Ѳ. Лащенко—2 р.; 15) Л. Ф. Жеребко—2 р.; 16) Н. И. Глядѣй—2 р.; 17) П. Ѳ. Куринный—2 р.; 18) С. Я. Хотскій—2 р.; 19) В. И. Вишневскій—2 р.; 20) Г. П. Кушаковъ—2 р.; 21) Ф. И. Колесницкій—2 р.; 22) В. К. Лисовскій—2 р.; 23) К. А. Калиновскій—2 р.; 24) Я. С. Этингеръ—2 р.; 25) А. І. Фельманъ—1 р.; 26) Л. Т. Терлецкая—1 р.; 27) Ф. И. Савченко-Боженко—1 р.; 28) А. И. Тарубаровъ—1 р.; 29) С. Р. Френкель—1 р.; 30) И. Г. Дергунъ—1 р.; 31) В. А. Пашковскій—1 р.; 32) С. Л. Логовинскій—1 р.; 33) Колпакчи—1 р.; 34) Л. Ф. Пархоменко—1 р.; 35) Ф. А. Фаевъ—1 р.; 36) Н. Г. Бѣлый—1 р.; 37) Г. И. Калиновскій—1 р.; 38) В. И. Попель—1 р.; 39) А. С. Гончаренко—1 р.; 40) Н. И. Кожемяка—1 р.; 41) А. И. Назаревскій—50 к.; 42) Н. И. Пятковскій—50 к.; 43) Гнатъ Яструбецькый—5 р.; 44) И. Римаревскій—2 р.; 45) К. М.—1 р.; 46) М. Н. Требинская—5 р.; 47) П. Скрипчинскій—1 р.; 48) П. Д. С.—1 р.; 49) А. И. Штишевскій—3 р.; 50) А. Т. Ушановъ—1 р.; 51) Б. С. Познанскій—10 р.; 52) М. Н. Качура—5 р.; 53) Изъ Лубенъ выручен. со спектакля—54 р.; 54) С. И. Андрущукъ—5 р.; 55) Я. Г. Демченко—100 р.; 56) В. В. Тарновскій—100 р.; 57) С. В. Глинка—25 р.; 58) Я. О. Ботвиновскій—1 р.; 59) С. А. Ширай—10 р.; 60) М. Цибульскій—2 р.; 61) Н. В. Гвоздикъ—5 р.; 62) С. А. Д. (изъ Бѣлостока)—5 р.; 63) Ж-къ, З-цъ, М-въ, Кт-ій (изъ Симферополя)—3 р.; 64) Туробойскій—25 р.; 65) Александровичъ—25 р.; 66) Панкевичъ—5 р.; 67) Витвицкій—5 р.; 68) Яциневичъ—5 р.; 69) Каниведкій—3 р.; 70) Селюкъ—2 р.; 71) Лилье 5 р.; 72) Тимченко—2 р.; 73) Николаевъ—5 р.; 74) Липко—2 р.; 75) Середа—6 р.; 76) Гоніондзскій—5 р.; 77) Листовничій—5 р.; 78)

И. П. Болюбашъ—75 р.; 79) А. С. Толочиновъ—15 р.; 80) А. И. Гдѣшинскій—3 р.; 81) Г. И. Грушевскій—3 р.; 82) Ивановъ—1 р.; 83) В. П. Солуха—2 р.; 84) Павловъ—1 р.; 85) Б. С. Хаимовскій—3 р.; 86) С. Ф. Мизецкій—1 р.; 87) NN (изъ Златополя)—1 р.; 88) Г. Ф. Замедянскій—1 р.: 89) Новицкій—5 р.; 90) Ѳ. І. Мѣрный—2 р.; 91) Л. И. Воеводскій—1 р.; 92) Е. М. Бриксманъ—3 р.; 93) Ксен. Заіончковскій—2 р.; 94) Г. Е. Линникъ—2 р.; 95) С. Г. Меттъ—1 р.; 96) Н. П. Чернушевичъ—3 р.; 97) П. Г. Турчановичъ—1 р.; 98) С. Л. Гальперинъ—1 р.; 99) Бѣлевичъ—3 р.; 100) Мыслицкій—3 р.; 101) Н. И. Любистковъ—1 р.; 102) В. Скрипчинскій—1 р. 50 к.; 103) отъ почитателей изъ с. Богачки—4 р. 20 к.; 104) изъ товариства «Днистеръ»: урядныкы «Днистра 50 кор. 70 сот., укр.-руськи товариства въ Перемышли 100 кор., укр.-руськи товариства въ Тернополи 100 кор., кружокъ украин. дивчатъ у Львови, 30 кор., о. Н. Кумановськый—10 кор., Иванъ Цурковскій 4 кор., В. Федоровичъ 2 кор., о. Иванъ Иванчукъ 2 кор., Петро Давидовскый 1 кор., И. Яремкевычъ 30 сот.,—всего 300 кор., т. е. 118 р. 60 к.; 105) М. К. Занковецкая—25 р.; 106) М. Л. Кропивницкій—25 р.; 107) Русыны миста Ярослава—19 р.; 108) Л. А. Ждановъ—10 р.; 109) В. В. Боржковскій—3 р.; 110) З. А. Линдфорсъ—10 р., 111) Ив. и Вѣра Храпаль—2 р.; 112) М. Леонтовичъ—7 р.; 113) Ел. Клопотовськый—1 р.; 114) Тульчынци—4 р. 10 к.; 115) М. К. Васильевъ—50 р.; 116) Л. А. Бокій—10 р.; 117) Черезъ Наукове Товар. имени Шевченка: Тов. им. Шевченка 253 кор., М. Грушевськый 20 кор., д-ръ І. Франко—20 кор., Ол. Борковскый—3 кор., Ол. Барвинськый—10 кор., В. Биленькый—2 кор., Б. Барвинськый—2 кор., І. Чапельськый—3 кор., А. Хойнацкій—5 кор., Е. Харкевичъ—10 кор., Л. Цегельськый—2 кор., А. Дольныцькый—3 кор., С. Днистрянськый—4 кор., С. Федякъ—10 кор., С. Громныцькый—4 кор., Ѳ. Ганинчакъ—2 кор., Т. Грушкевычъ—2 кор., Я Грушкевычъ—2 кор., В. Гнатюкъ—5 кор., І. Ясеницькый—5 кор., К. Ерми—5 кор. В. Коцовськый—3 кор., І. Кокорудзъ—4 кор., О. Колесса—10 кор., Я. Кулачковськый—2 кор., Л. Коссакъ—5 кор., Г. Кысиль—2 кор., В. Левицькый—а кор., М. Лужныцькый—1 кор., І. Макухъ—5 кор., В. Нагирный—5 кор., П. Огоновськый -4 кор., Г. Огоновськый—4 кор., Е Озаркевичъ—3 кор., К. Панькивськый—10 кор.

Ю Романчукъ—10 кор., С. Рудныцькый—4 кор., Т. Реваковычъ—10 кор., І. Рудовычъ—2 кор., Д. Савчукъ—3 кор., Ѳ. Стефановичъ—4 кор., Ш. Сельськый—10 кор., М. Шухевичъ—3 кор., К. Студинськый 11 кор., Ю. Сичинськый—5 кор., В. Тиховськый—4 кор.,—всего 500 кор., т. е. 197 руб.; 118) С. И. Эрастовъ—5 р.; 119) Н. В. Левитскій—5 р.; 120) Х. П. Олейниковъ—10 р.; 121) Ю. Ю. Цвѣтковскій—15 р.; 122) С. Исакова—5 р.; 123) Л. Кардиналовская—5 р.; 124) В. И. Бордычевская—1 р.; 125) А. Ш-ха—15 р.; 126) Н. А. Добротворскій—10 р.; 127) А. Л. Глѣбовъ—3 р.; 128) С. Е. Струменскій—2 р. 90 к.; 129) Н. Я. Константиновичъ—10 р.; 130) Бар. Ф. Р. Штейнгель—10 р.; 131) Янченко—10 р.; 132) М. Ѳ. Лободовскій—3 р.; 133) О. И. Л.—10 р.; 134) видъ Черкассцивъ—20 р., 135) докт. Г. Ф. Писемскій—15 р. 65 к.,—всего вмѣстѣ съ прежними *6159 р. 78 к.* Изъ этихъ денегъ 286 р. присланы билетомъ Дворянскаго съ выигрышами займа, 1000 р. предназначена, согласно волѣ жертвователя, не изданіе произведеній Н. В. Лисенка, а остальная сумма въ размѣрѣ 4873 р. 78 к., къ которымъ будутъ присоединены всѣ дальнѣйшія присылки, будетъ употреблена на пріобрѣтеніе для Н. В. Лисенка, по его выбору, дачной усадьбы вблизи Кіева, гдѣ-бы онъ могъ въ лѣтнее время найти для себя отдыхъ послѣ тяжелаго зимняго труда.

Сверхъ того, во время празднованія юбилея нѣкоторыми почитателями юбиляра было прислано въ нашу редакцію *207 р. 49 к.*, какъ основа капитала для созданія въ Кіевѣ музыкальной школы *имени Н. В. Лисенка.*

Текущія извѣстія.

Къ чествованію 35-лѣтняго юбилея Н. В. Лисенка. Кромѣ двухъ пунктовъ,—Львова и Кіева,—въ которыхъ состоялись очень торжественныя празднества въ честь 35-тилѣтія музыкальной дѣятельности нашего талантливаго композитора и собирателя народныхъ украинскихъ мотивовъ, Н. В. Лисенка, и о которыхъ мы дали отчетъ въ особой статьѣ (см. отд. 1-й),—болѣе скромныя празднества состоялись до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, и въ другихъ городахъ.—Такъ, у насъ въ рукахъ имѣется программа «хорового русско-малорус-

скаго концерта» подъ управленіемъ А. Кошица, въ г. Ставрополѣ; концертъ этотъ состоялся по поводу юбилея Н. В. Лисенка 15-го декабря. Въ составѣ номеровъ, исполненныхъ въ этотъ вечеръ, были: 1) «Иванъ Гусъ», изъ поэмы Т. Шевченка, муз. Лисенка; 2) Гей по морю сынёму», народная пѣсня, аранжиров. Лисенкомъ; 3) „Про Куперьяна», народная пѣсня, аранжир. Лисенкомъ; 4) «Ой що жъ бо то за воронъ», народн. пѣсня, аранжир. Лисенкомъ; 5) «Ой у поли тры крыныченькы», народная пѣсня, аранжиров. Лисенкомъ; 6) «Ой тысяча симсотъ девяносто першого року», народная пѣсня, аранжиров. А. Кошицемъ;—7) „Журавель“, народная пѣсня, аранжиров. Кошицемъ.— Въ г. Лубнахъ (полт. губ.) состоялся спектакль въ честь юбиляра; поставлена была піеса Л. А. Яновской «Лисова квитка» любительскими силами.

Кромѣ того, намъ извѣстно, что Кіевское Общество Грамотности постановило устроить народный концертъ въ честь юбиляра; концертъ этотъ, какъ предполагается, состоится 18-го февраля въ театрѣ Кіевскаго Общества Грамотности. Въ Петербургѣ, какъ мы слышали, состоится концертъ въ честь Н. В. Лисенка, на второй недѣлѣ великаго поста.

Неизданныя сочиненія В. Н. Каразина. Проф. Д. И. Багалѣй внесъ въ совѣтъ университета докладъ, въ которомъ предлагалъ ознаменовать открытіе памятника В. Н. Каразину, положившему основаніе харьковскаго университета, изданіемъ въ свѣтъ полнаго собранія его сочиненій и писемъ. Проф. Багалѣй указываетъ, что В. Н. Каразину принадлежитъ цѣлый рядъ трудовъ, имѣющихъ большой общественный и научно-литературный интересъ. Они касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и тѣснымъ образомъ связаны съ его широкою общественною дѣятельностью. Не будучи ученымъ по профессіи, В. Н. Каразинъ въ то же время съ любовью занимался нѣкоторыми науками, имѣлъ химическую лабораторію и метеорологическую станцію въ своемъ селеніи Крючикѣ и сдѣлалъ нѣсколько работъ, которыя представляли и практическій интересъ. Въ области метеорологіи онъ въ Южной Россіи предварилъ нѣкоторыя позднѣйшія изысканія. Его прекрасные научные опыты, выразившіеся въ устройствѣ опытнаго поля, представляютъ значительный интересъ, также точно, какъ и вся его дѣятельность по основанному и руководимому имъ филотехническому обществу. Большой интересъ представляютъ и его записки полити-

ческаго характера. Заслуживаютъ изданія и его письма, въ которыхъ проявились его характеръ и кипучая натура. Между тѣмъ, до сихъ поръ все это богатое умственное наслѣдіе, можно сказать, оставалось подъ спудомъ, ибо частью вовсе не было издано, а частью было напечатано въ такихъ повременныхъ изданіяхъ, которыя имѣются только въ Императорской публичной библіотекѣ и представляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Собранія же его сочиненій, даже неполнаго, не было.

Проф. Багалѣй, предлагая собрать и издать сочиненія В. Н. Каразина, полагалъ, что сумма, затраченная на это, будетъ выручена цѣликомъ отъ продажи сочиненія, и высказалъ желаніе, чтобы она предназначена была на какое-либо просвѣтительное дѣло, связанное съ именемъ В. Н. Каразина, напр., для учрежденія преміи его имени для студентовъ за лучшія работы по исторіи и современному состоянію столь любимой имъ «Украины», подъ которою онъ разумѣлъ нынѣшнюю харьковскую губернію.

По обсужденіи этого предложенія, совѣтъ университета призналъ изданіе сочиненій и писемъ В. Н. Каразина желательнымъ и постановилъ: 1) присоединить къ числу намѣченныхъ совѣтомъ университета юбилейныхъ изданій—изданіе полнаго сборника сочиненій и писемъ В. Н. Каразина, 2) просить проф. Д. И. Багалѣя принять на себя трудъ по собиранію сочиненій и писемъ В. Н. Каразина и по редактированію этого сборника, 3) внести въ смѣту спеціальныхъ средствъ университета 1,500 руб. на расходы по этому изданію и 4) сумму, какая имѣетъ быть выручена отъ продажи сборника сочиненій и писемъ В. Н. Каразина, обратить на какое либо просвѣтительное дѣло, связанное съ именемъ Каразина, согласно предложенію проф. Д. И. Багалѣя.

Крестьяне-артисты. По словамъ «Полт. Вѣст.» въ лохвицкомъ уѣздѣ, по иниціативѣ самихъ крестьянъ, образовались три народныя труппы, прекрасно ставящія малороссійскіе спектакли. Въ составѣ этихъ труппъ нѣтъ ни единаго дипломированнаго интеллигента, въ нихъ участвуетъ исключительно крестьянская молодежь, состоящая изъ бывшихъ и настоящихъ учениковъ земскихъ школъ.

М. Л. Кропивницкій взялъ на себя высшее руководство этими народными артистами, и талантливость, вдумчивое отношеніе къ дѣлу

и пониманіе изображаемыхъ типовъ невольно останавливаютъ взиманіе каждаго, кто видѣлъ игру лохвицкихъ актеровъ-крестьянъ.

Безплатный сельскій спектакль. Дѣло народнаго украинскаго театра въ селахъ начинаетъ все сильнѣе развиваться. Такъ, у насъ въ рукахъ есть афиша о состоявшихся 6 и 7 декабря прошлаго года спектакляхъ въ с. Жеребцѣ, александровск. уѣзда. Поставлена была кружкомъ любителей драматическаго искусства извѣстная піеса Карпенка-Карого «Бурлаки». Входъ на оба спектакля былъ безплатный. Представленія происходили въ домѣ сельскаго общества.

Украинскій театръ въ Кіевѣ. Съ конца ноября въ Кіевѣ гоститъ малорусская труппа А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго. Какъ по своему составу (г-жи: Борисоглѣбская, Войцеховская, Линицкая, Онищенко, Садовская, Суслова, Тобилевичъ и др.; г.г. Дзбановскій, Зайченко, Карпенко-Карый, Ласкавый, Панкивскій, Позняченко, Садовскій, Саксаганскій, Чечорскій и др.), такъ и по серіозности отношенія къ дѣлу, отмѣченной глубокимъ сознаніемъ возможности служенія родному искусству,—эта труппа удовлетворяетъ самымъ высокимъ требованіямъ, которыя могутъ предъявляться къ театру. Въ самомъ дѣлѣ, наличность крупныхъ, могущихъ сдѣлать честь любому европейскому театру талантовъ, рядъ молодыхъ многообѣщающихъ силъ, носящихъ слѣды серіозной школы, тщательность постановки пьесъ, вообще вполнѣ художественный ансамбль,—ставитъ труппу такихъ опытныхъ и умѣлыхъ режиссеровъ, какъ г.г. Саксаганскій и Садовскій на первое мѣсто.—Что касается репертуара, то онъ, отличаясь, за нѣкоторыми незначительными исключеніями, строгимъ подборомъ прежнихъ пьесъ извѣстныхъ драматурговъ,—правда не вполнѣ использованныхъ,—даетъ намъ и нѣсколько новинокъ, заслуживающихъ полнаго вниманія. Кіевляне уже имѣли возможность познакомиться и оцѣнить историческую драму г. Карпенка-Караго: «Гандзя», являющуюся немалымъ пріобрѣтеніемъ для украинской сцены. На очереди стоитъ пьеса того-же автора: «Суета». Интересъ и жизненность сюжета—отношеніе отцовъ и дѣтей—возбуждаютъ всеобщее вниманіе къ новому произведенію этого, по выраженію г. Франка, «першого нині майстера на полі украінськоі драматичноі літературы». Далѣе пойдетъ пьеса г. Франка—«Украдене щастя». Это первый опытъ познакомить

украинскую публику съ творчествомъ галицкихъ авторовъ. Имя Франка, художественная постановка нашей труппы,—все это является залогомъ успѣха этого перваго важнаго шага. Ограничиваемся теперь краткимъ упоминаніемъ, такъ какъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ мы намѣрены подробнѣе остановиться на новинкахъ украинскаго репертуара, которыми подарила насъ гостящая труппа.

Сердечно привѣтствуя дорогихъ гостей и принося искреннюю благодарность отъ лица украинской публики за высокое эстетическое удовольствіе, доставляемое ихъ талантливой игрой, мы отъ души желаемъ имъ силъ еще много и много лѣтъ съ прежней бодростью отдаваться самоотверженному служенію украинской сценѣ, являясь ея украшеніемъ, и смѣло идти на встрѣчу лучшему будущему родного искусства.

Полтавское общество взаимопомощи въ Петербургѣ. Какъ сообщаетъ «Полт. Вѣстн.» (№ 290), 1 декабря начало функціонировать вновь организованное въ Петербургѣ Полтавское общество взаимопомощи, устроенное полтавцами—учащимися въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Члены-учредители этого общества рѣшили включить въ составъ своего общества всѣхъ петербургскихъ студентовъ—уроженцевъ полтавской губерніи, а также и всѣхъ тѣхъ, кому приходилось учиться въ учебныхъ заведеніяхъ полтавской губерніи. Вслѣдствіе этого число членовъ общества значительно превысило цифру 120, какая намѣчена была раньше. Увеличеніе-же числа участниковъ общества повлекло за собою уменьшеніе взноса ихъ. По окончательному рѣшенію участниковъ общества, каждый изъ нихъ взноситъ при своемъ вступленіи въ общество единовременно 50 копѣекъ. Кромѣ взносовъ участниковъ общества, суммы его пополняются частью доходовъ отъ устраиваемыхъ въ Полтавѣ студенческихъ вечеровъ,—что доставитъ рублей 300—400 въ годъ, а также пожертвованіями нѣкоторыхъ благотворителей, каковыя предвидятся уже. Капиталъ общества раздѣляется на двѣ части—запасный и оборотный; запасный капиталъ составляютъ 25% всего капитала общества. Ссуды выдаются незначительныя—60 рублей—безсрочно, т. е. до окончанія учебнаго заведенія и поступленія на службу дѣлающаго заемъ. Кассиръ общества, его помощникъ и члены совѣта—уже избраны. На будущее время рѣшено, чтобы новые члены вступали въ общество не иначе, какъ по

рекомендаціи трехъ членовъ учредителей. Въ февралѣ 1904 г. будетъ образована ревизіонная коммиссія, которая и произведетъ ревизію суммъ общества къ 1 марта 1904 года.

Конкурсъ галицко-русскаго благотворительнаго общества въ Петербургѣ. Галицко-русское благотворительное общество объявило конкурсъ на премію въ 200 рублей за лучшее популярное сочиненіе о дѣятельности св. митрополита Петра въ дѣлѣ объединенія русской земли. Срокъ представленія сочиненій на конкурсъ—1 ноября 1904 г.

Засѣданіе предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ. 11-го декабря въ квартирѣ губернскаго предводителя дворянства М. И. Миклашевскаго состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда. Секретарь комитета Я. Г. Гололобовъ доложилъ о томъ, что имъ были разосланы въ количествѣ 4 тысячъ экземпляровъ программы, какъ по собиранію древностей, такъ и по этнографіи; программы эти разосланы въ разныя мѣста губерніи. На многіе изъ нихъ получены отвѣты. Главнымъ образомъ отвѣты получены отъ учителей и завѣдующихъ земскими и церковно-приходскими школами, есть также отвѣты и отъ частныхъ лицъ. Послѣ этого профессоръ Д. И. Эварницкій прочелъ свой докладъ о произведенныхъ имъ въ новомосковскомъ и верхнеднѣпровскомъ уѣздахъ раскопкахъ, о его изслѣдованіяхъ запорожской старины въ нѣсколькихъ селеніяхъ и добытыхъ имъ предметахъ запорожской старины для музея. Чрезвычайно живо и интересно составленный докладъ былъ прослушанъ съ большимъ вниманіемъ и вызвалъ большой интересъ въ слушателяхъ.

О раскопкахъ и пріобрѣтеніяхъ для областного музея въ Екатеринославѣ, сдѣланныхъ профессоромъ Д. И. Эварницкимъ. Профессоръ Д. И. Эварницкій возвратился изъ полтавской губерніи въ Екатеринославъ и привезъ съ собою цѣлый рядъ чрезвычайно цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ, частью найденныхъ имъ при раскопкахъ, частью подаренныхъ ему разными лицами.

Чудной работы бюстъ Г. А. Шевченко, вылѣпленный изъ глины подъ бронзу въ миргородской художественной, имени Гоголя, школѣ по указаніямъ академика Балавинскаго. Запорожская рушница (ружье) художественно отдѣланная слоновой и черной костью съ инкрустаціями. Ружье это подарено профессору Д. И. Эварницкому М. Н. Стеблинъ-Каменскимъ; старинный XVIII вѣка графинъ, съ трехъ сторонъ орнаментированный, вполнѣ сохранившійся; кофейникъ фарфоровый, двухъцвѣтный съ густой позолотой; древній стекляный графинчикъ съ кадуцеемъ и деревьями по бокамъ. Старинная запорожская *люлька,* большое желѣзное копье съ изображеніемъ на немъ двуглаваго орла; двѣ мѣдныя рѣдкостныя запорожскія чернильницы; коллекція малороссійскихъ писанокъ. Голубокъ, вырѣзанный съ крыльями и перьями изъ одного куска дерева (чудо кустарнаго издѣлія). Нѣсколько бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлокъ изъ кургана въ имѣніи Бадаковка, миргородскаго уѣзда. Древній планъ Россійской имперіи съ обозначеніемъ на немъ шедшихъ черезъ Запорожье шляховъ, нынѣ вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги затерянныхъ. Фотографіи коллекцій найденныхъ профессоромъ каменныхъ бабъ. Фотографическій снимокъ единственной въ мірѣ бронзовой вазы, найденной профессоромъ при раскопкахъ кургана въ херсонской губерніи (ваза отправлена профессоромъ въ Императорскій эрмитажъ). Каменный шлифованный молотокъ—совершенное произведеніе каменнаго вѣка. Отбойникъ кремневый палеолитическаго періода. 10 куренныхъ печатей; гербъ митрополита Петра Могилы; коллекція фотографическихъ снимковъ рѣзныхъ статуй апостоловъ, украшавшихъ запорожскую церковь XVIII столѣтія. Планъ города Кафы (Θеодосіи). Всѣ перечисленные предметы принесены профессоромъ въ даръ областному музею.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Постановленія „Народного зъизда“ во Львовѣ. 8 дек. нов. ст. состоялся во Львовѣ «Народный зъиздъ», который постановилъ: 1) «Народный зъиздъ» одобряетъ выходъ русинскихъ пословъ изъ сейма и сложеніе съ себя посольскихъ полномочій. 2) «Народный зъиздъ» приглашаетъ всѣ свои организаціи употребить всевозможныя усилія, чтобы вторично были выбраны тѣ-же самые послы. 3) «Народный зъиздъ» поручаетъ русинскимъ посламъ «рады державнои» употре-

бить всѣ самыя острыя парламентарныя средства противъ польскихъ главарей и австрійскаго правительства для указанія крайняго неудовлетворенія русинскаго народа своимъ политическимъ положеніемъ, ставя на видъ желаніе какъ можно далѣе простирающейся національной автономіи въ русинскихъ земляхъ Галичины.

Рѣчь посла Василька въ засѣданіи австрійской делегаціи. Большое впечатлѣніе произвела рѣчь посла Василька 6 декабря въ засѣданіи австрійской делегаціи. Выдающіеся нѣмецкіе органы печати, напр. «Neue fr. Presse», «Fremdenblatt», помѣстили подробное содержаніе этой рѣчи, чѣмъ доказывается важность значенія ея. Сущность рѣчи посла Василька сводилась къ тому, что чешскій посолъ д-ръ Крамаржъ, нападая на австрійскій централизмъ, стоялъ за автономію отдѣльныхъ краевъ, между тѣмъ какъ, по словамъ Василька, русины и въ Галичинѣ и въ Буковинѣ гораздо меньше терпятъ отъ остатковъ нѣмецкаго централизма, нежели отъ того централизма, который господствуетъ въ ихнемъ краѣ. Для доказательства своей мысли онъ сослался на то, что чешскій посолъ жалуется на отсутствіе въ Моравіи чешскаго университета, а между тѣмъ Русины, одинъ изъ наиболѣе численныхъ народовъ въ Австріи, еще и до сихъ поръ должны вести упорную борьбу за право имѣть свои среднія школы съ преподаваніемъ въ нихъ на родномъ языкѣ. Ввиду всѣхъ этихъ тяжестей «краевого централизму», Русины ни въ какомъ случаѣ не согласятся на переустройство Австріи въ федерацію автономныхъ краевъ, опирающихся на такъ называемыя историческія основы, т. к. тогда Галичина оказалась-бы вполнѣ польскою державою. Но русины охотно пристанутъ къ идеѣ *автономіи народовъ*.

Къ созданію русинскаго театра во Львовѣ. Сознавая потребность въ созданіи самостоятельнаго русинскаго театра во Львовѣ, еще въ 1886 году въ товарыстви «Просвита» начался сборъ пожертвованій для этой цѣли, которыя къ 1901 году достигли всего суммы 64 тыс. коронъ. Въ настоящее время комитетъ по постройкѣ театра рѣшается весною 1904 годъ приступить къ осуществленію завѣтной мечты. Мѣсто для театра уже пріобрѣтено и разрабатывается теперь планъ зданія ва 1000 мѣстъ. Стоимость постройки, вмѣстѣ со стоимостью мѣста, обойдется въ 1 милліонъ коронъ (400 тыс. рублей). Для

пополненія этой суммы предполагается получить: 300 тыс. коронъ изъ общественныхъ фондовъ, 300 тыс. коронъ—гипотечный кредитъ, и около 80 тыс. коронъ имѣющихся въ наличности. Недостающія 300 съ лишнимъ тысячъ коронъ должны быть собраны путемъ пожертвованій, для чего въ настоящее время комитетъ обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ русинамъ: «най кождый, хто любыть Украину-Русь, кыне свою лепту на народный театръ».

Академичный Димъ у Львови. Въ газетѣ «Дило» (№ 287) напечатана подъ этимъ заглавіемъ статья проф. М. Грушевскаго, изъ которой узнаемъ, что дѣло созданія во Львовѣ дома, гдѣ могла-бы устроиться для житья Львовская академическая молодежь, преимущественно студенты-русины, подвигается впередъ. Молодежи этой приходится теперь очень часто жить во Львовѣ тяжелыми заработками, лишающими ее возможности вести правильно свои научныя работы. Еще въ 1902 г., когда совершился извѣстный выходъ (сецессія) русинской молодежи изъ Львовскаго университета и когда для помощи ей стали собираться средства, проф. М. Грушевскій, по минованіи остроты положенія, предложилъ остатокъ фондовъ, предназначавшихся для студентовъ-сецессіонистовъ, употребить для основанія перваго русинскаго академичнаго дома во Львовѣ, гдѣ находились-бы квартиры для учащейся молодежи, читальня, столовая и студенческая зала для собраній. Остатокъ этого *сецессійного фонда* пошелъ на другія нужды, но мысль М. Грушевскаго была поддержана частными жертвователями. Въ настоящее время имѣется для этого дѣла 70 тыс. коронъ, такъ что въ 1904 году спеціально избранный комитетъ разсчитываетъ приступить къ постройкѣ дома, который, вмѣстѣ съ покупкой мѣста (36 т. коронъ) обойдется приблизительно отъ 120 до 130 тыс. коронъ.

Необходимое опроверженіе. Въ одномъ изъ № «Вѣстн. Юга» я, на основаніи сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній, помѣстилъ замѣтку о болѣзни глазами извѣстнаго писателя Ив. Франка, которому предстоитъ якобы серьезная операція, и что онъ благодаря болѣзни находится безъ средствъ къ жизни, такъ какъ добывалъ ихъ исключительно литературнымъ трудомъ. Свѣдѣнія эти были доставлены мнѣ лицомъ, которому я не имѣлъ ни малѣйшаго основанія не вѣрить (это довольно

извѣстный украинскій писатель). Въ настоящее время я имѣю сообщеніе изъ Кіева отъ лица, бывшаго въ половинѣ ноября заграницей и посѣтившаго «больного». Это второе сообщеніе гласитъ, что «у Франка болять очи, але не такъ, якъ отсе по газетахъ пышуть; се хтось выдравъ стару звистку про той часъ, якъ винъ гоивъ очи и роблено йому операцію». Далѣе этотъ второй корреспондентъ сообщаетъ, что онъ совершилъ даже поѣздку совмѣстно съ Франкомъ изъ Львова въ Вѣну по своему дѣлу.

Такимъ образомъ сообщеніе о серьезной болѣзни Франка является простой мистификаціей, которую мы оставляемъ на совѣсти сообщившаго намъ эти свѣдѣнія и въ то же время выражаемъ удовольствіе, что эти свѣдѣнія не нашли себѣ подтвержденія въ дѣйствительности.

Гр. Сьогобочній.

Такъ какъ это-же иззѣстіе о болѣзни д-ра Франка мы перепечатали со словъ Гр. Сьогобочного въ 12-й книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ, то теперь съ большимъ удовольствіемъ перепечатываемъ его-же и опроверженіе.

Предполагаемыя во Львовѣ лекціи И. Франка по исторіи украинской литературы. Въ № 289 газ. «Дило» напечатана статья М. Павлика «Голосъ въ преважній справи». Въ этой статьѣ говорится о томъ, что «филологична секція Науков. Товар. имени Шевченка» постановила открыть во Львовѣ подъ фирмой «Товариства» систематическій научный курсъ исторіи украинской литературы и поручить чтеніе его д-ру Ивану Франку. Привѣтствуя такое рѣшеніе секціи, М. Павликъ считаетъ, что это будетъ имѣть громадное значеніе какъ для науки вообще, такъ и для дѣла развитія изъ этихъ частныхъ лекцій оффиціальныхъ украинскихъ университетовъ. Но авторъ боится, что устроить такія чтенія д-ра Франка будетъ очень не легко, такъ какъ на это потребуются сравнительно большія средства, главнымъ образомъ необходимыя для того, чтобы самого лектора освободить отъ его теперешнихъ работъ и возмѣстить ему потерю заработка, платя за его новый трудъ. Впрочемъ, М. Павликъ надѣется, что для этой цѣли найдутся средства въ видѣ спеціальныхъ взносовъ разныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ.

Къ сожалѣнію, это нѣсколько поспѣшное опубликованіе еще несостоявшагося окончательно факта (рѣшеніе секціи еще не только не утверждено, но и не обсуждено въ общемъ «Выдили Товарыства»)

вызвало въ № 291 «Дила» отвѣтъ д-ра И. Франка, который съ нѣкоторой нервностью заявляетъ, что онъ рѣшительно отказывается отъ методы оплаты его труда филантропическими средствами. Съ своей стороны, мы можемъ сказать по этому поводу, что здѣсь и рѣчи не можетъ быть ни о какой филантропіи, а только и можно говорить объ оплатѣ даннаго труда, а источники для этого всегда найдутся. Что-же касается самого факта устройства такихъ лекцій д-ромъ Франкомъ, то спора быть не можетъ о желательности ихъ, такъ какъ имя такого талантливаго ученаго, какъ д-ръ Франко, служитъ полной гарантіей успѣха ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Эмиграція изъ Австріи. Австрійская печать обратила серьезное вниманіе на усиленіе эмиграціи изъ Австріи, видя въ немъ новое доказательство упадка экономическаго благосостоянія населенія. За послѣдній годъ изъ Австріи и Венгріи выселилось въ одну только Сѣв. Америку до 200,000 чел.; только одна Италія превзошла въ этомъ случаѣ Австрію. Что касается народности эмигрантовъ, то впереди всѣхъ стоятъ поляки, которыхъ выселилось до 37,500 чел.; за ними идутъ словаки—34,000 чел., далѣе, хорваты и словенцы—32,000 чел., мадьяры—27,100 чел., нѣмцы—23,500 чел., евреи—18,700 чел., русины—9,800 чел., чехи—7,200 чел., румыны—4,200 чел. и, наконецъ, итальянцы—1,170 чел. Установлено, что одни только тѣ эмигранты, которые высадились въ Нью-Іоркѣ, вывезли съ собой около 15 милл. кр. Сѣверо-американская статистика отмѣчаетъ грамотность переселенцевъ: оказалось, что среди чеховъ было всего меньше неграмотныхъ: только 2 проц.; нѣмцевъ—4 проц.; на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ русины, изъ которыхъ оказалось до 44 проц. неграмотныхъ.

Заявленіе львовскихъ студентовъ-русиновъ университетскому сенату. Русинскіе студенты львовскаго университета обратились по случаю записи (имматрикуляціи) на новый семестръ, къ университетскому сенату съ слѣдующимъ заявленіемъ:

«Такъ какъ рескриптъ министра народнаго просвѣщенія отъ 21 августа, не признающій за студентами львовскаго университета русинской національности права формулу студенческаго обѣщанія при записи читать на русинскомъ языкѣ, обжалованъ и потому не имѣетъ

еще обязательной силы, то нижеподписавшіеся студенты львовскаго университета, на основаніи оффиціальнаго отвѣта министра народнаго просвѣщенія д-ра Гартля, сообщеннаго осенней сессіи вѣнскаго парламента въ 1902 г., и на основаніи запроса депутата проф. Романчука о записяхъ во львовскомъ университетѣ, заявляютъ, что не примутъ участія въ оффиціальной университетской имматрикуляціи, назначенной на 16, 17, 18 и 19 декабря 1903 г., и просятъ, чтобы сенатъ распорядился выдать нижеподписавшимся имматрикуляційныя свидѣтельства черезъ канцелярію».

Общество русинскихъ женщинъ въ Галиціи и Буковинѣ. Состоявшійся во Львовѣ 12-го марта прошлаго года съѣздъ русинскихъ женщинъ изъ Галиціи и Буковины рѣшилъ принять всѣ средства къ тому, чтобы русинскія женщины Червонной Руси вошли въ народную жизнь, вникли въ ея нужды, сознали свои обязанности по отношенію къ народу, изыскали путь къ саморазвитію и самообразованію.

Ближайшее осуществленіе всѣхъ мѣръ для достиженія указанной цѣли было возложено на особый исполнительный комитетъ. На-дняхъ этотъ комитетъ сообщилъ въ печати о томъ, что онъ основалъ «общество русинскихъ женщинъ», какъ наиболѣе подходящую организацію для осуществленія намѣченныхъ идеаловъ. Уставъ «общества»: 1) поднять среди русинскихъ женщинъ Австріи образованность посредствомъ газетъ, журналовъ и книгъ для женщинъ и дѣтей, посредствомъ открытія учебныхъ заведеній, устройства публичныхъ лекцій, литературныхъ вечеровъ и т. п.; 2) поддержать женскій трудъ путемъ открытія женскихъ профессіональныхъ школъ; 3) оказывать поддержку нуждающимся женщинамъ и дѣвушкамъ, открывая для нихъ пріюты и дома трудолюбія, помогая въ прісканіи занятій; 4) открывать дѣтскіе сады; 5) распространять среди русинскаго населенія грамотность путемъ частнаго обученія.

Народная организація Русиновъ въ Сѣв.-Америк. Соединен. Штатахъ. Въ Йонкерсѣ недавно состоялось русинское виче, гдѣ между прочимъ былъ прочитанъ Н. Пидгорецькымъ рефератъ о необходимости создать русинамъ въ Сѣв.-Америкѣ народную организацію. Русиновъ въ Америкѣ около 400 тысячъ, но они не имѣютъ до сихъ

поръ ни одного общаго учрежденія, ни одного народнаго зданія. Хотя и существуетъ много русинскихъ братствъ, организацій, нѣсколько церковныхъ школъ, но каждое такое учрежденіе думаетъ только о себѣ, а не объ общемъ народномъ дѣлѣ. Нужно намъ, говоритъ Н. Пидгорецькый, имѣть своего епископа; нужно создать свой институтъ для высшаго образованія американской русинской молодежи; нужно намъ построить Русинскій Народный Домъ эмигрантовъ. Для всего этого необходимо установить сборы на одинъ народный фондъ, главнымъ образомъ при помощи русинско-американскихъ народныхъ марокъ, на которыхъ есть четыре буквы А. Р. Ф. Н. (Амер. Рус. Фондъ Нар.). Послѣ реферата Н. Пидгорецкэго виче выбрало главный народный комитетъ изъ семи членовъ, какъ органъ главной народной организаціи, и поручило ему добиваться всѣми способами осуществленія намѣченныхъ йонкерскимъ вичемъ желаній народа.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Отчетъ „Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“. *Спб. 1903.*

Петербургское «Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» переживаетъ пятый годъ отъ начала своего существованія. Какъ видно изъ отчета Общества, имъ издано въ 1902 г. 8 научно-популярныхъ брошюръ на украинскомъ языкѣ, изъ которыхъ двѣ представляютъ перепечатку вышедшихъ изъ продажи 1 и 2 №№ изданій Общества. Количество экземпляровъ изданныхъ книгъ равняется 85 тысячамъ на номинальную сумму въ 4440 рублей. Нижеслѣдующая таблица характеризуетъ движеніе суммъ «Благотворительнаго Общества» за два года.

Приходъ:	1901 руб.	1901 коп.	1902 руб.	1902 коп.
Членскіе взносы	987	—	1045	—
Пожертвованія.	1603	92	1311	85
Спеціальные взносы	—	—	557	22
Выручка отъ изданій Общества	527	67	695	74
% по сберег. кассѣ и % бумаг.	8	21	62	10
Разныя поступленія.	—	—	1	50
Итого .	3126	80	3673	41
Расходъ:				
Издержки по изданіямъ . . .	3137	54	2193	4
„ администраціи . .	402	13	520	40
Итого .	3539	67	2713	44
Остатокъ или дефицитъ	—412	87	+ 959	97

Всего съ остаткомъ отъ 1901 года (414 р. 34 к.) въ кассѣ Общества находилось 4087 р. 75 к. Израсходовано 2713 р. 44 к. Въ остаткѣ къ 1903 г. 1374 р. 31 к. Сверхъ того въ 1903 году по день общаго собранія поступило 1239 р. 33 к.

Въ приведенной таблицѣ обращаетъ на себя вниманіе сокращеніе въ 1902 году, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, расходовъ на издательскую дѣятельность рядомъ съ увеличеніемъ административныхъ расходовъ. «Такое, неблагопріятное съ перваго взгляда,—говорится въ отчетѣ,—измѣненіе отношенія между операціонными расходами Общества и расходами по управленію объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что серія изданій отчетнаго года и по числу изданій, и по количеству, потребовала менѣе значительныхъ издержекъ, а съ другой—тѣмъ, что въ число административныхъ расходовъ вошли очень крупныя издержки по распространенію свѣдѣній объ Обществѣ».

Въ отчетномъ году засѣданій правленія было 7 и одно общее собраніе—годовое. На разсмотрѣніе правленія поступило 14 рукописей и печатныхъ брошюръ, присланныхъ для изданій на средства Общества, но изъ нихъ признаны отвѣчающими основнымъ принципамъ Общества лишь 4 (они изданы подъ №№ 17, 19, 20 и 21).

По объявленному въ 1900 г. Обществомъ конкурсу на составленіе популярныхъ брошюръ сельско-хозяйственнаго и медицинскаго содержанія, въ правленіе Общества поступило всего 8 рукописей (3 по сельск. хоз. и 5 по медиц. и гигіенѣ). Двѣ изъ нихъ, до разсмотрѣнія особой коммиссіей, были представлены въ цензуру, но послѣдней не дозволены къ напечатанію. Изъ остальныхъ рукописей, переданныхъ на просмотръ двумъ коммиссіямъ, составленнымъ изъ спеціалистовъ, заслуживающею преміи была признана рукопись г. Задѣры «Якъ годуваты малыхъ дитей». Представленная въ цензуру, эта рукопись также не была разрѣшена къ печати.

Въ истекшемъ году правленіемъ Общества предпринятъ цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ болѣе широкой постановкѣ и развитію дѣятельности Общества. Такъ, правленіемъ было возбуждено предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ходатайство о допущеніи книгъ на украинскомъ языкѣ, какъ лучшаго средства популяризаціи знаній среди украинскаго населенія, въ школьныя и народныя библіотеки и читальни, на основаніяхъ, одинаковыхъ съ книгами на русскомъ литературномъ языкѣ. Ходатайство это Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія признано неподлежащимъ удовлетворенію.

Далѣе, правленіе обратилось въ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ съ ходатайствомъ о пособіи на усиленіе издательской дѣятельности, направленной къ распространенію сельскохозяйственныхъ знаній. Въ отвѣтъ на это ходатайство, уже въ текущемъ году Министерствомъ Земледѣлія ассигновано въ пособіе Обществу 200 р.

Не имѣя достаточныхъ средствъ для открытія собственнаго книжнаго склада, правленіе, для лучшей организаціи сбыта изданій Общества, въ отчетномъ году заключило соглашеніе съ книгопродавцемъ Н. Г. Мартыновымъ, который взялъ на себя содержаніе центральнаго склада изданій Общества въ С.-Петербургѣ и главное комиссіонерство по сношенію съ другими книгопродавческими фирмами, на обычныхъ основаніяхъ коммиссіонной скидки. Для распространенія свѣдѣній объ изданіяхъ Общества правленіе прибѣгло въ отчетномъ году къ широкой разсылкѣ публикацій съ перечнемъ и характеристикой вышедшихъ изъ печати изданій. Такія объявленія въ количествѣ 23,500 экз. были разосланы, между прочимъ, въ качествѣ приложеній при «Сельскомъ Вѣстникѣ» всѣмъ подписчикамъ этого журнала, проживающимъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи.

Число членовъ Общества въ 1902 году увеличилось на 183; къ началу 1903 года общее число членовъ равнялось 732,—въ томъ числѣ почетныхъ членовъ 11, членовъ сотрудниковъ 25 и пожизненныхъ членовъ—20. Значительное число членовъ Общества далъ Петербургъ—20, 20% общаго числа членовъ. Это никого не должно удивлять, такъ какъ Общество находится въ Петербургѣ и тамъ естественно скорѣе всего могли распространиться о немъ свѣдѣнія. Херсонская губ. дала 16,71%, Кіевская—12,79%, Полтавская—11,33%, Харьковская—5,95%, Черниговская—4,94%, Екатеринославская—4,65%, Кубанская обл.—3,63%, Подольская—1,59%, Волынская—1,45% общаго числа членовъ.

Заботясь объ увеличеніи числа членовъ и о болѣе правильномъ поступленіи членскихъ взносовъ, правленіе Общества признало наиболѣе цѣлесообразнымъ расширить сѣть уполномоченныхъ Общества въ провинціальныхъ городахъ. Въ настоящее время такія уполномоченныя отъ общества лица находятся не только въ губернскихъ городахъ Малороссіи, но и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ, какъ, напр.: въ Умани, въ Лубнахъ, въ Ананьевѣ и пр. Эти лица служатъ посредниками между Обществомъ и его членами, завѣдывая сборомъ членскихъ

взносовъ и, по возможности, заботясь объ увеличеніи числа членовъ Общества.

Мы исчерпали, въ существенныхъ чертахъ, почти все содержаніе «Отчета», характеризующаго съ разныхъ сторонъ дѣятельность «Общества» за 1902 годъ. Скромны, очень скромны цыфры этого отчета (8 брошюръ на болѣе чѣмъ 20-милліонную массу населенія!) Но если мы обратимъ вниманіе на тѣ обстоятельства, при которыхъ происходитъ дѣятельность Общества, то эти, на первый взглядъ, незначительныя цифры возрастутъ въ нашихъ глазахъ до размѣровъ весьма краснорѣчивыхъ фактовъ, говорящихъ непредубѣжденному читателю о многомъ. Помимо «независящихъ» обстоятельствъ, обратимъ вниманіе хотя бы на то, съ какимъ трудомъ удается получить въ настоящее время цензурное разрѣшеніе на напечатаніе самой безвредной, повидимому, научно-популярной брошюры на украинскомъ языкѣ. И безъ того ощущаемый недостатокъ въ пригодныхъ къ печати научно-популярныхъ брошюрахъ на украинскомъ языкѣ усиливается вслѣдствіе указанной нами причины и почти парализуетъ издательскія начинанія Общества, дѣятельность котораго, съ самаго его возникновенія, сосредоточивается преимущественно на популяризаціи полезныхъ знаній... Чтобы поставить дѣятельность Общества въ этомъ направленіи въ возможно меньшую зависимость отъ всякихъ случайностей, правленіе въ концѣ истекшаго года рѣшило составить особую коммиссію, которая выяснила бы, какіе недочеты ощущаются въ настоящее время въ популярной литературѣ. Когда это будетъ сдѣлано, правленіе будетъ имѣть возможность дѣйствовать по опредѣленному плану, заказывая извѣстнымъ популяризаторамъ обработку темъ, наиболѣе отвѣчающихъ настоятельнымъ нуждамъ читающей массы.

Тѣ, безспорно, высокія цѣли, какія поставило себѣ Петербургское Общество, заставляютъ сочувствовать его дѣятельности людей самыхъ различныхъ убѣжденій. Число членовъ Общества постепенно увеличивается, по мѣрѣ распространенія о немъ свѣдѣній. Но оттого ли, что вообще всякія полезныя свѣдѣнія у насъ медленно и съ большимъ трудомъ проникаютъ въ широкіе слои общества, или же по причинѣ инертности и косности этихъ слоевъ,—во всякомъ случаѣ настоящее число членовъ Общества далеко не отвѣчаетъ размѣрамъ того по-истинѣ колоссальнаго труда, какой предстоитъ ему исполнить для достиженія поставленныхъ цѣлей. «Будемъ надѣяться, что со временемъ, когда каждый, кому дорого благо родного народа, узнаетъ о дѣятельности

Петербургскаго Общества и отзовется на его добрый почин, не будетъ имѣть мѣста себѣ то странное явленіе, что цѣлыя губерніи съ населеніемъ въ нѣсколько милліоновъ даютъ Обществу лишь 10—11 членовъ (волынская и подольская г.г.).

В. Поточный.

Підеша. Восток і Запад. Повість. *Коломия, 1903, ст. 1—155, in. 8⁰.*

«Востокъ и Западъ»—прочли мы въ числѣ вновь вышедшихъ книгъ широковѣщательное заглавіе недавно появившейся въ Коломыѣ повѣсти. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, встрѣчаемъ цѣлыхъ двѣ фельетонныхъ статьи въ одной и той же газетѣ («Діло», №№ 169 и 239—240), рекомендующихъ новую повѣсть вниманію публики,—основанія вполнѣ достаточныя для того, чтобы не отказаться удовлетворить своему любопытству. Оно удовлетворено,—и объ этомъ мы ничуть не скорбимъ: повѣсть, дѣйствительно, заслуживаетъ по многимъ причинамъ того, чтобы читатели обратили на нее вниманіе.

Въ сущности та мѣрка, которую мы обычно прилагаемъ къ повѣсти, въ данномъ случаѣ непримѣнима: это и не повѣсть, и не романъ, и не новелла,—авторъ не придавалъ, очевидно, особаго значенія порядку въ эпизодахъ, не старался развивать интригу и придавать искусственными способами интересъ своему произведенію,—оно и безъ этихъ украшеній представляетъ большой интересъ, свидѣтельствуя о художественномъ талантѣ автора и о его высокихъ интеллектуальныхъ качествахъ, которыя весьма выгодно отразились въ этомъ его, надо думать, первомъ литературномъ опытѣ.

Повѣсть состоитъ изъ двухъ почти самостоятельныхъ частей: съ одной стороны—исторія любви двухъ молодыхъ людей, богато одаренныхъ натуръ, съ другой—публицистика: разсужденія на тему о счастливомъ Западѣ (въ частности Швейцаріи, гдѣ и происходитъ дѣйствіе) въ сравненіи съ отсталымъ во всѣхъ почти отношеніяхъ Востокомъ (разумѣется—европейскимъ, куда имъ зачисляется и Галичина). Въ этой части повѣсти—собственно и центръ ея: здѣсь именно дается очеркъ швейцарской культуры, правъ, обычаевъ, характера страны—и все это ставится въ параллель съ соотвѣтствующими славянскими. Это, безспорно, одно изъ наилучшихъ мѣстъ въ книгѣ. Правда, со многими взглядами автора можно не согласиться, но они

оригинальны, теоретически обоснованы, и при томъ затрагиваютъ вопросы, которые касаются почти всѣхъ главнѣйшихъ стремленій и чувствъ человѣка...

Очевидно, цѣль автора была—обратить вниманіе на широкіе общечеловѣческіе вопросы, приподнять людей отъ мелкихъ дрязгъ и ссоръ на извѣстную высоту,—а такой цѣли нельзя не признать достойной уваженія.

Другая часть повѣсти—повѣсть въ собственномъ смыслѣ, содержаніемъ своимъ имѣетъ исторію любви молодой дѣвушки Лины Верони, кіевлянки, которая, по окончаніи института въ Москвѣ, отправилась въ Цюрихъ для осуществленія своего идеала жизни, и студента Степана Бѣлоцерковскаго, галичанина, пріѣхавшаго въ Цюрихъ изъ Вѣны, выдающагося, развитого человѣка. Любовь ихъ—въ высшей степени поэтична, красива, гармонична,—но оканчивается печально: Лина, не вынеся нервнаго потрясенія послѣ временнаго недоразумѣнія (Бѣлоцерковскій временно бросилъ ее), умираетъ отъ воспаленія мозга на рукахъ Степана и пріѣхавшей изъ Россіи матери. Эта часть повѣсти написана художественно, увлекательно, и если нѣкоторые поступки героя могутъ показаться мало обоснованными (хотя бы, напр., бѣгство отъ любимой женщины), то надо имѣть при этомъ въ виду исключительность натуры героя, котораго и умственныя силы, и сила чувства не подходятъ подъ среднюю мѣрку средняго человѣка.

Написана повѣсть оригинальнымъ языкомъ: съ одной стороны, видны несомнѣнные слѣды языка, свойственнаго лишь русскимъ украинцамъ, но съ другой—масса несомнѣнныхъ галицизмовъ. Но кто бы онъ ни былъ, повѣсть его оставитъ замѣтный слѣдъ въ нашей литературѣ, весьма не богатой еще произведеніями, выходящими за предѣлы обычной буденной литературы. Остается лишь пожелать, чтобы авторъ не ограничивался этимъ своимъ первымъ опытомъ и подарилъ нашей литературѣ еще не одно произведеніе, такъ же талантливо написанное, какъ и повѣсть «Востокъ і Запад».

Что касается внѣшности изданія—то оно оставляетъ желать много лучшаго; корректура крайне небрежна и вызываетъ досаду у читателя.

В. Д.

Григорій Цеглинський. Кара совісти. Народня драма въ V діяхъ. *Перемишль, 1903, ст. 1—57, in. 8⁰.*

Олекса Вобикевич. „Настоящі". Комедия в одній дії. *У Львові, 1903, ст. 1—55, in 16⁰.*

Малорусскій театръ въ Галицкой Руси находится въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ у насъ. Если у насъ приходится нерѣдко слышать сѣтованія на далекую еще отъ идеала постановку театральнаго дѣла, то подъ этимъ обычно подразумѣвается сравнительная малочисленность хорошихъ, идейныхъ, содержательныхъ пьесъ, которыя бы шли на встрѣчу требованіямъ общества и удовлетворяли его запросамъ; на недостачу же украинскихъ труппъ и крупныхъ драматическихъ силъ мы, къ счастью, не можемъ пожаловаться. Совсѣмъ не то въ Галичинѣ: тамъ нѣтъ ни своего драматическаго репертуара, ни своихъ постоянныхъ драматическихъ труппъ, и до послѣдняго времени украинскій театръ заявлялъ о своемъ существованіи лишь спорадически, благодаря частной инициативѣ, и выражался въ многочисленныхъ любительскихъ спектакляхъ, дававшихся во всѣхъ уголкахъ Галичины. Въ самое послѣднее время (второй годъ) въ Галичинѣ имѣется уже солидная постоянная труппа подъ управленіемъ г. Губчака, посѣщающая болѣе крупные центры своей родины и дававшая однажды съ большимъ успѣхомъ представленія и у насъ (въ г. Каменцѣ-Подольскомъ [1]). Выдвинутый въ послѣдніе годы вопросъ о необходимости имѣть во Львовѣ собственное театральное зданіе находится, повидимому, на пути къ осуществленію,—комитетъ по постройкѣ театра собралъ уже довольно солидную сумму для этой цѣли и пріобрѣлъ мѣсто для зданія. Такимъ образомъ, и наша родная сестра-Галичина, обогнавшая насъ на иныхъ поприщахъ культурнаго развитія, старается не отстать и въ этомъ случаѣ, что, надѣемся, въ недалекомъ будущемъ будетъ ею съ успѣхомъ достигнуто. Вопросъ же съ репертуаромъ остается для нея попрежнему больнымъ мѣстомъ: нѣтъ талантливыхъ драматурговъ, нѣтъ и выдающихся драматическихъ произведеній, и въ этомъ случаѣ ей приходится одолжаться у насъ.

Однимъ изъ продуктивныхъ драматическихъ писателей по ту сторону Збруча является Григорій Цеглинскій, имя котораго, какъ

---

[1]) См. текущ. извѣст. за 1902 г., кн. 11, стр. 109.

автора драматическихъ пьесъ, встрѣчаемъ уже давно. Къ сожалѣнію, намъ не приходилось читать ни одного изъ его прежнихъ прозведеній, поэтому мы и не можемъ составить должнаго понятія о писательской, въ частности какъ драматурга, физіономіи г. Цеглинскаго. Но послѣдняя его драма, заглавіе которой мы привели выше, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признана даже удовлетворительной. Авторъ, повидимому, не лишенъ знакомства съ народной жизнью и бытомъ, но то ихъ изображеніе, которое онъ предлагаетъ читателю и зрителю въ только что изданной имъ книжкѣ, нельзя назвать правдивымъ и реальнымъ. Всѣ дѣйствующія лица преднамѣренно подраздѣлены на двѣ категоріи: людей добродѣтельныхъ и порочныхъ, но и эти послѣдніе, какъ оказывается впослѣдствіи, заблуждались лишь временно, подъ вліяніемъ злыхъ чувствъ. Понятно, это ничуть не противорѣчило бы дѣйствительности, если бы поступки героевъ и не героевъ пьесы вытекали изъ ихъ природнаго характера, но этого-то мы и не находимъ, а все происходитъ лишь потому, что автору хотѣлось непремѣнно поступить такъ для подкрѣпленія извѣстной тенденціи, для болѣе нагляднаго выраженія вытекающей, молъ, отсюда морали... Эта мораль, лѣзущая изо-всѣхъ щелей пьесы, не мало способствуетъ умаленію ея цѣнности, хотя бы посредственной. Сюжетъ пьесы въ сущности довольно благодарный, но использованъ авторомъ неумѣло.

Два брата (Прокипъ и Семенъ), получивъ отъ старика отца (Васыля) въ наслѣдство землю и хату, условились на томъ, что меньшій сынъ Прокипъ, будетъ содержать отца до смерти. Но подъ вліяніемъ жены (слабо впрочемъ мотивированнымъ въ пьесѣ), онъ предлагаетъ отцу перейти еще на жительство къ другому сыну, такъ какъ онъ выдаетъ замужъ дочь, и всѣмъ имъ помѣститься въ одной хатѣ нѣтъ возможности. Другой сынъ (Семенъ), конечно, отца не принимаетъ, и старикъ, воплощеніе смиренія и незлобивости, рѣшаетъ лучше уйти совсѣмъ отъ грѣха, изъ своего села, чѣмъ служить яблокомъ раздора между дѣтьми. И онъ уходитъ въ городъ. Пробуетъ поступить на службу—но силы ему уже не служатъ, и ему всюду отказываютъ, пока онъ не очутился въ тюрьмѣ какъ безпаспортный; не желая подвергаться позорной высылкѣ на родину по этапу, онъ бѣжитъ изъ заключенія, направляясь въ родное село (кстати—онъ въ душѣ уже простилъ все сыновьямъ, и опять стремится къ нимъ, хотя, надо думать знаетъ, что ему не очень будутъ рады). По дорогѣ его застигла метель, и онъ замерзъ. До сихъ поръ ходъ пьесы не оста-

вляетъ желать ничего лучшаго. Но дальше начинается часть фантастическая—очевидно, созданная авторомъ мозговымъ способомъ,—должно быть, для большей эффектности и картинности. Младшій сынъ старика Прокипъ вдругъ постигаетъ весь ужасъ совершеннаго имъ (хотя вина его изъ пьесы слабо вытекаетъ) поступка—удаленія отца. Безъ сомнѣнія, это натура необычайно чувствительная, впечатлительная, какую надо со свѣчей поискать. Онъ совершенно забылъ обо всемъ, и теперь его мечта—вернуть назадъ старика. Онъ сталъ самъ не свой, не ѣстъ, не пьетъ, и услышавъ, что поблизу села замерзъ какой-то человѣкъ, мчится туда въ полной увѣренности, что это его отецъ, но никого не находитъ, а лишь пріобрѣтаетъ простуду и заболѣваетъ. Старикъ тѣмъ временемъ очутился чудеснымъ образомъ среди рабочихъ на кирпичномъ заводѣ, которые въ то время были въ лѣсу и услышали крикъ жандарма. Пока жандармъ ѣздилъ въ село (NB. оставивъ замерзать, быть можетъ, живого человѣка!), рабочіе взяли старика съ собой (удивительно отважные люди!), привели въ чувство и пріютили у себя. Когда хозяинъ завода еврей прогоняетъ старика за неспособность къ труду, рабочіе (которые, кстати сказать, только теперь, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія Васыля въ ихъ средѣ, поинтересовались узнать, кто онъ и откуда) подговариваютъ его пойти домой и въ отместку сыну поджечь его. Старикъ ни за что не соглашается сначала, но потомъ, ни съ того ни съ сего, идетъ осуществлять этотъ планъ. Между тѣмъ тамъ, въ селѣ, Прокипъ уже при смерти—его преслѣдуютъ галлюцинаціи, во время которыхъ къ нему неоднократно является отецъ... И когда послѣдній дѣйствительно приходитъ—Прокипъ, считая это за предвѣстникъ смерти, кричитъ: «Я йду, йду!» и падаетъ мертвымъ. Васыль (старикъ) считаетъ тѣмъ не менѣе своимъ долгомъ сказать обличительно-проповѣдническую рѣчь о томъ, что онъ «з карою прийшовъ такою, що й сонце може було б відвернулось від неі, та бачу, що еі вже не треба. Хтось иньший, більший і дужчий, покарав еі переді мною», а когда всѣ съ ужасомъ убѣждаются, что Прокипъ уже мертвъ, онъ все же продолжаетъ рѣчь, которую и заключаетъ характерными словами: «А на сім місци виросте нове поколіне, у котрого ачей буде більше віри і більше любови!»,—словами, не менѣе характерными и для самаго автора.

Мы глубоко сомнѣваемся, чтобы такого рода пьеса была цѣннымъ вкладомъ въ нашу драматическую литературу и имѣла болѣе или менѣе прочный успѣхъ на сценѣ.

Совершенно въ иномъ родѣ комедія г. Бобыкевича «Настоящі». Написана она покойнымъ авторомъ, почтеннымъ галицкимъ дѣятелемъ и писателемъ (ум. въ декабрѣ 1902), довольно давно и до сихъ поръ находилась въ рукописи въ частныхъ рукахъ. Сюжетъ ея, довольно незамысловатый, рисуетъ картинку галицкой общественно-политической жизни, изображая въ смѣшномъ видѣ тѣхъ галичанъ, которые по какимъ-либо соображеніямъ перестаютъ вдругъ быть самими собой и надѣваютъ маску «общерусскости», стараются быть «настоящими русскими», что имъ, конечно, не удается. Въ данной комедіи выведенъ богатый хуторянинъ Боровичъ, благополучно много лѣтъ предававшійся хозяйскимъ интересамъ, равно какъ и жена его Магдалина, а въ свободное время удовлетворявшій духовнымъ запросамъ чтеніемъ газеты «Діло», которую онъ выписывалъ вмѣстѣ съ сосѣдомъ Ковтомъ (NB: У Ковта есть дочь невѣста, а у Боровича—сынъ, агрономъ, обучающійся въ Россіи). Но послѣ непріятнаго инцидента, вызваннаго Ковтовыми свиньями, которыхъ Боровичъ въ азартѣ подстрѣлилъ, дружба между сосѣдями кончилась: они судились, Боровичъ проигралъ, пробовалъ было свою обиду предать гласности въ «Ділі», но письма его не напечатали... Обозленный на «украінофільское» «Діло», Боровичъ выписываетъ «Галицкую Русь», рѣшаетъ быть «настоящимъ», «дѣлаетъ политику»—т. е. старается что-либо понять изъ статей «Галицкой Руси», но это ему не удается; а между тѣмъ хозяйственные интересы сильно страдаютъ, потому что Боровичъ всецѣло погрузился въ «политику»... Въ этотъ критическій для Боровичей, въ особенности его жены, моментъ появляется ихъ сынъ, не бывшій на родинѣ 3 года. Узнавъ о положеніи дѣлъ въ домѣ, онъ берется все исправить, и дѣйствительно исправляетъ самымъ простымъ образомъ: говоритъ съ отцомъ все время на литературномъ русскомъ языкѣ. Отецъ въ первый моментъ даже доволенъ, но затѣмъ оказывается, что онъ не понимаетъ сына и находится въ сильномъ затрудненіи и смущеніи, такъ что въ концѣ концовъ обращается къ сыну съ просьбой говорить «по нашому *по руски*, бо я, бач, ще всього не розумію». Но сынъ съ удивленіемъ возражаетъ: «какъ же, батюшка? Я говорю *по русски*... говорю, какъ умѣю, не ради политики, лишь только по убѣжденію», и считаетъ себя обиженнымъ, что отецъ требуетъ говорить съ нимъ «по ихнему». Боровичъ искренно возмущенъ, что сынъ отрекается отъ него, отъ материнскаго языка и съ прискорбіемъ убѣждается, что сынъ для него чужой человѣкъ: «пропавъ!». Затѣмъ все выясняется; сынъ, оказы-

вается, лишь притворялся, отецъ съ позоромъ отрекается отъ стремленія быть «настоящимъ», даетъ даже согласіе на бракъ съ дочерью Ковта—и все оканчивается ко взаимному удовольствію.

Пьеса написана въ общемъ живо и правдиво (въ особенности хороши типы Боровича и его жены), хотя въ деталяхъ (напр.—въ роли парубка-лакея Леська) есть немало шаржа.

Въ концѣ брошюры помѣщена тепло написанная біографія покойнаго, свидѣтельствующая о томъ, какой свѣтлой личностью былъ покойный авторъ.

В. Д.

Алексѣй Львовичъ Суходольскій. „Помста, або Загублена Доля“ драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. „Хмара“ драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. *Обѣ пьесы въ одномъ томѣ, съ портретомъ автора. Изданіе автора. Ростовъ на Дону, 1902, стр. 1—103, in 8⁰. Ц. 1 р. 50 коп.*

Г. Суходольскій—частый гость Кіева; въ послѣдніе годы каждое лѣто подвизается онъ со своей труппой въ лѣтнемъ театрѣ купеческаго сада, угощая публику пьесами собственными и чужими. До сихъ поръ намъ не приходилось быть знакомымъ съ его пьесами; но съ появленіемъ въ печати упомянутыхъ двухъ драмъ пробѣлъ нашъ въ настоящее время съ успѣхомъ восполняется. При этомъ, послѣ знакомства съ пьесами, невольно рождается вопросъ: много ли мы потеряли, пребывая въ невѣдѣніи относительно пьесъ г. Суходольскаго и окупается ли наше, или чье бы то ни было, любопытство, оплачиваемое достаточно солидною для двухъ обыкновенныхъ 4—5 актныхъ пьесъ суммою въ 1 р. 50 коп.? По поводу этого мы и намѣреваемся въ нижеслѣдующихъ строкахъ высказать свои размышленія и сомнѣнія.

Пьесы Алексѣя Львовича Суходольскаго, какъ онъ неукоснительно рекомендуется на обложкѣ и вкладномъ листѣ, не что иное, какъ старая погудка на новый ладъ: съ одной стороны—„она его любила, но онъ ее кинулъ“, и въ результатѣ „страшная месть“: смерть жены „его“ по настоянію „ея“ и самоубійство „его“—вслѣдствіе сознанія своего преступленія; съ другой—сельскій Донъ-Жуанъ, и чуть-чуть не катастрофа: мужа „ея“, подозрѣваемаго въ убійствѣ тещи, уже ведутъ закованнаго на каторгу, но внезапно правда торжествуетъ, а порокъ пораженъ: одна изъ жертвъ Донъ-Жуана изобли-

чаетъ истиннаго преступника. Несомнѣнно, что такая вѣчно старая исторія, какъ любовь, и вытекающія изъ нея дѣйствія и состоянія человѣческія, можетъ быть вѣчно свѣжею и вѣчно юною подъ перомъ талантливаго, близко знающаго душу людскую и народную жизнь писателя. Но у г. Алексѣя Львовича Суходольскаго—перо—увы! не первосортное, и драмы его изъ сельскаго быта такъ же разнствуютъ отъ современныхъ хорошихъ драмъ, какъ издѣлія горшечника отъ художественныхъ произведеній хорошаго писателя. Типы, изображаемые имъ, избитые, шаблонные, каррикатурные—всякіе знахари, старые писаря и прочіе смертные, толкущіе воду въ ступѣ и на протяженіи всѣхъ 4 или 5 актовъ наводящіе одно лишь уныніе на читателя (да, несомнѣнно, и на зрителя). Оригинальныя сценки или разговоры—оазисы въ пустынѣ, и то слишкомъ ничтожные. Въ тенденціозности какой либо или идейности автора нельзя заподозрить,—на этотъ счетъ онъ безукоризненъ,—лишь изрѣдка, и то совершенно безуспѣшно, пытается влагать въ уста дѣйствующимъ лицамъ моралистическія сентенціи, которыя единственно лишь свидѣтельствуютъ о благомысліи автора, но ничуть не вытекаютъ изъ характера героевъ пьесы. Кого, напр., растрогаютъ чувствительныя слова знахаря: „вси повынни служыты Богу й Государю“; „треба такъ дитей учыты, щобъ булы и людямъ мыли, и Богу вгодни“ (стр. 17),—или убѣдятъ слова современнаго парубка (а не идиллическаго пастуха!): не вже жъ вы не розуміете, що серце бажае не багатства, а тилькы (NB!) щырого кохання? и т. п.

Чтобы читатель имѣлъ представленіе о реальности изображенія душевныхъ состояній героевъ пьесъ г. Суходольскаго, иначе—о способѣ писанія имъ драматическихъ пьесъ, мы приводимъ отрывокъ изъ заключительной сцены „Помсты“, або „Загубленои доли“ (стр. 47—48).

Ява 16-я.

Степанъ и Галя.

Галя (выбигае зъ кимнаты зъ крыкомъ) рятуйте! (бижыть до дверей). Степане, за що ты мене...

Степанъ (догналъ (!) іи коло дверей, схопывъ за волосся, тягне на передъ). *Нема часу розсказувать* [1]).

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Галя (упала на колина, пиднимае рукы у гору). Дай Богу помолытысь!

Степанъ (ударылъ (!) іи ножемъ у груды). На!

Галя. А-ай!!!

Степанъ. Молысь!! (Галя повалылась на землю и корчытця у мукахъ).

Степанъ. *Свое дило я зробывъ*... Теперъ (опускаемъ 2 строки).

Галя (ледве промовляе). Охъ... не мучъ... добый мене... Повирь... люблю... безъ выны пропадаю! Прощай... *(Хотила его поцилувать, але померла)* и т. п.

Параллельно со способомъ писанія стоитъ и языкъ автора, преисполненный непростительныхъ руссизмовъ, въ родѣ: «дывытьсй на іи тинь видъ *луны»*, (эха?) а въ слѣдующей же строкѣ „якъ мисяць высоко пиднявся“..., „облакотывшысь“, „дрижащимъ голосомъ“ „сверкнула очыма“, „пры пиднятіи зависы“, „шукать защиты“; а знаменитый „заповитъ“ Шевченка, который поютъ парубки на улицѣ, выглядитъ между прочимъ такъ:

„Щобъ ланы *широке поле*
И Днипро и кручи,
Було бъ выдно, було бъ чуты,
Якъ реве *ревуче!*

Вообще къ вставкѣ въ пьесу пѣсенъ авторъ имѣетъ огромную склонность, причемъ, желая явить себя міру не только на поприщѣ прозы, но и поэзіи, предлагаетъ ихъ отъ собственнаго измышленія, въ родѣ, напр. слѣдующей пѣсни (стр. 16) (Галя поетъ):

«На що жъ мою душу
Ты рвешъ на шматкы?
Чы вынна жъ я въ чымъ,—
Скажы мени ты!
Иды жъ, мылый, швыдче,
Бо я пропадаю!
Безъ тебе я серця
Свого не здолаю:
Невже жъ ты не чуешъ?
Невже жъ ты не прыйдешъ?
Ой ты жъ мене бидну
На вики убьешъ!

Чѣмъ не поэзія! Пожалуй въ XVIII в. какой либо бакалявръ позавидовалъ бы...

Корректура въ книгѣ также въ своемъ родѣ чудо природы: можно подумать, что спеціально кто-то старался, чтобы ни одно почти слово не было напечатано такъ, какъ ему надлежало бы... Очевидно, наборщики были не имѣвшіе понятія объ украинскомъ языкѣ, а издатель (онъ же и авторъ) не потрудился прочесть ни одной корректуры.

Въ общемъ же сожалѣемъ отъ души и о тѣхъ неосвѣдомленныхъ любителяхъ украинской драматической музы, которые погубятъ и уже погубили понапрасну 1 р. 50 коп. Отчего бы автору сразу не поставить было цѣну 30 коп., по каковой стоимости продавалась его книга въ театрѣ купеческаго собранія минувшимъ лѣтомъ въ день бенефиса автора?

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 12; 2) Историч. Вѣстн., № 12; 3) Всеміри. Вѣстн. № 10 и 11; 4) Журн. Мин. Нар. Нросв. № 12; 5) Вѣстникъ Европы, № 12; 6) Русская Мысль, № 12; 7) Русскій Вѣстникъ, № 12; 8) Русское Богатство, № 11 и 12; 9) Міръ Божій, № 12; 10) Труды Кіев. Духовн. Акад, № 7—11; 11) Земскій Сборн. Черниг. губ., № 10—11; 12) Учен. Записки Импер. Казан. Унив., № 12; 13) Книжки Восхода, № 11; 14) Южныя Записки, 1904 г., № 1—4; 15) Лит-Науков. Вистн. 1904 г., № 1.

Историческій Вѣстникъ, № 12.

Д. В. Ѳедоровъ. «Подложный указъ» (стр. 907—925). Хотя не указано точно мѣсто описаннаго въ этой статьѣ происшествія, но по всѣмъ признакамъ видно, что дѣло происходило въ Малороссіи. Дѣло-же это состояло во томъ, что лѣтъ 15 назаоъ въ с. Михайловкѣ произошло недоразумѣніе съ полученнымъ сенатскимъ указомъ, предписывавшимъ крестьянамъ этого села отвести изъ своей надѣльной земли 700 десятинъ для солдатскихъ дѣтей. Среди крестьянъ пошелъ слухъ, что указъ под-

ложный, и даже когда появился въ концѣ концовъ для увѣщаній самъ губернаторъ, то и его посчитали подставнымъ. Дѣло окончилось сравнительно благополучно, хотя не безъ нѣкоторой экзекуціи.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) Альбомъ выставки XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Подъ ред. и съ объяснит. текстомъ проф. Е. Рѣдина (стр. 1075—1077); 2) Костомаровъ Н. И. Собраніе сочиненій. Т. I—Ш. Издан. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (стр. 1087); 3) Д. Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи. Въ 3-хъ частяхъ. 4-ое изданіе (стр. 1088—1090).

Русская Мысль, № 12.

С. Русова «Старое и молодое въ современной малорусской литературѣ» (стр. 191—201). Статья эта, проводящая ту мысль что современная малорусская литература освѣщаетъ уже не только формы прежней жизни націи, но и новыя явленія въ ней, для иллюстраціи останавливается, главнымъ образомъ, на четырехъ, авторахъ: Мирный, Карпенко-Карый, Коцюбинскій и Стефаникъ.

Въ отдѣлѣ «Внутреннее Обозрѣніе» помѣщена маленькая замѣтка объ украинскомъ композиторѣ Н. В. Лисенкѣ по поводу 35-тилѣтія его музыкальной дѣятельности (стр. 247).

Въ «Библіографич. отдѣлѣ» напечатана маленькая рецензія о книгѣ М. Комарова «Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ» (стр. 420).

Русское Богатство, № 11 и 12.

Въ № 11 напечатано «Письмо въ редакцію» редактора и сотрудниковъ VII-тома «Россіи» (изд. А. Ф. Девріена). Письмо это вызвано рецензіей на указанный томъ, посвященный описанію Малороссіи. Рецензія была напечатана въ іюльской книжкѣ Русск. Богатства и отмѣтила цѣлый рядъ промаховъ составителей

этого тома. Въ письмѣ даются разъясненія и возраженія рецензенту (стр. 230—237).

Труды Кіевской Духов. Акад., № 7—11.

Д. Вишневскій. Кіевская Академія въ первой половинѣ 18-го вѣка. (№ 7, 8 и 9; окончаніе). Начиная съ 3-ей главы (первыя главы напечатаны въ № 5 и 6), авторъ разсматриваетъ задачу академическаго образованія и средства ея выполненія; науки, преподававшіяся въ Академіи, общее направленіе ихъ; внѣклассныя занятія учителей. Общее состояніе нравственно-воспитательнаго дѣла въ Академіи первой половины 18-го в. (№ 7, стр. 353—410; № 8, стр. 586—632; № 9, стр. 49—67 и приложенія: стр. 68—100).

А. Н. Войтковъ. Іовъ Базилевичъ, епископъ Переяславскій, и участіе его въ церковно-политич. жизни Польской Украины 1771—1776 г.). Начиная съ 3-ей главы (первыя главы напечатаны въ № 5 и 6), посвященной преосв. Іову, какъ епископу Украйны, авторъ передаетъ факты изъ жизни преосвящ. съ момента прибытія его въ Переяславъ въ 1771 г. Въ первые два года въ краѣ замѣчается торжество православія и русской народности, хотя украинское духовенство далеко не отличалось нравственными качествами, съ чѣмъ преосв. Іову пришлось вести упорную борьбу, особенно-же съ пьянствомъ. (№ 7, стр. 429—500). Въ главѣ 4-ой, и послѣдней, указывается на поворотъ къ худшему въ жизни православной церкви, такъ какъ съ 1773 года начинается въ краѣ превосходство польско-уніатской партіи. (№ 8, стр. 633—715).

В. Дурдуковскій. Историч. записка о соединенныхъ Кіево-Подольскомъ и Богуславскомъ духовныхъ училищахъ (№ 9, стр. 118—142). Это есть актовая рѣчь, въ которой кратко указана исторія кіево-подольскаго духовнаго училища, ведущаго свое начало отъ старой бурсы, возникшей около половины 18-го вѣка.

Ѳ. Т. Къ вопросу о значеніи Кіевской Академіи для православія и русской народности въ XVII—XVIII в.в. (№ 11, стр. 375—407; окончаніе слѣдуетъ). Это есть рефератъ, читанный

въ Церковно-историческомъ и Археологическомъ Обществѣ при Кіевской Духовной Академіи. Вызванъ былъ этотъ рефератъ статьей г. Яблоновскаго подъ заглавіемъ «W sprawie «Akademii Kijowsko-Mohilanskiej», wydanej w 1900 r. «ad honorem quingentesimi anniversarii almae matris Iagellonicae». Дѣло въ томъ, что по поводу обширнаго сочиненія г. Яблоновскаго о «Кіево-Могилянской Академіи», Ѳ. Т. напечаталъ обширный разборъ въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи, чѣмъ вызвалъ отвѣтную статью г. Яблоновскаго въ «Kwartalnik'ѣ historyczn'омъ» съ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Сущность реферата Ѳ. Т.—доказать, что Кіевская Академія исполняла свою самобытную роль и не была только посредницей между западною и восточною культурою, что она не можетъ быть по своему образовательному и воспитательному вліянію на юношество приравниваема къ Краковскому Ягеллоновскому университету, какъ это утверждаетъ г. Яблоновскій.

Земскій Сборникъ Черниг. губ., № 10—11

Въ отдѣлѣ «Земскія Извѣстія» напечатаны краткія извѣстія о проектѣ Лохвицкаго земства издавать учебники для народной школы, приноравливая ихъ къ особенностямъ мѣстнаго языка. Указаны мнѣнія коммиссіи, избранной Полтавск. губ. земствомъ для разсмотрѣнія этого вопроса, и медленность ея работъ. А между тѣмъ, говорится въ «обзорѣ», нужда въ учебникахъ, вполнѣ понятныхъ по языку для дѣтей малорусскихъ школъ, весьма настоятельная (стр. 32—36).

Гр. Коваленко. Дѣятельность и значеніе И. П. Котляревскаго въ исторіи украинскаго общества (стр. 152—163).

Учен. Записки Имп. Казанск. Унив., № 12.

К. Михальчукъ. «Къ вопросу объ отвердѣніи слоговъ въ малорусскомъ яз.» (стр. 24—30). Эта маленькая статейка есть извлеченіе изъ письма автора къ проф. Казан. унив. В. А. Богородицкому, написаннаго по поводу его сочиненія «Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку». Мысль автора письма, что южно-

русскіе говоры, по отношенію къ мягкости согласныхъ и небныхъ гласныхъ звуковъ, всегда занимали, какъ и теперь занимаютъ, средину между группами сѣверо-славянскихъ говоровъ—съ одной стороны, и южно-славянскихъ—съ другой.

Южныя Записки, № 1—4.

Съ 14 декабря прошлаго года началъ издаваться въ Одессѣ еженедѣльный журналъ «Южныя Записки», посвященный, какъ видно изъ вступительной статьи «Отъ редакціи», всесторонней разработкѣ вопросовъ жизни южныхъ губерній. Привѣтствуя появленіе органа, въ которомъ давно уже чувствуется настоятельная нужда, мы вносимъ его въ число обозрѣваемыхъ нами журналовъ, отмѣчая въ немъ заглавія всѣхъ тѣхъ статей, которыя касаются жизни Южной Руси, кромѣ отчетовъ о разныхъ засѣданіяхъ и собраніяхъ городскихъ думъ и земствъ.

Кондратенко. Къ юбилею Н. В. Лисенка (№ 1, стр. 49—57).

Р-ръ. Рецензія о книгѣ М. Комарова «Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ». Библіографическій указатель. (№ 2, стр. 33).

Литературно-Науков. Вистныкъ, 1904 г. № 1.

1) «Соловейко» (Зъ нагоды 35 литъ ювилею М. В. Лисенка), напысала *Ганна Барвинокъ.*

2) «Мыколи Лисенкови на спомынъ дня 7-го грудня 1903 року». *Богдана Лепкого* (стихъ, выголошеный авторомъ пидъ часъ музычнои Академіи на честь М. Лисенка).

3) «Кантата на честь и славу М. Лисенку».

4) «Артыстъ» *Якова Жарка.*

5) Герой по неволи» *Ивана Франка* (перша половына повисткы на тли подій зъ 1848 року у Львови).

6) «Мынуле» (оповидання батюшкы), *Лысака Тамаренка.*

7) «На стричу сонцю золотому», початокъ повисти *Маріи Колцунякъ.*

8) Изъ недрукованыхъ поэзій *Юрія Федьковыча.*

6) «Рай чы пекло?» *Марка Твайна*, перекл. М. Лозинськый.

10) «250 литъ» *Михайла Грушевського* (зъ нагоды 250-ои ричныци договору Хмельныцького зъ Москвою).

11) «Нови погляды на діяльнисть св. Кирила и Методія», початокъ науковои полемики д-ра *Володимира Коцовського* зъ берлинскимъ профессоромъ д-ромъ *А. Брикнеромъ.*

12) «Платоничный панславизмъ», видчытъ *И. Бодуэна де Куртене.*

13) «Лисенкове свято въ Австріи» *Ивана Франка.*

14) Хроника и библіографія.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Святе пысьмо Старого Завиту мовою русько-украинською. Перекладъ Кулиша, Левицького и д-ра Полюя. Выдання Британського и заграничного библійного товарыства въ Лондони. Покойный Кулишъ послѣдніе годы своей жизни, какъ извѣстно, работалъ главнымъ образомъ надъ переводомъ св. Писанія на украинскій языкъ. Не успѣлъ онъ окончить своей работы, такъ-что послѣ его смерти осталась почти четвертая часть Стараго Завѣта непереведенной, и заканчивалъ эту работу извѣстный нашъ писатель И. С. Нечуй-Левицкій. Когда-же въ 1902 году право изданія этого перевода перешло въ собственность Лондонскаго Библейскаго Общества, то оказалось, что и Псалмы еще не переведены. За этотъ послѣдній трудъ взялся проф. Полюй въ Прагѣ, который, кромѣ того, принялъ на себя редакцію всего труда. Какъ сообщаетъ «Дило», Старый Завѣтъ уже отпечатанъ, и первые экземпляры его посланы С.-Петербургской Академіи Наукъ, Науковому Товариству имени Шевченка во Львовѣ и Товариству «Просвита» во Львовѣ.

Новыя русинскія газеты. Въ декабрѣ мѣсяцѣ начали выходить въ Галиціи и Буковинѣ три новыя газеты: 1) въ Тернополѣ «Подольськый Голосъ», органъ Тернопольской народной организаціи; выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ и стоитъ 3 кор. въ годъ; 2) въ Станиславовѣ «Нова Сичъ», еженедѣльная газета, цѣна 4 кор. въ годъ; 3) въ Вашкивцяхъ

(на Буковыни) «Проминь», органъ русинскаго учительства; выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ и стоитъ 6 кор. въ годъ.

—

Въ городѣ Одессѣ сданъ въ цензуру объемистый украинскій альманахъ «Багаття», составленный подъ редакціей І. Л. Липы. Въ настоящее время тамъ же готовится подъ редакціей Сергія Павленка изданіе альманаха «Проминь». Для этого изданія редакція, въ числѣ другихъ произведеній на украинскомъ языкѣ, уже имѣетъ въ своемъ портфелѣ прекрасную повѣсть нашего талантливаго украинскаго писателя Ивана Левицького — «На гастроляхъ въ Мыкытянахъ», только что оконченную авторомъ.

Редакція «Проминя» проситъ авторовъ оказать изданію содѣйствіе присылкой своихъ произведеній на украинскомъ языкѣ для напечатанія въ альманахѣ, по адресу: въ городъ Одессу, Херсонская, домъ № 52, доктору медицины Ивану Митрофановичу Луценку.

—

Въ Кіевѣ приступаютъ къ печатанію украинскаго альманаха «На згадку про Ив. Котляревського». Къ сожалѣнію весь матеріалъ, предназначавшійся для этого солиднаго изданія не попадетъ, по независящимъ отъ издателей обстоятельствамъ. Такъ напримѣръ, не будутъ помѣщены научныя и критическія статьи, написанныя на украинскомъ языкѣ и кое-что изъ беллетристики; тѣмъ не менѣе изданіе это представляетъ значительный интересъ, такъ какъ въ немъ принимаютъ участіе всѣ выдающіяся силы украинской литературы обѣихъ частей Украины—россійской и австрійской.

Въ Кіевѣ же составляется другой альманахъ въ честь маститаго украинскаго писателя И. С. Левицкаго по случаю его 35-тилѣтней литературной дѣятельности.

Изъ Кіева же посланъ на разрѣшеніе петербургской цензуры сборникъ стихотвореній извѣстнаго украинскаго поэта—сатирика Самійленка (псевд. Сывенькій).

—

Въ «Вѣстн. Юга» (№ 640) *Гр. Сьогобочный* помѣстилъ довольно большую рецензію о книгѣ *Б. Гринченка* «Пысання». Томъ I. У Кыиви 1903 р.

—

Въ «Полтав. Вѣстн.» (№ 292) напечатана статья по поводу предстоящаго празднованія столѣтія Полтавской епархіи; тутъ дается крат-

кая историческая справка о всемъ времени существованія этой епархіи, именовавшейся первоначально Переяславскою (въ XI в.). Въ №№ 302—304 той-же газеты помѣщено описаніе празднества столѣтія Полтавской епархіи, происходившаго въ Полтавѣ, въ покояхъ преосв. Иларіона; большая часть этого описанія посвящена изложенію прочитанной въ засѣданіи В. Терлецкимъ исторической записки «о прошломъ Полтавской епархіи и ея архипастыряхъ».

—

Въ газ. «Волынь» (№ 252 и 254) помѣщена статья *д-ра Антонія И.* въ переводѣ съ польск. яз. «Городъ Каменецъ-Подольскъ. Историческій очеркъ».—Въ томъ-же № 254 начата печатаніемъ и другая статья подъ заглавіемъ «Послѣдніе дни господства турокъ въ Каменцѣ и передача города Польшѣ» (Историч. справка по Ролле).

—

Въ газ. «Вѣстникъ Юга» (№ 625) помѣщена статья *Гр. Сьогобочного* подъ заглавіемъ «Нѣсколько мыслей вслухъ, о „педагогическихъ бесѣдахъ" г. Лубенца». Содержаніемъ статьи служатъ мысли автора по вопросу о малорусскомъ языкѣ въ школѣ, о чемъ г. Лубенецъ въ своихъ бесѣдахъ высказалъ мнѣнія, слишкомъ неглубоко заглядывающія въ сущность вопроса

—

Въ газ. «Вѣстн. Юга» (№ 617) напечатана поминка о покойномъ украинскомъ беллетристѣ и публицистѣ А. Я. Конисскомъ по поводу третьей годовщины его смерти.

—

Во львовской газетѣ «Дило» на дняхъ помѣщена статья, подъ заглавіемъ «Въ справи потребы заснованя Музычного Института у Львови», въ которой приводятся интересныя свѣдѣнія объ украинской музыкѣ и представителяхъ ея въ прежнее время, преимущественно въ началѣ XVII вѣка.

—

Появился въ продажѣ «Збирныкъ исторично-фильософычнои секціи Науковоґо товарыства имени Шевченка». (Томы VI и VII).

—

Появился въ продажѣ сборникъ разсказовъ Ивана Франка, подъ заглавіемъ «Малый Мыринъ и инши оповиданя».

—

Профессоръ львовскаго университета М. Грушевскій недавно подписалъ контрактъ съ извѣстной книгоиздательской фирмой Тайбнера въ Лейпцигѣ объ изданіи на нѣмецкомъ языкѣ его труда «Исторія Украины--Руси». Право продажи этого изданія дается на 15 лѣтъ. Переводъ будетъ сдѣланъ со 2-го украинскаго изданія, первый томъ котораго появится въ продажѣ въ началѣ 1904 года.

—

Вышелъ во Львовѣ *первый русинскій иллюстрированный календарь музыкальный на 1904-й годъ,* съ литературнымъ приложеніемъ. Въ этомъ календарѣ, между прочимъ, есть большая статья Домета о Н. В. Лисенкѣ.

Библіографическій указатель музыкальной и литературной дѣятельности Н. В. Лисенка.

(1868—1903 г.).

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Предлагаемый указатель извлеченъ изъ предпринятаго мною, но пока незаконченнаго, труда по малорусской библіографіи. Не разсчитывая поэтому на совершенную полноту настоящаго указателя, думаю однакожъ, что все выдающееся въ дѣятельности Н. В. Лисенка вошло въ мой указатель и пропуски могутъ быть незначительные. Заглавія произведеній Н. В. Лисенка вошли въ мой указатель непосредственно изъ подлинниковъ и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ заимствованы изъ каталоговъ или иныхъ подобныхъ источниковъ. Весь собранный матеріалъ размѣщенъ въ двухъ отдѣлахъ: въ первомъ приведены заглавія произведеній Н. В. съ указаніемъ извѣстныхъ мнѣ рецензій и другихъ библіографическихъ свѣдѣній подъ тѣми произведеніями, къ которымъ онѣ относятся, а во второмъ—помѣщена литература о Н. В. Лисенкѣ, т. е. библіографическія замѣтки и очерки и статьи общаго содержанія о его дѣятельности, какъ композитора и этнографа. Въ обоихъ отдѣлахъ собранный матеріалъ изложенъ въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ въ первомъ отдѣлѣ иногда приходилось считаться съ затрудненіемъ относительно времени выхода въ свѣтъ тѣхъ или иныхъ музыкальныхъ произведеній, такъ какъ годъ изданія на такихъ произведеніяхъ обыкновенно почему то не обозначается. Большая часть указаній заносилась въ мои записи не-

посредственно послѣ выхода въ свѣтъ того или иного произведенія Н. В., и такія указанія безошибочны: но не всегда я имѣлъ къ этому возможность, и въ такихъ случаяхъ приходилось опредѣлять годъ изданія на основаніи цензурной даты съ принятіемъ въ соображеніе закона, по которому цензурное разрѣшеніе имѣетъ силу въ теченіе года, такъ что въ подобныхъ случаяхъ ошибка во времени, конечно, можетъ быть, но лишь въ предѣлахъ одного года. Заглавія всѣхъ произведеній Н. В. и оглавленія содержанія ихъ вносились въ указатель съ точнымъ соблюденіемъ правописанія, какимъ онѣ напечатаны, чѣмъ и объясняется разнообразіе въ малорусскихъ заглавіяхъ и отлавленіяхъ, приведенныхъ въ указателѣ. Въ концѣ указателя мною приложено краткое оглавленіе перваго отдѣла, съ распредѣленіемъ при разысканіи по родамъ творчества, могущее служить къ облегченію произведеній того или иного произведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ дающее возможность наглядно видѣть разнообразіе творческой дѣятельности Николая Витальевича Лисенка.

М. К.

I.

Творчество Н. В. Лисенко.

1868 г.

1. **Збирныкъ украинськыхъ писень.** Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ I-й. 95 ст. 4°. Ц. 2 р. 50 к. Кіивъ--Лыськый у Редера (40 пѣсенъ съ нотами для пѣнія и фортепіано: 1. Ой зійшла зоря вечировая. 2. Оженывся козак. 3 и 4. Ой пыла та Лемерыха. 5. Охъ и ты Гетьмане. 6. Ой пущу я коныченька въ саду. 7. Ой ще не свитъ. 8. Ой у поли та у Барышполи. 9. Та не журь мене, моя маты. 10. Охъ и горе, нещаслыва доле. 11. Ой у лузи та и при березп. 12. Максымъ козакъ Зализнякъ. 13. Гей не дывуйте. 14. Ой косытъ хазяинъ. 15. Ой не стелыся, хрещатый барвинку. 16. Ой у поли крыныченька. 17. Ой глыбокый колодязю. 18. Ой поплывы вутко 19. Ой и зрада, кари очи, зрада. 20. Ой маты. 21—23. Ой гаю, мій гаю. 24. Чы ты мылый прыпавъ пыломъ. 25. Зеленая лищынонько. 26. Ой на гору козакъ воду носытъ. 27. Ой повій, буйный витре. 28—29. Та бодай тая степовая могыла. 30. Лугомъ иду, коня веду. 31. Дощыкъ

канае дрибненько. 32. Ой не шумы луже. 33. Ой учора, оравъ 34. Ой ишовъ я вулыцею разъ. 35—36. Джыгунъ. 37. Чумарочка рябесенька. 38. Чорна гречка, били крупы. 39. Колы бъ мени Господы. 40. Король).

Кіевлянинъ, 1868 г. № 139. Музыкальная новость.

1869 г.

2. Збирныкъ украинськыхъ писень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ II-й, 81 ст., 4°. Ц. 2 р. 50 коп. Кіивъ-Лыпське. Дозволено цензурою. Спб. 27 мая. 1858 г. (40 пѣсенъ съ нотами для пѣнія и фортепіано: 1) Про Палія та Мазепу, 2) Про Швачку, 4) Про Саву Чалого, 4) Про руйнования Сичи, 5) Про Харька, 6) Ой не гараздъ запорожци, 7) Гоминъ, гоминъ по диброви, 8) Ой не пугай пугаченьку, 9) Ой крыкнула лебедонька, 10) Ой изъ-за гори та зъ-за кручы, 11) Ой чумаче, чумаче, 12) Ой по гори сири волы ходылы, 13) Ой щожъ бо то тай за воронъ, 14) Та не спавъ я ничку, 15) Та забилилы снигы, 16) Та по-за садомъ, 17) Ой по горахъ снигы биліють, 18) У Кыиви на рыночку, 19) Та туманъ яромъ, 20) Та жыла соби та удивонька, 21) Казавъ мени батько, 22) Ой ты мисяцю, зоре, 23) Щось у лиси зашумило, 24) Ой ходыла дивчына бережкомъ, 25) Ой у поли озерце, 26) Ой запывъ козакъ, 27) Ой важу я, важу, 28) Выйду я на гироньку, 29) Ой ненько, зацвило серденько, 30) Туманъ по долыни, 31) Розвывайся ты дубочку, 32) Ой я въ батька едыныця, 33) Ой выйду я за воритечка, 34) Ой зійды ясенъ мисяцю, 35) Ой по горахъ, по долынахъ, 36) Ой пиду жъ я лисомъ, 37) Не хылыся сосно, 38) Ой не свиты мисяченьку, 39) Горе мени на чужыни, 40) Ой, Гандзю мылостыва).

1871 г.

3. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка. Спорудывъ *М. Лисенко.* Стихотворенія Т. Шевченка, на музыку переложенныя Н. В. Лисенкомъ. Спб. Изданіе второе. (О первомъ изданіи свѣдѣній не имѣю). Кыивъ. У Б. Корейво, 1871 г.). (Дозволено цензурою. Спб. 9 іюня 1870 г.) 54 ст., 4°. Ц. 1 р. 25 к. (10 піесъ для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепіано: 1) Ой одна я, одна, якъ былынонька въ поли (для сопрано), 2) Туманъ, туманъ долыною (сопр.), 3) На городи коло броду (сопр.), 4) Садокъ вышневый коло хаты (сопр.), 5) Ой чого ты почорнило (барит.). 6) На що мени чорни бровы (сопр.), 7) Ой люди,

люли (сопр.), 8) Якъ бы мени, мамо, намысто (сопр.), 9) Надъ Днипровою сагою (контръ-альто), 10) Сонце заходыть (тріо).

1873 г.

4. Збирныкъ украинськыхъ писень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ I. Друге выдання. 81 сот., 4⁰. Ц. 2 р. 50 к Лыпське-Кыивъ. (Содержаніе см. за 1868 г. № 1).

5. Збирныкъ украинськыхъ писень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ II. Друге выдання. Лыпськый-Кыивъ. Ц. 2 карбованця. (Содержаніе см. за 1869 г. № 2).

Ларошъ. Голосъ, 1873 г. № 252.

1874 г.

6. Плачъ Ярославны. Частына зъ поэмы «Слово о полку Игоря» по перекладу *М. Максимовича.* Музыку зложывъ *М. Лисенко.* Кыивъ, 13 ст. 8⁰. Ц. 50 к. Нотопечатня Бесселя въ С.-Петербургѣ.

7. Чумацкія народныя пѣсни. Собралъ *И. Рудченко.* К. 1874 г., 257 ст. 8⁰. Ц. 1 р. 30 к. Въ сборникѣ этомъ 72 пѣсни со многими варіантами, изъ которыхъ 13 положены на ноты *М. Лисенкомъ.*

8. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край, снаряженной Императорскимъ Географическимъ Обществомъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. ч. Общества *П. Чубинскимъ.* Т. IV, Спб., 718 ст. 8⁰. Обряды: родины, крестины, свадьба съ соотвѣтствующими пѣснями подъ редакціей *Н. Костомарова.* Въ этомъ томѣ напечатано болѣе 2000 пѣсенъ, изъ которыхъ 138 положены на ноты *Н. Лисенкомъ.*

5. Характеристика музыкальныхъ особенностей малорусскихъ думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ кобзаремъ Остапомъ Вересаемъ. Рефератъ *Н. Лисенка.* Записки юго-западнаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества. Т. 1-й за 1873 г. К., 1874 г. ст. 339—366. Тамъ же: *Ноты къ думамъ и пѣснямъ, исполняемымъ О. Вересаемъ*, всѣхъ 9+7 номеровъ, стр. 1—28. Все это вмѣстѣ со статьей А. Русова: *«Остапъ Вересай, одинъ изъ послѣднихъ кобзарей»* издано также въ 1874 г. отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: *„Кобзарь Остапъ Вересай, его музыка и исполняемыя имъ народныя пѣсни“.*

10. Риздвяна ничъ. Оперета по Гоголю въ 4 діяхъ. Текстъ М. Старыцького. Музыка *М. Лисенка*. К. Ц. 35 к.—Тоже 2 изд. Южнорусскаго книжнаго магазина, К., 1876 р., 82 ст. 8⁰. Ц. 35 к.—Тоже 3-е изд. Л. Ильницкаго подъ заглавіемъ **Риздвяна ничъ**, музыкальна комедія въ 4 діяхъ. Текстъ и вирши М. Старыцького, музыка *М. Лисенка*. К., 1882 г., 109 ст. 12⁰. Ц. 50 к. Во всѣ эти изданія вошелъ лишь текстъ оперетты безъ музыки. О самой оперетѣ и музыкѣ къ ней, а также о постановкѣ оперетты на сценѣ см.

1. *Кіевлянинъ*, 1873, № 26 и 1874, № 15 и 18.
2. *И. Ив-ко*, Кіевскій Телеграфъ, 1874, № 3.
3. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1874, № 91 и 179.
4. *Кіевскій телеграфъ*, 1875, № 30.

1875 г.

Молодощи. Збирныкъ танкивъ та веснянокъ. Гры, спивы весняни, дытячи, дивочи, жиночи, мишани. *М. Лисенка*. К., 60 ст. 4⁰. Ц. 1 р. 20 к. (Всѣхъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія 37. *Гры*: 1) Огирочкы, 2) У калача, 3) Горобейко, 4) Макъ, 5) Макъ иншый, 6) Ще макъ, 7) Дзёбка, 8) Лёнъ, 9) Перепилка, 10) Галка, 11) Шумъ, 12) Воротарь, 13) Король, 14) Диброво́нька або дощечка, 15—17) Крывый танець, 18) Плету плетеныцю. Танокъ, 19) Нелюбъ, 20) Горобейко, 21) Щитка, 22) Зайко, 23) Кизлыкъ, 24) Чоловикъ та жинка *Веснянкы:* 1) Ой не росты, кропе, 2—3) Ой весно весняночко, 4) Ой вже весна красна, 5) Ой ты сывая та зозуленько, 6) Ходыть сорока коло болота, 7) Ой тамъ на гори, 8) Перелеты соколоньку, 9) Выйды, Грыцю, на вулыцю, 10) Коло Дунаечку, коло бережечку, 11) Та вплынь селезню, 12) Просылася галочка, 13) Ой тамъ на морижку).

1876 г.

12. Збирныкъ украинськыхъ писень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко*. Выпускъ III, Кыивъ, 83 ст., 4⁰. Ц. 2 р. 50 к. Всѣхъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія и фортепіано 40: 1) Про Кальнышевського, 2) Про Нечая, 3) Про Байду, 4) Тече вода зъ-пидъ каменю, 5) Що въ Кыиви на рыночку, 6) Ой летивъ пугачъ, 7) Ой горе тій чайци, 8—9) Вылиталы орлы, 10) Ой ты багачу, 11) Ой оре Семенъ, 12) Що молода жинка зъ старымъ мудровала, 13) Ой хмелю мій, хмелю, 14) Тяжко важко ой хто кого любыть, 15) Ой у

поли былынонька колыхается, 16) Охъ и бачытся лисокъ не высокъ. 17) Не спивайте пивни, 18) Ой чыи то волы по гори ходылы, 19) Та и за тучамы громовымы, 20) Ой жаль мени вечиронька, 21) Ой сама жъ я, сама, якъ былынонька въ поли, 22) Ой сама жъ я пшеныченьку жала, 23) Ой щось мени не легко, 24) Чы я вылыла, чы я вбрела, 25) Ой жаль мени, 26) Тыхо Дунай воду несе, 27) Та колы бъ мени доля, 28) Ой не стукай, 29) Ой у лузи волыкы въ плузи, 30) Ой у поли крыныченька, 31) Та болять ручкы-нижкы, 32) Ой ишовъ козакъ зъ косовыци, 33) Ой перепилочка, 34) Що слава въ свити мала, 35) Безъ тебе Олесю, 36) Колы бъ маты не была, 37) Та куды йидешъ, Явтуше, 38) Якъ пойихавъ мій мыленькый, 39) Чомъ, чомъ чорнобровъ, 40) Про Куперьяна).

13. Писни М. Лисенка. Слова *Т. Шевченка.* Спб., у Бесселя. (Дозволено цензурою, Спб., 2 мая 1875 г.). Три піесы: 1) Полюбылася я (для мецо-сопрано або альта), 2) Утоптала стежечку, 3) Закувала зозуленька. Ц. за 1 и 2 по 20 к., за 3—30 к.

14. Op. 2. **Сюита in g зъ украинськыхъ писень.** Для фортепіано уложывъ *М. Лисенко.* К. Ц. 1 р. 80 к. Всѣхъ 6 номеровъ: 1) Preluda (Хлопче молодче), 2) Couranta (Помалу-малу, братику, грай), 3) Toccata (Пишла маты на село), 4) Sarabanda (Сонце нызенько) 5) Gavotte (Ой, чыя ты, дивчыно), 6) Scherzo (Та казала мени Солоха прыйды). Цѣна каждой въ отдѣльности отъ 30 до 60 коп.

15. Op. 8. **Rhapsodie sur des thèmes de l'Ukraine:** Grand morceau de concert pour le Piano par *Nicolas Lissenco.* (Дозвол. цензурою, К., 14 мая 1875 г.). 21 ст. 4°. Ц. 1 р. 50 к Посвящается à Madame Sophie Roussow. Лейпцигъ. Типогр. Гройхена и Риля. Кіевъ, у Б. Корейво.

16. Op. 15. **Barcarolle.** Compositiones pour le Piano *Nicolas Lissenko.* (Дозволено цензурою 14 мая 1875 г.). Лейпцигъ. Типографія Гройхена и Риля. Kieff, cherz B. Korejwo. Ц. 75 к.

17. Op. 18. **Думка-шумка. 2-me Rhapsodie de l'Ukraine** pour le piano composée par *N. Lissenko.* (Дозволено цензурою. Кіевъ. 14 мая 1875 г.). 11, ст. 4°. Prix 90 cop.

1877 г.

18. Op. 6. **Valse brillante.** Pour le Piano. *N. Lissenko.* К. Ц. 1 р. 20 к.

19. Ор. 7. **Polonaise de Concert en g** Pour le Piano. *N. Lissenko*. К. Ц. 1 р. 50 к.

20. Ор. 10. **Deux chants sans paroles**. Pour le Piano. *N. Lissenko*. К. 75 к.

21. Ор. 12. **Le Rève. „На солодкимъ меду"**. Мрія. *N. Lissenko*. К. Ц. 90 к. (для фортепіано).

22. Ор. 17. **Valse mélancolique**. Pour le Piano. *N. Lissenko*. К. Ц. 75 к.

23. Ор. 22. **Ходыть гарбузъ по городу**. Pour le Piano *N. Lissenko*. К. Ц. 75 к.

1878 г.

24. Чорноморци. Оперетта по Кухаренку въ 3 діяхъ *М. Старыцького*. К. 74 ст., 8⁰. Ц. 25 к. Къ ней музыка *М. Лисенка* для скрипки и фортепіано. К. Ц. 75 к.

1881 г.

25. Автобіографія М. Лисенка. Сьвіт (Львовская газ. подъ ред. И. Франка) 1881 г. № 5.

1882 г.

26. Гамлетъ, прынцъ Danськый. Трагедія І. Шекспира. Пер. *М. Старыцькый*. Зъ прылогою музыки *М. Лисенка*. К., 202 ст. 12⁰. Ц. 1 . Въ концѣ приложены ноты: *Спивъ Офеліи*, музыка М. Лисенка, № 1—9 стр. 1—12.

1883 г.

27. Чорноморци. Оперетта у 3 діяхъ. За-для скрипки зъ проводомъ фортепьяно або-жъ за-для спивъ зъ фортепьяно. Текстъ по Кухаренку склавъ *М. Старыцькый*. Музыка *М. Лисенка*. К. 60 ст. 8⁰. Цѣна для скрипки съ акомпаниментомъ фортепіано 1 р., съ прибавленіемъ текста для пѣнія въ отдѣльной папкѣ 1 р. 20 коп. Ноты 30 стр. 4⁰. Всѣхъ № 32. Кіевъ, у Б. Корейво. Типографія К. Милевскаго. (Дозв. цензурою, К. 1883 г. 21 января). Рецензіи на эту оперетку, главнымъ образомъ по поводу постановки ея на сценѣ, см.

1) *Одесскій Вѣстникъ*, 1884, № 2.
2) *Сусидъ*, Одесскій Вѣстникъ, 1884, № 10 (о музыкѣ).
3) *Другой рецензентъ*, Одесскій Вѣстникъ, 1884, № 17.

4) *Бекаръ.* Одесскій Вѣстникъ, 1884, № 21. Письмо въ редакцію.

5) *Дѣло.* (Львовская газ.) 1885, № 125. Театръ.

6) *Новости.* (Петерб. газ.) 1886, № 321.

7) *Коцовскій В.* Зоря (Галиц.) 1888, № 20. Театръ.

28. Риздвяна ничъ. Опера въ 4 діяхъ и 5 картынахъ. Либрето по Гоголю зложывъ *М. Старыцькый.* Музыка *М. Лысенка.* К. Коштомъ Л. Ильницкого. 128 ст. 12⁰. Ц. 50 к. Въ этомъ изданіи помѣщенъ только текстъ оперы, съ изложеніемъ содержанія каждой сцены по-русски. Объ этомъ изданіи см.:

1. *Заря* (Кіев. газ.) 1883 № 17. Искусство и литература.
2. *Кіев. Старина* 1883 кн. 6. Малорус. изданія.

1884 г.

29. Риздвяна ничъ. Комико-лирична опера *М. Лисенка.* Текстъ по Гоголю *М. Старыцькою.* К. 350 ст. 8⁰. Ц. 10 р. (Поставлена впервые въ г. Харьковѣ въ 1883 г. Теперь ц. 8 р.).

1. *Б—цкій.* Музыкальный міръ 1883 № 8.
2. *Заря.* (Кіев. Газ.) 1883 № 68. „Два мнѣнія о малорусской оперѣ Риздвяна ничъ".
3. *Зоря.* (Галиц. газ.) 1883 № 4. Нова малоруська опера.
4. *Статистическій листокъ.* (Харьков. газ.) 1883 № 1.
5. *Южный край.* 1883 № 728 отъ 2 февраля.
6. *Journal de St. Peterburg.* 1884 № 239.
7. *Заря.* (Кіев.) 1884 № 275. Отзывъ П. Сокальскаго объ оперѣ „Риздвяна ничъ":
8. *Ма(твѣе)въ А.* Къ исторіи южно-русской музыки. (Опера „Риздвяна ничъ"—М. Лисенка) Одесса. 1884 г. 32 стр. 16⁰. Оттискъ изъ газ. Одесскій Вѣстникъ 1884 № 236.
9. *Сокальскій П.* Одесскій Листокъ 1884 № 257 и 258.
10. *Матюкъ В.* Зоря (Галиц.) 1885 № 7—13. Музык. оцѣнка.
11. *Московскія Вѣдомости* 1887 № 334. (По поводу постановки въ Москвѣ).
12. *Кіевское Слово* 1887 № 258. „Риздвяна ничъ" на московской сценѣ.
13. *Дѣло* (Галиц.) 1889 № 289. „Рôздвяна нôчъ" на сценѣ въ Галичинѣ.

30. Materiały etnograficzne z okolic Pliskowa w powiecie Lipowieckiem zebrane przez Pannę *Z. D.* Opracowal *C. Nejman.* W Krakowie. Osobne odbicie ze Zbioru Wiadomosci do Antoropologii krajowej. T. VIII. 134 ct. 8⁰. Въ этомъ изданіи 137 малорусскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ 20 положены на ноты для пѣнія *М. Лисенко.*

31. Тетрадь безъ заглавія. На обложкѣ виньетка съ изображеніемъ бандуриста и группы крестьянъ. Внизу подпись: Дозволено цензурою. Кіевъ. 12 декабря 1883 г. 14 стр. 8°. Ц. 30 к. Всѣхъ номеровъ 7: 1) Ой на гори васылечкы. Раскладка *Н. Лисенка* (народня писня); 2) На бережку у ставка. Народня. Розложывъ для хора Н. Лисенко; 3) Дивка въ синяхъ стояла. Народня писня. Розложивъ для хора Н. Лисенко; 4) Ой надину черевыки. Изъ оперетты «Чорноморци». Муз. Лисенка; 5) Ой тамъ на рынку. Народня. Н. Лисенко; 6) Сонце ныэенько, вечиръ блызенько. Народня. Для хора положывъ Н. Лисенко; 7) Ой любывъ та кохавъ. (Изданіе литографированное).

1885 г.

32. Утоплена (Майська ничъ). Оперета по Гоголю въ 3-хъ діяхъ *М. Старыцького.* Музыка *Н. Лисенка.* Одесса. 86 стр. 8°. Ц. 25 к. Изъ сборника «Нива», вышедшаго въ томъ же году въ Одессѣ. Изданъ только текстъ.

1. *Заря.* (Кіев.) 1884 № 248. По поводу постановки оперетты въ г. Харьковѣ.
2. *Одес. Вѣстникъ* 1889 № 333.
3. *Крымскій Вѣстникъ* 1890 № 15 и 85. Представленія малороссовъ.
4. *Южанинъ* 1890 г. № 32.

33 Чорноморци. Оперета по Кухаренку въ 3 діяхъ *М. Старыцького.* Муз. *М. Лисенка.* 2 выдання коштомъ Б. Корейво. К. Ц. 25 к. Только текстъ, къ которому музыка Лисенка издана въ Кіевѣ въ 1883 г.

34. Молытва. Гимнъ на жиночи голосы зъ акомпаниментомъ фортепьяно. Слова *О. Конисього.* Музыка *Н. Лисенко.* Львовъ. Музыкальная библіотека. В. III-й. Ц. 15 кр.

35. Вѣнець. Збирнычокъ найлипшыхъ квартетовъ польськихъ и руськихъ. Коштомъ товарыства «Лютня». Львивъ. 42 ст. Ц. 45 кр. Въ этомъ сборникѣ между прочимъ помѣщена музыка *М. Лисенка* къ стихотворенію *М. Старицкаго*: «На прю!».

1886 г.

36. Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Перший десятокъ. (Дозв. цензурою К. 16 сентября 1885 г.) К. 14 ст. 8°. Ц. 50 к.: 1) Про Байду; 2) Ой на гори та женци жнуть; 3) Охъ и горе, нещаслыва доле; 4) Та

щука рыба въ мори; 5) Ой не стелыся хрещатый барвинку; 6) Гулявъ чумакъ на рыночку; 7) Ой тамъ за Дунаемъ; 8) Ой изъ за горы буйный витеръ віе; 9) На що було старому женытыся; 10) Та туманъ яромъ котыться).

37. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка—*М. Лисенко.* Спивы про жиночи та чоловичи голосы, по-одыноки, якъ такъ и гуртови (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія 1-я. К. Изд. Б. Корейво. Повтореніе изданія 1871 г. съ присоединеніемъ 3-хъ піесъ, изданныхъ въ 1876 г. (см. № 3 и 13-й), а всего 13 піесъ. Ц. въ одной тетради 1 р. 80 к. и отдѣльно каждая піеса 30—60 к.

Заря (Кіев.) 1886 № 9.

38. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка—*М. Лисенка.* Спивы про жоночи и чоловичи голосы, якъ поодыноки, такъ и гуртови (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія II. К. У Б. Корейво. (Дозв. цензурою. К. 9 марта 1885). Въ эту серію также входятъ 13 піесъ: 14) И богата я и вродлыва я; 15) Мынають дни (для баритона); 16) Огни горять, музыка грае (теноръ); 17) Тежъ (барит.); 18) Ой Днипре, мій Днипре! Спивъ Яремы зъ «Гайдамакивъ» (басъ); 19) Гетьманы, гетьманы! Свято въ Чыгырыни. Зъ «Гайдамакивъ» (барит.): 20) Не женыся на багатій (барит.); 21) Зацвила въ долыни (дуэтъ сопрано и тенора); 22) Не тополю высокую (сопр.); 23) За сонцемъ хмаронька плыве. (Квартетъ сопрано, альта и баса); 24) Ой на гори роменъ цвите (тен.); 25) Якъ бы мени черевыкы (сопр.); 26) Бьють порогы, мисяць сходыть. Кантата про одыноки голосы чоловичи, дуэты, тріо и мишаный гуртъ зъ проводомъ оркестра; фортепьяновый укладъ (Klavierauszug) автора. Ц. № 14—26 въ однимъ зшытку 2 р. 50 к., а наризно видъ 20—50 к., а кантата 1 р. 20 к.

39. До Хортыци. Слова *Я. Щоголева* (Стугоныть Днипро по скеляхъ). Музыка *М. Лисенка.* До дня 25-хъ роковынъ смерти Тараса Шевченка. Коштомъ Б. Корейво. К. Ц. 60 к.

1887 г.

40. Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ IV-й. К. 80 стр. 4°. Ц. 3 р. Дозв. цензурою. К. 7 августа, 18 ноября и 17 декабря 1886 г.). Всѣхъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія и фортепьяно 40: 1) Про Нечая: 2) Про Харка; 3) Про татарськый полонъ; 4) Про Мыхайла; 5) Про

Довбуша; 6) Про Голоту; 7) Ой въ городи на ростоци; 8) Та на биду козакъ уродывся; 9) Ой пылы козаченькы; 10) Ой на гори огонь горыть; 11) Гей шпорынгъ по дорози; 12) Ой у Кыиви та на городыщи; 13) Гей у степу крыныченька; 14) Та запывъ чумакъ; 15) Иде чумакъ у дорогу; 16) Охъ и я съ горя; 17) Вулыця гуде; 18) Ревуть воды; 19) Ой изъ за горы зъ за крутои; 20) Побратавсл сокилъ зъ сызокрылымъ орломъ; 21) Ой изъ за горы та буйный витеръ віє; 22) Та колыбъ маты знала; 23) Ой добрая годынонька; 24) Ой чы воленька чы неволя; 25) Роменъ зилля та й у кучеры вьется; 26) Ой тамъ за горою; 27) Та нема гиршъ никому, якъ тій сыротыни; 28) Що сьогодня я тута; 29) Иду жъ бо я, коня попасаю; 30) Ой ты мисяцю-зоре; 31) Щаслывому по грыбы ходыты; 32) Ой мала я два садочкы; 33) Гиля, сири гуси; 34) Плыве качуръ; 35) Жали мои; 36) Бескыде зеленый; 37) Маріє, Маріє, чого ходышъ-нудышъ; 38) Задумавъ дидочокъ; 39) Чомъ не прыйшовъ; 40) Ой мій мылый умеръ.

41. Збирныкъ народнихъ украиньскихъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Другый десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 18 ноября 1886 г.) 18 ст. 8⁰. Ц. 50 к. (1. Ой Сичь маты; 2. Ой Морозе, Морозенку; 3. Ой пущу я коныченька; 4. Ой у поли два яворы; 5. Ой гаю мій, гаю; 6. Гей по сынёму морю; 7. Ой пье козакъ; 8. Ой любывъ та кохавъ; 9. Ой та спывся козакъ; 10. Ой послала мене маты).

42. Quodlibet зъ народнихъ писень. Хоръ *М. Лисенка.* Львовъ. Музыкальная библіотека, выпускъ VIII. Ц. 30 кр.

1888 г.

43. Дума о Богданѣ Хмельницкомъ и Барабашѣ. Записалъ изъ Кобзаря П. Братыци *Н. Лисенко.* Съ нотами. Кіевская Старина, кн. 7, приложеніе 17.

44. Иванъ Гусъ. Гуртовый спивъ зъ супроводомъ фортепьяно до словъ *Т. Шевченка.* Спысавъ до дня 20 роковинъ смерти Т. Шевченка *М. Лисенко.* Львовъ. 7 ст. 4⁰. Ц. 50 кр. Выдавъ К. Паньківській.

1889 г.

45. Збирныкъ народнихъ украиньскихъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Третій десятокъ. (Дозв. цензурою, К. 16 января 1889 г.). К. 22 ст. 8⁰. Ц. 50 к. (1) Гей гукъ, маты,

гукъ; 2) Розлылыся круто бережкы; 3) Та забилилы снигы; 4) Що по горахъ снигы лежать; 5) Охъ и закувала сыва зозуленька; 6) Туманъ яромъ; 7) Ой на гори васылечкы сходять; 8) Та нема гиршъ никому; 9) Ой знаты хто кого любе; 10) Часъ до дому, часъ).

46. Мылованка и Вечеръ. Дви писни тенорови зъ супроводомъ фортепьяно Слова *М. Старицкаго.* Музыка *М. Лисенка.* Львовъ. Библіотека музыкальна в. XIII, 6 ст. 8⁰. Ц. 20 кр.

47. Матушка царица. солнце наше красно. Юбилейный хоръ къ празднованію 50-лѣтія Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Слова *Е. Полянской.* Музыка *Н. Лисенко.* К. 15 ст. 4⁰. У Б. Корейво. Ц. 1 р. 20 к. (Дозв. цензурою. К. 29 марта 1889 г.).

48. Торжественный маршъ ко дню празднованія 50-лѣтняго юбилея Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Для фортепіано въ 8 рукъ *Н. Лисенко.* К. Ц. 1 р. 50 к.

1890 г.

49. Збирныкъ украиньскихъ писень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Першый выпускъ. Власнисть выдавця на вси рокы. К. 95 ст. 4⁰. Ц. $2^1/_2$ карбованця. Складъ у Л. Идзиковскаго въ Кіевѣ. (3 изданіе, содержаніе см. за 1868 г. № 1).

50. Наталка-Полтавка. Перша украинська оперета у 3-хъ діяхъ *И. Котляревського.* Музыку впорядкувавъ *М. Лисенко.* (Дозв. цензурою. К. 24 іюля 1889 г.) К. У Б. Корейво. 46 ст. 4⁰. Ц. 1 р. 50 коп. 1500 экз. Литографія Редера въ Лейпцигѣ. (Текстъ оперетты, увертюра и 22 № для пѣнія съ акомпаниментомъ фортепіано).

1. *Дякъ.* Одесскій Вѣстникъ 1890 № 158.
2. *Комаръ М.* Зоря (Галиц.) 1890 № 17 и 23.

51. Коза-дереза. Дытяча комична оперета въ 1 діи. *Рус. Граб. Лино.* Музыку впорядкувавъ *М. Лисенко.* Дзвинокъ (Галиц. журналъ) № 23. (Текстъ съ музыкой).

52. Риздвяна ничъ. Комико-лирична опера въ IV діяхъ, V картынахъ. Либрето зложывъ *М. Старыцькый.* Музыка *М. Лисенка.* Накладомъ товарыства «Руска бесида» у Львови. 64 ст. 16⁰. Ц. 30 кр. (Текстъ безъ музыки).

53. Образкы зъ колышнього. Картинки изъ прошлаго. Rêverie, par *Nicolas Lissenko.* Op. 13. Посвящается Л. М. Д. Для фортепіано въ 2 руки. СПБ. Музыкальныя приложенія журнала «Баянъ» 1890 г. Апрѣль.

1890—1893 г.г.

54. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка.—*М. Лисенка.* Спивы про жиночи та чоловичи голосы, якъ поодыноки, такъ и гуртови. (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія III. (Дозв. цензурою. К. 16 января 1889—19 іюня 1893 г.) Кіевъ. У Б. Корейво. Москва. Печатня В. Гроссе. (Въ эту серію вошли также 13 піесъ: № 27. Реве та стогне Днипръ шырокый (басъ); № 28. И шырокую долыну; 30. У недилю вранци рано; 31. Мы заспивалы, розійшлысь (дуэтъ—басъ и сопр.); 32. Ой умеръ старый батько (К.-альто); 32-б. Тежъ (сопр.); 33. Та не дай, Господы, никому (баритонъ або басъ); 34) Матерынъ жаль; Ой сяду я пидъ хатою (М.-сопр.); 35) У тіеи Катерыны хата на помости (басъ); 36) По диброви витеръ віе (сопр. або теноръ); 37) Тече вода зъ пидъ явора. Дуэтъ (два сопр.); 39-а) Буває иноди старый (бар.); 39-б) Тежъ (тен.). Ц. каждой піесы отъ 20—60 к.

1891 г.

55. Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Четвертый десятокъ. (Дозв. ценз. К. 16 октября 1890 г.) 25 ст. 8°. Ц. 50 к. [1) Наступыла та чорна хмара; 2) Ой чы се жъ той бурлацюга; 3) Ой бре море; 4) Ой по горáхъ снигы биліють; 5) Ой пидъ горою, пидъ перевозомъ; 6) Ой гыля гусонькы на ставъ; 7) Не топыла, не варыла; 8) Коло млына, коло броду; 9) Спать мени не хочется; 10) Охъ, та не любы двохъ).

56. А. Головатый. Запорожськый депутатъ и кобзарь. Напысавъ *М. Уманецъ.* Львовъ. 28 ст. 8°. Оттискъ изъ журнала «Правда» за тотъ же годъ. Въ концѣ приложена: «*Письня А. Головатого*» (Ой Боже нашъ мылостывый). Запысавъ зъ голоса видъ профессора харьк. университета А. Потебни *М. Лисенко.*

1892 г.

57. Збирныкъ украинськихъ писень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ V-й (Дозв. ценз. К. 25 февраля 1892 г.) К. 84 ст. 4°. У Б. Корейво. Ц. 3 карбованця. (Всѣхъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія и фортепіано 40: 1) Про Перебыйноса; 2) Про Супруна; 3) У городи у Тамани; 4) Ой пидъ лисомъ та пидъ Лебедыномъ; 5) У суботу рано; 6) Ой у недиленьку рано; 7) Ой зивьяла червона калына; 8) Ой у Гали свекруха лыхая; 9) Ой изъ за горы

донцыкъ; 10) Голивонька моя бидная; 11) Ой-давно я въ батька була; 12) Чорна хмара наступае; 13) Выйду за ворота; 14) Калынонька та малынонька; 15) Ой гай маты; 16) Ой кряче та чорненькый воронъ; 17) Иповъ козакъ дорогою; 18) Ой здорова чорноброва; 19) Теперъ моя головонька въ гори; 20) Куды витеръ віе; 21) Плыве щука зъ Кременчука; 22) Чомъ дубъ не зеленый; 23) То зеленая горишына; 24) Ой видсиль гора; 25) Копавъ же я та крыныченьку; 26) Ой бувай здоровъ; 27) Ой прыбудь, хочъ коня добудь; 28) Ой ты горо кремьяная; 29) Ой у лиси кленъ дерево; 30) Беру воду та зъ переброду; 31) Ой ты дубе кучерявый; 33) То малюсеньке соловьятко; 34) Пилъ горою деркачъ дере; 35) На вгороди калына; 36) Стояла на колодци; 37) Ой умеръ та козаченько; 38) Про Петруня; 39) Про чечитку; 40) Ой куме, куме, добра горилка).

58. Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Пятый десятокъ (Дозв. цензурою 25 февраля 1892 г.). К. 19 ст. 8°. Ц. 50 к. [1) Тече вода зъ пидъ города; 2) Ой та витеръ повивае; 3) Ой на гори вивчаръ вивци ганяе; 4) Кому воля, а кому неволя; 5) Сыдыть дидъ на печи; 6) Ой тамъ за яромъ брала дивка ленъ; 7) Куды витеръ віе; 8) Выйду я на гироньку; 9) Ой чый же це двиръ; 10) Гарбузъ билый качается).

59. О торбанѣ и музыкѣ пѣсенъ Видорта. (Съ приложеніемъ музыки трехъ піесъ: Спивъ Ревухы, Подорожъ В. Ржевуского и Видортова письня: Не журыся мій хазяинъ) *Н. Лисенко.* Кіевская Старина. Кн. 3 стр. 380—387.

60. Увертюра изъ оперы „Риздвяна ничъ“—*М. Лисенка.* Ouverture „La nuit de Noel“, opera lirique —N. Lissenko. К. ц. 1 р. 50 к.

61. Ор. 4. Украинскій козакъ—Шумка.—*Н. Лисенка.* Danse nationale de l'Ukraine. Scherzo pour le grand Orchestre, orrangè pour le piano à 4 mains par l'Auteur, 1 р. 65 к.

1894 г.

62. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка.—*М. Лисенка.* Спивы про жиночи та чоловичи голосы, якъ поодынoки, такъ и гуртови (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія 4. (Дозв. цензурою. К. 13 іюля 1894 г.). К. У автора и по всихъ кныгарняхъ. М. Печатня В. Гроссе. (Въ эту серію входятъ слѣдующія піесы: № 40) Доля. Ты не лукавыла зо мною (тен.); № 40-б, Тежъ (барит.); № 40-в, Тежъ (басъ)

№ 41. Рослы у купочци. Дуэтъ. (сопр. и тен.); 42) Не вернувся изъ походу гусарынъ москаль; 43) По надъ полемъ иде; 44) Хустыночка: 45) Учитеся, браты мои. (Дальнѣйшіе номера этой серіи напечатаны въ 1903 г.

63. Народни музычни струменты на Вкраини. Напысавъ *Боянъ.* Зоря (галицкій журналъ) 1894 г. № 1, 2 и 5—10. Содержаніе: 1) *Кобза.* 2) *Бандура* (зъ двома малюнками бандуры). 3) *Торбанъ* (зъ малюнкомъ). Репертуаръ торбанысты Видгорта. 4) *Лира.* Лирныцькый репертуаръ. 5) *Гусли.* 6) *Цимбалы.* (Зъ малюнкомъ).

1895 г.

64. Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ VI-й. (Дозв. цензурою. К. 24 іюля 1895 г.). К. 83 стр. 4°. Ц. $2^1/_2$ карбованця. М. Печатня В. Гроссе. (Всѣхъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія и фортепіано 40: 1) Ой пойихавъ панъ Лебеденко; 2) Ой колысь була въ степу доля; 3) А що изъ за горы вылитавъ сокилъ; 4) Ой 1791 року; 5) Жыла вдова на Подоли; 6) Ой умру-жъ я, мій мыленькый; 7) Чоловиче мій; 8) Журба за журбою; 9) Пиды, хлопче, введы коныка вороного; 10) Въ темнимъ лиси; 11) У недилю по за силлю; 12) У недилю рано пораненьку; 13) Ой колыбъ я знала; 14) Ой жыла удивонька; 15) Ой тры сестрыци жалибныци; 16) Чорна хмара наступае; 17) Про Коваленка; 18) Ой выорю нывку; 19) Чого мыла губы дмешъ; 20) Не идна годына одъ Бога настала; 21) Ой журавлю; 22) Ой хмарыться дощъ буде; 23) Ой запывъ козакъ; 24) Ой пиду я по надъ море; 25) Журба мене сушыть; 26) Калыно, малыно; 27) Ой жаль, маты, вечирочка; 28) Пожену я на яръ товаръ; 29) Ой пидъ горою; 30) Плыве човенъ воды повенъ; 31) Козакъ выйизджае, дивчынонька плаче; 32) Ой Боже що те кохання зможе; 33) Коло броду брала дивка воду; 34) Ой зійды зиронько; 35) Идуть коровы та изъ дибровы; 36) Молода дивчына пышкувала; 37) Ой на гори санчата; 38) Чы ты мени, серденько, мыла; 39) Соломьяни бычкы мавъ; 40) Дивчыно ты-жъ моя).

65 Письни и спивы. Музыка *М. Лисенка.* (Дозв. цензурою. К. 14 апрѣля 1894 г.). М. Литографія Гроссе. № 1. Колы наставъ чудовый май. Слова *Г(ейне).* Переспивъ *Л. У.*—№ 2. Чого такъ поблидлы троянды? Слова Г. Переспивъ *Л. У.*— № 3. Зъ мого тяжкого суму. Слова Г. Переспивъ *М. С.*—№ 4. Вси люде, кохана, дурни. Слова Г. Переспивъ *М. С.*—№ 5. На лыченьку у тебе. Слова Г. Пе-

respивъ *М. С.*—№ 6. У мене бувъ коханый ридный край (теноръ). Слова Г. Переспивъ *М. С.*—№ 6-б. Тежъ (барит.)—№ 7. Тебе, моя любко, едына. Слова Г. Переспивъ *Л. У.*—№ 8. Колы розлучаются двое. Дуэтъ (сопр. и альтъ або теноръ и басъ). Слова Г. Переспивъ *М. С.*

1896 г.

66 Коза-дереза. Дытяча комична оперка въ одній діи. *Граб. Рус. Линд.* Либрето уложыла *Днипрова чайка.* Музыку впорядкувавъ *М Лисенко.* (Дозв. цензурою. К. 7 августа 1895 г.). К. 39 стр. 8°. Ц. 1 р. 25 к. У Б. Корейво. М. Литографія В. Гроссе.

67. Моя могыла. Вирши *В. Александрова.* Спивъ *М. Лисенка* (Дозв. цензурою. СПБ. 9 января 1895 г.) Харькивъ. Типографія А. Доре. 8 стр. 8°. Это стихотвореніе съ музыкой Лисенка приложено тоже къ вышедшему въ г. Харьковѣ въ 1896 году альманаху *Складка.* На Спомынъ В. Александрова. Стр. 265—271.

1897 г.

68. Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Шостый десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 17 мая 1896 г.). К. 19 ст. 8°. Ц. 50 к. Нотопечатня В. Гроссе въ Москвѣ. [1) У Кыиви на рынку; 2) У мистечку Богуславри; 3) Паситеся сири волы; 4) Котылася та зоря зъ неба; 5) По той бикъ гора; 6) Та по надъ берегамы; 7) Копавъ же я та крыныченьку; 8) Ой гай, маты, зелененькый; 9) Ой що-жъ то за шумъ учынывся; 10) По опенькы ходыла).

69. Украинськи обрядови письни. У чотырёхъ збиркахъ. Уложывъ за-для мишаного хору *М. Лисенко.* (Дозв. цензурою 17 мая и 16 сентября 1896 г.) К. Нотопечатня В. Гроссе въ Москвѣ. I. *Веснянкы.* 1-й винокъ, 23 ст. 8°. II. *Веснянкы.* 2 винокъ. 23 ст. 8°. III. *Купальська справа.* 10 ст. 8°. IV. *Колядкы, щедривкы.* 23 ст. 8°. Ц. I, II и IV выпуска по 50 к., а III выпускъ — 20 к.

70. Украинськи обрядови письни. Веснянкы. Другый винокъ. На хоръ мишаный уложывъ *М. Лисенко.* Львивъ, Пидручне видавництво Львивського Бояна. Ц. 50 кр.

1898 г.

71. Збирнықъ народнихъ украинськыхъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Сёмый десятокъ. (Дозв. цензурою. К., 18 іюня и 11 октября 1897 г.). Кіевъ, 25 стр. 8°. Ц. 50 к. (1. Ой у поли тры крыныченькы, 2) Ой жыла вдова на край села, 3) Козакъ одйизжае, 4. Пожурылысь молоди хлопци, 5. Ой ляше, 6. Ой по морю сынёму, 7. Плыве човенъ воды повенъ, 8. Козаченьку, куды йдешъ, 9. Ой летила горлыця, 10. Верховыно).

72. Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Во́сьмый десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 11 октября 1897 г.) 29 ст. 8°. Ц. 50 к. Складъ у Л. Идзиковскаго въ г. Кіевѣ (1. Ой зійду я на могылу, 2. Шумыть, гуде диброво̀нька, 3. Ой мижъ вашою та громадою, 4. Пишла Оляна до броду, 5. Ой утерявъ соловейко голосъ, 6. Ой зъ-за горы орелъ воду носыть, 7. Та туманъ яромъ, 8. Ой що жъ то та за воронъ, 9. На вгоро́ди калыно̀нька, 10. Про Куперьяна).

73. Народни украинськи письни. Уложывъ для фортепіано *М. Лисенко.* Chants populaires de L'Ukraine, transcripts pour Piano par. N. Lissenko. № 1. *Безъ тебе, Олесю.* Народня писня зъ Волынського Полисся. Муз. М. Лисенка. К. Ц. 30 к.

Квартеты на мужеськый хоръ. «На прю!» Слова *М. Старыцького,* музыка *М. Лисенко.* Выдавныцтво «Торбанъ». Выпускъ III. Львивъ. Ц. 20 кр.

1899 г.

76. Зивьяли лысткы. Композиціи до поезіи *Ивана Франка,* выдани въ 25-ты-литній ювилей ёго литературнои діяльносты. Ювилейне выдання (1874—1898 р.) Л. 1899 р. Литографія А. Андрейчука. 30 стр. 4°. Ц. 1 зр. 20 кр. Въ этомъ изданіи помѣщены слѣдующія композиціи *М. Лисенка* къ стихотвореніямъ И. Франка: 1. Не забудь юныхъ днивъ (соло), II. Мисяцю князю (тежъ), III. Розвійтеся зъ витромъ лысточкы зивьяли, IV. Безмежнее поле въ снижному завою.

1900 г.

76. Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Девьятый десятокъ. (Дозволено цен-

зурою, К. 30 октября 1899 г.). К., 21 ст. 8⁰. Ц. 50 к. Литографія Редера въ Лейпцигѣ. (1. Ой, не гараздъ запорожци, 2) Ой сивъ пугачъ на могыли, 3. Максымъ козакъ Зализнякъ, 4. Тече ричка бережкамы, 5. Червона калына тай у лузи стояла, 6. Посію я конопелькы, 7. Гей знатся, догадатся. 8. Ой у поли озеречко, 9. Чомъ, чомъ не прыйшовъ, 10. Полюбыла коваля).

77. **Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень.** Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Девьятый десятокъ. (Дозв. цензурою 30 октября 1899 г.). К., 25 ст. 8⁰. Ц. 50 к. Литографія Редера въ Лейпцигѣ. Складъ у Л. Идзиковскаго въ Кіевѣ. (1. За Сыбыромъ сонце сходыть, 2. Ой наварылы ляхы пыва, 3. Гей, послухайте, гей повидайте, 4. Ой зъ-за горы, зъ-за крутои, 5. Червоная калынонька на яръ подалася, 6. Ой ты зиронько та вечирняя, 7. Ой ковалю, молодый ковалю, 8. Ой тыхая вулыченька, 9. Кучерява Катерына, 10. Ой пойихавъ мій мыленькый до млына).

78. **Утоплена.** (Майська ничъ). Лырычно-фантастычна опера у 3 діяхъ и 4 одминахъ. Текстъ по Гоголю склавъ *М. Старыцькый.* Музыка *М. Лисенка.* Власнисть автора. Кыивъ, 208 стр. 8⁰. Ц. 4 карбованця.

79. **Ой що въ поли за дымове.** Хоръ мишаный зъ акомпаниментомъ фортепьяно або оркестра *М. Лисенка* до сливъ *Ивана Франка.* Библіотека Львивського Бояна. Львивъ, 1900 р.

О. Людкевичъ. Литературно-Науковый Вистникъ, 1900 ин. 4 ст. 62.

80. **Chant sans paroles. N. Lissenko.** Иллюстрированный сборникъ Кіевскаго Литературно-артистическаго Общества. К. 1900 г. Ноты ст. 9—12. Тамъ же въ 1-й части сборника, на стр. 81, портретъ Н. В. Лисенка, какъ участника въ музыкальныхъ собраніяхъ Общества.

81. **Пятьдесятъ украинскихъ пѣсенъ**, избранныхъ изъ 1 и 2 сборниковъ *Н. В. Лисенка* для пѣнія и передѣланныхъ для фортепьяно въ легкомъ переложеніи *В. Зентарскимъ.* К. Изданіе Л. Идзиковскаго. Ц. 2 р.

82. **Моя мылованка, якъ часомъ жартовлыво.** Мазурка для пѣнія *Н. Лисенка.* Слова *М. Старицкаго.* К. Изданіе Л. Идзиковскаго Ц. 50 к.

1903 г.

83. **Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень.** Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Одынадцятый десятокъ. (Дозв. цензу-

вою, К., 11 февраля 1903 г.). К., ст. 8°. Ц. 50 к. Власнисть автора. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ. (1. Про Мазуренка, 2. Ой 1791 року, 3. Прыверталы вильни чумаченькы, 4. Ой, зъ-за горы та вылиталы орлы, 5. Ой чого селезень та смутный, 6. Охъ и закладався сызый орелъ, 7. Ой у поли круты горы, 8. Витеръ коло хаты, 9. Та казала мени Солоха: прыйды! 10. Гей волошынъ сино косытъ).

84. Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Дванадцятый десятокъ. К. 1903 г. 27 ст., 8°. Ц. 50 к. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ. (1. Ой горе не салдацьке жыття, 2. Туманъ туманамы, 3. Ой чыи жъ то волы, 4. По горахъ по долынахъ, 5. Ой у поли былыночка колыхается, 6. Чогось мени трудно-нудно, 7. Плыве човенъ воды повенъ, 8. Ой не цвиты буйнымъ цвитомъ, зеленый катране, 9. Дивчынонька вирнесенька, 10. Чы я не хазяйка, чы не господыня).

85. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка. М. Лисенка. Спивы про жиночи та чоловичи голосы, якъ поодыноки, такъ и гуртови, съ проводомъ фортепіано (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія VI. (Продолженіе, см. за 1894 г. № 52) К. У автора и по всихъ кныгарняхъ. Нотопечатня Редера въ Лейпцигѣ (№ 46. Чого мени тяжко? Думка (сопр.). 47. Есть на свити доля (барит.). 48. Ой стричечка до стричечкы мережаю тры ниченькы (сопр.). 49. Якъ бы зустрилыся мы знову (мец. сопр.). 50. Чы мы ще зійдемося знову? (тен. съ аккомп. віолончеля). 51. У гаю, гаю витру немае. Серенада зъ «Гайдамакивъ» (барит.). 52. Гомонила Украина—зъ «Гайдамакивъ» (тен.). Ц. за каждую піесу отъ 20—30 к. Серія V. № 53. Княжна. Зоре моя вечирняя. мец.-сопр.). Ц. 50 к.

86. На вичну памьять Котляревському. Слова *Т. Шевченка.* Кантата про сольови голосы, хоры и оркестръ. До дня видкрыття памьятныка въ Полтави 30 серпня 1903 року. Першому зачынателеви сучаснои украинськои литературы Иванови Котляревському; музыку зложывъ *М. Лисенко.* У Кыиви. Власнисть автора. 20 стр., 8°. Ц. 1 р. 65 к. (Дозв. цензурою, Спб., 20 августа 1903 г.).

87. У досвита вставъ я. Вирши *П. Кулиша.* Спивъ *М. Лисенка.* (Про тенора). Дубове лыстя. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша. К., 1903 р. ст. 17—21.

88. У досвита вставъ я. Сольо тенорове въ супроводи фортепьяно «Слова *П. Кулиша,* музыка *М. Лисенка.* Виданния Станиславовського Бояна». Львивъ, 1903 р. Ц. 80 сот.

89. Зима й весна. (Снигова краля). Дытяча оперка у двохъ одминахъ. Фантастычни образкы зъ народнихъ подань. К. Ц. 2 р.

90. Попури зъ першои украинськои оперы «Наталка-Полтавка» И. П. Котляревського. Для спиву зъ проводомъ фортепіано упорядкувавъ *М. Лисенко,* уложывъ для фортепіано на дви рукы *А. Н. Артемовсъкый.* К. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ. Ц. 90 к. Собственность Э. Островскаго въ Одессѣ.

91. «Жалибный маршъ» до дня 27 роковынъ смерты Т. Шевченко (25 лютого 1888 року). Для фортепіано въ 2 руки. Транскрипція *М. Лисенко.* К. У Л. Идзиковскаго. Нотопечатня И. Чоколова, 7 стр. 4⁰. Ц. 60 к.

93. Народни украинськи писни. Уложывъ для фортепьяно *М. Лисенко.* Chants populaires de L'Ukraine, transcrits pour piano par N. Lissenko. № 2. *Плыве човенъ воды повенъ.* (Barcarole). К. У Л. Идзиковскаго. Нотопечатня И. Чоколова, 5 ст., 4⁰. Ц. 60 к.

№ 3. **Ой зрада, кари очи зрада.** Тема зъ варіаціями. Ц. 50 к. (№ 1, Безъ тебе Олесю—см. за 1898 г. № 73).

94. Serenade F-molle. Ор. 28. Для фортеп. въ 2 руки *N. Lissenko* К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 45 к.

95 Shant sans paroles. Ор. 31. Для фортепьяно въ 2 руки. *N. Lissenko.* (Пieса эта премирована Кіевскимъ Литературно-артистическимъ Обществомъ на конкурсѣ 1898 г., напечатана впервые въ Сборникѣ того Общества, см. за 1900 г. № 80). К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц 75 к.

96. Capriccio elegico. Ор. 32. Для скрипки съ аккомпаниментомъ оркестра или фортепьяно. *Н. Лисенка.* К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 1 р. 50 к.

97. Valse. D-moll. Op. 35 Pour piano *N. Lissenko.* Ц. 35.

98. Fantasie sur 2 thêmes populaires de l'Ukraine pour la Flûte (ou Violon) avec accomp. de piano. Op. 21. *N. Lissenko.* К. Нотопечатня И. Чоколова.

99. На доби. 3 pièces pour le piano. Album d'été 1900. Op. 37. *N. Lissenko.* 1. Aveu. 2. Chant d'amoure 3. Serenade К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 25+35+40 к.

100. Impromptu (style Chopin). pour le piano. Op. 38. *N. Lissenko.* К. Ц. 10 к.

101. Trois pièces pour le piano D'album de'été 1901. Op. 39. *N. Lissenko.* 1. Valse «La Séperation». 2. Marche solennelle. 3. Elégie

«La tristesse». Ц. 60 к.+50+50 к. Отдѣльно транскрипція авторская послѣдней піесы для віолончели съ аккомпаниментомъ фортепьяно.

102. D'Album privé: Moment de déséspoir (transcript pour piano et Violon par l'auteur). 2. Moment d'enchantement. Op. 40. *N. Lissenko.*

103 D'album d'été 1902: 1. La langueur. 2. Impression d'un jour heureux. 3. Elegie. *N. Lissenko.* К. Нотопечатня И. Чоколова.

104. Deux chant sans paroles: 1. E-mol. Dedieé à M-me Olga Lissenko. 2. B.-mol. Славному нашому пысьменныкови Ивану Нечуеви.—Op. 10. *N. Lissenko.* К. Ц. по 75 к. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ.

Печатаются:

105. Украиньски обрядови писни. V. Весилля. Весильни писни, упорядженi за ритуальнымъ ходомъ людового весилля. Соло, хоры парубочи, дивочи, мишани зъ проводомъ фортепьяно. Уложывъ *М. Лисенко.*

106. Панъ Коцькый. Комична дытяча оперка у 4-хъ одминахъ *М. Лисенко.*

II.

Литература о Н. В. Лисенкѣ и его произведеніяхъ

(кромѣ рецензій, указанныхъ въ 1 отдѣлѣ).

1. *Кіевлянинъ,* 1872, № 49 и 50. Н. В. Лисенко, какъ концертантъ и композиторъ.

2. *Свитъ* (галицк. газ.). 1881, № 5. Автобіографія.

3. *Бажанскій П.* Колька увагъ на кантату М. Лисенка: «Бьютъ пороги». Дѣло (галиц. газ.), 1882, № 19.

4. *Красковскій А.* Концерты Н. В. Лисенка Трудъ (Кіев. газ.). 1882, № 28.

5. *Заря* (Кіев. газ.), 1883, № 78. Концертъ Н. В. Лисенка. Письмо въ редакцію.

6. *Кіевлянинъ,* 1883, № 77. Концертъ Н. В. Лисенка.

7. *Иллюстрированный календарь товариства «Просвита» на 1884 рикъ.* Львивъ, 1883 року, ст. 48. Зъ житя Русынивъ. (Біографія съ портр.).

8. *Рубецъ А.* Біографическій словарь русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей. Спб., 1885 г. (Біографія Н. В. Лисенка).

9. *Atheneum*., 1885 кн. 7 стр. 355.—Zarysy ruchu literackiego rusinów.

12. *И. Нечуй.* Въ концертѣ. (Впечатлѣнія концерта Н. В. Лисенка) Зоря (галиц.) 1887, № 11—12.

11. *Кіевское Слово*, 1887, № 66. Концерты Н. В. Лисенка.

12. *Корницкій Н.* Минскій листокъ 1888, № 68. Біографія и обзоръ дѣятельности.

13. *Илюстрований календаръ товариства «Просвита» на рикъ 1899*. Львивъ, 1889 р., ст. 78 —85. Біографія съ портретомъ.

14. *Библіотека для молодежи*, 1889, № 7. Славни Русины. Житепись М. Лисенка (съ портр.).

15. *Дзвинокъ* (галиц. газ.), 1891, № 13. Біографія съ портр. Н. В. Лисенка.

16. *В. Шухевичъ*. Мыкола Лисенко. Дзвинокъ, 1892, № 6.

17. *Днипрова Чайка.* Славному Кобзареви М. Лисенкови. (Стихотвореніе) Зоря (галиц.). 1893, № 6. Тамъ же, рисунокъ грамоты Львовскаго Бояна, поднесенной Н. В. Лисенку по случаю 25-лѣтняго юбилея его дѣятельности.

18. *Дѣло* (галиц.), 1893, № 15. Прывиты М. Лисенкови на ювилей.

19. *Заря* (галиц.) 1898, № 1 и 2. Мыкола Лисенко. Біографическій очеркъ и обзоръ трудовъ по поводу 25-лѣтняго юбилея. Кромѣ того въ 1 № помѣщены портретъ Н. В. Лисенка и «грамота» отъ Львовскаго музыкальнаго общества «Боянъ», присланная Лисенку по поводу избранія его почетнымъ членомъ общества, а въ № 2—три стихотворенія, посвященныя Н. В. Лисенку, присланныя изъ Полтавы, Харькова и Чернигова.

20. *Зоря* 1893, № 4. Концерты М. Лисенка. Два письма *І. С.* и *Значковенка* о концертахъ въ Полтавѣ.

21. *Крымскій А.* проф., Н. Лисенко. По случаю 25-лѣтняго юбилея. Этнографическое Обозрѣніе, 1893 и 1894 г., т. XIX № 4 ст. 145—146.

22. *Одесскій Листокъ*, 1893, № 4. Н Лисенко. Фельетонъ *М. К.*—№ 6. Концерты капеллы Н. Лисенка въ Одессѣ и корреспонденція изъ Полтавы о его концертахъ.—№ 9. По поводу концертовъ Н. В. Лисенка. *А-ръ*.

23. *Брокгаузъ.* Энциклопедическій словарь. Спб. 1896 г., кн. 34 стр. 736. Біографія. *Н. С.*

24. *Дѣло* (галиц.), 1898, № 125. Про концертъ М. Лисенка 8 марця 1898 року.

25. *Левицькый И.* Въ концерти. (Впечатлѣнія концерта Н. В. Лисенка). Повѣсти и оповидання. Спб., 1899. Томъ I, стр. 389—408.

26. *Русская музыкальная газета*, 1900, № 12. Н. В. Лисенко, какъ художникъ-этнографъ. *К. Н.* Объ этой статьѣ см. Кіевская Старина, 1900, кн. 5. Библіографія, стр. 111.

27. *Корифеи украинской сцены.* К., 1901 г., стр. 96—125. Біографія и обзоръ дѣятельности, съ портретомъ.

28. *Сѣверъ,* 1901, № 47. Портретъ Н. В. Лисенка по фотографіи Завадскаго.

29. *Бичъ-Лубенскій.* Н. В. Гоголь въ музыкѣ. Харьковскія Губернскія Вѣдомости, 1902, № 50 (Объ операхъ Н. В. Лисенка на сюжеты изъ соч Гоголя).

30. *Энгель.* Н В. Гоголь въ музыкѣ. Русскія Вѣдомости, 1902, № 76 (То же).

31. *В Василенко.* Къ юбилейному чествованію Н. В. Лисенка. Полтавскій Вѣстникъ, 1903, № 75.

32. *Л. П.* Къ юбилейному чествованію Н. В. Лисенка. Полтавскій Вѣстникъ, 1903, № 237, отъ 10 октября.

33. *Мировець В.* Къ предстоящему юбилею Н. В. Лисенка. Кіевская Старина, 1903, кн. 3. Текущія извѣстія, стр. 148—152 и Волынь, 1903 г., № 71.

34. *По поводу предстоящаго юбилея Н. В. Лисенко,* см. также статьи и замѣтки за 1903 г., Биржевыя Вѣдомости, № 175. Кіевская Газета, № 83, Кіевская Старина, кн. 6. Документы, ст. 184, Полтавскій Вѣстникъ, № 94.

35. *С. Русова.* Н. В. Лисенко. (Къ 35-лѣтію композиторской дѣятельности). Журналъ для всѣхъ, 1903, 11 стр., 1367—1372. (Съ портретомъ).

36. *Страшкевичъ В.* По поводу предстоящаго юбилея Н. В. Лисенка. Кубанскія Областныя Вѣдомости, 1903, № 67.

37. *С. Р.* Малорусскій композиторъ Н. В. Лисенко. Образованіе, 1903 г., кн. XI, стр. 178—180.

Краткое оглавленіе I-го отдѣла указателя.

I.

Народныя украинскія пѣсни.

II.

Оперетты и оперки:

III.

Оперы.

IV.

Музыка до Кобзаря Т. Г. Шевченка:

V.

Музыка къ произведенiямъ другихъ писателей:

В. Александрова. № 67.
Г. Гейне. № 65.
А. Головатого. 56.
А. Конисскаго. № 34.
П. Кулиша. № 87, 88.
М. Максимовича. № 6,
Е. Полянской. № 47.
М. Старицкгао. № 26, 35, 46, 74, 82.
И. Франка. № 75, 79.
Я. Щоголева. № 39.

VI.

Музыкальныя произведенiя на мотивы украинскихъ пѣсенъ:

№ 14, 15, 17, 21 23, 42, 61, 73, 93, 98.

VII.

Разныя музыкальныя произведенiя:

№ 16, 18, 19, 20, 22, 48, 53, 80, 94, 95, 96, 97, 99, 100—104.

VIII.

Статьи о малорусской музыкѣ:

№ 9, 25, 59, 63.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

НА **1904** ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи**: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки: выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

3—3

ста 2 руб. Лица, служащія въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на газету черезъ казначеевъ и экзекуторовъ пользуются льготою въ уплатѣ подписныхъ денегъ по 1 руб. въ теченіи первыхъ мсѣяцевъ и другими льготными условіями, по соглашенію.—Народные учителя, учащіеся, учебныя заведенія и библіотеки могутъ пулучать газету на особо льготныхъ условіяхъ, по соглашенію съ редакціей.

Подписку по почтѣ адресовать исключительно въ редакцію газеты: „Областное Обозрѣніе и Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ". С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 13-я линія, д. № 22.

Пробный № по требованію высылается безплатно.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежемѣсячный литературный общественный, политическій и историческій журналъ

ВСЕМІРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Направленіе журнала общественно-прогрессивное. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы, науки и культурной жизни за границей и, по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области, а также событій, будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Въ ближайшихъ нумерахъ журнала будутъ помѣщены труды: К. И. Арабажина, кн. В. В. Барятинскаго, В. П. Батуринскаго, Н. Н. Болтина, Б. П. Бурдесъ, пр.-доц. В. В. Святловскаго, В. А. Мазуркевича, Н. А. Гастфрейнда, Е. А. Герцыкъ, Д. Г. Глоба, С. Ф. Годлевскаго, Е. В. Давыдова, Е. Дубельтъ (Зеландъ), И. И. Забрежнева, И. М. Иванова, П. П. Исаевича, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, Е. Н. Лебедевой, Г. Ѳ. Львовича, В. Н. Никитина, В. П. Панаева, проф. В. Н. Перетца, А. П. Плетнева, Н. А. Попова, проф. М. А. Рейснера, Н. А. Россовскаго, Скитальца (О. Яковлева). Л. Ухтомской, Ф. Н. Фальковскаго, Н. А. Фалѣева, Н. Б. Хвостова, В. Е. Чешихина и мн. др.

Съ первой же (январьской) книжки начнется печатаніемъ:

1) Неизданныя въ Россіи стихотворенія декабристовъ.

2) Посмертные труды А. М. Бобрищева-Пушкина.

3) Воспоминанія Ф. П. Фонтона (статья эта будетъ печататься съ вышедшаго за границей (Лейпцигъ, 1862 г.) изданія.

4) Воспоминанія Н. И. Панаева о холерномъ бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г.

5) В. П. Батуринскаго: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые»—матеріалы для общественнаго движенія къ Россіи въ XIX столѣтіи.

6) І. Мадачъ: «Трагедія человѣка», пер. съ венгерскаго В. А. Мазуркевича.

7) Функъ-Бретано: «Бастилія, ея архивъ и легенды»,—историческая мнографія.

8) Новый трудъ проф. И. И. Мечникова.

Въ журналѣ постоянные отдѣлы: обзоръ иностранной жизни, журналовъ, театра, лѣтопись, библіографія и смѣсь. Въ каждой книжкѣ не менѣе двухъ приложеній съ отдѣльной нумераціей страницъ. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками, около 15 листовъ въ каждой, съ илюстраціями.

Подписная цѣна съ доставкой и пересыкой на 1 годъ—**6** р., ½ года—**3** р., 1 мѣс.—**50** коп.

Рзастрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и контора помѣщается въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 90.

Редакторъ-Издатель *С. Сухонинъ.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ.

ХУТОРЯНИНЪ

IX годъ изданія.

цѣна 2 руб. въ годъ, на полгода 1 руб.,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли,

органъ Полтавскаго общества сельскаго хозяйства.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйствен. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Сатьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяй-

ственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) Сел.-хоз. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ сел.-хоз. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и сельскохозяйств. обществъ. 3) Доставлять населенію современныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и сел.-хоз. обществъ въ области народнаго хозяйства. Главными условіями для достиженія этихъ задачъ поставлены: общедоступность изложенія и дешевизна изданія.

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ, при „*Хуторянинѣ*“ подписчикамъ даются безплатныя приложенія; такъ, за послѣдніе четыре года были приложены: 5 книгъ Чикаленко „Розмова про сельске хозяйство“, „Біографія Н. В. Гоголя“, „Хуторянинъ и его читатели“, 12 книжекъ „Экономическая и сельскохозяйств. дѣятельность Полтавскаго губ. земства“, различныя огородныя и полевыя сѣмена и друг.

Въ 1904 году всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы составленныя завѣдующимъ фито-патологической станціи при И. Ботаническомъ Садѣ въ С.-Петербургѣ, А. А. Ячевскимъ и изданныя Департаментомъ Земледѣлія *три раскрашенныя*

„Таблицы главнѣйшихъ паразитныхъ грибовъ и насѣкомыхъ плодовыхъ деревьевъ и огородныхъ растеній“,

заключающія изображеніе въ краскахъ разнообразныхъ вредителей растеній и указываніе на мѣры борьбы съ ними.

Подписавшимся до 1-го января 1904 г. годовымъ подписчикамъ, кромѣ того, будутъ разосланы сѣмена *кормовыхъ растеній*, *многолѣтнихъ травъ*, *огородныя и полевыя.*

„Хуторянинъ“ допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хозяйствен. учеб. завед. и М. З. и Г. И.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди вдвойнѣ.

Подписка принимается въ г. Полтавѣ—въ конторѣ редакціи „Хуторянина“, при Полтавскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства.

2—3

священъ справкамъ, совѣтамъ и отвѣтамъ на предлагаемые читателями журнала вопросы.

Годовая подписная цѣна журнала на полувеленевой бумагѣ, съ доставкою и пересылкою: 1 р.; изданіе на веленевой бумагѣ 2 рубля.

Подписка и объявленія принимаются въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, № 18; Москва, Кузнецкій Мостъ, № 12. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 16 лин., д. 5—7.

2—3

1—3

скать газету и помѣщать въ ней тѣ новости и телеграммы, которыя получаются даже поздней ночью.

Имѣя въ виду дать читателямъ беллетристическій матерьялъ для чтенія, Редакція рѣшила выпускать особыя литературныя приложенія къ «Кіевской Газетѣ», въ которыхъ будутъ помѣщаться стихотворенія, очерки, разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные, а также очерки русской и заграничной жизни. Кромѣ того, въ приложеніяхъ будутъ помѣщаться рисунки, касающіеся современнымъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей. Приложенія будутъ выпускаться еженедѣльно, съ особымъ счетомъ страницъ. Изъ нихъ составится за годъ полный экземпляръ иллюстрацій въ 52 тетради.

Такимъ образомъ въ 1904 году каждый подписчикъ «Кіевской Газеты» получитъ: 1) Ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ. 2) 52 №№ Еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ литературно-художественныхъ приложеній.

Стремясь постоянно расширять кругъ своихъ сотрудниковъ, редакція пригласила къ участію въ газетѣ новыхъ лицъ. Въ 1904 г. въ «Кіевской Газетѣ» будутъ принимать постоянное участіе слѣдующіе извѣстные столичные литераторы и журналисты: А. В. Амф—тровъ (И. Л. Иксъ), К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, П. И. Вейнбергъ, М. В. Крестовская, В. С. Лихачевъ, Lolo (Л. Г. Мунштейнъ), М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой (Тихоновъ), Ѳ. Ѳ. Тризонеръ (Мечтатель), Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Въ 1904 году всѣ подписчики «Кіевской Газеты» будутъ попрежнему пользоваться правомъ получать въ театрѣ «Соловцовъ» на спектакли драматической труппы М. М. Глѣбовой билеты по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ,—разъ въ недѣлю, въ дни, указанные дирекціей театра.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой: на годъ 9 р., на 9 мѣс. 7 р. 10 к., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 70 к., на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки: на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р. 20 к., на 6 мѣс. 4 р. 40 к., на 3 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 90 коп.

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р и къ 1-му іюля 3 р. Подписка на 1904 годъ и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ. Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ по 60 коп. За перемѣну адреса 40 коп., причемъ необходимо сообщать заблаговременно прежній и новый адресы. О каждой перемѣнѣ адреса просятъ сообщать отдѣльно. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Кіевъ, Владимірская ул., № 34. Телефонъ № 1276.

Издатели: *С. Я. Богдановъ, А. Ф. Френкель.* Редакторъ *А. Ф. Френкель.*

1—3

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 г.

ФЕВРАЛЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1904.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 16 января 1904 г.

ПОПРАВКИ.

Въ приложенномъ къ № 1 «Библіографическомъ указателѣ музыкальной и литературной дѣятельности Н. В. Лисенка» просимъ исправить слѣдующіе недосмотры:

Предисл. стр. 2; 3 и 4 стр. снизу—слова «при разысканіи» и «произведеній» поставить одно вмѣсто другого.

— 3, № 2, стр. 3-ья вмѣсто 1858 г. д. б. 1868 г.

— 10, № 37, стр. 2-я вмѣсто «поодыноки, якъ такъ и гуртови» д. б. «якъ поодыноки, такъ и гуртови».

— 18, № 81 и 82 относятся къ 1901 г., который въ заголовкѣ пропущенъ.

— 19, № 84, стр. 2-ая, вмѣсто *Мазуренка* д. б. *Морозенка*.

— — № 85, стр. 3-ья, вмѣсто *серія VI* д. б. *серія IV*.

— — — — стр. 4-ая, вмѣсто *№ 52* д. б. *№ 62*.

— 22, № 13 стр. 2-ая, вмѣсто годовъ *1899* и потомъ *1889* д. б. *1889* и потомъ *1888*.

Ремесленное училище въ Черниговѣ, учрежденное сто лѣтъ назадъ. (1804—1811 г.).

Учрежденіе ремесленныхъ и другихъ промышленныхъ школъ только въ послѣднее время стало предметомъ особаго вниманія правительства и общественныхъ учрежденій, да и сдѣланное въ этомъ отношеніи далеко не соотвѣтствуетъ тому запросу и той необходимости, какія проявляются въ самомъ обществѣ. Тѣмъ интереснѣе и значительнѣе фактъ существованія ремесленной школы въ Черниговѣ сто лѣтъ назадъ, созданной по иниціативѣ перваго малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина. Мы уже много разъ касались изумительной дѣятельности этого замѣчательнаго администратора, оказавшаго Малороссіи немало услугъ устройствомъ въ ней домовъ воспитанія для бѣдныхъ дворянъ, основаніемъ гимназій, богадѣленъ, богоугодныхъ заведеній, построеніемъ множества зданій, устройствомъ ботаническихъ садовъ и т. п.[1]). И все это совершено въ теченіе шести лѣтъ (1802—1808) его пребыванія на посту малороссійскаго генералъ-губернатора. Настоящій очеркъ представляетъ дополнительныя данныя для характеристики этого дѣятеля[2]).

---

[1]) См. нашъ очеркъ «Полтава въ началѣ XIX столѣтія» «Кіевская Старина» 1902 г., и тамъ же много замѣтокъ о немъ въ 1901 и 1902 годахъ.

[2]) Очеркъ изложенъ исключительно по даннымъ, извлеченнымъ нами изъ архива Полтавскаго Губ. Правленія (по описи № 340, 1807

I.

По иниціативѣ кн. А. Б. Куракина, 1 мая 1804 г. были
торжественно открыты въ Черниговѣ ремесленное училище и домъ
для воспитанія бѣдныхъ дворянъ [1]). Торжество открытія этихъ двухъ
учрежденій началось богослуженіемъ въ соборѣ, совершеннымъ
преосвященнымъ черниговскимъ Михаиломъ. По окончаніи службы,
изъ храма двинулась процессія, во главѣ съ преосвященнымъ,
при участіи губернатора и другихъ начальствующихъ лицъ, въ
помѣщеніе «дома для воспитанія бѣдныхъ дворянъ», гдѣ было
водосвятіе и молебенъ. Отсюда процессія двинулась въ томъ же
порядкѣ къ дому ремесленнаго училища, гдѣ также было освяще-
ніе воды и молебствіе. По этому случаю преосвященнымъ Ми-
хаиломъ были произнесены соотвѣтствующія случаямъ рѣчи, ко-
ихъ подлинные тексты были присланы черниговскимъ губерна-
торомъ князю Куракину. Въ тотъ же день былъ обѣдъ у губерна-
тора, на которомъ присутствовало духовенство и начальники от-
дѣльныхъ частей. Объ этомъ торжествѣ черниговскій губернаторъ
баронъ Френсдорфъ прислалъ князю Куракину подробное доне-
сеніе, въ которомъ говорится и о впечатлѣніи, какое произвело
на населеніе открытіе этихъ двухъ учрежденій. «Имѣвъ честь сего
числа (т. е. 8 мая) отправить къ вашему сіятельству формаль-
ное донесеніе мое объ открытіи въ Черниговѣ домовъ воспитанія
бѣдныхъ и ремесленнаго училища, съ чувствомъ живѣйшей ра-
дости присовокупляю, что сіе открытіе, бывъ производимо тор-
жественнѣйшимъ образомъ, при благопріятствующей погодѣ сколько
наблюсти было можно, сдѣлало глубокое впечатлѣніе въ умахъ
здѣшней публики и открыло глаза даже и тѣмъ, коимъ всякая
перемѣна или новое заведеніе, сколько бы оно полезно для об-
щества ни было, кажется святотатствомъ, если оно не соотвѣт-
ствуетъ закосненнымъ привычкамъ и обычаямъ». Далѣе губерна-

года, № 215—1804, № 279—1806.

[1]) Черниговскій «Домъ воспитанія» учрежденъ на тѣхъ же осно-
ваніяхъ, какъ и въ Полтавѣ. См. нашъ очеркъ: «Полтава» etc.

торъ сообщаетъ о мастерахъ, прибывшихъ еще за два года до открытія, и хвалитъ ихъ работы (пробныя). «Дай Богъ,—такъ заканчивается его письмо,—чтобы благое начало имѣло желаемый успѣхъ, къ прославленію имени вашего сіятельства, какъ виновника всему сему, и къ памяти эпохи начальствованія вашего надъ симъ краемъ».

Кн. Куракинъ, въ свою очередь, сообщилъ о совершившемся открытіи черниговскаго рем. училища и дома для бѣдныхъ дворянъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, попечителю харьковскаго учебнаго округа Сев. Потоцкому и др. Спустя немного времени князь былъ удостоенъ слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ: «Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ мнѣ доставленное отъ васъ увѣдомленіе объ открытіи дома воспитанія бѣдныхъ и ремесленнаго училища. Я съ удовольствіемъ видѣлъ изъ сего, что предположенія ваши по сей части начинаютъ уже приходить къ своему совершенію и, безъ сомнѣнія, достигнутъ его подъ вашимъ руководствомъ. Черниговскому губернатору, отлично при семъ случаѣ одобряемому, приказалъ я, сверхъ настоящихъ окладовъ, производить по двѣсти рублей столовыхъ на мѣсяцъ, доколѣ въ настоящемъ мѣстѣ онъ пребудетъ. Чиновникамъ, употребленнымъ вами по симъ заведеніямъ, надворнымъ совѣтникамъ Соколову и Карташевскому объявить мое благоволеніе и въ знакъ онаго вручить имъ прилагаемые при семъ подарки».

Черниговское ремесленное училище основано было для низшихъ классовъ черниговской и полтавской губерній и комплектъ его могъ быть доведенъ до 336 учащихся, но такого числа въ разсматриваемый періодъ не было. Ко дню открытія училища было принято 35 учениковъ, изъ которыхъ козачьихъ дѣтей было 9, мѣщанъ 25 и одинъ купеческаго званія. Скоро комплектъ учащихся увеличился до 50, затѣмъ до 60 человѣкъ и въ 1811 г. ихъ было 96. Черезъ годъ послѣ открытія кн. Куракинъ разрѣшилъ принимать въ училище и дѣтей крѣпостныхъ, если на это изъявятъ желаніе ихъ владѣльцы и обяжутся при этомъ доста-

влять для нихъ и провіантъ, такъ какъ они не могли содержаться на общія училищныя суммы.

Всѣ воспитанники жили въ училищѣ; это былъ интернатъ. Принимались на 6 лѣтъ; пріемъ учащихся происходилъ каждые два года въ январѣ мѣсяцѣ. Не принимались дѣти моложе 12 лѣтъ и старше 15; послѣдніе могли быть приняты лишь при условіи, если избирали столярное ремесло. Обратимся теперь къ содержанію этихъ учениковъ. Кн. Куракинъ, разсмотрѣвъ смѣты, очень точно обозначилъ ежедневное количество продуктовъ на каждаго ученика, и сообразно этой табели и отпускались суммы, отчасти изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, а частью изъ городскихъ доходовъ. На постройку училища и обзаведеніе было ассигновано 40 тысячъ отъ казны. Самое же училище помѣщалось сперва въ городскомъ домѣ. Изъ одежды полагалось каждому ученику суконная свита, стоимостью въ 2 р., тулупъ въ 3 руб. 75 к., лѣтняя круглая шляпа—60 к., зимняя—90 к., три пары рубахъ съ портками стоимостью въ 1 р. 20 к., пара сапогъ въ 1 р. и платокъ набойчатый на шею, стоимостью въ 40 коп. Всего выходило по 20 руб. на каждаго воспитанника. Впослѣдствіи для нихъ шили не свиты, а шинели, и введены были халаты. Еще точнѣе было обозначено количество потребныхъ продуктовъ на каждаго ученика. Хлѣба отпускалось ежедневно по $1^1/_2$ ф. на человѣка, что составляло въ годъ 13 п. $27^1/_2$ ф. Помимо этого, ту же ржаную муку отпускали по 3 фунта на каждаго ученика «для уваривація кваса въ пищу и питье». Гречневой крупы полагалось въ мѣсяцъ по 2 гарнца,—четверть ея стоила 2 руб. 25 к.; соли по 2 ф. въ мѣсяцъ, свиного сала для мясоѣдныхъ дней, которыхъ въ году по табели считалось 180, по 2 ф. въ мѣсяцъ на каждаго человѣка, а пудъ его стоилъ тогда 3 р. 20 к. Воспитанники училища должны были соблюдать всѣ посты, а постныхъ дней по табели было 180. Говядина давалась только въ праздничные и воскресные дни, при чемъ на каждаго ученика отпускалось по полуфунту мяса на человѣка; если же праздники и воскресенья приходились въ постъ, то тогда отпускалось по одной тарани на человѣка, а сотня тарани стоила въ то время 1 руб. 20 к. Надо

сказать, что пищевое довольствіе было высчитано до мельчайшихъ подробностей. Такъ, напр., высчитано было, сколько отпускать на человѣка капусты, луку. Эти продукты, какъ читаемъ въ смѣтѣ, не росли будто бы на тамошнихъ огородахъ, что, кажется, едва ли вѣрнымъ. Капусты полагалось по двѣ головки на человѣка въ мѣсяцъ, а сотня ея стоила 1 руб.; луку по $^1/_2$ вѣнка, а сотня вѣнковъ оцѣнивалась въ 4 р. Молочное довольствіе допускалось только на сырной недѣлѣ, когда ежедневно на каждаго ученика полагалось по $1^1/_2$ ф. сыру, фунтъ котораго стоилъ 2 к. Улучшенный столъ былъ во время Пасхи, для чего отпускалось по 10 к. на человѣка. Все пищевое довольствіе въ годъ стоило 552 р. 20 к. на 50 чел. учащихся. Столъ учениковъ, какъ видно изъ этой табели, былъ самый скромный, именно такой, какой былъ привычнымъ въ той средѣ, изъ которой поступали въ школу. Одинъ разъ въ мѣсяцъ учениковъ водили въ городскую баню, что обходилось по 5 коп. на человѣка. Отпускалась и сумма на говѣнье, по разсчету 10 к. на каждаго воспитанника, что также внесено было въ смѣту.

Въ послѣдующіе годы столъ въ училищѣ былъ нѣсколько улучшенъ; это сдѣлано было по распоряженію кн. Куракина, посѣтившаго училище въ 1807 году. Приказано было увеличить порцію хлѣба, особенно для учениковъ столярнаго и слесарнаго ремеслъ, «по роду работъ ихъ,—какъ писалъ Куракинъ,—требующихъ сильнаго движенія». Было прибавлено хлѣба всего по $^1/_2$ ф. на человѣка, а для учениковъ столярнаго и слесарнаго отдѣленій по $^3/_4$ фунта, что должно было составлять для нихъ полдникъ. Въ 1808 г. былъ опредѣленъ одинъ день въ недѣлю, кромѣ праздниковъ и воскресеній, когда воспитанникамъ давали по $^1/_2$ ф. мяса; если это былъ постъ, то давали рыбу. Такое исчисленіе до мельчайшихъ подробностей продуктовъ практиковалось только въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ существованія училища; въ 1807 г. было назначено на пищевое довольствіе по 7 коп. на человѣка въ день.

Обзаведеніе и оборудованіе училища вообще стоило по тому времени не дешево. При училищѣ была пара воловъ, лошади.

На отопленіе училища и на кухню покупались дрова возами, и каждый возъ стоилъ 25 к., а всего требовалось 1224 воза. Для освѣщенія употреблялись сальныя свѣчи; пудъ ихъ стоилъ 6 руб. Прислуги въ училищѣ полагалось нѣсколько человѣкъ: поваръ, его помощникъ, два дворника; въ числѣ прислуги помѣщенъ «надзиратель изъ отставныхъ солдатъ для всегдашняго надсматриванія за успѣхами и поведеніями учениковъ». Жалованья послѣдній получалъ 50 р. въ годъ. Съ увеличеніемъ числа учащихся были выстроены въ 1811 г. два деревянныхъ корпуса, стоимостью въ 4 тыс. р. съ небольшимъ, а мѣсто было уступлено городомъ по приказанію кн. Куракина, когда вскорѣ послѣ открытія явилась необходимость сдѣлать пристройку и строенія для хозяйственныхъ надобностей. Это расширеніе обошлось въ 1433 р.

Весь бюджетъ училища въ первые годы его существованія былъ около 3 тысячъ асс. Въ 1807 г. онъ былъ значительно увеличенъ, о чемъ хлопоталъ попечитель училища А. Х. Угнаде, представившій довольно подробныя исчисленія. Кн. Куракинъ, одобривъ ихъ, предписалъ Приказу «съ уваженіемъ всѣхъ представленныхъ обстоятельствъ учинить распоряженіе о составленіи новаго штата съ назначеніемъ ремонта всякой вещи, распространивъ уже по таковому новому ремесленнаго училища».

II.

Училище имѣло не мало начальствъ надъ собой. Подчинено оно было Приказу Общественнаго Призрѣнія, которому отдавало отчетъ въ расходованіи суммъ, губернатору, и кн. Куракину, какъ главному начальнику края. Ближайшимъ же начальникомъ училища былъ попечитель, избиравшійся генералъ-губернаторомъ [1]). Первымъ попечителемъ былъ надв. совѣтникъ Карташевскій, но онъ пробылъ очень недолго. Мѣсто его занялъ Арк. Ригельманъ, на долю котораго и выпала главная забота объ устройствѣ учи-

---

[1]) Попечителями были чиновники, такъ какъ трудно и даже невозможно было найти въ то время людей съ технической подготовкой.

лица. Дѣятельностью его кн. Куракинъ, вообще очень требовательный, былъ доволенъ. Въ августѣ 1807 года Ригельманъ оставилъ службу. Куракинъ его представилъ къ натражденію чиномъ (должность эта была коронная), самъ благодарилъ его особымъ письмомъ и предписалъ Приказу Общественнаго Призрѣнія выразить ему благодарность за полезную службу. Преемникомъ ему былъ назначенъ также надворный совѣтникъ, какъ и два предъидущіе, А. Х. Угнаде. Князь Куракинъ, приглашая его на эту службу, писалъ: «Извѣстная мнѣ аккуратность и опытность ваша въ дѣлахъ и то усердіе, которое имѣете къ пользѣ общественной, подаютъ мнѣ поводъ приглашать симъ васъ, милостивый государь мой, къ принятію на себя онаго званія, съ таковымъ съ моей стороны предвареніемъ, что сіе ваше согласіе будетъ ободреніемъ для самаго сего столь полезнаго заведенія, которое останется всегда вамъ обязано къ удовольствію публики». Угнаде не отказался и занялъ это мѣсто, какъ доносилъ Приказъ, «по введеніи его въ познаніе всего должности сей относящагося». При немъ было много сдѣлано улучшеній; имъ намѣчены постройки двухъ новыхъ домовъ, что сдѣлано было послѣ него, при немъ увеличена была смѣта и онъ много заботился о работахъ учениковъ; образовался при немъ и капиталъ училища. Съ уходомъ его, попечителемъ былъ назначенъ Ничволодовъ, при которомъ вскорѣ же и открылось разстройство въ суммахъ ремесленнаго училища. Его тотчасъ смѣнили, хотя суммы всѣ были пополнены, и попечителемъ былъ назначенъ «полковникъ и кавалеръ» Григоровскій. Итакъ, въ теченіе 7 лѣтъ смѣнилось пять попечителей. Всѣ они, конечно, занимались болѣе хозяйствомъ училища, а самыя ремесла были на отвѣтственности мастеровъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію учебнаго дѣла, остановимся на очень интересномъ фактѣ,—образованіи комитета при этомъ училищѣ. Инструкція ему была написана самимъ кн. Куракинымъ. Помимо попечителя, въ составъ комитета входили два чиновника изъ жительствующихъ въ Черниговѣ дворянъ, засѣдатель Приказа Общественнаго Призрѣнія, а также по два человѣка изъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ. Это, кажется, былъ

первый примѣръ въ Россіи привлеченія представителей самого общества къ участію въ школьномъ дѣлѣ. Комитетъ этотъ прежде всего, согласно инструкціи, долженъ былъ вести журналъ своихъ занятій, «дабы упражненіе свое сдѣлать извѣстнымъ, и доносить объ успѣхѣ генералъ-губернатору каждыя двѣ недѣли». Вѣдѣнію комитета подлежала оцѣнка вещей, матерьяловъ, поступающихъ въ училище, для чего онъ долженъ былъ собираться не менѣе одного раза въ мѣсяцъ; онъ долженъ былъ заботиться о сохраненіи этихъ матерьяловъ, слѣдить за справочными цѣнами и «всякія перемѣны представлять на усмотрѣніе генералъ-губернатора». Онъ долженъ былъ принимать задатки за заказанныя работы въ училищѣ, назначать цѣны за издѣлія, взимая не болѣе половины ихъ стоимости. Три раза въ недѣлю, въ послѣобѣденное время, комитетъ долженъ былъ собираться для сочиненія табели, т. е., для составленія росписанія; заботиться относительно пищевого довольствія учениковъ и т. под. Обратимся теперь къ учебному дѣлу. По проекту, начертанному кн. Куракинымъ, въ училищѣ должны быть введены постепенно 14 ремеслъ; но въ разсматриваемый періодъ, о которомъ имѣются у насъ архивныя данныя, были введены съ перваго года пять ремеслъ: столярное, слесарное, рѣзное (по дереву), серебряное и сапожное. Черезъ два года было введено еще токарное.

Во главѣ каждаго ремесла (или класса—какъ называли) былъ мастеръ и подмастерій. Содержаніе ихъ до введенія штатовъ въ 1808 г. не было точно установлено и находилось въ зависимости отъ соглашеній между ними и попечителемъ. Съ каждымъ изъ мастеровъ долженъ быть заключенъ контрактъ, по образцу, начертанному самимъ Куракинымъ. До введенія штатовъ мастера и подмастерья получали отъ 140 до 300 р.; помимо этого имъ выдавалось 30—40 р. квартирныхъ и 25, а чаще всего 30 р. дровяныхъ, т. е. на отопленіе. Сверхъ того мастера получали 20-ый процентъ съ суммы выдѣланныхъ вещей въ училищѣ, и каждый вырабатывалъ 200—205 рублей въ годъ. Съ 1806 г. получали процентъ и подмастерья. Постоянные оклады были введены лишь въ 1808 году и были таковы: большинство мастеровъ

получало жалованья 350 р. въ годъ, токарный мастеръ 450 р., а рѣзчикъ 250 р. Помимо этого, всѣмъ этимъ мастерамъ выдавали по 40 р. квартирныхъ (рѣзчику 30 рублей) и всѣмъ по 30 руб. дровяныхъ. Подмастерья были въ токарномъ классѣ; серебряномъ, впослѣдствіи и въ другихъ и жалованья получали отъ 110 до 195 рублей въ годъ, квартирныя отъ 20—40 р., а одинъ получалъ еще и харчевыя—25 р., но не получалъ за то дровяныхъ. Не всѣхъ мастеровъ можно было достать тогда въ Малороссіи. Рѣзчикъ былъ крестьянинъ Егоръ Ушаковъ, умершій на службѣ въ училищѣ въ 1807 году. Мастеръ по слесарному ремеслу былъ тоже изъ мѣстныхъ, а подмастеріемъ былъ нѣкто Яковъ Крапивенцовъ, выписанный княземъ Куракинымъ изъ тульскаго оружейнаго завода. Очень скоро этотъ Крапивенцовъ занялъ мѣсто мастера, но долженъ былъ оставить его, такъ какъ онъ не имѣлъ права уйти изъ казеннаго завода, и лишь по особому ходатайству кн. Куракина передъ императоромъ мастеру дозволено было остаться въ училищѣ, если онъ поставитъ на мѣсто себя работника въ тульскій заводъ, будетъ уплачивать въ казну ежегодно по 30 р. и также ежегодно представлять въ тульскій заводъ по 12 ружей собственной работы. Послѣдняго условія Крапивенцовъ не выполнялъ, о чемъ и завязывалась постоянная переписка.

Мастерами бывали очень часто иностранцы. За всѣми ими особенно зорко слѣдилъ попечитель Угнаде. Объ одномъ изъ мастеровъ, уроженцѣ Кенигсберга Іоганнѣ Котлибѣ Милле велась долгая переписка. Онъ былъ шорный мастеръ «сѣдельнаго дѣла». Угнаде его уволилъ, находя его «въ искусствѣ мастерства своего посредственнымъ, а въ поведеніи ненадежнымъ», хотя князь Куракинъ былъ имъ доволенъ, такъ какъ по его «классу» выдѣлывалось много интересныхъ вещей [1]).

---

[1]) Въ архивныхъ дѣлахъ имѣется «табель всѣмъ вещамъ» за 1805 годъ, гдѣ перечисляютъ издѣлія училища въ алфавитномъ порядкѣ. Вѣдомость эта подписана членами комитета и попечителемъ училища. Укажемъ на нѣкоторые отдѣлы. По серебряному ремеслу выдѣлывались: серебр. чайныя приборы, кресты, лампады, ножи, вилки,

Желая увеличить продуктивность школы и познакомить мѣстное общество съ тѣмъ, какія именно издѣлія въ ней вырабатываются, кн. Куракинъ предписалъ сдѣлать для образца по каждому ремеслу нѣсколько вещей, которыя и велѣно было хранить въ училищѣ. Интересенъ этотъ реестръ, составленный самимъ кн. Куракинымъ, и его предложеніе губернатору, рисующее состояніе этого училища въ 1807 г., т. е. три года спустя послѣ его открытія. «Здѣшнее ремесленное училище, писалъ князь, уже достаточными способами и знающими мастерами къ продолженію въ немъ ремеслъ оказываетъ довольно хорошій успѣхъ въ разныхъ выдѣлываемыхъ тутъ вещахъ, и слѣдовательно время отъ времени можетъ обращать сугубое на себя вниманіе публики и желающихъ заказывать кому какія угодно въ немъ издѣлія. А посему я признаю нужнымъ имѣть тутъ по каждому ремеслу выдѣлываемыя въ самомъ семъ училищѣ образцовыя вещи, служащія для любопытства посѣтителей и для примѣра при заказахъ ими себѣ вещей. Какія именно по каждому ремеслу должны быть сіи образцовыя вещи, объ оныхъ прилагаю при семъ реестръ и прошу васъ, милостивый государь мой, о приведеніи въ исполненіе учинить начальственное вашего превосходительства распоряженіе съ таковымъ притомъ назначеніемъ, что сіи вещи должны считаться капиталомъ по каждому ремеслу и въ продажу не поступятъ, развѣ пока опять до новой издѣлки, и то не въ скоромъ времени, и безнадобности ихъ не перемѣнять».

Вотъ и реестръ тѣмъ образцовымъ вещамъ, какія должны быть сдѣланы въ училищѣ. По столярному ремеслу: столы (круглый, овальный и карточный) съ бронзою изъ краснаго дерева, маленькій столикъ, большое кресло, небольшое бюро, ларчикъ, рама

подсвѣчники, пряжки, рамы, шпоры, щипцы, и была сдѣлана напрестольная гробница. Продавали по вѣсу отъ золотника, начиная отъ 5 коп. до 40; была одна вещь, продаваемая по 70 к. за золотникъ, это «ланцюжокъ» (цѣпочка). По слесарному: замки, трубы, задвижки, винты, валы, кровати, коробки, стволы. По токарному: ручки, роговыя головки, самопрядки, шпуги и т. п. По столярному—всевозможная мебель.

для зеркала, ящичекъ для чая или табаку—и все это изъ краснаго или чернаго дерева съ бронзой. Помимо этого, изъ ольхового дерева должны быть слѣд. вещи: бюро съ шкафомъ, два стула, софа и табуретъ, и др.—всего 14 вещей. По рѣзному отдѣленію: ваза, съ цвѣтами на ней, рама для императорскаго портрета, 6 образцовъ портретныхъ рамъ, рама зеркальная, кіотъ для образа и разная порѣзка. По слесарному: замки, печать, шпоры, ножницы, ширмы, зонтикъ «для писанія на свѣчу» и «особенная штучка для погашенія оной», канфорка съ плитою, всего 12 штукъ. По серебряному: чайный приборъ, вѣсомъ не менѣе 6 ф., чеканная лампада, чернильный приборъ, курительница, ложки столовыя и чайныя и лопатки для масла и сыра. По сапожному: ботфорты, сапоги, башмаки, спальныя сафьяновыя туфли и два сѣдла.

Многое изъ этого перечня выдѣлывалось и ранѣе, и мы имѣемъ документальныя данныя, указывающія сумму выручки отъ продажи издѣлій училища. Въ 1805 году было выручено 867 р. 38 к., въ 1806 г.—1538 р. 80 к., въ 1807 г.—1450 р. 96 к., въ 1808 г.—1907 р. 12 к., а къ 1 января 1811 года сумма эта (барышная, какъ ее называли) достигла до 4145 р. 47 к. При окончаніи курса, ученикъ получалъ половину стоимости выработанныхъ имъ за послѣдніе три года вещей.

Работы въ училищѣ, видимо, шли успѣшно; само училище хорошо зарабатывало продажей вещей, да и кн. Куракинъ не жалѣлъ средствъ поставить это училище хорошо. Въ 1808 году, училище имѣло слѣдующія суммы: на покупку матерьяловъ 1046 р. 50¾ к., «барышной» отъ продажи вещей 1907 р. 12 к., матерьяловъ для выдѣлыванія разнаго рода вещей на 3973 руб. 78 к. и инструментовъ на 2442 р. 2 к. Бюджетъ же на учебное дѣло съ этого года былъ увеличенъ до 4435 руб. асс. Изъ «барышной» суммы отпускалось съ 1807 г. триста пятьдесятъ рублей на жалованье помощнику попечителя,—новая должность, введенная княземъ [1]).

---

[1]) Мастера брали и частныя работы, что строго преслѣдовалось. Съ цѣлью прекратить это, разрѣшено было взимать съ виновныхъ въ

Преемникъ кн. Куракина по должности малороссійскаго генералъ-губернатора кн. А. И. Лобановъ-Ростовскій нѣсколько уменьшилъ жалованье служащимъ; такъ, бухгалтеру и его помощнику сократилъ на 50 р., эконому же вмѣсто 250 р. велѣлъ выдавать только 150 р На пятьдесятъ рублей съ 1808 г. сокращено и учителю ариѳметики; это былъ единственный общеобразовательный предметъ въ этой школѣ.

Таковы данныя, извлеченныя изъ архивныхъ дѣлъ о ремесленномъ училищѣ въ Черниговѣ и заботахъ о немъ князя А. Б. Куракина. О дальнѣйшей судьбѣ этого интереснаго учрежденія намъ пока не удалось еще отыскать свѣдѣній въ нашихъ источникахъ. Прибавимъ лишь, что въ губернаторскомъ домѣ въ Полтавѣ и въ настоящее время существуетъ мебель работы этой школы—письменный столъ и стулья изъ корельской березы. На письменномъ столѣ, въ ширину его, вырѣзана надпись: «Черниговское ремесленное училище, 1818 года», изъ чего можно заключить, что школа въ этомъ году еще существовала.

И. Фр. Павловскій.

первый разъ штрафъ въ два раза больше стоимости работы, во 2-й — въ четыре раза, а затѣмъ уже взыскивать на основаніи закона, какъ за ослушаніе.

Общее направленіе образованія въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія.[1)]

Насколько многосложныя и потому не скоро и не легко удовлетворимыя задачи представляетъ собою разработка исторіи прошлой жизни нашей Академіи,—это достаточно извѣстно ученымъ труженникамъ, посвящающимъ изслѣдованію минувшихъ академическихъ судебъ долгіе годы самой напряженной энергіи.

Какъ наша Alma Mater выполняла свое назначеніе, служить которому она выступила въ пору, весьма грозную для православія юго-западной Руси; въ чемъ именно проявились со стороны Академіи ея заслуги для православной церкви, русской народности и нашего отечественнаго просвѣщенія; какая при этомъ обнаруживалась съ ея стороны степень напряженія силъ; какими она пользовалась средствами и какихъ достигала результатовъ и въ охраненіи православной вѣры, и въ движеніи и разработкѣ преподававшихся ею наукъ, и въ поднятіи общаго уровня образованности въ нашемъ государствѣ,—вотъ что, думаемъ, непремѣнно должна явить о себѣ на своихъ скрижаляхъ обстоятельная исторія Кіевской Академіи.

---

1) Рѣчь, сказанная 18 декабря 1903 г., предъ защитой магистерской диссертаціи: «Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія (Новыя данныя, относящіяся къ исторіи этой Академіи за указанное время)».

Одно лишь приблизительное представленіе всей подавляющей массы того документальнаго матеріала, собрать и изучить который необходимо для столь многосторонней исторіи, безъ сомнѣнія, должно смущать каждаго, знакомаго съ кропотливостью и медленностью поисковъ и занятій въ архивахъ, подъ густыми слоями пыли скрывающихъ дѣла давно минувшихъ дней. Работа въ этихъ хранилищахъ памятниковъ прошлаго нашей Академіи не можетъ быть выполнена единичными лицами. Нуженъ трудъ коллективный, дружный, долгій и упорный...

Лично на нашу долю выпала честь около восьми лѣтъ изучать сравнительно небольшой періодъ изъ жизни воспитавшей насъ Академіи, именно,—періодъ съ 1701 по 1750 годъ. Плодомъ нашихъ изысканій и явилось изслѣдованіе, подлежащее суду нынѣшняго почтеннаго собранія. Изучили мы избранную нами эпоху академической жизни далеко не въ полныхъ предѣлахъ тѣхъ широкихъ задачъ, какія, по нашему крайнему разумѣнію, лежатъ на научной исторіи учебнаго заведенія. Мы ограничили свое изслѣдованіе скромною цѣлью, во 1-хъ, провѣрки и во 2-хъ, возможнаго для насъ (при нашихъ служебныхъ обязанностяхъ) восполненія новыми данными того, что уже извѣстно объ Академіи за избранный нами періодъ времени по прежнимъ спеціальнымъ трудамъ о ней В. Аскоченскаго и іеромонаха (впослѣдствіи митрополита московскаго) Макарія (Булгакова).

На основаніи по крупицамъ собранныхъ, крайне отрывочныхъ и часто неясныхъ данныхъ, добытыхъ изъ разныхъ источниковъ, мы въ своемъ изслѣдованіи изобразили внѣшнюю жизнь Академіи: очертили систему ея управленія, дали перечень ея административныхъ лицъ, правда, безъ желательной характеристики направленій ихъ администраціи (для подобной характеристики источники, бывшіе въ нашемъ распоряженіи, мы нашли мало достаточными); раскрыли, какими матеріальными средствами жила въ ту пору Академія, гдѣ и какъ она помѣщалась, какими средствами содержались ея профессора и студенты. Изображеніе же внутренней ея жизни, ея учебно-образовательной дѣятельности,—при массѣ сырого и при томъ трудно читаемаго матеріала, съ его

особенною латынью и спеціальною терминологіею, съ особыми рукописными сокращеніями, условными знаками, обиліемъ описокъ, искаженій смысла словъ (напр., собственныхъ именъ) и цѣлыхъ предложеній, съ немалымъ числомъ этимологическихъ и синтаксическихъ ошибокъ,—мы сдѣлали въ объемѣ невеликомъ, достаточномъ *только* для *общаго* сужденія объ основномъ характерѣ и направленіи академической науки, отчасти объ ея источникахъ и главныхъ моментахъ ея развитія.

Наше (сравнительно ограниченное) изученіе внутренняго строя жизни Кіевской Академіи привело насъ къ убѣжденію, что въ первой половинѣ XVIII столѣтія Кіевская Академія оставалась неизмѣнно вѣрною своей исторической задачѣ—отвлекать православное юношество отъ обученія въ латино-польскихъ учебныхъ заведеніяхъ «да не отъ чуждаго источника (тамъ) піюще, смертоноснаго яда западния схизмы упившеся, ко мрачно-темнымъ римляномъ уклонятся».

Въ достиженіи такой задачи Академія (мы нашли) пользовалась школьной системой іезуитскихъ и піарскихъ школъ,—въ той, разумѣется, мѣрѣ, насколько ихъ система могла быть примѣняема ею у себя *безъ явнаго ущерба православію*, служить интересамъ котораго Академія считала своимъ священнымъ призваніемъ.

Направленіе всѣхъ наукъ академическаго курса было, можно сказать, чисто формальнымъ. Во все время своего образованія въ Академіи студентъ долженъ былъ вращаться почти въ однѣхъ формахъ: отъ формъ языка онъ переходилъ къ формамъ піитической и риторической рѣчи, отъ формъ рѣчи—къ формамъ мысли; наконецъ, всѣ эти формы онъ пріучался прилагать къ разнымъ богословскимъ положеніямъ, которыя и являлись почти главнѣйшимъ ихъ содержаніемъ.

Понятно, такое направленіе академическаго образованія въ первой половинѣ XVIII столѣтія нельзя назвать высокимъ. Но и осуждать за него Академію—съ исторической точки зрѣнія—нельзя, въ виду той неоцѣнимой пользы, какую принесла Ака-

демія, при такомъ направленіи своего образованія, православной церкви, русской народности и русскому просвѣщенію.

Академія держалась отмѣченнаго нами направленія въ образованіи потому, что оно въ то время было господствовавшимъ въ популярныхъ тогда латино-польскихъ іезуитскихъ и піарскихъ школахъ. Выступивши въ противовѣсъ этимъ школамъ, чтобы прекратить стремленіе туда русскихъ юношей и тѣмъ сохранить ихъ членами православной церкви, Академія видѣла легчайшее средство для достиженія своей задачи во введеніи у себя по возможности того, что было тамъ, и что манило туда русскихъ юношей (сообщивъ лишь всему вводимому духъ, соотвѣтствующій своимъ православнымъ цѣлямъ). Конечно, поступивши такъ, Академія не ошиблась. Она стала такимъ путемъ почти на одномъ учебно-образовательномъ уровнѣ съ латино-польскими школами; сообщая въ своихъ аудиторіяхъ почти то же, что могли дать и онѣ, Академія тѣмъ самымъ и отвлекла отъ нихъ православныхъ юношей.

Но Академія не обольщалась своимъ успѣхомъ, пріобрѣтеннымъ *такимъ* путемъ. Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей она сознавала, что достигаетъ своей цѣли, хотя и довольно вѣрными, но, сравнительно не высокими пріемами, *рабствуя* предъ латино-польскою ученостью; она признавала, что эта ученость не такъ высока, чтобы на ней успокоиться, и была убѣждена, что ей самой необходимо стать на самостоятельную научную дорогу. Выразителемъ этого сознанія въ изслѣдованное нами время былъ знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ (скончавшійся въ санѣ архіепископа новгородскаго). Онъ рѣзко осудилъ латино-польское направленіе академической науки; самъ почти всю ее поставилъ на новый, болѣе высокій путь и своимъ соработникамъ-профессорамъ, оставляя Академію, далъ совѣтъ: «*не идти только по дорогѣ, протоптанной другими учеными, но слѣдовать самостоятельнымъ научнымъ воззрѣніямъ,* которыя, рождая солидную ученость, образуютъ знатоковъ, а не торгашей науки. Такого рода самостоятельныя научныя воззрѣнія,—говоритъ онъ,—никогда не стыдились являться предъ обществомъ, и просвѣщен-

ному міру *уже опротивѣла до тошноты* (если можно такъ выразиться) *та наука*, которая не истекаетъ изъ первоначальныхъ источниковъ, но капля по каплѣ *въ испорченномъ видѣ* течетъ сквозь пожелтѣвшую бумагу изъ болотъ неискусныхъ потѣшныхъ учителей (скомороховъ--ludimagistrorum), и не оставляетъ въ умахъ человѣческихъ ничего, кромѣ глупаго убѣжденія въ собственной мудрости, какого-то мрака, сновидѣнія и призрачности»... [1])

Безспорную цѣну заслугъ Ѳ. Прокоповича для академической науки и несомнѣнную справедливость указаннаго имъ пути ей профессора Академіи не могли не признавать, и нѣкоторые изъ нихъ въ изложеніи академическихъ наукъ слѣдовали лекціямъ Ѳ. Прокоповича. Но ни одинъ изъ нихъ не смогъ все-таки пойти личнымъ самостоятельнымъ усердіемъ по дорогѣ, открытой и начатой великимъ новаторомъ, чтобы внести лепту своего труда на созданіе собственной православно-русской науки, которая бы стала выше латино-польской; а большинство ихъ,—вполнѣ спокойно и увѣренно, какъ бы совсѣмъ не зная про дѣло Прокоповича,—шло въ своихъ лекціяхъ по традиціонной до-Ѳеофановской стезѣ.

Одной изъ причинъ этого, по нашему мнѣнію, была матеріальная бѣдность Академіи въ изслѣдованное нами время. Она лишала Академію всякой возможности быть знакомой съ лучшими теченіями въ наукѣ, зарождавшимися тогда въ Западной Европѣ, даже *путемъ литературнымъ*. Заключать такъ можно по тому сожалѣнію, какое выражали профессора Академіи о тратѣ времени и силъ на изученіе іезуитско-схоластическихъ твореній, когда имъ случайно попадалось въ руки какое-нибудь новѣйшее сочиненіе, болѣе или менѣе далекое отъ обычнаго схоластицизма. Напр., Георгій Кониcскій, уже будучи посвященнымъ

---

[1]) Такъ писалъ Ѳ. Прокоповичъ профессорамъ Кіевск. Академіи предъ своимъ посвященіемъ во епископа, сложивъ съ себя званіе ея ректора. См. «Труды Кіевск. духовн. Академіи», 1865 г., т. I, письмо 3-е, стр. 158.

во епископа Бѣлорусскаго, давая 13 сентября 1755 г. кіевскому митрополиту отзывъ о присланныхъ ему послѣднимъ для разсмотрѣнія (въ видахъ введенія въ Академіи въ качествѣ учебниковъ) философіяхъ Баумейстера и Пурхонія, между прочимъ, писалъ: «Я окружно (цѣликомъ) не вичиталъ, якожъ и *не имѣлъ* ихъ, когда самъ въ философіи по должности, на мене бывшей положенной, упражнялся, что особливо за *нещастіе* свое причитую, ибо на смѣттяхъ интерпретовъ Аристотелевихъ времени всуе не потерялъ бы было» [1]).

Другія причины отмѣчены нами въ самомъ нашемъ изслѣдованіи.

Подняться на самостоятельную научную дорогу, выработать собственную научную систему Кіевская Академія въ первую половину XVIII-го столѣтія не смогла: по многимъ *неизбѣжнымъ* обстоятельствамъ Академія рабствовала предъ латино-польскою наукою.

Къ сожалѣнію, такая рабская зависимость временами *невольно* приводила Академію къ нѣкоторымъ отступленіямъ отъ православія (см. наше изслѣдованіе, стр. 221—232), къ уклоненію мыслей ея профессоровъ относительно тѣхъ или иныхъ богословскихъ вопросовъ въ католицизмъ. Но мы убѣдились, что мнѣнія не православнаго характера являлись у профессоровъ тогдашней Академіи, если можно такъ выразиться, безсознательно, т. е. *безъ отчетливаго представленія ихъ* достоинства. Отступленія Кіевской Академіи отъ православія въ изученную нами эпоху могутъ быть трактуемы, какъ наслѣдіе отъ XVII-го столѣтія, когда, при отсутствіи собственныхъ опредѣленныхъ и устойчивыхъ богословскихъ воззрѣній, въ южно-русской церкви (и въ Кіевской Академіи), подъ вліяніемъ діалектически сильнаго католичества, легко могли утверждаться мнѣнія неправославнаго характера. Но въ первой ужъ половинѣ XVIII-го столѣтія, по мѣрѣ укрѣпленія богословской мысли въ Кіевской Академіи, временныя

---

[1]) Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и Акад., собран. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 50.

отступленія ея отъ православія мало-по-малу исчезали изъ лекцій ея профессоровъ, такъ что вліяніе католическихъ богословскихъ руководствъ на эти лекціи хотя было большимъ, но по отношенію къ православной догмѣ *постепенно* оказывалось лишь формальнымъ, внѣшнимъ, *почти* не воспринимавшимся въ самое существо православнаго ученія. И профессора Академіи, подчиняясь такому вліянію католическихъ руководствъ съ формальной стороны, не щадили никакихъ авторитетовъ тамъ, гдѣ нужно было защищать внутреннее содержаніе понимаемаго ими православнаго ученія.

Профессора Кіевской Академіи, разоблачая несомнѣнныя для нихъ католическія отступленія отъ православія, смѣло называли католическую церковь, богословскими трудами которой сами пользовались для составленія своихъ лекцій, *схизматическою* и даже еще рѣшительнѣе—*еретическою*. «Римляне, *schismatici*, *haeretici*, *novatores*, утверждаютъ, что Духъ Святой исходитъ не отъ Отца только, но и отъ Сына» [1]). Такъ мы читаемъ въ томъ самомъ курсѣ профессора-іеромонаха Иннокентія Поповскаго, гдѣ онъ держится католическаго ученія по нѣкоторымъ вопросамъ. Отсюда наше мнѣніе, что если ученые Кіевской Академіи повинны въ нѣкіихъ уклоненіяхъ въ католическія заблужденія, то повинны въ малой степени. Ихъ уклоненія, видимо, происходили по невѣдѣнію, какъ *правильнѣе*, *православно* мыслить по тому или другому богословскому вопросу. Если бы они были *хорошо* знакомы съ ученіемъ Восточной церкви, съ твореніями ея отцовъ и учителей,—несомнѣнно, они твердо устояли бы въ православіи, защита котораго была цѣлью дѣла и жизни кіевскихъ ученыхъ. Но при незнаніи греческаго языка (до 1740-хъ годовъ), при необходимости дать богословскую пищу своимъ ученикамъ, не худшую той, какую давали католическія учебныя заведенія, они *вынуждены были* пользоваться католическою богословскою литературою; а эта литература по инымъ вопросамъ смущала ихъ мысль,

---

[1]) Рукопись библ. Кіево-Соф. собора, № 220, л. 166, disputatio 6-ta, sectio 1-a.

не имѣвшую, на чемъ твердо опереться, и порой склоняла ее въ католическія заблужденія.

Не будучи, такимъ образомъ, въ состояніи (при отсутствіи почти всякихъ средствъ къ тому) подняться выше латино-польской науки, и чуть не по необходимости рабствуя предъ нею, повторяя ее, лишь съ сообщеніемъ ей *по возможности* православнаго духа, Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII-го вѣка и этимъ путемъ съ полнымъ успѣхомъ выполняла свое православно-историческое призваніе, чѣмъ содѣйствовала укрѣпленію національнаго единства на Руси, ограждая ея юго-западные предѣлы отъ религіознаго и *eo ipso* политическаго вліянія фанатической Польши. Не даромъ же Кіевская Академія была столь ненавистною для латино-польскаго духа!.. Ея питомцевъ католическія учебныя заведенія не желали принимать къ себѣ, смотрѣли на нихъ, какъ на «волковъ отъ лѣсовъ кіевскихъ», увѣренно опасаясь, что каждый изъ нихъ, получивъ у нихъ образованіе, направитъ силу его противъ нихъ же самихъ, подобно Ѳеофану Прокоповичу. Порою это высказывалось католиками съ озлобленною откровенностью [1]).

---

[1]) Напримѣръ, ректоръ Виленской католической Академіи, въ 1728 году, въ своемъ письмѣ къ папскому нунцію въ Варшавѣ (нунцій переслалъ это письмо въ Римъ къ префекту Священной конгрегаціи о распространеніи вѣры), между прочимъ, вотъ что писалъ о Петрѣ Коссѣ или Кулябкѣ (Кулябка, вѣроятно, учился въ Кіевской Академіи до философіи, затѣмъ, во Львовской іезуитской коллегіи; въ 1726 году онъ поступилъ въ Виленскую Академію): «...Ille (Петръ Коссъ) non sit origine Moschus, sed Kozachus, non Koss, sed Kop dictus, cujusdam poponis prope Kijoviam filius, Leopoli dum scholas nostras frequentasset, se schysmaticum publice profitebatur. Postea Lublini dum studia tractaret, unitum se esse simulabat. Demum ubi ad Academiam Vilnensem venit, catholicum se esse mentiebatur». *)

---

*) *Переводъ*: Онъ родомъ не москвичъ, но козакъ, и не Коссъ, но Копъ *(copa—трактиръ)* по прозванію, сынъ какого-то трактирщика подлѣ Кіева; пока посѣщалъ наши школы во Львовѣ, явно исповѣдывалъ православіе. Потомъ, пока проходилъ науки въ Люблинѣ, притворялся уніатомъ; впослѣдствіи-же, когда перешелъ въ Виленскую академію, показывалъ видъ, что онъ католикъ.

Съ другой стороны, своею,—по существу хоть не высокою, но въ ту пору у насъ, на Руси высшею,—наукою Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія имѣла универсально-*образовательное* значеніе для всей Россіи, давая въ лицѣ своихъ питомцевъ главнѣйшихъ просвѣтителей нашему отечеству. Многіе ея воспитанники въ первой половинѣ XVIII вѣка заводили въ разныхъ концахъ Россіи училища, давали имъ такое же устройство и сообщали имъ тотъ же православно-церковный духъ, какой они выносили изъ своей almae matris. И можно сказать, почти всѣ училища Россіи того времени обязаны или своимъ возникнове-

Кулябка намѣренъ былъ отправиться въ Римъ для продолженія своего образованія. Ректоръ Виленской Академіи въ дальнѣйшихъ словахъ своего письма и поясняетъ. что цѣль Кулябки въ томъ, «ut ibi (въ Римѣ) solide eruditus, ad schismaticos suos redeat, et ecclesiae catholicae in Moscho erudito gravius noceat, quam si esset rudior. Prout plurimi alii ejusdem farinae homines in academiis catholicorum idem antea fecerunt, ut nouissime aliquis dictus *Prokopowicz*, similiter Kozachus, sive Ukrainensis, nam Ukraina est Kozachorum patria, qui ordinem patrum Basilianorum ingressus et ab iisdem Romam pro tractandis studiis missus, ibique emenso studiorum curriculo, postea a fide et a religione apostata factus, in Moschoviam profugit, ibique nunc est supremus, utpote doctissimus inter suos spirituales, et graviores in illam gentem induxit errores, quam fuerint antea, nam per eum stetisse dicitur, quod adhuc vivente praeterito czaro, sit typis mandata reformatio religionis Graecae, plus de Calvino, quam schysmate redolens»...*) И въ другомъ мѣстѣ пишетъ: «...quidam religiosus

*) *Переводъ*: ...чтобы тамъ (въ Римѣ) совершенно обучившись, возвратиться къ своимъ православнымъ и въ Москoвіи вредить католической церкви сильнѣе, чѣмъ если-бы онъ былъ невѣжественнѣе. Подобно тому, какъ многіе другіе люди изъ того-же тѣста въ академіяхъ католическихъ то-же самое дѣлали, такъ въ самое послѣднее время поступилъ какой-то по прозванію Прокоповичъ, почти что козакъ, или украинецъ, потому что Украина есть родина козачества; онъ, вступивши въ орденъ отцовъ Базиліанъ и будучи ими посланъ въ Римъ для изученія наукъ и тамъ закончивши курсъ обученія, впослѣдствіи сдѣлавшись отступникомъ отъ вѣры и религіи, ушелъ въ Московію и тамъ теперь является наивысшимъ, какъ наиболѣе образованный среди своихъ, и возбудилъ въ этомъ народѣ еще большія заблужденія, чѣмъ были раньше. Ибо, благодаря ему, какъ говорятъ, случилось то, что еще при жизни прежняго царя было предпринято реформированіе учрежденій

ніемъ, или своимъ ростомъ, или своимъ внутреннимъ строемъ Кіевской Академіи.

Вотъ въ чемъ заслуги, величіе и слава нашей Академіи въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія!

Чѣмъ дружнѣе и быстрѣе пойдетъ теперь обнародованіе и изданіе церковно-историческихъ матеріаловъ XVIII-го столѣтія, тѣмъ яснѣе и величественнѣе станетъ выступать во всемъ своемъ блескѣ, во всей своей яркости сила Кіевской Академіи, какъ великой въ ту пору носительницы и, быть можетъ, главной спасительницы въ юго-западной Руси нашего православно-русскаго націонализма!

Охватить весь этотъ матеріалъ намъ, быть можетъ, и не суждено... Мы, что могли, то́ и сдѣлали для исторіи родной намъ Академіи. А какъ сдѣлали, судъ объ этомъ принадлежитъ нашимъ глубокоуважаемымъ г.г. оппонентамъ. Ихъ слова мы примемъ, какъ авторитетную оцѣнку нашего посильнаго труда...

Димитрій Вишневскій.

Romae in studiis Czerczycki, in Ukraina vero *Prokopowicz* nuncupatus fuerat, qui ibidem perversis modis acquisitam Romae sapientiam Kijoviam portavit et factus est schismaticus et archiepiscopus Moschoviae...»*) («Сводная Галичско-Русская Лѣтопись съ 1700 до конца 1772 г.», А. С. Петрушевича, ч. 1-я, Львовъ, 1887 г., стр. 316—321; сн. наше изслѣдованіе: «Кіев. Акад. въ первой половинѣ XVIII стол.», Кіевъ, 1903 г., стр. 327—8, примѣч.; сн. «Кіевская Старина» 1890 г.: «Автобіографическая «сказка» малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго. Лукомскій «въ Польши..., ради преслѣдованія за благочестіе греческаго исповѣданія и что *(онъ)* малороссіянинъ, не моглъ... долѣе *(полученнаго въ Кіевской Академіи)* ученія своего имѣть», почему и возвратился (снова) въ Кіевъ для слушанія здѣсь, въ Академіи, богословскаго курса).

греческой вѣры, болѣе сообразное съ католицизмомъ, чѣмъ съ православіемъ (схизмою).

*) *Переводъ*: ..какой-то Черчицкій, благочестиво воспитанный въ Римѣ, въ Украинѣ переименованъ былъ *Прокоповичемъ,* и тамъ пріобрѣтенную въ Римѣ мудрость нечестивыми способами въ Кіевъ перенесъ и сдѣлался схизматикомъ и архіепископомъ въ Московіи.

Степная Лубенщина[1]).

Глава 1-я.

Юго-восточное побережье Сулы въ предѣлахъ Лубенскаго уѣзда. Великоселецкая волость.

Древній Лукомль и его окрестности. Лукомскіе пожары. Иржавцы и Селецкія.

На высокой горѣ надъ Сулой дремлетъ старый сторожъ Лубенщины, нѣкогда городъ, Лукомль, теперь мѣстечко Лукомье. Возникъ ли онъ раньше княженія Владиміра св. или тогда, когда послѣдній «нача ставити городы по Сулѣ», достовѣрно неизвѣстно; въ лѣтописи Лукомль упоминается только въ 1179 г. по поводу набѣга Кончака на Переяславльское княжество [2]). Вообще въ княжескій періодъ русской исторіи Лукомль сохранялъ стратегическое значеніе, прикрывая правый берегъ Сулы отъ набѣговъ кочевниковъ, и затѣмъ раздѣлилъ судьбу всей Переяславльской земли, палъ подъ ударами татаръ, надолго опустѣлъ и обновленъ только въ концѣ XVI в. Но уже въ слѣдующемъ вѣкѣ несчастный городокъ, неуспѣвшій еще обжиться, опять разоряется своими и чужими; такъ въ 1638 г. Конецпольскій, по сдачѣ Пав-

---

[1]) См. «Средняя Лубенщина» въ «Кіевской Старинѣ» 1903 г., IX—XII-я.

[2]) Ляскоронскій. Ист. Переясл. земли. Кіевъ 1897 г., 185.

люка, занявъ городъ, истреблялъ мѣстное населеніе, вѣшалъ и обливалъ людей на морозѣ [1]), а въ 1662 г. Юрій Хмельницкій «якъ шаленый много невинного народа вырубалъ» и вырубилъ бы весь, если бы не былъ удержанъ Паисіемъ; орда же набрала ясиръ въ Лубенскомъ полку. Въ 1679 г. Хмельницкій съ крымской ордой опять «бѣгалъ загонами до Лукомля», жегъ села и убивалъ людей вокругъ [2]).

И теперь еще о пережитыхъ временахъ свидѣтельствуютъ какъ окружающія Лукомье земляныя сооруженія—аванпостные курганы и валы, все еще грозные, такъ и слѣдующія народныя преданія. «Надъ горою йе Сторожева могыла, тамъ стоявъ стовпъ и сторожъ. Кажуть, якись забигы булы, татары хапалы людей. А на толоци по Костолесову жалы давнійшъ люде. Сторожъ бачыть, шо заходять чужоземци, випъ виху якъ похылыть на Лукомья и люде тикають у крипость. И тоди сторожъ сида на коня и скильки заскочыть тика. Тоди було якъ сонце на пивдень, то иды до-дому, а то піймають».

Отъ Сторожевой могилы къ мѣстечку разстилается обширный выгонъ [3]). Роздолъ, полный маленькихъ могилокъ, значеніе которыхъ не выяснено. У самаго мѣстечка Роздолъ перегороженъ былъ валомъ во всю ширину отъ берега рѣки до спуска въ предмѣстье Чирковку. Чрезъ этотъ первый валъ проѣзжали Лубенскими воротами, по преданію чугунными. Теперь валъ сгладился, и только у самой дороги видны еще небольшіе круглые остатки. Если этотъ валъ принять за основаніе, то древняя, горная часть мѣстечка представится въ видѣ равносторонняго треугольника или мыса [4]), къ востоку глубоко вдавшагося въ долину Сулы и окру-

---

[1]) Костомаровъ. Борьба козак. съ Польш. 228.

[2]) Лѣтоп. Величка. II, 22, 29, Бѣлозерскій. Южнор. лѣтоп. Кіевъ 1856 г., 83, Рубанъ, Кратк. лѣт. Мал. Рос. 136, Антоновичъ и Бецъ. Истор дѣят. 40, 44.—Въ 1670 г. Лукомлемъ владѣлъ Дорошенко. Костомаровъ, Руина. Вѣстн. Евр. 1879 г., IX, 13.

[3]) Въ 300 десятинъ. Сборн. Хоз. стат. полт. губ., IV. луб. у. 239.

[4]) Гуровъ. Геолог. опис. полт. губ. Харьк. 1888 г., 329.

женнаго съ остальныхъ трехъ сторонъ рѣкой, лугами и болотами. Къ валу прилегаетъ Бублыкивка, заселенная козаками Бублыками, давшими названіе кутку, Вольскими, Личками, Юркевичами и Якимовскими. На Бублыкивкѣ расположена узкая, неправильнаго очертанія базарная площадка, тѣсно застроенная, какъ и примыкающая къ ней улица, домами, лавками, сараями. Между постройками изрѣдка зеленѣютъ деревья: бересты, вишни, сливы и яблони, трудно разводимые на безжизненной почвѣ, смѣшанной съ углемъ и кирпичемъ, въ которой, между прочимъ, нашли и бронзовыя стрѣлы [1]). Обширное значеніе Лукомскихъ базаровъ, служащихъ рынкомъ для сбыта мѣстной рыбы не только жителямъ лубенскаго и смежнаго хорольскаго уѣздовъ, но и дальнимъ торговцамъ изъ Пирятина, Прилукъ, Лохвицы и Кременчуга, привлекло въ Лукомье евреевъ, поселившихся вокругъ базара на сосѣднихъ грунтахъ. По воскресеньямъ, въ базарные дни площадка и сосѣднія улицы запружены повозками, крестьянами, евреями, разодѣтыми молодицами и дивчатами, точно на ярмаркѣ. Нарядная толпа наполняетъ и новую, просторную Успенскую церковь съ хорами, стоящую поодаль на толокѣ, построенную въ 1899 г.; но иконостасъ въ ней старый, несоотвѣтствующій размѣрамъ церкви. Изъ старыхъ образовъ обращаетъ на себя вниманіе изображеніе Пр. Дѣвы Маріи съ очень круглымъ румянымъ лицомъ, въ массивной серебряной шатѣ, украшенной цвѣтами. Сверхъ шатъ на шеѣ привѣшено много нитокъ бусъ, а внизу образа—лентъ, коралловъ и серебряныхъ привѣсокъ [2]).

---

[1]) Ляскоронскій. Ист. Переясл. земли. 98.

[2]) Образъ великъ—въ арш. ширины и $1^1/_2$ арш. вышины, кромѣ того сохраняются слѣдующія старинныя книги съ надписями: 1) 1734 г., іюня 3 дня, сія книга, называемая Минеей, отмѣнена ея милостью пани сотниковой Лукомской Маріей Ивановной за отпущеніе грѣховъ своихъ и пана своего Мартына Ходинця и надана до храму Успенія Пр. Богородицы въ городѣ Лукомьѣ священствовавшимъ онаго времени Максимомъ и Іоанномъ Левицкими братьямъ; 2) въ року 1737 сіе евангеліе первѣе трудомъ и коштомъ отмѣнено его милости паномъ Андреемъ Даниловичемъ Ревою надано до храму Успенія Пр.

Къ Сѣверу отъ базара за небольшой впадиной по самой срединѣ мѣстечка возвышается бугоръ, бывшій городъ великокняжескаго времени, и теперь называемый городкомъ, окруженный хорошо сохранившимся валомъ сажня въ три вышины и четыре—ширины. Посрединѣ въѣздъ въ крѣпость, надъ которымъ стояла башня (дзвиныця), по Ляскоронскому [1])—городныця, и въ ней вторыя, также чугунныя, ворота, названныя въ Румянцовской описи замковыми. Къ сѣверу городской валъ сливается съ обрывистой горой; отъ него внизъ бѣгутъ тропинки, по которымъ лукомскія дѣвицы ходятъ къ Сулѣ за водой, такъ какъ въ Лукомьи нѣтъ колодцовъ; отсюда же видна вдоль горы зеленѣющая впадина или рытвина, шириной около сажня—слѣдъ подземнаго хода къ рѣкѣ. Этотъ подземный ходъ принадлежалъ къ упоминаемымъ Кулишомъ [2]) сховищамъ, т. е. длиннымъ погребамъ, ходникамъ, тайникамъ и корридорамъ, характеризовавшимъ опасныя мѣста, въ которыхъ укрывали скарбъ, хлѣба, утварь, даже скотъ. О немъ старожилы говорятъ: «Тры лёхы булы ажъ пидъ церкву и до воды; и двери йесть изъ одного лёха въ другый. Лазылы люде,—тильки пролизты чоловику, тай

Богородицы въ городъ Лукомль за отпущеніе грѣховъ своихъ и жены своей и чадъ своихъ за настоятеля іерея Іоанна Левицкаго, сотника Іоанна Пиковца и атамана Романа Ревы; и 3) сія книга священное Христово Евангеліе Благовѣрнаго мужа, представившагося козака Власа Нора, а старательствомъ его милости пана Атамана Сѣчи Запорожской куреня Батуринскаго Петра Цигана и всего товариства совѣтомъ благимъ сдѣлано и надано до храму Успенія Пр. Богородицы въ городъ Лукомль для поминовенія въ той Успенской церкви отъ представшагося Власа о упокоеніи во вѣчно блаженной жизни, а въ живыхъ обрѣтающихся о здравіи и благосостояніи. А принялъ оное евангеліе отъ рукъ двухъ козаковъ Сидора Чеберяченка и Карпа Кручка. Тогда будучи при оной церкви настоятелемъ и намѣстникомъ Іоаннъ Левицкій. А прилѣжаніемъ родимца Лукомского Ивана Никитича Караня. Въ 1760 г. въ мѣсяцѣ іюнѣ 4 за содержащимъ тогда урядъ и чинъ сотничества Господина Стефана Пиковець.

[1]) Истор. Переясл. земли, 471.

[2]) Истор. возсоедин. Руси. С.-Петерб., 1874 г., III, 273.

тильки». Теперь не только подземный ходъ завалился, но и самая рѣка, протекавшая еще въ XVIII в. въ 60-ти саженяхъ отъ вала [1]), оттѣснена отъ горъ наносомъ гораздо дальше въ долину, и только весной узкій ручей прорывается и обозначаетъ старое русло. Внизу въ оврагѣ лежитъ валунъ краснаго крупно-зернистаго пегматита [2]) въ 2½ арш. длины, такой же ширины и до 2 арш. высоты, сверху полукруглый. Съ этимъ камнемъ связано слѣдующее мѣстное преданіе: «Якъ непріятелька вбиралась зъ Лукомья, то зняла зъ себе сорочку та сунулась зъ горы голою ажъ у нызъ и казала: «Щобъ таке голе Лукомья було!» Черезъ то воно й голе. А іи чоловика голова и шляпа зостались у Лукомьи. Якъ до порона иты—каминь и голова батька навернута каминемъ. Турчынъ побывается усе щобъ узять батькову голову» [3]). По другому варіанту: «Ляхъ побывается сюды, що шляпа батькова тутъ зосталася» [4]).

Въ городкѣ стояла прежде небольшая Успенская церковь съ узкой готической кровлей, построенная въ 1792 г. [5]) и по преданію просуществовавшая 103 года. Мѣсто ея обозначено двумя небольшими каменными памятниками. Изъ городка на Хоролъ вели—согласно Румянцовской описи [6])—третьи Хорольскія ворота, но народныхъ воспоминаній о нихъ не сохранилось. Изъ городка открывается видъ на широкую долину Сулы, купы деревъ, стальную полоску рѣки и Хорольскій берегъ, тонущій въ синемъ туманѣ, внутри же городокъ и прилегающая къ нему

---

[1]) Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 111.

[2]) Гуровъ. Геол. опис. полт. губ., 320.

[3]) Отъ К. Норъ.

[4]) По варіанту Г-на Ляскоронскаго въ Лукомьи жилъ турецкій королёкъ, хватавшій нашихъ. (Ост. древн. Луком. городища въ «Кіев. Стар.», 1902 г., IX).

[5]) Въ Лукомьи была еще другая кладбищенская церковь Рождества Пр. Богородицы, устроенная И. И. Мальчевскимъ. «Служылы паныхыду и не вбереглысь и кладовська церква зъ середыны занялась и сгорила».

[6]) Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 111.

мѣстность поражаетъ безжизненностью, бугристостью, укими проулками, безобразіемъ построекъ и отсутствіемъ растительности. Въ городкѣ жили козачьи, дворянскія и духовныя фамиліи: Божки, Лисянскіе, Кущинскіе. Изъ послѣдней фамиліи происходилъ старый благочинный протоіерей М. П. Кущинскій [1]), любимый прихожанами, глубоко убѣжденный христіанинъ, простой суровой жизни и высокой добродѣтели. За городкомъ мѣстность постепенно понижается до послѣдняго кута Прылипкы, лежащей въ самой вершинѣ треугольника. Съ этой стороны живутъ козаки: Онищенки, Фепы, Чепурки [2]). Если такимъ образомъ древній городъ былъ на горѣ, то Гоголь, рисуя въ отрывкѣ «Плѣнникъ» Лукомль XVI в. лѣпящимся на днѣ прорвы, ошибочно принялъ позднѣйшіе выселки у подошвы горы за древній городъ, а помѣстивъ въ концѣ его еще и монастырь, совсѣмъ разошелся какъ съ письменными, такъ и съ устными данными, умалчивающими о существованіи здѣсь монастыря. Эта же древнѣйшая часть Лукомья почти вся выгорѣла въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, какіе пожары, врѣзавшіеся въ народную память неизгладимыми чертами, а частью измѣнившіе видъ мѣстности, входятъ въ исторію Лукомья и должны быть поэтому упомянуты здѣсь.

Въ субботу 1-го августа 1881 года, въ полночь, Лукомскіе жители услышали набатъ. Кое-гдѣ въ окна хатъ мелькнулъ красноватый свѣтъ. Въ узкихъ улицахъ мѣстечка начиналось смятеніе: женщины причитали и выносили дѣтей, изъ одной хаты выводили слѣпца. Земля звенѣла отъ топота парней и дѣвокъ, бѣжавшихъ на пожаръ, вблизи котораго смятеніе разросталось: крики отчаянія евреекъ, бѣгавшихъ съ распущенными волосами въ рубашкахъ и юбкахъ среди безпорядочно наброшенныхъ ве-

---

[1]) Родился 1832 г. † 1889.

[2]) Изъ числа настоящихъ Лукомскихъ козачьихъ фамилій нѣкоторыя: Бахматы, Скрипки, Супряги, Черевки и Чепурки встрѣчаются еще въ XVII в. (Лазаревскій. Переписн. книги 1666 г., Кіевъ, 1900 г., 42).

щей, сливались съ рѣзкимъ голосомъ урядника, командовавшаго на пожарѣ. Горѣли два сарая, амбаръ, хлѣбъ и сѣно еврея Грунеса, и полъ неба казалось въ пламени. Но такъ какъ вѣтеръ тихо повѣвалъ на сосѣдній оврагъ и народа собралось довольно, то огонь скоро погасъ. Воскресный день прошелъ спокойно; настала безлунная ночь и съ нею мертвая тишина, прерываемая голосами, какъ будто выходившими изъ-подъ земли: то жители прятали имущество въ погреба. Въ понедѣльникъ на разсвѣтѣ загорѣлись постройки зажиточнаго еврея Шинкарева. Огонь зажегъ сосѣдніе дома, лавки, солому и быстро распространился по всей базарной площади, поддержанный спиртомъ и керосиномъ. Слѣва, отъ церкви вся улица покрылась дымомъ, между которымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ можно было различить красныя печи, похожія на работающія кузницы: то догорали постройки. Въ срединѣ улицы вился къ небу столбъ пламени широкій, колеблющійся. Справа отъ этого столба, вся улица клубилась сѣрыми, бѣлыми, черными, голубоватыми струями дыма. Клочья огня неслись по вѣтру и прихотливо зажигали отдаленныя постройки и стоги, минуя сосѣднія, окутанныя дымомъ. Остававшійся въ Лукомьи и предмѣстіяхъ народъ со всѣхъ сторонъ сбѣгался на пожаръ. Нечего было и думать выносить вещи, такъ какъ огонь жегъ нестерпимо, а дымъ застилалъ глаза; успѣли только выхватить нѣсколько дѣтей изъ домовъ да стянули съ повозки хозяина одной изъ горящихъ построекъ въ безсознательномъ состояніи. Притомъ не оказалось ни пожарныхъ трубъ, ни даже достаточно крючьевъ. Въ эти минуты, когда люди терялись, женщины плакали и причитали, съ горящей крыши вдругъ раздался крикъ: «Кидайте жидовъ въ огонь, это жиды палятъ!» Услышавъ крики, евреи начали разбѣгаться. Вслѣдъ имъ раздались отчаянные крики: «Жиды спалять Чирковку. Подилъ!» Возбужденному народу казалось, что предмѣстья уже горятъ и многіе побѣжали внизъ. А между тѣмъ широкій столбъ дыма далеко виднѣлся надъ Лукомьемъ, и тревожные, неумолкавшіе удары колокола призывали народъ съ поля, откуда онъ ѣхалъ и бѣжалъ такъ быстро, что матери забывали брать дѣтей. Только соединенными усиліями

сбѣжавшагося народа, полиціи и крестьянъ сосѣднихъ селъ, привезшихъ пожарныя трубы, удалось потушить огонь. Послѣ этого пожара Лукомье приняло необыкновенный видъ, напоминавшій далекія времена татарскихъ набѣговъ или похода польскихъ войскъ. Въ срединѣ мѣстечка дымились развалины, за нимъ на Роздолѣ около Сторожевой могилы таборомъ стали евреи съ остатками имущества, сложеннаго на возахъ и арбахъ. По всему мѣстечку, въ отдаленныхъ предмѣстіяхъ надъ рѣкой вездѣ лежало козачье и крестьянское добро: сундуки, мѣшки, рядна, вынесенные изъ хатъ. Возлѣ вещей играли дѣти. На берегу рѣки хозяйки варили обѣдъ. Отовсюду слышались: жалобы, совѣты забросить мѣстечко и выселиться на луга, за рѣку, подозрѣнія, правдивые и фантастическіе разсказы о погромѣ евреевъ въ Переяславѣ, о только что кончившихся еврейскихъ безпорядкахъ въ Лубнахъ, о появленіи подъ городомъ антихриста и о предстоящемъ концѣ міра отъ огня. Отдѣльные, небольшіе пожары, слѣдовавшіе за главнымъ, еще усиливали тревожное настроеніе жителей: такъ, въ среду въ центрѣ Лукомья вспыхнули, но тотчасъ потушены, постройки мѣщанина Трофименка, а въ воскресенье вновь загорѣлся сарай того же Трофименка на виду у многочисленнаго народа, принарядившагося къ обѣднѣ и стоявшаго на горѣ вокругъ церкви и погоста, не вмѣщавшихъ прихожанъ и окрестныхъ жителей. Всё видно было, какъ на ладони. На концѣ крыши горѣвшаго сарая красное пламя закружилось и стало описывать все болѣе и болѣе широкіе круги, одинъ изъ которыхъ зажегъ избу Трофименка. Бѣлые клубы дыма повалили внизъ. Подолъ съ своими постройками, деревьями, противоположный берегъ Сулы, Мойсеевка и далекій видъ на хорольскій уѣздъ—всё затянуло дымомъ, какъ бѣлой кисеей, отъ глазъ пораженнаго народа. Хлопья тростника летѣли даже за Сулу. Такъ кончились Лукомскіе пожары, произведенные, какъ оказалось, козачьей дѣвочкой, вѣроятно, въ состояніи душевнаго разстройства, а съ ними и тревожные дни, и мѣстечко зажило обычной жизнью.

За Прилицкой на низинѣ вниманіе прежде всего останавливается на паромѣ, переполненномъ въ воскресные базарные

дни, когда онъ то и дѣло медленно движется по Сулѣ. Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ люди; вотъ бѣжитъ запыхавшаяся баба, но паромъ отчаливаетъ подъ самымъ носомъ.—Дурный! —кричитъ она паромщику.—Дурный пойихавъ, а розумна осталась, невозмутимо отвѣчаетъ послѣдній.

Прежде въ Лукомлѣ была плотина на протяженіи двухъ верстъ. Въ 1597 г. по ней прошелъ Жолкѣвскій съ войскомъ навстрѣчу Наливайкѣ [1]). И теперь еще на Подолѣ «будто гребля знать, и пали йе, и рика зветься Мостова». Но плотина эта была настолько неудобна, что жители предпочитали ѣзду дубами и лодками. Въ 1746 г. сдѣланъ былъ на общій счетъ паромъ, перевозившій жителей безплатно, но перевозомъ завладѣлъ помѣщикъ сосѣдней Мойсеевки Антонъ Крыжановскій и установилъ платежъ: съ пѣшаго по копѣйкѣ, съ коня по двѣ, съ пустыхъ возовъ 5, съ нагруженныхъ 10—20 коп. Лукомцы жаловались въ коллегію, которая и предоставила имъ имѣть свой перевозъ на Сулѣ; тогда сынъ Крыжановскаго приказалъ сломать общественный паромъ, но право лукомцевъ возстановлено было Лубенскимъ городскимъ судомъ [2]). Въ началѣ XIX в. общественнаго перевоза все же не было, а существовалъ лишь владѣльческій—Башилова; только въ срединѣ столѣтія церковный староста Божко выхлопоталъ вновь разрѣшеніе открыть перевозъ въ пользу церкви «шо въ церкви не було сумы», послѣ чего Башиловъ уничтожилъ свой паромъ, а лукомцы, купивъ сосны въ Кременчугѣ, устроили плотъ, опредѣливъ плату за перевозъ: 5 коп. съ конскаго, 10 к. съ воловаго воза, а если съ тяжестью—по 20 к., съ пѣшаго—копѣйку, но вскорѣ понизили плату до 3—5 коп. съ подводы. Когда же въ полую воду паромъ, отчаливая къ сѣверу отъ Прилипки на Подолѣ, долженъ пересѣчь всю долину Сулы и причалить у Малой Мойсеевки, то плата за переѣздъ увеличивается до 50 коп —2 рубля за разъ. Двѣ части выручки идутъ на церковь, а третья поступаетъ паромщику. Съ парома общій видъ Лукомья

---

[1]) Костомаровъ. Борьба козак. съ Польш. 228.

[2]) Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 119—121.

напоминаетъ Лубны: такія же блѣдно-желтыя нависшія горы, также церковь и постройки посреди и рощица влѣво у Прилѣпки. Сѣверное предмѣстье Лукомья, упомянутый Пололъ [1]), заселенъ козаками: Божками, Загнойками, Норами, перешедшими изъ хорольскаго уѣзда, Оникіенками (Гелюсами), Пушкарями, Рѣзниками, предокъ котораго присталъ къ дѣвицѣ изъ вымершаго рода Кобъ, и Скрипками. Къ нему отъ мѣстечка расположены на отдѣльныхъ холмахъ: Лука, нѣкогда сѣнокосъ, а теперь: жилье— Воликовъ, Даценковъ, Жадановъ, Ризниковъ по уличному Жуковъ, Сайковъ и Сененковъ, и Млынянка, на которой живутъ: Быдьки, Гробы и Личманы. Нѣкогда здѣсь была плотина и «ставыдла», также восемь водяныхъ мельницъ: Башилова, Кодинца и др., и трибокъ, на которомъ валили сукна. Только половина Млынянки принадлежитъ Лукомскому приходу, а другая половина къ сосѣдней Чирковкѣ.

Сельцо Чирковка, отдѣляясь отъ Млынянки широкой улицей, занимаетъ холмъ и подгорье. За купами большихъ деревъ почти не видно построекъ. Основаніе Чирковки положено Чиркой

---

[1]) Въ Лукомской дачѣ есть слѣдующія урочища: могила на бугрѣ Колодня, гдѣ по преданію было городище: «Тамъ було село и церква, або городъ. И сказано: щобъ ты запавсь! И війшовъ винъ у землю. Було якъ выгонять на пасьбу у Благовищення, то прыслухаются будто тамъ народъ гука. Скилькн тамъ годъ воно було у земли. Пасъ вивчаръ вивци, дойшовъ у те мисто, лежыть шнурокъ, винъ узявъ за той шнурокъ и тягне и вытягъ хрестъ изъ церквы. Ось другый гука: «Що ты тамъ робышъ, завертай вивци!» А винъ и налаявъ. Воно взяло, шнурокъ одирвавсь и церква задзвенила въ землю» (отъ Е. Норъ). Въ Колодной есть и выселокъ изъ Лукомья, состоящій изъ Недбайлъ и Сайкивъ. Недалеко Костолесова: «Лёхъ у ій вырытый и якъ сходыть сонце—якъ разъ у двери»; Барабашеви могылы, Кобеляки, Дубова долына, Лизки, а по Сулѣ:—Фылево, названное такъ по быстротѣ теченія. Здѣсь нѣкогда была мельница Божка, спущенная оттого, что убавилось воды, Остривъ, «де пали, тамъ була вынныця Башылова». Еще есть Манилово, Романово, части рѣки и выгонъ Оглянка у Млынянки.

такимъ образомъ: «винъ поставывъ поганеньку хату». Съ краю села отъ Млынянки поселился на кутѣ Колесныкивкѣ, доходящемъ до Сулы, многочисленный зажиточный родъ Колесниковъ, предокъ которыхъ былъ мастеромъ, за нимъ живутъ крестьяне Захарченки, предокъ которыхъ «у скупи годы пидийшовъ пидъ панивъ». Далѣе идетъ средній кутокъ, состоящій изъ Фепичивки, занятой: Диденками, Загнойками, Карпенками, Кравцами, зашедшими изъ Вязовка, и Миронивки—жилища древняго рода Миронцевъ, также изъ особыхъ отдѣловъ: Коношокъ на подгорьи, гдѣ живутъ Руди, и Сененокъ—въ балкѣ. На подгорьи былъ древній подземный ходъ, какъ и въ Лукомьѣ: «Улазылы у провалля пидъ горою и бувъ склепъ зъ цеглы и холодный духъ видтиля ишовъ, темно, острахъ возьме[1]). Соединеніе всѣхъ кутовъ, кромѣ Колесниковки, называется собственно Чирковкой[1]). На Колесниковкѣ стоитъ вся въ зелени небольшая Троицкая церковь, основанная въ 1747 году иждивеніемъ прихожанъ. Прежде она была мала и баня помѣщалась надъ алтаремъ, потомъ мѣстнымъ помѣщикомъ Короновскимъ[2]) баня перенесена на средину церкви и въ послѣдней прорѣзаны притворы. Колокольня построена въ 1807 г., а въ 1833 г. перестроена и самая церковь[3]). Изъ иконъ выдѣляется только небольшое изображеніе Божьей Матери, необыкновеннаго типа: ликъ темный, худой, истощенный, выражающій скорѣй недугъ, чѣмъ душевное страданіе, выраженіе глазъ печальное. Внизу иконы, помѣщенной въ кіотѣ, стоявшемъ прежде

---

[1]) Въ Чирковкѣ встрѣчаются еще слѣдующія фамиліи: Босенки, Деревянки, Головки, Кацкіе, Квитницкіе, Линники, Стилики, Сукачи и Хорошки; и особые выселки: Семененковъ 9 и Миронцивъ—5 хатъ. Къ ней же прилегаетъ лугъ Займа, нѣкогда выпрошенный у жителей помѣщикомъ Галецкимъ для пастьбы телятъ.

[2]) Предокъ ихъ по церковнымъ даннымъ былъ Горошинскій намѣстникъ протоіерей Ѳедоръ Коруновскій (1772 г.). В. П. Короновскій былъ послѣднимъ окружнымъ начальникомъ лубенскаго уѣзда и составилъ статистическое описаніе послѣдняго наканунѣ преобразованій.

[3]) Грановскій. Полт. епарх. 401.

въ алтарѣ, стоитъ небольшой серебряный ларчикъ (ковчежецъ) въ формѣ гробницы съ неизвѣстными мощами, вывезенными изъ Турціи майоромъ Короновскимъ [1]).

Лукомль при Вишневецкихъ насчитывалъ уже 100 дворовъ и 524 хозяина [2]), а въ настоящее время въ Лукомскомъ приходѣ 2252 души, въ томъ числѣ 1538 въ одномъ мѣстечкѣ, да въ Чирковскомъ приходѣ—1424 души [3]). Нельзя сказать ничего точнаго о происхожденіи этого населенія; по историческимъ даннымъ извѣстно только, что въ Лукомль бѣжали люди изъ Мининокъ, Триполья, Мизнякова Брацлавскаго и изъ Жеребятина на Карани [4]). Во всякомъ случаѣ въ лубенскомъ уѣздѣ только въ Лукомьѣ [5]) да еще развѣ въ Александровкѣ на Слѣпородѣ, всматриваясь въ типы жителей, можно замѣтить примѣсь подольскаго элемента къ основному населенію. Лукомцы средняго роста, хорошо сложены, темнорусы; у женщинъ встрѣчаются глаза «цвѣта морской волны» и русые волосы, тоненькіе съ горбинкой носы и продолговатыя лица. Онѣ легко сложены, стройны и кокетливы.

---

[1]) Среди книгъ есть евангеліе съ надписью: «Евангеліе сіе дано на церковъ Лукомскую Троицкую Н. И Кулябкою, господиномъ поручикомъ 1787», и другое:—«Сіе евангеліе коштомъ Романа Перепечая и пана писаря Хорольского Григорія Бороховича и жены его Евдокіи Ивановны справлено 1762 г.» Въ церкви также сохраняются два креста, «справленные коштомъ»: Романа Перепечая въ 1759 г. и Филиппа и Евдокіи Фепъ въ 1791.

[2]) П. Бодянскій. Памятная книжка Полт. губ. за 1865 г., 12 и 13, П. Кулишъ: 1) Исторія возсоед. Руси. I, 26—26 и 2) Борьба шляхты съ козак. въ Библіот. для чтенія 1865 г. IX, 5, 7, Лазаревскій. Лубенщ и Вишнев. Кіев. Стар. 1896 г., 1, 228.

[3]) Къ приходу принадлежатъ: хутора Гробовка и Чернетъ.

[4]) Лѣвоб. Украина въ XV—XVII в. въ Кіевск. Стар. 1896 г., IV, 99, 100.

[5]) Возможно, что и Кущинскіе происходятъ изъ Кущинецъ, гайсинскаго уѣзда, о нихъ упоминается въ ст. профессора В. Б. Антоновича: «Нѣск. данныхъ о землевлад.» въ «Кіевск. Старинѣ», 1896 г., IX, 15.

Въ самомъ Лукомьѣ онѣ напоминаютъ, впрочемъ, по буднямъ городскихъ чумичекъ: босыя, накрытыя платками, въ грязныхъ, заношенныхъ кофтахъ и исподницахъ; но за то по праздникамъ на мѣстныхъ дѣвицахъ и женщинахъ появляются: банты и острыя головныя повязки, много бусъ, короткіе корсеты со множествомъ сборовъ, длинныя исподницы, чулки, башмаки или ботинки. У мужчинъ преобладаютъ сѣрыя свитки и, конечно, пиджаки.

Въ старину изъ массы Лукомскаго населенія выдѣлялось лишь нѣсколько самостоятельныхъ семей: Бублики, Клеменки, Онищенки и Рѣзники. Разбогатѣли они какъ хозяйственными предпріятіями, такъ и скупкой земель въ голодные годы, когда мѣстные жители смѣшивали съ мукой и мякинами посѣченную дубовую кору и почки (бруньки)[1]; «тоди нажывалы за коробку борошна десятыну». Старый Бубликъ, Харланъ, привезъ однажды возъ рыбы, потомъ два, и разжился, женившись на Божковой, у отца которой была водяная мельница. Его сыну Петру съ братьями досталось 88 десятинъ. У нихъ былъ свой плугъ и пасика: пней 60 оставляли на зиму. И другіе богатыри: Клеменки, Кириленки имѣли плуги и по 30—40 пней старнику. Большинство жителей Лукомья несостоятельныхъ, много пѣшихъ козаковъ. Чирковка гораздо богаче, но и тамъ треть безземельныхъ. Изъ чирковскихъ богатырей извѣстны были: Василій Колесникъ, имѣвшій 80 дес. и около 15 лошадей, Семенъ Рудь,—обладатель 50 десят. и значительныхъ денегъ, онъ посылалъ въ дорогу двѣ пары. Его дѣти удвоили батьковщину. И Кравци имѣли до 80 дес. Одинъ изъ нихъ, Василій, былъ лукомскимъ волостнымъ головой. Миронцы имѣли заводъ въ 40 кобылъ. Прежде была маленькая запашка, такъ какъ пудъ пшеницы, напримѣръ, стоилъ 10 коп. Вспоминаютъ о слѣдующихъ отношеніяхъ хозяина и съемщиковъ: первый получалъ 7-ю, затѣмъ 3-ю копу урожая, жнецъ имѣлъ традиціонный 3-й снопъ, теперь онъ получаетъ 5—6 снопъ и дол-

---

[1]) Вѣроятно эти народныя воспоминанія относятся къ 1742 г., когда люди «живилися листемъ, корою, порохнею, лободою, жолудемъ и бронками». Лѣтоп., издан. Бѣлозерскимъ. Кіевъ 1856 г., 1, 152.

женъ отработать 2 дня. Прежде хозяину приходилась 3-я копица сѣна, затѣмъ половина, а теперь уже съемщику 4—7 копица. Скотъ легко было содержать при черезполосицѣ, когда толока простиралась на 8 верстъ вокругъ Лукомья. За скотину платили тогда $1^1/_2$—3 коп., а теперь за пастьбу лошади только съ 9 мая по 29 іюня платятъ 3 руб., а за лѣтній выпасъ коровы—10 руб. Большимъ подспорьемъ жителямъ является рыболовство, которымъ славился Лукомль еще при Вишневецкихъ [1]). До размежеванія ловля производилась по всѣмъ «Суламъ», т. е. по главному руслу, по рукавамъ и протокамъ безпрепятственно, потомъ каждому нарѣзана часть рѣчки и общая ловля запрещена. Ловятся: караси, лини, щуки и сомы. Пудъ рыбы, стоившій нѣкогда 1 руб., дошелъ въ настоящее время до 4-хъ руб., и до 15 коп. за фунтъ. Такое вздорожаніе рыбы уменьшило вывозъ ея въ другіе уѣзды.

За Лукомскимъ Роздоломъ къ западу по нижнему теченію потока Иржавца раскинулись хутора: Низшій, Высшій Иржавцы и Каленивщина, иначе Дмитровка или Барвинщина, нѣкогда принадлежавшіе Кодинцамъ. Ближайшій къ Лукомью Низшій Иржавецъ построенъ вокругъ большого выгона. Крестьянскія усадьбы почти закрыты разросшимися вербами, тополями и берестами. Обиліе зелени придаетъ хутору свѣжій, оживленный видъ. На противоположномъ западномъ краѣ хутора возлѣ горы мутный ручей нѣсколько расширенъ и черезъ него перекинутъ мостъ. Хуторъ основанъ Мартиномъ Кодинцомъ, прежде служившимъ при лубенскомъ полковникѣ Андреѣ Маркевичѣ [2]), впослѣдствіи въ 1727 и 1728 г.г. занимавшимъ урядъ лукомскаго сотника. Кодинцы производятъ свою фамилію различно: или отъ мѣстечка Кодни, откуда былъ родомъ предокъ, или отъ неправильнаго прибавленія буквы *к* къ первоначальному родовому прозвищу Одинецъ (одинокій поселенецъ) въ одной изъ бумагъ. Способъ прі-

---

[1]) Лазаревскій. Лубенщ. и Вишнев. Кіев. Стар. 1896 г., 1, 228.

[2]) Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 55.

обрѣтенія Кодинцами Иржавца [1]) неизвѣстенъ, но изъ-за него начались споры съ Маркевичемъ, и Мартинъ съ сыномъ Лавриномъ, впослѣдствіи наказнымъ лукомскимъ сотникомъ, были задержаны въ Глуховѣ по жалобѣ Маркевича [2]). Затѣмъ извѣстна покупка городисскимъ сотникомъ Иваномъ Кодинцомъ у козака Пушкаренка левады съ садомъ, лукп на 100 копенъ сѣна и 15 дней поля къ своему хутору Ржавцу за 15 рублей и лошадь, цѣной въ 35 руб. [3]). О сынѣ Ивана, войсковомъ товарищѣ Алексѣѣ, вспоминаютъ лишь по поводу споровъ его съ Башиловымъ за рыбныя ловли на Сулѣ, соединенныхъ съ вооруженными столкновеніями крестьянъ обоихъ помѣщиковъ; о сынѣ же послѣдняго, Захаріи Алексѣевичѣ, сохранились болѣе полныя воспоминанія. У него было большое хозяйство: винокурня, двѣ водяныхъ мельницы и земляная (топчакъ), тѣмъ пе менѣе хлѣбопашество не было значительнымъ: всего лишь два четырехпарныхъ плуга, зато развелось значительное скотоводство: до 50 рыжихъ и гнѣдыхъ кобылъ и стадо коровъ съ быкомъ сѣрой украинской масти. Была и пасика въ 500 пней. Крестьяне, какъ и вездѣ при крѣпостномъ правѣ, не имѣли своихъ лошадей, а только около десятка коровъ, ходившихъ въ панскомъ стадѣ на панской толокѣ. Тяглымъ крестьянамъ предоставлялось по два дня поля озимыхъ и яровыхъ посѣвовъ и по 1 дню для проса и гречихи. Пѣшіе зарабатывали 3-й снопъ, имъ разрѣшались и посторонніе заработки у сосѣднихъ козаковъ. Но съ Захарія Алексѣевича началось и паденіе Кодинцовскаго благосостоянія. Онъ сталъ запивать. «Якъ погоныть винъ скотъ, або коней у ярмарокъ, продасть и гуля зъ Свичкою и Косинскимъ. Вернется до-дому, побье въ себе викна и шо тильки йе, и диты по хутору ходять. Бувало

---

[1]) По мѣстнымъ даннымъ Кодинцамъ принадлежали еще земли при Юсковцахъ (хутора Косинскаго и Асауленка), Пулинцахъ, Александровкѣ и Мацковцахъ.

[2]) Дневн. генер. подскарб. Я. Маркевича въ Кіев. Стар. 1894 г., VI, 242 и IX, 322.

[3]) Лазаревскій Ист. очер. Полт. Луб. 127.

прыйде у ричку мыться, набере грошей и кыда у воду. Разъ ударывъ Бублыкивну шутя батогомъ, а на другый день пославъ ій грошей, а другый разъ пошуткувавъ зъ бабы,—скынувъ очипокъ и вона сказала: «Будешъ ты довго шуткувать, згадаешъ мене!» Другой причиной упадка благосостоянія была многосемейность [1]). Кредиторы соглашались ждать уплаты многочисленныхъ долговъ, но по несогласію наслѣдниковъ принуждены были подать ко взысканію. Послѣднимъ владѣльцемъ небольшого уже имѣнія при Лукомьи былъ кирасирскій штабъ-ротмистръ Антонъ Захарьевичъ Кодинецъ, высокаго роста, полный, хорошій хозяинъ. Онъ резюмировалъ происшедшую 19 февраля 1861 г., перемѣну, обратясь послѣ чтенія манифеста къ стоявшему вблизи козаку со словами: «Теперь вы—мы, а мы—вы». Его сыновья продали и послѣдніе остатки батьковщины въ Лукомьи, а Низшій Иржавецъ купленъ Барановскими, владѣвшими сосѣднимъ хуторкомъ Чернеть [1]). «Якъ волю объявлено, то Барановська зибрала людей, покаялась и хотила дешево оддать людямъ землю и винокурню. Якъ бы було люде послухалы, якъ макъ цвилы бъ», а теперь горюютъ.

За Иржавцемъ начинается высокая степь, къ востоку ограниченная горной террасой Сулы, обрывисто спускающейся въ глубокую низину, пересѣченную извивами и рукавами рѣки, озерами и озерцами, чередующимися съ лугами, группами деревъ, торфяниками и солонцами—до голубыхъ далей Хорольскаго берега [3]). Одинъ изъ обрывовъ расчищенъ и, какъ единственный

---

[1]) Одинъ изъ сыновей—Иванъ, женатый на Родзянкиной, выселенъ былъ на гору, и такимъ образомъ основанъ х. Высшій Иржавецъ. Крестьяне этого хутора, а также Низшаго Иржавца и Барвинщины, доставшейся Хильчевскимъ, а отъ нихъ въ приданное Н. К. Барвинскому, носятъ слѣдующія фамиліи: Брижахи, Винниченки, Гуки, Гусаки, Джулаи, Кодиненки, Криворучки, Лысенки, Нелины, Орды, Притулы, Спивенки, Сторчаки, Шамраи, Шингиреи и Шкарупы.

[2]) Чернетъ населенъ: Гончаренками, Кущенками, Пучичами, Рѣзниками и др., всего 80 душъ.

[3]) Матер. для оцѣн. зем. полт. губ. III. Хорольск. у. С.-Петерб. 1898 г., 32.

спускъ съ горъ въ эту часть долины, называется Звизъ. У Звиза подъ горой лѣпятся разбросанныя, зажиточныя усадьбы хутора Гатокъ, основаннаго малоселецкими козаками: Мазняками и Федоренками. За Гатками раскрывается круглый, широкій выгонъ Диброва [1]), прежде принадлежавшій одному малоселецкому обществу, а по утратѣ документовъ ставшій общимъ для обоихъ селъ Малой и Великой Селецкой. Диброва песчана, сбита скотомъ, обожжена солнцемъ и пестрѣетъ бѣлыми стадами гусей и темными овечьими ватагами. Вдоль южной окраины выгона протянулся линіей хуторъ Шіяновъ, основанный великоселецкимъ козакомъ Семеномъ Шіяномъ, а къ востоку у самой Малой Селецкой мѣстные хутора: Мазняки, Демиденкивъ и Гаврыкивъ, козаковъ Мазняковъ и Федоренковъ. На всѣхъ этихъ хуторахъ, окружающихъ Диброву, отпечатлѣвается зажиточность,—у каждаго свой витрякъ. За хуторами надъ рѣкой видна линія села. Начало Малой Селецкой, въ XVII в. называвшейся также Дубровкой [2]), положено было въ мѣстѣ расширенія Сулы, у такъ называемаго пруда. Отсюда часть рѣчки къ сѣверу принадлежитъ козакамъ и называется Козача, южная же часть, принадлежащая бывшимъ крестьянамъ Мгарскаго монастыря, называется Ченською, Черненченською. У пруда расположенъ Федоренкивъ кутокъ и на немъ вблизи рѣки, какъ въ Мацковцахъ, стоитъ въ зелени Успенская церковца, темная и такая маленькая, что въ алтарѣ только и можетъ пройти священникъ. Судя по колоколамъ 1644 и 1679 годовъ приходъ существовалъ уже въ половинѣ XVII в. Въ 1784 году церковь перестроена за ветхостью [3]). На Федоренковомъ кутѣ живутъ древнѣйшія мѣстныя козачьи фамиліи: Кривохижи, Мазняки [4]), Федоренки и казенные крестьяне Щербины. На слѣдующемъ южномъ

---

[1]) Въ 466 десятинъ. Сб. хоз. стат. IV. Луб. у. 239.

[2]) А. Лазаревскій. Малор. перепис. книги 43.

[3]) А. Грановскій. Полт. епар. 401.

[4]) Не есть ли эта фамилія искаженное названіе мѣстности Мизякова Брацлавскаго, откуда бѣжали сюда жители? (См. «Лѣвоб. Укр.» Кіев. Стар. 1896 г., IV, 99—100).

Таровиковомъ кутѣ живутъ козачьи роды Таровиковъ и Плахутъ [1]). Всѣхъ жителей 1092, они вышесредняго роста, темнорусые. Въ старину всѣ хозяева перечисленныхъ фамилій имѣли по четырехпарному плугу, у Федоренковъ и Кривохижъ были табуны, у Дмитра Кривохижи—въ 50 матокъ. Съемщики взносили хозяину 10-ю, потомъ 3-ю копну урожая; потомъ земля нанималась по 1 руб. за десятину; пѣшіе получали 3-й снопъ, теперь они получаютъ 5—6-й снопъ и платятъ еще по 3 руб. съ десятины; наемъ десятины на деньги доходитъ до 12—15 руб. Поддерживаютъ населеніе какъ выгонъ Диброва, дающій возможность содержать скотъ и птицу, такъ и рѣка, обильная рыбой. Въ рѣкѣ ловятся: караси, лини, вязи и щуки разными способами: прежде устраивали забои, въ которые входила рыба, на мелкихъ мѣстахъ изъ плетней (йизы), а на глубинѣ изъ расколотыхъ досокъ (трости). Случались уловы до 100 пудовъ въ разъ, да и потомъ еще «вычалювалы» пудовъ по 20. Однажды завалили весь ближайшій токъ рыбой; въ другой разъ засвѣтили свѣчку, «щука росполоскала лидъ, опарювала и пидходыла; іи за головку бралы и выкыдалы на лидъ». Цѣны на рыбу устанавливаются Лукомскимъ рынкомъ. Раки уничтожились съ 1888 года [2]).

---

[1]) Изъ древнихъ фамилій, упоминаемыхъ въ Переп. кн. 1666 г. (стр. 43), сохранились лишь Цупы. Вокругъ села: Могилы Бжоляни, Гостра, Жилина, и урочища: Кривуля, Крыжанове, Млынови Джерела, гдѣ была мельница Кривохижъ. Иржавецъ впадаетъ въ Сулу за селомъ.

[2]) Названіе мѣстной снасти: невидъ, у него крылья и матня, вентиръ или вятирь, хохля, которою гонятъ рыбу. Въ лубенскомъ у. записаны слѣдующіе примѣты и поговорки, касающіеся рыболовства: Якъ на Благовищання птыця грае, то буде ловыться рыба, а якъ сыдыть тыхо—не буде. Якъ мисяць миняется, тоди рыба не ловытся. На молодыку рыба не ловытся. Передъ дощемъ ни рыба, ни ракы не ловлятся. Якъ иты по рыбу, та стринется таке, шо не йисть рыбы, то ничого не вловытся. Прыказують: Господы помогай, а ты чорте, не гуляй, та рыбу мени заганяй! Прыказкы: Заказала сорока, шобъ не бачылы рыбьячого ока; заказавъ макогинъ, шобъ тикала рыба за сто гинъ.

Около Малой Селецкой за ручьемъ Загаткой размѣстилась Великая Селецкая по топкой долинѣ и на подгорьи. На верху горы разсѣяны мельницы и могилы. О послѣднихъ мѣстные жители разсказываютъ: «На гори йе Шляхова могыла и Федорчыха, Шапранка, Пикулыха, Стороживня. Булы забигы. Сторожъ стоить на Шляховій могыли надъ шляхомъ, другый на Федорчыси, третій на Шапранци, четвертый на Пикулыси, пьятый на Стороживни и шостый на дзвиныци. Якъ бижять забигы одъ Пирятына,—сторожъ на Шляховій похылывъ виху на село, сида на коня и самъ бижыть скилькы заскоче у село, на Шапранци и соби виху похылыть сторожъ, бижыть, на Пикулыси, на Сторожовій похылылы—бижять, а дзвонарь дзвоныть, люде сбигаются у село, стари и дробына[2]): жинкы, дивкы, диты у церкву, а чоловикы стоять зъ позасмалюваными килкамы кругомъ ограды. Непріятели прибижять и якъ подужають, то выбьють дробыну, позабирають худобу, наберуть хлиба и пойидуть. Наши якъ подужають, выбьють йихъ и коней заберуть». Изобиліе могилъ надъ Селецкой навело покойнаго А. М. Лазаревскаго на предположеніе[3]), что она поселена на мѣстѣ древняго городища или селища. Отъ послѣдняго слова, вѣроятно, происходитъ и самое названіе села, такъ какъ всякія другія объясненія произвольны. Предполагаютъ, напримѣръ, что Селецкіе болота были мѣстомъ ссылки провинившихся козаковъ: ихъ здѣсь селили, откуда и названіе. По преданію сосѣднихъ Онушекъ раненый запорожецъ Романъ Селекъ поселился на болотѣ Романчикѣ и завелъ тамъ селище, а его два сына основали Великую и Малую Селецкія. Есть и еще одно объясненіе, по которому Селецька—сокращенное Васылецька. «Якъ стало село заводыться, то ждалы, що вылупытся найпоперидъ, то такъ и село назвать, якъ ту дытыну; вылупывсь тутъ хлопець Васыль,

---

[1]) Слово *дробына*, мелочь, употребляется въ лубенскомъ уѣздѣ въ трояком значеніи: 1) домашней птицы, какъ и вездѣ (напр. въ Сбор. сказ. Манжуры въ Сбор. Харьк. Истор. Фил. Общ. II, 179), 2) мелкихъ пресмыкающихся: жабъ, змѣй, червей и 3) женщинъ и дѣтей.

[2]) Въ Ист. очер. Полт. Лубенщ. 126, 127.

а въ Малій—меньшый хлопець и назвалы се Велыка, а то Мала Селецька, а въ Онишкахъ вылупывсь Онишко». На самомъ дѣлѣ: «Селецька заводылась зъ Кирпанивъ. Загатка первый кутъ и церква попередъ була на Загатци. Тутъ и кулачылысь на Риздво, ганялы малоселечанъ. Колона ихъ и наша: диты, потимъ парубкы, потимъ чоловикы прыступають лава на лаву и крычять: «стуй, стуй!»—и тоди пишлы. Кого подужають, ти куповалы пиввидра. Сыдячого не былы». Отъ Загатки[1]) до горы и царины тянется кутъ, называемый Зацаринный, на которомъ живутъ: Шіяны, Черкаскіе[2]), Куци, Вечирки и Баи. Въ концѣ кута куринь и застава (коворотъ), или царина, отдѣляющая село отъ полей. Въ куринѣ сидитъ дидъ, обязанный отгонять скотъ отъ полей и затворять ворота, за что онъ получаетъ по три снопа съ каждаго хозяина, везущаго хлѣбъ съ поля, также по три горсти рыжію и конопли и по коробкѣ картофеля. У горы помѣстился особый кутокъ—Пидгирья, жилье: Клепанивъ, Кирпанивъ, Костюкивъ и Прихидёкъ, къ югу—Годунивщына, гдѣ живутъ: Годуны, Недолужки и Ярмоши; далѣе у рѣчки Пристань,—жилье: Бакуновъ, Пушкарей, Тараненковъ, Тоцкихъ и Чубарей. Село прорѣзано изъ конца въ конецъ Середнимъ куткомъ, доходящимъ до озера Масляного и рѣчки Пекла, занятымъ: Клеменками, Сидоренками, Степаненками, Стовбунами и Тимчаями. На среднемъ кутѣ у топкой низины стоитъ церковь св. Николая, по счету прихожанъ уже четвертая[3]). Она полузакрыта деревьями

---

[1]) «На Загатци чоловикъ Бланъ утопывся у ями, прозвалы іи Бланивська яма»—быть можетъ потомокъ Булана, упоминаемаго въ переписн. кн. 1666 г. (43)?

[2]) У бабки Черкащенка сотникъ Ив. Пиковецъ отнялъ 12 дней поля за 2 руб., «напитые» ею въ шинкѣ, а у Зѣнца Пушкаренка вымѣнялъ поля 6 дней и сѣнокосъ на лошадь. (Лазаревскій. Ист. очер. Полт. Луб. 126, 127).

[3]) Церковь существовала уже съ 1749 г., чтó видно изъ купленныхъ тогда тріодей. Въ церкви хранится крестъ съ надписью: «Сей крестъ сооруженъ Семеномъ Войтовичомъ за отпущеніе грѣховъ своихъ».

погоста, такъ что виденъ только шарообразный куполъ. Колокольня остроконечная. Къ церкви ведетъ деревянный помостъ. Первыми священниками были: Гавріилъ Оникіенко и Иванъ Маіоровичъ, изъ мѣстныхъ козаковъ, и Семенъ Кучеревскій, изъ крестьянъ с. Мгаря. Его посылали вмѣстѣ съ другими послушниками на работы въ монастырскія мельницы въ урочищѣ «Красномъ» [1]). Всего жителей 2000. Село зажиточное, богатырями признаются: Вакуленки, Дворяненки, Куци и Симоненки, по уличному Титенки, пришедшіе изъ Зарога. Въ старину болѣе зажиточные хозяева имѣли по 4 пары воловъ, менѣе зажиточные по парѣ, но хлѣбопашество было настолько незначительно, что за полверсты отъ села были уже облоги. Прежде половинщикъ обязанъ былъ лишь вспахать половину участка, а посѣвъ и уборка производились хозяиномъ; изъ сѣна хозяину приходилась третья копица. За то легкій выпасъ содѣйствовалъ развитію скотоводства. Подводъ 20 ходило въ дорогу. У всѣхъ были коровы, да гулевого скота 10—20 головъ, не говоря уже объ овцахъ. У Клеменкивъ, Степаненкивъ и Ярмошей были косяки, у послѣднихъ до 30 матокъ «такихъ, шо до двадцяты годъ и въ рукахъ не булы, грыва тягалась по земли» [2]). Цѣны на домашнихъ животныхъ стояли тогда такія: пара воловъ стоила 10 руб., корова—5, лошадь—5—10, овца—45—60 коп. и валахъ—15. Содержаніе въ общинной чередѣ обходилось 3 коп. и гарнецъ муки, 2 коп. отъ овцы и десятое руно. Теперь черидъ нѣтъ. Пасики не были значительны, не свыше 25—30 пней. Рыболовство развито въъ Великой Селецкой, какъ и въ окрестностяхъ. Здѣсь также ловятся: карась,

---

[1]) Теперь Красный одичалъ: «У Краснимъ вовка захопыла весна и винъ попливъ за чоловикомъ, тильки шо не вхопыть за весло и переплывъ на той бикъ». Возлѣ села въ Стѣнкахъ «выкопано: грошыну, срибный перстень и цурпалокъ золота—закрывылося».

[2]) Такъ какъ по Боплану (Описаніе Украйны, 44) долгогривыми были татарскіе кони, то возможно, что мѣстная порода лошадей поведена отъ татарскихъ жеребцовъ, отбитыхъ во время одного изъ тѣхъ набѣговъ, о которыхъ приведены выше народныя преданія.

линь, вязь, щука, сомъ и плотва (плитки). Ловятся неводами, ятерями (комлачами), соединенными ятерями (паровиками), ятерями съ крыльями (крылачами). Способы ловли различны, смотря по времени года: весной плетнями, какъ и въ Малой Селецкой, лѣтомъ же устраиваютъ каналъ (джерело) между озеромъ и рѣкой и отъ рѣчки дѣлаютъ перебой изъ очерета или лозы (кить), а въ канавѣ передъ озеромъ другую кить съ широкимъ входомъ изъ раздвижныхъ лозинокъ и узкимъ выходомъ изъ сошедшихся послѣ прохода рыбы лозинокъ. Вошедшая въ средину забоевъ рыба назадъ уже не выйдетъ. Зимою ставятъ ятеря и верши, въ которыя гонятъ рыбу, стѣсненную въ канавахъ. «Разъ бувъ ныровый витеръ и рыба пишла у ятирь и натрушено 37 пудивъ на 75 рубливъ; ставъ потимъ витеръ верховый и вона пройшла». Лучшіе уловы на Рождество, но теперь меньше рыбы и она мельче.

Великая Селецкая—чисто козачье село: крестьянъ почти нѣтъ; однако при крѣпостномъ правѣ крѣпостными совершено было преступленіе, о которомъ передаютъ слѣдующее: «Загреба бувъ начальныкомъ и закатувавъ крестянъ до смерти. Крестяны Басъ и Кочура прохалы кучера Загребы, шобъ не одчипавъ дзвинка якъ йиде зъ Загребою, а сами засидалы у Кумовій долыни. А кучеръ одчипавъ у Иржавци. Разъ визъ Максымъ Тараненко (Чубарь) на обывательскихъ. Дойихалы до Кумовои долыны, колы одынъ зъ тихъ крестянъ прыпынывъ кони за поводы, а другый кійкомъ у плечи Загребу, а третій кійкомъ пидводчыка. Былы, былы, такъ не вбьють—и переризалы горло. Ихъ бывъ катъ такъ, шо тило высило, потимъ товклы у лобъ и порохомъ натыралы» [1]).

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) При Великой Селецкой есть нѣсколько хуторковъ: Баевъ, Ивахненковъ и Маіеровичей, населенныхъ козаками: Баями, Ку[illegible]ями, Малушками и Маіеровичами, изъ которыхъ одинъ былъ священникомъ.

Дрибни нарысы зъ жыття простого люду.

I.

Курій.

Спасивка. Спека страшенна. На току въ Омелька Канчука розислана на ряднахъ мыта пшеныця; іи «калавурыть» хлопья рокивъ десяты. «Калавурщыкъ» лежыть на жывоти, меле ногамы и муготыть соби пидъ нисъ, выстукуючы въ тактъ довгою хвойдыною:

«Зисталося два,
Та й ти пивтора».

Здоровенный табунъ горобцивъ сыдыть недалеко на кущи бузыны и терпляче чекае, покы хлопець закгавытся, щобъ хмарою вкрыты рядна. Инколы якый-небудь «жыдюга» (такъ дражнывъ вартовый горобцивъ) зрывався зъ куща, сидавъ на розчатый стижокъ и, вхопывшы килька зернынъ, тикавъ мерщій назадъ. На цили стогы горобци не одважувалысь сидаты, бо на йидному бувъ вывишаный вбытый шулякъ, а зъ другого стога наганяла острахъ коса. Коса тылипалася на мотузку и видъ найлекшого витру дзвоныла объ палычку, до котрои була прывьязана.

Вся симья Канчукова на поли. Омелько зъ сынамы пойихавъ по снопы, а невисткы десь беруть конопли. Въ осели хазяйнують: отсе хлопья, та старенька бабуся—Омелькова маты.

— Илько! Илько! а ходы-но сюды, я щось цикаве-цикаве маю,—почувся таемный шопитъ зъ-за нескинченого стижка.

Илько озырнувся.

— Эге, ходы! баба казалы, щобъ я не водывся зъ тобою, бо ты шыбеныкъ и злодюга.

— Бреше твоя баба, якъ собака! То вона сама вкрала дивчыною кухлыкъ меду зъ церквы!

— А ты звидкы знаешъ?

— Мени сами наша маты казалы.

— Бреше, мабуть, твоя маты.

— Бреше, бреше! А чужи коровы не твоя маты дойить? Наша Хрыстя бачыла, якъ вона разъ котылась клубкомъ въ Матвійишынъ двиръ, а другого дня Матвійишыни коровы дойилысь кривью.

— Дурный ты, Хомо, отъ що,— промовывъ Илько спокійно. Винъ знавъ, що Хома брехунъ на увесь кутокъ, и давно бъ кынувся кулакамы бороныты добру славу своеи бабуси, але его незвычайно цикавыло, що то блыскуче Хома трымае въ рукахъ.

— Пиду подывлюсь,—подумавъ Илько: «може горобци не вглядять, що мене немае». Озырнувся—коло хаты никого не выдко. Горобци цвиринькалы на бузыни, наче йимъ не було ніякого дила до якоись тамъ пшепыци. Илько пидвивсь, надивъ батькивського соломяного брыля, що доты лежавъ биля его, и несмило пидійшовъ до Хомы. Хома бувъ хлопець рокивъ дванадцяты зъ трохы розбышакуватымъ поглядомъ и вельмы обшарпаный.

— Отъ, братухо,—промовывъ винъ уже мыролюбнымъ тономъ: «лыхо мени зъ батькомъ, та й годи; сёгодня зновъ одибравъ рижокъ зъ табакомъ; теперъ зъ самого ранку не нюхавъ, чы вирышъ, якъ сканудыть мене!» Але Илько не знавъ смаку въ табакови, и выдко було, що винъ не йнявъ виры прыятелеви.

— Ты щось обицявъ показаты?

— Покажы тоби, ёлопе, то ты пидешъ та розскажешъ баби!

— Не бійсь, не скажу.

— Брешешъ!

— Ій-Богу не скажу!

— Ну, на, дывысь,—промовывъ Хома, высмыкнувшы зъ-пидъ пахвы бляшану табатырку зъ генераломъ на викови: «тильки въ рукы не дамъ».

— А що тамъ въ середыни?

— Звольтесь!

Хома надавывъ збоку табатыркы якыйсь шпынтыкъ: воно мыттю видкрылося. Тамъ все було, чого треба справжнёму куріеви: тютюнъ, сирныкы, папиръ... Илько здывувався:

— Де се ты диставъ?

— Де диставъ, то диставъ. Не хочешъ?

— Чого?

— А курыть. Илько помотавъ головою.

— Э, маймула! чы не бабы боишся? Отъ я, братецъ ты мой, и курій, и нюхарь, и все што нада!—закынувъ Хома по-московськи. Инколы то й за губу кладу! А ты разъ покурыть боишся... Охо-хо-хо,—важко зитхнувъ Хома, скручуючы цыгарку: адже-жъ твій батько курыть?

— Хыба й справди спробувать,—дума збытый зъ пантелыку хлопецъ: хочъ зазнаю, яке воно... Ну, давай!

— Отъ-такъ бы и давно, дурню!

Илько одидравъ клаптыкъ папирцю и, насыпавшы на нёго пучку тютюну, почавъ крутыты цыгарку. Тютюнъ розсыпався и прылыпавъ до спитнилыхъ пальцивъ; пидъ кинецъ папиръ бувъ передертый на двое.

— Отъ неукъ, такъ неукъ!—сказавъ Хома: недотепный и цыгаркы скрутыты; дай, лышень, я! Цыгарка хутко була готова, и «неукъ» почавъ прыкурюваты у Хомы.

— Ото ты такъ горобцивъ полохаешъ, щобъ твого бисъ батька полохавъ! Гай, гай икъ нечыстій матери!

— Баба!—жахнувся Илько и, встромывшы въ стижокъ цыгарку, наче опеченый кынувся до рядени: докурю описля,—подумавъ винъ. Горобци шугнулы на бузыну.

— Чы такы такъ роблять хазяйськи диты, га?—грымала сухенька маненька бабуся, чымчыкуючы до ряденъ.

— Я думаю, чого наче хто штовхае сходыты на тикъ, а винъ, бачъ, якъ глядыть! Постій, розсучый сыну, прыйиде батько, я ёму все розскажу: буде въ тебе на зиму и кожушокъ, и чобиткы, и все, винъ тебе вбере!—гомонила стара, розправляючы пшеныцю. Черезъ килька хвылынъ вона поплenталась въ хату.

— Ачъ, Иродови жевжыкы чого наробылы! Постійте, попадатесь вы мени котріи въ рукы, я васъ погодую пшеныцею! Я вамъ згадаю, хто гавкавъ: «жывъ-жывъ», якъ жыды Хрыста роспыналы... Та й Хома жъ хытрый въ биса: наче катъ ёго стявъ, якъ гукнулы «баба»,—миркувавъ дома Илько, позыраючы зъ-пидъ бryля то на рядна, то на хату Впевнывшысь, що баба вже взялась въ хати за якусь роботу и не скоро навидается на тикъ, винъ лигъ биля ряденъ и забубонивъ, махаючы хвойдыною:

«Жыдъ, жыдъ, кателыкъ
Загубывъ черевыкъ».

Сонце завертало саме зъ обидъ и пекло, якъ кажуть, безъ жалю. Скоро въ хлопця счезлы зъ памьяты и прыгода зъ Хомою, и баба, и заткнута зъ стижокъ цыгарка. Въ голови стояла якась нисенитныця, передъ очыма маячилы рядна зъ пшеныцею. Ажъ ось Рябко, що бувъ прывьязаный пидъ повиткою, щось страшно завывъ; зъ-заду наче шось затрищало. Илько озырнувся, и скамьянивъ: половына стижка була обнята полумьямъ.

— Бабо!—хотивъ винъ крыкнуты зъ усіеи сылы, але горло ёму наче хто здавывъ обценькамы. «Бабо, бабо»!—репетувавъ въ думци хлопець—гласу не було чутно. Ногы и рукы булы не мовъ чужи. А стижокъ палахтивъ. Полумья тыхенько повезло по смиттямъ, котре було рострушене по току, до другого стога.

— «Бабо!»—гукнувъ несамовыто Илько и метнувся до хаты, гвалтуючы всю дорогу: «Бабо, бабо!» Полумья мовъ нехотя сунулось до клуни и до третёго стижка. Рябко сумно вывъ. Десь далеко закалаталы въ уси дзвоны.

— Чого ты прышелепуватый лементуешъ?—загрымала перелякана бабуся, вытыкаючысь изъ синей: отъ вбойище, а не

хлоп... Матинко ридна!—заголосыла вона, зырнувшы на тикъ: «це ты, шыбеныку, наробывъ такого... Пречыста свята! рятуй же насъ гришныхъ... Мыколаю, угодныче! Носы, пройдысвите, одежу изъ хаты... Пантелеймоне, цилытелю! зглянься на насъ...»—Гвалтуючы, стара схопыла черезсиделныкъ, котрый валявся въ синяхъ на доливци и однесла заперла въ скрыню; потимъ почала хутко здійматы образы, а дали взяла «Неопалыму Купыну», прытулыла іи одніею рукою до грудей и стала носыть изъ хыжы глечыкы зъ молокомъ та выставляты ихъ посередъ двора.

— «Свята Неопалыма Купыно! Мыколаю угодныче! рятуйте насъ!»—одчытувавъ, якъ луна, Илько вслидъ за бабою, та одно носывъ зъ хаты одежу, рядна, подушкы и стоптувавъ усе пидъ дымаръ. А на двори лютувавъ огонь. Навкругы все гоготило. Десь щось ламалось, трищало и зъ грюкомъ падало до-долу. Густый чорный дымъ застылавъ подвирья. Палахтилы тыны, погрибныкъ, комора, повитка, де бувъ прывьязаный рябко. Бидный песъ не мигъ найты соби миста; винъ мотався и скиглывъ, докы обгорила кроква не дала ёму сторчъ въ тимья. Полумья почало вже облызувать хатній прычилокъ. Порятувавшы одежу, Илько выскочывъ на двиръ. По дорози винъ схопывъ решето зъ пирьямъ, котре стояло на похвати (бо баба до сёго драла пирья) и почавъ зъ нымъ гасаты по двору, не знаючы куды ёго прыткнуть. Здорова, зовсимъ осмалена свыня выпручалась зъ сажа и, хрюкаючы, хазяйнувала надъ глечыкамы. Стара десь поралась у хыжы. Ажъ ось до воритъ прыбигъ верхы Омелько.

— «Де жъ баба»?—скрыкнувъ винъ, уздрывшы Илька. Илько торопленно дывывсь и мовчавъ. «Де баба?—пытаю тебе»,—гримнувъ винъ у-друге и скочывъ у хату. Черезъ килька хвылынъ ёго здоровенна постать показалась въ дверяхъ. Винъ воликъ за собою матиръ, котра опыналась и не хотила иты.

— «Я зразу, зразу»,—бубонила вона: тильки черезсиделныкъ, отъ ій-Богу не намьятаю, куды я ёго ткнула, дурнисенько пропало двадцять копіёкъ»,—розсказувала стара, плачучы, и прупчалась зъ такою сылою, що Омелько ледве мигъ іи втрыматы;

потимъ винъ схопывъ іи якъ дытыну на рукы и вынисъ на середыну двору; въ ту мыть шугнула хатня покривля.

— «Давай машыну!»—товсто репетувавъ хтось за воритьмы.

— «Заперта, а ключи въ старосты,—одповивъ десь иншый голосъ. За дымомъ не було ничого выдно.

— «Бижы за старостою»,—крыкнуло разомъ килька голосивъ.

— «Теперъ ёго зъ собакамы не знайдешъ: пишовъ робыть мырову зъ пысаремъ!»

Канчукова оселя тыхенько догоряла.

II.

Маты.

Вербна недиля. Сёгодня ярмарокъ въ Иванцяхъ. Стара Евтушыха ще до свита впоралась коло печи и прыбрала въ хати. Зварыла вона дитямъ гречаныхъ вареныкивъ зъ урдою и путри,—нехай вже поласуются рады ярмарку; хоть воно тамъ вареныкы зъ урдою та путря и ласощи не яки, та ба: хто новыны не выдавъ, то й ветоши радъ. Цилый пистъ диты окримъ жытнёго хлиба та бараболи и въ вичи ничого не бачылы; и то ще бараболя бувае въ хати тилькы въ ряды-годы: якъ де прыйдется на одпрядъ взяты. Такъ уже остогыдлы Евтушыси чужи пивмитки, що й казаты не можно; эгъ, николы и зъ хаты не выводятся; ось и на страстній треба крутыты мотка пысарци за мишечокъ гречаного борошна та за тры симьяни макухы, бо якъ бы не взяла, то й празныкувалы бъ сёгодни надъ сухымъ хлибомъ.

Такъ ще, кажу, и не свитало, якъ Евтушыха скинчыла роботу коло печи и прычепурыла свою хатку.

Впоравшысь, дистала вона зъ-пидъ лавы чоботы и почала повагомъ взуватысь. Чоботы булы дуже забружени и такъ зашкарублы, що Евтушыха ледви натягла ихъ на ногы.

— Бачъ, сучи диты, якъ зашвендялы,—подумала вона: «ще такы дивчата—ти хоть трохы бережуть, а Васылько, розбышака—

де найбильша тванюка, то винъ туды й чвалае. Постій, сучый сыну, прохатымешъ ты въ мене чобитъ—и понюхать не дамъ: сыды въ хати... ще онъ и шесты рокивъ нема—рано въ чоботяхъ ходыть... Та дебели жъ и вдалысь нивроку имъ,—бубонила стара, одягаючы латану свыту: «ще покійныкъ Евтухъ, царство небесне, и реминь набиравъ и шывъ; здается, саме тіеи осени Васылько знайшовсь»...

— Одначе, якъ же я рано сёгодни схопылась, сказано, не абы куды, а на ярмарокъ! наче й справди йду куповаты не матку, щобъ було на чому спаты дитямъ, та горщыкъ, а Богъ ёго зна й що; певне, на тому ярмарку ніякый дядько не думавъ вставать. Сяду-но, лышень, одпочыну, а тымъ часомъ може котре зъ дитей встане; треба наказаты имъ, щобъ доглядалы хаты, та ничого не йилы, покы я вернусь, а то завсигды въ празныкы безъ мене найидятся—ще люде зъ церквы не повыходять...

Сила Евтушыха кинци столу, сила схылылась на руку и задумалась. Передъ нею, тильки що не на голій доливци, покотомъ спалы диты. «Розбышака», положывшы рученята пидъ щоку, спавъ спокійно, неначе праведныкъ. Въ головахъ у нёго лежала батькивська шапка, зъ котрою винъ видъ самисинькои смерти батька не розлучавсь ни въ день, ни въ ночи. Въ що тильки не перекыдала дытяча фантазія сю шапку! Була вона иноди конемъ, потимъ крамныцею, гарбою, машыною, тіею, що молотыть, и тіею, що бига навить туркомъ. Лыхо було сёму туркови, колы Васылько, розлютувавшысь, почынавъ ёго рубаты своею шаблею—качалкою.

— Спыть вояка,—подумала стара, и на поморхлому облыччи іи зъявывся легенькый осмихъ: «все бидолаха побываеться:—чы скоро, мамо, ти паны, бодай ихъ злыдни побылы, заберуть мене въ москали?» (Де воно, просты Господы, такъ лаятся навчылось)? —Э... сыну! ще до москаливъ багато лыха наберешся; будешъ гынуты по строкахъ зъ голоду та холоду надъ чужою роботою, якъ теперъ гынуть чужи диты. Миркуючы, Евтушыха перевела очи на осьмылитню Хотыну.

— Оть моя плохуточка! Эть, николы и слова на-крыво не скаже; вона навить и сонна лежыть якось збидныввшысь, такъ іи лыченько й говоре: «не руште мене, хыба мени багато треба». Батюшка казалы, чы не найму я іи на сю весну гусей пасты; звисно у батюшкы було бъ гарно служыты, але все-такы хай мабуть ще дома погуляе. Эге! а що зъ моею Настусею? Бачь, якъ роскыдалася, а ягидкы такъ и грають на щичкахъ; чы вона, лышъ не хора, крый Боже! а я дурна ще й налякала іи вчора, сказавшы, що виддамъ старцивъ водыть, колы не буле слухняною; Господы! Якъ же вона плакала сердешна. О, се въ мене золото— не дивчына: вона въ мене и шваха, и пряха и все. Вчора чую, а вона мете хату, та й выспивуе:

«Сусидочкы-голубочкы
Дайте соли два дрибочкы!»

О, ся найде соби стежечку въ жытти; не зразу нагне голову передъ лыхою годыною; я вже помичаю. Але що, якъ умре? Боженьку мій мылый! Пестыла, пестыла десять рокивъ...

— Кумо, кумо!—гукнувъ хтось пидъ викномъ:—чы вы ще дома? Ходимо разомъ на ярмарокъ.—Евтушыха здригнулась; за думкамы, котри наче комашня, ворушылысь въ голови, вона не вглядила, що на двори зовсимъ ранокъ. Завъязавшы въ пазуху вторговани за яйця два злоты, стара тыхесенько выйшла зъ хаты.

— Чы замкнуты зъ-надвору двери, чы хай такъ? Хай, мабуть, такъ: може забарюся, то дитямъ прыйдется до пивдня сыдиты въ запертій хати.

Цилу дорогу гомонила кума, якъ теперъ важко стало въ свити жыты. Отъ и воны выведуть сёгодни продавать останню корову, бо ничымъ догодуваты до новои пашы. Вси тры хлопци напяти въ строкы, навить половына вже грошей пройидена, а другу половыну пройицять до жнывъ. Заробиткы зимою мизерни, або й ніякыхъ. Старый все марыть про Амуръ та про Зеленый Клынъ: «Тамъ», каже: «и земли и лиса доволи, тамъ люде не жывуть, а царствують. Розмовляючы, кумы й несчулысь, колы

прыйшлы на ярмарокъ. Евтушыха мерщій метнулась справляты свои покупкы. Здается, чы велыка ричъ купыты горщыкъ та матку, а пиды жъ ты! На ярмарку всякъ дере бильшъ, чимъ слидъ. Гончари такъ наче змовылысь: до якого ни пидступы, то за маленькый кашныкъ правыть наче за батька. Маткарь тильки одынъ и выйихавъ, то вже звисно ломыть, що хоче; кожному одно товче: «Рогизъ торикъ не вродывъ, та й годи!».. А вже божбы тій кругомъ стильки, що й не сказать. Та тильки на ярмарку божбу не вважають ни Богъ, ни люде. Вже сонечко було добре пидъ обидъ, якъ Евтушыха зъ маткою въ одній руци и зъ горщыкомъ, въ котримъ лежало тры цукеровыхъ москали, въ другій чемчекувала черезъ ярмарокъ до-дому, та несподивано наткнулась на кумедію и зупынылась. Саме посередъ ярмарку була напъята здоровенна халабуда; чуты було, якъ въ середыни катерынка голосно репижыла «розлуку». На двори въ зализній клитци сыдила мавпа. Хлопци обступылы клитку и реготалысь, колы хто мавпи замистъ насиння тыкавъ дулю, а та жалибно крывылась.

— Бався, гаво! а Настуся лежыть хора!—несподивано ризнула Евтушыху думка и вона лётомъ полетила до-дому. «Матинко Божа! невже такы видъ самого ранку я про се ни разу не згадала; чымъ хутче бъ до-дому, а тутъ тоби на—зацикавылась на старисть кумедіею. Бидне дивча може пытонькы хоче, та податы никому, а мавпа на мавпу розглядае,—думала стара, хапаючысь за бикъ, въ котрому все дужче и дужче шпыгала колька. «То жъ то на тимъ тыжни пугачъ трычи пугукнувъ на хати, бодай ты пугавъ на свою голову... Ачъ бисова колька не дае дыхать. Побыла мене несчаслыва та лыха годына зъ тымъ ярмаркомъ; и треба було на ёму товктысь пивдня... Чого се Сирко сусидынъ зипъявся на погрибныкъ? Такъ и йе, що на вмируще... Охъ, вищуе мое серденько... я жъ кажу, що такъ... Чы бачъ, якый галасъ въ хати!»

Перелякана Евтушыха прыпала до викна. Васылько стоявъ посередъ хаты и погукувавъ по-вивчарськи: «брьрь», хвоськаючы шапку батижкомъ. Выдко, що шапка була въ нёго сёгодни ота-

рою овець. Хотына сыдила въ запичку дуже замыслена и намынала на колина куцу сорочку. Настуси нема, тильки зъ печи чуется голосный плачъ.

— Щось негараздъ!—подумала стара и торгнула дверьмы—двери булы заперти. Хтось прожогомъ кынувся въ сины и зацокавъ засовомъ. Не вспила Евтушыха переступыты порога, якъ на шыи у неи повысла Настуся, роспатлана и въ одній сорочци. Облыччя іи горило наче въ огни.

— Чого се ты, зиронько моя свитова? ты може слаба на вищо? кажы мерщій моя перепилочко!—говорыла жалибно бидна маты, пыльно прыглядуючысь въ вичи доньци. Рукы іи тремтилы; вона то прыглажувала роскустряне волосся дивчыны, то втырала іи слёзы, котри такъ потёкомъ и лылысь по щокахъ. Але Настуся тильки одхлыпала такъ, що все іи маненьке тильце здригалось, и не мала снагы промовыты ни жадного слова. Трохы заспокоившысь, вона ледви спромоглась сказаты:

— Сирко су... сусидынъ,—и зновъ захлыпала.

— Ну, ну, що Сирко?—допытувалась Евтушыха, якъ у неи разомъ щось одлягло видъ серця.

— Сирко су... сусидынъ... якъ мы спалы, вытягавъ вси вареныкы и перекынувъ путню!—нервово скрыкнула Настуся и залылась слизьмы.

— Отъ дурненька! и було зачымъ такъ побыватысь! тильки мамуню налякала. Охъ, Господы мылосердный! Охъ! Не дае колька дыхать.. Я думала, що ты хора. Дай Боже, хочъ и голеньки, та булы бъ циленьки, а прожывемо и безъ путри. Ну, лышень, я переверну тоби сорочку назадъ пазухою.

— Отъ и стара, а дурна,—миркувала сама соби Евтушыха: «и навищо було такъ кыдать двери?»...

П. Майорськый.

Письма къ Остапу Вересаю П. А. Кулиша и Л. М. Жемчужникова [1]).

Эти письма, доставленныя намъ г. П. А. Райко съ просьбою передать ихъ въ кіевскій историческій музей, вполнѣ заслуживаютъ также извѣстности и въ печати, какъ характерный историко-литературный матеріалъ.

Значеніе письмамъ придаетъ уже одно имя адресата, того самаго прилуцкаго бандуриста, Остапа Вересая, который былъ прозванъ въ литературѣ «послѣднимъ кобзаремъ Украины». Дальнѣйшія этнографическія сообщенія доказали,—доказываютъ и въ настоящіе дни,—что Вересай былъ далеко не послѣднимъ кобзаремъ, но во всякомъ случаѣ, какъ хранитель и проникновенный исполнитель стараго кобзарскаго репертуара, О. Вересай былъ

---

[1]) Считаемъ, что появленіе писемъ Кулиша будетъ особенно умѣстно въ настоящей книжкѣ нашего журнала, выходящей въ томъ мѣсяцѣ, который связанъ съ памятью о незабвенномъ Кобзарѣ, Т. Г. Шевченкѣ, и въ которомъ мы всегда старались помѣщать матерьялъ, имѣющій отношеніе къ творчеству или біографіи поэта. Печатаемыя же письма не только характеризуютъ ту ближайшую среду, въ которой жилъ Т. Г-чъ и съ которой находился въ тѣсной духовной связи, но нѣкоторыя частности печатаемой переписки показываютъ также его отношеніе къ товарищу-кобзарю изъ народа.

Ред.

замѣчательнымъ пѣвцомъ; поэтому, какъ мы сказали, печатаемыя письма пріобрѣтають значеніе уже ради его имени. Еще большій интересъ получаетъ эта переписка въ виду того, что почти всѣ письма принадлежатъ перу Кулиша, одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей украинской литературы въ періодъ ея расцвѣтанія, при чемъ характеризуютъ отношеніе къ народному пѣвцу цѣлой группы сотрудниковъ знаменитой «Основы».

Письма Кулиша, обнимающія періодъ отъ 56-го до 66 годовъ, относятся ко времени страстнаго увлеченія значительной части украинской интеллигенціи народнической идеей, украинской этнографіей, ко времени благоговѣйнаго почтенія къ своей народной пѣснѣ и народнымъ пѣвцамъ, удержавшимъ её; именно Кулишъ и явился самымъ ревностнымъ выразителемъ такого отношенія: кобзарямъ и лирникамъ, этимъ «боянамъ», «бардамъ», «хранителямъ народной традиціи», «воспитателямъ великаго духа всей націи», посвятилъ Кулишъ въ Запискахъ о Южной Руси горячія, вдохновенныя страницы, въ свою очередь производившія такое сильное впечатлѣніе на читателей.

Каковы же были личныя отношенія автора помѣщаемыхъ писемъ собственно къ Вересаю? о чемъ и какъ писалъ корифей литературы къ слѣпому кобзарю, тогда еще мало извѣстному? Именно эти письма проливаютъ истинный свѣтъ на близкое знакомство Кулиша какъ лично съ Остапомъ Вересаемъ, такъ и съ его репертуаромъ: въ первомъ же письмѣ, отъ 10 дек. 1856 г., Кулишъ напоминаетъ Вересаю о томъ, какъ онъ, П. А., бывалъ въ хатѣ у Остапа, читалъ ему книжки и тамъ же слушалъ его пѣсни, думы, послушать которыя онъ снова выражаетъ желаніе. Въ Запискахъ же о Южной Руси находимъ лишь бѣглое и неопредѣленное упоминаніе объ Остапѣ (какъ можно думать—Вересаѣ): именно во 2-мъ томѣ Записокъ (отъ 82-й стран.) Кулишъ приводитъ разсказъ, притомъ не свой, а Л. М. Жемчужникова,—лишь *въ его, Кулишовой, редакціи*,—о случайной встрѣчѣ въ полтавщинѣ, по дорогѣ въ Кіевъ, этого художника, автора рисунковъ Живописной Украины, съ «кобзаремъ Остапомъ». Весь разсказъ прекрасно отдѣланъ въ стилистическомъ отношеніи (не даромъ

онъ говоритъ: «стану повторять слова Жемч—ва, сколько позволитъ мнѣ моя память,—точно какъ-бы это я самъ странствовалъ между народомъ»). Но передача сообщенія художника-этнографа имѣетъ болѣе поэтическій, чѣмъ обстоятельный характеръ: передается о встрѣчѣ Ж—ва съ кобзаремъ «Остапомъ» гдѣ-то въ степи, въ полузанесенной снѣгомъ придорожной корчмѣ; группа крестьянъ—«кринакивъ», тоже застигнутыхъ, какъ и Ж—овъ, «хуртовыною», сидитъ, развлекаясь бесѣдой о своихъ дѣлахъ и разсказами фантастическими, въ чемъ принимаетъ участіе и странствующій кобзарь, перемежающій свои разсказы игрою на кобзѣ и пѣніемъ оригинальныхъ пѣсенъ... Ни Ж—овъ, ни Кулишъ (хотя-бы въ какомъ либо примѣчаніи) не говорятъ при этомъ, въ Зап. о Ю. Р., кто именно былъ этотъ кобзарь «Остапъ»,—какъ называли его слушатели-крестьяне въ корчмѣ; но это имя, мѣсто дѣйствія, вблизи прилуцкихъ имѣній вспоминаемаго крестьянами «добраго пана», «Григорія Павловича Г.» (Галагана?), наконецъ приводимая характерная пѣсня о «Правдѣ и неправдѣ» заставляетъ думать, что кобзарь Остапъ, пѣвшій её въ корчмѣ, былъ именно сокиринскій кобзарь Вересай. Впослѣдствіи Ж—овъ помѣстилъ изображеніе кобзаря въ Живоп. Украинѣ, обозначивши его какъ портретъ Остапа Вересая, но это было уже въ 1861 году... а въ записяхъ, пересказанныхъ въ Зап. о Южн. Р. отъ имени Ж—ва, стоитъ помѣтка «1855 г., декабря 25-го»,—вслѣдъ за послѣднимъ аккордомъ редактора-Кулиша: «Мятель гуляла въ степи по прежнему, и въ завываніи вѣтра вокругъ моей кибитки мнѣ всё слышался высокій голосъ бандуриста, воспѣвающаго торжество неправды»... И только. Кобзарь Остапъ промелькнулъ такимъ образомъ въ Зап. о Ю. Р. фантастическимъ силуэтомъ, какъ личность неизвѣстная. Между тѣмъ можно думать, что редакторъ Зап. о Ю. Р. *зналъ*, кто былъ кобзарь, пѣвшій такія замѣчательныя пѣсни, какъ о «правдѣ» и объ исторіи легендарнаго священника съ Кирикомъ (поэма будто-бы тогда же, вмѣстѣ съ пѣснею о правдѣ украинской записанная въ степной корчмѣ, отъ того-же «странствующаго кобзаря»); это доказывается именно первымъ нижепомѣщеннымъ письмомъ Кулиша къ Остапу Вересаю

въ Сокиринцы. Письмо, правда, писано годомъ позже записи Жемч—ва, а именно помѣчено 56 г. (дек. 10-го), такъ что во время *встрѣчи* Ж—ва съ Вересаемъ Кулишъ могъ быть еще не знакомъ съ кобзаремъ, но къ тому времени, какъ Кулишъ выпускалъ въ свѣтъ 2-й томъ Зап. о Ю. Р., *въ которомъ помѣщенъ разсказъ о встрѣчѣ съ кобзаремъ Остапомъ* и его двѣ пѣсни, о «Правдѣ» и о «Кирикѣ», редакторъ сборника уже зналъ Вересая, такъ какъ 2-й томъ Зап. о Ю. Р. вышелъ въ 1857 году, т. е. *годомъ позже*, чѣмъ писано первое письмо Кулиша къ Вересаю (въ 1856 г.).

Почему же Кулишъ, такъ обстоятельно говорившій въ Зап. о Ю. Р. о кобзарѣ Андреѣ Шутѣ, изъ черниг. села Алекандровки, и о другомъ кобзарѣ, Архипѣ Оржицкомъ, умолчалъ о прозвищѣ и вообще о личности кобзаря Остапа, о его точномъ мѣстѣ жительства и о своемъ личномъ знакомствѣ съ нимъ, которое несомнѣнно явствуетъ изъ его письма?...

Странную роль играетъ здѣсь запись отъ лица Жемчужникова пѣсни про Кирика, сдѣланная въ корчмѣ отъ «кобзаря Остапа». Не говоря о томъ, что трудно записать длинную легенду въ 12 страничекъ, прослушавъ её всего одинъ разъ въ пѣніи, подъ аккомпаниментъ бандуры, при томъ записывая украдкой, въ качествѣ закусывающаго въ сторонѣ, «какъ бы совершенно равнодушнаго слушателя» (такъ говорится въ Зап. о Ю. Р. о записываніи Ж. въ корчмѣ); но самая легенда—письменнаго происхожденія: извѣстно нѣсколько *списковъ* этой сатиры, идущей съ запада [1]), разсказывающей о нѣкоемъ священникѣ, наказанномъ (за свою алчность при переговорахъ съ бѣднымъ прихожаниномъ Кирикомъ) тѣмъ, что къ нему во время исканія имъ клада прирастаетъ воловья шкура вмѣстѣ съ рогами. Или кобзарь, пѣвшій при Жемч—вѣ въ корчмѣ близъ с. Яблоновки, былъ не Вересай?.. если же кобзарь Остапъ, крипакъ «Григорія Павл. Г.», былъ О. Вересай, то почему онъ впослѣдствіи, часто являясь въ Кіевъ и тамъ исполняя передъ многими слушателями свои пѣсни, ни-

---

[1]) У насъ также имѣется одинъ волынскій списокъ ея.

когда не пѣлъ о Кирикѣ и алчномъ священникѣ,—даже тогда, когда подробно диктовалъ кіевскимъ членамъ Геогр. Общ. весь свой репертуаръ, начиная съ самыхъ «поважныхъ» пѣсенъ и кончая сатирическими, шуточными? Очевидно, что легенда-сатира, попавшая въ Зап. о Ю. Р., была Остапу Вересаю *неизвѣстна*.

Кто же кого ввёлъ въ заблужденіе,—Жемчужниковъ ли Кулиша, или Кулишъ читателей Зап. о Ю. Р.?...

Можно предположить, что именно благодаря введенной сатирической *легендѣ о Кирикѣ*—осталась въ туманѣ (какъ мнѣ кажется, нарочитомъ) личность кобзаря, будто-бы исполнявшаго её: пѣлъ её гдѣ-то какой-то «странствующій кобзарь»...

Думы старыя, именно тѣ, которыя зналъ Вересай, тоже помѣщены (въ 1-мъ томѣ Зап. о Ю. Р.),—въ *значительно дополненномъ* видѣ,—но о нихъ сказано, что пѣлъ ихъ—тоже гдѣ то «въ степномъ хуторѣ»—кобзарь Архипъ Никоненко, приходившій туда изъ села Оржицы, луб. уѣзда, и «вскорѣ послѣ того умершій». Одна изъ этихъ думъ (о козакѣ Голотѣ) помѣщенная впереди, въ томъ же 1-мъ т. Зап. о Ю. Р., какъ записанная отъ Архипа, была совсѣмъ новою, не имѣвшею варіантовъ, и сочтена была впослѣдствіи учеными критиками—сомнительною....

Позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе по поводу вообще думъ и пѣсенъ, записанныхъ «въ степи» отъ кобзарей «странствующихъ», или «уже умершихъ». Трудно считать большой виной, какимъ то пятномъ на литературномъ образѣ Кулиша наличность въ его изданіи матеріаловъ, сильно «дополненныхъ» редакціей, или даже совсѣмъ на-ново созданныхъ этнографами, какъ напр., дума о «походѣ древняго князя» (съ участіемъ «Посвитача» и другихъ подобныхъ силъ), или «смерть и прощанье козака съ бандурой». При спокойномъ разсмотрѣніи, не только думы, но и многіе прозаическіе разсказы Зап. о Ю. Р. покажутся значительно разработанными, сравнительно съ тѣми народными, краткими отрывочными мотивами, о которыхъ упоминаетъ Кулишъ и которые послужили имъ основною *темою*. Пожалуй, едва-ли даже можетъ быть поданъ народный *прозаическій* разсказъ въ полномъ видѣ, безъ значительнаго личнаго возстановленія его

записывателемъ: попробуйте заставить *диктовать* себѣ сказку или иной прозаическій разсказъ—и онъ сейчасъ-же сдѣлается краткимъ, блѣднымъ: только тогда можно получить полный разсказъ, если онъ льется свободно: при записываніи же такого разсказа бываетъ возможно отмѣтить лишь основной скелетъ его, да иногда своеобразную деталь, а ужъ потомъ приходится возстановлять болѣе полно. Вотъ здѣсь и скажется способность этнографа воспринимать народные разсказы, скажется его знаніе языка и оборотовъ народной рѣчи.

Кулишъ безспорно былъ такимъ знатокомъ,—поэтому всѣ разсказы Зап. о Ю. Р. представляютъ собою замѣчательные образцы, такъ сказать, народной украинской беллетристики. Та-же искусная рука дала художественно-народную отдѣлку и оповиданнямъ интеллигентныхъ авторовъ въ Основѣ—и тѣмъ безкорыстно создала имъ славу *замѣчательныхъ произведеній украинской литературы.*

Если подъ часъ перейдена была мѣра въ «реставраціи» памятниковъ этнографическихъ, то это, конечно, была вина противъ науки; но даже и здѣсь, прежде чѣмъ «бросить камень», надо взвѣсить, чего дали больше эти «реставраціи» хотя-бы для этнографіи какъ науки,—вреда или пользы. Строгой наукѣ, спокойной критикѣ, изощренной на появившихся съ теченіемъ времени многочисленныхъ этнографическихъ данныхъ, совсѣмъ не трудно было избѣжать заблужденія и отличить «стихотворенія въ народномъ духѣ» отъ настоящихъ народныхъ пѣсенъ; между тѣмъ Зап. о Ю. Р., бывшія не столько этнографическимъ и историческимъ сборникомъ, сколько публицистическою и восторженно-патріотическою проповѣдью, возбудившею національное самосознаніе, горячую любовь къ народной словесности,—воспитали многихъ. Вліяніе этой проповѣди еще не оцѣнено по достоинству; пусть читавшіе её въ молодости припомнятъ, какое сильное впечатлѣніе она производила и какъ она будила прежде всего желаніе не дать погибнуть дорогимъ остаткамъ старины, желаніе ревностно искать продуктовъ народнаго творчества,—рамки котораго были обозначены Кулишомъ такъ широко.

Такимъ образомъ можно сказать, что даже грѣшившіе противъ точной науки реставрированіями и даже импровизаціями Кулишоваго сборника дали богатую жатву и для точной науки,—въ видѣ появившейся массы матеріаловъ, собранныхъ усердными руками послѣдователей горячей вѣры.

Послѣ этой оговорки, безъ боязни, что наши коментаріи могутъ показаться тяжелымъ упрекомъ замѣчательному дѣятелю, возвратимся къ его письмамъ, изъ которыхъ первое, писанное въ 56-мъ году, доказываетъ, что Кулишъ, не назвавши Вересая,—по какимъ-то своимъ соображеніямъ,—въ Зап. о. Ю. Р., былъ знакомъ съ нимъ, а конечно и съ его репертуаромъ, *за годъ до выхода въ свѣтъ 2-го тома записокъ* (вышедшаго въ 57 г.). Можетъ быть, знакомство это состоялось и раньше; а тѣ думы, которыя пѣлъ Вересай, значительно дополненныя, помѣщены въ 1-мъ томѣ, какъ исполнявшіяся другимъ кобзаремъ, между тѣмъ какъ «странствующему» невѣдомому кобзарю Остапу приписана поэма о Кирикѣ и попѣ,—которую Вересай не зналъ.

Заслуги остаются заслугами, а факты фактами.

Но какими бы соображеніями ни руководствовался Кулишъ при такомъ обращеніи въ печати съ именемъ и репертуаромъ Вересая,—дѣйствительнымъ и условнымъ,—всѣ письма его къ этому пріятелю-кобзарю чрезвычайно интересны также по тому вниманію, которое обнаруживается въ нихъ со стороны Кулиша и его сотрудниковъ, В. Бѣлозерскаго, Жемчужникова, Шевченка, къ народному пѣвцу. Кулишъ помнитъ о немъ, пишетъ къ нему изъ далекаго Петербурга, отрываясь отъ массы работы, находя время для длинныхъ писемъ къ нему даже среди своей кипучей дѣятельности въ Варшавѣ, когда онъ состоялъ членомъ Учредительнаго Комитета. Затѣмъ—Кулишъ посылаетъ Остапу Вересаю не только письма, но книги и деньги; не велики посылаемыя денежныя суммы, но, повидимому, не велики были и потребности Вересая: изъ одного письма видно, что когда онъ самъ обратился къ своимъ пріятелямъ-литераторамъ съ просьбою о помощи, то просилъ всего 4 рубля... И деньги были ему посланы. Затѣмъ слѣдовали новыя посылки,—опять таки всего по нѣсколько рублей,—

но много ли найдется ученыхъ корреспондентовъ, которые,—использовавши субъектъ, послужившій имъ источникомъ цѣнныхъ (и полезныхъ для ихъ ученой славы) матеріаловъ,—помнили бы о нёмъ въ далекой сторонѣ и посылали бы ему денежныя пособія?... А Кулишъ это дѣлалъ. Это тоже является фактомъ.

Кромѣ Кулиша, посылали Вересаю деньги Бѣлозерскій и Жемчужниковъ. Чрезвычайно трогательна одна приписка Кулиша (къ письму № 5), въ которой говорится также о денежной прибавкѣ Вересаю и отъ Тараса Гр. Шевченка. Не велика эта его посылка, всего 1 рубль, но по истинѣ можно уподобить её евангельской дорогой лептѣ убогой вдовицы, когда вспомнимъ, какъ скудны были достатки самого Тараса Григорьевича.... Вниманіе его къ кобзарю Остапу сказалось также въ посылкѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и книги своихъ сочиненій, съ надписью—«рукы своеи власнои». Гдѣ-то теперь эта книга? какую службу она служила въ Сокиренцахъ, и какова была надпись Кобзаря-писателя на подаркѣ кобзарю «невыдющому»?...

Опять таки, много ли авторовъ, посылающихъ авторскіе подарки такимъ безвѣстнымъ пріятелямъ изъ народа?... Характерно для того времени и для тѣхъ людей!...

Что до вниманія Кулиша къ Вересаю, то онъ не только писалъ ему длинныя письма, но, повидимому, и тщательно обдумывалъ ихъ, отдѣлывая также форму писемъ,—являясь и здѣсь тѣмъ прекраснымъ стилистомъ, какимъ онъ былъ вездѣ. Можно думать, что Кулишъ, писавши къ Вересаю, приноравливался къ его складу мыслей, къ его міросозерцанію: библейской простотой, «набожностью» и кротостью, покорностью судьбѣ вѣетъ отъ этихъ писемъ...

Своеобразными являются нѣкоторыя мѣста писемъ Кулиша къ Вересаю—изъ Варшавы. Не симпатичны эти мѣста своимъ не въ мѣру торжествующимъ, злораднымъ тономъ: «Довелося *намъ* старшынуваты надъ ляхамы», «*мы* гнуздаемъ ихъ» и т. д. Какъ объяснить эти длинныя самомнительныя тирады Кулиша въ письмѣ къ украинскому простолюдину? Дѣйствительно ли въ Кулишѣ заговорила, торжествуя, кровь «козацькои дытыны», потомка со-

словія, еще живо помнившаго кровавые счеты, или и здѣсь Кулишъ до нѣкоторой степени хотѣлъ быть въ своихъ письмахъ только *понятнѣе* кобзарю, пѣвцу думъ о былыхъ «утыскахъ» и «чварахъ»?

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что, говоря свои торжествующія рѣчи,—при чемъ быть можетъ даже нѣсколько преувеличивая свое значеніе (хотя все-же членъ «русскаго Учредительнаго Комитета въ Варшавѣ» —былъ тогда лицомъ довольно важнымъ!),—Кулишъ не говоритъ: «*горе* побѣжденнымъ!» Напротивъ, онъ говоритъ: «но мы не хотимъ теперь мстить полякамъ, не хотимъ обижать ихъ, какъ они обижали насъ, мы хотимъ только правды, хотимъ сдѣлать какъ лучше для нихъ же, освобождая ихъ *народъ* изъ подъ *панской* и всякой иной неволи и кривды.—Эти прибавки и разъясненія Кулиша значительно стушевываютъ несимпатичныя фразы его варшавскихъ писемъ,—въ общемъ являющихся любопытными документами своего времени. Но при чтеніи каждой фразы этихъ писемъ слѣдуетъ помнить, что Кулишъ желалъ приноравливаться къ понятіямъ человѣка изъ народа.

Интересно, въ своемъ родѣ, коротенькое письмо Л. Жемчужникова (№ 5). Оно привѣтливо и показываетъ искреннее расположеніе къ пріятелю-кобзарю, но... довольно прочитать въ подлинникѣ это короткое писемцо, чтобы предположить, даже судить съ увѣренностью,—какъ много обязаны его полтавскіе разсказы, помѣщенные въ Зап. о Ю. Р., редакторскому перу Кулиша, пересказавшаго ихъ! Хотя Жемчужниковъ и называетъ себя «Левкомъ», но слишкомъ замѣтна самозванность этого Левка,—родомъ великоросса (изъ калужской губ.): краткое письмо его не только лишено характерныхъ украинскихъ выраженій, но авторъ его плохо управляется и съ фонетикой украинской, со звуками *і* и *ы*, *е* и *у*, путаетъ теб*ѣ* и теб*е* и т. д. Нѣтъ, не блистали бы вообще такимъ прекраснымъ украинскимъ языкомъ сказки, помѣщенныя въ Зап. о Ю. Р., «слышанныя» Львомъ Жемчужниковымъ, если бы по нимъ не прошлась рука Панька Кулиша!...

«Земля ему пером!» Пусть живет въ сердцахъ земляковъ добрая память о немъ, благодарная за все то великое добро, которое онъ сдѣлалъ для украинскаго слова.

О. Пчилка.

P. S. Отвѣтныя письма Вересая—напечатаны; въ изданіи, составляющемъ чрезвычайную библіографическую рѣдкость (галицкая Правда за 68 г.), особенно у насъ. Письма эти, диктованныя Вересаемъ, или во всякомъ случаѣ писанныя отъ его имени, представляютъ также любопытный документъ. Пока познакомимся съ письмами Кулиша.

№ 1.

Любезный мій друже Остапе!

Посылаю тоби ту князку, котру я тоби чытавъ у тебе въ хати. Дай Боже, щобъ вона показала тоби дорогу до царства небесного. Прошу тебе помолыться и за мене Богу, щобъ Богъ пославъ мени добрый розумъ, на науку людямъ. А мы тебе зъ Левомъ Мыхайловычемъ завсигда спомынаемъ, и въ кныжци твій партретъ напечаталы. Прышлю тоби колысь и ту кныжку съ партретомъ. Теперь вона ще не готова.

Бувай же здоровъ да не забувай насъ. Посылаю тоби и грошей шисть рублывъ; тры одъ мене, а тры одъ Лева Мыхайловыча. Може, въ тебе есть яка нужда, то покрый свою нужду симы грошыма.

Оце брате Остапе, збираемось мы у далеку дорогу, до чужыхъ земель, учыться всякого розуму. Попросымо тебе, помолысь за насъ Богу. Може, Богъ твою мужычу молытву почуе скорійше, нижъ нашу панську. Не за грошы наши помолысь Богу, а за те, що мы щырою душею бажаемъ усякому доброму чоловикови святого добра.

Якъ будемъ вертаться зъ чужыхъ земель, то зайидемъ до тебе послухаты твоихъ писень и розумныхъ ричей твоихъ.

Щырый пріятель твій П. Кулишъ.

1856, декабря 10. С.-Петербургъ.

№ 2.

Що жъ се мени нихто не перешле ни словечка про мого друга Остапа? Колы жывъ, то передайте ёму си тры карбованця; колы жъ нема вже ёго на сёму мизерному свити, то знайдить инншу убогу людыну зъ безталанныхъ рабивъ панськыхъ и, не даючы въ рукы, справте на іи яку ій треба одежыну [1]).

№ 3.

Друже мій Остапе!

Радію душею, що мій гостынчыкъ знадобывся тоби въ хазяйстви. Просышъ ище чотыри карбованця на телычку,—посылаю. Дай Боже тоби диждаты свого скорому. Збираюсь и я на Вкраину, и може побачу тебе и поражусь зъ тобою, якъ у свити жыты. А Левъ Мыхайловычъ ажъ у Парижи. Не скоро до насъ вернется. Напышы до мене, якъ ты свое жытіе совершаешъ, чы йе яка тоби утиха, чы знай сумуешъ слипуючы. Мы й выдющи люде, да й мы не багато добра зазналы По правди тоби скажу, що жывемо тильки для того, що така воля Божа, а по своій воли—то да́леби и не схотивъ бы того жыття мызерного, того щастя злыде́нного...

Бувай здоровъ та не забувай свого щырого прыятеля Панька.

1859, марта 22. С.-Петербургъ.

---

[1]) Это—отрывокъ изъ письма Кулиша, неизвѣстно кому писаннаго; сохранился только одинъ листочекъ, безъ даты.

№ 4.

Коханый друже нашъ Остапе!

Спасыби Богу, мы жывемъ на свити не згиршъ одъ иншыхъ людей. Шкода, що бувшы на Вкраини, не зайихавъ у Сокырепци, щобъ зъ тобою въ смакъ наговорытысь. Що жъ се ты, Остапе, такъ нескоро до насъ обизвався? А мы вже думалы, що чы не очортило тоби на свити жыты та чы не пишовъ ты ще на той свитъ спиваты! Колы бъ то Богъ намъ давъ укупи зъ тобою на тому свити: отъ бы вже гарно було—такъ такъ! Тамъ уже піякого дила не треба робыть, то все бъ тебе слухалы, а тутъ часомъ и борщу николы сёрбнуты. А ты, Остапе, може, думаешъ, сыдячы тамъ у Сокыренцяхъ, що мы тутъ на боку лежымо. Ни, братику, мы не дурно хлибъ йимо. Тымъ то, николы и хотивъ бы сюды-туды пойихаты, та неволя наша, що дила свого надовго покынуты не можно. Отсе жъ тильки й осталось намъ лыстамы зъ тобою перекыдатысь. Пышы жъ до насъ не линуючысь, щобъ зналы мы, якъ тоби тамъ у Сокыренцяхъ на свити жывется.

Прощай, та не забувай твого друга П. Кулиша.

1860, окт. 23. С.-Петербургъ.

Посылаю й я тоби два карбованця гостынця.

№ 5.

Коханый друже Остапе! [1])

Часто я тебе згадувавъ [2]) и згадую. Жду не дождусь, коли то мы побачимось, щобъ послухаты твоихъ старосвитськихъ писень. Спасиби тоби за памьять, спасиби и за те що мыслишъ мини и моій жинці зъ диткамы. Не забувай мене и якъ тилько мене згадаешъ заразъ и пиши до мене листъ та й прописуй усе

---

[1]) Письмо это печатаемъ съ сохран. правописанія подлинника.

[2]) Написано «згадувалъ», исправлено—«згадувавъ».

свое житье. Нехай тебе[1]) Богъ на світі держыть людямъ на науку а твоій жінці та дітямъ на пидмогу и утіху. Гляды жъ щобъ ты молодшіхъ понаучувавъ своіхъ пісень, щобъ твои пісни зъ тобою разомъ не повмірали[2]).

Бувай же здоровъ зъ жинкою и зъ[3]) дитками, та сгадуй мене друга твого Левка Жемчужного.

1860 года, С.-Петербургъ.

Посылаю тоби два карбованці гостынця.

Приписка къ этому же письму рукою Кулиша.

Якъ напысалы мы до тебе, Остапе, лысть, тутъ саме нагодывсь до насъ у хату нашъ славный на увесь свитъ кобзарь Тарасъ Шевченко, та й каже: «Нате жъ и одъ мене карбованця, щобъ и моя була памьятка въ Остапа, бо я ёго знаю, я чытавъ про ёго у одній кныжци, де ёго писни надруковани». Отъ тоби ще карбованець прыбавывсь про твою нужду, Остапе! Та ще роздобрывшысь посылае тоби Тарасъ Грыгоровычъ и свою кныжку, зъ надпысомъ рукы своеи власнои.

№ 6.

Я оце, друже мій Остапе, вернувся зъ далекои дорогы, тай найшовъ у господи твій лысть, що ты пысавъ ище ажъ на провесни. Дуже бажаю послухаты твого спивання любого, та ніякъ не вверпусь до тебе зайихаты; а все жъ прошу тебе не забуваты мене на сій гиркій чужыни, що ни слова ридного не почуешъ, ни облыччя земляцького не побачышъ, а все вже те перемоскалене и перенимечене. Тильки трыдцять денькивъ и пожывъ я, Остапе, пройиздомъ на Вкраини,— не можно було бильше, та, якъ прыйихавъ сюды, у сей городъ тисный та холодный, та якъ стривъ одного свижого землячка, що ще й дывытся и розмовляе такъ, якъ у насъ добри люде по селахъ, то далеби трохы не заплакавъ!

---

[1]) Написано—«тебѣ», рѣзко исправлено —«тебе»

[2]) Написано—«поумірали», исправл.—„повмірали“.

[3]) Напис.—„съ“, испр. «зъ».

Посылаю жъ тоби, друже Остапе, про твою нужду ще два карбованця, а ты мене тоди згадай у души твоій, якъ найкращу писню самъ соби заспиваешъ.

Зъ Левкомъ Мыхайловычемъ ще не бачывся, а якъ побачусь, то й лыстъ твій передамъ ёму.

Щиро прыхыльный до тебе П. Кулишъ.

1861, сент. 14. С.-Петерб.

№ 7.

Прошу тебе, друже мій, Остапе, прыслаты мени ту писню, що ты зложывъ, у Полтаву, надпысавшы письмо просто на мое имя; бо я оце вже збираюсь на Вкраину. Посылаю тоби кныжечку мого компонування. Назвавъ я іи *Дóсвиткы.* Нехай тоби прочытають, щобъ знавъ ты, якъ я жыву въ свити и про що я думаю, про що згадую, чого людямъ бажаю. Все те писеннымъ складомъ прописавъ я.

Посылаю тоби й карбованця грошей про твою нужду, а якъ дасть Богъ, що побачымось, то може й бильшъ у кышени для тебе знайдется.

Левъ Мыхайловычъ пойихавъ ажъ у Пензенську губернію. Бувай здоровъ, друже Остапе, та не забувай мене. П. Кулишъ.

1862, березоля 14, С.-Петербургъ.

Посылаю тоби ще кныжечку про Хмельныцького, якъ винъ выбывсь изъ-пидъ ляхивъ, мого жъ такы компонування.

№ 8.

Р. Б. 1865, лыстопада 16-го дня, зъ Варшавы.

Давно вже, коханый друже Остапе, не славъ я до тебе лыста, та й засумовавъ, не мавшы видъ тебе висты. А ты, може, и радъ обизватысь до мене, такъ не знаешъ, де я обертаюсь. Завела мене доля ажъ за ричку Выслу, у городъ Варшаву. Суды-

лось, бачъ, козацькымъ дитямъ порядкуваты въ лядському краи, такъ, якъ порядкувалы колысь ляхы въ насъ на Вкраини. Тильки воны згорда намы орудовалы и добра намъ не мыслылы, а мы пораемось у ныхъ по-хрыстіянськи. Воны въ насъ простый людъ у неволю поверталы, а мы лядську черпь вызволяемо на волю зъ-пидъ несытыхъ панивъ, та й самымъ панамъ неправды ніякои не робымо, тильки не даемо имъ верховодыты по-шляхецькій, а нахыляемо ихъ пидъ законъ. Отъ на таке то дило и мене завано у Варшаву, а козакъ до сёго торгу пишкы, бо ёму любо ляха гнуздаты. Слава Богу, що мы таки люде не никчемни и йе зъ насъ корысть Цареви нашому и всёму православному мырови. Ну, и жывется нашому братови въ Варшави таки й геть добре. Воно бъ то въ хутори було краще сыдиты, та не всимъ же пасишныкуваты або пахарствуваты. Отъ и ты, Остапе, маешъ не таке, якъ инши люде, дило, та й безъ тебе не можно обійтысь мырови Божому. Тебе на те создавъ Господь, щобъ не забувалась на свити наша стара старовына. Темный ты чоловикъ, а якъ заграешъ у бандуру та заспиваешъ, то и въ такого серце стрепенется, що ввесь свитъ изйиздывъ. Тымъ твое дило, друже Остапе, спасенне, и ты на свою долю не нарикай, хочъ вона тоби и гирка здается. Одарывъ тебе Богъ розумомъ и словомъ такымъ, що выдющи въ тебе учатся и пысьменни люде тебе поважають. Отъ я и за Выслою про тебе згадую, наче братъ про брата, а все черезъ те, що Богъ тебе создавъ кобзарюваты. Не забувай же и ты мене, друже, и прышлы мени оповидання про твое жыття старече, про твое горе и про радисть, колы маешъ іи. Пысаты жъ до мене такъ: въ Варшаву, оттакому-то, въ Учредительный Комытетъ.

Пріятель твій П. Кулишъ.

№ 9.

Розумни, мабуть, коло тебе и люде, друже Остапе, що вмилы такъ гарно твои слова пропысаты, ото жъ не сумуй и не

вдавайся въ тугу, що твоя доля така щербата! Йе тоби кому й заграты й заспиваты, йе зъ кымъ розумне слово сказаты. Отъ и панъ Галаганъ тебе, якъ бачу, поважае за твое кобзарство. Хвалы Бога мылосердного, що пры твоій темноти, зможешъ ты своимы устамы таки словеса проповидаты, що й велыкымъ панамъ и вбогымъ людямъ однаково до вподобы. Може бъ, чые серце й заснуло въ роскоши, а ты ёго збудышъ своею писнею и на добре дило наведешъ. А другый чоловикъ, зъ велыкого клопоту, серцемъ туманіе,—ты й того розважышъ, звеселышъ, або розжалобышъ своею бандурою. Се дило святе, Остапе, друже мій любый. Згадай, якъ у церкви чытають зъ апостола Павла: *духа не угашайте*. Слово апостолове и до тебе прыходытся: щобъ ты не скупывсь передъ людьмы на спивання и на розумни розмовы. Выдючымъ дано одъ Бога одно дило, а тоби друге, и все жъ однаково потрибне на свити. Отъ же ты не сгашай свого духа, а що маешъ на серци, все выспивуй и словамы промовляй. Ще жъ до сёго треба тоби, друже Остапе, знайты хлопця такого, щобъ уси твои писни перенявъ. Нехай воны не вмирають, якъ прыйде годына, для всихъ едына. Ты подумай тильки, яке велыке добро зробывъ бы ты вбогому хлопцеви, навчывшы ёго тыхъ думъ, що за ныхъ тебе паны шанують. Одно се дило одчыныло бъ тоби двери у царство небесне. Колы тоби добре черезъ твои спивы, то нехай сёго добра и хто иншый дознае. Сежъ у тебе скарбъ давній, предкивськый: такъ не чесно було бъ тоби ёго у землю зъ собою закопуваты. Нехай не вмирае предкивська слава, що булы колысь козакы, славне лыцарство, и вызволялы зъ-пидъ ляхивъ ту саму землю, де ты жывешъ, и боронылы виру православну видъ латынцивъ католыкивъ и руського мыру прыбавылы геть ажъ по Чорне море, ато булы загарбалы ляхы и Днипро, и Десну, и Сулу и вси земли ажъ по-за Ворсклу. Тымъ и треба тоби славыты твоимы писнямы козакивъ, нашыхъ предкивъ; нехай люде знають, якъ воны зъ-пидъ лядськои кормыгы вызволылысь; а щобъ слава козацька во викы вични не вмирала, навчай своихъ писень усякого охочого, не вважаючы, яка тоби зъ того буде корысть. Тоди я

тебе ще бильшъ поважатыму, и твоя памьять навикы на земли зостанется.—Посылаю тоби, друже Остапе, на твое убожество чотыри карбованця грошей,—два видъ мене, а два видъ мого родыча Васыля Билозерського, щобъ ты насъ обохъ помынавъ у своихъ молытвáхъ. Про свое жыття пышы до мене лысты, щобъ я знавъ, чы жывый ты ще, чы здоровый.

Пріятель твій правдывый П. Кулишъ.

Року Божого 1866, сичня 10 дня, зъ Варшавы.

№ 10.

Велыка була мени втиха чытаты твій розумный лыстъ, друже мій Остапе, а ще бильша була бъ, колы бъ я тебе своимы очыма побачывъ и ушыма почувъ. Отъ же негайна робота держыть мене далеко видъ мого хутора, та ще й довго держатыме. Хочъ же часомъ и важко бувае серцю на чужыни, а все жъ такы слава Господеви, що диждалы козацьки диты пануваты надъ ляхамы. Скоро про се згадаю, заразъ увесь сумъ зныкне зъ душы. Ой тяжко жъ бо колысь було нашымъ предкамъ пидъ ляхамы, що повернулы булы всю нашу Днипрову Русь у мужыцтво и виру нашу прозвалы *мужыцькою вирою*. Попы нашы благочестыви робылы на католыкивъ панщыну, ишлы въ пидводы и одбувалы всякый одбутокъ ривно зъ посполытымы, а подушне ляхамъ платылы протопопы и архымандрыты, не то що! Теперъ же—хвалыты Господа—мы взялы надъ ляхамы гору и въ руськыхъ земляхъ, и въ лядській земли. Оцей самый Кулишъ, Остапе, що до тебе лысты пыше, старшынуе въ Польщи надъ усимъ католыцькымъ голенымъ попивствомъ, и хылятся передъ нымъ ксёндзы такъ, якъ хылылысь колысь нашы священныкы передъ вельможнымы панамы ляхамы. Такъ чы не одрада жъ козацькому серцю сю дывовыжу справляты! Може бъ иншый козарлюга вернувсь изъ раю, абы на таке подывытысь. Тильки жъ мы не згнущалысь; мы доглядаемо, щобъ воны людей не обдурювалы, щобъ мыромъ не колотылы, та й годи. Отъ же и те важко ксёндзамъ.

прелатамъ и бискупамъ, бо мынулася ихъ пыха велыка, мынулось ихъ несыте напування. Воны бо, колы хочешъ знаты, орудувалы всимы велыкымы дукамы въ Польщи и самого круля польського до чого хотя прыводылы; а теперь мусять у насъ изъ рукъ дывытысь. Такъ Богъ смырывъ гордыню католыцьку. Не легкé жъ дило сыхъ пройдысвитивъ гнуздаты: великои треба тутъ працы, а ще бильшои обачносты. Тымъ то й до свого хутора николы мени навернутысь. Да вже жъ колысь упораюсь трохы, то прыбижу хочъ на малый часъ до-дому. Тоди и тебе, друже Остапе, жывымъ словомъ прывитаю. Прышлю по тебе коныка, щобъ ты до мене у хуторъ Пиддубень прыйихавъ изъ своею кобзою, та щобъ мою душу звеселывъ козацькымы старосвитськымы думамы. Посылаю на твое вбожество два карбованця и прошу тебе не вдавайся у тугу, щобъ твого вику стало мени на старисть. Якъ буду колысь у хутори кбло насикы вику дожываты, то й тебе, Остапе, прытулю коло себе, и що-дня зъ тобою про старосвищыну розмовлятымемъ и про козацьку славу спиватымемъ.

Щырый прыятель твій Панько Кулишъ.

Р. Б. 1866, м-ця червеня, зъ Варшавы.

№ 11.

Посылаю тоби, друже Остапе, на твое убожество пьять рублевыхъ бумажокъ, а лыста на сей разъ не пышу, бо не маю часу; а ты мени напышы, якъ тоби жывется на свити, та не вдавайся у тугу; жды, покы я выйду зъ службы; тоди жытымемо зъ тобою въ мене на хутори.

Щырый твій прыхыльныкъ Панько Кулишъ.

1866, октября 18, зъ Варшавы.

Николай Ивановичъ Савичъ.

(Прикосновенный къ дѣлу украинскаго Кирилло-Мефодіевскаго Общества—1847 г.).

Въ журналѣ «Русская Мысль» за 1885 г.—въ №№ за *май* и *іюнь*—напечатана была въ первый разъ «Автобіографія Н. И. Костомарова». Здѣсь мы, между прочимъ, читаемъ: На зиму (1846 г.) опять съѣхались въ Кіевъ всѣ члены Общества (Кирилло-Мефодіевскаго) и постоянно собирались то у одного, то у другого. *Въ концѣ года пріѣхалъ въ Кіевъ Савичъ (братъ профессора С.-Петербургскаго университета), собиравшійся въ Парижъ, познакомился со мной, и я завербовалъ его въ Общество. Онъ такъ увлекся имъ, что измѣнилъ планъ своего путешествія и, вмѣсто Парижа, рѣшилъ ѣхать въ славянскія земли для распространенія идей Общества.* 25 декабря 1846 г. было роковымъ днемъ для членовъ Общества. Собрались мы въ квартирѣ Гулака: *былъ и Савичъ.* Шевченко и я горячились, мечтали о томъ, какъ разростется Общество; Шевченко, по своему обыкновенію, выражался не совсѣмъ цензурно о существующихъ порядкахъ. Между тѣмъ за стѣной сидѣлъ нѣкто Петровъ и записывалъ все, что говорилось; потомъ этотъ Петровъ сблизился съ Гулакомъ, втерся въ его довѣріе и, узнавши окончательно всѣ подробности и планъ Общества, написалъ доносъ въ III отдѣленіе.—Но бѣда обрушилась на членовъ Общества не такъ скоро. Послѣ

того мы еще прожили спокойно болѣе трехъ мѣсяцевъ: *Савичъ уѣхалъ заграницу тогда же—въ декабрѣ*». (*Май*, стран. 212).

Въ книгѣ: «Литературное наслѣдіе» Н. И. Костомарова (Спб., 1890 г.) также напечатана автобіографія Костомарова; но здѣсь *эпизодъ о Савичѣ* имѣетъ уже нѣкоторые варіанты. Вотъ что мы здѣсь читаемъ объ этомъ: «Наступили рождественскія святки (1846 г.). *Въ Кіевъ пріѣхалъ старинный мой знакомый, бывшій нѣкогда студентъ Харьковскаго университета, Савичъ, помѣщикъ гадячскаго уѣзда. Онъ ѣхалъ въ Парижъ. Въ первый день Рождества мы сошлись съ нимъ у Гулака на Старомъ городѣ—въ домѣ Андреевской церкви.* Кромѣ него, гостемъ Гулака былъ Шевченко. Разговоры коснулись славянской идеи. Мы разговаривали, не стѣсняясь и не подозрѣвая, чтобы наши рѣчи кто-нибудь слушалъ за стѣной съ цѣлью перетолковать ихъ въ дурную сторону. А между тѣмъ такъ было»... (стран. 67-я).

Въ «Русскомъ Архивѣ» 1892 г. въ № 7-мъ—въ статьѣ: «Объ Украйно-Славянскомъ Обществѣ» (докладъ графа А. Ѳ. Орлова 28 мая 1847 г.) находимъ такія свѣдѣнія: «По доносу студента Алексѣя Петрова генералъ-губерн. Бибиковъ 17-го марта 1847 г. арестовалъ Гулака; кромѣ того, въ С.-Петербургъ доставлены изъ Кіева: Костомаровъ, студенты Андрузскій и Посяда, Шевченко; изъ Варшавы: Кулишъ и Бѣлозерскій; изъ Полтавы—дѣйствит. студентъ Навроцкій. Еще вытребованы изъ Кіева студ. Марковичъ *и изъ-заграницы помѣщикъ полтавской губерніи Савичъ.*—Рѣшеніе дѣла: «Настоящее дѣло можетъ быть рѣшено нынѣ, не ожидая доставленія изъ Кіева студ. Марковича *и изъ-заграницы помѣщика Савича, тѣмъ болѣе, что они не были участниками Украйно-Славянскаго Общества,* и, вѣроятно, суть только украйнофилы; слѣд. дѣло о нихъ можетъ быть произведено и докончено отдѣльно (стран. 343-я).

Въ «Русской Старинѣ» 1889 г.—*ноябрь*—въ матеріалахъ подъ заглавіемъ: «Къ Истор. Русск. Общества 1807—1849 гг.»—между прочимъ читаемъ: «1847 г., марта 24. Начальникъ Петербургской губерніи далъ знать надлежащимъ лицамъ и учрежденіямъ, что: *въ 1846 г. отправились заграницу*: а) *Помѣщикъ*

полтавской губерніи, гадячскаго уѣзда—Николай Ивановичъ Савичъ; б) служащій въ С.-Петербургѣ Пантелеимонъ Александровичъ Кулешъ, посланный заграницу Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для изученія славянскихъ нарѣчій—и в) дворянинъ Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ... Нынѣ, въ мартѣ 1847 г., по встрѣтившейся чрезвычайной надобности, состоялось повелѣніе, при возвращеніи означенныхъ *Савича*, Кулеша и Чижова, въ Россію, *задержать ихъ на самой границѣ, опечатать, не разсматривая на мѣстѣ, всѣ ихъ бумаги и вещи* и тотчасъ вмѣстѣ съ оными отправить въ С.-Петербургъ, въ III отдѣленіе, въ сопровожденіи самаго благонадежнаго и вѣрнаго чиновника и подъ строжайшимъ надзоромъ». Къ этому мѣсту редакція «Русской Старины» сдѣлала такое примѣчаніе: «Всѣ поименованныя здѣсь лица, немного лѣтъ спустя, въ царствованіе Александра II, *прославились какъ знаменитые*: *ученый (Савичъ)*, писатель-издатель (Кулишъ) и публицистъ-экономистъ (Чижовъ), и всѣ заняли видное и почетное мѣсто на ряду образованныхъ и полезныхъ своему отечеству и Государю русскихъ общественныхъ дѣятелей» (стр. 368-я).

Очевидно, редакція «Русской Старины» *смѣшала арестованнаго въ 1847 г. Савича* съ извѣстнымъ профессоромъ-математикомъ Савичемъ, хотя изъ автобіографіи Н. И. Костомарова—въ «Русской Мысли» 1885 г.—она могла уже узнать, что это былъ только *братъ профессора Савича* (двоюродный?).—Естественно, вслѣдъ за этимъ появились въ «Русской Старинѣ» поправки и дополненія по поводу сдѣланнаго редакціею ея смѣшенія *двухъ различныхъ Савичей*. Именно—въ *декабрьской* книжкѣ того же 1889 г. Ѳ. С. Глинка сдѣлалъ поправку, что «академикъ и профессоръ астрономіи называется *Алексѣй Николаевичъ Савичъ* и что другого ученаго съ этой фамиліей не существуетъ». (Стран. 846-я). Въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за 1890 г. появилась дополнительная замѣтка И. А. Тютчева подъ заглавіемъ: «Дѣятели науки Савичи». Здѣсь названы: 1) Академикъ Алексѣй Николаевичъ Савичъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета, 2) Н. Ѳ. Савичъ и 3) Вихран. Иванъ Савичъ (стр. 760-я).

Но вотъ что замѣчательно: въ то время, когда на страницахъ «Русской Старины» шелъ, такъ сказать, *повальный обыскъ* о нѣкогда арестованномъ по прикосновенію къ Украино-Славянскому Обществу *Николаѣ Ивановичѣ Савичѣ*,—этотъ послѣдній преспокойно жилъ себѣ въ Одессѣ... Уже онъ въ это время былъ глубокимъ старикомъ—и не было у него охоты напоминать о себѣ въ печати по поводу *дѣлъ давно минувшихъ дней*... А можетъ быть онъ и не зналъ, что его *разыскиваютъ*... уже не полицейскія власти, а русскіе историки... Но дивно то, что ни одинъ изъ интеллигентныхъ друзей Никол. Иванов. Савича (а у него ихъ было много въ Одессѣ...) не отозвался въ «Русскую Старину». Въ такой неизвѣстности для «Русской Старины» Николай Ивановичъ Савичъ и окончилъ дни свои—въ Одессѣ 20 мая 1892 г.—Въ одной изъ мѣстныхъ газетъ — именно въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* (отъ 29 мая 1892 г. въ № 135-мъ) появился его некрологъ, написанный однимъ изъ его друзей —проф. *Владиміромъ Алексѣев. Яковлевымъ.* († 10 апрѣля 1899 г.). Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь этотъ некрологъ цѣликомъ: «Вчера (22 мая) въ 6 часовъ утра, скончался одинъ изъ одесскихъ старожиловъ и городскихъ общественныхъ дѣятелей *Николай Ивановичъ Савичъ*. Послѣдній родился въ имѣніи отца своего, полтавскаго помѣщика, въ 1808 г. и получилъ образованіе въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1827 г., послѣ чего служилъ въ драгунахъ и сдѣлалъ Турецкую кампанію 1828—1829 гг.; чрезъ два года послѣ заключенія мира Савичъ вышелъ въ отставку и жилъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ своего отца, гдѣ имѣлась довольно большая библіотека, состоявшая по преимуществу изъ произведеній французскихъ писателей XVIII в., чтеніемъ которыхъ онъ увлекался, такъ что о немъ можно смѣло сказать, что онъ былъ воспитанъ энциклопедистами и Вольтеромъ, и не даромъ близкіе его знакомые называли его «послѣднимъ волтерьянцемъ». Послѣ смерти отца, въ 30-хъ годахъ, Николай Ивановичъ отправился заграницу—прямо въ Парижъ, куда влекла его возможность довершить свое образованіе въ томъ же усвоенномъ имъ «вольтерьянскомъ» направленіи. Въ Парижѣ Савичъ

прожилъ три года, слушая лекціи въ «College de France» безъ всякой системы, болѣе серьезно занимаясь химіей, знаніе которой ему было необходимо для веденія сельскаго хозяйства Возвратившись въ началѣ 40-хъ годовъ на родину, нашъ волтерьянецъ провелъ нѣсколько лѣтъ безвыѣздно у себя въ деревнѣ, изрѣдка выѣзжая въ Полтаву и Кіевъ, гдѣ онъ сошелся съ Шевченкомъ, Костомаровымъ, Кулишемъ, Гулакомъ и вступилъ въ члены, такъ называемаго, тайнаго Общества Кирилла и Меѳодія, так что, когда члены Общества были арестованы (въ 1847 г.), въ числѣ ихъ былъ арестованъ и Савичъ; но чрезъ полгода онъ былъ освобожденъ и высланъ въ свое имѣніе, гдѣ прожилъ безвыѣздно два года.—Въ 1848 г. Н. И. Савичъ переселился въ Одессу, сошелся съ профессорами тогдашняго Ришельевскаго музея и по своему уму и образованію сталъ однимъ изъ весьма замѣтныхъ членовъ историческаго одесскаго интеллигентнаго Общества. Когда изданіе «Одес. Вѣстн.» (въ 1858 г.) перешло въ руки профессоровъ Богдановскаго и Георгіевскаго, Савичъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ этой газеты. Здѣсь имъ напечатано нѣсколько фельетоновъ и статей по экономическимъ и общественнымъ вопросамъ. Между прочимъ, на страницахъ «Одес. Вѣстн.» этого года началась впервые въ русской журналистикѣ полемика о классическомъ и реальномъ образованіи—между проф. Орбинскимъ (классикомъ) и Савичемъ (реалистомъ).—Со введеніемъ въ Одессѣ мироваго института, Николай Ивановичъ избранъ участковымъ мировымъ судьей. По окончаніи срока избранія, Савичъ совершенно удалился отъ дѣлъ и нѣсколько лѣтъ безвыѣздно прожилъ въ своемъ имѣніи (Волынской г.); но съ 1878 г. окончательно поселился въ Одессѣ, откуда выѣзжалъ нѣсколько разъ заграницу, при чемъ однажды едва не лишился жизни, будучи ограбленъ на сумму болѣе 200,000 руб. нѣкіимъ Новицкимъ. Дѣло это, безъ сомнѣнія, памятно нашимъ читателямъ.—Покойный Николай Ив-чъ былъ однимъ изъ послѣднихъ могиканъ «старыхъ европейцевъ», очень остроумный, *съ скептическимъ взглядомъ на все и всѣхъ*. Зорко слѣдя за всѣмъ творящимся въ современномъ, почти совершенно чуждомъ ему обществѣ, онъ всегда дѣлалъ своеобразную оцѣнку текущимъ явленіямъ

общественной жизни, литературы и науки. Съ какимъ восторгомъ относился онъ, наприм., къ Щедрину, Л. Толстому,—хотя находилъ въ нихъ именно то, чего никакъ не могли видѣть современники нашихъ корифеевъ литературы. Оригинальность его проявлялась во всемъ—во внѣшности, вкусахъ и сужденіяхъ.—Еще надо замѣтить одну черту характера покойнаго: онъ былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ, серьезныхъ собесѣдниковъ,—достоинство довольно рѣдкое у современнаго поколѣнія. Извѣстіе о смерти его,—мы увѣрены,—вызоветъ искреннее сожалѣніе въ многочисленныхъ его знакомыхъ, глубоко его уважающихъ».

Мнѣ лично удалось узнать кое-что о жизни Н. И. Савича въ Одессѣ, даже больше: я имѣлъ удовольствіе видѣть этого почтеннаго старца, разговаривать съ нимъ и даже навѣстить его въ его домѣ. Разскажу объ этомъ вкратцѣ.

Въ первый разъ я услышалъ о Савичѣ въ 1885 г. отъ протоіерея *Михаила Ильича Діевскаго* († 16 іюня 1893 г.)—его стариннаго пріятеля. Протоіерей Діевскій—уроженецъ кіевской губерніи, магистръ Кіевской Академіи 1851 г.—былъ добродушнѣйшій и гостепріимнѣйшій человѣкъ и щирый украинецъ.

Хотя я и услышалъ о Савичѣ, но еще не имѣлъ повода предполагать въ немъ тождества съ бывшимъ знакомцемъ Костомарова, Гулака и другихъ кіевлянъ и съ участникомъ роковыхъ Кирилло-Меѳодіевскихъ разговоровъ въ рождественскій праздникъ 1846 г.... Только по прочтеніи «Автобіографіи Костомарова» въ *Русской Мысли*, и особенно послѣ перваго свиданія съ Савичемъ, я сталъ приходить къ этому предположенію и поэтому сталъ естественно сильно интересоваться личностію Савича, много видѣвшею и испытавшею на своемъ вѣку.... Въ первый разъ я увидѣлъ Н. И. Савичаслу—чайно—21 марта 1889 г. въ одесской публичной библіотекѣ, въ комнатѣ завѣдывавшаго тогда этой библіотекой профес. Влад. Алек. Яковлева, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ. Савичъ былъ уже глубокій старикъ—средняго роста, плотный, съ красноватымъ, нѣсколько одутловатымъ лицомъ

и большою окладистою бородою, но еще довольно бодрый и разговорчивый... Въ разговорѣ онъ между прочимъ упомянулъ, что онъ былъ въ Кіевѣ во время ареста Шевченка и что онъ везъ въ Парижъ поэму Шевченка «Кавказъ» для передачи *Адаму Мицкевичу* и передалъ... Говорилъ также, что видѣлъ Гоголя въ Одессѣ въ 1850 г. на обѣдѣ у *Александра Григорьевича Тройницкаго*, при чемъ вездѣ были разставлены сочиненія Гоголя въ разныхъ переплетахъ—и на столѣ, и на шкафахъ—вездѣ [1]).— Послѣ этого свиданія, я пришелъ къ несомнѣнному убѣжденію, что увидѣлъ того самаго Савича, о которомъ Костомаровъ писалъ въ своей «Автобіографіи», и потому сталъ искать случая, чтобы ближе съ нимъ познакомиться и разспросить его о немъ самомъ и о тѣхъ достопамятныхъ лицахъ, съ коими онъ находился въ сношеніяхъ... Я сталъ просить о. М. И. Діевскаго сходить со мною къ Савичу. Онъ обѣщалъ, но при этомъ говорилъ, что сначала нужно разузнать, можетъ ли насъ Савичъ принять; для этого—дескать—нужно прибрать время, ибо съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ прихварывать... да и неудивительно,—тогда старцу было уже 80 лѣтъ съ лишнимъ... Наконецъ о. Михаилъ Ильичъ повелъ меня къ Савичу, жившему въ собственномъ домѣ—на Надеждинской улицѣ, противъ Сабанѣева моста... Николай Ивановичъ принялъ насъ радушно—въ своемъ кабинетѣ, какъ былъ—въ халатѣ и съ колпакомъ на головѣ... Стали говорить о семъ о томъ... Я сталъ заговаривать о лицахъ давно минувшаго времени. Николай Ивановичъ отвѣчалъ охотно... Вспомнилъ о Гулакѣ-Артемовскомъ, котораго онъ зналъ въ Харьковѣ еще молодымъ. У Гулака-Арт. онъ видѣлъ Адама Мицкевича, который заѣзжалъ въ Харьковъ—по дорогѣ изъ Крыма въ Москву—въ 1826 г.,

---

[1]) Ал. Тройницкій былъ тогда редакторомъ «Одесскаго Вѣстника» и инспекторомъ Института благородн. дѣвицъ. Въ 1857 г. онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, былъ товарищемъ министра внутр. д. и членомъ знаменитыхъ «Редакціонныхъ коммиссій» по крестьянскому дѣлу,—сконч. 12 марта 1871 г. въ званіи члена Государственнаго Совѣта.

везъ съ собой знаменитые свои *Крымскіе сонеты.* Гулакъ-Артем. перевелъ его *Пана Твардовскаго* на малорусскій языкъ; но въ концѣ стихи—это его собственная прибавка. Именно:

Мабудь вси чорты бурлакы,
Тай ще розумъ мають:
Знають, де зимують ракы—
Отъ жинокъ втикають...

Еще вспомнилъ Савичъ объ эпиграммѣ на Гулака-Арт., написанной по поводу его стихотворенія: *Панъ та Собака.* Эпиграмма эта была собственно пародіей на *надпись къ портрету Хераскова.* Въ этой надписи были такіе послѣдніе стихи:

«Владиміръ» и «Іоаннъ» щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертія введутъ...

Соотвѣтственно съ этимъ въ эпиграммѣ на Гулака-Арт. было сказано:

Сирко—рябко хвостомъ его прикроютъ
И въ храмъ безсмертія введутъ...[1])

Не могу хорошенько вспомнить, кому приписывалъ Николай Ивановичъ написаніе этой эпиграммы. Кажется, профессору греческаго языка Куницыну.—Еще вспоминалъ онъ при этомъ о какомъ-то французѣ *Гибалѣ*, который былъ большой волокита и имѣлъ своимъ соперникомъ Гулака-Артем.... Этотъ Гибалъ,—прибавилъ онъ,—былъ послѣ, кажется въ Одессѣ—убитъ на дуэли французомъ *Фе* въ первый день Свѣтлаго праздника [2]).

---

[1]) Объ этой эпиграммѣ упоминается въ «Воспоминаніяхъ о Харьковскомъ университетѣ *М. Ѳ. де-Пуле,* напечатанныхъ въ *Вѣстникѣ Европы*—въ 70-хъ годахъ...

[2]) Это, конечно, тотъ самый *Гибалъ*, о которомъ упоминается въ книгѣ, изданной въ Одессѣ проф. *Ал. Ив. Маркевичемъ* и *Петр. Корн. Борзаковскимъ*—подъ заглавіемъ: «Ришельевскій Лицей и имп. Но-

Почему-то заговорилъ при этомъ *объ усахъ*—что ихъ нельзя было носить тогда никому, только одни гусары имѣли на это право; даже кирасиры и пѣхотинцы не имѣли этого права... А Гулакъ-Артем. носилъ усы, и Савичъ вспомнилъ стихи, написанные Артемовскимъ по этому поводу, коихъ былъ такой конецъ:

«Пусть громъ небесный грянетъ
Надъ головой того бородобрѣя,
Кто жало бритвенно усами чародѣя
Безжалостно... *(дальше не помню)*.

Заговорили о Гоголѣ... Николай Ивановичъ сказалъ, что онъ самъ лично зналъ тѣхъ лицъ въ Полтавщинѣ, съ кого Гоголь нарисовалъ Чичикова, Коробочку и другіе свои типы... И сталъ называть по именамъ и фамиліямъ эти лица... Не могу вспомнить теперь этихъ именъ. Помню только, что *Чичиковъ*—по его словамъ—это былъ предводитель дворянства въ полтавскомъ уѣздѣ, скупалъ у разныхъ помѣщиковъ мертвыя души и заложилъ въ Опекунскій Совѣтъ... *Коробочка*—была въ зѣньковскомъ уѣздѣ, а также и въ миргородскомъ. Одинъ—не помню какой—изъ героевъ Гоголя былъ мелкопомѣстный помѣщикъ въ гадячскомъ уѣздѣ—имѣлъ 5 или 6 душъ крестьянъ и назывался *Вбйко*... [1]).

вороссійскій университетъ. Сборникъ, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета» 1898 г.—Здѣсь говорится, что Гибалъ былъ надзирателемъ лицея и редакторомъ «Journal d'Odessa»; что онъ родился въ Россіи, но получилъ образованіе въ лицеѣ Метца и что онъ убитъ на дуэли въ Ботаническомъ саду—*наканунѣ* перваго дня Свѣтлаго Христова Воскресенія; но не сказано—*кѣмъ* (стр. 64).

[1]) Мнѣ припоминается при этомъ, что писала дочь С. Т. Аксакова *Вѣра Сергѣевна* къ *М. Г. Карташевской*—въ ноябрѣ 1845 г.: «малороссы вообще, особенно въ Миргородѣ, терпѣть не могутъ Гоголя за то, что онъ ихъ вывелъ въ смѣшномъ видѣ, и говорятъ, что *Мертвыя души* написаны на нихъ-же; всегда выдумываютъ на него всевозможныя сказки, такъ что бѣдную мать часто мучатъ...». (См. въ *Русскомъ Архивѣ* 1890 г. № 8: С. Т. Аксакова: «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ»—стран. 151).

И оживился Ник. Ив. Савичъ, вспоминая всю эту старину... Но тутъ произошло одно обстоятельство, которому причиною былъ я и котораго доселѣ не могу простить себѣ—и даже удивляюсь, какъ это я рѣшился допустить его, при всей своей осторожности... Разсказы Савича о прототипахъ гоголевскихъ героевъ такъ меня заинтересовали, что я непремѣнно хотѣлъ замѣтить ихъ имена и фамиліи и для этого невольно вынулъ изъ бокового кармана бумагу и карандашъ и собирался записывать ихъ... Когда увидѣлъ это Н. И Савичъ, — сейчасъ же перемѣнилъ тонъ: пересталъ вспоминать о старинѣ и началъ разспрашивать насъ о разныхъ текущихъ дѣлахъ... Какъ я потомъ уже ни старался загладить въ глазахъ его свой поступокъ,—ничего не помогло... Ни малѣйшаго упрека не сдѣлалъ мнѣ Николай Ивановичъ; но о старинѣ своей разсказывать послѣ этого рѣшительно не хотѣлъ... Конечно, онъ догадался, что передъ нимъ—не простой собесѣдникъ, а такой человѣкъ, который можетъ впослѣдствіи передать его разсказы и въ печати... Очевидно, онъ думалъ, что я начну разспрашивать его объ обстоятельствахъ его участія въ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ, а также о подробностяхъ вскорѣ послѣдовавшаго его ареста при возвращеніи его изъ Парижа въ Россію—и проч. и проч.... Очевидно, это было больное мѣсто въ его душѣ, котораго онъ не хотѣлъ, кажется, и повѣрять другимъ... Тяжко ему было, видно, вспоминать объ этомъ... для меня же все это было очень прискорбно потому, что уже лишало меня возможности *въ другой разъ* зайти къ Н. И. Савичу и опять поговорить о старинѣ... Нельзя уже было никакъ напрашиваться на разспросы, и нужно было волей-неволей оставить почтеннаго старца въ покоѣ... Онъ радушно угостилъ насъ чаемъ, и мы съ о. Мих. И. Діевскимъ попрощались съ нимъ... Съ тѣхъ поръ я уже больше не видалъ Н. И. Савича... да онъ вскорѣ и скончался...

Сообщ. **Л. М.**

П. А. Кулишъ и его сотрудничество въ „Искрѣ“ 1859 г.

Самымъ плодотворнымъ періодомъ въ дѣятельности П. А. Кулиша была вторая половина пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда, при всеобщемъ оживленіи русскаго общества, съ особой силой выдвинулся въ наукѣ и литературѣ и малорусскій вопросъ. П. А. Кулишъ въ тѣ годы жилъ по преимуществу въ Петербургѣ, работая совмѣстно съ Н. И. Костомаровымъ надъ изданіемъ Актовъ Южной Россіи, готовя изданіе «Записокъ о Южной Руси», сочиненій Гоголя. «Черной Рады» и пр. Всѣ эти серьезные труды не помѣшали ему однако принять участіе и въ сатирическомъ журналѣ «Искра», начавшемъ издаваться въ 1859 г. подъ редакторствомъ В. Курочкина и Н. Степанова. Объ этомъ сотрудничествѣ П. А. Кулиша въ «Искрѣ» совершенно забыли и біографы его, и составители библіографическихъ указателей его сочиненій. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, мы и хотимъ, воспользовавшись указаніемъ на участіе П. А. Кулиша въ «Искрѣ», встрѣченнымъ нами въ книгѣ Мих. Лемке «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики 19 столѣтія»[1]), познакомить читателя съ этой маленькой страничкой изъ жизни и литературной дѣятельности Кулиша.

Изъ всѣхъ сатирическихъ журналовъ, являвшихся въ русской журналистикѣ со второй половины 18-го вѣка, безспорно, самое

[1]) Спб. 1904 г., стр. 43.

выдающееся положеніе занималъ журналъ «Искра», особенно въ періодъ времени съ 1859 г. по 1864 г. Иниціаторами дѣла, Курочкинымъ и Степановымъ, приглашены были къ сотрудничеству лучшія литературныя силы, благодаря чему по всѣмъ вопросамъ русской жизни можно было встрѣтить въ «Искрѣ» талантливо и мѣтко составленныя статьи, корреспонденціи, остроты, и особенно—каррикатуры. Разсматривая этотъ журналъ за первые годы существованія его, читатель и теперь не безъ удовольствія остановится на нѣкоторыхъ остроумныхъ изображеніяхъ отрицательной стороны въ тогдашней русской общественной жизни. Совершенно почти обойденъ въ журналѣ малорусскій вопросъ, не дававшій, очевидно, повода издателямъ «Искры» вышучивать и высмѣивать его, какъ это многократно дѣлалось и раньше, и позднѣе въ русскихъ журналахъ. Сочувственное отношеніе къ этому вопросу со стороны издателей лучше всего доказывается тѣмъ, что они пригласили къ участію въ журналѣ, въ качествѣ литературнаго работника, П. А. Кулиша, слишкомъ опредѣленно тогда заявившаго уже себя своимъ *украинскимъ* направленіемъ. Въ какой мѣрѣ было участіе Кулиша въ составѣ редакціоннаго кружка, періодически собиравшагося для совмѣстныхъ обсужденій, намъ не извѣстно, но литературное его участіе выразилось, во первыхъ, въ томъ, что въ теченіе 1859 года за его подписью появилось въ «Искрѣ» три разсказа изъ малорусской жизни—«Панъ Мурло», разсказъ моего пріятеля (№ 7, и 8 и 9), «Сельскій философъ», малороссійскій анекдотъ (№ 38), «На почтовой дорогѣ въ Малороссіи» (№ 49). Мы считаемъ, что не безъ участія Кулиша, а во всякомъ случаѣ не безъ его вліянія, было помѣщено въ томъ-же году нѣсколько анекдотовъ изъ малорусскаго быта, а также разсказовъ или совсѣмъ безъ подписи, или за подписями *П. Д.* («Пулечка»—разсказъ изъ провинціальной жизни, съ малорусскими фразами; разсказъ, по всѣмъ примѣтамъ, касается Полтавы—№ 33), *Тихорскій* («Оборотень»—разсказъ изъ малорусской жизни —№ 43).

Ввиду того, что указанные три разсказа П. А. Кулиша совершенно позабыты, а также ввиду того, что «Искра» тѣхъ

годовъ представляетъ теперь библіографическую рѣдкость, мы рѣшаемъ перепечатать эти разсказы, на первый разъ помѣщая два изъ нихъ, меньшихъ по объему.

В. Н.

I.

На почтовой дорогѣ въ Малороссіи.

Не люблю я—да и никто, надѣюсь—почтовыхъ нашихъ дорогъ въ глуши провинцій. Но нигдѣ онѣ такъ не отвратительны, какъ въ Малороссіи. Это каналы, которыми цивилизація, заимствованная у нѣмцевъ, безъ особенной разборчивости, проведена въ разные административные пункты нашего края. Какова была эта цивилизація и какъ она приспособлена къ потребностямъ нашего края нашими бюрократами-предками, мы видимъ на губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нашихъ, гдѣ народъ, живущій роскошно при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, исплутовался неисправимо и невозвратно. На почтовыхъ дорогахъ она оставила свои обноски, по которымъ легко судить, во что она была одѣта. Почтовыя дороги въ Малороссіи обманываютъ наблюдательность иноземнаго путешественника до смѣшного, представляя ему образчики народа, чуждаго аборигенамъ, или по языку, нравамъ и обычаямъ, вовсе не-малороссійскимъ, или по искаженію языка, нравовъ и обычаевъ, въ которыхъ знатокъ видитъ гніеніе вѣтвей, отдѣленныхъ отъ ихъ родного дерева. Трудно даже сказать, какое племенное начало преобладаетъ на станціяхъ и постоялыхъ дворахъ, украшающихъ почтовыя дороги въ Малороссіи. Здѣсь вы встрѣчаете и евреевъ, и цыганъ, и людей Богъ знаетъ какой породы, стекающихся сюда отовсюду на легкую добычу, безъ потового труда. Представители малороссійскаго населенія являются между этими владыками торговыхъ, промышленныхъ, а часто и воровскихъ сдѣлокъ, не иначе, какъ въ роляхъ страдательныхъ. Это—или ямщики, которыхъ помѣщикъ, содержатель станціи, обрекъ на вѣчную гоньбу, или *дивчата*, погубленныя соблазномъ,

пожалуй, увлеченныя бѣдностью на службу станціоннымъ смотрителямъ и евреямъ, содержащимъ станціи. На одной станціи я встрѣтилъ замѣчательный образчикъ изъ этого послѣдняго разряда личностей.

Пріѣхалъ я подъ вечеръ. Лошадей мнѣ не дали, потому что ожидали *губернаторскаго проѣзда*. Напрасно было бы предъявлять свои права, особенно съ моимъ ничтожнымъ чиномъ. Одинъ иностранецъ, котораго я засталъ на станціи, сидѣлъ тутъ со вчерашняго дня, дожидаясь, пока проѣдетъ губернаторъ. Въ козацкомъ селѣ, къ которому примыкаетъ станція, достать лошадей не было возможности, по той простой причинѣ, что его смиренные обитатели держатъ однихъ воловъ, а лошадей не держатъ. Они убѣдились многолѣтними опытами, что козацкія лошади мало служатъ хозяину, а больше—мѣстной полиціи, которая, въ лицѣ письмоводителей, въ лицѣ командированныхъ изъ города чиновниковъ, или головы, сотскихъ, старшинъ и всякихъ иныхъ властей, безпрестанно ѣздитъ изъ села въ село...

Волей-неволей я долженъ былъ остаться ночевать на почтовой станціи.

Скука, страшная скука въ этихъ, извѣстныхъ каждому, двухъ комнаткахъ, уставленныхъ форменною мебелью топорной работы! Я пробрался на половину станціоннаго смотрителя. Тамъ за столомъ, прислоненнымъ къ печкѣ, по случаю выбитыхъ стеколъ въ окнахъ, засѣдалъ смотритель съ письмоводителемъ станового пристава. Смотритель, дюжій, видный мужчина, по выговору былъ великороссіяпинъ; письмоводитель, высокій, худощавый, съ правильнымъ горбатымъ носомъ—украинецъ. Графинчикъ, стоявшій между ними, чудесно сблизилъ обѣ національности. У свѣчки, которую только слегка задувалъ вѣтеръ изъ кой-какъ заткнутыхъ оконъ, присѣла тутъ же жена смотрителя, съ какимъ-то шитьемъ, въ капотѣ и платочкѣ на головѣ; а выше ея, на лежанкѣ, сидѣла за пряжею красивая дѣвушка, въ шитой красной заполочью сорочкѣ. Свѣча освѣщала снизу молодой, нѣжно закругленный ея подбородокъ, нижнія части щекъ, красиво вырисованныя ноздри, и сверкала въ глазахъ, которые остановили мое вниманіе своимъ

грустнымъ выраженіемъ. Голова повязана была широкимъ позументомъ, въ видѣ діадемы. Сгустившійся за нею мракъ усиливалъ сіянье мишуры. Всѣ прочія лица были или грубо очерчены природою, или искажены хмѣлемъ; это еще больше придавало ей прелести. Подлѣ нея висѣла люлька, которую она потихоньку колыхала ногою...

Разговоръ между смотрителемъ и письмоводителемъ шелъ о сухой вербѣ возлѣ станціи.

— *Чого у васъ отта верба стоить, наче чортъ?*—говорилъ письмоводитель.

— Да вотъ, какъ видите, отвѣчалъ смотритель: стоитъ, да и все тутъ.

— Нѣтъ, не все, Иванъ Карповичъ, нѣтъ, не все! Надобно ее срубить!

— Кто же ее срубитъ?

— Вы срубите! призовите сейчасъ ямщиковъ и срубите.

— Я не имѣю права, Иванъ Петровичъ.

— Я вамъ позволяю!—торжественно сказалъ письмоводитель. Хоть и не моя воля, но я вамъ позволяю.

— Да чортъ съ нею, Иванъ Петровичъ! выпейте-ка лучше.

— Выпью, извольте, я выпью; а вербу срубить надо.

— Да зачѣмъ же ее рубить?

— Какъ зачѣмъ? Вы служили въ военной службѣ и не знаете порядка? А что скажетъ губернаторъ?

— Да ничего не скажетъ.

— Вамъ ничего, а мнѣ скажетъ. Я командированъ для порядка. Это вы понимаете?... Подъѣзжаетъ къ станціи—и что же? сухая верба!... *Стоить, наче чортъ, або статуя!* «Послушай ты, болванъ!» скажетъ губернаторъ, «зачѣмъ у тебя сухая верба подлѣ станціи стоитъ?»

— А вы ему скажите... началъ было смотритель, но гость перебилъ его рѣчь съ патетической запальчивостью:

— Что я могу сказать ему? что я могу сказать губернатору?.. Понимаете ли вы это слово: *гу-бер-на-торъ?* Онъ—дѣй-

ствительный статскій совѣтникъ, а я передъ нимъ что? Знаете ли, что я передъ нимъ?

— А что же?

Но на этотъ разъ письмоводитель становаго отвѣчалъ словомъ, слишкомъ неблаговиднымъ для печати.

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, возразилъ смотритель: не называйте себя такимъ поганымъ словомъ: вы коренной дворянинъ. Вотъ я—я хоть и офицеръ, по милости царской, но я изъ простыхъ.

— Дворянинъ я передъ вами, отвѣчалъ съ чувствомъ своего достоинства письмоводитель, а передъ губернаторомъ я...

И онъ опять опредѣлилъ свою личность сравненіемъ, которое, видно, казалось ему очень вѣрнымъ.

Станціонный смотритель замолчалъ и поникъ головой въ размышленіи.

— А послушайте, однакожъ...

Тутъ письмоводитель понизилъ голосъ и взглянулъ на дѣвушку.

— Давно?

— На прошлой недѣлѣ крестили.

— А бабенка—чортъ возьми! Не дура губа у гусара. Что маменька, рада внучку?

— Такъ рада, что и отца со двора долой.

— То есть, гусара?

— Нѣтъ, прикащика, отца красотки. Словно, его вина. Сама же взяла дочку въ горницы...

Теперь гусаръ уѣхалъ благополучно въ полкъ, а прикащика со двора прогнала.

Письмоводитель не спускалъ глазъ съ дѣвушки во все продолженіе разсказа. Но она углубилась въ свою работу и, казалось, ничего не слышала. Вѣтеръ свистѣлъ за окномъ, врываясь въ разбитыя стекла и колебля нагорѣвшую свѣчу. Веретено жужжало.

Хозяйка не поднимала глазъ на собесѣдниковъ, говорившихъ въ полголоса. Подъ лѣвымъ глазомъ у ней былъ синякъ, въ ко-

торомъ я видѣлъ что-то общее съ разбитыми стеклами, жилистыми кулаками смотрителя и его плотнымъ, угловатымъ лицомъ, которому жесткіе, подстриженные какъ щетки, усы придавали свирѣпое выраженіе.

— Да, продолжалъ письмоводитель все вполголоса: товарецъ недурной. Что же? и на нашу долю что нибудь выпадетъ?

Хозяинъ засмѣялся:

— Есть квасъ, да не для васъ!

— А нашъ квасъ вамъ пригодился, какъ было слѣдствіе?

— Ну, ужъ вы съ этимъ слѣдствіемъ, какъ дурень съ торбою носитесь!

— А гдѣ бы вы теперь сидѣли, позвольте васъ спросить?

— Да ну, полно вамъ, Иванъ Петровичъ!

— Полно, такъ и полно. Только не все же для проѣзжающихъ: отдѣлите малу толику и своимъ. Не все для военныхъ: у штатскаго тоже есть душа въ тѣлѣ.

— Да погодите! еще молодо. Бо́гъ поможетъ, такъ и васъ не обидимъ. Будемъ лучше говорить о сухой вербѣ.

— Проклятая верба! лучше бъ вы про нее и не вспоминали. Подъѣдетъ къ станціи—и вдругъ верба!... какъ чертъ! какъ статуя!.. А, голова!

Это восклицаніе относилось къ человѣку, съ краснымъ, одутловатымъ лицомъ и сѣдыми волосами, показавшемуся въ дверяхъ.

— Вотъ хорошо, что голова пришелъ, продолжалъ письмоводитель. А что́ это, братъ, у тебя верба сухая подлѣ самой станціи? Твое было дѣло донести по начальству!

— Да я жъ и доносилъ, отвѣчалъ голова басомъ. (Разумѣется, разговоръ идетъ на малороссійскомъ языкѣ, съ прибавкою казенныхъ фразъ со стороны письмоводителя). Я жъ и доносилъ становому, такъ онъ тогда и ничего, а теперь чортъ и насѣлъ на васъ.

Голова, какъ видно, разбогатѣлъ уже на своемъ мѣстѣ и не очень церемонился съ приказными. Письмоводитель, однакожъ, обидѣлся, но не за себя.

— Кого это ты, любезный, называешь чортомъ?—сказалъ онъ.—Иванъ Карповичъ, слышите? онъ губернатора чортомъ назвалъ!

Но голова махнулъ рукой и сказалъ, обращаясь къ смотрителю:

— Застряла имъ въ горлѣ верба! Вербу зáразъ можно срубить, и вы этимъ не слупите съ меня ни полушки. Это ваше дѣло, а не наше. А вотъ скажите мнѣ, долго ли еще мнѣ народъ держать на шляхý? скоро ли губернаторъ проѣдетъ? Ровняй да и ровняй! Какого чорта еще вамъ ровнять? Бокомъ будетъ катиться по шляху губернаторъ, что ли? Эхъ вы, начальство! Посадили бъ меня надъ вами,—научилъ бы я васъ начальствовать!

— Слушай, панъ голова,—сказалъ вдругъ ласковымъ голосомъ письмоводитель, поднявшись съ мѣста и подходя къ головѣ. —Слушай, мой любезнѣйшій. Ты человѣкъ вѣдь.... я тебя знаю.... ты человѣкъ премудрый. Перемѣнилъ ты на шляху очередныхъ не безъ выгоды... Чтó же ты толкуешь о начальствѣ? Начальство знаетъ, для чего дѣла дѣлаются. Ты думаешь, губернаторъ проѣзжаетъ такъ себѣ? сѣлъ, да и катай!... Пускай ровняютъ дорогу недѣлю, другую. Ты знай только перемѣнять очереди; а начальство знаетъ, для чего дѣла дѣлаются. Польза, польза, братъ, всѣмъ и каждому, вотъ чтó! Пойдемъ, панъ голова, пойдемъ къ тебѣ, перечислимъ, переберемъ вмѣстѣ, да подумаемъ, нѣтъ ли еще какихъ безпорядковъ: все служитъ на пользу человѣку.

— Куда же вы, Иванъ Петровичъ?—сталъ удерживать его смотритель.

— Ничего, ничего, Иванъ Карповичъ, не безпокойтесь!

И оба вышли,—высокій, сгорбленный письмоводитель и плотный, уже упитанный на своей должности голова.

— Туда тебѣ и дорога, дрянная пьявка!—сказалъ смотритель, убирая со стола водку.—Вотъ, обратился онъ ко мнѣ: перебитой подковы не стóитъ: а съ нимъ пріятельствуй! Эхъ, жизнь наша, жизнь горькая! смотрительство ты наше несчастное! Ни чести, ни корысти; еще полицейскихъ берегись, какъ огня! Вѣдь упекутъ, за ремешокъ упекутъ, ей Богу! Вотъ прошлой зимой былъ случай. Пріѣхала какая-то барыня: «Впусти переночевать!» А

метель на дворѣ. Станція—не постоялый дворъ; тутъ возлѣ есть деревня. А барыня-то, не отъѣхавши отъ станціи, и замерзни въ саняхъ. Мы тутъ съ лакеемъ споримъ, а она и Богу духъ отдала. Что же? вѣдь уцѣпились проклятые, да насилу парой коровъ отвертѣлся! Разные случаи бываютъ: нельзя съ ними не ладить: упекутъ! Да вотъ хоть бы и эта статья. Вотъ дѣвушка. Барыня согнала со двора, отецъ прогналъ съ глазъ....

— Какъ! и отецъ прогналъ?—спросилъ я.

— То есть, чисто-начисто отрекся: «Ты мнѣ не дочь, я тебѣ не отецъ!» Ну, я, по добротѣ души, принялъ, а вѣдь вида у ней нѣтъ никакого. Скажутъ: бѣглыхъ передерживаешь. Эхъ, сторона ты, сторонушка! кто меня замчалъ, завезъ сюда! Все своя добрая воля: не на кого жаловаться.

— А какъ, однакожъ, вы сюда попали?—спросилъ я: вы, по выговору, не малороссійскій уроженецъ.

— Изъ самой Калуги, батюшка. Такъ вотъ, любовь приковала, да и все тутъ.

— Какъ такъ?

— Да вотъ какъ. Ѣздилъ я по своему промыслу....

— По какому?

— *Былъ* у меня промыселъ. Гдѣ купить, гдѣ продать. Эдакъ по всему свѣту и гуляю. Вольный козакъ! Чинишку себѣ въ аудиторіатѣ зашибилъ—всюду мнѣ дорога ровна. Останавливаюсь, какъ бы вамъ сказать, на постояломъ дворѣ, у ихъ маменьки (указывая на жену). Ихъ маменька была сперва за капитаномъ, а потомъ вышла за отставного уптера. Постоялый дворъ держатъ. Ну, ничего. Вижу,—мальчикъ больной лежитъ. Я и говорю: «Хозяюшка, что́ это у васъ мальчикъ больной? чѣмъ боленъ?»—«Это, говоритъ, у меня дочка». Ахти мнѣ! А они подвели головку, то есть, жена вотъ моя, и посмотрѣли на меня. Я посмотрѣлъ—въ сердцѣ вотъ словно что́ запекло. Я говорю: «Тетенька, позвольте мнѣ вашей дочери стаканъ чаю подать».—«Извольте», говоритъ. Вотъ я чайку, ромку,—у меня и ромъ случился. Поднялась на ноги моя красавица. На другой день я матери платокъ, сестрѣ другой....

— Зачѣмъ же это?

— Такъ, изъ усердія; пускай пропадетъ мое добро! Потомъ и говорю: «Тетенька, или лучше сказать, маменька! позвольте состоять съ вами на правахъ дружбы».—«Съ нашимъ удовольствіемъ». Ну, когда такъ, то и хорошо. Вотъ я и бросился сюда-туда; люди у меня вездѣ знакомые. Должность на себя по близости принялъ. Ходить да ходить, вотъ и выходилъ.

— Стало быть, все устроилось по вашему желанію?—спросилъ я.

— Не совсѣмъ. Вотчимъ впутался и взмутилъ воду въ нашемъ колодцѣ. Обѣщали дать шесть ложекъ—дали двѣ. Обѣщали дать корову—дали двухъ-годовалую телку.

— Что же вы?

— А что же?—осерчалъ, бросилъ жену, пошелъ опять по своему промыслу.

— Какъ! изъ-за ложекъ и телки вы бросили жену?

— Бросилъ!—кричалъ смотритель съ торжествомъ героя. Коли что не по мнѣ—все въ дребезги! у меня нравъ такой. Любить, такъ любить, а ссориться, такъ ссориться! я таковъ, сударь мой! Меня и въ аудиторіатѣ всѣ за это любили. «Послушай, теща!»—сказалъ я: «возлюбилъ я твою дщерь всѣми своими чувствіями, но черезъ твое жестокосердіе возгорѣлся, аки огонь, гнѣвъ мой! прощайте!» и былъ таковъ.

— Сильно сказано!—замѣтилъ я, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Да что же? развѣ я дарованія не имѣю? Я самъ Пушкинъ! Покажите-ка, Маша мое письмо!

— Въ немъ перецъ завернутъ,—сказала хозяйка, робко посмотрѣвъ на своего супруга.

— Ничего, долой перецъ! покажи!

Хозяйка пошла рыться въ шкапу.

— Я письмо писалъ къ ней,—продолжалъ смотритель. Самъ не являлся, бывало ѣду мимо—*шасбю* объѣду, не покажусь, и эдакъ ровно годъ, день въ день; а письмо писалъ. Вотъ оно! слушайте!

«Непостижимый въ критикѣ предметъ, вселюбезнѣйшая фіалка и супруга моя, Марья Тихоновна! вы есть одна изъ критикъ и насмѣшекъ моего сердца...

«Долго ли намъ вѣкъ свой въ скукѣ провождать.
И въ глаза другъ друга долго ль не видать?»...

Письмо состояло изъ прозы и стиховъ разнаго достоинства. Печати этотъ вздоръ не стоитъ, но смотритель читалъ такъ комически, что я смѣялся отъ души и просилъ позволенія списать копію.

— Дарю вамъ оное!—сказалъ онъ торжественно, вручая мнѣ измятый листокъ.

Я храню его до сихъ поръ въ своихъ бумагахъ, но когда оно попадается мнѣ на глаза и напомнитъ о своемъ авторѣ, мнѣ бываетъ не до смѣху. Мнѣ представляется страшное множество этихъ загадочныхъ людей, которые у насъ не принадлежатъ ни къ какому сословію, хотя пользуются правами разныхъ сословій, этихъ неопредѣленныхъ угловатыхъ личностей, безъ правилъ, безъ характера, безъ религіозныхъ, или какихъ бы то ни было, убѣжденій. Ихъ дѣло—колотить безъ толку жену, о которой въ третьемъ лицѣ говорятъ *онѣ*, *ихъ;* дружиться съ мелкими чиновниками, которыхъ покровительство для нихъ необходимо; извлекать пользу изъ трудныхъ обстоятельствъ ближняго посредствомъ небольшого займа сто на сто...

Живутъ они всегда грязно, но знаютъ что́ такое ромъ, балыкъ и всякіе сыры и закуски. Дѣтей всегда выводятъ въ люди посредствомъ училищъ, присутственныхъ мѣстъ и знакомствъ съ горничными и лакеями знатныхъ людей, угощаемыми во время ихъ проѣзда съ господами. Связи у нихъ по этой части въ обѣихъ столицахъ обширные, и сынокъ грязнаго кулака, засѣвшаго въ захолустьи на станціи, подталкивается здѣсь невидимою силою съ низу въ верхъ, отъ управляющаго домомъ до коммиссаріатскаго чиновника высшаго разбора. Лѣзетъ онъ выше и выше съ каждымъ годомъ, и наконецъ забываетъ о своемъ батюшкѣ, подобно тому, какъ взрослый волкъ не помнитъ попеченій своей

матери-волчицы. Не изъ простого народа выходятъ эти созданія и равно не изъ высшаго, образованнаго сословія. Это порожденіе беззаконной, насильственной связи высшаго класса съ низшимъ, посредствомъ солдатства, лакейства и другихъ столкновеній, въ которыхъ одни не спрашиваютъ, а другіе не даютъ согласія на жизнь вмѣстѣ. И вотъ цѣлая туча темныхъ выродковъ, равно чуждыхъ благородному пониманію вещей высшаго класса и простой задушевности низшаго, расползается по свѣту въ видѣ дворецкихъ, экономовъ, прикащиковъ, губернскихъ секретарей и всякихъ совѣтниковъ, муча однихъ наглымъ, ни передъ чѣмъ не робѣющимъ, грабежемъ, а другихъ всевозможными обманами.

Между тѣмъ, какъ мы говорили, ребенокъ въ люлькѣ проснулся. Мать взяла его и начала кормить. Я думалъ: «Что же изъ этого ребенка выйдетъ? Отца нѣтъ, мать отвергнута всѣми. Увянетъ молодость, упадутъ силы... что тогда она для него сдѣлаетъ? А между тѣмъ, возростетъ ребенокъ въ отчужденіи своего народа, въ семьѣ такого господина, какъ этотъ смотритель. Чтó бы изъ него ни вышло, но добра не выйдетъ!»

Приходятъ ли самой матери въ голову такія мысли? Нѣтъ, природа дала ей противоядіе въ ея горестной долѣ. Она кормитъ своего ребенка, она его убаюкиваетъ, она не досыпаетъ ночей за его плачемъ, и это, покамѣстъ, наполняетъ всю ея душу. Я бы желалъ узнать, любила ли она своего обольстителя (хотя въ Украинѣ скорѣе всего можно это предполагать), и какія чувства остались теперь между нимъ и ею? но дико было бы объ этомъ разспрашивать.

Я ушелъ на другую половину, преслѣдуемый грустной фигурой молодой матери...

Иностранецъ, котораго я засталъ на станціи, ходилъ изъ угла въ уголъ. Онъ ужъ давно выпилъ свой вечерній чай (единственная отрада станціоннаго сидѣнія) и напустилъ столько дыму, куря отъ скуки папироску за папироскою, что виднѣлся въ немъ, какъ призракъ. Я спросилъ:

— Неужели со вчерашняго дня никто не былъ отправленъ съ этой станціи?

Оказалось, что проѣхало нѣсколько человѣкъ.

— Съ казенными подорожными, за двумя печатями?

— Нѣтъ!

— Какъ же вамъ не даютъ лошадей?

— Est ce que je sais?—отвѣчалъ онъ съ досадой и отчаяньемъ.

Тогда у меня вдругъ мелькнула свѣтлая мысль. Я вспомнилъ изреченія письмоводителя о губернаторскомъ проѣздѣ, и безсмыслица получила для меня практическій смыслъ. «Все служитъ на пользу человѣку. На то и губернаторскій проѣздъ, чтобъ была польза всѣмъ и каждому». Смотритель не давалъ намъ лошадей единственно потому, что мы для него—люди безполезные. Я вынулъ серебряный рубль, и вручая его безъ всякой оговорки смотрителю, попросилъ, нельзя ли какъ-нибудь собрать для насъ лошадей Я прибавилъ, что и иностранца посажу съ собою. Безъ всякаго возраженія и затрудненія онъ отдалъ приказанье однимъ словомъ: *набирать!* и черезъ четверть часа мы уѣхали, въ прекрасную ночь, при сіяніи звѣздъ, въ свѣжей степной прохладѣ.

Сколько счастья обѣщаетъ человѣку роскошный украинскій климатъ, и сколько въ немъ людей, безвыходно несчастныхъ!

II.

Сельскій философъ.

Малороссійскій анекдотъ.

Посреди села, на просторѣ, стоитъ сельская Расправа. Никому до нея дѣла нѣтъ въ рабочее время. Иная статья—осенью, когда козаки густымъ роемъ собираются въ свой клубъ, называемый попросту шинкомъ. А стоитъ этотъ козацкій клубъ какъ разъ противъ Расправы, и часто споры изъ шинка переносятся въ ея присутственную камеру. Разумѣется споры, въ которые замѣшается *чуданина*. Тогда свидѣтели козацкаго диспута очень

охотно провожаютъ въ Расправу тяжущихся, и провожаютъ они ихъ не изъ одной безкорыстной любви къ правосудію. Нѣтъ, козаки тоже практики и никогда не ошибаются въ разсчетѣ на *могаричъ*. Тотъ ли, другой ли окажется виновнымъ, или, что еще лучше, оба будутъ признаны *розбышáками*,—во всякомъ случаѣ могаричъ—дѣло вѣрное. И весело посмотрѣть, какъ эти люди, озабоченные въ лѣтнее время уборкою хлѣба съ полей, а потомъ осенними посѣвами, наслаждаются, наконецъ, полнымъ досугомъ и шумятъ на все село, высыпавъ толпою изъ шинка, или возвращаясь въ шинокъ изъ Расправы. Расправа дѣлается въ ту пору истиннымъ храмомъ правосудія—и какимъ привлекательнымъ храмомъ! Сколько тамъ шутокъ предшествуетъ словесной адвокатурѣ! Какъ самое судопроизводство не похоже на бумажную формальную сушь, въ которую не допускается ни пословицъ, ни прибаутокъ, объясняющихъ нашему брату, украинцу, сущность вопроса самымъ убѣдительнымъ образомъ! Какъ, наконецъ, довольны обѣ тяжущіяся стороны приговоромъ громады, строгъ онъ или нѣтъ,—все равно! *Громада—велыкій чоловикъ!* Эта мысль сидитъ въ каждой усатой головѣ козацкой, и предъ величіемъ громадскаго ума поникаетъ самое необузданное и даже пьяное вольнодумство. Иногда громада присуждаетъ виновнаго только къ квартѣ горилки, но иногда и къ уплатѣ извѣстнаго количества *карбóванцивъ* (рублей). Во всякомъ случаѣ она—великій человѣкъ, и смиряется предъ ея разумомъ всякій строптивый помыселъ. Каково бы ни было рѣшеніе громады, но совершается оно непремѣнно въ шинкѣ, и весело возвращается домой, какъ выигравшій, такъ и проигравшій дѣло, потому что выпилъ съ добрыми людьми горилки и наслушался умныхъ рѣчей. Таковъ общій характеръ козацкихъ тяжебныхъ дѣлъ, совершающихся между шинкомъ и Расправой. Поднимите его до уровня нравовъ болѣе утонченныхъ, и, право, каждый согласился бы тогда принадлежать къ подобной общинѣ.

Но увы, увы! та же самая Расправа, съ тѣмъ же самымъ веселымъ шинкомъ противъ ея окна, въ одинъ изъ самыхъ урожайныхъ годовъ, и притомъ въ такую погоду, что ни молотить

нельзя, ни въ дорогу пускаться невозможно,—то есть, именно въ такую погоду, когда козакъ всего охотнѣе является присутствовать въ громадѣ,—стояла въ молчаливомъ величіи и несмотря на то, что въ ней собралось болѣе дюжины членовъ сельскаго общества, тихо и грустно было въ ея присутственной камерѣ. Глядя со стороны, можно было бы подумать, что въ селѣ скотской падежъ, или—чего Боже сохрани—моръ. Въ сущности же дѣло было самое обыкновенное: козаки дожидались исправника. Что тутъ кажись, особеннаго? Пріѣдетъ исправникъ съ письмоводителемъ въ Расправу, выкуритъ трубку, велитъ подать обѣдъ, который ужъ и готовятъ для него въ нарочито устроенной тутъ же кухнѣ, потомъ всхрапнетъ часика два и уѣдетъ. Ему рѣшительно нечего было больше дѣлать съ козаками, потому что они всѣ свои споры рѣшали судомъ громадскимъ, и если случалось между ними какое-нибудь незначительное воровство или иной подобный казусъ, то они ни подъ какимъ видомъ не переводили него на бумагу, а тутъ же, на мѣстѣ, карали виновныхъ съ неумолимой строгостью свободнаго суда, и дѣло погашалось навѣки. Но исправникъ привозилъ имъ всякій разъ какое-нибудь *слѣдствіе*. Немногіе въ селѣ и понимали это слово, потому что давно уже не производилось у нихъ никакого слѣдствія; и однакожъ слухъ, что «исправникъ везетъ имъ слѣдствіе», всякій разъ приводитъ громаду въ уныніе. Если бы исправникъ хоть одинъ разъ произвелъ его, то, можетъ быть, козаки, ознакомившись съ канцелярской юстиціей, сказали бы, что не такъ чортъ страшенъ, какъ его малюютъ. Но въ томъ и дѣло, что исправникъ только грозилъ слѣдствіемъ, и самая неизвѣстность, надъ чѣмъ онъ будетъ его производить, наводила ужасъ на всякаго, кого исправникъ вызывалъ въ Расправу черезъ своего вѣстового. «Ну, какая надобность! пускай себѣ производитъ слѣдствіе!»—такъ бы, казалось, могли сказать козаки и спокойно ждать конца дѣлу. Но хорошо этакъ разсуждать *намъ*, положивъ передъ собой законы. А вѣдь они давно уже перестали учиться въ сельскихъ церковныхъ, такъ называемыхъ *братскихъ*, школахъ; изъ волостныхъ же училищъ выходятъ у нихъ писаря, которымъ они ни на во-

лось не вѣрять. Поэтому законъ, да еще въ рукахъ исправника, для нихъ—тьма кромѣшная, и когда горькая необходимость заставитъ кого-нибудь изъ нихъ явиться на бумажный судъ, то женщины поднимаютъ въ хатѣ плачъ и вопіютъ: *Щó се на свити стáло? якъ такы дóброму чоловику судыться у тóго пузанá?* (такъ называютъ исправника). *Хибá* (развѣ) *надъ нáмы немá Гóспода милосердного?* Сказать короче: что лишь только исправникъ привозилъ въ село слѣдствіе,—позванные имъ въ Расправу козаки брали съ собой въ *гаманці* (кошельки) по нѣскольку цѣлковыхъ. И это бы еще ничего. Пускай бы онъ назначилъ плату за всякій свой пріѣздъ. Людямъ, которыхъ предки имѣли дѣло съ баскаками, было бы за обычай взносить ежегодно извѣстную плату за свое спокойствіе. Но исправнику счастье служило въ картахъ съ обыкновеннымъ своимъ коварствомъ, и поэтому отъ его слѣдствія надо было откупаться иногда значительною платою. Вотъ почему сидѣли козаки въ Расправѣ, повѣсивъ головы... Но предисловіе мое къ анекдоту вышло у меня слишкомъ ужъ длинно. Постараюсь хоть анекдотъ разсказать покороче.

Сидѣли козаки, сидѣли, а исправника все нѣтъ. Нестерпимо сдѣлалось имъ грустно. Наконецъ блеснула у одного изъ нихъ свѣтлая мысль: «Братцы!» сказалъ онъ, «что намъ этакъ кунять? пойдемте выпьемъ съ горя по чаркѣ». Громада нашла, что предложеніе вполнѣ достойно ея вниманія, и оставивъ одного изъ среды себя на сторожѣ, съ поникшими головами, но съ нѣкоторой отрадой въ сердцѣ, отправилась къ шинкарю.

Оставшійся на сторожѣ долго размышлялъ о томъ, почему именно на его долю выпало караулить пріѣздъ исправника. Но такъ какъ громада—великій человѣкъ, то и не осмѣлился онъ вольнодумствовать на счетъ ея распоряженія. Во избѣжаніе грѣха, онъ обратилъ свои мысли къ предметамъ благочестія и сперва обсудилъ жизнь и дѣянія своего сосѣда, который учился въ волостной школѣ, вышелъ оттуда бойкимъ писаремъ, подружился съ писмоводителями высшаго своего начальства, нажилъ большія деньги, но потомъ началъ горько пить, не поладилъ какъ-то съ

своими друзьями, спустилъ съ рукъ деньги и всякое добро, вошелъ въ долги, наконецъ, умеръ, и вотъ осталась послѣ него пустая *скрыня* (большой сундукъ), которая и стоитъ въ Расправѣ до рѣшенія, что съ ней дѣлать. Потомъ, переходя отъ предмета къ предмету, сторожевой членъ громады набрелъ наконецъ, на слѣдующую мысль: *Якъ тамъ тыи мертвеци у домовыни лежать? чы вонó стрáшно, чы, мóже й байдýже* (нужды нѣтъ)? А дай-ка я лягу въ этой скринѣ! И съ этими словами, отворивъ сундукъ, онъ влѣзъ и улегся на днѣ его.

Но не успѣлъ еще онъ провѣрить на себѣ состоянія души мертвецовъ, какъ крышка сундука захлопнулась и защелка наскочила на пробой. Козакъ давай кричать,—никто не слышитъ. Онъ поднялъ страшный ревъ. Громада долго не вѣритъ своимъ ушамъ; наконецъ въ испугѣ прибѣгаетъ въ Расправу. Кажись бы, простое дѣло—отозваться изъ гроба и просить, чтобъ выпустили. Но какъ подумалъ философъ, чтó это будетъ за смѣхъ,—не достало у него духу отозваться. Громада удивилась, не найдя сторожевого на мѣстѣ, однакожъ легко объяснила себѣ его отсутствіе и возвратилась къ мирному своему занятію. Но едва взялись за чарки, опять слышатъ крикъ, неистовѣе прежняго.

Философъ убѣдился, что лежать въ гробу вовсе не байдýже, что ему становится душно и что, пожалуй, придется *наложúть душéю* совершенно попусту. Но когда онъ услышалъ, что громада опять возвращается въ Расправу, когда вообразилъ, какъ она расхохочется надъ нимъ и какъ по всему селу пойдетъ о немъ притча,—сердце его замерло отъ страху, чтобъ его не открыли, и, онъ, что называется, притаилъ дыханіе. По пословицѣ: *Мертвые не имутъ срама*, онъ рѣшился лучше умереть, нежели сдѣлаться всеобщимъ посмѣшищемъ.

Громада, въ совершенномъ недоумѣніи, осматривала Расправу и заглядывала во всѣ углы. Наконецъ рѣшила такъ: «Вѣдь это Харкó насъ морочитъ. У него *не вси дóма*, дѣло извѣстное; такъ онъ забрался куда-нибудь да и кричитъ по-чортячи». Съ этими словами махнула громада рукой и, повинуясь единодушному своему чувству, воротилась въ шинокъ.

Хотя у Харка́ и не всѣ были до́ма, но жизнь для него была столь же дорога, какъ и для самаго умнаго человѣка. Видя себя оставленнымъ въ добычу неминуемой смерти, онъ началъ вопіять еще громче: *Хто въ Бога вирує, ратуйте!* Громада, хоть и вѣровала въ Бога, но не обращала больше вниманія на крикъ своего́ причудливаго члена, и, можетъ быть, печальная вышла бы развязка его философической затѣи.

Къ счастью, случилось въ это время жиду проходить мимо Расправы. Услышавъ отчаянный крикъ, онъ вбѣгаетъ въ Расправу и спрашиваетъ: «Кто тутъ крицить?» Присутствіе живого человѣка возвратило смѣлость затворнику, и досадно ему стало, что еще и жидъ вмѣшался съ своими вопросами: «Кто тутъ крицить? кто тутъ крицить?» — «*А тоби яке́ дило!*» отвѣчалъ онъ.— «*Я кричу: хто въ Бога вирує! а ты хиба́ виру̀ешъ у Бога, псяю́хо* (псиное ухо)!»

Жидъ однакожъ отворилъ сундукъ, и Харко́ возсталъ изъ мертвыхъ, продолжая бранить жида за его вмѣшательство.

Сцену эту прервалъ колокольчикъ исправника, долго заглушаемый крикомъ, и потомъ вдругъ звякнувшій у самаго подъѣзда. Исправникъ привезъ козакамъ слѣдствіе...

Украинськи зàписи Порфирія Мартиновича.

Подъ этимъ заглавіемъ, согласно желанію собирателя, мы приступаемъ къ печатанію богатыхъ, и по количеству и по качеству, матеріаловъ, собиравшихся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ П. Д. Мартиновичемъ путемъ любовнаго записыванія имъ изъ устъ народныхъ пѣвцовъ и разсказчиковъ всего богатства, хранившагося у старыхъ людей, а теперь въ очень слабой степени проглядывающаго у новаго поколѣнія. Имя почтеннаго собирателя до сихъ поръ въ печати мало было извѣстно, какъ участника въ украинской этнографіи, а гораздо больше—какъ талантливаго художника-живописца. Даже въ трудѣ А. Н. Пыпина «Исторія русской этнографіи» имя его нигдѣ не упомянуто. Если не ошибаемся, имя П. Д. Мартиновича, какъ этнографа, было упомянуто только въ нашемъ журналѣ: въ № 8-мъ 1885 г. упомянулъ о немъ В. П. Горленко въ статьѣ своей по поводу смерти кобзаря Крюковскаго; въ № 11-мъ того-же года былъ помѣщенъ у насъ одинъ записанный имъ разсказъ («Изъ народныхъ преданій о гетманщинѣ, запорожьѣ и черноморьѣ»); въ № 5-мъ 1902 г. А. Г. Сластіоновъ въ статьѣ своей о кобзарѣ Кравченкѣ разсказалъ о томъ, какъ П. Д. Мартиновичемъ были тщательно записаны 12 думъ отъ кобзаря Кравченка, иначе Крюковскаго, того самого, матеріалъ котораго и откроетъ теперь обширный рядъ записей П. Д. Мартиновича; при этомъ А. Г. Сластіоновъ выразилъ сожалѣніе, что это богатство записей г. Мартиновича до сихъ поръ

не напечатано. Между тѣмъ личность П. Д. Мартиновича, какъ собирателя памятниковъ народной украинской поэзіи, заслуживаетъ полнаго вниманія: сорокъ лѣтъ уже занимается онъ своимъ высоко цѣннымъ дѣломъ, и за это время накопилась у него масса матеріала, характеризующаго всѣ виды устнаго народнаго творчества. Благодаря любезному согласію П. Д. Мартиновича, мы получили теперь значительную часть его записей и вполнѣ надѣемся, что почтенный собиратель доведетъ до конца печатаніе своихъ драгоцѣнностей, которыя, появившись затѣмъ отдѣльной книгой, дадутъ людямъ науки широкій просторъ для дальнѣйшихъ научныхъ разысканій и изслѣдованій.

Система записей П. Д. Мартиновича отличается тѣмъ, что онъ не дробитъ матеріала, записаннаго имъ отъ одного лица, разнося его въ разныя рубрики вмѣстѣ съ однородыми записями, сдѣланными отъ другихъ лицъ, а представляетъ, такъ сказать, весь репертуаръ даннаго пѣвца или разсказчика. Исполняя желаніе собирателя, и мы не будемъ сортировать матеріаловъ этихъ по однороднымъ группамъ, а напечатаемъ ихъ въ томъ порядкѣ, какъ даны они намъ. Хотя такой способъ печатанія представитъ нѣкоторыя неудобства, благодаря повторенію въ печати иныхъ матеріаловъ, уже бывшихъ опубликованными, но, во 1-хъ, каждая новая запись всегда представитъ болѣе или менѣе оригинальные варьянты, а во 2-хъ, разбросанность этнографическихъ записей въ разныхъ изданіяхъ, иногда трудно находимыхъ, служитъ большимъ препятствіемъ для сличеній разныхъ варьянтовъ. Нельзя не принять во вниманіе и того обстоятельства, что, при печатаніи способомъ группировки всего матеріала около лица разсказчика, получается возможность пользоваться матеріалами не только людямъ спеціальной науки, но и обыкновеннымъ читателямъ, которые пожелаютъ получить удовольствіе, знакомясь съ сюжетами народной украинской поэзіи.

Первая запись П. Д. Мартиновича, которою мы начинаемъ печатаніе собранныхъ имъ этнографическихъ матеріаловъ, есть запись со словъ слѣпого кобзаря *Ивана Кравченка,* по прозванію *Крюковськый.* Это имя уже извѣстно въ печати, т. к. его репер-

туаръ записанъ былъ В. П. Горленкомъ, который и помѣстилъ въ нашемъ журналѣ статью «Бандуристъ Иванъ Крюковскій» (1882 г. № 12), съ текстомъ девяти думъ и біографической замѣткой. Кромѣ того, надо упомянуть указанную раньше статью того-же автора—некрологъ Крюковскаго (1885 г. № 8). Отсылая читателей для знакомства съ личностью Крюковскаго къ этимъ статьямъ, мы дадимъ теперь только двѣ справки. Во 1-хъ, печатаемыя записи П. Д. Мартиновича сдѣланы далеко раньше записей В. П. Горленка, вслѣдствіе чего многое изъ записаннаго первымъ является въ болѣе полномъ видѣ, т. к., очевидно, лучше хранился въ памяти кобзаря весь его репертуаръ, когда онъ пѣлъ его г. Мартиновичу (см. нѣкоторыя замѣтки объ этомъ въ упомянутой раньше статьѣ А. Г. Сластіонова въ Кіев. Стар. 1902 г., № 5). Во 2-хъ, съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить тотъ фактъ, что записи эти у г. Мартиновича не совсѣмъ въ полномъ видѣ, т. к. много лѣтъ назадъ имъ было передано М. П. Драгоманову три листка изъ этихъ записей для пользованія при изданіи послѣднимъ «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», и эти три листка къ г. Мартиновичу не возвратились. Если по счастливой случайности эти листки сохранились и находятся у кого-нибудь, не вѣдающаго, кому они принадлежатъ, то г. Мартиновичъ обращается съ покорнѣйшей просьбой сообщить о нихъ ему, чтобы имѣть возможность дополнить утерянное.

Какъ было сказано, изъ печатаемаго теперь матеріала, записаннаго отъ Кравченка (Крюковскаго) г. Мартиновичемъ, большая часть была напечатана уже, хотя въ нѣсколько измѣненныхъ варьянтахъ, В. П. Горленкомъ въ его записи отъ того же лица, поэтому мы дѣлаемъ теперь только указаніе на эту запись, оставляя каждую отдѣльную пѣсню безъ примѣчаній (см. Кіев. Стар. 1882 г. № 12).

Напечатаны В. П. Горленкомъ:

1) Про трёхъ братывъ Озовськыхъ; 2) Про Олексія Поповыча; 3) Про Хведора Безридного; 4) Про Кишку Самійла; 5) Про Коновченка-вдовыченка; 6) Про Сокола; 7) Витчымъ; 8) Про сестру та брата; 9) Про вдову.

Напечатанныя у В. Горленка пѣсни:

1) Про трёхъ братывъ Самарськыхъ (сравн.: въ «Историч. пѣсняхъ малорусскаго народа» В. Антоновича и М. Драгоманова); 2) *Про Мыхія*—нигдѣ до сихъ поръ незаписанная; 3) Про правду та неправду (сравн.: въ Записк. Юго-Зап. Отд. 1-й т., стр. 22; Записки о Южн. Руси, т. 2-й, стр. 102; Етнографичный збирныкъ. Т. 2-й, стр. 47, Львовъ); 4) Царю Хрысте (сравн.: въ «Сьпиванныку зъ початку 18 в.» М. Грушевського).

Ред.

Сьлипець-кобзарь Иванъ Кравченко.

(г. Лохвыця, на Прылипци, 20 мая 1876 г.).

Козацьки письни.

1.

Про трёхъ бративъ Озовськыхъ.

1. Ой у сьватую недиленьку рано пораненько
То не сыльни тума́ны вставалы,
То дробніи дожчи накрапалы,
То въ той часъ тры братикы ридненьки
5. Зъ города зъ Озова, съ тяжкои неволи Турецькои бусурменьськои,
Ношнои добы утикалы:
То два браты киньмы утикалы,
А междо нымы братъ найменьшый пишый пишаныця,
Якъ бы тая чужа чужаныця,
10. За нымы пишый бижыть пидбигае,
Ажъ пожаръ пидъ ногы пидпадае,
И кровъ хрыстыяньська его слидъ залывае.
То винъ на свое здоровье козацьке молодецьке измагае,
Та своихъ бративъ доганяе
15. И словамы до ныхъ промовляе:
«Браты мои мыленьки,
Старши ридненькы!

То вы добре соби учыните:
Мене найменьшого брата, пишого пихотыньця на кони возьмите,
20. Та мало хошъ немного мене пидвезите,
У города хрыстыяньськіи до отця до маткы надвезите».
То старшы́й братъ тее зачувае,
До найменьшого брата словамы промовляе:
— «Ты то, каже, брате найменьшый, знаешъ,
25. Шо въ насъ у дорози кони неди́шліи, (поморени),
Що мы сами не втечемо
И тебе не ввеземо.
Будуть насъ изъ города Озова Туркы бесурмены доганяты,
То будуть насъ стриляты,
30. Або рубаты,
Або впьять у городъ Озовъ, у тяжку неволю,
У каторгу турецьку бусурменьську жывьемъ завертаты».
То два браты киньмы тикалы,
А найменьшого брата, пишого пихотыньця,
35. У чыстому степу на ясному соньци, на буйно́му витри,
Пры шляху покыдалы.
То винъ то на небо сьватее поглядае,
Гирко плаче рыдае,
Дрибнымы слёзамы пролывае,
40. Та ше за кинными братамы бижыть пидбигае,
Свои нижкы на сыре кориньня на биле каминьня спотыкае,
Ажъ пожаръ пидъ ногы пидпадае,
И кровъ хрыстыяньська слидъ его залывае.
То ше винъ своихъ бративъ кинныхъ доганяе,
45. Помежъ кони вбигае,
Кони за стремена хватае,
Кони спыняе,
Та до бративъ словамы прымовляе:
«Братикы мои старши, ридненьки,
50. Голубонькы сывеньки!
Добре вы соби дбайте,
Та булатну шаблю зъ ножна виймайте,
Та мини, найменьшому брату, голову зъ пличъ издіймайте,
Та мое тило козацьке молодецьке

55. У чыстому степу хорошенько поховайте,
Звирю, птыци на поталу не подайте».
То середульшый братъ тее зачувае,
Та до найменьшого брата словамы промовляе:
—«Братику нашъ найменьшый, мылый,
60. Якъ голубоньку сывый!
Нашого брата шабля булатна ныи не йме,
На дрибный макъ розсыплетьця,
И рука не воздо́йметьця,
И серце не осмилытьця
65. И душа гриха до смерты не скупытьця!»
То жъ то воны у чыстому степу ти слова промовлялы,
Та свого найменьшого брата, пишого пихотыньця
Пры шляху не пры чимъ покыдалы.
То якъ сталы старши браты до темныхъ лисивъ прыбуваты,
70. У терны та въ байракы зелени уижджаты,
Ставъ середульшый братъ велыке мылосердіе у себе маты,
Ставъ тернамъ та байракамъ зеленыи витьтя булатною шаблею стынаты
Та найменьшому брату пишому пихотыньцю премету даваты,
Щобъ винъ знавъ, куды въ городы хрыстыяньськи до отця до маткы до свого роду прыбуваты.
75. То ихалы воны тернамы,
Та байракамы, темнымы лисамы,
Не день, не два, не тры, не чотыри.
Якъ сталы воны исъ темныхъ лисивъ выижджаты,
До ричкы до Крымкы прыбуваты,
80. То ставъ середульшый братъ до старшого брата словамы промовляты:
«Отутъ, каже, братику ридненькый,
Голубоньку сывенькый,
Травы зелени, очерета воздобни и вода довольна;
Станьмо тутъ кони попасимо
85. И найменьшого брата, пишого пихотынця, пидождимо».
То старшый братъ тее зачувае,
До середульшого брата словамы промовляе:

— «Якъ будешъ ты, брате, за найменьшымъ братомъ жалкуваты,
То буду я шаблю булатну зъ ножна выйматы
90. Та буду я твою голову козацьку молодецьку съ пличъ здіймаΤΗ,
Та твое тило козацьке молодецьке птыци-звирю на поталу покыдаты,
А самъ буду у города хрыстыяньськи прыбуваты,
До отця, до маткы доижджаты,
То самъ буду знаты,
95. Якый отцеви и матуси отвитъ отдаваты».
А середульшый братъ тее зачувае,
До старшого брата словамы промовляе,
Гирко плаче рыдае,
Дрибни слёзы пролывае,
100. Сывымъ голубомъ называе:
— «Братику, мій старшый ридненькый,
Якъ голубоньку сывенькый! [1])
Будемъ мы до отця, до матери ридненькои у госьти прыбуваты,
То буде насъ отець и маты на здоровья стричаты
105. И объ меньшому сыну, объ нашому брату, пытаты,
То якый будемо отвитъ отдаваты?»
То старшый братъ тее зачувае
До середульшого словамы прымовляе:
— «Тоби то», каже, «середульшый брате, сего не знаты,
110. Якый отцеви й матуси отвитъ отдаваты.
Якъ мы булы у городи увъ Озови,
У катерзи турецькій, у вири бусурменьській,
То наши рукы-ногы не гулялы,
На сырій сырыци усегда стоялы;
115. То мы то ношнои добы утикалы,
Свого найменьшого брата отъ сна будылы—не розбудылы,
То тамъ его у катерзи турецькій,
Тяжкій неволи, вири бусурменьській,
У городи Озови прыостановылы.

---

[1]) Видыма смерть страшна.

120. То ты то, брате, не знаешъ. якъ буде межъ намы найменьшый братъ пробуваты,
Ту буде нашъ отець и маты батькивщыну на тры часты паюваты,
Буде намъ половынную часть оддиляты,
А найменьшому брату половыну оставляты,
То будемъ мы у трёхъ велыку суперeку соби маты».
125. То воны у чыстому степу си слова зговорылы,
Якъ ясни соколы на конихъ у города полетилы.
То то воны не мало не много речи ти говорылы
И сталы одъ рички одъ Крымкы одъижджаты,
Сталы на Муравьськи шляхы выижджаты.
130. Ставъ середульшый братъ велыке мылосердіе у себе маты,
Гирко своимъ серцемъ ставъ плакаты й рыдаты,
Шобъ старшому брату ввичи не выдаты,
Ставъ соби ума прыбираты,
Якый найменьшому брату порятунокъ даты.
135. Якъ сталы воны Муравьськымы шляхамы проижджаты,
Ставъ середульшый братъ соби думаты й гадаты,
Яку найменьшому брату премету даты:
Одынъ на соби каптанъ мае
И съ пидъ того каптана кыръ-кытайку выдырае,
140. Та найменьшому брату, пишому пихотыньцю, пры шляху премету давае,
Шобъ винъ знавъ, куда въ городы хрыстыяньськи, до отця до маткы прыбуваты.
То найменьшый братъ исъ темныхъ лисивъ на Муравьськи шляхы прыхожае,
Дороги шаты, кыръ-кытайку ввичи забачае,
У рукы забирае,
145. Гирко плаче, рыдае,
Словамы промовляе:
«Эй не дурно моихъ старшыхъ братывъ кыръ-кытайка по шляху валяе,
Мабуть ихъ жывыхъ на сьвити немае;
Була съ города Озова велыкая погоня, - за киннымы братамы уганяла,
150. То може вона ихъ або постриляла,

Або порубала,
Або у каторгу турецьку,
Виру бусурменьську,
У городъ Озовъ жывьемъ позавертала,
155. А наименьшого брата, пишого пихотыньця, у тернахъ та въ байракахъ на спочывкахъ мынала.
То колыбъ мини Господь помигъ у добримъ здоровьи
Ихъ тило козацьке молодецьке своихъ старшыхъ братывъ,
Хотя воно на раны смертельни постриляне, порубане, знахождаты,
То могъ бы я булатною шаблею у колино землю выбываты,
160. Та ихъ тило козацьке молодецкее у чыстому степу хорошенько поховаты,
Птыци-звирю на поталу не податы».
То то ставъ найменьшый братъ пишый пихотынець Муравськымы шляхамы прохожаты,
Ставъ буйный витеръ повиваты,
Ставъ бидного козака, пишого пихотыньця, зъ билыхъ ниг валяты.
165. То найменьшый братъ до Господа Мылосердного словамы промовляе:
«Отымъ то», каже, «Господы Мылосердный, у чыстому степу одно безхлибья,
А друге безвидья,
А трете безздоровья!»
То винъ то на свое здоровья измагае,
170. Муравськымы шляхамы прохожае,
До Саворъ Могылы прыбувае,
Та на Саворъ Могылу исхожае,
Спочываты лягае.
То то сызокрыли орлы до его налиталы,
175. Въ головахъ сидалы;
То ще винъ до ихъ словамы прымовляе:
«Эй, госьти мои любіи, орлы сызокрылыи,
Браты мои мылыи.
Хочъ мало вы надождите, покы буде изъ Днипра тыхый витеръ повиваты,
180. То тоди буде душа моя съ тиломъ розлучатысь.

То то ставъ изъ Днипра тыхий витеръ повиваты,
Стала душа козацька молодецька съ тиломъ розлучатысь.
То сызи орлы до ёго налиталы,
У головахъ сидалы,
185. На чорни кудри наступалы,
Зъ лоба очи выбиралы
И кровъ его хрыстыяньську выпывалы.
То ше до ёго сыви зозули налиталы,
Жалибненько закувалы,
190. Якъ ридни сестры ёго оплакалы,
А сирохманци вовкы его тило козацьке молодецьке на Саворъ Могыли знаходылы
И сами зъ собою речи говорылы;
То воны его жовти кости розметалы,
Та по тернахъ по байракахъ розношалы,
195. Хорошенько поховалы,
Надъ нымъ похоронъ одправлялы.
То то сталы старши браты у городы хрыстыяньськи до свого отця до маткы прыбуваты,
Ставъ ихъ отець и маты на здоровья стричаты,
Ставъ объ меньшому сыну, объ ихъ брату пытаты.
200. То старшый братъ тее зачувае,
До отця до матеры словамы прымовляе:
«Охъ, ридный мій отець и маты:
Вамъ сёго не знаты,
Шо де то мы пробувалы,
205. Велыкее горе прынималы!
Мы въ городи Озови, у катерзи турецькій, у вири бусурменьській прожывалы,
То мы ношнои добы утикалы
А свого найменьшого брата одъ сна будылы—не розбудылы,
То тамъ мы его у катерзи турецькій,
210. Вири бусурменьській,
У городи Озови прыостановылы».
Якъ ставъ середульшый братъ зъ отцемъ, зъ маткою, зъ добрымы людьмы на пидпыткахъ гуляты,
Ставъ гирко плакаты й рыдаты,
Ставъ отцеви свому ридному й матуси весь отвитъ открываты:

215. Ставъ винъ про ихъ сына, про меньшого брата, всю правду казаты:
«Шо мы вси браты̑ зъ города Озова, зъ тяжкои неволи, катергы турецькои
Виры бусурменьськои.
Ношнои добы киньмы утикалы,
А свого найменьшого брата, пишого пихотыньця,
220. У чыстому степу, пры шляху покыдалы;
То ше винъ на свое здоровья козацьке молодецьке измагавъ.
То винъ то насъ два разы уганявъ,
То старшый братъ таки слова одказавъ,—
Ніякои помочи-порятунку не давъ;
225. То я то не могу теперъ знаты, де найменьшый братъ нашъ пробувае.
Може була зъ города Озова велыкая погоня,
Та може его пишого пихотыньця доганяла,
Постриляла,
Або порубала,
230. А може его й впьять у городъ Озовъ у катергу турецьку
Виру бусурменьську,
Жывьемъ завертала.
То ставъ ридный отець и маты
Свого старшого сына зъ двора изганяты;
235. То сталы вси люде на ёго роптаты;
Шо якый то винъ старшый сынъ соби коштовный домъ избудувавъ,
То ёго Господь ставъ мылосердый зо всихъ сторонъ выдымо й невыдымо караты,
Ставъ громовымъ вогнемъ побиждаты.
То ставъ старшый сынъ ихъ по чужыхъ хатахъ валяты,
240. Изъ жинкою изъ дитьмы чужого хлиба-соли заробляты
И ни зъ якои стороны одъ Бога мылосердного порятунку соби маты.
Оже хотя трёхъ братывъ Озовськыхъ,
Найменьшого брата, пишого пихотыньця,
На Саворъ-Могыли голова полягла,
245 Такъ слава ихъ козацька молодецька не помре, не поляже
Междо панамы,

Междо козакамы
Междо всима православнымы хрыстыянамы
Отныни й до вика и до коньця вика!

2.

Про Олексія Поповыча.

1. Ой у сьватую недиленьку барзе рано пораненько
То на Чорному мори и на камени биленькому
Тамъ сыдивъ сокилъ ясненькый,
Жалибненько квылыть-проквыляе,
5. Нызенько головку склоняе,
И на Чорне море спыльна поглядае,
Шо на Чорному мори все недобре почынае:
Бере судна козацьки молодецьки на тры часты розбывае;
Одну часть узяло—
10. У Грабьськую землю занесло,
А другую часть ухопыло—
У Дунайске гырло забыло,
А третя часть де ся мае,
Посередъ Чорного моря, на быстрій супротывній хвыли потопае;
15. А пры тій часты бувъ Гатьманъ Кошовый
Грыцько Зборивьськый.
То винъ на чердакъ исхожае,
До своихъ козакивъ Запорозьцивъ словамы промовляе:
«Ой вы козакы, славни Запорозьци!
20. Сповидайтеся вы, братьця, Чорному морю
И 'тàману Кошовому,
Якъ бы отцю духовнòму,—
Напередъ Богу мылосердному,
Который найбильше грихивъ мае».
25. То вси козакы гатьманьци запорозьци тоди замовчалы,
А тилько озываетьця Олексій Поповычъ,
Пырятыньськый пысарь військовый,
Козакъ лейстровый:
«Эй, панове молодьци,

30. Козакы запорозьци!
То добре вы учыните,
Возьмить мини чорною кытайкою самому очи завьяжите
Та билый каминь до шыи прычепите,
Та возьмите мене самого на Чорнее море пустите;
35. Нехай я буду самъ своею головою на Чорному мори даруваты,
А нижъ бильше війська, товарыства сердешного, невынни души теряты.
Я то, каже, братьця, съ Пырятына города выижджавъ,
Зъ отцемъ изъ маткою прощенія не прыймавъ,
Брата старшого за брата не мавъ,
40. Худымы словамы его называвъ
Блызькыхъ сусидъ зъ хлиба-соли збавлявъ,
Зъ двора зъиижджавъ,
Та свого отця и матиръ стременамы въ груды поторкавъ
И добрымъ конемъ своимъ воронымъ по вулыци пробигавъ,
45. Чужыхъ дитокъ ростурчавъ,
Кровъ хрыстыяньську на сыру землю пролывавъ,
Мымо церковъ ихавъ мымо святого Мыколая, шапкы не знимавъ,
На соби хреста не покладавъ,
Лышъ то я на свого коня вороного доброго молодецького поглядавъ,
50. На свое здоровье козацьке молодецьке измагавъ.
Колыбъ мини Богъ помигъ у добримъ здоровьи у сій потреби сходыты,
То мигъ бы я отцевьську й матчыну молытву шануваты й поважаты,
Рано й пизно спомынаты.
Отця й матиръ почытаты
55. И брата старшого за ридного отця въ себе маты́,
И блызькыхъ сусидъ хлибомъ-сылью надиляты,
И чужыхъ маленькыхъ дитокъ на вулыцяхъ стричаты,
Шапку здійматы,
Ныզький поклонъ оддаваты,
60. И на все добре научаты,
И въ церковъ сьватую Мыколая шо суботы, шо недилй

молебни найматы».
То якъ ставъ Олексій Поповычъ, Пырятыньськый пысарь військовый.
Козакъ лейстровый,
Мылосердному Богу и Чорному морю,
65. И 'тáману військовому, и товарыству сердешному
Свои грихы по правди повидаты,
То стало Чорне море утыхаты;
И такъ воно втыхало,
Якъ бы николы й не грало;
70. Ставъ зъ Днипра тыхый витеръ повиваты,
Стало козацьке молодецьке судно до Буйнои Прыспы прыбуваты;
То одну часть узяло—
Зъ Грабьськои земли вынесло,
А другую часть исхватыло—
75. Зъ Дунайського гырла вырвало, та до Буйнои Прыспы прыбыло.
Та тоди вси козакы на сыру землю схожалы,
На колина упадалы,
Господа Мылосердного сохвалялы.
То вси козакы тоди дывомъ дывувалы,
80. Що на якій то быстрій супротывній хвыли потопалы,
Та ни одного козака не втерялы.
То тоди то Олексій Поповычъ на сыру землю схожае,
Гирко плаче рыдае
И до козакивъ словамы промовляе:
85. «Оттымъ то», каже, «козакы запорозьци,
Шо то годытьця отцева матчына молытва!
Шо хто отцеву и матчыну молытву спомынае,
То отцева и матчына молытва изо дна моря душу выймае,
Одъ грихивъ смертенныхъ одкупляе,
90. Предъ Праведною Судіею поставляе.
Эй то годытьця отцева й матчына молытва чумакови въ чумацтви,
Козакови въ козацтви,
Багачеви въ багацтви
И на Чорному мори

95. И на суходоли.
Дай Боже мыру царському,
Народу хрыстыяньському
На многая лита
До коньця вика!

3.

Про Хведора безридного.

1. По потреби, по потреби барзе то по царській,
То много війська понажено,
Посичено, на раны смертенни порубано.
То междо тымъ трупомъ нихто жывый не пробувае,
5. Тилько Хведиръ бездильный,
Та безридный, та безплеми́нный
На раны смертенни постриляный,
Та порубаный
Тилько чуть жывый духъ въ себе мае.
10. Та нихто жъ коло ёго не бувае,
Тилько вороный кинь килогрывый у головахъ надъ нымъ смерты доглядае.
Та тилько междо тымъ трупомъ джура Ярема промешкае.
То винъ вороного коня килогрывого въ вичи забачае,
Та въ те мисто прыбувае,
15. Хведора бездильного та безридного чуть жывого заставае,
Та зъ свого коня вставае,
Та до Хведора бездильного, та безридного словамы промовляе,
Гирко плаче й рыдае,
Дрибнымы слёзамы пролывае:
20. «Эй здоровъ, здоровъ, Хведоре бездильный, та безридный та безплеминный!
Чы ты спышъ, чы дримаешъ?
Чы на раны смертенни незмагаешъ?»
— «Эй, «каже», джуроньку мій, малый невелыкый! [1])

---

[1]) Винъ, може, й велыкый бувъ, та тымъ малымъ зветьця, що слуга винъ его,—значыть меньшый одъ его.

Не сплю я, не дримаю,
25. А на раны смертенни незмагаю.
Эй джуроньку мій, малый невелыкый!
Колы бъ ты козацькый звычай добре знавъ,
Та на мого доброго, вороного коня сидавъ,
Та передо мною повертавъ,
30. Хвабристь свою козацьку молодецьку показавъ».
То джуронька малый невелыкый одъ Хведора бездильного та безридного тее зачувае,
Та на доброго коня сидае,
Та передъ нымъ повертае.
То Хведиръ бездильный до джуры Яремы словамы промовляе:
35. «Эй джуроньку мій, малый невелыкый!
Дарую тоби по смерты своеи тягы [1]) червоніи
И каптанъ мій одъ пилъ до комира золотомъ гаптованый,
Та на себе ёго надивай,
На доброго коня мого килогрывого сидай,
40. Та передо мною повертай,
Шобъ я мигъ знаты,
Чы вдобенъ ты будешъ промиждо козакамы пробуваты».
То джуронька малый невелыкый тее зачувае,
Тягы червоніи
45. И каптанъ одъ пилъ до комира золотомъ гаптованый
Зъ ёго знимае,
Та на себе надивае,
Та на вороного доброго коня килогрывого сидае,
Та передъ нымъ повертае,
50. Козацькый звычай и честь ёму воздавае,
То ще жъ Хведиръ бездильный, та безридный промовыть словамы:
«Эй, благодарю тебе, Господы Мылосердный,
Шо не ледайкови моя худоба попадае.
Буде винъ за мене Господа Мылосердного прохаты и благаты,
55. То буде ёму Господь Мылосердный на всякимъ мисти спомогаты.

---

[1]) Тягы булы зализни и надивалысь поверхъ жупана.

То ще жъ то Хведиръ бездильный та безридный до джуры
Яремы словамы промовляе:
«Эй джуроньку мій, малый невелыкый!
Ты свого коня за повода беры,
А на мого доброго вороного сидай
60. Та бижы жъ ты швыденько,
Та поспишненько,
Лугомъ Базалугомъ, та по-надъ Днипромъ Славутою.
То якъ лебеди ячать, то ты озовыся,
А якъ ушкáла гудуть, то ты схороныся.
65. А якъ козакы йдуть Днипромъ Славутою, такъ ты объявыся,
Та шлычокъ издіймай,
Ныэькый поклонъ отдавай,
Та добрымъ конемъ передъ нымы повертай,
Увесь козацькый звы́чай оддавай».
70. То джура Ярема добре дбае,
На коня сидае,
Та по-надъ Днипромъ лугомъ Базалугомъ бижыть-поспишае,
Изъ луга Базалуга выбигае,
На Днипро спыльна поглядае,
75. Шо по Днипру козацьке судно гуляе;
То винъ тее судно въ вичи забачае,
Шлычокъ здіймае,
Ныэькый поклонъ подавае.
То козакы ёго въ вичи забачалы
80. До берега прыверталы.
То кошовый отаманъ, козацькый запорозькый,
Джуру Ярему въ вичи забачае
Та до ёго словамы прымовляе:
«Се ты не своею худобою передо мною повертаешъ,
85. А се ты Хведора бездильного, та безридного худобу въ себе маешъ.
Чы ты ёго не вбывъ, чы не запродавъ,
Або чы жывцемъ у плинъ не оддавъ?»
— «Эй, то я жъ, то, каже, отамане кошовый, козацькый запорозькый,

Ёго не вбывъ и не продавъ,
90. И жывцемъ у пливъ не оддавъ,
А було жъ то по потреби барзе то по царськiй,
Много війська понажено,
На раны смертенни постриляно
Та порубано,
95. То я жъ то междо тымъ трупомъ промешкавъ,
Та Хведора бездильного,
Та безридного,
На раны смертенни постриляного,
Порубаного,
100. Чуть жывого заставъ,
Такъ винъ мини всю худобу оддавъ
И жызнь свою одказавъ,
И шобъ я видъ ёго поклонъ усимъ козакамъ гетьманцямъ запорозьцямъ оддавъ».
То батько кошовый
105. Отаманъ військовый
Добре дбае,
Та пьятдесятъ чоловика козакивъ выбирае,
Та лугомъ Базалугомъ посылае,
Шобъ воны той трупъ происькалы,
110. Хведора бездильного та безридного пошукалы.
То то козакы добре дбалы,
Лугомъ Базалугомъ проиждждалы,
Та трупъ побытый Хведора бездильного та безридного шукалы,
Та третёго дни нахождалы,—
115. Та ёго тило козацьке молодецьке на червону кытайку бралы,
Та до Днипра до берега прыношалы,
Та раны ёго смертенни замывалы,
Та копьямы суходилъ копалы,
Та хорошенько козацьке молодецьке тило поховалы,
120. Та шапкамы персть носылы,
Та высоку могылу высыпалы,
Да ше въ головахъ дубовый пра́пирокъ постановылы.
По тымъ воны ёго помыналы,

Шо у себе малы:
125. Цвиленькымы сухенькымы військовымы сухарцямы.
Отто жъ то, хотя Хведора бездильного та безридного
Голова козацька надъ Днипромъ полягла,
Такъ слава ёго козацька не помре, не поляже
Междо панамы,
130. Междо козакамы,
Междо всима православнымы хрыстыянамы.
Утверды, Господы, люду царського,
Императорського
И всимъ головамъ слухающымъ пошлы Боже на многая лита
135. До конця вика.

4.

Кишка Самійло.

1. Ой у лузи Базалузи тамъ бувъ куринь нетязькый,
Тамъ жывъ прожывавъ Кишка Самійло Гетьма́нъ козацькый;
То винъ тамъ жывъ прожывавъ,
Та коло себе сорокъ два чоловика нетягъ мавъ.
5. То турецьке Баша, молоде паня, по Чорному мори безпешно гуляло,
Та ніякового соби дыва не выдало,
Та по Чорному мори проижджае
И до Луга Базалуга прыбувае.
То до луга́ Базалуга прыбувалы,
10. То тамъ воны соби прыстань занималы,
Та въ лугъ Базалугъ гуляты изъ кгаляры выхождалы;
То тамъ воны соби въ лузи Базалузи недовго промешкалы,
Куринь козацькый-нетязькый увыдалы,—
Усихъ козакивъ нетягъ гетьманськыхъ, запорозьськыхъ, сонныхъ забралы,
15. Та зализни пута́ имъ на рукы, на ногы понадивалы
Та въ кгаляру забралы,
Та до турецького баши прыставлялы.

То турецькый Баша велыку радость соби мае,
Та свое молоде паня выхваляе,
20. Та до дивкы Санджакивны на гуляння посылае.
То молоде паня турецьке баша
По Чорному мори безпешно гуляе,
Та на бидныхъ невольныкивъ згрозна гукае,
А дидъ Бутурлака тее зачувае,
25. Та ще крипше на бидныхъ невольныкивъ, страшнише гукае.
То тоди воны по Чорному морю безпешно гулялы,
До дивкы Санджакивны на погуляння прыбувалы.
То то дивка Санджакивна молоде паня турецьке баша
У свитлыцю камьяныцю зазывала,
30. Дорогымы напыткамы вытала,
А військо середъ рынку сажала.
То молоде паня турецьке баша на пидпыткахъ загуляло,
Дивци Санжакивци свою хвабрость показало:
«Чы ты то, каже, дивко Санджакивно, таке то выдала,
35. Шо шо въ мене въ кгаляри пробувае?
Якъ я въ лузи Базалузи пробувавъ,
Та тамъ соби велыке дыво доставъ».
То то воны по рынку гулялы,
До прыстани прыбувалы,
40. На кгаляру исхожалы.
То дивка Санджакивна бидныхъ невольныкивъ ввичи забачае,
И сама соби зтыха знышка важко здыхае,
А молоденького паню, турецького башу, вельми словамы похваляе.
То то воны зъ кгаляры схожалы,
45. Велыкую радисть малы,
Дванадьцятеро сутокъ гулялы.
То тó дивка Санджакивна одъ турецького башаты,
Молодого паняты
Стала до бидныхъ невольныкивъ нышкомъ пыщу посылаты,
50. Шобъ не даты бидным козакамъ невольныкамъ зъ голоду помираты.

То воны то того й не вжывалы,
Та до миста все складалы.
То турецьке баша, молоде паня,
До дивкы Санджакивны рано въ недилю прыбувало,
55. А въ вивторокъ до бидныхъ нетягъ невольныкивъ
У кгаляру на пидслухы ярызу посылае,
Шо шо́ буде дидъ Бутурлака изъ невольныкамы промовляты;
Може винъ буде у хрыстыянську виру поступаты.
То дидъ Бутурлака того ярызу ввичи забачае,
60. Та на бидныхъ невольныкивъ згрозна гукае,
Кисьци Самійлови у вичи штырхае,
Та зализнымъ прутомъ по трычи въ одно мисто затынае,
Та въ виру бусурменську у каторгу турецьку прывертае
И до Кишкы Самійла словамы прымовляе:
65. «Эй, Кишку, Кишку Самійлу!
Якъ будешъ ты у вири хрыстыянській пробуваты,
То буду тебе паче всихъ невольныкивъ обиждаты,
По тры разы въ одно мисто зализнымъ прутомъ затынаты».
То тилько ставъ одъ ныхъ ярыза отхождаты,
70. Ставъ дидъ Бутурлака съ Кишкою Самійломъ тыхи речи маты;
«Шо якъ бы намъ отъ турецького башаты,
Молодого паняты,
На волю вбижаты».
То дидъ Бутурлака добре дбае,
75. До Кишкы Самійла, знышка, словамы промовляе:
«Ой, Кишко Самійлу, не дуже своему серцю жалю задавай,
Своимъ серцемъ и головою на Господа Мылосердного вповай;
Будемъ мы Господа Мылосердного прохаты,
Чы не буде намъ Господь зъ небесъ благодаты посылаты».
80. То сталы воны Бога Мылосердного прохаты,
Сталы воны до Бога Мылосердного нызьки поклоны вдаряты:
«Ой, пошлы намъ, Господы, зъ неба,
Та чого намъ треба».
Эй шо вже-жъ то молоде паня,

85. Турецьке башя,
Дванадьцятеро сутокъ прогуляло;
До-кгаляры прыбувало,
Спочываты залягало;
Ой то воно зъ обиднеи поры до четвертого часу пролежало;
90. Отъ сна вставало,
Та до дида Бутурлакы словамы прымовляло:
«Шо якый то мини, диду Бутурлаку, сонъ дывенъ та предывенъ прыснывся,
Та колыбъ винъ николы не явывся.
Выдытьця мыни, шо моя галера цвиткована, малёвана
95. Стала вся на пожари спускана,
Выдытьця, шо мои невольныкы, котори булы въ неволи,
Та сталы вси по воли;
Выдытьця, що мене Гетьманъ козацькый булатною шаблею ростявъ,
У Чорне море пометавъ».
100. То дидъ Бутурлака тее зачувае,
До турецького пашаты, молодого паняты, словамы прымовляе:
«Эй то не може такъ случытьця,
Шобъ сему сну справдытьця.
Будешъ на невольныкивъ покрипши путá надиваты,
105. То буде въ насъ Кишка Самійло зъ своимы нетягамы всегда прожываты».
То молоде паня, турецьке баша, тее зачувае,
Впьять спочываты лягае,
А на дида Бутурлаку уси свои маеткы381 споверяе.
То бидни нетягы четвертого чáсу полунощного уремья дожыдалы.
110. Самѝ помежъ собою тыхи речи малы.
То дидъ Бутурлака добре дбае,
Зъ свого кармана ключи выймае,
Кисьци Самійлови у рукы подавае,
Та ше до его словамы прымовляе:
115. «Эй Кишко Самійлу, гетьмане козацькый, нетязькый!
Потыше путамы ячите,

Шобъ ни одного турчына не збудыты,
Та братъ брата одмыкайте,
Та свои путá потыхеньку зъ себе скыдайте,
120. Та поспишно турка бусурмена самого у Чорнее море метайте».
То то Кишка Самійло добре дбае,
Изъ себе пута скыдае
И всихъ козакивъ бидныхъ нетягъ одмыкае,
Та до своихъ нетягъ стыха словамы прымовляе:
125. «Эй, вы, козакы, бидьни невольныкы,
Вы сёго дила не гайте
Та поспишнéнько турчына у Чорнее море метайте».
То такъ воны соби добрую годыну малы,
Старóго й малого турка у Чорнее море усихъ пометалы,
130. Тилько дида Бутурлаку не займалы,
Коло себе для порядку оставлялы,
Шо той дидъ Бутурлака потурчывся и побусурманывся
И жывъ винъ у турецькій земли на сьвити
Сорокъ чотыри ли́ти.
135. То воны то тамъ недовго пробувалы,
Въ той часъ у Чорнее море утикалы.
То дидъ Бутурлака добре дбае,
До козакивъ нетягъ, гатьманьцивъ-запорозьцивъ, словамы прымовляе:
«Эй, вы, козакы́, гатьманьци-запорозьци, добре вы соби дбайте
140. Турецьке платьтя на себе надивайте,
Спочываты лягайте,
А половынна часть зализни путá на себе надивайте,—
Будуть насъ туркы безбожни бусурмены стричаты,
Будуть Алкана Пашу пытаты,
145. То я то буду знаты,
Якый отвитъ оддаваты».
То то воны Чорнымъ моремъ потыхеньку проижджалы,
То ихъ туркы безбожныи стричалы,
То тоди самъ Бутурлака на чердакъ выхожае,
150. Ключи зъ кармана выймае,
И на туркивъ махае.

«Ой цытьте, туркы, не ячите,
Молодого пани́ не збудите».
То то туркы дида Бутурлаку ввичи забачалы,
155. Скоро замовчалы
И одъ кгаляры одверталы.
То тоди бидьни нетягы потыхеньку зъ того миста одъиджалы,
Чорнымъ моремъ далеко гулялы,
Та землю турецьку, виру бусурменьську проклыналы!
160. «Эй, земле, земле турецька,
Виро бусурменьська,
Розлуко хрыстыяньська,
Хотя въ тоби срибла й злата багато бувае,
Та тилько бидному невольныкови николы отрадосты немае,
165. Ни недили, ни празныка не знае,
Все у тій катерзи турецькій бидный невольныкъ погыбае!»
. . . . [1]).
То воны то по Чорному морю гулялы,
Та до дида Со́ленка у госьти прыбувалы.
То винъ ихъ у вичи забачае,
170. Шлычокъ изнимае,
Поклонъ оддавае,
До себе въ гости зазывае,
И до козакивъ гатьманьцивъ запорозьцивъ словамы промовляе:
«Эй, вы, козакы, гатьманьци запорозьци,
175. Шо вы по Чорному морю гуляете,
Якого вы соби отамана маете»?
Эй то то козакы гатьманьци запорозьци тее зачувалы,
До дида Соленка словамы промовлялы:
Эй, здоровъ, здоровъ, отамане старый!
180. Сталы бъ мы тоби поправди казаты,
Такъ не знаемъ якъ и тебе назваты».
То дидъ старый тее зачувае
Изъ кгаляры ихъ вызывае,

[1]) Тутъ забувся. Не згадаю якъ. Ну, та вже нехай.

На сыру землю ихъ выклыкае,
185. Та до ихъ словамы промовляе:
«Эй, вы, козакы́, гатьманьци запорозьци!
Шо я тутъ [2])..
Висимдесятъ литъ прожывавъ,
Та такыхъ людей и ввичи не выдавъ».
190. То якъ сталы козакы на пидпыткахъ гуляты,
Сталы воны ему всю правду повидаты:
«Эй, диду Соленку! Мы́ то у лузи Базалузи прожывалы,
Куринь соби нетязькый малы;
То турецьке баша, молоде паня, по Чорному морю гуляло
195. Насъ у лузи Базавлузи сонныхъ застало,
Въ неволю забрало,
Зализни пута на рукы й на ногы понадивало,
Турецькому пану баши прыставляло.
То мы тамъ не довге времья прожывалы,
200. У дивкы Санджакивны на беньketи гулялы,
То намъ Богъ помигъ, шо мы ту́рка у Чорне море пометалы,
А самы сюды попалы»...
То тоди дидъ Соленко ихъ съ честю прыймае,
Хлиба-соли поставляе,
205. И до себе жыты благае.
То то Кишка Самійло сее зачувае,
Та до дида промовляе:
«Эй, диду Соленку, хошъ буду я въ тебе хлиба-солы вжываты,
А не хочу въ тебе пробуваты,
210. Хошъ буду я по смерть свою велыке горе прыйматы,
А такы хочу у своій Украини голову покладаты»...

Тутъ-бы казать «Услышы, Господы», такъ ни; іи ще впереды багато, та не згадаю. Трыдьцять може литъ, якъ спивавъ я іи, а вона довга и, Господы, яка довга! Та шожъ ты будешъ робыть, колы не згадаю. Тамъ якось ище дидъ Соленко своихъ пьятдесятъ чоловика

---

[2]) Отъ тилько забувсь на якому острови,—чудне якесь ему названіе.

ему помочи давъ. Оттутъ десь дидъ Бутурлака розсказувавъ, шо ихъ піймано було 60 чоловика, та винъ тилько одынъ у турецькій земли, значыть, остався. Воны его тамъ сорокъ чотыри года держалы, покы его Кишка вызволывъ. Кишка Самійло Соленкови дидови свою кгаляру бросывъ, а взявъ соби судно; ему дидъ Со́ленко давъ; такъ винъ козацькымъ (судномъ) и поихавъ у свою Украину. Тамъ винъ скилько литъ прожывъ, тай умеръ. Забувсь, де его поховалы. Надъ якоюсь рикою, отъ и въ уми вертытьця, та чорты его батька зна, не згадаю. Надъ якоюсь рикою померъ. Его й могыла десь есть. Кажуть и того Хведора Безридного могыла есть, та така якъ хата высока, шо й покы свитъ соньця не западе... Винъ, той Кишка Самійло, комусь издавъ свое отаманство, якъ помиравъ, та хто его зна кому... не згадаю...

Скилько я не чувъ такыхъ писень, дакъ ся найдовша. Я іи не одъ майстра свого вывчывсь, а одъ кобзаря-жъ такы одного пидъ Гадячемъ. Тоди, значыть, ярмарокъ бувъ, такъ насъ багато изійшлось; розбалакалысь соби, та якось и за цёго Кишку Самійла завелы мову. Такъ той кобзарь якъ проспивавъ іи, такъ я ему давъ карбованьця, шобъ винъ мене вывчывъ іи. Такъ мы дви ночи зъ нымъ удвохъ надъ нею морочылысь. Такъ я іи знавъ бувъ добре, а це забувъ, шо не спиваю никому. Плету соби, а й самъ знаю, шо воно тамъ не такъ було.

5.

Про трёхъ бративъ Самарьськыхъ.

1. Ой уси поля Самарьськи погорилы
Та вже й почорнилы,
А тилько не згорило тры терны дрибненькыхъ,
Тры байракы зелененькыхъ;
5. А тымъ же воны не згорилы,
Шо коло себе трёхъ гостей имилы.
А якыхъ же то трёхъ гостей?
Тры братикы ридненькыхъ,
Голубонькивъ сывенькыхъ,
10. На раны смертенни посичени й порубани,
Щей постриляни.
Одынъ братъ найстаршый, пысаръ військовый,

А другый братъ козакъ лейстровый,
А третій братъ грачъ и трунбачъ військовый.
15. Шо то измовыть найстаршый братъ до середульшого,
А середульшый до меньшого:
«Ой, колы бъ ты, братику, на свое здоровье козацьке молодецьке измагавъ
Та до ричкы Самаркы,
До крыныцы Салтанкы
20. Исходывъ, та холоднои воды набравъ,
Та раны наши смертенни чотыри шыроки,
А чотыри глыбоки,
Позакроплявъ,
Позамывавъ,
25. Та души полехкосты хочъ мало создавъ,
То може бъ мы на свое здоровье козацьке, молодецьке, хочъ мало шо змагалы».
То найменьшый братъ тее зачувае,
До старшыхъ братывъ словамы прымовляе:
— «Эй, мабуть уже намъ, братьця, до ричкы Самаркы,
30. До крыныци Салтанкы
Не ходыты,
Холоднои воды не пыты.
Мабуть, братьця, буду я спидъ головъ військову трунбу выйматы,
Та буду гласъ подаваты,—
35. Чы не буде хто набожній гласъ зачуваты,
То чы не буде хто до насъ пидхожаты,
Нашои смерты доглядаты».
Шо то змовыть старшый братъ до середульшого,
А середульшый до меньшого:
40. «Эй, не есть то насъ братьця, гостра шабля порубала,
Ни быстра куля постриляла,
А есть то насъ отцева й матчына молытва скарала,
Шо якъ мы увъ охотне військо выступалы,
Зъ отцемъ изъ маткою прощенія не прыймалы,
45. Брата старшого за брата не прыймалы,
Блызькыхъ сусидъ зъ хлиба-соли збавлялы,
Мымо церковъ ихалы, мымо сьватую Субору шапокъ не здіймалы

И на соби хреста не покладалы,
То тымъ то мы свое щастя й долю потерялы».
50. Отожъ-то воны си слова промовлялы,
Та тамъ соби й смерть получалы.
То хотя трехъ братывъ Самарськыхъ
У тернахъ, та въ байракахъ, на Самарському поли голова полягла,
Такъ слава ихъ козацька, молодецька не помре, не поляже.
55. Утверды Господы люду царського,
Императорського
И всимъ головамъ слухающымъ пошлы Боже на многая лита
58. И до коньця вика!

6.

Про Коновченка вдовыченка.

1. Ой на славній Украини,
У славному городи у Корсуни,
То тамъ жывъ прожывавъ Корсуньськый полковныкъ Пане Хвылоне.
То винъ жывъ прожывавъ,
5. По городахъ лысты засылавъ
Сотныкивъ,
Полковныкивъ
И козакивъ рядовыхъ увъ охотне військo выклыкавъ.
«Ой вы сотныкы
10. Й полковныкы,
И козакы рядовіи!
Который охотныкъ пойты изо мною на Черкену долыну гуляты,
Славы царствія козацькому війську зажываты,
За виру хрыстыяньську въ одній стани статы,
15. Чы не дасть намъ Богъ добычи якои соби маты».
То вси сотныки й полковныкы замовчалы [1]).

[1]) Замовчлы.

Тилько жыла у городи у Черкаси стара удова по прозванію Коновчыха,
А по мужу Грыцыха,
И мала вона соби сына Ивася Коновченка,
20. Прекрасного лыцаря едынчыка.
То винъ тіи лысты забачае,
У свитлыцю вхожае,
До своеи матуси ридненькои,
Удовы старенькои,
25. Словамы промовляе:
«Благословы мини, маты,
Съ Корсуньськимъ полковныкомъ
Паномъ Хвылономъ
На Черкену долыну питы погуляты,
30. Славы царствія зажываты,
За виру хрыстыяньську въ одній стани статы,
Чы не дасть намъ Богъ якои добычи маты».
То те винъ до своеи матуси словамы промовляе:
«Возьмы ты, маты, чотыри волы чабаніи,
35. Два кони вороніи,
Та дванадьцять червиньцивъ доложы,
Та до города Крылова, до жыда олендаря волы оджены,
До коня вороного и зброю козацьку молодецьку купы,
Которого коня моя душа любыла
40. Та ще й ухвалыла».
То старая жена́, бидна вдова, тее зачувае,
До свого Ивася Коновченка, прекрасного лыцаря, словамы промовляе:
«Не благословлю я тоби, сыну,
Съ Корсуньськымъ полковныкомъ иты на Черкену доылну гуляты,
45. Славы царствія козацькому війську зажываты,
А благословлю я тоби, сыну, чотыри волы чабаніи,
Два кони вороніи
Зъ за́города одлучаты,
Та йты въ чысте поле хлиба пахаты;
50. То будуть козакы
Съ Корсуньськымъ полковныкомъ

На Черкену долыну йты гуляты,
Будешъ ты ихъ у свій двиръ завертаты,
Будешъ ты ихъ хлибомъ сильно вытаты
55. И будешъ ты весь той козацькый звычай и дома знаты».
То винъ тее зачувае,
До своеи матуси ридненькои словамы промовляе;
Ой, не хотилося мени, маты,
Иты у чыстее поле хлиба пахаты,
60. Своихъ червоныхъ сапьяньцивъ чобитъ по борознахъ спотыкаты,
А хотилося мини питы съ Корсуньськымъ полковныкомъ
На Черкену долыну погуляты,
Славы царствія козацькому війську зажываты,
За виру хрыстыяньську въ одній стани статы,
65. Може бъ чы не давъ Богъ якои добычи соби достаты».
То стара жена, бидна вдова, протывъ того ничого ёму не сказала,
Та въ святую недиленьку рано уси рушныци въ комору повыношала,
Та до Божого дому на моленіе исхожала,
А свого Йвася Коновченка, прекрасного лыцаря,
У домивци своій не пры чимъ покыдала.
70. То Йвась Коновченко одъ сна уставае,
У свитлыцю вхожае,
По стинахъ поглядае,
Що вже батькивськои рушныци на стини ни однои немае,
Тилько въ запичку семыпьядная пыщаль сіяе.
75. То винъ то коло неи соби козацькый звычай добре знае,
Та семыпьядну пыщаль батькивську за плечи закладае,
Та до Корсуньськóго полковныка
На Черкену долыну за симсотъ верстъ поспишае.
На Черкену долыну прыбувае,
80. До палаты прыхожае,
Та ще Корсуньськóго полковныка на спочывкахъ застае.
Эй то вже жъ то вистовый полковныку извищае,

Шо «якый то до насъ на Черкену долыну гость прыбувае.
То Корсуньській полковныкъ одъ сна вставае,
85. Съ палаты выхожае,
Прекрасного лыцаря Ивася Коновченка въ вичи забачае.
То Йвась до Корсуньского полковныка пидхожае,
Шлычокъ скыдае,
Нызькый поклонъ оддавае,
90. Та до Корсуньского полковныка словамы промовляе:
«Эй, здоровъ, здоровъ, Корсуньськый полковныку, пане Хвылоне!
Шо ты думаешъ-гадаешъ,
Шо такого соби госьтя маешъ?
То благословы, Корсуньськый полковныку, Пане Хвылоне,
95. На Черкену долыну безпешно погуляты.
То Корсуньськый полковныкъ, Пане Хвылоне, тее слово зачувае,
До Йвася Коновченка словамы промовляе,
Прекраснымъ лыцаремъ ёго называе.
— «Не благословлю я тоби, отецькый сыну,
100. Иты на Черкену долыну
Безпешно гуляты,
А благословлю я тоби на червоній кытайци за столомъ сыдиты,
Перомъ на папери пысаты,
Та козакамъ гатьманьцямъ запорозьцямъ порядокъ даваты,
105. Шобъ воны зналы на Черкени долыни безпешно гуляты,
За виру хрыстыяньську въ одній стани статы,—
Чы не поможе намъ Господь мылосердный якои добычи достаты.
Ты ще дытя молодее,—
Шобъ тоби турки бусурмены, альбо татары, здоровья не збавылы
110. И вику не вмалылы».
То Ивась Коновченко тее слово зачувае,
До Корсуньского полковныка словамы промовляе:

«Эй то ты то, Корсуньськы́й полковныку, пане Хвылоне!
Возьмы ты утя одно малее,
115. А друге старее,
Та пусты ты у Чорнее море; чы не поплыве малее,
Якъ бы те й старее».
То Корсуньськый полковныкъ тее зачувае,
До Йвася Коновченка словамы промовляе:
120. «Благословлю я тебе, отецькый сыну, на Черкену долыну гуляты,
Славы царствія козацькому війську зажываты,
За виру хрыстыяньську въ одній стани статы,—
Чы не поможе тоби Господь якои добычи соби достаты».
То Ивась Коновченко шлычокъ здіймае,
125. На вси чотыри стороны поклонъ оддавае
И отцеву матчыну молытву спомынае,
Та отъ Корсуньського полковныка, отъ палаткы отхожае
И съ пидъ соньця, съ правои стороны
Туркивъ и татаривъ мечемъ своимъ устрашае.
130. То винъ то немного на Черкени долыни изъ утра до половыны дня гуляе,
Туркивъ и татаривъ вельми побиждае.
То винъ немного зъ утра до половыны дня погулявъ,
Симсотъ душъ турка и татара посикъ, порубавъ,
А симсотъ душъ жывьемъ на арканъ забравъ,—
135. До Корсуньського полковныка уси знамена прыставлявъ[1]).
То Корсуньськый полковныкъ ёго въ вичи забачае,
И такъ скоро до ёго поспишае,
За билу руку ёго хватае,
Прекраснымъ лыцаремъ молодецькымъ ёго называе,
140. Шлычокъ передъ нымъ искыдае,
Славу ёго козацьку молодецьку выхваляе,
Та въ свою палату ёго зазывае.
На червоній кытайци сажае,
Словамы промовляе:
145. «Эй то якъ то ты, Ивасю Коновченку, прекрасный лыцарю,
У своеи матуси ридненькои,
Удовы старенькои

[1]) То добре погулявъ!

Прошенія прынимавъ?
Чы ты якъ изъ дому отхожавъ,—
150. Молебни наймавъ?»
«Эй ни-жъ бо то, пане Корсуньськый полковныку,
Я сёго и въ голови не мавъ.
Моя матуся ридненька,
Удова старенька,
155. До Божого дому рано исхожала,
А мене въ домивци своій не пры чимъ покыдала,
То може вона й молебни наймала».
То стара жена,
Бидна вдова,
160. Зъ Божого дому зъ моленія у свою домивку прыбувае,
Свого Йвася Коновченка, прекрасного лыцаря, у своій домивци не заставае,
То вона гирко плаче й рыдае,
Дванадьцять червиньцивъ шукае
И поспишно чотыри волы чабаныи,
165. Два кони вороныи
Зъ загорода одлучае,
Та до города Крылова, до жыда олендаря отганяе
Та вороного коня и козацьку зброю у жыда олендаря забирае,
Та до свого двора прыставляе.
170. Эй то вже жъ то вона изъ свого двора выхожае,
На вси стороны поглядае,
Изъ якого шляху йшлы козакы гатьманьци-запорозьци
На Черкену долыну гуляты,
Славы царствія козацькому війську доставаты,
175. Шобъ сынови своему Ивасеви Коновченку, прекрасному лыцареви,
Гостынець передаты,
Которого коня душа улюбыла,
Та ще й ухвалыла.
То въ той часъ чотыри чоловика козакивъ запорозьцивъ Господь наношае.
180. То стара жена,
Бидна вдова,

Ихъ на здоровья стричае,
У свій двиръ завертае
И свого Ивася Коновченка прекрасного лыцаря имъ спо-
мынае.
185. «Вы то», каже, «козакы, гатьманьци-запорозьци,
Идете на Черкену долыну гуляты,
Чы не моглыбъ вы моему Ива́сю Коновченку, едынчыку,
гостынець податы».
То воны тее зачувалы,
До вдовы словамы промовлялы:
190. «Колыбъ то намъ Господь помигъ до Черкени долыны прыбуваты,
Та Корсуньського полковныка пана Хвылона въ вичи повыдаты,
То будемо й мы по Черкени долыни гуляты,
Чы не дасть Господь и намъ якои добычи достаты».
То бидна вдова,
195. Старая жена,
Своему Ивасеви Коновченкови, прекрасному лыцареви, коня
передавала,
То вона жъ то его не кляла не проклынала,
Та на его вси добри мысли мала
И Господа Мылосердного благала:
200. «Эй, Господы Мылосердный!
Колыбъ мого Ивася Коновченка, прекрасного лыцаря,
Гостра й шабля не рубала,
И быстра пуля его обмынала,
И шобъ его́ отцева й матчына молытва́ не скарала».
205. То вона вороного коня за шовкови поводы, за срибни удела
изъ стани вывожае
И козакомъ запорозцемъ Иваномъ гостынець передавае.
То Иванъ козакъ-гатьманець на Черкену долыну ажъ
третего дня прыбувае.
То Ивась Коновченко съ палаты выхожае
Та по Черкени долыни по всій поглядае,
210. Чы воно на Черкени долыни шо добре почынае,—
Може зъ якои стороны турокъ або татарынъ чы не за-
хожае;

То по Черкени долыни поглядае
И поверхъ долыны свого вороного коня,
Свою зброю козацьку молодецьку въ вичи забачае.
215. Та обратно въ палату вхожае,
До Корсуньського полковныка словамы промовляе:
«Ой Корсуньськый полковныку пане Хвылоне!
Шо то ты соби думаешъ гадаешъ?
Шо я жъ то думавъ, шо мене матуся ридненька,
220. Вдова старенька
Клене—проклынае,
Ажъ вона мини молодому гостынець передавае».
То Корсуньськый полковныкъ тее зачувае,
Словамы промовляе:
225. «Якый же ты, Ивасю Коновченку, одъ своеи матуси ридненькои,
Удовы старенькои,
Гостынець маишъ?»
«Эй то ты то, пане Хвылоне, такый я соби гостынець маю,
Шо которого коня моя душа улюбыла,
230. Да ще й ухвалыла».
То Корсуньськый полковныкъ исъ палаты и самъ выхожае
Вороного коня въ вичи забачае,
До Ивася Коновченка словамы прымовляе:
«Эй то Йвасю Коновченку годытьця твоеи матуси ридненькои,
235. Удовы старенькои
Гостынець тоби получаты,
Шобъ ты мигъ свою матусю ридненьку,
Удову стареньку,
Рано й пизно спомынаты».
240. То Иванъ козакъ гатьманець доброго коня молодецького
До Корсуньського полковныка прыставляе,
То Иванъ Коновченко до доброго коня пидхожае,
На коня сидае,
Передъ Корсуньськымъ полковныкомъ молодецькою хвабристью повертае,
245. До Корсуньського полковныка промовляе;
«Эй Корсуньськый полковныку!

Отеперъ, каже,
Благословы мини оковытои горилкы, та зеленого вына напыться».
То винъ до сороковои бочкы якъ прыхылывся, та въ свій кубокъ налывъ,
250. Серце свое козацьке звеселывъ.
«Якъ бы я, Корсуньськый полковныку, пане Хвылоне,
Побильшъ оковытои горилкы вжывавъ,
То я бъ ще не такъ по Черкени долыни беспешно гулявъ».
То тоди Ивась Коновченко побильше горилкы вжывае,
255. На доброго коня сидае,
Та тоди по Черкени долыни беспешно вже гуляе.
То тоди Корсуньськый полковныкъ
По Черкени долыни на его спыльна поглядае
Эй шо вже жъ по Черкени долыни турка й татара никого немае [1])
260. То Ивась Коновченко по Черкени долыни проиждже,
По Черкени долыни поглядае,
Шо тилько на Черкени долыни турецькый,
Бусурменьськый
Та татарьськый трупъ валяе
265. То винъ тоди междо трупомъ проиждже,
Голову свою козацьку молодецьку вороному коневи на грыву склоняе;
То де то взявся сидобородый татарынъ, [2]) та зъ-заду схватывся,
Та зъ видъ ливого боку якъ замирывся,
Та такъ его сердешного спиткавъ,
270. Шо мало въ пилъ не перетявъ.
То Йвась Коновченко съ коня звалывся
И Корсуньському полковныку не поклонывся.
То Корсуньськый полковныкъ по долыни спыльна поглядае,
Шо тилько Ивася Коновченка добрый кинь самъ по Черкени долыни гуляе,
275. То Корсуньськый полковныкъ до своихъ козакивъ

---

[1]) Уже, значыть, управывсь!
[2]) Междо трупу.

Гатьманьцивъ-запорозьцивъ словамы промовляе:
«Эй, не дурно Коновченкивъ кинь вороный самъ по Черкени долыни гуляе,
Мабуть мого Йвася Коновченка, прекрасного лыцаря, на свити жывого немае».
То Корсуньськый полковныкъ до своихъ козакивъ словамы промовляе:
«Эй, вы, козакы, гатьманьци-запорозьци, добре вы соби учыните,
Та поспишненько на Черкену долыну бижи́те,
Та доброго коня вороного изловите,—
Его тило козацьке—молодецьке пре́красного лыцаря пошукайте.
То козакы гатьманьци-запорозьци сее зачувалы,
285. Тила прекрасного лыцаря Ивася Коновченка ажъ тры дни шукалы,
Та его тило козацьке молодецьке на червону кытайку бралы,
Та до Корсуньсќого полковныка прыставлялы.
То Корсуньськый полковныкъ его въ вичи забачае,
Гирко плаче рыдае,
290. До козакивъ, гатьманьцивъ-запорозьцивъ словамы промо́вляе:
«Отеперъ», каже, «козакы, гатьманьци-запорозьци, глыбоку яму копайте,
Та хорошенько тило козацьке поховайте».
То козакы тее зачувалы,
Глыбоку яму копалы,
295. Его тило козацьке молодецьке хорошенько поховалы,
Высоку могылу высыпалы,
Надъ нымъ похоронъ одправлялы.
То Корсуньськый полковныкъ гирко плаче рыдае,
До козакивъ запорозьцивъ словамы промовляе:
300. «Мабуть уже намъ на сій Черкени долыни послидній разъ пробуваты,
Бо вже намъ такого прекрасного лыцаря, Ивася Коновченка, не достаты.
Уже Ивась Коновченко прекрасный лыцарь оженывся;
Узявъ соби гордыню,
Жену туркыню».

305. То такъ то воны Ивася Коновченка, прекрасного лыцаря,
Хорошенько на Черкени долыни поховады,
А турка татара у викъ вишный заклынады.
Хотя прекрасного лыцаря Ивася Коновченка
На Черкени долыни голова полягла,
310. Такъ его слава козацька молодецька не помре не поляже
Междо панамы,
Междо козакамы.
Междо всима православнымы хрыстыянамы.
То тоди Корсуньськый полковныкъ й козакы, гатьманьци-запорозьци,
315. Исъ Черкени долыны одъиждкалы,
Гирко плакалы й рыдалы,
Та Йвася Коновченка, прекрасного лыцаря, спомыналы.
То тоди вже козакы, гатьманьци-запорозьци,
У городы хрыстыяньськы у городъ Черкасы прыбувалы.
320. То Корсуньськый полковныкъ самъ до вдовы старои до двора прыбувае,
То стара жена,
Бидна вдова
Зъ двора выхождае,
Корсуньськый полковныкъ іи стричае
325. И до вдовы словамы прымовляе:
«Эй здорова, здорова, старая жона,
Бидна вдово!»
То вона то Корсуньськóго полковныка въ вичы забачае,
Та до его словамы прымовляе:
330. Эй, Корсуньськый полковныку, пане Хвылоне!
Де жъ ты мого сына заподивъ?
Чы ты его вбывъ,
Чы стребывъ,
Чы запродавъ.
335. Чы туркамъ бусурменамъ та татарамъ въ неволю оддавъ?»
То Корсуньськый полковныкъ тее зачувае,
До вдовы словамы прымовляе:
«Ой бидна удóво,
Старенькая жóно,
340. Та яжъ твого сына ни вбывъ,

Ни стребывъ,
Ни запродáвъ,
Ни туркамъ бусурменамъ та татарамъ въ неволю не оддавъ.
А хиба тоби, удóво,
345. Старéнька жóно,
Сонъ такый не снывся,
Шо вже твій сынъ на Черкени долыни оженывся;
Узявъ соби гордыню, гордыню.
Жену туркыню».
350. То вдова тее зачувае,
Та Корсуньського полковныка у двиръ свій зазывае
И всихъ козакивъ, гатьманьцивъ-запорозьцивъ, на рынокъ завертае,
Славнои смерты свого сына пытае.
То козакы, гатьманьци-запорозьци, тее зачувалы,
355. До вдовы одни слова промовлялы.
То старая жена,
Бидна удова,
Велыкую радисть мала,
Вына та солодкого меду имъ поставляла
360. И всимъ козакамъ, гатьманьцямъ-запорозьцямъ,
По тры таляри гостыньця давала,
Молебни отправляла
И Корсуньського полковныка за ридного отця у себе мала,
Та всихъ козакивъ гатьманьцивъ
365. На своимъ содержаніи цилый тыждень мала,
Гуляла й пырувала
Велыкую радость мала.
То тоди Корсуньськый полковныкъ зъ вдовыного двора зъижджае,
Та до своихъ козакивъ, гатьманьцивъ-запорозьцивъ, словамы промовляе:
370. «Эй вы козакы, гатьманьци-запорозьци!
Добре мы за Йвася Коновченка вдовыченка, прекрасного лыцаря,
У старои удовы хлиба солы ужывалы,
Та мы ій и правды не сказалы!

Якъ не будемо ій по правди казаты,
375. То буде насъ Богъ невыдымо караты» [1]).
Эй то то воны зъ города Черкасъ выходылы
Та козака идного гатьманьця-запорозьця тамъ прыостановылы.
То той козакъ, гатьманець-запорожець, до вдовы у двиръ захожае,
Гирко плаче рыдае,
380. До вдовы словамы прымовляе:
«Ой, удово,
Старенькая жоно!
Шо ты то гуляешъ-веселышся,
А твій сынъ не оженывся,
385. А получывъ винъ на Черкени долыни не быструю кулю,
А гострую шаблю.
Не получывъ винъ гордыни,
Жены туркыни,
А получывъ винъ глыбокую яму й высоку могылу,
390. Вирненьку дружыну».
То тоди то старая жена,
Бидна удова,
Гирко плаче-рыдае,
Къ сырій земли прыпадае
395. Та Корсуньського полковныка не клене не проклынае [2]),
А тилько словамы промовляе:
«Ой, бодай ты, Корсуньськый полковныку, тай здоровъ на свити пожывъ,
Якъ ты мого Ивася Коновченка, прекрасного лыцаря,
На Черкени долыни прыостановывъ».
400. Выслухай Господы у прозьбахъ,
У нещетныхъ молытвахъ,—
Дай Боже мыру царьському,
Народу хрыстыяньському,
На многая лита,
405. До коньця вика!

---

[1]) Оханувся, значыть.

[2]) Тоди гриха боялыся здорово!

Мини одынъ гу́саръ росказувавъ, що воны колысь проходылы черезъ Черкену долыну, то бачылы й могылу Коновченкову; вона, кае, й доси стоить высока-превысока! Коновченковою такъ и до сего часу зветьця.

7.

Про сокола.

(Невольныцька).

1. Вылынулы соколы
Съ чужои стороны,
Силы впалы у лиси,
На превоздобному древи ориси,
5. Извылы соби гниздо щерла́тное,
Изнеслы яйце жемчужное
И вывелы соби дытя
Бездильне,
Та безридне,
10. Ясне соколя.
То якъ полетивъ сокилъ старый
На чужу украину жывносты доставаты,
То винъ соби жывносты не доставъ,
Тилько бездильне свое та безридне ясне соколя утерявъ.
15. То винъ у свою украину прылитае,
Свого бездильного та безридного соколяты на мисти не застае.
То винъ сызокрылого орла стричае
И до его словамы прымовляе:
«Эй, сызокрылый орле,
20. Чы ты не чувъ, чы не прыбачывъ, де то мое дытя,
Бездильне та безридне ясне соколя подилося.
Эй то сызокрылый орелъ тее зачувае,
До ясного сокола словамы прымовляе:
«Эй то ты то ясный соколе!
25. Ихалы стрильци́
Булахи́вци
Зъ города

Царыгорода,
Та твое гниздо щерлатное увыдалы
30. Та орихъ дерево зрубалы.
Та твое дытя,
Бездильне
Та безридне
Ясне соколя
35. Забралы,
Та въ городъ Цариградъ заношалы
Та Ивану Богословцю на утиху продавалы.
То то Ивась Богословець его забирае,
Золоти путá на ногы надивае
40. И жемчугомъ очи запускае,
По Царыгороди гуляе
И ясне соколя на рукахъ носыть, серце свое утишае.
То якъ бы-жъ ты, ясный соколе, надъ Царыградъ городъ надлетивъ,
Та жалибненько заквилывъ,—
45. Хай твое дытя,
Бездильне та безридне соколя,
Не такъ то весело бувае,
Не якои птыци не ввыжае,
Головку склоняе,
50. То чы не буде Иванъ Богословець велыке мылосердіе маты.
Чы не буде его на высокый валъ выкыдаты».
То ясный сокилъ тее зачувае,
Надъ городъ Царыгородъ надлитае,
Жалибненько проквыляе.
55. То ясне соколя тее зачувае,
Свою головку нызенько склоняе,
И очи пидъ либъ пускае.
То Иванъ Богословець на его поглядае,
Важко здыхае,
60. До своихъ слугъ словамы прымовляе:
«Ой вы, вирни мои слугы!
Возьмить оце дитя,
Бездильне та безридне соколя,

Та золоти пута зъ нигъ скыдайте,
65. Жемчугъ зъ очей здіймайте,
Та на высокый валъ выношайте,
Та на тыхый витеръ его пускайте.
Буде на его тыхый витеръ повиваты,—
Чы не буде воно на свое здоровья змагаты».
70. Ой у сьватую недиленьку барзо рано пораненьку
Бездильне та безридне ясне соколя забиралы,
Золоти пута зъ нигъ скыдалы,
Жемчугъ зъ очей знималы,
Та на высокый валъ выношалы,
75. На тыхый витеръ пускалы.
То ясный сокилъ на сыру землю крыльця свои спускае
И свое дытя,
Бездильне та безридне ясне соколя,
Поспишно на крыла хватае,
80. Пидъ высоку высоту залитае,
Та городъ Царыгородъ заклынае:
«Оже хочъ ты, Царыгородъ городъ, на сребро-золото багатый,
Шо е въ тоби шо исты и пыты
И хороше ходыты,
85. Та немае чоловикови одрадосты».
Услышы, Господы, у прозьбахъ
У нещетныхъ молытвахъ
Дай, Боже, мыру царьському,
Народу хрыстыянському
90. На многая лита,
91. До коньця вика!

8.

Витчымъ.

1. Ой у сьватую божéственную недиленьку,
Барзе рано пораненько,
То не гласныи дзвоны дзвонылы,
Якъ у первому двори неридный отець и маты исъ своимъ сыномъ говорылы:

5. «Ой идыжъ ты, сыну, мижъ чужіи люде,
То тамъ тоби чы не лучче буде;
То нехай тебе хторый отець не лае, не проклынае
И щастя й доли козацькои твоеи не теряе».
То въ сьватую недиленьку старша сестра коня выводыла,
10. Середульша зброю выносыла,
А найменьша сестра выходыла,
Хустыну своему братови выносыла,
Гирко плакала и рыдала,
Слезамы пролывала,
15. До свого братика найменьшого словамы промовляла:
«Братику мій ридненькый,
Якъ голубонько сывенькый!
Видкиль же тебе въ гости выглядаты:
Чы зъ буйного витру,
20. Чы зъ шырокого степу,
Чы зъ славного війська Запорожья?»
То братъ тее зачувае,
До сестры своеи найменьшои словамы прымовляе:
«Сестро моя ридненька,
25. Голубонько сывенька!
Не выглядай мене ни зъ буйного витру,
Ни зъ шырокого степу,
Ни зъ далекого поля,
Ни зъ славного війська Запорожья,
30. А возьмы ты, сестро моя ридненька,
Голубонько сывенька,
Жовтого писку въ жменю,
Та посій на билому каменю,
То якъ буде жовтый писокъ на билому камени схожаты,
35. Хрещатымъ барвинкомъ зеленымъ билый каминь устылаты,
То тоди будешъ мене, сестро, въ гости выглядаты».
То найменьша сестра тее зачувае,
До свого братика словамы прымовляе:
«Братику мій ридненькый,
40. Якъ голубоньку сывенькый!
Я сего одъ старыхъ людей не чувала,
Шобъ жовтый писокъ на билому камени исхожавъ,

Билый каминь устылавъ.
То мабуть не буде жовтый писокъ на билому камени схожаты,
45. Хрещатымъ барвинкомъ билый каминь устылаты,
То мабуть мини, братику, тебе въ вичи не выдаты».
Отныни и до вика,
48. И до коньця вика!

9.

Про сестру та про брата.

1. Ой у сьватую недиленьку барзе рано пораненько,
То не сыва зозуля закувала,
Не дрибная птыця у бору защебетала,
Якъ сестра до брата лысты пысала
5. Та въ чужи далеки города засылала,
Та свого брата ридненького у госьти прохала,
Та его и благала:
«Братику мій ридненькый,
Якъ голубоньку сывенькый!
10. То прошу я тебе, прыбудь ты до мене,
Созвидай мене на чужій чужыни.
Пры бидьній годыни,
Пры несчаслывій моій злій хуртовыни.
Шо я то, братику, на чужій чужыни прожываю,
15. Велыке горювання всегда соби прынимаю,
Шо я то, братику, на чужій чужыни завдовила,
Своимы диточкамы маленькымы осыротила».
То братъ тее зачувае,
До сестры словамы промовляе:
20. «Радъ бы я, сестро, къ тоби прыбуты,
Тебе созвидаты,
Такъ не могу за быстрымы водамы
За шырокымы степамы
И за дальнимы далекымы сторонамы,
25. И за темнымы высокымы лугамы».
То сестра тее зачувае,
До братика словамы промовляе:

Братику мій ридненькый
Якъ голубонько сывенькый!
30. Черезъ быстріи воды билымъ лебедонькомъ переплывы,
А черезъ шыроки степы малымъ невелыкымъ перепилонькомъ перебижы,
Черезъ дальни далекіи стороны, черезь темни высокы лугы яснымъ соколомъ перелеты,
А на мое подвирья сызокрылымъ голубкомъ упады
И жалибненько загуды,—
35. Серцю печаль тугу́ мою роздилы
Шо вже жъ то, братику, идеть Хрыстове Просьвитле Воскресеніе:
Людямъ радость,—
Мини смутость.
Шо люде то на празныкъ до Божого дому йдуть
40. Якъ бджолы гудуть,
А зъ Божого дому выхожають,
Якъ макъ процьвитають;
Пола исъ полою исхожае
И братъ исъ сестрою съ празныкомъ поздоровляе,
45. А на мене бездильну нихто й не погляне,—
Будьто насъ, братику, ни́хто й родомъ незнае.
Шо якъ мы въ свого отця й маткы прожывалы,—
Якъ у нашого отця й маткы пылы й гулялы,—
Ни свитъ, ни зоря на добрыдень давалы,
50. Съ празныкомъ поздоровлялы,
На хлибъ и на силь зазывалы,
А якъ прышыбла, братику, мене, нещасна хуртовына,
То тоди одреклыся кумы й побратымы
И всякая названая сердешная родына!
55. Трудно то, братику, рыби безъ воды пробуваты
И звирю-птыци безъ лиса въ чыстимъ поли гуляты,
А ище трудныше, тяжче й важче бездильному, та безридному чоловикови
На чужій украини безъ родыны кревнои й сердешнои прожываты!»
Выслухай, Господы, у прозьбахъ
60. У нещетныхъ молытвахъ.

Дай Боже мыру царському
Народу хрыстыяньському
На многая лита,
64. До коньця вика.

10.

Про вдову.

1. У сьватую недиленьку барзо рано пораненько,
То не сосна у бору зашумила,
Якъ бидна вдова,
Стара жена
5. Зъ своимы диткамы въ домивци своій гомонила:
«Ой сыны жъ мои, диты маліи, якъ мини зъ вамы викъ горюваты,
То якъ то мини старенькій хлиба й солы чужого заробляты,
Та васъ годуваты?!»
То бидна вдова, стара жена чужого хлиба солы заробляла
10. Та своихъ сынивъ изъ малу до зросту годувала,
По наймахъ не пускала,
Чужымъ людямъ у рукы на стыраніе не давала,
То жъ то вона зъ нымы пры староcты литъ вику прожыты мала.
То якъ сталы удовыны сыны до свого розуму дохождаты,
15. Сталы соби молоде подружжа заниматы,
Сталы свою матку ридненьку, удову стареньку зневажаты,
Сталы іи пры староcты литъ у плечи торкаты
И сталы зъ неи насмихатысь, изъ двора зганяты:
— «Ой иды ты, маты,
20. На чужый двиръ прожываты;
Нехай наши жинкы молодіи не будуть съ тебе насьмихатысь
И диткы наши маленьки при староcты литъ тебе въ плечи торкаты».
То стара жена бидна удова тее зачувае,
До своихъ сынивъ словамы прымовляе:
25. Ой, сыны жъ мои, диты молодіи!

Стилько я зъ вамы рикъ горювала,
Пучкамы та ручкамы хлибъ заробляла та васъ годувала.
То я то зъ вамы прожыты викъ свій мала,
А теперъ я чого одъ васъ дождала?
30. Де мени теперъ смерты дождаты,
Де мого вику теперъ докончаты?!.
То й у сьватую недиленьку барзе рано пораненько,
Бидна вдова стара жена зъ двора выходыла,
Та за дрибнымы слёзамы сьвита Божого не выдала.
35. Обыльетьця вона гирько слёза́мы,
Ударытьця объ полы билымы рученькамы,
Плаче рыдае, дрибнымы слёзамы пролывае,
А блызькый сусида тее зачувае,
Та зъ свого двора выхожае,
40. До вдовы словамы прымовляе:
«Ой удово старенькая, не плачъ не журыся!
Иды ты у мій двиръ прожываты,
Будешъ мени хатку промитаты,
Будешъ ты моихъ маленькыхъ диточокъ доглядаты,
45. То буду я тебе, удову стареньку, почытаты, шануваты й поважаты!»
То стара жена бидна вдова на чужому подвирьи дванадьцять литъ прожывае,
То всякый то день дрибнымы слезамы пролывае,
А сынамъ усимъ тремъ удовыченькамъ на своему подвирьи прожытку немае.
Ставъ ихъ Господь невыдымо караты
50. Эй скотыною и дытыною побиждаты.
Ставъ старшый братъ сее замичаты,
Шо ставъ Господь и дуже ихъ обиждаты.
Сталы зъ вдовыченькивъ и люде насьмихатысь.
То тоди старшый братъ тее зачувае,
55. Та до своихъ братывъ словамы промовляе:
«Эй, братикы мои ридненьки,
Голубонькы сывеньки!
Не добре мы соби учынылы,
Шо свою матку ридненьку прогнивылы!
60. То добре мы соби, братикы, изробымо,

Та до своеи матуси ридненькои.
Удовы старенькои
На чужый двиръ ходимо,
Та нызенько до нигъ упадимо,
65. Та свою матку ридненьку,
Удову стареньку
У свій двиръ прызовимо».
То въ сьватую недиленьку барзе рано пораненько,
Не сызи орлы заклекоталы,
70. Якъ уси тры вдовыченькы на чужый двиръ прыбувалы
Та до своеи матуси ридненькои,
Удовы старенькои,
Шлычкы въ рукы поздіймалы
Та нызенько до нигъ упалы,
75. Та свою матусю ридненьку
Удову стареньку,
У свій домъ прохалы іи и благалы:
«Ой иды жъ ты, маты,
Въ отцевськый двиръ прожываты
80. Та будемо мы свои жинкы молодіи научаты,
И будешъ ты хлиба солы въ своему кута́стви [1]) ужываты,
То будемо мы тебе шануваты й поважаты
И будемъ твоеи старосты по викъ свій доглядаты».
То стара жена бидна вдова тее зачувае,
85. До своихъ сынивъ словамы прымовляе:
«Ой, сыны жъ мои, диты молодіи!
Шо теперешнего часу,
Который чоловикъ отцевську-матчыну молытву забувае,
То его Господь мылосердный невыдымо карае,
90. А который чоловикъ отцевську матчыну молытву спомынае,
То ему Господь мылосердный и въ поли и въ доми спомогае».
Выслухай, Господы, у прозьбахъ, у молытвахъ,
Дай Боже люду царському,
Мыру Хрыстыяньському
95. На многая лита
96. До коньця вика!

---

[1]) Кутку.

11.

Про Мыхія.

1. Ой да на славній Украини,
У славному лиси Лебедыни,
То тамъ то жывъ прожывавъ дидокъ старенькый,
Мыхійко маленькый.
5. Та въ цего дидка старенького,
Мыхійка маленького
Штаны солóмьяни, постолы бобрóви,
Щыро-лычани вьязови,
А волóкы зъ жоночого вáлу въ односталь несукани.
10. То винъ то въ тому лиси Лебедыни гуляе,
Та на чыстый степъ поглядае:
То ёму то бачытьця, шо въ чыстому степу молодыци
Збирають полуныци.
То винъ то, мерщій, зъ лиса Лебедына выбигае,
15. Та до тыхъ молодыць успишае,
Та до того миста поспишненько прыбувае [1]),
Та на те мисто пыльненько поглядáе:
Ажъ то не молодыци збирають полуныци,
А воно очеретяни куныци
20. Надъ ричкою мають,
Головкамы одъ витру кывають.
То винъ то, чымъ дужче, назадъ до лиса Лебедына поспишáе,
Та те болото клене проклынае:
Та бодай же тебе, болото, провальямъ завалыло,
25. Якъ ты мене зъ лиса Лебедына такъ далеко заманыло!»
То винъ то впьять у лисъ Лебедынъ прыхожае;
По лису Лебедýну похожае,
Та давни свои роскоши спомынае:
«Шо якъ то я у дида Сóленка прожывáвъ,
30. То яки то я одъ дида Соленка речи прочувавъ!»
Шо якъ то було людямъ добре въ свити жыты,
Шо було съ кимъ у хати говорыты;

---

[1]) Значыть,—не гаиться.

Якъ празныка дожыдае,
То велыку соби радисть мае»...
35. У свій куринь ухожае, (Мыхійко)
Та добри мысли соби мае:
Шо якъ то въ свити прожываты,
Яке соби занятія маты?
«То я то на Чорному мори, та на суходоли,
40. Пидъ прыпечкомъ доли,
На прыпечку духы́ душу
На комени рыбу трушу,
По пидъ лавлю
Човномъ плавлю,
45. А коло порога прыстань занимаю».
Де то взялася на Чорному мори та на суходоли быстрая хвыля,
Та куцому собаци
Пры самій с....
Хвистъ одкрутыла,
50. Та дидови старенькому,
Мыхійкови маленькому
У рукы втеребыла;
То винъ то козацькый звычай добре знае,
Та коло себе хочь мухы обганяе,
. . . .
55. На многая лита,
56. До коньця вика!
Усіеи, щобъ якъ слидъ,—не помню.

Бувъ я у Таганрози, та зійшовсь якось у шынку зъ запорозцемъ! старый, старый... Литъ ему девьяносто буде. Я тамъ спивавъ ему оцихъ писень: Коновченка, трехъ бративъ спивавъ, дакъ винъ зрадивъ. «Наша», говорыть: «слава козацька не гыне! Я, ось, кае, тутъ литъ до семыдесяты жыву, та цихъ писень не чувъ тутонькы, а на нашій, каже, Украины, а винъ самъ выходець съ полтавськои губерніи, «бачъ», каже, «ище водятьця си письни».

12.

Про Правду та Неправду.

1. Нема въ сьвити правды, правды не зійськаты,
Шо звыкла неправда тепера правдою статы.

Шо тепера правду ногамы топтають,
А тую неправду медомъ выномъ напувають.
5. Шо тепера правда стоить у порога,
А тая неправда сыдыть конець стола.
Шо тепера й правда слезамы рыдае,
А тая неправда съ панамы гуляе.
Шо тепера й правда у темній темныци,
10. А тая неправда съ панамы въ свитлыци.
То чы ты, правдо, вмерла, чы ты заключена,
Чы ты, маты ридна, одъ насъ одречена?
Уже давно правда уже давно вмерла,
А тая неправда увесь сьвитъ пожерла.
15. Та тилькожъ у сьвити правды,—шо ридный отець та маты.
Дебъ мы моглы въ сьвити свого отця и матиръ одыськаты?
Ой, орлыце маты, де тебе й узяты?!
Шо тебе жъ не купыты а ни заслужыты!
Шо колысь булы диткы, та сталы сыриткы,
20. Та немають помочи соби отневиткы.
Горе малымъ диткамъ безъ отця безъ маткы, и горе пробуты,
Шо завсегда плачуть и рыдають не можуть забуты.
Колыбъ то намъ Богъ давъ орловіи крыла,
То лынулыбъ мы на ту украину, де насъ отець и маты спородыла.
25. То ище колыбъ намъ Богъ давъ соловьини очи,
Изнялысь мы бъ полетилы до отця до неньки, хошъ посередъ ночи.
Бо вже кинець вику икъ намъ прыблыжывся,
Хошъ ридного брата теперъ стережыся;
Бо винъ хоча ридный братъ, то правды не міе,—
30. Винъ тилько устамы якъ перамы віе;
Хоть изъ нымъ у судъ статы, правды не зійськаты,
Тилько сре́бромъ и златомъ панивъ насыщаты.
Который чоловикъ буде сю неправду хвалыты,
То буде его душа одъ Бога пекломъ кзрана, а тило гориты;
35. А который чоловикъ може сю сьватую правду испольняты,

То сошлеть ему Господь съ небесъ благодаты.
Самъ Господь правда и сокрушыть гордыню
И вознесеть сьвятыню.
Однына и до вика
40. И до концця вика!

13.

Царю Хрысте.

1. Царю Хрысте, Пане Мылый,
Есь Ты дольготерплывый.
У четвергъ къ вечеру былыше,
Совитъ жыды сотворылыше.
5. То сталы жыды гадаты,
«Якъ бы намъ Хрыста спіймати?!
Що винъ намъ законъ уставляе
И царемъ себе называе,
А въ насъ царивъ не есть много,
10. Токмо кесира идного».
А Іюда икъ имъ тече,
А прытекшы до ихъ рече:
«Що вы мини дасте? Продамъ Его,
Бо я есть ученыкъ Его».
15. «Трыдесять сребряныкивъ тоби дамо,
А тилько продай намъ Его».
А Іюда розгордывшы,
Свое серце роспалывшы,
За сребряныки продавъ Хрыста,
20. А самъ лышывся свого царства.
Узявъ сребныкы, течеть изнову,—
Якъ бы винъ не бувъ пры тому.
То прызнавсь Хрыстосъ Своій муци,
Що вже въ жыдивъ на поруци.
25. Узявъ Хрыстосъ хлибъ преломывъ
И всимъ ученыкамъ подавъ,
А вмочывъ у соль и Іюди давъ:

«Отой Мене одъ васъ жыдамъ продавъ».
Речеть Іисусъ Хрыстосъ ученыку
30. Іоану наперсныку:
«Маліи дни испысуйте,
Страсти Моей дочытуйте.
Прыскорбна душа по смерты,
Когда прышедъ часъ умерты;
35. Прыспивъ конець и прышедъ тому часъ,
Устаните,—иду отъ васъ».
А мы Его восхваляймо,
Честь и славу Ему даймо,
Алилуя воспиваймо.
40. Алилуя, Алилуя! Слава, Хрысте,
41. Твоихъ страстей!

Псальмы: «Мукы Хрыста, Про Почаевську Божу Матиръ, Про Лазаря жытыа, Іисусе Прелюбезный» вырваны изъ тетради, въ которую они сперва были начисто переписаны.

Весели писни: Чечитка, Мищанка, Хома та Ярема, Гарбузъ, Вербунка вырваны изъ тетради, въ которую они сперва были переписаны начисто.

Разсказъ «про Кобзаря й про Лирныка», и списокъ именъ умершихъ кобзарей въ разныхъ уѣздахъ, извѣстныхъ Кравченку, и списокъ именъ нѣкоторыхъ живыхъ кобзарей—вырваны изъ тетради, въ которую сперва они были переписаны начисто.

Козацьки писни: 1. Про трехъ братывъ Озовськыхъ, 2. Про Олексія Поповыча, 3. Про Хведора Безридного, 4. Про Кишку Самійла, 5. Про трехъ братывъ Самарськыхъ, 6. Про Коновченка—вдовыченка, 7. Про Сокола, 8. Витчымъ, 9. Про Вдову, 10. Про Сестру та Брата, 11. Про Мыхія.

Псальмы: 1. Про Правду, 2. Велыкой мой жалю, 3. Мукы Хрыста, 4. Царю Хрысте, Пане мылый, 5. Ой, горе горе на симъ свити жыты, 6. Та ввошлы жъ моя лита, 7. Іисусе Прелюбезный, 8. Уходъ Божои Матери во храмъ, 9. Про Пачаивську Божу Матиръ, 10. Про Пустельныка, 11. Про Мыхаила, 12. Про Мыколая, 13. Про Лазаря жытыя. Списокъ псалмовъ составленный не полный. Кравченко зналъ очень много псалмовъ.

Весели писни: 1. Чычиточка, 2. Мищанка, 3. Дворянка, 4. Хома та Ярема, 5. Гарбузъ, 6. Вербунка, 7. Бугай.

Я бувъ крипостный Крюковського пана. Ото-жъ я по пану Крюковськымъ и прозываюсь. Съ трехъ литъ мене взято до двора и бувъ я пры панычу, До десяты годъ я бувъ выдющій... Пидрисъ мій панычъ,—оддалы его у Гадячъ увъ учылыще и мене зъ нымъ оддалы; одвезлы мене зъ нымъ у Гадячъ. Обижа мене панычъ...

Прыйде оце зъ учылыща на кватырю, якъ зачне гратьця зо мною,—штыля мене то видсиль, до видтиль; скубе, щыпа... Поставе, було, мене ракомъ. «Стань на чотырехъ лапкахъ. А ну, чы повезешъ мене, Иванько». Якъ попогрався отакъ винъ зо мною пивтора года, та якъ заболилы у мене очи, якъ заболилы... Шо якъ ляжу ныць, та якъ полежу, такъ надо мною такъ якъ ричка слёзы набижыть... «А, Ванька, се ты, сукынъ сынъ, усьц....? Ванька всьц....! Та якъ почне мене скубты, та быты, то въ мене слёзы такъ и бижуть, такъ и бижуть... Колы вже й исты за слезамы не можна. Тоди винъ якъ побачывъ, що вже, значыть, не въ перелывкы,—посыла изъ Гадяча письмо до дому въ Лохвыцю, а ему шобъ другого мальчыка далы. Прывезлы мене до дому. Сталы батько прызывать знахуривъ, жыдивъ и жыдивокъ. Жыдивка була така, шо каже:—«выличу хлопця здорового». Та тры мисяци чы що коло мене сыдила, та ничого й не зробыла. Люде кажуть, шо въ Полтави е дохторъ що може спользувать. Повезлы, царство Боже, батько мене въ Полтаву, такъ той дохторъ подывывся на мене, тай каже имъ: «шо-жъ,—попользую якъ небудь. Покынь его тутъ, а въ мисяць навидайся до мене» Такъ у мисяць батько прыйихалы. «Не пускайте его на двиръ съ пивъ мисяця,—одыйдуть очи». Прывезлы мене, та не то пивмисяца, а й мисяць не пускалы—не помагаетьця. Возылы у Катарнославъ; тамъ побувъ пивтора году у болныци—не помоглось. Повезлы ше въ Кыивъ до Короваева. Такъ винъ подывывсь, та й каже: «не выпользую. Вишный калика винъ буде. Повыйидавъ сахаръ зрачкы». Ослипъ я. Пересталы очи бачыть. А якъ прыиде панычъ до дому, то чого було не робе изо мною изъ слипымъ! Батько та маты було, почують, шо паничъ прыихавъ, буде хлопця мучыты. Разъ якъ узявъ мене ганять по двору у литку, та въ жныва, такъ турлявъ мене турлявъ, а тамъ руськи на двори колодязь открылы, такъ винъ турлявъ мене турлявъ,

та на колодязь направывъ, такъ я туды й шелеснувъ. Такъ руськи тоди: «што вы, панычъ, дѣлаете? Отъ мальчыкъ убывся». Вытяглы мене видтыля насылу жывого. Довго пролежавъ я пислядтого... Такъ ото вже я якъ ослипъ, такъ батько та маты порадылысь, та отдалы мене въ Гапóнивку до слипого, до Ивана, такы Кравченка; и винъ Иванъ Кравченко и я Иванъ Кравченко. Винъ ше й Касьяномъ прозываетьця. Узявъ винъ мене на тры годы, за пивтора году вывчывъ грать. (Отрывокъ).

Кобзарь Иванъ Грыгоровичъ Кравченко.

Зап. **Порфирій Мартиновичъ.**

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Учрежденіе въ Кіевѣ экстрапочты чрезъ Житомиръ на С.-Петербургъ и Одессу.* Кіевскій военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Желтухинъ 2-ой, 23 февраля 1828 года писалъ главноуправляющему надъ почтовымъ департаментомъ: «...существующая нынѣ между Кіевомъ и С.-Петербургомъ почта доставляетъ корреспонденцію не ближе какъ въ *десятые* сутки. Нынѣшнія обстоятельства, требующія очень часто скорѣйшаго сношенія, вынуждаютъ къ посылкѣ курьеровъ, сопряженной съ ущербомъ для казны, что бы легко могло быть отвращено учрежденіемъ корреспонденціи изъ С.-Петербурга съ городомъ Кіевомъ чрезъ одесскую экстрапочту; съ учрежденіемъ таковой отъ города Житомира до Кіева, что составляетъ не болѣе 140 верстъ и не можетъ сдѣлать отягощенія, если способомъ сношенія поденною (?) службою ускорили и казна избавилась отъ большихъ издержекъ. Убѣждаясь симъ единственно, прибѣгаю съ покорнѣйшей просьбою къ вашему сіятельству о содѣйствіи вашемъ въ семъ случаѣ».

Изъ департамента отвѣчали: «поелику *обыкновенная* почта изъ Кіева въ Житомиръ и обратно отправляется два раза въ недѣлю, направленіе симъ путемъ нужной, наипаче по службѣ, корреспонденціи могло бы довольно ускорить сообщеніе между Кіевомъ и столицею, такъ какъ экстрапочты с.-петербургская и одесская, проходя чрезъ Житомиръ три раза въ недѣлю, могутъ легко забирать кіевскую (отъ Житомира до Петербурга четыре дня пути).

Впрочемъ, помѣхой оказалась Радомысльская станція, которая постоянно задерживала кіевскую почту, благодаря ей приходившую въ Житомиръ слишкомъ поздно.

Генералъ Желтухинъ продолжалъ настаивать.

Вопросъ 17 марта того же года разсмотрѣнъ въ комитетѣ министровъ и, съ соизволенія его императорскаго величества, экстрапочта между Кіевомъ и Житомиромъ учреждена. Отправленія установлено принимать въ Кіевѣ по вторникамъ и субботамъ, съ 2 до 6 часовъ, такъ какъ уходъ назначенъ не позже 8 ч.

Изъ Кіева первая экстрапочта вышла 12 мая.

Малороссійскій почтъ-директоръ отдалъ распоряженіе, чтобы кіевскій губернскій почтмейстеръ принималъ безостановочно корреспонденцію господина военнаго губернатора и другихъ важнѣйшихъ лицъ, адресованную въ Одессу, Измаилъ и пр. пункты, но генералъ Желтухинъ вскорѣ добился того, что вся его и ему адресованная переписка шла исключительно экстрапочтою.

Въ этомъ году Кіевъ, лежавшій на большомъ трактѣ Москва—Дубоссары—Кишиневъ, прочно связался съ магистралью С.-Петербургъ—Одесса, скрещивавшеюся съ названнымъ трактомъ въ г. Махновкѣ. Благодаря сему, въ предѣлахъ губерніи пришлось позаботиться о прибавленіи по 10 почтовыхъ и по 3 курьерскихъ лошадей на станцію.

---

2) *Слабость кіевскаго дворянства къ сохраненію званій и чиновъ при отставкѣ и наслѣдственно.* 25 февраля 1828 г. кіевскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Желтухинъ [1]) писалъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ:

Желая удержать порядокъ въ чиноначаліи, дабы чрезъ то дать надлежащую цѣну заслугамъ, я долженъ былъ обратить вниманіе на нѣкоторыя отступленія отъ правилъ по выборамъ дворянства кіевской губерніи. Многіе тамошніе помѣщики, избѣгая дѣйствительной службы, но желая имѣть между дворянами какой-нибудь почетный титулъ, весьма часто, по связямъ, пріобрѣтаютъ званія представителей главнаго суда и повѣтовыхъ маршаловъ, не исправляя до того никакой должности по выборамъ дворянства.

---

[1]) Въ бытность въ столицѣ.

Сверхъ сего, по обыкновенію, существующему какъ въ кіевской, такъ и во всѣхъ прочихъ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, повѣтовые маршалы считаютъ себя въ V классѣ, пользуются титуломъ высокородія, носятъ шляпы съ плюмажемъ и вообще присваиваютъ преимущества, соединенныя съ чиномъ пятаго класса.

То же самое обыкновеніе ввело нѣкоторымъ образомъ въ правило, что преимущества сіи сохраняются, какъ предсѣдателями, такъ и маршалами, и по увольненіи ихъ отъ службы. Такимъ образомъ и въ отставкѣ они продолжаютъ именоваться тѣми же званіями, носятъ шляпы съ плюмажемъ и даже дѣтямъ своимъ сообщаютъ титулы презусовичей и маршалковичей. Нѣтъ сомнѣнія, что обыкновеніе сохранять званіе по отставкѣ и, въ особенности, наслѣдственное право на чины, должны были получить начало во время безпорядковъ послѣдняго аристократическаго правленія Польши».

Намѣреваясь «поставить службу въ должное уваженіе», генералъ Желтухинъ предлагаетъ установить за правило, чтобы въ званія маршаловъ повѣтовыхъ и предсѣдателей были избираемы дворяне, имѣющіе уже чины, службою пріобрѣтенные, или лица, служившія по выборамъ. По увольненіи отъ службы лицъ, не удостоенныхъ чина V класса,—запрещать таковымъ пользоваться правами съ тѣмъ чиномъ соединенными.

Министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, что при выборахъ, дворяне не могутъ быть стѣсняемы чинами избираемыхъ, доколѣ причина къ тому существовать будетъ, ибо въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ и присоединенныхъ, чиновныхъ дворянъ слишкомъ мало.

Противу пользующихся же титулами по увольненіи отъ службы—предлагается, основываясь на законѣ, принять приличныя мѣры и прибѣгать ко внушеніямъ.

---

3) *Крестьянинъ «массонъ»*. Въ мартѣ 1848 г. благочинный мѣстечка Лысянки, звенигородскаго уѣзда, кіев. губ., объявилъ становому, что, погребая у помѣщичьяго крестьянина С. ребенка, слышалъ въ народѣ толки о томъ, будто бы С. не вѣруетъ въ Бога, не дозволилъ читать надъ мертвымъ «дѣтемъ своимъ» псалтирь и, впустивъ собакъ въ комнату, гдѣ находилось тѣло, сѣлъ за столъ, на которомъ лежалъ покойникъ, курилъ трубку, произносилъ богохульство и себя называлъ *массономъ*.

При предварительномъ удостовѣреніи, учиненномъ приставомъ, объявленіе благочиннаго подтвердилось.

Тщательное затѣмъ изслѣдованіе обнаружило, что С., будучи пьянымъ, дѣйствительно закурилъ трубку въ присутствіи мертвеца и, обозванный за это своимъ тестемъ массономъ, самъ куреніе оставилъ, но дальнѣйшее чтеніе псалтиря воспретилъ, сознавая, что собравшіеся слишкомъ нетрезвы для его слушанія.

Сообщ. **А. Мёрдеръ**.

Договоръ прихожанъ съ избраннымъ ими священникомъ. Въ старину, когда выборное начало въ Малороссіи было сильно, прихожане, избирая себѣ священниковъ, заключали съ ними „контракты» [1]), въ которыхъ точно и опредѣленно обозначалось, за какія требы и сколько долженъ былъ получать съ прихожанъ священникъ. Избираемый во священники давалъ отъ себя на томъ-же контрактѣ запись, что онъ точно будетъ исполнять требованія контракта.—

«1804 году, генваря 28 дня, мы нижеподписавшіеся Глуховского повѣта, мѣстечка Воронежа [2]), церкви святія живоначальныя Тройци [3]) прихожане дали сей контрактъ Глуховской ружной Анастасіевской церкви діакону Григорію Кулжинскому сакидону (?) въ томъ, что, избирая мы его на мѣсто умершаго нашего приходского священника Тимофѣя Яновскаго цѣлопарохіальнымъ священникомъ, имѣемъ, за рукоположеніемъ его. для житія его жъ опредѣлить церковной дворъ, въ которомъ строенія: хата съ комнатою, сѣньми и коморою, и при ономъ дворѣ огородъ, съ котораго противъ школьнаго строення въ поперекъ для дьячка саженей на 10, да для больницы назначается, такъ какъ сіе теперь строеніе есть на три противъ того саженей.

А на содержаніе его производить ежегодно отъ дворянъ, козаковъ и владѣльческихъ крестьянъ грунтовихъ отъ всякаго хозяина отъ сохи по одной мѣрки ржи, а отъ подсосѣдковъ по 10 к. деньгами.

---

[1]) См. подобные „контракты“ въ Кіевской Старинѣ за 1898 г. кн. 1-я, въ Черниговскихъ губерн. вѣдомостяхъ за 1895 г. № 1470.

[2]) Черниговской губерніи.

[3]) Теперь этой церкви въ м. Воронежѣ нѣтъ. Она была одноглавая, деревянная, выстроенная въ 80-хъ годахъ XVIII ст. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она была продана жителямъ с. Любитова, кролевецкаго уѣзда, задумавшимъ строить себѣ церковь.

Сверхъ того, за требы установленные, а именно: за сорокоустъ шестинеделній 4 р., за великую панахиду по 10 коп., за малую 5 к., за освященіе дому и воды 40 к., кладязя 20 к., за молебень съ акафистомъ 20 к., безъ акафиста 10 к., за прочтеніе Евангелія за столпъ 50 к., за зачало 10 к., за освященіе пасокъ по 1 к., за маслосвятіе по 30 к., за молитву родилници 5 к., за крещеніе младенцовъ по 10 к., за погребеніе взрослихъ 20 к., а младенцовъ по 10 к., за вѣнчанье въ своемъ приходѣ съ убогшихъ людей по 50 к., а въ другой приходъ получать съ уваженія примѣрно, какъ взимается по другимъ здѣшнимъ приходамъ. Обовязиваясь при томъ исполнять по сему безъ и малѣйшаго отъ насъ во всемъ удержанія медлѣнности, и что онъ, Кулжинскій, пребудетъ тѣмъ доволенъ, въ томъ мы на семъ и подписались, а для выполненія въ томъ-же данна намъ съ его подписомъ копія.

На подлѣнномъ тако: Слѣдуетъ длинный рядъ подписей прихожанъ, именитыхъ и не именитыхъ, Троицкой церкви м. Воронежа, среди которыхъ есть подпись: «примеръ-маіора и кавалѣра Тимофѣя Хилчевскаго». Тимофей Хильчевскій былъ послѣднимъ сотникомъ Воронежской сотни, и по уничтоженіи сотничества, надо полагать, переименованъ былъ въ премьеръ-майоры [1]).

1804 года февраля 17 контрактъ этотъ представляемъ былъ въ въ повѣтовый земскій судъ, который и утверждаетъ его, взявши пошлины: печатнихъ $50^1/_2$ коп. и восковихъ 2 коп.

Затѣмъ въ концѣ контракта есть запись самого Кулжинскаго, въ которой онъ даетъ обязательство, что будетъ строго выполнять требованія контракта.

А. Шр—ко.

Православный священникъ, бѣжавшій къ старообрядцамъ. Въ 1808 году черниговскій губернаторъ баронъ Френсдорфъ донесъ малороссійскому генералъ-губернатору о появленіи въ Добрянскомъ посадѣ черниговской губерніи, бѣглаго священника Ивана Михайлова Розпитовскаго, о которомъ онъ счелъ нужнымъ произвести дознаніе. Дознаніе выяснило, что священникъ бѣжалъ изъ Владимірской епархіи для пріисканія себѣ, какъ писалъ губернаторъ, „въ старообряд-

---

[1]) См. о немъ „Описаніе старой Малороссіи“ Лазаревскаго. Т. II. стр. 162, 174, 324.

ческихъ жителей мѣста". Губернаторъ послалъ запросъ епископу владимірскому Ксенофонту, желая узнать, „не учинилъ ли оный Ив. Михайловъ особо какихъ законопротивныхъ поступковъ", а въ ожиданіи отвѣта отдалъ его двумъ жителямъ посада на поруки, предписавъ черниговскому губернскому уголовныхъ дѣлъ стряпчему произвести тщательное слѣдствіе. Епископъ Ксенофонтъ отвѣтилъ, что за священникомъ Розннтовскимъ „не значится другихъ противозаконныхъ дѣйствій, кромѣ упражненій его въ пьянствѣ, безчиніи и въ недобропорядочномъ препровожденіи жизни съ женою своею". Слѣдствіе губернскаго стряпчаго выяснило, что этотъ священникъ, 46 лѣтъ отъ роду, съ 15 лѣтняго возраста служилъ во владимірской епархіи; началъ службу дьячкомъ, былъ въ архіерейскомъ хорѣ, затѣмъ былъ дьякономъ и наконецъ священникомъ. Пробывъ на приходѣ нѣсколько лѣтъ онъ былъ отрѣшенъ отъ мѣста за пьянство и опредѣленъ въ другомъ приходѣ на мѣсто дьячка. Вскорѣ его простили и опредѣлили священникомъ къ каѳедральному собору во Владимірѣ, но Розннтовскій и здѣсь продолжалъ вести нетрезвую жизнь. Встрѣча на улицѣ въ пьяномъ видѣ съ членомъ Консисторіи („излишне упився горячаго вина"—какъ доносилъ послѣдній консисторіи), была причиной, что его опять перевели въ село, гдѣ вскорѣ было запрещено ему священнослуженіе въ теченіи пяти мѣсяцевъ и предложено искать другого мѣста. Прощенный Розннтовскій безъ дозволенія начальства покинулъ приходъ и явился въ Москву, гдѣ встрѣтился съ нѣсколькими иноками изъ Молдавіи, которые пригласили его съ собой въ Молдавію, куда онъ и отправился, но, вмѣсто Молдавіи, попалъ въ Добрянскій посадъ, населенный старообрядцами. Поселившись здѣсь, онъ, по просьбѣ мѣстныхъ жителей, отслужилъ наканунѣ Крещенія вечерню, на другой день литургію и водосвятіе. Служба его очень понравилась старообрядцамъ, и его начали упрашивать остаться у нихъ священникомъ, на что онъ согласился. Были созваны жители Добрянскаго посада, гдѣ единогласно и порѣшили просить начальника посада о разрѣшеніи имъ пригласить И. М. Розннтовскаго священникомъ на открывшуюся вакансію при мѣстной церкви. А губернскій стряпчій предложилъ опрашивать жителей о жизни и дѣяніяхъ этого священника. При этомъ, каждый, привлекаемый къ допросу, давалъ предварительно такую подписку: „Я нижеподписавшійся даю сію добровольную подписку" малороссійской черниговской губерніи губернскому уголовному дѣлъ стряпчему, обще съ городницкимъ нижнимъ земскимъ судомъ, въ томъ, что былъ ими при-

званъ для спроса по секретному дѣлу, ими въ Добрянкѣ производимому, и что я на спросъ ихъ показанія долженъ содержать въ тайнѣ, никому отнюдь ни подъ какимъ видомъ не объявлять, опасаясь за розгласку по всей строгости законнаго истязанія, въ чемъ и подписываюсь.

Губернаторъ получивъ донесеніе о желаніи жителей Добрянскаго посада имѣть Розннтовскаго своимъ священникомъ, отправилъ туда чиновника, который созвалъ сходъ, при чемъ жители посада подтвердили свое желаніе и подали объ этомъ петицію, подписанную нѣсколькими десятками лицъ. Губернаторъ представилъ это дѣло на усмотрѣніе кн. Лобанова-Ростовскаго, который и предписалъ барону Френсдорфу оставить Розннтовскаго въ посадѣ священникомъ, обязавъ его подпискою не уѣзжать изъ посада безъ дозволенія начальства. (Арх. П. Губ. Правленія, по описи № 387).

И. Ф. Павловскій.

Пропускъ греческихъ купцовъ чрезъ Васильковскій форпостъ въ 1739 г. Обычныя затрудненія при пропускахъ черезъ границу увеличивались въ военное время. На такія именно затрудненія указываетъ одно дѣло 1739 г. о пропускѣ греческихъ купцовъ чрезъ Васильковскій форпостъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1739 г. въ польскомъ селѣ Мытницѣ скопилось много пріѣзжихъ купцовъ грековъ, которые давно уже ожидали пропуска въ Россію и, по всей вѣроятности, не скоро бы еще дождались его, еслибъ не помогъ имъ въ этомъ проѣзжавшій въ это время черезъ Мытницу гр. Минихъ. По ихъ просьбѣ, онъ далъ предложеніе ген.-губернатору Леонтьеву «показанныхъ купцовъ, ежели они представятъ по себѣ въ томъ, что при нихъ никакихъ подозрительныхъ людей не имѣется и въ зараженныхъ опасною болѣзнью мѣстахъ не были, надежныя поруки, яко то Нѣжинского войта Терновіота и другихъ, внутрь нашихъ границъ ихъ пропустить безъ задержанія, а товары принять въ карантинъ по своему разсмотрѣнію».

Согласно этому предложенію, греки были черезъ границу пропущены и для выдержанія карантина остановлены въ Васильковѣ, а нѣжинскому войту предписано было представить за нихъ поручительство.

Между тѣмъ 24-го іюня греки, числомъ 17 человѣкъ, подали Леонтьеву общее доношеніе, въ которомъ писали: «Прошлого 1738 и сего 1739 годовъ въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ мы нижеподписавшіеся, цареградскіе и македонскіе жители греки, прибыли въ польскую пограничную деревню Мытницу съ товарами своими: волоского вина 44 бут., ладану 16 бочекъ, бакалея 8 возовъ и съ деньгами для покупки московскихъ товаровъ; а нынѣ какъ мы, такъ и товары наши, по указу К. Г. К., велѣно принять въ карантину къ Васильковскому форпосту; а помянутого волоского вина здѣсь при Васильковскомъ форп. въ карантинѣ поставить негдѣ, ибо и такъ чрезъ много время стоя въ Мытницѣ, хотя тамо подъ кровлею, только начало киснуть, а здѣсь безъ всякой кровли на жару къ тому жъ перевозкою переболтается, то и совсѣмъ пропасть можетъ, отчего намъ не малое разореніе будетъ, и того ради В. В. П. всепок. просимъ, дабы повелѣно было пропустить насъ въ Кіевъ, понеже намъ не точію карантина, но уже и по три минуло, а волоского вина въ Кіевѣ и въ Нѣжинѣ до указу продавать не будемъ, только бъ намъ означенное вино въ удобномъ мѣстѣ поставить".

А іюля 14-го о томъ же подалъ прошеніе въ К. Г. К. нѣжинскій житель грекъ Мацовитъ, братъ одного изъ прибывшихъ купцовъ. Но только тогда, когда получилось доношеніе нѣжинскаго войта Петра Терновіота о томъ, что за пріѣзжихъ грековъ поручились нѣжинскіе греки «певніе и свѣдоміе люде, которимъ въ томъ вѣрить можно», просителей пустили, наконецъ, въ Кіевъ, а затѣмъ и въ Нѣжинъ. Обратно заграницу пріѣзжіе греки отпускались тоже по особому для каждаго разрѣшенію генералъ-губернатора, испрашиваемому чрезъ нѣжинскаго войта.

Отвѣтственность оцѣнщиковъ въ кіевскомъ магистратѣ (1762 г.). Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1756 г., по словесному приказу присутствующихъ въ магистратѣ, кіевскіе мѣщане Григоровичъ, Григорій Кривобокъ и Марко Стефановъ оцѣнивали дворъ мѣщанина Антона Карамалѣя, подлежавшій публичной продажѣ для покрытія заявленныхъ на Карамалѣя претензій. Оцѣнивши этотъ дворъ въ 123 р. 40 коп., названные мѣщане заявили о томъ письменно въ магистратъ, но приказанія относительно продажи двора не получали. Прошло бо-

лѣе пяти лѣтъ, когда магистратъ далъ уже письменное приказаніе другимъ оцѣнщикамъ не только оцѣнить, но и продать этотъ дворъ, и онъ былъ проданъ въ апрѣлѣ 1762 г. за 120 рублей. Недостающую противъ первой оцѣнки сумму магистратъ опредѣлилъ взыскать съ названныхъ выше первыхъ оцѣнщиковъ, а когда они протестовали противъ того опредѣленія, магистратъ ихъ арестовалъ, требуя немедленной уплаты наложеннаго на нихъ взысканія. 19-го апрѣля они подали въ магистратъ челобитную на высоч. имя, но магистратъ ее не принялъ, приказавъ содержать ихъ «неспускно подъ карауломъ пота, пока тую недоимку» они не взнесутъ. Тогда они на четвертый день изъ подъ ареста отправили челобитную на высочайшее имя въ кіевскую губернскую канцелярію [1]). Послѣдняя указомъ магистрату отъ того же 27 апрѣля приказала освободить просителей изъ подъ караула немедленно, если дѣйствительно магистратъ имъ въ свое время приказа *о продажѣ* двора не давалъ; «а по претензіямъ о долгахъ Карамалѣя и объ katalog ономъ его дворѣ и, ежели оной дворъ отъ долговременного обиску кіев. магистратомъ нерѣшенія дѣла пришелъ въ ветхость и отъ того убыло оному цѣны, то о взысканіи оной цѣны съ тѣхъ, кто въ томъ винными окажутся, учинить надлежащее рѣшеніе немедленно и что учинено будетъ, о томъ въ К. Г. К. рапортовать, а для него объ оныхъ долговыхъ на Карамалѣя претензіяхъ и о дворѣ его съ того времени, по нынѣ рѣшеніе не учинено, о томъ прислать въ К. Г. К. для разсмотрѣнія отвѣтъ».

Случай этотъ не только указываетъ на признаніе отвѣтственности оцѣнщиковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имущество продавалось ниже ихъ оцѣнки, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ поводовъ, по которымъ губ. канцелярія самими же обывателями привлекалась къ вмѣшательству въ дѣятельность магистрата, являясь какъ бы апеляціонною инстанціей. Въ сущности отношенія не были достаточно опредѣлены, и Губ. Канц. фактически находила возможность входить во всѣ сферы магистратскаго вѣдомства.

Въ данномъ случаѣ сами челобитчики не отрицали въ принципѣ отвѣтственности оцѣнщиковъ, не отрицали права магистрата

---

[1]) Челобитную эту писалъ В. Ген. Канц. канцеляристъ Григорій *Аксютовъ*, а первую, въ магистратъ поданную, прекрасно написанную и лишь повторенную Аксютовымъ, писалъ абшетованій войск. канцеляристъ Стефанъ *Киселіовскій*.

налагать на нихъ взысканіе: они настаивали лишь на томъ, что магистратъ несправедливо возложилъ это взысканіе *на нихъ*, будучи самъ виновенъ въ несвоевременной продажѣ дома. Съ жалобой на это судебное дѣйствіе магистрата и обратились они въ Губ. Канц.

Изъ старинныхъ отзывовъ о малороссахъ. I. Въ выходившемъ въ 1816 г. въ Харьковѣ «Украинскомъ Вѣстникѣ» (кн. X) находятся письма Левшина изъ Малороссіи, (преимущественно изъ Полтавской губеніи), причемъ въ 23-мъ письмѣ въ X кн. журнала, озаглавленномъ «Отличительныя свойства малороссовъ», по устраненіи обычныхъ въ старое время общихъ фразъ и неидущихъ къ дѣлу разсужденій, находятся также не лишенныя интереса этнографическія замѣчанія: «Малороссіяне благоговѣютъ къ религіи и непреклонны въ священныхъ истинахъ оной... Они пламенно любятъ отчизну свою и помнятъ славу предковъ своихъ... Воинственный духъ не погасъ: они всегда съ радостью идутъ сражаться за вѣру, Государя и ту землю, на которой прославились предки ихъ, на которой родились они, взросли и привыкли вспоминать громкія дѣла Свирговскихъ, Наливайковъ и Хмельницкихъ... Малороссіяне честны, въ словахъ тверды и мужественны. Домашняя ихъ жизнь и семейственное согласіе достойны уваженія. Почтеніе и любовь, къ которымъ пріучаются они съ малолѣтства, дѣлаетъ ихъ послушными сыновьями, добрыми супругами и хорошими отцами, а свято сохраняемая здѣсь вѣрность супружеская изгоняетъ изъ семействъ ревность—злѣйшаго врага спокойствія. Къ сожалѣнію, дружба не всегда соединяетъ здѣсь братьевъ, и раздоры часто царствуютъ между женами ихъ. Къ чести малороссіянъ, цѣломудріе свято сохраняется ими, несмотря на вольность обхожденія между обоими полами позволенную. Молодые мужчины, хотя всегда свободно шутятъ и играютъ съ дѣвушками, но привыкли ограничивать желанія свои, не смѣютъ далеко простирать дерзкихъ требованій и довольствуются поцѣлуями, срываемыми со щекъ незастѣнчивыхъ малороссіянокъ, которыхъ горделивая походка, вольность и рѣшительная твердость во всѣхъ поступкахъ показываютъ мужество, женщинамъ необыкновенное и часто отнимающее у нихъ прелести (?!). Чувствуя любовь, малороссіяне не скрываютъ ее и не томятся... Они бросаются на колѣни передъ отцомъ и матерью и умоляютъ соединить ихъ. По-

лучивъ согласіе родныхъ, они получаютъ право быть вмѣстѣ... Нерѣдко завѣса ночи скрываетъ ихъ покоющихся сладкимъ сномъ въ объятіяхъ другъ друга. Но горе тому, кто употребитъ во зло сію свободу! Стыдъ, поношеніе и даже презрѣніе ожидаютъ какъ ихъ, такъ и отцовъ съ матерями... Малороссіяне... способны хранить ввѣренныя тайны; но добродѣтель эта часто обращается въ порокъ и производитъ скрытность. Воровство было презрительнѣйшимъ поступкомъ у древнихъ малороссіянъ; оно и теперь здѣсь въ омерзеніи... Изобиліе въ прекрасныхъ картинахъ природы, щедрость земли и счастливый климатъ дѣлаетъ здѣшнихъ жителей веселыми и склонными къ забавамъ... Бѣдность малорусскаго народа на каждомъ шагу ощутительна... она происходитъ отъ безпечности и увеличивается мнимымъ источникомъ богатства—свободою винокуренія, которая отвлекаетъ ихъ отъ работы... Женскій полъ здѣсь трудолюбивѣе мужескаго. Малороссіянки не только заботятся о малюткахъ и старикахъ, не только пекутся о приготовленіи всего нужнаго для домашней жизни, но и отправляютъ работы мужчинъ, съ которыми живутъ въ согласіи, исполняя желанія и волю ихъ, не будучи, однако, въ рабскомъ повиновеніи.

Нѣкоторые обвиняютъ малороссіянъ въ гордости и непокорливости, другіе приписываютъ имъ злопамятство и лукавство. Малороссіяне имѣютъ много добродѣтелей; но имѣютъ и пороки такъ же, какъ всѣ народы. Однакожъ, мы большей частью не замѣчая въ нихъ первыхъ, обращаемъ вниманіе на послѣдніе. Причиною тому кажется недостатокъ въ ласковости и обходительности, которыя всегда привлекаютъ тамъ и предупреждаютъ съ перваго взгляда въ пользу людей, ими одаренныхъ.

Терпѣніе жителей бѣдныхъ достойно удивленія; но бойся вывести ихъ изъ онаго, бойся раздражить ихъ!...

Суевѣрія и предразсудки, которымъ подвержены малороссіяне, не могутъ быть названы пороками, потому что они общи всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ племенамъ (далѣе мимоходомъ упомянуты Коляда, Купала, повѣрье объ омовеніи души послѣ смерти, колдуны, оборотни, вѣдьмы, домовые, «наводящіе ужасъ на необразованныхъ простолюдиновъ»).

Наружность малороссіянъ имѣетъ въ себѣ нѣчто важное; умныя лица, усы, при крѣпкомъ сложеніи, обритой бородѣ и высокомъ ростѣ—придаютъ имъ величественный видъ. Жаль, что они непоровотливы. Статныя, плечистыя, по большей части темнорусыя и круглолицыя малороссіянки вообще недурны, хотя красотки между ними рѣдки.

Малороссіяне, какъ кажется, чувствуютъ красоту къ архитектурѣ: ихъ вкусъ довольно образованъ природою. Деревни ихъ, расположенныя большей частью на горахъ, у подошвы которыхъ текутъ рѣки, или на прекрасныхъ долинахъ, и дома, выбѣленные какъ снаружи, такъ и внутри, представляютъ издали пріятный видъ.

Они живутъ хорошо, чисто и опрятно. Ихъ хаты—прекрасныя комнатки, просто, но хорошо убранныя и раздѣленныя большей частью на двѣ половины. Печи съ трубами предохраняютъ отъ дыму.

Малороссіяне въ пищѣ разборчивы и умѣютъ со вкусомъ приготовлять ее. Природныя ихъ кушанья—вареники, галушки, жирный борщъ—очень вкусны. Къ тому же замѣтить надо, что пища, остающаяся отъ обѣда, не употребляется ими въ ужинѣ, но варится свѣжая.

Охота ихъ къ простымъ картинамъ, которыми убираютъ комнаты, показываетъ, что они любятъ живопись.

Пляска малороссіянъ стройна и прекрасна. Пѣсни ихъ нѣжны, выразительны и нерѣдко протяжны... Гибкостью, чистотою и пріятностью голосовъ они превзошли почти всѣхъ жителей Россіи. Придворная музыка пѣвческая составлена почти изъ однихъ малороссіянъ...

Языкъ малороссійскій хотя и не имѣетъ правилъ, однакожъ, нѣкоторые ученые малороссіяне употребляютъ его въ сочиненіяхъ: перелицованная Энеида—прекраснѣйшее въ своемъ родѣ произведеніе—служитъ тому доказательствомъ. При всемъ томъ до сего времени онъ составляетъ только языкъ народа. Но если геніи здѣшней стороны обратятъ на него вниманіе свое и образуютъ оный, ограничивъ (?) положительными правилами граматики, тогда малороссіяне въ славѣ ученыхъ произведеній своихъ, можетъ быть, будутъ состязаться съ просвѣщеннѣйшими народами Европы. Тщетна сія надежда; ибо нѣтъ къ тому побудительныхъ (?) причинъ. Да и возможность составить языкъ изъ нарѣчія, оставленнаго почти всѣми образованными коренными жителями здѣшней стороны, есть самая малая!» Этими словами и заканчивается письмо Левшина, причемъ не слѣдуетъ забывать, что оно написано великороссомъ въ 1816 г., когда единственнымъ представителемъ малорусской литературы была Энеида Котляревскаго.

II. Въ 1824 и 1825 г. подъ редакціей проф. А. В. Склабовскаго выходилъ въ Харьковѣ «Украинскій Журналъ», одно изъ лучшихъ изданій стараго времени. Въ № 13 1825 г. помѣщена статья Александра Мещерскаго «Описаніе города Прилукъ и его повѣта», гдѣ,

между прочимъ, отмѣчено, что «всѣ обитатели повѣта малороссіяне, отличающіеся отъ великороссіянъ своимъ особеннымъ нарѣчіемъ, обрядами въ домашнемъ быту, одѣяніемъ и особливою способностью къ пѣнію и музыкѣ. Будучи набожны, кротки, храбры, вѣрны и способны къ конной службѣ, могутъ только многіе изъ черни (такъ авторъ называетъ крестьянъ) не безъ основанія быть укоряемы въ лѣности, и причиною сего должно считать не что другое, какъ изобиліе всѣхъ произведеній, служащихъ къ ихъ продовольствію Дешевизна горячаго вина также не малою причиною можетъ почесться сего недостатка. Впрочемъ, мало такихъ, которые бы, страстно предавшись излишнему употребленію онаго, совершенно разстраивали свое состояніе и терпѣли крайнюю бѣдность».

Проф. **Н. С мцовъ.**

Письмо В. Г. Шевченка къ Т. Г. Шевченку. Имя Варфоломея Григорьевича Шевченка тѣсно связано многими обстоятельствами жизни съ Тарасомъ Григорьевичемъ, такъ-что, какъ извѣстно, они впослѣдствіи именовали другъ друга «братомъ», хотя родство ихъ, если и существовало, то очень отдаленное. Намъ доставлена вдовой покойнаго П. А. Кулиша копія одного изъ писемъ В. Г. Шевченка къ знаменитому кобзарю Украины. переписанная рукою Кулиша и хранившаяся въ его бумагахъ. Письмо это, датированное 5 іюля 1846 года, слѣдовательно черезъ 2 мѣсяца послѣ вступленія Т. Г. Шевченка въ «общество славянистовъ», интересно въ томъ отношеніи, что В. Г. Шевченко, тогда еще не очень близко знакомый съ Тарасомъ Григорьевичемъ, что̀ видно изъ тона письма, получилъ какія-то вѣсти о чемъ-то недобромъ, могущемъ грозно надвинуться на молодого поэта, и, какъ человѣкъ практическій, предостерегалъ своего земляка и родича отъ могущихъ быть непріятностей. Недаромъ въ письмѣ есть фраза: «якъ я почувъ, що Вамъ щось тамъ сказано—не пускать межъ люды пысання якогось, *що колюче*, то я ажъ затрусывся». О какомъ именно произведеніи Шевченка идетъ рѣчъ, догадаться по письму нельзя, но вѣроятно объ одномъ изъ тѣхъ, которыя были поставлены въ вину поэту послѣ ареста его.

Ред.

Достойнѣйшій Тарасъ Григорьевичъ!

Ну! якъ писаты: чы такъ якъ до чоловика, созданого Богомъ и надиленого при созданіи розумомъ? чы якъ до чоловика, избалованного щастямъ? Ни, мабуть перше напышу до Петербургского Академиста, а тамъ якъ пизнаю, що винъ мій родычъ, то напишу по-братскій.

Я чувъ, що вы гараздъ писаты и малеваты, тылько якъ не розсердытесь, то прійимить и мою раду; онъ бачте що: кажуть, що Ваше писання вподобалы розумны люды; а де котори сказалы, що такъ не годыця; то бачте, треба бъ якось помаленьку, щобъ стару пійматы; воно все ничого, та ба! шкода буде мыни родыча, а може кому доброго товарыща, або що.

Часомъ на свити бувае, що правды не люблять, и бувае, що за правду принудять за девятыми воротами гавкнуть. Ця пословичка у насъ пишла изъ того, що судейски крючкы квапылысь на балъ до генерала Рота, и булы зъ нымъ трохы побраталысь; а одынъ розумный чоловикъ Приставъ изъ москаливъ—винъ теперъ у Билій Церкви—Паліенко имъ оту пословыцю сказавъ, каже: о! якъ бы це Генералъ та не Ротъ, то винъ бы вамъ давъ такого одлукавого, що который бы ажъ за девятыми воротамы гавкнувъ!

То бачте, якъ я почувъ, що вамъ щось тамъ сказано—некускать межъ люды писання якогось, що колюче, то я ажъ затрусывся; думаю: може справди—чоловикъ на чужини, порадыця ни съ кымъ, то якъ избывся съ пантелыку—не дыво; хочъ то я ничого не поможу, але добро сказать якъ то кажуть: чы зроблю що чы ни, а що накываю то паде.

Отъ же такъ, ныхай вамъ не здаеця, що то радыть той, що вырисъ въ Карелывци, бо часомъ въ Карелывци родыця такый, якъ и въ Вильшаный, а може ще й гирше якъ въ Лысянци.

Якъ що до правды Ваша робота гостренька, то кличыками объ землю погартуйте, вона заразъ вытупыця.

Про Ваши Гайдамакы я частенько читаю, якъ бы то вы булы таки добры, та ще мыни изъ вашои праци вдилылы що ныбудь, тоябъ Вамъ гарне спасыбогъ сказавъ.

Колы напишите до мене—будете таки ласкави, то може и я ще паперу лыстокъ не пожалую; а якъ же ни—то Богъ зъ вами.

Якъ диждемъ контрактывъ тыхъ, що мають буть, та будемъ жывы, надіюсь буть въ Кіевѣ—може зайду до Васъ, хочъ табакы понюхаемъ и де що потолкуемъ.

Прощайте, бувайте здоровы, я оце швыдко поиду въ Одессу.

Съ глубочайшею преданностью остаюсь на всегда покорнымъ слугою Варфоломей Шевченко.

5 іюля 1840. Кириловка.

Вси ваши и мои слава Богу здорови; жнуть та косять хлопци, а кладуть въ копыци дивчата и молодыци.

Секретное предписаніе объ арестѣ В. М. Бѣлозерскаго. Какъ извѣстно, однимъ изъ участниковъ кіевскаго «общества славянистовъ», даже, можетъ быть, инициаторомъ его, состоялъ Василій Михайловичъ Бѣлозерскій, помѣщикъ черниговской губерніи, раздѣлившій вмѣстѣ съ товарищемъ не только судьбу ареста и предварительнаго сидѣнія, но даже, по предложенію графа Орлова, могшій подвергнуться четырехмѣсячному заключенію въ крѣпость. Это наказаніе, впрочемъ, по высочайшему утвержденію, было отмѣнено, и В. М. Бѣлозерскій получилъ мѣсто въ Петрозаводскѣ—совѣтника губернскаго правленія. Къ исторіи ареста В. М. Бѣлозерскаго у насъ имѣется интересный документъ, доставленный намъ вдовою покойнаго П. А. Кулиша. Документъ этотъ—*весьма секретное* предписаніе начальника черниговской губерніи борзенскому земскому исправнику 7 апрѣля 1847 г. за № 378. Вотъ текстъ его:

«По Высочайшему повелѣнію предписано было арестовать помѣщика Борзенскаго уѣзда Василія Михайлова Бѣлозерскаго, котораго однако, при исполненіи нарочно командированнаго мною чиновника особыхъ порученій Васильева, вмѣстѣ съ Вами, въ уѣздѣ неоказалось, а дознано, что онъ выѣхалъ въ г. Варшаву.—На случай, еслибы Г. Бѣлозерскій возвратился въ Борзенскій уѣздъ, предписываю Вамъ слѣдить за этимъ со всею бдительностью и какъ только онъ появится, арестовать его ту же минуту, а бумаги взявъ опечатать не разсматривая и доставить его вмѣстѣ съ бумагами, Вами лично ко мнѣ въ г. Черниговъ, не теряя на то ни одной минуты, подъ личною Вашею отвѣтственностью.

При этомъ случаѣ предписываю Вамъ, настоящее предписаніе сохранить въ совершенномъ секретѣ, предваряя Васъ, что если означенный помѣщикъ проѣздомъ, или какимъ другимъ образомъ будетъ въ уѣздѣ и Вами не будетъ тотъ же часъ арестованъ и ко мнѣ представленъ, то это падетъ на личную отвѣтственность Вашу. Гражданскій губернаторъ Гессе».

Изъ прошлаго Полтавщины. I. *«О камнѣ, во время громового удара съ высоты упавшемъ»*. Въ мартѣ 1811 г. полтавскій губернаторъ получилъ донесеніе отъ роменскаго нижняго земскаго суда, что въ имѣніи графа Ю. А. Головкина, въ селѣ Кулешовкѣ, 28 февраля того же года упалъ съ высоты камень, вѣсомъ болѣе 15 фунтовъ. Наряжено было дознаніе. Оказалось, что видѣли это паденіе пять человѣкъ, которыхъ и допрашивали. Они показали, что и оный (т. е. камень) при третьемъ громовомъ ударѣ съ трескомъ и необычайнымъ шумомъ, показался въ воздухѣ съ блистаніемъ искръ и съ нѣкоторымъ свистомъ, несшимся наискось; когда же упалъ въ огородъ крестьянина Школенка, то сквозь люд(ъ ледъ) и землю пробился въ аршинъ глубины и по вырытіи оттоль былъ еще весьма горячій». Губернаторъ, «по вниманію къ сему происшествію», послалъ нарочнаго для привоза камня. Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Лобановъ-Ростовскій объ этомъ далъ знать министру полиціи Балашову, а этотъ доложилъ Государю, который повелѣлъ доставить камень въ Петербургъ, что и было исполнено; въ маѣ того же года онъ былъ отправленъ съ нарочнымъ. Это былъ, конечно, аэролитъ. Паденіе его всегда сопровождается звукомъ, подобнымъ пушечному выстрѣлу, и особымъ шумомъ, похожимъ на свистъ летящаго ядра. (Архивъ Полт. Губ. Правленія по описи № 448).

II. *Предсказаніе кобеляцкаго дворянина о дороговизнѣ хлѣба.* Въ 1804 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, проживавшій въ г. Кобелякѣ дворянинъ Мартынъ Чепѣжный подалъ кн. Куракину слѣдующее прошеніе. «У разсужденіи моей вѣрности къ Его Императорского Величеству не могъ я не объявить имѣющейся быть у семъ настоящемъ и будущемъ годѣ важной перемѣнѣ. Объявляю вамъ, ваше сіятельство, что сего настоящаго времени цѣна аржаному хлѣбу 2 р. 50 к. указнаго весу четверты и разной хлѣбъ тоже дешевъ; сего жъ и бу-

дущаго года будетъ цена всему хлѣбу столь велика, что и думать страшно; при чемъ всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство доложить Его Императорскому Величеству объ семъ безсумнительно: мнѣ желательно, чтобы позволено было всѣмъ комиссіямъ отъ Его Императорскаго Величества скупить побольше хорошаго количества,—можно бы получить доходъ знатной казнѣ; покупка же хлѣба будетъ выгодна апрѣля и мая, а далше ожидать возвышенія цѣнъ. Подписался М. Ч. «доброжелателемъ» князя.

Кн. Куракинъ предписалъ кобелякскому городничему допросить Чепѣжнаго: какія есть у него данныя утверждать, что цѣна на хлѣбъ вздорожаетъ? Но М. Чепѣжный отказался дать какія либо объясненія и заявилъ городничему, что «по сему важному дѣлу онъ не откроетъ ничего, хотя бы городничій сильнѣйшія вынужденіи на то употребилъ». М. Ч. считалъ лишнимъ давать объясненіе вторично, полагая что въ прошеніи своемъ онъ уже все объяснилъ. Кн. Куракинъ на докладѣ объ этомъ написалъ: «отмѣняется вовся», т. е. дѣло прекратить; видимо, счелъ лишнимъ допрашивать этого дворянина. (Архивъ Полт. Губ. Правленія по описи № 209).

III. *Частныя пожертвованія черниговскихъ дворянъ на организацію милиціи въ 1806 году.* Какъ извѣстно, манифестомъ императора Александра I въ 1806 г. 30 ноября призывалось русское дворянство къ пожертвованіямъ на организацію милиціи для борьбы съ Наполеономъ. Помимо ассигнованія дворянскимъ собраніемъ сбора на содержаніе и жалованье чинамъ милиціи, были и частныя пожертвованія. Особенно крупнымъ жертвователемъ явился генералъ-маіоръ М. В. Гудовичъ, приславшій губернатору 5 тысячъ руб. «Почитая истиннымъ счастьемъ и священнѣйшимъ долгомъ быть всегда готовымъ на помощь любезнѣйшему отечеству моему и соревнуя въ томъ соотчичамъ моимъ, прилагаю при семъ 5 тыс. и прошу употребить оные для общественной пользы по нынѣшнимъ обстоятельствамъ; счастливъ буду, если сія малая жертва принята будетъ, стократъ счастливѣйшимъ почиталъ бы себя, если бы обстоятельства соглашались съ искреннѣйшимъ моимъ усердіемъ». Частныя пожертвованія поступили отъ слѣдующихъ уѣздовъ: стародубскаго—12350 р., борзенскаго—2465 р. и по подпискѣ (безъ обозначенія уѣзда)—2509 р., всего 17324 р. (Архивъ Полт. Губ. Правленія, по описи № 321).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Поправка. Въ „Кіевской Старинѣ" за ноябрь 1903 г., въ отдѣлѣ «Документы, извѣстія и замѣтки», на стр. 73, помѣщено секретное предписаніе кіевскаго губернатора звенигородскому городничему отъ 23 декабря 1834 г. (вѣроятно изъ бумагъ звениг. полицейскаго архива?), за подписью: д. с. с. *Козминъ*.

Не имѣетъ ли въ данномъ случаѣ мѣсто ошибка, происшедшая отъ неразборчивости подписи на предписаніи? Насколько извѣстно, въ указанное время, кіевскимъ губернаторомъ былъ д. с. с. Александръ Алексѣевичъ *Корниловъ* (начало 1834 года до средины 1835-го), принявшій губернію отъ д. с. с. Лашкарева и передавшій ее д. с. с. Переверзеву.

Алексѣй Мёрдеръ.

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку, въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 6159 руб. 78 коп. (см. № 1-й 1904 г., стр. 12—14), вновь поступило: 1) Н. Ш—ій (изъ Херсона)—10 р.; 2) отъ офицеровъ: Д. Сим—ва—10 р.; А. Пил—ча—5 р.; Д. Перх—ча—5 р.; И. Бор—ка—5 р,; Н. Чех—аго—3 р.; В. Опп—ва—2 р.—всего 30 р.; 3) видъ студ. П. Р.—1 р.; 4) Геращенко—1 р.; 5) Кирдзинъ—1 р.; 6) О. А. Бутовичъ (Дараганъ)—10 р.; 7) И. А. Бакуменко—1 р.; 8) М. Г. Мачуговская—50 коп.; 9) Украинци и Товарыства зъ Бережанъ—79 р. 50 к.; 10) Л. А. Бѣлявскій—1 р.; 11) М. Г. Рожинская—2 р.; 12) М. Ф. Рожинскій—1 р.; 13) г. Симашкевичъ—1 р.; 14) К. Стыранкевичъ—2 р.; 15) г. Панасюкъ—1 р.; 16) М. Сѣцинская—5 р.; 17) А. Цихоцкій—5 р.; 18) Д—жа—2 р. 50 к.; 19) В. Л—ій—2 р. 50 к.; 20) Н. Я—къ—1 р.; 21) В. Д—кій—1 р.; 22) К. Р—овъ—10 р.; 23) В. К.—3 р.; 24) А. Г—ый—5 р.; 25) А. Томашевскій—5 р.; 26) А. Вильчекъ—1 р.; 27) В. Гогоцкій—5 р.; 28) П. Авраменко—5 р.; 29) А. Ш—чъ—5 р.; 30) Н. Калишевичъ—3 р.; 31) И. Глинка—5 р.; 32) Ф. Когутовъ—5 р.; 33) проф. Н. И. Стороженко—10 р.; 34) О. П. Косачъ (выручка съ концерта, устроеннаго въ Кіевѣ 21 декабря 1903 г.)—300 р.; 35) NN—15 р. Кромѣ того, на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка получено отъ: 1) О. К. Урсинъ—1 р.; 2) офицеровъ В. Бѣлозерскаго полка—3 р. 25 к.; 3) Л. В. Гогинъ—1 р.; 4) видъ Севастопольцивъ—6 р. 15 к. и 5) А. В.

Лоначевскій—10 р., всего вмѣстѣ съ прежними 6717 р. 18 к., изъ которыхъ 1021 р. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій; 286 р.—въ билетѣ дворянскаго съ выигрышами займа, а 5409 р. 78 к. на пріобрѣтеніе дачи. Сверхъ того, къ 209 р. 49 к., собраннымъ на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка, прибавилось 5 р., прислан. М. Ф. Комаровымъ,—всего 214 р. 49 к.

Текущія извѣстія.

Столѣтіе Харьковскаго университета. Какъ извѣстно, въ 1905 году истекаетъ 100 лѣтъ со дня учрежденія Харьковскаго университета. Подготовительныя работы къ празднованію этого юбилея находятся въ полномъ разгарѣ: пишется историческая записка исторіи каѳедръ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій, составляется біографическій словарь профессоровъ и преподавателей, подготовляются къ печати сочиненія Каразина и т. д. и т. д. Нѣтъ, кажется, никого среди представителей учебнаго персонала Харьковскаго университета, кто не несъ-бы какой-либо работы къ предстоящему юбилею. Но столѣтіе Харьковскаго университета является крупнымъ событіемъ не только въ жизни самого университета, а также и въ жизни г. Харькова и всей южной Руси. Поэтому юбилей Харьковскаго университета привлекаетъ къ себѣ вниманіе болѣе широкаго круга лицъ, чѣмъ одни университетскіе преподаватели и служащіе; въ особенности это событіе вызываетъ живой интересъ среди членовъ Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ университетѣ. Въ настоящее время рѣшено издать сборникъ статей, посвященныхъ университетскому юбилею, а кромѣ того, по иниціативѣ своего предсѣдателя, проф. Н. Ѳ. Сумцова, осенью истекшаго 1903 года Общество вошло въ Совѣтъ университета съ ходатайствомъ объ устройствѣ выставки предметовъ, относящихся къ Харьковскому университету и его дѣятелямъ и питомцамъ, во время празднованія университетскаго юбилея. Предложеніе Ист.-Фил. Общества было встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ въ профессорской коллегіи, и уже образована коммиссія изъ 12 профессоровъ (по 3 отъ каждаго факультета) для устройства юбилейныхъ празднествъ, въ томъ числѣ и выставки. Коммиссіи предоставлено право пригласить къ участію въ ея работахъ не только другихъ преподавателей уни-

верситета и членовъ Историко-Филологическаго Общества, но также и другихъ лицъ, которыя могутъ содѣйствовать успѣшному выполненію возложенныхъ на коммиссію задачъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одной изъ самыхъ интересныхъ, но въ то-же время и наиболѣе трудныхъ работъ коммиссіи явится устройство юбилейной выставки. Самая идея устроить такую выставку заслуживаетъ полнаго одобренія, такъ какъ эта выставка иллюстрируетъ бытъ юбиляра и его дѣятелей за весь столѣтній періодъ, познакомитъ публику съ забытыми трудами и матеріалами, вызоветъ на свѣтъ Божій, безъ сомнѣнія, много неизвѣстныхъ и цѣнныхъ данныхъ; но устроить подобную выставку очень и очень трудно. Не говоря о новизнѣ дѣла, такъ какъ такія выставки почти неизвѣстны у насъ, нужно принять во вниманіе характеръ и составъ предметовъ. необходимыхъ для выставки. Какъ мы слыхали, предполагается иллюстрировать бытъ университета за 100 лѣтъ его существованія возможно полнѣе: для этого будутъ собраны виды университета и его вспомогательныхъ учрежденій, его изданія, портреты профессоровъ и другихъ служащихъ, ихъ автографы и труды, портреты, автографы и труды питомцевъ университета, изданія и рисунки, относящіяся къ университету, предполагается даже собрать памфлеты и каррикатуры, подобно Музею Севастопольской Обороны, составить некрополь и т. д. и т. д. Но собрать все это не легко, если принять во вниманіе, что за 100 лѣтъ одно утратилось, а другое переходило, можетъ быть, очень и очень много разъ изъ рукъ въ руки и находится далеко за предѣлами Харькова. Только при сочувственномъ отношеніи публики, особенно-же тѣхъ, кто имѣетъ какое-либо отношеніе къ бывшимъ профессорамъ и питомцамъ университета и владѣетъ интересными для выставки предметами, можно будетъ сдѣлать выставку достаточно полной и интересной. Нужно надѣяться, что южно-русская публика въ особенности сочувственно поддержитъ устроителей юбилейной выставки, такъ какъ для Южной Руси предстоящій юбилей имѣетъ чисто мѣстное значеніе. Правда. коммиссія по устройству юбилейныхъ торжествъ еще не начала своихъ занятій оффиціально и не выдѣляла изъ себя выставочной подкоммиссіи, но тѣмъ не менѣе матеріалы для предстоящей выставки давно уже собираются не только университетскимъ персоналомъ (Д. И. Багалѣй, Н. Ѳ. Сумцовъ и др.), но также членами Историко-Филологическаго Общества. Уже теперь въ университетскую коммиссію и въ Ист.-Фил. Общество поступаютъ портреты, автографы и другія вещи, предназначаемыя для выставки. Такъ, предсѣдателю

Ист.-Фил. Общества недавно прислана статуэтка, изображающая проф. Павловича въ каррикатурномъ видѣ. Статуэтка эта—работы извѣстнаго скульптора-каррикатуриста Степанова и является единственнымъ и при этомъ весьма схожимъ портретомъ давно умершаго профессора. Статуэтка прислана лицомъ, знавшимъ проф. Павловича, при чемъ, по словамъ приславшаго, Степановъ замѣчательно вѣрно, и при томъ отнюдь не въ каррикатурномъ видѣ, изобразилъ голову покойнаго профессора, а утрировалъ лишь при отдѣлкѣ туловища и ногъ. Вообще, нужно надѣяться, что юбилейная выставка вполнѣ удастся и привлечетъ много цѣнныхъ матеріаловъ для характеристики быта Харьковскаго университета за первыя 100 лѣтъ его существованія.

Музей древностей и искусствъ Харьковскаго университета. Въ теченіе многихъ лѣтъ Музей древностей и искусствъ Харьковскаго университета носилъ характеръ главнымъ образомъ художественнаго собранія, такъ какъ его коллекціи состояли преимущественно изъ картинъ, рисунковъ и гравюръ, а также гипсовыхъ слѣпковъ. Древностей первобытныхъ, историческихъ и церковныхъ въ немъ было мало, да и тѣ представляли весьма случайный подборъ предметовъ. Но въ послѣднее время музей въ сильной степени измѣнилъ свой характеръ, и этимъ онъ обязанъ бывшему въ Харьковѣ XII археологическому съѣзду. Не говоря о томъ, что съѣздъ повысилъ въ Харьковѣ интересъ къ занятіямъ мѣстной стариной, но онъ напомнилъ мѣстной публикѣ еще разъ о Музеѣ древностей и искусствъ Харьковскаго университета, вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе пополнить коллекціи этого полезнаго и важнаго для харьковцевъ учрежденія. По издавна установившемуся обычаю, этотъ музей открывался для обозрѣнія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и здѣсь можно было видѣть посѣтителей изъ всѣхъ слоевъ харьковскаго населенія. Кромѣ того, начальство университета всегда любезно разрѣшало желающимъ снимать копіи съ картинъ музея, среди которыхъ имѣется много произведеній знаменитыхъ художниковъ. Такимъ образомъ музей много способствовалъ развитію художественныхъ вкусовъ харьковской публики. Въ настоящее время онъ можетъ съ неменьшимъ успѣхомъ знакомить публику съ мѣстной стариной, такъ какъ, благодаря XII археологическому съѣзду, обладаетъ значительными коллекціями южно-русскихъ первобытныхъ, историческихъ (въ томъ числѣ козацкихъ) и церков-

ныхъ древностей. Какъ извѣстно уже читателямъ «Кіевск. Старины», большая часть предметовъ, собранныхъ для выставки XII археолог. съѣзда членами Харьковскаго и Московскаго Предварительныхъ Комитетовъ, была принесена въ даръ Музею древностей и искусствъ Харьковскаго университета, и такимъ образомъ его коллекціи древностей сразу достигли значительныхъ размѣровъ. Кромѣ того, директоръ музея, проф. Е. К. Рѣдинъ, постоянно увеличиваетъ коллекціи покупкой, а затѣмъ другіе профессора и члены Историко-Филологическаго Общества дѣятельно заботятся объ умноженіи музейныхъ собраній и постоянно передаютъ въ музей древности изъ произведенныхъ ими раскопокъ и т. д. Сверхъ того, частныя лица тоже все чаще и чаще передаютъ въ музей принадлежащія имъ старинныя вещи и случайныя находки древностей. Наконецъ, предсѣдатель Императорской Археологической Коммиссіи гр. Бобринскій обѣщалъ прислать изъ принадлежащихъ Коммиссіи предметовъ такіе дублеты, которые могли бы пополнить отсутствующіе или бѣдные отдѣлы музея, напр., вещи изъ раскопокъ въ Ольвіи, Херсонесѣ и Керчи, древности эпохи переселенія народовъ и т. д. Такимъ образомъ коллекціи музея все болѣе и болѣе разростаются, и принадлежащее музею помѣщеніе оказывается настолько тѣснымъ, что размѣстить въ немъ хорошо древности совершенно немыслимо. Поэтому оказалось необходимымъ построить новое зданіе для университетскихъ музеевъ. Планъ и смѣта такого зданія составлена архитекторомъ Харьковскаго губернатора г. Величко, и въ настоящее время университетъ вошелъ съ ходатайствомъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія объ отпускѣ необходимыхъ для этого средствъ. Зданіе музеевъ предполагается построить на университетской горкѣ, фасадомъ на Екатеринославскую улицу. По плану оно имѣетъ очень красивый видъ и будетъ въ 2 этажа. Въ первомъ этажѣ предположено помѣстить нумизматическій кабинетъ и этнографическій музей Историко-Филологическаго Общества, а въ верхнемъ этажѣ будутъ размѣщены музеи древностей и искусствъ, потому что теперешній музей древностей и искусствъ думаютъ раздѣлить на два отдѣльныхъ музея. Въ вестибюлѣ будутъ поставлены каменныя бабы и другіе монументальные памятники, которые опасно помѣстить въ верхнемъ этажѣ. Если осуществится эта постройка, то Харьковъ обогатится очень важнымъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ, такъ какъ въ настоящее время, благодаря тѣснотѣ, пришлось ограничить до-

ступъ публики для осмотра музея древностей и искусствъ и даже совсѣмъ закрыть его для постороннихъ лицъ.

Музей украинскаго генія. Устройство музеевъ, посвященныхъ тому или другому писателю, художнику, ученому, все болѣе и болѣе входятъ въ обычай въ Европѣ. У насъ, на Украинѣ, нѣтъ подобныхъ музеевъ, и только въ музеѣ Украинскихъ Древностей имени В. В. Тарновскаго, въ Черниговѣ, существуетъ весьма интересный цѣнный Шевченковскій отдѣлъ. Къ сожалѣнію, другимъ представителямъ украинской мысли и слова не такъ посчастливилось, и относящіеся къ нимъ предметы мало собирались. Конечно, благодаря этому, многое уже утрачено, а другое стало рѣдкостью или забыто. Поэтому нужно привѣтствовать Историко-Филологическое Общество при харьковскомъ университетѣ за принятую имъ на себя иниціативу въ собираніи всего того, что характеризуетъ украинскій геній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ общество рѣшило создать при своей библіотекѣ отдѣлъ, посвященный памяти основателя Общества, проф. А. А. Потебни, причемъ предполагалось собрать не только портреты, рукописи и сочиненія покойнаго профессора, но также принадлежавшіе ему предметы. Благодаря поддержкѣ вдовы покойнаго, этотъ отдѣлъ будетъ весьма полонъ и интересенъ. Затѣмъ, подъ впечатлѣніемъ Полтавскихъ юбилейныхъ торжествъ, какъ извѣстно читателямъ изъ январской книги «Кіевской Старины», было положено начало отдѣлу нашего знаменитаго писателя И. П. Котляревскаго. А осенью истекшаго 1903 года, по предложенію предсѣдателя проф. Н. Ѳ. Сумцова, Ист.-Фил. Общество рѣшило организовать въ своемъ этнографическомъ музеѣ отдѣлы, посвященные и другимъ украинскимъ писателямъ, причемъ въ первую очередь былъ поставленъ отдѣлъ извѣстнаго украинскаго писателя Я. И. Щеголева, недавно умершаго. Въ настоящее время положено уже начало этому отдѣлу, такъ какъ вдова покойнаго писателя, по просьбѣ проф. Н. Ѳ. Сумцовы, уступила для музея Общества слѣдующіе предметы, принадлежавшіе покойному Я. И. Щеголеву: письменный столъ, кресло, портфель и цѣлый рядъ рукописей. Такимъ образомъ въ этнографическомъ музеѣ Историко-Филологическаго Общества мало-по малу составляется рядъ меліоративныхъ отдѣловъ, которые представятъ цѣнный матеріалъ для характеристики украинскаго генія. Конечно, составлять подобные отдѣлы—дѣло трудное, и на успѣхъ множно на-

дѣяться только въ томъ случаѣ, если Общество встрѣтитъ поддержку и сочувствіе среди украинской публики, такъ какъ денежныя средства его не велики, и путемъ покупки оно можетъ лишь въ слабой степени увеличивать свои коллекціи. Но во всякомъ случаѣ нужно пожелать полнаго успѣха новому полезному начинанію въ дѣлѣ изученія Украины!

Юбилейный вечеръ въ честь Н. В. Лисенка въ Харьковѣ. 14-го января въ Маломъ театрѣ состоялся юбилейный вокально-музыкально-танцовальный вечеръ по случаю *тридцатипятилѣтія музыкальной дѣятельности* нашего славнаго «кобзаря» *Николая Витальевича Лисенка* при исключительномъ исполненіи его произведеній. Сборъ съ этого вечера долженъ поступить на учрежденіе стипендіи имени малорусскаго композитора въ мѣстномъ музыкальномъ училищѣ.

Славное имя композитора, его личное присутствіе на вечерѣ и симпатичная цѣль этого вечера привлекли въ залъ Малаго театра огромное количество публики. Маститый юбиляръ появился въ началѣ концерта въ первомъ ряду партера и былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій и восторженными криками. Когда же Николай Витальевичъ въ началѣ второго отдѣленія лично продирижировалъ своей прекрасной кантатой «Гей, не дывуйте», исполненной съ большимъ одушевленіемъ мужскимъ хоромъ г-на Туровѣрова, восторги публики достигли своего апогея. Тогда же чествуемому композитору поднесенъ былъ роскошный вѣнокъ съ надписью на лентѣ: „*Славному кобзарю видъ вдячныхъ харъковцивъ*“.

Въ заключеніе поставленъ былъ «апоѳеозъ» Н. В. Лисенка. Спеціально для этого художниками, ставившими живыя картины, въ нѣсколько дней былъ написанъ большой портретъ Н. В. Лисенка, занявшій центральное мѣсто въ «апоѳеозѣ». Вокругъ него размѣстились герои оперъ «Риздвяна ничъ» и «Тарасъ Бульба».

Н. В. вышелъ на эстраду, и ему при оглушительныхъ оваціяхъ поднесены были еще 2 большихъ вѣнка. Затѣмъ анонсировано было, что Н. В. любезно согласился сыграть что-нибудь изъ своихъ композицій на роялѣ. Анонсъ вызвалъ бурю апплодисментовъ.

Н. В. сыгралъ свой прекрасный «Жалибный маршъ» (похоронный) на смерть Шевченка и варіаціи на народную тему «Плыве човенъ».

«Костюмированный балъ», закончившій собой этотъ интересный юбилейный вечеръ, отличался большимъ оживленіемъ. Начался онъ малороссійскимъ козачкомъ, бойко исполненнымъ костюмированными и некостюмированными танцорами.

Танцы затянулись далеко за полночь.

Н. В. Лисенко написалъ слѣдующія слова въ книгѣ почетныхъ посѣтителей, имѣющейся у дерекціи Малаго театра: «*Сердешно радый выявыты мою вдячнисть за щире прывитання мене въ дорогому Харькови, де я колысь выховувавсь и студентувавъ. Н. Лысенко. 14 января 1904 г. Одвидавъ Малый театръ, познавъ шановного властывця його, мылувавсь вдатнимъ резонансомъ и диригувавъ студеньческимъ хоромъ «Гей, не дывуйте»*...

Чистая выручка съ вечера въ суммѣ 423 р. 32 к. передана г-ну харьковскому губернатору для отправки ея въ дерекцію музыкальнаго училища Императорскаго русскаго музыкальнаго Общества для образованія фонда стипендіи имени композитора Н. В. Лисенка при этомъ училищѣ. Кромѣ сбора отъ устройства вечера, учредителями получено пожертвованіями отъ разныхъ лицъ и выручено отъ продажи программъ-акварелей работы г.г. художниковъ С. И. Васильковскаго и г. Кричевскаго еще 220 р.; эти деньги также поступятъ въ распоряженіе дирекціи музыкальнаго училища съ тѣмъ же назначеніемъ.

Присужденіе преміи имени А. А. Потебни. Въ засѣданіи историко-филологическаго Общества 21-го декабря заслушанъ былъ отзывъ проф. Н. Ѳ. Сумцова о сочиненіи о купальскихъ обрядахъ и пѣсняхъ, представленномъ на премію имени А. А. Потебни. Лекторъ принялъ къ свѣдѣнію около сотни сборниковъ и изслѣдованій и разобралъ свыше шести сотъ купальскихъ пѣсенъ, разбивъ ихъ на отдѣльные мотивы, придерживаясь пріема Потебни въ изслѣдованіи его о колядкахъ. Работа большая, написана стройно и ясно. Рецензентъ рекомендовалъ выдать автору сочиненія полную премію. Къ этому мнѣнію присоединился проф. А. П. Кадлубовскій, высказавши при этомъ нѣсколько критическихъ замѣчаній. Предложеніе рецензентовъ о полной преміи было принято единогласно. По вскрытіи конверта съ девизомъ, авторомъ сочиненія оказался студентъ-филологъ 4-го курса М. Д. Кушенъ.

Затѣмъ обсуждались темы для предстоящаго года. По большинству голосовъ принята тема, предложенная въ интересахъ предстоящаго въ 1905 году въ Екатеринославѣ археологическаго съѣзда, слѣдующаго содержанія: «Археологія и этнографія въ предѣлахъ южной Россіи, по даннымъ харьковскихъ изданій съ 1881 по 1904 г.» (библіографія и краткая оцѣнка главныхъ статей и сборниковъ). Работа эта должна служить продолженіемъ „Указателя" Устинова, доведеннаго до 1881 года. («Южный Край», № 7952).

Отложенный юбилей газ. „Волынь". Редакція газ. «Волынь», пріостановленной на нѣсколько мѣсяцевъ, помѣстила въ газетахъ слѣдующее письмо:

Имѣемъ честь покорнѣйше просить напечатать въ вашей уважаемой газетѣ, что, вслѣдствіе постигшей газету «Волынь» пріостановки, мы, по независящимъ обстоятельствамъ, лишены возможности выпустить въ свѣтъ подготовляемый юбилейный сборникъ «Волыни» (по случаю 25 лѣтія). Равнымъ образомъ намъ приходится отложить до болѣе благопріятнаго момента и выполненіе остальной программы, которой проектировалось ознаменовать четверть-вѣковой юбилей газеты. Къ свѣдѣнію авторовъ, уже приславшихъ намъ свои произведенія, мы считаемъ долгомъ сообщить, что статьи ихъ будутъ на тѣхъ-же условіяхъ напечатаны въ газетѣ „Волынь" по ея возобновленіи. Примите и пр. Редакція газеты „Волынь", г. Житоміръ.

Собраніе древнихъ грамотъ. С.-Петербургскимъ археологическимъ институтомъ, какъ сообщаетъ «Нов.», собраны въ разныхъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ хранилищахъ С.-Петербурга, Москвы, Риги, Варшавы, Харькова, Львова и Несвижа 52 грамоты, преимущественно XIV вѣка, изъ которыхъ нѣкоторыя извѣстны лишь въ малораспространенныхъ заграничныхъ изданіяхъ, а нѣкоторыя только впервые дѣлаются извѣстными ученому міру. («Южн. Край», № 7959).

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Культурная работа двухъ лагерей въ Галичинѣ. Львовское „Діло“ дѣлаетъ подсчетъ силамъ двухъ борющихся въ Галиціи и Буковинѣ партій: «москвофиловъ» и «украинофиловъ». Особенно газета останавливается на двухъ „важнѣйшихъ въ жизни факторахъ: молодежи и прессѣ“. «Оба эти фактора,—говоритъ газета,—въ нашихъ рукахъ!» Подсчитывая число студентовъ-украинофиловъ въ высшихъ заведеніяхъ Австріи (по спискамъ студенческихъ обществъ), газета опредѣляетъ это число въ 930; изъ обществъ студенческихъ—наибольшія: «Акад. Громада» и „Основа“ въ Львовѣ (въ обоихъ—730 студентовъ). Въ студенческихъ обществахъ „москвофильскихъ“ („Другъ“—во Львовѣ, «Буковина»—въ Вѣнѣ и др.) записано 108 человѣкъ. По мнѣнію газеты, это число постепенно должно падать, какъ обнаруживаютъ отчеты обществъ за прошлые годы. Переходя къ печати, «Діло» насчитываетъ въ Австріи 26 періодическихъ изданій украинофильскаго направленія: 3 ежедневныхъ газеты, 5—еженедѣльныхъ, 7—двухнедѣльныхъ изданій, 8—ежемѣсячныхъ и 2 изданія, выходящія черезъ 3 мѣсяца. Сюда же слѣдуетъ присоединить и нѣмецкій по языку журналъ „Ruthenische Revue“. Москвофильская печать представлена 9 изданіями. Что касается изданія книгъ, брошюръ, то продуктивность «москвофиловъ» достигаетъ всего лишь 10 проц. издаваемаго украинофилами.

Очень жаль, что «Діло» не сообщаетъ статистическихъ данныхъ о распространенности изданій борющихся партій; было бы интересно знать, сколько подписчиковъ имѣютъ, напримѣръ, «Галичанинъ» съ одной стороны, и «Діло», съ другой?

Кажется, при большомъ сравнительно числѣ повременныхъ изданій въ Галиціи, подписчиковъ на нихъ имѣется мало. „Діло“ жалуется, что „Літер.-Наукъ. Вістникъ“, издаваемый главами „украинофильства“ проф. Грушевскимъ и Франкомъ—подобіе нашихъ ежемѣсячниковъ,—имѣетъ всего лишь 144 подписчика (однихъ священниковъ уніатовъ въ Галиціи около 3,000 человѣкъ!).

Малорусскія читальни въ Галиціи. Газета «Дѣло» дѣлаетъ подсчетъ сельскихъ читаленъ, основанныхъ въ Галиціи просвѣтительнымъ обществомъ «Просвіта». Оощество это обратило свою дѣятельность на провинцію въ 1891 г.; съ этого года до начала 1904 г. оно основало по деревнямъ и мѣстечкамъ до 1,345 читаленъ. Если къ этому числу присоединить почти такое же число читаленъ, основанныхъ «старорусскимъ» обществомъ имени Качковскаго, то станетъ ясно, какъ въ Галиціи развита общественная самодѣятельность въ области народнаго просвѣщенія, находящая, увы! мало поддержки со стороны земскаго самоуправленія. Слѣдуетъ отмѣтить, что дѣятелями по устройству читаленъ являются, главнымъ обрааомъ, священники-уніаты.

Польскій и русинскій языкъ въ галиційскихъ школахъ. Состоявшееся въ послѣднихъ дняхъ прошлаго мѣсяца педагогическое собраніе „Kola Krakowskiego“ въ вопросѣ о языкахъ польскомъ и русинскомъ въ галиційскихъ школахъ пришло къ слѣдующимъ выводамъ. Преподаваніе на обоихъ языкахъ въ школахъ возможно только въ ущербъ развитію и цѣлямъ школы. Что-же касается обученія этимъ языкамъ въ школахъ—собраніе рѣшило въ ближайшей сессіи обсудить вопросъ объ обязательномъ обученіи польскому и русинскому языкамъ во всѣхъ среднихъ школахъ Галиціи.

Воззваніе клуба русинскихъ пословъ. Ввиду приближающихся выборовъ русинскихъ пословъ въ Галицкій сеймъ, послѣ выхода изъ него прежнихъ избранниковъ, въ газ. «Діло» напечатано воззваніе этихъ вышедшихъ пословъ къ русинскому народу, гдѣ указывается, что политика края требуетъ поголовнаго избранія опять тѣхъ-же самыхъ пословъ, чтобы доказать силу и солидарность русинскаго народа.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. Составилъ М. Комаровъ. *Одесса, 1903, 1—143, in 8⁰. Ц. 75 коп.*

О громадной пользѣ книжки съ отмѣченнымъ заглавіемъ нечего и говорить: всякій интеллигентный читатель, а въ особенности имѣющій отношеніе къ литературѣ, дорожащій именемъ величайшаго нашего поэта, скажетъ автору большое спасибо,—отнынѣ не прійдется ему болѣе блуждать въ потемкахъ, собирая необходимую литературу, которая не у всякаго подъ руками. Имѣя теперь эту цѣнную книгу въ нашей литературѣ, невольно хочется помечтать, что авось научная разработка вопросовъ, связанныхъ съ именемъ Шевченка и его произведеніями, а на первомъ мѣстѣ—критическое научное изданіе его поэзіи, вступитъ въ новую фазу, станетъ явленіемъ болѣе частымъ, чѣмъ донынѣ.

Правда, и настоящій указатель, какъ и всякій иной, нельзя назвать абсолютно полнымъ, въ особенности въ отношеніи литературы галицкой послѣ 1883 года, понынѣ не имѣющей библіографическаго указателя, а также статей и переводовъ на языкахъ иностранныхъ, но всѣ такіе пропуски въ большинствѣ случаевъ не первостепенной важности, а къ тому же со временемъ ихъ легко можно будетъ пополнить. Желая и съ своей стороны внести малую лепту въ это дѣло, отмѣчаемъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ замѣченные нами пробѣлы, питая надежду, что и иныя лица не откажутъ въ своей посильной

помощи... Но прежде скажемъ о расположеніи матеріала въ указателѣ. Весь матеріалъ размѣщенъ въ XII отдѣлахъ, а именно: Собраніе сочиненій Т. Г. Шевченка на малорусскомъ языкѣ и отдѣльныя ихъ изданія (стр. 11—20, всего 80 №№); Малорусскія произведенія Т. Шевченка, помѣщенныя въ сборникахъ и журналахъ (стр. 21—24,—45 №№); Произведенія Т. Г. Шевченка на русскомъ языкѣ (25—26, всего 21 №№); Переписка Т. Г. Шевченка (27—30, всего 42 №№); Рисунки его (31—33,—27 №№); Переводы малорусскихъ произведеній Т. Г. Шевченка: на русскій, польскій, чешскій, болгарскій, сербскій, словацкій, нѣмецкій, французскій и др. языки (стр. 34—42,—87 №№); Переводы прозаическихъ произведеній Т. Шевченка, писанныхъ имъ по-русски, на языкъ малорусскій (42—44,—13 №№); Музыка въ произведеніяхъ Т. Г. Шевченка и на память о немъ (50—53,—59 №№); Драматическія передѣлки произведеній Т. Шевченка (54—55,—8 №№); Учрежденія имени Т. Г. Шевченка (56—58,—7 №№); Сводъ статей о Т. Г. Шевченкѣ и его произведеніяхъ (59—131, всего 855 №№). Кромѣ того, въ началѣ сообщаются важнѣйшія даты изъ жизни Т. Г. Шевченка (стр. 6—10), а въ концѣ помѣщенъ алфавитный указатель книгъ и статей о Шевченкѣ, композиторовъ, художниковъ, издателей и другихъ лицъ, способствовавшихъ изученію жизни и произведеній Т. Шевченка (стр. 133—140).

Какъ видитъ читатель, матеріалъ расположенъ въ системѣ, и пользоваться имъ весьма удобно.

Переходимъ къ пропускамъ.

Въ отдѣлѣ IX (переводы прозаическихъ произведеній Т. Шевченка, писанныхъ имъ по-русски, на языкъ малорусскій), не отмѣчена статья: «Шевченко про Котляревського. Виривки з повісти Шевченка «Близнюки» въ Літературно-Науковом Вістнику 1898 г., т. IV, стр. 137 и слѣд.; въ отдѣлѣ XIV (Сводъ статей о Т. Г. Шевченкѣ и его произведеніяхъ) изъ того же «Літературно-Науков. Вістника» пропущены слѣдующія статьи и замѣтки. *За 1898 годъ*: Брюлов та Шевченко. С. Е. (т. IV, Хроніка, 60); Матеріали до VI т. «Кобзаря» Шевченка у Львові (т. VI, Хрон., 233); Проект видання российських перекладів з Шевченка «Белоуса». С. Е. (т. IV, Хрон., 233). *За 1899 годъ*: Статі про Шевченка (т. V, Хрон., 204); Нове видання Кобзаря у Киіви (т. V, Хрон., 135); Споминки про Шевченка (т. VI, Хр., 191); Пушкін contra Шевченко С. Е. (т. VII, Хр., 62); Портрет Ольріджа намальований Шевченком (т. VII, Хр., 232).

За 1900 годъ: Курочкін і Шевченко. С. Е. (т. XI, Хрон., 121); Споминки Л. М. Жемчужнікова. С. Е. (XI, Хр., 218); Статі про Шевченка (XI, Хр., 8 и XII, Хр., 121); рецензія М. К. на Малий Кобзарь». Черкассы, 1900,—(хотя въ ссылкѣ къ № 74 на стр. 19 на нее имѣется указаніе). *За 1901 годъ:* Читальня ім. Шевченка в Канаді (XIII, Хр., 212),—указаніе имѣется на ст. 58 къ № 6; Недруковані листи Шевченка. С. Е. (XIII, Хр. 213); Спогади про Т. Шевченка (XIII, Хр. 55); Нові переклади Шевченкових поезій *В.* (XVI, Хр., 9); Малюнки до Кобзаря (XIV, Хр., 9); Памятки до Шевченку. С. П—о (XVI, Хр. 21); Ювилейна вистава в Херсоні в 40-ві роковини смерти Шевченка (XIV, Хр. 33); Россияне про Шевченка (XIV, Хр., 40); Шевченко в крузі народніх поетів В. Д—ко (XV, Хр.; 1); «Перелицьований Кобзарь». С. Е. (XV, Хр. 5). Шевченкові релквіі. Щ. Д. (XVI, Хр., 23); Читальня ім. Шевченка в Нижньому-Новгороді (XIII, Хр. 212), если она существуетъ, ею слѣдовало бы пополнить отдѣлъ XIII «Учрежденія имени Т. Шевченка» *За 1902 годъ:* Нові материяли до житепису Шевченка (XVII, Хр., стр. 13); Рецензія на «Поезиі Шевченка» видання «Просьвіти» 1902 р. *В.* (XVII, Хрон., 31);—упоминаніе на стр. 20 къ № 79; Шевченкові малюнки (XVII, Хр., 26); Памяти Шевченка *В.* и автограф Шевченка *В.* (XVIII, Хрон., 1).

Кромѣ того, слѣдовало отмѣтить статью *Я(ковлева) К.* До характеристики М. С. Щепкина (Літер.-Науков. Вістник. XIII, Науковий відділ, стр. 124 и слѣд.). Не отмѣчена также «Korespondencya Bohdana Zaleskiego» въ журналѣ «Przewodnik Naukow'y i Literacki (приложеніе къ Gazeta Lwowska) за 1902 годъ, гдѣ имѣется письмо Б. Залѣсскаго отъ 16/IV 1866 г. съ извѣщеніемъ о посылкѣ поэзій Шевченка во Львовъ, говорится о преждевременности опубликованія писемъ Шевченка...

Теперь о нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ составителя,—правда, немногочисленныхъ, часть которыхъ отмѣтилъ уже въ своемъ отзывѣ г. *В.* (въ «Літературно-Науковом Вістнику за 1903 г., кн. XI, Хр., стр. 142—143), какъ, напримѣръ, на стр. 81, № 310—Кокорудза вм. Кокорудз (тоже еще и на стр. 94, № 468), на стр. 82, № 320—Баткôвщина, вмѣсто Батькôвщина, на стр. 83, № 137—Naukowyi—вм. Naukowy, 85, № 362—русской вм. рускои, стр. 103, № 566—Пачовській В. вм. Пачовській М., но наиболѣе крупный недосмотръ на стр. 39, № 65, гдѣ переводы Гарамбашича отнесены къ чешскому языку вм.

сербскаго (хорватскаго, на стр. 40, № 74—они фигурирують уже какъ сербскіе переводы). Отмѣчены г. *В.* еще неправильности на стр. 45, № 3: «*Польскій* на смерть малороссійскаго поэта Т. Шевченка», въ чемъ, по мнѣнію г. *В.* видѣнъ пропускъ: кто «польскій»? и на стр. 107, № 618: *В. Лесевича* на обѣдѣ украинцевъ въ Петербургѣ»... Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ, очевидно: *В. Лесевичъ*. На обѣдѣ»...

Съ своей стороны, укажемъ еще на слѣдующіе промахи: на стр. 5 и 8 „Священника Кошиц*ы*",—слѣдуетъ Кошиц*а*, т. к. фамилія эта *Кошицъ*, (а не Коши́ца); на стр. 8 «орхеографическую комиссію»—вм. Археографическую; на стр. 19, № 77—«Княжна. Поэма Шевченка. Ц. 3 р.—вмѣсто *К.*; на стр. 20, № 80 „Катерына. Поэма Т. Шевченка. У Кыиви, 1903 року» слѣдовало добавить, что это первое *полное*, безъ пропусковъ, изданіе этой поэмы; на стр. 99, № 517: Н. О. Бѣляшевскій—вм. Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

Все это, конечно, мелочи, которыя ничуть не умаляютъ цѣннаго труда почтеннаго автора.

В. Доманицкій.

Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія (Новыя данныя, относящіяся къ исторіи этой Академіи за указанное время). Д. Вишневскаго. *Кіевъ, 1903.*

Настоящее сочиненіе представляетъ собою одну изъ подготовительныхъ работъ къ составленію полной исторіи Кіевской Академіи со времени основанія ея въ 1615 году. Прежнія работы по исторіи этой Академіи, а именно: «Исторія Кіевской Академіи» преосвященнаго Макарія Булгакова, 1843 г., и «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею» В. И. Аскоченскаго, въ трехъ томахъ, давно уже устарѣли и не соотвѣтствуютъ современнымъ научнымъ требованіямъ. Новыя подготовительныя работы по исторіи Кіевской Академіи стали появляться съ 1886 года. Въ этомъ году вышелъ въ свѣтъ 1-й выпускъ «Исторіи Кіевской Духовной Академіи» профессора С. Т. Голубева, обнимающій исторію сей Академіи въ до-Могилянскій ея періодъ, т. е. съ 1615 до 1632 года. Остальные выпуски этого капитальнаго труда имѣютъ быть посвящены Исторіи Кіевской Академіи въ Могилянскій ея періодъ, съ 1632 по 1647 годъ. Въ 1895 году появилось небольшое сочиненіе профессора Н. И. Петрова, подъ за-

главіемъ «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка», заключающее въ себѣ краткій обзоръ исторіи этой Академіи за означенное время, а въ 1901 г.—рѣчь профессора С. Т. Голубева «Кіевская Академія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій». Съ 1897 года начались студенческія ученыя работы по исторіи Кіевской Академіи за XVIII и начало XIX вв. Въ 1897 году напечатано было кандидатское сочиненіе студента В. Серебренникова: «Кіевская Академія съ половины XVIII вѣка до преобразованія ея въ 1819 году». Оно основано было, главнымъ образомъ, на остаткахъ академическаго архива, сохранившихся въ архивѣ Кіево-Братскаго монастыря, и на документахъ стараго архива Кіевской Дух. Консисторіи. Того же періода времени изъ жизни Кіевской Академіи отчасти касались и другіе студенты Кіевской Академіи въ кандидатскихъ своихъ сочиненіяхъ, какъ напр. Г. С. Булашевъ въ сочиненіи «Преосвященный Ириней Фальковскій, епископъ чигиринскій». Кіевъ, 1883 г., А. Бѣлгородскій въ сочиненіи «Кіевскій митрополитъ Іероѳей Малицкій (1796—1799 г.г.)», Кіевъ, 1901 года.

Въ этихъ подготовительныхъ работахъ доселѣ оставался замѣтный пробѣлъ, касающійся исторіи Кіевской Академіи за первую половину XVIII вѣка. Восполнить этотъ пробѣлъ и составляло задачу сочиненія г. Вишневскаго.

Такъ какъ матеріаловъ для исторіи Кіевской Академіи за это время до сихъ поръ обнародовано и извѣстно весьма мало, то автору предстоялъ двойной трудъ—не только обслѣдовать относящіеся къ его области факты, но, такъ сказать,—создать и самые факты, отыскивая ихъ въ разныхъ архивахъ и книгохранилищахъ. Извѣстно, что академическаго архива за это время почти не сохранилось. Приходилось отыскивать матеріалы въ архивахъ и рукописяхъ учрежденій, имѣвшихъ какое либо соприкосновеніе съ Кіевскою Академіею. Авторъ долго работалъ надъ своимъ сочиненіемъ и успѣлъ собрать богатый, свѣжій матеріалъ для него въ архивахъ и библіотекахъ Кіева, Смоленска и отчасти Москвы и С.-Петербурга и даже въ собраніяхъ частныхъ лицъ. На основаніи этого матеріала, списки начальствующихъ и учащихъ лицъ въ Кіевской Академіи, перечень рукописныхъ учебниковъ и характеристика преподававшихся въ ней наукъ за разсматриваемый періодъ составлены авторомъ съ замѣчательною полнотою и обстоятельностію. Впервые указаны имъ нѣкоторыя изъ матеріальныхъ средствъ содержанія Академіи, напр., выдача по 200 руб. въ

годъ на Академію изъ войскового скарбу, и впервые же открытые въ синодальномъ архивѣ списки студентовъ и профессоровъ Кіевской Академіи за 9 лѣтъ, съ $173^6/_7$ по $174^4/_5$ учебные годы, хотя вполнѣ и не использованы въ сочиненіи автора.

Напрасно стали бы мы искать въ сочиненіи автора широкой картины жизни Кіевской Академіи за избранный періодъ ея жизни, въ связи ея съ политическою, церковною и общественною жизнію тогдашней Россіи и въ частности Малороссіи. Въ виду многосложности задачи, г. Вишневскій ограничился въ своемъ сочиненіи изображеніемъ только внутренняго строя Кіевской Академіи, и притомъ обращалъ преимущественное вниманіе на вновь добытые имъ матеріалы для исторіи Кіевской Академіи въ данный періодъ. Конечно, ничего нельзя возразить противъ такой спеціализаціи въ области предмета, самого по себѣ обширнаго, такъ какъ подобная спеціализація можетъ лишь содѣйствовать обстоятельному, детальному изученію исторіи Кіевской Академіи и объективному, чисто научному изложенію ея. Эти достоинства и просвѣчиваютъ въ сочиненіи г. Вишневскаго.

Но узкая спеціализація въ сферѣ внутренней жизни Академіи за избранный періодъ, и притомъ по новымъ преимущественно даннымъ, была причиною и нѣкоторыхъ недосмотровъ. Преслѣдуя интересъ новизны матеріала для своего сочиненія, г. Вишневскій иногда довѣрчиво относился къ словамъ прежнихъ историковъ Кіевской Академіи, напр. В. Аскоченскаго, и вмѣстѣ съ нимъ допускалъ старыя ошибки. Такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ (стр. 84, примѣч. 5), цитируя академическую инструкцію 1734 года по русскому переводу г. Аскоченскаго, г. Вишневскій разсматриваетъ въ § 15 этой инструкціи указаніе на существованіе артельнаго строя въ Кіевской бурсѣ, но въ латинскомъ подлинникѣ нѣтъ ни слова о бурсѣ и говорится объ инспекторахъ надъ панычами и объ обязанности этихъ инспекторовъ блюсти панское добро.

Затѣмъ, спеціализируясь въ извѣстномъ періодѣ исторіи Кіевской Академіи, г. Вишневскій нерѣдко не имѣлъ въ виду данныхъ изъ предыдущаго или послѣдующаго періодовъ исторіи Кіевской Академіи, могущихъ объяснить и освѣтить приводимые имъ самимъ факты. Такъ, напр., г. Вишневскій не указываетъ, изъ какихъ источниковъ Кіевскіе митрополиты давали консолюцію профессорамъ и пособіе бурсѣ; а между тѣмъ изъ сборника правъ и привилегій малорусскаго духовенства, 1768 года, видно, что эти деньги составляли часть

сбора съ вѣнечныхъ памятей, который Кіевскіе митрополиты, на основаніи прежнихъ правъ и привилегій Кіевской митрополіи, не отсылали въ центральное вѣдомство, а удерживали у себя на свои епархіальныя нужды, и такого сбора въ иной годъ бывало до 4700 рублей. Изъ послѣдующихъ же документовъ можно видѣть, что упоминаемый у г. Вишневскаго учитель Кіевской Академіи Василій Крыжановскій есть никто иной, какъ не безъизвѣстный въ исторіи русской духовной литературы Владиміръ Калиграфъ, выкрестъ изъ межибожскихъ евреевъ.

Есть у г. Вишневскаго нѣкоторые пробѣлы и въ спеціально избранной имъ для изслѣдованія области. Въ то время, когда писалось и печаталось сочиненіе г. Вишневскаго, вышло въ свѣтъ нѣсколько изданій, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ его предмету, которыми однако онъ не могъ своевременно воспользоваться, какъ, напр., XI и XII томы «Описанія документовъ и дѣлъ архива Св. Синода» и «Матеріалы для исторіи Казанской дух. семинаріи въ XVIII вѣкѣ» К. Харламповича, 1903 г. Въ помянутомъ XII томѣ «Описанія документовъ и дѣлъ архива Св. Синода» есть одинъ документъ, имѣющій прямое отношеніе къ ходатайству о возобновленіи выдачи на Кіевскую Академію по 200 руб. изъ войскового скарбу. Въ 1735 году Св. Синодъ, вслѣдствіе ходатайства Кіевскаго архіепископа Рафаила Заборовскаго, обратился въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ съ запросомъ о томъ, въ какомъ положеніи находится дѣло по ходатайству бывшаго малороссійскаго гетмана Даніила Апостола о возобновленіи выдачи Кіевской Академіи помянутыхъ денегъ. Коллегія иностранныхъ дѣлъ отвѣчала, что, по рѣшенію Верховнаго Тайнаго Совѣта въ 1722 году, велѣно собираемые въ Малой Россіи въ войсковой скарбъ доходы употреблять на дѣйствительные войсковые расходы, а объ остаткахъ доносить Императорскому Величеству и не употреблять въ расходъ безъ именного Высочайшаго указа (№ 285). По ходу дѣла, Св. Синоду слѣдовало обратиться съ ходатайствомъ къ самой Императрицѣ какъ, повидимому, и просилъ о томъ Кіевскій архіепископъ Рафаилъ Заборовскій президента Св. Синода, архіепископа Ѳеофана Прокоповича. Прокоповичъ же, очевидно, не хотѣлъ плыть противъ теченія высшихъ правительственныхъ сферъ и отказалъ преосвященному Рафаилу Заборовскому въ его ходатайствѣ; но отказъ свой мотивировалъ другими причинами. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Заборовскому отъ 8 марта 1736 года Ѳеофанъ Прокоповичъ подвергаетъ безпощад-

ной критикѣ способъ веденія хозяйства Кіево-Братскимъ монастыремъ и Академіею и даже угрожаетъ виновникамъ «великимъ истязаніемъ и наказаніемъ» (письмо Прокоповича издано и въ «Кіевской Старинѣ» за мартъ, 1884 года). А между тѣмъ экономическое положеніе Кіево-Братскаго монастыря въ это время дѣйствительно было весьма критическое, въ которое онъ поставленъ былъ историческими обстоятельствами, а не радѣніемъ начальствующихъ лицъ монастыря. Г. Вишневскій, вмѣстѣ съ прежними историками Кіевской Академіи, вѣритъ искренности письма Ѳ. Прокоповича и не понимаетъ подлиннаго его значенія и смысла.

Въ помянутой книгѣ К. Харламповича г. Вишневскій нашелъ бы указаніе еще на одного профессора Кіевской Академіи этой эпохи, у него опущеннаго, именно на іеромонаха Епифанія Адомацкаго.

Наконецъ, нельзя не указать на то, что г. Вишневскій не воспользовался въ полной мѣрѣ и указными книгами Кіевской Дух. Консисторіи, вѣроятно потому, что онѣ собраны и сосредоточены въ одномъ мѣстѣ только въ недавнее время. Изъ этихъ книгъ онъ увидѣлъ бы, напримѣръ, что профессоръ іеромонахъ Платонъ Малиновскій выбылъ изъ Кіевской въ московскую Академію не въ 1723, а въ 1724 году.

Но такіе пробѣлы и недомолвки не многочисленны и почти не портятъ общаго пріятнаго впечатлѣнія, получаемаго отъ книги, которая, по разнообразію и цѣнности своего матеріала, собиравшагося по крупицамъ, на долго останется справочною книгою для спеціалистовъ, занимающихся исторіей науки и просвѣщенія въ юго-западной Россіи за обозрѣваемое время.

Къ книгѣ приложено 10-ть приложеній изъ архивныхъ документовъ и рукописей.

Н. П.

Памятная книжка Кіевской губ. на 1904 г., изданіе Кіевскаго губернскаго Статистическаго Комитета. *Кіевъ, 1904 г.*

Звключая въ себѣ всѣ обычные отвѣты «памятныхъ книжекъ» за предыдущіе годы, названная книжка содержитъ два совершенно новыхъ отдѣла: историко-этнографическій и «распоряженій правительства». Въ

послѣдній отдѣлъ вошли главнѣйшія Высочайшія повелѣнія и «положенія», относящіяся преимущественно къ нашему краю, нормальные уставы (сельскихъ банковъ, сельскихъ пожарныхъ дружинъ, потребительныхъ обществъ), почтово-телеграфныя правила и новѣйшія распоряженія по почтово-телеграфному вѣдомству, ветеринарно-полицейскія распоряженія, положеніе о Кіевской областной сельскохозяйственной выставкѣ, предполагавшейся въ 1904 г. и т. д. Введеніе этого отдѣла несомнѣнно значительно увеличиваетъ справочное значеніе памятной книжки, снабженной сверхъ того и невключавшимися въ прежнія изданія списками существующихъ въ губерніи сельскихъ банковъ, сберегательныхъ кассъ, ярмарокъ и т. д. Кромѣ значительнаго расширенія справочнаго отдѣла, названная книжка имѣетъ еще то преимущество предъ памятными книжками предыдущихъ лѣтъ, что справочный ея матеріалъ изложенъ въ опредѣленной системѣ: данныя о дѣленіи Кіевской губ. въ административно-полицейскомъ, судебномъ и др. отношеніяхъ выдѣлены въ особую рубрику, свѣдѣнія о г. Кіевѣ—въ особую, «распоряженія правительства» составляютъ тоже особый отдѣлъ и т. п., чѣмъ, разумѣется, значительно облегчается пользованіе этими матеріалами. Помянутый историко-этнографическій отдѣлъ составляетъ первую попытку статистическаго комитета отступить отъ обычнаго шаблона составленія памятныхъ книжекъ сообщеніемъ данныхъ, выходящихъ за предѣлы матеріаловъ справочнаго характера. Въ отдѣлѣ этомъ сообщаются свѣдѣнія о лирникахъ и кобзаряхъ. Къ сожалѣнію, изъ предисловія къ нему видно, что помѣщеніе этихъ свѣдѣній носитъ довольно случайный характеръ, и можно думать, что это также будетъ дальше, до тѣхъ поръ, пока Комитетъ, не ограничиваясь работой одного своего секретаря, привлечетъ къ участію въ своей дѣятельности достаточное число лицъ, интересующихся дѣломъ изслѣдованія губерніи въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ.

Объ адресъ-календарномъ отдѣлѣ книжки слѣдуетъ сказать, что въ немъ произведено замѣтное улучшеніе опять же введеніемъ большей системы въ расположеніе матеріала, а именно: свѣдѣнія о служащихъ въ Кіевѣ и губерніи не смѣшаны, какъ прежде, воедино подъ заголовками отдѣльныхъ вѣдомствъ, но наоборотъ обособлены, т. е. свѣдѣнія по Кіеву показаны, въ видахъ облеченія справокъ, отдѣльно отъ поуѣздныхъ. Слѣдовало бы для той же цѣли дать еще и болѣе полное оглавленіе «адресамъ нѣкоторыхъ частныхъ учрежденій, обществъ и лицъ свободныхъ профессій въ г. Кіевѣ». Подъ-отдѣлъ

этотъ заключаетъ въ себѣ массу разнообразныхъ свѣдѣній (всего 51 стр.), которыя гораздо легче было бы отыскивать при болѣе подробномъ заголовкѣ. Кстати сказать, въ немъ мы не нашли именъ нѣкоторыхъ женщинъ-врачей [1]). Конечно, это могло зависѣть именно отъ того, что собираніе свѣдѣній для адресъ-календарнаго отдѣла производится обычнымъ путемъ оффиціальныхъ справокъ. Но намъ кажется, что разъ уже составители памятной книжки пожелали стать на путь коренного улучшенія этого изданія, слѣдовало бы придумать и какія либо способы для провѣрки и пополненія обычно недостаточно точныхъ и запаздывающихъ противъ дѣйствительности оффиціальныхъ справокъ.

Во всякомъ случаѣ книжка эта составляетъ шагъ впередъ сравнительно съ изданіями предыдущихъ лѣтъ. Что касается «статистическаго» отдѣла, то мы его разбирать не будемъ, потому что онъ составленъ (хотя и съ нѣкоторыми улучшеніями) по обычнымъ даннымъ Центральнаго Статистическаго Комитета, и улучшенія этого отдѣла можно ждать только тогда, когда оживится самостоятельная дѣятельность самого Комитета.

Л. С. Л.

Н. Ив. Теодоровичъ. Волынь въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Томъ V. Ковельскій уѣздъ. *Почаевъ, 1903 г. 573 стран.*

Несмотря на нѣсколько измѣненное заглавіе, настоящій томъ является продолженіемъ капитальнаго труда, начатаго почтеннымъ авторомъ болѣе 15 лѣтъ назадъ. Еще въ 1888 г. онъ издалъ 1-й томъ «Историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Вол. еп.», посвященный уѣздамъ: Житомирскому, Новоградъ-Волынскому и Овручскому. Во 2-мъ томѣ, вышедшемъ въ 1890 г., были описаны уѣзды: Ровенскій, Острожскій и Дубенскій; въ 3-мъ (въ 1893 г.)—Кременецкій и Заславскій; 4-й, самый объемистый томъ, вышедшій въ 1899 г., былъ посвященъ уже одному только уѣзду—Староконстан-

---

[1]) Не знаемъ навѣрное, практикующихъ, или уже оставившихъ практику.

тиновскому. Настоящій 5-й томъ также посвященъ описанію церквей и приходовъ лишь одного уѣзда. Уже изъ этого видно, какъ постепенно расширялись размѣры и рамки труда, первоначально задуманнаго далеко не въ такомъ обширномъ объемѣ. Дѣйствительно, первый томъ «Описанія» заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, краткія статистическія свѣдѣнія о приходахъ, почерпнутыя изъ клировыхъ вѣдомостей, съ присоединеніемъ столь же краткихъ историческихъ свѣдѣній о поселеніяхъ, въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній; эти послѣднія свѣдѣнія авторъ заимствовалъ по преимуществу изъ «трудовъ Кіевской Археографич. Коммиссіи» и изъ «Описей актовыхъ книгъ Кіев. Центр. Архива». Сознавая недостаточность историческаго элемента въ своемъ трудѣ, авторъ, путемъ многократныхъ воззваній и просьбъ, обращенныхъ къ приходскимъ священникамъ, добился присылки ими подлинныхъ церковныхъ документовъ, актовъ, лѣтописей и всевозможнаго рода замѣтокъ и сообщеній. Нашлись между священниками и такіе просвѣщенные корреспонденты, которые сообщали автору обширныя записки, касавшіяся религіозно-бытовой жизни своихъ прихожанъ; другіе присылали записанныя на мѣстахъ изъ народныхъ устъ повѣрья, преданія, пѣсни, пословицы и др. этнографическіе матеріалы, иногда высокой цѣнности. Всѣ эти разнообразныя свѣдѣнія нашли для себя мѣсто въ дальнѣйшихъ выпускахъ труда г. Теодоровича, при чемъ, съ расширеніемъ матеріала, онъ расширялъ и программу своего описанія церквей и приходовъ: помимо прежнихъ историко-статистическихъ свѣдѣній, здѣсь появились подробныя описанія мѣстности, предметовъ мѣстной старины, занятій и вообще быта жителей, народныхъ обрядовъ, вѣрованій и т. под. Особеннымъ богатствомъ бытовыхъ и этнографическихъ матеріаловъ отличаются III и IV томы: здѣсь мы находимъ, напримѣръ, полное описаніе крестьянской свадьбы, народныя псальмы и пѣсни, поговорки, пословицы и т. под. Вотъ почему, выпуская въ свѣтъ IV томъ, авторъ призналъ нужнымъ расширить и самое названіе своего труда, давъ ему общее заглавіе «Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ», каковое заглавіе удержано и во вновь вышедшемъ томѣ.

Независимо отъ указаннаго обогащенія матеріаловъ, не трудно прослѣдить, какъ съ каждымъ выпускомъ растетъ и совершенствуется въ книгѣ собственно историческій элементъ. Авторъ не ограничивается

уже (какъ въ первыхъ выпускахъ) робкими цитатами, что такое-то село упоминается въ такихъ-то актахъ. Конечно, и это громадный трудъ—выбрать изъ многочисленныхъ изданій Кіевской Археографич. Коммиссіи всѣ мелкіе факты, касающіеся того или другого поселенія, и распредѣлить ихъ по надлежащимъ мѣстамъ; но нашъ авторъ давно уже не довольствуется одной этой механической сводкой. Ознакомившись не только съ русскими, но и съ польскими актовыми матеріалами, а равно и съ историческою литературой, касающеюся Волынской земли, онъ свободно и умѣло оперируетъ надъ обширнымъ историко-документальнымъ матеріаломъ, подвергая его систематической обработкѣ. Дѣйствительно, въ послѣднихъ томахъ его труда можно указать цѣлый рядъ полныхъ, обстоятельныхъ и вполнѣ научно составленныхъ историческихъ изслѣдованій, каковы, напр., историческіе очерки нѣкоторыхъ городовъ, мѣстечекъ, монастырей древнихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ и т. под.

Вновь вышедшій томъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ достоинства послѣднихъ выпусковъ труда автора, какъ со стороны богатства матеріаловъ, такъ и въ отношеніи ихъ умѣлой обработки. На первыхъ страницахъ мы находимъ очень обстоятельную и хорошо составленную исторію г. Ковля и его церквей. Съ такимъ же знаніемъ дѣла и стараніемъ сдѣланы историческія описанія и другихъ селеній, при чемъ приведено много подлинныхъ документовъ (иллюстрацій, инвентарей, эрекцій старинныхъ визитъ). Историческіе очерки многихъ поселеній снабжены живыми описаніями мѣстной природы, занятій жителей, ихъ домашняго быта, повѣрій, легендъ, преданій. Много помѣщено и собственно этнографическаго матеріала, напримѣръ: колядки и веснянки въ селѣ Ружинѣ (стр. 134—138), свадебные обряды въ с. Стобыхвѣ, (стр. 301—306), свадебныя и крестинныя пѣсни и обычаи въ с. Щедрогощѣ (стр. 386—390) и т. под. Все это представляетъ особенный интересъ въ виду того, что рѣчь идетъ о такомъ глухомъ, совершенно неизслѣдованномъ краѣ, какъ Ковельскій уѣздъ, гдѣ среди скудной природы, въ глуши лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ, въ народномъ быту удерживалось еще много чертъ сѣдой, глубокой старины. Тамъ большинство населенія до сихъ поръ живетъ въ курныхъ избахъ и болѣетъ колтуномъ. Намъ лично приходилось бывать въ томъ краѣ, и мы можемъ засвидѣтельствовать, что тамъ настоящее раздолье для археолога и антикварія. Тамъ люди такъ бѣдны, что молятся въ храмахъ, которымъ насчитываютъ по нѣсколько сотъ лѣтъ, молятся пе-

редъ иконами, на которыхъ отъ древности едва ли уцѣлѣли слѣды живописи, служатъ по рукописнымъ книгамъ, употребляютъ вмѣсто ладону можевельникъ. Книга г. Теодоровича вполнѣ подтверждаетъ наши личныя наблюденія. Изъ нея видно, что грамадное большинство церквей въ Ковельскомъ уѣздѣ построены въ XVIII ст., въ четырехъ мѣстечкахъ и селахъ (м. Ратно, Михновкѣ, Турійскѣ и с. Мощеной) сохранились церкви, построенныя въ XVII ст. (между 1614 и 1671 гг.), а въ с. Качинѣ существуетъ церковь постройки 1589 г. И церкви эти—не каменныя, а деревянныя. Вотъ бы срисовать и подробно описать такую почтенную древность! Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Теодоровича недостаетъ архитектуры описанія этихъ древнѣйшихъ храмовъ, что, конечно, зависѣло оттого, что онъ не нашелъ такого описанія въ церковныхъ лѣтописяхъ и клировыхъ вѣдомостяхъ.

Оцѣнивая прежніе выпуски труда г. Теодоровича, критики находили, что онъ, пользуясь церковными лѣтописями, недостаточно строго относился иногда къ ихъ произвольнымъ соображеніямъ относительно происхожденія названія того или другого поселенія и его исторіи. Въ послѣднемъ томѣ своего труда авторъ уже не даетъ поводовъ для подобнаго упрека. Лишь въ двухъ мѣстахъ его книги мы замѣтили такого рода недосмотръ. На стр. 359 говорится, что дер. Выдраница «получила названіе отъ *выдръ*, кои тутъ ловятся». Конечно, это—соображеніе церковной лѣтописи, но автору слѣдовало бы или вовсе не приводить этого невѣрнаго соображенія, или же, въ видѣ поправки, замѣтить, что выдра на мѣстномъ языкѣ всегда именовалась *бобромъ*. Точно такъ же, говоря (на стр. 383) о селѣ Щедрогощѣ, авторъ безъ опроверженія приводитъ измышленіе лѣтописи, будто „село это нѣкогда было мѣстомъ ссылки преступниковъ". Слѣдовало бы замѣтить, что въ бывшемъ польско-литовскомъ государствѣ вовсе не существовало ссылки,—или совсѣмъ не приводить этого наивнаго измышленія.

Но это, конечно, такія мелочи, которыя отнюдь не обезцѣниваютъ капитальнаго труда, видимо внушеннаго автору глубокой любовью къ родной ему Волыни и потребовавшаго отъ него громадной затраты времени, силъ и таланта. Пожелаемъ же ему съ такимъ же успѣхомъ описать остальные два уѣзда (Луцкій и Владимирскій), и тогда мы будемъ имѣть полное описаніе церквей и приходовъ всей Волынской губ.—изданіе, въ которомъ давно ощущалась настоятельная нужда.

О. Л.

І. Иллюстровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. *Кіевъ, 1904 г., 581 стран.*

Книга съ такимъ архаическимъ заглавіемъ представляетъ собою опытъ систематическаго свода всѣхъ когда-либо записанныхъ и напечатанныхъ пословицъ и поговорокъ: великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ и—инородческихъ, т. е. молдавскихъ, латышскихъ, мордовскихъ, татарскихъ, вотскихъ, армянскихъ, бурятскихъ идругихъ племенъ, обитающихъ въ предѣлахъ Россійской имперіи. Вѣроятно, въ виду столь разноплеменнаго состава пословицъ, собирателю и понадобился терминъ: «*россійскихъ*», долженствующей выразить ту мысль, что это-де сборникъ различныхъ народовъ, населяющихъ Россійскую имперію. Но если дѣйствительно такова была мысль составителя книги, тогда возникаетъ другое недоумѣніе: почему же въ его сборникѣ совсѣмъ отсутствуютъ пословицы: польскія, еврейскія, нѣмецкія, финскія, цыганскія? Вѣдь эти племена тоже обитаютъ въ предѣлахъ имперіи, и чѣмъ же они хуже какихъ-либо айсоровъ, акушинцевъ, лаковъ, кюринцевъ, сургутчанъ, коихъ пословицы включены въ сборникъ (конечно, въ русскомъ переводѣ)?

Для чего понадобилось составленіе столь разношерстнаго сборника? На этотъ вопросъ составитель отвѣчаетъ такъ въ предисловіи: «Издавая этотъ сборникъ, полагаю, что настоящій трудъ представитъ нѣкоторый интересъ: и въ сферѣ изслѣдованій по обычному праву—какъ сборникъ изреченій, выражающихъ понятія и воззрѣнія народа (народовъ)? на различныя стороны права и быта, и въ жизни вообще—какъ сводъ завѣтовъ сѣдой старины и выработанныхъ вѣками, зачастую не утратившихъ своего значенія и по настоящее время, правилъ житейской мудрости». Безъ сомнѣнія, пословицы каждаго отдѣльнаго племени могутъ представлять этотъ двоякій интересъ; но когда вы заставите семьдесятъ племенъ одновременно выражать свои правовыя воззрѣнія и правила житейской мудрости, то въ результатахъ можетъ получиться лишь новое вавилонское смѣшеніе языковъ. Вѣдь каждый народъ можетъ имѣть свои особыя понятія о различныхъ предметахъ, въ особенности—если рѣчь идетъ о русскихъ туземцахъ и инородцахъ, стоящихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ умственнаго, нравственнаго и соціальнаго развитія.

Въ началѣ своей книги г. Иллюстровъ даетъ весьма подробный библіографическій обзоръ источниковъ, изъ коихъ онъ заимствовалъ пословицы, и это, по нашему мнѣнію, самая цѣнная часть его работы. Для великорусскихъ пословицъ и поговорокъ онъ указываетъ 114 источниковъ, для малорусскихъ—41, для бѣлорусскихъ—16 и для инородческихъ—40. Обзоръ малорусскихъ сборниковъ пословицъ онъ начинаетъ съ „Грамматики малороссійскаго нарѣчія" А. Павловскаго, изданной въ 1818 г., и оканчиваетъ сборникомъ А. Малинки, вышедшимъ въ 1902 г., при чемъ отъ его вниманія не ускользаютъ и тѣ небольшія собранія пословицъ, какія помѣщены были въ разное время въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ разныхъ губерній, въ провинціальныхъ газетахъ, мелкихъ брошюрахъ и въ др. рѣдкихъ изданіяхъ. Во всѣхъ этихъ источникахъ г. Иллюстровъ насчитываетъ 30431 малор. пословицъ и поговорокъ. Вообще надо замѣтить, что г. Иллюстровъ—удивительный статистикъ: онъ даетъ точныя свѣдѣнія о томъ, сколько именно пословицъ находится въ томъ или другомъ сборникѣ, книгѣ, статьѣ, распредѣляетъ собирателей пословицъ по поламъ, сословіямъ, званіямъ, профессіямъ, и точно обозначаетъ сколько и кѣмъ собрано или записано. Въ концѣ книги онъ даетъ цѣлыхъ пять указателей: именной, этнографическій, географическій, предметный и сверхъ того огромный (на пяти печатныхъ листахъ мелкаго шрифта) указатель источниковъ, откуда заимствованы пословицы.

И все-таки его перечень источниковъ малорусскихъ пословицъ не совсѣмъ полонъ. Ему мало вѣдомы сборники пословицъ, составленные въ Галичинѣ, Буковинѣ и въ Угорской Руси. Изъ нихъ онъ знаетъ лишь «Галицкіи приповѣдки и загадки, зôбраніи Г. Ількевичемъ» и напечатанныя въ Вѣнѣ въ 1841 г., и затѣмъ онъ пользуется сборниками А. Дешка и В. Вислоцкаго, помѣщенными въ «Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общества» въ 1867—1869 гг.; о позднѣйшихъ же галицкихъ этнографическихъ изданіяхъ онъ не упоминаетъ. Затѣмъ, польскіе этнографы въ разное время издали огромную массу малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ. Сейчасъ нѣтъ ихъ у насъ подъ руками и мы боимся напрасно упрекать г. Иллюстрова въ игнорированіи ихъ, но навѣрное между ними встрѣчаются и пословицы. Наконецъ, есть пропуски въ перечнѣ собраній малорусскихъ пословицъ, помѣщеныхъ въ русскихъ изданіяхъ; для примѣра укажемъ на пятитомное изданіе Н. И. Теодоровича: «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи», гдѣ въ III томѣ (на

стр. 609—614) помѣщено 244 пословицы, записанныя въ Заславскомъ уѣздѣ, а въ IV томѣ (на стр. 242—248 и 793—798) приведено 485 пословицъ, записанныхъ въ Староконст. уѣздѣ.

О. Л.

Про сыритъ. Збирнычокъ для дитей *упорядкувавъ Гнатъ Галайда. На гарному папери въ окладынци 50 коп.; дешеве выдання 10 коп. и 4 коп. г. Харьковъ.*

Неоднократно уже и многія земскія собранія и разнообразные съѣзды русскихъ дѣятелей высказывались за то, что для поднятія въ народѣ просвѣщенія необходимо въ мѣстностяхъ съ нерусскимъ населеніемъ завести обученіе въ школахъ на мѣстныхъ языкахъ, издать на этихъ же языкахъ возможно больше популярныхъ и дѣтскихъ книгъ. Однако, и до настоящаго времени популярныхъ брошюръ на украинскомъ языкѣ издано не много, а книжекъ для дѣтскаго чтенія и совершенно нѣтъ. Попытки изданія дѣтскихъ книгъ на украинскомъ языкѣ, конечно, не разъ дѣлались, но всѣ онѣ, по независящимъ обстоятельствамъ, какъ принято говорить, не могли придти къ желанному концу. Въ виду этого намъ теперь особенно пріятно отмѣтить недавно вышедшій въ свѣтъ «Збирнычокъ для дитей» г. Г. Галайды: «Про сыритъ»: это первая ласточка,—хочется вѣрить, что она предвѣщаетъ скорую весну...

Сборникъ г. Галайды «Про сыритъ» состоитъ изъ нѣсколькихъ стихотвореній и 3 разсказовъ, въ которыхъ изображается тяжелая участь сироты по смерти отца-матери. Одни изъ стихотвореній сборника взяты «зъ народныхъ устъ», а другія принадлежатъ перу извѣстныхъ украинскихъ поэтовъ: Т. Шевченка, Я. Щоголева, О. Кониського, Б. Гринченка («Сыритка»). Изъ разсказовъ обращаетъ на себя большое вниманіе переводъ извѣстнаго разсказа Ѳ. Достоевскаго: «Святый вечиръ у Хрыста». Переводъ сдѣланъ довольно хорошо и маленькими читателями прочтется съ удовольствіемъ. Интересенъ также разсказъ г. Галайды: «Лыстъ до мамуси», гдѣ изображена Катруся, дѣвочка сиротка, которая въ своемъ письмѣ *«дорогій мамуси у небо»* жалуется на свою сиротскую долю. Сборникъ украшенъ многими поясняющими содержаніе разсказовъ рисунками, которые, къ сожалѣнію, всѣ вышли довольно неудачно. Издана книжка опрятно, по цѣнѣ —

10 коп. и 4 коп.—вполнѣ доступна для народа. Для интеллигенціи есть также изданіе на лучшей бумагѣ стоимостью въ 50 коп.; въ этомъ изданіи нѣкоторые рисунки вышли лучше, чѣмъ въ дешевомъ.

Остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Редакторы сборниковъ, альманаховъ имѣютъ обыкновеніе свои произведенія оставлять безъ подписи. Читатели такъ уже привыкли къ этому, что авторомъ всякаго неподписаннаго въ сборникѣ произведенія считаютъ редактора его. Въ сборникѣ г. Г. Галайды «Про сыритъ» тоже есть одно стихотвореніе безъ подписи: «Сыритка». Спѣшимъ исправить заблужденіе тѣхъ изъ читателей, которые авторомъ этого стихотворенія будутъ называть г. Галайду, редактора сборника: стихотвореніе это принадлежитъ перу извѣстнаго украинскаго писателя Б. Гринченка и еще въ 1895 году было напечатано имъ за собственною подписью въ сборникѣ: «Кныга казокъ виршомъ». Намъ неизвѣстны мотивы, которыми руководствовался г. Галайда, скрывая дѣйствительнаго автора стихотворенія; мы можемъ только догадаться: ужъ не потому ли это было сдѣлано, что текстъ «Сыритки» *безъ разрѣшенія автора* былъ подвергнутъ нѣкоторымъ несущественнымъ, совершенно ненужнымъ, а мѣстами и непонятнымъ (напр., «щыро доглядала» исправлено въ «щедро доглядала») измѣненіямъ, исправленіямъ и сокращеніямъ...

Е. Кв.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ послѣдней книжкѣ «Литературн. Вѣстн.» помѣщены не вошедшія въ полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева воспоминанія его о Т. Г. Шевченкѣ. И. С. Тургеневъ зналъ Шевченка въ тотъ періодъ его жизни, когда послѣ ссылки онъ возвратился въ Петербургъ.

«Шевченко, по словамъ Тургенева, производилъ скорѣе впечатлѣніе грубоватаго, закаленнаго и обтерпѣвшагося человѣка, съ запасомъ горечи на днѣ души, трудно доступной чужому глазу, съ продолжительными просвѣтами добродушія и вспышками веселости; юмора, «жарта» въ немъ не было вовсе. Только разъ, помнится, онъ прочелъ при мнѣ свое прекрасное стихотвореніе «Вечиръ» (Садокъ вышневый и т. д.) и прочелъ его просто, искренне; самъ онъ былъ тронутъ и тронулъ всѣхъ слушателей; вся южно-русская задумчивость,

мягкость и крѣпость, поэтическая струя, бившая въ немъ, тутъ ясно выступила на поверхность.

Самолюбіе въ Шевченкѣ было очень сильное и очень наивное въ то же время: безъ этого самолюбія, безъ вѣры въ свое призваніе онъ неизбѣжно погибъ бы въ своемъ закаспійскомъ изгнаніи; восторженное удивленіе соотчичей, окружавшихъ его въ Петербургѣ, усугубляло въ немъ эту увѣренность самородка-поэта. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ додумался до того, что, не шутя сталъ носиться съ мыслью создать нѣчто новое, небывалое, ему одному возможное—а именно: поэму на такомъ языкѣ, который былъ бы одинаково понятенъ русскому и малороссу; онъ даже принялся за эту поэму и читалъ мнѣ ея начало. Нечего говорить, что попытка Шевченка не удалась, а именно: эти стихи его вышли самые слабые и вялые изъ всѣхъ написанныхъ имъ: безцвѣтное подражаніе Пушкину.

Далѣе идетъ разсказъ о неудачномъ сватовствѣ Шевченка. У г-жи Кар—ской находилась въ услуженіи дѣвушка малороссіянка, по имени Лукерья; существо молодое, свѣжее, нѣсколько грубое, не слишкомъ красивое, но по своему привлекательное, съ чудесными бѣлокурыми волосами и той не то горделивой, не то спокойной осанкой, которая свойственна ея племени. Шевченко влюбился въ эту Лукерью и рѣшился жениться на ней; Кар—скіе сначала диву дались, но кончили тѣмъ, что признали ее невѣстой поэта и даже начали дѣлать ей подарки и шить приданное; съ своей стороны, Шевченко готовился къ свадьбѣ, къ новой жизни... Но Лукерья отказала своему жениху. Ее, вѣроятно, запугали уже немолодыя лѣта Шевченка, его нетрезвость и крутой нравъ; а оцѣнить высокую честь быть супругою народнаго поэта она не была въ состояніи. Я нѣсколько разъ видѣлъ Шевченка послѣ его размолвки съ Лукерьей: онъ казался сильно раздраженнымъ».

Какъ видите, новыхъ данныхъ для біографіи малорусскаго поэта здѣсь не оказывается, если не считать упоминанія о какомъ то новомъ междурусскомъ языкѣ, на которомъ покойный Шевченко сочинялъ будто бы поэму.

Въ галицк. газ. «Діло» (№ 4 и 5) помѣщенъ обзоръ издательства въ Россіи малорусскихъ книгъ въ 1903-мъ году. Авторъ статьи, Ив. Кравецькый, указавъ на неблагопріятныя условія для этого издательства, отмѣчаетъ болѣе выдающіеся факты его въ разныхъ городахъ

Россіи и въ заключеніе дѣлаетъ сопоставленіе съ издательствомъ въ Австріи и Америкѣ. Оказывается, что въ Австріи въ три раза больше издано украинскихъ книгъ, чѣмъ въ Россіи. Удивляться, конечно, здѣсь нечему.

Въ „Вѣстн. Юга“ (671) помѣщена слѣдующая замѣтка, касающаяся вопроса о положеніи нашей украинской драмы.

Въ одной изъ одесскихъ газетъ мы прочитали, что малорусскій репертуаръ обогатился новой пьесой „Чужа жинка“, принадлежащей перу украинской писательницы г-жи Левитонъ. Пьеса эта, по словамъ газеты, является очень удачной передѣлкой гауптмановскаго „Извозчика Геншеля“ и въ январѣ шла уже въ одномъ изъ одесскихъ театровъ, при участіи гг. Заньковецкой и Кропивницкаго, при чемъ на долю пьесы выпалъ большой успѣхъ. При относительной бѣдности украинскаго репертуара—бѣдности, вытекающей изъ общихъ условій существованія у насъ украинской литературы вообще и драматическихъ произведеній на малорусскомъ языкѣ въ частности, когда эти послѣднія не могутъ выходить за опредѣленныя для нихъ этнографическія рамки, а слѣдовательно украинская сцена не можетъ пользоваться и переводами изъ чужихъ литературъ—всякую новинку въ этой сферѣ, если она обладаетъ литературнымъ достоинствомъ, приходится, конечно, только привѣтствовать, что дѣлаемъ мы и по отношенію „Чужой жинки“. Но, спрашивается, терпимы ли тѣ условія, при которыхъ талантливые украинскіе авторы, могущіе очевидно дать что либо оригинальное, должны заниматься передѣлками (переводы не допускаются!) такихъ высокохудожественныхъ вещей, какъ «Извозчикъ Геншель»? Нормально ли это?

Во Львовѣ недавно появился въ продажѣ «*Перший руский ілюстрований музичний календар на рік 1904*», литературная часть котораго весьма интересна. Кромѣ историческаго очерка (лѣтописи) галицкихъ пѣвческихъ обществъ («Боянів»), а именно: львовскаго, стрыйскаго, перемышльскаго, станиславовскаго, снятинскаго, тарнопольскаго и бережанскаго и корреспонденцій о многочисленныхъ сельскихъ хорахъ, здѣсь встрѣчаемъ: біографіи М. Лисенка, о. I. Киша-

кевича, Д. Сичанскаго, С. Крушельницкой, І. Билыковскаго, о. Н. Кумановскаго, о. П. Бажанскаго, І. Бортнянскаго, затѣмъ статьи по музыкѣ: В. Шухевича изъ его труда «Гуцульщина»: «Гуцульські струмента, танці і пісні», І. Білыковскаго: «Музика і іі походжене» і «Опера і іі розвій», о. Бажанскаго: «Ціха і будова стародавноі рускоі муз. гармоніі», Ст. Людкевича: «Про розвій та сучасне значіне т. зв. програмовоі музики», Р. Зарицкаго: «Італіянська азбука і малий словарець знаків музичніх», В. Домета: «О критичнім музичнім осуді та конечности его виобразованя»; «Взаімини межи рускою церковною піснею и народом», і «Спомини з перших артистичних прогульок по Галичині», о. Бережницкаго: «Скрипка, іі история і значіне яко інструменту сольового і орхестрального» и др. мелочи (напр. анекдоты о музыкѣ).

Изъ этого голаго перечня статей по музыкѣ можно уже видѣть, что музыкальное образованіе галицкихъ братьевъ находится на надлежащемъ пути, о которомъ намъ еще можно лишь мечтать.

Въ «Южн. Краѣ» (№ 7966) помѣщена статья проф. Н. Ѳ. Сумцова объ Амвр. Лукьян. Метлинскомъ.

Въ «Южн. Краѣ» (№ 7984) напечатана статья проф. П. Буцинскаго «Присоединеніе Малороссіи» по поводу 250-тилѣтія со дня Переяславскаго договора.

Малорусская драматургія обогатилась новымъ произведеніемъ «Гроши», написаннымъ земскимъ врачемъ богодуховскаго уѣзда М. Ѳ. Сластинымъ. Эта драма въ пяти актахъ изъ народной жизни. Живя въ деревнѣ, авторъ прекрасно изучилъ бытовыя условія народной жизни; пьеса посвящена авторомъ М. Л. Кропивницкому.

Вышла памятная книжка волынской губерніи на 1904 г., содержащая обычные статистическіе матеріалы и, помимо календаря, отдѣлы литературный и статистическій. Въ литературномъ отдѣлѣ помѣщена обширная статья члена губернскаго статистическаго комитета О. Фотинскаго по вопросу объ исторіи южно-русскаго козачества. Въ заключеніе приложенъ списокъ служащихъ волынской губерніи.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бібліотека Гриця Щипавки. Книжочка I. «Project na zniszczenie Rusi». Подав Гриць Щипавка. Чернівці 1903, 1—39. Ц. 10 кр.

Бібліотека для рускоі молодіжи (під редакциею Юліяна Насальського). Том LXVIII і LXIX: Драма на селѣ. Оповѣдане Франца Мешка: Царь и три его сыны; Сонъ лѣтнои ночи,—Шекспира.

Вовчок Марко. Народні оповіданя. Том II. Видане четверте. Накладом Укр.-рускоі Видавничоі Спілки. Львів, 1903, ст. 280, in 8°. Ціна 2 кор. (Інститутка, Від себе не втечеш, Ледащиця, Кармелюк, Невільничка, Девять братів і десята сестриця Галя, Ведмідь, Чортова пригода, Листи з Парижа).

Володиславич Антон. Чоловік чести, драма в 3 актах. Коломия, 1904, ст. 106, in 8°.

Грушевський М. Памяти Олексія Маркевича (Відбитка з LV т. Записок, з портретом пок.). Львів, 1903, ст. 14, 8°. Ціна 15 кор.

Достоєвський Хведор. Грач. Оповідання. Переклав О. П. Львів, 1903, ст. 266. Виданне Укр.-Рускоі Выдавничоі Спілки, ч.ч. 65—67, Ц. 1 к. 50 с.

„Дума“. Сольо тенорове в супроводі фортепяна, слова Т. Шевченка, музика М. Лисенка. Ціна 1 кор. Заходом Станиславівського Бояна.

Запорожець. Календар на рік переступний 1904. Коломия, 1904, ст. 128. 8°. Ціна 60 сот.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Кн. V. Т. LV. У Львові, 1903.

Збірник математично-природописно-лікарський секціі Наукового Тов. ім. Шевченка, т. IX. Львів, 1903, ст. 88+42+11+46+10.

Інтрем. Дж. К. Історія політичноі економіі. Переклав Михайло Лозинський. Накладом Укр.-Рускоі Видавничоі Спилки. Львів, 1903, ст. 338, 8°. Ц. 4 кор.

Історія куска хліба, перерібка з французкого. Листи до молодоі дівчини. У Львові, 1903, ст. 63, in 8°. Ціна 50 сот.

Каленыченко И. (Селянынъ). Переселеньци у Сибиръ. Виршована поэма. (Издат. Комитетъ Харьков. Общ. распростран. въ народѣ грамотности). Харьковъ, 1903. Ст. 40, 16°.

Календар «Просьвіти» на р. 1904. У Львові, 1903. Ц. 1 кор.

Календарик на переступний рік 1904. Коломия, 1904. Накладом коломийської філії Руського Товариства педагогічного.

Кміт Юрий. Подруже. Драма в двох діях. У Львові, 1903. Ст. 54, 8⁰. Ціна 1 кор.

«Козак». Календарик на переступний рік 1904. Коломия, 1904, ст. 192, 8⁰. Ц. 80 сот. (съ беллетристич. отдѣломъ).

Кр—ський Микола. Замітки до поправнійшого видання поезий Тараса Шевченка. Уваги до «заміток» д. Кр—ського. Нап. Ю. Романчук (Відбитка з LV т. «Записок», Львів, 1903, ст. 34, 8⁰. Ціна 35 сот.

Перший руский ілюстрований музичний календар на рік 1904. Львів, 1903.

Покажчик змісту Літературно-Наукового Вістника томів I—XX (1898—1902). Зладив В. Доманицький. З передмовою Івана Франка. У Львові, 1903, I—XXXVII, 1—121, in 8⁰.

Polacy a Rusini. W Krakowie, 1903. Czcionkami drukarni «Czasu». Ст. 56, 8⁰. Ціна 60 сот.

Приятель. Народний календар на переступний рік 1904. Чернівці, 1903. Ст. 144, 16⁰. Ціна 40 сот.

Программы для собиранія свѣдѣній археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ по черниговской губерніи. Черниговъ, 1903. Типогр. губернск. земства, ст. 30, 8⁰

Самойлова Ц. Спартак, провідник римских глядіяторів. Історична повість. З російського переклав В. Л—цкий. У Львові, 1903, ст. 96, 8⁰.

Stefanyk Wasyl. Klonowe liście. Z ukraińskiego przełożył Michał Moczulski, Lwów, 1904. Księgarnia Polska. Warszawa, E. Wende i Sp. Стр. 175, in 16⁰.

Тургенєв Іван. Весняні води. Вид. Укр.-Руськоі Видавничоі Спілки, ч. 69—71, Львів, 1903, ст. 242. Ц. 1 к. 30 с.

Франко Ів. З бурливих літ. Часть I. Накладом Антона Хойнацкого. Львів, 1903, ст. XVI+180, 8⁰. Ціна 2 кор. Зміст: Передмова, Різуни, Гриць і панич.

Франко Ів. Що таке поступ? Коломия, 1903. Накладом редакциі «Поступу», ст. 164, 16⁰. Ціна 1.20 кор.

Франчук Іван. Оферма. Новелька з військового житя. Коломия, 1903. Накладом редакциі «Поступу». Ст. 32, 16⁰. Ціна 25 сот.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові. Вип. III. Р. 1903. (Май—Серпень). Ч. 15. Львів, 1903, ст. 32, 8⁰. Ціна 30 сот.

Chronik der Ukrainischen Śevćenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberq, 1903. Jänner-April. Heft II. Jhrg. 1903. № 14. Львів, 1903. Ст. 32, 8⁰. Ціна 30 сот.

4) Воспоминанія Н. И. Панаева о холерномъ бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г.

5) В. П. Батуринскаго: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые»—матеріалы для общественнаго движенія къ России въ XIX столѣтіи.

6) І. Мадачъ: «Трагедія человѣка», пер. съ венгерскаго В. А. Мазуркевича.

7) Функъ-Бретано: «Бастилія, ея архивъ и легенды»,—историческая мнографія.

8) Новый трудъ проф. И. И. Мечникова.

Въ журналѣ постоянные отдѣлы: обзоръ иностранной жизни, журналовъ, театра, лѣтопись, библіографія и смѣсь. Въ каждой книжкѣ не менѣе двухъ приложеній съ отдѣльной нумераціей страницъ. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками, около 15 листовъ въ каждой, съ илюстраціями.

Подписная цѣна съ доставкой и пересыкой на 1 годъ—**6** р., $1/2$ года—**3** р., 1 мѣс.—**50** коп.

Рзастрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и контора помѣщается въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 90.

Редакторъ-Издатель *С. Сухонинъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ.

ХУТОРЯНИНЪ

IX годъ изданія.

цѣна 2 руб. въ годъ, на полгода 1 руб.,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли,

органъ Полтавскаго общества сельскаго хозяйства.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйствен. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Сатьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ • экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяй-

ственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) Сел.-хоз. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ сел.-хоз. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и сельскохозяйств. обществъ. 3) Доставлять населенію современныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и сел.-хоз. обществъ въ области народнаго хозяйства. Главными условіями для достиженія этихъ задачъ поставлены: общедоступность изложенія и дешевизна изданія.

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ, при „*Хуторянинѣ*“ подписчикамъ даются безплатныя приложенія; такъ, за послѣдніе четыре года были приложены: 5 книгъ Чикаленко „Розмова про сельске хозяйство“, „Біографія Н. В. Гоголя“, „Хуторянинъ и его читатели“, 12 книжекъ „Экономическая и сельскохозяйств. дѣятельность Полтавскаго губ. земства“, различныя огородныя и полевыя сѣмена и друг.

Въ 1904 году всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы составленныя завѣдующимъ фито-патологической станціи при И. Боническомъ Садѣ въ С.-Петербургѣ, А. А. Ячевскимъ и изданныя Департаментомъ Земледѣлія *три раскрашенныя*

„Таблицы главнѣйшихъ паразитныхъ грибовъ и насѣкомыхъ плодовыхъ деревьевъ и огородныхъ растеній“,

заключающія изображеніе въ краскахъ разнообразныхъ вредителей растеній и указываніе на мѣры борьбы съ ними.

Подписавшимся до 1-го января 1904 г. годовымъ подписчикамъ, кромѣ того, будутъ разосланы сѣмена *кормовыхъ растеній, многолѣтнихъ травъ, огородныя и полевыя.*

„Хуторянинъ“ допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хозяйствен. учеб. завед. и М. З. и Г. И.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди вдвойнѣ.

Подписка принимается въ г. Полтавѣ—въ конторѣ редакціи „Хуторянина“, при Полтавскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства.

3—3

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

„КІЕВСКАЯ ГАЗЕТА"

(V-й годъ изданія).

Съ еженедѣльными иллюстрированными литературными приложеніями.

«Кіевская Газета» вступаетъ въ пятый годъ изданія. Мы не имѣемъ надобности распространяться предъ читателями о нашихъ задачахъ и цѣляхъ: мы полагаемъ, что въ теченіе 4-хъ лѣтъ характеръ и физіономія «Кіевской Газеты» выяснились въ достаточной степени. Поэтому мы ограничимся заявленіемъ, что принципы и убѣжденія, которыми мы руководствовались до сихъ поръ и которые, какъ мы видѣли, находили живой откликъ среди нашихъ читателей, будутъ и на дальнѣйшее время служить для насъ руководящей нитью. Упомянемъ еще разъ то, о чемъ намъ неоднократно уже случалось говорить: одинъ изъ основныхъ принциповъ «Кіевской Газеты»—не довольствоваться тѣмъ, что уже достигнуто, не останавливаться, но, чутко прислушиваясь къ запросамъ публики, идти навстрѣчу имъ, идти впередъ по пути постояннаго развитія и улучшенія дѣла, по тому пути, по которому наша газета шла до сихъ поръ. Только такимъ образомъ Редакція надѣется удовлетворить своихъ читателей. Съ этой цѣлью «Кіевская Газета» предприняла на первыхъ порахъ въ новомъ году слѣдующія главныя реформы.

Желая доставить читателямъ возможно скорыя и вѣрныя свѣдѣнія, Редакція постаралася заручиться собственными корреспондентами въ наиболѣе крупныхъ городахъ Западной Европы и Россіи. Пользуясь услугами послѣднихъ, Редакція имѣетъ возможность сообщать своимъ читателямъ посредствомъ корреспонденцій и телеграммъ всѣ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ: законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и проч.

Сообщенія изъ столицъ доставляются намъ теперь спеціальными столичными корреспондентами и потому приходятъ 1-2 днями скорѣе, чѣмъ въ прежнее время. Сообщенія эти печатаются въ «Кіевской Газетѣ» ежедневно подъ рубрикой «Столичныя вѣсти».

Въ виду крайней неполноты и несвоевременности сообщеній «Россійск. Телеграфн. Агенства», Редакція вошла въ сношеніе съ ново-организованнымъ при министерствѣ финансовъ «Торгово-Телеграфнымъ Агенствомъ», телеграммы котораго отнынѣ регулярно будутъ помѣщаться въ «Кіевской Газетѣ» и, такимъ образомъ, читатели своевременно будутъ оповѣщены о всѣхъ выдающихся событіяхъ какъ внутренней жизни Россіи, такъ и заграничной. Кромѣ того, въ «Кіевской Газетѣ» будутъ ежедневно печататься котировки С.-Петербургской биржи по телеграфнымъ сообщеніямъ Торгово-Телеграфнаго Агенства.

Выписанная нами ротаціонная машина, печатая до 12 тыс. экземпляровъ въ часъ, даетъ возможность намъ своевременно выпу-

скать газету и помѣщать въ ней тѣ новости и телеграммы, которыя получаются даже поздней ночью.

Имѣя въ виду дать читателямъ беллетристическій матерьялъ для чтенія, Редакція рѣшила выпускать особыя литературныя приложенія къ «Кіевской Газетѣ», въ которыхъ будутъ помѣщаться стихотворенія, очерки, разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные, а также очерки русской и заграничной жизни. Кромѣ того, въ приложеніяхъ будутъ помѣщаться рисунки, касающіеся современнымъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей. Приложенія будутъ выпускаться еженедѣльно, съ особымъ счетомъ страницъ. Изъ нихъ составится за годъ полный экземпляръ иллюстрацій въ 52 тетради.

Такимъ образомъ въ 1904 году каждый подписчикъ «Кіевской Газеты» получитъ: 1) Ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ. 2) 52 №№ Еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ литературно-художественныхъ приложеній.

Стремясь постоянно расширять кругъ своихъ сотрудниковъ, редакція пригласила къ участію въ газетѣ новыхъ лицъ. Въ 1904 г. въ «Кіевской Газетѣ» будутъ принимать постоянное участіе слѣдующіе извѣстные столичные литераторы и журналисты: А. В. Амф—тровъ (И. Л. Иксъ), К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, П. И. Вейнбергъ, М. В. Крестовская, В. С. Лихачевъ, Lolo (Л. Г. Мунштейнъ), М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой (Тихоновъ), Ѳ. Ѳ. Тризонеръ (Мечтатель), Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Въ 1904 году всѣ подписчики «Кіевской Газеты» будутъ попрежнему пользоваться правомъ получать въ театрѣ «Соловцовъ» на спектакли драматической труппы М. М. Глѣбовой билеты по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ,—разъ въ недѣлю, въ дни, указанные дирекціей театра.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой: на годъ 9 р., на 9 мѣс. 7 р. 10 к., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 70 к., на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки: на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р. 20 к., на 6 мѣс. 4 р. 40 к., на 3 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 90 коп.

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р и къ 1-му іюля 3 р. Подписка на 1904 годъ и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ. Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ по 60 коп. За перемѣну адреса 40 коп., причемъ необходимо сообщать заблаговременно прежній и новый адресы. О каждой перемѣнѣ адреса просятъ сообщать отдѣльно. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Кіевъ, Владимірская ул., № 34. Телефонъ № 1276.

Издатели: *С. Я. Богдановъ, А. Ф. Френкель.* Редакторъ *А. Ф. Френкель.*

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

КНИГА 1-я.—ЯНВАРЬ, 1904.

I.—Блаженный Августинъ въ борьбѣ съ язычниками.—I.—**В. И. Герье.**—*II.—Братья.*—Повѣсть.—I-VI.—**П. Д. Боборыкина.**—III.—*П. А. Чеховъ* и его разсказы,—Этюдъ.—**Евг. Ляцкаго.**—IV.—*Серьги.*—Парижскій разсказъ.—Les boucles d'Oreilles conte parisien.—Изъ Франсуа Коппе.—Перев. **Н. В. Хвостова.**—V.—*Изъ Америки въ Японію.*—I. На Сандвичевы острова.—II. День въ Гонолулу.—III. Въ Японію.—Нагасаки.—**Ѳ. И. Кноринга.** *VI.—Въ избранномъ обществѣ.*—Повѣсть.—I.—**Е. Авиловой.**—VII.—*Наши экономическія задачи и крестьянскій вопросъ.*—**Л. З. Слонимскаго.**—VIII.—*«Союзъ душъ».*—«Souls». A Comedy of intentions, dy „Rita".—I-IX.—*Съ англ.* **З. В.**—IX—*Амалія Ризничъ* въ поэзіи А. С. Пушкина.—**П. Щоголева.**—X.—*Стихотворенія.*—I. Пѣсни въ камышахъ, изъ Ленау.—II. Зимней ночью.—III. Изъ Лиліенкрона.—**О. Михайловой.**—XI.—*Хроника.*—Задачи городского благоустройства въ Западной Европѣ.—**В. Тотоміанца.**—XII.—*Землевладѣніе въ Россіи и его судьбы.*—**Е. Р.**—XIII.—*Внутреннее Обозрѣніе.*—Начало новаго періода преобразованій.—Отношеніе ихъ къ общественному настроенію.—Типичныя черты двухъ главныхъ законопроектовъ.—Составъ губернскихъ совѣщаній.—Способы опроса крестьянъ.—Гласные отъ сельскихъ обществъ и земскіе начальники.—Земскій избирательный цензъ.—Земскія ходатайства.—Датскій законопроектъ, возбуждающій ликованіе реакціонной прессы.—Двѣ правительственныя мѣры.—XIV.—*Сельская полицейская стража.*—Письмо въ Редакцію.—**Л. Дашкевича.**—XV.—*Иностранное Обозрѣніе.*—Политическія событія истекшаго года.—Роль Японіи, какъ великой державы.—Восточно-азіатскій кризисъ.—Македонскій вопросъ и балканскія государства.—Политическія дѣла Автро-Венгріи, Германіи, Франціи и Англіи.—XVI.—*Литературное Обозрѣніе.*—I. Великій князь Николай Михайловичъ, графъ П. А. Строгановъ, т. III.—**А. П.**—II. К. Бальмонтъ. «Будемъ, какъ солнце».—III. Г. Хохловъ, Путешествіе уральскихъ козаковъ въ «Бѣловодское царство».—IV. К. I. Храневичъ, Очерки новѣйшей польской литера-

туры.—V. Языковъ, Д. Д., Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, вып. 1.—**Евг. Л.**—Новыя книги и брошюры.—XVII.—*Замѣтка.*—Индивидуализмъ и творчество.—«Когда мы, мертвые, пробуждаемся», др. Г. Ибсена.—**О. П.**—XVIII.—*Новости иностранной литературы.*—I. Maeterlinck, Joyzelle, pièce en actes.—II. Henri de Regnier' Les Vacances d'un jeune h mme sage.—**З. В.**—XIX.—*Изъ общественной хроники.*—Предстоящее открытіе новой с.-петербургской городской думы.—Вѣроятный исходъ выборовъ на городскія должности.—Настоящая и будущая группировка гласныхъ.—Дѣленіе избирателей на разряды и на участки.—Тверское губернское земство въ его отношеніяхъ къ уѣздному.—На чьей сторонѣ справедливость и забота о народномъ благѣ?—В. Н. Герардъ и А. В. Евреиновъ †.—XX.—*Библіографическій листокъ.*—Градовскій А. Д., Собраніе сочиненій, т. IX, ч. III: Органы мѣстнаго управленія.—Большой Всемірный настольный Атласъ Маркса, п. р. Э. Петри, вып. 1-й.—Пругавинъ, А. С., Религіозные отщепенцы.—Всемірные свѣточи. Шекспиръ и его время, состав. М. Гранстремъ.—Шередамъ, А., Европа и австрійскій вопросъ.—XXI.—*Объявленія.*—Каталогъ книжнаго склада типографіи М. М. Стасюлевича на 1902—1904 гг.—№ 1. Изданія, помѣщенныя въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича.—№ 1. Подвижной каталогъ книжн. склада той же типографіи въ январѣ 1904 года.

ПОДПИСКА НА 1904-й ГОДЪ.

(Тридцать-девятый годъ).

Контора журнала: С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., 28.

Безъ доставки: на годъ: 15 р. 50 к., на полгода: 7 р. 75 к., на четверть года: 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб. на годъ: 16 р., на полгда: 8 р., на четверть года: 4 р. Съ пересылкою на годъ: 17 р., на полгода: 9 р. 8 р., на четверть года: 5, 4, 4, 4 р. За границей на годъ: 19 р., на полгода: 10 р., на четверть года: 9 р., 5, 5, 4, 4 р.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. М. Стасюлевичъ*. Спб., Галерная, 20.

скихъ народовъ; сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библіографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія объ славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 4 рубля въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала «Slovanský Přehled» въ Прагѣ чешской (адресъ: Nakladatelství F. Šimáček, Praha, Jerusalemská ul. 11).

Издатель *Ф. Шимачекъ*. Редакторъ *А. Черны*.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 5 марта 1904 года.

Генеральный судья Иванъ Чарнышъ и его родъ.

Родословіе Чарнышей.

I колѣно.

№№ по порядку. | №№ отцовъ.

1. *Өедоръ* (?).

Ж. Татьяна (?).

II колѣно.

2. *Иванъ (Өедоровичъ?)*, 1698—войсков. канцеляристъ; 1700-1703—господарь Гадяцкаго замка; 1709-1715—полковникъ гадяцкій; съ 1715—генеральный судья, † 30-го декабря 1728 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Ж. 1) Елена Степановна *Гречаная*, дочь генеральнаго писаря.

2) Евдокія Константиновна *Голубъ*, † 31-мая 1743 г., дочь генеральнаго бунчучнаго и Настасьи Марковны, бывшей во второмъ бракѣ за гетманомъ Иваномъ *Скоропадскимъ*. — 1

3. *Тихонъ (Өедоровичъ?)*, житель батуринскій, † до 1716 г.

Ж. Марина Романовна, родомъ изъ Батурина, † 1717; во 2-мъ бракѣ была за сотникомъ Ковалювскимъ (1715—1717) Аөанасіемъ Николаевичемъ *Кицешемъ* . . . . . — 1

III колѣно.

4. *Иванъ Ивановичъ*, отъ 1-го брака, бунчуковый товарищъ (1735), † 1756. . . . . — 2

Ж. 1) Татьяна Осиповна *Костенецкая*, дочь сотника конотопскаго.

2) Зиновія Якимовна (упом. 1755) 2

5. *Петръ Ивановичъ*, отъ 1-го брака, † 173. бездѣтнымъ.

Ж. Ульяна Степановна *Бутовичъ*, вдова гадяцк. полк. Мих. *Милорадовича* 2

6. *Иванъ Ивановичъ*, отъ 2-го брака, † холостымъ въ 1741 г. 2

7. *Семенъ Ивановичъ*, отъ 2-го брака, канцеляристъ 1737—39; † холостымъ въ 1742 г. 2

8. *Яковъ Ивановичъ*, отъ 2-го брака, канцеляристъ, † 28-го декаб. 1745 г.

Ж. Мароа Степановна *Ширай*, † 1764; съ 1747 г. во 2-мъ бракѣ за генер. подскарбіемъ Михаиломъ Вас. *Скоропадскимъ*, † 1758 2

— *Анастасія Ивановна*, † 1742. За *Забѣлой* . . . 2

— *Анна Ивановна*, † 1745. За бунч. тов. Андреемъ Ив. *Войцеховичемъ*. 2

— *Елена Ивановна*, † дѣвицей въ 1745 г. . . . 2

9. *Өедоръ Тихоновичъ*, упом. 1717. 3

— *Агафья Тихоновна*, упом. 1717. За Романомъ NN (1717) 3

IV колѣно.

10. *Иванъ Ивановичъ*, 1754—канцеляристъ, † до 1769.

Ж. Настасья Романовна, во 2-мъ бракѣ за Өедор. Петров. *Войной* 4

11. *Данило Ивановичъ*, упом. 1754, † до 1769.

Ж. Пелагея, вдова 1784. 4

12. *Александръ Ивановичъ*, малолѣтній въ 1754 г., † до 1769 4

— *Анна Яковлевна*, род. 1746; † около 1769 г. Съ 1765 г. за д. с. с. Григоріемъ Григорьевичемъ *Фридрикевичемъ* 8

V колѣно.

13. *Василій Ивановичъ*, род. 1759; маршалъ Полтав. губерніи.

Ж. Анна Петровна *Бѣлуха*, дочь полтавск. полков. писаря. 10

VI колѣно.

14. *Петръ Васильевичъ*, р. 1771; 1798—капитанъ Сѣверскаго драгунскаго полка 13
15. *Дмитрій Васильевичъ*, р. 1795 13
— *Ульяна Васильевна*, р. 1795 13
— *Анастасія Васильевна*, р. 1787 13
— *Анна Васильевна*, р. 1788 13
— *Анастасія Васильевна* 2-ая, р. 1790 13
— *Екатерина Васильевна*, р. 1797 13

Происхожденіе Чарнышей, выдвинувшихся въ старшину благодаря личнымъ качествамъ извѣстнаго генеральнаго судьи Ивана Чарныша, намъ неизвѣстно. Въ синодикѣ Любецкаго монастыря записанъ «родъ пана Іоанна Чарниша, бувшого судѣ енералного», въ которомъ сказано: «помяни Господи рабовъ своихъ: Феодора, Татіану, Тихонія, Параскевію, іерея Петра, Марію, Елену, Максима, младенцевъ: Петра, Іоана, Іакова, Іоана, Григорія» [1]). Можно предполагать, что упоминаемые здѣсь на первомъ мѣстѣ Федоръ и Татьяна были—отецъ и мать генеральнаго судьи; далѣе слѣдуетъ братъ послѣдняго—Тихонъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже; Параскевія—лицо намъ неизвѣстное, Елена—по всей вѣроятности, первая жена генеральнаго судьи. Остальныя упоминаемыя синодикомъ лица намъ раскрыть не удалось. Изъ лицъ, носившихъ прозвище Чарниша или Чорниша, намъ извѣстенъ лишь Иванъ Чорнишъ, житель конотопскій, упоминаемый въ одномъ актѣ 1681 года [2]), но врядъ-ли это одно лицо съ будущимъ генеральнымъ судьею. Родиной послѣдняго былъ, по всей вѣроятности, Гадячскій полкъ, гдѣ онъ впослѣдствіи жилъ и обзаводился хозяйствомъ. Здѣсь же, повидимому, Чарнышъ и

---

[1]) Синодикъ Любецкаго монастыря, изд. Черниг. губ. арх. комм., Черниговъ. 1902, стр. 52.

[2]) Обозрѣніе Румянцевской описи, стр. 258.

высмотрѣлъ себѣ невѣсту. Это была Елена, дочь Степана Прокофьевича Гречанаго, служившаго въ 1663—65 годахъ генеральнымъ писаремъ у Брюховецкаго [1]); кромѣ того, невѣста Чарныша приходилась родной племяницей стольнику и полковнику харьковскому Ѳедору Донцу-Захаржевскому [2]). Когда и какимъ образомъ состоялось сватовство и затѣмъ женитьба Чарныша—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ этотъ бракъ для Чарныша былъ очень выгоденъ, ибо тесть его Степанъ Гречаный былъ человѣкъ вліятельный и зажиточный. Универсаломъ гетмана Мазепы 27 августа 1688 года дано было п. Стефану Гречаному, «значному и заслуженому въ Войску Запорожскомъ товаришевѣ: село Римаровка въ уѣздѣ гадяцкомъ знайдуючоеся, да подъ тимъ селомъ, на греблѣ, на рецѣ Грунѣ, млинъ стоячой, два кола, да село Борки зо всѣми до нихъ належитими приналежностями, грунтами поліовими, сѣножатми и всякими угодіи» [3]), а въ слѣдующемъ году гетманъ выхлопоталъ на эти имѣнія и царскую грамоту. Хотя у Гречанаго были сыновья, но тѣмъ не менѣе Чарнышъ могъ разсчитывать получить отъ тестя что-либо за женою и этотъ бракъ поставилъ сразу же на твердое основаніе его благосостояніе. Что касается до того, какое положеніе занималъ Чарнышъ въ это время, то на этотъ вопросъ отвѣтить трудно: свѣдѣній, касающихся первыхъ годовъ выступленія его на арену жизни, очень мало. Въ царской грамотѣ 1718 года, подтверждающей его имѣнія, между прочимъ имѣется указаніе на то, что дѣдъ и отецъ Чарныша участвовали въ чигиринской баталіи, а онъ самъ отъ малыхъ лѣтъ служилъ и былъ при взятіи Казикермена и Тавани (1695), «такожъ по царскому указу посыланъ былъ къ солтану турецкому въ Царигородъ и оттуду привезъ постановленіе тогда мирніе договори». Затѣмъ извѣстно, что въ 1698 году онъ былъ войсковымъ канцеляристомъ [4]), что позволяетъ думать, что онъ не лишенъ былъ

---

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. III. изд. 1842 г., с. 207.

[2]) Любецкій Архивъ гр. Милорадовича, стр. 9.

[3]) Н. П. Василенко, Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка, стр. 15—17.

[4]) Каталогъ музея В. В. Тарновскаго, стр. 247.

образованія, или, по крайней мѣрѣ, обладалъ хорошимъ почеркомъ и умѣньемъ составлять бумаги. Служа въ гетманской канцеляріи, Чарнышъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе Мазепы и настолько серьезное, что тотъ въ 1701 году посылалъ его «въ обозъ царскаго величества къ великому государю, подъ Рукголдъ» [1]). Несомнѣнно, что такое порученіе могло быть дано только лицу, чѣмъ-либо особеннымъ обратившему на себя вниманіе гетмана и сумѣвшему заслужить довѣріе его. Гетманъ настолько цѣнилъ Чарныша, что въ 1700 году назначилъ его даже «господаремъ гадяцкого замку», т. е. управителемъ имѣній, принадлежавшихъ гетману. На эту должность обыкновенно назначались люди ловкіе и расторопные, которые, лично служа гетману, пробирались затѣмъ и въ старшину [2]). Занимая должность управителя гетманскихъ имѣній, Чарнышъ имѣлъ возможность развернуть всѣ свои способности, чѣмъ онъ и пользовался, стараясь угождать какъ своему патрону, такъ и вообще людямъ богатымъ и вліятельнымъ. Господаремъ у Мазепы Чарнышъ пробылъ до 1703 года, и за это время сохранились его два письма къ Ивану Забѣлѣ; въ одномъ изъ нихъ (1701 г.) онъ, между прочимъ, увѣдомляетъ его о томъ, что присланное Забѣлой въ подарокъ гетману мартовское пиво принято «до пивницѣ велможного добродѣя» и что съ этого «обзсланья вдачень есть велце ясневелможній добродѣй панъ гетманъ и рейментарскою ласкою и респектомъ пріобѣцуетъ вм. мосцѣ пану нагорожати» [3]). Служа у гетмана, Чарнышъ успѣлъ заслужить его довѣріе, но, видимо, господарство ему было не совсѣмъ по душѣ, и онъ жаждалъ быстраго возвышенія, чего ему не могла дать служба у гетмана, имѣвшаго уже въ это время замыслы о политическомъ переворотѣ. Поэтому

---

[1]) Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. I, стр. 313.

[2]) Напримѣръ, Михаилъ Турковскій, бывшій впослѣдствіи генеральнымъ писаремъ. Степанъ Трощинскій, будущій гадяцкій полковникъ и другіе.

[3]) Кіевская Старина 1883 г., т. VI, стр. 530, 533. Подлинники писемъ Чарныша хранятся въ музеѣ В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ (Каталогъ его, стр. 247).

Чарнышъ оставилъ господарство и принялъ участіе въ войнѣ со шведами. Въ 1705 году онъ уже былъ какимъ-то козацкимъ начальникомъ [1]) и назывался даже полковникомъ. Вмѣстѣ съ гетманскимъ племянникомъ Войнаровскимъ Чарнышъ одно время находился въ Гроднѣ, а Мазепа въ Дубно, причемъ Чарнышъ прислалъ гетману письмо и копію съ указа, по которому будто-бы два козацкіе полка, Кіевскій и Прилуцкій, посылались въ Пруссію для изученія ратнаго дѣла и для перестроенія ихъ впослѣдствіи по образцу драгунскихъ полковъ [2]). Въ слѣдующемъ году Чарнышъ участвовалъ въ калишскомъ сраженіи, затѣмъ рѣшилъ, по всей вѣроятности, что послужилъ довольно и потому сразу же заявилъ притязанія на стародубское полковничество, урядъ котораго остался вакантнымъ послѣ смерти Михайла Миклашевскаго, убитаго въ 1706 году подъ Несвижемъ [3]).

Хотя Чарнышъ лично былъ извѣстенъ царю, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ въ это время опять лишь войсковымъ канцеляристомъ и потому его притязанія на полковничій перначъ были нѣсколько преждевременными. Но Чарнышъ былъ вообще неразборчивъ въ средствахъ и плохо разбирался въ окружающей его обстановкѣ. Надѣясь на поддержку гетмана, онъ поѣхалъ хлопотать о полковничествѣ въ Москву, гдѣ тогда находился царь, и отъ имени гетмана сталъ просить о назначеніи своемъ въ Стародубъ. Благодаря лично пріобрѣтеннымъ связямъ и умѣнію угождать лицамъ, власть имущимъ, Чарнышъ заручился обѣщаніями объ удовлетвореніи своего ходатайства и съ тѣмъ собирался вернуться на родину. Но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ гетманъ разбилъ его

---

[1]) Письма и бумаги императора Петра Великаго, т. III, С.-Пб. 1893; стр. 928, письмо Корчмина отъ 27. VIII. 1705 г. къ Петру въ Митаву: «И я лутче козаковъ радъ ихъ лошадямъ; посланной отъ вашей милости началникъ козацкой господинъ Чернышъ пріѣхалъ до меня вечоръ средь лѣсу».

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. III, стр. 1489.

[3]) Черниговская лѣтопись по новому списку, стр. 23.

надежды, представивъ царю своего кандидата—генеральнаго есаула Ивана Скоропадскаго. Дѣло въ томъ, что Мазепѣ, задумавшему планъ измѣны, нужно было имѣть въ лицѣ Стародубскаго полковника, коему подчинялся одинъ изъ самыхъ большихъ полковъ, человѣка себѣ угоднаго, или въ достаточной степени безличнаго; не найдя человѣка первыхъ качествъ, Мазепа выбралъ Скоропадскаго, человѣка, какъ извѣстно, мало энергичнаго, слабаго характеромъ. Гетманскій кандидатъ получилъ утвержденіе, а Чарнышу, такимъ образомъ, пришлось возвратиться на родину ни съ чѣмъ. Раздраженный противъ гетмана, онъ по возвращеніи изъ Москвы сталъ распускать слухи о томъ, что полковничество ему пожаловано помимо воли гетмана, причемъ, вѣроятно, не упустилъ случая не совсѣмъ хорошо отозваться и о самомъ гетманѣ. На это обстоятельство намекаютъ письма Мазепы къ графу Головкину и Шафирову о томъ. что Чарнышъ будто бы «всѣвалъ многіе плевелы о имени монаршемъ и иные многіе непристоинства къ возмущенію народа малороссійскаго». Поѣхавъ, затѣмъ, въ Москву, гетманъ добился у царя разрѣшенія судить Чарныша «по воинскимъ правамъ»; но, вѣроятно, бывшій канцеляристъ успѣлъ вымолить у гетмана прощеніе при помощи какого-либо подарка, и онъ, кажется, не былъ и вовсе преданъ суду. Съ этихъ поръ Чарнышъ пересталъ быть войсковымъ канцеляристомъ, окончательно, повидимому, разойдясь съ гетманомъ.

Скоро послѣ того онъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Кочубея и Искры и едва не поплатился головой. Въ грамотѣ отъ 20-го апрѣля 1708 года царь Петръ писалъ гетману слѣдующее: «И понеже по тому розыску явились въ томъ же воровствѣ приличные полковникъ миргородскій Апостоленокъ и бывшій канцеляристъ Чарнышъ, того ради повелѣваемъ, дабы ты, вѣрной подданной нашъ, оныхъ немедлено взявъ за крѣпкой караулъ, а по разсмотрѣнію своему и сковавъ, у себя держалъ, гдѣ пристойно, или послалъ въ Кіевъ къ воеводѣ князю Голицыну, пока привезены будутъ отсюда выше помянутые воры Кочубей и Искра» [1]).

---

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, изд. 1842 г., т. IV, с. 183.

На основаніи этого указа Чарнышъ былъ схваченъ, закованъ въ кандалы и посаженъ въ тюрьму въ Бѣлой Церкви, гдѣ тогда находился и самъ гетманъ. На допросахъ Чарнышъ признавалъ себя совершенно непричастнымъ къ дѣлу Кочубея, утверждая, что Головкинъ и Шафировъ изъ личной немилости къ нему посылаютъ указы ему на погибель. Гетманъ, конечно, не преминулъ о словахъ бывшаго канцеляриста довести до свѣдѣнія всесильнаго въ то время Головкина и Шафирова. Надо думать, что Чарнышъ дѣйствительно не былъ причастенъ къ доносу на гетмана. Въ розыскѣ о немъ указано было только на слѣдующее. На допросѣ 19-го апрѣля Искра показалъ, что онъ не знаетъ достовѣрно, кто изъ старшинѣ по преклонности къ Мазепѣ не доноситъ о его измѣнѣ и прибавилъ: «а ежели-бъ былъ Чарнышъ, то-бъ онъ пространнѣе о томъ донесть могъ, ибо о томъ онъ съ нимъ (Искрой) часто говорилъ, и естли-бъ онъ вѣдалъ о ихъ поѣздѣ, то-бъ и онъ былъ съ ними». Петръ Яценко, въ допросѣ 21-го апрѣля, показалъ, что въ концѣ 1707 года Чарнышъ посылалъ къ полтавскому протопопу своего человѣка съ письмомъ, къ которому была приложена и особая «цидула», а въ ней стояло, что «великаго государя указу было великое поруганіе, плеваніе и смѣяніе, а сказывалъ протопопъ, что Чарнышъ сіе письмо писалъ о гетманѣ». Въ этихъ двухъ «пунктахъ» и заключалась вся прикосновенность Чарныша къ дѣлу Кочубея и Искры. Трудно предполагать, чтобы Чарнышъ выказалъ себя активнымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ, зная его всю послѣдующую дѣятельность, основнымъ мотивомъ которой была ненасытная алчность. Тѣмъ не менѣе надо удивляться, какимъ образомъ онъ выпутался изъ этого опаснаго дѣла. Съ гетманомъ въ это время онъ находился въ полномъ разрывѣ, графъ Головкинъ и Шафировъ были раздражены противъ него за его нареканія, будучи извѣщаемы о томъ самимъ гетманомъ,—а все-таки Чарнышъ ничѣмъ, кромѣ тюрьмы, не поплатился за участіе въ доносѣ, тогда какъ другіе участники, даже слуги и писаря доносчиковъ, потерпѣли строгую кару... Самъ Чарнышъ видѣлъ свое «спасеніе отъ бѣдъ» въ заступничествѣ и помощи Божіей Матери. Разсказывая о томъ, что

онъ чувствовалъ, сидя въ оковахъ въ Бѣлоцерковской тюрьмѣ и видя казнь Кочубея и Искры, не надѣясь на иную помощь, какъ только свыше, онъ сообщаетъ о томъ, какъ женѣ его, томимой страшнымъ безпокойствомъ объ участи мужа, явилась «въ тонкомъ снѣ» сама Богородица и сказала ей, что мужъ ея будетъ освобожденъ. И дѣйствительно, Чарнышъ былъ освобожденъ въ тотъ самый день, когда его женѣ было чудесное видѣніе, т. е. 18-го іюля, на третій день послѣ казни Кочубея и Искры [1]). Кто былъ его дѣйствительнымъ освободителемъ—мы не знаемъ. Быть можетъ самъ Мазепа, знавшій хорошо ловкость и пронырливость Чарныша, освободилъ его изъ тюрьмы, надѣясь милостью этой привлечь его на свою сторону.

Выпутавшись такъ счастливо изъ бѣды, Чарнышъ, именовавшійся знатнымъ войсковымъ товарищемъ, снова попытался добиться уряда стародубскаго полковничества, ставшаго вакантнымъ послѣ избранія гетманомъ Скоропадскаго, но не встрѣтилъ поддержки у гетмана. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Скоропадскому Головкинъ 15-го января 1709 года пишетъ: «Что-же изволилъ ваша вельможность писать въ цыдулѣ своей о Чарнышѣ, дабы ему не быть въ полковникахъ стародубовскихъ, понеже полчане того требуютъ, а быть-бы сотнику новгородскому (Лукьяну Жоравкѣ), и его царское величество повелѣлъ быть въ Стародубѣ полковнику по прежнему указу сотнику новгородскому, а отъ Чарныша о томъ и прошенія намъ не было» [2]). Такимъ образомъ и во второй разъ Чарнышъ не успѣлъ въ своемъ исканіи Стародубскаго полковничества. Въ полку, гдѣ онъ хотѣлъ быть полковникомъ, онъ былъ совершенно чужимъ человѣкомъ, а изъ сильныхъ людей ему не на кого было опереться, тогда какъ его конкуррентъ Жоравка, по преданію, оказалъ услугу царю въ Мазепину измѣну, сдавъ ему Новгородсѣверскъ, укрѣпленный Мазепою [3]).

---

[1]) Кіевская Старина, 1893 г., т. 59.

[2]) Матеріалы Судьенка, II, 105.

[3]) А. Лазаревскій, Описаніе Ст. Малороссіи, т. I, 38.

Сохранилось преданіе[1]), что съ извѣстіемъ объ избраніи новаго гетмана, Чарнышъ былъ посланъ къ крымскому хану и запорожцамъ по назначенію самаго царя. Возвращаясь изъ Крыма, Чарнышъ заѣхалъ къ державшимъ сторону шведовъ запорожцамъ въ Сѣчь, гдѣ атаманъ Гордѣенко арестовалъ его и выдалъ шведамъ, а послѣдніе размѣняли его на своихъ плѣнныхъ при сдачѣ шведскаго войска подъ начальствомъ Левенгаупта князю Меньшикову подъ мѣстечкомъ Переволочной. Изъ этого преданія можно вѣрить только тому, что Чарнышъ дѣйствительно посылался кѣмъ-то въ Крымъ, но зачѣмъ, неизизвѣстно[2]). Взамѣнъ стародубскаго полковничества гетманъ далъ Чарнышу по универсалу 2-го марта 1709 года въ батуринской сотнѣ село Митченки: «Ознаймуемъ, ижъ п. Иванъ Чарнишъ, знатній войсковій товаришъ, понесши подъ часъ руины батуринской въ добрахъ и хуторахъ своихъ, около Батурина будучихъ, разореніе, просилъ насъ для подпоможеня своихъ шкодъ и убытковъ о надане села Митченокъ; мы теди, тому его прошенію давши у себе мѣстце, тое село Митченки ему, п. Чарнышеви, въ подданское владѣніе надаемъ» — [3]). Трудно предположить, чтобы понесенные Чарнышемъ убытки были такъ велики, чтобы у него было право на вознагражденіе за нихъ въ видѣ цѣлаго села подъ самымъ Батуриномъ. Въ это время Чарнышъ былъ вдовцомъ и по всей вѣроятности уже предназначался въ мужья гетманской падчерицѣ Евдокіи Константиновнѣ Голубъ, дочери генеральнаго бунчучнаго, отъ брака его съ извѣстной Настасьей Марковной, вышедшей вторично замужъ за Скоропадскаго, и гетманъ поэтому награждалъ своего будущаго зятя.

Не успѣвъ въ своихъ хлопотахъ о стародубскомъ полковничествѣ, Чарнышъ на «Полтавской баталіи» былъ уже гадяцкимъ полковникомъ. На этотъ разъ Скоропадскій, по всей вѣроятности, напомнилъ уже самъ царю о Чарнышѣ, и послѣдній назна-

---

[1]) Кіевская Старина 1884 г., т. 9, стр. 342—3.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 32.

[3]) Лазаревскій, Описан. Стар. Малороссіи, т. II, стр. 277—78.

ченъ былъ на мѣсто Степана Трощинскаго, смѣщеннаго съ уряда за близость къ Мазепиному дѣлу. Сразу же по прибытіи въ Гадячъ Чарнышъ далъ почувствовать полчанамъ, какого полковника они себѣ получили. Въ іюлѣ 1709 года данъ былъ «рѣшительный» указъ гетману изъ посольской походной канцеляріи въ отвѣтъ на присланные отъ гетмана пункты, что «по докучному челобитью» жителей мѣстечка Котельвы, которое раньше принадлежало къ Гадячскому полку, опредѣлено то мѣстечко «для близости и удобства въ вѣдѣніе къ Ахтырскому полкꙋ», а въ февралѣ 1710 года графъ Головкинъ писалъ Скоропадскому: «Нынѣ били челомъ здѣсь его царскому величеству помянутого мѣстечка Котельвы жители, что гадячскій полковникъ Иванъ Чарнышъ въ то мѣстечко видѣніемъ вступается и пишетъ къ нимъ и нарочныхъ посылаетъ съ великими угрозами и прещеніемъ, чтобъ были ему во всемъ послушны, и прислалъ къ нимъ отъ себя сотника бывшаго котельвскаго Ивана Долгополова невѣдомо для чего; того ради я вашей вельможности симъ напоминаю, дабы вы изволили къ помянутому гадячскому полковнику послать универсалъ свой, чтобъ онъ и никто иной въ то мѣстечко Котельву не вступались и нимало къ оному видѣніемъ не интересовалися» [1]). Такъ неудачно окончилась попытка Чарныша присоединить къ своимъ владѣніямъ лишнюю сотню.

Получивъ въ свои руки полковничій пернačъ, Чарнышъ уже могъ оффиціально посвататься къ гетманской падчерицѣ Евдокіи Голубовнѣ. Когда состоялась свадьба его, въ точности неизвѣстно, но въ ноябрѣ 1710 года имъ былъ выданъ «записъ» своей будущей женѣ, въ которомъ онъ писалъ:--«поймуючи я въ доживотное сожителство еи мосць благородную панну Евдокію

---

[1]) Матеріалы Судьенка, II, 145—6. Гадяцкій полкъ, какъ извѣстно, почти цѣликомъ (кромѣ двухъ сотенъ—камышанской и рашевской) принадлежалъ на булаву гетманскую и такимъ образомъ Чарнышу нелишнимъ казалось забрать подъ свою власть третью сотню, ибо всѣ остальныя находились въ вѣдѣніи господаря гадяцкаго замка.

Константиновну Голубовну зъ дому висоцеповажного рейментарского ясневелможности его милости пана Іоана Скоропадского, гетмана, ясневелможной еи мосцѣ панеи Анастасіи Марковни, гетмановой, родителского, вручаю въ вѣчную опеку двохъ синовъ моихъ, съ первобрачною блаженной памяти панею малжонкою моею Еленою Гречановною, спложенныхъ, Ивана и Петра, власне единоутробной матери еи мосцѣ панеи Евдокіи Голубовнѣ». Далѣе Чарнышъ записалъ своей второй женѣ половину всѣхъ своихъ «добръ, власнимъ коштомъ зъ праци и заслугъ набутихъ, то есть: дворѣ, въ злотѣ, въ среблѣ, въ клейнотахъ, въ перлахъ, въ сукнахъ, въ млинахъ, ставахъ, пасѣкахъ, лѣсахъ, степахъ, хуторахъ, бидлѣ и протчіихъ угодіяхъ господарскихъ», причемъ другая половина должна была достаться его двумъ сыновьямъ отъ перваго брака. «Если жъ вседаровитій Господь», говорилось въ концѣ записа, «подасть сполное имѣти потомство, теди при особѣ еи мосцѣ панеи Евдокіи заховавши половину, зъ половини Ивана и Петра, синовъ моихъ, ровная половина новимъ отъ Бога дарованнимъ потомкамъ нашимъ всѣхъ добръ конечне половина бити». Конечно, Анастасія Марковна, выдавая свою дочь замужъ, сумѣла вытребовать отъ Чарныша и это обязательство, по которому онъ завѣщалъ своей женѣ половину не только бывшихъ въ то время его «добръ», но и тѣхъ, которыя «подай Господи Боже въ долголѣтномъ пожитіи набути»—[1]). За женою же своей Чарнышъ получилъ большую скуплю Голубовъ подъ селомъ Подоловымъ, кролевецкой сотни, Нѣжинскаго полка [2]).

Надо думать, что Чарнышъ съ полученіемъ полковничества ощущалъ особенное удовольствіе бытія и считалъ, войдя въ близкія родственныя отношенія съ гетманомъ, свое благополучіе навѣки устроеннымъ. По крайней мѣрѣ, въ 1710 году онъ приказалъ сдѣлать серебряную ризу на той иконѣ, которая спасла его отъ бѣдъ и отъ кары за участіе въ Кочубеевскомъ дѣлѣ и пе-

---

[1]) Любецкій архивъ, стр. 1—2.

[2]) А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., II, 386.

редъ которой молилась первая его жена, и вырѣзать на ней вирши, въ которыхъ выставлялъ себя какъ жертву гоненія измѣнника гетмана [1]):

Полковництвомъ Гадяча от Бога почтеній,
Іоанъ Чарнішъ, азъ бѣхъ егда обложеній
Желѣзы в Бѣлой-Церквѣ от лютейша звѣрных
Мазепи, полковництва раді от безмѣрных
Сылъ царя наданого Стародуба града,
За вѣрну мою службу,—се ми бысть отрада
Едина Дѣва Мати, къ Ней же взирахъ вину,
Дабы-мъ обрѣлъ свободы радостну годину.
Но не презри слезнаго, о Царыца славы,
Риданія: въ то время, в онь же ма избавы,
Явися во снѣ тонкомъ моей супружницѣ,
Свѣтлѣйшіми от солнца украшенна вѣнцы,
Глаголющи: «Не бойся! От сѣты ловляща,
Акы птенецъ, изиде из руки губяща:
Твой господинъ воскори, умолих бо Сына,
Яко избавлен (будетъ) от узъ; тому вина
Сей ест, Егоже зрішы на рукахъ, преславній
Судія, злим отмстітель, Богу отцу равній.
Внегда прейдетъ в радосты путы сіе тѣсны,
Воспоетъ Богу и Мнѣ побѣдные пѣсны».
Збавлень от бѣдъ, услішахъ сей глас торжественій,
Верху защищенія Дѣвы подложеній.
Сію исповѣдую чудотворну быти,
Юже со Сыномъ долженъ во вѣки хвалити.

Року Божого ҂а҃ѱі (1710), мца юля дня и҃і (18).

Однако, какъ ни было прочно положеніе Чарныша въ Гадячѣ, ему вскорѣ же пришлось столкнуться съ человѣкомъ, не менѣе его убѣжденнымъ въ безнаказанности своей. Это былъ из-

---

[1]) Кіевская Старина 1897 г., т. 59.

вѣстный протопопъ Лисовскій [1]), пожалованный, по его словамъ, на протопопство въ Гадячъ «за вѣрность» въ измѣну Мазепину. Само собой разумѣется, что такой соперникъ по вліянію и самовластію въ Гадячѣ Чарнышу былъ очень нежелателенъ, и между этими двумя лицами завязалась борьба, окончившаяся, благодаря вмѣшательству царя, благополучно для обоихъ. Характеръ Лисовскаго и его притязанія прекрасно обрисовываются въ жалобѣ гадячскихъ священниковъ, поданной гетману: «Присемъ же похваляется» (пишутъ они про Лисовскаго), «же не ради протопопства одного тутъ зосланъ, але ради всѣхъ управленій и постереганя и преслѣдованя змѣни, самъ и архіерей и гетманъ именуючися!» Чарнышъ, конечно, принялъ сторону священниковъ и съ своей стороны посылалъ гетману извѣты на протопопа, яркими красками изображая беззаконныя дѣянія Лисовскаго. Вотъ одинъ изъ нихъ: «Не разъ уже передъ симъ доносилъ я вашей ясневельможности и письменно, и словесно, по требованію всей гадяцкой громады, что богомолецъ нашъ не токмо по смертнихъ, певнихъ убійствахъ, самовольныхъ околѣченіяхъ людскихъ и безсовѣстныхъ окривавленіяхъ, при всечастнихъ погибельныхъ перехвалкахъ, неправилного своего не поправуетъ поступку, лечъ ясно, явно, безъ стида и страха божія, злодѣйствомъ бавячися, во горшое преуспѣваетъ: нѣкого нѣ за що вомѣняючи, одинъ бичъ надъ людьми невинними, аки во Израили Фараона себе поставляетъ!» Въ заключеніе этого письма, писаннаго въ 1712 году, Чарнышъ проситъ гетмана ходатайствовать у кого слѣдуетъ, «дабы освободившися мы такого бодрого до коней и воловъ чужихъ богомолца, воспѣли градъ со людьми: лютыя работы избывъ Гадячъ и безмолвенъ поживе» [2])! Но на эти краснорѣчивыя письма гетманъ не давалъ отвѣта: онъ не имѣлъ власти судить Лисовскаго, поставленнаго царемъ на протопопство;

---

[1]) О немъ см.: С. Моравскій, Өедоръ Лисовскій (1709—1722), очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи 1-й половины XVIII столѣтія, Кіевъ, 1891 (оттискъ изъ «Кіевской Старины»).

[2]) А. Лазаревскій, Описаніе Стар. Малор., I, 200.

къ тому же Лисовскій былъ лицо духовное. Въ концѣ концовъ различныя «плутни» Лисовскаго, среди которыхъ главное мѣсто занимало конокрадство, дошли (быть можетъ, не безъ стараній Чарныша) до вѣдома духовной власти, и изъ Кіева было наряжено надъ нимъ слѣдствіе, отъ котораго Лисовскій убѣжалъ, долго «плутался» около Гадяча и другихъ городовъ, а затѣмъ, когда узналъ, что судьи пріѣхали въ Гадячъ и на розыскѣ подтвердились многія изъ его насилій,—«побѣгъ къ Москвѣ и тамъ змышленные плутовства своего пункта» на Чарныша, подалъ въ Сенатъ. Случилось это въ августѣ 1712 года. «Доношеніе» Лисовскаго [1]) о нѣкоторыхъ «противныхъ» поступкахъ Чарныша было направлено къ тому, чтобы обвинить своего врага въ «государевомъ дѣлѣ». Въ своемъ доносѣ онъ, между прочимъ, пишетъ, что Чарнышъ, узнавъ о его намѣреніи ѣхать въ Москву съ доносомъ, «хотѣлъ его посадить подъ колоколню въ яму и засыпать землею, и для поимки его въ городѣ Гадичѣ и около дворовъ его загородныхъ, и хуторовъ, и вездѣ по дорогамъ посланы были отъ него, полковника, козаки, и приказано его ухвятя, гдѣ ни есть, безвѣстно погубить, о чемъ онъ, протопопъ увѣдавъ, ушелъ въ городъ Каменское къ воеводѣ, и воевода каменскій, давъ ему провожатыхъ, отпустилъ его къ Москвѣ, которому онъ о вышеупомянутыхъ своихъ нуждахъ сказывалъ». «И полковникъ—де и паки на него рнясь, домъ его и деревни всѣ разорилъ и крестьянъ его посажалъ въ тюрьму». Самымъ важнымъ пунктомъ обвиненія Чарныша въ доносѣ протопопа было слѣдующее обстоятельство: «Въ нынѣшнемъ 1712 году, въ день тезоименитства великаго государя святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла», писалъ Лисовскій, «служилъ онъ въ городѣ Гадячѣ въ соборной церкви Богоявленія Господня по литургіи за его государево здравіе молебенъ соборный, на который гадичскій полковникъ Иванъ Чарнышъ не пришелъ и изъ пушекъ стрѣлять не велѣлъ, и съѣхалъ

---

[1]) Полный доносъ Лисовскаго напечатанъ въ «Матеріалахъ военно-ученаго архива Гл. Штаба», т. I; Судьенко, Матеріалы, II, 210—215; А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., I, 200—201.

въ маетность свою». Замѣтивъ отсутствіе полковника, Лисовскій спросилъ о причинѣ его у есаула Грабянки, а тотъ объ этомъ сказалъ Чернышу; послѣдній послѣ этого и хотѣлъ посадить Лисовскаго подъ колокольню и засыпать землею, зная, что протопопъ не преминетъ по своей враждѣ къ нему донести объ этомъ кому слѣдуетъ... Далѣе Лисовскій писалъ, что Чарнышъ, «старшихъ Гадячскаго полку полковыхъ особъ, которыя служили царскому величеству вѣрно, а именно: полкового судью Василія Велецкаго изъ города выгналъ, да писаря полкового Степана Залескаго билъ дубьемъ, а жену его плетьми смертнымъ боемъ, и изъ города выгналъ, и маетности у него взялъ и инымъ тамошнимъ жителямъ многія обиды и грабежи и разоренія чинитъ непрестанно; а вмѣсто ихъ въ тотъ полкъ принялъ на судьино мѣсто есаула полкового Василія, а въ есаулахъ велѣлъ быть измѣннику запорожцу Мартыну Штыху, который пріѣхалъ изъ Крыму; да Гадячскаго полку козаку измѣннику жъ (а какъ его зовутъ и чей сынъ и прозвищемъ, не вѣдаетъ) велѣлъ быть въ городѣ Гадичѣ городничимъ, который и понынѣ тамъ городничимъ». Кромѣ этихъ насилій, Чернышъ въ доносѣ Лисовскаго обвиняется еще и въ измѣнѣ: «А измѣна его такая, что во время бытности Шведскихъ войскъ въ Гадичѣ подводилъ подъ городъ Веприкъ шведовъ, и тотъ городъ шведами взятъ, и многихъ малороссійскаго народу людей, которые служили царскому величеству вѣрно, мучилъ и ихъ и пожитки ихъ отдавалъ шведамъ, и на подъѣзды подъ войска царскаго величества шведовъ проводилъ, а по дорогамъ, гдѣ имъ идтить, ставилъ тычки для знаку, и черезъ рѣки для опыту, крѣпокъ-ли ледъ,—по льду возилъ куфы съ водою, чтобъ шведы не проломились».

Ужъ, кажется, этихъ тяжкихъ обвиненій было достаточно для того, чтобы уничтожить гадяцкаго полковника, но Лисовскому казалось мало этого: онъ увѣрялъ, что въ его полковничьей маетности, въ селѣ Боркахъ, его полковничій котельникъ дѣлаетъ копѣйки мѣдныя московскія государева герба изъ красной мѣди и лудитъ, а по чьему велѣнію тѣ деньги онъ дѣлаетъ—прибавлялъ Лисовскій—и куда ихъ дѣваетъ,—о томъ онъ самъ

скажетъ». Далѣе въ «доношеніи» Лисовскаго слѣдуетъ указаніе на насилія, дѣлаемыя Чарнышемъ козакамъ, которыхъ онъ заставляетъ работать на себя въ своихъ маетностяхъ, отъ чего «тѣ козаки разорились въ конецъ и лошадей измучили и (главное) служить имъ стало не на чѣмъ,—о чемъ подлинно будутъ бить челомъ сами»—и, наконецъ, доносъ на Чарныша за взятки: «въ городѣ Гадичѣ подписокъ его полковничій Иванъ Криницкій у вдовы Ульяны дочь, дѣвочку шести лѣтъ, растлилъ, и за то она вдова ему полковнику била челомъ, и онъ, полковникъ, съ того подписка взялъ сто ефимковъ и безъ наказанія и безъ суда его освободилъ. И которые своевольники чинять убійства и женамъ и дѣвкамъ насиліе,—изъ тѣхъ онъ, полковникъ, емлетъ себѣ взятки, а ихъ безъ наказанія и суда освобождаетъ, а что кому учинено,—о томъ явно будетъ по ихъ челобитнымъ»...

Нельзя, конечно, вполнѣ вѣрить извѣтамъ озлобленнаго протопопа, но весьма возможно, что Чарнышъ, получивъ, наконецъ, возможность удовлетворять своимъ алчнымъ наклонностямъ, и былъ виноватъ въ томъ, въ чемъ его обвинялъ протопопъ... Какъ-бы-то ни было, по челобитной Лисовскаго былъ данъ ходъ: списокъ съ нея былъ пересланъ Головкинымъ Скоропадскому съ приказомъ разсмотрѣть ее по пунктамъ и «освидѣтельствовать подлинно». «А межъ тѣмъ (писалъ Головкинъ гетману), пока тотъ розыскъ чиниться тамо будетъ, извольте ваша вельможность полковнику Ивану Чернышу велѣть побыть при себѣ въ Глуховѣ, дабы во отбытіи его оттуду наилучшимъ образомъ тотъ розыскъ продолженъ и окончанъ былъ и не могъ бы никто послѣ нарекать, чтобъ кто за присутствіемъ его, полковника, съ боязни неправду въ розыску отважился сказать; полковнику жъ Ивану Чернышу извольте приказать, чтобъ онъ помянутого гадячскаго протопопа женѣ никакихъ обидъ, разоренія и нападковъ не чинилъ, и ежели что у него взято съ пожитковъ или маетностей его, то бъ онъ все ему возвратилъ, покамѣстъ по тому розыску увидится, чья сущая правда» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Головкинымъ по-

---

[1]) Судьенко, Матеріалы, II, 210—11.

ручалъ гетману на розыскъ отправить кого-либо отъ себя вмѣстѣ съ опредѣленнымъ офицеромъ отъ Протасьева, состоявшаго при гетманѣ.

Вскорѣ и самъ Лисовскій прибылъ изъ Москвы для обвиненія полковника. Вернулся онъ на родину съ какимъ-то подьячимъ и съ указомъ, коимъ повелѣвалось гетману, коменданту Глуховскому князю Гагарину и стольнику Протасьеву «тое его доношеніе по существенной правдѣ розыскать». Дальнѣйшее движеніе дѣла видно по одной изъ челобитныхъ Чарныша, поданныхъ имъ на Лисовскаго: «И взятъ я, полковникъ, — разсказываетъ Чарнышъ,— з старшиною полковою, з козаками, з мѣщанами, з попами и черноризцами въ Глуховъ и противъ его плутовскихъ наносовъ допрашиваны мы были предъ Гагаринымъ, Протасьевымъ и генеральнымъ судьей, писаремъ и асауломъ, и по его ложнымъ доношеніямъ ніякой на насъ не взыскано винности, а на его протопопа явлени за руками и печатми майстратовыми и живыми свидѣтелми в лице ему о двоеженствѣ, чего и самъ онъ не запирается, также о воровствѣ, в кого лошади покралъ, в кого волы и коровы, з якими ворами на воровство ѣжувалъ, а звороваввши, гдѣ тые лошади и воли дѣвалъ, кому продавалъ, другимъ за горѣлку мѣнялъ, третьимъ за котли мѣдные промѣнevалъ» [1]). Розыскъ, начатый въ 1712 году, продолжался довольно долго и подъ конецъ его «для существеннѣйшаго розыску и очнаго видѣнія», былъ посланъ въ Гадячъ полковникъ Вестовъ съ товарищи, «а мене, полковника (писалъ Чарнышъ въ челобитной), з товарищи потоль держано въ Глуховѣ, поколь по всему полку розыскъ чинено по ложнымъ его протопоповымъ наносамъ, который пріѣхавши въ Гадячъ, собиралъ предъ себе всю старшину, урядниковъ, козаковъ, мѣщанъ, и всякаго чина свѣцкихъ людей, поповъ и черноризцевъ, и отъ себе посылалъ во всѣ города и села солдатъ, которые въ колокола церковніе, по городахъ и селахъ ѣздячи, дзвонили, велегласно говорячи и на письмѣ указомъ ва-

---

[1]) С. Моравскій, Ѳ. Лисовскій, стр. 7—9.

шего царскаго пресвѣтлаго величества, по десяти разъ читаючи, приказовали, чтобы на едного полковника приносили челобитія».

Такую картину торжества Лисовскаго рисуетъ Чарнышъ въ своей челобитной. Но несмотря на это, челобитныя во множествѣ подавались на самого Лисовскаго,—до того онъ былъ ненавистенъ гадячанамъ за свои насилія. Сторону Лисовскаго держалъ и Вестовъ, «отвѣтуючи, же нѣтъ мнѣ указу на протопопу челобитя пріймать». Въ Гадячѣ Вестовъ пробылъ цѣлую недѣлю, а когда «з Гадяча имѣлъ выѣздити, тогды его-жъ протопопа Лисовскаго баба, (т. е. жена) во время звоненя на набожество утреннее ночю въ челобитной своей написанніе байки принесла и ему полковнику Вестову тайно отдала; а когда подалъ Богъ свѣтъ, и старшина гадяцкая з жителями тамошними, извѣстившися о томъ неправедномъ челобитю, просили его, полковника Вестова, дабы онъ тую челобытную велѣлъ вычитать, а мы, мовятъ, на всякое въ ней написанное ложное слово праведній за руками нашими з очисткою учинимо отвѣтъ, на которой старшины гражданъ гадяцкихъ вопросъ онъ, полковникъ Вестовъ, таковый учинилъ отвѣтъ: «Въ челобитной, мовитъ, отъ попадѣ бабы Лисовской поданной, дѣла нѣтъ, читать нечего, и уже оная до возка схована». И старшина ему, полковнику Вестову, повторне отказали: «Если в нюй дѣла нѣтъ, то ненадобно еи и пріймать, а если принята, то надобно еи обявить намъ, и мы противъ всего того готови будемъ учинить очиску». Вестовъ и паки бабиной челобитной не обявивши, отъѣзжалъ з Гадяча въ Глуховъ».—«Да онъ-же, протопопъ Лисовскій, мене, вѣрнаго вашего царского пресвѣтлаго величества слугу, безчестилъ тимъ, клевещущи всенародно, будто я, полковникъ, герба государева денги дѣлавъ, и якъ въ прочіемъ, такъ и въ томъ его протопопова явная есть неправда: понеже тотъ котелникъ скоро з воровскими копѣйками на ратуши гадяцкой освидѣтельствованъ засталъ и мнѣ полковнику о томъ з ратуши объявлено; того жъ часу я велѣлъ котелника крѣпко заковать и до ста ударовъ дубьемъ безъ пощады велѣлъ бить, допрошуючи, якъ давно воровскіе денги почалъ дѣлати, сколь много и с кимъ дѣлалъ, и хто о томъ бы зналъ; который котелникъ подъ немило-

стивымъ боемъ, якъ тамъ передо мною, полковникомъ, и передъ прочіею старшиною, такъ и въ Глуховѣ, скованный, з денгами воровскими и рецептами отъ мене присланный, на ратуши глуховской и передъ княземъ Гагариномъ и столникомъ Протасьевымъ въ килкахъ допросахъ однаково жъ сказалъ; и сказка его есть особно записана и его самого котелника послано з Глухова къ Москвѣ въ приказъ посолскій къ крайнему допросу». Оправдываясь такимъ образомъ, Чарнышъ въ заключеніе челобитной проситъ защитить его отъ безчестья Лисовскаго: «А мене, вашего царского пресвѣтлаго величества полковника, вѣрнаго раба и слугу, ему, протопопу, явному вору и весьма никчемному ябеднику и плуту, такимъ безчестнымъ клеветаніемъ и другими его плутовскими напрасно-злобными наносами не доводилося бы безчестить и измишленными клеветами въ народѣ тривогъ и смятенія затѣвати». Перечисливъ, затѣмъ, службы отца и свои собственныя, Чарнышъ заключаетъ свою челобитную воззваніемъ: «Только и паки стократно пренайпокорнѣй васъ, великого государя, ваше царское пресвѣтлое величество, со слезами прошу: умилосердися, великій государь, при вѣрной многой службѣ моей на мене и на ввесь полкъ мой и повели милостиво вовся оборонити мене з многими тисячами вѣрными рабы своими и богомолцами, полчанами моими, отъ такого ябедника, явного вора, двоеженца и плута, протопопа гадяцкого Лисовскаго, на котораго бія челомъ, у стопъ ногъ монаршихъ со слезами упадаю!» [1]).

Приведенная челобитная подана была Чарнышемъ уже въ 1714 году; она возбудила вопросъ о двоеженствѣ Лисовскаго и его, наконецъ, убрали изъ Гадяча, назначивъ сотникомъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Что же касается Чарныша, то несмотря на то, что слѣдствіе произведено было, какъ мы видѣли, строгое и слѣдователи держали руку Лисовскаго, онъ остался на полковничествѣ и ничѣмъ не пострадалъ; должно быть, слѣдствіе ничего важнаго не обнаружило, а, кромѣ того, Чарныша спасла непа-

---

[1]) Ѳ. Лисовскій. С. Моравскаго, стр. 8—10.

висть полчанъ къ своему протопопу, который тѣснилъ ихъ еще больше, должно быть, чѣмъ самъ полковникъ.

Избавившись отъ своего соперника, Чарнышъ сталъ полновластно распоряжаться въ полку, увеличивая свои и безъ того уже значительныя богатства и маетности. Такъ, на рангъ ему принадлежали: мѣстечко Рашевка—300 дворовъ [1]), городъ Комышная—275; села Комышанской сотни: Гримячка—18, Остаповка—46 дворовъ; затѣмъ Скоропадскій отдалъ ему изъ принадлежавшихъ ранѣе на булаву, т. е. ему лично, какъ гетману: Хитцы—59, Плѣшивецъ—140, Будища—185, Капустинцы—169, Опанасовку,—101, Сергѣевку—108, Свинарную—60 и Вельбовку—92 двора. Кромѣ того, Чарнышъ получилъ еще въ бытность свою господаремъ у Мазепы изъ имѣній Гречанаго, брата своей жены, село Борки—191 дворъ, и съ 1709 года владѣлъ, какъ мы видѣли, селомъ Митченками, которыя были отобраны Скоропадскимъ для своего зятя у Батуринской ратуши. Какъ только Чарнышъ получилъ полковничество, гетманъ сталъ выдавать ему универсалы на различныя маетности, награждая ими своего зятя якобы за службы: 10-го января 1710 года Чарнышъ получилъ подтвердительный универсалъ на село Борки, «дворъ и при дворѣ байракъ съ сажелкою, луками, левадою и полемъ пахатнымъ, и греблею на рѣкѣ Грунѣ, въ селѣ Буркахъ будущею, гай и ставокъ Куриловскій съ лугомъ Олшанскимъ, подъ селомъ обрѣтаючимися, греблю, прозиваемую Куличиху, съ луками и полемъ пахатнимъ; неподалеку села обрѣтающійся байракъ, прозваніемъ Біевецъ, со степю, около того байрака степъ, луки, завоміе Пробудка, лѣсъ Колитинецъ и инніи при томъ же селѣ Боркахъ угодія»,—а *на слѣдующій день* гетманъ далъ Чарнышу разрѣшеніе занять греблю на рѣкѣ Пслѣ для устройства мельницы [2]).

---

[1]) Данныя о количествѣ дворовъ и о принадлежащихъ Чарнышу деревняхъ заимствуемъ изъ „Генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ Гадяцкаго полка (1729—1730 г.г.), изд. Н. П. Василенко, стр. 6, 7, 9, 38—39.

[2]) Каталогъ музея Тарновскаго, стр. 247.

Черезъ два года, 23-го августа 1712 года, Скоропадскій нашелъ возможнымъ прибавить Чарнышу изъ принадлежавшихъ къ гадяцкому замку, «за всегдашніе на урядѣ полковничества гадяцкаго тщателно дѣйствителніе труди и прислуги, «ко вспоможенію господарства. до ласки войсковой,—села Сары и Крутки, въ уѣздѣ гадяцкомъ будучіе», въ которыхъ по ревизіи 1729 года показано во Сарахъ—55, Круткахъ—32 двора.

Помимо полученія богатствъ изъ рукъ гетмана, Чарнышъ и самъ увеличивалъ ихъ, скупая у окрестныхъ жителей грунты. Особенное вниманіе свое онъ обратилъ на село Борки, владѣніе которымъ ему казалось самымъ прочнымъ, тогда какъ другія маетности были лишь ранговыя, т. е. принадлежавшія Чарнышу до тѣхъ поръ, пока онъ занималъ урядъ гадяцкаго полковничества. Такъ, въ 1711 году онъ купилъ у жителя броварскаго Демка Бутенка луку; въ 1712 году—отъ Наума Кошеленка лѣсъ; отъ Семена и Василія Михайловичей, жителей гадяцкихъ,—греблю на рѣкѣ Грунѣ съ прудомъ или ставомъ, и съ ловлею рибною, въ гору по греблю Римаровскую, съ млинами, съ дворомъ, лугомъ, лѣсомъ и садомъ, съ левадами въ селѣ Красной Луцѣ, около того жъ села съ лѣсами, лугами, полемъ пахатнимъ, степю и луговыми сѣнокосами»—и много другихъ мелкихъ грунтовъ. Само собой разумѣется, что Чарнышъ покупалъ земли не только у добровольныхъ продавцовъ, но, пользуясь своей властью, употреблялъ и насиліе, если встрѣчалъ препятствіе своему желанію округлить какую-либо маетность. Не имѣя наслѣдственныхъ имѣній, Чарнышъ, получивъ въ свои руки власть, спѣшно наживался. Особенно онъ тѣснилъ обывателей рашевскихъ и комышанскихъ, которые, занимаясь преимущественно ремеслами, отличались зажиточностью, чѣмъ Чарнышъ и пользовался, увеличивъ ихъ повинности. Когда, вслѣдъ за поставленіемъ Апостола гетманомъ, разнесся въ Гадячѣ слухъ, что полковникомъ туда будетъ назначенъ Гаврило Милорадовичъ, гадяцкая полковая старшина писала гетману, прося его не содѣйствовать этому назначенію: «Довольно натерпѣлись мы бѣдъ», писали они, «отъ Чарныша и Милорадовича, которые, наѣхавъ въ нашъ полкъ со стороны и желая

съ другими застарѣлыми полковниками въ богатствѣ сравняться, прежде всего стали добывать себѣ грунта, чѣмъ такъ стѣснили народъ, что чуть не пустъ остается нашъ полкъ теперь» [1]). Съ нѣкоторыми отдѣльными случаями насилій Чарныша мы познакомимся ниже.

Но не долго Чарнышъ мирно жилъ въ своихъ маетностяхъ, увеличивая свои богатства. Въ 1715 году на Чарныша были поданы доносы о его злоупотребленіяхъ и по разслѣдованіи оказались справедливыми; кромѣ того Петръ Великій хотѣлъ наградить извѣстнаго Михаила Милорадовича за услуги, оказанныя ему, и для этого рѣшилъ дать ему полковничій урядъ въ Малороссіи. Чарнышъ и раньше былъ извѣстенъ своими насиліями въ Москвѣ и хотя его, послѣ разслѣдованія доносовъ, и нельзя было держать болѣе на полковничествѣ, но царь не хотѣлъ обижать гетмана смѣщеніемъ его зятя, да еще за насилія, а, между тѣмъ, свободныхъ полковничьихъ урядовъ въ то время не было. Царь былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго однако былъ найденъ исходъ, и въ январѣ 1715 года Головкинъ писалъ Протасьеву: «Надлежитъ вамъ гетману объявить, что когда онъ будетъ, по указу царскаго величества, выбирать и назначать въ генеральныя старшины, то между другими написалъ бы и зятя своего, гадяцкаго полковника Чарныша, потому что по доношеніямъ на него и жалобамъ въ обидахъ царское величество не изволитъ ему больше быть полковникомъ въ Гадячѣ; но сіе время мы терпимъ для гетмана, потому что отнятіе полковничества у зятя его не можетъ ему, гетману, быть безъ зазору. Надѣюсь, что господинъ гетманъ приметъ это объявленіе за знакъ моей къ нему пріязни, ибо лучше зятю его быть въ чинѣ генеральной старшины, нежели просто». Но Скоропадскій былъ тоже въ затрудненіи, такъ какъ всѣ уряды генеральные были заняты. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи Чарнышъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда 1-го іюля 1715 года была подписана царская грамота, назначающая его генеральнымъ судьей:

---

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., т. I, стр. 497.

«Въ Малороссіи для управленія войсковыхъ генеральныхъ судовъ было прежде всегда по два человѣка, а теперь одинъ Туранскій, и тотъ уже старъ, и ему одному управлять не безъ трудности; о выборѣ въ генеральную старшину на праздныя мѣста писано было къ тебѣ, подданному нашему́, однако по сіе время никто не выбранъ, а ты о томъ къ намъ не писалъ по сіе время. Поэтому мы, милосердуя о народѣ малороссійскомъ, дабы въ судахъ войсковыхъ не было какихъ затрудненій, указали быть другимъ судьею генеральнымъ полковнику гадяцкому Ивану Чернышу» [1]). 10-го іюля состоялось назначеніе замѣстителя Чарнышу—Михаила Милорадовича. О истинной подкладкѣ назначенія Чарныша генеральнымъ судьей не знали въ Малороссіи, и потому гетмана упрекали въ томъ, что онъ роздаетъ уряды своимъ родственникамъ. Новомлинскій сотникъ Шишкевичъ, между прочимъ, открыто заявлялъ: «Пусть гетманъ знаетъ, что своихъ родичей—одного генеральнымъ судьею, а другого—лубенскимъ полковникомъ (Марковичъ, братъ гетманши) наставилъ... У моего хлопца больше въ головѣ. чѣмъ у нихъ!» [2]).

Не хотѣлось Чарнышу покидать Гадяча... Хотя для взяточничества и наживанія денегъ новый урядъ генеральнаго судейства представлялъ обширное поле, все-же Чарнышъ былъ недоволенъ перемѣщеніемъ, теряя ранговыя маетности. Къ тому же, генеральный судъ находился въ Глуховѣ, гдѣ былъ гетманъ, а при немъ великороссійскіе чиновники... Въ виду этого Чарнышъ, вообще неразборчивый въ средствахъ, ведущихъ къ намѣченной цѣли, воспротивился назначенію Милорадовича. Поднимая вражду противъ своего замѣстителя, Чарнышъ опирался на свое свойство съ гетманомъ, который, какъ увидимъ, поддерживалъ его, но тѣмъ не менѣе Чарнышъ, возстановляя полчанъ противъ новаго полковника, дѣйствовалъ опрометчиво, непонимая, повидимому того, что Милорадовичъ назначенъ царскимъ указомъ и, слѣдовательно, удалить его изъ Гадяча нѣтъ возможности. Какъ-бы то ни было,

---

[1]) С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 288, 289.
[2]) А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., II, 287.

но Чарнышъ рѣшилъ идти противъ Милорадовича и когда тотъ пріѣхалъ въ Гадячъ, то Чарнышъ встрѣтилъ его, нанеся «безъ всякой причины многія безчестья». Скоропадскій очень былъ недоволенъ тѣмъ, что Милорадовичъ былъ назначенъ полковникомъ безъ его вѣдома, и 9-го августа 1715 года писалъ графу Головкину: «Увѣдомился я отъ царскаго величества, что на полковничество (гадяцкое) опредѣленъ иноземецъ господинъ Милорадовичъ, который, не вѣдая войсковыхъ ихъ порядковъ (а въ томъ полку люди посполитые издавна на гетманскую булаѳу належатъ), не похотѣлъ-бы интересоваться, но довольствовался-бъ особливо въ двухъ сотняхъ, рашевской и комишанской, людьми, также издавна на полковника опредѣленными». Написавъ это предостереженіе, подъ которымъ скрывалось желаніе избавиться отъ новаго полковника, Скоропадскій 24-го августа вновь писалъ Головкину съ ходатайствомъ за Чарныша, который просилъ, чтобы послѣ назначенія Милорадовича полковникомъ, «изъ тѣхъ двухъ сотенъ, на полковника надлежащихъ, одною (Милорадовичъ) правилъ, а другую Чарнышу оставить». Просьба эта мотивировалась тѣмъ, что «онъ, Чарнышъ, въ тѣхъ полковыхъ маетностяхъ многіе себѣ грунты и немалые заводы сдѣлалъ, а онъ гетманъ (присовокуплялось далѣе)—вмѣсто той полковничьей маетности Милорадовичу дастъ отъ себя». Конечно, все дѣло было въ томъ, что Чарнышу не хотѣлось разставаться со своими ранговыми маетностями....

Но всѣ эти хлопоты и гетмана и Чарныша не привели ни къ чему, и первому изъ нихъ былъ посланъ отвѣтъ, что Милорадовичъ на полковничество опредѣленъ уже давно, отправленъ туда и велѣно владѣть ему всѣми принадлежащими на урядъ маетностями, какъ прежніе полковники владѣли,—«потому отмѣнить того царскаго величества указу не мочно; а чтобъ онъ, Милорадовичъ, въ маетности его, гетманскія, къ булавѣ принадлежащія, не интересовался,—о томъ писано къ нему, Милорадовичу»[1]. Пока происходила эта переписка, Милорадовичъ уже былъ въ Гадячѣ и терпѣлъ отъ Чарныша разныя «противности». Столкно-

[1]) Матеріалы Судьенка, II, 250—51.

веніе Чарныша съ Милорадовичемъ повело за собою весьма цѣнное для характеристики перваго дѣло, изъ котораго приводимъ любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ дѣяніяхъ бывшаго гадяцкаго полковника [1]).

Въ жалобѣ своей гетману Милорадовичъ писалъ про Чарныша, что тотъ «козаковъ сарскихъ и крутковскихъ (эти села принадлежали Чарнышу), подъ командою полковничьею издавна будучихъ, за то, что подали они челобитную, дабы при бытности его, Милорадовича, въ волностяхъ козацкихъ могли пребывать, а мужики на него, Черныша, не работать,— наславъ ночью (людей), велѣлъ ловить, бити и кого изловятъ—заковати, грозя, чтобъ изъ подданства не отбывали; козаковъ комишанскихъ (Комышная принадлежала на рангъ гадяцкихъ полковниковъ) знатныхъ, прежде бывшихъ на урядахъ, за то, что по пріѣздѣ его, Милорадовича, приносили ему хлѣбъ по обычаю,—при пушкѣ через нѣсколько дней держалъ; рыбалокъ изъ села Роменца, полковнику належныхъ, нарочно разослалъ для своихъ дѣлъ, чтобы выгоды никакой ему, Милорадовичу, не было; когда на него, Милорадовича, послано было нѣсколько подводъ привезти сѣна, которого сто возовъ гетманъ на пріѣздъ далъ,—тогда дворецкій Чарнышовъ, набѣжавъ, людей тѣхъ побилъ и коней позабиралъ; слуги его, Чарнышевы, во время ярмонки, о святой Параскевіи въ Гадячѣ бывшей, разбивая ночью (коморы?), грабя ихъ,—какъ на самомъ дѣлѣ изловлены были,—безъ розыску за караулъ ратушской отданы,—то сверсники, отъ дворецкаго посланные, сторожей всѣхъ разогнали и тюрму отбивъ, самовольно ихъ выпустили, (а) вино, посланное отъ него, Милорадовича, велѣлъ запечатать и не велѣлъ продавать, а вмѣсто того своего вина чрезъ три мѣсяца выдалъ кухъ 15, съ коихъ прибыли взялъ 150 рублевъ; приходъ съ ярмонки Дмитріевской, 70 талярей, онъ завладѣлъ; о пашнѣ яровой того лѣта, котораго онъ, Милорадовичъ, туда прибылъ, приказъ гетмана

---

[1]) Полное дѣло Чарныша съ Милорадовичемъ напечатано (къ сожалѣнію со многими ошибками) въ книгѣ: «Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей», Кіевъ, 1884, стр. 90—111.

былъ, чтобъ пополамъ ему съ Чарнышомъ раздѣлить, а онъ, Чарнышъ, до пяти скирдъ вымолотя, забралъ на свою потребу и ничего ему отъ того не далъ. Онъ-же Чарнышъ, многимъ полчанамъ гадяцкимъ выдалъ судейскіе универсалы, уволняя ихъ отъ всякихъ податей и зимовыхъ квартиръ войску царского величества».... Но не только Чарнышъ старался принести Милорадовичу имущественный ущербъ,—онъ хотѣлъ его поссорить съ Саввою Рагузинскимъ, для чего не остановился и передъ подлогомъ: «Палетъ (?) тотъ, который, по опознанію на ратушѣ гадяцкой, положено въ маетности Борки (это село принадлежало Чарнышу) для квартиръ солдацкихъ»,—писалъ Милорадовичъ,—«за рукою и печатю его, Милорадовича, фортелне скасованъ, ибо сверху его надпись *Борковскій* вытерши, написалъ *Розбышовскій* и въ Розбышовку (принадлежавшую Рагузинскому) отослалъ, приводя его, Милорадовича, въ ссору съ господиномъ Рагузинскимъ». Кромѣ всего этого, «онъ-же, Чарнышъ, писалъ къ нему, Милорадовичу, письмо укорителное и отъ гордости имени своего не подписалъ, вмѣняючи его за найгрубшаго простака».—«На остатокъ, что есть паче всего жалостнѣйше (пишетъ Милорадовичъ гетману), онъ-же, Чарнышъ, подписка своего, а господаръ замковый шафара своего, посылали въ Комишную съ универсаломъ, чтобъ козаки ни въ чемъ его, Милорадовича, не слушали, но его, Чарныша, и тотъ универсалъ на рынку въ Комишной прочитанъ былъ. Да тотъ-же подписокъ въ Сарахъ (имѣніе Чарныша), собравъ множество козаковъ и мужиковъ, явно и публично предъ народомъ безчестилъ его, Милорадовича, срамотне, называючи измѣнникомъ, запорожцомъ, плутомъ, цыганомъ и шалберомъ (бездѣльникомъ)»....

Въ такихъ размѣрахъ и формахъ выразилось противленіе Чарныша новому гадяцкому полковнику. Мы не имѣемъ возможности провѣрить справедливость этихъ жалобъ Милорадовича, но весьма возможно, что онъ не преувеличивалъ. Одно только можно сказать въ защиту Чарныша, что онъ перемѣною наименованія села Борки на Розбышовку имѣлъ въ виду, быть можетъ, лишь избавить свою маетность отъ непріятнаго воин-

скаго постоя, а не имѣлъ намѣренія поссорить Милорадовича съ его землякомъ Рагузинскимъ,—но тѣмъ не менѣе подлогъ, сдѣланный Чарнышомъ, остается на лицо. .

Какъ же относился народъ къ борьбѣ Чарныша съ Милорадовичемъ? Мы можемъ на это отвѣтить, что, по всей вѣроятности, народъ, отлично знавшій насилія Чарныша, былъ склоненъ скорѣй къ новому полковнику. По крайней мѣрѣ, подданные чарнышевскихъ селъ, вслѣдъ за прибытіемъ Милорадовича въ Гадячъ, взбунтовались противъ своего прежняго «державцы» и не хотѣли отдавать ему «послушенства»... Возмущеніе было настолько серьезно, что гетманъ принужденъ былъ выдать 3-го ноября 1715 года въ защиту своего зятя универсалъ, обращенный къ жителямъ саровскимъ, камышанскимъ и остаповскимъ: «Увѣдомился онъ, гетманъ, яко они съ чьегось науценья будучи ослушными, не хотятъ державцу своему, Ивану Чарнышу, судьѣ войсковому енералному, отдавати послушенства; того ради нарочно тѣмъ универсаломъ накрѣпко упоминаемъ, дабы они,—знаючи одного державцу своего господина судью, безъ жадной противности ему, несмотря ни на кого (разумѣется—Милорадовичъ), по прежнему отдавали послушаніе и повиновеніе. А хто будетъ противный—такового велѣно будетъ сыскивать въ Глуховѣ и карать немилостиво, какъ бунтовщиковъ». Получивъ въ свои руки этотъ универсалъ, Чарнышъ послалъ въ Сары слугу своего Ивана Ставецкаго и Якова Реченка, шафара замковаго, которые, по разсказу Милорадовича, велѣли всѣмъ тамошнимъ козакамъ собраться въ домъ священника для слушанія универсала, а по прочтеніи его Яковъ Реченко говорилъ:

«Дурни козаки! Для чего хочете сего полковника—плута, цыгана, шалбера? Ибо сей такой-же, какъ и запорожцы: можетъ за море запровадить, или на границу вывевши, запропастить...»

Ставецкій же при этомъ прибавилъ:

«Ибо уже онъ, Милорадовичъ, измѣнилъ одному,—и государю измѣнитъ!»

Но несмотря на эти дѣйствія агентовъ Чарныша, народъ, много натерпѣвшись отъ прежняго своего полковника, былъ на сторонѣ Милорадовича. Козакъ Иванъ Руда, напримѣръ, говорилъ:

«Тогды я за все товариство говорилъ, что довольно его (Чарныша) терпѣли! Хвала Богу, имѣютъ они нынѣ себѣ (полковника) отъ великаго свѣта государя!».

Кромѣ того, гадяцкая полковая старшина и сотники 9-го ноября 1715 года выдали Милорадовичу свидѣтельство, въ которомъ писали, что они «его царскому величеству за благороднаго господина Михаила Милорадовича, по милости царскаго величества опредѣленнаго (полковникомъ къ нимъ)—рабски покорно благодарствуютъ, который (полковникъ) по природному добронравію своему любезенъ, милостивъ и добротенъ есть ко всѣмъ, будучи въ службѣ царскаго величества безъ найменьшей обиды, ибо никого ничѣмъ не озлобляетъ, но паче ущедряетъ, желая во всемъ изобиловати».

Своей жалобой Милорадовичъ хотѣлъ добиться того, чтобы надъ дѣйствіями Чарныша былъ наряженъ розыскъ, по которому несомнѣнно подтвердились бы многія изъ злоупотребленій Чарныша. Но гетманъ нашелъ возможнымъ выручить своего зятя изъ бѣды; о томъ, какой былъ найденъ исходъ, Милорадовичъ разсказываетъ въ письмѣ своемъ отъ 14-го января 1716 года къ Головкину. Оказывается, что послѣ подачи имъ челобитной на Чарныша гетману, послѣдній «велѣлъ (пишетъ Милорадовичъ) полковникамъ и старшинѣ генеральной жалобы моей выслушать; тогда всѣ, сторонѣ господина Чарныша будучи фаворизантами, убѣдили мене до примиренія, выговариваючи, что мы тебѣ будемъ противниками, если примиренія не возьмешь!» На примиреніе Милорадовичъ сперва согласился было, но потомъ, когда требованія его относительно пытки безчестившаго его подписка Чарнышевскаго исполнено не было («подписку тому польгочено и не допрашиванъ какъ належало, кромѣ того, что 7 разъ по шубѣ ударенъ»), онъ взялъ свои слова назадъ, говоря, что онъ съ такой пытки—«не контентъ». Слѣдствіемъ несостоявшагося примиренія было то, что Милорадовичъ, не нашедшій суда надъ своимъ врагомъ у гетмана, принужденъ былъ обратиться съ жалобой къ Головкину въ январѣ 1716 года. Упоминая уже объ извѣстномъ намъ подлогѣ, сдѣланномъ Чарнышемъ, Милорадовичъ

прибавляетъ: «Для чего я опасаюся, что можетъ онъ искати главы моей, понеже когда случится мнѣ писати до ясневелможнаго, или до другого лица высокаго, то онъ вытретъ и подпишетъ письмо мое къ хану татарскому»... При челобитьѣ своемъ Милорадовичъ приложилъ особые «пункты», въ которыхъ сообщалъ о новыхъ злоупотребленіяхъ Чарныша: «Онъ, Чарнышъ», писалъ Милорадовичъ, «полкъ Гадицкой до конца разорилъ, въ чемъ на него, Чарныша, болше ста челобитенъ есть, которыя челобитныя не смѣлъ онъ, Милорадовичъ, закрыти, держитъ у себя, а къ господину гетману посылалъ списки, однакоже, или за его (гетмана) многими оккупаціями, или свойствомъ—о чемъ ни пишетъ,—не видитъ ничего, кромѣ продолженія, а челобитчики кричатъ и грозятъ ему: ежели имъ суда не будетъ—то всѣ пойдутъ ко двору его царскаго величества искати суда за свои обиды; и той ради причины, дабы ему, Милорадовичу, не отвѣтствовать впредь, принужденъ онъ донести о всемъ, а также и о томъ, что онъ-же, Чарнышъ, всѣ доходы, полковникамъ надлежащіе, прежде времени нареченнаго выбралъ» [1]). «Онъ же, Чарнышъ», пишетъ

---

[1]) Весьма вѣроятно, что число челобитчиковъ на Чарныша Милорадовичемъ преувеличено: въ числѣ бумагъ Чарнышей, бывшихъ у А. М. Лазаревскаго, а теперь принадлежащихъ университету св. Владиміра, сохранилось лишь около десятка ихъ; приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) Марія Ющиха жаловалась Милорадовичу, что Чарнышъ «въ началѣ своего властелства», вырубилъ въ ея лугѣ надъ Хоромомъ «тридцятеро дерева олшини», а затѣмъ взялъ у нея «лошака молодого таранковатаго рижого» и далъ за него лишь десять талярей, когда цѣна ему больше ста золотыхъ; 2) Лукьяниха Холодиха вдова жаловалась на завладѣніе Чарнышемъ ея лѣса, гдѣ онъ и «пасѣку вчинилъ; спамятаючи на тую удову, которая приносила до Христа Сина Божого два пѣнязѣ, а Христосъ Синъ Божій на неѣ милость показалъ», Холодиха прибавляетъ: «такъ и ти, милосердній пане, покажи милосердіе свое на мене, убогую удову»; 3) Федоръ Кущенко просилъ о возвращеніи срубленнаго Чарнышемъ его лѣса, бывшаго близъ винницы генеральнаго судьи въ с. Березовой Лукѣ; 4) Панасиха, жителька остаповская, жаловалась на насилія Чарныша за то,

далѣе Милорадовичъ, «будучи полковникомъ, изъ артиллеріи гадицкой пушки городовыя въ маетности свои вывозилъ, порохъ и протчее,—запасъ военной, невѣдомо гдѣ подѣвалъ, особенно войсковыхъ большихъ 3000 злотыхъ забралъ». Затѣмъ, Милорадовичъ сообщаетъ подробности объ отдачѣ ему ранговыхъ имѣній: «Отдавалъ ему ясаулъ енеральный Бутовичъ сотню рашавскую, а комышанской не отдалъ. Тогда онъ, Милорадовичъ, говорилъ ему, есаулу: «для чего не по прежнему опредѣляетъ»? И онъ, есаулъ, сказалъ, что онъ, Милорадовичъ, не можетъ тѣхъ правъ имѣть, какъ прежніе полковники имѣли, ибо одинъ былъ племянникъ (Трощинскій, предшественникъ Чарныша, былъ племянникъ Мазепы), а другой (Чарнышъ) – зять гетманской». Кромѣ всего этого, Милорадовичъ сообщалъ еще «что прежніе генеральные судьи жили при гетманахъ и тамо дѣло судейское управляли, а до

что она не продавала ему своего хутора близъ Бодаквы; 5) Василь Лященко писалъ Милорадовичу, что когда онъ продалъ свой грунтъ, то узнавшій объ этомъ Чарнышъ сталъ обвинять его въ томъ, что тотъ хотѣлъ «на той бокъ ити зъ его державы» и по этому случаю забралъ у него: «товару двое, гусей тридцятеро, трохъ талярей грошей»; 6) Войтъ рашевскій сообщалъ гадяцкому полковнику отъ имени всей громады, что Чарнышъ «на строеніе млина подъ Рашевкою вырубалъ лѣси наши и хату у млиновъ построивъ з нашего-жъ дерева»; 7) Иванъ Харченко жаловался, что Тихоній небожчикъ (братъ генеральнаго судьи) вырубилъ у него «неисчетно» дерева въ грунтѣ подъ Березовой Лукой; 8) Семенъ Коломыецъ, житель подставскій, писалъ, что генеральный судья выкосилъ у него насильно луку, «за якую якъ перво упомянулемся, такъ его милость пріобѣцалъ мнѣ третую часть отдати»; однако, сколько потомъ жалобщикъ ни ходилъ къ Чарнышу, тотъ нетолько не отдалъ ему ничего, но «отдалилъ» насильно отъ всей луки, вручая ему за нее деньги; 9) трое жителей комишанскяхъ жаловались на то, что староста Чарнышевскій комишанскій завладѣлъ ихъ сѣножатями и т. д. Изъ этого списка насилій Чарныша можно видѣть, насколько онъ былъ изворотливъ въ выборѣ средствъ для веденія своихъ хозяйственныхъ операцій.

полку не интересовались, а господинъ Чарнышъ живетъ въ Гадичѣ и командѣ его, полковника Милорадовича, чинитъ помѣшательства» [1]).

Положеніе Милорадовича было дѣйствительно затруднительнымъ: съ одной стороны, былъ Чарнышъ, а съ другой—онъ, по его собственному выраженію,—человѣкъ пришлый, «странный», и ему, разумѣется, не хотѣлось сразу же становиться во враждебныя отношенія со всей, державшей сторону Чарныша, генеральной старшиной и гетманомъ. Результатъ его челобитныхъ получился, однако, благопріятный: ему, въ концѣ концовъ, отдана была комышанская сотня [2]), но за обиды, понесенныя имъ отъ Чарныша и его челядниковъ, онъ, кажется, удовлетворенія не получилъ; по крайней мѣрѣ не видно, чтобы Чарнышъ пострадалъ въ какомъ-либо отношеніи изъ-за своего столкновенія съ Милорадовичемъ. Что-же касается, собранныхъ гадяцкимъ полковникомъ, челобитенъ, то они тоже Чарнышу не принесли никакого вреда. Попавъ въ руки Скоропадскому, они были переданы имъ самому же Чарнышу, а тотъ сумѣлъ совершенно оправдаться. Мы не будемъ приводить данные генеральнымъ судьей и сохранившіеся на оборотахъ самихъ челобитенъ собственноручные его отвѣты на каждую жалобу. Скажемъ только, что насильная покупка грунтовъ и прочаго имъ совершенно отрицалась и взамѣнъ ея—утверждался добровольный торгъ со стороны продавца. Почти во всякомъ отвѣтѣ Чарнышъ обращаетъ вниманіе на запоздалость жалобы и, намекая на Милорадовича, наивно спрашиваетъ: «И для чего передъ симъ не скаржился? Учинена была-бы справедливость! Знать теперъ з наущеня супплѣкуетъ, чили с приказаня»!

Въ общемъ дѣло съ Милорадовичемъ закончилось въ 1716 году вполнѣ благополучно для Чарныша, хотя еще и въ слѣду-

---

1) Генеральный судья Туранскій, въ помощь которому назначенъ былъ Чарнышъ, умеръ въ 1716 году, послѣ того, какъ происходили описываемыя событія и Чарнышъ, можетъ быть, потому и не ѣхалъ въ Глуховъ, что тамъ было кому рѣшать дѣла.

2) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцк. полка, стр. 7.

ющемъ году эти два противника спорили изъ-за нѣкоторыхъ земель [1]. Чарнышъ, при несомнѣнной своей виновности, не только вышелъ сухимъ изъ воды, но получилъ еще, вслѣдъ за поставленіемъ своимъ въ генеральные судьи, нѣсколько универсаловъ, утверждающихъ за нимъ какъ скуплю, такъ и дающихъ новыя маетности: гетманъ, видимо, не скупился для своего зятя... Такъ, 19-го февраля 1716 года Чарнышъ получилъ универсалъ на скупленные имъ дворы въ Гадячѣ и множество мелкихъ грунтовъ при селахъ: Книшовкѣ, Римаровкѣ, Красной Лукѣ, Хитцахъ, Боркахъ, Сарахъ, Круткахъ, Рашевкѣ, Остаповкѣ, Коваловкѣ—въ Гадяцкомъ полку, и при Батуринѣ, Митченкахъ, Шаповаловкѣ, Ксендзовкѣ, Алтановкѣ, Подоловѣ—въ нѣжинскомъ полку; 1 марта 1716 года гетманъ нашелъ возможность дать Чарнышу изъ принадлежавшихъ гадяцкому замку села: Сватки (144 двора) и Цѣпки (101 дворъ), находящійся подъ Гадячемъ, и 31-го іюля 1716 же года Чарнышъ получилъ на урядъ генеральнаго судейства «села Аксютинцы съ Пустовойтовскою и съ млинами, подъ Аксютинцами будучими, и инними грунтами и угодіями, ко воспоможенію домовственному, что онъ при боку его гетманскомъ будетъ жити»... Но, какъ мы видѣли, Чарнышъ и не думалъ жить въ Глуховѣ, при «боку гетманскомъ», а проводилъ время въ своихъ маетностяхъ; тѣмъ не менѣе—предлогъ для дачи маетности былъ найденъ—и Чарнышъ получилъ цѣлыхъ два села...

В. Модзалевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Матеріалы Судьенка, II, 86—87.

Степная Лубенщина [1]).

Глава II.

Южная степь. Оржицкая волость.

Поселенія лѣваго и праваго берега Большой Оржицы. М. Оржица. Иржавская балка. С. Зарогъ. М. Т. Симоновъ.

Дорога отъ Великой Селецкой до Онушекъ идетъ полями, среди блѣдной зелени которыхъ то здѣсь, то тамъ виднѣются пролѣски. Недалеко отъ села по обѣ стороны дороги стоятъ двѣ высокихъ продолговатыхъ могилы; на пригоркѣ мелькаютъ хаты и мельницы; главныя же части села внизу, на невысокомъ полуостровѣ вдавшемся въ широкую болотистую Оржицкую низину. Куда ни кинь глазомъ, только и видишь яркую, пышную зелень болота. «Село якъ у мишку зашыто зъ трёхъ сторонъ, а зъ четвертои—уйихавъ и выйихавъ». Село возникло не ранѣе XVII в., и предположеніе мѣстной церковной лѣтописи о существованіи его еще и въ XVI в. не доказано. Начало ему положено Онушкомъ, дѣйствительной, а не легендарной личностью, какъ большинство осадчихъ: потомокъ его живъ и сейчасъ. Фамилія эта, а вмѣстѣ съ нею и названіе села, происходитъ отъ имени Онисимъ, Онисько, извѣстнымъ образомъ произносимаго, подобно тому, какъ имя Маруся произносятъ иногда Марушка. По преданію, израненный запорожецъ Онисько, основавшись здѣсь на островѣ въ лѣсу, съ товарищемъ Селекомъ, занялся скотоводствомъ и рыболовствомъ. Родъ обѣднѣлъ съ половины XVIII в. потому, что,

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1904 г., № 2-й.

какъ показали свидѣтели во время производства генеральной описи 1767 года, Лукомскій сотникъ Степанъ Пиковецъ купилъ насильно у козака Федора Онушка, изобличеннаго въ «блудодѣйствіи», дворъ съ двумя избами и коморой рублеными, лѣсъ, рыболовлю и ставище за 8 руб., а у нихъ свидѣтелей: Онушокъ и Краснячого—помѣрокъ съ лозой и лѣсомъ за 17 руб., и выстроилъ мельницу на ставищѣ[1]).

Онушки состоятъ изъ двухъ опредѣленно разграниченныхъ частей: Стараго села, или собственно Онишокъ, и новаго—Заричья. Первое, начинаясь со стороны Оржицы и Плехова, доходитъ до плотины и растягивается длинною прямой улицей—рядомъ хатъ и повитокъ, обсаженныхъ берестами и ясенями. Вездѣ зелень и садики. Въ одномъ изъ огородовъ, козака Яковенка, невысокая густолистая груша указываетъ мѣсто, гдѣ была прежде церковь, перестроенная въ 1763 г. за ветхостью[2]). Эту главную улицу окружаетъ боковая, при началѣ которой вблизи стараго погоста съ грушей, у небольшого выпуста, стоитъ хорошенькая бѣлая хатка, крытая очеретомъ, съ желтыми ставнями, въ которой живетъ послѣдній отпрыскъ древняго рода Онушекъ. Кромѣ него здѣсь живутъ Яковенки, Шульги, особая вѣтвь которыхъ Шульги-Шульженки выслужились въ дворянство, Горбани и переселившійся изъ сосѣдняго Плехова—Нестеренко. Старое село спускается въ низину, черезъ которую насыпана гать съ такимъ узкимъ мосткомъ, что развѣ только пара лошадей пройдетъ по немъ. Но и такого мостика прежде не было,—люди ѣздили прямо черезъ болото возами, топились и мучились. По низинѣ проходятъ двѣ поперечныя канавы, отдѣленныя насыпями (греблями), сажня въ 4 ширины. Объ этихъ канавахъ разсказываютъ слѣдующее. Прежде рѣка Оржица проходила за селомъ, но сотникъ Пиковецъ[3]), войдя въ соглашеніе съ Онушковскимъ и Оржицкимъ

---

[1]) Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 128.

[2]) А. Грановскій. Полт. епар. 402.

[3]) По смерти Василія Пиковца, сына богатаго лубенскаго козака, отправлявшаго воловъ въ Гданскъ, вдова его вышла замужъ за

обществами о постройкѣ мельницы, говоря: «Зробымъ млынокъ и вы будете молоть»,—запрудилъ естественное русло рѣки и, прорѣзавъ съ помощью Онушковцевъ канавы, заставилъ ее обогнуть село. Впрочемъ, устроенная имъ мельница не молола, а только заболотила луга. Гораздо позже, въ началѣ XIX в., хорольскій стряпчій Акендинъ Левицкій, потомокъ лукомскаго священника Петра Левицкаго, пріѣхавъ въ родовое имѣніе[1]), осуществилъ мысль Пиковца и построилъ двѣ мельницы, которыя выкуплены въ концѣ вѣка у преемниковъ Левицкаго Косинскихъ лубенскимъ земствомъ и уничтожены для осушенія болота, а рѣка возвратилась въ старое русло. За греблей раскинута на неровной, холмистой мѣстности другая часть села, Зарѣчье, состоящая изъ слѣдующихъ кутовъ: Титаренковыхъ сутокъ къ болоту, Кучанского, Средняго и Зацаринскаго подъ гору[2]). На Кучанскомъ среди свѣжей, яркой зелени ясеней, берестовъ и осинъ видна церковь, перенесенная изъ стараго села и обновленная въ 1864 г.[3]) Иконостасъ въ ней синій, потемнѣвшій съ круглыми очертаніями

серба Славуя Требинскаго, а сыновья—Иванъ и Степанъ—были лукомскими сотниками (1732—1758 гг.). Первый женатъ на Лизогубовой, второй на Маркевичевой. Дочь Ивана вышла за Родзянку, а Степана за Квитку. (Лазаревскій. Ист. оч. 108—110).

[1]) Ів. 128.

[2]) Урочища вокругъ села носятъ слѣдующія названія: Бурты, на спускѣ въ болото, Гряда, среди самаго болота съ зарослью и сѣнокосомъ, Юровка—протокъ воды между плавами, Романчикъ, лѣсъ, мѣсто поселенія запорожца Романа Селека, товарища Онушка. тамъ была его хата и селище, Малый Романчикъ, Осово, лѣсъ. «Тамъ по лисахъ було звиря, вечоромъ, якъ заспиваютъ—куды ваше дило! Теперъ звиря не слышно и не выдно». Съ той же стороны есть еще лѣсъ Билошапка, въ которомъ хоронился отъ враговъ человѣкъ съ такимъ именемъ. Съ другой стороны села по Яблоновской дорогѣ, возлѣ Калытчыного озера замѣчателенъ колодязь, освящаемый ежегодно, въ которомъ воды достаточно на всю окрестность. Могилы называются: Блызныця, Вовча «де звирь збирався», Лыса—«покопаться тамъ кирпичъ и ружжя. Свидова,—«тамъ труну найшлы» и Халова.

[3]) Грановскій. Полт. епарх. 402.

и тусклой позолотой. Надъ вратами спускная икона Божiей Матери, украшенная лентами и рушникомъ, а среди ритуальныхъ предметовъ интересны два льняные подризника, внизу расшитые золотыми и серебряными нитями. На одномъ изъ нихъ вышиты: тюльпаны, нарцисы, колокольчики и цинiи, а на другомъ фантастическiе цвѣты и листья. На Зарѣчьи живутъ, кромѣ членовъ перечисленныхъ раньше фамилiй, еще: Олейники, Пелехи[1]), Писаренки и вѣтвь ихъ—дворяне Писаревичи. Первоначальная фамилiя послѣднихъ была Афанасьевы, настоящую же фамилiю они получили отъ полкового писаря Ивана, погибшаго въ стычкѣ съ татарами у Войнихи. Сынъ его Максимъ, сотенный эсаулъ, уволенъ въ отставку въ 1787 г. съ чиномъ корнета, а родъ Писаревичей внесенъ во 2-ю часть дворянской родословной книги. Максимъ Писаревичъ былъ хорошiй хозяинъ, имѣвшiй двѣ винокурни. Бывало предъ рождественскими и свѣтлыми праздниками подсосѣдокъ Писаревича ходилъ по селу и объявлялъ людямъ: «Звозьтесь, звозьтесь—горилку будемъ гнать!» Люди свозили солому, очеретъ и муку для заторовъ. Писаревичъ получалъ 10-ю часть выкуреннаго вина въ свою пользу, подобно тому какъ хозяева маслобоенъ получаютъ 10-ю макуху съ масломъ, а каждый изъ выкуривавшихъ бралъ себѣ водки, сообразно привезенному имъ количеству муки. Сынъ Максима, Кириллъ Писаревичъ, скоро закрылъ винокурни, оставивъ лишь трактиръ, приносившiй большую выгоду, когда шинкаркой была красавица Гапка, дѣвушка, лишившаяся ноги. Послѣ смерти жены Кириллъ Максимовичъ взялъ Гапку домой, а трактиръ скоро закрылся. Гапка такъ и не вышла замужъ, занялась хозяйствомъ и высмотрѣла молодыхъ Писаревичей, питавшихъ къ ней сыновнее почтенiе. Хлѣбопашество Писаревичей не было значительнымъ вслѣдствiе крайне низкихъ мѣстныхъ цѣнъ на хлѣбъ; пудъ ржи, напримѣръ, стоилъ

---

[1]) Пелехъ былъ кошевымъ атаманомъ при Ханенкѣ. (Костомаровъ. Руина въ Вѣст. Евр. 1879 г., IX, 24).

тогда пивкопы, т. е. $7^1/_2$ коп. Были волы, 15—20 рыжихъ и гнѣдыхъ лошадей и около сотни овецъ [1]).

Онушки средней величины село, въ немъ теперь насчитывается 1442 души. Населеніе почти исключительно козачье, благосостоятельное, гостепріимное и честное. Богатырями, имѣющими свыше 50 дес. земли, признаются: часть Нестеренковъ, Назаренковъ, Пелиховъ, Шульгъ и Яковенковъ. Есть нѣсколько достаточныхъ семей съ 15—30 десятинами, у большинства не болѣе 5 дес., безземельныхъ не свыше десятка. Изъ документовъ, сообщенныхъ козакомъ Д. Нестеренкомъ, и изъ разсказовъ старожила Чмихала видно, что хозяйственныя отношенія мѣстнаго населенія складывались такимъ образомъ. Цѣна земли была ничтожна: въ общемъ день не свыше 5 руб. Въ 1773 г. Онушковскій атаманъ Кириллъ Дьяченко купилъ поле за 3 р. 10 коп., а въ 1775 г. онъ же продалъ сестрѣ Пелагеѣ и зятю Никитенку леваду и поле за 12 руб. 20 к. [2]); въ 1807 г. онъ же продалъ имъ еще лѣсъ за 8 руб. За пользованіе чужой землей отдавали хозяину прежде 10-ю, потомъ 4-ю копну (по расчету 5 изъ 20 копенъ).

---

[1]) У нихъ былъ свой хуторъ съ подсосѣдками, крестьяне: Бутурлимы, Крайсвитни и Чепиги приведены изъ с. Юсковецъ, Черевковской волости, позднѣйшимъ владѣльцемъ Никитенкомъ, женатымъ на Славинской. Кромѣ хутора Писаревича, въ Онушковской дачѣ есть еще нѣсколько хуторковъ, разбросанныхъ вдоль Оржицкой дороги, такъ какъ появленію хуторовъ въ другія стороны препятствовало болото. Ближайшій къ Онушкамъ Билановъ хуторъ, населенный Яковенками, стоитъ у рощи надъ ставкомъ, въ немъ не болѣе 10 хатъ. Возлѣ хуторокъ Шульгъ въ 2 хаты и Ефрема Пелеха. Далѣе хуторъ Корніенковъ Постилъ. Основатель хорольскій козакъ Корніенко, участвовавшій въ 60-ти сраженіяхъ и стычкахъ, но ни разу не раненный, георгіевскій кавалеръ, дослужившійся до чина прапорщика. Онъ женился на Шульгиной изъ Онушекъ и построилъ хуторокъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

[2]) Этотъ актъ подписали: атаманъ Тимофей Вишневецкій, С. Яковенко и П. Онуношко. Встрѣтился еще документъ о наймѣ рекрута вмѣсто А. А. Нестеренка за 600 руб., 3 четверика жита, гречки, пшена и уплату податей—въ 1820 г.

Иногда нанимали десятину съ условіемъ день покосить владѣльцу. Зажинщики отдавали хозяину поля 2-й, даже третій снопъ съ него приваркомъ. Вообще «старовына дуже сыто жыла» [1]). Въ настоящее время цѣна земли повысилась до 200 руб. за десятину, наемъ до 8—12 руб. Зажинщики получаютъ: 4-й снопъ съ отработкомъ 2—3 дней отъ десятины и 5-й снопъ безъ отработка. Землевладѣлецъ П. К. Писаревичъ беретъ лишь третью копу отъ съемщика, но послѣдній долженъ поставить 4—5 рабочихъ съ десятины, смотря по качеству земли; 2—3 дня отработка въ жатву и косовицу и по дню весной и осенью. Луговое сѣно убиралось за 4-ю копицу хозяину. Старое козачье хозяйство ничѣмъ не отличалось отъ хозяйства другихъ окрестныхъ селъ, уже описаннаго.

Жители вышесредняго роста, волосы довольно темные при голубоватыхъ глазахъ. Встрѣчаются миловидныя дѣвушки. Моды оржицкія, кофточки, длинныя исподницы. Весильный обрядъ своеобразенъ. Молодая, заходя въ субботу въ дома съ приглашеніемъ, только кладетъ шишку на столъ, но не оставляетъ ее хозяевамъ, какъ въ сѣверной части уѣзда. Позже молодой со свитой и музыкой приходитъ къ невѣстѣ, окруженной подругами. Здѣсь «бесидуе одна молодь». Женщины, между тѣмъ, приготовляютъ большую, круглую, «княжеську» шишку, которую въ понедѣльникъ дѣлятъ свадьбанамъ, намазывая медомъ. Молодой сидитъ на покути безъ шапки; зимой во время domu deductio молодыхъ переводятъ чрезъ огонь и молодой расплетаютъ косу въ домѣ жениха. Рождественскіе праздники проводятся иначе, чѣмъ на сѣверѣ уѣзда: нѣтъ ни щедривокъ взрослыхъ, ни святочнаго маскарада, взамѣнъ чего сохранился старый крещенскій обычай. Въ этотъ день онишковская и оржицкая молодежь—дѣвицы, парни, дѣти—разъѣзжаютъ по рѣкѣ въ саняхъ. У крестовъ санки останавливаются. Къ дѣвкамъ подходятъ парни и умываютъ ихъ рукой. Отъ этого умыванія нельзя отказаться. Какъ бы ни

---

[1]) Исключеніе составляли только голодные годы. По разсказу Чмихала, козачка Борщиха, ея сынъ и дочь умерли отъ голода, не-ѣвши 12 дней.

«пручалась» гордая богатырка, парни потащутъ ее насильно къ кресту и умоютъ. Умытая дѣвушка утирается хусткой. Незнакомый парень угощаетъ насиннямъ, спрашивая: «Насиння хочешь?— Я не знаю звидкиля се насиння, де воно родылось?—Въ Оржыци.— Ну, вже давай». Если парень понравился дивчыни, то она также брызнетъ (хлюпне) ему въ лицо и потомъ умоетъ рукой. Это взаимное умываніе, символизирующее будущую общую жизнь, наводитъ на воспоминаніе о древнихъ и позднѣйшихъ обыкновеніяхъ предковъ настоящихъ малоруссовъ. Такъ: «Умыкиваху у воды дѣвиця. Сѣверъ схожахуся на игрища и ту умыкаху жены себѣ съ нею же кто совѣщашеся» [1]). И затѣмъ на второй день Пасхи,—читаемъ у Боплана,— парни обливаютъ дѣвицъ съ ногъ до головы водой, а на третій парня подстерегаютъ и окружаютъ съ громкимъ крикомъ дѣвушки. Сильнѣйшія придерживаютъ его за руки, а прочія окачиваютъ водой [2]).

Вблизи Онушокъ у широкой Оржицкой долины расположилась Остаповка на незначительномъ возвышеніи, вокругъ большого солонцоватаго выгона. Со въѣзда нѣсколько панскихъ усадьбъ едва замѣтны за зеленью садовъ и вѣковыхъ деревьевъ, и дальше все село въ зелени. Нѣкогда столѣтній старикъ Чмихало говорилъ: «Се все недавни села, а отъ Остаповка давня». Дѣйствительно, она отмѣчена на картѣ Боплана, но всякія воспоминанія о началѣ села утрачены. Повидимому въ образованіи села участвовалъ мѣстный родъ Верпетъ, такъ какъ они заняли большое пространство вблизи церкви, но ихъ семейныя преданія неясны и преувеличены. «Якъ Польщу воювалы, такъ бувъ полководецъ Верпета. Ёму було опредилено владить одъ самого Яблонова по мистечко Оржыцю по ричци. Такъ винъ тутъ и основавсь. Одъ ёго сына Яна Хрыстофоровыча пишлы Верпеты. Винъ и церкву збудовавъ малесеньку на сохахъ и очеретомъ укрыта». Нѣкоторымъ подтвержденіемъ древности рода Верпетъ служитъ грамота изъ VI части дворянской родословной книги Кіевской

---

[1]) Несторъ Лѣтоп. 8.

[2]) Опис. Укр. 79.

губерніи, выданная 12 марта 1795 г. Иустину [1]) Назаровичу Верпетѣ. Впрочемъ, потомки его утратили дворянское званіе и вновь обратились въ козачество, и лишь нѣкоторые представители этой фамиліи вновь выслужились, но даже дѣды настоящихъ дворянъ Верпетъ еще были козаками. Крестьяне ихъ произошли изъ подсосѣдковъ, были также выходцы изъ Литвы—Лейбачи. Здѣсь же подъ вѣковыми осокорями жили дворяне и козаки Дейнеки [2]), уже выведшіеся, а за ними Коршуны, также паны и козаки, дальше Березняки, вышедшіе изъ Довгои, Золотоношскаго уѣзда, и козаки Компанійцы. Крестьяне носятъ фамиліи: Гуцы, Житинскіе, Проценки и Тищенки [3]). Остаповка невелика, въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка въ ней было лишь до 700 душъ, теперь 1023. Жители въ общемъ довольно зажиточны; съ десятокъ панскихъ усадьбъ и три богатырскихъ: Верпетъ и Березняковъ прекрасно обстроены, и прочія усадьбы недурны. Въ старину и панскія и козачьи хозяйства не были обширны: въ каждомъ водилось по плугу воловъ да по нѣсколько кобылъ; крестьяне не имѣли тягла. И теперь поземельныя условія сравнительно не тягостны: земля нанимается по 7—10 руб., болотные сѣнокосы убираются съ половины; только пѣшіе, какъ и вездѣ почти, получаютъ 5—6-ой снопъ съ отработкомъ 2-хъ дней съ десятины. Сонное существованіе панковъ и богатырей разнообразилось прежде безчисленными дрязгами, ссорами и тяжбами, сведшими преждевременно въ могилу нѣкоторыхъ любителей «позвовъ». Случалось, что во время разбора у мирового судьи истецъ только что начиналъ еще поддерживать свой искъ, какъ отвѣтчикъ уже набрасывалъ апелляціонную жалобу въ съѣздъ на предполагаемое рѣшеніе судьи. Многочисленныя тяжбы породили особыя слова и выраженія въ мѣстномъ говорѣ: «заведене дило» или «заведене» въ

---

[1]) Такъ въ грамотѣ.

[2]) Дейнеками называлась толпа, приставшая къ войску Ромодановскаго, шедшему противъ Выговскаго. (Костомаровъ. Гетм. Выгов. Основа, 1861 г., VII, 81).

[3]) Возлѣ Остаповки одинъ только хуторъ Косинскаго, населенный Коршунами и Телюками.

значеніи утвержденія, вмѣсто: эге, такъ; осудовыще вмѣсто судъ. Былъ и постоянный свидѣтель съ уличнымъ названіемъ Сороковый, приданнымъ ему священникомъ. Священникъ, знакомя вновь появившагося панка съ мѣстнымъ обществомъ, сказалъ: «Васъ тутъ трыдцять девять панивъ, а се вамъ сороковый». Но и въ прозаической Остаповкѣ есть прелестный уголокъ, маленькій рай, это церковный погостъ, осѣненный вѣковыми берестами, ясенями, грушами, закрывающими церковь св. Николая [1]). Еще лучше въ рединѣ церкви. Тамъ въ лѣвомъ притворѣ помѣщается образъ Пр. Дѣвы съ младенцемъ Іисусомъ, ласкающимъ ее ручкой. Пресвятая Дѣва изображена съ нѣсколько широко разставленными ясными очами, тонкимъ носомъ и съ неземной ласковой улыбкой на слегка изогнутыхъ губахъ. По типу изображеніе близко къ Корсуновской Богоматери. Икона довольно большая въ $2^1/_2$ арш. вышины и 1 арш. ширины. По преданію она взята во время сраженія, была нѣкоторое время въ семействѣ Ивахненковъ, по смерти которыхъ передана въ церковь. Подъ иконою надпись: «1834 года, марта 7 дня, сдѣлана сія риза прихожанами и доброхотными дателями на половину же цени [2]) оной ризи [3]) принесено въ даръ малолѣтнимъ Иваномъ Тоцкимъ». Сбоку привѣшено много серебряныхъ досточекъ съ фигурками святыхъ и изображеніями.

Издалека со стороны степи по Онушковской и Остаповской дорогѣ виднѣется на продолговатомъ возвышеніи старое мѣстечко Оржица, съ рощами, постройками и церковью посрединѣ. По разъясненію покойнаго профессора Потебни *о* въ словѣ Оржица приставное, подобно тому, какъ въ названіи Овручъ, древній Вручій [4]), корень же слова—ржа, ржарчина, т. е. водная окись

---

[1]) Старая церковь 1732 г. стояла посреди села, перенесена въ 1752 г. на новое мѣсто, состояла изъ средины и алтаря, въ 1752 г. перестроена иждивеніемъ прихожанъ, придѣланы притворы. На погостѣ стертыя, сглаженныя могилы—остатки стараго кладбища.

[2]) и [3]) Такъ въ надписи. Есть еще антиминсъ 1732 г. и крестъ съ частицами мощей.

[4]) Замѣт. о малор. нарѣч. Воронежъ, 1871 г., 22, 23.

желѣза, содержащаяся въ мѣстной водѣ и торфяникахъ [1]). Въ кіевскій періодъ Оржица входила во вторую оборонительную линію Переяславльской земли. Послѣ разоренія Переяславльскаго княжества Батыемъ оржицкая степь служила лишь кочевьемъ татарамъ въ XIV и XV вѣкахъ; въ XVI в. Оржицы также еще не существовало, а были только замковые уходы: Козакевича, Колоденскаго, состоявшаго въ спорѣ съ Русановичемъ, а выше устья Оржицы (Жицы)—Морозовича и Чайки [2]). Но съ начала XVII в. возникаетъ мѣстечко, становящееся въ половинѣ столѣтія центромъ самостоятельной сотни Кропивенскаго полка, потомъ отчисленное въ Горошинскую сотню Лубенскаго. Во второй половинѣ XVII в. Оржица настолько была разорена татарами [3]), что Дорошенко считалъ необходимымъ поддержать мѣстное населеніе двумя универсалами: 1668 г. о предохраненіи жителей отъ дальнѣйшаго разоренія проходящими войсками, и о предоставленіи имъ перевоза чрезъ рѣку [4]).

Рѣка Оржица характеризована покойнымъ М. Т. Симоновымъ въ извѣстномъ этнографическомъ трудѣ «Риздвяни святкы» [5]) такимъ образомъ: «иногда между берегами ея версты двѣ, три, но посрединѣ большой островъ и лѣсъ. Притомъ часто вся эта ширина очерета да лозы съ узкимъ главнымъ ложемъ рѣки посрединѣ да съ густою затѣйливою сѣтью дорогъ, дорожекъ, прогалинъ, каналовъ, ямъ на остальномъ пространствѣ». Чрезъ весь этотъ лабиринтъ ведетъ теперь въ м. Оржицу недавно построенная земская плотина, длинная, обсаженная вербами, но еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія плотину гатили кое-какъ навозомъ, а

---

[1]) Гуровъ. Геол. опис. Полт. губ. 319.

[2]) Лѣвобереж. Укр. въ XV—XVII в.в. въ Кіев. Стар. 1896 г. № IV и V, 94, 95. Къ истор. колониз. Лѣвоб. Укр. въ XV—XVI в.в. въ Сбор. Харьк. Ист. Фил. Общест. 1892 г., IV, 20.

[3]) Старожилы вспоминаютъ: „Татары булы на поли, здивалысь. Изъ хатъ тикалы люде у берегъ“.

[4]) Лазаревскій. Ист. очерк. 132—134.

[5]) Въ Основѣ 1861 г., перепечатаны въ Кіев. Старинѣ 1899 г., IX, 145.

на потокахъ стояли дрянные мостики. Грязь была невылазная. Тотчасъ за плотиной на пригоркѣ «На Бéрези, за перетикъ» живетъ оржицкое крестьянство, потомки подсосѣдковъ, которыхъ усиленно садили здѣсь въ концѣ XVIII вѣка мѣстные владѣльцы: Требинскіе, Сахновскіе и др. [1]). Здѣсь же живутъ древнѣйшія козацкія фамиліи: Семперовичи и Авраменки, по уличному прозвищу Шаповалы. Далѣе на самомъ холмѣ тѣснилась старая Оржица, среди валовъ, достигающихъ 5 саженъ вышины, очень широкихъ, начинающихся у небольшого выгона, скорѣй выпуста, застроеннаго мельницами. Посреди валовъ—проѣздъ, гдѣ нѣкогда по преданію были чугунные ворота. Здѣсь будто бы проживалъ иногда гетманъ Дорошенко. «Тутъ ёго дворыще, тутъ поховани зъ гетманивъ. Тутъ и старынни входни погреба. Якъ прыйты надъ гору, ступыть, гукнешъ—озывается; кажемъ: оце мабуть тутъ гетманша захована, що гука. А въ Лукомьи була столыця Дорошенка». Впослѣдствіи на этомъ же мѣстѣ была усадьба Сахновскихъ, потомковъ Горошинскаго сотника [2]) Петра Сахновскаго, уроженца Черниговскаго полка, и свойственниковъ генеральному писарю Безбородку [3]). Внутри усадьбы у воротъ, среди вишенъ, стоитъ крестъ надъ каменнымъ столбомъ, обозначающій мѣсто старой Преображенской церкви. Церковь была уже въ 1745 г., какъ видно изъ надписи на евангеліи, сдѣланной въ томъ году и гласящей: «Сіе божественное евангеліе купилъ Антонъ Семеновичъ Зѣнченко съ порадою жены своей и чадъ своихъ до м. Оржицы за пресвитеровъ того-же храма о. Антонія да о. Гавріила Семперовичевъ». Эта старая церковь упразднена въ 1759, а новая трехглавая выстроена лишь въ 1767 г., колокольня позже въ 1774 г. [4]). Новая церковь сдѣлана была въ формѣ корабля изъ

---

[1]) Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Луб. 132—134.

[2]) 1756—1763 годовъ.

[3]) Лазаревскій. Ист. Очер. 1[illegible] 161.

[4]) А. Грановскій. Полт. епар. 415. Въ этомъ изслѣдованіи упоминается еще о существованіи въ м. Оржицѣ другой Михайловской церкви, о чемъ нѣтъ никакихъ мѣстныхъ данныхъ или воспоминаній,

дубовыхъ плахъ, шириной въ аршинъ, мѣстнаго дерева [1]), въ шулы, а не въ замки. Бревна скрѣплялись желѣзными шворнями, болтами. Тѣмъ не менѣе 24 іюня 1848 г., на Іоанна Крестителя, ураганъ разбросалъ бревна и сорвалъ какъ куполы церкви, такъ и колокольню до половины. Новѣйшая церковь, построенная въ 1872 г. далѣе на выгонѣ на крутой терасѣ Оржицы, просторна, свѣтла, съ зеленымъ куполомъ, усѣяннымъ звѣздами, съ колокольней въ одной связи. Внутри церкви—зеленый иконостасъ съ намѣстными иконами въ массивныхъ серебряныхъ шатахъ, и хоры [2]). Отовсюду: изъ церкви, съ холма, изъ валовъ древней крѣпости открывается широкій видъ на оржицкую низину, покрытую яркой зеленью, а по снятіи сѣна усѣянную стогами, частыми какъ копы. Внизу подъ валомъ надъ берегомъ проходитъ узкая улица Коваливщына, жилье Ковалей, а къ востоку отъ нихъ живутъ Жалы. Гдѣ кончается валъ, тамъ кончалась и царина въ старину, почему новая восточная часть Оржицы, похожая на миніатюрный городокъ, называется Зацаринье. По главной улицѣ Зацаринья постройки и дома выдвигаются на улицу фасадами, иногда за палисадниками; встрѣчаются и желѣзныя крыши. Главная улица расширяется къ выѣзду на Иржавецъ, у новой царины, и переходитъ въ широкій выгонъ съ мельницами. И здѣсь всѣ козачьи хаты одинаково на городской образецъ выступаютъ причилками на улицу и площадь. На главной улицѣ жили: дворяне Лазоренки, потомки мѣстнаго сотеннаго атамана Трофима Ивановича Тамары, потомки прежнихъ священниковъ, Брайковскіе,

---

а только до отдѣленія Зарога въ самостоятельный приходъ въ Оржицѣ было два священника и діаконъ.

[1]) Дорошенкомъ подарено церкви 33 десят. лѣса и 160 десят. болота, универсалъ о томъ отосланъ въ Полтавскій церковный музей.

[2]) Среди иконъ есть маленькій образъ Покрова съ омофоромъ, а среди богослужебныхъ предметовъ: складень 1786 г., два старинныхъ мироносныхъ креста, и крестъ съ надписью: «Сооружися крестъ въ местечко уѣзда Хорольского до храму Преображеня Господня Оржицю».

одинъ изъ которыхъ былъ войсковымъ писаремъ. Послѣдняя Брайковская вышла замужъ за штабсъ-капитана Герасима Тиховскаго, участвовавшаго въ крымской кампаніи и между прочимъ въ атакѣ Хрулевымъ Евпаторіи,—и дворяне Терлецкіе, родомъ изъ Волыни. По главной улицѣ живутъ старыя козацкія фамиліи: Давиденки, Кулики, Нестеренки, Паламаренки, Паськи и Семперовичи [1]); посреди мѣстечка и на кутѣ Падаливщинѣ, расположенномъ влѣво къ Опишкамъ, живутъ: Вороны, Гапоны, Мистюки, Татуси, по уличному Яшныкы, Тыщенки и Цупры, далѣе Падалки и Копильки на особомъ куточкѣ Копилькахъ. На Зацариньи же помѣщаются и слѣдующія козацкія фамиліи: Комлачи, Трелюсы и Руденки, а на крайнемъ восточномъ кутѣ къ Плехову—Куевдыхѣ—Лобуренки, по уличному Куевды. При Вишневецкихъ въ Оржицѣ былъ только 91 хозяинъ, теперь всѣхъ жителей 1608 душъ [2]). О хозяйственномъ положеніи жителей въ старые годы передаютъ, что только въ Сосновскихъ было болѣе значительное состояніе. Въ XVIII в. они скупали земли у сосѣднихъ козаковъ, между прочимъ Голубъ продалъ сотнику Петру Сахновскому ниву за 2 руб. 40 коп. для покупки сабли [3]). Во время крѣпостного права у Сахновскихъ было 3 экономическихъ плуга, 12 паръ воловъ ходили въ дорогу, были стада скота, лошадей и простыхъ овецъ. У мелкихъ пановъ было по одному, и всѣ крестьяне были пѣшими. Также у стараго богатыря Авраменка былъ свой плугъ и 6—8 паръ воловъ при 100 десятинахъ земли. Прочіе козаки спрягались. Какъ они, такъ и паны, одинаково выбрасывали пѣшимъ 3-й снопъ. Козаки имѣли 127 десят.

---

[1]) Изъ этой фамиліи были священники Семперовичи, въ старину называвшіеся Сеперами. (Грановскій. Полт. епарх., 415). Вокругъ мѣстечка расположились слѣдующія урочища и могилы: Садкова, возлѣ нея валъ, «хвистъ» котораго выходитъ на Горошинскую дорогу, Мóщыха, возлѣ которой также валъ, Гостра и Рогова, обѣ круглыя. Хуторовъ нѣтъ.

[2]) Кулишъ: Истор. возсоед. Руси. 1, 26–28, и Борьба шлях. съ козач. Библіот. для чт. 1865 г., IX, 5.

[3]) Лазаревскій. Ист. очер. Полт. Лубенщ. 132.

общественнаго сѣнокоса въ общемъ владѣніи съ передѣлами черезъ 5—6 лѣтъ [1]). Скотъ пасся въ общественномъ стадѣ съ платежемъ 20 коп. и гарнца муки въ 4 ф. отъ скотины, 10 коп. отъ овцы безъ руна и 5 коп. съ руномъ отъ десятка.

Въ самой Оржицѣ мужчины красивѣе женщинъ. Они стройны, высоки, съ прямыми чертами лица, волосы темные. Одежда за небольшими исключеніями однообразна во всей волости. Шапки ровныя, средней величины, черныя, рѣдко сѣрыя. Въ сосѣднемъ Иржавцѣ болѣе высокія. Рубашки съ стоячимъ, вышитымъ даже у стариковъ воротникомъ, у молодежи расшиты манишки и концы рукавовъ (чохла), «каптанкы» чорныя, ниже колѣнъ съ отрѣзной таліей и сборами, сверхъ нихъ въ дорогу надѣваютъ длинныя сѣрыя свиты (кобеняки). Городскіе пиджаки и штаны изъ покупныхъ матерій (крамни) теперь повсемѣстны. Кромѣ сапогъ для работъ въ болотахъ служатъ еще кожанные толстые башмаки (постолы). Женскій головной уборъ состоитъ изъ невысокаго, круглаго, цвѣтного или темнаго очипка, ситцеваго или кумачеваго съ вырѣзками для ушей. Часто его замѣняютъ уже сборникомъ. Сверхъ очипка надѣвается «бежовый, кашмирный, отласовый, ящыковый и шовковый» платки, первые гладко безъ выпуска концовъ (рожкивъ), послѣдній съ концами вверхъ. Начосовъ у женщинъ, кромѣ иржавскихъ, незамѣтно, и мычка мало видна. Дѣвушки зачесываются въ одну и двѣ косы и закрываются, а не повязываются платкомъ. Въ уши часто вдѣты одни кольца безъ привѣсокъ. На шеѣ молодицы и дивчыны надѣты: шнурокъ съ крестикомъ и иконками, «добре намысто», коралловыя трубочки (кострычка), разноцвѣтныя гранаты, а въ Иржавцѣ старинные рубли (дукачи). Рубашки конопляныя, рѣдко льняныя, расшитыя красными и черными крестиками и розами, у старухъ встрѣчаются еще мережанные подолы, молодицамъ же, опускающимъ низко исподницы, нѣтъ необходимости въ мережкѣ. Корсеты средней длины черные, коричневые, рѣдко яркіе, обшиты черной или цвѣтной ленточкой, грудь и полы расшиты черными нитками вол-

---

[1]) Сб. хоз. стат. Полт. губ. VI. Луб. у. 11.

нообразными линіями. Сзади плоско, «до усивъ», которыхъ 7—11, и «дощечокъ». Темныя литнячки и ватянки сшиты тѣмъ же фасономъ. Много кофтъ. Свиты черныя и сѣрыя. Запаски сохранились только у старухъ, у молодицъ длинныя сподницы и фартухи, подвязанные поясомъ, сзади спускающимся внизъ. Молодежь носитъ черевики и ботинки, изрѣдка разноцвѣтные чулки, а зимой сапоги на косую колодку, съ низкими подборами. Наблюдательныхъ посѣтителей уѣзда поражаетъ преобладаніе вкуса къ чорному цвѣту у мѣстныхъ женщинъ.

Узкій проселокъ ведетъ изъ Оржицы въ Плеховъ мимо глубокаго яра, заросшаго лѣсомъ. Иногда на пригоркахъ при встрѣчѣ нельзя и разминуться. За полемъ виднѣется село въ зелени вишневыхъ садовъ на возвышеніи праваго берега Оржицы, впадающей въ Сулу версты за двѣ отъ села у обширной, зеленой низины, отдѣляющей Плеховъ отъ Онушокъ и Великой Селецкой, и полной протоковъ и озеръ. Въ прямомъ разстояніи между селами только четыре версты. О началѣ села ничего точнаго неизвѣстно; по предположенію же покойнаго А. М. Лазаревскаго, Плеховъ основанъ въ первой половинѣ XVII в. выходцами изъ подъ Чернигова, такъ какъ и тамъ есть село съ тѣмъ же названіемъ [1]). На картѣ Боплана онъ названъ Плюховымъ. Ничто кромѣ созвучія не даетъ права предполагать, что названіе села произошло отъ Онушковской козачьей фамиліи Пелеховъ. Въ мѣстной церковной лѣтописи осадчимъ признается рыболовъ Плехъ; по болѣе точнымъ сказаніямъ Плеховъ начатъ нѣсколькими основными фамиліями съ трехъ хатъ. Крайній поперечный кутокъ, Дригивка, населенъ Дригамы, предкомъ которыхъ былъ рыболовъ изъ Великой Селецкой. Здѣсь живутъ также Дмитренки изъ Юсковецъ; здѣсь же расположена и усадьба почетнаго гражданина Ф. К. Черныша. На Дриговкѣ есть подземный ходъ на глубинѣ 5 саженъ съ боковыми проходами, въ которомъ свободно ходитъ человѣкъ средняго роста. Изъ Юсковецъ пришла и древнѣйшая мѣстная фамилія Нестеренко, занявшая

---

[1]) Историч. очер. Полт. Лубенщ. 132—134.

Нестеривку, кутъ, перпендикулярный Дригивкѣ. Кутъ заселенъ исключительно Нестеренками, одинъ изъ которыхъ былъ полковникомъ [1]).

Восточнѣе Нестеривки, на Трегубивкѣ живутъ: Трегубы, вышедшіе изъ Калкаева, хутора хорольскаго уѣзда, Сизоненки, Охрименки, Люти («Йихъ баба була ляхивна»), и паны Герасименки, козацкаго происхожденія. Еще болѣе къ востоку размѣстились слѣдующіе куты: Налучанскій, жительство Кобзарей, пришедшихъ изъ Селецкой и Бурыхъ, Кобзаривщина, на которой живутъ: Дмитренки, Кобзари и Слиньки изъ Калкаева, Мизюривщина, жительство Семперовичей, Садкивъ и бывшихъ крестьянъ Скаржинскаго: изъ Новаго Иржавца: Винниченковъ и Кишинскихъ, и Довга, жилье козаковъ Андрусенковъ, и Рожки—Рожковъ и Семперовичей Старая церковь была надъ горою въ средоточіи Дригивки и Нестеривки въ такъ называемомъ Городкѣ. По преданію она основана Сеперомъ, предкомъ Семперовичей въ честь Рождества Пр. Богородицы, а по письменнымъ даннымъ Семперовичи были первыми священниками [2]). По письменнымъ же даннымъ извѣстно, что Плеховъ отданъ былъ въ 1734 г. Требинскимъ «съ угодіи, кромѣ козачьихъ грунтовъ и виключивъ изъ села Плехова посполитныхъ два двора, какъ свободны» [3]). И впослѣдствіи оно числилось въ Горошинской сотнѣ за бунчуковымъ товарищемъ Даніиломъ Требинскимъ [4]). Послѣдній выстроилъ въ 1777 г. новую церковь взамѣнъ старой тѣсной церковцы Сепера [5]). Эта вторая церковь прелестной древнемалорусской архитектуры въ видѣ корабля стояла среди сирени, тополей и ясеней въ саду, но по неизвѣстнымъ соображеніямъ она выдви-

---

[1]) Можетъ быть фамильное преданіе подразумѣваетъ Лубенскаго полковника А. К. Нестеренка (1672 г.) зятя Многогрѣшнаго (Лазаревскій. Ист. Очер. 52).

[2]) А. Грановскій Полт. епарх. 414.

[3]) И. Лучицкій. Сборн. матер. 52, Лазаревскій, Ист. очер. Полт. Луб. 132—134, Кіев. Стар. 1896 г., VI, 309.

[4]) Грановскій. Полт. епарх. 414.

[5]) Ibid.

нута въ 1880 г. впередъ на выгонъ и еще только обсажена деревомъ. Новѣйшая церковь обыкновенной сельской архитектуры. Иконостасъ синій съ круглыми очертаніями; намѣстные образа—въ драгоцѣнныхъ шатахъ, хорошей кисти, но нѣсколько напоминаютъ греческія божества, образъ же Пресвятой Дѣвы очень индивидуаленъ, какъ будто списанъ съ живой женщины. Къ счастію, маляры, обновлявшіе храмъ, отказались поновить образа, сказавъ: «мы такъ не нарисуемъ» [1]).

О хозяйствѣ старѣйшихъ папов Требинскихъ ничего неизвѣстно. Слѣдовавшій за нимъ помѣщикъ Иванъ Михайловичъ Скаржинскій имѣлъ здѣсь винокурню, 5 плуговъ и стадо сѣрой украинской породы. Крестьяне имѣли своихъ 2 плуга, работали 4 дня пану и 2 себѣ, пѣшіе получали 3-й снопъ, женщины пряли по 3 пивмитка. Жена его, урожденная Закревская, овдовѣвъ, вышла вторично за Паскевича (Паська), и затѣмъ имѣніе пріобрѣтено Ф. К. Чернышемъ. У Т. С. Герасименка былъ одинъ плугъ, нѣсколько коровъ и табунъ въ 15 матокъ съ однимъ жеребцомъ. Сынъ его Иларіонъ Тимофеевичъ построилъ винокурню. Хозяйство мѣстныхъ козаковъ не было значительно, зажиточные держали по плугу воловъ, пѣшимъ выбрасывали 3-й снопъ, а теперь зажонщикъ получаетъ 4—5 снопъ съ отработкомъ по востребованію; за деньги землю нанимаютъ по 10—12 р. десятину. Обиліе луговъ давало возможность держать по 20 и болѣе лошадей. «У Кобзаривъ була копа самихъ кобылъ». Была общественная череда съ быкомъ, въ которую платили, помѣщая скотъ, по 3 к. отъ головы и коробку жита отъ пары воловъ. Средней величины пасики, въ 50—60 пней въ зиму, были у Бурыхъ и Дмитренковъ.

---

[1]) На одномъ изъ евангелій встрѣчается надпись: «З попади Оржицкой Екатерины Михайловны Антона Сеперова обѣцявши сіе евангеліе за свои собственныя деньги цѣною за 13 руб. съ полтиною дала его синови своему о. Івану, пресвитеру Плехова и потомства его во вѣчные роды въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ Иваномъ Боровскимъ и Стефаномъ Смирницкимъ по моему прошенію за вышеписанную цѣну власными моими деньгами».

Мѣстное рыболовство такое же какъ и въ сосѣднихъ селахъ; ловятся тѣже породы рыбъ: щука, вязь [1]), караси, лины, вьюны. Раковъ нѣтъ. Ловятъ крылачами на свободномъ мѣстѣ (на гайду), ятерями и неводами, зимою помощью камышовыхъ «котей». Уловы невелики: пуда два рыбы; прежде фунтъ рыбы стоилъ 3 к., пудъ 1 р. 20 коп., а теперь 8—10 к. фунтъ и 3 руб. пуд. Всего населенія теперь 1600 душъ. Оно высоко, темнорусо, съ голубоватыми глазами; темные волосы и глаза встрѣчаются въ семействахъ: Бурыхъ, Дригъ и Трегубовъ. Мода оржицкая, отличающаяся отъ хорольской. На лѣвомъ берегу Сулы въ хорольскомъ у. женщины носятъ очипки пирожкомъ, повязываются платкомъ узломъ (гулею) впередъ; въ одеждахъ большіе выкаты у шеи; сапоги цвѣтные. Мужскія одежды длиннѣе.

Въ Плеховскомъ приходѣ только два хутора [2]): Слиньковъ и Нестеренковъ. Первый, основанный тремя братьями: Герасимомъ, Яковомъ и Никитой, состоитъ изъ 18 дворовъ, раскинутыхъ на безлѣсной равнинѣ. У хутора Слинькова сплошная возвышенность сульской террасы разрывается крутымъ спускомъ къ рѣкѣ. Слѣва къ хутору—отвѣсная гора, вправо другая, гораздо выше, съ вершиной, увѣнчанной укрѣпленіями круглыми, причудливой формы. Послѣдняя гора называется Лысой. Валы протянулись и около хуторовъ. Внизу подъ самой горой темнѣетъ Сула узкимъ ручьемъ. За нею широкій, желтѣющій цвѣтами лугъ, а за нимъ межъ блѣдными вербами и осинами, темными берестами, разбросаны постройки хорольскаго хутора Калкаева. За зеленью въ синей дали виднѣются очертанья Нарожской церкви [3]). Тот-

---

[1]) Иначе билызна (leuciscus idus. L.). Мелкая рыбка носитъ въ лубенскомъ у. слѣдующія названія: верховодъ (leuc. alburnus. L.), вивсянка или вивсюшка, пидлешни, плитка (l. rulitus) плоскирка (ablamus blicca. L.), пукасы, сыкавка (cobius taenia. L.), таловирка и хавдодъ.

[2]) Урочища кругомъ Плехова называются луки Гряда; ямы на Сулѣ: Кобзарьки, Цыганка и Бакланка; могилы: Батарея, Бурты и Роскопана.

[3]) Нарожье село хорольскаго уѣзда.

часъ за Лысой горой къ востоку лѣпится на кругизнѣ среди грушъ, берестовъ и осинъ хуторъ Нестеренковъ въ 14 дворовъ, основанный Андреемъ и Тимофеемъ. Низина подъ хуторомъ называется Тванью [1]), прежде по ней ходилъ паромъ Оболонскихъ и Гудимъ съ платежемъ въ началѣ по востребованію, потомъ по 3 коп. отъ воза и по копѣйкѣ съ пѣшаго. Потомъ проложена длинная земская плотина съ рядомъ вербъ по краямъ. За Тванью Сула, пробѣгая мимо сосѣдней Чутовки, направляется къ Горошину, затѣмъ протекаетъ около Жовнина, золотоношскаго уѣзда, межъ низкими, песчаными берегами и скоро вливается въ Днѣпръ подъ высокой горой.

Вблизи хуторовъ Слинька и Нестеренка, у впаденія ручья Иржавца [2]) въ Сулу, расположена Чутовка, крайнее южное поселеніе лубенскаго уѣзда. По обѣимъ сторонамъ балки тѣснятся крестьянскія постройки, въ рощахъ вишенъ, грушъ, ясеней и серебристыхъ тополей. Внизу продолговатый прудъ съ зеленой водой, прежде обильный рыбой и раками. У пруда видны ряды итальянскихъ тополей и осокорей, обширный садъ и панская усадьба, принадлежавшая Требинскимъ, съ противоположной стороны села—другая панская усадьба. Названіе села происходитъ отъ имени козака Чута, жившаго вблизи на такъ называемомъ Городищѣ особымъ хуторкомъ [3]). Но о Чутѣ ничего неизвѣстно, хотя такая фамилія и встрѣчается среди мѣстныхъ крестьянъ. Дѣйствительная же исторія села, разукрашенная, впрочемъ, воображеніемъ, соединена съ герцеговинской фамиліей Требинскихъ, появившихся въ уѣздѣ по слѣдующему поводу. Какъ извѣстно, Петръ Великій, объявивъ войну Турціи, пригласилъ и южныхъ

---

[1]) Твань—невылазная грязь, болото.

[2]) Гуровъ. Геол. опис. Полт. г. 325. Этотъ ручей только одноименный съ протекающимъ по Черевковской и Селецкой волостямъ, описаннымъ въ «Средней Лубенщ.» (Кіев. Ст. 1903 г. II) и въ 1-й гл. настоящихъ очерковъ.

[3]) «Тамъ бувъ городокъ, одынъ старыкъ вертивъ землю буравомъ, найде клади: печище замуроване, родъ лёха и уголя»,—разсказываютъ старожилы о Городищѣ.

славянъ возстать противъ турокъ и скинуть позорное иго. Приглашеніе это воспѣто въ приводимой графомъ Милорадовичемъ сербской пѣснѣ:

Какъ Русія съ Турцимъ ратоваше,
Петаръ Првый, Императоръ Рускій
Оправіо посланника свога
Михаила Милорадовитя,
Одъ старице изъ Герцеговине
Да понесе Црной Горы книге
Петровитю Данилу Владици
И Главаромъ отъ Горице Црне [1])...

Полковникъ Михаилъ Милорадовичъ, явясь въ 1711 г. съ увѣщательными грамотами въ Скандербегіи, Герцеговинѣ и Чорной горѣ успѣлъ разжечь возстаніе, въ которомъ воевода Кастель-Нуово Славуй Требинскій, поднявъ оружіе противъ турокъ, содержалъ компанію на своемъ счету, а послѣ примиренія вынужденъ былъ переселиться въ Россію и опредѣленъ сотникомъ въ Ирклѣевъ, Переясловскаго полка, гдѣ купилъ грунты и съ согласія жителей занялъ свободное поле [2]). Потомъ въ 1734 г. по указу Анны Іоанновны дана Славую съ братьями: Алексѣемъ и Максимомъ м. Оржица, Лукомской сотни, «для лутшого утвержденія и ласканія всего тамошняго благочестиваго народа». Славуй вызвалъ изъ Герцеговины племянниковъ: Данила, Николая и Ивана, изъ которыхъ первый по смерти Славуя въ 1749 г. и Алексѣя въ 1753 г. получилъ Оржицу и Плеховъ, а Иванъ поступилъ вицекапраломъ въ полкъ, набранный генераломъ Шевичомъ. Однажды въ 1753 году онъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ напалъ на хуторъ Оржицкаго богатыря Авраменка, избили хозяевъ и челядь, изнасиловали молодицъ и дѣвокъ, ограбили ху-

---

[1]) Сказаніе о родѣ граф. и двор. Милорадовичей. Кіевъ 1884 г., 92.

[2]) Изъ грамоты Елисаветы Петровны 13 сентября 1745 г.. приведенной проф. И. В. Лучицкимъ въ «Сбор. матер.». Кіевъ 1884 г., 50—52.

торъ и угнали скотъ. За такіе неоднократные набѣги на козацкое добро, рубку лозъ, потравы полей, захватъ козачьихъ участковъ Иванъ Угричъ-Требинскій посаженъ былъ генераломъ Хорватомъ въ темницу. Освободившись, онъ занялся устройствомъ Чутовки, зазывая людей и предоставляя имъ на шесть лѣтъ въ пользованіе каждому по 3 десятины пахоти, по 1 десятинѣ сѣнокоса, дерево и камышъ за 18 дней отработка въ году [1]). Объ этихъ наѣздахъ, о заселеніи Чутовки о самой личности Ивана сохранились въ окрестностяхъ слѣдующія народныя воспоминанія. «Іованъ Требинскій бувъ первый вояка и власть ёму дана: куды хочешъ иды и де найдешъ вольни степы, селысь тамъ. Якъ ухватылы ёго у плинъ, хотилы смерти предать, що Требынській винъ, а винъ сказавъ: «Я Угрычичъ, а не Требынській, и війшовъ у се царство, поселывся у Чутовци на хутори Бекманивци надъ прудомъ. Жывъ у Чутовци Сеперъ и Требынському те мисто вподобалося и прыказавъ Требынській своёму війську: «якъ бы Сепера зогнать видтиля». Такъ одынъ служака, подданный, затоварышувавъ и позвавъ Сепера до себе у гости и начавъ ёго дурыть; упоивъ, такъ винъ якъ заснувъ, а військо зламало ёго постройку, зорало и жыта насіяло и семейство подалося на Твань, а Сеперъ кынувся, колы нема уже его постройкы, ходыть, плаче, дознавъ де ёго семейство. Ставъ позываться. Судъ спытавъ: «Якый то сонъ, що ты спавъ, що зламалы, выоралы и жыто насіялы, а ты й не чувъ»? Такъ судъ отказавъ: не може буть шобъ такъ. А Сеперъ бувъ богатый и давай просыться у Плехивъ: «Пустить мене, я выстрою церковъ и буду у васъ попомъ».—Разъ Іованъ йихавъ верхы, а гадъ вылизъ и злякавъ коня и Іованъ трохы не впавъ, такъ винъ у болото сославъ увесь гадъ, и на степку до Плехова, покы ёго земля, и доси нема гаду. Винъ, якъ треба рыбы, якъ крыкнувъ Горошынцямъ за пьять верстъ: «Давайте рыбы, а то осидлаю коня и головы поздіймаю!» Ёго боялысь уси. И патретъ ёго бувъ: страшный, чорнявый. Разъ занявъ винъ

---

[1]) «Кіев. Стар.», 1896 г. VI. 309, 311, 312, и IX, 220, 227 и 228.

кони Оржыцького попа. Пипъ пойихавъ до ёго, такъ веливъ Требыньскій забыть бороду попа въ пенёкъ и пипъ стоявъ двое сутокъ зъ заклынцёваною бородою. Жывъ винъ соби и одбывавъ землю, завоёвувавъ, прыбращавъ и козакивъ соби; було возьме бочку водкы и назбира людей; выйизжавъ винъ на буланому кони изъ своимы людьмы, подданными, сто чоловикамы, хотивъ Клыщыньци звоювать. Надъ Сулою гарне мисто, якъ и Чутовка. Пишовъ винъ прынуждать тихъ крестянъ. Воны бачять, що дило плохо и—тикать. Тоди лисно було тамъ. Такъ Їованъ сбере дитей та лавою до стины и подавывъ йихъ, а людей тихъ не розыскавъ. Тоди собралысь люде изъ Вереміивки зъ кійкамы и одбылы Клищенци [1]).—Предокъ Требынськихъ бувъ сербъ. Въ старого сербына було тры сына: одынъ сивъ на мисти князёмъ, другый подавсь сюда, а третій у Аглію. Сей прыйшовъ зъ войскомъ и сивъ у Чутовци надъ яромъ, зогнавъ Сепера, а то хотивъ зогнать Плехивъ и Оржыцю, зробывъ соби планъ на десять верстъ и сказавъ усихъ согнать. У ёго колдунъ бувъ. И войсько ишло на Плехивъ. Якъ Плехивци почулы, забралы дрюкы, війця и пишлы напротывъ зъ нымы быться. А Андріець Нестеренко жывъ хуторомъ, у ёго пасика була и меду багацько. Винъ попросывъ до себе колдуна, давъ ёму горилкы и меду, а си идуть зъ дрючьямы Плехивци, такъ войсько злякалось, що колдунъ бросывъ, и вернулось. Пытае Требыньскій: «А шо?»—Вернулысь шо колдунъ покынувъ уже и прыставъ до Андрійця». И Требыньскій покы вигналы, покы одбылы одъ Чутовкы, версты на дви звеливъ закопать ровомъ и ровъ и теперъ есть здоровый. Тоди винъ пославъ войсько на Оржыцю, колы и Оржыця одбылась. Колдунъ же оставсь на викъ у Андрійця, гостывъ, покы не вмеръ [2]). У Іована була жинка изъ сербіянъ и одынъ сынъ Ла-

---

[1]) Оба поселенія золотоношскаго уѣзда. Преданія записаны отъ Чутовскихъ крестьянъ, кромѣ эпизодовъ о Сеперѣ и атаки Плехова, разсказанныхъ П. А. Нестеренкомъ.

[2]) Чародѣйство входило въ старинную тактику, какъ видно изъ многихъ примѣровъ, приводимыхъ покойнымъ Костомаровымъ. Такъ,

зарь. Якъ Іованъ ослабивъ,—а судъ у ёго бувъ за межи изъ Каптакузомъ, Неплюемъ и Скаржинскимъ, такъ винъ пославъ сына: «Пойидь на судъ». А Лазарь помырывсь не такъ, якъ батько велывъ, а по согласію суда, якъ судъ йихъ прызвивъ. Такъ винъ якъ прыйихавъ до-дому до отця, такъ отець хотивъ ёго застрелыть. Лазарь утикъ. У Лазаря бувъ одынъ сынъ Иванъ. Винъ бувъ добрый. Йиде винъ на бигункахъ и у ёго бублыкы и сахарь, и де табунець дитей,—по головци погладывъ и каждому по бублыку и по грудци. Утромъ на Полупетра (30 іюня) обийизжавъ винъ степъ и казавъ людямъ: «Берить хлибъ, молотить и мелить». Распорядывсь, сивъ на балкони и черезъ пивчаса померъ» [1]).

У Ивана Лазаревича было состояніе въ 3000 десятинъ, обработывавшихся 15-ю экономическими и 15-ю крестьянскими плугами; 10—12 возовъ ходило въ дорогу, было стадо сѣрой украинской породы въ 50 коровъ при 2-хъ быкахъ, 2000 мериносовъ, и табунъ въ 50 матокъ, преимущественно рыжихъ и гнѣдыхъ. Любимый жеребецъ карабахъ былъ сѣрый въ яблокахъ (яблуковый). Въ экономіи были: 4 водяныхъ, земляная и вѣтряная мельницы. Эта экономія, и вмѣстѣ съ нею село, распалось на двѣ части, раздѣленныя ручьемъ Иржавцемъ: юговосточную, собственно Чутовку, доставшуюся сыну Ивана, Михаилу Требинскому, оставившему одного лишь сына Сергѣя, который принялъ монашество и рано умеръ, и сѣверозападную, Новоалександровку, доставшуюся другому сыну Александру, продавшему имѣніе [2]). Подраздѣленія

при защитѣ Голтвы Остраниномъ на крышахъ сидѣли чародѣи, чаровницы и отводили польскіе выстрѣлы. (Борьба укр. козак. съ Польш. 231). Пораженіе подъ Пилявой поляки приписывали чарамъ. Хмельницкій совѣтовался съ колдунами. Чаровница Мавруша отсовѣтовала приступъ къ Замостью. При уничтоженіи загона Донца казнены поляками двѣ колдуньи. (Богд. Хмельн. 1859 г. 240, 276, 290, 336). См. «Лѣсн. Лубенщ.», 86.

[1]) Отъ мѣстныхъ крестьянъ.

[2]) По народнымъ толкамъ «Аглыцьки Требынськи змерлы и король сказавъ Александру Ивановычу: «Грошей не выпущу, а ты йидь сюды». Такъ Александръ Ивановычъ несхотивъ.

этихъ частей (куты) называются большею частью по именамъ жителей, ихъ заселяющихъ. Крайній кутъ Чутовки отъ Плехова—Зацеркивка—заселена: Евтушенками, Репиленками, Черненками; далѣе куты: Никонивка—жилье Блискавокъ, Давидовка—Дулей, Кайдъ, Криворучокъ, Радькивка—Лазоренкивъ, Омельченкивъ, Радченкивъ, и Мартыновка, на которой живутъ: Маслаки и Щербановскіе. На площадкѣ стоитъ небольшая деревенская церковь св. Іоакима и Анны, основанная въ 1773 г. [1]) подполковникомъ И. Л. Требинскимъ, среди погоста, обсаженнаго желтой акаціей и молодыми деревцами. Новоалександровка состоитъ изъ слѣдующихъ кутовъ: Щербанивки, занятой: Лазирскими, Омельченками и Чутами, Сукивки—Зузулями, Маслаками, Старущенками и Суками. Послѣдній древнѣйшій кутокъ Бекманивка за прудомъ представляется рядомъ стѣсненныхъ, однообразно, какъ въ казенныхъ поселеніяхъ, выдвинутыхъ причилками на улицу, хатъ, заселенныхъ: Гривами, Лепинскими и Шевченками. Жители взяты Требинскими большею частью изъ Оржицы [2]), частью же—судя по фамильнымъ прозвищамъ—жители переселились изъ нѣсколькихъ селъ лѣсной и западной Лубенщины, вѣроятно привлеченные перечисленными выше льготами, объявленными Иваномъ Требинскимъ. Положеніе крестьянъ наканунѣ отмѣны крѣпостного права различалось. Въ Чутовкѣ было 18 семей тяглыхъ, получившихъ по 4 десятины надѣла, въ Новоалександровкѣ не было тяглыхъ и положеніе вообще соединялось съ стѣсненіемъ. Люди отказались отъ надѣла и теперь нанимаютъ поле и пастбище исключительно за отработокъ. Всего жителей 1387; они вышесредняго роста, много брюнетовъ. Одежда въ складкахъ, какъ въ Оржицѣ, очипки только плоскіе, красные, въ родѣ конфедератки, чѣмъ мѣстныя женщины отличаются отъ золотоношскихъ смежныхъ селъ, гдѣ очипки широкіе съ двумя гребнями, переломленные посрединѣ.

---

[1]) Прежде Чутовка принадлежала Мохначскому приходу и только послѣ пожара Мохначской церкви, случившагося на Рождество, выдѣлилась въ особый приходъ.

[2]) Лазаревскій, Истор. очер. 135.

Вверхъ по Иржавской балкѣ за Чутовкой у самой Золотоношской границы расположены три Иржавца: Новый, Старый и Вершинный. Первый, называемый еще Слободой, протянулся вдоль дороги линіей бѣдныхъ хатъ, крытыхъ камышемъ, въ тѣсныхъ дворахъ среди небольшихъ садовъ. Основанъ Скаржинскими, «богатющымы панамы», имѣвшими здѣсь до 2000 десятинъ, треть которыхъ распахивалась 8—12 плугами; остальныя служили сѣнокосомъ и пастбищемъ для стада коровъ: 50-ти при 2—3 быкахъ сѣрой украинской породы, табуна лошадей въ сто головъ, большею частью рыжихъ и гнѣдыхъ съ 6-ю жеребцами верховыми и упряжными, и 1000 шпанокъ. 10 возовъ посылалось въ дорогу. На ручьѣ Иржавцѣ молола водяная мельница. И людямъ тогда жилось недурно. «Люды жылы краще козакивъ, було у 50-ти хозяивъ по пари воливъ, булы: коровы, бычня, вивци и свыни». Тяглымъ предоставлялся 1—2 дня землп и по 3 дес. сѣнокоса. Они обязаны были: пахать, волочить экономическіе поля, свозить экономическій хлѣбъ; пѣшимъ предоставлялось также по дню поля и выбрасывался 3-й снопъ на общемъ основаніи. Женщины отпрядали въ зиму по три мотка. Теперь народъ обѣднѣлъ: надѣлъ взятъ по 2 десятины на семью, притомъ не всѣми. Законъ—7—8 снопъ безъ отработка, 7—12 коробка молотникамъ, смотря по урожаю. Степное сѣно снимаютъ съ 7, 8, лучшее съ 10 копны. Всего жителей 625, переселенныхъ большею частью изъ х. Круглика, имѣнія Скаржинскихъ вблизи Лубенъ и изъ Чевельчи, денисовской волости, по фамиліямъ: Выговскіе, Дробницкіе, Капитаны, Карюки, Кобы, Кваши, Мигили, Моцные, Обизы, Трегубы, Чуприны, Шаповалы, Шеливестры, Уманцы и др. [1]). Посреди слободы у круглаго выгона стоитъ небольшая каменная церковь съ красивымъ розовымъ иконостасомъ. Куполъ церкви круглый, а колокольня готической архитектуры. Обѣ выстроены Ф. К. Чернышомъ въ 1848 г. [2]).

---

[1]) За оврагомъ была степь Оржицкихъ помѣщиковъ Сахновскихъ и жили ихъ крестьяне: Гордіенки, Норки, Тесли и др.

[2]) А. Грановскій. Полт. епарх. 411.

Съ новымъ Иржавцемъ незамѣтно соединяется старый, и только лучшія постройки и большая зажиточность жителей указываютъ на происшедшую перемѣну. Старый Иржавецъ расположенъ межъ двумя ярами: Иржавскимъ и другимъ, безимяннымъ, идущимъ къ хутору Крысамъ, золотоношскаго у. Основанъ онъ мѣстной фамиліей Зѣненковъ. «Предокъ йихъ бовкуномъ и бидкою прыйихавъ зъ Польши у Оржыцю, а зъ Оржыци выйшовъ у степъ на ричку Иржавець. Тутъ булы тоди степы верстъ на трыдцять, нихто йихъ не обработувавъ. Якъ винъ прыйихавъ сюды бидою, то и хуторы звалысь у старовыну Бидни хуторы». Крайній отъ Новаго Иржавца кутъ называется Мандолынивщынною отъ имени жителей козаковъ Мандолынъ или Магдалынъ, «лытовченкивъ», далѣе Матяшивщына, занятая одними только Матяшами, имѣвшими въ старину пасику, за нею Боровкивщына, жилье Боровковъ, пришедшихъ сначала въ Оржицу, а уже оттуда въ Иржавецъ, и Ванцаковъ, родственниковъ Слиньковъ, затѣмъ Яцынивщына, гдѣ живутъ Яцыны, Надвирнивщына, прежде принадлежавшая козаку Слиньку, потомъ перешедшая за его дочерью козаку х. Шамбурова хорольскаго уѣзда, Надворному. Послѣдній кутокъ Биднивщына занятъ панами и козаками Зѣненками, также ихъ крестьянами, нѣкогда подсосѣдками. Вблизи церковь Всѣхъ Святыхъ, построенная въ 1802 г. землевладѣльцемъ Слинькомъ съ прихожанами, а фундаментъ подведенъ помѣщикомъ І. В. Косюрой [1]). Подъ фундаментомъ склепъ, въ которомъ погребенъ самъ жертвователь. Въ церкви выдаются слѣдующіе образа: храмовой въ роскошныхъ серебряныхъ шатахъ, св. Іосифа, патрона Косюры, Іоанна Крестителя, обнаженнаго до пояса, и пророка Иліи, мѣстной кисти. Въ сторонѣ на краю села расположена обширная усадьба Золотоношскаго предводителя дворянства В. В. Косюры, потомка старинной фамиліи Золото-

---

[1]) Родился 1769 † 1840 г. До построенія храма въ XVIII в. Старый Иржавецъ показанъ хуторомъ сотеннаго эсаула Семперовича (А. Грановскій Полтав. епарх. 412). Священники изъ фамилій Семяновскихъ и Сулятицкихъ.

ношской сотни, м. Крапивной. Эта фамилія въ формѣ Кусюръ встрѣчается между прочимъ въ спорѣ эсаула Лукашевича съ войсковымъ товарищемъ В. Косюрой [1]) въ XVIII вѣкѣ. Но общественная и хозяйственная дѣятельность этой фамиліи принадлежала преимущественно золотоношскому уѣзду. Средоточіе хозяйства, обширная усадьба, старый садъ были въ хуторѣ Марьяновскомъ или Крысахъ. Тамъ жила покойная К. Д. Косюрина, сестра харьковскаго профессора Борисяка, настоящая малорусская пани: гуманная, привѣтливая, гостепріимная. Самая свѣтлая женская личность стараго патріархальнаго времени. Крестьяне Косюръ въ Иржавцѣ называются: Волки, Махны, Цимбалы и др. При учрежденіи прихода въ 1812 г. всего въ немъ жителей было 855 душъ, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка до тысячи, въ 60-хъ годахъ 1300 и въ началѣ XX вѣка—1600 съ лишкомъ.

Послѣдній поселокъ, раскинувшійся по обѣимъ сторонамъ иржавской балки, называется Вершинно-Иржавскимъ или Чайковщиной. Второе названіе мѣстные старожилы производятъ отъ осадчаго оржицкаго козака Ивана, поселившагося двѣсти лѣтъ назадъ въ степи, среди чаекъ, и отъ послѣднихъ такъ прозваннаго. Кромѣ Чаекъ, въ сельцѣ живутъ еще: Чигрины, Проценки и Мандолины. Средина занята нѣсколькими бывшими крестьянами помѣщика Дарагана, дочь котораго вышла замужъ за Теремецкаго, почему этихъ крестьянъ называютъ Дараганцями, а средину села—Теремецкивщыною. За ними живутъ Комлачи и Слиньки, а на противоположной сторонѣ оврага: Вороные, Лени и опять Чайки. Большинство жителей высокаго роста, плечистые, темнорусы, красивѣе новоиржавскихъ; по церковнымъ даннымъ ихъ всего 600. Церковь, построенная въ 1884 г. на пожертвованія козака Семена Слинька и другихъ прихожанъ [2]), стоитъ у небольшого выгона. Иконостасъ Лубенскаго духовнаго училища перекупленъ изъ Зарога и обновленъ. Чайковщина зажиточный хуторъ, прекрасно обстроенный. Старое козацкое хозяйство было

---

[1]) И. В. Лучицкій. Сборн. мат. 175, 176, 179.

[2]) А. Грановскій. Полт. епарх. 412.

такое же, какъ и вездѣ въ окрестности нѣсколько сонное. «Сіялы помалу, а хлиба було багато». Урожай снимался за 3-й снопъ на хозяйскихъ харчахъ. Теперь снимаютъ за 6 снопъ съ отработкомъ и за 8-й безъ отработка. Наемъ земли 9—15 руб. десятина.

Степь за Чайковщиной, вдоль отмѣченной столбами золотоношской границы, веселая. Повсюду на ней разсыпались хуторки и отдѣльныя просторныя хаты [1]), съ обильными токами, сытыми волами, привѣтливыми людьми, рощами, садами и степными колодцами съ журавлями. Настоящая, типичная хуторная Малороссія, гдѣ всё цвѣтетъ и улыбается. Такой же типично малорусскій характеръ сохраняетъ и сосѣдній Зарогъ.

Рогомъ на мѣстѣ называется крутой поворотъ гористаго берега рѣки, почему село, лежащее за такимъ рогомъ получило названіе Зарога. Онъ протянулся линіей въ 7 верстъ надъ зеленѣющей долиной рѣчки Оржицы, и всѣ усадьбы одной стороной спускаются въ рѣчную долину. Хаты построены рѣдко въ разстояніи 50—100 саженъ, перемежаются рощами вишенъ и осокорей. Другою стороною усадьбы выходятъ на выгонъ съ нѣсколькими мельницами, порѣзанный на подворные участки [2]), и далѣе на поля. На послѣднихъ раскинуты могилы: Орливка, Шеменка, Бузивка и Татарка, о которой разсказываютъ: «У сій могыли татары жылы, а дорога Денысивська; якъ люды идуть отсею дорогою, то воны кыдаються и бьють стриламы. На Бузивци бекетъ [3]) стоявъ, а коло Половыны стоявъ козацькый за-

[1]) Названія ихъ: Бурмановъ, Бутовъ, Ванцаковъ, Гензуловъ, Голованевъ, Засѣдайкинъ, Закорецкого, Кодинскій, Кожушный, Ляпкаливъ, Мандолинъ, Мрячинъ, Надворныхъ, Норчинъ, Ольховый, Синеоковъ, Слинькивъ, Сухинскій, Сухоиржавскій, Теремецкаго, Трохимцевъ, Устенкивъ, Халовъ, Хоменкивъ, Чайкинъ, Черненкивъ, Чигриновъ, Якименкивъ и др.; всѣ они въ нѣсколько хатъ, населены козаками изъ Иржавскихъ селъ и Зарога, названы по именамъ хозяевъ.

[2]) Сборн. хоз. стат. Полт. IV. Луб. у. 237.

[3]) Пикетъ.

валъ. Якъ татары кынутся, то на бекети вихы поспускають и люды тикають у Оржыцю». Крайніе куты отъ м. Оржицы: Половынщына и Таранивщына, жилье козачьихъ родовъ такого имени. Половины и Тараны,—по предположенію автора «Жизни въ одномъ селѣ» [1]),—представляются основными родами, осадившими Зарогъ. Къ западу отъ этихъ кутовъ помѣщается Голованивщына, занятая также значительнымъ правобережнымъ родомъ Стасенковъ [1]). «Өмелько Стасенко,—говорятъ его потомки,—найшовъ сюды здалека. Винъ бувъ табунщыкомъ у якогось пана за Днипромъ и утикъ и прыгнавъ сюды табунъ коней. Тоди малолюдство було — хатъ пьять, и винъ занявъ огородъ. И у дидивъ худоба страшна и земля одъ Зарога до Чайковщины. Злизе Омельянъ на хату, подывытся, шо нема табуна, и тоди сида на коня и йиде табуна шукать. Сыны Стасенка якъ поризнылысь, сталы рогатою скотыною бильшъ заниматься нижъ киньмы». За Голованивщыною расположилась Симонивщина, жилье знатнѣйшихъ мѣстныхъ родовъ: Симоновъ и Слиньковъ. Предокъ первыхъ былъ въ началѣ XVIII в. Оржицкимъ сотеннымъ атаманомъ, затѣмъ двѣ семьи Симоненковъ, любя обособленную жизнь, выселились на зарожскую степь, гдѣ до того была лишь сторожевая хатка, около тридцатыхъ годовъ XVIII в. [3]). Впрочемъ Зарогъ вообще, какъ и вся окрестная степь праваго берега рѣки, ничто иное какъ разросшееся мѣстечко Оржица съ незначительною примѣсью посторонняго элемента, главнымъ образомъ, въ Плеховѣ. За Симонивщиной село вдается въ долину Оржицы мысомъ, называемымъ Шпиль, за которымъ—кутъ Бурмивщына, гдѣ живутъ козаки Бурмы и на самомъ краю села къ Денисовкѣ лежитъ хуторъ Косинскаго, населенный бывшими крестьянами Косинскихъ: Бабенками, Гаращенками, Колывайками и Шухами. Болѣе столѣтія

---

[1]) Въ «Основѣ» 1862 г. подъ псевдонимомъ А. Нечуй-Вітеръ. Т. VIII, 29.

[2]) Стась уменьшительное отъ Станиславъ.

[3]) М. Т. Симоновъ. Изъ дѣтск. и отроч. воспом. въ «Кіев. Стар.», 1899 г. № XII, стр. IV.

Зарогъ пребывалъ въ хуторномъ положеніи; сохранилось воспоминаніе, что въ немъ былъ десятокъ хозяевъ и только два козака; въ 1855 г. выстроена церковь св. Митрофана Воронежскаго иждивеніемъ прихожанъ и особенно козака Семена Слинька[1]).

Старое зарожское хозяйство не было обширнымъ. Богатые козаки имѣли по четырехпарному плугу. Даже богатырь Семенъ Слинько, имѣвшій отдѣльный хуторъ въ 120 десятинъ и подарившій на ругу 36 десятинъ, довольствовался плугомъ. Бѣднѣйшіе зажинали за 3-й снопъ на хозяйскихъ харчахъ. Общихъ табуновъ и стадъ не было: каждый гонялъ корову на свой участокъ. И пасикъ большихъ не было, такъ какъ на оржицкихъ лугахъ мало цвѣтовъ, облога же понемногу распахивались. Изъ козацкой массы, какъ хозяинъ и человѣкъ, выдѣлялся Терентій Семеновичъ Симоновъ, по уличному гладкый, або товстый Терешко. Благодаря, литературнымъ произведеніямъ его сына, М. Т. Симонова, глубоко національный образъ стараго Симонова представляется во всей своей полнотѣ. Несмотря на теплое сыновнее чувство, проникающее всѣ мѣста этихъ произведеній покойнаго Матвѣя Терентьевича, касающихся отца, однажды вырвавшееся изъ самаго сердца: «Старикъ мой, старикъ! крутъ ты подчасъ бывалъ, но я люблю тебя вспоминать!»—характеристика отца вышла вполнѣ правдивой. Въ этой характеристикѣ старый Симоновъ изображается человѣкомъ сильнымъ, желѣзнаго характера, несообщительнымъ, особенно нелюбившимъ совѣтовъ. Самъ неграмотный, онъ склонялся къ свѣту и успѣлъ дать образованіе всѣмъ своимъ дѣтямъ. «Всѣ уважали отца,—говоритъ Матвѣй Терентьевичъ,—за умъ, да и старѣе всѣхъ былъ онъ на хуторѣ, ну и достатокъ таки былъ у покойника»[2]). Достатокъ заключался въ 400-стахъ почти десятинахъ земли, обработывавшейся 2—3 плугами, въ пасикѣ, въ нѣсколькихъ коровахъ, въ конскомъ табунѣ, состоявшемъ въ 20 головахъ такихъ превосходныхъ ло-

---

[1]) А. Грановскій. Полт. епарх. 410.

[2]) Номисъ. Отр. изъ автобіогр. Бѣлок. въ «Кіев. Ст.», 1899 г., III, 4, и IV, 23, 25, 35—37, 39 и 43.

шадей, какъ описанныя въ автобіографіи Билокопытенка: гнѣдой жеребецъ, Билозеръ, и бѣлая кобыла [1]), и наконецъ въ деньгахъ. «У гладкого Терешкы було довольно копійкы, винъ бувъ грипшный» [2]). Онъ велъ хозяйство съ помощью нѣсколькихъ семей подсосѣдковъ (сусидъ): Ведмедей, Гриньковъ, Ткаченковъ живжихъ въ его хатахъ безплатно, на извѣстныхъ условіяхъ. Въ «Дидѣ Мыни и баби Мыныси» подробно перечислены эти условія: сусиды пользовались хозяйскимъ жилищемъ, огородомъ, пидметомъ (конопляникомъ), подчасъ сѣнокосомъ, толокой, пастухомъ, за что должны были орать, копать, плесть тыны, укрывать постройки хозяину; косить и сгребать его сѣно, жать за снопъ и молотить за коробку его хлѣбъ. Женщины пряли шерсть, драли перья. Подсосѣдки имѣли по парѣ воловъ, по коровѣ и по нѣсколько овецъ. Такимъ образомъ экономически положеніе подсосѣдковъ мало отличалось отъ положенія крѣпостныхъ, но нравственная сторона взаимныхъ отношеній была иною: со стороны хозяина эти отношенія были заботливѣе и теплѣе, со стороны сусидъ—преданнѣе [3]).

Терентій Семеновичъ былъ дважды женатъ. Первый разъ на дворянкѣ Герасименковой изъ Плехова, отъ которой родилось нѣсколько сыновей, вторично на юной красавицѣ Ефимовой, происходившей отъ плѣннаго турченка, вскормленнаго русскимъ торговцемъ, который женилъ потомъ пріемыша на своей дочери. Вторая жена добрымъ нѣжнымъ характеромъ побѣдила настолько отчужденность пасынковъ-подростковъ, что послѣдніе относились къ ней, какъ къ родной матери, нечего и говорить поэтому какъ любила она своего мальчика, единственно уцѣлѣвшаго Матвѣя.

---

[1]) Ib. IV, 40, V. 59—61 и VII, 112—114.

[2]) Денежный.

[3]) Ib. X, 196, 200, XI, 211. Сильную сторону разсказа: «Дидъ Мына» составляетъ очеркъ быта подсосѣдковъ, почти неизученнаго, и нравственныхъ отношеній, почти вассальныхъ чувствъ къ хозяину, а слабую: растянутость (о пѣтухѣ), исключительность положеній: баба пчелиха, волы, носящіе на рогахъ одежду. Убой капитаномъ сразу двухъ воловъ дробью напоминаетъ охотничьи разсказы.

Другіе сыновья умерли, и остались только дочери, вышедшія впослѣдствіи замужъ за дворянъ. Любовь матери еще болѣе усилилась вслѣдствіе ужаснаго несчастія, случившагося съ ребенкомъ на второмъ мѣсяцѣ жизни, въ 1823 г. Однажды отецъ замахнулся плетью на провинившуюся няньку и кончикомъ ремня выбилъ глазъ спавшему въ колыбели сыну. До 1832 г. Матвѣй Терентьевичъ жилъ дома, учась грамотѣ у родственниковъ и чужихъ, а съ этого времени по 1835 г. учился въ Лубенскомъ городскомъ училищѣ. Объ этихъ первыхъ годахъ жизни только и сохранились подробныя, яркія воспоминанія въ разсказахъ: Дидъ Мына и баба Мыныха, Титка Настя и Автобіографіи Билокопытенка; напримѣръ, прощаніе съ матерью предъ отъѣздомъ въ училище, нѣсколько напоминающее отъѣздъ Бульбы съ сыновьями на Запорожье, обиды отъ товарищей въ училищѣ, взяточничество и т. д. Затѣмъ о пребываніи въ Переяславской семинаріи въ 1835—1840 г., въ Полтавской гимназіи съ 1840—1844 г. и въ Кіевскомъ университетѣ въ 1844 г.—1848 [1]) нѣтъ никакихъ ни печатныхъ, ни устныхъ данныхъ. Разсказываютъ только, что старый Симоновъ хотѣлъ оставить кончившаго гимназію сына при себѣ, женить и передать ему веденіе хозяйства, но сынъ отказался и двѣ желѣзныхъ воли столкнулись. Отецъ отказалъ въ содержаніи, Матвѣй Терентьевичъ объявилъ: «Пиду пишкомъ въ университетъ!» Здѣсь первое время онъ перебивался уроками, потомъ поступилъ на казенное содержаніе. Окончивъ Кіевскій университетъ кандидатомъ по филологическому факультету, Матвѣй Терентьевичъ читалъ словесность въ двухъ гимназіяхъ: Нѣжинской и Немировской, пока не перешелъ служить въ Государственный Контроль, въ которомъ былъ оцѣненъ главноуправляющимъ Татариновымъ и предсѣдательствовалъ впослѣдствіи въ трехъ контрольныхъ палатахъ: Псковской, Екатеринославской и Житомирской. Въ 1869 г. онъ оставилъ контроль съ цѣлью заняться хозяйствомъ въ Зарогѣ, и съ этого времени вся жизнь его посвящена была

---

1) «Изъ дѣтск. и отр. воспом.» «Кіев. Стар»., 1889 г., № XII, стр. IV, VI, VII, IX, XII, XII и XIV.

Лубенщинѣ на различныхъ поприщахъ. Уже въ 1872 г. Матвѣй Терентьевичъ былъ назначенъ директоромъ Лубенской гимназіи «въ виду единодушнаго желанія мѣстнаго общества» [1]). Тогда часто собирались къ нему по вечерамъ молодые земцы для бесѣдъ о мѣстныхъ дѣлахъ и уговаривали, бросивъ гимназію, занять должность предсѣдателя Лубенской земской управы. Живо припоминаетъ эти вечера и самъ Матвѣй Терентьевичъ. Онъ достигъ тогда полноты силъ, былъ высокъ, широкоплечъ, всегда въ неизмѣнномъ сѣромъ пиджакѣ. Портретъ, помѣщенный въ «Кіевской Старинѣ» конечно передаетъ нѣсколько суровыя черты его лица, но не душу. Да и никакой портретъ не могъ бы передать того добраго, любящаго выраженія, которымъ по временамъ освѣщалось его лицо. Душа его была любящею, и въ отношеніяхъ къ молодежи всегда замѣчалось нѣчто отеческое. И характеръ Матвѣя Терентьевича, казавшійся инымъ тяжелымъ, обнаружился ясно. Для того, чтобы вполнѣ правильно понять этотъ характеръ, необходимо принять въ соображеніе все изложенное выше: прежде всего свойство могучаго рода Симоненковъ вообще и стараго Симонова, котораго Матвѣй Терентьевичъ былъ живымъ подобіемъ [2]), въ особенности; затѣмъ здоровую степную мѣстность, и добрый, естественный образъ жизни, въ которомъ протекло дѣтство Матвѣя Терентьевича; прадѣдовскіе обычаи, близость Оржицы, полной воспоминаній о козацкой славѣ. Разъ ощутивъ въ себѣ присутствіе большихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, разъ навсегда сознавъ себя и повѣривъ себѣ, онъ затѣмъ уже всю жизнь слѣдовалъ лишь указаніямъ своего духа. Эти силы Матвѣя Терентьевича, подъ вліяніемъ долгой службы, широкаго жизненнаго опыта, занятій хозяйствомъ, приняли организаторское, созидающее направленіе, почему избранный въ 1878 г. предсѣдателемъ Лубенской земской управы [3]),

---

[1]) Н. Л. Сеферовскій. Двадцатипятилѣтіе Луб. гимназ. Лубны 1898 г. М. Т. Симоновъ. Зам. къ юбил. Луб. гим. Кіевъ 1898 г., 7.

[2]) Автоб. Билок. въ «Кіев. Ст.», 1899 г. V, 78.

[3]) М. Т. Симоновъ. Зам. къ юбил. Луб. гимн. 7.

онъ началъ прилагать ихъ къ живому земскому дѣлу, какъ вдругъ лубенцы, тогда еще не сравниваемые съ древними аѳинянами, [1]), поступили съ нимъ какъ разъ такъ, какъ поступали послѣдніе съ своими выдающимися согражданами. На первое же заявленіе предсѣдателя объ ассигнованіи 500 руб. для болѣе точнаго измѣренія земель, потому что часть неприведенной въ извѣстность земли ускользала отъ обложенія, земское собраніе отвѣчало отказомъ. Тогда Матвѣй Терентьевичъ сказалъ: «Я не могу только подписывать бумаги», отказался отъ должностей: предсѣдателя, гласнаго, почетнаго мирового судьи и удалился въ надежное убѣжище, въ свой Зарогъ, залѣчивать нанесенную рану, отдыхая душей въ клунѣ, за плугомъ, или разъѣзжая на Воронкѣ, высокомъ ворономъ жеребцѣ, едва выносившемъ могучаго всадника. Но земство вновь отвлекло его отъ покойной хозяйственной дѣятельности, избравъ въ 1885 г. заочно участковымъ мировымъ судьей; послѣ чего онъ тотчасъ избранъ былъ предсѣдателемъ съѣзда. По знанію народнаго быта, хозяйства, народныхъ обычаевъ и народной психологіи онъ былъ идеальнымъ судьей; еще большее воспитательное значеніе имѣло его предсѣдательство въ съѣздѣ, такъ какъ всѣ знали, что одинъ изъ важнѣйшихъ мѣстныхъ сановниковъ низачто не измѣнитъ правдѣ. Любителей декорума поражала однако суровая простота жизни предсѣдателя, его пренебреженіе къ внѣшнему блеску. Ѣздилъ онъ въ съѣздъ большею частью въ нагруженной сѣномъ телѣгѣ, парою вороныхъ сытыхъ коней. Въ присутствіи засѣдалъ въ сѣромъ пиджакѣ. Однажды пришелъ въ съѣздъ изъ Зарога старый козакъ и спрашивалъ: «Де тутъ Махтей?», пока не догадались, что онъ желалъ видѣть предсѣдателя. Матвѣй Терентьевичъ остатокъ жизни провелъ въ Лубнахъ, отдавъ большую часть состоянія земству, въ полномъ уединеніи, смертельно больной, но гордый сознаніемъ исполненнаго долга и принесенной пользы, находя удовлетвореніе въ глубинѣ своего духа, и не нуждаясь въ юбилеяхъ,

---

[1]) Объ этомъ сравненіи см. «Кіев. Стар.», 1901 г. IV. Док. 32, со ссылкой на Южн. Край № 6949.

рѣчахъ и т. п. Таковъ былъ М. Т. Симоновъ, много поработавшій на благо общее, которое онъ предпочиталъ личному, доблестный и неподкупный какъ Фокіонъ, вѣрный сынъ Лубенщины и ея лучшій гражданинъ. Такимъ зналъ его пишущій эти строки, но была и другая сторона дѣятельности покойнаго: научная и литературная, извѣстная всей Малороссіи [1]).

В. Милорадовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Какъ выше замѣчено, въ воспоминаніяхъ Матвѣя Терентьевича есть пробѣлъ, между прочимъ о кружкѣ Основы и о главныхъ малорусскихъ литературныхъ дѣятеляхъ: Костомаровѣ, Кулишѣ, Шевченкѣ и др. А между тѣмъ онъ участвовалъ въ «Основѣ», былъ друженъ съ Шевченкомъ, Кулишъ же въ 1854 и 1855 г.г. даже проживалъ въ Зарогѣ, о чемъ упоминаетъ какъ самъ онъ (въ «Кіев. Стар.» 1898 г., IV, 127, 128 и V, 234) такъ и его біографъ (В. Шенрокъ. «Кулишъ». въ «Кіев. Ст.», 1901 г., V, 204). Здѣсь построилъ онъ домъ въ лощинѣ Байивщинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ лѣсомъ и яромъ. О пребываніи Кулиша въ Зарогѣ записано мною слѣдующее сказаніе одной оржицкой старушки, г-жи Шевейковой: „Прыйихалы мы до старои Симоновои, шобъ йихать въ Онишки до брата, колы является чоловикъ, одежа така, якъ на побережьи: чорный каптанокъ, закаврапи облямовани зеленимъ сафьяномъ. Выйма письмо и дае, а мы неграмотни. Симонова пыта: „одъ кого се"?—За прыкащыка воны мене договорылы.—Сядьмо, пойидемо въ Онишкы. Винъ пойихавъ зъ намы. Прыйихалы мы туды, Симонова оддае письмо братови и той прочытавъ, а винъ оставсь за прыкащыка. Якъ прыйихавъ Сымоновъ, скочывъ и ухватылысь за шію, прыйшлы и до хаты обнявшысь. И тоди сказавъ Сымоновъ, шо се Кулишъ, дуже важный панъ. Винъ добре гравъ на сопилку и спивавъ".

Fata morgana.

(Зъ сильскихъ настроивъ).

Колы Андрій Волыкъ проходывъ повзъ головный будынокъ погорилои сахарни, зъ стинъ руины зъ галасомъ знялось вороння, а въ середыну зъ лоскотомъ посыпалысь тынкъ и цегла. Хочъ сахарня, давно вже закынена, розсыпалася и заросла травою, въ порожнихъ будынкахъ іи разъ-у-разъ вчувався шумъ, немовъ гоминъ машынъ и робитныкивъ лышывся на старому жытли. Мынаючы купы бытои цеглы, били плямы вапна, па-пивъ прыкрыти молодымы бурьянамы, гныли трухляви жолобы и чорни диры—викна, зъ якихъ немовъ щось выглядало,—Андрій згадувавъ колышне. Яка-небудь шына, що блыщала зъ травы, мовъ плазуюча гадюка, або чавунне колесо, до половыны загрузле въ землю, выклыкалы передъ ёго очи картыну шумлывого жыття фабрыкы, и винъ бачывъ себе коло вагонетокъ зъ цукромъ, або биля апарату. Тоди винъ бравъ трынадцять карбованцивъ на мисяць!...

— То булы часы, «пане добродзею!»—казавъ винъ у голосъ до себе и гладывъ билого вуса.

Андрій прямувавъ до старого береста, що рисъ на вершечку горба. Звидты злазылы у нызъ фабрычни будынкы.

Вливо одъ Андрія гравъ на сонци срибнымы брыжжамы ставокъ, немовъ рыбы купалысь въ нёму, а за нымъ, на другому горби, ховалася помижъ деревамы церква. За берестомъ лежала доли шырока й зелена лука, поризана закрутамы сынёи рички.

Вербы й верболозы сиро-зеленымъ туманомъ котылыся по луци и закрывалы подекуды воду. На выднокрузи, въ далекыхъ околышнихъ селахъ, билилы дзвоныци.

Бувъ соняшный ранокъ провидной недили. По церквахъ дзвонылы. Далеки дзвоны гудилы въ ясному повитри тыхо й мельодійно, и здавалося, що то дзвеныть золото сонця.

Андрій поглядавъ на розвалени камьяныци и радисно хытавъ головою.

— Га! вже воно такъ довго не буде!... *воны* якъ визьмуть у свои рукы, то швыдко пустять пару!...

«Воны»—булы нимци чы чехы, а може й жыды, що передъ шистьма рокамы прыйиздылы оглядаты згорилу сахарню. Хочъ потому нихто вже не цикавывся руинамы. Андрій не покыдавъ надіи, що ось-ось невыдко якъ найидуть паны, усе полагодять и пустять фабрыку.

Ну, а теперъ винъ певный, бо панськый пастухъ Хома Гудзь шепнувъ ёму ту новыну. Хома хочъ ходыть биля товару, а все жъ блыжче до панивъ, бо трется коло ныхъ. Буде фабрыка, буде!...

Бо то, «пане добродзею», чыста загыбель тепереньќы чоловикови: заробыты нема де, земли зроду не було, комирне платы, кругомъ злыдни, а йисты мусышъ! Та! велыке счастя—латочка земли!... Крутытся оденъ зъ однымъ на своій скыбци, а самъ ходыть чорный, якъ земля... а йисть не краще за того, що ничого немае... Хазяи!...

Андрій зъ прызырствомъ чвыркнувъ кризь зубы.

Отъ фабрыка, то вже щось инше. Не страшна тоби а ни посуха, а ни дощи. Робота чыста, ривна. Прыйде терминъ—беры гроши....

И винъ тоди пывъ пыво... На готови... Чысте, золоте, холодне пыво... Тьфу!.. ажъ слына котытся...

Думка була: пидросте Гафійка, наймется на фабрыку. Де бъ вона заробыла стильки?!. И швыдче виддала бъ ся. Авжежъ... Та же то гуртъ,—знайшовся бъ такый, щобъ посватавъ. Апаратчыкъ або й слюсаръ... Нехай стара не дурыть головы ни соби,

а ни дивци; хазяйськый сынъ не визьме убогои, — не такый свитъ теперъ. Авже-жъ...

Його думкы плывлы дали. Таки легки, таки прозори, якъ весняне повитря...

Нема руинъ. Скризь нови будынкы. Гукъ машынъ, сычання пары, тыскъ людей, циле пекло роботы. Все рушается, все жыве. все таке прынадне. И винъ чуе сылу у своихъ рукахъ, а въ роти мае смакъ холодного пыва....

Останни дзвоны завмерлы въ повитри. Зъ церквы выходять. Зъ горы ажъ до гребли суне поволи хмара народу. Гупають сильськы чоботы, лопотять пидтычкы, и трипотять на витри стричкы въ дивчатъ.

Онъ йде Маланка. Мала, суха, чорна, у чыстій сорочци, въ старенькій свытци. Андрій не бачыть іи облыччя, але знае, що у неи спущени до долу очи й затыснени губы. Мы хочъ бидни, але чесни. Хочъ жывемо зъ пучокъ, а проте й для насъ йе мисце въ церкви. Коло неи Гафійка. Наче молода щепа зъ панського саду. У Андрія пидъ вусомъ блукае усмишка. Винъ знае, що въ сели немае кращои дивчыны. Симнадцятый рикъ пишовъ, саме зъ Пылыпивкы.

— Га-га-га! Ось де винъ правыть службу Божу. Здоровъ!..

Грубый голосъ йде зъ пызу, й старый безвусый выдъ панського пастуха Хомы Гудзя вытлядае зъ-за похылого баркану.

— А вы жъ думалы—де? Дай, Боже...

— На дидька бъ лысого сыдивъ я тутъ—вже краще у Менделя... Цапынъ сынъ прывизъ свиже пыво, колы не бреше.... Я такы казавъ ёму—бодай тоби, кажу, така болячка у печинкы, и твоій Сури, и всёму кодлу твому...

— Отъ купить, тоди й роскушаемо, яке воно...

— Бодай вы вси повыздыхалы по такій правди, якъ держыте свиже пыво... А що, думаете не куплю? Ходимъ, выпьемо, бый ёго трасця...

— Але купыте? А зъ воламы жъ—якъ? самъ панъ догляне?

— Хай воны выздыхають ёму до ночы... Винъ думае, сто сотъ кротъ, що я й у проводы пожену товаръ на пашу? Луснешъ, а не диждешъ... Щось маю казаты вамъ...

— Ну? ну?

— Прыходьте зъ полудня до Менделя, тоди скажу...

— Ну, ну!

— Побалакаемо, напьемось пыва, стонадцять... Кинець фразы згынувъ за тыномъ.

Андрій поспишавсь до-дому. Передъ нымъ лежавъ шляхъ, курный уже, хочъ була рання весна. Надъ шляхомъ билила ёго халупка, мовъ йшла кудысь зъ села и зупынылась спочыты. По дорози тяглысь люде зъ ципкамы, зъ клункамы. Ось Гафійка вынèсла одному воды. Сталы й размовляють. Зновъ надходыть купка... Ще рядокъ... Проходять тай проходять. А той стоить. Еге-ге! Та-жъ то цилый ключъ журавлыный. Идуть тай идуть. Десь у Таврыю, або на Кубань. Отъ тоби й хазяйськи сыны, хлиборобы... Своя земля просыть рукъ, а винъ знявся тай.... А що-жъ робытыме одынъ зъ другымъ на своій латочци? Намножылося васъ. Нема на васъ війны або холеры. Одни зъ села, а други въ село, якъ отой Марко Гуща, що недавно прывелы, якъ арештанта... Бравъ, «пане добродзею», на фабрыци симнадцять карбованцивъ у мисяць и почавъ бунтуваты. Плату ёму давай бильшу, роботы ёму багато, бачъ. Начальство ёму одно, а винъ ёму друге... Ну, не хочешъ, то маешъ: попарылы нагаямы тай гайда до дому пидъ калавуромъ... Та я бъ такому бунтареви...

А той стоить. Зъ кымъ це вона забалакалась? Лыбонь Прокипъ Капдзюба? Таки винъ. Онъ выйшла на поригъ Маланка тай сховалась назадъ... Хай дивка постоить зъ хазяйськимъ сыномъ... Гляды, щобъ не засватавъ. Ха!.. А якъ-же!...

Андрій пидійшовъ до хаты. Крыва, похылена халупка, зъ чорною стрихою и билымы стинамы, стояла помижъ закынутыхъ, зъ забытымы викнамы осель, колысь побудованыхъ фабрыкою для робитныкивъ, и здавалась чымсь жывымъ и теплымъ середъ холодныхъ мерцивъ. Биля хаты сирилы скопани грядкы, одъ ворить до порога вела стежечка.

За те сусидни горо́дчыкы булы повни сміття и грузу; необроблена земля йижылась торишнимъ бадыллямъ, и на чорныхъ руинахъ завжды сыдило воронпя.

Андрій заставъ Маланку покирлыву й ласкаву, якъ завжды по служби Божій. Значыть, вона лаятыме ёго сёгодня не такъ, якъ въ будень, а зъ солодкою усмишкою и нижнымы словамы. Поглядаючы скоса на щильно стулени жинчыни вуста, винъ зъ побильшеною жвавистью скынувъ зъ себе свыту и розсився на лави, якъ папъ. Га! Хиба винъ не господарь у своій хати! Проте Андрій плекавъ таемну падію, що все мынется якось и жинка не зачепыть.

Та саме въ той ментъ, здыймаючи зъ мысныка мыску, Маланка скынула на ёго окомъ.

— Нанявся?

О! такы почынается!—подумавъ винъ, але удавъ невынного.

— Що?

— Чы нанявся въ экономіи?—пытаю.

Ачъ, невирна баба: и знае, що не бувъ я тамъ, а пытае.

— Атъ, дай ты мени спокій зъ тою экономіею... не те у мене на мысли теперъ. Онъ казавъ Гудзь—швыдко сахарню будуватымуть.

— Слухай, серце, Гудзя, слухай, Андрійку... якъ разъ почепышъ торбы, тай мени доведется...

Вона стулыла сухи губы и зняла очи до стели. Щожъ! вона мовчыть, бо у свято грихъ лаятысь, але колыбъ усимъ тымъ, що плещуть про фабрыку, покорчыло языки, то це було бъ дуже добре. Фабрыка, фабрыка, а де вона? Ну, була фабрыка, а хто мавъ корысть зъ неи? Мендель. Може неправда? Може не въ Менделя лышавъ винъ зарибокъ? Що воны мають, чымъ жыви? У неи вже рукы посохлы одъ праци, вона вже жылы высотала зъ себе, абы не здохнуты, просты Господы, зъ голоду...

И вона совала ёму передъ очи сухи и чорни, немовъ зализни рукы, голи до самого ликтя.

— Бо чоловикъ не заробыть, ой не заробыть, серце мое. Винъ думае про пыво, а проте ни гадкы, що...

И пишло. Вона ёму вычытувала, вона ёго сповидала, вона кропыла ёго, пидкурювала и садыла чортамы такъ обережно, такъ делікатно, якъ тильки можно було въ недилю, по служби Божій, а винъ, червоный, немовъ вареный ракъ, спочатку видмовчувався, а дали й соби почавъ верещаты тонкымъ и надирванымъ голосомъ.

Таки перемигъ.

— Тьху, тьху, тьху! Трычи тьху на твою землю! Хай вона тоби западется! Не наймуся я й не буду въ земли рытыся. Вона вытягла зъ мене уси сылы тай пустыла на старисть голого. Тьху, ще разъ тьху на неи...

Тоди Маланка стала якъ стовпъ и зняла рукы до неба.

— Що ты кажешъ, непрытомный! Та ты ставай на колина та цилуй іи... йижъ іи, землю святу, вона тебе годуе... вона тебе й сховае, чоловиче...

Вона стояла била якъ биль и справди налякана.

Хмару розбыла ластивка. Вбигла Гафійка, сквапно ховаючы щось за пазуху. Оте чысте, выплекане, немовъ вылызане матирыо звирятко, таке туге, якъ пружына, зъ круглымы бронзовымы рукамы й ногамы, въ золотыхъ волосынкахъ, ота весняна золота бджилка—вкынула въ хату щось таке, видъ чого били стины пидъ нызькою стелею осмихнулысь, голубъ передъ образамы крутнувсь на нытци, и козакы зъ червоного паперу, налиплени на стинахъ, узялысь въ бокы.

— Мамо, даваты обидаты?

— Давай, давай, Гафійко...

Маланка зразу одійшла.

— Та чого ты крутышся по хати, мовъ дзыга? Такъ и мыскы побьешъ. И въ церкви усе крутылася та оглядалася...

— Та ёго не було въ церкви.

— Кого «ёго»?

— Та то я такъ...

— Що тоби, дивко, сёгодня: мало борщу не перекынула.

— Страхъ, розсказуе, яке діялось, народу, каже, якъ на війни, сыла—сыленна... а кинни наступають, душать. «Розходь-

тесь», гукають. А ти: «не підемо, давай намъ наше... мы за правду»...

— Та хто розсказуе?

— Марко... недавно прыйшовъ зъ Адесу...

— Це Гущынъ? Кажуть—піймавсь на злодійстви, попоседивъ у тюрми тай прывелы сюды на втиху старому батькови.

Гафійка спалахнула.

— Брехня! То люде брешуть.—Винъ ничого не кравъ, отъ ій-же Богу!..

— Та цыть же жъ бо!—гукнувъ Андрій.—Яке тамъ злодійство! Мени врядныкъ розсказувавъ, якъ я ходывъ на почту. Винъ, Гуща отой, не кравъ, а народъ бунтувавъ. Такому бъ, врядныкъ каже, у тюрми гныты, а не на воли буты...

— Та ихъ тамъ, тату, крывдылы.

— Що ты тямышъ!.. Отъ нехай лышъ побачу, що винъ тутъ ману пускае та кныжкы людямъ чытае—заразъ рукы назадъ тай до врядныка.

— Оце напалыся... незнають сами завищо...

— А тоби що? Ты мени зъ нымъ—гляды, не прыставай, бо якъ побачу, «пане добродзею», то...

Але винъ не скинчывъ: саме въ той ментъ, якъ Гафійка нагнулася, щобъ выйняты зъ печи горщыкъ, зъ-за пазухы высунулась въ неи кныжка и впала до долу. Гафійка покынула горщыкъ, вхопыла кныжку и вся червона, зъ очамы, повнымы слизъ, прожогомъ выбигла въ сины. Андрій перевивъ здывованый поглядъ на Маланку.

Але Маланка була вже не свята й не Божа. Вона зразу забула, що въ недилю не можна лаятысь и свитыла до чоловика зеленымы очыма.

Андрій мавъ гарну прысмаку до недильного обиду, тымъ бильшъ, що скилькы не клыкалы Гафійку йисты, вона не ввійшла вже до хаты.

Ну, давъ Богъ недилю, можно спочыты. Маланка сила на прызьбу и поклала на колина рукы. Андрій кудысь подався; Гафійка на музыкахъ, а въ хати сумно.

Сонце стоить нызько, такъ у тры чоловика до земли; порожни й обдерти халупкы кыдають кострубати тины. Курна дорога зъ-пидъ Маланчыныхъ нигъ бижыть у поле. Навкругы пусто. Челядь гуляе на майдани; стари гомонять пидъ воритьмы, а въ Маланкы звычайни гости—думы.

Охъ, Боже, Боже, трошкы того вику, а якъ ёго важко прожыты. Андрій зновъ не нанявся. Отакъ що року. Легкого хлиба шукае. Всю, каже, сылу оддавъ земли, бильше не хочу. Зновъ буде рыбку ловыты... на почту побижыть, якъ панъ пошле, зайця пидстрелыты. Люде жнуть, або косять, а іи Андрій иде стежкою, ременна торба черезъ плече, брыль на потылыци и ципкомъ вымахуе...

Курыть щось по дорози. Що воно бижыть такъ прудко? Ага, лыбонь панычъ Лёлё зъ сусиднёи экономіи у гости йидуть до двору. А вжежъ. Онъ и панна Тося... и горбата панна Ганна и панычъ Петрусь. Рябі кони рвуть зъ копыта, въ хмари курявы сміются молоди облыччя, кывають до неи. Маланка встае, нызько вклоняется, немовъ образамъ, и дывытся у слидъ, якъ клубочытся за брычкою позолоченый сонцемъ пылъ.

Вси воны зрослы пры ній, на іи очахъ. И раптомъ духъ смачного, сытого борщу війнувъ на неи звидкись. Вона йила такый борщъ, якъ служыла у панивъ. Давно це було, а теперъ згадалося, жывучы на картопли. Маланка сидае и зновъ кладе чорни рукы на колина. Онъ де воны почорнилы оти рукы: на роботи въ панивъ. Якъ ій було висимъ рокивъ, померъ батько, а на дванадцятому вона вже никого не мала, опричъ хазяивъ. Писля матери лышылась стара скрыня, дви-тры дранкы и латаный кожухъ. Тай тильки.

Спочатку вона памьятае себе чорною, вично въ сажи, коло панськыхъ свыней. Потому вона була въ горныцяхъ, разъ-у-разъ была посуду, а іи была пани и зачыпалы панычи. Потому звелилы ій варыты йисты челяди, и вона варыла, ажъ стала старою

дивкою. Тыха, покирлыва, всихъ слухала и плакала по закуткахъ. Плакала, що робыть на чужыхъ, що сохне, втрачае сылу и нихто не сватае іи. Плакала, бо любыла землю, городъ, поле, а мусила варыты йисты цилому табунови ненажерлывои челяди. Навкругы була земля, така чорна, пухка, родюча, по весни пышна, въ осены багата, а нихто не клыкавъ ‘іи на ту землю, нихто зъ хазяйськыхъ сынивъ не схотивъ зробыты іи господынею. Потому виддалася за Андрія. Якъ це сталося, що вона пишла за нёго, вичного наймыта, старого парубка, бурлаку, що немáвъ навить власнои хаты, не то що земли—и доси не знае. Прыйшлы злыдни до злыднивъ, а зъ ныхъ выросла бида. Наче знала, бо такъ плакала на весилли.

Зъ одного боку спивають свашкы, зъ другого дружкы, въ хати мовъ въ улыку, у викна дывытся челядь...

Имберу, матинко, имберу,
Вывены рубочокъ зъ паперу...

А ій пидкотылося щось пидъ горло, душыть іи, и вона бьется головою объ стилъ, голосыть и мые слёзамы тоди вже чорни рукы.

То доля іи плакала тоди.

Пишлы лита марне зъ свита, якъ лысть по Дунаю...

— Агушъ, трекляти... Агуш-ша!

Маланка скочыла зъ прызьбы и пожбурнула грудкою. Квочка зъ курчатамы кублылась на грядкахъ и, сколошкана, сердыто квоктала та стовбурчыла пирья. Жовти курчата роскотылысь по грядкахъ, якъ горохъ. Налякане заколотомъ знялось зъ сусиднёи стрихы гайвороня и было крыламы надъ обсыпаною стрихою

Маланка заспокоилась и зновъ сила на прызьбу. Сонце спустылось ще ныжче.

Эге, десь Гафійка забарылась на музыкахъ. Хай погуляе дытына. Тильки ій воли, покы въ мамы та въ тата. Та й те людямъ, мовъ силь въ оци. Казала ковалыха: «водять Гафійку, немовъ панянку, у службу не дають—багатыри знайшлысь»... Бодай тоби, просты Господы гриха, стильки болячокъ, якъ у насъ

злыдпивъ. Добре тоби казаты, якъ у тебе повна хата дивокъ, а у мене одна, якъ душа. Тильки й потихы на старисть. Вынянь- чыла, выплекала, мыла й вычисувала, а теперъ оддай людямъ. Мало ще мною люде поневирялыся, всю сылу забралы, всю кровъ выссалы, а теперъ ще дытыну оддай имъ... Не дочекають!..

Не таку вона ій долю готуе, вона оддасть іи замижъ за хазяйського сына. Дивка здорова, чыста, хочъ воды напыйся. Недурно парубкы ззыраются на неи. Посватае Прокипъ; тожъ винъ пишовъ у Таврію, щобъ було чымъ весилля одбуты... Въ осены старостивъ зашле, вона вже бачыть, що, куды й до чого.

Передъ очыма въ Маланкы встала левада—зелена, весела, надъ ричкою... Воны зъ Гафійкою плоскинь беруть. Така гарна молодыця зъ Гафійкы. Голова повьязана хусткою. Бере вона плоскинь и выспивуе. У колысци дытына спыть. Прокипъ пры- визъ ячминь, стижокъ складае. И такъ ій весело старій, такъ легко, наче вона помолодшала... Стоять горбды, мовъ у виночку. Капуста въ головкы звывается. Квасоля вже пожовкла, витеръ шумыть помижъ макивкамы, гарбузы розляглысь, якъ годовани кабаны, а картопля зародыла, ажъ гычъ сплитается. То іи чорни рукы походылы тутъ, коженъ бурячокъ, кожну цыбульку сама вона поклала въ землю, сама и збере, якъ дасть Господь ди- ждаты. Теперъ вона господыня. Не на своему—такъ на доччы- ному. Хочъ на старисть диждалась... И вона справыть соби чер- вони чоботы, мягки, козлови, зъ кытыцями, якъ у ковалыхы. Видколы вона виддалася—отъ уже чы не висимнадцять рокивъ мынуло—не перестае вона марыты про таки чоботы, що року складае гроши, але гроширостечутся на щось инше—и чобитъ немае. Узуты таки чоботы и билу намитку та пійты до церквы. И щобъ такъ поховалы.

— Сыдыте соби? Зъ недилею будьте.

Маланка здригнулася. Ага! то ковалыха.

— А тожъ! и вы будьте здорови... Давъ Богъ святечко— святкуй ёго. Не робы, не працюй. Богъ сказавъ: маешъ будень— робы, а въ недилю й зъ-пидъ пазурчыка не выколупай, бо й то робота. Лежы, сыды и не кывпысь.

Маланка була солодка. Вона мала таку усмишку, мовъ розмовляла зъ панамы у двори.

— А я оце зъ музыкъ. Тильки вже й нашого—що хочъ подывышся на молодь. А тамъ ваша Гафійка усе гуляе тай гуляе, зъ отымъ одеськымъ панычемъ—не скажу, чы правду про нёго люде розсказують—зъ Маркомъ Гущою... Все въ пари тай у пари, немовъ голубьята. Сказано молодощи. Бувайте жъ здорови...

Маланка все солодко осмихалася, хочъ душа въ неи сычала.

— Ачъ, гладуха—трясе саломъ, розносыть поговиръ!—проводыла вона ковалыху непрыязною думкою. И їй чогось згадалась ранишня сцена зъ Гафійкою.

На вулыци тымъ часомъ рослы тины.

По-пидъ тынамы гралысь дивчатка у посмитюхы: мали боси ноженята пидкыдалы порохъ—тры разы въ йиденъ бикъ, тры разы въ другый.—И здавалося, що у пороси грается табунъ горобцивъ. Далеки поля рожевилы. Зъ нызынъ летилы въ село буслы и поблыскувалы билымы крыламы. Весняный вечиръ навивавъ думы.

— Яка ты роскишна, земле,—думала Маланка. Весело засивать тебе хлибомъ, прыкрашать зеломъ, заквитчаты квитамы. Весело оброблять тебе. Тильки тымъ ты недобра, що не горнешся до бидного. Для багатого пышаешся красою, багатого годуешъ, зодягаешъ, а бидного прыймаешъ лыше въ яму... Але ще дочекають наши рукы оброблять свои нывы, свои городы, свои садкы... Подилять тебе, земле, ой подилять. И моёму дадуть... Годи тоби рыбку ловыты. . Хочъ-не-хочъ, а йды «пане добродзею» до плуга... Охъ, Боже, Боже, хочъ на старисть зазнаты того счастя,—дытыну свою вывесты въ люде...

А на вулыци почынався рухъ. Биглы дивчата, молодыци, диты, зъципкамы, зъ хворостынамы. Лопоталы пидтычкы, гупалы боси ногы, брехалы сколошкани собакы—«Степа-ане!.. бижы вивци вылучаты!»...—Бижы сама-а!..—«Маты казалы тоби,—бодай бысь луснувъ!»...—Тато казалы тоби,—щобъ ты скруты-

лася-а-а...—«Нашыхъ шестеро, гляды, Марійко!»...—«Не розгубы ягнять, якъ учора, бо на гамузъ побъю!»...—Що-о? Де-е?—Тюу—гаа!...

Сонце сидало червоно. Викна горилы, якъ печи, стины халупъ сталы рожевымы, по билыхъ сорочкахъ, розлылось червоне свитло. Здалеку йшла на село хмара курявы. Вона вже наблыжалась, росла, здіймалась до неба, врешти сонце пырнуло въ неи и розсыпалось рожевою млою. Звидты доходылы якись тривожни згукы, немовъ диты плакалы, або диты десь гупалы на току—и раптомъ овеча отара залляла вулыцю и сколыхнула повитря нескладнымъ беканнямъ. Жыва маса овечыхъ тилъ терлась вовною, тремтила и колыхалася, якъ драгли; цилый лисъ тонкыхъ нижокъ замыгтивъ передъ очыма, голи дурни морды роскрывалы пащи середъ рожевои курявы и плакалы: бе-е-е... ме-е-е... Въ рожевому тумани мовъ тины сновыгалы люде, зъявлялысь и счезалы неясни обрисы хатъ, въ мори овечого лементу гынулы всяки згукы, весь цей гармидеръ нагадувавъ сонъ. Ззаду отары йшовъ чорный чабанъ, высокый, ще бильшый одъ непевного свитла, немовъ митычный богъ, ляскавъ пугою и крычавъ дыкымъ, грубымъ голосомъ, покрываючымъ все:

— Гарья!.. Трышъ-трышъ!.. Гей!..

Вже ничого нема на вулыци, все счезло, якъ сонъ, пылъ поволи сидае на землю, а вечирне повитря все ще тремтыть жывымъ акордомъ завмираючыхъ згукивъ.

На землю глянулы тыхи зори.

Сыни стины, въ кутку бебехы, залытый пывомъ стилъ. Тисный ванькирчыкъ въ Мéнделя.

— Не морочте мени, Хомо, головы—кажить заразъ: буде фабрыка? Кажить—буде?

Пыво пинылося у зеленыхъ склянкахъ и шумило въ голови.

— Та же сказавъ, що буде.

— О! о! А на що жъ вы радыте оддаты Гафійку въ наймы?

— Раджу. Однаково пропаде дивка. Найисть, напье вдома, тоби жъ гирше буде. А ïй одна доля: наймы. Думаешъ—возьме

хто бидну? Посывіе дивкою. Наймай, колы люде трапляются. Завтра жъ одведешъ въ Ямыще до эконома; добрый панокъ, щобъ ёму червы языкъ сточылы. Що-жъ, будемо сватамы? Того тебе й клыкавъ до Менделя.

— Не кажить мени про те, не люблю. Я й въ мысли немавъ такого.

— Наймай, Андрію.

— Облышить, Хомо. Краще пыймо.

— Чого ты чвапышся? Старци, злыдни, жыботы зъ голоду прысохлы до спыны, а воно прындытся. Кажу, наймай, каятымешся потимъ.

— Э, я такого не люблю. Нащо робыты зъ пыска халяву.

Андрій почервонивъ и вставъ зъ-за столу.

— Сыды. Може не правда? Ты думаешъ, що ты людына? Собака ты, тай вже. Яке наше жыття? Собаче. Та ты сыды.

Гудзь поклавъ Андріеви на плечи свои здоровенни рукы и посадывъ. Потому наблызывъ до нёго свій безвусый червоный одъ пыва выдъ, одъ якого пашыло жаромъ.

— Ты не круты. Ты мени кажы: скильки литъ прожывъ? Пьятьдесятъ? дожываешъ вика? А дежъ твои молоди лита, де твоя сыла, покажы свою працю. Мозолй показуешъ? Покажешъ ще й горбъ. Цилый викъ зъ тебе луску шкребли, а ты, воле, у плузи йды. Наша доля така—робимъ и грудьмы, то не будемо людьмы. Ты глянь на мене: гадаешъ—Хома передъ тобою?—Худобына. Якъ ставъ змалечку биля товару, такъ и доси. Цилый викъ зъ худобою, самъ худобыною ставъ. Циле жыття хвосты бачывъ замисць людей, бабрався у гною, у гною спавъ, па гною йивъ, на купи гною й здохну. Я забувъ, якъ ёго у хати й сплять стонадцять чортивъ ёму у хвистъ! Сорочка на тоби зашкарубла, якъ кора на дереви, штаны умазани въ волячу мазку, бо кровъ воламъ пускаю, рукъ не можу одмыты зъ гною. Сяду зъ челядью обидаты, кожне одъ мене нисъ верне—смердыть. А ты гадаешъ—пахне? Тикаю одъ людей—до воливъ тикаю. Зъ воламы розмовляю. Я до ныхъ говорю, журбу свою вылываю, а воны ремыгають, та ревуть, та хвостамы одвертають. Тильки въ мене й

розвагы. А ты думавъ—жинка до мене заговорыть та щей прыгорне... диты защебечуть... своя хата зогріе. Ха! За тымы воламы я посывивъ парубкомъ, побыла бъ ихъ морока. Теперъ тишся на старисть, щобъ ёму дыхать не дало, щобъ ёго понесло поверхъ дерева, на безголовья! Щобъ винъ головою наложывъ, нужда бъ тя побыла!.. Сто сотъ кротъ ёго ме... Бодай...

— Гей, чого крычышъ, чоловиче, чого лаешся?

— Га? Лаюся чого? на души легше... якъ пахмарытся тамъ—вылаюсь и легше... якъ бы не лаявсь—згоривъ бы. Таку злисть въ соби почуваю, ажъ душа пашыть... якъ запече, якъ запече—такъ взявъ бы въ рукы довбню тай перебывъ бы усихъ. Ходывъ бы одъ хаты до хаты—тай по голови, тай по голови. Одного за те, що пье людську кровъ, а другого—що не бороныть. А потому пидпалывъ бы, щобъ усе вогнемъ взялося та попеломъ розвіялось, щобъ тильки лышылась гола земля та ясне сонце...

Хома стоявъ у хати высокый, ажъ пидъ стелю; очи ёго дывылысь кудысь по-за стины; безвусый, зморщеный якъ у бабы выдъ скрывывся. Винъ ажъ тремтивъ. Потому раптомъ зивьявъ, опустывся на лаву и душкомъ выпывъ пыво.

Андрія взяло за жыве. Винъ тежъ хотивъ, щобъ ёго слухалы, почулы все ёго жыття, якъ воно стало передъ нымъ отутъ, въ тисному жыдивському ванькирчыку. Дожывъ до сывого волоса, а добра не зазнавъ, ой, ни...

— Я такъ миркую, Хомо, колы чоловикъ працюе...

Але Хома зновъ сердывся.

— Пропады ты пропадомъ. Одному все, другому ничого. Хиба я не бачывъ, якъ стара пани...

— Колы чоловикъ працюе, винъ мусыть за те щось маты. А якъ земля мени ничого не дае...

— ... Стара пани цилу зыму топыла въ грубахъ полотномъ, що лышылось ще одъ панщыны...

— ... Ну, якъ земля ничого не дае—на чорта вона мени? Однаково мени, чы я наймытъ на своій земли, чы на чужій. А все наймытъ. Правду вы...

— ... Злежалось полотно въ коморахъ. Люде прохають: дайте хочъ на сорочку,—хай праця людська не гыне марно. Та ты слухай же бо.

— Слухаю, слухаю. Гей, чуете, правду вы мовыте: такы собаче жыття маемо. Тажъ то высоталы зъ мене вси жылы. Тажъ то цилый викъ свій напыхавъ я чужу пельку. Ще якъ була фабрыка, жывъ якось, а якъ згорила...

— А вже жъ погорило, усе полотно згорило.

— Яке полотно?

— Якъ – яке? Та жъ розсказувавъ.

— А—такъ-такъ. Ну, пыймо краще. За ваше...

— А якъ же зъ Гафійкою? Наймаешъ?

— Та годи вамъ. Пыймо.

— Ну, чортъ зъ тобою, не хочешъ, якъ схочешъ.—Хома выпывъ душкомъ пыво и кынувъ склянкою объ землю.

На бренькитъ скла прыбигъ наляканый Мендель.

Було якесь свято. Гафійка сыдила на прызьби за хатою. Биля нигъ іи шпорталысь куры и сокоталы, допомынаючысь йижи. На прызьби лежала розгорнена кныжка.

— Агушъ, агуша, йдить соби порпатыся по-пидъ тыномъ...—проганяла ихъ Гафійка.—Ну, чого сокочыте, дурни? А ты чого, зозуляста, вытягаешъ шыю та заглядаешъ до рукъ? я вже тоби давала йисты. Вамъ тильки абы йисты, дурни. Сердышся, що таке кажу? А отъ поспытай Марка, послухай, що розумни люде скажуть. Винъ бы вамъ сказавъ: дурни́, зроду-звику дурни́. Вамъ дають жменьку пшона, а забирають вси вашы яйця, або рижуть васъ на юшку. А ты, пивне, по дурному трипаешъ крыламы, храбруешъ. Колыбъ ты бувъ такый смилывый, якъ Марко, ты не давъ бы своихъ дитей продаваты панамъ на печеню. А може ни? Ну, та ты пивень, а Марко орелъ. Ты послухавъ бы, що винъ каже... Винъ каже... Та що ты тямышъ? ты ничого не розберешъ! Бо колыбъ ты бувъ розумныцый, то побачывъ бы, що й люде таки, якъ куры... Ну, чого кудкудачешъ, биленька? Чого сміешся? Думаешъ, я не знаю, що у васъ добре? Думаешъ соби, що ты

кохаешъ, кого сама схочешъ, а я мушу виддатыся за Прокопа, бо маты ёго за мене сватають? Дурна, дурна... Та нехай мене печуть, нехай рижуть... нехай краще закопають мене въ землю! чуешъ ты, зозулястенька? Ну пишла геть, колы головою крутышъ, невирна! Не бійсь, Марко никому мене не дасть... бо винъ орелъ... а надъ нымъ, знаете куры, вороння того, вороння... мало не заклюють. Колы й люде на нёго, и староста, и навить тато нападаются... а винъ добре хоче людямъ. Не тато, а Марко... Чуете жъ, куры, якый винъ добрый, Марко мій... за те ёго парубкы й дивчата страхъ люблять... и слухають. А ты куды, проклятый? Агушъ! бачъ—наслидывъ на кныжци! Що мени Марко скаже, якъ побачыть на ній пивнячи слиды? Скаже: пивень бильше начытавъ, нижъ ты. Ну, теперъ вси гетьте, агуша, бо мени треба чытаты. Прысунуся блыжче до сонечка, хай и воно загляда въ кныжку, хай и воно чытае... Ну, разомъ!..

Зъ погодою щось діялося. Весна стояла суха и витряна. По горо́дахъ все сохло, хлиба на поли не рослы, по шляхахъ носылысь цили хмары курявы. Люде прохалы дощу, бо все вищувало голодъ. Цина на хлибъ раптомъ пидскочыла и це такъ стурбовало Маланку, що вона що ночи бачыла погани сны. Зате, чымъ гирше було навкругы, чымъ бильше надіи хлиборобивъ вьялы, тымъ бильшъ Андрія опановувалы мріи про фабрыку. Якъ Маланци дороге борошно, такъ Андріеви спылась фабрыка. Часомъ винъ схоплювавсь середъ ночи и зъ просоння, зъ якымсь жахомъ въ голоси, пытавъ Маланку:

— Бувъ свыстокъ?

— Якый свыстокъ?

— Ну, фабрыка свыстала?—сердывся винъ.

— Опамьятайся... то тоби въ голови свыще, по ночахъ товчешся,—бурчала сколошкана Маланка, позихала, зитхала и не могла заснуты до раня.

Андрія жерла нетерплячка. Винъ разъ-у-разъ бигавъ на руины, щось обмирковувавъ, прыкыдавъ, выраховувавъ. Потимъ бигавъ по людяхъ, роспытувавъ, пускавъ поголоскы, и колы

воны зновъ доходылы до ёго, значно зминени и бильшъ ришучи, винъ радивъ, хвалывся Маланци и вирывъ. Навить до своихъ звычайныхъ заробиткивъ видносывся винъ теперъ злегка и не шукавъ ихъ.

Маланка нарикала. Де-дали все труднише и труднише ставало знайты якусь роботу. Тра́вы погорилы, по экономіяхъ бильшъ не наймалы. Прыступаючы до печи, вона просто дурила, бо не знала, що варыты. Прыварку не було, вични позыкы докучылы всимъ и навить Маланци. Найдужче серце бо́лило въ неи за Гафійку—таке молоде, едына дытына, и мусыть голодомъ морытысь. Якымсь чудомъ вона роздобувала для неи и прыносыла пидъ хвартухомъ мысочку ягидъ, або свижу паляныцю. Андрій ридко звертавъ увагу на страву—голова ёго була запрятана фабрикою—але часомъ и винъ одсовувавъ никчемну юшку и почынавъ бурчаты. Маланка чатувала на той ментъ. Вона вся скыпала лыхою радистью и жбурляла ёму въ лыце всю отруту, все шумовыння свого серця.

Въ одній хати жылы два ворогы, и хочъ коженъ зъ ныхъ порынавъ у власни думкы и навить тикавъ одъ другого, проте доволи було якоись дрибнычкы—и злисть типала обома, немовъ пропасныця.

Одно ихъ еднало—це згадка про те, що Гудзь радывъ найняты Гафійку.

— А ты жъ що, плюнувъ ёму ме́жы очи?—допытувалась Маланка, а сама, осмихаючысь, думала: чекай, чекай, ось прыйде осинь, тоди побачымо...

— А я такъ розсердывсь, що мало не побывъ Хому! ій-Богу!—хвалывся Андрій.—Таке выгадавъ!..

— Ты що тутъ робышъ?

Маланка вытрищыла очи и зупынылась на порози. На прыпичку горивъ трусокъ и кыпило горнятко. Андрій дывывсь на вогонь, увесь чорный и захопленый. Маланка несподивано заскочыла ёго, и винъ осмихався непевнымъ, прыдурковатымъ усми-

хомъ. Маланка прыступыла до печи, одсунула горнятко и зазырнула въ нёго.

— Ты рыбу варышъ?—поспытала вона паляканымъ голосомъ и вся пополотнила.

Андрій метнувся на мисци, засунувъ зновъ горнятко, обкыдавъ ёго жаромъ и мовчкы осмихався.

— Чуешъ, Гафійко, винъ рыбу варыть!—скрыкнула Маланка.

Въ голоси іи чувся такый жахъ, наче въ горнятку що найменче варылось людське мнясо.

— Здуривъ! здуривъ! ій-Богу здуривъ!—крычала Маланка, бигаючы по хати, якъ на пожежи.

Видтакъ зупынылась передъ Андріемъ, сплеснула рукамы и, не ростуляючы ихъ, выдывлялась на ёго здываванымы, повнымы обурення и жаху очыма.

Винъ рыбу варыть! Лына, що спіймавъ у-ранци! Що важывъ найменче чотыре хунты! Не виднисъ у двиръ, не спродавъ панови! Ой, свитъ кинчается! Такого ще и не було, видколы Андрій рыбу ловыть! Воны николы не зйилы ще бильшои рыбы, яку вжываютъ паны. За такого лынка можна бъ узяты зо два злоты, а винъ ёго зварывъ!

Усе це, зъ плачемъ, выгомонила Маланка Андріеви въ спыну пры булькоти горнятка та потрискуванни сухого труску.

Андрій намагався обернуты все въ жартъ.

— Не скыглы, стара, сидай та попойижъ рыбкы. Нема мняса, якъ свыныпа, нема рыбы, якъ...

И винъ однисъ горнятко на стилъ, та насыпавъ въ мыску юшкы.

— Трискай самъ, бодай ты не выдыхавъ! Мы пухнемо зъ голоду, въ хати ни кришкы хлиба, а винъ рыбу варыть!

Андріеви було ніяково; Маланка казала правду, але ёму такъ хотилось рыбы, вона такъ прынадно пахла, що низдри ёго тремтилы и роздувалысь.

Сопучы и надувшысь, винъ засивъ за рыбу и плямкавъ губамы, и сёрбавъ юшку такъ голосно, наче хотивъ заглушыты жинчыне голосиння.

А Маланка лютувала. Опричъ того, що іи жывый жаль бравъ за зниваченою рыбою, вона була голодна. Вона зихляла зъ голоду, ій такъ хотилось чогось гарячого, смачного, незвычайного, а духъ свижои лынины лоскотавъ низдри, спиравъ виддыхъ; ій ажъ нудыло одъ сыльного бажання попойисты. Проте вона розумила, що не може прыступыты до стравы и ще сыльнище кляла.

— Не журысь, жинко, ось поставлять фабрыку, тоди заroблю де-що...

— Бодай ты такъ жывъ, якъ та фабрыка буде!

Андрій пиднявъ очи. И воны на мыть зупынылысь и кынулы далекый поглядъ кудысь въ простору, по-за стины, по-за хату—и зразу стало ясно ёму, що справди фабрыкы не буде, що то дурни надіи, що краще бъ винъ не варывъ рыбы, яку можна було продаты та купыты хлиба. И вразъ рыба втратыла свій смакъ, охота до йижи одлетила геть и ёму раптомъ схотилось покынуты хату.

Андрій взявъ шапку и выйшовъ.

Недойидкы рыбы выстыгалы на столи, а Маланка зъ дочкою сыдилы мовчкы по куткахъ та снувалы гиркі думы въ мо́роци погаслого дня. Сумъ сто́явъ въ хати, обнявшысь зъ тышою.

Потимъ воны разомъ всталы, пидійшлы, немовъ змовылысь, до сто́ла и мовчкы взялысь за рыбу. Воны пойилы все до щенту, высмокталы кисточкы, высёрбалы юшку и мовъ голодни коты вылызалы навить мыску.

Андрій збирався на почту: почепывъ на плече шкиряну торбу, взявъ у рукыципокъ. Колы вбигла Маланка. На ній лыця не було. Блида, засапана, очи горять и вся тремтыть.

— Иды... миряють...

Андрій выдывывся на неи.

Вона не могла говорыты, прытыскала рукою серце и важко дыхала. Другою рукою, умазаною въ землю, бо тильки що подлола, вона махала передъ ёго очыма и показувала на дверы.

— Иды жъ, миряють бо...

— Хто миряе? Що?

— Паны, охъ!.. Найихалы, будуть землю дилыты ..

— Яку землю? Що ты мелешъ!

— Всяку... помижъ людьмы... Иды, доглянь, щобъ намъ одризалы недалеко, блыжче одъ села. Бо це прыпадь дистанешъ...

— Святъ, святъ, святъ! Опамьятайся. Мени на почту треба йты.

Маланка позеленила.

— Ты пійдешъ мени?

Вона прыскочыла до його страшна, якъ дыка кыцька, зъ перекошенымъ ротомъ, зъ пекучымъ поглядомъ, блида якъ мара.

— Ты пійдешъ мени заразъ!—выщала вона тонкымъ голосомъ.—Тоби може байдуже, дакъ мени не байдуже. Ты маешъ дытыну! Ты хочешъ заризаты іи! Ты всихъ насъ рижешъ. Заразъ мени йды. Люде заберуть краще. Чуешъ? Ну!

И бачучы, що винъ стоить ни въ сыхъ, ни въ тыхъ и дывытся на неи, вона вхопыла зъ прыпичка рубель и замирылась на його.

— Иды, бо тутъ тоби смерть буде!..

Вона ладна була його забыты,—Андрій це бачывъ.

— Тю, дурна!—знызавъ винъ плечыма; та же бачышъ—иду. Винъ сопивъ, якъ ковальській михъ, и ледве поспишавъ за Маланкою.

У-вечери повернулась Маланка до-дому весела, слыве счаслыва. Вона бигала по хати немовъ молодымы ногамы, а думкы іи литалы, якъ били голубы на сонци. Вона осмихалась. Таки чудни паны. Ходять соби по полю тай миряють. Вона имъ въ ногы: паны мои лебедонькы, згляньтесь на мене бидну, одрижте блыжче, тамъ де пшеныця родыть, а воны регочуть. Иды, кажуть, бабко, до-дому, мы не те миряемо. А сами регочуть, бодай бы васъ Богъ мавъ у своій ласци. Воны думають, що якъ вона дурна баба, то вже ничого не тямыть... Стійте, стійте, може и въ неи голова не дурно на вьязахъ... Хиба вона не змиркувала, що воны іи дурять. Адже скажы людямъ зразу, що то для ныхъ землю дилять, то тутъ така бъ Содома знялась, що жывцемъ пожерлы

бъ одынъ одного... Коженъ за краще бывся бъ. Ну, але воны памьятатымуть бидну бабу, воны іи не скрывдять. Ще колы бъ Андрій прохавъ, а то ставъ якъ пень, бодай бы...

Не скинчыла проклёну, не могла лаятысь ныни. Вона була такою доброю сёгодня, ій було такъ весело, такъ жалко всихъ. Лагодячы вечерю, вона навить прыспивувала, а трискуче полумья сухого ломаччя немовъ радило разомъ изъ нею. Андріёви вона подала вечерю зъ повагою, якъ до господаря, що мае власный грунтъ и хазяйство, сама жъ не могла йисты, не була голодна. Все, за щобъ не бралася, робыла поважно, немовъ у церкви правыла, а сама осмихалася до себе. На ничъ змыла Гафійци голову лугомъ, росчисала густымъ гребнемъ волосся, що ажъ вылыскувалось; сама заплела дрибушкы и кисныкы. Щобъ голова въ доньки була якъ сонечко. Щобъ дивка була не гиршъ за людськи.

— Може бъ ты новый лейбыкъ надивъ, бо старый чысто розлизся?—пытала вона Андрія и достала зъ скрыни едыну ёго святну одежу.—Закропы душу ягидкамы, ковалыха дала...

Андрій давно вже бачывъ іи такою ласкавою. А въ неи серце розмякло, въ ній все спивало. Спивала колосомъ власна ныва, спивалы жайворонкы надъ нею, спивавъ писню серпъ, пидризуючы стебло, луналы спивы по синокосахъ, спивало врешти серце, повне надій. Осмихалась доля. Не тильки власна, а и Гафійчына. Въ ногахъ чулась миць, въ рукахъ сыла. Чорни жылови рукы булы наче зъ зализа.

Зъ того дня Маланка часто бигала на панське поле дывытысь, якъ миряють паны. Воны ще блукалы полямы зо два дни, потимъ пойихалы. Але Маланка добре знала, до чого воно йдется. Вона почала готуватысь. Полючы на горо́ди въ багатого мужыка, вона не хотила браты грошей, а прохала одсыпаты пшенычнымъ зерномъ, щобъ маты гарный гатунокъ пшеныци. Це на насиння, на розвидъ. Колы йила яблуко, обережно выбирала зернятка и сушыла на викни. Воно здастся. Нищо не могло зробыты ій бильше прыемносты, якъ горсточка насиння, выпрохана въ путящои хазяйкы, або зароблена на поденному. Вона дійшла до

того, що опынывшысь на чужому горóди, стежыла очыма, щоб̀ можно взяты на насиння, и, оглядаючысь, потай ламала кращу макивку, або зрывала жовтый огирокъ и ховала за пазуху. У неи въ хати завелось багато всякыхъ вузлыкивъ зъ насинням̀ — велыкыхъ и малыхъ—и разъ-у-разъ щось сушылося на викнахъ.

— Куды ты ёго подинешъ?—дывувався Андрій.—Адже у насъ усёго тильки двi грядочкы.

Вона таемнычо осмихалась и поблажлыво хытала головою.

— Не журысь... То вже моя голова въ тимъ...

Въ недилю вона ходыла у лисъ, де стоялы готови зрубы, оглядала ихъ, выбирала кращый матеріалъ, розмирковувала и роспытувала про цины въ лисныкивъ.

Вертала до дому задумана, зъ очыма, втуплеными кудысь у простору, гладыла Гафійку по голови и часомъ осмихалась сама до себе.

Вона якось ходыла навить на ярмарокъ, а потому судылы Маланку на сели: певно баба мае гроши та лыше таится зъ тымъ, бо все вешталась по ярмарку та торгувала пидсвынка...

Якось надъ вечиръ Маланка выйшла зъ хаты и наткнулась на Гафійку, що стояла прытулена до одвирка.

— Ты що тутъ робышъ?—поспытала вона іи, але, глянувшы на Гафійку, Маланка такъ и зомлила.

— А що тоби таке?

Гафійка не одповидала. Вона стояла зигнута, блида, ажъ чорна, и тремтила.

— Що зъ тобою?—допытувалась Маланка и взяла Гафійку за холодни рукы.

Гафійка мовчала и типалась, якъ у пропасныци. Маланка завела іи до хаты и кынулась свитыты свитло. Блиде свитло ще чорнищи тини поклало на іи выду; шыроко одкрыти жахомъ очи заблыщалы, якъ скляни. Маланка зовсимъ перелякалась. Посадыла Гафійку на пилъ и почала тремтячымы рукамы обмацуваты іи лыце, голову.

— Що тоби? Налякалася? Болыть що?

Одповиди не було. Тильки пидъ рукамы въ Маланкы типалось холодне тило.

Маланка почала гукаты Андрія. Та Андрія десь не було.

Маланци заходыло въ голову, що сталося зъ Гафійкою. Наврочывъ хто? Налякавъ? Пидвіяло? Куды вона ходыла? де була? Що жъ це, Господы, подіялось дивчыни! Колыбъ хочъ сказала, колыбъ промовыла, а то мовчыть, якъ не жыва...

Склянни очи и чорный, схудлый зразу выдъ лякавъ Маланку, и вона почала сама трусытысь надъ Гафійкою, хрестячы іи всю дрибнымы хрестамы.

На счастя надходывъ Андрій. Винъ бувъ веселый, чы на пидпытку, бо говорывъ голосно и зворушено.

— Ну, такъ и йе... я ще тоди казавъ... Найихалы и забралы...

Маланка зашыпила на його.

— Де ты волочышся?

— Де жъ? На вулыци. Дывывся, якъ велы Марка Гущу... найихалы й забралы. Догрався. Я бъ такого, пане добродзею, за шыю та на галузку. Коротка справа...

Зъ полу почувся стогинъ.

— Цыть!—накынулась на Андрія Маланка: бачышъ, заслабла. Бижы заразъ по Марьяну... може одшепче, пидкурыть чы переполохъ выкачае... не знаты, що ій таке. Ну, бижы жъ швыдче...

Андрій подавсь до шептухы.

Марьяна мабуть помогла, бо за два дни Гафійка пидвелась. Худа, жовта, ажъ чорна, немовъ удовыця, сумна и мовчазна. Вона все тикала зъ хаты, щобъ не буты вкупи зъ старымы. Найбильше уныкала батька, немовъ боялась його. На самоти плакала. И думала, думала, ажъ ій тисно ставало одъ думокъ...

Не все горе, бувалы й радощи.

Писля довгого литнёго дня, колы сонце сидае, а роспечена земля поволи скыдае зъ себе золоти шаты, колы на блиде, втом-

лепе днемъ небо зъявляются крадькома несмилыви зори, въ останнёму проминни сонця справляе грыща мушва, а дывно мягке, злоторожеве повитря прыймае оддаль бузкови тоны и робыть просторы ще шыршымы и ще глыбшымы,—Маланка зъ Гафійкою идуть курною дорогою, и хочъ мають утомлене тило, але разомъ и прыемпе почуття скинченого дня. Воны несуть до дому спечене, якъ и земля, тило, а въ складкахъ одежи пахощи стыглого колоса. Не розмовляють. Йдуть мовчкы, помахують серпамы. Розигнута врешти спына, пущена вильно рука, ще злегка тремтяча одъ цилоденного напруджения, мягкый пылъ пидъ ногамы замисць стерни здаются теперъ счастямъ. А въ дома чекае спочынокъ и сонъ, короткый, якъ литня ничъ, але солодкый, якъ холодный лыстъ до раны. Колы бъ швыдче до дому... не вечеряты, не сыдиты, не розмовляты, а впасты на лаву, якъ каминь въ воду—и въ мыть склепыты очи.

Сонна, напивпрытомна, Маланка роскладае въ печи вогонь и прыставляе окрипъ, щобъ зготуваты Андріеви вечерю. Вогонь палае и гуготыть, а вона заплющуе очи, хытается, и ій здается, що то шумыть колосомъ ныва и серпъ черкае по стеблу. Ой, якъ душно, якъ сонце пражыть. Ба ни, такъ то вогонь пече, бо блызько стала. Ось вона нажала снипъ и крутыть перевесло... такъ болыть спына, трудно зигнутысь. Ага! то вона тисто мисыть на галушкы. Жны, Гафійко, жны... трудно, серце, заробляты, за дванадцятый снипъ жавшы, а треба. Що, пучку вризала, сычышъ зъ болю?.. Ай, ни, тожъ то окрипъ збигае.

Сёрбае юшку Андрій... здается говорыть щось... у хати, чы на двори?..

— Чомъ не вечеряешъ?

— Га?

— Вечеряты йды...

— Вечеряй самъ... я потому...

Ложкы треба по... а-а-а!.. помыты. Таки ногы важки, мовъ у чоботяхъ... а голова жъ... голова, ледве на вьязахъ здержышъ...

Ну, врешти... На прызьби краще. Ты спышъ, Гафійко?.. Подушку взяла бъ. . ну, спы й такъ, дытыно, колы заснула. Ой,

кисточкы жъ мои, кисточкы болючи. Ой, мои рученькы... ниженькы мои... Иже есы на небесы. Хлибъ нашъ насушный. А-а-а!.. зори дывлятся зъ неба. Жабы крякають до сону. Блакитна баня спускается все ныжче и ныжче... налягае на тило, гнитыть повикы. Такъ солодко, спокійно. Не вставъ бы й на судъ страшный, не звився бъ и до доли... А небо все ныжче, тай ныжче... пестыть, обіймае... зори лоскочуть, немовъ цилують. Душа роспустылась въ блакыти, тило прылыпло до прызьбы и тане, якъ вискъ на вогни. Нема ничого... небуття... повне небуття!..

Хиба жъ не радощи!

Допиру по жнывахъ показалося, що зима буде голодна. Посуха тай посуха. Жыта запалыло, хлибъ уродывсь ридкый та безсылый. Смихъ и горе було дывытысь на те, що зажалы Маланка зъ Гафійкою, а настреляныхъ Андріемъ качокъ та зайцивъ пойилы паны. Ще труднище заробыты буде сеи зымы, нижъ торикъ, а ти, що мирялы землю, якъ счезлы, такъ и слидъ ихъ пропавъ. А ни чуткы. Андрій тежъ мовчыть щось про фабрыку.

По селу йшлы розмовы про Гудзя. Оповидалы, що винъ у гниву забывъ ломакою вола. Ударывъ по пидъ вухо и росколовъ голову. За те панъ прогнавъ ёго зъ двору и теперъ Гудзь вештается безъ службы, пропывае останню одежу и хвалытся, що й попови таке буде, якъ волови. Колысь винъ заскочывъ и до Андрія.

— Ловышъ рыбку, пане добродзею?—прывитавъ винъ ёго зъ пьянымъ смихомъ.—Ловы, ловы, може нею подавлятся ти, що йидять іи. Фабрыкантъ! . Винъ думае, що для нёго фабрыку збудують. А якъ-же, чорта пухлого дочекаешся!.. Совы та вороны тамъ жытымуть, покы не завалытся икъ лыхій матери. Кажы— наймаешъ Гафійку? Ни? Воліешъ зъ голоду згынуты, якъ руда мыша зимою? Ну, здыхай, врагъ тебе беры зъ усимъ кодломъ, хиба мени що? Знайдемо й другу!..

Винъ розсердывся, грымнувъ дверыма и выйшовъ зъ хаты, але за хвылыну знов просунувъ у дверы червоне й завзяте обличчя.

— Гей, вы, фабрыканты! Памьятай одно зъ другымъ, що ще прыйде коза до воза та скаже ме... Але Гудзь дасть дулю,—о!..

Андрій не вытрымавъ.

— Ахъ ты, пьянюго, котолупе якыйсь, а тоби яке дило до мене!—кынувся винъ до дверей, та Маланка не пустыла.

— Облышъ!—завыжчала вона пронызуватымъ голосомъ и засвитыла до нёго зеленымы, повнымы злорадои втихы, очыма.— Не займай, скаличыть. Тоди якъ на фабрыку ходытымешъ?

— На фабрыку?

— А та жъ...

— На фабрыку, кажешъ?

— Та же чувъ... збудують для тебе...

Вона цидыла слова, немовъ отруту.

Андрія душыла злисть.

— Свербышъ, болячко? Свербы, свербы, покы не почухаю. Краще кажы—засіяла ланы свои? Багато тоби намирялы? Дежъ ти паны, що ты имъ рукы лызала?..

— А дежъ? фабрыку тоби будують...

— Ты зновъ свое?..

Андрій побывъ Маланку. Вона лежала на лави и голосно стогнала, а винъ блукавъ по оголеныхъ сирыхъ ланахъ, байдужно, безъ цили, абы дали видъ дому.

Гафійка плакала. Вона краще пишла бъ у наймы.

На Покрову повернувъ Прокипъ. Йшла чутка, що ёму не посчастыло. Зразу не мигъ найнятыся, бо народу найшло бильше, нижъ треба, и цины впалы; видтакъ заслабъ у Каховци и пролежавъ мисяць, дали подавсь у Таврыю, а звидты опынывся ажъ у Черноморыи. Повернувся обидраный, слабый и безъ грошей. Маланка не дуже няла виры тому. Чого люде не сплещуть. И

вона потай одъ своихъ побигла, немовъ за дилом, до Кандзюбыхы. Показалося—правда. Прокипъ блидый, ажъ счорнилый, одъ витру валытся та все вылежуется, а стара Кандзюбыха мало не плаче, розсказуючы, якъ ледве-ледве очыстыла сына одъ нужи. Куды вже ёму женытыся! була думка—заробыть хочъ на весилля, а тымъ часомъ такый рикъ выпавъ, що й хлиба не стане...

Сумна повернула до дому Маланка и никому не похвалылась, що бачыла й чула. Нехай вже воно прысхне на нiй, якъ на собаци.

Чымъ блыжче було до Пылыпивкы, тымъ бильше Маланка втрачала спокiй. Не давала спокою й Гафiйци. Духъ охайносты, чепуриння опанувавъ iи цилкомъ—и вона товклась по цилыхъ дняхъ: двичы побилыла хату зъ надвору и въ середыни, що дня пидмазувала комынъ та пидводыла червонымъ глеемъ прыпичокъ.

Гафiйка мусила нарызаты зъ паперу новыхъ козакивъ та квитокъ и облипыты имы стины одъ божныка ажъ до дверей. Крыла голубкивъ, що гойдалысь передъ образамы на нытци, заминени булы новымы, ще бильшъ яскравымы, а на те, щобъ набуты шматокъ шпалеру зъ червонымы рожамы пидъ образы— пишлы уси яйця, яки збиралысь одно до одного.

Чого ходышъ чорна!—грымала Маланка на Гафiйку и змушувала iи мало не що дня миняты сорочку, сама чесала iй голову и вплитала въ косы нови кисныкы. Осиннимы вечорамы вона рано свитыла свитло, чепурылась немовъ у свято и, сыдячы у своiй охаянiй хатынци, часто поглядала на двери, тривожно прыслухаючысь до гавкання собакъ, и хвылювалась, немовъ на щось чекала.

Часомъ у день, покынувшы роботу, вона высовувала зъ кутка Гафiйчыну скрыню и переглядала iи убоге шуплаття, розгортала вышывани рушныкы и переводыла задуманый поглядъ на дочку. Видтакъ поправляла на нiй намысто, обсмыкувала сорочку, укладала складкы спидныци и жалибно похытувала головою, змыгнувшы крадькома слёзы.

Але чого вона не могла байдужно чуты—такъ се бубна. Якъ тильки зъ далекого кутка села, пидъ хмарнымъ осиннимъ небомъ, разлягалось ёго глухе дуднiння, вона выскакувала на двиръ, прыслухалась, намагалась вгадаты, въ якому двори справляють весилля и выявляла таку цикависть до того, хто кого посватавъ, немовъ сама мала надію незабаромъ виддатысь. Вона жыла у вичному напрудженню, іи рукы зробылысь жвавымы, нервовымы, а мали чорни очи неспокійно поблыскувалы.

А бубонъ гудивъ. Почынаючы зъ середыны тыжня ходылы по вулыцяхъ молоди зъ роспущеными косамы и падалы въ ногы, прохаючы на весилля, або мисыла болото весильна перезва, сповняючы холодне повитря писнямы. Маланка въ одній сорочци выскакувала на пориге хаты, пидпирала голову долонямы и жалибно стежыла окомъ за весильною процесіею, мерзла и не помичала того. Вона несказано дратувалась.

Коженъ засватаный парубокъ, кожна дивчына, що подала рушныкы, втрачалы раптомъ въ іи очахъ цину, не варти булы доброго слова.

— Посватавъ! узявъ добро!—шыпила вона зъ крывымъ усмихомъ.—Буде годуваты чужи диты и жинку нетипаху... Хиба нихто не знае, що вона й хлиба спекты не годна, ій тильки до хлопцивъ иржаты...

— Завьязала соби свитъ за тымъ ледащомъ... Рябый, гугнявый та ще й злодій: укравъ торикъ лантухъ жыта зъ току...

За те, стричаючысь зъ жинкамы, що малы дорослыхъ сынивъ, вона ставала солодкою и хвалылась дочкою: Слава тоби, Господы, таке воно въ неи роботяще, таке добре, покирлыве, немовъ телятко...

Часъ тягся.

Вечиръ за вечоромъ просыджувалы воны зъ Гафійкою у прыбраній, якъ на велыкдень, хати, въ чыстій одежи, немовъ чекалы дорогого гостя, що отъ-отъ невыдко якъ затупае передъ хатою, сколошкае собакъ и видхылыть двери. У Маланкы захована навить була въ комирчыни, пидъ старымъ манаттямъ, пляшка горилкы, про яку опричъ неи нихто не знавъ.

А навкругы луналы музыкы, дуднилы бубны и полошылы ничну тышу пьяни писни. Нихто не зъявлявся. Крывы стины халупкы, выпьявшы бокы, моргалы по куткахъ зморщкамы-тинямы, паперови козакы, узявшысь въ бокы, стоялы въ рядъ и мовчкы дывылысь на тьмяне свитло лямпкы, а чепурни голубкы крутылысь передъ образамы, пересуваючы довги тини крылъ по ныській стели. Нудна тривога, мовъ дерево зъ пасиппя, росла въ Маланчыній души. Невже не прыйдуть? Невже нихто не посватае? Вона перебирала въ памьяты усихъ парубкивъ села—и багатыхъ и середнихъ, и навить бидныхъ, хочъ довше зупынялась на багатыхъ. Миркувала, прыкыдала и все сподивалася. Часомъ вона думала, що Гафійка сама вынна.

— Гей ты, вайло!—гукала вона на неи, колы Гафійци ненарокомъ вылитало зъ рукъ веретено, або колы вона зачипляла що по дорози.—Яка зъ тебе хазяйка буде, що ни ступыты, ни зробыты до ладу не годна?—Кара Божа, не дивка—сердылась вона знову:—ты якъ голову вычисала? Хто тебе визьме таку нечупару?.. —Чого мовчышъ? Говорыты не вміешъ?.. Побачыте... вона й долю свою промовчыть... Усе не такъ, якъ людськи диты...

Але помитывшы слёзы въ Гафійчыныхъ очахъ, вона замовкала, жаль сповнявъ іи серце и вылитавъ довгымъ зитханнямъ... Вона вже знала, яка доля чыгала на іи дытыну. Доведется ій топтаты матерыну стежку... Ой, доведется...

Зъ поныклою, обваженою гиркымы думамы головою вона прыслухалася до останнихъ згукивъ затыхаючои въ сели весильнои музыкы, зъ якымы гынулы іи останни надіи, останни сподивання...

Идуть дощи. Холодни осинни туманы клубочатся вгори и спускають на землю мокри косы. Плыве у сири бéзвисты нудьга, плыве безнадія и стыха хлыпае сумъ. Плачуть голи дерева, плачуть соломьяни стрихы, вмываеться слёзамы убога земля и не знае, колы осмихнется. Сири дни зминяють темніи ночи. Де небо? Де сонце? Миріады дрибныхъ крапель, мовъ вмерли надіи, що зня-

лысь занадто высоко, спадають до-долу и плывуть, змишани зъ землею, брудными патёкамы. Нема простору, нема розвагы. Чорни думы, горе серця крутятся тутъ, надъ головою, высять хмарамы, котятся туманомъ, и чуешъ коло себе тыхе рыдання, немовъ надъ вмерлымъ...

Маленьке, сире, заплакане виконце. Кризь ёго выдко обомъ— и Андріеви и Маланци, якъ брудною, розгрузлою дорогою йдуть заробитчане. Йдуть тай йдуть, чорни, похылени, мокри, несчасни, немовъ калики журавли, що видбылысь одъ свого ключа, немовъ осинній дощъ. Йдуть и зныкають у сири безвисты...

Тьмяно въ халупци. Цицять морокъ маленьки викна, хмурятся вохки кутки, гнитыть ныжька стеля и плаче зажурене серце. Зъ цимъ безконечнымъ рухомъ, зъ цимъ безупыннымъ спаданнямъ дрибныхъ крапель плывуть и згадкы. Якъ крапли ци,— упалы й загынулы въ болоти дни жыття, молоди сылы, молоди надіи. Все пишло на другыхъ, на сыльнищыхъ, на счаслывищихъ, немовъ такъ и треба.

Немовъ такъ и треба...

А дощъ иде... Горбатымы тинямы у хатнимъ прысмерку сыдять стари, немовъ ришають загадане Гудземъ завдання:—чы прыйде коза до воза?

А мабуть прыйде...

М. Коцюбинськый.

Стихотворное житіе преподобномученика Макарія, архимандрита Овруцкаго и Каневскаго игумена.

I.

Среди южно-русскихъ праведниковъ, причисленныхъ церковью къ лику святыхъ, св. Макарій Овруцкій принадлежитъ сравнительно позднѣйшимъ временамъ, концу XVII в., а между тѣмъ его печатное житіе, изданное въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, переполнено явными ошибками и анахронизмами, что было бы вполнѣ естественно видѣть лишь въ житіи какого-либо очень древняго подвижника [1]). Въ свое время почтенный изслѣдователь южно-русской старины М. А. Максимовичъ отмѣтилъ нѣкоторые изъ этихъ ошибокъ и предложилъ свои къ нимъ поправки, но не довелъ начатаго дѣла до конца или за недостаткомъ времени, или за недостаткомъ данныхъ. Его замѣчанія по поводу печатнаго житія св. Макарія сводятся къ слѣдующимъ выводамъ.

Вполнѣ справедливо полагаетъ г. Максимовичъ, что кончина примч. Макарія не можетъ быть отнесена ни къ 1630 г., какъ

---

[1]) Описаніе житія св. преподобномученика Макарія, архимандрита Овручскаго, нетлѣнно почивающаго въ бывшемъ монастырѣ Свято-Вознесенскомъ Переяславскомъ, Полтавской епархіи. Гедеона, архіепископа Полтавскаго. Спб. 1845 г.

это дѣлаетъ г. Похилевичъ, ни къ 1653 г., какъ указано въ печатномъ житіи архіеп. Гедеона. Отсюда само собою вытекаетъ и то, что митрополитъ кіевскій Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій не могъ въ 1627 году опредѣлить св. Макарія въ Овруцкій монастырь, по удаленіи изъ котораго св. Макарій жилъ нѣкоторое время при Кіево-Печерской лаврѣ, но не въ 1641 году, при какомъ то неизвѣстномъ митрополитѣ Кипріанѣ, и въ то именно время, когда кіевскимъ митрополитомъ былъ Петръ Могила. Хотя во второмъ изданіи печатнаго житія св. Макарія (1853 года) выброшены имена митрополитовъ Іосифа и Кипріана, но отъ этого «сущность сказанія не измѣнилась», по замѣчанію Максимовича. Ссылаясь на лѣтопись Самуила Величка и Самовидца, а также на стародавнія преданія переселенцевъ о годѣ кончины св. Макарія, Максимовичъ совершенно вѣрно опредѣляетъ его дату: 4 сентября 1678 года, въ четвертокъ. Изъ писемъ Лазаря Барановича, арх. Черниговскаго, Максимовичемъ взято новое доказательство, что архимандритство св. Макарія въ Овруцкомъ монастырѣ началось не ранѣе 1657 года и окончилось въ 1671, послѣ разоренія Овруцкой обители отъ татаръ въ 1671 году. Неизвѣстно, когда послѣдовало назначеніе св. Макарія настоятелемъ Каневскаго Успенскаго монастыря, но во всякомъ случаѣ игуменство Макарія въ Каневѣ не могло быть долѣе семи лѣтъ [1]). Таковы поправки г. Максимовича къ житію св. Макарія.

Принимая ихъ во вниманіе, нельзя, однакоже, признать вѣрнымъ предположеніе почтеннаго изслѣдователя, которое онъ сдѣлалъ въ самомъ началѣ своей замѣтки о преподобномъ архимандритѣ Макаріи, что печатное житіе архіепископа Гедеона «взято изъ рукописнаго, сочиненнаго въ Переяславлѣ, должно быть, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія (т. е. XIX-го)». Этотъ рукописный оригиналъ долженъ былъ существовать еще въ XVIII вѣкѣ, иначе было бы странно, что никто не позаботился до начала XIX вѣка написать житіе святого, котораго почитали

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, Кіевъ, 1876 г., Т. 1-й, стр. 532—536.

не въ одной только переяславской епархіи, но и во всей Малороссіи. Такъ оно дѣйствительно и было, что рукописное житіе св. Макарія существовало въ XVIII в. даже въ двухъ видахъ: прозаическомъ и стихотворномъ. Рукописи перваго вида намъ неизвѣстны, а со вторымъ, которое несомнѣнно стоитъ въ зависимости отъ перваго, мы и собираемся познакомить нашихъ читателей.

II.

Нельзя удивляться тому, что стихотворное житіе св. Макарія вовсе неизвѣстно преосвященному Гедеону, позднѣйшему составителю печатнаго житія св. Макарія. Еще въ концѣ XVIII вѣка изъ Переяславскаго Вознесенскаго монастыря оно было увезено бывшимъ настоятелемъ этого монастыря (1785—1793) Димитріемъ Устимовичемъ и очутилось въ Смоленскѣ, куда Димитрій былъ назначенъ епископомъ въ 1795 году изъ кіевскихъ викаріевъ и скончался тамъ же 25 мая 1805 года. Рукопись этого житія въ настоящее время хранится въ Смоленскомъ Историко-Археологическомъ Музеѣ.

Самое стихотворное житіе св. преподобномученика Макарія предваряется службою ему, неизвѣстно кѣмъ составленною, а въ концѣ житія авторъ его нашелъ возможнымъ назвать только свое имя, но не обнаружилъ своего званія и положенія, считая это излишнимъ для того благочестиваго дѣла, ради котораго онъ предпринялъ свой трудъ [1]).

Простѣтъ (sic), труда: уже васъ видѣти не чаю,
Токмо прошенье свое съ вами посылаю.
Емуже гдѣ случится чести сія труды,

[1]) Заглавіе рукописи слѣдующее: «Во славу Святыя Единосущныя Нераздѣлимыя Тройцы, Отца и Сына и Святаго Духа, написася книжица сія, Правило преподобномученику Макарію, Переяславскому чудотворцу, 1762 года».

Молю, въ молбахъ Ѳеодора своихъ не забуди,
Да геенскаго страха Богъ сего избавитъ,
Молитвами святаго въ путь благій наставитъ.

Можно лишь предполагать, что авторъ стихотворнаго житія, по имени Ѳеодоръ, родомъ малороссъ. былъ монахомъ той самой обители Переяславской, гдѣ лежали мощи св. Макарія. Характерно, что, составляя стихотворное житіе и, очевидно, пользуясь уже имѣвшимся на лицо рукописнымъ житіемъ св. Макарія, Ѳеодоръ критически отнесся къ году кончины преподобномученика и вполнѣ правильно поставилъ 1678 г. А чтобы не быть голословнымъ для такой даты, вслѣдъ за послѣсловіемъ къ житію, на отдѣльномъ листѣ, онъ выписываетъ слѣдующія доказательства. «Подлинное свидѣтельство о разореніи города Канева и страданіи преподобномученика Макарія, Переяславскаго Чудотворца. Въ рукописномъ лѣтописѣ написанъно еще: **҂ахои** году Чигиринъ Турки взяли и Каневъ спалили. Въ служебники же Каневской обители подписано на листѣ т-мъ сице: «я еросхимонахъ Іларіонъ надаю служебникъ сей до обители Успенія Пресвятой Богородицы монастира Каневъскаго, року **҂ахни**, м-ця априля, **кѳ** дня. Отъ сего знать, что еще не разорена била обителъ Каневская **҂ахни** году, но **҂ахои** году, ибо по разореніи Канева, не имѣ служенія обителъ до днесь». Нельзя не обратить вниманія также и на то, что авторъ не только постарался изложить все житіе силлабическими стихами, но еще на протяженіи всего своего произведенія расположилъ особый акростихъ. Онъ читается такъ: «зде, въ богоспасаемомъ граде Переяслове, въ монастире Михайловском, опочивают мощи святаго преподобномученика Макарія Токаревскаго, архимандрита Каневскаго и Овруцкаго, игумена Пинского и намесника Смоленского. За труды его и подвиги всегдашніе почти его Богъ даромъ нетлѣнія». Почти такое же перечисленіе титуловъ св. Макарія сдѣлано имъ самимъ въ собственноручной его записи на книгѣ «Бесѣды св. Іоанна Златоустаго на 14 посланій св. Апостола Павла», кіевскаго изданія 1623 года. Запись идетъ съ оборота 7 листа и прочитана О. И. Бодянскимъ такъ: «Макарій Токаревскій, архимандритъ Овруцкій,

игуменъ Пинскій, Купятицкій, Каневскій, содержай сію книгу Бесѣдъ апостольскихъ, рукою власною» [1]). Здѣсь прибавлено упоминаніе объ игуменствѣ въ Купятицкомъ монастырѣ, но опущено намѣстничество Смоленское. Не беремся объяснить, почему авторъ стихотворнаго житія одну важную подробность опускаетъ, а другую заимствуетъ неизвѣстно откуда. Всетаки, какъ та, такъ и другая имѣетъ важное значеніе для біографіи св. Макарія и обѣ вполнѣ могутъ быть оправданы достовѣрными историческими справками. Непонятно только, почему авторъ въ самомъ біографическомъ разсказѣ ни слова не упоминаетъ о тѣхъ важныхъ моментахъ въ жизни святого, которые въ акростихѣ признаются безспорными. Единственно можно объяснить это лишь тѣмъ, что послѣ критической провѣрки даты кончины преподобнаго, авторъ, считая всѣ остальныя свѣдѣнія своего письменнаго источника вполнѣ достовѣрными, не замѣтилъ въ нихъ никакихъ противорѣчій и, вѣроятно, даже боялся въ своихъ изъясненіяхъ перейти уже установившійся предѣлъ.

III.

Арх. Гедеонъ Полтавскій говоритъ, что его печатное житіе св. Макарія составлено на основаніи такихъ матеріаловъ, которые, повидимому, заслуживаютъ полнаго довѣрія, что объ этомъ святомъ «предали богобоязненные мужи, и что обрѣтается въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ и святыхъ дѣлахъ его» (Житіе, стр. 2). Первое свѣдѣніе изъ жизни святаго Макарія, конечно, касается года и мѣста его рожденія. Согласно съ печатнымъ, и стихотворное житіе указываетъ, что св. Макарій родился въ Овручѣ Волынскомъ, годъ рожденія святого пріурочивается въ печатномъ къ году введенія Брестской уніи (1596), а стихотворное объ этомъ совершенно умалчиваетъ. Въ отношеніи года рожденія св. Макарія предположительно можно назвать указанную дату вѣрной и

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1870 г., т. 2, отд. 2, стр. 67.

невѣрной. Все здѣсь зависитъ отъ степени довѣрія къ источникамъ печатнаго житія. Въ опредѣленіи же мѣста рожденія, кажется, имѣло значеніе не только устное преданіе, но и долгое пребываніе св. Макарія настоятелемъ Овруцкаго монастыря. На самомъ же дѣлѣ, первоначальные монашескіе подвиги св. Макарія протекали не на Волыни, а въ Литвѣ.

Въ печатномъ житіи разсказывается, что посвященіе въ иноки св. Макарій получилъ во Владимірѣ Волынскомъ, въ «тамошнемъ Овруцкомъ монастырѣ». Въ этомъ видна явная топографическая несообразность. Такой несообразности стихотворное житіе избѣгаетъ, упоминая только о томъ, что монашеское посвященіе св. Макарій получилъ во Владимірѣ Волынскомъ, безъ указанія, въ какомъ именно монастырѣ. Это темное преданіе о мѣстѣ иноческаго посвященія св. Макарія въ печатномъ житіи связано съ именемъ митрополита Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго. Конечно, это лицо не было еще тогда митрополитомъ, но указаніе на какого-то Іосифа изъ Владиміра Волынскаго можетъ до нѣкоторой степени имѣть свое значеніе, пока еще не совсѣмъ понятное. Извѣстно, что въ 1620 году Ѳеофаномъ, патріархомъ іерусалимскимъ, былъ посвященъ во епископа владиміро-волынскаго Іосифъ (Іезекіиль) Курцевичъ. До своего посвященія онъ занималъ мѣсто игумена въ знаменитомъ козацкомъ Трехтеміровровскомъ монастырѣ. Трудныя обстоятельства времени едва ли дали ему возможность жить въ самомъ Владимірѣ Волынскомъ, но до 1623 года онъ могъ все еще оставаться въ томъ же монастырѣ, гдѣ раньше былъ игуменомъ [1]).

Всѣ житія согласно говорятъ, что родовая фамилія св. Макарія была «Токаревскій». Съ этой стороны заслуживаетъ полнаго вниманія извѣстіе автора «Тератургимы» Аѳанасія Кальнофойскаго, что фамиліи Тукальскихъ и Токаревскихъ принадлежатъ Брестскому воеводству въ Литовской землѣ. Такъ, по его указанію, Димитрій Тукальскій похоронилъ своихъ дѣтей въ

---

[1]) Чистовичъ. Очеркъ Исторіи западно-русской церкви. Т. II, стр. 283.

склепѣ при церкви Купятицкаго монастыря, а какая-то Марина Токаревская-Піотровская получила исцѣленіе у образа Купятицкой Божіей Матери и часто потомъ навѣщала монастырь для богомолья [1]). Извѣстно также, что самый монастырь Купятицкой, въ Пинскомъ повѣтѣ, образовался въ 1629 году изъ иноковъ Виленскаго С. Духова монастыря и первымъ его игуменомъ былъ Иларіонъ Денисовичъ, постриженникъ того же Виленскаго монастыря. Разумѣется, что въ тридцатыхъ годахъ XVII в., когда уже здѣсь собралось довольное число братіи, поступали въ монастырь не одни только виленскіе иноки. Но, все же, весьма вѣроятно, что и Макарій Токаревскій, извѣстный съ 1637 года какъ инокъ Купятицкаго монастыря, получилъ свое иноческое посвященіе именно въ Виленскомъ монастырѣ отъ его знаменитаго игумена, Іосифа Бобриковича. Онъ же посвятилъ его и въ іеромонахи, когда самъ сталъ епископомъ Могилевскимъ (1633). При такомъ предположеніи, вполнѣ оправдывается имя лица, посвятившаго Макарія, хотя при семъ не можетъ быть оправдано въ житіи самое мѣсто посвященія—Владиміръ-Волынскій. Другой современникъ св. Макарія и постриженникъ Виленскаго монастыря, знаменитый Аѳанасій Филипповичъ, послѣ своего посвященія (въ 1627 г.), ушелъ сначала въ Оршанскій Кутеинскій монастырь, но оттуда скоро вернулся и поступилъ въ число братіи Купятицкаго монастыря (См. его «Діаріушъ»).

Въ этомъ же Купятицкомъ монастырѣ св. Макарій могъ впервые познакомиться съ Іосифомъ Нелюбовичемъ Тукальскимъ.

Въ записи на книгѣ «Бесѣдъ» св. Макарій не напрасно отмѣтилъ свое игуменство въ монастырѣ Купятицкомъ. Отсюда именно началось его возвышеніе изъ простого инока въ настоятельскія должности въ разныхъ монастыряхъ. Важнымъ источникомъ для жизни св. Макарія въ этотъ ранній періодъ является «Діаріушъ» св. Афанасія Филипповича, извѣстнаго стра-

---

[1]) A. Kolnofoyski. Parergon cudow swętych obraza przeczystey Bogorodzice w monastyru Kupiatickim. 1638, rozdział VIII et IX, cud piąty.

дальца за вѣру отъ уніатовъ. Въ немъ онъ разсказываетъ, что при первомъ игуменѣ Купятицкаго монастыря, Иларіонѣ Денисовичѣ, Макарій Токаревскій пользовался среди братіи уже довольно высокой репутаціей и ему именно было поручено отвезти въ маѣ 1637 г. въ Кіевъ, кь митрополиту Петру Могилѣ, собранную въ Пинскомъ Полѣсьѣ милостыню, которая предназначалась на возстановленіе Кіевскаго Софійскаго собора. Петръ Могила принялъ его очень милостиво и совѣтовалъ заняться сборомъ подаяній на поправку ветхой Купятицкой церкви и для этой цѣли далъ свой благословенный листъ. Дѣло это пришлось взять на себя Аѳанасію Филипповичу, что онъ и выполнилъ съ великими трудностями и не безъ успѣха [1]). Въ томъ же году Макарій Токаревскій, обратившій на себя вниманіе мотрополита, былъ поставленъ въ игумена вновь основаннаго при церкви Воскресенія Христова братскаго монастыря въ Каменцѣ-Литовскомъ. Въ Митрополичьемъ фундушѣ прямо было сказано, что Каменецкій монастырь долженъ зависѣть отъ монастыря Купятницкаго и отъ митрополита кіевскаго [2]). Пробылъ здѣсь Макарій Токаревскій около 3 лѣтъ. Въ 1640 году онъ опять уже былъ въ Купятицкомъ монастырѣ. Въ этомъ же году монахи Брестскаго Симонова монастыря просили Купят. игумена назначить имъ въ настоятели либо Макарія Токаревскаго, либо Аѳанасія Филипповича. Купятицкій игуменъ, по совѣщаніи съ братіей, призналъ болѣе удобнымъ отправить въ Брестъ священника Климента Несвѣцкаго, «а насъ обоихъ, какъ говоритъ Филипповичъ, охороняль на тотъ часъ, якъ бы въ Купятичахъ потребныхъ». Посланецъ Брестскаго монастыря не пожелалъ принять о. Климента. Тогда купятицкій игуменъ съ братіей рѣшили кинуть жребій между о. Макаріемъ Токаревскимъ и Аѳанасіемъ Филипповичемъ, кому изъ нихъ ѣхать въ Брестъ. Жребій палъ на Филипповича, и онъ поѣхалъ къ мѣсту своего назначенія [3]).

---

[1]) Русск. Ист. Библіотека, т. IV, стр. 52.

[2]) Акты Виленской Археогр. Ком. т. III, 39.

[3]) Русск. Ист. Библ. IV, стр. 62—63.

Въ сороковыхъ годахъ XVII в. Макарій Токаревскій, повидимому, долженъ былъ самъ стать игуменомъ или Купятицкимъ, или Пинскимъ. Для опредѣленія даты его настоятельства въ Купятичахъ и въ Пинскѣ нужно принять во вниманіе то, что въ 1646 году игуменомъ Купятицкимъ былъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, какъ видно изъ жалобы, поданной на него іеромонахомъ Палемономъ Боцевичемъ за учиненное надъ нимъ насиліе [1]. Изъ этого же дѣла видно, что Тукальскій былъ игуменомъ Купятицкимъ и въ 1645 г. Не имѣя данныхъ, не можемъ сдѣлать предположенія, что Макарій былъ игуменомъ въ Купятичахъ до Іосифа, по смерти Иларіона Денисовича. Съ другой стороны, невозможно допустить, чтобы такой ревностный поборникъ православія, какимъ былъ Макарій, оставался въ Купятичахъ только простымъ рядовымъ монахомъ, если мы знаемъ, что его сильно желало имѣть своимъ игуменомъ Брестское братство. Вѣрнѣе поэтому будетъ предположеніе, что уже въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ онъ былъ поставленъ куда либо игуменомъ, и фактическое этому подтвержденіе можно видѣть въ слѣдующемъ. Въ 1647 г. ректоръ пинской іезуитской коллегіи явился съ понятыми къ игумену Пинскаго братскаго Богоявленскаго монастыря Макарію и предъявилъ ему королевскій листъ, предоставлявшій только коллегіи право преподавать польскій и другіе языки. На эту претензію игуменъ отвѣтилъ ректору-іезуиту: «въ монастырѣ нашемъ только по-русску обучаются, по-польску и латинску не мамы жадней школы», и что въ школу часто поступаютъ мальчики, уже знающіе польскій языкъ [2]. Упомянутый здѣсь игуменъ есть Макарій Токаревскій, котораго было вполнѣ естественно Пинскому братству пригласить къ себѣ въ настоятели братскаго монастыря, какъ человѣка, вполнѣ преданнаго православію и благочестиваго. По свидѣтельству А. Филипповича, еще во времена игуменства въ Купятичахъ И. Денисовича онъ именовался игу-

---

[1]) Акты Виленской Археогр. Ком. т. III, стр. 49.

[2]) Виленскій календарь 1897 г., стр. 194. прим.; ст. А. Миловидова, Пинскій Богоявленскій монастырь.

меномъ «Пинскимъ и Купятицкимъ [1]). Возможно, что еще тогда была какая-то филіальная связь между Пинскимъ Богоявленскимъ монастыремъ и игуменомъ Купятицкимъ. Въ игуменство Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго эта связь могла не прерываться, даже при существованіи въ Пинскомъ Богоявленскомъ монастырѣ особаго игумена, т. е. Макарія Токаревскаго. Не здѣсь ли скрывается причина того, что преданіе соединяетъ имена обоихъ пинскихъ дѣятелей въ отношеніяхъ духовной зависимости Макарія отъ Іосифа? Тѣмъ не менѣе такая зависимость не мѣшала проявлять игумену самостоятельность въ предѣлахъ его личной дѣятельности.

IV.

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій оставался въ Купятичахъ игуменомъ до 1654 года, когда онъ сдѣлался старшимъ Виленскаго С. Духовскаго монастыря [2]). Оба житія: печатное и рукописное предполагаютъ, что лѣтъ за 25 до своей кончины св. Макарій поставленъ въ архимандриты Овруцкаго монастыря, т. е. при вѣрномъ указаніи даты его смерти, это должно было случиться въ 1652—3 годахъ. На самомъ дѣлѣ и такое предположеніе едвали вѣрно: въ это время, и даже до самаго конца 50-хъ годовъ, Макарій Токаревскій не былъ архимандритомъ Овруцкимъ [3]). Въ

---

[1]) Русск. Ист. Библ. т. IV, стр. 52.

[2]) Чистовичъ. Очеркъ Исторіи западно-русской церкви т. II, стр. 157.

[3]) Это категорическое утвержденіе почтеннато автора должно быть ослаблено въ виду слѣдующаго документа: 15 марта 1650 г. игуменъ Луцкаго Братскаго монастыря Александръ Мокосій-Дениско занесъ въ луцкомъ гродѣ протестацію слѣдующаго содержанія: дошла-де до него вѣдомость, что 13 янв. 1650 г. въ Варшавѣ выданъ «якыйсь привилій на архимандритство Овруцкое, велебному его милости отцу Макарому Токаревскому, игуменови Пинскому служачий». Дениско сведчится de nullitate оного привилія, а то съ тыхъ рацій: ижъ той привилей упрошенъ Токаревскимъ якобы по уступленю libere

1652 году архимандритомъ этого монастыря былъ Александръ Мокосѣй-Дениско, получившій было еще въ 1650 году королевскую привилегію на Жидичинскую архимандрію, но въ 1652 году король Янъ-Казиміръ отнялъ у него право на Жидичинскій монастырь и отдалъ его Наѳанаилу Лозовскому [1]). Вскорѣ послѣ этого архимандрію Овруцкую занимаетъ другое лицо. На Переяславской радѣ, въ февралѣ 1658 года, въ числѣ духовныхъ лицъ, здѣсь присутствовавшихъ, упоминается Ѳеофанъ Креховецкій, архимандритъ Овруцкій, и дано ему государева жалованья отъ посла государева, окольничаго Б. М. Хитрово, «двѣ пары по четыре рубли, да пара въ 3 рубли изъ запасныхъ соболей» [2]) Этотъ же самый архимандритъ, съ титуломъ Овруцкій, присутствовалъ въ слѣдующемъ (1659) году на открытіи мощей пр. Іова Почаевскаго вмѣстѣ съ м. Діонисіемъ Болабаномъ [3]).

Долго ли удерживалъ за собой Ѳеофанъ Креховецкій Овруцкую архимандрію, сказать не можемъ, только онъ опять является на этомъ же самомъ урядѣ въ 1678 году. Съ титуломъ Овруцкаго архимандрита онъ прибылъ въ Слуцкъ на похороны Могилевскаго епископа Ѳеодосія Василевича, котораго хоронилъ

черезъ протестанта", чего на дѣлѣ никогда не было „и не есть, жебы его милость (жалобщикъ) мѣлъ тую архимандрію уступати", слѣдовательно, привилей, выданный Токаревскому 13 янв., «ad male narrata, есть отриманый мимо першое право и привилей его корол. милости», данное жалобщику, каковое право косвенно подтверждено и другимъ привилеемъ, на архимандрію Жидичинскую даннымъ, съ оставленіемъ его при Овруцкой архимандріи (Акт. книга Кіев. Центр. Архива, № 2492, листъ 801 обор. Такимъ образомъ изъ этого документа видно, что въ январѣ 1650 г. Макарій Токаревскій несомнѣнно получилъ корол. грамоту на Овруцкую архимандрію, но воспользовался ли онъ фактически этимъ правомъ въ виду протеста Мокосія-Дениска—не извѣстно; но титулъ Овруцкаго архимандрита, какъ видно изъ послѣдующаго, онъ носилъ и въ 1670-хъ годахъ. *Ред.*

[1]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1870 г. т. III, стр. 401. 403.

[2]) Акты Ю. и З. Россіи, т. IV, № 58.

[3]) Н. Батюшковъ. Волынь. СПБ. 1884, стр. 191—192.

Лигариди, 28 октября 1678 г. [1]). По смерти Василевича, онъ перешелъ на Слуцкую архимандрію, и, вѣроятно, предвидя, что монастыремъ завладѣютъ уніаты, (какъ это и случилось), увезъ съ собою въ Кіевъ монастырское серебро и передалъ на храненіе въ Печерскій монастырь, а своимъ преемникомъ поставилъ Иннокентія Монастырскаго. Однако, этому новому архимандриту пришлось бѣжать отъ преслѣдованій уніата Сильвестра Тваровскаго, назначеннаго настоятелемъ въ тотъ же Овруцкій монастырь, по королевскому диплому [2]). Такимъ образомъ, до 60-хъ годовъ XVII в. Макарій Токаревскій не могъ быть Овруцкимъ архимандритомъ.

Всего вѣроятнѣе предполагать, что, по удаленіи Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго въ Виленскій братскій монастырь, въ 1654 году, Купятицкимъ игуменомъ сталъ Макарій Токаревскій, соединяя въ своемъ лицѣ и управленіе Пинскимъ монастыремъ, ибо странно было бы видѣть въ записи самого Макарія титулъ игумена Купятицкаго, еслибы онъ не былъ имъ на самомъ дѣлѣ. При немъ совершилось перенесеніе чудотворной Купятицкой иконы въ Кіевъ въ 1655 году. Почему рѣшились лишить Купятицкій монастырь его великой святыни, объяснять можно различно: тутъ было на лицо и опасеніе со стороны уніатовъ, и опасности русско-польской войны, хотя, пока велась эта война съ успѣхомъ для русскаго оружія, монахи купятицкіе могли разсчитывать на покровительство со стороны козаковъ. Этою защитою пользовался Іосифъ Тукальскій. Какъ бы то ни было, фактъ перенесенія самой иконы еще не означалъ оставленія православными самаго монастыря, иначе ему грозила опасность тогда попасть въ руки уніатовъ, которые не столько желали бы завладѣть его зданіями, сколько фундушами земельными. Въ огражденіе такихъ покушеній, 50 лѣтъ спустя, въ 1702 году, внукъ фундаторки монастыря Купятицкаго, Аполлоніи Воловичевой-Вой-

---

[1]) Соч. Св. Димитрія Ростовскаго т. I, стр. 463—464.

[2]) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. I, т. IV, № VIII, № XXVI и XXXII.

ниной, Казимиръ Война, судья земскій въ Пинскомъ повѣтѣ, считаетъ нужнымъ подтвердить первоначальную фундацію своей бабки, всего на шесть влокъ усадебной и пашенной земли, «сохраняя за собою и за наслѣдниками своими коляторство надъ монастыремъ». Монастырь въ то время былъ подъ опекою Виленскаго Св. Духовскаго, но имѣлъ особаго игумена—Головковича [1]).

V.

Стихотворное житіе св. Макарія, титулуя его игуменомъ Пинскимъ, приписываетъ ему званіе намѣстника Митрополичьяго для Смоленской епархіи. Возможно ли это признать, при умолчаніи объ этомъ самого Макарія? Намъ кажется, что здѣсь сообщается заслуживающій довѣрія фактъ. Среди другихъ православныхъ епархій литовско-польскаго государства, Смоленская, послѣ завоеванія Смоленска поляками (1611 г.), испытала особенно печальную участь. Какъ только король Сигизмундъ III убѣдился, что Смоленскъ останется за нимъ, онъ рѣшилъ православную епархію завоеваннаго края превратить исключительно въ епархію уніатскую, чтобы даже и слѣдовъ православія въ ней не осталось. Въ 1625 году учреждается въ Смоленскѣ уніатская епархія и назначается сюда ревностный поборникъ уніи Левъ Кревза. Этотъ епископъ вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе, и къ концу его жизни (1639 г.) въ Смоленскѣ не осталось ни одной православной церкви: масса православныхъ церквей была обращена въ уніатскія на всемъ пространствѣ Смоленской епархіи. Его преемникъ, Андрей Квашнинъ-Золотой, давшій клятву не оставить въ своей епархіи ни одного схизматика, былъ вѣренъ своему слову: его фанатизму только и равнялась ревность знаменитаго Іосафата Кунцевича [2]). Извѣстный уніатскій холмскій

---

[1]) Акты Вил. Арх. Ком. т. VIII, № 77.

[2]) Чистовичъ. Очеркъ исторіи Западно-русской церкви. Т. 2, стр. 401—402.

епископъ Яковъ Суша, отмѣчая успѣхи уніи при м. Вельяминѣ-Рутскомъ, такъ говоритъ о нихъ по отношенію къ Смоленску: «Архіепископство Смоленское, сопредѣльное съ Полоцкимъ, отданное уніатамъ Сигизмундомъ III вмѣстѣ съ княжествомъ Сѣверскимъ, послѣ мученичества блаженнаго Іосафата, имѣетъ болѣе шестисотъ уніатскихъ священниковъ, и даже въ самомъ Смоленскѣ нѣтъ схизматиковъ». «Левъ Кревза, по своемъ вступленіи въ Смоленскую епископію, всѣхъ подвинулъ къ послушанію св. уніи и былъ такъ счастливъ, что во всей его епархіи—nullus schismaticus compareret» [1]).

Что же предпринимали православные противъ столь неистовой латино-уніатской пропаганды? М. Кіевскій Іовъ Борецкій, вѣдѣнію котораго стала подлежать Смоленская епархія въ 1625 г., переименовалъ Черниговскаго епископа Исаію Копинскаго въ епископа Смоленскаго, поручивъ ему завѣдываніе дѣлами этой епархіи. Этотъ пастырь, человѣкъ благочестивый, изъ боязни поляковъ не могъ ни разу посѣтить свою епархію, проживая все время то въ Ладинскомъ, то въ Густынскомъ монастыряхъ. Въ 1630 году онъ посвященъ въ митрополита кіевскаго, а завѣдываніе дѣлами Смоленской епархіи имъ было поручено пинскому епископу Авраамію Стагонскому, который съ титуломъ епископа смоленскаго присутствовалъ во Львовѣ на посвященіи въ митрополиты Петра Могилы. Ему тоже не удалось побывать въ своей епархіи и сдѣлать для нея что-либо въ интересахъ православія. Даже тогда, когда во епископа мстиславскаго и витебскаго былъ посвященъ Сильвестръ Коссовъ (1637 г.), то и этотъ ближайшій къ Смоленску пастырь, всецѣло занятый дѣлами своей епархіи, не удѣлялъ своего вниманія сосѣдней. Мы не знаемъ, пытался ли что-либо сдѣлать для православныхъ смолянъ самъ знаменитый Петръ Могила, но едва ли можно сомнѣваться, чтобы онъ оставилъ Смоленскъ безъ всякаго попеченія. Въ Смоленской епархіи сохранились антиминсы, имъ освященные для церквей этой епархіи.

---

[1]) Крачковскій. Очерки уніатской церкви. Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1871 г. кн. 1, 143—144.

Очевидно, что какъ ни трудно было сообщаться православнымъ смолянамъ съ своимъ архипастыремъ, но все же это было возможно. Самъ митрополитъ, объѣзжая свою митрополію, былъ въ 1637 году въ Оршѣ и Могилевѣ, но въ Смоленскъ явиться не рѣшился. Жалкій остатокъ православныхъ церквей Смоленской епархіи, однако, требовалъ его пастырскихъ попеченій. Понятно, что, въ виду особыхъ обстоятельствъ Смоленской епархіи, митрополитъ кіевскій долженъ былъ такъ или иначе это устроить. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что имъ назначается для Смоленска особый намѣстникъ, подобно тому, какъ въ Люблинѣ былъ назначенъ, ради поддержанія тамъ православія, намѣстникомъ митрополита іеромонахъ Ѳеофилъ, исполнявшій разныя порученія Петра Могилы. Въ Слуцкѣ для Литвы былъ тоже особый намѣстникъ[1]). Обязанности его состояли въ томъ, что властію митрополита онъ имѣлъ право дѣлать нужныя распоряженія, клонящіяся къ лучшему благоустройству и поддержкѣ дѣла православія. Макарій Токаревскій могъ быть назначенъ такимъ намѣстникомъ митрополита для Смоленской епархіи въ 40-хъ годахъ XVII в., когда онъ состоялъ игуменомомъ пинскимъ. При такомъ назначеніи, митрополитъ кіевскій могъ имѣть въ виду не столько близость Пинска отъ Смоленска, сколько личныя качества назначаемаго лица, извѣстнаго своею твердостію въ православіи, благочестіемъ и благоразуміемъ.—Всѣ эти качества нельзя отрицать въ св. Макаріи. Возможно, что и онъ, при тяжелыхъ условіяхъ тогдашняго времени, постоянно угрожаемый отъ уніатовъ и у себя дома, не много могъ сдѣлать для Смоленскихъ православныхъ.

При полномъ отсутствіи свѣдѣній о его дѣятельности въ качествѣ митрополичьяго намѣстника для Смоленской епархіи, всякія сужденія по этому вопросу были бы рискованными.

---

[1]) Голубевъ. М. Петръ Могила, т. II, стр. 487.

VI.

Андрей Квашнинъ-Золотой, тотъ самый смоленскій епископъ, который обнаружилъ въ Смоленскѣ свой крайній фанатизмъ и преданность къ уніи, предъ занятіемъ Смоленска московскими войсками, въ 1654 г., бѣжалъ въ Литву и получилъ въ управленіе Пинскую епископію. Но здѣсь ему не посчастливилось. Подъ защитою козаковъ, Іосифъ Тукальскій овладѣлъ пинскимъ каѳедральнымъ соборомъ, выгналъ «отца Золотого», уніатскаго епископа, и возвратилъ благочестивымъ много другихъ церквей, городскихъ и сельскихъ, въ которыхъ уже нѣсколько лѣтъ распоряжались уніаты[1]). Но съ удаленіемъ козаковъ уніаты опять начали отнимать у православныхъ церкви. Православные обратились къ королю съ жалобой, вслѣдствіе которой король Янъ Казиміръ, въ 1661 г. 18 іюня, выдалъ имъ заручный листъ, съ запрещеніемъ уніатскому пинскому епископу Андрею Золотому самовольно забирать церкви православныя и принуждать православныхъ къ уніи[2]). Безъ сомнѣнія, что въ этой успѣшной борьбѣ православныхъ съ уніатами принималъ дѣятельное участіе Макарій Токаревскій, игуменъ Купятицкій послѣ Тукальскаго. Теперь ему пришлось бороться лично съ тѣмъ самымъ врагомъ, о которомъ смоленскіе православные не могли вспомнить безъ чувства ужаса и негодованія.

Тяжелыя и трудныя обстоятельства, среди которыхъ приходилось жить св. Макарію въ Пинскѣ, вѣроятно, не разъ вызывали у него желаніе перебраться отсюда въ лучшій и болѣе спокойный монастырь. Онъ и имѣлъ на это право, какъ человѣкъ,

---

[1]) Позднѣе, въ 1674 году, уніаты жаловались на судѣ, что шляхта пинскаго повѣта, приставъ къ козацкому атаману Ивану Лихому, принуждала уніатскихъ священниковъ, «жебы послушными были отцови Іосифови Тукальскому, который подъ часъ ребеліи козацкой забралъ всѣ церкви и добра епископіи пинской и туровской за поданемъ вышепоименованнаго Лихого Ивана» (Вил. Арх. Сб. VI, 230.).

[2]) Вил. Археогр. Сбор. VI, стр. 242, 277.

самымъ дѣломъ доказавшій свою стойкость и беззавѣтную преданность дѣлу православія. Житія св. Макарія говорятъ намъ, что ему пришлось потерпѣть не мало гоненій и непріятностей отъ латинянъ и уніатовъ и, хотя, по ихъ разсказу, это относится къ пребыванію св. Макарія въ Овруцкомъ монастырѣ, но мы уже видѣли, что еще въ 1647 году Макарій подвергался серьезной непріятности со стороны іезуитовъ. Подобныя преслѣдованія и непріятности могли происходить неоднократно и въ послѣдующее время, благодаря ихъ безнаказанности. Кромѣ того, игуменъ Макарій въ то время былъ уже очень виднымъ представителемъ православнаго монашества, вполнѣ заслуживавшимъ того, чтобы выдвинуть его на болѣе значительный постъ.

Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, бывшій, по смерти митрополита кіевскаго Сильвестра Коссова, нѣсколько разъ мѣстоблюстителемъ митрополіи, оставилъ намъ два любопытныхъ письма, касающихся личности св. Макарія. Одно изъ нихъ адресовано самому Макарію, а другое къ гетману малороссійскому Дорошенку, а относятся они оба къ 1671 году. Въ первомъ письмѣ, очевидно, отвѣчая на просьбу св. Макарія пристроить его въ какомъ либо монастырѣ лѣвобережной Украйны, Барановичъ писалъ: «весьма соболѣзную о томъ приключеніи, котораго вы и отклонить не могли. Въ этой скорби ищите утѣшенія въ одномъ Богѣ, Который кого любитъ, того и наказываетъ. Вы находитесь, какъ роза между шипами: она растетъ между ними, а они ей ничуть не вредятъ. Будете еще долго процвѣтать въ церкви Божіей, какъ въ вертоградѣ, доколѣ не достигнете небеснаго.... Крѣпко хотѣлось мнѣ жить по-пріятельски у Всемилостиваго Спаса (въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ), или гдѣ бы вамъ понравилось; но теперь этихъ лыкъ не деруть; прежде гораздо было удобнѣе отыскать себѣ мѣсто, чѣмъ теперь. Въ настоящее время и сами ѣдимъ хлѣбъ въ изнуреніи, но готовы съ вами подѣлиться тѣмъ же, потому что другого нигдѣ нѣтъ, развѣ только тамъ, гдѣ ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе». Второе письмо, къ гетману правобережной Украйны, Дорошенку, было рекомендательное для св. Макарія. Барановичъ писалъ: «его милость отецъ архимандритъ

овруцкій, будучи не въ состояніи покойно жить въ своей архимандріи, ограбленный ордами и ляхами, лишенный служителей, которые умерщвлены, между тѣмъ какъ имѣнія забраны, отправился на поклоненіе св. мѣстамъ кіевскимъ. Будучи постриженцемъ моимъ, онъ посѣтилъ меня, какъ сынъ отца, и разсказалъ мнѣ о своихъ бѣдствіяхъ. Благоволите, вельможность ваша, милостиво принять его, какъ человѣка достойнаго и заслуженнаго въ церкви Божіей; выслушайте его съ довѣріемъ, какъ вполнѣ стоющаго вѣры [1]). Изъ этихъ писемъ ясно, что св. Макарій удалился изъ Овруцкаго монастыря въ 1671 году. Но сколько же лѣтъ онъ тамъ пробылъ? Его житія указываютъ цѣлыхъ шестнадцать. Эта цифра представляется вполнѣ невѣроятной: въ 1659 году архимандритомъ Овруцкимъ былъ еще Өеофанъ Креховецкій. Въ рѣшеніи этого вопроса имѣетъ важное значеніе выраженіе письма Барановича, что св. Макарій былъ его «постриженцемъ». Какъ справедливо полагаетъ преосвященный Филаретъ Черниговскій, это выраженіе нужно понимать въ томъ смыслѣ, что св. Макарій былъ поставленъ Барановичемъ въ санъ архимандрита Овруцкаго [2]). Могло же это случиться въ то время, когда А. Барановичъ былъ мѣстоблюстителемъ кіевской митрополіи съ октября 1659 года до августа 1661 года. Хотя въ то же самое время на правой сторонѣ Днѣпра былъ особый митрополитъ—Діонисій Балабанъ, проживавшій въ Слуцкѣ, но здѣсь нѣтъ препятствій къ признанію указаннаго факта. Въ Слуцкѣ могли хорошо знать Пинскаго дѣятеля, а быть можетъ, и посвященіе Макарія Токаревскаго въ архимандрита Овруцкаго совершилось не безъ согласія м. Діонисія Балабана. Куда ушелъ тогда Овруцкій архимандритъ Өеофанъ Креховецкій, не знаемъ. Какъ человѣкъ приближенный къ м. Діонисію Балабану, онъ могъ легко получить себѣ въ управленіе хорошій монастырь на Литвѣ, а въ одномъ документѣ 1657 году Өеофанъ Креховецкій названъ «архимандритомъ Новогрудка литовскаго» [3]). Такимъ образомъ архимандритство св. Макарія въ

---

[1]) Арх. Филаретъ Черниговскій. Житія святыхъ. Изд. 2-е. Сент. стр. 46—47.

[2]) Тамъ же. Стр. 284, прим. 49.

[3]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. 2, т. 1, стр. 348.

Овруцкомъ монастырѣ началось не ранѣе 1660 года и продолжалось до 1671 года.

Причины, заставившія св. Макарія покинуть Овруцкій монастырь, ясны изъ писемъ Барановича. Въ рукописномъ стихотворномъ житіи св. Макарія не упоминается о разореніи обители Овруцкой отъ татаръ, а говорится только о гоненіяхъ отъ латинянъ.

Елика отъ поляковъ пострада навѣта,
Яко и изгнаніе принужденъ терпѣти
Своей ради вѣры, и въ Печерской жити
Лаврѣ, гдѣ онъ поживе точію два года,
Отъ латиновъ избѣгшій, злоковарна рода.

Едва ли можно сомнѣваться, что у Лазаря Барановича, писавшаго со словъ самаго св. Макарія, дѣло представлено точнѣе, и что обитель была разорена въ то время и татарами. Печатное житіе архіепископа Гедеона въ этомъ отношеніи согласно съ стихотворнымъ, приписывая окончательное разореніе обители латино-уніатамъ; вмѣстѣ съ этимъ оно же упоминаетъ о болѣе раннемъ нашествіи на обитель татарскихъ полчищъ. При семъ разсказывается о чудесномъ избавленіи обители по молитвамъ преподобнаго Макарія (Житіе, стр. 7—10).

VII.

Житія согласно передаютъ, что, по удаленіи изъ Овруча, св. Макарій два года прожилъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, пока не поступилъ игуменомъ въ Каневскій Успенскій монастырь, гдѣ прожилъ десять лѣтъ до своей кончины. Оба эти сообщенія не точны, а относительно перваго преосвященный Филаретъ Черниговскій замѣчаетъ, что «оно невѣроятно по заботливости о св. Макаріи преосвященнаго Лазаря» [1]).

---

[1]) Филаретъ. Житія святыхъ. 2 изд. сентябрь, стр. 284, прим. 50.

На самомъ дѣлѣ, указанное извѣстіе не только не невѣроятно, но должно быть расширено въ отношеніи срока, по крайней мѣрѣ еще на одинъ или два года, т. е. что св. Макарій сталъ игуменомъ Каневскаго монастыря не въ 1673 году, а въ 1674—5. Поэтому и пребываніе св. Макарія въ Каневѣ продолжалось не 10 лѣтъ, а всего года три—четыре. Въ подтвержденіе этого можно указать на то, что съ 1668 до 1674 г. игуменомъ Каневскаго монастыря состоялъ Іеронимъ Дубина. Онъ игралъ немаловажную роль при м. Іосифѣ Тукальскомъ и гетманѣ Дорошенкѣ, будучи ихъ духовникомъ и принимая дѣятельное участіе въ политическихъ дѣлахъ того времени. Такъ, еще до глуховской рады 1668 г. игуменъ Каневскій Іеронимъ Дубина и самъ митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ Тукальскій убѣждали переяславскаго полковника Димитряшку Райча не оставлять Дорошенка и не переходить на сторону Многогрѣшнаго. Въ тоже самое время этотъ игуменъ является политическимъ агентомъ московскаго правительства и сообщаетъ ему разныя вѣсти. Еще большую преданность московскому правительству показалъ онъ во время похода князя Ромодановскаго и гетмана Самойловича противъ Дорошенка въ 1674. 9 февраля этого года московскимъ войскамъ сдался Каневъ, изъ котораго заблаговременно (1 февраля) бѣжалъ въ Чигиринъ м. Іосифъ Тукальскій. Игуменъ же Каневскаго монастыря Іеронимъ Дубина, «не пользуясь расположеніемъ Дорошенка и Тукальскаго, былъ «зѣло любовенъ» къ великороссіянамъ и сообщалъ имъ получаемыя отъ полковниковъ вѣсти о движеніи непріятельскихъ войскъ» [1]).

Трудно сказать, кто же назначилъ игуменомъ Каневскимъ св. Макарія: митрополитъ ли Іосифъ Тукальскій, умершій 26 іюля 1675 года, или же Лазарь Барановичъ, ставшій, по смерти Тукальскаго, администраторомъ Кіевской митрополіи? Въ житіяхъ на этотъ счетъ вкралась какая-то несообразность, на которую

---

[1]) В. О. Эйнгорнъ. О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. М. 1899, стр. 626, 690, 956.

обратилъ вниманіе еще М. А. Максимовичъ. Стихотворное житіе такъ говоритъ.

Велѣніемъ въ то время Михаила царя,
Ему митрополита Каневъ монастыря
Вручи архимандрію Кипріанъ бѣ званьній,
Малороссіи всея Богомъ дарованный.

Печатное житіе полагаетъ, что это случилось въ царствованіе царя московскаго Михаила Θеодоровича и при митрополитѣ Кипріанѣ (стр. 10). Преосвященный Филаретъ, желая оправдать имя митрополита Кипріана въ житіи св. Макарія, дѣлаетъ предположеніе: «не былъ ли это какой-либо заграничный архипастырь, пребывавшій въ Украйнѣ и принимавшій участіе въ судьбѣ Макарія» [1])?

Намъ кажется, что отмѣченную несообразность можно объяснить только тѣмъ, что авторъ первоначальнаго рукописнаго житія св. Макарія, собирая устныя преданія о жизни преподобнаго, не особенно былъ разборчивъ насчетъ источника своихъ свѣдѣній. Онъ могъ заимствовать ихъ и отъ базиліанъ, которые поселились въ Каневѣ около 1690 года. Они, конечно, могли ввести въ заблужденіе (съ ихъ стороны вполнѣ понятное) первоначальнаго жизнеописателя преп. Макарія. Если базиліанамъ было извѣстно, что св. Макарій пробылъ въ Каневскомъ монастырѣ не болѣе 4—5 лѣтъ, то имъ было вполнѣ естественно сказать, что назначеніе игуменомъ Макарія случилось при благочестивомъ (уніатскомъ) митрополитѣ Кипріанѣ (Жоховскомъ), который вступилъ на митрополію въ 1674 г. и извѣстенъ своимъ крайнимъ фанатизмомъ († 1693). Что касается царя Михаила, то здѣсь разумѣлся король польскій Михаилъ Вишневецкій († 1673). Характерно, что каневскіе базиліане внесли имя св. Макарія въ свой помянникъ и правильно отмѣтили въ немъ годъ его кончины [2]). Зачѣмъ они это сдѣлали, трудно сказать: быть можетъ,

---

[1]) Филаретъ Житія святыхъ. 2 изд. сентябрь, стр. 284, прим. 50.
[2]) М. А. Максимовичъ. Собраніе сочиненій, т. I, стр. 533.

это была дань невольнаго уваженія къ христіанскому мученику, земное жилище котораго они заняли, или же тутъ преслѣдовались какія-либо миссіонерскія цѣли.

Вѣрную и трогательную картину изображаютъ оба житія, описывая осады Турками Каневскаго монастыря и обстоятельства мученической кончины св. Макарія. Описаніе этихъ событій въ житіяхъ какъ бы дополняетъ лѣтописное сказаніе о взятіи Канева турками малорусскаго лѣтописца Самуила Величка. По взятіи Канева, говоритъ онъ, турки и татары «множество народа въ немъ убивши, крайней предали руинѣ и запустѣнію. А особливе въ старинномъ и красномъ монастиру Каневскомъ, въ церковь великую каменную много было людей каневскихъ, надѣючися въ ней отъ бѣды спастися, убѣгло и замкнулося, но турки церковь оную, около дровами и соломами доволно обложивше и сполне зо всѣмъ монастиремъ зажегше, всѣхъ людей въ церквѣ задушили. Наконецъ, отъ Канева во свояси повернувши, Черкасы, Корсунь, Стеблевъ, Суботовъ и прочіе гради и села украинскіе (людемъ изъ нихъ страха ради поутѣкавшимъ) огню и всеконечному и многоплачевному запустѣнію предаша. Тутъ повторе можно рещи слово, о Вавилонѣ великомъ негдись реченное: паде, паде Украина тогобочная малоросійская, ко́закорусская, зъ многими крѣпкими гради и весьми» [1]).

Стихотворное житіе въ общемъ рисуя ту же картину гибели народа въ подожженной церкви, даетъ еще такую подробность, что за двѣнадцать лѣтъ раньше преподобный Макарій предсказалъ разореніе Канева; въ печатномъ житіи говорится, что предсказаніе дано только за два года.

VIII.

Мученическая кончина преподобнаго Макарія сама по себѣ еще не была достаточнымъ мотивомъ къ его прославленію; вмѣстѣ

---

[1]) Лѣтопись С. Величка, II, 415.

съ Макаріемъ въ Каневскомъ храмѣ погибли также многіе другіе христіане. Оба житія разсказываютъ, что, чрезъ десять лѣтъ послѣ его кончины, православные, желая возобновить храмъ Каневскаго монастыря, нашли подъ жертвенникомъ тѣло преподобнаго Макарія совершенно нетлѣннымъ. Но, такъ какъ Каневскому монастырю въ то время уже угрожало занятіе уніатами, то рѣшили перенести мощи св. мученика въ Переяславль, 16 марта 1688 года, и поставили ихъ въ Воскресенскомъ храмѣ. Вскорѣ послѣ этого м. Варлаамъ Ясинскій сталъ хлопотать предъ патріархомъ московскимъ, чтобы ему назначили коадъютора, съ титуломъ епископа Переяславскаго и съ самостоятельнымъ управленіемъ въ предѣлахъ Переяславскаго полка. Изъ двухъ кандидатовъ, представленныхъ на эту каѳедру: Стефана Яворскаго и игумена Кіевскаго Михайловскаго монастыря Захаріи Корниловича, былъ избранъ послѣдній и посвященъ въ концѣ 1702 года [1]). Житія св. Макарія далѣе говорятъ, что Захарія Корниловичъ испросилъ позволеніе у Петра Великаго выстроить въ крѣпости переяславской, на развалинахъ нѣкогда бывшаго здѣсь храма каѳедральнаго, церковь во имя св. архангела Михаила [2]). По стихотворному житію, храмъ этотъ былъ освященъ и въ него были перенесены мощи пр. Макарія изъ Воскресенской церкви 14 августа 1711 года. Здѣсь авторъ почему-то, для оправданія своей даты, счелъ нужнымъ сдѣлать оговорку: «яко видимъ въ житіи», т. е. въ первоначальномъ источникѣ. Печатное житіе указываетъ другую дату освященія Михайловской церкви и перенесенія мощей: 8 ноября 1713 года.

Съ этого времени, можно думать, и началось торжественное прославленіе мощей преподобномученика Макарія, совершилась его канонизація. Преосвященный Захарія Корниловичъ, испрашивая у Петра В. позволеніе устроить Михайловскій храмъ, безъ сомнѣнія просилъ также и о торжественномъ перенесеніи мощей пр. Макарія въ этотъ храмъ. Само собою разумѣется, что для

---

[1]) М. Евгеній. Описаніе Кіево-Софійскаго собора, прилож. № 31.

[2]) Средства на его сооруженіе далъ гетманъ И. Мазепа.

послѣдняго дѣла нужно было испросить позволенія у духовной власти—мѣстоблюстителя патріаршаго престола—Стефана Яворскаго, который, самъ лично слышавъ еще въ Кіевѣ о кончинѣ и чудесахъ преподобнаго мученика, конечно, не могъ имѣть сомнѣній относительно его канонизаціи. Житія отмѣчаютъ дальнѣйшее двойное перенесеніе препод. Макарія: изъ нихъ первое случилось по случаю пожара каменной Михайловской церкви, сгорѣвшей въ 1734 году. Мощи на время были поставлены въ трапезной церкви, а отсюда были перенесены епископомъ Никодимомъ Сребницкимъ въ отремонтированный каменный храмъ, по указанію стихотворнаго житія—13 мая 1750 г., а печатнаго—въ 1742 году. Послѣдній разъ онѣ были перенесены въ Вознесенскій монастырь 4 августа 1786 г., по случаю закрытія Михайловскаго монастыря. Тамъ онѣ стоятъ и доселѣ.

По обычной манерѣ всѣхъ житій, стихотворное и печатное житія препод. Макарія отмѣчаютъ рядъ совершенныхъ имъ чудесъ. Характерно, что стихотворное житіе не указываетъ ни одного чуда, совершеннаго пр. Макаріемъ при жизни, но за то подробно разсказываетъ о его чудесахъ, совершившихся при его мощахъ съ 1742 года. Печатное житіе изъ этихъ послѣднихъ отмѣчаетъ только одно, но разсказываетъ о нѣсколькихъ, совершившихся до кончины пр. Макарія. Очевидно, что авторъ стихотворнаго житія обильно черпаетъ изъ монастырскихъ записей о чудесахъ преподобнаго и въ этомъ видитъ одну изъ существенныхъ задачъ своего прославленія угодника.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о литературныхъ достоинствахъ стихотворнаго житія. Составитель его проникнутъ былъ искреннимъ намѣреніемъ достойно прославить чтимаго малорусскимъ народомъ святого. Но въ исполненіи своего желанія онъ не соразмѣрилъ своихъ силъ и, поставивши своей задачей изложить житіе стихами, да еще съ акростихомъ, попалъ въ крайне тяжелыя для себя условія. Не говоря уже о томъ, что въ его произведеніи нѣтъ и признака поэзіи, самое искусство стихосложенія давалось ему съ великимъ трудомъ. Приходилось поэтому строить такіе стихи, которые иногда лишены даже смысла и стоятъ въ

полномъ противорѣчіи съ грамматикой и метрикой. Но таковъ былъ вѣкъ, и осуждать автора за его плохую версификацію значило бы примѣнять къ нему такую мѣру оцѣнки, о которой онъ самъ никогда не думалъ, да ему и на мысль не могло прійти, что его отдаленные потомки станутъ искать въ его произведеніи непремѣнно цвѣтовъ Музъ и Апполона.

А. Я. Лавровскій.

IX.

Житіе и страданіе святаго преподобномученика Макарія, любопитному читателю стихотворнѣ сложенное **҂аѱнѕ** *года* [1]).

Златый сей класъ, Макарій, предъ Богомъ явися;
Даровъ цѣлебныхъ прійди всякій насладися,
Его любопитствуяй, гдѣ онъ есть рожденъній,
Во святыхъ обрѣтеся и здѣ положенный:
Благовѣрныхъ родителей, Токаревскій званъній,
Овручева бѣ мужъ сей, въ страсѣ воспитанъній,
Града, и егда прійде въ возрастъ совершенъній,
Огнемъ ко Богу любве зѣло раздеженъній,
Славу вѣка сего онъ умрети вмѣнивый,
По стопамъ Христовымъ нищъ ходити изволивій,
Ангельскій чинъ восприять благоволи зѣло.
Свою мысль впери къ Богу поспѣшити дѣло,
Аки Египта, бѣжа суетствъ сего міра.
Единою достиже града Владимера,
Милостію Бога въ томъ бѣ постриженъній.
Области полской тогда Кіевъ исклоненъній,
Митрополитъ въ Кіевѣ Нелюбовичъ бяше,

---

[1]) Заглавіе и акростихъ писаны киноварью. Знаки препинанія въ оригинальной рукописи поставлены вполнѣ произвольно, поэтому пришлось поставить ихъ по смыслу рѣчи. Въ остальномъ правописаніе оригинала сохранено.

Гониму церковъ еще зѣло защищаше.
Россійской церкви столпа сего благовѣйна,
Артикуловъ вѣри сей непреодолѣнна,
Достойна быти суди презвитерска сана,
Его духомъ предвыдѣ свята быть органа,
Послѣжде произведе во архимандрита
Его, во градъ Овручевъ, къ паствѣ прилежита.
Радително поживе шестнадесять лѣта,
Елико отъ поляковъ пострада навѣта,
Яко и изгнаніе принужденъ терпѣти
Своей ради вѣри, и въ Печерской жити
Лаврѣ, гдѣ онъ поживе точію два года,
Отъ латиновъ избѣгшій злококварна рода.
Велѣніемъ въ то время Михаила царя
Ему митрополита Каневъ монастиря
Вручи архимандрію, Кипріянъ бѣ званьній,
Малороссіи всея Богомъ дарованный.
Оттудова преведенъ, постнически поживъ,
На градъ разореніе быти предвозвѣстивъ —
Архимандритъ Макарій, прозорливства даромъ,
Святый мужъ, яко имѣ градъ Каневъ варваромъ.
По тому пророчеству, быти разоренну,
И въ дванадесять лѣта сему исполненну
Реченному словеси, во дни его жизни.
Едва сохранитися россійской отчизни:
Многіе предѣли тамъ вси плѣненьни биша,
И Чигиринъ съ предѣли своими плѣниша.
Христіянъ тогда святый въ вѣри утверждаше,
Агарянъ злочестіе зѣло укоряше.
И въ тисяча шесть сота седмдесятъ осмому
Лютая бранъ бѣ сія граду Каневскому:
Опустѣлій градъ Каневъ самъ видѣ очима
Въ сентябрѣ седмомъ числѣ Макарій своима.
Святому литургію Божію служащу,
Крѣпко за вѣру стоять христіянъ учащу,

Окружиша варвари въ церквѣ заключеньнихъ
Монастырской Успенской; въ страсѣ болѣзненьнихъ,
Обложше изгребіемъ, огнемъ запалиша,
Правовѣрнихъ скрившихся на смерть подушиша.
О лютѣ падежа тамъ христіяномъ! зѣло
Что отъ раздеженія вся на прахъ потлѣло.
Избранны христіяне въ тридесятъ два лѣта
Въ градъ Каневъ опустѣлій, по брани навѣта
Агарянъской, где въ церквѣ, по реченной брани,
Юнихъ и старихъ тѣла егда разсмотряли,
Плѣнная вся обрѣли, где и благовѣнна
Макарія святаго се мощы нетлѣнна:
Одежди священнія на себѣ имущый,
Щитъ вѣри твердъ, христовъ крестъ на выи висущій,
И главѣ его бившей тѣми открученьнѣй,
Святый безъ глезнъ лежаше, въ кровѣ обагреньній
Въ рацѣ, подъ жертвенникомъ, вложше сокровеньнѣ,
Якіе почиваху тамъ чудодѣйственьнѣ.
Татаръ ради оттуду бяху пренесеньни
Архимандрита мощи, въ храмѣ положенни
Града Переяслава честно Воскресенскомъ,
Отъ Канева принесши, а не во Успенскомъ,
Правовѣрними, яко да тамъ агаряни
Ратію тѣ не будутъ ещё поруганьны,
Еже тисячя шесть сотъ осмъ восемдесята—
Пренесошася, Марта семинадесята.
Обновися каѳедра въ полпятаста лѣта.—
Дивнимъ судомъ Божіимъ, по брани навѣта,
Отъ батійскихъ бо татаръ бывши разореньній,
Богомъ, въ тисяча сѣмсотъ году, возставленьній
На престолъ бѣ возведенъ Захарія званьній,
Опутстѣлому мѣсту Богомъ дарованній
Милостію онъ Бога, время улучивый,
У самодержца Петра указъ испросивій,
Честное мѣсто въ пустѣ даби обновити

Епископіи прежней и сооружити
На томъ мѣсту монастиръ, въ крѣпости селенъній,
Идѣже епископи многи преставленъни
Каөедри, прежде бывой Батійскія рати,
Агарянскими полки пораженъни, страни.
Мощи святаго во оній пренести потщися,
Архіерейски съ клиромъ о семъ потрудися.
Коштомъ его, при храмѣ Михаилъ реченъну,
Архимандриту сему святу положенъну,
Року тисяча семъ сотъ первонадесята,
Изъ Воскресенской церкви, четирнадесята,
Яко видимъ въ житіи, августа явленъна,
Такъ Богу изволившу, быти пренесенъна.
О сихъ любопитствуяй, изволъ прочитати,
Какови цѣлебъ оттоль текутъ аромати.
Алексій Глебовъ, рангомъ подполковникъ бивій,
Року тисяча сѣмъ сотъ сорокъ втора болѣвій:
Ему ломъ бяше во всѣхъ удахъ нестерпимій
Въ рукахъ и ногахъ такой, что нѣчимъ владѣвій,
Страдалъ недѣль до шести, и близъ смерти сущій.
Конъдоидова Павла врача сей имущый
Онъ въ болѣзни врачевалъ, на всю Москву славній,
Государскихъ медицѣнъ президентъ бѣ главній,
Отъездя самъ у Москву, указомъ позванъній,
Алексія въ живыхъ быть вовся отчаянъный
Рацѣ мощей святаго егда принесенній,
Хорый здравіемъ прежнимъ бяше обдаренъній,
И цѣлбу отъ раки онъ себѣ получивый,
Молитвами святаго вовсемъ исцѣлѣвій,
Аки елень, воскочи, милостію Бога,
На восемнадцать часовъ спяше без отлога,
Достиже послѣди онъ на степень преславній,
Ранга благодирскаго (sic) бѣ пожалованный,
И ктиторомъ монастиру одолжыся быти:
Такой обѣтъ его естъ все благодарыти,
Аще и въ дальной странѣ високо почтенній

Ко святому укладомъ ктиторъ незабвенній.
А жена его, сорокъ четвертаго года,
На сердце заболѣла, ис Тору (sic) города
Едучи, по указу Сената велика,
Во градѣ Баришовки причина толика
Случилась, яко и все тряслось ея тѣло,
Къ мощамъ егда приложися, совсѣмъ исцѣлѣло.
О семъ писменно они сами написали,
Года вишъписанного засвѣдительствовали
О семъ. Тисяча сѣмъ сотъ сорокъ шеста года,
Извѣстіе написа благородна рода
Овдовѣшая жена Максимовичова [1])
Внуку, на смерть прибранну, святій уврачева,
Рацѣ мощей святаго обѣтъ положити,
У здравихъ аще будетъ ея приложити.
Цѣлбу вскорѣ получи, обѣтъ исполнила,
Къ рацѣ мощей приведши, в семъ благодарила,
Алѣксій Малѣновскій сына болѣзненъна,
Григорія младенца, пріятъ исцѣленъна
От святыхъ мощей его, ели жива суща,
И въ слабости дитинной заледво дишуща.
Гулакъ сотникъ же Иванъ, сорокъ седма года,
Уврачеванъ въ болѣзни лихорадска рода;
Молитвами святаго цѣлъбу получили,
Его же синъ и дщери совсѣмъ оздравѣли.
Не моглъ истины молчать сотникъ Глемязовскій
Ароматъ врачующихъ, прозваніемъ Тоцкій:
Преподобнаго о семъ самовидецъ бывый,
Иже въ черной болѣзни жену исцѣливій.
На квартерѣ онаго, вишъписанъна года,
Святаго молитвами даровась свобода.
Канцеляристъ полковій, Өеодоръ Петровскій,
Очарованъ зѣло былъ, житель Прохоровъскій,
Года тисяча сѣмсотъ пятдесятъ третого,

[1]) Кажется изъ предковъ А. М. Максимовича.

От квартери топитис к водѣ бѣжащаго,
И близ рѣки Трубежа изближенна суща,
Нечувственна о себѣ, ума неимуща,
Аще би не удержан от нѣкіих зѣло,
Моглоб исполнитися коварное дѣло.
Егда же приведен бѣ реченный болящій
Святаго Макарія мощам, нехотящій,
Неисходно из церкви пред всѣми вѣщати,
И о первом здравіи Бога прославляти,
Колико дивна в святых к смерти приближена
Аки от сна возбудис, зряше исцѣленьна,
Себе діяволлю сѣтью бывша обузданьна,
Молитвами святаго тая разирванна,
О сем канцеляристом бывшим удивленно,
Лютое то коварство како измѣненьно.
Еще ктому и сію измѣну призпаше:
Не воду-де ему там, но медь подаваше:
Священник то седмичній, слишащи, чудися,
Како води во устнах естество змѣнися.
Океян море чудпѣ наполпяеть рѣки,
Господня же благодать тако человѣки:
О себѣ бо ничтоже могут сотворити.
За нюже вину Бога чрез святих просити,
Ангельскій розум всяко постигнуть не може.
Трудолюбній любопис (sic) в силѣ изнеможе,
Рода од простаго всѣх имень и не знати,
Ум скорописца вишпя развѣ постизати.
Два сина протоіерей, зѣло болѣзненній,
А сам третій Михаил, тако нареченній,
Егда же о молитвѣ святаго просиша,
Господня угодника цѣлбу получиша.
От фебри, сорок пята и девята года,
Исаевичу здѣтми в болѣзни свобода.
Протоіерея Павла Скрипчинского жена

От фуріятки лютой святымъ свобожденъна.
Димитрій Аѳанасіевъ, на уди болѣвый
Въ рукахъ и ногахъ, дзвонникъ, и къ святому прибивій
Изъ Баришевки, егда мощамъ поклонися,
Господь подаде, здравъ сталъ и въ домъ возвратися.
И Михайлова жена Лукашевичева,
Въ болѣзни дѣтей, признала, что онъ уврачева
Святый, молитвами сей Макарій нетлѣнъній.
Его же помощію, всякъ благоговѣнъній,
Горящимъ сердцемъ притекъ, цѣлбу получае,
Дари убо цѣлебни многимъ источае.
А ніедина, мню, тща отъ него изійти:
Шлем бо спасенія изволитъ носити.
На очи болѣзненна имѣ себѣ сына
Іосифъ, Баришевскій житель, толь единa,
Егда того и къ мощамъ приведе святаго,
По молебствіи, уснулъ, премѣненъ в здраваго.
О многихъ писати мнѣ время не довлѣетъ.—
Человѣкъ за краткую жизнь въсего не успѣетъ.
Тайну цареву всяко довлѣетъ хранити,
И дѣло Божіе намъ достойно славити.
Епископу Никодиму указомъ велено,
Господня угодника даби пренесенъно
Отъ трапези въ каменъну церков новозданну,
Богу содѣйствующу, святу почитанну.
Года тисяча сѣмъсотъ началъ пятдесята,
День мая благословенъ трета надесята,
Архіерей Сребнѣцкій съ клиромъ преносити
Рачилъ, въ храмѣ воеводъ (sic) силовъ [1]) положити.
О знаменіи чудесъ его знаменитихъ,
Мощей въ пренесеніи, облаками литихъ
Намъ дождовъ, аще сухо и лѣто биваетъ,

---

[1]) Метонимія, вм. въ храмъ св. архангела Михаила.

Однако насъ окроплять в день свой не престаеть.
Тройчнаго онъ взирати сподобися свѣта,
Ликовъ ангелскихъ Творца причастникъ обѣта,
Его же молитвами да будемъ причтенъни
Невечернія слави зрѣти, сподобленъни
Ізряднаго пастира одесную стати,
Яко внійти во царство, гласъ того слихаты.

ВЪ НЕВОЛИ У АНГЛЫЧАНЪ. [1]

(1854 г.).

— Та ни, де-жъ тоби такъ!—це ось якъ було... Давъ мени, бачыте, панъ квитокъ якыйсь у контору та и каже: «иды-жъ ты, Иване, у Одесъ, та гляды мени, щобъ къ Велыкодню ты вже

[1]) Настоящій разсказъ, относящійся ко времени блокады Одессы англо-французскимъ флотомъ въ 1854 г., написанъ покойнымъ *Николаемъ Петровичемъ Сокальскимъ* и принадлежитъ къ серіи многочисленныхъ его повѣствованій изъ эпохи крымской кампаніи, какъ-то: «*Современные разсказы изъ военной жизни русскихъ солдатъ*» (12 разсказовъ, помѣщенныхъ въ «Современникѣ» 1865 г.), «*Журавлевъ*» («Отеч. Зап.» 1858 г.), «*Безпокойный ночлегъ*» (тамъ же), «*Дѣло при Альмѣ*» и мн. др. Разсказъ этотъ найденъ среди бумагъ, оставшихся послѣ Н. П. Сокальскаго, и предлагается теперь, въ виду наступленія 50-лѣтія со времени крымской кампаніи, вниманію читателей. Н. П. Сокальскій родился въ Харьковѣ въ 1831 г., гдѣ и завершилъ образованіе въ мѣстномъ университетѣ. Съ 1859 г. по 1871 г. былъ редакторомъ «*Одесскаго Вѣстника*». Въ этотъ періодъ времени Н. П. Сокальскій разрабатывалъ матеріалы для широко задуманнаго труда «*Исторія Южной Россіи*». Отдаленную связь съ этимъ трудомъ имѣетъ работа, посвященная родовому быту древнихъ германцевъ, гдѣ авторъ искалъ путемъ аналогіи выясненія чертъ жизни южно-руссовъ на зарѣ ихъ историческаго существованія, а именно—«*Начала цивилизаціи на За-*

вертавсь до-дому. А отъ це-жъ тоби нà и карбованця на дорогу».

Якъ пійшовъ я зъ тымъ карбованцемъ, добравсь до Херсону, та и гадаю: чы пишкы мени йты до Одесъ, чы мабудь найдется якый знаёмый чоловикъ—на судни звезе? Та такъ вже воно и выйшло, мовъ той бисъ пидбывъ. Кынувсь я до прыстани, ажъ на зустричъ щось йиде.—«Здоровъ, чоловиче, кажу,—куды тебе Богъ несе?»—«Та вже жъ въ Одесъ, каже,—а тоби куды?»—«А вже-жъ до тебе!»—«Що таке?»—«Та отъ такъ и такъ, кажу ёму,—чы нема у васъ миста для мене?» А напослидокъ и зговорылыся: взявсь винъ довезты мене за дви копы до самого Одесу. Выпылы могорычу, та отсе и пойихалы...

Йихалы, йихалы; небо, бачыте, хмарою заволокло, такый витеръ пиднявсь, не дай Боже, а море ажъ клекотыть. Та такъ загаялысь у тымъ мори, що тильки на третій день здалеку, такъ трошкы-трошкы, побачылы городъ. Сунулысь мы було спозаранку пидйизжаты въ прыстань, а тутъ на зустричъ десь-то узявсь корабъ.—«Що за дыковына!—кажу,—а глянь, Грыцю, чы се винъ до насъ повертае?» А Грыцько дывытся: «до насъ каже,—та ще, стривай лышень, вражый!» «Отъ се лыхая годына! може бъ, до берега прывернуты»—каже винъ...—«Та повертай, крычу ёму, дядьку, бо винъ тоби въ очи влизе». Кынулысь мы туды-сюды, парусы чыпляты, а зъ корабля якъ бацнулы,—мовъ ажъ у души похолонуло. Я и кажу: «Грыцю, чуешъ? що будемъ робыты? Може йе рушныця яка, або-що?» Дывымось,—видтиль човенъ вже пидйизжае. А винъ якъ сунувъ мени рушныцю, а я такъ и цили не узявъ,—якъ трахнувъ, та и покотывся. Чы то врагъ такъ мене стусанувъ, чы яка сыла нечыста, а може и зарядъ у руш-

---

падъ». Одесса. 1867 г. Но «Исторія Южной Россіи» осталась въ рукописи незаконченной, за преждевременной смертью Н. П. Сокальскаго, на 40-мъ году жизни. Ему принадлежатъ также обширныя историко-экономическія изслѣдованія, посвященныя хозяйственному положенію Новороссійскаго края (въ «Южномъ Сборникѣ» и «Одесскомъ Вѣстникѣ»).

ныци не въ миру бувъ,—тильки якъ вже прыйшовъ я до розуму, чую: ажъ у мене на пузи товчется якыйсь-то шлапакъ. Я такъ соби глянувъ окомъ,– ажъ то ворогы. Що тутъ робыты! Я и прыкынувсь мертвымъ, та и гадаю соби: «може, потовчутся, та и пидуть! А напослидокъ товклыся, товклыся,—чую, ажъ воны и въ штаны до кышени зализлы, и карбованця тягнуть. Де вже тоби тутъ мертвымъ буты! Схватывсь я: «не займай, рыжа собако,—що ты тамъ поклавъ?»—та глядь, ажъ мене, якъ тіи шпакы осилы. «Оть тоби и Велыкдень, кажу, Иване!—попавсь!».. Обибралы воны мене до-чыста, а вписля сунулыся до жинокъ. Яка рыбу, яка цыбулю везла, хто що мавъ—усе позабиралы, а напослидокъ и насъ поволоклы на корабъ.

Що за бида така!—«Де, кажу, началство?—покажить мени ёго!» Чы воны справди не розуміють, що люде говорять, чы хто ёго знае,—вытрыщылы на мене очи та и дывлятся. А я усе клычу началство. Напослидокъ выбравсь якыйсь чорнявый, чы винъ хранцузъ, чы хто ёго знае,—прыступывъ до мене, та и пытае: «чого ты, чоловиче, хочешъ?—«Та якъ же, кажу ёму, забралы насъ, якъ злодіивъ. Тутъ дило йе въ городъ, а тутъ тильки задержку роблють. Нехай пустять, або-що!» А писля повивъ винъ мене до нызу, та и каже: «отсе начальныкъ!» Я ёму заразъ въ ногы: «такъ и такъ, кажу, паночку, будте ласкави! мы, кажу, не лыходіи яки, не за тымъ йидемо, щобъ нечыстымъ диломъ якымъ промышляты, су́дна ловыты, або-що. Треба справыты дило та до-дому вертатыся, бо панъ пиджыдае». Та що ёму казаты! Пиднявъ винъ мене зъ долу, а тутъ пидвернувсь той хранцузъ; винъ щось и каже ёму таке дыковынне, а хранцузъ мени: «стривай лышень, каже, пидожды,—розберемъ дило». Я и вернувсь до своихъ. Жинкы сыдять по куткахъ—убываются, а Грыцько и зовсимъ повисывъ нисъ.—«Да чого вы, кажу, убываетесь,—началныкъ обищавъ розибраты наше дило». А Грыцько мени: «добре дило, колы вже човна не сподиваться!» Та такъ воно, вражого сына, збулося, якъ казавъ. Пидйихалы мы до Одесъ, кынулы якоры; воны зибралы свій до́бычъ, що трохы тыхъ суднивъ наловылы, а мы тильки дывымось та пиджыдаемо. Якъ разъ, кажу,

тутъ бы и пустыты насъ,—такъ де жъ тоби!—имъ и у голову не йде. Прождалы мы день,—не чуты про наше дило, прождалы другый день—не чуты. Я було супувсь нагадаты—«бида мени, кажу, буде видъ пана», а винъ и байдуже. Началныкъ той потрипавъ мене по плечахъ.—«Яки тутъ смишкы? кажу, вже жъ будьте ласкави—пустить!» И трычи просывъ его, такъ ніякого толку не выходыть: тильки и выгадавъ, що мого карбованця оддалы. Отъ то бида! Ламавъ я вже свою голову, ламавъ,—ничъ не спытся, день не йистся; що мы тутъ будемо робыты! Та напослидокъ узявъ того карбованця, та до хранцуза: «у васъ, кажу, паночку, може йе диткы, такъ отсе на горишкы бъ имъ здалóся,—тильки жъ будьте ласкави, добродію, пособить нашому горю!» Винъ тильки що розсміявсь,—ничого не зробышъ! А насъ, бачыте, тымъ часомъ выволоклы видъ Одесу въ чысте море. Людей якыхъ зъ суднивъ забралы на другый корабъ, а до насъ напустылы новыхъ, що трохы руськыхъ, а то и нашыхъ такы прыбавылось,—бо воны, бисови, якъ тіи розбійныкы, тильки и знають, що човны забирають та людей граблють. Та воны казалы: усе одно, що той корабъ, що другый—коштъ зовсимъ поганый...

Оце такъ потрошку, потрошку—и згынула надія, щобъ вывернутыся одъ ихъ. Отъ одынъ разъ сивъ я самъ соби въ куточку, по-пидъ загородою, завернувсь въ свыту, та и дывлюся у море. Ничого, бачу, не буде: ричей воны не слухають, грошей не беруть, а тутъ вже що-дня празныкы усе блыжче та блыжче. Пидійшовъ тоди Грыцько: «що, каже, Иване?—А що, кажу, Грыцю!—чы пиджыдать, чы мабуть втопытыся?» Та такъ глянувъ на землю—ажъ вона, мовъ тая хмаронька, стоить соби на краю неба, а то усе тильки що море хлюпощется. Ни хатъ, ни людей не выдно—якась бидна птычка, мовъ та заблуда, тявка соби на паруси... Та такъ вже мени стало нудно, такъ нудно, що и не прыведы Господы!—«Сидай, кажу, Грыцю: може той витеръ пронявъ тебе въ ничъ?».—А винъ мени: «ни, каже,—и сонечко свите та не гріе въ неволи!»—«Що жъ, кажу, на то воля Господня!» Синъ винъ коло мене, та и сыдымо: и ёму, бидному, жалко того сýдна, що забралы, та и мени не весело. Винъ

мовчыть, и я мовчу... Чую, ажъ хтось мене клыче. Чы такъ мени показалося, чы вправду хтось клыкавъ,—пидійшовъ я промежъ народу та и пытаю: «чого тамъ гукалы?» Ажъ глядь—до насъ пидійшовъ ще якыйсь корабъ. Не пройшло, може, и часу того мисця, якъ бачу—схватылы мене два рыжакы та и поволоклы мене до нызу. Дывлюся—началныкъ стоить, а биля ёго ахвыцеръ, а дали и хранцузъ. Поклонывсь я имъ нызенько та усе мовчу. А хранцузъ мене заразъ пытае: «чы ты бувъ въ Одесу, чы ни?»—«Бувъ, кажу.»—«Давненько?»—«Ни, не дуже давно, може два мисяця йе.»—«Видкиля жъ ты, каже, йидешъ?»—«Та изъ Херсону, кажу.»—«А тамъ у васъ, каже, не чуты: чы йе військо въ Одесу, чы нема?»—«Якъ, кажу, нема!—та тамъ того війська, кажу, що идуть, идуть и кинця ёму не выдно!» Отъ воны погомонилы щось таке дыковынне и пытають мене: «а що? чы весело у насъ жыты, чы ни?»—«Видкиль те весилля визьметься?—кажу—«та неволя гиршъ за всёго. А вдруге,—чы добрыхъ людей такъ такы харчують!.. Вже якъ вы насъ узялы на свое пропытаніе, то треба и годуваты. А хиба то коштъ? Нехай бы ваша мылость пыла бъ що-дня той чай, або тымъ хруктомъ забавлялысь,—а що до мене, то цуръ ёму, бо вже такъ охлявъ—не дай Боже! Будьте, паночку, ласкави, кажу, капусты чы немае шаткованои, або, може, йе солони огиркы?» Заразъ ёму поклонывсь:—«та ще бъ мы просылы вашу мылость, кажу, чы немае жытнёго хлиба, бо цей пшеничный, не во гнивъ вамъ, паночку, винъ пытанія не дае». Послухалы воны мене: «ну добре, кажуть, мужычокъ!—дамо тоби пойисты въ волю»—и одпустылы.

Тильки що я выйшовъ, дывлюся, ажъ хлопець несе мени на тарильци хлиба, солонины и чарку горилкы: та така добра, ажъ въ носи круте.—«Що жъ, кажу, хлопче! тую солонину або ты самъ зйисы, або кынь іи къ бисовому батькови, бо у насъ теперъ пистъ». Та такъ скынувъ шапку та и снидаю святымъ хлибомъ, а винъ усе тыче мени та тыче тую солонину, а напослидокъ укынувъ у шапку, та самъ навтикача.—«А, стривай лышень!» Якъ узявъ я тую солонину, та якъ кынувъ ёму на вздогинци, такъ ёго по шыи и уцилывъ. «Отъ-то знай, бисивъ сыну, якъ скоромыты шапку!»...

Такъ-то мы промаялысь зъ недилю миста, а тымъ часомъ сталы и други корабли пидходыты. Що-дня, то прыйдуть—то пидуть, то прыйдуть—то пидуть. А намъ тильки и дила: йиздымо сюды та туды, сюды та туды по тимъ мори, мовъ той цуцыкъ по надвирью. Одынъ такы разъ було того, що загрузъ корабъ,—такъ, бисови, уміють: зволоклы ёго...

Въ страшну́ю пьятныцю прыйихалы мы знову до Одесу,—та вже жъ тамъ того корабля було!—и-и-и не дай Господы! Чы воны той лыманъ хотилы загатыть, чы морока ёго знае—тильки такого багацько зибралося, що и око не обійме. Ти, що побильшъ, такъ тильки парусы́ розпустять, якъ той гусакъ свои крыла, и стоять, такъ кажы, якъ обийивсь; а тіи, що меншъ, такъ тильки и знають, що промежъ цыхъ, мовъ гусенята,—ажъ море гуде. О-о-о, та и здорови жъ булы́!—Якъ пидійшовъ нашъ корабъ до одного, туть заразъ зачалы якыхъ зъ насъ перегружаты, а я тильки дывывсь на ёго, якъ паламарська хата коло церквы. По усихъ корабляхъ натыскано дерева, мовъ лисъ, а по тымъ дереви та канатахъ, якъ кицьки, лазють ти розбійныкы. Дывывсь—ни одынъ не обирвавсь. А по бокахъ тильки викна та викна—такъ уси бока пысани викнами, а якъ роздывывсь, такъ въ тыхъ викнахъ усе пушкы́, та пушкы́... Бодай ёму лы́ха,—таке дыво, що цилый день дывывсь, дывывсь, покы сонце зайшло, напослидокъ сонъ заморывъ, и я не чувъ, якъ заснувъ...

Тильки вже на другый день спозаранку щось якъ торохне,—а я схватывсь, та зъ переляку здалося мени—чы хата завалылась, або-що, та крычу: «го-го-го, люде добри, рятуйте!» Ажъ дывлюсь,—дымъ по мори такъ и покотывсь. Хотивъ спытатыся у людей, а корабъ нашъ якъ торохнувъ, ажъ паморокы забыло. «Эге-ге, та туть, кажу, стриляють!» Оглядивсь добре, а коло насъ мабуть зъ десятокъ тыхъ кораблывъ. Тильки оглянувсь, ажъ воны якъ зачалы тарахкотить—та усе у прыстань, та усе у прыстань. Я до хранцуза, а винъ ходе по палуби: «паночку, кажу ёму тыхенько, та бійтесь лышень Бога! сёгодня страшна́ субота. Що вы робыте!» А винъ каже: «ничаво, каже, ничаво!—не бійся.»—«Та нехай, кажу, вже товарышы

стриляють; що вы ихъ слухаете? туть, кажу, вамъ бида!» Та ни, и вухамы не ведуть: стриляють та стриляють. Одійшовъ я до загороды,—дывы, и нашы зъ берегу одвитъ дають. Та не пройшло, мабуть, и зъ часъ того миста, ажъ дывымось: одного корабля тягнуть, а тутъ заразъ щось таке и у насъ мовъ дрибьязки полетилы, а напослидокъ—лусь!—такъ чотыри хлопця и покотылось, якъ горихы.

А въ городи народу—якъ тіи черви по берегу лазють. —«Що, каже хранцузъ, що то такы люде або-що?»—«Та усе, кажу, нашы, усе нашы, що тильки око здрить».—«Чого жъ воны, каже, тамъ находются?»—«Якъ чого!—дывлются.»—«И не боятся, каже, смерти?»—«Та вже жъ ни».—А писля заразъ пытае: «а то, каже, на прыстани, що тамъ таке товчется?»—«То, кажу, салдаты!».—«Мы ихъ, каже, бьемо,—чого воны не одійдуть?—чы воны прывьязани, чы що?»—«Та такъ, кажу, васъ пиджыдають, чы не зайдете, мабуть, въ госты!» Винъ заразъ и сховався,—такъ мени здается: ричи не злюбывъ...

Бисови люде!—не дурно казалы, що розбійныкы. Тутъ одни стриляють, а други снидають—нема ни покою, ни того, щобъ заснуты у полудень. Тильки, бачыте, и змурдовалысь, якъ сонце заходыло, та замисть того, щобъ дать зовсимъ тягу, якъ мы сподивалыся,—одійшлы тильки до своихъ, та и пустылы якоры. Заразъ такый гомипъ пиднявсь па кораблі, що и не дай Господы!—гомонять, пьють, бо за день наморылысь, якъ собакы йидять... А дали почалы латать диркы... Я такъ соби гадавъ, що воны, може, яку птыцю, або свыню зажарють, щобъ було чимъ розговитысь!—такъ де тоби!—воны и празныкивъ хрыстыянськыхъ не знають...

На зори прокынувсь я, похрыстосувалысь тутъ, хто булы свои, прочыталы молытву,—та тильки и допыталысь, що тіи бидпои солоныны...

Вже тильки-тильки що на четвертый день пустылы насъ, якъ тыхъ горобцивъ, на волю!.. Отъ таке-то було въ тій неволи».

Н. П. Сокальскій.

18 декабря 1854 г.

Украиньски зàпыси Порфирія Мартиновича. [1]

Записанный П. Д. Мартиновичемъ репертуаръ Лохвицкаго кобзаря *Трыхона Магадына* сравнительно невеликъ,—всего 6 пѣсенъ, изъ которыхъ 5 записыватель именуетъ, согласно терминологіи самихъ кобзарей, *козацькымы писнямы*, а 6-ую—*весели писни*. Изъ справки, данной въ текстѣ, видно, что репертуаръ Трыхона Магадына въ отдѣлѣ *псальмъ* и *веселыхъ писенъ* значительно бóльше (см. перечень ихъ въ концѣ пѣсенъ), но записыватель почему-то не включилъ ихъ въ свои записи.

Что касается текста пѣсенъ, то всѣ онѣ не представляютъ новаго матеріала, а являются только варьянтами уже извѣстныхъ въ печати и раньше. Пѣсня *про трехъ братывъ Озовськыхъ*, сводъ варьянтовъ которой см. въ «Историч. пѣсняхъ малорусскаго народа» В. Антоновича и М. Драгоманова, ближе всего къ варьянту кобзаря Остапа Вересая и значительно разнится отъ варьянта Ивана Кравченка, напечатаннаго въ прошломъ номерѣ въ записи П. Д. Мартиновича.-Пѣсня *про бурю на сынему мори*, иначе называемая *про Олексія Поповыча*, тоже близка къ варьянту Остапа Вересая. (Сравн. въ «Историч. пѣсн.» В. Антон. и М. Драгом., а также въ «Кіевск. Стар.» 1885 г., № 1-й, въ записи Н. Сумцова, и тамъ же въ 1904 г., № 2, въ записи П. Д. Мартиновича. Пѣсня *про Коновченка* ближе всего къ варьянту

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 2.

въ «Южнорусскихъ пѣсняхъ» А. Метлинскаго. (Сравни, кромѣ Метлинск., въ Кіевск. Стар. 1882 г., № 8—Кобзарь Остапъ Вересай, у Максимовича—Собран. украин. пѣсенъ ч. 1-я, въ Кіев. Стар. 1884 г., № 1-й—Кобзари и лирники В. Горленка, въ Кіев. Стар. 1889 г., № 9-й—Лирники В. Боржковскаго, въ собраніи П. Лукашевича—Малорус. и Червонорус. пѣсни, а также въ Кіев. Стар. 1904 г., № 2-й, въ записи П. Д. Мартиновича). Пѣсня *Витчымъ* представляетъ нѣкоторыя отличія отъ варьянта Ивана Кравченка въ записи П. Д. Мартиновича. (Сравни въ Кіев. Стар. 1904 г., № 2, въ Южнорус. пѣсняхъ А. Метлинскаго и въ Записк. Ю.-З. Отдѣла Геогр. Общ. т. 1-й). Пѣсня *про вдову* отличается отъ варьянта Ивана Кравченка въ записи П. Д. Мартиновича (Сравни въ Кіев. Стар. 1904 г., № 2-й, въ Запис. Ю.-З. Отд. Геогр. Общ. т. 1-й, у Метлинскаго «Южнорус. пѣсни», въ Львовскомъ «Этнографічн. Збірн.» т. 2-й, въ Этнограф. Матер. Б. Гринченка, т. 3-й, въ Кіев. Стар. 1902 г. № 5-й.—Сластіоновъ «Кобзарь Кравченко»). Пѣсня *бида* ближе всего къ записи В. Боржковскаго (Кіев. Стар. 1889 г. № 9-й—Лирники), и значительно отличается отъ записи В. Горленка (Кіев. Сар. 1884 г., № 1-й—Кобзари и лирники).

Ред.

Кобзарь Трыхонъ Магадынъ.

е. Бубны, Лохвыцького пов., полт. губ.

Козацьки письни.

Якъ тры браты зъ Озова втикалы.

1. Не пылы́ пылылы, не тума́ны́ вставалы,
Якъ зъ города Озова, съ тяжкои неволи тры браты втикалы.
Два конныхъ, третій пишый пихотыця,
Наче междо нымы чужа чужаныця,
5. Бижыть пидбигае,
Кровъ слиды залывае
И пожаръ пидъ били ногы пидпадае,
Бративъ конныхъ доганяе,
Междо кони вбигае,
10. За стремена хватае,
Словамы промовляе:
«Браты мои мыли,
Голубонькы сыви!
Возьмите мене междо кони, хоть мало пидвезите,
15. Нехай я буду добре знаты,
Куды зъ вамы у городы хрыстыяньськи,
До 'тця-паниматкы гостемъ прыбуваты».
А браты промовлять словамы:
«Эй, брате мылый,

20. Голубоньку сывый!
Сами, братъ, не выидемъ
И тебе не вывеземъ,
Бо за намы зъ города Озова тяжка́ велыка погоня,
А самъ, ты, жывъ здоровъ будешъ,
25. До швыдче у городы хрыстыяньськи одъ насъ прыбудешъ.
Будешъ ты, братъ, по тернахъ, по байракахъ всегда скрыватьця,
У города хрыстыяньськи всегда прыбуваты.
Чы твоя голова козацька молодецька въ чыстимъ поли помре́;
Есть у чыстому поли орлы сызопери, чорнокрыльци,—
30. Твои косьти похоронять».
То найменьшый братъ промовыть словамы:
«Браты мои, мыли,
Якъ голубонькы сыви!
Есть у васъ ясенькый мичъ,
35. Издыймить мени головоньку зъ пличъ,
Та мене у чыстому поли поховайте,
Звиру-птыци на поталу не подайте».
То середульшый братъ съ коня вставае,
До меньшого брата словамы промовляе:
40. «Хочъ есть у насъ ясенькый мичъ,
Такъ винъ твоеи шыи не пойме
Рука козацька молодецька не воздойметьця,
Серце козацьке молодецьке не осмилытьця!»
Тоже впьять меньшый братъ промовыть словамы:
45. «Браты мои, мыли,
Якъ голубонькы сыви!
Идьте вы шляхамы,
Рубайте виты тернови шаблямы,
Зелени байракы ламайте,
50. По шляху роскыдайте,
Для козацькои прызнакы».
То ихалы браты шляхамы,
Рубалы виты тернови шаблямы,
Зелени байракы ламалы
55. По шляху роскыдалы,
Меньшому брату прызнакы давалы.

На море степивъ выступалы
Ни терновыхъ витэй, ни зеленыхъ байракивъ ниде не завыдалы.
Тилько середульшый братъ промовыть словамы:
60. Братъ, старшый, мылый
Голубоньку сывый!
Станьмо кони попасимо
И меньшого брата пидождимо,
А колы назадъ завернимося, междо кони возьмимо,
65. Хоть мало его пидвезимо«,
То вже старшый братъ промовыть словамы:
«Братъ, середульшый, мылый,
Якъ голубоньку сывый!
Ище тоби проклящька турецька невира не звиралася
70. И сырыця въ рукы не въидалася?!
Винъ самъ жывъ здоровъ буде,—
Швыдче одъ насъ у городы хрыстыяньськи прыбуде».
Середульшый братъ съ коня вставае,
Гирко слезамы рыдае,
75. Дороги шаты выдырае,
Червону кытайку по шляху роскыдае,
Меньшому брату прызнаку давае.
То меньшый братъ бижыть, пидбигае
И пожаръ пидъ били ногы пидпадае
80. Кровъ слиды залывае,
На море стéпа выступае,
Не завыдае ни терновыхъ витывъ,
Ни зеленыхъ байракивъ,
Тилько червону кытайку зобачае,
85. У рукы бере, до серденька прыкладае,
Словесно промовляе:
«Боже мылый!
Якъ то мене турецька, проклящька невира
На спочывкахъ промынула, чы въ тернахъ, чы въ байракахъ!
90. Якъ моихъ братывъ коныхъ догоныла,—

Яки збыткы почыныла!
Дороги шаты выдырала,
По шляхамъ роскыдала!..
Эй колыбъ-же я добре знавъ, чы ихъ постриляно-порубано,
95. Чы жывьемъ у рукы забрато,
До бъ я пишовъ по степамъ блукать,
Билого тила знаходыть,
У чыстому поли поховать,
Дзвиру-птыци на поталу не подать»!
100. Се козакъ промовыть словамы,—
Буйни витры повивалы,
Козака зъ нигъ валялы.
Одно безпытьтя, друге безъижьжя,
И трете бездорожьжя!
105. Пидъ Саворъ-могылу схожае,
Нызенько голову склоняе.
Тогда орлы находылы, на чорни кудри наступалы,
Зъ пидъ лоба очи выймалы...
То винъ обизветьця зъ жалю словамы,
100. Обыльетьця горко слезамы;
«Эй вы орлы сызопери, орлы чорнокрыльци!
Зождить хотя малу годыну,
Другу часыну,
Покы розстанетьця душа зъ билымъ тиломъ,
115. Тоди находытымете,
Шо хотитеме надо мною робытымете».
Тоди орлы сызопери чорнокрыльци исъ тернивъ, изъ байракивъ налиталы,
Сири вольци набижалы,
Одъ суставъ кости дрывалы,
120. По комышамъ розношалы
И комышамы покрывалы,
Буйни витры повивалы,
Жовти косьти пужарямы покрывалы.
Не отець-паниматка козака оплакала раннимы зорямы,

125. Дрибнымы слезамы,—
Зозуля прылитала,
У головахъ сидала,
Жалобненько кувала:
«Голово, голово, козацька молодецька!
130. Исправды есы не допыла, не доила
И хорошенько не доходыла!
Де довелось по степахъ валятысь,
Звиру птыци на поталу податысь!»...
Сталы браты у города хрыстыяньськи прыбуваты
135. И сталы раду одраджаты:
Якъ будемъ, братъ, отцю-паниматци отвитъ отвичаты?»
Старшый братъ промовыть словамы:
«Братъ найменьшый, мылый,
Голубоньку сывый!
140. Самъ я буду знать,
Якъ за меньшого брата отцю-паниматци отвитъ отвичать:
Искажемъ бувъ панъ Гроздынъ, туркынъ молодый,
Продавъ нашого брата у Рабьську землю,
У прокляту бусурменьську невиру, на катергу довишню».
145. Ой то середульшый братъ промовыть словамы:
«Брате старшый, мылый,
Голубоньку сывый!
Будемъ, брате, правду говорыть, буде Господь надилять
И отець маты выхвалять.
150. А якъ не будемъ, брате, правды говорыть, буде Господь ныщыть понощать
И отець маты клясты проклынать».
Старшый братъ промовыть словамы:
«Брате середульшый мылый,
Голубоньку сывый!
155. Будемъ на двое кгрунты паювать,—
Не будемъ между собою суперекы мать».
Сталы браты у города хрыстыяньськи прыбуваты,
На святи церквы накладаты
И ныщыхъ убогыхъ надиляты,
160. Турецьку землю клясты проклынаты!
«Справъ есы ты, турецька земле проклята, и розлука хрыстыяньська.

Розлучыла мужа зъ жоною,
Брата зъ сестрою!
Справъ есы камьянысто!
165. Туркамъ нагайцямъ на сребро злато багата!
Вызволь, Господы, невольныка зъ неволи на край веселый,
Междо мыръ хрещеный,
До роду до родыны до отця до паниматкы».
Услышы, Господы, у прозьбахъ у молытвахъ
170. Люду царському,
Народу хрыстыяньському
На многа литá
173. И до коньця вика;—

2.

Про бурю на сынёму мори [1]).

1. На сынёму мори, на билому камени сыдыть сокилъ ясенъ билозирець.
Нызенько головку склоняе,
Квылы́ть проквыляе,
На святе небо поглядае,
5. Шо половына соньця, половына мисяця у тьму заступыло.
Не гараздъ у сынему мори почынало,
Супротывна хвыля зо дна моря вставае,
Козацьки судна молодецьки на тры часты розбывае.
Перву часть одбывала
10. У тыхый Дунай замчала,
Другу часть одбывала, у Рабьську землю заносыло,
Третю часть одбывало,
Посередъ моря потопляло.
Въ тую годыну два брата ридненькыхъ потопало,
15. Третя чужа чужанына,
Безридна безплеминна,
Шо нйкому на чужій чужыни порятунку даты

---

[1]) Вона тилько Олексіемъ Поповычемъ называетьця, а настояще іи названіе—„Про бурю на Чорному мори“.

И прощенія прыняты.
Сталы браты промовляты:
20. «Эй то се, братъ, не сопротывна хвыля затопляе,
А отцёва паниматчына молытва карае:
Шо мы зъ дому выходылы,
Одъ отця, 'дъ паниматкы благословенія не прынялы
И старшого брата марно зневажалы,
25. Середульшу сестру пидъ ногы топталы,
Блыжнёму сусиду хлиба-солы збавлялы,
Улыцямы произдылы и марно старыхъ людей зневажалы,
Малыхъ дитей киньми топталы,
Кровъ хрыстыяньську съ пискомъ мишалы,
30. Проты церквы произдылы, шлычка зъ главъ не здыймалы,
Хреста на свое лыце не клалы,
Колы-бъ же насъ, брате,
Отцева, паниматчына молытва могла вызволыты,—
Хай бы мы пры старосты литяхъ добре зналы,
35. Якъ пры старосты литяхъ отця-неньку штыть, поважаты»...
Якъ скоро сталы браты отцеву-паниматчыну молытву вы-хваляты,
Стала супротывна хвыля втыхаты,
Сталы воны къ берегу выплываты,
За билый каминь рукамы хвататы
40. И на берегъ выступаты,
На край веселый,
Междо мыръ хрещеный,
(Теперъ) насупротывъ сынивъ отець маты выхождае,
Сынивъ пытае:
45. «Чы добре вамъ, сыны, у дорози почынало»?
И воны речуть: «добре на сынимъ мори гуляты,
Тилько не добре безриднїй безплеминьнїй чужїй чужыни потопаты,
Шо никому на чужїй чужыни порятунку даты,
Прощенія прыняты».
50. И ще жъ то щаслывъ чоловикъ на сьвити бувае,
Якъ отца-неньку штыть-поважае,
И блыжнего сусиду за ридного брата мае,
И старыхъ людей почытае.

Вызволь, Господы, невольныка зъ неволи на край веселый,
55. Междо мыръ хрещеный,
До роду до родыны!
Люду царьському,
Народу хрыстыяньському
И всимъ головамъ выслухащымъ
60. Отъ на многая лита
61. До коньця вика!

3.

Про Коновченка.

1. Ой на славній Украини, у городи у Черкаси, жыла удова Коновчыха,
По мужови Грыцыха,
Мала соби сына Ивася Коновченка
Удовыченка;
5. Изъ малыхъ литъ вона его годувала,
Пры соби держала,
У наймы не пускала,
На чужи рукы на стыраные не давала,—
Усе доброго розуму дожыдала
10. И Творця вона благала:
«Боже Мылый, и вси сьвятіи!
Поможите мини сына догодуваты,
Доброго розуму дождаты!»
Скоро ставъ Ивась Коновченко до доброго розуму дохождаты,
15. Ставъ Хвылонъ Корсуньськый полковныкъ увъ охотне військо козакивъ выклыкаты.
«Козакы, добре вы дбайте,
Который зъ охоты на Черкени долыни погуляйте,
Славы-памьты козацькои достаты,
Лыцерство предъ наметъ турецькый показаты».
20. Скоро Ивась Коновченко сее зачувае,
Старій неньци промовляе:
«Благословы мини, маты,

На долыни Черкени погуляты,
Славы-памьяты козацькои достаты,
25. Лыцéрство предъ наметъ турецькый показаты».
То вдова промовыть словамы:
«Не благословлю я тоби, сыну Ивасю Коновченку, у долыни Черкени гуляты,
А благословлю тоби у домú пробуваты,
Хлибъ силь пахаты,
30. Та на хлибъ на силь козакивъ зазываты,—
Онъ такы будуть воны тебе штыть поважаты".
А Йвась Коновченко промовыть словамы:
„Не хотилося мени, маты,
Въ доми пробуваты,
35. За плугомъ спыну ломаты,
По борознахъ сапьяньци выкрывляты,
Кытаевыхъ дорогыхъ жупанивъ пыломъ напыляты,
Бо за плугомъ, маты, борозна не мыла,
А колыбъ-же ты, маты, добре учынила:
40. Чотыри волы чабаніи,
Два кони вороніи
До жыда Кролевського згоныла,
Торгъ учыныла,
Одного коня купыла,
45. Якъ козацька молодецька душа влюбыла;
Бо хочъ буду я, маты,
У домú пробуваты,
Хлибъ силь пахаты,
На хлибъ на силь козакивъ зазываты,
50. До будуть воны мене на пидпыткахъ докоряты,
Домаремъ гречкосіемъ называты".
То вдова каже:
„Бодай же ты сыну, Ивасю Коновченку,
Вдовыченку,
55. Недождавъ, шобъ я тоби отцевську худобу на 'дного коня збувала".
То у Недилю, барзо рано, до сходъ соньця удова отцевську зброю поховала,
Тилько позабула шабли булатнои схороныты,

Та зъ свого двора выступае,
До Божого дому прыхожае.
60. То Йвась Коновченко одъ сна вставае,
По свитлыцямъ прохожае,
Отцевськои зброи ничого не забачае,
Тилько шаблю въ рукы бере, за плечи закладае
И чверть мыли одъ города козакивъ пихомъ доганяе.
65. Его козакы не взналы,
Шапкы здіймалы,
Зъ дорогою поздоровлялы.
То вдова зъ Божого дому до свого дому прыхожала,
Свого Ивася Коновченка у доми́ не застала,
70. То вона его кляла—проклынала:
„Ой, бодай тебе, сыну, Ивасю Коновченку,
Тры недоли військовы́хъ у чыстому поли побыло:
Перва недоля:—шабля не рубала,
Друга недоля—ружы́на не стриляла,
75. А третя—шобъ матерыны слезы ни въ якій потреби не спиткалы"....
То вже вдова не мало серця не внимала,
Чотыри волы чабаніи,
Два кони вороніи
Зъ двора занимала,
80. До жыда Кролевського згоныла,
Торгъ учыныла
И пьятдесятъ червиньцивъ доложыла,
Одного коня купыла,
Якъ козацька-молодецька душа влюбыла,
85. Рядовымъ козакомъ на Черкену долыну передавала,
Словесно промовляла:
„Рядовый, козакъ молодый!
Де мого сына междо козакамы дого́нышъ,
Междо лыцара́мы лы́царомъ постановышъ,
90. Отъ матуси поклонъ подасы".
То козакъ въ чверть мыли одъ города козакивъ догоняе,
По-междо козакамы проижджае
И Йвася Коновченка не узнае.
Ивась Коновченко самъ добрый звычай знае,

95. До коня прыступае,
За поводы бере й на коня сидае,
Тоди каже: „Боже Мылый, и вси святіи!
Я-жъ думавъ, шо мене матуся клене проклынае,
А вона мини козакови на добрее дбае.
100. Боже Мылый и вси святіи!
Поможить мини сей походъсходыты, нехай я буду добре знаты
Якъ пры старосты литихъ стару неньку поважаты". [1])
Теперъ промовыть: „Хвылоне Ко́рсуньськый полковныку,
Благословы мини на долыни Черкени зъ гарцивныкомъ [2])
погуляты».
105. То Хвылонъ Ко́рсуньськый полковныкъ промовыть словамы:
Не благословлю я тоби, сыну, на Черкени долыни погуляты
Есть козакы ста́рій тébe; хай на долыни Черкени гуляють,
Славы-памьяты козацькои достають
И лыцéрство предъ наметъ турецькый подають".
110. То Йвась Коновченко промовыть словамы:
Ты Хвылонъ Корсуньськый полковныкъ,
Возьмы ты утя старее,
Та малее,
Та пусты его на сыне море;
115. Поплыве малее,
Якъ бы тее старее".
Ивась Коновченко промеждо козакамы прохожае,
Шапку здыймае
И старого и малого поздоровляе,
120. На долыни Черкени зъ гарцивныкомъ гуляе;
Симсотъ душъ зрубавъ,
А симсотъ на арканъ жывьемъ у рукы забравъ,
Предъ пана Хвылона язы́ка жывьемъ прыставлявъ.
То Хвылонъ Корсуньськый полковныкъ изъ намета выхождае,
125. Ивася Коновченка пидъ рукы хватае,
На червону кытайку садо́выть,
Напыткы й наидкы становыть,
Словамы промовыть:
„Ивасю Коновченку, дытя молодее! Ты ниде й небувало,

[1]) Онъ уже куды пишло!
[2]) Зъ нéпрыятелемъ.

130. Багацько козацького звычаю розизнало!"
А Йвась Коновченко промовыть словамы:
„Благословы мини, Корсуньськый полковныку,
Оковыту горилку нажываты,
То ще не такъ буду на долыни Черкени зъ Гарцивныкомъ гуляты".
135. „Не благословлю я тоби, сыну, оковыту горилку нажываты,
Бо вона тебе зрадыть,
Головку коню на грыву склоныть
И свита окрашéного запогубыть".
А Йвась Коновченко не-мало серця не нимавъ
140. И такъ кубокъ налывъ,
Якъ козацьке серце звеселывъ,
Тоди на коня сидае,
Сонъ его знемагае,
Коневи на грыву головку склоняе;
145. Междо козакивъ проиждждае.
Старого й малого дорогою зневажае,
Гарцивныкы за чверть мыли'дъ гóрода пьяного чоловика взналы,
А ще чверть мыли уступалы,
Та покы его постриляли—порубалы,
150. Ще за собою симсотъ потерялы;
Тилько не гараздъ учынылы,—козацького коня не піймалы.
Кинь по табору турецькому гуляе,
Стремена порвáни, аркáны кривави.
То Хвылонъ Корсуньськый полковныкъ згрознá до козакивъ промовляе.
155. „Козакы, добре дбайте,
Козацького коня піймайте.
Не дурно кинь козацькый по табору турецькому гуляе,
Знать нашого Ивася Коновченка, молодого лыцаря, на свити немае".
То козакы кóня піймалы; по чыстому поли проходылы,
160. Козацьке биле тило знаходылы;
На червону кытайку собиралы,

На долыни Черкени поховалы.
И прыснытьця удови сонъ чуденъ - пречуденъ и дывенъ-предывенъ:
„Выдытьця“, кае, „сынъ мій на долыни Черкени одружывся;
165. Узявъ соби жену горду-прегорду, пышну-препышну;
Мій двиръ старый мынае,
А соби нового шукае“.
Рядового козака про сына пытае,
Рядовый козакъ ій одповидáе:
170. „Твій сынъ у долыни Черкени одружывся;
Узявъ жену горду-прегорду, пышну-препышну,
У чыстому поли высоку могылу“.
То вдова козакови виры не доймала,
До Твóрца рукы здыймала,
175. Творца благодарыла!
„Благодарю Господа небесного, шо мій сынъ у долыни Черкени одружывся.
Уже хочъ вона горда-прегорда и пышна-препышна,
А буде пры старосты литихъ головку преклоныты“.
Хвылонъ Корсуньськый полковныкъ иде
180. И коня за поводы веде.
Скоро вдова коня забачала,
Къ сырій земли прыпадала,
Хвылона Корсуньського полковныка кляла проклынала:
„Бодай ты Хвылоне Корсуньськый полковныку, щастя и доли не мавъ,
185. Якъ ты мого сына Ивася Коновченка за все військо втерявъ“.
То Хвылонъ Корсуньськый полковныкъ гордосты не мае,
До вдовы прыступае,
За рукы хватае,
Одъ сырои земли звождае,
190. Словесно промовляе:
„Эй, удово Коновчыхо, мене молодого не проклынай,
Щастя й доли не збавляй,
Бо ты есы не гараздъ учыныла,
Шо сынови такого коня купыла“.

195. То вдова тоже не мало серця не нимала,
Сорокъ тысячъ війська тры недили содержала,
Хлиба—солы не побороняла,
Хусты́, рушныкы подаркы давала,
Заразомъ Ивася Коновченка похоронъ-весилья одбувала.
200. Бидна жъ побидна удовына́ головонька!
Люду ца́рськимъ
И на́роду хрыстыяньськымъ,
Усимъ головамъ выслуха́нцымъ
На многая лита
205. До коньця вика.

4.

Витчымъ.

1. У недилю барзо рано пораненько не въ уси дзвоны дзвонено,
Нихто не взнае, шо въ крайнимъ доми говорено.
Отець-маты сына у чужу сторону выпровожалы:
„Иды ты, сыну, между люды пробуваты,
5. Чы не лучче тоби будеть маты“.
„Не хотилося мыни, маты,
У чужій сторони пробуваты,
Бо будуть мене проще́нцемъ называты“.
То старша сестра иде,
10. Коня веде,
А середульша зброю несе,
Найменьшая брата выпровожае,
Словесно промовляе:
„Видкиль то, кае, тебе, брате, выглядаты?
15. Чы съ чыстого поля,
Чы зъ буйнои вои́, [1])
Чы зъ славного люду Запорожжа?“
— „Не выглядай мене, сестро, ни съ чыстого поля,
Ни зъ буйнои вои́,
20. Ни зъ славного люду Запорожжа,
А возьмы ты жовтого писку въ жменю,
Посій его на билому камени;

[1]) Войны.

Якъ буде жовтый писокъ на билому камени сходыты,
Хрещатымъ барвинкомъ у тры ряды встылаты,
25. Хрещатый барвинокъ голубымъ цвитомъ процьвитаты;
Будуть, сестро, о Петри быстри рикы замерзаты.
А объ Риздви калына въ лугахъ билымъ цьвитомъ процьвитаты,
То тоди вже буду въ вашъ домъ гостемъ прыбуваты".
„Якова то я, братику, у сьвити стала,
30. Шо одъ старыхъ людей не чувала,
Шобъ жовтый писокъ на билому камени сходывъ
И голубымъ цьвитомъ у тры ряды устылавъ,
И сего я, брате, не чувала,
Шобъ о Пе́три рикы замерзалы,
35. Шобъ объ Риздви билымъ цьвитомъ калыны въ лузи процьвиталы
И шобъ братъ до сестры тоди въ гости прыбувавъ". [1])
На празныкъ Воскресеніе люды до Божого дому йдуть,
Якъ бджолы гудуть;
Изъ Божого дому йдуть,—пола объ полу мелькаетьця,
40. Плече'бъ плече черкаетьця;
Одынъ о́дного на здоровья пытае
И одынъ о́дного обидать зазывае.
Убогого чоловика нихто й не знае,
Мовъ бы въ его въ двори не бувалы,
45. Хлиба солы не идалы.
Пры добрій годыни
Кумы й побратымы,
Пры лыхій годыни
Немае й родыны.
50. Люду царському,
И народу хрыстыяньському,
Усимъ головамъ выслуханцымъ
Отъ на многая лита
54. До коньця вика.

5.

Про вдову.

1. Була бидна побидна вдова.
Не дробна птыця въ гору щебетала,

---

[1]) От-то вже, значыть, его не сподиватьця.

Якъ бидна вдова зъ двору выступала,
И къ чужому дому прыхожала,
5. Хлиба солы заробляла,
Усе вона дитей годувала,
Изъ малого росту до велыкого пры соби держала,
У наймы не пускала,
На чужи рукы на стыраные не давала,
10. Усе доброго розуму дожыдала.
Удова доброго розуму дождала—сынивъ подружыла.
Якъ сталы сыны до доброго розуму дохожаты,
Сталы зъ старои ненькы насьмихаты,
Сталы зъ свого дому въ чужый домъ изсылаты:
15. „Иды-жъ ты, маты,
У чужый домъ пробуваты,
Нехай мы не будемъ у себе суперекы маты,
Нехай не будемъ женъ страхаты
И малыхъ дитей лякаты“.
20. То вже у недилю, рано пораненьку, до схидъ соньця удова зъ двору выступае,
Гирко слёзамы рыдае,
За слёзамы свита Божого не добачае,
На ворота спотыкае.
Старшый сынъ сыдыть, та виконця кватырку 'дсувае
25. Ище й зъ старои ненькы насьмихае;
До свого братьтя словамы промовляе:
«Друзи, паны молодьци, десь наша маты старая
Превелыкого гриха не знала,
Що въ недилю рано пораненько, до сходъ соньця горилкы напыла́ся,
30. На ворота звалылася».
Чужа чужына,
Блызька сусида, молодая челядына
До вдовы прыступае,
За рукы хватае,
35. Одъ сырои земли звождае.
Удова промовыть словамы:
«Ты, чужая чужыно, блызька́ сусидо!
Прыймы мене удовуستареньку до свого дому пробуваты,

40. Буду тоби пры старосты литяхъ сины-хату вымитаты
И малыхъ дитей доглядаты».
То вже чужа чужы́на,
Блызька сусида, молодая челядына
Промовыть словамы
45. — «Иды ты, вдово старенька, до мого дому пробуваты.
Не будешъ ты пры старосты лить хату вымитаты
И малыхъ дитей доглядаты,
Тилько будешъ мене молодого челядына до доброго розуму прывожаты».
Скоро стала вдова въ чужый домъ прыбуваты,
50. Хлибъ силь зажываты,
Ставъ Господь удовыныхъ сынивъ выдымо караты,
Громовымъ огнемъ палыты.
Старшый братъ меньшому въ ногы впадае:
«Эй то, братьця, друзи, паны моло́дьци!
55. То вже мы стару неньку зъ свого дому заслалы въ чужый димъ
Хлиба солы зажываты.
Якый я коштовный домъ избудувавъ,
Господь мене покаравъ,
60. Громовымъ огнемъ спалывъ».
Сталы зъ бративъ кумы побратымы насьмихаты:
«Десь въ удовыныхъ сынивъ хлиба солы немае,
Шо воны у чужый домъ неньку заслалы хлиба солы зажываты».
Старшый братъ меньшого брата посылае:
65. «Пойды ты, брате, до чужого дому
И якъ бы ты стару неньку у свій домъ могъ упросыты».
То вже меньшый братъ зъ двору выступае,
Къ чужому дому прыходжае,
Старій неньци у ногы впадае,
70. Гирко слёзамы рыдае:
„Иды жъ ты, маты,
До нашого дому пробуваты,
Бо не можемо безъ тебе щастя й доли соби маты.
Будемо, маты,

75. Женъ страхаты
И малыхъ дитей лякаты,
И тебе пры старосты литяхъ штыть-поважаты".
То вдова не мало у чужимъ доми пробувала трыдьцять литъ и чотыри,
Ни у кого вона крывды соби не мала,
80. Изъ чужого дому выступала
До Твóрца рукы здыймала,
И Творца благала:
«Боже мылый и вси святіи!
Поможите у двиръ уходы́ты,
85. Своихъ сынивъ до доброго розуму прыводыты.
Скоро стала удова старенька у своему доми пробуваты,
Тогда сталы удовыны сыны у своему доми хлибъ-силь маты.
Сталы браты промеждо собою промовляты:
«Хто стару неньку штыть, поважае,
90. Тому Господь помогае,
Щастя й доли посылае
И у поли и въ доми у пути и въ дорози».
Люду царському
И народу хрыстыяньському,
95. Усимъ головамъ выслухащымъ
Отъ на многая лита
97. До коньця вика!

Оце й усй, яки я знаю; и майстеръ мій не знавъ бильшъ. На нашимъ краи вже попереводылысь кобзари: ото тилько Лобзá (Вересай) та Антинъ Вечирьськый,—такъ Антинъ не зна „Невольныцькыхъ"; винъ дякивъ сынъ, та ше вчывсь по кныжкамъ, а тамъ ослипъ, такъ его батько оддавъ до кобзаря въ науку, такъ винъ псаломъ добре понявъ и псалтырну й доси на перечотъ усю зна, а невольныцькыхъ такъ не зна. Хведиръ Крячковськый бувъ,—той знавъ такыхъ (писень), такъ уже вмеръ; та я ще по свиту мотаюсь; симдесятъ шостый уже годъ мини; пора на свое мисто вже...

Оттуды по тыхъ краяхъ на Мыргородъ, тамъ ще сёго чóрта, що крутять (лиры), не поводытьця. Комышаньськои отамъ наукы есть Матвій, Иванъ, Охтанасъ. Значыть у Комышни та бувъ кобзарь, то

то́ его ученыкы; нема вже теперъ его, пишовъ десь на поселеніе: винъ та майстеръ оттого Крюковського, що въ Лохвыци, та вмисьсти въ одного ще майстра вчылысь; такъ Крюковського майстеръ жывый и доси; винъ тамъ у Пи́скахъ мешкае, а той пишовъ на поселеніе.

Зоря Иванъ у Билоцеркивцяхъ бувъ, такъ уже чотыри годы, якъ зависывсь. Обижавъ ныщу братію дуже. („Той тилько Озовськыхъ братив знавъ". Примѣчаніе Кравченка—Крюковського).

Б и д а.

1. Ишла Бида невелычка
Изгы́бала чоловичка.
Де ты въ биса родылась,
Шо за мене вчепылась?
5. Хто биды не знае,
Нехай мене спытае.
Моя хата скраю—
Всю биду зазнаю.
Я у Биды обидавъ,
10. То я й Биду одвидавъ.
Я въ Кракови родылась,
А въ Бруслáви хрестылась,
А въ Вильбови зросла
Въ Хмельныкъ замижъ пишла.
15. Була Бида въ Клювáни
За клюшныцю у пани,
Пишла Бида до лёху
Позычаты гороху,
Та загубыла ключи
20. Та втекла къ бису въ ночи.
Да була Бида въ Будакý—
Высыть Бида на гаку;
Одырвалася зъ гакá—
Къ бису втекла зъ Будака.
25. Пидъ нашымъ ярымъ жытомъ
Лежыть Бида зъ тыхымъ лыхомъ
А ихалы зъ брусáмы,
Взялы биду на саны,
Та повезлы до Волохъ

30. Проминялы за горохъ;
А Волохы каялысь,
Шо гороху збавылысь:
Вы намъ горохъ верните,
Къ бису Биду возьмите.
35. Сидай, Бидо, на козу,
Къ бису тебе одвезу,
Ше й дорожку покажу.
Въ Бердычеви на торзи
Иде Бида на кози
40. Въ червоному картузи́.
Тамъ цыгане кони минялы,
Та й то Биду пизналы.
Пишла Бида до Бендеръ—
Та й тамъ іи хтось обдеръ;
45. Пишла Бида въ Кремьяне́ць
Избираты яець.
Та въ городи Кремьянци́
Дала старцямъ по яйци.
Пишла Бида въ Моголи́въ
50. Куповаты воливъ.
За ричкою за Днипромъ—
Ходе бида за воламы зъ весломъ,
Та погна́лась увъ Улась,
Та тамъ Бида спродалась
55. И въ лысычкы вбралась.
А въ Уласи знако́ми
На лысычкы лако́ми
И лысычкы знялы
Ій опу́чкы далы.
60. Пишла Бида до шевця—
Вкрала соби ременьця;
Сыдыть вона на стольци́
Морщыть соби постольци;
Сама соби дывуетьця,
65. Шо гарненько обуетьця.
А ихалы зъ хворостомъ—
Сыдыть Бида пидъ мостомъ.

То й Бида розиграла—
Всимъ колеса поламала
70. Пидъ густымы ло́замы
Становылысь обозомъ,
Ловлять Биду пидъ возомъ;
Былы Биду палыцямы:
Не йды, Бидо, за старцямы.
А Бида каялась,
75. До торбивъ добралась.
Сыдять диды на горби—
Вкрала Бида дви торби.
Иде Бида до Да́шева
Конякою изъ Квашева.
80. Диды кваши напылысь,
Биды Богу молылысь.
Ишла Бида до школы
Наробыла шкоды.
Былы Биду въ плечи,
85. Не лизь, Бидо, до печи;
Былы Биду въ груды,
Не лизь, Бидо, до грубы.
Былы Биду по выскахъ,
Не лазь, Бидо, по мыска́хъ.
90. Былы Биду по лапкахъ,
Не лазь, Бидо, по лавкахъ
Ишла Бида лавкамы—
Былы Биду палкамы.
Пишла Бида до мысныка—
95. Далы Биди налысныка.
Пишла Бида до Нижена,
Видтиль выйшла острыжена.
Пишла Бида до Лохвыци,
Видтиль далы прохвосныци.
100. Пишла Бида до попа,
Былы Биду, якъ снопа.
Пишла Бида до Ныкона,
Видтиль выйшла пидтыкана,
Пишла Бида до Де́ныса

105. Одъ Деныса выйшла лыса.
Пишла Бида до Гаврыла,
Одъ Гаврыла носомъ рыла.
Пишла Бида до Демьяна,
Одъ Демьяна выйшла пьяна.
110. Пишла Бида до Хведора
Пидскочыла та й п.....ла.
Пишла Бида до Потапа,
Шобъ іи бокы полатавъ;
Почавъ Потапъ бокы латать—
115. Почала Бида крычать.
Де взявся паламарь,
И той Биди бокы полатавъ.
Де взявся Мартынъ,
Вдарывъ Биду объ тынъ.
120. Де узявся Гарасымъ,
Той по Биди голосывъ.
Прыходыть Омелько
Голосыть по Биди тоненько.
Катерына мымо йшла,
125. Сорочечку прынесла.
Де взялася Марына,
И та Биди Отче нашъ говорыла.
Несы дидько Марту
Й горилочкы кварту.
130. Тамъ Бида вмерла
И тамъ Бида погынула.
Покотылы Биду зъ горы,
Копыци задерла.
Іи дочка пидросла,
135. Кругомъ сьвитъ обійшла—
Сюды замижъ пишла.—
Якъ пишовъ я вулыцею,
Да й не очерпнувся,
Якъ потягне Матвій ципомъ,
140. Ледви осьмихнувся.—

Козацьки писни. 1. Якъ тры браты зъ Озова тикалы. 2. Про бурю на Сынему мори. 3. Про Коновченка. 4. Витчымъ. 5. Про вдову.

Псальмы (записаны не были): 1. Нема въ свити правды. 2. Ушлы мои лита. 3. Смотрыся къ намъ смерте. 4. Плаче дуже и рыдае. 5. Царю Хрысте. 6. Іисусе Прелюбезный. 7. Про Почаивську Богоматирь. 8. Про Мыколая. 9. Про Варвару.

Весели писни. Кромѣ «Биды» записаны не были: 1. Чычиточка. 2. Мищанка. 3. Дворянка. 4. Хома та Ярема. 5. Вербунка. 6. Гарбузъ. 7. Бугай. 8. Бида.

Одкли́нщыны.

Якъ вывчыть майстеръ хлопця грать и той одходе одъ майстра на свій хлибъ, то майстеръ дае знать ныщій братіи: «що отъ у мене хлопець добре вже грае,—пора вже ему и хлибъ дать; прыходьте до насъ на Одкли́нщыны». Шобъ справыть Одкли́нщыны такъ якъ слидъ, шобъ ныщои братіи було багато, то для того воны выбирають удобный часъ—ярмарокъ.

Къ киньцю ярмарка у вечери братія помалу сходытьця до майстра. Дорогою покуплять харчивъ и горилкы. Зійдетьця братія до жыда, покы зовсимъ потемніе. Заразъ майстрова́, або наймычка, або хто зъ поводатаривъ насыпле въ мыску горилкы, накрыше хлиба, рыбы, роздасть жодному ложкы. (Изъ мысокъ ложкамы налывають горилку въ чаркы, щобъ не пролывать). Тоди братія сида за стилъ. Литомъ це робытьця на двори. Тоди майстеръ бере хлибъ у рукы, прыходе до кумпаніи та й каже: «Молытвамы свят. отець нашыхъ, Господы Іисусе Хрысте, Сыне Божый, помылуй насъ!» Компанія гуртомъ одказуе—Аминь. «Мыръ беседи вашій». (Гуртомъ) «Съ мыромъ прыходь Самъ Хрыстосъ Боже благословы». Просыла копійка на горилку,—я прошу васъ на честь, на любовъ и на одклинщыны». Положывшы хлибъ на стилъ, майстеръ сидае,—позъ его клюшныкъ зъ хлибомъ. Давшы по чарци, майстеръ просыть компанію до хлиба до солы. Компанія пидходыть по одному и каже до майстра: «Молытвамы свят. отець».—Майстеръ одказуе—«Аминь». «Спасеть Богъ, майстеръ за святый Аминь, за Исусову молытву, за Евангельське слово, за прывитъ Божый, за майстерську науку. Кланяемось тоби хлибомъ и силью». Дають хлибъ у рукы. «Прыймаете хлибъ и силь, прыймить

и насъ до своеи честы». Жодни такъ пидходять; якъ подало хлибъ, тай сидае врядъ. Тоди майстеръ устае на ногы, бере стаканъ у рукы, налыва чарку горилкы и говорыть: «Молытвамы»,—одказують—«Аминь». Дякуе за аминь. «Чы всимъ, господа майстри старши и меньши, досталось по стакану вына отъ майстра»?—«Спасыби. Усимъ досталось». Тоди майстеръ сида на мисто, а ученыкъ уступа у середыну у кругъ. бере стаканъ у рукы и говорыть: «Молытвамы». Ему одказують «Аминь». Винъ дякуе за аминь. «Благословите майстрови стаканъ вына пиднесты». Гуртомъ: „Боже благословы". Майстеръ, узявшы стаканъ, говорыть „Молытвамы", а дали „Благословите, господá майстри, одъ ученыка стаканъ вына выпыть". „Боже благословы". Тоди ученыкъ кругомъ обдае усихъ и, проказавшы „молытвамы", допытуе: „чы вамъ, господа майстри, досталось по стакану вына?" „Покорно благодарымъ майстрови и тоби; усимъ досталось". Тоди винъ (ученыкъ) ставыть стаканъ, говорыть „Молытвамы", кланяетьця и просыть: „Господа майстри! Якый хлибъ силь у себе иміете,—такый и мени дайте". Тоди майстеръ пиднимаетьця на ногы, говорыть „Молытвамы" „Благословите, господа майстри и вся кумпанія, хлопцеви хлибъ силь дать". „Богъ благословыть". Тоди винъ дае хлопцеви хлибъ силь у рукы, а самъ сяде. Тоди хлопець: „Покорнѣйше благодарю, господа майстри, за хлибъ, за силь и за ваше наставленіе". Проговорыть „Молытвамы". „Благословите, господа, майстерського хлиба по куску роздилыть". „Богъ благословыть. Тоди винъ риже хлибъ по шматочку. Майстрови дае и жодному, покы всихъ обдилыть. Обдилывшы, каже „Молытвамы" и дали: „Чы всимъ, господа, дисталось по куску майстерського хлиба?" „Покорно благодарымъ майстрови и тоби; усимъ досталось". Тоди два старыка, узявшы его за рукы, садовлять повизъ майстра. Тоди вже гуляють, покы не розійдутьця.

Выйшовшы зъ наукы, годъ черезъ десять получа право брать соби въ ученыкы. Купыть видро, або пивъ видра горилкы, иззове братыю и просыть соби помочи: „Позвольте, господа майстри, мини помочь узять". Якъ первого позволять,—тоди хоть двадцять штукъ беры заразомъ.

Кобзарь Трыхонъ Магадынъ.

М. Вороньки. 3 іюля 1876 года.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Резолюція императрицы Екатерины II по жалобѣ малороссійскаго священника. Въ первые годы царствованія Екатерины II, статсъ-секретаремъ по принятію подаваемыхъ на Высочайшее имя челобитенъ состоялъ дѣйств. ст. совѣтникъ Сергѣй Матвѣевичъ Козминъ, служившій раньше въ артиллеріи военнымъ совѣтникомъ и назначенный на эту должность въ мартѣ 1764 г. на мѣсто уволеннаго Олсуфьева. Его обязанностью было составлять для Высочайшаго доклада краткіе экстракты изъ челобитенъ, въ формѣ докладныхъ записокъ, на которыхъ обыкновенно императрица писала резолюціи. Одна изъ такихъ подлинныхъ записокъ любезно доставлена въ редакцію нашего журнала, въ числѣ другихъ матеріаловъ, П. С. Ефименкомъ, которую и приводимъ здѣсь со всею точностью.

«Челобитчикъ—обрѣтающійся въ Малой Россіи, Переяславскаго полку, священникъ Григорій Тимофеевъ. Служилъ при полку Роповомъ [1]) 18 лѣтъ и за службу ево пожалованъ ему приходъ къ церкви настоящимъ священникомъ въ Переяславскую епархію».

«1735-го года того жъ Переяславскаго полку сотникъ Евстратій Гулакъ съ товарищи составилъ на него ложную челобитную отъ ста человѣкъ и болѣе, якобы въ грабительствахъ и въ другихъ многихъ непотребствахъ, по которой троекратные чинены были слѣдствіи и подъ присягою допросы, о чемъ онъ просилъ въ генеральной канцеляріи черезъ семь лѣтъ и болѣе, токмо удовольствія не получилъ, а

---

[1]) Генералъ Роппъ, командиръ гренадерскаго полка, въ 1720–30-хъ годахъ часто квартировавшаго въ Малороссіи.

отосланъ въ кіевскую консисторію подъ карауломъ для разсмотрѣнія того дѣла».

«Въ 1743-мъ годѣ оное дѣло въ Сvнодѣ рѣшено и позволено на сотника просить, гдѣ надлежитъ. Онъ просилъ въ Сенатѣ, гдѣ и рѣшено 1748 года, о чемъ и указъ посланъ въ генеральную канцелярію, и велѣно учинить съ нихъ [1]) удовольствіе по указамъ. О томъ удовольствіи просилъ онъ господина гетмана [2]) неоднократными прошеніями, о чемъ отъ него по посланнымъ девяти ордерамъ отъ генеральной канцеляріи рѣшеніе и послѣдовало, токмо не въ силу указовъ, и деньги присланы съ четырехъ человѣкъ двадцать рублевъ семдесятъ копѣекъ и представлены отъ господина гетмана въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Онъ въ ту Коллегію подалъ прошеніе, что надлежало ему по Уложенью и по малороссійскимъ правамъ три тысячи сто восемьдесятъ восемъ рублевъ за безчестіе и за протори и по обязательнымъ письмамъ съ убытки, а отъ 755-го года что причтется по окончаніе. 755-го году изъ той Коллегіи послана грамота и копія съ прошенія ево къ нему, господину гетману, о учиненіи удовольствія по симъ правъ и Уложенья; на то въ отвѣтъ показано, что приличнѣйшаго права, какъ 105 артикулъ, не находится. Иностранная Коллегія, не приводя приличныхъ пунктовъ, рѣшеніе учинила и въ иску отказала ему напрасно, и о томъ онъ просилъ въ Сенатѣ еще пять разъ, и посыланы были отъ Сената къ нему жъ господину гетману пять разъ грамоты и велѣно было окончить въ указной срокъ, чтобъ Сенату болѣе докуки не было; но и по тѣмъ никакого исполненія не учинено; а по шестой присланной изъ Сената къ нему господину гетману грамотѣ какое опредѣленіе состоялось, сообщаетъ копію. И такъ онъ за онымъ дѣломъ ходя въ разныхъ канцеляріяхъ безотлучно 29 лѣтъ, а по рѣшеніи правительствующаго Сената 16 лѣтъ, удовольствія получить не можетъ, и отъ того пришелъ въ крайнее разореніе и нищету».

„Проситъ милостивое разсмотреніе и рѣшеніе учинить, дабы онъ по старости своей болѣе нищеты и разоренія не имѣлъ“.

„Статской дѣйствительной совѣтникъ Сергѣй Козминъ“.

Внизу записки имѣется отмѣтка, сдѣланная рукою Козмина: „Докладывано 28 октября 1764; приказано просителю обождать“. При

---

[1]) Т. е. съ лицъ, неправильно оклеветавшихъ священника.

[2]) Рѣчь идетъ о Разумовскомъ.

вторичномъ докладѣ 11 декабря того же года, въ Царскомъ Селѣ, послѣдовала слѣдующая резолюція императрицы, собственноручно ею написанная на поляхъ доклада: «*Отослать к' графу румянцову для разсматренія по законамъ*». Подписи нѣтъ, но мы сличали эту помѣту съ фототипическими снимками подлинныхъ писемъ Екатерины и убѣдились, что это несомнѣнно ея почеркъ.

Отсрочка резолюціи при докладѣ 29 октября послѣдовала, очевидно, потому, что въ это время рѣшался вопросъ объ уничтоженіи гетманства въ Малороссіи и объ увольненіи Разумовскаго, каковое и было объявлено въ указѣ 10 ноября 1764 года, а спустя нѣсколько недѣль послѣдовало назначеніе графа Румянцева малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Какова была судьба дѣла священника Тимофеева при новомъ правителѣ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ дѣло это является типичнымъ образцомъ судебной волокиты, какая воцарилась въ Малороссіи въ XVIII ст.

О. Л.

Изъ народной памяти [1]. Среди разсказовъ о временахъ малороссійскихъ «гетьма́новъ», среди смутныхъ воспоминаній о давно минувшей жизни Украйны, въ особенности о ея войнахъ съ «Польщею»,— въ нашей мѣстности живетъ небезъинтересное сказаніе о знаменитомъ полковникѣ Семенѣ Палѣѣ. Вотъ это сказаніе:

«Вся эта земля (Малороссія) издавна была гетьма́нская, а дальше была земля Московская. Въ гетьма́нской землѣ жили все козаки; у каждаго козака былъ конь, сѣдло и сабля, и всѣ, кто только могъ, шли на войну,—только дѣти, старики да «жинки́» дома оставались. А правили этой землей гетьманы, которые жили въ Батуринѣ [2]. За Кіевомъ была еще земля—польская; поляки очень хотѣли завоевать козацкое войско, чтобы владѣть гетьма́нщиной. Только какъ они ни хитрили, а все-таки забрать гетьма́нщину имъ не удалось, потому что былъ въ Малороссіи одинъ такой воинъ, котораго никто завоевать не могъ. Звали этого богатыря Семенъ Палій. Бывало, пойдетъ онъ на войну и только глянетъ на ляшское войско, какъ тамъ и начнутся ссоры между собой да драки, а козацкаго войска не трогаютъ—боятся

---

[1]) Сообщено изъ с. Куреня, конотопскаго у.
[2]) Батуринъ въ 25 верстахъ отъ Куреня.

Палія. А все оттого, что слово такое сильное онъ зналъ, и этого слова его всѣ боялись, а на головѣ у него двѣнадцать огней горѣло; не всякій только человѣкъ эти огни видѣть могъ. Любили Палія гетьмáны, любили его и козаки. Но вотъ сдѣлался въ Батуринѣ гетьманомъ Мазепа и очень почему-то не полюбилъ Палія и задумалъ непремѣнно его погубить. Только силой онъ этого сдѣлать никакъ не могъ, а все сдѣлалъ хитростью: позвалъ Палія къ себѣ, «очаровалъ» его, заковалъ въ цѣпи и посадилъ въ острогъ. Тогда Палій и говоритъ Мазепѣ:—«Отпусти ты меня на свободу! я самъ, говоритъ, куда либо скроюсь и мѣшать тебѣ ни въ чемъ не буду,—дѣлай тогда, что хочешь». Послушалъ его Мазепа и отпустилъ на волю; а Палій какъ только вышелъ изъ острога, такъ неизвѣстно гдѣ и скрылся; говорятъ, будто замуровалъ себя живымъ въ землю. А какъ не стало Палія, то пришелъ въ гетьмáнщину съ войскомъ московскій царь и завоевалъ ее себѣ» [1]).

Есть въ нашей околицѣ разсказы и о другихъ герояхъ «ридной гетьмáнщины», но народная память не сохранила ихъ именъ; на ряду же съ этимъ фантазія народа создала много героевъ миѳическихъ, щедро надѣливъ ихъ и силою, и красотою, и мужествомъ, и любовью къ Украйнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно и знаніемъ чего-то сверхъестественнаго. Въ одно и то же время они являются и богатырями героями, и колдунами-чародѣями; даже больше,—если отнять отъ нихъ чародѣйство, то они перестаютъ быть и героями.

Вообще нужно сказать, что вѣра въ существованіе вѣдьмъ, колдуновъ и т. под. чародѣевъ среди жителей Куреня не утрачена еще и до сихъ поръ; при чемъ, слѣдуя завѣтамъ предковъ, всѣхъ чародѣевъ куренцы обыкновенно дѣлятъ на два главныхъ класса—«ýченыхъ» и «прирождéнныхъ». «Прирождéнные» чародѣи, по мнѣнію народа, много сильнѣе своихъ «ýченыхъ» коллегъ и безъ труда во всякое время могутъ разрушить козни этихъ послѣднихъ; но «прирожденные» чародѣи встрѣчаются будто-бы очень рѣдко. Плодливѣй же всѣхъ оказывается порода вѣдьмъ; въ Куренѣ, какъ передаютъ мѣстныя сказанія, онѣ не переводились никогда. «Хиба жъ то можно, говорятъ куренцы, щобъ

---

[1]) Память о Мазепѣ, какъ измѣнникѣ и „проклятомъ" человѣкѣ, живетъ въ народѣ еще и до настоящаго времени. По повѣрью народа—прокляты также и всѣ богатства гетмана, скрытыя будто-бы въ несмѣтномъ количествѣ въ землѣ.

село та було безъ видьмы?» При этомъ родоначальницей всѣхъ куренскихъ вѣдьмъ считаютъ ту, которая закляла рѣку.

Впрочемъ, другое мѣстное преданіе снимаетъ съ вѣдьмы всякую въ этомъ отвѣтственность, а виновникомъ исчезновенія рѣки считаетъ чабана. «Однажды, говоритъ преданіе, во время сильнаго разлива въ рѣкѣ утопилась цѣлая «отара» овецъ. Разсерженный чабанъ отыскалъ тогда «жерло», чрезъ которое «изъ-подъ земли» выходила рѣка, заткнулъ это отверстіе вовною, накрылъ сверху сковородой и «заклялъ». Скоро на этомъ мѣстѣ образовалось болото, а рѣка мало-по-малу начала высыхать. Умеръ и чабанъ, не открывъ никому, гдѣ и какъ «заперъ» онъ рѣку». По увѣренію куренцевъ «выпустить рѣку опять наружу» могъ только одинъ человѣкъ—именно діаконъ Авксентій Бунчуковъ, который зналъ всѣ продѣлки чародѣя-пастуха и могъ ихъ разрушить. Но о такихъ способностяхъ своего діакона куренцы узнали только тогда, когда Бунчуковъ былъ сосланъ въ Сибирь [1]).

Вспоминая старину, жители Куреня разсказываютъ, что будто вскорѣ послѣ того, какъ поселились здѣсь синельники, пришелъ еще человѣкъ и хотѣлъ поселиться рядомъ съ ними.—«Нѣтъ!» сказали синельники: «мы прежде тебя тутъ жить стали, поэтому „*земля эта наша*“, а ты иди ищи себѣ мѣста для селитьбы гдѣ либо еще». Во-

---

[1]) Бунчуковъ былъ въ Куренѣ съ 1837 по 1851 годъ. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ организовалъ въ Куренѣ цѣлую шайку, которая не только грабила и разоряла болѣе или менѣе зажиточныхъ людей, но, какъ говорятъ, не останавливалась даже и передъ убійствами. Награбленное добро все сносилось къ Бунчуку, при домѣ котораго (домъ еще и теперь цѣлъ) было вырыто подземелье. Ими же была ограблена и своя приходская церковь. Въ концѣ концовъ, послѣ одного убійства, атаманъ въ рясѣ и всѣ его сподвижники попались въ руки правосудія. Бунчуковъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ Сибирь. Разсказываютъ, между прочимъ, что когда явилась полиція, чтобы взять его, то долго не могла этого сдѣлать, такъ какъ Бунчуковъ заперся въ домѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никого не пускалъ войти въ домъ. Чтобы взять его, полиція воспользовалась тѣмъ моментомъ, когда Бунчуковъ уснулъ; говорятъ, что жена напоила для этого его пьянымъ. Что послужило основаніемъ считать Бунчукова чародѣемъ—объяснить трудно. Ужъ не тѣ ли невинные фокусы (ввидѣ, напр., того, что рубль, спрятанный въ одномъ мѣстѣ, находили въ другомъ, что рюмки и стаканы двигались сами по столу), которые Бунчуковъ иногда продѣлывалъ передъ глазами простодушныхъ куренцевъ? Между тѣмъ легендъ про него, какъ про чародѣя, въ Куренѣ существуетъ очень много.

обще, по народному воспоминанію, въ то далекое время каждый, кто приходилъ сюда селиться, «бравъ соби земли, скилько хотивъ». Но тѣмъ не менѣе будто-бы споровъ за землю все-таки не было никакихъ. А одна изъ относящихся къ тому отдаленному времени мѣстныхъ легендъ разсказываетъ, что будто-бы каждому новому поселенцу Куреня при надѣленіи его землей давали въ руки стрѣлу; онъ пускалъ ее по извѣстному направленію изъ лука, и тамъ гдѣ стрѣла упадала, намѣчалась для новоприбывшаго граница земельнаго участка.

Жители Куреня искони занимались и занимаются земледѣліемъ; но въ прежнее время нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно тѣ, которые имѣли въ семьяхъ достаточно рабочихъ рукъ, занимались еще чумачествомъ, совершая за лѣто двѣ, а иногда и три поѣздки въ Крымъ за солью. Принимались иногда за этотъ промыселъ и одиночки-хозяева, но въ большинствѣ случаевъ больше теряли, чѣмъ пріобрѣтали. Прекрасной иллюстраціей къ этому можетъ служить слѣдующій разсказъ одного изъ куренскихъ козаковъ о томъ, почему у него нѣтъ земли:

— «Мій дидъ (нехай винъ на тимъ свити царствуе)»,—говорилъ этотъ козакъ,—«мавъ земли чи мало! Тильки нема знать зъ чого стало—задумавъ дидъ чумаковать, а воливъ не було. Тоди дидъ згадавъ самъ соби такъ: «розминяю воливъ на землю!» Просылы, просылы его, щобъ винъ сёго не робывъ, а винъ все свое: «розминяю! продамъ!»—та й годи. И справди,—заразъ же писля Велыкодня проминявъ усю землю на пару воливъ, решето сухаривъ и визъ, сивъ на визъ и пойихавъ на Донщыну. А волы на дорози взялы та й подохлы. Зажурывся дидъ,—зоставсь у степу безъ воливъ и безъ грошей, тильки самъ визъ. Продавъ его дидъ, а самъ ледве-ледве до дому прыйшовъ—трохы не вмеръ. Оттакъ и зосталысь мы безъ шматка земли».

Но и этотъ козакъ увѣренъ, что неудача дѣда послѣдовала отъ того, что все «такъ ёму було пороблено».

Ив. Егоровъ.

Сербскіе выходцы въ Новороссіи и ихъ духовенство. Еще при Петрѣ Великомъ на югѣ Россіи, въ предѣлахъ нынѣшней екатеринославской губерніи, стали селиться выходцы изъ Сербіи, Македоніи, Молдавіи и Болгаріи. Число этихъ выходцевъ особенно начало увеличиваться въ царствованіе Елисаветы Петровны, которая принимала

живое участіе въ судьбѣ угнетенныхъ славянскихъ народовъ и, путемъ дипломатическихъ переговоровъ съ Вѣнскимъ дворомъ, выхлопотала австрійскимъ сербамъ позволеніе выселяться въ Россію и принимать русское подданство. Къ 1752 г. число подобныхъ переселенцевъ возрасло до 200 человѣкъ. Населенная часть екатеринославской губерніи получила названіе «Новой Сербіи». Въ церковно-административномъ отношеніи вновь населенный край указомъ св. Синода 1752 г. былъ подчиненъ вѣдомству кіевскаго митрополита, который долженъ былъ заботиться о построеніи здѣсь церквей, о назначеніи и посвященіи къ нимъ священно-и церковно-служителей и т. д. Сербскіе переселенцы предпочитали имѣть у себя своихъ же сербскихъ священниковъ. Неоднократно, по ихъ просьбамъ, генералъ-майоръ Иванъ Хорватъ, командиръ сформированныхъ изъ славянскихъ переселенцевъ пограничныхъ гусарскихъ полковъ, обращался къ тогдашнему м. кіевскому Тимофею Щербацкому «принять въ вѣдомство своей митрополіи священниковъ выходцевъ»... (Арх. Кіев. Дух. Конс. 1752 г. № 71). Священниковъ малороссовъ сербы, очевидно, не любили. Одинъ интересный документъ указываетъ намъ причину такого, на первый взглядъ, страннаго отношенія сербовъ къ священнослужителямъ мѣстнаго происхожденія. Въ 1752 г, сербскіе офицеры посылаютъ м. Тимоѳею Щербацкому доношеніе, въ которомъ просятъ его замѣнить имъ священниковъ малороссовъ священниками сербами, вышедшими вмѣстѣ съ ними изъ Австріи. Вотъ чѣмъ и какъ они мотивируютъ свою просьбу: «Нашъ языкъ сербскій, хотя съ россійскимъ согласенъ... обаче большая часть его, ово чрезъ многихъ иностранныхъ рѣченій, которыхъ отцы и праотцы наши, между иноплеменниками живучи, навикли, а оттуда и мы, не хотячи навикнути, принуждены быти (были?) ово чрезъ особливое свое природное рѣчей произношеніе малороссійскихъ людей вовсе не разумительный является, и насъ, исповѣдающихся здѣшними священники, вовсе не разумѣютъ»... (Арх. Кіев. Дух. Конс. 1752 г. № 226). М. Тимоѳей охотно исполнялъ подобныя просьбы сербовъ, выдавая подтвердительныя грамоты рекомендованнымъ Иваномъ Хорватомъ и его офицерами сербамъ священникамъ.

В. Д—скій.

Письмо А. Ф. Воронина [1]) къ Г. П. Галагану. Предлагаемое письмо А. Ф. Воронина къ учредителю коллегіи Г. П. Галагану любопытно какъ для исторіи этого заведенія, такъ и для характеристики взаимныхъ близкихъ отношеній между корреспондентами. Какъ видно изъ письма, А. Ф. Воронинъ взялъ на себя трудное дѣло—склонить знаменитаго педагога Константина Дмитріевича Ушинскаго (1824—70 г.) принять мѣсто директора въ предполагавшейся къ открытію въ Кіевѣ средней школѣ на новыхъ началахъ—коллегіи Павла Галагана. Къ сожалѣнію, тяжкое болѣзненное состояніе, въ которомъ находился Ушинскій, помѣшало ему, при всемъ живомъ сочувствіи новому дѣлу, принять въ немъ активное участіе.

Многоуважаемый Григорій Павловичъ!

Послѣ отсылки послѣдняго письма моего къ Вамъ, я получилъ отъ Ушинскаго извѣстіе, что братъ его въ Кіевѣ. Я поспѣшилъ отыскать его и лично передать ему ваше предложеніе, но къ сожалѣнію, получилъ положительный отказъ.

Константинъ Ушинскій состоитъ членомъ педагогическаго совѣта учебныхъ заведеній вѣдомства императрицы Маріи Θеодоровны, съ жалованьемъ 2500 руб. въ годъ и съ правомъ жить, гдѣ пожелаетъ. Дѣлу вашему онъ горячо сочувствуетъ, и сожалѣетъ, что не можетъ взяться за него по причинѣ разстройства здоровья, которое дѣйствительно въ крайне сомнительномъ положеніи. Онъ давно уже оставилъ Петербургъ, жилъ въ глуховскомъ уѣздѣ, на своей родинѣ, лѣто и въ сентябрѣ пріѣхалъ съ семьею въ Кіевъ, гдѣ и намѣренъ поселиться и купить себѣ домъ. На зиму Ушинскій по совѣту докторовъ уѣзжаетъ на южный берегъ Крыма и только весною предполагаетъ возвратиться къ семьѣ. Жаль этого господина: личность разумная, способная и одушевленная. Онъ глубокій знатокъ своего дѣла, которому посвятилъ всю жизнь свою. Его ученые труды доставили ему почетную извѣстность, а его живой, умный разговоръ дѣлаетъ бесѣду съ нимъ интересною и поучительною. Для вашего заведенія [2]) нельзя было ничего лучшаго желать, если бы онъ только могъ принять должность директора. Но онъ въ чахоткѣ, и сколько можно судить по совѣтамъ докторовъ, бо-

---

[1]) А. Ф. Воронинъ былъ чиновникомъ при канц. генералъ-губернатора.

[2]) Коллегія Павла Галагана.

лѣзнь его принимаетъ опасный характеръ На дняхъ онъ долженъ былъ выѣхать въ Крымъ, а между тѣмъ состояніе здоровья его таково, что ему не позволено и выходить изъ квартиры.

Словомъ, надежды на Ушинскаго для вашего заведенія никакой. Онъ заявилъ полную готовность служить Вамъ своею опытностью и знаніями въ дѣлѣ устройства и веденія Вашей коллегіи, если Вы захотите съ нимъ посовѣтоваться, и я думаю, что совѣтъ его и указанія могутъ быть не безъ пользы въ вашемъ благородномъ начинаніи.

Мы ждемъ Васъ здѣсь и не дождемся, а между тѣмъ узнали одну крайне непріятную новость. О. Ю. Милорадовичъ возвращается на зиму въ Кіевъ и не можетъ предоставить Вамъ свой домъ. Не знаю, извѣстила ли она Васъ объ этомъ, но во всякомъ случаѣ это дѣйствительно такъ, и на ея домъ Вамъ разсчитывать нельзя. Михаилъ Владиміровичъ [1]) переходитъ въ свой домъ, и его квартира у Ивенсена остается свободною. Она будетъ пригодна для Васъ, и не найдете ли нужнымъ удержать ее за собою; иначе не будете имѣть квартиры, и мы можемъ лишиться удовольствія провести съ Вами зиму въ Кіевѣ, куда призываетъ Васъ, кромѣ дѣла коллегіи и желанія вашихъ друзей, еще болѣе—общественное мнѣніе города. Оно требуетъ Васъ въ представители Кіева и на дняхъ у Н. Ар. Ригельмана были купцы здѣшніе за полученіемъ отъ него положительныхъ свѣдѣній о томъ, примете ли Вы должность головы. если Васъ изберутъ? На этотъ вопросъ они желаютъ имѣть положительный отвѣтъ, такъ какъ боятся, въ случаѣ вашего отказа послѣ избранія, получить голову, какого они не желаютъ, но какой можетъ быть кандидатомъ у Васъ. Николай Аркадьевичъ долженъ былъ написать Вамъ объ этомъ; но написалъ ли—не знаю.

Разрѣшите же сомнѣніе кіевскихъ жителей и утѣшьте вашихъ друзей; пріѣзжайте въ Кіевъ поскорѣе, а между тѣмъ поручите занять квартиру въ домѣ Ивенсена.

Въ ожиданіи скораго свиданія прошу передать мой усердный поклонъ Екатеринѣ Васильевнѣ и вѣрить совершенной преданности.

А. Воронинъ.

10 окт. 1870.

---

[1]) Юзефовичъ.

Къ исторіи полтавскаго ополченія 1812 года. Извѣстно, что въ 1812 г. полтавскимъ дворянствомъ было организовано земское ополченіе для войны съ французами. Начальникомъ этого ополченія сами же дворяне избрали генералъ-маіора князя Филиппа Жевахова. Онъ происходилъ изъ грузинъ, поселенныхъ въ Малороссіи въ царствованіе Анны Іоанновны, гдѣ имъ были розданы имѣнія и небольшое количество крестьянъ. По окончаніи войны въ 1812—1814 г.г. князь Ф. Жеваховъ жилъ въ м. Бѣликахъ, кобелякскаго уѣзда, претерпѣвая нужду. Средствъ у него, кромѣ небольшой пенсіи, никакихъ не было. Въ 1817 г. онъ подалъ малороссійскому генералъ-губернатору кн. Репнину прошеніе объ исходатайствованіи ему увеличенной пенсіи. Прошеніе это интересно въ томъ отношеніи, что въ немъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ полтавскаго ополченія и его участіи въ борьбѣ съ французами. Вотъ текстъ этого прошенія:

Ваше Сіятельство, Милостивый Государь!

Удостоинъ будучи благороднымъ дворянскимъ сословіемъ полтавской губерніи званіемъ губернскаго начальника въ ополченіе оной губерніи, не щадя при позднихъ моихъ лѣтахъ здоровья, изъ усердія къ всемилостивѣйшему государю императору нашему и отечеству составленное на отраженіе врага, вторгшагося было въ предѣлы Россіи, формировалъ я оное, на основаніи опредѣленія, іюля въ 31 день 1812 года собраніемъ дворянства утвержденнаго, въ 15 повѣтахъ, въ протеченіи одного мѣсяца. Давъ сему войску первоначальное образованіе—сколько тогдашнія обстоятельства и двухмѣсячное время позволили, выступилъ съ онымъ въ походъ, по повелѣнію начальства, ноября 1, 1812 года; слѣдовалъ форсированнымъ маршемъ на границы черниговской губерніи, оттоль, не останавливаясь ни мало, въ могилевскую губернію; съ 1 декабря 1812 года, черезъ минскую въ волынскую, и наконецъ въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1813 г. въ герцогство варшавское, а за прибытіемъ въ оное поступилъ со всѣмъ ополченіемъ въ корпусъ генералъ-лейтенанта и кавалера Рота, блокировавшаго крѣпость Новое Замостье, гдѣ въ содержаніи блокадной сей крѣпости находился по день ея сдачи на капитуляцію, ноября по 13—число 1813 года. Въ продолженіи бытности моей въ корпусѣ генералъ-лейтенанта Рота, по повелѣнію главнокомандующаго всѣми арміями генерала-фельдмаршала кн. Голенищева-Кутузова Смоленскаго, пере-

формировалъ ввѣренное мнѣ полтавское дворянское ополченіе изъ повѣтовыхъ въ полки, составя оное въ 4 пѣхоты и 7 полковъ конныхъ, и какъ сіи, такъ и особо оныхъ всѣ полтавскіе конно-козачіе полки подъ командою моею находились по день роспуска въ домы ихъ. За отпускомъ, въ окончаніи 1814 года, ополченія мнѣ ввѣреннаго, по высочайшему соизволенію, въ домы свои, объявлено оному за труды и подвиги его монаршее благоволеніе, а я сверхъ того, во время собранія дворянства полтавской губерніи, бывшаго въ началѣ 1815 года, получилъ отъ онаго благодарность. Я, не имѣвши ни малѣйшаго числа собственныхъ крестьянъ и земли, питаюсь съ прислугою моею всемилостивѣйше пожалованнымъ по чину моему половиннымъ числомъ пансіономъ, размышляя улучить время объяснить лично прискорбіе мое и крайнее неимущество вашему сіятельству; но къ сугубому моему нещастію, болѣе мѣсяца одержимъ я болѣзнію, которая лишила меня личнаго къ вашему сіятельству, въ щастливый день, во время всемилостивѣйшаго государя моего въѣзда въ городъ Полтаву, предстательства; а по сей причинѣ вашего сіятельства всепокорнѣйше прошу, во уваженіе долговременной моей службы, позднихъ лѣтъ и крайняго моего малоимущества, по человѣколюбію вашему, исходатайствовать мнѣ всемилостивѣйшую награду, производствомъ по чину моему полнаго пансіона, чѣмъ заставите меня чувствовать и благодарнымъ вашему сіятельству быть по гробъ мой.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга князь Филиппъ Жеваховъ.

Сентябри 9 дня, 1817 г. Кобелякскаго повѣта, м. Бѣлики.

На другой же день, по полученіи этого прошенія, князь Репнинъ отвѣтилъ просителю письмомъ, въ которомъ выразилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ готовность оказать ему содѣйствіе и просилъ только доставить нужныя бумаги.

Удалось ли получить князю Жевахову желаемое, изъ дѣла не видно. (Архивъ Полтав. Губ. Правленія, по описи № 41).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Пребываніе Карла XII-го въ Ромнахъ. Въ 1708 году, во время нашествія шведовъ въ Россію, король шведскій Карлъ XII-й, успѣвшій вторгнуться уже въ Полтавскую губернію, 18 ноября вмѣстѣ

съ Мазепой занялъ городъ Ромны, гдѣ на зимнихъ квартирахъ расположилъ главную часть своего войска. Узнавши о томъ, что русскіе собираются напасть на Гадячъ (въ 34 верст. отъ Роменъ), занятый четырьмя шведскими полками, Карлъ XII-й 16 декабря поспѣшилъ на помощь своимъ, а въ его отсутствіе русскій генералъ Николай Алартъ († въ 1729 г.), въ ночь на 18 декабря овладѣлъ Ромнами. Мазепа за два часа до прихода русскихъ убѣжалъ изъ Роменъ и едва было не попался въ плѣнъ. Хотя послѣ русское войско опять отступило къ Лебедину (Харьковской губ.), но гарнизонъ, находившійся въ Ромнахъ, долго сопротивлялся шведамъ. Впрочемъ, Роменская крѣпость не могла держаться долго: она была обнесена полисадами, земляной валъ безъ болверковъ [1]) и незначительный ровъ окружали ее. Не взирая на это, русскіе въ холодную зиму обливали валъ водою, отвергли предлагаемую имъ капитуляцію и удачно отразили два приступа. По возвращеніи Карла XII-го изъ Зѣнькова, шведы вновь аттаковали крѣпость и взобрались уже на валъ... Но осажденные такъ удачно сбросили непріятеля съ ледяной поверхности укрѣпленій, что при этомъ случаѣ шведы потеряли до 1200 человѣкъ убитыми и до 2000 ранеными. Наконецъ, ослабленный гарнизонъ, въ числѣ 1100 человѣкъ, при истощенныхъ запасахъ, не надѣялся выдержать новаго приступа и 7 января 1709 года сдался на капитуляцію.

Домъ, въ которомъ Карлъ XII-й квартировалъ тогда въ Ромнахъ, очень измѣненный и перестроенный на прежнемъ мѣстѣ, и теперь еще существуетъ. Въ то время онъ принадлежалъ помѣщику Михельскому и находился внутри крѣпости въ небольшомъ проулкѣ, носившемъ впослѣдствіи названіе Королевской улицы, выходящемъ нынѣ на Большую Роменскую и Духовскую улицы. Въ началѣ же нынѣшняго столѣтія онъ принадлежалъ помѣщику Тимоѳею Нѣжинцеву, затѣмъ достался сыну его Ѳедору, отставному подпоручику, который совершенно перестроилъ его въ 1850 годахъ, уничтоживъ, такимъ образомъ, и балку въ одной изъ комнатъ съ надписью о квартированіи въ немъ шведскаго короля Карла XII-го. Послѣ смерти Ѳедора Нѣжинцева (4 апрѣля 1865 года), домомъ этимъ владѣла жена его Аполлинарія Лаврентьевна, а потомъ продала отставному подпоручику Андрею Ивановичу Соломахѣ. Соломаха, въ свою очередь, продалъ его въ

[1]) Болверкъ—деревянная стѣна.

1881 году мѣщанину Нохиму Симхову Сатановскому, который продалъ его въ 1885 году дворянину Алексѣю Андреевичу Сененку, а последній—въ 1892 году купцу Ханону Израилевичу Левитину; ему домъ этотъ принадлежитъ и по настоящее время. Въ 1708 году сказанный домъ, небольшой, деревянный, бывшій подъ соломенной крышей съ плетневою завалиной, заключалъ въ себѣ пять комнатъ и сѣни. Расположеніе въ немъ квартиры шведскаго короля, по преданію, было слѣдующее: изъ сѣней направо была его канцелярія, налѣво—залъ, прямо прихожая, изъ прихожей направо—кабинетъ, налѣво—гостинная. (Сообщ. В. Е. Бучневичъ въ Полт. Губ. Вѣд. № 4).

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 6717 р. 18 к. (см. № 2), вновь поступило: 1) (Ал. Л. Берло—5 р,; 2) св. Тамаренко—3 р.; 3) собрано Д—скимъ—6 р.; 4) Фесенко—10 р., 5) Я. С. Руденко—1 р.; 6) А. И. Шафранскій—1 р.; 7) А. А. Тулубъ—5 р., 8) П. Ф. Тушканъ—50 р.; 9) Г. И. Маркевичъ—30 руб.; 10) Н. А. Дмитріевъ—100р.,—всего вмѣстѣ съ прежними *6928 руб. 18 коп.,* изъ которыхъ 1021 руб. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка, 286 руб.—въ билетѣ дворянскаго съ выигрышами займа, а 5620 руб. 78 коп.—на пріобрѣтеніе дачи. Сверхъ того имѣется на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка—214 р. 49 к.

Текущія извѣстія.

Чествованіе Н. В. Лисенка въ Петербургѣ. Въ № 351 «Полтавск. Вѣстника» напечатана слѣдующая корреспонденція о концертѣ, устроенномъ 18 февраля въ Петербургѣ въ честь Н. В. Лисенка.

Грандіозный концертъ, устроенный въ этотъ день Обществомъ имени Т. Г. Шевченка, составленъ былъ исключительно изъ музыкально-вокальныхъ произведеній Н. В. Лисенка.

Концертъ начался увертюрой изъ оп. «Риздвяна ничъ», прекрасно исполненной оркестромъ подъ управленіемъ С. В. Зарембы. Подъ управленіемъ того-же г. Зарембы выступилъ громадный, превосходно составленный хоръ, участниками котораго, въ количествѣ

около 120 человѣкъ, явились: нѣкоторые пѣвцы придворной пѣвческой капеллы, нѣсколько артистовъ и учениковъ и ученицъ С.-пб. консерваторіи, члены Петербургскаго пѣвческаго „украинського гурту", посторонnія лица—преимущественно изъ учащейся молодежи. Аккомпанировалъ на роялѣ знатокъ украинской музыки С. М. Блуменфельдъ.

Въ роли солистовъ и солистокъ выступили: артисты Императорскихъ театровъ—Г. А. Морской, М. М. Чупрынниковъ, И. С. Григоровичъ и В. Я. Майборода; г-жи: артистка русской оперы Е. А. Орель, А. Д. Ларина, Р. Ѳ. Петренко. Особенно шумный успѣхъ выпалъ на долю Г. А. Морского, исполнившаго: „По диброви витеръ віе" и „У мене бувъ коханый ридный край" (дважды), и молодой пѣвицы—ученицы консерваторіи Е. Ѳ. Петренко, которая спѣла „Чого мени тяжко, чого мени нудно" (дважды) и „Не вернувся изъ походу"; сильное впечатлѣніе на слушателей произвела также Каватина Андрія изъ оперы „Тарасъ Бульба" („Не спытся щось")—въ исполненіи М. М. Чупрынникова.

Лучшими номерами программы можно назвать слѣдующіе: дуэтъ „Колы розлучаются двое", прекрасно исполненный названными выше г.г. Морскимъ и Григоровичимъ; сцена и финалъ 1-го акта оперы „Різдвяна нічъ", исполненные хоромъ и оркестромъ, при участіи г. Морского и г-жъ Лариной и Петренко; кантата „Бьють пороги, мисяць сходыть" въ превосходномъ исполненіи которой, вмѣстѣ съ хоромъ и оркестромъ, принимали участіе г.г. Морской, Григоровичъ и профессоръ консерваторіи Н. Н. Кедровъ и г-жи: Ларина и Петренко.

Въ залѣ присутствовалъ самъ виновникъ празднества - Н. В. Лисенко, сидѣвшій въ креслѣ перваго ряда. Н. В. Лисенко удостоился самыхъ шумныхъ овацій со стороны исполнителей программы, устроителей вечера и публики; въ честь его нѣсколько разъ исполненъ былъ оркестромъ тушъ. Наконецъ, по желанію публики, при громѣ рукоплесканій, Н. В. всходитъ на эстраду и исполняетъ на роялѣ нѣсколько небольшихъ отрывковъ изъ своихъ произведеній, послѣ чего ему подносятъ серебряный вѣнокъ, напоминающій формою своею лиру.

Вечеръ закончился въ исходѣ 12 часа ночи пѣніемъ кантаты „Бьють пороги, мисяць сходыть". Торжественно звучали въ залѣ, залитомъ электричествомъ и переполненномъ публикою, слова „батька",

Т. Г. Шевченка: „Наша дума, наша писня не вмре, не загыне,.. наша слава не поляже"...

Вечеръ 18 февраля наглядно показывалъ исполненіе пожеланій и предсказаній великаго украинскаго поэта...

Необычнымъ на вечерѣ было—совершенное отсутствіе малороссійскихъ костюмовъ въ хорѣ и въ публикѣ.

Несмотря на отличное исполненіе программы концерта, вечеръ не далъ совершенно полнаго сбора, назначеніе котораго—вспомоществованіе недостаточнымъ петербургскимъ студентамъ изъ малороссовъ.

Въ полночь мы расходились съ вечера, съ праздничнымъ, бодрящимъ настроеніемъ въ душѣ и съ сердцемъ, согрѣтымъ пѣснями далекой, милой родины—Украины.

Засѣданіе комитета по сооруженію въ Полтавѣ памятника Н. В. Гоголю. 28 января, въ губернскомъ домѣ, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, состоялось первое засѣданіе комитета по сооруженію въ гор. Полтавѣ памятника Н. В. Гоголю. Открывъ засѣданіе, начальникъ губерніи сообщилъ, что Государю Императору благоугодно было разрѣшить, по ходатайству Полтавской думы, всероссійскую подписку для сбора пожертвованій на сооруженіе памятника Н. В. Гоголю, для чего долженъ быть образованъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, особый комитетъ. По полученіи высочайшаго соизволенія, начался сборъ пожертвованій, которыхъ до настоящаго времени поступило 4063 р. 55 к., такъ какъ активныхъ дѣйствій въ этомъ отношеніи не предпринималось. Начальникъ губерніи полагалъ бы обратиться съ воззваніемъ къ г.г. губернаторамъ, предводителямъ дворянства, къ земскимъ и городскимъ управленіямъ и прочимъ учрежденіямъ, но находитъ, что разсылать такія воззванія въ данный моментъ, при настоящихъ политическихъ условіяхъ, неудобно. Съ этимъ доводомъ комитетъ вполнѣ согласился и постановилъ просить г. предсѣдателя разослать эти воззванія вышеуказаннымъ лицамъ и учрежденіямъ тогда, когда наступитъ для этого благопріятное время.

Затѣмъ начальникъ губерніи предложилъ, во 1-хъ, обратиться къ мѣстной гор. думѣ объ отводѣ мѣста для постановки памятника, находя наиболѣе подходящимъ для этого уголъ Мало-Петровской и Гоголевской улицъ, съ устройствомъ сквера на протяженіи отъ Мало-

Петровской до Кузнецкой улицъ, и во 2-хъ, обсудить вопросъ объ изготовленіи проекта памятника, который, вмѣстѣ съ скверомъ, стоилъ бы около 50 т. р. Первое предложеніе было принято единогласно, а по второму комитетъ постановилъ обратиться къ содѣйствію художника-скульптора Л. В. Позена и просить члена комитета Н. В. Быкова: а) собрать свѣдѣнія объ участникахъ конкурса по составленію проектовъ на сооруженіе памятника въ Москвѣ и б) доставить комитету, если возможно, фотографіи съ остальныхъ ихъ проектовъ. Кн. Н. П. Урусовъ и С. Е. Бразоль выразили готовность лично осмотрѣть эти проекты во время предполагаемаго ими посѣщенія Москвы. Затѣмъ комитетъ, согласно предложенія члена Г. И. Маркевича, постановилъ: просить Гор. думу установить особый сборъ съ театральныхъ билетовъ, что представляется вполнѣ умѣстнымъ, такъ какъ просвѣтительныя зданія въ Полтавѣ посвящены имени Н. В. Гоголя.

Въ заключеніе постановлено просить мѣстныя газеты объявить, что *сборъ пожертвованій на памятникъ Н. В. Гоголю принимается въ редакціяхъ „Полт. Губ. Вѣдом.“ и „Полтавскаго Вѣстника“*.

Организація меморіальнаго отдѣла при историко-филологическомъ Обществѣ въ Харьковѣ. Отъ вдовы покойнаго украинскаго поэта Як. И. Щоголева (воспитанника харьков. университета и товарища Н. И. Костомарова) Е. В. Щоголевой поступили разные документы и предметы меморіальнаго характера въ историко-филологическое Общество при университетѣ. Историко-филологическое Общество испросило у правленія небольшую сумму на устройство меморіальнаго отдѣла въ память Я. И. Щоголева для предстоящей юбилейной выставкѣ. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ: письменный столъ Я. И. Щоголева, его рабочее кресло, портфель, линейки, портреты, фотографіи, неизданные автобіографическіе матеріалы, письма Костомарова, Гулакъ-Артемовскаго и др.. Кромѣ того, отъ Е. В. Щоголевой поступаетъ небольшое количество старинныхъ бумагъ.

Къ положенію фонда на устройство въ Полтавѣ школы имени И. П. Котляревскаго. Литературное утро и спектакль, состоявшіеся въ дни чествованія памяти Котляревскаго, дали свыше 1500 р. валового дохода, каковая сумма полностью должна была бы поступить въ фондъ на постройку школы имени писателя, но управа

изъ нея взяла 800 руб. на покрытіе расходовъ по утру и спектаклю и 390 р. на пополненіе перерасхода по устройству торжества открытія памятника. Дума, не соглашаясь съ такого рода комбинаціей, своевременно высказалась въ томъ смыслѣ, что какъ 800, такъ и 390 р. должны быть возвращены фонду изъ общихъ городскихъ средствъ. Бюджетная коммиссія рѣшила въ расходную смѣту 1904 года внести лишь 390 р. въ видѣ возврата позаимствованій изъ фонда, а въ отношеніи 800 р. оставила вопросъ открытымъ до болѣе благопріятнаго времени. Дума согласилась съ заключеніемъ бюджетной коммиссіи.

Разсылка извѣщеній отъ полтавской городской управы. Городская управа теперь только начала разсылать всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, приславшимъ Полтавѣ свои привѣтствія, по поводу открытія памятника Котляревскому, извѣщеніе о томъ, что ихъ привѣтствія, не прочитанныя во время торжествъ въ виду извѣстнаго распоряженія правительства, будутъ заслушаны думой лишь по разрѣшеніи сенатомъ ея жалобы по вопросу о правильности воспрещенія читать на торжествахъ малорусскія привѣтствія. Выражая благодарность города за привѣтствіе, управа въ своемъ извѣщеніи приводитъ исторію вопроса, предшествовавшую принесенію жалобы сенату, въ той редакціи, которая утверждена думой. («Полт. Вѣстн.», № 324, янв. 22).

Панихида по Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ. 29 февраля въ Кіево-Софійскомъ соборѣ была отслужена панихида по Т. Г. Шевченку въ 43-ю годовщину его смерти. Богослуженіе совершалъ каѳедральный протоіерей въ сослуженіи двухъ священниковъ и двухъ діаконовъ; превосходно пѣлъ извѣстный въ Кіевѣ хоръ г. Калишевскаго. Храмъ былъ переполненъ почитателями памяти поэта, среди которыхъ было очень много учащейся молодежи изъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Лекціи по исторіи малорусской литературы. Въ текущемъ полугодіи въ зданіи университета въ Кіевѣ устроенъ Историческимъ Обществомъ Нестора-лѣтописца рядъ публичныхъ лекцій, среди которыхъ заслуживаютъ особеннаго для насъ, южанъ, интереса лекціи

проф. В. Н. Перетца по исторіи малорусской литературы, начиная отъ древнѣйшихъ временъ. До сихъ поръ почти всегда обычно древній періодъ южно-русской (малорусской) литературы вносился въ общій курсъ русской письменности, хотя, для единства картины культурной жизни нашего юга, гораздо правильнѣе планъ уважаемаго профессора В. Н. Перетца—разсмотрѣть въ послѣдовательномъ рядѣ литературныхъ фактовъ, какъ шло развитіе письменности въ Южной Руси подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, какъ историческихъ, такъ и бытовыхъ, пока съ совершенно опредѣленной физіономіей не обозначилась типичная малорусская литература въ XVI и особенно въ XVII-хъ вѣкахъ. Лекціи проф. В. Н. Перетца охотно посѣщаются публикой и вызываютъ въ слушателяхъ глубокій интересъ.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Положеніе русинскихъ школъ въ Галичинѣ. Читателямъ нашимъ извѣстно уже, какъ остро стоялъ въ послѣднее время въ Галичинѣ вопросъ о русинскихъ школахъ; особенно рѣзко этотъ вопросъ обозначился на сеймѣ во Львовѣ, когда русинскіе послы принуждены были сложить полномочія изъ-за отказа большинства польскихъ пословъ открыть русинскую гимназію въ Станиславовѣ. Подобные-же отказы періодически повторяются и въ другихъ случаяхъ, касаясь, конечно, болѣе мелкихъ фактовъ. Такъ, въ № 25 «Діла» встрѣчаемъ сообщеніе, что въ Яворовѣ мѣстное отдѣленіе Товар. «Просвіта« ходатайствовало предъ управой о субсидіи русинской бурсѣ, которая воспитываетъ учениковъ народныхъ школъ, приготовляющихся къ поступленію въ среднія школы, но получило отъ правительственнаго комисара извѣщеніе объ отказѣ. Не менѣе характеренъ и фактъ, разсказаный въ корреспонденціи изъ Жовквы о томъ, какъ польскія власти выискиваютъ разные способы закрыть мѣстную одноклассную народную школу съ преподавательскимъ русинскимъ языкомъ, при чемъ, когда не состоялся первый проектъ преобразовать эту школу въ четырехклассную (конечно, съ польскимъ предподавательскимъ языкомъ), то, пользуясь теперь уходомъ въ отставку учителя, домогаются временнаго закрытія школы, какъ выражается корреспондентъ, *ad calendas graecas.*

Утраквизмъ въ среднихъ школахъ. Подъ такимъ заглавіемъ напечатанъ въ № 35 газ. «Діло» рефератъ д-ра И. Копача, читанный имъ въ общемъ собраніи Педагогическаго Общества во Львовѣ. Сущность реферата сводится къ тому, что средняя школа, обязанная выработать въ своихъ воспитанникахъ «шляхетный, освиченый характеръ», т. е. создать изъ него благороднаго и здравомыслящаго человѣка, пользуется для этихъ цѣлей прежде всего языкомъ преподаванія. Языкъ этотъ долженъ быть роднымъ, такъ сказать—воспринятымъ съ молокомъ матери, чтобы онъ могъ одинаково оказывать воздѣйствіе и на умъ и на чувство учащагося. Чужой языкъ, хотя и можетъ путемъ изученія и навыка сдѣлаться вполнѣ понятнымъ и усвоеннымъ, но дается это не безъ ущерба для природы учащагося. Можно-ли при такихъ условіяхъ говорить объ утраквизмѣ въ среднихъ школахъ, т. е. о веденіи преподаванія въ школѣ на двухъ языкахъ—польскомъ и русинскомъ, что́ такъ пропагандируется поляками (въ видѣ уступки) въ послѣднее время. Вѣдь это значило-бъ создать для юноши два родныхъ языка, чего никогда не можетъ быть, ибо языкъ одинъ отъ другого отличаются не только формами, но и духомъ. Вотъ на этомъ-то отличіи и останавливается авторъ реферата, дѣлая въ концѣ концовъ выводъ, что избранный методъ примиренія двухъ народностей въ Галичинѣ, т. е. утраквизмъ школьный, не можетъ достигнуть своей цѣли.

Къ вопросу о выходѣ изъ сейма русинскихъ пословъ. Какъ извѣстно, громадное большинство галицкой интеллигенціи и селянъ весьма сочувственно отнеслось къ выходу русинскихъ пословъ изъ львовскаго сейма, и только органъ москвофильскій «Галичанинъ» держалъ себя въ этомъ отношеніи совсѣмъ иначе, возводя на многихъ изъ пословъ всяческія обвиненія и клеветы. Тѣмъ любопытнѣе является фактъ вича въ Золочевѣ, созванномъ москвофильскою организаціей «Русскою Радою» въ началѣ февраля мѣсяца для выслушанія отчета посла-сецессіониста, д-ра Короля. На этомъ собраніи, гдѣ присутствовало около 900 человѣкъ, послѣ длинной рѣчи д-ра Короля, раздались шумные апплодисменты и крики одобренія за выходъ его вмѣстѣ съ другими послами изъ галицкаго сейма, а въ заключеніе выражено было порицаніе «Галичанину» за его нападки на пословъ-сецессіонистовъ и между прочими на д-ра Короля, который самъ счи-

таетъ себя *старорусиномъ,* но все-таки не избѣжалъ клеветы со стороны «Галичанина».

Полковый языкъ. Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ № 26 «Діла» статья, протестующая противъ рѣчи военнаго министра Питрайха, который предлагаетъ, чтобы офицеры австрійской арміи знали языкъ той страны, которая даетъ главный контингентъ солдатъ въ полку, для чего и въ кадетскихъ школахъ должны преподаваться соотвѣтственные языки; но при этомъ министръ Питрайхъ для Галичины признаетъ только языкъ польскій. Въ статьѣ совершенно основательно указывается на то, что въ австрійской арміи служитъ столько-же поляковъ, сколько и русиновъ, и потому предпочтеніе въ Галичинѣ польскаго полкового языка предъ русинскимъ будетъ одною изъ тѣхъ несправедливостей, какими вообще богата жизнь русиновъ.

Борьба партій молодежи въ Буковинѣ. Въ № 28 газ. «Діло» напечатана статья «Лысты зъ Буковыны», которая знакомитъ читателя съ обликомъ буковинца вообще и съ партіями молодежи въ Черновцахъ въ частности. Указавъ на то, что галичане и буковинцы, въ силу различно сложившихся условій ихъ историческаго прошлаго, смотрятъ другъ на друга съ какимъ-то взаимнымъ пренебреженіемъ. авторъ писемъ сообщаетъ, что буковинцы вообще еще довольно слабы въ проявленіяхъ своего національнаго самосознанія, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкой культуры. Сказывается это въ томъ, напримѣръ, что сыновья и дочери очень видныхъ общественныхъ дѣятелей буковинскихъ, какъ выражается авторъ, «цвенькають лыше по нимецьки», а «де-яки не знають навить руского пысьма». Такое положеніе вещей отзывается очень печально на молодежи, особенно женской, которая стыдится родного слова не только на улицѣ, но и въ разговорахъ домашнихъ другъ съ другомъ. Отношенія между учащеюся молодежью въ Черновцахъ представляютъ особый интересъ. Нѣсколько лѣтъ учащаяся буковинская молодежь группировалась въ *товарыстви «Союзъ»*, но это товарыство въ 1900 году распалось, выдѣливши изъ себя новое товарыство «Молоду Украину». Главной причиной распаденія были недоразумѣнія между буковинцами и пріѣхавшими въ черновецкій университетъ галичанами; впрочемъ, недоразу-

мѣнія эти не носили на себѣ характера принципіальныхъ разногласій, а держались больше на томъ, что буковинцы, воспитанные въ духѣ уваженія личностей и не привыкшіе къ критикѣ и болѣе острому заявленію своихъ мнѣній, нападали на галичанъ, которые, считая себя культурнѣе первыхъ, выступали всегда съ вызывающимъ тономъ. Хотя фактъ этотъ самъ по себѣ и печаленъ, но онъ имѣлъ одну хорошую сторону: двѣ партіи эти, конкурируя другъ съ другомъ, работали съ особенной энергіей. Понемногу, однако, удалось старшему поколѣнію примирить обѣ партіи и соединить ихъ опять въ одно общее товарыство «Сичъ», основавшееся въ 1902 году. Эти два года жизни кружка не дали, однако, ничего утѣшительнаго: несогласія двухъ партій продолжались; споровъ велось много, а дѣла не было сдѣлано никакого. Въ концѣ концовъ осенью 1903 года опять выдѣлилась изъ «Сичи» часть молодежи и образовала вновь товарыство «Союзъ», которое будетъ продолжать традиціи давняго «Союза».

Эти всѣ разногласія среди молодежи даютъ свой отзвукъ и на старомъ поколѣніи, гдѣ тоже идетъ какъ-бы вражда между автохтонами—буковинцами и пришлецами—галичанами. И такъ, заканчиваетъ авторъ писемъ учащаяся молодежь разбита на враждебные лагери, въ старшемъ поколѣніи тоже замѣчается разладъ, а сельское населеніе политически мало освѣдомлено и не воспитано. А вѣдь лѣтомъ предстоятъ новые выборы въ сеймъ!

Помѣстивъ эти неотрадныя строки корреспондента, редакція «Діла» отъ себя прибавляетъ замѣтку, гдѣ высказываетъ надежду, что, несмотря на долголѣтнюю разрозненность украинской земли, явится сознаніе культурнаго и національнаго единства, и тогда исчезнутъ взаимные антагонизмы и различія среди одного народа: «ты—буковинецъ, ты—галичанинъ, ты—украинецъ».

Черновецкій университетъ и составъ его слушателей. Изъ напечатаннаго списка лекцій на лѣтнее полугодіе въ Черновецкомъ университетѣ узнаемъ о статистикѣ слушателей университета въ минувшемъ зимнемъ полугодіи, а именно: на богословскомъ факультетѣ—71, на юридическомъ—386, на философскомъ—241. Большинство слушателей родомъ изъ Буковины—515; изъ Галичины—117, изъ другихъ австрійскихъ странъ—по одному, по два. По разговорному языку слушатели распредѣлялись такъ: нѣмецкій яз.—377, румунскій—179, ру-

синскій—63, польскій—42, сербскій—10, чешскій—3, русскій—14, болгарскій—7.

Проектъ памятника Шевченку въ Черновцахъ. Въ газ. «Буковина» напечатано воззваніе товарыства буковинскихъ студентовъ «Сичъ» о сборахъ на памятникъ Шевченку въ Черновцахъ. Памятникъ долженъ быть поставленъ къ 1914 году, т. е. къ столѣтію со дня рожденія поэта.

Поправка. Въ № 2 „Кіевской Старины“ въ замѣткѣ отдѣла „Вѣсти изъ Галичины“ подъ заглавіемъ „Культурная работа двухъ лагерей въ Галичинѣ» оказался пропускъ словъ, значительно измѣняющихъ смыслъ. Было сказано, что «Литер.-Науковый Вистныкъ» имѣетъ въ Галичинѣ «всего лишь 144 подписчика»; слѣдуетъ прибавить два слова: „*среди духовенства*“.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Обзоръ украинскихъ изданій 1903-го года.

Оживленіе издательства украинскихъ книгъ, начавшееся въ Россіи съ конца 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, особенно усилилось въ послѣдніе 2—3 года и въ минувшемъ году достигло весьма значительныхъ размѣровъ. Въ этомъ году появился цѣлый рядъ интересныхъ во многихъ отношеніяхъ изданій, дающихъ публикѣ солидный матеріалъ для чтенія всѣхъ видовъ литературнаго творчества. Особеннаго вниманія заслуживаютъ изданія, представляющія собраніе сочиненій нѣкоторыхъ украинскихъ авторовъ. Такъ, въ Кіевѣ, положено начало собранію сочиненій трехъ извѣстныхъ украинскихъ писателей. Здѣсь изданы: a) I т. *„Творивъ“ Панаса Мырного*, заключающій въ себѣ 8 разсказовъ этого почтеннаго писателя старшаго поколѣнія (см. рецензію въ VI кн. „Кіевской Старины“); b) *„Пысання“ т. I*, содержащія стихотворенія Б. Гринченка, даровитаго автора, успѣвшаго уже составить себѣ имя въ украинской литературѣ (см. рецензію въ кн. XII); и c) *„Оповидання“ М. Коцюбинського* т. I, гдѣ собрана значительная часть произведеній нашего молодого, талантливаго писателя-новеллиста (см. рецен. въ кн. X). Кромѣ того, въ Кіевѣ, въ качествѣ 10 номера серіи „украинской библіотеки“, изданъ I томъ весьма любопытныхъ разсказовъ галицкаго писателя *Т. Бордуляка*, подъ названіемъ *„Оповидання зъ галицкого жыття“*.

Въ Одессѣ продолжено изданіе произведеній покойнаго писателя О. Я. КониссReferences: выпущенъ IV-й т. его *„Творивъ“* (см. реценз. въ

кн. IV). Тамъ же изданы III и IV т. *„Драмъ и комедій“* почтеннаго украинскаго драматурга *Ив. Тобилевича (Карпенка-Карого),* куда вошло шесть извѣстныхъ уже публикѣ пьесъ автора: *„По-надъ Днипромъ“, „Хазяинъ“, „Лыха искра“; „Чумакы“, „Сава Чалый“, „Пидпанкы“* (см. реценз. въ кн. VI и IX).—Въ Харьковѣ изданъ III т. *„Повного збирныка творивъ“ М. Кропивницького,* выдающагося представителя украинской драмы болѣе ранняго періода ея развитія. Лучшая драма настоящаго сборника *„Докы сонце зійде—роса очи выйисть“* настолько извѣстна публикѣ, что мы не станемъ о ней распространяться, а остальныя пьесы: *„Виргіиева Энеида“ „Дурысвитка“, „Супротывни течіи“, „Глумъ и помста“* много уступаютъ лучшимъ драматическимъ произведеніямъ автора, какъ въ отношеніи реальности, такъ и сценической обработки и опредѣленности выводимыхъ типовъ.

Наряду съ упомянутыми изданіями, въ минувшемъ году были издаваемы и отдѣльныя произведенія украинскихъ авторовъ, частію уже извѣстныя читающей публикѣ, а частію являющіяся въ печати впервые. Таковы харьковскія изданія: *Тогобочного И. „Борци за мріи“ др. на 5 д.*; *Каленыченка И. „Переселенци у Сибирь, виршована поема“*, и сборникъ для дѣтей *„Про сыритъ“*. Игранная уже на сценѣ драма *„Борци за мріи“* написана подъ замѣтнымъ вліяніемъ *„Розумного и дурня“* и *„Бурлаки“* Карпенка-Карого. Она имѣетъ нѣсколько выигрышныхъ ролей и въ общемъ нелишена извѣстной роли интереса. Комическій элементъ, довольно дешеваго свойства, представленъ въ ней отчасти солдатомъ Серёгой, а главнымъ образомъ двумя босяками, типы и философія которыхъ близки къ дѣйствительности. *„Переселенци у Сибирь“*, изданіе харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности, представляетъ собой двоякій интересъ: во-первыхъ, какъ выраженіе взгляда нѣкоторой части крестьянства на переселенческое движеніе, а во вторыхъ, какъ художественное произведеніе начинающаго поэта-самородка. Авторъ хорошо знакомъ съ настоящимъ положеніемъ деревни, онъ ясно представляетъ себѣ тѣ причины, по которымъ наши крестьяне такъ довѣрчиво относятся къ различнымъ фантастическимъ разсказамъ о благахъ Сибири, бросаютъ насиженныя мѣста и идутъ въ далекую, невѣдомую страну. Въ поэмѣ очень ярко обрисованы сцены изъ крестьянскаго быта, а также картины природы. Слогъ поэмы вообще довольно легкій, стихи изящные, риѳмы, хотя не блещутъ особымъ бо-

гатствомъ и разнообразіемъ, но довольно звучны и красивы. Обиліе руссизмовъ составляетъ замѣтный недостатокъ поэмы: встрѣчаются также погрѣшности въ просодіи стиха. Нѣкоторыя мѣста, въ особенности эпилогъ, написаны подъ вліяніемъ Т. Шевченка, но общее впечатлѣніе отъ поэмы заставляетъ признать въ авторѣ несомнѣнное поэтическое дарованіе. Третья изъ харьковскихъ брошюръ *„Про сырить"*, изданная, какъ и драма *Тогобочного,* Вс. И. Гуртомъ, представляетъ изъ себя предназначенный для дѣтскаго чтенія, иллюстрированный сборникъ, заключающій произведенія Ц. Билыла, А. Метлинського, Шевченка, Конисского, Щоголева, Г. Галайды и др. авторовъ, а также произведенія народной безыскусственной поэзіи. Намъ нечего говорить о необходимости хорошихъ книгъ съ иллюстраціями для дѣтскаго чтенія. Впечатлѣнія дѣтства особенно живучи у всякаго человѣка, и часто маленькая книжечка, прочитанная въ дѣтствѣ, производитъ больше впечатлѣнія на воспріимчивую душу ребенка, чѣмъ солидный тонъ глубокомысленныхъ разсужденій на человѣка въ зрѣломъ возрастѣ. Это прекрасно сознается всѣми, но тѣмъ не менѣе, въ силу особыхъ условій, связывающихъ развитіе украинской литературы, отдѣлъ для дѣтскаго чтенія представляется въ ней весьма бѣднымъ. Мы можемъ указать одно, два названія въ этомъ родѣ, напр. — *„Чытанка" Т. Хуторного*, и только.

Книжечка *„Про сырить"* издана очевидно съ цѣлью восполненія указаннаго пробѣла. По содержанію она удовлетворительна и въ общемъ отвѣчаетъ своему назначенію, хотя въ ней рядомъ съ прекрасными произведеніями, какъ напримѣръ, разсказъ *„Святый вечиръ у Хрыста"*, переводъ изъ Достоевскаго, помѣщены и маловразумительныя для ребенка вещи: *„Старченя" Ц. Билыла*, *„На святый вечиръ" В. Масляка* и др., неотличающіяся при томъ художественными достоинствами. Книжечка снабжена множествомъ иллюстрацій, но отъ плохой ли бумаги, или отъ дурно приготовленныхъ клише, рисунки вышли грубыми, грязными, а нѣкорые просто слились въ одно сплошное пятно, въ которомъ трудно что-нибудь различить при самомъ пылкомъ воображеніи (см. рис. на стр. 11, 12, 36, 54, 55). Намъ кажется, что внѣшнимъ своимъ видомъ книжка для чтенія должна способствовать развитію художественнаго вкуса у ребенка, что иллюстраціи должны быть всегда крупнымъ достоинствомъ такого рода книги. Между тѣмъ, въ разсматриваемомъ изданіи изъ тридцати съ лишнимъ рисунковъ едва одна треть исполнена болѣе или менѣе

удачно. Важно, разумѣется, количество рисунковъ, но еще важнѣе ихъ художественное исполненіе. Такимъ образомъ, настоящій опытъ изданія иллюстрированной дѣтской книжки является не особенно удачнымъ, тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностію сказать, что, за неимѣніемъ пока чего-нибудь лучшаго, и этотъ сборникъ найдетъ своего читателя и принесетъ ему свою долю пользы.

Къ той же самой категоріи изданій, что и названныя харьковскія изданія, относятся: вышедшая въ свѣтъ въ Одессѣ книжка *„Хлопець та море. Лыстоноша. Розумный коваль". Оповидання. Выдання О. Л. С.* (см. реценз. въ кн. XI) и напечатанная въ Полтавѣ не вполнѣ удачная попытка приспособить къ сценической постановкѣ извѣстную поэму Т. Шевченка *„Катерына" И. Пухальскаго, драма въ 3-хъ д. и 5 карт.* (см. реценз. въ кн. XI). Но болѣе всего такого рода изданій появилось въ минувшемъ году въ Кіевѣ, гдѣ, какъ это не разъ уже замѣчалось, въ послѣднее время преимущественно сосредоточивается и весьма замѣтно развивается издательство книгъ на украинскомъ языкѣ. Вотъ перечень кіевскихъ изданій: *Котляревськый И. „Наталка-Полтавка". Малороссійская оперетта. Провѣренный текстъ (по изданію 1838 г. и по открытому списку 1820 г.) подъ ред. И. Стешенка* (см. рецензію въ кн. VII—VIII). *Яновська Л. „Дзвинъ до церквы склыкае, та самъ у ій не бувае (Лисова квитка)". Ком. на 4 д.* (см. рецензію въ кн. VI). Кромѣ того, издано 10 номеровъ (27—36) серіи народныхъ изданій, куда вошли слѣдующія названія: *Левыцькый М. „За Коліивщыны". Оповидання; „Буря на мори". Оповид.; Мырный „Лыхый попутавъ". Оповид.; Левицькый Ив. „Рыбалка Панасъ Крутъ". Оповид.; Левицькый М. „Въ клуни". Жартъ; Кузьменко П. „Не такъ ждалося, та такъ склалося".; Оповид. Мордовець Д. „Старци. Дзонарь". Оповид.; Гринченко Б. „Безъ хлиба". Оповид.; Гринченко Б. „Хата". Оповид.; Бордулякъ Т. „Бидный жыдокъ Ратыця". Оповидання.* О первыхъ пяти изъ числа названныхъ народныхъ изданій данъ отзывъ на страницахъ нашего журнала (см. рец. въ кн. VII—VIII); изъ пяти другихъ особаго вниманія заслуживаетъ водевиль *„Въ клуни"*, написанный очень живо и занимательно, на сюжетъ, взятый изъ быта помѣщичьихъ экономій, и разсказъ *„Бидный жыдокъ Ратыця"*, просто и тепло рисующій намъ трогательную картину труженической жизни бѣдняка-еврея въ галицкой деревнѣ; остальные три разсказа хорошо извѣстны читающей публикѣ.

Библіотека научно-популярныхъ книгъ обогатилась слѣдующими прекрасными изданіями „Спб. Благотворительнаго Общества". *Чикаленко Е. „Розмова про сельске хазяйство, кн. V. Садъ"; „Хто робыть, той и мае", оповидання про Джемса Гарфильда Б. Гринченка (см. реценз. въ кн. V); Чикаленко Е. „Розмова про сельске хазяйство, кн. 1, „Чорный паръ и плодозминъ"* (изданіе 3); *Загирня М. „Мудрый учытель. Оповидання про Сократа"* (см. реценз. въ кн. X).

Кромѣ упомянутыхъ нами въ настоящей замѣткѣ изданій, на страницахъ „Кіевской Старины" въ минувшемъ году помѣщено нѣсколько литературныхъ произведеній, какъ начинающихъ, такъ и составившихъ уже себѣ почтенную извѣстность, украинскихъ писателей, именно: *Винниченка В. „Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайскій" (оповидання). Кобылянськои О. „За готаръ". (Нарысъ зъ сильского жыття), Лазаревського Б. „Святый городъ" (повисть). Левицького М. „Санитаръ" (оповидання ликаря). Панаса Мырного та Ивана Билыка „Пропаща сыла" (Повисть). Чернявського М. „Въ незнану далечинь" и „Тополи". Непыйводы М. „Бяля огныща" (оповидання),* и *Яновськои Л. „Дарочка"* (оповидання); изъ нихъ *„Санитаръ" М. Левицького* и *„Дарочка" Л. Яновськои* изданы также въ видѣ оттисковъ изъ нашего журнала.

Въ виду отсутствія самостоятельнаго украинскаго органа періодической печати, произведенія украинскихъ писателей издавна помѣщались въ литературныхъ сборникахъ-альманахахъ. Въ минувшемъ году такихъ сборниковъ издано два: прекрасный съ внѣшней и съ внутренней стороны *„Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша"*, подъ названіемъ *„Дубове Лыстя"*, издали въ Кіевѣ гг. Чернявскій, Коцюбинскій и Гринченко (см. рецензію въ кн. V-ой); другой украинскій альманахъ „Зъ-надъ хмаръ и зъ долынъ" изданъ М. Воронымъ въ Одессѣ.

Въ настоящемъ своемъ обзорѣ украинской литературной продукціи за 1903-й годъ мы постарались назвать все сколько-нибудь выдающееся въ этой области; неотмѣченными остались у насъ или такія нестоющія вниманія явленія, какъ *„Свитла Зоря" Гр. Павленко-Павлуся* (Харьковъ), почти все содержаніе которой—сущая белиберда, плодъ авторскаго недомыслія, ничего общаго съ художественнымъ творчествомъ не имѣющій, или же такія неудачныя произведенія, какъ *„На вику, якъ на довгій ныви" С. Енохина.* Елисаветградъ (см. реценз. въ кн. IV).

Оживленіе украинскаго книгоиздательства въ послѣднее время, о чемъ мы говорили въ началѣ нашей статьи, является фактомъ знаменательнымъ, свидѣтельствующимъ прежде всего объ оживленіи интереса къ украинской литературѣ, о расширеніи того круга, въ предѣлахъ котораго эта литература распространяется.

Помимо замѣченнаго прогрессивнаго развитія украинскаго книгоиздательства, мы имѣемъ еще одинъ фактъ, являющійся доказательствомъ того, что среди украинскаго населенія значительно возрастаетъ интересъ къ народной литературѣ. Такимъ фактомъ оказывается съ каждымъ годомъ усиливающееся внимательное отношеніе критики къ украинской литературѣ. Въ минувшемъ году нашей редакціи былъ доставленъ различными авторами, для напечатанія рядъ критико-біографическихъ очерковъ изъ исторіи украинской литературы [1]). Кромѣ того, какъ въ нашемъ журналѣ, такъ равнымъ образомъ, во всѣхъ почти періодическихъ изданіяхъ юга Россіи и въ нѣкоторыхъ столичныхъ помѣщались обстоятельныя критическія замѣтки по поводу каждаго новаго явленія въ украинской литературѣ.

Внося свой посильный вкладъ въ сокровищницу общечеловѣческой культуры, наша литература давно уже привлекаетъ къ себѣ вниманію европейскихъ націй, которыя стремятся знакомиться съ ней, изучаютъ ее, переводятъ на свои языки. Съ каждымъ годомъ увеличивается количество переводовъ изъ украинскихъ авторовъ на языки русскій, польскій, нѣмецкій, французскій и др. Переводятъ преимущественно произведенія новѣйшихъ авторовъ [2]).

---

[1]) Критико-біографическіе очерки помѣщены въ слѣдующихъ книгахъ нашего журнала: въ № I. Гринченка Б. „А. Е. Крымскій, какъ украинскій писатель"; въ № II. Ефремовъ С. „Поэтъ-гражданинъ"; въ № III. Черепина В. „Д. В. Марковичъ"; въ № IV. Е. К. „Тимофей Бордулякъ"; въ № VI. Леонтовичъ В. „Грыцько Грыгоренко"; въ № XI—XII. Ефремова С. „Пѣвецъ борьбы и контрастовъ".

[2]) На русскій языкъ въ минувшемъ году переведены, между проч. слѣдующія произведенія: „Автобіографія идеи" Н. Кибальчичъ („Волынь" № 1-й); „Якъ я вмеръ" Б. Гринченко („Волынь" № 1-й); „Марійка" П. Смутка („Русск. Вѣдом." № 22); „Исторія кожуха" Ив. Франка („Волынь" № 79); „Шматокъ" Д. Маркевича („Сѣверный Кавказъ" № 44); „Жыттеви аналогіи" Г. Хоткевича („Южн. Обозр." № 2225); „Злочынныця" М. Левицького („Вѣстникъ Юга"№ 506); „Чаривныця" В. Потапенка („Югъ" № 1525); „На камени" М. Коцюбинського („Южн.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ явленіи въ области украинской литературной продукціи, которое обращаетъ на себя наше вниманіе. Если въ послѣднее время особенно усиливается ростъ украинскаго книгоиздательства, развивается интересъ къ украинской литературѣ, то нельзя сказать, чтобы соотвѣтственно съ этимъ усиливалась и интенсивнѣе совершалась творческая дѣятельность украинскихъ писателей. Наоборотъ, мы замѣчаемъ здѣсь даже какъ бы нѣкоторое затишье. Изъ всей массы изданнаго въ минувшемъ году матеріала лишь незначительная часть представляетъ изъ себя произведенія новонаписанныя. Мы сейчасъ не беремъ на себя смѣлости объяснить это явленіе, причины котораго, вѣроятно, кроются слишкомъ глубоко, мы констатируемъ лишь фактъ. Нашъ почтенный драматургъ Ив. К. Тобилевичъ издалъ лишь свои извѣстныя уже драмы, Д. Л. Мордовцевъ не создалъ въ минувшемъ году ничего для родной литературы, а маститый писатель Ив. С. Левицкій органичился однимъ незначительнымъ очеркомъ (въ альманахѣ „Зъ-надъ хмаръ й зъ долынъ"); ничего новаго не дали намъ и такіе писатели, какъ Днипрова Чайка и Стефаныкъ, разсказы котораго такъ обращаютъ на себя вниманіе читателей „Вика". Другіе авторы ограничились однимъ или двумя произведеніями, помѣщенными въ изданныхъ альманахахъ. Если мы обратимъ вниманіе на содержаніе издаваемыхъ у насъ литературныхъ сборниковъ, которые, по существу, должны быть послѣднимъ словомъ украинской литературы, то замѣтимъ, что въ нихъ, на ряду съ новыми произведеніями извѣстныхъ украинскихъ авторовъ, помѣщаются, во-первыхъ, произведенія тѣхъ-же авторовъ, уже печатавшіяся за границей, и, во-вторыхъ, произведенія начинающихъ авторовъ. Послѣдняго рода матеріалъ, иногда въ подавляющемъ количествѣ наводняетъ сборникъ; при чемъ надо замѣтить, что почтенные редакторы не всегда успѣшно разбираются въ этомъ матеріалѣ, давая въ иныхъ случаяхъ мѣсто на страницахъ сборника такимъ стихотвореніямъ и разсказамъ, которые отнюдь не мо-

---

Обозр." №№ 2251—2252); „Мулярь" Ив. Франка („Волынь" № 174, перепечатана изъ „Русскихъ Вѣдомостей"). „Хмельныцькый и ворожбытъ" Ив. Франка („Югъ № 1557); „Забувъ" М. Левицького („Кіевская Газета" и „Русск. Вѣдомости"). „Въ путахъ шайтана" М. Коцюбинського („Русскія Вѣдомости").

гутъ служить украшеніемъ изданія. Говоря это, мы имѣемъ въ виду не альманахъ *„Дубове лыстя“*, вообще составленный очень тщательно и умѣло, но одесскій сборникъ: *„Зъ-надъ хмаръ и зъ долынъ“*, поражающій насъ прежде всего огромнымъ количествомъ стихотвореній. Въ этомъ, положимъ, большой бѣды еще нѣтъ,—хорошее стихотвореніе всегда прочтется съ удовольствіемъ и въ состояніи придать содержанію сборника особую поэтическую прелесть и разнообразіе. Бѣда въ томъ, что, наряду съ прекрасными, художественными произведеніями, помѣщаются стихотворенія, которыя могутъ оказаться ложкой дёгтя для всего сборника. Таково, напримѣръ, стихотвореніе П. Панченка *„На чужыни“*. Прочитавъ заглавіе этого стихотворенія, мы полагали, что авторъ откроетъ предъ нами душу человѣка, страдающаго вдали отъ родины, гдѣ-нибудь, если не въ Монголіи, то во всякомъ случаѣ въ мѣстахъ отдаленныхъ. Между тѣмъ „На чужыни“ оказываетея

„Въ Одеси далекій, на березі моря“

страдающимъ оказывается авторъ, которому тяжело привыкать къ виду западно-европейской и „бусурменской“ шевелюры, тогда какъ онъ съ дѣтства влюбленъ въ „родной чубъ“. Вотъ въ какой формѣ авторъ говоритъ объ этомъ:

Захидна Европа и вси бусурмены,
А нашихъ—то годи й пизнать.
Вси́ въ свити народы души моїй люби,
Я бъ щыро ихъ всихъ обійнявъ,—
Та тишу я очи на ридному чуби,
Що змалку його покохавъ!

Такимъ же невыгоднымъ, по нашему мнѣнію, пріобрѣтеніемъ для разсматриваемаго сборника оказывается „психограма“ Н. Кобрынськои „Рукы“, уродливо декадентское произведеніе, гвоздемъ котораго является многократно повторяемая съ нѣкоторыми варьяціями фраза:

„Слаби, худи, зивъяли, вздовжъ спущени рукы“.

Не будь этихъ и подобныхъ имъ произведеній, вѣроятно, просто по недосмотру попавшихъ въ печать, весь сборникъ, заключающій

въ себѣ вообще много цѣннаго матеріала, отъ этого значительно выигралъ бы.

В. Поточный.

Библіографическій указатель литературы о Кубанской области, Кубанскомъ козачьемъ войскѣ и черноморской губерніи. *Составилъ Е. Д. Фелицынъ, почетный членъ Кубанскаго Областного Статистическаго Комитета, при участіи В. С. Шамрая. Екатеринодаръ 1899—1902 г.г.*

Для всѣхъ, интересующихся судьбами Кубанскаго края, трудъ Е. Д. Фелицына[1]), извѣстнаго изслѣдователя Кубанской области и историка Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) козачества, является, несомнѣнно, цѣннымъ справочнымъ пособіемъ, все полезное значеніе котораго можетъ быть въ особенности оцѣнено каждымъ, кто пожелалъ бы принять непосредственное участіе въ изученіи названнаго, къ слову сказать—интереснаго во многихъ отношеніяхъ, края. Весь сгруппированный Е. Д. Фелицынымъ и его сотрудникомъ г. Шамраемъ матеріалъ распадается въ «Указателѣ» на слѣдующіе шесть отдѣловъ: I—археологія, нумизматика, исторія, археографія, историческіе планы и карты, біографіи, некрологи и правительственныя распоряженія; II—географія, этнографія, статистика, естествознаніе; и медицина; III—сельское и городское хозяйство, промышленность и торговля; IV—народное образованіе, общественная жизнь и дѣятельность; V—беллетристика, періодическія и справочныя изданія и разныя свѣдѣнія; VI—карты, планы, чертежи, рисунки, портреты и фотографіи. Какъ видно изъ приведеннаго содержанія каждаго отдѣла, распредѣленіе библіографическаго матеріала въ «Указателѣ» проведено не совсѣмъ строго: въ одномъ отдѣлѣ сосредоточены библіографическія указанія изъ различныхъ научныхъ дисциплинъ и спеціальностей, что, при отсутствіи въ трудѣ Фелицына и Шамрая предметнаго указателя и при алфавитномъ способѣ расположенія матеріала (по фамиліямъ авторовъ), въ значительной степени затрудняетъ возможность пользованія послѣднимъ, увеличивающуюся еще и поражающимъ обиліемъ въ

---

[1]) Скончался 10 декабря 1903 г. См. о немъ нашу статью въ „Областн. Обозр. и Вѣст. Каз. войскъ" 1903 г. № 2.

«Указателѣ» мало къ чему нужнаго библіографическаго балласта, которому едва-ли мѣсто въ научно-справочномъ пособіи, какимъ въ общемъ является трудъ Фелицына и Шамрая. Послѣдніе, вводя въ свой «Указатель» библіографическія указанія на статьи и разнаго рода извѣстія, напечатанныя въ мѣстныхъ «Областныхъ вѣдомостяхъ», отвели значительное мѣсто указаніямъ и на такого рода свѣдѣнія по вопросамъ краевой жизни, которыя имѣютъ бѣгучее, часовое значеніе. Въ особенности этимъ недостаткомъ страдаютъ отдѣлы III, IV и V. Здѣсь на каждой страницѣ встрѣчаешься съ такой «тоже библіографической» литературой края, какъ «смерть отъ угара», «смерть отъ паденія съ кручи въ нетрезвомъ видѣ», «маскарадъ во 2-мъ общественномъ собраніи», «балъ, данный наказному атаману» и т. д. Подобнаго рода указанія едва-ли интересны для серьезныхъ изслѣдователей края, на которыхъ въ сущности и разсчитанъ трудъ Фелицына и Шамрая; загромождая вмѣстѣ съ тѣмъ своею численностью «Указатель», такія библіографическія свѣдѣнія, повторяемъ, только затрудняютъ возможность пользованія послѣднимъ.

Представляя собою первую попытку собрать воедино библіографію литературы о Кубанской области, черноморскомъ козачествѣ и черноморской губерніи, трудъ Е. Д. Фелицына и В. С. Шамрая не лишенъ пропусковъ, совершенно, впрочемъ, допустимыхъ при всякой библіографической работѣ, въ особенности, если принять условія послѣдней въ провинціи. Пропусками изобилуютъ преимущественно первые два отдѣла Указателя, хотя бросаются они въ глаза и при обозрѣніи другихъ. По первому отдѣлу мы не нашли указаній на слѣдующія изданія, такъ или иначе относящіяся къ Кубанскому краю:—Аделунгъ,—«Обозрѣніе путешественниковъ по Россіи», № 24 Джорджіо Интерніано; Ralli, II., V стр. 494, Acta Patriarchat Constantinopol—Миклошича; Срезневскій—«Древніе памятники русскаго письма и языка», ст. 15; col I, и его же «Палеографія» стр. 133; граф. П. С. Уварова—«Могильники Сѣвернаго Кавказа» (Русск. Антроп. Жур. 1901 г. № 1); В. Миллеръ,—«О новомъ сарматскомъ божествѣ, найденномъ на Кубани» (Русская Мысль, 1890 г. № 4—5); проф. Н. И. Веселовскій—«Каменныя орудія при вещахъ римской эпохи»; проф. Ю. Я. Кулаковскій «Къ исторіи Боспора» въ XI—XII в.в.; проф. Е. Д. Голубинскій—«Исторія Русской Церкви» т. I, гл. III,—подъ рубр.—«Епархія Тмутараканская» стр. 682—685 и др.; Д. Афанасьевъ—«Къ исторіи Черноморскаго флота»—съ 1768—1816 гг. (Рус. Арх. 1902 г., № 2—

3); Андр- ій Ал.—«Запорожскій старшина **Антонъ Головатый въ** Кіевѣ», (Кіев. Стар. 1890 г. кн. 2); о. Вл. Лобачевскій—**«Бугское** козачество и военныя поселенія» (ibid. 1883 г. кн. 7); К. Морозовъ— «Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Тамани и какія были по сему случаю рѣчи и пѣсни», (ibid. 1883 г., кн. 1); О. Л.—«Потемкинъ и черноморцы» (ibid. 1887 г., кн. 6); Ф. Щербина—«Исторія самоуправленія у Кубанскихъ козаковъ» (ibid. 1884 г., кн. 4); А. Скальковскій—«Еще о Бугскихъ козакахъ» (ibid. 1882 г., кн. 12; 1883 г., кн. 5); Грибовскій—«Записки» (Рус. Арх. 1889 г., кн. 1); Крыжановскій—«О современномъ состояніи Лебяжьей пустыни» (Ставр. Епарх. Вѣд. 1885 г., кн. 6) и др.; по отдѣлу II,—«Задунайскія народныя преданія о Головатомъ» (Кіев. Стар. 1882 г., кн. 9); проф. Мартыновъ,—«Изъ народныхъ преданій о Черноморіи» (ibid. 1885 г., кн. 6); Ф. Щербина—«Наговоры отъ болѣзней у черноморскихъ козаковъ (ibid. 1883 г., кн. 7), М. Дикаревъ—«Апокрифы, собранные въ Кубанской области» (Юбилейный сборникъ въ честь Вс. Ѳ. Миллера); Его же—«Чорноморські народні казки й анекдоты» («Етнографичний збірник» т. II—«Виданне Наук. Товар. ім. Шевченка»); его же—«Народня гутірка з поводу коронациі» (ibid. т. V); Новомарьинскій—«Сѣверное Кубанское и Терское предгорія Кавказа» («Живоп. Россія», подъ редакціей Семенова т. IX); Carla Cerena, Mon Voyge. Souvenirs personels 1-re Serie de la Baltique à la mer Caspienne. Paris, 1881 и др. Въ другихъ отдѣлахъ нѣтъ между прочимъ указаній на такіе труды по исторіи сѣвернаго Кавказа, какъ Альбова—«Очеркъ растительности Колхиды» («Землевѣдѣніе» т. III); Воейкова, Пастернацкаго и Сергѣева—«Черноморское Побережье»; Васюкова «Страна Гордой Красоты»; Краснова—рядъ статей преимущественно по «Черноморскому побережью» (напечатаны въ книжкахъ «Недѣли»); Л. С. Личкова—«Очерки изъ прошлаго и настоящаго побережья Кавказа» (Кіев. Стар. 1903 г. 8—12 кн.); Реклю—«Земля и Люди» т. VI; статьи Селиванова «О Кубанской области» и Л. Македонова о «Черноморской губ.», помѣщенныя въ Энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона; «О болѣзняхъ хлѣбныхъ растеній въ Терской и Кубанской областяхъ» (Труды Одесской Энтомологической Коммиссіи. 1888 г.) и мн. др. [1]). Приведенные нами пропуски библіографической

---

[1]) Названій всѣхъ приведенныхъ нами сочиненій мы не встрѣтили и въ добавленіяхъ къ „Библіографическому Указателю“, напечатанныхъ въ „Кубанскомъ Сборникѣ“ за 1903 г. т. IX; и за 1904 г. т. X.

литературы Кубанскаго края, конечно, мало умаляютъ значеніе труда Фелицына и Шамрая, обладающаго при томъ и положительными достоинствами. Къ этимъ послѣднимъ надо отнести прежде всего имѣющіяся въ «Указателѣ» свѣдѣнія о рукописныхъ источникахъ по исторіи Кубанскаго края и Черноморскаго козачества, хранящихся въ столичныхъ и кавказскихъ архивахъ, мало извѣстныхъ и не изученныхъ мѣстными историками. При сравнительной бѣдности исторической литературы о Кубанскомъ краѣ, вызывающей необходимость въ появленіи новыхъ трудовъ въ этой области, свѣдѣнія, указанныя Фелицынымъ, обратятъ, конечно, на себя вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей и должнымъ образомъ будутъ использованы ими. Не меньшимъ достоинствомъ «Указателя» является также примѣненіе въ немъ библіографическаго метода Дубровина[1]) и Бѣгичева[2]), заключающагося не въ одномъ сухомъ перепечатываніи заглавія книги или журнальной статьи, но и въ приведеніи краткаго содержанія ихъ, дающаго возможность квалифицировать до извѣстной степени достоинство матеріала, скрывающагося за заглавіемъ, не всегда при томъ отвѣчающимъ содержанію книги. Къ сожалѣнію методъ этотъ, въ значительной степени облегчающій процессъ знакомства съ содержаніемъ того или иного источника по исторіи края, примѣненъ Фелицынымъ, по условіямъ работы въ провинціи, къ небольшой сравнительно части библіографическаго матеріала, помѣщеннаго въ «Указателѣ»; по отношенію къ другой, болѣе значительной по объему, пришлось ограничиться только однимъ сообщеніемъ заглавныхъ названій сочиненій, безъ указанія на ихъ внутреннее содержаніе.

Въ общемъ «Библіографическій Указатель», несмотря на нѣкоторую неполноту библіографическихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ немъ, и незначительные, указанные нами, недостатки, является цѣнной работой, за составленіе которой нельзя не благодарить покойнаго Фелицына и его сотрудника г. Шамрая. Богатство и разнородность библіографическаго матеріала, собраннаго въ «Указателѣ», удовлетворительная въ общемъ систематизація его, дѣлаютъ трудъ изслѣдова-

---

[1]) См. Н. Ф. Дубровинъ, Библіографическій указатель къ первымъ двумъ книгамъ „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“ 1871 г. т. I, кн. 3.

[2]) К. Н. Бѣгичевъ, „Объяснительный каталогъ библіотеки Его Имп. Высоч. Вел. Кн. Георгія Александровича въ Абастуманѣ“. Тифлисъ 1894 г.

телей Кубанскаго края цѣннымъ вкладомъ въ библіографическую литературу о югѣ Россіи и незамѣнимымъ справочнымъ пособіемъ для всѣхъ интересующихся и занимающихся изученіемъ Кубанской области, черноморской губерніи и черноморскаго (кубанскаго) козачества.

С. Петлюра.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. *Томи LIV, LV LVI (кн. V—VI за р. 1903). У Львові, 1903.*

Отмѣченные три тома «Записок Наукового Товариства імени Шевченка», издаваемыхъ подъ редакціей проф. М. Грушевського, вышли въ теченіе второго полугодія минувшаго года и содержатъ въ себѣ, какъ обычно, множество цѣннаго матеріала для нашей области изученія, какъ въ видѣ спеціальныхъ солидныхъ изслѣдованій, статей и цѣнныхъ замѣтокъ, такъ и критическихъ отзывовъ, рецензій и библіографическихъ свѣдѣній.

Изслѣдованія и статьи *историческаго* характера въ минувшемъ полугодіи помѣщены въ «Запискахъ» слѣдующія:

Юрій Кміт. З сільських відносин у Галичині в середині XIX віка (LIV, 1—8),—сообщаются документальныя данныя о 50-хъ годахъ 19-го вѣка, характеризующія степень моральнаго упадка въ то время духовенства въ Галичинѣ.

Олександер Сушко. Предтеча унії, критично-історична студия (LV, 72—125),—продолженіе солиднаго труда о Бенедиктѣ Гербеерѣ, говорится о просвѣтительной его дѣятельности во Львовѣ, а затѣмъ просвѣтительной и научной въ Краковѣ до ухода его оттуда въ Познань въ 1562 году.

Михайло Грушевський. Памяти Олексія Маркевича (LV, 1—14),—тепло написанный некрологъ покойнаго историка, дающій не мало новаго матеріала для біографіи этого симпатичнаго дѣятеля.

Михайло Грушевський. Козаки в 1470-х р.р. (LVI, 1—6),—почтенный авторъ сообщаетъ интересный документъ 70-хъ г.г. XV ст., помѣщенный въ книгѣ Amedeo Vigna, Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri (изд. въ Генуѣ 1879 г. и совершенно неизвѣстной, ни въ украинской, ни въ русской, ни въ польской историографіи), содержащей жалобу Кафинскихъ купцовъ на «разбойниковъ козаковъ», которые ограбили ихъ около 1470 года по пути изъ Московіи; жало-

вались они, что терпятъ постоянно обиды отъ «audaciae horum latronum et aliorum convicinorum nostrorum... quasi quotidie». Но упоминаемые здѣсь козаки—не украинскіе, а татарскіе, хотя въ той области (на Муравскомъ шляху) могли уже въ то время «живиться» и украинскіе воины-промышленники и, безъ сомнѣнія, хозяйничали козаки рязанскіе.

Стефан Томашівський. Угорські Русини в съвітлі урядової угорської статистики (LVI, 1—46),—критическій разборъ оффиціальныхъ свѣдѣній, далеко не точныхъ, объ Угорскихъ русинахъ въ началѣ XX ст.

Къ области же исторіи относятся и слѣдующіе документы, помѣщенные въ отдѣлѣ «Miscellanea»: *Богдана Барвінського. Бунт в семи Мшанци 1717 р.* (LIV, 4—5),—документъ небезъинтересный для исторіи галицко-русскаго крестьянства; *Ол. Сушко. Епизод з житя Петра Скарги* (LVI, 1—23, з фототіпіями),—сообщаются два найденныхъ авторомъ во Львовской капитулѣ письмахъ Петра Скарги (1568 г.), позволяющихъ уяснить нѣкоторыя подробности изъ жизни этого дѣятеля; *Богдан Барвінський. Метрики в сільскій практиці XVIII в.* (LVI, 23—25),—метрическая запись с. Татари 1720 г. Сюда же надо отнести изъ отдѣла рецензій и отзывовъ обширный критическій разборъ сочиненія *М. Стельмашенка. Политическая дѣятельность Петра Скарги. Кіевъ, 1902*, не выдерживающаго, по мнѣнію автора, никакой критики (LV, 13—53).

Исторія литературы и словесность представлены въ слѣдующихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ:

Олександер Сушко. Причинки до студий надъ текстом Палінодиі (LIV. 1—40),—авторъ предаетъ печати отрывки компиляціи изъ «Палинодіи» Захаріи Копыстенскаго, найденной имъ во Львовской университетской библіотекѣ, сопоставляя въ своей статьѣ текстъ этой компиляціи съ недавно изданнымъ текстомъ Палинодіи Петербургской Археографической Коммиссіей. Въ этой же статьѣ авторъ упоминаетъ и о другомъ, открытомъ имъ тамъ же, произведеніи полемической литературы: «Истинна Вѣра старая церкви святой восточной православно-католической, против мнимой старой вѣри западной». Авторъ его неизвѣстный доселѣ, какъ писатель, игуменъ Мошногорскій, іеромонахъ Товія Петрашки, добавившій собственноручно на рукописи: «Борысу Петровичу Шеремету в Киевѣ отдах» (1706 года).

Осип Маковей. З истории нашоі фільольоґіі.—Три галицькі граматики (Іван Могильницкий, Йосиф Левицький і Йосиф Лозинськый) (LIV, 59—96),—окончаніе цѣннаго изслѣдованія. Здѣсь помѣщены лишь добавленія къ изслѣдованію: выписки изъ рукописей Лозинскаго, Левицкаго; приводятся полемическія статьи того времени по поводу произведеній «трехъ грамматиковъ». Весьма интересны замѣчанія Копитара, сдѣланныя въ огромномъ количествѣ на поляхъ рукописей грамматики Лозинскаго и Левицкаго, напр., противъ перечисленія трудовъ Голятовскаго и Антонія Радивиловскаго (у Лозинскаго) приписано: «Hic erat locus dicendi, Russos ipsos, nunc tam magnos et superbos, primam literaturam et culturam debere *vobis, Russinis Kioviensibus.* Sed ipse tremis prae reverenti metu magni Russi!» (стр. 61), или «Vos dico, Graecos, Armenos et Russos et Serbos, qui assueti *venerari* veterem linguam omni *nedelja et prasniko,* auditam in ecclesia, vix potestis *aequi* aestimare *domesticam* et Werkeltags-linguam matris. Sed separandae sunt omnino, sicut *fecerunt jam* Moscovitae» (стр 64), и далѣе, тамъ же: «Tu si vis» *veram* grammaticam *ruskam* facere, *fac* 1-mo, ut *obliviscaris* ecclesiasticam linguam; 2-do, fingo te *docere frailam americanam* loqui ruski cum tua coqua, et ita docere, ut cum coqua perfecte possit colloqui Sonst, semper macaronizabis ipse magister». и т. п.

Микола Кр—ський. Примітки до поправнійшого видання поезий Тараса Шевченка (LV, 1—28) и *Юліян Романчук. Уваги до «заміток» д. Кр—ського* (ib., 29—34). Обѣ статьи заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія, заключая въ себѣ богатый матеріалъ для будущаго критическаго изданія произведеній Т. Г. Шевченка. Въ настоящее время, наиболѣе полнымъ и вѣрнымъ изданіемъ «Кобзаря» является изданіе «Товариства Просьвіты» во Львовѣ 1902 г. (кстати, по счету *32-ое*), въ которомъ издатель, г. Романчукъ, сличавшій текстъ съ рукописями и вообще много потрудившійся надъ исправленіемъ текста «Кобзаря», произвелъ около *400* поправокъ, сравнительно съ текстомъ изданія Огоновскаго (Львовъ, 1893 года). Теперь г. М. Кр—ський въ отмѣченной статьѣ предлагаетъ еще до *300* исправленій въ текстѣ, заслуживающихъ въ большинствѣ случаевъ принятія ихъ или во всякомъ случаѣ—вниманія. Въ своихъ «Увагах» къ статьѣ г. М. Кр—ськаго г. Романчукъ безусловно соглашается съ 60 исправленіями; затѣмъ противъ нѣкоторыхъ возстаетъ, о нѣкоторыхъ же не говоритъ

ничего (кстати, отмѣтимъ упоминаніе въ его «Увагах», что имъ сдѣлано еще около 120 поправокъ). Будучи того убѣжденія, что для установленія критическаго, возможно вѣрнаго и точнаго текста поэзіи Шевченка, чѣмъ нашимъ ученымъ давно бы уже слѣдовало заняться, всякое даже мелкое исправленіе или правдоподобное предположеніе можетъ оказаться нелишнимъ, мы предлагаемъ ниже, съ своей стороны, тѣ поправки въ изданіи г. Романчука, которыя не были замѣчены и г. М. Кр—ським. При этомъ мы отмѣчаемъ и правописаніе отдѣльныхъ словъ, и интерпункцію, какъ это дѣлаетъ и г. М. Кр—ський.

Итакъ: «Ну, щó б здавалося? слова»! (61, 14),—слѣдуетъ—„Ну, щó б здавало ся слова?!“; „можно“ (98, 1 сн.)—„можна“, „качаточки“ (128, 2 сн.) - „качаточка“, „ти“ (130, 7 и 12)—„Ти“; „Як се Катерина“ (197, 11 сн.)—„Як *ся* Катерина“;

„Та злидні побили!
Як ту матір“, (284, 6—7),

слѣдуетъ:

„Та злидні побили,
Як ту матір“,

и въ 8-ой строкѣ, послѣ „породила“, знакъ восклицательный; „и жонатий, (118, 3)—„а жонатий“; „війско“ (200, 14)—„військo“; „чабан, було“ (203, 19)—„чабан; було“; „в недобру годину“ (295, 5)—„в недобру годину,; „сліз більш не мае (296, 8)—„сліз більш немае“; „по лісу“ (295, 7)—„по лісі“; „ти не пізнав мене, Йване“ (299, 10)—„ти не пізнав мене, Іване“; „Тикич“ (354, 2 и 358, 8 сн.)—„Тікич“ (такъ произносится названіе этой рѣки на родинѣ Шевченка); „Інтродукция“ (311, 14 сн.)—„Інтродукція“;

„Або Яном Собіеским“,
Ті два незвичайні, (стр. 311, 3 и 2 сн.)—

слѣдуетъ:

Або Яном Собіеским,—
Ті два незвичайні,—;

„против ночи“ (325, 7)—„проти ночи“; **„без сповіди“** (327, 5)—**„без сповіді“**; „ката не минае“ (333, 10 сн.)—**„катá, не минае“**; „розковать“ (338, 4)—„розкувать“; „ти чув, щó співають“: (385, 3 сн.)—„ти чув, щó співають?“; „То кобзарі“ (385, 2 сн.)—**передъ „То“ надо „;**“ „За сотника Йвана“ (391, 17)—„За сотника Івана“; **„та помога“ (398,** 10 сн.)—„помага“; „пещерах“ (422, 12)—„печерахъ“; **„та й то“ (435,** 9)—„та і то“; „по милости“ (437, 2 сн.)—„по милості“; **„щипае“ (438,** 10 сн.)—„щіпае“; „полетімо“ (439, 3 сн.)—„полетимó“; *„такого-жъ“* (444, 9)—*„такого-жъ“*; „перелічив до одного“, (468, 12)—„перелічив до одного,—;

„То все пани снились;
І з рогами, і з хвостами“, (523, 5 и 4 сн.)

слѣдуетъ:

„То все пани снились:
Із рогами, *із* хвостами“,;

„доси“ (537, 9)—„досі“; „в само серце“ (571, 5)—„в саме серце“; „раю“ (575, 5)—„раі“; „дівчати“ (582. 20)—„дівчаті“; „во плоти“ (583, 16)—„во плоті“; „деспот скажений“ (586, 18)—нужна перестановка: „скажений деспот“; „ликуе“ (598, 8 и 4 сн.)—„лікуе“; „дівочний гость“ (602, 2, 4 сн.)—„дивочний гость“ (такая же ошибка отмѣчена М. Кр—ським 605, 2); „Поволи тихо“ (606, 1 сн.)—„поволі, тихо“; „таки вдовенко“ (615. 5)—„таки вдовенко“.; „під тином“. (618, 7 сн.)—„під тином“, ; „волости“ (626, 15)—„волості“; „теляти“ (629, 11)—„теляті“; „дияволом“ (635. 19)—„діяволом“; *„не много“* (635, 14)—*„немного“*; „ласкаво“ (625, 5)—„ласково“; „мінуточку“ (669, 7)—„минуточку“; „Запороже“ (88, 9; 462. 15; 479, 14 сн.; 571, 12)—„Запорожжя“; „лилея“ (166, 15; 166, 1 сн; 167, 1; 168, 14 и 2 сн.; 169, 4; 600, 19)—„лілея“; „в неволи“ (51, 12; 66, 3 сн.—„в неволі“; „на поли“ (376, 16; 502, 9 сн.)—„на полі“. „земли“ (195, 4 сн.; 240, 1 сн.; 241, 8 сн.; 273, 4; 581, 8 сн.; 592, 4; 610, 17—18; 612, 5; 616, 12 и 8 сн.; 621, 3 сн.)—„землі“; „сирая“ (душа) (578, 1)—„сірая“ (отмѣчено М. Кр—ським на стр. 34, 7 сн.); „колачик“ (520, 5; 648. 14)—„калачик“; „сияти“ (291, 6; 304, 4; 378, 13; 414, 16; 503, 18; 581, 1; 600, 7 и 15 сн.; 602, 10; 607;

6 сн.)—„сіяти“; „збирати“ (209, 6 сн.; 345, 9; 416, 12 сн.; 446, 17; 464, 10; 569, 12 сн.; 604, 8; 619, 8)—„збірати“; „бенкет“ (307, 1 сн.; 308, 16 сн.; 314, 7; 353, 6; 395, 15 и 12 сн.; 399, 2 сн.; 435, 14; 558, 17)—„беньке“; „шинкарь“ (308, 1; 3 и 13; 435, 8 сн.; 549, 13; 567, 16 сн. и 2 сн., 580, 12; 586, 11 сн.; 654, 4 сн.)— „шинькарь“; „обнимати“ (314, 16 сн.; 324, 9; 348, 9 и 8 сн.; 385, 16; 386, 13; 481, 15 и 3 сн.; 546, 15; 631, 3 сн.; 672, 3 и 1 сн.)— „обнімати“; „приспа“ (414, 14; 423, 21 (на 611, 7 и 6 сн.—правильно)—„призьба“; „матери“ (522, 4 сн.; 606, 5 сн.; 608, 4 сн.; 616, 12 сн.)—„матері“; лучше будетъ „братіку“, а не „братику“ (166, 8 сн.; 168, 5 и 10 сн.; 299, 10; 451, 1); „привітати“ (а не привитати) отмѣчено М. Кр—ським лишь на 12, 8 сн., а между тѣмъ это слово (въ транскрипціи г. Романчука) встрѣчается въ „Кобзарѣ“ еще 30 разъ, не говоря о нѣсколькихъ случаяхъ „витати“; также слѣдуетъ писать „зіма, зімувати“, а на „зима, зимувати“ (17 мѣстахъ); не лучше ли „у Киіві“ вм. „Києві“? (см. 251, 6 и 10 сн.; 293, 1; 302, 14 и 3 сн.; 370, 5; 421, 12 сн.; 432, 11 сн.; 439, 15; 457, 1; 463, 6 сн.; 498, 3 сн.; 499, 13; 503, 15; 515, 2 сн.; 532, 6; 560, 5; 626, 7). Нѣсколько гипотезъ: „чи то люде наробили“ (154, 5 сн.)—мож. б. „поробили“; „неначе зна“ (321, 5 сн.)—„наче знає“; „начнемъ же *уже*“ (382, 9)—„начнемъ же *оубо*“; „І степами“ (432, 16)—„*Та* степами“; „і пилиночки“ (436, 3)—„і пилиночці“; „забудучи лихо“ (515, 4)— „забувши про лихо“; „бючи поклони“ (525, 13 сн.)—неправильный размѣръ: м. быть: „бючи *земні* поклони“; „та мати дивиться“ (614, 18)—„*на* мати дивиться“. Въ виду измѣненія размѣра надо начинать съ новой строки въ слѣдующихъ мѣстахъ: 62, 12—15; 95, 13 сн.; 109 12 сн.; 120, 13; 313, 10 сн.; 437, 6 сн.; 479, 2 и 11; 495, 6 сн.; 510, 6 сн.; 521, 15 и 19; 528, 16; 579, 10; 580, 21; 621, 1. Затѣмъ, въ дополненіе къ возраженіямъ г. Романчука противъ нѣкоторыхъ поправокъ М. Кр—ського, можемъ добавить: „сьвіт за очи“ (а не *в* сьвіт за очи, какъ предлагаетъ М. Кр—ський) встрѣчается у Шевченка еще и на 49, 8 сн.; не зачѣмъ измѣнять „шапки не знімали“ на „ламали“ (161, 6 сн.); то же вѣдь и на 162, 5; 257, 5 сн.; только надо „знімає, однімає, а не „знимає, однимає“ (еще 339, 6; 472, 7 сн.; 493, 12; 517, 2; 521, 10 сн.; 530, 7 сн.; 671, 1; измѣнять „привела“ на „повила“ нѣтъ основаній, т. к. кромѣ указанныхъ г. Романчукомъ аналогичныхъ случаевъ на 509, 7 сн.; и 510, 6, еще видимъ у Шевченка на 326, 16; 413, 6; 495, 13 сн.; нѣтъ основанія измѣнять:

„Апостол, син твій“ (593, 13) на „а син твій гордо“, т. к. на 590, 9—8 сн. подчеркнуто: „не неофіт новий, а *апостол* великаго Христового слова“. Въ заключеніе, по адресу уже г. Романчука, добавимъ, что надо писать не „Мотринів“ (682, 3—примітки), а „Мотронів“ и затѣмъ замѣнить на стр. 684, 15 слово „перше“ на „пізнійше“, т. к. у читателя, не галичанина, въ данномъ мѣстѣ является представленіе, совершенно обратное тому, какое должно быть.

Др. Іван Франко. Съвятий Климент у Корсуні. Причинки *до історії старо-руськоі легенди* (LVI, 145—180),—продолженіе солиднѣйшаго труда почтеннаго автора: Глави VIII (Легенди о Херсонесскихъ мученикахъ) и IX (Чудо св. Климента съ мальчикомъ). На основаніи несомнѣнныхъ фактовъ авторъ приходитъ къ выводу, что невѣдомый первый авторъ—Корсунянинъ (Херсонесецъ) всю легенду о Херсонесскихъ мученикахъ *сочинилъ;* что же касается чуда съ мальчикомъ, то авторомъ его вовсе не былъ Ефремъ Херсонескій, и происхожденіе этой легенды западно-европейское (на югѣ Франціи).

Къ этому же отдѣлу надо отнести изъ „Miscellanea“: *Ів. Франка Увага про назву Палінодія* (LIV, 1—3),—авторъ не соглашается съ толкованіемъ Ол. Сушко (см. его статью „Причинки до студий над текстом Палінодиі“) термина „Палінодія“, *В. Гнатюка. Кілька духовних віршів съпіваник з Грушова* (LVI, 25—33),—4 духовныхъ стиха, въ томъ числѣ одинъ польскій, но украинизированый, записанныхъ въ Угорской Руси. *М. Грушевського. Варіанти до „Богданової могили“ Шевченка,* з уділеної Ол. Маркевичем копіі (LIV, 5—6),—варіанты изъ автографа, переданнаго покойному Маркевичу г-жей Орловой, у которой оказались написанныя собственноручно Шевченкомъ на листкѣ бумаги три его поэзіи: „Не завыдуй багатому“, „Не женыся на багатій“ и „Стоіть въ сели Суботови“. Въ послѣдней оказалось 9 варіантовъ по сравненію съ изданіемъ, г. Романчука.

Если еще упомянемъ о замѣткѣ: *„З істориі украінськоі молодіжи в Галичині, 1871—1884“—„Історичний очерк розвою товариства“ „Дружний Лихвяр“, опісля „Академічне Брацтво 1871—1885,* з передмовою д-ра І. Франка“,—то нами будетъ исчерпано все содержаніе записокъ, не говоря о весьма полномъ обзорѣ исторической литературы въ Россіи и внѣ ея за 1902 годъ, а также окончаніе обзора новыхъ трудовъ по исторіи славянства (LIV, Наук. Хр., с. 1—36).

В. Доманицкій.

Ruthenische Revue Halbmonatschrift. I. Jahrgang, im Wien. *(№№ 1–16).*

Съ половины мая минувшаго года въ Вѣнѣ началъ выходить два раза въ мѣсяцъ спеціальный литературный органъ на нѣмецкомъ языкѣ „Ruthenische Revue“, задачей котораго является ознакомленіе Западной Европы съ положеніемъ и національными стремленіями «русинской» націи, понимаемой въ широкомъ смыслѣ. Непродолжительный сравнительно срокъ (всего лишь полъ-года) наглядно показалъ, что симпатичное начинаніе, во главѣ котораго стоятъ, какъ издатели, русинскіе послы въ вѣнскомъ рейхстагѣ—Яворскій и д-р. А. Кось, а также извѣстный русинскій литераторъ Романъ Сембратовичъ, встрѣтило всеобщее сочувствіе не только въ Австріи, Германіи, но и далеко за предѣлами этихъ странъ [1]), сочувствіе, которое сказывается не только въ духовномъ смыслѣ, но и матеріальномъ: уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ „Ruth. Revue“ имѣло 1250 платныхъ подписчиковъ и 1750 экз. его разсылалось безплатно въ библіотеки различныхъ ученыхъ и частныхъ учрежденій Европы, депутатамъ парламентовъ и т. п.

И дѣйствительно, просматривая содержаніе журнала въ истекшемъ году, мы не удивляемся тѣмъ, нерѣдко восторженнымъ, отзывамъ (немало приведено ихъ въ послѣднемъ, № 16) ученыхъ, для которыхъ „R. Revue“ явилось какимъ-то откровеніемъ. „R. Revue“ знакомитъ читателей съ исторіей украинскаго народа, его литературой новаго (XIX) періода, даетъ понятіе о современныхъ національныхъ стремленіяхъ, знакомя въ особенности обстоятельно съ проявленіями культурной и политической жизни русинскаго народа въ Галичинѣ, съ выдающимися дѣятелями на разныхъ поприщахъ всей Руси-Украины.

Естественно, что въ органѣ, издаваемомъ въ Австріи галичанами, гдѣ жизнь русинскаго народа течетъ по иному, чѣмъ у насъ, руслу,—замѣтенъ значительный паревѣсъ статей и сообщеній, посвященныхъ Галицкой Руси,—это преимущественно статьи общественно-политическаго характера; но все же не мало встрѣчаемъ мы здѣсь и статей, спеціально касающихся насъ, или во всякомъ случаѣ, представляющихъ для насъ общій интересъ съ нашими заграничными собратьями. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы намѣрены отмѣтить болѣе или менѣе интересныя статьи, нерѣдко дающія матеріалъ, къ которому прійдется,

[1]) См. напр. отзывы о немъ Бьернстьерне-Бьернсона, покойнаго Моммзена, Чемберлена (англійскаго историка) въ „К. Стар.“, 1903, кн. XII, отд. II, стр. 184—186.

обратиться, быть можетъ, не одному изъ изслѣдователей судебъ родного народа.

Сначала отмѣтимъ, въ порядкѣ ихъ появленія, статьи общаго характера и главнымъ образомъ касающіяся Галичины. «Забытая нація» (№ 1) Р. Сембратовича,—характеризуется положеніе малорусскаго народа въ Россіи; «Современное политическое положеніе галицкихъ русиновъ» (№ 1);—д-ра Андрея Коса «Культурныя стремленія русиновъ въ Галичинѣ» (№ 2 и 3)—Ю. Романчука «Русинско-румынскій споръ за преобладаніе» (къ положенію русиновъ въ Буковинѣ (№ 2)—д-ра И. Немирича; «Къ галицкому намѣстническому кризису» (№ 2)—Романа Сембратовича; «Польскій національный праздникъ» (№ 3)—д-ра А. Коса,—по поводу польскаго народнаго съѣзда; «Полонизація восточной Галиціи на правительственный счетъ» (№ 3) В. Будзиновскаго; «Историческая миссія гр. Потоцкаго» (теперешняго намѣстника Галичины), (№ 4),—Р. Сембратовича; «Среднія школы въ Галичинѣ» (№ 4),—І. Сухована; «Русинскій національный праздникъ въ Буковинѣ» (№ 5 и 6) Гракуса,—по поводу всенароднаго вѣча въ Буковинѣ; «Гасители культуры—шляхтичи и ихъ помощники» (№ 5)—Будзиновскаго; «Украинцы въ Россіи, и Австрія» (№ 6) А. К.,—корреспонденція изъ Петербурга; «Русины въ Америкѣ и римская курія» (№ 6) М. Кичуры; «Нѣмецкая гимназія въ Бродахъ» (№ 6)—М. Бардаха; «Письмо изъ Парижа о націонализмѣ и интернаціонализмѣ (№ 7),—перепечатка изъ L' Européen; «Замѣчательные выборы въ сеймъ въ Буковинѣ» (№ 7),—Озирного; и о томъ же (въ № 10) с. Беяна); «Русинскій клиръ и ультрамонтанство» (№ 7 и 10),—греко-католич. священниковъ; «Русинскія общества «Січ» (№ 8), Кл. Обуха; «Русскій панславизмъ и западная Европа» (№ 9),—Р. Сембратовича; «Національный праздникъ въ Полтавѣ» (письмо изъ Россіи) (№ 9),—подробности о празднованіи открытія памятника И. П. Котляревскому; «Украинскій національный праздникъ въ Полтавѣ» (№ 10), І. Каренка,—статья, дополняющая нѣкоторыми подробностями предыдущее сообщеніе; «Вина центральнаго правительства въ безправномъ положеніи галицкихъ школъ» (№ 10), Р. Сембратовича: «Борьба за просвѣщеніе» (№ 12), Р. Сембратовича,—къ вопросу о русинскомъ университетѣ; «Отголоски украинскаго національнаго праздника въ Полтавѣ» (№ 12). И. Энтеля,—сообщеніе о намѣреніи полтавскихъ гласныхъ обжаловать въ Сенатъ постановленіе о недозволеніи читать адреса́ по украински; «Русинскія школы и учителя въ Буковинѣ» (№ 14), И. К.,

«Средства и способы, какъ австрійскихъ русиновъ не допустить въ среднія школы» (№ 15)),—д-ра М. Харкива; „Pacta conventa" (№ 14) и «На европейскій форумъ» (№ 16)—Р. Сембратовича,—о политическомъ положеніи русиновъ; «Alma mater Leopolensis—какъ мачеха» (№ 16) Яволенуса; «Славянская солидарность—пустая фраза» (№ 16) М. Кичуры.

Спеціально историческихъ статей помѣщено было три: «Русь» (Россія—Русины) (№ 1), Сергія Подоленка,—«Могилянская высшая школа въ Кіевѣ» (№ 6), М. Кичуры,—въ подтвержденіе той мысли, что заявленіе требованій въ настоящее время русинами имѣть самостоятельный университетъ вовсе не является продуктомъ XIX вѣка, такъ какъ русины уже въ XVII в. имѣли свое высшее учебное заведеніе; «Исторія эмансипаціонныхъ стремленій русинскаго (украинскаго) народа» (№ 14—16), С. Федоренка,—изложены: начало русскаго (южно-русскаго) государства и татарское владычество, унія съ поляками и послѣдствія ея, начало украинскаго козачества (довольно обстоятельно и вполнѣ научно). Вкратцѣ общій учеркъ исторіи украинскаго народа встрѣчаемъ также въ статьѣ Р. Сембратовича «Забытая нація» (№ 1).

Немало статей находимъ по исторіи литературы: литературныхъ характеристикъ, критическихъ статей, переводовъ художественныхъ произведеній украинскихъ писателей, некрологовъ.

Прежде всего о Шевченкѣ. Довольно обстоятельную статью, въ которой отмѣчены особенности поэзіи Шевченка, подъ заглавіемъ «Украина и Шевченко» (№ 5 и 8) помѣстилъ И. Брыкъ; И. Франко далъ небольшую статью: «Тарасъ Шевченко и его «Заповитъ» (№ 1), гдѣ, разсказавъ біографію поэта, помѣстилъ свой прекрасный переводъ «Заповита» и «На смерть Шевченка» Некрасова. Для образца приводимъ начало перевода «Заповитъ»:

„Wenn ich sterbe, so bestattet
Mich auf eines Kurhans Zinne
Mitten in der breiten Steppe
Der gelibten Ukraine,—
Dass ich grenzenlose Felder
Und den Dnipr und seine Schnellen
Sehen kann, und hören möge
Das gebraus der grossen Wallen.

Кромѣ того Сергіемъ Шпойнаровскимъ (въ № 6) переведены: «Тече ричка невелычка»

Fliest ins blaue Meer das Wasser,
Ohne auszufliessen.
Nach dem Glück jagt der Kozake,
Muss das Glück vermissen.

«Мынають дни, мынають ночи»:

„Die Tage, Nächte geh'n vorüber,
Die Sommerszeit ist auch schon um,
Das Laub wird gelb, das Auge trüber,
Es schläft das Herz, das Lied wird stumm...;

и (въ № 11) Ив. Франкомъ: «И небо невмыте, и заспани хвыли», и Сергіемъ Шпойнаровскимъ превосходно переведенъ «Садокъ вышневый коло хаты»:

„Beim Haüschen steht ein Weichselgarten,
D'rin schwärmen Käfer um die Baum'.
Mit Pflügen Männer kehren heim,
Die Mädchen singend; Mutter warten
Schon mit den Abendmahl daheim.

О *Котляревскомъ* въ статьѣ «На тернистомъ пути» (№ 9) говоритъ М. Кичура. *Марку Вовчку* посвятила небольшую статью Ольга Кобылянская (№ 3) и дала переводъ двухъ разсказовъ: „Два сыны“ (№ 3) и „Максымъ Гримачъ“ (№ 4).

Изъ произведеній *Франка* помѣщенъ (№ 6) др. Карломъ Бадеромъ переводъ его „Гимна“:

„Вічний революцйонер
Дух, що тіло рве до бою“, и

„Земле, всіх маты“; *Лесѣ Украинкѣ* посвящена (№ 14 и 15) довольно обширная статья В. Чапельскаго и данъ Ольгой Кобылянской (№ 9 и 10) переводъ „Писни безъ сливъ“; *Грабовскому*—статья Мелетія Кичуры (№№ 12 и 13) и переводъ трехъ стихотвореній (въ № 14) его же; *Кобрынская* тоже представлена (№№ 13 и 14) въ переводѣ

Ольги Кобылянской; изъ *Кобылянской*—„Покора“, „Жебрачка“ (№ 1), въ переводѣ Клементины Ганкевычъ, и „За Готаръ“ (изъ „Кіевской Старины“); *Стефаныку* посвящена статья Богдана Лепкого (№ 11), быть можетъ слишкомъ уже превозносящая несомнѣнно талантливаго писателя: мы имѣемъ въ виду его слова, что „послѣ Марка Вовчка ни одинъ украинскій писатель не пользовался большимъ вниманіемъ и симпатіями, какъ Васыль Стефаныкъ“ (стр. 264); это весьма возможно, что справедливо по отношенію къ Галичинѣ и вообще Западной Европѣ, гдѣ переводы его произведеній пользуются огромнымъ успѣхомъ. Кромѣ того изъ Стефаника переведены: „Сама одна“ (№ 2) и „Лист“ (№ 5) перев. Ольги Кобылянской, и „Зівялі листочки“ (№ 7)—пер. Иліи Поповича; изъ *Олены Пчилкы* переведена (Соловіна пісня“ (№ 11 и 12)—пер. Ольги Кобылянской; изъ *Семанюка* „Святый Мыкола у гарти (арешти) (№ 6) и „Божий дар“ (№ 8),—пер. Ирены Коралевичъ. Далѣе, статья Манастырскаго „Русинская кровь“ (№ 4),—оцѣнка произведеній Вебера-Лушкова изъ украинской жизни (его „Geschichte aus Kleinrussland“); помѣщены некрологи Корныла Устіяновича (№ 7),—и Исидора Воробкевича (№ 10) М. Кичуры.

Исторіи украинской *музыки*, и въ частности М. В. Лисенку (по поводу его 35-лѣтняго юбилея), посвящена поучительная статья проф. Вахнянина „Къ исторіи украинской музыки“ (№ 15): излагается исторія ея, начиная съ княжеской эпохи. Въ статьѣ помѣщенъ прекрасный портретъ юбиляра.

Наконецъ, украинскому *театру* посвящена статья В. Чапельскаго „Украинскій театръ и Михаилъ Старицкій“ (№ 16),—излагается вкратцѣ исторія украинскаго театра и затѣмъ говорится о дѣятельности М. П. Старицкаго, какъ драматурга.

Мы исчерпали въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ все важнѣйшее, что помѣщено было въ „Ruthenische Revue“ за минувшій годъ, и надѣемся, что одного перечисленія статей достаточно для того, чтобы дѣятельность почтенныхъ издателей признать заслуживающей полнаго уваженія.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 1 и 2; 2) Русская Старина, № 1 и 2; 3) Историч.

Вѣстн., № 1 и 2; 4) Всемірный Вѣстн., № 1; 5) Журн. Мин. Нар. Просв., № 1 и 2; 6) Міръ Божій, № 1 и 2; 7) Русскій Вѣстникъ, 1 и 2; 8) Вѣстникъ Европы, № 1 и 2; 9) Русская Мысль, № 1 и 2; 10) Труды Кіев. Дух. Акад., № 1 и 2; 11) Учен. Зап. Имп. Казан. Унив., № 1 и 2; 12) Книжки Восхода, № 1.

Русская Старина, № 1 и 2.

Цензура въ царствованіе императора Николая I. Сообщены интересныя разногласія между кіевскимъ цензурнымъ комитетомъ и предсѣдателемъ временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ по поводу изданія *Лѣтописи Грабянки* въ 1853 г. Цензоръ Мацкевичъ требовалъ исключенія изъ текста нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ, по его мнѣнію, высказывалось явное пристрастіе къ малороссійской національности; предсѣдатель-же коммиссіи полагалъ, что подвиги Хмельницкаго такъ велики, что похвалы его личности не могутъ быть излишними. Главное управленіе печати, руководствуясь секретнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ о томъ, чтобы писатели разсуждали сколь возможно осторожнѣе тамъ, гдѣ идетъ дѣло о народности или языкѣ Малороссіи, не давая перевѣса *любви къ родинѣ* надъ *любовью къ отечеству*,—исключилъ нѣкоторыя мѣста изъ лѣтописи Грабянки. (№ 2, стр. 441—442).

Историческій Вѣстникъ, № 1 и 2.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» помѣщены отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *В. Нарбековъ.* «Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII в. Казань 1903 г.» (№ 1, стр. 310—311); 2) *И. А. Максимейко.* «Сеймы Литовско-русскаго государства до Люблинской уніи 1569 года. Харьковъ 1903 г.» (№ 1 стр. 315—316); Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 17-ая, вып. 1 и 2. (№ 2, стр. 757—758).

Русская Мысль, № 1 и 2.

С. Д. К-а. Какъ примѣняется въ черниговской губерніи 107 ст. положенія о земскихъ учрежденіяхъ. (№ 1, стр. 110—130). Здѣсь разсмотрѣны факты, бывшіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ жизни черниговскаго земства, когда лица, избиравшіяся или приглашавшіяся на службу въ земство, не были своевременно утверждаемы чернигов-

скимъ губернаторомъ, которому предоставляется право изъявлять свое согласіе или несогласіе на опредѣленіе на службу даннаго лица въ теченіе двухнедѣльнаго срока. На самомъ дѣлѣ оказывается, что такой отвѣтъ отъ губернатора получается только въ рѣдкихъ случаяхъ въ узаконенный срокъ; въ большинствѣ-же случаевъ дѣло затягивается на мѣсяцы и даже годы. Это и подало поводъ черниговскому губернскому земскому собранію подать жалобу въ сенатъ о неправильномъ примѣненіи черниговскимъ губернаторомъ 107 ст. положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

В. Лесевичъ. Евгеній Павловичъ Гребенка (Опытъ характеристики) (№ 1, стр. 131—156; № 2. стр. 29—43) Авторъ статьи, отмѣчая тотъ фактъ, что у насъ въ теченіе полустолѣтія со дня смерти Гребенки (1848 г.) не было сдѣлано надлежащей оцѣнки его литературной дѣятельности, устанавливаетъ теперь иные взгляды какъ на личность писателя, такъ и на его значеніе въ литературѣ. Выводы автора крайне неблагопріятны для Гребенки, т. к. послѣдняго онъ считаетъ только литературнымъ ремесленникомъ.

Въ *библіографическомъ отдѣлѣ* даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ; 1) *Т. Г. Шевченко.* Переводы изъ «Кобзаря» С. П. Дремцова. Вып. I. (№ 1, стр. 1); 2) *Л. С. Личковъ.* Новыя теченія въ сервитутномъ правѣ.

Русскій Вѣстникъ, № 1 и 2.

Л. Николаевъ. Политическія движенія въ Галиціи (№ 1, стр. 155—175). Въ статьѣ этой передана исторія агитаціоннаго движенія польской партіи въ Галичинѣ, начиная съ конца 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, для того, чтобы создать изъ русиновъ враждебный России элементъ путемъ прививки имъ сознанія народной отдѣльности отъ великоруссовъ Конечно, вся исторія этой польской агитаціи пересказана авторомъ съ своеобразной характеристикой двухъ основныхъ русинскихъ партій въ Галичинѣ—старорусской и народовской.

Въ отд. «*Библіографія*» помѣщенъ отзывъ о книгѣ *А. А. Сидорова* «Польское возстаніе 1863 года», (№ 2, стр. 777—781).

Труды Кіев. Духов Акад, № 1 и 2.

Ѳ. Т. Къ вопросу о значеніи Кіевской Академіи для православія и русской народности въ XVI—XVIII в в. (№ 1, стр. 59—100). Это

есть окончаніе статьи, первая половина которой напечатана была въ № 11-мъ прошлаго года и сущность содержанія которой нами отмѣчена уже была въ № 1-мъ текущаго года (см. «Обзоръ журналовъ», стр. 42).

Д. Вишневскій. Направленіе образованія въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ 18 стол. (№ 2, стр. 276—285). Это та-же самая рѣчь, сказанная передъ защитой диссертаціи, которая передана была авторомъ и намъ для напечатанія (см. № 2-ой).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

„КІЕВСКАЯ ГАЗЕТА"

(V-й годъ изданія).

Съ еженедѣльными иллюстрированными литературными приложеніями.

«Кіевская Газета» вступаетъ въ пятый годъ изданія. Мы не имѣемъ надобности распространяться предъ читателями о нашихъ задачахъ и цѣляхъ: мы полагаемъ, что въ теченіе 4-хъ лѣтъ характеръ и физіономія «Кіевской Газеты» выяснились въ достаточной степени. Поэтому мы ограничимся заявленіемъ, что принципы и убѣжденія, которыми мы руководствовались до сихъ поръ и которые, какъ мы видѣли, находили живой откликъ среди нашихъ читателей, будутъ и на дальнѣйшее время служить для насъ руководящей нитью. Упомянемъ еще разъ то, о чемъ намъ неоднократно уже случалось говорить: одинъ изъ основныхъ принциповъ «Кіевской Газеты»—не довольствоваться тѣмъ, что уже достигнуто, не останавливаться, но, чутко прислушиваясь къ запросамъ публики, идти навстрѣчу имъ, идти впередъ по пути постояннаго развитія и улучшенія дѣла, по тому пути, по которому наша газета шла до сихъ поръ. Только такимъ образомъ Редакція надѣется удовлетворить своихъ читателей. Съ этой цѣлью «Кіевская Газета» предприняла на первыхъ порахъ въ новомъ году слѣдующія главныя реформы.

Желая доставить читателямъ возможно скорыя и вѣрныя свѣдѣнія, Редакція постаралася заручиться собственными корреспондентами въ наиболѣе крупныхъ городахъ Западной Европы и Россіи. Пользуясь услугами послѣднихъ, Редакція имѣетъ возможность сообщать своимъ читателямъ посредствомъ корреспонденцій и телеграммъ всѣ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ: законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и проч.

Сообщенія изъ столицъ доставляются намъ теперь спеціальными столичными корреспондентами и потому приходятъ 1-2 днями скорѣе, чѣмъ въ прежнее время. Сообщенія эти печатаются въ «Кіевской Газетѣ» ежедневно подъ рубрикой «Столичныя вѣсти».

Въ виду крайней неполноты и несвоевременности сообщеній «Россійск. Телеграфн. Агенства», Редакція вошла въ сношеніе съ ново-организованнымъ при министерствѣ финансовъ «Торгово-Телеграфнымъ Агенствомъ», телеграммы котораго отнынѣ регулярно будутъ помѣщаться въ «Кіевской Газетѣ» и, такимъ образомъ, читатели своевременно будутъ оповѣщены о всѣхъ выдающихся событіяхъ какъ внутренней жизни Россіи, такъ и заграничной. Кромѣ того, въ «Кіевской Газетѣ» будутъ ежедневно печататься котировки С.-Петербургской биржи по телеграфнымъ сообщеніямъ Торгово-Телеграфнаго Агенства.

Выписанная нами ротаціонная машина, печатая до 12 тыс. экземпляровъ въ часъ, даетъ возможность намъ своевременно выпу-

скать газету и помѣщать въ ней тѣ новости и телеграммы, которыя получаются даже поздней ночью.

Имѣя въ виду дать читателямъ беллетристическій матерьялъ для чтенія, Редакція рѣшила выпускать особыя литературныя приложенія къ «Кіевской Газетѣ», въ которыхъ будутъ помѣщаться стихотворенія, очерки, разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные, а также очерки русской и заграничной жизни. Кромѣ того, въ приложеніяхъ будутъ помѣщаться рисунки, касающіеся современнымъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей. Приложенія будутъ выпускаться еженедѣльно, съ особымъ счетомъ страницъ. Изъ нихъ составится за годъ полный экземпляръ иллюстрацій въ 52 тетради.

Такимъ образомъ въ 1904 году каждый подписчикъ «Кіевской Газеты» получитъ: 1) Ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ. 2) 52 №№ Еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ литературно-художественныхъ приложеній.

Стремясь постоянно расширять кругъ своихъ сотрудниковъ, редакція пригласила къ участію въ газетѣ новыхъ лицъ. Въ 1904 г. въ «Кіевской Газетѣ» будутъ принимать постоянное участіе слѣдующіе извѣстные столичные литераторы и журналисты: А. В. Амф—тровъ (И. Л. Иксъ), К. С. Баранцевичъ, П. В Быковъ, П. И. Вейнбергъ, М. В. Крестовская, В. С. Лихачевъ, Lolo (Л. Г. Мунштейнъ), М. А. Лохвицкая, А А. Луговой (Тихоновъ), Ѳ. Ѳ. Тризонеръ (Мечтатель), Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Въ 1904 году всѣ подписчики «Кіевской Газеты» будутъ по-прежнему пользоваться правомъ получать въ театрѣ «Соловцовъ» на спектакли драматической труппы М. М. Глѣбовой билеты по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ,—разъ въ недѣлю, въ дни, указанные дирекціей театра.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой: на годъ 9 р., на 9 мѣс. 7 р. 10 к., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 70 к., на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки: на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р. 20 к., на 6 мѣс. 4 р. 40 к., на 3 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 90 коп.

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р и къ 1-му іюля 3 р. Подписка на 1904 годъ и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ. Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ по 60 коп. За перомѣну адреса 40 коп., причемъ необходимо сообщать заблаговременно прежній и новый адресы. О каждой перемѣнѣ адреса просятъ сообщать отдѣльно. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Кіевъ, Владимірская ул., № 34. Телефонъ № 1276.

Издатели: *С. Я. Богдановъ*, *А. Ф. Френкель*. Редакторъ *А. Ф. Френкель*.

3—3

экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала, Ваганьковскій пер. д. Куманина; въ Спб., въ кн. маг. Н. П. Карбасникова въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ Вильнѣ въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Перми, въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ. Всѣ изданія ред. «Русской Мысли» находятся на складѣ при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ.*

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

КНИГА 2-я.—ФЕВРАЛЬ, 1904.

I.—Блаженный Августинъ въ борьбѣ съ язычниками.—II.—**В. И. Герье.**—*II.—Братья*—Повѣсть.—VII—XI.—**П. Д. Боборыкина.**—III.—*Изъ Америки въ Японію.*—IV.—Іокогама; Токіо; Коби; Японское Средиземное море.—V.—Опять Нагасаки.—Окончаніе.—**Ѳ. И. Кнорринга.**—IV.—*Самобытность или отсталость?*—Этюдъ.—**Григ. Ал. Евреинова.**—V.—*Въ избранномъ обществѣ.*—Повѣсть.—II.—Окончаніе.—**Л. Авиловой.**—VI.—*А. Н. Радищевъ.*—Очеркъ.—I-IV.—**М. Туманова.**—VII.—*Стихотвореніе.*—Побѣги.—**В. Уманова-Каплуновскаго.**—VIII.—*«Союзъ душъ».*—„Souls". A Comedy of intentions, by „Rita".—X-XX.—Съ англ. **З. В.**—IX.—*Новѣйшіе противники общины.*—**Л. З. Слонимскаго.**—X.—*Хроника.*—*Внутреннее обозрѣніе.*—Именной Высочайшій указъ 8-го января и очеркъ работъ редакціонной коммиссіи по пересмотру постановленій о крестьянахъ.—Кодификація, проектируемая ею.—Возможность другого исхода.—Отзывы печати о составѣ губернскихъ совѣщаній.—Предоставленіе министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ тверскому земству.—XI.—*По вопросу объ организаціи общественнаго призрѣнія* внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ.—**Д. И. Орлова.**—XII.—*Иностранное обозрѣніе.*—Положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ.—Односторонность газетныхъ свѣдѣній и телеграммъ.—Особенности русско-японскаго кризиса.—Политическія дѣла въ Германіи: прусское офицерство и возстаніе противъ нѣмцевъ въ южной Африкѣ. - Успѣхи Чемберлена въ Англіи.—Гербертъ Спенсеръ и Японія.—XIII.—*Литературное обозрѣніе.*—I. Собраніе сочиненій

Н. И. Костомарова, книга первая.—II. Е. Шмурло. Собраніе документовъ къ исторіи царствованія Петра В.—III. Архивъ граф. Мордвиновыхъ, т. VII-X.—IV. Исторія Кавалергардовъ, томы II и III. С. Панчулидзева.—**А. П.**—V. В. Ѳ. Боцяновскій, кн. Н. Д. Урусовъ и Ст. Сухановъ—о Леонидѣ Андреевѣ.—VI. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые, В. П. Батуринскаго.—VII. Бѣлоруссы, П. Ѳ. Карскаго.—VIII. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ I. И. Иллюстрова.—IX. Царь Іоаннъ Грозный, историческая хроника, Л. Жданова.—**Евг. Л.**—Мелкая земская единица, сборникъ статей, вып. 2.—**М. Г-анъ.**—Новыя книги и брошюры.—XIV.—*Замѣтка.*—По поводу выставки «Дѣтскій міръ».—**В. Ѳ. Адлера.**—XV.—*Новости иностранной литературы.*—Frank Wedekind, „Erdgeist", Drama.—**З. В.**—XVI.—*Изъ общественной хроники.*—Первыя засѣданія новой спб. городской Думы.—Организація группъ, выразившаяся въ выборахъ.—Увеличеніе содержанія городскимъ должностнымъ лицамъ.—Вопросъ о партійной дисциплинѣ.—„Харьковскія Губернскія Вѣдомости" и харьковская городская Дума.—Инцидентъ въ Севастополѣ.—Изъ міра печати.—XVII.—*Извѣщеніе.*—Отъ Врачебно-Педагогическаго Института для отсталыхъ и неуспѣвающихъ дѣтей.—XVIII.—*Библіографическій листокъ.*—Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, т. II.—Ив. Страховскій, Крестьянскія права и учрежденія.—К. Каутскій, Торговые договоры и торговая политика.—Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. т. I.—И. Н. Потапенко, Сочиненія, т. I.—Полное собраніе сочиненій Г. Ибсена, т. V.—XIX.—*Объявленія.*—I-IV.

ПОДПИСКА НА 1904-й ГОДЪ.

(Тридцать-девятый годъ).

Контора журнала: С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., 28.

Безъ доставки: на годъ: 15 р. 50 к., на полгода: 7 р. 75 к., на четверть года: 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб. на годъ: 16 р., на полгда: 8 р., на четверть года: 4 р. Съ пересылкою на годъ: 17 р., на полгода: 9 р. 8 р., на четверть года: 5, 4, 4, 4 р. За границей на годъ: 19 р., на полгода: 10 р., на четверть года: 9 р., 5, 5, 4, 4 р.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. М. Стасюлевичъ.* Спб., Галерная, 20.

ЖУРНАЛЪ

„Труды Кіевской Духовной Академіи“

въ 1904 году

(годъ изданія сорокъ пятый)

имѣетъ выходить по прежней программѣ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также *переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина*, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «*Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ*».

Къ январю 1904 г. выходитъ на свѣтъ 17-я часть Твореній бл. Іеронима въ русскомъ переводѣ (толкованія на посланія къ Галатамъ и Ефесянамъ).

Указомъ Св. Синода отъ $^{3}/_{29}$ февр. 1884 г. подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку св. отцевъ и учителей ц. западныхъ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 84-го:

январь, февраль, мартъ. 1904 г.

Книга первая—январь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая—февраль.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—мартъ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXV.

1904 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 15 марта 1904 г.

Объявленіе о преміяхъ.

Редакція журнала «Кіевская Старина» рѣшила на текущій годъ объявить преміи за лучшіе разсказы и повѣсти по-украински. Условія премій слѣдующія:

1) Представляемые на премію разсказы и повѣсти должны быть оригинальные, а не переводные и передѣланные [1]).

2) Авторамъ предоставляется свободный выборъ темъ и сюжетовъ.

3) Премированный разсказъ или повѣсть печатается въ «Кіевской Старинѣ» и оплачивается по разсчету 100 руб. за печатный листъ въ 16 страницъ.

4) Срокъ представленія разсказовъ и повѣстей не позже 1 ноября 1904 года.

5) Рукописи должны быть представлены переписанными не рукою автора и безъ имени его, а только съ девизомъ, при чемъ нужно въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью того-же девиза, указать свой точный адресъ (имя, отчество, фамилія и почтовая станція).

---

[1]) Драматическія пьесы на премію не принимаются.

Генеральный судья Иванъ Чарнышъ и его родъ.

(Продолженіе [1]).

Не окончилось еще дѣло Чарныша съ Михаиломъ Милорадовичемъ, какъ генеральный судья принужденъ былъ снова испытывать всю свою ловкость и изворотливость дабы избавиться отъ новаго врага, хотя и мелкаго, но непріятнаго. Это былъ сотникъ ковалевскій (гадяцкаго полка) Аѳанасій Кицешъ, называвшійся иногда просто Волошиномъ, т. е. волохомъ. Дѣло это, возникшее въ 1716 году, продолжалось цѣлыхъ восемь лѣтъ, и сводить послѣдніе счеты по нему пришлось уже вдовѣ Чарныша... Въ виду этого, а также того, что въ немъ наиболѣе характерно выразилась личность генеральнаго судьи, считаемъ нужнымъ привести подробности о Кицешѣ [2]).

Въ одной изъ своихъ челобитныхъ этотъ упорный челобитчикъ на Чарныша разсказываетъ о себѣ и о причинѣ своего

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 3.

[2]) Свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ находятся въ бумагахъ А. М. Лазаревскаго, находящихся нынѣ въ университетѣ св. Владиміра. Мы пользовались ими благодаря любезности Н. П. Василенка, коему и приносимъ здѣсь нашу глубокую благодарность.

столкновенія слѣдующее. «Въ прошлихъ, государь, годѣхъ служилъ я вашему царскому величеству при войскѣ вѣрно и былъ противъ шведовъ в Калишской и в другихъ многихъ быталіахъ, и при Полтавской баталѣи, и на Турецкой акціи служилъ я вашему-жъ царскому величеству в волоскихъ полкахъ ротмистромъ; а послѣ Турецкой акціи, какъ войско вашего царского величества возвратилось назадъ и пошло вверхъ рѣки Прута,—и в то время былъ я, нижайшій рабъ, при свѣтлѣйшемъ князѣ Дмитріѣ Костентиновичѣ Контемирѣ. А какъ онъ, свѣтлѣйшій князь, по указу поихалъ изъ Украини в Москву,—и я, нижей менованній, остался з товарищи своими и с хоронгвою подъ командою господина енерала фелтъ-мершала и ковалера графа Бориса Петровича Шереметева и былъ з два года, а ис команди его вашимъ царского величества указомъ отпущени мы в Черкаскіе городи, и по разсмотрѣнію господина гетмана Іоана Ілича Скоропадского определенъ я в Гадяцкой полкъ, в мѣстечко Ковалювку, сотникомъ. А какъ я прибилъ на Украину (1713 г.) и опредѣленъ былъ сотникомъ в Гадецкому полку, и онъ, Чарнишъ, многіе разы призивалъ меня къ себѣ, говаривалъ, дабы я ево невѣстку, которая была за братомъ ево роднимъ Тихономъ, взялъ за себе, за которою обѣщался мнѣ пожитки мужа еи всѣ отдать, также отъ себя особливо—кафтанъ подбытъ соболями с вишитіемъ персоною царского величества, и ручался за оную, что оная его невѣстка, будучи вдовою полтретя года, пороку на себя никакова не учинила и роду хорошова; которая (невѣстка) была за мною (и) послѣ свадбы в шестиднехъ родила, которое (дитя) прижилъ блудно онъ, Чарнишъ. И онъ, Чарнишъ, мужа ея пожитковъ и обѣщанности мнѣ—кафтана—ничево не далъ.—И не хотя такой недоброй слави я, ниже іменованній, на себѣ понести и утаить,—и такое ево, Чарнишово, блудное житіе с тою ево невѣсткою, а с моею женою обявилъ тамошнимъ (ковалювскимъ) обывателемъ, честнимъ особамъ, и господамъ полковникамъ: миргородскому (Апостолу) и гадяцкому (Милорадовичу) и Ѳедору Івановичу Простасіеву, и другимъ многимъ людямъ; о которомъ ево, Чарнишовомъ, недобромъ порядку чрезъ господина полковника миргород-

ского, о такомъ дѣлѣ, в разговорахъ, будучи в Украинѣ, свѣдомъ его свѣтлость енералъ фелтъ-маршалъ и ковалеръ князь Александеръ Даниловичъ Меншиковъ, да обличаетъ ево, Чарнишово, и донынѣ блудное дѣло—то рожденное дитя. И злясь онъ, Чарнишъ, на меня за то объявленіе и попошеніе, и второе—имѣя на полковника гадяцкого злобу для того, что оной полковникъ іноземецъ, а по имянному вашего царского величества указу пожалованъ на ево, Чарнишово, мѣсто въ Гадяцкой полкъ, также и я, нижей іменованній, іноземецъ-же и на оного полковника (Милорадовича), по указу его, вибыралъ ярмарковіе гроши, какъ есть такой обычай,—и по той злобѣ оной енералной судя напалъ на меня нагло и пожитки мои и всякіе вѣдомости пограбылъ и разорилъ безъ остатку, и держалъ мене в Гадячу в крѣпости три недѣлѣ подъ карауломъ, и с того караулу висвободилъ меня Ѳедоръ Івановичъ Протасіевъ»...

Какъ только слухи, распускаемые Кицешемъ объ отношеніяхъ Чарныша къ невѣсткѣ, дошли до свѣдѣнія генеральнаго судьи,—тотъ немедленно порвалъ свои отношенія съ Кицешемъ, выселивъ его изъ своего дома. Когда это случилось, Кицешъ, повидимому, спохватился, что далеко зашелъ, и попытался помириться съ Чарнышемъ, но безуспѣшно... Въ ноябрѣ 1715 года онъ написалъ генеральному судьѣ любопытное письмо, въ которомъ униженно просилъ не лишать его крова въ зимнее время [1].

---

[1]) Вотъ это письмо: «Велможній а премилостивѣйшій добродѣю мой, мосце пане судія енералній! Многосмо терпѣлъ отъ велможности вашей, премилостивѣйшаго добродѣя моего, даремной зневаги,—а то все чрезъ уданне злосливихъ на мя людей, яко и теперь чрезъ тое велможность ваша велите з дому своего панскаго виходить... А якъ-би звиклая милость ваша панская и родителская на мнѣ оказалася и поважною увагою своею спомнѣли тое, же я цалую волю вашу панскую вчинилъ (т. е. женился на вдовѣ Тихона Чарныша) и много пріобицалисте милости своей и ласку мнѣ, слузѣ своему и подножку, препослать, а теперь за оболганнемъ злихъ людей, велите из двору виходить,—в томъ, хоча не на мя покажѣте звиклую милость, але на своихъ дѣтей и на зиму з двору не виходити,—бо когдабъ дома лѣ-

Но видно, генеральный судья слишкомъ былъ разсерженъ на Кицеша,—и это письмо осталось безъ послѣдствій. Чарнышъ видимо рѣшилъ покончить съ Кицешемъ; но такъ какъ поднимать противъ него дѣло ему самому было неудобно въ виду ужъ очень скандальной для генеральнаго судьи подкладки его, то избранъ былъ другой предлогъ,—обиды, которыя терпѣли отъ Кицеша ковалевскіе обыватели. Дѣло, конечно, не обошлось безъ денежныхъ расходовъ со стороны Чарныша, и 6-го февраля 1716 года обыватели ковалевскіе Семенъ Драбъ,Описко Андреенко и Демьянъ Перехристъ подали Чарнышу «суплѣку», въ которой, жалуясь на своего сотника, писали: «Будучи въ такомъ великомъ и незносномъ утяженю нашомъ, жалосную нашу до велможности вашей, милостивого пана и великого добродѣя, уносимъ скаргу о кривдѣ, которую дознались теперь отъ пана сотника ковалювского, ижъ не памятаючи на боязнь Божію, а нѣ тежъ уважаючи на каране надъ собою старшихъ, незносное утяженя обивателямъ нашимъ и кривди чинитъ; которіе люде о кривдѣ своей хотятъ жаловатися,—такъ онъ говоритъ такія слова, что будто тихъ бунтовниковъ обухами карати (будетъ), а намъ тромъ хочетъ волоскую карность задавати, а якую карность: Семену Драби хочетъ язикъ проколоти та вовками очепити, а Описка Андреенка хочетъ на гакъ за ребро очепити, а Демяна Перехриста—на палю збити». Въ заключеніе этой «суплѣки» Драбъ, Андреенко и Перехристъ просятъ Чарныша освободить ихъ отъ таковаго «утяженя, да таковихъ убитковъ на себѣ поносить не можемъ, а въ дознаню милостивой ласки велце вашей панской на насъ,—въ томъ повинисмо Господа Бога за щасливое и многолѣтное ваше рейментарское панованя благати отъ нынѣ и до вѣка».—Какой былъ ре-

---

товалъ, то-бъ якъ колвекъ халупу себѣ вдѣлалъ, а теперь не могу: и не тилко з двору не виходити—покажѣте родителское свое и добродѣйское милосердіе и горливость, але еще на свои миліе дѣти пришлѣте, жеби на зиму чимъ пріодягнути... О всемъ и пакы слезне испросивши, зостаю велможности вашей, премилостивѣйшему добродѣю, поволній слуга и подножокъ Афтанасъ Николаевичъ, сотникъ ковалювскій. З Ковалювки, ноембрія 17 дня, 1715 року».

зультатъ этой челобитной мы не знаемъ, но надо думать, что онъ состоялъ именно въ трехнедѣльномъ тюремномъ сидѣніи Кицеша, о чемъ онъ говоритъ въ приведенной выше челобитной. Этой мѣрой Чарнышъ надѣялся смирить Кицеша и заставить его молчать, но тотъ, повидимому, этого не понялъ и продолжалъ распускаемыми слухами компрометировать генеральнаго судью. Тогда послѣдній возстановилъ противъ него уже большинство ковалювскихъ обывателей, имѣя въ виду удалить Кицеша съ сотническаго уряда. Кицешъ, оказывается, узналъ раньше о готовящейся на него жалобѣ и вновь пытался примириться съ генеральнымъ судьей, обратившись къ нему съ униженнымъ письмомъ, но опять безуспѣшно [1])... Въ началѣ 1717 года Чарнышъ полу-

---

[1]) Приводимъ это любопытное письмо Кицеша къ Чарнышу: «Велможній а премилостивѣйшій добродѣю и отче, мосцѣ пане судія енералній! Есть велможности вашей, добродѣеви моему и отцеви, с прикреннемъ мое подлое листовное частократное прошеніе и отмовка в моей невинности. Теди, вѣдаючи слова Бозкіе: просите и дастся вамъ, одознавши з початку на себѣ, подломъ пахолку и чужоземцу, значного на себѣ отъ велможности вашей милосердія, же не тилко за слугу, але раче якоби и за сина принявши, властію сотництва обдаралисте мя, которой ласцѣ благодаренъ бивши, всегда за щасливое панованіе и долголѣтное Всемогущаго Творца вѣрне благаю, и билъби гдѣ предъ знатними особами—ласкою таковою и милосердіемъ вашимъ панскимъ и отческимъ хвалюся, такъ и служу, и за мою вѣрность предней ласки слезне жебраю и цале надѣю покладаю, же помилованъ зостану отъ велможности вашей, добродѣя моего и отца! Бо ꙃдижъ отъ знатной особи, албо отъ честного человѣка, слово нестатечное и невѣрность не пришла!—Тилко отъ Семена Драба тое походитъ и гнѣвъ вашъ отческій на мнѣ оказуется, бо не токмо то онъ, Драбъ, що мене уже развивъ килка вдаетъ и турбуетъ, але и прежнимъ сотникомъ и инимъ людемъ фалшивими и неправдивими слови своими до гнѣву и турбаціи приводилъ и позви чинилъ, и всѣмъ его фалшивость и неправда есть явна. Зачимъ, велможній добродѣю и отче, не повѣраючи онаго плутству и его сверстникамъ намовленнимъ, и гнѣвъ свой панскій отложивши,—преднею ласкою прикрити мя, бо я велможности вашей не зоставалъ и не зостаю подступцею,—токмо вѣрнимъ слугою; также и дѣтемъ вашимъ панскимъ, якъ роднимъ отцемъ:

чилъ жалобу на Кицеша со стороны шенгирсевскаго атамана Кузьмы Симоновича о томъ, что «онъ, сотникъ, набѣгши до стада мірского и не знать зъ якой причини взялъ у меня яловицю, хотячи полковнику (Милорадовичу) удобрити, которую и до сего время завладѣлъ,—и прислалъ минѣ напотимъ денегъ копъ три, и я не узялъ, бо неслушная цѣна, а я еи оцѣнилъ за сѣмъ копъ»; а затѣмъ были поданы жалобы на Кицеша и отъ ковалевскихъ обывателей. Воспользовавшись пребываніемъ въ Гадячѣ самого гетмана, ковалевцы подали ему реестръ обидъ, прося защиты. Изъ длиннаго списка насилій Кицеша приводимъ наиболѣе интересныя. Во главѣ списка стояло слѣдующее самое тяжкое преступленіе Кицеша: «1-mo) Афанасій Николаевичъ Волошинъ, при свидѣтельствѣ п.п. Мартина Стишевского, асаула полкового гадяцкого, Романа Корицкого—опошанского, Тимоѳея Лукашевича—гадяцкого и Леонтія Масюка,—веприцкого—сотниковъ—подавалъ пунктъ, такъ в себѣ маючій: «Что я, мовитъ, когда служилъ королю шведскому лѣтъ десять,—тогда много москалей, рубаючи и чистячи, кололъ своими руками, и впредь не зарѣкаюся чистити»; 2-do) похвалки чинилъ на старшину и козаковъ: язики рѣзати, на гаки скидати и голови ихъ на палѣ збываты». Затѣмъ идетъ длинный перечень отдѣльныхъ Кицешевыхъ насилій, изъ которыхъ приводимъ наиболѣе характеризующія его: «3-tio) козаками сѣно коситъ, оретъ і всякую работизну дѣетъ; 4-to) провіантового овса за трома рази забралъ осмачокъ 43; 5-to) козацкихъ шинковихъ грошей 180 золотыхъ забралъ; 6-to) отъ давнихъ лѣтъ царина

и що пріобрѣту моимъ не останется, але имъ будетъ по смерти моей. И нехай-би я през данную ласку вашу панскую въ тихомирности хлѣба кавалекъ моглъ зъисти, отъ того сутяжци и клеветника Драба уволнити,—нехай би онъ болшъ мною не турбовалъ! А за показанное ваше отческое и добродѣйское милосердіе виннимъ себе декляруючи за многолѣтное ваше отческое панованіе до смерти житія моего Господа Бога благаючи, вѣрность прекладати, яко и зостаю Велможности вашой, премилостивѣйшому добродѣеви моему и отцеви, нижайшій слуга и подножокъ Афтанасъ Николаевичъ, сотникъ ковалювскій. З Ковалювки, февраля 2, 1717 року».

была для випуску волная одъ пашнѣ, теперъ закопавши себѣ, панщиною козаками изоравши, пашнею засѣялъ; 7-to) в Денисихи вдови надаремно, насилно, зол. пять грошей взялъ; 8-to) подъ часъ жнивъ зганяетъ людей з поля на свои ныви усиловне; 9-to) былъ шкляра, осердившися, безвынне; 10-to) тертичникамъ не заплатилъ десяти талярей грошей за свою домашнюю роботу; 11-to) теслямъ не заплатилъ золотихъ сорокъ;—13-to) торги за его великимъ здирствомъ не збыраются;—19-to) Мартина Щербаченка, зазвавши в дворъ свой, за тое, що двохъ дубовъ ему, Волошинову, не далъ, былъ и поле отнялъ насилне; 20-to) Мартина Драбенка былъ напрасно пяній; 21-to) Дениса козака без даня причини былъ и вязенемъ мордовалъ, ажъ мусѣлъ з вязеня втекти; 22-to) Гордѣя Шкуренка завернувши на дорозѣ, тирянско былъ, що не далъ за написане подорожной копи грошей; 23-to) шпиталнымъ старцомъ вигнанемъ на панщину и розною работизною творитъ великіе пакости и обиды;—33-to) челядь при собѣ волохувъ державши, з околичнихъ мѣстечокъ и сѣлъ (особливо з полку миргородского, полтавского и лубенского) конѣ крадутъ и по ярмалкахъ посторонних возячи, спродуютъ,—о которомъ его злодѣйствѣ совершенно вѣдаетъ его милость панъ полковникъ миргородскій и самого его хвалився где поймати. тамъ и повѣсити (т. е. Кицеша); а злодюги челядники, чили—товариши (Кицеша), своими половленніе, в Гадяцкой турмѣ седѣвши, одтоль повтѣкали,—всей старшинѣ Гадяцкой тое свѣдомо». «Да зособна», говорится въ концѣ реестра, «онъ-же, Волошинъ, удовствуючую зацную невѣсту, ковалювскую жителку Марію Василиху, насилне при другой невѣстѣ Евдокіи Вовкувнѣ, в домъ свой зазвавши, зквалтилъ і еслибы и Вовкувна одтоль не втекла—то бы того же одъ его, Волошина, квалту не уволнилася бъ, поневажъ его служка Іванко Волошинъ хатніе двери былъ подперъ»... Подавая этотъ списокъ насилій своего сотника, ковалевцы прибавляютъ отъ себя: «І ежели еще достойно, якъ онъ хоцетъ, на тое сотництво быты ему урадникомъ по нижей слѣдствуемихъ пунктахъ (особливе в початку за противность інтерессу монаршому)—подъ високое зверхнѣйшой власти подается разсужденіе»....

«Зверхнѣйшая власть» въ лицѣ гетмана передала жалобу ковалевцевъ на разсмотрѣніе генеральному судьѣ Чарнышу, а тотъ пока что—смѣстилъ Кицеша съ сотничества и посадилъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, его въ тюрьму еще до рѣшенія самой жалобы. Сохранилось письмо, писанное Кицешемъ изъ тюрьмы къ Чарнышу отъ 22-го февраля 1717 года: «Велможній мосцѣ пане судія енералній, мнѣ, безвинне страждующему во узахъ, чадолюбивій отче и добродѣю! В сей моей нещасливой фортунѣ, которая завше омилними звикла поступати степени, не имѣю болшей ни до кого инніого, з крвавоплачливими отъ незноснаго жалю неутолимими очесъ моихъ слезами, чрезъ всепокорственную, подлую и нижайшую челомъ—бытія моего харту, до стопъ ногъ велможности вашей себе повергаю.—Вѣмъ убо воистинну, яко нихто не обрѣте у ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана милости таковой, якъ велможность ваша: вся можеши, елико хощеши по прежней своей отческой ку мнѣ, бѣдствующему в напасти, призирателной милости, якой и теперъ ищу и всеслезне прошу уволнити мене отъ сей напасти—не подати мене на такое поруганіе и поталу онимъ ковалювскимъ бунтовникамъ, якіе безвинне на мене повстали и до остатнего разоренія хоцутъ привести, а особливе сторони удання неправедного, овшемъ ложнаго! Подъ сумленнемъ христіанской души сознаю, же не знаю и не вѣдаю того, что они говоратъ на мене! А при уволненіи моемъ и отъ узъ свобожденіи, по премногой отческой своей милости,—повели. всемилостивѣйшой отче, свое високо поважное з суду енералного видати защитителное писаніе, абы не тѣшилися и не ругалися з прехитраго и злаго умишленія исполненіе помянутіи бунтовщики! Чаю и желаю горливого и благоутробного милосердія, якое получивши, долженъ зостаю зъ женою и дѣтми найвишшаго во благоутробіяхъ пренебеснаго Творца, волно страждущаго на крестномъ полю Цара слави Христа Господа про особливое здравіе, щасливое и благополучное во премногія лѣта велможности вашой панованне благати. Велможности вашой, пану моему всемилостивому и человѣколюбивому отцу,

найнижшой рабъ Аөанасій Николаевичъ, бувшій сотникъ ковалювскій».

Доказательствомъ тому, что дѣло объ обидахъ, причиненныхъ Кицешемъ ковалевскимъ обывателямъ, было начато и раздуто Чарнышомъ, служитъ свидѣтельство, выданное въ январѣ того же 1717 года группою ковалевскихъ козаковъ Кицешу: «Мы, товариство города Ковалювки (слѣдуетъ перечисленіе по именамъ 24 лицъ)—при собраню нашомъ на ринокъ под часъ дня недѣлного, не з нѣякого примушенія, але з доброхотной нашей волѣ, чинимъ вѣдомо и явно, гдѣ колвекъ сіе наше писаніе явленно будеть: якъ прежнихъ нашихъ сотниковъ бывало, що отъ нихъ намъ укажется отбувати повинность войсковую и городовую, то жаднихъ нашихъ не поднѣмаемъ бунтовъ, але з охотою тое творимъ, що они намъ повелѣваютъ, вѣдаючи тое, же которій станетъ началникомъ, то намъ повинно его слухати и повиноватися и за началника мѣти,—такъ и сего нашего пана сотника Аөанаса Николаевича мѣлисмо его за сотника и повиновалися, що намъ отъ него указанно, такъ и теперъ мѣемъ за сотника и мѣти хочемъ, жебы потомъкове его дождали надъ нами началниковати, бо ɡдижъ мы якъ не придетъ указъ отъ зверхнѣйшихъ, то отъ него жадной кривди не узнаемъ, и якъ зайдетъ указъ монаршій, рейментарскій и его милости пана полковника гадяцкого и кавалера македонского Михаила Милорадовича, то хто стается указовѣ противній и непослушній—то такова не сотникъ караетъ, але указъ панскій; якъ и теперъ Семенъ Драбъ и его соверсники давно звикли бунтоватися на сотниковъ и сами собою, такъ и теперъ не вѣдаемъ для чого бунтуются и пановъ турбуютъ... А ми, вишеписанніе товариство, отъ своего пана сотника на актахъ, гдѣ лучится, и тежъ в дому корчемномъ, отъ трезвого и отъ подпилого, не дознали зневаги и на грунтахъ нашихъ убила самоволного, хиба з ласки своей албо з повинности хто що дастъ, якъ належитъ старшему; гдѣ, даючи сіе наше свѣдителство, велце и покорне испрошаемъ и мѣти хочемъ его за сотника»—[1]).

---

[1]) Любопытна небольшая подробность: зная, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, Кицешъ этого почти единственнаго говорящаго въ его пользу

Такимъ образомъ, послѣдній документъ и реестръ обидъ— даютъ двѣ совершенно противоположныя характеристики одному и тому-же Кицешу; несомнѣнно поэтому, что въ нихъ обоихъ большую роль играли подачки со стороны тѣхъ лицъ, кои были заинтересованы въ томъ, или другомъ документѣ; нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Кицеша поддерживалъ въ борьбѣ съ Чарнышомъ столь непріязненный послѣднему Михаилъ Милорадовичъ... Однако, послѣдній документъ, равно какъ и три свидѣтельства 1715 года, представленныя Кицешемъ отъ полковника браславскаго Григорія Ивановича (Иваненка) и отъ трехъ ротмистровъ полка Апостола-Кегича, у которыхъ служилъ ранѣе Кицешъ, о томъ, что послѣдній—человѣкъ «доброй»—ни къ чему не привели: свидѣтельство ковалевцевъ затерялось среди обвинительнаго матеріала, имѣвшагося въ рукахъ Чарныша, а свидѣтельства отъ сослуживцевъ Кицеша были написаны его земляками— и имъ, быть можетъ, просто не дали вѣры...

Получивъ въ свои руки жалобу ковалевцевъ, генеральный судья съ необычайной для него быстротой разобралъ ее, и 2-го марта 1717 года уже былъ готовъ декретъ генеральнаго суда; «чадолюбивый отецъ» не преклонилъ уха къ «слезному» письму Кицеша изъ тюрьмы... Въ декретѣ было сказано, что Кицешъ по всѣмъ поданнымъ на него пунктамъ повинился и потому долженъ былъ удовлетворить всѣхъ обиженныхъ имъ. Кромѣ того, безпристрастный и суровый на этотъ разъ генеральный судъ за «похвалки» и «кгвалтъ» приговорилъ Кицеша къ «арматному сидѣнію», а «що зась дерзалъ (говорилось дальше въ декретѣ) вижей намѣненніе з устъ своихъ неповстягливихъ вирекати неслушніе слова, за якіе ведлугъ права належало бы смертію карати;—по за докладомъ ясневелможному его милости пану гетману и за вѣдомомъ царского величества столника его милости господина Федора Івановича Протасіева—урадъ сотництва отъ его отобравши, впредъ з вѣрними престолу монаршому служачими на всякомъ мѣстцу доброй репутаціи імѣти отказано»...

документа Чарнышу въ подлинникѣ не далъ, а оставилъ ему лишь засвидѣтельствованную копію...

На этомъ дѣло между Кицешемъ и Чарнышомъ, быть можетъ, и окончилось бы, но случилось такъ, что вслѣдъ за лишеніемъ сотничества, бывшій ковалевскій сотникъ потерялъ и свою жену Марину Романовну, имѣвшую отъ брака съ Тихономъ, братомъ генеральнаго судьи, двухъ дѣтей: Ѳедора и Агаѳью. Чарнышу представился новый предлогъ обидѣть Кицеша и онъ, заявивъ себя опекуновъ племянниковъ, рѣшилъ отобрать на нихъ имущество Кицеша, утверждая, что все почти имѣніе послѣдняго было получено имъ какъ приданое за женою. Обстоятельства генеральному судьѣ вполнѣ благопріятствовали: по его указанію сотникомъ на мѣсто Кицеша былъ назначенъ извѣстный уже намъ «Демянъ Перехристъ», ставшій уже съ этихъ поръ «Демяномъ Ивановичемъ» 1), а городовымъ атаманомъ былъ поставленъ Семенъ Драбъ. Какъ мы видѣли выше, оба эти лица были первыми жалобщиками на Кицеша и состояли какъ-бы агентами Чарныша въ Ковалевкѣ. Имъ генеральный судья и поручилъ составить опись оставшагося послѣ Марины Кицешъ имѣнія, выславъ для этой цѣли отъ своего «боку панского» слугу «Василя», въ присутствіи котораго сотникомъ Демьяномъ и Драбомъ сперва была составлена опись, а затѣмъ состоялось и «опредѣленіе» «добръ» на дѣтей Марины отъ перваго ея брака съ Тихономъ. Въ силу постановленія ковалевскаго уряда, на племянниковъ Чарныша было отдано: «1) коня едного вороного; 2) едну клячу, а коня едного въ грабежѣ взялисмо за ропзикъ, что изъ срѣбра небожчишиного оній Афанасъ зробилъ и завладѣлъ; 3) бидла старого и малого 11; 4) овечокъ старихъ, ярчатъ и малихъ з козами и козенятами—58; 5) ґарелъ лисици годований з шлямами подлими—35; 6) кунтушъ лудановій зеленый женскій; 7) кунтушъ вишневый, отъ панѣ судѣной данный; 8) кунтушъ зеленый рецетовій, одъ панѣ судѣной данный; 9) кунтушъ атласовый жовтій съ бѣлками подбитій, одъ пана судѣ данній; 10) сподниця штаметовая зеленая; 11) плахта шовковая червоная; 12) шталтъ червоный аксамитній,

---

1) 10-го мая 1717 года уже послѣдовалъ ґетманскій универсалъ, коимъ Демьянъ Ивановичъ утверждался ковалевскимъ сотникомъ.

одъ панѣ судѣной данній; 13) два чепцѣ на аксамитѣ вишніовомъ заживаніе, одъ панѣ судѣной данніе; 14) серпанковъ два; 15) обрусовъ три; 16) хустка золотомъ шитая; 17) футро сѣбирковое старое; 18) сорочокъ шисть женскихъ; 19) килимціовъ чотире старихъ; 20) подушокъ двое; 21) коцовъ два; 22) пчулъ улліовъ 12; 23) вѣлчура чорная баранковая, бѣлими баранками жъ подшитая; 24) свиней старихъ и малихъ—18; 25) грошей одъ Григорія Кирсти, крамара комишанского, Тихоновскихъ справленнихъ—300 золотыхъ» и т. д.

Изъ этого перечня взятой Чарнышомъ «худобы» своей невѣстки якобы на ея дѣтей видно, какую заботливость выказалъ генеральный судья о своихъ племянникахъ: онъ не забылъ даже «чепцовъ и сподницъ»... На самомъ дѣлѣ все это имущество Марины Чарнышъ забралъ на себя; самому же Кицешу почти ничего не осталось: все было отдано въ опеку генеральному судьѣ. Послѣдній навѣрное ожидалъ жалобы на себя со стороны обиженнаго имъ Кицеша, почему и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы быть готовымъ встрѣтить обвиненіе. Самое лучшее было совершенно стереть съ лица земли Кицеча, и генеральный судья пробовалъ было поднять противъ него обвиненіе въ «забитіи» имъ своей жены Марины, но священникъ ковалевскій засвидѣтельствовалъ, что она «Божіими судбами померла». Тогда оставалось лишь свѣдить за дѣйствіями Кицеша, жившаго въ Ковалевкѣ и собирать противъ него свидѣтельства о насиліяхъ, а особенно о «похвалкахъ» и всемъ касающемся «до монаршого интересу». На «продерзостныя» слова Кицеша Чарнышъ главное свое вниманіе обратилъ потому, что обвинить въ невѣрности своего врага генеральному судьѣ казалось самымъ вѣрнымъ средствомъ объяснить и свои насилія по отношенію къ нему и, быть можетъ, удалить его и совсѣмъ изъ предѣловъ Малороссіи.

Вѣрные агенты Чарныша въ Ковалевкѣ—Демьянъ Ивановичъ (сотникъ) и Семенъ Драбъ (атаманъ) неусыпно слѣдили за Кицешемъ и немедленно доносили о всемъ, что касалось до дѣла его съ Чарнышомъ. Между прочимъ, они сообщали генеральному судьѣ съ мельчайшими подробностями, сколько въ настоящее время

у Кицеша жита, ячменя, какіе имъ были сдѣланы расходы на погребеніе жены своей и что пошло на этотъ предметъ изъ ея имущества и т. д. Въ одной изъ «цѣдулъ» своихъ они пишутъ: «Сіе до уваги велможности вашой являемъ, что того в насъ на городѣ немаешъ, яко онъ, Волошинъ, жонкамъ двомъ gвалтъ починилъ, и о коняхъ, покраденихъ нимъ же Волошиномъ: *надѣемся, якъ можетъ бити, у вашой велможности тое записано*». Самымъ же цѣннымъ документомъ, доставленнымъ сотникомъ Демьяномъ и Драбомъ Чарнышу, былъ слѣдующій, въ которомъ сообщалось о явныхъ намѣреніяхъ Кицеша жаловаться на генеральнаго судью: «Передъ намы, врадомъ ковалювскимъ, Демяномъ Івановичомъ—сотникомъ, Семеномъ Драбомъ—атаманомъ городовимъ—значная дѣялася винарація продъукованной инквѣзиціи взглядомъ Афанаса Николаевича, бившого сотника ковалювского, такъ подлугъ его учинковъ и велерѣчивого его язика, завзявши на врадъ нашъ и на всѣхъ граждапъ нашихъ не малую контру, невинне на насъ, токмо за его власніе учинки се мстячи, не толко промежку народомъ граждапъ нашихъ, лечъ и по инихъ сторонахъ, во иномъ полку, неспособніе и людемъ неужитіе похвалки плодитъ на висоце поважній гонорѣ, особливе на врадъ нашъ ковалювскій и на всѣхъ гражданъ,—что по свидѣтелству неложномъ, в нижеписанныхъ пунктахъ очне предъ нимъ обясняется таковимъ достовѣрнимъ а слушнимъ доводомъ. Сего нижеписанного марта 19 Петро Бойченко, житель сорочинскій, прибувши за своимъ дѣломъ в Ковалювку (при случаю, мовитъ, сторони Аффанаса Волошина), сознавалъ предъ нами, виже писанними особами: «Ижъ, мовитъ, чулемъ на перевозѣ Баранувскомъ отъ перевозниковъ Баранувскихъ, ижъ впредъ тутъ ехалъ Волошинъ, сотникъ ковалювскій, изъ Сорочинецъ и такъ говорилъ: «Билемъ у пана полковника миргородского и не засталемъ, же в Кіевѣ обрѣтается, и я, мовитъ, воскорѣ буду простовати в Кіевъ до князя Голицина, где тамъ же и панъ миргородскій, прекладаючи жалобу о забраню худобы моей отъ ковалювцовъ». Сего-жъ марта 20. «И якъ прибулъ Василь, посланый отъ пана судіи енералного войскового з поважними его писмами панскими о раздѣленню худобы з

дѣтми, оній Волошинъ, будучи упарностю знятій, называлъ всѣхъ насъ, више писанихъ особъ, драпѣжцами и *булавинцами* и обухъ ухвативши и шаблю, похвалялся на Семена Драба, атамана нашего городового, «ижъ, мовитъ, на тебе я сей обухъ держу и шаблю,—чого и не увойдешъ», и называлъ атамана Драба собачою вѣрою, жидомъ, псою бородою и иними неучтивими слови, что свѣдители всѣ виже писанніе особы и на тотъ часъ згодившіеся.—Лаврѣнъ Романенко, шуринъ Афанасовъ Волошиновъ, посвѣдчаетъ на Афанаса Волошина таковіе слова неудобніе: «ижъ, едучи сего зимнаго времени санками з Волошиномъ до Гадячого, и чулъ таковую мову отъ Волошина: «ижъ, мовитъ, мѣю скаргу прекладати въ Кіевѣ до князя Голицина на пана судію енералного, что сердячися на пана полковника гадяцкаго (Милорадовича), позволилъ козакамъ ковалювскимъ худобу мою разобрати [1]), и чулемъ отъ волохъ, же давно князь Голицинъ на пана суддю *зубы стриже* и мѣетъ его, суддю, повѣсити. А если бы не мѣло бы право мнѣ бути в Кіевѣ, то мѣю намѣреніе простовати ажъ до Пѣтербурху, и хочай тамъ буду служити за солдата и в постоляхъ ходити, любъ сколка роковъ, а своего достою, ижъ в десятеро буду брати за свою худобу, и еще я самъ лучше подновлю, же конечне его, пана суддю, повѣсятъ». Сію мову виже реченній Лаврѣнъ ему, Волошину, презентовалъ при всѣхъ насъ, вишписанихъ особахъ, а оній Волошинъ жадного виводу з собѣ не далъ, тилко тимъ словомъ притится. Грицко Сѣчка и Иванъ Коваленко посвѣдчають предъ нами, вижеписанними, ижъ чули отъ Василя Волошина, брата Афанасового, таковую мову: «же скоро води стягнутся,—Афанасъ, братъ мой, мѣетъ ехати въ Кіевъ до князя Голицина, а с Кіева до Пѣтеръбурха, скаргу заносити о розибранной худоби отъ ковалювцовъ», якъ и самъ Василь предъ нами очне а доброволне тіе слова презентовалъ. Самъ Афанасъ Волошинъ в тотъ часъ, якъ худобу дѣ-

---

[1]) Рѣчь идетъ о тѣхъ «добрахъ» Кицеша, которыя были розданы на основавіи декрета 2 марта 1717 г. ковалювскимъ обывателямъ въ удовлетвореніе за убытки, понесенные ими отъ Кицеша.

лили з дѣтми, гапилъ Семена Драба, атамана нашего городового, и такими слови домовлялъ, називаючи чаровникомъ: «же ти, мовитъ, винника и винничку отруилъ и иныхъ з свѣта людей позганялъ!» И тимъ словомъ мы, виже писанніе особи, свѣдоми и праведно сознаемъ. Мы теди врадъ, слишачи таковое свѣдителство на оного Волошина при виже писанныхъ особахъ, персоналне ему договоруючи, до слушности велѣлисмо сію инквизицію ретелне, подлугъ самой совершенной правди, записавши, до висоце поважного респекту велможности вашой преподаемъ. Року 1717, марта 27 дня».

Какъ было упомянуто выше, Чарнышъ, зная объ упорности Кицеша и ожидая отъ него на себя жалобы, собиралъ свидѣтельства о «рѣчахъ» Кицеша. Такъ, еще 7-го февраля 1717 года сотникъ веприцкій Леонтій Масюкъ писалъ Чарнышу: «Велможній и благородній мосцѣ пане судія енералній войсковій, мой велце премилостивѣйшій пане и великій добродѣю! На высоце поважное велможности вашоя писаніе и на пунктъ той, что в листѣ вашомъ панскомъ выражено о мовѣ словесной пана сотника ковалювского, такій мой служебничій отдаю отвѣтъ.—Когда прибулемъ в Опошное з своей квартери, в тое время у пана сотника опошанского в дому учулемъ отъ пана Мартина Штишевского, асаула полкового гадяцкого, отъ пана Романа Корицкого, сотника опошнянского, и отъ пана Тимофѣя Лукашевича, сотника уѣзду сѣлъ гадяцкихъ, таковія слова, будто панъ сотникъ ковалювскій говорилъ тое, что *я при королевѣ шведскому служилъ и много того поганства москалевъ чрезъ тое время надчистилъ*».—«Самослишатель» этихъ словъ—сотникъ опошанскій Романъ Корицкій 8-го февраля писалъ генеральному судьѣ: «Поневажъ по злеценю вашой панской милости писалъ до мене панъ асаулъ Кграбянка указомъ вашимъ же панскимъ, жебы совершенно учинилъ извѣстно на писмѣ о вивреченныхъ неподобныхъ словахъ сотника ковалювского,—ознаймую: ижъ, когда остался панъ Мартинъ (Штишевскій) наказнимъ полковникомъ надъ товариствомъ, тутъ зостаючимъ, теди якось случилось обѣдать в дому моемъ пану асаулу Мартину жъ, пану сотнику ковалювскому и рашев-

скому, и при тихъ особахъ говорилъ сотникъ ковалювскій такую рѣчь: «*же я правѣ служилъ лѣтъ подъ десятокъ при шведови и много москалей рубалъ и кололъ*», о чомъ могутъ праведно и помянутіе особы вашой панской милости предложити». Иванъ Пиратинскій, сотникъ полковой гадяцкій, и Мартинъ Штишевскій, асаулъ, своими письменными свидѣтельствами подтвердили тѣ же «неслушніе» слова Кицеша.

Между тѣмъ, пока генеральный судья собиралъ эти «сказки», изъ Ковалевки къ нему поступали новыя доношенія о поведеніи Кицеша. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Чарнышу, тамошній сотникъ Демьянъ Ивановичъ сообщалъ, что когда составлялась опись «худобы» Марины Кицешевой, то «бывшій сотникъ Афтанасъ вирекалъ таковіе слова: «же правѣ водите меня самого, поки я буду васъ всѣхъ водити, та не таковимъ способомъ, але лутше, и будетъ хтось тому и не радъ!» При этомъ Кицешъ говорилъ еще «публѣчне»: «Хто в мене озметъ едно, то возвратитъ четверицею, бо я симъ судомъ, не во правду учиненнимъ, не контентуюся и потомъ будетъ хтось тому каятися!» Еще подбиваетъ (пишетъ далѣе Демьянъ Ивановичъ Чарнышу) «из собою Василя Винниченка, щобъ совокупне поехати в Пѣтербурхъ прекладати жалобу на судъ войсковій енералній за то, що отъ уряду отдаленъ зосталъ—и еще при сей о нихъ порадѣ якоби то на поважній гоноръ велможности вашой (говорилъ) страшніе словеса, *которихъ намъ неудобь зрекати и характеромъ обявляти*,—хиба сей Лаврѣнъ, братъ небожки, якъ намъ говорилъ, такъ и велможности вашой устне змовитъ... И телко то (заканчиваетъ Демьянъ свое письмо), велможній добродѣю, болшіе его Афтанасіеви словеса доношаемъ, самихъ себе остерегаючи, а що много есть похвалокъ и словъ *гнилихъ*,—то вопще пускаемъ».—Въ «цѣдулахъ» сообщается еще Чарнышу конфиденціально, что въ реестръ имѣній Марины не вписаны были еще «сапяновъ два, гарелъ лисичовихъ подъ сорокъ совокупне зъ рушниками», и присовокупляется: «Еще, велможній добродѣю, чого совершенно не знаемъ: що то за рѣчь есть, же житель комишанскій з Кіева привезъ,—то тоею рѣчу барзо Афтанасъ утѣ-

шается и нѣкоторуюсь надѣю покладаючи, уфность мѣетъ». Въ апрѣлѣ Демьянъ и Драбъ жалуются Чарнышу, что Кицешъ къ исполненію декрета генеральнаго суда «старання отнюдь не прикладаетъ» и, отъѣзжая въ Гадячъ, говорилъ: «За тіе добра вдесятеро будете платити!»

Кицешу въ Кіевъ къ князю Голицину пробраться почему-то не удалось; однако, онъ какимъ-то образомъ успѣлъ получить отъ Меньшикова «писаніе» къ гетману, у котораго онъ рѣшился искать защиты. Въ своей челобитной къ гетману Кицешъ писалъ: «Ясне велможній мосцѣвій пане гетмане, мнѣ велце премилостивѣйшій добродѣю и великій патроне! Слезне упадаючи до ногъ ясновельможности вашой, прекладаючи скаргу на пана Івана (sic), судію енералного, которій-то мнѣ презъ немалое время великіе утиски и гоненіе чинитъ, обличаетъ мене словами неудобними, ижъ би велможности его якіе противніе слова мовилъ—якихъ я не знаю,—тилко з ненависти тое мовилъ панъ судія на меня. Я, в томъ невѣдаючи, великою клятвою заклинаю себе: нехай Господь Богъ на душѣ и тѣлѣ покараетъ, ежели что колвекъ бы мовилъ я о велможножности вашой, просячи на себе вашого милосердія, тилко-жъ не чулъ жадного прикрого слова отъ ясне велможности вашой и до сего часу... Але Господь Богъ вѣсть, зъ якой причинѣ панъ судія таковую ненависть имѣетъ на мене,—тилко Богъ вѣсть»,—увѣрялъ гетмана Кицешъ. «А я теперъ», писалъ онъ далѣе, «за его ненавистю не маю себе жадного пристановища: издилемъ до многихъ полковниковъ, просячися, ижъ-би приняли до ласки своей—и не пріймають, знаючи мене, же я въ сродствѣ зостаю пану судѣ... Когда бувъ ясневелможность ваша въ Гадячомъ безъ битности пана полковника Михаила Милорадовича гадяцкого, въ тотъ часъ з примусомъ п. судѣ ковалювскіе люде ковъ поддіймовали на мене»... Далѣе мы узнаемъ изъ этой челобитной, какимъ образомъ генеральный судья устроилъ, что «писаніе» Меньшикова къ гетману съ просьбой объ опредѣленіи сотникомъ въ Ковалювку вновь Кицеша,—осталось безъ послѣдствій. «Теперешнихъ часъ, до вашей велможности залецаючи, писалъ свѣтлѣйшій князь объ мене, аби я

помилованъ билъ отъ ясне велможности вашой, которое и подалъ я жъ велможности вашой, ожидаючи ласки—тилко не получилемъ, але болшое учулъ на себе отъ пана судѣ гоненіе. В тотъ часъ, безъ битности пана полковника гадяцкого, приказалъ панъ судя сотниковѣ ковалювскому Демяну Перехристенковѣ, аби ис тамошними людми (болше, нежели пятдесятма человѣками) пріѣздилъ в Глуховъ,—и сотникъ, по указу его, пріѣхалъ на Рождество Іоанна Предитечи». По увѣренію Кицеша, «судя намовлялъ оныхъ людей, аби мене не пріймовали, многіе причини винаходячи неправдивіе, а я (прибавляетъ Кицешъ)—на тотъ часъ въ сѣняхъ велможности вашой стоялъ и чулъ тое, що судя людемъ говорилъ... А хто имѣлъ би що за мною, мизернимъ, говорити,—по запрещенію судѣ не можетъ, страха ради. И тое велможности вашей доношу», продолжаетъ Кицешъ, «же такіе похвалки чинитъ на мене, бѣдного, мовячи: «Такъ учиню я тебѣ, аби булъ повѣшенъ!» І единого часу случилося мнѣ сидѣти съ паномъ сотникомъ ковалювскимъ и мовитъ мнѣ панъ сотникъ: «Панъ Афанасій, нехай тебѣ Господь Богъ хранитъ! Чулемъ я, же панъ судя мовилъ такъ з великимъ гнѣвомъ, похваляючися: «Уже одъ моихъ рукъ не увойдетъ: по прежнему, мовитъ, повѣшенъ будетъ!» И козаки, которіе били в тотъ часъ, в ти жъ слова мовили: «Будетъ старатися, аби ты бувъ повѣшенъ!». «Слишачи я таковіе слова», продолжаетъ свой разсказъ Кицешъ, «неудобь зносиміе сердцу моему, мушу вслѣдъ свѣтлѣйшого князя ихати, также и предъ лице великого монарха его царского пресвѣтлого величества, обявляючи скорбь, также и худобу свою доходячи, которую ограбилъ панъ судя, не вѣдаю з якой причини, и ковалювцамъ пораздовалъ, кому онъ зналъ». Свою челобитную Кицешъ заканчиваетъ такъ: «Тое все все велможности (вашой) описавши, всю мою скорбь и тѣсноту, самого полецаю ласце велможности вашой и зостаю нижайшимъ слугою: ясневелможности вашой нижайшій рабъ и служити радъ Афанасій, грѣшній иноземецъ, сотникъ бувшій ковалювскій».

Должно быть, положеніе Кицеша было ужаснымъ, если даже такой его врагъ, какъ сотникъ Демьянъ, предупреждалъ о гро-

зящей ему опасности.. Положеніе разореннаго Чарнышомъ Кицеша ухудшилось въ это время еще какой-то ссорой съ Милорадовичемъ; причины ея намъ неизвѣстны, но она была настолько серьезна, что Кицешъ собирался ѣхать жаловаться въ Москву и на него... Энергичный Кицешъ подалъ жалобу на Милорадовича сперва гетману, а затѣмъ, зная о враждебныхъ отношеніяхъ между Чарнышомъ и гадяцкимъ полковникомъ, написалъ, передъ своимъ отъѣздомъ генеральному судьѣ письмо, въ которомъ просилъ его «своимъ поважнимъ и премудримъ словомъ за мною, бѣднимъ сиротою, на чужинѣ остаючомусь, велможному добродѣеви его милости пану гетману примовити о поданную супплѣку ис пунктами его панской велможности на пана полковника гадяцкаго у великихъ мнѣ отъ его, пана полковника, кривдъ дѣючихся,—дабимъ получилъ якій отвѣтъ.—И поради велможности вашой прошу: ежели ясневелможній панъ гетманъ не схочетъ его, пана полковника, на томъ усилковати, чтоби моя вся утрата нимъ, паномъ полковникомъ, дѣячаясь, при мнѣ била, то (заключаетъ свое письмо Кицешъ) благослови мнѣ, велможній пане, при сюй оказіи до лица царского величества отъиздити!» Однимъ словомъ, Кицешъ не зналъ, съ какой стороны подойти къ генеральному судьѣ, и наивничалъ съ нимъ, умалчивая въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ нему о томъ, что онъ и на него подалъ гетману челобитную.

Но ни по дѣлу своему съ Чарнышемъ, ни по дѣлу съ Милорадовичемъ Кицешъ у гетмана результата никакого не добился. По крайней мѣрѣ, въ началѣ 1718 года, когда гетманъ былъ въ Москвѣ, то тамъ же находился и Кицешъ, подавшій на этотъ разъ свою жалобу на Чарныша прямо «министрамъ». Какимъ образомъ Чарнышъ выпустилъ изъ своихъ рукъ Кицеша и позволилъ ему пробраться въ Москву--мы не знаемъ. Быть можетъ, что Кицешъ успѣлъ это сдѣлать, замаскировавъ свое настоящее намѣреніе—жаловаться на Чарныша—желаніемъ найти судъ надъ Милорадовичемъ и провелъ Чарныша такимъ образомъ. Несомнѣнно, однако, и то, что Кицешъ хотѣлъ жаловаться и на Ми-

лорадовича, но не могъ этого сдѣлать по причинѣ, о которой узнаемъ ниже. Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ дѣло принимало для генеральнаго судьи неблагопріятный оборотъ: хотя онъ уже давно былъ извѣстенъ въ Москвѣ своими насиліями, все же разоблаченіе его отношеній съ Кицешемъ не могло входить въ его интересы. Но съ неизмѣнной ловкостью Чарнышъ и на этотъ разъ выпутался изъ бѣды, давъ дѣлу совершенно иной ходъ. Много помогли ему и сами «министры», передавшіе жалобу Кицеша самому гетману, а въ такомъ случаѣ дѣло для Чарныша становилось совершенно легкимъ и малосерьезнымъ... Но не зная еще о судьбѣ жалобы Кицеша, Чарнышъ поднялъ вопросъ о сомнительности «вѣрности» вообще всѣхъ иноземцевъ, получившихъ уряды въ Малороссіи, и тѣмъ отвлекъ вниманіе гетмана отъ частнаго своего дѣла съ Кицешемъ. Гетманъ настолько былъ встревоженъ слухами, доходившими къ нему, должно быть, черезъ посредство Чарныша, о гетманствѣ Кантакузина и о прочемъ, что немедленно же выслалъ изъ Москвы «розищиковъ»: Романа Бороховича и Стефана Максимовича, которымъ удалось собрать нѣсколько фактовъ, касающихся вѣрности Кицеша и другихъ. Кромѣ того, самъ Чарнышъ вновь затребовалъ отъ извѣстныхъ уже намъ «самослишателей» «рѣчей» Кицеша «сказки» по этому поводу. Но было найдено кое-что и новое. Такъ, между прочимъ, въ апрѣлѣ 1718 года, когда Кицешъ вернулся изъ Москвы и былъ въ Галячѣ, священникъ святоуспенскій гадяцкій Георгій Терпѣловскій, зная о враждебныхъ отношеніяхъ между Милорадовичемъ и Кицешемъ, очень удивленъ былъ, увидѣвъ послѣдняго въ домѣ Милорадовича. При этомъ былъ и протопопъ гадяцкій Семенъ Михайловскій, спросившій Кицеша: «Якъ и гдѣ, вашмость, поѣднался зъ паномъ полковникомъ?» И онъ, сотникъ, при всѣхъ насъ (священникахъ), осклабившися, вслухъ всѣхъ священниковъ, такъ мовилъ: «Трудно мнѣ было не прощатись, бувши на Москвѣ, поневажъ тамъ и кого-нибудь смиряютъ!» И далѣй мовилъ: «Якъ мнѣ не було тамъ смиритись, поневажъ на пана полковника (Милорадовича) великая является царская

ласка и такая милость, якой и гетманъ не маетъ!» [1]) Былъ полученъ Чарнышемъ и еще одинъ любопытный документъ: это разсказъ бывшаго комышанскаго сотника Ивана Крупки (въ іюлѣ 1718 года): «В прошломъ 1716 року, в мѣсяцю октоврію, по Покровѣ (такъ начинаетъ свой разсказъ Крупка), случилось мнѣ, мовитъ, в куренѣ волошина Афанасія бути (тогда сотникомъ ковалювскимъ найдуючогося) и в посидѣню переговорувати; в той часъ, при иншихъ рѣчахъ, сказалъ Афанасій: «Тебе, Крупко панъ полковникъ гадяцкій (Милорадовичъ) тилко для початку з ураду скидаетъ, а то еще мислитъ и цѣле забрати асауловъ полковихъ Григоріа Кграбянку, Мартина Штишевского и Романа Корецкого, сотника опошнянского, да на ихъ мѣстце асауломъ Толпу (?) волошина, а Албанина сербина—сотникомъ опошанскомъ учинити, и всѣхъ сотниковъ оддаливши, своихъ подручныхъ сербовъ и волохъ на власти понаставляти—того ради: же когда трафится з ордою потичку имѣти, полковникъ говорилъ: «Добре буде, якъ всіи старшина мои... перекинутись до орди, и козаковъ... мѣсто ясиру запровадити, ибо за моею, мовитъ, старшиною мусятъ всѣ по указу, куди поведутъ, хочъ въ неволю, за началними своими ити и служити повинни»! «И можетъ чого тогда и болше говорилъ», прибавляетъ Крупка, «да слуга полковничій позвалъ его (Кицеша) на вечеру». Этотъ-же Крупка разсказывалъ еще слѣдующее про Кицеша: «Сего настоящаго 1718 року, предъ постомъ великимъ, когда обачилъ Опанаса волошина на ринку глуховскомъ з нѣякоюсь московкою переговоруючого, пришолъ до оного и вопросилъ: «Що говорите тайно? Скажи, мовитъ, и минѣ!» На що одповѣдалъ Опанасъ: «Говоритъ московка сяя вѣдомость з Москви певную, ижъ уже гетманомъ *нашъ* Кантакузинъ, а не сей *вашъ* гетманъ», и тое сказавши (продолжаетъ свой разсказъ

[1]) Кицешъ, какъ мы видѣли выше, ѣздилъ въ Москву жаловаться на Милорадовича, но принужденъ былъ «смириться», увидѣвъ «великую царскую ласку» на этомъ полковникѣ. Въ этомъ и заключается причина того, что Кицешъ и не подалъ жалобы на Милорадовича, а поспѣшилъ помириться съ нимъ.

Крупка): «Ходимъ, мовитъ, до моей волошки, где сія московка ночовала». «Куда якъ пришли, заразъ заговорилъ Афанасъ до ней по волоски, аже тая волошка русскимъ язикомъ отповѣдѣла: «Якъ я маю з тобою по волоски, и по руску зкажу тебѣ же ти скурвій сыпу, шалбѣре! Чого ти в мене питаешси, чи буде Кантакузинъ, чи тежъ сей нашъ теперешній гетманъ? Бо намъ—що попъ—то батько, и дѣла намъ до сего нѣть!» На основаніи этого «ставленъ» былъ къ отвѣту передъ слѣдователями Кицешъ, который сказалъ: «На старшину полковую: асауловъ Кграбянку и Мартина, на Корицкого—опошанского сотника, и прочіихъ сотниковъ хвалился полковникъ з уряду поскидати», а шобъ перекинутись до орди и козаковъ за ясиръ отдати—запирается». «На потомъ», продолжаетъ «розыщикъ», «будучи уже на дворѣ, одозвался тотъ-же Опанасъ волошинъ и по согласіи Крупчиномъ до оной московки свѣдомитись признался, мовячи: «Московка а Ляхневичева жона говорила, что Кантакузинъ, мовитъ, нашъ одноземецъ, гетманъ, а не вашъ теперешній будетъ», якіе слова повторително Афанасій предъ Крупкою повторилъ». Призвали Марью Иваниху Ляховку, жительку глуховскую, которую Крупка назвалъ волошкою, и та «на питаніе» показала: «Сего 1718 року, о мясной недѣлѣ, пришли до мене Афанасъ волошинъ з Крупкою Іваномъ, бившимъ сотникомъ комишанскимъ, в домъ мой и почалъ говорити до мене по волоску: «Якіе ти чула вѣдомости з Москви? Ижъ, мовять, уже Кантакузинъ гетманомъ намъ будетъ, а сей гетманомъ не будетъ? Того ради и намъ, мовитъ, добре будетъ! Сего ради и я на Москву пойду!» На що я отповѣдала Афанасію по роскій: «скурвій сыну, шалвѣру, ти мнѣ тое говоришъ, чого я не знаю и не вѣдаю», и налаила его, мовячи: «Я бъ тобе очи вибила, ежели бъ не для сего доброго человѣка! Что буде—то буде, до того дѣла намъ нема!» Марья Ляховка ссылалась на мужа и домашнихъ, которые подтвердили справедливость ея словъ, а призванный Кицешъ «до всего того доброволне признался» [1])...

---

[1]) Кицешъ сказалъ еще, что онъ и отъ слуги Кантакузина слышалъ, будто Кантакузинъ будетъ гетманомъ, а потому «на доводъ

Какой же результатъ получился челобитной Кицеша въ Москвѣ? Какъ мы сказали выше, она была передана гетману; послѣдній же не обратилъ на нее вниманія... Такимъ образомъ цѣль, имѣвшаяся Чарнышомъ въ виду при началѣ розыска, была отчасти достигнута; отчасти—потому, что ни Кицешъ, ни другіе сорбы и волохи совершенно не пострадали изъ-за разоблаченной ихъ «невѣрности»... Правительство русское, быть можетъ, предпочитало имѣть такихъ урядниковъ въ Малороссіи, нежели послѣ Мазепиной измѣны—урядниковъ изъ мѣстнаго элемента... Но за то, Чарнышъ жестоко отомстилъ Кицешу за его попытку жаловаться на него въ Москвѣ.

«И у прошломъ 718 году», писалъ Кицешъ впослѣдствіи, «онъ-же, Чарнышъ, умисля, дабы меня за вишеозначенную оказію (поѣздка въ Москву) и что я на него билъ челомъ въ Москвѣ, разорить безъ остатку и в турмѣ уморить (такъ же, какъ и другихъ онъ уморилъ, державъ в турмѣ многіе годы напрасно), пославъ по меня канцеляриста Максимовича и Романа Бороховича, а с ними двухъ драгунъ, и напавъ на меня вишеприсланніе отъ него, Чарниша, на сонного в мѣстечкѣ Зенковѣ, и по повелѣнію ево били меня и мучили безъ милосердія и изграбили (а грабежемъ взяли в меня двадцять пять таляровъ, да далъ шапки цѣною по рублю); и взявъ меня и заковавъ в кайдани, и привезли къ нему, Чарнишу, в Глуховъ; и онъ, Чарнишъ, вторично в томъ Глуховѣ билъ меня и увѣчилъ смертнимъ боемъ безъ милосердія; и послѣ того ругателства в третей разъ еще ве-

---

певнѣйшій самъ Іванъ Бутовичъ, сербинъ, повѣдалъ: «Случилося мнѣ, мовитъ, чути одъ господиновой Кантакузиновой до его, Кантакузина, мовячіесь слова: «Ижъ досить уже тобѣ такъ войсково служить! Але просити мусишь отъ Государя такового помилованія, щобъ в Украинѣ гетманское офѣцію одержалъ?» И сіе чувши, помянутій Іванъ много иншимъ и постороннимъ людямъ разголосивъ, а всіи дворніи Кантакузина сюю повѣсть пропонуютъ, якоби того ради онъ, Кантакузинъ, и на Москву поехалъ, аби столецъ гетманства одержалъ в Украинѣ». Весьма возможно, что изъ этого источника и пошли слухи о гетманствѣ Кантакузина...

лѣлъ меня бить и мучить и ругаться немилостивно, и далъ мнѣ *триста кіевъ,* и бросилъ меня замертво в турму и держалъ недѣль з десять, отъ которого незносного и нестерпимого тиранскаго мученія былъ я боленъ при смерти и лежалъ в безпамятное долгое время и *тѣло мое не токмо черви ѣли, но и шмати изъ тѣла моего отпадали* [1])... И многократне до себе приводячи, говорилъ оній Чарнишъ мнѣ з великимъ пристрастіемъ: «Могу я у тебя ту дорогу перенять! [2]) И в прежде ти меня такъ поносить и безчестить, и великому государю другой разъ бить челомъ не будешь! Имѣю-де я надѣяніе на Бога: нетокмо сербыновъ—и всѣхъ васъ волоховъ изъ Украини каменіемъ вибити!»—А мы (прибавляетъ Кицешъ), вашему царскому величеству не измѣнники,—слуги добріе и служили вѣрно и впредь служить тебѣ, великому государю, и за ваше царское величество, и за православную христіанскую вѣру кровъ свою проливать желаемъ и всегда готови неизмѣнно».

Таковы были послѣдствія поѣздки Кицеша въ Москву... Чарнышъ же ничѣмъ не поплатился; напротивъ, гетманъ, бывшій одновременно съ Кицешемъ въ Москвѣ, выхлопоталъ своему зятю царскую грамоту (отъ 3-го іюля 1718 года), коей утверждались за нимъ всѣ прежде полученныя имѣнія, а также обширная скупля въ Нѣжинскомъ полку: подъ Глуховымъ, Подоловымъ, Гайворономъ, Поповкой, Батуриномъ, Митченками, Новыми Млинами и другими селами, на что Чарнышъ получилъ универсалъ гетмана 15-го ноября 1717 года. Урокъ, данный генеральнымъ судьей Кицешу, не принесъ для Чарныша желаемыхъ результатовъ: ему не удалось у своей жертвы «перенять дорогу» въ Москву, и какъ только Кицешъ оправился и вышелъ изъ тюрьмы, то вновь поѣхалъ въ Москву добиваться суда надъ своимъ гонителемъ. Но мы пока оставимъ это дѣло и обратимся къ другимъ фактамъ изъ жизни генеральнаго судьи.

---

[1]) Глуховскій житель Александръ Ивановичъ впослѣдствіи подтвердилъ, «же на ратушу глуховскомъ быто челобитчика Кицеша нещадно, одъ которого бою лежалъ в ратушу на землѣ, *землю ѣлъ и шляпу свою кусалъ*».

[2]) Т. е. дорогу жаловаться въ Москву.

Постоянно стремясь къ болѣе самостоятельному положенію, чѣмъ положеніе генеральнаго судьи, Чарнышъ, занимая этотъ урядъ, мечталъ о полковничествѣ. И на этотъ разъ его взоры обратились къ стародубскому полку, который представлялъ значительныя преимущества для полковника по сравненію съ другими полками: онъ былъ по своему расположенію наиболѣе удаленнымъ отъ Глухова, гдѣ находилась гетманская власть, наиболѣе обширнымъ и черезъ него шла торговля волами, пенькой и т. п. съ заграницей. Для того, чтобы достичь этой цѣли, дальновидный Чарнышъ сталъ скупать земли въ стародубскомъ полку еще при жизни тамошняго полковника Лукьяна Жоравки, († 1719), дабы сдѣлаться своимъ человѣкомъ между полчанами. Жоравка, зная о родственныхъ связяхъ между Чарнышомъ и гетманомъ, боялся такого претендента и, отлично понимая, для какой цѣли Чарнышъ скупаетъ земли въ его полку, старался насколько позволяла ему власть, препятствовать намѣреніямъ Чарныша, запрещая подобныя продажи. Такъ, когда въ 1718 году сердюцкій сотникъ Николай Еремѣевичъ запродалъ Чарнышу свой хуторъ Вепринскую рудню (близъ села Синяго Колодязя), то узнавшій объ этомъ Жоравка «непомалу ганилъ» продавца, «же панъ судія почалъ кустится въ полку стародубовскомъ зъ намѣреніемъ на полковництво, и за таковой мой торгъ», жаловался продавецъ, «въ вязеню мене держалъ». Такъ поступилъ съ Николаемъ Жоравка до подачи на него самого жалобы за насилія отъ всѣхъ полчанъ. Но когда жалоба эта была подана и попала въ руки генеральнаго судьи, то Жоравка, задабривая хорошо извѣстнаго своей подкупностью судью, не только разрѣшилъ продажу Вепринской рудни, но 20-го марта 1719 года подарилъ даже Чарнышу изъ своего владѣнія цѣлое село Синій-Колодезь:—«Симъ откритимъ листомъ объявляю, ижъ его милость панъ Иванъ Чарнишъ, судія енералній, презентовалъ мнѣ купчій записъ на футоръ з греблею и грунтами отъ Николая Еремѣевича, бившого сотника сердюцкого, набытій;—по вичитанню прето вишъ изображенной купчой, чинячи тому новокупленному футоровѣ вспоможене, по доброхотной моей пріязни, селце Синій Ко-

лодезь, мною владѣемое, уступивши его милости пану судіи, во владѣніе даю в зуполное,—которого куплею и помянутимъ селцемъ владѣючи, его милость воленъ будетъ отъ ясневельможного его милости пана гетмана унѣверсалную получити конфѣрмацію». Однако, дѣло Жоравки было настолько громкое, что Чарнышъ долженъ былъ дать судъ нелицепріятный... Жоравка умеръ, не дождавшись наказанія, и Чарнышъ заволновался, начавъ хлопотать о своемъ назначеніи на его мѣсто. Кандидатовъ выставлялось много: гетманъ хлопоталъ за Чарныша; Меньшиковъ же просилъ за Андрея Миклашевскаго, Гаврила Милорадовича и Танскаго, прибавляя въ письмѣ къ царю: «О Чарнышѣ изволите знать, что оный не безъ противности есть...» [1]) Чарнышъ считалъ себя едва ли не первымъ кандидатомъ на полковничество и, не зная о томъ, что въ Петербургѣ послѣ яркой картины насилій Жоравки рѣшено было оставить урядъ стародубскаго полковничества вакантнымъ, продолжалъ скупать земли въ этомъ полку, хотя ему, при его репутаціи, трудно было разсчитывать на это мѣсто. Чарнышъ этого, повидимому, не понималъ и спѣшно скупалъ земли около Синяго Колодязя, употребляя нерѣдко насилія. Жалобы на него поступали гетману во множествѣ, и тотъ (вѣроятно, не безъ вліянія кого-либо изъ московскихъ вельможъ) принужденъ былъ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1722 году, послать къ наказному стародубскому полковнику энергичный универсалъ, коимъ у Чарныша отбирались насильно скупленные имъ грунты и онъ вообще изгонялся изъ Стародубщины: «Донеслося намъ вѣдати тутъ въ Москвѣ, что пана Чарниша, судіи войскового енералного, староста Синеколодязскій не тилко противъ указу нашего, еще з Глухова до пана Лизогуба, бунчучного войскового енералного, а одъ его к нему посиланного, оттуду, з Синего Колодязя, неслушне паномъ судіею завладѣнного, не уступилъ и въ затѣваню людемъ насилними скуплями кгрунтовъ ихъ обидъ не поскромился, но и паче еще оніе имъ чрезъ скуплѣ затѣваетъ, и в грунта ширится;—зачимъ теперь уже крайне ваш-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 292.

мости чрезъ сей листъ нашъ приказуемъ, абысь призвавши нашимъ (листомъ?) помянутого старосту, в Синемъ Колодези зостаючого, албо и насилно не хотячого ехать в Стародубъ предъ себе зискавши, всеконечно повелѣлъ ему прочь з Синего Колодезя и полку Стародубовского зъехати и всѣхъ скупленнихъ отъ пана судіи енералного землей и кгрунтовъ отступитися, чого ради прикажи вашмость и всѣмъ людямъ, у которихъ на имя пана судіино кгрунта поскуплювано, гроши пооткладати, якіе побрали за тіе свои грунта въ Синемъ Колодези, в Бѣлогощи и другихъ слободахъ, чтобъ знову были оніе в прежнемъ владѣніи тихъ людей, которіе якимъ колвекъ способомъ пану судіи в продажъ попускали».[1]) Должно быть, скупля грунтовъ Чарнышомъ производилась ужъ слишкомъ безцеремонно, если можно было принудить Скоропадскаго дать такой универсалъ... Надѣясь на поддержку тещи-гетманши, генеральный судья ошибся въ своихъ разсчетахъ, а въ іюлѣ 1722 года Скоропадскій умеръ, и для Чарныша обстоятельства рѣзко измѣнились къ худшему...

Между тѣмъ, пока Чарнышъ устраивалъ свои дѣла въ Стародубщинѣ, Кицешъ не дремалъ: въ 1719 году онъ снова ѣздилъ въ Москву жаловаться на генеральнаго судью и на этотъ разъ добился того, что ему былъ выданъ «государевъ указъ» къ гетману о назначеніи его сотникомъ въ Ковалевку. На этотъ разъ дѣло казалось для Кицеша выиграннымъ, но Чарнышъ не потерялся и придумалъ слѣдующее: «И противъ того моего челобитія»,—пишетъ въ одной изъ своихъ послѣдующихъ челобитныхъ Кицешъ,—«данъ мнѣ твой государевъ указъ до господина гетмана Івана Ілича Скоропадского, чтобы онъ учинилъ надо мною милосердіе и приказалъ бы мнѣ быть въ Ковалевкѣ сотникомъ попрежнему, также и порозграбленніе мои пожитки возвратилъ бы (генеральный судья) попрежнему. И какъ онъ господинъ гетманъ получилъ указъ, спрашивалъ меня, хтобъ отъ сотничества мнѣ отказалъ? И я ему сказалъ, что отставилъ меня вишеозначенной

---

[1]) Сулимовскій архивъ, стр. 197—207; А. Лазаревскій, Описаніе Стар. Малороссіи, I, 45—47.

Чарнишъ, и онъ господинъ гетманъ сказалъ: «Когда прибудетъ изъ Почепа отъ свѣтлѣйшого князя Федоръ Протасіевъ»,—и с нимъ, Протасіевымъ, о томъ хотѣлъ говорить и обѣцялъ бить мнѣ в сотникахъ попрежнему для того, что ему, Протасіеву, о томъ приказано (совѣтоваться съ гетманомъ). И оного Протасіева ожидалъ въ Глуховѣ недѣль с три и болши». Этой проволочкой воспользовался Чарнышъ: «И вишеозначенной Чарнишъ, довѣдався о томъ, что мнѣ господинъ гетманъ обѣщалъ быть сотникомъ попрежнему, писалъ до ковалювского сотника, которой отъ оного Чарниша опредѣленъ вмѣсто меня, чтобъ онъ пріихалъ в Глуховъ. И оной сотникъ по писму его, Чарнишову, собралъ ковалювскихъ козаковъ человѣкъ с пятдесятъ и болши, и по слову ево, Чарниша, онъ, сотникъ, научa онихъ козаковъ, привелъ къ господину гетману и велѣлъ, дабы оніе просили, чтобъ мнѣ сотникомъ попрежнему не быть. И оніе козаки, пришедъ къ гетману, по наученію ево, сотника, и судѣ Чарниша, говорили на меня всякіе неистовіе слова, также говорили, что де будетъ сей еще и повѣшенъ! И хотя бъ хто изъ онихъ козаковъ онихъ словъ и говорить не хотѣвъ и хотѣли просить, чтобъ быть по прежнему сотникомъ,—и онъ, Чарнишъ, угражaвая,—имъ говорить не велѣлъ, проискивая на меня болшаго разоренія...»

А послѣ того, пишетъ Кицешъ, «видѣлся я съ нимъ, сотникомъ Демяномъ, и с козаками близъ церкви Всемилостиваго Спаса, и оной сотникъ сказалъ мнѣ: «Говоритъ на тебе судя Чарнишъ, что будетъ тебѣ и злѣе того, когда былъ гетманъ въ 1717 году в Гадячу [1]), и ты-де пропадешь; хотя и повѣсятъ, зиску не будетъ и искать за тебе нѣкому!» И тѣ его слова слишалъ бувшой воронеской сотникъ Потапъ; такъ же изъ онихъ козаковъ (ковалевскихъ): Тимофѣй Булкоцкой, Троцкой, Троеноцкой, Гордей Шкурацкой—говорили, чтобъ меня повѣсили, а Кузьма Сторашъ сказалъ: «Я самъ буду надъ тобою катомъ!» И самъ оной судя Чарнишъ, идучи одъ церкви в домъ гетманской, говорилъ на

---

[1]) Рѣчь идетъ о первой подачѣ жалобы ковалевцевъ гетману на Кицеша.

меня: «Ты—слуга вѣрній у Государя, а Государь де—далеко, а свѣтлѣйшій князь поѣхавъ, и свѣтлѣйшій князь до насъ никакова дѣла неимѣтъ.—Ви бъ все з москалями заодно, а не съ нами, и отъ москалей де намъ и такъ есть великое утѣснене, и не надлежало-де тебѣ за то и сотникомъ быть, также и хлѣбъ ѣсть напрасно, когда-де з нами обще не служишь»... «И то», прибавляетъ Кицешъ, «онъ, Чарнишъ, бунтуетъ». И господинъ гетманъ къ нему, Чарнишу, посилалъ многожди слугу своего Івана Волошенина, чтобъ онъ, судя, за пожитковъ моихъ утрату и за бой той и за увѣча заплатилъ,—и онъ, Чарнишъ, посланному отъ него, господина гетмана, сказалъ: «Не надлежитъ-де ему пожитки отдать: надлежитъ де ево повѣсить!» При этомъ Кицешъ, разумѣется, не забылъ упомянуть и объ отношеніяхъ генеральнаго судьи къ своей женѣ, а его невѣсткѣ, выставляя лишь это обстоятельство причиной гнѣва Чарныша: «И то онъ, Чарнышъ, все учинилъ, злясь на меня за бывшую мою жену, с которою онъ прижилъ блудно ребенка, о чемъ я доносилъ свѣтлѣйшему князю Александрѣ Даниловичу прежъ сего». Въ заключеніе своей челобитной, Кицешъ проситъ «отъ великаго ево (Чарниша) на него гоненія уволнить», заставить генеральнаго судью возвратить пограбленное имъ имущество и, наконецъ, опредѣлить его самого въ Ковалевку сотникомъ «по прежнему», гдѣ онъ и «построился».

Чарнышъ добылъ и просьбу ковалевскихъ обывателей, просившихъ гетмана не назначать къ нимъ сотникомъ Кицеша. Въ этой просьбѣ ковалевцы писали такъ: «А теперъ, чуючи повѣсть единъ отъ другого, же онъ, Афанасъ, прилѣжно желаетъ на врадъ сотництва Ковалювского,—завчасу стаются тривожливими и небезпечне зостаютъ на кгрунтахъ своихъ отчизнихъ, боячися тиранского отъ Афанаса Волошина побою смертелнаго, и воспять в полкъ иншій умишляютъ уходити». Принятыя Чарнышемъ въ Глуховѣ мѣры, а также послѣдняя просьба ковалевцевъ повліяли на гетмана, и тотъ оставилъ челобитную Кицеша безъ отвѣта. Потерявъ надежду и на этотъ разъ получить удовлетвореніе отъ гетмана, Кицешъ въ третій разъ поѣхалъ въ Москву, и тамъ въ

октябрѣ-ноябрѣ 1720 года подалъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, одну за другой, три челобитныхъ, при чемъ приложилъ и громадный «реестръ» пограбленнаго у него Чарнышемъ имущества.

Разсказывая уже извѣстныя намъ событія, Кицешъ рисуетъ печальную картину своего существованія въ такихъ выраженіяхъ: «И того всего лишився (т. е. сотничества и имѣнія), понынѣ нуждаюся и скитаюся между дворъ, но и дневніе пищи себѣ не получаю. Да онъ же, Чарнишъ, похваляется меня, заковавъ въ кайдани, уморить безвременной смертю, не велитъ мнѣ въ томъ Гадяцкомъ полку и в дому моемъ жить и виживаетъ безъ твоего, великаго государя, указу изъ Украини вонъ самоволно; а мнѣ, нижей мянованному, кромѣ заслужоного сего мѣста (т. е. сотничества), которое заслужилъ я у вашего царского величества (другого нѣтъ, понеже мнѣ?) въ прежнемъ моемъ дому, въ Волоской землѣ, одъ турокъ жить невозможно». Въ заключеніе своихъ челобитныхъ, Кицешъ проситъ о ковалевскомъ сотничествѣ, ходатайствуетъ объ указѣ, которымъ бы повелѣвалось Чарныша во всемъ допросить и отдать все заграбленное,—«дабы (прибавляетъ Кицешъ), ему, Чарнышу, такъ нагло нападать и безъ твоего, великаго государя, указа впредь нашу братю з Украини вибивать и разорять было неповадно».

Въ приложенномъ при одномъ изъ челобитныхъ «Реестрѣ, что у меня, ниже іменованного пограбылъ енералній судя Іванъ Чарнишъ и что къ себѣ в домъ свой побралъ, такожде приказомъ ево другіе люди побрали жъ», Кицешъ подробно перечисляетъ всѣ понесенные имъ убытки отъ Чарныша, доводя ихъ до солидной суммы въ 1230 рублей 27 алтынъ [1])... Изъ этого по-

---

[1]) Приводимъ этотъ «реестръ». «Побралъ онъ, Чарнишъ, къ себѣ в домъ свой лошадей воинскихъ: лошадь вороную, цена 55 руб.; лошадь сивую, цена 25 р.; лошадь гнедую з седломъ и з уборомъ, цена 26 р.; кобылу гнедую болшую жеребную, цена 13 р.; кобылу гнедую жеребную жъ, цена 14 р.; свиней старихъ болшихъ 16, ценою по 40 алт. свиня, и того 17 р. 20 алт.; овецъ старихъ 50, козъ 10, ценою

чтенныхъ размѣровъ «реестра», мы видимъ, что Кицешъ былъ лишенъ всего рѣшительно: все недвижимое его имѣніе и вся движимость, начиная отъ скота и кончая даже «шаблей» была отобрана Чарнышомъ частью на себя, частью на своихъ прислужниковъ, получившихъ за свою жалобу на Кицеша вознагражденіе изъ имѣній послѣдняго. Кицешъ остался послѣ суда надъ нимъ

за всякую овцу и козу по 8 алт. 2 деньги, итого 30 р.; пчелъ старихъ 14, отъ котораго ежегодъ имѣлъ я по трое молодихъ и по исчисленію въ 4 года будто за 14 старихъ по 1 р. за пчелъ, за молодихъ по 30 алт.,—итого з старими цена 158 р.; мехъ лисей горловой, в котором было 35 шлямъ лисихъ, цена 36 р.; тулупъ черних баранoвъ, бухарскій, подбитъ зайцями бѣлими, цена 26 руб.; коверъ новой турецкой болшой, цена 10 р.; три ковра настолнихъ, ценою по 5 рублей коверъ, итого 15 р.; полотна швабского кусокъ, ц. 5 р. 10 алт..; три скатерти гданскихъ, самихъ добрихъ, по 6 р. цена, итого 18 р.; дюжину блюдъ болшихъ оловянихъ, тарелокъ дюжину, ложекъ 2 дюжини, цена 5 руб.; три чарки сребренихъ, за чарку по 40 алт., итого 3 р. 20 алт.—Итого оной Чарнишъ забралъ къ себѣ въ домъ свой пожитковъ моихъ ценою на 457 р. 10 алт. 4 деньги. Да онъ же Чарнишъ приказалъ присланному своему писару Остапу отдать другимъ разнихъ чиновъ людемъ, которихъ онъ научивъ на меня ложно бить челомъ, а именно, хто что взявъ: Дворъ мой ис хоромнимъ строеніемъ одписали на городъ Ковалевку, ценою 40 р.; такъ же на оной городъ взяли кухву вина простого, ценою 20 р.; Емелянъ Хоменко с товарищи—быка, ценою 4 р. 13 алт. 2 деньги. *(Далѣе слѣдуетъ длинный перечень лицъ и взятыхъ ими вещей, скота и т. п.).*

Да в тожъ число забрано у меня с хутора моего разнихъ пожитковъ, шесть телегъ и с колези прядиво, 147 курицъ, 60 утокъ, 20 гусей, также и что на ономъ моемъ хуторе было и на гумнѣ молоченого и немолоченого хлѣба—всего ценою на 40 р., а хто именни брали—я несвѣдомъ, понеже в то число былъ я въ Москвѣ.

И того оній Чарнишъ насилствомъ своимъ пограбылъ и взялъ к себѣ в дворъ свой и что другимъ людемъ по приказу своему оддалъ и что в небытности моей отобрано—на 630 р. 27 алт. Такъ же, что мнѣ, нижеименованному, окромѣ моихъ пограбленнихъ пожитковъ, харчей и убытковъ стало на 600 р. Всего, что оный Чарнишъ у меня пожитковъ моихъ пограбилъ и что убытковъ мнѣ в четире года од ево Чарнищева разоренія стало—на 1230 р. 27 алтынъ».

совершенно нищимъ и понятно поэтому, что онъ такъ настойчиво добивался суда надъ своимъ сильнымъ врагомъ. Правда, «реестръ» этотъ составленъ самимъ обиженнымъ и возможно, что Кицешъ кое-что и преувеличилъ, но въ общемъ, мы думаемъ, что представленная имъ картина своего разоренія, вѣрна.

Между тѣмъ, Чарнышъ, знавшій настойчивость Кицеша, вновь собиралъ противъ него обвиненія, рѣшивъ насколько возможно затягивать разрѣшеніе тяжбы. Вновь были посланы вопросы къ Корицкому и Штишевскому, свидѣтелямъ Кицешевыхъ «неслушнихъ» словъ, и опять были получены отъ нихъ «сказки». Кромѣ того, вѣрный прислужникъ Чарныша въ Ковалевкѣ—сотникъ Демьянъ, въ письмѣ своемъ къ нему отъ 21-го августа 1720 года увѣдомлялъ о томъ, что онъ съ атаманомъ Драбомъ «особливо до пана полковника миргородского писалисмо сторони Опанасовихъ Волошиновихъ поступковъ, якъ в Сорочинцяхъ жилъ послѣ ураду, и такъ без битности его панской нескоро завзяли списокъ з ратуша Сорочинского»... А списокъ былъ не что иное, какъ произведенный въ 1719 году розыскъ, изъ котораго мы узнаемъ, какимъ путемъ Кицешъ доставалъ средства къ жизни. Оказывается, что въ это время онъ жилъ въ Сорочинцахъ и черезъ посредство своего «молодика» укралъ у Михайла Шевца «девять паръ чоботъ червонихъ», при чемъ самъ въ этомъ и повинился на Сорочинской ратушѣ... За этотъ проступокъ Кицешъ, по постановленію уряда и съ согласія миргородскаго полковника Апостола, былъ выселенъ изъ Сорочинецъ, а молодикъ на розыскѣ признался еще и въ томъ, что онъ обокралъ церковь въ Лохвицѣ, а «червоній» отдалъ Кицешу... Этотъ документъ являлся въ рукахъ Чарныша важнымъ оружіемъ противъ Кицеша. Романъ Ананіевичъ, полтавскій житель, просилъ въ это время отобрать у Кицеша коня, котораго тотъ у него забралъ и безъ котораго онъ не могъ отправиться въ походъ... Вообще, Чарнышъ не былъ застигнутъ врасплохъ, когда посланная изъ Иностранной Коллегіи грамота отъ 15-го іюня 1721 года была получена въ Глуховѣ. Ею повелѣвалось дѣло Кицеша съ генеральнымъ судьей «безволокитно» разсмотрѣть «мимо ево, генералного судіи», столь-

нику Федору Протасьеву и глуховскому коменданту Богдану Скорнякову—Писареву «обще» съ кѣмъ-либо изъ генеральныхъ особъ. Несмотря, однако, на то, что грамотой повелѣвалось разсмотрѣть дѣло «безволокитно», оно тянулось еще цѣлыхъ два года, и Чарнышъ ему лишь извѣстными средствами затягивалъ его разсмотрѣніе. На этотъ разъ, обстоятельства были всецѣло на сторонѣ генеральнаго судьи. Извѣстно, что въ началѣ 1722 года гетманъ былъ въ Москвѣ, возвратившись откуда, въ іюлѣ того же года скончался, поручивъ управленіе дѣлъ черниговскому полковнику Павлу Полуботку и генеральной старшинѣ. Смерть Скоропадскаго явилась для русскаго правительства удобнымъ моментомъ для давно задуманнаго императоромъ учрежденія Малороссійской Коллегіи, долженствующей собой замѣнить гетманскую власть, и Коллегія тотчасъ же послѣ кончины гетмана была учреждена, при чемъ президентомъ ея былъ назначенъ бригадиръ Вельяминовъ. Между Коллегіей и Полуботкомъ, сразу же начались, какъ извѣстно, непріязненныя отношенія и недоразумѣнія сперва изъ-за неточнаго разграниченія сферы вѣдѣнія Коллегіи, а потомъ изъ-за другихъ вопросовъ, совершенно заслонявшихъ собой незначительное по существу и не задѣвавшее никакихъ принципіальныхъ вопросовъ дѣло Чарныша съ Кицешемъ. Однако, Полуботокъ, желавшій сколько возможно избавиться отъ нареканій на безмѣрную волокиту въ генеральномъ судѣ, былъ озабоченъ скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла генеральнаго судьи съ Кицешемъ, которое такъ ярко характеризовало собой положеніе суда. Въ августѣ 1722 года Полуботокъ съ генеральной старшиной писали Чарнышу, требуя отъ него отвѣта на присланную еще въ 1721 году грамоту по дѣлу его съ Кицешемъ, но генеральный судья вскорѣ отвѣтилъ Полуботку, что въ челобитной Кицеша «ни единого нѣтъ правдивого слова, одно тилько вимислное притворное его плутовство; любо можно и теперь з уликою его неправди существенній учинити отвѣтъ, однакъ» Чарнышъ воздерживается отъ этого, желая затянуть дѣло, и проситъ обратить лишь вниманіе на декретъ генеральнаго суда 1717 года и на «свидѣтелства» о «продерзливихъ» словахъ Кицеша. Указывая далѣе на свидѣтелей

его правоты, Чарнышъ въ заключеніе пишетъ: «А за прибыттемъ всѣхъ вишеписанниxъ вѣри годнихъ людей, получитъ всенароднiй клеветникъ и *коего инниxъ* напраснiй тяжкiй обноситель iстинний по Бозѣ себѣ отвѣтъ».

Но надежда на то, что Коллегія не будетъ столь же подкупна, какъ генеральный судъ, придала всѣмъ обиженнымъ этимъ судомъ и вообще старшиной смѣлости. Такъ, явился въ это время новый жалобщикъ на Чарныша,—Θедоръ Шилченко, житель подставскій (гадяцкаго полка), который въ своей челобитной, поданной въ Генеральную Канцелярію въ октябрѣ 1722 года, излагаетъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ для характеристики Чарныша, какъ полковника. Дѣло было еще въ 1715 году. Къ Чарнышу пришли два брата Шилченки съ просьбой разобрать ихъ «заводъ» изъ-за подѣла; дѣло это было Чарнышемъ разсмотрѣно, и онъ наложилъ «вины панской» на брата челобитчика 100 золотыхъ; но на бѣду у того «грошей» не оказалось, и тогда Чарнышъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти отцовскій лугъ Шилченковъ, цѣною въ 600 золотыхъ. Но, разумѣется, Чарнышъ не хотѣлъ дать за него настоящую цѣну, а предложилъ челобитчику 10 талярей, а брату его—8 копъ. Братъ Шилченка, «не противячися ему (Чарнышу), что онъ в насъ властитель будучи», деньги принялъ, но когда челобитчикъ заявилъ, что продавать луга по такой цѣнѣ не хочетъ, то первый бросилъ ему деньги и «лаючи матерно» говорилъ: «Якъ ти не возмешъ тихъ грошей—тебѣ велитъ панъ дати кіевъ сто!» Это предостереженіе подѣйствовало на челобитчика, и тотъ согласился. Торгъ, такимъ образомъ, былъ совершенъ, и полковникъ, довольный выгодною покупкою, выдалъ, кромѣ того, братьямъ «оборонный» универсалъ, въ которомъ «поступовалъ намъ обоимъ (пишетъ Шилченко) из братомъ волности, жеби намъ волно было любъ то хоть горѣлкою шинковати, албо медомъ» и освобождалъ отъ всякихъ «долегливостей, абы предто сотникъ без волѣ его насъ нѣ на що не займалъ, нѣ тежъ атаманъ тамошній подставскій».—«Хоть и до смерти твоей—то мушу уволнити тебе», говорилъ не скупившійся на обѣщанія Чарнышъ Шилченку. Однако, не прошло и года,

какъ послѣ этого случая пріѣхалъ въ Гадячъ новый полковникъ Милорадовичъ, пославшій отъ себя къ Шилченку Волошина, который взялъ съ него «девять копъ кругового» и выгналъ «до вуйска» въ Переволочную. «И онъ» (Чарнышъ),—пишетъ далѣе Шилченко,—«не уволнивъ мене ни в чомъ, грунтомъ моимъ владѣетъ до сихъ часовъ: тилко жъ было мнѣ волности дванадцять недѣль—и за тое далъ девять копъ!» Оказывается далѣе, что Чарнышъ, еще прежде покупки этого грунта, имъ уже пользовался, вырубивъ въ немъ себѣ «на будинокъ кроквинъ и латвинъ» четыре тысячи («кроквина по алтыну, а латвина по шагу»), а когда заявленъ былъ по этому поводу протестъ со стороны Шилченка, то полковникъ далъ ему десять талярей («что зрубалъ много пущи, чили за лугъ мой—того не знаю»), но при этомъ взялъ у него же «сѣна шестьдесятъ возовъ, луку подъ себе подвернулъ и ниву изъ житомъ засѣянную, по половинѣ переоравъ», забралъ ее съ житомъ. На эту жалобу Чарнышу, видимо, было настолько легко оправдаться, что на ней имѣется лишь помѣта канцеляриста: «его милости пану судіи явити», а отвѣта самого судіи (какъ это мы видимъ, напримѣръ, на жалобахъ, собранныхъ Милорадовичемъ) нѣтъ.

В. Модзалевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Степная Лубенщина [1].

Глава Ш-я.

Юго-западная и западная степь. Денисовская и Яблоновская волости.

Селенія къ востоку отъ Золотоношской дороги по лѣвому и правому берегамъ Большой Оржицы и по Чевельчѣ. Селенія къ западу отъ Золотоношской дороги: по Чумгаку, по Сухой и Гнилой Оржицѣ.

По Золотоношской дорогѣ у широкой торфяной долины, образованной сліяніемъ трехъ рѣчекъ: Чумгака, Сырой и Гнилой Оржицы, идущихъ далѣе къ Золотухамъ и Денисовкѣ подъ именемъ Большой Оржицы, [2]) расположилось въ плодородной степи [3]) продолговатое село Савинцы. О началѣ села ничего неизвѣстно. «Бувъ якыйсь Савка, козакъ»—и только. Онъ жилъ на древнѣйшемъ кутѣ вблизи старой церкви св. Дмитрія, сгорѣвшей въ 1783 году. Въ слѣдующемъ году выстроена вторая по времени церковь въ честь св. архистратига Михаила [4]). Въ настоящей церкви сохранилось нѣсколько остатковъ старины, между прочимъ двѣ намѣстныя иконы въ $1/2$ аршина ширины и 1 аршинъ

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1904 г., № 3-й.

[2]) Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ. 327. Ляскоронскій. Истор. Переясл. земли. 45.

[3]) Въ почвѣ 4,94% гумуса. Матер. къ оц. зем. полт. губ. II, Луб. у. 44.

[4]) А. Грановскій. Полт. епарх. 417. Савинцы относились въ перой половинѣ XVII в. къ Переяславскому староству.

съ четвертью длины, изъ древняго иконостаса съ изображеніями Спасителя и Богоматери, покрытыми только выпуклыми шатами, но съ темнымъ, некрытымъ серебромъ фономъ, отчего самыя изображенія производятъ впечатлѣніе статуй, выступающихъ изъ узкихъ нишъ. Есть и храмовая икона св. Дмитрія, и огромная икона, изображающая іерарха, будто бы св. Аѳанасія, константинопольскаго патріарха, съ небольшой черной фигуркой, прикованной внизу, значеніе которой неясно. Изъ обрядовыхъ предметовъ примѣчательна дарохранительница 1798 г., пожертвованная козакомъ Павломъ Бабакомъ, а изъ книгъ—евангеліе Львовской печати, пожертвованное Роменскимъ. Самое село раздѣляется на слѣдующіе куты: Юрченкивъ, со стороны Золотухъ и Денисовки, на которомъ живутъ козаки того же имени, Горянивщына, прежде Монастырка, жилье Халявъ, Грабивщына—Грабивъ и Саблей, Корніивщына,—«кущыкъ хатъ, обиходчыстый куточокъ», Подилъ—«нызьке мисто, роздолъ и выгонець, а кругомъ хаты»; а за нимъ еще три кута: Балаклицивщына, гдѣ живутъ Балаклицы, рядомъ Бабакивщына, жилье Бабакивъ, «тикавшихъ зъ Калайденскихъ лисивъ въ степы» [1]), и Польща, на которой живутъ Поляшкы. Всѣ куты одинаково лишены садовъ и всякой другой растительности. Число жителей, достигшее въ концѣ XVIII вѣка (въ 1794 г.) 1000 душъ, теперь удвоилось (2176). Населеніе большею частью козацкое, средняго роста, темнорусое, сухощавое. Есть богатыри, имѣющіе по 50—70 десятинъ и даже 200, но большинство обладаетъ лишь 2—10 десятинами и есть много беззе-

---

[1]) См. «Лѣсн. Лубенщ.» 56, 60.—Хутора Савинской дачи называются: Грабовъ, основанъ Грабами и Минками, Савинскій, принадлежавшій Богаевскимъ, изъ которыхъ Левъ Васильевичъ въ концѣ XVII в. занималъ сотницкій урядъ, населенный крестьянами: Горбатенками, Грозами, Кирносами, Пастрямами, Тимками и Штокаленками, и Асауленка, жилье Пампуръ и Пидгорныхъ; а мѣстныя могилы носятъ названіе: Батейкова, Блызныци, Черноморка («у ій похованъ переселенець»). О нихъ разсказываютъ: «Якись шведы насыпалы соби могылы, воны не давалы пахать нашымъ предкамъ. Нашы булы въ Яблонови».

мельныхъ. Хозяйство въ старину было мелкое, за деньги земля шла по 75 коп.—1 р. за десятину, зажинали за 3-й снопъ на хозяйскомъ продовольствіи, сѣнокосы снимались съ половины урожая, а болота и совсѣмъ не косились. Теперь, конечно, все измѣнилось. Наемъ земли дошелъ до 15 руб. за десятину, зажонъ до 6—7 снопа съ отработкомъ 2 дней съ десятины; степное сѣно убирается за 8 копицу, и болота пошли въ ходъ, по 7—13 руб. за десятину.

Къ юго-востоку отъ Савинецъ расположилось па незначительныхъ возвышеніяхъ лѣваго берега Большой Оржицы круглой формы село Золотухи, съ трехъ сторонъ охваченное болотомъ. Сельскія постройки не стѣснены, но садовъ возлѣ нихъ или рощъ нѣтъ, почему село кажется голымъ и некрасивымъ. О названіи и о происхожденіи села, существовавшаго уже въ первой половинѣ XVII в. и принадлежавшаго къ Переяславскому староству [1]), сохранилось только такое преданіе. «Золотухы давни, тильки мало села було. Началось до ричкы, зъ урочыща Гаивъ. Кажуть, изъ начала жывъ якыйсь Золотарь. Чы винъ Золотарь и йесть, чы така фамилія—незвисно». Передъ селомъ виднѣется выгонъ и широкая улица, также похожая на выгонъ. Послѣдняя по преданію принадлежала прежде отдѣльному владѣльцу Тарасенку, потомъ обращена въ общее пользованіе. Отъ дороги влѣво расположенъ кутъ Зацаринный, жилье древняго, быть можетъ древнѣйшаго, мѣстнаго рода козаковъ Семенковъ и Бурыхъ, также древнихъ. Въ избраніи Самойловича участвовалъ Лубенскій эсаулъ Никита Бурый [2]). Слѣдующій кутокъ Петрикивщына, жилье Петриковъ. Къ рѣчкѣ прилегаетъ Солонецъ, на которомъ живуть Рудники и Самойленки. Рядомъ съ Солонцами на Кривохиживщинѣ, жительствѣ Кривохижъ, показываютъ мѣсто старой церкви, построенной въ 1784 г. сотеннымъ асауломъ Василіемъ Яблоновскимъ [3]). Возлѣ дверей найдена и надпись объ этой постройкѣ. Вблизи стоитъ и

---

[1]) Грановскій. Полт. епарх. 405.

[2]) Лѣтоп. Вел., II, 317.

[3]) А. Грановскій. Полт. епар. 405.

новая Михайловская церковь, выстроенная въ 1875 году [1]), окруженная молоденькими деревцами. Въ срединѣ села по обѣимъ сторонамъ дороги расположенъ кутъ Казенщина, населенный выморочными крестьянами Туманскаго [2]), Боженками, Литвиненками, Патаками и Яременками. «Ти люде продалы казенну землю козакамъ, не хотилы одбуткивъ одбувать, ихъ измырылы и Сучыча назначылы старшыною, а ту землю одъ козакивъ одибралы». Справа отъ дороги расположены куты: Реутивщына, жилье Реутивъ, и хуторокъ Зайци—Зайцивъ и Пашкивъ [3]).

Всего жителей въ селѣ съ окрестными хуторами 1668 душъ. Золотухи богатѣйшее село въ уѣздѣ землею. Лучшіе хозяева обрабатывали въ старину землю самостоятельно четырехпарными плугами, а болѣе мелкіе спрягались вчетыремъ по парѣ. Хлѣбопашество было такое же незначительное, какъ и вездѣ. «Лёнивъ не було понятія, тильки для прядыва». Теперь, взамѣнъ традиціоннаго 3-го снопа, хлѣбъ снимается съ 4-го съ большими отработками и съ 5—6 безъ отработка. Прежде хозяинъ получалъ треть сѣна, теперь три четверти и четыре пятыхъ; болото скашивается съ половины, которую половинщикъ обязанъ доставить хозяину. Козаки имѣли прежде по 3—5 коровъ, 5—10 лошадей, по десятку свиней и по 10—100 овецъ. Мѣстные жители помнятъ еще о древнѣйшемъ способѣ пастьбы общаго стада каждымъ хозяиномъ поочередно [4]); потомъ нанимались по 2 пастуха для чередъ и по 1-му для черидокъ, съ уплатой «шестынной» коробки [5]) отъ головы—первымъ и по гарнцу—послѣднему. Теперь пастуху платится по 1 п. отъ рогатой скотины и лошади.

---

[1]) и [2]) Ib.

[3]) Вокругъ села разбросаны хутора: Тарасенковъ, 8 хатъ, населенныхъ Тарасенками, Норки—Петриками и Норками, и могилы: Гусятына, Лубенська, Мійська и Хмелева; о послѣдней говорятъ: «у ій два лёха, по сей бикъ одынъ, а по тій бикъ—другый. Хлопець у баштани сыдивъ и чувъ якъ щось тамъ загуло».

[4]) Откуда и названіе череда—очередь. П. Ефименко. Догов. о наймѣ пастух. 1878 г., 62.

[5]) Шестую часть четверти.

Противъ Золотухъ за плоской, аллювіальной [1]) долиной Большой Оржицы, по уборкѣ сѣна полной стогами, такими же частыми, какъ и въ м. Оржицѣ, скучены козачьи постройки села Денисовки на усадьбахъ, почти лишенныхъ садовъ, у просторнаго выгона. Мѣстный помѣщикъ, извѣстный ученый и писатель В. В. Лесевичъ такими чертами набрасываетъ положеніе села. «Денисовка удалена отъ городовъ, желѣзныхъ дорогъ, судоходныхъ рѣкъ, почтовыхъ путей и даже какъ бы спряталась и отъ сѣти проселочныхъ сообщеній, пріютившись на излучинѣ маленькой рѣчки, оставляющей подходъ къ селу только съ одной стороны [2]). О началѣ села жители передаютъ: «Якыйсь то тутъ бувъ чоловикъ Денысъ; до ёго сталы пидходыть други». Первый кутокъ отъ царины, со стороны Савинецъ, называется Лопатинъ,--«тамъ засивъ Лопатынъ»; далѣе Бойкивъ,—заселенъ Бойками и Слиньками (Кожушными), Морозивській, жилье Морозовъ, пришедшихъ изъ Лубенскихъ окрестностей изъ Высшого Булатца, также Сергіенковъ. За ними расположены куты: Чепивській, жилье Чепъ, Губаривській—Дмитренковъ и Забридный или Бридокъ--незначительное возвышеніе, поросшее вербами и кустами, на которомъ по преданію жилъ самъ осадчій. «Йе вербы и высока мистына, кружанына, а потимъ ричечка и черезъ ричечку Денысъ йиздывъ воламы, вона милка, а се лито [3]) унычтожылась. Була слобода ныжче по-надъ ричкою за Бридкомъ и царына була по сей бикъ теперешнёи царыны, а тутъ слободы не було, се було кладовыще; и яки то булы непріятели; на круглій могыли виха стоить, и якъ вона хылытся, такъ люде втикають сюды, потимъ виха одійшла и люде роботають». Вблизи видна усадьба В. В.

---

[1]) Гуровъ. Геолог. опис. полт. губ. 326.

[2]) «Денисовскій козакъ Р. Ѳ. Чмыхало, его сказки и приказки», очеркъ изъ «Міра Божія», читанный авторомъ въ Засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Импер. Геогр. Общ. 23 дек. 1894 г., и заключающій въ себѣ очеркъ личности деревенск. интеллигента Чмыхала и пересказъ сказки и двухъ приказокъ.

[3]) 1903 года.

Лесевича, потомка старинной малорусской фамиліи. Уже во времена Богдана Хмельницкаго дворянинъ Лесевичъ командовалъ отрядомъ на Волыни [1]). Затѣмъ, по фамильнымъ воспоминаніямъ, Костантинъ Лесевичъ переселился изъ села Лисовичей, возлѣ Таращи, кіевской губерніи, на лѣвый берегъ Днѣпра въ зиньковскій уѣздъ. Сынъ его Даніилъ былъ Гадячскимъ полковымъ судьей, а внукъ Владиміръ женился на Лукашевичевой, за которой получилъ въ 1748 г. Денисовское имѣніе въ приданое, и сынъ его коллежскій ассесоръ Викторъ Владиміровичъ, кончившій курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, жилъ и хозяйничалъ въ Денисовкѣ. Обширный, запущенный паркъ усадьбы и плодовой садъ, полный грушъ, яблонь, абрикосовъ и волошскихъ орѣховъ, спускается въ долину Оржицы. Въ саду поставлены рядомъ три розовыхъ кристалическихъ валуна [2]). Домъ старый, съ крутой соломенной крышей, состоитъ изъ перепутанныхъ комнатъ, пристроенныхъ большею частью впослѣдствіи, первоначальная же часть постройки, какъ видно еще и теперь, заключалась въ сѣняхъ, хатѣ и свѣтлицѣ или комнатѣ, помѣщавшихся въ ряду сосѣднихъ крестьянскихъ хатъ на выгонѣ. На дворѣ устроенъ артезіанскій колодезь. Къ усадьбѣ прилегаетъ «Чмыхаливській кутокъ», на которомъ, кромѣ Чмыхалъ, живетъ и часть бывшихъ крестьянъ Лесевича. Далѣе прорѣзываетъ село «Бублыкивській кутокъ», жилье Шабливъ и Бублыкивъ. «Бублыкивъ кутокъ середыною начався, середыною и кончается» [3]). Въ самой срединѣ, между стѣснившимися постройками стоитъ церковь св. Іоанна Богослова съ несоразмѣрно высокой колокольней. До 1778 г. Денисовка числилась хуторомъ

---

[1]) Владимірскій-Будановъ. «Передвиж. населен.» въ Кіев. Стар. 1888 г., VI, 95.

[2]) Въ восьмидесятыхъ годахъ было только два валуна, о которыхъ упоминаетъ профессоръ Гуровъ (Геолог. опис. 327).

[3]) Части болотъ возлѣ Денисовки называются: Липки, Островъ, Половецьке («въ древности тамъ половци жылы»), поля: до Переясловськоц, Фесенковои и Оржицькои могылъ, и выселки: Гапонивъ, Вильховый, Оверкивъ и др.

сотника 2-й Лубенской сотни Ограновича, и съ этого года основана церковь, перестроенная въ 1854 году, а колокольня—въ 1882 г. [1]). Всего населенія въ приходѣ 2250 душъ. Денисовка—не бѣдное село. Среди козаковъ славился прежде богатствомъ Бубликъ. «У Кузьмы Бублыка було 100 десятынъ, 5 грунтивъ пидсусидкивъ, тры млына, шынокъ, 1—2 плугы. И зачавъ винъ хурсовать, прасолувать [2]), та не прыйде на празднныкы до-дому и мотавсь и кравъ коней и воливъ, вымотувавсь, и все спустывъ, оставсь голый, попавъ въ острогъ и тамъ у острози умеръ». Большинство козаковъ имѣло по 1 плугу. Козаки разводили пчелъ по 50—100 пней. О старомъ панскомъ хозяйствѣ Виктора Владиміровича Лесевича почти ничего неизвѣстно, такъ какъ онъ давно скончался, но и въ дѣтствѣ его сына, Владиміра Викторовича, когда имѣніемъ управляли: опекунъ Горбаневскій, родной братъ матери малолѣтняго владѣльца, и приказчикъ Яковъ Степура, хозяйство оставалось все еще значительнымъ. Оно заключалось въ 1200 десят. земли, земляной мельницѣ (топчакъ), винокурнѣ, завѣдываемой крестьяниномъ Марченкомъ, дѣти котораго и теперь называются винниками, 25—30 коровахъ съ 2 быками, табунѣ гнѣдыхъ кобылъ съ гнѣдымъ жеребцомъ, и 1000 головъ мериносовъ. Несмотря на такое развитіе хозяйства, крѣпостнымъ жилось въ Денисовкѣ лучше, чѣмъ въ другихъ селахъ: «непринуджени булы люде, паны не стисныалы». Тяглые, въ числѣ 50 хозяевъ, получали по 7 десятинъ на семью, владѣніе плугомъ—сверхъ того еще десятину на плугъ, а пѣшіе получали по $3^1/_2$ десятины на семью. Выбрасывался третій снопъ и наблюдалась триднevка. Еще съ большей гуманностью отнесся къ крестьянамъ Владиміръ Викторовичъ Лесевичъ, вступивъ во владѣніе имѣніемъ. Онъ подарилъ освобождаемымъ крестьянамъ усадьбы, выгоны и пятую часть выкупной ссуды, остальныя четыре пятыхъ, 6500 руб. отдалъ крестьянамъ

---

[1]) А. Грановскій. Полт. епарх. 410.

[2]) Прасольство—скупъ сборныхъ предметовъ: скота, сала, кожъ, щетины и т. п. (И. С. Аксаковъ. Изслѣд. о торг. на украин. ярм. С.-Пет. 1858 г., 33).

же на устройство школы и ссудной кассы; затѣмъ онъ не оставилъ и освобожденныхъ крестьянъ безъ помощи, арендовавъ имъ около 400 дес. земли въ началѣ по 2 р. 25 к. десятину и «съ большою предусмотрительностью поставивъ условіемъ, чтобы арендный договоръ возобновлялся ежегодно, причемъ прежніе арендаторы должны принимать къ себѣ въ товарищество на равныхъ правахъ всѣхъ, кто пожелаетъ изъ ихъ общества. Аренда и послужила источникомъ сравнительнаго благосостоянія крестьянъ, чему не мало способствовала, кромѣ вышеупомянутаго условія, необычайно низкая арендная плата. Благодаря арендѣ, крестьяне не знаютъ ни отработковъ за землю, ни погони за клочками земли, ни отдачи скота на выпасъ» [1]). Положеніе другихъ Денисовцевъ, не участвующихъ въ этой арендѣ, представляется слѣдующимъ: земли нанимаются по 14 руб. за десятину, зажинаютъ за 5-й снопъ съ отработкомъ по востребованію и за 6-й съ отработкомъ двухъ дней съ десятины. Степной сѣнокосъ нанимаютъ по 9—10 руб., лучной по 5—6 р. за десятину; изъ послѣдняго получаютъ 3 стога или 20 копенъ сѣна на десятину. Есть и общественный сѣнокосъ, который скашиваютъ всѣ въ одинъ день и получаютъ столько сѣна, сколько каждый успѣлъ накосить для себя [2]). Сохранились и общественныя стада съ платежемъ полъ копы ржи за пару воловъ, 50 коп. отъ коровы, по 1 р. отъ лошади и по 12 к. отъ овцы.

Къ югу отъ села глухая, хмурая степь Денисовской волости начинаетъ нѣсколько оживать, даже улыбаться, какъ у Зарога. Съ одной стороны дороги мелькаютъ козачьи хуторки Рожковъ съ хорошими усадьбами, рощами, садами, степными колодезями, съ другой стороны раскинулись по взгорью большіе хутора Климен-

---

1) Сбор. хозяйств. стат. полт. губ. VI, Лубенск. у., 103. Слѣдуетъ добавить, что составитель сборника соединилъ въ одну группу какъ бывшихъ крестьянъ В. В. Лесевича, такъ и Ломиковской, освобожденныхъ на менѣе выгодныхъ условіяхъ, почему благосостояніе первыхъ показано ниже дѣйствительнаго.

2) Ibid. 235.

ковъ и Лесевичевъ, почти сливающіеся, населенные Дмитренками, Лавриненками, Марченками, Прудкими, Сокирками, Шереметами и др. Но отрадное впечатлѣніе исчезаетъ со въѣздомъ въ Чевельчу. Пограничная съ золотоношскимъ уѣздомъ Чевельча расположена на лѣвой сторонѣ ручья того же имени и состоитъ изъ однообразнаго ряда избъ съ промежутками межъ ними, иногда въ сажень и того меньше, часто даже не огражденными плетнями, почти безъ зелени. Чевельча основана въ началѣ XVIII в. Кулябками; по имени одного изъ нихъ, земскаго коммиссара Лубенскаго повѣта Николая [1]), село называется еще и теперь Николаевкой. Кромѣ Кулябокъ, здѣсь были также владѣнія Значка Яворскаго и Закревскаго. Сообразно этимъ владѣніямъ, и самое село дѣлится на три части: Значкивку или Яворивщыну, расположенную на холмѣ за рѣкой, населенную крестьянами: Божками, Бондаренками, Бибиками, Бутенками, Кочергами, Ладыками, Регушами, Рябухами, Рыбчиками или Рыбченками; Кулябкивку или Максимовку,—среди села, жилье: Балацырей, Бурлакъ, Голосенкивъ, Зинькивъ, Косенкивъ, Коломійцевъ, Сербиновъ и Сукноваловъ. На третьемъ кутѣ, Закревщинѣ или Сторожовкѣ, находящемся съ Оржицкой стороны, живутъ: Бондаренки, Дренгали, Овчаренки, Повстины и Царинные.

Эти крестьяне приведены панами въ Чевельчу изъ разныхъ мѣстъ черниговской губерніи, и прилукскаго, пирятинскаго и константиноградскаго уѣздовъ—полтавской.

Посреди села рѣчка разливается, образуя длинный, тинистый, покрытый ряской и частью заросшій камышемъ, прудъ. Вдоль пруда и на взгорьи разбросаны, среди густо разроснагося орѣшника, вѣковые бересты, осокори, покрытые мхомъ, и итальянскіе тополи (яворы). Этотъ спящій прудъ съ отраженными въ водѣ вѣковыми деревьями полонъ задумчивой поэзіи. За нимъ на холмѣ виденъ запущенный паркъ и садъ, приводящіе къ длинному, каменному, одноэтажному дому съ 38-ю комнатами

[1]) См. «Средн. Лубенщ.» въ Кіев. Стар. 1903 г., IX, 281.

и куполообразнымъ мезониномъ, построеннымъ сенаторомъ А. Я. Стороженкомъ, скупившимъ разновременно всю Чевельчу. Противъ дома, на площади, короткая липовая аллея ведетъ къ церковному погосту, обсаженному желтой и бѣлой акаціями, берестами и тополями. Здѣсь подъ мраморнымъ памятникомъ погребенъ сенаторъ, умершій въ 1858 году семидесяти лѣтъ. Церковь основана въ 1780 году прапорщикомъ Яковомъ Кулябкой въ виду крайней необходимости, такъ какъ весенній разливъ, затопивъ село, прекращалъ сообщеніе съ сосѣдней Скаржиновкой, [1]) и мѣшалъ людямъ говѣть. Эта церковь строилась съ потолкомъ, какъ домъ, съ камышевой, потомъ тесовой кровлей; послѣ поправки 1814 года, она держалась до 1881 года, когда перестроена заново [2]). Внутри церкви нѣтъ ничего особенно интереснаго. Небольшая иконка патрона Стороженка, св. Андрія Критскаго, въ роскошной ризѣ, двѣ большія картины масляными красками, изображающія пророка Іону и Іосифа съ ангеломъ предъ побѣгомъ въ Египетъ, да люстра, взятая изъ дома Стороженка. Въ этомъ домѣ хранились прежде: большая библіотека и картинная галлерея, оцѣненная въ 100 т. рубл.; на псарнѣ содержалось 30 охотничьихъ собакъ, на конюшнѣ—бѣлыя выѣздныя лошади. Жизнь текла шумно и весело; особенно веселились на именинахъ хозяина, 4-го іюля, когда къ нему съѣзжались гости изъ нѣсколькихъ уѣздовъ. Такая жизнь поддерживалась обширнымъ хозяйствомъ, развивавшимся на пространствѣ 3 т. десятинъ. Запашка производилась 18—20 плугами въ большомъ размѣрѣ: ржи для винокурни, ячменя для пивоварни. Одного льна засѣвалось 50 десятинъ. Лёнъ и пшено отвозились въ Крымъ на 9 парахъ, а оттуда привозилась соль. И скотоводство было значительное: до ста рабочихъ лошадей, 40 породистыхъ рябыхъ и красныхъ ко-

---

[1]) и [2]) А. Грановскій. Полт. епарх. 411 и 417. Въ этомъ сочиненіи Скаржиновка или Созоновка причислена къ лубенскому у., тогда какъ въ дѣйствительности вся она съ церковью находится за административной чертой въ золотоношскомъ у., почему и не описана здѣсь.

ровъ съ 2—3 быками и 6000 мериносовъ съ баранами изъ екатеринославской губерніи. Двадцать семей тяглыхъ крестьянъ получали по 9 десятинъ на семью, пѣшіе по 3 десятины. И тѣ и другіе работали по 3 дня въ недѣлю, а въ страду до полнаго окончанія косовицы и жатвы. При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, крестьяне взяли лишь 500 десят. надѣла, а размножившееся населеніе дошло до 2000 душъ, мѣстныя же цѣны найма — 15—20 руб. за десятину.

Послѣднее село Денисовской волости Круподеринцы расположено подковообразно съ отверстіемъ, обращеннымъ къ рѣчкѣ Чумгаку. Названіе села объясняютъ такъ: «Кажуть бувъ якыйсь Круподеря, панъ на Подоли пры води». Такимъ образомъ древнѣйшимъ кутомъ признается Подолъ, прилегающій къ Чумгаку и составляющій сѣверный край подковы. «Тутъ була стара церква на огороди Яненкивъ, очеретомъ крыта и цегла йе». На самомъ Подолѣ живутъ козаки Яненки, изъ которыхъ Данило былъ нѣкогда денисовскимъ головой; затѣмъ часть Подола—Рудикивщына занята козачьимъ родомъ Рудныкивъ, а другая, лежащая ниже «у шпыль» Гамаліивщына, населена козаками: Гамаліями, Паліями и Маличенками (Йиськамы). На Подолѣ живутъ и крестьяне собственники, бывшіе во владѣніи Полторацкаго, потомъ Забѣллы. За Подоломъ помѣщается Тарапивка, на которой жилъ прежде Додатко, «ходывъ винъ по селу, умомъ тропувсь и ёго боялысь». На ней живутъ Тараны и Зинченки (Лысенки). Еще далѣе въ степь лежитъ Ковтунивка, жительство Ковтунивъ. «Воны захожи зъ-пидъ Лубень, багатенькый народъ: и мельныця, и загоны, и пасишныкы добри,—понавозылы спидъ Лубень 500 пнивъ». Къ одной изъ Ковтунивенъ присталъ Ведмедь изъ Бѣлоусовки. На Ковтуновкѣ стоитъ и церковь въ честь рождества Пр. Богородицы, перестроенная въ 1872 г. [1]), просторная съ бѣлымъ ико-

[1]) Старая церковь выстроена въ 1784 г. (Грановскій. Полт. епар. 409), изъ нея сохранились три старыхъ евангелія: 1, подаренное священникомъ М. Савинскимъ, 2,—Анной Сизонихой и 3-е подаренное Г. С. Ковтуномъ.

постасомъ. Около церкви и царины расположенъ кутокъ Товстопятивка, жилье Товстопятивъ и Толочіивъ. Затѣмъ по самой срединѣ подковы село нѣсколько уклоняется въ сторону, образуя два кута въ разныхъ направленіяхъ: Новоселицу или хуторъ, къ Савинцамъ, населенный людьми тѣхъ же фамилій, что и въ перечисленныхъ кутахъ, и Воронивку или Кулыкивку, къ Чевельчѣ, прежде жилье Кулыкивъ, уже исчезнувшихъ, теперь Воронъ. На южной сторонѣ подковы помѣщаются: Паліивка, древній кутокъ, жилье Паліенкивъ и Сергіенкивъ, и на краю, по Бѣлоусовской дорогѣ, Драпивка, гдѣ жилъ панъ Соколовскій и его крестьяне: Галушки и Юрченки. Старое козацкое хозяйство и здѣсь было незначительнымъ. Хозяева имѣли по плугу, 1—2 коровы, съ десятокъ лошадей да по 2—3 десятка овецъ, хотя въ землѣ не было недостатка. «Нихто тоди и степу не стереже, зинёвать [1]) така була, шо прыйде чоловикъ та паруба, шобъ топыть. Ни коней, ни товару не выдать за нею». Пѣшіе убирали хлѣбъ съ 3-го снопа на хозяйскихъ харчахъ. «Бидни воны булы и земля есть, а ничимъ обработать». Молотили хлѣбъ за 3-ю коробку. Сѣно снималось съ 3-й копны. Въ небольшомъ имѣніи Соколовскихъ всѣ крестьяне были пѣшіе; въ болѣе значительномъ—Полторацкаго—крестьяне имѣли прежде разное количество предковскихъ земель, но помѣщикъ Николай Забѣлло, купивъ имѣніе Полторацкаго, перераспредѣлилъ всю крестьянскую землю однообразно, выдѣливъ по 2 десятины на пару воловъ и по полдесятины пѣшимъ. Онъ же отмѣнилъ старый крестьянскій обычай поставлять вмѣсто себя на панщину наемщиковъ «Преже було якъ багатый, то найме за себе наймыта, такъ панъ того не позволывъ». Другого направленія держался сынъ его Иванъ Николаевичъ, бывшій предводителемъ дворянства во время такъ называемаго возрожденія Лубенщины, въ семидесятыхъ годахъ, когда въ земскихъ дѣлахъ и мировомъ судѣ приняли участіе молодые дѣятели съ М. Т. Симоновымъ во главѣ. Иванъ Николаевичъ поддерживалъ эти добрыя начинанія въ уѣздѣ, а по отношенію

---

[1]) Cytisus biflorus L'Her.

къ крестьянамъ былъ весьма гуманенъ, отдавая имъ въ наемъ землю по низкой цѣнѣ [1]). Предъ смертью онъ, съ согласія жены Софіи Николаевны, женщины возвышеннаго характера, пламенно преданной добру, подарилъ все состояніе мѣстному земству. Теперь всего жителей въ Круподеринцахъ 2263 души. Населеніе довольно высокаго роста, темнорусое съ свѣтлыми глазами, иногда встрѣчаются лица съ правильными чертами. Одежда та-же, что и во всей Денисовской волости, у мужчинъ лѣтомъ преобладаютъ соломенныя шляпы, у женщинъ сохранились еще очипки съ перекладомъ посрединѣ, темные корсеты «до усивъ» съ красными пуговками у таліи. Моды эти отличны отъ смежныхъ золотоношскихъ. «Тамъ довга одежа и ставлять выще станъ и метелыкы нашываютъ». И до сихъ поръ сохранились кулачные рождественскіе бои съ сосѣдними Филипповичами.

Филипповичи или Хуторець, Яблоновской волости, расположены на лѣвомъ берегу Чумгака, вблизи Яблонова. Первое названіе объясняется только помощью предположенія о переселеніи сюда жителей изъ волынскихъ Филипповичей, Луцкаго повѣта, опустошенныхъ во времена Богдана Хмельницкаго [2]); второе—принадлежностью села въ качествѣ хутора до XIX в. къ Яблоновскому приходу. Филипповичами издавна владѣла прилукская дворярская фамилія Ограновичей, происходящая отъ прилукскаго бурмистра, потомъ войта (1685, 1687 г.г.) Григорія Корніенка или Корніевича, женатаго на дочери лубенскаго полковника Леонтія Свѣчки. Одинъ изъ сыновей войта, принявшихъ фамилію Ограновичей, Михаилъ занималъ уряды: прилукскаго полкового судьи, потомъ обозна̀го (1709—1737 г.г.) [3]) и въ 1725 г. участвовалъ

---

[1]) Сборн. хоз. стат. Полт. губ., т. IV. 236.

[2]) Владимірскій-Будановъ. Передвиж. южнор. населен. въ Кіев. Стар. 1888 г, VI, 83.

[3]) Лазаревскій. Прулукск. полкъ. въ Кіев. Стар. 1900 г. X., 94 и 1894 г. VII, VIII, 57, 58, 60.

въ Гилянскомъ походѣ, [1]) а внукъ Яковъ Михайловичъ былъ также прилукскимъ обозпымъ въ 1767—1770 г.г. [2]).

Нѣсколько ранѣе, въ 1759 г., другой Ограновичъ, Павелъ, занималъ урядъ лубенскаго хорунжаго [3]), а въ 1779 г. Алексѣй Михайловичъ Ограновичъ произведенъ Румянцовымъ въ войсковые товарищи «за пріобрѣтеніе въ наукахъ познанія» [4]).

Филипповичи [5]) подраздѣляются на слѣдующіе куты: Якимовскій, жилье крестьянъ владѣнія Акима Ограновича—Орябцивъ, Погорѣлыхъ и Шкодъ; Катречинъ, получившій названіе отъ бабы Катри, гдѣ живутъ бывшіе крестьяне Ст. Ст. Ограновича: Огороднie и Батраки. Затѣмъ на главной «Билій» улицѣ, ведущей къ усадьбѣ означеннаго Ограновича, теперь купленной козакомъ Г. Гречукомъ, живутъ крестьяне: Огородни, Ткаченки и др. Последній кутокъ Побережье занятъ крестьянами: Силками, Тютюнниками и Шпуриками. Степанъ Степановичъ Ограновичъ, управлявшій за отсутствіемъ брата, генералъ-лейтенанта Николая, считался хорошимъ хозяиномъ. Въ имѣніи были: винокуренный и селитренный заводы, земляная и водяная мельницы, 50 паръ воловъ, 25 рабочихъ (скарбовихъ) лошадей и 12 выѣздныхъ, кромѣ матокъ и жеребца. Тяглые, число которыхъ въ имѣніи превышало число пѣшихъ, получали по 4 десят. поля и по 1 дес. болотистаго сѣнокоса, пѣшіе по 3 дес. на семью. Весь хлѣбъ снимался съ 3-го снопа и лёнъ съ 3-й горсти; «одбутокъ»—былъ четырехдневный. Во время полевыхъ работъ въ имѣніи устраивались дѣтскія ясли. Степанъ Степановичъ имѣлъ привычку пря-

---

[1]) Лѣт. Самов. 101.

[2]) Лазар. Прил. полк. ibid.

[3]) Лазаревск. Истор очер. Полт. Луб. 76.

[4]) Лазаревск. Распор. гр. Румянц. по управл. Малор. 15.

[5]) Кромѣ владѣній въ Яблоновской волости: Филипповичей и Рудки, Ограновичамъ принадлежали еще части селъ Денисовской волости: Савинецъ, Денисовки и Чевельчи (Грановскій. Полт. епарх. 410, 411) Засульской: Ерковцы и Засулье, Лубенской: Осовцы и домъ въ Лубнахъ. (Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Луб. 83, 84, 98. 104 и 106).

тать и разсовывать деньги по диванамъ, стульямъ и столамъ, но запрятанное такимъ образомъ золото и бумажки какъ то исчезли, и приглашенный наслѣдникомъ спеціалистъ, перерывъ всё и взломавъ фундаментъ, нигдѣ ничего не нашелъ. Послѣдній отпрыскъ угасшей вѣтви фамиліи Ограновичей, Николай Антоновичъ, былъ нѣсколько трехлѣтій лубенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Возлѣ его усадьбы на погостѣ стоитъ осѣненная старыми липами, кленами и яворами церковь св. архистратига Михаила съ красивымъ бѣлымъ иконостасомъ внутри и съ необщепринятыми изображеніями: св. архіепископа Николая въ тіарѣ и Божьей Матери въ видѣ мадонны. Церковь построена въ 1803 г. Григоріемъ и Иваномъ Ограновичами, перестроена въ 1867 г. [1]) На погостѣ и склепъ Ограновичей. Всего жителей въ приходѣ 1168 душъ. Экономическое положеніе ихъ неудовлетворительно вслѣдствіе затрудненія въ наймѣ земли.

Выше Филипповичей, на лѣвомъ берегу Чумгака, раскинулось довольно большое село Перервинцы по обѣ стороны почтовой дороги изъ Лубенъ на Переяславль, на разстояніи двухъ верстъ. Чумгакъ, берущій начало за 45 верстъ отъ лубенской границы у с. Черниховки, пирятинскаго уѣзда, протекаетъ мимо Перервинецъ и далѣе ничтожнымъ ручьемъ. «Чумгакъ, кажуть, такъ проходывъ: зійшла вода тай нема». Перервинцы крайній западный предѣлъ Лубенщины, глубоко вдавшійся въ оба смежные уѣзда. Граница мѣстной дачи отъ с. Бѣлоусовки, золотоношскаго у., указана въ дневникѣ генеральнаго подскарбія Якова Маркевича: «Отъ яру Сухомозского до Острой Могылы и отъ нея до шляху Яблуновского» [2]). О пирятинской же границѣ жители передаютъ:

---

[1]) Къ приходу принадлежитъ хуторъ Алексѣевка или Ярчинъ. Первое названіе происходитъ отъ имени помѣщика Алексѣя Ивановича Ограновича, женатаго на Ульянѣ Петровнѣ Милорадовичъ, второе отъ привычки его носить овчинную шапку и бурку, почему крестьяне говорили: «Онъ иде панъ ярка». Крестьяне, числомъ 100, носятъ фамиліи: Грипы, Гуртови, Унды и др., переведены изъ Харитоновки, прилукскаго уѣзда.

[2]) Кіев. Стар. 1896 г. Прилож. I, 216.

«Намъ малось буть пирятынського уизда, такъ у Перервынцяхъ бильшъ козакивъ, а тамъ все панськи села, все тилько хрестяне, черезъ то насъ до Яблунова прысчыталы. Якъ границы уйиздивъ робылысь, то Якименки жылы зъ краю и цепъ тяглы черезъ сины». Древнюю исторію села мѣстные жители передають такими краткими чертами. «За сей край не воювалы, мы сами пидійшлы, а зъ Польщою була война и сей край пиддавсь православію сёму литъ трыста. Одчого названіе селу—незвисно; йе урочыще Перервыно. Кажуть, шо село було по-надъ Чумгакомъ, прычепылось село де каплыци стоять, а се нывья булы». Съ краю села, отъ Яблоновскаго въѣзда стоитъ Введенская церковь. Мѣстный приходъ существовалъ уже въ первой половинѣ XVIII в., какъ видно изъ упоминанія о перервинской церкви въ дневникѣ Маркевича подъ 1732 годомъ [1]) и изъ четьи-минеи, купленной въ слѣдующемъ году въ эту церковь «жителькою Татьяной Ворониной» [2]). Старая церковь, перестроенная въ 1765 году, сгорѣла въ 1827 году, а вмѣсто нея выстроена на средства титулярнаго совѣтника А. М. Маркевича настоящая каменная церковь, просторная, съ большимъ круглымъ куполомъ, похожая на соборъ съ двѣнадцатью колоннами, по четыре у каждаго фронтона. Внутри храма помѣщается голубой иконостасъ съ намѣстными иконами академической кисти, нарисованными на холстѣ. Въ сторонѣ виситъ обновленный образъ Богоматери, о которомъ разсказываютъ, что у женщины изъ окрестностей Матрены Божковой заболѣла дочь и мать хотѣла было отослать сто рублей на молебны въ Козельщину, но ей привидилась во снѣ перервинская Богоматерь. Поспѣшивъ въ Перервинцы и прійдя въ церковь, Божкова узнала приснившуюся икону и пожертвовала тѣ деньги на ея обновленіе. На погостѣ памятники А. А. Маркевича (1825 † 1886 г.) и членовъ фамиліи мѣстныхъ священниковъ Гороновичей. Возлѣ церкви чрезъ площадку виднѣется усадьба мѣстныхъ землевладѣльцевъ Маркевичей, вся въ зелени. Въ 1724 г. прилукскій сотникъ Иванъ Марке-

---

[1]) Ibid.

[2]) А. Грановскій. Полт. епарх. 408, 409.

вичъ оставилъ по духовному завѣщанію хуторъ въ Перервинцахъ своему брату, лубенскому полковнику Андрею Маркевичу [1]). Съ этого времени начинаются поземельные споры Маркевичей съ перервинскими козаками [2]), о чемъ сохранились слѣдующія мѣстныя воспоминанія. «Маркевычей не було ще й званія, воны набрелы зъ черныговськои губерніи. Говорять, Марковычъ упросывся изъ стадомъ: «буду пасты», потимъ заоравъ, такъ сорокъ годъ позывалысь. Третю часть одсудылы козакамъ. Мы бачылы портретъ Марковыча, и жупанъ довгый, ажъ до земли высивъ полосатый». Сейчасъ за дворомъ Маркевичей и нѣсколько поодаль на Крутнивщинѣ, гдѣ прежде «жывъ якыйсь панъ Крутень, до котрого прыставъ Кондратковській», живутъ бывшіе крестьяне этихъ владѣльцевъ: Денисенки, Ивки, Солоненки, Тищенки и Хребты, а вблизи, на старомъ кутѣ, жили: Гороновичи, Жилы и Сухоносы. Далѣе на селѣ встрѣчается кутокъ Козоризовській, жилье козаковъ Козоризивъ, Пучокъ и Талановъ, и Пузыкивській--Воронъ и Гвоздыкивъ. Старѣйшіе мѣстные козацкіе роды: Гвоздиковъ, Жилъ и Козорѣзовъ. Только одинъ изъ послѣднихъ, Петръ, оралъ двумя плугами, прочіе обладали однимъ самостоятельнымъ плугомъ, чаще спрягались. «У Петра було сто пнивъ пасикы. Розсказують, що въ Козоризивъ була своя выпокурня, а якъ одибралы право курыть [3]), то гналы горилку въ горшкахъ, такъ жинка коноплы тре и кострыцю пиднлада пидъ горшкы. Бувъ общеськый табунъ, и кожному хазяину треба поочередно подываться, якъ табунъ ходыть, и навернуть до воды. Коней на ничъ не гонылы а тилько товаръ гонылы у село». Что касается панскаго хозяйства, то данныя дневника Маркевича доказываютъ преобладаніе скотоводства надъ земледѣліемъ на крайнемъ западѣ Лубенщины, какъ

---

[1]) Лазаревскій. Прилук. полкъ. Кіев. Стар. 1900, XI, пр. 117.

[2]) Лазаревскій. Очер. полт. луб. 60, 61. А. Маркевичъ занималъ урядъ лубенскаго полковника съ 1714—1727. Я. А. Маркевичъ генеральный подскарбій, И. А. Маркевичъ—луб. обозный съ 1759—1760 г.

[3]) Въ 1779 г. сокращено винокуреніе для предохраненія народа отъ пьянства и сохраненія лѣсовъ. Лазар. Распоряж. гр. Румянцева. 54.

и на востокѣ ея. Такъ, на Перервинскомъ хуторѣ Маркевичей въ 1732 году числилось: 214 лошадей съ двумя нѣмецкими кобылами и 10 жеребцами (дрикгантами); 10 рабочихъ воловъ и 48 головъ разнаго скота; для прокормленія ихъ собрано 38 скирдъ сѣна и только 289 копъ хлѣба, а на слѣдующій годъ высѣяно: 25 четвериковъ жита, а весной: 20 четвериковъ ярииъ, 3 пуда пшеницы и 2 проса [1]). Въ XIX вѣкѣ хозяйство Маркевичей заключалось въ селитренномъ заводѣ, крупчаткѣ, топчакѣ и четырехъ мельницахъ, въ 10-ти плугахъ, 30-ти коровахъ съ доморослыми быками, конскомъ табунѣ и трехъ табунахъ шпанки. О посылкахъ въ дорогу вспоминаютъ: «Тоди якъ идешъ у дорогу, то якъ возивъ пьять, то шоста пидъ бочку зъ водою и бочку везлы у самый Крымъ». Изъ крестьянъ 10 хозяевъ имѣли тягло, прочіе были пѣшими. И тѣ и другіе работали по полторы недѣли пану и по 3 дня себѣ въ періодъ жатвы, а въ остальное время года по недѣлямъ. Тяглые пахали, возили хлѣбъ и сѣно, также «на майданъ попелъ лисовый возылы за сорокъ верстъ, або й билшъ». Пѣшіе принуждены были нанимать себѣ козаковъ для паханія земли.

Алексѣю Михайловичу Маркевичу, никогда не жившему въ Перервинцахъ, наслѣдовалъ его племянникъ Андрей Андреевичъ, похороненный у церкви. Его изображаютъ человѣкомъ, хотя и гуманнымъ, но мало вникавшимъ въ дѣла, почему крѣпостные страдали отъ притѣсненій приказчиковъ: «Прыказчыкъ Степанъ Роенко разъ пысавъ и сказавъ парубку: «Постій, я тебе розкамы!» А парубокъ прыцилувавсь и убывъ. Выпыталы, катувалы парубка и зослалы въ Сибирь» [2]).

На полпути отъ Перервинецъ къ Яблонову расположена на черноземной равнинѣ [3]) деревня Стукаловка при рѣчкѣ Сырой Оржицѣ у золотоношской и пирятинской границъ, отдѣляясь отъ

---

[1]) Кіев. Ст. 1896 г. Прил. Кн. II, 217, 232, V, 275 и VI, 289.

[2]) Вокругъ села—хуторки: Карбани, 10 хатъ Карбаней, Нешій, 8 хатъ Жилъ и Пучки, 3 хаты Пучекъ и Жилъ. Наемъ земли 10—15 р.

[3]) Содержаніе гумуса на поляхъ около Яблонова 5% (Мат. для оц. зем. полт. губ. II. Луб. у. 44.

пирятинской Михайловки только яромъ. По ревизіи 1764 г. она значится хуторомъ бунчуковаго товарища Борозны[1]), а по разсказамъ мѣстныхъ жителей Стукаловка основана владѣльцемъ Драбова графомъ Завадовскимъ. Населеніе ея пришлое. «Хороше було пидъ графомъ и козакы пидходылы пидъ ёго и винъ закрипывъ. Уси тутъ нахожанци. Якъ воно потимъ було: чы замотано, чы куплено Старыцькимъ?—незвисно». Крайній кутъ отъ Яблонова Новоселица занята слѣдующими крестьянскими семьями: Ведмедями, Веснами, Гуржіями, Дащенками, Диденками, Донцами, Калайтанами, Коваленками, Лысенками, Малуками изъ Клепачей, Нетесами и др. Часть Новоселицы, населенная Козловскими, такъ и называется Козловщиной. Слѣдующій кутокъ Кучанскій заселенъ почти исключительно Бычовыми, вышедшими изъ Чернобаевъ, золотоношскаго уѣзда, а Середивка, лежащая за греблей на противоположномъ берегу Оржицы, занята крестьянами тѣхъ же фамилій. На Середивкѣ у поля стоитъ новая Александро-Невская церковь съ новымъ бѣлымъ иконостасомъ и новыми иконами. Всего крестьянъ до 1000 душъ. Графская экономія была значительной: 1900 дес. земли, водяная и вѣтряная мельницы, 5 экономическихъ плуговъ, 50 красныхъ (червонихъ) коровъ при 2 быкахъ и 3000 мериносовъ. Тяглыхъ было 50 хозяевъ. Крѣпостные работали недѣлю пану и недѣлю себѣ. Пѣшіе отдавали обработывать свою землю съ половины. При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости крестьяне получили достаточный надѣлъ: 10 дес. тяглые и 6 пѣшіе, и потомъ долго держали на арендѣ по 5 руб. десятину всё имѣніе у мѣстной помѣщицы Ладыгиной[2]).

Въ срединѣ Яблоновской волости на обнаженномъ, суглинистомъ[3]) желтоватомъ холмѣ стоитъ старый городокъ, переименованный въ мѣстечко, Яблоновъ. Онъ окруженъ съ трехъ сторонъ Гнилой Оржицей, чрезъ которую прежде, по словамъ Са-

---

[1]) А. Грановскій. Полт. епарх. 407.

[2]) Сбор. Хоз. ст. полт. губ. IV, 235.

[3]) Гуровъ. Геолог. опис. полт. губ. 327.

мовидца «барзо злые переправы» были [1]), а теперь длинная земская плотина ведетъ къ предмѣстью Загребелью. Съ четвертой, противоположной плотинѣ, стороны Яблоновъ примыкаетъ къ степи узкимъ перешейкомъ, также перерѣзаннымъ въ старину каналомъ; такъ что старый городокъ представлялся островомъ, охваченнымъ отовсюду водою. По преданію, передаваемому различно мѣстными жителями, рѣчка начала гнить съ тѣхъ поръ, какъ въ ней утонулъ, переправляясь, сынъ одной попадьи. Послѣдняя взявъ клочекъ волосъ съ головы покойника, зажгла ихъ на сковородѣ и прокляла рѣку: «Будешъ ты гныты, ричко, такъ якъ тило мого сына!» [2]). По другому варіанту: «Яблоновъ колысь бувъ городъ и була крипость и валы. Бабушка бачылы ти ворота, у котори входылы въ крипость, и башту и два камянныхъ стовпа; и кругомъ крипости проходыла вода и на другій сторони була прыстань, де було и жерело, шо заткнуто рупомъ. Якась ворожка зробыла, шо якыйсь то сынъ утопывсь» [3]). И теперь явственно видны

---

[1]) Лѣтоп. 36.

[2]) Какъ настоящій варіантъ сказанія, такъ и различныя данныя о Яблоновкѣ и о фамиліи Яблоновскихъ, вошедшія цѣликомъ въ настоящій очеркъ, переданы мѣстнымъ помѣщикомъ Я. С. Яблоновскимъ въ неоднократныхъ разговорахъ и письмѣ, за что приносится ему живѣйшая благодарность.

[3]) Записано отъ козака С. П. Дейнеки. Въ сборникѣ г-на Гринченка: «Изъ устъ народ.» (Черниг. 1900 г.) приводятся варіанты настоящихъ сказаній изъ слѣдующихъ мѣстностей черниговской губ. Въ с. Юриновкѣ, новгородсѣверскаго у., записано преданіе о ручьѣ Буковицѣ, въ которомъ утонула дочь вѣдьмы, за что мать и прокляла ручей, бросивъ сковороду въ воду, и ручей ушелъ въ видѣ разодѣтой дѣвицы (308—310). Въ преданіи о м. Красномъ Колядинѣ, конотопскаго у., Покорская проклинаетъ рѣчку Роменъ за поглощеніе сына, послѣ чего вода мутится (317), затѣмъ въ с. Голенкѣ, того же уѣзда, записано, что вдова, проклявъ ту самую рѣчку за такое же поглощеніе сына, обратила ее въ болото (327). Занесено ли мѣстное преданіе изъ черниговской губ.и когда именно: при самомъ отновленіи Яблонова или позже какимъ либо переселенцемъ—опредѣлить невозможно.

вокругъ древнѣшей части Яблонова, занимавшей 15—20 десятинъ, два вала: верхній и нижній, особенно возвышенные на сѣверо-западѣ. Валы разрыты, заняты частью мельницами, частью избами. Они похожи на Лукомскіе и Слѣтинскіе валы кіевскаго періода, такъ что съ отновленіемъ Яблонова въ 1612 г. «вѣроятно, были лишь исправлены, а не насыпаны вновь. Отстроенный Яблоновъ вскорѣ заключалъ уже въ себѣ 50 домовъ посполитыхъ и 30 козачьихъ, и въ качествѣ королевскаго города, принадлежавшаго къ Переяславскому староству, не несъ никакихъ повинностей. Во время Богдана Хмельницкаго въ Яблоновъ спѣшили укрыться нѣкоторые польскіе паны изъ охваченной огнемъ возстанія Княжины или Вишневеччины.

Затѣмъ въ 1670 году городъ занятъ Дорошенкомъ, а въ 1679 г. Юрій Хмельницкій съ Яненкомъ выжегъ окрестности и истреблялъ людей [1]). Сѣверо-восточная часть мѣстечка, называвшаяся прежде Пидваркомъ и Форштадтомъ, а теперь сохранившая лишь первое названіе Пидварокъ, признается древнѣйшей. На ней высится приходской Успенскій храмъ [2]), существовавшій уже въ 1729 году, какъ видно изъ надписи на Тріоди, купленной въ этомъ году козакомъ Ефремомъ Ивановымъ, и впослѣдствіи дважды перестроенный: въ 1748 и 1861 годахъ [3]). Среди иконъ обращаетъ на себя вниманіе наивностью пожертвованная въ 1740 г. священникомъ Стефаномъ Васильевымъ, изображающая угощеніе Авраамомъ странниковъ раками

---

[1]) Южнорус. лѣтоп., издан. Бѣлоз. I, 83, Рубанъ, крат. лѣт. 136, Конискій. Рукоп. Истор. Мал. Рос. ч. II, Бантышъ—Камен. Истор. Мал. Рос. I, 117. Костомар. Руина въ Вѣст. Евр. 1879 г., IX, 13, Д. II. Богалѣй. Займанщ. въ лѣвоб. Укр. Кіев. Стар. 1883 т. I, 566, Лѣвоб. укр. въ Кіев. Стар. 1896 г., V, 257., Лазаревск. Истор. очер. Полт. Луб. 99, и Грановск. Полт. епарх. 407.

[2]) Въ мѣстечкѣ есть еще небольшая приписная Кладбищенская церковца св. арх. Гавріила, сооруженная на средства протоіерея Романовскаго въ 1879 г. (Ib.) на кладбищѣ и у средоточія ярмарокъ, во время которыхъ въ ней бываетъ служеніе.

[3]) А. Грановскій. Полт. епарх. 407.

на тарелкѣ. Сохраняется еще маленькій храмовой образъ, вышитый на бархатѣ, и старый серебряный крестъ съ надписью: «Сей крестъ сооруженъ въ городѣ Яблуновъ до храму Успенія Пр. Богородицы рабомъ Божіимъ Игнатомъ Росколупенкомъ мѣщаномъ [1]) и козакомъ Яблоновскимъ въ 1742 году». Съ самаго открытія прихода и почти въ теченіе вѣка мѣстными священниками были Бѣлозерскіе, и теперь еще псаломщикъ—потомокъ той же фамиліи. «Тамъ де церква—говоритъ преданіе—ничого не було, а одъ церквы изъ гребли почавсь Яблоновъ. Мало хатъ було». На Пидварку жили: сотникъ Яблоновскій, дворяне Божки, уже вымершіе, козаки Москальци, крестьяне Вовки и др. Ближайшій къ Пидварку кутокъ Баранивській населенъ козаками Баранами, а дальнѣйшіе три: Кононивській—крестьянами Кононами, бывшаго владѣнія Леонтовичей; Пелыпенкивъ—крестьянами Дынниками и Пелыпенками, владѣнія Полторацкихъ, и Толочанскій—козаками: Гончарями, Рубанами, Чепигами и Черницкими Пространство между пидваркомъ и толокой занято лавками, коморами, складами и похоже на плохой городокъ въ родѣ Зинькова. Яблоновъ невеликъ: въ немъ всего лишь 577 жителей козаковъ и крестьянъ [2]), но цыфра эта удваивается восемьюдесятью еврейскими семьями, занявшими Яблоновъ и содѣйствовавшими его экономическому значенію для всей удаленной отъ городовъ окрестности [3]).

Съ восточной стороны Яблонова, за широкой болотистой долиной Оржицы находится яблоновское предмѣстье Загребелье, на которомъ расположена усадьба Я. С. Яблоновскаго, похожая на полную чашу, настолько заключено въ ней построекъ, инвен-

---

[1]) Такъ въ надписи.

[2]) Къ приходу принадлежатъ хутора: Соломкинъ или Сабадашевъ, принадлежащій помѣщику Соломкѣ, населенный крестьянами: Падунами и Тютниками, всего 146 душъ, и Топчіивъ,—козаками Колесниками, 34 душъ, да выселки въ 1—3 двора.

[3]) Мѣстное старое козацкое хозяйство было такое же, какъ и повсемѣстно. Изъ пановъ Черницкіе имѣли водяную мельницу, а Полторацкіе винокурню и стада, между прочимъ мериносовъ до 1000 головъ.

таря, рабочихъ, скота, лошадей и птицъ, павлиновъ и павъ даже которые почти нигдѣ уже не встрѣчаются. На всемъ лежитъ отпечатокъ давняго, зажитого хозяйства, да и самая фамилія старинная, органически сросшаяся съ Яблоновымъ, а, судя по владѣнію древнѣйшей частью мѣстечка, Пидваркомъ, и по народнымъ преданіямъ, вѣроятно участвовавшая и въ самомъ обновленіи городка. Фамильныя воспоминанія доходятъ до яблоновскаго козака Демьяна Степановича, по фамиліи неизвѣстнаго, имѣвшаго трехъ сыновей: Василія, Андрея и Мойсея. Василій умеръ бездѣтнымъ, сынъ Мойсея Никита принялъ фамилію Демяненка, а потомки, переселившись въ Савинцы, стали именоваться Демяновскими, по уличному Мусіенками. Только сынъ Андрея, сотникъ Степанъ Андреевичъ, принялъ фамилію Яблоновскій, съ точностью неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, всего вѣроятнѣе что такъ назвали его въ Запорожьи по первоначальному мѣстожительству. Возвратясь изъ Сѣчи, онъ служилъ Яблоновскимъ сотникомъ, почему потомки его и до сихъ поръ называются по уличному Сотниченками. О службѣ его сохранился аттестатъ 1773 года, за № 543, съ сергучной войсковой печатью. Затѣмъ онъ переименованъ въ премьеръ-майоры и 28 ноября 1792 г. утвержденъ въ потомственномъ дворянствѣ [1]). Онъ же увеличилъ состояніе, какъ видно изъ многочисленныхъ купчихъ крѣпостей второй половины XVIII в., иногда покупая землю весьма выгодно, напр. 7 приблизительно десятинъ куплено за 20 руб., такъ что потомки сотника, послуживъ немного, могли уже затѣмъ свободно заниматься хозяйствомъ. Послѣднее при крѣпостномъ правѣ заключалось въ 629 десятинахъ земли при Яблоновѣ [2]) и Загребельи, 26 парахъ воловъ, 20 коровахъ сѣрой украинской породы при такомъ же быкѣ, 30 маткахъ гнѣдой и вороной ма-

---

[1]) Въ щитѣ герба Яблоновскихъ изображена завязанная хустка, а надъ шлемомъ и дворянской короной—дѣвица межъ оленьими рогами.

[2]) Пидварокъ перешелъ къ сестрѣ настоящаго владѣльца Якова Степановича, Т. С. Омельяненковой.

стей при двухъ жеребцахъ верховыхъ и рысистыхъ статей, и пасикѣ въ 80 пней. Только треть земли обработывалась трехпольной системой, а 400 десятинъ отходило въ сѣнокосъ и пастбище. Изъ числа 50-ти крестьянскихъ семей: Маляренковъ, Миняйленковъ и др. большинство имѣло по парѣ воловъ, коровъ и по нѣсколько овецъ. Пѣшіе отбывали тридневку, а тяглые за предоставленное пастбище пахали еще по дню въ недѣлю панское поле. Сироты брались во дворъ, а имуществу ихъ производилась опись и послѣднее возвращалось сиротамъ по достиженіи ими совершеннолѣтія. Теперь всего жителей въ Загребельи 130 душъ; кромѣ 10 крестьянскихъ дворовъ, остальные жители козаки: Павлики, Рубаны, Саливоны, Самоѣды, Чеберяки и др. Кромѣ обычныхъ занятій хлѣбопашествомъ и пасичничествомъ, козаки занимались еще до проведенія желѣзныхъ дорогъ чумачествомъ, отвозя въ Крымъ пшеницу, а оттуда привозя соль и рыбу: чабаки, тарань, которую и сбывали выгодно на мѣстныхъ значительныхъ армаркахъ.

Выше Яблонова, на правомъ берегу Гнилой Оржицы, лежитъ большое козачье село Овсюки съ довольно просторными усадьбами среди садовъ. О происхожденіи села и о старинѣ вообще жители передаютъ: «У старыну бувъ чоловикъ Овсюкъ и по ёму становылыся Овсюкы. Годивъ трыста йе селу. Въ старовыну забигы булы, народъ выйде жать, ставлять виху на могыли. Якъ той виху похылывъ, такъ люде тикають на село. Которе не втече, такъ у плинъ забиралы». Впослѣдствіи село числилось въ Пирятинской сотнѣ, а по учрежденіи уѣздовъ—въ пирятинскомъ уѣздѣ до 1803 г., когда причислено къ лубенскому[1]. Посрединѣ вдоль всего села тянется узкій выгонъ, по обѣ стороны котораго располагаются разныя части села. На сѣверъ отъ выгона къ рѣкѣ прилегаетъ кутъ Заярье, отдѣленный отъ села оврагомъ, жилье козаковъ Шевченковъ. Далѣе идутъ параллельно два кута: отъ выгона Лисокобылки, населенный казенными крестья-

[1]) Грановскій. Полт. еп. 408.

нами того же имени, и Жаданивка, широкая улица отъ рѣки, жилье: Галагановъ, пришедшихъ изъ Погребовъ, пирятинскаго у., Жадановъ и Карпенковъ. Еще далѣе располагается оваломъ вдоль рѣки, называющейся въ этомъ мѣстѣ Чевельчой, кутокъ того же имени, населенный козаками Чевельчами, повидимому вышедшими изъ Денисовской Чевельчи. Рядомъ съ Чевельчой Плисивщына, древнѣйшій кутъ, жительство Плисивъ, за ней Басивщына—Басивъ и Жалобецкихъ-Внуковъ; «воны видтиля зъ Польши прыйшлы». Отъ Басивщыны особый переулокъ ведетъ къ четырехъугольному поселенію среди выгона въ три двора дворянъ Жалобецкихъ-Внуковъ. За Басивкой лежитъ Рубанивка, населенная Рубанами, и Натягайливка, новая часть въ полѣ, занятая козаками перечисленныхъ фамилій. Къ югу отъ выгона у полей расположены три кута: Кашпуривщына, со стороны Яблонова, жилье Кашпуривъ, Холошивщына—Холошъ, и Андрушивщына, на которой прежде жилъ помѣщикъ Андре, а теперь выморочные за его смертью крестьяне: Тищенки и Ярмоленки [1]). Посреди села стоитъ третья по счету Троицкая церковь. Первая маленькая, построенная въ 1734 г., крытая гонтомъ, вторая 1827 г., иконостасъ изъ которой поставленъ въ правый притворъ новой церкви, выстроенной въ 1878 году [2]). Въ этой послѣдней три образа Пр. Дѣвы останавливаютъ на себѣ вниманіе: два—патріархальной заботливостью прихожанокъ, привѣсившихъ къ этимъ образамъ: ленты, намисто и рушныкы, а третій—прелестью кисти, изображающей Богоматерь малорусскаго типа съ круглымъ лицомъ, полными щеками и маленькимъ ртомъ, но съ идеальными, нѣсколько печальными глазами. Въ алтарѣ помѣщенъ образъ Спасителя, похожій на изображенія французской школы. Въ Овсюкахъ 2500 душъ въ огромномъ большинствѣ козаковъ. Нѣсколько дворянскихъ семей: Воронъ, Жалобецкихъ-Внуковъ, Чевельчей

---

[1]) Вокругъ села нѣтъ хуторовъ, а лишь незначительные выселки.

[2]) Первымъ овсюковскимъ священникомъ былъ Стефанъ Ворона.

и Чернышей, также козацкаго происхожденія, выслужившихъ дворянство въ мѣстныхъ присутствіяхъ, какъ доказываютъ и уличныя ихъ прозвища, напр. Секретаренки. Овсюки состоятельное село. Двѣ козацкія семьи имѣютъ по 60 десят., нѣкоторые по 20, большинство по 3—4, но безземельныхъ лишь нѣсколько пришельцевъ. Казенные крестьяне первоначально получили по пятнадцать безъ малаго десятинъ, потомъ имъ прибавлено еще по 7 десятинъ «на вѣнецъ», такъ что семьи, имѣвшія по 2—3 неотдѣленныхъ сына, обладали 40 десятинами. Андрушевцы получили по 6 дес. надѣла. Наемная цѣна земли 12—16 руб. толочная и 10—12 руб. остальная. Пѣшіе обрабатываютъ землю съ 6 снопа безъ отработка. Толоки въ 600 десятинъ даютъ возможность содержать общественныя стада: скота, лошадей, овецъ и свиней съ уплатой пастуху по пуду зерна за пару воловъ, по 1 ф. муки за каждую голову мелкаго скота и по 10 коп. деньгами. Для отвѣшиванія и измѣренія зерна пастуху есть традиціонная пудовая коробка. Кормленіе пастуха производится поочередно. Народъ въ Овсюкахъ красивъ, строенъ, съ темными волосами и глазами, но склоненъ къ спорамъ, неуступчивъ и надмененъ. Козаки называютъ крестьянъ мужиками. Одежды красивы: корсетки короткія темныхъ цвѣтовъ, «до 3—12 успвъ», обшиты зеленой тесмой, литнячки и ватянки длинныя, темныя. Женщины и дѣвки «запынаются» платками.

Выше Яблонова, на лѣвомъ берегу Гнилой Оржицы до пирятинской границы, расположились три небольшія поселенія, составлявшія прежде съ Лазорками, ихъ окрестностью и дѣвственной степью у Асауловщины на самой пирятинской границѣ одно цѣлое, достояніе фамиліи Боярскихъ, извѣстное подъ народнымъ названіемъ Боярщины. Ближайшее къ Яблонову небольшее село Тимки, названное такъ по имени перваго жителя Тимка (Тимофея) [1]), прилегаетъ къ просторному выгону въ сорокъ десятинъ съ прелестной небольшой церковцей св. апостоловъ Петра и Павла, въ которой помѣщены копіи извѣстныхъ изображеній свя-

[1]) По другимъ Тумка или Демка.

тыхъ Васнецова, взамѣнъ обыкновенныхъ иконъ. Къ выгону примыкаетъ обширная усадьба Боярскихъ съ большимъ красивымъ домомъ, построеннымъ въ 1869 году, по плану архитектора Червинскаго, на мѣстѣ прежняго одноэтажнаго. Надъ домомъ мезонинъ съ гербомъ Боярскихъ наверху. Въ усадьбѣ заключаются: теплица съ лаврами, лимонами, пальмами и рѣдкими цвѣтами, старинный фруктовый садъ, лужайки, цвѣтники и паркъ съ тѣнистыми аллеями, изъ которыхъ липовая достигаетъ протяженіемъ версты. Боярскіе принадлежатъ къ древней шляхетской фамиліи, пришедшей въ Лубенщину изъ Побужья кружнымъ путемъ чрезъ Слободскую Украину [1]). Начало фамиліи—какъ сказано въ протоколѣ Кіевскаго намѣстничества 30 октября, 1784 г.,—«покрыто неизвѣстностью»; по фамильнымъ преданіямъ извѣстно только, что предокъ Боярскихъ ушелъ изъ покоренной турками Славоніи въ подольскую Украину «на кресы», и основалъ тамъ двѣ слободы: Маньковку и Боярку на Бугѣ, которыя и отстаивалъ своими силами отъ турокъ и татаръ, вторгавшихся въ польскіе предѣлы обыкновенно съ этой стороны. Первоначальная исторія фамиліи символически выражена въ гербѣ Боярскихъ, данномъ Сигизмундомъ II, вмѣстѣ съ утвержденіемъ владѣнія тѣми селами. Гербъ изображаетъ вола въ зеленомъ полѣ щита, привязаннаго къ горящему пню дерева, подъ которымъ изображенъ лукъ со стрѣлами, т. е. постоянно угрожаемое и защищаемое оружіемъ хозяйство. Затѣмъ родоначальникъ харьковскихъ и полтавскихъ Боярскихъ, Ѳедоръ, переселился изъ Подоліи въ половинѣ XVII в. на земли при рѣчкахъ Мерли и Колонтаевѣ, отведенныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Ахтырскому полку. Ѳедоръ Боярскій занялъ въ 1665 г. сотницкій урядъ въ этомъ полку, его сынъ Григорій былъ полковымъ обознымъ, а внукъ Михаилъ подполковникомъ, въ отставкѣ полковникомъ Ахтырскаго гусарскаго

---

[1]) Всѣ свѣдѣнія о Боярскихъ сообщены въ нѣсколькихъ письмахъ и фамильныхъ бумагахъ представителемъ лубенской вѣтви Боярскихъ, Петромъ Михайловичемъ, за что приносится ему живѣйшая признательность.

полка. Въ аттестатѣ 1766 г. онъ изображенъ какъ храбрый, честный, вѣрный солдатъ и искусный офицеръ». Всѣ эти предки еще не жили въ Лубенщинѣ. Только секундъ-маіоръ Иванъ Михайловичъ жилъ въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. въ Рудкѣ, возлѣ Тимокъ, и памятникомъ своего пребыванія оставилъ двѣ церкви: въ Лазоркахъ и Рудкѣ, но затѣмъ въ 1804 году онъ избранъ Богодуховскимъ предводителемъ дворянства, а въ 1806—уѣзднымъ начальникомъ Богодуховскаго ополченія. У него было большое семейство: 6 сыновей и 2 дочери [1]), и 6000 крестьянъ въ полтавской [2]) и харьковской губерніяхъ. Изъ его сыновей Иванъ Ивановичъ наслѣдовалъ Лазорки [3]), другой Дмитрій Ивановичъ былъ женатъ, жилъ въ Лазоркахъ и занимался хозяйствомъ; послѣдній, прослуживъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку и выйдя въ отставку поручикомъ, избранъ въ 1805 году лубенскимъ хорунжимъ и, замѣщая предводителя, устраивалъ въ 1807 году, народное ополченіе, а затѣмъ въ 1815—избранъ лубенскимъ дворянствомъ въ предводители. Избранный и на второе трехлѣтіе, вышелъ по болѣзни въ отставку и съ 1818 года занимался исключительно хозяйствомъ. Послѣднее, несмотря на дробленіе семейнаго имущества, было весьма значительнымъ и заключалось: въ землѣ при Тимкахъ, Яблоновѣ, Лазоркахъ, Должкѣ, Асауловщинѣ [4]), Савинцахъ, Золотухахъ, Вязовкѣ и Чудновцахъ,

---

[1]) Въ моей ст. «Средн. Лубенщ.» («Кіев. Ст.» 1903 г., X, 35), младшая дочь И. М. Боярскаго Софія ошибочно названа вдовой Боярскаго, тогда какъ она была его дочерью, а вдовой штабсъ-капитана Я. Савицкаго.

[2]) Въ лубенскомъ у. ему принадлежали имѣнья въ Тимкахъ, Рудкѣ, Горбѣ, Лазоркахъ, Семакахъ, Асауловщинѣ, Воронинцахъ, Біевцахъ, Лучникахъ, Небораковщинѣ, Савинцахъ, Лукомьи; въ хорольскомъ уѣздѣ въ Ходолѣевкѣ, и въ харьковской губ. въ Пожаровкѣ.

[3]) Ему принадлежалъ кварталъ домовъ въ Пирятинѣ; онъ не былъ женатъ, какъ ошибочно сказано въ «Средн. Луб.» (Ib кн. XII), по показанію лазорскихъ жителей, смѣшавшихъ его съ отцомъ.

[4]) Степь при ней, 1000 десят., нанималась гуртовщикамъ прежде за 750 р., теперь за 10,500 р.

20 парахъ воловъ, изъ которыхъ 5 паръ ходило въ Крымъ за рыбой и солью съ крестьянами: С. Мартынцомъ, Д. Симоненкомъ и С. Бурякомъ, 24 коровахъ и быкѣ сѣрой украинской породы, 25 маткахъ гнѣдой масти при 3 жеребцахъ: гнѣдомъ безъ отмѣтъ, гнѣдомъ съ проточиной, бѣлокопытомъ и караковомъ, и въ 500 головахъ овецъ, охранявшихся двумя чабанами: Зубомъ и Харькомъ съ 6-ю овчарками. Охотничьихъ собакъ было три смычки съ ловчимъ П. Коноваломъ. О размѣрахъ свиноводства свидѣтельствуютъ ежегодныя двукратныя гекатомбы для кормленія рабочихъ и дворни предъ Рождествомъ и свѣтлымъ праздникомъ по 12 кабановъ каждый разъ. Кромѣ обычныхъ въ лубенскихъ большихъ имѣніяхъ: винокурни (въ 40 пудовъ затора, управляемой Гр. Мартынцомъ), и селитреннаго завода (управляемаго Н. Шулякомъ), въ Тимкахъ была еще суконная и красильная фабрики, на которыхъ выдѣлывалось 14-ю рабочими—8-ю дѣвками и 6-ю парнями подъ управленіемъ Л. Отточованнаго и А. Зосоменка—сукно изъ тонкой шерсти и шло частью въ продажу въ Ромны, частью изнашивалось домашними. Былъ и свой портной К. Бурякъ, ученикъ знаменитаго нѣкогда Гросса. Фрукты изъ сада, которымъ завѣдывалъ садовникъ В. Рѣдька, запродавались на деревьяхъ или сбывались на пирятинскомъ и лубенскомъ рынкахъ. Крестьянъ при всѣхъ имѣніяхъ числилось 273 человѣка ревизскихъ. Теперь ихъ въ однихъ Тимкахъ 787 душъ мужчинъ и женщинъ, распредѣленныхъ такимъ образомъ: въ старѣйшей части села, отъ царины живутъ: Бигуны, Гаркавенки, Мирные, Николаенки, Сухенки, Шовкоплясы, Шуляки и Черненки, на Закути—Бондаренки и Стрильци, и на Новоселовкѣ, къ Яблонову,—Сердюки и однофамильцы перечисленныхъ жителей. Нѣкоторыя фамиліи указываютъ на лазорское происхожденіе предковъ. При крѣпостномъ правѣ крестьяне не отрабатывали трidневку. Въ косовицу выходило до 100 косарей, которымъ, кромѣ обычныхъ галушокъ и кулиша съ рыбой, давалось по рыбѣ каждому, и по осьминѣ водки трижды въ день, а атаману—двойное количество. Уборка хлѣба производилась на общемъ основаніи съ 3-го снопа. Крестьяне жили зажиточно, не хуже средней руки

козаковъ: у многихъ было по парѣ воловъ и даже по лошади. Воспоминанія старыхъ крестьянъ изображаютъ покойнаго лубенскаго маршала справедливымъ и гуманнымъ помѣщикомъ. Въ трудныя минуты онъ поддерживалъ крестьянъ хлѣбомъ и надѣлялъ скотомъ. «Дмитрій Ивановичъ не обижавъ людей. Бувало дасть хазяину пару воливъ, шобъ хазяйнувавъ. Хазяинъ той каже перегодомъ: «У мене уже воливъ нема.—А дежъ?—Одынъ однявсь, а другого продавъ та дитямъ хлиба купывъ.—Ты пропывъ.—Роспытайте людей. Ну, дае опять панъ вспомоществованіе». Для больныхъ крестьянъ держалась аптека и фельдшеръ Х. Скрилецъ, учившійся въ Лубнахъ у доктора Волкова, обязанный ежедневно обходить село и лѣчить больныхъ. Въ случаѣ тяжкой болѣзни приглашался докторъ Волковъ изъ Лубенъ. Дмитрій Ивановичъ скончался въ 1843 году, оплаканный крестьянами, оставивъ семилѣтняго сына на попеченіи вдовы Анны Львовны, урожденной Огрaновичъ. Михаилъ Дмитріевичъ по окончаніи образованія провелъ всю жизнь въ Лубенщинѣ. Онъ наслѣдовалъ какъ рыцарскія черты характера предковъ—искренность, прямоту, такъ и гуманное отношеніе къ крестьянамъ, почему былъ любимъ послѣдними, также козаками и передовымъ дворянствомъ, избирался въ гласные, а иногда замѣщалъ предводителя какъ его кандидатъ. При освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости далъ имъ обширный выгонъ, хорошія усадьбы, прилегающія къ рѣкѣ и земли вблизи села, чѣмъ невыгодно растянулъ экономическую землю. Добрыя отношенія къ крестьянамъ поддерживались до самой смерти въ 1896 году. Прахъ его заключенъ въ фамильномъ склепѣ подъ церковью въ Тимкахъ.

Смежное съ Тимками село Рудка получило названіе отъ слова рудка, означающаго—по разъясненію А. М. Лазаревскаго [1])—обсыхающую лѣтомъ ложбину рѣки съ ржавыми лужами. Какъ сказано выше, она также входила въ Боярщину, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и мѣстная Покровская церковь, построенная въ 1775 г. секундъ-майоромъ Иваномъ Боярскимъ,

[1]) Прилукск. полкъ. «Кіев. Ст.», 1900 VII, VIII, прил. 57.

вмѣстѣ съ эсауломъ Георгіемъ Троцкимъ [1]), въ видѣ корабля, непропорціонально узкаго въ сравненіи съ высотой. Прежде со входа она была съ потолкомъ. Внутри церкви замѣчательна копія Почаевской Божьей Матери [2]) съ надписью: «Сію икону Пресвятой Богородицы древнюю, отъ предковъ оставшуюсь, и кіотъ отмѣнилъ рабъ Божій Василій Юрьевичъ Троцкій премеръ (sic) маіоръ въ храмѣ св. Покровы въ селѣ Рудкѣ, которая поставлена по его желанію на лѣвой сторонѣ въ притворѣ 1897 года, 27 марта. Въ оной ризѣ отъ благоговѣнія приложилъ серебра одинъ фунтъ Никифоръ Ивановичъ Кодинецъ, бунчуковый товарищъ. Всего серебра на ризу дано три фунта». Кромѣ того въ церкви хранятся еще три старыхъ иконы Богоматери: копія Юсковской, лохвицкаго уѣзда, спускная, пожертвованная въ 1835 году Пелагеей Ограновичъ, и Одигитрія — въ алтарѣ. На погостѣ—могилы Боярскихъ и саркофагъ въ видѣ удлиненной пирамиды надъ Сапковской. Рудка подраздѣляется на два владѣнія, изъ которыхъ одно сохранилось въ потомствѣ помѣщика Л. Г. Ограновича, уже прекращающемся въ мужскомъ колѣнѣ; другое же давно переходитъ изъ рукъ въ руки. Нѣкогда оно принадлежало прилукскимъ помѣщикамъ Галенковскимъ [3]). Изъ нихъ Аркадій Осиповичъ, женатый на Н. Л. Чертовой, женщинѣ необыкновенной красоты, выдалъ дочерей замужъ: Надежду Аркадьевну за М. Д. Боярскаго, а Елизавету Аркадьевну за Г. М. Астряба, уроженца Галиціи. Затѣмъ Рудка перешла къ Щербакамъ, а отъ нихъ къ М. Е. Скаржинскому. Рудковская церковь стоитъ на краю села. Отъ нея продольная улица—Григоровщына, заселена съ одной стороны крестьянами: Басами, Богушами, Махинами и Сербинами, а съ другой: Кибцями, Кириченками, Муравчиками,

---

[1]) Грановскій. Полт. епар. 416.

[2]) Почаевской слѣдуетъ признать эту икону, между прочимъ, по положенію младенца Іисуса на правой рукѣ Богоматери, тогда какъ во всѣхъ другихъ изображеніяхъ Богоматерь держитъ младенца на лѣвой рукѣ, какъ всѣ матери.

[3]) Лазаревскій. Прил полк. «Кіев. Ст.», 1901 г., XII, прил. 123.

Наточіями и Романюками. Слѣдующая часть села вокругъ усадьбы Ограновичей, такъ называемая Гранивщына, населена до усадьбы: Буцями, Буйными, Гуринами, Козыренками, Махновскими, Ратниченками и Хижняками, и за усадьбой: Даценками, Ичепскими, Мартыненками, Мякотами. Всѣхъ жителей 1600. Обѣ экономіи были при крѣпостномъ правѣ—по разсказамъ крестьянъ—приблизительно одинаковы; въ обѣихъ имѣлось по нѣсколько плуговъ, коровье стадо, табуны. Люди были на половину тяглые, обязанные пахать и свозить хлѣбъ, а пѣшіе зажинали за 3-й снопъ. Надѣлъ полученъ средній. Теперь земля сдается крестьянамъ по 10—12 руб. десятина съ обязанностью убрать десятину экономической земли въ счетъ платы за цѣну 4—5 руб.

Послѣдняя деревня лубенскаго уѣзда на пирятинскомъ рубежѣ Высокій Горбъ, часть которой называется Александровкой, протянулась линіей вдоль дороги. Осажденная Боярскими, она вскорѣ перешла въ фамилію Троцкихъ, обладавшихъ еще Лазорками въ лубенскомъ, Повстинымъ и Березовымъ въ пирятинскомъ уѣздахъ. Одинъ изъ Троцкихъ, Максимъ, былъ въ 1710—1719 г. лубенскимъ полковымъ судьей, [1]) но затѣмъ фамилія эта, оставивъ лубенскій уѣздъ, сосредоточивается въ пирятинскомъ, а Высокій Горбъ отходитъ за дочерью В. Ю Троцкаго, Анной, въ приданое Островскому. Благодарная дочь устроила въ 1854 году церковь пророчицы Анны на гробахъ родителей, въ настоящее время приписную къ Рудкѣ [2]).. Форма церкви—правильный крестъ, иконостасъ голубой, иконъ немного. Въ ней хранится старинный серебряный крестъ съ частицами мощей. О старомъ житьѣ-бытьѣ крестьяне разсказываютъ: «Пидъ Троцького пидходылы, тутъ мало ёго кринпосныхъ, уси пидхожи. Трудно було жыть козакамъ, платежи булы велыки: одъ оконка платылы, а паны давалы земли скилькы хочъ пахать. Троцькый утпшався людьмы якъ своимы дитьмы. У Горбы пидійшлы: Калыны зъ-за Пырятына, Журьбы зъ Карпыливкы, Дерезы, Задорожни зъ

---

[1]) Лазаревскій. Ист. оч. Полт. Луб. 75.

[2]) Грановскій. Полт. епарх. 416.

Лытвы, Галенкы, Кутови, Недоборы, Ночовки, Пикули, Рынди, Соняшни, Шкурки и Шути, а въ Александровку: Корчуби, Латыши, Лушни, Мусіенки, Третяки, Черепановы—изъ Казани. Усихъ теперъ 400 душъ. Почты уси булы тягли. Таки булы хазяины, що и жеребцивъ держалы на конюшни». У В. Ю. Троцкаго было значительное состояніе, заключавшееся въ 3000 десят., топчакѣ, винокурнѣ, 10 плугахъ, стадѣ въ 100 головъ при нѣсколькихъ быкахъ, табунѣ въ 150 матокъ, преимущественно рыжихъ, съ 6-ю жеребцами. Потомъ его экономіи раздробились и обѣднѣли. Обѣднѣли крестьяне Высокого Горба и стали пѣшими. Но имъ не выдавался 3-й снопъ, какъ повсемѣстно, а по окончательной уборкѣ хлѣба весь онъ сохранялся у помѣщика (Островскаго), крестьянамъ же назначалось по 2 п. на каждаго ежемѣсячно. Такая мѣсячина только и встрѣчалась въ этомъ удаленномъ уголкѣ Лубенщины.

Настоящей статьей оканчивается рядъ очерковъ лубенскаго уѣзда, напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ» подъ различными названіями: «Снѣтинская старина», «Къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI и XVII в.», «Лѣсная Лубенщина» и «Средняя Лубенщина». Въ этихъ очеркахъ изображалась по возможности природа, типъ населенія, прошедшая и настоящая жизнь каждаго поселка, кромѣ города, требующаго отдѣльнаго изученія, въ ихъ разнообразной индивидуальности. По наблюденію же геологовъ и статистиковъ, общій видъ природы лубенскаго уѣзда, мѣстности и почвы, какъ извѣстно въ значительной степени опредѣляющихъ характеръ населенія, предрѣшающихъ и направляющихъ его дѣдѣятельность,—отличается разнообразіемъ. Такъ, сѣверовосточный уголъ уѣзда, орошенный Сулой, частью суглинистый, частью супесчаный, изобилуетъ садами, лугами и холмами, между прочимъ и Исачковскимъ roche moutonnée съ сплошной глыбой діабаза. Южнѣе, за Комышанской дорогой, этотъ участокъ переходитъ въ степь, сначала волнистую и тучную, потомъ, къ Лубнамъ, солонцоватую и песчаную. Сѣверная часть уѣзда между Удаемъ и Луб-

нами полна рощъ и лѣсовъ—настоящая страна садовъ и прозрачныхъ ключей; къ югу же отъ Лубенъ садовъ и рощъ меньше; здѣсь глазамъ представляются одни лишь вѣтвящіеся во всѣ стороны овраги Такой же обнаженный и печальный видъ имѣетъ предстепье и берега Слѣпорода, за которымъ къ югу вдоль торфяныхъ долинъ Оржицы и Чумгака разстилаются широкія, безбрежныя степи, съ востока ограниченныя Сулой, съ юга и запада сливающіяся съ золотоношскими и пирятинскими степями. Какъ въ началѣ славянской колонизаціи этого края, такъ и потомъ, почти въ теченіе всего героическаго періода малорусской исторіи, жизнь ютилась въ защищенныхъ самой природой углахъ. Всѣ лѣтописные городки по Сулѣ: Снѣтинъ, Лубны, Лукомль, также Оржица и Яблоновъ по Оржицѣ выстроены почти по одному плану: на гористомъ выступѣ берега, [1]) окруженномъ съ двухъ-трехъ сторонъ водой, а съ остальной примыкающемъ къ степи перешейкомъ, преграженнымъ валомъ, иногда широкимъ рвомъ, наполненнымъ водой. И позднѣйшія поселенія: Денисовка, Карпиловка, Онишки, тѣснились на полуостровахъ, на островахъ даже, какъ Лушники. Гдѣ не было такихъ природныхъ закрытій, тамъ села строились сообразно условіямъ мѣстности или линіей по берегамъ рѣкъ на взгорьи, какъ: Шеки, Мгарь, Лука, Біевцы, Мацковцы и др., или кругами и полукругами, какъ Литвяки, Юсковцы, Останoвка и т. д. Такимъ образомъ, главными условіями существованія поселенія предки признавали защищенность мѣстности и близость воды. Кромѣ природныхъ защитъ, поселенія охранялись еще сторожевыми курганами, на которыхъ стояли конные сторожа и наклоненіемъ значка на село объявляли о набѣгѣ. По этому знаку народъ скрывался за валы, а гдѣ ихъ не было—за рѣку, въ недоступныеконицѣ лѣса и болота.

Переходя къ изслѣдованію самаго населенія Лубенщины, прежде всего представляется вопросъ о томъ: осталась ли какая-нибудь жизнь въ окрестностяхъ древнѣйшихъ славянскихъ поселеній великокняжескаго періода послѣ погрома ихъ татарами въ

---

[1]) Сравн. Бопланъ. Опис. Укр. 11.

XIII в., или вся Лубенщина въ теченіе цѣлыхъ столѣтій была пустыней? Въ подтвержденіе сохраненія древнѣйшаго населенія Переяславской Украины изслѣдователи [1]) приводятъ фактъ сохраненія лѣтописныхъ названій городовъ и селъ, переданныхъ потомкамъ скрывшимися въ укромныхъ мѣстахъ жителями. Но такихъ лѣтописныхъ названій въ Лубенщинѣ сохранилось немного, большинство же названій селъ, ихъ частей, окрестныхъ урочищъ, собранныхъ и приведенныхъ мною въ настоящихъ очеркахъ въ значительномъ числѣ, получились недавно или отъ свойствъ почвы и мѣстности, или отъ именъ осадчихъ и владѣльцевъ, сравнительно недавнихъ. Притомъ лишь нѣсколько поселеній отновлено, большинство же построилось на новыхъ мѣстахъ, а не на старыхъ городищахъ и селищахъ, зачастую лежащихъ неподалеку. Напротивъ, всѣ историческія, письменныя свидѣтельства говорятъ о совершенномъ запустѣніи Переяславскаго края и въ томъ числѣ Лубенщины, бывшихъ послѣ разоренія лишь татарскимъ кочевьемъ и только позже временно посѣщаемыхъ козаками охотниками. Но и козацкая, и послѣдующая панская колонизація подвигались туго [2]), и только со временъ Богдана Хмельницкаго, а особенно въ такъ называемую руину, цѣлыя толпы народа перешли на лѣвый берегъ Днѣпра. «Въ 1674 году, послѣ турецкихъ опустошеній, сёгобочная Украина до того малолюдная, тогобочными людьми украинскими наполнилася и умножилася»,— говоритъ Величко [3]). Такъ что изслѣдователю прошлой народной жизни Лубенщины, кромѣ поставленнаго выше вопроса о сохраненіи остатковъ первоначальнаго славянскаго населенія въ краѣ, естественно представляется новый: откуда пришли новые поселенцы при Вишневецкихъ и послѣ? Этотъ послѣдній вопросъ легче поддается рѣшенію, чѣмъ первый, а именно: какъ письменныя данныя, такъ и сходство историческихъ сказаній, обрядовъ и пѣсенъ, уцѣлѣвшія воспоминанія о переселеніи, особенности рѣчи и мѣстныя названія приводятъ къ заключенію, что въ составѣ населенія нынѣшней Лубенщины замѣтны элементы:

---

[1]) См. Лясkоронскій. Ист. Пер. зем. 179, 201, 404, 425, 486.

[2]) И. В. Лучицкій. Слѣды общ. землевл. въ Отеч. Зап. 1882 г., XI, 98.

[3]) Лѣтоп. 356.

кіевскій, черниговскій, сѣверно-малорусскій, частью бѣлорусскій [1]), также въ незначительной степени: волынскій, подольскій, польскій, сербскій, валашскій и восточный. Затѣмъ оба вида колонизаціи—козацкій и панскій—продолжались и въ XVIII в. передвиженіемъ козаковъ съ сѣвернаго лѣсного участка на югъ и переводомъ преемниками Вишневецкихъ—Новицкими, Орѣховскими, Кулябками, Боярскими и др.—крестьянъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ въ степи. Съ размноженіемъ населенія путемъ такого разселенія и естественнаго прироста соединилось и другое связанное съ нимъ явленіе: разложеніе разнообразной по типамъ, обрядамъ, народному творчеству, но болѣе однородной по соціальному положенію народной массы на сословія: панское, козачье и крестьянское. Въ героическій періодъ малорусской исторіи козацкое сословіе, окрѣпшее духовно и физически на просторѣ степей въ безпрестанныхъ войнахъ и отраженіи набѣговъ, получаетъ преобладаніе въ краѣ. Уже войско Павлюка состояло большею частью изъ жителей лубенскихъ имѣній Вишневецкихъ. Затѣмъ наканунѣ возстанія отобрано было у жителей Вишневеччины нѣсколько тысячъ самопаловъ; но всё же въ 1648 году народъ отсюда толпами бѣжалъ къ Хмельницкому. И самъ Богданъ приказалъ набирать въ реестръ преимущественно жителей изъ Вишневеччины, а при Выговскомъ лубенцы составляли зерно Запорожья [2]). Съ переходомъ героическаго періода малорусской исторіи, послѣ неудачной вспышки Мазепы, въ новый періодъ—хозяйственный, рядовое козачество, хотя и отходитъ на второй планъ, уступая дорогу вновь образовавшемуся изъ старшины панскому сословію, но не исчезаетъ вполнѣ, а, занявъ пересѣченную, неудобную для крупной собственности центральную часть уѣзда, также участки въ долинахъ Сулы и Удая и большую половину южной Лубенщины, образовало классъ свободныхъ мелкихъ, частью среднихъ собственниковъ; классъ способный къ культурѣ,

---

[1]) Кулишъ. Ист. возсоед. Руси. II, 22.

[2]) Соловьевъ. Малор. козач. до Хмельн. въ Рус. Вѣст. 1859 г. IX, кн. 2, 177—196. Кулишъ. Польск. колон. Ю. З. Руси, Вѣстн. Евр. 1874 г., III, 539. Костомаровъ: Борьба коз. съ Польш. 247., Б. Хмельн. I., 171, и Гетм. Выговск. въ Основѣ 1861 г., IV, 26.

богатый непочатыми силами, какъ показываетъ примѣръ М. Т. Симонова, и таящій въ себѣ зерно будущаго. Паны заняли сѣверовосточный уголъ уѣзда, восточную, часть южной, западную степи, преимущественно окраины уѣзда и только отдѣльныя владѣнія средняго участка. На первыхъ порахъ хозяйство пановъ и козаковъ складывалось по одному образцу. Земля пахалась четырехпарнымъ плугомъ древнеримскаго образца въ размѣрѣ, необходимомъ для прокормленія, обезпеченія будущаго урожая и выкуриванія вина. Излишекъ урожая даже и не снимался козаками [1]). Народныя воспоминанія, документы, приведенные въ «Средней Лубенщинѣ», и указанія въ дневникѣ Марковича приводятъ къ убѣжденію о преобладаніи скотоводства одинаково во всѣхъ частяхъ лубенскаго уѣзда. До самаго размежеванія, выдѣлившаго отдѣльные, отрубные куски изъ общихъ смѣнъ, по послѣднимъ свободно бродили табуны и стада. Даже надзоръ за ними не поручался первоначально особымъ пастухамъ, а лежалъ на обязанности каждаго хозяина поочередно, только потомъ выдѣлились пастухи, получавшіе 5 --10-е овечье руно, хлѣбъ и деньги за свой трудъ. Какъ хозяйство панское и козачье были одного и того же образца, такъ и отношенія хозяевъ къ рабочимъ въ обоихъ случаяхъ были одни и тѣ же. Отношеніе старѣйшихъ пановъ къ крестьянамъ постоянно опредѣляется выраженіемъ: «воны втишалысь людьмы, якъ дитьмы». Допуская извѣстную идеализацію этихъ отношеній въ крестьянскихъ воспоминаніяхъ, все же необходимо допустить, что паны и крестьяне должны были согласовать свои интересы въ виду вольнаго перехода, при которомъ хозяинъ могъ лишиться рабочихъ, а послѣдніе—всего нажитого имущества. Но даже и отмѣна вольного перехода и закрѣпощеніе крестьянъ, стѣснивъ и поработивъ личность, оставили въ большинствѣ случаевъ безъ измѣненія чисто экономическія отношенія, и мѣстное крѣпостное состояніе до самаго освобожденія можетъ быть формулировано, какъ подневольное сельско-хозяйственное сотрудничество съ разверстаніемъ урожая въ двухъ третяхъ хозяину и въ одной трети рабочему.

В. Милорадовичъ.

---

[1]) Тепловъ. Зап. Въ Записк. о Южн. Руси Кулиша. 181, 182.

Останній Гирей [1].

I.

Давно колысь довелося мени зайихаты у Жванець, що на Днистри.

За тыхъ часивъ, якъ Бессарабія належала до Турціи, а Подилля до Польщы, Жванець стоявъ на самій граници тыхъ двохъ державъ, и бувъ тамъ сыльный замокъ, видъ якого теперъ лышылысь тильки руины. Нема вже дидивъ тыхъ, що памьяталы часы польского панування,—лышъ такъ де-що розсказують стари люде про ти стародавни подіи, про яки чулы видъ своихъ батькивъ та дидивъ, та старезне, порепане каминня руинъ, поросле мохомъ, показуе, що колысь тамъ лунали боёви крыкы, гремилы рушныци та гарматы, лылася кровъ хрыстыянська та турецька...

Давно це було и мохомъ вже поросло.

Панувалы колысь у Жванци польськи магнаты: Калыновськи, Лянцкороньськи, Іорданы, а теперъ те мистечко безпаньське, и сыдять въ ёму жыды, що скуповують по околыцяхъ пшеныцю и сплавляють іи Днистромъ.

Зацикавывшысь Жванецькымы руинамы, я взявъ соби за провидныка Гершка-фактора и пійшовъ зъ нымъ по всихъ цикавыхъ закуткахъ старого городыща. Гершъ розсказувавъ мени

---

[1]) Переказано за Ролле, Лашковымъ та инш.

про ти подіи, яки ще держалысь у памьяти Жванецькыхъ старожылыхъ людей.

Оглядивши все, що було для мене цикаве, я думавъ вже вертатысь до свого зайизду, колы мій провидныкъ, довидавшысь въ розмови зо мною, що я ликарь, звернувся до мене зъ несмилывымъ проханнямъ.

— Пане... пане дохторе! Що я васъ попрошу, не прогнивайтесь...

— Ну?—спытавъ я.

— Зробить ласку, зробить Божеську мылость: тутъ йе одынъ бидный жыдокъ, такый бидный!.. Може-бъ вы потрудылысь до ёго, тутъ недалечко: винъ вже мисяць лежыть, такый слабый, несчасный!.. Будьте таки ласкави...

— Добре,—згодывся я.—Веды. А чымъ винъ недужый?

— Хиба я знаю? Де ёму взяты дохтора, або ликарства, колы винъ хлиба немае? Я такъ думаю, що у ёго певне сухоты—чехотка...

— А чымъ винъ заробляе?—спытавъ я.

— Тутъ, пры сплавахъ, вирныкомъ бувъ, хлибъ нагружавъ.

Гершко вивъ мене черезъ майданъ на край мистечка.

— Ось ёго хата,—показавъ винъ.

Окремо видъ иншыхъ жыдивськыхъ хатынокъ стояла нужденна, вбога хыжка, що почынала вже входыты у землю; латани виконця и двери іи покрывылысь, чорна стриха облизла и свитыла дирамы, облуплени руди стины давно вже не зналы глыны та вапна. Хатка стояла одыноко, мовъ вдова, або сырота, виддаля видъ иншыхъ хатъ, хочъ тако-жъ убогыхъ та облупленыхъ, але прытуленыхъ одна до однои, наче одна ридна громадка.

Увійшовшы въ ту хатку—ныzеньку, зъ крывою горбатою стелею, я побачывъ у темному, зацвилому кутку хворого, що лежавъ на шырокому лижку, застеленому якымсь лахмиттямъ.

Це бувъ страшенно худый, довгый чоловикъ, зъ дуже темнымъ облыччямъ, сывымъ кучерявымъ волоссямъ и риденькою сывою бородою. Складъ лыця ёго бувъ незвычайный, не жыдив-

ськый: шыроки вылыци, пласкатый нисъ, вузеньки, укисни очи, що свитылысь видъ гарячкы, мовъ дви жарынкы, невысоке чоло—все те нагадало мени монгольськи типы, яки доводылось бачыты у Крыму, та за Ураломъ. Хворый важко дыхавъ и мигъ говорыты лышъ зъ перерывамы, дуже сыплымъ голосомъ, бо не ставало ёму духу и мучывъ кашель. Здалека чутно було, якъ клокотило щось у его грудяхъ и свыстилы та шыпилы тамъ зловищи пыщыкы.

Недовго треба було мени прыслухатысь та миркуваты, щобъ перевирытысь, що Гершъ-провидныкъ сказавъ правду: у хворого булы сухоты, та такъ ёго высушылы воны та высназкылы, що вже не бильшъ тыжня, або двохъ можна було личыты ёго жыття. Зъ тяжкымъ серцемъ мусивъ я прызнатысь, що тутъ уже вся ликарська наука безсыльна,—хыба що тильки можно було трохы зменшыты ёму кашель та облегчыты задышку.

Запысуючы хворому ликарство, я спытавъ, якъ ёго звуть, и здывувався, почувшы зовсимъ не жыдивське прызвысько—Татарчукъ. Мымохить перепытавъ я у друге.

— Татарчукъ... Ёсь Татарчукъ,—сказалы мени.

Зновъ глянувъ я на хворого—якась дывна, незвычайна загадка була для мене: чысто-монгольськи рысы облыччя, прызвысько Татарчукъ...

Я выйшовъ зъ убогои хыжкы. Передъ очыма у мене ще манячыло те чудне облыччя, а въ ушахъ бренило не меншъ чудне прызвысько.

Татарчукивъ чымало трапляется середъ подильськыхъ селянъ по-надъ Днистромъ. Колысь, у давни часы, ихъ мабудь було ще бильше, але за польського панування багато Татарчукивъ перемпнылось у Татаржыньськыхъ, Татаровичивъ, Татаровськыхъ. Ричъ звычайна: усмихнется доля, погрубшае калытка—та й соромъ стае старого, дидивського прызвыща, кортыть переминыты просте на панське. Але щобъ жыдъ мавъ селяньське, бодай чы не козацьке прызвыще—того я ще доси не чувавъ.

Такъ роздумуючы, йшовъ я Жванецькымъ майданомъ, колы догнавъ мене Гершъ-провидныкъ.

— Що вы скажете, пане дохторе, про слабого?—спытавъ винъ.

— Погано, голубе!—зитхнувъ я.

— Сухоты?

— Эге.

— Такъ що нема вже надіи?

— Нема... Скажы мени, Гершку,—спытавъ я згодомъ,—якымъ воно чыномъ сталося, що жыдъ мае селяньське, «гойше» [1]) прызвысько Татарчукъ? Такого я зроду не чувъ.

— Хе!—усмихнувся Гершъ,—воно справди дывно...

— Дывно-жъ,—казавъ я.—Чувавъ я жыдивськи прызвыська: Бондаръ, Коваль—то воно ричъ звычайна, бо бувають жыды ковали та бондари. Але Татарчукъ...

— Бо я вамъ скажу, пане дохторе,—почавъ Гершъ поважнымъ, трохы таемнычымъ тономъ:—винъ не простый жыдъ, якъ вси, винъ высокого роду.

— Высокого роду?—здывувався я.

— Эге. Стари люде розсказують, що тутъ у Жванци дуже давно, може сто литъ, може бильше—я не знаю, жывъ турецькый князь. Ну, то винъ уподобавъ соби одну жыдивочку, що гарна була дуже, тай взявъ іи за жинку. То вона, выходыть, була прабабка ось того Ёся Татарчука. Бувъ у неи зъ тымъ турецькымъ княземъ сынъ, и пійшлы видъ того сына Татарчукы.

— Якъ же винъ попавъ у таки злыдни та убожество, колы винъ княжого роду?—спытавъ я.

— Ну, я вже того не знаю,—видповивъ Гершъ.—Хиба воно не бувае на свити, що багатый зубожіе тай иде зъ торбамы, а якыйсь злыдарь, паршывый—розбагатіе такъ, що паны ёму кланяются?

— Бувае,—згодывся я.—А щожъ зъ тымъ княземъ сталося?

— Чы я знаю? може вмеръ, може вбылы на війни... Давно це було. Оцей Ёсь—винъ вже останній зъ того роду, бо нема у ёго ни дитей, ни бративъ, ни сестеръ. Колысь винъ йиздывъ у Турцію, чы куды—шукать свого роду. Це вже за моеи

---

[1]) Хрыстыяньське.

памьяти було. Мавъ винъ якись паперы, документы, то думавъ, що може знайде що—чы маєтки яки, чы гроши—писля того князя. Ну йиздывъ, шукавъ, та мабуть ничого зъ того не выйшло, бо вернувся винъ такый сумный—ажъ чорный. Никому ничого не розсказувавъ тай ставъ знову за фактора при сплавахъ та галерахъ. Отутъ винъ и хоробу соби прыдбавъ, бо це робота тяжка: и мокнуты, и мерзнуты по цилыхъ днях доводытся. Лыхо тай годи!—зитхнувъ Гершъ.—То вы кажете, пане, що зъ ёго вже ничого не буде?

— Ничого. Хочъ якыхъ хочете дохторивъ зберить, то вже ёму новыхъ легкыхъ не вставлять...

Гершкове оповидання про Татарчука не завдовольныло моеи цикавости. Якось навить и не йнявъ я ёму виры, бо дывно мени було, що у поганенькому мистечку, у якійсь нужденній нори вмирае въ убожестви та голоди потомокъ якогось «турецького князя».

Але литъ черезъ двадцять писля смерти Ёся Татарчука я перевирывся, що въ оповиданни про ёго, яке я чувъ видъ Гершка, було багато правды.

II.

Въ 18 столитти почалысь змагання Россіи здобуты соби выхидъ на пивденне Чорне море, а такожъ забезпечыты соби у власнисть багати пивденни степы, сумежни зъ Украиною, яка тоди вже втратыла була свою самостійнисть. На Чорному мори и ёго берегахъ хазяйнувалы туркы та крымськи татары, а у пивденныхъ степахъ—ногайськи татарськи орды.

Завелась війна Россіи зъ Турціею. Царыця Катерына задумала выдилыты Крымъ та ногайцивъ видъ Турціи въ окрему самостійну Крымську державу, щобъ такымъ чыномъ ослабыты Турцію, «видирваты у неи праву руку», якъ пысала Катерына Панинови, що командувавъ тоди пивденною россійською арміею. Зъ невелыкою Крымською державою легче було-бъ даты раду, нижъ зъ могутною тоди Турціею.

Саме тоди выступывъ на политычну арену Шагинъ-Гирей, чкый пизнійше бувъ самостійнымъ, але й останнимъ крымськымъ ханомъ.

Дывне, незвычайне було жыття того хана: здобувшы соби велыку, якъ на ти часы, науку та освиту, винъ вразъ зъ тымъ не збувся своихъ дыкыхъ азіатськыхъ звычаивъ; бажаючы просвитыты и своихъ дыкыхъ пидданныхъ свитломъ европейськои наукы и звычаивъ, винъ робывъ це нелюдськымы, азіатськымы способамы. Помазанець зъ воли Аллаха, винъ вирывъ, що одного ёго самовластного бажання стане на те, щобъ все подіялось по ёго думци. Винъ знавъ исторію, знавъ добре, чому впалы велыки державы — Вавилонъ, Персія, Греція та Рымъ; знавъ якъ зрослы и сталы могутнымы нови европейськи пароды, а проте у себе не гадавъ навить, що, выйнявшы необережно одну цеглыну зъ виковичнои будивли старыхъ звычаивъ, винъ може завалыты іи. Воно-жъ такъ и сталося: впала велыка татарська держава колышнихъ завоёвныкивъ и, надаючы, прыдавыла и ёго, останнёго нащадка грызного Чингизхана.

Шагинъ-Гирей родывся року 1746 въ Адріанополи, у Румеліи, де Гиреи малы свои родови маеткы. Рано винъ лышывся сыротою писля смерти батька свого, крымського хана Махметъ-Гирея. Маты Шагинова, итальянка родомъ, вывезла ёго зъ Адріанополя у Салоникы, бо боялась за ёго жыття: тоди часто бувало, що наслидныкивъ державы зводылы зо свиту всякымы способамы ихъ родычы, щобъ не стоялы имъ поперекъ дорогы. Салоникы у ту пору булы осередкомъ торгивли у Македоніи и стягалы до себе купцивъ зъ усихъ европейськыхъ державъ: Англіи, Франціи, Италіи, Гишпаніи, Нимцивъ. Вдова ханська зъумила зацикавыты свого сына освитою та наукою Захиднои Европы; до того жъ винъ бувъ дуже кебетный та цикавый. Такымъ чыномъ молодый Шагинъ жывъ свои дытячи лита середъ освиченныхъ заморськыхъ купцивъ та мандривныкивъ, багато де чого навчывся и такъ вподобавъ соби науку, що колы на 16 годи ёго жыття вмерла ёго маты, то винъ перебравсл жыты у Венецію, щобъ бильшу ще змогу маты вчытысь. Тоди вже винъ знавъ добре грецьку, ла-

тынську, итальянську та французську мову, арабську знавъ ще зъ малечку, а російськои навчывся пизнійше, прожываючы у Петербурзи.

«Вельмы здывувався я, колы ёго ханська мылость зволывъ промовыты до мене мовою латынською, та ще такъ expedite (гарно), мовъ бы якый Цицеронъ»,—такъ пысавъ пизнійше про Шагина до Тульчынського воеводы Потоцького Квяткевычъ, ёго посолъ до крымського хана та козакивъ.

У Венеціи прожывъ Шагинъ до 20 году свого жыття, колы дядько его, тодишній крымськый ханъ Керимъ-Гирей, людына таможъ освичена и поступова, поклыкавъ ёго до себе. Керимъ-Гирей дуже любывъ свого небожа и назначывъ ёго калгою и сераскиромъ всихъ нагайськыхъ ордъ. Ти орды жылы у прыморськыхъ пивденныхъ степахъ видъ гырлъ Дуная ажъ до Кубани, и було ихъ чотыри: буджацька, едысанська, едичкульська и джамбулуцька. Шагинъ оселывся у едысанцивъ, яки жылы у теперешній пивденній Херсонщыни, мижъ Днистромъ та Днипромъ. Ногайци дуже полюбылы и шанувалы свого молодого воеводу за ёго розумъ, смилывисть и тверду волю. Шагинъ дуже дбавъ про порядокъ и справедлывисть въ ордахъ, старався залучаты торговыхъ людей зъ чужыхъ земель та зъ Турціи, щобъ завьязаты зъ ными постійну торгивлю, хотивъ завесты и кращый европейськый ладъ у війську, але зъ тымъ ёму не посчастыло, бо трудно було переробыты дыки, кочови звычаи татаривъ.

Жывъ винъ просто, трохы на европейськый ладъ, одягався не пышно, не державъ гарема, обидавъ пры столи, а не доли—на кылымы, якъ звыклы татары: дуже кохався у ловахъ, найбильше зъ хортамы та соколамы. Вси ханськи прыказы выповнявъ докладно, але при двори, у Бахчисараи, бувавъ не часто, бо старшына ханська недобрымъ окомъ дывылась на ёго, маючы ёго за протывныка стародавнихъ звычаивъ. Не любылы ёго такожъ и за те, що винъ тягнувъ до Россіи: Панинъ зумивъ нахылыты на свою сторону Шагина, та ще едысанського мурзу Джанъ-Мамбета, и перевирыты ихъ, що россійськый урядъ, бажаючы добра татарамъ и вичного ладу мижъ ными та Россіею, хоче вызволыты

ихъ зъ пидъ турецькои власти и зробыты самостійне, могутне Крымське ханство.

Але недовго бувъ Шагинъ ногайськымъ сераскиромъ. Почалась війна Россіи зъ Турціею, и саме тоди вмеръ Керимъ-Гирей ханъ.

Новый ханъ Селимъ-Гирей, ставленный Турціею, бувъ не прыхыльный до Россіи. Тягнучы за Турціею, винъ пославъ ногайцивъ руйнуваты Украину, а Шагина заклыкавъ у Бахчисарай. Ногайцямъ бувъ назначеный новый сераскиръ. Війна 1770 року була несчаслыва для Турціи: Румянцевъ розбывъ туркивъ пидъ Ларгою и Кагуломъ, Панинъ взявъ Бендеры и загнавъ далеко поза Днистеръ ногайськи орды—едысанцивъ та буджакивъ.

Ногайци побачылы сылу Россіи и немоцъ Турціи; Панинови не трудно було теперъ нахылыты ихъ до Россіи, бо винъ зайнявъ своимъ військомъ ногайськи степы.

Однихъ страхомъ, другихъ пидкупомъ та дарункамы винъ прымусывъ видступытысь видъ Турціи и пидъ тою умовою пропустывъ едысанцивъ та буджакивъ черезъ Днистеръ назадъ у ривни степы.

Тоди Панинъ пославъ скилькохъ прыхыльныхъ ёму мурзъ до едычкуливъ, та джамбулукивъ, ц ти, за прыкладомъ своихъ бративъ—едысанцивъ та буджакивъ, видреклыся видъ Турціи и перейшлы на сторону Россіи.

Зъеднавшы соби ногайськи орды, Панинъ почавъ заходы, щобъ видирваты видъ Турціи и крымськыхъ татаривъ.

Зъ Петербурга бувъ прыказъ Долгорукову рушыты зъ військомъ на Крымъ и сылою прымусыты татаривъ видректыся видъ Турціи и прыстаты до згоды зъ Россіею.

Але попереду була зроблена спроба намовыты татаривъ, щобъ пишлы воны на це зъ доброи воли.

У Крыму тоди булы велыки розрухы и колотнечи: одни тягнулы за Турціею и за ханомъ Селимомъ-Гиреемъ, що бувъ наставленый зъ Цареграду; други, за прыкладомъ ногайцивъ, тягнулы до Россіи.

Щобъ прыеднаты татаривъ, корыстуючысь тою незгодою, Панинъ пославъ у Крымъ посливъ зъ прыхыльныхъ ордъ: Джанъ-Мамбетового брата—Мавроени, Мелиссу-мурзу та Али-агу, видъ джамбулукивъ.

Хана Селимъ Гирея тоди не було дома: винъ бувъ у турецькій арміи на Дунаи, а мисце ёго заступавъ паша (наслиднывъ ханськый).

Якъ прыбулы Панинськи послы, паша засадывъ ихъ у тюрму, зибравъ раду зъ татарськыхъ старшынъ та вельможъ, и рада прысудыла на смерть посливъ за те, що прыйихалы воны бунтуваты народъ проты хана: Мавроени повисыты, а Мелиссу-мурзу и Али-агу спалыты жывцемъ. Проты такои постановы выступавъ ришучо Шагинъ-Гирей, якый такожъ бувъ въ ради. Винъ добре розумивъ, що видъ Турціи не можно сподиватысь теперъ пидмогы, бо сылу забрала Россія; винъ вирывъ, що Россія справди хоче утворыты самостійну крымську державу.

Оприче того, добре розуміючы непереможну сылу наукы, освиты та европейськыхъ порядкивъ, винъ мріявъ, що можно буде у незалежній крымській державі завесты европейськый ладъ и пидняты дыкый Крымъ до велыкои, могутнои Чорноморськои имперіи.

Себе одного винъ покладавъ здатнымъ переробыты дыкыхъ кочовныкивъ у освиченыхъ европейцивъ, пидвладный Крымъ зробыты незалежною имперіею, а першою умовою для такои реформы мусила буты незалежнисть Крыма.

Отже теперъ тая незалежнисть, якъ думавъ винъ, сама лизе въ рукы, и конче треба скорыстуватысь такою нагодою. Кримъ того винъ знавъ, що россійськый урядъ, знаючы ёго прыхыльнисть до себе, поможе ёму вступыты на ханськый тронъ.

Мавроени прывизъ намову Панина видступытысь видъ Турціи и, яко самостійній державі, скласты умову зъ Россіею про вичну згоду, а представныкы видъ ногайцивъ—Мелисса-мурза и Али-ага—сповистылы крымськый урядъ державный, що ногайськи орды вже прысталы до такои умовы.

Шагинъ-Гирей у палкій та сыльній промови старався склоныты державну раду до угоды зъ Россіею. Винъ доказувавъ, що

ничого сподиватысь добра видъ Турціи. Россія сама протягае Крымови братню руку и хоче зробыты его самостійнымъ. Покаравшы на горло посливъ, державна рада ніякои шкоды не зробыть тымъ Россіи, а соби зъ друга зробыть ворога, и тоди вже нічого буде сподиватысь добра та прыхыльности видъ Россіи.

Шагинову мову пиддержавъ казамеръ-ефенди, старшый мулла, и хочъ мало не вся рада державна була вороже настроена проты Россіи, але посливъ выпустылы на волю и далы имъ до Панина лыста, въ якому хочъ и не приставалы на угоду, але старалысь завирыты въ своихъ добрыхъ почуванняхъ.

Мавроени, кримъ того, повизъ погайцямъ лыста видъ ихъ колышнёго сераскира. Шагинъ-Гирей хвалывъ ногайцивъ за ихъ прыхыльнисть до Россіи.

У Крыму писля того ще бильше змоглыся розрухы та ворожнеча. А ногайци, одержавшы Шагинового лыста, зибралыся на раду и постановылы выбраты крымськымъ ханомъ Шагина-Гирея. Свою постанову воны объявылы Щербинину, губернатору слободськои губерніи—тобъ то и ногайськыхъ степивъ—и винъ про ту постанову написавъ у Петербургъ, зъ свого боку пиддержуючы іи.

Але у Петербурзи на ти ногайськи выборы не покладалы велыкои надіи. Ногайцивъ похвалылы за прыхыльнисть, ихъ мурзамъ прыслалы багати дарункы, а Щербинину звелилы попереводыты ногайськи орды пидъ Днистеръ та пидъ Донъ, щобъ очыстыты видъ ныхъ дорогу до Перекопу для россійського війська.

Долгоруковъ съ сыльною арміею вступывъ у Крымъ и дуже швыдко, безъ велыкои боротьби, позаймавъ вси крымськи городы та твердыни ажъ до Керчи.

Турція прыслала невелыку пидмогу крымцямъ, але ту пидмогу Долгоруковъ видбывъ у Кафи. Селимъ-Гирей видрикся свого ханства и втикъ у Турцію.

Не трудно було вже Долгорукову, маючы весь Крымъ у своихъ рукахъ, прымусыты татаривъ видступытысь видъ Турціи и прыстаты до угоды зъ Россіею.

Забравшы мурзъ та значнійшу старшыну татарську у Карасубазари, винъ прымусывъ ихъ пиднысаты умову и велівъ имъ

выбраты соби нового хана. Выбралы Сагибъ-Гирея, Шагинового старшого брата, а Шагина-Гирея выбралы пашою, тобъ-то наслидныкомъ хана.

Такымъ чыномъ Крымъ зробывся нибы-то самостійною державою, зъ выборнымъ ханомъ, незалежнымъ видъ Турціи, але дуже залежнымъ видъ Россіи. На таки выборы прысталы и ногайци.

Щобъ показаты свою прыхыльнисть до Россіи, новый ханъ пославъ у Петербургъ зъ прысяжнымъ лыстомъ Шагина-Гирея,

Въ кинци падолыста року 1771 Шагинъ-Гирей прыйихавъ у Петербургъ.

Россійськый урядъ поводывся зъ нымъ дуже ласково и прыхыльно: на дорогу ёму було вызначено по 50 карбованцивъ у день, а у Петербурзи далы ёму роскишне помешкання и вызначылы платню по 100 карбованцивъ у день.

У Петербурзи Шагинъ-Гирей видразу прычарувавъ усихъ: молодый, гарнои вроды, розумный, смилывый, зъ европейською освитою та по азіатськи щедрый, винъ зъеднавъ соби прыхыльнисть и пошану у всихъ, кримъ де-якыхъ заздрыхъ прыдворныхъ вельможъ.

Видразу винъ намагався, щобъ министръ царрыци першый зъявывся до ёго на прывитання—але не добывся того. Потимъ винъ объявывъ, що на аудіенціи у царыци, буде у шапци, бо такый татарськый звычай. На це згодылась царыця и бувъ навить выданый указъ, якымъ дозволялось всимъ магометанамъ буваты у шапкахъ на всихъ послуханняхъ та церемоніяхъ. Зъ царыцею Шагинъ-Гирей говорывъ смилыво и дуже вподобався ій якъ своею вродою, такъ и розумомъ та освитою.

Царыця Катерына пысала до Вольтера: «у насъ теперъ гостюе султанъ-паша, братъ незалежного крымського хана, людына молода, литъ 25, розумный и цикавый до всякои освиты». А у другому лысти: «наслиднынъ крымського хана дуже прыемный татарынъ: гарный зъ себе, розумный, освиченый не по татарськи, пыше вирши, бажае все бачыты и все знаты докладно. Вси ёго полюбылы».

Справди, колы не вси полюбылы, то вси дуже зацикавылысь Шагиномъ-Гиреемъ.

Царыця засыпала ёго дарунками: дороги шубы та одежи, срибне начиння, брылянтовый перстень, шабля, цвяхована дорогымъ каминнямъ, кримъ звычайнои платни по 100 карбованцивъ у день, ще пьять тысячъ на дрибни выдаткы.

И Шагинъ-Гирей роскишно зажывъ у Петербурзи, забувшы про всяку политыку та про свои мріи и замиры звелычыты и просвитыты татарськый народъ. Винъ бувавъ на всихъ прыдворныхъ церемоніяхъ, забавахъ, бенкетахъ та выставахъ у театри, на військовыхъ парадахъ, бувавъ и у вельможъ, прыймавъ гостей у себе; цикавывся всимы музеямы, фабрыкамы, школамы; бувавъ навить у Смольному институти и дывывся, якъ танцюють та спивають институткы.

Грошей втрачавъ винъ багато, и не ставало ёму тіеи платни, яка була ёму вызначена.

Панинъ выпросывъ ёму запомогы 10 тысячъ карбованцивъ, але й ти грошы швыдко розвіялысь. Шагинъ-Гирей позаставлявъ дороги дарункы царыци, и потимъ доводылось выкупаты ихъ: такъ выкупывъ ёму Панинъ перстень и табатирку за 8,500 карб.

А тымъ часомъ у Крыму не було ладу; боролысь тамъ дви стороны: одни тяглы до Турціи, други до Россіи, а ханъ Сагибъ-Гирей бувъ слабои воли, несмилывый и не мигъ даты порядку. Турція не прызнавала ёго ханомъ, бо винъ бувъ наставленый Россіею, а російськый урядъ домогався видъ ёго, щобъ винъ виддавъ Россіи два прыморськи городы: Керчъ и Еникале. Шагинъ такожъ радывъ братови виддаты ти города Россіи. Сагибъ-Гирей не хотивъ виддаваты тыхъ городивъ, а турецька партія мурзъ та старшынъ нахыляла ёго пиддатысь Турціи.

Тымъ часомъ почалысь розрухы и середъ прыхыльныхъ до Россіи ногайцивъ, особлыво середъ едычкульцивъ и джамбулуцкивъ, що стоялы по той бикъ Дону: ихъ бунтувалы турецьки посланци зъ-за Кубани и нахылялы до Турціи.

Щербининъ пысавъ у Петербургъ и радывъ знову назначыты ногайцямъ сераскиромъ сыльного и смилывого Шагина-Гирея, бо ёго воны поважалы и слухалы.

Шагина-Гирея выправылы у Крымъ, щобъ полагодыты справы.

Але, покы ще винъ зибравея йихаты, справы крымськи полагодылысь иншымъ способомъ: Долгоруковъ зъ військомъ зновъ увійшовъ у Крымъ, розигнавъ и розбывъ де якыхъ мурзъ и, зибравшы раду у Карасубазари, зновъ прымусывъ іи видступытысь видъ Турціи, пидпысаты умову про вичну згоду зъ Россіею и «на знакъ тіеи згоды» виддаты Россіи Керчъ та Еникале.

Шагинъ-Гирей йихавъ у Крымъ заспокоиты своихъ землякивъ и закрипыты ихъ прыхыльнисть до Россіи. Жывшы у Петербурзи, винъ бачывъ сылу Россіи, розумивъ, що боротьбою та змаганнямы Крымъ соби ничого не выборе; бачывшы ласку и щедроты царыци для себе, винъ думавъ прыдбаты таку жъ ласку и для свого народу.

Але той народъ, дыкый и своевольный, цурався россійськои ласкы. На думку Шагинъ-Герея треба було крымцямъ сыльного, розумного хана, якый прымусывъ бы ихъ, якъ малыхъ, нетямущыхъ дитей, робыть те, що для ныхъ буде корыстно. Такымъ ханомъ мигъ буты тильки винъ, и теперъ вже ёго не завдовольняла посада сераскира ногайськыхъ ордъ: ёму треба було ханського трону. Ханъ Сагибъ-Гирей зибравъ раду старшынъ и мурзъ, щобъ послухала вистей, яки прывизъ калга Шагинъ-Гирей зъ Петербурга.

Шагинъ почавъ намовляты раду покынуты всяку ворожнечу, забуты про Турцію и покласты вси свои надіи на ласку и мылость царыци Катерыны. Винъ выхвалявъ іи прыхыльнисть до Крыму, іи щедроты, называвъ себе вирнымъ и вичнымъ прыхыльныкомъ Россіи, видъ якои залежыть счастя, велычнисть и незалежнисть Крыма.

Неймовирни и уперти мурзы та старшына не пиддавалысь намовамъ Шагинъ-Гирея.

— Мы однаково боимося и Россіи, и Турціи, казалы воны. Колы насъ прытыснула Россія, мы мусилы прыстаты на угоду зъ нею, вона-жъ насъ пидвела и покрывдыла: забрала нашы земли и городы. А видъ Турціи мы не зналы лыха, зъ нею мы съ-поконъ-вику въ згоди и вира у насъ одна.

— Та николы зроду Россія не хотила вашои крывды, казавъ Шагинъ-Гирей. Хтившы, вона могла-бъ зробыты зъ Крыму пустыню, а про те—сами бачыте—вывела свое військо назадъ, ніякого лыха не зробывшы. Россія бажае незалежности Крыма и вичного спокою для себе. Колы Крымъ стане незалежный, Турція николы не посміе воюваты зъ Россіею, бо Крымъ—це жъ права рука Турціи.

Рада уперто мовчала.

Зъ Шагиномъ-Гиреемъ прыйихавъ зъ Петербурга князь Путятынъ. Розгниваный Шагинъ казавъ ёму: «зъ такымы невдячпымы и упертымы людьмы, зъ ворогамы моимы и Россіи, я ничого не можу вдіяты. Дорогою душею я постарався-бъ завесты ладъ у Крыму и вичну згоду зъ Россіею, але не сыла моя,—воны мене не слухають. Колы не зможу ничого бильше зробыты, то покыну Крымъ и буду просыты захысту и прытулку у царыци, якій я до вику буду вирный и вдячный».

Путятынъ пысавъ про це у Петербургъ и раявъ наставыты Шагина-Гирея крымськымъ ханомъ. Але у Петербурзи не дуже кваиылысь зъ цимъ диломъ, бо не хотилы видразу ламаты незалежнисть Крыма, якый мавъ соби выбраного хана. До того ще и Турція не хотила прызнаваты Карасубазарську умову про незалежнисть Крыма, и колы-бъ побачыла такый вплывъ Россіи на крымськи дила, то сперечалась бы ще бильше.

И безъ того Турція почала заходы, щобъ вернуты Крымъ пидъ свою руку. На Кубань зъ Турціи выслалы Девлетъ-Гирея. Туды збиралысь вси незавдоволени и неспокійни крымци, туды перебралысь и недобыткы-мурзы, якыхъ розигнавъ зъ Крыму Долгоруковъ.

На Тамани оголосылы Крымъ зновъ пидъ захыстомъ Турціи и выбралы Девлетъ-Гирея крымськымъ ханомъ. Заворушылысь и джамбулуки и едичкулы, яки жылы по цей бикъ Кубани ажъ до Дону. У Крыму зновъ взяла сылу партія турецькыхъ прыхыльныкивъ.

Шагинъ покынувъ Крымъ и перебрався у Полтаву; тамъ ёго прыйнялы радо, и россійськый урядъ зновъ пазначывъ ёму платню по 1000 карб. у мисяць.

Тымъ часомъ Девлетъ-Гирей перейшовъ за Кубань, розбывъ погайського сераскира Казы-Гирея, и едычкульци прызналы ёго крымськымъ ханомъ.

Турція пиддержувала ёго, и Россія почала теряты надію на самостійнисть Крыма.

Щобъ утрыматы пры соби хочъ нагайськи орды, Россія послала на Кубань вирного Джанъ-Мамбета и Шагина-Гирея, якого погайци давно хотилы соби за сераскира.

Але Девлетъ-Гирей тымъ часомъ перейшовъ зъ Кубани у Крымъ; тамъ ёго прыйнялы дуже радо; Сагиба-Гирея скынулы зъ ханства и оголосылы Девлета-Гирея крымськымъ ханомъ.

Утвердывшысь у Крыму, Девлетъ-Гирей заразъ назначывъ погайськымъ сераскиромъ Тохтамышъ-Гирея, а пашею, тобъ-то наслидныкомъ хана, Турція назначыла на мисце Шагина Гирея— свого прыхыльныка Бахти-Гирея.

Тымъ часомъ погайци прызналы вже своимъ сераскиромъ Шагина-Гирея. Але прыбувъ зъ Крыму Тохтамышъ-Гирей зъ 3 тысячамы війська, розбывъ Шагина-Гирея и утвердывся сераскиромъ. Крымъ и погайськи орды зновъ сталы пидъ владу Турціи.

Тоди Россія постановыла зновъ покорыты крымцивъ сылою. Прыйшовъ прыказъ зъ Петербурга Румянцеву выступыты на Крымъ зъ 30 тысячамы війська и настановыты ханомъ Шагина-Гирея.

Румянцевъ пидступывъ до Перекопу, а Шагинъ-Гирей зъ россійськымъ військомъ пійшовъ на Кубань. Винъ розбывъ и прогнавъ Тохтамыша-Гирея, и погайци, яки завжде булы прыхыльни до Шагина, прызналы ёго крымськымъ ханомъ. Тоди Шагинъ-Гирей зъ Кубани перейшовъ у Крымъ, а назустричъ ёму йшло россійське військо зъ Перекопу.

Ханъ Девлетъ-Гирей, зибравшы 40 тысячъ війська, ставъ до обороны своихъ правъ, але ёму не посчастыло: розбытый Шагиномъ-Гиреемъ и генераломъ Прозоровськымъ, винъ мусивъ вндректыся свого ханства и втекты зъ Крыму.

А незалежнымъ крымськымъ ханомъ бувъ наставленый Шагинъ-Гирей и крымци мусилы прысягнуты ёму и зновъ видректыся видъ Турціи.

Було це у жовтни року 1776.

III.

Давня мрія Шагина-Гирея здійсныласа: винъ ставъ головою свого народу и мигъ теперъ заводыты нови, кращи порядкы, щобъ зробыты зъ дыкаривъ освиченыхъ европейцивъ, а зъ незалежного Крыму—велыку, могутню Чорноморську имперію.

Винъ бачывъ и розумивъ добре, що найбильше лыхо було Крымови видъ непорядкивъ та розрухивъ, яки розбывалы народъ на рижни партіи. Найбильше у тому булы вынни мурзы, беи, та инша старшына, яки малы велыку сылу и вплывъ пры попереднихъ ханахъ. Воны-жъ здебильшого и тягнулы до Турціи. Деяки мурзы и беи жылы якъ незалежни князькы у своихъ маеткахъ, држалы свое військо, не боялысь хана и не слухалы ёго. У военныхъ справахъ черезъ те выходывъ велыкый неладъ и безголовья, бо кожный такый мурза командувавъ самъ, якъ соби хотивъ. Тымъ то невелыке, але упорядковане и слухняне російське військо швыдко розбыло далеко бильшу сылу Девлетъ-Гирея.

Шагинъ-Гирей почавъ зъ того, що утворывъ державну раду, въ яку настановывъ своихъ прыхыльныкивъ. Винъ назначывъ имъ платню и воны цилкомъ залежалы видъ хана.

Потимъ винъ подилывъ Крымъ на шисть удиливъ и въ кожный удилъ самъ назначывъ *каймакама*. Кожне каймакамство було подилено на *кадилыкы*, якымы заправлялы *кадіи*, а ихъ зновъ такы назначавъ самъ Шагинъ-Гирей. Кадилыкивъ було у Крыму 44.

Такый подилъ бувъ заведеный на взирець російськыхъ губерній та повитивъ.

Повсякчасни войны, незгоды та розрухы дуже зруйнувалы Крымъ: народъ зубоживъ, скарбныця ханська була порожня, а податкивъніякъ не можно було стягнуты.

До того ще колышня старшына ханська звыкла обкрадаты казну и обдыраты народъ и купцивъ.

Дбаючы про грошови справы ханства, Шагинъ-Гирей завивъ справный и суворый порядокъ у грошовыхъ дилахъ скарбу; всякый найменьшый выдатокъ мусивъ запысуватысь у рахунковыхъ кныгахъ. Запысувалысь навить выдаткы на ханську кухню. А заправлявъ скарбомъ *дефтердаръ-ага*, тобъ то министръ финансивъ, якый мавъ помичныка *казнадара*, себъ-то казначея. Була заведена и монетарня у Кафи, де былы монету рижнои цины и за тры рокы выпустылы іи на 330 тысячъ карбованцивъ на наши грошы.

Щобъ не обтяжаты народъ подушнымы податкамы, Шагинъ-Гирей повиддававъ на видкупъ рижни доходы ханства: мытныци (таможни) у Перекопи, Козлови та Кафи, соляни озера, броварни та выпокурни; назначывъ налогъ зъ рогатои худобы, пчилъ. Подушне платылы тильки жыды и цыгане. Кримъ того давалы чымали доходы власни ханськи земли и маетки, и ци грошы йшлы вже на удержания ханського двора.

Багато старання поклавъ Шагинъ-Гирей, щобъ упорядкуваты військо. Доси крымське військо складалось зъ ногайськыхъ ордъ, зъ загонивъ, яки прыводылы мурзы и беи, и зъ турецького війська, що стояло у Кафи, Керчи та Еникале. Таке військо було дуже рижноманитне и безладне.

Ногайци булы дыки, хыжи наийздныкы и розбышакы: воны гаразди булы тильки грабуваты, палыты и руйнуваты и не моглы встояты проты статечного реестрового війська, особлыво проты гарматъ. Загоны мурзъ та беивъ тако-жъ булы безладни; мурзы и беи выступалы часто кожный самъ по соби, бувало сварылысь и грызлысь помижъ себе, и зъ такымъ збиранымъ військомъ трудно було даты ладъ. Турецького жъ війська не стало зовсимъ, скоро Крымъ объявывся самостійнымъ и видступывся видъ Турціи.

Щобъ упорядкуваты військову справу, Шагинъ-Гирей завивъ рекрутчыну: винъ звеливъ перепысаты увесь народъ и видъ пьяты дворивъ браты одного рекрута. Набравшы ихъ, винъ звеливъ муштруваты ихъ на европейськый ладъ. Кримъ того винъ на-

бравъ одынъ полкъ найкращого війська и той полкъ державъ пры соби; назывався винъ *сайменъ*, тобъ-то ханська гвардія.

У Кафи бувъ поставленый чугунный заводъ и кувалысь свои власни гарматы и пушкы, а биля Бахчисарая—пороховый заводъ.

Стари мурзы и беи важкымъ духомъ дыхалы на нового хана за те, що винъ забравъ видъ ныхъ всю сылу ихъ, вплывъ и військo.

Ремствувавъ и народъ за рекрутчыну. Але Шагинъ-Гирей не вважавъ на це и заводывъ скризь свои порядкы.

Ёму не сыдилось у Бахчисараи, що стоить у глыбокій, тисній котловыни мижъ горамы. Могутня, невсыпуща вдача шукала соби простору, шырокыхъ шляхивъ, еднання зъ заморськымы чужынцямы, зъ европейськoю торгивлею та освитою. И Шагинъ-Гирей задумавъ перебратысь зъ сонного Бахчисараю у кыпучу и рухлыву прыморську Кафу. Винъ заходывся будуваты соби багатый палацъ у Кафи и выклыкавъ для того итальянськыхъ майстривъ та ремесныкивъ.

Свое власне жыття винъ обставывъ зовсимъ по европейськи. Вся челядь ёго була зъ чужынцивъ: кухарь нимець, лакей французъ, машталиры и фурманы—москали, ликари—Иванъ Ивановичъ и англычанынъ Робертсонъ.

Шагинъ-Гирей не любывъ йиздыты верхы, якъ велося споконъ вику, а бильше у карети; одягався просто, у довгу чорну керею, обидавъ пры столи, гарема не хотивъ держаты, и лышъ на превелыку сылу прыдворни муллы намовылы ёго взяты соби тры жоны.

Нови порядкы не подобалысь татарамъ. Муллы и инши духовни нарикалы, що ханъ не поважае старои виры, батькивськыхъ та дидивськыхъ звычаивъ и тягне до чужовирнои Россіи, видступывшысь видъ своихъ одновирцивъ туркивъ.

Мурзы, беи и старшына не злюбыла ёго за те, що винъ звивъ ихъ ни на що, забравшы видъ ныхъ и сылу, и військо, и вплывъ на державни справы; народъ ремствувавъ за рекрутчыну,

військо—за нови порядкы. Лышъ саймены булы вирни и покирни, бо ханъ дуже пиклувався нымы и любывъ ихъ.

А Турція тымъ часомъ не покынула своихъ заходивъ и змаганъ, щобъ зновъ завернуты Крымъ до себе; черезъ тайныхъ посланцивъ вона зносылась зъ непокирнымы мурзамы и беямы, пиддержувала недовольнисть и сіяла зерна зрады. По крымськыхъ городахъ та селахъ вешталысь ти посланци, перебравшысь за купцивъ, муллъ та старцивъ, и бунтувалы народъ.

Лышъ невелычке чысло прыхыльныкивъ Шагина-Гирея, якыхъ винъ поназначавъ на державни уряды, та полкъ сайменивъ булы ёму вирни и щыро помогалы заводыты новый ладъ.

И у Крыму зновъ почалысь розрухы и бунты. Зибравшысь загонамы, бунтари ходылы по селахъ, побываючы и грабуючы ханськыхъ прыхыльныкивъ та чыновныкивъ, а народъ помогавъ бунтарямъ и прыстававъ до ихъ загонивъ.

Агаса-бей, зибравшы скилько загонивъ до купы, пидступывъ до Бахчисараю, але саймены видбылы его. Агаса подався до Карасубазару, але тамъ зустривъ его генералъ Прозоровськый зъ россійськымъ військомъ, що стояло у Перекопи, и видбывъ зновъ. Вертаючысь назадъ зъ-пидъ Карасубазару, бунтари наскочылы на Шагина-Гирея, якый выйшовъ проты ныхъ зъ сыльнымъ військомъ. Ханъ розбывъ и роспорошывъ загинъ Агасы. Але тымъ часомъ инши бунтарськи загоны, довидавшысь, що ханъ забравъ трохы не всю сылу зъ собою, напалы на Бахчисарай, ограбувалы ханськый палацъ, перебылы челядь и прыблыжныхъ хана и розграбувалы всихъ его прыхыльныкивъ.

Почувшы про це, Шагинъ-Гирей взявъ на помичъ частыну россійського війська у генерала Прозоровського и повернувъ назадъ у Бахчисарай, розбываючы и розганяючы по дорози бунтарськи загоны. Не встыгъ ханъ дійты до Бахчисараю, якъ у Козлови скоилось нове, несподиване лыхо: туды высадывся зъ Очакова колышній скынутый ханъ Селимъ-Гирей До его почалы горнутысь вси бунтари и ворогы Шагина и зновъ оголосылы Селима-Гирея крымськымъ ханомъ.

Шагинъ-Гирей повернувъ назадъ до Козлова, а на пидмогу ишовъ ёму зъ Перекопу генералъ Прозоровськый. Селимъ-Гирей зъ безладными и невпорядковаными загонамы не мигъ встояты проты Шагинового и російського війська. Не довго боровся винъ, оточеный ихъ потугамы, и мусивъ здатысь.

Покатувавшы лютымы карамы Селима-Гирея и своихъ ворогивъ, Шагинъ-Гирей зъ генераломъ Прозоровськымъ пройшлы увесь Крымъ, розбываючы и караючы бунтаривъ. Кровью залылась Крымська держава: бильшъ 12 тысячъ народу покарано на горло, а що вже погынуло жинокъ, дитей та старыхъ, немоцныхъ видъ голоду та холоду—бо діялось це зимою р. 1778,—того не злычыть.

Прыслала и Турція запомогу військомъ Селимови, але тая запомога опизнылась, й Суворовъ видбывъ іи, потопывшы 7 турецькыхъ кораблывъ и перебывшы бильшъ 7 тысячъ турецького війська.

Прыгнитывшы, але не погасывшы кровью загальне ремство. Шагинъ-Гирей зновъ взявся проводыты свои порядкы.

Винъ бачывъ, що безъ запомогы Россіи не зможе вдержатысь на трони. Тому-то пислля тыхъ бунтивъ винъ ще тиснійше звязався зъ нею.

Зъ Россіи винъ вже заклыкавъ майстривъ, купцивъ, выпысувавъ зброю; россійськыхъ офицеривъ державъ пры війську для наукы. Щобъ легче було зносытысь и зсылатысь зъ Россіею, Шагинъ-Гирей завивъ почту и поставывъ 16 почтовыхъ станцій видъ Бахчисараю до Перекопу.

Але чымъ тиснійше винъ зблыжався до Россіи, тымъ бильше виддалявся видъ ёго татарськый народъ. Шагинъ-Гирей почавъ вже боятысь за свое жыття, бо скризь, навить у дворци, булы у ёго ворогы.

Мынуло два рокы писля велыкого повстання, и татары зновъ заворушылысь. Теперъ почалось зъ Кубани.

Турція выслала Сулеймана-Агу пидняты на Шагина-Гирея ногайцивъ. Орды заворушылысь. Писля лютыхъ каръ и розгрому

повстанцивъ у 1778 роци, ногайци зненавыдилы свого колышнёго любого сераскира.

Найбильшъ рухлыви и непокирни джамбулукы и едычкулы оголосылы крымськымъ ханомъ Богадыра-Гирея—Шагинового брата. Пиднялысь подекуды и крымци.

Хочъ Шагинъ-Гирей и покаравъ лютою смертью де-якыхъ непевныхъ и смилывійшыхъ, але тымъ не заспокоивъ народъ. Ногайци выслалы посланцивъ до царыци, прохаючы скынуты ненавыстного и лютого Шагина-Гирея и прызнаты ханомъ Богадыра. Але на те проханя царыця не вволыла и звелила татарамъ покорытысь Шагинови.

Тымъ часомъ вже и у Крыму знялося повстаня пидъ прыводомъ Султанъ-Алима. Знову прыйшлося скрутно Шагинови.

Зъ Кубани находывъ Богадыръ зъ ногайцямы, а видъ Козлова Алимъ зъ 3 тысячамы повстанцивъ. Шагинъ-Гирей выславъ на Алима сайменивъ, але воны передалысь Алимови и зъедналысь зъ повстанцямы.

Шагинъ-Гирей мусивъ покынуты все и, рятуючы свою голову, втекты въ Еникале, де стояло россійське військо.

Зновъ пиднявся весь Крымъ и, выбравшы Богадыра ханомъ, пославъ до царыци и у Турцію грамоты, прохаючы скынуты Шагина и назначыты Богадыра.

Але зъ Петербурга прыйшовъ прыказъ Потемкину, тодишнему генералъ-губернаторови Новороссійського краю, усмырыты бунтъ и зновъ настановыты на крымськый тронъ Шагина-Гирея.

Зновъ россійське військо увійшло въ Крымъ, розбыло и розпорошыло повстанцивъ, зновъ почавъ Шагинъ-Гирей лютымы карамы втыхомырюваты своихъ непокирныхъ пидданныхъ. И зновъ полылась татарська кровъ зъ рукъ татарського хана...

Потемкинъ, бачывшы, що Шагинъ-Гирей власною сылою не вдержытся на трони, почавъ намовляты ёго видректыся того ханства, де ёго ненавыдять и готови стратыты ёго зо свиту. Винъ раявъ ёму виддаты Крымъ Россіи, а за те обицявъ ёму ханство у Персіи за пидмогою Россіи.

Шагинови докучыла та неустанна боротьба зъ своимъ власнымъ народомъ. Винъ бачывъ, що не дасть зъ нымъ ладу, и згодывся на намову Потемкина.

Зибравшы старшыну татарську у Карасубазари, винъ, поклыкаючы судъ Божый на ихъ головы, объявывъ, що не хоче буты ханомъ такого непокирного и невдячного народу.

До татарськои старшыны промовывъ де-Бальменъ, посланый видъ Потемкина, намовляючы ихъ просыты царыцю, щобъ прыйняла Крымъ пидъ Россійську державу.

Татары бачылы руину свого краю видъ неустанныхъ війнъ та розрухивъ, ненавыдилы нови порядкы Шагина-Гирея, не надіялысь вже вернутысь пидъ турецьку владу, бо перемогла Россійська сыла, и згодылысь пиддатысь Россіи

24 сичня р. 1783 россійське військо зайняло Крымъ, и татары прысягнулы царыци. У манифести було сказано: «щобъ заспокоиты разъ на завжде всяки розрухы крымськи, прылучаемъ до нашои державы пивъостривъ Крымъ, остривъ Тамань и всю Кубань, якъ справедлыву загоду за вси шкоды и клопоты, яки мы понеслы на удержання въ ныхъ спокою и порядку».

Такъ скинчылося ханство Шагина-Гирея, а зъ нымъ и самостійнисть Крыма.

Симъ литъ правывъ винъ, щыро бажаючы добра свому народови, думаючы звелычыты Крымъ, зробыты ёго могутною, незалежною державою....

А замисць того знивечывъ, зруйнувавъ и залывъ братнёю кровью той багатый край и виддавъ ёго у чуже пидданство.

IV.

Розвинчаный ханъ, звычайно, не мигъ лышытысь у Крыму, та й самъ не хотивъ.

Россійськый урядъ, назначывшы ёму 200 тысячъ платни на рикъ, указувавъ ёму перебратысь у Херсонъ. Шагинъ-Гирей

не хотивъ туды, думавъ довго, выбравъ соби Азовъ, потимъ зновъ передумавъ, ажъ на останку зибрався на Тамань.

Зъ Кафы перевезлы туды все добро ханське, жинокъ ёго, челядь, громадку ёго прыхыльныкивъ зъ ихъ добромъ, частыну вирныхъ сайменивъ, табунъ дорогыхъ арабськыхъ коней, верблюдивъ. Всёго перебралось зъ ханомъ за Тамань биля 2 тысячъ душъ.

На Тамани Шагинъ-Гирей прожывъ не довго. Ногайци, побачывшы, що Крымъ перейшовъ пидъ російську державу, а зъ нымъ и воны сами, не хотилы покорытысь. Частына ихъ почала перебыратысь за Кубань на турецьки земли, а инши задумалы вернуты соби незалежнисть, почалы бунтуваты проты наставленыхъ надъ ными російськыхъ начальныкивъ и зсылалысь зъ Шагиномъ-Гиреемъ. Дійшло до того, що Потемкинъ мусывъ послаты військо, щобъ замыриты своевольныхъ ногайцивъ.

Шагинъ-Гирей пославъ одного зъ прыставленыхъ до ёго російськыхъ офицеривъ зъ лыстомъ до царыци, але Потемкинъ, довидавшысь про це, вернувъ зъ дорогы того офицера, а Шагинови пославъ прыказъ, щобъ винъ не смивъ безъ ёго дозволу пысаты до царыци и роспоряжатысь своимы прыставамы.

Взагали Потемкинъ не любывъ Шагина-Гирея, чынывъ ёму всяки прытычыны и утыскы, а у Петербургъ пысавъ, що Шагинъ-Гирей зсылается зъ ногайцямы и бунтуе ихъ.

Тоди царыця прыслала указъ, щобъ Шагинъ-Гирей заразъ перебрався у Воронижъ, и на той переиздъ назначено ёму було 20 тысячъ. Не прожывшы и року на Тамани, Шагинъ, покынувшы тамъ увесь свій двиръ, мусивъ перейихаты у Воронижъ.

Тяжко вильному степовому орлови жыты у неволи, у клитци,— ще тяжче було самовладному гордому ханови покорятысь прыказамъ Потемкина и наставленымъ видъ ёго прыставамъ-офицерамъ.

И Шагинъ-Гирей просывъ черезъ Потемкина царыцю дозволыты ёму перебратысь у Турцію. Винъ бачывъ теперъ, що обицяне ёму ханство у Персіи була дурныця.

Думаючы перемандрувать у Турцію, винъ не хотивъ таскаты у Воронижъ за собою свій двиръ и все добро.

Пивтора року прожывъ Шагинъ-Гирей у Воронижи, дожыдаючысь того дозволу, и диждався лышъ того, що прыказано було зъ Воронижа перевезты ёго у Калугу.

Правда, везлы ёго зъ пошаною и честью; скризь булы прыказы городнычымъ и губернаторамъ зустричаты ёго, якъ царську особу, але Шагинъ-Гирей почувавъ себе хочъ у добри, але у неволи, хочъ у золотій клитци, а все такы у клитци.

Зъ Воронижа у Калугу винъ перейихавъ зъ дуже невелыкымъ дворомъ: бувъ при ёму секретарь Терзи-Измаилъ-ефенди, двое мулливъ, капитанъ-ага ханьского корабля и чоловика 20 челяди.

Про цю подорожъ зъ Воронижа у Калугу переховалысь до нашого часу де-яки згадкы, запысани сучаснykомъ іи Болотовымъ.

Шагинъ-Гирей почувавъ у Богородицку у господи Болотова. Ось шо пыше той сучасныкъ:

«19 грудня у третій годыни писля полудня прыскочывъ верховень, повидомляючы, що гости йидуть; мало не вразъ зъ нымъ прыбула кухня ханська и челядь. Полиціймейстеръ зъ командою драгунивъ выйихавъ назустричъ Гиреєви, а я заходывся порядкуваты господу. Незабаромъ прыбувъ и высокый гисть. Прывиталы мы ёго на ганку, и я попросывъ Гирея у гостынну свитлыцю, де винъ почавъ роздягатысь. Челядь зняла зъ ёго дорогу собôлячу шубу та чорну теплу хусту, мьягку та довгу, якою була закутана ёго голова. Ханъ одягненный бувъ у довгый чорный жупанъ, якый дуже скыдався на черпечу рясу, а на голови у ёго була невелычка шапка зъ гарныхъ чорныхъ смушкивъ.

Моя тепла хата дуже вподобалась ханови, и винъ сказавъ, що бажавъ бы туть почуваты. Лашкаревъ, офицеръ конвоя, охоче прыставъ на це, тымъ бильше, що треба було полагодыты ханськи сани, бо воны перевернулысь булы, дойизжаючы до города, и щось тамъ обламалося. Ханъ весело розмовлявъ зъ Лашкаревымъ по французськи про цю прыгоду.

Камердынеръ ханськый, ставшы навколишкы, подавъ ёму у срибній посуди кофій. Здывувавъ мене чы-мало цей азіатськый звычай. Писля кофію такымъ же чыномъ ханови подалы люльку, просту глыняну, на довгому чубуци, и винъ курывъ іи, похожаючы по свитлыци и балакаючы зъ Лашкаревымъ. Думаючы, що я не розумію французськои мовы, винъ пошанувавъ и мене короткою розмовою по россійськи. Потимъ ханъ пишовъ на спочынокъ, и у гостынній оставсь Лашкаревъ и дворяне ханськи: Измаилъ-ефенди та капитанъ-ага, люде высокого розуму и наукы».

Болотовъ бувъ художныкъ и, запамьятавшы соби облыччя Шагина-Гирея, намалювавъ потимъ ёго патретъ—якъ казалы ти, що зналы хана—дуже схожый. Литъ 35, гарнои вроды, высокый, худый, чорный, зъ чорною бородою и у чорній кереи, винъ дуже скыдается на монаха.

На другый день ханъ пойихавъ дали, багатымы дарункамы подякувавшы всимъ за гостыну. Болотову винъ подарувавъ гарный золотый годынныкъ, ёго жинци и дочци два сувои дорогого аксамыту, а городнычому золоту табатырку.

Але и у Калузи не довго прожывъ Шагинъ-Гирей. Довелось дизнаты ёму багато утыскивъ и перешкодъ, найбильше видъ Потемкина.

Платню ёму выдавалы дуже несправно, задержуючы іи на скилька мисяцивъ. А винъ звыкъ жыты роскишно, роздававъ щедри дарункы и разъ-у-разъ ёму не ставало грошей. Доводылось позычаты ихъ и платыты дуже велыки проценты. Такъ у Калузи ханъ наробывъ довгу до 130 тысячъ.

Въ тимъ клопоти взявся помогты ёму жыдъ Веніамынъ-бей, якый колысь державъ у Крыму, ще за панування Шагина-Гирея, горильчаный видкупъ.

Винъ предложывъ ханови зибраты аренды зъ ёго маеткивъ у Крыму; ханъ прыставъ на це и выправывъ ёго у Крымъ, давшы довиренносты.

Але Потемкинъ звеливъ арештуваты Веніамына, а Шагина-Гирея сповистывъ, що вси ёго маетки забраны у казну и винъ вже до ныхъ ніякого права немае.

Тяжко це засмутыло Шагина-Гирея. А тымъ часомъ двиръ ёго зъ усимъ добромъ сыдивъ на Тамани, не знаючы, що зъ собою подіяты. Шагинивъ братъ Арсланъ пысавъ ёму зъ Кубани: «глянь на Бога и пожалій насъ. Дай намъ звистку, що думаешъ чыныты зъ собою и куды намъ прыкажешъ подитысь, або дозволь намъ самимъ подуматы и роспорядытысь собою, якъ знаемъ».

Шагинъ-Гирей выславъ на Кубань довиреного чоловика Кугаса зъ лыстамы до бративъ и Исламъ-бея, якого винъ лышывъ старшымъ надъ своимъ дворомъ.

Але, писля арештовання Веніамына-бея, Потемкинъ веливъ стежыты добре на Перекопи, Арбати и кругомъ Тамани, щобъ не мигъ зсылатысь Шагинъ-Гирей зъ своимы.

И Кугаса перейнялы блызъ Перекопу, а лысты хана видислалы до Потемкина.

Тоди Потемкинъ пославъ прыказъ крымському губернаторови Коховському, щобъ объявывъ Шагиновому дворови, що лышывся на Тамани, щобъ прысягалы на вирнисть и пидданство російській державн, а хто не схоче прысягнуты, щобъ выбырався соби у Турцію.

Исламъ-бей и султанъ Али-ага (начальныкъ гарема) видповилы, що воны прысягалы свому ханови и безъ ёго дозволу не можуть прысягаты никому иншому.

Такожъ и тры жоны Шагинови не схотилы російського пидданства и просылы, щобъ ихъ видправылы або до ихъ хана або у Турцію.

Тымъ часомъ и Шагинови прыйшовъ нарешти зъ Петербурга дозвилъ выйихаты у Турцію. Йихаты винъ мавъ на Кыивъ, Камьянець-Подольській до Хотина. Зъ ёго дворомъ роспорядывся Потемкинъ такъ, що Исламъ-бея, 1200 татаривъ и сайменивъ переправылы за Кубань, у Турцію (бо въ ту пору ще Кавказъ належавъ до Турціи); гаремъ, брата Арслана та Али-агу и 117 чоловика челяди на ханському кораблн выправылы у Турцію моремъ, а 50 колышнихъ сайменивъ та челяди, табунъ коней, верблюдивъ и добро ханське выправылы на Кыивъ, назустричъ Ша-

гинови. Старшымъ надъ нымы бувъ Кугасъ, якого выпустылы зъ арешту.

Кугасъ трохы забарывся у Перекопи: зима була люта и винъ просывъ Потемкина дозволыты ёму перезимуваты у Крыму, шобъ не погынулы видъ холоду верблюды; але ёму того не дозволылы, и винъ мусивъ покынуты верблюдивъ, а все добро переклавъ на коней и зустривсся зъ своимъ ханомъ у Кыиви, на зымнёго Мыколу р. 1786. Шагинъ-Гирей вырушывъ зъ Кыива у Бердычивъ, а передъ Риздвомъ бувъ вже на Довжку, нидъ Камьянцемъ. Тутъ винъ спочывавъ тры дни и посылавъ гонця у Хотынъ, до турецького паши, повидомляючы про свій замиръ йихаты у Турцію. Але паша, не маючы ніякого прыказу зъ Стамбулу, боявся пропустыты Шагина-Гирея. Треба було посылаты у Стамбулъ пытаты прыказу султана.

А Шагинъ-Гирей чымъ блыжче бувъ до турецькои земли, тымъ бильше стававъ неспокійный и нетерплячый.

Почалысь нови клопоты и труднаціи: російськый урядъ переставъ платыты грошы Шагинови и нічымъ було жыты ёму зъ двором своимъ.

Полковныкъ Вельяминовъ, прыставленый до хана, пысавъ у Петербургъ, прохаючы не задержувать платни, и на превелыку сылу выпрохавъ, що продовжылы іи ще на мисяць. Але, покы прыйшлы ти грошы, треба було ихъ якось добуваты и довелось ханови зновъ позастановляты де-яки дороги клейноды зъ скарбу та продаты частыну коней.

Кони булы дороги арабськи, и купывъ ихъ у хана управытель маеткивъ пана Лянцкоронського Адамъ Чайкивськый. И довго ще потимъ велася у того пана порода арабськыхъ коней и звалы ихъ гиреямы.

Шагинъ-Гирей хотивъ буты ще блыжче до турецькои земли и, спочывшы на Довжку, перейихавъ у Жванець. По той бикъ Днистра винъ бачывъ вже ту землю, бачывъ замокъ турецькый у Хотыни.

У Жванци довелося ёму оселытысь у руинахъ замчыська Лянцкоронськыхъ, де було лышъ скилька кимнатъ теплыхъ и

здибныхъ для жытла. Камьянецькый комендантъ Витте для почоту и охороны Шагина прыславъ сотню польського війська.

Трохы не мисяць довелося ждаты Шагинови видповиди зи Стамбулу, а нудьга и непевнисть мучылы ёго страшенно: винъ бачывъ турецьку, якъ-не-якъ, а ридну землю и не мигъ ступыты на неи.

Збигався звидусиль народъ, щобъ подывытысь на татаривъ; де-яки диды памьяталы ще найизды и погромы татарськи. А теперъ ти сами татары, та ще й зъ ханомъ своимъ, смырненько сыдилы у замчыську. Збигалась и шляхта цикава, перебигалы и туркы зъ Хотына, щобъ подывытысь на своихъ одновирцивъ и ихъ Гирея. И юрба народу натовпомъ стояла що-дня передъ воритьмы Жванецького замку.

Шагинъ-Гирей сыдивъ и не показувався, а нудьга и журба сушылы ёго.

Почалы прыдворни намовляты хана пройихатысь трохы, щобъ розважыты тугу и щобъ показатысь народови, якый хотивъ поклопытысь и прывитатысь ёго свитлисть.

И Шагинъ выйихавъ верхы, оточеный своимы татарамы и командою польського війська.

Зъ пошаною прывитавъ ёго народъ, а туркы сталы навколишкы и поклонылысь до земли потомкови калифа. Прыгадавъ соби бидный ханъ безъ ханства давни часы, колы витавъ ёго такъ само пидданый ёму народъ татарськый, и може хочъ на хвылыну забувъ, що винъ теперъ не повелытель, а самъ невольныкъ.

Тяжко було Шагинови сыдиты у Жванци въ непевности. Зъ тугы не мигъ винъ йисты, сонъ пропавъ и цилымы ночамы винъ молывся Богу. Муллы прыдумалы, що треба ёму пошукаты жинку; може вона якось розважыла бъ ёго смутокъ. Ханъ прыставъ на це.

Знайшлы у Жванци гарну и гожу жыдивочку, дочку заможнёго Орана, що арендувавъ паромы на Днистри.

У ту пору траплялось часто, що туркы, яки стоялы за Днистромъ, выкрадалы або купувалы соби дивчатъ до гаремивъ. У

хотынського пашы у гареми було чымало подильськыхъ жинокъ и зъ хрыстыянокъ, и зъ жыдивокъ.

Тому то старый Оранъ охоче прыставъ на те, щобъ статысь тестемъ хана Гирея.

Звычайно, не зъ порожнимы рукамы выйшовъ винъ видъ свого зятя, виддавшы ёму дочку за ханшу.

Бувъ кинець сичня року 1787, колы хотынськый паша одержавъ гатти-шерифъ (указъ) султана. Велыкый визиръ пысавъ до Шагина-Гирея: «Его величество султанъ назначывъ Измаила-агу щобъ прывитавъ вашу свитлисть, яко высокого гостя султана, и проводывъ васъ зъ честію, шанобою и всякымы выгодамы видъ Хотына до Бухарешта, а звидтиль черезъ Йерганъ до Адріанополя».

5 лютого Шагинъ-Гирей, щыро простывшысь зъ офицерамы, що булы до его прыставлени, обдарувавшы ихъ на памьять дарункамы и роздавшы 1400 червинцивъ команди військовій, перейихавъ черезъ Днистеръ у Турцію.

Зъ дворомъ его пойихала и нова ханша.

Радый бувъ Шагинъ-Гирей, що выбрався зъ чужыны, яка такъ непрывитлыво и невдячно повелася зъ нымъ; думавъ пидъ захыстомъ одновирнои Турціи знайты соби у родовыхъ маеткахъ своихъ у Румеліи спочынокъ писля бурлывого и несчасного свого жыття у Крыму та Россіи.

Та не такъ сталося.

Турція повелася зъ нымъ гиршъ, нижъ лыха мачуха. Вже вырушывшы зъ Хотына, Шагинъ-Гирей прымитывъ, що Измаилъ-ага поводытся зъ нымъ не «зъ честью и пошаною, яка належытся высокому гостеви султана», а якъ полоняныкомъ.

У Бухарешти Измаилъ-ага розигнавъ увесь двиръ Шагинивъ, а его самого, вже якъ вьязня, у кайданахъ, повизъ не до Адріанополя, а на остривъ Родосъ и кынувъ у тюрму.

Тамъ черезъ скилька мисяцивъ, по прыказу султана, ёму видрубалы голову.

Такъ скинчылося жыття останнёго, «незалежного», крымського хана Шагина-Гирея

V.

Про ти крымськи подіи та про жыття и долю останнёго хана багато запысано и въ архывныхъ паперахъ та реестрахъ, и въ запысахъ та денныкахъ сучасныхъ людей. Але життя и доли останнёи жинкы Шагина-Гирея, тои жванецькои жыдивочкы, нихто не запысавъ; мы не знаемъ навить, якъ вона звалася на имення: Оранова дочка--тай годи. Малій людыни маленька и памьять.

Такъ тильки де-що розсказувалы стари люде у Жванци и зъ того можно прыблызно дошукуватыся, що вона, покынута у Бухарешти, доплентáлась якось назадъ у Жванець до батька. Кагалъ жыдивськый не хотивъ прыйняты іи, потурчену и спогапену, але... Оранъ бувъ заможный хазяинъ, арендувавъ паромы, мавъ дила зъ багатымы панамы Лянцкоронськымы,—тожъ заможному та багатому и громада ничого не зробыть.

Мабуть несчасне було жыття тои жыдивкы-ханшы, мабуть не мало слизъ выплакала вона, черезъ людськи посмихы та поговоры. Породыла вона сына и, звычайно, бувъ вже винъ повернутый у жыдивську виру, а прозвалы его, памьятаючы батька, Татарчукомъ. Отже мабуть той Татарчукъ, законный сынъ останнёго хана Шагина-Гирея, бувъ прадидъ несчасного злыдаря Ёся Татарчука, якый факторувавъ пры сплавахъ на Днистри и згынувъ видъ сухотъ, у голоди та холоди, у нужденній, обдертій хыжци. Чы-жъ гадавъ грызный Чингизханъ, що така доля судылась ёго потомкамъ?

М. Л.

Кандидатъ на священство изъ „шкурниковъ".

Въ 1763 году въ Нѣжинѣ, при Троицкой церкви, открылась вакансія викарнаго священника. Хотя мѣсто это далеко не было прибыльнымъ, такъ какъ викарій въ то время получалъ лишь четвертую часть доходовъ сравнительно съ настоятелемъ, но и на такую скудную должность не трудно было найти охотниковъ. Правда, «учительный человѣкъ», т. е. обучавшійся въ кіевской академіи по крайней мѣрѣ «по школу піитику», или въ крайнемъ случаѣ—послужившій нѣсколько лѣтъ въ канцелярской должности при консисторіи, не сталъ бы и смотрѣть на мѣсто викарія, а «промовался» бы не иначе, какъ на настоятельское мѣсто, и при томъ въ хорошемъ приходѣ; но въ то время въ Малороссіи много было безмѣстныхъ священниковъ, которые выпрашивали у архіереевъ такъ называемыя «пріискныя» грамоты и затѣмъ высматривали, не откроется ли гдѣ-либо въ епархіи хоть какое-нибудь іерейское мѣсто, такъ какъ продолжительное пребываніе въ званіи пастыря in partibus infidelium нерѣдко доводило ихъ до крайней нищеты и не позволяло имъ быть слишкомъ переборчивыми. Такой кандидатъ немедленно пріискался и къ мѣсту, открывшемуся въ Нѣжинѣ, и упросился хоть временно занять его въ надеждѣ, что онъ понравится прихожанамъ, заручится ихъ «презентами» и тогда станетъ хлопотать въ консисторіи о «довѣчномъ усыновленіи» его означенной церкви. Но прихожане видимо не были склонны поддерживать эту надежду временнаго викарія—и вовсе

не потому, чтобы новый священникъ оказывался очень ужъ плохимъ, а главнымъ образомъ благодаря вѣковой привычкѣ—имѣть пастыря изъ своей среды. Конечно, будь у умершаго викарія сыновья или, по крайней мѣрѣ, зятья, годные къ священству, они были бы самыми подходящими кандидатами для занятія открывшейся вакансіи. Въ глазахъ прихожанъ они были бы своими людьми, связанными съ приходомъ родовыми традиціями. Этимъ именно и объясняется, почему въ Малороссіи, при существованіи свободнаго выбора прихожанами кандидатовъ во священство, большинство приходовъ оказывались наслѣдственными въ одномъ и томъ же родѣ нерѣдко въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Но разъ такихъ наслѣдственныхъ кандидатовъ не было на лице, прихожане искали ихъ въ своей средѣ, и лишь въ томъ случаѣ, когда послѣднихъ браковала епархіальная власть, приходилось принимать за «душепастыря» чужого человѣка.

Такъ было и въ данномъ случаѣ, при замѣщеніи вакансіи въ троицкомъ приходѣ въ Нѣжинѣ. Нашелся и здѣсь свой кандидатъ, сынъ нѣжинскаго мѣщанина Григорій Темнянскій. Это былъ молодой человѣкъ, достигшій какъ-разъ того возраста (30-ти лѣтъ), ранѣе котораго въ тѣ времена никого не рукополагали во священники. Отецъ его, тоже Григорій *Темній* (такъ онъ писался) принадлежалъ къ кушнирскому цеху, т. е. чинилъ кожи, шилъ изъ нихъ «кожухи» и торговалъ ими на ярмаркахъ; сыну не нравилось это скромное ремесло, ему хотѣлось добиться лучшей «кондиціи», и онъ, по обычаю тогдашнихъ выскочекъ, прежде всего передѣлалъ свою простонародную фамилію на болѣе шляхетскую и сталъ именоваться *Темнянскимъ*, хотя отецъ его и вся родня продолжали именоваться прежнимъ фамильнымъ прозвищемъ. Выскочить ему въ настоящее шляхетство нельзя было и думать: помимо мѣщанскаго происхожденія, главнымъ препятствіемъ къ этому служила недостаточность его образованія. Григорій Темнянскій ни въ какихъ латинскихъ школахъ не учился; все его образованіе ограничивалось тѣмъ, что, научившись у дьячка грамотѣ, онъ нѣкоторое время обучался письмоводству въ магистратской канцеляріи. Съ такимъ образовательнымъ цензомъ нельзя

было въ то время сдѣлать никакой карьеры; даже для полученія должности священника, въ званіи настоятеля прихода, обязательно требовалось прохожденіе по крайней мѣрѣ младшихъ классовъ кіевской академіи, и только для кандидатовъ на мѣста викарныхъ священниковъ это требованіе замѣнялось испытаніемъ ихъ въ церковномъ чтеніи, пѣніи и знаніи катихизиса.

Для Темнянскаго такое испытаніе не могло представить никакихъ трудностей. Еще въ дѣтскіе годы, обучаясь въ дьячковской школѣ, онъ былъ пріученъ читать и пѣть на клиросѣ, съ возрастомъ полюбилъ это занятіе и пріобрѣлъ въ немъ такую опытность, что съ успѣхомъ замѣнялъ своего бывшаго учителя, когда тотъ почему-либо не могъ участвовать въ богослуженіи. Это сблизило Темнянскаго съ настоятелемъ, іереемъ Іоанномъ Даниловскимъ, и онъ то именно внушилъ молодому человѣку мысль искать священства; а когда Темнянскій еще и породнился съ нимъ, женившись на его племянницѣ, то въ лицѣ настоятеля онъ пріобрѣлъ вліятельнаго протектора, усердно помогавшаго ему «промоватися» въ священный чинъ.

Первымъ актомъ такой «промоціи» было соглашеніе съ прихожанами. Какъ мы сказали уже, въ Малороссіи издревле приходу принадлежало право выбора членовъ клира. Это было фактическимъ выраженіемъ стариннаго права патронатства, въ силу котораго лица или общины, построившія церковь и доставлявшія ей необходимое матеріальное обезпеченіе, имѣли право «подаванія» (избранія) къ ней достойныхъ служителей. Въ эпоху до Хмельницкаго, пока въ Малороссіи повсемѣстно существовало вотчинное землевладѣніе, право выбора священнослужителей принадлежало не одной «громадѣ», но и владѣльцу села, а въ городахъ—не однимъ прихожанамъ, но и цѣлой общинѣ, въ лицѣ магистрата. Въ правобережной Малороссіи, по силѣ Андрусовскаго договора снова доставшейся Польшѣ, такой порядокъ продолжалъ практиковаться до XIX в., при чемъ, по мѣрѣ усиленія помѣщичьей власти, право сельскихъ «громадъ» выбирать для себя пастырей все больше умалялось и почти совсѣмъ перешло въ руки помѣщика или его управляющаго. Въ лѣвобережной Малороссіи,

или «Гетманщинѣ», дѣло приняло противоположное направленіе: благодаря отсутствію въ ней (по крайней мѣрѣ, въ первое время послѣ Хмельницкаго) владѣльческаго института, право выбора причта всецѣло перешло въ пользованіе прихожанъ и лишь въ видѣ почета испрашивалось еще и согласіе мѣстныхъ козацкихъ старшинъ, чаще всего участвовавшихъ въ выборахъ на ряду съ остальными «парохіанами». Но по мѣрѣ того, какъ старшины стали получать гетманскіе универсалы и царскія грамоты на владѣніе цѣлыми селами, вновь народившіеся «державцы», на ряду съ другими владѣльческими претензіями въ духѣ старой шляхетчины, вспомнили и о старинномъ правѣ «подаванья», принадлежавшемъ «державцамъ», и отказывались принимать въ свои маетности священниковъ, не испросившихъ предварительно ихъ соизволенія на занятіе прихода. Наконецъ, бывали и такіе случаи, что епархіальные архіереи по собственному усмотрѣнію «насылали» священниковъ, не справляясь съ желаніемъ прихожанъ. Все это порождало нестроеніе и безпорядки, для устраненія коихъ потребовалось вмѣшательство центральнаго правительства, до котораго доходили частыя жалобы по такимъ дѣламъ. И вотъ 19 іюня 1735 г. на имя св. синода данъ былъ именной высочайшій указъ, коимъ повелѣвалось: «къ имѣющимся въ малороссійскихъ Кіевской, Черниговской и Переяславской епархіяхъ въ городѣхъ и уѣздѣхъ церквамъ поповъ и діаконовъ безъ согласія старшинъ и владѣлцовъ и прихожанъ насилно не насылать, но таковое въ священный чинъ на убыліе мѣста произвожденіе чинить по избранію самихъ старшины и владѣлцовъ, такоже и приходскихъ людей, и по выборамъ за ихъ руками». Съ тѣхъ поръ этотъ порядокъ замѣщенія священнослужительскихъ должностей надолго утвердился въ Малороссіи, и если прихожане какой-либо церкви почему-либо медлили замѣщеніемъ іерейской вакансіи, то консисторія посылала въ мѣстное духовное правленіе указъ: объявить владѣльцамъ даннаго села (если таковые были) и прихожанамъ такой-то церкви, «чтобы они, парохіане, вси необходно къ той своей церкви по сущей справедливости и такъ совѣстно, какъ они имѣютъ суду Божію предстать, трёхъ или двохъ кандидатовъ не-

медленно выбрали изъ людей учителнихъ, въ латинскихъ школахъ въ кіевской Академіи или гдѣ индѣ латинского діалекта обучавшихся, буде же изъ учителнихъ крайне не сыщется, то и зъ неучителнихъ [1]), толко бъ они были разумніи, въ чтеніи и пѣніи искусніи, къ священному писанію прилѣжніи и житія безпорочного, и тѣ выборы объ нихъ протопопу съ правленіемъ за своими руками подали; когда же вскорѣ оніе парохіане таковыхъ кандидатовъ не сыщутъ, представили бы о томъ его преосвященству съ прошеніемъ опредѣленія къ той ихъ церкви священника по усмотрѣнію его преосвященства». Но до этого дѣло рѣдко доходило.

Не дошло оно до того и въ нѣжинскомъ троицкомъ приходѣ. Какъ только Григорій Темнянскій заручился протекціей мѣстнаго настоятеля, послѣдній въ ближайшій воскресный день, за литургіей, оповѣстилъ прихожанъ, чтобы они по окончаніи богослуженія не расходились по домамъ, такъ какъ онъ намѣренъ совѣтоваться съ ними о важномъ церковномъ дѣлѣ. Разоблачившись и выйдя на погость, настоятель повелъ рѣчь о томъ, что необходимо избрать кандидата на мѣсто викарнаго іерея и что, по его мнѣнію, лучшаго кандидата, какъ Темнянскій, и искать не нужно. Тутъ выступилъ передъ громадой и самъ Григорій Темнянскій и заявилъ, что онъ съ полнымъ усердіемъ готовъ послужить церкви Божьей и честнымъ парохіанамъ, если имъ будетъ угодно избрать его своимъ пастыремъ. Прихожане ничего противъ этого не имѣли: Темненко (такъ они его называли) былъ для нихъ своимъ человѣкомъ, знали они его съ дѣтства и были довольны его дьячковскимъ искусствомъ; кромѣ того, въ приходѣ немало было его родственниковъ, которымъ было лестно имѣть пастыремъ родича; словомъ, кандидатура его не встрѣтила никакихъ возраженій и была принята единогласно. Теперь оставалось еще сдѣлать «постанову» о томъ, «какими ему, Темнянскому, по удостоеніи его во священство, доволствоватись доходами». Темнян-

[1]) Послѣдняя оговорка дѣлалась лишь въ томъ случаѣ, когда рѣчь шла о замѣщеніи должности викарнаго священника.

скій не сталъ торговаться и прямо заявилъ, что онъ согласенъ довольствоваться тою же таксою, какая издавна установлена въ приходѣ. Тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе въ будущемъ всякихъ недоразумѣній, тутъ же, на сходѣ, былъ написанъ формальный договоръ прихожанъ съ будущимъ викаріемъ, гдѣ было точно обозначено, сколько давать ему «роковщины» и по чемъ платить за совершеніе разнаго рода требъ. Послѣ этого былъ составленъ и подписанъ прихожанами избирательный актъ такого содержанія: мы, прихожане такой-то церкви, «доброволное учиня между собою согласіе и по сущей справедливости, такъ совѣстно, какъ имѣемъ суду Божію предстать», избрали въ кандидаты Григорія Темнянскаго, «намъ въ добромъ состояніи и годности къ священству свѣдомого, которого единогласно желаемъ имѣть при оной церквѣ викарнымъ священникомъ: а кромѣ его, Темнянского, болшъ никто правнѣйшій намъ и достойнѣйшій къ священству, ниже изъ учителнихъ латинского діалекта, не оказался». Получивъ этотъ актъ, Темнянскій, согласно старому обычаю, долженъ былъ пригласить будущихъ прихожанъ къ себѣ въ домъ для угощенія.

Но этого было недостаточно; ему нужно было еще имѣть «презентъ», или аттестатъ, отъ магистрата. И здѣсь, конечно, дѣло не обошлось безъ угощенія магистратскихъ чиновъ, послѣ чего документъ былъ выданъ безпрепятственно. Въ немъ удостовѣрялось, что «оный Темнянскій, мѣщанина нѣжинского Григорія Темного сынъ, обхожденія доброго и никакихъ за нимъ пороковъ не имѣется». Оставалось еще добыть «презентъ», или одобрительное свидѣтельство, отъ нѣжинскаго духовнаго правленія, но хлопоты по этому дѣлу взялъ на себя настоятель Іоаннъ Данилевскій, самъ состоявшій членомъ правленія. Здѣсь же Темнянскій долженъ былъ подвергнуться испытанію въ церковномъ чтеніи и пѣніи и получилъ полную «апробацію» въ этомъ искусствѣ, послѣ чего правленіе выдало ему такую аттестацію, что онъ, Темнянскій, «есть человѣкъ честный, доброобходителній, постоянній, церковному чтенію и пѣнію навыкшій и въ немъ искусенъ, лѣта къ священству имѣетъ правилніе, 31 годъ». Еще болѣе лестною аттестаціею снабдилъ его настоятель Данилевскій.

Съ такими «презентами» можно было смѣло «промоватися во іерейство», и Темпянскій отправился съ этою цѣлью въ Кіевъ. Въ консисторіи его приняли благосклонно, и ему уже, по резолюціи митрополита, велѣно было готовиться къ рукоположенію «и въ катедральной конторѣ должности іерейскіе проходить», т. е. изучать краткое руководство къ прохожденію пастырской службы. Но тутъ случился непредвидѣнный казусъ, едва не разстроившій плановъ нашего «аколѣта» [1]).

Былъ у него землякъ, канцеляристъ нѣжинскаго полковаго суда Петръ Богдаревскій. Предки его, рядовые козаки, именовались просто *Бондаренками*, самъ же онъ передѣлалъ эту плебейскую фамилію на шляхетскую: *Бондаревскій*, а сдѣлавшись канцеляристомъ, не захотѣлъ имѣть ничего общаго съ какими-то «бондарями» и сталъ писаться «*Богдаревскій*. Это былъ одинъ изъ раннихъ ростковъ того «крапивнаго зелья», которое такъ буйно разрослось въ Малороссіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. Близко знакомый съ порядками дѣлопроизводства и владѣя изрядно тогдашнимъ канцелярскимъ языкомъ, представлявшимъ для малороссіянъ того времени немалыя трудности, Петръ Богдаревскій, помимо своей службы, занимался еще «хожденіемъ» по судебнымъ дѣламъ частныхъ лицъ и любилъ сочинять каверзнѣйшія ябеды. Незадолго предъ тѣмъ онъ поссорился съ нѣжинскимъ поповичемъ Даниломъ Савицкимъ, и когда тотъ сталъ хлопотать о предоставленіи ему отцовскаго мѣста въ преображенскомъ приходѣ, то Богдаревскій подбилъ вдовую попадью Марію Минченкову подать въ консисторію жалобу, будто ея покойный мужъ умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему поповичемъ Савицкимъ. Жалоба эта при слѣдствіи не подтвердилась, но Савицкій потерпѣлъ отъ этого «немалые убитки и волокиту». Такую же каверзу Богдаревскій задумалъ устроить и Темнянскому. Въ маѣ 1763 г. онъ подалъ лично кіевскому митрополиту Арсенію Могилянскому слѣдующее «доношеніе»:

---

[1]) *Аколитомъ* (отъ греч. ἀκόλουθος) именовали въ Малороссіи ставленника, готовившагося къ рукоположенію.

«Святотроецкой нѣжинской церкви іерей Іоаннъ Данилевскій промуетъ вашему преосвященству къ рукоположенію и благословенію во іерея за викарія къ тоей церквѣ нѣжинского жителя, кушнѣра Григорія Темного, на что и презента на его, Темного, выданыи. Но понеже оной іерей Данилевскій утаилъ предъ вашимъ преосвященствомъ, что объявленній Григорій Темній съ малихъ лѣтъ даже доселѣ майстерствомъ бадался (занимался) кушнѣрскимъ и чинилъ разніе кожи, яко то: овечіе, волчіе, медвежіе, лисичіе, заячіе, бабаковіе, гарностаевіе, кошечіе и собачіе, такожъ бѣлочіе, норчіе и всякихъ звѣрей мерзскихъ, работая оніе своими руками и очищая съ тѣхъ кожъ мясо и кровъ и всякіе мерзости (какъ то по обычаямъ ихъ должно), да и нынѣ въ его домѣ таково майстерство дѣлается; а при томъ и сего оной Данилевскій не упомянулъ, яко оной Григорій Темній неучителній и совершенно законовъ не вѣдаетъ и не токмо поученіемъ просвѣщать христіянъ, но и о себѣ разумѣетъ ли въ касаючихся до христіянства важностяхъ, не надеждно: того ради о вышеписанномъ вашему преосвященству доношу. А что оній Темній подлинно марался съ малихъ лѣтъ даже доселѣ около всякихъ нечистотнихъ кожъ и кровей, о томъ и самъ, уповательно, потаиться не долженъ. При объявленной же святотроецкой церквѣ вѣкарій честного во всемъ состоянія и управителемъ опредѣленній отъ духовного правленія имѣется».

Хотя въ канонахъ нѣтъ запрещенія рукополагать въ священный санъ бывшихъ кожевниковъ, и апостолъ Петръ, какъ извѣстно, не гнушался подолгу гостить въ Іопіи у нѣкоего Симона «усмаря», однако митрополитъ приказалъ провѣрить доношеніе Богдаревскаго. Призванный для этого въ консисторію, Темнянскій «сказкою показалъ», что онъ «съ малихъ лѣтъ какъ не учился майстерства кушнѣрского, такъ въ немъ и не бадался по сіе время и кожъ, прописаннихъ въ доношеніи канцеляриста полкового Петра Богдаревского, разнихъ звѣрей, не чинилъ, но первѣе съ малихъ лѣтъ руской грамоти, потомъ въ канцеляріи магистрата нѣжинского писать обучался, а наконецъ одружился. Отецъ же его Темнянского, Григорій Темній, въ домѣ своемъ

имѣя людей, майстерствомъ кушнѣрскимъ бадается, только шкуръ собачихъ, кошечихъ и другихъ звѣрей мерзскихъ не чинитъ и люде его не чинятъ, кромѣ лисичихъ, овечихъ, бѣлочихъ, барсуковихъ и песковихъ. По женитбѣ же его, Темнянского, когда было отецъ его оный Григорій Темній отлучится куда, онъ Темнянскій сшитіе кожухи временно, по повелѣнію отца своего, на торгу продасть было. Сіе же онъ, Богдаревскій, по нѣякойсь злобѣ къ отцу его, Темнянского, и къ нему прописалъ въ своемъ доношеніи неправедно и измышленно, забирая (разсчитывая) по своей ябедпической приобиклости получить что отъ его, Темнянского, зъ датковъ» (т. е. взятку).

Члены консисторіи[1]) дали полную вѣру этому показанію и, зная съ самой невыгодной стороны Богдаревскаго, пришли къ заключенію, что «означенный полковій канцеляристъ Богдаревскій и подлинно (какъ сказкою оный аколѣтъ Темнянскій показалъ) по нѣякойсь злобѣ, чимъ бы въ промоціи его, Темнянского, пріостановку и волокиту причинить, подалъ тое доношеніе и, не ожидаясь по оному надлежащого разсмотренія и рѣшенія, заразъ невѣдомо куди отъехалъ», а потому «приложили мнѣніе: оное его, Богдаревского, доношеніе, яко затѣечное и, повидимому, ябедническое, безъ дѣйствія оставить, реченного же Темнянского, яко человѣка честного и ни въ чемъ не подозрителного, по презентамъ духовного нѣжинского правленія, настоятеля святотроецкой нѣжинской церкви іерея Даниловского и прихожанъ, къ оной церквѣ во іерея за вѣкарія рукоположить».

Митрополитъ Арсеній на этомъ «мнѣніи» консисторіи положилъ резолюцію: «Быть по сему. А сверхъ сего велѣть означенного Петра Бондаревского (sic) за оное его затѣечное и ябедническое, поданное въ обиду и волокиту послѣдовавшое Григорію Темнянскому доношеніе, дабы и другіи отъ таковихъ затѣечнихъ, яко жъ того много по дѣламъ является, доносовъ оберегались, къ

---

[1]) Кіевобратскій архимандритъ и ректоръ Самуилъ, кирилловскій игуменъ Павелъ, протопопъ кіевоподольскій Романъ и намѣстникъ подольскій іерей Іаковъ.

причащенію святыхъ божественныхъ таинъ не допущать дотоль, пока онъ реченного Темнянского не перепроситъ и прощенія отъ него не получитъ и тѣмъ покаяніе свое окажетъ».

Спустя нѣсколько дней такую же точно резолюцію положилъ митрополитъ и на докладѣ консисторіи о другомъ «аколѣтѣ», нѣжинскомъ поповичѣ Данилѣ Савицкомъ, оклеветанномъ тѣмъ же Богдаревскимъ.

Ор. Левицкій.

Хто-жъ вынenъ?

Була недиля. Вже сонечко геть-геть пидійшло выще дерева, колы пидъ повиткою почалы ворушытыся сухи постати бондаривъ. Натруджени рукы й ногы бажалы спочывку, а въ поясныцю—мовъ що сокырою рубало. Пидійшла недиля—свято, треба жъ и спочыты!

Де хто зъ старійшыхъ вже вставъ, умывся, надивъ чысту одежынку и стоить на колинахъ, лыцемъ на схидъ сонця—молытся Богу. Молодши чоловикы та парубкы ще лежалы въ холодку: де яки спалы, а инчи вже и выспалысь, та вылежувалысь.

Зъ села почувся далекый дзвинъ. Сумно-прывитный згукъ его роскотывся по лисовій долыни и замеръ въ повитри. Одынъ за другымъ летилы ти згукы; одынъ за другымъ почалы вставаты трудовныкы, мовъ соромляючысь, що въ сели люде йдуть до церквы, а воны у лиси сплять!

Черезъ яку годыну вже вси повставалы, прычепурылыся, перекусылы хлиба, покы обидъ выспіе, и сыдилы розмовляючы про всяки справы.

Зъ-за дерева по гори замаячыла чоловича постать верхы на кони: то Васыль, хазяйськый прыказчыкъ, визъ зъ города почту.

— Може що мени прывезе!—мовывъ самъ соби коженъ.

Васыль, тымъ часомъ, поривнявся зъ повиткою и здержуючы баского коня, гукнувъ до гурту: «Остапе, тоби гостынець зъ дому!» И винъ вытягъ зъ юхтового гамана чымалого пакета на

тры маркы, и пидпявъ ёго высоко, мовъ на показъ. «Иды, на́ скорійше, бо, бачышъ, кинь не стоить!»

Зъ-пидъ повиткы прожогомъ выскочывъ маленькый чоловичокъ, сухый якъ триска. Ёго куцепьки ногы дрибнесенько затупотилы по сухій земли, и черезъ якый ментъ винъ вже бувъ биля Васыля.

— Ось тоби лыстъ зъ дому.

— Мени?

— А тоби, якъ що ты Евстафій Савченко—каже той осмихаючысь.

— Та, до якого часу, люде добри Остапомъ звуть, а на сей разъ хай вже буду й Стахвіемъ!

— Зъ тебе могорычъ?

Васыль, давшы въ рукы Остапови пакета, поихавъ до хазяйськои конторы, а Остапъ вже стоявъ на однимъ мисти, повертаючы того пакета на вси бокы, наче миркуючы: «ну, зъ якого боку ёго почынать?» Дали, зирвавшы одынъ краечокъ, винъ вынявъ лыстъ, кругомъ спысаный дрибненькымы, але выразнымы литерамы; кримъ лыста вынявъ ще фотографычну карточку, на котрій було тры дивчачыхъ постати. Дри дивчынкы, у вышываныхъ сорочкахъ, зъ виночкамы на головахъ, булы ще зовсимъ диткы: веселеньки очыци свитылыся прывитно и мовъ осмихалыся. Диткы булы рокивъ по дванадцять-трынадцять. Третя постать була дивкы рокивъ пидъ двадцять; вышывана сорочка, керсетка, картата плахта—выдавалы іи за украинку.

Пыльно подывывся Остапъ на ту карточку; на очахъ заблыщалы слёзы и винъ мовывъ тыхо, наче самъ до себе: «Галя—якъ жыва!..—и поцилувавъ одну зъ меньшыхъ дивчатокъ.—А це Мотя Панасенкова, пóдруга Гали... а це й старша Панасенкова дочка Софійка, що десь далеко вчытся. И що то—школа? Ривняе и багатыхъ и бидныхъ! У Панасенка своя экономія, а у мене... та що въ мене?—злыдень я, та й бильшъ ничого!.. А це жъ и лыстъ мабуть Галя сама пысала... Спасыби Богови, маю вже свого пысаря!—И винъ зновъ поцилувавъ свою дочку, що мовъ осмихалася до батька.

Тымъ часомъ Остапа обступыло товарыство. Тутъ булы и стари й молоди. Всихъ стукнуло въ саме серце: коженъ прыгадавъ свою симейку, и зъ десятёхъ грудей, мовъ по змови, вырвалося тяжке зитхання: «Якъ то тамъ мои»?..

— Зъ Остапа могорычъ!—обизвалося де килько чоловикивъ зъ гурту.

— Та якъ що дома діется гараздъ, то й могорычъ справымо!—каже Остапъ и подавъ лыста парубкови рокивъ симпадцяты.—На, Грыцьку, прочытай, будь ласка, що тутъ дочка́ пыше?

Взявъ Грыцько лыста, подывывся на нёго, здвыгнувъ плечыма, та й каже: «та це напысано такъ, що я й не втну!»

— Якъ?!

— Напысано по нашому, по мужычому, зовсимъ не такъ якъ у тыхъ кныжкахъ, що я колысь вчывъ.

— Э... э!.. Грамотни, бисъ вашому батькови!—обизвався Йванъ, пидійшовшы до Грыцька:—самъ каже, що напысано по нашому, а прочытать «не втну!» Дай сюды! Якъ колы, то й рота не дасть роззявыть: «я вчывся», каже. Васъ тильки вчать «козликовъ», та «бурёнушокъ»! Ходимте пидъ повитку, въ холодокъ,—звернувсь винъ до гурту.

Пишлы. Пидъ повиткою для недили було прыбрано. Струментъ высивъ на килочкахъ и тильки колодкы стоялы нерухомо на своихъ мисцяхъ. Посидалы. Видкашлявся Йванъ, сплюнувъ на бикъ, обитеръ свои довги вусы и почавъ чытаты.

«Таточку мій риднесенькый! Яка я рада, що маю змогу сама напысаты вамъ лыста! Вамъ тежъ мабуть весело, що ваша Галя сама пыше. Сей рикъ для мене дуже счаслывый: я скинчыла нашу народню школу и получыла першу награду. На екзамени мени було кругомъ пьять и за се мени далы похвальный лыстъ. Сю награду далы тильки мени та Моти Панасенковій... Мы вдвохъ и подругуемо, мовъ сестрычкы!.. А инчи—зосталыся на другый рикъ у школи... Якъ жаль ихъ бидныхъ! Попечытелька нашои школы, добродійка Панасенчыха, купыла хорошыхъ кныжокъ, щобъ роздаты тымъ, хто скинчыть школу. Кныжкы ти—наши, украиньски, та ще й прызвыще мають чу-

дове: «Божи дыты». Якъ тамъ хороше напысано про Меласю, та про Костыка!.. Якъ прыйидыте до-дому, то я вамъ почытаю!.. Кныжкы—не велыки, але гарно оброблени у голубу калинкорову оправу, а якъ у мене, то ще й зъ золотымъ снопомъ жыта и серпомъ—се-бъ-то перша награда. Кримъ того, Софійка, такы жъ Панасенкова, подарувала мени видъ себе другу кныжку: «Кобзарь Т. Г. Шевченка», роскишне выдання, въ дорогій оправи зъ золотымы квиточкамы. Не можу вамъ и розсказаты, яка я рада! Чытаю, та чытаю!.. Багато де чого ще не розумію, але мени помогають розумиты Мотя й Соня... Отъ хто чытае, якъ бы вы почулы!.. Дали, якъ бачыте, мы втрёхъ зняли
ся. Мени ажъ ніяково, що я стою порядъ зъ такымы паніочкамы! Воны мене люблять и радять, щобъ я поступала вчытыся до гимназіи; обищалы просыть свого татка, щобъ выпросывъ земську запомогу. А вы те-жъ пышить прошеніе за мене до земськои управы. Яка бъ я була рада, якъ бы я вчылась у гимназіи!.. Мамочка булы хвори тыжнивъ зо-два. Де килько разивъ бувъ ликарь... Хто ёго клыкавъ—я певне не знаю... Свитъ не безъ добрыхъ людей!.. У насъ бувъ велыкый дощъ зъ витромъ: зирвало частыну покривли на хати, дощемъ промочыло прычилкову стину и вона одвалылась до самисинького дерева. Мамочка бидкаются, що немае грошей. За те, що я хороше вчылася, мамочка обищалы купыть мени стричку, але й доси не купылы! Немае, кажуть, грошей... У Моти я часто буваю, тамъ и обидаю и Васылькови прыношу до-дому: у ихъ багато всёго зостается видъ обиду и те все дають мени, щобъ я видносыла до-дому. Васылько вже пидрисъ и частенько васъ, таточку, згадуе. Мамочка дуже бидкаются за гришмы: и хату лагодыть, и мени стричку купувать, а грошей немае. Кажуть: «якъ бы у татка булы гроши, то винъ бы прыславъ!» Я трычи зрывалася пысать, та все и не доведу до кинця. Першый лыстъ я напысала тіею мовою, якою насъ вчылы въ школи, але Софійка якъ побачыла, то порвала той лыстъ на шматочкы, та ще й прыстрамыла мене, що я не можу слова напысаты на ридній мови. Це мене запалыло и я напысала такъ, якъ бажалося Софійци; та и вы, таточку, за се

не погниваетесь. Не думала я и не гадала, щобъ Софійка такъ мене любыла й жалувала! Спасыби ій! Вона така хороша панночка! Бувайте здоровеньки! Не забувайте жъ, що у насъ стина впала, а грошей немае. Напышить, чы вы здоровеньки и чы вы не забороняете мени вчытыся въ гимназіи? Вси вамъ нызенько кланяемося и цилуемо васъ. Ваша дочка Галя».

Скинчывъ Иванъ лыста, похытавъ головою, та й промовывъ: «да й молодчына жъ у тебе, брате Остапе, дочка! Адже жъ... тильки що вдержався, щобъ не плакать! Не забороняй, братику, вчытыся,—зъ неи будуть люде!

— Правда, правда—озвалося килько чоловикивъ—що правда то правда! Молодчына, именно молодчына!

А Остапъ сыдыть на колодци, та тильки слёзы втырае. Радіе батькове серце, що ёго ридна дытына потишае ёго своимъ таланомъ. Мигъ бы, полетивъ до дому, обнявъ бы, поцилувавъ бы свою дорогу Галю, та далеко... Бильшъ сотни верстовъ видъ того ридного куриня, де ёго симейка тильки що зъ голоду не вмирае!.. А винъ робыть, винъ кривави пухыри понадавлювавъ на рукахъ, щобъ бильшъ заробыть, щобъ нагодувать и себе й жинку зъ диткамы!.. Охъ, заробиткы, бодай не диждалы такыхъ и наши диткы!..

— Зъ неи будуть люде,—каже дали Иванъ:—не забороняй ій вчытыся!

— Та я жъ и не забороняю! Нехай вчытся, якъ що добри люде поможуть гришмы,—каже Остапъ.

— Та вже, якъ Панасенкови дочкы визьмутся за це дило, то напевне запомогу дадуть!

— Колы бъ то Господы! Я не ворогъ своій дытыни!.. А покы що, треба йты до хазяина, хай дае одынадцять карбованцивъ: десятку пошлю до дому, а карбованець—на обихидку.

— Я тежъ хочу просыть пьятерычку,—каже Иванъ.

— Та и я, мабуть, пошлю—каже Опанасъ:—бо и въ мене дома... Э... хъ!.. та й бильшъ ничого!

— Ходимте вси!—каже Борысъ. А теперъ у хазяина й гроши маются. Васыль хвалывся, що зъ Хорола зъ ярмарку прывезлы сотъ симъ!

— Ходимъ!..

Вси робитныкы, скильки було пидъ повиткою, пишлы до хазяйськои конторы. Хазяинъ—высокый русявый чоловикъ, тонкоголосый, зъ лукавымы очыма—сыдивъ биля столу и выкладавъ щось на счотахъ. Побачывшы такый гуртъ людей, своихъ робитныкивъ-бондаривъ, винъ зразу-жъ догадався, що це прыйшлы по гроши. По ёго облыччу пробигла осиння хмарка, але винъ весело видповивъ на добрыдень.

— А що, хлопци, скажете?

— Та до васъ, Кырыло Марковычъ...—почавъ Остапъ, та й замовкъ, и тильки чухавъ потылыцю, вынувато осмихаючысь, наче піймався на якій шкоди.

— Та бачу, що до мене, а що скажете?

— По гроши до васъ, Кырыло Марковычъ,—озвався Йванъ—та вже, будь ласка, и не видкажить!

— По скильки жъ вамъ?

— Та мени ..—вынувато каже Остапъ:—я просывъ бы... Тильки не видкажить, бо такъ треба, такъ треба, що ажъ...—и винъ, не доказавшы, махнувъ рукою.

— Скильки жъ тоби треба?

— Та треба-бъ одынадцять карбованцивъ!

— Скильки?!—перепытуе хазяинъ.

— Одынадцять...

— Чы-маленько!.. Мабуть стильки немае й зарobленыхъ!

— О-це! Пивъ лита проробывъ, та ще немае й одынадцяты карбованцивъ?

— А ты-жъ бравъ!

— Та що жъ тамъ?! Трычи просывъ по десятци, щобъ переслаты до-дому, а вы жъ по карбованцю далы, та й тильки!..

— И сёгодня дамъ карбованця!

— Ни бо вже, Кырыло Марковычъ, будь ласка, на сей разъ дайте що прошу.

— И не выгадуй!—махнувъ рукою Кырыло и повернувся до Ивана.—А тоби скильки?

— Пьять.

— А ты хиба не бравъ?

— Пославъ же объ Тройци пьять до дому, та двичи по карбованцю бравъ—отъ и вси!

— Ну, то дамъ и тоби карбованця! Всимъ вамъ дамъ по карбованцю, а за бильше... и языкивъ своихъ даремно не чешить, и мене не гайте! Мени байдыкы быть ни́колы! Здается, я вамъ уже казавъ, а якъ що не казавъ, то скажу, що до Покровы, покы я не прыйиду зъ Лубень, зъ ярмарку, бильшъ якъ по карбованцю никому не дамъ! Мени треба грошей за для дила, а вамъ за для чого? Я васъ харчую! Що треба кому—чы тютюнъ, чы що инше—вы берете на сели у Мусія Мыкытовыча по кныжи и я самъ плачу́ за васъ...

— Нашымы жъ грышмы!..

— Колы-бъ ще своимы! Це гарно!.. Ну, выходыть, що вамъ грошы потрибни тильки на пропій!..

— Якъ? А у насъ же дома симейства́!—гаряче перебывъ Борысъ.

— А мени то що за дило? Треба буде навищо грошей, то жинка позычыть!

— У кого?!

— У кого схоче! Всякъ знае, що писля Покровы чоловикъ виддасть!

— Кырыло Марковычъ! Та це жъ розбій!—озвалося де-килько чоловикъ.—Мы жъ просымо свои, зароблени, гроши! Дайте намъ наше, мы вашого не просымо!..

— Та и я скажу, що розбій! Вы прыйшлы гуртомъ и вчыняете бунтъ! Васылю!—гукнувъ винъ, смнувшы за мотузочку, що була проведена до дзвинка у другу половыну будивли.—Васылю, иды сюды!

— Слухайте, хазяину!—каже Йванъ.—Не роздувайте вы велыкои пожежи, бо однаково ваше дило не выгорыть! Мы у васъ не строкови, а видъ дижкы робымо! Скильки я заробывъ, за стильки заплатить мени й грошей!

— А вже жъ що такъ!—гукнувъ Опанасъ и ще де хто зъ гурту.—Мени мое давай,—тай решгъ увесь! Мы заробылы и маемо право взять свое до копийкы!

— Лякапого не злякаете! Вы робылы, а я вамъ платывъ! Де ваши умовы?

— А совисть! А хазяйське «слово»! Мы на «слово» йшлы робыть, на «слово» счытаемось, на «слово» й гроши беремо...

— Та-акъ!.. Про це треба й мени помиркуваты!..

— А що таке, Кырыло Марковычъ!—каже Васыль увійшовшы въ контору.

— Та... вже не треба, покы що. Геть зъ хаты, та не далеко заходь.

Васыль выйшовъ. Се бувъ парубокъ рокивъ двадцяты пьяты. Шыроки плечи и товста шыя показувалы, що зъ нымъ жарты коротки! Вырисъ Васыль бильшъ по ярмаркахъ, йиздячы зъ днжкамы; у Кырыла Марковыча служыть не выходячы рокивъ десять, и воны одынъ другымъ булы завдоволени. Винъ бувъ пысьменный, але пысьменство ёго не йшло дали того, щобъ пысать те, що повелыть хазяинъ, и балакать—чому ёго навчать. Бондари тежъ ёго не цуралыся и нидъ часъ, за чаркою горилкы, воны спильно судылы хазяина. Тильки крыводушывъ Васыль! Сёгодня зъ бондарямы судыть хазяина, а завтра—зъ хазяиномъ лае бондаривъ.

Вси замовклы. Кырыло Марковычъ пидперъ рукою пидбориддя и ннбы ставъ до чогось прыслухатыся, не зводячы очей зъ викна. Въ хати тильки й чутно було, якъ кругли часы на стини выбылы: «не-такъ», «не-такъ», «не-такъ»... Що жъ «не такъ»? Чы «не такъ» хазяинъ шануе своихъ робитныкивъ, чы «не такъ» робитныкы обиходятся зъ хазяиномъ? И те «не такъ», и те «не такъ»! Мало ще йе на свити хазяинивъ, котри-бъ обиходылысь зъ робитпыкамы «такъ», такъ... якъ зъ людьмы!..

Важко, голосно, черезъ нисъ, дыхалы сухи, загорили люде. Чорни груды, прыкрыти билымы сорочкамы, высоко пидіймалысь и зъ ныхъ, що хвылыны, вырывалысь тяжки зитхання.

— Та-акъ!..—протягъ хазяинъ и лукаво осмихнувшысь, обернувся до робитныкивъ.—Вы трохы грубенько обійшлыся сёгодня зо мною, та дарма! Я цёго въ гнивъ не покладу. Краще—мы помырымось!—Винъ ставъ, одимкнувъ шкафу и вынявъ звидты

четвертну сулію и велыку чарку.—Грошей у мене сёгодня немае; хазяйка забрала въ городъ—тамъ йе дильце. Дамъ я вамъ, хлопци, по карбованцю, а якъ прыйнде хазяйка зъ города, тоди дамъ, кому скильки треба. А покы що—выпыйте по чарци горилки и йдить обидать.

— Кырыло Марковычъ,—озвався Йванъ--вже не першый разъ мы чуемо цю писню! Пора бъ вже яку другу спивать!

— А пора!—пиддержуе Борысъ—намъ вже ця дуже обрыдла! .

— Стійте, стійте, не гарячиться!—перебыва хазяинъ.—Кажу жъ вамъ; выпыйте по чарци, та по другій, а я ось и гроши знайду. Иване, йды, твоя перша чарка!

— Не хочу! Хай почынае хто старійшый.

— Почавъ!.. Хе-хе-хе!..—роблено засміявся хазяинъ—И почне выгадувать! По моему, не сыва, а розумна голова велыко стóить, а по твоему... Ну, хай по твоему!.. Диду Омелько! Мабуть вы найстарійши, йдить выпьемо зъ вамы першу.

— Та чы йты, то йты!..

Пидійшовъ Омелько, выпывъ дви зряду, втерся рукавомъ, сказавъ «спасыби» и одійшовъ. За Омелькомъ пидійшовъ Матвій, потимъ ще де хто зъ старійшыхъ. Иванъ, Борысъ, Опанасъ и Остапъ уперто дывылысь въ землю и не ворушылыся зъ миста. Вже й молодши выпылы, а воны все стоялы и тильки зитхалы.

— Ну, а вы! Иване, Борысе!.. Хиба вы въ Бога не вируете? Чого понадувалысь, якъ сычи?!

— Кырыло Марковычъ!—почавъ твердо Опанасъ,—до якого часу вы будете водыть насъ за носы? То грошей немае, то ярмарокъ не доладній, то се, то те!.. Наши дитки зъ голоду мруть, а мы будемо потурать вамъ! Пора-бъ уже и совисть маты!..

— Опанасе! Ты жъ такы чоловикъ, не скотына! Я жъ кажу, що завтра, або писля завтрёго, дамъ усимъ, кому скильки треба, а сёгодни намае грошей. По карбованцю всимъ, а бильшъ не можу дать!

— Що мени зъ карбованця!—озвався Остапъ.—У мене хата розвалылася, треба жъ лагодыть, а за вищо! Вы жъ сами бачылы лыста! Просять грошей. А за карбованця тильки горилкы можна напыться.

— А ты, краще, выпый якъ даю, не церемонься! Теперь лито, не померзнуть тамъ десь у твоій хати!..

— Такъ соромъ же зъ боку глянуть! Чоловикъ выробляе въ лито по сотни, а жинка й диты у разваленій хати жывуть!—ажъ скрыкнувъ Борысъ.

— Прошу не крычать! Скильки васъ? Тры, шисть, десять, трынадцять. Получить пьятнадцать рубливъ!—И хазяинъ кынувъ на стилъ тры золотыхъ.—Остапови тры, хай лагодыть хату, та дочку до гимназіи виддае, а вамъ по карбованцю! Завтра дамъ бильше, а сёгодня—зъ Богомъ! Хто схотивъ выпыть—выпывъ, а хто не схотивъ—хай закусуе! Тратыть часу даремно я не можу,—у мене йе дило!

Кырыло Марковычъ сховавъ сулію й чарку и сивъ до столу выкладаты вныять на счетахъ, а хлопци, взявшы гроши, выйшлы зъ конторы. До повиткы йшлы мовчкы. Коженъ думавъ свою думку, коженъ по своему думавъ про хазяина.

Дидови Омелькови кращои ласкы й не треба, якъ два половынчыкы та карбованець, бо у нёго, якъ кажуть: «ни хаткы, ни панЫматкы!». Жинка ёго давно вже вмерла. Диткы де яки померлы, а яки жыви; вже сами хазяинують, кому якъ поталаныло. Бильшъ десятка рокивъ винъ жыве у Кырыла Марковыча и ни разу ще не досчытувалысь, хто кому зъ ныхъ выпуватый. Видома ричъ, що хазяинъ себе не обсчытувавъ! Йдучы зъ конторы, Омелько напередъ знавъ, де дине свого карбованця, и ждавъ тильки, докы розминяють пьятерычку.

У всихъ, кримъ Омелька, та двохъ-трёхъ парубкивъ, була одна думка, тильки коженъ по своему іи ясувавъ. Вси думалы про те, що хазяинъ, даючы имъ по карбованцю, скорійше заплутуе кинци, а тымы грицимы, що зостаются недоплаченными робитныкамъ, винъ до Покровы ще не разъ покорыстуется! А воны, заробывшы за лито по сотни, або й бильшъ, прынесуть до дому

писля Покровы хыба по четвертній! А дежъ гроши диваются? По карбованцю, та по два, позабирають и смаку въ ныхъ не знайдуть!.. Дома жинка зъ диткамы жыве якъ Богъ дасть, а тутъ на того карбованця, що визьмешъ, не що зробышъ. Покы розминяешъ, покы купышъ тютюну, а тамъ, дывысь, жинка зъ села правыть гроши за те, що прала сорочкы, а тій за сояшныкове насиння виддай... Та всёго й не перекажешъ! Въ село йдешъ зъ срибнымъ карбованцемъ, а зъ села не несешъ и мидпои копійкы! Та, на́ лыхо, ще й завынуватывся! Мусій Мыкытовычъ запысавъ по кнызи за тютюнъ, та за сирнычкы, та ще де за вищо—що буцимъ то й не бравъ!.. А пидъ часъ... бодай не казать, та й годи! Тій за сорочкы, а тій за насиння!.. Лыха нетеча пиднесла знакимця: купывъ могорыча, бый ёго сыла Божа! Винъ купывъ, я видкупывъ, а винъ зновъ купывъ, а я зновъ видкупывъ... Десь бувъ, зъ кымъ-сь йшовъ, кудысь прыйшовъ... Прокынувся—якъ не на болоти, то середъ купцивъ!.. И такъ, що недили, що празныка!..

Зоставшыся самъ въ контори, Кырыло Марковычъ пройшовся по хати разивъ десятокъ, заклавшы рукы назадъ, а дали й почавъ миркуваты въ голосъ.

— Э-ге!.. Такъ оце хлопци нагадалы мени про те, про вищо я й не догадувався! И якъ такы я, даючы людямъ гроши, не беру зъ ныхъ роспысокъ?! Що ты зъ нымы зробышъ? Прыйде осинь, скаже—давай вси гроши за лито—и давай! У мене немае ніякого документа! Вси знають, що такый-то бувъ у мене, робывъ, а чы я платывъ ёму, чы ни, про це нема ніякого доказу! Треба завесты прыходо-расходну кныгу для робитныкивъ. Що вечеръ—прыёмка товару... треба доглядаться, якъ посудына зъ якымъ зъяномъ—замичать, а потимъ высчытувать!.. Це все пыщечкомъ, а наренти, пидсунуть хай роспышутся—и дило зъ концемъ! А за гроши—якъ взявъ, такъ и роспышысь!.. Хоча... Гм... прыпысать не можно буде!.. Ну, дарма!.. Мусій Мыкытовычъ поможе: хай беруть въ ёго крамныци, хай беруть!.. А винъ гавъ не ловыть!.. И мени

перепаде!.. Крымъ того, горлатійшымъ можно буде по пьятаку скынуть на пари, та на аршынци, а на шестерыкови—по грывеныку, и край! Хай не баламутять людей! Про цину у кнызи— а ни чычыркъ! Хай на совисть, якъ каже Йванъ. Э... дурень!.. Каже: «совисть, хазяйське слово!» Теперъ вся совисть у гербовій бумази, а хазяйське слово—це нотаріусъ! Сёгодня скажу те, а завтра—зовсимъ друге! И хазяинъ своему слову—я! Сёгодня кажу—грошы дамъ завтра, а завтра скажу—грошы будуть писля завтрёго... и хай балакають зо мною, що хотять! Гулящымъ днемъ якъ небудь вывертюсь, зъ дому пойиду, а въ будень—винъ и самъ не схоче дня гаять! А мени—ковинька на́ руку: за лито, на ихни гроши, я зароблю соби рубъ на рубъ! Хх-е! Комерція— велыка ричъ!

Пройшовшыся ще килько разивъ, винъ перекынувъ думку на Остапа.—А той злыдень! Дочку до гимназіи виддае! Бачь! У мене десять тысячъ капыталу и дочка не вчытся, а йиздыть по ярмаркахъ зъ дижкамы, йиздыть, доглядае, щобъ прыкащыкы не кралы, не пехтувалы батькивського добра, а винъ, злыдень... Ну що, якъ бы голоти та давъ волю?! Що, якъ бы порваты ти налыгачи, якымы щоденно мы ихъ скручуемо?! А якъ бы до того та давъ имъ ще й грошей?! Адже жъ пидійшовъ бы бисивъ голодранець до хазяина, до стóющого чоловика, плюнувъ бы у пыку и назвавъ бы у вичи дурнемъ!.. Хоча бъ такый, якъ Иванъ: дай ёму волю, попусты хочъ тришкы поводы—и винъ почне мени, своему хазяинови, вказуваты, якъ весты росплату зъ робитныкамы, якъ ихъ харчувать!.. Та .. краще хай не дижде голота водыты за носы нашого брата! Давы ёго, покы винъ у тебе въ рукахъ, а якъ выпрысне зъ рукъ—тоди вже не піймаешъ! Ни, треба не такъ коло ныхъ!..

— Чы я тоби, Васылю, казавъ, чы ни, щобъ вси лысты, яки прыходять моимъ хлопцямъ, ты прывозывъ мени, а я вже самъ буду роздавать кому треба?

— Ни, вы цёго ще не казалы.

— А якъ ще не казавъ, то кажу: все, що буде имъ на почти, щобъ ты мени дававъ до рукъ!

— На що жъ це такъ?

— Не твое дило! Ты у мене грошы берешъ, ты мій прыкащыкъ,—и повынепъ все те робыть, що я тоби велю! А проте, на що такъ, а не инакше—це не твого ума дило!

— Та чы такъ, то й такъ!

— Кримъ того: прыслухайся, що хто зъ ныхъ буде колы балакать про мене, и мени все до словечка кажы—слухаешъ?

— Та слухаю.

— Дали: скильки я колы грошей прывезу зъ ярмарку, або й самъ, якъ колы посылаю—никому, а ни словечка!

— Чую.

— Прывезешъ сотню, кажы десять карбованцивъ.

Ярмарокъ бувъ поганый, посуда, за малымъ чымъ, не вся зосталась и покынута въ склади, а якъ яка й продана, то за безцинь!

— Слухаю!

— Слухай же, та памьятай! А про це никому, а ни пары зъ устъ!

Васыль выйшовъ, а Кырыло Марковычъ почавъ миркуваты дали: хазяйське дило знать, хто яку звистку мае зъ дому. А тымъ часомъ треба кынуты пиcку у вичи тымъ, що цина на посуду падае. Треба умовытысь про це зъ товарышамы, хай и вопы зъ мене зразокъ беруть, та й у себе таке заводять, бо якъ хто зъ моихъ хлопцивъ покыне мене та наймется до котрого зъ ныхъ, то щобъ зразу жъ збывъ оскому! Треба прыборкать крыльця, щобъ и не стрипнувся—тоди наше право! Робы зъ нымъ тоди що хочъ! А перша ричъ—себе обгородыты, щобъ не зробывъ якого злочыньства такый пьяпыця, якъ Опанасъ, або Борысъ: що имъ? черкнувъ сирнычокъ—и квитъ!.. Недогадлывый, недогадлывый Кырыло Марковычъ! стыдъ, страмъ: складъ посуды не застрахованый! Черкнувъ сирнычокъ якый дурень—и тысяча карбованцивъ пиде дымомъ!.. Шутка!.. А якъ застраховано—палить! Мое мени повернется, а вы за свое—наберить у запилъ жару... Кримъ того... гмъ.. агентъ знаёмый—дильце можна буде обробыты якъ пысанку!

Ажъ осмихнувся Кырыло видъ останнихъ думокъ,—такъ воны ёму подобалысь. Пройшовшыся ще килько развивъ по хати, винъ дIставъ зъ шкахвы грахвына, выпывъ дви чаркы «очыщенои» и пишовъ у кимнату обидать.

Порадывшысь пидъ повиткою, що кримъ «монопольки» бильше нигде не розминяешъ трёхъ золотыхъ, вси робитныкы знялыся и пишлы до села. Йдучы порядъ зъ Остапомъ, Иванъ почавъ балакаты, що дуже бъ було добре, якъ бы Панасенко поклопотався,—та показавъ Гали стежку до гимназіи.

— Та й ты—каже дали Иванъ—подай прошеніе до земськои управы, може й справди поталаныть! А наука... Це, братъ, ричъ не абы-яка! Якъ намъ трапылася невесела доля, не жыть, а виджывать, то може хочъ нашымъ диткамъ вона прывитненько усмихнется!

-- Ни, брате!—видповидае Остапъ:—докы сонце зійде, роса очи выйисть!

— Не кажы цёго! Це було за нашыхъ батькивъ, а за нашыхъ дитокъ все змынытся! Дочка твоя правду каже: «свитъ не безъ добрыхъ людей!»

— Мала́ вона, дурна! Не жыла вона мижъ людьмы! Пожыве—побачыть!..

Ричъ обирвалась на якый ментъ.

— Тепера, Иване, и батько ридный не може буты такымъ, якъ треба... Чы легко мени слаты до-дому два карбованци?!..

— А мы пошлемо шисть, або симъ!..

— Де жъ мы визьмемо?

— Про це вже я́ знаю!..

Хтось зъ гурту обернувся до Ивана зъ своимы пытаннямы и повернувъ мову зовсимъ на другый ладъ.

Тымъ часомъ, до села зосталося вже гинъ двое. Зъ сильськыхъ будивель перше усёго кынулась у вичи «монополія». Вона стояла край села, на выгони, и выразно, по зеленому полю садкивъ, червонила своимъ зализнымъ верхомъ. Дали, за садамы,

прывитненько билила своимы срибнымы банямы церква и блыщала проты сонця своимы золотымы хрестамы. Надъ усе село була выща церква, та до неи вже прывыкло око: диды й прадиды бачылы скризь церквы́, молылыся въ ныхъ, звыклыся зъ нымы, якъ зъ риднымы: церква й церква! А монополька—це ще зовсимъ новына! Батькы й диды пылы горилку по шынкахъ, а диждалыся монопولькы... Диждалыся! Увійдешъ—зовсимъ аптека! И пляшкы й пляшечкы, и панночка билолыця у жовтыхъ черевычкахъ—зовсимъ не выдае шынкаркою. Не такъ давно була вона вчытелькою, та бо цимъ то мало грошей платылы ій за працю, та ще й ганялы зъ села въ село, видъ школы до школы—и вона зминяла народню освиту на народню отруту.

Биля монополіи вже зибралося чымало чоловикивъ. Не вважаючы на те, що пивденне сонце пекло якъ зъ печи, люде—знай, одынъ за одынмъ—ходылы та выходылы въ монопольку та зъ монопولькы. Вже и черепыкы чоловикивъ по пьять и бильше маячылы скризь по выгону. Не мало було й одынцивъ, яки не вважаючы на кумпанію, хылылы зъ шкалыкивъ, ажъ шапка назадъ падала. Хто не поспивъ пидъ чергу, той ще бывъ шкалыкомъ объ руку и, набывшы долоню, вытягавъ зъ кышени гвиздокъ и видтыкавъ затычку. Здалека було вже чутно, якъ биля одного гуртка жинка верещала на весь выгинъ, лаючы свого чоловика, не вважаючы и на «чесну кумпанію». Друга—вже пидтюпцемъ бигла до-дому и за нею, шукаючы спотыкачивъ, йшовъ чоловикъ, выробляючы рукамы всяки муштры, наче салдатъ; давно вже винъ нагнавъ бы свою Ганку, та ногы не слухалы бидолахы! А на шляху, наче якый бисъ конци поковавъ: пиднявъ ногу, хотивъ ступыть на ривну стежку, але кинець и кинець!..

Кумпанія зъ лиса пидийшла вже до монопольки и облюбовала мисто геть дали, пидъ садкомъ, де ще зосталася смужка холодку.

— А ну,—каже дидъ Омелько—хто зъ молодчыхъ, бери золотого ти йды миняй! Скилько насъ? Одынъ, два...

— Трынадцять,—озвавсь де-хто зъ гурту—трынадцять пьятакивъ, шистьдесятъ пьять... хай бере кварту, докынемъ по копійци.

Прынеслы горилку. Дидъ Омелько вынявъ зъ кышени чарку и окраець хлиба. Де у кого тежъ бувъ хлибъ. Обійшлы по чарци, по другій.

— Оце, шановни добродіи,—почавъ Иванъ.

— Ще й шановни! Ге, ге, ге...—засміявся одынъ зъ парубкивъ.

— Цыть, блазень!—грымнувъ Опанасъ.—Иване, кажы, слухаемо!

— Якъ бы намъ помогты Остапови полагодыты ёго хату?

— Якъ се такъ?—пытае дидъ Омелько:—йты до ёго лагодыты хату—далеко, сотня верстовъ зъ гакомъ!

— Та може я не такъ почавъ... Остапови треба переслаты до дому грошей карбованцивъ десять, а у ёго тильки тры. Мы вже сёгодня не посылатымемъ до дому, бо нічого: у кождого карбованець, та й той уже не цилый. Отъ мы зкынемось по полтынныку, це бъ то въ позыку Остапови, та ёго троячка, отъ и хай посылае. А потимъ, кому другому такъ само зъ гурту поможемо...

— Та не що жъ робыть, колы дае по карбованцю, наче старцямъ!..—гарячё озвавсь Борысь.

— Такъ якъ, чы до дила моя ричъ?—пытае Иванъ.—Остапе, позычаешъ?

— Якъ бы то ваша ласка, люде добри, а то... якъ же?! Дочка сама пыше, просыть... Поможить, братикы, будь ласка!

— А що жъ! Хай иде миняе другого золотого, дамо!—озвалось де-килько чоловикивъ.

Зибравъ одынъ зъ хлопцивъ пляшкы, пишовъ минять золотого и обминяты порожни на повни, а другый пишовъ до Мусія у крамныцю, щобъ узяты десятокъ тарани, та вьязку бублыкивъ. Обыдва хлопци булы дуже проворни; чарка вньять заходыла видъ рота до рота и балачка пишла гуртова.

— А хазяинъ, бый ёго сыла Божа, бачъ якъ насъ шануе?!

— И такъ що недили, що празныка!

— Немае, щобъ сказаты: пышить, хлопци, лысты до дому, кланяйтесь и посылайте по десятци, а я буду въ городи, здамъ на почту, а вамъ прывезу квиткы.

— Таке й дило! Отакъ по карбованцю видтыкае, а писля Покровы—ни грошей немае, и дома жинка по вуха налеткается по крамныцяхъ та по сусидахъ.

— Мы сами вынни! Сёгодня пишлы—не дае; а мы, мовъ зайци—чы казать що, чы мовчать! Кынувъ пьятнадцять на трынадцять душъ, та тымъ и скинчылось!..

— Та ще йды до монопольки минять!..

— А де жъ ты розминяешъ? У Мусія Мыкытовыча беремо що треба, по кнызи, а минять—однаково запыше по пьятаку на рубъ промину.

— Бида, та й бильшъ ничого! Лыхо за лыхо такъ и зачипается!..

Тымъ часомъ обминялы впьять дви порожнихъ на дви повныхъ, прынеслы другый десятокъ тарани и вьязку бублыкивъ, и чарка впьять заходыла. Иванъ вставъ и пишовъ до монопольки. Повернувшыся звидтиля, винъ промовывъ, ударывшысь объ полы:

— Мабуть у нашого хазяина таки закляти гроши, що зъ нымы такъ не таланыть!

— Якъ?—озвалося скилько голосивъ.

— А такъ: уже друга годына, сёгодня недиля и почта вже зачынена! Опизнылыся! А ще й до почты верстовъ десять!

— Якъ бы за мисто оціеи монопольки та була почта, отъ и не опизнывся бъ!

— Та тутъ и школы мабуть немае, не то що почты!

Обійшлы впьять по чарци, и пляшкы́ впьять лежалы порожни.

— Мои пивкварты!—каже дидъ Омелько, достаючы зъ кышени два семыгрывенныкы—доложить, хто хоче! Тилько й нашого, що немае ничого!

Доложылы. И вже йдучы селомъ до крамныци по тютюнъ, воны шукалы спотыкачи по дорози, та жалибно спивалы «чайкы».

Вже сонечко зовсимъ за гору сховалося, вже роса впала на траву, колы Остапъ прыйшовъ у лисъ, пидъ повитку. Де хто вже

спавъ на трискахъ, нехтуючы чысту одежынку. Опанасъ лаявся зъ куховаркою, що та глевкый хлибъ пече. Дидъ Омелько пишовъ до хазяина просыть половынчыка. Борысъ, хыляючысь биля хазяйськои конторы, лаявъ Омелька, що той пидлызуется до хазяина.

Остапъ, знайшовшы лыста и патретъ дочкы, пыльно ставъ дывыться на неи. Втыраючы слёзы, винъ каявся передъ нею, що не пославъ до-дому й копійкы.

Побачывшы це, Йванъ, що тильки це повернувся зъ села, пидійшовъ до Остапа и, обнявшы ёго, промовывъ:

— Темни мы, братику, люде!.. Несчасни мы, братику!... Пьяныци мы окаянни!.. Чы можуть буты черезъ насъ счаслывымы наши жинкы й диткы?!.. Несчасни, несчасни!..

И обыдва гирко заплакалы.

М. Непійвода.

Деревня и ея развлеченія.

(Очерки и наблюденія).

Въ послѣднее время все чаще и чаще раздаются голоса о необходимости приложить стараніе къ развитію въ деревнѣ народнаго театра, которому слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ чтеніемъ съ картинами, предъ народными гуляньями и концертами. По выраженію одного изъ защитниковъ этой мысли (см. Полтав. Вѣстн. 1903 г. № 86), «театральное представленіе— почти тоже, что и чтеніе; но при томъ—чтеніе, снабженное обстановкой, которую не можетъ замѣнить никакая картина въ текстѣ книги. Въ народномъ театрѣ—читаемъ далѣе—передъ неграмотнымъ и малограмотнымъ зрителемъ разворачивается книга, и онъ ее читаетъ такъ выразительно, понятно, съ такими дополненіями и объясненіями, съ такими картинами и съ такимъ вниманіемъ, какъ это можетъ сдѣлать только совершенно культурный человѣкъ». Даже болѣе: деревенскому театру, по мысли автора, предназначена чрезвычайно высокая миссія: «деревенскій театръ, кромѣ того, долженъ оказывать нравственное вліяніе непосредственно на зрителя, что вполнѣ зависитъ отъ извѣстнаго подбора пьесъ; онъ долженъ быть ареной проповѣди добра, и эта проповѣдь наиболѣе доступна, наиболѣе удобна и наиболѣе проста».

Зная сельскій быть родной Полтавщины не изъ прекраснаго далека, я позволю себѣ возразить, что, при совокупности существующихъ хозяйственно-экономическихъ условій, деревенскій театръ для массы сельскаго населенія, за самымъ ничтожнымъ исключеніемъ, все равно, что «вареныкы Божи хваленыкы; ихъ уси хвалять, та не вси мають», т. е. недоступная роскошь для бѣдняковъ; во всякомъ случаѣ современный малорусскій театръ народился на нашихъ глазахъ и держится пока главнымъ образомъ въ болѣе значительныхъ городахъ. Думается, что при самомъ энергичномъ стремленіи «искреннихъ доброжелателей народа» не мало утечеть воды прежде, чѣмъ театръ станетъ достояніемъ заурядной деревни, и съ прискорбіемъ приходится сказать: «докы сонце зійде, роса очи выйисть». Вѣдь на нашихъ же глазахъ деревенскій бытъ измѣняется до неузнаваемости, и гибнетъ и глохнетъ народная пѣсня и музыка.

Я помѣщаю въ выноскѣ списанную съ натуры въ дни моего дѣтства извѣстнымъ И. С. Аксаковымъ картину малороссійскаго быта [1]). Мнѣ и моимъ сверстникамъ (живущимъ седмой деся-

---

[1]) Въ Малороссіи нѣтъ такого рѣзкаго раздѣленія сословій по занятіямъ, какъ въ Россіи, такого разъединенія, какое существуетъ въ Россіи между сословіемъ образованнымъ и простымъ народомъ. У насъ бытъ купеческій, соприкасаясь съ высшими классами общества и въ то же время къ народу, отлился въ ту особую, странную форму, которая породила типы комедій г. Островскаго. Эти типы совершенно непонятны въ Малороссіи; ничего подобнаго не найдете въ малороссійскомъ купечествѣ. Небогатый панъ, козакъ-хуторянинъ, гильдейскій купецъ, мѣщанинъ, всѣ живутъ на одинъ ладъ, однимъ образомъ жизни, говорятъ однимъ языкомъ: подходятъ подъ одинъ уровень образованія. Вы ихъ никакъ не отличите между собою; женщины еще менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ своего званія: природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, утонченность, доведенная до нельзя въ области чувствъ (чему доказательствомъ служатъ простонародныя пѣсни)—равно присущи всѣмъ малороссіянкамъ и заслоняютъ недостатокъ образованія, тогда какъ въ Россіи купчиха есть явленіе типическое и рѣзко выдѣляется изъ ряда женщинъ прочихъ сословій. Въ Россіи—существенную примѣту купечества составляютъ бороды; въ Малороссіи—всѣ сословія брѣются».

токъ лѣтъ) доподлинно извѣстно, что въ дореформенное время развѣ на Ильинской ярмаркѣ въ Ромнахъ, а затѣмъ въ Полтавѣ, появлялись наѣзжіе заправскіе актеры и давали спектакли для панства и купечества, а на всѣхъ остальныхъ ярмаркахъ невзыскательная публика довольствовалась плохими «кумедіями», иногда развлекалась дрессированными медвѣдями и т. п. Правда, на рождественскихъ святкахъ молодежь ходила «со звѣздой», кое-гдѣ «зъ вертепомъ», иногда изображали «Максимиліана», но театральныхъ спектаклей въ прямомъ смыслѣ не существовало въ деревняхъ до настоящаго времени. Только въ первой половинѣ 50-хъ гг., наприм. въ г. Хоролѣ, впервые состоялся любительскій спектакль. Въ то время доживали свой вѣкъ въ уѣздѣ нѣсколько пѣвческо-музыкальныхъ капеллъ, сформированныхъ при крѣпостномъ правѣ [1]), которые распались послѣ 19 февраля 1861 г., и только во второй половинѣ 70-хъ гг. мнѣ пришлось слышать въ Сокиренцахъ (прилук. у.) уцѣлѣвшій у Г. П. Галагана пѣвческій хоръ, превосходно исполнявшій, наприм., литургію по партитурѣ кіевскаго лаврскаго напѣва, а также «Вертепъ» по напечатанной въ «Кіев. Стар.» и сохранившейся въ родѣ Галагана партитурѣ XVIII в.

Я не имѣлъ возможности наблюдать въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существовали крѣпостные пѣвчіе и музыканты, какое вліяніе оказали они на туземное церковное и народное пѣніе и музыку. Могу только сказать, что многіе пѣвчіе и музыканты по полученіи «воли» превратились въ заправскихъ хлиборобовъ, и только болѣе способные и предпріимчивые, также какъ и бывшіе лакеи, парикмахеры, кондитеры, повара и т. п., разбрелись по городамъ и нашли работу по своей спеціальности. Аналогичная судьба по-

---

[1]) Лучшими считались музыканты и пѣвчіе В. П. Сахно-Устимовича, а также были капеллы у Родзянокъ: П. Г., С. П., Н. А, у А. С. Алексѣева и музыканты у А. А. Бузановскаго. Много говорили о капеллѣ Паульсона въ лохвицк. у., но особенно славилась капелла княгини Лопухиной въ кіев. губ., куда хорольскіе помѣщики посылали своихъ музыкантовъ для подготовки въ качествѣ солистовъ.

стигла многихъ «крепаковъ» служилыхъ и мастеровыхъ на бывшихъ помѣщичьихъ заводахъ: винокуренныхъ, свеклосахарныхъ, а также на фабрикахъ прядильно-ткацкихъ: суконныхъ, ковровыхъ, полотняныхъ и др.

Однимъ словомъ вся насажденная при крѣпостномъ правѣ культура, поглощавшая массу дарового труда и вызванная исключительно прихотливыми потребностями помѣщичьяго быта и обстановки, рухнула вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ и оставила значительное число сельскихъ пролетаріевъ, имѣвшихъ несчастье числиться «дворовыми» и не получившихъ земельныхъ надѣловъ при составленіи уставныхъ грамотъ. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что какъ, напр., музыканты, такъ и столяры-токари, ткачи и коверщицы и т. п. очутились на «волѣ» безъ орудій труда, т. е. безъ инструментовъ и т. п., какъ равно безъ всякихъ денежныхъ средствъ, и потому не имѣли возможности пользоваться своими знаніями въ качествѣ предпринимателей кустарей или ремесленниковъ, и при томъ многія спеціальныя знанія оказались не соотвѣтствующими условіямъ малоземельнаго пахарскаго быта. Достойно вниманія, однако, то обстоятельство, что по даннымъ статистической подворной переписи по губерніи (1882—89 г.) регистрировано болѣе 100 разнообразныхъ кустарно-ремесленныхъ промысловъ съ цѣлыми десятками тысячъ кустарей и ремесленниковъ среди сельскаго населенія. А это служитъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что въ реформенный періодъ живая жизнь и потребности городского и деревенскаго быта вызвали спросъ и предложеніе чрезвычайно разнообразныхъ знаній и умѣній, такъ что «свободный» уже трудъ нашелъ болѣе широкое приложеніе и доставляетъ насущное пропитаніе множеству тружениковъ изъ крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ, а также состоявшихъ въ вѣдѣніи министерства государ. имуществъ крестьянъ казенныхъ (быв. монастырскихъ), государственныхъ (быв. ранговыхъ, магистратскихъ, воинскихъ поселянъ и т. п.), и малороссійскихъ козаковъ.

Въ отличіе отъ крестьянства разныхъ наименованій, козачество, какъ войсковое служилое сословіе, было всегда «вольнымъ», т. е. лично свободнымъ, и располагало своими потомственно-

наслѣдственными землями на правѣ личной собственности (съ нѣкоторыми ограниченіями въ позднѣйшее время въ отношеніи продажи земель въ постороннія руки). По своей численности оно составляетъ въ нашемъ краѣ около $^1/_2$ сельскаго населенія, и въ своемъ семейно-домашнемъ быту служило неизмѣннымъ хранителемъ и носителемъ народныхъ идеаловъ, историческихъ преданій и юридически-правовыхъ обычаевъ, въ особенности славное войско Запорожское, какъ вѣтвь того-же малороссійскаго козачества. Въ средѣ этого козачества образовались своего рода барды или баяны въ лицѣ такъ наз. кобзарей или бандуристовъ, воспѣвавшихъ исторію и бытъ народа въ стародавнихъ думахъ и пѣсняхъ историческихъ, ритуальныхъ, бытовыхъ съ придачею сатирическихъ и юмористическихъ. Словомъ сказать, кобзари (бандуристы) воплощали въ лицѣ своемъ традиціонное поэтическое и музыкальное творчество народа.

Какъ извѣстно, многія произведенія народнаго творчества, а въ особенности думы и пѣсни историческія, сложились неизвѣстно когда и какими авторами. Въ художественномъ творчествѣ принималъ участіе украинскій народъ въ обширномъ смыслѣ слова. Изъ историческихъ источниковъ извѣстно, что во времена гетманщины даже нѣкоторые полковники—не говоря о старшинѣ сотенной и заурядномъ козачествѣ—бывали неграмотны, а между тѣмъ еще въ первой половинѣ XVII в., по свидѣтельству Боплана, козачество отличалось нерѣдко познаніями, превышавшими уровень простонародья украинскаго. Что касается музыки, то извѣстно, что бандура или кобза была любимымъ инструментомъ козачества, не исключая высшей старшины. Такъ, въ музеѣ В. В. Тарновскаго мнѣ приходилось видѣть бандуру гетмана Мазепы; при томъ, напр., въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны фигурировали въ дворцовомъ штатѣ придворные бандуристы, а затѣмъ, во время окончательнаго разоренія Сѣчи Запорожской и уничтоженія войска Запорожскаго, злополучный послѣдній судья войсковой Антонъ Головатый услаждалъ петербургскихъ вельможъ пѣніемъ своихъ и традиціонныхъ пѣсенъ подъ аккомпаниментъ бандуры. Правдоподобно, что болѣе одаренные и

искусные въ музыкѣ и пѣніи лица изъ козацкой старшины не гнушались щегольнуть своимъ искусствомъ съ бандурой въ рукахъ и въ веселой компаніи исполняли думы и пѣсни, какъ унаслѣдованныя преемственно, такъ и произведенія собственнаго творчества, иногда юмористическія и сатирическія, которыя и поступали преемственно въ народное обращеніе. Къ числу интеллигентныхъ вкладчиковъ въ народную сокровищницу принадлежитъ, наприм., извѣстный поэтъ-философъ Г. С. Сковорода, а также И. П. Котляревскій и въ особенности безсмертный Т. Г. Шевченко.

Распространеніе кобзы или бандуры въ былое время возможно допустить потому, что, съ одной стороны, инструментъ этотъ въ умѣлыхъ рукахъ могъ удовлетворить самымъ разнообразнымъ настроеніямъ играющаго и слушателей, а въ то же время былъ весьма удобенъ для передвиженія какъ пѣшкомъ, такъ и на конѣ (съ перевязью черезъ плечо), и съ другой стороны—надо вспомнить, что даже въ концѣ XVIII в., во времена Шафонскаго, образъ жизни даже между знатнѣйшими малороссіянами «былъ простъ и не великолѣпенъ», такъ что до водворенія послѣдняго гетмана К. Г. Разумовскаго не были, наприм., въ употребленіи кареты, да по всей вѣроятности и объ клавесинахъ едва-ли имѣли понятіе всѣ тогдашнія заурядныя *паніи-полковницы* и ихъ дочери. Добавлю, что не знавшее треволненій и невзгодъ походной козацкой жизни приходское духовенство услаждало свои досуги въ XVIII и первой половинѣ XIX в. своими библейскими «гуслями», болѣе дорогими и болѣе громоздкими по сравненію съ бандурой; но количество гусляровъ, можно думать, не могло быть значительнымъ въ первой половинѣ XIX в., такъ какъ на своемъ вѣку я встрѣчалъ единственнаго батюшку, игравшаго на гусляхъ, а въ домахъ духовенства послѣ того не приходилось никогда видѣть гуслей.

Само собою разумѣется, сравнительно немногіе обладаютъ музыкальными способностми и въ частности къ игрѣ на бандурѣ. Въ свою очередь уничтоженіе Запорожья и вообще гетманщины, закрѣпощеніе части сельскаго населенія Малороссіи и дарованіе

части старшины козацкой правъ потомственнаго дворянства— ознаменовались рѣзкимъ отдѣленіемъ панства отъ массы народной и повели къ уничтоженію и упадку народной поэзіи и музыки Единственными ревностными хранителями творчества народнаго въ пѣснѣ и музыкѣ остались профессіональные *слѣпцы-кобзари* и лирники, странствовавшіе по Украинѣ, какъ непремѣнные посѣтители городскихъ и сельскихъ ярмарокъ. Слова думъ и пѣсенъ и напѣвы въ средѣ *слѣпцовъ* передавались отъ учителей ученикамъ преемственно; но въ видахъ конкурренціи, нѣкоторые учителя передавали свои знанія не полностью, такъ что иныя слова и въ особенности напѣвы съ ихъ пѣвцами и музыкантами сошли въ могилу. Вслѣдствіе техническихъ трудностей, искусная игра на бандурѣ не легко давалась слѣпцамъ, и потому для послѣднихъ оказалась болѣе доступною игра на лирѣ, дающей болѣе ограниченный и монотонный аккомпаниментъ къ пѣсенному тексту. Такимъ образомъ мало-по-малу сокращался контингентъ своего рода виртуозовъ-бандуристовъ, тѣмъ болѣе, что и искусство послѣднихъ оплачивалось съ теченіемъ времени и съ измѣненіями сельскаго быта уже совсѣмъ по-нищенски слушателями-бѣдняками, награждавшими мѣдными копѣйками и «шагами» (грошами=$^1/_2$ к. сер.) или бубликами и ломтями хлѣба пѣвцовъ-музыкантовъ на ярмаркахъ или въ шинкахъ и у себя на дому. Упадокъ *народной* музыки обусловливается до извѣстной степени существованіемъ крѣпостныхъ хоровъ и оркестровъ, организованныхъ на европейскій ладъ съ регентами и капельмейстерами, съ «партеснымъ» пѣніемъ и игрой по нотамъ оперныхъ и симфоническихъ произведеній разныхъ композиторовъ. Выше я насчиталъ въ одномъ только хорольскомъ уѣздѣ шесть хоровъ и оркестровъ; въ лохвицкомъ у. славился оркестръ Паульсона и въ Дегтяряхъ, прилукскаго у., музыканты и пѣвчіе Галагана; въ томъ же уѣздѣ изъ средняго достатка помѣщиковъ-меломановъ А. И. Тарновскій, какъ разсказывали, образовалъ оркестръ изъ 12 человѣкъ своихъ крѣпостныхъ и самъ дирижировалъ и игралъ партію первой скрипки [1]).

---

[1]) По словамъ моей жены, Тарновскій щеголялъ пьесой своей композиціи подъ названіемъ «косовица», въ которой эффектъ произ-

Понятно, что къ такому панству не могъ уже имѣть доступа слѣпецъ-кобзарь съ традиціоннымъ репертуаромъ. На моей памяти, въ 50—60-хъ гг., въ хорольскомъ уѣздѣ на балахъ и пирахъ помѣщиковъ крупныхъ и среднихъ, а также на свадьбахъ нѣкоторыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, гремѣли панскіе хоры и оркестры; полупанки же и заурядное городское чиновничество доставляло молодому поколѣнію удовольствіе устройствомъ, во время храмовыхъ и семейныхъ пировъ, танцовальныхъ вечеровъ, на которыхъ вмѣсто оркестра—наигрывалъ популярный въ то время нѣкій «Михась» на скрипкѣ съ гармоникой, а потомъ съ гармони-флейтой, иногда еще и съ віолончелью. Этотъ «Михась» съ своими сыновьями зналъ почти весь не только хорольскій, но и смѣжные уѣзды, и по заранѣе составленному маршруту пускался въ музыкальныя путешествія, предварительно заручившись приглашеніями полупанковъ. Мнѣ непосредственно извѣстно, что семья Михася играла танцы (кадрили, польки, польки-мазурки, вальсы, мазурки, галопы, лянсье) и пѣсни по слуху, безъ нотъ, конечно съ значительными погрѣшностями въ мотивахъ и аккомпаниментѣ, но это не мѣшало молодежи танцовать иногда до упаду, и потому Михась и старшій сынъ его «Сашко» всюду были желанными и наигрывали иногда до разсвѣта и полнаго изнеможенія. Думаю, что въ каждомъ уѣздѣ были свои «Михаси», какъ въ Полтавѣ Мелентій, пользовавшійся широкою популярностью въ средѣ полупанковъ, періодически устраивавшихъ пирушки. И неудивительно, что былая слава кобзарей померкла, и сами они настолько стушевались, что въ началѣ 70-хъ гг. доставленный Г. П. Галаганомъ изъ Сокиринецъ въ Кіевъ бандуристъ Остапъ Вересай, съ легкой руки А. А. Русова, долгое время считался въ Кіевѣ и въ Петербургѣ послѣднимъ украин-

---

водилъ оригинальный аккомпаниментъ: разнообразные удары лопатками по сѣнокоснымъ косамъ съ разными варіаціями. Пьеса въ концѣ 50-хъ г. была напечатана въ партитурѣ съ отдѣльными партіями и исполнялась композиторомъ въ концертахъ на родинѣ и даже въ Москвѣ. Я много слышалъ объ этой пѣснѣ въ Прилукахъ, но партитуры видѣть не приходилось и не знаю, уцѣлѣла ли она.

скимъ кобзаремъ. На самомъ дѣлѣ, во время изслѣдованія въ 1884—85 г. кустарныхъ промысловъ по полтав. губ., мнѣ приходилось встрѣчать въ разныхъ уѣздахъ на сельскихъ ярмаркахъ и бандуристовъ, и много лирниковъ; но, посѣщая ярмарки мимоѣздомъ и имѣя свою спеціальную программу дѣятельности, я не располагалъ досугомъ для собесѣдованій съ бандуристами. Они не перевелись еще до нашихъ дней ни у насъ, ни въ Черниговщинѣ и Харьковщинѣ. Такъ, весной 1902 г. на всероссійской культурно-промышленной выставкѣ въ Петербургѣ появился доставленный музеемъ полтавскаго губернскаго земства изъ м. Великихъ Сорочинецъ, миргор. у., случайно обнаруженный единственный бандуристъ М. Кравченко, но уже въ августѣ того же года на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ, какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», инженеръ-технологомъ и виртуозомъ на бандурѣ И. М. Хоткевичемъ былъ огранизованъ небольшой хоръ изъ 6 бандуристовъ, 3 лирниковъ и «музыки троистои», дебютировавшій на музыкально-вокальномъ вечерѣ въ засѣданіи этнографическаго отдѣленія археологическато съѣзда. На Шевченковскомъ же вечерѣ въ Полтавѣ, благодаря г. Хоткевичу, опять появились тѣ же бандуристы и лирники, съ додаткомъ прибывшихъ изъ Диканьки двухъ скрипачей, двухъ віолончелистовъ и бубна, такъ что на самомъ дѣлѣ получился уже смычковый квинтетъ подъ именемъ музыки троистои. Говорю это на томъ основаніи, что каждый инструментъ исполнялъ, конечно по слуху, свою партію, причемъ одинъ изъ віолончелистовъ игралъ безъ смычка, посредствомъ «пиччикато», а игрокъ на бубнѣ оказался настоящимъ виртуозомъ по разнообразію техническихъ пріемовъ и оригинальности извлекаемыхъ звуковъ. Изъ бесѣдъ моихъ съ кобзарями мнѣ отрадно было узнать, что представители полтавской и черниговской губ. имѣютъ каждый въ своемъ краѣ нѣсколько человѣкъ знакомыхъ кобзарей, а всѣ 4 харьковскихъ были изъ подгородныхъ селъ; вообще же въ одномъ харьковскомъ уѣздѣ насчитываютъ они до 15 бандуристовъ; причемъ наиболѣе искусный игрокъ случайно не участвовалъ на концертахъ ни въ Харьковѣ, ни въ Полтавѣ.

Хотѣлось бы думать, что наши бандуристы пережили тяжкіе времена уничтоженія и упадка національной музыки и пѣнія, и что той и другому суждены въ XX вѣкѣ лучшіе дни возрожденія, признаки котораго обнаружились небывалымъ восторгомъ и сочувствіемъ многочисленной. разнохарактерной публики въ Харьковѣ и Полтавѣ.

II.

Въ «посланіи до Пархома» [1]) между прочимъ читаемъ: «Въ шынку наризують тоби цимбалы, кобзы и сопилки»; по счету выходитъ какъ-бы «музыка троиста», но подобнаго сочетанія инструментовъ мнѣ лично не приходилось слышать, а помню съ дѣтства на деревенскихъ и простонародныхъ городскихъ свадьбахъ и на праздникахъ для танцевъ молодежи музыку «троисту» изъ скрипки, цимбалъ и бубна; въ городахъ же въ позднѣйшіе годы цимбалы выходятъ изъ употребленія и замѣняются второю скрипкою и «басомъ» (віолончелью). Поэтому я склоненъ считать *стародавнею* «троистою» музыкою—скрипку съ цимбалами и бубномъ (съ маленькими мѣдными тарелочками нѣсколько паръ). Сопилка или свирѣль служитъ большею частью пастушьимъ развлеченіемъ и издаетъ у слышанныхъ мною иногда весьма искусныхъ игроковъ пріятные и оригинальные звуки, въ протяжномъ и быстромъ темпѣ—по фантазіи игрока. Разъ заходитъ рѣчь о возрожденіи національной украинской музыки, то извѣстный мнѣ полный наборъ музыкальныхъ инструментовъ будетъ слѣдующій: общераспространенный квартетъ смычковыхъ, и другой квартетъ изъ бандуры, лиры, цимбалъ и сопилки; дополненіемъ можетъ служить смычковый контрабасъ и ударный бубенъ съ мѣдными тарелочками, а иногда бубенчиками. Такимъ образомъ получается полный подборъ инструментовъ для разнохарактерной, своеобразно-прекрасной гармонизаціи украинской народной пѣсни. Не говоря объ оркестрахъ симфоническихъ, театральныхъ и военныхъ, мнѣ приходилось слышать также отдѣльные хоры рожечниковъ, гармонистовъ, балалаечниковъ, мандолинистовъ, румынскіе оркестры съ цимбалономъ, цитры съ балалайками, но съ искреннимъ убѣжде-

[1]) Гулака-Артемовскаго.

ніемъ говорю, что изъ этихъ хоровъ мнѣ больше пришлись по вкусу бандуристы съ лирниками и музыкою троистою. Впрочемъ, въ Харьковѣ и Полтавѣ дебютировалъ неполный комплектъ перечисленныхъ выше народныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Было бы въ высшей степени интересно и поучительно услышать подъ управленіемъ народнаго композитора Н. В. Лисенка, такія произведенія его, какъ наприм., можно сказать, національный гимнъ «Слава нашимъ козаченькамъ», а также «Жалибный маршъ», «Бьють пороги», «Изъ-за горы зъ-за Лыману», «Дощикъ», «На бережку у ставка» и т. п., аранжированные композиторомъ спеціально для *полнаго народнаго* украинскаго оркестра съ смѣшанными (мужескими и женскими) хорами, чтобы получить полное представленіе о достоинствѣ и оригинальности національной музыки. Сознаю себя профаномъ въ теоріи музыки и позволилъ себѣ только что сказанное, какъ любитель народной музыки, не лишенный музыкальнаго слуха и индивидуальнаго вкуса. Я въ состояніи понимать отсутствіе оркестровыхъ деревянныхъ (флейтъ, кларнетовъ, гобоевъ, фаготовъ) и мѣдныхъ трубъ, но въ то-же время могу себѣ представить, что полный комплектъ нашихъ народныхъ инструментовъ, а тѣмъ болѣе въ удвоенномъ числѣ (примо и секундо) можетъ составить своеобразный оркестръ со всѣми національными особенностями, болѣе или менѣе рѣзко отличающимися отъ означенныхъ выше рожечниковъ, балалаечниковъ и т. п. При томъ я имѣю въ виду исключительно нашу родную пѣсню, которой столько души и таланта посвятилъ Н. В. Лисенко, и которому да поможетъ Богъ сдѣлать еще многое для возрождающейся національной музыки. Введеніе въ оркестръ *всѣхъ* народныхъ инструментовъ будетъ дальнѣйшимъ шагомъ музыкальнаго развитія въ національномъ направленіи, въ паралелль съ родною литературою—художественною и научно-популярною.

Само собою разумѣется успѣшное и правильное культурное развитіе вообще и музыкальное въ частности немыслимо безъ спеціальныхъ вокально-музыкальныхъ школъ. Отсутствіе малороссійскихъ музыкальныхъ школъ привело къ тому, что наша національная музыка обратилась въ буквальномъ смыслѣ въ ни-

щенско-слѣпецкое кобзарство и лирництво, съ самодѣльными примитивными инструментами; а между тѣмъ распространеніе среди сельской молодежи гармоникъ, балалаекъ и т. п. порождаетъ извращеніе національнаго музыкальнаго вкуса и нѣкоторое пренебреженіе къ роднымъ пѣснямъ и мотивамъ. Къ счастію, подъ вліяніемъ блестящаго успѣха слѣпцовъ-бандуристовъ и лирниковъ въ Харьковѣ, полтавская губ. зем. управа предположила устроить школу для обученія юношей-слѣпцовъ традиціонному пѣнію и игрѣ на бандурѣ, лирѣ, скрипкѣ, а также для изученія доступныхъ слѣпцамъ ремесленныхъ знаній; но, очевидно, попечительность и вниманіе земства къ горькому положенію *слѣпцовъ* истекаетъ изъ филантропическо-благотворительныхъ побужденій, но не спеціально во имя культурнаго развитія національной музыки и пѣнія. Слѣдуетъ, конечно, отъ всей души желать осуществленія прекраснаго намѣренія земства, дѣлающаго первый шагъ въ организаціи вокально-музыкальной *школы для слѣпцовъ*. Но вѣдь безспорно, что по сборникамъ Н. В. Лисенка съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе играетъ и поетъ нашу родную мелодію всероссійская образованная часть привилегированныхъ сословій; на родинѣ же не поютъ и не играютъ «по нашому» развѣ тѣ немногіе изъ привилегированныхъ или же дипломированныхъ уроженцевъ украинскихъ, которые сознательно цураются «риднои мовы» настолько, что оффиціально отреклись отъ нея при первой всеобщей переписи населенія. Рядомъ съ этимъ знаменателенъ тотъ фактъ, что молодой и талантливый инженеръ-технологъ 1-го разряда И. М. Хоткевичъ публично выступилъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ въ качествѣ интеллигентнаго кобзаря, вполнѣ усвоившій пѣніе кобзарскихъ думъ и пѣсенъ и достигнувшій замѣчательной виртуозности въ игрѣ на бандурѣ. Сколько мнѣ извѣстно, г. Хоткевичъ намѣренъ издать составленную имъ школу для игры на бандурѣ, а коль скоро это осуществится, то статься можетъ, нѣкоторая часть интеллигентной украинской и великорусской молодежи посвятитъ свои досуги и трудъ изученію игры на бандурѣ вмѣсто, наприм., мандолинъ, цитръ, балалаекъ, начинающихъ входить въ «моду» на Украинѣ.

Все сказанное наводитъ на мысль, что насколько достойна уваженія высоко симпатичная заботливость земства о слѣпыхъ, на столько же плодотворна можетъ оказаться вокально-музыкальная національная украинская школа *для зрячихъ*, безъ различія сословій, дабы предоставить украинскому юношеству возможность систематически изучить на томъ или другомъ народномъ инструментѣ *игру по нотамъ* и развить свои природныя способности. Все это говоритъ о назрѣвшей уже потребности въ учрежденіи малорусской вокально-музыкальной средней и низшей школы.

Здѣсь, конечно, не мѣсто, да и не мое дѣло спеціально трактовать о задачахъ и постановкѣ школьнаго музыкальнаго образованія. Но позволю себѣ выразить мысль, что отечество обогатилось уже нѣсколькими музыкальными консерваторіями, Императорское Русское Музыкальное Общество имѣетъ не малое число своихъ отдѣленій въ провинціи, въ частности напр. въ Полтавѣ успѣшно функціонируетъ и отдѣленіе музыкальнаго общества и спеціальные музыкальные классы,—такъ позволительно желать учрежденія на первый разъ хотя одного средняго *малороссійскаго* музыкальнаго училища и низшихъ школъ, благодаря доброму почину Полтавской губ. зем. управы.

Было-бы радостно, когда-бы на первый разъ желанное музыкальное училище было основано въ Кіевѣ, гдѣ протекла почти вся самостоятельная музыкальная дѣятельность неутомимаго собирателя и народнаго композитора Н. В. Лисенка. Не боюсь ошибиться, выражаясь, что онъ болѣе всѣхъ современныхъ отечественныхъ музыкальныхъ композиторовъ съ высшимъ образованіемъ положилъ труда для національной малороссійской музыки. Думаю, что подъ его личнымъ управленіемъ съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ выказать всѣ свои достоинства и способности оркестръ въ составѣ всѣхъ народныхъ инструментовъ, при исполненіи приведенныхъ мною выше въ видѣ примѣра произведеній г. Лисенка. Но для осуществленія этого необходимо, чтобы и само общество позаботилось предоставить ему время и возможность сформировать хоръ и оркестръ изъ слѣпыхъ и зрячихъ исполнителей, и чѣмъ скорѣе осуществится подобное предпріятіе, тѣмъ лучше; во всякомъ

случаѣ не слѣдуетъ откладывать на долгое время настоятельнаго вопроса о возбужденіи ходатайства о разрѣшеніи устройства малороссійскаго музыкальнаго училища. Нужно имѣть въ виду, что ортодоксальные теоретики станутъ отрицать цѣлесообразность введенія въ курсъ музыкальнаго училища преподаванія игры на нашихъ нѣкоторыхъ народныхъ инструментахъ, не имѣющихъ пока права гражданства въ симфоническихъ оркестрахъ. Но вѣдь нужно-же вывести наконецъ нашу музыку изъ слѣпецко-нищенскаго положенія и открыть ей свободный путь для посильнаго развитія всѣхъ бытующихъ въ живой жизни орудій и для гармонизаціи своей родной пѣсни, достоинства которой уже признаны цивилизованнымъ міромъ.

Навѣрное—съ открытіемъ музыкальнаго училища и школъ найдется достаточное число украинскаго юношества, желающаго систематически изучить свою родную пѣсню. Болѣе или менѣе основательное знакомство съ народной музыкой и пѣніемъ, само собою разумѣется будетъ важнымъ культурнымъ шагомъ впередъ и будетъ способствовать развитію самосознанія и самодѣятельности, ничуть не умаляя значенія и достоинства отечественныхъ консерваторій и училищъ, какъ органовъ для высшаго вокально-музыкальнаго академическаго образованія. Съ утилитарной же точки зрѣнія малороссійское музыкальное училище можетъ подготовить своихъ питомцевъ въ качествѣ преподавателей элементарныхъ началъ нотной народной музыки и пѣнія и организаторовъ деревенскихъ пѣвческо-музыкальныхъ хоровъ. Вѣдь и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ Полтавщины, благодаря псаломщикамъ изъ семинаристовъ, иногда дьяконамъ и батюшкамъ, образовались церковные хоры, и также можно слышать народныя пѣсни, исполняемыя хоромъ по сборникамъ Н. В. Лисенко; но улучшенная народная музыка, можно сказать, отсутствуетъ, или не выходитъ изъ предѣловъ сравнительно ограниченнаго репертуара слѣпцовъ-бандуристовъ и лирниковъ; съ распространеніемъ-же музыкальныхъ школъ можно ожидать появленія, напр., бандуристовъ и цимбалистовъ между грамотною, зрячею деревенскою и городскою молодежью, бренчащею пока на нелѣпой балалайкѣ, или на при-

торной гармоникѣ и т. п. Въ свою очередь цѣннымъ культурнымъ успѣхомъ будетъ образованіе въ средѣ сельскаго населенія объединенныхъ на товарищескихъ началахъ профессіональныхъ вокально-музыкальныхъ хоровъ съ болѣе или менѣе обширнымъ репертуаромъ народной музыки. Если нашъ народный театръ, можно сказать, неразлученъ съ музыкой и пѣніемъ, то естественно желать, чтобы оркестръ состоялъ исключительно изъ своихъ-же народныхъ инструментовъ, конечно возможно улучшенной конструкціи и достоинства, такъ какъ нищенскіе—въ смыслѣ самодѣльщины и нужнаго качества и силы звуковъ—бандуры, лиры, цимбалы и т. п. несомнѣнно могутъ быть улучшаемы до безконечности. Усовершенствованіе же производства инструментовъ вызоветъ приложеніе труда опытныхъ и искусныхъ музыкальныхъ и инструментальныхъ мастеровъ—въ мѣру обезпеченнаго спроса или заказа издѣлій улучшенной конструкціи и качества, какъ спеціально для оркестровъ, такъ и для отдѣльныхъ болѣе или менѣе требовательныхъ любителей и знатоковъ народной музыки въ средѣ горожанъ и деревенскихъ обывателей.

III.

Заслуженная извѣстность и блестящіе успѣхи малорусскаго театра повсюду въ отечествѣ неразрывно связаны съ первоначально выступившими на сценическое поприще высокодаровитными артистами и артистками съ Кропивницкимъ и Заньковецкой во главѣ, продолжающими подвизаться еще до настоящаго времени. По примѣру родоначальницы «Наталки-Полтавки» Котляревскаго, почти въ каждую пьесу малорусскаго репертуара первоначально входило драматическое представленіе въ соединеніи съ пѣніемъ и весьма часто съ танцами—ради сценическихъ успѣховъ. Увлеченіе заранѣе разсчитанными эффектами доходило до того, что нѣкоторыя малосодержательныя пьесы представляютъ просто спекулятивную балаганщину, или въ лучшемъ случаѣ утрированную картину украинскаго яко-бы народнаго быта, изображающую «коханния», отчаянное пьянство, съ пѣніемъ и бѣшенными плясками, не имѣющими ничего подобнаго въ дѣйствительности. Впрочемъ

съ теченіемъ времени драматургъ-артистъ Карпенко-Карый и его послѣдователи дали цѣлый рядъ болѣе или менѣе глубоко захватывающихъ и потрясающихъ картинъ народнаго житья-бытья безъ шаблонныхъ эффектовъ, и въ концѣ концовъ образовался уже довольно разнообразный репертуаръ малороссійскаго театра, хотя нѣкоторыя пьесы остаются недоступными для общаго пользованія, такъ какъ составляютъ спекулятивную монополію ихъ авторовъ, заполучившихъ цензурныя разрѣшенія по рукописнымъ экземплярамъ, остающимся неотпечатанными. Во всякомъ случаѣ приходится признать, что, несмотря на значительные успѣхи, которые въ послѣднее время сдѣлала малороссійская драма, все-же имѣется очень мало піесъ, вполнѣ отвѣчающихъ потребностямъ и условіямъ народной сцены. По мнѣнію моему это слѣдуетъ объяснить главнымъ образомъ тѣмъ, что огромное большинство пьесъ является продуктомъ кабинетныхъ измышленій авторовъ, а не непосредственныхъ наблюденій народнаго быта. Поэтому такъ назыв. «обстановочныя» пьесы совершенно недоступны для деревенскаго театра, при отсутствіи матеріальныхъ средствъ и, главное, драматическихъ силъ и необходимаго помѣщенія. Думается мнѣ, что еслибы въ видѣ исключенія въ какой либо деревнѣ нашлось лицо, которое согласилось-бы руководить устройствомъ театра на первыхъ шагахъ и съумѣло бы привлечь деревевскую молодежь къ участію, то едва-ли можно разсчитывать на плодотворныя послѣдствія. Вѣдь деревенская простонародная молодежь, въ особенности дѣвицы, почти сплошь неграмотны; а для осмысленной игры даже грамотныхъ—нужно сперва имъ дать возможность видѣть на сценѣ въ нѣсколькихъ роляхъ, такихъ извѣстныхъ артистовъ, какъ Заньковецкую, Зарницкую, Суслову, Кропивницкаго, Карпенка-Карого, Садовскаго и Саксаганскаго, для того, чтобы деревенщина видѣла и поучалась. Но объ этомъ, конечно, и мечтать не приходится; разсчитывать не на *даровыя* силы городскихъ людей для представленій въ деревнѣ—въ видѣ примѣра—едва ли возможно, не говоря о томъ, что у многихъ любителей обыкновенно бываетъ гораздо больше самомнѣнія и самолюбія, чѣмъ драматическихъ талантовъ.

При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, возможно надѣяться, что, благодаря субсидіямъ со стороны комитета народной трезвости, впослѣдствіи могутъ быть сооружены болѣе или менѣе помѣстительные народные дома для чайныхъ съ библіотеками, но едва ли найдется много помѣстительныхъ залъ для народнаго театра. Такого рода зданія могутъ появиться развѣ въ болѣе многолюдныхъ мѣстечкахъ, при затратахъ общественныхъ, а для заурядныхъ селеній и деревень перреспектива утопаетъ въ непроглядномъ туманѣ. Разсчитывать же въ будущемъ на сооруженіе помѣщеній для сельскихъ школъ съ раздвижными стѣнками, пригодныхъ для народныхъ собраній и спектаклей хотя бы въ болѣе значительныхъ селеніяхъ—почти иллюзія: «марево, панъ-оче, ввесь свитъ мороче»— и въ концѣ концовъ деревенскій театръ съ доморощенными драматическими силами—это журавль въ небѣ; синицей-же въ рукахъ скорѣе можно считать деревенскіе вокально-музыкальные хоры, и теперь бытующіе въ примитивномъ видѣ, какъ я говорилъ выше. Такимъ образомъ, деревенскій театръ въ захолустьяхъ, говоря вообще—пока не имѣетъ для себя почвы и на самомъ дѣлѣ представляется своего рода роскошью, которою не могутъ пользоваться посѣтители-бѣдняки безплатно; даже въ городахъ театръ посѣщаетъ сравнительно незначительная часть болѣе имущихъ горожанъ, а простонародье не участвуетъ въ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ «панскихъ», не говоря о томъ, что въ послѣдніе годы въ Полтавѣ даже товарищество малороссійскихъ корифеевъ имѣло весьма скромные сборы со спектаклей.

И такъ, оставляя на этотъ разъ деревенскій театръ въ сторонѣ, слѣдуетъ признать настоятельнымъ національно-патріотическимъ дѣломъ—систематическое развитіе неразрывно связанныхъ съ народнымъ бытомъ родной пѣсни и музыки, путемъ организаціи школъ низшихъ и среднихъ. На первомъ же планѣ должно поставить практическое осуществленіе организаціи смѣшаннаго хора и полнаго оркестра изъ всѣхъ народныхъ инструментовъ въ составѣ слѣпцовъ и зрячихъ исполнителей. Съ практической точки зрѣнія слѣдуетъ желать, чтобы малороссійская капела, съ Н. В. Лисенкомъ во главѣ, предстала бы на судъ публики и истыхъ знато-

ковъ народной музыки, какъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ, такъ и въ главнѣйшихъ городахъ намъ родственныхъ славянскихъ народовъ. Тогда мы будемъ знать, такъ сказать, судъ славянскаго міра надъ нашею родною музыкою, сопровождающей нашу пѣсню, которая вмѣстѣ съ славнымъ козачествомъ «не вмре, не поляже» уже потому, что своими многочисленными сборниками пѣсенъ съ голосами и сопровождающей музыкой Н. В. Лисенко обезсмертилъ себя и памятники народнаго творчества. Учрежденіе же въ Кіевѣ музыкальнаго малороссійскаго училища имени кобзаря-музыканта послужитъ воздаяніемъ ему за его поистинѣ самоотверженную и беззавѣтную любовь къ народной пѣснѣ и музыкѣ, съ которыми онъ далъ возможность познакомиться музыкальному міру цивилизованныхъ народовъ. Вѣдь за предѣлами отечества, въ соплеменной намъ Галиціи, существуютъ общества имени Т. Г. Шевченка и И. П. Котляревскаго, преслѣдующія цѣли литературно-научныя, и, статься можетъ, вскорѣ образуется вокально-музыкальное общество имени Н. В. Лисенка, такъ неужели же на родинѣ его нельзя желать и надѣяться на учрежденіе музыкальнаго училища?

В. Василенко.

Украинськи за̀пыси Порфирія Мартиновича. [1]

Записанный П. Д. Мартиновичемъ матеріалъ отъ *Кырыла Сайка* представляетъ не кобзарскій репертуаръ, а сказочно-повѣствовательный. Кырылъ Васыльевычъ Сайко, бывшій церковнымъ сторожемъ Николаевской церкви въ м. Вереміевкѣ, золотоношск. у., полтавск. губ., сообщилъ записывателю четыре сказки: 1) про запорозьця; 2) про правду; 3) подарунча; 4) два зъ торбою. Изъ нихъ сказка «Подарунча» имѣетъ сплошь стихотворный складъ, а сказка «Про правду» только вставляетъ мѣстами стихотворные отрывки; остальныя двѣ сказки являются въ чисто-повѣствовательномъ изложеніи. Надо прибавить при этомъ, что всѣ эти сказки больше похожи на обыкновенные бытовые разсказы, а не на настоящую сказку; особенно это бросается въ глаза при чтеніи разсказа «Про правду», который, хотя и названъ *казкою*, но по характеру своему представляетъ довольно вялый разсказъ изъ жизни рыбаковъ, очевидно вынесенный разсказчикомъ изъ этой среды въ то время, когда онъ служилъ въ *забродникахъ*, какъ о томъ свидѣтельствуетъ помѣтка записывателя.

Ред.

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 3.

Кырыло Сайко́.

I.

Казка про Запорозьця.

Жыла соби вдова и бувъ у неи сынъ парубокъ, и жывъ дидъ и въ дида була одным одна дочка́.

Зачала маты просыть сына шукать соби невисточку: „Я“, каже, „стара,—нездужаю тоби сорочкы прать“. „Шожъ“, каже, „мамо! Багата не пиде за мене, а зъ бидною трудне жытьтя буде“. „Та попытайсь такы, сыну, по хазяинахъ. Не поганый, кажуть, той вовкъ, шо въ порожню кошару загляне“. Пишовъ винъ по хазяина́хъ. Не отдають хазяины́ за его дочкы́. „Ты“, кажуть, „бидный, а мы багати, то мы свого дождемо“. Прыйшовъ винъ до-дому. „А шо“, каже, „мамо! я й казавъ, шо не отдадуть за мене хазяины своеи дочкы“. „Ну, знаешъ шо, сыну? Засылай до старыка. Той отдасть“. Пишовъ, знайшовъ двохъ чоловика, пишлы у вечери до дида. „А одсуньте намъ“. Одсунувъ. „А пытайте, диду, чого мы до васъ прыйшлы?“.—„И скажете. Якъ-бы малыхъ дитей прыслалы, такъ-бы мы и пыталы, а якъ сами прыйшлы, сами й скажете“. „Чы не можна-бъ диду та́къ: у насъ сынъ, а въ васъ дочка,—шобъ до купы звесты́?“ —„Отто, люде добри, въ мене дочка стоить,—де́ вашъ сынъ? Якъ шо вона согласна,—я не могу іи вдержать и спыныть“. Вклыкнулы хлопця въ хату. „Здрастуйте вамъ!“ „Здоровъ, хлопче. Сидай, хлопче“. „Та я й постόю“. „Сидай. Не соромьсь“. Сивъ винъ. Дидъ и каже: „отто, дочко, дывысь. Це тоби не на годъ и не на два, а на ввесь викъ. Якъ шо ты

согласна за ёго замижъ иты, то й Боже тебе благословы". Дочка й каже: „Тату! Скилько не сыдить, а треба замижъ иты. Яки самі́, за такыхъ и пидемо". Найшла рушныкы,—подава́ла. Пивъ кварты выпыли,—на недилю й весильля. Весильля одгулялы,—зачалы соби жыть.

Пожылы воны годъ. Заобре́менила въ ёго жинка. Стыдно ёму стало, шо жинка дытыну родытыме. Совисть у ёго вдарыла. „Одійду одъ неи". Узявъ соби паляныцю за пазуху; тоди билетивъ не було въ старовыну,—бычъ на плечи,—пишовъ соби кудысь здря.

Иде степомъ та иде, иде та иде,—колы стоить хутиръ. „Дай", каже, „зайду воды напыться". У тому хутори жывъ дидъ Запорожець. Ввійшовъ винъ до ёго въ хату: „здоровъ, диду".—„Здоровъ". „Дайте воды напыться". Дидъ и каже до своеи старои: „дай, бабо, попоисты ёму. Чоловикъ якъ хоче исты, то пыть просе. Сидай, хлопче, попоисы чого-небудь". Усыпала ему баба борщу въ мыску, сыдыть винъ и исть. Дидъ пытаетьця: „чы ты, хлопче, жонатый?" „Ни", каже, „диду, я не жонатый". „Кудыжъ ты йдешъ?" „Та йду", каже, „такъ... де наняться". „Наймысь до мене. Я тоби, хлопче, цину дамъ таку́, шо повыще всихъ цинъ буде. У мене е й роботныкы. Робота тоби не велыка буде. Якъ тилько ты не жонатый, то будь у мене".—„Ни", каже, „диду, не жонатый". Побалакалы зъ дидомъ,—зоставсь у дида,—жыве. Не прызнавсь дидови, шо жонатый, а каже холостый.

Жыве винъ соби въ дида годъ и другый и третій... Разъ зачавъ винъ плугъ робыть. Выйшовъ дидъ съципкомъ, ставъ коло ёго, подывывсь-подывывсь: „Э, не оратыме у тебе, хлопче, цей плугъ". „Ни, диду, оратыме". „Ни, не оратыме. Откынь чепигу, прыкынь дру́гу—буде ораты, а то́ не оратыме, хлопче". Послухавъ дида. Откынувъ чепигу, прыкынувъ другу, ту, шо дидъ велыть; запряглы шисть воливъ, пишлы пробувать плуга,—не оре плугъ. „А бачъ, диду! Я казавъ, шо не буде орать. А позвольте, диду, я прыкыну чепигу ту, шо я бувъ откынувъ,—буде орать". Прыробывъ чепигу, ту шо й першъ була, зачалы орать, отъ гі́нъ до гинъ рукамы не держать—оре́. Взявъ дидъ ципокъ тай каже хлопцеви: „хазяинуй, хлопче, якъ самъ знаешъ,—я тоби ни слова не скажу. Не буду я тоби мишать,—якъ знаешъ, такъ и робы. На́ тоби трыдьцять тысячъ грошей, чого треба у хазяйстви купуй: чы воливъ, чы плугивъ,—на те я тоби грошi даю; якъ знаешъ, такъ и робы". Узявъ винъ ти гроши,—зачавъ хазяинувать.

Хазяинуе винъ уже одынáдцять годъ у того Запорозьця.... На дванадцятый годъ повернýло, - якось празныкъ пидосьпивъ. По обиди лигъ дидъ спочывать, а хлопець сивъ коло столу — задумавсь. Дидъ руку спидъ головъ: „чого ты, хлопче, задумавсь? Мабуть ты, вражый сыну, чы не жонатый?" „Ни", каже, „диду не жонатый. А я", каже, „зажурывсь того, шо въ мене на голови хазяйство: шо въ мене сорокъ визъ чумака!... Людськи попрыходылы, а про моихъ и чуткы нема!" „А чогó-жъ ты, хлопче, журышься? У тéбе есть косякы коней... Пáру коней запряжы; наймычци прыкажы напекты паляныць, два бараны зарижъ, поидь, тай довидайся". Винъ заразъ хлибъ пекты загадавъ. Два бараны зарizалы. Пару коней запряглы. Поихавъ. Ихавъ день, ихавъ другый; ажъ на третій день зостривъ чумакивъ своихъ. „А, здорови, хлопци! Жыви здорови? Я вже за вамы скучывъ. Прыихавъ васъ уже 'дшукувать. Думавъ, васъ нема".—„Та й спасыби вамъ, хазяине, шо вы насъ 'дшукуете. Мы ще жыви здорови". Повыпрягалы волы, прысочынылы пыръ. Видеръ дви горилкы прывизъ. Погулялы. Рощотъ усимъ давъ. Одъихавъ одъ чумакивъ одъ своихъ. Прыихавъ до дому. „Отже, хазяине, й справывсь. Третёго дни будуть чумакы дома". „А я тоби казавъ, вражый сыну". Днивъ черезъ тры прыйшлы чумакы въ двиръ.

Жыве въ дида, хазяинуе до чотырнадцяты годъ. Прыйшлось, празныка дождалы. По вбиди впьять лигъ дидъ спочывать, а сынъ сивъ въ кинци столу, згадавъ про жинку, задумавсь. Якъ заплаче сылно!... Дидъ пидводе руку „Э-э-э, вражый сыну! Мабудь, чы не жонатый лышъ ты?" „Та ни", каже, „дидусю,—не жонатый".—„А чого-жъ ты, вражый сыне, заплакавъ?" „Того я, дидусю, заплакавъ, шо въ мене худоба, а сина мало накосывъ. Та здумавъ, та й заплакавъ, диду".—Э-э-э, вражый сыну! Та тымъ и журыться!? Осидлай коныка, та поидь до пана, та купы скырту, або дьви, то й не журытымесься". Винъ, не бувшы лыха, осидлавъ коня вороного, купывъ тры скырти сина. Прыихавъ до дому. „Одже, слава Богу, диду, теперъ не журюсь". Зачавъ винъ соби впьять хазяинувать.

Уже пьятнадцятый годъ винъ у дида жыве. Диждалы Сьвятои недили [1]). На Сьвяту недилю ярмарокъ у городи. Повбидалы въ празныкъ зъ дидомъ, зъ бабою умисьти. Лигъ дидъ спочывать по

---

[1]) Т. е. троицкихъ праздниковъ.

вбиди, а хлопець сивъ киньци столу, перекыда на щоты... Задумавсь... Якъ заплаче... Дидъ спидъ рукы й дывыться. «Э-э-э, вражый сыне», говорыть:—«ты, мабуть, лыпъ, чы не жонатый?» «Та ни, дидусю,—я такы не жонатый». «А чого жъ ты, вражый сыне, зажурывся»? «Якъ же мини, дидусю, не журыться? У го́роди ярмарокъ... Вы знаете, дидусю, шо я й хазяйствомъ занявсь... Плуги́въ мени треба». «Э-э, вражый сыну!—хиба въ тебе коней нема. Та й я бъ поихавъ. Та чого тоби треба, ты-бъ накупывсь, я бъ коло воза побувъ бы, а журыться не треба». Загадавъ хлопцямъ съ па́ру коней запрягты у визъ. А дидъ нышкомъ соби дьви прыгорщи червиньцивъ завьязавъ у хустку, та за пазуху й заложывъ. Силы й поихалы. Прыихалы въ городъ. Сталы середъ ярмарку. Хлопець пишовъ, обибравъ кватырю. «Ну, диду, будьте жъ вы коло воза, а я пиду чого мини треба накуплюсь». Накупывъ плугивъ, накупывъ зализа, накупывъ шынъ, узявъ пуда два зализа ризного, накупывъ лису, накупывъ осей... стилькы було ему треба... Тобъ и до дому ихаты по ку́пли. Дидъ и каже: хлопче! Ты на хутори жывешъ, ни съ хлопцямы, ни съ дивчатамы не знаисься; на тоби, хлопче, червонця, та пиды до трахтыря погуляешъ съ хлопцямы та съ дивчатамы».—«Та шо вы мени, диду, даете? У мене е гроши безъ вашихъ». «Мени нема дила шо въ тебе е. Я даю самъ одъ себе мои, шобъ ты погулявъ за мои». «Та скилькось, диду; якъ шо даете, то й давайте». Взявшы того червоньця, пишовъ до трахтыря; а дидъ позырци за нымъ у слидъ. Прыйшовъ винъ до трахтыря. Музыки грають, хлопци и дивчата гуляють.—«А здорови, хлопци й вы, дивчата! А давайте погуляемъ, хлопци! А подай, шынкарь, тры ведрі́ горилкы намъ. А пыйте, хлопци, по стакану, та згадайте й мене колы не́будь... Та дайте жъ и музы́камъ хочъ по одній... Ну, се такъ не обійдеться; я ще музыкамъ заплатю». Послидни гроши заплатывъ музыкамъ, шобъ гралы до самого вечера. «Ну гуляйте жъ, хлопци, музыки заплачени ажъ до вечера, а я, прощайте, поиду до дому». А дидъ, выглядившы на хлопця, тай напередъ до воза; та на чоловика, що коло ёго воза ставъ зъ своимъ возомъ каже: «брате! Якъ прыйде мій хлопець до воза, то ты скажы, брате, шо я зъ людьмы выпью чвертку». Прыходе хлопець до воза. «Здоровъ, дядьку».—«Здоровъ». «А де мій дидъ»? «Пишовъ до яткы... Чвертку зъ людьмы, каже выпью». Пишовъ винъ у ятку. Колы дидъ сыдыть. Кварту горилкы взявъ и п-пья-ный... такый, якъ земля. Винъ до его.—„Диду, шо се вы?..“ Дидъ, пиднявшы голову: „а-а-а... се-се-се ты, хлопче?“

„Та я жъ“, каже. „Нашо вамъ, диду, ся горилка здалась? Якъ у мене въ комори дьви кухви е?!“ „Э-э, вражый сыну! Дома домашня, а це ярмаркова. А выпый, сыну, хочъ одну, та покуштуешъ, яка ярмаркова“. „А вы жъ, дидусю, выпьете?“ „Выпью, хлопче. Пый, лышъ, пый“. Выпывъ хлопець. „А нуте жъ и вы, диду, та будемо вже ихать“. „Э-э-э... я вже, хлопче... я вже годи, я вже годи, годи... Людимъ роздай... людимъ давай.. р-роздай... хай люды... Хлопець узявъ роздавъ людимъ поризну, шынкареви заплатывъ, вернувъ ему пляшку й чарку. „А нуте, диду, помаленьку будемъ ихать“. „Э, э. хлопче, я вже.. я вже не дійду“. „Вже шожъ мини зъ вамы робыть“. Пидъ мы́шку взявъ, пиднисъ дида до воза, положывъ на визъ, обернувъ кони, сивъ, йде до дому. Выихалы въ степъ верстовъ за пьять одъ города, дидъ на вози: „Э!.. э! э! э! Хлопче! тпрр... тпрр... стой! Стой, хлопче“! „Чого вы, диду“? „Постой, постой, хлопче!.. Э-э-э-эй надвирку... п-постой“... Хлопець кони спынывъ, дидъ пидвивсь бувъ, тай скотывсь зъ воза, упавъ. Упавъ, хустку съ червинцямы выгорнувъ зъ пазухы и насивъ будьто. И такы пидводыться, береться за люшню та за колесо. Той ставъ, пиддержавъ дида, по́кы вичъ до витру вынудывсь, положывъ его на визъ, повернувся сидать,—наступывъ гроши. Пиднявъ платокъ, оглядивъ, положывъ соби за пазуху. Сивъ на визъ, ставъ ихать. Прыихавъ до дому, знявъ дида зъ воза, положывъ на лижко, загадавъ хлопцямъ выпрягаты кони, самъ сивъ на комо́рю на рундуци, вынявъ платокъ, поличывъ гроши, положывъ у кышеню. Переночувалы. На другый день дидъ ходыть, голову ломыть. Силы обидать, „А шо, каже, диду? Э-э-э, мабуть поганенько на похмиля?!“ „А пиды, лышъ, каже, дивко, визьмы макитру, та вточы горилкы, то мы похмылымось домашнеи“. „А пыйте же, каже, диду, чарку“. „Та пый, лышъ, ты, сыну“. Выпывъ. „А нуте жъ и вы“. „Та вже й выпью. Э-э, хлопче, говорыть, трошкы пропажы е“. „Та шожъ тамъ таке?“ „Та тамъ пусте й дило: рубливъ зо́ два тамъ чы зо́ тры; та якъ росплачувавсь, та на те ярмарокъ, та тамъ десь якъ положывъ, то воны й зосталысь.“ „Та вже жъ такы бачыте, диду, й не журиться. Наше не пропадало николы! А це жъ, диду, дывиться: чы не вашъ це платокъ?“ Вытягъ съ кышени, подае. „Х-хе! Бачъ, сыну!.. эге!.. Одже жъ и мій,“ каже. На́те жъ, якъ вашъ“. „Чы ты жъ знаешъ, хлопче, шо воно туть таке?“ „Та не знаю, каже, диду“. „Х-хе!.. скажы жъ мени, хлопче, де я, шо я такый пьяный бувъ якъ земля,—не знаю, чы ты въ ятци найшовъ ихъ?“ „Ни, диду. На степу, тамъ де

вы зъ воза впалы та надвирку просылысь".—А знаешъ, хлопче, тилькы тутъ?" „Не знаю, каже, дидусю; такъ якъ запхнувъ ихъ за пазуху, такъ вамъ и оддавъ". „Ну, спасыби тоби, хлопче, що ты прыбравъ". По обиди той пишовъ хазяйнувать, а дидъ поличывъ червиньци.—„Ни 'дный чети, ни пивъ червончыка не взявъ"! Тай каже до старои: „э-э, стара! Оце наша дытына буде! Мы его одру́жымо; коло его вику дожывемо. Ему хазяйство здамо; то буде наше хазяйство пожываты, буде й насъ спомынаты!"

Жыве хлопець у его й шиснадцятый годъ... У недилю пообидалы. Лигъ дидъ спочывать; рукою закрывъ очи. Хлопець сивъ въ кинци столу, на рукы схылывсь и сс-сылно зажурывсь... Якъ заплаче... Дидъ спидъ рукы дывыться. Одкрывъ руку... „Э-э-э, вра-а-жый сыну! Ты, лышъ, мабуть жонатый"? „Ни, дидусю". „Э-э э-эй, брешешъ, вражый сыну! Кажы по правди". „Шожъ, каже, диду,— жонатый. „Оттакъ бы ты мини, вражый сыну, й давно сказавъ, тобъ я тоби и рощотъ давъ. А дай же мени ты напередъ рощотъ, що ты мени въ моимъ хазяйстви прыхазяинувавъ?" „Шо жъ, каже, дидусю, я вамъ прыхазяинувавъ"? Стада́, гурта́... чумацтво... отары... хлиборобство... дванадцять ынбаривъ хлиба надбавъ... Шистьдесять тысячъ грошей, окроме вашыхъ трыдцяты тысячъ тыхъ, що вы мени на хазяйство далы... Сто двадцять скы́ртъ у поли хлиба". „Дай же мини теперъ, сыну, ключи." Узявъ ключи. „Чы ты знаешъ, сыну, видкиля оци два ключи"? „Не знаю я, диду". Не доходыло мини до ныхъ дила". „А оцей, сыну, третій ключъ меньшенькый видкиля винъ?" „Не знаю, диду, и сего". „Оце, сыну, шобъ ты знавъ, одъ моеи комо́ры, що у мене на печи́ зализнымъ це́помъ кризь стыжи взята. А на́ тоби, хлопче, оцей ключъ. Чы ты бувъ у тій комори, що то въ землю вгрузла стоить?" „Не бувъ, дидусю". „На тоби, хлопче, оцей ключъ, та йды въ комору, та визьмы на такій то ключци зброя запорозька вы́сыть. Унесы іи сюды". Одимкнувъ ту комору. Якъ увійшовъ, якъ глянувъ... зострахнувсь!.. Що т-тамъ одежи запорозькои, що тамъ добра!... шо тамъ усякои всячыны!.. Бере винъ зброю запорозьку, прыносыть до дида. „А надивай лышъ, хлопче, сорочку запорозьку!.. Та надивай шей штаны запорозьки... Надивай и чоботы запорозьки!.. Надивай и шапку запорозьку!.. Та беры запорозькый и жупанъ!.. Пиды на такій то ключци поясъ высыть та пидпережысь. Убравсь винъ у ту одежу. Та визьмы въ такимъ то кутку́ рушныця стоить... Возьмы ше й вузду,—на такимъ то килку вы́сыть. Визьмы й

сидло". Винъ усе тее повыносывъ съ комори. „А звелы, хлопче, роботныкамъ косякы́ коней въ заги́нъ прыгнать". Прыгналы косякы́ коней въ загинъ. „Дывысь, хлопче: который кинь по загону бигатыме, та всихъ коней кусатыме, того беры, тай веды". Ввійшовъ винъ въ загинъ. Ажъ якъ разъ,—одынъ кинь по загону бига, та всихъ коней бье та кусá, бье та куса... Такъ бье!.. шо винъ зроду той кинь въ рукахъ не бувъ... Заставывъ винъ роботныкивъ накыдать его арканомъ. Роботныкы бигалы, бигалы,—не моглы ёго ніякъ арканомъ узять. Дидъ съ ципкомъ сыдыть на рундуци,—бачыть шо воны ёго не пiймають: „а йды сюды, хлопче. А на тоби, хлопче оцю вузду,—иды прямо въ загинъ, наставъ оцю вузду до его, такъ винъ тоби на шыю й голову положыть". Узявъ хлопець узду, пишовъ у заги́нъ, наставывъ іи на коня,—кинь стоить, такъ якъ у землю вкопаный. „А давай, хлопче, лышъ того коныка". Узявъ того коня, ударывъ рукою,—кинь тилько стрепенувся!.. Положывъ на ёго сидло,—чотыри пистоли: съ того боку клочкá и съ того нó два вложывъ, а по два ёму за поясъ: съ того боку два й съ цёго два. „А йды лышъ, хлопче, въ хату,—дамъ я тоби рощотъ. А пусты лышъ, стара, полизу на пичъ. А давай лышъ, хлопче, свою шапку". Полизъ дидъ на пичъ,—одимкнувъ скрыню, нагорнувъ повну шапку червиньцивъ, излизъ съ печи, высыпавъ на столи: „а получай хлопче, бо ты въ мене вирно служывъ. А буде съ тебе, хлопче"? „И-и-ни, дидусю! Спа-а-аасыби вамъ! Буде не то мини, и дитямъ буде!" „Э, ни, хлопче, не буде; ты въ мене вирно служывъ." Полизъ дидъ на пичъ,—ще нагорнувъ вньять повну шапку червиньцивъ,—высыпавъ: „а шо буде, хлопче?"—И-и-и-и, дидусю! Теперъ не то моимъ дитямъ и онукамъ буде и праонукамъ". „Э, ни, хлопче, не буде: ты въ мене вирно служывъ". Полизъ дидъ и втрете на пичъ,—нагорнувъ вньять повну шапку, высыпавъ на стилъ: „а шо хлопче, буде?" И-и-и-и, дд-идд-уу-сю! буде! спасыби! не то вже... и працуренятамъ буде! Дайте жъ мини, дидусю, торбынкы, або мишка". Э-ээ, вражый сыне! Гроши е, та не знаешъ де дить!? Дай сюды поясъ свій". Одчепывъ дидъ одъ ёго поясъ: „държы за одынъ кинецъ". Узявъ хлопець за одынъ кинець поясъ, а дидъ за другый,—такъ ти гроши и всыпавъ у поясъ. Пидперезавъ его вньять, общепнувъ такъ якъ треба,—„о теперъ, хлопче, прощайся зъ старою. А ходимъ, хлопче, я тебе вы́рядю, а я й тамъ съ тобою попрощаюсь за дворомъ". Одвязавъ коня одъ рундука и закынувъ поводы. „А сидай, хлопче". Узявъ дидъ за поводы́, вывивъ за двиръ.—„а идь, хлопче,

соби“. Той хлопець одъихавъ такъ якъ разъ палыцею кынуты,—оглянувся, ажъ дидъ маха́ рукою. Винъ и каже: „э-э-э, говорыть, да вже жъ, говорыть, и роцпытавъ добре! И зброю давъ добру! И коня давъ доброго! Да вже жъ и я хлопець, мовъ добрый! Мовъ бы я й утикъ?. Та вже, мабуть мини не тикать одъ сего дида!“ Вернувсь.

„А що, хлопче?!“ „А що, диду?!“ „Роцпытавъ я тебе добре?“ „Добре, дидусю“. Зброю я тоби давъ добру?“ „Добру, дидусю“. „Коня я тоби давъ доброго?“ „Доброго, дидусю“. „Малахай добрый?“ „Добрый, дидусю“.—„А дай лышъ, хлопче, малахай“. Давъ винъ „А встань съ коня“. Ставъ винъ. Якъ узявъ дидъ ёго чыныть!!.. Чыныть его тай чыныть малахаемъ, чыныть его тай чыныть!.. Уже ему гирко й нудно, а винъ ёго все чыныть!.. „А знаешъ, хлопче, за що я тебе бью?!“—„Не знаю, дидусю, хиба скажете!“—„Оце я тебе, вражый сыну, за те бью, що ты въ мене шиснадцять годъ бувъ, та я тоби и брешешъ не сказавъ. Тымъ я тоби брешешъ не сказавъ, що ты вирно служывъ у мене! А це я тебе за те бью,—якъ ты дойдешъ до лиса и буде дви дорогы; одна навпростець, а друга кругомъ... Шобъ ты навпростець не ихавъ, а шобъ кругомъ. А сидай, хлопче, идь“! Одъихавъ такъ якъ разивъ два палыцею кынуты,—оглянувсь, маха дидъ. Винъ и каже: „э-эээ“, говорыть, „да вже-жъ“, говорыть, „и роцпытавъ добре! И зброю давъ добру! И коня доброго! Да вже-жъ и я хлопець, мовъ, добрый! Мовъ бы я й утикъ. Та вже-жъ, мабуть, мини не тикать одъ сёго дида! Треба вертаться!“ Вернувсь.

„А що, хлопче?!—„А що, дидусю?!“ „Роцпытавъ я тебе добре?“ „Добре, дидусю“. „Зброю давъ я тоби добру?“ „Добру, дидусю“.—„Коня я тоби давъ доброго?“ „Доброго, дидусю“.—„Малахай добрый?“ „Добрый, дидусю“. „А дай, лышъ, хлопче, малахай“. Давъ винъ. „А встань, хлопче“. Вставъ винъ. Якъ узявъ винъ его чыныть!!.. Чыныть малахаёмъ его тай чыныть, чыныть тай чыныть! Уже ему гирко й нудно, а винъ его все чыныть! „А знаешъ, хлопче, за що я тебе бью?“—„Не знаю, дидусю,—хиба скажете!“ Оце я тебе, вражый сыну, за те бью, що ты въ мене шиснадцять годъ бувъ, то я тоби й „брешешъ“ не сказавъ. Тымъ я тоби „брешешъ“ не сказавъ, що ты вирно служывъ у мене. Оце я тебе за те, хлопче, бью,—якъ переидешъ ты лисъ, то за лисомъ буде слобода; коло слободы шынокъ стоятыме; и въ тимъ шынку буде шынкарка красыва така, що вже красывишои якъ вона не буде, и буде вона тебе просыть, шобъ ты переночувавъ зъ нею ничъ. Оце я тебе за те бью, шобъ ты не ночувавъ тамъ. „Сидай, хлопче,

пойжджай". Поихавъ винъ. Одъихавъ такъ, якъ разивъ тры пальцю кынуты—маха дидъ. Винъ и каже: „э-э э", говорыть, „да вже-жъ", говорыть, „и роцытавъ добре!" И зброю давъ добру! Да вже й коня давъ доброго! Да вже-жъ и я хлопець, мовъ, добрый! Мовъ бы я й утикъ! Та вже-жъ мини мабуть не тикать одъ сёго дида!" Вернувсь.

„А шо, хлопче?" „А шо, дидусю?" „Роцытавъ я тебе добре?" „Добре, дидусю". „Зброю я тоби давъ добру?" „Добру, дидусю". „Коня я тоби давъ доброго?" „Доброго, дидусю". „Малахай добрый?„ „Добрый, дидусю". „А дай сюды малахай". Давъ винъ. „А встань съ коня". Вставъ винъ. Якъ узявъ дидъ его чыныть!! Чыныть его малахаемъ тай чыныть, чыныть его т-тай чыныть; уже ему гирко й нудно, а винъ его все чыныть. „А знаешъ, хлопче, за шо я тебе бью?" „Не знаю, дидусю; хиба скажете" „Оце я тебе за те, хлопче, бью, шо ты въ мене шиснадцять годъ бувъ, та я тоби й „брешешъ" не сказавъ! Тымъ я тоби брешешъ не сказавъ, шо ты вирно служывъ у мене. Оце я тебе за те, хлопче, бью,—якъ прыйдешъ ты до-дому, то хочъ якый ты будешъ сердытый, хочъ якый будешъ сердытый,—и замирись, та-а не вдарь! А луче походы, походы, та подумай, та впосли хочъ и голову здіймы. О теперъ, хлопче, скыдай шапку, та бый тры поклоны та попрощаемось". Вдарывъ хлопець тры поклоны и дидъ тры поклоны, поцилувалысь и попрощалысь. „Теперъ на тоби малахай, сидай на коня, поганяй, хай тоби Богъ помога́; идь зъ Богомъ". Пишовъ дидъ. Оглянувсь,—уже пишовъ дидъ до рундука́. Оглянувсь,—уже дидъ на рундуци. Въ третій разъ оглянувсь,—дидъ уже пишовъ у хату...

Якъ пустывъ коня... Сонце похылылось уже мызенько. Прыбигъ винъ до лиса; дьви дорогы: одна навпростець, друга кругомъ. Навпростець дорогою поихавъ; тай здумавъ: „э! а за шо мене дидъ бывъ? За те мене дидъ бывъ, шобъ я напростець не йхавъ, а шобъ кругомъ! Завернувъ коня,—поихавъ кругомъ. Иде винъ тай иде кругомъ; уже улягома [1]) добре (пизно), уже и лисъ кинчаеться; по за лисомъ дорога повертаеться. Иде винъ понадъ лисомъ; закурывъ люльку; дорога впьять у лисъ. Колы крыкъ зачувъ у лиси. Винъ ставъ, подумавъ, подумавъ,—пойхавъ на крыкъ. Колы звоцыка розбой нападае, крыкъ:

[1]) Улягома—нарѣчіе; значитъ—поздно.

„ратуйте, хто въ Бога вируе!“ А то ихалы звощыкы руськи та везлы красну рыбу. Винъ туды; „не бійтесь“, крычыть, „люды добри!“ Вынявъ пистоли; зъ двохъ выстрелывъ, дали ше зъ двохъ выстрелывъ. „Эй сюды! Лиснычи! Салдаты!“ А тамъ никого й не було. „Сюды, хлопци! Сюды! Бида людямъ!“ Якъ выстрелыть зъ одного пистоля; зъ другого! Якъ забряжчыть шаблею! Розбой зострахнувсь,—розбигся. Ти вже руськи кланяються ему; не знають якъ и дякувать: „возьмить у насъ, паночку, визъ красной рыбы; воно намъ гуртомъ ничого не значыть; вы насъ одъ смерты спаслы“. А винъ одмагаетьця; не хоче брать. „Хто вы таки, люды добри?“ Звозчыкы: „такъ и такъ: веземъ красну рыбу у Расѣю“. Куды вы идете?“—„Оттуды и оттуды“. „Идьте за мною; мини зъ вамы по дорози.

Выихалы зъ лиса; за лисомъ село; коло села шынокъ. Сталы коло шынку. Звощыкы коней выпрягають; взялы й его коня; покы воны выпрягають коней, винъ увійшовъ у хату. Выскакуе шынкарка така гарна, така красыва, шо вже красывишои нема надъ неи. „Вы проижджающи?“ Каже.—„проижджающый“. Пожалуйте! Въ мене шынокъ, въ мене й заиздный двиръ. Я вамъ дамъ покой; прыготовлю вамъ кушать и коневи вивса дамъ и платы не возьму. Мы съ такыхъ якъ вы—не беремъ“. Достала кграфынъ водкы хранцюзькой: „позвольте, пожалуйте, пане, попробувать хоть одну румочку; я зъ васъ платы не возьму“. Выпывъ одну чарку. „Ну, пожалуйте по лошадь; я прыкажу вивса дать вашому лошадю и прыкажу кушаньня вамъ зготовыть“. Пишовъ винъ по коня. Взявъ коня за удѐла тай згадавъ: „Э, дидъ мене бывъ за шо? За те мене дидъ бывъ, шобъ я не ночувавъ, де шынкарка хороша“. Узявъ, одвязавъ коня, повивъ у слободу; мынувъ дви хати,—у третю просытьця до чоловика; „здоровъ тоби, хазяине!“ „Здоровъ, пане!“ „Пустить ночувать“. „Ночуйте, пане“. „Нема въ тебе, хазяине, вивса хоть съ коробочку? Я тоби завтра заплатю“. „Та можна, пане“. Зайшовъ винъ у хату. Повечерявъ; пишовъ напоивъ коня; лигъ спать на двори; у хати не схотивъ. Знявъ зъ коня сидло, заложывъ увъ ожередъ, шобъ шо не вкрало. Закурывъ люльку. Пишовъ провидать звожчыка. Пройшовъ обозъ,—якъ дрова сплять уси. Въ шынку свитло горыть. Винъ пидійшовъ, кризь викно й дывыться. Колы рынуло. Шось у хату ввійшло. Винъ прыглядаеться,—колы дякъ прыйшовъ. Шынкарка заразъ вхопыла того дяка, поцилувала, на кровать посадыла. Вытягла спидъ кровати страву, пляшку зъ горилкою. Выпылы по стакану, по другому, писля вечери по тре-

тёму, свитло потушыла. Винъ потыхесеньку якъ узявъ пидьнёмомъ хатни двери помaнесеньку... Двери не засунени. Якъ узявъ хатни двери потехесеньку пидьнёмомъ... Прылизъ до кровати, слуха балачку ихъ: „отъ душенька! Никада не прыходылося такъ намъ твого старыка погубыть, якъ теперъ пидходыть. Узять его вбыть, та звощыку у визъ и положыть. Звощыкъ рано на зори рýшыть, а ты вутромъ, серденько, душенька, воскрычышъ: калавуръ, нѣтъ мужа жывого! Тутъ заразъ народъ збижыться на крыкъ. Пошлють верховыхъ. Заразъ ихъ орештують. Оттоди я тебе, серденько, душенька, возьму за себе, а то не прыйдетьця, бо никада такъ прылышно не пидпадае его погубыть, якъ цю ночъ!" А хлопець выслухавъ усе це дило, та до дяка: ножыкъ е, изобгавъ дякови каптанъ, тай выризавъ клынчыкъ. Тоди до шынкаркы; изобгавъ платьтя, клынчыкъ выризавъ и поклавъ у карманъ. Та рачкы у синьци вылизъ. Якъ узявъ по манúсьсиньку!.. Изъ синей выйшовъ,... попрыхылявъ двери и пишовъ соби на квартырю. На другый день у раньци чуе кгвалтъ. „Отъ, пане, шо въ насъ случылось!? Каже: „шо таке?" „Шынкаря вбыто. Тамъ уже вся слобода збиглась. Шынкарка плаче, голосыть,—каже: «звощыкъ ночувавъ".— „Ходимъ, хазяинъ, у хату рощытаемось". Вынявъ червоньця, дае хазяинови. Хазяинъ ему и въ рукы и въ ногы цилуе, шо винъ ему такъ багато дае. Шо тоди за того червоньця пару воливъ можно було купыть. „Прощай", каже, „хазяине. Поиду, лышъ и я, куды ваши побиглы звожчыка доганять, бо й мини туды ихать". Прыбига туды, колы вже догналы звожчыка. Шынкаря вытрусылы, а ихъ арештувалы, вьяжуть. Винъ добига,—заразъ то одного, то другого малахаемъ почыща. „Шо вы тутъ робыте? Вонъ! Вертайтеся люде добри. Я васъ одъ однiеи смерти одвалавъ, одвалаю й одъ другои. Вертайтесь назадъ". Обернулы, идуть. Винъ упередъ иде. Прыиждждають до шынку. Мыру стоить,—вся слобода збиглась. Урядныкы... Священыкъ... Знялы шынкаря зъ воза, положылы коло порога. Шынкарка рукы ломыть, тужыть, цилуе... „Хто тебе побидывъ?!.." Винъ встае зъ коня: „Здорови, панове громадо!" шо вы сыхъ людей вынуватыте? Може си люды сномъ и духомъ не знають, шо цёго чоловика вбыто. Напасьть не по дереву ходе, а по людямъ! А позвольте, панове громадо! Я вамъ выноватцивъ найду. Якъ я бачу, то и врядныкы тутъ, и священныкъ тутъ, и вся слобода тутъ, а тилько нема дяка. А цёго чоловика ховать треба. Чы въ васъ дякъ е?"—„Е". „А прызвить сюды й дяка".

Побиглы. Ведуть дяка. Глянувъ той, на дякови каптанъ, шо й вчора ввечери бувъ. «А здоровъ, брате дяче!» «Здоровъ, пане». «А шо' брате дяче! Чы не знаешъ ты сёго чоловика шынкаря?» «То я, якъ-бы не клыкнулы, то я ёго годивъ десять якъ не бачывъ». «Може ты ёго десять годъ и не бачывъ, а тилько вчора бачывъ. А позвольте вамъ, панове громадо, оцей клынчыкъ. Чы не прыйдетьця винъ до дякового каптана?» Хватнулы той клынчыкъ, розгорнулы каптанъ,—якъ разъ винъ туды й впавъ. «Оце вамъ одынъ выноватець—дякъ; а отъ вамъ и другый товарышъ ёго». Пидходыть до шынкаркы, шо надъ шынкаремъ ту́жыть; вынявъ клынець, розгорнулы платтяя, прытулылы,—якъ тамъ бувъ. «Оце вамъ и другый выноватець—товарышъ дякивъ». Та й росказавъ людямъ усе, шо чувъ и бачывъ учора. Повьязалы шынкарку й дяка, а тыхъ звощыкивъ выпустылы. Воны ёму дякують!.. Рукы й ногы цилують! «Це вы, насъ, паночку, отъ смерты спаслы́! Возьмить, паночку, у насъ два возы краснои рыбы Воно намъ гуртомъ ничого не значыть. Вы насъ двичи одъ смерты спаслы́!» Винъ одмагаетьця—не хоче брать, а воны просють: «возьмить, а то колыбъ намъ дорогою не було другои ше биды якои, шо мы вамъ обищалы, тай не сповнылы того, шо сказалы». Ничого робыть,—узявъ. Завернулы кони.—Поихалы. Идуть-идуть,—доихалы до то́го, шо звощыкамъ прямо, а ему вправо дорога впада; попрощався зъ нымы,—поихавъ. Прыиздыть до-дому у свое село. Иде до своеи жинкы ажъ до двора. Колы дывыться: «Шо за знакъ? Мій двиръ оплетеный, хата поправлена... Мабуть уже тутъ есьть не мене́!.. Прыходыть у хату. Жинка топыть. «Добрывечиръ тоби, хазяйко». «Здорови, паночку». «Не можнобъ у тебе переночувать?» «Тай заиздить, паночку; хиба двиръ перестоите? Винъ заихавъ у двиръ и ставъ зъ возамы зъ рыбою передъ викнамы, повыпрягавъ кони. Пишовъ сина купывъ. Позакладавъ имъ сина. Взявъ десятокъ рыбы, увійшовъ у хату. Жинка вечеря; кулишъ соби зварыла. «Нате вамъ, хазяйка, десятокъ рыбы. Може колы въ борщъ, або въ кашу вкынете. Спасыби, шо пустылы въ двори перестоять». Сивъ кинци столу и пытае: «дежъ вашъ хазяинъ, хазяичка?» «Богъ его зна, де винъ. Такъ якъ мы побралыся, та пожылы годокъ, такъ винъ якъ пишовъ на заробиткы, а я зосталась зъ ёго матирью, та вже й маты годъ тры, якъ померла, а его й доси нема. Богъ его знае, чы винъ жывый, чы ни. Сама́ вже хазяиную». А про дытыну и не нарекла. Повечерявъ винъ,—пишовъ коней напувать. Вона послала ему на лави по́душку. Винъ увійшовъ

у хату. «Зачимъ, хазяйка стелете? Я чоловикъ проижджый; у мене кони, у мене товаръ,—я на вози ляжу». Напывся воды и пишовъ. «Гасить, хазяйка. Нехай свитло не горыть«. Загасыла вона свитло. Дожыда сына. А въ неи сынъ шесьнадцяты вже годъ. Та пьять годъ, якъ вона его наняла до хазяина череды пáсты. То винъ днемъ череду пасе, а ввечери до дому прыходыть. Той засыпавъ вивса конямъ; закурывъ люльку,—лежыть. «Постой лышъ, чы не ходе й до неи дякъ?» Колы се рыпнуло дверьмы. Пишло шось у хату. Винъ обернувсь—не вглядивъ хто. Схватывсь зъ воза; ходыть, рукы ломыть... Ходывъ-ходывъ, ходывъ-ходывъ... Ввійшовъ у сины. Узявъ потехесеньку двери одчынять. Увійшовъ у хату потехесеньку. Прыйшовъ потехесеньку до полу. Прыслухавсь—сплять двое. Выкресавъ вогню, засвитывъ свитло; колы подывытьця—лежыть коло неи якыйсь парубокъ. Дви́ головы—мужыча й жиноча. Якъ выхватыть шаблю, якъ замирытьця... хотивъ обоихъ зарубать, тай згадавъ, за шо его дидъ у трете бывъ: «прыидешъ до дому и хочъ якый будешъ сердытый, и замирьсь, та-а-á не вдарь, а походы-походы та подумай, та впосли хоть и голову здіймы». Якъ хватне шаблю назадъ у пихвы, якъ брякне свитло объ землю, та зъ хаты... Дверьмы грюкнувъ!.. Сивъ на вози, сыдыть, цилу ничъ не спыть. «Ну вжé не выпущу ёго зъ хаты». У раньци выходыть вона смитьтя выносыть, а того, шо винъ жде, все не выдать.. Пишла вона въ хату,—винъ и соби пишовъ. Выгреба вона попилъ, а винъ сивъ киньци столу: «отъ, казала хазяйка: нема мужа, а мужъ и спыть». А вона й каже: «та ни, паночку, то сынъ мій. Якъ первого году винъ найшовсь у дви недили, то якъ мужа нема оце вже шисьнадцять годъ, то такъ и моему хлопцеви шисьнадцять годъ. Оце вже пьять годъ, якъ наняла его до хазяина череды́ пасты, то мени хазяинъ хатку вкрывъ, огородець опливъ и по копи хлиба усякого на зиму дае. То це вже его будыть треба, доси вже череду женуть».—«Не-é займай, хазяйка! Не займай! Я буду его хазяину одвичать. Нехай спыть на мій щотъ». Та зрадила, «отъ», дума, «панъ добрый!.. Бачыть нашу бидность, то вже шось намъ надилыть». Оце хлопець прокынувсь: «чомъ вы мене, мамо, не збудылы? Мини видъ хазяина бида буде».—«Не бійсь, сыну, я ’двичать буду». Узявъ его на оберемокъ, понисъ до воза, та дви жмени червонцивъ ёму за пазуху насыпавъ. Унисъ его въ хату. «А на, лышъ. жинко, червоньця, та пиды купы горилкы та ше чого, та клыкны сусидъ могорычъ поставыты, шобъ зналы сусиды, шо твій чоловикъ вернувсь».

«Та Богъ зъ вамы, паночку!» Та въ плачъ! У мене чоловикъ не такый». Та до батька!.. А батько іи жывый бувъ, та вже слипый. Убигла въ хату! «Прыихавъ якыйсь панъ, упросывсь ночувать и каже, шо я твій чоловикъ. Богъ зъ нымъ, Хрыстосъ зъ нымъ!» Плаче. «Та може-жъ и чоловикъ, дурна дочко! Ты его не пизнала, бо винъ довго ходывъ. Пиды клыкны его, то я подержу за руку, то й пизнаю». Вона побигла. «Идить, паночку, батько васъ клыче».—«Хиба батько жывый? «Жывый. Матери нема, а батько жывый, та вже не бачыть». Взялы воны прыйшлы обое. Винъ: «здорови, тату! чы ще вы жыви?»—«Та жывый, сыну. А йды лышъ блыжче, сыну, та дай мени руку». Подержавъ его за руку: «Гмъ! И-и-ии, глуповата канальська дочка! Не пизнала свого законного мужа!» Вона въ плачъ! Хватыла его за шыю цилуе, плаче, зрадила!.. Прыйшлы до дому, взялы й батька, клыкнулы сусидъ, прынеслы горилкы!.. Цилый день пылы, гулялы!.. Съ того часу зажылы та́къ, шо не можна й лучче.

II.

Казка про правду.

Якъ булы соби дьви бабы и було въ ихъ по сыну; и бидьни воны булы страшно, якъ одынъ, такъ и другый.

Прыходять до ихъ багачи́ наймать ихъ сино возыть; прыйшлы до одного: «наймысь, хлопче, сино возыть, та хочъ шо-небудь соби заробышъ».—«Не наймусь. У мене одежа худа, чо́боты драни,—лучше буду лежать на печи́». Пійшлы до другого; и той тіежъ: «не пиду, чобитъ нема». «Ну тай ледачи сучому сынови сыны! Лежать по печахъ, позадыралы ногы на коминъ; хоть зъ голоду здыхають, а не допросысься въ роботу!»...

Зійшлыся разъ воны ти хлопци у вечери, тай пишлы соби гулять. Выйшлы за село; звернулы зъ шляху; посидалы на бурти и радятьця: «а що, брате»!—«А що»?—«Чы ты знаешъ шо, брате: диждемъ черезъ зиму, та ходимъ на заробиткы. Нехай зъ насъ багачи не сьміються шо мы дурни; та хоть сьвита вже побачымо! Ато, бачъ, каже: «мало зъижъ, то все скажуть—наився, хоть багато зъижъ, то все одно! А якъ пидемъ у той край, то тамъ уже шо Богъ дасть, то те й буде. Та не такенькы якъ тутъ за той кусокъ хлиба горюваты».—

«Я й согласенъ, брате; якъ-бы шо-бъ билеты взяты, та хочъ и йты». «Ну вже-жъ тилько, брате: хто въ насъ старшый буде». «Та вже-жъ хочъ и я меньшый буду, а вже буду тебе слухать».

Диждалы весны; забралы билеты; пишлы зъ людьмы на заробиткы. Давъ Богъ,—дійшлы на мисто. Сталы воны робыть поденно. Пишлы воны въ косовыцю. Якъ небудь зъ людьмы день провелы,—сталы въ товарыства просыть: «э-эй, братьця! Не вміемъ косы клепать!.. По-о-клепайте намъ хто косы»!.. Обизвався одынъ: «Ну», каже, «брате! Я выклепаю тоби косу; пъять копіекъ за те»!—«Такъ клепай же, брате, й товарышови моему; мы вже й грывеныкъ дамо». Проклепало имъ товарыство по разу косы; на другый разъ уже сами клепають.

Якъ пишлы воны сами вже клепать и робыть,—
Не сталы воны вже товарыство просыть
И пишлы воны уже помижъ товарыствомъ жыть!

И жывуть воны до тыхъ поръ, покы й усе лито провелы! Давъ имъ Богъ заробыть по сорокъ карбованьцивъ. Старшый получае увъ одынъ карманъ и товарышови й свои».

Кончылы лито; пидъ осинь: «а що, брате!»—«А що»?—«Чы пидемъ до дому, брате, чы не пидемъ,—у заводы станемо»? «Про мене», каже, «брате, якъ скажешъ,—такъ я тебе й слухатыму». «Эй ходимъ, брате, на заво́ды! Шо, шо мы на зиму пидемъ до дому? Шобъ багачи́ впъять зъ насъ сьміялысь?! А между людьмы побувалы!.. Трошкы образувалыся»!—«Ну вже-жъ», каже, «брате! Куды хочъ,—туды й веды, я вже буду слухаты». «А ходимъ, брате, у забродъ.—«Тай ходимъ, брате». Пишлы.

Идуть тай идуть, идуть тай идуть; прыйшлы до первого заводу: «Здрастуйте, хлопци!»—«Здорови, хлопъята»! «А де вашъ», каже, «отаманъ»?—«Та», каже, «десь у землянци». «Якъ-бы», каже, «звистылы отаману, мы-бъ тамъ ёму шось исказалы». Выходе отаманъ. «А здорови, хлопъята!»—«А шо батьку отамане! Не прынялы-бъ и насъ до тахвы»?—«Э-э хлопци! Идить у другый заводъ, у мене повна тахва». Тахвою называетьця шисьнадцять чоловикъ у заводи. У кожній тахви по шисьнадцять чоловикъ.

Пишлы воны до другого заводу. Прыходять. «Здорови, браты! Де вашъ батько отаманъ»?—«А на що вамъ винъ здавсь»?—«Та мы хочемъ ёму шось сказаты»!—«Тай потребуемъ отамана-жъ». Вы-

ходыть отаманъ. «А здорови, хлопъята»!—«Здоровъ, батьку отамане. Э-э-эй батьку отамане! Не прынялы-бъ вы насъ до тахвы»?—«Э-э-э, молоди вы хлопци! А въ мене повна тахва. Идить до третёго заводу, тамъ може васъ прыймуть». Зьнялысь,—пишлы.

Прыходять до землянкы. Уже обрыдло имъ ходя! «Здорови братьця! Чы вы-бъ, братьця, не далы-бъ намъ попоисты», говорыть... «Уже намъ обрыдло й ходя»! .—«Шо-жъ, хлопъята! Въ насъ е отаманъ; якъ позволыть, то й можна-жъ». «Такъ здилайте мылосьть, выклычте отамана». Выходыть отаманъ. „А що вы, хлопци, маете мени казаты“?—„Э-э-эй, батьку отамане!.. Дай намъ хоть кусочокъ хлиба, бо вже намъ обрыдло по вашыхъ и ходя заводахъ!.. Та ниде нихто й не прыймае насъ сиромахъ“!—„А йдить, хлопци, въ землячночку въ мою. Та подайте, хлопци, столыкъ; на своихъ хлопцивъ каже: „и дайте имъ пыть и исты. А сидайте, хлопци, перекусить. Та подайте, хлопци, по чарци горилкы имъ. Кушáйте жъ, шо-бъ хочъ не голодни булы. Куды-жъ вы йдете, хлопци? Хоть роскажить мини“.—„Э-э-эй батьку отамане! Прыймить насъ до тахвы сиромахъ“! „Э-э, шо-жъ, хлопци!.. Повна тахва!.. А йдить дальше! Тамъ есть ще заводъ“. Подякувалы отаману за хлибъ, за силь, попрощалысь и пишлы.

Доходять упьять до заводу. „Э-э-эй, здорови“, каже, „браты“!—„Здорови, хлопци“! „А де въ васъ тутъ отаманъ е“?—„Ото невидъ“, каже, „лагодыть. Иды“, кае „до ёго“. „Здоровъ, батьку отамане“!—„Здоровъ, хлопче“!—„Пріймить, батьку отамане, насъ до тахвы“!—„Э-э, хлопче! Якъ-бы було ранишъ. А теперъ у мене повна тахва. Я лышнихъ прынять не могу; лышнихъ не полагаетьця. Идить“, каже, отаманъ, „у посьлидьній заводъ, отамъ“, каже, „собираютьця крыви та слипи на 'дно око! отамъ“, каже, „прыймаютьця. Оттуды вы йдить,—може й васъ прыймуть. Вы, здаетьця, хлопьци хочъ и молоди, такъ вы на обое ще бачыте.

То вы можете ихъ изъ землянкы на двиръ водыть,
Бо воны не способни рыбы ловыть“.

Попрощалысь изъ отаманомъ: „Прощай, батьку отамане. Спасыби за добре слово. Хоть-бы тамъ насъ прынялы, той то-бъ спасыби Богу“! Пишлы воны.

Прыходять до посьлидьнёго заводу. Выходять двое крывихъ. „А здорови, дядькы“!—„Здорови, хлопци“! „Хто въ васъ, дядькы, тутъ... чы въ васъ е й отаманъ“?—„Тай е“, каже, „та слипый на 'дно

око"; ха, „на печи сыдыть у земляньци". „А якъ-бы винъ выйшовъ до насъ; мы-бъ ёму тамъ хоть-бы слово сказалы". Полизъ крывый у землянку. „Грыцьку отамане! А йды, лышъ", кае, „два хлопци чогось прыйшлы".—„А кличь ихъ у землянку. Нехай лышъ ввійдуть сюды; шо тамъ за хлопци". Лизе крывый. „А йдить, хлопци! отаманъ", каже, „васъ требуе у землянку". Веде ихъ крывый. Указуе имъ отамана Грыцька; „отто". каже, „винъ". „А здорови", каже, „дядьку Грыцьку отамане!

„Эй, каже, „отамане батьку нашъ!
Прыймить до себе й насъ"!

Та хлопци! Хочъ вы будете тутенькы миждо намы такъ якъ люды! Бо мы то слипи та крыви!.. Уже жывить у насъ! Хочъ прохарчуемось и то добре! Ану, лышъ, кухарь! Вары казанъ рыбы, та пошануемъ хлопцивъ оцыхъ. А сидайте, хлопци! Та сидайте-жъ и мои хлопци вси. Та подайте, хлопци, пляшку мини й чарку, шо-бъ я знавъ за кымъ могорычъ запыть". Якъ давъ имъ чарокъ по дьви! „А обидайте-жъ, хлопци"! Письля обидъ по третій прыдавыть, шобъ зналы хлопци! „А теперъ прошу покорно поблагодарыть за обидъ, тай прошу покорно отдыхать; а мини треба дило робыть; треба невидъ спорудыть". Ляглы хлопци.

Хто спыть,
Хто въ карты грае,—
Хто въ шашкы занимае,
Атаманъ пишовъ изъ землянкы;
Роскынувъ невидъ,
Тай латае.

Старшенькый хлопець зъ цыхъ двохъ, що прыйшлы, выходыть изъ землянкы. „А здоровъ, дядюшка Рыгорій! Шо це вы тутъ робыте"?—„Та це-жъ, хлопче... невидъ готовлю". „Э-э-эй, дядьку Грыцьку! Якъ бы й мини глычку найшлы, то може-бъ и я давъ-бы вамъ помочи".—„Хиба ты вміешъ"?

„Та мій покойный батько вьятери вьязавъ,
Та й мини-жъ такы вичко навъязать показавъ".

„Та въ мене, хлопче, десять глычокъ е“! „Такъ и давайте-жъ“. Якъ узявъ хлопець глычку! Покы атаманъ дирку залата, то хлопець тры! Покы атаманъ дирку, то хлопець тры. Атаманъ кынувъ свою глычку и бере себе за волосься!.. Чуха потылыцю. „Шо це мини Богъ давъ? Шо я маю одно око, то винъ двое! Шо я маю одну дирку залатать, то винъ тры“! Вылагодылы невидъ у двохъ. Грыцько цилуе хлопця. „Эй спасыби тоби, Иваня, шо ты мини пидпомога велыка“! Изгорнулы невидъ, исклалы.—„А ходимъ, Ивасю, у землянку на спочынокъ!“ Увійшовъ отаманъ. „Ану, кухарь, чепурысь! Готовъ вечерять! Бо мы свое дило зробылы“! Кухарь мытьтю наварывъ вечерять. Становыть столыкъ, сажае своихъ забродчыкивъ. Сажае отаманъ Ивася помижъ себе и товарыша ёго. „А дай, Ивасю, по'дній! Я'дъ твоихъ рукъ хочу выпыть, шо ты мини поробывъ мого дила багато“! Иваня бере кграфвынъ и дае по пукалу [1]). Отаманъ Грыцько за ёго всердыя и за стараньня желае й по другому выпыть! „А теперъ, Ивасю,—у Тройци Богъ кохаеться!—давай я вже дамъ и по третёму. А теперъ прошу покорно вечерять“. Повечерялы; подякувалы отаману за вдоволствія. „Отдыхайте-жъ, хлопци“.

Хто лигае спать,
Хто въ карты гулять,
Хто въ зубову сопилку грать.

Хто спыть, хто грае, до тыхъ пиръ, покы вси поснулы. Хлопець, который старшый, говорыть своему товарышу: „чы ты“, каже, „спышъ, брате“?—„Ни“, каже. „А що“? каже „брате“!—„А що“? „Я думаю, брате, питы подывыться на зори“.—„Якъ знаешъ“, каже, „брате, то й иды“. Выходыть винъ изъ землянкы; слухае: Вси заводы заколотылысь. И згукъ!.. И крыкъ!.. Винъ подывывся на небо и по племетамъ [2])—зоря не хороша. Увійшовъ и лигъ на койкы. Товарышъ и пытае: „а шо, Ивасю“?—„А шо“, каже, „брате“. „Шо ты замитывъ“? каже: „Нехороша зоря; и скризь вси заводы заколотылысь, а племета йде розбійна на неби; не буде взятку на рыби. И дурный захидъ ихъ, шо воны колотяться. Ну, мы будемъ спочывать до свого часу“.

Отаманъ Грыцько прокидаеться. „Хлопци! А вставайте“! Хлопци вcraлы. Посхоплювалысь. „А чого, Грыцьку отамане“.

---

[1]) По бокалу.

[2]) Планетамъ.

— „А треба намъ невидъ закыдать:
Хоть шо для харчи піймать“.
Иваня озываеться;
„Э-э-эй, батьку отамане!
Не мочить и нытокъ!
И не гнійте!..
Варить и послидню рыбку,
Та будемъ исты та 'ддыхать“!
Отаманъ устае:
„Зачимъ, Ивасю, не велышъ нытокъ мочыты“?
„Э э-эй, дядьку Грыцьку!
Отамане й батьку!
Не буде пожывку“!

„Зачимъ-же по другихъ заводахъ вси колотятьця“?—„То ихъ охота“! Отаманъ Грыцько заставляе кухаря: „вары й посьлидьню,— будемъ исты; жывъ Богъ,—жыва й душа“!—Варыть кухарь и посьлидьню. „А сидайте-жъ, хлопци, снидать! А подай, кухарь, намъ кграфынъ та выпьемъ по одній ! Ивась обизвався: „эй, дядьку отамане! Дайте и по другій“! „А пидбавъ, кухарю, въ кграфынъ ище: бо шось мій Ивась задумавъ“!.. Давъ Грыцько и по другій. „А прошу покорно закусыть, а хочъ позвольте й посьнидать“. Посьнидалы й подякувалы.

Выйшовъ Ивась изъ землянкы. Гукае Ивась: „дядьку, отамане Грыцьку! А йдить сюды. А ходимъ, дядьку отамане, подывытьця на ихъ прыбыль“. Прыйшлы до первого невода: ни ока! Пишлы до другого. „Може пособыть“, каже, „треба“? (Невидъ тягты). „Э-эй, братьця! Мабуть и сами вытягнемъ“!.. Вытяглы й другый—ни ока! „А ходимъ, каже, до третего; хочъ тамъ може пособымо“. Грыцько отаманъ кышкы рве! „Шо це Ивасю, дѣлаетьця“?!—„А шо-жъ, дядьку Грыцьку! А вы хлопоталыся свій невидъ закыдаты! Тилько нытки гноить“?! „Правду казавъ, хлопче Иваня!

Десь мини тебе Богъ давъ,
Шо ты мини правду сказавъ!

А ходимъ, хлопче, та загуляемъ на останьне за твою правду! А шо кухарь! А есть обидъ“?—„Е-е-е“! „Дава-ай“! Становыть кухарь столыкъ. „Подай четвертыну горилкы,—хочъ погуляемъ посьлидньне!

Упосли будемъ отдуватьця! А сидайте, хлопци“! Силы хлопци. „А беры, Ивасю, кграфынъ! А дай, Иваня, по одній“! Давъ Иваня по одній. Бере Грыцько дае по другій. Озываетьця Ивась до отамана: „а позволь, Грыцьку, моему товарышови дать по третій“! Давъ по третій товарышъ Иванивъ. „А прошу покорно обидать“. Подякувалы за обидъ. Доволенъ Грыцько Иванею, що ему Богъ давъ такого хлопця.

Сыдять хлопци забавляютьця; хто въ карты гуляе, хто въ шашкы, хто въ зубову сопилку гра, хто танцюе, хто 'ддыхае—до вечора. Письля вечери зробылась тышына. Ляглы спать. Выходыть Ивась изъ землянкы; подывывсь на зори; нихто його й не чувъ!. Ниде нищо не бовтне!. Входе въ землянку. „Брате товарышу! Чы ты спышъ“? каже. „Ни“. „А що“, каже, брате товарышу“! А той каже: „а що, брате“?

„Якъ-бы“, каже, „отамана росколатать“?
—„Тай шо-жъ“, каже, „таке?
Хиба велыка бида, якъ Грыцькомъ назвать“?

„Дядьку—отамане-Грыцьку! Чы вы спыте“? Каже: „та задримнувъ“. „А вставайте! А будить своихъ забродчыкивъ, бо я не могу ихъ колотыть, бо я й самъ такый якъ и воны, а якъ ты отаманъ, то воны тебе й послухають. Буды ихъ та будемъ и мы свій невидъ готовыть та закыдать“. Грыцько отаманъ якъ закрычыть на хлопцивъ: „пиднятьця рыбьята вси“!—„Заразъ“! Усталы. „Ану кашоваръ! Готуй снидать“!

Кашоваръ уставъ,
Заразъ зготувавъ.

„Ану, отамане“! каже Иваня: „прыкажы свичу засвитыть и ляннату олывъяну“. Засвитылы свичу и ляшпату зъ олывою. Роспустылы ладону. Помолылысь Богу усердно. „А теперъ прошу, Грыцьку отамане, кашовара заставыть поставыть сьнидать. Посидалы сьнидать, отаманъ стребувавъ горилкы; давъ по одному стакану. А Ивась озываетьця: „батьку отамане! Дай для смилости и по другому, шобъ поснидалы добре“.

Поснидалы,—
Подякувалы.

„А теперъ прошу хлопцивъ скомандувать до невода. Пора уже намъ невидъ завесты“. Хлопци взялысь:

Склалы невидъ на шлюпкы;
Розсыпалы въ море;
Затяглы на шлейкы

Кынулысь тягты,—не потягнуть! Зъ другихъ заводивъ прыйшлы, для радости, пособыть. Набигають шеботынныкы (зъ жыдивъ). Дають трыдцять тысячъ,—ше й не вытяглы на берегъ! Набигають други,—дають сорокъ! Набывають трети! Пятьдесятъ! Отаманъ трепещеться, що радъ узять пьятьдесятъ тысячъ! А Иваня озываетьця:

«Дядьку отамане Грыцьку!
Заглазно тилько кота въ мишку купувать!
А лучче вытягнемъ,—
Шо очи бачять, то те й продавать»!

Вытяглы невидъ на берегъ. Вывернулы рыбы множество множествъ! Закупылы шепатылныкы наглазну рыбу; далы шисьтьдесятъ тысячъ! Отаманъ зъ радости: де диться!? Рукы ломыть! Радъ Ивани! Лобызуе ёго въ лыце! «Будь ты, Иваня, отаманомъ! Я буду тебе слухать»! «Не могу я, дядьку Грыцьку, буть отаманомъ! Я молодый чоловикъ: я васъ не поныжатыму». Набралы рыбы сьтилькы можна! Далы и въ ти заводы, котори пособлялы. Пишлы въ землянку. Сочынылы пыръ! Пьють гуляють! Горилка зъ стола не выбувае! Рыбы въ доволносты для поидку! До трёхъ сутокъ! Трети суткы кончаютьця сему пыру,—оддыхають. Ляглы спать.

Ивась устае въ ночи: выходыть на двиръ, подывывсь на зори: буйна зоря.—Чуе,—вси заводы стóрнулысь!... Крыкъ!.. Шумъ!... Кынулыся у ловлю. «Зачимъ имъ пайдае, а намъ нема пайды!? Будемъ трудытьця, шобъ и намъ була пайда». Входе Иваня въ землянку. Озываеться къ товарышу своему: «Чы ты, брате, спышь»? Каже: «ни». «Я выйшовъ, подывывсь на зори, нема пайды. Ну други заводы бунтуютьця: закыдають неводы и тягнуть тяглу, а пайды хто ёго зна що буде. Зоря не та, що пайда буде. Ну, то ихъ дило».

Лигъ Иваня и товарышу велыть спать;
Каже: «завтра будемъ гулять».

На зори Иваня будыть отамана:
Дядьку отамане Грыцьку!
Пора вставать!
Хочъ доли й нема,
Такъ будемъ гулять!
Отаманъ гласъ зачувъ Иванивъ.
Схопывся!
Цилуе, мылуе Ивася!
«А чого ты, Ивася, хочешъ одъ мене»?
Каже: «Дядьку, отамане Грыцьку!
Пора вставаты,
Та пыръ пидіймати!
А буды своихъ хлопцивъ
Крывыхъ та слипыхъ молодьцивъ»!
Якъ крыкне Грыцько отаманъ своимъ гласомъ:
«Вставайте, хлопци, рыбасомъ! [1])
Ану кухарь, готовъ страву,
Та подай, кухарь, и кграфынъ!
Та не тилько буде пыть Грыцько одынъ
А ще буде Иваня зъ нымъ»!
Иваня озываетьця:
«А прошу покорно, отамане Грыцьку!
Дай намъ хочъ по одній,
Тай товарышъ», каже, «за мною мій» [2])!
«Чы ты знаешъ», каже, «дядьку Грыцьку,
Шо мы ходылы по всихъ заводахъ,
Та нихто насъ не прынявъ,
Ну, а ты, дядьку Грыцьку,
Шей за ридного батька намъ ставъ!
Теперъ-же, батьку отамане,
Дай погуляты,
Та правды-славы доказаты!»
«Та йзволь, хлопче Ивасю!

---

[1]) Зразу.
[2]) Ото значыть шобъ и товарышу давъ почастувать, шо-бъ и товарышъ почастувавъ.

Десь мини тебе Господь пославъ,
Шо ты мини великою радистю ставъ»!

Страва наварена. Пьють гуляють до самого вечора! У вечери спать полигалы.

Озываеться въ ночи Иваня до товарыша: «чы ты, брате, спышъ»? «Ни», каже, «не сплю». «Пиду я, братъ, подывлюсь на зори». «Иды, братъ, подывысь». Выйшовъ Ивась изъ землянкы. Подывывсь на небо. Глядыть,—зоря добра [1]). Входыть у землянку. «А-а-а-й, братъ товарышъ! Якъ-бы намъ отамана роскалатать»?—«Такъ шожъ. Хиба не можна й озватьця до ёго? Озовысь»! «Дядьку Грыцьку»!—«А чого ты, Ивасю»?

«Треба вставать,
Та хлопцивъ калатать!
Бо я, дядьку Грыцьку, не могу;
А якъ ты отаманъ,
То ты можешъ колотать,
А вони могуть уставать».
Грыцько зрадивъ такому порядку!
Якъ крыкне на хлопцивъ.
«А вставайте, хлопци,
Слипи та крыви молодьци»!
«А чого вы, отаманъ»?
Пора, хлопци, за дило братьця,
Бо то нашъ порядокъ,
За чымъ мы служымъ».
Хлопци всталы.
Отаманъ закрычавъ, шобъ сьниданьня готове було.
Иваня запросывъ отамана, шобъ ладану роспустыть
И олывьяну ляппату засьвитыть,—
Богу помолытьця.
Поставывъ кашоваръ закуску.—
Отаманъ командуе выпывку.

---

[1]) Винъ у свого покойного батька вывчывсь пизнавать, колы така зоря, шо можно рыбу піймать, а колы ни.

Выпылы по скраклю (велыка чарка). «Позвольте й по другому». Закусылы. Велыть отаманъ хлопцямъ братьця за дило. Выйшлы. Склалы невидъ на шлюпкы,—розсыпалы въ море. Прыплывлы шлюпкы къ берегу. Узялысь хлопци. Потяглы невидъ. Тягнуть не потягнуть! «Дядьку Грыцьку отамане! звисьтить другымъ заводамъ до помощи». Отаманъ давъ знать. Збиглыся зъ другихъ заводивъ. Идуть на тяглы! Набигають шепатылныкы! Дають имъ шисьтдесятъ тысячъ!—Шо попадетьця въ неводи,—не глядя! Иваня гласыть отаману: «отамане Грыцьку, батьку нашъ! Не запродай насъ! Кота въ мишку продають не глядя! А лучше вытягнемъ, та шо очи бачять, то те й продамо! Грыцько трепещетьця!.. Радъ узять шисьтьдесятъ тысячъ! А все одоливае на Йваню! Потому шо первый разъ гласывъ добре; черезъ те вповае и на друге. Други шепатынныкы не хотять попустыть цего невода тяглы рыбы, накыдають сто тысячъ не вытягавшы невода! Озываетьця Йваня: «Отамане Грыцьку! Якъ-бы твоя згода! Ты то знаешъ, шо хочъ, те й робы»!—Отаманъ зрадившы тому отвиту, запродавъ рыбу, не вытягавшы невода чы вронъ, чы барышъ,—такъ тому й буть, за сто тысячъ! Получывшы гроши, вытяглы рыбы зъ того невода множество множествъ! Отдалы, шо треба було по договору помишныкамъ на харчи. Шепотылныкы ради булы, шо заплатылы сто тысячъ! Пополучывшы гроши,—«а ходимъ, Ивасю, у землянку!.. Спасыби, Иваню, Богу, шо Винъ мини тебе пославъ! Ану, кухарь, готовъ обидъ»! Кухарь ставыть столыкъ, готовыть обидъ. Зъ радости велыкой, отаманъ требуе видро горилкы! Подалы горилки. Отаманъ просыть забродчыкивъ сидать кругомъ столыка. Сидае и самъ. Садовыть и Ивася коло себе. Садовыть и товарыша коло его. Налыва горилкы; дае по стакану; обчаступавъ. Позволывъ и Ивасю по такому-жъ стакану; позволывъ и товарышови его почаступать. «Нумъ теперъ обидать».

Пообидавшы, хто спать,
Хто въ карты гулять,
Хто въ шашкы занимаеться,
Хто въ зубову сопилку грать,
А хто плясать,—
День провелы до вечора.

У вечори повечерявшы, отдыхать ляглы. Обоснувшы, выходыть Иваня на двиръ нышкомъ. Подывывсь на зори. Не йде зоря тыхо:

розбійна (взятку нема). Входыть у землянку та до товарыша: «ашо братъ! Спышъ ты»?—Каже: «ни». «Ходывъ я на двиръ. Народъ бунтуеться по прочыхъ заводахъ, ну, взятку не буде. Зоря розбійна йде.

Ну намъ ничого объ тимъ журытьця,
А будемъ Богу молытьця;
Завтришный день будемъ веселытьця».
—«Лигай, брате, спать!
Ничого намъ крушытьця».
Проснувшысь, Иваня:
—«Дядьку Грыцьку»!
—«А чого, Иваня»?
«Э-э-эй пора вставать»!
«Зачимъ дило застало»?
«Будемъ гулять»!
«Оце, серце Йване, й я радъ тому!
А вставайте, хлопци, криви й слипи!
Будемъ веселытьця!
А докы ёго й журытьця»!
Якъ скомандувавъ отаманъ на хлопцивъ;
Винъ не щытае, шо крыви й слипи,
А дума, шо перви въ свити молодци!
Якъ повставалы хлопци:
«Ану, кашоваръ!
Ставъ столыкъ, готовъ страву».
Якъ зачалы гулять по запорозькій,—
Пьють—гуляють!
А зъ прочыхъ заводивъ
Нашыхъ хлопцивъ на кглузы пидіймають.
«Э-эй, хлопци!
Яке вамъ дыво?!
Шо мы одъ ихъ кормымося
Та ище зъ ихъ и сьміемося»!?
Иваня обзываеться:
«Эй, дядьку Грыцьку!
Пора намъ невидъ лагодыть».
Грыцько:
«Правду, Иваня»!

Бере заразъ глычку Грыцько
И йде латать невода.
Каже Иваня
«Отамане Грыцьку!
Дайте мини глычку».
«Я тоби й десять найду»
«Мини тилькы треба одну».
Узявъ Иванъ глычку.
Шо отаманъ дирку,
То Иваня тры!
Шо отаманъ дьви,
То Иваня шисть!
Беретьця Грыцько за волосься!...
Кынувъ глычку.
—«Будь ты, Иваня, за отамана!
Я тоби передаю свое отаманство
И буду тебе слухать».
Одвичае Иваня:
«Я молодъ чоловикъ
Не возможу.
Не могу я, дядьку, одъ васъ перенять отаманства,
А передаю на шаньку» [1]).
Отаманъ зъклыкавъ свою шаньку:
«Панове товарыство!
Составляю я Иваню отаманомъ!
Чы вы вси согласьни»?
Воны вси крыкнулы:
Яко-же согласно вамъ,
Тако-же и намъ» [2])!
Иваня тоже оправдывсь:
«Я молодъ чоловикъ!
Не могу я бувать отаманомъ,
Я могу бувать послушныкомъ»!
—«А шо будемъ», каже, «робыты
Якъ не хоче Иваня намъ отаманомъ служыты»?!

---

[1]) Товарыство.

[2]) Яко вамъ согласно, тако й намъ.

Одказавъ.
Каже Иваня:
«А шо, дядьку отамане!
А зложимъ невидъ до купы,
Та пидемъ у землянку,
Та погуляемъ до пыру, —
Нехай буде всимъ заводамъ у дыво»!
Отаманъ Грыцько радъ цёму!
Скрыкнувъ на хлопцивъ:
«Зробыть пыръ,
Покы мій Иваня жывъ»!

Зачалы пыруваты й гуляты до трёхъ сутокъ! Трети суткы кинчають,—поздавалысь и спать полягалы.

Иваня проснувсь, выйшовъ изъ землянкы; подывывсь на зори: занимаеться зоря страшна, ясна (добра). Уходыть у землянку. «А шо ты», каже, «товарышу, брате ридный, спышъ»? Каже «ни».

«Шо будемъ робыть»?
«Ты то знаешъ».
«Треба намъ отамана розбудыть.
А шо», каже, «дядьку Ґрыцьку, чы ты спышъ»?
«Ни», каже, «не сплю».
«Треба», каже, «хлопцивъ калатать,
Та посьлидьній разъ невидъ справлять».
Отаманъ вставъ,
Хлопцивъ зозвавъ,
Ладану роспустывъ,
Сьвичу засьвитывъ,
Богу помолылысь.

Кашовара заставылы сьниданьня готовыть. Посьнидалы й вьпылы. Выйшовъ Иваня на двиръ. «Ану», каже, «дядьку отамане, заставляй хлопцивъ на шлюпкы сидать,—невидъ завесты, закынуть у море». Прыплылы шлюпкамы до берега; взялы невидъ на шлейкы! Кынулысь тягты,—не потягнуть! «Э-эй, дядьку Грыцьку! Треба просыть изъ другихъ заводивъ на помогу»! Набиглы шепатылныкы; глядя на ихъ тяглу, дають пивтораста тысячъ, шо буде въ неводи.— чы вронъ, чы барышъ,—на вдалу. Иваня обзываетьця: «отамане

Грыцьку! Кота въ мишку продають невыдымо! А вытягнемъ, що очи бачать, то тоди и гроши брать, шо стоить»! Грыцько трепещетьця, шо радъ узять пивтораста тысячъ. Озываетьця Иваня: «николы ты мене, Грыцьку, не слухавъ, якъ я тоби говорывъ, шо шепатынныкы тебе всегда путають.

А послухай мене посьлидьній разъ:
Вытягнемъ ловлю на берегъ;
За шо хочешъ, за те й продасы,
Да не жалко буде,—выды́мо на глазъ»!
Послухавъ Грыцько Ивани посьлидьній разъ.

Вытяглы ловлю на берегъ выды́мо. Сторгувався Грыцько за множество рыбъ дьвисти тысячъ. Получывшы Грыцько гроши зъ велыкою радистью, вывернувшы рыбу,—«що хоште, купци,—те й робить.—

А гроши получывшы
У карманъ сховавшы,
Хлопцивъ забравшы,
Пишовъ у землянку.

Зробывъ пыръ на четверо сутокъ! Пыть—гулять стилькы возможно!

Кончывшы гуляньня, прыйшлося на рощотъ. Цилуе отаманъ Ивася за ёго порядокъ и за ёго всердыя. Шо ёму Господь пославъ двохъ хлопцивъ прынять у свій заводъ и винъ черезъ те получывъ велыке щасьте. «Прошу покорно, хлопци, по кончéній ловли посьлидьніи, для рощоту дила получыть сорокъ тысячъ! А посьлидьни на насъ слипыхъ и хромыхъ. Прошу-жъ васъ хлопьята, мои диты! Не забудьте мене,—й я васъ не забуду; одбудьте лито, въ якій бы роботи не булы, а къ зими прыйдить,—я вамъ не 'дкажу». Попрощалысь зъ отаманомъ, зъ хлопцямы, пишлы.

Одійшлы воны одъ заводу верстъ пьять. Выйшлы на велыкый шляхъ. Дійшлы до мугылы. Силы на мугылу. «Ащо», каже, «брате! Пощытаймось. Заробылы·мы за лито вдвохъ сорокъ рублывъ на косовыци; а за зиму Богъ давъ уже намъ сорокъ тысячъ заробыть на рыболовляхъ. А теперъ-же, брате, якъ буде? Чы пидемъ ще на косовыцю, чы пидемъ до-дому»?—«Про мене брате; вже я тебе слу-

хатыму, — ты старшый, а я меньшый». «Колы такъ, то ходимъ брате, до моря на прыстань. Теперъ весна; косовыци нема; пидемъ до моря, та заробымъ ще чого». Побалакалы й пишлы.

Прыйшлы до моря на прыстань. Прыходыть корабль. А воны по прыстани прохожуютьця. Шкыперъ ихъ и вглядивъ. Зачавъ ихъ пытать: «що вы за молодци? Чимъ занимаетесь»? Объяснылы воны шкыперю: «рыболовы». «Наймитьця до мене нагружать на корабль пшеныцю». Отвичають ёму хлопци: «вы», кажуть, «намы двома не нагрузыте корабля». — «Ну, позвольте; якъ я дывлюсь, — вы добри молодци». «Такъ», каже, «пане. Мы булы колысь таки, що ничого не стоилы, — а теперъ молодцямы трошкы сталы». — «Ну, хлопци, въ мене есть кимъ корабель нагрузыть; станьте мини за матросивъ». «Ащо», каже, «брате, чы станемъ»? — «Про мене», каже, «брате, я вже буду тебе слухать». Шкыперъ каже: «що жъ, хлопци; васъ два; наймитьця до мене правыть; поидемъ у чужу землю». — «Якъ дасте у мисяць по сто карбованцивъ, то поидемъ; а якъ не дасте, то шукайте соби». — «Силькось! Ставайте». Шкыперъ зъ велыкою радистью прынявъ ихъ.

Одчалылы судно. Выихалы въ море.

Зачало море грать;
Зачала велыка хвыля вставать;
Зачала судно перевертать.
Мачта то сымъ, то тымъ краемъ бьетьця объ вводу.
То сымъ, то тымъ краемъ.
Нихто не може парусивъ зьнять.
Шкыперъ до Бога рукы здыймае:
«Хто може зъ матросивъ си паруса зьнять? —
Може Господь спасе судно»?
Ивась, помолывшысь Богу,
Кынувсь по мачти и по драбынахъ.
Вси паруса зьнявъ
И всимъ постронкамъ порядокъ давъ.
Море грало, — утышылось,
Судно справылось, —
Пишло въ свій путь.
Ивась прыбрався лучче:
Скочывъ на матку,

Напьявъ паруса, якъ имъ сьлидуе буть,
Справывъ постронкы по своимъ жылыщу,
По своимъ порядку.
Шкыперъ радъ,
Бога молыть за спасеніе душъ
И за сохраненіе судна.
«Не есть се мини Богъ давъ цёго чоловика,
Для спасенія судна»?!
Радъ шкыперъ симъ хлопцямъ
И дае имъ версадло,
Шобъ воны правувалы судномъ.
Воны ёму кланяютьця:
«Мы молоди люды симъ диломъ правувать;
Мы желаемъ послушныкамы бувать».
Шисть мисяцивъ проходылы благополучно у чужу землю,
Издалы пшеныцю,
Загряныпный товаръ у замину получылы,
Якъ було хлиба, такъ и товару повне судно нагрузылы.

Вертаютьця на мисто въ добримъ здоровьи и благополучьи. Шкыперъ радъ тымъ юношамъ, шо ёму Богъ пославъ спасты и судно и людей. Роцытавъ ихъ зъ усимъ удовольствіемъ; имъ плата була у мисяць по тысячи; шкыперъ дае имъ по дьви. Получылы воны за шисьть мисяцивъ двадьцять чотыри тысячи! По дванадьцять на брата. Теперъ у нихъ восимдесятъ чотыри тысячи заробитку и сорокъ рублывъ! Получывшы гроши, усталы зъ судна, пишлы въ городъ. «А шо», каже, «брате»? «А що»? «Заробылы»? –«Заробылы», каже. «Чы пидемъ у косовыцю чы, може, пидемъ до-дому»?––«Э-э», каже, «брате! Мовъ уже годи! Якъ бы про мене, то я-бъ такый, шобъ до-дому иты». «Про мене. Чы до-дому, то й до-дому. А давай напередъ роздилымося, шобъ ты знавъ заробитокъ свій, а я свій, шо въ насъ ривно йшло, шобъ ривно й було». Роздилылысь воны: по сорокъ дви тысячи и двадьцять карбованьцивъ на брата.

Пишлы воны въ городъ. Зайшлы въ лавкы; купылы соби городську одежу: „чумарки, картузы, штаны добри. Покупылы воны соби кони добри й сидла добри.

Выихалы за городъ. Поставылы кони на кватыри въ мужыка, а сами вернулысь у городъ.

„Не пылы мы, говорыть, не гулялы,
Тилько дило сповнялы“.

Не пылы мы, покы й на корабли булы, ни вына, ни горилкы. Ходимъ хочъ погуляемъ тутъ увъ останьци, та тоди й поидемъ зъ Богомъ“. Зайшлы въ погрибъ у городи. „Здрастуй, кабатчыкъ“!—„Здрастуйте, хлопци“. „Е выно?“—„Есть“. „Подай намъ штохъ вына“. „Извольте, рыбьята. Садитьця за столомъ“. Силы за стилъ. Подавъ имъ кварту вына. Выпылы по стакану. Кабатчыкъ пытае: „а шо, хлопци! може вы желаете музыкы?“—„Извольте“. Отъ кабатчыкъ заразъ музыку вызвавъ. Якъ загра музыка! Якъ выпылы хлопци по другому стакану! „Подай, кабатчыкъ, другу кварту вына.“—„А що господа! Може вамъ и дамъ вызвать, шобъ потанцювалы?“ „Тай давайте жъ.“ А кабатчыкъ державъ для прыходу тахву музыкы и красный домъ. Выскакують дамы, пляшуть. Воны выпылы впьять. Зачалы частувать музыкивъ.

Выпыла музыка. Розыгралася дужче.
Дамы росплясалыся лучче.

Товарышъ Иванивъ выскочывъ. Давай танцювать зъ дамамы. Окрутнувся разивъ два й сивъ за стилъ. Одна дама прыступыла, обняла ёго. Винъ ій пиднисъ стаканъ вына А дали схватывсь, поплясавъ знвовъ зъ нею. Вона вже лучче прынялась коло ёго. Ударыла въ ёго любовъ. Рече братъ своему товарышу: „брате! я пиду потишусь“.—„Отдай мени гроши на схвовъ“.—„Шо-о?“ Нѣтъ, братъ, не 'ддамъ. Я—я не дурной!“. „Ну тото. Знаешъ брате! У мене булы гроши твои и мои и вси цили булы, а теперъ, братъ, якъ хочъ“. Пишовъ плясать зъ тыею красавыцею и дуженько выпывать зъ нею. Тягне вона ёго въ свою комнатку. Кабатчыкъ пытаетьця: „ылы желаешъ исъ ціею дамою погулять, такъ отдай деньги мини, какъ есьть у тебя залышьни. Якъ не 'ддасы,—штобъ посьли не жалкувавъ!—бо впосли ськать нидьзя“. „Што ты кабатчыкъ!? какое твое дѣло запрошувать сьтико въ мене есьть? Не твое дѣло!“ Роспалывся! Товарышъ ёму й каже: „отдай, братъ, гроши, у мене цили булы, цили й будуть. Хиба теперъ не довирышъ мини“.—„Хиба я, братъ, дуракъ, што я не понимаю ничего?! Я не дуракъ!

Ты не журысь мною,
А журысь собою!“

„Гляды, братъ, шобъ упосьли не каявся“. Пишовъ винъ у комнатку зъ нею. У комнатци вцьять стребувалы вына; пьють. Товарышъ ёго росплатывся съ кабатчыкомъ, пишовъ зъ погреба до дому на кватырю. Выпылы порядошно. Ростебнула дама й платьтя, геть кгудзыкы до нызу поростибала. Перыну роскыдала, хватнула ёго пидъ рукы, положыла на перыну. А винъ уже безъ чувства. Разъ те, шо пьянъ, а друге те, шо любовъ не свій братъ. Загасылы й свитло. Заснувъ тьменно. Вона обглядила ёго, выняла всю суму́ и передала черезъ виконце другій подрузи своій, для грабытельного дила сущей.

Пишовъ винъ у ранци на кватырю. Хватнувся—нема грошей. Шукать—никуды! Добуватьця—невозможно. Иде на кватырю заплакавшысь. Прыходыть до товарыша. Плаче. „А що це, брате?“—„А що, брате? не послухавъ мене?!“ Той плаче. Той уже й пада,—просе: „зачимъ нудысься?!“ „Той плаче, а той розважае, сыдыть надъ нымъ. Дали шо надумавъ:... шо, брате! мы заробляли вмисти,—гуртове й пропало! А я свою половыну передиляю пополамъ, тилько не журысь брате.“ Сей трохы обрадувавсь. Пишлы до хазяина. Выпылы зъ хозяиномъ; розвеселылысь. „Нехай наши кони ще стоять,—ходимъ, брате, въ городъ ище погуляемъ“. —„А-а-а, брате, я не совитувавъ бы.“—„А-а! И ты оглядивсь?! Не совитуешъ?! А якъ я тоби говорывъ: було бъ отдать гроши, то бъ цили булы! Ну ходимъ та погуляемо ще!“

На дорози купывъ старшый у щетынныка гаманъ. Йде го́родомъ, и де сьмитныкъ, то не мынае; де сама дрянна бумажка попадеться на сьмитныку, то винъ іи все у гаманъ запыха.

Доходять до того самого кабака. Ввійшлы. И винъ старшый требуе кварту вына. Кабатчыкъ подае. Пытае кабатчыкъ: «може музыку для втѣхи вызвать?»—«Можна». Входять музыкы, грають. Выскакують дамы; пляшуть. Старшый вылазыть изъ за столу: скочывъ мижъ ихъ; обернувсь разивъ два. Та сама учепылась и за ёго. Винъ ій давъ два стакана вына й вона сила позъ ёго. Винъ до товарыша й говорыть: «отъ! ты, братъ, охотывся й мини тоже желателно поохотытьця. Наравытьця мини ся дама». «Охоться!» «Подай, шынкарь штопъ вына. Садись, дѣвушка, погуляемъ». Просыть вона ёго дали въ комнатку. «Постой, душко; рощытаюсь зъ шынкаремъ и зъ братомъ поговорю. На́ тоби», говорыть, «братъ, грошы до сохраненьня. Ты мини не вирывъ, а я тоби вирю». Отдавъ братови вси гроши,

оставывъ соби тилько пьять карбованцивъ-бумажку. Узявъ запхнувъ у гаманъ поверхъ смитьтя тилько до половыны, тай прыщепнувъ верхнею лядою, а другу половыну выдать, шо буцимъ-бы-то багато грошей. Тоди пишовъ зъ нею въ комнатку. Потребувавъ кварту вына: вона закускы поставыла, выпылы. Винъ іи прысылувавъ по другій выпыть. Прыкынувшысь пьяным, зачавъ упьять поштувать іи. Вона ёго прысылуе стаканъ, а винъ іи два, а самъ тилькы пивъ стакана выпье. До того дочастувалыся, шо винъ недвыжымый зробывсь (прыкынувсь такымъ), а вона... порядошно. Роскынула перыны, положыла ёго нечуственного. Загасыла й свитло. Вона середь ночи, почувшы шо винъ хропе, одризала гаманъ, и подала у другу комнатку черезъ виконце. А той харчыть. Прыслухаетьця до неи,—колы й вона вже заснула. Винъ розглядае іи хорошенько, облапуе: пидъ одно плече кынувсь, ажъ у неи на лентахъ черезъ плече чересы высять. Винъ ленту переризавъ, ажъ поглядивъ—зъ золотомъ! Переризавъ и другу, кынувсь до череса—тоже чымало! Поховавъ винъ все те въ карманъ.

Передъ свитомъ хватывсь та й будыть іи: «душенька! душенька! Выпусьтить мене, бо мини по сино хазяину треба ихать рано». Вона схватылась. Выпустыла ёго,—у дверечка выпхнула. Винъ и... маршъ! Пишовъ соби.

Прыбига на квартырю. Будыть брата коло коней пидъ повиткою: «А ну, брате, уставай. Сидлай кони, та нумъ тикать».—«Одъ кого?»—«Одъ того, братъ, шо красный домъ городъ стрясне».—«Якый домъ?»—съ просонку. «Тамъ де мы пылы въ погреби, то то й красный домъ, де ты гроши посіявъ. Рушаймо швыдче». Посидлалы кони и маршъ зъ города до свита. Покы сонце зійшло,—воны вже пьятнадцять верстъ уихалы.

Выихалы до казенного лиса. Звернулы въ лисъ. Попуталы кони. Послалы чумарку. „А ну, братъ“, говорыть, „подывымось де твои гроши зостались“.—„У погреби“, каже, „зостались“. „Знаю. Ты обыженный, братъ, бувъ, а я те потаивъ, та пополамъ свои роздилывъ, шо-бъ ты не журывся, шо до дому идешъ безъ грошей. Оце-жъ, братъ, дывысь: твои гроши пропалы? Я съ тобою своимы подилывсь пополамъ. Пишлы мы въ кабакъ,—я тоби и свою половыну отдавъ; чы ты ихъ сохранувъ?“ „Сохранувъ“. „Оце-жъ тоби дарую й свою половыну, ту шо я тоби отдавъ у кабаци на сохранъ. Теперъ у тебе гроши на мисьти? Те, шо ты заробывъ исперву, те й теперъ е? Сорокъ дви тысячи и двадьцять карбованцивъ“. „Такъ“. „А це вже моя половына сорокъ дьви ты-

сячи и двадьцять карбованцивъ. А це вже зверхъ цёго отъ иніе стикы захватывъ! А поличимо; це вже мій заробитокъ".—„Э-э", каже, „брате, передилимося-жъ и цымы". „Ни", каже, „брате, ты мини не вирывъ, якъ мы пылы у кабаци, прыручыть свою половыну, а якъ загубывъ, такъ я й выськавъ, та тоби-жъ и вернувъ, а ты ще й цей заробитокъ хочешъ пополамъ?" „Такъ не по правди-жъ, брате, робышъ, якъ не хочъ дилытьця й цымы". „Э-э, каже, „брате, ни.... Я по правди роблю: якъ я тоби свои отдавъ, а твои вызволявъ. Цей заробитокъ мій, бо я ёго захватывъ". Э-э, не по правди ты робышъ! Якъ мы вмисьти робылы й зароблялы, то й цей заробитокъ роздилы". „Ни, це вже мій заробитокъ; цей не вмисьти зароблялы; це я самъ...". „Такъ не по правди-жъ ты робышъ". „Ни, я въ правди жыву ще". „Ни, не въ правди". Заспорылыся. Одынъ каже: „въ правди", другый каже: „ни, не въ правди, бо не хочъ дилытьця".

Писля того заспорылы воны якъ лучче жыть: чы въ правди, чы не въ правди. Старшый каже у правди лучче жыть, а меньшій каже, шо не въ правди. „Ну, брате! Якъ ты кажешъ, шо у правди лучче жыть,—давай такъ: будемъ ихать; кого стринемъ и той скаже, шо не въ правди лучче жыть, такъ ты мини й гроши 'ддасы, а якъ скаже, шо въ правди лучче жыть, то я тоби й си оддамъ посьлидьни, що ты мини вызволывъ. Давай?"—„Давай". Посидлалы кони й поихалы. Нечыстый духъ уже пидкаснувся, выслухавшы ихъ раду....

Выихалы воны на шляхъ. Иде валка чумакивъ: у жупанахъ, у сапьяньцяхъ, сывыхъ шапкахъ высоченныхъ, батогамы цьвохають Поривнялыся зъ чумакамы. „Здрастуйте, чумакы!"—„Здорови, хлопци!" „А чого мы васъ хочемъ пытаты?" „Искажете". „Вы", говорыть, „чумакуете, по всихъ слободахъ издете; уси порядки знаете. Искажить намъ: якъ лучче жыть? Чы въ правди, чы не въ правди?" „А-а-ай, чудакы вы, хлопци! Молодци таки, шо мовъ на молодцивъ и походылы, а таке не знать шо говорять!... Якъ насъ спытатьця, то скажемъ, шо въ такый-то городъ идемъ, хуру веземъ, а насправди, то може хто ёго зна куды! То неправдою весь сьвитъ пройдешъ, та назадъ тилько не вернесься, а правдою трудно и пивъ верствы въихать". Мынулы чумакивъ тыхъ. Де й дилысь воны. Меньшый оглянувсь, не выдно чумакивъ. „Ашо", каже, „брате?! А бачъ,—у насъ уговоръ такый, шо якъ-бы въ правди сказалы, то-бъ я тоби отдавъ свои гроши, а якъ не въ правди, то ты мини давай уси". Узявъ той бидный старшый Ивась, отдавъ товарышови вси свои гроши! „Ну",

каже, „силькось! Забравъ гроши,—Богъ зъ тобою,—беры, а таки въ правди лучше жыть, якъ не въ правди". „Ни, не въ правди лучше. Ну давай-же", каже, „ихать та впьять: хто не попавсь первый, та скаже шо въ правди лучше жыть, то я тоби верну назадъ гроши и твои и свои, а якъ не въ правди скаже, такъ ты мини й коня 'ддасы". „Давай". Поихалы.

Иде коляса. У коляси панъ сыдыть. Доизьдять до пана. „Здрастуйте, пане!" „Здорови, хлопци!" „Ну, вы, пане, скризь проиждждаете по селамъ и по городамъ, то вы знаете: чы лучше въ правди жыть, чы не въ правди?" „А-ай, молодци! на молодцивъ и походылы, а абы що балакають! Якъ я иду, то скажу вамъ, шо въ такый-то городъ иду, а я може сьвитъ проиду та тилько назадъ не вернусь! А правдою и верствы не въихать!" Мынулы того пана; той тилько бувъ, тай нема. „А давай теперъ и коня мини. Бачъ! Не по правди лучче жыть, сказано". „На́ й коня, а такы въ правди лучше жыть". „Ни, не въ правди! Ну давай упьять ихать: якъ хто скаже у правди лучше жыть,—отдамъ твои гроши и свои, твого коня й свого, а якъ не въ правди лучше, такъ ты мини дасы й очи повыймать".—„Давай". Прыбылы рукы. Идуть.

Иде́ старець съ торбамы на зустричъ. Доиждждають до ёго: „здрастуйте, старче Божый". „Здорови, хлопци". „Ну ты, старче Божый, по свиту ходышъ и вси скуства знаешъ; скажы намъ: чы лучше въ правди жыть, чы въ не правди?" „А-ай, чудакы вы", говорыть, „молодци, мовъ на молодцивъ и походылы, а абы, що говорять. Ну де вы выдалы, шобъ такъ у правди лучше?! Я иду, то кажу, шо въ таке-то мисто, а може пиду й дальше. То брехнею весь свитъ пройду́, та назадъ не верну́сь, а правдою и до села не дойду. Проихалы воны того старця. „Ану", каже, „брате,—давай я тоби очи повыймаю". Уставъ той съ коня, а цей вынявъ ножыкъ и повыдовбувавъ ёму очи. Узявъ ёго коня и поихавъ у свою де́ржаву.

А той сирома пишовъ пишечкы шляхомъ; ишовъ покы збывсь зъ дороги. Обернувсь назадъ и дійшовъ манивцемъ до того самого казенного лису, де дилылысь гришмы зъ товарыщемъ, и впавъ у той ривъ, которымъ бувъ окопаный лисъ; а ривъ—косовый сажень вышыни́, а косовый сажень шырыни́. Якъ узявъ винъ у тому рови лазыть!.. Та покы лазывъ, покы зализъ у кутокъ до краю, шо дальше й никуды вже. Достававъ винъ вылизты, достававъ,—не вылизе, тай сивъ.. Сыдыть винъ до глупои ночи.

Глупа ничъ наступае,—выбигае изъ лису нечыстый духъ на рижокъ на той, де кинець рову. тай сивъ. Выскакуе другый—тай сивъ. Выскакуе третій—сивъ. Выскакуе четвертый—и той сивъ. Заразъ первый и каже: „Ну, що-жъ хто зробывъ? Яки чудеса"? А ти кажуть: „ни, ты первый кажы́; такъ якъ ты первый прыйшовъ, такъ ты повыненъ и казать". Той и каже: „Я отъ шо зробывъ: увъ одній слободи заперъ джерела; то воды немае ни въ ставкахъ, ни въ колодязяхъ. Той панъ за пьятнадьцять верстъ воду возыть пыть людямъ, бо напоить нигде; а самъ копа колодязь: хоче до воды докопатьця. Измучывъ людей на ключкы,—шо не здужають и ходыть. И воды нема, и покы сьвиту соньця, не докопаютьця до воды. А якъ-бы той панъ знавъ, шо въ ёго е на схидъ сонця хата-пустка въ слободи, то тилькы-бъ соху зъ тыи хаты выкопавъ на покути; та порубавъ на дрова, та спалывъ іи, то пишла-бъ така вода зъ тыи ямкы, де соха була, шо наповныла-бъ уси става́! И де прокопалы-бъ у ко́лино—и то-бъ була вода. И вси-бъ джерела-бъ открылысь. И до сьвитъ соньця нихто не може забороныть тіи ямкы"! Той выслухавъ, сыдыть соби тыхенько. Другый каже: „я отъ шо зробывъ: одному панови греблю на яру порвавъ. И черезъ ту греблю стовповый шляхъ ишовъ. Той панъ симъ годъ ту греблю гатыть, тай ніякъ не загатыть. И такъ винъ людей своихъ понивечывъ, шо не здужають и коло берега ходыть. Винъ іи шо загатыть, то я визьму тай порву. Ну якъ-бы знавъ той панъ, шо робыть, такъ винъ-бы іи за 'дынъ день загатывъ-бы. У того пана есьть чорный кабанъ и чорна свыня у сажи закынути. То якъ-бы винъ узявъ каминь, та 'бкувавъ ёго скабамы й того кабана прыкувавъ, тай пустывъ насередъ ставу. Та сорокъ визъ терну нарубавъ колючого, та сорокъ визъ мо́чери (деренъ) на ризавъ на мокрово́ди, та навалывъ-бы той теренъ поверхъ свыни, а мочерь поверхъ терну сорокъ визъ—то й до схидъ соньця нихто не порвавъ-бы тыи гребли. Ну, а ты шо зробывъ"?—„А я отъ шо зробывъ: вылупылась у царстви царивна. Красыва й умна така, шо красывишои и умнишои якъ вона не знайты. Я іи зъ ума звивъ. Зробылась вона не помняща; лае батька и матирь скверно и не помныть ничого. Й той царь шука по всимъ царстви ликаря, шобъ вылычыть іи Я іи соблазнывъ. Якъ ишла вона до Тайна Хрыстового прычащатысь, то выбывъ часточку зъ рукъ зъ ложечкы у священныка, котору ій треба прыймать. То та часточка упала на помистъ и запала въ щилыну. Въ тій щилыни сыдила жаба и вхватыла ту ча-

сточку. И сыдыть та жаба й доси пидъ поломъ. Якъ-бы хто вынявъ ту часточку зъ жабы, той справылы-бъ царивну. Ну, а ты шо зробывъ"?—„Я", каже четвертый, „ничого не зробывъ, бо найпизнишъ прыбигъ. Я тильки знаю, шо объ цимъ часу, въ оцю саму мынуту, така зъ неба роса впаде, шо якъ-бы слипый помазавъ очи цією росою, то ставъ-бы выдющій ище лучшій якъ бувъ.

Де є крывый,—
То якъ-бы помазавъ,
То ставъ-бы правый,

а де есть раненый, то заросла-бъ рана". Це пивень: ку-ку-ри-ку-у! А воны въ лисъ и побиглы. А ослиплённый Иванъ тилько по бурьяну, шо въ роси—лапъ-лапъ-лапъ,—та все маже очи. Покы мазавъ, покы й зорю вглядивъ. Посыдивъ съ пивъ-часа, колы бачыть,—сонце сходыть. Вже тоди покопавъ ямкы въ стини въ яру, та за бурьянъ брався,—покы й вылизъ.

Помолывся Богу й пишовъ. Прыслухаетьця, де пивень сьпива,—туды и йде на гласъ.

Якъ узявъ иты! Дійшовъ до слободы. Выпросывъ соби хлибця перекусыть; пытаетьця тыхъ людей: „де тутъ у васъ така слобода, шо вода въ ій заперта"? Воны й направляють ёго: „Есть тутъ; за пьятьдесятъ верстъ; помищыкъ измучывъ людей".

Прыходыть винъ у ту слободу. Копають ти люде. Бьють ихъ. „Здорови, люде добри"!—„Здоровъ, хлопче"!—„Шо вы робыте"? „Хлопчыно... Воды достаемъ; та насъ бьють. И снагы вже не стае, копаючы... А воды нема". „А шо-жъ вы мини дасте, якъ я вамъ воду открыю"?—„И-и, хлопче!.. Батьку нашъ! Шо схочъ, те й дамо"!.. „Пьятсотъ рубливъ дасте,—такъ я вамъ воду открыю, шо въ колино прокопаете, то буде вода". Прыкащыкъ побигъ до пана. Оповистывъ пану.

Панъ прыбигае,—
Тысячу рубливъ выкыдае.

„Дайте мини, пане, чотырёхъ чоловика изъ сокырамы, та заступъ дайте". Панъ зъ радистью дае имъ те все. Прыйшлы до хаты. Выкопалы соху, порубалы, испалылы. Якъ пишла вода съ тыи ямкы!

Ажъ шумыть! Такъ и ставы повни! Той панъ у шаплыкы бере у бочкы; дума, шо не буде вже воды бильшъ. Прыходе Ивась до пана, дае заступъ: „прокопайте въ колино,—буде вода“. Колы,—якъ разъ! Де не прокопають,—такъ и вода! Де не прокопають,—такъ и вода! Заплатывъ панъ тысячу карбованцивъ ёму. „Слава Тоби, Господы! Есть уже на дорогу. Пиду до другого помищыка“. Пытаетьця мужыкивъ цихъ-же: „де той панъ, шо греблю гатыть“? Воны й справылы: „иды; спасы й тыхъ людей, бо й тыхъ мучять“.

Прыйшовъ. Наткнувсь на тыхъ людей. Гатять... „Здорови, каже, „хлопци“! „Здоровъ, хлопче“! „Шо вы, люде добри, робыте“? „Э-эй, хлопче... Бида! Гатымъ, ось, греблю, тай не загатымъ“. „Шо вы мини дасте, якъ я вамъ іи загатю за 'дынъ день“? Ти люде зъ радисьтю. Ёго вкрылы; утовпылы. „Шо хочъ беры; мы-бъ тоби заплатылы, абы загатывъ. Бо мы симъ годъ гатымо, та ніякъ не загатымо“. „Оповисьтить своёму пану, шо я могу загатыть; тилькы нехай дасть те, шо я хочу“. Оповистылы. Панъ бижыть колясою. Пытае ёго: „Якъ ты можешъ загатыть,—шо схочъ, те й дамъ“—„Даcте мини визъ, пару коней и пьятсотъ рубливъ?—такъ загатю за'дынъ день“. Той панъ бере ёго въ домъ; поить и кормыть и просыть: „шо ты сказавъ, те я тоби поповню, тилькы, здилай мылость, загаты“.—„Йе въ тебе, пане, въ сажи свыня й кабанъ чорни“?—„Йе“—„Не пожалій же хочъ свыни, хочъ кабана. И лежыть у тебе коло млына каминь перебытый; ну вже 'дну половыну визьму и вбью свыню до каминя и пустю посередъ ставу на дно. Дай же мини, пане, сорокъ визъ терну, а сорокъ визъ пидвидъ мочерю наризать“. Каже: „йе; беры“. Винъ поихавъ; нарубавъ терну; нарізавъ мочери; прывизъ свыню; выпустывъ посередъ ставу. Терномъ прывалывъ, мочерью прыклавъ, шо-бъ не зорнуло; тоди всякымъ деревомъ прыклавъ поверхъ мочери; поверхъ древа помисть положывъ и кобылыци [1]) поставывъ. Сонце зайшло. Повечерялы зъ паномъ. Панъ и каже: „ужежъ ходимъ до гребли ночувать, бо не буде гребли“.—„Ходимъ, пане“. Повезлы кровать; повезлы й подушкы. Полигалы воны спать.

Лежать не сплять,
А тилькы гуторять.

---

[1]) Перила.

Глу́па ничъ. Колы бижыть по помосту, та булькъ у воду. Наткнетьця,—заразъ чорна свыня. Шо визьметьця спыною—теренъ коле. Выскочыть наверхъ на помистъ; „а-а, сей-сей", каже, „сукинъ сынъ догадався шо робыть ціи гребли! Була така лыха лычына, шо пидслухала! Теперъ уже ціи гребли и до свитъ соньця нихто не порве. Цей загатывъ добре!...". „А чуешъ", каже, „пане?"—„Чую", говорыть. Забралы кровать; забралы все; поихалы въ домъ; давай пыть-гулять! На другый день дае ёму панъ визъ, пару коней самыхъ луччыхъ, пьятсотъ рубливъ грошей. Сивъ и поихавъ. „Слава Богу! Есть теперъ на походъ. А поиду-жъ ше й до цара!—Шо Богъ дасть!"

Прыижджае у двирець. Встае зъ воза. Иде прожогомъ прямо въ палаты. Часови ёго не пускають: „куды ты, мужыкъ, сунешься?!" „Мини до царя треба". „Хто ты такый?" „Я дохтарь". Доложылы царю, шо „якыйсь до васъ дохтарь иде, та мы не пустылы". Царь углядивъ; выскочывъ самъ на кганкы: „Ступай сюды, мужычокъ". Винъ пидходе. „Хто ты такый?"—„Я, ваше осіятельство, дохтарь".—„Какый ты дохтарь?"—„Я чувъ, шо въ васъ малоумна дочерь йе". „Ие". Царь схватывъ ёго пидъ плечи: веде ёго у палаты. „Шо ты, голубчыкъ, можешь мою дочерь поличыть?"—„Можу, ваше осіятельство". „Я тоби, братець, за те половыну царства-бъ отдавъ, какъ ты можешъ".—„Можу", говорыть. Зъ велыкою радистью составляе царь пыръ; князивъ и санато́ривъ клыче. Сочыняе бумагу и.... объясняе князьямъ и санато́рамъ: „половыну царства даю дохтарю за услугу, якъ шо винъ можеть наставыть мою дочерь, какъ була". Князи и санатори дають рукы; царь пидпысавъ, шо неодминно оддасть половыну царства, якъ выличыть, а якъ не выличыть, такъ казныть ёго. Винъ заразъ сказавъ: „що-бъ булы мини клищи и нижъ гострый". И спытавъ царя, якого воны прыхода. Царь указавъ; прызнавъ и священныка, де вона й хрестылась и де воны велыкій пистъ говіють. И тоди винъ звеливъ увесты дочерь,—подывытьця на неи. Увелы іи. Вона лае царя въ батька и въ матирь!... Винъ подывывсь-подывывсь: „Это ничево", говорыть, „звисьтить священныку: нехай дозволе дзвоныть, а самъ-же нехай иде службу правыть". Ввійшлы у церкву. Винъ вырвавъ помостыну передъ вратамы: колы сыдыть жаба здоровенна пидъ помостомъ. Винъ хватнувъ ту жабу клищамы, роспоровъ черево, вынявъ часточку и давъ священныкови въ чашу, шо-бъ освятывъ іи у службі; а тымъ часомъ прывелы й царивну. Осьвятылы ій воду на голови;

высповидавъ іи священныкъ; одправывъ службу и прычастывъ іи. Якъ прыняла вона Тайна,—ударыла чотыри поклоны на вси чотыри стороны. И спытала всего мыру, скилько було въ церкви: „хто мене на сьвитъ пустывъ? Я теперъ здорова,—якъ на сьвитъ народылась". Поцилувала батька й матирь у руку, й пишлы у дворець.

Допытуе царивна отця: „хто мене, тату, на сьвитъ пустывъ?" Царь бере за руку дохтаря; а винъ у сирій свыти!... „Оце, дытыно моя, дохтарь той, шо тебе выличывъ".—„Чымъ же вы ёму, тату, подякуете?"—„Половыну царства ёму отдаю". А вона каже: „не такъ, тату, якъ вы думаете, а буде такъ, якъ сынодъ скаже. Поидьмо въ сынодъ; хай насъ закономъ розсудять: чымъ его 'дблагодарыть?" Царь согласенъ бувъ тому. Поихалы въ сынодъ. Царивна предложыла санато́рщыкамъ осудыть закономъ: хто іи на сьвитъ пустывъ? Батько й пытае: „Чымъ же ты, дочко, хочъ одблагодарыть?"—„Я, тату, хочу,— хто мене на свитъ пустывъ,—за того замижъ питы". Царь сынодъ запросывъ: „Якъ вона хоче,—я не могу й вдержать и супыныть". Заразъ Ивася прыбралы у золоту одежу, повелы въ храмъ и перевинчалы. Весильля 'дбулы. Погулялы. „Вы, батюшка, поминылысь дарувать пивъ царства моёму чоловикови; позвольте получыть". Уже батькови никуды спрыснýть; треба дарувать. Получыла вона пивъ царства. Черезъ мисяць така вродлыва стала, шо й по всихъ ца́рствахъ, по всихъ государствахъ не можна найты вродлывишои якъ вона; а шо розуму,—не постыжымо!

Жывуть воны й мисяць, жывуть и другый. Ходе разъ Ивась по двору и заплакнувъ. Вона вглядила черезъ викно; якъ выскочыла, якъ зачала его допытуватьця: „зачимъ ты журысься?" „Та то я такъ", говорыть. „Та чого таки ты мини не прызнаесься?!—Я-жъ твоя жена́. За чимъ ты журысься, шо такъ гирко заплакавъ?!" „Шо-жъ", каже, „серденько! Я теперъ доволенъ на все; а бувъ состояныя бидного: зъ мужыкивъ. Тай здумавъ!... Шо въ мене маты йе жыва; то може хлиба де просыть по-пидъ виконьню".

„Такъ ты-бъ, серденько, мини давно-бъ сказавъ,
Та зо мною-бъ свою матирь одыськавъ".

Узяла повкъ війська; запряглы въ колясу коней, силы и поихалы одыськувать матиръ.

Прыихалы до слободы, до тыи самои, де маты ёго жыве, и сталы на гори,—а слобода въ яру. И вбрала вона ёго въ салдацьку одежу и послала шукать матери. Прыходыть винъ до матерыного двору. Хата вже розвалылась... крохвы попадалы... Винъ прыходыть у хатку и просыть воды напытьця. Старуха встае съ печи, бидна... просыть ёго сидать. „Куды тебе, салдатыку, Богъ несе?“ „По одставци, бабушка, до дому“. „Э-э-эхъ, служы-вень-кый“, говорыть, „оттакъ десь и моя дытына! Чы воно жыве, чы нема?!?... Може де въ салдатахъ, а може де такъ померло“.... „Хиба вашъ, бабушка, сынъ у салдатахъ?“ „Э-э, ни“, говорыть, „оттуть удова есть сусида; така стара якъ и я... Та пишовъ мій сынъ на заробиткы зъ іи сыномъ; такъ винъ прыйшовъ, та грошей заробывъ багато, та багатіе; нема багатшого й у слободи якъ винъ!... А я про свою дытыну, якъ пытала, такъ каже, шо якъ дійшлы на мисто, та тилькы й бачылысь.—Сидай-же, сыночку, хочъ перекусышъ“. Дала вона ему источки.... Винъ попоивъ, попрощавсь и пишовъ.

Прыходе до жинкы: „Ну“, каже, „найщовъ я свою матиръ“. Тоди вбравсь у дорогу одежу, узявъ жену; прыходе до матери. „Здраструйте, мамо!“ Вона тилько плечыма здвыгнула. „Чы вы мене пизналы, мамо?“ Вона въ плачъ!... И одрикаетьця, шо „не могу я тебе, сыночку, пизнать, чы ты сынъ мій. Якъ ты сынъ мій, такъ ты мене повыненъ пизнаты“. Винъ тоди пославъ салдативъ до волости зозвать старшыну. Прыходе старшына. „Шобъ булы перериэы горилкы. Гроши заплачени будуть“. Склыкавъ усю слободу гулять. Самыхъ багачивъ собравъ у хату, а людямъ на двори обидъ поставывъ. Дывытьця,—уся слобода зійшлась, тилькы нема ёго товарыша. „Зачимъ“, каже, „старшына, уси хазяины йе, а, якъ я замичаю, тилько одного нема? Прызвать мини й того; шобъ була уся слобода передъ очыма“. Прызывае старшына и того-жъ багача. Винъ ёго бере за стилъ и сажае помижъ себе. Бере пляшку й чарку, частуе всихъ, покы й до ёго дійшло. „А пый“, каже, „брате, чарку й ты“. Той трусытьця... пизнавъ... „А пый“, каже, „брате, за правду“. Той побиливъ якъ глына!... Выпывъ. „О теперъ-же, братьця, выпью й я за правду.

Чы ты“, каже, „брате, знаешъ, якъ мы вмисти робылы?
Чы ты, знаешъ, брате, якъ мы въ лито сорокъ рубливъ
заробылы?

А ще-жъ, якъ пишлы у заводы, то сорокъ тысячъ заробылы за зиму.
А знаешъ“, каже, „брате, якъ мы й по судахъ ше ходылы?
Та ше сорокъ чотыри тысячи заробылы?
Чы ты, брате, знаешъ, якъ ты сказавъ: нумъ иты до-дому?
Та я-жъ, брате, ривно подилывъ гроши: шо мини, шо тоби.
Та ше тоди й кони покупылы.
Чы ты, брате, знаешъ, якъ мы въ погрибъ гулять ходылы,
Та ты сорокъ тысячъ у кабаци прогулявъ?
Чы ты, брате, знаешъ, якъ я твои сорокъ тысячъ на другый день вызволявъ?
Чы ты, брате, знаешъ, якъ мы утикалы,
Та все таки правды шукалы?
А ты, брате, неправдою й сьвитъ пройшовъ,
Тай назадъ вернувсь,
А я, брате, въ правди й верствы не зайшовъ?!..
Та все таки, брате, я казавъ: у правди лучше жыть, якъ у неправди!
Чы ты, брате, знаешъ, якъ ты мини въ неправди й очи повыймавъ?
А я таки правдою тебе, брате, й дома шукавъ!?!...

А бачъ, брате, въ правди лучче жыть, якъ не въ правди! Я тоби, брате, головы зъ плечъ не здійму, жывы соби, Богъ зъ тобою, а тильки......

Мисяцивъ черезъ два громовымъ вогнемъ запалывъ Господь домъ багачивъ, погорило все ёго багатство и винъ пишовъ зъ торбою по-пидъ виконьню. А Йвась жыве зъ своею жинкою и зъ матирью.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи ссылки Луцкаго епископа Діонисія Жабокрицкаго. Какъ извѣстно, луцкій гродскій писарь и кременецкій подстароста Дмитрій Жабокрицкій, избранный въ 1696 году волынскимъ дворянствомъ и духовенствомъ, какъ ревнитель православія, на Луцкую епископскую каѳедру и вступившій въ управленіе ею подъ именемъ Діонисія, въ 1702 году, вслѣдствіе стеченія разнаго рода обстоятельствъ, былъ вынужденъ принять унію. Эта измѣна вызвала такое сильное противъ него озлобленіе среди православныхъ дворянъ, что онъ вынужденъ былъ на время бѣжать въ Венгрію, и когда рѣшился навѣдаться въ свою епархію, то его враги, главнымъ образомъ, его же родственники, въ 1710 году схватили его и передали въ распоряженіе русскихъ военачальниковъ, находившихся въ то время на Волыни вмѣстѣ съ войсками по случаю войны со шведами. По приказу Петра I, онъ былъ отправленъ въ Москву, а оттуда въ ссылку, гдѣ и умеръ въ 1715 году. Куда именно сосланъ былъ Діонисій, въ большей части историческихъ сочиненій, трактующихъ объ этомъ эпизодѣ, нѣтъ указаній. Въ одной лишь лѣтописи Величка есть упоминаніе, что несчастный владыка былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. Мы имѣемъ документальное доказательство, вполнѣ подтверждающее это лѣтописное свидѣтельство и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти рисующее положеніе Жабокрицкаго въ Соловкахъ, куда онъ попалъ не за какія-либо провинности противъ русскаго правительства, а единственно по интригамъ своихъ личныхъ враговъ, да еще развѣ за то, что былъ друженъ съ гетманомъ Мазепою. Доказательство это—приводимое ниже письмо холмогорскаго (такъ ранѣе назывались архангельскіе архіереи) архі-

епископа Рафаила, сохранившееся въ числѣ многихъ другихъ старинныхъ документовъ XVII—XVIII вв. въ Архивѣ б. холмогорскаго архіерейскаго дома.

При этомъ считаю нужнымъ пояснить, что въ первой половинѣ XVIII в., при Петрѣ I-мъ и его ближайшихъ преемникахъ, въ числѣ архангельскихъ (холмогорскихъ) архіереевъ было нѣсколько человѣкъ уроженцевъ Малороссіи. Какъ уроженцы юга, они по чувству землячества принимали близкое участіе въ судьбѣ своихъ земляковъ-малороссовъ, попадавшихъ въ ссылку на далекій сѣверъ, и, насколько возможно было, облегчали тяжелое ихъ положеніе. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ и упомянутый выше архіерей Рафаилъ, по фамиліи *Краснопольскій*, уроженецъ Каменца-Подольскаго и воспитанникъ Кіево-Могилянской Коллегіи, родившійся въ 1668 году. Вотъ что онъ писалъ архимандриту и старшей братіи Соловецкаго монастыря по поводу отправленія къ нимъ бывшаго луцкаго епископа:

«О Святѣмъ Дусѣ сыну и сослужителю нашему, епархіи нашея Соловецкаго Монастыря архимандриту Ѳирсу, келарю старцу Иларіону, казначею іеромонаху Дороѳею з братіею, наше архіерейское благословеніе буди преподаемое нынѣ и всегда.

Въ нынѣшнемъ ҂ѰАІ (711) году, по указу великаго государя, посланъ с Москвы к вамъ, въ Соловецкій Монастырь, преосвященный Діонисій Жабокрицкій, человѣкъ знатный. И егда онъ к вамъ в Соловецкій Монастырь будетъ, да повелитъ ваше преподобіе ему, преосвященному Діонисію, для житья отвесть келью въ удобность и дать к нему в келью искуснаго и грамотнаго старца ради послуженія и прочтенія келейнаго его архіерейскаго правила, котораго самъ за старость свою и за немощь отправити не изможетъ. И будете к нему, полученія ради милости Божіея, милосерды и любительны, якоже и Отецъ нашъ небесный до насъ милосердъ есть: яже бо меньшимъ Христовымъ сотворите, самому Христу сотворите, а милость Божія и Пречистыя Богородицы и преподобныхъ отцев Зосимы и Савватія Соловецкихъ чюдотворцевъ и всѣхъ святыхъ, молитвы и наше архіерейское благословеніе с вами есть і буди нынѣ і всегда.

Писася в походе нашемъ, во градъ Архангельскъ, в дому Всемилостивого Спаса і в нашемъ архіерейскомъ, лѣта Господня 1711, іюля 15 дня» [1]).

---

[1]) По описи стараго Холмогорскаго Соборн. Архива № 919.

Весьма замѣчателенъ тонъ этого ходатайственнаго письма. Безъ сомнѣнія, архіепископу Рафаилу былъ извѣстенъ фактъ перехода Жабокрицкаго въ унію, но онъ зналъ, что не за это его подвергли ссылкѣ, и потому въ письмѣ онъ титулуетъ его «преосвященнымъ» и проситъ оказать ему подобающее уваженіе, какъ человѣку «знатному» и притомъ удрученному годами и несчастьемъ. Весьма вѣроятно, что благодаря этому гуманному посредничеству и протекціи Рафаила, жизнь Жабокрицкаго въ Соловкахъ не была собственно заточеніемъ, и не въ этомъ ли кроется причина, почему въ изслѣдованіяхъ г.г. Ефименка и Колчина о ссыльныхъ, содержавшихся въ Соловецкомъ монастырѣ въ XVIII в., о Жабокрицкомъ не упоминается. Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ письма архіерея Рафаила, Жабокрицкій посланъ былъ въ Соловецкій монастырь не въ ссылку въ строгомъ смыслѣ этого слова, а на покой, почему въ монастырскомъ архивѣ въ дѣлахъ о ссыльныхъ и нѣтъ о немъ упоминанія.

Г. К.

Несостоявшійся проектъ учрежденія въ Кременчугѣ дворянскаго пансіона въ 1809 г. Въ февралѣ 1809 г. къ полтавскому губернатору А. Козачковскому, по дѣламъ службы пріѣхавшему въ Кременчугъ, обратился мѣстный предводитель дворянства Лука Павловичъ Руденко съ формальнымъ заявленіемъ о томъ, что, «движимый усердіемъ къ благу общему и вѣдая, что всякая жертва, приносимая въ пользу отечества, есть прямое доказательство истинной любви къ оному», онъ желаетъ учредить при кременчуцкомъ повѣтовомъ училищѣ «институтъ» для содержанія въ немъ 12-ти учениковъ изъ дворянскихъ дѣтей, преимущественно сиротъ, для чего готовъ пожертвовать капиталъ въ 40,000 рублей и сверхъ того выстроить на свой счетъ помѣщеніе для института стоимостью до 10,000 р. Прося губернатора исходатайствовать разрѣшеніе начальства на осуществленіе его патріотическаго намѣренія, Руденко представилъ вмѣстѣ съ этимъ и составленный имъ «Проектъ правилъ Института для благороднаго юношества», состоящій изъ 11-ти параграфовъ. По смыслу этого проекта, новое воспитательное учрежденіе явилось бы не чѣмъ инымъ, какъ пансіономъ, воспитанники котораго ходили бы учиться въ повѣтовое училище. Во главѣ института ставился попечитель, каковымъ до своей смерти долженъ быть самъ учредитель, послѣ него его жена, а за-

тѣмъ уже лице, избранное дворянствомъ кременчуцкаго уѣзда. Попечителю ввѣрялся общій надзоръ за институтомъ, и онъ обязанъ былъ представлять ежегодный отчетъ начальнику губерніи, которому Руденко «поручалъ институтъ въ особенное покровительство». Для ближайшаго завѣдыванія институтомъ назначался надзиратель, съ жалованьемъ въ 250 р. въ годъ, и его помощникъ, съ жалованьемъ 150 р.; оба эти лица избирались попечителемъ и утверждались въ должностяхъ Харьковскимъ университетомъ, которому, на основаніи изданныхъ министерствомъ нар. просвѣщенія въ 1803 г. «Правилъ», поручено было завѣдываніе училищами полт. губерніи. Надзиратель долженъ былъ вѣдать хозяйственную часть въ институтѣ, а его помощникъ—учебную. Оба они должны были жить въ институтѣ, всегда находиться при воспитанникахъ и имѣть съ ними общій столъ. Ежегодное содержаніе института Руденко опредѣлялъ въ 2332 р. 50 коп., каковую сумму онъ обязывался вносить ежегодно, а послѣ его смерти ту же сумму должны были вносить его наслѣдники; въ случаѣ же продажи имѣнія, учредитель или его наслѣдники должны были, въ обезпеченіе института на вѣчныя времена, внести въ приказъ общественнаго призрѣнія наличными 40,000 рублей.

Губернаторъ Козачковскій очень сочувственно отнесся къ намѣренію Руденка и въ своемъ донесеніи малороссійскому генералъ-губернатору князю Лобанову-Ростовскому ходатайствовалъ о награжденіи его «за такой благотворительный подвигъ» орденомъ Анны 2 ст. Самъ Руденко, въ письмѣ къ генералъ-губернатору, просилъ принять благосклонно его пожертвованіе и не оставить его самого «милостивымъ воззрѣніемъ». Князь Лобановъ-Ростовскій охотно исполнилъ его желаніе и, сообщая министру внутреннихъ дѣлъ князю Б. А. Куракину о проектѣ Руденка, съ своей стороны ходатайствовалъ о наградѣ щедрому жертвователю.

Но тутъ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Жена Руденка, Анастасія Андреевна, урожденная Магденко, послала на имя князя Куракина длинное прошеніе о томъ, чтобы не было дано хода проекту ея мужа относительно учрежденія въ Кременчугѣ «Института для благороднаго юношества». Она писала, что мужъ ея наслѣдовалъ имѣніе, обремененное долгомъ въ 95,000 рублей; путемъ неусыпныхъ заботъ и стараній ей съ мужемъ удалось пока погасить часть этого долга, именно 65,000 р. «но еще остается погасить немалую сумму, около 30,000 р. «Не сдѣлавшись свободнымъ отъ сей тяготы,—жаловалась

она,—мужъ составилъ «Положеніе» объ институтѣ, мимо меня учиненное, которое разрушаетъ все состояніе его, купно и мое. Институтъ для воспитанія двѣнадцати благородныхъ дѣтей въ Кременчугѣ, заводимый на счетъ обремененнаго долгами имѣнія, и сверхъ того возлагаемая на оное же имѣніе сумма въ сорокъ тысячъ рублей, да на построеніе дому десять тысячъ,—и такъ составляется на то имѣніе долговая сумма семьдесятъ пять тысячъ». Между тѣмъ изъ бывшихъ раньше въ имѣніи 486 душъ крестьянъ сто душъ уже продано, и ей, всю жизнь неусыпно работающей въ видахъ поправленія разстроеннаго состоянія мужа, совсѣмъ не изъ чего будетъ уплачивать такую крупную сумму изъ его имѣнія. Поэтому, не отвергая пользы учрежденія задуманнаго мужемъ института, она просила князя Куракина «возвратить отзывъ о семъ мужа моего и начертаніе правилъ сего института для поправленія сообразно теперешнимъ мыслямъ и тѣмъ удержать до времени установленіе онаго».

Князь Куракинъ такъ и сдѣлалъ. Онъ возвратилъ всю переписку по этому дѣлу князю Лобанову и просилъ разсмотрѣть его вновь, «ибо,—писалъ онъ,—соображенія жены Руденка не могутъ не заслуживать уваженія, и подобныя пожертвованія зависятъ единственно отъ доброй воли и притомъ, чтобы они не были противны законамъ». Кн. Лобановъ запросилъ самого Руденка, что онъ думаетъ объ этомъ дѣлѣ, и тотъ отвѣтилъ: «по встрѣчающимся въ семъ случаѣ противнымъ «Положенію» моему обстоятельствамъ, оставляю намѣреніе мое до удобнѣйшаго и всѣ препятствія удалить могущаго времени». Такъ и не состоялось открытіе кременчуцкаго института, второго интерната въ полтавской губерніи (первымъ былъ «домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ въ Полтавѣ).

Нужно прибавить къ этому, что Анастасія Андреевна Руденко вовсе не была скупой женщиной и сдѣлала немало добраго для своихъ крестьянъ. Затѣѣ мужа она лишь потому не сочувствовала, что эта затѣя превышала его средства; но въ своемъ родовомъ имѣніи, с. Глобиномъ, перешедшемъ затѣмъ къ Магденкамъ (отъ которыхъ недавно перешло въ другія руки) она построила въ 1837 г. превосходный каменный храмъ, какой трудно встрѣтить въ деревняхъ, и положила капиталъ въ 4786 р. на его ремонтъ. Помимо этого, она оставила капиталъ въ 33,000 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ него шли

на уплату податей за ея крестьянъ [1])—явленіе рѣдкое, если не единственное въ Полтавщинѣ. Погребена она въ Глобиномъ, въ выстроенномъ ею храмѣ. (*Архивъ полт. губ. правленія, по описи № 397*).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Злоупотребленіе при перемѣнѣ ассигнацій въ 1819 г. Высочайшимъ повелѣніемъ, 1-е мая 1819 г. было назначено послѣднимъ днемъ, когда должны быть введены новыя ассигнаціи 100, 50 и 25 р. достоинства. Для Сибири такимъ срокомъ было назначено 1-е августа 1820 г. Какъ бывало и впослѣдствіи, многіе не успѣвали обмѣнять старыхъ ассигнацій, а многіе, живущіе въ захолустьяхъ, и не знали объ этомъ законѣ, чѣмъ и воспользовались евреи: они покупали эти ассигнаціи за безцѣнокъ и отсылали ихъ въ Сибирь, гдѣ получали за нихъ полную стоимость. Это было замѣчено стряпчимъ кременчугскаго уѣзда, который донесъ объ этомъ прокурору полтавскому. «Покупаютъ евреи,—писалъ прокуроръ,—у простолюдинъ тѣ старыя ассигнаціи за самыя низкія цѣны, такъ, что третью токмо долю новыхъ ассигнацій платятъ простолюдинамъ, въ надеждѣ передать къ промѣну въ сибирскія губерніи. Простолюдинъ же теряетъ на старыхъ ассигнаціяхъ значительную сумму, черезъ что, понеся ощутительный убытокъ, могутъ прійти въ несостоятельность къ платежу государственныхъ податей», а потому стряпчій просилъ разрѣшенія о принятіи единовременно въ казну «отъ однихъ токмо простолюдиновъ, для поддержанія участи ихъ, оставшихся у нихъ старыхъ ассигнацій, за первымъ о томъ имъ объявленіемъ». (Архивъ полт. губ. правл. 1820, по описи № 289).

Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи (1798 г.). Между рукописями, хранящимися въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, находятся два репорта правленія Кіевской духовной Академіи. Первый изъ нихъ 17 марта 1798 г. поданъ на имя Кіевскаго митрополита Іероѳея Малицкаго, а второй 31 августа

---

[1]) Этой процентной суммой и въ настоящее время пользуются крестьяне с. Глобина.

1800 г. на имя Кіевскаго митрополита Гавріила Банулеско. Репорты эти, по содержанію своему, имѣютъ большой интересъ для желающихъ познакомиться съ Кіевскою академіею въ самомъ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія, а потому я долгомъ своимъ считаю напечатать ихъ на страницахъ Кіевской Старины. Помѣщаю пока первый.

Въ немъ сообщаются митрополиту Іероѳею слѣдующія свѣдѣнія о Кіевской Академіи:

I.

„Академическій училищный каменный домъ состоитъ въ нижнемъ городѣ Кіево-Подолѣ при бывшемъ братскомъ монастырѣ, который именнымъ блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины вторыя 1787 года марта 15 дня состоявшимся указомъ велѣно для Академіи оставить о двухъ этажахъ, при коемъ для Префекта и учителей имѣются каменныя и деревянныя, выгодныя для житія келіи, и каменная библіотека, а для учениковъ, живущихъ на казенномъ содержаніи, немного подалѣ на берегу рѣки Днѣпра, имѣется каменный же о 13 жилыхъ камерахъ особый домъ съ каменною поварнею и пекарнею, изъ которыхъ 13 камеръ двѣ занимаются больницею; и по тѣснотѣ мѣстоположенія, въ силу вышеписаннаго высочайшаго указа, хотя слѣдовало давно выстроить особую больницу, но за неотведеніемъ отъ города особаго на оную мѣста, остается то высочайшее повелѣніе безъ исполненія. Мѣста, занимаемыя какъ Академіею и келіями учительскими, такъ и домомъ для казенныхъ учениковъ, весьма выгодныя; а посему, кромѣ распространенія послѣдняго, въ другое мѣсто переносить Академію надобности никакой нѣтъ.

II.

Къ отправленію нужныхъ службъ ежегодно нанимаются 1) для топленія и чищенія школъ и покоевъ учительскихъ четыре человѣка; 2) для обереженія церкви и всего въ Академіи строенія сторожа два; 3) для присмотру конюшеннаго двора и учительскихъ лошадей два конюха; 4) въ домѣ сиротскомъ, гдѣ ученики жительствуютъ, какъ оный отстоитъ отъ школъ и учительскихъ покоевъ въ особомъ нѣсколько далекомъ мѣстѣ, четыре сторожа, два повара, два хлѣбника и два истопника; 5) для покупки ученикамъ съѣстныхъ припасовъ и содержанія оныхъ комиссаръ; 6) для письменныхъ дѣлъ одинъ при-

казный и два писца. Какже въ студенческомъ сиротскомъ домѣ, по причинѣ множества живущихъ въономъ, бываетъ немалое число больныхъ, для врачеванія которыхъ сыскивался со стороны лекарь съ крайнею неудобностію, для того и нужно навсегда опредѣлить при Академіи лекаря на годовомъ жалованьѣ.

III.

Въ сей Академіи ученіе нынѣ продолжается слѣдующимъ порядкомъ:

Обучаютъ чистописанію, правописанію, катихизису сокращенному и пространному, изъясненіямъ евангелій праздничныхъ, букварю латинскому, правиламъ для учащихся, книгѣ о должностяхъ, всеобщей исторіи и географіи, россійской и латинской грамматикѣ, чистой и смѣшенной математикѣ, ариѳметикѣ, россійской и латинской риторикѣ и поэзіи, философіи на латинскомъ языкѣ, а физикѣ на россійскомъ, богословіи на латинскомъ и россійскомъ языкахъ, языкамъ же греческому, еврейскому, нѣмецкому, польскому и рисовальному искусству.

Часовъ въ седмицѣ: Богословію 12 часовъ, философіи 12, риторикѣ латинской 6, риторикѣ россійской 6, поэзіи латинской 6, поэзіи россійской 6, высшаго класса граматики 12, средняго класса грамматики 12, нижняго класса грамматики 12, Математикѣ чистой 6, математикѣ смѣшенной 3, географіи и исторіи 6, греческому языку 6, нѣмецкому 6, еврейскому 3, польскому 3, рисованію 3.

Вышеописанныя науки преподаются по нижеслѣдующему.

Въ понедѣльникъ: поутру въ 8 и 9 часу математика чистая; въ 10 и 12 ч. грамматика латинская и россійская, поэзія россійская, риторика латинская, философія и богословія латинская и россійская. Пополудни въ 2 и 3 ч. ариѳметика, а въ 4 и 5 час. исторія и географія.

Во вторникъ: поутру въ 8 и 9 ч. греческій языкъ; въ 10 и 11 грамматика латинская и россійская, риторика россійская, поэзія латинская, философія и богословія латинская и россійская. Пополудни въ 2 ч. смѣшенная математика и рисованіе, въ 3 и 4 час. нѣмецкій языкъ, а въ 5 ч. еврейскій и польскій языки.

Въ среду: поутру въ 8 и 9 ч. чистая математика; въ 10 и 11 часу грамматика, поэзія, риторика и проч. такъ, какъ въ понедѣль-

никъ. Пополудни въ 2 и 3 ч. ариѳметика; въ 4 и 5 час. исторія и географія.

Въ четвертокъ: поутру въ 8 и 9 часу греческій языкъ; въ 10 и 11 часу грамматика, поэзія, риторика и проч., какъ вторникъ. Пополудни въ 2 ч. смѣшенная математика и рисованіе; въ 3 и 4 нѣмецкій языкъ; въ 5 польскій и еврейскій языкъ.

Въ пятокъ: поутру въ 8 и 9 часу чистая математика; въ 10 и 11 грамматика, поэзія, риторика и проч., какъ въ понедѣльникъ и среду.

Въ субботу: Поутру въ 8 и 9 часу греческій языкъ; въ 10 и 11 грамматика, поэзія, риторика и проч., какъ во вторникъ и четвертокъ. Пополудни въ 2 часу смѣшенная математика и рисованіе; въ 3 и 4 нѣмецкій языкъ, въ 5 польскій и еврейскій языкъ.

Въ классахъ же обучаютъ: въ нижнемъ грамматическомъ классѣ 1) Сокращенному катихизису; 2) чистописанію; 3) правописанію; 4) правиламъ для учащихся; 5) россійской грамматикѣ; 6) букварю латинскому или первообразнымъ латинскимъ словамъ; 7) латинской грамматикѣ I и II части.

Въ среднемъ грамматическомъ классѣ: 1) Сокращенному катихизису; 2) правописанію; 3) грамматикѣ россійской; 4) священной исторіи; 5) школьнымъ разговорамъ; 6) латинской грамматикѣ I, II и III части.

Въ высшемъ грамматическомъ классѣ: 1) пространному катихизису; 2) школьнымъ разговорамъ; 3) Гибнеровой исторіи на латинскомъ языкѣ; 4) латинской грамматикѣ всей съ примѣчаніями; 5) правописанію и 6) россійской грамматикѣ.

Въ поэзіи: 1) пространному катихизису; 2) книгѣ о должностяхъ человѣка и гражданина; 3) поэзіи латинской и россійской; 4) чтенію и переводу авторовъ латинскихъ и россійскихъ.

Въ риторикѣ: 1) риторикѣ россійской и латинской; 2) изъясненіямъ евангелій; 3) чтенію и переводу россійскихъ и латинскихъ авторовъ.

Въ философіи: 1) изъясненіямъ евангелій, что и подъ дни воскресные имѣетъ быть продолжаемо; 2) философіи латинской Бавмейстеровой; 3) физикѣ на россійскомъ языкѣ.

Въ богословіи: 1) Богословіе на латинскомъ языкѣ; 2) богословіе на россійскомъ языкѣ преосвященнаго Платона.

Котораго порядка ученія въ разсужденіи, что ученики довольные всегда оказываютъ успѣхи—перемѣнить не слѣдуетъ, кромѣ что для смѣшанной математики вмѣсто 3 часовъ въ недѣлю положить 6, которому и обучать во время ариѳметическаго класса, яко въ оный студенты философіи и богословія, обучающіеся сей науки, въ ариѳметическій классъ не ходятъ.

IV.

Изъ наукъ, сверхъ показанныхъ въ указѣ св. синода въ 2, 3, 4 и 5 пунктахъ, прибавлено рисовальное искусство. Остается къ тому прибавить опытную физику и возстановить французскій языкъ, ежели на то св. синода благоволеніе будетъ.

V.

Кто именно изъ Академіи учители, чему и гдѣ обучались и чему нынѣ обучаютъ и сколько получаютъ жалованья ниже сего явствуетъ.

Іеромонахъ Ириней. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1772 г. отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ и поэзіи, а съ 1775 года продолжалъ ученіе въ чужихъ краяхъ, гдѣ находясь чрезъ 8 лѣтъ обучался впервые въ Венгерскомъ городѣ Токаѣ, потомъ въ Презбургѣ отъ нижнихъ классовъ до риторики, также исторіи, географіи, ариѳметикѣ, нѣмецкому и венгерскому языкамъ, потомъ въ городѣ Пестѣ—философіи, экономіи, исторіи, алгебрѣ, геометріи, механикѣ, архитектурѣ, гражданской и экспериментальной физикѣ; а возвратяся въ Россію 1783 года обучался богословію и греческому языку. Обучаетъ богословіе на латинскомъ и россійскомъ языкахъ и смѣшенной математикѣ. За богословіе 280 рублей, а за смѣшенную математику 50 рублей. Итого 330 руб. Жалованье за смѣшенную математику митрополитъ Іероѳей увеличилъ ему на 20 руб.

Академіи префектъ іеромонахъ Иннокентій. Обучался въ Кіевской Академіи съ 1775 г. отъ низшихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи и притомъ греческому и нѣмецкому языкамъ, также ариѳметикѣ, исторіи и географіи. Обучаетъ на латинскомъ языкѣ философіи и на россійскомъ теоретической физикѣ. 250 рублей. Митрополитъ Іероѳей увеличилъ эту сумму на 50 рублей.

Іеромонахъ Іакинѳъ. Обучался въ Кіевской Академіи съ 1779 года отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ французскому и греческому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, механикѣ, архитектурѣ гражданской и оптикѣ. Обучаетъ латинской риторикѣ и содержитъ библіотеку. За риторику 120 рублей, а за содержаніе библіотеки 50 рублей. Итого 170 руб. Митрополитъ Іероѳей увеличилъ это жалованье на 30 рублей.

Іерей Михаилъ. Обучался въ кіевской академіи, начавъ съ 1782 года отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и Богословіи, также ариѳметикѣ, исторіи, географіи, геометріи, алгебрѣ, французскому, нѣмецкому и греческому языкамъ. Обучаетъ латинской поэзіи. 120 рублей. Сумму эту митрополитъ увеличилъ на 10 рублей.

Никита Соколовскій. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1782 года отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и Богословіи, и притомъ французскому языку, также ариѳметикѣ, исторіи и географіи; съ 1792 года, по избранію академіи и резолюціи покойнаго преосвященнаго митрополита Кіевскаго Самуила, отправленъ былъ въ Московскій императорскій университетъ для надлежащаго приготовленія къ учительской должности, гдѣ, принятъ будучи студентомъ, обучался греческому и нѣмецкому языкамъ, россійскому и латинскому краснорѣчію съ критикою, опытной физикѣ, энциклопедіи, всеобщей исторіи, римскому и россійскому законоискусству. Обучаетъ поэзіи и риторикѣ россійской, такожъ исторіи и географіи. Изъ бѣльцевъ. За риторику 120 р., за поэзію 120 р., за исторію и географію 100 р. Итого 340 р. За преподаваніе риторики митрополитъ добавилъ ему 10 рублей.

Осипъ Козачковскій. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1784 года отъ нижнихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи и притомъ французскому и греческому языкамъ, ариѳметикѣ, исторіи и географіи. Обучаетъ высшему классу грамматикѣ. Изъ бѣльцевъ. 150 рублей; къ этой суммѣ митрополитъ добавилъ ему 20 рублей.

Григорій Шехновскій. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1776 г. отъ низшихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ нѣмецкому, греческому и еврейскому языкамъ, ариѳметикѣ, исторіи и географіи.

Обучаетъ среднему классу грамматикѣ и нижнему нѣмецкаго языка. Изъ бѣльцевъ. За средній грамматическій классъ 120 р за нижній нѣмецкій 100 р. Итого 220.

Димитрій Иванишевъ. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1784 г. отъ нижнихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ ариѳметикѣ, исторіи, географіи, греческому и еврейскому языкамъ. Обучаетъ нижнему классу грамматикѣ и еврейскому языку. Изъ бѣльцевъ. За грамматическій классъ 100 рублей, за еврейскій языкъ 70 р. Ему добавлено за еврейскій языкъ 30 р.

Степанъ Семяновскій. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1786 года отъ нижнихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, между тѣмъ исторіи, ариѳметикѣ, географіи, чистой и смѣшенной математикѣ, греческому и польскому языкамъ. Обучаетъ греческому языку. Изъ бѣльцевъ. 120 рублей. Къ этой суммѣ митрополитъ ему добавилъ 10 р.

Іерей Савва Стрълецкій. Обучался въ Винницкой Академіи, начавъ съ 1778 года отъ нижнихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ и философіи, между тѣмъ польскому языку и ариѳметикѣ; съ 1791 г. въ Радомысльской семинаріи чрезъ годъ обучался богословіи. Обучаетъ польскому языку. 50 рублей; къ этой суммѣ митрополитъ добавилъ ему съ 1 января 1798 года еще 50 рублей.

Тимоѳей Максимовскій. Обучался съ 1788 года въ Кіевской Академіи отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ нѣмецкому языку, рисовальному искусству, чистой и смѣшенной математикѣ, исторіи и географіи. Обучаетъ рисованію и чистой математикѣ. Изъ бѣльцевъ. За рисованіе 60 рублей, за чистую математику 100 р. Митрополитъ за рисованіе добавилъ ему 10 рублей.

Самуилъ Храппановъ. Обучался съ 1790 г. въ Прешовской гимназіи отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ и философіи, притомъ всеобщей исторіи и географіи, также чистой и смѣшенной математикѣ всѣмъ частямъ; съ 1793 г. въ Пресбургѣ обучался богословіи, между тѣмъ при природномъ венгерскомъ языкѣ обучался также славянскому, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ. Обучаетъ высшему классу нѣмецкаго языка.

Изъ бѣльцевъ. 50 рублей. Къ этой суммѣ митрополитъ добавилъ ему съ 1 января 1798 г. еще 50 рублей.

Игнатъ Гловацкій. Обучался съ 1786 года въ Овручской семинаріи отъ низшихъ классовъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ по риторикѣ, а съ 1793 года въ Московской семинаріи продолжалъ по философіи, гдѣ обучался ариѳметикѣ, алгебрѣ, чистой и смѣшенной математикѣ, исторіи и географіи, нѣмецкому языку, экспериментальной физикѣ, а съ 1795 года прибылъ въ Кіевскую Академію, гдѣ продолжалъ философію и богословію. Обучаетъ ариѳметикѣ. Изъ бѣльцевъ. Вмѣсто 50 рублей митрополитъ назначилъ ему 100 рублей.

VI.

Имѣемымъ быть присылаемымъ студентамъ для образованія изъ прикосновенныхъ къ Академіи семинарій на пищу положить можно въ мѣсяцъ каждому по 3 рубля.

VII.

Чтожъ касается до жалованья учителямъ, то не благоугодно ли будетъ вашему высокопреосвященству сдѣлать имъ прибавку изъ той суммы, которая отпускаема была на Переяславскую семинарію.

Академіи ректоръ, кіево-михайловскій архимандритъ Ѳеофилактъ. Кіево-выдубицкій игуменъ и Академіи вице-ректоръ Аѳанасій. Академіи префектъ іеромонахъ Иннокентій.

1798 года, марта 17 дня.

Протоіерей Петръ Орловскій.

Къ вопросу объ улучшеніи путей сообщенія въ Кіевѣ въ концѣ XVIII в. и объ участіи въ этомъ дѣлѣ духовенства. Извѣстно, что въ Кіевѣ, благодаря его гористому мѣстоположенію, трудно было пролагать удобныя дороги. Между тѣмъ городъ постепенно разростался, и потребность въ хорошихъ путяхъ сообщенія ощущалась все сильнѣе. Къ концу XVIII в. мѣстная гражданская власть прилагала много усилій къ благополучному разрѣшенію труднаго дорожнаго вопроса.

Ниже мы помѣщаемъ письмо кіевскаго губернатора Семена Ширкова къ митроп. Самуилу Миславскому съ проектомъ устройства

моста надъ „большимъ провальемъ" на дорогѣ, ведущей изъ „кіевопечерскаго форштата" „къ государеву дворцу" и съ просьбою побудить къ участію въ этомъ дѣлѣ мѣстное духовенство. М. Самуилъ сочувственно принялъ проектъ Ширкова и сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія духовенству.

Письмо къ митр. Самуилу Ширкова: „Высокопреосвященнѣйшій господинъ архиепископъ кіевскій и галицкій митрополитъ, святѣйшаго правительствующаго синода членъ, милостивый государь архипастырь! С числа состоящихъ в городѣ Кіевѣ дорогъ, находящаяся въ кіевопечерскомъ форштатѣ близъ большого провалья къ государеву дворцу дорога, по распоряженію починивается подданними Кіево-Софійскаго катедральнаго монастыря [1]), куда каждый годъ весьма большое количество выстатчаемо бываетъ фашинику, соломы, жердей, песку и прочаго; а подданные и скотъ претерпѣваютъ раза по тры в лѣто большія обтяженія и лишаются всегда в такое время, когда нужно имъ по хозяйству работать, прибылей своихъ; но всѣ тѣ труды и немалой коштъ употребляются вотще. Найлучшее жъ средство избирая, ко избѣжанію всего того, устроить на семъ мѣстѣ мостъ, который, какъ с прилагаемой при семъ отъ меня о матеріалахъ и работникахъ смѣты, ваше высокопреосвященство благоусмотрѣть соизволите, весьма в малую цѣну обойтится можетъ и простоитъ уже нѣсколько лѣтъ. В такомъ мѣроположеніи вашего высокопреосвященства покорнѣйше прошу дать кому надлѣжитъ ваше повелѣніе, дабы по той смѣтѣ со стороны Кіево-Софійскаго катедральнаго монастыря подданные на построеніе означенной, доведшейся по расположенію на сей монастырь дороги, матеріалы заготовили въ нынѣшнее и текущей зимы время и чтобъ по вскрытіи весны заразъ на оной дорогѣ устроенъ былъ порядочный мостъ; а дабы также въ построеніи мостовъ и въ Кіевоподолѣ не упорствовали священно и церковно-служители противу своихъ домовъ, усугубляю мою вашему высокопреосвященству прозьбу о подтвержденіи имъ отъ строгой власти вашей. Бывъ въ ожиданіи на

---

[1]) Въ 1633 г. м. Петръ Могила отобралъ Кіево-Софійскій соборъ отъ уніатовъ и учредилъ при немъ каѳедральный монастырь. До 1786 г., когда, при м. Самуилѣ Миславскомъ, были введены такъ называемые монастырскіе штаты, которыми былъ упраздненъ каѳедральный софійскій монастырь, этотъ монастырь владѣлъ большими имѣніями, землями и угодьями.

сіе отвѣта, имѣю честь съ глубочайшимъ моимъ почитаніемъ и таковоюжъ преданностію называтся: Вашего высокопреосвященства, милостиваго государя архипастыря покорнѣйшій слуга Семенъ Шир-ковъ" [1]).

Октября 31-го 1784 года.

Отвѣтъ митр. Самуила Ширкову. „Превосходительнѣйшій господинъ, милостивый государь мой! Въ слѣдствіе требованія вашего превосходительства, октября 31 числа ко мнѣ послѣдовавшаго, относительно къ построенію моста въ кіево-печерскомъ форштатѣ, на дорогѣ близъ большаго провалья къ государеву дворцу состоящей, имѣю честь увѣдомить, что дано отъ меня, кому слѣдовало, предписаніе о самоскорѣйшемъ заготовленіи матеріаловъ къ тому нужныхъ по приложенной отъ вашего превосходительства смѣтѣ; но какъ построеніе онаго моста для однихъ каѳедральнаго Софійскаго монастыря подданныхъ весьма отяготительно, и почти съ невозможностью соединено, того ради покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать для оныхъ по благоразсмотрѣнію своему таковое облегченіе, чтобъ кому слѣдуетъ, въ семъ столь нужномъ и скоромъ дѣлѣ могли соразмѣрное участіе принять. Касательно же до подтвержденія священно и церковно-служителямъ живущимъ на Подолѣ не примину въ скорости особо изъясниться.

Въ прочемъ съ моимъ истиннымъ почтеніемъ, усерднѣйшею преданностью и молитвами пребуду и есмь вашего превосходительства, милостиваго государя моего" [2]).

Сообщ. **В. Д—скій.**

Велыкодни писни [3]).

(Хороводъ и одна дѣвушка въ срединѣ круга).

1. Охъ, охъ, шо-жъ бо я почынила,
Кострубонька не злюбыла?
Вернысь, вернысь кострубоньку,

---

[1]) Арх. Кіев. Дух. Конс. 1784 г. № 126.

[2]) Копія письма. См. ibid.

[3]) Записаны въ с. Мизяковскіе хутора, винницк. у., подольск. губ.

Стану зъ тобою до шлюбу(оньку?),
А въ недилю та пораненьку
На билому камьяненьку,

(средняя въ кругу)

— Помагай Бигъ
— Дай Боже здоровья!
— Не бачылы мого кострубонька?
— Бачылы—пойихавъ на ярмарку.
— Шо купуваты?
— Чоботы.
— Кому, мини?
— Ни, мини!
Охъ, охъ, и т. д.
. . . .
. . . .
Тай сталы до шлюбу.

---

2. Дунай танчыкъ выводыть
И на дивчатъ поглядае,
Шо вси дивкы въ танчку йе,
Тильки нема йидной
Якъ повнои рожи.
Маты дочку чесала
Чесучи научала:
Пидешъ доню у танчыкъ
То не ставай край Дунаю,
Бо Дунай за рученьку хватае.
Золотый перстень здіймае,
За нелюба пытае.

---

3. Пиду я до любара
Дивкы любыты,
Тестя шукаты.
Гей, гей! я молодець
Тыхый переборець.

---

4. Горобеечку спадку, спадку
А чы бувъ ты въ нашому садку, садку?
Ой бувъ, бувъ!
Шо-жъ ты чувъ?
Ой такъ, такъ
Сіють макъ
И морковку
Й постырнакъ.

—

5. Гойиркы, жовтякы
Сватайтеся парубкы.
Якъ ты будешъ свататыся,
Будуть люде сміятыся

—

Гойиркы, жовтякы и т. д.
Якъ ты будешъ женытыся,
Будуть люде дывытыся

—

Гойиркы, жовтякы и т. д.

О крашанкахъ и писанкахъ [1]). 1) Колы прыйшлы цари къ Хрысту зъ дарамы смырномъ и ладаномъ, Марія Магдалына, якъ була дуже бидна и не мала чого прынесты, то взяла два яйця—йидно окрасыла, а друге попысала и прынесла въ даръ Хрыстови.

2) Жыды та всяки недовиркы, якъ Хрыстосъ шовъ на страданія, скушалы его: наберуть въ пелену каменцивъ тай пытають ёго, що воны ховають въ пелени; а Хрыстосъ имъ и каже: „крашане та пысане". Воны видкрывають пелену, щобъ посміятыся надъ нымъ, а тамъ крашанкы та пысанкы. Такъ и пишовъ видтогди звычай пысаты та красыты яйця.

3) Шлы тры жыдивки на ярмарокъ продаваты яйця, а йидна изъ ныхъ поставыла кошыкъ зъ яйцямы на землю и сама заснула коло него; просынается—а тамъ пысанкы та крашанкы.

---

[1]) Записано въ с. Мизяковскіе хутора, винницкаго у., подольск губ

4) Якъ симъ литъ въ йидній скатерци носыты сеячене и не мыты іи, то вона мае велыку сылу, бо зъ нею можно бачыты, якъ цвите папоротныкъ и знаты, де закопани клады. Розсказують, що йиденъ чоловикъ изъ Дашкивець (литынск. у.) взявъ скатерку, що симъ литъ святывъ въ іи паску, свяченый нижъ, тарилку и евангеліе и пишовъ пидъ зелени свята въ лисъ дывытыся, якъ буде цвисты папороть. Поклавъ винъ скатерку, тарилку, на тарилку евангеліе, коло тарилки нижъ и чытае евангеліе. Якъ пидыйшло до пивночи, зирвалася буря, ажъ до земли ламае дерева, крычыть, свыстыть, а той чоловикъ ажъ похолодивъ; а лякатыся не треба було, бо якъ злякався, то вже не побачывъ, якъ воно цвило. Хутко и буря перестала.

5) Кто умреть на „Велыкдень", то идетъ въ рай, такъ какъ царскія врата открыты всю недѣлю.

6) *Писанки пишутъ* послѣ крестопоклонной недѣли, т. е. когда на церковь вынесутъ крестъ. На 40 святыхъ нужно выписать 40 „клынцивъ", а на вербной недѣлѣ и Благовѣщеніе съ писанками ничего нельзя дѣлать. Чтобы писанки долго сохранялись, ихъ варятъ въ чистый четвергъ, и при расписываньи ихъ нельзя ложить въ „пазуху". Желтокъ освященнаго яйца сушать, дѣлаютъ изъ него порошокъ и засыпаютъ имъ глаза, если случается бѣльмо.

Сообщ. **А. Грепачевскій.**

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 6928 р. 18 к. (см. № 3), вновь поступило: 1) И. И. Лось—1 р.; 2) А. М. Д—чъ—3 р.; 3) видъ украинцивъ зъ Вильны—25 р.: 4) К. Щ. и С. Щ.—10 р.; 5) А. Т. Дучинская—25 р.; 6) свящ. Крамаренка—3 р.;—всего вмѣстѣ съ прежними 6995 р. 18 к., изъ которыхъ 1021 р. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка, 286 р.—въ билегѣ дворянскаго съ выигрышами займа, а 5687 р. 78 к.—на пріобрѣтеніе дачи. Сверхъ того, имѣется на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка 214 р. 49 к.

Текущія извѣстія.

Концертъ въ честь Н. В Лисенка въ г. Винницѣ. По иниціативѣ нѣкоторыхъ членовъ кружка лекторовъ народныхъ чтеній, состоящаго при винницкомъ комитетѣ трезвости, 13 марта въ народномъ домѣ былъ устроенъ юбилейный концертъ въ ознаменованіе 35-тилѣтней дѣятельности Н. В. Лисенка, какъ народнаго украинскаго композитора. На сценѣ красовался большой фотографическій портретъ юбиляра (безвозмездная работа С. Д. Левицкаго), украшенный рушниками и окруженный растеніями и цвѣтами. Колонны, между которыми помѣщался портретъ, были увиты красною и синею матеріями. Надъ портретомъ живописно былъ помѣщенъ снопъ жита съ полевыми цвѣтами, краснымъ макомъ и цвѣтущимъ „соняшникомъ". Вечеръ начался исполненіемъ кантаты въ честь Лисенка (муз. Стеценка), затѣмъ слѣдовало чтеніе біографіи Н. В. (помѣщенной въ II кн. „Журнала для всѣхъ" 1903 г.), а далѣе началась собственно концертная часть. На піанино были исполнены: Увертюра изъ „Риздвяной Ночи" и „Помалу-малу, братику, грай" (исп. Е. Г. Гаазъ), соединеннымъ хоромъ казеннаго склада и соборнымъ подъ управленіемъ С Ф. Телѣжинскаго были исполнены, кромѣ кантаты, еще „Козаченьку куды йдешъ". „Гей послухайте, гей повидайте", „Ой у поли тры крыныченькы" и „Коломійка". Дуэты: „Колы розлучаются двое" исп. С. И. Савченко и З. С. Рыбчинская, „Зацвила въ долыни червона калына" и „И шырокую долыну" исполнили Е. Н. Федоровичъ и Р. Р. Зарыбко, З С. Рыбчинская исполнила „Безъ тебе Олесю", „Ой ходыла, дивчына бережкомъ" „Лугомъ иду коня веду" и „Ой джыгуне"; С. И. Савченко исполнила „Чы ты мылый пыломъ прыпавъ", Е. Г. Гаазъ—„Ой не свиты мисяченьку" и „Ой зійды ясенъ мисяцю"; Д И. Кротковъ—„Огни горять" и „Гетьманы". Хоръ былъ въ національныхъ украинскихъ костюмахъ.

Благодаря невозможному сообщенію народнаго дома съ городомъ, зала народнаго дома была полна лишь на $^3/_4$. Цѣны мѣстамъ были „общедоступныя": отъ 1 р. 50 к. 1-го ряда до 10 коп. послѣдніе ряды. Было много учащейся молодежи. Если судить по горячему пріему исполнителей, концертъ былъ очень удаченъ. То ли обстоятельство, что здѣшней публикѣ, несмотря на ея любовь къ малорус-

скому пѣнію и музыкѣ, рѣдко приходится слышать хорошіе образцы украинской музыки и пѣнія, особенно въ болѣе или менѣе серіозномъ исполненіи, то ли, что чествовался человѣкъ, всю жизнь посвятившій разработкѣ этой самой музыки, показавшій, что народъ, способный создать такіе образцы музыки (теперь признаваемой всѣмъ міромъ), достоинъ по меньшей мѣрѣ нашего вниманія, что онъ долженъ быть намъ близокъ,—думаю, что все это вмѣстѣ создало въ средѣ исполнителей и въ публикѣ какое то особое, повышенное и радостное настроеніе. Всѣ были какъ то особенно оживлены и многіе говорили, что этотъ вечеръ особенно пріятенъ тѣмъ, что въ немъ чувствуется что то „семейное".

Вечеръ въ честь Н. В. Лисенка и И. П. Котляревскаго въ Кременчугѣ. 24 февр. музык.-драмат. кружокъ въ Кременчугѣ устроилъ литерат.-вокальный вечеръ, посвятивъ его двумъ украинскимъ пѣвцамъ—Котляревскому и Лисенку. На вечерѣ, между прочимъ, прочитаны были доклады—А. Н. Малинки: „Историко-литературное значеніе произведеній Котляревскаго", М. И. Павловскаго: „О личности и музыкальной дѣятельности Лисенка" и г. Животовскаго „Характеръ и особенности музыки Лисенка".

Украинскій концертъ въ Петербургѣ. Концертъ, устроенный 18-го февраля въ честь 35-лѣтней дѣятельности Н. В. Лисенка при участіи знатоковъ украинской музыки, директора консерваторіи С. Н. Габеля, С. В. Зарембы, С. М. Блюменфельда, артистовъ, части хора и оркестра императорской Маріинской оперы и любителей пѣнія, разбудилъ симпатіи живущихъ въ С.-Петербургѣ малороссовъ къ родной музыкѣ. Послѣ этого концерта подъ управленіемъ С. В. Зарембы организовался постоянный малороссійскій хоръ человѣкъ въ 50—60, составившійся изъ отдѣльныхъ любительскихъ кружковъ учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи обоего пола. И прежде эти хоры любителей выступали въ концертахъ и такъ называемыхъ малорусскихъ вечерахъ съ посредственнымъ выполненіемъ разученныхъ нумеровъ. Теперь они объединились подъ дирижерскою палочкою опытнаго художника-музыканта, и исполненіе хоромъ піесъ на концертѣ 18-го марта получило характеръ, отвѣчающій болѣе строгимъ требованіямъ. Выполненіе „Жалибного марша" Лисенка, коло-

мыйки и др. хоровыхъ нумеровъ отличалось, кромѣ правильности и чистоты, еще и воодушевленіемъ и надлежащею экспрессіею. Концертъ 18-го марта показалъ сверхъ того, что въ средѣ учащихся въ консерваторіи, выступавшихъ съ разрѣшенія учебнаго начальства въ концертахъ и ранѣе, появилось болѣе серьезное отношеніе къ разучиваемымъ ими произведеніямъ малорусской музыки. Кромѣ восторженнаго пріема, съ какимъ публика на концертѣ 18 го марта отнеслась къ артисту императорскихъ театровъ И. С. Григоровичу, исполнившему „Реве та стогне Днипръ широкый", она также привѣтствовала долгими рукоплесканіями г-жъ Л. Н. Экскузовичъ и Е. Ѳ. Петренко, которыя выполняли solo и дуэтъ „Колы розлучаются двое". Можно привѣтствовать эту эволюцію въ украинскомъ муыкальномъ дѣлѣ въ нашей столицѣ.

Бандуристъ Т. Пархоменко въ Кременчугѣ. Въ срединѣ января въ Кременчугъ былъ приглашенъ извѣстный бандуристъ Т. Пархоменко. Онъ пѣлъ передъ довольно многочисленной публикой въ воен. собраніи, реальномъ училищѣ и въ залѣ музык.-драмат. кружка. Пѣніе и игра бандуриста произвели сильное впечатлѣніе на слушателей. Особенно понравилась всѣмъ его дума про Морозенка и псальма „Ангели душу пробуджувають". Собравшейся послушать Пархоменка публикѣ предварительно было сдѣлано сообщеніе о малорусскихъ кобзаряхъ и лирникахъ.

Благодаря поѣздкамъ по разнымъ городамъ, матеріальное положеніе Пархоменка въ послѣднее время стало улучшаться: онъ, напр., прикупилъ себѣ недавно десятинъ 6 земли (впрочемъ, деньги за землю далеко еще не всѣ выплачены).

Письмо члена полтав. городск. управы Гр. Маркевича. Въ „Полтав. Вѣстн." (№ 372) напечатано слѣдующее письмо Г. И. Маркевича, представляющее интересъ въ томъ отношеніи, что оно отчасти касается нашего кіевскаго празднованія юбилея Н. В. Лисенка.

„Въ № 369 „Полт. Вѣстника", въ отчетѣ о думскомъ засѣданіи, бывшемъ 9 сего марта, сообщено, между прочимъ, что я въ заключеніе своего доклада о юбилеѣ Лисенка выразилъ пожеланіе *„лучшаго будущаго дня многомилліоннаго малорусскаго народа"*. Крайняя неясность и неопредѣленность приведенныхъ выраженій, приписыва-

емыхъ мнѣ хроникеромъ „Полт. В.“, представляетъ широкое поле для разнаго рода предположеній и произвольныхъ толкованій, могущихъ совершенно извратить смыслъ моего доклада. Въ виду того, покорнѣйше прошу напечатать вторую часть моего доклада, о которомъ идетъ рѣчь, въ той редакціи, въ какой онъ изложенъ въ думскомъ журналѣ, прочитанномъ и утвержденномъ думою въ засѣданіи 16 сего марта.

„Не буду, г.г., отвлекать ваше вниманіе отъ текущихъ дѣлъ передачей подробностей этого замѣчательнаго торжества (т. е. юбилея Лисенка),--хотя нѣкоторыя подробности, по близкой, родственной связи полтавскаго и кіевскаго праздниковъ, были бы, можетъ быть, интересны для полтавцевъ,—но позволю себѣ указать на одну особенность его, заключающуюся въ томъ, что на немъ свободно читались адресы и произносились привѣтствія какъ на русскомъ, такъ и на малорусскомъ языкахъ, и притомъ читались не только депутатами, прибывшими изъ Галиціи, Буковины и др. мѣстъ изъ-за границы, но представителями, прибывшими изъ разныхъ городовъ Россіи. Упоминаю я объ этомъ потому, что вопросъ этотъ такъ волновалъ наше общество въ дни торжества открытія памятника И. П. Котляревскому, что онъ подробно обсуждался въ думскихъ засѣданіяхъ и что дума единодушно выразила свой взглядъ на этотъ вопросъ подачей жалобы въ правительствующій сенатъ. Кіевъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе Полтавы, и мы можемъ только искренно порадоваться этому и поздравить его съ успѣхомъ. Дай Богъ, чтобы этотъ успѣхъ былъ *добрымъ предзнаменованіемъ лучшаго будущаго въ употребленіи малорусскаго языка какъ въ печати, такъ и въ общественныхъ собраніяхъ*“.

Городской голова въ концѣ доклада Маркевича отмѣтилъ, что кіевское торжество происходило въ частныхъ собраніяхъ и носило иной характеръ, чѣмъ въ Полтавѣ, гдѣ привѣтствія подносились городу въ торжественномъ засѣданіи городской думы— учрежденія оффиціальнаго.

Засѣданіе полтавской архивной коммиссіи. Состоявшееся въ воскресенье, 21-го марта, въ помѣщеніи общественной библіотеки засѣданіе ученой архивной коммиссіи привлекло, сравнительно съ предыдущими засѣданіями, много публики обоего пола. Въ засѣданіи

этомъ было выслушано въ высшей степени интересное сообщеніе Л. В. Падалки: „О древнихъ городахъ и городищахъ въ раіонѣ полтавской губерніи“. Докладчикъ, углубляясь въ даль нашей сѣдой старины, проводилъ параллель между городами и городищами нашей древней Полтавщины, отмѣчая годы основанія послѣднихъ, различныя предположенія о сохранившихся донынѣ нѣкоторыхъ памятникахъ древности и т. д. Докладъ выслушанъ былъ съ большимъ вниманіемъ. Докладчикомъ было также внесено предложеніе о присоединеніи архивной коммиссіи, какъ единственнаго мѣстнаго ученаго учрежденія, къ празднованію 1000-лѣтія г. Переяслава, которое должно исполниться, повидимому, въ этомъ году. Дѣло въ томъ, что мнѣнія современныхъ ученыхъ и историковъ расходятся въ томъ, въ какомъ именно году исполнится 1000-лѣтіе Переяслава—въ настоящемъ-ли, или въ 1907 г. Но, по мнѣнію докладчика, вопросъ этотъ будетъ навѣрное, въ ближайшемъ будущемъ, разрѣшенъ, и архивной коммиссіи, говоритъ Л. В. Падалка, не мѣшаетъ принять дѣятельное участіе въ разрѣшеніи этого важнаго вопроса. Собраніе постановило предложеніе это поставить для обсужденія на слѣдующее засѣданіе.

Къ открытію школы имени И. П. Котляревскаго. Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ обратилось къ полтавскому городскому управленію съ запросомъ относительно того, дѣйствительно-ли открывается въ Полтавѣ школа имени Котляревскаго и на какихъ основаніяхъ. Думская училищная комиссія рѣшила отвѣтить названному обществу, какъ мы узнали отъ одного изъ членовъ комиссіи, что школа будетъ открыта осенью, т. е. съ начала будущаго учебнаго года, на общихъ основаніяхъ, и что предположено ее устроить возлѣ домика, гдѣ жилъ покойный писатель, въ мѣстѣ, называемомъ «Ивановымъ Гаемъ».

Слова В. В. Лесевича о языкѣ въ школѣ. Въ январск. и февральск. книжкахъ «Рус. Мысли» напечатана статья В. В. Лесевича о небезызвѣстномъ малороссійскомъ писателѣ Е. П. Гребенкѣ. Отрицая за нимъ, и совершенно справедливо, сколько-нибудь самобытное дарованіе беллетриста («Р. М.» янв.), г. Лесевичъ въ послѣдней книжкѣ отдаетъ должное Гребенкѣ—народному украинскому поэту. Стоитъ, въ самомъ дѣлѣ, только раскрыть книжку его стиховъ, чтобы сразу оцѣ-

нить ихъ истинно-народный характеръ и уловить проникающую стихотворенія гармонію содержанія и формы. Извѣстная, прелестная, полная горькихъ сѣтованій на судьбу пѣсня дѣвушки, насильно выдаваемой родителями замужъ

> «Ни, мамо, неможно, нелюба любыть!
> Несчасная доля изъ нелюбомъ жыть.
> Охъ, тяжко, охъ важко зъ нымъ ричъ розмовляты!
> Хай лучче я буду ввесь викъ дивоваты!»

—принадлежитъ Гребенкѣ. По одному этому четверостишію можно составить правильное представленіе о томъ, какъ близокъ былъ Гребенка народу, который онъ воспѣвалъ въ своихъ пѣсняхъ и поучалъ въ своихъ «басняхъ». Благодаря этой своей близости къ нему, онъ и теоретически вопросъ о народномъ языкѣ представлялъ себѣ въ простой и ясной, на опытѣ основанной постановкѣ... И это когда еще было! Г. Лесевичъ даже горячо возмущается по этому случаю:

Оглядитесь кругомъ: теперь, черезъ полвѣка слишкомъ, вы увидите, что простая мысль эта все еще остается недоступной великороссійскимъ націоналистамъ, всякимъ «патріотамъ своего отечества» и мѣстнымъ ихъ подголоскамъ. Всѣ эти добровольцы благочинія никакъ не возьмутъ въ толкъ, что народъ, черезъ мѣру обремененный физическимъ трудомъ, совершенно лишенъ возможности переучиться родному языку и начать говорить на языкѣ, навязанномъ извнѣ, и что для проведенія образованія въ среду народа нѣтъ и не можетъ быть другого орудія, какъ-выработанный вѣками свой, родной, народный языкъ...

Теперь,—продолжаетъ авторъ,—когда грамотность стала для народа серьезной потребностью, сознаніе ненормальности современнаго положенія, ставящаго украинцевъ въ положеніе какихъ-то паріевъ, не можетъ не расти и не крѣпнуть. Фактовъ нельзя вѣдь ни эскамотировать, ни выфилозофить. А хотите знать факты, обратитесь къ своду ихъ, сдѣланному г. Рклицкимъ въ «Русск. Вѣд.». Общій выводъ ихъ противорѣчитъ, конечно, мнѣнію усердствующихъ, потрафляющихъ, кивающихъ, подмигивающихъ, и, наконецъ, разсуждая, подобно Селифану: «забирающихся въ отдаленныя отвлеченности». На самомъ дѣлѣ оказывается, что населеніе на Украинѣ плохо понимаетъ и усваиваетъ книгу, написанную на русскомъ языкѣ. Мнѣнія, высказанныя по этому вопросу интеллигенціей и народомъ, всюду сходятся. «Люди нашей захолустности мало понимаютъ слова русскаго языка,—пишетъ одинъ

казакъ,—приходится почти что каждое слово переводить на свой языкъ». Одинъ священникъ говоритъ: «Мало допущено книгъ въ библіотеку, а родной языкъ, по независящимъ обстоятельствамъ, не имѣетъ возможности отражать въ литературѣ свой народъ». Представитель этого народа какъ-бы поясняетъ мысль священника и говоритъ: «Если-бы и вздумалъ кто взять книгу, то все равно кончилось-бы ничѣмъ».

Итакъ, честь иниціативы вѣрной постановки этого принципіальнаго вопроса составляетъ неотъемлемое достояніе Гребенки-поэта, который является въ этомъ отношеніи предшественникомъ Шевченка. Самый принципъ можно формулировать такъ: языкъ для народа, а не народъ для языка...

Къ вопросу о памятникѣ Т. Г. Шевченку.—26 февраля исполнилось сорокъ три года со дня смерти геніальнаго украинца Т. Г. Шевченка, а общество остается въ долгу предъ лучшимъ изъ своихъ сыновъ. «Кіевская Газета» напоминаетъ, что пора этотъ долгъ уплатить.

Пора уже подумать о томъ, чтобы хотя послѣ смерти воздать должное великому поэту. Пора сдѣлать его произведенія широко извѣстными тому самому «найменьшому брату»—крестьянину, котораго такъ любилъ и тяжелой участью котораго такъ болѣлъ Шевченко. Пора заняться подготовленіемъ новаго, болѣе полнаго и критически провѣреннаго изданія его сочиненій. Пора приступить къ собранію и составленію вновь историко-критическихъ изслѣдованій о его произведеніяхъ. Пора, наконецъ, поставить великому пѣвцу Украйны и лучшему ея сыну въ Кіевѣ, какъ центрѣ этой Украйны, достойный его славнаго имени памятникъ... Долго ли еще только одинъ черный, унылый крестъ на могилѣ близъ Канева, на протяженіи всей обширной, родной поэту Украйны, будетъ напоминать о Шевченкѣ?..

Въ „Бюллетеняхъ Лохвицкой Уѣздной Земской Управы" (№ 17) напечатано слѣдующее сообщеніе А. Ѳ. Русинова о ходѣ дѣла изданія юбилейнаго сборника Лохвицкаго земства (см. объ этомъ сборникѣ въ „Кіев. Стар.", 1903 г. № 10).

Уѣздное Земское Собраніе, одобривъ докладъ мой объ изданіи историческаго сборника въ память столѣтія лохвицкаго уѣзда, пору-

чило мнѣ, какъ инициатору сборника, взять на себя руководство его осуществленіемъ. Принявъ это порученіе Собранія, я просилъ гласнаго А. К. Влахопулова взяться за ближайшее сотрудничество мнѣ въ отвѣтственномъ дѣлѣ изданія сборника. Ему принадлежитъ, по соглашенію со мною, составленіе детальной программы отдѣловъ сборника, и его содѣйствію сборникъ обязанъ столь скорымъ и успѣшнымъ осуществленіемъ своего перваго отдѣла.

Изданіе, по совѣту профессора В. Б. Антоновича, будетъ названо: „Очерки по исторіи лохвицкаго уѣзда (юбилейный сборникъ)". Онъ распадается на четыре отдѣла: І-й—періодъ до-уѣздный, ІІ-й—періодъ отъ учрежденія уѣзда до введенія земскаго положенія, ІІІ-й—періодъ земскій и IV-й—біографіи и воспоминанія. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ статьи будутъ какъ на великорусскомъ, такъ и на малорусскомъ языкахъ.

Разсчитывая выпустить первый отдѣлъ къ осени текущаго года, я считаю долгомъ поставить г.г. гласныхъ въ извѣстность о подробностяхъ этого перваго выпуска.

Въ виду того значенія, какое имѣютъ мѣстныя изслѣдованія для изученія жизни края, въ составленіи очерковъ для перваго отдѣла сборника благосклонно изъявили согласіе участвовать слѣдующія лица, извѣстныя въ научной литературѣ:

Профессоръ В. Б. Антоновичъ не отказалъ намъ въ небольшой статьѣ о значеніи мѣстныхъ историческихъ изслѣдованій. Ему первому стало извѣстно о нашемъ земскомъ предпріятіи и его указаніями мы пользовались относительно всего сборника, а въ особенности о первомъ и второмъ отдѣлахъ его.

Приватъ-доцентъ В. Г. Ляскоронскій взялъ на себя составить очеркъ по древнему періоду исторіи Полтавщины: геологія, географія и археологія края; древніе обитатели й утвержденіе славянъ; княжество; общественное устройство и бытъ Полтавщины въ удѣльно-вѣчевой періодъ.

Н. П. Василенко—очеркъ по исторіи лѣвобережней Украины въ гетманскій періодъ и въ періодъ Руины. Очеркъ не будетъ представлять сокращенной исторіи Малороссіи, послѣдовательно изложенной, а,—сообразно спеціальности автора,—коснется, на самомъ общемъ фонѣ исторической картины Украины, условій юридическаго и земельнаго быта населенія въ связи съ возникновеніемъ и развитіемъ сословій на лѣвобережьи. Очеркъ этотъ имѣетъ цѣлью изобразить тѣ

стороны народной жизни нашего края, которыя въ написанныхъ до сего времени исторіяхъ Малороссіи заслонены пересказомъ событій внѣшней исторіи.

Профессоръ В. Н. Перетцъ—очеркъ по исторіи южно-русскаго нарѣчія; его фонетика и значеніе для литературной русской рѣчи.

В. Л. Модзалевскій—очеркъ по исторіи старшины Лубенскаго полка, въ составъ котораго входили сотенныя мѣстечки: Лохвица, Чернухи и Сѣнча; біографическій очеркъ сотниковъ и вообще казацкой старшины этихъ сотень. Всему очерку будетъ предпослано описаніе значенія военнаго, административнаго и бытового разныхъ должностныхъ лицъ стараго козацкаго уряда.

Блестящій составъ участниковъ въ первомъ отдѣлѣ сборника не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что отдѣлъ этотъ будетъ превосходно выполненъ. Я ставлю себѣ пріятнымъ долгомъ выразить почтеннымъ составителямъ очерковъ для сборника мою глубокую признательность за ихъ отзывчивость къ нашему земскому предпріятію. Приношу глубокую благодарность также и О. П. Косачъ (Олена Пчилка), А. Я. Ефименко, академику П. И. Житецкому, профессору Д. И. Багалѣю, И. М. Стешенку и О. И. Левицкому, сочувствіе, совѣты и содѣйствіе которыхъ неоцѣненны для дѣла осуществленія нашего земскаго сборника.

Харьковская общественная библіотека. Харьковская общественная библіотека съ полнымъ основаніемъ служитъ предметомъ гордости мѣстныхъ жителей. Она занимаетъ въ ряду подобныхъ учрежденій одно изъ первыхъ мѣстъ по количеству томовъ (98612 т. къ 1 окт. 1903 г.), располагая въ то-же время прекраснымъ собственнымъ помѣщеніемъ, чѣмъ не можетъ похвалиться большинство русскихъ библіотекъ. Собирая на своихъ полкахъ книги по всѣмъ отраслямъ знанія, искусствъ и литературы, библіотека, конечно, должна считаться съ мѣстными интересами и условіями. Сомнѣнія нѣтъ, что въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Харьковъ, библіотека должна располагать возможно болѣе полнымъ собраніемъ книгъ, изданныхъ въ Харьковѣ или его губерніи, а также относящихся къ мѣстному краю. Въ этомъ отношеніи Харьковская общественная библіотека обставлена прекрасно: стараніями предсѣдателя Правленія библіотеки проф. Д. И. Багалѣя въ библіотекѣ имѣется весьма полный мѣстный отдѣлъ, располагающій

даже очень рѣдкими изданіями. Пользованіе этимъ отдѣломъ облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что библіотека издала систематическіе каталоги своихъ книгъ. Но въ Харьковѣ существуетъ всегда запросъ и на книги, относящіяся вообще къ Малороссіи или написанныя на малорусскомъ языкѣ. Правда, книги этого рода въ Харьковской общественной библіотекѣ не выдѣлены въ особый отдѣлъ въ родѣ мѣстнаго, но тѣмъ не менѣе Правленіе библіотеки постоянно пополняетъ эту категорію книгъ, руководствуясь при покупкѣ новыхъ книгъ какъ заявленіями читателей, такъ и указаніями своихъ членовъ. Этотъ отдѣлъ библіотеки тоже принадлежитъ къ числу довольно богатыхъ, хотя недостатокъ средствъ и не позволяетъ довести его до исчерпывающей полноты. Во всякомъ случаѣ онъ не находится въ загонѣ, и въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Правленіе постановило пополнить его различными произведеніями извѣстныхъ малорусскихъ писателей и изслѣдователей Малороссіи, такъ какъ въ этомъ отношеніи въ библіотекѣ оказался рядъ пробѣловъ.

Этнографическій Музей Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Во время XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ въ числѣ другихъ выставокъ была организована этнографическая выставка, въ устройствѣ которой принимали дѣятельное участіе профессора Харьковскаго университета, члены Ист.-Фил. Общества и др. лица. Выставка эта привлекала вниманіе не только большой публики, для которой она являлась болѣе понятной и интересной, чѣмъ какая-либо другая выставка, но она вызывала вполнѣ заслуженное одобреніе со стороны разсматривавшихъ ее этнографовъ-спеціалистовъ. Правда, коллекція Полтавскаго Губернскаго Земства была уже извѣстна многимъ изъ посѣтителей выставки, но это не уменьшало интереса, который она вызывала у всѣхъ посѣтителей. За то совершенной новинкой и для публики и для спеціалистовъ оказалась коллекція предметовъ и снимковъ, собранная Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ по устройству XII археол. съѣзда, такъ какъ она была составлена именно ad hoc. Вотъ эта-то коллекція и послужила основой этнографической выставки. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ предметы, собранные членами Предв. Комитета для этнографической выставки, должны были перейти по окончаніи съѣзда въ собственность Ист.-Фил. Общества и составить при немъ этнографическій музей. Дѣло въ томъ, что на

устройство этнографической выставки даны были средства различными общественными учрежденіями, при чемъ имѣлось въ виду образовать въ Харьковѣ южно-русскій этнографическій музей. Дѣйствительно, Ист.-Фил. Общество явилось теперь собственникомъ обширной этнографической коллекціи, и на немъ лежало связанное съ этимъ обязательство—открыть этнографическій музей. Общество оказалось въ трагическомъ положеніи: оно располагало очень и очень скромнымъ помѣщеніемъ, значительную часть котораго занималъ Историческій архивъ Слободской Украины, а остальное пространство пришлось отвести подъ библіотеку Общества и столы для служащихъ въ Архивѣ. Такимъ образомъ оно имѣло въ своихъ рукахъ обширныя этнографическія коллекціи, постоянно получало все новые и новые предметы, какъ отъ своихъ членовъ, такъ и отъ постороннихъ лицъ, а размѣстить ихъ такъ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій и обозрѣнія публики, не представлялось возможности. Въ помѣщеніи Общества все было уже занято другимъ его имуществомъ, а другого мѣста для устройства этнографическаго музея въ университетѣ нельзя найти, такъ какъ и безъ того всѣ университетскія учрежденія нуждаются въ расширеніи. Въ концѣ концовъ пришлось упаковать все въ ящики и сложить въ отведенномъ университетомъ мѣстѣ въ ожиданіи того времени, когда Общество будетъ располагать соотвѣтственнымъ помѣщеніемъ для своихъ этнографическихъ коллекцій. Такова первоначальная судьба Этнографическаго Музея Харьк. Ист.-Фил. Общества. Перейдемъ теперь къ дальнѣйшей его исторіи и современному состоянію.

Ист.-Фил. Общество помѣщается въ томъ зданіи, въ которомъ находится и кабинетъ для практическихъ занятій студентовъ Историко-филологическаго факультета. Зданіе это построено давно и мало по малу пришло въ ветхость, не говоря о томъ, что оно представлялось небезопаснымъ въ пожарномъ отношеніи. Вслѣдствіе этого Историко-филологическій факультетъ рѣшилъ перестроить это зданіе, при чемъ былъ принятъ во вниманіе и Этнографическій Музей Ист.-Фил. Общества. Въ настоящее время перестройка совершенно закончена. Зданіе имѣетъ теперь 3 этажа: въ первомъ этажѣ будетъ помѣщаться Историческій архивъ, второй занятъ Кабинетомъ практическихъ занятій и кабинетомъ завѣдующаго Архивомъ, а третій отведенъ для Этногр. Музея. Такимъ образомъ Этн. Музей наконецъ дождался своего помѣщенія. Правда, оно считается временнымъ, потому что ожидается постройка новаго зданія для музеевъ, какъ сообщалось уже въ

февральской книжкѣ «Кіевской Старины». Но тѣмъ не менѣе Истор.-Фил. Общество рѣшило привести въ порядокъ свои этнографическія коллекціи и временно размѣстить ихъ въ имѣющемся помѣщеніи, дабы сдѣлать ихъ доступными для ученыхъ занятій и обозрѣнія публики. Теперь уже приступлено къ устройству Этн. Музея, при чемъ всѣ работы производятся подъ непосредственнымъ руководствомъ предсѣдателя Общества проф. Н. Ѳ. Сумцова. Въ настоящее время многіе предметы перенесены въ помѣщеніе Этн. Музея и тамъ и размѣщены въ систематическомъ порядкѣ. Такъ, въ отдѣлѣ украинскаго генія вполнѣ приведена въ порядокъ коллекція въ память извѣстнаго украинскаго писателя Я. И. Щеголева. Эта коллекція собрана стараніями проф. Н. Ѳ. Сумцова и по своей полнотѣ составляетъ предметъ гордости Музея. Достаточно сказать, что она содержитъ нѣсколько десятковъ разнообразныхъ предметовъ, принадлежавшихъ покойному писателю или имѣющихъ къ нему отношеніе, хотя къ составленію ея удалось приступить лишь въ прошломъ году. Къ сожалѣнію, такимъ богатствомъ не можетъ похвалиться отдѣлъ И. П. Котляревскаго, хотя къ собиранію его приступлено одновременно съ упомянутымъ сейчасъ отдѣломъ. Онъ приводится тоже въ порядокъ и въ ближайшемъ будущемъ будетъ размѣщенъ въ витринахъ. Затѣмъ размѣщены уже въ витринахъ часть богатаго собранія украинскихъ вышивокъ и небольшая крымская коллекція, составленная пр.-доц. В. Е. Даниленичемъ. Такимъ образомъ къ лѣту, нужно надѣяться, будетъ закончена разстановка всѣхъ коллекцій, и Этн. Музей сдѣлается доступнымъ для занятій и осмотра. Сомнѣнія нѣтъ, что приростъ его коллекцій не остановится, такъ какъ члены Истор.-Филологич. Общества и постороннія лица постоянно доставляли до сихъ поръ все новые и новые предметы этнографическаго характера, а пополнить необходимо многіе отдѣлы.

Юбилейная выставка Харьковскаго университета. Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» мы сообщили уже читателямъ, что во время торжествъ по случаю столѣтія со дня основанія Харьковскаго университета предполагается открыть выставку предметовъ, иллюстрирующихъ бытъ университета, его профессоровъ и питомцевъ за 100 лѣтъ существованія этого разсадника науки. Теперь мы подѣлимся свѣдѣніями о ходѣ работъ по устройству этой выставки за январь и февраль настоящаго года.

Такъ какъ вопросъ объ устройствѣ юбилейной выставки возникъ въ Историко-Филологическомъ Обществѣ, то оно рѣшило принять самое дѣятельное участіе въ устройствѣ этой выставки и оказать посильное содѣйствіе работамъ юбилейной университетской коммиссіи. Съ этою цѣлью 11 января было созвано засѣданіе Истор.-Фил. Общества, въ которомъ пр.-доц. В. Е. Данилевичъ доложилъ составленную имъ программу юбилейной выставки. Своей программѣ референтъ предпослалъ нѣсколько вступительныхъ словъ, при чемъ отмѣтилъ, что предполагаемая къ устройству выставка явится въ Россіи первой, такъ какъ раньше у насъ подобныя выставки не устраивались. У насъ есть нѣсколько музеевъ меморативнаго характера (Т. Г. Шевченка, А. С. Пушкина и т. д.), но они не могутъ служить образцомъ для юбилейной выставки, потому что въ нихъ удѣлено весьма большое вниманіе частному быту даннаго лица. Поэтому при составленіи своей программы референтъ не могъ найти почти никакихъ руководящихъ данныхъ въ извѣстныхъ ему каталогахъ музеевъ и выставокъ и долженъ былъ собственными силами выработать планъ выставки, а это, безусловно, отразилось на качествѣ его работы. Онъ предложилъ разбить выставку на слѣдующіе 10 отдѣловъ: 1) В. Н. Каразинъ; 2) основаніе Харьковскаго университета; 3) Харьковскій университетъ; 4) профессора, преподаватели и почетные члены; 5) служащіе въ учено-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета; 6) студенты; 7) администрація; 8) учено-вспомогательныя и другія учрежденія университета; 9) ученыя общества, состоящія при университетѣ, и съѣзды; 10) другія общества, состоящія при университетѣ. Каждый изъ намѣченныхъ отдѣловъ можетъ быть разбитъ на бóльшее или меньшее количество подотдѣловъ, въ зависимости отъ его характера. Такъ, 4-й отдѣлъ референтъ предложилъ разбить на такіе подотдѣлы: 1) портреты: а) группы; б) портреты отдѣльныхъ лицъ; 2) автографы и неизданныя сочиненія; 3) печатныя сочиненія; 4) сочиненія о профессорахъ и преподавателяхъ и ихъ ученыхъ трудахъ; 5) виды, относящіеся къ профессорамъ и преподавателямъ; 6) разные предметы, относящіеся къ нимъ. Еще большее количество подраздѣленій ввелъ онъ въ 6-й отдѣлъ, предложивъ разбить его на 2 крупныхъ подотдѣла: 1) студенты вообще и 2) выдающіеся питомцы университета. Второй изъ этихъ подотдѣловъ, авторъ программы разбилъ на такія же рубрики, какія были указаны уже въ 4-мъ отдѣлѣ, а потому приведемъ здѣсь подраздѣленія лишь перваго изъ этихъ подотдѣловъ. Этотъ подотдѣлъ ре-

ферентъ предложилъ раздѣлить на такія болѣе мелкія части: 1) портреты (преимущественно во время студенчества); 2) образцы сочиненій, писанныхъ студентами; 3) печатныя сочиненія студентовъ; а) сборники; б) отдѣльныя сочиненія; 4) статистика студентовъ, картограммы, діаграммы и пр.); 5) документы; 6) студенческая жизнь: а) виды и планы; б) частныя квартиры; в) документы (воспоминанія и проч.); г) рисунки и другіе предметы изъ быта харьковскихъ студентовъ; 7) студенческія организаціи.

Заслушавъ программу юбилейной выставки, предложенную пр.-доцент. В. Е. Данилевичемъ, присутствующіе сдѣлали цѣлый рядъ замѣчаній и дополненій. Такъ, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ предложилъ дополнить ее еще двумя отдѣлами: 1) культурная подготовка къ основанію Харьковскаго университета, и 2) начальствующія лица (попечители, ректоры). Затѣмъ Е. М. Ивановъ отмѣтилъ, что слѣдовало бы включить въ программу выставки еще одинъ отдѣлъ: педагогическая дѣятельность профессоровъ и преподавателей Харьковскаго университета. Наконецъ, М. Д. Линда указалъ, что въ число подраздѣленій отдѣла, предложеннаго Е. М. Ивановымъ, необходимо помѣстить также тѣ приготовительные курсы для гимназистовъ, которые раньше состояли при университетѣ,—они просуществовали 3 года. Обсудивъ всѣ эти замѣчанія, Общество рѣшило, въ виду малочисленности присутствующихъ въ этомъ засѣданіи членовъ, разсмотрѣть программу со сдѣланными къ ней дополненіями еще разъ въ ближайшемъ ученомъ засѣданіи общества.

Въ засѣданіи Ист.-Фил. Общества 10 февраля программа юбилейной выставки, составленная прив.-доц. В. Е. Данилевичемъ, снова подверглась обсужденію, при чемъ проф. Д. И. Багалѣй сдѣлалъ цѣлый рядъ цѣнныхъ дополненій. Въ этомъ засѣданіи программа выставки была окончательно проредактирована и передана затѣмъ въ юбилейную университетскую коммиссію, которая разсмотрѣла ее въ засѣданіи 23 февраля. Коммиссія внесла въ программу лишь измѣненія редакціоннаго характера и постановила напечатать ее для разсылки и раздачи тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя могутъ оказать какое-кибо содѣйствіе къ устройству юбилейной выставки. Въ настоящее время программа юбилейной выставки сдана уже въ печать.

Къ вопросу о публичныхъ лекціяхъ проф. В. Н. Перетца въ Кіевѣ. Мы сообщали уже, что въ минувшую зиму въ зданіи Кіевскаго университета устроены были историческимъ обществомъ Нестора-Лѣтописца публичныя лекціи, среди которыхъ интересъ мѣстный представляли лекціи проф. В. Н. Перетца по исторіи украинской литературы съ древнѣйшихъ временъ до И. П. Котляревскаго. Какъ и слѣдовало ожидать, нашлись и тутъ добрые люди, которые хотѣли изъ самаго обыденнаго факта создать что-то сверхсмѣтное. Такъ „Галичанинъ" въ одномъ номерѣ оповѣстилъ, что проф. В. Н. Перетцъ читаетъ *въ университетѣ св. Владиміра* курсъ исторіи украинской литературы, а въ другомъ номерѣ напечаталъ замѣтку г. Яворскаго, что проф. Перетцъ читаетъ курсъ исторіи западно-русской литературы 17—18 в.в., т. е. читаетъ *одинъ отдѣлъ изъ общаго курса русской литературы.* По поводу этихъ замѣтокъ въ „Галичанинѣ" напечатано въ „Ділі" письмо проф. В. Н. Перетца, въ которомъ онъ заявляетъ, что „это извѣщеніе г. Яворскаго невѣрно, такъ какъ общаго курса русской литературы въ текущемъ и минувшемъ полугодіи въ университетѣ св. Владиміра не читалъ никто. Что же касается словъ г. Яворскаго „отдѣльныхъ-же и самостоятельныхъ лекцій по малорусской или украинской литературѣ ни проф. В. Н. Перетцъ, ни никто другой въ кіевскомъ университетѣ никогда не читалъ, не читаетъ то было-бы очень интересно, изъ какого источника получилъ эти извѣстія г. Яворскій, который выказываетъ себя пророкомъ, но, къ сожалѣнію, не знаетъ даже того, что дѣлается теперь. Не касаясь подробностей, а желая лишь объяснить дѣло, считаю нужнымъ заявить, что въ текущемъ полугодіи я читаю курсъ начальнаго и средняго періода малорусской литературы въ ряду другихъ публичныхъ курсовъ (не только для студентовъ, но и для публики), а университетъ предоставилъ только помѣщеніе и ничѣмъ инымъ не касается моихъ лекцій, равно какъ и лекцій другихъ профессоровъ".

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Къ вопросу о русинскомъ университетѣ. Въ послѣднее время въ культурной галицкой жизни особенный интересъ вызванъ былъ наново поднявшимся вопросомъ о русинскомъ университетѣ. Дѣло въ томъ, что въ вѣнскомъ парламентѣ такъ легко и гладко про-

шелъ вопросъ объ открытіи юридическаго факультета въ Роверето для итальянцевъ (которыхъ въ Австріи только 800 т. душъ), а также, по заявленію министра-президента д-ра Кербера, и дѣло основанія университета для словинцевъ тоже будетъ улажено; чехи-же надѣются на открытіе второго чешскаго университета. Естественно, среди русиновъ опять сталъ на очередь вопросъ объ основаніи своего университета, вопросъ, такъ недавно отложенный правительствомъ подъ предлогомъ, яко-бы, необходимости раньше успокоить студенческія волненія, бывшія во Львовскомъ университетѣ; но теперь оказывается, что необходимость основанія итальянскаго университета мотивируется такими же точно волненіями студентовъ въ Инсбрукѣ. Эти факты вызвали горячую статью въ «Ділі» (№ 45), гдѣ между прочимъ сказано: «Если Вѣна, глухая къ требованіямъ 3½ милліоннаго народа, и слѣпая, чтобы видѣть государственное значеніе созданія культурнаго центра для Руси-Украины въ предѣлахъ Австріи, смотритъ на насъ какъ не безправныхъ гелотовъ,—то мы рѣшительно заявляемъ о нашихъ незадавненныхъ и законныхъ правахъ на собственный университетъ. Мы убѣждены, что и наши депутаты не замедлятъ поднять этотъ-же вопросъ въ парламентѣ». Пока что, вопросъ поднятъ еще не въ парламентѣ и не объ открытіи университета, а среди учащейся молодежи Львовскаго университета, и только объ учрежденіи нѣкоторыхъ каѳедръ на русинскомъ языкѣ.

Недавно въ одной изъ залъ университета состоялось собраніе студентовъ-юристовъ въ присутствіи профессоровъ Колессы, Хлямтача, Студинскаго, Долинскаго и Днѣстрянскато. Собраніе сдѣлало слѣдующія постановленія:

Академическая русинская молодежь, стремясь къ осуществленію идеала основанія самостоятельнаго русинскаго университета, желаетъ созданія юридическаго отдѣленія съ преподавательскимъ русскимъ языкомъ, а непосредственно теперь замѣщенія тридцать лѣтъ уже вакантной каѳедры гражданскаго процесса и созданія каѳедръ политической экономіи, торговаго и вексельнаго права, римскаго права. Молодежь желаетъ также, чтобы министерство организовало экзаменаціонную коммиссію съ русинскимъ языкомъ. Кромѣ того, постановлено, на основаніи принятыхъ резолюцій собранія, изготовить меморіалъ, который долженъ быть внесенъ для обсужденія въ засѣданіе профессоровъ юридическаго

отдѣленія, затѣмъ въ академическій сенатъ, и наконецъ черезъ специальную депутацію врученъ министерству просвѣщенія.

Вопросъ о русскихъ каѳедрахъ въ львовскомъ университетѣ стоитъ такъ. Какъ извѣстно, въ 1848 году оффиціальнымъ языкомъ для чтенія лекцій во Львовскомъ университетѣ былъ признанъ нѣмецкій, но уже въ 1862 году изданъ былъ царскій указъ, въ силу котораго устанавливались двѣ каѳедры русинскія—гражданскаго процесса и уголовнаго права. Сейчасъ-же обѣ эти каѳедры были замѣщены; но одна изъ нихъ (граждан. процесса) занята была проф. Лопушанскимъ, который преподавалъ до 1873 года, послѣ чего каѳедра остается вакантной до настоящаго времени; другая-же (уголовн. права), послѣ перваго профессора на ней д-ра Сроковскаго, долгое время была вакантна, пока въ 1892 году не была вновь замѣщена д-ромъ Стебельскимъ. Царскій указъ 1862 г. былъ особенно важенъ въ томъ отношеніи, что давалъ пути для добыванія своихъ каѳедръ каждой изъ двухъ національностей Галичины—русинамъ и полякамъ; но русины не умѣли воспользоваться своимъ положеніемъ, тогда какъ поляки, имѣвшіе сначала только одну свою каѳедру, успѣли къ 1869 году выхлопотать право признанія оффиціальнымъ языкомъ преподаванія польскій языкъ вмѣсто нѣмецкаго. Однако въ 1871 году изданъ былъ опять царскій указъ, который признавалъ оба мѣстные языка (польскій и русскій) равноправными въ университетѣ. Казалось-бы, что существованіе права даетъ гарантію на его осуществленіе, но жизнь галицкая показала противное: польскіе профессора оказываются настолько шовинистами, что употребляютъ всѣ мѣры для недопущенія русинскихъ кандидатовъ къ замѣщенію университетскихъ каѳедръ.

Чтобы видѣть, насколько основательны желанія русиновъ имѣть свой университетъ, обратимся къ статистикѣ студенческой молодежи въ австрійскихъ университетахъ и увидимъ, что если итальянцамъ, которыхъ считается (по среднимъ даннымъ за 10 семестровъ по 1901 годъ) 488, обѣщанъ самостоятельный университетъ; если словинцы, которыхъ тоже значительно меньше русиновъ (точной цифры мы не знаемъ), могутъ мечтать о своемъ университетѣ,--то естественно, что русины, которыхъ считается 618, не могутъ не добиваться своихъ правъ, особенно во Львовѣ,

гдѣ студентовъ-русиновъ въ университетѣ 528, а въ текущемъ семестрѣ считалось ихъ около 800.

Такъ-какъ вопросъ о русинскомъ университетѣ поставленъ теперь на очереди, то мы, ограничиваясь пока вышеприведенными сообщеніями, познакомимъ нашихъ читателей болѣе подробно съ исторіей этого вопроса въ слѣдующей книжкѣ.

Обструкція русинскихъ пословъ въ вѣнскомъ парламентѣ. Засѣданія вѣнскаго парламента начались въ эту сессію при полной обструкціи чеховъ, рѣшившихъ этимъ оружіемъ вести борьбу съ своими противниками нѣмцами. Одна изъ наиболѣе рѣзкихъ формъ такой обструкціи—это требованіе поименнаго голосованія, чего имѣютъ право требовать не менѣе 50 голосовъ, слѣдовательно—въ засѣданіи должно присутствовать по крайней мѣрѣ, 50 обструкціонистовъ; какъ только начинается голосованіе, обструкціонисты оставляютъ залу, и если останется меньше 100 голосовъ, то засѣданіе должно прекратиться и вопросъ остается нерѣшеннымъ. Къ этой чешской обструкціи раньше всѣхъ присоединились русинскіе послы, которые однако заявили, что они идутъ не противъ нѣмцевъ, а выступаютъ обструкціонистами потому, что положеніе русиновъ въ Галичинѣ исключительное, сдѣлавшееся въ послѣднее время просто невыносимымъ, благодаря полякамъ, руку которыхъ тянетъ центральное правительство. По этой именно причинѣ русинскій клубъ давно уже хотѣлъ взяться за обструкцію, но самостоятельно не могъ этого сдѣлать по слабости своихъ силъ; теперь-же, 9-го марта (нов. ст.), рѣшилъ воспользоваться чешской обструкціей и пристать къ ней. Все это сказалъ въ своей рѣчи въ парламентѣ голова русинскаго клуба Романчукъ, который подчеркнулъ, что русинскіе послы, входя въ парламентъ, искренно желали способствовать правильному его функціонированію, въ надеждѣ, что правительство безпристрастно отнесется къ требованіямъ русинскаго народа; однако надежды пословъ не оправдались, такъ-какъ министръ-президентъ не только не явился защитникомъ русинскихъ интересовъ, но прямо отдалъ русиновъ на съѣденіе ихъ врагамъ-полякамъ. Такое отношеніе правительства къ русинскому народу и заставило пословъ пристать къ обструкціи.

Засѣданія палаты прекратились 28 марта (нов. ст.) до послѣпраздничной сессіи. Трудно думать, чтобы въ дальнѣйшемъ положеніе дѣлъ измѣнилось къ лучшему и чтобы обструкція прекратилась.

Письмо проф. В. Ягича Товарыству имени Шевченка во Львовѣ. «Товарыство имени Шевченка» во Львовѣ избрало въ концѣ прошлаго года извѣстнаго филолога, проф. В. Ягича, своимъ дѣйствительнымъ членомъ. По поводу этого избранія проф. В. Ягичъ послалъ «Товарыству» слѣдующее письмо (на сербскомъ языкѣ): «Вѣна, 2 янв. 1904. Ученое общество имени Шевченка оказало мнѣ честь, избравши меня своимъ членомъ въ филологическую секцію. Благодаря за эту незаслуженную честь, желаю почтенному обществу все большихъ и лучшихъ успѣховъ. Вѣря въ лучшее будущее славянскихъ народовъ, съ удовольствіемъ забѣгаю мыслями въ ту счастливую пору, когда всѣ славянскіе народы безъ боязливой зависти будутъ поддерживать одни другихъ въ ихъ благородныхъ стремленіяхъ, и когда въ ихъ ученыхъ трудахъ будутъ звенѣть дивные аккорды взаимнаго признанія и уваженія. Почтеннаго общества покорный слуга В. Ягичъ.

Новое „общество" во Львовѣ. По поводу девяностой годовщины рожденія Т. Г. Шевченка (25 февр. 1814 г.), по инціативѣ проф. М. Грушевскаго, основалось во Львовѣ «Товариство прыхыльныкивъ украинськои литературы, науки и штуки», которое ставитъ своей задачей способствовать развитію этихъ сферъ украинской духовной жизни. Въ достиженіи этой цѣли уставъ новаго общества открываетъ самые широкіе пути. На первую очередь правленіе общества поставило заняться устройствомъ осенью этого года во Львовѣ выставки произведеній украинскаго искусства и представленій артистическихъ, для чего оно вошло въ сношенія съ выдающимися артистами и австрійской и россійской Малороссіи. Предсѣдателемъ общества избранъ проф. М. Грушевскій, товарищемъ предсѣдат. д-ръ И. Франко, секретаремъ—художникъ Трушъ. Въ члены общества избираются лица русинскаго происхожденія, доказавшія свое сочувствіе дѣлу развитія украинской литературы, науки и искусства. Пока всѣхъ членовъ общества 24.

Русинская карта Австро-Венгріи. Въ началѣ этого года появилась въ продажѣ стѣнная карта Австро-Венгріи, составленная для народныхъ школъ А. Зайбертомъ и переведенная на русинскій языкъ Ѳ. Поповичемъ. До сихъ поръ употреблялась въ русинскихъ школахъ только польская карта Густовича; теперь-же, благодаря стараньямъ инспектора Поповича, а также директора русинской гимназіи въ Тернополѣ О. Калиновскаго, входитъ въ употребленіе эта первая русинская стѣнная карта, которая, при своей величинѣ ($1^1/_2$ метра ширины и болѣе 2 метровъ длины), отличается тѣмъ, что каждая часть Австрійской монархіи нарисована особою краской, при чемъ славянскія земли имѣютъ мѣстныя названія, и только главнѣйшія мѣстности имѣютъ и параллельныя нѣмецкія названія.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Збирныкъ фильольогичнои секціи Наукового Тов. имени Шевченка. Т. VI. Посмертни пысання Мытрофана Дикарева зъ поля фолькльору й митольогіи. *Львив. 1903; стр. 1—VIII; 1—258.*

14 ноября 1899 г. скончался трудолюбивый и талантливый этнографъ и фольклористъ М. К. Дикаревъ, сотрудничавшій и въ нашемъ журналѣ (см. его статью о малорус. словѣ *паляныця* въ № 10-мъ 1899 г.). Состоя дѣйствит. членомъ Наукового Товар. имени Шевченка во Львовѣ, покойный М. К. Дикаревъ, передъ смертью завѣщалъ всѣ свои рукописныя работы и матеріалы этому ученому обществу, которое, получивъ рукописи, сейчасъ-же приступило къ разборкѣ ихъ, для того чтобы опредѣлить, что изъ этого всего матеріала можетъ быть издано, какъ имѣющее болѣе или менѣе законченный видъ и представляющее научную цѣнность. Всѣ рукописи, разсмотрѣнныя, по порученію «Общества», д-ромъ Иваномъ Франкомъ, раздѣлены имъ на три группы: 1) матеріалы для украинскаго словаря (около 8 т. карточекъ); 2) работы по фольклору и миѳологіи; 3) работы въ области лингвистики. Матеріалы для словаря, какъ не имѣющіе цѣльности, Общество рѣшило хранить въ своей библіотекѣ для пользованія всѣхъ интересующихся подобными матеріалами; работы по лингвистикѣ поручены одному изъ спеціалистовъ филологовъ для разсмотрѣнія и, по возможности, изданія. Что-же касается работъ по фольклору и миѳологіи, то большая часть изъ нихъ была уже напечатана при жизни покойнаго, а изъ остальной части то, что

имѣетъ большую цѣнность, издано теперь въ особомъ томѣ, разсматриваемомъ нами.

Томъ этотъ редактированъ д-ромъ И. Франкомъ, который снабдилъ его небольшимъ предисловіемъ, прекрасно характеризующимъ личность покойнаго М. К. Дикарева, какъ человѣка, не только не прошедшаго никакой строго научной школы, но даже не окончившаго оффиціальной средней школы, и не смотря на то, путемъ личнаго труда и самообразованія, сумѣвшаго заявить себя въ области спеціальныхъ изученій ученымъ изслѣдователемъ съ громадной начитанностью и съ очень широкими горизонтами. При всемъ томъ, какъ у всякаго самоучки, у М. К. Дикарева очень часто въ его работахъ проглядываетъ отсутствіе систематичности, а главное—увлеченіе заманчивыми выводами, для которыхъ иногда бываетъ слишкомъ мало научныхъ основаній. Въ разсматриваемый нами теперь сборникъ статей М. К. Дикарева вошли слѣдующія работы: 1) Знадобы до украинськои народньои ботаники; 2) Де-що про вербу яко символъ въ украинськiй писни; 3) Кого треба розумиты пидъ Рахманамы и идентичнымы имъ русалкамы; 4) Велыкий богъ Мыкола; 5) Мытольогични урывкы; 6) Поясненнч до колядокъ; 7) Урывкы зъ греко-славянськои митольогіи.

Знадобы до украинськои народньои ботаники есть не что иное, какъ въ алфавитномъ порядкѣ расположенный переченъ болѣе употребительныхъ въ народной поэзіи растеній съ указаніемъ ихъ символическаго значенія, въ подтвержденіе чего даются выдержки преимущественно изъ пѣсенъ и пословицъ. Нельзя признать эту работу полной, такъ-какъ далеко не весь словарь растеній, упоминаемыхъ въ поэзіи, исчерпанъ, а главное—пѣсенный матеріалъ взятъ почти исключительно изъ «Трудовъ» подъ редакц. П Чубинскаго. Благодаря небольшому объему этнографич. матеріала, толкованія символики въ иныхъ случаяхъ намъ кажутся поспѣшными; такъ напр: «народня этимольогія выводыть слово *огирокъ* видъ слова *гиркый* и звязуе его зъ *горемъ*. Хочъ кавунъ, хочъ огиркы бачыть ви сни, кажуть—не хорошо: горе буде». Здѣсь рѣшительно не при чемъ слово *огирокъ* съ его звуковыми согласіемъ съ корнемъ *горе—гиркый*, т. к. во всѣхъ народныхъ сонникахъ *плоды во снѣ* (а не только огурецъ) означаютъ *несчастіе*.

Де-що про вербу, яко символъ въ украиськїй писни. Эта небольшая статейка имѣетъ цѣлью сдѣлать поправки, какъ думаетъ авторъ, къ извѣстному изслѣдованію А. Потебни «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ», въ которомъ дается толкованіе *вербь,* какъ символѣ *дивчины,* въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ, по мнѣнію М. К. Дикарева, верба означаетъ не дѣвушку, а замужнюю женщину и даже символизуетъ собою *родъ.* Нужно признаться, что какъ во многихъ толкованіяхъ символовъ у А. А. Потебни, по нашему крайнему разумѣнію, встрѣчаются часто большія натяжки, такъ не избѣжалъ ихъ въ данномъ случаѣ и М. Дикаревъ, а иногда пошелъ еще и дальше.

Кого треба розумиты пидъ Рахманамы и идентичнымы имъ русалкамы. Это есть мало-удачная проба объяснить намеки въ народныхъ повѣрьяхъ на какихъ-то Рахмановъ не миѳологическими представленіями о русалкахъ, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, а *Орхоменами,* жителями древнеаркадскаго города Орхомена, находившагося въ восточной Аркадіи. Здѣсь у автора столько безбрежной фантазіи, что не считаемъ нужнымъ даже останавливаться на подробностяхъ его размышленій.

Самою обширною изъ статей является опытъ изслѣдованія о миѳологическихъ народныхъ воззрѣніяхъ, связанныхъ съ *богомъ Мыколою.* Статья эта, озаглавленная «*Велыкый богъ Мыкола*», первой главой своей вводитъ читателя въ кругъ народныхъ разсказовъ о наказаніи танцоровъ и музыкантовъ за оскорбленіе образа, по преимуществу св. Николая. Разсказы эти возникли, главнымъ образомъ, въ 1895 году и сводились приблизительно къ слѣдующему: въ одной, будто-бы, станицѣ былъ вечеръ съ танцами; одной изъ танцующихъ не хватило пары, и она шутя взяла образъ св. Николая и начала съ нимъ танцовать. Въ наказаніе за это она никакъ не можетъ перестать танцовать и до сихъ поръ танцуетъ. Разныя варьяціи на тему этого разсказа приведены М. К. Дикаревымъ, какъ слышанныя имъ отъ нѣсколькихъ лицъ (всѣхъ 8 варьянтовъ). Приведя эти разсказы, авторъ обѣщаетъ дать разборъ отдѣльныхъ мотивовъ въ нихъ; но на этомъ и кончается собственно тема о св. Николаѣ. Дѣло въ томъ, что, руководясь методомъ фольклора, методомъ сопоставленій и сближеній, авторъ во второй главѣ занялся разсмотрѣніемъ того, въ какомъ значеніи народомъ употребляется слово *богъ,* т. к. въ одномъ изъ

варьянтовъ приведеннаго разсказа народъ назвалъ *Мыколу Богомъ.* Послѣ этого остальныя четыре главы, составляющія главную часть изслѣдованія, почти совсѣмъ не касаются ни темы приведенныхъ разсказовъ, ни даже самого Мыколы, а устанавливаютъ тѣ языческія основы, на которыхъ возникаютъ образы божествъ.—Тутъ мы найдемъ и разъясненіе народныхъ воззрѣній на *добру и лыху годыну*, и толкованіе образа чорта, и характеръ нашептываній, и о связи неба съ землею и пр. и пр. Много очень цѣнныхъ и интересныхъ замѣтокъ встрѣтитъ тутъ читатель, но, благодаря путаницѣ, скажемъ просто—благодаря *отсутствію метода* у автора, поневолѣ читатель будетъ блудить какъ въ лѣсу, временами даже забывая, о чемъ онъ читаетъ, и только заглавіе каждой новой главы будетъ ему напоминать *о Богѣ Мыколѣ.* Редактировавшій этотъ томъ д-ръ И. Франко нашелъ среди бумагъ покойнаго Дикарева одну тетрадку подъ заглавіемъ «Толки народа», въ которой, очевидно, первоначально набрасывались матеріалы для статьи *о богѣ Мыколѣ.* Тутъ между прочимъ нашлись нѣкоторые отрывки, не вошедшіе въ статью, и д-ръ Франко составилъ изъ нихъ добавочную главу къ разсматриваемому нами изслѣдованію Дикарева. Глава эта, какъ и всякій этнографическій матеріалъ, представляетъ цѣнность сама по себѣ, и ею читатель можетъ воспользоваться для своихъ личныхъ работъ въ области изученія народныхъ міровоззрѣній.

Митольогычни урывкы. Сущность этой статьи—въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ греческихъ божествъ для сопоставленія ихъ съ однородными божествами славянскими. Такъ, Зевесъ, какъ богъ неба и податель дождя, можетъ быть сопоставленъ съ Ильей, Сварогомъ, Михаиломъ, Святовитомъ. И здѣсь, какъ и въ прежнихъ статьяхъ, наиболѣе цѣнны тѣ мѣста, гдѣ авторъ приводитъ разныя народныя повѣрья, въ томъ числѣ и наши украинскія.

Поясненя до колядокъ. Тутъ мы находимъ одинъ только сохранившійся отрывокъ изъ какой-то обширной статьи покойнаго Дикарева, какъ свидѣтельствуетъ д-ръ Франко. Въ отрывкѣ этомъ, подъ заглавіемъ «Чудесна рика въ двори господаря», разсматриваются тѣ колядки, которыя А. Н. Веселовскій, увлеченный «углубленіемъ въ христіанскіе источники и самозарожденіемъ христіанской миѳологіи», или совсѣмъ игнорируетъ, или считаетъ ихъ побочными, не отвѣчающими термину «колядка». М. Дикаревъ,

исходя изъ того положенія, что колядка языческаго происхожденія, хочетъ дать такое-же объясненіе тѣмъ колядкамъ, въ которыхъ упоминается Дунай-рѣка, озеро, ставъ, видя во всемъ этомъ символизацію на основахъ миѳа. Къ сожалѣнію, и тутъ все изложеніе такъ-же неясно, какъ и въ другихъ его статьяхъ.

Послѣднею статьею въ данномъ томѣ является «*Урывки съ грекославяньськои митольогіи*». Статья эта, повторяя ту же мысль автора, которая сказывается во всѣхъ его работахъ, а именно—что славянская миѳологія ведетъ свое начало отъ греческой, посвящена доказательству греческаго происхожденія цѣлаго рода именъ такихъ, какъ Святовитъ, Ярило, Илья, Соловей-разбойникъ.

Обзоръ всего этого тома, заключающаго въ себѣ посмертныя статьи М. К. Дикарева, позволяетъ намъ сдѣлать выводъ, что, при богатствѣ средствъ у какого-нибудь ученаго общества, можно допустить такую роскошь, какъ разсмотрѣнное нами изданіе, въ которомъ, среди хаоса, можно найти кое-что небезъинтересное для науки; но кажется, что «Товарыство имени Шевченка», не имѣя особенныхъ матеріальныхъ благъ, могло-бъ затраченныя на данное изданіе деньги употребить болѣе продуктивно.

В. Н—ко.

Гр. Павленко-Павлусь. Свитла зоря. *Харьковъ. 1903 г. Цѣна 20 коп. Стр. 64.*

Передъ нами, очевидно, сборникъ литературныхъ упражненій одного изъ столь многочисленныхъ въ украинской литературѣ поэтовъ самородковъ.

Камни самородки не рѣдко встрѣчаются довольно значительныхъ размѣровъ и имѣютъ большую цѣну. Къ сожалѣнію, среди поэтовъ самородковъ, покрайней мѣрѣ украинскихъ, почти не встрѣчается людей хоть сколько нибудь способныхъ, произведенія которыхъ имѣли-бы хоть какую нибудь цѣну. Въ большинствѣ это—люди съ крайне развитымъ и болѣзненно обостреннымъ самолюбіемъ, несчастные графоманы, которыхъ никакимъ образомъ не убѣдишь въ ничтожествѣ ихъ произведеній и въ отсутствіи у нихъ какого бы то ни было таланта. Не прочитавши на своемъ

вѣку почти ни одной порядочной книжки, не имѣя ни малѣйшаго понятія о литературной техникѣ, часто даже не умѣя писать (не говоримъ о грамотности письма),—эти несчастные мученики своей болѣзненной страсти вдругъ воображають себя писателями, поэтами и... съ поразительною самоувѣренностью пишуть, пишуть и все для... самихъ себя. Въ подобныхъ произведеніяхъ не ищите ни содержанія, ни красивой формы. Зато—сколько въ нихъ апломба!... Одни изъ самородковъ рабски копирують и безсовѣстно искажають произведенія тѣхъ писателей, (обыкновенно Шевченка), произведенія которыхъ имѣли несчастье попасть имъ въ руки. Другіе, нисколько не затрудняясь выборомъ темъ, пишуть обо всемъ, что увидять или услышать, подобно тѣмъ армянскимъ пѣвцамъ, которые, дерево увидѣвъ, о деревѣ поеть,—собаку видить, о собакѣ затянеть.

Г. Павленко-Павлусь, принадлежить къ разряду самородковъ перваго рода. Его соблазнили лавры Шевченка и.... Раевскаго. Уже одно увлеченіе, на ряду съ геніальными твореніями Шевченка, пошлыми, безсодержательными анекдотами Раевскаго и сближеніе этихъ двухъ несоизмѣримыхъ литературныхъ величинъ достаточно рекомендують литературный вкусъ г. Павленка и предвѣщають, что́ могъ онъ сдѣлать съ произведеніями Шевченка.

Взявши сюжеть изъ «Катерыны» и даже позаимствовавши нѣсколько отдѣльныхъ отрывковъ изъ нея (стр. 19, 25...), г. Павленко написалъ безграмотную во всѣхъ отношеніяхъ поэму «Дивоча доля», въ которой оплакиваеть долю Галины, обманутой Яшей. Чтобы составить понятіе о томъ, какъ пишеть г. Павленко, выпишемъ на удачу нѣсколько перловъ изъ его поэмы:

«Щыра любовъ *не бракуе* (sic!)
Ажъ ничіимъ серцемъ...» (4 стр.).
«И на іи (Галины) *уродоньку*,
Уся челядь селянськая,
Пыльно-пыльно залыцялась (sic!) (5 стр.).

Кромѣ совершеннаго незнакомства съ правилами и пріемами стихосложенія и отсутствія всякаго дарованія, г. Павленко еще очень слабо знаеть и языкъ украинскій, что отчасти уже видно и изъ выше приведенныхъ примѣровъ, число которыхъ можно увеличить, сколько угодно.

Вторую часть книжки составляютъ «Куплеты съ разсказами». Но о нихъ лучше совсѣмъ не говорить. Темою ихъ служитъ все тотъ же глупый, безтолковый «хахолъ», что и у Раевскаго. Только остроумія и здороваго юмора въ нихъ еще гораздо меньше.

Какъ видитъ читатель, литературныя достоинства твореній г. Павленка очень сомнительнаго качества. Несмотря на это, нашъ авторъ очень много ожидаетъ отъ своей убогенькой книжечки. Вотъ что съ рѣдкимъ апломбомъ пишетъ онъ въ предисловіи къ ней:

«Гей сюды увесь мыръ хрещеный:
И велыкый и малый,
И безграмотный и вченый,
И выдющый и слипый ..».

Очевидно, г. Павленко надѣется, что весь этотъ столь обширный кругъ читателей найдетъ въ его книжкѣ что либо для себя интересное. Потому, вѣроятно, и назвалъ её громкимъ, красивымъ, но совершенно неотвѣчающимъ содержанію, заглавіемъ—«Свитла зоря ..». Имѣя въ виду широкій кругъ читателей, г. Павленко издалъ свою книгу очень изящно, чтобы угодить интеллигентнымъ и болѣе состоятельнымъ читателямъ, и очень дешево, чтобы она была по карману крестьянамъ.

Думаемъ, однако, что всѣ эти усилія автора напрасны и что его книжечка не пойдетъ въ широкую публику. Отъ души желаемъ «Свитлой зорѣ» какъ можно дольше остаться въ рукахъ автора и издателя....

В. Мировець.

Виленскій временникъ. Изданіе Виленскаго генералъ-губернаторскаго управленія. Книга I. Профессоръ Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы. Введеніе къ изученію языка и народной словесности. *Вильна. 1904. Стр. I—X, 1—466.*

Въ этомъ «введеніи» къ изученію бѣлорусскаго языка опредѣлена территорія, занятая бѣлорусскимъ племенемъ, на двухъ приложенныхъ картахъ указано распространеніе шести говоровъ, на какія по изслѣдованіямъ автора подраздѣляется бѣлорусскій

языкъ; затѣмъ въ отдѣльныхъ главахъ даны характеристика страны, занимаемой бѣлоруссами, исторія со временъ неолитической эпохи, какъ народа, такъ и языка, и наконецъ историческіе очерки изученія живого бѣлорусскаго языка и народной поэзіи, памятниковъ стараго западно-русскаго языка и ненародныхъ, т е. искусственныхъ литературныхъ произведеній бѣлоруссовъ. Полнота историческихъ, лингвистическихъ, географическихъ, библіографическихъ очерковъ указываетъ, что авторъ смотритъ на свое «введеніе», какъ на энциклопедію для желающихъ ознакомиться съ литературою и языкомъ бѣлорусскимъ. Для спеціалистовъ лингвистовъ книга профессера Карскаго даетъ много матеріала какъ въ перечисленіи словъ, заимствованныхъ бѣлоруссами отъ другихъ народовъ, такъ и въ примѣтахъ фонетическихъ и морфологическихъ, по какимъ онъ отличаетъ одинъ говоръ отъ другого. Для говоровъ, пограничныхъ между областями малорусскаго и бѣлорусскаго языковъ, вѣроятно, найдутся возраженія, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ обозначены малорусскими на картѣ г. Михальчука и бѣлорусскими на картѣ г. Карскаго.

Искусственная литература нынѣшняго бѣлорусскаго языка представляетъ много интереснаго по сходству направленій, ею пережитыхъ, съ направленіемъ русской и малорусской литературы. Возникновеніе ея г. Карскій относитъ къ девяностымъ годамъ XVIII столѣтія, когда появилась въ рукописи «Энеида» Маньковскаго; а другая «Энеида» составлена была вѣроятно около того же времени, при чемъ относительно ея черезъ 100 лѣтъ въ «Смоленскомъ вѣстникѣ» говорили, что она была переложена съ малороссійскаго «на смоленскій крестьянскій языкъ». Маньковскаго «Энеида» начинается такъ:

Яней дзяцюкъ вить быу хупавый
Парнюкъ пяувошта украсіу
И пакъ удауся нелукавый:
Даступенъ, веселъ не спясіу.
А Греки вайну нарабили,
Якъ ляда, Трою такъ спалили.
Кашéль схапіуши на уцёкъ
И такъ зробивши ёнъ чаунокъ,
Траянцами яго набіу
И у моря синяе пусціу.

Переводъ Ровинскаго нѣсколько отличается:

Живъ-бывъ Яней, дзяцюкъ хупавый
Парнюкъ ни-вошто украсивъ.....

но, какъ видно и изъ приведенныхъ строкъ, очень близокъ къ тексту Мальковскаго. Поэтому трудно рѣшить, кто изъ этихъ двухъ лицъ былъ дѣйствительнымъ авторомъ бѣлорусской «Энеиды».

Отсылая интересующихся предметомъ къ самой книгѣ г. Карскаго, замѣтимъ еще, что авторомъ ея задуманъ большой трудъ по фонетикѣ, морфологіи и синтаксису бѣлорусскаго нарѣчія, и явившуюся въ печати книгу онъ считаетъ какъ-бы первымъ томомъ этого большого труда, появленіе котораго въ свѣтъ очень желательно.

Обзоръ журналовъ.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 3; 2) Русская Старина, № 3; 3) Историч. Вѣстн., № 3; 4) Всемірный Вѣст., № 2; 5) Журн. Мин. Нар. Просв., № 3; 6) Міръ Божій, № 3; 7) Русскій Вѣстникъ, № 3; 8) Вѣстн. Европы, № 3; 9) Русское Богатство, № 1—3; 10) Кіевск. Унив. Изв., № 1—3; 11) Труды Кіев. Дух. Акад., № 3; 12) Учен. Запис. Импер. Казан. Унив., № 3; 13) Книжки Восхода, № 2 и 3; 14) Земск. Сборн. Черниг. губ., № 1. 15) Литер.-Науков. Вистныкъ, № 2 и 3.

Русскій Архивъ, № 3.

Письма І. М. Бодянскаго къ А. Н. Попову (стр. 443—448). Всего помѣщено 8 писемъ, начиная съ 1837 года по 1852 г. Изъ нихъ для насъ имѣетъ интересъ 5-ое письмо (1846 г.), гдѣ идетъ рѣчь о печатаніи знаменитой «Исторіи Руссовъ» въ трудахъ Московскаго Историческаго Общества.

Грамота царя Алексѣя Михайловича Кіевскому воеводѣ боярину Василію Борисовичу Шереметеву 1659 г. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ (стр. 521—522). Грамота дана по поводу побѣды, одержанной В. Б. Шереметевымъ надъ Даниломъ Выговскимъ, когда послѣдній подступилъ къ Кіеву въ 1659 г.

Русская Старина, № 3.

Проф. Е. Бобровъ. Эпизодъ изъ жизни Н. И. Костомарова (стр. 603—614). Здѣсь разсказана, по документамъ архива Казанскаго университета, одна страничка изъ жизни нашего историка, когда онъ въ 1857 году хотѣлъ получить каѳедру русскихъ древностей въ Казанскомъ университетѣ, что, послѣ долгихъ проволочекъ въ министерствѣ, не состоялось, но по какимъ мотивамъ—изъ дѣлъ опредѣленно не видно.

Историч. Вѣстн., № 3.

Въ отд. „*Критика и библіографія*" помѣщенъ краткій обзоръ «изданій Краковской Академіи Наукъ по исторіи и древностямъ», а въ частности 46-го тома по отдѣлу историко-философскому (Rozprawy, Kraków, 1903). Здѣсь-же указываются мелькомъ и такіе капитальные труды, какъ А. Яблоновскаго «Польша XVI вѣка», гдѣ находится выописаніе земель русскихъ и Червонной Руси, а также только-что вышедшее въ Варшавѣ сочиненіе проф. А. Брикнера „Starożytna Litwa". (ств. 1119—1121).

Въ отд. «Смѣсь» находимъ замѣтку «Кобзари и лирники», составленную на основаніи статьи В. Н. Доманицкаго въ «Памятной книжкѣ кіевской губ. за 1904 годъ», (стр. 1183).

Журн. Мин. Нар. Просв., № 3.

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» помѣщена прекрасная статья профессора Львовскаго университета М. Грушевскаго о Львовскомъ ученомъ обществѣ имени Шевченка и о его вкладахъ въ изученіе Южной Руси. (стр. 117—148). Здѣсь кратко разсказана исторія Шевченковскаго Общества во Львовѣ за тридцать лѣтъ его существованія, но особенно обстоятельно изложена дѣятельность этого общества за послѣднія десять лѣтъ, когда оно преобразовалось въ ученое общество, приближающееся по характеру своей дѣятельности къ академіямъ наукъ. Проф. М. Грушевскій знакомитъ въ данной статьѣ съ тѣми научными изслѣдованіями, какія были напечатаны въ эти десять лѣтъ въ разныхъ изданіяхъ «Общества имени Шевченка».

Русскій Вѣстникъ, № 3.

Л. Николаевъ. Послѣднія событія въ Галичинѣ (стр. 159—178). Разсказавъ кратко исторію того, какъ народовая партія въ Галичинѣ, приставши въ 1890 году къ „угодѣ" съ поляками, почти сейчасъ-же и разорвала связь съ ними, авторъ статьи знакомить съ тѣмъ обостреннымъ моментомъ борьбы, какой замѣчается въ послѣднее время, и пересказываетъ извѣстныя уже читателямъ „Кіевской Старины" факты изъ движеній русинскихъ студентовъ Львовскаго университета, фактъ объ отказѣ открыть Станиславовскую русинскую гимназію, фактъ о выходѣ русинскихъ пословъ изъ сейма.

Земскій Сборникъ Черниг. губ., № 1.

Кромѣ спеціальныхъ статей, имѣющихъ мѣстный интересъ, какъ-то: Б. Полынова «Работы по изслѣдованію почвъ остерскаго уѣзда», И. Л—ко «Дѣятельность крестьянскаго поземельнаго Банка въ черниг. губ. въ 1901 г.»,—продолжается печатаніе труда подъ редакціей Н. П. Василенка «Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка 1729—1730 гг.».

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ „Полт. Вѣстн." (№ 348) напечатанъ 3-й очеркъ О. Левицкаго подъ общимъ заглавіемъ „Изъ давно минувшей жизни Полтавщины". Очеркъ этотъ носитъ частное заглавіе „Орельскій пустынножитель" и передаетъ разсказъ о случаѣ встрѣчи четырехъ козаковъ-уходниковъ въ 1620 году съ благочестивымъ старцемъ-пустынножителемъ. Случай этотъ разсказанъ въ собственноручныхъ запискахъ митр. Петра Могилы.

Въ Русскомъ Богатствѣ № 3 напечатанъ переводъ съ украинскаго очеркъ нашего талантливаго беллетриста Михаила Коцюбинскаго „На камнѣ".

Для пользованія русиновъ въ Америкѣ отпечатаны двѣ книжки: 1) „Руско-англійскый Провиднықъ"—цѣна 50 америк. центовъ; 2) „Руско-англійскый Словарецъ"—цѣна 20 америк. центовъ.

Въ газ. „Діло" (№ 53—55) напечатана статья д-ра Ивана Франка подъ заглавіемъ „Шевченко—ляхамъ". Это—рефератъ, читанный имъ на вечерѣ во Львовѣ въ 43-ю годовщину смерти Шевченка. Сущность реферата сведена была къ комментированію извѣстнаго стихотворенія Т. Г. Шевченка „Ляхамъ".

Въ книжкѣ „Кіевской Стар." за февраль перепечатана изъ „Вѣстника Юга" замѣтка о новой украинской пьесѣ—передѣлкѣ Гауптмановскаго „Геншеля". Въ замѣтку эту вкралась ошибка, которая за пріостановленіемъ газеты осталась неисправленной; передѣлка г-жи Левитонъ называется не „Чужа жинка"—названіе извѣстнаго разсказа Петра Шелеста (см. Л.-Н. Вистникъ 1901 г. кн. XI)—а *„Друга жинка"*.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Le Baron de Baye. En Petite Russie. Souvenirs d'une Mission. Paris. Librairie Nilson. 1903.

Бордулякъ Тымофій. Оповидання зъ галицького життя. № 10 „Украиньскои библіотекы". У Кыиви, 1904, стр. 1—419, in 8°. Ц. 75 к. и 1 р. 25 к,

Бордулякъ Т. Бидный жыдокъ Ратыця. Оповидання. № 36. К., 1903. Ц. 5 коп.

Гринченко Б. Безъ хлиба. Оповидання. № 34. Кыивъ, 1903. Ц. 3 коп.

Гринченко Б. Хата. Оповидання. № 35. Кыивъ, 1903. Ц. 4 к.

„Дума". Сольо тенорове въ супроводі фортепяна. Слова Т. Шевченка. Музыка М. Лисенка. Ц. 1 кор. Перемишль, 1903. Виданне „Видавництва музичного станиславівського Бояна", ч. 15.

Про сырить. Збирнычокъ для дитей. Упорядкувавъ Гнатъ Галайда. Выдано Вс. И. Гуртомъ (№ 14). Харьковъ, 1903, 1—64. in 8°. Ц. 4, 10 и 50 коп.

Тогобочный И. Борци за мріи. Драма. Выдано Вс. И. Гуртомъ, № 13. Харьковъ, 1903. Ц. 10 и 50 коп.

Якъ треба и якъ не треба. Видано Вс. И. Гуртомъ. № 12. Харьковъ. 1903. Ц. 4 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

КНИГА 3-я.—МАРТЪ, 1904.

I.—Церковная школа въ Англіи.—**С. Р.**—II.—*Братья.*—Повѣсть.—XII—XVII.—**П. Д. Боборыкина**.—*„Новый Градъ“ Блаженнаго Августина.*—I-IX.—**В. И. Герье**.—IV.—*Уральскіе этюды.*—I. Поздней осенью.—II. Лѣтней ночью.—**Григ. Бѣлорѣцкаго**.—V.—*Н. А. Некрасовъ.*—Обзоръ его литературной дѣятельности.—I.—**А. Н. Пыпина**.—VI.—*Городъ и деревня.*—Разсказъ изъ современнаго житья-бытья.—Часть первая.—I-XX.—**М. А—нова**.—VII.—*І. Л. Рунебергъ и его поэзія.*—Памяти финскаго поэта, по поводу совершившагося столѣтія со дня его рожденія: 1804—1877 г.—**І. Э. Мандельштамъ**.—XIII.—*„Союзъ душъ“.*—„Souls“. A. Comedy of intentions, by „Rita“.—XXI-XXXII.—Окончаніе. Съ англ. **З. В.**—IX.—*Стихотворенія.* Изъ Франсуа Коппе—I. Сирень.—II. Весной на могилѣ.—**Н. В. Хвостова**.—X.—*Хроника.*—Круговая порука и отмѣна ея.—**Ѳ. Ѳ. Воропонова**.—XI.—*Внутреннее обозрѣніе.*—Война и гражданская жизнь. Вопросъ о мелкой земской единицѣ и о земскомъ представительствѣ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи.—Личныя перемѣны въ высшемъ государственномъ управленіи.—Земская школа и г. Spectator.—Циркуляръ министра юстиціи и рѣшеніе сената.—Статистическія данныя о репрессіи присяжныхъ засѣдателей.—XII.—*Иностранное обозрѣніе.*—Война на Дальнемъ Востокѣ.—Правительственныя сообщенія и оффиціальные акты по поводу русско-японской войны.—Возможныя дипломатическія погрѣшности.—Вопросы о нарушеніяхъ международнаго права.—Нейтральныя державы и общее политическое положеніе.—XIII.—*Литературное обозрѣніе.*—I. Религіозные отщепенцы, А. С. Пругавина.—**А. П.**—II.—Философія и ея общія задачи, Н. Я. Грота.—III. Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи Н. М. Соколова.—IV. „Urbi et Orbi“; Вал. Брюсова.—**Евг. Л.**—V. Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими за 1901 г.—VI. А. Веберъ, Ростъ

ПОДПИСКА НА 1904-й ГОДЪ.

(Тридцать-девятый годъ).

Контора журнала: С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., 28.

Безъ доставки: на годъ: 15 р. 50 к., на полгода: 7 р. 75 к., на четверть года: 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб. на годъ: 16 р., на полгда: 8 р., на четверть года: 4 р. Съ пересылкою на годъ: 17 р., на полгода: 9 р. 8 р., на четверть года: 5, 4, 4, 4 р. За границей на годъ: 19 р., на полгода: 10 р., на четверть года: 9 р., 5, 5, 4, 4 р.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. М. Стасюлевичъ.* Спб., Галерная, 20.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXV.

1904 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6
1904.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 14 апрѣля 1904 г.

Михаилъ Петровичъ Старицкій.

Объявленіе о преміяхъ.

Редакція журнала «Кіевская Старина» рѣшила на текущій годъ объявить преміи за лучшіе разсказы и повѣсти по-украински. Условія премій слѣдующія:

1) Представляемые на премію разсказы и повѣсти должны быть оригинальные, а не переводные и передѣланные [1].

2) Авторамъ предоставляется свободный выборъ темъ и сюжетовъ.

3) Премированный разсказъ или повѣсть печатается въ «Кіевской Старинѣ» и оплачивается по разсчету 100 руб. за печатный листъ въ 16 страницъ.

4) Срокъ представленія разсказовъ и повѣстей не позже 1 ноября 1904 года.

5) Рукописи должны быть представлены переписанными не рукою автора и безъ имени его, а только съ девизомъ, при чемъ нужно въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью того-же девиза, указать свой точный адресъ (имя, отчество, фамилія и почтовая станція).

---

[1] Драматическія пьесы на премію не принимаются.

Генеральный судья Иванъ Чарнышъ и его родъ.

(Окончаніе [1]).

Надѣясь на поддержку Малороссійской Коллегіи, рѣшился напомнить о себѣ и Кицешъ. «Неспокойный турбаторъ» въ январѣ 1723 года билъ челомъ въ Коллегіи, прося ускорить теченіе его дѣла съ Чарнышомъ. Изъ этой челобитной мы видимъ, что въ 1722 году розыскъ былъ, наконецъ, учиненъ Скорняковымъ-Писаревымъ и генеральнымъ есауломъ Жураковскимъ, пославшими отъ себя въ Ковалевку: первый—«оффѣцера» Ивана Мордвинова, а второй—бывшаго гадяцкаго атамана Ивана Десятника, но рѣшеніе по розыску не состоялось. Спрошенный объ этомъ Жураковскій отвѣтилъ Коллегіи, что въ декабрѣ 1722 года былъ онъ на «коммиссіи Почепской», по возвращеніи съ которой уже было приказано канцеляристу составить приговоръ по дѣлу генеральнаго судьи съ Кицешемъ, но на бѣду послѣдняго, Скорняковъ-Писаревъ былъ вытребованъ въ Москву, а Жураковскій единолично «не смѣлъ» утвердить приговоръ. Кромѣ того, розыскъ

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 4.

Мордвинова и Десятника былъ не полонъ, вслѣдствіе нахожденія многихъ свидѣтелей въ Терковскомъ и Ладожскомъ походахъ. Основываясь на этихъ показаніяхъ Жураковскаго, Малороссійская Коллегія, промеморіею своею отъ 14 февраля 1723 года, предложила Войсковой канцеляріи разобрать это дѣло, на что та черезъ три дня отвѣтила, что Кицешеваго дѣла въ настоящее время, «за слабостію здоровя господина судіи Івана Чарниша, въ которомъ онъ нинѣ найдуется, вершити невозможно; развѣ когда оздоровѣетъ онъ судья—въ ту пору помянутому дѣлу в Войсковой Енеральной Канцеляріи рѣшеніе учинится». Кромѣ того, генеральная канцелярія была въ затрудненіи, не зная, кто будетъ участвовать въ составленіи и утвержденіи приговора вмѣсто Скорнякова-Писарева. Наконецъ, въ мартѣ 1723 года, было приступлено къ новому розыску. Отъ войсковой канцеляріи высланы были въ Ковалевку: полтавскій полковой обозный Лаврентій Никитовичъ, войсковой товарищъ Яковъ Новицкій и войсковой канцеляристъ Василій Забѣла, а отъ Коллегіи—полковой квартермистръ Гаврила Карташовъ. Но «розыщики» встрѣтили затрудненія; во-первыхъ,—дѣло было передъ праздникомъ Пасхи, и потому они «для слѣдуючихъ святъ в доми свои розехалися»; во-вторыхъ,—многихъ потребныхъ для опроса лицъ, живущихъ въ другихъ полкахъ, не было, почему Никитовичъ, Забѣла и Новицкій просили выслать нужныхъ свидѣтелей въ Ковалевку къ 23 апрѣля; кромѣ того, «ковалювцѣ, бравшіе имѣніе Кицешево, свѣдителей не могучи къ розиску представити: що взялъ кто и за що,—присягою разводитися хотятъ,—которихъ (спрашивали слѣдователи) чи належитъ до присяги приводити, или ни? Такихъ, на которихъ доводится, же неслушне худобу чолобитчика Кицеша взяли, или Кицешъ противъ ихъ присягнетъ, то у тихъ: чи истую принимать, или сугубо, жебы за протори и убитки, черезъ сѣмъ лѣтъ роненные, стало, отбирати?»

Эти недоразумѣнія, вызванныя неясностью инструкціи, данной слѣдователямъ, были, въ концѣ концовъ, устранены, и 20-го мая 1723 года розыскъ пришелъ къ концу. Имъ было установлено что почти все забранное ковалевскими обывателями имѣніе

Кицеша было взято у него ими на основаніи рѣшенія генеральнаго суда 1717 года и бывшій ковалевскій сотникъ примирился почти со всѣми изъ нихъ. Такимъ образомъ Кицешъ могъ требовать съ Чарныша лишь вознагражденія за «бой» и возвращенія взятаго имъ имущества якобы на своихъ племянниковъ, но и здѣсь ковалевскіе обыватели показывали, что Кицешъ, пріѣхавшій въ 1713 году въ Гадячъ, «по аффектаціи» былъ удержанъ Чарнышомъ при себѣ, а затѣмъ поселился въ Ковалевкѣ, куда «самъ-другъ на двохъ коняхъ пріѣхавши, стоялъ господою у козаковъ ковалювскихъ, именно у Юска Стрилниченка и у Рядка Коваля, где жаднихъ у его, Афанаса Кицеша (опрочъ двохъ коней, суконъ добрихъ, оружя порядочного и нѣсколко талярей битихъ) имѣнія не было; а когда зась з ласки его милости пана судіи енералного оженилъся з братовою и зосталъ сотникомъ, то в той часъ знатное число явилося бидла и прочей худоби». Кицешъ, правда, спорилъ съ ковалевцами противъ ихъ показанія, утверждая, «же не два, але три конѣ (у него было)» и что «квартируючи въ Коваловцѣ, и грошей доволно при себѣ мѣлъ, тилко грошей никому не показовалъ», — но все-таки выходило, что генеральный судья былъ правъ, отбирая на своихъ племянниковъ имущество Кицеша по той причинѣ, что оно было получено имъ за женою.

Розыскъ этотъ касался лишь вопросовъ о забраніи имущества Кицеша самимъ Чарнышомъ и ковалевцами, и по нему Кицешъ уже не могъ требовать вознагражденія отъ генеральнаго судьи. Другихъ сторонъ дѣла, именно «боя» и «увѣчья» розыскъ совершенно не касался, и потому Кицешъ нетерпѣливо ожидалъ полнаго вознагражденія за обиды отъ генеральнаго судьи. Еще въ началѣ 1723 года, недовольный медленнымъ ходомъ его процесса, онъ писалъ Меньшикову, прося его послать свой указъ въ Коллегію къ Скорнякову-Писареву о скорѣйшемъ рѣшеніи его дѣла. «А все то», пишетъ Кицешъ про свое увѣчье отъ Чарныша, «безъ указу покойного гетмана, з ненависти своею властію такъ мнѣ мученіе не по христіанску (Чарнышъ) чинилъ; а все для того, что мы, чужоземцѣ—верніе імператорского величества зостаемъ слуги, и ненавидячи насъ, чужоземцовъ, през килка годъ

на гадяцкого полковника Михаила Милорадовича земстилъ, и с завзятой ненависти своей и судомъ своимъ неправеднимъ мене напраспо обѣдилъ»... Далѣе Кицешъ прямо указываетъ на то, что дѣло его «залежалось» въ Коллегіи изъ-за «великихъ дарунковъ» какъ самого Чарныша, такъ и «гетмановой» [1]), вслѣдствіе чего и его самого «для наилучшаго доношенія» въ Москву не пускаютъ. Письмо это, кажется, осталось безъ отвѣта, и выведенный изъ терпѣнія судебной волокитой, Кицешъ 20 іюня пишетъ небольшое по объему, но значительное по содержанію въ немъ угрозы, письмо къ генеральной старшинѣ, изъ которой Полуботокъ, Савичъ и Чарнышъ въ это время уже были по пути въ Москву:

«Велможніи мцѣ панове старшина енералная. Понеже дѣло мое з паномъ Чарнишемъ, судією енералнимъ, отъ семи лѣтъ точитись зачатое, до сего часу укончитись не можетъ, чрез що до крайнего, тутъ въ Глуховѣ справуючися, прихожу разоренія и нищеты,—того ради прошу велможностей вашихъ о таковий себѣ благопризрѣтелний респектъ, жебы тотъ заводъ албо тутъ по грамотѣ Імператорского величества, чрез мене принесенной, былъ успокоенъ,—или мнѣ дать свѣдителство, зачимъ оное дѣло не вершено, з которимъ бы я могъ, *заехавши въ Санктъ Пітербурхъ, високоправителствующому Сенату быть чоломъ и просить милости.* Велможностей вашихъ нижайшій слуга Афанасъ Кицешъ».
Моментъ, избранный Кицешемъ для подачи этого прошенія, былъ удаченъ; въ Глуховѣ не было ни Полуботка, ни Савича, ни самого Чарныша; оставшаяся генеральная старшина въ лицѣ Жураковскаго и Лизогуба имѣла мало значенія, и въ концѣ декабря 1723 года дѣло, наконецъ, было разобрано Коллегіей и генеральной старшиной, а 3-го февраля 1724 года состоялся и приговоръ по нему, изъ котораго приводимъ пункты: 1) Просьба Кицеша о возвращеніи ему сотничества была отклонена по той причинѣ, что универсала гетмана на этотъ урядъ онъ не имѣлъ, а Демьянъ Ивановичъ таковой представилъ; 2) Относительно розданнаго Чар-

---

[1]) Вдова гетмана Скоропадскаго, мать второй жены Чарныша.

нышемъ имѣнія ковалевскаго сотника обывателямъ, судъ, основываясь на розыскѣ, изъ котораго оказывалось, что Кицешъ призналъ почти во всѣхъ случаяхъ правильность декрета генеральнаго судьи 1717 года, предложилъ Кицешу самому доискиваться убытковъ на тѣхъ, «хто у него что побралъ» и съ кѣмъ онъ еще не «поквѣтовался»; 3) Что же касается забраннаго Чарнышемъ имѣнія на своихъ племянниковъ, то судъ, «подлугъ права, в Саксонѣ на листѣ 325 под дикціею «поссессіа» написаннаго: судья отъ поссессіи нѣкого отдаляти не маетъ, правомъ его не переконавши, хочъ бы вѣдавъ, же то неслушне держитъ,— да в той же книзѣ Саксонъ на листѣ 99 написано: добра чужіе хто безправне держитъ, а потомъ отдати если оніе правне муситъ,—тогда тое з отложенемъ вини и нагородити маетъ»,—присудилъ Кицешу забранное у него Чарнышемъ имѣніе: «конь сивій (25 руб.), кобыла (13 руб.), конь вороній (55 р.), конь гнѣдій с сѣдломъ и уборомъ (26 р.), свиней двое (2 р. 13 алт. 14 д.), товару рогатого осмеро, овецъ сорокъ двѣ, козъ з козлятами восемь, пчолъ старихъ 12 (12 р.), мѣхъ лисій кгарловій (36 руб.), тулупъ чорній бараній, подбитъ зайцами (26 р.), коцъ, килимъ; да в скриняхъ, до его, судіи, взятихъ, которіе были запечатани: коберець новій турецкій болшій (10 р.), три коберци настолніе (45 р.), полотна швабского кусокъ (5 р.), три скатерти кгданскихъ добрихъ (18 р.), блюдъ болшихъ дюжинъ, талѣрокъ дюжинъ и ложекъ оловянихъ два дюжини (5 р.), и три чарки срѣбнихъ (3 р. 20 алт.),»—признавъ, что это имѣніе было Кицеша; 4) Изъ отобраннаго же женинаго имѣнія («скоту рогатаго трое, свиней с поросятами двадцять») Кицешу предоставляется «доправить» на судьѣ четвертую часть; 5) За «похвалки» Кицешъ не понесъ никакой кары, такъ какъ «по унѣверсалу гетманскому, до его (судіи) з Санктъ-Питербурга присланному, при которомъ унѣверсалѣ и особливій его імператорского величества указъ з іностранной Коллегіи до полковника Шарфа в прошломъ 1718 году, іюля в 19 день присланъ о сиску и отсилци в Санктъ-Питербурхъ разного званія малороссійскихъ людей в великомъ царственномъ дѣлѣ,—в которомъ указѣ его Кицешового імени не

виражено». Такимъ образомъ труды Чарныша по собиранію «сказокъ» о «продерзливыхъ» словамъ Кицеша пропали даромъ; 6) Такъ какъ Кицешъ въ «великомъ царственномъ дѣлѣ» замѣшанъ не былъ, то Чарнышъ не могъ оправдать и своего надъ нимъ «боя и увѣчья», «противъ чого в Статуту, в роздѣлѣ 11-мъ. в артикулѣ 27-мъ, написано: кто-бы кого, на зелживость стану шляхетского, кіями былъ, албо бити казалъ,—за таковій кождій бой, албо зелживость, маетъ быть навязки плачено 40 копъ грошей; да в томъ же Статутѣ, роздѣлѣ 4-мъ, артикулѣ 63-мъ: если бы которій судія и другій урядникъ кгвалтъ мѣстцу нашему государевому и суду учинилъ, а кого на судѣ ранилъ,—таковій урядникъ горло тратитъ, а навязка з імѣнія его совито (вдвое) быть имѣетъ плачена. И потому за бой и увѣчче, ему, Кицешу, отъ него, судіи Чарниша, пополненное, доправить на немъ, судіи, навязки денегъ 40 рублей»; 7) «А что о блудодѣяніи противъ челобитія его Кицеша, о напрасномъ руганіи, судья Чарнишъ подалъ къ дѣлу на оного Кицеша о справедливости подъ іменемъ імператорского величества чолобитную, в которой обявилъ, что тую дитину з Кицешевою женою не онъ, судія, прижилъ, але Яковъ Карика, которій до того блудодѣянія и самъ признался,—и то надлежитъ не къ мирскому, но духовному суду»... Такъ закончилась семилѣтняя борьба Кицеша съ генеральнымъ судьей, къ торжеству перваго изъ нихъ [1]).

---

[1]) Такъ какъ намъ съ Кицешемъ придется еще встрѣтиться, то считаемъ не лишнимъ сообщить дальнѣйшія его странствованія. Получивъ отказъ на просьбу свою о ковалевскомъ сотничествѣ, Кицешъ въ 1725 году, въ мартѣ, просилъ генеральную канцелярію «за его вѣрніе службы пожаловать его сотничествомъ, гдѣ вакансъ оказуетъ, а именно въ полку Гадяцкомъ, у Зѣнковѣ, на мѣстце сотника Рожанскаго», прибавляя, что съ 1718 года, когда отставилъ его отъ сотничества Чарнышъ, онъ скитается «межъ двори и нѣякого себѣ опредѣленія» не имѣетъ. Генеральная канцелярія просила на челобитную резолюціи у Коллегіи, а та, въ свою очередь предложила учинить ее Канцеляріи. Послѣдняя навела о Рожанскомъ справку, изъ коей оказалось, что сотникъ Рожанскій «въ прошломъ году любо

Въ то время, когда дѣло Кицеша рѣшалось окончательно, генеральный судья уже былъ далеко отъ Малороссіи, вызванный еще въ іюнѣ 1723 года въ Петербургъ совсѣмъ по другому дѣлу. Несомнѣнно, что ходъ его дѣла съ Кицешемъ былъ въ полной зависимости отъ личнаго пребыванія Чарныша въ Малороссіи и отъ тѣхъ «дарунковъ», о которыхъ упоминалъ Кицешъ въ своемъ письмѣ къ Меньшикову и которые прекратились съ отъѣздомъ Чарныша изъ Малороссіи. Мы не будемъ останавливаться по-

---

болѣзненъ билъ на очи, однакъ гражданскіе и сотенніе порядки радѣтелно правилъ, а нынѣ, благодареніе Господеви, далеко лучшое над прежное очесамъ своимъ имѣетъ полегченне и оніе порядки правитъ же»... Получивъ такую справку отъ второго зѣньковскаго сотника Мелетія Жадка, канцелярія оставила челобитную Кицеша безъ отвѣта; но тотъ былъ нетерпѣливъ и не получивъ «указу», въ іюлѣ того же года вновь просилъ о сотничествѣ, извѣстясь, «что гадяцкого полку в опошанской сотнѣ отъ походу дербентского сотника бить не имѣется»... Вновь генеральная канцелярія навела по этому поводу справки, и наказной полковникъ гадяцкій Мартинъ Штишевскій писалъ генеральной канцеляріи въ отвѣтъ: «Якъ оного Кицеша въ здѣшнемъ полку найменшой службы не бувало, толко една прослуга, и не малая, явилася (за что и сотництва ковалювского позбулъ), з которихъ его збродnихъ поступковъ нѣкоторіе мунѣмента малѣйшіе до вѣдома в енералную канцелярію и нынѣ посилаю, а болшіе документа о крадежу килканадцятъ коней и протчіего виступку,—всѣ на сей часъ въ благороднаго его милости пана полковника нашего и пана Григорія Кграбянки, судіи полкового гадяцкого обрѣтаются... Однакъ (пишетъ далѣе Штишевскій), лучше ему, Кицашовѣ, гдѣ прислуга была—тамъ и о мѣстце старатися, нежели опорочившися доволно, еще на такое знатное мѣстце промоватися, которое гараздъ совѣстнѣйшого и справнѣйшого ожидаетъ себѣ человѣка,—в семъ да благоволитъ енералная войсковая канцелярія милостиво разсмотрѣть и отъ такого непостоянца и обыдителя, паче же шкодци людского, якій не чину, но наказанія за свои поступки достоинъ,—сотнянъ опошанскихъ избавити»... Канцелярія согласилась, по всей вѣроятности, съ аттестаціей, данной Кицешу Штишевскимъ, такъ какъ Кицешъ никуда на сотничество опредѣленъ не былъ и въ 1729 году служилъ «ротмистромъ ландмилицкихъ полковъ».

дробно на причинахъ вызова для отвѣта въ Петербургъ Полуботка, Чарныша и генеральнаго писаря Савича [1]). Скажемъ только, что однимъ изъ поводовъ, которые выставлялись правительствомъ, какъ причина учрежденія Коллегіи—были безпорядки въ генеральномъ судѣ, отправленіе правосудія въ которомъ при судействѣ Чарныша совершенно прекратилось [2]).

Генеральный судья подолгу уѣзжалъ изъ Глухова въ свои маетности гадяцкаго полка и, само собой разумѣется, что въ его

---

[1]) См. монографію А. М. Лазаревскаго въ «Русскомъ Архивѣ» 1880 г., кн. I: «Павелъ Полуботокъ, очеркъ изъ исторіи Малороссіи XVIII вѣка», и Н. И. Костомарова «Павелъ Полуботокъ» въ «Русской Старинѣ» 1876 г., т. XV, стр. 137—209.

[2]) Уже указомъ 14-го ноября 1721 года гетману предписывалось «судебную канцелярію, въ которой дѣла отправляетъ генеральной судья Иванъ Чернышъ, учредить и привести въ доброй порядокъ» (Маркевичъ, IV, 1842 г., стр. 360), а въ грамотѣ отъ 29-го апрѣля 1722 года къ Скоропадскому объ учрежденіи Коллегіи сказано: «Понеже одъ Малороссійскаго народа о налогахъ, непорядкахъ, какъ отъ генеральнаго суда и отъ старшины, такъ и отъ полковниковъ, многія жалобы до насъ доходятъ, а именно, первое: въ судѣхъ генеральныхъ чинятся ради взятковъ и великихъ накладовъ, многіе неправды, одъ чего бѣдные козаки, кому болше наложить нечего, и съ правдою обвинены бываютъ,—того ради нынѣ мы указали въ Глуховѣ быть при васъ брегадиру нашему Степану Вельяминову, да съ нимъ шести человѣкамъ штапъ-оффѣцерамъ, перемѣняясь изъ гварнизоновъ украинскихъ». Получивъ эту грамоту, Скоропадскій пробовалъ оправдаться передъ царемъ и тѣмъ отвратить учрежденіе Коллегіи, что «тое (насилія старшины и неправды въ судѣ)—большъ по ненависти и злобѣ вашему величеству донесено, завидя милостивому монаршему вашего императорскаго величества издревлѣ являемому къ намъ призрѣнію, ибо, хочай въ судѣхъ енералномъ и полковыхъ бываютъ иногда въ спорныхъ дѣлахъ и наклады, однакъ при вершеніи тихъ дѣлъ я тое челобитчикамъ возвращати велю,—и развѣ за вину якую знатную, вмѣсто штрафу, часть нѣкоторая зъ тихъ накладовъ удержится». (Діаріушъ Ханенка, стр. 52—54).

отсутствіе дѣлъ въ судѣ никакихъ не вершилось. На это обращалъ вниманіе Головкина уже Милорадовичъ, желавшій избавиться отъ присутствія Чарныша въ его полку и писавшій объ этомъ, какъ мы видѣли, къ канцлеру въ началѣ 1716 года. Наилучшей характеристикой Чарныша, какъ судьи, можетъ служить подробно разобранное нами дѣло его съ Кицешемъ: въ немъ отлично видны тѣ всѣ средства, которыя употреблялъ генеральный судья съ цѣлью обойти законъ, и его взглядъ на свою должность,—лишь какъ на средство личнаго обогащенія. Со смертью Скоропадскаго, положеніе Чарныша нѣсколько пошатнулось, но наказной гетманъ Полуботокъ, отлично знавшій о злоупотребленіяхъ въ генеральномъ судѣ, открыто поднять руку на генеральнаго судью не рѣшался, ибо Чарнышъ—былъ генеральной «особой», а Полуботокъ, ища булавы и желая найти поддержку въ генеральной старшинѣ, выставлялъ себя защитникомъ интересовъ сей послѣдней. Вскорѣ же по прибытіи въ Глуховъ президента Коллегіи Вельяминова, Полуботкомъ полученъ былъ указъ, коимъ запрещалось употреблять козаковъ въ частныя работы и взимать съ нихъ наклады, когда они «къ суду являются». Наказной гетманъ немедленно же разослалъ въ полки пространный универсалъ, въ которомъ старался по возможности упорядочить судебную власть въ гетманщинѣ [1]). Можно все-таки думать, что въ низшихъ судахъ (полковыхъ, сотенныхъ) взятки не достигали большого распространенія въ виду того, что судъ здѣсь состоялъ изъ нѣсколькихъ лицъ; что же касается до генеральнаго суда,—высшей апеляціонной инстанціи,—то онъ находился въ вѣдѣніи одного человѣка—Чарныша, пріобрѣвшаго къ тому же репутацію человѣка съ крайне продажной совѣстью. Каковы были взимаемы Чарнышемъ «наклады», видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Погарскій сотникъ Галецкій жаловался гетману Апостолу, что Чарнышъ «при расправѣ дѣла его въ генеральномъ судѣ съ погарцями, насильно побралъ у него многія взятки: златоглавами, поясами дорогими, конми и прочимъ, *на тысячъ шесть съ лишкомъ*. а суду

---

[1]) См. «Русскій Архивъ» 1880 г., I, стр. 150—151.

справедливаго не далъ»; въ 1724 году Генеральная Канцелярія донесла Малороссійской Коллегіи, что Чарнышъ «въ оную Канцелярію прислалъ серебряную кружку, да нѣсколько шнуровъ нерелъ, да зо два портища матеріи, 100 рублей денегъ, которые взялъ было себѣ въ накладъ отъ Лукьяна и Тимоѳея Силенковъ въ ту пору, когда судилъ ихъ съ Петромъ Валькевичемъ».

Желая хоть сколько-нибудь избавиться отъ нареканій на безмѣрную волокиту въ генеральномъ судѣ, Полуботокъ, не желавшій вредить Чарнышу, ограничился лишь полумѣрой: онъ въ помощь генеральному судьѣ придалъ четырехъ второстепенныхъ судей, называвшихся «ассесорами». Эти судьи, назначавшіеся изъ наиболѣе образованныхъ бунчуковыхъ товарищей, могли и въ отсутствіе Чарныша быть въ Глуховѣ и хоть нѣсколько двигать впередъ дѣла, находившіяся въ полной зависимости отъ мѣстопребыванія генеральнаго судьи [1]). Но эта мѣра не принесла желательныхъ результатовъ: Чарнышъ продолжалъ совершенно пренебрегать своими обязанностями, понимая, что Полуботокъ не имѣетъ ровно никакого значенія на ряду съ Коллегіей. Угрозы Полуботка Чарнышу оставались безъ послѣдствій, хотя наказной гетманъ упоминалъ въ нихъ почти всегда Коллегію. Такъ, 6-го мая 1723 года онъ писалъ Чарнышу, чтобы тотъ «крайне увѣдомилъ, если по должности своей судейскаго званія впредь до судовыхъ дѣлъ пріймется и оныя отправлять будетъ, или уже совсѣмъ намѣренъ отъ дѣлъ судейскихъ устраниться»? Отвѣтъ нуженъ, поясняетъ далѣе Полуботокъ, намекая на Коллегію,— «чтобъ знать, что отвѣчать, когда гдѣ спросятъ»... По всей вѣроятности, и это письмо Полуботка осталось безъ отвѣта, такъ какъ уже 16-го апрѣля былъ присланъ указъ, по коему Полуботокъ, Савичъ и Чарнышъ вызывались въ Петербургъ, и последнему надо было собираться въ дорогу, а не думать о судѣ: «Что же полковникъ и старшина», говорилось въ этомъ указѣ,

---

[1]) Въ Глуховѣ у Чарныша былъ «на валу» свой домъ съ домовою церковью; въ немъ жилъ князь Шаховской во время управленія своего Малороссіею (А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, стр. 432).

«не взирая на данные имъ указы, послали нѣкоторые указы безъ совѣту съ президентомъ Коллегіи, того ради велѣно для отвѣта быть сюда полковнику Полуботку и изъ старшины—Савичу и Чарнышу»[1])...

Чарнышъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Полуботкомъ и Савичемъ изъ Глухова 13-го іюня и съ этихъ поръ фактически пересталъ быть генеральнымъ судьей, хотя и именовался имъ почти до самой своей смерти. По пути въ Петербургъ, Чарнышъ останавливался въ Москвѣ недѣли на двѣ, вмѣстѣ съ Полуботкомъ, желавшимъ разузнать у своихъ патроновъ о причинѣ вызова его съ товарищами въ Петербургъ. Сюда старшина прибыла лишь 3-го августа и остановилась въ домѣ князя-папы Бутурлина, а 6-го она представлялась царю на островѣ Котлинѣ. Какъ отъ Полуботка, такъ и отъ его товарищей никакихъ объясненій не требовали, и по всему было видно, что ихъ вызвали изъ Глухова лишь съ той цѣлью, чтобы они своими противодѣйствіями не помѣшали Вельяминову приводить въ исполненіе указъ 6-го апрѣля, коимъ отмѣнялись нѣкоторые сборы въ пользу старшины и послѣдняя обязывалась платить налоги наравнѣ со всѣми. Полуботокъ, однако медлилъ подачей привезенныхъ имъ челобитныхъ, не рѣшаясь этого сдѣлать, но ободренный ласковымъ пріемомъ царя и вельможъ, подалъ ихъ 13-го сентября въ Иностранную Коллегію и Сенатъ. Въ подачѣ этихъ челобитныхъ, домогавшихся уничтоженія Малороссійской Коллегіи, участвовалъ и Чарнышъ, и «уже съ того часу видѣли быть Монарху загнѣваннаго», говоритъ Черниговская лѣтопись[2]).

Генеральную старшину, о которой знали, что она злоупотребляетъ именемъ народа, привлекли къ допросу въ Тайную Канцелярію. Полуботка и его товарищей спрашивали, главнымъ образомъ, о розыскѣ устрашительныхъ универсаловъ для крестьянъ, а также объ ассесорахъ, причемъ Чарнышъ большею частью уклонялся отъ отвѣтовъ подъ разными предлогами. Кромѣ того, для

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1880 г., кн. I.

[2]) Черниговская лѣтопись по новому списку, стр. 33.

изслѣдованія на мѣстѣ, въ какихъ размѣрахъ принималъ участіе въ составленіи челобитныхъ Полуботка простой народъ, въ Малороссіи былъ наряженъ маіоръ преображенскаго полка Алексадръ Румянцевъ. Но пока Румянцевъ собирался уѣзжать, прибылъ въ Петербургъ съ такъ называемыми Коломацкими челобитными посланецъ отъ Апостола и подалъ ихъ 10-го ноября. Чаша терпѣнія царя, которому безпрерывно докучали вопросами о гетманствѣ и прочемъ, переполнилась и съ этого момента участь Чарныша и его товарищей была рѣшена. Черниговская лѣтопись [2]) такъ описываетъ подачу челобитныхъ посланцемъ Апостола—Романовичемъ. Челобитная была подана имъ «до рукъ самому імператорскоту величеству, зъ церкви святой Тройци по служби Божой идучому, ноеврія 10 числа,—такъ заразъ въ кофейный домъ увойшовши и вичитавши, и вишедши зъ того дому того-жъ моменту, изводилъ приказать своими устами генералу маэору и гвардіи преображенскаго полку маэору Андрею Ивановичу Ушакову, зъ великимъ гнѣвомъ и яростію, взять подъ караулъ полковника Павла Полуботка, судію енералного Ивана Чарныша, Семена Савича—писаря енералного, тамъ-же при кофейномъ домѣ стоявшихъ,—и всѣхъ хто за ими ассистовалъ, отъ которыхъ и отъ всѣхъ отвязавши своими руками шаблѣ, тотъ же енералъ Ушаковъ велѣлъ всѣхъ попровадити въ замокъ мурованій петербургскій, где съ перваго часу порознь были всѣ за карауломъ посажени, потимъ—по 4 человѣка случени, а далѣй знову недѣль у килка поединцемъ розведени». Имѣнія генеральной старшины были описаны и конфискованы тотчасъ же послѣ ареста ея. Хотя Коломацкія челобитныя исходили не отъ Полуботка, а отъ Апостола, тоже мечтавшаго о гетманской булавѣ, но пришлось отвѣчать за все Полуботку и его товарищамъ.

Немедленно послѣ ареста Чарныша, Полуботка, Савича и другихъ, выѣхалъ въ Малороссію Румянцевъ, прибывшій туда въ концѣ ноября 1723 года. Переѣзжая изъ города въ городъ, Румянцевъ опрашивалъ народъ о степени участія его въ составле-

---

[1]) ibid., стр. 33—34.

ніи челобитныхъ Полуботка; попутно ему во многихъ мѣстахъ подавали жалобы на старшину, между прочимъ, и на Чарныша, который, пользуясь своей властію и положеніемъ, имѣлъ почти всѣ средства въ своихъ рукахъ, чтобы на него жалобы не появлялись. Но теперь, когда онъ сидѣлъ въ крѣпости, жалобы подавались на него во множествѣ какъ Румянцеву, такъ и въ Генеральную Канцелярію. Такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1724 года била челомъ въ Канцеляріи вдова Гадяцкаго полковника—инокиня Тарасія Криницкая, жалуясь, что еще въ 1709 году Чарнышъ, будучи гадяцкимъ полковникомъ, «завладѣлъ напрасно лѣсъ и лугъ мой подъ селомъ Крутками, надъ рѣкою Псломъ, такожъ футоръ, греблю, на которой была мелныца съ чотирма колами, за которой мой кгрунтъ давано мнѣ двѣстѣ шестьдесятъ рублей, а оной Чарнышъ (пишетъ Криницкая далѣе) хитростною обманою за помянутой мой кгрунтъ поступилъ сыну моему чинъ писарства полкового и маетность, или сотництво въ томъ полку гадяцкомъ, такожъ и пятъсотъ золотихъ дати—и врознь всѣхъ денегъ за тотъ мой кгрунтъ тылко далъ четирыста золотихъ чрезъ его людей. А что обѣщалъ чинъ сотныцтва или писарство, такожъ и маетность,—то того и не учинылъ, а помянутимъ кгрунтомъ завладѣлъ». Кромѣ этой жалобы, Криницкая одновременно подала и другую, изъ которой оказывается, что въ 1713 году продала она Якову Потребычу-Гречаному мельницу на рѣкѣ Пслѣ, «двѣ колѣ мучныхъ, а едно ступное» за сто рублей; мельница была во владѣніи Гречанаго два года, затѣмъ на нее обратилъ вниманіе Чарнышъ и пожелалъ ее пріобрѣсти. Съ этою цѣлью онъ «прызвавши мене (пишетъ Криницкая) предъ себе, силно ворочалъ мнѣ сто рублей денегъ за тотъ проданній млинъ, аби я ему, Якову Гречаному, возвратила, которыхъ денегъ помянутой Гречаній не прынялъ и млина неуступилъ, а Чарнышъ оніе денги мнѣ отдалъ насилно за тотъ проданній млинъ». Однако, купить этотъ млинъ Чарнышу не удалось, и онъ сумѣлъ возвратить деньги, данныя имъ Криницкой, «змисливши» на сына Криницкой «непотребне» дѣло, по которому отобралъ отъ нея ихъ въ видѣ пени и «описовалъ до покойного митрополита кіевского Кроковского

сына моего неправедно; и по тому его опису неблагословеніе митрополитанское сыну моему било и до церкви Божіей запрѣщено ходить» [1]). Далѣе Криницкая жалуется еще на Чарныша о томъ, что онъ 1) «особно кгрунта мои, лугъ, луки, садовину и по розныхъ мѣстцяхъ много поля пахатнаго взявши и давши мнѣ 20 рублей, силно завладѣлъ»; 2) «чолобитствовала я», пишетъ Криницкая, «покойному гетману Іллѣчу Скоропадскому на Трощинскую, бившую гадяцкую полковницу, за зрубаня оною моего лѣса, и дано било мнѣ до оной гетманской указъ, дэби мнѣ двѣстѣ рублей за утрату мою наградила, но генералной бившій судья не казалъ по тому указу помянутой Трощинской мнѣ уплачивать и еще прыказалъ своимъ подданымъ на потребу его остатокъ того лѣса зрубать, а до двору моего прысилалъ онъ же Чарнышъ чотирохъ слугъ своихъ зъ обухами, аби мене вбили»; 3) «по шведской руинѣ взялъ в мене онъ-же Иванъ Чарнышъ пару воловъ и коней пару, которихъ и по сее время не отдалъ»; 4) «я за тіе всѣ года чолобитствуючи, такожъ и на произдъ витратила денегъ сѣмъ сотъ сорокъ золотихъ и чтири злотіи»; 5) «сего текущого 1724 году оного Чарниша староста сарскій последнимъ моимъ пахатнимъ въ рознихъ мѣсцяхъ полемъ завладѣлъ напрасно»...

5-го мая 1725 года Евдокія Онофрѣенкова, жителька города Опошняго, писала въ Генеральную Канцелярію, что еще въ 1715 году Чарнышъ, будучи гадяцкимъ полковникомъ, призвалъ ея мужа къ себѣ въ село Борки, «наклоняючи по половину з нимъ салитранній одправовати заводъ», и хотя мужа ея отъ того «от-

---

[1]) Обвиненіе, выставленное Чарнышемъ противъ сына Криницкой, было настолько серьезно, что изъ Кіева высланы были по этому дѣлу особые слѣдователи: игуменъ кіевскаго Кирилловскаго монастыря Самборовичъ и префектъ Пиковскій, которые, по свидѣтельству Криницкой, «нѣ в чемъ вини сына моего необискали, за то старшину полковую гадяцкую оніе розисчики наказовали за напрасное сына моего оклеветаніе, и тогда сына моего разрѣшили и велѣли за благословеніемъ архіерейскимъ въ церковь Божію ходить».

мовлялся», однако «радъ—не радъ мусѣлъ чинити его волю», причемъ Чарнышъ обязался присылать къ майдану «завше доволство козаковъ ради опасности одъ голтяйства запорозского». Но Чарнышъ слова своего не сдержалъ, и результатомъ этого было то, что «гультяйство запорожское» майданъ разорило, забрало одинъ изъ казановъ Чарныша, а другой ея мужа, и увело воловъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Чарнышъ забралъ отъ Онофрѣя всю селитру, которая была добыта послѣднимъ не только «сполно» съ полковникомъ, но и его «власную», полученную изъ третьяго казана, привезъ всю ее въ село свое Сары и тамъ «неслушне передѣлилъ». «Да еще ис тоей з нашой части», пишетъ далѣе Онофрѣенкова, «за визиченніе мужемъ моимъ пять сотъ золотихъ грошей, без уваги восемдесятъ трохъ каменій, тридцятъ фунтовъ, десять лотовъ и два золотника, ценою камень по два таляри, взялъ», велѣвъ мужу ея принять эту селитру по десять золотыхъ за камень. Сообщая далѣе еще нѣкоторыя изъ насилій Чарныша, Онофрѣенкова проситъ о вознагражденніи за убытки.

Между тѣмъ, Румянцевъ возвратился изъ Малороссіи и привезъ извѣстіе, что народъ не принималъ никакого участія въ составленіи Полуботковскихъ челобитенъ, почему старшина, а въ числѣ ея и Чарнышъ, была привлечена къ отвѣту за подлогъ челобитныхъ, поданныхъ 13-го сентября 1723 года. Къ сожалѣнію, допросъ старшины и ея отвѣты—неизвѣстны [1]). Чарнышъ вмѣстѣ съ товарищами, былъ оставленъ въ крѣпости до дальнѣйшаго времени и лишь 6-го февраля 1725 года, вслѣдъ за кончиной Петра Великаго, они всѣ были освобождены изъ-подъ караула съ возвращеніемъ сабель и съ повелѣніемъ жить всѣмъ въ Петербургѣ до указа [2]). При этомъ имѣнія ихъ имъ были тоже возвращены [3]). Живя въ Петербургѣ, Чарнышъ принужденъ былъ удовлетворять Кищеша и многихъ другихъ челобитчиковъ, успѣвшихъ въ отсутствіе его добиться праведнаго надъ генеральнымъ

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1880 г., I, стр. 208.

[2]) Черниговская лѣтопись, стр. 34—35.

[3]) Дневникъ Маркевича, I, стр. 217.

судьей суда. Полуботокъ и Савичъ умерли, не дождавшись еще свободы, и такимъ образомъ Чарнышъ лишился и своихъ товарищей по невзгодѣ. Въ февралѣ 1728 года ему позволено было поселиться въ Москвѣ, куда въ маѣ пріѣзжалъ навѣстить его сынъ Иванъ [1]), а 30-го декабря того-же года Чарнышъ окончилъ свою бурную жизнь. Въ дневникѣ Марковича это событіе записано слѣдующимъ образомъ: «Іоаннъ Чарнишъ, судія енералній, преставился передъ полуднемъ, зъ поврежденнихъ внутренностей, гдѣ Александръ Левицкій, его сундуки позносивши на гору, своею печаттю позапечатовалъ, куда и ми зъ родителемъ и многіе зъ нашихъ малороссіянъ, пріехали, а оставивши тамъ Матвѣя, панеи слугу, и нашихъ двохъ: Скридловского и Семена Цилюрика для лутшой певности, и надъ тѣломъ священниковъ читающихъ устроивши, поехалисмо». Узнавъ о смерти своего зятя, гетманша Скоропадская, гостившая въ это время у своеи дочери Толстой въ селѣ Яковлевѣ, пріѣхала въ Москву, а 3-го января состоялось погребеніе Чарныша «въ монастиру Новодѣвичомъ, въ большомъ склепу, подъ великою церквою, къ трапезѣ стоячимъ, где и многіе зъ високихъ фамилѣй погребаются. При погребеніи его была панѣ (гетманша) зъ нами и многіе зъ малороссіянъ нашихъ, а отъ чина духовного—Архиерей Крутицкій Леонидъ, архимандритъ Берло и проч. По погребеніи обѣдали у квартирѣ покойника духовенство все, а по обѣдѣ разехалися всѣ, и по розездѣ, Александръ, слуга панеи, зъ отцомъ Василіемъ, позапечатовавши сундуки, побрали зъ собою до двора панеи (гетманши) сундуки, чили скринки и три шуби» [2]).

Для полной характеристики Чарныша намъ необходимо еще очертить его какъ «державцу», хотя уже можно предполагать, что его «подданнымъ» жить было не легко. Но мы приведемъ два эпизода изъ его жизни, которые еще ярче очертятъ намъ генераль-

[1]) Каталогъ музея Тарновскаго, стр. 273.

[2]) Дневникъ Марковича, II, стр. 266—8.

наго судью въ этомъ отношеніи. Чарнышъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ «державцевъ» для своихъ «подданныхъ». Объясняется это тѣмъ, что Чарнышъ стоялъ въ исключительныхъ условіяхъ при сравненіи съ другими урядниками: онъ, въ цѣляхъ наживанія богатствъ, пользовался не только своею властью, какъ вообще всякій урядникъ, причемъ эта власть въ концѣ гетманства Скоропадскаго, въ силу различныхъ стѣсненій, налагаемыхъ на гетмана, достигла въ рукахъ старшины наивысшаго своего развитія,—но и своимъ положеніемъ близкаго родственника гетмана, который, не отличаясь, какъ извѣстно, силой и твердостью характера, во многомъ зависѣлъ отъ своей супруги—Настасьи Марковны. Первый изъ приводимыхъ нами эпизодовъ относится къ 1722 году, т. е. ко времени учрежденія Малороссійской Коллегіи, и возникъ по жалобѣ бывшаго митченскаго старосты Чарныша Пискуненка. Послѣдній жаловался наказному гетману Полуботку, что Чарнышъ «турбуетъ его совершенно невинно», и разсказывалъ, что въ бытность свою старостой, онъ получилъ однажды отъ Чарныша изъ Глухова письмо съ приказаніемъ «забить въ колодку» гайворонскаго козака Куценка, а скотъ его (2 коровы и 11 овецъ) отослать въ Гайворонскій хуторъ самаго Чарныша. Приказъ этотъ Пискуненкомъ былъ исполненъ, а затѣмъ, когда однажды Чарнышъ пріѣхалъ въ свой Гайворонскій хуторъ посмотрѣть на скотъ, то Пискуненко посовѣтовалъ Куценку, чтобъ онъ просилъ «пана» о возвращеніи отобраннаго у него скота. Но генеральный судья прогналъ Куценка, ничего ему не возвративъ и въ свою очередь посовѣтовалъ ему подать жалобу о забранномъ скотѣ въ Коллегію,—не на себя конечно, а на Пискуненка! Разсказывая объ этомъ, Пискуненко проситъ Полуботка защитить его, указывая на то, что Чарнышъ и его ограбилъ достаточно, забравъ всю его «мизерную субстанцію», т. е. одежду, сундуковъ два, скотъ, лошади, овцы, свиньи, котелъ винокурный, пчолы и, наконецъ, дворикъ... За четыре года своей службы у Чарныша Пискуненко все «прослужилъ», такъ что, по его словамъ, ему не на что и хлѣба купить... Заключаетъ свою челобитную Пискуненко слѣдующимъ любопытнымъ обращеніемъ: «Помилосердствуй,

вельможный добродѣю, надъ нами сиротами! Гдѣ намъ на его суда искать?» [1]).

Другой случай представляетъ собой подробности хозяйственныхъ операцій Чарныша въ Гайворонскомъ хуторѣ (корибутовской сотни, Прилуцкаго полка). Подъ Гайворономъ находился громадный «степъ», и Чарнышъ обратилъ на него свое вниманіе, желая присоединить его къ своимъ маетностямъ. Чтобы имѣть возможность выпросить впослѣдствіи гетманскій универсалъ на все село, Чарнышу необходимо было сперва скупить около него нѣсколько грунтовъ, завести на нихъ хуторъ, а затѣмъ уже просить и о всемъ селѣ вмѣстѣ со «степомъ». Чарнышъ такъ и началъ дѣйствовать, причемъ ему много помогла занимаемая имъ должность генеральнаго судьи. Въ 1718 году ему пришлось судить «за нечаянное убійство человѣка» красноколядинскаго жителя Василія Салогуба, который и далъ ему въ видѣ взятки «гай въ островѣ» между Гайворономъ и рѣчкою Зарукавною, вслѣдствіе чего и былъ оправданъ. Это случайное пріобрѣтеніе Чарныша въ Гайворонѣ и обратило, по всей вѣроятности, вниманіе его на богатство тамошнихъ земель. Въ слѣдующемъ году еще четверо гайворонцевъ: Бордоносъ, Матвѣенко, Пащенко и Ляшенко, продали генеральному судьѣ за 40 таляровъ свои «дѣдизныя сѣножати», находящіяся въ Бѣловѣжской степи, у вершины Остра, а двоюродный братъ Салогуба, Иванъ, продалъ Чарнышу за 100 золотыхъ свой хуторъ, «въ самомъ Гайворонѣ стоячій»,—«аще би

---

[1]) При отдачѣ въ 1726 году Меньшикову батуринской волости, часть митченскихъ крестьянъ также была приписана къ этой волости; быть можетъ, это были подсосѣдки изъ козаковъ, на которыхъ отдатчики батуринской волости не признали за Чарнышемъ права. Впослѣдствіи эти крестьяне были отписаны на «ея императорское величество». Захватывалъ Чарнышъ грунты и въ сосѣднемъ съ Митченками селѣ Красномъ. По описи 1726 года здѣсь показаны, среди частныхъ владѣній, генеральнаго судьи два двора, причемъ замѣчено, что первый дворъ «взятъ Чарнышемъ за покражу Васикову», а во второмъ—«мужикъ на своемъ живетъ, щитится протекціею Чарнышевою» (А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, 278, 279, 283).

не уистился до назначоного термѣну», т. е. не оправдался по дѣлу убійства Василіемъ Салогубомъ человѣка. На этихъ то грунтахъ Чарнышъ и сталъ заводить свой хуторъ. Но не только земля пріобрѣталась имъ здѣсь черезъ покупку—большая часть грунтовъ захвачена была насильно... Насилія эти были такъ велики, что гайворонцы принуждены были въ 1720 году обратиться съ жалобой на Чарныша къ Скоропадскому, который, какъ это водилось, передалъ «суплѣку» самому генеральному судьѣ, а тотъ жалобщика—атамана гайворонскаго—«билъ кіями нещадно». Послѣ такого неудачнаго исхода челобитной, гайворонцы снарядили своего атамана въ Москву, а затѣмъ обратились съ жалобой къ бывшему тогда въ Малороссіи и отлично знавшему о насиліяхъ Чарныша Меньшикову, который и выдалъ атаману и козаку Кондрату Пархоменку «за рукою княжою приказъ, абы имъ разореній и обидъ нихто не чинивъ». Явившись съ этимъ «приказомъ» къ гетману, гайворонцы безъ труда уже получили 1-го октября 1720 года защитительный для себя универсалъ, на основаніи котораго Чарнышъ изгонялся изъ Гайворона и долженъ былъ возвратить жителямъ этого села все, что пріобрѣлъ у нихъ насильно: «По занесенной отъ гайворонскихъ войскового и посполитаго стану жителей жалобъ о починенныхъ имъ, черезъ построеніе тамъ футора пана судіи нашого войскового енералного, утискахъ, посылалисмо двукратне туда на розискъ, где поневажъ, обома разами, показалося, же панъ судія енералній мало щось тамъ купивши грунту, болшъ насиліемъ людскіе поля, сѣнокосы и степъ, здавна до Гайворона належній, самъ велѣлъ, а старости его позаѣздили, чрезъ что немалое тамошнимъ гайворонскимъ людямъ сталося утѣсненіе: теди мы, по тихъ розискахъ, приказавши пану судіи енералному оттоль зъ Гайворона новоустроенній свой знести футоръ и пасѣку, и що колвекъ у гайворонцевъ насилно отнято—все бы тое непремѣнно кождому воспять возвратилъ, впредь не имѣючи туда жадного вступу. Для крѣпчайшого гайворонцамъ приверненними ихъ грунтами и степу по прежнему владѣнія, велѣли зъ канцеляріи войсковой сей нашъ выдать унѣверсалъ, которымъ всѣмъ обще гайворонскимъ жителемъ пахатніе

и сѣнокосніе ихъ грунта власніе, издавна ими заживаемій степъ и лѣсъ также давній, мирскій,—въ безпрепонное онимъ стверждаемъ користованне, такъ, аби впредь нѣхто зъ околичнихъ, особливе панъ судія нашъ войсковій енералній, знесшися одтоль, якъ и више намѣнилисмо, зъ пасѣкою, зъ футоромъ, самъ и старости его, не важилися уже гайворонцамъ жадного въ тихъ ихъ грунтахъ и степу чинити утиску, препятія, озлобленія и найменшой трудности, пилно рейментарско впоминаемъ и приказуемъ»...

Но, повидимому, строгій приказъ гетмана не былъ въ точности исполненъ Чарнышемъ; весьма вѣроятно, что гайворонцы жаловались или хотѣли жаловаться объ этомъ Вельяминову, какъ это можно предполаґать изъ одного документа 1722 года, въ которомъ извѣстный уже намъ Василій Салогубъ, разсказывая о томъ, какимъ образомъ онъ получилъ у генеральнаго судьи «милость» за «нечаянное убійство человѣка», свидѣтельствуетъ, что гай, данный имъ судьѣ за свой поступокъ «знову приверненъ» ему судьею и что даже тотъ «хуторецъ, въ самомъ Гайворонѣ стоячій», который двоюродный братъ его Иванъ Салогубъ «заставилъ былъ его жъ велможности панской за сто золотыхъ, аще би не уистился до пазначоного термѣну;—и тотъ мнѣ хуторецъ зо всѣмъ полемъ, по великой своей милости панской *даровалъ, да еще 50 золотыхъ далъ*, чому я нынѣ будучи велце благодаренъ, не повиненъ ни я самъ, ни жена моя, ни дѣти, вѣчними часы, у жадного права и суду ни его велможности панской, нѣ велможной панѣ его, а нѣ благородныхъ чадъ его панскихъ, турбовати и права изчинати, а се предъ годними и честними людми добримъ словомъ всегда вспоминати и за его велможность панскую и весь домъ его панскій непрестанно Бога прохати, что для лѣпшой вѣри и певности, даю его велможности панской сіе мое доброволное писаніе при людехъ зацнихъ и вѣри годнихъ..» [1]). Конечно, Чарнышъ не безъ давленія свыше *даровалъ* Салогубу хуторъ, да еще далъ въ придачу къ нему 50 золотыхъ. Несо-

---

[1]) А. Лазаревскій. Опис. Стар. Малор., т. III, стр. 280—3.

мнѣнію, это была взятка, но только данная уже самимъ генеральнымъ судьей жалобщику....

Своими всевозможными «утисками» Чарнышъ былъ извѣстенъ во всей Гетманщинѣ и, какъ мы видѣли, двѣ его попытки основаться въ другихъ, кромѣ гадяцкаго, полкахъ—окончились неудачей, ибо оба раза онъ оттуда довленіемъ Москвы изгонялся... Когда, въ началѣ 1724 года, въ Малороссіи распространились вѣсти, что Полуботокъ и Чарнышъ посажены царемъ въ «темницу», крестьяне села Подолковъ говорили: «Не станемъ панщины робыть, годи уже! Полуботка и Чарныша немашъ, то и сихъ пановъ не будетъ, которымъ теперь приказано начальство!» Такъ народъ былъ увѣренъ въ томъ, что съ отсутствіемъ Полуботка и Чарныша жизнь его измѣнится къ лучшему, и не будетъ ни «пановъ», ни «подданныхъ»! [1])

Таковы собранные нами факты изъ жизни генеральнаго судьи Чарныша. Мы нарочно старались очертить эту типичную для эпохи Скоропадскаго личность возможно подробнѣе. Хотя почти всѣ (за очень малыми исключеніями) урядники этого времени представляютъ собой людей, стремящихся лишь къ обогащенію и соединяющихъ въ себѣ алчность съ крайней неразборчивостью въ средствахъ, однако Чарнышъ представляетъ собой наиболѣе яркій типъ изъ нихъ и остальные стяжатели (Михаилъ Милорадовичъ, Полуботокъ, Танскій, Галаганъ и другіе) передъ нимъ блѣднѣютъ... Чѣмъ же объяснить появленіе такихъ личностей въ Малороссіи первой половины XVIII вѣка? Съ одной стороны, причиной тому было то обстоятельство, что козачество къ этому времени, подъ вліяніемъ историческихъ условій, совершенно переродилось и стало не только козаками, но «панами» и «подданными», а съ другой—русское правительство постоянно урѣзывало предѣлы гетманской власти и вмѣшивалось во

[1]) Русскій архивъ 1880 г., I, 29. Записки Черниг. Стат. Комитета, I, 58. С. Подолки принадлежало шурину Чарныша—Ѳеодору Гречаному, назначенному однимъ изъ правителей генер. канцеляріи послѣ ареста генеральной старшины.

внутреннія дѣла управленія Гетманщины, назначая, напримѣръ, туда полковниковъ по своему выбору. Такихъ царскихъ ставленниковъ гетманъ не могъ не только смѣщать съ урядовъ, но и судить, и хотя Чарнышъ и не принадлежалъ къ числу ихъ, но зато онъ былъ зятемъ гетманши, и это положеніе позволяло ему надѣяться на полную безнаказанность. Изъ очерка жизни Чарныша видно и положеніе правосудія въ Малороссіи того времени, которое можно назвать безнаказанностью для сильныхъ родствомъ и богатствомъ, и полное безправіе (безъ вмѣшательства русскаго правительства) для людей образованныхъ и мало замѣтныхъ [1])...

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о семьѣ Чарныша и судьбѣ собранныхъ имъ съ такими трудами и насиліями богатствъ.

Чарнышъ оставилъ послѣ себя вдову Евдокію Константиновну Голубовну съ восемью дѣтьми, изъ коихъ отъ перваго брака генеральнаго судьи было два сына Иванъ и Петръ, а отъ второго три сына—Иванъ, Семенъ и Яковъ, и три дочери—Анастасія, Анна и Елена. Положеніе вдовы было трудное, такъ какъ имущественныя дѣла генеральнаго судьи остались послѣ его смерти довольно запутанными. Какъ мы видѣли выше, большинство насилій Чарныша открылось лишь въ послѣдніе годы его жизни, и потому расплачиваться за нихъ пришлось его вдовѣ; кромѣ того, многіе изъ натерпѣвшихся «подданыхъ» генеральнаго судьи по его смерти вздумали освободиться изъ «послушенства» его вдовѣ, и послѣдней пришлось много хлопотать по этому поводу. Такъ, ей пришлось жаловаться на неповинованіе митченскихъ крестьянъ гетману Апостолу, который въ 1729 году выдалъ слѣдующій универсалъ: «Тебѣ войту митченскому, съ посполитими, симъ нашимъ объявляемъ универсаломъ, ижъ прекладала намъ жалосне пани Евдокія Иванова Чарнышева, вдовствующая судиина енералная, что вы, взявши предъ себе нѣякуюсь легкомислность, подданническаго ей не чините послушенства, (и) въ томъ просила нашего разсмотренія. Теди вамъ грозно и

---

[1]) Портретъ Ивана Чарныша находится въ музеѣ В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ.

пилно приказуемъ, абысте оной панеи Чарнышовой въ кошеню сѣна, въ ораню поля и въ прочихъ обикновенныхъ работахъ, также въ отбуваню подводъ въ далекіе посылки,—чинили всякое послушенство, не показуючи жадного огурства и противности. А если-бы вы мѣли быть въ томъ ослушны, то, за повторною отъ еи на васъ жалобою, прислана будетъ на васъ экзекуція, и повторе рейментарско упоминаемъ» [1]).

Аѳанасій Кицешъ тоже безпокоилъ Евдокію Константиновну, требуя съ нея уплаты долга мужа ея, и въ своемъ челобитьѣ къ Апостолу писалъ, что долженъ былъ ему Чарнышъ за пограбленное имущество всего 630 руб. 84 коп., а выплатилъ всего лишь 267 руб. 16 алт. 4 деньги, остальныя же деньги (363 р. 91 коп.) до сихъ поръ не отданы ему вдовой генеральнаго судьи. Кромѣ того, Кицешъ просилъ возвратить ему «скринѣ съ платемъ женскимъ, якіе скринѣ и нынѣ імѣются у оной Чарнышихи», подкрѣпляя свою просьбу тѣмъ, что онъ «вовся разорився и въ крайную нищету пришолъ у таковихъ превеликихъ волокитахъ у судѣ енералномъ; а стало мнѣ убытку двѣстѣ пятдесятъ рублей, доходячи зосталнихъ денегъ отъ 1726 году, марта 7 дня, о чемъ росписка показуетъ,—того ради всепокорственно и слезне прошу ясневелможности вашей своимъ поважнимъ рейментарскимъ указомъ оную Чарнышиху наказать, чтобъ вышепомянутіе денги оная Чарнишиха уплатила мнѣ и скринѣ с платемъ отдала». Извѣстная уже намъ Тарасія Кринѣцкая, старица монастыря Великобудисскаго Полтавскаго, въ 1730 году просила гетмана о слѣдующемъ: «Въ прошломъ (писала она) 1726 году имѣлося в мене, нижей подписанной, в енералной войсковой канцеляріи заводное дѣло з бывшою судіиною енералною панѣю Чарнишовою о завладѣніи и отнятю мужемъ еи футора моего з двома греблями, з дубровою, полемъ и лугомъ, в Гадяцкомъ полку, подъ селомъ Крутками найдуючогося, да за млынъ на рецѣ Пслѣ о трохъ колахъ стоячій, з сѣнокосами, лугомъ и садомъ, тамъ же будучимъ; такожъ за греблю з ставомъ, на Вовчой долинѣ лежачую, и за

---

[1]) А. Лазаревскій. Опис. Стар. Малор., т. II, стр. 279.

другіе ґрунта, поля, луки и сѣножати, по разныхъ мѣсцяхъ в томъ же полку найдуючіеся,—которое дѣло мое в прошломъ 1727 году в той канцеляріи вершено и велено за тіе моѣ всѣ вышепрописанные млыны, кгрунта и другія угодія помянутой панѣ Чарнышовой нагородить тысячу золотыхъ, якіе я денги по суду отъ еѣ паней Чарнышовой и приняла, а за проторы и убытки, мною отъ 1723 году з нею, пани Чарнышевою, и мужемъ еи, в Глуховѣ правуючись, роненіе, и по сее число неуплатила. Того ради--велможность вашу прошу повелѣть рейментарскій свой выдати мнѣ до еи, панеи Чарнышовой, указъ, дабы она—за проторы и убытки, на якіе. запозычившись у многихъ людей, немалое число денегъ, таскаючи по чужихъ углахъ отъ 723 году, в Глуховѣ утратила,—подлугъ уваги ясневелможности вашей нагородила».

Помимо этихъ непріятностей, сопряженныхъ съ большими расходами, вдова Чарныша испытывала много тяжелаго отъ своихъ пасынковъ, которые не могли никакъ раздѣлиться съ ней отцовскимъ имѣніемъ. Между пасынками и мачехой происходили постоянные раздоры, которые привели, наконецъ, къ тому, что дѣло о раздѣлѣ имѣній генеральнаго судьи дошло въ 1730 году до генеральнаго суда. Однако, Иванъ и Петръ Чарныши, въ томъ же году, подали гетману просьбу, въ которой говорили, что хотя они и «сысканы указомъ 1730 года въ Глуховъ, въ генеральный судъ, для раздѣлки вышъ писанихъ добръ, однакъ по должности нашей сыновской, не хотячи нарушити чести ея материнской судовимъ позорищемъ, при обятіи ногъ рейментарскыхъ, всенижайше» просили гетмана: «Прежде суда в всѣхъ тѣхъ вышенамѣненныхъ добрахъ по своей отческой обиклой к сиротамъ високопризрителной милости—приказать между нами черезъ нарочнихъ медіаторовъ полюбовную учинить роздѣлку безобѣдно, а якую в той роздѣлки имѣемъ претенсію,—тую при сей нашой предлагаемъ суплѣцѣ, себе же при доземномъ уклонѣ на стопахъ ногъ вашихъ панскихъ повергаемъ». Дѣло въ томъ, что Иванъ и Петръ Чарныши надѣялись при помощи «медіаторовъ» учинить такой раздѣлъ, чтобы не былъ принятъ во вни-

маніе «записъ», выданный ихъ отцомъ при взятіи въ замужество Евдокіи Голубовны (см. выше): по этому «запису» большую часть своихъ имѣній генеральный судья записалъ своей второй женѣ и дѣтямъ отъ второго брака, на дѣтей же отъ перваго брака приходилась лишь четвертая часть. Въ приложенной же при послѣднемъ прошеніи «претенсіи» Иванъ и Петръ просили гораздо большаго, а именно: 1) «приданое за покойною маткою нашею, недвижимое и движимое имѣніе, при насъ би било немарушне,—нижайше просимъ; 2) грамоту монаршую, унѣверсали гетманскіе и протчіе всѣ крѣпости имѣючіеся, а особливе отъ покойного отца з Москви присланная записная книга и другіе папери, з Москви присланніе жъ подъ печатю,—обявить безъ утайкы, такожъ и шкатули, при немъ будучіе, а по смерти покойного отца нашего многихъ особъ печатмы утвержденніе, и все движимое имѣніе, отъ мала и до велика, в самую сущую правду на лице да будетъ показано без всякого укривателства,—нижайше просимъ; 3) что колвекъ покойній отецъ нашъ прежде брачного сочетанія з второю маткою нашею, движимого и недвижимого имѣнія заслужилъ и нажилъ,—тое-бъ безраздѣлно при насъ би зоставало,—нижайше просимъ; 4) особливе, что покойній отецъ нашъ, з второю маткою нашею живучи, з движимого и недвижимаго имѣнія заслужилъ и нажилъ, з того обикновенную часть еи, матцѣ нашой, видѣливши, намъ и тѣмъ сынамъ, а нашимъ братямъ, которіе с нею спложенны, з недвижимого и движимого имѣнія,—видѣлить всякому по ровной части, такожъ и ея дочерямъ, а нашимъ сестрамъ, обиклую, з чего надлежитъ, видѣлить же ровную часть,—нижайше просимъ».

По просьбѣ Ивана и Петра Чарнышей гетманомъ были высланы «медіаторы», которые должны были подѣлить Евдокію Константиновну съ пасынками. Но когда передъ высланными отъ гетмана лицами былъ предъявленъ его «записъ» 1710 года, то пасныки «законтровали и (пишетъ въ своемъ челобитьѣ по этому поводу вдова Чарныша) медіяторами мененной роздѣлки чинить не похотѣвши, якъ прежде—такъ и теперь, без жадной турбаціи при спокойномъ владѣніи маетностями напрасно время умедлѣ-

ваютъ. А я (пишетъ она далѣе) всѣ челобитческіе дѣла, в судѣ войсковомъ енералномъ на покойного отца ихъ, а мужа моего, имѣючіеся, сама безъ помощи ихъ отбуваю,—якъ и теперь на челобите Казѣмѣрово, указомъ суда енералного, моего человѣка подъ карауломъ взято и нынѣ подъ карауломъ имѣется. Такъ и всегда мене толко самую во оний енералний судъ влекутъ ко отвѣтствію противъ турбаторей, чрезъ якую я волокиту з сиротами моими в послѣднее прихожу разореніе».—Поэтому «осиротѣлая вдова» просила гетмана «властію рейментарскою» между нею и насынками возможно скорѣе «в имѣніи приказать учинить розделку». Такимъ образомъ, пасынки Евдокіи Константиновны намѣренно затягивали дѣлежъ отцовскаго наслѣдства, поводомъ къ чему, помимо желанія съ ихъ стороны до совершенія дѣлежа заставить свою мачеху расплачиваться съ кредиторами, послужилъ и «записъ» 1710 года.

Большое участіе принималъ въ спорахъ относительно раздѣла имущества генеральнаго судьи Яковъ Марковичъ, приходившійся вдовѣ Чарныша—двоюроднымъ братомъ. Въ его «Дневникѣ» постоянно встрѣчаются замѣтки о ходѣ дѣлъ относительно подѣла. Между прочимъ, въ мартѣ 1731 года имъ отмѣчено: «писалемъ по предложеню княжомъ (князя А. И. Шаховского) до сестри пани Чарнишовой, чтобъ пріѣздила сюда въ Глуховъ миритись съ пасинкомъ своимъ Петромъ Чарнишомъ» [1])—значитъ дѣло дошло уже, по жалобѣ Евдокіи Константиновны, вновь до суда. По этому письму она пріѣхала въ Глуховъ, но пасынки ея стояли на своемъ и не хотѣли при раздѣлѣ принимать во вниманіе «записъ» ихъ отца. Въ это время вдовѣ Чарныша пришлось платить еще по иску князя Крапоткина 1643 рубля [2]), а раздѣлъ все еще не былъ совершенъ. Въ чемъ заключалась причина иска—неизвѣстно, но она едва не потеряла изъ за него Подолова: въ ноябрѣ 1731 года это имѣніе ея было арестовано,

---

[1]) Дневникъ Марковича, изданіе «Кіевской Старины», т. III, стр. 93.

[2]) Ibid. III, 142, 144, 151.

и она спасла его тѣмъ, что послала челобитную въ Москву,—и Подоловъ былъ за нею оставленъ. Около этого времени одинъ изъ пасынковъ Евдокіи Константиновны—Петръ—скончался и вопросъ о раздѣлѣ сталъ клониться къ разрѣшенію: въ іюнѣ 1733 года былъ составленъ проектъ раздѣла [1]), по которому вдова Чарныша все имѣніе своего покойнаго мужа (села: Борки, Митченки, Сары, Цѣпки, Сватки и Крутки) раздѣляла на двѣ части: одну половину—пасынку Ивану, а другую—своимъ дѣтямъ; себѣ же оставляла лишь свое «внесене», т. е. Подоловъ. Но этотъ проектъ не осуществился. Полный и послѣдній подѣлъ имущества генеральнаго судьи совершился лишь въ іюнѣ 1735 года: 1) Иванъ Чарнышъ получилъ село Борки, за которое въ то время шла между нимъ и Гречаными тяжба, но на случай проигрыша спора онъ получалъ ровную со своими братьями часть въ Митченкахъ,—движимое приданое матери и «внесенне зъ дому Захаревскаго» [2]); 2) вдова со своими дѣтьми получила Митченки и дворъ кіевскій, равно какъ движимое имѣніе покойнаго судьи, «алмазніе вещи, деньги и протчое, что надлежитъ до женска пола»; 3) надлежащее же «до мужеска полу мужнее имѣніе, платє, часи, ружья и конскій уборъ»—должно быть подѣлено по ровной части между всѣми дѣтьми Чарныша; 4) долгъ Крапоткину въ 1643 рубля обязывались всѣ платить поровну; 5) остальныя маетности, коими владѣлъ генеральный судья, были въ это время уже кѣмъ-то отобраны, но тѣмъ не менѣе Ивану Чарнышу предоставлялось право искать и стараться объ Сарахъ и Круткахъ, а остальнымъ дѣтямъ—допскиваться Сватковъ и Цѣпковъ.

Выдѣливъ пасынка и своихъ дѣтей, вдова поселилась въ Подоловѣ, гдѣ и занималась веденіемъ хозяйства. Умерла она 31-го мая 1743 года и погребена въ Кролевцѣ, завѣщавъ Подоловъ сыну своему Якову. Всѣ дѣти ея отличались врожденной

---

[1]) Любецкій архивъ графа Милорадовича, стр. 6—10.

[2]) Елена Степановна Гречаная, мать Ивана Чарныша, была родною племянницею харьковскаго полковника Ѳедора Захаржевскаго-Донца.

хилостью и изъ нихъ только трое пережили свою мать. Изъ дѣтей ея Иванъ—умеръ холостымъ въ 1741 году; Семенъ, служившій въ 1737—39 годахъ канцеляристомъ генеральной войсковой канцеляріи, умеръ въ 1742 году тоже холостымъ; Анастасія, бывшая замужемъ за Забѣлой, умерла бездѣтной въ 1742 году; Елена—умерла дѣвицей въ 1745 году; Анна, умершая въ 1745 году, была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Ивановичемъ Войцеховичемъ,—и только одинъ сынъ ея Яковъ, унаслѣдовавшій Митченки, явился продолжателемъ рода. Яковъ Чарнышъ служилъ канцеляристомъ въ генеральной канцеляріи и былъ такимъ-же хилымъ и больнымъ человѣкомъ, какъ его братья и сестры. Женившись въ 1744 году на дочери извѣстнаго богача въ Стародубщинѣ и внукѣ Стародубскаго войта, Марфѣ Степановнѣ Ширай, онъ въ слѣдующемъ уже году составилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ писалъ слѣдующее: «Понеже Создатель мой Христосъ Господь даровалъ мнѣ скалѣченемъ ноги моея немалую болѣзнь, которою я съ 1744 году, отъ августа мѣсяца по мѣсяцъ декабрь сего 1745 года былъ одержимъ, а съ декабра мѣсяца, не ощущая здоровья и не уповая болше жить, но еще и въ болшой чехотной отъ кашлю болѣзни будучи—тѣло мое по христіанскому обычаю погребсти въ мѣстечку Кролевцѣ близъ костей матки моей и учинить надлежащее помянованіе женѣ моей Марфѣ Шираевнѣ». «Хотя» (писалъ онъ далѣе въ тестаментѣ) нѣкоторіе денги по смерти покойной матки моей остались были и содержались въ Даніила, священника протопопіи Кролевецкой села Подолова—тѣ всѣ денги за аккуроване мене и за лѣчбу скалѣченной ноги издержаны, такъ что и нѣчего изъ денегъ не осталось, въ чемъ вѣсть Христосъ Богъ». Подоловъ, Митченки и другія свои имѣнія Яковъ Чарнышъ завѣщалъ своей женѣ, но со слѣдующей оговоркой: «Понеже по исчисленію моему съ упомянутою женою моею явилось тое, что уже тому назадъ мѣсяцей съ четире, какъ оная жена моя отъ мене стала обремененна, для того всѣмъ добрамъ, по природному наслѣдію на мене спадаючимъ (зверхъ записѣ отъ мене женѣ моей опредѣленнимъ),—буть за нею жъ,

женою моею Марфою Шираевною и за наслѣдіемъ отъ мене понесшимъ, а ею родячимся,—вѣчно»; если же «налсѣдіе» умереть, то все имѣніе должно было достаться вдовѣ, но при условіи невыхода вторично замужъ; въ противномъ же случаѣ—имѣніе должно было перейти ближайшему родственнику завѣщателя, и этотъ послѣдній обязывался «наградить» вдову за ея «внесеніе» [1]).

Тестаментъ Якова Чарныша написанъ былъ 27-го декабря 1745 года, а на слѣдующій день онъ умеръ. Въ 1746 году у его вдовы родилось «наслѣдіе»—дочь Анна, а сама вдова вскорѣ послѣ этого (1747) вышла вторично замужъ за вдовца, генеральнаго подскарбія Михаила Васильевича Скоропадскаго. За малолѣтствомъ дочери всѣми имѣніями управляла сама Марфа Степановна, причемъ въ 1760 году едва не потеряла Митченокъ. Въ этомъ году производилась отдача пожалованныхъ Разумовскому земель, между коими была и Батуринская волость, въ число селъ которой назначенные сенатомъ «отдатчики»—полковникъ Шишкинъ и подполковникъ Семеновъ—включили и Митчинки. Основываясь на томъ, что Митченки «за преждебывшихъ гетмановъ и за гетмана Скоропадскаго принадлежали до ратуши Батуринской» и что грамота о пожалованіи генеральному судьѣ этого села, данная изъ Иностранной Коллегіи, «собственною его императорскаго величества рукою не подписана», отдатчики увѣдомили Марфу Степановну, «дабы она впредь реченнымъ селомъ Митченками не владѣла и во владѣніи онимъ селомъ его ясневельможности никакого препятствія не чинила». Но этотъ приказъ не особенно смутилъ ее, такъ какъ она не сомнѣвалась въ подлинности царской грамоты 1718 года, зная, что всѣ жалованныя грамоты того времени подписывались не самимъ царемъ, а государственнымъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ. Поэтому немедленно же по полученіи извѣщенія Шишкина и Семенова, вдова Якова Чарныша подала въ Сенатъ прошеніе, въ которомъ, жалуясь на рѣшеніе «отдатчиковъ», просила о возвращеніи Митченокъ. Удовлетворенія этого ходатайства Марфа Сте-

[1]) Любецкій архивъ, стр. 10—20.

пановна не дождалась, такъ какъ 28-го февраля 1764 года умерла, переживъ и своего второго мужа, умершаго въ 1758 году.

Анна Яковлевна, оставшись послѣ смерти матери круглой сиротой, была взята въ опеку родною своею теткой по матери— Прасковьею Степановною Ширай, бывшей въ замужествѣ за новгородсѣверскимъ сотникомъ Степаномъ Судьенкомъ, и—роднымъ дядей, подкоморіемъ Стародубскаго повѣта, Михаиломъ Шираемъ. Имѣніе, оставшееся послѣ ея матери, было точнымъ образомъ описано и принято «въ безутратное содержаніе» дядей Шираемъ и теткой Судьенковой. Но тетка не безкорыстно приняла на себя обязанности опекунши. Въ послѣдующемъ своемъ прошеніи, Анна Чарнышевна разсказываетъ подробно о притязаніяхъ тетки на ея имѣніе и вообще о всемъ томъ, что ей пришлось вытерпѣть отъ нея и ея сына Ивана Судьенка. Оказывается, что когда тетка ея, вдовствующая Прасковья Судьенкова, и сынъ ея Иванъ Судьенко привезли ее въ домъ свой, то «зачали съ угрозами, разными досадами и многими устрашеніями принуждать ее продать имъ хуторъ свой, имѣючійся въ сотнѣ воронежской, прозиваемый Красной» (это былъ одинъ изъ лучшихъ Чарнышевскихъ хуторовъ), утверждая, будто мать ея при своемъ «скончаніи» говорила, чтобы она, Анна, тотъ хуторъ «неотмѣнно» продала или самой Судьенковой, или ея сыну Ивану и чтобы «денги за оной хуторъ употребленни-бъ были на поминовеніе оной умершей матери ея». Анна Чарнышевна отказывалась отъ этой продажи, не вѣря словамъ своей тетки, за что та вмѣстѣ съ сыномъ «ожесточась, бранили ее, безпремѣнно устрашая, что она всѣми людьми будетъ за проклятую признана, если не сохранитъ матернего якоби въ продажи имъ хутора приказанія, именуя оное якоби приказаніе, или сказаніе рѣчи, нѣякимсь важнымъ завѣщаніемъ». Несмотря, однако, на это обстоятельство, выставляемое Судьенками, Анна Яковлевна наотрѣзъ отказалась совершить имъ продажу хутора Краснаго и заявила, что если ее и силой заставятъ подписать актъ продажи, то все равно, когда она выйдетъ замужъ, то этотъ хуторъ «отобрать мѣетъ». Этотъ отвѣтъ еще болѣе разсердилъ Судьенковъ, и они

стали грозить Чарнышевнѣ, что ее «посмерть въ замуже не отдадутъ». А когда Анна Яковлевна на это возразила, что уже имѣетъ жениха и безъ ихъ выдачи пойдетъ за него, то Иванъ Судьенко «зъ немалими укорителствами бранилъ ее и ругалъ, стращая разними бѣдствіями, отъ какихъ нападеній и угроженій она (Анна) занемогла и чуть било не умерла»...

Однако, Прасковья и Иванъ Судьенки не теряли надежды вынудить у Анны Чарнышевны продажу имъ хутора Краснаго, держали ее все время «въ строгомъ береженю», никуда не выпускали одну («когда случалось одному съ нихъ куда отлучиться, то другимъ безотлучно она бережена»), и, въ концѣ концовъ, «разними обнадеживаніями, что оное письмо о продажи того еи имъ хутора въ немалую и весьма нужную матери еи ползу сдѣлано, а напослѣдокъ грозными устрашеніями», довели ее до того, что она, наконецъ, подписала актъ о продажѣ своей теткѣ хутора Краснаго... Для дѣйствительности купчей необходимы были еще свидѣтели, и Судьенки заставляли Анну Яковлевну просить о подписи разновременно пріѣзжавшихъ въ ихъ домъ лицъ. Оставалось теперь, когда подписи были собраны, лишь заставить Анну Чарнышевну «персональне» подать свою продажную запись для засвидѣтельствованія въ земскій судъ. Съ этою цѣлью, тетка ея Прасковья Судьенкова съ сыномъ своимъ Иваномъ, разгласивъ заранѣе о поѣздкѣ вмѣстѣ съ нею въ Подоловъ и не взявъ нарочно бывшихъ при ней людей, кромѣ двухъ конюховъ, «нагло, несмотря на тогдашнюю великую стужу, въ откритихъ саняхъ, повезли еи (Анну) не въ Подоловъ, но прямо въ Глуховъ, куда и привезши поздно ввечеру, зъ жесточайшими надъ прежніе устрашеніями, изневоляли ее, Анну, во всю ночь ихать съ ними до судьи земскаго повѣту глуховского господина Дергуна и все, что имъ угодно и отъ нихъ еи, Аннѣ, приказано о продажѣ имъ оного хутора, говорить велѣли, сказивая,—когда ихъ волѣ согласно будетъ чинить, то счастливою, а въ отмѣнномъ надъ волю случаи—несчастливою могутъ ее, Анну, вѣчно сдѣлать». На слѣдующій день Иванъ Судьенко, «не спуская еи зъ глазъ, даби она ни съ кимъ не могла видѣться и о своей такой крайней

бѣдности пожаловаться»,—разбудилъ ее рано поутру и повезъ на квартиру къ Дергуну—«знать съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ она зъ своихъ рукъ персоналне подала оное писмо, на которомъ принудили ее подписаться». Но Анна Чарнышевна этого не сдѣлала, и тогда Иванъ Судьенко заставилъ ее подписаться на доношеніи, въ которомъ содержалась отъ ея имени прозьба объ утвержденіи продажи,—и земскій судъ утвердилъ купчую...

Изъ тяжелаго положенія въ домѣ тетки своей Судьенковой Анну Яковлевну выручилъ Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ, женившійся на ней въ 1765 году; о немъ, повидимому, Анна Яковлевна и упоминала выше, какъ о своемъ женихѣ. Фридрикевичъ уже и въ это время былъ извѣстенъ какъ дѣлецъ, а потому замужество это очень было полезно для осиротѣлой наслѣдницы богатыхъ имѣній, изъ-за которыхъ ей пришлось столько вытерпѣть отъ своихъ опекуновъ, захватившихъ въ свои руки ея хуторъ Красный и многое изъ движимаго имѣнія. При помощи своего мужа Анна Яковлевна добилась въ 1769 году возвращенія Митченокъ и хутора Краснаго, но въ этомъ-же году она по какимъ-то причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, уступила всѣ свои движимыя и недвижимыя имѣнія бунчуковому товарищу Ивану Степановичу Леонтовичу, мать котораго вторымъ бракомъ была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Григоріемъ Криштофовичемъ Фридрикевичемъ, отцомъ мужа Анны Яковлевны. По этому «вѣчистому запису» Иванъ Леонтовичъ получилъ: Митченки съ хуторомъ Сѣжковскимъ, мельницу подъ Батуриномъ, мельницу и сукновальню въ селѣ Поповкѣ (Нѣжинск. полка), земли въ селѣ Гайворонѣ (Прилуцк. п.), с. Подоловъ съ слободкою Голубовкою, мельницы на р. Ретѣ и Свидпѣ, хуторъ Падалковскій, дворы въ Кролевцѣ, хуторъ Красный съ мельницами на р. Османѣ (Нѣжинск. п.), два хутора Голота и Ягодное (Стародубск. п.) и много мелкихъ угодій, а также всю движимость [1]). Возможно, что Григорій Фридрикевичъ стѣснялся взять имѣніе жены непосредственно

---

[1]) Любецкій архивъ, стр. 35—38; А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, стр. 282—3.

на свое имя и потому былъ составленъ актъ, передающій имѣніе—его брату по матери—Леонтовичу, который былъ бездѣтенъ [1]). Вслѣдъ за передачей своего имѣнія, Анна Яковлевна умерла; имѣніемъ ея пользовался Иванъ Леонтовичъ до своей смерти, а когда онъ умеръ, то оно перешло къ его братьямъ: полковнику Степану и бунчуковому товарищу Василію Леонтовичамъ. Послѣдній изъ нихъ духовнымъ завѣщаніемъ 1791 года, уступилъ какъ свое, такъ и полученное имъ Чарнышовское имѣніе—Григорію Фридрикевичу, который, такимъ образомъ, сталъ обладателемъ и имѣній своей умершей жены и Леонтовичевскихъ. Изъ послѣднихъ ему достались: переяславскаго уѣзда дер. Золотоношка, хут. Трактирный, мельница въ Гельмязовѣ, с. Нехайки и хут. Криштоповскій. Фридрикевичъ, бывшій въ 1787 году предсѣдателемъ Черниговской Казенной Палаты и дослужившійся до рѣдкаго въ то время въ Малороссіи чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, умеръ въ 1797 году бездѣтнымъ и свое богатое имѣніе завѣщалъ родственникамъ: Настасьѣ Степановнѣ Полуботокъ (рожд. Леонтовичъ), Пелагеѣ Степан. Раковичъ (рожд. Леонтовичъ, женѣ маіора Лаврентія Раковича), дѣтямъ надв. сов. Василія Иванов. Силича (женатаго на Екатер. Степ. Леонтовичъ), дѣтямъ бунч. товар. Павла Иванов. Лисенка (женатаго на Аннѣ Степ. Леонтовичъ), Софьѣ Васильевнѣ Леонтовичъ (рожд. Дунинъ-Борковской, вдовѣ полковника Степ. Степанов. Леонтовича), коллеж. ассес. Антону Адреев. Войцеховичу (его мать—Анна Ив. Чарнышъ, сестра Якова Чернына) и Ульянѣ Конст. Енько, двоюродной сестрѣ своей) [2]).

Намъ осталось еще сказать о дѣтяхъ генеральнаго судьи отъ перваго брака; ихъ было два сына: Иванъ и Петръ, изъ которыхъ Петръ, женившійся на вдовѣ давняго врага своего отца Михаила Милорадовича—Ульянѣ Степановнѣ Бутовичъ, дочери

---

[1]) А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, 281—2.

[2]) Любецкій архивъ, стр. 38—49.

генеральнаго есаула, получилъ за нею въ приданое с. Бутовку, Городницкой сотни, Черниговскаго полка, и въ началѣ 1730 годовъ умеръ, не оставивъ потомства. Продолжателемъ рода явился братъ его Иванъ, во многихъ отношеніяхъ походившій на своего отца. Числясь бунчуковымъ товарищемъ (универсалъ на это званіе имъ былъ полученъ позже, именно въ 1735 году), онъ скупалъ земли въ Сваткахъ и, главнымъ образомъ, въ Боркахъ [1]), позволяя себѣ при этомъ многія насилія. Въ 1731 году вдова полкового гадяцкаго сотника Прасковья Пѣратинская писала Апостолу, заступаясь за своихъ крестьянъ села Подставокъ, «крайне обидимыхъ отъ пана Ивана Чарныша, ибо ихъ собственніе кгрунта во владѣніе отбираетъ, а сколко они на своихъ сѣнокосахъ сѣна уготовили,—то онъ, панъ Чарнышъ, позабѣралъ, да и многихъ до полусмерти позабивалъ за ихъ-же доброе,—въ якомъ крайнемъ своемъ бѣдствіи якъ козаки, такъ и посполитіе сами ѣдутъ до милостиваго и високоразсмотрителного милосердія вашей ясневелможности»... Черезъ два года жаловался на Ивана Чарныша гетману Афанасій Бардакъ; разсказывая о тѣхъ насиліяхъ, которыя пришлось ему претерпѣть отъ генеральнаго судьи и, между прочимъ, отъ подданнаго судьи—Романа Коровника, укравшаго у него вола, Бардакъ пишетъ: «Сего 1733 года, сватковскій житель Иванъ Марченко когда вишпрописанного вора, прозиваемого Коровника, за свою нѣякуюсь шкоду зловилъ былъ,—въ ту пору, пошедши до оного Марченка, хотѣлъ я на немъ, Коровнику, за свою шкоду доправить,—то помянутій Чарнишъ, сынъ покойного судіи Чарныша, набѣгши въ село Сватки з слугами и подданними своими и вхативши мене з братомъ Алексѣемъ и оного Марченка въ его, Чарнишово село Борки,—далъ мнѣ *полтораста кіевъ* невѣдомо за что, такожъ и брата моего тиранско былъ, отъ якого бою и нынѣ к первобытному здоровю прийти не могу... Отъ якихъ мнѣ обидъ и разореній не могучи я болше въ селѣ Сваткахъ жить, мусѣлъ, всю худобу свою оставивъ, перейти на житло в Гадячъ»...

---

[1]) Каталогъ музея Тарновскаго, стр. 275, 276, 278, 279.

А вотъ еще одно любопытное дѣло, героемъ котораго является тотъ-же Иванъ Ивановичъ Чарнышъ. Началось оно въ 1729 году по слѣдующему поводу. Жители села Апанасовки издавна владѣли степомъ «Загрунскою долиною», сѣно съ котораго «кошувалось на рейментаровъ»; на эту долину обратилъ свое завистливое око генеральный судья и, «маючи силу», завладѣлъ ею еще въ бытность свою гадяцкимъ полковникомъ. Сыновья его Иванъ и Петръ, разумѣется, стали ею владѣть уже по наслѣдству отъ отца, имѣя съ нея «немалую собѣ денежную корысть» черезъ отдачу степи въ наемъ «многимъ купеческимъ людямъ, которіе товаръ рогатій скуповаютъ». «А мы», писали апанасовцы, «едно—въ виставеню фуража на консистенти, а другое—за частими переиздами великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, немалую за неимуществомъ сѣна узнавали и нынѣ узнаемъ нужду»... Дѣло касалось маетности, «надлежащей до замку гадяцкого», т. е. принадлежавшей гетману, и потому, тотчасъ же послѣ жалобы жителей села Апанасовки, былъ наряженъ на розыскъ о неправильномъ владѣніи Чарнышами Загрунской долиной—полковой гадяцкій обозный Григорій Грабянка съ господаремъ гадяцкаго замка Иваномъ Ломиковскимъ. «Зъѣхавши въ село Апанасовку», слѣдователи узнали слѣдующее. «Лука, на которой шесть скиртъ становилось сѣна—вся вытолочена», причемъ слѣдъ столоки шелъ отъ Чарнышеваго хутора... Увидѣвъ эту «шкоду» войтъ капустянскій далъ «черезъ писмо вѣдать въ замокъ гадяцкій, и оттуду (разсказываетъ онъ) получилемъ указъ взять за шкоду изъ стаднини (Чарнышей), якій грабежъ и держать, поколь шкоды Чарныши не нагородятъ». Съ этою цѣлью войтъ взялъ городничаго гадяцкаго замка—Ѳедора, Лукьяна Жолнѣра и еще человѣкъ съ десять, и съ ними поѣхалъ въ поле, но такъ какъ тамъ стада, принадлежащаго Чарнышамъ уже не было, то повернулъ въ хуторъ Чарнышевскій, гдѣ «безъ жадного ссору взялисмо стаднини числомъ девятнадцатеро,—понеже меншого числа не могли отъ стада отлучить и не на узди брать для дикости». Забравъ «стаднину», войтъ капустянскій пригналъ ее съ бывшимъ при ней Чарнышевскимъ пастухомъ «до замку», приставилъ къ ней двухъ новыхъ пастуховъ и вы-

пустилъ въ поле пастись. Но Чарныши лишь наружно выказали покорность рѣшенію господаря гадяцкаго замка. О томъ, какимъ образомъ они вернули себѣ обратно скотъ, пастухи разсказывали слѣдующее: «Пріѣхалъ къ намъ одинъ человѣкъ верхомъ и сталъ у насъ просить огня на люльку, которому и далисмо»; послѣ этого этотъ человѣкъ «сталъ стаднину и лошатъ пересмотровать», потомъ, занявши всю—погналъ скоро шляхомъ»... Пастухи гнались за угнавшимъ стадо, но не могли его догнать и вернулись «до дворца», не видавъ болѣе никого. Но другой свидѣтель, житель апанасовскій, разсказывалъ, что вѣялъ онъ «на току гречку—ажъ ѣдутъ осмь человѣка людей Чарнышевихъ, якоби ку Онасовцѣ, потомъ, въ скоромъ часѣ,—женутъ два стадники Чарнышевы стаднину назадъ и повернули берестовскимъ шляхомъ, потомъ еще шесть человѣка мимо мене апанасовскимъ шляхомъ назадъ поѣхали». Между этими людьми свидѣтьль замѣтилъ и самого Петра Чарныша, котораго опозналъ «по чапраку, на конѣ будучомъ, якій чапракъ и прежде сего не разъ подъ нимъ видалемъ»...

При этомъ, жители села Апанасовки опять жаловались слѣдователямъ на Чарнышей за завладѣніе ими и отцомъ ихъ части «степу», который и до сихъ поръ находится въ ихъ владѣніи и который они отдаютъ «великороссійскимъ купчинамъ» подъ пастбище. Грабянка, произведя розыскъ, посылалъ «до пановъ Чарнышевъ, даби или сами ку отвѣту приихали, или кого отъ себе присилали». Но Чарныши поспѣшили уѣхать въ другія свои маетности, и Грабянка доносилъ гетману: «Ихъ, Чарнышовъ, посланній въ дому не засталъ, а изъ служащихъ—нѣхто ку отвѣту не пріѣхалъ; также другимъ и третимъ разомъ до ихъ, дворовихъ Чарнышевихъ, посилали, и они отказали, же господаръ и староста, и слуги—всѣ за паномъ у слободи отъѣхали»... Такъ Грабянкѣ на мѣстѣ и не удалось добиться отвѣта Чарнышей; чѣмъ кончилось это дѣло—къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Отбывъ въ 1737 году Очаковскій походъ, Иванъ Чарнышъ отъ похода 1739 года уволился «за болѣзнью» и остальное время своей жизни провелъ въ селѣ Боркахъ, гдѣ и умеръ въ 1756 году.

Женатъ онъ былъ два раза: первый—на Татьянѣ Осиповнѣ Костенецкой, дочери конотопскаго сотника, а второй—на Зиновіи Якимовнѣ, и оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: Ивана, Даніила и Александра. Изъ нихъ Иванъ—въ 1754 году былъ войсковымъ канцеляристомъ и отъ брака съ Настасьей Романовной (бывшей во второмъ замужествѣ за Ѳедоромъ Петровичемъ Войной, служившимъ въ 1762 году—гадяцкимъ полковымъ судьей, а въ 1778—81 г.г.—предводителемъ шляхетства полковъ Гадячскаго и Миргородскаго) имѣлъ единственнаго сына Василія и умеръ до 1769 года. Два брата Ивана—Данило и Александръ были живы въ 1754 году и умерли оба до 1769 года; Данило былъ женатъ на какой-то Пелагеѣ (жива 1784), Александръ—въ 1754 году былъ малолѣтнимъ.

Василій Ивановичъ Чарнышъ, правнукъ генеральнаго судьи, родился въ 1759 году, началъ служить въ 1775 году и 13-го апрѣля 1784 года былъ произведенъ изъ войсковыхъ товарищей Гадячскаго полка—въ бунчуковые; въ этомъ году у него было 1952 души въ Гадячскомъ уѣздѣ. Женатъ онъ былъ на дочери Полтавскаго полкового писаря (1768)—Аннѣ Петровнѣ Бѣлухѣ. Въ 1797 году Василій Ивановичъ былъ маршаломъ Гадяцкаго повѣта, а когда (въ 1802 году), при генералъ-губернаторѣ князѣ А. Б. Куракинѣ, прежде бывшая малороссійская губернія распалась на двѣ—Черниговскую и Полтавскую, то въ должность перваго Полтавскаго маршала оказался избраннымъ уѣздными предводителями, при предварительномъ ихъ съѣздѣ передъ открытіемъ губерніи, въ декабрѣ 1801 года въ Полтавѣ,—онъ-же. Въ 1803 году Чарнышъ назначенъ былъ генеральнымъ судью 1-го Департамента, а на его мѣсто выбранъ былъ С. М. Кочубей. Въ 1809 году Чарнышъ оказался вновь Полтавскимъ маршаломъ и пробылъ имъ до 1812 года, когда его замѣстилъ Д. П. Трощинскій; послѣдній разъ Чарнышъ занималъ эту должность въ 1818—20 годахъ, уступивъ свое мѣсто извѣстному В. В. Капнисту [1]). Чарнышъ былъ въ перепискѣ съ А. И. Чепой, который соста-

---

[1]) «Кіевская Старина», 1893 г., янв., стр. 41—49.

вилъ въ 1809 году по его порученію «Записку о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ», напечатанную въ «Кіевской Старинѣ», 1897 г.. т. LIX, приложенія, стр. 23—39, и умеръ вскорѣ послѣ 1820 года.

Василій Ивановичъ Чарнышъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Петра (род. въ 1771 г.. въ 1798 году—капитанъ Сѣверскаго драгунскаго полка) и Дмитрія (род. въ 1795 году) и пять дочерей: Ульяну (род. 1785), Анастасію (р. 1787), Анну (р. 1788), Анастасію 2-ю (род. 1790) и Екатерину (род. 1797) [1]); сыновья его умерли, кажется, бездѣтными; послѣдней въ родѣ была Н. В. Чарнышъ († 1871), которая передала въ 1860-хъ годахъ изъ села Беева, иначе называемаго Чарнышовкой или Чарнышовой слободой (бывшій хуторъ генеральнаго судьи Біевцы) въ мѣстную приходскую церковь ту семейную икону, передъ которой въ 1706 году молилась жена генеральнаго судьи и къ которой въ 1710 году были вырѣзаны приведенныя выше вирши [2]). Громадныя имѣнія, собиравшіеся всѣми членами рода Чарнышей, разошлись въ другія руки—частью черезъ браки и родственныя связи, частью черезъ продажу.

В. Модзалевскій.

---

[1]) «Архивъ Полтавскаго Двор. Депут. Собранія. Приносимъ свою глубокую благодарность за доставленіе оттуда справокъ—А. А. Грановскому.

[2]) «Кіевская Старина», 1897 г., т. 59.

ЧУДНЫЙ.

(Оповидання).

Гарнои осиннеи дныны узялыся молодыци до конопель: плоскинь давно вже була выбрата, а теперь и маткы достыглы. Пора-пора,—насиння вылузуеіся, горобци хмарамы перелитають зъ одного ґорóда въ другый, по-пиры коринни на земли чымало сиріе лузгы—не вбереглы хазяйкы конопель! Схаменулысь молодыци, уси разомъ кынулысь тягаты матокъ. Дарма пробигавъ увесь вечиръ и ранокъ прыказчыкъ зъ двору, загадувавъ до машыны: ни одна тоби душа и не двыгнулася, хыба сами пидлиткы, або зайви дивчата, зъ тихъ дворивъ, де по двое-трое ихъ у матери було.

Сонце пече, зъ высокого сынёго неба иеначе льется, ажъ мыготыть у тыхому повитри, оттакъ якъ цукоръ таючы у води. По садкахъ повно скризь пташыного гомону: горобци, щыглята, чыжы та конопляпкы посидалы на вышневому гылли тай радять неспокійну раду: що то буде дали, колы люде коноили заберуть зовсимъ? Ось уже й теперъ невильно: постановлено горсткы у копы, понакрывано зверху кулямы та ряднамы, та ще й сами люде скризь вештаются та ганяють бидне птаство.

Нарадятся пташкы, зпимутся зграею, перелынуть на инче мисце—и тамъ такъ само.

И лыне день, весь перенятый спекою, важкымъ духомъ конопли, повный пташыного щебету та жиночого спиву.

Въ такый день по мьякій куряви пискуватого шляху весело ступавъ босымы ногамы стомляный, спитнилый, закуреный подорожній. Одежа на ему була салдацька, старенька, за плечыма мишокъ, та на ломаци высилы чоботы. По всему выдко було, що здалеку простуе чоловикъ, а проте чогось весело выглядало червоне спитниле облыча, гралы усмишкою на вси бокы и смажни вуста, й сири очи, а ногы тюпалы весело, якось жартовлыло, неначе у малого хлопчыка. Не разъ очи займалыся то радистю, то здывовано, скоро зъявлялася якась прыкмета давнознаемои краины: онъ—маленька гребелька, онъ—зеленый порубъ на мисци колысь густого лису, онъ вузенька рудка, за нею пишла бокуючы межа панськыхъ грунтивъ, просто потяглысь вузькымы смугамы людськы нывы.—Недалеко! Ось, знае винъ: перейде тильки оту рудку—заразъ шляхъ поверне круто въ-праворучъ, выдерется на косогиръ, а тамъ заразъ выткнутся чорно-зеленою гребинкою ялыны панського двору. Скоро! скоро!

Сонце пече, у роти пересохло, йисты хочется, ногы болять, але винъ вже не сяде, не розвьяже торбы, бо винъ дуже радый, що свое село блызько и що зъ-заду далеко осталося те, що винъ покынувъ: и двадцять верстовъ пишкы, й зализныця, й городъ и казарма,—взагали вси пьять рокивъ салдацькои службы. Все бо воно одризувало его одъ ціеи ридпои рудои земли, порослои по обнижкахъ жовтымы коровьякамы, одъ цего сынегосынего лису, що залигъ на обріи и неначе дыхае ажъ звидты прохолодою, одъ цихъ показныхъ гостроверхыхъ ялынъ панського «огруду», що застуе собою непоказну, сиру, але безмиры любу ридну слобидку

Ище бадёрище ступають натрудженп ногы, а очи не зводятся—пыльнують.

И ростуть передъ нымы гостри ялыны; уже до половыны ихъ выдко... уже й вершкы сирого частоколу пидъ нымы... уже й стежка буйного бурьяну по-пидъ частоколомъ.

Жовтою гадючкою повылася дорога помижъ зеленымы бурякамы, закрутылася и сховалася за гострымъ рижкомъ паркану, за якымъ широко розсивсь панськый тикъ. Пышни жытяни

скирты сяють, мовъ золото, пшенышпи—ажъ червоніють, гречаный стижокъ чорніе, онде—ячминь, а онъ то настобурчылась незграбна горохова скырта.

Скоро! Ось подыхнувъ зъ «огруду» витрець, запахло мылымъ знаемымъ духомъ розигритои жывыци, и всякого зилля. Ось и коловоритъ.

Рыплять стари ворота, рясни ялыны тыхо и ласкаво маютъ своимы зеленымы рукавамы, нижно шепочуть.

Вулыця. Якъ одтыспулыся на глыбокій куряви, такъ и лежать нерухомо слиды копытъ, глыбоки коліи, людськи ступини. Панськый паркапъ, за нымъ панськый будыпокъ... о дыві: вже не червоный, а побиляный! и дахъ на ёму не зеленый, а сирый—повына!

— О, дывы: нова конюшня, нова официна! Квитныкъ якый велыкый! Десь багатіе нашъ панъ!

— Оттакъ бубоныть соби подорожній, але цилкомъ безъ жадпои заздросты, радіе и будивли, и панови. Але те все мымо! Осталася вже позаду и панська оселя, и чорный двиръ, и довга коровария и разомъ зъ-за іи прычилку такъ и подыхнуло на ёго гострымъ важкымъ духомъ коноплп, щебетомъ пташокъ та спивамы жиноты.

На вулыцяхъ никого. По дворахъ тежъ никого, собакы—и ти десь по холодкахъ поховалыся.

Ось Семенова хата... ось Терешкова... Панасенкова—(серце заколотылось)—ось Загныбидына... (серце ще дужче тикается, а ногы наче зализпи)... онъ Павлышына кучерява верба та крыслата груша! Ще-ще трошкы—и ёго Карпове Тарасенкове дворыще.

Рукы тремтять, ніякъ каблучкы зъ воритъ не скынуть. Кынувъ ихъ—такъ и перескочывъ черезъ плитъ. Рябенькый куцый собачка озвавсь зъ-пидъ коморы; сполохани куры выскочылы зъ-пидъ куща, де порпалысь у мьякому пороси, и зъ голосомъ подалыся на горо́дъ. Рябко загавкавъ сердыто, бентежно.

Карпо наблыжывсь до хаты. Двери пидперти килкомъ—никого нибы нема; спустывъ торбу зъ плечей, скынувъ кашкета и сивъ на прызьби, утыраючы питъ.

Рябко залывався чимъ-дужъ и все то прыскакувавъ до Карпа, то одскакувавъ, здывованый, що чужынець не боится ёго и не тикае.

«На-на, дурный!» Карпо выйнявъ сухаря и кынувъ собаци, але добрый песъ наче образывся, одскочывъ ще дали и заголосывъ ще дужче.

«Хазяйськый песыкъ!»—сказавъ Карпо и мылуючысь ставъ оглядаты усе свое дворыще.

«Эге! Колы-жъ це Мотря таку гарну повитчыну справыла? Молодець баба! Выдко и коривчына йе; а ось и телятко: ачъ сытеньке, нивроку! И Карпове серце зигрилось ще бильшъ, згадуючы свою хазяйновыту молодыцю. Ни, винъ не пиде іи гвалтувать,—нехай сама зненацька застане ёго оттутъ; то-жъ то здывуется, люба!

А невгомонный Рябко ришывъ, мабуть, що такъ ничого не вдіешъ зъ упартымъ чужынцемъ, и зъ голосомъ подавсь на городъ.

Небавомъ учувсь дытячый голосокъ: «ня-ня! Лябко! Цу-цу! А чого ты здуливъ чы що?»

Рябко зрадивъ, замахавъ хвостомъ та, гавкаючы, повернувъ зновъ до хаты; дивчынка за нымъ. Ось вона вырынула зъ высокыхъ зеленыхъ кущивъ нехворощу и непаче прыкыпила па мисци: сыви очи шыроко вытрыщилыся, рученята мовъ прырослы до кущивъ, яки вона розводыла, щобъ пролизты, и рота не встыгла закрыты,—такъ и дывылася па незнаемого.

«Тетяно! Тетянко—це ты? Иды, манько, сюды! чы це не Тетяна? вагаючысь заклыкавъ Карпо и вже пидвився зъ прызьбы. Дивчынка, побачывшы тее, злякалася и мыттю зъ голосомъ кынулася въ кущи; скоро вчулося, якъ по сухій стежци заляпотилы боси ноженята и тремтивъ па бигу перерывчастый плачъ дивчынкы.

— «Чого ты, Насте! Що тоби?»—Озвалася Мотря у высокыхъ конопляхъ. Що такого? Оце ще мени рева! Та мовчы, бо ще Вивдю мени збудышъ! Робота зъ вамы!»

Дивчына змовкла, тильки хлыпаючы кынулася до матери.— «Ма-амко! боюся!»

— Ну, чого бо ты?

«Мошкаль»...

— Якый тамъ у лыха москаль? Чы не Иваненкивъ? Сама пытается Мотря, а въ самои щось такъ и шпыгнуло въ думкахъ.

«Ни! чужый»... И дивчына зновъ захлыпала. Мотря пополотнила: «такъ, це такъ! не дурно серце озвалося,—це винъ!»

Мотря озырнулася навкругы, мовъ чого шукала, хапала то за хвартухъ, то за голову. Горсткы повыпадалы у неи зъ рукъ и безсыло перехылылысь до-долу ряснымы головкамы. Але Мотря вже набралася духу. «Цыть мени заразъ! Сядь отуто, гляды дытыны, та не зрушъ зъ мисця, а то—я тоби!»

Хочъ и посварылася мамка, але дивчынка одразу набралася смилывосты: о, вона знае, що мамка займе отого клятого москаля, щобъ не ходывъ до ихнёи хаты, не лякавъ іи, малу Настю! Зъ певнистю въ мамчыній сыли, дивчына поважно сила надъ малою дытыною, що спала на свытци пидъ калыновымъ кущемъ. Маты жъ, важко ступаючы, пишла вгору по стежци. Зъ кожнымъ ступинемъ вона важко вгрузала въ пухку землю, бо вже й не бачыла, що збылася зъ стежкы и простуе картоплыщемъ; въ голови у неи все крутылося: «Якъ же це воно буде? Що теперъ станется?» Два облычча по-черзи або й разомъ крутылыся у неи передъ очима! Карпове, таке самисиньке, якъ вона его бачыла, провожаючы у некруты, и—Квицинського, панычa зъ экономіи. Воны мыгтилы, перелывалыся, навить усмихнени, але ій було страшно, и чуе вона—мовъ іи тягне хтось сыломиць, але утекты въ неи нема ни сылы, ни охоты.

Дійшла Мотря до свого квитнычка, де такъ и жеврилы повнякы и кадылы навкругы васылькы, спынылася передъ кущамы нехворощу,—перехрестылася и разомъ розсунула кущи.

Передъ нею, увесь заллятый сонцемъ на прызьби пры билій стини сыдивъ Карпо—не такый, якымъ выряжала, а здоровый, гладкый, зъ ряснымъ вусомъ на червоному, засмаглому об-

лычки. Винъ іи не бачывъ ще: винъ спокійно и радисно оглядавъ свое дворыще. Мотря ажъ духъ затаила,—такъ ій шкода стала руйнуваты той спокій. Але хвылына та й сама надбигла: Карпа немовъ прытягъ до себе іи пыльный погляд, и винъ раптомъ повернувсь всею постаттю. «Мотрую!» скрыкнувъ винъ и кынувсь до неи. Мотря й не зрушылася зъ мисця.

«Мотрю! голубко! не пизнала? Ачъ злякалася!»—выгукувавъ Карпо, прытыскуючы іи до грудей. Мотря ледви-ледви поцилувала его билымы холодпымы вустамы, насылу дійшла до прытомносты, и слёзы,—звычайна пидпомога жиноты,—такъ и порынулы зъ очей. Чулый Карпо ще бильшъ зрадивъ на таке витання, обнявъ молодыцю и тыхо повивъ до хаты.

Мотря вже передъ самымъ порогомъ одразу чогось здригнулася и одразу втерла очи. «Ни-ни», сказала: «у хати душно и мухы! Ходимо краще у садокъ. Я тоби вынесу подушку и полудень—покрепляйсь та спочынь. Ачъ, здорожывся якъ! Пылюкы якои на выду!» И моторна молодыця упадлыво оглядала чоловика, всмихалася, балакала. Прыйшлы у вышнякъ; вона стягла зъ гылякы ряденце, сама кынулась до хаты, вынесла здорову рябу подушку и скатертыну, де вгорнена була паляныця. Простелыла, покраяла хлибъ, оглянула, чы добре гостеви сыдиты, и забигалася то въ хату, то въ лёхъ—такъ и мелькала іи ставна постать у червоній старенькій спидныци, у грубій, трошкы лышъ поцяцькованій сорочци.

Скоро на скатертыни вже рясно стоялы и глечыкъ зъ кыслымъ молокомъ, и мыска зъ солоными огиркамы, грудка сыру, четвертына сала, ще й купка грушокъ, що на прыкинци высыпала вона зъ хвартуха.

— Та сядь! годи вже тоби! чы то-жъ я усе оте зйимъ?

— Та годуйся-годуйся, на здоровьячко!

Смашно йисть Карпо; здается, ще николы такъ не йивъ; та весело ёму, та любо!

— Чомъ же ты сама не полуднуешъ?

— Та за мене малый клопитъ,—ось Ивася выглядаю, чы не надбижыть—попойивъ бы.

— А винъ де!—певне гуси вже пасе?

— Де тоби! вже ягнята!—всмихнулася Мотря: ще ось тутъ недалечко по за городамы...

— А то що за дивчинка—невже Тетянка?

— Що це ты! ихня Тетянка вже у скарбѣ ходе, по пивзлотци заробляе! а то наша Настя!

— Настя? Це вже така Настя выросла? дывы-дывы! А я Мотре, иначе цихъ пьять годъ спавъ, або мертвый бувъ, а вы, бачъ, безъ мене тутъ вси повыросталы! и ты, Мотре, ачъ яка! огрядна стала!

Карпо прысунувсь до Мотри.

Зновъ настала тяжка хвылына и зновъ на вызволъ нагодылысь слёзы.

— Ой, Карпыку, голубчыку! Якъ же ты довго дома не бувъ! Нащо ты насъ кыдавъ безъ жадпои висточкы? Я-жъ тоби лыста подавала не-разъ, не-два,—чомъ же ты й разочку не одпысавъ? А я, Боже мій, плакала, плакала, вже й въ думку не клала побачытысь. Такъ и люде казалы: або вмеръ, або зъ війська втикъ та де̌сь у мандрахъ...

И вона зновъ залылася дрибнымы.

Карпови-жъ ти жинчыни слёзы здавалыся за найкращи ликы; воны спадалы на душу и разомъ змывалы зъ неи уси болячкы его салдацького жыття, и винъ не спыпявъ жинкы, тильки стыха прыгорнувъ та гладывъ рукою по спыни, мовъ малу дытыну, що хлыпае потыхеньку. Мотря раптомъ обтерла слёзы, бо згадала щось.

— Ну, Карпыку, лежы-жъ, спочывай, а я пиду горсткы поставлю та понакрываю, бо гаспыдськи горобци чысто вытолочать.

— Добре, добре, господыне моя!—Карпо солодко позихнувъ, вывертаючысь на рядныни. Напивзакрытымы очима винъ ще стежывъ за моторнымы рукамы чепурнои й дужои молодыци, ловывъ шелестиння іи ходы́ промижъ вышнямы, а дали все почало ёму въ очахъ мишатысь: и червона спидныця, и червони рожи,

и зелене лыстя зъ зеленымъ хвартухомъ, и лагидне небо, и щось.. щось... чого ніякъ не може уловыты дримотна думка.

«Заснувъ!»—тыхо промовыла Мотря, ще трохы простояла:— «заснувъ!» И одразу іи лыце злыняло, усмихъ збигъ зъ вустъ, очи, що доси сыпалы искры, зминылыся зъ болючымъ выразомъ. Тыхо выйшла вона зъ садка; наче кризь сонъ іи ногы прынеслы въ хату, стоить вона посередыни и оглядае іи, мовъ вперше побачыла.

«Теперъ що? теперъ отъ що... ага! теперъ колыску треба сховаты... треба Вивдю кудысь подиты.. Куды-жъ ты іи подинешъ?! Уже-жъ ти сусидонькы давно ціеи хвылыны чекалы... ой. буде-жъ мени буде! Господы, нащо-жъ винъ до того ще такый прыемный та гарный? Ой бидна головко моя!»

Такъ шопотила соби Мотря, кыдалась по хати, не знать для чого то знимала зъ жерткы одижъ, то зновъ вишала, выймала и зновъ становыла на мыснику посудокъ, а потимъ такы вхопыла колыску, одчепыла и вынесла у сины, ажъ за дымарь запхала. Потимъ того налляла у горнятко молока, вризала хлиба и подалася на городъ.

«На, Насте, полуднуй!»

— А винъ тамъ?—злякано спытала дивчынка.

«Тамъ, тамъ,доню!» И вхопывшы малу Вивдю прытысла до себе и почала годуваты. Дытына жадибно ссала груды, а нудьга за серце ссала ще дужче. И такъ Мотри схотилося одкынуты одъ себе це мызерне, слабе дытяче тило, що нагадувало іи неславу, стояло ввичю докоромъ и вищувало ій блызенькe несчастя. И нема сылы одирваты ёго, кынуты геть, якъ цуценя, а воно все ссе, ссе, наче сылу высысае зъ неи.

«Боже! дежъ порада? А вже ти сусиды мабуть и вуха и очи насторочылы, и зубы нагострылы. А ридня!» Ссе дытына, заспокоюется, мрукае кризь сонъ, а нудьга не стыпуется—ни! ще гирше діймае, крыкомъ крычыть на всю душу.

Погодувала Мотря, тыхо поклала прыспану дытыну.

«Хочъ бы воно до смерку спало, не плакало! Гляды-жъ мини, Насте, дытыны, добре пыльнуй!» Настя покирно сила, пидобгала поженята, почала бавытысь конопльнкою, колы не колы кыдаючы поглядомъ на матирь.

А Мотря шукала розрывкы въ роботи.

Швыдко, зручно тягае стеблыну за стеблыною, мицно стыскае ихъ ливою рукою (оттакъ бы ворогивъ своихъ стыснула!), сердыто звязуе ихъ перевесломъ и щильно становыть у высоку копу. Кыпыть робота, збигае часъ. Сонце вже зайшло за гостроверхи ялыны панського садка, надало всёму кругомъ рожевозолоту хварбу; на чыстому неби десь набралыся хмаркы, палають що выще у гору; на схидпимъ обрію залягла суто-сыня смуга.

Тягае Мотря и не бачыть!

Цвиринькалы горобци; спивала жинота по городахъ,—не чуе Мотря, знай одно—тягае! Ще й небагато осталось, поридшалы конопли,—знай соби тягае.

Оглядилась вже передъ пидметомъ, де сывила отара головатои капусты.

«Господы! невже це я сёгодня усе поробыла? Ото! мабуть зъ пересердя чы що! колыбъ ще й не наврочыты себе!»

Такъ дывуючысь на себе, метушылася Мотря, збирала останни горсткы, встановляла, накрывала копы одъ пройистлывыхъ птахивъ.

Зъ ричкы потягло вильгостю, далеко зъ-за села котылася хмара курявы, а зъ-за неи все блыжче и чутнище лупалы ризноголоси выгукы пастушкивъ, ревъ худобы, мекання овець, ягнятъ, телятъ, рохкання свыней.

«Ой леле! Вже й коровы за того прыйдуть зъ поля!—Мотря жваво метнулася до бурякивъ, похапкы наламала гычкы повну пелену и бигцемъ подалася до двору. Выкыдавшы гычку у ясла, выбигла вона за ворота, и геть вулыцею розлигся ии дзвинкый, дужый голосъ: «маню-маню-маню!»

Зъ рудои хмары, що вже вилыла и въ ихню вулыцю, видгукнулося знаёме муу!—теля забрыкало пидъ повиткою. Мотря чекала коло ворить, розчыныла, впустыла рябу корову и по-

бигла за дойныцею, бо теля вже прожогомъ прыскочыло и намынало, ажъ запинылося, свою матку.

Пидъ Мотрынымы жвавымы пальцямы весело циркае молоко, неначе вона выграе до танця, а думкы невесели тымъ часомъ спують-обсновують серце, мовъ павутынямъ. Подоила Мотря, почала поратысь коло хаты. За плотомъ ляснуло батогомъ, свыснуло—и заразъ черезъ плитъ перескочывъ засмаленый хлопчыкъ.

— Ивасю! а йды-но сюды!

Иванъ убигъ до матери.

— Ивасю, батько зъ війська повернувся...

— А! де?—зрадивъ хлопець: де вони? И въ мундыри?

— Та онъ тамъ у вышныку спочывае--пиды, вже часъ и збудыты, бо щобъ часомъ пропасныци не прыспавъ: сонце сило.

Хлопець кынувсь у садокъ. Справди: па рядни лежавъ чоловикъ и спавъ.

— Якый же це батько?—думавъ Ивась, и ёму здалося, що маты одурыла ёго.

А тымъ часомъ винъ стыха пидкрався и схылывся надъ самымъ Карпомъ;—той одразу кынувсь. Ивась хотивъ уже тикаты.

— Це ты Ивасю?

— Я!

— Иды-жъ, сынку, до мене—яжъ твій тато! не пизнаешъ? а ты-жъ ледащо! Батько цилувавъ и тулывъ ёго, а Ивась ажъ почервонивъ и, радіючы ласкамъ, прыдывлявсь до Карпа.

Э, та ты, бачу, зовсимъ у дядька свого, у Васыля вдався!

Хлопець насупывъ бровы.

— Ни! я такъ не хочу! я не люблю того дядька!

— Чому?

— А такъ... не здавався одразу сынъ.

Оттакъ розмовлялы соби батько зъ сыномъ, тильки прыглядаючысь одынъ до одного, покы Мотря поралась зъ вечерею, забувшы за своихъ менчихъ дитей. А пидъ калыною маленька Настя свято додержувала мамыного наказу, глядила малу Вивдю, бавыла якъ знала, бо боялася йты до хаты. Нажувала вона й

жуйкы, звертила соску малій сестрычци,—зовсимъ тоби стара, тай годи. Попосмоктала дытына и стышылася, а тымъ часомъ стало здорово тягты вохкистю одъ рички; обыдви—и нянька и лялька—трохы померзлы и, стулывшысь у одну купочку, поснулы пидъ мамыною свыткою. Мотря стала гукаты до вечери.

Батько зъ сыномъ поважно ходылы по надвирью, и молодый хазяинъ показувавъ и росповидавъ про усяку дрибныцю старому, а старый тишывся хазяйновытымъ хлопцемъ.

У хати на стовпи коло прыпичку вже блымала гаснычка, на столи лежавъ покраяный хлибъ, ложкы и мыска кулишу.

Батько зъ сыномъ силы вечеряты. Мотря не сидала—метушылася коло печи, колы оце Ивась, вкынувшы до рота ложкы зо дви, зразу поклавъ ложку.

Мамо! а де-жъ це наша дытына? а Настя де? Мотря здригнулася и заразъ закрычала на хлопця: «та йижъ-бо швыдче та лягай спаты! а то зновъ заспышъ, то ще бытымуть!»

Хлопець засоромывсь, почавъ йисты швыдче, зъ-пидъ лоба поглядаючы на матирь, потимъ обтерся, помолывся и пишовъ вкладатысь. «А, це певне баба узяла до себе дытыну!»—думавъ хлопець:—«а я й не догадавсь! тильки чого це маты таки сердыти, чы воны не ради батькови? А я такъ радый! Оттеперъ хай зачепыть Грыцько або Хведь!»—таке снувалося у малій голивци. Карпови-жъ ложка якъ выпала зъ рукъ пры сыновому пытанни, такъ и сыдивъ непрытомный.

Мотря нешвыдко вернулась въ хату.

«Мотря! а де-жъ це справди Настя»?—Мотря благаюче глянула на ёго и повела очима на Ивася и нибы сварячысь заговорыла: «та кинчай-бо! нерано, а мени ще дижку вчынять, ще й мукы насіяты... гасны́чкы треба до коморы». Карпо помолывсь и выйшовъ зъ хаты.

У синяхъ Мотря стояла, вхопывшысь рукамы за дымарь.

— Мотря! скажы-жъ мени...

Мотря прожогомъ кынулася на двиръ.

— Иды!—поклыкала вона увиходячы у клуню.

Карпо увійшовъ важкою ходою, мовчкы.

— Ну, теперъ пытайся! Пытайся-жъ, кажу! робы, що знаешъ: хочъ бый, хочъ карай, якъ знаешъ, абы диты не бачылы!—ришуче сказала вона.

— Що це ты, Мотря! Та хиба я...

— Карпо, не край мого серця! Беры швыдче та бый, чы що: кажу-жъ мій грихъ... не крыюся и не просюся! карай, якъ ось стою!

Карпо хытнувся: уся кровъ ёму вдарыла въ голову, зашумила, заколотылося серце, вся клуня поплывла передъ очима; палючый биль пройнявъ душу и спопелывъ усю тыху радисть мынулого дня.

И стоить Карпо, обперся на соху и неначе здалека чуе, що хтось плаче, щось ёму говорыть... а що—не розбере.

Прыйшовъ до прытомносты одъ того, що хтось ухопывъ ёго руку и вкрывъ іи поцилункамы. Нахылывсь и побачывъ проты мисяшного проминня, що то була Мотря; навколюшкахъ, заплакана, очипокъ іи злизъ и не вкрывавъ буйныхъ кучерявыхъ кисъ, и выдно—довго вже плакала вона, що й не звертала увагы на себе.

Така була вона незвычайна, така гарна и разомъ така биднабидна! Карпови ажъ боляче стало дывытысь на неи, а вуста щей доси булы мовъ запечатани.

— Що-жъ ты мовчышъ! Що-жъ ты мовчышъ, Карпо! Убый мене, тильки не мовчы!

— Богъ... Богъ зъ тобою!—ледви пробубонивъ Карпо, нахылывсь и пидвивъ іи зъ земли.

Винъ пидводывъ іи, а вона рвалася зъ рукъ, падала ёму до нигъ. Всылу вже винъ довивъ іи до засторонкы и посадывъ на куляхъ соломы, самъ сивъ и почавъ розпытуваты.

Усе росповила, ни рискы не втаила Мотря: и якъ жыла, покы ще свекиръ бувъ жывый, и якъ ій довелося самій бидуваты, и якъ посылала ёму лысты та не мала на ныхъ одповиди, якъ прынесено ій кимсь звистку, що Карпо вмеръ, и вона почала свое вдовыне гирке жыття; потимъ, якъ учепывся до неи панычъ зъ экономіи, запомогавъ ій у іи сырицьтви, а тамъ, якъ и Вивдя

знайшлася... Усе розсказала, ничого не потаила, навить про свій замиръ стратыты дытыну, колы сусиды вже дуже допеклы та ще на останци прынеслы звистку, що Карпо жывый и незабаромъ прыйде.

Карпо усе слухавъ мовчкы, тильки, якъ вчувъ за дытыну,— такъ и скочывъ.

— А дежъ дытына?

— Боже-жъ мій! Вона й доси на городи!—скрыкнула, ажъ въ долони сплеснула Мотря.

— А ты-жъ дурна! Бижымо-жъ швыдче, а то щобъ чого ще не сталося ій,—дывы, якымъ холодомъ тягне! И забувшы усю розмову, обое подалыся городомъ до берегу.

Диты, якъ вузлыкъ, зибгалыся пидъ свытою и спалы соби, а свыта уся була мокра одъ росы. Мотря вытягла Вивдю, Карпо взявъ на рукы Настю, и обое вернулыся до хаты

Дитей нагодовано, покладено спаты. А сами Карпо та Мотря такъ и не лягалы, и очей не звелы за всю ничъ.

Ще й ще розповидала Мотря зъ усима подробыцямы про свое жыття, про свою неславу и наругы, якыхъ зазнала видъ усихъ сусидивъ.

Розсказавъ и Карпо про свои прыгоды, про свою службу, якъ винъ своею журбою не хтивъ жинци журбы завдаваты тай не пысавъ; потимъ того якъ лежавъ слабый, дали—якъ его зрадывъ товарышъ и що ёму за те було, а найкраще про те, якъ у нхній-таки роти зъявывся чудный чоловикъ, отъ неначе-бъ-то ихнеи виры, та тильки якыйсь инакшый, и якъ винъ зибравъ коло себе ихъ, салдативъ, мовъ квочка курчатъ, ставъ имъ замисць батька. Мотря вже не плакала, бо дуже цикавылася. На іи запыты Карпо ще розсказувавъ, якъ той чоловикъ усе знавъ, и всю сылу й мудристь знаходывъ у Евангеліи.

Мотря набожно зитхнула, але все-жъ подумала: «та ось и у насъ въ церкви що-службы іи чытають, а що зъ того»?

Карпо ухвалювавъ того чоловика, а Мотря думала, «ще чы не штундарь бувъ? Бо й ти усе знай-тоби носятся зъ Евангелію»...

Другого дня Карпо писля безсонноi ночи ще спавъ. Мотря попорала вже й коровы, и куры, и снидаты наварыла.

Настя прокынулась, жахлыво глянула на Карпа, полизла на пичъ и заснула, бо матери блызько не було,—жалитысь було никому.

Мотря зъ видрамы бигла до крыныци. Тамъ промижъ густымы вербамы вже манячыла чыясь червона спидныця и журавель скрыпивъ пидъ чыеюсь рукою.

— Здорова, Мотре!

— Дай Боже здоровля, Ганно!

— А що—прыйшовъ!

— Прыйшовъ...

— И ничого?

— Ничогисинько!

— Це кумедія! Певне не знае.

— Де тамъ! Усе знае!

— Одъ кого-жъ почувъ? Невже сама прызналася?

— Сама...

— И ничого?

— Кажу-жъ, ничогисинько!

— Це сторія! А може, сестрычко, це винъ духу набирается. Ой колы-жъ те бувало, щобъ нашій сестри дурно мыналося? Ще визьме свое—на те-бо й чоловикъ! Ще й наплачешся, й наголосышся, бидна головко! ой-ой-ой!

У Мотри по облыччу неначе тини бигалы,—такъ змынялося воно.

— Я й то кажу!—нарешти обизвалася й вона до кумы:—нехай бы вже бывъ одразу, не тягъ-бы мене за душу. Та нехай бы вже заразомъ натишылыся мои ворогы,—може-бъ швыдче й забулы!..

Подругы набралы воды й розійшлыся.

— Ганно!—зъ дорогы гукнула Мотря.

— А що?—охоче звернулася та.

— Ну, та не треба!—обійдется й такъ.

— Та що? що? кажы голубко!

— Ни, не треба!—И Мотря швыдкою ходою подалася додому. И все ій мымохить тыслося у думкы, що прыйде ще часъ,— выверне до неи Карпо кожуха. Що отъ-отъ, може тильки вона на поригъ, а винъ вже чекае... Це винъ тильки сгарячу вчора не хтивъ заводыты колотнечи—перемигъ себе на часъ.

Але ще знадвору почула вона:

Люли-люли-люли,
Чужимъ дитямъ дули,
А нашому калачи...

Карпо, очевыдячкы, узявся за няньку и весело выводывъ своимъ баскомъ колысковои. Зъ синей чуты було, якъ скрыпила плетяна колыска и тыхо мрукала засынаючы дытына.

А дежъ це Настя? Карпо спивавъ, колыска скрыпила, а десь мабуть за коминомъ на печи вчувалося тыхеньке хлыпання.

— Чого ты, дурпенька?—озвався Карпо.

Дивчына дывылася, але хлыпала усе дужче.

Мотря покынула пидслухы, знарошне грякнула коромысломъ, постановыла видра и ришуче вступыла до хаты.

— А чого це ты—га!—дзвинко крыкнула вона до дивчыны, що кужелемъ скотылася до неи.

— Ма-амо! мошкаль дытыну бере-е!

— Цыть мени дурна! То не москаль, то твій батько! Годи жъ, годи! Подывысь на татка!

Дивчына вырячыла оченята не спыняючы слизъ, дывылася, тильки грудынята двыгтилы въ неи.

— На́, Мотря, погодуй! а то щось мене не дуже слуха!— сказавъ Карпо и спынывъ колыску.

Мотря нахылылася годуваты, а Карпо розвьязавъ свою торбу и почавъ доставаты гостынци. Але дыку дытыну не такъ то й легко було прыманугы, й довгенько впадавъ коло неи Карпо, покы вона такы взяла пирпыка.

Мынувъ день, другый—и Карпо потроху-по-малу увійшовъ у звычайне сильське жыття.

Салдацькый мундыръ бувъ схованый про оказію; била сорочка, шыроки штаны та чорна свыта зробылы ёго неначе ще ширшымъ у плечахъ, ще кремезнійшымъ; трычи-рябый поясъ стягавъ высокый станъ, повне облычча писля спочывку ажъ горило румьянцемъ. Мотря й надывытысь не могла на свого здорового, гарного чоловика: «це не Квитныцькый»—думалось ій.

Мынувъ и тыждень. Побувавъ Карпо и въ церкви, и въ росправи, и по де-якыхъ родычахъ—усе гараздъ. Сусидкы чекалы нетерпляче, щожъ нарешти винъ зробыть Мотри, и вже ажъ сердылыся.

— Невже такы ничого! ничимъ ничогисенько? Це добре! Це выходыть зразокъ усимъ нашимъ невисткамъ? Ой дурный же бисовои души москаль! Кваша—не чоловикъ! Десь зовсимъ у москаляхъ глузду позбувся!—репетувалы бабы:—и то не взяты-бъ за косы, не пополупыты добре, щобъ знала, паплюга, що то соромъ, що то гри-ихъ! Пороспускають ёлопы жинокъ, а тоди черезъ ихъ матиркамъ хочъ зъ свиту зійды на старости-литяхъ!

Чоловикы бильшъ мовчалы: яке, мовлявъ, мени дило! Тильки якось пидъ пьяну руку одынъ зъ прыятеливъ у коршми озвався: «а що, брате, прызнайся, добре повчывъ ты свою гладку?.. Гарна, стерво, що й казаты! Не дыво, що й панычъ». Але ёму не довелося скинчыты. Карпо такъ мицно ухопывъ ёго за баркы и такъ прытысло сказавъ ёму, що и тому, и другымъ заципыло вразъ.

— Чы погана--моя, чы хороша—моя! а тоби зась! Що було—мынуло, а хто іи теперь зачепыть—мене зачепыть! а я-бъ не раявъ...

Винъ ще разъ струсонувъ прыятелемъ и выйшовъ зъ коршмы.

— Оце такъ!!

— А що, Лукашу, зачипатымешь у-друге?

— Тай здоровый, бисивъ сынъ! Выбехкався на казённому харчи!

Попосміялысь, погомонилы чоловикы та такъ и покынулы:—лизты никому не прыпадало на думку. Бабы пащекувалы, зачы-

палы зъ-пидъ тыха Мотрю, але якъ вона не дрочылася зъ нымы, то й воны втыхомырылысь.

Тыхо-спокійно плывло жыття у Карповій хати. Щоденна праця йшла дружно, кыпила пидъ мицнымы рукамы обохъ; малый Ивась тежъ не разъ встрявавъ до роботы. Карпо засіявъ поле, хочъ и пизненько, прынайнявъ у пана ще клапоть землы, впоравъ на-зябъ, прыкупывъ пару до того быка що вдома бувъ, облагодывъ загороду, клуню, пересыпавъ лёхъ.

На другый ярмарокъ посчастыло ёму продаты быкы й купыты пару коней и бузымкивъ: однихъ—щобъ выгодуваты за зиму, другыхъ—щобъ на зиму статы пидъ стосы.

Все йшло добре. Карпо спокійно и ривно працювавъ, радый, що тратыть сылу не на муштру, а на бажану ридну працю, що вильный винъ, незалежный хазяинъ. У вечери бавывся зъ дитьмы, розмовлявъ зъ Мотрею про те, що бачывъ, що чытавъ. Мижъ люде ходыты не любывъ; одне, що скучывъ дуже за своею оселею, въ москаляхъ бувшы, друге—осоружылы ёму люде своимы намовкамы за Мотрыну провыну. Отъ и сыдивъ дома и все що дали—все бильшъ звертавъ на того чоловика, що ёго просвитывъ, чытавъ Мотри и самъ Евангелію. Але Мотря щось не дуже була беркá до того, якось въ іи думну, хазяиновыту голову не мистылыся святи глаголы.

Такъ ишлося до Риздва. На самый святъ-вечиръ чогось заслабъ Ивась: на гарячому тили щось вывернуло, у горлянци заклало. За нымъ облягла и Настя.

Свято не въ свято було Карпови й Мотри. И коло дитей треба, и коло хазяйства, и до роду питы не можна, а тутъ ще Карпо—неначе насило на ёго: каже, що неможна никого до хаты пускаты, щобъ не заразылыся.

Такъ и мусила уси свята Мотря сыдиты зъ нымъ та зъ дитьмы, навить до церквы не ходыла.

Одвидувала іи тильки маты та баба Оляна, що шептала та зиллямъ напувала слабыхъ дитей.

Однакъ нищо не помагало. Саме на Меланкы пойихавъ Карпо на мистечко, впрохавъ дохтора, але той якъ прыйихавъ, тильки глянувъ—сказавъ, що вже пизно по його прыйихалы: у Ивася була застуджена скарлатына, въ грудяхъ зробылося запалення легкихъ и хлопець мае умерты не сёгодни, такъ завтра.

Наче серпомъ пидризало Мотрю.

Проводыла дохтора то вже ни до чого не могла взятысь, тильки одно—плакала та впадала коло слабого хлопця. Вона годыла усякому його бажанню, вона-бъ рада була, щобъ ти выгадкы булы пайхымернищи, щобъ ихъ було безмиры, безличъ, и вси-бъ, вси вона ихъ сповныла, абы вырваты свого любого чорнявого Ивася зъ пазуривъ смерти. Але хлопець зробывся якыйсь суворый, розумный, неначе зовсимъ дорослый: ни жалощивъ, ни пустошлывыхъ забавъ, ничого не чула одъ його Мотря: винъ тильки пронызлыво дывывся ій у вичи та сердыто загадувавъ часамы перевернуты себе на другый бикъ, чы що. Мотря голубыла його, цилувала, плакала прымовляючы, а винъ або одвертався, або зацытькувавъ іи. Даремне Настя стогнала и клыкала матирь, даремне Вивдя заходылася, ажъ сынила одъ крыку—вси Мотрыни думкы булы наче прыкути до одного Ивася.

Якось у вечери Ивась поклыкавъ матиръ. Та ажъ стрепенулася.

— Мамо!—а вы-жъ гарно мене поховаете?

— Ивасыку!!

— Эге, Ивасыку!—перекрывывъ той. Я вже вамъ нажывся й наробывся, такъ глядить же поховайте добре: и сыву шапку, и чобиткы нови, не жалуйте! А сорочку нову та щобъ вымережаный комиръ гарно-гарно. Титку Лысавету або хрещену матирь поклычте, хай заразъ прыйдуть, а то сами не вправытесь. Я завтра помру...

— Ивасыку, серце, що це ты говорышъ!..

Мотря кынулась до сына, мицно тулыла, тормосыла, неначе справди вырывала его зъ кощуватыхъ обіймивъ смерти.

Ивась крывывсь и здрыгувавъ.

Карпо тыхо взявъ Мотрю за плечи.

— Одійды! Онъ тамъ у тебе ще двое. Доглянь тихъ. Я самъ поседжу коло ёго!

Спокійный, твердый батькивъ голосъ наче свижою водою скропывъ Ивася.

— Тату, вы—молодець! Вы й на війни булы тату? И туркивъ былы? У васъ и шаблюка була, и рушныця? якъ выросту и я буду... разъ-два, разъ-два... бый ихъ! чого попалазылы!..—плутавъ у гарячци Ивась. Мотря хлыпаючы стояла надъ колыскою и ніякъ не могла второпаты, чого одъ неи вымагае слаба Настя, а въ колысци Вивдя ажъ лука ставала, крычучы. Насылу вчула іи Мотря и люто стрепенула колыскою.

— А Господы! оттака погань и не вытягнется, а що краще, те й забырае Господь!..

— Цыть, Мотре, Ивась одходыть!.

Мотря скамьянила

Ивась справди, одходывъ. Слаби грудци то высоко здіймалыся, то вразъ опадалы, зъ пыхъ вылитало хрыпиння, хлопець сылкувався, драпавъ по грудяхъ, наче щось ловывъ. Карпо нахылывсь, тильки стыха гладывъ мокру вприлу головку.

Часамы вырывалося:—таточку! и шапку... и чобиткы... я молодець, татку...

— Добре, добре сынку! Спочывай зъ Богомъ!—шопотивъ ёму на вухо Карпо, и маленьки очи вдячно позыралы и зновъ сплющувалысь.

А це заразъ груды знялысь высоко-высоко, у горли щось заклекотило—и хлопець выпроставсь.

— Вмеръ!!—скрыкнула Мотря и, одирвавшы одъ грудей Вивдю, кынулась до Ивася.

Вона цилувала ёго, повертала, прыслухалася—дарма!

— Ивасыку, дытыно моя! Що-жъ це ты зо мною робышъ? Нащо ты насъ покынувъ? Чимъ тоби мы не догодылы? Чимъ Господа прогнивалы?..

А недбало кынена дытына зайшлася одъ плачу, слаба Настя хрыпила, и въ хати було такъ повно крыку, що ажъ кризь затуляни викна й двери винъ перелывавсь на вулыцю.

— Це, лыбонь, Ивась сконавъ!—догадалыся сусиды. Батько й маты не помитылы, якъ вразъ перервався вразлывый плачъ Вивди: то вона, плазуючы, докотылася до краю и бебехнула зъ колыскы объ землю.

Оглянувсь Карпо: лежыть дытына доли сыня, очи пидъ лоба пустыла.

— Охъ, що це? Мотре, воно убылося!—скрыкнувъ Карпо.

— А, хай бы його швыдче чорты вхопылы, байстря невирне! Оттутъ мени болыть, оттутъ мое горе! Ивасыку мій коханенькый!..

— Бога бійсь, Мотре!—Але Мотря ничого вже й не слухала.

Карпо струсювавъ дытыну, перевертавъ, хукавъ—ничого. Дали скочывъ у синци, прынисъ кухоль воды, збрызнувъ—воно здрыгнулося, клыпнуло очыма и зайшлося не плачемъ, а тыхымъ пронызуватымъ стогономъ. Той стогинъ, той облудный поглядъ оченятъ вразывъ Карпа ще глыбше, нижъ Ивасева смерть, до самого дна пройнявъ душу.

Маты убывалася надъ мертвымъ сыномъ, а батько тулывъ до грудей чужу дытыну, втыхомырювавъ, якъ умивъ, абы повернуты до жыття.

Небавомъ сусида зазырнула у викно и заразъ же вбигла въ хату, почала розважаты.

Згодомъ зибралыся родычи, почалы поратысь, наряжаты Ивася на смерть.

Мотря мовъ учадила, ходыла, робыла, шо ій загадувалы, але до дытыны й не наверталася. Дытя плакало, йисты просыло—але въ матери одъ горя й покорму не стало въ грудяхъ, та вже чыясь молодыця погодувала.

Тыхо стало въ хати. Тильки Настя постогнувала, хрыпила Вивдя у колысци, та цвиркунъ за пиччю ляскотивъ. Мотря, Явдоха—іи маты, кума—Ганна, та баба-бранка сыдилы мовъ камья-

ни,—души доглядалы. Воскова свичечка блымала передъ богамы, мысочка зъ водою (щобъ души ополоснутысь) стояла биля Ивасыка,—що лежавъ на лави у билій сорочецци, зъ розстибнутою пазухою, кругомъ заквитчаный сухыми васылькамы, мьяткою, и повнякамы.

Вернувся и Карпо, шо доси помагавъ дядькови Павлови тесаты домовыну. У хати наче прояснило трохы. Карпо заразъ спытавъ за Вивдю. Мотря тильки плечыма здвыгнула и перевела очи знову на Ивася. Вытягъ Карпо зъ скрыньки псалтыря й узявся чытаты (воно бъ такому малому вмерцеви й не треба, та его охота була). Голосно и выразно вымовлявъ Карпо велычни слова,—а бабы хыталы головамы, хочъ не розумилы й десятого слова. Одна Мотря и не вслухалася въ таемно-велычни слова: думкы порвалыся и шматочкы ихъ крутылыся ій у голови, якъ отамъ за викномъ метелыця.

И плыне-плыне чытання. И крутятся-крутятся снижынкы за викномъ...

«Земля бо еси и въ землю отъидеши».

— Такъ-такъ—земля! и въ землю одійдешъ—правда истынно! сказано святе пысьмо! Ой, Боже-жъ нашъ!—зитхаючы озвалась баба-бранка.

Мотрю мовъ струсонуло: вона вразъ кынулась и заголосыла.

— Годи, молодыце! Такъ Богъ прыказавъ! Що вдієшъ проты Его святои воли?—

Вивдя въ колысци заскиглыла. Баба узяла іи, пиднесла до Мотри.

— На, прыгорны: твоя-жъ кровъ и це!..

— А дайте мени покій зъ цимъ байстрямъ—бодай воно луснуло! И нащо я ёго на свитъ породыла! И нащо сама я на свити держусь! Нема жъ мого Ивасыка, нема мого мисяця ясного, мого сонечка красного...

— Годи бо! Мертвому грибъ, а жывому—хлибъ!—вмовляла баба, але нищо не помагало: якъ одцуралася, такъ и одцуралася маты дытыны.

Третёго дня одбулы тильки похоронъ (щобъ не начынаты нового року похорономъ). Уже-жъ и наплакалася, й накрычалася Мотря: де-вже якыхъ прымовокъ, якого голосиння не вчулы одъ неи—де въ неи тильки й бралося! Стари бабы тай то здывувалыся, ажъ сварытысь почалы, що за малымъ не гараздъ такъ тужыты, якъ непаче за батькомъ-матирью. Але Мотря була якъ не пры соби. Поховалы Ивасыка. Вернулася Мотря зъ цвынтаря— и мовъ зацыпыло: ни слёзыны зъ очей, ни пары зъ вустъ и третёго дня и въ девьятыпы—ни-чичиркъ.—Зновъ знаючи бабы ремствувалы, що лыбонь и Мотрю Карпо перевивъ на бо-зна якый ладъ. Запеклася, тай годи.

А тутъ обыдви дивчынкы слаби. Потроху Настя почала й оклыгуваты, а Вивдя все скніе тай скніе. То до Насти Мотря жывымъ духомъ дыше, а до малои ніякъ:—не можу, каже, хочъ вбый, не можу!—Такъ и забравъ Карпо Вивдю на свои рукы и такъ стало забравъ, що ажъ сусиды уси здывувалыся.

— И чого-бъ то ёму такъ упадаты за дытыною! Адже жъ не свое, жырове! Якъ-бы Богъ прынявъ, то було-бъ найкраще!— миркувалы бабы.

Не втерпилы, колысь и Карпови самому закынулы таке пытання.

Подывывсь, подывывсь на ихъ Карпо, спершу було повернувся иты, а потимъ зновъ пыльно-пыльно глянувъ, тай каже:— у церкви буваете? чувалы таке: «хто прыйме дытя во имья мое, той мене прыймае»? А ще таке: «сихъ бо есть царствіе Божіе»? То-то бо й йе!—Замовкъ и пишовъ зъ дытыною до хаты. Бабамъ зацыпыло, але не зовсимъ. У ихнихъ неспокійныхъ головахъ ранишъ крутылася думка: якъ-то Карпо не поповчывъ жинкы за нажыровану дытыну, а теперъ: якъ такы, щобъ серце прывернулося до ціеи дытыны дужче, нижъ до своихъ? Незабаромъ прычепылась ще й третя: чы не штундарь часомъ винъ? Не дурножъ усе длубается у кныжкахъ та на очи заразъ Евангелію тыче?

Доказомъ, хоча й невыразнымъ, було те, що якось Карпо не по людськы поводытся: до коршмы николы не пиде, до суду тежъ

не пишовъ за свидка, хочай мусывъ за те штрафу 5 карб. оддаты, звычаивъ якось не дуже держытся, все своимъ розумомъ жыве, навить лайкы, якои усякый хрещеный вжывае, нихто одъ ёго не чувавъ. А хто-бъ що ни почавъ розсказуваты—винъ, гляды, потроху и зведе на святе пысьмо, и то не тильки въ недилю або свято, а й у будень и на всякому мисци. Чы не штундарь часомъ потаемный!

Потроху диты очуняли. Здоровисенька Настя росла—налывалась, якъ те яблучко, а слабовыта Вивдя хырила, скнила, а все не хтила вмираты.

Неразъ и сусиды, и Мотря нарикалы: и колы вже тебе Богъ оберне чы туды, чы сюды!

— Не рушъ!—спынявъ Карпо: Вивдя моя!—не нарикай: може насъ тильки черезъ неи Богъ и на свити держыть?—На такый доказъ Мотря не мала що й казаты, але Вивди не любыла.

Настала весна, за нею й лито. Оджыла Мотря на свижому повитри пидъ гарячымъ сонцемъ, невпынною працею переборола свою нудьгу. Зновъ и щокы налылыся, якъ калына, рукы набралыся тіеи-жъ моторнои сылы, очи сыпалы искрамы, а голосъ, дзвинкый та перелывчастый, лясковивъ на все подвирья, лунавъ у вербахъ на левади и далеко одбывався у лиси.

— Король-баба!—казалы за неи парубкы и чоловикы, та тильки слынкы ковталы: Мотря була гостра на языкъ и на руку важка, а навить въ самихъ іи бровахъ густыхъ, що зрослыся до купы, сыдило щось таке, що хочъ и не пидступайся! Передъ однымъ Карпомъ ти бровы розходылыся, и ясный, безкраю ясный та глыбокый поглядъ свитывся зъ-пидъ тихъ бривъ.

Карпо любывъ свою красуню-жинку, пышався нею й жалувавъ; що ярмарку прывозывъ ій гостынця,—то хустку, то очипка, то хвартуха.

— Добро тій Мотри, ій-бо!—завыдувалы сусидкы:—гладка якъ корова стала! А винъ ій годыть якъ болячци! Ще й дытыну самъ бавыть!

— Ой смихота! иду я, сестронькы, учора повзъ ихъ плить, а винъ, голубонькы, сыдыть та бавыть оту безногу: ляльку зъ онучи звертивъ,—котка спивае!

— А воно?

— А воно—чуете—горнется до ёго, тулытся, белькоче!

— Що то дытына! хто прыголубыть, той и ненька.

— Эге, чуете! А Мотря а ни гадочкы! Накынула чоловикови байструка, видсахнулася видъ ёго, наче то не іи провына, тай похожае соби, мовъ та королина!

— Та цытьте: радіе, що другои дытыны сподивается! за цю, мовлявъ, не выбыватымуть очи.

— Такивська, щобъ далася! Сама усякому жывцемъ выдере зъ лоба: я, мовлявъ, теперь мужня жона!—Судылы, судылы сусидкы, а якъ запрохалы ихъ Карпо та Мотря на хрестыны, то не вагаючысь пишлы. Та таки любьязни та прыемни. Нанеслы Мотри и курей, и яець, и пшона, и сами такъ и пыжуть очыма, такъ и снують на вуха, прымичають усе, що й якъ идется у чуднiй «штундарьскій» хати.

И не дурно.

Ще на родынахъ Карпо здывувавъ и навить образывъ бабивъ: винъ таки-такъ и не выйшовъ зъ хаты, зоставсь пры жинци, то колышучы Вивдю, то звертаючысь до Мотри. Ёму тяжко було слухаты іи стогинъ, бачыты іи мукы, але винъ не видходывъ и потишавъ іи, чимъ можна: то воды подасть напытысь, то за рукы подержыть, то збрызне водою, якъ вона зомліе. Тяжке таки родыво було. Нарешти знайшовся хлопець головатый, сыній, пивмертвый,— всылу вже баба оджывыла ёго, нахукуючы та наплискуючы бидне голеньке тило. Бабы страшенно метушылысь: готувалы купиль, шукалы сокыры, щобъ на ій пупа ризаты, вузденкы шукалы. А тымъ часомъ знесылына породиля зомлила й захолола. Карпо глянувъ—и не своимъ голосомъ крыкнувъ на бабивъ, щобъ кынулы оти никчемни забобоны та рятувалы слабу. Це вже було цилкомъ негречно, и баба-бранка зовсимъ було роспрындылась. Але робыты ничого: зъ Карпомъ не жарты, и вона сякъ-такъ опорядыла слабу жинку. Карпо сивъ коло неи, байду-

жый вже до того, що тамъ вyроблялы бабы, зибравшыся коло ночовъ, якъ воны зъ усякымы прымовкамы купалы, повывалы дытя, вгадувалы на кого воно схоже, згадувалы, що саме сталося, яко воно знайшлось! Чы пивень кукурикнувъ, чы зъ полыци горщыкъ упавъ, чы собака завывъ за викномъ. Одна вчула одне, друга—друге, третя не чула ничого. Вси тры сперечалыся, а Карпо сміявсь, ажъ за бокы бравсся.

— Отъ повыгадувалы бабы! Чы то-жъ справди законъ?..

— Та тоби-бъ усе законъ та святе пысьмо! Преподобывся!— сердыто одгрызалыся бабы:

— Отъ бувъ чоловикъ, якъ чоловикъ; зъ москаливъ прыйшовъ—пивтора людського: усе не такъ, усе ёму смишно та чудно!

Якъ охрестылы хлопця, зновъ не безъ чуда: прынеслы ёго батькови, винъ узявъ, навить поцилувавъ, а дали й забувъ и зновъ тягавъ на рукахъ безногу Вивдю. Гости пылы, йилы, Карпо балакавъ, прыпрошувавъ, частувавъ, якъ слидъ. А колы вже баба подавала квиткы и пишло пыття вже въ складчыну, колы повезлы бабу на колешни та почалы выпываты усяки выпывкы, якъ бува на похрыстынахъ,—смырный Карпо чогось обурывся.

— Чы то такъ уже варто вси оци забобоны сповняты? Чы то комусь потрибно, корысно? Хиба Юдкови самому?

Мотря вмовляла, благала чоловика, щобъ не ображавъ людей, бо то-жъ такъ поводытся, то звычай такый.

— А колы поводытся и тоби до вподобы, то ты-жъ сама и панькайся зъ нымы, а мени протывно навить дывытысь на ихни пьяни пыкы! Не хочу я отого паскудства въ своій хати бачыты!

Карпо загорнувъ безногу у свыту и подавсь ажъ на другый кутокъ, до свого дядька.

Але и въ дядька ёго не ухвалено: дежъ-такы! оказія въ хати, люде, а винъ тикае, неначе одъ неславы!

Що це винъ самъ проты всихъ, уси звычаи зломыты хоче?

Але Карпо своеи проводывъ и вернувся до-дому тильки тоди, колы мыру вже не выдно было коло ёго хаты.

Мотря швыдко очуняла й тишылась своимъ головатымъ Мыколкою и сама вона наче росла и мицнищала день пры дни. О, вона теперь вже не спускала очей передъ Карповымы, не замовкала, колы винъ почынавъ розбираты кожне зъявыще и до всего прыкладаты слова зъ св. пысьма.

— Ну, то що?—обзывалася вона:—то пысання, а то мы... де вже намъ зъ праведнымы огиркы йисты, хочъ бы розсолу далы! Одынъ Богъ б езъ гриха, а мы люде гришни! Добре отимъ ченцямъ та попамъ зъ святымъ пысьмомъ носытысь, а въ насъ гараздъ нема ёму де й мисця прыбраты: корпаемось у земли, у гнояци, потомъ улыти, пыломъ прыкрыти... Хиба Мылосердный не бачыть и такъ насъ усихъ! Наша доля, мужыцька, вже звисно яка; одно—робы, та ще такъ робы, щобъ и самому зъ диткамы добре було, и люде щобъ не судылы. Та и що ты соби у голови покладаешъ? Ты-жъ одынъ, а проты тебе усе село! Чы ты-жъ дужчый, чы розумнищый одъ усихъ, отакъ мудруючы? Гляды-но, Карпе: не осуружуй людей, зъ нымы-бо въ сусидсьтви викъ жыты доведется?—Такъ видмовляла Мотря на Карпови западто праведни речи.

Але не такою оберталася вона до селянъ, яки часомъ дратувалы іи, натякаючы на штундаря. О, тоди й вона згадувала клаптыкы зъ св. пысьма, и вона вмила нымы повертаты такъ само зручно, якъ и всима одвичнымы селянськымы прымовкамы— и балакучымъ бабамъ зациплювало.

— Та вже й ты розумна! Не дурно й Карпыха!

— Та Карпыха-жъ!--одгрызалася Мотря:—не крыюся зъ тымъ! А чимъ вамъ Карпо въ горлянци застрявъ? Тымъ, що пысьменный? Отже усяке скаже, що правда, бо тяжко-пысьменный—чы до чытання, чы до пысання, чы до рахунку. А выгадкы оти ваши дурни!

— Та то винъ вміе!—ехыдно протягувала якась.

— Або що? або винъ робыты не вміе? Чы на поли, чы вдома, чы зъ сокырою? Адже—кого-жъ клычуть сусиды, кому заробляты дають?

— Та розумный же, розумный; якъ турбивськи штундари! Ти те-жъ тяжко-пысьменни, и непьющи, и працёвыти—ге-ге!

— Ну й ироды! А хиба-жъ мій до церквы не ходе? не говіе? Дитей не хрестыть?—крычала вже Мотря. Та онде ввійдить до хаты та гляньте по образахъ:—дывится, бодай вамъ повылазыло!

Але якось Мотря такъ умила зъ людьмы лаятысь, що и до Карпа не доводыла. Вона, наче старша сестра, берегла ёго одъ ихнихъ нападивъ. А особлыве стыщувалась Мотря передъ тымъ кохашіямъ та пестощамы, якымы Карпо надилявъ іи безногу Вивдю

— Господы, якый винъ!—зитхала вона соби, хоча й въ хати верхъ бувъ іи и скризь чувся іи дужый владный голосъ.

Рокы плывлы. Пидросла Настя, почала выривнюватысь на гарну дивчыну, пидрисъ и Мыколка и жваво бигавъ, ляскаючы батогомъ; у хати лазыло й пыщало ще зо-двое, а Вивдя такъ и лышылася «малою Вивдею,» безногою каликою. Воно, сказаты, и ногы у неи булы, та тильки вона не орудувала нымы, воны булы нибы пároвткы, ото якъ часамы картопля у лёху попускае. Та и зъ себе була щупла, тоненька, якъ былыночка, а гарна-прегарна и до всёго велыка здильныця: чы помережаты, чы пошыты, чы намалюваты, пряха зъ неи на все село була, а вже пысанокъ нихто такыхъ було не намалюе. И де въ неи бралося! Та й те сказаты: не жалувавъ батько ничого, щобъ потишыты бидну калику: и грамоты вывчывъ, и кныжокъ накуповувавъ, малюнкивъ роздобувъ то на ярмаркахъ, то у двори въ панивъ, а що було трапытся вильна хвылына, чы свято прыйде, то розсказуе про все, що самъ бачывъ, чытавъ, чы одъ людей чувъ. Дитвора було коло неи горнется, бо такыхъ казокъ ни одна баба на сели не вмила, та ще якись новитни, и такъ було каже, шо неначе вона сама пры тому була, сама те все на соби одчула.

Тильки що року худла й худла дивчына, а очи ій ставалы сынищи та бильши, а густа русява коса обважнювала гарну головку. Маты зитхала, гублячы надію, що дивчына колысь одужае, и зъ жахомъ прыдывлялась до облычча доньки, де такъ и вымалювався красень-Квицинськый, що вже тоди вмеръ.

— Кара Божа!—зитхала нышкомъ Мотря.

— Мылость Божа!—называвъ іи у голосъ Карпо.

— И колы вже тебе Богъ оберне чы туды, чы сюды!—казалы байдужи здорови люде. Имъ, яки звыклы до праци, й цинувалы по-надъ усе сылу та здоровля, здавалося, що ця хвора дивчынка зовсимъ никчемна, дурно на свити жыве, и воны тильки дывувалысь, де це въ неи берется стильки красы въ іи безкровному лычку, де набырается стильки розуму въ малій голивци, що винъ ажъ черезъ край перелывается, свитыть зъ сынихъ очей, дзвеныть у розумнихъ не по дытячому речахъ?

Воны якось не зважувалы, що не дурно-жъ Карпо вси свои думкы, вси занехаяни людьмы речи перелывъ мымохить у малу дытячу душку. Часто-густо було батько и дочка безъ ричей дывылыся одне одному въ-вичи, наче мовчкы розмовлялы зъ собою. Карпо и дывувавъ и радивъ, що до всёго спрытна ёго кохана донька, а тильки не разъ боляче ёму тёхкало серце, що недовго вона нажывется на свити та натишыть ёго своею янгольською вдачою.

И правда, на 12-му роци, колы Настя вже дивувала й на досвиткы ходыла, стала Вивдя дуже швыдко вьянуты, тануты, мовъ свичка. Иначе нищо й не болило ій, а тильки сылы все меньшало и мала голивка на тонкій шыи хылылася пидъ грубымы косамы, мовъ неполыта квитка.

Мотри зъ болемъ прокынулося серце: вчула вона, що недовго нажывется дытына и сумлиння точыло іи, мовъ шашиль, що мало зазнала Вивдя одъ неи ласкы. Мотря, палка якъ и завше, одразу хтила надолужыты и тильки гирше турбувала слабу.

Пойихавъ якось Карпо зъ хурою каменю у Кыивъ. Довго чогось не було ёго, а Вивдя, якъ иначе та пташка пидстрелена,—кыдается, роспытуе, чы скоро прыйиде батько.

— Та що тоби, Вивде! Може болыть що?

— Ни!

И зновъ до викна, и зновъ ажъ стрепенется, колы вчуе здалека воза.

Клыче колысь матиръ.

— А що мамо, жалуватымете, якъ я вмру?

— Що це ты, Богъ зъ тобою, дытыно!

— Та ничого... Тильки якъ мене не буде,—матусенько, жалуйте татка, ой жалуйте ихъ!.. Оти мали не пожалують, якъ я... не вміють.

— Та звидкы ты знаешъ, що помрешъ?—дывуется Мотря.

— А то мени янголомъ звисточку дано.

Такъ и не допыталася маты, яка то звисточка. А тильки батько на поригъ, дивчына, ажъ засяяла.

— Отъ,—каже—я й знала, що такы диждуся! Батько ій навизъ и намыста, и стричокъ, и хрестыкивъ, усякого гостынця. Подывылась.—

— Ще, каже, виночка бракуе!—

Здывувавъ батько, що не радіе, иначе не догодывъ. Однакъ третёго дня пойихавъ до миста (до коваля дило було), купывъ уже ій, якъ хотила, гарного винка. Прывизъ,—та ажъ затрусылася. Вбралася; усе поначипляла: и стричкы, и намисто.

— Що,—каже:—гарна я?

— Гарна, гарна! Та и колы жъ це моя Вивдя не була гарною?

— А скоро ще кращою буду!—загадано сказала вона.

Маты десь була на чужій роботи; Настя на вгороди поралася, диты бигалы на двори,—Вивдя и кличе батька.

— Ось сидайте лышъ тату, та слухайте: оце жъ я вамъ помру, скоро-скоро помру, я й то черезъ сылу оци дни выжыла, покы вы йиздылы до Кыива.

Карпо тильки похнюпывся мовчкы.

— Помру, тату, любый! Тильки вы не плачте: якъ любыла тутъ, такъ и на тимъ свити любытыму. Тутъ мени не гараздъ було—тамъ краще буде, бо тамъ же Винъ, Хрыстосъ! тамъ уси ти труждающіися и обремененніи, що винъ заспокоивъ. Туды, татку, и вы колысь прыйдете, Винъ васъ прыйме, бо знае, що и вамъ важко, хочь вы й не скаржытесь... може зъ цёго села васъ одного тильки и прыйме! а я васъ чекатыму, любый, дорогый! Одне мени болыть, що никому буде безъ мене васъ розважыты.

Та що це я!—У васъ Евангелія:—чытайте іи, тату, чытайте и другымъ дитямъ, якъ мени чыталы, навчайте ихъ, може ти нерозумни швыдче й лучче васъ послухають, бо за розумныхъ шкода!

Не плачте-жъ, таточку, не обважувайте моеи души. А теперъ поклычте матирь и Настю.

Карпо гукнувъ Настю, пославъ іи по матиръ.

Вивдя лежала и важко дыхалы; часамы іи дуже схоплювало за серце, часамы одпускало, ставало зовсимъ легко, слаба пидводылась и дывылася, пыльно дывылася въ садокъ, де пахущи яблуни тыхо ронылы цвитъ на яро-зелену высоку траву. Сонце вже стояло въ вечирнимъ упрузи.

Мотря вбигла въ хату, якъ несамовыта.

— Донечко моя! зирочко моя! Що це ты надумала! Вивдя зблидла, наче хто одразу выссавъ ій усю кровъ, и затремтила. Мотря прыпала до подушкы.

— Тыхо! не рушъ!—сказавъ Карпо.

Ледви-ледви, якъ шелестиння былыночкы, вчувся вгасаючый голосокъ:

— Мамо! тато! Насте! уси простить!..

Ясно усмихнулася, шыроко одкрыла сыни очи та такъ и затыхла. Сыни очи дывылыся, все дывылыся, тильки выдко було, що вже не бачылы воны и зъ ихъ помалу сходывъ той жывый поломинь, що завше жеврнвъ и усякого зогривавъ своею ласкою...

Сонце сидало. Червонымъ сяйвомъ залыло воно всю хату, такъ що й стины, помащени зеленкою, повеселищалы, били подушкы на полу рожевилы, а Вивдыне лычко на тихъ подушкахъ ажъ палало. Тильки въ ёму вже не було жыття. Сило сонце. Зелени стины зновъ набралы свого мертвого колиру, а покійныця въ билыхъ подушкахъ лежала, мовъ жовта воскова свичечка.

Мотря и Настя голосылы навзаводы.

— Не рушъ! не турбуй!—тяжко озвався Карпо,—не вмила любыты, вмій хочъ поховаты, якъ слидъ! Тильки й було ёго слова, але яку сылу винъ у ихъ вклавъ! Мотря якъ стояла, такъ неначе іи въ землю ввигнало ковальскымъ молотомъ, ажъ прысила якось.

Гарно ховалы Вивдю: вбралы іи въ найкращу сорочку, що вона-жъ сама вышывала; голивку іи ряспо облягавъ гарный винокъ, пышни косы булы перевыти барвыстымы стёжкамы. Дивчата поназносылы безличъ пахучого зилля й квитокъ, обклалы кругомъ, усю труну засыпалы квиткамы, щобъ и мертва тишылася нымы, якъ за жывота тишылася. Остапа, найкращого зъ сусидськыхъ хлопцивъ, обралы за молодого, прышылы квитку й ёму, подружкы, не то зъ свого кутка, а трохы не зъ пивъ-слободы, зибралыся провожаты сумне весилля безногои Вивди. Карпо не боронывъ жадному зъ тихъ дитклывыхъ звычаивъ:—винъ бувъ наче далеко десь, наче стежывъ очима за душею доньки, що незрымо для всихъ, окримъ ёго, одлитала.

— Ой гарно-жъ ховають Вивдю! Дай Боже усякому!—дывувалы люде.

—Такъ-такъ!—хыталы бабуси головамы:—погано жыло, такъ хочъ умерло гарно! Такъ це ій, сердешній, Богъ давъ! на все Его свята воля!

— Ой сестрычкы! Я хочъ-бы й заразъ умерты, абы мене такъ гарно поховалы!—обзывалась то та, то друга дивчынка.

День бувъ гожый; сонце гыскрило на хрести, на лыхтаряхъ; тыхый витрець маявъ корогвамы, птахы спивалы по вышневыхъ садкахъ и не лякалыся, колы поузъ ихъ тыхо-прыстойно йшовъ похоронъ. Батюшка правывъ такъ пронык лыво, ажъ за душу брало, школяри зъ дякамы гарно спивалы. Народъ мовъ за плащаныцею сунувъ набожно за малою труною.

Мотря голосыла такъ жалибно та прыкладно, що уси бабы, молодыци и дивчата хлыпалы.

Одынъ Карпо морщывся, чухавъ иноди чупрыну та часомъ сипавъ Мотрю за полу.

— А годи тоби верещаты! Потрибна іи души оця твоя нисенитныця!

Але Мотря сердыто вырывала полу и зновъ заводыла у голосъ. Тай якъ-же: уси дывылыся на неи! Дытыну-жъ ридну, не цуценя ховае! Тай самъ же сказавъ: «не вмила любыты, умій ховаты»! То чого-жъ винъ ще вымагае одъ неи, отой премудрый?!

Карпо нарешти не выдержавъ лементу жинкы та дитей, выпередывъ похороны, выпередывъ навить хлопчыкивъ, що бiглы поперед процесiи, наче винъ поспишавъ, щобъ скорище позбутысь покiйныци. Це вже якось не годылося.

— Ну, тай невигласъ!

— Справди, наче штундарь якыйсь!—гомонилы подекуды.

Поховалы Вивдю, вернулыся до-дому. Сидаты-бъ обидаты,— батька нема. Клыкалы, шукалы, чекалы, та такъ и мусилы сидаты безъ ёго: не одпускаты-жъ батюшкы та й весь мыръ безъ обиду!

Вже потимъ прыбигъ хтось зъ хлопцивъ тай каже!—а тамъ дядько Карпо на могыльци, та плачуть! Такъ пла-ачуть! Ажъ туга по цвинтарю йде! я ажъ злякався—втикъ!

Мотри николы було плакаты: треба було гостей частуваты, прыпрошуваты, самiй до всёго кынутысь, бо хазяина въ хати не було. И звывалася молодыця, якъ на вытушци—то до столу, то до печы, то въ комору, не глядючы на те, що й помишныци булы. Не безъ того вже, що якъ заведе хто розмову жалибну про померлу Вивдю,—той скотытся слёзына, якъ той бибъ, але що робыты? Швыдче втре iи Мотря и зновъ до людей звывайся! Досыть вже, що той начудотворывъ.

Другого лышь дня вернувся Карпо до-дому. Прыйшовъ, узявся до роботы. Усе пишло, якъ и доси йшлося: праця змынялася працею, клопоты надiямы, ти—зновъ клопотомъ. Диткы рослы, якъ зъ воды. Мотря такъ само порядкувала у хати. Але Карпо зъ того часу одминывсь: схудъ—не схудъ, а тильки неначе пыломъ прыпавъ: ни ясного погляду, ни веселои усмишкы на выду, ни красной та прыкладнои промовы на вустахъ.

— Чого це ты тужышъ—га? Чого ходышъ, якъ тума тая? Ще, хай Богъ мылуе, прытужышъ соби покiйныцю! а въ тебе-жъ диткы маленькы!--вмовлялы було ёго бабы.

— Этъ, выгадкы! Прытужышъ! Та я-бъ може й радый прытужыты, хай-бы прыйшла та забрала мене у свiй тыхый рай. Колы-жъ годи: мертвый зъ гробу не встае! Хочъ бы прыснылася колы!

— Чы бачылы таке!—сплескувалы въ долони бабы.

— Прытужыты бажае! И перелёту не боится! Це вже, Духъ Святый пры насъ,—Богъ ёго знае що й таке!

— Та ты-бъ помолывся за іи душу!—параилы ёму старисыви диды:—и ій легше було-бъ на тимъ свити, тай тоби трохы-бъ смутку одибрало.

— Молытысь за оту праведну янгольску душу?! Та нехай краще вона за насъ Богу молыть! Наши молытвы гришни и брудни проты неи!

И що ни казалы, вже й дякъ вмовлявъ, и чорныця Горпына, щобъ молывсь та на часточку подававъ або щось на сорокоустъ пожертвувавъ,—одно тоби правыть:—не буду я за неи молытысь! не вартый того!

— Ну, чы не штундаръ же?—ще бильше пишла поголоска по всёму селу.

А той, кого звалы штундаремъ, не разъ сыдивъ зъ розгорненою Евангелею и, забувшы те, що заразъ прочытавъ, усе перевертавъ думку, що цвяшкомъ засила ёму въ голови: «возьмите иго мое, ибо иго мое благо и бремя мое легко есть».

Не легке було ёму те бремя, бо здается-жъ робывъ винъ такъ, якъ Богъ прыказавъ: проты кровы, проты души своеи робывъ, переборовъ усе гришне—людське у соби и легшало було, але отъ бачъ! Не слухають ёго, сміются, якъ винъ, проповиднykъ, оттеперъ самъ соби рады не дасть. И такый винъ самотній, такый нерозрадный, навить у ридній своій родыни!

Якось прыснылася ёму Вивдя: вона зъ ласкавымъ докоромъ нагадала ёму, якъ просыла ёго прыхылытыся душею до малыхъ и имъ выкладаты проповидь Хрыстову.

Ажъ прояснивъ Карпо.

Незабаромъ, якъ тильки впорався трохы зъ оранкою, зъ зяблею,назбиравъ дитворы до своихъ двохъ, почавъ учыты ихъ чытаты-пысаты, молытовъ, а тымъ часомъ розказувавъ имъ про Хрыста та про ёго святыхъ. Зновъ повіяло мыромъ и злагодою у Карповій хати: Мотря тишылася, якъ менши диты берутся грамоты, яки воны, нивроку, розумненьки. Ій було краще прылягало до серця, колы мале у голосъ выводе яку молытву, нижъ самъ Карпо. Люде не боронылы Карпови, ще й ради булы, що грошей не бере, и диты не пустують, и сами набывалыся дитьмы.

Днипрова Чайка.

Житье—бытье лубенскаго крестьянина[1].

(Продолженіе).

Семья.

Хозяинъ и хозяйка, предметы ихъ вѣдѣнія и отношеніе ихъ между собою. Престарѣлые хозяева. Сыновья, невѣстки, дочери. Искусственная семья. Семейныя пѣсни. Заключеніе.

Предки украинцевъ должны были пережить, какъ и другіе народы, постепенно различныя формы семьи, начиная съ матріархальной, въ основаніи которой лежитъ отношеніе матери къ ребенку, а сущность заключается въ установленіи родства по матери, потому что въ групповомъ бракѣ отчество опредѣленно и достовѣрно лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, материнство же всегда очевидно[2]. «La maternité,—говоритъ Жиро-Телонъ,—est toujours une donnée indiscutable et la seule: la paternité au contraire une simple fiction juridique»[3]. Доказательствами прохожденія предками малороссіянъ матріархальной ступени семьи слу-

---

[1]) См. „Жит.-быт. луб. крест." въ Кіев. Стар. 1902 г. IV, VI, X и 1903 г. II, III и VII—VIII.

[2]) Герб. Спенс. Развит. полов. отнош. С.-Петерб. 1899 г. 77—79, Ю. Липпертъ. Истор. культ. II, 146, П. Бартъ. Филос. истор. какъ соціол. С.-Пет. 1900, 505.

[3]) Les origines de la famille. 1874., 54.

жать: указаніе лѣтописи на отсутствіе у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, напр. древлянъ, постоянныхъ браковъ и брачнаго сожительства, каковое отсутствіе, при неизвѣстности, неопредѣленности отца, вело къ господству дяди по матери въ семьѣ [1]). Другимъ доказательствомъ матріархата является сохранившееся въ брачномъ обрядѣ преобладаніе роли матери и брата [2]); также величаніе матери въ народныхъ пѣсняхъ, иногда въ ущербъ отцу [3]).

Къ смѣнившему материнство патріархату привело частью размноженіе материнской семьи, прекратившее возможность родичамъ, разошедшимся на далекое разстояніе, оказывать покровительство женщинѣ и вынудившее послѣднюю, вмѣстѣ съ дѣтьми, искать ближайшей опоры въ мужѣ [4]); преимущественно же расширеніе хозяйства, обнявшаго рабовъ и животныхъ, покоренныхъ и прирученныхъ мужчиной, какъ воиномъ и охотникомъ. Поэтому сущность патріархальной семьи выразится въ преобладаніи отеческой власти надъ лицами и вещами, и самое слово familia означаетъ собственность: поле, домъ, деньги, рабовъ, а не

---

1) М. Ковалевскій. Очеркъ происх. семьи и собств. С.-Петерб. 1895 г. 34.

2) В. Охримовичъ. Знач. малор. свадебн. обряд. въ Этн. Обозр. 1891 г. XI и 1892 г., IV и рецензія на этотъ трудъ въ Кіев. Стар. 1892 г. V, 276—277.

3) Напр. въ погребальномъ плачѣ мать называется: моя правдонько, моя покровонько! (въ моихъ «Нар. обр. и пѣсн. луб. у., 190 и слѣд.), а въ поговоркахъ о ней говорится: „Матинка ридна лучче всёго свиту, нема роду риднійшого надъ матиночкы. Що тато, то не мама". (Номисъ. Укр. Пр. 180). Тотъ же смыслъ имѣетъ и записанная мною пословица: „Батько дытяти, якъ бугай теляти". Но малорусскій матріархатъ былъ древнѣйшей формой семьи, и утвержденіе Макъ-Ленанна, а за нимъ: Жиро-Телона (Les orig., 15) и Ш. Летурно (Соціол., основ. на этногр. Ш, 75), что у запорожцевъ генеалогія шла по женской линіи, особенно направильно и странно, такъ какъ въ Сѣчи никакой семьи не было и запорожцы приходили въ Сѣчь отовсюду.

4) М. Ковалевскій. Очер. происх. сем. и собств. 41.

происхожденіе [1]). «Ce que les romaines entendaient par familia,—говоритъ Жиро Телонъ,—ne réveillait ni l'idée de generation, ni celle de parenté physique, et ne signifiait rien autre chose, que la propriété» [2]).

Но если отдаленный матріархатъ оставилъ, какъ пояснено выше, довольно опредѣленные слѣды въ малорусcской семьѣ, то тѣмъ болѣе глубокое вліяніе долженъ былъ оказать на нее патріархатъ. Въ самомъ дѣлѣ патріархальное міросозерцаніе, вытекающее изъ экономическаго прогресса, отразилось и на малорусскомъ народномъ воззрѣніи на жизнь и на идеалъ жизни, какъ на сомобытную хозяйственную дѣятельность, представляющуюся малороссу не только средствомъ, а какъ бы даже самой задачей существованія. Многочисленныя народныя пословицы и изреченія, разбросанныя въ сборникахъ Номиса и Чубинскаго [3]), указывающія на предпочтеніе хозяйственной дѣятельности всякой другой; колядки, щедривки и другія пѣсни, величающія хозяйство; самыя сло́ва: хазяинъ, хазяйка, хазяйській сынъ, хазяйська дытына, звучащія похвалой,—все свидѣтельствуетъ объ указанномъ народномъ идеалѣ. Поэтому изученіе мѣстной крестьянской семьи удобнѣе начать съ представителей: хозяина и хозяйки.

Первому принадлежитъ важнѣйшая, существеннѣйшая сторона хозяйства, заключающаяся прежде всего въ сохраненіи порядка, т. е. совокупности пріобрѣтенныхъ средствъ существованія, и въ направленіи ежедневной жизни, сообразно времени года и другимъ условіямъ. Хозяинъ долженъ съ вечера нарядить каждаго семьянина на опредѣленую работу въ полѣ, на усадьбѣ

---

[1]) Энгельсъ. Происх. семьи, собст. и гос. С.-Петерб. 1899 г., 47. Фюстель Куланжъ. Древн. Общ. 151.

[2]) Les orig. de la fam. 206.—Въ старинномъ словарѣ Thesauri pol.-lat.-graeci, слово фамилія переведено на польскій какъ czeladz, majętność, dziedzictwo. Итальянское famiglia означаетъ также составъ хозяйства, дома, домашнихъ и прислугу.

[3]) Онѣ сгруппированны въ ст. В. И. Василенка: „Земледѣл. по укр. нар. воззр.“, вмѣстѣ съ цѣнными наблюденіями автора надъ народно-хозяйственною жизнью.

или послать на ярмарку, въ лѣсъ и т. д. Но кромѣ поддержки хозяйственнаго состоянія, хозяину принадлежатъ также и заботы о постоянномъ и временномъ улучшеніи хозяйства: прикупка земли, устройство мельницъ, олейницъ и другихъ построекъ, пріобрѣтеніе орудій производства, напр. желѣзнаго плуга, вѣялки и т. п., подготовка кредита. Для осуществленія такихъ задачъ хозяинъ, по народному понятію, долженъ обладать организаторскими способностями: собственнымъ почином и самостоятельностью. Онъ не долженъ часто совѣщаться—«позычать розуму»; только въ болѣе важныхъ случаяхъ необходимо ему посовѣтоваться съ семьей. Онъ долженъ быть трудолюбивымъ [1]), умѣлымъ,

---

[1]) Здѣсь кстати будетъ привесть нѣсколько пословицъ и поговорокъ, записанныхъ въ лубенскомъ уѣздѣ, о богатствѣ, бѣдности и ихъ причинахъ:

Нехай йимъ завысть, а намъ корысть.

У кышени усёго багато, тильки батька нема.

Багатый я? Багато де чого нема.

Хома, Хома! чого въ тебе нема?

У васъ и вода зъ рыбою, а въ насъ и борщъ писный.

Таки злыдни, съ чого потягты?

Злыдни просылысь на тры дни, а за тыждень не вырядышъ (Вар. у Чубинскаго. I, вып. I, 254).

Ни трисне, ни лусне—нема хлиба й окрайця.

Хлиба на брязку.

Хлиба шо въ души, а одежи шо на хребти.

Хто раньше вставъ, той и вдине (такъ мало одежды).

Такый зъ тебе хазяинъ, якъ изъ жыда.

Я й не коваль, та лучче бъ ухнали затесавъ.

Ну й порается, товчется, мовъ дурень зъ ступою.

Дурный пипъ, дурна ёго й ричъ (вар. у Чубинскаго. I, 280 и у Манжуры. Сб. Хар. Ист. Фил. Общ. II, 165).

Казавъ бы Хома, такъ сливъ нема.

Радуйтесь! ракъ зъ неба спускается.

Обицанка дурному радисть.

Дае, та зъ рукъ не пускае.

спокойнымъ, дѣло дѣлать безъ суетливости и хвастовства. «У хорошого хазяина у горо́ди чысто, хлиба чымало, худоба сыта. Дру-

---

Якъ дома пообидаешъ, той въ гостяхъ дадуть.

Робить, йижте! Будете робыть, будете йисты!

Якъ получышъ горе, буде й добро.

Нажывы легко—пропаде, нажывы зъ горемъ—буде.

Хто рано встае, тому Богъ дае.

Не тоди хортивъ кормыть, якъ иты на вловы, а попереду (вар. Чубин. I, 272).

Зроблю на мамай (на авось).

За схоткы—охоткы.

Поривняй, Господы, пизнёго зъ ранимъ!

Спы—доспышся, робы—доробышся, гуляй—догуляешся.

Сонъ та очи наймыльнійши чоловику.

Якъ бы хлибъ та одежа, то сиды въ хати та йижъ лежа. (Вар. Чуб. т. I, в. II, 264, Василенко. Землед. по укр. нар. воззр. 10).

Мгычка лошя зйила. (Чоловикъ не ставъ и не пишовъ до коней, що мрячка, а вовкы лошя зйилы).

Чого ты такъ тыхо идешъ, якъ лынъ по дну? (вар. Номисъ. Укр. прык. 65, въ другомъ смыслѣ: будь тихимъ).

Пунци та гробци ведуть у старци. (Издержки на родинахъ и похоронахъ разоряютъ).

Горилка свичи не поставыть, а звалыть.

Пье ледащо, бо въ ёго йе защо, а мы бъ и добре пылы, такъ у насъ низащо (вар. у Комарова. Нова збир. Одес. 1890, 70).

Вредныя послѣдствія пьянства выражаетъ и слѣдующая козацкая пѣсня:

Ой хмелю мій, хмелю, тонкая хмелыно!
Треба зъ тобою, хмелю, зъ розумомъ жыты:
Не по повній чари медъ-горилочку пыты,
Бо горилочка тума зведе парня зъ ума.
Ишовъ парень у корчму якъ панська дытына,
Выйшовъ парень изъ корчмы, якъ мать народыла,
Бодай же ты, корчмо, сю ничку згорила,
Якъ ты мене молодого, изъ свита зьялыла!

(Отъ кр. м. Снѣтина Маріи Галавуровой).

тому пиде, що й пышо робыть, а въ хазяйстви хороше. Другый товчется, товчется, а дила не выходыть». Рискъ и соединенныя съ нимъ предпріятія не одобряются. «Рысковытый—не гарно: чы поймае, чы ни? Бува такъ що вдвое покыне. Прасолъ иноди заробыть рубъ, або два, а бильшъ доложыть. Ни одынъ не розжывся зъ прасольства. Прасолы не хороши хазяины: не забожысь дурно, ничого не выгра и не одурыть чоловика. И чумакы не дуже гарни. Чого бъ же хазяинъ пойихавъ пидъ фуру, хыба въ його нема дила? Найлучше хто копается у земли». Такимъ образомъ кругъ хозяйственной дѣятельности хозяина обнимаетъ преимущественно поле [1]) и все то, что съ нимъ прямо или косвенно связано. Какъ раньше описано [2]), съ Благовѣщенья начинаются яровые посѣвы. Обсѣявшись, хозяинъ пашетъ огородъ, поправляетъ кровли, плетни и очищаетъ усадьбу, вывозя навозъ. Затѣмъ, пашетъ на просо и позже на гречку. Начинаются лѣтнія работы: косовица и жатва [3]), съ промежуткомъ для пахоты на паръ. Убравъ хлѣбъ съ поля, хозяинъ старается обмолотить его ранней осенью и пашетъ на зябъ. Свозитъ огородныя овощи, копается въ саду и обставляетъ хату на зиму. Зимой же хозяинъ домолачиваетъ остатки хлѣба въ клунѣ и возитъ его молотить: подряжается иногда на разныя поставки; ухаживаетъ за скотомъ: плететъ ясли, подкладываетъ кормъ и очищаетъ навозъ. Къ веснѣ подготовляетъ орудія производства. Занимаясь такъ существенно хлѣбопашествомъ и соединеннымъ съ нимъ скотоводствомъ, хозяинъ долженъ располагать и доходомъ отъ нихъ, именно деньгами отъ излишка хлѣба, половы, соломы, сѣна; также выгодой отъ продажи и перепродажи крупнаго и мелкаго скота, приплода, щетины, шерсти и сукна. Какой доходъ хозяинъ издерживаетъ на нужды семьи: платежъ податей, наемъ земли и сѣнокоса, прокормленіе, одежду и обувь; также на праздничныя, свадебныя и

---

[1]) См. М. Ганенко. Семейн. имущ. отнош. населен. въ елисаветгр. уѣздѣ въ сбор. «Степъ». Хер. 1886., 139.

[2]) «Жит.-быт.» въ Кіев. Стар. 1903 г., III, 349—377.

[3]) Ib.

т. п. угощенія и на разныя случайности. Однимъ словомъ «вси платежи на ёго голови». Въ обремененіи этой отвѣтственностью за все и кроется главное отличіе хозяина отъ другихъ членовъ семьи, даже и отъ хозяйки.

Съ древнѣйшихъ временъ на хозяйку возложено домоводство и домашнія работы: поддержаніе огня, приготовленіе пищи, одежды, доеніе коровъ. Въ домѣ она труженица по преимуществу и справедливо уподоблена Ксенофонтомъ пчелѣ [1]). Такія же обязанности и малорусской хозяйки [2]); на ея рукахъ: домъ, огородъ, корова, птицы, дѣти. «Щобъ було наварено, напечено и прыбрано». Вслѣдствіе одинаковости положенія, нашей женщинѣ ставятся въ заслугу тѣ же качества, что и древней римлянкѣ; она должна быть pudica, domiseda, lanifica. «Хороша хазяйка усёго глядыть, все робыть сама и замышля робитныцямы, копается у хазяйстви, дома сыдыть, пряде, сама шые, не дае людямъ, а ледача зъ осени прыдбае, а до весны розмарчыть на пивмиткы, на вышывкы, а то почуе случай: хрыстыны, та туды пиде, а птыци и свыни голодни» [3]). Хозяйка должна ранней весной обмазать

---

[1]) Спенсеръ. Основ. соціол. 761., Летурно. Эвол. рабства. Міp. Бож. 1897 г., VI., 116. М. Ковалевскій. Происх. сем. 80. „Уваж. къ женщ. Соврем. 1866 г., II, 281.

[2]) Хозяйка въ дому́—покрова всёму. (Номисъ. Укр. Пр. 197). См. также: Чубинскій. „Очер. нар. юрид. обыч. по гражд. праву“, въ VI т. Тр. Экс. 33, Богдановичъ. Свѣд. о полт. губ. 158, и Гаценко. Семейн. имущ. отнош. 138.

[3]) Въ лубенскомъ уѣздѣ записаны мною слѣдующія замѣчанія о дурныхъ хозяйкахъ:

Се така баба, шо пидсыткомъ сонце ловыла. (Изъ анекдотовъ о глупцахъ, см. изслѣдов. Н. Ѳ. Сумцова въ Сб. Харьк. Ист. Фил. Общ. т. 11-й, 150, 209 и 212).

Була въ мене баба та така вдаха, якъ пекла паску, такъ така добра вдалася, у ничь якъ сажала, той на сажень тяглася, а якъ съ печи выбирала, той копаныци добувала.

Нащо мени корова, якъ я сама ворона.

Хивря заризала пивня.

хату, привесть въ порядокъ вокругъ и внутри послѣдней. Затѣмъ, она, какъ описано въ предыдущихъ очеркахъ [1]), моетъ къ свѣтлому празднику бѣлье и приготовляетъ пасхальный столъ. Одновременно она начинаетъ посадку и посѣвъ на огородѣ, которымъ и занимается все лѣто: полетъ гряды, сапуетъ, окучиваетъ картофель; въ полѣ прополетъ пшеницу и просо. Въ маѣ же стрижетъ овецъ, паритъ и моетъ шерсть. Въ Петровку до косовицы ткетъ и бѣлитъ полотно. Въ жатву—жнетъ или вяжетъ за хозяиномъ [2]). Лѣтомъ выбираетъ плосконь, потомъ матирку, намачиваетъ ихъ. До холодовъ она должна опять обмазать хату и повитки. Съ наступленіемъ короткихъ дней и безконечныхъ осеннихъ и зимнихъ ночей, крестьянскій будень располагается слѣдующимъ образомъ. Съ пѣтухами просыпается главная хозяйка: мать, свекруха. «Вона руша, свитыть свитло и всихъ будыть. Якъ свекруха дуже стара, тоди невистка». Женщины тотчасъ садятся прясть или шить; молодица вышиваетъ рубашку мужу. Дѣвушки—дочери еще прядутъ на досвиткахъ. Затѣмъ, невѣстка

Якъ сама въ хати не дасть рады кошеняти.

За цилый день и кишци хвоста не завьяже (вар. у Номиса. Укр. прык. 213).

У еи въ печи горыть, якъ жука смалыть.

Комари повыгоняла, а мухы тамъ зосталысь.

Пишла по масло, въ печи погасло.

Іи тильки по смерть и посылать, бо нажыться можна.

Топчется на мисти, якъ мара.

Галаса по хати, якъ курка зъ яйцемъ.

Чы чула, мачула!

Ай, головка бидна, забула!

Пекла Кулына пырогы и ворота въ тисти (вар. у Ном. Укр. пр. 211).

Обтёпана, облёпана, неакуратна, неоковырна.

Напыла—ни зиму, ни лито.

Напряла—тамъ сукъ, а тамъ болячка.

[1]) Жит.-быт. въ Кіев. Ст. 1902 г., VI и X.

[2]) Ib. въ Кіев. Ст. 1903 г. II и III.

идетъ въ погребъ за картофлей и буряками, чиститъ овощи, растапливаетъ печь и, нагрѣвъ помои, выноситъ ихъ съ другой женщиной свиньямъ и кормитъ птицъ. Между тѣмъ возвращается молодежь, прежде парень, который и вноситъ топливо. Невѣстка съ помощью свекрови приготовляетъ пищу. Позавтракавъ и прибравъ въ избѣ, женщины садятся шить или прясть до обѣда, а мужчины, какъ сказано, молотятъ, подкладываютъ кормъ скоту, вывозятъ навозъ. Послѣ обѣда женщины опять прядутъ и шьютъ до ужина, приготовленіе котораго также возлагается на невѣстку. Опять женщины кормятъ свиней и птицъ. Послѣ ужина мужчины крутятъ конопли на веревки или принимаются чинить одежду, обувь, упряжь, женщины же садятся на гребень. Очеркнутымъ кругомъ занятій опредѣляется и доходъ хозяйки, заключающійся въ деньгахъ, вырученныхъ отъ продажи птицъ съ ихъ приплодомъ[1]), молока и произведеній изъ него, овощей и огородныхъ сѣмянъ, пряжи и сотканныхъ изъ нея: полотна, хустокъ, рушниковъ, ряденъ, также сотканныхъ изъ шерсти поясовъ и запасокъ. Часть этого дохода затрачивается на разныя хозяйственныя мелочи: горшки, соль, керосинъ, платки дѣтямъ и т. д.

Такъ складывается въ Лубенщинѣ внѣшняя, хозяйственная сторона крестьянской семейной жизни, внутренняя же ея сторона, отношенія мужа и жены часто бываютъ довольно хорошими, что зависитъ прежде всего отъ выработаннаго вѣками народнаго характера. Дѣло въ томъ, что малорусскій характеръ разсудочный, а не эмоціональный. Въ немъ преобладаетъ спокойствіе, сдержанность, холодность, способность обдумать, взвѣсить извѣстное положеніе. Сужденія малоросса часто превышаютъ его бытъ и образованіе [2]). Скрытность и гордость заставляютъ подавлять семейныя непріятности въ самомъ зародышѣ, недопуская ихъ распространяться, согласно пословицѣ: «якъ лыхо—тупы тыхо». Се-

---

[1]) Какъ и у другихъ народовъ. (Спенсеръ. Основаніе соціол. 161).

[2]) Характеристика полтавцевъ приведена у Арендаренка: Зап. о полт. губ. II, 169 - 172 и у Богдановича. Сбор. свѣд. о полт. губ. 156, 157.

мейное счастіе во многомъ зависитъ и отъ достоинствъ малорусской женщины, по словамъ покойнаго П. А. Кулиша, болѣе даровитой и порядочной, чѣмъ мужчина [1]). И. С. Аксаковъ даетъ о ней слѣдующій отзывъ: «Природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, утонченность, доведенная до-нельзя въ области чувства—равно присущи всѣмъ малороссіянкамъ и заслоняютъ недостатокъ образованія» [2]). Малороссіянка равноправна, часто забираетъ главенство въ домѣ [3]). И мѣстная женщина не лишена указанныхъ качествъ: она мила, привѣтлива, женственна, скромна, нѣсколько мечтательна, любитъ напѣвать печальныя пѣсни. Бываютъ «молодыци, якъ тыхе лито» [4]), покорныя родителямъ мужа, не жалующіяся, не осуждающія, отклоняющія мужей отъ пьянства. «Вона за весь викъ „брешешъ" мени не сказала»,—хвалился счастливый мужъ своей женой.

Но, конечно, ссоры мужа съ женой всегда возможны, особенно на первыхъ порахъ, пока супруги еще не привыкли другъ къ другу, не обтерпѣлись. Семейныя несогласья вызываются различными причинами: подстрекательствомъ свекрови, непривычкой новобрачной къ новой обстановкѣ, неумѣніемъ приготовлять пищу, недостатками мужа, сплетнями [5]) и ревностью, когда напримѣръ на свадьбахъ развеселившійся мужъ моргнетъ на чужую моло-

1) Возсоедин. Руси. С. Пет. 1874, 331.

2) Изслѣд. объ укр. ярмар. С. Пет. 1858 г., 7.

3) Богдановичъ. Сбор. свѣд. 158.

4) Номисъ. Укр. прык. 162.

5) О сплетницахъ записаны мною слѣдующія выраженія:

Встромыла пыку въ викно (подслушиваетъ).
Не язычься, а то буде и намъ напалка.
Абы не зъ моеи губы выпало.
Наплутала такого, шо безъ попа й не розберешъ.
Ну й бреше, ажъ у роти не протовпытся!
Ляпа языкомъ, мовъ собака хвостомъ.
Годи тоби языкомъ тыны городыть!

дицу или жена улыбается постороннему [1]). Начинаясь легкой перебранкой ссора доходитъ, разгораясь, до проклятій и побоевъ [2]).

---

[1]) Малороссы вообще не очень ревнивы; между прочимъ Билый Полянынъ, когда его жену укралъ Сухобродзенко (См. Чубинскій. Тр. эксп. II, 320), говоритъ коню: «Нехай утикае; а мы ще выоремо, посіемо жыто, выжнемо, зберемо, змелемо, наварымо пыва, напьемось и тоди пойидемо й доженемо й отберемо Настасію».

[2]) Брань и проклятія, относясь къ мелкимъ словеснымъ произведеніямъ, также записываются этнографами (См. Номисъ. Укр. прык.). Вотъ нѣкоторые образчики, слышанные и записанные мною отъ женщинъ, о которыхъ выражаются:

«У еи ажъ губа торохтыть лаяться»:

1., Собако!

Псюго!

Сукына дочка.

Стерво сибирне!

Падло!

Халѣра!

Манія! (Тѣнь, призракъ. Manes—души у римлянъ (Ф. Куланжъ. Древ. Общ. 23), mânia—мать ларовъ (М. Мюллеръ. Наука о яз. 356.), англійское и нѣмецкое manes, Manen).

Mapá, марюко! (Призракъ, привидѣніе (Основа 1861 г. XI и XII Объясн. словъ. 5). Малор. и бѣлорус.—духъ, потемняющій разсудокъ (Чубин. Тр. Экс. I, 196) живущій на кладбищѣ (Романовъ. Бѣлор. Сбор. IV, 7), фламандское Maare, Mare, Nachtmaare, англійское the Nightmare—ночной духъ (Is. Teirlink. Le folkl. flam. 124). По Литре тоже понятіе входитъ въ слово cauchemar. Въ Индіи и у славянъ (Маранна, Mařena, Marzana)—богиня смерти. (Потебня. Объясн. малор. и сродн. пѣс. 205. Nowosiel. Lud Ukr. 1, 125). «Mara—dieu dela mort». (Louis de la Vallée Poussin. Bouddhisme. London. 1898, 43). Персидское mard, армянское mart, означаетъ смертный. (Vanden Gheyn. Ess. de Myth. et de philol. comp. 305). Корень mar входитъ во всѣ слова, означающія смерть (М. Мюллеръ. Наука о яз. 1868 г. I, 303—311).

Зла лычыно!

«Чоловикъ лысне черезсидельныкомъ раза два по плечахъ—и заведутся грызтысь. Винъ якъ запаленый, то бье по чимъ не попало: по голови, по спыни, суне и пидъ бикъ чоботомъ, тяга за

Ледацюго!

Лодырь!

Волоцюго!

Неподибна чоловикови дороги перейты.

Прычынныкъ.

Звидныкъ.

Каналія (съ итальянскаго), каналюго!

Дзюнько! (проститутка).

Злодюго!

Катюго!

Шыбеныку!

Душегубко!

2. Будь ты проклята, будь ты неладна!

Шобъ тоби не було пощады й добра!

Шобъ ты туды пишовъ, куды людськіи гласъ не заходыть! На оборотъ свита!

Будь ты проклятъ на викъ!

Шобъ тоби не було ни жыття, ни пуття, куды не повернешся!

Шобъ вы собачою слыною пишлы!

Шобъ тоби подохла!

Шобъ ты собакамъ повытягавъ!

Шобъ ты не диждавъ!

Матери твоій хринъ!

Купа (або симсотъ купъ) чортивъ твоій матери!

Хай твоему чортъ батькови!

Шобъ твого батька чортъ переказывъ (або взявъ)!

Шобъ ты не дійшла!

Шобъ тебе ногы не носылы!

Хай тоби ногы всохнуть!

Шобъ ты ходывъ якъ витеръ по дереву!

Якъ ты казала? Бодай же ты онимила!

Такъ ты чула? Бодай же ты оглухла!

Якъ ты бачыла? Хай тоби очи повылазять!

косы, а жинка подряпа ёму пыку. Бува, шо й жинка попаде чоловика за чуба, бье по плечахъ, по голови кулакомъ, дума, шо дужче дошкулыть. Ридко жинка коверсуе чоловикомъ, бильшъ того, що корытся. Жылы чоловикъ и жинка. Чоловикъ бувъ малый, а

Шобъ тоби повыскакувалы!

Грызлась? Бодай тоби повысыпалыся!

Шобъ тебе лыха годына не мынула!

Трясьця тоби въ душу (або въ печинкы, въ пупъ)!

Шобъ тебе трясьця трусыла, не переставала!

Нехай тоби такъ легенько гыкнется, якъ собака зъ тыну вирвется!

Хай тебе коло серця поповарыть!

Хай тебе за пупъ попорве (або визьме)!

Хай тебе завина визьме! (вар. Ном. Укр. пр. 73).

Бодай тоби дыхать не дало!

Шобъ тебе покорчыло й посудомыло!

Кровопыйныця! хай тебе кровъ гаряча бье!

Хай тебе побье объ суху дорогу!

Бодай тебе паляричъ побыла!

Хай тебе чума визьме!

Шобъ тебе таке взяло, шобъ ты не диждавъ и свита!

Нехай ты свита не бачытымешъ!

Тебе й лыхо не взяло и халера не выдушыла!

На васъ и смерти нема!

Щобъ вы высчезлы й выгыблы!

Шобъ ты бывсь не добывсь, шобъ ты жывъ не дожывсь! Шобъ твою душу, шобъ твою й тушу ти взялы, рознеслы и тило розметалы и ростерзалы!

Бодай тебе той узявъ изъ моря, изъ велыкого горя! Якъ я тебе годувала, а одъ тебе гирьки слова получала!

Богъ изъ нымъ, хай его моя хлибъ та силь побье!

Шобъ тебе гримъ убывъ у пути, въ дорози, и въ глыбокій долыни и въ чужій украини! Шобъ я тебе не бачыла и не чула, шобъ не тильки ты до мене не прыйшовъ, а шобъ и имья твое не дійшло!

Хай тебе побье те, шо въ хмари гуде!

Шобъ тебе въ плавъ замело!

жинка велыка. Такъ винъ іи все бье за вищо треба було. А потимъ булы въ ихъ гости, а вона й каже чоловикови: «Ну, чоловиче, ты мене все лыскаешъ, дай я тебе хочъ разъ лыску за всю жизнь.—Погана ты дуже—лыскать.—Ну, вже-жъ, каже, якъ хочъ, чоловиче, а разъ лыску. Такъ вона ёго якъ лыснула долонею по щоци, такъ винъ ажъ у сины вылетивъ.—Ну, каже вона, ты-жъ не думай, чоловиче, шо я буду старша теперъ, а такы будь ты старшый: завищо треба той бый, шо не въ порядокъ зроблю, той лай.—Ни, каже чоловикъ, Богъ зъ тобою, вже бильшъ тебе быть не буду». Обыкновенно супружескія сцены разрѣшаются мирно: «Балакають мовъ ничого не було. А буває ввійде винъ, обизвется, а вона мовчыть. Помовчыть суткы, а тамъ обизвется. Другый выспытся и тоди вже не згадуй». Впрочемъ, случаются и временныя разлуки. Чаще жена срывается внезапно и идетъ къ родите-

---

Шобъ тебе руда глына вбыла та лыха годына та несвицькій соромъ!

Шобъ ты прахомъ роспався!

Подержъ тебе Богъ на свити, якъ писокъ на вылахъ!

Шобъ тебе звиръ зйивъ!

Шобъ тебе татары вбылы!

Шобъ тебе куля не мынула! (Ном. Пр. 73).

Хай тебе выправыть якъ палыцю!

Шобъ тебе на лави вытягло!

Хай тебе въ ними дошкы захоронять, (або положять)!

Хай тебе на марахъ вынесуть!

(Срав. съ сборн. прокл. у Чубинск. Тр. Экс. I, в. I, 89, 90).

Слѣдуетъ еще замѣтить, что мужчины рѣдко бранятся или проклинаютъ согласно поговоркѣ: „Хочъ горшкомъ звы, абы въ пичъ не посунувъ.“

3. Изъ клятвъ замѣчены слѣдующія:

Колы я бачывъ, або чувъ, хай я зузули не чутыму!

Хай мени очи повылазять!

Хай мени рукы й ногы посудомыть!

Катъ ёго зна де воно дилось!

Зна ёго лыхо, зна ёго морока! (Ном. Пр. 150).

лямъ. По прошествіи извѣстнаго времени туда же является и мужъ, садится и долго молчитъ, а жена работаетъ, какъ будто ничего не замѣчая.—Чы я тебе не любывъ?—говоритъ, надумавшись, мужъ,—чого ты пишла?—Одчепысь! отвѣчаетъ сердито жена. Опять долгое молчаніе.—Хто мени сорочкы пратыме?—Одчепысь [1]). Вдругъ мужъ бросается къ женѣ, хватаетъ ее за косы и тянетъ домой. Никогда почти мужъ и жена не разбѣгаются навсегда «якъ руди мыши»; жена, погулявъ годъ и больше, сама просится домой. Спорные вопросы, открывающіеся при временной разлукѣ, о дѣтяхъ и объ имуществѣ, рѣшаются частью самой силой вещей. Такъ, грудное дитя беретъ всегда съ собою мать; большія же остаются при мужѣ, какъ потому, что ихъ некуда дѣвать, такъ и по обычаю. «Якъ покыне жинка, то нема указу забирать изъ собою дитей». Имущество жены, точнѣе скрыня, оставшееся послѣ ухода, во избѣжаніе растраты, присуждается женѣ волостнымъ судомъ, смотрящимъ на семейный разладъ безпристрастно [2]).

Но современемъ ссоры уменьшаются, мужъ и жена сживаются настолько, что утрата одного является большимъ несчастіемъ для другого: теряется главная опора въ старости. А между тѣмъ съ лѣтами положеніе отца дѣлается все болѣе и болѣе тяжелымъ: ему неудобно выпустить имѣніе изъ рукъ, пока онъ еще сколько нибудь въ силахъ работать, такъ какъ съ передачей состоянія теряется и значеніе въ семьѣ; сыновья же, напротивъ, стремятся поскорѣе захватить все въ свои руки для веденія хозяйства согласно измѣнившимся условіямъ. Наладившіяся съ женой отношенія раз-

---

[1]) О слишкомъ упорныхъ характерахъ записаны мною слѣдующія поговорки:

Вона однакова, хочь ты ій пидискомъ печы.

Ты його кресты, а воно крычыть пусты.

Ты його въ плугъ, а воно въ лугъ. (Вар. у М. Комарова. Нова збир. мал. прык. Одесса, 1890., 21).

[2]) Мужъ очень рѣдко оставляетъ жену, или убѣгая отъ домашнихъ недостатковъ, или, возненавидѣвъ ее, отыскиваетъ любовницу.

страиваются съ другой стороны: начинается борьба съ сыновьями, сопровождающаяся сценами, описанными въ повѣсти г. И. Левицкаго: «Кайдашева симья» [1]).—Дурню!—кричитъ отецъ.—Вы, тату, дурнійши.—Дѣло доходитъ до побоевъ [2]). Если дѣтей нѣсколько, то отецъ, выбравъ младшаго или лучшаго характеромъ (плохишого) сына, у него доживаетъ вѣкъ. Но при наличныхъ сыновьяхъ, отецъ никогда не поселяется у дочери; такъ какъ хотя нѣжная дочь и могла бы отнестись заботливѣе къ отцу, чѣмъ невѣстка, приготовляя ему лучшую пищу и чистое бѣлье, но, взятая съ одною движимостью мужемъ, дочь сама въ зависимости отъ послѣдняго. Только если сыновей нѣтъ, отецъ доживаетъ у которой нибудь изъ дочерей, преимущественно у младшей. Иногда ему случается и переходить съ мѣста на мѣсто, отъ одного дитяти къ другому, подобно Лиру. Избравъ окончательно жилье, дидъ, пока еще въ силахъ, помогаетъ пріютившимъ его, охраняетъ дворъ, огородъ и баштанъ, пасетъ скотъ и свиней, зимой крутитъ конопли, мотаетъ пивмиткы. Окончательно устарѣвъ, наблюдаетъ уже только за пасѣкой или мельницей, да прохаживаясь

---

[1]) Кіевъ 1887 г., 53, 66, 67, 149 и 150.

[2]) См. напр. мою (неподписанную) Судебн. хронику: «Лубны», въ Полт. губ. вѣдом. 1897 г., № 216, 2.—Въ Лубенщинѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ (См. Ганненко. Сем. имущ. отнош. 141., Романовъ. Бѣлорус. сборн. IV, 179—182) сохранились разсказы объ убійствѣ стариковъ, напр. «Стари дожываютъ до того, що ихъ сажають на лубокъ и везуть на круги, на гній и тамъ покынуть». «Съ первого началу батькивъ старихъ убывалы, а потимъ чоловикъ свого батька пожаливъ и заховавъ ёго у погрибъ и годувавъ. Потимъ не давъ Богъ урожаю хлиба, нічого сіять, жыта не було на насиння. Батько ёму сказавъ: рубай, сыну, солому у мишкы и йидь на поле, розсивай ту солому по ныви и заволочи іи бороною. Уродывъ Богъ на другый годъ хорошее жыто и сталы ёго допрошувать сусиды: «Чого ты сіявъ солому, а уродыло жыто?—Мени батько сказавъ. Тоди допрошують: «Дежъ твій батько»? А винъ говорыть: «У погреби» .—Ну, такъ годи тихъ батькивъ быть, нехай жывуть на свити, бо воны бильшъ нашого знають. Отъ козака с. Волчка Егора Соломки).

по двору съ «ципочкомъ», даетъ совѣты по хозяйству, не всегда уже примѣнимые. Въ холода сидитъ на печи и если «кохается у внукахъ, то учитъ ихъ правиламъ вѣжливости [1]), также: «Богу всякому хорошому: воскресному Богу и помылованю и оченашу». Почти таково же и положеніе «витчима» въ семьѣ. «Зъ йимъ зладнать можна; винъ послуха, у ёго жалости бильшъ; нижъ у мачухы».

Баба доживаетъ вѣка вмѣстѣ съ мужемъ, а оставшись вдовою, пребываетъ у сына. «Маты безпечниша у сына, нижъ у зятя» [2]). Юридическое ея положеніе, опредѣляемое обычаемъ, выражается обыкновенно выдѣломъ $^1/_4$ части состоянія въ пожизненное владѣніе [3]); выдѣляютъ, впрочемъ, и больше и меньше: $^1/_3$ и $^1/_6$ части, или ничего не выдѣляютъ, а лишь кормятъ [4]). Фактическое ея положеніе въ семьѣ также различно. Въ хорошихъ семьяхъ съ матерью совѣтуются: «Шо, мамо, варыть? Куды йихать орать, косыть?». Но чаще совѣтами ея пренебрегаютъ: «Забувайте, мамо, старый законъ (обычай), и не нагадуйте про старыну; теперъ іи не прыймаютъ. Якъ йе кусокъ хлиба, то йижте, мамо, нышкомъ». Тѣмъ не менѣе бабой дорожатъ больше въ семьѣ, чѣмъ дидомъ,

---

[1]) Мѣстныя привѣтствія таковы: утромъ—добрыдень, днемъ—Боже поможы, помага-би, зъ постомъ, прыконченіемъ посту, зъ недилею, зъ празныкомъ будьте здорови! Но работающаго въ праздникъ нельзя поздравить съ праздникомъ, а слѣдуетъ сказать, какъ и въ будень: Боже поможы. Иногда разнообразятъ привѣтствія: здрастуйте вамъ! А чы ради вы намъ? А хочъ ради, хочъ не ради, то спасыби вамъ.

[2]) Номисъ. Укр. прык. 174.

[3]) Сбор. хоз. стат. Полт. губ. IV. Лубенск. у., 16.

[4]) Юридическое положеніе мачихи такое же: она получаетъ $^1/_3$, $^1/_4$ часть состоянія до выхода замужъ или пожизненно. Иногда отецъ завѣщаетъ, чтобы дѣти не выгоняли мачихи; предосторожность не лишняя, такъ какъ мачиха и въ народныхъ пословицахъ (Номисъ. Укр. пр. 181), и на самомъ дѣлѣ представляется въ непривлекательныхъ чертахъ. «Мачуха и бильшъ ничого». Былъ случай, что дѣвушка три дня просидѣла въ погребѣ, загнанная туда мачихой.

потому что она полезнѣе въ хозяйствѣ. Весной она полетъ огородъ, щипаетъ капусту, окучиваетъ картофель. Съ наступленіемъ горячей рабочей поры на бабу оставляется все хозяйство: она должна напоить теленка, свиней, птицъ; наблюдать, чтобы они не потравили грядъ; также накормить и присмотрѣть дѣтей и сварить ужинъ возвратившимся съ поля. Осенью баба помогаетъ собирать овощи, перебираетъ картофель, отлагая крупную для пищи людямъ, а мелкую въ кормъ свиньямъ и на посадку, квасить буряки и сѣчетъ капусту. Зимой мыкаетъ мычку и прядетъ, если не боится пыли, и шьетъ въ очкахъ. Она поглощена заботами о внукахъ; дѣлаетъ имъ игрушки и куклы, учитъ обращенію (звычайности), нравственности (угруща, шобъ слухалы, никого не зачипалы, не кралы); хранитъ миръ въ семьѣ. Она же источникъ старыхъ обыкновеній, примѣтъ, народныхъ молитвъ и предсказаній [1]).

---

[1]) Замѣчательнѣйшая изъ народныхъ молитвъ: Сонъ Пресв. Богородицы, уже однажды приведенная мною въ краткомъ варіантѣ (въ Нар. обр. 15), распространенная по всему христіанскому міру (А. Н. Веселовскій. Опыты по ист. разв. христ. лег. въ Журн. М. Н. Пр. 1876 г. IV. 342—363), читается въ Лубенщинѣ еще и такъ. «На осіянськихъ горахъ стоялы монастыри, въ тихъ монастыряхъ стоять престолы; на тихъ престолахъ Маты Хрыстова рученькы ломыла (або зложыла), головоньку склоныла. Прывыдився ій сонъ, шо Исуса Хрыста жыды на муку бралы, терновымы дубцямы тило побывалы, копьямы ребра ломалы, на древи роспыналы, гвоздямы ручкы й нижкы пробывалы, терновый винець накладалы, святую кровъ чесную на сыру землю испускалы, святіи ангелы зъ небесъ злиталы, чаши пидставлялы, святои крови чесной на сыру землю не пускалы. Се-жъ, маты, не сонъ, се щыра правда. Хто буде пры соби сю молитву держать, той не буде въ огни погорять, не буде въ води потопать, не буде наглою смертю помирать, того буде Богъ душу до царства небесного прыймать». (Отъ Ф. Матвіенковой, д. Шекъ).—Предсказанія, кажется никогда еще не записанныя этнографами, приводятся мною въ слѣдующихъ варіантахъ: «Диты, диты! дожыветесь на свити, шо таки лита будуть холодни, тилько буде того, шо зелено, а дороду на земли не буде, на древи плоду не буде. И проведутся по земли огнени колесныци и оснуется свитъ дротомъ. (Отъ З. Бойка, с. Мгаря). Отсе, диты, ро-

Необходимымъ, повсемѣстнымъ слѣдствіемъ патріархата явилось предпочтеніе сына дочери, такъ какъ первый продолжалъ отцовскій родъ и традиціи предковъ[1]), а вторая, отходя въ чужую семью, поддерживаетъ эту послѣднюю, а не отеческую. Самый культъ предковъ всегда переходилъ только отъ мужчины къ мужчинѣ, женщина не могла участвовать въ немъ помимо отца или мужа[2]). Культъ умершихъ предковъ: πατριάζειν, paternare, могъ совершаться только сыномъ. «Пусть въ нашемъ потомствѣ—говорили древніе—всегда родятся сыновья, которые станутъ приносить намъ: рисъ, молоко и медъ»[3]). Въ Индіи, Китаѣ и Японіи рожденіе сына необходимо для принесенія жертвъ умершимъ предкамъ[4]). Китаецъ, имѣющій только дочерей, говоритъ, что лишенъ дѣтей[5]). Древній индусъ женился для того, чтобы имѣть дѣтей, которые должны были поставить похоронный обѣдъ, воду и жертвоприношеніе[6]). Также и современный индусъ женится

дыть Богъ овощъ у саду и хлибъ у поли. Воды вполни, Сулы вполни; и суду нема ніякого. А то такъ диждете, диты, шо тилько зелено буде у садахъ, овощъ не родытыме, Сулы будуть пересыхать и судъ итыме за всячыну—и за соломыну и за курку, якъ хто іи вбье. (Ф. Матвіенковой, д. Шекъ). Передъ сконщыною викомъ дротомъ свитъ оснуется, будуть бигать огнени колесныци. Люде будуть ходыть, добра шукать. Ходытымуть, ходытымуть и попрыходять. Буде завыслыво и ненавысно: братъ на брата, батько на сына. (А. Боярской, с. Литвяковъ). Буде въ свити ненавысть и ненажысть Буде сынъ батька ненавыдить, а батько сына. И будуть огняни трубы и буде свитъ основаный дротомъ.

[1]) Значеніе рода и наслѣдственности выражается въ слѣдующихъ мѣстныхъ поговоркахъ:

Одно насиння, одна яблуня, одни й яблучка (вар. Чуб. тр. 1. в. II, 287, Ном. Прык. 137).

Зъ якого пузыря, таке й вызыра.

Зъ хорошого пня хороша й порохня.

[2]) Ковалевскій. Происх. сем. 57—67.

[3]) Фюстель-Куланжъ. Древн. Общ. 40, 60.

[4]) Тэйлоръ. Первоб. культ. 180—187.

[5]) Ш. Летурно. Соціол., основ. на этногр. С.-Петер. 1897 г., II, 62.

[6]) Мэнъ. Древн. право. С.-Петерб. 1873 г., 151.

для того, чтобы имѣть мужское потомство. «Сынъ свѣтъ въ высшемъ мірѣ. Съ рожденіемъ сына отецъ уплачиваетъ долгъ своему отцу, и самъ пріобрѣтаетъ безсмертіе» [1]). Эти же воззрѣнія, въ меньшей степени, были и у семитовъ [2]). Іаковъ, напримѣръ, называетъ первенца: «Ты крѣпость моя и начатокъ силы, верхъ достоинства и могущества» [3]). У арабовъ извѣстны три причины праздниковъ: появленіе поэта, рожденіе мальчика и—жеребенка кобылою Кохейло [4]). Напротивъ, когда арабу объявили о рожденіи дочери, его чело омрачилось (sa figure se rembrunissait comme un ciel orageux) [5]). У другихъ народовъ женщина до рожденія мальчика считается дѣвицей; только при рожденіи мальчика устраивается пиръ, а новорожденныя дѣвочки часто убиваются [6]). Даже сванеты на Кавказѣ убивали дѣвочекъ, вѣря, что такое убійство вознаграждается рожденіемъ сына [7]); а на западѣ бретанскіе крестьяне называютъ новорожденную дѣвочку выкидышемъ [8]). Такое-же рѣшительное предпочтеніе сына дочери встрѣчается и у восточныхъ славянъ. Великороссъ считаетъ несчастіемъ неимѣніе сына [9]); на бѣлорусскихъ крестинахъ поютъ:

> Коли сынъ родзився, славный городъ ставлю,
> Коли дочухна, я и шацеръ не поставлю! [10])

---

[1]) А. Фонъ-деръ-Лауницъ. «Бенаресъ» въ Рус. Мысли 1901 г. X, 41, 67.

[2]) У вавилонянъ мертвецы, лишенные жертвы, пожирали отбросы; лишеніе погребенія считалось большимъ несчастіемъ. (Dr. A. Ieremias. Hölle und Paradis bei den Babil. Leipzig 1900, 11).

[3]) Бытіе 49, 3.

[4]) Волгеборнъ. О усов. кон. завод. С.-Пет. 1816, III, 17.

[5]) Giraud Teulon. Les. Orig. 127–129.

[6]) Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889 г., X, 29.

[7]) Е. П. Ковалевскій. Очер. этногр. Кавк. въ Вѣстн. Европы 1867 г., IX, 115.

[8]) „Уваж. къ женщ.“ въ Соврем. 1866 г., II, 283.

[9]) Шашковъ. Оч. истор. рус. женщ. С.-Петерб. 1872 г., 101.

[10]) Зап. Импер. геогр. Общ. V, 1, 234 и 285.

И малоруссы воспѣваютъ сына:

Роды, Боже, сына,
То прыбуде сыла,
Роды, Боже, дочку
Въ чужу стороночку [1]).

Въ Лубенщинѣ о сынѣ выражаются такъ: «Якъ сынъ родытся, то й углы въ доми веселятся, а якъ дочка, то й углы смутятся», или такъ: «Сынъ родытся на хазяйство, а дочка на злыдни». И здѣсь извѣстенъ разсказъ крестьянина о трояком расходованіи годового урожая: объ уплатѣ стараго долга прокормленіемъ отца, о дачѣ въ заемъ—прокармливаніе сына, и о бросаніи за окно—кормленіе дочери. Поэтому бабка называетъ новорожденнаго сына богданомъ, какого эпитета къ дочери не прилагаютъ; иногда даже послѣднюю презрительно называютъ «шерепой» [2]).

Первое время до поступленія въ школу, мальчикъ воспринимаетъ начала нравственности отъ отца, матери и, какъ сказано выше, отъ восходящихъ родичей. Порядочный отецъ относится къ дѣтямъ съ наружною строгостью и холодностью, «думкою жаліє», иногда и постегаетъ за дѣло. Мать болѣе заботится о чистотѣ, здоровьи дѣтей, но за то вноситъ въ отношеніе къ нимъ много нервности, напримѣръ позволяя себѣ проклинать ихъ, оправдываясь тѣмъ, что «маты у Бога брехуха, Богъ іи не слуха». Она позволяетъ себѣ также скрывать отъ мужа проступки дѣтей для поддержанія семейной тишины. Въ крестьянскомъ быту дѣти рано начинаютъ приносить пользу. Уже въ 8—9 лѣтъ мальчикъ пасетъ какую нибудь коровенку, а съ 10-ти лѣтъ онъ уже настоящій пастухъ небольшого стада, получающій 10—12 руб. въ годъ или одежду на эту сумму. Съ 12—15 лѣтъ мальчикъ нанимается въ погонычи рублей за 20 въ годъ на хозяйской одеждѣ,

---

[1]) Гринченко. Матер. III, 690.

[2]) О бабѣ, не имѣвшей сыновей, а только дочерей, говорятъ: „Погана баба, околышня, а не хатня, нема у еи дома, е унукы—такъ на боци“.

а въ 16—18—онъ считается полурабочимъ, способнымъ на всѣ полевыя работы: пахать, гресть сѣно, возить и подавать снопы, кромѣ косьбы. Полурабочій получаетъ 30—40 руб. въ годъ на хозяйской одеждѣ. Настоящій рабочій, парень около 20 лѣтъ, получаетъ 45—55 руб. въ годъ. Кромѣ годовыхъ наймовъ, въ Лубенщинѣ распространены еще срочные, лѣтніе, какъ мѣстные съ 25 марта до 21 ноября (съ Благовищення до Ведення, рѣже до Пущання), съ уменьшеніемъ рублей на десять указанныхъ годовыхъ цѣнъ, такъ и сторонніе наймы. Эти послѣдніе давно извѣстны въ полтавской губерніи, «въ которой урожай не можетъ занять всѣхъ рукъ» [1]). Изъ лубенскаго уѣзда выходило еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка до 3000 рабочихъ на заработки въ южныя губерніи [2]).

Прежде, бывало, отдѣльные кружки заробитчанъ душъ 8—10 собирались въ избу въ сопровожденіи родственниковъ. Послѣдніе «гладили дорогу», т. е. распивали водку съ пожеланіями: «Дай, Боже, хорошого лита, урожаю! Прощайте, дай Боже, шобъ диждать». Затѣмъ заробитчане шли пѣшкомъ, сбросивъ вещи на нанятую подводу. За селомъ родственники опять гладили дорогу. Возвращеніе заробитчанъ также соединялось прежде съ небольшимъ угощеніемъ: «Ногы мылы, пузыри гоилы». Отхожіе промыслы выгоднѣе мѣстныхъ наймовъ въ двухъ отношеніяхъ: увеличеніемъ заработка рублей на десять и болѣе въ урожайный годъ, и сокращеніемъ срока найма мѣсяца на два [3]). Но гдѣ бы ни пришлось работать парню, на мѣстѣ или въ южныхъ губерніяхъ (на Тавріи), все равно его заработокъ отдается отцу и идетъ въ пользу всей семьи [4]); отецъ обязанъ только одѣвать,

---

[1]) В. Семевскій: „По поводу ст. Рожкова" въ Рус. Мысли 1902 г., IV, 32.

[2]) В. Короновскій. Стат. опис. луб. у. въ Полт. губ. вѣд. 1890 г., № 47, 2.

[3]) Отъ св. Николая—въ Каховкѣ, отъ Тройцы—въ Херсонѣ, отъ Петра и Павла,—до Покровы.

[4]) Не только у древнихъ римлянъ (Ф. Куланжъ-Др. Общ. 127) сынъ ничѣмъ не владѣлъ, но и у современныхъ народовъ, напр. сва-

обувать сына и выдавать ему немного денегъ на парубоцкіе расходы: входъ въ парубоцкую громаду (якъ вкупается въ парубкы, въ челядь), на складки и т. п. [1]). И для женитьбы отъ парня не требуется никакой особой экономической подготовки; лишь бы былъ вѣнчальный костюмъ. Бракъ происходитъ по семейному соглашенію; парень указываетъ на дѣвку, но родители могутъ и не согласиться. Нерѣдко мать вмѣшивается въ выборъ сына и разстраиваетъ все дѣло. Родители желаютъ, чтобы выборъ сына палъ на дѣвушку приблизительно одинаковаго положенія, чтобы богатырь не женился на бѣдной, козакъ на бывшей крѣпостной (ремининій) [2]). Взвѣшивается и вопросъ о приданомъ; имѣющимъ,

---

нетовъ заработокъ члена семьи принадлежитъ двору. (Ковал. и Иванюковъ. «Въ Сванет.» «Вѣстн. Евр.», 1886 г., VII, VIII, 37).

[1]) О жизни мѣстной молодежи передано мною въ «Народн. обр. и пѣсн. луб. у.», стр. 59—61. Жизнь эта дѣлается все менѣе и менѣе поэтической, и напрасный трудъ искать въ дѣйствительности тѣхъ романтическихъ сценъ, которыя встрѣчаются не только у Гоголя, но и у позднѣйшихъ писателей. Нѣтъ уже тѣхъ серенадъ, что нѣкогда бывали:

> ... Тильки мій мыленькый не лягае,
> На нову спилку выгравае,
> Мене, молоденьку, выклыкае. (Ib. 86).

Теперь парень выкликаетъ дивчыну свистомъ, ударами палкой по воротамъ, кричитъ подругамъ: «Скажить Оксани шобъ выйшла, а то ногы поперебываю»! Дивчатамъ «прыкладають» прозвища: крыворота, клешонога». Парень безъ церемоніи говоритъ дѣвушкѣ: «Твоя маты крычыть, шо я тебе визьму, а я не визьму: хыба ты мени воливъ прыгонышъ? Ганчирокъ твоихъ мени не треба». —Чы въ тебе уже все йе?—спрашиваетъ парень дѣвушку.—Ни, нема ще кожушанкы.—Ну, посыдь же, дивко, посправляй соби все, тоди, може, тебе якый дурень и визьме.

[2]) Отъ слова: временно-обязанная, въ шутку—ременемъ обвязана, откуда сокращенное ремынна. Вообще стараются выбирать жену «по своёму пирьи»; шобъ «Якый йихавъ, таку й визъ». (вар. Номисъ. Укр. Пр. 153).

напримѣръ, землю интересно, чтобъ молодая пригнала скотъ. Раздоръ невѣстки съ свекровью, столь распространенный [1]), бываетъ не всегда и начинается не сразу. На первыхъ порахъ невѣстку знакомятъ съ домашними обыкновеніями и порядкомъ работъ въ домѣ. Бываетъ, что невѣстка обмолвится: «У насъ не такъ, у насъ краще». Но современемъ,—рѣже тотчасъ, какъ въ семьѣ Кайдашей [2])—на невѣстку стараются взвалить всю домашнюю работу: она варитъ, печетъ, прибираетъ. Однимъ словомъ—она настоящая рабочая сила. «Зовыця тильки роскошуе». Причины такого обремененія невѣстки работами различны. Обыкновенно ко времени женитьбы старшаго сына мать успѣваетъ уже пожить, родить нѣсколько дѣтей и вдоволь наработаться, помощь ей необходима, и потому она старается передать большинство работъ невѣсткѣ; такъ какъ дочь, которой почти ничего не предстоитъ получить изъ общаго достатка, сторонится и отъ усилій, создающихъ этотъ достатокъ, невѣстка же скоро сдѣлается главной хозяйкой и передастъ все состояніе дѣтямъ. Возможно, что на приниженное положеніе невѣстки въ домѣ вліяютъ и отдаленныя воспоминанія о патріархатѣ съ сопровождавшими эту ступень развитія семьи умычкой и покупкой женъ. Во многихъ семьяхъ, напримѣръ, невѣстка не садится за общій столъ иногда до 7-ми лѣтъ, а ѣстъ стоя [3]). Какъ бы то ни было, но въ излишнемъ обремененіи невѣстки работами заключается одна изъ главныхъ причинъ семейныхъ неудовольствій. Невѣстка слушаетъ, слушаетъ, да наконецъ и возразитъ: «Робить вы, мамо, соби, а я соби робытыму». Затѣмъ, хотя невѣстка и является главной рабочей силой семьи, но распоряжается всѣмъ свекровь, и невѣстка должна спрашивать у послѣдней о всякой мелочи, а отсюда зарождается новая причина вражды: борьба за власть въ

[1]) Напр. у англичанъ «Motthr-in-law and daugther-in-law are a tempest and a hailstorm».

[2]) Стр. 87, 110.

[3]) См. мое Жит.-быт. Луб. крест. въ «Кіев. Стар.», 1902 г., VI. 395.

домѣ вообще и за вліяніе надъ мужемъ въ частности. Положеніе невѣстокъ въ семьѣ улучшается, если ихъ нѣсколько, потому, что въ такомъ случаѣ онѣ могутъ приготовлять пищу поочередно, а зимой шить и прясть для себя, мужа и дѣтей. Старшей невѣсткѣ оказывается обыкновенно нѣсколько большее уваженіе, какъ дольше работавшей на общую пользу (на гуртъ), впрочемъ «покы вона не огыдне» [1]). Съ размноженіемъ семьи положеніе невѣстки и ея мужа становится все болѣе и болѣе невыгоднымъ. «Докы мною замышлятымуть, разсуждаетъ она, на якый конець я буду робыть на всихъ, здоровья терятыму? У мене свои дыты, мени треба робыть на ихъ». Въ такія же условія поставленъ и мужъ ея, старшій сынъ семьи; и его трудъ въ большей части идетъ на гуртъ. «У старшого сына дурна сыла»—говоритъ народъ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, если онъ, не нанимаясь на сторону, работаетъ дома, то для полученія хоть нѣкоторой личной выгоды долженъ утаивать нѣкоторый процентъ при извозѣ, продажѣ хлѣба и скота, порученныхъ отцемъ, на ярмаркѣ въ свою пользу или даже тайно продавать часть хлѣба въ удобное для того время, напримѣръ въ молотьбу. Если неотдѣленный сынъ нанимается на сторону [3]),

---

[1]) Слѣдуетъ прибавить, что невѣстка-солдатка рѣдко остается въ домѣ свекра; большею частью она переходитъ жить къ отцу или нанимается, чаще всего кухаркой съ обязанностью изготовлять пищу душъ на двадцать. Кухарка получаетъ 35—40 руб. съ подарками: платками, сапогами и т. д. на хозяйской одеждѣ въ годъ и ту же сумму въ лѣтній срокъ, но на своей одеждѣ. Помѣсячно: 4—5 р. въ жатву до 12 руб. 3 копы въ день; „друга надзéнька тильки копу за день“.

[2]) См. мою (неподписанную) „Судебн. хронику Лубны“, въ Полт. губ. вѣд. 1897 г., № 216, 2.

[3]) Въ годовой наемъ мужчина становится за 60—70 руб., на лѣтнія работы на сроки: отъ Благовѣщенья до Введенія или мѣстами отъ Евдокіи или Алексѣя до пущання—за 40—50 руб., въ зиму до 20, помѣсячно зимній наемъ—5—6 руб., на винокурнѣ—10—12 руб. Поденно: въ косовицу 30—75 коп. (въ 40-хъ годахъ 12—25 к.—по Короновскому. Полт. губ. вѣд. 1890 г., № 47, 2, 3). А въ жатву, на

то заработная плата, кромѣ затратъ на свою одежду и обувь да на подарки (платокъ, матерія на корсетъ, сапоги) женѣ и дѣтямъ, отдается почти вся отцу и идетъ на нужды семьи. Мало того, у старшаго сына могутъ быть дѣти подростки и ему не разсчетъ употреблять ихъ трудъ также на гуртъ. Рано или поздно семейное положеніе старшаго сына разрѣшается отдѣленіемъ. Въ другія условія поставленъ меньшій сынъ. Отдѣленный отъ отца большимъ промежуткомъ лѣтъ, онъ дольше подчиняется patria potestas, дольше пребываетъ въ послушаніи отцу и имѣетъ меньше возможности къ столкновеніямъ. Оттого то по народному воззрѣнію: «Меньшый сынъ кращій, его найжальнійше». Кромѣ того онъ до конца жизни работаетъ на всю остающуюся семью, пропитываетъ и хоронитъ родителей [1]). На такомъ преимущественномъ и болѣе продолжительномъ участіи въ семейномъ производствѣ и умноженіи достоянія основывается титулъ младшаго сына на предпочтительную долю въ наслѣдованіи [2]) у малороссіянъ, какъ и у другихъ народовъ [3]).

Раздѣленіе семейнаго имущества носитъ различный характеръ. Г. Барыковъ въ своемъ изслѣдованіи «Обычаи наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ южно-русскаго края» [4]) признаетъ коренным обычаемъ полтавской губерніи устройство отцомъ сыновей при жизни выдѣленіемъ имъ части имѣнія. Руководясь этимъ обычаемъ, лубенскій крестьянинъ дѣлитъ свое имѣ-

---

которой мужчина можетъ накосить 5—6 копъ въ день, онъ зарабатываетъ отъ 40—80 коп. даже до 1 руб. Поденная плата молотнику 40—60 коп.

1) См. М. Ганненко. Сем. имущ. отнош. 140.

2) М. Ковалевскій: 1) Современ. обыч. и древн. законъ. Москва. 1886 г., 322—325, 2) Развит. народ. хоз. въ Западной Евр. С.-Петерб. 1899 г., 219, и 3) Происхожд. семьи и соб. 106.

3) Миноратъ существуетъ въ Монголіи, Индіи, у кельтовъ Бретани (le droit juveigneur) и Корнуэльса, гдѣ за выдѣломъ старшихъ сыновей остатокъ достается младшему. (Ш. Летурно. Соціол., основ. на этногр. III, 96).

4) Въ „Основѣ“, 1862 г., X, 57.

ніе по числу сыновей на равныя части, оставляя такую же лишнюю часть и для себя, а затѣмъ когда наступитъ пора выдѣлить старшаго сына, то вся семья общими усиліями и на общія средства принимается строить ему хату, покупая дерево, нанимая мастера и мазальницъ—по раньше изложеннымъ правиламъ объ устройствѣ новыхъ жилищъ [1]). Одновременно строются и надворныя постройки. По окончаніи жилья происходитъ обрядъ выдѣла такимъ образомъ: отецъ беретъ иконы, а мать хлѣбъ-соль, принесенные въ новую хату и, благословляя сына, говорятъ: «На́ тоби хлибъ и силь на нове хазяйство. Дай, Боже, шобъ и въ тебе було стильки хлиба, якъ у насъ у гурти. Робы, небоже, то й Богъ поможе»! Дай, Боже, шобъ ваша хата була на все здорова й багата! Шобъ вы хлибъ-силь малы и людямъ давалы и батька й матери шобъ не забувалы»! Послѣ благословенія сынъ угощаетъ родителей и собравшихся сосѣдей водкой. Отецъ, отпивая, говоритъ: «Дай, Боже, тоби здоровья у новій хати! Шобъ ты жывъ и всёго добра нажывъ». Родители заявляютъ сосѣдямъ: «Глядить, мы ихъ не обижаемъ, хлибомъ, силью, худобою надиляемъ». Сосѣди также пьютъ съ пожеланіями: «Дай же, Боже, шобъ всёго було полно и довольно». Такъ въ большинствѣ случаевъ производится выдѣлъ сына (якъ батько одризня), но иногда первый отходитъ самовольно (кыдае батька), забирая лишь личное имущество да женино приданое; но обычай выдѣла настолько укорененъ въ народномъ быту, что даже и въ случаѣ самовольнаго ухода сына,—въ собственномъ смыслѣ отдѣла,—волостной судъ обязываетъ отца выдѣлить сыну нѣкоторую часть состоянія [2]).

Если такимъ образомъ малорусская семья начинаетъ разъединяться еще при жизни родителей, то тѣмъ болѣе, потерявъ съ ихъ смертью и послѣднюю связь, семья должна распасться, «розризнытьcя» неминуемо. Основной причиной раздѣловъ является

---

[1]) См. Жит.-быт. луб. крест. въ „Кіев. Ст.“, 1902 г., IV, стр. 110 и слѣдующія.

[2]) Сборн. хоз. ст. полт. губ. IV, луб. у. 16.

желаніе всякаго хозяина, и особенно каждой хозяйки, устроить жизнь отдѣльно, особнякомъ, по своему вкусу и образцу, на полной своей волѣ, согласно пословицѣ: «Чоловикъ та жинка найлучша спилка»,—короче сказать инстинктъ индивидуализма [1]). Иногда къ этой главной причинѣ раздѣла присоединяются побочныя, чисто фактическія: обиліе хозяекъ, немогущихъ помириться у печи за горшками, многочисленность дѣтей, такъ что негдѣ повернуться въ хатѣ, ссоры женщинъ и дѣтей между собой и т. д. Нѣтъ никакой особой обстановки раздѣловъ. Дѣлятся иногда и сами соучастники общей собственности. На родинѣ покойнаго М. Т. Симонова, въ Зарогѣ, напримѣръ, «старшый братъ дилыть на части, а меньшый яку схотивъ, ту и бравъ». Но этотъ обычай мѣстный, въ другихъ мѣстахъ Лубенщины неизвѣстный. Вообще добрыхъ раздѣловъ мало; чаще они сопровождаются такими ссорами и драками, что вызываютъ вмѣшательство постороннихъ лицъ: сосѣдей стариковъ, волостныхъ судей. Раздѣлу подлежитъ движимость, усадьба и поле; между прочимъ дѣлится поровну между братьями и та излишняя часть поля, которая, какъ указано выше, оставлялась отцемъ пожизненно для своего пропитанія. Но лугъ, сѣнокосъ, лѣсъ можетъ оставаться и въ общей собственности. Иногда и садъ остается въ общей собственности, а фруктами дѣлятся ежегодно. Такъ что единственно прочной нормой мѣстнаго обычнаго права является

---

[1]) Объ этомъ инстинктѣ, какъ о причинѣ раздѣловъ, см. у М. Ковалевскаго. Происх. семьи. 100. Объ индивидуализмѣ упоминаютъ и малорусскіе изслѣдователи: Арендаренко (Зап. II, 210), Чубинскій (Очер. нар. юрид. обыч. въ VI т. Труд. 31, 33). В. И. Василенко („Землед. по укр. нар. воззрѣн. 8—10). См. также Сб. хоз. статит. полт. губ. IV, луб. у. 26. Вслѣдствіе господства индивидуализма, въ Лубенщинѣ преобладаютъ малыя семьи, въ 4—5 душъ, надъ средними въ 6—7, не говоря уже о большихъ. Отсюда вытекаютъ: раздробленіе семейной собственности, ослабленіе рабочихъ силъ и инвентаря, слабое развитіе коопераціи и общественныхъ чувствъ. «Народъ ненавысный. Колыбъ такъ захылыться, шобъ одно 'дного й не бачыло»—говорятъ крестьяне.

предоставленіе старой батьковской хаты и огорода (дворыща) младшему сыну [1]).

Юридическое положеніе дочери въ отцовской семьѣ иное, чѣмъ сына. Дочь самой силой вещей предназначена къ образованію новой семьи, къ продолженію чужого рода будущаго мужа, и пребываніе ея у отца только временное. Отрѣшеніе дочери отъ родового очага было первымъ актомъ брачнаго обряда у древнихъ; оттого въ Индіи, Греціи и Римѣ дочери не наслѣдуютъ [2]). У древнихъ римлянъ дочь, выйдя замужъ, теряла свои агнатическія права и исключалась изъ рода и наслѣдства [3]). Дочь лишалась наслѣдства въ отцовскомъ имѣніи, потому что, отрѣшенная отъ очага отца, подводится къ очагу или божеству мужа у германцевъ, чеховъ и южныхъ славянъ [4]). Салическая правда возглашаетъ, что дочери не могутъ наслѣдовать поземельной собственности [5]); а въ старыхъ германскихъ правдахъ они наслѣдуютъ лишь при отсутствіи сыновей [6]). На югѣ, у сванетовъ и черкесовъ, дочери не наслѣдуютъ [7]). Тѣже нормы обычнаго права о наслѣдованіи дочерей извѣстны и въ Малороссіи. И здѣсь дочери при наличности сыновей не наслѣдуютъ въ отцовскомъ недвижимомъ имѣніи и инвентарѣ [8]). Эти правила наслѣдованія указаны еще въ Русской Правдѣ и въ Псковской судной грамотѣ [9]). Но дѣйствительное положеніе дочери въ семьѣ представляется совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ правовое. Если отцу

---

1) Чубинскій. Очер. нар. юрид. обыч. 19.

2) Фюстель Куланжъ. Древн. Общ. 54, 99, 103.

3) Энгельсъ. Происх. семьи. 106.

4) Липпертъ. Ист. культ. II, 170, 187.

5) М. Ковалевскій. Происх. сем. 79.

6) Ш. Летурно. Соціол., основ. на этногр. II, 62, 67.

7) Е. Ковалевскій. Очер. этн. Кавк. въ «Вѣстн. Евр.», 1867 г., IX, 115.

8) Ѳ. Рыльскій. «Къ изучен. народ. міросозерц.» въ „Кіев. Стар.“, 1903 г., V, 172. Барыковъ. Обыч. наслѣд. въ Осн. 1862 г., X, 66, 67.

9) Чубинскій. Очер. нар. юрид. понят. 19, 20.

болѣе желателенъ сынъ, какъ помощникъ, то матери по той же причинѣ желательнѣе дочь. «Шо съ тихъ лобьякивъ [1]) за польза?— разсуждаетъ мать,--дочка и прястыме и пошые и выпере сорочку».— «Шобъ була помитуха й помазуха, прачка й швачка»—таковы пожеланія бабъ новорожденной дѣвочкѣ. Кромѣ большей способности къ домашней работѣ, дѣвочка еще послушнѣе, ласковѣе, спокойнѣе, почему родители балуютъ ее больше; мать больше заботится о ней, чѣмъ о сынѣ. Дѣвочка раньше мальчика начинаетъ работать. Крошка 5—6 лѣтъ уже колышетъ колыбель, а въ 7—таскаетъ ребенка на рукахъ. Съ этихъ же лѣтъ она учится шить и прясть, причемъ первый спряденный клубокъ пряжи бросаютъ въ огонь или въ соръ «сороци на гниздо». Съ 7—10 лѣтъ дѣвочка пасетъ гусей, свиней, овецъ, иногда корову, а нанявшись на сторону пастушкой, зарабатываетъ до 5 руб. въ лѣто. Съ 14—16 лѣтъ большинство дивчатъ поступаютъ на лѣтнія работы въ срокъ: съ 17 или 26 марта по 21 ноября за 15—18 руб. и платокъ; съ 17-ти лѣтъ плата увеличивается до 25 руб., а старшимъ дѣвушкамъ плата доходитъ до 28—35 руб. и два платка или матеріи на корсетъ. Хотя спросъ на рабочія руки существуетъ и на мѣстѣ по наслѣдованной отъ прежнихъ временъ мрачной пословицѣ: «Була-бъ шія, а ярмо буде», но многія дѣвки предпочитаютъ южные заработки, на которыхъ всегда нужны вязальщицы къ жатвеннымъ машинамъ (жачкамъ), и гдѣ срокъ найма короче, а цѣна выше: съ 9 мая по 1-е октября—30—40 руб. Взрослая дѣвушка, поступающая въ экономію только на жатву, получаетъ за одинъ іюль 11—12 руб. Поденная же заработная плата колеблется между 20—50-ю коп. Наемъ на всю зиму цѣнится въ половину противу лѣтняго, помѣсячно 3—4 руб. Наконецъ, въ годовой наемъ дѣвушка становится за 30—40 руб. [2]) на хозяйской одеждѣ. Часто годовая наймичка беретъ часть платы одеждой, а сиротки, о которыхъ некому позаботиться, выговари-

[1]) Лобъ больше, чѣмъ у дѣвочки.

[2]) Въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка годовой платежъ наймичкѣ (по Чубинскому, Тр. VI, 76)—15—30 руб.

ваютъ себѣ, вмѣсто всего годового платежа, одежду по такому, напримѣръ, разсчету: кожушанку на 5—7 фантъ, цѣной въ 10—15 руб., суконную верхнюю одежду (юбку) въ 6—8 руб., ваточникъ—5 руб., запаски: 2—3 руб., поворозки (узкій поясъ) въ полтинникъ, рубашку въ 1 руб., и сапоги въ 4 руб. Нѣтъ никакого общаго правила объ израсходованіи дѣвичьихъ заработковъ. Иногда до половины ихъ затрачивается на безотлагательныя нужды семьи. Чаще заработанныя деньги хотя и передаются дѣвушкой отцу, но истрачиваются на ея же одежду и обувь. Наконецъ, всѣ деньги остаются у дѣвушки, а она платитъ лишь за зимовлю 5 руб. родителямъ, если не нанимается и на зиму [1]).

Рѣдко дѣвушка совсѣмъ никуда не нанимается на лѣто, а помогаетъ матери въ лѣтнихъ работахъ; въ свободное же время сидитъ въ саду, шьетъ и вышиваетъ. Но такія непринужденныя работы самыя желательныя дѣвушкѣ; «строки» даются нелегко, какъ доказываютъ, между прочимъ, слѣдующія дѣвичьи (дивоцьки, строкивськи) пѣсни о гореваньи въ наймахъ.

1.

Ой, матинко, паво!
Теперъ я пропала!
Ой, матинко ридна!
Теперъ я невирна.
Ой, тоди я вирна буду,
Якъ строку добуду.

(Записана въ 1902 г. отъ козачки с. Кононовки Суковой).

2.

Ой, матинко вышня!
Чы я въ тебе лышня,
Шо ты мене въ срокъ наняла,

---

[1]) См. мои „Рабоч. пѣс. луб. у.“ Кіевъ 1895 г., стр. 12, примѣч.

А я й не прывышна?
Чы я въ тебе, моя маты,
Платкы поносыла,
Шо ты въ мене въ срокъ наняла,
Шобъ я голосыла?
Чы я въ тебе моя маты,
Пшеныци не жала,
Шо ты мене въ срокъ наняла,
Шо я й не бажала?

(Въ 96 г. отъ коз. м. Лукомья, М. Норовой, 18 л.).

Вар. Вмѣсто 2 куплета такъ:

Десь я въ тебе, моя маты,
Все добро [1]) порвала,
Шо ты мене туды 'ддала,
Шобъ я горювала.

(Отъ С. Норовой, м. Лукомья).

Вар. въ моихъ «Раб. пѣсн.» № 9, стр. 6, 7.

3.

Чы я въ тебе, ненько,
Весь хлибъ перейила,
Шо ты мене вырядыла,
Куды не хотила?
Чы я въ тебе, ненько,
Спидныци порвала,
Шо ты мене вырядыла,
Шобъ я й горювала?
Думаете, ненько,
Що я тутъ не плачу?
За дрибнымы слизонькамы
И свита не бачу.

---

[1]) Спидныци.

Думаете, ненько,
Шо я тутъ пануючу?—
Прыйды, ненько, подывыся,
Якъ я тутъ горюю.
Шо у людей дочокъ по пьять
Та вси дома сыдять,
А я въ тебе одна,
Тай та въ наймы пишла;
Шо у людей дочокъ по симъ
Та имъ счастя усимъ,
А я й у васъ одна
Тай тій счастя нема.

(Отъ кр. х. Николаевки Зиньки Дорошенковой).

4.

Тече ричка зъ поля,
А другая зъ моря,
Та выкупы, ненько моя,
Мене зъ сёго горя.
Тече ричка зъ поля
Та водыця тепла.
Та выкупы, ненько моя,
Мене зъ сёго пекла.

(Отъ Суковой).

5.

Ой, высоко, высоко
Клынъ дерево одъ воды.
Ой далеко, далеко
Отець маты одъ дытяты.
А хоть воны далеко
Та згадають легенько
Тоди мене згадають,
Якъ обидать сидають.

Ой десь наша дытына
Якъ у степу былына,
Ой десь наше дытятко,
Якъ на мори утятко.

(Въ 1898 г. отъ кр. д. Мещковецъ Федосьи Кононенковой).

Въ с. Титкахъ вмѣсто 4 послѣднихъ строчекъ поютъ такъ:

Оце лышня ложечка,
Ой десь наша дочечка.

(Отъ Прасковьи Орленковой).

6.

Згадай мене, моя маты,
Дома спиваючы,
А я тебе изгадаю,
Въ строку строкаючы.
Згадай мене, моя маты,
У досвита вставшы,
А я тебе изгадаю,
Ище й не лягавшы.
Згадай мене, моя маты,
Обидаты сившы,
А я тебе изгадаю,
Не пывшы не йившы.
Згадай мене, моя маты,
До церквы идучы,
А я тебе изгадаю,
Въ строку горюючы.

(Въ 1898 г. коз. с. Мацковецъ Федосьи Кононенковой).

7.

Згадай мене, ненько,
Въ недилю раненько,
Якъ дивчата йдуть до церквы,

Заплитаются дрибненько.
Згадай мене, ненько,
У недилю въ ранци,
А я тебе изгадаю
У сороци дранци.
Згадай мене, ненько,
На хатнимъ порози,
А я тебе изгадаю
Въ степу пры дорози.
Згадай мене, ненько,
Тай надъ пырогамы,
А я тебе, ненько,
Тай надъ сухарямы.
Згадай мене, ненько,
Сившы обидавшы,
А я тебе изгадаю
Не пывшы не йившы.

Въ 1895 г. отъ козачки с. Михновецъ, Христины Марченковой).

Въ с. Пѣскахъ еще одинъ куплетъ:

Згадай мене, моя ненько,
Ложечкы помывшы,
А я васъ же изгадаю
Слизонькамы вмывшы.

(Отъ Матрены Матюшиной).

8.

Сёгодня субота,
А завтра недиля,
А у мене ненько моя,
Сорочка не била.
Згадай мене, ненько,
Въ недилоньку вранци,
А я васъ же изгадаю

У сороци въ дранци.
Згадай мене, ненько,
До церковци йдучы,
А я васъ же изгадаю
Въ строку горюючи.

(Въ 1900 г. отъ кр. д. Шекъ Еф. Купріевой).

Вар. у Гринченка. Этн. мат. III, № 1383, 559.

9.

Якъ пиду я у строкъ, ненько.
То може пролежу,
Дайте, ненько, подруженькамъ
Проносыть одежу.
— Ой, лучше жъ я, дытя мое,
По тыну роскыну,
А нижъ мени прыбираты
Чужую дытыну.
Ой, лучше жъ я, дытя мое,
По тыну розвишу,
Бо чужою дытыною
Серця не потишу.

(Отъ нея же).

10.

Соловейку маленькый!
Въ тебе голосъ тоненькый
Защебечышъ ты мени,
Шо я въ чужій сторони,
Нема роду пры мени.
Нема роду, ни родця
Ни матуси, ни отця.
Хоть бы була родына,
Хоть маленька дытына,

Вона бъ мене провела,
Слизонькамы облыла.

(Въ 1895 г., отъ коз. м. Лукомья, Матрены Поровой).

По достиженіи дѣвушкой 18 лѣтъ двери отцовской хаты «одчыняются» [1]) и являются сваты. Въ настоящее время воля дѣвушки при выборѣ мужа имѣетъ рѣшающее значеніе; въ случаѣ несогласія родителей, дѣвушка убѣгаетъ тайно и все же выходитъ замужъ «своимъ трыбомъ» [2]). Въ такомъ случаѣ она рискуетъ неполучить приданнаго.

Приданое, замѣняющее въ малороссійскомъ народномъ быту наслѣдованіе дочери въ отцовскомъ имѣніи [3]), указываетъ и до сихъ поръ своимъ составомъ на происхожденіе свое изъ свадебнаго дара жениха [4]), такъ какъ оно заключается только въ движимости, бѣльѣ, одеждѣ, постели, мелкомъ и крупномъ скотѣ. Невѣста должна быть пріодѣта съ ногъ до головы, и имѣть: 2 шелковыхъ праздничныхъ платка, по 3 р. 50 коп. каждый, не менѣе 10 бумажныхъ и шерстяныхъ, въ среднемъ по 1 руб. каждый; 2 очипка по 40 коп, 35 рубашекъ, по 1 руб. 50 коп. каж-

---

[1]) О сватовствѣ мѣстныя пословицы выражаются такъ: «Якъ одчыняются, то одчыняйте, а то якъ зачынятся, то не одчыныте». (Вар. у Комарова. Нова збир. 99), и «Покы не стукають, покы не слухають, покы не дзвоныли, покы не йшлы».

[2]) Trieb, нѣмец.: склонность, влеченіе, побѣгъ.

[3]) Не только отецъ, но и братья, даже дяди, выдавъ дѣвушку замужъ и снабдивъ приданымъ, могутъ затѣмъ уклониться отъ выдачи ей земли изъ батькивщыны или дидызны. Только матерызна принадлежитъ дочерямъ. (Сб. хоз. ст. 15).

[4]) Въ соч. Вилькена Over de primitieve vormen van het hywelijk en het oorsprong van het gezin, приведенномъ кратко въ От. Зап. 1882 г., VII, 189, 190, объяснено, что плата за невѣстку или даръ есть вознагражденіе за умычку ея, а не платежная цѣна. Затѣмъ pretium nuptiale переходитъ въ даръ, обращаемый невѣстѣ въ приданное. (Кавелинъ. Мос. 1859 г., IV, 237. Липпертъ. Ист. культ. II, 185).

дую, да кусковъ 10 холста въ 25 локтей кусокъ, на сумму до 30 руб. всего, 4 корсета, по 2 руб. каждый, 3 ватянки и 3 суконныхъ юбокъ, по 5 р. каждую, 2 кофты по 2 руб., 2 кожушанки (иногда 4) по 10—15 руб. каждую, 5 сподницъ по 3 руб. въ среднемъ, 2 запаски по 1 р. 50 коп., 6 поясовъ по 50 коп.; 3 пары чорныхъ и 1 цвѣтную сапогъ, по средней цѣнѣ 3 руб. Кромѣ одежды и обуви, въ составъ приданаго входитъ убранство комнаты: не менѣе 3 рушниковъ, по 2 руб. каждый, 3 скатерти по 1 р. 50 к., иногда коверъ (килымъ), цѣной въ 2 руб., постель: 4 подушки по 1 р. 50 к. каждая и 10 ряденъ, по 80 коп. въ среднемъ рядно, изрѣдка лижныкъ, стоющій 3—6 руб., и сундукъ [1]) (скрыня), цѣной въ среднемъ—7 руб. Изъ животныхъ даются въ приданое: 2—3 овцы, телица, корова, рѣдко кобыла, и еще рѣже пара воловъ: «Свій визъ, волы и батигъ». Слѣдуетъ еще замѣтить, что приданное никогда не облекается въ письменную форму, и въ случаѣ смерти бездѣтной женщины возвращается ея родителямъ за вычетомъ издержекъ похоронъ [2]).

Въ одномъ только случаѣ, какъ объяснено выше, при отсутствіи сыновей, дочь получаетъ не только движимость въ видѣ приданаго, но и недвижимое имѣніе отца и вообще все хозяйство. Въ этомъ случаѣ положеніе мужа ея бываетъ различнымъ. Большею частью оно такое же, какъ если бы мужъ ввелъ жену въ свой домъ. Когда родители жены стары, онъ распоряжается всѣмъ, какъ настоящій хозяинъ. «Винъ и побье жинку за дило, не дывытся на те, що прыймакъ». Вся разница только въ томъ, что раздраженная жена крикнетъ на него «прыймачыще!» Рѣже встрѣчается преобладаніе жены надъ мужемъ—прыймакомъ. «Вона потрипue, крутыть имъ; николы ёму бидному и вгору глянуть».

---

[1]) О скрынѣ подробнѣе въ «Жит. быт» въ Кіев. Стар. 1892 г., IV, 132. Всего насчитано приданаго безъ скота на 200 руб. безъ малаго. О составѣ приданаго см. также: М. Ганенко. Сем. имущ. 152, 153 и Сборн. хоз. стат. IV. Луб. у., 27.

[2]) Ib. 16.

О такихъ прыймакахъ говорятъ: «пишовъ замижъ» [1]). Затѣмъ, отношеніе примака къ тестю и тещѣ близко къ отношеніямъ невѣстки къ родителямъ мужа, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующей народной пѣсни.

Матинко наша! дороге насинячко!
Де тебе взяты, де тебе й посіяты?
— Посій, доненько, въ свитлыци на скамныци,
Де збираются братикы та сестрыци.
Братикы йдуть, якъ голубонькы гудуть,
А сестрыци йдуть, якъ зозуленькы кують.
Братикы радятся, якъ матиръ поховаты,
А сестрыци радятся, якъ матиръ оплакаты,
А невисткы радятся, якъ добричко забраты,
А зяти радятся, якъ худибку заняты.

(Отъ кр. д. Шекъ Еф. Купріевой).

Но каково бы ни было отношеніе зятя къ родителямъ жены, все же положеніе послѣднихъ нельзя и сравнить съ людьми совсѣмъ бездѣтными и безродными. За такими стариками некому присмотрѣть, докормить, похоронить и наслѣдовать ихъ имѣніе [2]). Съ необыкновенной прелестью выражено положеніе бездѣтныхъ стариковъ въ «Наймичкѣ» Шевченка.

Хто-жъ ихъ старисть прывитае,
За дытыну стане?
Хто заплаче поховае,
Хто душу спомяне [3])?

---

[1]) Приводится въ Сбор. хоз. стат. 27.

[2]) Тогда какъ моногамія и возникала именно вслѣдствіе накопленія собственности и стремленія передать ее законнымъ наслѣдникамъ. (Энгельсъ. Происх. сем. 51, 54, 64).

[3]) О самой смерти записаны въ Лубенщинѣ слѣдующія выраженія и поговорки.

Единственнымъ выходомъ изъ такого тяжелаго положенія представляется усыновленіе сторонняго ребенка (годованыка) или взрослаго (прыймака). Усыновленіе не сопровождается никакимъ особымъ обрядомъ [1]). О годованыкѣ составляется общественный приговоръ, и онъ вносится въ семейный списокъ; взрослый пріймакъ заключаетъ съ принявшими его (пріймами) письменный или словесный договоръ, или живетъ безъ договора, обезпечивая себя векселями [2]). Но изъ такихъ искусственныхъ семей мало выходитъ проку: «Чуже не буде своимъ». Пріймакъ, а также и бездѣтный зять по смерти жены, проработавъ иногда лучшіе годы жизни чужимъ людямъ, выгонялись затѣмъ этими послѣдними безъ всякаго вознагражденія. Особенно невыгоднымъ становилось положеніе пріймака при отсутствіи или неточности договора, т. е. въ большинствѣ случаевъ. Разбирая подобные случаи, бывшіе мировые судьи должны были примѣнять—за отсутствіемъ прямого

Смерть прыйшла.

Балакала стара до самои смерты.

Уже й ричъ одибрало.

Уже й ногы захолонулы

Душа кыдае тило, якъ сорочку.

(Похоже на итальянское lasciar la pelle, скинуть кожу—умереть).

Выпроводылы по чорній дорози.

Уже пьятеро на тымъ боци.

Царство небесне дидови у гроби лежать и землю зверхъ себе перомъ держать.

Молодый не запродавъ, старый не закупывъ.

Примѣта. Якъ хикалка на ще серце, то то мертвый згадуе, або смерть, а якъ нисля обида—до то ридъ згадуе.

[1]) Уже отсутствіе обряда доказываетъ, что усыновленіе—явленіе позднѣйшаго порядка, когда родовое начало смѣняется трудовымъ. (См. М. Ковалевскій и Иванюковъ. «Въ Сванетіи» Вѣстн. Евр. 1886 г., VII, VIII, 549).

[2]) Внѣбрачное дитя принимается мужемъ «накрытки» пріемышемъ. Изрѣдка сторонній прыймакъ берется въ семью при малолѣтней дочери съ условіемъ выдать послѣднюю замужъ. (Сб. хоз. стат. 17).

указанія въ законѣ—общее положеніе права: «Jure naturae aequum est, neminem cum detrimento alterius et iniuria fieri locupletiorem» [1]), принятое и гражданскимъ касаціоннымъ департаментомъ сената [2]), и присуждали пріймаку вознагражденіе за его трудъ, какъ работнику. А если пріймакъ, заручившись векселемъ, овладѣвалъ имѣніемъ и пускалъ стариковъ по міру, то мировые судьи выслушивали свидѣтелей [3]) и, не взирая на акты укрѣпленія, присуждали старикамъ жить на своемъ пепелищѣ, получая содержаніе отъ выгнавшаго.

В. Милорадовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) См. Баронъ. Сист. римск. гражд. права. Перев. А. Петражицкаго. Кіевъ. 1888 г., 113—118.

[2]) Безмездный переходъ цѣнностей не предполагается и никто не можетъ безмездно обогащаться цѣнностями или работами другого. (Рѣш. 1877 г. № 183, 1878 г. №№ 203, 232, 233, 1879, 1882 г. № 60 и 1887 г., № 13.

[3]) Договоры о содержаніи однимъ лицомъ другого могутъ быть доказываемы свидѣтелями. (Рѣш. 1877 г., № 23).

НА МЕРТВОЙ ТОЧКѢ.

(Замѣтки читателя).

I.

Очень часто въ послѣднее время приходится слышать и читать мнѣнія о ростѣ украинской литературы, о ея успѣхахъ, о ея неуклонномъ возрастаніи въ количественномъ и совершенствованіи въ качественномъ отношеніи, о подъемѣ творческихъ силъ, участвующихъ въ ея созиданіи и т. п. Большинство критическихъ статей, особенно появляющихся въ чужихъ изданіяхъ,—русскихъ журналахъ, напр.,—обычно заканчиваются такими оптимистическими утвержденіями, и выраженія въ родѣ: «малорусская литература переживаетъ моментъ особаго подъема духа» (С. Русова—«Старое и молодое въ современной малорусской литературѣ», Русск. Мысль. 1903, кн. XII, стр. 201) сдѣлались положительно общимъ мѣстомъ. И если хотите, такое утвержденіе совершенно понятно со стороны авторовъ, желающихъ передъ чужой публикой, какъ говорится, товаръ лицомъ показать и потому избирающихъ (не всегда впрочемъ: попадаются въ этомъ смыслѣ и курьезныя исключенія) такихъ писателей, которые подтверждаютъ правильность сдѣланнаго вывода. Но несмотря на то, что гласъ народа—гласъ Божій, намъ кажется, что оптимизмъ въ подобной обобщенной формѣ подлежитъ значительнымъ оговоркамъ и ограниченіямъ,—и больше всего именно въ отношеніи литературы послѣдняго времени,—и что въ основѣ такихъ огуль-

ныхъ оптимистическихъ утвержденій лежитъ крупная доза какого-то недоразумѣнія, искренняго, быть можетъ, заблужденія, по просту—оптическаго обмана. За особый подъемъ литературы, за необыкновенный ея расцвѣтъ принимается что-то другое, что́ хотя и сказывается *интересомъ* къ литературѣ, но въ сущности вовсе не имѣетъ права на полное отождествленіе съ самой литературой. Въ дѣйствительности существуетъ и весьма опредѣленнымъ образомъ о себѣ заявляетъ лишь общее движеніе среди украинской интеллигенціи, долгіе годы благополучно почивавшей даже не на лаврахъ; и это движеніе общественнаго характера дѣйствительно сказывается, между прочимъ, и возбужденіемъ интереса къ литературѣ, увеличеніемъ тѣхъ запросовъ, которые къ послѣдней предъявляются и со стороны принимаются за подъемъ самой литературы. Это во-первыхъ; во-вторыхъ—критическія статьи посвящаются обыкновенно разбору лучшихъ представителей нашей литературы, ея верховъ, можно сказать; но очевидно, что было бы весьма рискованнымъ—выводы, полученные на основаніи знакомства съ верхами литературы, распространять огуломъ на всю литературу. Вѣдь не надо забывать, что кромѣ верховъ существуетъ—не говоря уже о низахъ, гдѣ невозбранно подвизаются всевозможные г.г. Кулиды, Сластины, Неграмотные и т. п.—еще цѣлая срединная область, наиболѣе широкая по количеству работниковъ и потому наиболѣе замѣтная, кладущая свой собственный отпечатокъ на все литературное движеніе и придающая ему особенный характеръ. Между тѣмъ на это то среднее теченіе, наиболѣе, какъ сказано, широкое и характерное, и не обращается достаточнаго вниманія: о немъ обыкновенно бросаютъ вскользь нѣсколько словъ при общихъ обзорахъ литературы, и тѣмъ дѣло и ограничивается, а впечатлѣнія отъ верховъ литературы невольно переносятся тѣмъ временемъ и на эту срединную область и тѣмъ усиливаютъ оптическій обманъ. Наконецъ, послѣдній поддерживается еще и обманщицей-вѣрой, которую не даромъ вѣдь, по классическому выраженію одного изъ школьныхъ учебниковъ, опредѣляютъ, какъ «увѣренность въ желаемомъ какъ бы въ совершившемся». Сильное желаніе видѣть подъемъ и прогрессъ за-

частую находить ихъ даже тамъ, гдѣ весьма опредѣленно намѣчаются другіе процессы и происходятъ явленія, въ сущности противорѣчащія оптимистическимъ заявленіямъ и утвержденіямъ. А въ результатѣ—цѣлый рядъ недоразумѣній и противорѣчій. Говоримъ о подъемѣ литературы—и въ то же самое время не можемъ за послѣдніе годы указать почти ни одного сколько-нибудь выдающагося литературнаго явленія, ибо то, что обыкновенно въ такихъ случаяхъ указывается, принадлежитъ въ равной, если не въ бо́льшей, мѣрѣ прошедшему, ка́къ и настоящему. Находимъ оживленіе литературы—и въ то же время замѣчаемъ, что большинство признанныхъ украинскихъ писателей почти замолкло и только время отъ времени напоминаетъ о себѣ, предлагая читающей публикѣ что-либо новое, да и то уступающее въ большинствѣ случаевъ по своимъ достоинствамъ тому старому, что ими было дано въ прежнее время. Отмѣчаемъ нарожденіе молодыхъ силъ—и въ то же время на скептическій вопросъ—гдѣ же онѣ?—съ недоумѣніемъ оглядываемся и указываемъ на такихъ писателей, которые вовсе не могутъ быть названы новичками, а тѣмъ болѣе дебютантами въ литературѣ. Вотъ въ силу этихъ то обстоятельствъ тѣмъ интереснѣе приглянуться къ срединной области нашей литературы—къ той ея части, которая въ громадномъ большинствѣ состоитъ именно изъ начинающихъ и расправляющихъ крылья писателей: вѣдь это будущіе дѣятели нашей литературы, здѣсь сосредоточены надежды и упованія на обновленіе нашего порядочно таки за истекшее столѣтіе поизветшавшаго, какъ всѣми признано, литературнаго зданія. И хотя «тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ», но въ случаѣ необходимости найдемте же, наконецъ, въ себѣ достаточно силы и рѣшимости сказать въ глаза горькую истину, не боясь тѣхъ укоризненныхъ возгласовъ, которые могутъ раздаться изъ среды людей, предпочитающихъ «насъ возвышающій обманъ» трезвому обсужденію нашихъ дѣйствительныхъ недостатковъ. Въ зависимости отъ доказательныхъ фактовъ призна́емъ же хотя теперь, что мы вовсе не въ такомъ уже блестящемъ положеніи находимся, а напротивъ—вокругъ насъ, въ нашей литературной республикѣ, со-

вершается нѣчто такое, что должно наводить на весьма и весьма печальныя размышленія. Не забѣгая впередъ и не предвосхищая послѣдующихъ выводовъ, напомнимъ лишь, что открытое и искреннее признаніе своихъ недостатковъ есть первый и необходимый шагъ къ ихъ устраненію.

Читателю, болѣе или менѣе внимательно слѣдящему за теченіемъ нашей литературной жизни, бросится въ глаза одинъ фактъ,—это рѣзко обозначившаяся въ послѣднее время дифференціація нашихъ литературныхъ направленій и появленіе того теченія, которое именуетъ себя гдѣ символизмомъ, гдѣ модернизмомъ, гдѣ новоромантизмомъ—отъ частаго употребленія эти термины уже поистерлись и потеряли ясныя очертанія,—а среди широкой публики болѣе извѣстно подъ именемъ декадентства. Появленіе это имѣетъ, конечно, свои причины, на которыхъ подробнѣе мы останавливались въ другомъ мѣстѣ и теперь повторяться не будемъ. Отмѣтимъ лишь, что съ того времени, когда намъ пришлось говорить объ этомъ теченіи на страницахъ нашего журнала, прибавился не одинъ листокъ на деревѣ украинскаго символизма, и эти листья въ общей своей сложности и совокупности лишь оправдываютъ сдѣланные нами тогда выводы. Наше замѣчаніе о шаткости «краеугольнаго камня, заложеннаго въ основу чисто эстетическихъ идей символизма, сотворившаго себѣ кумиръ изъ проявленія *одной* лишь стороны человѣческой природы и пренебрегшаго *цѣлымъ человѣкомъ*, со всѣми разнообразными свойствами и стремленіями его природы («Въ поискахъ новой красоты», 99)—получило косвеннымъ образомъ подтвержденіе отъ самихъ же представителей даннаго направленія. Вотъ что пишетъ, напр., г-жа Гриневичева въ отвѣтъ на высказанный ей упрекъ въ непонятности ея произведеній: «Вильно *розуміючымъ* (курсивъ автора) чытачамъ ставыты намъ вымогы що до *формы, языка, щыросты нашыхъ вражинь и думокъ, але не бильше* [1]). Нехай насъ чытають и цинять ти, чыя воля. А жертвъ изъ часу та особыстого *вдоволення на ричъ нашыхъ тво-*

[1]) Неоговоренные курсивы вездѣ принадлежатъ намъ.

ривъ мы не просымо ни въ кого (Л.-Н. Вiстник, 1903, кн. VI, 214). Обратите, пожалуйста, вниманіе на подчеркнутыя нами мѣста въ этомъ литературномъ манифестѣ, изданномъ—не знаемъ, по какому праву,—г-жей Гриневичевой не только отъ собственнаго имени, но и отъ лица всѣхъ «достойныкивъ» символизма («*мы...*»). Г-жа Гриневичева благосклонно разрѣшаетъ намъ, читателямъ,— и то лишь понимающимъ, подчеркиваетъ она,—предъявлять свои требованія только относительно формы, языка и искренности пишущаго—отнюдь не больше; сущность же, содержаніе («ричъ нашыхъ творивъ») абсолютно изъемлется изъ сферы сужденій читателя: это заповѣдная область, доступъ въ которую строго-настрого загражденъ для непосвященныхъ. Читай и, если въ состояніи проникнуть въ тайны формы, наслаждайся ею, а о прочемъ разсуждать не твое дѣло, «руки прочь»—такъ можно нѣсколько попроще выразить мысль г-жи Гриневичевой. Купеческая дочь Агаѳья Тихоновна у Гоголя поступила впрочемъ еще рѣшительнѣе съ надоѣдливыми людьми: «пошли вонъ» и дѣло съ концемъ... Къ сожалѣнію, въ манифестѣ г-жи Гриневичевой не хватаетъ существенной части—не опредѣлено, какая кара ждетъ того дерзкаго смѣльчака, который не удовлетворится поставленными ему границами и непрошенный попытается проникнуть въ заповѣдную область содержанія. И это крупный, по нашему мнѣнію, недостатокъ произведенія г-жи Гриневичевой: ужъ если издавать манифесты, такъ издавать по формѣ, съ изложеніемъ всѣхъ послѣдствій. изъ нихъ вытекающихъ—въ такомъ, примѣрно, видѣ: всякій, дерзко осмѣлившій проникнуть въ тайны содержанія, подлежитъ... ну хотя бы принудительному прочтенію такихъ-то и такихъ символистическихъ произведеній. Это было бы по крайней мѣрѣ послѣдовательно и навѣрное па многихъ подѣйствовало бы устрашающимъ образомъ... Не знаемъ, много ли «достойныкивъ» символизма подпишется подъ категорическимъ запрещеніемъ проникать въ смыслъ ихъ произведеній, но что такіе найдутся—это не подлежитъ сомнѣнію: во-первыхъ, для иныхъ авторовъ это очень удобное запрещеніе и трудно имъ будетъ избѣжать соблазна укрыться за

нимъ, а во-вторыхъ... во-вторыхъ, свое согласіе кой-кто запечатлѣлъ уже нѣкоторымъ образомъ документально.

Почти одновременно съ манифестомъ г-жи Гриневичевой появился въ Одессѣ «Збирныкъ творивъ сьогочасныхъ авторивъ», не совсѣмъ удачно пародирующій своимъ заглавіемъ—«Зъ-надъ хмаръ и зъ долынъ»—извѣстный сборникъ стихотвореній г. Франка. Редакторъ «надхмарнаго» сборника, г. Вороный, въ качествѣ поэтическаго предисловія къ книгѣ, помѣстилъ свое литературное исповѣданіе вѣры или, лучше сказать, программу литературнаго творчества, въ формѣ стихотворнаго посланія къ г. Франку. Въ старое время, когда стихотворная форма была въ особенной модѣ, такихъ риѳмованныхъ трактатовъ появлялось громадное количество и трактовали они о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, хотя бы даже о пользѣ стекла и тому подобныхъ къ поэзіи никакого отношенія не имѣющихъ вещахъ. Понятно, къ такого рода произведеніямъ, за исключеніемъ принадлежащихъ выдающимся талантамъ, нельзя предъявлять серьезныхъ требованій: это и не поэзія, и не публицистика и, соединяя въ себѣ недостатки обѣихъ, они не пользуются преимуществами ни одной изъ нихъ. Непосредственному чувству поэта здѣсь связываетъ крылья чисто разсудочное отношеніе къ предмету, а публицистъ безъ нужды стѣсненъ стихотворной формой, препятствующей мѣстами высказаться съ достаточной ясностью и опредѣленностью. Въ извѣстномъ смыслѣ всѣ такія произведенія сбиваются на свой, можно сказать, прототипъ—популярное «Посланіе о пользѣ стекла»: «Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ, которые стекло чтутъ ниже минераловъ»,—въ такомъ приблизительно родѣ начинаетъ каждый авторъ, а затѣмъ уже излагаетъ рядъ соображеній и доказательствъ, обличающихъ неправоту того, съ кѣмъ авторъ по данному вопросу не согласенъ. По такому же шаблону построена и программа г. Вороного, но обладая всѣми недостатками, свойственными всевозможнымъ риѳмованнымъ «разсужденіямъ», произведеніе это очень характерно, а потому и интересно, въ томъ смыслѣ, что оно проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на темноту интересующей насъ сейчасъ части современной нашей литературы. Та же нота—«руки прочь»,

которую мы отмѣтили уже выше, въ манифестѣ г-жи Гриневичевой, звучитъ и здѣсь, въ обличающемъ неправоту г. Франка «посланіи».

До мене, якъ горожанына,
Ставляй вымогы—я людына;
А якъ поетъ: безъ перепоны
Я стежу творчосты законы,--
Зъ ныхъ повстають мои идеи,
Найкращый скарбъ души моеи!
Творю ихъ я не для шанобы,
Не рушъ, колы не до вподобы («Зъ-надъ хмаръ и зъ долынъ» 6),—

такъ довольно строго прикрикиваетъ на несогласно мыслящаго читателя г. Вороный. Пожалуй, мы бы согласились «не рушать» г. Вороного, если бы онъ самъ не далъ намъ на это права. Во-первыхъ, изъ литературнаго прошлаго г. Вороного мы припоминаемъ факты, когда онъ спускался съ своихъ заоблачныхъ котурнъ и наблюденія надъ «законамы творчосты» простиралъ даже на такія мѣста, которыя потомъ, при печатаніи плодовъ его вдохновенія, пришлось затушовывать стыдливымъ фиговымъ листочкомъ (см. стихотвореніе «Молодий патріот», въ «Л.-Н. Вістнику», 1903, кн. IX); во-вторыхъ, всего лишь нѣсколькими строками ниже приведеннаго нами окрика по адресу дерзкаго читателя, авторъ обмолвился вдругъ такимъ драгоцѣннымъ девизомъ: «йты за викомъ и *буты цилымъ чоловикомъ*». Но позвольте же,—разъ это такъ, разъ, по собственному признанію г. Вороного, ничто человѣческое ему не чуждо, и при томъ, какъ намъ уже извѣстно, до такой степени не чуждо, что на добытые путемъ его эстетическихъ пріемовъ «законы творчосты» приходится даже пластырь налѣплять, то какой же смыслъ имѣютъ всѣ эти: «не рушъ, колы не до вподобы» и т. п.? Очевидно—никакого: очевидно—это или поэтическая вольность, или плодъ недостаточной продуманности, или же, наконецъ, по просту описка. При всемъ нашемъ почтительномъ страхѣ предъ всевозможными «не рушъ», мы, очевидно, имѣемъ право и къ г. Вороному, какъ писателю,

и къ его сборнику приложить ту мѣрку, которая обычно прилагается къ дѣламъ рукъ человѣческихъ.

Странное въ общемъ впечатлѣніе производитъ поэтическое «посланіе» г. Вороного—впечатлѣніе какой-то двойственности и спутанности. Какъ будто авторъ самъ инстинктивно чувствуетъ неловкость занятой имъ позиціи и, отстаивая ее болѣе для вида, по сознанію принятаго на себя долга, находитъ въ то же время возможнымъ во всемъ почти соглашаться съ оппонентомъ. Выходитъ къ обоюдному удовольствію—«и туды вѣрно, и сюды вѣрно», при чемъ не отвѣчая вполнѣ на нѣкоторыя возраженія г. Франка, г. Вороный прибѣгаетъ въ качествѣ ultimum refugium къ такому шаткому и пристрастному судьѣ, какъ чувство—

Чы все жъ те розумомъ збагнуты,
Що дасться серцеви видчуты? («Зъ-надъ хмаръ»... 6).

Эти апелляціи въ послѣдней инстанціи къ чувству—постоянный пріемъ у нашихъ защитниковъ новой красоты. Когда предъявляются къ нимъ претензіи на счетъ неудобопонятности ихъ произведеній они, иногда бія себя даже для пущей доказательности при этомъ въ грудь, какъ буквально дѣлаетъ г. Коцовскій (см. Л.-Н. Вістник, 1903, кн. II, 121), защищаются обыкновенно тѣмъ, что этого-де «розумомъ збагнуты» не возможно, а слѣдуетъ восчувствовать. Болѣе рѣшительные изъ нихъ переходятъ при этомъ удобномъ случаѣ въ наступленіе: «темному и найточнійшый коментарій до барвъ не поможе», деликатно выражается напр. г-жа Гриневичева (ib., VI, 213), и хорошо еще, что этимъ намекомъ только и ограничилась, а не послѣдовала примѣру купеческой дочери Агаѳьи Тихоновны... Намъ кажется однако, что переносить вопросъ *исключительно* въ сферу чувства—значитъ заранѣе и совершенно отказываться отъ его разрѣшенія, такъ какъ область чувствъ дѣйствительно таитъ въ себѣ много еще неизвѣданнаго и необъяснимаго и въ этомъ смыслѣ представляетъ весьма удобное убѣжище для всякой темноты. «Я такъ чувствую, мнѣ такъ нравится»—въ самомъ дѣлѣ противъ этого трудно спорить. Къ счастью, нѣтъ особенной нужды для такого перенесенія даннаго вопроса исклю-

чительно въ сферу чувства,—перенесенія, представляющаго въ сущности лишь удобную стратегическую диверсію для лицъ, выставляющихъ критеріемъ въ творчествѣ одно свое субъективное чувство. Область духовнаго, значитъ и художественнаго, творчества является продуктомъ не только чувства, но и разума, а потому и послѣдній наравнѣ съ чувствомъ имѣетъ право на участіе въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній, и не только со стороны ихъ внѣшняго выраженія, ихъ формы. Такимъ образомъ, производя оцѣнку плодовъ художественнаго творчества, мы обязаны руководствоваться указаніями и нашего разума и подчиняться тѣмъ строго научнымъ методамъ мышленія, которые выработаны въ этой области, а это, согласитесь, критерій много надежнѣе, чѣмъ неопредѣленное «я такъ чувствую». Нельзя, разумѣется, исключать и чувства изъ указанной оцѣнки, но прятаться за него въ затруднительныхъ случаяхъ также не слѣдуетъ. А между тѣмъ за него именно прячутся, кому охота, а послѣдняя существуетъ не у одного только г. Вороного. Въ цитированномъ уже манифестѣ г-жи Гриневичевой имѣется прелюбопытное на этотъ счетъ мѣсто, узаконяющее безграничную субъективность оцѣнки, основанной исключительно на чувствѣ. Приведя справедливую съ извѣстными ограниченіями мысль Шарля Мориса о томъ, что въ дѣйствительности нѣтъ единой читающей публики, а существуетъ множество читательскихъ круговъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою литературу, г-жа Гриневичева продолжаетъ: «Я докынула бы, що *є стилько публикъ, скильько чытачивъ*. Якъ двохъ каминьчыкивъ однаковыхъ на дорози не подыблешъ, лышъ подибни де въ чимъ, такъ каждый людськый интеллектъ мае окрему культуру, що рижныться бодай въ нюансахъ» (Л.-Н. Вістник, 1903, VI, 213). Совершено вѣрно: двухъ абсолютно одинаковыхъ камней, какъ и двухъ абсолютно похожихъ одно на другое лицъ человѣческихъ, не встрѣтишь; не найдешь также и абсолютнаго сходства въ духовныхъ особенностяхъ людей—въ ихъ взглядахъ, стремленіяхъ, вкусахъ и т. п.: нюансы, разумѣется, и тутъ всегда будутъ даже между единомышленниками. Но слѣдуетъ ли въ поискахъ сходства заходить такъ далеко и не много ли

г-жа Гриневичева насчитала читающихъ «публикъ»? Вѣдь если разница въ нюансахъ такъ существенна, то какимъ же образомъ сама г-жа Гриневичева находитъ возможнымъ, всего лишь нѣсколькими строками ниже, говорить о символизмѣ, какъ о *направленіи*, объединяющемъ извѣстный кругъ писателей и читателей? Какое вообще имѣемъ мы право чуть не ежеминутно говорить о *теченіяхъ* въ литературѣ, *направленіяхъ* въ наукѣ, *партіяхъ* въ политикѣ, о какихъ-то *классовыхъ* интерессахъ, о *солидарности*, о *системахъ*, *классификаціи* и т. п., если существуетъ лишь безчисленное множество индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою «окрему культуру», обладаетъ рѣзко отличающейся духовною организаціей? И однако обо всемъ этомъ мы на каждомъ шагу говоримъ, соединяемся въ партіи, чувствуемъ солидарность, приводимъ разрозненные факты въ системы, классифицируемъ и даже ни малѣйше тѣмъ не угрызаемся, что такими словами и поступками должны безгранично огорчать г-жу Гриневичеву и ей подобныхъ крайнихъ индивидуалистовъ. Дѣло въ томъ, что между индивидуумами, объединенными общностью взглядовъ, вкусовъ и стремленій, разница въ нюансахъ, конечно, существуетъ, но она на столько не существенна сравнительно съ крупнымъ сходствомъ, что мы въ правѣ ее совершенно игнорировать, обобщая отдѣльные факты въ группы, что́, разумѣется, прекрасно умѣетъ дѣлать въ случаѣ надобности и г-жа Гриневичева. Центръ тяжести лежитъ, очевидно, не въ мельчайшихъ нюансахъ, а въ крупномъ сходствѣ, являющемся основаніемъ для обобщеній и солидарной дѣятельности въ какомъ бы то ни было отношеніи. Выводъ отсюда ясный: если дѣйствительность противорѣчитъ положеніямъ г-жи Гриневичевой, то въ нихъ, этихъ положеніяхъ, не все обстоитъ благополучно: нюансы и различія на самомъ дѣлѣ не всегда мѣшаютъ объединенію въ болѣе существенныхъ вопросахъ, и г-жа Гриневичева насчитала читающихъ «публикъ» слишкомъ много,—такъ много, что рискуетъ, пожалуй, остаться единственной читательницей своихъ произведеній. Вѣдь если принять предлагаемый методъ оцѣнки художественныхъ произведеній исключительно помощью чувства и основанный на послѣднемъ способъ

численія читающихъ «пу́бликъ», то вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось бы признать, что́ въ сущности и дѣлають г-жа Гриневичева съ г. Вороньмъ, что произведеніе тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ меньшему кругу читателей оно доступно, чѣмъ менѣе оно понятно, и что у идеально-совершеннаго произведенія можетъ быть только одинъ читатель—самъ авторъ. А разъ ставъ на эту точку зрѣнія, мы должны быть послѣдовательными и, поставивъ прорицанія Пиоіи во главѣ міровой литературы, на этомъ успокоиться совершенно и отложить всяческія попеченія объ искусствѣ: оно съ этого момента сдѣлается абсурдомъ. Но великія произведенія искусства тѣмъ именно и велики, что трогають сердца не только гордыхъ жрецовъ искусства, но и обыкновенныхъ смертныхъ, соединяя съ красотою формы, съ глубиною и общечеловѣчностью содержанія кристальную ясность и вытекающую отсюда доступность для самыхъ широкихъ круговъ читателей. Ясность же произведенія является въ первой линіи результатомъ ясности представленій своего творца и потому головоломные набѣги въ область неизвѣданнаго и сверхчувственнаго, желанія, въ родѣ—

Жыття брудне, жыття никчемне
Забуты и пизнать надземне,
Все недосяжне охопыты,
Незрозумиле зрозумиты («Зъ-надъ хмаръ»... 5)—

съ большимъ удобствомъ и основаніемъ можно бы предоставить тѣмъ господамъ, о которыхъ весьма настойчиво и энергично выражался въ свое время Кузьма Прутковъ: «плюнь тому въ глаза, кто скажетъ, что можно обнять необъятное»...

При указанной спутанности и неясности литературнаго credo редактора сборника, вполнѣ естественнымъ является, что и дѣтище его страдаетъ тѣми же недостатками,—вѣдь только въ библейскія времена могли происходить такія чудесныя превращенія, что изъ ядущаго вышло ядомое, а изъ сильнаго вышло сладкое. Библейскія времена, увы, давно миновали, и потому подъ одной и той же сиреневаго цвѣта обложкой сборника мирно уживаются произведенія, принадлежащія къ разнымъ литературнымъ

направленіямъ и даже ни къ какимъ направленіямъ не принадлежащія, въ смыслѣ направленій, такъ сказать, беззаботныя. Въ результатѣ такого разношерстнаго сообщества получается картина довольно любопытная. Въ то время, какъ редакторъ сборника провозглашаетъ извѣстный уже намъ принципъ полной неприкосновенности своихъ произведеній, соперничаетъ съ героями Кузьмы Пруткова въ стремленіи обнять необъятное и открываетъ законъ самодовленія, если такъ можно выразиться, моря (ты, говоритъ онъ, «само соби высшый законъ», 17)—его сотрудники тянутъ ктó во что гораздъ. Г-жа Кобылянская приглашаетъ васъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ пустыню, патетически восклицая: «пустыни дайте мени» (стр. 23), г. Щуратъ рвется въ облака («мени дорога пидъ блакыть... Я братъ орливъ»... стр. 30), а г. Вороный тянетъ въ воду («и ось,—говоритъ онъ въ обращеніи къ морю,—я зъ тобою душею злываюсь»—17), хотя не прочь составить компанію и г. Щурату («я до сонця тежъ литаю»—16); въ это же время г. Хоткевичъ распѣваетъ пѣсни любви, не совсѣмъ впрочемъ торжествующей, г. Лыпа составляетъ таинственные ребусы, а г. Карманскій рекомендуетъ себя въ такихъ нескромныхъ выраженіяхъ:

Я—велытъ мукы! Я могучый
Незмирнымъ болемъ! Крыкъ болючый
Моихъ грудей зруйнує пекло
И скрызь лунатыме безъ краю!..
Я всихъ ненавыжу запекло!
Усе, усе я зневажаю—
Гордую всимъ, всима нехтую (стр. 102).

Поневолѣ вспомнится незабвенное:

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ и къ гробу приближаетъ и т. д.

Но несмотря на все разнообразіе стремленій, взглядовъ, желаній, темпераментовъ и талантовъ у писателей, принявшихъ участіе въ сборникѣ г. Вороного, большинство ихъ имѣетъ нѣчто

общее, объединяется одной чертой и потому сборникъ можно трактовать именно, какъ «глаголъ временъ», отражающій на себѣ до извѣстной степени общее состояніе нашей литературы. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ: и черезъ пустыню г-жи Кобылянской, и орлиною тропою г. Щурата, и воднымъ путемъ г. Вороного и распѣвая arі'ю passionat'у вмѣстѣ съ г. Хоткевичемъ, и слушая страшныя загадки г. Лыпы и не менѣе ужасныя признанія г. Карманскаго, и просвѣщаясь «психограммами» г-жи Кобрынской—читатель приходитъ къ одному выводу. Существуетъ что-то неладное среди извѣстной части нашей литературы: какая-то растерянность, неясность стремленій и цѣлей и въ зависимости отъ этого—темнота содержанія, неудовлетворительность формы, неумѣніе справиться съ задачами настоящаго момента, сказывающееся и въ этихъ торопливыхъ, судорожныхъ поискахъ чего-то новаго, и въ этомъ безусловно отрицательномъ отношеніи ко всему старому только потому, что оно старое. Даже болѣе сильные духомъ писатели этой категоріи, одаренные несомнѣнной искрой Божьей—и тѣ въ поискахъ новыхъ путей идутъ ощупью и попадаютъ на кружныя дороги. Что же касается ихъ послѣдователей, то эти слѣпо слѣдуютъ за проводниками, уже никакихъ путей не разбирая, ломятся зачастую въ открытыя двери, толпятся по едва-едва намѣченнымъ тропинкамъ и, забѣгая еще далѣе въ стороны, утрируютъ и безъ того рискованныя манеры и сводятъ къ абсурду дѣятельность своихъ предводителей. Очень характернымъ въ этомъ смыслѣ является признаніе редактора сборника, г. Вороного:

> И я одынъ, безъ тямы, мымохить,
> Немовъ затерплый весь, иду байдужно...
> *Куды? по що? Хиба не все одно*
> *Тому, хто зъ рукъ згубывъ стерно?* («Зъ-надъ хмаръ»... 96)—

И это трагическое признаніе, иными словами и въ различныхъ варьяціяхъ, мы слышимъ не отъ одного только г. Вороного. Руль, въ смыслѣ цѣльнаго, опредѣленнаго міросозерцанія,

выпалъ изъ рукъ; направленіе—цѣль дѣятельности—отсутствуетъ, неизвѣстно, да безъ руля какое же и можетъ быть направленіе?—и вотъ растерянныя толпы бредутъ, сами не зная, куда и зачѣмъ, и оглашая воздухъ жалобными воплями. Именно, какъ матеріалъ для характеристики нашего литературнаго разброда и растерянности, блужданій и неумѣнія выйти на настоящую дорогу, какъ свидѣтельство нашихъ немощей, сборникъ г. Вороного и представляетъ интересъ, безотносительно даже къ литературнымъ достоинствамъ и недостаткамъ каждаго произведенія въ отдѣльности. Есть здѣсь, конечно, и произведенія, представляющія иной литературный обликъ (нѣкоторыя стихотворенія г. г. Франка, Л. Украинки, Гринченка, Чернявскаго, Грабовскаго и въ особенности «На камени» г. Коцюбинскаго—лучшая вообще вещь въ сборникѣ), но ихъ мы намѣренно оставимъ внѣ поля своего разсмотрѣнія, такъ какъ они въ сборникѣ составляютъ исключеніе и въ общемъ даже самымъ своимъ присутствіемъ противорѣчатъ основному тону, звучащему въ цѣломъ сборникѣ. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ произведеніяхъ,—на тѣхъ именно, въ которыхъ наиболѣе рѣзко звучитъ отмѣченная выше нота растерянности, неумѣнія разобраться въ смыслѣ произведенія или даже изложить его болѣе или менѣе сносно съ чисто внѣшней стороны, при чемъ не думаемъ ограничиваться однимъ сборникомъ г. Вороного, хотя съ него и начнемъ «свою прогулку по садамъ нашей словесности», какъ любили выражаться галантные обозрѣватели въ старину. Такая «прогулка» лучше всякихъ теоретическихъ разсужденій познакомитъ насъ съ тѣми злаками, какіе произрастаютъ нынѣ въ этихъ садахъ.

II.

Сборникъ открывается «нарысомъ» г. Мандычевскаго — «Коли сонце сходыть», представляющимъ собою символическое изображеніе борьбы свѣта и тьмы подъ видомъ борьбы великановъ съ восходящимъ солнцемъ. Мысль понятна и хотя символъ, употребленный г. Мандычевскимъ, насчитываетъ уже порядочную давность своему суще-

ствованію, по почему имъ и не воспользоваться, разъ онъ прекрасно иллюстрируетъ положеніе автора? Не въ этомъ бѣда, а въ томъ, что г. Мандычевскому не удалось, къ сожалѣнію, избѣжать нѣкоторыхъ излишествъ, испортившихъ его «нарысъ». Символъ, чтобы производить впечатлѣніе, или не нарушать, по крайней мѣрѣ, того настроенія, на которое разсчитываетъ авторъ, долженъ быть строго выдержанъ и проведенъ безъ насилія надъ живой правдой дѣйствительности: онъ не долженъ противорѣчить естественной обстановкѣ событія, онъ не долженъ притягиваться къ послѣднему за волосы, насильно. Въ самомъ дѣлѣ—что́ лежитъ въ основѣ употребленія символовъ? Въ общей формѣ отвѣтить на этотъ вопросъ можно такъ: при символизаціи болѣе или менѣе типическія черты и признаки одного предмета или явленія переносятся на другіе; въ основѣ этого процесса лежитъ, значитъ, ассоціація представленій, опирающаяся на болѣе или менѣе близкомъ, болѣе или менѣе отдаленномъ сходствѣ данныхъ предметовъ или явленій—символизирующаго и символизируемаго. Прибѣгающій къ извѣстному символу долженъ продѣлать ту умственную работу, которая въ логикѣ называется сравненіемъ и отвлеченіемъ, т. е., сопоставивъ два данныя явленія, выдѣлить ихъ отличительные признаки и послѣдніе съ одного перенести на другое. Художественное творчество, по скольку оно является умственнымъ процессомъ, подлежитъ тѣмъ же законамъ, которымъ подчинено и обыкновенное мышленіе. А такъ какъ символисты, въ качествѣ особей, принадлежащихъ къ виду homo sapiens, не свободны отъ законовъ общечеловѣческой логики, то и они должны, употребляя свои символы, выполнить ту же умственную работу, какую въ подобныхъ случаяхъ выполняютъ и обыкновенные смертные. Слѣдовательно, брать случайные признаки, выдумывать несуществующее сходство, насильно создавать его и притягивать символъ, что называется, за волосы—значитъ обнаруживать беззаботность по части одного изъ основныхъ требованій логики. Такъ поступилъ бы, напр., тотъ, кто доказывалъ бы существованіе «зеленого пса», въ противность извѣстному анекдоту Руданскаго, что́ представляетъ явную несообразность. Встрѣчая такой похожій на «зеленого пса» сим-

волъ, мы не можемъ перейти вмѣстѣ съ авторомъ тѣ стадіи умственной работы, которыя прошелъ онъ; отъ насъ скрыты пути, которыми авторъ достигъ данныхъ результатовъ, и потому послѣдніе для насъ непонятны, производятъ впечатлѣніе искусственности, дѣланности, неискренности, звучатъ фальшивымъ тономъ. А можемъ ли мы восчувствовать неискренній символъ или наслаждаться какофоніей фальшиво звучащихъ тоновъ—на это даже г-жа Гриневичева даетъ отрицательный отвѣтъ, разрѣшая читателю на этомъ пунктѣ «смѣть свое сужденіе имѣть». Между тѣмъ у г. Мандычевскаго о восходѣ солнца читаемъ: «що ось выскочыла вогняна куля, то й заразъ *ховалась назадъ*(!?). И за кожнымъ разомъ, колы *сылкувалась* (?) *лышытысь вгори*, прыбиралась въ инши кольоры (?). Иначе зъ напруження мынылась» (стр. 9) и т. д. Этого достаточно, чтобы разсѣять настроеніе, такъ какъ очевидно, что авторъ описываетъ нѣчто въ родѣ «зеленого пса». Фальшивая обстановка, созданная г. Мандычевскимъ, сразу же портитъ впечатлѣніе, навѣянное, было, предыдущими строками, тѣмъ болѣе, что обстановка эта введена совершенно безъ нужды, насильно и вовсе не требуется ходомъ «парыса».

Дальше слѣдуютъ «Мои лиліи» г-жи Кобылянской, возросшія, по всей вѣроятности, въ той самой пустынѣ, призывомъ къ которой начинаетъ свои поэзіи авторъ. Здѣсь (не въ пустынѣ, а въ поэзіяхъ) мы найдемъ все то, что обыкновенно встрѣчаемъ въ подобныхъ произведеніяхъ г-жи Кобылянской: туманное содержаніе, неожиданные прыжки отъ однихъ предметовъ къ другимъ, ничѣмъ съ первыми не связаннымъ, неясные символы и образы—словомъ все вплоть даже до обязательнаго пинка по адресу «брутальнои, буденнои, цикавои юрбы». Для примѣра приведемъ одну изъ «лилій» г-жи Кобылянской.

Слухайте.

Зачынить двери, збыйтесь въ гуртокъ, зиприть въ соби виддыхъ и слухайте.

Серна бижыть лисомъ [1])

---

[1]) Курсивъ здѣсь, какъ и ниже, принадлежитъ г-жѣ Кобылянской.

Зеленымъ, веселымъ, буйнымъ, роскишнымъ лисомъ и шукае чогось.

Бижыть. Квиткы пидъ ногамы ломыть, угынае. Шелестыть лыстя деревъ, шепче щось. Колышеться ледвы помитно поважне галуззя старои лисиои деревыны.

Ажъ ось вона стала.

Чы вже добигла? Не знае.

Думае, що добигла. Въ рижни бокы нею кыдало. Высокымы, свавильнымы скокамы гнала впередъ, а теперъ зупынылася.

Іи очи видкрылыся шыроко.

Жде такъ неповорушно, ажъ тремтыть.

Що се? Набій пишовъ лисомъ.

Нечутно почынае щось ломытыся, щось валытыся, и все на неи, все на неи. Іи шыроко видкрыти очи побачылы видразу—чого не бачылы доси.. а іи вуха почулы—чого не чулы доси. Тыхый лисъ заповнывся такымъ—чого не зналы доси, а зъ неи самои побигла кровъ.

Тому (?) мусила зеленымъ лисомъ гнаты.

Слухайте (стр. 24—25).

Опять таки содержаніе въ общемъ понятно: умираетъ серна, пораженная внезапнымъ выстрѣломъ. Но зачѣмъ разсказъ объ этомъ событіи окружается таинственной обстановкой, непонятными предосторожностями («зачынить двери, збійтесь въ гуртокъ, зиприть въ соби виддыхъ»...), какъ будто дѣло идетъ Богъ вѣсть о чемъ? Зачѣмъ эти комментаріи посредствомъ неизвѣстно почему употребленныхъ курсивовъ, нуждающіеся очевидно въ свою очередь въ новыхъ комментаріяхъ? Зачѣмъ, наконецъ, эти странные, капризные прыжки въ изложеніи? Вѣдь если послѣднее должно символизировать собою «свавильни скокы» бѣгущей серны, то отсюда уже совсѣмъ недалеко до того, чтобы весьма серьезно слѣдовать шутливому рецепту Гейне, предлагавшаго одному поэту образно изображать болота и кочковатыя, ухабистыя дороги водянистыми и шероховатыми стихами. Г-жа Кобылянская какъ будто нарочно старается затемнить, затушевать смыслъ своихъ «лилій» указанными странными пріемами, благодаря чему и получается впечатлѣніе фальшиво звучащаго тона.

«Aria passionata» г. Хоткевича. Содержаніе этого произведенія вкратцѣ можно резюмировать—*луна* и *она*; *балконъ* же и *онъ* хотя физически и отсутствуютъ, но духовно, символически, если хотите, отсутствіе ихъ, какъ увидитъ читатель ниже, съ избыткомъ восполнено. Въ одну ихъ тѣхъ ночей, когда «впалы стрильчастіи тини на воду, мисяць розлывъ свій напытокъ и ядъ [1]), дыхання ночи пронеслося и затремтилы у йому бажання» (стр. 64)—случилось нижеслѣдующее. *Ей*, прежде всего, не спалось; вѣроятно, мѣсяцъ, въ которомъ, по выраженію Байрона, сидитъ діаволъ на нашу пагубу, отравилъ ее своимъ ядовитымъ напиткомъ. Какъ бы то ни было, но покоряясь какимъ-то смутнымъ желаніямъ, *она* выскакиваетъ чрезъ окно въ садъ, босая и въ весьма откровенномъ костюмѣ. О томъ, какъ, пользуясь послѣднимъ обстоятельствомъ, старый грѣховодникъ-мѣсяцъ «заздро стежывъ за нею и ловывъ кожен моментъ, щобъ обняты іи проминнямъ», какъ «похаплыво» онъ сіялъ, а какъ наконецъ «безличъ разивъ и безличчю проминивъ цилувавъ усе тило, кожный пальчыкъ на нижци»—мы пропускаемъ, хотя г. Хоткевичъ съ особенною обстоятельностью останавливается на этомъ нѣсколько нескромномъ ухаживаніи и тщательно выписываетъ всѣ его подробности. Но вотъ *она* у рѣки, садится въ лодку и отправляется на прогулку. Въ дѣйствительности, думаемъ, кромѣ насморка или, пожалуй, легкой простуды, ничего бы изъ такой затѣи не вышло, но у г. Хоткевича дѣло принимаетъ оборотъ трагическій. Сначала *она* поетъ нѣчто долженствующее изображать страстный гимнъ фантастической ночи, обильно усыщенный «астрологичными гієроглифамы», огнемъ, который «запалюе навить (!) арктычни льоды», «тремтячымы рукамы», раскрывающимися «пышно, палаючо лонямы» (стр. 67) и тому подобными обычными у г. Хоткевича аксессуарами. Дальше—больше. Столь пылкая особа, какъ героиня г. Хоткевича, не можетъ, разумѣется, не мечтать о *немъ*, а разъ начавши,

---

[1]) Въ опечаткахъ, впрочемъ, сказано, что вмѣсто разлитыхъ мѣсяцемъ «напытка и яда» слѣдуетъ читать: «отрутный напій». Отмѣчая это въ видахъ безпристрастія, мы лично думаемъ, что это въ сущности дѣла не мѣняетъ.

не можетъ не домечтаться до самозабвенія, до полной потери представленій о пространствѣ и времени. Сначала *онъ* представляется *ей* въ образѣ прекраснаго царевича, рыцаря, закованнаго въ желѣзо, и честнаго «до фанатызму» защитника красоты. и *ей* уже «видкилясь зъ нижокъ, зъ самыхъ пальчыкивъ на нижкахъ поповзло щось гаряче-гаряче и залыло жаромъ усе тило» (стр. 68); *она* готова вознестись съ *нимъ* «наверхъ буття... туды... въ вично-прекрасніи сферы, въ гармонію» (стр. 70). Однако, несмотря на *ея* страстные призывы, несмотря даже на то, что *она* «поклыкъ жагы кыдала въ просторонь, въ далеке зирчастее небо... нихто, окримъ комышу, не видгукнувся на поклыкъ жаглывый той... И нихто, окримъ мисяця, не цилувавъ іи гордо пиднятыхъ грудей и палаючыхъ лыць» (стр. 70),—*онъ*, увы! не явился... Но пылкая особа до того уже домечталась, что ей и удержу нѣтъ, «и зъ роспачемъ крыкнувшы ажъ до хмаръ: «хтобъ не бувъ ты! хто бъ не бувъ ты!» впала вона, рыдаючы, на дно човна»... (стр. 71).

«Разумный человѣкъ, коль басню сію прочтетъ, то вѣрно и мораль изъ оной извлечетъ», какъ говаривалъ Кузьма Прутковъ; мы же не хотимъ брать на себя отвѣтственности, извлекая мораль изъ произведенія г. Хоткевича. Тѣмъ болѣе, что по отношенію къ данному автору это и не вполнѣ безопасно: можетъ, пожалуй, опять возникнуть исторія, въ результатѣ которой г. Хоткевичу придется снова умывать руки, приведши ихъ предварительно въ не совсѣмъ приличный видъ нѣкоторыми выходками по адресу противника (см. характерный «Лист д. Хоткевича» и объясненіе по поводу этого письма редакціи въ VI книжкѣ «Л.-Н. Вістника» за 1903 г.). Мы, впрочемъ, можемъ въ качествѣ ключа къ морали «Агі'и» предложить читателю другое произведеніе того-же автора, напечатанное въ томъ же сборникѣ. Это другое произведеніе называется «Жыттеви аналогіи» и представляетъ нѣкоторое, больше впрочемъ внѣшнее, сходство съ извѣстнымъ разсказомъ гр. Толстого «Три смерти». Первая часть «аналогій» разсказываетъ исторію лошади, вторая—человѣка; насъ интересуетъ именно эта вторая часть и изъ этой второй части одно собственно мѣсто.

Умираетъ одинъ изъ тѣхъ незамѣтныхъ тружениковъ, которые всѣ свои силы отдаютъ на служеніе ближнему, оставляя собственныя потребности далеко не удовлетворенными, и сходятъ въ могилу забытыми, одинокими, не пригрѣтыми лаской близкихъ людей, не испытавъ счастья въ обыденномъ значеніи этого слова. Присутствующее при смерти лицо, отъ имени котораго и ведется разсказъ, поражено несоотвѣтствіемъ жизни и смерти бѣднаго труженика, поражено самымъ фактомъ смерти, которая ему, наблюдателю, представляется какой-то непонятной несправедливостью, вопіющимъ противорѣчіемъ тому стремленію къ жизни и наслажденію жизнью, которое присуще всѣмъ живымъ существамъ. И вотъ это лицо, или же самъ авторъ—этого мы съ достовѣрностью узнать не можемъ,—слѣдуя обычному у г. Хоткевича пріему, разражается внезапно слѣдующей тирадой:

> Такъ чому жъ не спробуваты знайты змыслъ у тому, щобъ такъ прыстроитысь въ сій стадіи перехидній, абы выдавыты зъ неи увесь сикъ змисту, радощивъ и веселого руху, щобы дистаты, а колы ни, то вырваты рукою все можлыве и доступне «щастя»? А, не кажить мени, що досягання чогось часового и никчемного—то недостойно людыны, не кажыть, що вырывання чогось зъ чужыхъ рукъ—то насыльство, не кажыть!.. Я хочу прынципомъ, догмою поставыты спокійный епикуреизмъ—«après nous—le déluge» и взагали *вси прыемни потребы свого, нехай брудного и похотлывого, але «свого» тила.* Я хочу зъ веселымъ и нахабнымъ смихомъ пройты повзъ кимнату працьовныка и кынуты йому каминь у викно! Я хочу копнуты ногою скорботну истоту, що впала зъ благаннямъ мени до колинъ, заважаючы слухать дзвону крышталевыхъ келыхивъ и шыпиння искрыстого трунку! Я хочу вырваты зъ рукъ жебрака той шматокъ хлиба, що впавъ зъ мого столу, погнутого пидъ вагою йижи та пытва. Я хочу жартовлыво хытаты моральни, буржуазійни «основы» и заклыкать чужу жинку до прогрессывныхъ гадокъ про вильне кохання!..
>
> И ты, и ты, бидный, глупый робитныче, що лежышъ теперъ въ пороси передо мною, чому ты не поставывъ соби иншыхъ завданъ? Твое жыття, що скинчуеться теперъ середъ сыхъ убогыхъ стинъ, далеко видъ усихъ радощивъ и утихъ, може, пишло бъ иншымъ шляхомъ и ты, забруднывшы трохы духа,

бувъ бы носывъ чысту одижъ. Ты зазнавъ бы, може, иллюзій щастя, ты упывся бъ, може, роскишнымъ поцилункомъ жыття»... (стр. 166--167).

Не замѣчаетъ ли читатель, что въ приведенной тирадѣ слышится что-то странно знакомое, что изъ-за спины лица, произносящаго ее, выглядываетъ, таинственно маня къ себѣ, какая-то фигура въ откровенномъ костюмѣ, съ распущенными волосами? Да, это она, очаровательная героиня, распѣвавшая страстные гимны и пѣсни—не скажу—торжествующей любви въ первомъ произведеніи г. Хоткевича. Между ея экстравагантной выходкой и проповѣдью эпикуреизма въ «Жыттевыхъ аналогіяхъ» существуетъ близкое сходство и вполнѣ несомнѣнная связь. Ясно вѣдь, что главнымъ, если не единственнымъ, побужденіемъ для очаровательной героини призывать перваго встрѣчнаго «до прогрессывныхъ гадокъ про вильне кохання» служили тѣ же «прыемни потребы свого, нехай брудного и похотлывого, але свого тила», которыя и нашего доморощеннаго эпикурейца заставляютъ у постели умирающаго выражать цѣлый рядъ странныхъ желаній. Такимъ образомъ вторая половина «Жыттевыхъ аналогій» является цѣннымъ ключемъ къ уразумѣнію смысла перваго произведенія г. Хоткевича и даетъ теоретическія основы тому, что на практикѣ разрѣшаетъ «Aria passionata». Да, «прыемни потребы свого, нехай брудного и похотлывого, але свого тила»--это прекрасно сказано и мы можемъ лишь быть благодарными автору за то, что онъ такъ удачно извлекъ мораль изъ собственнаго произведенія, сдернувъ со своей героини и тѣ остатки одежды, которыми она еще была прикрыта. Съ героиней теперь дѣло обстоитъ совершенно ясно и намъ съ ней дѣлать больше нечего; обратимся еще къ эпикурейцу.

Остановившись на рѣчи послѣдняго, мы замѣчаемъ, что онъ свой эпикуреизмъ прикрываетъ въ нѣкоторомъ родѣ принципіальной броней: онъ, видите ли, не просто желаетъ весело и въ свое удовольствіе пожить, предаваясь утѣхамъ жизни, а выражаетъ протестъ противъ того порядка вещей, который создаетъ жизненныя противорѣчія; онъ мститъ этому порядку, прихватывая

за одно—для полноты, должно быть,—и тѣхъ, кто на собственной шкурѣ испытываетъ прелести возмущающаго нашего эпикурейца порядка («Я хочу копнуты... Я хочу вырваты...» и т. д.); онъ вырабатываетъ, наконецъ, цѣлую программу своего протеста и своей мести, направленную къ потрясенію «основъ» буржуазной морали. Прекрасно, разсмотримъ эту программу. Съ перваго же взгляда намъ бросится въ глаза странное обстоятельство: при всей весьма радикальной стремительности своего протеста, эпикуреецъ, созданный г. Хоткевичемъ, до того не оригиналенъ въ своемъ протестѣ, что, самъ того не замѣчая, своей программой рабски копируетъ пріемы того же буржуазнаго общества, основы котораго онъ собирается яко-бы потрясать. Возьмемъ, напр., пресловутую пропаганду «прогрессывныхъ гадокъ»—въ этомъ пунктѣ нашъ эпикуреецъ имѣетъ наибольшее, быть можетъ, число предшественниковъ именно въ буржуазной средѣ, представители которой, не задаваясь никакими протестантскими и разрушительными цѣлями, практикуютъ то же самое въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Нашъ эпикуреецъ желаетъ далѣе раздавать пинки мѣшающимъ ему наслаждаться и отнять у нищаго случайно попавшійся ему кусокъ хлѣба,—но вѣдь это же самое продѣлываютъ,—да еще какъ артистически продѣлываютъ!—тѣ весьма многочисленные представители хотя бы такъ называемой золотой молодежи, которыхъ, конечно, ужъ никто не заподозритъ ни въ покушеніи на буржуазную мораль, ни тѣмъ болѣе въ какомъ-нибудь касательствѣ къ идейнымъ труженикамъ, которымъ, тѣмъ не менѣе, авторъ программы собирается разносить окна... Это послѣднее заявленіе въ особенности любопытно, такъ какъ оно бросаетъ свѣтъ на истинную цѣну грознаго съ виду протеста. Нашъ эпикуреецъ протестуетъ, самъ не зная, противъ чего его протестъ направленъ, и потому доходитъ до совершенно необъяснимыхъ дѣйствій, достойныхъ развѣ допившагося до зеленаго змія московскаго купчика-самодура. Протестанту во имя протеста достаточно съ циничнымъ смѣхомъ бросить камнемъ въ окно честнаго труженика, не задавась даже вопросомъ—да надъ чѣмъ же онъ, этотъ труженикъ, наклонилъ свою согбенную спину? А если онъ ра-

ботаетъ—правда, другими средствами—надъ потрясеніемъ тѣхъ же буржуазныхъ основъ, которыя колебать собирается и нашъ грозный протестантъ—что тогда?.. До подобныхъ вопросовъ эпикурейцу г. Хоткевича нѣтъ дѣла, онъ отвѣтитъ на нихъ «веселымъ и нахабнымъ смихомъ» и, проводивъ своего «глупаго» друга въ могилу пинкомъ—ибо какъ же иначе назвать приведенное выше обращеніе къ умирающему?—и поразмысливъ о тщетѣ всего земного, спокойно скажетъ себѣ: «après nous—le déluge» и съ чистой совѣстью отправится осуществлять свою программу потрясенія буржуазныхъ основъ буржуазными же пріемами. Вотъ это то безразличное отношеніе протестанта къ объекту протеста еще больше подчеркиваетъ сходство послѣдняго съ истерическимъ воплемъ не въ мѣру размечтавшейся героини: «хто бъ не бувъ ты!» а мы уже знаемъ, какая этому воплю цѣна. Поэтому успокойтесь, читатель, если вы съ тревогой смотрѣли на страшнаго протестанта: «выдно пана по халявахъ», и потому никакого потрясенія, кромѣ развѣ потрясенія воздуха негодующими неизвѣстно на что рѣчами, смѣю васъ увѣрить, не произойдетъ, какъ не произошло ничего изъ страстныхъ призывовъ проституирующей героини перваго произведенія г. Хоткевича. Да и самыя негодующія рѣчи—это только façon de parler нашего автора, который даже предъ постелью умирающаго заставляетъ своихъ героевъ произносить полныя фальши, неискренности, разсчитанныя на позировку и красивое впечатлѣніе рѣчи. Искреннее чувство, на которое символисты такъ любятъ ссылаться, прежде всего не терпитъ шаблона, гладкой прилизанности; оно въ различныя формы словеснаго выраженія можетъ отлиться, но говорить такими напыщенными, сочиненными, прохладными фразами оно, мы увѣрены, не можетъ никогда.

Здѣсь возникаетъ самый интересный, быть можетъ, вопросъ изъ тѣхъ, которые возбуждаются занимающими насъ произведеніями г. Хоткевича, потому что какое намъ въ сущности дѣло до истеричныхъ воплей разнервничавшейся особы и курьезныхъ «хочу» доморощеннаго эпикурейца и протестанта, протестующаго ради самого протеста, изъ любви къ искусству, такъ сказать?

Мало ли чего не хочетъ въ забвеніи чувствъ истеричка и разгулявшійся самодуръ! Но истеричка ли? самодуръ ли? Въ качествѣ таковыхъ ли мыслитъ ихъ авторъ? Каково *его* отношеніе къ изображаемымъ имъ лицамъ? Неужели онъ не замѣчаетъ всей комичности и фальши ихъ великолѣпныхъ фигуръ, а если замѣчаетъ, то почему не прекратитъ томительнаго потока ихъ напыщеннаго краснорѣчія? На эти интересные вопросы мы не получимъ прямого отвѣта, хотя самое свойство данныхъ произведеній и пріемы автора заставляютъ полагать, что онъ относится ко взбаламошеннымъ поступкамъ и заявленіямъ своихъ героевъ совершенно серьезно и разсказываетъ такъ, какъ будто священнодѣйствіе совершаетъ. Онъ, такъ сказать,

> Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
> Добру и злу внимая равнодушно,
> Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва...

Вотъ это то и хорошо,—скажетъ, быть можетъ, иной читатель,—эта объективность, это безпристрастіе. Нѣтъ, это совсѣмъ не хорошо—это ледяное безразличіе и равнодушіе автора, соперничающаго въ данномъ отношеніи со своими героями; это уже не объективность лѣтописца, а нѣчто иное, чему существуетъ другое менѣе безразличное названіе. Авторъ—не лѣтописецъ, а всего лишь писатель, находящійся въ зависимости у своего пера, владѣемый перомъ и позволяющій ему иногда увлекать себя въ такія сферы, гдѣ существуетъ большая опасность потерять равновѣсіе. Мы не знаемъ, куда еще заведетъ г. Хоткевича его капризное, могущественное перо, но знаемъ то, что весьма часто положеніе обязываетъ и wer A sagt, muss auch B sagen. А положеніе это таково, что послѣднія произведенія г. Хоткевича представляютъ несомнѣнный шагъ впередъ у нашего автора, уже и раньше, въ книгѣ «Поезія въ прози», отдавшаго дань восхваленію и опоэтизированію полового чувства и общественнаго индифферентизма. Откровенно заявляемъ, что на этомъ поприщѣ мы не желали бы г. Хоткевичу успѣха...

Да, положеніе обязываетъ—это примѣнимо также и къ г-жѣ Кобрынской, помѣстившей въ сборникѣ двѣ «психограмы»—

«Видцвитае» и «Рукы». Особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣдняя. Повѣствуется здѣсь о томъ, какъ во время судебнаго процесса, гдѣ въ качествѣ обвиняемаго фигурировалъ одинъ изъ эпикурейцевъ, прилагавшихъ теоріи предыдущаго на практикѣ, нѣкоторую слушательницу поразилъ не видъ обвиняемаго, а его руки—«обвысли, зомлили (?), вздовжъ спущени рукы». И не это то собственно важно: ухитрился же одинъ наблюдатель разсмотрѣть всевозможныхъ мушекъ и таракашекъ величиной съ булавочную головку и не примѣтить при этомъ слона,—а важно то, что г-жа Кобрынская на протяженіи двухъ страницъ повторяетъ для неизвѣстной надобности восемь разъ съ небольшими варьяціями одну и ту же фразу о «зомлилыхъ рукахъ», отмѣчая ее для большаго эффекта курсивомъ. Благодаря подобному пріему, читатель попадаетъ въ томительное положеніе почтеннаго Ивана Федоровича Шпоньки, котораго вездѣ преслѣдуетъ жена съ гусинымъ лицомъ: въ комнатѣ, куда ни повернись—жена; спасается онъ въ садъ, снимаетъ шляпу—и въ шляпѣ сидитъ жена; полѣзъ въ карманъ за платкомъ—и въ карманѣ жена; вынулъ изъ уха хлопчатую бумагу—и тамъ сидитъ жена. Точно такъ же преслѣдуютъ читателя и эти уродливыя «руки» г-жи Кобрынской; его такъ же беретъ тоска, какъ и несчастнаго Ивана Федоровича, у него такъ же «душа заболыть черезъ сюю однаковисть вражинь», какъ выражается г. Лыпа, и едва ли съ особымъ удовольствіемъ читатель будетъ вспоминать о новомъ родѣ поэзіи, изобрѣтенномъ на этотъ разъ г-жей Кобрынской...

Малодушно признаемся—на насъ нападаетъ страхъ: намъ сейчасъ предстоитъ говорить о гвоздѣ всего сборника—о «Туркахъ» г. Лыпы. «Како воспою» эту «ритмычну фантазію», предъ которой блѣднѣетъ все, о чемъ мы до сихъ поръ говорили? Но дѣлать нечего—положенія груздя также обязываетъ полѣзать въ кузовъ и претерпѣвать тамъ всяческія неудобства, начиная съ тьмы кромѣшной... Изъ моря поднимается цѣлый сонмъ турковъ въ бѣлыхъ широкихъ, длинныхъ одеждахъ и, какъ туркамъ и полагается быть, въ бѣлыхъ чалмахъ; турки эти окружаютъ городъ, въ которомъ находится г. Лыпа, и принимаются размахивать

руками (и здѣсь, какъ видите, безъ рукъ не обошлось, какъ у Ивана Федоровича «и въ карманѣ жена»!). Машутъ они да машутъ, а авторъ нѣсколько разъ заявляетъ: «ничого не тямлю»; не понимаетъ ничего и читатель, но, и не понимая, начинаетъ безпокоиться за беззащитнаго автора, надъ которымъ коварные азіаты продѣлываютъ какую-то непонятную накость. Они оплели чѣмъ-то въ родѣ паутины всѣ вещи, находящіяся въ комнатѣ, приклеили ихъ къ своимъ мѣстамъ, и г. Лынѣ дорого обошлась попытка оторвать одну изъ вещей: «де не визьметься турокъ—махне рукавомъ своимъ билымъ и рухомъ тымъ вразъ мени свитъ весь затьмыть до нестямы» (стр. 107). И это опять таки повторяется нѣсколько разъ. Дальше—еще хуже: «погано та страшно стае зновъ мени и зубы уже цокотять, по-за шкурою сыпле морозомъ» (108) горько жалуется г. Лына, а у участливаго читателя мурашки пробѣгаютъ отъ страха и жалости къ автору, неповинно, повидимому, претерпѣвающему какую-то странную операцію, въ родѣ трепанаціи черепа. Но мученіямъ автора, а съ нимъ и читателя, и на этомъ еще не конецъ: начинаетъ бушевать и волноваться море и каждый ударъ волны о берегъ отражается на несчастномъ авторѣ: съ каждымъ ударомъ,—говоритъ онъ,—«мене мовъ обухомъ хто въ голову бье, черкае холоднымъ ножемъ поверхъ мозку» (109). Можете, конечно, вообразить, что за адская боль, а тутъ еще вновь появляются турки и настаетъ какой-то хаосъ: турки неистово машутъ руками и ногами, волны подхватываютъ ихъ, бьютъ о берегъ, растираютъ враговъ креста Христова въ кровавый порошокъ, вѣтеръ рветъ и развиваетъ бѣлыя чалмы, а бѣднаго автора съ каждымъ ударомъ все сильнѣе донимаетъ. «Чымъ бильшъ, чымъ гризнійшъ реве море, лютуе и бье въ набережжа, чымъ дужче земля стугоныть, тымъ мозокъ мій дужче хтось риже, на голову пада ударъ за ударомъ помирно» (110). Весь берегъ усѣянъ уже кровавымъ порошкомъ, кровь рѣками льется въ кровавое море, у г. Лыны «мозокъ болыть вндъ ударивъ» (111), какъ вдругъ наступаетъ девятый валъ и раздается ужаснѣйшій ударъ самымъ «здоровезнымъ» туркомъ: «вразъ море скажено ревнуло, земля застогнала, уся ско-

лыхнулась, струсылась и вдарыло щось мене въ голову такъ!... *що прокынувся я...* (стр. 111).

Фу, слава тебѣ, Создателю!—невольно въ первую минуту съ облегченіемъ произноситъ читатель,—такъ это сонъ былъ!.. Ну, однако и шутникъ же вы!—спохватившись, обратится онъ съ укоризною къ г. Лынѣ, обнаружившему блестящія способности ловкаго мистификатора:—этакіе ужасы разсказываетъ и хоть бы словечкомъ единымъ предупредилъ о ихъ дѣйствительномъ значеніи!.. Да, читатель, всякіе, доложу вамъ, сны бываютъ, и пренелѣпѣйшіе попадаются, въ которыхъ, сколько ни бейся, никакого смысла не отыщетъ. Но только зачѣмъ же всякій такой сонъ опубликовывать во всеобщее свѣдѣніе и заполнять имъ страницы какъ ни какъ, а все-таки *литературнаго* органа? Вѣдь всякой вещи свое мѣсто полагается, и для опубликованія перловъ сонной фантазіи имѣются въ изрядномъ количествѣ всевозможные снотолкователи, сонники и тому подобныя произведенія печати, гдѣ и «Туркамъ» г. Лыны было бы самое подходящее мѣсто: и на читателя они сразу попали бы настоящаго, и этотъ настоящій читатель сразу же воспринималъ бы разсказываемую исторію, какъ сонъ, да и толкованіе могъ бы сейчасъ узнать изъ авторитетныхъ устъ. Словомъ—выгода и удовольствіе получились бы обоюдныя: и для автора, и для читателя. Можно пожалѣть, что г. Лына ошибся адресомъ, направивъ свой сонъ г-ну Вороному, который забылъ въ это время, что составляетъ не сонникъ, а литературный сборникъ. Впрочемъ г. Вороный забылъ это не единственный разъ и ошибка въ адресѣ произошла не съ однимъ только г. Лыною: въ сборникѣ попадаются и еще сны, которые съ бо́льшею пользою и назидательностью были бы прочтены, если бы находились въ соотвѣтственномъ мѣстѣ...

III.

Мы не будемъ долго останавливаться на остальныхъ злакахъ, культивированныхъ г. Воронымъ какъ въ надоблачныхъ

высяхъ, такъ и въ долинахъ,—на разсказѣ, напр., г. Кравченка «Я й Лазоръ»—растянутомъ, натянутомъ и проникнутомъ какимъ-то елейнымъ смиренномудріемъ и неудержимою страстью къ чисто бабьей болтливости; не будемъ также касаться и многочисленныхъ стихотворныхъ упражненій, изъ которыхъ многія попали въ сборникъ также, вѣроятно, вслѣдствіе ошибки въ адресѣ. Подробный разборъ всѣхъ произведеній ничего не прибавилъ бы къ достоинствамъ сборника и не далъ бы ничего новаго для выводовъ о современномъ состояніи нашей литературы. Поэтому мы можемъ проститься на время со сборникомъ г. Вороного, обратившись еще къ другимъ явленіямъ нашего литературнаго міра.

Читатель, слѣдящій за новостями нашей литературы, можетъ быть, обратилъ уже вниманіе на одно обстоятельство—именно, на чрезмѣрное изобиліе миніатюръ—«дрибныхъ малюнкивъ», «нарысивъ», «фантазій», «психограмъ», «хвылевыхъ знимокъ» и т. п., которыя растутъ въ послѣднее время просто, какъ грибы послѣ дождя, наводняютъ литературу и сообщаютъ ей какой-то отрывочный, лоскутный, если можно такъ выразиться, характеръ. Такимъ характеромъ въ сильной степени отличается и сборникъ «Зъ-надъ хмаръ и зъ долынъ», но его не лишены и другія наши изданія. Если мы пересмотримъ, напр., «Л.-Н. Вістник» хотя бы за послѣдній только годъ, то получимъ очень интересныя на этотъ счетъ данныя: на полтора десятка оригинальныхъ беллетристическихъ произведеній бóльшаго объема придется около шестидесяти, круглымъ счетомъ, всевозможныхъ миніатюръ, причемъ около половины послѣднихъ принадлежитъ дебютантамъ или вообще начинающимъ авторамъ. Мы ничего не имѣемъ противъ миніатюръ,—какъ и всякій нескучный, по французскому выраженію, родъ литературныхъ произведеній, онѣ, разумѣется, имѣютъ право на существованіе, могутъ служить украшеніемъ литературы и дать даже нѣкоторыхъ крупныхъ мастеровъ-спеціалистовъ этого дѣла. Такимъ являются, напр., Мопассанъ въ французской или г. Чеховъ въ русской литературѣ, давшіе классическіе образцы легкихъ, изящныхъ, истинно-художественныхъ миніатюръ, написанныхъ такъ, что отъ нихъ слова не отнимешь, черточки не при-

бавишь. Въ нашей литературѣ справедливою извѣстностью талантливаго миніатюриста пользуется г-жа Днипрова Чайка (ея прелестныя «Морськи малюнкы» всѣмъ извѣстны); появились въ послѣднее время также удачно написанные небольшіе разсказы г. М. Левицкаго. Но чтобы имѣть успѣхъ въ качествѣ миніатюриста, нужно обладать спеціальной чертой таланта—умѣніемъ въ маломъ вмѣстить многое; вотъ почему хорошую миніатюру, можно сказать, труднѣе написать, чѣмъ разсказъ, чѣмъ повѣсть. Все здѣсь должно быть въ высшей степени гармонично, каждое слово взвѣшено и строго продумано, такъ какъ одна лишняя черточка, одно не кстати употребленное слово уже портитъ впечатлѣніе, концентрирующееся на одномъ пунктѣ, а не разсѣевающееся, какъ въ произведеніяхъ большого объема. Не поднимая, такимъ образомъ, и рѣчи на счетъ законности, такъ сказать, даннаго вида литературы, мы можемъ только требовать, чтобы въ немъ обнаруживались какъ тѣ общія свойства, какихъ мы въ правѣ ожидать отъ всякаго литературнаго произведенія, такъ и тѣ спеціальныя качества, которыя присущи миніатюрамъ, какъ особому виду литературнаго творчества. Но часто даже самое хорошее въ большомъ количествѣ—вещь нестерпимая, и если литературная продукція на $^4/_5$ состоитъ изъ миніатюръ, къ тому же еще написанныхъ безъ всякихъ признаковъ талантливости, то это уже будетъ не литература, а съ позволенія сказать—лоскутный рядъ. А именно громадный процентъ появляющихся у насъ миніатюръ лишенъ всякаго художественнаго значенія и, кромѣ неумѣнія авторовъ справиться даже съ крохотной задачей, ничего другого не обнаруживаетъ. Въ большинствѣ случаевъ произведенія нашихъ миніатюристовъ—это или не остроумно разсказанный анекдотъ, или аляповатое, протокольное изложеніе какого-нибудь часто мелочного, случайнаго факта, не обнаруживающее въ авторѣ ни наблюдательности, ни знанія жизни, ни даже умѣнья справиться съ самымъ незамысловатымъ сюжетомъ и изложить его на столько сносно и прилично—въ литературномъ, разумѣется, смыслѣ—чтобы разсказъ не возбуждалъ по крайней мѣрѣ изумленія предъ наивностью и безпомощностью автора. Попадаются часто удивительные по своей примитивности

промахи, неправдоподобность въ подробностяхъ, отсутствіе психологическаго проникновенія въ характеръ и поступки дѣйствующихъ лицъ и пониманія смысла излагаемаго событія, миніатюрный кругозоръ и, какъ результатъ всего этого—скука, скука и скука витаетъ за этими крошечными очерками, разсказиками и т. п. Благодаря указаннымъ качествамъ, всѣ такія произведенія лишены и тѣни индивидуальности и до того однообразны, однотонны и, какъ двѣ капли воды, похожи одно на другое, что на разстояніи какого-нибудь мѣсяца по прочтеніи—г. Крушельницкаго отъ г. Яцкова, а этого послѣдняго отъ г. Хоткевича не отличишь: все сливается въ одну сѣрую массу, въ которой исчезаютъ отдѣльные штрихи и контуры, а остается лишь однообразный фонъ безнадежно-грустной посредственности. И символисты, и реалисты тутъ одинаково сѣры и шаблонны, одинаково крохотны и безнадежны, одинаково томительны и одинаково возбуждаютъ гнетущую скуку, сходясь на этомъ пунктѣ безъ всякаго различія направленій. Нѣтъ нужды, конечно,—да это было бы весьма непроизводительнымъ и неблагодарнымъ трудомъ,—перетряхать лоскутный рядъ во всей его цѣлости, но два-три примѣра, во избѣжаніе обвиненій въ голословности, мы должны привести.

Въ VII книжкѣ «Л.-Н. Вістника» за прошлый годъ напечатанъ очеркъ г. Пепи «Сердечна опіка», еще сравнительно не изъ худшихъ, и однако вотъ что въ немъ попадается. «Се (т. е., описываемое событіе) було *досыть давненько вже.* Я бувъ ще тоди жовторотымъ молодесенькымъ студентомъ I-го курса»—рекомендуетъ себя авторъ на страницѣ 28-й и, еще разъ отмѣчая на 35-й «велыкый протягъ багатьохъ литъ», отдѣляющихъ описываемое событіе отъ настоящаго времени, о послѣднемъ выражается: «я вже скоро самъ дидъ» (36). Прекрасно. Но на той же 35-й страницѣ вдругъ оказывается, что «се було» во время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія ген. Ванновскимъ, т. е., примѣрно въ 1901 г. Очеркъ помѣченъ датой «29 січня 1902 р.», а въ 1903 году уже напечатанъ. Читатель въ полномъ недоумѣніи—какимъ образомъ, вычитая 1901 изъ 1902, можно получить «велыкый

протягъ багатьохъ литъ» и въ силу какихъ непостижимыхъ обстоятельствъ разсказчикъ въ теченіе менѣе чѣмъ одного года изъ желторотаго птенца обращается почти въ сѣдовласаго старца? Еще одна подробность. Упомянутый «желторотый» подготовляетъ мальчика-еврея, судя по перечисленнымъ предметамъ, въ первый, много—во второй классъ гимназіи, и такъ какъ мальчикъ оказался прекрасно подготовленнымъ, то репетиторъ больше ведетъ со своимъ ученикомъ жаркіе споры на самыя абстрактныя философскія темы, при чемъ изъ этихъ споровъ не всегда съ честью выходитъ. И опять читатель въ правѣ недоумѣвать—не тому, конечно, что «желторотый» оказывается слабымъ въ вопросахъ отвлеченнаго мышленія: это бываетъ,—а тому, что 10-лѣтній мальчикъ слишкомъ силенъ въ нихъ. И что всего любопытнѣе—остается совершенно непонятнымъ, зачѣмъ автору понадобилось предъявлять читателю указанные примѣры наглядныхъ несообразностей? По ходу очерка вся эта хронологія не нужна, безъ нея прекрасно можно было обойтись, а между тѣмъ авторъ самъ себя безъ нужды запутываетъ, обнажаетъ свои слабыя мѣста и этимъ неумѣлымъ пріемомъ портитъ впечатлѣніе отъ очерка, который при иной обработкѣ могъ бы выйти довольно интереснымъ. Какое ужъ тутъ въ самомъ дѣлѣ «художественное наслажденіе» можетъ получить читатель, если приходится къ читаемому относится, какъ къ ученической работѣ, слѣдить за элементарными промахами и поправлять автора, примѣрно, въ томъ, что 2 × 2 есть 4, а не стеариновая свѣчка!.. Вотъ еще примѣръ: подъ заголовкомъ «В читальні» (Л.-Н. Вістник, кн. I, 1903) воспроизводится г. Николаевымъ на одной страничкѣ очевидно дословно записанный разговоръ крестьянъ о постройкѣ новой церкви и о разногласіяхъ по этому поводу съ помѣщикомъ. Зачѣмъ—опять таки неизвѣстно, такъ какъ разговоръ ничѣмъ особенно характернымъ не отличается и сейчасъ же по прочтеніи, конечно, безслѣдно испарится. Или вотъ еще «мініатюра» г. Б—а «Чужа кров» (кн. XI), которую для характеристики подобныхъ произведеній мы приведемъ цѣликомъ.

— Мамо, я хочу женытыся.

— Женыся, сыну, та розумно—не беры такои, що лыше про те й дбае, щобъ зловыты соби мужа, а видтакъ грызты його до смерты, ани такои, якъ се теперъ въ моди, що практыкувала въ театри на сцени... Не прыносы сорому нашій родыни, що доси не споганыла ничымъ свого имени!

— Ни, моя любка не зъ тыхъ, мамо! Се найпоряднійша дивчына, яку я знаю, и яку вы сами пизнавшы полюбыте.

— Хто жъ се?

— Софія Леонтивна.

— Такъ? то дуже добре! Дуже мени мыло чуты іи имя поручъ зъ твоимъ. Справди, се дуже порядна дивчына и не поганенька соби й багатенька. Не маю ничого протывъ того, навить похваляю твій выбиръ. Лышаеться ще поспытаты батька; наперѐдъ знаю, що й винъ такъ само охотно згодыться на се подружжя.

Однако на превелыке дыво для всихъ не згодылося на те подружжя двое людей: батько Володымыра и маты Зони. Що вже не наблагався Володымыръ витця—ни тай ни!

Прыведеный до розпукы сынъ налягае на батька, щобъ йому выявывъ прычыну забороны, але безуспишно. Тоди ришаеться винъ на послидне—заявляе батькови, що колы не выявыть йому прычыны, то винъ и безъ його прызволу оженыться зъ Зонею. Прыпертый отець не мае вже выходу и выявляе все.

— Не можу позволыты тоби подружыться зъ Зонею, бо вона тоби сестра...

— Сестра?—повторяе за батькомъ побилилый зи зворушення сынъ, але вымину дальшыхъ сливъ спыняе входяча маты Володымыра, що все пидслухала.

— Такъ се правда?—пытае вона иронично мужа.

— Правда,—одвичае іи (sic) сей.—Прощаешъ мени?

— Чому жъ бо ни?—И знову не то иронично, не то кепкуючы, додае:—Але можешъ безъ гриха позволыты на ихъ подружжя... бо Володко не твій сынъ (стр. 111—112).

И все. Вотъ истинный лаконизмъ, на одной страничкѣ ухитряющійся изложить нѣсколько романовъ съ завязкой, развязкой, подслушиваніями, просьбами о прощеніи и даже благополучнымъ концемъ! Но опять таки—зачѣмъ и кому нуженъ этотъ неумѣлый протоколъ или неудачно, безъ намека на остроуміе, разсказанный анекдотъ?.. И примѣровъ подобныхъ прото-

кольно-анекдотическихъ произведеній, при желаніи, можно было бы набрать порядочное количество, и изъ этихъ лоскутиковъ составляется вѣдь значительная часть нашей литературной продукціи за послѣднее время,—можно, конечно, вообразить, что за мозаика получается при этомъ! Въ числѣ персонажей г. Франка есть нѣкто Галай («Лесышына челядь»), который вамъ «въ одній хвыли и коломыйкы задробыть, и думкы затягне, и весильнои, и зъ псавтыри та гласивъ церковныхъ... и *абы вамъ одну спиванку вмивъ скинчыты*». Если бы намъ предложили однимъ словомъ охарактеризовать нашихъ лоскутниковъ, найти для нихъ общее собирательное имя, то лучшаго мы бы, кажется, не въ состояніи были придумать, какъ—Галай. Этотъ беззаботный на счетъ осмысленности своихъ поступковъ пѣвецъ, до самозабвенія отдающійся процессу пѣнія, не ищущій въ немъ ни связи, ни смысла, является самымъ подходящимъ символомъ для изображенія всей лоскутной части нашей литературы; это—лучшее отраженіе того хаотическаго состоянія литературы, которое произведено обиліемъ неумѣлыхъ, протокольно-анекдотическихъ миніатюръ. Какъ и Галай, наши протоколисты отличаются весьма большою разносторонностью и затрагиваютъ множество самыхъ разнообразныхъ темъ, касаются самыхъ различныхъ сюжетовъ, но захватываютъ ихъ поразительно не глубоко, не умѣютъ отдѣлать и докончить ни одного изъ нихъ. Какъ и Галай, они не останавливаются на внутреннемъ смыслѣ затронутой темы, не проникаютъ дальше поверхностнаго изображенія чисто внѣшняго факта, не видятъ въ большинствѣ случаевъ ничего, кромѣ занимательнаго сюжета. Какъ и у Галая, у нихъ нѣтъ общаго руководящаго принципа который бы объединялъ разрозненные факты въ одно цѣлое, освѣщалъ ихъ съ точки зрѣнія цѣльнаго, опредѣленнаго міросозерцанія и служилъ Аріадниной нитью въ лабиринтѣ мелкихъ фактовъ, отрывочныхъ наблюденій, не продуманныхъ, а принятыхъ въ большинствѣ случаевъ на вѣру, съ чужого голоса, идей. Вѣдь писатель, обладающій такой руководящею нитью, какова бы она ни была, если начинаетъ, скажемъ, «коломыйку», то онъ знаетъ что поетъ именно «коломыйку», а

не «думку» и не «зъ псавтыри» или «гласивъ церковныхъ»; точно также спеціалистъ по части «гласивъ церковныхъ» тянетъ болѣе или менѣе послѣдовательно свою линію и не сбивается на «коломыйку». А у насъ между тѣмъ возможны такія чисто овидіевы превращенія, когда «чесный до фанатызму, по выраженію г. Хоткевича, оборонець и захыстныкъ красы» способенъ унизиться до порнографіи, представитель и поклонникъ искусства дойти до отрицанія всякаго искусства, а лоскутникъ завладѣть литературой и наполнить ее обрывками протокольно-анекдотическихъ произведеній. Не удивительно поэтому, что и литература наша въ значительной своей части напоминаетъ хаотическое, лишенное цѣлостности, осмысленности и пониманія пѣніе Галая, не достигающее даже тѣхъ минимальныхъ требованій, какія къ нему можно было бы предъявить...

Отмѣчая пока только факты, мы не будемъ касаться сейчасъ причинъ, вызвавшихъ эту раздробленность, лоскутность значительной части нашей новѣйшей литературы: случайность темъ, несовершенства обработки, мелочность и узость кругозора и тому подобныя недостатки; тѣмъ болѣе, что мы надѣемся посвятить этому вопросу нѣсколько строкъ ниже, при подведеніи итоговъ. Сейчасъ мы скажемъ больше—что тѣ же недостатки обнаруживаются, къ сожалѣнію, не только въ произведеніяхъ нашихъ миніатюристовъ, но въ одинаковой степени свойственны и болѣе значительнымъ по размѣрамъ произведеніямъ. Безпомощность авторовъ, ихъ поразительное неумѣніе сладить съ сюжетомъ, ихъ наивные, явно тенденціозные пріемы съ цѣлью замаскировать свою безпомощность—отличаютъ и произведенія съ претензіями на исчерпывающую полноту, на всестороннее изображеніе нашей жизни. Для примѣра мы остановимся на трехъ произведеніяхъ болѣе крупнаго калибра, принадлежащихъ различнымъ авторамъ, и попробуемъ схарактеризовать ихъ отличительныя черты какъ въ отношеніи содержанія, такъ и внѣшнихъ пріемовъ. Два изъ избранныхъ нами авторовъ, г.г. Лукіяновичъ и Яцкѝвъ—не новички въ литературѣ, такъ какъ каждый изъ нихъ издалъ уже по нѣсколько книжекъ своихъ произведеній; имя третьяго—г. Пидения мы встрѣчаемъ въ первый разъ.

Сергій Ефремовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Украинськи за̀пыси Порфирія Мартиновича.

Кырыло Сайко́.

(Продолженіе [1]).

Подаручá.

Казка.

Якъ бувъ соби критъ
        Та горобець;
И то не зъ простыхъ бувъ молодець.
Критъ накротывъ кочку земли,—
Горобець прылетивъ,
Тай сивъ.
Критъ заворухнувсь,—
Горобець испугнувсь.
«А чого ты, горобче, добрый молодче, злякавсь?

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 4.

Я зъ тобою хочу побрататьця».
„Такъ я-жъ, хочъ и побратаемось,—
Такъ не могу ничого робыть“.
„Такъ я навчу.
Ты горобець,
Добрый молодець,
По велыкыхъ хазяинахъ по токахъ литаешъ
И вси стижкы въ багачивъ знаешъ;
Я могу накротыть велыкый ланъ,
А ты можешъ у хазяининивъ жыта достать,
Та будемъ соби хлибъ на зиму пахать“.—
Поедналысь.
Критъ вырывъ ланъ превелыкый!
Такый, якъ одъ мене та до васъ,
А одъ васъ та до мене.
Горобець, добрый молодець, натягавъ жыта колоскивъ
Одъ току зъ багачивъ.
Навымыналы воны соби зерна
Й посіялы жыто.
И зародывъ имъ Богъ жыта,—
Одъ кореня до верха колосья!!
Що нигде такый и не родыть,
Якъ имъ Богъ зародывъ!
— „Ану, горобче-молодче!
Треба намъ ёго зибрать“,
— „Такъ я не вмію!“
«А я навчу!
Я буду зъ кореня пидкусювать,
А ты крыламы беры,
Та въ скырты клады!
Критъ изжавъ,—
Горобець, добрый молодець, у скырту склавъ.
А ну, горобче-молодче!
Треба намъ ёго змолотыть!“
-- «Такъ я не вмію!“
— «А я навчу!»
Ты горобець, добрый молодець,
У тебе й крыла е!

А въ мене нисъ добрый!
Я могу зчыщать ривненько,
А ты можешъ крыламы змитать гарненько.
А ну, горобче-молодче, ёго й молотыть.
Ты, горобець-молодець, зъ крыламы?
Леты на скырту
И тягны первый колосокъ.
И несы ёго на тикъ.
Буду я вылущувать и въ ворохъ класты,
А ты солому беры,
Та въ скырты клады".
Давъ имъ Богъ: прыбралы хлибъ.
Ве-лы-кый ворохъ жыта прыбралы!
— «А шо горобче-молодче?»
— «А шо, кротику-братику?»
«А давай дилытьця!
Богъ намъ зародывъ хлибъ,—
Буде на всю зиму».
— «Тай давай!»
Зачавъ критъ дилыть:
Тому зерно
Й тому зерно;
Тому зерно
Й тому зерно;
Тому зерно
Й тому зерно!..
Роздилылысь пополамъ.
Одна зернына лышня.
Завелы между собою споръ:
Кому та зернына?!
Горобець каже: „мени,—
Я бильше трудывся,
То мени!"
А критъ каже: «я тебе вчывъ!
Я бильше трудывсь!
Нехай мени!»
— «А-а, ни-ни, кротику-братику!
Ты безъ мене ничого не зробывъ-бы,

Хочъ ты мене й учывъ!
Земля безъ кореня не родыть,—
А якъ я насиньня доставъ,
То й земля народыла».
Зачалы между собою споръ впьять
И зачалы быться!
Горобець крота подужае.
Скубне, тай полетыть у гору,
А той скаче,
Тай не достане.
«Ну, постой, горобче-молодче!
По-жа-луй!
Въ тебе крыла е,
То ты можешъ скубты!..
Не такъ, горобче-молодче!
А ззывай ты свое царство летюче,
А я свое пише,
Которе слидуе!»
Созвавъ критъ свое царство:
Зай-ци!..
Лы-сы-ци!..
Вов-кы!..
Вед-ме-ди!..
Ов-ра-хы!..
Мы-ши!..
Й тхо-ри!..
И все пише, которе слидуе.
Созвавъ горобець,
Добрый молодець
Усе царство летюче:
Гу-сы!..
Й ку-ры!..
Кач-кы!..
Й ын-ды-кы!..
Кга-вы!..
Й со-ро-кы!..
Шуль-пи-кы!..
Й кибь-ци!..

Яс-тру-бы!..
Й ор-лы!..
И все летюче,
Що слидуе
Усе царство!
И зачалы воны быться!
Й воюватьця!
И воскрыкнувъ горобець,
Добрый молодець!
„Этъ, стой, кротику-братику!
Не все мое царство!“
— «А кого жъ у тебе немае?»
«Ше немае въ мене попугайла летючого!»
— Ступай, горобець,
Добрый молодець,
Шукай попугайла летючого».
Якъ полетивъ горобець,
Добрый молодець,
На ынше царство,
На девъяте государство,—
И найшовъ попугайла!
— «Эй, здоровъ, брате попугайле!»
— А здоровъ, здоровъ, горобче,
Добрый молодче!
А шо мени скажешъ, горобче?!»
Э-эй, брате попугайле!
Пропало наше летюче царство!»
— «Черезъ що?»
«А черезъ те пропало,
Що я зъ кротомъ побратавсь,
И побратавшысь робылы хлибъ у купи.
И вродывъ намъ Богъ хлибъ велыкый,—
Одъ кореня до верха́ колосья,
Шо нигде такый и не родыть,
Якъ намъ Богъ давъ.
И ёго вбралы.
До роздилкы дило,—
И завелысь за 'дно зерно дратьця!
И критъ свое пише царство собравъ,

А я свое летюче;
И винъ побиждае!»
— «Веды, горобче-молодче!»
Горобець, добрый молодець, якъ пиднявся вгору!
Попугайло за нымъ!
— «Веды, горобче-молодче!»
Горобець, добрый молодець, указавъ попугайлу:
«Дывыся, попугайле!
Яка сыла коло хлиба лежыть кругомъ!»
Летыть горобець,—
Попугайло вгору береться!
Летыть горобець,
Добрый молодець,
Попугайло вгору береться!
Прылетивъ горобець.
«А ну, кротику,
Братику!
Бере-жыся», говóрыть,—
«Попугайло летыть».
Якъ розигнавсь зъ горы попугайло,
Якъ ударывъ пише царство грудьмы,—
Зробывъ вулыцю!
Выбывъ.
Пидьнявсь у гору вньять.
Якъ ударывъ навхресть,—
И другу вулыцю зробывъ!
Розбиглося все пише царство:
Зайци въ степъ...
Лысыци въ яры...
Вовкы въ лисъ...
Ведмеди тожъ!..
Тхоры,
Оврахы
Й мыши
Заточылысь у землю...
Критъ тоже й соби закротывсь...
Горобець,
Добрый молодець,

Скомандувавъ свое летюче царство:
«Пожыть мои труда!»
Росхваталы хлибъ по зерныни.
Зоставсь попугайло безъ крылъ на току.
Выйшовъ попугайло на стовповый шляхъ
И сивъ на могыли.
Йиде багачъ одъ чумакивъ:[1])
— «Здоровъ, попугайло!»
— «Здоровъ, багачу!»
«А чого ты, брате, сыдышъ тутъ?»
— «Э-э-эй, брате!..
Крылъ нема!..
Якъ бы мене хто взявъ,
Та выгодувавъ,
Покы въ мене крыла поростуть,—
Я бъ тому у ве-лы-кій прыгоди бъ ставъ»!
Багачъ и подумавъ:
«У мене стада;
У мене й гурта;
У мене двадьцять ынбаривъ хлиба;
Сто двадьцять скыртъ у степу стоить немолоченого;
У мене сумы много;
У мене й чумака сорокъ визъ;
Невже я не выгодую ёго,
Покы крыла поростуть?
Сидай, попугайло»!
Сивъ попугайло.
Везе багачъ.
Прывизъ до дому,
Уклыкавъ ёго въ горныци;
Посадывъ за стилъ.
Прыказавъ пару скота вбыть
И зварыть
Та попугайла накормыть.
Перешамнувъ попугайло
И багачеви дякуе.
«Копай же, багачу, погрибъ на мене
Посередъ двору велыкый;

---

[1]) Йиздывъ у степъ чумакивъ своихъ провидувать.

И защыты мене.
Тилько викно пусты;
И годуй мене,
Ажъ покы крыла поростуть;
Тоди я тоби у велыкій прыгоди стану.»
Заставывъ багачъ робочыхъ.
Вырылы ёму погрибъ.
И посадывъ ёго въ погрибъ
И защытывъ,
Тилько викно пустывъ.
Почалы ёго годувать.
Було въ багача два млыны греблёвыхъ,
А два витряныхъ;
Зачавъ безперестанно молоть и пекты,
Попугайла годувать.
Выгодувавъ дванадьцять ынбаривъ хлиба!
Пытаетьця:
«Нема крылъ?»
«Нема».
Було въ ёго сумы много;
Почавъ хлибъ купувать
И молотныкивъ наймать.
Вымолотывъ сто двадьцять скыртъ
И выгодувавъ.
Ставъ ёго впьять пытать:
«Нема крылъ?»
«Нема».
Зачавъ гурта быть
И варыть,—
Попугайлу носыть.
Выгодувавъ гурта.
— «Нема крылъ»?
«Нема».
Зачавъ отары ризать.
Вырызавъ,
Выгодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Зачавъ стада продавать,—
Выпродавъ.
Хлиба купывъ,—

Погодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Прыйшлы чумакы зъ дорогы.
Попродавъ силь,
Купывъ хлиба,—
Выгодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема!»
Повбывавъ волы;
Поварывъ
И погодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Було въ ёго земли много,—
Выпродавъ,
Та все хлибъ купувавъ,
Та попугайла годувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Попродавъ ынбары,—
Накупывъ хлиба,
Та все попугайла годувавъ...
«Нема крылъ»?
«Нема».
Попродавъ дываны,
Сьтильци,
Шахвы...
Попродавъ горныци,
Та все хлибъ купувавъ,
Та попугайла годувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Узявъ жинку за руку,
Повивъ у слободу.
Нанима іи до мужыка обременну.
Мужыкъ опасуетьця нанимать:
«Шожъ»,—каже, я іи найму;
Шо вона буде робыть?
Наймимъ, диты!
Хоть буде ложкы мыть,

Та хату вымете.
Шожъ тоби дать за неи?»
«У годъ телыця и корова».
«Иды въ загонъ: беры».
Налыгавъ и повивъ.
Убывъ телыцю;
Зжарывъ и понисъ.
«Нема крылъ?»
«Нема.»
Убывъ и корову
Половыну зжарывъ и понисъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Понисъ и посьлидьню половыну.
«Оце жъ ижъ, та вже й нема».
«А нема?»
„Нема", —говорыть.
„Ну, а въ мене крыла е".
„Ну, й слава Богу!
Шо хочъ, у мене ничого нема,
Абы въ тебе хочъ крыла булы!"
„Беры жъ ты, багачу, заступъ,
Та 'дкопуй погрибъ."
Багачъ одрывъ погрибъ.
Ажъ земля кругомъ порепалась!
Такый гладкый!
Утушкувавъ ёго!
Попугайло вылизъ зъ погреба.
Якъ стрепенувсь!..
Якъ полетивъ!..
Ажъ пидъ хмары!..
Зоставсь багачъ;
Дывывсь, дывывсь,—
Ажъ покы не выдно стало!
Сыдыть багачъ:
Слуха—колы шумыть!
Колы сида коло багача въ двори!
„А що ты, каже, багачу зажурывся?
„Та вже жъ, каже, попугайле!
И не веселывсь
И не смутывсь!"

„А йды жъ ты, каже, багачу въ слободу;
Та не йды жъ ты до багатого мужыка,
А йды до бидного;
У ёго була парка коровокъ,
Та одна згынула;
Та выробывъ винъ іи на реминь
И высыть вона въ ёго пидъ повиткою,
А на посьлидьню корову робыть буркунець,—
Буде одныею издыть.
То ты въ ёго попросы ту шкуру,
То винъ позычыть,
Бо винъ горе зна".
Пишовъ багачъ.
Напавъ на того мужыка бидного.
Прыйшовъ пидъ повитку;
Глядь!—шкура высыть вычынена.
„Эй, брате!
Позычъ мени цю шкуру!
Я колысь, якъ розжывусь,
То я тоби вдвое оддамъ!"
„Тай визьмы!
Оддасы,—спасыби,
А не 'ддасы,—Богъ зъ тобою!"
Изьнявъ ту шкуру.
Каже попугайло:
«Перепусты іи на двое;
Въ тебе булы стада й гурта,—
Ты можешъ вузды робыть;
Робы на мене вузду зъ одныи половынкы».
Зробывъ вузду.
«А плеты малахай зъ другои половынкы!
Та до-о-брый малахай!
Шобъ и пужално реминне було!
Беры-жъ ту вузду,
Та йды на край села;
Та не йды до цыгана,
А иды до нашого коваля,—
То винъ тоби повирыть наборъ зробыть удыла».
Прыходе 'дъ коваля.
«Надивай вузду й зануздуй.
А беры малахай!...

А сидай», говорыть, «на мене»!..
Сивъ винъ на ёго.
«А якъ теперъ тебе несты?
Чы по-пидъ небесамы?
Чы поверхъ древа?
Чы поверхъ травы»?
Багачъ подумавъ:
«Понесе по-пидъ небесамы,—
Переляка́юсь, упаду,—вбьюсь!..
Понесе поверхъ травы,—
Объ дерево вбьюсь!
Несы поверхъ древа».
Якъ стре-пе-нувсь!..
Якъ знявсь!
Якъ полетивъ на ынше царство,
На девъяте государство!—
Тай спустывсь.
«Оце-жъ», каже, «моя первая сестра жыве.
Веды мене въ двиръ
И бый мене!.. И мучъ! И печы!..
Стилькы сылы маешъ,—
Стилькы й бый!
А я стилькы сылы маю,—
Буду крычать.
И зачуе сестра гласъ мій
И буде бигты, крычать,
Рукы ламать!
И буде тебе просыть,
Даватыме тоби й панство,
Й царство!
И даватыме тоби дванадьцять ынбаривъ срибра й злата!
То ты не беры,
А просы въ неи срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ» [1]).
Веде багачъ попугайла въ двиръ

---

[1]) Замочокъ.

Бье ёго!
Рече!..
Стилькы сылы може́ть—бье!..
А той крычыть стилькы сылы може́ть.
Послужанка зачула гласъ попугайливъ.
«Пани»—говорыть:
«Послушайте!
Братъ попугайло жывый есть»!
«Де винъ», говорыть, «узявся!?
Его й на сьвити жывого нема»!
«Послушайте, пани!
Скоро въ двори буде»!
Побачыла пани, що вже въ двиръ укынувъ черезъ ворота.
Бижыть!..
Крычыть!
Рукы ломыть!
«За що ты, лыха лычыно, зъ мого брата знущаесься»?
— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатьця!?
Булы въ мене стада,
Й гурта,
Й отары,
Два́надьцять ынбаривъ хлиба
И сто двадьцять скыртъ у поли!
Було въ мене сумы много!
Та я все позбувавъ,
Та твого брата попугайла годувавъ.
Що схочу, те й зроблю!
Хоть убью,—
Хоть повисю!
«Нажъ тоби панство
Й царство!
И дванадьцять ынбаривъ срибра й злата,
Тилькы пусты мого брата попугайла».
— «Не хочу панства
И царства
Ни сри́бра, ни злата!

Дай мени срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,—
Такъ пущу!
«Хочъ ты ёго й повись, то не 'ддамъ».
Пишла въ хату.
Выйшлы зъ двору.
«Чортъ-батька зна, якъ ты й бывъ!
Шо ты мене жаліешъ?
Я-жъ тебе не жаливъ,
Якъ усе твое добро переивъ!
Не жалій и ты мене!
Такъ бьешь, шо й сестра не ожалы́лась!..
Ты мене бый стикы сылы маешъ,
Стикы мочи маешъ!
Не наскудь!
А я стикы сылы маю
Стикы мочи
Буду крычать.
Давай иты до середульшои».
Прыйшлы до середульшои.
«Бый-же, та не погань!
Шобъ сестра ожалы́лась на мене».
Зачавъ винъ ёго быть,
Стикы сылы мае,
А той крычыть!..
Почула послужанка
«Пани»,—говорыть:
«Послушайте!
Вашъ братъ попугайло жывый е»!
— «Де винъ узявся?!
Ёго й на свити нема»!
«Ни, послухайте!
Скоро въ двори буде»!
Перекынувъ багачъ попугайла черезъ ворота,
Топче ногамы...
Пече ёго,
Бье ёго,
Стикы сыла мае,

Стикы мочи мае,—
Стикы й поре!..
А той стикы мочи мае,
Стикы й крычыть!..
Выскочыла пани.
Крычыть...
Рукы ломыть!..
«За що ты, лыха лычыно, зъ мого брата попугайла
знущаесься»?
— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатьця?!
Булы въ мене стада
Й гурта,
Дванадьцять ынбаривъ хлиба,
Сто двадьцять скыртъ у степу хлиба!
Було въ мене сумы много,—
Та я все позбувавъ,
Та твого брата попугайла годувавъ!
Шо схочу,—те й зроблю зъ нымъ!
Хочъ убью,—хоть повисю»!
— «На́ тоби й панство,
Й царство!
Дванадьцять ынбаривъ срибра й злата,—
Тилькы пусты мого брата попугайла».
«Не хочу я панства
Й царства,
Ни срибра, ни злата!
Дай мини срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,
Такъ пустю»!
«Хочъ ты ёго й повись»!
Пишла й не оглядаетьця.
Выйшлы за ворота.
И каже ёму попугайло:
«Ду-у-р-ны-й ты», говорыть:
«Пропало наше дило!
Шо ты мене жалієшъ?!
Ты бый мене лучче!
Изробы ты отъ що:

Якъ пидемъ мы до меньшои,
То ты вже бый мене
Та не погань!
Шобъ не такъ, якъ тамъ бывъ!
Та якъ даватыме вона тоби панство
Й царство,
И дванадьцять ынбаривъ срибра й злата,
Не беры!
А просы срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,
И одно те робы, що бый мене.
И буде вона тебе просыть у хату
Покушать и 'дпочыть
И речи поговорыть,—
Ты йды.
И буде вона тоби пыткы й наидкы давать
И буде тебе шпиртомъ напувать.
Ну ты гляды-ы!
Шобъ ты іи прысылувавъ выпыть до себе!
Та вже й я прысылую,—
И одъ мене выпъе.
То мы по чарци выпьемъ,
А вона значыть дьви.
Буде вона и вдруге частувать;
Та все-жъ такы, шобъ прысылувавъ.
Частуватыме мене,
Прысылую й я.
Буде вона й втрете частувать,—
То шо-бъ ты прысылувавъ выпыть;
Да вже й я прысылую.
Мы выпьемъ по тры,
А вона значить шисьть.
Тоди посидаемъ обидать.
Ты ижъ,—покы наисысь.
И я тебе штовхну,
А ты шобъ догадавсь:
Прыкынься пьянымъ;
Перекынь мене через стилъ,

Топчы мене ногамы!..
Бый мыскы,
Й полумыскы,
Чаркы,
Й пляшкы.
На голови мени!..
То вона тоди змылуетьця.
Буде тебе цилувать
И за рукы хватать!
И отдасьть тоби срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ;
Надине тоби ёго на шыю
И запхне за пазуху».
Дійшлы до воритъ.
Перекынувъ ёго черезъ ворота.
По-о-ре!
Послужанка зачула гласъ:
«Послухайте, пани!
Вашъ братъ попугайло жывый есть»!
«Де винъ у свити взявся?!
Ёго й жывого на свити нема»!.
Винъ ёго топче ногамы!.
Бье пужалномъ по голови.
Углядила пани.
Бижыть!..
Крычыть!..
Рукы ломыть!...
«За що ты, зла лычыно, зъ мого брата попугайла
так зъ знущаесься»?
— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатьця?!
Булы въ мене стада,
Й гурта!
Булы въ мене й отары!
Було въ мене дванадьцять ынбаривъ хлиба;
Було въ мене сто двадьцять скыртъ хлиба въ стену,
Було въ мене сумы много,
Та я все позбувавъ,
Та твого брата попугайла годувавъ!

Шо схочу,—те и зроблю!
Хочъ убью,
Хочъ повисю»!
Зачавъ ёго бы-ы-ть!..
Ногамы мисыть!..
Той, стикы сылы мае, крычыть!
Просыть вона ихъ у хатку.
Закрычыть пани на послужанку:
«Заразъ стилъ наповныть пыткамы
Й наидкамы»!
Посажала ихъ за стилъ,
Зачала частувать;
Зачала багачеви шпирту давать.
«Прошу-жъ покорно, выпыть соби;
Якъ ты своему братови рада,
То выпьешъ до дна».
Могла вона выпыть.
Выпывъ и багачъ.
Дае брату.
Братъ одвищае:
«Якъ ты рада братови,
То выпьешъ до дна».
Могла вона выпыть.
Каже: «просю-жъ покорно;
За 'дныю не закусюють,
А выпыйте й по другій».
Одвища багачъ:
«Из-воль-те»!
Стала багача частувать.
«Якъ ты рада братови,
То выпъешъ до дна!»
Могла вона выпыть.
Выпывъ и братъ.
Выпылы такымъ родомъ и по третій.
«Прошу-жъ покорно обидать».
Обидавъ багачъ,—покы наивсь.
Штовхнувъ попугайло багача;
Той прыкынувсь пьянымъ!

Штовхнувъ попугайла въ потылыцю,
Хватнувъ за волосья!..
Перекынувъ черезъ стилъ!..
Ногамы то-о-пче!..
Зачавъ ему на голови быть полумыскы,
Пляш-кы
Й чаркы!
Сестри жалко стало.
Стала вона багача цилувать.
За рукы хватае.
«На тоби срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,
Тилькы не знущайся зъ мого брата попугайла»!
Надила вона ёму на шыю
И запхнула за пазуху.
«Иды ты, багачу, на ынше царство
На десяте государство!
Де ты соби вподобаешъ,—
У якимъ прысадьдя хороше
И степъ шобъ добрый.
Скажы соби:
Срибный ключыкъ повернысь,
Золотый верчыкъ одимкнысь,—
Стане тоби велыке багатство».
Зiйшовъ багачъ на одного царя царство.
Степъ добрый,
Сады хороши;
Ставы добри.
Выйшовъ винъ на кряжъ,
Сивъ коло саду надъ ставомъ.
Знявъ верчыкъ,
Поставывъ мижъ колиньмы.
«Срибный ключыкъ, повернысь,
Золотый верчыкъ одимкныся»!
Срибный ключыкъ повернувсь,
Золотый верчыкъ одимкнувсь.
Якъ зашумлять дома-а!..
Пидъ самымъ золотомъ:

Дванадьцять ынбаривъ изъ срибромъ и златомъ!
Якъ зашумилы гурта
Й ста-да-а!
Й черидкы свыне-е-й!..
Люды розсыпнулысь по царстви косыть
И жать
И весь хлибъ прыбирать!..
Уставшы зъ верчыкомъ,
Пишовъ у золоти дома,
У ныжнихъ домахъ печетьця й варытьця,
Въ середнихъ домахъ—пыткамы й наидкамы стилъ наповняетьця!
Въ самыхъ вышихъ тилько прогуляеть [1]).
Дывытьця въ викно скилькы стада й гурта степу засяглы.
Прыиздыть нарошный одъ царя зъ пакетомъ.
Розпечатавъ пакетъ. Прочытавъ.
Пыше царь:
«Шо ты таке?!
Де ты взялось?!
По моимъ царстви росполенывсь зъ стадамы,
Зъ гуртамы,
Зъ косарямы,
Зъ женьцямы!?!
Якъ ты не зійдешъ по добрій воли,
Такъ я те все выбью
Й въ ставахъ вытоплю».
Одпысуе багачъ царю,
Шо: «я радъ-бы зійты,—
Не могу зибрать!
Царь, роздывывшысь у пакетъ його, одпысуе:
«Подаруй мени те,
Шо въ твоеи жинкы е,—

---

[1]) Ото значыть у ныжнёму этажи, у середьнёму этажи и у верхнёму.

Я тоби найду таку бабку, шо збере».
А багачъ того й не знавъ,
Шо якъ одвивъ винъ свою жинку наймать до чоловика обременну,
Такъ вона, у наймахъ бувшы,
Родыла сына Ивася,
Такого, шо ни здумать, ни згадать,
А хиба тилькы въ казьци сказать:
По поясъ у срибли
А по поясъ у злати;
На грудяхъ звизда,
А на потылыци мисяць.
И рисъ винъ не по днямъ, а по часамъ,—
Не по часамъ, а по мынутамъ!
Багачъ, роздывывшысь у пакетъ,
«Шо-жъ у моеи жинкы е?!
Всёго-жъ я ришывся!...
Хиба тилькы шуба дорога осталась
Ну, хай соби бере шубу!
Абы тилькы жинка моя зосталась»!
Одпысуе царю:
«Нехай тоби те,
Шо въ моеи жинкы е,
Ну тилькы шобъ жинка моя».
Прыиздыть царь;
Прывозе бабку.
Стае бабка зъ колясы:
«А дава-а-й, багачу, верчыкъ!
А сида-а-й, багачу»!
Поставыла мижъ колиньмы верчыкъ.
Якъ крыкне!..
Якъ свысне!..
Такъ и зашумило у верчыкъ усе!
Якъ було въ верчыку все,
Такъ и вньять стало на мисти!
«Срибный ключыкъ повернысь,
Золотый верчыкъ замкнысь»!
Надила ёму на шыю

Й запхнула за пазуху.
Иды-жъ, багачу!
Де ты вподобаешъ соби,
Сядешъ,
Упьять буде тоби те,
Шо й тутъ було!
Пишовъ багачъ.
Стикы не йшовъ,
Прыйшовъ у свое царство
И сивъ на своему дворыщи.
Изьнявъ верчыкъ,
Поставывъ мижъ колиньмы:
«Срибный ключыкъ повернысь,
Золотый верчыкъ одимкнысь».
Якъ зашуми-и-ло!...
Шо тамъ було; те й тутъ е!
Осидлавъ коня
Й поихавъ по царстви своему оглядать стада й гурта.
«Чыи стада?»
— «Ивана багача».
«Чыи гурта»?
— «Ивана багача».
«Чыи отары»?
— «Ивана багача».
«Чыи косари»?
— «Ивана багача».
«Чыи женьци»?
— «Ивана багача».
«Це все мое», говорыть.
Иде назадъ до греблёвого млына.
Зостривае того чоловика,
Котрому жинку свою нанявъ.
Той чоловикъ пада на колина,
И здыймае шапку.
Багачъ здоровкаетьця:
«А шо?» каже:
«Моя жинка й доси у тебе служыть?«
«У мене: та вже дви недили наверхъ году;

Куды-жъ вона пидеть?!»
«Поганяй-же до дому,
Та одсылай жинку въ мои дома».
Той чоловикъ уподовшъ кони!.. (бье)
Прыбигъ до двора!
Уихавшы въ двиръ, заразъ засыла жинку!
«Ступай! Ото твого чоловика дома!»
Бере маты сына за руку,
Йдуть до горныць.
Сынъ и каже:
«Мамо», говорыть,
«Я вже теперъ не вашъ,
Я вже подарованый царю».
— «Почимъ-же ты, сынокъ, знаешъ?»
«Такъ мени, мамо, Богъ давъ».
«Ну, що-жъ, сынокъ», говорыть,
«Не вже то твого отця дома?!»
Увійшлы въ ныжни дома —
Печетьця й варытьця.
Увійшлы въ середни—
Пыткамы й наидкамы столы наповняютьця.
У вышнихъ домахъ прохоложаютьця.
Дывлятьця въ викно:
Побачылы батька...
Сынъ и каже:
«Сховайте-жъ мене, мамо,
Якъ увійде батько, то будете пытать:
«Шо царю подарувавъ?»
Зачыныла сына въ кимнату.
Прыходыть батько.
«Оттеперъ я, жено, бага-а-тъ!!
Не такый, якъ тоди бувъ!!
Панство й царство я маю!!
И дванадьцять ынбаривъ срибра й злата!!»
— «Не рада я твоему панствови
Й царствови!..
Шо ты подарувавъ царю?!»
«Подарувавъ», каже: «ну, не знаю що:

Я тебе, жено, не подарувавъ.
— «Ось, що ты, старый, подарувавъ!»
Одчынила кимнату: выходыть сынъ—
И горныци осяялы!!
Якъ ухватылысь за сына,
Та въ плачъ обое!
«Сыну-жъ мій, сыну!
Я-жъ подарувавъ, та й самъ не знавъ що!»
Сюды-туды, розважывъ сынъ батька й матиръ.
Сочынылы трехдневне гуляньня!
Пьють-гуляють,
Пыръ пыдіймають
До трёхъ сутокъ!
Трети суткы кинчають,
Говорыть Ивась:
«Готовте мени, тату, одиваньня».
— «Яке-жъ тоби одиваньня, сыну?»
«Скуйте мени симъ паръ черевыкивъ зализныхъ;
Скуйте мени семеро хлиба зализныхъ;
Скуйте мени симъ паръ цинкивъ зализныхъ,
Скуйте мени симъ паръ голокъ зализныхъ,
Пиду до царя на службу».
Прыказавъ багачъ ковалямъ,
Шобъ поробылы те, шо сынъ загадавъ.
Батько й маты въ плачъ!
Винъ,—сюды-туды,—'бцилувавъ ихъ, розважа:
«Я хочъ и пиду, а таки не покыну васъ;
Прослужу, тай прыйду!
Попрощався сынъ;
Пишовъ служыть царю.
Пишовъ на ынше царство,
На десяте государство,
Черезъ трыдевьять земель!
Зійшовъ на перве царство:
Такый гадъ та черепахы лизуть!
Такый гадъ та черепахы,
Шо не можна й ногою ступыть!..
Симъ паръ цинкивъ побывъ,

А такы перейшовъ.
Зійшовъ на друге царство:
Таки гвиздкы та голкы!
Гвиздкы та голкы!
Убувъ зализни черевыкы.
Симъ паръ черевыкивъ вытоптавъ,
А такы перейшовъ.
Зійшовъ на трете царство:
Таке сонлыве!..
Та примлыве!
Таке сонлыве!..
Та дримлыве!
Симъ паръ голокъ выломавъ, пидпыраючы очи,
А такы перейшовъ.
Зійшовъ на четверте царство!
Такый холодъ
Та голодъ!..
Такый холодъ
Та голодъ!
Семеро хлиба зъивъ зализныхъ,
А такы перейшовъ
Зійшовъ на царя царство.
Доходыть до хаткы.
Сыдыть послужанка на кганкахъ.
«Слыхомъ слыхаты!
Подарунча въ вичи выдаты!
Чы по воли,
Чы по неволи?!»
— Ни, добрый молодець николы не ходыть по неволи,
А все по воли!»
— «Идить-же въ хату покушать,
Перепратьця,
Перебратьця,
Одпочыть
И речи поговорыть».
Напоила вона его, накормыла.
Роскынула перыны,
Спать положыла.
Злигъ Подарунча на руку:

«Вы по всякъ часъ у мого батюшкы царя на дворци
бсуваете,
Вси ти порядкы знаете,—
Повыньни-бъ и мени сказать».
— «Я по всякъ часъ у дворци не буваю
И тыхъ порядкивъ не знаю;
Не могу и вамъ сказать;
А есть у мене сестра старша:
По всякъ часъ на дворци бувае,
Вси обряды знае,
Мусыть и вамъ сказать».
Подякувавъ и пишовъ.
Диходыть до другои хаткы.
Выбигае послужанка на кганкы;
Випъять такъ-же:
«Слыхомъ слыхаты!
Подарунча въ вичи выдаты!
Чы по воли, чы по неволи?»
— «Ни, добрый молодець николы не ходе по неволи,
А все по воли».
«Идить-же у хату,—покушать,
Перепратьця,
Перебратьця,
Одпочыть
И речи поговорыть».
Роскынула перыны: положыла ёго спать.
Злигъ винъ на ликоть:
«Вы по всякъ часъ у мого батюшкы царя буваете,
Вси порядкы знаете,—
Моглы-бъ и мени розсказать».
— «Шо-жъ, мій голубочокъ!
Не по всякъ часъ я въ батюшкы на дворци буваю
И всихъ тихъ порядкивъ не знаю,
Не могу й вамъ сказать,
А е въ насъ бабушка старушка;
По всякъ часъ на дворци бувае,
Вси ти порядкы знае,

Отта можеть вамъ исказать».
Подякувавъ винъ и пишовъ.
Доходыть до третеи хаткы.
Выходыть бабушка старушка на кганкы:
«Шлыхомъ шлыхаты!
Подарунча ввичи выдаты!
Чы по воли, чы по неволи?»
— «Ни, бабусю,
Добрый молодець николы не ходе по неволи,
А ще все по воли!»
Пожалуйте, дытя, въ хатку,
Перепратьця
Й перебратыця,
Покушать, одпочыть
И речи поговорыть».
Напоила ёго, накормыла.
Перыну роскынула
И подарунча положыла.
Лигъ винъ на ликоть.
«Шо-жъ, бабусю!
Якъ тутъ діетьця-ведетьця у мого батюшкы царя?
Вы по всякъ часъ на дворци буваете,
Повыньни й мени сказать».
— «Такъ, шыночку!
По всякъ часъ на дворци буваю
И вси обряды знаю
И тоби, моя дытыно скажу.
У твого батюшкы царя
Есть дочерей симдесятъ симъ
Ище й одна.
Иды-жъ ты, сыночку, на жовту косу коло моря.
А на тій коси шелюгъ велыкый,
Та ты въ шелюзи й сядь.
Сыдитымешъ часъ,
Сыдитымешъ другый;
На третій часъ поверне,
Прылетять симдесятъ симъ дочерей

И таки вродлыви,
Такъ берегъ и осяють!
Поскыдають воны вбраньнячка,
Побредуть у море на жовту косу
И попырынають по трычи,
Уберутьця й полетять.
Ну, шобъ ты, дытыно, сыдивъ;
Не кынувсь до ихъ.
Сыдитымешъ ты часъ
Сыдитымешъ и другый
И выкопаешъ ямку пидъ кущемъ,
На третій часъ стане повертать,—
Прылетыть одна.
Не тилькы косу,
Й берегъ осяе!
И ты, сыночку, терпы.
Вона розберетьця
И побреде на жовту косу въ море.
И гляды-жъ, сынокъ:
Не пропусты.
Якъ первый разъ пирне вона въ воду,
Шобъ ты усьпивъ ухватыть іи вбраньнячко;
Сховай въ ямку,
Тай насядь.
То вона обмыетьця
Й выбредетьця!
Побачыть, шо нема вбраньня,
То вона й закрычыть:
«Якъ хто зъ старыкивъ пошутывь,
Такъ отець ридный!—
Тилко не шутить,
Вернить!»
Побижыть другый разъ.
Пирне; обмыетьця, выбреде,
Нема вбраньнячка.
«Якъ хто зъ жонатыхъ пошутывъ,
Такъ братикъ ридный!—
Вернить,

Не шутить!
Побреде и третій разъ:
Выбреде.
«Ахъ! Якъ хто зъ холостыхъ,
Такъ вирна моя дружына,
Тилько вернить,
Не шутить!»
Ты й отдай вбраньнячко.
Вона уберетьця
И тоди вже писля того скаже,
Що тоби треба робыть».
Пишовъ винъ на жовту косу.
Вже тамъ такъ и було,
Якъ ему сказано.
Выйшовъ Подарунча зъ-за куща:
«Панночко!
Возьмить озьде ваше вбраньня».
Вона прыбигла,
«Обернитьця, другъ, покы я уберусь».
Убралася,
Забигла до його спереду;
Поцилувала;
И вродлыва така вона,
Що іи кращои и въ свити нема!
Взяла вона його за руку;
Сила на березн:
«Сыды-жъ ты тутъ, другъ мій,
А я полечу,
Та прышлю тоби срибный човныкъ,
Золоте веселечко.
Сядешъ ты у човнычокъ:
И хочъ яка буде погода
И валы котыть,
И нестыме винъ тебе у море;
Не бійсь!
Прыплыве човныкъ до зализныхъ воритъ.
И вдарыть нискомъ у зализни ворота.
Ворота одчынятьця,

Ланцюгы стрепенутьця,
Уси дзвоны заревуть
И царя батюшку пробудять.
Прыплыве човнычокъ до берега,
И злизешъ ты зъ човныка.
Буде стежка.
Будеть ясно и тыхо,
Шо нигде й витрець не дмухне.
Затопытьця въ симдесятъ симъ хатъ
Въ усихъ разомъ;
Дымъ зъ верхивъ такъ и слонятыметьця по всій деревни
И такъ туманомъ на море и покотыть.
И перестане курить у всихъ хаткахъ,
Такъ, якъ сокырою одруба.
Де визьметьця хмарка,
Заступыть сонце
И схопытьця сылна буря,
Ажъ дерева затрищать.
Оттоди въ моій хати затопытьця.
И ты замичай,
Шобъ та на мои покои попавъ!
У мене буде дымъ стовпомъ;
Шо хочъ яка буря,
По никуды въ бикъ не зибье,
Стоятыме, не схыбнетьця;
Шобъ ты на ти покои йшовъ».
Прыходыть винъ до кганкивъ.
Выскакуе вона зъ хаты;
Бере ёго пидъ руку;
Веде въ хату.
Напоила,
Накормыла;
Роскынула перыны,
Положыла ёго на спочывокъ.
«Гляды-жъ ты, каже», «Иване!
Бо скоро одъ батюшкы й слугы по тебе прыбижать
Не давайсь имъ на рукахъ несты тебе!

Бо дадуть табакы понюхать
То тоди погублять!» [1])
Тутъ пидъ викно бижать симдесятъ симъ слугъ.
„Иваня!
Ступай до батюшкы!“
Убравсь; выйшовъ винъ.
„Веливъ тебе батюшка на рукахъ несты“.
— „Вонъ, свыни!
У васъ не стане й нигъ по мене ходыть,
Не тилькы мене на рукахъ носыть!“
Слугы самы между собою й кажуть:
„Тай цуръ ёму;
Нехай самъ иде;
Намъ ше й лучче“.
Идеть у батюшчынъ двиръ.
Стоить батюшка на кганкахъ.
„Заразъ мое Подарунча на рукахъ у покои несты!“
Кынулысь до ёго на рукы брать,
Винъ до ихъ зъ кулакамы:
„Вонъ, свыни!
Я стикы царствъ перейшовъ,
Та нихто мене на рукахъ не носывъ,
А тутъ я й самъ до батюшкы дійду!“
Входыть въ покои;
Цилуютьця,
Мылуютьця,
Гуляють цилый день до вечера!
У вечери крыкнувъ батюшка:
„Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
До которои любля на рукахъ однесты!“
Кынулысь слугы до ёго,
А винъ до ныхъ!
„Вонъ, свыни!
Я стикы царствъ перейшовъ,
Та нихто мене на рукахъ не носывъ,

[1]) Царь—винъ бувъ не хрещеный, а вона була хрыщена водою и духомъ.

А туть я вже на стару кватырю й такъ дійду!
Въ васъ не стане нигъ и ходыть по мене,
Не тилько на рукахъ носыть!"
Выйшлы слугы за двиръ:
„Одъ сучый сынъ!
Де винъ узявсь!?
Якъ бы ёго пидговорыть!?
А въ насъ батюшка строгый!
Шобъ ёму голову батюшка znявъ".
Прыйшлы до царя:
„Отъ, батюшка!
Подарунча зъ вамы пыло та гуляло,
Та вамъ и правды не сказало!
— „Якъ", говорыть, „слугы?"
„Та такъ!
Якъ выйшовъ за двиръ,
Тай каже намъ:
Я якъ-бы схотивъ добро батюсьци зробыть,
Такъ я-бъ у ёго въ двори таку крыныцю выкопавъ до свита,
Шо луччои-бъ воды не було-бъ и по всимъ царству!
Одна-бъ цямрына була-бъ золотá,
А 'дна срибна
И срибный звидъ,
Золоте цеберечко
— „Завернуть ёго заразъ сюды!"
Догналы.
„Иваня!
Вернысь до батюшкы!"
— „Зачимъ, батюшка, требуете?"
„Якъ-же мени тебе не требувать?!
Шо ты въ мене пывъ-гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ!
Та чор-зна кому—слугамъ моимъ говорывъ,
Шо якъ-бы я схотивъ добро зробыть,
То таку крыныцю выкопавъ-бы,
Шо й у царстви луччои воды не було-бъ;
Одна цямрына срибна,

Друга золота;
Срибный звидъ,
И золоте цеберечко".
— „Якъ-же можна, тату,
Шо-бъ за 'одну ничъ отаке мигъ-бы одынъ чоловикъ
зробыть!?"
„Ну, гляды, сынку!
Тоби день,—мени ничъ,
Тоби голова зъ пличъ!"
Пишовъ одъ царя.
Иде й плаче.
„Отъ колы вже пропавъ"!..
Якъ угледила у викно вона,
Шо винъ плаче,
Бижыть, цилуе!
„Зачимъ ты, серденько, плачешъ?"
— „Якъ-же мини не плакать,
Шо мени тилько до завтрёго й жыть!"
„А, Боже мій!...
Та кажы скорій,
Не мучъ мене,
Шо тамъ тоби батюшка казавъ?"
Хватыла ёго пидъ плече,
Увела въ хату.
Посадыла въ кинци столу:
„Кажы серденько, що тамъ таке?"
„Пидговорылы слугы,
Шо я могу за 'дну ничъ до свита выконать таку крыныцю,
Шо й у всимъ царстви нема такои!
Шо-бъ срибна и золота цямрына,
Срибный звидъ, золоте цеберечко!"
„Це мени, серденько, й за вухомъ не свербыть!
Шо тоби батюшка не загадае,—не журыся!
Иды до мене,—я тоби все зроблю!
А то ты мене якъ ножемъ пробываешъ!
Сидай—вечеряй, та лягай спаты".
Силы, повечерялы; роскынула перыну: положыла— пры-
спала.

Встала тыхесенько, такъ якъ у глупу ничъ;
Хватыла кныгу: выйшла на кганкы.
Якъ крыкне!
Якъ свысне!
„Слугы мои мыли!
Слугы мои люби!
Станьте передо мною,
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить-же!
Шобъ була у двори крыныця выкопана,
Шобъ луччои и въ царстви не було!
Шобъ була одна цямрына золота, одна срибна,
Срибный звидъ и золоте цеберечко!“
Якъ налынулы!
Той копа,
Той джерела пуска,
Той серебрыть!
Той золотыть,
Другый тоже кладе цямрыну,
Третій звидъ становыть
И цеберечко виша.
Такъ якъ переказавъ,—
Такъ воны й зробылы!
Вона раненько встала,
Снидать зготовыла;
Позбудыла;
Напоила,
Накормыла;
На свитаньни дала ёму топорець
И чотыри гвоздыкы.
„Иды-жъ ты до крыныци,
Тай ходы кругомъ,
Тай стукай обухомъ,
Нибы майструешъ.
Якъ выйде батюшка на кганкы,
Забый гвозьдь на схидъ соньця на зрубови,
Й другый на захидъ,
А ти на тыхъ вуглахъ,—будто навхрестъ,

Такъ якъ и хрестъ положеный,—
Бо й тоби достанетьця воды тыи пыть".
Выйшовъ батюшка на кганкы;
Той бье гвозьди навхресть.
Крычыть батюшка!
„Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Несить мое подарунча на рукахъ!"
Слугы кынулысь до ёго:
Винъ до ихъ зъ сокирою
„Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане и нигъ по мене, ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть!
Я й самъ до батюшкы зійду!"
Любуе батюшка въ сынови,
Що винъ сповнывъ свое дило.
Пьють, гуляють,
Пыръ пидіймають.
Бере ёго батюшка за руку,
Веде до крыныци:
Любуе въ крыныци,
Любуе въ зрубови.
И въ своди
И въ цебри.
Пьють гуляють до вечора.
У вечери крыкнувъ батюшка на слугы:
„Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
Однесить на рукахъ до которои любля!"
„Тату! я ще младъ, зеленъ до дивокъ;
Мени треба вчытьця робыть.
Я онъ стикы царствивъ перейшовъ,
Та не оддыхавъ и доси.
Пиду на стару кватырю,—хочь оддыхну".
„Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Однесить подарунча на рукахъ на стару кватырю!
Тилькы слугы до ёго,
А винъ зъ сокырою до ихъ!

„Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане й нигъ до мене ходыть,
Не тилькы мене на рукахъ носыть!“
Выйшлы слугы за двиръ,
„А, та й бида“, кажуть „изъ цимъ подарунчамъ!
Улыкае, що не стане нигъ ходыть!
Давай его пидскаржымъ ще не такъ;
А въ насъ батюшка строгый!
Оцёго винъ не може зробыть,
Що мы ёго пидскаржымъ!“
Ускочылы до батюшкы слугы:
„Зъ вамы, батюшка, подарунча пыло та гуляло,
Та вамъ и правды не сказало,
А намъ казавъ отъ що,
Якъ выйшовъ за двиръ:
Я-бъ, каже, якъ бы хотивъ добро батюсьци зробыть,
То поставывъ-бы за 'дну ничъ ограду золоту;
У тій огради посадывъ-бы садъ
И всяку овощъ, що въ свити е!
И до свита зацвите и одцвитетьця!
А якъ сонце зійде, усяка овощъ поспіе!
И на снидання самои первои овощи понисъ-бы батюсьци въ кошыку“.
— „Заразъ завернить ёго до мене“!
Завернулы.
„Зачимъ, батюшка?“
— „Що-жъ, сынку!
Ты пывъ зо мною й гулявъ
Та мени й правды не сказавъ!?
А чор-зна кому, слугамъ, за дворомъ говорывъ,
Що, якъ-бы, мовъ, хотивъ добро зробыть батюсьци,
То зробывъ-бы кругомъ двору ограду золоту ажъ до горныцъ!
А въ тій огради садъ насадывъ: що е въ свити разна овощъ;
До свита зацвите й отцвитетьця,
А якъ сонце зійде,—поспіе
И ты мени внесешъ у кошыку на сьниданьня“.

— „Не можно, батюшка, цёго зробыть!
Одно дерево росте годъ пьять,
Та й то не розцвитае!..
Шобъ за одну ничъ усяка овощъ прынялась и зацвила!?!“
„Ну, гляды, сынку!
Тоби день, мени ничъ,—
Тоби голова зъ пличъ.
Ты казавъ, шо крыныцн не могу зробыть,
А про те зробывъ!?!
Ступай!“
Иде винъ и плаче.
Углядила єго вона у викно,
Шо винъ гирко плаче,—
Бижыть,
Крычыть:
Зачимъ ты, серденько, такъ побываесься!?
— „Якъ-же мени не побыватьця?!
Тилько до свита й жыть мени!“. .
„Не журысь!“
Хватыла єго пидъ плече;
Ввела въ хату.
Посадыла на дзыклыку.
Кажы, серденько, шо тамъ таке?!
Яке тамъ тоби гирке слово сказано?!
— „Пидговорылы слугы, шо я могу ограду зробыть ажъ до горныцъ...
У тій ограды понасажать ризнои всякои овощи, яка въ свити есть...
Шобъ цвила вона до свита.
А якъ сонце зійде,
Шобъ самои первои прынесты въ кошыку батюсьци на сьниданьня».
«Це въ мене, серденько, й за вухомъ оттутъ не свербыть.
Сидай,—нумъ вечерять»!
Повечерялы.
Роскынула перыну;
Положыла й прыспала.
Встала потыхесенько глупои ночи;
Взяла кныгу и выйшла на кганкы

Розгорнула кныгу.
Якъ крыкне!
Якъ свысне!
«Станьте слугы передо мною,
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить!
Шобъ вы зробылы батюсьци ограду
Ажъ до самыхъ воритъ!
А въ тій огради садъ насадыть,
Разнои овощи, що въ свити е,
Шо-бъ той садъ до свита одцвивсь,
И якъ сонце зійде—шобъ овощъ постала».
Воны якъ заходылысь!...
Той копа,
Той золотыть,
А той кладе ограду,
А той садъ садыть,
А ти цьвитъ чипляють,
Други отрусюють,
Та разну овощъ навишують,
Що е въ свити!
Якъ я це переказавъ,
Такъ це дило зробылы.
Избудыла ёго раненько!
Напоила, накормыла;
Дала ему кошыкъ:
«Иды-жъ ты у садъ,
Вырвы овощи,
Та котори червыви,
Выкыдай за ограду».
Сонечко зійшло.
Выйшовъ батюшка на кганкы,
Якъ крыкне на свои слугы!
«Слугы мои мыли, слугы мои люби!
Заразъ мени подарунча зъ овощу на рукахъ у горныци внесты!
Кынулысь до ёго: «вонъ свыни!
Въ васъ не стане и нигъ по мене ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть»!
Нарвавъ первои овощи и несе батюсьци на снидання.

Любуетьця батюшка въ сыну.
Любуетьця въ саду и въ ёго овоци,
Любуетьця въ ёго крыныци, и въ зводи и въ цебри.
Пьють, гуляють,
Пыръ пидіймають до вечера:
Ввечери крыкнувъ батько:
«Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
Однесты ёго на рукахъ до которои любля».
«Тату! Я младъ зеленъ по дивкамъ!
Треба вчытьця робыть!
Я скилькы царствивъ перейшовъ,
Тай доси не 'ддыхавъ!
Тай у васъ ставъ,
То мени, тато, покою не дававъ!
Пиду на стару кватырю,—оддыхну».
«Слугы мои мыли, слугы мои люби!
Однесить мое подарунча на рукахъ на стару кватырю».
Кынулысь слугы до ёго,
А винъ до ихъ съ кулакомъ;
«Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане нигъ по мене й ходыть,
Не тилько мене на рукахъ носыть»!
Выйшлы слугы.
«Ну, бида съ цымъ подарунчамъ!
Прыйдетьця пропадать!
Шо не пидговорымъ, то все й зробе!
А ходимъ ще пидговорымо,—
Цёго вже не зробе.
Ввійшлы до царя:
«Батюшка!
Отъ у васъ подарунча пыло-гуляло,
Та вамъ и правды не сказало,
А выйшовъ за двиръ, то намъ говорывъ:
Я якъ-бы, каже, схотивъ добро зробыть батюсьци,
Такъ поставывъ-бы у тій огради монастырь такый,
Шо нигде такого нема!
Поставывъ-бы й дзвиныцю!
Шо буде само въ монастыри правытьця
Й чытатьця,
Шо слидуе,

А на дзвиныци само буде дзвоныться!
Одъ монастыря изроблю помистъ ажъ до горныць,
И сонце зійде,
Увесь садъ зацвите
И ризни птахы защебечуть,
А йтыметь батюшка до монастыря,
Сами дзвоны ревтымуть».
«Завернуть его сюды!
Шо-жъ ты, сыну, пывъ-гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ,
Та, абы кому,—слугамъ!
Ты казавъ, шо якъ-бы зхотивъ мени добро зробыть,
То въ огради-бъ поставывъ монастырь и дзвиныцю,
А 'дъ манастыря помистъ ажъ до горныць!
Ну, гляды, сыну!
Тоби день,—мени ничъ!
Тоби голова зъ пличъ!
Ты говорывъ, шо крыныци не зробышъ,
А проте зробывъ!
Ты казавъ, шо й саду не насадышъ,
А проте насадывъ,—
То зробышъ и манастырь»!
Иде винъ и плаче.
Побачыла вона у викно, шо винъ плаче,
Бижыть,
Крычыть,
Рукы ломыть!
«Зачимъ ты, серденько, такъ журысься»?!
«Якъ-же мени не журытьця,
Якъ мени тилькы до свита жыть»!
Бере вона его пидъ руку, веде въ хату:
«Нумъ сидать вечерять;
Це мени й за вухомъ не свербыть».
Повечерялы. Ляглы спать.
Встала въ пивничъ;
Взяла кныгу;
Выйшла на кганкы.
Якъ крыкне!
Якъ свысне!

«Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Станьте передо мною,
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить:
Шобъ-бъ вы зробылы у батюшкы въ ограды манастырь
И дзвиныцю;
Шобъ у манастыри само правылось
И чыталось;
На дзвиныци шобъ сами дзвоны дзвоныли.
И 'дъ дзвиныци шобъ бувъ помистъ изробленый
Ажъ до батюшчыныхъ покоивъ.
Якъ до манастыря йты, —
Шобъ увесь садъ зацвивъ якъ снигъ
И шобъ ризни птахы въ саду щебеталы».
Якъ заходылысь!
Той ставе!
Той верхы зводыть!
Той дзвиныцю зачынае!
Другый уже дзвоны чипляе!
Ти тоже птахы наганяють!
Други тоже цвиты чипляють!
А ти помистъ кинчають!
Дило зроблено!
Избудыла вона подарунча раненько;
Дала ёму топорець и два гвозьди:
«Иды-жъ ты до манастыря
И ходы по помосту съ кинця въ кинець.
Якъ выйде батюшка на кганкы,
То забый гвоздь на схидъ сонця
И на западъ сонця».
Выйшовъ батюшка на кганкы:
Якъ крыкне на слугы!
«Слугы мои люби, слугы мои мыли!
Несить мое подарунча на рукахъ»!
Слугы кынулысь до ёго:
«Во-о-нъ, свыни!

У васъ не стане й ниґъ по мене ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть»!
Любуетьця царь усимъ:
Любуетьця въ ёго крыныци
И въ зводи й цебру;
Любуетьця въ сади
И въ огради;
Любуетьця въ манастыри и дзвиныци;
Любуетьця въ цьвитови и въ птыци.
Пьють, гуляють,
Пыръ пидіймають
До вечера.
«Есть у мене дочерей симдесятъ симъ;
До которои любля однесить подарунча на рукахъ».
«Батюшка! Яще молодъ-зеленъ до дивокъ!
Треба вчытьця робыть!
Я стикы царствивъ пройшовъ, та ниде не 'ддыхавъ
И до васъ прыйшовъ, — нема покою!
Дайте мени покой, —пиду хочъ на стару кватырю».
«На рукахъ однесты подарунча».
Кынулысь до ёго.
«Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане ниґъ по мене ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть»!
— «Ну, бида намъ зъ цымъ подарунчамъ!..
Прыйдетьця пропадать!..
Не дай Богъ стикы ёго на рукахъ носыть,
Якъ ще до ёго й ходыть»!
Выйшлы за двиръ:
«Дайте ище разъ пидговорымъ!
Цёго вже не може зробыть»!
Та назадъ до царя!
«Отъ батюшка!
Зъ вамы подарунча пыло та гуляло,
Та вамъ и правды не сказало!
А намъ выйшло за двиръ, тай хвалытьця:
Я якъ-бы хотивъ батюсьци добро зробыть,
То е въ батюшкы лисъ

Сорокъ верстъ довжыни,
А сорокъ верстъ шырыни!
То я могу той лисъ выполоть
И засіять конопли;
Уродять конопли,—
Я ихъ могу выбрать
И помолотыть,
И помочыть,
И вытягать,
И помнять,
И потипать,
И попрясты,
И невидъ выплесты,
И кутъ моря закынуть,
И батюсьци рыбкы на сниданьня враньци прынесты!
«Заразъ завернуть мени ёго»!
Догналы слугы Ивася.
«Вернысь до батюшкы».
«Шо-жъ ты, сыну»?!
Пывъ—гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ!?
Та абы-кому,—слугамъ?!
Ты казавъ, шо я могу добро батюсьци зробыть.
Есть у батюшкы лисъ
Сорокъ верстъ довжыни
Й шырыни,
То я ёго выполю
Й складу,
Й насію конопель,
Й выберу конопли,
Й помочу,
Й вытягаю,
Й потипаю,
Й помну,
Попряду,
Й невидъ выплету,
Й кутъ моря закыну.
Батюшсьци рыбкы на сниданьня вытягну".

— „Неможна, батюшка, цёго зробыть!
Одного дуба буде до свита зъ корнемъ тягты,
А не ввесь лисъ сполоты!!“
„Ну, гляды, сыну!
Тоби день, - мени ничъ;
Тоби голова зъ пличъ!“
Пишовъ винъ плачучы:
„Отъ колы я пропавъ!
Отцёго вже й вона не може отгадать“!..
Углядила, що йде винъ плачучы,—
Бижыть,
Цилуе,
Мылуе.
„Зачимъ ты, серденько, такъ гирко плачешъ?“
— „Якъ же мени, серце, не плакать,
Шо мени тилькы до свита й жыть!“
„Кажы скорише,
Що тамъ таке?
Чимъ тебе обидылы?!“
„Та якъ-же, каже,
„Пидскаржылы слугы,
Шо я могу сорокъ верстъ шырыни,
Сорокъ верстъ довжыни
Лису выполоть!..
Выполовшы, посіять коноплъ!
Шобъ выбрать
И помолотыть...
Потипать
И попрясты...
Сплесты невидъ
И кутъ моря закынуть,
Батюсьци рыбкы на снидальня піймать!“
„Це мени, серденько, и за вухомъ не свербыть!
Нумъ вечерять, та лягать спать“.
Встала вночи потыхесеньку.
Взяла кныгу,
Выйшла,
Розгорнула,

Якъ крыкне!
Якъ свысне!
„Слугы мои мыли!
Слугы мои люби!
Стать передо мною
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить-же,
Шобъ вы выпололы въ батюшкы лисъ.
Сорокъ верстъ довжыни
И шырыни!
И насіять коноцель!
Выбрать
И помолотыть!
Помочыть
И вытягты!
Потипать
И помнять!
Попрясты
И невидъ выплесты!
И кутъ моря закынуть, —
Батюсьци рыбкы на сниданьня піймать!"
Якъ налынулы!..
Якъ тьма!!...
Имъ и по дубку не стало!..
Спололы й склалы въ купы!
Той заходе, — коноцли типа!..
А зъ другого краю заходе,—вытяга!
Той симъя обмына!
А зъ другого краю заходыть,—мочыть!..
А той бере вытяга!..
А той бере, типа!
А ти беруть, мнуть;
А ти прядуть!
А ти невидъ плетуть!
А ти вже затягають кутъ моря!
Повный невидъ рыбы нагналы.
Збудыла ёго раненько.
Дала ёму найстаршый цыганьськый молотъ

И два па́колы зализныхъ:
„Иды-жъ;
Та не злякайсь нечыстои сылы,
Бо й ты тоже лыцарь.
Якъ тягтымуть невидъ
То ты визьмысь за 'дно крыло,
Та пидтягнешъ.
Па́киль забьешъ,
Тай обмотаешъ (невидъ);
Та пидешъ и до другого крыла;
Бо пивни якъ заспиваютъ,
То воны втечуть,
Те крыло й самъ вытягнешъ потроху,
Покы розвыднытьця".
Вытягъ невидъ на сухе;
Узявъ соби рыбкы стикы треба ёму,
А ту вывернувъ у воду;
А невидъ роскынувъ на березi.
Прыйшовъ до неи.
Бижать слугы:
Несы, Иваня, батюсьци рыбкы на блюдьци"!
Понисъ.
Изжарылы й поилы.
Пьють, гуляють,
Пыръ пыдiймають
До вечера.
У вечери скрыкнувъ царь:
„Слугы мои мыли!
Слугы мои люби!
Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
Возьмить однесить подарунча
До которои 'любля!"
— Батюшка!
Дайте-жъ мени оддыхнуть хоть одну ничъ.
Отколы я прыйшовъ, то мени й покою не було!"
— „Ну, пожалуй!
Ступай оддыхать.
Есть у мене дочерей симдесятъ симъ
И ище й одна!"

(Отъ ажъ колы сказавъ, шо симдесятъ симъ
Ище й одна!)
„Готовся завтра къ винцю.
Годи тоби вчытьця робыть“.
Иде винъ и сьміетьця.
Якъ здума,—то й засміетьця.
Вглядила вона въ викно, шо винъ веселый;
Бижыть ёму назустричъ,
„Шо тоби, серце, такъ прыйшлось,
Шо ты веселый?“
— „Казавъ батюшка,—„завтра до винця готовытысь“.—
„Кого-жъ винъ тоби назначывъ брать?“
— „Та я никого не хочу, окримъ тебе.—
„Э ни, серце!
Винъ такъ зробе,
Шо ты мене не пизнаешъ“.
Каже: „ни, пизнаю“.
И заспорылыся воны за те саме
Шо: „не пизнаешъ“.
— „Обчимъ-же я тебе не пизнаю?“
„Обтымъ не пизнаешъ,
Шо намъ батько дасть мазкы усимъ однакови“,
На одынъ выдъ уси.
Потимъ ты мене й не пизнаешъ.
Прыбравшы такъ,
Винъ насъ поведе въ манастырь,
Поставыть у кругъ,
И тебе впхне въ середыну,
А самъ стане зъ боку
И буде дывытьця.
И ты будешъ пизнавать де твоя.
И шобъ тры раза на одну вказавъ,
А не вгадаешъ,
Тоби день,—ему ничъ,
Тоби голова зъ пличъ“.
— „Такъ ты-жъ скажы, серденько,
Шобъ я вгадавъ
„Якъ буде первый разъ весты
И впхне тебе въ середыну,
То ты будешъ по головамъ дывытьця:
Голова до головы перепускатымешъ (очыма),

То якъ прыйдешъ протывъ мене,
То въ мене муха злетыть посередъ головы;
Облетыть тричы вкругъ головы
И сяде впьять на голову.
А въ друге винъ дасть уньять друге лыце
И друге вбраньня.
И впьять ты мене не познаешъ.
Якъ упхне тебе въ середыну,
То ты дывыся по ногахъ:
Черевыкъ черезъ черевыкъ перепускай;
Якъ прыйдешъ протывъ мене,
То въ мене съ черевычка выбижыть мышка
И оббижыть тричы вкругъ черевыка;
Нихто того не побаче,
Тилькы ты побачышъ.
То впьять же поведе до дому
И дасть намъ трете лице
И трете вбраньня.
Впьять-же ты не пизнаешъ.
Якъ упхне тебе въ середыну,
То ты будешъ плече черезъ плече перепускать,
Плече черезъ плече;
То я зъ пидъ правого плеча выпустю сокола,
Нихто не вглядыть
А ты вглядышъ.
Отеперъ нумъ лигать спать,
Та не забувай, що я тоби розсказала".
Всталы раненько.
Зготовыла вона страву,—
Поснидалы.
Бижять слугы:
„Ступай, Иваня; батюшка клыче".
Прыйшовъ Иваня.
Ззывае батюшка симдесятъ симъ дочерей
Ище й одну;
Бере ихъ у горныцю,
Дае имъ усимъ однакове лыце
И однакове гарне вбраньня на всихъ.
Веде въ манастырь,
Становыть у кругъ,
Утягае въ середыну Иваню.

Стае самъ збоку:
„Пизнавай, сынокъ, де твоя“.
Стоять уси,
Якъ одна маты народыла.
Иваня перепускае голову черезъ голову,
Голову черезъ голову,
Голову черезъ голову;
Прыйшовъ проты неи:
Взлетила муха середъ головы
И облетила кругъ головы трычи.
„Оце, батюшка, моя“.
— „Беры: веды іи въ домъ“.
Прыйшлы въ домъ,
Давъ имъ друге лыце
И друге вбраньня зелене.
Повивъ у манастырь,
Поставывъ у кружокъ:
„Пизнавай сыну: де твоя?
Угадаешъ,—твоя буде,
Не вгадаешъ,—
Тоби день, мени ничь,
Тоби голова зъ пличъ“.
Винъ перепускае нога черезъ ногу,
Нога черезъ ногу;
Прыйшовъ проты неи;
Выбигла мышка зъ черевыка,
Нихто й не вглядивъ, —тилькы винъ
„Оце, батюшка, моя“.
„Ну, беры,—веды въ домъ“.
Прыйшлы вси въ домъ.
Дае царь трете лыце
И червоне вбраньня на всихъ.
Увивъ у манастырь;
Поставывъ у кружокъ;
Ухнувъ ёго въ середыну,
„Угадай, де твоя?
Угадаешъ,—твоя,
Не вгадаешъ,
Тоби день,—мени ничъ,
Тоби голова зъ пличъ“.
Винъ якъ узявъ перепускать плече черезъ плече!

Обійшовъ кругомъ
Не пустыла сокола спидъ плеча.
„А де, сынку, твоя“?
— „Та постой“, каже;
„Ще не пизнавъ“.—
„Ну, пизнавай“.
Обійшовъ и другый разъ:
Перепуска плече черезъ плече;
Такъ уже перепуска!
Обыйшовъ до краю,—
Не пуснла сокола.
Ставъ—дума.
«А де, сынокъ, твоя»?
— «Не пизнавъ ще».—
«Пизнавай»!
Винъ перепуска плече черезъ плече, —
Трусытьця!
«Отъ пропавъ»!
Обыйшовъ одъ краю до краю,—
Не пускае сокола.
Стоить, побиливъ якъ стина.
«А що, сынокъ! Де твоя»?
— «Нехай идуть съ кружка до дому!
Я скажу на ходу де моя».
Пустылысь иты въ дверы.
Вона все огынае, все огынае!..
З-заду, да з-заду!
Доходыть до дверей;
Пустыла зъ пидъ правого плеча сокола.
Винъ доганяе,—хватае,
«Оце, тату, буде моя».
— «Ну, бéры, тай веды, якъ твоя».
Прыйшлы до дому
Розибравъ;
Тоди упизнавъ, що вона.
Заразъ прызвавъ священыка зъ другои слободы;
Перевинчавъ ихъ священыкъ у манастыри;
Отгулялы весилья.

Зоставля царь ихъ у себе на жытельство.
Жывуть воны соби недилю:
Жывуть и другу.
Вона ему й каже:
«Просыся у батька на Жовту косу
На куть моря:
Хай поставыть тоби хатку,
То мы будемъ тамъ мешкать.
И поминяйся ему неводомъ рыбу ловыть,
Жадного ранку на сниданьня носыть».
Любуётьця царь у сыну
И въ ёго крыныци
И въ цебру, и въ зводу;
Радуетьця въ ёго огради, и въ саду,
И въ манастыри, и въ дзвиныци
Просытьця сынъ на Жовту косу
На куть моря
Поставыть хатку,—тамъ мешкать,
Неводомъ рыбку ловыть
И царю на сниданьня доставлять.
Царь зъ радистю згодывся.
Якъ узявъ ту хатку ставыть,
То пъять мисяцивъ ставывъ!
«Шо якъ-бы тоби, сынокъ, оцю хатку становыть!?
Ты-бъ іи за 'дну ничъ поставывъ;
Ну якъ я—такъ пьять мисяцивъ ставлю»!
Выславъ ихъ туды мешкать;
Прыручывъ ёму два косякы коней глядить
И шобъ ловывъ неводомъ рыбку для жадного ранку.
Жывуть воны й стараютьця:
На жаденъ ранокъ завжде рыба е.
Що ранку слугы прыбигають
И Йваню звищають,
Шобъ нисъ батюсьци рыбкы на сьниданьня.
Ходе разъ Иваня по двору
Й гирько заплакавъ!
Жинка въ викно вглядила:
Вхватыла пидъ плече;

Ввела въ хату,
Зачала пытать:
«Прызнайся, другъ Иваню,
Чого ты такъ гирко заплакавъ»?
Ивась не прызнаетьця.
Вона ще дужче за ёго беретьця.
Винъ и прызнавсь:
Есть у мене отець и маты;
Та тилько далеко!
Видсиль не выдаты»!
— «Ты-бъ мени й давно такъ сказавъ!
То вже треба одъ злыхъ духивъ утикаты!
Прыжены, Иваню, коней,
Та зажены въ загинъ;
Та беры стару кобылыцю,
Та веды ихъ до конюшни,
Та дай имъ корму,
Та поготовъ на ихъ зброю, —
Будемо у вечери втикаты».
Прыготовыла харчи,
А винъ посидлавъ кобылыци.
Увъязалы харчъ въ торокы.
Клыкнула ёго въ хату:
„Плюй у табатырьку".
Наплювалы винъ и вона.
Поставылы табатырку на викно.
Замкнулы двери;
Силы й поихалы.
Йидуть цилу ничъ.
Уже й сонце сходе.
Прыбигають слугы —
Двери заперти.
Озываютьця пидъ викно:
„Ива-ня!
Несы батюсьци рыбкы на блюдце".
— „Заразъ-заразъ" [1])!

[1]) Отвѣтъ изъ табатырькы разсказчикъ выговаривалъ такимъ тоненькимъ и писклывымъ голосомъ, какъ въ кукольномъ театрѣ го-

Побиглы слугы.
Ждуть ждуть,—нема!
Крычыть царь:
«Якъ вы будылы?!
Винъ цилу ничъ бовтавсь у води,
То спыть дуже!
Чомъ вы ёго не збудылы»!?
Прыбигають слугы втрете:
«Ива-ня»!
— «Чо-го-о»?
«Несы батюсьци ры-бкы на блюдце»!
«Заразъ-заразъ»!
Ждуть-ждуть,—не ’дчыня.
Давай быть двери!
Увійшлы въ хату;
Шукають, нема!
Шукають на печи!..
Шукають по пидъ кроватью!
Шукають у комени!
Шукають скризь!—Нема!
Сталы середъ хаты:
„Ива-ня“!
А воно въ табатырци:
„Чо-го-о“?
„Несы батюсьци рыбкы на блюдьци“!
— «Заразъ-заразъ»!
Ажъ табатырка ходоромъ ходыть!
Вглядилы та табатырку схватылы,
Тай побиглы до царя.
„Нема Йвася, нема й жинкы, втеклы!
А озываетьця тилькы табатырка на викни“!
— „Летить же, —доганяйте ихъ“!
А Ивась зъ женою далеко вже булы!
Сонце спидъ обидъ,—

ворятъ вмѣсто куколъ посредствомъ пищика. Даже еще болѣе тоненькимъ и миніатюрнымъ голосомъ, если можно такъ выразиться, и притомъ выговаривалъ скоро.

Глядь!—летять!..
Перекынула вона кони полынемъ,
А сама пшеныцею,
А Йвася зробыла женцемъ.
И дала ёму серпъ у рукы:
„Ходы-жъ ты кругъ пшеныци;
Та не рижъ,
А все нибы прымиряесься жать“.
Добигають симдесятъ симъ:
„А здоровъ тоби, женче!
Чы ты не бачывъ:
Не ихалы чоловикъ та жинка“?
— „Ни“, каже, „бачывъ“.
Каже „тоди якъ оцю пшеныцю сіявъ“.
„Ге-ге! Куды намъ ихъ догнать!?
Колы сіявъ,
А теперъ уже треба жать“!
Вернулысь.
Полынь ставъ конемъ,
Пшеныця молодыцею,
А женець ставъ молодець—
Силы й поихалы.
Прыбигають слугы до царя
„Гонылысь-гонылысь,—не догналы!
Тилькы й найшлы женьця,—
Почынавъ жать пшеныцю.
Такъ мы ёго спыталы:
Чы не бачывъ, шобъ ихавъ чоловикъ та жинка парою киньмы?
Каже—бачывъ, поихалы.
Давно?
Винъ сказавъ:
Якъ пшеныцю сіявъ.
Куды-жъ намъ ихъ догнать
Якъ уже почына жать“?!
— „А-ай, дурни вы, слугы!
Було-бъ женьця звъязать,
А пшеныцю вырвать

Ото сами воны й булы!
Бижить же!
Якъ застанете,—ёго звъяжить.
А пшеныци вырвить".
Прыбиглы.
Женця теперъ и пшеныци не стало.
Летять у погонь ще.
А Ивась зъ жинкою далеко вже въихалы
Оглянутся,—бижать!
Зробылась вона крыныцею,
А кони вербамы:
Ёго зробыла ченцемъ
И дала ёму копаныцю,
Шобъ винъ вкругъ крыныци обкопувавъ.
Прыбигають слугы:
„Здоровъ тоби, ченче!
Шо ты робышъ"?
„Та хочу крыныцю пидчыныть;
Зрубъ погнывъ".
„Чы ты не бачывъ,—
Не ихалы чоловикъ та жинка"?
— „Ни", каже, „бачывъ"?
— „А давно-жъ ты ихъ бачывъ"?
— „Якъ цю крыныцю робывъ изнову,
То ихалы чоловикъ та жинка".
— „Э-э—ге-е!..
Годи намъ ихъ доганять!
Колы цю крыныцю робывъ,
А теперъ уже и зрубъ погнывъ"!
Вернулысь.
Прыихалы до царя.
„Не найшлы мы женьця,
Нема й пшеныци,
А гналыся въ погонь,
Та найшлы тилькы ченьця
Коло крыныци:
Мы ёго спыталы:
Чы не бачывъ, якъ ихавъ чоловикъ изъ жинкою?

И сказавъ – бачывъ.
А давно?
Тоди якъ крыныцю робывъ уновъ.
Такъ годи-жъ намъ ихъ доганяты"!
Царь сказавъ:
А-хъ, дуракы вы, слугы!
Годи вже васъ посылаты!
Треба самому политаты!
Було-бъ вамъ ченьця звьязаты,
Та 'дну зрубыну зорваты;
Та вербы по гылочци зломаты!
О-то саме воны й булы"!
Якъ зьнявсь!
Якъ полетивъ самъ!..
Ивась зъ жоною добираютьця вже до моря.
Оглянутьця,—летыть самъ!
Воны пошвыдче къ морю,
Пошвыдче къ морю!
Добиглы.
Сталы кони землею,
А вона вуткою,
А винъ селезнемъ
И поплывъ у море.
Царь роспалывсь!
Угнавсь!
Хотивъ ихъ на води похвататы;
Воны сталы у воду пирьнаты.
Якъ ухватыла вона его за ногы!
Винъ уже до того,
Шо ставъ потопаты!
Якъ вырвався на берегъ!
Зачавъ землю рубаты
И зачавъ ихъ кони пожыраты!
„А-ай щаслыви жъ вы,
Шо я въ другый разъ не полетивъ!
Я-бъ васъ не солячы поивъ"!
Переплывшы черезъ море,
Винъ ставъ молодцемъ,—

Вона молодыцею,
И пишлы по сухопутьтю.
Зійшлы на батькове царство.
Угляділы батькови дома пидъ самымъ золотомъ.
„Дывысь, жéно:
То мого батька дома.
Чы ты бачышъ“?
— „Бачу“.
„Слава Тоби Господы,
Шо мы вырвалысь зъ нечыстого царства.
Мижъ хрещеный мыръ“!
Идуть дальше.
Находять гурта
„Чыи гурта“?
„Ивана багача“.
Находять отары.
„Чыи отары“?
— „Ивана багача“.
Находять косаривъ.
„Чыи косари“?
— „Ивана багача“.
Находять женьцивъ.
„Чыи женьци“?
— „Ивана багача“.
„Оце, жинко, все мого отця“.
„Слава Тоби, Господы!
Ну шо-жъ, чоловиче.
Якъ прыйдемъ до твого батька,
То ты мене й забудешъ“.
— «Ни, не забуду».
— «Ни, забудешь».
— «Ни, не забуду».
«Ни, забудешъ».
— «Ни, не забуду».
Дійшлы до двора.
Коло двора на горби велыкый молочáкъ.
Посидалы въ молочаци.
«А нарядю я тебе салдатомъ,
Пидешъ ты до свого отця:
Чы тебе пизнають отакъ»?
Нарядыла ёго.

Винъ прыходыть у домъ.
«Здрастуйте, старычокъ поштенный»!
— «Здрастуй, служывый».—
«Дайте воды напытьця».
— «А встань лышъ, стара,
Та дай салдатови попоисты;
Винъ може исты хоче,
Та пыть просе».
Стара встала,
Найшла вареныччкивъ,
Найшла й сметанкы.
Посадыла ёго вкинци столу.
Сама лягла на полу.
Старый сыдыть, пыше вконци столу.
Салдатъ нагривсь;
Розстебнувсь и нахылывсь,—
Исть соби;
Пазуха розгорнулася.
Стара й вглядила звизду на грудяхъ;
Схопылася.
Ходе по хати;
Рукы ломе:
«Охъ!.. Охъ! О-о-хъ!
О-о-хъ! О-о-о-хъ!
Ста-рый!.
Ста-ры-й!
Ста-ры-ы-й!..
Иды лышъ у сины» [1])...
— «Та чого ты тамъ розстогналася»?
Выйшовъ у сины.
«Ста-рень-кый, ды-высь!...
Оце наша ды-тына прыйшла,
А ты й не ба-чышъ!
Ось иды, лышень, по-ды-вы-ся!
Я й звизду на грудяхъ вглядила»!
Старый пидходе до столу.
Якъ ухопытьця за голову!..
Якъ закрычять обое!..
Сынъ якъ прыскочыть до ихъ!..

[1]) Слова старои разсказчикъ выговаривалъ тихимъ и отчасти какъ-бы страдальческимъ голосомъ.

Обцилувавъ ихъ!..
Облобызувавъ!
И розбакавъ!
Розибралы ёго.
Найшлы на ёго вбраньня дороге,—
Перебралы.
Засыла багачъ лысты:
По панахъ,
По князяхъ,
По попахъ—
Прыихать на пыръ!
Прыйшовъ гость дорогый,
Сынъ явывся!
Зачалы тры дни пыть и гулять.
Зачалы Йвася сватать.
Найшлы ёму паночку,
Посваталы.
Зачалы свадьбу гулять.
Найшлы стару бабку,—
Такъ виспа морду й зрыла!—
Сами ямкы!
Та проты неи «штряпухы» не було—
Панськои стравы заготовыты.
Зачалы поратьця:
Та борошно сіе,
Та дижу мисыть!—
Вона тилькы порядокъ дае.
Досталось главній «штряпуси»
Побигты воды прынесты.
Повенъ двиръ!
Музыка грае!
Стала вона за дворомъ воду брать,
Гляне въ колодязь на тинь,—
Ажъ нема кращои й у сьвити людыны,
Якъ та тинь у колодязи!
То була тинь Ивасевои жинкы.
Вона сыдила въ молочаци, сыдила,—
Пишла подывытьця на весильля.
Дійшла до двору;
Ничого невыдко за стиною!
Такъ вона взяла,

Тай злизла на вербу,
Шо надъ колодяземъ росла,
Тай дывыться зъ тои вербы въ двиръ.
«Штряпуха» углядивши гарну тинь въ колодязи,
Подумала, що то іи.
Набрала воды въ видра;
Якъ прыбижыть передъ музыкы,
Якъ хряпне видра объ землю!
Якъ пиде танцюваты!
«Отъ, чорты ёго батька зна,
Яка я красавыця,—
Тилькы-бъ мене за молодого замижъ и браты»!
Повыбигалы паны—
Регочуть!
«Што ты, бабусю, робышъ?!
Образумся!
Иды въ свое дило!
Годи вже тоби дурить».
Насылу отакувалы бабу!
Пишла въ свое дило.
Молоди сыдять,
Княжіють за столомъ.
А Ивасева жинка звылá два голубы на верби,
Тай послала въ хату.
Улетилы въ хату голубы,
Тай литають поверхъ головъ;
То на шахви,
То на груби сядуть,
Та все буркотять:
«Казавъ не забуду,
Тай забувъ!
Казавъ не забуду
Тай забувъ [1])!
А Ивась сыдивъ-сыдивъ,
Тай задумавсь.
«Що це я роблю?!
У мене-жъ жинка не така, якъ це»!
Якъ здумавъ свою жену,—

---

[1]) Эти слова разсказчикъ выговаривалъ глухимъ и тихимъ голосомъ и нараспѣвъ, подобіе того, какъ голуби гудутъ.

(Прыйшлось по мысли),
Якъ скочывъ черезъ стилъ!
Та зъ хаты!
Выбигъ за двиръ!
Тамъ уже жинка ёго піймала
Та въ молочаци й отакувала.
Паны й князи зъ двора розбигаютьця!
Батько й маты тужять!
«Розбылось весильля
Й потерялы свое сокровыще»!
А Ивась зъ женою идуть,
За ручкы побравшысь;
Ввійшлы въ двиръ,
А зъ двора въ домъ:
«Здрастуйте, тато и мамо!
Ось де моя жена»!
Батько и маты зрадилы,
Панивъ завертають.
И вигъять початый пыръ продовжають.
Съ того часу сталы жыть пожывать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаилъ Петровичъ Старицкій.

(Памяти товарища).

Такъ недавно, 16-го апрѣля, провели мы до могилы дорогого товарища, Михаила Петровича Старицкаго. Зная о давней тяжкой болѣзни покойнаго, о тѣхъ ужасныхъ сердечныхъ припадкахъ, которыми онъ страдалъ и которые такъ усилились въ послѣднее время, можно было опасаться скораго рокового конца; но въ то же время можно было еще надѣяться, что сильный отъ природы организмъ снова,—какъ это много разъ бывало,—поборетъ жестокіе приступы болѣзни; наступившая, наконецъ, весна, дѣйствительно, какъ бы оживила силы М. П—ча,—но это оживленіе оказалось похожимъ на послѣднюю вспышку угасающей лампады... Послѣ нѣкотораго улучшенія, наступило такое ухудшеніе дѣятельности сердца, что никакія чрезвычайныя медицинскія мѣры уже не дѣйствовали, и 14-го апрѣля Михаилъ Петровичъ скончался, среди своей семьи, на рукахъ нѣжно любимой и нѣжно любящей дочери Людмилы.

Мы опустили дорогого товарища въ могилу, но образъ его остался живымъ передъ нашими мысленными очами. Живъ его образъ и живо все то, что онъ сдѣлалъ для Украины.

Конечно, если вообще вѣрно, что не надъ свѣжей могилой произносить судъ всѣхъ дѣлъ умершаго, то тѣмъ болѣе это можно сказать въ настоящемъ случаѣ. Дѣятельность М. П. Старицкаго

такъ обширна и многообразна, что лишь будущій изслѣдователь можетъ вполнѣ оцѣнить ее и разобраться въ ней.

Но все же и въ ближайшее время на страницахъ «К. Ст.» долженъ появиться хотя общій обзоръ жизни и труда такого крупнаго дѣятеля, какимъ былъ Михаилъ Петровичъ. Если эту задачу беру на себя именно я, то это объясняется тѣмъ, что мнѣ не только хочется сдѣлать общее опредѣленіе дѣятельности М. Петровича, но также сообщить тѣ біографическія свѣдѣнія о немъ, которыя могутъ быть мнѣ извѣстны за многіе годы (за цѣлый 40-лѣтній періодъ!) нашей близкой, *товарищеской* дружбы. Я не могу иначе выразиться, такъ какъ, помимо той симпатіи, которую возбуждала во всѣхъ, знавшихъ М. П—ча, свѣтлая личность его,—самая дружба моя съ М. П. возникла на почвѣ литературной и впродолженіе всего указаннаго времени была тѣсно скрѣплена именно товариществомъ, т. е. тѣснымъ общеніемъ нашихъ писательскихъ интерсовъ, которые одинаково занимали, волновали наши души и были неразрывно связаны съ нашимъ посильнымъ литературнымъ трудомъ. Сама жизнь складывалась такъ, что постоянно сближала насъ, если даже случалось, что обстоятельства бросали насъ въ разныя стороны. Поэтому мой очеркъ дѣятельности М. П. неизбѣжно будетъ переплетенъ моими личными воспоминаніями.

Судьбѣ угодно было, чтобы мнѣ стало извѣстно имя М. П., какъ своеобразнаго поэта, еще раньше моего знакомства съ нимъ. М. П. былъ товарищемъ моихъ братьевъ,—родного, М. П. Драгоманова, и двоюроднаго, Н. М. Шульженка,—по полтавской гимназіи. Не помню, кѣмъ именно изъ нихъ, были однажды привезены на каникулы, въ нашъ родной полтавскій Гадячъ, стихи, о которыхъ братья говорили, что они написаны ихъ товарищемъ, Старицкимъ. Привезенное стихотвореніе, читавшееся на память, было юмористическаго характера, касалось какой то гимназической злобы дня, благодаря чему, б. м., и пріобрѣло особую популярность. О товарищѣ Старицкомъ братья добавляли, что онъ и вообще «пишетъ стихи». Эти, какъ шутливыя, такъ и серьезныя,

пробы М. П—ча сочинялись на русскомъ языкѣ, что вполнѣ естественно, такъ какъ память и воображеніе тогдашнихъ гимназистовъ, въ томъ числѣ и полтавскихъ, были всецѣло заполнены русской поэзіей, въ образцахъ писателей Пушкинскаго періода.

Въ этой сферѣ и началось авторство М. П.; на эти струны откликнулись впервые его поэтическое вдохновеніе и способности поэта-стихотворца.

Повидимому, лишь поступивши въ харьковскій университетъ, въ особенности перебравшись въ Кіевъ, М. П. воспринялъ, какъ тогда говорили, «украинофильское» вліяніе, которое освѣтило извѣстной сознательной идеей съ дѣтства пріобрѣтенное въ полтавскихъ селахъ [1]) знаніе украинскаго языка, возбудило желаніе писать именно на этомъ языкѣ;—и этому желанію, этому страстному влеченію поэтическая муза Мих. Петровича осталась вѣрною уже навсегда, до когда его жизни.

Мое первое личное знакомство съ М. П. Старицкимъ произошло уже въ этотъ, совершенно опредѣлившійся періодъ его украинскаго авторства. Это было въ Кіевѣ, весною 1865 г.

Я была ученицей уже предпослѣдняго класса, кіевскаго «Образцоваго пансіона для благородныхъ дѣвицъ» [2]), и такъ какъ мой братъ, Мих. П. Драгомановъ, былъ уже тогда женатъ (и былъ даже у насъ учителемъ), то меня отпускали изъ моего полузакрытаго заведенія къ нему въ гости, по праздникамъ. Конечно, такіе отпуски къ брату и его женѣ, которая тоже очень меня любила, были для меня двойнымъ праздникомъ!

У брата и его жены бывало очень много знакомыхъ, товарищей брата и др. Однажды явился въ эту скромную, но радушную квартиру, на тогдашней Жандармской улицѣ [3]), и М. П.

[1]) М. П. Старицкій родился въ селѣ Клищинцяхъ, золотоношскаго уѣзда, а потомъ жилъ въ кременчугскомъ уѣздѣ.

[2]) Частное заведеніе, среднее между институтомъ и позднѣйшими гимназіями.

[3]) Теперешняя Маріинско-Благовѣщенская.

Старицкій. Мнѣ онъ показался «пріѣзжимъ»; во всякомъ случаѣ весною 1865-го года я видѣла его первый разъ. Его эффектная фигура сразу обращала на себя вниманіе, къ тому же онъ былъ въ очень красивомъ украинскомъ нарядѣ (роскошно вышитой сорочкѣ, жупанѣ и пр.).

Михаилъ Петровичъ принесъ моему брату показать свои украинскіе переводы. Читать ихъ перешли въ кабинетъ. Привлеченная необычайной декламаціей, я тоже проникла въ кабинетъ... По окончаніи чтенія, гость и хозяинъ что-то говорили; я слушала,—конечно, молча, сидя въ сторонкѣ.—А вамъ нравятся эти стихи?—спросилъ меня М. П. Старицкій.—Да, отвѣтила я,—они такіе необыкновенные.—Оба Михаилы Петровичи разсмѣялись. Между тѣмъ, стихи Лермонтова, Мицкевича, Байрона—*по украински*, въ *тогдашнее* время, могли показаться «необыкновенными» не только юной «пансіонеркѣ», но и представителю болѣе серьезной публики, болѣе знакомой съ литературой. Послѣ этого, когда М. П. Старицкій приносилъ свои пробы, онъ шутя приглашалъ и меня:—«хотите послушать „необыкновенные" стихи»?..

М. П. Старицкій бывалъ у Драгомановыхъ часто, такъ какъ онъ поселился въ Кіевѣ, съ женой, тоже скоро подружившейся съ семьей моего брата; Софія Вит. Старицкая оказалась моей товаркой, такъ какъ одно время она тоже была въ нашемъ «Образцовомъ пансіонѣ»—и осталась для меня «Соней Лисенко» [1]).

Въ 1866 году Старицкіе поселились уже въ одномъ домѣ съ моимъ братомъ, гдѣ остались и на другую зиму—1867-го и 68-го годовъ. Обѣ квартиры соединены были даже однимъ внутреннимъ ходомъ, такъ что сообщеніе между ними было постоянное,—иногда нельзя было даже разобрать, кто къ кому приходилъ, такъ какъ гости Старицкихъ переходили къ намъ, а наши переходили къ Старицкимъ. Во флигелѣ,—того же двора Войцеховскаго на Жандармской улицѣ,—жилъ также, въ зимній сезонъ 1866-го и 67-го года, Н. В. Лисенко. Такъ какъ у Драгомано-

[1]) Софія Витальевна вышла замужъ очень рано, 16-ти лѣтъ.

выхъ было фортепьяно, то компанія собиралась больше у нихъ. Этому фортепьяно было много работы!.. Много на немъ играли, много подъ его акомпаниментъ пѣли!.. По этому поводу у меня невольно встаетъ въ памяти одно забавное обстоятельство: подъ это фортепьяно, подъ его звуки пѣлась цѣлая шутливая «опера», текстъ которой касался тогдашней литературной, календарно-издательской злобы дня, а музыкальные мотивы были подобраны къ нему изъ итальянскихъ оперъ, очень популярныхъ тогда въ Кіевѣ, такъ какъ едва ли не впервые гостила тогда въ Кіевѣ цѣлый сезонъ итальянская оперная труппа. Я не знаю, кто именно былъ творцемъ этого юмористическаго текста (на русскомъ языкѣ), но въ Кіевѣ приписывали его обитателямъ дома Войцеховскаго: «опера» была очень остроумна и пріобрѣла очень большую популярность далеко за предѣлами Жандармской улицы: ее пѣли не только на Новомъ Строеніи, но и въ салонахъ Липокъ; по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени спустя, мнѣ пришлось слышать ее (уже на Волыни) отъ пріѣзжаго изъ Кіева свѣтскаго гостя, Вл. М. Юзефовича.

Фортепьяно Драгомановыхъ служило въ зиму 1866-го и 67-го года и для первой большой работы Н. В. Лисенка, когда онъ приходилъ изъ своего флигеля къ Драгомановымъ работать надъ переложеніемъ на ноты мотивовъ перваго своего сборника «Украинськыхъ писень». На столѣ въ гостинной Драгомановыхъ Лисенко писалъ, а на фортепьяно пробовалъ, дополнялъ свою работу. М. П. Старицкій тоже иногда присаживался къ фортепьяно. Онъ обладалъ хорошимъ слухомъ, тонкимъ пониманіемъ музыки, обладалъ также нѣкоторой «любительской» техникой и могъ подбирать акомпаниментъ къ нравившимся ему пѣснямъ и романсамъ. Изъ русскихъ романсовъ онъ особенно любилъ и часто пѣлъ у насъ «Не отходи отъ меня»: нѣжная, пѣвучая мелодія этого извѣстнаго (особенно тогда) романса навсегда осталась въ моей памяти неразрывно связанной съ образомъ Мих. Петровича.

Пѣніе, музыка не только не мѣшали, а какъ бы способствовали литературнымъ начинаніямъ дружескаго кружка, ютив-

шагося во дворѣ Войцеховскаго. Будущіе біографы будутъ разбираться, кто изъ друзей оказывалъ на другого больше вліянія... Трудъ едва ли исполнимый въ точности! Они взаимно одушевляли и дополняли одинъ другого. Можетъ быть, у М. П. Драгоманова было больше трезвой идейности, меньше украинско-лирической экспансивности; въ семьѣ М. П. С. былъ въ бо́льшемъ ходу народный языкъ, бо́льше соблюдался, такъ сказать, внѣшній украинскій декорумъ (не даромъ мнѣ помнятся до сихъ поръ жупаны М. П. Старицкаго и бѣлыя свиточки, кожушанки его жены); Н. В. Лисенко чаровалъ всѣхъ пѣснями. Но и М. П. Драгомановъ не хуже зналъ и не меньше любилъ родную, органически близкую ему украинскую рѣчь и пѣсню, заботясь о томъ, чтобы занятія ими принимали плодотворныя и по возможности научныя формы. Въ свою очередь на него, живо увлеченнаго общимъ теченіемъ русской жизни, общимъ направленіемъ передовой русской мысли, не могла не оказывать конкретнаго, заполоняющаго душу вліянія та, если можно такъ выразиться, стихійная сила и сфера «украинщины», съ которыми онъ постоянно соприкасался при указанномъ близкомъ общеніи съ семьей М. П. Старицкаго и Н. В--чемъ Лисенкомъ.

Да, можно съ увѣренностью сказать одно: этотъ періодъ, прожитый въ такомъ близкомъ общеніи тремя друзьями-полтавцами, оставившими такой большой слѣдъ въ культурной исторіи Украины, имѣлъ большое значеніе для нихъ и для ихъ дѣла.

М. П. Драгомановъ настоялъ, чтобы сборникъ «Украинськыхъ писень» былъ взятъ Н. В. Лисенкомъ, при отъѣздѣ его заграницу (въ Лейпцигскую консерваторію),—для непремѣннаго изданія его возможно лучше тамъ. Съ М. П. Старицкимъ обсуждались сообща планы новыхъ литературныхъ работъ.—Невольно приходитъ на память образъ еще одного близкаго къ М. П. Драгоманову лица, стихійно-украинскаго земляка изъ Гадяча, И. Я. Рудченка, жившаго тоже въ эти годы въ домѣ Войцеховскаго и приготовившаго подъ руководствомъ М. П. Драгоманова систематическіе сборники укр. сказокъ и чумацкихъ пѣсенъ.

Весною 1868-го года М. П. Старицкій былъ особенно занятъ дополнительными переводами сказокъ Андерсена—и по поводу ихъ втянулъ въ укр. писательство и меня. Я была тогда уже «на свободѣ», такъ какъ еще въ 66-мъ году окончила свое ученье; нѣкоторое время я прожила у матери, въ Гадячѣ, (въ нашемъ чудномъ Драгомановскомъ дворѣ!), теперь же, съ зимы 1867-го года, я снова жила въ Кіевѣ, въ семьѣ брата, пополняя свое образованіе разными мудрыми книжками, которыя тогдашняя «передовая» дѣвица должна была прочесть. О писательствѣ, признаться, я тогда совершенно не думала. Моей первой литературной работой (весною 1868-го г.) была случайная компиляція одной французской статьи, которую мнѣ указалъ въ Revue des deux Mondes братъ; онъ же и пристроилъ мой фельетонъ въ «Петерб. Вѣдом.». Несказанна была моя радость, когда я увидѣла свою работу въ печати и даже получила за нее отъ редакціи «П. В.» гонораръ! Мое торжество, конечно, сдѣлалось извѣстно обитателямъ другой половины дома. Но тутъ М. П. Старицкій, какъ я сказала, занятый тогда переводами сказокъ Андерсена для изданія цѣлаго сборника ихъ, «напалъ» на меня, чтобы я тоже попробовала переводить, хотя бы того же Андерсена, по-украински. Сколько я ни отговаривалась, что я не смогу хорошо сдѣлать этой работы (такъ необычной и трудной казалась она для меня!), М. П. Старицкій очень ободрялъ меня, увѣрялъ, что вѣдь укр. языкъ для меня родной, что я такъ хорошо говорю на немъ, и наконецъ, чтобы вѣрнѣе занять меня указываемой работой, купилъ и подарилъ мнѣ томикъ, въ красивомъ переплетѣ, сказокъ Андерсена на французскомъ языкѣ, увѣряя, что мнѣ гораздо легче будетъ переводить съ языка чужого, чѣмъ если бы я попробовала переводить съ русскаго. Двѣ сказки, наконецъ переведенныя мною изъ подаренной книжки, привели М. П. Старицкаго въ восхищеніе. Послѣ я убѣдилась, что если М. Петровичу нравилось чье-либо писанье, то всегда нравилось чрезвычайно!.. Это объясняется какъ увлекающейся натурой его, такъ въ добавокъ тѣмъ страстнымъ желаніемъ, которое онъ всегда имѣлъ, чтобы увеличился кругъ пишущихъ по-украински.

Увы! моимъ переводамъ съ Андерсена не суждено было увидѣть свѣтъ... Лѣтомъ 1868-го года, по выходѣ замужъ, я уѣхала на Волынь и хотя тамъ, ободренная похвалами М. П. Старицкаго, продолжала переводить изъ подаренной имъ книжки и перевела 10 сказокъ, но злая судьба жестоко пошутила надо мной: когда я въ первый же разъ на Рождество ѣхала «въ гости» изъ волынскаго Звягеля въ Кіевъ и везла свои переводы, чтобы показать ихъ М. П. Старицкому и брату,—я потеряла ихъ, выронивши изъ своихъ вещей въ дорогѣ, гдѣ-то на шоссе подъ Кіевомъ, подъ самыми «Тріумфальными воротами»!... (Желѣзной дороги вѣдь тогда еще не было и приходилось долгій путь ѣхать на лошадяхъ). За вторичный переводъ сказокъ Андерсена мнѣ уже какъ-то трудно было заставить себя взяться,—и, спустя нѣсколько лѣтъ, лишь хорошенькія илюстраціи въ красной съ золотомъ книжкѣ стали любимыми картинками моихъ дѣтей.

Михаилъ же Петровичъ Старицкій, хотя тоже уѣзжалъ изъ Кіева, купивши имѣніе въ Подоліи, но выбранныя имъ сказки Андерсена перевелъ и, послѣ того какъ нѣкоторыя изъ нихъ печатались въ галицкой «Правдѣ», издалъ ихъ въ Кіевѣ, съ картинками кіевскаго художника Мурашка.

Это было въ 1873 г., когда М. П. Старицкій былъ уже извѣстенъ въ литературномъ кругу—и стихотворными переводами. и драматическими пробами. Всё, что онъ успѣлъ напечатать, включая и сказки Андерсена, было замѣчено не только своими, но и врагами, которые тоже усмотрѣли въ М. П. Старицкомъ крупнаго работника, выступившаго на убогой тогда нивѣ украинской литературы, и не преминули направить въ него свои колючія критическія стрѣлы. Допускаю, впрочемъ, что критики враждебнаго лагеря,—безотносительно къ тому, что считали себя стоящими «на стражѣ», обязанными облаять всякаго вновь выступающаго украинскаго писателя,—были въ значительной долѣ искренни въ своихъ недоумѣніяхъ и порицаніяхъ того, что выходило изъ подъ пера М. П. Старицкаго. Его переводы, самая тенденція въ выборѣ ихъ, а также языкъ переводовъ, были слишкомъ смѣлы. какъ говорили критики—«дерзки». Въ самомъ дѣлѣ, братъ, *тогда*

для переводовъ по-украински—стихи Лермонтова, Байрона, художественныя сказки европейской знаменитости! Это ли не дерзость? Притомъ употреблять не простой языкъ, которымъ говорить «малороссъ-простолюдинъ», а употреблять какіе то неологизмы, «скованные» нарочито! Да вѣдь это не только смѣшная претензія, это просто преступленіе!—Такъ думали, совсѣмъ искренно, многіе,—и чужіе, и даже «свои»...

Да, при появленіи въ свѣтъ переведенныхъ М. П. Старицкимъ стихотвореній и сказокъ Андерсена, чужіе—ругались, насмѣхались, не щадя автора, свои—огорчались, тоже высказывая неодобреніе... Мнѣ живо помнится, какъ, вскорѣ послѣ выхода въ 1873 г. сказокъ Андерсена въ переводѣ М. П. Старицкаго, мнѣ пришлось, въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Кіевъ, слышать въ тѣсномъ кругу почитателей украинской литературы рѣзкое порицаніе перевода Старицкаго, именно за «кованныя» слова. Предположено было выразить М. П. Старицкому совершенно опредѣленное неодобреніе и заявленіе, что «такъ нельзя», что его литературныя новаторства *вредны* для нашей литературы, такъ какъ открываютъ ей ложный путь!

Между тѣмъ, путь, по которому пошелъ М. П. Старицкій въ своихъ сочиненіяхъ и переводахъ, былъ логически неизбѣженъ. Потребность въ расширеніи рамокъ нашей литературы назрѣла. Еще Кулишъ въ Запискахъ о Ю. Руси высказалъ болѣе широкое понятіе о національности, національномъ творчествѣ, выводя его изъ тѣсныхъ предѣловъ *простонародности* и называя поэтовъ-писателей продолжателями кобзарей и лирниковъ въ дѣлѣ народнаго самосознанія и творчества. Признакомъ *національной* литературы Кулишъ считалъ извѣстныя общія характерныя черты, духъ творчества, а не строго ограниченныя формы творчества и его выраженія. Соотвѣтственно такому взгляду, долженъ былъ отойти въ область пережитаго—тотъ періодъ, когда наши старые писатели, какъ Метлинскій, Забѣла и др., старались писать только въ народномъ стилѣ, какъ бы подделываясь подъ складъ народной пѣсни, начиная съ пѣсеннаго размѣра стиха и кончая отдѣльными «чисто народными» выраженіями и словами. Отдавши

значительную дань творчеству пѣсеннаго типа (включительно до сочиненія думъ,—какъ можно думать, лишь выданныхъ за народныя, кобзарскія), Кулишъ, чѣмъ дальше, все больше пробуетъ иные мотивы, такъ сказать—поэзіи интеллигентной, вводя также и неологизмы (которые мы встрѣчаемъ уже въ его переводѣ Іова).

Старицкій пошелъ по новому пути гораздо рѣшительнѣе—и, какъ слѣдуетъ думать, не потому, чтобы ему не давалось творчество въ народномъ духѣ: среди его болѣе давнихъ стихотворныхъ опытовъ находимъ, напр., слѣдующее прекрасное стихотвореніе, написанное размѣромъ и складомъ народной пѣсни:

Охъ, и де ты, зиронько,
Та вечирняя?
Охъ, и де ты, дивчыно,
Щыро-вирная?
Чы кому зорять теперъ
Ясни оченькы
У садочку нышному
Середъ ноченькы?
Чы кому всмихаются
Нышни вустонькы?
Чы гаптують рученькы
Били рученькы? и т. д.

Очевидно, что въ этомъ же родѣ Михаилъ Петровичъ могъ бы написать и многія другія стихотворенія («Увѣряю васъ, что этотъ родъ даже гораздо легче»,—не разъ говорилъ онъ); но Михаилъ Петровичъ умышленно желалъ брать другія темы и другія формы творчества, имѣя цѣлью способствовать выведенію украинской литературы на болѣе широкій путь. Отсюда прежде всего являлось намѣреніе дать украинской литературѣ, въ видѣ переводовъ, образцы избранныхъ произведеній лучшихъ европейскихъ поэтовъ. Соотвѣтственно такой тенденціи Михаила Петровича, долженъ былъ,—сравнительно съ приведеннымъ его стихотвореніемъ въ народномъ стилѣ,—получить новыя особенности и

языкъ послѣдующихъ его сочиненій, въ особенности переводовъ, дѣлаясь именно языкомъ *литературнымъ*. Это было,—какъ бываетъ во всѣхъ литературахъ,—явленіемъ совершенно логическимъ, законнымъ; но,—странное дѣло,—то, что являлось естественнымъ и законнымъ въ литературахъ иныхъ, казалось очень странной, неумѣстной, почти преступной ересью для *нашей* литературы! Совершено забывалось положеніе, что всякій народный языкъ не есть нѣчто неподвижное, окаменѣлое, что формы языка мѣняются, развиваются, что сообразно тому, какъ расширяется кругъ понятій, расширяется и кругъ ихъ выраженія словомъ; забывалось, что такимъ образомъ и создается языкъ литературный.

Затѣмъ, точно не хотѣли помнить наши критики, что нигдѣ литературный языкъ не являлся сразу готовымъ, какъ Паллада изъ головы Зевса, что вездѣ онъ *создавался* постепенно и что писателямъ, трудившимся въ другихъ литературахъ надъ *выработкой* литературнаго языка, ихъ дѣятельность вмѣнялась имъ не въ вину, а, напротивъ, въ заслугу. Забывалось также, что лишь время, продолжительность употребленія неологизмовъ литературныхъ, давая имъ право существованія въ литературѣ, заставляетъ читателей постепенно даже забыть то, что данныя выраженія и слова были въ свое время «скованы»; забывалось, что многія слова въ русскомъ литературномъ языкѣ, если внимательнѣе вслушаться въ нихъ, представляютъ собою не болѣе какъ переводы иностранныхъ выраженій съ помощью славянизмовъ, при чемъ всѣ эти «междометія», «возникновенія», «сверхъестественности» даже гораздо дальше отъ *народнаго* русскаго языка, чѣмъ предлагавшіеся неологизмы въ литературѣ украинской отъ народнаго языка украинскаго. Въ самомъ дѣлѣ, что ужъ такое ужасное, несообразное съ формами и корнями нашего народного языка представляли собою слова, вводившіяся М. П. Старицкимъ?! Это были въ сущности очень простыя, вовсе не громоздкія (по сравненію съ приведенными словами, къ которымъ у насъ привыкли еще съ Ломоносовскаго періода) производныя отъ вѣрныхъ словъ языка народнаго, напр. прилагательныя отъ

употребляемыхъ нашимъ народомъ существительныхъ, произведенныя совершенно по тому же типу, какъ производитъ ихъ народъ.

Я приведу одно стихотвореніе М. П. Старицкаго (оригинальное), въ своемъ родѣ «историческое», такъ какъ изъ-за него тоже шелъ споръ,—теперь малопонятный...

Вечеръ.

(Посвящ. О. П. Д—вій).

Уже за маева червони
На спочывъ сонце порына,
Темніе сыня пелена,
Туманомъ крые оболони
И вечиръ землю обнима;
За нимъ ось лыне ничъ сама
И сіе скрізь чудови зори
На неомирянимъ простори...
О пышно-дывна! Лынь хутчій,
Зъ своимъ дыханнямъ пестовлывымъ,
Зъ своимъ утомомъ чаривлывымъ
И тыху лагоду навій
Нужденнымъ душамъ сиротлывымъ,
Та серце стомлене у-край
Мовъ ненька та заколыхай!

Пожалуй, теперешній читатель и любитель украинской литературы будетъ даже недоумѣвать, что же такое особенно смѣлое по части языка, неологизмовъ представляетъ собою это стихотвореніе? Казалось бы, ничего особеннаго: есть въ нашемъ народномъ языкѣ «пестощи», «пестыты», «чары», «чаруваты», почему не быть словамъ «пестовлывый», «чаривлывый», съ флексіями, совершенно естественными и обычными въ украинской народной рѣчи.—Но такъ можетъ казаться теперь: а тогда (стихотвореніе принадлежитъ къ первому періоду писательства Михаила Петровича), оно казалось для многихъ просто еретическимъ. «Ковальство», «невозможное ковальство!»—говорили объ этомъ и подобныхъ ему стихотвореніяхъ чужіе и свои. Этого

осужденія было достаточно, чтобы стихотвореніе потеряло въ глазахъ критиковъ все свое достоинство проникнутаго поэзіей лирическаго произведенія, какимъ оно могло быть съ удовольствіемъ отмѣчено въ любой литературѣ. Но это могло быть въ другой литературѣ,—у насъ же тогда о подобныхъ стихотвореніяхъ говорили: намъ не нужна «литературщина»! Цѣнился только «щыро-народній» стиль, «щыро-народній» лексиконъ.

М. П. Старицкій очень огорчался насмѣшками, упреками чужихъ и своихъ, но твердо шелъ по своему пути,—дѣйствительно, новаторскому.

Кромѣ области стихотворной,—лирической и иной,—Михаила Петровича съ давнихъ поръ занимала мысль о нашей драматической литературѣ, о ея бѣдности, о необходимости ея пополненія. Дѣйствительно, весь нашъ драматическій репертуаръ исчерпывался тогда нѣсколькими пьесами, которыя можно было перечесть по пальцамъ. Если затѣвался любительскій украинскій спектакль, который иногда устраивала въ Кіевѣ молодежь,—что́ можно было поставить?.. Если не «Нат.-Полтавку», то «Назара Стодолю», «Гаркушу», «Чорноморській побытъ».... (Пьесы Квитки [1]) не были популярны въ Кіевѣ). Оставался еще «Москаль-Чаривныкъ» и нѣсколько другихъ одноактныхъ водевилей (изъ которыхъ предпочтительнѣе прочихъ былъ—«Кумъ-Мирошныкъ»...). Очень естественно поэтому, что М. П. Старицкій, большой любитель театра, желалъ приложить свой трудъ къ пополненію такого убогаго репертуара. Еще въ 60-ые годы составилъ онъ планъ драмы (называвшейся «Панське болото»), изъ жизни смѣшаннаго круга, народнаго и интеллигентнаго, на тему явившагося тогда народничества, имѣвшаго свои свѣтлыя, но и свои темныя стороны. Михаилъ Петровичъ говорилъ мнѣ, что основная фабула драмы (неудачно окончившагося романа панича-народника съ сельской дивчыной) взята была имъ изъ близкаго ему панскаго круга. Кромѣ того, также еще въ 60-тые годы, Михаилъ Петровичъ началъ писать либретто оперы «Гаркуша» (къ музыкѣ Н. В. Ли-

---

[1]) Шельменко-деньщикъ, Щыра любовъ.

сенка). Но опера была, повидимому, слишкомъ большимъ предпріятіемъ, особенно если приходилось имѣть въ виду для оперы украинской лишь любительскія силы. Для этихъ силъ, группировавшихся въ Кіевѣ вокругъ Н. В. Лисенка и М. П. Старицкаго, признана была, конечно, болѣе подходящей—оперета. Первой такой оперетой, съ обработкой текста М. П. Старицкимъ (на сюжетъ Кухаренка), съ музыкой Лисенка, явились «Чорноморци». Первыхъ постановокъ этой пьесы любителями—я не видала.

Затѣмъ, болѣе обширнымъ драмат. трудомъ М. П. Стар—го явился текстъ «музыкальной комедіи» «Риздвяна ничъ», съ музыкальными номерами Лисенка. «Риздвяна ничъ», какъ пьеса совсѣмъ новая, должна была обратить на себя большое вниманіе. Уже пробный спектакль (съ представленіемъ всего 2-хъ дѣйствій пьесы), а затѣмъ репетиціи въ частной квартирѣ друзей Лисенка и Старицкихъ, г-жъ Линдфорсъ, живо интересовали весь нашъ украинскій литературно-артистическій кругъ И музыканты, и не музыканты ходили посмотрѣть, послушать новую пьесу, высказывая свои соображенія. Самъ же М. П. Старицкій былъ просто поглощенъ репетиціями. Но самая постановка «Риздвяной ночи» на большой сценѣ въ оперномъ театрѣ подняла интересъ къ ней до чрезвычайной степени. Къ первому представленію «Риздвяной ночи» явилось много пріѣзжихъ приверженцевъ изъ «провинціи»; пріѣхали и мы съ мужемъ изъ Волыни.

Спектакль этотъ былъ какимъ-то національнымъ торжествомъ. Пріемъ пьесы публикой былъ восторженный—и пьеса того заслуживала. Кромѣ совершенно новыхъ музыкальныхъ номеровъ, чаровавшихъ насъ красотою мелодіи, кромѣ сценичности и разнообразія содержанія текста,—сценъ комическихъ, чередовавшихся съ серьезными, изъ которыхъ особенное впечатлѣніе производила сцена (цѣлое дѣйствіе) съ запорожцемъ Пацюкомъ, превращеннымъ Старицкимъ въ идейнаго патріота,—кромѣ всего этого, очень хорошо было и самое исполненіе этой «музыкальной комедіи» [1]). Мнѣ

---

[1]) Названіе это вполнѣ соотвѣтствовало, такъ какъ музыка входила въ пьесу лишь отдѣльными номерами; въ остальномъ это была бытовая піеса.

приходилось видѣть потомъ «Риздвяну ничъ» уже въ видѣ оперы, исполнявшейся оперной трупой (въ Харьковѣ, въ 80-хъ годахъ, и недавно—въ Кіевѣ), но я не видѣла въ оперномъ исполненіи и тѣни того, что дали намъ любители, исполнявшіе впервые «Риздвяну ничъ» въ кіевскомъ театрѣ, въ видѣ музыкальной комедіи. Исполнители наши были превосходны,—начиная съ очаровательной красавицы, какой должна была быть, по мысли Гоголя, Оксана и какою, дѣйствительно, была Ольга Александовна Лисенко, исполнявшая эту роль. Оксана плѣняла своимъ прелестнымъ голосомъ и прелестной—соотвѣтственно роли, то граціозно-кокетливой, то нѣжно-грустной манерой. *Такой* Оксаны я больше не видала!.. «Вакула», А. А. Русовъ, пѣлъ съ большимъ одушевленіемъ и рѣдкою характерностью; Солоха (Липская) и особенно дьякъ (Матвѣевъ) были безподобны въ своей типичности, безъ малѣйшей шаржировки. Даже второстепенныя лица, «найкращый парубокъ» Грыцько (Ор. Ив. Левицкій), дивчата,—какъ много внесли они той этнографической вѣрности тона, костюмовъ, того одушевленія, смысла, которые столько придали красоты пьесѣ-*комедіи* (и чего, увы, почти всегда не хватаетъ при исполненіи пьесъ оперными труппами!)..

Я не была на репетиціяхъ «Риздвяной ночи» и не знаю, насколько превосходное исполненіе любителями «Риздвяной ночи» было обязано ревностному режисёрству М. П. Старицкаго, но до сихъ поръ помнится мнѣ мастерская постановка этого спектакля. Вечеръ первой художественно прекрасной постановки «Риздвяной ночи», вмѣстѣ съ чарующимъ впечатлѣніемъ музыки пьесы, остается однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни, хотя я не принимала участія ни въ постановкѣ, ни въ исполненіи пьесы, была простою зрительницею. Я представляю себѣ, какой слѣдъ оставили въ душѣ исполнителей и близко стоявшихъ къ дѣлу первыя представленія «Ризд. ночи», заставлявшія залу опернаго театра, переполненную зрителями, гремѣть отъ рукоплесканій!

Да, рукоплесканія были восторженныя, такъ какъ пьеса была прекрасна, превосходно исполнена и будила наши лучшія упованія!..

Слѣдующей пьесой М. П. Старицкаго, тоже на тему изъ Гоголя, долженъ былъ явиться «Сорочынськый ярмарокъ»: но задумавши оперу, Михаилъ Петровичъ издалъ въ слѣдующемъ 75-мъ году лишь свой украинскій переводъ этой повѣсти. Вообще переводы вновь заняли его мысль: еще раньше издаетъ онъ «Байки Крылова», собравши свои давніе переводы и дополнивши новыми, до объема цѣлой книжки.

Между тѣмъ, приближалась турецко-славянская война, съ ея прологомъ, герцеговинскимъ возстаніемъ, возбудившимъ симпатію и посильную поддержку кіевскихъ украинцевъ. Отчасти подъ вліяніемъ этого движенія, М. П. Старицкій подготовилъ къ печати цѣлый сборникъ своихъ переводовъ «Сербськихъ народныхъ думъ и писень», предназначивъ чистую выручку «на корысть братывъ-славянъ», какъ это было потомъ обозначено на обложкѣ книжки при печатаніи.

Пробы перевода этихъ пѣсенъ были сдѣланы М. П—чемъ давно—еще въ 60-тыхъ годахъ: мнѣ кажется, эта работа была по началу отраженіемъ того своеобразнаго славянофильскаго вѣянія, которое обусловило существованіе извѣстнаго «славянскаго братства» въ Кіевѣ, съ такими участниками въ его организаціи, какъ Шевченко, Кулишъ и Костомаровъ; участіе ихъ въ кіевскомъ «славянскомъ братствѣ» было фатально для нихъ, но идея этого украинско-славянскаго единенія, отличавшагося отъ получившей право гражданства московско-славянофильской тенденціи, оставила свой слѣдъ.

Какъ бы тамъ ни было, еще въ 65-мъ г. были напечатаны въ галицкой «Правдѣ» первые украинскіе переводы Старицкаго сербскихъ думъ; за другими, указанными выше, работами, переводы сербскихъ думъ были потомъ Старицкимъ оставлены; событія же, оживившія вниманіе и симпатію къ «братамъ-славянамъ», снова возвращаютъ Михаила Петровича къ переводу сербскихъ думъ. Какъ-то, зимой 75—76-го года, М. П. Старицкій, всегда искавшій дружеской «порады», принесъ показать М. П. Д—ву уже цѣлую тетрадь своихъ переводовъ сербскихъ думъ, приготовленную для цензуры. Я тоже присутствовала при чтеніи,—

но уже не въ качествѣ молчаливой слушательницы, а, будучи уже пріятельски знакомой съ авторомъ, рѣшалась дѣлать свои замѣчанія относительно перевода. М. П. Старицкому мои замѣчанія показались стоющими вниманія и даже на столько, что онъ оставилъ мнѣ тетрадь переводовъ для болѣе внимательнаго просмотра самой, съ правомъ сдѣлать отмѣтки въ тетради. Случилось такъ, что мои отмѣтки,—впрочемъ не особенно многочисленныя,— были всѣ приняты М. П. Старицкимъ къ свѣдѣнію. Съ тѣхъ поръ,—безъ хвастовства могу это сказать,—онъ до странности довѣрчиво относился къ моимъ совѣтамъ: какъ онъ не разъ говорилъ, онъ былъ увѣренъ, что именно я могу съ надлежащимъ вниманіемъ отнестись къ его работѣ и дать надлежащій совѣтъ;— поэтому Михаилъ Петровичъ до конца жизни, если только представлялся къ тому случай, показывалъ мнѣ свои наброски, даже серьёзныя работы, и я рѣшительно не помню случая, когда бы онъ отказался сдѣлать ту поправку выраженія, стиха или даже какой нибудь частности плана, какую я ему дружески совѣтовала сдѣлать. Конечно, это легко объясняется нашимъ единомысліемъ въ основныхъ интересахъ, а также и тѣмъ, что относительно нашихъ литературныхъ задачъ, пріёмовъ и языка мы тоже были сходны во мнѣніяхъ.

Относительно украинскаго языка еще одно обстоятельство обусловило единеніе нашихъ взглядовъ, свѣдѣній и ихъ примѣненія въ литературной работѣ: наше, такъ сказать, органическое знакомство съ украинскимъ языкомъ, то, которое пріобрѣтается съ дѣтства, было основано на природномъ, одинаково намъ близкомъ нарѣчіи лѣвобережномъ, такъ какъ и Михаилъ Павловичъ, и я были родомъ изъ Полтавщины; но, по волѣ судьбы, мы близко сжились также и съ нарѣчіемъ правобережнымъ: М. П. Старицкій, живя въ Подольщинѣ (въ купленномъ имъ имѣніи, въ селѣ Корденивкѣ), а я—на Волыни. Мы обое были обрадованы, встрѣтивши, вопреки поверхностнымъ толкамъ, и на Правобережьи тотъ же прекрасный украинскій языкъ; нѣкоторыя мелкія діалектическія отличія, старыя формы, еще сохранившіяся на правомъ берегу Днѣпра (и не встрѣчаемыя уже въ рѣчи полтавскаго люда), даже правились

намъ. Отсюда происходило, что въ то время, какъ при чтеніи сочиненій Михаила Петровича нѣкоторые земляки-полтавцы находили странными, новыми для своего слуха, вводимыя имъ подольскія слова,—меня они не удивляли и я даже часто, въ замѣнъ полтавскаго, предлагала Михаилу Петровичу волынское выраженіе, если оно, напр., лучше укладывалось въ стихъ (или же просто потому, что оно мнѣ больше нравилось). Михаилъ Петровичъ охотно принималъ такіе «волынизмы», говоря: «да, да, чудесно! такъ говорять и у насъ въ Подольщинѣ!»

Таковы были основы нашего литературнаго единенія. Къ этому прибавлю,—впрочемъ, я сказала объ этомъ прежде всего,— у насъ были одинаковыя мнѣнія о задачахъ украинскаго литератора. Мы обое видѣли эту задачу въ расширеніи рамокъ нашей литературы по содержанію; мы обое были за тотъ принципъ относительно формы, который многіе презрительно называли «ковальствомъ» и который мы считали законнымъ, даже необходимымъ.

Лѣтомъ 1876 г. книжка «Сербськыхъ думъ» въ переводѣ Старицкаго вышла въ Кіевѣ, съ посвященіемъ М. П. Драгоманову, «моему щырому другови и товарышови», какъ напечаталъ авторъ-переводчикъ на заглавномъ листкѣ.

Мнѣ М. П. Старицкій прислалъ на Волынь экземпляръ «Сербськыхъ думъ» въ роскошномъ переплетѣ, съ такимъ автографомъ:

Нехай згадается въ симъ слови
Зъ-давенъ прыхыльный вамъ піитъ,
Не зрадывъ винъ святій любови
И порываннямъ давнихъ литъ.
Колысь байдужымы перстамы
Перегортаючы лысткы,
Вы спогадаете и самы
Свои колышніи гадкы,
Давно промучени хвылыны
Рожевыхъ образивъ и мрій....
Такъ часомъ писни гукъ едыный
Зрывае згадокъ цилый рій!...

«Сербськи думы» были, по моему мнѣнію, замѣчательнымъ пріобрѣтеніемъ украинской литературы. Въ виду того, что изданіе это давно сдѣлалось библіографической рѣдкостью, я приведу отрывокъ «Думъ», чтобы можно было хотя отчасти судить какъ самыхъ думахъ, такъ и о стилѣ ихъ перевода:

1. *Дивчына Косовка* (стр. 167).

Рано встала дивчына Косовка,
Раннимъ ранкомъ у святу недилю,
У недилю до схидъ сонця встала;
Засукала рукава биленьки,
Засукала ажъ до билыхъ локтивъ:
Билый хлибъ несе вона на плечахъ,
А въ рукахъ дви золоти коновкы:
У однiй—холодная водыця,
У другiй—выно червоне, добре.
Отъ, иде зъ тымъ на Косове ривне;
Боёвыщемъ молоденька бродыть,
Боёвыщемъ пречеснóго князя,
Розглядае по крови юнáкивъ;
Де надыба юнака жывого,
Умыва холодною водою,
Напува ёго выномъ червонымъ,
Нагодуе пóтимъ хлибомъ билымъ... и т. д.

Повидимому, языкъ перевода вполнѣ соотвѣтствуетъ эпическому народному складу думъ, но критики все же указывали «ковальство»: слова—«боёвыще», «потужный», «судци» (слово чисто народное. .).

Нѣсколько времени спустя послѣ изданія «Сербськыхъ думъ», М. П. Старицкій пріѣхалъ неожиданно къ намъ на Волынь, въ нашъ тихій городокъ Звягель. Пріѣздъ такого гостя былъ большою радостью для насъ, хозяевъ. Случилось, что мы тогда-же вмѣстѣ съ М. П. прочли въ «Отеч. Запискахъ» повѣсть какого-то новаго, впервые выступавшаго автора, Котелянскаго, подъ загла-

віемъ «Чиншевики». Повѣсть, сюжетъ которой былъ взятъ изъ народнаго быта юго-западнаго края[1]), была очень талантливо написана; Михаилу Петровичу и мнѣ она понравилась настолько, что мы рѣшили сейчасъ же перевести её по украински. Михаилъ Петровичъ взялъ половину главъ, другую половину взяла я. Въ нѣсколько дней,—во всякомъ случаѣ очень скоро,—переводъ былъ готовъ. Мы послали его во Львовъ, для напечатанія въ одномъ сборникѣ, который издавали Франко и Павликъ. Но увы! увидѣло свѣтъ только мое предисловіе о положеніи чиншевого вопроса въ юго-западномъ краѣ (да и это предисловіе принадлежало собственно не мнѣ, такъ какъ написано было со словъ моего мужа,—являясь лишь въ моей, такъ сказать, редакціи. Что же касается до перевода самой повѣсти, то его постигла очень печальная, даже можно сказать, трагическая участь: по словамъ г. Франка, переводъ былъ сожженъ (sic!) австрійской прокураторіей, воздвигшей гоненіе на нашихъ редакторовъ (за какое-то раньше выпущенное изданіе) и будто бы конфисковавшей всѣ рукописи, какія оказались въ редакціи, въ томъ числѣ и нашъ злополучный, подвернувшійся подъ руку переводъ Чиншевиковъ! Кто могъ этого ожидать, разъ повѣсть была въ подлинникѣ напечатана у насъ въ журналѣ? Непонятное явленіе!...

До сихъ поръ жаль мнѣ этого перевода, сдѣланнаго въ сотрудничествѣ съ М. П. Старицкимъ. Мнѣ кажется, что переводъ прибавилъ бы интересную вещь къ нашей беллетристикѣ. Да что было дѣлать?... «Щось погане перейшло дорогу» этой повѣсти....

Талантливый авторъ «Чиншевиковъ», Котелянскій, вскорѣ умеръ. Повѣсть его отдѣльно не издавалась; намъ тоже—браться вновь за переводъ «Чиншевиковъ» уже какъ-то не было охоты...

Время было унылое и вмѣстѣ неспокойное. Къ этому времени относятся нѣкоторыя оригинальныя стихотворенія Михаила Петровича, которыя частью были напечатаны въ Галиціи, частью исчезли куда-то. Помню сюжетъ одного изъ этихъ стихотвореній,

---

[1]) Котелянскій, родомъ еврей, былъ тоже оттуда и, повидимому, хорошо зналъ мѣстную жизнь.

изображавшаго горькое состояніе души несчастнаго борца, отдавшаго свою молодую жизнь, какъ онъ думалъ, для блага народа, и видящаго, какъ эта самая народная толпа, жадная до зрѣлищъ, бѣжитъ смотрѣть на позорище, на его гибель. Можетъ быть это стихотвореніе было напечатано,—я этого не знаю, читала его въ рукописи.

Въ 1881 году вышелъ въ Кіевѣ сборникъ стихотвореній Михаила Петровича Старицкаго («Зъ давнёго зшытку. Писни и думы»), гдѣ помѣщены были между прочимъ его переводы съ Байрона, Мицкевича, Сырокомли, Гейне. Въ томъ-же, 81-мъ, году вышелъ альманахъ Луна, изданный А. Я. Конисскимъ, гдѣ тоже били помѣщены стихотворенія Михаила Петровича Старицкаго и водевиль «Якъ ковбаса та чарка».

Большое огорченіе ждало М. П. Старицкаго при появленіи рецензій на эти изданія. Критики враждебнаго лагеря осыпали его упрёками въ «дерзости», а также злыми насмѣшками; критики «своего» лагеря говорили сдержаннѣе, но тоже высказывали очень горькія, непріятныя вещи. Вотъ что, между прочимъ, писалъ самъ Костомаровъ, въ Вѣстн. Европы, въ статьѣ «Задачи украинофильства» (рецензія на сборникъ Луна): «Лучше оставить всѣхъ Байроновъ, Мицкевичей etc. въ покоѣ и не прибѣгать къ насильственной ковкѣ словъ и выраженій, которыя народу непонятны, да и самыя произведенія, ради которыхъ они куются, простолюдину непонятны и пока не нужны». («Вѣстникъ Европы», 1882 г. I).

Если такъ говорилъ критикъ *своего* лагеря, любитель украинской литературы и, такъ сказать, товарищъ по перу, самъ нѣкогда писавшій по украински,—то можно себѣ представить, что́, и въ какомъ тонѣ, писали критики враждебные!..

Но увѣренія въ «ненужности пока» европейскихъ авторовъ для нашего народа не убѣждали Михаила Петровича: въ томъ же 1882-мъ году вышелъ въ Кіевѣ его переводъ—Гамлета Шекспировскаго. Это была дерзость выше мѣры, особенно въ виду предисловія переводчика, въ которомъ онъ говорилъ, что взялъ для перевода именно Гамлета—какъ для того, чтобы дать украинской

литературѣ одно изъ лучшихъ произведеній великаго драматурга, такъ и потому, что желалъ бы способствовать выработкѣ нашего литературнаго языка, которая скорѣе всего можетъ быть достигаема посредствомъ переводовъ лучшихъ образцовъ.

Къ своей задачѣ переводчика Михаилъ Петровичъ отнесся въ высшей степени добросовѣстно: онъ познакомился съ лучшими переводами Гамлета французскими и нѣмецкими; желая достигнуть возможной близости перевода къ подлиннику, онъ подробно проштудировалъ англійскій текстъ (съ помощью г-жи О. П. Цвѣтковской, родомъ англичанки) и провѣрилъ по оригиналу свой переводъ построчно. Переводъ вышелъ очень близкимъ и очень удачнымъ. Въ видѣ образца стиха и стиля этого перевода Михаила Петровича, приведу хотя небольшой отрывокъ, для того, чтобы современный читатель имѣлъ понятіе объ этомъ украинскомъ Гамлетѣ, также сдѣлавшемся давно уже библіографической рѣдкостью. Беру отрывокъ изъ перваго-же дѣйствія, изъ обращенія Гамлета къ тѣни отца:

Крыйте насъ, святи небесни сылы!
Хтобъ не бувъ ты—духъ благый, чи клятый,
Чи пахучи повивания зъ неба
Ты несешъ, чи бури чадни зъ пекла,
Чи зъ благымъ замиромъ, а чи зъ лютымъ,
Твоя постать такъ прывабно-дывна,
Що зъ тобою говорыты мушу.—
Тебе клычу: батьку мій, Гамлете,
И королю найяснишый данськый!
Озовыся до мене́, благаю!
О, не дай въ слипо́ти погыбаты! и т. д.

Казалось бы,—ничего достойнаго порицанія и смѣха нѣтъ въ этомъ стилѣ, въ этихъ словахъ, но критики находили поводъ и для порицанія, и для смѣха. Кто-то пустилъ въ ходъ выдумку, что знаменитый монологъ Гамлета [1]), который читается по рус-

---

[1]) „To be, or not to be“...

скому тексту «быть, или не быть, вотъ въ чемъ вопросъ»,—у Старицкаго переведенъ будто-бы такъ: «буты, чи не буты, ось въ чимъ закавыка». (Помнится, что и Д. Мордовець печатно повторилъ эту злую выдумку). Между тѣмъ, въ переводѣ Старицкаго этотъ монологъ начинается такъ:

Жыты, чи не жыты?
Ось въ чимъ ричъ. Бо що́ йе благороднишъ,—
Чи прыйматы и каминня й стрилы
Одъ лыхои-нависнои доли,
Чи повстаты на те море тугы
Й тымъ повстанням покинчыть все разомъ?
Вмерты—сномъ заснуты й бильшъ нычого... и. т. д.

Вообще, въ переводѣ Старицкаго не только не было «закавыкъ», а напротивъ очень тонко были переданы даже оттѣнки то рѣчей возвышенныхъ, то нѣжныхъ, то витіеватыхъ, сообразно подлиннику, оттѣнившему этими различіями слога характерность рѣчи различныхъ персонажей. При литературной невыработанности украинскаго языка, весь этотъ трудъ Старицкаго былъ трудомъ огромнымъ и заслуживалъ полнаго признанія. Вмѣсто того посыпались враждебныя издѣвательства, повторявшіяся, какъ забавныя остроты, и своими...

Михаила Петровича очень раздражало также отношеніе къ его труду, въ который онъ вложилъ такъ много своей души. Въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ онъ зачастую горько сѣтовалъ на долю украинскаго писателя вообще и на свою въ частности...

Въ то время я могла назвать себя товарищемъ его также и въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ это же время, въ началѣ 80-хъ годовъ, вышли мои «Переклады зъ Гоголя» [1]) и «Украинськимъ дитямъ», гдѣ были переводы Лермонтовскаго Мцыри и другихъ стихотво-

---

[1]) Гдѣ я изложила, въ предисловіи, всѣ свои „ковальскіе“ принципы и взгляды, которыми я хотѣла подѣлиться со всѣми, кто занимается переводами на украинскій языкъ.

реній. Критика приняла мои переводы совершенно такъ, какъ труды Старицкаго: говорила, что Гоголя мнѣ лучше «оставить въ покоѣ», указывала у меня «кованныя» слова,—а этого уже было достаточно для рѣзкаго осужденія! Такія слова какъ «зрадлывый», «турботный» и т. п. ставились мнѣ въ тяжкую вину, при чемъ критики, съ разгону и по невѣжеству, приписывали моей ковкѣ и слова *народныя*, которыя *для критиковъ* были новы (напр. «струмокъ», «змарнилый», «збагнуты»). Всё такъ-же, какъ было съ Старицкимъ!.. Даже такъ и установилось, что насъ бранили вмѣстѣ: если, печатно или устно, упрекали въ «ковальствѣ» Старицкаго, то почти всегда вспоминали и меня, если же бранили Пчилку, то ужъ непремѣнно приводилось имя наибольшаго «коваля», Старицкаго...

Не скажу, чтобы такое отношеніе критики—окрыляло... Было больно и горько!.. Не разъ являлась, въ минуту отчаянія, мысль:—да ужъ не бросить ли это украинское писательство?.. Богъ съ нимъ!.. Но минута отчаянія проходила и снова оживала вѣра въ дѣло украинской литературы, оживала неубиваемая любовь къ ней...

Да, одинаковость направленія и одинаковость нашей злой участи (по отношенію къ намъ критики) еще больше скрѣпляла нашу дружбу съ Михаиломъ Петровичемъ; мы были настоящими товарищами!..

Зимою 81 и 82-го года мы снова встрѣтились въ Кіевѣ, какъ осѣдлые въ немъ жители: Старицкіе переѣхали на зиму изъ Подольщины въ Кіевъ—по своимъ соображеніямъ, я изъ Волыни для обученія старшихъ дѣтей. Мы видались часто, тѣмъ болѣе, что къ этому времени относятся наши интенсивныя занятія *русско*-украинскимъ словаремъ, затѣяннымъ особо отъ «большого» словаря, *украинско*-русскаго, надъ которымъ много лицъ (урывками и мы) трудилось въ продолженіе, пожалуй, нѣсколькихъ десятилѣтій. Словарь же русско-малорусскій, какъ подручникъ собственно для переводчиковъ, рѣшено было сдѣлать скоро и не мудрствуя лукаво, при томъ безъ зависимости изданія отъ какихъ бы то ни было академій. Мысль эта, возникшая вообще въ

нашемъ тѣсномъ кружкѣ, очень занимала Михаила Петровича Старицкаго и меня, но особенно энергично взялся за ея осуществленіе М. Ф. Комаровъ, который и вооружилъ себя и насъ всевозможными словарями, источниками и вообще всѣмъ матеріаломъ, при помощи котораго долженъ былъ возникнуть русско-украинскій словарь. Кромѣ насъ, главныхъ участниковъ— Комарова съ женой, Старицкаго и меня,—въ составленіи словаря принимали участіе еще нѣкоторыя лица (Лукьяновъ, Сукачевъ,— не считая случайныхъ участниковъ, ихъ единичныхъ приходовъ). Собирались «словарювать» (какъ мы шутя говорили) то у Комаровыхъ, то у Старицкихъ, то у меня. Славныя это были собранія! Хотя у насъ бывали и ожесточенные споры, точно въ иной академической коммиссіи,—но въ общемъ отрадно вспомнить наши занятія, которымъ мы отдавались, можно сказать, всѣмъ сердцемъ. Намъ казалось, что словарь нашъ будетъ служить такую важную службу! (Впослѣдствіи М. Ф. Комаровъ издалъ его приложивши еще много своего единичнаго труда).

Въ то-же время М. П. Старицкій объявилъ объ изданіи имъ большого альманаха «Рада». Опять какъ-то такъ само собою вышло, что я стала помощницей Михаила Петровича въ этомъ дѣлѣ; раньше, лѣтомъ 81 г, мы вдвоемъ подавали прошеніе о разрѣшеніи намъ издавать въ Кіевѣ *журналъ* «Раду», но получили отвѣтъ, что ходатайство наше не подлежитъ удовлетворенію. На выходъ же *альманаха* были надежды. Получались рукописи, масса стихотвореній и мелкихъ вещицъ, которыя надо было разобрать и т. д. Михаилъ Петровичъ и я совершенно сходились во мнѣніи, что даже не особенно удачныя вещицы начинающихъ авторовъ слѣдуетъ помѣстить, съ нѣкоторыми нѣизбѣжными поправками. Конечно, были вещи совершенно безнадёжныя (въ родѣ одного стихотворенія неизвѣстнаго автора: «Охъ, зацвило мое серце сынимъ пустоцвитомъ!»); но въ иныхъ вещицахъ, пожалуй, не особенно искусныхъ, какъ первыя пробы, все же была «жыва душа», и потому исключать ихъ было жаль. Поэтому Михаилъ Петровичъ, давая имъ нѣкоторую редакторскую поправку, помѣщалъ ихъ въ сборникъ. «Рада» разрослась до огромныхъ раз-

мѣровъ. Изъ стихотвореній писателей извѣстныхъ вошли въ неё сочиненія Щоголева, Кулиша, Гринченка; капитальными прозаическими номерами Рады были «Мыкола Джеря» Нечуя, «Повія» Мирного и драма Старицкаго «Не судылось» [1]).

Драма «Не судылось» была той самой пьесой, которая прежде называлась «Панське болото» и которой планъ и отдѣльныя сцены были написаны Михаиломъ Петровичемъ давно. Теперь онъ непремѣнно хотѣлъ совсѣмъ отдѣлать драму, такъ какъ, по его мнѣнію, въ сборникѣ должна была быть, кромѣ стиховъ и повѣстей, большая драматическая пьеса. Осенью 81-го года она была готова. Прежде чѣмъ «выпустить изъ рукъ» этотъ многолѣтъ лелѣянный трудъ, Михаилъ Петровичъ читалъ её отдѣльно разнымъ лицамъ, которыхъ мнѣніямъ онъ вѣрилъ (Конисскому, Комарову, мнѣ). Пьеса всѣмъ намъ очень правилась.

Въ это время пріѣхала въ Кіевъ русско-украинская труппа, подъ дирекціей Ашкаренка, съ Кропивницкимъ—на первыхъ роляхъ (тогда онъ могъ играть и удальця Гаркушу, и Стецька, вообще самыя разнообразныя роли). Помнится, А. Я. Конисскій, знавшій Кропивницкаго еще раньше, когда онъ изъ посредственнаго русскаго актера сдѣлался выдающимся артистомъ украинскимъ, очень хлопоталъ, чтобы «свои» поддержали пріѣхавшую труппу Ашкаренка. Но эти хлопоты оказались даже излишни, такъ какъ талантъ Кропивницкаго былъ сразу замѣченъ, да и вся вообще украинская труппа скоро привлекла къ себѣ симпатіи публики. Спектакли посѣщались очень усердно. Михаилъ Петровичъ Старицкій восхищался игрой Кропивницкаго, ходилъ за кулисы, вообще свелъ съ нимъ, а затѣмъ и съ другими артистами, близкое знакомство. Старицкіе, жившіе вообще очень открыто, оказывали новымъ пріятелямъ-артистамъ самое широкое и самое радушное гостепріимство.

Видаясь постоянно съ артистами, Михаилъ Петровичъ, конечно, сообщилъ имъ о своей драмѣ, даже устроилъ, такъ сказать,

---

[1]) Для сцены эта драма впослѣдствіи была разрѣшена подъ заглавіемъ—„Не такъ склалось, якъ жадалось“.

парадное чтеніе своей драмы, въ своей квартирѣ, при многихъ гостяхъ, совѣтовался даже съ артистами относительно постановки ея въ будущемъ на сценѣ.

На лѣто 82-го года артисты уѣхали. Наша Рада печаталась, но довольно медленно. Михаилъ Петровичъ очень раздражался, что къ осени 82-го года была готова лишь половина листовъ сборника,—въ томъ числѣ и его драма,—остальное же было еще въ печати, такъ какъ матерьяла, разрѣшеннаго цензурой, было очень много и управиться съ нимъ было трудно.

Между тѣмъ, съ наступленіемъ осенняго театральнаго сезона того-же 1882 года наши артисты опять пріѣхали въ Кіевъ, причемъ были встрѣчены такъ-же дружествено своими пріятелями. Какъ вдругъ распространяется слухъ, что Кропивницкій привёзъ пьесу подъ названіемъ «Доки сонце зійде, роса очи выисть», что онъ читалъ её нѣкоторымъ, и что пьеса имѣетъ такой же сюжетъ, какъ помѣщаемая въ Радѣ драма Старицкаго «Не судылось». М. П. Старицкій, прослушавши драму Кропивницкаго, тоже въ «прилюдномъ» чтеніи, убѣдился въ этомъ и былъ очень огорченъ... Узнавши, что Кропивницкій желаетъ даже скоро поставить свою пьесу на сценѣ, Михаилъ Петровичъ горько шутилъ:—Да, Кроп. можетъ при этомъ назвать свою пьесу—«Докы Старыцькый надрукуе, Кропывныцькый поставыть на сцени»... Это дѣйствительно такъ и вышло: пьеса Кроп. появилась *на сценѣ* раньше выхода «Рады» изъ типографіи [1]).

Но незлобивость Михаила Петровича взяла верхъ и скоро онъ уже говорилъ: Ну, что-жъ! пусть К. ставитъ... пусть будетъ и его пьеса на тотъ же сюжетъ!.. Чорная кошка, пробѣжавшая (по поводу драмы) между Старицкимъ и Кропивницкимъ, не испортила, въ виду такого взгляда, отношеній обоихъ писателей; дружба ихъ продолжалась и въ этомъ сезонѣ (зимою 82 и 83-го года). Кропивницкій и Садовскій жили тогда въ томъ же дворѣ,

---

[1]) Рада съ драмою „Не судылось“ вышла изъ типографіи въ свѣтъ весною 83 года, а драма Кроп. „Докы сонце“ была поставлена мѣсяцемъ или двумя раньше.

гдѣ квартировали Старицкіе, и были ихъ ежедневными гостями. Всѣ трое (Михаилъ Петровичъ и артисты) были уже на «ты», взаимно называли себя побратымами,—однимъ словомъ, дружба была самая тѣсная.

Результатомъ этого единенія, идейнаго и личнаго, было то, что Михаилъ Петровичъ согласился стать антрепренёромъ той же украинской труппы. Для этого онъ, по окончаніи зимняго сезона, ликвидировалъ свои дѣла, продавши имѣніе въ Подольщинѣ, и на осень 83-го года нанялъ въ Одессѣ театръ, гдѣ долженъ былъ играть Кропивницкій и др. Кончилось владычество «хозяевъ», антрепренёровъ Ашкаренка, Савина,—теперь должна была быть «братерська спилка».

Но М. П. Старицкаго ждало печальное разочарованіе и не менѣе печальное положеніе: завоевавшій положеніе, пріобрѣвшій извѣстность на югѣ артистъ Кропивницкій покинулъ Старицкаго; ушли также Садовскій и Заньковецкая. Всѣ они составили отдѣльную труппу подъ руководствомъ Кропивницкаго...

Старицкій остался въ дорогомъ одесскомъ театрѣ, съ остальными артистами, но безъ первыхъ силъ!.. Но возврата назадъ уже не было, иначе пришлось бы нести еще бóльшіе убытки, платить неустойки—и за театръ и остальнымъ артистамъ. Съ большимъ трудомъ замѣщены были амплуа оставившихъ—и потянулась для М. П. Старицкаго обычная, тягостная жизнь непрактичныхъ антрепренёровъ. Масса потерь, непріятностей, хлопотъ! Къ этому надо прибавить—безпрерывные переѣзды, неизбѣжную неправильность жизни, всякія случайности; не замедлили явиться для Михаила Петровича и болѣзни,—то воспаленіе легкихъ въ Варшавѣ, то ревматизмъ въ Харьковѣ, особенно опасный для Михаила Петровича, какъ рецидивъ старой болѣзни, навсегда отразившейся у него хроническимъ страданіемъ сердца.

При всѣхъ невзгодахъ и хлопотахъ, «антрепренёру» надо было усиленно заботиться также о репертуарѣ. Пьесъ украинскихъ было всё таки мало; прибавились пьесы Кропивницкаго, но, разумѣется, онъ ставилъ ихъ «у себя». Значитъ, надо было всѣми силами находить другія пьесы. А разрѣшеніе пьесы дра-

матическою цензурою—была такая трудная и, во всякомъ случаѣ, неизбѣжно медлительная вещь!... Этимъ объясняется усиленное разыскиваніе Михаиломъ Петровичемъ пьесъ, существовавшихъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Поставлены были на сценѣ нѣкоторыя очень старыя пьесы, можетъ быть еще никогда не видавшія сцены; онѣ были слабыя, но все же шли теперь, хотя разъ-другой... Разнообразіе всё-же занимало публику нѣкоторое время. Не всегда и болѣе новыя пьесы были пригодны для постановки на сценѣ, хотя и были разрѣшены драматической цензурой: онѣ бывали иногда очень не отдѣланы, или казались Михаилу Петровичу несценичными. Что было дѣлать съ ними?

Къ этому-то періоду и относятся многочисленныя передѣлки Михаила Петровича пьесъ, до тѣхъ поръ не игранныхъ. Работа эта требовала отъ него въ сущности такого-же труда, какой нуженъ, чтобъ написать оригинальную пьесу: хотя по афишамъ значилось, что пьеса написана Старицкимъ—въ сотрудничествѣ съ другимъ авторомъ, но на самомъ дѣлѣ Михаилъ Петровичъ работалъ надъ пьесой одинъ, и когда подавалъ рукопись въ цензуру, то отъ прежней композиціи оставалось очень немного,—лишь имя прежняго автора, да общій мотивъ (и тотъ иногда сильно измѣненный). Однако Михаилъ Петровичъ оставлялъ на афишѣ также имя автора прежняго. Въ такомъ видѣ давались «За двома зайцями»—ком. Старицкаго и Левицкаго, «Круты та не перекручуй»—Стар. и Мирного, «За друга»—Стар. и Потапенка.

Работа передѣлокъ уже извѣстныхъ сюжетовъ была неблагодарною: написавши пьесу на общій мотивъ, напр. на извѣстный пѣсенный мотивъ «Ой не ходы Грыцю» (на который была написана также пьеса Александровымъ), или взявши сюжетъ изъ повѣсти, послужившей автору ея также для драмат. пьесы (Ничъ пидъ Ив. Купала), Михаилъ Петровичъ навлекалъ на себя непріятности: хотя въ пьесахъ его, написанныхъ на общій сюжетъ, не было ни одной сцены похожей на сцены другихъ авторовъ, писавшихъ на тотъ-же сюжетъ, но авторы иногда были не довольны за общность сюжета, или хотя бы мотива,—и за то,

что пьесы Старицкаго шли на сценѣ, а ихъ пьесы не шли... Возникали непріятныя пререканія.

Есть одна пьеса, сильно подправленная М. П. Старицкимъ, но дававшаяся все-таки подъ именемъ написавшаго её автора, у котораго Михаилъ Петровичъ и не думалъ отнимать его имени, а только, желая бо́льшаго успѣха автору и пьесѣ, сдѣлалъ пьесу, по своему мнѣнію, болѣе сценичною. Авторъ же, имѣя о своей пьесѣ другое мнѣніе, вообще будучи не доволенъ измѣненіемъ ея, настаивалъ, чтобы пьесу давали въ его редакціи,—или не ставили его имени на афишѣ. Пьесу [1]) сняли тогда съ репертуара совсѣмъ... и она для сцены умерла. Трудъ первоначальный автора и трудъ Михаила Петровича оказался напраснымъ.

Но и помимо всякаго рода непріятностей, неизбѣжно связанныхъ съ литературной работой на общія темы, можно вообще пожалѣть, что судьба столкнула М. П. Старицкого съ чисто литературной карьеры (имѣвшей свои непріятности, но всё же дававшей возможность болѣе спокойной, зрѣлой работы) на дорогу «антрепренёрства»,—съ его лихорадочной, «скрутной» атмосферой, съ его спѣшкой и необходимостью для антрепренёра-автора ставить на первомъ планѣ интересы сцены, при томъ *своей* сцены, т. е. своихъ главныхъ артистовъ, приноравливаясь къ ихъ средствамъ и желаніямъ...

Всё это, по моему мнѣнію, отразилось на авторской дѣятельности Михаила Петровича за этотъ періодъ его антрепренёрства: въ пьесахъ этого времени замѣчается спѣшность, неотдѣланность работы, случайность темъ, пестрота сценъ, въ угоду «зрителю» и проч....

Мнѣ кажется, что пьесы Михаила Петровича этого періода вообще значительно уступаютъ написаннымъ раньше и позже его антрепренёрства.

Кочевая жизнь оторвала Старицкихъ отъ Кіева. Съ Михаиломъ Петровичемъ мы видались рѣдко, и о многихъ его пьесахъ приходилось узнавать лишь изъ газетъ. Если же онъ и бы-

---

[1]) Также разрѣшенную къ представленію и въ передѣлкѣ.

валъ въ Кіевѣ, то лишь проѣздомъ, или вообще на очень короткое время, всегда озабоченный, «засмыканный», куда-то спѣшащій, одолѣваемый телеграммами, письмами, приходившими и сюда изъ безпокойной сферы...

Въ 1893-мъ году Михаилъ Петровичъ наконецъ ушелъ отъ антрепризы и поселился снова въ Кіевѣ. Вернулся онъ разстроенный душой и тѣломъ [1]), но жизнь среди семейной обстановки, вообще при лучшихъ условіяхъ жизни въ Кіевѣ, который Михаилъ Петровичъ всегда такъ любилъ (казалось, онъ любилъ самый воздухъ кіевскій!), скоро подѣйствовала на него благопріятно. Онъ отдохнулъ отъ прежней сутолоки, вернулся къ болѣе спокойной литературной работѣ, къ темамъ, которыя ему нравились сами по себѣ. Теперь онъ занялся своими драмат. сочиненіями, безотносительно къ скорѣйшей постановкѣ ихъ на сценѣ и къ другимъ обстоятельствамъ, связаннымъ съ этимъ.

Но такъ какъ судьба, хотя и бывающая милостивой къ инымъ антрепренёрамъ, кромѣ убытковъ ничего не дала Михаилу Петровичу, то приходилось всё-же думать о заработкѣ; литературнымъ трудомъ, который бы могъ дать такой заработокъ, явились романы и повѣсти Михаила Петровича на русскомъ языкѣ, которые онъ помѣщалъ большею частью въ московской, а иногда кіевской газетѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что хотя этимъ своимъ сочиненіямъ, даже романамъ, Михаилъ Петровичъ придавалъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ своимъ сочиненіямъ украинскимъ, но относился къ нимъ всё же очень внимательно, всегда тщательно составляя для нихъ планъ, знакомясь съ источниками, относящимися къ тому времени и къ тѣмъ историческимъ лицамъ, которыя онъ бралъ для своего романа. Содержаніе для всѣхъ своихъ романовъ онъ бралъ изъ исторіи Украины. Да, это была всегда—наша прошлая жизнь: времена козаччины, гайдамаччины; дѣйствующими лицами были всё тѣ же герои «козацькыхъ часивъ», козацкой среды... Иногда Михаилъ Петровичъ какъ будто не хо-

---

[1]) Онъ пріѣхалъ (съ дочерью Людмилой) изъ Одессы—совершенно больной.

тѣлъ помнить, что пишетъ для русской газеты—и главы романа его пестрѣли множествомъ украинскихъ словъ...

Романы изъ исторіи Украины Михаилъ Петровичъ писалъ въ сотрудничествѣ своей дочери, Людмилы. Михаилъ Петровичъ чрезвычайно любилъ её и цѣнилъ ея способности; въ области творчества у нихъ было большое общеніе. Отъ отца Людмила Михайловна унаслѣдовала поэтическій даръ. Михаилъ Петровичъ былъ этимъ очень счастливъ; помню, съ какимъ наслажденіемъ декламировалъ онъ ея первый большой трудъ,—сразу сдѣлавшій ея имя извѣстнымъ среди молодыхъ нашихъ писателей,—драматическій этюдъ «Сафо».

Да, въ 1890-ые годы вообще опредѣлились наши литературные потомки: въ Кіевѣ подобрался цѣлый кружокъ молодыхъ писателей украинскихъ; кромѣ Людмилы Старицкой, въ немъ были—Михайло Обачный, Самійленко, Славинскій, Стешенко, Тимченко, Леся Украинка и другіе. Устраивались маленькія литературныя собранія, на которыхъ молодые авторы читали свои произведенія,—переводы и оригинальные опыты. М. П. Старицкій, А. Я. Конисскій, я и нѣкоторые другіе представители стараго поколѣнія бывали также на этихъ чтеніяхъ. Нужно сказать правду, что мы къ нимъ и они къ намъ относились съ одинаковымъ уваженіемъ. Они насъ приглашали и мы съ радостью шли къ нимъ. Несмотря на то, что они,—какъ это было вполнѣ естественно,—могли пойти дальше насъ, могли быть и талантливѣе стариковъ, мы не смотрѣли на нихъ, какъ на «соперниковъ», которые, моль, насъ «пидвéрнуть пидъ корыто», а отъ души радовались ихъ успѣхамъ и желали всячески поддержать ихъ.

М. П. Старицкій просто увлекался сочиненіями молодыхъ авторовъ. Вообще слѣдуетъ отмѣтить,—если ужъ зашла рѣчь о возможности «соперничества»,—что это чувство, вражда къ могущему превзойти тебя товарищу, эта, какъ французы называютъ, jalousie de métier (къ сожалѣнію, свойственная многимъ самымъ лучшимъ людямъ, дѣятелямъ всѣхъ сферъ),—это чувство было совершенно чуждо М. П. Старицкому. Я никогда не видѣла, чтобы кто-нибудь такъ сердечно относился именно къ лю-

дямъ одного съ нимъ дѣла, какъ Михаилъ Петровичъ! Каждому,—старому, или начинающему писателю нашему,—онъ радовался, готовъ былъ всячески придти на помощь его начинаніямъ, удѣляя ему свое время, совѣтъ,—все, что могъ.

Поэтому, легко представить себѣ, что и къ появившемуся кружку нашихъ молодыхъ писателей Михаилъ Петровичъ отнёсся съ большимъ вниманіемъ и любовью. Онъ восторгался ихъ стихами, пропагандировалъ ихъ, читая другимъ, какъ бы хвалясь ими, у себя и на вечеринкахъ; однимъ словомъ, былъ по отношенію къ начинающимъ писателямъ-преемникамъ искреннимъ другомъ.

При этомъ Михаилъ Петровичъ справедливо говорилъ (безъ горечи, напротивъ, съ отраднымъ чувствомъ):—Отжежъ такы, дожылы мы, що есть у насъ наслидныкы,—справа наша не пропала!—Пожалуй, Михаилъ Петровичъ могъ не только радоваться, но даже въ извѣстномъ смыслѣ торжествовать, указывая на сочиненія «дѣтей»: тѣ принципы, которые онъ проводилъ въ литературѣ, за которые столько терній и «ганьбы» упало на его голову, были совершенно приняты новыми литераторами: они переводили Данте, Гейне, В. Гюго, Аду Негри, Надсона,—и уже никто изъ своихъ людей не говорилъ имъ, что такіе авторы «пока не нужны» нашему народу; они брали не одинъ только народный пѣсенный складъ стиха, а употребляли разнообразныя его формы: гекзаметръ, сонетъ, rondo, давая иногда куплету самое изысканное расположеніе; знаменитое «ковальство» совершенно перестало быть пугаломъ и пріобрѣло въ сочиненіяхъ молодыхъ писателей широкое право гражданства.

— «Посмотрите,—говорилъ мнѣ бывало Михаилъ Петровичъ,—всѣ наши слова, за которыя насъ такъ ругали, теперь вошли въ употребленіе: вотъ—*мрія*, *темрява*, *сутинь*, *прываблывый*, *знадлывый*, и т. д. и т. д.! И—ничего... А новые писатели даже не думаютъ, что эти слова были когда-то проклятые, «кованые»... Да, имъ, молодымъ, лучше теперь,—стежка протерта... Ну, и слава Богу»!

А молодые съ трудомъ вѣрили, когда имъ передавали исторію нѣкоторыхъ словъ: такъ напр., удивлялись, почему же нельзя было-бы сказать—«байдужый», «байдужисть»? Приходилось давать имъ «историческую» справку о томъ, какъ Костомаровъ писалъ, что сковать и употреблять слово «байдужисть» всё равно что говорить по-русски—«всёниипочемпость»... Молодые писатели пожимали плечами...

Tempora mutantur!

Принятіе молодыми писателями принциповъ, которымъ служилъ Михаилъ Петровичъ, реабилитировало его, очищало его имя отъ старыхъ упрёковъ,—по крайней мѣрѣ, въ кругу сочувствующихъ дѣлу украинской литературы.

Забывались «ганебныя» слова «ковальство», «коваль»; укрѣплялось сознаніе большихъ литературныхъ заслугъ Михаила Петровича.

Вспомнили, что трудится Михаилъ Петровичъ давно—и въ 1894-мъ году устроили его тридцатилѣтній юбилей. Этотъ юбилей былъ отпразднованъ въ тѣсномъ товарищескомъ кругу,—б. м. черезчуръ тѣсномъ: рѣшено было отпраздновать юбилей исключительно въ кругу товарищей, слѣдовательно безъ участія дамъ [1]). Я не знаю, почему именно къ этому празднику, тридцатилѣтію литературной дѣятельности Михаила Петровича, приложенъ былъ архаическій принципъ Запорожской Сѣчи... М. б. это—вышло случайно, но многія давнія знакомыя Мих. Петровича, много лѣтъ уважавшія его, были очень огорчены, лишившись возможности принять участіе въ чествованіи уважаемаго дѣятеля; въ особенно-же непріятномъ положеніи, очутилась—я, такъ какъ, зная о времени юбилея Михаила Петровича, но не зная о слишкомъ частномъ характерѣ устройства его, я собственно для юбилея Мих. Петровича и пріѣхала въ Кіевъ!... Пожалуй, благодаря личному заявленію Михаила Петровича, я могла бы попасть на его юбилей, но добиваться исключенія только для себя было-бы не-кстати

[1]) Гостьями были только дамы изъ семьи юбиляра,—его жена и дочери.

и неловко по отношенію къ другимъ дамамъ,—и я осталась въ квартирѣ Старицкихъ, у которыхъ остановилась. Мое личное поздравленіе Михаила Петровича въ день его «свята» было во всякомъ случаѣ принесено.

Поздно возвратились Старицкіе. Они всѣ были очень довольны вечеромъ, оживленно разсказывали о сердечномъ, дружескомъ характерѣ юбилея. На пальцѣ Михаила Петровича сіялъ брильянтовый перстень, поднесенный ему на память отъ друзей. Свѣтло сіяли также глаза Михаила Петровича,—онъ былъ очень счастливъ въ этотъ вечеръ!

Какъ я сказала, отдохнувшей душой погрузился Михаилъ Петровичъ снова въ свои задушевныя работы, для которыхъ онъ постоянно удѣлялъ время отъ занятій, дававшихъ ему заработокъ. Около этого времени и въ слѣдующіе годы были имъ написаны такія выдающіяся вещи, какъ Зимовый вечеръ, Въ темряви, Таланъ, Маруся Богуславка, Осада Буши, Легенда, Останния ничъ, Чаривный сонъ, Крестъ жизни и много стихотвореній, переводныхъ и оригинальныхъ.

Кромѣ писательства, Михаилъ Петровичъ выступаетъ во 2-ой половинѣ 90-хъ годовъ еще въ одной сферѣ дѣятельности,—какъ ревностный членъ «Кіевскаго литературно-артистическаго общества» (гдѣ Михаилъ Петровичъ скоро сдѣлался членомъ правленія и членомъ почетнымъ). Въ 1890-ые годы въ общество это вступило довольно много нашихъ членовъ и, благодаря вообще интенсивной дѣятельности общества въ это время, явилась возможность устраивать также и наши украинскіе вечера. Мы устраивали роковины Шевченка, юбилейные вечера [1],—цѣликомъ украинскіе,—а также старались къ программѣ вечеровъ въ честь русскихъ и иностранныхъ писателей прибавлять номера украинскіе, въ видѣ переводовъ стихотвореній и текстовъ къ музыкѣ. Многое писалось, переводилось нарочно для этихъ вечеровъ. М. П. Старицкій тоже далъ для этихъ вечеровъ немало стихотвореній, участвуя также и въ качествѣ чтеца. Декламаторъ онъ былъ пре-

---

[1]) Стороженка, Котляревскаго, Кропивницкаго и др.

восходный и всегда имѣлъ на эстрадѣ очень большой успѣхъ у публики. Читалъ онъ какъ свои стихотворенія, такъ и чужія,— Шевченка, Кулиша, Леси Украинки и др. Своимъ чтеніемъ Мих. Петровичъ умѣлъ придавать двойную прелесть стихамъ!

Желая въ области искусства отдавать должное высокому таланту, Михаилъ Петровичъ участвовалъ также въ юбилейныхъ вечерахъ Пушкина и Мицкевича.

За Мицкевича намъ съ Мих. П—чемъ пришлось даже въ извѣстномъ смыслѣ «пострадать», такъ какъ нѣкоторые наши галицкіе литераторы очень разсердились на меня и М. П—ча за устройство юбилейнаго вечера Мицкевича въ Кіевск. литературно-артистич. Обществѣ. Мы же рѣшили, что поступали правильно, заботясь о юбилеѣ Мицкевича: прежде всего, положеніе поляковъ въ Галиціи и у насъ—совершенно различно; кромѣ того, такой огромный талантъ, какъ Мицкевича, должно ставить выше партійныхъ соображеній, тѣмъ болѣе, что въ своей писательской дѣятельности М—чъ былъ «рыцаремъ безъ страха и упрека»: наконецъ, слѣдуетъ же руководствоваться и тѣмъ принципомъ, что тотъ, кто любитъ свое родное слово, долженъ уважать и чужое.

Возвращаюсь къ Михаилу Петровичу. Если въ 90-ые годы слава его, какъ достойнаго дѣятеля украинской литературы, укрѣпилась и возросла въ кругу старыхъ и молодыхъ товарищей, если извѣстность его возросла также и въ публикѣ, то это все-таки не исключало, конечно, возможности нападокъ на него въ лагерѣ, враждебномъ вообще украинской литературѣ. Травля продолжалась упорно и злобно, причиняя Михаилу Петровичу большое огорченіе. Повторялось все то-же, включительно до пресловутой «закавыки» (несмотря на то, что Михаилъ Петровичъ помѣстилъ, наконецъ, замѣтку-справку, съ цитатой изъ его Гамлета, доказывавшей, что «закавыка» есть наглое измышленіе). Нападки продолжались. Оставалось лишь вооружиться спокойствіемъ и терпѣніемъ.

Но появилось такое обвиненіе, котораго стерпѣть Мих. П—чъ уже не могъ: его обвиняли въ похищеніи чужихъ пьесъ, при утайкѣ имени ихъ авторовъ, и даже просто въ плутовствѣ,

и неловко по отношенію къ другимъ дамамъ,—и я осталась въ квартирѣ Старицкихъ, у которыхъ остановилась. Мое личное поздравленіе Михаила Петровича въ день его «свята» было во всякомъ случаѣ принесено.

Поздно возвратились Старицкіе. Они всѣ были очень довольны вечеромъ, оживленно разсказывали о сердечномъ, дружескомъ характерѣ юбилея. На пальцѣ Михаила Петровича сіялъ брильянтовый перстень, поднесенный ему на память отъ друзей. Свѣтло сіяли также глаза Михаила Петровича,—онъ былъ очень счастливъ въ этотъ вечеръ!

Какъ я сказала, отдохнувшей душой погрузился Михаилъ Петровичъ снова въ свои задушевныя работы, для которыхъ онъ постоянно удѣлялъ время отъ занятій, дававшихъ ему заработокъ. Около этого времени и въ слѣдующіе годы были имъ написаны такія выдающіяся вещи, какъ Зимовый вечеръ, Въ темряви, Таланъ, Маруся Богуславка, Осада Буши, Легенда, Остання ничъ, Чаривный сонъ, Крестъ жизни и много стихотвореній, переводныхъ и оригинальныхъ.

Кромѣ писательства, Михаилъ Петровичъ выступаетъ во 2-ой половинѣ 90-хъ годовъ еще въ одной сферѣ дѣятельности,—какъ ревностный членъ «Кіевскаго литературно-артистическаго общества» (гдѣ Михаилъ Петровичъ скоро сдѣлался членомъ правленія и членомъ почетнымъ). Въ 1890-ые годы въ общество это вступило довольно много нашихъ членовъ и, благодаря вообще интенсивной дѣятельности общества въ это время, явилась возможность устраивать также и наши украинскіе вечера. Мы устраивали роковины Шевченка, юбилейные вечера [1],—цѣликомъ украинскіе,—а также старались къ программѣ вечеровъ въ честь русскихъ и иностранныхъ писателей прибавлять номера украинскіе, въ видѣ переводовъ стихотвореній и текстовъ къ музыкѣ. Многое писалось, переводилось нарочно для этихъ вечеровъ. М. П. Старицкій тоже далъ для этихъ вечеровъ немало стихотвореній, участвуя также и въ качествѣ чтеца. Декламаторъ онъ былъ пре-

---

[1]) Стороженка, Котляревскаго, Кропивницкаго и др.

выходный и всегда имѣлъ на эстрадѣ очень большой успѣхъ у публики. Читалъ онъ какъ свои стихотворенія, такъ и чужія,—Шевченка, Кулиша, Леси Украинки и др. Своимъ чтеніемъ Мих. Петровичъ умѣлъ придавать двойную прелесть стихамъ!

Желая въ области искусства отдавать должное высокому таланту, Михаилъ Петровичъ участвовалъ также въ юбилейныхъ вечерахъ Пушкина и Мицкевича.

За Мицкевича намъ съ Мих. П—чемъ пришлось даже въ извѣстномъ смыслѣ «пострадать», такъ какъ нѣкоторые наши галицкіе литераторы очень разсердились на меня и М. П—ча за устройство юбилейнаго вечера Мицкевича въ Кіевск. литературно-артистич. Обществѣ. Мы же рѣшили, что поступали правильно, заботясь о юбилеѣ Мицкевича: прежде всего, положеніе поляковъ въ Галиціи и у насъ—совершенно различно; кромѣ того, такой огромный талантъ, какъ Мицкевича, должно ставить выше партійныхъ соображеній, тѣмъ болѣе, что въ своей писательской дѣятельности М—чъ былъ «рыцаремъ безъ страха и упрека»: наконецъ, слѣдуетъ же руководствоваться и тѣмъ принципомъ, что тотъ, кто любитъ свое родное слово, долженъ уважать и чужое.

Возвращаюсь къ Михаилу Петровичу. Если въ 90-ые годы слава его, какъ достойнаго дѣятеля украинской литературы, укрѣпилась и возросла въ кругу старыхъ и молодыхъ товарищей, если извѣстность его возросла также и въ публикѣ, то это все-таки не исключало, конечно, возможности нападокъ на него въ лагерѣ, враждебномъ вообще украинской литературѣ. Травля продолжалась упорно и злобно, причиняя Михаилу Петровичу большое огорченіе. Повторялось все то-же, включительно до пресловутой «закавыки» (несмотря на то, что Михаилъ Петровичъ помѣстилъ, наконецъ, замѣтку-справку, съ цитатой изъ его Гамлета, доказывавшей, что «закавыка» есть наглое измышленіе). Нападки продолжались. Оставалось лишь вооружиться спокойствіемъ и терпѣніемъ.

Но появилось такое обвиненіе, котораго стерпѣть Мих. П—чъ уже не могъ: его обвиняли въ похищеніи чужихъ пьесъ, при утайкѣ имени ихъ авторовъ, и даже просто въ плутовствѣ,

подтасовкѣ каталоговъ и другихъ документовъ, съ цѣлью полученія неслѣдовавшаго ему гонорара. Мих. Петровичъ рѣшилъ тогда, что ему остается обратиться въ судъ.

Кіевскому окружному суду не отказались дать свои письменныя и личныя показанія многія лица, знавшія близко писательскую дѣятельность М. П—ча. Главный интересъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній вращался около піесы М. П. Старицкаго «Не судылось» (по сценѣ—«Не такъ склалось, якъ жадалось»), такъ какъ газетная клевета указывала на нее, какъ на заимствованную у г. Кропивницкаго. На судѣ выяснилось, что никоимъ образомъ нельзя заподозрить Старицкаго въ заимствованіи у Кропивницкаго, уже по одному тому, что его піеса была извѣстна въ рукописи далеко раньше появленія піесы Кропивницкаго [1]).

Дѣло это, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, въ концѣ концовъ разсмотрѣно было Сенатомъ, который нашелъ всѣ измышленія инкриминированной замѣтки—клеветою, умышленными навѣтами, порочащими честь Старицкаго.

Послѣ рѣшенія Сената и передачи имъ дѣла въ харьковскую судебную палату, оно кончилось—миромъ: авторъ замѣтки *отказался* отъ тѣхъ обидныхъ для Старицкаго положеній, которыя въ ней были высказаны (пункты отказа были напечатаны въ газетахъ); Старицкій такую мировую подписалъ, такъ какъ для него главное было не въ какой-либо «карѣ», а именно лишь въ томъ, чтобы снять съ своего имени тѣнь, наброшенную рецензентомъ.

Это и было достигнуто. Разъ рецензентъ взялъ назадъ то, что Старицкій считалъ обиднымъ для своей чести, то это было,

---

[1]) Равнымъ образомъ, нѣтъ никакихъ основаній предполагать и обратное заимствованіе, т. к. изученіе обѣихъ піесъ ясно показываетъ, что разработка сюжетовъ у авторовъ совершенно самостоятельна: самый-же сюжетъ настолько распространенъ въ жизни, что оба автора, независимо другъ отъ друга, могли избрать его темой для своихъ драмъ. *Ред.*

пожалуй, даже болѣе важно, чѣмъ выигрышъ дѣла еще въ одной судебной инстанціи. Замѣчательно, что послѣ мировой — у Мих. Петровича, дѣйствительно, исчезло даже враждебное чувство къ своему бывшему противнику, вовлеченному, какъ думалъ теперь Мих. Петровичъ, въ заблужденіе другими лицами.

Такимъ образомъ, благополучно окончилось это дѣло, стоившее Мих. Петровичу такъ много волненій. А здоровье Мих. Петровича было не въ такомъ состояніи, чтобы онъ могъ легко переносить волненія: сердечная болѣзнь сдѣлала большіе успѣхи за послѣдніе годы: сердцебіенія, вообще неправильности пульса, а затѣмъ сильное ослабленіе, продолжительное лежаніе—совсѣмъ одолѣвали М. Петровича.

Такъ какъ волненіе, неизбѣжное при выступленіи на эстрадѣ, было очень вредно для Мих. Петровича, то онъ въ послѣдніе годы перестаъ выступать передъ публикой на вечерахъ литер.-артистич. Общества. Послѣдній разъ читалъ онъ публично въ Кіевѣ, на моемъ юбилеѣ, въ литературномъ отдѣленіи. М. Петровичъ прочелъ цѣлый мой разсказъ «Била кыцька». Читая вещь прозаическую, и при томъ сидя, онъ могъ чувствовать себя спокойнѣе; впрочемъ, могло быть и то, что, рѣшивши выступить съ этимъ чтеніемъ несмотря на нездоровье, Мих Петровичъ приносилъ нѣкоторую жертву, ради того, что хотѣлъ «пошановать» стараго товарища.

Это чтеніе было послѣднимъ въ Кіевѣ, а вообще послѣдній разъ въ жизни М. П. Старицкій читалъ публично на торжествѣ открытія памятника Котляревскаго въ Полтавѣ: въ театрѣ, въ литературномъ отдѣленіи торжественнаго утра въ честь Котляревскаго, Мих. Петровичъ прочиталъ большой отрывокъ изъ Энеиды (сборы и посѣщеніе Энеемъ, вмѣстѣ съ «товарыствомъ», царя Латина) и нѣсколько своихъ прекрасныхъ, идейныхъ стихотвореній. Публика самое появленіе и чтеніе Мих. Петровича принимала восторженно.

Никто не думалъ, видя подбодрившагося, такъ свѣтло настроеннаго Михаила Петровича, «что это было въ послѣдній разъ»!..

Что касается до литературной работы, то Мих. Петровичъ не переставалъ заниматься ею, несмотря на свой недугъ, и въ послѣдніе годы: какъ только его «отпускало», онъ сейчасъ-же принимался за писанье; часто писалъ лёжа, карандашемъ, но все-таки писалъ,—при чемъ сила его воображенія была удивительна: онъ по прежнему могъ создавать цѣлыя сложныя картины и яркіе образы. Въ послѣдній годъ его жизни написанъ имъ новый романъ и большая историческая поэма изъ временъ казаччины: написанъ текстъ либретто для полной *оперы* «Утоплена» и переведена пьеса Роза Берндъ (Гауптмана); написаны также новыя лирическія стихотворенія. Въ этотъ же «послѣдній» годъ М. Петровичъ собралъ и пересмотрѣлъ, всѣ свои прежнія стихотворенія, печатавшіяся особо въ его сборникахъ, или въ журналахъ и альманахахъ; съ добавкою новыхъ, и даже самыхъ послѣднихъ, составилась большая книжка, совершенно готовая теперь для изданія: подавать ее въ цензуру и выпускать въ свѣтъ М. Петровичъ предоставилъ другому лицу, купившему у него право изданія.

Пересматривая матеріялы для этого полнаго собранія своихъ стихотвореній, М. Петровичъ говорилъ:—да, да, пора приготовляться въ «далеку дорогу»!..

Въ послѣднее лѣто, проведенное въ кіевской Дарницѣ, въ ея прекрасномъ бору, мысль М. Петровича, повидимому, часто отрѣшалась уже отъ міра сего, погружаясь на лонѣ природы въ слишкомъ спокойное созерцаніе ея величія, въ какое то надземное единеніе и съ нею и съ тѣми силами, которыхъ постоянно искалъ мысленный взоръ. Выраженіемъ такого состоянія души и мысли служитъ слѣдующее прекрасное стихотвореніе М. Петровича, написанное *послѣднимъ* лѣтомъ, тамъ же въ Дарницѣ, въ ея бору:

Якъ урочи́сто тутъ, замовкъ велычный биръ,
Неначе храмъ по молытовнимъ спиви;
Въ вечирню млу понявсь ёго сумный убиръ,
У померкы таемно-полохлыви...

И тыхо, тыхо скризь... Задумани стоять,
Мовъ велетни часивъ баечныхъ, хвои,
У лавы ривно скризь вшыкована ихъ рать,
Готова стать до боротьбы лыхои.—
Такъ, лементу не чуть, кативъ людськыхъ нема,
А лагода ласкаво віе всюды...
Смолыстыхъ пахощивъ кадыло тутъ пройма
Знеможени, натруженіи груды...
И впала смерть—не смерть, безчулый сонъ—не сонъ,
А забуття злетило до истоты;
Але у тыши тій не згукы похоронъ,
Не стогоны безрадпои скорботы,—
А чуется яснишъ велыка таина...
Якыйсь чудовый спивъ у безвисти луна...
Бажается збагнуть, обнять неосяжне,
Проглянуты въ конечне счастя мыра...
И щось могутнее охоплюе мене,
И на души у Правду стыгне вира!

Дарницкій боръ, смолистое вѣяніе котораго считали такимъ полезнымъ для затрудненнаго дыханія Михаила Петровича, дѣйствительно, поправилъ въ значительной мѣрѣ его здоровье. Онъ смогъ даже предпринять въ августѣ прошлаго года поѣздку въ Полтаву, на открытіе памятника Котляревскому.

Дочь Михаила Петровича, Людмила, хотя очень желала «повезты Тата» на это торжество, но опасалась, какъ бы эта поѣздка не была ему вредна, какъ бы самыя торжества не слишкомъ утомили его. Однако оказалось, что путь къ такой интересной цѣли и самыя торжества ничуть не утомили, а, наоборотъ, поднявши духъ, приобщивши Михаила Петровича снова къ «житейскому волненію», какъ-будто укрѣпили и тѣло его. Бодрый и веселый встрѣтился Михаилъ Петровичъ въ Полтавѣ съ многочисленными пріятелями и товарищами, пріѣхавшими со всѣхъ сторонъ на праздникъ; онъ принялъ даже участіе въ хлопотахъ одного изъ

устроителей торжества, Н. А. Дмитріева,—ѣздилъ хлопотать, по поводу извѣстнаго «чтенія привѣтствій», къ городскому головѣ и еще къ кому-то, наконецъ принялъ и личное участіе въ программѣ торжествъ, о которомъ я уже говорила.

Живо вспоминается мнѣ величественная фигура Михаила Петровича, какъ онъ, еще въ первое утро торжествъ, выдѣляясь изъ многочисленной толпы, стоялъ у самаго помоста, гдѣ происходило молебствіе, по окончаніи котораго упалъ покровъ и появился ярко облитый свѣтомъ памятникъ нашего «батька», нашего славнаго земляка Котляревскаго! Для одной этой минуты стоило пріѣхать... Михаилъ Петровичъ сіялъ, глядя на памятникъ, въ лице поэта.

Сама родная земля полтавская какъ будто оживляла Михаила Петровича и въ слѣдующіе дни. Онъ точно помолодѣлъ: ѣздилъ, ходилъ по Полтавѣ, полной воспоминаній... Радовала его также встрѣча съ родными (съ семьей Булюбашъ, у которой онъ прожилъ «полтавскіе дни», съ Старицкими,—къ одному изъ нихъ Михаилъ Петровичъ отправился съ дочерью Людмилой погостить въ миргородскій уѣздъ).

На томъ портретѣ, гдѣ М. П. снялся въ Полтавѣ въ группѣ съ молодыми писателями (именно по просьбѣ ихъ, такъ какъ въ этомъ была особая идея), хорошо запечатлѣлось то веселое, свѣтлое настроеніе, въ которомъ былъ Михаилъ Петровичъ, живя въ Полтавѣ.

Хорошее состояніе здоровья Михаила Петровича продолжалось нѣкоторое время и по возвращеніи въ Кіевъ. Но осень съ ея непогодами и зима—снова уложили Михаила Петровича въ постель. Болѣзнь проявилась опять: «отпустивши» на время, давши прожить «просвитлу годыну», она какъ бы съ тѣмъ большею силою вступила въ свои жестокія права. А тутъ еще случилась тяжелая болѣзнь жены Михаила Петровича: онъ очень тревожился, огорчался—и разболѣлся въ конецъ. На другомъ праздникѣ нашемъ, юбилеѣ Лисенка и нашей пѣсни, Михаилъ Петровичъ уже не могъ присутствовать,—онъ лежалъ тяжко боль-

ной: на товарищескомъ ужинѣ, послѣ юбилейнаго представленія «Риздв. ночи», мы заочно пили за здоровье автора ея текста!..

Къ веснѣ стало совсѣмъ худо. Михаилъ Петровичъ почти не вставалъ съ своего дивана. Сердечные припадки, боли, безсонныя ночи одолѣвали его. А сознаніе было полное, творческая мысль работала, хотя и провидя скорый конецъ...

Вотъ послѣднее стихотвореніе, которое онъ еще самъ далъ переписать съ листочка, написаннаго карандашемъ: оно уже обвѣяно смертными грёзами... Ему видятся умершія—мать и др.

Не спытся... Зновъ чорніи думы
Обсилы, мовъ галычъ, мене;
Зновъ постать блида середъ стумы
Сонъ зъ вій моихъ млявыхъ жене...
Та постать немовъ-бы знаёма,
Зрынае изъ мрійнои млы:
Въ облыччи и смутокъ, и втома
Тяжкымы знакамы ляглы...
  Я чую поржавлени струны
Щось давне, забуте бренять.
Стари одчыняются труны
И мертвыхъ здіймается рать.
Ихъ образы віются коломъ
Надъ лижкомъ, надъ темнымъ столомъ...
И чуется въ тыши покволомъ
Немовъ похоронный псаломъ:
«Безсчасне жытейськее море,
Негодъ воно повне та бурь,
Якъ мыра незважене горе...
Не журь ёго, нене, не журь!
Багато довидавсь винъ мукы,
Напывся докирлывыхъ слизъ...
Пора-жъ и зложыть ёму рукы:
Свій тягаръ уже винъ довизъ...
Поглянь—ёго серце холоне,
Спыпытыся може що-мыть...
Прыймы-жъ свого сына на лоно

И будемъ Владыку молыть:
Пробачъ, Хрысте-Боже, рабови
И вильни й невильни выны,
Та зъ ласкы, зъ святои любови,
Прыймы у осели ясни:
Впокій ёго душу у счасти
Нового зъ святымы буття,
Де нѣсть ни страждань, ни напасти,
А есть безконечне жыття!»
Знов тына, и стума, и мука...
Заснуты—ніякъ не засну...
А серце такъ болисно стука,
Немовъ забываютъ труну...

Скорбнымъ предвидѣніямъ суждено было скоро сбыться...

Однако, къ Свѣтлому празднику Михаилъ Петровичъ какъ бы заста́вилъ себя встать. Когда на самый Велыкдень, на первый день, мы съ мужемъ пошли провѣдать Старицкихъ, то застали Михаила Петровича въ столовой, съ гостями (былъ Н. В. Лисенко и три сестры—урожденныя Оконоръ). Это и былъ послѣдній разъ, что я видѣла Михаила Петровича на ногахъ. Онъ казался страшно похудавшимъ, но былъ довольно бодръ, имѣлъ праздничный видъ. Онъ цѣлый вечеръ сидѣлъ съ нами, много говорилъ о событіяхъ войны, которыя его очень занимали, и о разныхъ другихъ вещахъ, даже шутилъ. Дочь Людмила разливала чай; Михаилъ Петровичъ нѣкоторое время любовался ею, потомъ вдругъ сказалъ—«славна дытына!» и, взявши, поцѣловалъ ея руку.

Прощаясь съ нами, Михаилъ Петровичъ просилъ меня удѣлить на праздникахъ время и придти прочитать съ нимъ его переводъ пьесы Гауптмана (Роза Берптъ), который онъ сдѣлалъ передъ праздниками.

Но читать намъ больше не пришлось... На другой же день повторился съ Михаиломъ Петровичемъ такой ужасный сердечный припадокъ съ продолжительнымъ обморокомъ,—что всѣ послѣдующіе дни были только искусственнымъ продолженіемъ жи-

зни, при посредствѣ экстренныхъ медицинскихъ мѣръ... Пульсъ, дыханіе были совсѣмъ плохи.

Лишь сознаніе оставалось,—сознаніе близкой смерти: скорбно-спокойно говорилъ Михаилъ Петровичъ женѣ и дѣтямъ:—«Да, это была послѣдняя отсрочка... Впрыскиванія, лекарства, какъ это все далеко отошло!.. Наступаетъ параличъ сердца»...

И сердце, дѣйствительно, перестало биться: въ то же утро, 14-го апрѣля, Михаилъ Петровичъ скончался. Печальная вѣсть распространилась; друзья собрались въ домѣ на панихиду. Невыразимо скорбное чувство испытывали мы, глядя на эти закрывшіеся глаза и навѣки сомкнувшіяся уста! Не хотѣлось вѣрить, что дорогой другъ уже не отъ нашего міра: онъ лежалъ въ гробу какъ-бы не пораженный смертью,—спокойный, торжественно-величавый, съ просвѣтлённой улыбкой; казалось, что онъ лишь уснулъ и ему грезится что-то лучшее, свѣтлое... Только ужасное смертное ложе,—покрытое вѣнками, сіявшими своею страшною красотою, повитою траурными лентами съ печальными привѣтами,—говорило, что другъ нашъ спитъ сномъ, отъ котораго нѣтъ пробужденія...

На другой день тяжелая крышка гроба закрылась и мы провели его въ церковь Благовѣщенія, а оттуда на Байкову гору, гдѣ и опустили Михаила Петровича въ могилу, на новомъ кладбищѣ, близъ церкви. Съ могильнаго мѣста виденъ Кіевъ.

Похороны Михаила Петровича были величавые. Гробъ все время несла молодежь на рукахъ. Впереди подвигался катафалкъ, весь покрытый вѣнками; развѣвались ихъ ленты: «коханому Татови и другови», «Одъ украинськыхъ пысателивъ», «отъ Литерат. Общества», «одъ Кіевскои Старины», «одъ студентивъ-украинцивъ», «одъ артистивъ» и т. д. и т. д. нѣсколько десятковъ вѣнковъ. Иные вѣнки къ похоронамъ не поспѣли (изъ заграницы, изъ Черноморіи),—они будутъ положены, когда будетъ вполнѣ устроена могила.

Огромная толпа провожала гробъ до могилы. У этой раскрытой могилы сказаны были людьми старыми и молодыми теплыя рѣчи.

Мнѣ кажется, что лучшими словами были тѣ, которыя, послѣ отпѣванія, неожиданно раздались еще въ церкви,—они исчерпывали все: отецъ Михаилъ Вишневецкій, священникъ церкви Благовѣщенія, сказалъ надъ гробомъ Михаила Петровича Старицкаго:—«Исторія дасть судъ надъ всѣми дѣлами его, судъ истинный. Онъ любилъ родину, любилъ родное слово, страдалъ за это, но любилъ; этимъ словомъ онъ будилъ самыя святыя, добрыя чувства въ ближнихъ своихъ».

Это составляетъ сущность того, что можно сказать надъ гробомъ М. П. Старицкаго. Слово отца Михаила произвело большое впечатлѣніе на толпу присутствовавшихъ.

Да, родное слово Михаилъ Петровичъ любилъ горячею, вѣрною любовью—отъ молодыхъ лѣтъ, когда онъ слагалъ этимъ словомъ первыя свои пѣсни, и до послѣднихъ дней жизни, когда, уже слабѣющей рукой, продолжалъ чертить слова всё той же дорогой рѣчи, сливавшейся въ его душѣ съ самыми дорогими образами.

Литературное наслѣдіе, оставленное Михаиломъ Петровичемъ въ этомъ дорогомъ ему украинскомъ словѣ, очень велико и разнообразно. Не считая настоящій моментъ подходящимъ для подробнаго критическаго разбора сочиненій Михаила Петровича, укажу лишь на главнѣйшіе мотивы, проникавшіе его творчество, и на тѣ размѣры, которые приняло у него изображеніе украинской жизни.

Основнымъ мотивомъ, одухотворявшимъ наилучшія сочиненія Михаила Петровича, была патріотическая идея; для ея воплощенія находилъ онъ темы какъ въ прошлой, такъ и въ настоящей жизни родины; формами же выраженія этой идеи были и мелкое стихотвореніе, и обширное прозаическое произведеніе. Влеченію выражать эту идею подчинялись какъ оригинальныя сочиненія М. П—ча, такъ и его выборъ многихъ переводовъ.

Не загромождая указанія на этотъ мотивъ творчества Михаила Петровича отрывочными цитатами, хотя бы и прекрасныхъ мѣстъ изъ его стихотвореній и драмат. произведеній, изъ которыхъ можно было бы взять не мало яркихъ мѣстъ, монологовъ

и пр.,—я, для цѣльности впечатлѣнія, приведу полностію хотя одно стихотвореніе, блещущее конкретнымъ, импозантнымъ образомъ героини-патріотки, блещущее также и формою,—можно сказать, мастерскимъ стихомъ:

Дочка Гефая.

Якъ що доля велыть полягты за свій край
Въ несподивану раннюю могылу,
Ты, мій батьку святый, серце скорбне втрымай:
Смерть моя дасть одвагу и сылу!
Въ нетремтячій руцы поведы мене самъ
На майданъ, до кативъ, до сокыры,
И безъ жалю, безъ слизъ, похылюся я тамъ
Зъ серцемъ повнымъ надіи та виры:
Що одужа народъ, не знесе бильшъ ярма
И розправыть натружени груды,
Що на ридній земли зныкне, щезне пітьма,
Сонце правды засяе повсюды:
И на вильныхъ поляхъ, въ ныву власну ратай
Кыне зерна добирного жыта,
И красуня дочка той збере урожай,
Не даючы панасныку мыта.
Васъ, дибровы, гаи, у одежи ряснії
Не побачу я въ счасну годыну,
Але кревный народъ, въ своій думци ясній,
Помъяне и мою домовыну...
Задавы-жъ, батьку мій, ту слёзу на очахъ,
За край ридный прыймы мою плату:
Подывысь,—я самá, зневажывшы страхъ,
Смило йду зъ яснымъ окомъ на страту!

Герои и героини, одушевленные горячей идеей патріотизма, являются также во многихъ драмат. пьесахъ Михаила Петровича: изъ этихъ пьесъ въ особенности отличаются Богданъ Хмельницкій, Маруся Богуславка, Осада Буши, какъ бы и написанныя соб-

ственно для проведенія идеи горячей любви къ родинѣ и беззавѣтнаго служенія ея благу, какихъ бы жертвъ ни требовало это служеніе.

Отсюда является понятнымъ то обстоятельство, о которомъ я упоминала вскользъ, что и въ передѣлкѣ полу-фантастическаго, полубытового сюжета, въ текстѣ музыкальной комедіи «Риздвяна ничъ», Старицкій изъ безразличной къ высокой идеѣ патріотизма, легендарно-комической фигуры характерника Пацюка (по Гоголевскому сюжету лишь глотающаго вареники) дѣлаетъ убѣжденнаго патріота, скорбящаго, горячо негодующаго на то, что въ поколѣніи, смѣнившемъ запорожцевъ, угасаетъ вѣрность прежнимъ патріотическимъ традиціямъ.

Принципъ вообще вѣрности разъ воспринятой высокой идеѣ послужилъ Старицкому мотивомъ для слѣдующаго прекраснаго стихотворенія:

Потайни ученыкы.

„Всякая вина простится, вина-же противъ Духа Свята не простится во вѣки".

Мы тамъ булы... Ёго розпьялы,
А мы дывылыся здали,
Та обережно, знай, мовчалы
И въ глыбыни души ховалы
Свои незважени жалй.
До насъ прысикалысь словамы:
«Повынно, й вы тін-жъ рукы,—
Адже-жъ булы ёго друззямы?»
Мы видцуралыся клятьбамы.—
И пивень крыкнувъ здалекы.
Воны замучылы Мессію...
Усе простывъ винъ ворогамъ:
Винъ душогубу, лыходію
Въ раю зустрытысь давъ надію...
Та чи простывъ-же винъ друззямъ?

Идея народничества,—любви къ родному темному люду,— одушевлявшая нашего автора, отразилась во многихъ его стихотвореніяхъ; она-же руководила имъ при созданіи многихъ симпатичныхъ типовъ и картинъ изъ жизни народной, явившихся въ его драматическихъ произведеніяхъ. Среди типовъ народныхъ Старицкій выводитъ въ своихъ пьесахъ не только людей обыденной жизни, но ищетъ выдающихся представителей, одушевленныхъ идеей гражданскаго служенія той средѣ, которой они принадлежатъ (таковы, наприм., рѣзко очерченый Старицкимъ Юрко Довбушъ и герой пьесы «У темряви»).

Вообще идея человѣчности, «святое чувство» гуманнаго отношенія къ близкимъ людямъ вошла даже въ самую первую драматическую пробу М. П. Старицкаго (Чорноморци), передѣлку сюжета Кухаренка: въ то время, какъ въ пьесѣ Кухаренка [1]) герой женится на несчастной брошенной имъ дѣвушкѣ только благодаря тому, что его обманули въ пьяномъ видѣ, при чемъ онъ принялъ её за другую, моложе и красивѣе ея,—у Старицкаго старый козакъ *сознательно* возвращается къ прежней своей милой, изъ-за проснувшагося совѣстливаго чувства къ преданной ему женщинѣ, съ которой онъ собирался поступить несправедливо.

Не ограничиваясь сферою жизни народной, Старицкій вводитъ въ свои произведенія типы изъ сферы интеллигентной. Въ этомъ отношеніи уже первая его оригинальная пьеса „Не судылось" („Не такъ склалось") открывала цѣлую новую эпоху въ украинской драматической литературѣ, такъ какъ въ пьесѣ этой, на ряду съ типами народными,—тоже съ новыми, своеобразными ихъ оттѣнками,—выведены были типы „панскаго гнѣзда", съ его какъ старыми, такъ и самыми передовыми представителями: переплетеніе отношеній всѣхъ этихъ дѣйствующихъ лицъ пьесы дало интереснѣйшую картину, необыкновенно художественно отдѣланную авторомъ.

Пьесы Старицкаго „Таланъ", „Крестъ жизни" написаны уже исключительно изъ жизни интеллигенціи, самыхъ разнообразныхъ круговъ ея,—артистическаго, дѣлового, свѣтскаго и т. д.

---

[1]) Чорноморськый побытъ.

Такимъ образомъ, пьесами Старицкаго наша драма была рѣшительно выведена изъ стараго, тѣснаго круга этнографическаго, съ его полуанекдотическимъ характеромъ темъ.

Въ самой *техникѣ* построенія драмы Старицкій является авторомъ очень умѣлымъ: пьесы его отличаются интереснымъ развитіемъ дѣйствія, разнообразіемъ сценъ, а также большой живостью діалога,—кромѣ его характерности.

Говоря о формѣ, должно признать, что не менѣе искуснымъ техникомъ является Старицкій и какъ поэтъ-стихотворецъ. Онъ является въ своихъ стихотвореніяхъ вообще хорошимъ стилистомъ, свободно владѣющимъ при томъ самымъ разнообразнымъ стихомъ.

Въ частности, въ техникѣ слова, мы видѣли, каково было участіе Старицкаго въ этой области литературной работы: въ дѣлѣ созиданія литературнаго украинскаго языка онъ сдѣлалъ *огромный вкладъ*; теперь уже совершенно излишне было-бы „оправдывать" Старицкаго за его смѣлое новаторство,—напротивъ, теперь можно считать признанною его великую *заслугу* въ этой области.

Молодые ораторы, украинскіе писатели, говорившіе надъ гробомъ Михаила Петровича, называли его своимъ учителемъ. Да, онъ былъ ихъ учителемъ, онъ указывалъ новые пути и содержаніемъ, и формою того, что написано имъ за долгіе годы его неуклонной литературной дѣятельности. Въ молодости Михаилъ Петровичъ, какъ писатель *украинскій*, опередилъ свое время и за расширеніе вообще рамокъ нашей литературы былъ иногда неодобряемъ даже своими, но за то новое поколѣніе поняло эту роль *идущаго впереди* и дало Михаилу Петровичу почетное названіе—учителя.

Вотъ кого мы потеряли въ Михаилѣ Петровичѣ Старицкомъ! Жаль, невыразимо жаль, что жестокая болѣзнь, развившаяся вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ условій, перервала эту дорогую жизнь, которая могла бы еще долго не только радовать всѣхъ близкихъ, но и служить на великое благо родинѣ.

Но если ужъ суждено было этой жизни прекратиться, то пусть близкіе и почитатели покойнаго поэта найдутъ свѣтлую долю утѣшенія въ томъ, что человѣкъ сдѣлавшій такъ много—не

умираетъ совсѣмъ,—продолжая жить въ своемъ дѣлѣ и въ благодарной памяти оставшихся. Когда углубишься во всю духовную дѣятельность Михаила Петровича, то какъ будто физически чувствуешь, что живъ духъ его среди насъ!

И хочется сказать, глядя на портретъ его, не безнадежное „прощай“ для вѣчной разлуки, а живое „спасыби“ за всё сдѣланное впродолженіе цѣлой жизни для дорогой Украины, за всё то, что съ успѣхами ея свяжетъ на вѣки имя Михаила Петровича Старицкаго.

О. Пчилка.

Кіевъ, 25 апрѣля 1904 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо митрополита кіевскаго Варлаама Ясинскаго къ Петру I о переяславскомъ епископствѣ. „Царю царствующихъ и господарю государствующихъ Богу въ Тройцѣ святой славимому и поклоняемому буди честь, слава, поклоненіе и благодареніе. Яко изъ древле чрезъ многія войны въ Малой Росіи разоренное и запустѣлое епископство Переяславское, нынѣ за благополучныя благочестивѣйшія вашего царскаго пресвѣтлаго величества державы, по милостивому вашему монаршескому государскому указу, ко помощи престолу близъ сущему Митрополіи Кіевскія и моей немощной старости, есть отновлено; о чемъ я, недостойный богомолецъ, чрезъ многое время въ немощи моей старческой, многократно вашему царскому пресвѣтлому величеству, молитвеннымъ моимъ дерзахъ стужати челобитьемъ; по небесномъ же премилосердномъ царю и вашему царскому пресвѣтлому величеству благодарствую всепокорственно я немощный престарѣлый богомолецъ, за толикое милосердіе, яко по вашему премилостивому монаршескому изволенію, и на немощь мою старческую призрѣнію, изъявленномъ грамотнѣ благословительномъ отъ святыя и блаженныя памяти архипастыря нашего великаго господина Киръ Адріана, архіепископа московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха; при многоиждивительномъ богоугодномъ попеченіи и ктиторствѣ вашего царского пресвѣтлого величества, войскъ запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра Гетмана и славнаго чина святаго апостола Андрея кавалера благочестиваго Іоанна Степановича Мазепы. Поставленъ есть здѣ въ епископа Переяславскаго не инъ кто развѣ ближній мой въ духу святомъ сынъ и постриженецъ, вѣдый немощь мою старческую и обыклый мнѣ

помоществовати, яко же и могій обновленіе того переяславскаго престола тщаніемъ своимъ воздвигнути, боголюбивый игуменъ монастыря Святомихайловскаго Золотоверховаго Кіевскаго, Захарій Корниловичъ. То убо егда и самъ готовляшеся путемъ симъ зимнимъ шествовати къ царствующему великому граду Москвѣ воздаянія ради благодарствія достодолжнаго вашему царскому пресвѣтлому величеству за толикое благодѣяніе и моленія ради о утверженіи крѣпостію монаршескою того постановленія его на то Переяславское епископство, обновляемое ко помощи митрополіи Кіевскія и моей дозѣла изнемогающей крайней старости ко пособствованію: и се отъ вашего царского пресвѣтлаго величества премногомощная грамота, писанная въ нынѣшнемъ 1701 году генваря 3 дня подана есть недостоинству моему того-жъ мѣсяца дня 15; въ ней же написано предостойнѣйшій монаршескій милостивый вашего царскаго пресвѣтлаго величества указъ; новопоставленному сему епископу переяславскому Захарію, якожъ и отъ Черниговскія епархіи новгородскому архимандриту Димитрію, писателю житіи святыхъ книгъ церкви святой благопотребныхъ, еще недоконченыхъ, пріѣзжати ко Москвѣ ради избранія въ Сибирскія митрополиты. Сицевому многочестному вашего царского величества монаршескому указу, всесмиренно повинуяся, отпущано ко престолу благодати вашего царского пресвѣтлаго величества съ препокорственнѣйшимъ поклоненіемъ и челобитьемъ сего новопоставленнаго епископа Захарію, молитвуя, да сподобится пріяти монаршескую милость и благодать обрящетъ во благовременную помощь; а въ помощь двойственную и ко обновленію того Переяславского епископства по многостолѣтномъ запустеніи и ко пособствованію моей крайней старости кончащейся, да возвращенъ будетъ вспять по милосердномъ вашего царского пресвѣтлаго величества призрѣнію для той двогубой зѣло нужной потребы и обновленія ради епископства и обветшалой ради моей митрополитанской старости; о семъ всепокорственно старческимъ моимъ слезнымъ моленіемъ челомъ бью; дерзая же прилагати моленіе и о писателю книгъ житіи святыхъ новгородцкомъ архимандритѣ Димитріи, яко и того здѣ возвращеніе на доканчаніе тѣхъ книгъ церкви святой многополезныхъ зѣло есть благопотребно, съ повторяемымъ стократнымъ моимъ челобитьемъ подъ монаршескія вашего царского пресвѣтлаго величества стопы препокорственно припадаю. Писася въ отчествѣ вашего царскаго пресвѣтлаго величёства въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, при церкви престольной митрополитанской святыя Софіи Пре-

мудрости Божія, въ лѣто отъ Рождества Христова 1701, мѣсяца генваря 29. Вашего царского пресвѣтлаго величества премилостивѣйшаго нашего великаго государя всегдашній богомолецъ нижайшій рабъ и подножіе недостойный митрополитъ кіевскій Варлаамъ старецъ" [1]).

Къ исторіи оспопрививанія въ Малороссіи. Печатаемый документъ найденъ въ г. Глуховѣ, черниговской губ., П. Я. Литвиновой на базарѣ, гдѣ въ него была завернута какая-то мелкая покупка. Очевидно, онъ попалъ къ торговкѣ изъ дѣлъ, проданныхъ какимъ-нибудь учрежденіемъ. Конецъ документа пропалъ, но и въ томъ видѣ, какъ документъ доставленъ редакціи—онъ представляетъ несомнѣнный бытовой интересъ. Оспопрививаніе въ Россіи завоевывало себѣ мѣсто, какъ извѣстно, чрезвычайно туго. Правительству приходилось нерѣдко прибѣгать даже къ насильственнымъ мѣрамъ, прежде чѣмъ населеніе сознало пользу оспопрививанія. Печатаемый нами документъ содержитъ въ себѣ одну изъ мѣръ, которыми правительство пользовалось при введеніи оспопрививанія — объясненіе пользы его съ церковной каѳедры при посредствѣ духовенства.

„1812 года Генваря 2 дня. По Указу Его Императорскаго Величества учрежденный въ городѣ Глуховѣ о прививаніи оспы Комитетъ слушалъ присланные въ оный при предписаніи Господина Черниговскаго Гражданскаго Губернатора въ копіяхъ записку, Высочайше одобренную въ 3-й день Маія прошлаго 1811 года, и предписаніе господина министра полиціи 25 тогожъ Маія къ господину губернатору послѣдовавшее, въ которомъ между протчимъ предположено: 1-е, поелику поясненіе пользы народу отъ прививанія коровьей оспы происходящей возложено было еще въ 1804 году на духовенство, что и донынѣ исполняется, то о семъ неизлишне и вновъ повторить, вменя въ особую обязанность пастирямъ духовнымъ, дабы они всемѣрно старались преклонять прихожанъ своихъ къ принятію сего спасительнаго средства, сравнивали въ приличныхъ и убѣдительныхъ виразеніяхъ дѣйствіе оспы натуральной съ оспою коровьею. Злу первой противу полагали благодѣянія второй, и даже подъ опасеніемъ гнѣва Божія вне-

---

[1]) Москов. Арх. Мин. Юст. Дѣло Кіевскаго Повытья, кн. 39, лл. 83-84.

ряли бы имъ мисль, что неупотреблять истинныхъ извѣстныхъ уже предохранительныхъ и цѣлебныхъ пособій въ свою или ближнихъ своихъ пользу, по одному предразсудку, упрямству или небреженію, значить отягощать совѣсть свою тяжкимъ преступленіемъ, сопряженнымъ нерѣдко съ самимъ человѣкоубійствомъ.—Къ вящему же достиженію въ ономъ успѣха со стороны духовенства и въ томъ наипаче разсужденіи, что примѣръ часто болѣе дѣйствуетъ на убѣжденіе человѣка, нежели и самое благоразумное увѣщаніе, небезъполезно учредить чтобъ тѣ дѣти, а особлово по деревнямъ, укоихъ привита была коровья оспа, по совершенномъ выздоровленіи приводимы были въ праздникъ или воскресный день, смотря поудобности мѣстнаго разстоянія и въ самую хорошую лѣтнюю погоду, въ церковъ для слушанія Божественной литургіи, коихъ и ставить въ переды на особомъ, отъ священника имъ назначенномъ мѣстѣ. Обязанность священника присемъ случаѣ должна состоять въ томъ, чтобъ онъ по окончаніи Богослуженія, для подражанія другимъ и для увѣренія въ безопасности и пользѣ привыванія коровьей оспы, обявлялъ имена виздоровѣвшихъ, равно упоминалъ бы, со свойственнымъ пастирю духовному увѣщаниемъ, и отѣхъ кои (ежели гдѣ къ нещастію случится) потеряли понебреженію своему семеннаго человѣка отъ натуральной оспы. 2-е. Комитетамъ же поставить въ непремѣнную обязанность приведенія въ извѣстность повсемѣстнаго въ каждой губерніи числа малолѣтнихъ дѣтей, у коихъ не было еще оспы, и веденіе имъ правильнаго щета, попеченне, чтобы вездѣ знающими людьми прививаема была всѣмъ дѣтямъ безъ изъятия коровья оспа, снабденіе прививателей свѣжею оспенною материею, и самоудобнѣйшими для сего дѣла инструментами, и наставление отъ медицинскихъ чиновниковъ желающимъ научится основательному прививанію. 3-е. Возложивъ посему на комитеты о распространеніи повсюду прививанія коровьей оспы и предоставя благоразумію и усердію къ общему добру членовъ ихъ, предписано употреблять на сей конецъ всевозможныя по мѣстному усмотрѣнію средства, и принимать дѣятельнѣйшія мѣры, для свидѣнія же правительства о успѣхѣ всеобщаго привыванія постановить такъ же правиломъ, чтобъ Губернские Комитеты, получая полугодовыя вѣдомости изъ Комитетовъ уѣздныхъ, по присланному образцу,...

На этомъ мѣстѣ рукопись оторвана.

Сообщила **П. Я. Литвинова.**

Опытъ составленія топографическаго описанія Кіевскаго намѣстничества въ концѣ XVIII в. Въ концѣ XVIII в. императрица Екатерина II поручила нѣкоему бригадиру Соймонову составить лично для нея топографическое описаніе всѣхъ намѣстничествъ. Нуждаясь въ матеріалахъ для подобныхъ описаній, Соймоновъ обратился за содѣйствіемъ къ генералъ-губернаторамъ, а эти послѣдніе—къ подчиненнымъ имъ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ. Ниже мы помѣщаемъ два письма Румянцева и м. Самуила (Миславскаго), какими они обмѣнялись по этому поводу.

Письмо Румянцева къ м. Самуилу: „Преосвященный Господинъ-Святѣйшаго Правительствующаго Синода членъ, архіепископъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Мой Милостивый Архипастырь! Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила господину бригадиру Соймонову сочинить для собственнаго Ея употребленія топографическое описаніе каждаго намѣстничества порознь, всемилостивѣйше позволяя ему, если о которомъ онъ достаточнаго свѣдѣнія имѣть не будетъ, истребовать оное отъ генералъ-губернаторовъ; и вслѣдствіе того сочинилъ онъ нѣкоторые запросы, кои при письмѣ ко мнѣ сообщилъ съ тѣмъ, что, какъ собраніе таковыхъ извѣстій по многочисленности предметовъ, въ оныхъ заключающихся, требуетъ довольно времени,—то просилъ о скорѣйшемъ доставленіи на первый случай хотя тѣхъ, кои безъ дальнѣйшихъ справокъ я имѣть могу, ибо въ полученіи оныхъ крайняя надобность теперь настоитъ, оставляя увѣдомленіе о прочихъ на предыдущее время. Я потому господамъ губернаторамъ здѣшнихъ губерній препоручилъ возложить собраніе сихъ извѣстій, по усмотрѣнію ихъ, на нѣкоторыхъ изъ членовъ присудственныхъ мѣстъ или на обывателей, ученіемъ или упражненіемъ въ таковыхъ дѣлахъ знаніе пріобрѣтшихъ, съ тѣмъ, чтобы прилежнѣйше они стараніе въ самоскорѣйшемъ того произведеніи въ дѣйствіе употребили; а всѣмъ городовымъ магистратамъ, земскимъ исправникамъ и городничимъ и до кого сіе принадлежать можетъ, предписать, дабы они въ поданіи надобныхъ извѣстій пособствовали; а землемѣры, кои всѣ чинъ положенія своего уѣзда знать должны, тоже съ своей стороны надобными описаніями пособствовали. И какъ во многихъ пунктахъ могутъ быть потребны объясненія и отъ духовныхъ правленій, то чтобы и со стороны тѣхъ тоже благоволено, покорно прошу вашего преосвященства онымъ въ паствѣ вашей находящимся предписать, для

чего и копію плана сего топографическаго описанія отъ помянутаго господина Соймонова присланнаго при семъ сообщаю [1]). Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Румянцевъ-Задунайскій.

1884 года, 3 апрѣля. Вишеньки [2]).

Митр. Самуилъ выразилъ полную готовность помочь этому доброму начинанію, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ его *отвѣтъ Румянцеву:* «Высокосіятельнѣйшій графъ, генералъ-фельдмаршалъ, милостивый государь! По содержанію всепочтеннѣйшаго вашего сіятельства письма относительно къ собранію извѣстій, для сочиненія топографическаго описанія потребныхъ, имѣю честь донести, что какъ монастырскимъ настоятелямъ, такъ и духовнымъ правленіямъ изъ консисторіи указами предписано, дабы они доставленіемъ таковыхъ свѣдѣній, кому слѣдуетъ, всемѣрно и безъ всякаго отлагательства споспѣшествовали.

Въ прочемъ съ моимъ къ вашего сіятельства особѣ высокопочитаніемъ, искреннѣйшею преданностію и молитвами пребуду и есмъ вашего сіятельства"... [3])

1784 года, апрѣля 15 дня. Кіевъ.

В. Д—скій.

О приглашеніи на службу въ Грузію чиновниковъ изъ Малороссіи. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1818 г. намѣстникъ Кавказа, извѣстный генералъ А. Ермоловъ, обратился къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Репнину съ просьбою содѣйствовать ему въ приглашеніи чиновниковъ на службу въ Грузію. «Верховнаго грузинскаго правительства казенная экспедиція, имѣя большой недостатокъ въ чиновникахъ, которые могли бы съ желаемымъ успѣхомъ по части счетной и губернскаго казначея мѣста бухгалтера и столоначальниковъ, проситъ содѣйствія моего на счетъ приглашенія ихъ изъ россійскихъ губерній. Уважая здѣсь существенную нужду въ сихъ людяхъ, и при томъ, не надѣясь, чтобы по общему вызову правительства можно было когда либо имѣть здѣсь хорошихъ людей въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ доселѣ сколько ни являлось ихъ изъ разныхъ губерній, всѣ они были или совершенно неспособные къ

---

[1]) Къ сожалѣнію, самаго этого плана намъ не удалось найти.

[2]) Арх. Кіев. Дух. Конс. 1784 г. № 759.

[3]) ibid (копія)

статскимъ дѣламъ, или дурного поведенія, а здѣшнее начальство, не смотря на крайній въ нихъ недостатокъ, принуждено было многихъ выслать обратно въ Россію; сіе обстоятельство вынуждаетъ меня безпокоить ваше сіятельство покорнѣйшею моею просьбою принять на себя трудъ, сколько для пользы службы, а не менѣе и въ особенное мнѣ одолженіе приказать склонить къ отъѣзду сюда на службу, по крайней мѣрѣ, отъ пяти до шести человѣкъ, если нельзя болѣе, изъ чиновниковъ, служащихъ въ черниговской и полтавской казенныхъ палатахъ, но такихъ, кои бы здѣсь могли быть употреблены съ пользою. Я не сомнѣваюсь, чтобы въ губерніяхъ сихъ, давно уже образованныхъ, нельзя было найти столько людей, хотя молодыхъ, но при похвальномъ поведеніи обѣщающихъ хорошіе успѣхи. Каждый изъ согласившихся сюда отправиться можетъ, при самомъ отправленіи, на основаніи существующаго постановленія получить слѣдующій чинъ, прогоны и впередъ за треть годовое жалованье. Сіе послѣднее назначается здѣсь бухгалтеру или столоначальнику по 350 р., а помощникамъ ихъ по 200 р. серебромъ, сверхъ того, по способностямъ и усердію могутъ надѣяться и другихъ отличныхъ награжденій, а современемъ занятія высшихъ мѣстъ.

Для лучшаго убѣжденія хорошихъ людей къ поѣздкѣ сюда, не излишнимъ считаю присовокупить, что описанія многихъ въ разсужденіи климата и другихъ неудобствъ не должны ихъ останавливать потому, что всѣ слухи, которые выходятъ въ публику о невыгодахъ здѣшняго края, есть совершенно ложные и распускаются одними и тѣми же людьми, которые отсюда, по негодности ихъ, высланы обратно въ Россію. Въ разсужденіе содержанія не будутъ они также имѣть никакого неудобства, потому что жизненные припасы здѣсь несравненно дешевле многихъ россійскихъ губерній, не говоря уже о столицахъ; а жалованье, выдаваемое имъ серебромъ, достаточно даже и для семейнаго человѣка, поелику за серебряный рубль даютъ мѣдныхъ три, а асигнаціями, которыя въ совершенномъ уже употребленіи, по четыре рубля и болѣе. Сверхъ того, всякій чиновникъ, служащій здѣсь, имѣетъ по отводу обывательскую квартиру безъ платы за постой денегъ. Зная давно правила вашего сіятельства и постоянное желаніе быть всегда полезнымъ службѣ и отечеству, я совершенно увѣренъ, что вы, милостивый государь, не откажете принять въ дѣлѣ семъ живѣйшаго участія, по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ краю, сколько благословенному по климату своему, столько же бѣдному хорошими

чиновниками. Въ заключеніе сего, я долгомъ поставляю покорнѣйше просить ваше с-во, если кто изъ таковыхъ чиновниковъ изъявитъ желаніе ѣхать сюда, то приказать немедленно ихъ отправить въ Тифлисъ, выдавъ каждому на счетъ здѣшней казенной экспедиціи прогонныя по чину деньги и третное жалованье, разсчитывая оное на серебро, какъ значитъ выше: бухгалтеру или столоначальнику изъ 350 р., а помощникамъ ихъ 200 рублеваго въ годъ оклада, и объ успѣхахъ по сему предмету не оставьте меня вашимъ увѣдомленіемъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

Кн. Репнинъ исполнилъ желаніе Ермолова и оповѣстилъ всѣ подвѣдомственныя ему учрежденія съ приглашеніемъ отправиться въ Грузію. Нашлось 23 человѣка, которые и были отправлены въ Грузію на условіяхъ, о которыхъ сказано въ письмѣ Ермолова.

Нѣсколько позже Ермоловъ вошелъ съ ходатайствомъ къ министру юстиціи Д. И. Лобанову-Ростовскому о разрѣшеніи въ законодательномъ порядкѣ всѣмъ увольненнымъ изъ духовныхъ училищъ ученикамъ, если они пожелаютъ ѣхать на службу въ Грузію, выдавать, сверхъ прогонныхъ денегъ, единовременно отъ 200 р. до 300 р. ассигнаціями. Эти недоучившіеся юноши должны были поступать въ качествѣ канцелярскихъ служителей. Ходатайство было уважено, о чемъ и послѣдовалъ указъ сената 1 марта 1820 года. (Архивъ полт. губ. правленія, по описи № 113, 1818 года).

И. Ф. Павловскій.

Ходатайство о бѣдной вдовѣ Василевской, родственницѣ св. Өеодосія Угличскаго. Черниговскій прокуроръ Георгій Бажановъ обратился въ 1818 г. съ слѣдующимъ письмомъ къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Н. Г. Репнину:

«Бѣдная вдова, надворная совѣтница Василевская на восьмомъ десяткѣ лѣтъ своихъ, борясь съ немощами и нищетою, прибѣгаетъ къ вашему с-ству съ нижайшею просьбою объ исходатайствованіи ей отъ щедротъ монаршихъ маленькаго подаянія за долговременную службу мужа ея. Будучи здѣшнимъ уроженцемъ, я помню еще въ малолѣтствѣ, что домъ Василевскихъ былъ нѣкогда изъ лучшихъ и добрые хозяева въ нихъ отличались ласками и гостепріимствомъ. Но, по времени, игра судьбы разными несчастными стеченіями и пожарами все

въ немъ истребила и оставила хозяйку въ глубокой старости, на болѣзненномъ одрѣ, умирать съ голоду. Смерть ей тѣмъ страшнѣе, что она имѣетъ маленькіе долги и боится умирать съ непокойною совѣстью, ибо она совершенная христіанка, а сверхъ того и ближайшая родственница покойному черниговскому архіерею Ѳеодосію Углицкому коего мощи здѣсь въ Борисоглѣбской церкви почиваютъ. Изобразивъ передъ вашимъ сіятельствомъ въ короткихъ словахъ горестное положеніе безпомощной женщины, я не стану уже утруждать просьбами за ея, увѣренъ будучи несомнѣнно, что она найдетъ наилучшаго ходатая въ собственномъ вашемъ сердцѣ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаньемъ и душевною преданностью вѣчно пребуду вашего сія-ва всенижайшій слуга Георгій Бажановъ.

Декабрь 21, 1818 г. Черниговъ.

На этомъ письмѣ, на верху, такая помѣта: «При первой поѣздкѣ въ Черниговъ, взять съ собою и припомнить князю, котораго мысль, чтобы сдѣлать для Василевской подписку». (Арх. полт. губ. правленія 1818 г. по описи № 157, л. 336).

И. Ф. Павловскій.

Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи (1800—1802 г.) [1]. Великому Господину, Высокопреосвященнѣйшему Гавріилу, Митрополиту Кіевскому и Галицкому и Кіево-Печерскія Лавры Священно-Архимандриту Академическаго Правленія Докладъ.

Указомъ Его Императорскаго Величества изъ Кіевской Духовной Дикастеріи сего августа 22 въ сіе Правленіе насланнымъ, по резолюціи Вашего Высокопреосвященства между прочимъ велѣно: „на мѣсто отправленнаго въ Новороссійскую семинарію низшаго класса грамматики учителя соборнаго іеромонаха Іоанникія представить Вашему Высокопреосвященству на утвержденіе кандидата“. Къ исполненію чего Академическое Правленіе приступая, а притомъ разсуждая 1-е, что въ высшемъ краснорѣчіи учителя не имѣется; ибо по утвержденному Вашимъ Высокопреосвященствомъ сего года іюня 1 дня сего Правленія докладу, высшее краснорѣчіе до окончанія только года препоручено латинской и россійской риторики учителю Никитѣ Соко-

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 4, отд. II, стр. 6—13.

ловскому; которое онъ, оставаясь при риторикѣ преподавалъ, но по важности сихъ обоихъ классовъ нужно опредѣлить порознь учителей и 2-е, классъ географическій и историческій, въ разсужденіи обширности своей, какъ преподавать одному учителю съ окончаніемъ ежегодно курса не совмѣстно, такъ и для учащихся проходить оный обременительно; равно и ариѳметическій классъ ради облегченія памяти юныхъ и лучшаго утвержденія нужнымъ почитается распространить, и оба оные классы такъ, какъ и математическіе къ латинскимъ классамъ привязать, съ тѣмъ чтобы учители ординарные ради лучшаго и исправнѣйшаго упражненія своихъ учениковъ по онымъ классамъ постепенно руководствовали легчайшимъ и способнѣйшимъ порядкомъ, и ученики бы съ окончаніемъ классовъ выходили свѣдущими въ сихъ предметахъ (не возбраняя притомъ и студентамъ высшихъ классовъ, если кто или ради повторенія или, и вновь начавъ, возымѣетъ надобность онымъ предметамъ обучаться); ежели же изъ ординарныхъ учителей кто на первый нынѣ случай окажется не свѣдущимъ въ сихъ знаніяхъ: то на мѣсто его препоручить оные экстраординарному. 3-е, ради изученія исправному при службѣ Божіей пѣнію (о чемъ и въ указѣ Св. Синода упомянуто) не безнужно открыть классъ нотнаго пѣнія. И 4-е, наконецъ, что при семъ распоряженіи слѣдуетъ поручить должности учительскія и прибывшимъ изъ московскаго университета студентамъ Михаилу Пишнячевскому и Даніилу Домонтову, полагаетъ мнѣніе:

I.

Быть учителями: 1) Священной богословіи Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандриту Иринею. 2) Философіи—префекту Академіи соборному іеромонаху Іакинѳу. 3) Высшаго краснорѣчія и высшаго французскаго класса—Никитѣ Соколовскому. 4) Еврейскаго и нижняго нѣмецкаго—Григорію Шехновскому. 5) Латинской и россійской риторики, также домашней и сельской экономіи—Дмитрію Иванишеву. 6) Поэзіи и высшаго класса чистой математики—Михаилу Пишнячевскому. 7) Высшаго грамматическаго класса и высшаго греческаго класса—іерею Стефану Семяновскому. 8) Средняго класса грамматики, средняго ариѳметики и втораго географіи—іеродіакону Серафиму. 9) Нижняго класса грамматики, нижняго греческаго, нижняго ариѳметическаго и перваго географическаго—Каллистрату Соколовскому. 10) Смѣшенной математики—іерею Трофиму Ляшкову. 11) Высшаго нѣмецкаго—Самуилу Хрпканову. 12) Нижняго класса чистой ма-

тематики и рисовальнаго искусства—Тимоѳею Максимовскому. 13) Польскаго языка и третьяго класса географіи и высшаго ариѳметики—Игнату Главацкому. 14) Нижняго французскаго и четвертаго географическаго—Даніилу Домантову. 15) Нотнаго пѣнія—Георгію Барановичу.

II.

Географію раздѣлить на четыре класса, ариѳметику на три, чистую математику по прежнему на два, изъ которыхъ математики классъ второй двухгодичнымъ долженъ оканчиваться курсомъ, такъ какъ приспособленный къ классу риторики, что обстоятельнѣе видѣть можно въ учиненномъ о семъ особомъ росписаніи.

III.

Нотнаго пѣнія классъ вновь открыть и быть три раза въ недѣлю во вторникъ, четвертокъ и субботу въ 6 часу пополудни, которое время прежде было назначено ради Академическаго собранія.

IV.

Какъ въ духовныхъ Академіяхъ проходящіе учительскія должности, а наче по ординарнымъ классамъ, непремѣнно должны изучиться и священной богословіи, о чемъ и въ спискахъ ежегодно въ Святѣйшій Синодъ посылаемыхъ отмѣчается; изъ отправленныхъ же было въ университетъ студентовъ для ученія Даніилъ Домонтовъ только окончилъ классъ философіи, для чего ему Домонтову и вступить въ классъ Богословія, но между тѣмъ быть ему и экстраординарнымъ учителемъ. Что все, а равно и учиненное о порядкѣ времени и жалованьѣ учителямъ особое росписаніе, Академическое правленіе, представляя на благоусмотрѣніе Вашему Высокопреосвященству, ожидаетъ на то Архипастырской резолюціи. Вашего Высокопреосвященства нижайшіе послушники: Академіи ректоръ, Кіево-Николаевскій архимандритъ Ѳеофилактъ, Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ и богословія учительИриней. Академіи префектъ учитель философіи соборный іеромонахъ Іакинфъ.

1800 года августа 31 дня.

На семъ докладѣ резолюція митрополита Гавріила послѣдовала такая: „Быть посему. Причемъ утверждаетъ здѣсь приложенное порядка преподаванія ученіе и опредѣленное жалованья росписаніе.

Росписаніе въ дополненіе сдѣланнаго 1799 г. росписанія: 1) въ какіе часы каждаго дня и какимъ наукамъ обучаться; 2) въ географическомъ съ исторіею и математическихъ классахъ чему именно въ якомъ обучаться; 3) какихъ классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обучаться; 4) сколько кому въ годъ жалованья. Учинено 1800 г. августа 31 дня.

I.

Въ какіе часы именно каждаго дня и какимъ обучать наукамъ.

Въ понедѣльникъ, среду и пятокъ.

По утру—въ 8 и 9 часу французскому языку въ обоихъ классахъ, въ 10 и 11 Латинскимъ классамъ, кромѣ высшаго краснорѣчія. По полудни—во 2 часу ариѳметикѣ, чистой и смѣшенной математикѣ во всѣхъ классахъ, въ 3 часу еврейскому языку и польскому и рисовальному искусству, въ 4 и 5 часу нѣмецкому языку въ обоихъ классахъ.

Во вторникъ и четвертокъ.

По утру въ 8 и 9 часу греческому языку въ обоихъ классахъ въ 10 и 11 латинскимъ классамъ кромѣ высшаго краснорѣчія. По полудни во 2 часу всѣмъ географическимъ классамъ, въ 3 и 4 высшему краснорѣчію, въ 5—сельской и домашней экономіи, въ 6—нотному пѣнію.

Въ субботу.

Въ 10 и 11 часу быть собранію, въ прочіе жъ часы такъ, какъ во вторникъ.

II.

Въ географическомъ съ исторіею классахъ чему именно обучать:

Въ первомъ классѣ:

Преподавать введеніе въ географію какъ то: названіе географіи, положеніе земли, названіе круговъ, раздѣленіе земли на ея части, раздѣленіе частей по государствамъ, познаніе океана, горъ, озеръ и главнѣйшихъ рѣкъ и раздѣленіе познанія предѣловъ Россійскаго государства, пространства, морей, горъ, озеръ и рѣкъ и раздѣленіе онаго по губерніямъ.

Познаніе объ исторіи вообще, о раздѣленіи времени по періодамъ, или эпохамъ, библейскую исторію вообще; какое государство съ котораго началось времени, кто его основатель или первый государь и родословное исчисленіе россійскихъ государей.

Во второмъ классѣ:

Преподавать главное раздѣленіе всѣхъ государствъ, какъ то по провинціямъ или округамъ; какая въ нихъ господствующая и какая терпимая вѣра; какой столичный городъ и въ немъ число жителей, какъ титулуютъ государя, сколько во всемъ государствѣ жителей и воинской силы, какія горы, рѣки и озера,—познаніе о качествахъ земли и произведеніяхъ россійскаго государства и раздѣленіе по уѣздамъ.

Первую часть всемірной исторіи, то есть исторію древнюю, также Россійской исторіи три періода.

Въ третьемъ классѣ:

Первую часть всеобщаго землеописанія по городамъ и мѣстамъ съ описаніями, къ нимъ принадлежащими, также объ обитателяхъ россійскаго государства, о внутреннемъ его устроеніи, описаніе уѣздовъ и другихъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ пространномъ землеописаніи россійскаго государства.

Вторую часть всемірной исторіи, то есть первую часть новой исторіи, и россійской исторіи четвертый и пятый періодъ,—чѣмъ россійская исторія и оканчивается.

Въ четвертомъ классѣ.

Вторую часть всеобщаго землеописанія по городамъ съ описаніями имъ принадлежащими и математическую географію.

Послѣднюю часть всемірной исторіи, то есть второй томъ новой исторіи.

Въ математическихъ классахъ.

1) Въ нижнемъ ариѳметики классѣ преподавать начала ариѳметики о числахъ, о четырехъ правилахъ исчисленія, то есть сложеніи, вычитаніи, множеніи и дѣленіи.

2) Въ среднемъ классѣ правила именованныхъ чиселъ, дробей простыхъ и десятичныхъ, квадратовъ и кубическихъ чиселъ.

3) Въ высшемъ классѣ правила ариѳметическихъ и геометрическихъ пропорцій, прогрессій, также логариѳмовъ и правила тройное, товарищества и прочія.

Чистой математики:

4) Въ нижнемъ классѣ изъ геометріи лонгиометрію и планиметрію; изъ алгебры: начальныя дѣйствія, также о дробяхъ и квадратахъ.

5) Въ высшемъ классѣ.

Перваго года изъ геометріи: штереометрію,—чѣмъ оканчивается вся геометрія. Изъ алгебры: о изобрѣтеніи и приведеніи уравненій при рѣшеніи задачъ, къ пропорціи и прогрессіи принадлежащихъ, и теоретическія правила тригонометріи, заключаемыя въ трехъ главахъ.

6) Втораго года изъ алгебры: конструкцію до окончанія всей алгебры; а изъ тригонометріи отъ практическихъ задачъ до окончанія всей тригонометріи.

Въ классѣ смѣшенной математики.

Перваго года архитектуру гражданскую и военную, также изъ первой части механику и идростатику.

Второго года аерометрію, идравлику, оптику, катоптрику, діоптрику и перспективу.

Третьяго года вторую часть, то есть тригонометрію сферическую, начала астрономіи, географію, идрографію, игномонику и хронологію.

III.

Какихъ классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обучаться.

Нижняго грамматическаго класса ученикамъ обучаться польскому языку, яко въ сей и другихъ сосѣдственныхъ къ ней губерніяхъ употребляемому, ариѳметикѣ, географіи и исторіи.

Средняго грамматическаго класса ученикамъ продолжать польскій языкъ, ариѳметику, географію и исторію.

Высшаго грамматическаго класса ученикамъ продолжать ариѳметику и географію и начинать нѣмецкій или французскій языкъ по ихъ способности.

Поэзіи ученикамъ продолжать географію, исторію, начатые ими языки и обучаться чистой математикѣ, и священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ безъ исключенія начать греческій языкъ.

Въ риторикѣ ученикамъ продолжать начатые языки и обучаться чистой математикѣ, а священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ всѣмъ продолжать греческій языкъ.

Студентамъ философіи обучаться смѣшенной математикѣ, а священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ продолжать греческій и еврейскій языки.

Богословіи студентамъ продолжать смѣшенную математику, также и начатые языки.

Въ классѣ высшаго краснорѣчія обучаться всѣмъ студентамъ философіи и богословія; симъ же студентамъ въ особенные часы, въ 1 пунктѣ показанные, обучаться сельской и домашней экономіи.

Рисовальному искусству обучаться по произволенію учениковъ всѣхъ классовъ имѣющихъ къ оному и способность по правиламъ.

Нотному пѣнію обучаться всѣмъ священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ и желающимъ вступить въ священническую и церковнослужительскую должность.

IV.

Сколько кому и за что изъ учителей получать жалованье: Богословіи учителю триста пятьдесятъ рублей, префекту и философіи учителю триста рублей, высшаго краснорѣчія двѣсти рублей, латинской и россійской риторики двѣсти руб., латинской и россійской поэзіи сто восемьдесятъ рублей, высшаго класса грамматики сто пятьдесятъ руб., средняго класса грамматики сто тридцать рублей, нижняго класса грамматики сто десять рублей. Экстраординарнымъ. Французскаго высшаго класса нынѣшнему учителю 200 р., а впредь будущему 150 р., нижняго класса 100 р., греческаго высшаго класса 150 руб., нижняго класса—100 рублей, нѣмецкаго высшаго класса—150 руб., нижняго класса—100 р , еврейскаго—100 р., польскаго—80 руб., смѣшенной математики—100 руб., высшаго чистой математики—80 р., нижняго чистой математики—70 р., ариѳметики высшаго класса—50 р., средняго класса 40 р., нижняго класса—30 рублей. Географіи съ исторіею четвертаго класса—50 рублей, третьяго класса—40 р., второго класса—30 р., перваго класса—30 рублей; экономіи—50 рублей, рисовальнаго искусства—30 р., нотнаго пѣнія—30 рублей.

Академіи ректоръ Кіево-Николаевскій архимандритъ и кавалеръ Ѳеофилактъ. Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ и священной богословіи учительИриней Фальковскій. Академіи префектъ философіи учитель соборный іеромонахъ Іакинѳъ.

Къ выше приведеннымъ докладамъ правленія Кіевской Духовной Академіи считаю не излишнимъ присовокупить, что это правленіе

2 сентября 1802 г. докладывало кіевскому митрополиту Гавріилу (Банулеско) о разрѣшеніи преподавать воспитанникамъ Академіи «начала врачебной науки и открыть особый французскій классъ для способнѣйшаго и удобнѣйшаго пріобрѣтенія способности говорить по-французски, въ которомъ бы (классѣ) можно имѣть навыкъ разговоровъ и занимать учениковъ единственно оными, съ показаніемъ свойства французскаго языка и исправленіемъ выговора». Для преподаванія „первоначальныхъ правилъ врачебной науки" и для обученія разговорному французскому языку правленіе академіи предназначило по четыре урока въ недѣлю. Преподавателемъ разговорнаго французскаго языка предназначался природный французъ Компаніонъ съ назначеніемъ жалованья по 150 рублей въ годъ. Касательно жалованья преподавателю „врачебной науки"—въ докладѣ ничего не сказано. Докладъ правленія подписали: ректоръ академіи, Кіево-Николаевскій архимандритъ Ѳеоѳилактъ; Кіево-Братскаго монастыря архимандритъ и богословія учительИриней; академіи префектъ, философіи учитель соборный іеромонахъ Іакинѳъ.

На докладѣ резолюція послѣдовала такая: «4 сентября 1802 года—Быть посему».

Докладъ хранится въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора.

Прот. **Петръ Орловскій.**

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 6995 руб. 18 к. (см. № 4), вновь поступило: 1) отъ Правленія Литературно-Артистическаго Общества (выручка съ концерта 19-го декабря 1903 года)—403 р. 61 коп.; 2) И. И. Гудзовенко—5 р.; 3) Ю. И. Тиховскаго—10 р.; всего вмѣстѣ съ прежними 7413 р. 79 коп., изъ которыхъ 1021 р. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка, 286 руб.—въ билетѣ дворянскаго съ выигрышами займа, а 6016 р. 39 коп. на пріобрѣтеніе дачи. Сверхъ того, имѣется на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка 219 р. 49 к., изъ которыхъ въ прошлый мѣсяцъ поступило 5 р. отъ семинаристовъ Новобугской Учительской Семинаріи.

Текущія извѣстія.

Похороны М. П. Старицкаго. 14-го апрѣля скончался въ Кіевѣ извѣстный украинскій писатель Михаилъ Петровичъ Старицкій, памяти котораго мы посвящаемъ въ настоящей книгѣ журнала особую статью, принадлежащую перу нашей уважаемой сотрудницы Олены Пчилки. На другой день послѣ смерти его, въ мѣстныхъ газетахъ появились объявленія о времени похоронъ и некрологи. Изъ разныхъ городовъ стали получаться телеграммы, то на имя вдовы покойнаго, та на адресъ нашей редакціи, съ выраженіями чувства горести объ утратѣ горячаго украинскаго патріота и щираго работника на полѣ украинской литературы. 16-го апрѣля въ 1 часъ дня назначенъ былъ выносъ тѣла изъ квартиры въ бижайшую церковь, а затѣмъ, послѣ отпѣванія въ церкви, похороны на Байковомъ кладбищѣ. Ко времени выноса тѣла изъ дому явилось очень много друзей и почитателей покойнаго, такъ-что по улицѣ былъ очень затрудненъ проѣздъ. Вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ, оказалось такое большое количество, что ихъ нельзя было помѣстить на катафалкѣ и пришлось послать за спеціальной колесницей. Въ пути отъ квартиры до церкви и отъ церкви до кладбища, кромѣ спеціальнаго церковнаго хора, пѣлъ еще хоръ земляковъ-любителей, состоявшій преимущественно изъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Въ церкви, во время отпѣванія, произнесъ краткое надгробное слово священникъ М. И. Вишневецкій, который прекрасно отмѣтилъ выдающіяся заслуги покойнаго предъ родиной, какъ писателя, который тѣмъ болѣе долженъ быть цѣнимъ нами, что онъ въ своей работѣ для пользы народа неустанно шелъ своей дорогой, хотя немало горя испыталъ на этомъ пути; современная критика въ достаточой степени оцѣнила уже его труды, но правдивый судъ исторіи дастъ впереди еще болѣе полную и справедливую оцѣнку его дѣятельности.

Отъ церкви до самаго кладбища гробъ несли на рукахъ студенты разныхъ учебныхъ заведеній На кладбищѣ, послѣ того какъ пропѣта была «вѣчная память», произнесъ первую рѣчь Л. А. Куперникъ, который, высказавъ сожалѣніе, что не владѣетъ украинскимъ языкомъ и потому не можетъ говорить рѣчью, родною для покойника, отмѣтилъ тотъ фактъ, что М. П. Старицкій принадлежалъ къ числу благородныхъ дѣятелей, сохранившихъ въ себѣ лучшіе идеалы и завѣты 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Онъ всегда былъ однимъ изъ борцовъ за

слово, и если не легко живется вообще русскому писателю, то ему, какъ украинскому писателю, жилось еще тяжеле. Не взирая на это, онъ всегда неуклонно шелъ по этому тернистому пути. Не смотря на свое дворянское, благородное, происхожденіе, а можетъ быть именно благодаря ему, Михаилъ Петровичъ возлюбилъ простой народъ и, считая *слово* органомъ просвѣщенія, отдалъ всѣ свои силы для труда надъ роднымъ словомъ. Заслуги его предъ родной литературой такъ велики, что имя его будетъ жить до тѣхъ поръ, пока жива будетъ украинская рѣчь. Слѣдовавшее затѣмъ слово сказано было по-украински М. М. Старенкомъ. „Дорогый батьку, незабутный вчытелю!—такъ началъ ораторъ. Въ останній разъ прыйшлы мы до тебе зложыты поклинъ; въ останній разъ прыйшлы мы сказаты тоби прощальне свое слово. И невыразный жаль обгортае насъ пры думци, що за хвылыну въ отсій темній и холодній домовыни навикы заховани будуть твои найкращи почуття, найлипши думы и порывання. Та не мы одни плачемо теперъ за тобою,—плаче вся наша матиръ Украина и луна іи тяжкый стогинъ по стенахъ нашои краины, по вильныхъ Карпатахъ Галычыны, и шумлывыхъ гаяхъ зеленои Буковыны. Плаче наша матиръ, бо згубыла свого щырого сына, того сына, що будывъ въ насъ „любовь до обездоленого люду“, що просывъ насъ „не тратыть и хвылыны, поки ще стогне темный братъ“. И нашъ небижчыкъ, справди, не тратывъ марно часу, доказомъ чого служыть вся его литературна діяльнисть. За тую працю ему прынесла вже свою подяку Украина и своимы творамы винъ зложывъ уже соби нерукотворный памьятныкъ“.—Было сказано затѣмъ краткое и прочувствованное слово Н. В. Лисенкомъ, который былъ почти всю жизнь связанъ съ покойнымъ не только узами родства, но и постоянными совмѣстными съ нимъ работами. „Дорогый брате и друже Мыхайле! Важко мени стояты надъ твоею домовыною и бачыты, що мы заразъ навикы розлучымося зъ тобою. Але знаю, хочъ ты тиломъ вмеръ, такъ заслугы твои невмырущи. Те дило, якому ты честно служывъ, росте, и ты не мало втишывся-бъ, колы-бъ побачывъ, якъ несла тебе на своихъ раменахъ отся вся молодь, що виддала шану твоимъ думкамъ и твоїй праци и що понесе и въ жыття виру въ те дило, якому служывъ и виддавъ сылы й ты, брате Мыхайле“.

Было еще прочитано А. Коваленкомъ стихотвореніе, было произнесено еще нѣсколько рѣчей, и гробъ опущенъ былъ въ могилу; послышались удары земли о крышку гроба— и скрылся на вѣки отъ

насъ милый, симпатичный обликъ покойнаго, почтеннаго работника на нивѣ родной намъ литературы, честнаго гражданина, добраго товарища. Миръ праху твоему, дорогой сердцу Михаилъ Петровичъ!

Засѣданіе Московской музыкально-этнографической коммиссіи, посвященное украинской музыкѣ. 7-го апрѣля состоялось въ Москвѣ соединенное засѣданіе музыкально-этнографической коммиссіи и этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества естествознанія, антропологіи и географіи, въ которомъ интеллигентная часть Москвы имѣла случай познакомиться съ украинской народной музыкой. Секретарь коммиссіи Е. Э. Линева прочитала докладъ подъ заглавіемъ «Малорусскія народныя пѣсни и ихъ собиратели. По поводу лѣтней поѣздки съ музыкально-этнографической цѣлью». Г-жа Линева осталась вообще довольна своей поѣздкой и вынесла прекрасное впечатлѣніе отъ слышанныхъ ею пѣсенъ. По ея словамъ, когда она наводила предварительныя справки въ Полтавѣ, ей приходилось слышать довольно пессимистическія мнѣнія о теперешнихъ украинскихъ пѣсняхъ: онѣ, будто бы, портятся, вымираютъ. Однако дѣйствительность разубѣдила ее въ томъ, когда она прибыла въ одно изъ глухихъ селъ Полтавщины: она нашла здѣсь чистые, живые образцы народнаго творчества. Передавъ слушателямъ свои впечатлѣнія отъ пѣсенъ въ связи съ украинской природой, докладчица сообщила затѣмъ теоретическія данныя объ украинскомъ музыкальномъ творчествѣ, какъ-то: дѣленіе пѣсенъ по родамъ (веснянки, петривки и т. д.), музыкальное строеніе малорусской пѣсни и ея отличіе отъ великорусской. Въ послѣднемъ случаѣ докладчица сослалась на мнѣніе Н. В. Лисенка, который между прочимъ ставитъ въ связь особенности малорусской и великорусской пѣсни съ національнымъ складомъ и характеромъ малорусскаго и великорусскаго народа. Находя вполнѣ вѣрнымъ сопоставленіе характера малоросса съ его пѣсней, г-жа Линева не можетъ согласиться съ подобнымъ же объясненіемъ почтеннаго композитора по отношенію къ великорусской пѣснѣ. Въ заключеніе г-жа Линева упомянула о бандуристахъ и лирникахъ, которые особенно ее интересовали. Для записи кобзарскихъ думъ, также какъ и для всѣхъ другихъ пѣсенъ, докладчица примѣняла фонографъ. Это представляло нѣкоторыя затрудненія, т. к. слѣпые пѣвцы, не видя трубы фонографа, не могли надлежащимъ образомъ направлять свои звуки. Поэтому г-жа Линева

обыкновенно ставила фонографъ на полъ, направляя трубу немного вверхъ. Съ особенной симпатіей отзывается г-жа Линева о самихъ бандуристахъ, объ ихъ кроткомъ характерѣ, честности и безкорыстіи.

Докладъ былъ иллюстрированъ исполненіемъ нѣсколькихъ пѣсенъ изъ записи г-жи Линевой, а также одной (свадебной), записанной Н. А. Янчукомъ; пѣлъ женскій хоръ подъ управленіемъ г-жи Линевой. Кромѣ того Н. Г. Филянскій исполнилъ нѣсколько духовныхъ стиховъ съ аккомпаниментомъ лиры. Къ сожалѣнію только, не явился обѣщавшій свое участіе В. М. Шевченко, который долженъ былъ спѣть нѣсколько козацкихъ думъ съ аккомпаниментомъ бандуры и кромѣ того дирижировать мужскимъ любительскимъ хоромъ, составившимся изъ учащихся въ Москвѣ малороссовъ.

Публика, состоявшая главнымъ образомъ изъ уроженцевъ Малороссіи, сопровождала исполненіе музыкальныхъ номеровъ горячими знаками одобренія.

Концерты крестьянскаго Охматовскаго хора. Извѣстный крестьянскій хоръ с. Охматова (кіевской губ.), подъ управленіемъ П. Д. Демуцкаго, въ настоящее время предпринялъ устройство цѣлаго ряда концертовъ въ разныхъ городахъ, и между прочимъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ побывалъ въ Кіевѣ. Здѣсь хоръ, въ составѣ около 70 человѣкъ, главнымъ образомъ дѣтскаго возраста, прогостилъ 4 дня, помѣстившись въ свободныхъ залахъ Народнаго дома Кіевскаго Общества Грамотности. Въ Кіевѣ Охматовскій хоръ далъ два концерта, изъ которыхъ первый состоялся въ залѣ Купеческаго собранія съ благотворительной цѣлью и потому цѣны назначены были обычныя для такихъ случаевъ, слѣдовательно—концертъ разсчитанъ былъ на публику изъ болѣе состоятельныхъ классовъ; другой же концертъ данъ былъ въ театрѣ Кіевскаго Общества Грамотности, которымъ онъ и былъ устроенъ, съ любезнаго согласія руководителя хора и самихъ крестьянъ, и носилъ характеръ вполнѣ народнаго концерта, такъ какъ цѣны были назначены самыя дешевыя. На первомъ концертѣ публики было не особенно много, второй же прошелъ почти при полномъ сборѣ и привѣтствованъ былъ публикой съ большимъ одушевленіемъ.

Исторія зарожденія хора, личность его организатора и манера пѣнья настолько любопытны, что слѣдуетъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ. Докторъ Порфирій Даниловичъ Демуцкій, помѣщикъ

Таращанскаго уѣзда, Кіевской губ., лѣтъ 15—20 назадъ принимавшій дѣятельное участіе въ любительскомъ хорѣ Н. В. Лисенка, организовалъ въ с. Охматовѣ того же уѣзда нѣсколько лѣтъ тому назадъ хоръ изъ мѣстныхъ крестьянъ численностью до 180 человѣкъ, состоящій изъ дѣтей, дѣвушекъ и хлопцевъ. Обученіе идетъ не по нотамъ, а съ голоса. Репертуаръ состоитъ изъ пѣсенъ религіознаго, историческаго и бытового содержанія. Въ виду того, что хористы по національности украинцы, пѣсни преимущественно украинскія. Н. Д. Демуцкій смотритъ на дѣло организаціи народнаго хора исключительно съ идейной точки зрѣнія. Онъ желаетъ поддержать и укрѣпить въ народномъ обиходѣ прекрасныя народныя пѣсни, вытѣсняемыя солдатскими, фабричными и просто кабацкими.

Книгоиздательство „Викъ“. Какъ видно изъ каталога изданій, вышедшаго недавно въ Кіевѣ подъ заглавіемъ «Викъ», дѣло это находится въ хорошихъ рукахъ.

Вниманію публики предлагается пока 22 тома произведеній украинскихъ писателей и 35 названій народныхъ книгъ. Какъ видно изъ первой, изданной въ 1894 г., брошюры «У тесной бабы» Ол. Кониськаго, работа издательства идетъ уже 10 лѣтъ. Первые годы дѣятельности были мало интенсивны и ограничивались исключительно изданіемъ народныхъ листовокъ. Въ 1899 году появилась первая книга для интеллигентныхъ читателей. Иванъ Левицькый т. I, а въ слѣдующемъ году—«Викъ», т. I, послѣ чего книгоиздательство быстро выросло и уже въ прошломъ году выпустило 8 томовъ для интеллигенціи и 11 брошюръ для народа. Принявъ во вниманіе трудность изданія украинскихъ книгъ и то обстоятельство, что всѣ рукописи посылаются въ Петербургъ, въ главное управленіе по дѣламъ печати, нужно отдать должное энергіи и работоспособности книгоиздательства «Викъ». Судя по качеству изданныхъ первыхъ томовъ многихъ авторовъ, надо предположить, что фирма «Викъ» широко разовьетъ свою дѣятельность и дастъ украинской интеллигенціи и народу лучшія произведенія украинскаго слова, въ чемъ ощущается у насъ насущная потребность. До сихъ поръ всѣ вышедшія книги изданы прекрасно, и цѣны на нихъ ниже среднихъ рыночныхъ цѣнъ, даже сравнительно съ русскими изданіями. Это много говоритъ въ пользу книгоиздательства, такъ какъ

обыкновенно однимъ изъ препятствій на пути къ распространенію украинскихъ книгъ стояла ихъ дороговизна.

Школа имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Школу эту предположено было выстроить на склонѣ Николаевской горы, фасадомъ по Николаевской улицѣ, ниже того мѣста, гдѣ стоитъ домъ, нѣкогда принадлежавшій «батькови украинськои литератури», т. е. тамъ, гдѣ проектировался «Ивановъ Гай». Не будучи вполнѣ увѣрено въ надежности этого мѣста съ технической стороны, гор. управленіе командировало для изслѣдованія его своихъ спеціалистовъ—инженера и архитектора, которые при поверхностномъ ознакомленіи вынесли также впечатлѣніе, что строить тамъ капитальное двухэтажное зданіе рискованно. Съ окончательнымъ выводомъ они предпочли воздержаться до болѣе тщательнаго изслѣдованія почвенныхъ условій путемъ буренія, до окончанія котораго остается открытымъ вопросъ о постройкѣ школы имени Котляревскаго, а слѣдовательно и другой вопросъ объ отводѣ въ этомъ мѣстѣ участка земли для постройки зданія подъ пріютъ-ясли, проектируемый Подольскимъ участковымъ попечительствомъ. Между прочимъ, мы слышали, что городская управа разсчитываетъ при постройкѣ школы имени Котляревскаго на отпускъ губернской земской управой въ кредитъ всего необходимаго строительнаго матеріала.

Къ съѣзду славянскихъ филологовъ и историковъ. Лица, намѣченныя къ приглашенію участвовать въ съѣздѣ славянскихъ филологовъ и историковъ, получили недавно слѣдующее оффиціальное извѣщеніе.

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ имѣетъ честь сообщить Вамъ, что осуществленіе Съѣзда славянскихъ филологовъ и историковъ въ предположенный ранѣе срокъ (съ 31 августа [13 сент.] по 10 сент. [23 сент.] 1904 г.), въ виду войны найдено неудобнымъ. О времени созыва Съѣзда въ будущемъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности извѣститъ Васъ въ свое время.

Доклады, которые могли бы быть Вами предложены Съѣзду, Отдѣленіе проситъ Васъ прислать по его адресу для напечатанія. Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности *А. Веселовскій*. Предсѣдатель Организаціонной Коммиссіи *А. Пыпинъ*.

Предполагаемый съѣздъ украинскихъ актеровъ. Въ виду того, что дѣло украинской сцены развивается съ каждымъ годомъ все шире и шире, способствуя организаціи многихъ мелкихъ труппъ, разъѣзжающихъ по разнымъ городамъ, особенно въ лѣтнее время, положеніе артистовъ этихъ труппъ требуетъ большаго урегулированія ихъ правъ и взаимныхъ отношеній съ антрепренерами. Какъ слышно, въ 1905 году великимъ постомъ предположено созвать въ Харьковѣ съѣздъ украинскихъ актеровъ для выясненія ихъ нуждъ и установленія извѣстныхъ нормъ въ ихъ правовомъ положеніи.

Юбилейная выставка Харьковскаго Университета. Недавно отпечатана программа юбилейной выставки, устраиваемой въ 1905 г. при Харьковскомъ университетѣ, по случаю его столѣтія. Программа разослана профессорамъ Харьковскаго университета и разнымъ лицамъ, могущимъ оказать содѣйствіе для устройства выставки. Въ настоящее время отъ нѣкоторыхъ лицъ и учрежденій поступаютъ разные предметы для выставки, а кромѣ того, устроители выставки получили отъ многихъ лицъ обѣщаніе доставить портреты, рукописи и вещи. Такъ, извѣстный собиратель эстамповъ, гравюръ и рукописей П. Я. Дашковъ обѣщалъ прислать для выставки разные рисунки и рукописи, относящіеся къ г. Харькову, Харьковскому университету, его профессорамъ и питомцамъ. Всѣ, кому извѣстны рѣдкая полнота и цѣнность коллекцій П. Я. Дашкова, легко поймутъ, что его содѣйствіе имѣетъ громадное значеніе для удачнаго выполненія выставочной коммиссіей ея задачи.

Музей Харьковскаго университета. Какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», Харьковскій Университетъ возбудилъ ходатайство передъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ ассигнованіи суммы въ 200 т. руб. на постройку зданія для музеевъ историко-филологическаго факультета. По слухамъ, этотъ проектъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно Министерствомъ, и вопросъ о просимой суммѣ долженъ былъ разрѣшиться вполнѣ удовлетворительно въ мартѣ. Но началась русско-японская война, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, были сокращены расходы всѣхъ вѣдомствъ, а это отразилось на судьбѣ будущаго музейскаго зданія. Въ настоящее время въ Харь

ковскомъ Университетѣ получено уже извѣщенiе, что предположенная постройка музея не можетъ состояться, такъ какъ г. Министръ Финансовъ затрудняется ассигновать необходимую для этого сумму вслѣдствiе большихъ расходовъ казны на военныя нужды. Поэтому г.г. Министръ Финансовъ и управляющiй Министерствомъ Народнаго Просвѣщенiя, не касаясь ни размѣровъ испрашиваемой университетомъ суммы, ни сопряженныхъ съ устройствомъ музеевъ постоянныхъ расходовъ, полагаютъ необходимымъ отложить постройку означеннаго зданiя до болѣе удобнаго времени.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Общее собранiе „Наукового Товарыства имени Шевченка во Львовѣ“. 22-го марта состоялось общее собранiе (загальни сборы) „Наукового Товар. имени Шевченка“. На этотъ разъ общее собранiе представляло особенный интересъ, въ виду обсужденiя проектовъ измѣненiя существующаго устава. Такихъ проектовъ представлено было два, изъ которыхъ одинъ доложенъ былъ д-ромъ Днистрянскимъ, а другой д-ромъ Франкомъ. Первый касался измѣненiя существующаго устава, главнымъ образомъ, въ смыслѣ созданiя особаго „совѣта“ (рады) для завѣдыванiя ходомъ научныхъ работъ „Товарыства“. Этотъ „совѣтъ“ долженъ состоять только изъ дѣйствительныхъ членовъ секцiй и представлять собою особый органъ, единственно компетентный въ рѣшенiи вопросовъ научныхъ и въ распредѣленiи фондовъ «Товарыства», предназначаемыхъ на научныя цѣли. Въ настоящее же время всѣми этими дѣлами завѣдываетъ «выдилъ», въ составъ котораго могутъ входить и члены, не работающiе на полѣ науки, а потому, по мнѣнiю проекта, не могущiе какъ слѣдуетъ дѣлать распредѣленiя фондовъ на научныя предпрiятiя Общества; новый-же органъ „рада“, отъ котораго «выдилъ» долженъ находиться въ зависимости, будетъ вполнѣ отвѣчать этимъ условiямъ. Второй проектъ, доложенный, какъ сказано, д-ромъ Франкомъ, оставляетъ въ существѣ безъ измѣненiй старый уставъ и только вводитъ нѣкоторыя мелкiя дополненiя. Единственно крупнымъ измѣненiемъ въ этомъ проектѣ является предложенiе, чтобы отдѣлы наукъ юридическихъ и медицинскихъ были совершенно исключены изъ дѣятельности «Наукового Товарыства». Дебаты по поводу внесенныхъ проектовъ тянулись очень долго и закончились побѣдой

второго проекта, въ которомъ только не было принято предложеніе объ исключеніи изъ области дѣятельности «Товарыства» наукъ юридическихъ и медицинскихъ.

Въ этомъ же общемъ собраніи избраны въ почетные члены Н. В. Лисенко—за его заслуги въ области разработки родной музыки, д-ръ И. Франко—за его научныя работы, и проф. Громницкій—за многолѣтніе труды въ администраціи Общества.

Русинскій національный театръ во Львовѣ. Какъ извѣстно, въ Галичинѣ въ текущемъ году идутъ усиленные сборы пожертвованій среди русиновъ на созданіе во Львовѣ своего національнаго театра. Планъ и фасадъ зданія разработанъ извѣстной вѣнской фирмой «Гелмеръ и К°». Судя по рисунку будущаго театра, который напечатанъ въ „Дили“, зданіе будетъ очень величественное. Польская газета «Przeglad» отзывается о немъ такъ: «зданіе выдержано въ строгомъ бароковомъ стилѣ и стоитъ на возвышеніи нѣсколькихъ метровъ отъ улицы, вслѣдствіе чего не производитъ впечатлѣнія зданія тяжелаго и вросшаго въ землю, какъ это, къ сожалѣнію, случилось съ польскимъ театромъ во Львовѣ“. Мы сообщили уже краткія свѣдѣнія объ этомъ національномъ предпріятіи русиновъ (см. № 1-ый); теперь добавимъ, что на пріобрѣтенномъ подъ театръ мѣстѣ уже начаты предварительныя работы, и, вѣроятно, не въ далекомъ будущемъ мы увидимъ во Львовѣ новый знакъ подъема и роста національнаго самосознанія русиновъ, которымъ, вслѣдъ за храмомъ искусства, придется добыть себѣ еще и самостоятельный храмъ науки, т. е. русинскій университетъ.

Львовскій университетскій споръ. Верховный имперскій судъ въ Вѣнѣ разбиралъ споръ львовскихъ русинскихъ студентовъ съ львовскимъ университетскимъ сенатомъ и министерствомъ просвѣщенія. Студенты хотѣли, чтобы имъ давались легитимаціи на родномъ языкѣ и чтобы позволено было при имматрикуляціи давать присягу по-русински. Университетскій сенатъ отвергъ ихъ просьбу, ссылаясь на министерское распоряженіе 1879 года, признающее оффиціальнымъ языкомъ львовскаго университета языкъ польскій. Когда студенты обратились съ жалобой въ министерство, то послѣднее стало на точку зрѣнія сената. Теперь дѣло было передано на разрѣшеніе верховнаго

суда. Представитель студентовъ, адвокатъ Крыжановскій, доказывалъ, что университетскій сенатъ нарушаетъ права студентовъ, признанныя § XIX основныхъ законовъ. Представитель министерства защищалъ практику университета указаніемъ на то, что легитимація и имматрикуляція—внутренніе, чисто университетскіе акты, и студенты въ нихъ являются по отношенію къ университетскимъ властямъ не „стороной", а подчиненными. Верховный судъ призналъ практику сената законной. Такимъ образомъ, процессъ проигранъ русинами.

БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Комаровъ.—Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. *Одесса, 1903, ст. 140+4 ненум.*

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ «Кіевской Старины» [1]) мы уже отмѣтили появленіе книжки М. Комарова и сообщили посильныя замѣчанія по поводу нея. Съ тѣхъ поръ въ русской періодической литературѣ появилось нѣсколько отзывовъ объ упомянутой книжкѣ, не дающихъ однако много новаго матеріала. За то во львовскомъ историческомъ журналѣ—«Записках Наукового Товариства ім. Шевченка», кн. LVII (стр. 31—42, отд. Библіогр.) появилась обширная, солидная рецензія извѣстнаго галицкаго ученаго Ивана Франка, содержащая много указаній на неточности и пропуски въ указателѣ г. Комарова. Въ виду того, что упомянутый галицкій журналъ мало распространенъ среди нашей публики, мы позволяемъ себѣ въ нижеслѣдующихъ строкахъ передать въ переводѣ рецензію г. Франка, исключивъ тѣ немногія замѣчанія, которыя были уже помѣщены нами въ «Кіевской Старинѣ».

Въ отношеніи метода собиранія матеріала г. Комаровъ, вѣроятно, не совсѣмъ уяснилъ себѣ, что собственно въ такомъ сборникѣ намъ нужно. Очевидно, въ библіографіи произведеній Шевченка должны всегда и вездѣ на первомъ мѣстѣ стоять произведенія Шевченка, а не что иное; поэтому, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ Шевченка, печатавшихся въ сборникахъ или періодическихъ изданіяхъ, то подъ

[1]) Февраль, текущаго года.

даннымъ № будетъ стоять произведеніе, одно или болѣе, помѣщенное въ данной книжкѣ, а затѣмъ, въ скобкахъ, обстоятельное заглавіе книжки или періодическаго изданія, съ обозначеніемъ номеровъ и страницъ, гдѣ напечатаны данныя произведенія Шевченка или статьи о немъ. Между тѣмъ у г. Комарова почти всюду такія указанія сдѣланы совершенно наоборотъ; напр. отд. IV, № 4: «*Народное Чтеніе* 1859, № 2, 3 и 4 и *Руская Бесѣда* 1859 г. № 3. Нѣсколько пьесъ Шевченка съ русскимъ переводомъ». Что же это такое? «Народное Чтеніе» и «Русская Бесѣда»—одна книжка? А если не одна, то почему они фигурирують подъ однимъ №? И какія произведенія Шевченка помѣщены въ нихъ? Кто сдѣлалъ переводъ на русскій языкъ? Такъ же точно необстоятельно и нераціонально составлены въ томъ самомъ отдѣлѣ №№ 6, 15, 19, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 30, 34, 36, 37, 41 (опять 2 отдѣльныя изданія подъ однимъ №!), 44, 45 (два изданія подъ однимъ №!). Въ отд. VI, гдѣ говорится о письмахъ Шевченка, сейчасъ же подъ № 1 читаемъ «С.-Петербургскія Вѣдомости 1860, № 66». И только всего! Весь ли этотъ номеръ газеты посвященъ письмамъ Шевченка, или ихъ тамъ 10, 20, или только одно, кому и когда написаны—Богъ вѣсть! Вообще весь этотъ отдѣлъ составленъ нераціонально: вмѣсто того, чтобы дать намъ систематически и хронологически составленный указатель къ письмамъ Шевченка, авторъ далъ намъ указатель изданій, гдѣ были напечатаны письма. Нераціонально составленныхъ №№ найдется очень много и въ другихъ отдѣлахъ, и мы еще вернемся къ нимъ, пересматривая спеціально отдѣлъ за отдѣломъ.

Второй недостатокъ книжки г. Комарова—это ея неполнота. Правда, авторъ въ предисловіи оправдывается, что многія изданія, въ особенности галицкія, были ему недоступны. Но это слѣдуетъ сказать не только о галицкихъ, а также о варшавскихъ, пражскихъ, вѣнскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и т. п. Ниже мы дадимъ нѣкоторыя дополненія къ указателю г. Комарова, насколько позволяютъ доступные для насъ въ данный моментъ матеріалы, но напередъ заявляемъ, что такихъ дополненій можно и слѣдовало бы сдѣлать гораздо больше.

Третій недостатокъ—неточность въ передачѣ заглавій статей. Это, быть можетъ, наиболѣе тяжкая вина въ библіографіи, а такое явленіе, къ сожалѣнію, является весьма частымъ въ трудѣ г. Комарова. Авторъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ большую часть наиме-

нованій книгъ описалъ, имѣя ихъ въ рукахъ,—и дѣйствительно, слѣдуетъ признать, что большая ихъ часть, не говоря о тѣхъ неточностяхъ, которыя являются слѣдствіемъ ошибочнаго метода автора, представлена довольно обстоятельно. Что же касается недоступныхъ ему изданій, то г. Комаровъ говоритъ, что онъ «долженъ былъ довольствоваться свѣдѣніями, помѣщенными въ библіографическихъ трудахъ В. Межова и другихъ, въ каталогахъ, рецензіяхъ, оглавленіяхъ, литературныхъ извѣстіяхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и т. п. источникахъ». Дѣйствительно, можемъ пожалѣть, что г. Комарову пришлось работать надъ своей библіографіей среди такихъ неблагопріятныхъ условій, но фактъ фактомъ, что на точности ея это отразилось весьма сильно. Возьмемъ хотя бы всѣ изданія и статьи польскія, нѣмецкія или вообще напечатанныя латинскимъ шрифтомъ: получается впечатлѣніе, будто г. Комаровъ не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ изданій въ рукахъ, такъ какъ почти всѣ заголовки переданы съ ошибками. Напр. III, 38 содержитъ двѣ ошибки: Ijsusowa вм. Isusowa i Schewchenka вм. Szewczenka; кромѣ того пропущено здѣсь, быть можетъ по нѣкоторымъ соображеніямъ, «z uwahamy M. Drahomanowa»; пропущенъ обязательный въ женевскихъ нефранцузскихъ изданіяхъ французскій заголовокъ вверху, наконецъ мѣсто печати обозначено «Ż» вм. Żenewa. Отд. IV, 16 «Sioło» названо неправильно «львовскій малорусскій журналъ» и не дается точнаго его заглавія. Отд. VIII, № 49. Studium przez L. Sowiński—вм. Sowińskiego; № 51—małorusskich вм. małoruskich; № 52 Z małorusskiego spolzyl вм. spolszczył; № 54,—z małorusskiego... Naemnica; № 55 не сообщено. что́ и гдѣ переводилъ изъ Шевченка Грудзинскій: № 55—не говорится, что́ и въ какихъ №№ Gazety Naddniestrzańskiej перевелъ Л. Солецкій; эта газета ошибочно названа «Доробицкая» вм. «Дрогобычская». Еще больше ошибокъ въ чешскихъ заголовкахъ: № 60 «Въ журналахъ Obàsech života и Kvetach за 1866 г. нѣсколько піесъ Т. Шевченка». Что это за «Obasech»? Вѣроятно Ohlasech? Да и эти Ohlasy života—не одно и то же, что Květy. И какія произведенія, кто переводилъ ихъ? № 61 - Ševcenky вм. Ševčenky, přeležil вм. přeložil; №№ 62, 64 chaljuna (?), ilustrovav (sic!). Въ нѣмецкихъ и французскихъ заглавіяхъ та же бѣда: № 76 Schaftshenko вм. Schafftschenko; № 77 Shewczenko вм. Schewtschenko; № 78 Leipziger Theater und intelligene blalt вм. Theater-und Intelligenz—Blatt; № 82 Gustav Karpelesa вм. Karpeles, Geschihte вм. Geschichte; № 84

Chevtshenko вм. Cheutchenko и т. п. Такія ошибки или недосмотры (сюда причислить надо VI, 2 р. 1870 вм. 1840) дѣлаютъ желательной основательную передѣлку и болѣе удовлетворительную корректуру. Переходимъ теперь къ спеціальнымъ замѣчаніямъ, дополненіямъ и поправкамъ въ различныхъ отдѣлахъ. Отдѣлъ III (отд. I—предисловіе, а II—біографія III—ка, также нумерація несоотвѣтствующая), № 1. Не дается ни формата, ни числа страницъ эпохальнаго перваго изданія «Кобзаря». № 6. О лейпцигскомъ изданіи Гебгарда г. Комаровъ говоритъ такъ, что ясно вполнѣ, что онъ никогда не видѣлъ его, и даже допускаетъ, по поводу этого изданія, весьма грубую ошибку, помѣщая въ отд. VIII, № 76 то же самое изданіе среди переводовъ изъ Шевченка на нѣмецкій языкъ,—свѣдѣніе совершенно фантастическое. Потому сообщаю здѣсь точное описаніе этой книжечки. На обложкѣ вверху нѣмецкій заголовокъ: Neue Gedichte von Puschkin und Schafftschenko, а далѣе русскій: Новыя стихотворенія Пушкина и Шавченки (а не: А. Пушкина и Т. Шевченка—какъ у г. Комарова). Внизу: Лейпцигъ. Вольфгангъ Гергардъ. Leipzig, Wolfgang Gerhard, 1859. На послѣдней нумерованной страницѣ: Наумбургъ, въ типографіи Г. Пеца. Naumburg, Druk von G. Pätz. Страницъ нумерованныхъ не 48, какъ говоритъ г. Комаровъ, а 43, но далѣе идутъ еще 2 ненумерованныхъ, гдѣ помѣщены два стихотворенія Пушкина, и послѣдняя, гдѣ обозначено мѣсто печати. Зачисливъ сюда и заглавную страницу, тоже ненумерованную, получимъ въ самомъ дѣлѣ 48 страницъ. Въ книжечкѣ на стр. 1—6 помѣщены стихотворенія Пушкина: «Молитва», «Цапли» и «Посланіе Аркадію Гавриловичу Родзянкѣ». Со стр. 7 начинаются произведенія Шевченка, вплоть до стр. 34: а именно: «Кавказъ», «Холодный яръ», «Думка» (Якъ умру, то поховайте), «Розрыта могыла», «Думка» (За думою дума), «И мертвымъ и живымъ и ненарожденнымъ землякамъ моимъ въ Украини и не въ Украини, мое дружное посланіе»,—какъ видимъ порядокъ не тотъ, что у г. Комарова. Подъ каждымъ заглавіемъ подпись: Шевченко. Къ заголовку «Кавказъ» додано интересное примѣчаніе: «Слѣдующія стихотворенія были намъ присланы на малороссійскомъ языкѣ, съ примѣчаніемъ, что стихи Шевченка—выраженіе всеобщихъ, накипѣвшихъ слезъ (: не) онъ плачетъ о Украйнѣ—она сама плачетъ его голосомъ. Примѣч. редактора».

Остальную часть книжечки заполняютъ снова стихотворенія Пушкина: «В. Л. Пушкину», «Цензору», «Льву Сергѣевичу Пушкину» и «На смерть тетушки Анны Львовны Пушкиной».

№ 16. Букварь Шевченка—не описанъ ни форматъ, ни число страницъ; № 20. Не дается ни описанія, ни обстоятельнаго заглавія литографированнаго факсимиле посланія Шевченка къ Шафарику; заглавіе г. Комарова «Еретикъ Иванъ Гусъ», совершенно фантастическое. Весьма необстоятельно также описаніе подъ № 34, первая часть маленькаго женевскаго «Кобзаря» 1878 г. Въ дѣйствительности на обложкѣ слѣдующее заглавіе: „Кобзарь Тараса Шевченка (.) Частина перша (.) Женева (.) Печатня „Громади". Видали Кузьма і „Сірко". На второй страницѣ посвященіе. Нашим земльакам на Україні на роковини Шевченка 26 льутого 1878 року Кузьма і Сірко". На стр. III—V напечатанъ указъ 16 мая 1876 года, а далѣе стр. VIII—XXI популярная библіографійка и характеристика Шевченка, подписанная „С— о. Льутого 26, 1878 року". Подъ этимъ криптонимомъ скрывается Хв. Вовкъ. Далѣе идутъ слѣдующія стихотворенія Шевченка: „Менї однаково" (начинается на стр. 23 и по 24), „Сон" (25—58), „Як би то ти Богдане пяний" (59), „Могила Богданова" (60—62), „Бували войни" (63—64), „І виріс я на чужинї" (65—68), „Чигирин" (68—73), „Кавказ" (74—84), „Ляхам" (85—87), „Якось то йду я у ночі" (87—88), „Мій Боже Милий, знову лихо!" (89), „Світе ясний" (90), „У Вильнї городї преславнім" (91—95), „Гимн черничий" (97—98), „Зацвіла в долинї" (98—100), „Ликері" (101—102), „Як би ви знали павичі" (103—107), „До мертвих і живих і т. д." (108—124), „Заповіт" (125—126). Добавлена еще страница (I—II) „Заголовки". Подъ № 36 такъ же точно необстоятельно помѣщено г. Комаровымъ упоминаніе о второмъ томикѣ этого „Кобзаря": не указано, что онъ былъ изданъ въ такомъ же точно миніатюрномъ форматѣ, какъ и первый, не сообщается ни число страницъ, ни содержаніе. Къ сожалѣнію, этого томика не имѣю подъ руками.

Добавлю еще описаніе изданія „Марії", у г. Комарова № 38, такъ какъ въ его указателѣ находимъ кое-что фантастическое и вообще необстоятельное. Заглавіе изданія слѣдующее: Marija maty Isusowa, wirszy Tarasa Szewczenka z uwahamy M. Drahomanowa. Żenewa 1882. На стр. 3—7 находится предисловіе Wid Wydawcia съ подписью M. Drahomanow. Поэма Шевченка идетъ отъ стр. 1—39; на многихъ стр. внизу доданы языковыя и предметныя поясненія. Отъ стр. 41—66 идутъ Uwahy тоже подписанныя M. Drahomanow съ датой: Pysano w misti Żenewi w wilnij storoni Szwajcaryji. Слѣдовало-бы дать болѣе

обстоятельно и содержаніе стереотипнаго женевскаго изданія 1890 г. (у г. Ком. № 52).

Относительно отд. IV замѣтимъ вообще, что о журн. Sioło (№ 16 и 18 г. Комарова) болѣе обстоятельныя данныя имѣются въ библіографіи Левицкаго, и оттуда же слѣдуетъ пополнить свѣдѣнія о произведеніяхъ Шевченка, печатавшихся въ галицко-русскихъ читанкахъ (у Комарова №№ 19, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 39), въ Антольогії (34), въ Календаряхъ (36, 37). Совсѣмъ неудовлетворительно описаніе подъ № 40 „Додатокъ до „Батьковщины“; не указанъ ни годъ, ни мѣсяцъ изданія, упомянуты лишь №№ 7 и 8, гдѣ были помѣщены псалмы, а не упомянуто № 9, гдѣ были другія произведенія Шевченка (Левицький, № 3159). Подъ № 41 некстати собраны во-едино „Батьківщина“ 1889 г. и „Бібліотека для молодежи“ 1889, хотя это не только два особыхъ изданія, но и выходили въ разныхъ городахъ, одно во Львовѣ, другое въ Черновцахъ.

Въ отд. V соединены подъ № 2 два изданія русской поэмы Шевченка „Тризна“, которая напечатана была сначала въ журналѣ „Маякъ“ подъ заглавіемъ „Безталанный“, а затѣмъ, въ томъ же году вышла отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ „Тризна“; не дано описанія этой брошюры. Между №№ 9 и 10 приведенъ совершенно излишній заголовокъ „Неизданныя произведенія Т. Шевченка на русскомъ языкѣ“.

Въ отд. VI подъ № 5 не говорится, къ какому времени относятся письма Щепкина къ Шевченку; такъ же точно необстоятельны №№ 6, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 18, 19 и др. Подъ № 11 соединены двѣ разныхъ статьи, а именно: „Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому (1853—1857). Сообщилъ М. Т—овъ“ „Кіевс. Стар.“ 1883, январь, стр. 161—176; мартъ, стр. 611—622 и апрѣль, 853—866) и статья: „Восемь писемъ Тараса Григорьевича Шевченка къ разнымъ лицамъ, сообщилъ С. Пономаревъ (тамъ-же, февраль, 401—408). Слѣдовательно, все то, что сообщаетъ г. Комаровъ подъ этимъ № своего указателя—совершенно фантастично: статьи „Шестнадцать писемъ Т. Шевченка В. Г. и Я. Тарновскимъ и къ Брониславу Залѣскому“ въ „Кіев. Старинѣ“ *нѣтъ*. Въ томъ же отдѣлѣ № 15 совершенно излишній: это не письмо Шевченка, а „Замѣтка М. К. Чалаго по поводу одного письма Т. Ш. къ М. Щепкину“, значитъ ему мѣсто въ отд. XIV. Съ перепечатками г. Комаровъ не выдерживаетъ системы. Разъ онъ ихъ считаетъ за отдѣльныя изданія и помѣщаетъ подъ отдѣль-

ными номерами, какъ и слѣдуетъ въ библіографич. указателѣ, то опять при aditio princeps отмѣчаеть: это письмо было перепечатано тамъ-то и тамъ-то. Сравн. № 11-а, хотя указаніе невѣрное, такъ какъ письма, собранныя авторомъ подъ этимъ №, составляютъ довольно солидную книжку и не могли быть перепечатаны въ двухъ №№ „Зорі“. Наоборотъ, если бы авторъ заглянулъ въ „Зорю“ за упомянутый годъ, то убѣдился бы, что въ № 6 напечатано изъ статьи Пономарева лишь 5 писемъ, и то въ сокращенномъ видѣ (ст. 95—96), а въ № 8 приведено лишь нѣсколько выписокъ изъ писемъ Шевченка къ Залѣсскому подъ загл. „До біографіи Шевченка“ (стр. 131—132); такимъ образомъ это статейка, которой скорѣй мѣсто въ отд. XIV, чѣмъ здѣсь. Зато подъ № 21 приводится „Лист Шевченка до редактора „Народ. Чтенія“, напечатанный въ „Правді“ 1899 г. безъ обозначенія, что это письмо было напечатано раньше много разъ. Собраны вмѣстѣ перепечатки писемъ Шевченка въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ подъ №№ 23, 36, 38; при № 43 не отмѣчено, что записочка къ Герцену была впервые напечатана М. Драгомановымъ въ „Товариші“ (у г. Комарова № 19), а оттуда перепечатана въ „Правді“ 1899, т. II, стр. 381 (у г. Комарова пропущено).

Въ отд. VIII (переводы произведеній Шевченка) отмѣчу неточности въ № 4 (лирическія пьесы—какія?), 14 (переводы изъ Шевченка Изгоева и Икорскаго, Донъ, 1870—почему оба переводчика подъ однимъ №? Что переведено?), № 17 (и мелкія пьесы—какія?), № 22 (не дано ни описанія книжки, ни числа страницъ, гдѣ помѣщены переводы Шевченка), № 29, 31 (три лирическія пьесы—какія?), №№ 35, 37, 38, 40, 41. Совсѣмъ безполезенъ № 7: „Нѣсколько переводовъ изъ Т. Шевченка К. М. Станюковича—„Сѣверный цвѣтокъ“, 1861 г.“. Ну, кто будетъ знать, гдѣ выходилъ этотъ „Сѣверный цвѣтокъ“ и что въ немъ передано изъ Шевченка? Такъ же точно не имѣетъ цѣны и № 8: „Стихотворенія М. М—ва. М. 1862 (помѣщены и переводы изъ „Кобзаря“ Т. Ш.). Подъ № 15 не указано, какія стихотворенія Шевченка вошли въ „Поэзію Славянъ“ Гербеля; подъ № 16 также не говорится, что перевелъ изъ Шевченка г. Мизко въ „Донъ“ 1871 г. Подъ № 5 подъ общимъ заглавіемъ „Переводы изъ Т. Шевченка за 1860 г.“ (будто было когда-либо такое изданіе?) собрано 4 періодическихъ изданія, гдѣ были помѣщены переводы какихъ-то стихотвореній Шевченка, о которыхъ однако библіографъ не сообщаетъ никакихъ подробностей. Не знаю, на сколько подходитъ къ этому отдѣлу

№ 20 „Въ ночь на Рождество“. Передѣлка и переводъ съ малороссійскаго („Назаръ Стодоля“ Т. Шевченка), но уже ни въ какомъ случаѣ не мѣсто здѣсь № 32 „Галя и Назаръ“ или „Добромъ за зло“. Повѣсть заимствованная изъ соч. Т. Шевченка („Назаръ Стодоля“), такъ какъ это не переводъ Такія вещи лучше было отнести къ отд. XII, давъ ему болѣе широкое заглавіе: „Передѣлки изъ сочиненій Шевченка“.

Библіографія переводовъ стихотвореній Шевченка на чешскій языкъ необстоятельна въ первыхъ 6 №№; о № 60 я уже упоминалъ. Подъ № 61 не упоминается, какія стихотворенія Шевченка перевелъ Дурдикъ, не сообщается № Poesie světova, сдѣлана ошибка въ названіи города: Praga, а по чешски Praha. Такъ же точно необстоятеленъ № 63. Не лучше обстоитъ съ библіографіей переводовъ на другіе славянскіе языки. № 72 въ „Вилѣ“ 1868 „переводъ нѣсколькихъ пьесъ“ – какихъ? № 73 совсѣмъ загадоченъ: „Свобода, болгарскій журналъ подъ редакціей Каравелова за 1870 годъ“, гдѣ выходилъ этотъ журналъ и какое отношеніе его къ библіографіи Шевченка—не вѣдомо. По всей вѣроятности тамъ были помѣщены переводы изъ Шевченка самого редактора Любена Каравелова. Не имѣя названнаго журнала подъ руками, не могу сказать о немъ ничего болѣе опредѣленнаго, замѣчу лишь, что въ первомъ томѣ собранія сочиненій Л. Каравелова (сачинения на Любена Каравеловъ томъ парвый. Стихотворения. Подъ редакцията на З. Стояновъ. Руссе, 1886) помѣщены слѣд. переводы Л. Каравелова изъ Шевченка: 1869 г. „Учете се, брате мои“ (окончаніе Посланія, стр. 1—2), 1870 г. „Защо ми са черни вѣжди“ (стр. 16 и „Родила е мене мама“ (стр. 21), 1871 г. „Иванъ Хусъ“ (стр 22), „Тече вода въ синйо море“ (стр. 30).

Среди переводовъ на нѣмецкій языкъ также много ошибокъ. Прежде всего № 76 надо упразднить; вслѣдствіе непонятаго нѣмецкаго заглавія на обложкѣ изданія Гебгарда г. Комаровъ думаетъ, что тамъ имѣются также нѣмецкіе переводы стихотвореній Шевченка, чего на дѣлѣ нѣтъ. О переводѣ „Катерыны“ въ брюссельской La Societé Nouvelle проф. Енса см. М. Драгоманов, „Листочки до вінка на могилу Шевченка“. Цѣлый рядъ стихотвореній Шевченка напечатанъ въ переводѣ на нѣмецкій яз. въ вѣнскомъ изданіи— „Die Dioskuren, Jahrbuch des österreichischen Beamtenvereins“. Хорошій переводъ „Кавказа“ на нѣмецк. яз. помѣстилъ Waldemar Kawerau въ 1878 г. въ лейпцигскомъ Magazin für die Literatur des Auslandes; глухое из-

вѣстіе объ этомъ переводѣ приводитъ г. Комаровъ въ отд. XIV подъ № 187, не зная, что именно помѣстилъ тамъ Каверау.

Почему отд. IX носитъ заглавіе „Переводы прозаическихъ произведеній Т. Шевченка, писанныхъ имъ по русски, на языкъ малорусскій"—почему лишь на малорусскій? А вотъ, напр. автобіографія была переведена на польскій яз. (въ книгѣ Sam. Smiles, Prawdą i pracą (self help), изданной во Львовѣ 1871,—то это уже не относится къ библіографіи Шевченка? Такъ же точно безъ надобности сузилъ авторъ объемъ отд. XII „Драматическія передѣлки произведеній Т. Шевченка". Почему лишь драматическія? А если драма Шевченка передѣлана въ повѣсть, то куда отнести эту передѣлку? Или къ переводамъ, какъ это сдѣлалъ г. Комаровъ?

Не совсѣмъ хорошо сдѣлалъ г. Комаровъ, соединивши воедино въ отд. XIV, подъ загл. „Сводъ статей о Т. Шевченкѣ и его произведеніяхъ", кромѣ прозаическихъ работъ, также стихотворенія въ честь Шевченка; для нихъ можно было завести отдѣльную рубрику, или присоединить ихъ къ отд. XI, которому можно бы было дать болѣе общее заглавіе: Шевченко и его жизнь въ произведеніяхъ искусства (поэзіи, живописи, скульптуры).

Наиболѣе богатый содержаніемъ отд. XIV также не можетъ претендовать ни на полноту, ни на обстоятельность. Совершенно необстоятельны № 106 (Голосъ № 42—а что въ немъ?), 112 (Отечеств. Зап. 1869, № 3), 114 (Сынъ Отечества № 67), 120 (Донъ № 61—63), 143—Revue des deux mondes 1874, не обозначено ничто, ни въ какомъ № печаталось; рѣчь, очевидно, идетъ о статьѣ г-жи Е. Durand; необстоятеленъ также № 198; статья Драгоманова въ „Громаді" имѣетъ заглавіе „Шевченко, украјінофіли і соціјалізм" и помѣщена въ „Громаді" т. IV. Безъ надобности повторено указаніе на мою статью въ „Сьвіті" (№ 240 и 265). И здѣсь, какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, авторъ даетъ подъ однимъ № не одну, а по нѣсколько работъ. Такъ, подъ № 42 „Некрологи"—изъ пяти различныхъ изданій въ № 46 упомянуто „По поводу концертовъ въ память Т. Шевченка" о статьяхъ въ 7 различныхъ изданіяхъ; подъ № 28, кромѣ статьи Бѣлозерскаго, помѣщены стихотворенія пяти поэтовъ и рѣчи двухъ „и другихъ" особъ. Это матеріалъ для какого-либо изслѣдованія, но ничуть не научная библіографіи.

Какъ уже сказано, этотъ отдѣлъ, хотя наиболѣе богатый, имѣетъ и наиболѣе пропусковъ. Понятно, что тутъ вина автора не велика:

Шевченко имѣетъ уже такую обширную литературу, что ее не понять одному человѣку... Здѣсь нуженъ трудъ многихъ рукъ, участія людей, которые имѣютъ доступъ въ обширныя библіотеки. Въ надеждѣ, что когда-либо все же будетъ собрана полная библіографія Шевченка, я предлагаю здѣсь нѣкоторыя дополненія къ труду г. Комарова. Итакъ: въ отд. III, подъ 1891 г. надо добавить: „Кобзар, книжочка для дітий, ціна 20 кр. Накладом Руського тов. педагогічного. З друкарні Наук. тов. ім. Шевченка, Львів, 1891, 16° стор. 64“. За заглавной страницей помѣщенъ портретъ Шевченка, затѣмъ на стр. 5—8 статья Тарасъ Шевченко, далѣе стр. 9—63—текстъ съ добавленіемъ поясненій внизу, а на послѣдней ненумерованной страницѣ содержаніе.

Далѣе, въ отд. IV надо добавить упоминаніе о томъ, что стихотв. Шевченка „Садокъ вышневый коло хаты“ перепечаталъ латинск. литерами Богданъ Залѣскій въ примѣчаніи къ своему стихотворенію Mogiła Tarasowa (B. Zaleski, Pisma tom. IV. Lwów, 1877, стр. 104). Не безынтересны слова того же Залѣскаго, который говоритъ (loc. cit.), что „od Bronisława i od śp. Edwarda Zeligowskiego dostałem kilka zeszytów poematów i pieśni Szewczenki nigdzie podobno nie drukowanych“. Къ отд. VII г. Комарова о рисункахъ Шевченка отмѣчаю изъ того же мѣста у Залѣскаго еще слѣд.: Sp Konstanty Swidzinski na kilka dni przed skonem przysłał mi także miły upominek po Szewczence: originalną akwarellę Smierci Bohdana Chmielnickiego i szkic olówkiem godów kozackich“. Къ отд. VIII добавить переводъ „Маріи“ на русскій языкъ М. Драгоманова подъ заг. „Marie, poëme de Chevtchenko, traduction russe“. Марія, поэма Т. Гр. Шевченка съ переднимъ словомъ и замѣчаніями М. Драгоманова. Переводъ съ украинскаго. Женева, типографія „Громады“, 1885, мая 8-го, стр. VIII+47. Изданіе имѣетъ на 3-хъ стриницахъ обложки „Отъ издателя“, зат. на стр. III—VIII. Предисловіе, затѣмъ текстъ (дословный переводъ), стр. 1—27, и наконецъ „Замѣчанія на поэму Шевченка Марія“, на стр. 29—47. Къ отд. XI слѣдуетъ добавить портретъ Шевченка, гравюра съ котораго, довольно неважная, была напечатана вмѣстѣ съ краткой біографіей въ польскомъ журналѣ для дѣтей Dzwonek 1872 г., № 8, стр. 123. Тамъ же на стр. 123—124 и 139—141 помѣщенъ польскій переводъ „Катерыны“—польскаго поэта П. Ленартовича. Наконецъ, къ отд. XIV, подъ 1859 г. добавить статью „Z Ukrainy“, напечатанную въ „Wiadomościach Polskich“ въ Парижѣ, гдѣ приведенъ извѣстный анекдотъ о Шевченкѣ съ зернами пшеницы. Подъ

1861 г. слѣдуетъ добавить рядъ статей, помѣщенныхъ въ польскихъ журналахъ, начиная съ „Biblioteki Warszawskiej“ и львовскаго „Dziennika Literackiego“ по поводу изданія изслѣдованія Л. Совиньскаго и перевода „Гайдамакивъ“. Со статьей „Dzienn. Liter“ связана полемика Будеволи 1862 г. (у Ком, № 58). Эта статья имѣла заглавіе: M. W. Ruch umysłowo-polityczny na Rusi. Szewczenko—Sulima (Dz. Liter. 1861, № 69). Сулима былъ полякъ родомъ изъ Украины, напечатавшій въ брюссельскомъ изданіи „Le Nord“, а затѣмъ и отдѣльной брошюрой статью Lettres d'un Oukrainien sur la Bosnie russe, Leipzig, 1861). Подъ тѣмъ же 1862 годомъ слѣдовало упомянуть о стихотвор. О. Федьковича „Спѣвацка добранôчь на скôнъ Тараса Шевченка“, напечатанномъ въ изданіи его стихотвор. (Львовъ, 1862), стр. 28—29 и перепечатанномъ въ новомъ полномъ изданіи его сочиненій (Львів, 1900, т. I). Подъ 1863 г. слѣдуетъ добавить статью Kwestya rusińska въ № 3 Tygodnika Poznańskiego, гдѣ упомянуто о похоронахъ Шевченка и впечатлѣніи ихъ на украинскій народъ. Что-то объ этомъ было и въ газетѣ Dziennik Poznański. Подъ 1862 г. слѣдуетъ упомянуть о брошюркѣ „М. В. Р. Сонное видѣнье або разговоръ духôвъ о польскôй и русскôй справѣ, оповѣдь въ стихахъ. Львовъ, типомъ Института Ставропигійскаго, 1862“, гдѣ въ добавленіи, на стр. 97—106 помѣщено „Гдещо про оукраинського спѣвака Тараса Григоровича Шевченка“, а на стр. 106—108 перепечатано стихотв. Кониссклго на смерть Шевченка. Подъ 1863 г. надô добавить статейку „О поезіи Шевченка“, напечатанную въ календарѣ „Перемышлянинъ“. Подъ 1865 г. слѣдуетъ добавить, что статья Гвидона Батталіи „Taras Szewczenko, poeta ukraiński“ напечатана первоначально въ журн. Tygodnik naukowy, Lwów, 1865, № 22. Подъ 1866 г. слѣд. добавить важный трудъ: Bronisław Zaleski, Wignańcy polscy w Orenburgu (Rocznik Towarzystwa Historyczno-literackiego w Paryżu, rok 1866, стр. 75—107), гдѣ упомянутъ и Шевченко и приводится много свѣдѣній о его оренбургскихъ знакомыхъ. Подъ тѣмъ же годомъ къ № 88 у Ком. слѣдуетъ добавить, что стих. «Перебендї», помѣщ. въ № 9 «Русалки» не называется «В роковини смерти Т. Шевченка», а «Памяти великих», а заглавіе подъ № 89—«Пяті роковини Т. Шевченка у Відни». Наконецъ, замѣчу, что подъ 1884 г., № 299 у г. Комарова опять безъ надобности измѣнено имя автора статьи: не Sulim, а Sulima, и статья его „Szewczenko na wygnaniu

i Bronisław Zaleski" дѣйствительно была помѣщена въ т. IV „Przeglądu powszechnego" въ Краковѣ.

На этихъ деталяхъ я прекращаю свои замѣчанія на книжку г. Комарова. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что авторъ, особенно въ новѣйшее время, собиралъ матеріалъ обстоятельно. Его книжка, хотя и далека еще отъ того, чтобы быть полной и вездѣ обстоятельной библіографіей Шевченка, все же важна тѣмъ, что показала намъ впервые литературу, относящуюся къ нашему поэту, въ ея полномъ объемѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дала возможность опредѣлить тѣ дезидераты, которые нужны для ея (литературы) полнаго собранія. Желательно было бы, чтобы и сама книжка и эта рецензія нашли отголосокъ у всѣхъ тѣхъ, кто можетъ такъ или иначе способствовать исправленію ошибокъ или заполненію ея пропусковъ».

На этомъ кончается рецензія г. Франка. Съ своей стороны укажемъ для лицъ, интересующихся книжкой г. Комарова, что отзывы о ней, кромѣ г. В. въ «Літерат.-Науковом Вістнику» 1903, кн. XI Хр. стр. 142—143 и нашего въ «Кіев. Стар.», февраль тек. года, стр. 77—80, даны были еще въ «Русской Мысли», 1903, кн. XII, стр. 420, въ «Южныхъ Запискахъ», 1904, № 2, стр. 33 (рецензентъ Р—ръ), въ «Журналѣ для всѣхъ», 1904, № 2 (реценз. А. Лотоцкій), и въ газетѣ «Вѣстникъ Юга» (№ намъ точно неизвѣстенъ, но не раньше № 559 въ концѣ минувшаго года).

В. Д.

Д. Кулида.—Збирныкъ творивъ, 1 кныга. *Стор. IV+123. Кременчикъ, 1903. Цина 40 коп.*

А. З.—Молоди порывання. *Стор. 32. Кыивъ, 1904.*

Өедь Подолякъ.—Осинни квиткы. *Сор. 32. Одесса, 1903. Цина 20 коп.*

Великій грѣхъ лежитъ на нашей съ вами душѣ, читатель: мы просмотрѣли колоссальной важности событіе въ украинской литературѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1901 г. исполнилось десятилѣтіе литературной дѣятельности г. Кулиды... Но позвольте, скажете вы,—кто же такой г. Кулида? Каюсь, до выхода въ свѣтъ «Збирныка творивъ» я тоже не зналъ, кто такой г. Кулида, и только теперь узналъ, что это писатель, хотя раньше и не печатавшійся почти, но отпраздновавшій

уже десятилѣтіе своей литературной дѣятельности, и что это послѣднее обстоятельство собственно и заставило его предпринять изданіе своихъ произведеній. Эти и другія не менѣе интересныя свѣдѣнія о себѣ авторъ со скромностью истинно геніальнаго человѣка сообщаетъ въ предисловіи «до *першого* выдання Збирныка творивъ». Хорошенько же запомнимъ августъ мѣсяцъ 1891 г., послужившій начальнымъ пунктомъ литературной дѣятельности г. Кулиды, ибо въ другой разъ уже не будемъ имѣть права отговариваться незнаніемъ.

Но если мы съ вами, читатель, проявили весьма непохвальную забывчивость по отношенію къ г. Кулидѣ, то г. Кулида, напротивъ, о насъ хорошо помнитъ и даже преисполненъ сознаніемъ нѣкотораго долга. «Вже пора,—говоритъ онъ въ предисловіи,—пидвесты пидсумокъ и *прыставыты (sic) громади рахунокъ* въ моій десятолитній литературній діяльности, яка бъ вона не була» (предисловіе, стр. III). Въ этомъ убѣжденіи Кулида и приступилъ къ *первому* изданію своихъ произведеній, надѣясь, и не безъ основанія, что за нимъ не замедлятъ послѣдовать и дальнѣйшія.

Тернистый однако путь пришлось пройти г. Кулидѣ въ его десятилѣтней литературной дѣятельности, какъ узнаемъ изъ того же предисловія. Судьбѣ угодно было испытать нашего автора, наславъ на него рецензентовъ. Первая его книжка, «Вирши», изданная въ 1898 г. встрѣтила на страницахъ «Кіевской Старины» такую оцѣнку, что скромному автору «соромно й людямъ сказаты»; тоже самое повторилъ рецензентъ и одного неназваннаго авторомъ львовскаго изданія по поводу какъ этой, такъ и слѣдующей книжки г. Кулиды. Краснѣя за неблаговоспитанныхъ рецензентовъ, мы однако должны отмѣтить, въ видахъ безпристрастія, что и авторъ въ долгу не остается и отплачиваетъ рецензентамъ съ лихвой и въ стихахъ, и въ прозѣ. Напутствуя свои произведенія и вспоминая съ горечью о незаслуженныхъ нападкахъ со стороны рецензентовъ, г. Кулида между прочимъ говоритъ:

> Та васъ стрилы *зліи люды*,
> Сталы доприкаты,
> Що вы, нибы, не пысьменни,
> Сталы намовляты,
> Що вы нибы-то безглузди,
> Боси и не вмыти...

и заканчиваетъ затѣмъ надеждой, что правда все-таки восторжествуетъ.

И тимъ *заздрисныкамъ гыдкымъ*
Соромно всимъ стане,
Що *дурне ихъ доприкання*,
Якъ бурьянъ, завьяне (стр. 8—9).

И ковы «заздрисныкивъ гыдкыхъ», дѣйствительно ни мало не новредили автору, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи: «але не глядюче (sic) на «надрукованy крытыку»—съ достоинствомъ отмѣчаетъ г. Кулида,—мои кныжкы въ 1-мъ выданни довго не лежалы: «Вирши» булы роспродани за годъ, а «Козаче слово»—за тры мисяця» (предисл. стр. IV). Правда, разошедшееся за три мѣсяца «Козаче слово» на обложкѣ настоящей книги значится еще существующимъ въ продажѣ, но это, можетъ быть, недосмотръ, а можетъ быть, авторомъ выпущено уже и второе изданіе. Во всякомъ случаѣ на «дурне доприкання» рецензентовъ авторъ имѣетъ основаніе не обращать равно никакого вниманіе... Съ сожалѣніемъ отмѣтимъ еще, что «Збирныкъ творивъ» не заключаетъ въ себѣ полнаго «счета» предъявленнаго читателямъ г. Кулидой: нѣкоторыя произведенія авторъ счелъ за лучшее исключить—«не затымъ,—скромно заявляетъ онъ,—що воны не до ладу написани,—не до ладу написаныхъ писень и думъ найдеться (а въ кого тилькы не находыться?) и въ симъ збирныку мо не мало,—а затымъ, що воны мени не понаравылысь» (предисл. стр. IV). Весьма интересно было бы узнать, чѣмъ именно онѣ не «понаравылысь» автору, который, какъ показываетъ содержаніе настоящей книжки, относится къ своимъ думамъ въ общемъ весьма снисходительно, но боясь быть сопричисленнымъ къ «заздрисныкамъ гыдкымъ», удержимся отъ вопросовъ и удовольствуемся лаконическимъ объясненіемъ г. Кулиды.

Переходя къ обозрѣнію счета, представленнаго намъ г. Кулидой, мы съ сокрушеніемъ должны сознаться, что этотъ счетъ намъ рѣшительно «не понаравывся», хотя увѣряемъ при этомъ, что ни малѣйшей зависти къ скромному автору не чувствуемъ. Убогое содержаніе, большею частью позаимствованное, блѣдное изложеніе, шаблонные пріемы, неправильный языкъ—таковъ активъ г. Кулиды и, конечно, едва ли это бѣдное достояніе можетъ подавать кому-нибудь поводъ къ зависти. Авторъ намъ, конечно, въ правѣ не повѣрить и отпраздновать въ единственномъ числѣ еще и слѣдующее десятилѣтіе своей литера-

турной дѣятельности; не повѣритъ, можетъ быть, и читатель и на расхватъ раскупитъ лежащій предъ нами «Збирныкъ творивъ»; но хотя бы даже г. Кулидѣ при жизни и монументъ былъ воздвигнутъ, то и тогда мы бы ему не позавидовали....

Если г. Кулида имѣетъ позади себя цѣлое десятилѣтіе литературной дѣятельности, то авторъ «Молодыхъ порывань», скромно укрывшійся подъ иниціалами А. З.,—очевидно начинающій писатель, но несомнѣнно того же геніальнаго пошиба. Когда по истеченіи перваго десятилѣтія литературной дѣятельности, онъ предъявитъ обществу свой счетъ, то въ этомъ счетѣ будетъ записана одна крупная заслуга—открытіе, надъ которымъ до сихъ поръ напрасно ломало голову человѣчество. Г-нъ А. З. блистательно разрѣшилъ вопросъ о perpetuum mobile и, какъ всѣ геніальныя открытія, рѣшеніе это въ высшей степени просто: perpetuum mobile есть, ни болѣе ни менѣе, какъ дворникъ, подметающій улицу! .. Сомнѣвающихся и не вѣрящихъ просимъ прочитать стихотвореніе, находящееся на стр. 3—4 «Молодыхъ порывань». Къ сожалѣнію, авторъ, обезсмертившій себя геніальнымъ открытіемъ въ области механики, не успѣлъ усвоить правилъ версификаціи, и потому стихи его весьма хромаютъ по части размѣра, да и съ риѳмами онъ не въ дружественныхъ отношеніяхъ. Что же касается содержанія, то имъ книжка г-на А. З. напоминаетъ старосвѣтскіе альбомы, заполненные трогательными, но увы! безграмотными посвященіями и галантными мадригалами. Доминирующій мотивъ—любовь, и при томъ любовь особенная, выражающаяся въ томъ, что авторъ, по собственному признанію, умѣетъ лишь «не любыть, а давыть» (стр. 16, 15). Какъ бы то ни было, но за открытіе perpetuum mobile указанные маленькіе недочеты поэзіи г. А. З., конечно, ему простятся, и если авторъ когда-нибудь будетъ удостоенъ, какъ выражался Щедринъ, отъ начальства монументомъ, то къ послѣднему навѣрное не заростетъ народная тропа....

Г. Ѳедь Подолякъ также сдѣлалъ весьма важное открытіе—въ другой, правда, области: имъ найдено вѣрное средство поднятія народной нравственности. Вотъ это открытіе, скрывающееся подъ такимъ, казалось бы, несоотвѣтствующимъ важности предмета заголовкомъ, какъ «Баба».

Ото хытра вража баба—
Якъ вона фиглюе:
Чуе де чаркамы дзвонять.

А дзвонивъ не чуе!?
До церкви йде,—„най Богъ прыйме",—
Тилькы на Велыкдень,
А до коршмы—и частенько:
Скилькы разъ на тыждень.
До церквы йде—шкандыбае,
А до корчмы просто.
Ото бъ взяты гарапныка
Та всыпаты зо́-сто!

Больше о г-нѣ Ѳедѣ Подолякѣ ничего не имѣемъ сказать, а всѣхъ трехъ поэтовъ еще разъ почтительнѣйше просимъ принять увѣреніе въ совершенномъ отсутствіи у насъ зависти къ ихъ заслугамъ.

С. Е—мовъ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVII, кн. I; 2) Chronik der Ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, 1903, Heft II und III, №№ 14—15; 3) Образованіе, №№ 1—3; 4) Наблюдатель, № 1; 5) Нива. Ежемѣс. литер. и популярно-научн. приложенія, №№ 1—3; 6) Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. VIII, кн. 1—4; 7) Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т.т. 72—74; 8) Зап. Имп. Новор. Ун., 1903 г., т. 95; 9) Уч. Зап. Имп. Юр. Ун., 1904 г., № 1; 10) Варшав. Унив. Изв., 1904 г., № 1; 11) Зап. истор.-фил. факул. Спб. Ун., 1904 г., ч. 73; 12) Филол. Записки, 1904 г., вып. VI; 13) Archiv für Slavische Philologie, 1904, B. 26, H. 1; 14) Revue de linguistique et de philologie comparée, 1903, t. 36 u 1904, t. 37; 15) Mittheilnugen des Instituts für Oesterreichische Geschichte, 1904, B. XXV, H. 1; 16) Извѣстія русскаго археол. института въ Константинополѣ, 1903 г., т. VIII, в. 3; 17) Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Institutes in Wien, 1903, B. VI, H. 1; 18) Zeitschrift für Ethnologie, 1904, H. 1; 19) Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1904, H. 1; 20) Revue des traditions populaires, 1904, t XIX.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVII, кн. 1, р. 1904.

Матеріали до історії Коліївщини. Подъ этимъ заглавіемъ опубликованы: вводная статья проф. М. Грушевського и записка кс. Кор-

нелія Срочинськаго «Ocrucieństwo w Umaniu na Ukraine». Эта записка извлечена о. Ар. Крижановськимъ изъ базиліанскаго архива въ Кристинополѣ; она даетъ нѣкоторыя интересныя данныя для исторіи разгрома Умани Гонтой.

І. Франко. „Король балагулів". Антін Шашкевич і його українські вірші. Указавъ условія и особенности украинскаго поэтическаго творчества той эпохи, къ которой принадлежалъ А. Шашкевичъ, авторъ даетъ весьма интересную біографію послѣдняго и весьма ярко обрисовываетъ при этомъ его личность. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность Шашкевича все время разсматривается авторомъ въ связи съ тѣми явленіями общественнаго быта Украины, которыя вліяли на творчество поэта. При чемъ особенно интересна характеристика «балагульства», приведшаго, какъ извѣстно, Шашкевича и др. лицъ къ аресту.

Miscellanea. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены: Русская сатира на польскую элекцію 1696 г. и Жалоба прихожанъ въ (Перемиськой епархіи) на отобраніе церковныхъ и приходскихъ имуществъ 1848 г.

Въ отдѣлѣ «Наукова хроніка» даны весьма обстоятельные отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Н. Котляревскій.* Н. В. Гоголь. 1902; 1) Памяти Гоголя. Изд. Общ. Нестора лѣт. 1902.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ, относящихся такъ или иначе къ Украинѣ: 1) *Н. Е. Бранденбургъ.* Объ аборигенахъ Кіевскаго края (Труды XI археологич. съѣзда, т. I); 2) *А. А. Спицынъ.* Курганы съ окрашенными костяками (Труды Отд. слав. и рус. арх. Имп. Рус. Арх. Об., т. VI); 3) *А. А. Спицынъ.* Обзоръ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи (Тр. Отд. слав. и рус. арх. Имп. Рус. Арх. Об., т. I, II и VI и Зап. Имп. Рус. Арх. Об., т.т. VIII—XI); 4) *А. А. Спицынъ.* Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ (Ж. М. Н. Пр., 1899 г., VIII); 5) *А. А. Шахматовъ.* Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (тамъ же, IV); 6) *Е. Голубинскій.* Исторія русской церкви. Т. I. М. 1901; 7) *М. Г. Халанскій.* Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старопечатныхъ изданій, XXIII и XXIV (Труды Харьк. Предв. Ком. по устр. XII археол. съѣзд., т. I); 8) *M. Sazdawa.* Obszar dawnego powiatu Kamionieckiego (Wisła, 1902); 9) *М. Ясинскій.* Счисленіе суточнаго времени въ зап. Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII вв. (Чт. въ Ис. Общ. Нест., XVI, IV); Археологическій сборникъ документовъ, отно-

сящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси. Вильна. Т. XII, 1900; 11) *Д. Савицкій.* Русскій гомилетъ начала XVIII в. Іоакимъ Богомолевскій. К. 1902 (изъ Труд. Кіевск. Дух. Акад.); 12) *Н. И. Петровъ.* Первый періодъ жизни и научно-философскаго развитія Григорія Савича Сковороды (Тр. К. Д. Ак., 1902 г., XII); 13) *І. Мандельштамъ.* О характерѣ Гоголевскаго стиля. Гельсингфорсъ. 1902; 14) *А. Н. Пыпинъ.* Значеніе Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы. Спб. 1902; 15) *М. Комаровъ.* Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Одесса. 1903; 16) Swiatłomir. Львів, 1904; 17) *Ясевичъ-Бородаевская.* Сектанство въ Кіевской губерніи (Жив. Стар., 1903 ч., I); 18) Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. В. I. М. 1899; 19) *В. И. Срезневскій.* Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе въ 1900 и 1901 г.г. (Изв. Имп. Ак. Наукъ, 1902 г., XVI, 2); 20) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1897 г. Спб. 1902.

Chronik der Ukrainischen Sevcenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, 1903, H II, № 14 u H. III, № 15.

Кромѣ обычныхъ протоколовъ Общества, его секцій и коммиссій въ настоящихъ книжкахъ находимъ сообщеніе о капиталѣ имени Антона Бонцевського (№ 14) и объявленіе о стипендіи изъ этого капитала для студентовъ въ размѣрѣ 153 кр. (№ 15).

Отчетъ объ этнографическихъ экспедиціяхъ (№ 15). Въ 1902 г. этнографическая коммиссія Общества получила отъ галицкаго сейма субсидію въ размѣрѣ 1000 кр. спеціально для собиранія матеріаловъ по украинской этнографіи. Эта сумма была распредѣлена между нѣсколькими лицами, которыя и совершили экскурсіи для собиранія этнографическихъ матеріаловъ. Прежде всего В. Гнатюкъ посѣтилъ украинскія поселенія въ Венгріи и собралъ весьма цѣнные матеріалы по народной словесности. Правда, ему пришлось работать при неблагопріятной обстановкѣ, такъ какъ мѣстная интеллигенція не оказывала никакой поддержки его трудамъ, а венгерскія власти чинили ему различныя притѣсненія. Затѣмъ Тарасевській записалъ въ окрестностяхъ г. Купянска, Харьковской губ., много сказокъ, но собранный матеріалъ отличается столь ярко выраженнымъ порнографическимъ характеромъ, что не можетъ быть напечатанъ въ изданіяхъ Общества.

Очень важное значеніе имѣетъ экскурсія В. Шухевича въ Коссивськомъ повѣтѣ: онъ закрѣпилъ на пластинкахъ фонографа различныя народныя мелодіи и изучилъ обычаи, соблюдаемые на Святкахъ. Кромѣ этихъ лицъ, въ собираніи этнографическихъ матеріаловъ приняли участіе также многіе любители изъ молодежи.

Образованіе, №№ 1—3.

І. Гессенъ. Юридическая помощь населенію (№ 1, стр. 95—116). Авторъ въ сжатомъ очеркѣ даетъ свѣдѣнія о состояніи этого вопроса въ Россіи и излагаетъ тѣ мѣры, которыя намѣтили для разрѣшенія его мѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Останавливаясь попутно на предшествующей дѣятельности земствъ и другихъ учрежденій по оказанію юридической помощи населенію, авторъ касается также Южной Россіи.

А. С. То-ли нужно? (№ 1, стр. 117—134). Статья написана по поводу «Окружнаго посланія преосв. Антонія, еп. волынскаго, къ епархіальному духовенству». Это посланіе было написано преосвящ. Антоніемъ въ 1902 г. по поводу крестьянскихъ волненій на югѣ Россіи, при чемъ онъ отмѣчаетъ, что вліяніе духовенства на населеніе сильно пало и указываетъ различные недостатки духовныхъ руководителей народа. Но преосв. Антоній не указываетъ мѣръ къ исправленію этого зла, хотя и отмѣчаетъ, между прочимъ, несовершенство школъ духовнаго вѣдомства. Недостатки послѣднихъ и возможныя мѣры къ устраненію ихъ и составляютъ главную задачу данной статьи.

Л. Клейнбортъ. Новые отчеты фабричной инспекціи (№ 1, стр. 14—32). Говоря о положеніи рабочихъ и состоянія рабочаго вопроса въ Россіи, по поводу отчетовъ фабричной инспекціи за 1901 г., авторъ при случаѣ касается также Южной Россіи.

Въ «*Хроникѣ мѣстной жизни*» помѣщены, между прочимъ, сообщенія о земскихъ собраніяхъ въ Екатеринославѣ и Черниговѣ, о засѣданіяхъ городскихъ думъ въ Елисаветградѣ и Черниговѣ и о безпорядкахъ въ Кіевскихъ университетѣ и политехникумѣ (№ 1), а также о борьбѣ земской школы съ церковно-приходской въ Мелитополѣ (№ 2).

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» данъ отзывъ о Ruthenische Revue. Halbmonatschrift I Jahrgang» (№ 1, стр. 168—169).

Нива. Ежем. литер. и популярно-научн. приложенія, № 1--3.

І. А. Литинскій. Отчего мрутъ деревенскія дѣти (№ 1, стр. 109—103). Авторъ пользуется при изслѣдованіи причинъ большой смертности дѣтей въ деревняхъ также данными, относящимися къ губерніямъ Южной Россіи.

Вл. Чумицкій. Зогадки у русскаго народа (№ 3, стр. 457—466). Говоря о характерѣ загадокъ, авторъ приводитъ также украинскія загадки.

Извѣстія Отд рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н, 1903 г., т. VIII, кн. 1—4.

В. Н. Перетцъ. Очерки старинной малорусской поэзіи (кн. 1, стр. 81—119). Въ настоящихъ очеркахъ авторъ поставилъ себѣ цѣлью собрать въ одно замѣчанія о судьбахъ нѣкоторыхъ малорусскихъ поэтовъ XVIII в. и начала XIX в. и видоизмѣненіяхъ, которыя перетерпѣли ихъ произведенія, вращаясь среди любителей поэзіи (стр. 82). Съ этой точки зрѣнія онъ и разсматриваетъ слѣдующія произведенія украинскихъ поэтовъ: 1) «Епиникіонъ» 1709, Ѳеофана Прокоповича; 2) вирши Климентія; 3) любовныя пѣсни въ приписках 1743—1761 г.; 4) пѣсню козака Климовскаго и 5) псальму Г. С. Сковороды.

И. И. Срезневскій. Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ IV—VII (кн. 1, стр. 120—173)—продолженіе извѣстныхъ чтеній И. И. Срезневскаго «Повѣсти временныхъ лѣтъ»; настоящія чтенія почти не извѣстны ученымъ и опубликованы раньше лишь въ небольшихъ отрывкахъ.

Н. К. Никольскій. Матеріалы для исторіи древне-русской духовной письменности (кн. І, стр. 212—232 и кн. ІІ, стр. 52—75)—имѣются также матеріалы, относящіеся къ древней исторіи и къ исторіи древней словесности Южной Руси, а именно: про ложное сказаніе объ освященіи церкви Бориса и Глѣба, посланіе печер. архимандрита Досиѳея и слово похвальное Григорія, архіеп. Кіевскаго и всея Руси.

А. А. Шахматовъ. Къ исторіи звуковъ русскаго языка (кн. І, стр. 297—356 и кн. ІІ, стр. 312—346)—окончаніе изслѣдованія, начатаго печатаніемъ въ 1 и 2 книжкахъ „Извѣстій“ за 1902 г.; авторъ разматриваетъ въ общей связи также звуки малорусскаго языка.

П. И. Житецкій. Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII ст. (кн. II, стр. 1—51)—говотся о малорусскомъ вліяніи на образованіе литературной русской рѣчи въ XVIII ст.

В. Н. Перетцъ. Къ характеристикѣ общественныхъ отношеній въ Малороссіи XVII в. (кн. II, стр. 159—168)—говорится о погребальной рѣчи о. Игнатія Старушича 1641 г., какъ доказательствѣ того, что малорусское духовенство измѣняло интересамъ народной массы и искажало литературный языкъ.

А. И. Соболевскій. Нѣсколько мыслей о древней русской литературѣ (кн. II, стр. 138—158)—II глава этой статьи написана по поводу брошюры Н. К. Никольскаго „Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности, Сб. 1902“, а III глава—по поводу рецензіи В. М. Истрина на книгу П. В. Владимірова“ „Древняя русская литература кіевскаго періода“.

М. Г. Халанскій. Матеріалы и замѣтки по исторіи древнерусскаго героическаго эпоса (кн. II, стр. 168—176)—въ I главѣ издано сказаніе о взятіи Царяграда вел. кн. Ольгой.

В. И. Срезневскій. Отчетъ Отдѣленію рус. языка и словесности Имп. Ак. Н. о поѣздкѣ въ олонецкую, вологодскую и пермскую губерніи (кн. II, стр. 222—245, кн. 3, стр. 127—189 и кн. IV, стр. 99—139)—среди описываемыхъ и пріобрѣтенныхъ авторомъ рукописей имѣются такія, которыя представляютъ интересъ для изслѣдователей исторіи и литературы Южной и Западной Руси: 1) сказаніе о рос. святыхъ (кн. 3, стр. 171—115), 2) сборникъ средины XVI вѣка, содержащій зап.-рус. лѣтопись въ отрывкахъ (кн. IV, стр. 100—107).

Ѳ. Е. Коржъ. Турецкіе элементы въ языкѣ слова о полку Игоревѣ (кн. IV, стр. 1—58)—статья написана по поводу изслѣдованія на ту-же тему П. М. Меліоранскаго (Изв., 1902 г., кн. II); авторъ полемизируетъ съ П. М. Меліоранскимъ по поводу слѣдовъ турецкаго вліянія въ языкѣ Слова о полку Игоревѣ.

Въ отдѣлѣ „*Библіографія*“ даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ и изданіяхъ: 1) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Годы 6 и 7. К. 1901—1902 (кн. I, стр. 385—386, Е. В. Пѣтухова); 2) Статьи, рецензіи, замѣтки по вопросамъ рус. языка и словесности, помѣщенныя въ Ж. М. Н. Пр. за 1902 г. (кн. I, стр, 390—397, его-же); 3) Польскіе період. изданія по этнографіи за 1900—01 г.г. (кн. IV, стр. 383—400, 5) Улашина).

Сборникъ Отд. рус. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. 72—74.

Отчетъ о первомъ по Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. присужденіи премій митр. Макарія (т. 73, стр. 1—102)—даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *М. И. Михельсонъ.* Русская мысль и рѣчь; 2) *В. Н. Перетцъ.* Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. I, ч. 1 и 2; *Н. Шляковъ.* О поученіи Владиміра Мономаха.

Записки ист.-фил. факульт. Спб. Ун., 1904 г., ч. 73.

П. Г. Васенко. „Книга Степенная царскаго родословія“ и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности, ч. I—весьма обстоятельное изслѣдованіе о „Степенной книгѣ“, первыя слова которой, какъ извѣстно, даютъ весьма своеобразное изложеніе древнѣйшей русской исторіи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Новый нѣмецкій переводъ Шевченка. Въ Черновцахъ появилась нѣмецкая брошюрка въ 36 страницъ подъ заглавіемъ «Schewtschenkos ausgewählte Gedichte». Это есть переводъ нѣсколькихъ стихотвореній Шевченка, сдѣланный проф. С. Шпойнаровскимъ. Изъ предисловія узнаемъ, что переводчикъ задумываетъ издать цѣлый рядъ такихъ брошюръ, чтобы познакомить европейскую публику съ выдающимися произведеніями Шевченка. Переводъ сдѣланъ очень удачно и близко къ подлиннику. Цѣна брошюрки 50 сот.

На дняхъ вышелъ во Львовѣ новѣйшій указатель всѣхъ населенныхъ мѣстностей Галичины и Буковины, при чемъ въ немъ приняты во вниманіе всѣ территоріальныя измѣненія послѣдняго времени. Указатель составленъ почтовымъ контролеромъ Яномъ Биго и стоитъ 5 кор.

Въ № 70 львовской газеты «Діло» напечатана коротенькая, но очень сильная и содержательная рѣчь профес. Львовскаго университета К. Студиньского, произнесенная имъ 15 марта въ концертѣ,

устроенномъ въ Станиславовѣ въ память 43-й годовщины смерти Шевченка. Рѣчь эта, озаглавленная «Кобзареви Украины», главнымъ содержанiемъ своимъ имѣетъ очень образное развитiе мысли, что Шевченко соединилъ въ одно духовное цѣлое раздѣленный украинскiй народъ, заговоривъ чуднымъ, жывимъ словомъ. «Когда въ древности—говоритъ проф. К. Студиньскiй—персидскiй царь Дарiй послалъ къ грекамъ пословъ и потребовалъ отъ нихъ, въ знакъ подчиненiя, земли и воды,—то въ Аѳинахъ, по совѣту Ѳемистокла, рѣшили наказать смертью переводчика за то, что осмѣлился унизить греческiй языкъ переводомъ этого варварскаго приказанiя. Такъ высоко греки цѣнили свой языкъ. И мы будемъ-же уважать и любить народную рѣчь не потому, что Бандтке назвалъ ее лучшею изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, а Мицкевичъ—лучшимъ среди русскихъ нарѣчiй; не потому, что Бодянскiй возвеличиваетъ ея поэтичность и музыкальность и ставитъ наравнѣ съ языкомъ греческимъ и итальянскимъ; не потому, что Коубекъ и Мацѣевскiй признали ее лучшею, нежели чешскiй языкъ; не потому, что великороссъ Даль (Луганскiй) считалъ ее выше великорусской,—но потому, что она *наша, родная;* потому что народъ, не уважающiй и не любящiй своего языка, не заботящiйся и его развитiи, не стоитъ того, чтобы быть народомъ.

Въ Краковѣ группа молодыхъ русинскихъ литераторовъ задалась цѣлью издать украинскiй альманахъ въ честь извѣстной писательницы Ольги Кобыляньской, подъ названiемъ—„За красою“.

Сюда войдутъ новыя произведенiя многихъ авторовъ, между которыми пока обращаютъ на себя вниманiе имена И. Франка, О. Маковея, В. Щурата, Б. Лепкого, П. Карманскаго, Н. Кибальчичъ.

Вступительная статья объ О. Кобылянськой принадлежитъ извѣстному поэту Б. Лепкому.

Рукописи высылаются (до 1 мая) по слѣдующему адресу: Австрiя. Krakòw, Univerzytet. Ostap Luckyj.

Историческое извѣстiе объ Украинской думѣ. Въ журналѣ «Pamiętnik literacki, czasopismo kwartalne poświęcone historyi i krytyce literatury polskiej, wydawane przez Towarystwo literackie imienia Adama Mickiewicza», выходящемъ во Львовѣ, начиная съ 1902 года, въ статьѣ. А. Брикнера «Z dzijów dawnego teatru polskiego» за тотъ

же 1902 годъ, на стр. 554 находимъ любопытное упоминаніе, что въ 1547 году киѳаристъ воеводы троцкаго Яндрухъ (Jędrek) получилъ золотой за пѣніе *руской* (украинской) *думы»*.

Въ газетѣ «Die Zeit» съ № 527 начатъ печатаніемъ разсказъ Ивана Франка «Der Dorn im Fusse». Тема разсказа взята изъ жизни гуцуловъ.

Новая газета. Съ марта мѣсяця въ Черновцахъ (Буковина) начала выходить два раза въ мѣсяцъ газета «Хліборобъ», издаваемая «Краевой Радой культури» подъ редакціей проф. др. Смаль-Стоцкаго. Годичная цѣна всего лишь 2 короны.

Новый журналъ. Съ апрѣля мѣсяца во Львовѣ началъ выходить двухнедѣльный богословскій журналъ „Нива“, являющійся продолженіемъ „Богословскаго Вістника“; отличіе заключается въ томъ, что кромѣ церковныхъ вопросовъ обращено вниманіе и на вопросы общественные. Цѣна 6 коронъ.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Графиня А. Д. Блудова и Острожское братство. Подъ ред. *И. П. Хрущова.* Спб. 1903. Ц. 30 к.

Карскій М. А. Зарубежная Русь. Историческая хроника. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Ключевскій В., проф. Курсъ русской исторіи. Ч. I. М. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Лонгиновъ А. В. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Одесса. 1904.

Лядскій К. И. Крестьянское землевладѣніе и размѣры его обложенія въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., Новочеркасскъ 1903.

Пантюховъ И. И. д-ръ. Куреневка. Медико-антропологическій очеркъ. К. 1904.

Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка. *А. И. Соболевскаго и С. Л. Пташицкаго.* Спб. 1903. Ц. 12 р. 50 к.

Писаренко Н. Коринь. Народня драма въ V діяхъ. Харьковъ. Типогр. В. Романова, Рыбная, № 17. 1904, 8°, ст. 53. Ц. 35 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ:

Подп. цѣна съ дост. и	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
перес. во всѣ мѣста Рос.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 1-го апр., 1-го іюля и 1-го октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ к-ру или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго нумера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экз. Подписка принимается въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, Ваганьковскій пер. д. Куманина. Въ С.-Петербургѣ, въ книжн. маг. Н. П. Карбасникова. Въ Кіевѣ, въ книжн. маг. Н. Я. Оглоблина. Въ Варшавѣ, Вильнѣ въ кн. магаз. Карбасникова, въ Перми въ земс. центр. книж. складѣ. Всѣ изданія ред. „Русской Мысли" находятся на складѣ при типогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Редакторъ-издатель *М. В. Лавровъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXV.

1904 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1904.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ТОМЪ LXXXV.

1904 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 4 іюня 1904 г.

Объявленіе о преміяхъ.

Редакція журнала «Кіевская Старина» рѣшила на текущій годъ объявить преміи за лучшіе разсказы и повѣсти по-украински. Условія премій слѣдующія:

1) Представляемые на премію разсказы и повѣсти должны быть оригинальные, а не переводные и передѣланные [1]).

2) Авторамъ предоставляется свободный выборъ темъ и сюжетовъ.

3) Премированный разсказъ или повѣсть печатается въ «Кіевской Старинѣ» и оплачивается по разсчету 100 руб. за печатный листъ въ 16 страницъ.

4) Срокъ представленія разсказовъ и повѣстей не позже 1 ноября 1904 года.

5) Рукописи должны быть представлены переписанными не рукою автора и безъ имени его, а только съ девизомъ, при чемъ нужно въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью того-же девиза, указать свой точный адресъ (имя, отчество, фамилія и почтовая станція).

---

[1]) Драматическія пьесы на премію не принимаются.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 85-го:

апрѣль, май, іюнь. 1904 г.

Книга первая—апрѣль.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая--май.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—іюнь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Слухи о назначеніи Кантакузина гетманомъ Малороссіи (1718 г.).

Наплывъ иноземцевъ въ гетманщину относится преимущественно ко второй половинѣ XVII вѣка, когда, вслѣдъ за смертью Хмельницкаго, начались смуты, дававшія возможность всякаго рода выходцамъ изъ Молдавіи, Валахіи, Сербіи искать здѣсь приложенія своихъ силъ. Привлекаемые сюда междоусобіями, различные искатели приключеній, счастья и наживы успѣшно достигали своей цѣли, поступая на службу къ лицамъ, которыя играли первенствующую роль въ событіяхъ того времени и хорошо платили. Пользуясь ловко обстоятельствами, нѣкоторые изъ подобныхъ авантюристовъ выдѣлялись изъ рядового козачества и добивались полученія видныхъ и вліятельныхъ урядовъ, дававшихъ имъ полную возможность разбогатѣть на счетъ полчанъ. Само собой разумѣется, что подобные выходцы всѣми силами стремились къ полученію урядовъ и нерѣдко достигали ихъ. Такъ, уже въ 1659 году мы видимъ миргородскимъ полковникомъ Павла Апостола—«волоха»; затѣмъ, въ 1665 году пришелъ на Украину Родіонъ Дмитрашко [1], приведшій съ собой цѣлое «товариство хоругвей волоскихъ» въ 500 человѣкъ и уже черезъ два года добившійся переяславскаго полковничества, которое онъ занималъ, съ небольшими переры-

[1]) О немъ: А. В. Стороженко, Очерки Переяславской старины, Кіевъ 1900, стр. 187—195.

вами, по 1675 годъ, когда передалъ свой урядъ Вуку Сербину[1]), продержавшемуся на немъ по 1682 годъ. Въ 1684—1687 годахъ судьей прилуцкаго полка былъ Янъ Христофоровичъ Грекъ[2]), добившійся этого мѣста черезъ женитьбу на дочери прилуцкаго полковника (1679) Яска Воронченка; 1689—92 годахъ домонтовскимъ сотникомъ переяславскаго полка былъ Степанъ Томара[3]), сынъ грека, торговавшаго «турскими» товарами въ Переяславѣ; въ 1705 году онъ уже былъ переяславскимъ полковниковъ; Вандулъ Маневичъ[4]), родомъ волохъ, бывшій въ 1696 году сотникомъ миргородскимъ, и другіе. Затѣмъ изъ волоховъ же были и два брата Тарскихъ, Антонъ[5]) и Василій, изъ коихъ первый въ 1711 году былъ полковникомъ бѣлоцерковскимъ, а съ 1712 по 1734—кіевскимъ; второй—съ 1726 года былъ полковникомъ переяславскимъ. Съ ними-же пришелъ и Лукьянъ Бразулъ[6]), посланный въ 1710 году княземъ Дм. Мих. Голицынымъ въ Бендеры (гдѣ тогда находился Мазепа) «въ шпіонахъ» и бывшій подъ конецъ жизни козелецкимъ городовымъ атаманомъ. Къ сербскимъ выходцамъ принадлежитъ также Пантелеймонъ Божичъ[7]), бывшій въ 1704 году полковникомъ сербскаго гусарскаго полка; сынъ его Иванъ—въ 1742—46 годахъ былъ уже нѣжинскимъ полковникомъ. И много, много другихъ, не сохранившихъ родового прозванія, а называвшихся просто: Волошинъ, Сербинъ, Грекъ и т. д. Всѣ они, частью благодаря своимъ личнымъ качествамъ: хитрости, пронырливости и умѣнью приспособляться къ обстоятельствамъ, частью же вслѣдствіе удачной женитьбы на комъ-либо изъ лицъ, принадлежавшихъ къ старшинскимъ фамиліямъ, доби-

---

[1]) Ibid., 126—186.

[2]) Опис. Стар. Малор., т. Ш, стр. 60.

[3]) Кіев. Стар., 1885 г., май.

[4]) Рус. Арх., 1875 г., I, 91.

[5]) Кіев. Стар., 1894, апр., 146—151.

[6]) Дѣло о дворянствѣ Бразолей въ архивѣ д-та Герольдіи Правит. Сената.

[7]) Опис. Стар. Малор., т. II, стр. 16.

вались болѣе или менѣе крупныхъ урядовъ и тѣсно связанныхъ съ ними богатствъ.

Съ концомъ смутъ украинскихъ, т. е. приблизительно съ того времени, когда Самойловичъ сталъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, притокъ иноземцевъ въ Малороссію, надо полагать, уменьшился, но возникъ съ новою силою послѣ 1711 года. Въ этомъ году, какъ извѣстно, имѣла мѣсто «Прутова акція», въ которой большое участіе принимали южные славяне, помогавшіе Петру Великому и деньгами и оружіемъ въ его борьбѣ съ Турціей. Русское правительство, въ видахъ награжденія за понесенныя «службы», зазывало ихъ въ Россію, обѣщая дать имъ деревни «на пропитаніе». Самыми видными выходцами этого времени являются Кантакузинъ и Милорадовичи. Изъ послѣднихъ пришелъ сперва Михаилъ Милорадовичъ, вслѣдъ за коимъ прибыли два брата его Гавріилъ и Александръ, имѣвшій сына Илью. Михаилъ уже въ 1715 году былъ поставленъ полковникомъ въ Гадячъ, для чего смѣщенъ былъ оттуда Иванъ Чарнышъ, назначенный генеральнымъ судьею, и пробылъ на этомъ урядѣ по смерть свою въ 1726 году, когда его мѣсто заступилъ братъ его Гавріилъ; Илья Милорадовичъ сперва былъ гадячскимъ полковымъ хорунжимъ, а въ 1724 году онъ уже значится грунскимъ сотникомъ, гадячскаго полка[1]). Одновременно съ Милорадовичами пришли въ Украину: Василій Капнистъ[2]), служившій сперва «волонтеромъ» въ польскихъ походахъ, а затѣмъ (1726—1737) полковымъ сотникомъ изюмскаго полка и миргородскимъ полковникомъ (1737—1751), послѣ чего опредѣленъ съ чиномъ бригадира «къ командѣ надъ слободскими полками»; Николай Горонескулъ, служившій сперва также «волонтеромъ», а въ 1723 году занимавшій уже сорочинское сотничество; три брата: Славуй, Алексѣй и Максимъ Требинскіе[3]); Семенъ Афендикъ[4]), сынъ котораго Сте-

---

[1]) Дѣло о дворянствѣ Милорадовичей въ архивѣ д-та Герольдіи Прав. Сената.

[2]) Дѣло о дворянствѣ Капнистовъ тамъ-же.

[3]) Дѣло о дворянствѣ Требинскихъ тамъ-же.

[4]) Кіев. Стар. 1886 г., іюль, стр. 443.

панъ въ 1719 году былъ сотникомъ бориспольскимъ и въ 1724 году—наказнымъ переяславскимъ полковникомъ; Дмитрій Мимотиновъ [1]), «сербской породы шляхтичъ», опредѣленный «за вѣрніе императорскому величеству подъ часъ военной съ турками акціи» въ іюлѣ 1723 года сотникомъ седневскимъ.

Упомянутый выше Славуй Сербинъ, ставшій писаться потомъ Требинскимъ, и пришедшій въ это же время Афанасій Кицеңъ имѣютъ близкое отношеніе къ приводимому ниже докумету, а потому сообщаемъ о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Требинскій, «по доношенію о немъ преосвященнаго Даніила, митрополита Скандаріи, Приморія и Черной Горы» 1715 года,—«былъ у венеціанъ воеводою въ Кощелновомъ (Кастель-Нуово) и въ 1711 году, во время бывшей съ султаномъ турецкимъ войны, ревностью по благочестію пришелъ оттуда къ нимъ, въ Монтенегрію, съ кампаніею своею для службы царского величества, оставя тамъ всякую честь и получаемое жалованье; и служилъ противъ турковъ, всего христіанства непріятелей, вѣрно, платя на компанію деньги свои, и былъ съ нимъ (митрополитомъ) въ совѣтѣ,—за что домъ его и мастности венеціане разорили и сродственники его странствуютъ въ чужихъ странахъ».—«Того ради желалъ остаться въ Россіи» и въ 1715 году былъ пожалованъ отъ Петра Великаго портретомъ; «а за тѣ его показанныя службы и за утрату пожитковъ—велѣно быть въ малороссійскихъ городахъ и дати ему на пропитаніе деревню, и употребить его въ какой чинъ» по усмотрѣнію Скоропадскаго. Во исполненіе этого указа гетманъ въ началѣ 1716 года далъ Славую ирклѣевское сотничество (переяславскаго полка), а затѣмъ Славуй женился на вдовѣ сотника лукомскаго Василія Пиковца и выхлопоталъ себѣ у гетмана универсалъ на оставшіяся отъ перваго мужа жены его имѣнія: село Лящевку, село Матвѣевку, слободку Мазолѣевку, дворъ въ селѣ Александровѣ и другія, которыя за нимъ и были утверждены царскою грамотою отъ 20-го апрѣля 1721 года. Однако, Славую этихъ мастностей казалось мало, и онъ въ 1734 году, вмѣстѣ съ

[1]) Рукоп. М. О. Судьенка.

братьями своими, просилъ о дачѣ имъ «по убожеству» двухъ селъ: Круподеринцевъ и Савинокъ. Малороссійская Коллегія, которой эта челобитная была передана изъ Сената на расмотрѣніе, нашла, что «за прежнюю и нынѣшнюю службу Требинскихъ и для предбудущаго таковаго потребнаго случая и лучшаго утвержденія и ласканія всего тамошняго (сербскаго) благочестиваго народа, потребно ихъ, Требинскихъ, не въ скудости, но въ пристойномъ довольствѣ содержать», почему имъ и было дано, вмѣсто Круподеринцевъ и Савинокъ, 70 дворовъ въ м. Оржицѣ и с. Плѣховѣ, лубенскаго полка. Сотникомъ ирклѣевскимъ Славуй Требинскій пробылъ, кажется, до 1736 года, когда «за слабостью и дряхлостью», былъ уволенъ, а на его мѣсто опредѣленъ братъ его Алексѣй. Получивъ «абшитъ», Славуй прожилъ еще болѣе десяти лѣтъ, вызвалъ изъ-заграницы нѣсколько своихъ родичей, и умеръ въ 1750—52 годахъ, имѣя болѣе 70 лѣтъ отъ роду.

Второе лицо, о которомъ говоритъ розыскъ 1718 года, былъ Аѳанасій Кицешъ[1]), называвшійся иногда просто Волошиномъ. Онъ также былъ въ Прутскомъ походѣ, а затѣмъ отпущенъ по указу въ «черкасскіе» города. Здѣсь онъ сперва основался въ гадячскомъ полку, гдѣ женился на вдовѣ брата генеральнаго судьи Чарныша, получилъ въ 1715 году, при помощи послѣдняго, сотничество въ Ковалевкѣ, но уже въ 1717 году потерялъ его якобы изъ-за «продерзливихъ» своихъ словъ, но на самомъ дѣлѣ изъ-за ссоры съ Чарнышемъ. Нѣсколько разъ прося о возвращеніи сотничества, Кицешъ ничего не добился: его замѣститель Демьянъ Ивановичъ сотниковалъ въ Ковалевкѣ еще въ 1730 году, а самъ онъ въ 1729 году служилъ ротмистромъ ландмилицкихъ полковъ; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній о Требинскомъ видно, что приводимый ниже розыскъ 1718 года нисколько не повліялъ на его судьбу: онъ еще цѣлыхъ 18 лѣтъ оставался сотникомъ: что же касается Кицеша, то хотя онъ лишился сотничества якобы

---

[1]) О немъ смотри нашу статью: «Генеральный судья Иванъ Чарнышъ и его родъ», въ Кіев. Стар. 1904 г., апр. и май.

изъ-за своихъ «продерзливыхъ» словъ, но на самомъ дѣлѣ произошло это изъ-за его вражды съ сильнымъ человѣкомъ того времени, Чарнышомъ; да и смѣщеніе его съ уряда произошло до розыска. Безнаказанность Требинскаго и Кицеша въ данномъ случаѣ, несмотря на оффиціальный розыскъ, объясняется тѣмъ, что гетманъ былъ безсиленъ противъ лицъ, назначенныхъ на уряды «по указу», т. е. по выбору самого царя, помимо воли гетмана. Эти царскіе ставленники постоянно оказывали открытое неповиновеніе мѣстной власти; такъ, напримѣръ, когда по указу Генеральной Канцеляріи составлялись въ переяславской полковой канцеляріи списки о службахъ полковой старшины, то всѣ сотники прислали таковыя, а Требинскій безъ всякихъ объясненій «не прислалъ о себѣ вѣдомости», и это такъ, повидимому, и осталось... Не только въ области служебныхъ отношеній гетманъ встрѣчалъ неповиновеніе со стороны волоховъ, но тоже было и въ области имущественной. Заявляя правительству о потеряхъ, понесенныхъ во время Прутскаго похода ради русскихъ, волохи выпрашивали себѣ маетности, получивъ которыя, позволяли себѣ всевозможныя насилія надъ посполитыми, не допуская ихъ къ отбыванію общественныхъ повинностей и проч. Какъ люди, заявившіе уже вѣрность царю въ Прутскомъ походѣ, Требинскій, Кицешъ и другіе выходцы чувствовали себя крѣпко сидящими на урядахъ, зная, что доносы на нихъ не имѣютъ силы, вслѣдствіе общаго недовѣрія, которое послѣ измѣны Мазепы сказывалось со стороны русскаго правительства по отношенію къ малороссіянамъ и выражалась въ назначеніи полковниковъ изъ «великорусской породы людей» и иноземцевъ, а впослѣдствіи—въ учрежденіи Малороссійской Коллегіи... Кромѣ того, волохи сознавали твердость своего положенія еще и потому, что въ нихъ сильна была взаимная сплоченность и развита поддержка другъ друга. Вліятельныя и занимающіе крупные уряды лица старались окружить себя соплеменниками, предоставляя имъ болѣе мелкіе уряды подлѣ себя. Такъ, напримѣръ, Михаилъ Милорадовичъ устроилъ хорунжимъ въ гадячскомъ полку племянника своего Илью, смѣстилъ съ сотничества комышанскаго Ивана Крупку и, по свидѣтельству Ки-

цеша, имѣлъ намѣреніе удалить еще всю полковую гадяцкую старшину, а на ея мѣста «своихъ подручныхъ сербовъ и волохъ на власти понаставляти». Въ своей враждѣ съ Чарнышомъ Кицешъ, повидимому, опирался тоже на Милорадовича, пока съ нимъ не поссорился. Вообще, во всѣхъ челобитныхъ Кицеша сквозитъ сознаніе, что онъ въ Украинѣ не одинъ изъ чужеземцевъ, а что ихъ цѣлая «братія», о «службахъ» которой онъ никогда не забывалъ, гдѣ слѣдуетъ, упоминать... Понятно, что коренная малорусская старшина съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣла на раздачу урядовъ и маетностей чужеземцамъ. Скоропадскій подъ разными предлогами хотѣлъ избавиться ради Чарныша отъ Милорадовича; Чарнышъ же говаривалъ Кицешу: «Имѣю я надѣяніе на Бога нетокмо сербыновъ,—и всѣхъ васъ, волоховъ, изъ Украини каменіемъ вибити!»

Сопоставляя приведенное выше со словами Требинскаго, говорившаго гадяцкому полковому сотнику Ивану Пирятинскому: «Ну, миленькіе, памятайте тое, же певне послѣ сего вашей козацкой власти не будетъ,—отъ начала и до иншихъ полковниковъ и сотниковъ,—але тилько всѣ врядники иноземци тутъ будутъ, *а насъ тутъ прислано постерегать васъ, чтобы вы, миленькіе, не змѣнили*»,—съ слухами, распространявшимися Кицешемъ и другими волохами о томъ, что гетманомъ будетъ *ихъ* генералъ Кантакузинъ,—приходится заключить, что Кицешъ, Требинскій и другіе выходцы и царскіе ставленники были правы, видя въ своемъ назначеніи на уряды и въ раздачѣ имъ маетностей не только награду за «службы», но и правительственную цѣль—«постереганя измѣны». Извѣстный Θедоръ Лисовскій[1]), когда былъ поставленъ царемъ на протопопство въ Гадячъ, тоже говорилъ, «я не ради протопопства едного тутъ зосланъ, але ради всѣхъ управленій и *постереганя и преслѣдованя змѣни*», а на всѣ подаваемыя на него жалобы отвѣчалъ, что онъ гетману не подсуденъ...

Что касается источника, откуда пошли слухи о гетманствѣ Кантакузина, то, кромѣ поѣздки въ 1718 году въ Москву Ско-

[1]) Опис. Стар. Малор., I, 199.

ропадскаго и сознанія, бывшаго у волоховъ о правительственной цѣли ихъ назначенія, нѣкоторой разгадкой этого обстоятельства служатъ слова, обращенныя къ Кантакузину его женой и подслушанныя слугой ихъ сербиномъ Бутовичемъ[1]): «Досить уже тобѣ такъ войсково служить, але просити мусишь отъ государа таковаго помилованія, щобъ въ Украинѣ гетманское офѣцію одержать». Стеченіе этихъ трехъ обстоятельствъ и вызвало, повидимому, въ гетманщинѣ тѣ толки, послѣдствіемъ которыхъ явился розыскъ 1718 года.

В. Модзалевскій.

Року тисяча сѣмъ сотъ осмогонадцятъ, мѣсяця и дня двадцятъ четвертого. За вѣдомомъ сіятелнѣйшихъ царского пресвѣтлого величества минѣстровъ, паче-же з волѣ монаршой, присланъ з Санктпѣтербурха отъ ясне велможного его милости пана Іоанна Скоропадского, войскъ запорозскихъ гетмана, через пана Романа Бороховича, знатного товариша войскового, виразний его рейментарский указъ, чтобы о соплѣтателехъ между народомъ Малороссійскимъ лщенія, безсовѣстнихъ пліотокъ и раждаючого бунтовский початокъ соблазна исправити освѣдителствованний и досконалний розискъ и потомъ тихъ плутословцевъ до крѣпкого взять караулу. Теди мы, нижеподписанніе, зъехавши в городъ Гадячъ и засѣвши в замку рейментарскомъ, таковий з допроснихъ рѣчей о пронесенню плутнѣ изобразилисмо розискъ.

Панъ Иванъ Пѣратинский, сотникъ полковий Гадяцкий, в доношенію сказалъ: Ижъ случилось, мовитъ, сихъ мимошедшихъ воскресенскихъ святъ первой седмицѣ быти в дому пана *Мартина Стишевского*, асаула полкового Гадяцкого, на водцѣ, где згодился между нами и *Словуй Сербынъ*, сотникъ полку Переяславского Ирклѣевский, едучий в походъ военний къ Царичину. Заразъ рѣчъ отъ дерзости и неповстягливости своей до мене таковую з вопросомъ внесъ: «Чи одинъ у васъ духъ?» Я на тое отповѣдѣ-

---

[1]) Кіев. Стар. 1904, апр., стр. 20—24.

лемъ: «Що человѣкъ—то инший духъ». Онъ, Словуй, в обширность мовий, знову отказалъ такъ: «И в моей сотнѣ все иншіе були духи, и я ихъ добре принялъ, и за тое, призвавши мене предъ себе, его милость панъ Іванъ Сулима, хоружий енералный, наказовалъ словесно». Потомъ далѣй онъ-же Словуй вирекъ: «И ну, миленкіе, помятайте тое, же певне послѣ сего вашей козацкой власти не будеть, отъ начала и до иншихъ полковниковъ и сотниковъ, але тилко всѣ врядники иноземцѣ тутъ будутъ, а насъ тутъ прислано постеригать васъ, чтобы ви, миленкіе, не змѣнили!» Потомъ, при концу тоей рѣчи, пречестный отецъ Сүмеонъ Василіевичъ, протопопъ Гадяцкий, з священниками своими пришолъ туда-жъ в домъ пана асаула з праздничнимъ повѣнюванемъ.

Я самослишатель к своей сказце руку прилагаю. Іванъ Нѣратинский, сотникъ полковий Гадяцкий.

Пречестний отецъ *Сүмеонъ Васіліевичъ*, протопопъ Гадяцкий, честний отецъ *Сүмеонъ*, намѣсникъ протопопіи Гадяцкой, честний отецъ *Григорий Терпеловский*, священикъ церкви соборной, противъ сказки помянутого пана сотника полкового Гадяцкого в допросѣ такъ сказали, что «былисмо подъ часъ мимошедшихъ воскресенскихъ святъ в дому пана Мартина Стишевского, асаула полкового Гадяцкого, с праздничнимъ привѣтомъ и помянутого *Словуя Сербына* зостали и чули, что онъ, Словуй, шатаючися то сюди, то туди в хатѣ асаулской, много де-чего язикомъ шермовалъ и словами плуталъ; и тогди отецъ Терпеловский отъ него таковий вопросъ слишалъ: «Чи одного ви духа?» а иншихъ словъ, в сказцѣ сотницкой вираженнихъ, того ради не внимали и не дослуховались, же сами были подпиліи и всякъ з другимъ разніе дискурси размовляли».

Мы к своей сказцѣ руки прилагаемъ: Семионъ Василевичъ, протопопа Гадяцкий.

Семионъ Василевичъ, намѣстникъ Гадяцкий.

Георгий Терпѣловский, іерей святоуспенский Гадяцкий.

Іванъ Бутовичъ, презвитеръ богоявленский Гадяцкий.

Ияковъ Димитриевичъ, іерей воздвиженский.

Іоанъ по (?) Іоановъ, іерей спаскій.

Я іменемъ *Петро Коржъ*, житель Гадяцкий, сознаю тое, что числа марта 16 ехалъ *Василъ Петровичъ Астовъ*, камисаръ полку Кропотова, з Борзни до Харкова, повѣдалъ в замку Гадяцкомъ такую рѣчъ, же на Москвѣ его милость пана полковника Черпѣговского [1]) кнутомъ бито и на гакъ завѣшено и третого дня умеръ, а болше нѣчого не чулъ; на томъ свою руку подписую.

Панъ сотникъ Пѣратинский извѣстилъ, что писаръ комисарский, именно *Тимофѣй Василіевъ*, пришолъ, мовитъ, до мене з атаманомъ круткувскимъ *Павломъ Фокою* послѣ праздника великодного упоминатися будто о недодачу овса за полмѣсяця, и сказалемъ я: «Нехай, мовитъ, рощотъ учиню между атаманомъ старимъ и теперешнимъ круткувскими». Онъ, писаръ, откажетъ: «Ей, миленький, какъ ви горди, а не вѣдаете ви, для чого гетмана вашего взято на Москву и в Пѣтербурхъ, и уже ему голову отрублено!» И отповидѣлъ я ему противъ тоей дерзостной плутнѣ: «Лжешъ ти на тое, нашъ ясневелможний, якъ слишимъ, у пресвѣтлѣйшого монархи у великой милости»; якую рѣчъ обявлялъ з нимъ же пошовши до пана полковника своего Михайла Милорадовича, и панъ полковникъ ему, писару, тое ганилъ и одослалъ мене з Грігоріемъ Цюпкою, прапорщикомъ полковимъ, до господина секундъ-маіора Калчукгина полку володимерского, в Гадячомъ на квартери стоячого, и тую плутню помянутий атаманъ круткувский чулъ з устъ писара происходящую.

Я к своей сказцѣ руку прикладаю. Іванъ Пѣратинский, сотникъ полковий Гадяцкий.

Панъ Григорий Цюпка, прапорщикъ полковий, в допросѣ призналъ, что подъ часъ бытности моей в дому пана полковника, послѣ святъ воскресенскихъ, пришолъ панъ Пѣратинский, сотникъ полковий, с писаремъ камисарскимъ и прекладалъ пану полковнікови такую дикую рѣчъ, що писаръ сотнику плуталъ, же гетману нашему в Петербурсѣ голову втято, за що панъ полковникъ писара того страфовалъ и напоминалъ. Потомъ послалъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о Павлѣ Полуботкѣ, ѣздившемъ съ Скоропадскимъ въ 1718 году въ Москву.

пана сотника зо мною до господина секундъ-маіора з обявленіемъ тоей плутнѣ, и хочай килка разивъ до его милости ходили. однакъ насъ не допущено, мовячи, же забавенъ.

На сей моей сказцѣ подуписуюся. Григорий Цюпка, пранорьщикъ полковий Гадяцкий.

Павло Фока, атаманъ круткувский, в допросѣ подъ совѣстію признал, же помянутий камисарский писаръ тие слова плуталъ: «Что, миленкие, не вѣдаете ви, для чого вашого гетмана взято на Москву и в Пѣтербурхъ, которому тамъ и голову втято». Панъ сотникъ отвѣтовалъ, же «лжешъ ти; ясне велможний при милости монаршой». Потомъ, якъ пошли до пана полковника своего з обявленіемъ, онъ писаръ просилъ, жебы панъ полковникъ прикрилъ тое; однакъ панъ полковникъ увѣщалъ его за тую плутню.

Сюю сказку мою я, Павло Фока, крестомъ закрепляю.

Іванъ Ставѣцкий, мещанинъ старинний Гадяцкий, в допросѣ сказалъ, что якъ приехалъ передомъ з Москви осередопостѣ в Гадячъ отъ пана полковника своего Михаила Милорадовича калачникъ Андрѣй Боханченко, житель Гадяцкий, з слугою полковничимъ, приставшимъ на Москвѣ, Григоріемъ Волошиномъ, и говорили минѣ таковую плутню, что енералъ Кантакузинъ будетъ тутъ у насъ гетманомъ, а панъ полковникъ нашъ—енераломъ надъ трома полками: сумскимъ, ахтирскимъ и гадяцкимъ. гетманъ-же теперишний буде черпцемъ. Теди, я на тое имъ отказалъ: «Лжете ви; я гетмановъ скилконадцятъ памятаю, а ни одного не пущено в чернцѣ, лечъ розно по своихъ заслугахъ и вѣрностяхъ жітіе свое кончили.

Сюю сказку мою я, Іванъ Ставѣцкий, крестомъ закрепляю.

Андрей Боханченко, калачникъ, в допросѣ признал, что едучи з Москви з слугою, тамъ до пана полковника на службу приставшимъ, именно Григоріемъ Волошиномъ,—многократне онъ намовлялъ мене, чтобы, приехавши в Гадячъ, тое в нарядѣ проносити, же будетъ подъ властю полковничою и замокъ Гадяцкий. а не подъ гетманскою. Потомъ, в долгомъ допросѣ онъ Боханченко (любо першъ таился) заледво признался, же слуга пол-

ковничий Григорий Волошинъ вираженную плутню в сказцѣ Ставѣцкого при немъ говорилъ, а онъ самъ о себѣ запѣрался, же того не говорилъ. Потимъ знову Андрѣй Боханченко признал, что Григорій Волошинъ просилъ мене, жебы я нѣчого о туй плутнѣ передъ судомъ не говорилъ, бо, мовитъ, обомъ намъ недобре будетъ и хочъ бы и быто тебе—нѣчого не кажи.

Подъ готовостю присяги сюю сказку крестомъ закрепляю.

Пречестний отецъ Сумеонъ Василіевичъ, протопопъ Гадяцкий, честний отецъ Сумеонъ, намѣстникъ протопопіи Гадяцкой, честний отецъ *Григорий Терпеловский*, настоятель церкви соборной, честний отецъ *Іоанъ Бутовичъ*, презвитеръ богоявленский, в допросѣ сказали тое, что когда пришлисмо до пана полковника в домъ в великодную суботу для испрошенія у его милости отцу протопопѣ своему за невинное уданне прощенія, тогди видѣлисмо предъ нами прохожаючогося Афанаса Волошина [1]), бывшого сотника коваловского, и спросилъ я, протопопъ его, Афанаса Волошина: «Якъ и где вмсть погодился з паномъ полковникомъ?» Онъ, осклабывшися, вслухъ всѣмъ намъ такъ мовилъ: «Трудно было мнѣ не прощатися, бувши на Москвѣ, поневажъ тамъ и кого-нѣбудь смиряютъ»; и далѣй сказалъ: «Якъ мнѣ было тамъ не смиритись, что на пана полковъника великая является царская ласка и такая милость, якой и гетманъ не маетъ». На що я, намѣстникъ, ему отвѣтствовалъ: «Лжешъ ты на тое. Ясне вельможному—гетманская милость, а полковникови —полковничая».

К сей сказкѣ нашой руки прилагаемъ: Семионъ Василевичъ, прот. Гад.

Сумеонъ Василевичъ, намѣст. Гад.; Георгий Терпѣловский, іерей Стоуспенский.

Іоанъ Бутовичъ, іерей богоявленский Гадяцкий.

Ияковъ, іерей воздвиженский.

Многократне допрошуванъ *Афанасъ Волошинъ* противъ сказки отца протопопи Гадяцкого и прочіихъ іереевъ тутейшихъ, однакъ о

---

[1]) Т. е. Кицеша.

обелзѣ и уничиженіи чести рейментарской не признался, лечъ тилко, мовитъ, «такіе слова я сказалъ, же, приводячи мене господинъ Феодоръ Івановичъ Протасіевъ, столникъ, до згоди з паномъ полковникомъ нашимъ гадяцкимъ, жебымъ я па его не чолобытствомъ, и сказалъ мнѣ тое его милость: «Что, видишь, мовитъ, якая великая честь тутъ вашему полковнику—нѣчого ему не вдѣешъ».

Григорій Минтянинъ, бывший атаманъ куземинский, в допросѣ доносилъ, что чулъ отъ Афанаса Волошина в дому своемъ, когда онъ виправленъ былъ в походъ военний одъ пана полковника Гадяцкого до Царичина, на мѣсцу пана Романа Корицкого, сотника опошнянского, же говорилъ тіе слова, что уже есть у насъ гетманъ новий. А когда вопросилъ я его: «Хтожъ такий: чи з нашихъ людей, чи з великороссийскихъ?» онъ, Афанасъ, отвѣтовалъ: «Такий человѣкъ, же знаетъ по турецку, по минтянску и по волоский говорити, именно—енералъ Кантакузинъ: а полковникови нашему гадяцкому роту или другую придадутъ драгунъ»; а чого ради тіи драгуне придани будутъ—тую причину сказалъ: «Для безпечности, жебы якъ мене у войску мало не были, не приймуючи на мѣсце пана сотника опошнянского в помянутий походъ военний, такъ бы и надъ полковникомъ нашимъ не вчинилось».

Сюю сказку свою я, Григорий Минтянинъ крестомъ закрепляю.

Афанасъ Волошинъ къ допросу Григорія Минтянина во всемъ цѣле тамчись не признался.

Панъ *Іванъ Пѣратинский*, сотникъ полковий Гадяцкий, обявилъ, же отъ пана полковника своего чулъ тіе слова: «Будучи на Москвѣ, прекладалемъ я сіателнѣйшому графу Гаврилу Івановичу Головкину в донесение царскому величеству, что на затягъ войска, еще в своей землѣ будучи, много задолжилемся, позичаючи в монастирахъ, то по тисячи, то по пять сотъ червоныхъ,—якого долгу не мѣю теперь чимъ уистити; на що мнѣ отвѣтовалъ сіателнѣйный графъ: «Мѣешъ собѣ врученний полкъ Гадяцкий—с того собѣ наживай».

К сей сказце подписую руку. Іванъ ПѣРатинский, сотникъ Гадяцкий.

І ми, нижеподписанніе інквикитори, будучи в дому его милости пана полковника Гадяцкого в день аггела государева, чули отъ его милости в сказцѣ пана сотника и пана асаула полкового тую всю вираженную рѣчъ.

Якіе в розиску вижейвираженніе совѣстними допросами інквѣрованние, в народѣ пронесенніе на зверхнѣйшую властъ и о инныхъ особахъ плутнѣ и уничиженія, по високомъ з Санктпѣтербурха присланномъ указу, симъ розискомъ исправили, при закрѣпленію подписовъ рукъ нашихъ и печатей, до долшого властелинского разсмотренія. Писанъ в замку Гадяцкомъ, року и дніа вижейвираженного.

Михайло Турковский, Господаръ Замку Гадяцкого. М. П. *Григорий Кграбянка, Судия полку Гадяцкого.* М. П. *Романъ Бороховичъ.* М. П. *Стефанъ Максимовичъ, Канцеляристъ войсковий.* М. П. (Съ подлинника).

Житье—бытье лубенскаго крестьянина[1].

(*Окончаніе* [1]).

Для лучшей характеристики семьи прилагаются слѣдующія мѣстныя семейныя пѣсни, расположенныя въ такомъ порядкѣ: колебанія молодежи при выборѣ пары, сожалѣнія молодой о дѣвичьей волѣ, столкновеніе ея съ роднею мужа, свиданіе съ матерью и жалобы ей. Преобладаніе жены, разгулъ ея и измѣна. Нелюбовь и невѣрность мужа, ревность, разлука, смерть и убійство.

1.

Якъ бы мени батько, та ридная маты,
То я бъ оженывся, хочъ я й небагатый.
Якъ бы мени стребло [2]) та все тіи гроши,
То я й оженывся, хочъ я й нехорошый.
Тай самъ я не знаю яку жинку браты?
Визьму я убогу—ничимъ зодягаты,
А визьму багату—буде докоряты.
Визьму я хорошу—будуть улюбляться,
Визьму я погану—стыдно й показаться.

(Записана въ 1896 г. отъ кр. х. Яновщины Уляны Бондаренковой, 30 л.).

---

[1]) См, Кіев. Ст. 1904 г. № 4.
[2]) Вмѣсто срибло.

2.

Ой якъ бы я молодая биду знала,
Не йшла бъ замижъ молодою тай гуляла.
Росчесала бъ русу косу по волосу
Познавала бъ лышенько по голосу.
Чы я тоби мій мыленькый не казала,
Чы я твого щырого серця не втишала.
Ой не ходы мій мыленькый до воротъ.
Тай не слухай мій мыленькый поговоръ.
Бо я ціи поговоры давно знаю.
Якъ покочу серебряный перстень по кровати,
Хочъ котыся серебряный перстень, а хочъ не котыся.
Хочъ женыся мій мыленькый, а хочъ не женыся.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. х. Терновщины Устины Початкиной, 17 л.).

3.

Якъ бы жъ я була знала
Таке свое безталання,
Не пишла бъ я замижъ
На такее горювання.
Якъ бы жъ я була знала
Таку свою несчасну долю,
Сыдила бъ я у батька
Дивчыною молодою.
Якъ я жъ у батенька була,
Такъ якъ роженька цвила,
А теперъ же я стала
Якъ рыбочка вьяла,
Уси нужды знаты стала.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Анны Прихидькиной, 25 л.).

У Чуб., № 145, стр. 543, т. 5, вар. отдаленный.

4.

Плыве човенъ воды повенъ
Проты воды тыхо,—
Не иды дивко за удивця,
Буде тоби лыхо.
Що й удовець не молодець
Винъ жартивъ не знае,
Що винъ твое биле лыце
Зъ своимъ поривняе.
Ривняй, ривняй, сучый сыну,
Колы довелося,
Колы мени молоденькій
На лыхо пишлося.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Прасковьи Гетьмановой).

5.

Упавъ снижокъ на обнижокъ
Тай ставъ водыцею.
Лучче було дивчыною,
Чимъ молодыцею.
Що жинкою, та дивкою
Кажуть люде ривно.
Чорты його батька вбылы!
Гуляты не вильно.
Що у батенька крути горы—
Гуляты доволи,
А у свекорка усе ривно—
Гуляты невильно.
Що у батенька заганяты,
Питы погуляты,
А въ свекорка вытопыты
Дай спаты лягаты.

(Записана въ 1889 г. отъ кр. д. Рудки Авдотіи Сокиркиной, 18 л.).

6.

А мій батенько слипъ,
Завьязавъ мени свитъ,
Въ мене маты зоря
Рано замижъ оддала
На чужу сторону
У велыку симью.
А велыка симья
Тай обидать сида,
А мене молоду
Посылають по воду.
Я по воду иду,
Якъ голубка гуду;
А зъ водою иду спотыкаюся,
Дрибненькымы слизонькамы умываюся,
Шытымъ билымъ рукавцемъ утыраюся,
Пидъ виконце прыйшла прыслухаюся.
Щось у хати стугоныть,
Маты сына учыть:
«Ой, ты сыночку мій!
Ты дытыно моя!
Чомъ ты жинкы не бьешъ,
Нащо жалуешъ?
— Нащо, маты, жинку быть?
Треба зъ нею викъ изжыть.
И не быйте іи, и не лайте іи,
Вона ище молоденька
Научайте іи,
Якъ не треба іи—одсылайте іи.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. с. Ольшанки Тетяны Гайдаевой).

Вар.: у Чубинскаго. V. № 305, 701 и Ш, №№ 66, 156 (веснянка); у Гринченка, Этногр. мат. Ш, № 586, 304, 305; у Конощенка, Укр. писни. Одес. 1900 г., № 58, 78.

7.

Та не ку[illegible]зузуле, въ диброви,
не збу[illegible] мене молодои!

Бо избудять мене раньше тебе
Та пошлють же мене дальше тебе:
Уставай, невистко, неробитныце,
До нашого роду непрывитныце
И въ нашому дому некукибныце!
Невисточка встала, послухала,
Взяла видеречка, постукала,
Тай упять головку укутала.
Що свекорко каже: воды пишла,
А свекруха каже: спаты лягла;
Що свекорко каже: избудымо,
А свекруха каже: изгубымо.
А диверко каже: грихъ намъ буде,
А зовыця каже: друга буде.
Що диверко каже: не такая,
А зовыця каже: молодая!
Що диверко каже: не до мысли,
А зовыця каже: у намысти.
Диверко каже: не до любовы,
А зовыця каже: чорніи брови!

(Записана въ 1889 г. отъ кр. м. Снѣтина Уляны Выборной).

8.

Ой не куй, зузуле, тай у диброви,
Бо не збудышъ мене, молодои!
Та и збудять мене раньше тебе,
У мене свекорко не батенько,
А свекруха та не матинка.
У мене диверкы не братикы,
У мене зовыци не сестрыци;
Не пускають мене на вечорныци.
Загадують мени дило робыты:
На крутую гору каминь котыты,
А съ крутои горы [1] воду носыты.
На гарячый каминь водусыты.

(Отъ коз. с. Духовой Ступкиной).

---

[1]) Съ тыхого Дуная.

9.

Не куй, зозуле, надъ водою,
Не збуды невисткы молодои,
Бо есть у неи старшіи видъ тебе—
Збудять іи раньше тебе.
Ходыть свекруха по городу,
Будыть свою невисточку:
Уставай, невисточко, коханочко,
Прынесы воды на вмываннячко (2),
Прынесы рушнычокъ на втыраннячко.
Ой невистка устала, послухала
Взяла голивоньку укутала.
Уставай, невистко, неробитныце!
Та до моёго дила не кукибныце (2),
Та до мого серця не прыхильныце.

(Изъ рукописнаго сборника Н. М. К—чъ, записано въ д. Зарогѣ).

10.

Наши вивци на крутій гирци,
Спыть наша невистка у комирци;
А коровы вже въ диброви,
Спыть наша невистка въ комори;
А свыни въ долыни,
Спыть наша невистка на перыни.
Пишовъ диверко невисткы будыть:
Уставай, невистко, неробитныця,
До нашого роду непрывитныця!
Невистка встала, послухала,
У видеречка постукала,
Ряденцемъ головку укутала.

(Въ 1890 г. отъ кр. с. Вильшанки Оксаны Даценковой, 18 л.). Вар. у Чубин. Тр. III, № 50, 145, веснянка.

11.

Вставай невистко! подій коровы.
Подій ти коровы, шо одъ батька нагнала,

Повыгонь овечкы, шо маты надавала.
Уже жъ ти коровы тай у диброви,
Молода невистка спыть у комори.
Тай уже-жъ ти вивци на крутій гирци,
Молода невистка спыть у комирци.
— Тай ой годи-жъ маты тоби симъ докоряты.
Я твого сына не сыловала браты,
Я зъ твоимъ сыномъ по саду не ходыла,
Я твого сына вирненько не любыла.

(Въ 1901 г. отъ кр. д. Шекъ Федосьи Матвіенковой).

12.

Ой на гори бурякы,
А въ долыни свекла,
Колы бъ мени Господы
Отъ батька до свекра.
Колы бъ мени Господы
Свекрухы диждать,
Заставыла бъ стару суку
Халяндра скакать.
Скакай, скакай, стара суко,
На курячій нижци,
А щобъ знала якъ годыты
Молодій невистци.
Ой якъ бы ты́, стара суко,
Не разъ угодыла,
Та я бъ тоби постиль билу
Що дня перебыла.
Качалочку въ головочку,
А рубель у бокы,
Соломкою прытрусыла,
Кочергою вкрыла.
Лежы, лежы, стара суко,
Бодай ты не встала,
Щобъ моеи головонькы
Тай не клопотала!

(Въ 1891 г. отъ кр. х. Николаевки, Маріи Романъ, 18 л.).

Вмѣсто 9—12 строкъ въ д. Яновщинѣ, поютъ:

Скакай, скакай, стара суко,
На колючимъ мисти,
А щобъ знала якъ годыты
Молодій невистци.

(Отъ Василисы Конычкы, 17 л).

У Чуб. (№ 318, стр. 724) приведена только первая половина этой пѣсни.

13.

Свекорко лыхый тай побывъ, побывъ,
Тай пишовъ межъ мыръ,
Тай хвалытся, выхваляется,
Що добре, добре чуже дытя быть,
А ни лается, ни змагается.
Куды ни пошлю, тай справляется,
А мылый стоить, оправдается.
Добре, таточку, чуже дытя быть,
Що ни лается, ни змагается,
До билыхъ ручокъ прыклоняется.

(Отъ кр. Анны Прыхидьковой, 25 л., м. Снѣтина,—въ 1891 г.).
У Чуб., т. 5, № 303, Б, стр. 699, гораздо подробнѣе и иначе.

14.

Ой буду я недилонькы ждаты
Та пиду до роду гуляты.
Ай у мене ридъ багатый
Та буде часто частуваты,
А я буду повну выпываты,
Та буду свого роду прохаты:
Ой роду, мій родочку!
Пускай мене рано до домочку,
Бо въ мене тры биды въ хати:
Перва бида—дытына малая,
А друга бида—свекруха лыхая,
А третя бида—мылый ревнывый.

Ой пидійду я стыха пидъ виконце
Та послухаю, що свекруха робыть.
Свекруха вечеряты варыть,
А свекорко дубыночку парыть;
Парыть дубыну та на мою билу спыну,
А мылый дытыну колыше,
А колышучы, важенько дыше.
Ой ну люли, дытыно малая,
Нехай гуля маты молодая,
Ай ну люли дытыно въ колысци,
Нехай гуля маты въ намисти,
Нехай гуля тай нагуляется,
Съ своимъ родомъ та навыдается,
А въ роду весилля мынется,
То тоди все спомянется,
А колы бъ була се словечко знала,
То було бъ зъ родомъ довше гуляла.

(Въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Домникіи Ивахненковой, 60 л.).

Первая половина пѣсни такая же въ Этногр. матер. Гринченка г. III, № 385, 303.

15.

Пыйте люде горилочку,
А я буду воду,
Горе мени на чужыни,
Та безъ свого роду.
Що мій ридъ пье та гуляе
Тай мене згадае,
Десь нашои несчасныци
Шо й до насъ немае.
А чы вона платье пере,
А чы хату маже,
Шо не прыйде, не прыйиде
Никимъ не накаже.

(Отъ Мотрены Матюшиной).

Вар. Чуб. т. 5, № 234, стр. 628.

16.

У недилю рано сыне море грало.
Вырядыла маты дочку
Въ чужу стороночку (2),
Межъ чужіи люде.
— Ой хто-жъ тебе, дытя мое,
Тамъ жалиты буде?
— Жалитымуть, ненько моя,
Все чужіи люды.
Робытыму й годытыму,—
Добре й мени буде.
— Колы жъ тебе, дытя мое,
Въ гости сподиваться?
— Сподивайтесь, ненько моя,
Тоди мене въ гости,
Якъ наросте й у свитлыци
Травка на помости.
Росла, росла травка
Та стала хылыться,
Ждала, ждала маты дочкы
Та стала журыться.
Росла, росла травка
Тай у кудри вьется,
Що матуся за дочкою,
Якъ орлыця бьется.
Росла, росла травка,
Стала посыхаты,
Ждала, ждала маты дочкы,
Стала помираты.

(Въ 1900 г. отъ кр. д. Шекъ Еф. Купріевой).

17.

Ой, матинко, вышенько!
Яке мени лышенько.
Ой матинко, туполе!
Яке мени тутъ горе.

Пиду въ поле блукаты,
Отця-нeнькы шукаты.
Пишла въ поле—не найшла,
Заплакала тай пишла.
Найшла въ поли былыну [1]),
Матусыну могылу.
До могылы прыпала,
Отця, неньку згадала.
Сыра земле, розступысь,
Ты, матинко, пидведысь!
Ой куды ты [2]), доню, йшла,
Шо ты мене тутъ знайшла?
Чы хмаркою, чы дощемъ,
Чы тыхою водою?
Жывы, доню, зъ бидою,
Жывы, доню, якъ жывешъ,
Вже жъ ты мене не зведешъ,
Матинкою не назвешъ.
Иды, доню, не гайся,
Изъ свекоркомъ не лайся.
Иды, доню, не барысь,
Зъ свекрухою не бранысь,
Бо свекруха старенька,
Якъ матинка ридненька.

(Въ 1892 г. отъ коз. с. Тимковъ, Прасковьи Кирилленковой).

18.

Хожу, блужу, блукаю,
Матусенькы шукаю.
Ой шукала, не найшла,
Заплакала тай пишла.
Найшла въ поли долыну,
Матусыну могылу.

---

[1]) Ялыну.
[2]) Ой, зъ кымъ же ты...

До могылы прыпала
Матусеньку згадала:
Устань, нене, до мене,
Горе жыты безъ тебе!
— Ой, не встану, не пиду,
Головонькы не зведу;
Насыпано землыци
На каріи очыци.
Жывы, доню, якъ Богъ давъ,
Колы мене Богъ прынявъ.

(Въ 1891 г. отъ кр. х. Николаевки Ст. Векленковой, 35 л.).

19.

Ой гаю, мій гаю,
Густый, непроглядный.
Чомъ на тебе, гаю,
Щей витру немае?
И витру немае
И гилья не колыше,
Що братъ до сестрыци
Часты лысты пыше.
Сестро моя сестро,
Сестро дорогая,
Чы прывыкла, сестро,
На чужыни сама?
Чы прывыкла, а чы не прывыкла,
Треба прывыкаты,
На чужій стороньци
Нигде ненькы взяты,—
Ни купыты, а ни заслужыты.
Треба рубля даты
Маляривъ наняты.
Малярыкы гожи
Тай забралы гроши,
Не такъ мою неньку
Тай намалювалы.
Змалювалы очи,

Змалювалы бровы,
А не змалювалы
Тыхои розмовы.
Говорю до ненькы,
Ненька не говорыть.
— Ненько жъ моя, ненько!
Пора говорыты.
Порадь мене, ненько,
Якъ у свити жыты,
Чы мени ходыты,
Чы мени блукаты?
Чы обняты головоньку
Въ мори потопаты?

(Записана въ 1890 г. отъ крестьянки с. Литвяковъ Даріи Шерстюковой, 20 л.).

Вар. Чуб. т. 5, № 59, стр. 474.

20.

Ой, давно вже, давно я въ ненькы була,
Та не такъ же давно уже тры года.
Уже жъ моя стежка терномъ заросла;
Ой, терномъ же терномъ щей шепшыною,
Де я походыла щей дивчыною.
Ой, терномъ же терномъ, матерынкою,
Де я походыла изъ матинкою.
А якъ исхочу, теренъ потопчу,
Червону калыну въ пучкы повьяжу,
До своси ненькы въ гости полыну,
Тай сяду я впаду у ненькы въ саду,
У ненькы въ садочку край выноградy,
Чы не выйде рано по воду.
Выйшла моя ненька ранійше усихъ,
Набрала видерце повнише усихъ;
Говорыла речи до своихъ сусидъ:
Сусиды, голубочкы, слухайте мене:
Шось у моимъ саду пташка куе?

Тожъ не пташечка, тожъ комашечка,
Тожъ моя дочка Евдошечка-горювальнычка!

(Отъ кр. х. Николаевки, Зиновіи Дорошенковой).

21.

Жыла въ батька не годъ, не два,
Не згадала добра,
Ни добра, ни роскоши,
Ни прежнёго горя.
Якъ пиду я у садочокъ,
Зирву я цвиточокъ,
Зирву цвитокъ, зивью винокъ,
Тай пущу на воду.
Плывы, плывы зъ рожи квйтка,
Ажъ до мого роду.
Плывла, плывла зъ рожи квитка
Тай стала кружыться,
Ждала, ждала маты дочкы,
Тай стала журыться.
— Ой чого ты, дочко моя,
Така стара стала?
Чы ты сынивъ поженыла,
Чы дочокъ потдавала?
— А я сынивъ не женыла,
Дочокъ не 'ддавала,
Изсушыла, изйялыла
Невирна дружына,
Кажуть люде, ще й говорять:
Сырота линыва.

(Въ 1896 г. отъ кр. х. Николаевки Зиновіи Дорошенковой, 16 л.).

22.

Уродыла мене маты
На святу недилю,
Удилыла гирку долю—
Ничого не вдію.

Доленьку такую—
Посылае жыто жаты
На нывку чужую,
Межъ чужіи люде.
Иды жъ доню, робы доню,—
Добре тоби буде.
Ой роблю жъ я, моя маты,
Робота не мыла,
Кажуть люде на сыроту:—
Сырота лынива.
И роблю жъ я, моя маты,
Робота низащо,
Кажуть люде на сыроту,—
Сырота ледащо.
Чы ты жъ мене, маты,
У рути купала,
Купаючы проклынала,
Щобъ доли не мала?
Купала жъ я доню
Въ червоній калыни,
Дарувала счастя, долю
Я своій дытыни.
Купала жъ я доню
Въ кучерявій мьяти,
Дарувала счастя, долю
Своему дытяти.

(Записана въ 1891 г. отъ крест. м. Снѣтина Анны Прихидькиной, 25 л.).

23.

Чы я въ тебе моя маты,
Робыть не хотила,
Що ты мене туды 'ддала
Куды не хотила?
Чы я въ тебе, моя маты,
Пшеныци не жала,
Що ты жъ мене туды 'ддала

Куды не бажала?
Тай не 'ддала жъ мене маты,
Не 'ддала, втопыла,
Такъ якъ тую коноплыну
Въ води намочыла.
Ой завьяжы мени маты
Чорнымъ платкомъ очи,
Веды жъ мене до риченькы
Темненькои ночи,
Тай утопы головоньку,
Щобъ и не зрынала,
Та щобъ же я молодая
Горенька не знала... [1])

(Въ 1891 г. отъ кр. Анны Прихидькиной, 25 л.).

24.

Чоловиче мій, дружыно моя!
Завивъ ты мене, де роду нема.
Де роду нема, чужа чужына.
Никуды питы поговорыты,
Тоскы, печали роздилыты.
— Жинко моя, йе въ тебе кума;
Иды до кумы, тай поговоры,
Тоскы, печали куми вдилы.—
— Ходыла, говорыла,
Тоскы, печали й не роздилыла.
Соловеечку, ты малесенькый,
Та не щебечы садомъ летячы,
Та не отрусы раннёи росы.
Нехай отрусыть матинка моя
До мене йдучы, мене одвидаючы,
Якъ я жыву, якъ я й горюю,
А люде кажуть, що я паную,

---

[1]) Далѣе пѣсня искажена, почему приводится въ отрывкѣ

Диточкы мои, горенько мени
Зъ вамы жывучы и хлибъ купуючы.

(Отъ кр. м. Снѣгина Домникіи Ивахненковой, 60 л.,—въ 1891 г.).

У Чуб. т. 5. № 230, стр. 626, имѣетъ сходство вторая половина съ настоящей пѣснью.—

25.

Росцвилась червона калына надъ крыныцею,
Горе мени, моя матинко, жить съ пьяныцею,
Шо пьяныця не робитныця: де день, тамъ и ничку пье,
Ой якъ прыйде зъ шынку до-дому, мене молодую бье.
Одчыню [1]) я новую кватырку, моя матинка йде,
Пытается малыхъ дитокъ: чы дома пьяныця йе?
— Потыхеньку, та помаленьку, моя матинко йды,
Спыть пьяныця у рубленій комори, гляды ёго не збуды.
— Та нехай же спыть горькая пьяныця, шобъ здоровъ не вставъ,
Шобъ твоеи биднои головкы тай не клопотавъ.
— Не проклынай, моя маты, тоби зъ нымъ не жыть,
Якъ умре мій горькая пьяныця, пиду зъ диткамы служыть.
Ой, есть маты блызькіи сусиды, шо горилкы не пьють,
А до мого горького пьяныци всёго доброго йдуть.

(Въ 95 г. отъ коз. м. Оржицы, Ефросиніи Селтеровичъ).

Вар. въ с. Литвякахъ проклятія матери такъ:

Не лай, не лай, моя матинко, а пьяныченька мого,
Йе въ пьяныци маленькіи диты, горе мени безъ ёго.
Та пье пьяныця, та пье ледащо, бо въ ёго защо йе,
А другый бы раднійшый пыть, такъ низащо купыть.

(Въ 95 г. отъ коз. с. Литвяковъ, Марины Мартыщенковой).

Въ м. Лукомьѣ такъ:

Ой не быйте жъ ёго, не лайте ёго,
Есть у ёго диточкы маленьки, горе жыты безъ ёго

(Въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья Секлеты Норовой)

Вар. у Чуб. т. 5, № 227, стр. 624.

---

[1]) Одсуну.

26.

— Чоловиче, що ты робышъ,
Що ты що дня пьяный ходышъ?
Та все гулькы, та прогулькы,
Въ тебе къ смерти нема думкы.
— А я смерти не боюся,
Я одъ смерти одкуплюся (2),
Я гостямы обсажуся,
Визьму кварту, другу жарту,
Чарку въ рукы тай до столу.
Багачъ чарку налывае,
А смерть двери одчыняе,
Багачъ другу налывае,
Смерть до столу прыступае.
Оступиться, добри люде,
Що той багачъ казать буде?
— Смерте жъ моя, ридна маты,
Не пора мени вмираты.
Мои лита молодіи
Въ мене диточкы маліи.
Ьижы жъ душа ажъ до неба.
Бо тамъ давно тебе треба.
Пишла душа ажъ до неба,
А тамъ души вже не треба.
Рада бъ душа завернуться,
Такъ никуды розмынуться.

(Записана въ 1891 г. отъ коз. с. Литвяковъ Лукины Денисенковой Стрильцевой 18 л.).

У Чуб. т. 5, № 244, стр. 1093, гораздо кратче, второй половины пѣсни—разговора со смертію—совсѣмъ нѣтъ. Ближе вар. у Гринченка, Этногр. мат. Ш. № 294, 143.

27.

Чужіи жинкы конопелькы берутъ,
А моя чепурушка и не дума.
Вона трется, вона мнется,

Вона дума, що мынется.
Ой щобъ тебе доле, та бодай тебе доле,
Якъ ты мене уродыла на безсчасную долю,
На велыкее горе чепурушку я взявъ.

Затѣмъ вмѣсто слова „конопелькы беруть“ въ первой строчкѣ послѣдовательно замѣняютъ: конопелькы мочять, типають, прядуть, снують, мотають, тчуть, билять, шьють.

(Записана въ 1890 г. отъ крестьянки с. Ольшанки Прасковьи Даценковой, 15 л.).

28.

Ой, на гори корыто, корыто,
Повне воды налыто, налыто.
Ой, тамъ воронъ воду пывъ;
Винъ не выпывъ--сколотывъ.
Парень дивци говорывъ:
Не йды, дивко, за вдивця,
Та за мене, молодця.
Ты вдовцеви не вгодышъ,
Борщу, кашы не зварышъ.
Я вдивцеви угожу,
Билу постиль постилю.
Шо въ голови каминня,
А й у бокы реминня,
А й у ногы кропывы.
Каминь буде шумиты,
Реминь буде репиты,
А крапыва жалыты.
Якъ прыйшовъ же чоловикъ,
Якъ прыйшовъ же та мій мужъ:
Вары, жинко, борщъ.
Я й по синяхъ сторчъ, сторчъ,
Я й по хати сторчъ, сторчъ,
Будто я варю борщъ,
А я борщу не варыла,
Чоловика одурыла
Далеби вдурыла (2).
Якъ прыйшовъ же чоловикъ,

Якъ прыйшовъ же та мій мужъ:
Вары, жинко, кашу.
Я й по синяхъ, плясю, плясю,
Я й по хати плясю, плясю,
Будто я варю кашу.
А я каши не варыла
Чоловика обдурыла
Далеби обдурыла (2).
Якъ прыйшовъ же чоловикъ,
Якъ прыйшовъ же та мій мужъ:
Вары, жинко, ракы.
Я й по хати ракы, ракы
И по синяхъ ракы, ракы,
Будто я варю ракы,
А я ракивъ не варыла
Чоловика обдурыла,
Далеби обдурыла (2).

(Въ 93 г. отъ коз. с. Волчка, Матрены Романченковой).

29.

Я по хати чукы, чукы,
Я по синяхъ чукы, чукы,
Я жъ думала варю щукы.
А я щукы не варыла,
Чоловика одурыла,
Да́леби одурыла
Ей-же Богу одурыла.
Я по хати ракомъ, ракомъ,
Я й по синяхъ ракомъ, ракомъ;
Я жъ думала варю ракы,
А я ракивъ не варыла
Чоловика одурыла. (Припѣвъ тотъ-же).
Я по хати торохъ, торохъ,
Я й по синяхъ торохъ, торохъ,
Я думала варю горохъ.
Я гороху не варыла
Чоловика одурыла. (Припѣвъ).

(Записана въ 1890 г. отъ кр. м. Снѣтина Агафіи Шевченковой, 50 съ лишнимъ лѣтъ).

30.

Молодіи молодыци! чы таки въ васъ чоловикы, якъ у мене?
А й у мене мужычыще,
Не пускае на юлыцю, на игрыще.
А я ёму наробыла,
Въ полывяному горшку борщу наварыла,
А ще къ тому тай пryспала,
Сама пишла на юлыцю погуляла.
Я не довго барылася,
Якъ свитова зирочка схватылася.
Иде мылый и стричае:
Де-жъ ты була, пробувала?
— У кошари худобонькы доглядала,
Що сирая телушечка отелылась,
А билая ягнушечка окотылась,
Пійшовъ мылый доглядаты,
А жъ не мае ни теляты, ни ягняты.

(Въ 92 г. отъ кр. с. Литвяковъ Евдокіи Николаенковой, 30 л).

31.

Якъ пойихавъ мій мыленькый у поле ораты,
А я, млада, младёхонька у корчму гуляты.
Якъ прыйихавъ мій мыленькый изъ поля зъ орання,
А я, млада, младёхонька зъ корчмы гуляння.
— Мыла жъ моя, мыла, не скажу ничого,
Ой дай мени попойисты, чы немае чого?
Ой йе въ мене капуста- та симъ день кыпила,
А не будешъ іи йисты, вона засмердила.
А хочъ будешъ іи йисты, такъ разомъ зо мною,
Якъ поскачешъ гайдука тай передо мною.
Дурный мужычыще узявся въ бочыще:
Гыля, гыля, жона моя! Якый дурачыще.
— Ой, не знаешъ, куме, що куми робыты,

Ой, запряжы у борону та запряжы въ рало;
Гыля, гыля, жона моя, не йижъ хлиба даромъ.

(Въ 92 г. отъ кр. м. Снѣтина Ник. Ивахненка).

Вар. у Гринченка. Этнограф. матер., № 623, 327, и у Чуб., V, 293, 685.

32.

Сусидонькы-голубочкы,
Зійдемося до купочкы,
Напыймося горилочкы.
Напылась я, ажъ не встою,
Такъ боюся йты до-дому,
Такъ боюся чоловика,
Щобъ не вмалывъ мени вика.
Хыба жъ пиду до Дунаю,
Та зъ Дунаемъ розмовляю:
— Ой Дунаю-жъ, Дунаечку!
Прыймы мою головочку,
А вы щукы йижте рукы,
А вы сомы йижте ногы.
Жовте тило обмыется,
Прыйде мылый подывытся,
Пишовъ мылый до Дунаю,
Та зъ Дунаемъ розмовляе:
— Ой Дунае, Дунаечко!
Верны жъ мою хазяечку,
Я четверо дитокъ маю,
А пьятее сповываю,
А пьятее въ повыточку
Заклопоче головочку.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Анны Прихидькиной, 25 лѣтъ).

33.

Я на тебе, мій мыленькый,
Гомоню, гомоню,
И робыты важенько

Не велю, не велю.
Тилько мени насій, наоры
И мучыци намелы.
Воды мени прынесы,
Дижу мени замисы,
Дровъ мени нарубай,
Горилочкы роздыбай.
Тоди сядешъ на покути,
Та й нижечкы пидобгай.
А я буду частувать,
Ще по повній выпывать
За здоровье мое,
Що ты жалуешъ мене.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщыны, Софіи Писаренковой, лѣтъ 50).

34.

Иды, иды, старесенькый,
У лугъ по калыну,
Якъ не пидешъ по калыну—
Далеби покыну!
Пишовъ старый, бородатый
Калыну ламаты,
А я свого бондарыка
Упустыла въ хату.
Сыдыть бондарь за столомъ
Варенықы лупыть,
Молодая молодыця
Били рукы ломыть.
Сыдыть бондарь за столомъ
Рюмкы выпывае,
Молодая молодыця
Слёзы утырае;
Иды, иды, моя дочко,
Батька выглядаты,
Якъ итыме съ калыною,
Дасы мени знаты.

Пишла дочка, забарылась,
Батька узивала:
Гуляй, гуляй, моя маты,
Ще батька немае.
Одсуну я кватырочку
Калына буріе,
Охъ, мій мылый бондарыку
Де я тебе дину?
Иды, иды, старесенькый,
Меду колупаты,
А я свого бондарыка
Выпустыла зъ хаты.
Иды, иды, бондарыку,
Темнымы лугамы,
Хто зустрине, роспытае,—
Ходывъ за воламы.

(Въ 96 г. отъ коз. м. Лукомья, Матрены Норовой, 18 л.).
Вар. Конощенко. Укр. писни. Одесса. 1900 г. № 1, стр, 3—5.

35.

Ой побыла лыхая годына,
Що у мене не вирна дружына,
Що самъ иде у тикъ молотыты,
Мене бере соломы носыты.
Винъ молотыть, я перебираю,
Биле лычко слёзамы вмываю.
Що самъ иде у поле ораты,
Мене бере воливъ поганяты.
Я погоню, винъ за плугомъ ходыть,
Петривный [1]) день, а винъ не говорыть.
Ой буду я волыкы гоныты,
Чы не буде мылый говорыты.
Ой гей, волы, ажъ до водопою,
Заговорыть мій мылый зо мною.
Изъ-за горы витрець повивае,

[1]) Довгый.

А мыленькый мылои пытае:
— Де ты, мыла, де ты барылася,
Чы по своимъ жыттю журылася?
— Ой якъ мени, мылый, не журыться,
Що я роблю, мое й не годытся,
А ще зъ мене ледащо сміется.

(Въ 1891 г. отъ кр. Ульяны Бондаренковой л. 30-ти, х. Яновщины, Матьяшовской вол.).

36.

Ой пиду я по надъ лугомъ,
А тамъ мылый оре плугомъ.
Оре мылый, тай гукае,
Сири волы поганяе.
Якъ понесу ёму йисты,
Чы не звелыть мени систы.
Мій мылый найивсь, напывсь,
Коло кружка покотывсь.
Ще й на рылью похылывсь.
— Ой що, мылый, ты думаешъ,
Що до мене не говорышъ?
— Я думаю, та гадаю,—
Не хорошу жинку маю.
— Якый тоби дидько вынен,
Що хорошый, чорнобрывый,
А я руда вродылася,
Чорнявому судылася?
Хôть не тоби, та другому,
Та все таки чорнявому.
Не вылизлы тоби очи,
Сватавъ мене о пивночи,
Було бъ тоби сватать у день,
Роспытавшысь старыхъ людей,
А въ насъ люде не татары
Воны бъ тоби розсказалы.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. х. Яновщины Уляны Бондаренковой, 30 л.).

Настоящая пѣсня схожа срединой съ вар. у Чуб. (т. 5, № 205, стр. 604).

37.

Сама хату поставыла,
Сама й высыпала,
Сама Грыця полюбыла,
Сама й высватала.
Пидпалыла въ печи дрова,
Сама по воду пишла.
Добигаю до Дунаю,
Сколотылася вода,
А я стала, прыстояла,
Покы встоялась вода.
Замахнула, чеберкнула,
Та набрала, та й пишла.
Дохожу я до двора.
Стоить кумъ и кума (2)
И ще й кумова жона,
Насмихается зъ меня:
Ой чія жъ то, кумо, хата
Вытопляется сама?
Стоить борщъ у печи
Ударывся у ключи,
А курыця по синечкахъ
Кудкудахтаючы.
Кукурику, кудкуда
Пишла замижъ не туда.
Пишла разъ не гараздъ,
Не пидманешъ въ другый разъ.
Далысь мени на знакы
Чоловичи кулакы.
Кулакамы по бокамъ,
Долонямы по щокамъ.

(Отъ коз. с. Хорошковъ Варвары Супруновой, 21 г.,—въ 1891 г).
Вар. у Гринченка. Этногр. Мат., III, № 655, 357.

38.

Горе, горе, горюваннячко мое,
Потеряла я здоровьячко свое,

За ледачымъ чоловикомъ жывучы,
Ледачому чоловику годячы.
Якъ пиду я до сусидонькы огню,
Чы не найду мыленького у слиду.
Сусидонька мени огню не дала,
Взяла мене за ворота повела.
— Иды, иды, сусидонька, безъ огню,
Та не ловы чоловика у слиду.
Якъ оглянусь, ажъ мій мыленькый иде
Чужу мылу та за рученьку веде,
А на мене та й нагаечку несе,
Ще до мене й гирьки слова гадае:
— Постій, постій, моя мыленька, мене,
Бо перечувъ худу славу на тебе,
Що ночують бурлаченькы у тебе.
— Трасця мылый вороженькамъ у жывитъ,
Що й у мене стороженька край воритъ.
— Стороженька, моя мыла, уснула,
Ты, молода, на улыцю махнула.

(Записана въ 1891 г. отъ коз. с. Литвяковъ Марты Мартыщенковой, 40 л.).

39.

Ой, горе, горе, що далека украина,
А ще гирше якъ невирная дружына.
Вона мене изсушыла, изъялыла,
Вона мене зъ билыхъ нижокъ извалыла.
Ой сяду я край виконця прясты
Та пущу я волоконце въ виконце
Та подывлюсь, чы не сходыть сонце.
Я жъ думала, що то сонце сходыть,
Ажъ то мылый по рыночку ходыть,
Въ правій руци коныченька водыть,
Въ ливій руци чорну шляпу носыть,
Чужу мылу за рученьку водыть,
Чужу мылу цилуе й мылуе,
А на свою мылу нагайку готуе.

Чужу мылу цилувавъ бы, мылувавъ,
Свою мылу росшатавъ бы, розметавъ,
А росшатавшы, ще й въ чорныченькы отдавъ.

(Отъ кр. м. Снѣтина Агафіи Шевченковой, 60 л., въ 1890 г.).

У Чуб. (т. 5, № 220, стр. 616) первая половина пѣсни схожа съ настоящей.

40.

Ой, горе, горе, що чужая украина,
А ще гирше, якъ невирная дружына.
Ой, якъ сяду я край виконечка прясты,
Та пущу я волоконце у виконце,
Та подывлюсь, чы не сходыть сонце.
Я жъ думала, що сонечко сходыть,
Ажъ то мій мылый та по рыночку ходыть;
Чужій мылій черевычкы надивае,
А на мене усе скоса поглядае.
Чужа мыла и любиша, и мылиша,
Чужа мыла и на лыченьку билійша;
Чужу мылу и цилуе, и мылуе,
А на мене все нагаечку готуе.
Я думала, що нагаечка съ паперу,
Колы вона изъ проклятого ременю;
Я думала, що нагаечка шутка,
Якъ ударывъ, то розсилася шкурка.

(Сообщила О. Е. З—вичъ).

Отдаленный вар. у Терещенка. Бытъ рус. нар. С.-Петербургъ 1848 г. Ч. II, 538, 539.

41.

Оравъ мылый тры дни, ще й тры годыны,
Тай выоравъ мій мыленькій на тры квасолыны.
Пославъ мене мій мыленькій квасоли садыты,
А самъ пишовъ у шыночокъ горилочку пыты.
Посадыла я квасолю, тай иду до дому,
Заглянула у шыночокъ—пье мылый зъ кумою.
— Чы вже-жъ тоби, кумо моя, нема дома дила,

Що ты зъ моимъ чоловикомъ въ шыночку засила?
— Хочъ е кумо мени дило, то я й поробыла,
А я твого чоловика давно полюбыла.
Годи тоби, моя мыла, сего говорыты,
Та иды жъ ты, моя мыла, вечерять варыты.
Якъ прыйшла до-дому, пидпалыла дрова,
Сюды, туды повернулась—вечеря готова.
У недилю рано ще й сонце не сходыть,
А мій мылый изъ кумою вечерять прыходыть.
— Жинко-жъ, моя, любко, продымай же мисце,
Щобъ було де намъ зъ кумою вечеряты систы
Ой щобъ же ты, кумо моя, сего не диждала,
Щобъ я тоби въ своій хати мисце продымала.
Насыпала борщу, каши, щей поклала ложкы,
Одвернулась до порога заплакала трошкы.
Вары мени, моя мыла, пшенычны галушкы
Тай постелы намъ зъ кумою биліи подушкы.
Ой щобъ же ты, кума моя, сего не диждала,
Щобъ я тоби въ своій хати билу постиль слала.
Тай послала билу постиль, положыла спаты,
Сама пишла въ полыцію дала панамъ знаты.
Паны мои, генералы, волить мою волю
Та розведить чоловика зъ ридною кумою!
Паны мои, генералы, воленьку волылы,
Взялы мого чоловика въ кайданы забылы.
У недилю ранесенько у вси дзвоны дзвонять,
Уже-жъ мого чоловика у кайданахъ водять.
Нехай дзвонять, нехай дзвонять—щей будуть дзвоныты
Нехай водять, нехай водять—щей будуть водыты.
— Жинка моя, любко, волы мою волю
Роскуй мене изъ кайданивъ—буду жыть съ тобою.
Жинка-жъ моя любка воленьку волыла
Роскувала изъ кайданивъ, головку втопыла.

(Записана въ 1899 г. отъ кр. м. Снѣтина Уляны Выборной, 25 л.).

Вар. у Гринченка Этногр. мат., III, № 648, 350—352.

42.

Запойилы соловейкы съ пивночи въ ночи,
— Куды ты, мій мыленькый, выражаешся въ ночи?
— Выряжаюсь, моя мыла, у велыку дорогу.
— Переночуй, мій мыленькый, хочъ ничку зо мною.
— Ой радъ бы я, моя мыла, ще й чотыри ночувать,
Такъ боюся, моя мыла, щобъ походу не втерять.
— Ой не бійся, мій мыленькый, бо я рано устаю,
А я тебе, мій мыленькый, щей ранише збужу.
Ой уставай, мій мыленькый, уже годи тоби спать,
Уже твои кони вороніи посидлани стоять.
Уже твои слугы молодіи понаряжені сыдять,
Та йидь же ты, мій мыленькый, товарышивъ догања нять,
А я пиду молодая на тыхый Дунай гулять,
И съ тыхого Дунаечка сири гусы выганять.
Гиля, гиля, сири гусы, ажъ на быстру рику
Завьязала свитъ головоньци—не розвьяжу й довику.
Уже-жъ тіи сири гусы проты воды поплывлы,
Уже мене молодую у чужый край повезлы.
Якъ же тимъ сиримъ гусямъ проты воды плывучы,
Ой такъ мени, молодій, на чужыни жывучы.

(Въ 1891 г. отъ кр. х. Николаевки, Степаниды Бадзиной).

43.

Изъ за горы хмарка наступае,
Съ тіи хмары дощыкъ накрапае,
Мылый мылу покынуты мае.
— Отъ почимъ ты, мыла, замичаешъ,
Що я тебе покынуты маю?
— По томъ я, мылый, замичаю,
Що ты рано встаешъ, а пизно лягаешъ,
Зеленого сина коню пидкыдаешъ
И жовтенького вивса пидсыпаешъ.
Яромъ, мій мыленькій, яромъ,
Переросла дориженька чаромъ,

— А й у мене коныченько чалый
Перескочыть поганыи чары.
— Нызомъ мій мыленькій, нызомъ,
Переросла дориженька хмызомъ.
— А й у мене коныкъ вороненькій,
Перескочыть хмызокъ зелененькій.
Ой ревнула корова въ порога,
Оставайся, мылая, здорова.
Ой ревнула корова съ телятком'ь,
Оставайся мылая съ дытяткомъ.
Ой ревнула корова рябая,
Оставайся мыла молодая.
Ой ревнула корова, съ череды йдучы,
Оставайся мыла горюючы.

(Отъ кр. м. Снѣтина Марины Василенковой, 60 л.).

44.

Оженывсь удовець, оженывсь молодець,
Та взявъ соби жинку не хазяечку—
Ни до любовы, ни до розмовы,
Ни до хыстонькы, ни до мыслонькы.
Якъ пойихавъ старычокъ на ярмарочокъ
Та купывъ мылый корабель новый;
Заплатывъ мылый рубъ съ полтыною,
Посадывъ мылу изъ дытыною.
Зопхнувъ же іи зъ бережечка
Та не давъ же ій веселечка,
Ни веселечка, свого сердечка.
Корабель плыве, ажъ вода реве,
А мыла сыдыть, якъ свича горыть,
А дытя плаче, якъ воринъ кряче,
А мылый стоить якъ папиръ билый.
Та пишовъ же винъ та до домочку,
Та обнявъ свою та головочку (2)
Та вернысь мыла та до домочку,
Що никому спекты, ни зварыты,
Ни напрясты, ни помыты,

Ни до мене говорыты.
— Не вернусь, муже, бо побывъ дуже,
Та побывъ рублемъ щей качалкою,
Называвъ не хазяйкою,
Що ты бравъ мене за хазяечку,
Пощытавъ мене та за наймычку.

(Записана въ 1890 г., отъ кр. д. Шекъ Катерины Гичиной 22 л). Варіанты у Гринченка. Этногр. Мат. III., № 638, 335—339.

45.

Наступыла чорна хмара и темная ничъ,
Полетила голубонька одъ голуба причъ.
Ой не схотивъ голубонько дитокъ годуваты
Та полетивъ голубкы шукаты.
Та полетивъ голубонько полямы
Та зустринувся изъ буйнымы витрамы.
— Ой вы витры буйнесеньки, ой де вы бувалы,
Чы не бачылы голубоньки помижъ голубамы:
Сама сыза, сызокрыла, лычко якъ калына?
— Сыдыть твоя голубонька межъ трёма орламы.
Умывается дрибнымы слёзамы,
Утыра лычко шытымы рукавамы.
Ударывся голубонько объ нижкы крыльцямы:
— Диткы мои манисеньки, пропавъ же я зъ вамы!
— Ой, таточку-жъ нашъ, таточку не журыся намы!
Издійmемось на крылечка тай полетымъ изъ вамы.
Которіи бильшенькіи знялысь, полетилы,
А маленьки зосталыся та й посыротилы.
Нема цвиту билійшого якъ надъ макивочку,
Нема роду риднійшого та якъ матиночка.

(Въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Марины Василенковой, 50 л.). Вар. у Гринченка. Этногр. Матер. III, № 661, 361 и у Чуб. т. V, № 362, 790, № 63, 24, № 354, 173.

46.

Ой устану я раненько,
Тай умыюся биленько,

Тай сяду я край виконця
Проты ясного сонця
Выглядаты чорноморця.
Чорноморець иде, иде
И семеро коней веде,
На восьмому, вороному,—
Я думала що до дому.
А винъ йиде до Дунаю
До быстрого краю.
Ставъ винъ кони напуваты,
Стала вода прыбуваты (2)—
Черноморець потопаты.
— Рятуй мене, моя мыла,
Колы вирно любыла.
— Якъ бы човенъ та весельце,
Рятувала бъ тебе, серце.
Плывы, мылый, за водою,—
Зосталася я вдовою.
Плывы мылый купочкамы,—
Зосталася съ диточкамы.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. д. Шекъ Катерины Гичиной, 22 л.).

Оба варіанта у Чуб. (т. 5, № 370, стр. 796 и № 405—834) отдаленные,—также и вар. на стр. 285, № 563.

47.

Изъ-за горы витеръ віе, повивае,
Дощыкъ иде, накрапае;
Роса росу росыть,
Сестра брата просыть:
Оддай мене, брате, въ чужую деревню,
Въ чужую деревню, велыку семью.
Де багато дила, туды бъ я летила
Да я бъ тее дило усе поробыла,
Свéкрови, свекруси диломъ угодыла
Щей до тебе, брате, у гости ходыла.
Жде братикъ недилю, жде братикъ другую.
На третю недилю ставъ коня сидлаты

Ставъ коня сидлаты, до сестры вызжаты.
А сестра не пышна, за ворота [1]) выйшла
Здоровъ, здоровъ, брате, вже я нездорова,
Вже сёма недиля якъ я заболила,
Четверта недиля якъ хлиба не йила [2]).
Ой сидлай же, брате, коня вороного
Та йидь же, ты брате, до торгу нового
Та купуй же, брате, тры свичи восковыхъ.
Перву зажыгае—сестрыця вмирае,
Другу зажыгае—братъ сестру вбирае,
Третю зажыгае—братъ сестру ховае:
— Оце тоби, сестро, чужая деревня,
Чужая деревня, велыка симья.
Велыка симья, щей багато дила
Що ты того дила тай не поробыла,
Свéкрови й свекруси тай не угодыла,
До братика въ гости та й не прыходыла.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщ. Устиньи Початкиной, 17 л.).

Вар. у Чуб. (т. 5, № 353, стр. 764) отдаленъ отъ настоящей пѣсни.

48.

Та що вчора изъ вечора,
Щей пивни не пилы [3]),
Прыйшовъ пысарь до вдивонькы,
Ще й люды не чулы.
— Удивонько голубонько,
Одчыняй хату й сины,
А щобъ же насъ вороженькы
Обохъ не засилы.
— Не одчыню, Пысаренку,
Скарай [4]) свою жинку

---

[1]) Проты брата.
[2]) Четверта настала, якъ зъ постели встала.
[3]) У недилю ранесенько щей куры не силы.
[4]) Убый.

Возьмы косы у рученьку,
Головку межъ нижкы,
Тай бый жинку, Пысаренко,
Зъ вечера до ранку.
Якъ пишовъ же Пысаренко
Своей жинкы быты,
Стала вона молодая
Пысаря просыты:
— Не бый мене, Пысаренку,
Ще я молодая,
Аще къ тому, Пысаренку [1])
Дытына малая.
— Я къ дытыни няньку найму
Тебе, суко [2]), убью,
А за себе молодого
Удивоньку визьму.
Та якъ Почавъ Пысаренко
Свою жинку быты,
Та пишовъ же Пысаренко
Билыхъ ручокъ мыты,
А самъ пишовъ до сусиды
Сусиды просыты:
— Сусидонькы-голубонькы,
Накажите тещи,
Нехай прыйде ридна маты
Дочкы убираты.
Якъ пидійшла ридна маты,
Стала край виконця,—
Лежыть іи ридна дочка
Лычкомъ проты сонця [3]).
Якъ пидійшла ридна маты
Стыха пидъ дверечка,—
Лежыть іи ридна дочка

---

[1]) Гирше всего.
[2]) Шельмо.
[3]) Не вымовыть словця.

Немовыть словечка.
— Ой чимъ же ты, моя доню,
Кого завгорчыла,
Що ты свое пидвирьячко
Кровью скривавыла?
— Ой никому, моя маты,
Я не завгорчыла,
Тикы черезъ ту каналью
Смерть заполучыла!
Та вже-жъ тую молодую
Несуть хороныты,
Та вже-жъ того Пысаренка
Ведуть рострелыты.
Уже-жъ по тій молодои
Уси дзвоны дзвонять,
Уже-жъ того Пысаренка
У зализи водять.
— Прощай, прощай моя жинка
И ты, нова хата!
Колы-бъ же ты удивонька
Була роспроклята!

(Запис. въ 1890 г. отъ Татьяны Гайдаевой 20 л., с. Ольшанки).

Вар. Гринченко. Этн. Мат. III., № 651, 353.—У Чуб. въ 3 т., № 63, стр. 153, есть похожая веснянка.

Настоящимъ очеркомъ почти совершенно оканчивается описаніе лубенскаго уѣзда, печатавшееся подъ разными названіями преимущественно въ «Кіевской Старинѣ», а изрѣдка и въ другихъ изданіяхъ, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ. Во время этого описанія лубенскій уѣздъ представлялся моему вниманію какъ своею общностью—одинаковостью обыкновеній обрядовъ и т. д., такъ и своеобразіемъ каждой мѣстности въ географическомъ, историческомъ и другихъ отношеніяхъ, почему и описаніе по свойству предмета и самой силѣ вещей распалось на общее и особенное. Въ общей части описанія предположено было мною: 1-е, собрать и записать возможно большее количество данныхъ народной

жизни: повѣрій, обыкновеній, разсказовъ, сказокъ, пѣсенъ, поговорокъ, рѣчей и т. д. изъ устъ народа; 2-е, провѣрить часть данныхъ, поддававшуюся наблюденію посѣщеніемъ крестинъ, свадьбъ, проводовъ новобранцевъ и похоронъ; 3-е, указать варіанты и сходныя обыкновенія малорусскіе и общечеловѣческіе по русскимъ и иностраннымъ сборникамъ для уясненія сравнительнымъ методомъ, общепринятымъ въ исторіи: культуры, хозяйства, права, искусства, собранныхъ данныхъ; и 4-е, указаніями этнографическихъ, юридическихъ, историческихъ и др. наукъ осмыслить эти данныя, или привесть уже предложенное наукой ихъ истолкованіе. Собранный такимъ образомъ матеріалъ могъ появиться въ свѣтъ двоякимъ путемъ: или сразу, совершенно оконченнымъ, въ полномъ объемѣ, или разновременно, отдѣльными очерками, по мѣрѣ достиженія послѣдними необходимой полноты. Въ первомъ случаѣ весь трудъ яснѣе представился бы уму читателя, а этнографамъ облегчилось бы собираніе справокъ въ одномъ сборникѣ. Но такое одновременное появленіе всего труда въ печати врядъ ли могло осуществиться, потому что слишкомъ большія этнографическія рукописи неохотно печатаются; чаще онѣ или совсѣмъ уничтожаются, какъ сборники Бодянскаго, Ястребова и другихъ, или, въ лучшемъ случаѣ, валяются въ архивѣ какого-нибудь ученаго учрежденія. Притомъ каждый собиратель долженъ отчетливо помнить, что море народнаго творчества неисчерпаемо, а жизнь коротка, «и дни текутъ какъ дымъ». По этимъ соображеніямъ различныя части собраннаго мною матеріала появились въ печати разновременно, отдѣльными очерками, почему необходимо теперь обозначить планъ, помѣщенный въ основаніе труда. Для упорядоченія собраннаго матерьяла выработана была мною органическая система, помощью которой всѣ данныя сосредоточиваются вокругъ самаго очевиднаго явленія жизни—роста человѣческаго организма: его зарожденія, созрѣванія, воспроизведенія имъ рода, увяданія и смерти,—такимъ образомъ:

1-е, Въ «Родинахъ» («Нар. обр. и пѣсни. луб. у., полт. губ. въ Сборн. Харьк. истор. фил. общ. 1897 г., X, 4—28) опи-

саны условія и обстановка, при которыхъ появляется на свѣтъ Божій мѣстное крестьянское дитя и присоединяется къ обществу,—со включеніемъ въ родинный обрядъ: народной молитвы, крестинной пѣсни, 4 заговоровъ и 4 народныхъ разсказовъ.

2. Затѣмъ, въ «Раннемъ дѣтствѣ» (Ib. 29—49) излагается гигіена дѣтскаго возраста съ 4 заговорами и 77 колыбельными пѣснями (за исключеніемъ мелкихъ варіантовъ).

3. Съ подростаніемъ ребятишекъ начинается ихъ сообщество и «Дѣтскія игры» (Ib. 49—59), которыхъ описано 27 съ 17 главными припѣвами.

4. Сближеніе увеличивается вмѣстѣ съ возрастомъ на «Улицахъ и досвиткахъ» и зарождается любовь, выражаемая въ различныхъ «Пѣсняхъ молодежи» (Ib. 59—121, и въ Кіев. Стар. въ Док., извѣст. и зам. 1895 г. XI, 43—45 «Истор. пѣс.» и 1900 г., V, 82—86 «Вар. пѣс. о дѣв. воинѣ»), изъ которыхъ веснянки (счетомъ 104) изображаютъ главнымъ образомъ еще только предчувствіе любви и возможность ея въ будущемъ, а не самое чувство. Слѣдующую ступень сближенія молодежи и развитіе романической любви воспѣваютъ петривки (всего 44 съ болѣе важными варіантами); насмѣшливому изображенію любви и ея реальной сторонѣ посвящены вечерничныя пѣсни: трендички или триндолки (101 съ варіантами), затѣмъ собраны и любовныя пѣсни въ тѣсномъ смыслѣ слова, всего 30 съ большими варіантами.

5. Съ возмужалостью парней соединено отбываніе ими воинской повинности. Обрядъ проводовъ новобранца, съ 4 причитаніями и 23 рекрутскими пѣснями, изложенъ въ «Прощаніи рекрута и рекрутскихъ пѣсняхъ въ луб. у., полт. губ.», напечатанномъ въ Кіев. Стар. 1897 г. № VII и VIII, 80—95, безъ подписи [1]).

6. Общее созрѣваніе и соединенное съ нимъ половое влеченіе приводитъ молодежь къ браку, въ основаніи котораго лежитъ

---

[1]) Въ слѣдующей IX-й книжкѣ (Док., изв. и зам. 73) оговорено, что статья принадлежитъ мнѣ.

важнѣйшій инстинктъ—прокреація, слѣдовательно постоянное изъ поколѣнія въ поколѣніе развитіе и совершенствованіе человѣческаго рода. Въ виду такого первостепеннаго значенія брака, а также и яркости самаго весильнаго ритуала, послѣднему посвящено нѣсколько очерковъ: въ указанномъ сборникѣ «Народ. обр. и пѣс.» Свадебн. обр. луб. у. (121—164), въ Кіев. Стар. 1890 г., «Свад. пѣс. въ луб. у., полт. губ.» (Прилож. VII, 130—152, VIII, 153—184 и IX, 185—192); въ ней же въ 1894 г., въ XII кн., Документ. изв. и зам. «Деревенская оргія» [1]), и въ ней же въ 1903 г., кн. XI, примѣч. на стр. 215, 216; также въ одесскомъ журналѣ «По морю и сушѣ» 1895 г., № 18, 2--3, «На свадьбѣ у багача». Всего собрано свадебныхъ пѣсенъ 470.

7. Затѣмъ бракъ приводитъ къ образованію семьи, которой и посвященъ настоящій очеркъ «Житья-бытья лубенскаго крестьянина», съ подзаголовкомъ «Семья», описывающій положеніе каждаго члена семьи въ послѣдней и взаимныя ихъ отношенія, со включеніемъ 59 семейныхъ пѣсенъ, 2 разсказовъ, народной молитвы и въ примѣчаніяхъ различныхъ мелкихъ народныхъ произведеній: поговорокъ, пророчествъ, пріемовъ вѣжливости, брани и проклятій.

8. Образованіе семьи вызываетъ матеріальныя потребности новаго организма: защиту отъ климата и питаніе, также и средства удовлетворенія имъ,—отсюда появленіе ряда отдѣльныхъ очерковъ хозяйственной этнографіи, объединенныхъ общимъ заглавіемъ «Житье-бытье лубенскаго крестьянина», печатавшихся въ Кіевской Старинѣ 1902 и 1903 годовъ, начиная съ «Жилья» (т. VI, 110—135), въ которомъ изложены народныя обыкновенія при основаніи усадьбы и устройство ея, со включеніемъ 10 народныхъ разсказовъ.

9. Слѣдующій очеркъ посвященъ народному питанію (Пища. Кн. VI, 392—434). Къ какому отдѣлу слѣдуетъ присчитать и особую статью: «Рождествен. святки въ сѣверн. части лубенскаго у.», помѣщенную въ фельетонахъ «Полт. губ. вѣдомостей» 1893 г.,

---

[1]) Оба послѣдніе очерка подписаны иниціалами В. М.

(№№: 42, 1—3, 43, 2—3, и 44, 2—3). Въ обоихъ этихъ очеркахъ описывается какъ будничный, такъ и праздничный столъ; способы и пріемы изготовленія пищи и другія святочныя обыкновенія, а также приводятся 26 застольныхъ триндолокъ, 33 колядки [1]) и щедривки и 5 народныхъ разсказовъ.

10. Къ способамъ предохраненія отъ климата принадлежитъ: «Одежда» (кн. X, 62—91); къ этому очерку присоединяется: «Малорусскіе народные повѣр. и разсказы о пятницѣ» (кн. V, 268—281). Въ этихъ очеркахъ излагаются какъ формы бѣлья, одежды и обуви, такъ и суевѣрія, соединенныя съ ихъ ношеніемъ, подтверждаемыя разсказами.

11. Источниками удовлетворенія этихъ и другихъ менѣе существенныхъ человѣческихъ потребностей служитъ народное земледѣліе съ огородничествомъ и пчеловодствомъ [2]), чему посвященъ очеркъ «Вокругъ жилья» (въ Кіевск. Стар. 1903 г., II, 181—217 и III, 349—377) и отдѣльный очеркъ: «Рабочія пѣсни луб. у.» (Ib. 1895 г., X, Док. изв. и зам. 10—22); въ первомъ очеркѣ помѣщено 17 заговоровъ и въ обоихъ—35 рабочихъ пѣсенъ и 1 общаго характера [3]).

12. Другимъ важнымъ источникомъ существованія является скотоводство и птицеводство, изложенныя въ очеркѣ «Худоба» (Ib. VII—VIII, 1—62) съ показаніемъ выбора, содержанія и лѣченія «худобы и дробыны», съ 54 заговорами и 4 разсказами [4]).

---

[1]) Колядки эти не сходны съ волынскимя колядками въ прелестномъ сборникѣ г-жи Олены Пчилки, печатавшемся въ Кіевской Старинѣ 1903 года.

[2]) Въ «Сб. малор. закл.» Ефименка (Мос. 1874) оказались схожія заклинанія пчелъ (53—59 стр.).

[3]) Къ пѣснямъ смѣшаннаго характера принадлежатъ записанныя мною: 1) О Голотѣ въ Кіев. Стар. 1900 г., Док. изв. 88, 89, и 2) О растерзаніи дѣвицы волками въ литер. прилож. къ журн. «По морю и сушѣ», 1895 г., № 1, 51.

[4]) Сходные пріемы въ обращеніи къ скоту и птицѣ у г. Ефименка на стр. 36, 37, 39, 48, 50 и 51.

13. За періодомъ зрѣлости слѣдуетъ упадокъ силъ и увяданіе организма, случающееся иногда и въ предшествующее созрѣванію время. Такое патологическое состояніе крестьянина излагается въ «Народной медицинѣ» въ Кіевской Старинѣ 1900 г. (I, 46—61, II, 192—206, III, 373—395, V, 160—173, VI, 310—332 и VII—VIII, 51—65) съ описаніемъ 58 болѣзней, 38 разсказами и 120 заговорами [1]).

14. Какъ смерть заканчиваетъ жизнь, такъ заключительнымъ очеркомъ всего труда является «Погребальный обрядъ лубенскаго уѣзда», напечатанный въ Народ. обряд. и пѣсн.» (стр. 164—223) съ 1-й пѣсней и 94 погребальными причитаніями [2]).

В. Милорадовичъ.

---

[1]) Ib. сходныя заклинанія на стр. 3—33 (о зубной боли, урокахъ, укушеніи змѣй). Подвѣй едва ли правильно признанъ параличемъ (31). Система сборника не строго выработана, напр. болѣзни скота (перелоги) помѣщены среди болѣзней людей.

[2]) Въ краткой рецензіи моей на валлонскій и сицилійскій фольклорные сборники: E. Monseur. «Le Folkl. wal.» и A. Trombatore. «Folkl. catanese» приводится между прочимъ мѣстный способъ отысканія утопленника (См. Кіев. Стар. 1898 г. VII—VIII. Док. изв. 3—5).

Невесели сильськи малюнкы.

(Оповидання батюшкы).

Мытро Гаплыченко.

I.

Якъ тильки осмерклось и зъявылась на осиннёму похмурому неби перша зирка, баба Устя почала збиратысь на «медыцынську прахтыку», бо у сели Плахтяньци не було никого, хто-бъ змигъ порятуваты слабого чоловика и мавъ-бы на це патентъ. Ликамы запомогала баба Устя, та ще килько такыхъ-же якъ и вона.

Баба Устя була дуже швыдка, проворна и здатна на усяку роботу. Вона про себе самую говорыла такъ: «Я и сюды, я и туды. Постановить зо мною на выборъ молодычку, пры якому хочете дили, и тоди побачымо, чы докаже вона правду проты мене, дарма що я уже пидтопталася».

Мабуть черезъ таку свою здатнисть до всякои роботы, вона прыстала пидъ старость и до ликарства, вважаючы ликарську справу за найлегшу.

Де що вона перейняла видъ сусидокъ, а бильше видъ якои-сь бабы; а тій баби переказавъ заговоры проты де-якыхъ хворобъ батько, а батькови бабыному передавъ колысь заговоры старенькый парафіальный батюшка, що вычытувавъ ихъ дидови зъ товстои сынёи кныгы, ажъ докы дидъ не задержавъ ихъ, хоча и зъ помылкамы, у своій власній памьяти.

Нихто на сели не знавъ заговоривъ такыхъ старосвицькыхъ, якъ баба Устя, и вона цымъ дуже пышалась: це наддавало особлыву вагу іи ликарськымъ заходамъ.

Сёгодня іи звано ще зранку до Мытра Гаплыченка. Туды вона й попрямувала теперъ просто вулыцею, бо не було ій чого ховатысь и видъ когось крытысь. Вона що знала и робыла, то зналапа добре дило: рятувала людей видъ биды, а зъ такымъ диломъ не було чого крытысь видъ когось тамъ.

— Нехай ти крыются, що думають зле, та роблять людямъ на лыхо.

У Гаплыченка ждалы Устю, якъ Бога; заслабъ самъ господарь, заслабъ дуже на усе нутро и боли терпивъ невымовни. Ще здалека зачувшы стукитъ Устиныхъ чобитъ, пидбытыхъ головастымы цьвяхамы, Мытрова жинка Настя радо выбигла ій назустричъ и прывитно видчыныла уперedъ неи двери, й хатни й синешни.

— Це вы, титочко, а мы ждалы, ждалы, та я вже й не сподивалась васъ побачыты,—хтила бигты по васъ удруге.

— Я й то поспишалась, та ранійше не можно було прыйты: поцяпала коривчыну, а друге и зирокъ выглядала потрибныхъ, бо не у всяки часы можно выступаты зъ господы, хоча бъ и на Боже дило.

Мытро лежавъ на полу и тяжко стогнавъ. Це бувъ ще молодый, чорнявый чоловикъ, зъ невелычкою чорною боридкою, давно неголеною, тоненькымы, наче парубоцькымы, вусамы. Высокый задуманый лобъ и гарни кари очи робылы его вродлывымъ, схожымъ до паныча.

— Не умирай!—по заученому сказала баба Устя, пидступывшы до слабого и глянувшы на его суворо.— У васъ дитки маленьки, треба ще жыты,—вже звычайнымъ тономъ скинчыла вона...

— Рятуйте, титко, бо пропаду чысто!

— Ой рятуйте, голубочко!—пидхопыла й жинка и почала вытыраты заплакани очи.

— Богъ дасть, якось воно буде!..—одказала спокійно, незбентежено титка Устя й почала роздывлятысь слабого.

— Не знаю видъ чого вамъ такъ сталося, а упавъ у васъ золотныкъ—отъ що!—встановыла вона діагнозъ, облапавшы обома рукамы жывота Мытрового.

— У грудяхъ мене коле! Кашель страшенный!

— Богъ дасть пидчуняете! Усе жъ треба на мою думку «кынуть» вамъ горшка.

— Якъ знаете, титко, рятуйте, а рятуйте, бо не выдержу.

— Будемо ставыть горшка, бо не чуть де золотныкъ ходыть; треба ёго пидняты,—упавъ винъ. Ось слухайте сами...

Вона узяла ёго гарячу, питну руку и поклала ёму середъ жывота на пупъ.

— Що чуете? бьется!

— Ни, ничого не чуть!

— Я жъ то бо вамъ и кажу, що упавъ, бо винъ повыненъ трипатыся, якъ и серце.

Згодылыся кынуть горшка. Господарка пишла до коморы шукаты нового горшка, а титка Устя тымъ часомъ наскипала невелычкыхъ, тоненькыхъ палычокъ, завбильшкы зъ олывець.

Унесла Настя велыкого горшка, баба зирвала зъ хлиба скорынку, залышывшы на ній на палець мякишкы, виддилыла ножемъ кусень, якъ у долоню завбильшкы, постыркáла туды палычкы, а потимъ поклала слабому скорынку на самый жывитъ, запалыла сирныкомъ палычкы и усю цю справу накрыла горшкомъ.

«Золотнычку, божый чоловичку, я тебе прошу, благаю и на мисце посылаю», прымовляла пошепкы, часто хрыстячысь, ворожка. Настя заходылась биля столу ставыты закуску и пляшку монопolькы. Трое малыхъ дитей дывылысь мовчкы зъ печи на титчыни заходы, позвишувавшы головы и гріючы жывоты на гарячимъ черени. У хати стало тыхо. Стышывся и слабый, ждучы полегкости. Ёго высоке чоло було вохке видъ поту, негусте волосся позлипалось и мокрымы пасмамы звылось на чоли, гарячечни очи дывылысь неспокійно.

Видъ разу ёму зробылось тепло: то палычкы нагривалы у горшку воздухъ. Ось винъ почувъ, що нагритый воздухъ потягъ жывота до-горы, зразу легко, потимъ дужче; винъ чувъ, якъ скорынка пиднимается до-горы разомъ зъ жывотомъ. Ось уже жывота нехопыло, почало тягты шкуру зъ грудей, а дали й на голови заворушылось волосся; тягло у горшокъ усёго Мытра—и спыну, и груды, и шкуру зъ головы. Разомъ зъ тымъ дуже пидняло ёго на колючкы у грудяхъ. Винъ тяжко застогнавъ и почавъ боронытысь видъ горшка рукамы. Горщокъ неначе прыкыпивъ и натягавъ у себе що разъ бильше и бильше тила. Разомъ зъ тымъ палычкы переводылысь на жаръ, жарыны падалы на жыве, роспарене голе тило. Биль невымовный у грудяхъ, у жывоти, и болюкы видъ жару на опеченыхъ мисцяхъ перемоглы ёго терплячисть. Винъ закрычавъ несамовыто:

— Берить горшка, быйте ёго, бо пропаду. Ой лышенько, рятуйте»!..

Бабы кынулысь до ёго. Устя схопыла качалку и, прыдержуючы горшка зъ одного боку рукою, лупнула качалкою по другимъ. Горщокъ розбывся, й по хати пройшовъ важкый духъ видъ смалятыны и дымъ видъ скипокъ. Усе накрыте мисце було чорне видъ копоти и пухле.

Баба Устя не сила за стилъ. Сёгодня ій була невдача. Мытра жъ усёго корчыло, крутыло и зводыло на колькы.

II.

Писля ликивъ бабы Усти Мытро несподивано перейшовъ на мои рукы. Дило було такъ. Одного дня я пишовъ пизнимъ вечеромъ до Мытра купыты яблукъ, бо винъ державъ того лита панськый садъ и торгувавъ яблукамы и дещыцею у своій власній крамнычци. Крамнычка вже була заперта. Я надійшовъ черезъ двиръ до хаты—постукаты у викно и такымъ робомъ выклыкаты хазяина до крамныци. Ще не доходячы килько крокивъ до хаты, я почувъ, що въ ній хтось стогне, а зазырнувшы у викно, побачывъ, що Мытро сылкуется скынуты велыкого чобота, а якъ це для нёго велыка напруга, то винъ крывытся, виддыха́ якусь

тамъ хвылыну, хапается за груды, ойкае, а потимъ изнову перехыляется до чобота.

— А що це тоби?—озвався я зъ надвору.

— Ой, батюшко, зайдить у хату!

— Я увійшовъ.

— Що це ты—нездужаешъ?

— Такъ, що й Господы!

— Застудывся, чы що?

— Хто ёго знае, на колькы бере дуже. Ни дыхаты, ни йисты не можно...

— А ты жъ личывся чымъ, чы ни?

— Ни, ничымъ. Тильки баба Устя учора горшка становыла, та ще гирше мени стало.

— Такъ!

Мытро и завше не бувъ здоровый. Жывый, меткый до всякои праци,—и ганчарь, и хлиборобъ, и крамарь,—винъ кыдався на вси бокы, абы якъ загорювать копійку, бо земли своеи у ёго було дуже мало.

Винъ вже давно надсадывъ черезъ свою необережнисть соби груды. Я знавъ, що у нёго затяжни сухоты, и черезъ те не багато роспытувавъ. И наша перша знаёмисть почалась такъ: я разъ выйшовъ на подвирья, свое такы власне, и бачу, що биля мого колодязя якыйсь чоловикъ пораеться зъ видромъ. Я надійшовъ блыжче,—то Мытро мочывъ голову водою, пывъ іи, а черезъ якусь хвылыну кыдавъ видро и воду и нахылявся до земли, бо изъ горла бигла кровъ, залываючы ёму выдъ и перехоплюючы духъ. Винъ одхаркувався, одплёвувався и знову плескавъ на себе долонямы воду. Це було весною. Писля того винъ трошкы пидчунявъ. Я ёму раявъ не братысь за тяжку працю, й Мытро послухавъ мене. Не робывъ у литку мужыцького дила, а щобъ не переводыты марно гарячого, робочого часу, винъ узявъ, у спилку зъ другымъ чоловикомъ, панськый садъ. Отъ же, кинець кинцемъ, я зоставсь ще й выноватымъ за свою пораду.

— Усе, батюшечко, черезъ садъ мени сталось,—и на що винъ мени здався? Заробылы тамъ болячку: по 30 карбованцивъ намъ прыпало, а себе перевивъ.

— Чымъ же тоби садъ зашкодывъ?

— Та по правди вамъ сказавшы, порахувалысь мы, подилылы ти барышы, та давай пыть могорычъ. Выпылы мы добре, а тутъ дощыкъ пишовъ; я не поберигся та й заснувъ у мокрій трави,—отъ и пропадаю зъ того часу.

Я пославъ до своеи господы за ликамы де-якымы, а самъ росташувався на якый часъ, тымъ бильше, що пры мени Мытро трохы повеселишавъ.

— Чомъ же ты не прыславъ до мене?

— Я ёму й казала, а винъ:—може баба Устя поможе,— вона жъ де-кому помогае.

— Отъ же тоби й помогла! Теперъ мусымо личыться видъ хворобы, та ще й до того видъ Устиныхъ ликивъ. Тоби треба було, яко мога, заспокоиты груды, а ты прытягъ усю кровъ соби до легкуши.

Пидъ погруддямы у ёго стоявъ и не росходывся велыкый опухъ видъ гориика, въ грудяхъ хрыпило и булькотало, температура черезъ гарячку наблыжалась до сорока градусивъ. Мы довго балакалы, жинка вытерла ёму груды и спыну несолонымъ саломъ зъ шпыгынаремъ (скопытаромъ), и винъ змигъ прылягты, хочъ и зъ обережнистю, на подушкы.

Мы сталы на тому, що винъ, не вважаючы на пылыпивку, буде йисты скоромъ, завтра прывезе ликаря и до бабивъ не буде звертатысь за запомогою.

III.

Прыйихавъ ликарь и не звеселывъ насъ.

— Якъ бы, каже, плеврытъ, то ще бъ половына лыха, а тутъ мы маемо дуже гостру ёго форму, бильшъ того, що гнылосный. Дамъ я тоби ликарства; бережысь, а пидправышся трошкы, пойидь до города и добывайся мисця въ клыныци, бо безъ операціи тутъ наврядъ чы буде полегкисть.

Зразу Мытро заохотывся йихаты, а потимъ, колы ёму стало легше, колы гарячка зменшылась, стало менше поту и збувся колючокъ, то, звычаемъ усихъ сухотныхъ, винъ почувъ себе цилкомъ здоровымъ и вже йихаты до миста—годи.

— Я на усе здоровъ. Тильки жолудокъ у мене, я чую, зробывся манисенькымъ, такъ завбильшкы зъ кулачокъ. Мабуть винъ усохся,—не можу я задовольнытысь йижею... Якъ-бы можно мени було найистысь, я бъ почувъ усю свою колышню сылу. Та ще отъ у правому боци, неначе килокъ стромыть.

Якъ я не доводывъ, що йихаты до клиныкы треба, Мытро не згожувався, а до того ще ёго обстоювала жинка.

— Ще тамъ помрешъ, а я тутъ якъ буду зъ дрибнымы дитьмы.

Годи ёму було щось казаты. Я тильки пыльнувавъ за тымъ, щобъ винъ ликаревои діэты додержувавъ, и сподивався, що згодомъ Мытро й самъ зрозуміе вагу ликаревои порады. Отъ же выпадокъ довивъ иншого.

Вже трохы пидчунявшы, Мытро пишовъ до власнои крамнычкы и ставъ жинци до помочи. На лыхо трапывся якыйсь чужосторонній чоловикъ. Купывъ той чоловикъ хунтовои булкы, и ёму здалося, що Мытро не доважывъ хунта. Почалась сварка. Мытро, и такъ знервованый видъ хворобы, роспалывся, и вси наши ликы пишлы марно. Ввечери прыбигла до мене Настя, росповидала про свою прыгоду несчаслыву и прохала запрычастыты чоловика, бо знову звалывся.

Мытро лежавъ на примостци, важко дыхавъ и почувавъ себе безъ миры погано. Диты тулылысь по куткахъ, а жинка на пивголоса рыдала. Смерть уже віяла своимъ чорнымъ крыломъ надъ безсчасною симьею. Надіи на поправку не зосталось жаднои, та и смерти не можно було швыдко сподиватысь.

Я, скильки мигъ, розважавъ слабого, и мои заходы не пропалы надаремне.

— Чого це вы полякалысь? ще Богъ дасть пидчуняешъ. Ты думаешъ—якъ злигъ, такъ уже й край. Пидожды лыпень! навить, и сповидать тебе не буду.

Мытро знавъ, що за смерть чыюсь безъ сповиди я «повыненъ закону» и маю прыйняты велыку покуту,—черезъ те понявъ мени виры, що винъ не дуже слабый, и видразу повеселійшавъ.

Годи плакать и жинка.

— Теперъ уже я бачу, що треба йихаты до города.

— А вжежъ, що такъ. Я жъ тоби й ранійше казавъ.

— Ось крыхточку пидчуняю, та й небезпреминно пойиду...

IV.

Другого дня була у Мытра знахорка зъ другого села и, поворожывшы, довела ёму, що хвороба не къ смерти. А хвороба, видповидно тому пророкуванню и справди пишла у протягъ. Ёму ставало то легше, то тяжче, въ залежности видъ того, якъ винъ трымався діэты.

Абы выпадала мени вильна хвылына, я заходывъ до Мытра, и мы що-разу довго балакалы. Матеріалистъ зъ ёго бувъ завзятый. Думкы слабого крутылыся здебильшого на практычнихъ справахъ мынулого жыття. Усе, що ёго цикавыло, буле тутъ, осьде—на земли, навить ще блыжче,—у Плахтянци, а по-за цымъ винъ не знавъ и не хтивъ знаты ничого.

Малоземельный, четвертый сынъ у батька, винъ замолоду поставывъ соби мету—выйты у перши ряды селянъ. Зъ ціеи прычыны Мытро брався за всяку можлыву працю: винъ бувъ и хлиборобъ, и ганчаръ, и, навить, грабаръ. За десять рокивъ невтомнои, невгамованои праци винъ збывся на окремну хорошу хату й на дви сотни карбованцивъ, зъ якымы й почавъ крамарюваты. Теперъ у нёго тры сотни власныхъ грошей; воны обертаются тры-чотыри разы на рикъ, и Мытро мае за ныхъ зыску «рубъ за рубъ». Теперъ у нёго самоваръ, рушныця... Саме тильки жыть, а тутъ нá тоби—таке лыхо! Возьмы умры, покынь усе, що ты загорювавъ—и для кого?

— Батюшко, отъ моя воля: колы вона пиде замужъ,—винъ показавъ на жинку,—не дать ій ничого, повыйматы зъ скрыни одежу усю, яку я ій посправлявъ. Я такъ и своему батькови кажу.

Така неправда дуже ображала бидну жинку, и зъ цёго у ныхъ часомъ повставалы непоразуминня и сваркы.

V.

Иноди Мытро залышавъ діэту; ёму бажалось галушокъ, або давнепросоленои рыбы; тоди бида коилась: шлунокъ, не мигъ подужаты ворожои для нёго йижи, почыналась гарячка и доходыла до надто высокыхъ градусивъ.

Якось передъ вечеромъ зайшовъ я до слабого; Настя готувала на вечерю вареныкы зъ макомъ и грушамы. Мытро лежавъ на печи,—ёму було дуже погано. Винъ тяжко дыхавъ, разъ-поразу кашлявъ и харкавъ куды попало: на стины й навить на подушкы. Биля нёго стояла мыска зъ чыстымъ пискомъ, куды винъ повыненъ бувъ плюваты.

Бачучы усе те, чуючы важкый, нибы солодкуватый, духъ видъ гнылыхъ легкушъ, трудно було зоставатысь у хати надовго.

Я почавъ доводыты ёму про неохайнисть та іи наслидкы. Винъ не звернувъ жаднои увагы на мои слова.

— Ой, батюшко, нудно мени; визьмить ножа та штрыкнить мени у бока, я «чуствую», що йе тамъ якась «гадость»—мо' вона вытече, то мени й полегшае.

Не можно було сказаты—«а я жъ тебе посылавъ до клыныкы»,—бо то-бъ уже була безпотрибна жорстокисть: чоловикъ уже умиравъ и навчаты ёго пизно. Можно було тильки журытысь, що ёго не учено ничому змалку.

Я незабаромъ попрощався, и то мусыло буты наше останне прощання.

Не вважаючы на те, що шлунокъ ёму бувъ, якъ винъ самъ казавъ, зъ кулачокъ завбильшкы, винъ зйивъ варенькивъ зъ макомъ ажъ симъ. Писля такои вечери, винъ стерявъ памьять, почавъ балакаты зъ гарячкы и померъ, не вернувшысь до памьяты.

Я довго вдывлявся въ молоде лыце небижчыка,—воно було супокійне на вдывовыжу.

Тильки дви поперечни глыбоки зморшкы на высокому, думному чоли нагадувалы ёго мынуле турботне жыття и невгамовну натуру.

—

Останнёго Мытрового бажання ёго жинка покы що незламно додержуе: вона дала гарбуза вже двомъ парубкамъ, яки домагалысь іи рукы, а за однымъ заходомъ и іи крамнычкы...

---

2. Пацієнтка.

На прыкинци лыстопаду неждано-негадано, писля теплои и ясной годыны, знялася фукга. Подувъ витеръ зъ пивночи, нагнавъ холоду, прынисъ цилу хмару снигу, перемишавъ ёго зъ пискомъ, и настала у насъ зима, безъ саннои дорогы.

Выглядъ звычайного селянського жыття видразу зминывся. Товаръ не пишовъ у лисъ, пастушкы́ зосталыся дома; босонога дитвора тулылась блыжче до гарячои печи и не ховала видъ батькивъ думокъ и бажань про чоботы й теплу одижъ, якои бильшости зъ ныхъ бракувало.

Пидъ вечиръ одного зъ найлютійшихъ днивъ, колы гострый витеръ крутывъ и шарпавъ усе, що ёму ставало на перепони, до моеи господы прыйшло двое невелычкыхъ перемерзлыхъ селянськихъ дитокъ: хлопчыкъ и дивчына. Диты булы мени знаёми.

Хлопчыкъ Спырыдонъ уже другу зиму ходывъ до школы, а Марусю, дивчыну рокивъ на чотыри—пьять, я часто бачывъ у іи риднiй хати, бо навидувавъ іи батька, якый слабувавъ на груды.

Наразъ я подумавъ, що слабому стало гирше и диты прыйшлы сповистыты мене. Отъ же роспытавшысь, я довидався, що Маруся прыйшла сама за порадою, зъ прыводу своеи власнои биды, а братъ—абы бороныты іи видъ собакъ.

— Помажте мени болюкы!—выразно попрохала мене Маруся.

— Добре, помажемо! Йды до грубы, грійся, холодно тоби? Змерзла?..

Дивчынка простягла до веселого вогню заклякли рученята и грилась. Спырыдонъ зостався въ кухни.

Середъ моеи, зовсимъ не роскишно обставленои хаты, все-таки дивчына була негармонычною плямою; у ридній хати, де булы брудъ и биднота, вбожество дытыны не было у вичи такымы выразнымы рысамы. На ній, правда, булы зовсимъ новеньки чобиткы, але ти чобиткы,—я знавъ, бо вона мени хвалылась новыною,—коштувалы трояка. Черезъ ихъ дешевыну́, чоботарь не знайшовъ можлывымъ облыцюваты чымсь краи халяво́къ, а тильки обризавъ ихъ ножыцямы. Першого-жъ дня, щобъ выпробуваты чобиткы та нымы покрасуватысь, Маруся пишла до хрещенои матери и до крови поризала соби тымы халявамы тило пидъ жыжкамы. И про це я знавъ ранійше. Маруся стояла коло грубы, довирлыво простягны обыдви манисеньки ручкы до веселого вогныка, и грила ихъ.

Черезъ яку хвылыну вона тяжко передыхала, наче стара людына, що бачыла вже на вику не одну копу лыха, нибы напередъ чула, яке лыхо та тяжки обставыны чыгають на неи черезъ увесь протягъ жыття. Окримъ чобитъ, уся одижъ на ній була стара и пошарпана; голивка запнута старенькою, сытцевою хустынкою; бумазейна юпчынка була постёгана, замисць ваты, на клоччи и мала пидбывку зъ товстои самодильнои полотнины. Дытына не була ничымъ пидперезана, навить и мотузочка не було. Одынъ тильки гудзыкъ мавъ видповидну петельку биля комира, та ще одна петелька высила нымче, але вона не мала ніякои вартости, бо не хапало до неи гудзыка. На юпчыни, навить не пыльно прыдывляючысь, можна помитыты дирку, бо вона завбильшкы зъ долоню. Було ище килькoнадцять дирокъ, бильшъ або меншъ помитныхъ.

Треба було обдывытысь манисеньку журлыву пацієнтку. Я нагукавъ жинки, бо то у мене спеціалистъ на дытячи й жиночи хворобы. Знялы зъ дивчыны хусточку и юпку. Биле, якъ лёнъ, волосся переплуталось, закублылось и кучерявылось немытымы й нечесанымы пасмамы. Дивчя, почувшы волю рученятамъ, тую жъ мыть запустыло усю пятерню правои рукы у волосся й почало

шкрябаты голивку, а потимъ шыйку и скризь, куды сягала манисенька ручка.

На дивчыни була брудна-пребрудна сорочечка, котра не пралась такъ мабуть зъ мисяць, и спидничка зъ нагрудныкомъ, розшматована на переди до самого спиднёго рубця. Спидничка та, подекуды забруднена масныммы плямамы, шыбала у нисъ усякымы пахощамы, звычайнымы биля малои, недоглеженои дытыны.

Повненьке лычко було задумане, невеселе й блиде.

— Де-жъ у тебе болюкы?

— Скризь.

Николы немыте дытяче тило було скризь обсіяне невелычкымы рожевымы плямкамы, завбильшкы зъ горохвыну. Де яки зъ цихъ плямокъ—уже почервонилы, а инши достыглы, набралыся чорного колёру: здавалось, неначе хто невелычкымы кружалочкамы наризавъ мушку и облипывъ имы циле тило дивчыны видъ самой шыи й до колинъ. Дытына була безсыла, бо видъ сухотнёго батька.

Погрудня клитка була у неи не бильша, якъ на долоню, а звидтиля почынався й высивъ надутый, велыкый жывить, розбехканый картоплямы й огиркамы.

Дытячи оченятка дывылысь смутно й якось безъ чуття.

Хвороба була досыть знаёма; дещыця зъ ликивъ пидъ рукамы, але найгиршъ мени було те, що та дытына не була дытыною якогось тамъ старця: ни, то була звычайна селянська дытына,—дытына селянына-хлибороба зъ середнимы достаткамы!...

---

3. Не диждала.

I.

Короли держалы крамнычку. Торгувавъ у тій крамнычци иноди самъ Яквъ Король, а найчастише—ёго жинка Горпына.

Торгувалы воны всячыною: мирялы квартамы смо́лу и гасъ, грудочкы сахару и «кунфеты» продавалы поштучно, а иноди лучалось и восьмушкамы.

За для парубоцтва держалы «мализъ» и булку «хунтовку», а для дитворы—бублыкы.

Отъ сало—потрибне у всякій господи, то часомъ траплялось продаты и на хунтъ; сирныкы жъ найбильше миняли на яйця.

Булы такожъ на потребу дивоцтва голкы, наперсткы и товста червона та чорна заполочъ.

Къ писнымъ днямъ пидвозылась рыба: просилъ червоный, зъ тяжкымъ духомъ, и оселедци дрибни и буйниши, а къ Велыкодню—пшенышна мука.

Було доволи усякого краму, якого потребуе простый, убогый селянськый людъ.

День у день Горпына на ногахъ зъ раннёго ранку ажъ до пизнёго вечора.

Треба скризь поспишаты: товаръ прыпорать, дитямъ страву зварыть, хочъ яку небудь, та и купця не впустыть, бо недалечко йе друга крамнычка, а люде, якъ вивци—не розбирають, яка у крамаря совисть, а йдуть туды, де крамнычка видчынена. Певне, неможлыва ричъ Горпыни цилый день крамарюваты, особлыво литомъ, колы роботы набавляется, черезъ те, що треба поспиты на поле та не попустыть, щобъ и городъ зарисъ бурьяномъ та травою.

Та тоди усимъ селянамъ йе роботы безубытно: и купци, и продавци працюють поручъ у одному мисци, а вже надъ вечиръ збираются биля крамнычокъ, або щобъ купыты чого, або й такъ побазикаты про свои справы пекучи и власни дила.

— Нема ніякого зыску зъ тіеи крамнычкы!—говорыть бувало розбалакавшысь зъ сусидами Горпына.—На людяхъ пропадае чымало «грошшя», «права» щось коштують; урядныкови треба дать карбованцивъ пьять на рикъ, абы не чиплявся, та не дозыравсь до усёго, не боронывъ держаты гасъ пидъ деревнымъ дахомъ. Яка тамъ «полза!» Ото и всёго, що для своеи власнои симьи ничого не купуешъ: иды у крамнычку й беры, що хочъ безъ вагы—мыръ ту зйижу покрые... А для симьи треба було титци Горпыни и справди де-чого багацько, бо симья була чымала.

Видъ тіеи симьи николы не переводывся у Королевій хати важкый, теплый духъ. Видтакъ, по полиськыхъ хатахъ пахнуть грыбкы, колы сушатся у печи, та добре розипріють.

У одній, правда чымалій, хати мистылася сама Горпына зъ чоловикомъ и семеро маленькыхъ короленятъ: одна дивка, одна дивчына, та пьятеро хлопцивъ, одынъ менше другого. Найстаршый зъ хлопцивъ ще не скинчывъ школы, а найменшый, якъ бабы кажуть, звыняйте въ цимъ слови, ще цыцьку ссе.

— Бильшенько у мене ихъ було, та не давъ имъ Богъ вику, це тильки семеро зосталось.

Роботы—скильки спрягнешъ, а до помочи хыба що старша дивчына, що ій вже мынула шиснадцята весна, а хлопци—то сама ще зйижа.

II.

И чомъ вы, мамо, не убираетесь краще? Онъ мене хлопци и дивчата на глузы пидіймають за те, що вы биля себе таки неохайни!

Горпына здывовано глянула на доню.

— Чы то жъ часъ мени, донечко, прыбиратысь та чепурыться: тутъ диты, тамъ у крамныци гасъ, смола. Выдумляють катъ-зна що твои безуси хлопци та безглузди дивчата!

Гришнымъ тиломъ не свитышъ, голова за-для закону ца-крыта—оце тоби и уборъ жиночый-мужыцькый!

— Нехай уже, доню моя,—перегодывшы скинчыла вона,—якъ оддаватыму тебе замижъ, оттоди я уберусь гарненько, а ты мени честь пиднесешъ, якъ вестымуть мене по-пидъ рукы, мовъ паню пышну, та и гулять буду, и пыть буду, цилый тыждень,—отъ якъ!

— А то жъ тамъ—выдумляйте!—видказала доня, та на тимъ и скинчылась недовга розмова. Маты прыймалась знову за працю, а доня за шытво, та на вечиркы.

Спынылась Горпына надъ роботою писля розмовы зъ дочкою, оглянулась навкругы и на себе и побачыла направду, що дочка не помылялась: скризь по хати була гыдота та брудъ, и сама

вона, Горпына, жинка задрипана, замусолена и неохайна. Кынула вона думкою напередъ часу и зрозумила и свою власну правдоньку, що не доведется ій передыхнуты та «поскребтысь», ажъ до дониного весилля, колы вона мусытыме це зробыты, вже черезъ саму властыве сылу звычаивъ давнихъ.

На цій думци вона заспокоилась, вертаючысь до щоденнои праци.

А праця за кожнымъ рокомъ облягала Горпыну бильше й бильше, моци-жъ и сылы ставало у неи все менше и менше. Ось, пры останку, уплодыла вона хлопчыка, и стало ій нездорово—не «выходылась» и не одлежалась вона видъ звычайнои жиночои слабосты. Понапруджувалысь, понадымалысь у неи на ногахъ жылы велыкіи, сыніи.

— Ось гляньте, мо' що пораете!—И титка Горпына, абы хто хтивъ дывытысь, тую жъ мыть показувала товсти, якъ виревкы, жылы.

Отъ же, не вважаючы на свою слабисть, титка Горпына повезла у-осены до болота мочыть свои «конопелькы».

Конопелькы намочыла та пры тому застудыла й ногы. Почалы ти ногы пухнуты, а дали поробылысь на ныхъ болячкы.

Позамотувала вона болючи ногы нечыстымы ганчиркамы, перевьязала ихъ туго и все-такы працювала.

Багато де-чого ій раялы, а на прыкинци якась дотепна свашка велила пустыты до тыхъ болячокъ пьявокъ.

— Вытягнуть, мовлялы, тоби порчену кровъ, сестрыце, та тымъ и выгоишся.

Це було дуже прыкладно. Горпына постановыла соби до «нижечкы» двадцять пьявокъ и де-якыхъ у сами уразкы.

— Ой, якъ же мени було боляче! Та я вже на те видважылась; нехай, думаю, выссуть мени хворобу. Отъ же прокляти твари—то жъ гадючкы—не выссалы усіей порченои кровы, а писля одніеи пьявкы,—насылу іи одирвалы,—зисталась на болячци не-

велычка уразка, такы зовсимъ невелычка,—не прыдывысь добре, то й не побачышъ. И почавъ зъ тіеи уразкы текты гній. Тече та й тече, а я й байдуже: перележала днивъ скильки, та й ну знову тупцять помаленьку биля господы.

III.

Одного дня передъ вечеромъ выйшла титка Горпына на городъ и накопала зъ мишокъ картопли; вернулась до хаты, дала дитямъ вечерять, поклала ихъ спаты, а тоди вже «подовсала» до крамныци, щобъ даты помичъ чоловикови, та й перемогтысь хотила, бо дуже ногы ныли—«такъ наче на пропале».

Прыйшла до крамныци; «мужыкы» сыдять, курять, понасмичувалы на доливку—натупалы. Узяла вона виныка й хотила трохы пидместы крамнычку, чуе—щось тепло стало, ажъ пече пидъ ганчиркою на нози. Кынулась вона до ногы, ажъ уже цила онуча стала видъ крови червоною й вохкою, а крови такъ багацько, що вже капае на доливку.

Розвернула вона ганчирку—такъ кровъ и брызнула, ажъ на людей и саме изъ тіеи уразкы, що зисталась писля пьявкы.

Такъ и бье кровъ, ажъ на пивъ аршына у-гору, немовъ бы то изъ фонталу.

— А братикы, а соколыкы—рятуйте! що це воно таке?

Пишла потыхесеньку до хаты, прыдержуючысь рукою за стину. Чоловикъ на швыдку руку прычынывъ двери у крамнычци и мыттю кынувся до крыныци по воду.

Черезъ хвылыну-дви увесь Мыронивъ кутокъ, де жылы Короли, знавъ Горпынину прыгоду. Хтось, навить, сповистывъ урядъ и погукавъ громадського старосту.

— Оце, пане старосто, крови зъ неи стильки найшло!—показувала титка Улыта старости довгу кровяну стежку, що йшла видъ крамныци до самои хаты й дали.

У хати зибралось народу чымало. Уси дывылысь на Горпыну зъ якымсь тупымъ острахомъ и мовчалы, а вона лежала доли на простеленій подушци, схылывшы на бикъ голову, зне-

сылена, мало що пры памьяти. Зъ давно немытои, пухлои й жылавои ногы кровъ ишла безупынно.

— А що жъ, братци, робыть?—чухаючы у потылыци, першымъ озвався староста.

— Давай, бра', мукы!—выступывъ зъ гурту Куделя.—Пояса давайте!—Винъ схопывъ пояса и перевьязавъ нымъ ногу вышче течійкы.

— Давай муку́!

Далы ёму кившъ борошна жытнёго, й винъ почавъ забываты нымъ дирку, зъ якои юшыла кровъ.

За хвылынъ пьять его працi кровъ стала йты тыхше, слабійше, а потимъ и зовсимъ спынылась.

Горпына лежала, стерявшы памьять, а надъ нею голосылы диты.

— Щобъ не я, доси бъ дійшла!—хвалывся Куделя.

— Певне, дійшла бъ! де ты бачывъ—стильки крови стеряла!

Люде по-одыньцю рушылы зъ хаты. Часъ бувъ пизній.

— Якъ що тее, то клыкнете мене знову, а вы не отходя стережить іи!—наставлявъ Куделя.

— Добре, добре! Мы усю ничъ не лягатымемъ спаты, будемо іи доглядать,—згодывся Якивъ. Винъ ходывъ кругомъ неи, сухорлявый, маленькый, перепятый жалемъ до жинкы и горемъ; ставъ навколишкы, прыдывлявся до іи билого смертельно лыця и слухавъ, чы вона дыше. Вона була ще жыва.

Бильша дивчынка тежъ ходыла биля слабои, ламала соби рукы й голосыла, прымовляючы: «мамо, мамо!»—а иноди нахылялась до матери, трусыла іи за голову, абы розбудыты. Ничого того не чула й не бачыла маты. Уже ранкомъ вона трохы одчуняла, видкрыла очи и стала гомоныты. Доня зрадила.

— Що вамъ, мамо? може пыть?

— Дай, доню, водычкы!

Подала доня кухлыкъ зъ водою. Маты ковтнула разивъ зо-два, але насылу пидвела голову.

— Мабуть не дижду я тебе, доню, замижъ выряжаты! Гляды дитокъ...

— Мамо!...

— Пече мене дуже... моци ниде не чую... Глянь, що тамъ зъ моею ногою коится...

— Ге... ее...—заплакала дивчына, глянувшы на ногу,— чорніе!...

Титка Горпына не диждала, щобъ велы іи по-пидъ рукы на дониному весилли, та ще й зъ музыкамы. Не дисталось ій и разу одночыты на цимъ свити видъ нужды, горя и безупынноі праци.

Несли іи труну сири, потомлени, невесели люде, а семеро дитей на вси лады голосылы, чуючы безповоротню втрату....

---

4. Темнота безпросвитня.

Мокрый, сирый и холодный марець давъ себе у знакы. На сели почалы хворить диты на свынку, чы то, по тутешнёму, на обкладкы.

За два-тры тыжни по черзи переслабувалы уси наши школяри и школяркы. Слабисть, здебильшого дытяча, тильки подекуды зачипала чоловикивъ и жинокъ: заслабла—такъ сказаты зъ професіи—вчытелька, та ще зборщыкъ, котрый що Божого дня рыпався по найубожшыхъ хатахъ, абы постягаты торишни не доплаткы.

Ликарь веливъ мазать обкладкы йодомъ, а надали раявъ компрессы у тяжчыхъ выпадкахъ хворобы.

Якось простуючы до школы, я стривъ зборщыкову жинку: вона несла видъ учытелькы пляшечку зъ йодомъ.

— Хлопець заслабъ?—спытавъ я, поздоровкавшысь.

— Ни, самъ заслабъ!

— Що-жъ у нёго?

— Переднише обкладкы булы, а теперъ и нисъ опухъ и выдъ подекуды, та кровъ изъ носа йде сыльно.

— Ходимъ, побачымо!

— Зробить ласку! сегодня й старшына прыйиздывъ зъ пысаремъ общотъ.робыть,—ни зъ чимъ и пойихалы; раялы везты до дохтора...

— Ну, то що-жъ?

— Де ты его повезешъ! захопыла дуже хвороба,—може за дорогу померты.

Иты було далеченько, и мы розгомонилысь.

— Хотя-бъ ище годочкивъ десятокъ пожывъ,—диткы мали.

— Та хиба-жъ винъ уже такый слабый, що и про смерть треба думаты?

Эге, а вамъ якъ здается? Винъ и завше гнылый, мовлялы; тильки батькомъ господарство й держытся, а теперъ и той ладъ згынувъ.

— Що-жъ вы не шукалы помочи?

— Де вамъ, батюшка, не шукалы? Шукалы що й Господы!.. Третёго дня ночувавъ у насъ коновалъ, та це той такъ ёго пидличывъ.

— Чы то-жъ можно звиряты на коновала у людськихъ хворобахъ?

— А що-жъ робытымешъ? Я й такъ пытала ёго: а чы-жъ вы можете? А якъ-же! Я, каже, экзаментъ выдержавъ, усе одно, що дохторъ.

— Де-жъ ты запопала того коновала?

— Такъ захожый, чыстывъ у насъ кабанчыкивъ, а потимъ— «давай я й мужа тоби вьлечу». За сорокъ копіекъ цилый бутыль покынувъ ликарства: «ты, каже, не думай, що я тоби дамъ чогось вредного,—смотри, я й самъ выпью передъ твоима очыма». И, правда, налывъ цилу чарку и выпывъ.

— Эхъ, горе зъ вамы!—Оце усёго и промовывъ я.

— Не пособылось ничого. Обкладкы зійшлы, а зъ уха тече, та й зъ носомъ лыхо.

Зъ носомъ и справди було дуже пагано. Звычайно винъ бувъ тонкый и довгый, а теперъ стремивъ неначе велыка груша,

до того ще по сыне-барвному полю повыскакувалы жовти пухыри, якъ бувае отъ опеченого. Зъ носа и зъ вуха йшовъ брудъ.

Опухъ одъ свынкы давно вже мынувся, а разомъ мынула потреба и въ йоди. Отъ же жинка хотила помазать тымъ йодомъ пухыри на носи.

Не знаю, що-бъ уже тоди скоилось, а такъ пойихавъ старый за дохторомъ. Знаючы обрядкы и тверду уперту натуру старого, я наказувавъ заплатыты дохтору троячку и просыть, щобъ йихавъ найскорише. «Втикъ не втикъ, а побигты можно,—подумавъ старый,—давай поторгуюсь, а може дохторъ скыне карбованьця». Отъ-же ликарь образывся и сказавъ, що винъ не пойиде ни за яки гроши—ни за пьять, ни, навить, за десять.

Черезъ день прывозылы хвершала, той не прыйнявъ грошей зовсимъ: «я, каже, получаю жалуваиня». Зборщыкъ вычунявъ, але зостався навикъ зъ покаличенымъ носомъ и волосся ёму на голови вылизло до щенту. Изъ уха и теперъ тече брудъ.

Выпадокъ зъ йодомъ, що хтила имъ пошпарыты опухле тило своему чоловикови зборщыкова жинка, нагадуе про те, якъ небезпешно доручаты темному людови навить таки найпростійши ликы, якъ напрыкладъ йодъ.

Окримъ усякыхъ непорозуминь, мени зоставсь у памьяты ще такый выпадокъ.

Одынъ разъ прынесла до мене селянська молодычка слабую дытыну, у якои зъ уха йшовъ брудъ. Знаючы, якъ небезпешно личыть ухо не то мени, а навить и ликареви неспеціалысту, я мигъ тильки поспрынцёвать ёго, заклавъ ухо ватою, раявъ звернутысь до ликаря, прохавъ не робыть ніякыхъ залывань, напрыкладъ олывы, и давъ ваты, щобъ переминяты у вуси щоденно. Пройшло днивъ килька: «мо' воно й такъ, Богъ дасть, пройде безъ дохтора», а вату молодыця поклала на полыци. Диты, пустуючы, скынулы ту вату на доливку, а поросята додалы ій краю: утопталы іи въ болото. Баба жъ добре памьятала, що вухо повынно буты затулянымъ,—не все одно чымъ? На очи попалась стара кожушанка. Урвала баба вовны и затулыла вухо.

На лыхо у тій вовни мистылысь паразыты, а позаякъ вовны баба не миняла ажъ докы не прынесла дытыны до мене, бо вона дуже вже крычала, то зъ ухомъ сталося такъ, що я, замисть розсказуваты, повыненъ поставыть точку.

---

5. Приська.

Добрымъ словомъ треба спогадаты нашу акушерку, яка працюе на «пункти», бо вона не одну жинку вызволыла видъ немынучои смерти.

Перешкожае іи корыстній праци те, що вона одна, а слабыхъ жинокъ тысячи; до того ще треба додаты послугы такъ званій интеллигенціи.

Уси ци умовы, зведени до купы, зводять іи працю середъ народу до ничого. Отъ же, колы обставыны селянського жыття переинакшатся на лыпше, іи праця стане найпереднійша и наикорыстнійша.

Якось мене позвалы до слабои сусидкы Прыськы. Вона тильки що повернулася зъ пункта. Фельшерыця въ неи знайшла «воспаленіе яичника», раяла напередъ усёго ничымъ не бентежытысь, не звертать увагы на прыкрости и ничымъ не турбоватыся; дала якыхсь ликивъ и велила класты на боляче мисце прыпаркы.

Эге, така жинка Приська, щобъ спокійно вылежаты и ничымъ, мовлялы, не турбоватысь, хочъ хвылыну!

Вона була господарка працёвыта и невсыпуща.

Не вважаючы на мое прохання, и на хвылыну не хотила спочыты Приська и полежать спокійно. Боли, та ще писля неблызькои дорогы, вона терпила невымовни. Отъ же разъ-по-разу схоплювалась зъ лижка, росповидаючы мени свою прыгоду, абы доладнійше щось розсказаты, або показать якись ликы.

Я вЕливъ заразъ же невистци затопыть пичъ и прыставыть до огню чавуна зъ водою на прыпаркы, бо сама Приська довго бъ не зибралась ихъ робыты, а може овси залышыла бъ.

Безъ жадної охоты, невистка назбирала ломаччя й затопыла пичъ, да и часъ бувъ саме робочый—жныва. Не вважаючы на це, мы такы диждалысь окропу. Бракувало полотняного шмаття, по-

трибного для прыпаркы. Рушныкъ знайшовся усёго на-всёго одынъ, та й той брудный, випъ стававъ кожному семьяныновы у прыгоди, а симья складалась изъ чотырёхъ чоловика, окримъ дитворы.

Про други рушныкы невистка сказала, що «воны перутся», а пошукать власныхъ у своій скрыни не хотила. У старои мабуть и, справди, не було нхъ. Хто ходывъ за слабымы, на таку хворобу, яка була у Прыськы, той знае, яку полегкисть дають прыпаркы и якъ воны заспокоюють боли.

За пивъ годыны, не бильше, мукы слабои втыхомырылысь. Я прохавъ класты прыпаркы и на дали, бо полегкисть була очевыдячкы, и яко мога вылежуватысь, та й пишовъ до господы у непевній надіи, що усе буде гараздъ.

Хвороба николы не покынула Прыськы, та цёго и не можно було сподиватысь, пры іи необережности и пры тій непосыдячій натури, яку вона мала.

Жныва захопылы мене, якъ и всякого селянына, и я ридко навидувався до Прыськы, та й чого?

Мы розійшлысь зъ нею у поглядахъ, я стоявъ на одному: слухаться фельшерыци, а Прыська кыдалась на вси бокы, шукаючы запомогы, и робыла, «що хто раявъ».

Не буду розсказуваты усёго, що надъ нею вырoблялы, але мушу довесты про те, якъ іи доконалы у край.

—

Що року, передъ наборомъ, у-осены до нашого села завитае зъ миста жыдивка Сора. Прыйиздыть вона на драбынчастому вози порожнемъ и не мае ничого, окримъ мишкивъ, порожнихъ торбынокъ та збытои, замусоленои колоды картъ. Днивъ за скильки своеи немудрои праци, вона понасыпае мишкы и торбынкы усякымъ зерномъ и борошномъ по сами завязкы и вже не йиде на вози, а йде за нымъ пишкы, бо нема де прытулытысь за поклажою. Роботы у неи на сели хочъ одбавляй: вона ходыть по хатахъ и ворожыть на карты.

— Чы забрыють лобъ Петрусеви (коханому)?—соромлыво загадуе дивча.

— А якый таланъ спаде моёму сыночкови?—ворожыть стара баба.

Найбильше жъ усёго мае ворожка прыбутку зъ тыхъ молодычокъ, якыхъ чоловикы стоять на черзи до набору. Дарма, що жыдивка бреше: на той рикъ у неи знову буде робота,—абы, поздоровъ Боже, прыйихала.

Зацикавылась своею долею и Приська; що ій поворожыла Сора, я того не знаю, але, мабуть, щось дуже веселе и цикаве, а на дали обицяла и хворобу Прищыну выгнать, абы та згодылась Сору слухаты. Приська на те прыстала.

— То погано, колы хвороба мистытся у середыни, треба іи наверхъ выгнаты, та тоди вже выднише буде, якъ іи и гоиты.— Такъ казала Сора, та й почала пидъ грудьмы Присци обкладаты якымсь лыстомъ. За днивъ килько зъявывся опухъ, завбильшкы зъ кулакъ.

Теперъ и сама Приська побачыла, що жыдивка не брехала: хвороба була зверху.

Дала ще Сора якоись мазі́, щобъ мягчыты той опухъ, и пойихала на инши села, а опухъ помякшавъ, дали триснувъ, а натомисть зробылась за два-тры мисяци така болячка, черезъ яку сталы выдни навить кышкы.

Бидна Приська страждала ище до самого лита и померла у страшенныхъ мукахъ.

Слабувала бильше року.

---

6. Породилли.

Кинчаючы свою працю про селянськи ликы, я не можу не сказаты килька сливъ про породилль, сучасныхъ мученыць земли нашои.

Жинкы, у якыхъ пологы пройшлы звычайнымъ порядкомъ, повынни, по селянському этикету, выхвалятысь, колы можна такъ сказаты, своею терплячостью.

На взирець невисткамъ свекрухы ставлять тыхъ молодыць, яки сами на хрестынахъ своихъ дитей печуть гостямъ млынци и готують иншу страву.

Треба завважыты, що хрестыны ридко колы одбуваются дали другого, або третёго дня писля пологивъ.

Необережнисть до пологивъ у самый часъ ихъ и описля старыть самыхъ дужыхъ и крипкыхъ селянськыхъ жинокъ и змывае красу йихъ, неначе водою.

—

Я памятаю, якъ мене, ще зовсимъ молодого чоловика, позвано у дальній прысилокъ запрычастыть слабую.

Не роспытавшысь, на що вона слабуе, я пойихавъ и, на дыво соби, побачывъ, що слабая, навить не лежыть, а стоить, злигшы спыною на мишкы зъ хлибомъ. Изъ устъ ни пары, а питъ зъ неи такъ и капае дощемъ.

Дви молодыци держать іи по-пидъ рукы. Ничого не розуміючы у тій справи, я почавъ и скинчывъ свое дило. Вже у синяхъ догнала мене бабка.

— Чы не пораете чого, батюшко? и ручка и нижечка йдуть разомъ...

Курсъ, такъ званои, медыцыны я у бурси слухавъ, але що я мигъ пораяты и чымъ допомогты? Я, навить, не зрозумивъ, про щó мене баба пытае.

Не знаю, хто ихъ рятувавъ, а того жъ вечора я хрестывъ слабеньку дытыну.

Колы я розсказувавъ цей выпадокъ ликареви, винъ сказавъ: «то ричъ неможлыва. Це не може буты».

Такъ чы инакъ, а жыва зосталась и породилля, и дытына, хоча, певне, я на свои очи не бачывъ ни «ручкы, ни нижечкы».

Гирше скинчывся другый выпадокъ.

Якъ и въ тому рази, мене позвано запрычастыты слабую жинку на хутори.

Жинку цю я заставъ, прыйихавшы на парафію, молодою удовою.

Писля чоловика у неи дитей не зосталось. По звычаёвому праву, ій можна було сыдить у чоловиковій хати й хазяинуваты на чоловиковимъ грунти, ажъ докы не пиде замижъ.

Грунтъ бувъ чымалый. Отъ же молода, прехороша и працёвыта удова, недовго сумувала у самотыни и проминяла свои прывилеи на убогу хатыну парубка.

Черезъ годъ цей чоловикъ, знервованый и переляканый хворобою жинчыною, стоявъ передо мною,—ще й на зорю не займалось.

— Пожалуйте, батюшко, запрычастыть жинку—вмирае.

— Видъ чого?

— Пологы дуже тяжки, другый день мучытся.

Мы запряглы конячку и пойихалы.

— Ще позавчора дижку мисыла и хлиба напекла, а потимъ якъ схопыло іи, то ніякои рады не можна дать.

Породилля лежала, стерявшы памьять, и сповидать іи годи було.

— За ликаремъ треба.

— Нащо намъ ти ликари!—суворо одповивъ свекоръ.—Мы и безъ ныхъ жывемо. На все воля Божа!

— А все жъ такы!..

Одйизжаючы, я сказавъ чоловикови, що того дня ликарь мае йихаты до насъ мымо ихъ хутора.

Винъ послухавъ и препынывъ ликаря.

Обглядившы слабую, ликарь сказавъ, що вона бильше тыжня носыла въ соби мертву дытыну. Одрятуваты іи вже не можно було. Можно стало тильки укоротыть іи мукы, выйнявшы дытыну, бо черезъ те вона мала скорише померты.

Чоловикъ згодывся. Усе жъ такы ликарь повыненъ бувъ повернутысь до-домивли, забрать свій струментъ, и тоди прыступывъ до праци.

За годыну праци выйнявъ уже давно несвижу, мертву дытыну. Хвора перехрестылась велыкымъ хрестомъ, сказала ликареви: «спасыби, мени легше». Напылась воды и переставылась на той свитъ.

—

Роздывляючысь метрыкы свои парафіальни, що прызначени на запысування небижчыкивъ, я помитывъ, що пьята жинка, певне не рахуючы дуже старыхъ та дитворы, помирае видъ пологивъ, або видъ слабостей, що писля ихъ и видъ ихъ прыходять. Цей процентъ можуть зменшыты тильки загальна освита, полипшення добробуту та прыхыльни до людського лыха, працёвыти, тямущи, справди интеллигентни люде, якыхъ черезъ увесь часъ наджыдае село, покынуте на поталу темряви та злыднямъ...

Лысакъ-Тамаренко.

Украинськи за̀пыси Порфирія Мартиновича.

Кырыло Сайко́.

(Окончаніе [1]).

Два зъ торбою.

Казка.

Якъ булы соби два браты: одынъ багатый, другый—убогый. И въ убогого пьятеро дитей, а въ багатого однымъ одна тилькы дочка, тай годи.

Ну такъ убогого ненавыдивъ багачъ, шо за тры двора обмынавъ убогого двиръ! Такъ ему страшно ходыть, шо въ ёго братъ убогый такый.

Бидный братъ разъ у разъ на току. А жинка въ ёго пьяныця така, шо де бъ шо не схватыла—пропье. И на ій запаска така драна, шо стыдно й зъ печи зсунутысь! Якъ прыйде сирома въ недилю, натомытьця бидолаха за тыждень, та якъ ляже спочывать, то жинка ёго якъ визьме грызты!... Якъ визьме лаять!... „сякый такый сыну! Ты-бъ таки пишовъ на заробиткы та заробывъ бы грошей; та купывъ бы мени запаску! Тай дитямъ бы одежыну купывъ и соби-бъ!“ „Та постой-же, сяка-така̀ дочка! Уже домолотю, тай пиду!...“ Заробывъ винъ соби трыдцять мишкивъ хлиба и каже хазяйнови: „уже-жъ, пожалуста!

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904, № 5.

Я пиду на заробиткы, а ты моїй жиньци по мишечку або що на тыждень везы; а бильшъ не давай, бо пропье!"

Узявъ винъ соби харчыну за пазуху, бычъ на плечи, тай пишовъ. Тоди билетивъ не треба було. Иде винъ тай иде; иде тай иде. Сонечко заходыть. Стоить хатка на курячій нижци. У тій хатци Богъ та святый Петро. Ставныкъ горыть и кныгу чытають. „Здрастуйте", каже, „добри люде! Пустить у хату переночувать." —„Э-э! Въ насъ, чоловиче, холодно. Не выдержышъ!" „Та все-жъ такы затышнише якъ на двори." „Тай лягай, чоловиче". „Та я хочъ пидъ прыпичкомъ".

Отъ витеръ якъ повіе,
То хатка тилькы рыпъ-рыпъ! рыпъ-рыпъ.
А морозъ якъ прыдаве,
То вона тилькы скрыпъ-скрыпъ! скрыпъ-скрыпъ!
Чоловикъ тилькы пидъ прыпичкомъ: дз-дз-дз-дз. [1]
Зубъ на зубъ не наскочыть.

И такъ цилу ничъ провивъ. Богъ дыхнувъ на ёго духомъ теплымъ; той чоловикъ согривсь и заснувъ до свита. Встае вранци; вмываетьця; Богу молытьця. Богъ уси мысли ёго знае, шо въ ёго въ голови. Прощаетьця и дякуе за ночлигъ. Петро й пытаетьця: „куды тебе, чоловиче, Богъ несе?" „Шо-жъ", каже, „на заробиткы. У мене пьятеро дитокъ", говорыть, „а йисты ничого; треба заробыть". Петро й каже: „Господы Мылостывый! Шо-бъ оцёму чоловикови дать, шо-бъ винъ не страждавъ?!" „Издіймы, Петръ, волосяну торбу; а въ тій торби два". Изнявъ Петръ ту торбу; Богъ и каже: „дай ему два зъ торбою. Якъ прыйде винъ до дому, та скаже: два зъ торбы,—то тамъ ёму буде чого треба". Винъ узявъ ту торбыну, иде. И дійшовъ до долыны. Увійшовъ у долыну; выйшовъ на могылу. „Два зъ торбы!" Ти два зъ торбы якъ выскочять! Якъ застелять парчею стилъ! Якъ постачять пыткы и найидки зъ торбы: шо въ свити е, те и на столи е! Винъ найивсь, напывсь. „Два въ торбу." Згорнулося. Взявъ ту торбу; зашморгнувъ, завъязавъ и несе. Ну Богъ такъ давъ, шо всій слободи, де винъ жыве, показалося, будьто винъ пьять годъ ходывъ: и братови и жиньци—усимъ. А винъ на другый день прыйшовъ.

---

[1]) Разсказчикъ выговаривалъ на подобіе того, какъ сильно продрогшій человѣкъ стучитъ челюстями и зубами.

Прыйшовъ до-дому; колы дывытьця, ажъ племинныця, багачева дочка, пряде въ ёго хати—на попряхы прыйшла. Винъ повисывъ торбу коло образивъ, а самъ лигъ спочывать на полу. Жинка схопылася зъ полу: ажъ рямтя тремтыть!.. Накынула юпочку, пишла до кумы. —«Кумочко, голубочко! Позычъ паляныцю, мій чоловикъ прыйшовъ».— «Та й на-жъ, кумо». Побигла до шынкаря, взяла чвертку горилкы; прынесла до-дому. «Вставай, мій старый, перекусышъ. А вечерять такы шось изварю». «Положы лышъ, жинко, паляныцю на полыцю, а горилочку поставъ у мысныкъ: та беры лышъ дитокъ, та сажай за стилъ; сидай и ты, дочко». На багачеву каже. Изнявъ торбыну, поставывъ на столи: «два зъ торбы!» Два зъ торбы якъ выскочять, якъ застелять стилъ парчею! Якъ зачалы ставыть пыткы, найидкы! Шо въ свити е,—те й на столи е.

Пьють—не зопьють!
Йидять—не зъидять!
Метуть—не зметуть!
Беруть—не заберуть!

Все й постача торба: видтиль иде якъ зъ колодязя. Ажъ багачева дочка набрала чого дорогшого, чого найлучшого въ пазуху; диты, понабыравши въ пелены, та на пичъ полизлы,—думають, шо вже бильшъ не буде; тилькы ото разъ пойидять, та вже годи. Винъ и пытаеться: «чы вы вже довольни вси?»—«Вси вже»,—говорять. «Два въ торбу»! Ти два въ торбу згорнулы все й склалы. Винъ завьязавъ, повисывъ коло образивъ. Вхопыла племинныця гребень; прыбигла до дому; хвалытьця: «Тато! А дядько прыйшовъ изъ заробиткивъ, та прынисъ волосяну торбу! Та ось шо въ тій торби е!

Йижъ—не зъисы!
Пый—не зопъешъ!
Беры—не зберешъ!
Меты—не зметешъ!—

Повенъ стилъ усёго!» «А, найды, лышъ», каже, «жинко, булку; пиду я брата 'двидаю, бо вже я въ ёго годъ двадцять якъ бувъ и въ хати!» Прыходыть багачъ. А той лежыть на полу. «Здоровъ, брате!» А той пидводыть голову: «а-а! здоровъ, брате». «Чы ты ще жывый?»— «Та ще, брате! Богъ давъ,—жыву ще. Сидай лышъ», каже, «братику,

за стилъ». Той сивъ. Бере братъ паляныцю зъ полыци, бере нижъ и тарилку и риже паляныцю. Бере пляшку й чарку, частуе брата. «Спасыби тоби, братику, шо ты мене одвидавъ!»—«Та я-жъ такъ, братику, кажу: пиду вже та одвидаю, ты такъ довго ходывъ». «Пый-же лышъ, брате, чарку».—«Та пый же соби». Выпывъ убогый, выпывъ и багачъ. «Та давай-же, брате, й Хрысти на пичъ». «Та Богъ зъ нею! вона, брате, така, шо якъ выпье, то й въ шынокъ заразъ побижыть». «Оце, такъ, брате! Не даешъ. Давай лышъ я почастую, то й Хрысти не мыну». Выпылы по чарци й Хрыстю почастувалы. Выпылы по дви, й Хрысти дви далы. «Чы ты знаешъ шо, брате?! Якъ я твое горе бачу, то хочу я тоби помогты. Давай минятьця такъ: шо въ твоій хати,—хай мини; а шо въ моій, то хай твое. То такъ: у мене срибло й злато,— то вже твое воно буде! Хай такы ты трохы побагатіешъ, а я вже на твоему мисти, хай трохы понуждаюся!»—«Та мабуть, брате, не треба минятьця! Якъ не багатилы мы тутъ, то мабуть и тамъ не будемъ!... А ты, Хрысте, якъ скажешъ?»—«И-и, ду-р-ный, сякый такый сыну!.. Тамъ таки шубы!.. Тамъ таки платьтя!.. Злыдьнивъ боисься отдать?!»— «Та про мене-жъ!.. Чы й миняться, то й миняться. Беры-жъ дитей, удигай, тай будемъ переходыть». Багачъ договоряетьця, шо-бъ не брать зъ собою ничого,—тилькы повдягаться. Взялы й попереходылы. Багачъ тилькы взявъ коня зъ возомъ, та сидло на воза положывъ, та сто карбованцивъ грошей узявъ, а ключы одъ скрынь отдавъ брату: «Якъ хочъ,—такъ и распоряжайся сребромъ, златомъ!» Заразъ якъ прыйихавъ,—навозывъ глыны багачъ: «а захожуйтесь, та чепурить хату». А самъ пыше лысты по князяхъ, по панахъ. «Прошу на вгощеньня! Первый столъ безъ ничого». Воны якъ позъиздылыся!! Повенъ двиръ!! Отъ винъ заразъ первый столъ панамъ отбувъ. Отправылы обидъ якъ слидуе буть; порозсидалысь кругомъ столу. Тоди винъ торбу на стилъ и «два зъ торбы!» Ти два зъ торбы якъ выскочять! Якъ застелють парчею стилъ! Якъ выскочять пыткы й найидкы! Гости пьють-йидять, шо найлучше, шо найдорогше, то то вже въ ихъ! И дывуеться всякый тій торби: шо де воно зъ неи береться таке?! Шо йидять не зйидять и пьють не зопьють! Отбувъ усихъ панивъ и князивъ за другымъ разомъ. Дали воны вже самы прыиздять и грошы платять за таке вгощеньня! Шо схоче багачъ, те ёму й платять! И нема того дня, шо-бъ кого не було зъ гостей! И багачъ зъ того страшенни гроши загриба. И ставъ у-десятеро багатчишій того багатства, шо було! И вже гроши безъ рощоту сыпле,—набыва скрыни!

А бидный, который выминявъ торбу на багатство, упьять ставъ биднымъ. Хазяйка все рознесла. То зъ кумамы, то зъ сестрамы попропывала... Осталася сама тилько хата... И впьять грызе вона чоловика... «Ты-бъ такы пишовъ, такъ якъ и тоди—та заробывъ-бы... то й впьять-бы розжылысь. А то я крутькомъ крутю-крутю, та твоихъ дитей и не прокормлю ніякъ!»... «Та вже нехай твоему сей та той батькови!.. Уже завтра визьму тай пиду».

На другый день, уставшы раненько, узявъ харчыну за пазуху, пишовъ. Иде тай иде, иде тай иде, иде тай иде,—впьять дывыться, стоить хатка на курячій нижци. Війшовъ у ту хатку: тамъ впьять Богъ и святый Петро сыдять, ставныкъ горыть: кныгу чытають. «Здрастуйте, люде добри! Пустить у хатку переночуваты!» – Э-э, въ насъ, чоловиче, холодно!—Не выдержышъ». «Та все-жъ затышнише якъ на двори».—«Тай лягай, чоловиче».—«Та я хочъ пидъ прыпичкомъ».

От̓ витеръ якъ повіе,
То хатка тилькы: рыпъ-рыпъ! рыпъ-рыпъ! рыпъ-рыпъ!
А морозъ якъ прыдаве,
То хатка тилькы: скрыпъ-скрыпъ! скрыпъ-скрыпъ!
А той чоловикъ пидъ прыпечкомъ тилькы: дз-дз-дз!...
Зубъ на зубъ не наскочыть.

И такъ цилу ничъ провивъ. Богъ духнувъ духомъ теплымъ, той чоловикъ согривсь и заснувъ до свита. Встае вранци, вмываеться и Богу молыться. Богъ знае яки въ его мысли въ голови! Прощаеться; дякуе за ночлигъ. Петро й пытаеться: «куды тебе, чоловиче, Богъ несе?» Каже: «на заробиткы; у мене пьятеро дитей, а йисты ничого, треба заробыть». Петро й каже: «Господы Мылостывый! Чы не той це чоловикъ, шо мы ему два зъ торбою далы?»—«Той», каже Господь. «Шо-жъ мы ему, Господы Мылостывый, теперъ дамо?!» Каже: «визьмы, Петре, оту золоту торбу; даймо ему вже тры зъ торбою; одного прыбавыть треба». Изнялы й далы чоловикови: «на-жъ тоби, чоловиче, тры зъ торбою. Прыйдешъ до дому, тамъ тоби буде чого треба». Пишовъ той чоловикъ. Увійшовъ у долыну; поставывъ ту торбыну; самъ зійшовъ на могылу. Подывывсь, чы нема никого, шо-бъ хто зусьпивъ?

Якъ увійшовъ упьять у долыну: «тры зъ торбы!» Якъ выскочылы тры зъ торбы зъ малахайкамы!! Якъ зачалы ёго чыстыть! Якъ зачалы ёго чухрать! Такъ якъ у тры цыпы! Забылы ему, сиромаси, бокы; не може́ть винъ сказать якъ тамъ, шо-бъ ихъ у торбу завернуть!.. Якъ оддыхнувъ трохы,—сказавъ: „тры въ торбу!" Ти тры въ торбу й ховалысь. Винъ тоди взявъ мотузку, тягне ту торбу якъ скажену собаку; не хоче й на плечи брать!—такъ далы бобкы! Дійшовъ до воритъ. Коло воритъ узявъ на плечи. Увиходе въ хату. Племинныця впьять пряде въ ихъ. Винъ увійшовъ, повисывъ коло образивъ торбу, а самъ лигъ на полу спочывать. Жинка схопылась зъ печи; побигла до кумы: впьять паляныччку позычыла. Пишла до шынкаря: „голубчыку! всыпъ пивъ кварты, бо мій чоловикъ прыйшовъ". Взяла пивъ кварты вже. Прынесла вона до-дому горилочку; прынесла й паляныцю. „Вставай, мій старесенькій! Выпьешъ чарочку горилкы та перекусышъ, бо ты наморывсь; а я зварю чогось".—Положы, стара, паляныцю на полыцю, а горилочку поставъ въ мысныкъ, а я 'ддыхну".

Племинныця побигла до-дому: „тату", говорыть, „дядько прынисъ золоту торбу! А въ тій торби тры, каже дядько". „Э-эй", каже, „стара! Найды лышъ булку; пиду лышъ я брата одвидаю и теперъ". „Та я тоби й наготовлю, та пидожды такы: хай чоловикъ отдыхне, та тоди и пидешъ".

Убогый братъ тымъ часомъ спыть, а ёго стара заходылась: выбрала попилъ и понесла на берегъ—высыпаты ёго въ воду. Винъ схватывсь, торбу узявъ, одчепывъ одъ образивъ: повисывъ у хыжи, самъ лигъ и закрывсь рукою, будьто спыть. Прыбигла стара, гулькъ!—нема торбы! Пытаеться дитей: „Диты! де торба, шо высила коло образивъ?"—„Вынисъ батько въ хыжу". Вона потыхесеньку покынула решето, те шо попилъ выносыла, побигла въ хыжу. Одчыныла двери: гулькъ!—высыть торба. Вона схватыла ту торбу, поставыла посередъ хыжы: „отеперъ я попоимъ! Ану-те-жъ тры зъ торбы!" Якъ выскочылы тры зъ торбы! Якъ зачалы іи въ тры малахаи пирчыть!

Часто,
Та густо!

Вона въ крыкъ: „Рятуйте!" А чоловикъ потыхесеньку зъ полу, та въ сины, та взявъ попрыхылявъ двери, тай защепнувъ. То крычала, а то вже тилькы: „охъ!... охъ!... охъ!" Той одщепнувъ; одхылывъ двери, та тилькы: „тры въ торбу!" Вона тоди: „охъ!... охъ!... охъ!... охъ!.. А

слава Тоби Господы!.. Хоть свитъ побачыла! Хто тамъ е на свити? Рятуйте мене!" „А-а, вража дочко! А шо, стара! На що тоби зачипать чого не слидуе?" „Охъ! Возьмы мене старесенькій, та хочъ пидведы на пичъ". „Да вставай каналья!—та йды! Лизь на пичъ, та якъ прыйде братъ, то шо-бъ ты не мишалася вже бильше не въ свое дило, якъ прыйде братъ миняться!" Пишовъ узявъ торбыну, повисывъ коло образивъ,—самъ лигъ на полу оддыхать, закрывъ очи рукою. Прыходе братъ. „Здоровъ, брате! Чы ты ще жывый?!"—„Та благодарыть Бога!" Исхватывся: бере за руку брата, сажае его за стилъ. Бере паляныцю зъ полыци, риже на тарилку. Бере пляшку й чарку,—ставляе на стилъ: „выпыймо, братику, хочъ по одній. Спасыби тоби, братику, шо ты мене хочъ провидавъ!" „А якъ-же! Ты, брате, пьять годъ ходывъ: треба 'двидать". „Пый-же, брате, чарку". „Пый-же, брате, соби". Выпылы по 'дній. „Дай-же, брате, й Хрысти". „А-а, братъ! Не треба, бо вона, якъ выпье одну, то пиде въ шынокъ и по другу". „Та не скупій-бо, брате!" „А-а, братъ, вона не здорова". „Та вона, якъ выпье, то поправыться". „Та почастуй-же ты, брате! ше и одъ твоихъ рукъ выпьемъ".

Та я вже, брате, якъ буду частуваты,
То й Хрыстю не буду мынаты".

Выпылы. „А вставай, Хрысте, выпый хочъ одну". „А-а, диверку—голубчыку! Якъ-бы такы далы мини хочъ одну". Выпыла одну. „Пый-же, Хрысте, другу". Поставывъ пляшку на стилъ. „Чы ты знаешъ шо, брате? Давай, братъ, миняться впьять. Я тоби даю впьять свое багатство, а въ твое вбожество перейду й я, погорюю ше трохы. Мабуть тоби такы, брате, хортуна не служыть". „А-а, брате! Я-бъ не совитувавъ тоби миняться!"—„Та ни! такы давай, брате". „Та не совитувавъ-бы, брате. Уже мени хортуна й такъ не служить, то й не служытыме". „Та давай-же, брате, по третій; чого ты такы такый?" „Та выпыймо-жъ, брате". Выпылы по третій. Далы й Хрысти третю. „А шо-жъ, брате, поминяемось? Давай миняться, брате!"—„Хто ёго зна, брате, шо ёго й казаты". „Ну ты, Хрысте, якъ скажешъ?" „То вже, диверку, не мое дило, а ёго; я не заробляю,—не могу ничого й сказать; якъ знае, такъ нехай и робыть".—„Такъ шо-жъ, брате, поминяемось?" „Та, колы-бъ ты не жалкувавъ, брате". „Та ни, брате, то вже моя охота!" „Та й про мене-жъ брате. А вставай, стара, помаленьку, та вдигай диточокъ... та й будемъ иты". „Ну тилькы, брате

съ тымъ, шо-бъ ничого не брать съ хаты кроми одежи; а я, брате, тилькы вдягнусь, та визьму коныка, та сидло, та визъ, та сто карбованцивъ грошей, а то все тоби срибло й злато зостаеться! Й ключи тоби отдамъ!" „Добре". Прыйихавшы до вбогого въ хату, навозывъ глыны: „А прычепурить сюю хату". Самъ сивъ пысать бумагы. Заславъ лысты по князяхъ, по грапахъ! „Первый столъ! Одкрываеться пыръ на цили суткы безплатно!" Зъйиздяться паны, грапы; зазывае ихъ въ комнату. Прыготовылы столъ, панамъ первый столъ. Паны одправылы обидъ, посидалы за стилъ. Здыйма братъ одъ образивъ торбу золоту.

Убогый каже: „пиду й я подывлюсь, якъ обидатымуть". Прыйшовъ и ставъ коло дверей коло хатьнихъ.

Багатый братъ поставывъ торбу на столи; крыкнувъ: „Тры зъ торбы!" Ти тры зъ торбы якъ выскочять! Якъ зачалы у тры малахаи чыстыть!.. Убогый взявъ попрыхылявъ двери й защепнувъ. Якъ зачалы вопы молотыть у тры малахаи!! Уже тимъ гостямъ гирко й нудно одъ такого обиду! Лазять по-пидъ столамы!.. Ниде й не спасуться!... Дали: хто влучывъ у викно! А хто въ друге! А хто въ трете! Тилькы й спасеньня якъ за викно впавъ!

Хто впавъ, той и ъъихавъ!—
Хто втикъ, той и такъ убижавъ!

Багачъ и соби въ викно! Та въ степъ, обнявшы голову! Госьти заревлы вси зъ двора! И которы за дворомъ булы, то й ти ъъихалы. Убогый одхылывъ дверы потыхесеньку й сказавъ: „тры въ торбу!" Повисывъ коло образивъ. Пишовъ брата шукать у поле. Найшовъ брата плачущого. „Э-эй, брате! Шо ты мини наробывъ?!.." „А-а, брате! То твоя воля була!"

Я тоби казавъ:
Шобъ ты на мене посьли не враждувавъ!
Эй, иды-жъ ты", каже, „брате!
Я тоби даю шисьть воливъ хлиба пахаты,
Годи вже тоби, брате, роскошуваты,
А вже треба и тоби горюваты!"
Той пахае.
И жывуть.
И хлибъ жують.

Пиддержуе багача гришмы бидный;
Не поныжае багача.
Прожывае
И кусокъ хлиба достаточный мае.

Росказувавъ Кырыло Васылевычъ Сайко́. Мистечко Веремiевка 1878 року.

Павелъ Тукалевскій.

(Священникъ).

Якъ запорозьци йиздылы у Петербургъ до царыци.

Якъ пидговорылы министры Екатерыну царыцю: «що наши вирноподдани обижаются: «що зъ насъ», каже, и рекрутъ беруть, и нóдать и все, а за що-жъ запорозьцивъ мылують? Уровныть ихъ якъ и прочыхъ подданныхъ. Царыця говорыть: «такъ якъ-же я зъ нымы поступлю теперъ, шобъ переминыть порядокъ?» Составылы общій совитъ. Ришылы, шобъ вызвать главныхъ запорозьцивъ шисть чоловика и шобъ тутъ зъ ными вмисти переговорыть. Послалы штахвету: «Явыться шисьтёмъ чоловикамъ на таке-то число», а чого—не сказано. Запорозьци зналы чого.

Главный отаманъ запорозькый сказавъ: «Хлопци! А шо будемъ теперъ робыть? Уже-жъ вы знаете, чого вона клыче». А вже имъ шпіоны донеслы.—«Ну, вже й оддячымо, пане отамане. Воны зъ насъ хотять посміяться, а мы зъ ныхъ посміемось». «Ну, такъ скажить-же, хлопци, шобъ заразъ була шкапа и зъ лушнямы визъ, та сядемъ та й поидемъ. Та глядить-же хлопци! Не помылиться!» «Ни, пане отамане, мы шось и имъ изробымо». Рушылысь.

Прыйихалы у Петербургъ. Уже дойизджають до двора до царыцыного. Колы выходыть министръ. Заразъ отаманъ: «Хлопци! Чы вы знаете шо це йде?» Догадалысь шо казать. Заразъ одынъ: «Э, э, пидожды! Пидожды, я шось роспытаю. Скажы, пожалуста, де тутъ царыця жыве?» Министръ подывывсь на ихъ,—сказавъ самъ соби: «Это люди несчасни. Воны самошедши. Вѣрно ихъ везуть у Богоугодне заведеніе». Тоди одынъ заразъ до отамана: «А шо, чы отвитывъ? Оттакъ», каже, замовчать уси, якъ мы будемъ балакать». Тоди прямо: «а поганяй, каже, въ двиръ». Прыйихалы. Роспряглы шкапу, пустылы по двори пастысь, а сами пишлы у хатку, шо въ двори стояла—геть у киньци двора.

Черезъ часъ доложылы царыци, шо «шось прыйихало хто його зна зъ якогось народу незвисного». Иностраньци, або-що, посчыталы воны. Катерына прыказала одному министру: «пойды, узнай, шо за народъ и зачимъ прыйихавъ?» Запорозьци и побачылы, шо вже иде. Заразъ отаманъ: «а нуте, хлопци, глядить-же». Тай годи. Тилько сказавъ: «хлопци», воны вже знають, шо треба робыть. Министръ увійшовъ у хату,—сказавъ: «Здорови булы! Што за народъ?» Воны, не кажуть ни слова, заразъ одынъ назуху розгорта. «А пидожды, николы... а-а-а, шельмыни воши, тай воши! отъ воши! Гм., недавно й прыйихалы, а скилькы вошей набралысь». «Та што вы за народъ?» А посли бачыть, шо нема отвита ніякого, тилькы воши бьють, пишовъ до царыци сказавъ: «это самошедши. Не знаю хто ихъ допустывъ уихать сюды». «Шо-жъ пущай переночують. Завтра утромъ прыказать, шобъ сейчасъ-же одвезлы ихъ у Богоугодне заведеніе».

Черезъ часъ послала царыця главного министра, шобъ роспытаться настояще, хто ихъ везе и куды и какъ оны забрелы у дворъ царской. «Хлопци, глядить-же». Министръ увійшовъ у хату такымъ хвономъ и сердытый. Пытае: «што за люды? Откудова едете?» Заразъ одынъ выходыть, за штаны взявся: «а скажы, пожалуста, куды въ васъ на двиръ иты. Швыдче, швыдче, бо не вдержусь». Министръ скапхвузывсь, плюнувъ, тай пишовъ съ хаты. «Этъ, каже, што

это за люды». Прыйшовъ до царыци. «Ваше императорское величество! Сейчасъ ихъ выгнать у потылыцю». Царыця каже: «та пущай уже до утра».

На другый день отаманъ каже: «хлопци, повмывайтеся-жъ добре, повдягайтеся». Пославъ одного спытать у яке время явыться запорозьцямъ?» Царыця пыта: «да когда-жъ оны прыѣхалы?» Винъ ничого не каже, а просыть: «когда явыться къ вамъ?» «Хорошо, явиться ко мнѣ часовъ въ двенадцать». Созвала тоди все министерство и всихъ главныхъ чыновныкивъ. Вси зійшлысь. Царыця каже: «Запорозьци прыихалы. Дамо имъ судъ». Поговорылы между собою, шобъ уровныть ихъ усихъ якъ и прочыхъ. Тоди послалы камердирена до запорозьцивъ, шобъ явыться.

Отъ отаманъ: «а нуте, хлопци, одягайтесь увъ одежу у середьню (значыть не въ бидну не въ багату) та ходимъ, шо намъ скаже. Та глядить-же, хлопци». Ввійшлы въ залу, поклонылыся. Отаманъ пыта: «Ваше императорское велычество, чого вы насъ изволылы требовать?» Царыця каже: «обождить, современемъ скажу».

Велила подавать обидъ. Подалы обидъ. Министерство особо посадылы, а запорозьцямъ коло дверей стилъ поставылы. Все министерство за обидомъ почало ихъ судыть на всихъ языкахъ. Думають, шо воны ничого не понимають. Колы подають рыбу. Министрамъ подалы здорову рыбу, а запорозьцямъ малу. Заразъ отаманъ тилькы моргнувъ: «хлопци!»

Тутъ заразъ одынъ якъ заплаче, якъ захлына. Царыця пыта: «шо таке? хто кого обидывъ?» Винъ зъ плачемъ «угу-у-у-у, маты наша царыця, мене нихто не обидывъ, а я здумавъ свого батька. Мій батько втонъ. Та нихто его й не піймавъ. Вже мы й неводомъ затягалы, та тилькы ловыться мала рыба. Мы й пытаемъ малои рыбы: «чы не бачылы мого батька?» Мала рыба каже: «пытайтесь бильшои, мы не знаемъ», а бильшои рыбы не попадалось намъ. «А-а, каже, молодьци! ну», каже, звынить! Подать имъ рыбу бильшу». Пиднеслы имъ рыбу вже велыку. Годи плакать. Вси втишылысь. Кинчывсь обидъ. Вси повставалы, сталы дякувать царыцю за обидъ, а запорозьци всталы, пишлы въ синьци,

та повбыралысь у шо-пайкращу запорозьську одежу. Покы вопы вбыралысь, то министры вже й пересудылы ихъ: «Отъ яки вопы свыни. Пообидалы, не моглы сказать и спасыби».

Колы запорозьци выходять у самыхъ шо-пайкращыхъ одежахъ: на ихъ золото и серебро. Війшлы въ хату, отаманъ сказавъ царыци: «позвольте намъ, маты паша, за обидъ васъ поблагодарыты».—«Извольте». Тоди отаманъ кывъ рукою на первого. Выйшовъ одынъ. Якъ дерне благодарну ричъ по латыпському языку,— министры тилькы слухають. Кончывъ ричъ, поклонывсь, ставъ на своему мисьтци. Выходыть другый. Якъ уриже по греческому языку. Выходыть третій. Якъ учыстыть по пимецькій ричъ. Министры: «оце такъ!» Выходыть четвертый. По итальянському. Пьятый— по хранцузському. Министры тилькы ужасаются: «шо це воно робыться? Оттаки то вопы запорозьци?!» Шестый отаманъ: «позвольте, маты, я на россійському языку», каже, «поблагодарю». Якъ дерпувъ по-руськії! Якъ уриже и пащоть министривъ. Кончывъ ричъ. «Теперъ, маты паша, скажить, чого вы насъ требуете?» Царыця була довольна ихъ благодарною ричью, сказала: «пу, посыдьте, ще чогось папьемось».

Посли чаю уже сказала имъ: «я требувала васъ, шобъ уровнять, якъ и прочыхъ подданныхъ». «Позвольте-жъ васъ, маты, спросыть: съ какого случаю прыйшлось вамъ это?» Царыця замовчала-замовчала... Зглянулась на всихъ министривъ, не знае шо и казать. Министры моргають, показують выдъ, шо, значыть, не треба того робыть, шо надумалы. Та каже до запорозьцивъ: «Я тилькы того васъ требувала, шобъ зъ вамы повидиться». Тоди вопы: «спасыби вамъ, наша маты, шо вы скучылы за намы». Погостювалы у царыци, министры до себе заклыкалы и въ ихъ погостювалы, тай поихалы соби.

1878 г. мѣстечко Веремiевка Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи. Разсказывалъ семидесятилѣтній священникъ отецъ Павелъ Тукалевскій.

Созонъ Лукашъ.

Мара.

Разъ отаманъ пославъ козака чы зъ лыстомъ якымсь, чы що, ажъ до другого куриня. Отъ винъ сивъ на коня, тай пойихавъ. Йиде, йиде степомъ и вже стало пизно. Колы шось у степу наче, мріе оддалекы, наче бованіе. Винъ узявъ и пойихавъ туды. Колы прыйихавъ, ажъ дви вербы стоить середъ степу по обоимъ бокамъ дорогы. Мижъ вербамы колыска и сыдыть у колысьци дытына, хлопчыкъ такъ якъ-бы литъ сёмы, голе и кучеряве, и колыхается и прыговорюе: „ко-о-лыхъ, ко-о-лыхъ!" Винъ спынывъ коня: „шо ты таке? Чые ты?" А воно ёму отвича: „а твое яке дило?" Та усе соби колышеться та тильки: „ко-о-лыхъ! ко-о-лыхъ!"—„Та чые ты есть?"—„А тоби яке дило? Ко-о-лыхъ"—«Ачъ бисове щеня! Якъ ты не будешъ отвичать мени, такъ я зъ рушныци на тебе буду стрилять».—«Отъ злякався я тебе дуже!.. Та й стриляй!» Та одно гойдается та усе «ко-о-лыхъ! ко-о-лыхъ!» Тоди козакъ каже: «э-э, такъ постій же!» .Винъ набывъ рушныцю кулею, завивъ рушныцю кулею, излизъ изъ коня, та прыцилывся та тильки „бба-хъ!" А воно, та дытына, кида ёму назадъ, у полы ту кулю: „На тоби ту кулю". Та одно соби тилько: „ко-лыхъ!"—Шо за вража маты?! Винъ у друге зарядывъ рушныцю и въ друге выстрелывъ. Воно ёму впьять кынуло назадъ кулю. Тоди на ёму чубъ такъ и пиднявся до горы... А шапка на ёму такъ и пойихала!.. Винъ тоди давай тикать: а воно женется за нымъ; винъ тика, а воно женется. Винъ скилько сылы тика, а воно за нымъ женется по слидамъ, та тилько ляпъ, ляпъ, ляпъ, ляпъ босымы ногамы по земли. А винъ тика.

а воно бижыть, та все степомъ бижыть. Колы дывытся,—далеко, далеко въ степу, такъ наче свитло (вогонь) свитытся у хати въ викно. Винъ и побигъ до тіеи хаткы. Колы прыбига блыжче—ажъ стоить хата, сама соби въ степу и свитло свитыться въ тій хати и нема коло тіеи хаты ни тыночка кругомъ двору, ни хливця, ни кошарочкы, ни повиточкы, ничого не було,—сама тилько хата. Винъ убигъ у ту хату,—колы дывытся—у хати труна стоить закрыта, свитло горыть и никогисенько нема въ хати!.. Винъ и ставъ коло печи. Колы це та труна открывается и встае зъ неи мертвякъ. Колы це вбига въ ту хату той хлопець, що гнався за козакомъ, тай каже тому мертвяку: «отакъ и отакъ: я гойдався на верби, а оцей козакъ», показуе пальцемъ на козака, прыйихавъ до вербы конемъ,—давай зо мной спорыться, лаяться, а посли й ставъ стрилять на мене кулею зъ рушныци. А впислл я погнався за нымъ, а винъ ставъ тикать, убигъ у цю хату. Оце винъ самый. «Отъ той мертвякъ, що выйшовъ зъ труны, якъ отсунувъ виконце, та якъ крыкне: «эй, уси мертвякы! а йдить сюды! Сходьтесь уси мертвякы сюды!" Якъ зачалы сходыться мертвякы въ хату! та повнисинька хата понаходыла ихъ, такъ що й протовпытысь не можно! Мертвякъ той каже имъ: «сидайте!» Воны посидалы: яки посидалы на лави, а яки стоять, бо й миста нема усимъ на лави систы, ище тыхъ, що стоять, такъ бильше впьятеро, нижъ тыхъ, що сыдять. Та таки мертвякы, що сами шкелеты зъ ихъ, сами тилько костякы, та такъ ажъ стукотять кисткамы, якъ якый зъ ихъ поворухнется, або якъ-небудь торкнется объ другого.

Отъ тоди той мертвякъ, хазяинъ тіеи хаты, пидійшовъ до одного мертвяка, та взявъ ёго прыдавывъ пальцямы за нисъ, такъ якъ то за кранъ, а въ того мертвяка зъ тій диркы, де нисъ, якъ побижыть налывка, тильки дзюррр... а той хазяинъ (мертвякъ) пидставывъ обыдви прыгорщы, що-бъ бигла налывка. Винъ пидійшовъ до того козака, та й каже ёму: „колы хочешъ, щобъ ты жывый одъ насъ выйшовъ, такъ выпый одъ кожного зъ насъ по такій прыгорщи налывкы; а якъ не выпьешъ, такъ мы тебе тутъ по шматочку рознесемо, не останется зъ тебе й ничогисенько»,—тай пидставывъ прыгорщъ зъ налывкою пидъ пыку до рота козакови, щобъ пывъ. Отъ той, ничого робыть, утекты никуды, бо розирвуть, нахылывся до тый прыгорщи, тай ставъ пыть. Выпывъ усю налывку. Тоди той хазяинъ (мертвякъ) пидійшовъ до другого мертвяка, смыкнувъ ёго за нисъ и пидставывъ прыгорщу: побигла налывка, зъ носа дзюрчала; якъ набигло повну прыгорщъ,—

тоди винъ пидійшовъ до козака, пидставывъ прыгорщъ: „пый". Той нахылывсь и ставъ пыть; якъ выпывъ, такъ у ёго ажъ каганци въ очахъ замыгтилы. То одынъ каганець стоявъ у хати, а це вже стало показуватьця що десять. Налывка крипка, а не пыть іи не можно, бо розирвуть. Тоди той хазяинъ пидійшовъ до третёго мертвяка, смыкнувъ за нисъ—набигла повна прыгорщъ налывкы. Пидійшовъ до козака: «пый». Нахылывсь, пье; потимъ пидійшовъ до четвертого й до пьятого той мертвякъ: смыкне за нисъ, пидставыть прыгорщъ, набижыть налывкы, пидійде до козака: «пый». Той козакъ пье, а самъ уже й головы своеи не чуе,—такъ мыготыть у въ очахъ, и повна хата наче дыму показуется, такый пьяный зробывсь—и наче кризь дымъ тильки бачыть, що сыдять мертвякы, та пидходе до ёго хазяинъ, та каже: «пый»... А хазяинъ до всихъ мертвякивъ пидходе, та одъ усихъ усе винъ пывъ. У въ очахъ у ёго темно зробылось, якъ ничъ, а винъ усе пье, усе пье одъ ныхъ. У ёго вже й памьяты не стало, ничого не бачыть передъ собою, ничого й не понимае, все пье, усе пье по прыгорщи. А дали й зовсимъ не знае й що зъ нымъ було. Забувся винъ. Забувъ що винъ есть на свити и що зъ нымъ робытся. И такъ усю ничъ.

Колы очумався винъ не скоро писля того, ажъ уже стало розвыднятыся; сонце сходе.

Подывывся винъ кругомъ себе, ажъ винъ на степу, а тій хаты нема, куды винъ забигъ до мертвякивъ,—нема того ничогисенько, а винъ на степу сыдыть на верби, що учора винъ у ночи дойихавъ, шо ото дви вербы по обомъ бокамъ дорогы. И высоко-высоко сыдыть винъ на верби и кинь ёго пасется на степу не далеко одъ тыхъ вербъ—пидъ тымы вербамы. Винъ тоди скынувъ шапку, перехрестывся и сказавъ: «святъ, святъ, святъ, есы, Господы!»

А то була мара. То́ була мара, тай обмарыла его. Винъ цилу ничъ на верби спавъ, а мара ёго обмарыла, що ёму здавалось, що хлопець на верби гойдается и стрилявъ винъ на ёго, и що той погнався за нымъ, що винъ тикавъ, та вбигъ у хату до мертвяка, та пывъ одъ мертвякивъ налывку. Злизъ винъ зъ вербы, пишовъ до коня, сивъ и пойихавъ.

Пойихавъ винъ до куреня: отдавъ той лыстъ одъ отамана и вернувся вньять соби назадъ.

1879 року.

Два браты.

(Казка).

Булы соби два браты: одынъ бувъ дуже багатый, а другый бувъ бидный. Та ще такъ було: що багатый та на багатій женывся, то ще й дужче ставъ багатый, а бидному прыйшлось та на бидній женыться, то ще й дужче ставъ бидный. У багатого що день Божый музы́ки грають, та веселятся, а въ бидного и свитла нема въ каганци. У багатого-жъ та тильки однымъ одынъ сынъ, а въ бидного ажъ четверо, та всихъ же то нагодувать и напоить; а тымъ ще—однó óдного мáле. У багатого и наймыты и наймычкы—усихъ хлибомъ годуе, а бидного брата и молотыть до себе не пуска.

Сыдыть разъ бидный братъ зъ своею жинкою, радятся, де-бъ ёго хлиба заробыть соби. Отъ жинка и каже ёму: „Що-жъ, чоловиче, у тебе братъ багатый; пиды до ёго, та попросысь хоть помолотыть або що; бо вже ось послидній дойидаемъ". Ну, „то що-жъ, пиду". Прыходыть до ворить, а братъ на двори бувъ; якъ побачывъ, що винъ йде, та заразъ до ёго и бижыть. „Чого ты", каже, „йдешъ до мене? Хиба хочешъ, щобъ изъ мене люде сміялысъ, якъ изъ тебе?"—„За що-жъ воны, брате, будуть сміятысь? За те що я бидный, а ты багатый? Я-жъ твій братъ". „Та що зъ того, що ты мени братъ? Есть у мене браты не таки, якъ ты, а таки, якъ я".—„Такъ хочь воны таки багати, якъ и ты, а я твій братъ бидный, то пусты мене до себе хочъ кусокъ хлиба заробыты".—„Ни", каже, „братъ, ніяково мени зъ старцямы знаться". „Ну, колы тоби стыдно, такъ не называй мене братомъ, а зовы хочъ наймытомъ". „Ни", каже, „вси знають, що ты мени братъ".—„Ну, такъ колы не хочешъ мене нанять, то дай мени мишочекъ хлиба, бо дома диты голодни сыдять. Послидне дойидаемъ".—„Ни, братъ, не дамъ. Я ще для тебе не надбавъ. А ты пиды заробы, а до мене не ходы". А самъ ляпнувъ хвирткою, тай пишовъ Остався бидный биля ворить, подумавъ: «оть», каже, «Господы Мылостывый, де въ Бога правда?! Ну, Богъ зъ тобою, брате». Насунувъ шапку, тай пишовъ до-дому.

А жинка дома дожыдается. «Пидождить», каже, «диткы; пишовъ батько до дядька, та прынесе борошна, та я напечу пацкы, та будете, йисты!» (А сама така раденька). Колы це зыркъ—иде чоловикъ, а слёзы зъ очей якъ горохъ такъ и котятся. «А що, чоловиче, заробывъ?

отеперъ»,—каже, «будемо йисты». А сама такъ и заголосыла... «Що-жъ, жинко, не плачъ. Господь дасть—пиду въ городъ, та тамъ и зароблю».— «А що тоби братъ сказавъ?»—«Та якый винъ мени братъ, колы винъ мене й за брата не щыта».—«Та хочъ бы ты ёму за наймыта ставъ». «Тай за наймыта не бере, бо, каже, уси знають, що я ёго братъ».— «Ну, нехай-же ёго Богъ покара... Пиды въ городъ, чы не поможе тоби Богъ чого заробыть». Зобрала те, що не дойилы вранци, дала дитямъ повечерять. А сами посидалы та дывлятся на ихъ та плачуть, бо самимъ ничого було йисты. Поклала жинка дитокъ спать, сама помолылась Богу, тожъ лягла. А винъ сердега не зна що робыть—чы лягать, чы заразъ иты въ городъ, бо вже якъ прокынутся диты, то самъ якъ хочъ, а имъ давай йисты. „Ну що-жъ, чоловиче, сыдышъ, чомъ не лягаешъ?"—„Та що зъ того що ляжу?—де моя торбына?"—„На вищо тоби?"—„Пиду. А ты прогодуй дитокъ, якъ сама вже знаешъ, покы я прыйду зъ города". Узявъ торбыну й пишовъ.

Прыйшовъ у городъ и нанявся до жыда жыто, чы що, пересыпать. Поробывъ у жыда тыжнивъ зо тры и заробывъ карбованцивъ зъ трыдцять грошей.—„Ну", каже, „слава Тоби Господы, буде на харчъ". Пишовъ на базаръ, купывъ соли, купывъ хлиба, купывъ сала—карбованцивъ зъ пьять стратывъ, „а зъ цимы", каже, „пиду до-дому, щобъ жинка бачыла, що не даромъ робывъ".

Прыходыть у свое село. Йде помижъ братову хату, а въ ёго въ двори гоминъ такый, що ажъ луна по селу йде. Пидійшовъ до воритъ, одчынывъ хвиртку, ажъ тамъ музыкы грають, кумедіи прыставляють. „Оце такъ. А у ридного брата и свитла нема въ хати. Ну, Богъ зъ нымъ; нехай соби тишытся". Прыходыть до своеи хаты, тай стука въ двери.—Жинка схопылась, та до дверей: „хто такый?"—„Твій чоловикъ".—Одчынила. „Ну, слава-жъ Тоби Господы, що тебе Богъ прынисъ".—Війшовъ винъ у хату—диты сплять: яке на лави, яке на печи, яке въ запичку пидъ рядныною звернулось; якъ почулы, що батько прыйшовъ, такъ вси й схопылысь. Той каже: „тату, дай хлиба", той: „дай тату, сала, дай сала". Розвязавъ торбыну.—Якъ допалысь диты, такъ якъ та сарана, просты Боже: той за сало, той за паляныцю; той на пичъ, той на прыпечку, той на полу сыдять, йидять. „Ну, а це-жъ тоби, жинко, гостынець". Выйма двадцять пьять карбованцивъ, дае. Жинка якъ побачыла, то ажъ затрусылась; бо якъ вона выйшла й замижъ, то въ неи стильки не було. Повкладалы дитей спать и самы поляглы. У-ранци всталы, жинка й каже: „ну, чоло-

виче, слава Тоби Господы, то въ насъ теперъ грошенята есть; пидыжъ теперъ у городъ, та купы хлиба, купы соли, та купы мени чоботы, або й соби купы, що-бъ зъ насъ хоть люде не такъ сміялысь".— „Добре, пиду". Пишовъ.

Прыходыть у городъ. Иде вулыцею; колы дывытся -- стоить купа людей, и щось гуторять. „А пиду лышъ подывлюсь, що тамъ таке". Доходыть до тіеи купы, пытается чоловика: „що тутъ таке, дядьку?"— „Та це продають волоцюгу".—„Якого волоцюгу?"—„Та чы подушного, чы що, не заплатывъ, та мандрувавъ цилый годъ, такъ ёго піймалы, та въ тюрми зъ годъ продержалы, та це продають—хто внесе за ёго гроши двадцять пьять карбованцивъ, то той до себе й визьме ёго... и винъ уже тому одробыть ти гроши, що за ёго заплатять". „Чомъ-же вы, дядьку, не визьмете?"—„А куды я визьму? хиба можно до себе злодіивъ прыймать? Пиды отъ подывысь, якый стоить!" Просунувсь у купу, стоить здоровый парубокъ посередъ купы и налыгачемъ рукы назадъ звязани, а врядныкы выкрыкують: „хто дасть двадцять пьять карбованцивъ за цёго парубка, то нехай бере ёго до себе,— винъ тому одробыть ёго гроши". Злодій стоить понурывшысь та каже: „возьмить мене, люде добри, хто въ Бога вируе, я тому одроблю ёго гроши". Видняку жалько стало парубка: „а ну, що Богъ дасть— визьму ёго та выкуплю: будемо вдвохъ робыть,— чы не лучшый пиде заробитокъ". Пропхавсь ажъ до урядныкивъ тай пытается: „а на стикы годъ цей парубокъ продается?"—„На одынъ годъ". „А тамъ?" „А тамъ якъ винъ самъ схоче: схоче—служытыме ще, а не схоче— одійде одъ тебе,—тоди винъ уже вольный буде. „Вынявъ, гроши оддавъ: „такъ нате-жъ вамъ за ёго двадцять пьять карбованцивъ". Взялы урядныкы гроши, запысалы, кому злодія здалы (на порукы). Тоди винъ розвязавъ злодію рукы—„ходимъ, небоже". Злодій поклонывсь ёму: „спасыби тоби", каже „дядечку, що тебе Господь надоумывъ мене выкупыть". Пишлы. Веде ёго бидный у свое село, та дорогою йдучи й зажурывсь. Злодій и пытается: „чого ты, дядьку, журышся?"—„Ни", каже, „я не журюсь".—„Ни, дядьку, журышся".—„Чого жъ мени журытыся?"—„А того, що ты мене выкупывъ, та ще й злодюгу".—„Эге, сыну, се правда. А ты знаешъ, небоже, що въ мене тильки й було що двадцять пьять карбованцивъ,—та за послидни я тебе й выкупывъ"... „Ну, дядьку, не журысь". Идуть. Прыйшлы до-дому. Жинка дывытся въ викно—дума соби: „кого це винъ веде зъ собою?" Війшлы въ хату:—„ось", каже, „на тоби, жинко, купывъ".—„Що купывъ?"—„Та ось дывысь, якого

парнюгу"—Та невже-жъ"? А сама въ слёзы. „Що ты наробывъ? Самимъ ничого йисты; диты зъ голоду пухнуть". А парубокъ сивъ на лави тай каже: „не лайтесь, дядыно, не журиться. Спасыби вашому чоловикови, що винъ мене выкупывъ, а я ваши гроши вамъ хутко одроблю. Ще таке, що й хлибъ будете за мною йисты". Посыдивъ трошкы, посыдивъ: „а що, дядыно, чы въ васъ йе що вечерять, чы ни?"—„Та де-жъ воно визьмется? Хибажъ вы не бачыте, що въ насъ и горшкивъ немае, та мы не знаемо у чимъ що й варыть". Посыдивъ той парубокъ, тай выйшовъ зъ хаты. Колы трохы згодомъ стукается въ двери: „дядько, одчыны". Одчынывъ бидный хату. „А нате лышъ, дядьку, оце дитямъ вечерю прынисъ". Колы туды,—ажъ винъ повни прыполы усякои харчи держыть. Якъ почулы диты про вечерю, такъ не далы ёму й на стилъ покласты: „хто за сало, хто за паляныцю, хто на пичъ, а хто въ запичокъ... Уже й дядына трошкы не та стала; одсердылася.—„Спа-сы-би тоби, парубче".—„Ни за що, дядыно, дякувать. Сидайте ось—повечеряемъ укупи". Силы й повечерялы гуртомъ. Богу помолылысь, полягалы спать.

У-ранци всталы. „А що, дядьку, будемъ робыть? Треба щось выдумать, а то такъ безъ дила буцимъ то ніяково".—„Та що-жъ ёго робыть?" „Якъ нема хазяйства, то давайте хочъ ли́су будемъ плесты коло двору".—„Такъ хворосту нема".—„Ну, такъ завтра буде й хворость"—„Такъ нема-жъ грошей".—„Тай гроши завтра будуть. А хто це, дядьку, зъ вамы рядомъ жыве?"—„Не пытай, небоже".—„А що-жъ таке?"—„Се", каже, „братъ мій жыве". А самъ ажъ здыхнувъ. „Такый багатый, та вамъ пры бидности ничого й не дае?"—„Та винъ ще й хвиртку запыравъ,—не то, щобъ що дававъ".—„Отаки багати браты? Э-э, пидожды-жъ, дядьку; винъ колысь буде давать". Побалакалы соби та й пишлы въ хату. (На двори балакалы). Теперъ уже силы вечеряты не за голый стилъ; уже щось було на столи. Полягалы спать. Якъ уже дядько зъ дядыною обоснулы добре, парубокъ ныщечкомъ уставъ, выйшовъ зъ хаты, прычынывъ за собою двери, пишовъ прямо до пана. Забравсь до ёго у комору, розбывъ скрыню зъ гришмы, набравъ повни сакы червинцивъ, тай пишовъ. Прыйшовшы до-дому, пишовъ на вгородъ,—вырывъ яму, закопавъ саквы́ зъ гришмы, а трошкы грошей положывъ соби въ кышеню. Пишовъ у хату й лигъ.

У-ранци всталы, поснидалы. Парубокъ посыдивъ, посыдивъ, а дали выйма зъ кышени ажъ цилыхъ сто карбованцивъ: „а нате лышъ, дядьку, оце вамъ за те, що вы мене выкупылы". А дали выйма ще

сто карбованцивъ: „а це тоби, дядыно, щобъ ты не лаялася зъ своимъ чоловикомъ за те, що винъ мене выкупывъ“. Якъ побачыла вона ти гроши, якъ ге́пнется ёму въ ногы: „спасыби-жъ тоби, мій голубчыку!“ Та разъ, та вдруге, ажъ очипокъ ій зъ головы звалывся. А дядько такъ уже не зна що й робыть,—тильки плечыма сова та пидцмакуе. „Ну, дядьку, теперъ пойидемо въ городъ, та купымо чого треба въ хазяйстви“. Пойихалы въ городъ. Купылы шкапу, купылы пару воливъ, купылы корову зъ телямъ, купылы визъ. Прыйихалы до-дому. Сталы хазяйнувать потроху.

Багатый братъ дывуется: „що це“, каже, „въ мого брата де взялысь волы й шкапа й корова?“ А жинка каже: „а злодюга на вищо?“—„Та то злодюга винъ бувъ колысь, а теперъ винъ уже не злодій, бо я чувъ, що винъ выкупленъ“. „А дежъ воны грошей набралы“—„Та про те вже имъ знать. Може въ того злодія ще давни гроши йе?“ А теща каже: „ось пошлить хлопця; нехай винъ пиде до ёго дитей граться: то що диты балакатымуть, то винъ пидслуха, прыйде, та намъ и роскаже“. «Оце добре». Узялы й послалы хлопця. Бидный братъ дума: «що це за знакъ?.. Николы багачъ не пускавъ свою дытыну граться до моихъ дитей, а теперъ пустывъ». Силы обидать, посадылы й хлопця багачевого за стилъ. Погравсь хлопець зъ дитьмы й пишовъ. Прыходыть до-дому, батько й пыта: «а що сыну, що́ ты тамъ чувъ?»—«Ничого, тату, не чувъ. Гралысь. Мене дядько й обидать посадывъ. Борщъ бувъ изъ мнясомъ и каша зъ молокомъ».—„Эге... онъ що!? Це вже значыть годи половы йисты, шо торикъ у мене бравъ, та моловъ зъ жытомъ, та йивъ... Теперъ уже борщъ изъ мнясомъ ше й каша зъ молокомъ!! Шожъ це воно за знакъ? Якъ бы ёго довидаться?“ А теща сыдыть на печи—та каже: „ось якъ довидаться: ты пиды до брата, та скажы ёму, шо прыйдуть до мене судди добро мое опысувать, такъ дозволь, брате, нехай моя скрыня зъ гришми у тебе въ хати постоить, поки я панивъ одбуду. Та визьмы скрыню велыку, ту, шо въ комори, та мене туды замкнить, то вже я все почую, шо воны балакатымуть“.—„Оце добре“. „Тильки якъ-бы чого-небудь туды йисты мени поставыты“.—„Та онъ вареныкы, ти шо не доилы, такъ зъ макитрою й поставымо“. Вынеслы зъ коморы скрыню, улизла туды теща, поставылы ій вареныкы и замкнулы скрыню. „Отеперъ пиду до брата“.

Бидный братъ шось робывъ на двори: дывытся—иде до ёго братъ. «Шо це за знакъ?» каже. А въ самого ажъ слёзы на очахъ.

навернулысь. Прыйшовъ, здоровкается: «здоровъ, брате».—«Здоровъ».—«Боже тоби поможы».—«Спасыби». (Та ше й руку подавъ). «А чого я, братъ, до тебе прыйшовъ?»—«Не знаю». «Будь ласковъ, брате, чы не можна до тебе мою скрыню зъ гришмы перевезты, бо до мене найидуть судди опысувать худобу, то нехай скрыня у тебе постоить, а завтра вранци прыйду й визьму».—«Такъ шожъ, нехай постоить... прывезы». «Тилько, брате, въ хати поставъ скрыню, бо въ синяхъ страшно становыть». «Та поставымъ и въ хати. Везы». Пишовъ багачъ. Прывезлы скрыню й поставылы въ хати на самому покути. Парубка тоди дома не було. Прыходытъ у вечери, дывытся—скрыня на столи стоить: „дядьку, шо це въ васъ за скрыня?"—„Та це братъ прывизъ, оддавъ на сохранъ, бо до ёго судди найихалы худобу опысувать. Тилько ничъ перестоить, а завтра вранци прыйде братъ, тай визьме". „Бреше винъ". Повечерялы й полягалы спать.

Якъ заснулы дядько зъ дядыною, винъ уставъ потыхесенько, узявъ макогинъ, одимкнувъ скрыню, пиднявъ вико, колы баба... Винъ іи якъ ошешелыть макогономъ!.. и не кавкнула... Узявъ вареныкъ зъ макитры, встромывъ ій у ротъ, буцимъ бы то подавылась. Замкнувъ скрыню та й лигъ соби.

Колы це вранци йде багатый братъ зъ наймытамы. „А шо, брате, цила скрыня?"—„Цила". „Ну, спасыби тоби; дай Богъ здоровья. А берить хлопци, ставте на визъ". Поставыли й повезлы. Багачъ иде ззаду, тай пытается. „Мамо, чулы де воны берутъ гроши?" Не озывается. „Мабудь заснула". Прывезлы скрыню до дому, поставылы въ хати, одимкнулы; якъ глянувъ багачъ, та ажъ ротъ роззявывъ: „умерла!? Дывысь, жинко, ше й вареныкъ у роти. Мабуть удавылась... Подывысь, вареныкъ у роти. Головонько бидна, шо ёго робыть? Треба йты до попа—нехай иде ховать.—Скажемо, шо скоропостыжно вмерла". Прыйшовъ до попа: „Здорови булы, батюшка".—„Здоровъ, здоровъ". „Идить ховать—маты вмерла".—„Та невже? Якъ це такъ? Я-жъ іи вчора бачывъ; мовъ здорова-жъ була?" „Та вона, батюшка, й сегодня була здорова, та йила вареныкы, та за йижою вмерла; ище й вареныкъ у роти оставсь".—„Такъ може вона вдавылась?"—„Та може жъ и вдавылась. Богъ же іи зна".—„Ну такъ я прыйду й заховаю". Прыйшлы й заховалы тещу.

У-ночи парубокъ уставъ, пишовъ на гробовыще, одрывъ тещу, вынявъ зъ труны, узявъ на оберемокъ, понисъ до багатаго въ двиръ. Одчынывъ комору, а въ тій комори въ засикахъ пшеныци такъ шо мабудь пудивъ зъ двисьти, така якъ золото. Винъ узявъ ту пшеныцю

розрывъ, розсыпавъ, роскыдавъ по всій комори; тещу посадывъ у засикъ, давъ ій лопату въ рукы, а самъ замкнувъ коморю тай пишовъ. Прыйшовъ до дому, лигъ спать, буцимъ ничого й не зна. Колы це вранци чуе—кгвалтъ по селу. Пытается дядька: „шо тамъ таке?“ „Та тутъ чудасія: багачева теща вночи встала та прыйшла до ёго въ коморю, тай доси сыдыть у засици“—„А ходимъ, дядьку, подывымось.“ Прыходять до багачевого двора, ажъ у его повенъ двиръ народу, и протовпыться трудно. Багачъ ажъ чубъ на соби рве—гука на наймыта: «бижы, Каленыку, до батюшкы, хай иде, шо хоче те и робе!.. Оце пославъ Господь напасть. Бачъ, шо воно значыть якъ не своёю смертю вмре». Прыбигъ Каленыкъ до попа: «здрастуйте, батюшка».—«Здрастуй, здрастуй... А шо скажешъ?» «Идить до насъ та якъ можно швыдче.»— «Шо таке? шо таке?» «Та прыйшла баба Параска зъ того свиту. Вчора заховалы, а вона вночи прыйшла, сила въ комори ажъ у засици, ще й лопату въ рукы взяла, пороскыдала по комори всю пшеныцю».—«Всю пшеныцю? Всю пшеныцю?.. По комори? баба Параска? Давайте швыдче патрахылъ. Семенъ, беры требныкъ... иды попередъ мене, та чытай «Да воскреснеть Богъ», та «помылуй мя, Боже». Прыйшлы... Колы якъ разъ у засици... Багатый ажъ до нигъ прыпада попови: «Батюшечка, чы не можно яке заклятыя положыть, шобъ осыковымъ килкомъ прыбыть?»—«Треба, треба, всенеповынно треба. А берить же іи хто, та выносьте зъ коморы». Люде стоять, роты пороззявлялы, нихто й зъ миста не ворухнется. А парубокъ стоить коло дверей. «А дайте», каже, «я визьму». Перехрестывсь на схидъ сонця тричы, обернувсь, узявъ тещу та вже не понисъ у хату, а прямо на гробовыще; положылы въ труну іи, загреблы; батюшка прочытавъ проклятіе, забылы осыковый килокъ на гроби. «Отеперъ», каже, «не встане, бо нечыста сыла зъ неи выйшла». Прыйшлы до двора. Багатый пытается: «а шо, батюшка, чи не можно мени сю пшеныцю на потребу пустыть?»—«Э ни-ни, не можно».—«А дежъ іи дить?» «Де хочъ, туды й динь, хоть закопай, хоть спалы, якъ нихто не визьме». А бидный братъ, шо тутъ-же стоявъ, каже: «давай, брате, я визьму цю пшеныцю; уже шо Богъ дасть, то те й буде». (Его зарани пидучывъ парубокъ). «Визьмы, здилай мылость. Та визьмы й коморю, будь ласкавъ, бо якъ іи теперъ спалыть, то й вся оселя згорыть. Визьмы все заберы, пшеныцю й коморю». Якъ почалы ту пшеныцю носыть—дядько, дядына и парубокъ та цилисинькый день носылы до вечора, такои насыпалы пшеныци, якъ золото. А дали вже й коморю перенеслы. Багачъ каже:

«ну, слава Богу! теперъ збувся». А бидный зъ парубкомъ поставылы коморю, позсыпалы въ засикы пшеныцю. «А що, дядьку, буде зъ тебе?— «Слава Богу буде».

Дождавшысь вечора, пишовъ парубокъ впьять на гробовыще. Вырывъ тещу, взявъ на плечи, понисъ до багача. Одимкнувъ коморю, а въ тій комори повно одежи: кожухы, кожушанкы, кобенякы, свиткы, смушкы—карбованцивъ на тысячу було въ тій комори добра. Винъ узявъ одимкнувъ коморю, поскыдавъ зъ жердокъ одежу, познимавъ зъ ключокъ, повывертавъ зъ скрынь, скризь пороскыдавъ, яки взявъ та пороздыравъ. Узявъ найкращу кожушанку, сынимъ сукномъ крыту та ще й сывымъ смушкомъ обложену, ту що багатого жинка винчалась въ ій, убравъ у неи тещу, посадывъ іи въ куточку, замкнувъ коморю, а самъ пишовъ до дому.

На другый день якыйсь празныкъ бувъ. Жинка багачева вбырается до церкви, тай каже на наймычку: «бижы въ коморю та внесы мени ту кожушанку, въ якій я винчалась». Та взяла ключъ, тай побигла. Тилько що одимкнула коморю, та ажъ скрыкнула: «охъ мени лышенько! Що це за гармидеръ такый!» Колы зыркъ, ажъ у куточку сыдыть теща. Въ биднои наймычкы трохы очи зъ лоба не повыскакувалы. Якъ чкурне... А на двори снигъ велыкый—погубыла въ снигу й черевыкы. Убигла въ хату. «Що тамъ таке?»—«Охъ моя-жъ матинко! Баба Параска сыдыть у комори въ вашій кожушанци».—А багатый лежавъ на лави. Якъ почувъ, такъ ажъ очкуръ у його лопнувъ зъ переляку. «Та невже въ комори? Бижы, Каленыку, до попа.» Побигъ Каленыкъ. Прыбига до попа. И слова не вымовыть: «ба-ба, ба-ба, ббатюшка! Па-па-ппа-параска впьять».—«А що? що баба Параска прыйшла?»—«Прыйшла.»—«Семене, Семене, вставай; заразъ мени требныкъ. Требныкъ... Требныкъ... Кадыльныцю берить... Херувымського ладану положить. Иды заразъ упередъ, чытай «Да воскреснеть...» та голоснише чытай, щобъ уси чулы...» Прыйшлы до багача. Винъ якъ побачывъ попа, та ажъ чоботы ёму цилуе... «Батюшечка!.. чы не послать бы до хархерея? може въ ёго молытва друга? може въ его проклятіе не таке, якъ у васъ?»—«Ни, постой, постой—цей разъ заховаемъ и вже запечатаемъ не такъ яму и вже два осыковыхъ килка забьемъ: одынъ у головахъ, а другый у ногахъ. Посередыни хрестъ зроблю заступомъ, та херувымського ладану туды засыплю, то вже не встане.»—«Оце було-бъ и тоди такъ зробыть, то вона-бъ и не прыйшла... А берить хто роздягайте іи та понесемъ.» Люде тильки банькы повытрищалы, та роты

пороззявлялы... Нихто не хоче й пидступыть, боится. Шо то воно значыть, якъ не своею смертю вмре! Хто жъ пиде брать гаспыдяку? Парубокъ стоить коло дверей, каже: «давай я роздягну й понесу». Роздигъ и понисъ. Прынисъ до ямы, положывъ у труну, зарывъ, загорнувъ землею, забылы два осыковыхъ килка, одынъ у головахъ—другый у ногахъ, зробылы посередъ гробка хрестъ, насыпалы туды херувымського ладану, пипъ прочытавъ молытву; «оце», каже, «теперъ не выйде».—«Ну, спасыби вамъ, батюшка. А де, батюшка, мени одежу дивать? Чы іи спалыть, чы попродувать? уже жъ іи теперъ не носыть, бо на чортови була надита».—«Такъ, такъ, якъ нихто не визьме, то спалы». А бидный братъ каже: «оддай мени, брате, ту одежу».—«Тай возьмы, будь ласкавъ». Пишовъ бидный братъ зъ жинкою, зъ парубкомъ въ коморю, набралы на оберемокъ одежи, скильки можно було. Пишлы и другый разъ: набралы й у друге по стилькожъ. Пишлы и втрете, набралы и втрете. «Ну, братъ», каже багачъ: «узявъ одежу, беры й коморю, бо якъ мени іи спалыть, то й вся оселя згорыть.» Забралы й коморю перенеслы. «А шо дядьку, теперъ е шо надить тоби й дядыни?»—«Спасыби тоби, небоже».—«А знаешъ шо дядьку? де въ твого брата гроши стоять?»—«Та цуръ ймъ, навищо воны намъ?»—«Та то я тилько такъ пытаю». «У погреби въ ёго скрыня стоить зализнымъ цепомъ до стовпа прыкована. Повна червинцивъ, такъ безъ ликивъ гаспыдивъ сынъ и сыпле туды!» Парубокъ намотавъ на вусъ.

Уставъ у ночи, пишовъ на гробовыще, упьять вырывъ тещу, узявъ іи на оберемокъ, понисъ до багача въ двиръ,—унисъ у погрибъ: одимкнувъ скрыню зъ гришмы, пороскыдавъ гроши скризь по погребу; посадывъ тещу въ скрыню, насыпавъ ій червинцивъ у жменю, прыкрывъ трошкы іи викомъ; засунувъ погрибъ тай пишовъ. Прыйшовъ додому й лигъ.

Колы це багатый уставъ уранци, тай пишовъ до погреба, шобъ грошей узять—ёму треба було на щось багато грошей. Одперъ погрибъ, дывытся—скризь гроши валяются; колы до скрыни, ажъ тамъ теща сыдыть... Ажъ духъ заперся въ ёго—и не скрыкнувъ... Якъ выскочывъ зъ погриба, якъ зарепетуе: «Каленыку, бижы скорише до батюшкы! Якъ можно швыдче!.. скажы, шо впьять прыйшла!..» Той якъ почувъ, та ажъ не стямывсь! Якъ дремене до попа!—Прыбигъ—ажъ пина ему въ роти... «Шо таке? шо таке?» «Впьять прыйшла... Впьять прыйшла?.. Оце такъ!.. оце такъ! Семене! Семене! беры евангелію! пошлы, нехай идуть до церквы, нехай заберуть корогвы... нехай въ уси дзвоны дзво-

нять». А самъ убирается, та зъ ляку наливъ одынъ чобитъ, а одынъ черевыкъ, та ше й на босу ногу... Выйшлы зъ хаты, та вже Каленыкъ за воритьмы вглядивъ, та каже: «Батюшка, шо це въ васъ таке? халяву чы що загубылы?»—«Де? а! якъ разъ! якъ разъ! се черевыкъ... бижы скорише, найды мени чобитъ». Побигъ Каленыкъ у хату шукать чобота; облазывъ скризь, ажъ питъ зъ его льется, та усе ніякъ и не найде, та репетуе на всю хату: «де батюшчынъ чобитъ?» А пипъ стоить на двори, морозъ такый, шо ажъ лыткы почервонилы на морози, а ему й байдуже, винъ тилько дума про Параску, та про те, шо ему буде за те, шо ніякъ не заклене сверхъестественнои сылы... Дійде до мытрополыта, то той рострыже за те, шо не вмивъ заклясты. Прынеслы чобитъ,—насылу найшлы. Убувъ. Якъ дременуть, та до самого двору, не переводя духу. «Да воскреснетъ Богъ», батюшка вычитують, а дзвоны ревуть, ажъ земля стогне. Зибралося мыру выдымоневыдымо... А багатый стоить коло воритъ якъ пупъ сыній, посынивъ на морози,—та все дожыдается попа. Прыбигъ пипъ. Бухъ попови въ ногы: «батюшка, чы не дать знать мытрахвалиту? може въ ёго заклятіе не таке, якъ у васъ?» «Э, э! не знаю... не знаю... се вже... се вже... се вже свыше... сверхъестественная сыла... не знаю...» Дывиться, батюшка, вси гроши понивечыла, тутъ мабуть бильше якъ зъ мыліонъ, попаскудыла». «Такъ, такъ; це вже не твои—це чортови гроши». «Такъ будьте ласкави, якъ шо те,—тобъ до мытрахвалита...» А парубокъ стоить, та каже: «а що мени дасте, якъ я іи такъ заховаю, шо й поки свиту сонця, то не вылизе? Не треба буде и до мытрахвалита посылать». Пипъ якъ почувъ, то ажъ банькы вывалывъ... «А чимъ же ты зробышъ? Хиба можешъ?» А багатый бухъ ёму въ ногы: «зробы, будь ласкавъ; шо схочъ, те й беры, тилько зробы шобъ бильшъ не вылизала». «Зроблю. Оддай мени тилько ти гроши, шо чортяка пороскыдала, бильшъ мени ничого й не треба». «Беры, здилай мылость, я ше й радъ буду». «Добре, такъ ходимъ-же». Пишовъ у погрибъ, вытягъ тещу зъ скрыни, узявъ на плечы: «а ходимъ, люде добри, подывытесь, буду ховать; уже писля мене не вылизе». Прыйшлы на гробовыще: положывъ тещу въ труну, накрывъ викомъ, загрибъ землею, обійшовъ тричы гробокъ, переступывъ, плюнувъ на гробокъ: «оце», каже, «николы не вылизе». А багачъ одъ радосты ажъ плаче: «спасыби, дай Богъ здоровья, иды беры гроши ти, шо чортяка пороскыдавъ по погребу; беры, куды хочъ—туды й динь». Пишовъ парубокъ до-дому: «а берить, дядыно, мишокъ, и вы, дядьку, та ходимъ».

Пишлы. Нагреблы тры мишкы, прынеслы, та ще разъ пишлы, та по мишку набралы,—прынеслы. «Теперъ ходимъ, дядьку, визьмемъ и скрыню». Прынеслы й скрыню; зсыпалы въ неи гроши. «Теперъ, дядьку, замыкай; буде зъ тебе?»—«Буде, небоже». «Теперъ давай рощытаемось зъ вамы».—«Давай, небоже». Хочъ и жалко имъ було парубка, та ничого робыть. «Оце-жъ, дядьку, твои гроши, ти шо въ скрыни, а мои—ходимъ, я тоби покажу». Повивъ его на вгородъ, обрывъ яму, а тамъ повни саквы червинцивъ; «оце, дядьку, мои гроши. Мени бильшъ и не треба. Теперъ ходимъ до дядыны та попрощаемось».

Увійшлы въ хату, помолылысь Богу.—«Нуте, дядыно, прощайте. Я вже одъ васъ пиду. Спасыби тоби, дядыно, шо ты мене прыйняла, а тоби, дядьку, шо ты мене выкупывъ, бо й я такый же бувъ бидный, якъ и ты, та ще й у нарузи бувъ, що мене вси люде цуралысь, якъ харцызякы, а ты, дядьку, зжалывсь, та за свои послидни двадцять пьять карбованцивъ вызволывъ мене зъ наругы; за те я тебе на ввесь викъ щаслывымъ зробывъ. Оце-жъ, дядьку, жывы, та й дитокъ своихъ учы:

Може й имъ доведется пануваты—
То скажы, шо не треба й бидныхъ забуваты.

Бачъ, тебе ридный братъ забувъ, а Богъ тебе не забувъ. Будь же здоровъ, дядьку. Теперъ багатый братъ не запре хвиртку и не скаже: не пускайте, бо то старець иде, а ище й самъ до тебе прыйде въ наймы просыться, ты ёго зъ двора не выганяй. Отакъ же й дитямъ закажы:

Щобъ бидныхъ не цуралысь
И зъ посміяныхъ не сміялысь.

Ну, дядьку, прощай. Я до тебе годивъ черезъ два навидаюсь. Подывлюсь, якъ ты жывешъ». Поцилувалысь и попрощалысь.

Ставъ бидный братъ хазяинуваты. Купывъ волывъ, купывъ коровокъ, купывъ пару коней добрыхъ. Купывъ земелькы, нанявъ наймыта; та якъ пишовъ хлибъ родыть, то за годъ такъ пиднявся, шо на все село багачемъ ставъ.

А багатому брату пишло все внызъ та внызъ. Згорило въ ёго два млыны, згорила клуня, погоривъ и хлибъ. Прыйшлось круто—ставъ продавать худобу,—усе чысто. Пишовъ до бидного брата; «купы, брате, худобу». «Продай», каже. Продавъ уси волы, уси кони, попродавъ и вивци... Черезъ два годы дожывся до того, шо осталася тилько одна хата.

Прыйшовъ багатый до бидного брата найматыся: «наймы мене, брате, хочъ у наймы до себе».—«Э, ни, братъ, мени ніяково наймать, бо ты мени ридный братъ; я багатый, а ты бидный; якъ я до тебе

прыходывъ найматься — шо ты мени сказавъ?—ты мене й за брата не пощытавъ? Черезъ те, шо я бидный, а ты багатый. А теперъ Богъ зробывъ мене такымъ, якъ и ты бувъ».—«Ну, братъ, просты мене, шо я такъ робывъ.

Теперъ и дитямъ своимъ закажу, шобъ цёго не робылы.
Шобъ бидного зъ багатымъ за одынъ стилъ садовылы».

«Ну, такъ Богъ же тебе простыть! На тоби грошей, жывы, якъ и жывъ». Такъ ёго й пиддержувавъ. Покы самъ жывъ,—поты й брата пиддержувавъ.

Колы це годивъ черезъ два, на зелену недилю, прыйиздже у село якійсь панъ. Та иде прямо до бидного въ двиръ. «Здоровъ, дядьку». «Здрастуйте, пане». — «А шо пизнаешъ мене?» «Ни, пане, не пизнаю». «Я той самый, шо ты мене за двадьцять пьять карбованцивъ выкупывъ на базари. Дывысь на мене. Якъ-же ты теперъ жывешъ?» «Отакъ, пане, якъ бачыте?» «Ну й жывы зъ Богомъ. А шо твій братъ багатіе?» «Де вже ёму багатиты? плохо ёму.

Прыходывъ до мене у наймы просыться».
«Ага, теперъ уже годи зъ череватымы веселыться!
Теперъ не буде й хвирткою запыраться,
А ще й самъ буде до тебе прохаться».
«Та вже винъ прыходывъ».
Ну, ты ему не одкажы, а дай,
Бо вже теперъ и винъ зна, якъ на свити жыть.
И якъ треба бидныхъ людей любыть».

Тай годи.

Попрощався тай пойихавъ.

1879 р.

Видьмачъ.

Бувъ соби чоловикъ та жинка и въ ихъ бувъ хлопець. Чоловикъ изъ жинкою вмерлы,—остався одынъ хлопець. Вырисъ той хлопець, ставъ уже парубкувать. Одъ батька ёму ніякого хазяйства не досталось, бо батько бувъ бидный. У своимъ сели нема такыхъ, шобъ нанялы; винъ зибравсь и пишовъ у чуже село.

Дорогою йдучи, стривъ чоловика, йихавъ возомъ. Поривнялысь зъ нымъ: «здоровъ, дядьку». «Здоровъ, хлопче. А куды ты йдешъ?» «Та йду якъ не на заробиткы, то въ наймы де наймусь». «Такъ наймысь до мене». «Наймить, дядьку. А яка въ васъ буде робота?» «Та будешъ хазяинувать,—бильшъ ничого, бо въ мене жинкы нема—я

одынъ жыву». «А скилько вы мени дасте въ годъ?». «Дамъ тоби двадцять пьять карбованцивъ у годъ». «Э, дядьку, мало». «Ну й свыту тоби дамъ, якъ одходытымешъ; бо въ мене хазяйкы нема,—якъ колы, то прыйдется тоби й борщу зварыть». «Добре, дядьку, я це вмію». Поеднались и пойихалы.

Прыйихалы до-дому; той чоловикъ показавъ ему свое хазяйство. Пишлы въ хату: «оце въ мене, хлопче, й хата; оце одна, а це друга черезъ сины. Днемъ можно ходыть, а вночи не заглядай туды». Шо-жъ тамъ, дядьку, таке?» «То вже не твое дило, а тилько слухайся, шо я тоби кажу, бо якъ не послухаешся, то велыку напасть соби нажывешъ». «Добре, дядьку, не пиду».

Ставъ винъ жыть. Жыве тыждень, жыве й другый. Та все дывуется: «шо це за знакъ, шо мій дядько забороня заходыть у вечери въ другу хату? Днемъ же й буваю, мовъ тамъ ничого страшного й нема, а вночи не можно буть... Хочъ-бы колы кризь щылыну подывыться, шо тамъ робытся?»

Разъ у вечери лежыть пидъ повиткою и шось не спытся. Тай надумавъ про хату: «а пиду лышъ, шо Богъ дасть, та хочъ у щылынку подывлюся, шо таке тамъ діется». Уставъ, перехрестывсь и пишовъ. Прыйшовъ до виконъ, позатулювани викна зъ середыны—ничого не выдать. А въ хати, чуе, шо гомонять. «Ну, стривай же! Уже колысь побачу, шо тамъ робытся». Пишовъ и лигъ соби.

На другый день у вечери, управывшысь, пишовъ у ту хату, такъ шо дядько й не бачывъ. Зализъ пидъ пичъ, тай лежыть. Колы се чуе—шось по хати вештается. Выткнувсь зъ пидъ печи, зыркъ—ажъ дядько: «а чого ты», каже, «хлопче, тутъ сыдышъ? Иды видциля. Чого ты мене не слухаешъ? Я тоби казавъ, шо не ходы сюды, бо будешъ несчастный, тай мени черезъ тебе лыхо буде. Вылазь же заразъ, тай геть видциля». Вылизъ парубокъ, тай пишовъ мерщій зъ хаты. «Ну вже», каже, «на другу ничъ упьять де заховаюсь, та такы побачу, шо тамъ робытся. Мабуть чы не видьмачъ мій дядько?»

Днивъ черезъ два, диждавшы вечера, забравсь хлопець упьять у хату и зализъ пидъ пичъ. Въ хати никого нема, тилько свитло горыть. Колы це саме въ глупу ничъ, якъ загуде въ верси!.. якъ зачалы вéрхомъ литать!.. сыла сылою, хмара хмарою!.. хто сорокою, хто кгавою, хто шульпикою, хто совою, хто горобцемъ, хто жабою въ дверы скаче, хто гадыною черезъ поригъ лизе, хто ящуромъ, хто черепахою! Яке на полыци всилось, яке на стини, яке на лави, яке на

сволоци, яке на ключци, яке на комени прычепытся. Повнисинька хата!.. тильки дзвириньчять... Колы це журавель скаче въ двери: ногы тонки, пирья скризь пообскубуване... Тилько вскочывъ у хату, та такъ уси зразу й прынышклы. Журавель—беркыць!—перекынувся и ставъ чоловикомъ... Парубокъ зыркъ спидъ печи,—ажъ то дядько, та такъ и похоловъ увесь. Колы це дядько: «а здорови», каже, «булы». А вси тилько цьррр... цьррр... цьррр... такъ и зацокотилы. «А робиться уси жинкамы». Такъ якъ окомъ моргнуть,—уси поперекыдалысь жинкамы.—Повнисинька ихъ хата. Де якыхъ бабъ ажъ изъ свого села пизнавъ. «Бачъ, що воно тутъ робытся!.. Теперъ я знаю, що мій дядько видьмачъ». Заразъ дядько кывъ рукою на одну бабу: «а йды лышъ сюды, ты. Ты що тамъ зробыла? На що ты корову спсувала? Перевьязала дійкы волоссямъ—молоко не йде... Бидный чоловикъ якъ не плаче—дитей багацько, а молока нема». Та якъ ухопе іи за волосся (а въ неи ёго й не було на голови), та якъ уриже по щоци разъ, та вдруге... А парубокъ спидъ печи: «такъ, дядьку, такъ!.. Ій-бы давно въ яму пора, а вона, бачъ, що выробля стара паплюга». Дядько якъ почувъ, скрывывся, та тилько ногою тупнувъ: «Гляды мени, шобъ завтра було молоко въ коровы». «Буде, буде, батечку, завтра-жъ буде... Ой лышечко, послидни зубы повыбывавъ!..» Полизла баба въ кутокъ, скыглячи. «А ну, лышъ иды ты, чепурухо!» (на другу каже). Колы выходыть дивчына, така молоденька та гарна, що ажъ жаль іи, що видьма. «А ты що зробыла? не навчылась, та тилько портышъ? У Бражныковои коровы усе вымья попухло». Та якъ згрибъ іи за косы: «оттакъ, оттакъ треба вчыться доить, а не такъ, якъ ты доила». А парубокъ спидъ печи: «такъ, такъ, дядьку! Ще молода цимъ диломъ заниматься». Дядько ажъ тилько нисъ закопылывъ, та тилько ногою тупнувъ—тай бильшъ ничого й не сказавъ. Багато винъ ихъ перебыравъ, а дали погомонилы, погомонилы, та пообертались яка чымъ була, та хто въ верхъ, а хто въ двери, а хто въ викно полетивъ.. Журавель и соби за нымы поскакавъ.

Парубокъ вылизъ спидъ печи, пишовъ пидъ повитку, загрибсь у сино, та цилисиньку ничъ тилько зубамы цокотивъ, ничого й казать шобъ заснувъ. Найчуднише ёму було за ту дивчыну-видьму: «я-жъ іи десь и бачывъ, чы въ ярмарку, чы що. Якъ таки вона такъ себе попустыла?!» Передъ свитомъ трошкы закунявъ.

Уранци тилько що схопывсь, уже дядько его й кличе: «а йды сюды, хлопче. Шо ты наробывъ? Ты тилько себе згубывъ. Я тоби

казавъ—не ходы въ ту хату, а ты не послухавъ. Уже-жъ тоби цю ничъ не буты жывому. Отта дивчына й баба, що я ихъ вчора бывъ, а ты спидъ печи озывався,—воны тебе цю ничъ задавлять... А шо? Чого вытрищывсь?» Парубокъ побиливъ. А дали якъ схопытся та бухъ ёму въ ногы: «Дядечку, голубчыку! Одвернить якъ небудь напасть. Вы таки, шо можете проты цёго шо подіяты». «Побачымъ. На тоби оцю вузду, та пиды ты ввечери на гробовыще; стань коло якого небудь хреста—й рукы на хрестъ розипны, та стій. Будуть бигты дви кобылы—ото ти сами видьмы: воны тебе скризь шукатымуть. Ты стій не ворушысь—яка до тебе перша прыбижыть, то ты мерщій накыдай ій на шыю вузду, а самъ скочъ на неи та йидь. Та тилько не держысь за поводы, а держысь за грыву. Вона тебе по всёму селу носытыме. Ты сыды, не злазь, та ще, боронь Боже, не выйизды за царыну; якъ утомытся вона дуже, то тоди ты злизь, тай иды до дому. Тилько за царыну, чуешъ, не выйизды, бо пропадешъ».

Диждавшысь вечора, узявъ вуздечку й пишовъ на гробовыще. Прыйшовшы, ставъ коло хреста й стоить. У глупу ничъ такъ якъ выхоръ пиднявся. Колы бижять дви кобылы, ажъ земля стугоныть, та прямо до ёго. Прыбиглы, ажъ запинылысь. Винъ заразъ накынувъ на переднюю оброть, тай зскочывъ ій на спыну.—Вона ёго якъ понесе—та по всёму селу носыть, ажъ курява выхремъ пидіймается. Йиздывъ, йиздывъ, уже разивъ пьять объйиздывъ те село —И йиде тыею вулыцею, що до царыны йде: «а дай зайиду подывлюсь, чы нема чужыхъ воливъ у нашому проси». Тилько шо це надумавъ,— вона вже сама й побигла туды. Тилько шо выйихавъ за царыну, тутъ кобыла впала й здóхла. «Ну», дума соби, «чортъ тебе беры». Покынувъ іи, тай пишовъ до-дому. Ёму й на думку тоди не впало, шо дядько не веливъ за царыну выйиздыть.

Прыходыть до дому, а дядько вже стоить коло воритъ та дожыдается ёго. Та ажъ волосся на соби рве: «шо ты соби наробывъ? Отъ уже колы ты пропавъ навикы». «А хиба шо, дядьку?» На шо ты выйиздывъ за царыну? Я-жъ тоби не веливъ. Вона теперъ умерла. То була та сама дивчына. Се ты завтра вранци почуешъ... Гляды-жъ, хочъ никому не прызнавайся, шо ты іи заморывъ».

На другый день найшлы за царыною дивчыну мертву... Сказалы, чы хто вбывъ, чы що. Пролежала вона слыве цилый день, покы на неи то труну зробылы, то яму выкопалы. У вечери понеслы іи ховать и занеслы въ церкву.

Дядько й каже парубку: «на тоби, хлопче, оцю хустку та накрый тій дивци выдъ; та тилько такъ накрый, шобъ нихто не побачывъ, то тоди ще хиба може пополамъ зъ лыхомъ пожывешъ на свити». «Такъ якъ-же це можно зробыть, колы тамъ людей багато? Уже-жъ хто небудь та побаче; якъ я накрыватыму». «Ну тамъ соби якъ знаешъ; уже мени цёго тоби не можно сказать». Узявъ парубокъ хустку и пишовъ до церкви. Увійшовъ у церкву, колы тамъ мыру стоить,—и не просунешся: все село збиглося дывыться. Ніякъ у свити не можно такъ накрыть ій выдъ, шобъ нихто не побачывъ. Попы одправылы похоронъ, люде понеслы труну на гробовыще. Парубокъ иде соби за людьмы, тай журытся: „шо-жъ оце мени буде, шо я ніякъ не накрыю ій выду?.. Отъ уже колы я пропавъ!"— А дали шось соби надумавъ: „стривай-же", каже, „ще може й не пропадемо". И вже винъ веселише пишовъ за людьмы до гробовыща. Прынеслы тило до ямы, проспивалы вичну памьять и заховалы.

У ночи парубокъ узявъ лопату зъ коморы (такъ шо дядько й не знавъ цёго—бо винъ якъ узявъ хустку въ дядька, та якъ пишовъ, то й не заходывъ и въ хату). Пишовъ на гробовыще, одрывъ труну: „отеперъ уже", каже, „нихто не побаче, якъ я іи накрыю". Вынявъ хустку съ кышени, тай накрывъ мертвій выдъ. Якъ тилько накрывъ ій выдъ,—вона такъ и схопылась: „а-а, це ты?" Пиднялась, обхватыла ёго рукамы: „у-ухъ, якъ-же я крипко спала!.. Спасыби, шо ты мене збудывъ". „Эге-жъ, збудывъ! теперъ будемъ у купи вмирать". Вона ёму каже: „женысь на мени, то тоди будешъ жывый, а то ты всимъ розсказуватымешъ, шо я видьма. А не женышся, такъ пропадай лучче ты. Выбирай соби шо хочъ". „Ну", каже, „женюсь". „Добре". Бо вона-жъ и гарна була, така, шо кращои трудно було найты. „А сидайже теперъ на мене". Перекынулась кобылою, понесла ёго ажъ у свое село, видкиль вона й прылетила.

На третій день повинчалысь, тай сталы соби жыть. Вона ёго зробыла видьмачемъ, а сама, якъ и перше видьмувала...

Оце-жъ воно й кажуть: видьму хочъ и заховай, то вона все такы зъ того свиту вылитатыме.

Видьма такъ видьма й есть.

1879 року 30 сичня.

Харцызъ.

Булы два соби чоловикы, и обыдва булы бидни. Дожылысь до того, шо вже ни зъ чого тягтысь—треба йты на заробиткы. Диждалы лита. Отъ одынъ прыходе до другого: „брате, ходимъ на заробиткы". „Ходимъ". Зибралысь и пишлы.

Прыйшлы на Динъ. Поробылы тамъ лито, заробылы соби грошей карбованцивъ по висимдесятъ у лито. „Ну, теперъ, брате, ходимъ до дому". „Ходимъ". Пишлы.

На дорози одынъ зъ ныхъ занедужавъ; та такъ занедужавъ, шо зовсимъ не може йты. Отъ винъ и каже своему товарышу: „Брате, пидожды мене. Може я, дасть Богъ, трохы поправлюсь, то тоди и пидемъ у купи". А той каже: „Э, братъ, ни. Мени николы тебе ждать, ты може тутъ тыжнивъ и тры пролежышъ, а я все буду ждать тебе? Ни, братъ, пиду до-дому". „Брате, мы-жъ удвохъ ходылы на заробиткы,—удвохъ и до-дому пидемъ. Я заболивъ у дорози,—хто-жъ мене тутъ хворого догляне?" „А мени яке дило?" „Ну, Богъ зъ тобою, брате". А самъ ажъ заплакавъ. „Ну, колы ты, брате, не хочешъ мене ждать, то на-жъ тоби мои грошенята, та передай моiй жинци й дитямъ, и скажы имъ, шо я нездужаю, а якъ одужаю, то прыйду до-дому". „Ну, добре, давай". „На, братъ, та гляды-жъ оддай". „Оддамъ", каже. Узявъ гроши й пишовъ.

Оставсь цей хворый коло шляху. Сыдивъ, сыдивъ—одпочывъ трохы; трошкы мовъ легче ёму стало: „куды-жъ ёго теперъ иты?.." А пыть хоче, ажъ смага на губахъ, а нема блызько й воды. Уставъ, звернувъ зъ шляху, пишовъ долыною.—Иде, та ажъ пада,—такый слабый. Колы се дывытся—стоить крынычка недалечко. Насылу сердега до неи ногы доволикъ; якъ допавсь до неи, якъ напывсь, та такъ ажъ немовъ подужавъ: „ну, теперъ", каже, „слава Богу, мовъ легче стало". Вынявъ скорынку хлиба, шо була въ ёго въ торбыни, розмочывъ iи въ крыныци, тай йисть. Колы се чуе—шось брязчыть; дывытся—бижыть собачка маленька зъ дзвоныкомъ на шыи. Прыбигла до ёго, та: „дзявъ-дзявъ-дзявъ". Винъ iй кынувъ скорыну, а вона не йисть—тилько понюхала. „Э, це", каже, „мабудь багачева собака.. Мабудь, шо въ багатыхъ лучче собакы йидять, якъ мы бидни, шо й цёму сухареви ради... бачь", каже, „хлиба не йисть. А де-жъ це iи хазяинъ?" Колы це дывытся—иде здоровенный чоловикъ: борода

чорна, у брыли, въ самій сорочци и въ билыхъ штаняхъ. Прыйшовъ до ёго: „Здоровъ", каже, „бувъ". „Здорови". А самъ ажъ злякався. „А куды се ты йдешъ?" „До-дому йду". „Де-жъ ты бувъ?" „На заробиткахъ бувъ". „А шо багацько грошей заробывъ?" „Ни, не багато. Заробывъ бувъ трохы, та занедужавъ, та передавъ товарышеви моёму, шобъ до-дому 'днисъ". „Брешешъ. Вы все такъ кажете". „Ни", каже, „ій Богу". „А розберысь лышъ—та мабудь де або въ штаны, або въ чоботы, або въ онучи ихъ заховавъ". Розибравсь винъ.—Винъ подывывсь скризь—нема ничого. „Чы вже-жъ ты зъ собою не несешъ ничого? Прызнавайсь; ты мабудь ихъ де закопавъ, або що?" „Ни", каже „Ни, голубе, я тоби такъ виры не пойму". Выйма зъ-за халявы нижъ прездоровенный; потимъ вынявъ зъ торбыны кусокъ сала, покрышывъ ёго, вынявъ хлибъ, одшматувавъ два кускы хлиба, одынъ соби, а другый ёму кынувъ. Настромывъ на нижъ кусокъ сала—пидносыть ёму до рота: „а на, лышь, йижъ. Якъ ты правду кажешъ, то не злякаешся съ цёго ножа йисты, а якъ неправду, то цей нижъ буде въ тебе вь горли". „Давайте", каже. Настромывъ—дае, и самъ такъ-же йисть зъ ножа; ёму подасть кусочокъ на ножи й соби пиднесе. Сей дывывсь, дывывсь: „Господы", каже, „Мылостывый, просты мене гришного... винъ губыть людей, такъ годи-жъ губыть и ёму". Та тилько шо винъ настромывъ сало на нижъ, та донисъ соби до рота,—сей якъ розмахне рукою, якъ штовхне ёго по руци, такъ нижъ ёму ажъ у потылыцю вылизъ. Тилько забелькотавъ,—бильшъ ничого... Собачка якъ заскиглыть, та такъ якъ заплакала. Та понюхала шо кровъ, та одъ ёго якъ дремене... Винъ ёго заразъ розибравъ,—колы въ ёго кругомъ чересы повни золотомъ набыти. Забравъ винъ усе чысто, а ёго одволикъ у болото тай покынувъ. А самъ перехрестывсь: „просты мене, Господы!" Тай пишовъ.

„Куды-жъ мени теперъ иты? Не пиду тымъ шляхомъ, де йшовъ, а пиду долыною". Звернувъ зъ шляху, пишовъ долыною. Ишовъ, ишовъ—колы дывытся лисъ; изъ долыны въ лисъ стежка йде... Зайшовъ винъ тыею стежкою далеко въ лисъ. Колы дывытся,— стоить хата: „ну", дума соби, „це лисничый жыве. Переночую въ ёго, а завтра вранци пиду". Прыходыть до хаты,—дывытся, сыдыть на прызьби дидъ сывый, якъ молоко, зъ довгою, ажъ по самый поясъ, бородою. „Здорови, диду". „Здоровъ, чоловиче". „Чы не можно-бъ у васъ, диду, переночувать?" „Э-э, сыну, воно-бъ можно, якъ-бы не прыйшовъ". А самъ тилько зитхнувъ. Колы се дывытся, выбига зъ

хаты собачка зъ дзвоныкомъ... Винъ якъ побачывъ, та ажъ похоловъ. „Боже мій, це батько ёго жыве тутъ... оце вже попавсь“. Колы молодыця выйшла зъ хаты, тай каже: „шо це, тату, наша собачка все скиглыть тай скиглытъ, чы не зробылось ёму чого, бо шось нема довго“. А старый каже: „тай давно-бъ пора... Уже скилько душъ загубывъ... Уже я черезъ ёго й посывивъ дуже... Хиба въ насъ ничымъ жыть чы що? Шо-жъ будемъ робыть зъ такымъ хорцызякою?!“ А винъ и спытавсь: „про кого це вы, диду, балакаете?“—„Да це“, каже, „сынъ мій... тилько те й робыть, шо зъ ножемъ за халявою ходыть, та не найдется добрый чоловикъ, шобъ и ёму вику вкоротывъ... може-бъ я хочъ на старисть хочъ трошкы-бъ одпочывъ... а то я вже ослипъ, плачучы за ёго... Така вже мабудь Божа воля... Шо-жъ будемъ робыть, колы таке зародылось... Иды, чоловиче, одъ насъ, та не иды тилько ціею дорогою, а йды оціею: бо винъ якъ попадется тоби на дорози, то й тебе заневи́чыть“. Молодыця впьять выйшла зъ хаты, та такы впьять: „що це, тату, за знакъ, шо ёго нема такъ довго?“ А цей самъ соби дума: „ни вже“, каже, „й не буде“. Попрощавсь зъ дидомъ и пишовъ. Выйшовъ зъ того лису, зійшовъ на шляхъ. Колы дывытся—йидуть чумакы. Винъ попросывсь до ихъ на визъ; воны ёго пидвезлы. Винъ ихъ подякувавъ, та й пишовъ пишечкомъ до свого села.

Прыходыть до-дому—жинка рада. Винъ пытается: „а шо, чы прыйшовъ Трохымъ Верныгора?“ „Ни“, каже, „нема“. „Шо-жъ це за знакъ? Винъ уже тыжнивъ зъ тры якъ покынувъ мене; я занедужавъ у дорози, а винъ не схотивъ мене ждать, тай пишовъ. Я-жъ ёму ше й гроши передавъ, шобъ винъ тоби оддавъ“. „Ни“, каже, „не було ёго, не прыносывъ и грошей...“

На другый день жинка ёго прыходыла пытаться за свого чоловика. „Не знаю“, каже, „де твій чоловикъ, винъ ранишъ мене пишовъ. Я ше ёму и гроши передавъ, шобъ винъ моій жинци однисъ. а ёго й доси нема...“

Диждавшысь недили, пойихавъ цей у городъ на базаръ. Прыйихавъ у городъ, колы дывытся—купа людей иде по вулыци. Винъ пидйихавъ блыжче... Такъ и не дотовпытся—така купа. Винъ спытавсь шо тамъ таке? „Та це“, кажуть, „ведуть розбышаку зъ такогото села; чы не знаешъ, бува, ты?“ „Знаю“, каже, „я самъ видтиля“. „А знаешъ Верныгору?“ „Знаю. А шо винъ зробывъ?“ „Та якого-сь чоловика вбывъ, та забравъ одъ ёго гроши, та за це ёго въ Сибирь

скоро зашлють“. Якъ почувъ винъ се, та ажъ злякався: „Господы! а жинка жде дома... а винъ ажъ ось де...“ А потимъ скынувъ шапку, та перехрестывсь: „просты ёму Господы!“

Прыйихавъ до-дому, да й каже ёго жинци: „не жды ты свого чоловика до-дому; а колы хочешъ ёго побачыть, такъ иды швыдче въ городъ, покы не одвезлы ёго въ Сибирь... бо я ёго самъ тамъ бачывъ...“ Бидна жинка пишла въ городъ, думала чы не вызволыть ёго якъ-небудь... Ни вже... не поможе...

Закувалы,
Тай у Сибирь закасувалы...

1 лютого 1879 року.

Письня.

За нашою слободою
Росте верба пидъ горою—(2)
Пидъ горою зъ ялыною,
Зъ червоною калыною. (2).
Пидъ вербою крыныченька,
Тамъ холодна водыченька (2),
Тамъ дивчына воду брала,
Козаченька прывитала (2)
И коныка напувала
И серденькомъ называла, (2)
И до себе пидмовляла
И словамы промовляла: (2)
„Козаченьку, серце, мылый!
Куды йидешъ зъ Украины? (2)
Чы у поле погуляты,
А чы зъ туркомъ воюваты? (2)
Чы на пичку до дивчыны,
А чы въ військо до Дунаю?
Чы зъ прыказомъ одъ гетьмана?“ (2)
— „Правду кажешъ, дивчынонько,
Шо я йиду въ свое військо. (2)
Ой дивчыно, чаривнычко,

Ой дай мени свою ручку. (2)
Ой дай мени свою ручку,
Я ночую въ тебе ничку“. (2)
Взяла коня пидъ оброды,
Тай повела до господы. (2)
Ище пивни не спивалы,
Козакъ коня вже сидлае, (2)
А дивчына помагае
И словамы промовляе: (2)
„Гляды-жъ, серце, козаченьку,
Не забувай дивчыноньку. (2)
Якъ ты будешъ зъ туркомъ драться,
Гляды-жъ, серце, не сміяться (2)
Зъ тыи зъ кимъ ты женыхався“.
„Не плачъ, дивко, моя рыбко,
Я вернуся дуже швыдко“. (2)
Дала ручку тай зомлила,
На лыченьку поблиднила. (2)
Вдарывъ коня поводамы,
Тай сховався за горамы. (2)
Стоить дивка середъ степу,
Середъ степу якъ тополя, (2)
Середъ степу якъ тополя,
Умываеться слёзамы. (2)

1879 року

НА МЕРТВОЙ ТОЧКѢ.

(Замѣтки читателя).

IV.

Повѣсть г. Лукіяновича «За Кадильну» (Львовъ, 1902) касается одного изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ среди галицкихъ вообще крайне запутанныхъ аграрныхъ отношеній. Крестьянская реформа въ Австріи, въ Галичинѣ въ особенности, была проведена въ высшей степени несовершенно и односторонне, при чемъ допущена была даже масса прямыхъ злоупотребленій въ пользу помѣщичьяго класса при надѣленіи крестьянъ землею и урегулированіи сервитутовъ. Это несовершенство крестьянской реформы, допускавшее возможность злоупотребленій въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, произвело такую путаницу въ земельныхъ отношеніяхъ, породило столько роковыхъ для крестьянъ недоразумѣній и, какъ результатъ послѣднихъ—судебныхъ процессовъ и экзекуцій, что вся вторая половина XIX в. для галицкаго крестьянина можетъ быть характеризована, какъ одна великая тяжба за мизерное существованіе, воплощаемое въ образѣ земли-кормилицы. Судебные процессы за землю, «ліси і пасовиська», непрерывнымъ рядомъ тянутся отъ самаго освобожденія крестьянъ въ Галичинѣ, не встрѣчаясь нигдѣ въ Европѣ въ подобныхъ размѣрахъ, и красною нитью отмѣчаютъ жестокую, безжалостную борьбу за существованіе между разыгравшимися аппетитами съ одной сто-

роны и темной крестьянской массой съ другой. Страдательной стороной въ этой борьбѣ явилась, конечно, послѣдняя; инстинктивно чувствуя беззаконіе продѣлываемыхъ надъ собою экспериментовъ, темная масса оказывалась тѣмъ не менѣе вполнѣ беззащитной предъ неумолимымъ порядкомъ формальныхъ тонкостей юридической казуистики и судебные процессы проигрывала правильно одинъ за другимъ во всѣхъ инстанціяхъ. Галицкій землевладѣлецъ изъ суда формальнаго вышелъ оправданнымъ, хотя предъ судомъ исторіи оставленъ, конечно, въ болѣе чѣмъ сильномъ подозрѣніи. Къ сожалѣнію, роль галицкой интеллигенціи въ этомъ процессѣ освобожденія крестьянъ отъ земли была въ высшей степени двусмысленной, чтобы не сказать—прямо преступной по отношеніи къ народу. Будучи поглощена всецѣло рѣшеніемъ такихъ, должно быть, громадной важности и первостепеннаго жизненнаго значенія задачъ, какъ вопросы азбучнаго, орфографическаго и обрядоваго характера, интеллигенція совершенно забыла о реальныхъ нуждахъ и потребностяхъ народа и, спасая Русь, конкретное воплощеніе этой Руси—народъ—предоставила своимъ собственнымъ силамъ въ жестокой борьбѣ за существованіе. Къ еще большему, быть можетъ, прискорбію, она не позаботилась даже о томъ, чтобы собрать достаточное количество фактическаго матеріала—въ видѣ ли подлинныхъ документовъ или же художественныхъ произведеній бытового характера—для будущаго суда исторіи. Какъ бы то ни было, но вѣковая тяжба галицкаго мужика за землю нашла лишь слабый сравнительно съ значеніемъ дѣла отзвукъ въ произведеніяхъ мѣстныхъ украинскихъ писателей, какъ и до сихъ поръ, впрочемъ, народъ и народная жизнь не играетъ въ мѣстной литературѣ той роли и не подвергается обработкѣ въ томъ объемѣ, которые вытекаютъ изъ самого положенія дѣлъ въ Галичинѣ. Художественная литература до самаго послѣдняго почти времени ограничивалась чисто случайными попытками въ этомъ направленіи, и лишь въ послѣднія два-три десятилѣтія, когда опредѣленное демократическое міровоззрѣніе выдвинуло было неподдѣльный интересъ къ жизни обездоленной массы, это эпизодическое, можно сказать, отношеніе представителей литературы къ народу получило нѣсколько иной характеръ...

Къ числу немногочисленныхъ попытокъ художественной разработки и освѣщенія одного изъ эпизодовъ въ вѣковой тяжбѣ галицкаго крестьянина за «ліси і пасовиська» принадлежитъ и названная повѣсть г. Лукіяновича. Кадыльна—названіе лѣса, составлявшаго предметъ спора между помѣщикомъ и крестьянами, и авторъ очевидно имѣлъ въ виду художественно изобразить эту неравную борьбу, въ которой съ одной стороны выступаетъ помѣщикъ, имѣющій за собой покровительство формальнаго закона и въ случаѣ нужды прибѣгающій даже къ закулиснымъ воздѣйствіямъ, а съ другой—крестьянская масса въ лицѣ Дмытра Галюты, чувствующая за собой лишь моральное право, но не обладающая способностью даже мало-мальски обосновать это право, не говоря уже о защитѣ и осуществленіи его. Какъ видитъ читатель, моментъ избранъ авторомъ чрезвычайно удачный; для талантливаго писателя настоящая тема даетъ въ высшей степени благодарный матеріалъ, представляющій полный просторъ и возможность развернуть свои силы и проявить ихъ въ цѣломъ рядѣ глубоко драматическихъ положеній. И однако, несмотря на весь глубоко захватывающій драматизмъ и проистекающій отсюда интересъ сюжета, повѣсть едва-едва можно одолѣть: даже особенно настойчивый и въ своей настойчивости упорный читатель можетъ воспринимать ее лишь небольшими порціями, не будучи въ силахъ превозмочь ту гнетущую тоску и скуку, которыя навѣваются этой крайне интересной, повторяемъ, по замыслу повѣстью. Зависитъ это прежде всего отъ того, что вся повѣсть разработана мозаичнымъ способомъ, по методу Галая, и состоитъ изъ ряда картинъ, сценъ и положеній, связанныхъ между собой чисто внѣшнимъ образомъ и лишенныхъ той внутренней связи, которая одна только придаетъ художественному произведенію характеръ стройности, цѣльности и законченности. Мало того, даже и возбуждая у читателя какой-нибудь картинкой или отдѣльнымъ положеніемъ интересъ, произведеніе г. Лукіяновича не только не въ состояніи поддержать его, но какъ будто нарочно, съ помощью неудачныхъ пріемовъ, силится сейчасъ же его уничтожить, вызывая этимъ лишь чувство неудовлетворенности и досады по адресу автора, не сумѣвшаго использовать находившійся въ его распоряженіи прекрасный матеріалъ. Образъ идеальнаго борца за правду и общественные интересы, сжившійся со своей idée fixe

до полной потери различія между явленіями дѣйствительности и плодами собственной фантазіи, г. Лукіяновичу совершенно не удался и лишенъ плоти и крови на столько, что представляется лишь блѣдной абстракціей, какой-то ходячей формулой, въ которую авторъ вкладываетъ содержимое по собственному произволенію. Вся обстановка повѣсти, несмотря на опредѣленныя географическія названія, вращается гдѣ-то въ пространствѣ и потому лишена особенностей, типичныхъ для данной мѣстности, для данныхъ людей, хотя и загромождена массой несущественныхъ подробностей. Перспектива во времени не соблюдена, читателю нѣтъ возможности разобраться со всею ясностью и опредѣленностью въ излагаемыхъ событіяхъ; отсюда спутанность и неясность—основныя черты произведенія г. Лукіяновича. Благодаря указаннымъ чертамъ, оно вышло на столько блѣднымъ, оторваннымъ отъ живой дѣйствительности, лоскутнымъ и чуждымъ художественнаго синтеза, что даже лицамъ, хорошо знакомымъ съ галицкой жизнью, во многихъ подробностяхъ останется совершенно непонятнымъ. И при этомъ еще чрезмѣрное пристрастіе автора къ символистикѣ и олицетворенію природы,—это пристрастіе, доходящее до крайняго злоупотребленія олицетворяемостью, до невыразимыхъ курьезовъ и сообщающее повѣсти характеръ дѣланности, вымученности и выдуманности, лишаетъ ее необходимой простоты и искренности. Чего-чего только нѣтъ у г. Лукіяновича, на какіе курьезы только не натыкаешься! Здѣсь мы встрѣтимъ и снѣгъ, отличающійся отъ обыкновеннаго *чернымъ* цвѣтомъ (стр. 204), и морозъ, который обладаетъ совершенно несвойственными качествами: схватываетъ, напр., героя за плечи, оборачиваетъ его назадъ и даже толкаетъ (78); найдемъ и женское рыданіе, которое «котылося по полю и стелылося по скыбахъ на з'ораній рилли», при чемъ «за нымъ надбигъ мужчынськый (!) плачъ якъ витеръ, якъ выхоръ» (90), и многіе другіе перлы, являющіеся плодомъ отмѣченнаго пристрастія автора къ образности и символамъ. Извольте, напр., угадать, о чемъ идетъ рѣчь въ слѣдующихъ отрывкахъ изъ повѣсти г. Лукіяновича. «Колы (сонце) пидбылося высоко, тоди видъ сходу, геть за обріемъ надйихавъ величезный паро-

хидъ и гнавъ кругомъ, але не було його выдко, тилькы на овыди пересувався за нымъ стовпъ дыму и пары клубамы, якъ звычайно за пароходомъ. Сунувся скоро, тягнувъ за собою довгу смугу и на заходи, на найдальшій точци запався пидъ announcements поземъ овыду, и зныкла пара и дымъ зъ його велыкого комына» (95). Первой мыслью, какая придетъ въ голову при чтеніи приведеннаго отрывка, будетъ, что мы присутствуемъ при блокадѣ Портъ-Артура японцами, или по крайней мѣрѣ читаемъ одну изъ картинныхъ корреспонденцій г. Немировича-Данченко съ театра военныхъ дѣйствій; а между тѣмъ это г. Лукіяновичъ описываетъ такъ всего лишь обыкновенный облачный день... «Бигло до Доцькы (дѣвушка, моющая бѣлье ниже плотины) стадо гусей, одна пры другій, лопотилы крыламы, вытягалы шыю и сычалы, малы іи задзьобаты. Заглушылы якогось прохожого, выскочылы дивци на плечи, обступылы іи и струтылы у «выръ», а якъ вона упала, ще іи былы зъ горы и вона ажъ килька крокивъ за выромъ выплыла» (181). Если бы къ этимъ гусямъ, которые, по мысли г. Лукіяновича, должны изображать собою не что иное, какъ хлынувшую изъ открытаго шлюза воду, прибавить еще извѣстную шишку, находящуюся, по компетентному свидѣтельству Поприщина, подъ носомъ у бея алжирскаго, то эффектъ, мы думаемъ, получился бы еще полнѣе, и напрасно авторъ не воспользовался такой удачной идеей... Эти и подобныя грубо и наивно-символистическія мѣста въ повѣсти г. Лукіяновича (а ихъ очень и очень много) представляютъ собою въ родѣ какъ бы заплаты изъ другой матеріи и другого цвѣта и, оттѣняя лоскутное происхожденіе повѣсти, усиливая лоскутный характеръ ея, своимъ вымученнымъ разнообразіемъ до крайности раздражаютъ читателя. Читатель въ концѣ концовъ просто устаетъ слѣдить за капризными скачками въ изложеніи, за невѣроятными, плохо придуманными образами и начинаетъ относиться совершенно равнодушно и къ содержанію. Прибавьте къ этому еще тяжелое изложеніе, также не безъ претензій на образность [1]), при

[1]) Exemplum: «*перло* зъ неи несамовытый голосъ, а за голосомъ *пидсувалыся внутренности вгору*» (139)—по красотѣ и изяществу данный образъ не боится, конечно, соперниковъ!..

чемъ образы г. Лукіяновича не всегда даже оригинальны [1]),—и вы будете имѣть полное представленіе о художественныхъ силахъ и пріемахъ автора. Интересный, захватывающій сюжетъ оказался совершенно не по плечу г. Лукіяновичу, не сумѣвшему сладить съ избранной темой и неудачно маскирующему свое неумѣніе и безпомощность вышеприведенными заплатами другого цвѣта. Вмѣсто широкой картины борьбы на соціальной и экономической почвѣ мы видимъ лишь узенькую, чисто личную борьбу автора, устраивающаго самому себѣ скачки съ препятствіями и даже не устраняющаго, а просто обходящаго эти препятствія, и при томъ не прямо, а съ вычурностями, неестественными замашками и ужимками. Тяжелое впечатлѣніе производитъ это зрѣлище, какъ и вообще всякій видъ человѣка, надрывающагося подъ тяжестью непосильной работы, но это обстоятельство не увеличиваетъ, конечно, художественныхъ достоинствъ повѣсти г. Лукіяновича...

Прямую противоположность ей по содержанію, но большое сходство по пріемамъ обнаруживаетъ повѣсть г. Яцкова «Огні горять», вышедшая въ томъ же 1902 году во Львовѣ,—съ тою развѣ только разницей, что эта послѣдняя и содержаніемъ, и пріемами, и, наконецъ, характернѣйшимъ предисловіемъ автора возбуждаетъ еще большее недоумѣніе. «Лисъ купаеться въ сонци, пидъ смерекою дримае чоловикъ. Верхомъ лиса лынуть горилыци богыни, ихъ здоганяють богы, скобочуть та граються зъ ными. Шум(л)ять палки, прыстрасни хыхоты й шепоты» (стр. 3)—таковъ начальный аккордъ, прелюдія къ повѣсти, и, нужно отдать автору справедливость, прелюдія эта служитъ прекраснымъ вступленіемъ къ произведенію г. Яцкова, ярко характеризуя ея основную идею, выражающуюся съ одной стороны неясными, начи-

---

[1]) Ср., напр., фразу «журба з-за кождого угла выхыляла свое блиде лыце середъ питьмы» (147), почти дословно повторяющую извѣстное выраженіе г. Франка: «Зъ густои тьмы журба якась могыльна выхылюе лыце свое блиде» («Зівяле листе», Львів, 1896, стор. 34).

ная уже съ заглавія, туманными символами, а съ другой—самыми откровенными порнографическими подробностями. Эти послѣднія въ такомъ изобиліи уснащаютъ страницы произведенія г. Яцкова и приводятся въ такомъ отборномъ, такъ сказать, видѣ, что вся повѣсть представляетъ собою нѣчто въ родѣ грязной клоаки, въ которую спеціально сваливались всѣ отбросы, всѣ нечистоты, лежащія позорнымъ пятномъ на человѣчествѣ. Впрочемъ къ этой сторонѣ повѣсти г. Яцкова мы принуждены будемъ еще вернуться, а теперь займемся ея содержаніемъ.

Героиней повѣсти является Нина Куликова, дочь странствующаго художника, не лишеннаго таланта, но рано свернувшаго на избитый, шаблонный путь и этимъ свой талантъ зарывшаго въ землю. На первыхъ страницахъ повѣсти героиня возбуждаетъ симпатіи читателя: это дѣвушка способная довольно развитая, заботящая о своемъ самообразованіи, что́, по словамъ г. Яцкова, ставило ее даже «па чоли жиноцтва» (стр. 36) въ томъ маленькомъ провинціальномъ городишкѣ, гдѣ она живетъ съ матерью и братьями. Нина усвоила опредѣленные вгляды на жизнь («жыття—то обовязокъ. Си слова не сходять мени николы зъ мысли»—41), имѣетъ ясное гуманическое міросозерцаніе, обладаетъ чуткимъ до всякаго горя и несчастья сердцемъ. Можно догадываться, что такое міровоззрѣніе сложилось въ Нинѣ столько же благодаря природнымъ качествамъ ея ума и сердца, сколько и вліянію гимназиста Остапа, къ которому Нина чувствуетъ сердечную склонность и пользуется полной взаимностью. И вдругъ, на протяженіи весьма короткаго, хотя авторомъ опредѣленно и не обозначеннаго, времени въ эту чистую, симпатичную, идеалистически настроенную дѣвушку вселяется по истинѣ какой-то бѣсъ похотливости, въ самомъ низменномъ, самомъ отвратительномъ значеніи этого слова. Читатель сначала теряется и недоумѣваетъ, неожиданно натыкаясь на неимовѣрно грязныя подробности похожденій этой внушившей ему на первыхъ порахъ симпатіи дѣвушки и не находя рѣшительно никакого объясненія столь вне-

запной перемѣнѣ, не встрѣчая даже и намека на разрѣшеніе этой наглядной несообразности. Предположить, что имѣешь дѣло съ клиническимъ субъектомъ—невозможно, такъ какъ для этого, во-первыхъ, потребовалась бы и соотвѣтственная клиническая обстановка, въ повѣсти г. Яцкова отсутствующая, а во-вторыхъ, въ предисловіи, къ которому мы еще возвратимся, самъ авторъ рѣшительно опровергаетъ мысль объ исключительности сообщаемыхъ имъ явленій. Но вызванное пріемомъ г. Яцкова недоумѣніе быстро смѣняется чувствомъ отвращенія, такъ какъ авторъ въ изображеніи нечистоплотныхъ подробностей переходитъ рѣшительно всякую мѣру, теряетъ границу, за которой начинается уже болѣзненный бредъ нимфомана, вездѣ и всюду видящаго одни лишь скотскія вожделѣнія. Дѣйствующія въ повѣсти г. Яцкова лица, за исключеніемъ лишь одного невозможно-добродѣтельнаго философа Остапа,—это дикое скопище какихъ-то «одержимыхъ» въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, какихъ-то двуногихъ звѣрей, безпрерывно, какъ звѣри, вожделѣющихъ и своими нечистыми вожделѣніями наполняющихъ всѣ свои дѣла, слова и помышленія. Эти вожделѣнія, повидимому, и есть тѣ на первый взглядъ нѣсколько загадочные «огни», которыми озаглавилъ г. Яцкивъ свою повѣсть. Но дѣйствующими лицами дѣло не ограничивается; въ унисонъ съ ними поетъ и самъ авторъ, заимствующій даже большинство своихъ образовъ и сравненій именно изъ сферы животныхъ отношеній [1]). И въ перемежку съ отвратительно грязными и черезъ-чуръ откровенными подробностями идутъ мистико-символистическія тонкости, заставляющія г. Яцкова въ производствѣ, напр., героиней выкидыша, вмѣстѣ съ побѣдой надъ «фальшывою суспильною етикою», видѣть то, «щó вміє пошануваты лышъ Богъ и поетъ» («якъ бидна пташына на гнизди» (стр. 132)—сантиментально добавляетъ при этомъ г. Яцкивъ!); или же надѣлять неимовѣрно-до-

---

[1]) Директоръ «усмихнувся жовчно и стягнувъ цытрынове лыце вгору, якъ быкъ, що понюхавъ мокрый слидъ яливкы» (стр. 80); танцоры «гепнулысь обоє на землю, ихъ група нагадувала мотыля на жырафи» (95) и т. д., и т. д.

бродѣтельнаго Остапа способностью ясновидѣнія, чтенія чужихъ мыслей и прочими оккультическими свойствами. Рядомъ съ этимъ—удивительные по своей крайней наивности экскурсы въ область эстетики, политики и общественныхъ отношеній, вкладываемые авторомъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ и представляющіе невообразимую мозаику, невозможную окрошку какой-то доморощенной философіи, начиная съ антисемитизма, полонофобства и оканчивая «самобытной» теоріей полового подбора и лаконическими, но достаточно неудобопонятными афоризмами курьезной философіи Остапа. Эти несчастныя потуги г. Яцкова на глубину и оригинальность мысли возбуждали бы только гомерическій смѣхъ, если бы не были вставлены въ такую отвратительно-грязную порнографическую рамку, которая способна возбудить лишь омерзеніе. И опять характерная черта: излагая отъ имени гимназистовъ (кстати—третій-четвертый изъ нихъ—непремѣнно сифилитикъ, по опредѣленію г. Яцкова) всевозможную пошлую чушь, вовсе не характерную для говорящихъ —о томъ, напр., что «жыды—се сифилисъ въ арійськім раси» (стр. 96)—авторъ ничѣмъ не выдаетъ своего личнаго къ ней отношенія. Одно изъ двухъ: или г. Яцкивъ знаетъ настоящую цѣну этой чуши—тогда зачѣмъ онъ ее съ серьезнымъ видомъ излагаетъ? или же онъ считаетъ ее дѣйствительно плодомъ глубокой философской мысли, «зерномъ высшои думкы», какъ сказано въ предисловіи—тогда... тогда мы уже не знаемъ, что́ намъ думать о самомъ г. Яцковѣ. «Огні горять»—это нѣчто до такой степени уродливое по содержанію и по формѣ, по мыслямъ и по ихъ словесному воплощенію, что безъ колебаній это произведеніе можно поставить во главѣ того теченія, которое все яснѣе и яснѣе начинаетъ обрисовываться въ нашей литературѣ, проявляя себя оргіастическою разнузданностью и крайнимъ распутствомъ мысли. Всевозможныя «ari'и passionat'ы»—это ничто въ сравненіи съ произведеніемъ г. Яцкова, хотя несомнѣнно, что онѣ представляютъ первую ступень на этой лѣстницѣ разнузданности, начальный аккордъ, окрѣпшій и развившійся въ писаніяхъ гг. Яцкова, Крушельницкаго и имъ подобныхъ въ цѣлую гамму извращенныхъ инстинктовъ.

И что всего удивительнѣе: въ лицѣ г. Яцкова мы имѣемъ дѣло повидимому не съ обыкновеннымъ порнографомъ, а съ наивнымъ, но добросовѣстнымъ, по выраженію Прудона, развратителемъ въ своей порнографической дѣятельности, есть основаніе полагать, онъ является глубоко убѣжденнымъ человѣкомъ, видитъ въ ней ни болѣе, ни менѣе, какъ какую-то общественную миссію, которую и выполняетъ съ серьезностью, подобающею призванному къ выполненію высокой миссіи человѣку. «По що,—говоритъ онъ въ предисловіи,—«облиплюваты правду рожевымъ папиремъ, по що солодыты друковани слова, а крывдыты жыву, Божу, суспильну правду? Тому я старався, щобы ричъ выйшла вирна зъ кров'ю и кисткамы» (предисл. стр. Ш)... Соглашаясь заранѣе съ упреками относительно чисто техническихъ недостатковъ своего дѣтища, г. Яцкивъ рѣшительно возстаетъ противъ обвиненій въ тенденціозномъ подборѣ и освѣщеніи фактовъ: онъ, видите ли, излагаетъ ихъ въ такомъ видѣ, «якъ сотворывъ ихъ Всемогучый Богъ и могутня суспильнисть; тому,—добавляетъ онъ,—колы бъ мало упасты яке негодовання, то зрозумиты ясно, до кого передовсимъ мало бы воно звернутыся» (ib). Остановимся пока на этомъ «съ подлиннымъ вѣрно», которое самъ авторъ выдаетъ своему произведенію.

Г. Яцкивъ думаетъ, говоря иными словами, что его повѣсть представляетъ лишь зеркало, на которое, по пословицѣ, «нечего пенять, коль рожа крива»; все молъ, изложено имъ, г. Яцковымъ, согласно съ оригиналомъ, а если въ послѣднемъ имѣются койкакіе недостатки и недочеты, то извольте взыскивать со Всемогущаго Бога и могущественныхъ общественныхъ отношеній, создавшихъ и поддерживающихъ эти недостатки. Вопросъ о Всемогущемъ Богѣ мы оставимъ въ сторонѣ, какъ не подлежащій пересмотру въ человѣческой инстанціи, а вотъ относительно общества не прочь потолковать съ г. Яцковымъ. Мы вполнѣ понимаемъ обвиненія по адресу кого бы то ни было, но лишь при двухъ необходимыхъ условіяхъ: во-первыхъ, при наличности фактическихъ данныхъ, составляющихъ основаніе обвиненій, и во-вторыхъ, при добросовѣстномъ и строго объективномъ изложеніи этихъ данныхъ.

Но виноватъ ли обвиняемый, если ему приписывается дѣяніе, котораго онъ не совершалъ, или, въ крайнемъ случаѣ, даже совершенный имъ поступокъ изображается въ такомъ искаженномъ видѣ и преподносится въ такомъ ложномъ освѣщеніи, что совершенно расходится съ дѣйствительностью? Странный вопросъ!—скажетъ читатель,—да развѣ можно объ этомъ спорить: двухъ отвѣтовъ здѣсь вѣдь не можетъ быть. Да, но вотъ вамъ на лице г. Яцкивъ: выхвативъ своихъ героевъ изъ условій времени, мѣста и дѣйствительной среды, оторвавъ ихъ отъ реальной почвы и напичкавъ животными вожделѣніями, не сумѣвъ даже ихъ душевной жизни и отношеній изобразить хоть сколько-нибудь правдоподобно,—онъ предъявляетъ, тѣмъ не менѣе, обвиненіе къ обществу: смотри,—говоритъ онъ,—это твои дѣтища, ты создало ихъ такими. Поступая такъ, авторъ убѣжденъ очевидно, что можетъ быть и другой отвѣтъ на поставленный нами вопросъ и потому ни сколько не сомнѣвается въ своей правотѣ и правѣ предъявлять обвиненія; онъ совершенно не желаетъ замѣчать, что эти дѣйствительно уродливыя дѣтища—исключительно плодъ его личной богатой въ извѣстномъ направленіи фантазіи, а вовсе не дѣйствительности. Но г. Яцкивъ возражаетъ намъ въ предисловіи, что онъ именно старался изобразить все, «якъ у буденнимъ жыттю» происходитъ, что животныя вожделѣнія объяснены имъ, какъ результатъ воспитанія и примѣра, оказываемаго на дѣтей зрѣлищемъ грѣховъ родителей и среды. Что онъ старался по мѣрѣ силъ и даже сверхъ силъ своихъ—этому, конечно, повѣрить можно, но что изъ стараній этихъ выходитъ нѣчто неожиданное и противорѣчащее стараніямъ—это также несомнѣнно. Намѣреніе и исполненіе вѣдь вещи разныя и стараться не значитъ еще сдѣлать,—нагляднымъ примѣромъ является данное произведеніе, авторъ которой, по его словамъ, старался изобразить одну правду и только правду, а выполнилъ въ сущности лишь весьма некрасивую клевету на общество. Такихъ людей, какими изображаетъ г. Яцкивъ своихъ героевъ, въ дѣйствительности нѣтъ и быть не можетъ; подобные субъекты мыслимы лишь въ исключительной, клинической обстановкѣ, какъ ненормальныя, уродли-

выя уклоненія, а вовсе не какъ типичное явленіе, какимъ выставляетъ ихъ авторъ, не представивъ при этомъ ни соотвѣтственной обстановки, ни той реальной почвы, на которой могли бы произростать эти уродливыя уклоненія. Вѣдь нельзя же считать достаточнымъ объясненіе съ помощью того слишкомъ смѣлаго пріема, который г. Яцкивъ изображаетъ такъ: «зробимъ *однымъ розмахомъ* пересичъ черезъ гимназіяльни муры та людськи черепы и вийдимъ безъ довгыхъ короводивъ у найскрытши глыбыны» (стр. 62). «Одного розмаху» для изображенія сложныхъ движеній личной и общественной психологіи слишкомъ недостаточно, и эта черезъ-чуръ смѣлая операція, свидѣтельствуя, объ отвагѣ, стремительности, и про́чихъ, быть можетъ, и похвальныхъ качествахъ автора, обнаруживаетъ въ тоже время въ немъ непозволительно легкое отношеніе къ серьезной задачѣ. «Безъ довгыхъ короводивъ» проникнуть въ сокровеннѣйшія глубины, конечно, невозможно, иначе результаты, добытыя такимъ «дешевымъ коштомъ», будуть столь же дешевой и цѣнностью обладать. Благодаря такому легкому отношенію къ дѣлу, г. Яцкивъ и изобразилъ изъ себя Галая: намѣреваясь затянуть серьезную «думку», онъ съ первыхъ же словъ сбился на самую разухабистую шансонетку и невѣроятно откровенную порнографію. Чѣмъ же виновато общество, если писатели типа Галай въ сущности сами хорошенько не знаютъ, что́ дѣлаютъ, и изображая плоды собственной фантазіи, принимаютъ ихъ за «жыву, божу, суспильну правду»? На общество такъ много падаетъ серьезныхъ грѣховъ, къ нему столько предъявляется обоснованныхъ обвиненій и лежитъ такая громадная отвѣтственность за дѣйствительныя его вины предъ отдѣльными членами и цѣлыми общественными группами (вспомнимъ только о проституціи и тому подобныхъ язвахъ общественной жизни), что сваливать на его голову еще и выдуманныя всевозможными Галаями прегрѣшенія— значитъ всѣ шишки валить на бѣднаго Макара, избраннаго почему-то всеобщимъ козломъ отпущенія. Это вѣдь даже не по рыцарски. Рожа то, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ крива, но и зеркало также не безъ грѣха, такъ какъ кривую физіономію общественныхъ отношеній оно искривляетъ до полной неузнаваемости и эту уродливую образину преподноситъ, какъ точное

воспроизведеніе оригинала, подписывая даже для большей убѣдительности—«съ подлиннымъ вѣрно»... Намъ нѣтъ никакого дѣла до «моралиствиъ зъ профессіи», негодованіе которыхъ предвидитъ предусмотрительный г. Яцкивъ; мы являемся лишь однимъ изъ тѣхъ читателей, которые имѣли сомнительное удовольствіе познакомиться съ его книгой, и въ качествѣ обыкновеннаго читателя, во имя той самой живой общественной правды, на которую ссылается и авторъ, находимъ нужнымъ протестовать противъ тѣхъ отвратительно-грязныхъ измышленій, какія ему угодно выдавать за голую, неприкрашенную правду. Порнографія—не есть правда, равно какъ и порнографъ, хотя бы онъ назывался даже добросовѣстнымъ развратителемъ, въ своей наивности не вѣдающимъ, что́ творитъ,—не есть художникъ и литераторъ. Это явленія совсѣмъ особаго порядка, съ которыми литература не имѣетъ ничего общаго, хотя временами ей и приходится съ ними считаться. Поэтому то и тѣ будущіе плоды «вітхненоі думки», которыми грозитъ подарить насъ г. Яцкивъ (см. предисловіе, IV), едва ли могутъ обѣщать для нашей литературы что-нибудь успокоительное: timeo Danaos et dona ferentes...

Выше нами уже отмѣчена была несчастная склонность нѣкоторыхъ авторовъ, главнымъ образомъ г. Яцкова, производить неудачные экскурсы въ области, постороннія литературѣ. Эти экскурсы, иногда свидѣтельствующіе о добрыхъ намѣреніяхъ авторовъ, почти всегда своимъ лоскутнымъ видомъ обнаруживаютъ въ то же время полную неподготовленность ихъ къ разрѣшенію затрагиваемыхъ вопросовъ, достаточную наивность міросозерцанія и, наконецъ, очевидное неумѣніе связать эти отступленія съ содержаніемъ своихъ произведеній такъ, чтобы съ послѣдними они составляли одно цѣлое, а не вытыкались яркими заплатами другого цвѣта и изъ иной матеріи. Но г. Яцкивъ сравнительно еще былъ умѣренъ въ этомъ отношеніи, и г. Пидеша, авторъ повѣсти «Восток і Запад» (Коломия, 1903) заткнулъ за поясъ всѣхъ соперниковъ по этой части. На страницахъ нашего журнала былъ уже напечатанъ довольно въ общемъ благопріятный отзывъ объ этой книжкѣ, принадлежащій г-ну В. Д.

(см. январскую книжку за настоящій годъ), но мы радикально расходимся въ оцѣнкѣ повѣсти г. Пидеши съ нашимъ товарищемъ по журналу и, въ противоположность ему, видимъ въ ней лишь новое доказательство того угнетеннаго состоянія, въ которомъ пребываетъ наша современная литература въ лицѣ самыхъ молодыхъ своихъ представителей.

Жила да была одно время у насъ въ Кіевѣ молодая дѣвица, по имени Лина Верони; окончивъ московскій институтъ, гдѣ ее, во-первыхъ, обожали, а во-вторыхъ, наградили при окончаніи золотою медалью, она отправляется въ Цюрихъ и поступаетъ въ университетъ. Если вы подумаете, что Линою руководили интересъ къ наукѣ, любознательность или что-нибудь въ этомъ родѣ, то вы ошибетесь: наука, конечно, наукой, но главнымъ образомъ умыселъ тутъ былъ другой и побужденія нашей медалистки нѣсколько сложнѣе. Прежде всего—«кохання бажає циле іи єство» («Восток і Запад», стр. 20); она—по общимъ увѣреніямъ, красивая, привлекательная и умная дѣвушка—на свободѣ чувствуетъ себя тѣсно; ей нужно, чтобы кто-то болѣе сильный ограничилъ ея свободу и лишь тогда она почувствуетъ себя вполнѣ свободной. Чего лучше, думаете вы, но только зачѣмъ же по этому случаю ѣхать куда-то въ Цюрихъ и поступать въ университетъ? Вѣдь, навѣрное, и въ Кіевѣ нашелся бы охотникъ посягнуть на свободу Лины Верони—«сього цвиту по всьому свиту», какъ говоритъ пословица. Думая такъ, вы опять ошибаетесь, и авторъ серьезно и обстоятельно вамъ это разъясняетъ: въ Кіевѣ, къ сожалѣнію, избранника для Лины не оказалось, и это потому, во-первыхъ, что кіевскіе молодые люди говорятъ о равенствѣ женщины съ мужчиной—принципъ для особы, ищущей свободы въ ограниченіи, согласитесь, неудобный; а во-вторыхъ, у кіевскихъ молодыхъ людей, даже самыхъ красивыхъ, среди прочихъ недостатковъ—«и борода не до лыця«, и губы оказываются устроенными какъ-то по женски, а привередливая героиня «не хотила бъ цилуваты тыхъ жиночыхъ устъ у мужчыны» (стр. 16). Благодаря такому странному капризу природы, одарившей кіевлянъ женскими губами, Лина пришла къ убѣжденію, что только на Западѣ, въ Европѣ,

найдетъ она воплощеніе своей мечты, и очутилась поэтому въ цюрихскомъ университетѣ. Но все-таки—почему же въ университетѣ? недоумѣваетъ читатель: въ университетъ вѣдь поступаютъ, чтобы учиться, а не разыскивать избранниковъ; для послѣдней надобности въ изобиліи имѣются болѣе подходящія мѣста—ну хотя бы курорты, «воды» и т. п., какими Лина въ качествѣ особы, повидимому, состоятельной могла бы воспользоваться съ бóльшимъ удобствомъ. И опять г. Пидеша съ нарочито серьезнымъ видомъ разрѣшаетъ ваши недоумѣнія и сомнѣнія слѣдующимъ соображеніемъ: Лина убѣждена, что въ качествѣ ученой женщины она будетъ болѣе достойна того, кому достанется въ удѣлъ блестящій жребій—ограничить ея свободу. Наука для нея является лишь мостомъ, такъ сказать, къ высшей цѣли, хотя, впрочемъ, знакомымъ она повторяетъ старыя, избитыя фразы о служеніи ближнему. Послѣ столь обстоятельныхъ разъясненій личность Лины для читателя уже вполнѣ, надѣемся, установлена и не возбуждаетъ болѣе никакихъ сомнѣній; но къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ этимъ у читателя возникаетъ нѣкоторое недоразумѣніе съ авторомъ, который упорно все-таки продолжаетъ считать свою героиню натурой высшей и относится къ ней съ видимымъ почтеніемъ... Отправивъ, какъ бы то ни было, свою героиню въ Цюрихъ изучать науки, г. Пидеша, слѣдуя, вѣроятно, изрѣченію—«не добро человѣку быти едину», поспѣшилъ подъ стать великолѣпной Линѣ Верони создать не менѣе великолѣпнаго Степана Билоцеркивскаго. Послѣдній въ юности былъ послѣдователемъ Драгоманова, но придя къ туманному заключенію, что «въ його краини нема ніякиськои литературы, котра бъ дала пизнаты и зрозумиты хоть якъ такъ іи власный станъ цивилизаційный» (стр. 30), а существующія книги ложатся на умъ только безполезнымъ балластомъ,—также стремится стать европейцемъ и отправляется сначала въ Вѣну. Здѣсь, не заглядывая по цѣлымъ мѣсяцамъ въ университетъ, онъ слушаетъ лекціи европеизма въ «кнайпахъ» и въ такихъ мѣстахъ, о которыхъ обстоятельный обыкновенно авторъ находитъ возможнымъ сказать только, что они окутаны «тайною ночи» (г. Яцкивъ не упустилъ бы, вѣроятно, удобнаго слу-

чая эти мѣста съ подобающею подробностью изобразить). Эти лекціи проводятъ, наконецъ, къ тому, что Степанъ расходится со взглядами Драгоманова, и такъ какъ «у його ще хаосъ» и «новый свитоглядъ у його що-йно формується» (стр. 34), то изученіе наукъ по «кнайпамъ» продолжается. Невинное времяпровожденіе нашего кандидата на европейца почему-то показалось подозрительнымъ австрійскому правительству (бѣдное австрійское правительство!), и Билоцеркивскій эмигрировалъ въ Цюрихъ. Героиня и герой сошлись въ одномъ городѣ, а такъ какъ Степанъ объ эманципаціи женщинъ и не заикался, да и вообще къ женскому вопросу относился трезво-реалистически, согласно почерпнутымъ въ «кнайпахъ» урокамъ, то и успѣлъ сразу же произвести неотразимое впечатлѣніе на Липу. Должно быть, при этомъ онъ и губы имѣлъ вполнѣ мужскія, такъ какъ весьма на этотъ счетъ требовательная Липа сразу же начинаетъ мечтать о томъ, «щобъ його губы іи цилувалы безъ впыну, до смерты» (стр. 46). Наука ей окончательно опротивѣла, альтруистическіе порывы начинаютъ казаться ей неискренними и по просту глупыми: «помагаты мужыкамъ добуты хлиба, колы сама гордышъ жыттямъ, въ котримъ тилькы йистьси!»—восклицаетъ она, напр., и читатель такъ и ждетъ, что за этой негодующей фразой по старой институтской привычкѣ послѣдуетъ: «фи»... Чего, кажется, лучше, какъ соединить эти двѣ такъ близко подходящія души—тѣмъ болѣе, что и по артистическимъ наклонностямъ онѣ имѣли много общаго: она божественно играетъ, онъ не менѣе божественно поетъ,—но не тутъ то было: автору, очевидно, нравится немного помучить своихъ героевъ и онъ начинаетъ тянуть дѣло и разводить кисло-сладкую канитель. Такъ, изложивъ предварительно устами студентовъ и студентокъ различіе любви въ Россіи и въ Европѣ, г. Пидеша заставляетъ Липу обидѣть Степана до такой степени, что тотъ «ажъ заревивъ, такъ простогнавъ» (93). Оскорбленный Степанъ даетъ торжественный обѣтъ отомстить обидчицѣ, а такъ какъ на ловца и звѣрь бѣжитъ, то вскорѣ уже Лина проситъ у него позволенія отдохнуть «при васъ, на вашихъ грудяхъ» (105.—NB: эту фразу Липа произноситъ такъ по русски!),

а затѣмъ они и вовсе дѣлаются неразлучными. Справедливость требуетъ отмѣтить, что на первыхъ порахъ Лина и Степанъ пробовали еще было учиться, хотя «бильше просыджувалы у щастю» (107); но потомъ совершенно забросили науки и послѣ длинной канители возносятся, наконецъ, по счастливому выраженію г. Хоткевича, «на верхъ буття... туды... въ вично прекрасніи сферы, въ гармонію» (г. Пидеша выражается, впрочемъ, много проще). Свобода Линой Верони, казалось бы, обрѣтена, цѣль достигнута, но тутъ происходитъ нѣчто непостижимое: Степанъ присылаетъ вдругъ Линѣ символическую записку, въ которой между оффиціальнымъ обращеніемъ и подписью была изображена только длинная черта, и совершивъ сей поступокъ, въ просторѣчіи свинствомъ именуемый, нашъ европейскій сверхчеловѣкъ постыдно сбѣжалъ, оправдывая себя довольно неожиданно тѣмъ, что Лина оказалась женщиной, какъ и всѣ прочія. Послѣ скитаній по горамъ, при чемъ Степанъ то изъявлялъ желаніе вознестись къ звѣздамъ, то свои «очи концентрувавъ не на краевыди внишнимъ, а на внутришнимъ своеи души» (144), онъ, подобно блудному сыну, возвращается къ Линѣ. Происходитъ трогательная сцена примиренія, которую авторъ по просту отказывается описывать, но это послѣднее счатье было уже непродолжительно. Лина отъ перенесеннаго огорченія и потрясенія заболѣваетъ воспаленіемъ мозга и умираетъ, завѣщавъ свое тѣло сжечь, чтобы остаться вѣрной наукѣ, которой, напомнимъ, она весьма мало интересовалась.

Такая трогательная исторія, если вѣрить г. Пидешѣ, случилась въ счастливой Швейцаріи... Но къ сожалѣнію, какъ было уже сказано, у благодушнаго автора происходитъ съ читателемъ какое-то странное недоразумѣніе: все время г. Пидеша рисуетъ сверхчеловѣковъ, старательно выписываетъ каждую подробность, оттѣняетъ и подчеркиваетъ каждую черту, свидѣтельствующую о высшемъ якобы назначеніи его героевъ, словомъ, изо всѣхъ силъ тщится,—а читатель видитъ между тѣмъ только весьма посредственную индюшку и самаго несомнѣннаго жуира. Отчего получается такой странный результатъ, эта наглядная несообразность? Да все оттого же: и г. Пидеша принадлежитъ къ числу писате-

лей типа Галай. Облюбовавъ извѣстную тему, онъ рѣшительно не въ силахъ справиться съ нею, дать что-нибудь цѣльное и законченное, и свое безсиліе, недостатокъ наблюденій и проникновенія во внутреннюю жизнь своихъ героевъ стремится замѣнить собственными совершенно неправдоподобными выдумками. Поэтому все въ повѣсти г. Пидеши выдумано, мертво, разбавлено шумихой высокопарныхъ словъ, при чемъ авторъ, въ безграничной своей наивности, не понимаетъ даже хорошенько смысла сообщаемыхъ имъ фактовъ, не даетъ себѣ отчета въ томъ, чтó собственно онъ изображаетъ. Потому то, желая изобразить сверхчеловѣковъ, представителей высшей духовно породы людей, г. Пидеша сообщаетъ о нихъ рядъ такихъ комическихъ подробностей, какія производятъ впечатлѣніе обратное тому, на которое видимо разсчитывалъ авторъ. Сознательно онъ тщится поставить своихъ героевъ на пьедесталъ, а безсознательно—противъ собственной воли, но безжалостно—стаскиваетъ ихъ съ высоты и представляетъ въ юмористическомъ освѣщеніи. Что же касается художественныхъ пріемовъ г. Пидеши, то ихъ нельзя охарактеризовать лучше, какъ путемъ сравненія автора съ извѣстнымъ Пенёнжкой. Читатель навѣрное помнитъ эту великолѣпно очерченную фигуру изъ «Мартына Борули», совершенно утратившую власть надъ собственными мыслями и потому на каждомъ шагу допускающую невозможнѣйшіе скачки, длиннѣйшія отступленія, не идущія къ дѣлу вставки и т. п. Г. Пидеша во многомъ напоминаетъ этого Пенёнжку. Упомянетъ-ли онъ о воспитаніи—сейчасъ, бросивъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ придется, начинаетъ излагать всевозможныя теоріи воспитанія; обмолвится-ли о комъ-либо изъ дѣйствующихъ лицъ—при сей вѣрной оказіи не преминетъ подвергнуть анатомически-подробному описанію не только ихъ самихъ, но и тѣхъ изъ ихъ знакомыхъ, которые вовсе и не встрѣтятся въ повѣсти; скажется-ли случайное слово о путешествіяхъ—сейчасъ начинаются длинныя рацéи о томъ, что русскіе изъ путешествій не выносятъ ничего, тогда какъ европейцы, путешествовавшіе по Россіи, прекрасно знаютъ эту послѣднюю и т. п. И все чрезвычайно длинно, и все по пунктамъ: 1), 2)... Но верхомъ

курьеза, прекрасно характеризующимъ смѣхотворные пріемы г. Пидеши, представляется то, что въ повѣсти его *полностью* помѣщенъ рефератъ, содержащій сравненіе Россіи и Швейцаріи съ различныхъ точекъ зрѣнія и преисполненный обычными у нашего автора наивностями. Нечего и упоминать, что хоть сколько-нибудь правдоподобнаго образа жизни нашей молодежи въ Швейцаріи г. Пидеша не въ состояніи дать: для этого у него нѣтъ ни знанія этой жизни, ни способностей хотя бы посредственнаго бытописателя. Картину жизни, которая могла бы дѣйствительно представлять интересъ для читателя, онъ замѣняетъ собственными измышленіями, которыя, конечно, никакого интереса и ни для кого не представляютъ. Выдуманное, неестественное содержаніе, наивные, неумѣлые, чисто ученическіе пріемы, дубоватое изложеніе и при всемъ этомъ еще манерничанье и ломанье, заставляющее автора вылавливать изъ своей творческой фантазіи сомнительной цѣнности перлы, въ родѣ напр., что запахъ жасмина «робыть вражиння Шевченковои княгыни» (стр. 97)—все это сводитъ художественное и бытовое значеніе повѣсти г. Пидеши къ нулю.

Но сказаннымъ о разбираемой повѣсти нельзя ограничиться въ виду того обстоятельства, что произведеніе г. Пидеши не даромъ вѣдь носитъ интригующее названіе «Восток і Запад», и поэтому а priori уже можно думать, что содержаніе ея изложеннымъ нами романомъ между парой блистательныхъ сверхчеловѣковъ не исчерпывается. Заголовокъ указываетъ на то, что авторъ имѣлъ въ виду болѣе широкія задачи, чѣмъ личныя отношенія героевъ, и дѣйствительно г. Пидеша пытается представить антитезу между Западомъ и Востокомъ, беря эти понятія не въ географическомъ, конечно, а въ идейномъ смыслѣ. Повѣсть претендуетъ, такимъ образомъ, на широкое общественное значеніе и, можетъ быть, дѣйствительно представляетъ нѣкоторый интересъ, хотя бы какъ показатель тѣхъ теченій и взглядовъ, какіе господствуютъ въ извѣстномъ кругу, къ которому принадлежитъ авторъ. Переходя къ этой сторонѣ повѣсти г. Пидеши, мы прежде всего должны отмѣтить, что авторъ является убѣжденнымъ западникомъ, но къ сожалѣнію, западни-

чество его есть не болѣе, какъ вывернутое на изнанку московское славянофильство. Въ то время, какъ славянофилы выставляли аксіомой: гнилой Западъ и цвѣтущая Россія,—г. Пидеша переставляетъ въ этой формулѣ существительныя и получаетъ: зрѣлый, цвѣтущій Западъ и дикая, недоразвившаяся Россія. Это положеніе онъ комментируетъ и аргументируетъ но разные лады, но изъ всѣхъ его комментаріевъ и аргументовъ становится яснымъ одно—что г. Пидеша понятія не имѣетъ о томъ, о чемъ взялся писать, и потому сообщаетъ самыя невѣроятныя вещи. Онъ, напр., совершенно серьезно убѣжденъ и вовсе не шутя это доказываетъ, что люди «россійскои цивилизаціи» считаютъ «кохання за найвыще, одыноке щастя» [1]) и вся повѣсть переполнена подобными же наивностями, показывающими, что авторъ не знаетъ самыхъ простыхъ вещей и съ плеча разрѣшаетъ самые сложные вопросы. Мы не будемъ останавливаться на плодахъ доморощенной философіи г. Пидеши, такъ какъ цѣна ихъ слишкомъ очевидна, но не можемъ не высказать крайняго удивленія предъ однимъ обстоятельствомъ—зачѣмъ понадобилось автору воскрешать по справедливости забытыхъ мертвецовъ славянофильства и, перекрасивъ ихъ сообразно собственному вкусу, пускать въ дѣло подъ флагомъ послѣдняго слова науки и общественности?

V.

Нами собрано на предыдущихъ страницахъ достаточное количество фактовъ, чтобы можно было приступить къ обсужденію

---

[1]) Этотъ курьезъ напомнилъ намъ другой, сочиненія уже г. Яцкова, который объясняетъ небольшой ростъ Нины—чѣмъ бы вы думали?—употребленіемъ чаю! Прекрасная иллюстрація къ утвержденію г. Пидеши, что Россію лучше можно изучить по произведеніямъ иностранцевъ, чѣмъ самихъ русскихъ. Отмѣтимъ кстати, что и г. Яцкивъ, и г. Пидеша, оба галичане, немилосердно коверкаютъ русскій языкъ, когда придетъ имъ охота приводить рѣчи собесѣдниковъ по русски. Ихъ попытки въ этомъ родѣ могутъ привести въ веселое настроеніе самаго мрачнаго читателя.

ихъ значенія и представить нѣкоторые общіе выводы. Наша современная литература, въ лицѣ младшихъ своихъ представителей, характеризуется прежде всего отрицательнымъ отношеніемъ къ своимъ предшественникамъ: все равно, высказывается ли это отношеніе открыто, или не высказывается—оно чувствуется съ обѣихъ сторонъ. Какъ будто бы прервалась преемственность идей—и не въ одной только сферѣ чисто литературныхъ отношеній—соединяющая разныя поколѣнія, и вмѣсто нея открылась зіяющая пропасть, раздѣлившая на два лагеря людей, у которыхъ несомнѣнно нашлось бы много общихъ интересовъ и стремленій. Намъ не нужно называть свидѣтельствующихъ объ этомъ фактовъ: они у всѣхъ предъ глазами и сказываются съ одной стороны жалобами на измѣну традиціямъ прошлаго, а съ другой—обвиненіями въ отсталости, въ непониманіи задачъ, выдвинутыхъ событіями послѣдняго времени и т. д. Но относясь отрицательно къ прошлому, наша молодая литература и общественность ни въ какой сферѣ не выдвинула ни одного дарованія на столько крупнаго и яркаго, ни одного таланта на столько сильнаго, которые создали бы нѣчто положительное и, собравъ вокругъ себя протестантовъ, сплотили ихъ, дали имъ толчокъ въ одномъ опредѣленномъ направленіи и сдѣлались ихъ вождями и руководителями. Оставаясь въ сферѣ чисто литературныхъ отношеній, мы должны отмѣтить, что предоставленные собственнымъ силамъ молодые представители нашей литературы идутъ вразбродъ, подражая, иногда же просто рабски копируя иностранные образцы и пересаживая заимствованные пріемы цѣликомъ на нашу почву. Это со одной стороны; съ другой—поражаетъ наблюдателя какое-то измельчаніе, если можно такъ выразиться, литературныхъ силъ. Старшіе писатели, при всѣхъ ихъ недостаткахъ и несовершенствахъ, имѣли одно крупное достоинство: у нихъ былъ—можетъ быть, и узкій—но опредѣленный кругъ наблюденій, въ которомъ они чувствовали себя, какъ дома; у нихъ было несомнѣнное знаніе жизни, ими выработаны были опредѣленные пріемы и болѣе или менѣе выдержанное и послѣдовательно проведенное міросозерцаніе. У младшей генераціи все это существуетъ въ очень слабой степени. Въ самомъ дѣлѣ, при-

смотрѣвшись внимательнѣе ко всѣмъ этимъ многочисленнымъ произведеніямъ, которыя прошли у насъ предъ глазами, мы не можемъ не обратить вниманія на удивительно бѣдный кругъ наблюденій и крайне мелкое захватываніе фактовъ изъ этого круга; вообще говоря, знанія жизни, той острой, крѣпко схватывающей предметы и явленія и быстро въ нихъ оріентирующейся наблюдательности, которая доставляетъ матеріалъ художнику, не хватаетъ нашимъ младшимъ писателямъ. Результаты этого на лицо въ видѣ неясной, неколоритной, расплывчатой манеры изображенія, болѣе или менѣе явной подражательности и, наконецъ, того поразительнаго изобилія мелкихъ миніатюръ, которое выше нами было отмѣчено. На широкій размахъ, на яркій образъ, на сильную картину не хватаетъ пороху, и потому всякій мелкій фактъ, незначительное событіе, случайно остановившее на себѣ благосклонное вниманіе мелочного наблюдателя, сейчасъ же заносится имъ на бумагу и возводится въ перлъ созданія—конечно, только въ воображеніи автора. Рабски придерживаясь голаго факта, боясь выступить за его крошечные предѣлы, не глубоко захватывая его,—что и можно создать, кромѣ сухого протокола, лишеннаго художественнаго обобщенія и потому никому не интереснаго, ничего не говорящаго ни уму, ни сердцу читателя? Но, какъ мы видѣли выше, даже и на такую несложную работу не всегда хватаетъ силъ у нашихъ молодыхъ писателей, и потому часто получаются результаты a-la Галай: затрагивая множество темъ, такіе писатели ни одной изъ нихъ не въ состояніи довести до благополучнаго конца, не испортивъ по дорогѣ до невозможности, не исказивъ до полной потери всякаго смысла и значенія. Да это и понятно: разъ знаніе жизни и воспріимчивая наблюдательность, добывающая живой матеріалъ для художника, отсутствуютъ, то при малѣйшей попыткѣ выйти за предѣлы простой копировки и протоколированья, приходится восполнять недостающее отъ собственнаго чрева. А результаты этого получаются еще плачевнѣе: вмѣсто голаго протокола—извращеніе и искаженіе дѣйствительности, выдумка, крайне тенденціозное освѣщеніе, погоня за вычурными образами и символами, натянутость, хо-

дульность, увлеченіе фразой и красивой позой въ ущербъ внутреннему смыслу, а отсюда—печать неискренности и дѣланности, лежащая на современной литературѣ какимъ-то несмываемымъ налетомъ. Читая отмѣченныя такой печатью произведенія, только диву даешься: да откуда же, съ какой невѣдомой планеты слетѣли ихъ авторы? гдѣ слышали они эти ни въ какомъ человѣческомъ обществѣ немыслимые разговоры? съ кого писали эти уродливыя, карикатурныя образины, только отдаленнымъ образомъ напоминающія нѣчто въ родѣ человѣческаго лица?.. Жизнь съ ея крупными событіями, съ ея живыми заботами, частыми печалями и рѣдкими радостями проходитъ мимо этихъ наблюдателей; ихъ мелкій и узкій кругозоръ не въ состояніи охватить и вмѣстить живого разнообразія дѣйствительности и это обстоятельство роковымъ образомъ отражается на ихъ произведеніяхъ. Припомните цѣлый рядъ ихъ, прошедшій предъ нами на предыдущихъ страницахъ—всѣ эти «Турки», «Ari'и passionat'ы», «Руки», «Лиліи» вплоть до неуклюжихъ, грубо-тенденціозныхъ и вычурно-символистическихъ повѣстей г.г. Лукіяновича, Яцкова и Пидеши—и вы согласитесь что невниманіе къ живой жизни, пренебреженіе настоящей дѣйствительностью мститъ за себя жестокимъ образомъ...

Въ связи съ отсутствіемъ знанія жизни и недостаткомъ воспріимчивой наблюдательности стоитъ и отсутствіе яснаго міросозерцанія, одна изъ главнѣйшихъ причинъ современнаго нашего литературнаго и иного разброда и растерянности. Старшее поколѣніе,—мы имѣемъ въ виду то, которое открыто стало называть себя украинцами,—при нѣкоторой, допустимъ, узости своего міросозерцанія, имѣло все-таки нѣчто опредѣленное; имъ были выработаны или, по крайней мѣрѣ, твердо усвоены, положимъ, ошибочные идеалы,—но идеалы эти были, они освѣщали ихъ жизненный путь, направляли этимъ путемъ ихъ дѣятельность и объединяли ихъ дѣйствія въ правильную и планомѣрную систему. Опять съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить, что этого нѣтъ у младшаго поколѣнія нашихъ писателей, а если и имѣются—то не идеалы, а идолы, передъ которыми требуется абсолютное преклоненіе, паденіе ницъ, исключающее всякую попытку критическаго

отношенія и провѣрки. Если идоломъ служитъ въ данный моментъ, скажемъ, символизмъ, то всякій несогласно мыслящій подвергается анаѳемѣ, оглашается отсталымъ, ничего не понимающимъ человѣкомъ, и напрасны будутъ всѣ доказательства: идолъ вѣдь не терпитъ критики, а допускаетъ лишь безграничное поклоненіе... И сказанное относится опять таки не къ одной лишь литературѣ, а объясняетъ и многія иныя явленія, проходящія у насъ предъ глазами; вѣдь только отсутствіемъ яснаго міросозерцанія и связанной съ первымъ шаткостью и неустойчивостью въ убѣжденіяхъ и можно объяснить ту быструю эволюцію, которую претерпѣли нѣкоторыя наши общественныя направленія, въ два-три года успѣвшія совершенно, до неузнаваемости, измѣнить свой обликъ... Въ литературѣ же отмѣченный недостатокъ развиваетъ индифферентизмъ къ общественнымъ вопросамъ, наклонность къ безпредметному протестанству, безграничному индивидуализму и туманному мистицизму, злоупотребленіе символистикой и то, наконецъ, блѣдное, поверхностное, не глубокое освѣщеніе изображаемыхъ событій, которое мы отмѣтили выше. Разрабатываемый сюжетъ, изображаемый фактъ не представляется лишь звеномъ въ общей стройной цѣпи событій, частью какого-то цѣльнаго организма; онъ не освѣщается соотвѣтственно опредѣленнымъ общимъ принципамъ, а берется самъ по себѣ, ставится торчкомъ, разрозненно, уединяется и изолируется отъ общихъ условій,—отсюда мозаичность и лоскутность нашей литературы. Вообразимъ только зданіе, построенное по такой системѣ, если вообще можно назвать системой полное отсутствіе всякой системы; предположимъ, что всякій каменщикъ ведетъ свою кладку, какъ ему угодно, не справляясь съ общимъ планомъ—можно, конечно, догадаться, что за чудное сооруженіе въ результатѣ такой работы получится! А между тѣмъ въ нашей литературѣ въ послѣднее время ведется именно такая работа: нашъ литературный Галай «въ одній хвыли и коломыйкы задробыть, и думкы затягне, и весильнои, и зъ псавтыри та гласивъ церковныхъ, и абы вамъ одну спиванку умивъ скинчыты». Растекаясь мыслію по древу, такой писатель въ буквальномъ смыслѣ «по-

писываетъ», не заботясь о томъ, что́ изъ этого выйдетъ, да и выйдетъ ли вообще что-нибудь, а читатель, не находя удовлетворенія своимъ запросамъ, начинаетъ терять терпѣніе и перестаетъ исполнять даже единственную несомнѣнно на немъ лежащую функцію—«почитывать» эти разрозненные клочки и лоскутики, носящіе громкое, но не по праву присвоенное имя—литературы... Если къ сказанному добавимъ еще отсутствіе общаго и спеціально художественнаго образованія, отличающее большинство нашихъ молодыхъ силъ и обнаруживающееся крайнею неумѣлостью и наивностью чисто техническихъ пріемовъ, то получимъ полную картину разсыпанной храмины нашего литературнаго зданія. Не забудемъ, что эта печальная картина получаетъ значеніе особенно грознаго предостереженія въ виду общаго положенія украинской литературы,—тѣхъ внѣшнихъ рамокъ, при которыхъ она лишена возможности свободнаго, не стѣсняемаго развитія, при которыхъ ей труднѣе, чѣмъ какой-либо иной, стряхнуть свои недостатки и сдвинуться съ той мертвой точки, на которой она остановилась.

Да, есть такое положеніе въ механикѣ, извѣстное подъ именемъ мертвой точки; приложенная къ находящемуся въ этомъ положеніи механизму сила не производитъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій, перемѣщенія его элементовъ, и механизмъ временно теряетъ способность къ движенію. Это положеніе покоя, недѣятельности, застоя, если хотите. Намъ кажется, что наша литература вступила именно въ полосу такой мертвой точки и пребываетъ на ней неподвижно, не имѣя пока силъ сняться и продолжать свое поступательное движеніе.

Но неужели,—спроситъ, быть можетъ, читатель,—положеніе такъ безнадежно и выхода не оказывается? Нѣтъ,—отвѣтимъ,—выходъ есть, такъ какъ положеніе нашей литературы хотя и не блестяще, но далеко не безнадежно и еще рано пѣть ей отходную, что́ съ нескрываемымъ удовольствіемъ дѣлали и продолжаютъ дѣлать нѣкоторые наши не въ мѣру ретивые благопріятели. Уже само положеніе—на мертвой точкѣ—означаетъ, что это лишь переходное, только до извѣстнаго времени длящееся состояніе, что это не хроническая болѣзнь, а острое заболѣваніе. Мы глубоко убѣждены,

что литература наша раньше или позже снимется съ роковой мертвой точки и будетъ продолжать свою плодотворную работу, вкладывая и собственную лепту въ сокровищницу общечеловѣческой культуры. Къ счастью, это не только наше, такъ сказать, голое убѣжденіе, которое, въ качествѣ таковаго не можетъ, разумѣется, имѣть доказательной силы: есть уже и кой-какіе объективные признаки поворота къ лучшему, есть предвозвѣстники, хотя и весьма немногочисленные, новаго порядка и хода вещей въ нашей литературѣ.

Въ нашемъ журналѣ, а затѣмъ въ «Л.-Н. Вістнику» и отдѣльно было напечатано нѣсколько разсказовъ г. Винниченка. Думаемъ, что въ свое время читатель обратилъ на нихъ вниманіе. Будучи не всѣ равной художественной цѣны и достоинства, эти разсказы молодого писателя обнаружили тѣмъ не менѣе такую свѣжую силу, какой давно уже не было замѣтно среди нашихъ начинающихъ и подающихъ надежды авторовъ. Конечно, произведенія г. Винниченка далеко не безукоризненны: видна еще нѣкоторая неопытность въ техническихъ пріемахъ, незрѣлость мысли, угловатость манеръ, наклонность насиловать иногда въ угоду извѣстной тенденціи живую правду, наконецъ, нѣсколько тяжеловатый языкъ,—но за всѣми этими недостатками чувствуется громадная сила наблюдательности, умѣнье однимъ словомъ, одной черточкой отмѣтить и оттѣнить характерныя особѣнности изображаемыхъ лицъ, вѣрная психологическая оцѣнка ихъ поступковъ и дѣйствій—словомъ яркій талантъ и сильная индивидуальность. Рядомъ со всевозможными упражненіями нашихъ литературныхъ Галаевъ, «средь нашей пошлости и прозы», среди сонма миніатюръ и лоскутиковъ, въ пору всеобщаго оскуденія и измельчанія талантовъ—произведенія г. Винниченка производятъ отрадное впечатлѣніе настоящей живой струи, сильной именно своею непосредственностью, свѣжестью, молодымъ задоромъ. Такъ иногда среди плохо спѣтаго, разноголосаго, рѣжущаго ухо хора выдѣлится вдругъ молодой чистый голосъ, не обработанный, не установившійся вполнѣ, но чарующій, подкупающій и порабоща-

ющій васъ своею стихійною силой и красотою. Конечно, счастливому обладателю драгоцѣннаго голоса придется много поработать надъ собой, чтобы стать настоящимъ пѣвцомъ, но уже одно присутствіе такого матеріала, изъ котораго можетъ что-нибудь выйти, среди безнадежной, сѣрой посредственности даетъ слушателю нѣкоторыя основанія для надеждъ... Въ настоящее время мы не считаемъ удобнымъ, въ силу нѣкоторыхъ соображеній, подробно останавливаться на произведеніяхъ какъ г. Винниченка, такъ и другого начинающаго писателя—г. Деде, въ еще бóльшей степени обнаружившаго подобныя же свойства настоящаго, крупнаго дарованія, и потому по необходимости должны ограничиться слишкомъ общей характеристикой. Кромѣ того, г. Винниченко находится еще только на зарѣ своей литературной дѣятельности, и мы не можемъ, конечно, брать на себя смѣлости въ точности предсказать, какая будущность ожидаетъ его, какъ писателя, и сумѣетъ ли онъ оправдать полностью тѣ надежды, которыя возбуждены его первыми опытами. Во всякомъ случаѣ появленіе такихъ свѣжихъ, оригинальныхъ, не вымученныхъ дарованій, какъ названные сейчасъ молодые писатели, какъ г.г. Григоренко, М. Левицкій и др., вступившіе на путь литературной дѣятельности нѣсколько раньше, и при томъ въ такое смутное, неопредѣленное время,—кажется намъ глубоко знаменательнымъ признакомъ: достовѣрнымъ свидѣтельствомъ того, что и для насъ приближается уже пора сняться съ мертвой точки и что движеніе впередъ уже начинается и даже обезпечено на первыхъ порахъ дѣятелями...

Какія же однако обстоятельства могутъ совершенно возродить нашу литературу, окончательно сдвинувъ ее съ занятаго ею въ послѣднее время положенія? Какія условія необходимы для созданія того могучаго движенія, которое, завладѣвъ сердцами современниковъ всецѣло, переродило бы ихъ и, по выраженію Шевченка, вмѣсто сукровицы налило теплой, живой крови, заставило воспрянуть духомъ, вселило непоколебимую увѣренность въ наступленіи лучшихъ временъ? Этотъ мучительный вопросъ лучше всего, проще всего и полнѣе всего былъ бы разрѣшенъ

появленіемъ крупныхъ дарованій. «Большого художника, съ большимъ сердцемъ ожидаетъ полчище народа, заболѣвшаго новою, свѣтлою мыслью, народа двигающагося волей-неволей по новой дорогѣ и несомнѣнно къ свѣту» [1]), — такъ формулировалъ когда-то настоятельнѣйшую потребность русской литературы Гл. Успенскій, самъ одинъ изъ такихъ большихъ художниковъ, съ большимъ, чуткимъ и отзывчивымъ сердцемъ. Мы думаемъ, что потребность въ появленіи «большого художника съ большимъ сердцемъ» въ украинской литературѣ никогда не ощущалась съ бóльшею настоятельностью, какъ именно въ наше время—время всеобщей растерянности, разброда и разъединенія, время господства мелкаго факта, протокола и миніатюры, время неясныхъ стремленій, трусости мысли, несознаваемыхъ задачъ и отсутствія опредѣленнаго идеала... Онъ, этотъ большой художникъ, одинъ былъ бы въ силахъ собрать membra disjecta нашихъ направленій, сплотить ихъ и заставить всѣ сердца биться однимъ желаніемъ, однимъ стремленіемъ, объединивъ вокругъ одной общей цѣли; онъ и эту общую цѣль формулировалъ и опредѣлилъ бы и сомкнутыми рядами, viribus unitis, заставилъ бы насъ двинуться къ ея осуществленію. Въ исторіи нашей литературы и общественности подобный моментъ уже былъ. Послѣ Котляревскаго и Артемовскаго-Гулака—талантливыхъ, но не обладавшихъ всею полнотою творческихъ силъ начинателей украинской литературы—наступилъ перерывъ, когда движеніе впередъ, повидимому, пріостановилось, замерло и начинало терять свою силу и значеніе, когда даже одинъ изъ упомянутыхъ корифеевъ-начинателей началъ было исторгать изъ своей лиры невѣрные, фальшивые звуки. Но вотъ, въ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, появляется неожиданно небольшая книжка, называвшаяся «Кобзарь», и этой книжкѣ суждено было сыграть въ нашей новѣйшей исторіи роль могучаго мотора, столкнувшаго украинскую литературу съ мертвой точки, на которой онъ, казалось, такъ прочно

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Гл. Успенскаго. Кіевъ, 1903, т. II, стр. 166.

засѣлъ. Авторъ этой небольшой книжки былъ тѣмъ Орфеемъ, который огненнымъ словомъ своимъ пробудилъ каменныя сердца современниковъ, вдохнулъ въ нихъ горячую, непритворную любовь къ своему, тогда еще закрѣпощенному народу, далъ яркое выраженіе нашей народной душѣ и сдѣлался тѣмъ могучимъ вождемъ, тѣмъ Моисеемъ, который вывелъ насъ изъ Египта очерствѣнія, мертвенности и застоя. Замѣчательно, что къ этому именно времени относятся и первые зачатки общественнаго движенія, выразившіеся и въ пробужденіи интереса къ народу и народной жизни и, наконецъ, въ небываломъ дотолѣ подъемѣ литературнаго творчества и продукціи въ 60-хъ годахъ. Въ землю обѣтованную тогда мы однако не вошли, до сихъ поръ продолжая 40-лѣтнее странствованіе по пустынѣ. Все же таки это странствованіе для насъ не прошло даромъ, а должно было оставить, и несомнѣнно оставило, извѣстные слѣды; къ землѣ обѣтованной мы все-таки приблизились и, можетъ быть, и не такъ ужъ далека отъ насъ, какъ продолжаетъ цитированный нами писатель, «минута, ожидающая сильный и могучій талантъ, который несомнѣнно долженъ родиться среди такой массы глубокихъ сердечныхъ страданій» [1])...

Но появленіе ихъ, этихъ могучихъ, геніальныхъ талантовъ, подчинено какимъ-то намъ невѣдомымъ, капризнымъ по своей неуловимости законамъ природы; это ея секретъ, ея тайна, предъ которыми мы совершенно безсильны и разгадать которые мы не въ состояніи. Можетъ быть, такой талантъ уже растетъ среди насъ, расправляетъ свои крылья и дѣлаетъ первые шаги, робкіе и слабые и потому для насъ незамѣтные; можетъ быть, появленіе его отсрочено еще на неопредѣленное время,—этого, повторяемъ, мы, къ сожалѣнію, знать не можемъ. Какъ бы то ни было, мы не будемъ останавливаться на гадательныхъ шансахъ появленія ожидаемыхъ сильныхъ талантовъ. Но какъ быть до ихъ появленія? какъ сняться съ мертвой точки при на-

---

[1]) Ib., 167.

личности данныхъ литературныхъ силъ? да и возможно-ли это? По нашему мнѣнію, это вполнѣ возможно. Пусть только братья-писатели прежде всего серьзно отнесутся къ принятымъ на себя добровольно обязанностямъ, пусть обратятъ серьезное вниманіе на выработку цѣльнаго и прочнаго міросозерцанія, пусть не убѣгаютъ подъ сѣнь туманностей и выспренностей отъ жизни и ея требованій, а изучаютъ эту основу всякаго искусства внимательно; пусть область «з-надъ хмаръ» оставятъ въ удѣлъ «надхмарнымъ» же обитателямъ и почаще берутъ свои наблюденія «зъ долынъ»; пусть, наконецъ, будутъ искренни и не принимаются за разработку темъ, превосходящихъ ихъ силы и знанія— и «вся приложатся вамъ». Для такой работы— мы это смѣло утверждаемъ—хватило бы наличныхъ нашихъ силъ и талантовъ, которые въ настоящее время часто уклоняются съ прямого пути на окольныя дорожки. А между тѣмъ своею планомѣрною, добросовѣстною дѣятельностью въ одномъ направленіи они несомнѣнно приблизили бы появленіе того, кому всѣ мы, и читатели и писатели, недостойны развязать ремень у сапога, расчистивъ почву и подготовивъ ту реальную обстановку, которая для появленія большихъ талантовъ необходима. «Желаю вамъ... честной и смѣлой литературы, внутренно честной и смѣлой, которая не боялась бы своихъ собственныхъ знаній, мыслей и чувствъ, которая ежеминутно задавала бы себѣ вопросы и не отходила отъ нихъ, не получивъ полнаго и безповоротнаго отвѣта» [1],—писалъ почившій недавно большой дѣятель русской литературы. Мы думаемъ, что въ сферѣ литературныхъ интересовъ ничего лучше, привлекательнѣе и заманчивѣе, чѣмъ это пожеланіе, мы не можемъ предложить и нашему читателю...

Сергій Ефремовъ.

4—11. IV. 904.
Кіевъ.

---

[1]) Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Спб., 1896, т. I, стр. 840.

РОКСОЛАНА [1]).

I.

Босфоръ затыхъ. Серпанкомъ ночи
Вдяглыся пышныи садкы,
Видкрылы зори свитли очи
И сны прылынулы прудки.
Заснуло все; и мыръ и спо́кій
Въ серця намучени ввійшлы,
И Царьгородъ увесь шырокый
Забуттямъ тыхымъ повылы.
Одынъ не спыть державець сывый,
Величный, дужый Сулейманъ,
Схылывшы голову, тужлывый
Сыдыть стурбованый султанъ.
Въ ёго очахъ и сумъ, и горе,
Стыскае серце биль тяжкый,
Винъ чуе лыхо необоре,

---

[1]) Жинка турецького султана Сулеймана. Имя Роксолана взяте зъ перськои мовы: Rouschen—то значыть *Свитъ*. Вона була родомъ украинка; попавшы въ турецьку неволю, вона опынылася въ султанському гареми и незабаромъ стала жинкою султана Сулеймана; славылась своею красою и розумомъ и мала велыкый вплывъ на султана; померла въ 1558 роци.

Винъ чуе доли судъ важкый:
На лижку пышному конае
Ёго улюблена жона,
Іи облыччя огортае
Смертельна тинь, якъ ничъ сумна.
Вона заснула; нахылывся
Старый султанъ до мылыхъ рысъ,
На ихъ винъ палко задывывся,
Блидый, похмурый, та безъ слизъ.

II.

И спогадавъ винъ день той бýчный,
Колы упершъ царемъ ёго
Витавъ народа пóклыкъ гýчный,
Якъ ставъ винъ владаремъ всёго.
Въ той самый день въ сераль роскишный
Новыхъ невильныць прывелы—
И якъ квитныкъ барвыстый, пышный
Воны прекрасни вси булы.
Але мижъ ныхъ одна стояла,—
Помитывъ зразу винъ іи,—
Надъ всихъ вона красою сяла,
Спустывшы очи таемни.
Винъ взявъ іи въ свои покои,
Жыття видрадою назвавъ,
Своею владною рукою
Роскóши ій и перлы давъ.
Але вона смутна ходыла,
Все непрыступна, мовчазнá,
И дыкымъ полумьямъ горила
Въ очахъ ненáвисть запальна.
«Чого ты хочешъ, украинко?
Видъ чого сумъ твій и журба?
Ты владныця моя, чужынко!»
Вона жъ казала: «Я раба!

Не жинка я твоя—служныця,
И тронъ твій инша подиля!»
Винъ усмихнувся: «Ты царыця,
Ты у полонъ мене взяла!»
И давъ винъ тронъ ій, давъ ій владу,
Іи султаншою зробывъ,
Для неи сына, якъ за зраду,
Ни въ чимъ невынного убывъ,
Іи назвавъ винъ *Роксолана*—
То значыть *свитъ*. И вже на викъ
Була едыная кохана
Вона ёму—и рай и ликъ.
Такъ рокы йшлы... винъ самовладный
Надъ краемъ цилымъ панувавъ,
Та поглядъ, рухъ іи прынадный
Надъ нымъ могутню сылу мавъ.
Такъ рокы йшлы... вона старила,
Вгасалы очи, и уста
Блиднилы горди, и сывила
Коса роскишная густа.
Для нёго жъ пышною красою
И доси ще вона цвила,
Въ очахъ ёго ще молодою,
Все свитозорою була.

III.

Ій снытся сонъ: Весняный ранокъ,
Святковый чыстый дзвинъ луна,
Изъ хаты свитлои на ганокъ
Выходе вбраная вона.
Такъ гарно вкругъ: шырока ричка
Помижъ зеленыхъ та рясныхъ
Садкивъ бижыть, якъ ясна стричка,
Сміется зграя хвыль гучныхъ.
Хаты билiють мижъ садкамы

И церква билая стоить—
Вся баня вкрытая зиркамы,
Надъ нею хрестъ святый блыщыть.
Народъ веселою юрбою
Иде у церкву; любо тамъ:
Якоюсь втихою святою
Весь повенъ свитлый Божый храмъ.
И тамъ вона стоить вродлыва
Въ дивочій кýпци молодій,
Їй легко такъ, вона счаслыва,
Веселыхъ думъ у неи рій.
Їй любо такъ: слова святыи
Спива поважно хоръ гучный;
Видкрылысь двери золотыи,
Зъ хрестомъ выходе пипъ старый.
Іи то батько [1]; хрестъ здіймае,
Ласково дывытся кругомъ
И всихъ людей благословляе
Велыкымъ, сяючымъ хрестомъ.

—

Находе хмарка. Въ сни одмина:
На землю тепла ничъ зійшла,
Знадлыва писня соловьина
Повитря разомъ проняла.
И льется писня, пахнуть квиты,
Шепоче ричка, осяйна,
У свитли мисяшнимъ, и виты
Купае въ ній верба рясна.
Вона, дивчына молодая,
У садъ выходе тыхо свій,
Цилуе ничъ іи блидáя,
Витреь торка волосся ій.

---

[1] Есть думка, що Роксолана була попивна (зъ Рогатына, въ Галычыни).

И жде вона: прыйде коханый,
Юнакъ веселый и ставный,
Вона почуе голосъ знаный,
Побачыть поглядъ чаривный.

IV.

Зныкае садъ и ничъ весняна,
Спивъ соловейка затыха...
Видкрыла очи Роксолана—
Іи гнитыть журба глуха.
Далеки спо́гады болючи
Збудылы сны въ души іи,
Чуття забути и пекучи,
Жали́ глыбоки и смутни.
И ро́спачъ темный обіймае
Іи истоту; страшно ій:
Здается крыла розгортае
Надъ нею смерть у мгли ничній.
И хтось шепоче прыкро, тыхо:
Згадай усе, згадай усе,
Нехай и счастя все и лыхо
До тебе спогадъ прынесе.
Згадай, якъ першъ въ оци палаты
Тебе, рабыню, продалы
И щобъ прывабыть пана—въ шаты
Тебе роскишни одяглы;
Згадай его палке кохання,
Свою скорботу и печаль,
Султанши першои заслання,
Блыскучый тронъ и тяжкый жаль.
Згадай и прынця молодого,
Що матирью ту першу звавъ...
Его ты бачыла блидого—

Убытый, доли винъ лежавъ [1]).
Теперъ твій сынъ наступныкъ трону,
Никчемный, хытрый и дурный,
Жадлыво дожыда корону,
Всимъ ненавыстный и страшный.
Згадай, згадай свои роскóши,
Рабынь лестывыхъ и рабивъ.
Згадай, ты мала перлы, гроши,
Не мала тильки ты друзи́въ.

V.

Султанша тыхо застогнала,
До неи кынувсь Сулейманъ —
Така блидá вона лежала,
Що затремтивъ старый султанъ.
Вона на ёго темни очи
Свои звернула—и страшни
Воны булы, якъ опивночи
Прывыддя дыки, маривни́.
«О, Россо, свитъ мій, Роксолана,
Утихо любая моя,
Твои страждання, о кохана,
Зъ тобою подиляю я.
Для тебе я, моя видрада,
Весь свитъ бажавъ бы зруйновать,
Абы знайшлася десь порада
Тебе одъ смерти вратувать!
Скажы мени, моя прекрасна,
Чого бажаешъ?—все зроблю.
О, Роксолана моя ясна,
Тебе безъ краю я люблю!»

---

[1]) Зъ намовы Роксоланы султанъ покаравъ свого сына Мустафу на смерть, а іи сынъ ставъ наступныкомъ трону, а потимъ и султаномъ пидъ именемъ Селима II.

VI.

И каже тыхо Роксолана:
«Ты знаешъ край? Далекый винъ,
Немае тамъ раба, ни пана,
Лунае срибный Божый дзвинъ.
Тамъ ясни рикы, били хаты,
Садкы зелени и квиткы,
Найкращи въ свити тамъ дивчата,
И найясниши тамъ зиркы.
Видважни люде тамъ и вильни,
Тамъ жинка—пóдруга свята,
И зъ чоловикомъ въ неи спильни
И люба праця и мета.
Тамъ гарно такъ, тамъ легко жыты,
Туды летыть душа моя,—
Навикы въ тій земли спочыты,
Умерты тамъ бажала-бъ я!
То ридный край! ёго забула,
Та въ сни побачыла я зновъ—
И душу гришну обгорнула
Въ часъ смертный давняя любовь.
Ахъ, тильки тамъ була счаслыва,
Тамъ тильки вильно я жыла,
И, якъ дытына жартовлыва,
Не знала я гриха и зла!»
Султанъ поблицъ. «Шо ты згадала,
Невдячна жинко? Дыкый край!
Хиба не тутъ ты видшукала
Блыскучу долю?—прыгадай!»
«Такъ, тутъ знайшла корону, владу,
Тутъ я царыцею була,
Та чыстои душы видраду
Лышыла тамъ, де я зросла.
И цю чужу кляну краину,

Свое у ій кляну жыття.
У ридну землю серцемъ лыну,
Ій виддаю уси чуття!
Забутого благаю Бога:
Просты мене, рятуй мене!
Нехай въ души моій трывога
Замовкне тыхо и засне.
Просты и ты, моя краино!
Колы-бъ у друге жыты зновъ,
То кровы кожную краплыну
Тоби-бъ несла моя любовъ.
О, тыхи воды, ясни зори!»..
И змовкла. Смерть блида прыйшла,
Въ свои обійма непрозори
Іи нечутно прыйняла.

—

Старый султанъ, похмурый, темный,
Край лижка пышного стоявъ
И роспачлывый гнивъ палавъ
Въ души ёго, и жаль даремный,
И страхъ все серце огортавъ.

—

Вона умерла, и въ хвылыну
Останнюю свого жыття
Уси думкы́ іи, чуття
Неслыся въ ридную краину,
Туды бажалы вориття.

—

Винъ дума це, и гнивъ безкрайній
Палае въ серци самотнимъ...
Іи любывъ винъ серцемъ всимъ,
Та въ смертный часъ, у часъ останній
Ій бувъ далекымъ и чужымъ.

Галына Комарова.

Г. Балта (подольской губ.).

Историческая замѣтка.

Городъ Балта, въ настоящее время бѣдный и чрезвычайно грязный городокъ, имѣетъ около 23 тысячъ жителей и съ каждымъ годомъ падаетъ. Знаменитыя балтскія ярмарки, привлекавшія прежде со всей Подоліи «пановъ-магнатовъ», «батюшокъ», и вообще пріѣзжихъ, теперь уже мало кого привлекаютъ, а потому не удивительно, что Балта хирѣетъ и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ превратится въ обыкновенное большое мѣстечко, которыми такъ богата наша Подолія.

А между тѣмъ этотъ захудалый городокъ имѣетъ довольно незаурядное прошлое, которое объясняется тѣмъ, что онъ возникъ изъ поселенія и находится на самой границѣ между Турціей и Польшей, а потому ему пришлось перетерпѣть довольно много разныхъ непріятностей. Нужно только сознаться, что, къ сожалѣнію, историческихъ свѣдѣній о Балтѣ не особенно много. Довольно много историческихъ документовъ, указовъ и пр. заключено въ архивахъ уѣздной полиціи и городской управѣ, гдѣ сосредоточены и дѣла бывшаго магистрата; но, во-первыхъ, архивы эти, въ особенности городской управы, находятся въ весьма печальномъ положеніи, да и получить къ нимъ доступъ лицу не оффиціальному крайне трудно. Лицу, пишущему эти строки, нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришлось видѣть случайно на чердакѣ

городской управы кипы бумагъ, между которыми было много писанныхъ на польскомъ и русскомъ языкахъ и которыя по датамъ относились къ 18 столѣтію, то есть къ тому любопытному времени, когда Балта управлялась по Магдебургскому праву. Судя потому, какъ небрежно хранились эти документы, можно думать, что не особенно много ихъ теперь сохранилось.

Вотъ тѣ немногія историческія свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось добыть объ этомъ захудаломъ городкѣ, пять разъ мѣнявшемъ свое названіе.

Когда основана Балта—въ точности неизвѣстно, но можно съ увѣренностью сказать, что въ концѣ 17-го столѣтія, на лѣвомъ берегу тогда еще довольно многоводной рѣки Кодымы, выходцами изъ Запорожья было основано небольшое селеніе, носившее названіе «Паліево озеро». Въ началѣ 18-го вѣка мѣстность эта, гдѣ было расположено Паліево озеро, досталосъ князю Іосифу Любомирскому. Любомирскій построилъ въ этомъ селеніи замокъ и далъ ему названіе «Юзефгродъ». Въ половинѣ 18-го столѣтія на противоположномъ, правомъ, берегу Кодымы, принадлежавшемъ тогда Турціи, образовалось также поселеніе, названное Балтою. Турецкое правительство, въ виду пограничнаго положенія этого поселка, построило здѣсь крѣпостцу.

Въ 1768 году, послѣ знаменитой «Уманской рѣзни», предводитель гайдамацкаго возстанія Желѣзнякъ, а по другой версіи—его сотникъ Шило [1]), подошелъ къ Юзефгроду, взялъ его послѣ небольшого сопротивленія, разграбилъ и сжегъ, при чемъ вырѣзалъ много евреевъ и поляковъ. Часть ихъ бѣжала на правый берегъ Кодымы въ Балту. Шило потребовалъ ихъ выдачи отъ коменданта крѣпостцы; когда же ему въ этомъ было отказано, онъ взялъ приступомъ Балту, перебилъ жителей ея и сжегъ то, чего не могъ забрать съ собой. Разграбленіе Балты послужило Турціи, искавшей лишь удобнаго случая, поводомъ для объявленія Россіи войны.

---

[1]) Сочиненіе Максимовича, I, 647.

Князь Александръ Любомирскій, желая возстановить Юзефгродъ, выхлопоталъ у короля Станислава-Августа грамоты. Одна грамота давала Юзефгроду Магдебургское право, а другая устанавливала двѣ ярмарки—Майскую и Петропавловскую. До какого времени Юзефгродъ управлялся по Магдебургскому праву—неизвѣстно,—кажется, это продолжалось до 1795 года. Въ 1793 году, послѣ присоединенія Подоліи къ Россіи, городъ былъ купленъ казною у Любомирскаго и въ 1795 г. вмѣстѣ съ Балтой соединенъ въ одинъ городъ подъ названіемъ Еленскъ и въ качествѣ уѣзднаго города вошелъ въ составъ вновь образованной тогда Вознесенской губерніи. Городъ Еленскъ, какъ и Вознесенская губернія, просуществовалъ не долго, всего только одиннадцать лѣтъ. Въ 1806 году онъ былъ переименованъ въ Балту и сдѣлался уѣзднымъ городомъ вновь образованной тогда губерніи Подольской. Въ настоящее время есть проектъ о присоединеніи Балты и ея уѣзда къ вновь образовываемой губерніи Одесской.

Изъ памятниковъ прежняго времени остались въ Балтѣ: палацъ князя Любомирскаго и постройки, окружавшія палацъ (службы, конюшни и костелъ). Всѣ эти постройки находятся на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Юзефгродъ; тамъ же, гдѣ находилась собственно Балта, не осталось ни одной старинной постройки. Палацъ представляетъ изъ себя довольно большое двухэтажное зданіе съ мансардами. Зданіе настолько солидно построено, что хотя ему пришлось быть и коммисаріатомъ, и провіантскимъ магазиномъ, и казармою для солдатъ, и городской управой, и наконецъ сдѣлаться женской прогимназіей,—однако, несмотря на все это, оно такъ же солидно, какъ и во времена князей Любомирскихъ. При перестройкѣ этого зданія, а также при перестройкѣ того зданія, гдѣ помѣщались службы князей Любомирскихъ, были находимы старинныя монеты, какъ напр., голландскіе червонцы, польскіе золотые и пр.; къ сожалѣнію, монеты эти исчезаютъ неизвѣстно куда, такъ какъ никто не интересуется ихъ судьбою. На мѣстѣ же Балты находятъ въ довольно большомъ количествѣ турецкія и польскія монеты. Интересно то, что гдѣ бы ни рыть землю въ городѣ, всегда наткнешься на человѣческія кости; можно сказать безъ преувеличенія, что

Балта построена на костяхъ. Недалеко отъ зданія, гдѣ былъ палацъ, находится костелъ, прежде домашняя каплица князей Любомирскихъ. Костелъ этотъ построенъ въ началѣ 18-го столѣтія, при основаніи Юзефгрода. До послѣдняго времени въ притворѣ костела висѣли старинные портреты строителей костела, князя и княгини Любомирскихъ, теперь же, послѣ послѣдней перестройки костела, эти портреты куда-то убрали. Позади замка расположено на склонѣ довольно большого оврага еврейское кладбище, т. н. «старое», а за нимъ на склонахъ этого оврага расположена часть города, названющаяся «Краснымъ яромъ». Съ мѣстностью этой и въ особенности съ мѣстностью, расположенной противъ еврейскаго кладбища на другомъ склонѣ оврага, связано слѣдующее преданіе. Когда Желѣзнякъ, возвращаясь изъ Умани, послѣ «ризни», напалъ на Балту, то онъ зналъ, что за нимъ по пятамъ гонятся русскія и польскія войска, и вотъ, желая спрятать тѣ «скарбы», которые онъ добылъ въ Умани, Желѣзнякъ поступилъ такъ: зашилъ всѣ деньги и драгоцѣнности въ воловью шкуру и зарылъ въ лѣску, расположенномъ напротивъ еврейскаго кладбища. Повѣрье объ этомъ кладѣ было настолько популярно, что лѣтъ 35 тому назадъ въ Балту пріѣзжали какіе-то кладоискатели и, съ разрѣшенія городской управы, усердно рылись въ «Красномъ яру», но ничего не нашли. Положимъ, въ народѣ есть преданье, что кладъ этотъ заклятъ Желѣзнякомъ, а слѣдовательно его не такъ легко найти.

Недалеко отъ костела находится каменный соборъ, построенный въ 1803—1816 годахъ, въ честь Рождества Богородицы. Соборъ ничѣмъ не замѣчателенъ: архитектура неважная; иконы, хотя живописи начала прошлаго вѣка, но не отличаются художественными достоинствами; книги церковныя особеннаго ничего не представляютъ, утварь тоже. Архивъ церковный недоступенъ, хотя въ немъ, можетъ быть, и есть что-нибудь интересное.

Интересно то, что соборъ построенъ на громадныхъ минахъ. Мины эти тянутся, начинаясь съ Краснаго яра къ костелу. По разсказамъ старожиловъ, однажды сильнымъ ливнемъ размыло часть земляного покрова одной изъ этихъ минъ. Спускавшіеся

смѣльчаки нашли въ ней массу костей (человѣческихъ) и могли замѣтить, что мина эта, высокая и широкая, шла куда-то далеко. Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ изслѣдованій не производилось, а мина эта была по чьему-то распоряженію засыпана. Вообще можно сказать, что въ Балтѣ, кромѣ этихъ минъ, находятъ часто и другія мины. Какъ видно, эти мины служили убѣжищами въ прежнее смутное время. По другую сторону Кодымы, на такъ называемой турецкой или «русской» сторонѣ, никакихъ старинныхъ построекъ не оставалось. Существующая здѣсь церковь во имя св. Николая построена въ 1824—1828 гг. и ничѣмъ особеннымъ не отличается. Интересно, почему эта часть города называется «русской». Дѣло въ томъ, что здѣсь находится громадная слобода великороссовъ-раскольниковъ: поповцевъ, безпоповцевъ и хатниковъ. Когда они переселились сюда, неизвѣстно. Раскольники эти имѣютъ своего епископа, ставленника митрополита Бѣлокриницкаго, въ Австріи. Епископъ этотъ имѣетъ митру, подаренную ему, по устному преданью, императоромъ Николаемъ I-мъ, по другому же сказанію Императоромъ Александромъ I-мъ, по настоянію знаменитаго архимандрита Фотія.

Живутъ эти раскольники замкнуто и съ остальнымъ населеніемъ не смѣшиваются.

На кладбищѣ, находящемся на «русской сторонѣ», есть небольшая церковка, а позади ея могила священника Ѳеодосія Левицкаго—мѣстнаго святого, но непризнаваемаго церковью.

Ф.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Одобрительныя свидѣтельства для кандидатовъ священства на Волыни. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, когда еще въ Малороссіи сохранялся старый, исконный порядокъ избранія прихожанами своихъ духовныхъ пастырей, лица, ищущія духовнаго сана, должны были представлять такъ называемыя презенты, или одобрительныя свидѣтельства. Свидѣтельства эти они получали отъ той громады, отъ того прихода, гдѣ въ послѣднее время служили или гдѣ проживали. Мѣстный священникъ, какъ настоятель прихода, обыкновенно скрѣплялъ такія свидѣтельства своею подписью, удостовѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ правильность. Одни изъ этихъ свидѣтельствъ отличались лаконическою краткостью, другія, напротивъ, обращаютъ на себя вниманіе обширностью и многословіемъ. Какъ образецъ перваго рода документовъ, приводимъ одобрительное свидѣтельство, выданное прихожанами м. Старой Синявы (лит. у., под. губ.) дьячку Ганджулевичу, избранному прихожанами с. Голѣевки, чудновскаго повѣта, въ бусвященники. Свидѣтельство это, писанное на четвертушкѣ синей бумаги первобытнымъ почеркомъ и скопированное нами въ архивѣ Волынской духовной консисторіи, передаемъ съ сохраненіемъ ороографіи подлинника.

„Ми громада Старосинявска, на предмесцю Заставецахъ жителие, даемъ свѣдителство Іоану Ганджулевичу, іако служилъ намъ и священнику нашему чрезъ три года въ службѣ діаковской, въ которѣй-то службѣ завсегда набоженства пилновалъ, покору ко каждему имѣлъ, и завжди тверезъ билъ, и нѣкому жадней кривди не здѣлалъ, на що ми свѣдителствуемъ, а не умѣющеі нѣсма знакомъ креста святаго подписуемся“. На этомъ свидѣтельствѣ, подписанномъ нѣсколькими крестиками, имѣется далѣе слѣдующая приписка:

„Ја, священникъ старосинявскый на придмѣсцю Заставецъ священнодѣйствующій, свѣдѣтелствую, яко сие свѣдителство при мѣнѣ дано било од моихъ приходжанъ, на що подписуюся. Священникъ дѣйствующій Фтеодоръ Санкевичъ, въ Старой Синявѣ, на Заставцахъ".

Бывало и такъ, что консисторія, не довольствуясь подобными свидѣтельствами, которыя могли быть получены отъ прихожанъ за мзду или за добрый могорычъ, поручала мѣстному благочинному лично опросить прихожанъ о нравственныхъ качествахъ кандидата и о томъ, удовлетворяетъ ли онъ каноническимъ требованіямъ, обязательнымъ для ищущаго священства. Въ подобныхъ случаяхъ благочинный или самъ лично производилъ родъ „повальнаго обыска" о просителѣ, или поручалъ это кому-либо изъ подвѣдомственныхъ ему священниковъ, и въ результатѣ получалось одобрительное свидѣтельство уже иного характера, образецъ котораго и приводимъ здѣсь. Оно скопировано нами тѣмъ же порядкомъ, какъ и первое.

„Слѣдствѣе".

„Умершаго священника Никифора Стахурскаго, пройшлаго настоятеля Болячевскаго, родному сину того Уласу; какъ Уласъ ажъ до сего времене жития своего чи добре или постоянно, либо съ каждимъ зле поступками свой вѣкъ провождалъ, по виконанной присягѣ подлинно, своеручно и поособно подписаннихъ, не кревнихъ, не подкупленнихъ и нѣякимъ способомъ не намовленнихъ на сего Уласа сторону для засвѣдченія справедливихъ сумленнихъ и годнихъ всегда где-небудь вѣри при всякомъ случаѣ правности дѣлъ вартихъ особъ, о повожденію, добримъ обхожденію того Уласа Стахурскаго, священническаго сина, нинѣ такъ а не иначе сиѣ | со ними инниѣ цѣлого прихода Болячева [1]) и просѣлка Покришова годниѣ люде такъ засвѣдчаютъ, для которого свѣдѣтелства и я подлинно и своеручно подписанниі священникъ, по виданному минѣ на писмѣ отъ его високопревелебѣя Иоана благочиннаго протоіерея Линѣевича документу, съехалъ нинѣшняго числа въ с. Болячовъ, гдѣ, по приказу моей старшини, такъ, какъ дѣло обычаевъ, добрыхъ цнотъ, со всякимъ не злой, но толко всегда доброй смирности сего священническаго сина Уласа Стахурскаго зъ себе управленія о немъ отъ людей нижей описанними пун-

---

[1]) Радомышльскаго у., вол. губ.

ктами, при полученной присягѣ, годниѣ особы такъ свѣдѣтелствуютъ, 1-ве, Ми свѣдѣтельствуемъ о тому, что сей Уласъ есть священническій синъ Стахурскій; 2-ое свѣдѣтелствуемо еще и тое, что сей же Уласъ холостъ бывши, первимъ бракомъ со дѣвицею Татияною, священыка Симеона Левицкаго, настоятеля Осницкаго, и жени его Татиянни дочериею, уже есть сочетанъ; 3-те, нѣчого нѣ у кого тайно безъ вѣдома не взялъ, и нѣ въ чомъ не проклинался, не бывся а нѣ позивался; 4-те, свѣдѣтелствуемо на тое, что сей же вижей помянутиі Уласъ, синъ священническій, еще отъ мала лѣтъ своѣхъ, нижей десяти дитинства своего, таковаго дѣла, которое бы неупадно могло быть въ предъ Господу Богу, а потомъ каждой старшинѣ, родителемъ своѣмъ, и всѣмъ старшимъ и меншимъ особамъ, нѣкогда при жития своего добримъ, хвалебнимъ, не злимъ, смиреннимъ во всякомъ поводженіѣ, нѣчого вредящаго нѣкому ажъ до сего времене живучи не содѣлалъ злого, но все со всякимъ добре обходился; 5-те, еще и тое засвѣдчаемо, что онъ Уласъ, синъ священническій, на жадномъ зломъ и непристойномъ его станови мѣсцѣ; т. е. по всѣхъ зборищахъ Богу и людямъ неугоднихъ, такъ по вечерницяхъ въ ночѣ, яко и по корчомныхъ домахъ въ денъ, безъ интересу и випадлой потребы нѣкогда не знайдовался, но толко всегда при гонорѣ и славѣ со похвалою отъ каждаго, найменшаго и найболшаго, жилъ, и в далшое время онъ жити, яко ушанованя пристойнаго отъ усѣхъ годенъ, о тое всегда старался и теперъ старается; 6-те, у дома не всегда вигодовался, но потрохи и въ академѣѣ житомѣрской учениі. Матку родную свою и дядюшку по своей матки роднаго всегда шануючиі, невпротивъ безъ жаднои отмови отъ дитинства лѣтъ своѣхъ смиренно жилъ, и теперъ такъ живетъ; 7-ме, не толко господарства пилнуе, але и всегда церкви, набоженства, литургіи и въ должности християнской всякаго церковнаго пѣния онъ нѣкогда нѣ опущаетъ, но всегда на немъ буваетъ, читаетъ и спѣваетъ; 8-ме, пяного его ми такъ у приходѣ Болячевскомъ, яко й по инших селеніяхъ либо по мѣстамъ, у торгу или ярмарку, нѣгде и нѣколи не видѣли; 9-те. анѣ у жадной должности жовнѣрской сей Уласъ, священническій синъ, Стахурскій, отъ мала лѣтъ своѣхъ нѣкогда не былъ, свѣдѣтелствуемо; 10-те, тое усе, что толко добрихъ и найлѣпшихъ людей добриѣ и найлѣпшиѣ родниѣ дѣти, со всякимъ и до всякихъ угодностей побожне, статечне, богобойне, смиренне, со уподобаннемъ каждому, безъ жаднои нагани, ганби, тихо, ласково и мило они справовалися и теперъ такъ живучи

свое житте проводятъ, не иначе жъ и сей Уласъ, священническій синъ, Стахурскій въ должности християнской своего жития вѣкъ провожъдаетъ тако жъ, како жъ и во всякомъ повождениѣ найлѣпшихъ людей добриѣ и наугоднѣйшиѣ дѣти своего жития вѣкъ проводящиѣ; и онъ Уласъ купно со такими свой вѣкъ статечне, не пяно, тверезо, ажъ до сего времене проводилъ и проводитъ, и еще до того въ далшиѣ часа житъ не иначей, толко такъ старается. На тое свѣдѣтелствуемо и къ сему вижей описанному усему тому, що естъ на сей бумагѣ писмомъ виражено, по виконанию при крестѣ на евангелиѣ святой со цѣлаго прихода Болячевскаго нашой присяги по званію каждаго и прозванію начертаниемъ своеручно святаго креста, для увѣренія свѣдѣтелства тому Уласу, умершаго священника Никифора Стахурскаго, настоятеля пройшлаго Болячевскаго, священническому сину, ми самохотне, безъ примусу жаднаго и доброволне подписалися".

Въ числѣ другихъ, между прочимъ, подписаны: „Шляхтичъ Иосифъ Кулицкиі. Шляхтичъ Иоанъ Левковскиі. Шляхтичъ Өеодоръ Левковскиі. Олексей Бенедищукъ, ключникъ Иоанъ Опанасюкъ, титоръ", и т. д. Въ заключеніе подписей имѣется слѣдующая приписка:

„По сей виконанной присяги отъ цѣлой громади приходскихъ на тое села Болячева людей, въ чемъ и я за виданнимъ минѣ отъ благочиннаго протоіерея Иоана Линиевича документу и вмѣсто его свѣдѣтелствую, и на тое своеручно при витиснению моей печати подписался священникъ Антониі Иоановъ Лотоцкиі, настоятель Водошійскиі".

Въ этомъ пространномъ свидѣтельствѣ начертанъ, можно сказать, идеалъ вполнѣ порядочнаго и достойнаго всякаго уваженія человѣка, которому удовлетворяетъ молодой кандидатъ священства. Сверхъ того, ему присущи еще и спеціальныя добродѣтели, требующіяся особыми условіями предстоящей ему службы. Онъ не только понимаетъ толкъ въ сельскомъ хозяйствѣ, что очевидно, считалось необходимымъ для священника, но знаетъ также и церковное пѣніе, и чтеніе. Однако, кандидаты священства не всегда вербовались изъ духовной среды, принадлежность къ которой даетъ возможность съ дѣтскихъ лѣтъ усвоить особенности и порядокъ церковныхъ службъ. Въ то время немало было случаевъ поставленія въ духовный санъ лицъ, которымъ предыдущая дѣятельность, казалось, не могла дать никакой подготовки къ священнослуженію. Такъ, напр., въ 1795 г., употребляя тогдашнее выраженіе, „промовался" во священники нѣкто Туркевичъ,

бывшій до того времени садовникомъ, причемъ эту профессію онъ унаслѣдовалъ отъ своего отца. Естественно, что никакого свидѣтельства отъ громады онъ представить не могъ; вмѣсто того къ прошенію приложено слѣдующее свидѣтельство частнаго лица:

„Daię tę moję zaswiadczenie Michałowi Turkiewiczowi, bywszemu memu ogrodnikowi, iako u mnie wiernie, trzyzwie y pilnie przez pułczwarta roku służył, co dla lepszey wiary własną podpisuię ręką. 1792 r., 5 stycznia, w Zytomierzu“.

Очевидно, свидѣтельство это, выданное за три года до подачи прошенія, даже не предназначалось для представленія духовному начальству, но за неимѣніемъ другихъ подходящихъ документовъ пришлось и его утилизировать. Кстати сказать, задачи пастырскаго служенія не страдали отъ того, что въ священники попадали люди различныхъ званій, вродѣ бывшихъ садовниковъ.

В. Храневичъ.

Два письма П. А. Антоновича къ Г. П. Галагану. Предлагаемыя вниманію читателей «Кіевской Старины» два письма бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа Платона Александровича Антоновича къ учредителю коллегіи Павла Галагана, Григорію Павловичу Галагану, прекрасно характеризуютъ свѣтлую личность покойнаго и его благородный образъ мыслей. Какою непритворною грустью звучитъ, напримѣръ, то мѣсто въ одномъ изъ этихъ писемъ, гдѣ идетъ рѣчь о тяжеломъ матеріальномъ положеніи вышедшаго въ отставку М. А. Максимовича и о невозможности для него исполнить большой трудъ—мечту его жизни—описаніе Кіева! Сколько искренней, неподдѣльной вѣры въ нашу учащуюся молодежь и горячей къ ней любви и симпатій замѣчается въ другомъ письмѣ! Сколько, наконецъ, широкаго общественнаго пониманія дѣйствительныхъ интересовъ родины обнаруживаетъ въ своихъ письмахъ симпатичный корреспондентъ Г. П. Галагана, оставившій своимъ служеніемъ въ Кіевѣ такую отрадную память въ согражданахъ! Вотъ почему, печатая настоящія письма, не можемъ не высказать пожеланія видѣть на страницахъ «Кіевской Старины» возможно большее количество подобныхъ писемъ П. А. Антоновича, которыхъ, вѣроятно, наберется въ Кіевѣ у разныхъ лицъ немало. Равнымъ образомъ желательно было бы появленіе въ печати

и разныхъ личныхъ воспоминаній о покойномъ П. А. и его попечительской дѣятельности въ Кіевскомъ учебномъ округѣ.

А. Степовичъ.

1.

1 іюня 1869 г. Кіевъ.

На дняхъ возвратился я изъ Черниговской губерніи и нашелъ письмо Ваше, достойнѣйшій Григорій Павловичъ, отъ 15 мая. Вѣсть о страшномъ несчастіи, постигшемъ Васъ, быстро разнеслась въ краѣ и поразила до глубины души всѣхъ близко знающихъ Васъ, а слѣдовательно чтущихъ и любящихъ Васъ. Для меня лично, могу смѣло сказать, Ваше горе было—мое горе; извѣстіе о немъ раскрыло незажившую еще въ сердцѣ рану недавней семейной потери, огорчившей и отравившей нашу жизнь до могилы: я лишился любимой дочери на 22 году ея жизни; но отъ нея у меня осталась ея малютка и, по милости Божіей, у меня остаются еще дочь и сынъ: я не сравниваю моего несчастья съ ударомъ, поразившимъ Васъ; по состоянію моей души, по чувствамъ моего собственнаго сердца, я только представляю себѣ, что совершилось въ Вашей внутренней жизни! Въ такой скорби, какъ Ваша, нѣтъ утѣшенія извнѣ; Господь одинъ можетъ успокоить Васъ, а тѣмъ, кто знаетъ и любитъ Васъ, кто въ состояніи понять сердцемъ боль Вашей души, остается только плакать и скорбѣть вмѣстѣ съ Вами. Тяжело жить съ разбитой душой, и Вы правы говоря, что такая жизнь—уступка горькой судьбѣ; но эта уступка неизбѣжна; мы не можемъ, не вправѣ не жить, пока Богу угодно продлить наше существованіе для невѣдомыхъ намъ цѣлей. Богъ взялъ у Васъ единственное, любезное сердцу, дорогое дитя и чтобы наполнить Вашу жизнь, эту необходимую уступку горькой судьбѣ, внушаетъ Вамъ мысль о новой многочисленной семьѣ въ лицѣ юношей, которые будутъ обязаны Вамъ высшимъ благомъ жизни—образованіемъ. По мѣрѣ того, какъ мысль будетъ обращаться въ дѣло, самое это дѣло вызоветъ къ себѣ заботу и братскую, христіанскую любовь изъ болящаго Вашего сердца,—а это именно такое чувство, которое одно только и можетъ облегчить горе, подобное Вашему. Мысль увѣковѣчить и обезсмертить умственную и нравственную жизнь юноши, такъ безвременно сошедшаго въ могилу, задуманнымъ Вами памятникомъ, вполнѣ до-

стойна Вашего высокаго ума и сердца. Мы собирались уже у Михаила Владиміровича и разсуждали о томъ, въ какомъ видѣ осуществить предположенное Вами дѣло благотворенія, сколько можно въ большемъ соотвѣтствіи съ Вашими желаніями: высказанныя мнѣнія будутъ Вамъ сообщены, вмѣстѣ съ результатомъ вторичнаго совѣщанія, которое чрезъ два—три дня должно состояться также у Михаила Владиміровича.

Недавно пріѣзжалъ въ Кіевъ Михаилъ Александровичъ Максимовичъ. Онъ передалъ мнѣ нѣсколько словъ написанныхъ имъ *на смерть юнаго П. Г.*

«Весна стане въ повнôй силѣ»,
«А его й немае».

Будучи мальчикомъ, гимназистомъ, я видѣлъ Максимовича, пріѣзжавшаго изъ Москвы въ Малороссію,—уже магистромъ, давно и серьезно трудившимся на пользу науки. Встрѣча съ нимъ спустя сорокъ лѣтъ грустно отозвалась у меня на душѣ; Максимовичъ былъ 13 лѣтъ ординарнымъ профессоромъ въ московскомъ университетѣ, былъ *первымъ ректоромъ* Кіевскаго университета, выразилъ многостороннюю свою ученость въ разнородныхъ печатныхъ изданіяхъ и проводитъ, можетъ быть, послѣдніе годы своей жизни на Михайловой горѣ, въ золотоношскомъ уѣздѣ, съ 700 руб. пенсіона и 39-тью десятинами поземельной собственности, въ нуждѣ и лишеніяхъ, съ тажелой думой о томъ, какъ воспитать малолѣтнихъ сына и дочь, изъ которыхъ первому—едва десятый годъ; но не въ этомъ сила; мало-ли бѣдныхъ тружениковъ на свѣтѣ живетъ и умираетъ? Дѣло въ томъ, что въ посѣдѣвшей головѣ Максимовича хранится еще невоплотившійся въ печати драгоцѣнный запасъ свѣдѣній о малороссійской старинѣ вообще и о Кіевѣ въ особенности. Вмѣстѣ съ Максимовичемъ случился у меня Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ; послѣдній замѣтилъ, что нѣтъ человѣка, который лучше Максимовича могъ бы составить описаніе Кіева; Максимовичъ отвѣчалъ, что этотъ трудъ—его мечта, но для выполненія его необходимо жить въ Кіевѣ, а у него не за что даже нанять квартиру, не только содержать себя здѣсь. Кто знаетъ, долго ли проживетъ Максимовичъ: ему 65 лѣтъ, а на видъ онъ еще старше; по естественному ходу—предѣлъ его не далекъ и все уйдетъ съ нимъ въ могилу.

Не знаю, когда именно удастся мнѣ побывать въ тѣхъ училищахъ полтавской губерніи, которыхъ я еще не видѣлъ,—но думаю, что сдѣлаю это не позже будущей осени,—тогда конечно побываю у Васъ.

Благоволите принять сами и передать достойнѣйшей Екатеринѣ Васильевнѣ выраженіе задушевнаго сочувствія моей жены къ Вашему священному горю. Да будетъ съ Вами милосердіе Божіе!—Обнимаю Васъ отъ всей души, цѣлую ручку Екатерины Васильевны и остаюсь твердо увѣреннымъ, что вы никогда не усомнитесь въ чувствахъ глубокаго уваженія и преданности къ Вамъ Вашего покорнѣйшаго слуги Платона Антоновича.

2.

25 сентября 1869 г. Кіевъ.

Три дня назадъ возвратился я изъ Крыма и нашелъ здѣсь два письма Ваши, достойнѣйшій Григорій Павловичъ—одно отъ 1-го сентября, а другое отъ 17-го. Въ послѣднемъ Вы передали мнѣ просьбу дѣвицы А. К—ской о переводѣ ея въ Бѣлую церковь изъ Ямполя, куда она опредѣлена надзирательницею въ 2-хъ-классное женское училище. Дѣвица К—ская давно и не разъ обращалась ко мнѣ за содѣйствіемъ къ опредѣленію ея классной дамой въ одно изъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Кіевѣ; не смотря на искреннее мое желаніе пособить ей—успѣха не было. Съ утвержденіемъ и приведеніемъ въ исполненіе положенія о народныхъ училищахъ въ юго-западномъ краѣ, я воспользовался первою возможностію, чтобы, въ числѣ прочихъ, дать и ей должность надзирательницы. Въ Бѣлой церкви народнаго женскаго училища нѣтъ,—а будетъ женская прогимназія и объ опредѣленіи туда на должности классныхъ надзирательницъ поступили прошенія отъ мѣстныхъ лицъ, имѣющихъ на то право по воспитанію и другимъ соображеніямъ; для дѣвицы же К—ской быть ли въ Ямполѣ или въ Бѣлой церкви значитъ все таки быть не дома, не съ своей семьей, съ тою притомъ разницею, что въ Ямполѣ она имѣетъ 300 руб. и казенную квартиру, а въ Бѣлой церкви тѣ же триста руб., но безъ квартиры. Все это я объясняю не для того, чтобы положительно отказать г. К—ской въ ея просьбѣ; напротивъ,—если только представится возможность,—я исполню ея желаніе, но сдѣлать это теперь, или дать обѣщаніе сдѣлать скоро я немогу.

Письмо Ваше изъ Москвы я прочиталъ и нѣсколько разъ перечиталъ и душевно благодарю Васъ, искренно уважаемый Григорій Павловичъ, за то, что вы подѣлились со мною впечатлѣніями, вынесенными изъ всего, что Вы тамъ видѣли и слышали. Изъ немногаго, что прочиталъ я у Васъ относительно общаго взгляда на студентовъ,—прихожу къ заключенію, что десятокъ тысячъ, или близко къ тому, молодыхъ людей, воспитывающихся въ нашихъ университетахъ, считаются до того испорченными, что имъ можно бросить изъ жалости кусокъ хлѣба, но о нравственномъ совершенствованіи ихъ нечего и думать; а между тѣмъ въ этой именно молодежи свѣжія силы Россіи для всего, что предстоитъ совершить въ ней. Гдѣ же причина такого печальнаго явленія? Въ гимназическомъ воспитаніи? нѣтъ! оно, конечно, во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительно,—но гимназіи не готовятъ негодяевъ; примѣры рѣзкихъ проступковъ и вообще безнравственности въ гимназіяхъ не часты,—стало быть юношество развращается въ университетахъ,—такъ неужели, убѣдившись въ этомъ, можно уже успокоиться и рукой махнуть, вмѣсто того, чтобы изыскать причины порчи и отвратить ихъ. Я думаю, что взглядъ на студентовъ вообще невѣренъ и что безнадежность въ нравственномъ вліяніи разумныхъ мѣръ на университетскую молодежъ—не имѣетъ основанія. Не подлежитъ сомнѣнію, что многіе изъ замѣшанныхъ въ безпорядки прошедшей весны, сидѣвшіе въ полицейскихъ частяхъ, на гаубтвахтахъ и тому подобное, отрезвятся самою жизнію и будутъ полезными дѣятелями для человѣчества, Россіи и правительства. Отъ всей души я сочувствую предположенію Вашему не закрывать въ проектѣ Вашемъ возможности гимназистамъ коллегіатамъ оставаться въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ заведенію и по поступленіи ихъ въ университетъ: если университеты признать порчею для молодежи, то неразумно поощрять ее поступать въ эти заведенія предоставленіемъ преимущества лицамъ съ университетскимъ образованіемъ; а если университетскій курсъ необходимъ не только въ смыслѣ образованія вообще, но и для государственныхъ цѣлей,—то необходимы мѣры, чтобы студенты сохранили и развивали тѣ хорошія начала, которыя внушаются имъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Если не желаютъ придумать и принять такія мѣры для всѣхъ студентовъ, то почему не попробовать ихъ по крайней мѣрѣ надъ тѣми, которые поступятъ въ университетъ изъ Вашей коллегіи?.. Таково мое мнѣніе, которое отдаю на Вашъ

судъ, вмѣстѣ съ увѣреніемъ въ душевномъ уваженіи и преданности Вашего покорнѣйшаго слуги Платона Антоновича.

О посѣщеніи императоромъ Александромъ I гор. Староконстантинова и дер. Григоровки. *(Изъ народныхъ устъ).* Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ д. Григоровкѣ, староконст. уѣзда, волын. губ., умеръ почти девяностолѣтній старикъ крестьянинъ Яковъ Заяць, любившій разсказывать о посѣщеніи императоромъ Александромъ I гор. Староконстантинова и дер. Григоровки въ 1822 году. Разсказъ Якова Зайця, тогда же мною записанный, заключался въ слѣдующемъ.

— Це було литъ симдесятъ зъ лышкою назадъ. Я тоди бувъ парубчакъ пидъ вусомъ. Наша Грыгоровка тоди була графыни Ржевуськои, дуже значнои и багатои пани; потимъ, кажуть, вона въ бидности и нужди вмерла, мало не зъ голоду, десь въ Каминци, чы де. Пройшла у насъ чутка, що въ нашій Грыгоровци буде царь, тутъ робытыме смотръ війську, и жытыме у нашои пани Ржевуськои. Якъ прыйшла та височка, стала наша пани Ржевуська готовытыся до прыёму царя. Боже! Чого тильки не наготовылы, чого тильки не навезлы тоди у Грыгоровку!.. десять кухаривъ варылы и пеклы день и ничъ. Війська найшло пидъ Грыгоровку дуже багато, стояло воно скризь навколо. Оти вси ямы, що вы бачыте по дорози у Костантынивъ, коло «мурованного мистка» и кругомъ деревни—то ще зъ того часу, якъ тутъ військо лагоромъ стояло. Нагналы насъ всихъ мужыкивъ зъ села на роботу: поправлялы дорогу, робылы шосъ, а по бокамъ ёго поруччя, обыти червонымъ сукномъ одъ Грыгоровкы до миста; чыстылы двиръ, дзидзинокъ, огрудокъ. — По бокамъ дорогы одъ Грыгоровкы до Костантынова мы зъ обохъ сторонъ садылы тополи. Оти самисинькы, що й теперъ кильки позаставалысь коло Грыгоровкы по праву руку шляха якъ иты до насъ, а въ Грыгоровци зъ обохъ бокивъ, якъ иты до двора; а колысь то такъ було высажано тополямы вси тры верствы до самого миста.

Ажъ ось прыйшла чутка що царь вже йиде, и справди, якось такъ навесни за день, чы за два до Юрья, прыйизжае царь; зъ нымъ дуже багато инораливъ и прямисенько въ Грыгоровку, до нашои пани

Ржевуськои—у неи въ палацахъ и остановывся. Муры зъ тихъ палацивъ Ржевуськои вы и теперъ бачыте въ панськимъ огрудку и надъ ричкою на гори, коло кузни. Дуже велыки и гарни булы палацы тіи. Вся дорога отъ Костантынова до Грыгоровкы зъ обохъ сторонъ була уставляна москалямы; стоялы воны тисно, якъ стина. Всю дорогу отъ миста до Грыгоровкы выстылылы червонымъ сукномъ, але жъ царь, зобачывшы цее, сказавъ: «нехочу йихаты по червони суконни дорози», и не пойихавъ сукномъ, а бокомъ, коло сукна. Дорогою, ще якъ царь йихавъ до Грыгоровкы, ёго нагнавъ курьеръ зъ Петербурху зъ штафетою, звисткою, що у царського брата родывся сынъ Аликсандръ, который потимъ царствовавъ и вызволывъ насъ, мужыкивъ, видъ паншины. Тай якъ у нашого царя дитей не було, то винъ дуже радовався, що хочъ у ёго брата родывся сынъ, и отъ на другый день писля того, якъ царь прыйихавъ до Грыгоровкы, въ Костантынови, въ теперешній «зеленій церкви», котра тоди була соборомъ, царь и вси иноралы молылыся за здоровля царевыча, служылы «молебны», а писля таки жъ молебны служылы для війська. Царь кильки днивъ робывъ коло Грыгоровкы смотры и маневры и кильки днивъ гостювавъ у нашои пани Ржевуськои; Боже, якыхъ тильки баливъ, бенкетивъ Ржевуська не выробляла для царя, а музыка грала, якъ день, такъ и ничъ. И того жъ дня царь зъ Костантынова по своему царству розиславъ маныхвесты по церквамъ, щобъ скризь служылы молебны за здоровля новорожденого царевыча.

Пани Ржевуська на свій коштъ прыймала все время царя и всихъ ёго иноралив. Царь, казалы, дуже тоди зоставсяконтентый учтою и прыймомъ нашои пани Ржевуськои и якъ зовсимъ вже выйизжавъ зъ Грыгоровкы,—то, вытаючыся, дуже дяковавъ іи.

Я чувъ, що потимъ, якъ наша пани Ржевуська зовсимъ збиднила, то царь хотивъ звернуты ій все, що вона потратыла на учту и прыёмъ ёго и ёго иноралив,—але жъ Ржевуська не схотила взяты видъ царя ничогисенько.

Вышеприведенный разсказъ имѣетъ несомнѣнное историческое основаніе: дѣйствительно, въ 1822 году близъ Староконстантинова происходили маневры въ присутствіи императора Александра I, поселившагося у графини Ржевусской въ д. Григоровкѣ. Но какъ обыкновенно въ воспоминаніяхъ престарѣлыхъ очевидцевъ, въ разсказѣ Якова Зайця встрѣчаются хронологическія неточности: маневры про-

исходили не весною, а по обыкновенію ранней осенью; родился въ 1822 г. не великій князь Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи императоръ (род. 17 апрѣля 1818 г.), а великая княжна Ольга Николаевна, впослѣдствіи королева Виртенбергская (род 30-го августа этого года). Зато нѣкоторыя подробности, даже такія, какъ объ устланной краснымъ сукномъ дорогѣ, подтверждаются описаніемъ пребыванія въ Григоровкѣ императора Александра I въ «Исторіи города Староконстантинова» Н. Зуца и въ «Историко-статистическомъ описаніи церквей и приходовъ волынской губерніи» Н. И. Теодоровича (т. IV, староконстантиновскій уѣздъ, стр. 43, гор. Староконстантиновъ), гдѣ сказано что «весь путь отъ городского собора до лѣтняго дворца Ржевусской былъ шоссированъ, устланъ англійскимъ краснымъ сукномъ, а по бокамъ на всемъ пространствѣ сдѣланы перила, обитыя такимъ же сукномъ». Что до насажденія тогда же для высочайшаго проѣзда между Григоровкою и Староконстантиновомъ тополевой аллеи, то объ этомъ нигдѣ не упоминается; хотя остатки этой аллеи, въ видѣ столѣтнихъ тополей, дѣйствительно существуютъ и понынѣ какъ подъ Григоровкою, такъ и въ самой деревнѣ, отъ такъ называемаго «коловорота», то есть въѣзда въ деревню со стороны города, до помѣщичьей усадьбы.

Ив. Бѣньковскій.

Складъ древняго оружія въ д. Григоровкѣ. Этотъ-же Я. Заяць разсказываетъ о томъ, какъ владѣлица Григоровки „пани Ржевуська“ во время перваго польскаго возстанія прятала отъ повстанцевъ оружіе, котораго, по словамъ разсказчика, у нея была масса.—„То якъ першій разъ бунтовалы ляхы,—то пани Ржевуська боялась, щобъ вси іи шабли, мушкеты, пистоли и таке инше, що було дуже багато и дуже дорогого видъ небожчыка чоловика й еи, не попалыся мятежникамъ-ляхамъ и щобъ еи, Ржевуську, также не замишалы до мятежа; отъ же вона казала намъ знесты все въ велыки муровани лёхи, що булы у неи коло палацу на дзидзинку; писля того двери видъ лёху замуровалы и закидалы геть землею, щобъ слида не зосталося, де бувъ лёхъ.—Я навить самъ помагавъ закыдаты землею замуровани двери до лёху. Якось писля того пани Ржевуська выйихала зъ Грыгоровкы, а потимъ

Григоровку еи продалы за іи довгы—и такъ все тее и зосталося въ замурованому лёху и до сёго часу".

При этомъ Заяць бывшему арендатору этого имѣнія, нынѣ покойному, И. П. Волынцову, даже показывалъ мѣсто, гдѣ находятся двери отъ замурованнаго погреба. Двери эти напротивъ параднаго входа стараго помѣщичьяго дома. Пробовали въ разныхъ мѣстахъ двора стучать ломомъ, и слышался гулъ какой бываетъ надъ подземными погребами. Покойный Волынцевъ въ 80-хъ годахъ, по указанію Зайця, даже дѣлалъ попытку открыть погребъ. Проработавъ цѣлый день, докопались, какъ говорятъ, до какой-то стѣны. Однако Волынцевъ, боясь дальнѣйшихъ расходовъ, прекратилъ работу и засыпалъ раскопку. А интересно было бы провѣрить разсказъ Зайця.

Ив. Бѣньковскій.

Высочайшій подарокъ митр. Рафаилу Заборовскому 80 бутылокъ пива и переписка по этому поводу. 1) *Письмо барона Ивана Черкасова къ митр. Рафаилу Заборовскому.* Преосвященнѣйшій митрополитъ, Милостивый Государь мой! По указу Ея Императорского Величества отправлено при семъ къ Вашему Преосвященству съ нарочнымъ Великолуцкого пѣхотного полку сержантомъ Тиханомъ Алмазниковымъ англинского пива одна бочка в которои положено восемдесятъ бутылокъ, а по привозе все ли оное упомянутого сержанта вцѣлости принято будетъ, о томъ прошу Вашего Преосвященства меня писменно увѣдомить. В протчемъ же желая Вашему Преосвященству здравія, остаюсь съ должнѣйшимъ почтеніемъ Вашего Преосвященства Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга баронъ Иванъ Черкасовъ.

28 сентября 1744 въ Москвѣ.

---

2) *Письмо митр. Рафаила Заборовского къ имп. Елизаветѣ Петровнѣ.* Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая Государыня Императрица Елисаветъ Петровна Самодержица Всероссійская, Всемилостивѣйшая Государыня моя! Коль многою Вашего Императорскаго Величества высокоматернею не точію въ бытность Вашего Императорскаго Величества въ градѣ Кіевѣ надъ заслуги мои пожалованъ я милостію, тоеяжде и въ Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества отсутствіи не лишенъ, егда удостоихъ по Высочай-

шему Вашего Императорскаго указу присланнаго ко мнѣ нарочнымъ аглинскаго пива восѣмъдесятъ бутылокъ получитъ, и за оную по жизнь мою достодолжнаго всеподданнѣйшаго благодаренія яко рабъ истинной и природной Государыни моей принестъ не могу, точію за вседражайшее Вашего Императорскаго Величества здравіе и всеблагополучное на многая тишайшая лѣта государствованіе по вѣрно присяжной всеподданнѣйшей должности моей, донелѣже жизнь моя въ старости продолжится, Бога молить непрестанно одолженъ. Вашего Императорскаго всепресвѣтлѣйшаго величества всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ.

1744 года октября. Кіевъ.

—

3) *Его-же къ барону Ивану Черкасову.* Высокородный и высокопревосходительный Господинъ Кабинетной Министеръ баронъ Іоаннъ Антоновичъ. Милостивый мой благодѣтель. По указу Ея Императорскаго Величества отправленнаго ко мнѣ съ нарочнымъ Великолуцкого пѣхотного полку сержантомъ Тихономъ Алмазниковымъ аглинскаго пива въ бочки положенныхъ восѣмъдесятъ бутилокъ я сего октября 7 числа въ цѣлости получилъ, за которое включенное при семъ всеподданнѣйшое мое Ея Императорскому Величеству благодареніе покорно приношу Ея Императорскому Величеству при всеподданнѣйшемъ моемъ уклонѣ вручить. Я же навсегда съ одолженіемъ и почтеніемъ моимъ прибыть имѣю и есмъ Вашего Высокопревосходительства доброжелателный.

1744 года октября. Кіевъ.

P. S. Посилаю Вашему Превосходительству въ презентъ Евангеліе страстное, монитвословъ въ пуделкѣ, акаѳистъ святыя великомученицы Варвары, панегирикъ единъ рускимъ латинскимъ и полскимъ діалектами и конклюзіи двѣ Ея Императорскому Величеству отъ академіи моей кіевской приписанное да панегирикъ единъ латинскимъ и нимецкимъ діалектами, въ похвалу Академіи моей въ Шльонску приписанный, которые прошу благопріятно принять.

—

4) *Его-же къ оберъ-секретарю Святѣйшаго Синода.* Превосходителный Господинъ Святѣйшаго Правит. Синода Оберъ-Секретарь. Мой благопріятный Благодѣтелъ. Чрезъ случившую нинѣ оказію, а имянно чрезъ нарочно присланного по указу Ея Ім. В. ко мнѣ изъ Москви съ осмидесятю бутилками пива аглинскаго Великолуцкого пѣхотногу полку сержанта Тихона Алмазникова посилаю Вашему Пре-

восходителству въ едномъ ящикѣ съ посилкою къ его Высокопревосходителству барону Іоанну Антоновичу Черкасову конклюзіи двѣ и панегириковъ два приписаныхъ Ея Императорскому Величеству отъ Академіи моей Кіевской рускимъ латинскимъ и полскимъ діалектами да пенегирикъ единъ латинскимъ и нѣмецкимъ діалектами въ похвалу Академіи моей въ Шльонску приписанный и при томъ для богомолія Аѳанасію Яковлевичу Леванидову молитословъ, которые прошу благопріятно принять. Вашего Превосходителства доброжелателный.

1744 года октября 8 д. Кіевъ.

---

5) *Его-же къ принцу Гессенъ-Кобургскому.* Свѣтлѣйшій князь. (По титлѣ до Гессен-Кобургскаго). Хотя я доволно вѣдаю, что многіе мои прежде сего отправленные писма не безъ утружденія Вашей высококняжеской свѣтлости были, однакожъ въ надежду милостивыхъ по оныхъ учиненныхъ дѣйствій, съ которыхъ узнаю, что я въ неотмѣнной вашей великокняжеской свѣтлости содержусь благосклонности, и симъ смѣю утруждать въ покорности моей прося, дабы сего вручителя Великолуцкого пѣхотного полку сержантъ Тихонъ Алмазниковъ по Ея Ім. В. высочайшему указу изъ Москвы присиланный ко мнѣ въ Кіевъ съ аглинскимъ пивомъ, за его службы по высокому Вашей высококняжеской свѣтлости усмотренію подвышшеніемъ ранга былъ пожалованъ. Я же съ всегдашнымъ благодареніемъ особливѣйшимъ одолженіемъ и достодолжнымъ почтеніемъ пребыть имѣю. Вашей Высококняжеской свѣтлости доброжелателный.

1744 года октября 8 д. Кіевъ.

(Изъ бумагъ 18-го вѣка, хранящихся въ Кіевской Духовной Консисторіи).

О цѣнахъ на хлѣбъ, мясо, ягоды, воскъ и медъ въ полтавской губ. сто лѣтъ тому назадъ. Тимковскій, кураторъ харьковскаго университета, обратился съ просьбой къ князю Куракину сдѣлать распоряженіе о доставленіи ему статистическихъ свѣдѣній о полтавской губерніи. Изъ этихъ данныхъ, сообщенныхъ городничими объ уѣздныхъ городахъ и нижнимъ земскимъ судомъ объ уѣздѣ, можно почерпнуть свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ, мясо и др., существовавшихъ въ 1803 году и послѣдующіе годы вообще. Стоимость ржи была 1 р. 44 к. ас. и доходила до 2 р. 40 к. только въ одномъ кобеляк-

скомъ уѣздѣ. Послѣдняя цѣна была очень высока, быть можетъ, въ силу опустошенія въ томъ году полей саранчою. Овесъ стоитъ 63$^3/_4$ коп. асс. за четверть, дешевле не было ни въ одномъ уѣздѣ. Наибольшая цѣна была въ золотоношскомъ уѣздѣ, гдѣ достигла до 1 р. 95 к.; въ остальныхъ уѣздахъ она колебалась между 80 к. и 1 руб. 60 к. ас. Мясо въ большинствѣ уѣздовъ продавалось по 3 к.; только въ Лохвицѣ и Зѣньковѣ цѣна его была 3$^1/_2$ до 5 коп., свинина продавалась отъ 2$^1/_2$ до 2 коп.въ большинствѣ уѣздовъ. Въ константиноградскомъ уѣздѣ цѣна была 3 коп. Баранина продавалась по 2 к. и 2$^1/_2$ к.; выше этой цѣны не было.

Воскъ въ большинствѣ уѣздовъ покупали по 24 руб. за пудъ; только въ константиноградскомъ уѣздѣ цѣна была меньше 20 р.; медъ продавался отъ 4 р. 80 к. до 5 руб. 90 коп. за пудъ, и послѣдняя цѣна была только въ лохвицкомъ уѣздѣ. Ягоды—вишни и сливы (о другихъ свѣдѣній нѣтъ) продавались ведрами отъ 15 к.—35 к.; въ пирятинскомъ уѣздѣ цѣна доходила до 55 коп. Нѣтъ свѣдѣній отъ двухъ городничихъ. Переяславскій сообщилъ, что о цѣнахъ на ягоды не можетъ ничего сказать, «такъ какъ не отъ кого узнать» а лохвицкій пишетъ, «что прежде Лохвица былъ заштатный городъ (какъ извѣстно, лохвицкій уѣздъ вошелъ въ составъ губерніи позже остальныхъ), полиціи не существовало, а потому и свѣдѣній за прошлые годы нельзя доставить». Надо замѣтить, что эти цѣны относятся не только къ 1803 году, но и къ послѣднимъ четыремъ годамъ.

(Архивъ полтав. губ. правленія по описи № 200).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Поправка. Въ майской книжкѣ, въ статьѣ «Генеральный судья Иванъ Чарнышъ и его родъ», на стр. 214-й, въ 10-й строкѣ сверху, слѣдуетъ исправить слѣдующее мѣсто: вмѣсто «для людей *образованныхъ*» слѣдуетъ читать «для людей *бѣдныхъ*».

Текущія извѣстія.

Столѣтіе со дня рожденія М. А. Максимовича. 3-го сентября текущаго года исполнится 100 лѣтъ со дня рожденія М. А. Максимовича, извѣстнаго ученаго и изслѣдователя въ области украинской исторіи, литературы и этнографіи. Мы слышали, что кіевскій университетъ, первымъ ректоромъ котораго былъ покойный, предполагаетъ въ память столѣтняго юбилея М. А. Максимовича поставить въ университетскомъ саду, на площадкѣ передъ зданіемъ университета, бюстъ своего перваго ректора. Личность покойнаго настолько должна быть дорога Украинѣ, что мы надѣемся на полное сочувствіе людей, знавшихъ его и цѣнящихъ его заслуги, и приглашаемъ ихъ подѣлиться съ нашей редакціей своими воспоминаніями и статьями, для того, чтобы въ сентябрьскомъ номерѣ журнала удѣлить его памяти подобающее мѣсто.

Невѣста Т. Г. Шевченка. Въ „Биржевыхъ Вѣдом.“ г. Брешко-Брешковскій помѣстилъ большой фельетонъ, передающій извѣстную исторію сватовства Т. Г. Шевченка на Лукерьѣ. Дѣло въ томъ, что г. Брешко-Берешковскій разыскалъ въ Царскомъ Селѣ бывшую невѣсту Т. Г. Шевченка—Лукерью, со словъ которой и ведетъ разсказъ. Вотъ какъ описывала Лукерья тотъ періодъ своей жизни, когда она была объявленной невѣстой поэта.

Каждый день я гуляла съ Тарасомъ Григорьевичемъ. Онъ мнѣ разсказывалъ про свою оренбургскую неволю и часто плакалъ...

Прислалъ мнѣ подарки. Шесть паръ козловыхъ сапоговъ, на шнуркахъ, потому что мои сапоги были „съ пальцами“. Малахитовую шкатулку, гдѣ было пятьсотъ (?) рублей серебряными пятачками. Евангеліе прислалъ. Три нитки коралловъ съ медальонами. Заказалъ подвѣнечный малороссійскій костюмъ: голубой бархатный корсажъ, обшитый красной шелковой лентой съ серебромъ. Гудзыки—золотые.

Спидныця голубая шелковая, „морэ"; бѣлыя туфли. На головѣ вѣнецъ безъ fleur d'orang'a. (Тарасъ Григорьевичъ собирался вѣнчаться во фракѣ; не хотѣлъ надѣвать вицъ-мундира). Визитный костюмъ: бѣлый на голубой шелковой подкладкѣ козакинъ въ талію, съ широкими, разрѣзными рукавами, переплетенными шнурами на золотыхъ гудзыкахъ. Шляпа бѣлая—Гарибальди. Костюмы дѣлались по рисункамъ Тараса Григорьевича у m-me Andrié на Морской.

Шевченко, художественная натура котораго желала видѣть нарядной любимую дѣвушку, запретилъ, однако, невѣстѣ носить корсетъ.

— Якъ побачу, що надила се прокляте сидло,—то заразъ спалю у пичци.

А вотъ разсказъ о дальнѣйшей судьбѣ Лукерьи послѣ ея отказа Т. Г. Шевченку.

Въ это время ушедшая навсегда отъ Карташевскихъ Лукерья служила въ модномъ парикмахерскомъ магазинѣ, гдѣ причесывала дамъ, кроила сорочки и „уклонялась" отъ ухаживаній старыхъ, плѣшивыхъ сановниковъ—кліентовъ магазина. Былъ даже случай, что она дала кому-то пощечину. Хозяинъ-французъ, лощеный, галантный, сдѣлалъ выговоръ.

— Ce n'est pas bien, mademoiselle, faire comme ça.

— А если не бьенъ,—отвѣчала Лукерья,—такъ я уйду. Но мастерица она была искусная и ее оставили.

Въ магазинѣ вмѣстѣ съ нею служилъ брадобрей Яковлевъ, и Лукерья вышла за него замужъ. Это случилось спустя два года послѣ кончины Тараса Григорьевича.

Супруги открыли въ Царскомъ Селѣ свою парикмахерскую. Пошли дѣти (теперь ихъ пятеро и всѣ взрослыя). Лукерья не совсѣмъ забыла своего перваго жениха,—по крайней мѣрѣ, она повѣсила у изголовья портретъ Шевченка, вырѣзанный изъ какого-то журнала. Но ревнивый брадобрей изорвалъ въ клочки это вещественное воспоминаніе о Тарасѣ Григорьевичѣ.

Жизнь шла своимъ немудренымъ чередомъ. Кирасиры и лейбъгусары стриглись, брились въ парикмахерской Яковлевыхъ и заказывали бѣлье, причемъ мѣрку снимала Лукерья Ивановна.

Теперь она овдовѣла, бѣдствуетъ и торгуетъ въ Царскомъ чулками, зарабатывая въ день нѣсколько копѣекъ.

Народная выставка картинъ. Художникъ Развадовскій предполагаетъ устроить народную выставку картинъ. Академія дала субсидію и въ настоящее время выставка, по словамъ „Бирж. Вѣд." близка къ осуществленію; въ началѣ мая двигается изъ Петербуга, а 30 мая назначено открытіе ея въ Кіевѣ въ зданіи университета. Маршрутомъ избранъ для перваго опыта юго-западный край, а именно: Кіевъ, Васильковъ, Бѣлая Церковь, Сквира, Липовецъ, Немировъ, Винница, Ямполь, Могилевъ, Каменецъ-Подольскъ и всѣ тѣ села, которыя лежатъ по пути между этими городами и мѣстечками. Организаторъ и устроитель выставки—молодой художникъ Развадовскій—лично объѣхалъ верхомъ весь этотъ край, подготовилъ почву и получилъ согласіе на безплатныя помѣщенія какъ у администраціи, такъ и среди помѣщиковъ.

Въ выставкѣ принялъ участіе довольно большой кружокъ художниковъ; тутъ мы встрѣчаемъ имена: А. А. Киселева, Н. Д. Кузнецова, И. Е. Рѣпина, М. И. Подашенко-Третяковой, П. И. Столицы, А. В. Скалона, С. М. Зейденберга, Ѳ. Р. Райлана, П. В. Шмарова и многихъ другихъ, безвозмездно согласившихся принять участіе въ выставкѣ. Художественныя произведенія подвергаются экспертизѣ жюри, состоящаго изъ художниковъ, участвующихъ въ выставкѣ, и, въ случаѣ принятія на выставку, не могутъ быть взяты обратно авторами ранѣе года.

Входъ на выставку будетъ безплатный, исключая городовъ и ярмарокъ, гдѣ будетъ браться самая незначительная плата, чтобы имѣть возможность покрывать матеріальные расходы по выставкѣ.

Передвигаться выставка будетъ по грунтовымъ дорогамъ на разборной подводѣ, деревянныя части которой должны служить устоями для палатки, но палатка будетъ устанавливаться только на ярмаркахъ, обыкновенно-же выставка располагается въ начальныхъ школахъ и усадьбахъ тѣхъ помѣщиковъ, которые дали на это свое согласіе.

Надо отдать справедливость устроителю: предусмотрѣны всѣ мелочи, и все устроено въ высшей степени экономно и практично. Устроены спеціальные неглубокіе ящики для картинъ; они скрѣпляются другъ съ другомъ на шарнирахъ въ родѣ оконныхъ рамъ, верхняя и нижняя крышка ящиковъ представляютъ изъ себя заднія стѣнки картинъ, неподвижно къ нимъ прикрѣпленныхъ. Ящикъ въ открытомъ видѣ представляетъ изъ себя 2 картины, которыя въ ту-же минуту можно повѣсить. Вечеромъ, посредствомъ волшебнаго фонаря,

будутъ демонстрированы народу картины, выбранныя изъ музея Императора Александра III, эрмитажа, галлереи П. М. Третьякова. Съ выставочныхъ картинъ будутъ репродукціи, исполненныя въ краскахъ и одноцвѣтныя. Цѣна на нихъ назначена баснословная: 4 коп. вмѣстѣ съ паспарту! Но въ Петербургѣ, разумѣется, продажи не будетъ, иначе врядъ что-либо дошло-бы до провинціи, хотя и заготовлено до 4,000.

Такова программа этого симпатичнаго начинанія. Выставка можетъ оставить громадный культурный слѣдъ въ исторіи народа. Такъ какъ выставка безъ пояснительнаго текста, конечно, была-бы безсмысленна, а сюжеты картинъ очень разнообразны, то въ объясненія невольно войдутъ и самыя разнообразныя свѣдѣнія и по исторіи, и по географіи, и по естествовѣдѣнію и проч.

Къ постройкѣ школы имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Недавно въ полтавской городской думѣ опять обсуждался вопросъ о постройкѣ зданія для школы имени И. П. Котляревскаго. Послѣ долгаго обсужденія разныхъ техническихъ вопросовъ, связанныхъ съ проектомъ постройки на Подольской горѣ, подъ Соборной площадкой, зданія для школы имени Котляревскаго, дума утвердила представленную ей смѣту въ суммѣ 11,757 руб., поручивъ коммиссіи по сооруженію школы сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ планѣ и представить смѣты на дворовыя постройки при школѣ. Управа доложила, что почти всѣ строительные матеріалы будутъ ею взяты въ кредитъ у губернскаго земства и частныхъ подрядчиковъ.

Фамильные архивы. Весьма симпатичное начинаніе сдѣлано черниговской архивной коммиссіей. Она обратилась къ лицамъ, имѣющимъ фамильные архивы, съ слѣдующей просьбой: „Въ числѣ вопросовъ, поставленныхъ на разрѣшеніе предстоящаго въ 1905 году XIII археологическаго съѣзда и рекомендуемыхъ особенному вниманію архивистовъ, имѣется такой: привести въ извѣстность описаніе документовъ, представляющихъ собою источники для изученія исторіи крѣпостного помѣщичьяго хозяйства въ Россіи XVIII и первой половины XIX вѣковъ (матеріалы хозяйственныхъ отчетовъ, счетовъ,

пакетовъ бургомистрамъ и старостамъ, приходо-расходныхъ книгъ и всякаго рода хозяйственной переписки)". Поставивъ себѣ задачей собрать и описать какъ можно больше означенныхъ архивныхъ матеріаловъ, архивная коммиссія и проситъ: „дать ей подробное описаніе фамильнаго архива или передать его для изученія и описанія въ архивную коммиссію. Семейные архивы являются хранителями цѣнныхъ письменныхъ памятниковъ, по которымъ можно изучать правдивую исторію края и взаимныя отношенія предковъ между собою, въ частности же—отношенія ихъ къ крестьянству, другимъ сословіямъ и различнымъ событіямъ мѣстной жизни и государства. Между тѣмъ, къ сожалѣнію должно сказать, что эти, иногда вѣками слагавшіеся архивные фонды, вслѣдствіе различныхъ случайностей, весьма часто подвергаются уничтоженію, гибнутъ отъ пожаровъ, продаются на вѣсъ и, такимъ образомъ, пропадаютъ безслѣдно для науки. Поэтому крайне желательно сохранить, изслѣдовать и описать оставшіеся матеріалы". Нужно ожидать, что на просьбу архивной коммиссіи охотно откликнутся обладатели архивовъ, тѣмъ болѣе, что дореформенное помѣщичье хозяйство еще сильно нуждается въ изученіи и освѣщеніи.

Музей имени В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ. Черниговская дума, согласно мнѣнію юридической коммиссіи, постановила немедленно открыть для общаго пользованія музей украинскихъ древностей, завѣщанный губернскому земству В. В. Тарновскимъ, торжественный же актъ открытія музея отложить до полученія отвѣта на возбужденное ходатайство о присвоеніи музею имени жертвователя. Такимъ образомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ открыта для публики эта богатая и единственная въ своемъ родѣ сокровищница украинскихъ древностей, которая, несомнѣнно, будетъ достопримѣчательностью Чернигова.

Древній храмъ въ г. Каневѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ причтъ, церковный староста и представители отъ прихожанъ Соборно-Успенской церкви г. Канева обратились было къ епархіальному начальству за разрѣшеніемъ произвести расширеніе ихъ церкви. Но Императорская археологическая коммиссія, вслѣдствіе заключенія церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи, увѣдомила въ

текущемъ году епархіальное начальство, что разрѣшить расширеніе этой церкви не признаетъ возможнымъ, въ виду большого археологическаго значенія ея, представляющей по общимъ массамъ несомнѣнно памятникъ кіевской архитектуры XII столѣтія, хотя и обезображенный въ деталяхъ штукатуркою и покрытіями XIX вѣка. Считаемъ не лишнимъ сообщить результаты изслѣдованія объ Успенскомъ храмѣ г. Канева, добытые, по порученію церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи, профессорами П. А. Лашкаревымъ и В. З. Завитневичемъ. По ихъ заключенію, существующія въ историко-археологической литературѣ свѣдѣнія о каневской Соборно-Успенской церкви сводятся къ слѣдующему. Церковь эта заложена великимъ княземъ Всеволодомъ Олеговичемъ 1144 г. Сооружена она изъ древняго кирпича. Кирпичи переложены толстымъ слоемъ несомнѣнно древняго цемента. Профессора П. А. Лашкаревъ и В. З. Завитневичъ говорятъ, что древняя кладка кирпича сохранилась въ стѣнахъ не до оконъ только, какъ прежде предполагалось, а изъ древняго кирпича сложены всѣ стѣны церкви до самой крыши. Мало того: путемъ расчистки новѣйшей штукатурки эта же кладка обнаружена и въ фонарѣ главнаго купола. Только башни надъ сѣверо-западнымъ и юго-западнымъ углами зданій по своему происхожденію принадлежатъ позднѣйшему времени. Пилястры сложены изъ древняго кирпича, и только пьедесталы ихъ, какъ засвидѣтельствовали представители мѣстнаго причта, обложены въ позднѣйшее время. Архитектура алтарныхъ частей сохранилась въ цѣлости до настоящаго времени.

Засѣданіе Полтавской архивной коммиссіи. Въ засѣданіи 25 апрѣля членомъ коммиссіи И. Ф. Павловскимъ былъ прочитанъ докладъ «Новыя данныя о Шведской могилѣ и капиталъ Судіенка». На основаніи архивныхъ данныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ, оказывается, что первая мысль о постройкѣ храма на Шведской могилѣ принадлежитъ кн. Лобанову-Ростовскому. Докладчикомъ былъ представленъ цѣлый очеркъ, почему этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Помимо этого докладчикъ ознакомилъ собраніе съ завѣщаніемъ Судіенка (1808 г.), гдѣ не упоминается ни однимъ словомъ о какомъ-либо пожертвованіи на Шведскую могилу, и потому господствующее убѣжденіе, что Судіенко пожертвовалъ на устройство инвалиднаго дома и на другія просвѣтительныя цѣли, не подтверждается. Судіенко

желалъ устроить храмъ на Шведской могилѣ, какъ это видно изъ донесенія кн. Лобанова-Ростовского министру внутреннихъ дѣлъ князю А. Б. Куракину. Хотя въ Высочайшемъ рескриптѣ Судіенку и упоминается о желаніи Судіенка построить «памятникъ съ церковью», но дальнѣйшая переписка не подтверждаетъ этого и рѣчь идетъ только о желаніи Судіенка устроить «храмъ съ колокольней и о нѣкоторомъ прибѣжищѣ для охраненія онаго».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. И. Петровъ. Значеніе Кіевской Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 году и до половины XVIII вѣка. *Стр. 1—110. Кіевъ. 1904.*

При Кіевской духовной Академіи, какъ извѣстно, предпринято очень интересное изданіе: предполагается собрать и издать отдѣльными томами по возможности всѣ акты и матеріалы, касающіеся исторіи этой Академіи со времени ея основанія и до нашихъ дней.

Кіевская Академія издавна и въ продолженіи долгаго времени служила центромъ просвѣщенія не только нашего юго-западнаго края, но и всей Россіи,—отсюда понятна вся важность и весь глубокій интересъ предполагаемаго изданія. Безъ сомнѣнія, въ этомъ изданіи найдутъ себѣ мѣсто не только акты и матеріалы, спеціально относящіеся къ исторіи Кіевской академіи, но и матеріалы по исторіи просвѣщенія Россіи вообще и юго-западнаго края въ частности, поскольку въ этомъ просвѣщеніи играла роль древняя Кіевская Академія,

Что дѣло будетъ вестись именно на такихъ широкихъ началахъ, что предпринятое изданіе не будетъ преслѣдовать только узко-спеціальной цѣли—исторіи Кіевской Академіи, убѣждаетъ насъ и вышедшій уже въ свѣтъ первый томъ актовъ [1]), и особенно настоящая книжка проф. Н. И. Петрова, которая цѣликомъ имѣетъ войти во второй, заканчиваемый уже печатаніемъ томъ актовъ.

Задачу своего изслѣдованія проф. Н. И. Петровъ, одинъ изъ иниціаторовъ и главныхъ, наиболѣе энергичныхъ сотрудниковъ симпа-

[1]) О немъ мы имѣемъ подробнѣе поговорить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала.

тичнаго изданія Кіевской Академіи, опредѣляетъ такъ: «Наша задача состояла собственно въ собраніи свѣдѣній о воспитанникахъ Кіевской Академіи, принимавшихъ участіе въ учрежденіи и преобразованіи разныхъ духовныхъ школъ того времени и въ преподаваніи въ нихъ наукъ; но мы считаемъ не излишнимъ представить перечень и такихъ учителей этихъ заведеній, о которыхъ съ достовѣрностью не извѣстно, гдѣ они получили свое образованіе, и даже о тѣхъ учителяхъ коллегіумовъ и семинаріи, которые несомнѣнно не были воспитанниками Кіевской Академіи, дабы имѣть, по возможности, нѣкоторое представленіе о процентномъ отношеніи такихъ семинарскихъ учителей къ количеству учителей изъ воспитанниковъ Кіевской Академіи», (15—16 стр.).

Опредѣливши такимъ образомъ задачу своей работы и предпославши краткую исторію духовныхъ школъ въ Россіи отъ учрежденія Св. Синода до половины XVIII в., уважаемый профессоръ далѣе переходитъ собственно къ своему изслѣдованію. Для этого онъ сообщаетъ свѣдѣнія относительно основателей и учителей слѣдующихъ духовно-учебныхъ заведеній: Московской Академіи, Черниговскаго Коллегіума; семинарій: Ростовско-Ярославской, Новгородской, Нижегородской, Александро-Невской, Иркутской, Бѣлогородско-Харьковскаго Коллегіума; семинарій: Тверской, Казанской, Холмогорской, Коломенской Вятской, Суздальской, Вологодской, Рязанской, Псковской, Устюжской, Тобольской, Смоленской, Воронежской, Астраханской, Крутицкой, Переяславской (южной), Троицкой Лаврской, Костромской и Владимірской.

Въ результатѣ въ высшей степени кропотливаго изслѣдованія проф. Петрова выходитъ, что главный контингентъ учащихъ во всѣхъ этихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая даже и Московской Академіи, составляли воспитанники Кіевской Академіи. Московская Академія, которая въ это время была «старинною и самою многолюдною колоніей Кіевской Академіи», пользовалась особыми привиллегіями въ дѣлѣ вызова учителей изъ Кіевской Академіи: Св. Синодъ предписывалъ высылать всѣхъ нужныхъ для нея лицъ, способныхъ къ учительству, хотя бы даже они были необходимы и для самой Кіевской Академіи. Остальныя семинаріи не имѣли права принудительнаго вызова учителей изъ Кіевской Академіи, но могли приглашать ихъ по добровольному соглашенію съ ними. Въ семинарскіе преподаватели шли не только окончившіе Академію, не только богословы, но и философы, и риторы, а въ рѣдкихъ случаяхъ и ученики піитики.

Изслѣдованіе проф. Н. И. Петрова еще разъ съ неопровержимою очевидностью подтверждаетъ давнюю истину о томъ, что Кіевская Академія была центромъ просвѣщенія для всей Россіи, что изъ нея просвѣщеніе распространилось по всей Россіи.

Кижка проф. Н. И. Петрова, вся сплошь испещренная цитатами и сносками на громадную рукописную и печатную литературу, очевидно предназначается не для широкой публики, которая любитъ пользоваться только итогами продолжительныхъ и кропотливыхъ работъ. Настоящее изслѣдованіе для нея, равно какъ для всѣхъ не спеціалистовъ, для людей, никогда не интересовавшихся деталями исторіи родного края и его древнѣйшаго и славнѣйшаго училища—Кіевской Академіи, покажется скучнымъ и мало интереснымъ. Но всѣ, кому приходилось спеціально заниматься исторіей Кіевской Академіи, и всѣ вообще, интересующіеся вопросами просвѣщенія нашего края, вполнѣ поймутъ значеніе настоящаго изслѣдованія, поймутъ, какъ много усидчиваго, упорнаго, кропотливаго труда оно потребовало, оцѣнятъ глубокую эрудицію автора и принесутъ ему свою искреннюю признательность.

В. Д—скій.

Кириллъ Неграмотный и Θеодоръ Самойленко. Дванадцять чародійныць. Малороссійская опера-феерія въ 3-хъ діяхъ. Кіевъ, 1904 г. *Стр.—1—64. Цѣна 40 коп.*

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ нашего журнала намъ приходилось уже говорить о произведеніяхъ такъ называемыхъ украинскихъ писателей самородковъ (См. № 4, 1904 г.). Теперь передъ нами опять твореніе доморощеннаго генія-самородка. На этотъ разъ мы знакомимся съ „геніальнымъ“ драматическимъ произведеніемъ.

Жили-были на бѣломъ свѣтѣ два деревенскихъ ловеласа—Тарасъ и Уласъ. Много сердецъ похитили они, много слезъ пролили изъ-за нихъ деревенскія красавицы. Но ни слезы, ни просьбы, ни мольбы не трогали нашихъ героевъ. Наконецъ, оскорбленныя „симпатіи“ рѣшаютъ жестоко мстить своимъ сердцеѣдамъ. Тутъ только измѣняетъ имъ обычное ихъ мужество: Тарасъ съ Уласомъ задумываютъ бѣжать на Донъ. Но и здѣсь имъ стоитъ на дорогѣ роковая, неизбѣжная любовь. Избавившись отъ обыкновенныхъ дивчатъ, наши парни влюбляютъ въ себя услужливо предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе заботливымъ авторомъ цѣлыхъ двѣнадцать „чародійныць“. Запылали сердца несчастныхъ „чародійныць“, закружились ихъ слабыя головы, а наши донъ-жуаны уже готовы и на попятный дворъ. Однако, не тутъ то было: „чародійныци“ не то, что Маруся или Марыся, отъ нихъ такъ легко не отдѣлаешься. „Чародійныци“ взываютъ о помощи къ Морской царицѣ. Та вооружаетъ цѣлую армію демоновъ и... вотъ-вотъ наши герои погибли бы, если бы не явился имъ на выручку вызванный изъ

небесныхъ чертоговъ всесильнымъ авторомъ свѣтлый ангелъ, не поразилъ демоновъ своимъ огненнымъ мечомъ и не закрылъ сцены...

Таково основное содержаніе „Дванадцяты чародійныць“.

По пути въ пьесѣ разсыпано очень много интересныхъ и поучительныхъ наблюденій. Такъ, по мнѣнію автора, наши крестьяне всю свою жизнь, съ ранняго утра до поздней ночи, съ дѣтскихъ лѣтъ до старости, только пьютъ, танцуютъ, поютъ и играютъ въ любовь. Очевидно, это не наша деревня съ ея тяжелымъ, потомъ и кровью достающимся кускомъ хлѣба. Это—какая-то счастливая Аркадія, надъ которой вѣчно сіяетъ солнце любви. Да и любовь, у крестьянъ нашего автора какая-то необыкновенная, странная: выражается она исключительно только поднесеніемъ сѣмячекъ и орѣховъ. Еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что передъ нами не обыкновенная деревня, а какая-то миѳическая страна, тотъ фактъ, что въ пьесѣ, кромѣ обыкновенныхъ людей, принимаютъ участіе еще и сверхъестественныя силы: „Чародійныци“, морская царица, «везеулъ» (вельзевулъ?), демоны, ангелъ...—это, какой-то сверхъестественный русскій языкъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ его: «Босъ, *въ бѣлыхъ штанахъ, съ подкачанными панталонами (?) въ очкурить шпагатный толстый очкуръ (поясъ) до колѣнъ»*... (21 стр.). «Въ шляпѣ, въ воротникѣ (манишкѣ) *поджакѣ*, манжетахъ, жилетѣ, *при часахъ, брюкахъ на выпускъ панталоны*, съ зонтикомъ, *который по способу пружины самъ открывается* и съ портабакомъ съ папиросами»... (22 стр.). «Мы съ *нетерпѣніемъ* прибыли къ вамъ»... (стр. 59). «Какъ ты смѣла *пристать* къ такому человѣку, *при которомъ существуетъ сила* Всевышняго Бога?»... (Стр. 62). (Сравни стр. 5, 6, 8, 19, 25, 37, 45, 46, 48, 50, 53, 60, 63 и др.). Разъ уже зашла рѣчь о языкѣ пьесы, то не могу не отмѣтить «сверхестественныхъ» перловъ и украинской рѣчи нашего автора. Чего стоятъ хотя бы такія выраженія и словечка: «нарывайся плакать» (стр. 7), «не догадуйсь, Марусе» (въ смыслѣ: «не замышляй» (ibid), «виддумайсь Марусе» (ibid), «а я Уласу видказала» (въ смыслѣ: «отказала») (стр. 8) и т. д. (Сравни стр., 9, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 23, 61...).

Кто же такой авторъ разсматриваемой нами пьесы, такъ властно распоряжающійся міромъ сверхъестественныхъ не только темныхъ, но и свѣтлыхъ духовъ,—такъ безцеремонно искажающій не только малорусскій, но и русскій языкъ?..

Судя по тому, что въ пьесѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на хоть какую-нибудь мотивировку и психологію, что въ ней прямо таки нѣтъ человѣческаго смысла, и принимая во вниманіе невозможный языкъ пьесы—можно безъ всякихъ колебаній сказать, что авторъ пьесы--

человѣкъ или совершенно неграмотный или безграмотный и при томъ совершенно не образованный.

На обложкѣ книжки, дѣйствительно, стоитъ: «Кириллъ Неграмотный». Мы, конечно, должны цѣнить все геройство и необыкновенную честность г. Кирилла Неграмотнаго, откровенно сознающагося въ своей безграмотности, но однако не можемъ не спросить его, какъ же онъ берется писать книги, будучи совершенно неграмотнымъ. Неужели ему не знакома та простая истина, что нельзя браться за то дѣло, котораго совершенно не знаешь?.. Что касается другого автора, подписавшагося подъ книжкой г. Өеодора Самойленка, то, видно, и онъ не далеко ушелъ отъ своего совершенно неграмотнаго сотрудника и въ смыслѣ грамотности, и еще болѣе въ смыслѣ образованности. Только у него не хватило, къ сожалѣнію, рѣшимости прямо заявить о своей безграмотности.

Много, по обязанности рецензента, приходится перечитывать намъ глупыхъ и безграмотныхъ произведеній украинскихъ самородковъ, но даже и среди нихъ трудно найти что нибудь болѣе безтолковое и безграмотное...

В. Мировець.

Б. Арсень. Украинскій спиваныкъ. 100 писень зъ нотамы. *1—132+I—III стр. Одесса. 1904.*

Въ послѣднее время очень часто приходится слышать жалобы на то, что народная пѣсня забывается, что ее вытѣсняетъ пѣсня фабрично-солдатскаго происхожденія. И, дѣйствительно, проѣзжая по Украинѣ, вы въ настоящее время почти не встрѣтите такого счастливаго уголка, куда бы не проникла своеобразная фабричная цивилизація съ ея неизмѣнною гармоніей, отвратительной, пошлой «Разлукой», «Канхветкой» и т. п. пѣсенными перлами. Даже болѣе: изъ бесѣдъ съ народомъ вы узнаете, что ему, особенному молодому поколѣнію, болѣе по вкусу *новыя* пѣсни, что старинныя украинскія, то полныя заразительнаго, здороваго веселья, то дышущія глубокою, за душу хватающей тоской пѣсни теперь въ деревнѣ *не въ модѣ.*

На основаніи всего этого нѣкоторые пессимисты полагаютъ, что народная пѣснь уже севершенно потеряна, такъ сказать, умерла для народа.

Мы рѣшительно не согласны съ этимъ мнѣніемъ. Намъ кажется, что крестьянинъ нашъ поетъ «Разлуку» не п., что цѣнитъ ее выше своихъ родныхъ старинныхъ пѣсенъ,—не п., что его неудовлетворяютъ родныя, глубоко содержательныя и мелодичныя пѣсни,—а потому, что теперь *такая мода, мода на пѣсни солдатско-фабричнаго пошиба*. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что крестьянинъ слѣдуетъ этой модѣ, мѣняетъ свою красивую пѣсню на пошлую безсодержательную и даже въ музыкальномъ отношеніи не интересную «Канхветку»... Часто даже и люди болѣе развитые, болѣе интеллигентные, болѣе сильные въ умственномъ отношеніи не въ силахъ бороться противъ соблазновъ моды.

Однако, спросите нашего крестьянина о старыхъ пѣсняхъ, напомните ему о нихъ, разгоните передъ нимъ туманъ моды, расшевелите его,—и сколько чудныхъ—содержательныхъ, мелодичныхъ, истинно-народныхъ пѣсенъ вы услышите отъ него, и съ какимъ увлеченіемъ онъ будетъ вамъ пѣть эти пѣсни, вспоминая, какъ нѣкогда пѣлъ ихъ его дѣдъ или баба...

Не свидѣтельствуетъ ли это самымъ нагляднымъ образомъ, что забвеніе народной пѣсни есть явленіе только временное, переходное что народъ въ глубинѣ своей души сильно, хотя и чисто *безсознательно*, любитъ родную пѣсню, которая такъ близка его сердцу, такъ ярко и наглядно выражаетъ и его радость, и его горе,—что онъ *инстинктивно* дорожитъ ею и хранитъ ее, какъ нѣчто особенно цѣнное, въ тайникахъ своей души.

Конечно, народная пѣсня не есть нѣчто мертвое, застывшее въ разъ выработанныхъ формахъ,—конечно, и она должна съ теченіемъ времени измѣняться,—должны создаваться новыя народныя пѣсни, ближе касающіяся собственно нынѣшняго положенія крестьянъ,—пѣсни, такъ сказать, на злобу дня. Но отъ этой, вполнѣ естественной и законной эволюціи народной пѣсни до «Разлуки» еще цѣлая пропасть.

Никто не станетъ спорить, что фабричныя пѣсни ничего, кромѣ вреда, народу не приносятъ. Намъ кажется, что поэтому интеллигенція, стремящаяся вообще къ поднятію народнаго благосостоянія, должна вступить въ борьбу противъ этого все усиливающагося и распространяющагося зла. Въ лучшихъ, болѣе интеллигентныхъ представителяхъ нашего крестьянства она найдетъ себѣ дѣятельную и энергичную поддержку: въ нихъ уже ясно проснулось стремленіе возвратиться къ старинной, родной пѣснѣ. Во время недавно торжественно отпразднованнаго юбилея нашего славнаго композитора Николая Витальевича Лисенка было нѣсколько депутацій съ привѣтствіями и вѣнками „отъ селянъ". Одинъ изъ представителей крестьянъ между прочимъ

особенно подчеркнулъ въ качествѣ заслуги юбиляра тотъ фактъ, что онъ *взялъ у народа его простую пѣсню придалъ ей художественную форму и теперь возвращаетъ ее народу.* Насъ поразили тогда эти слова, въ которыхъ такъ много глубокаго пониманія значенія дѣятельности Н. В. Лисенка. Очевидно, народъ понимаетъ и цѣнитъ работниковъ на нивѣ его родной пѣсни.

Нужно отдать честь и нашей интеллигенціи: она довольно энергично взялась въ послѣднее время за работу надъ распространеніемъ въ народѣ родной пѣсни, что само собою разумѣется, должно служить лучшимъ противоядіемъ противъ всякаго рода фабричныхъ и солдатскихъ пѣсенныхъ перловъ. Одни изъ этихъ работниковъ устраиваютъ народные хоры (извѣстный основатель Охматовскаго крестьянскаго хора г. Демуцкій), другіе составляютъ сборники лучшихъ и по содержанію, и по напѣву народныхъ пѣсенъ и, издавая ихъ сравнительно очень дешево, стараются распространить ихъ въ народѣ (сборники г.г. Федоровича, особенно Конощенка и др.). Конечно, подобная работа требуетъ и спеціальныхъ знаній, и много труда и настойчивости. Вѣдь, приходится такъ умѣло подбирать матеріалъ, чтобы народъ яснѣе яснаго увидѣлъ, что его старинныя пѣсни во всѣхъ отношеніяхъ лучше новыхъ *модныхъ*,—лучше и по содержанію, и по мелодіи. Только въ такомъ случаѣ народъ сможетъ критически отнестись къ *моднымъ* пѣснямъ и убѣдиться въ ихъ совершенномъ ничтожествѣ. Повторяемъ, что работа эта очень трудная и въ высшей степени отвѣтственная.

Къ сожалѣнію, среди лицъ, отдающихся этой работѣ, встрѣчаются не рѣдко и такіе люди, которые приступаютъ къ ней безъ должнаго пониманія всей ея важности и отвѣтственности и даже безъ должныхъ знаній. Напередъ можно сказать, что подобные дѣятели способны только повредить дѣлу.

Въ настоящій разъ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о сборникѣ нѣкоего г. Б. Арсеня, изданномъ въ Одессѣ г. Фесенкомъ, который передъ тѣмъ выпустилъ одинъ сборникъ г. Федоровича и два — истинно прекрасныхъ—г. Конощенка.

Сборникъ г. Б. Арсеня прежде всего поражаетъ читателя страннымъ подборомъ пьесъ. Наряду съ очень интересными и содержательными пѣснями у него попадаются и такія, которымъ мѣсто не въ сборникѣ для народа, а только среди пьяно йили очень неразборчивой, мало интеллигентной компаніи. Что, напр., хорошаго позаимствуетъ народъ изъ такихъ пѣсенъ: «Пропала надія, розбылась сулія...» (№ 61), «Капшуче, друже, братику мій...» (№ 83), «Схотивъ жинку провозыты, я извозщика нанявъ; вона въ дрожкахъ якъ розсилась, тырнюръ все мисце занявъ...» (№ 91) (Сравни №№ 26, 29, 52, 81 и др.)?.. Спроси-

ли бы мы г. Арсеня, что хотѣлъ онъ сказать народу этими quasi комическими пѣснями,—для чего онъ заносилъ ихъ въ свой сборикъ,—чѣмъ эти его пѣсни хуже вдохновеній фабричной музы?... Неужели же у него не было настолько даже пониманія дѣла, чтобы видѣть, что подобныя пѣсни вредны для народа, что онѣ его опошляютъ, развращаютъ?...

Кромѣ этихъ совершенно безсодержательныхъ или пошлыхъ по содержанію пѣсенъ, довольно значительный процентъ въ сборникѣ г. Б. Арсеня занимаютъ также избитыя, страшно запѣтыя пѣсни семинарскаго и мѣщанскаго репертуара (См. №№ 57—60, 64, 65, 69—70, 72—75). Неужели нельзя было подобрать чего нибудь болѣе свѣжаго, болѣе новаго..?

Конечно, и безъ этихъ пѣсенъ въ сборникѣ г. Б. Арсеня остается еще много матеріала. Къ сожалѣнію, приходится констатировать тотъ грустный фактъ, что все лучшее, все истинно хорошее въ этомъ матеріалѣ принадлежитъ не г. Арсеню, а другимъ авторамъ, у которыхъ онъ нисколько не смущаясь хваталъ полною рукою, даже ни разу не намекая на то, что заимствуетъ. Есть въ его книжкѣ и пѣсни изъ сборниковъ Лисенка (около половины всего сборника), и Коцюбинскаго, и Демуцкаго, и Глинки, и Крыжановскаго, и Конощенка, и даже „Богогласника“ (колядки). Такое отношеніе г. Арсеня къ чужимъ трудамъ представляется болѣе чѣмъ страннымъ и совершенно не объяснимымъ, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ онъ заимствовалъ и текстъ, и мелодію почти безъ всякаго измѣненія: это отнюдь не варіанты, это прямо недобросовѣстныя заимствованія.

Переходя отъ содержанія сборника г. Арсеня къ его музыкальнымъ достоинствамъ, мы и здѣсь не находимъ ничего утѣшительнаго. Повторяется все то же, что сказано нами относительно содержанія сборника. Есть пѣсни очень интересныя, богатыя въ музыкальномъ отношеніи, но это все—работа не г. Б. Арсеня,—это все чужіе труды. Самъ г. Арсень, какъ видно изъ сравнительно очень немногихъ самостоятельно записанныхъ имъ мелодій, не отличается тонкимъ вкусомъ и вообще очень не высокаго достоинства музыкантъ этнографъ: даже не умѣетъ грамотно записать пѣсню. Среди самостоятельно записанныхъ г. Б. Арсенемъ мелодій большая часть или очень примитивны и не заслуживаютъ никакого вниманія (См. №№ 59, 81, 83...), или совершенно не народнаго происхожденія (№№ 29, 52, 91...). Очевидно, у нашего автора нѣтъ способности критически отнестись къ мелодіямъ и сдѣлать среди нихъ выборъ болѣе достойнаго записи.

Что касается самаго способа записыванія мелодій г. Б. Арсенемъ, то и онъ многаго заставляетъ желать лучшаго. Прежде всего, г. Арсень

никакъ не можетъ подобрать соотвѣтствующій пьесѣ размѣръ и часто втискиваетъ мелодіи въ совершенно не подходящіе, насилующіе ихъ размѣры (№№ 42, 53, 63, 68, 94). Не умѣя угадать ритмъ пьесы и примѣнить соотвѣтствующее мелодіи дѣленіе, г. Арсень въ напрасныхъ потугахъ уложить оригинальную, вольную мелодію на приготовленное ей Прокустово ложе прибѣгаетъ очень часто къ примѣненію тріольнаго движенія (См. №№ 4, 10, 14, 22, 40, 80...). Эти частыя, подчасъ очень неумѣстныя, сильно затрудняющія исполнителя тріоли рекомендуютъ г. Б. Арсеня съ очень невыгодной стороны, какъ этнографа. Если къ сказанному уже нами еще добавимъ неумѣлое примѣненіе знаковъ усиленія и ослабленія (crescendo-diminuendo) (№ 9), повышенія и пониженія (бекаръ въ серединѣ пѣсни безъ соотвѣтствующаго діеза или бемоля въ ключѣ—№ 7 и 8) и странную, ступанную терминологію въ обозначеніи оттѣнковъ исполненія (№ 9. 37, 52, 84), то мы убѣдимся; что въ лицѣ г. Б. Арсеня передъ нами музыкантъ-этнографъ очень подозрительной марки.

Подводя итогъ всему сказанному, мы не можемъ не выразить удивленія передъ рѣдкою рѣшимостью г. Б. Арсеня. Какъ могъ онъ осмѣлиться, будучи такъ мало подготовленъ къ интеллегентной работѣ для народа вообще и къ работѣ музыканта-этнографа въ частности, взяться за перо, особенно послѣ такихъ прекрасныхъ, идеальныхъ прямо работъ, какъ работы г. Конощенка. Одно изъ двухъ: или онъ настолько не серьезенъ, что не въ состояніи оцѣнить своей работы, сравнить ее съ работой г. Конощенка и другихъ лучшихъ этнографовъ и понять всю безполезность и даже вредъ своей работы для народа,—или онъ такъ легкомысленъ, такъ не вдумчивъ, что не можетъ поразмыслить надъ цѣлью своей работы. Не менѣе удивляемся мы и г. Фесенку,—какъ онъ могъ позволить какому то г. Б. Арсеню такъ сильно скомпрометировать его хорошее изданіе.

Да, не пріобрѣтетъ лавровъ г. Б. Арсень въ качествѣ музыкальнаго дѣятеля. Не поблагодарятъ его за сборникъ ни настоящіе музыканты, ни истинные друзья и благожелатели народа, ни тѣмъ болѣе — лучшіе, интеллигентнѣйшіе представители самаго народа. Мало у насъ работниковъ на нивѣ народной пѣсни,—но пусть ихъ будетъ даже еще меньше, лишь бы не появлялись на ней такіе скороспѣлые, самоувѣренные, самородки, какъ г. Б. Арсень...

В. Мировець.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 4 и 5; 2) Русская Старина, № 4 и 5; 3) Истор. Вѣст., № 4 и 5; 4) Всемірный Вѣстн., № 3; 5) Вѣстникъ Евр., № 4 и 5; 6) Русская Мысль, № 3—5; 7) Міръ Божій, № 4 и 5; 8) Русское Богатство, № 4; 9) Русскій Вѣстн., № 4 и 5; 10) Образованіе, № 4; 11) Журн. Мин. Нар. Просв., № 4 и 5; 12) Ученыя Зап. Импер. Каз. Унив., № 4 и 5; 13) Труды Кіев. Духовн. Акад., № 4; 14) Варшав. Унив. Извѣст., № 1—3; 15) Записки Импер. Харьк. Универс., № 1; 16) Книжки Восхода, № 4; 17) Черниговскій Земскій Сборникъ, № 2 и 3; 18) Филологическія Записки, № 1; 19) Révue Archéologique, № 1—2; 20) Зап. Науков. Товар. ім. Шевченка, Т. LVIII, кн. 2-я; 21) Извѣстія Отдѣл. Рус. яз. и Словесн. Имп. Акад. Наукъ, Т. IX, кн. 1; 22) Archiv für Slavische Philologie, B. 26, Hef. 2; 23) Наблюдатель, № 2; 24) Révue de linguistique et de philologie comparée. t. 38; 25) Mittheilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichte, B. XXV, Hef. 2; 26) Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts in Wien, B. VII, Hef. 1; 27) Zeitschrift des Vereins für Velkskunde, Hef 2; 28) Révue des traditions populaires, № 2; 29) Живая Старина, № 1—3.

Русскій Архивъ, № 4 и 5.

Ѳ. Уманецъ. Князь Константинъ-Василій Острожскій (№ 4, стр. 625—634. 1) Дана краткая характеристика знаменитаго ревнителя православія въ Малороссіи 16 вѣка; характеристика эта имѣетъ цѣлью показать двойственность натуры князя Константина-Василія, выразившуюся въ цѣломъ рядѣ поступковъ, противорѣчащихъ другъ другу. По мнѣнію автора, у кн. Конст. Острожскаго не было вполнѣ опредѣленныхъ принциповъ; устанавливая самый фактъ, авторъ не пытается дать объясненій ему.

А. Баловъ. Понедѣльникъ и понедѣльничанье. Историко-этнографическій очеркъ (№ 5, стр. 27—36). Разсмотрѣнъ народный обычай чтить понедѣльникъ, что, какъ извѣстно, очень распространено въ Малороссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ дается попытка объяснить, почему въ народѣ понедѣльникъ считается несчастливымъ днемъ.

Въ *«воспоминаніяхъ Ѳ. А. Гилярова»* (№ 5, стр. 107) есть одна страничка, посвященная Ф. А. Терновскому, извѣстному ученому и

профессору Кіевской духовной академіи, когда онъ, бывъ воспитанникомъ старшаго класса Московской Духовной Семинаріи, однажды выступилъ лекторомъ, т. е. замѣстителемъ преподавателя въ низшихъ классахъ, и тутъ проявилъ ту свою скромность и гуманность, какою отличался онъ до конца дней своихъ и какая такъ хорошо знакома многочисленнымъ его ученикамъ по Кіевской академіи и университету.

Русская Старина, № 4 и 5.

В. В. Тимощукъ. Польская конституція 3-го мая 1791 года и отношеніе къ ней Россіи (№ 4. стр. 153—178; стр. 401—421). Содержаніемъ статьи служитъ обзоръ того, что представлялъ изъ себя государственный переворотъ въ Польшѣ въ 1791 году и насколько прочны были тѣ начала, на которыхъ онъ создался, благодаря многимъ элементамъ, не сочувствовавшимъ ему. Среди этихъ послѣднихъ былъ извѣстный магнатъ юго-западныхъ губерній, Станиславъ-Феликсъ Щенсный-Потоцкій, который, совмѣстно въ Ржевусскимъ, рѣшилъ дѣйствовать противъ конституціи 3-го мая 1791 года.

Историческій Вѣстникъ, № 4 и 5.

Е. Н. Матросовъ. По обычаямъ страны (№ 5, стр. 608—625). Въ этомъ очеркѣ беллетристическаго характера дана картинка жизни въ Америкѣ переселенцевъ-русинъ изъ Галиціи. Широкаго розмаха въ изображеніи жизни этотъ очеркъ не даетъ, но освѣщаетъ одинъ типъ молодого рабочаго, который слишкомъ быстро обамериканился.

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» даны рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) Слово о полку Игоревѣ. Фототипическое воспроизведеніе 1-го изданія 1800 года. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1904 г.— *А. И. Яцимирскаго* (№ 4, стр. 319—322); 2) Русско-еврейскій архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Т. 3-й. Документы по исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ (1364—1569 г.). Изданіе общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. СПБ. 1903 г. (№ 4, стр. 333); 3) Д. Вишневскій. Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII ст. Кіевъ 1903 г. (№ 4, стр. 334—335); 4) Л. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ 1904 г. (№ 5, стр. 683—685); 5) Н. И. Теодоровичъ. Волынь въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и

селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Т 5-й. Ковельскій уѣздъ. Почаевъ 1903 г. (№ 5, стр. 688).

Вѣстникъ Европы, № 4 и 5.

Въ отдѣлѣ «Литературное обозрѣніе», въ отзывѣ о книгѣ *Н. Барсукова* «Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 18-я», говорится о малорусскомъ вопросѣ и приводятся мнѣнія Н. И. Костомарова и А. А. Потебни (№ 4, стр. 814—815).

Русская Мысль, № 3—5.

Иванъ Бѣлоусовъ. Поѣздка на могилу Т. Г. Шевченка (№ 3, стр. 135—138). Этотъ коротенькій разсказъ о поѣздкѣ по Днѣпру на могилу Т. Шевченка ничего интереснаго не даетъ, но допускаетъ нѣкоторыя фактическія неточности, въ родѣ того, что с. Пекари находится подлѣ самой могилы внизу, тогда-какъ въ дѣйствительности отъ могилы до этого села остается пройти не менѣе 3-хъ верстъ. Еще разъ тутъ повторена та невѣрная справка, которая была уже въ нашемъ журналѣ точно исправлена: будто мѣсто, гдѣ находится могила поэта, покупалось поэтомъ у одного помѣщика для того, чтобы «поставить на немъ хатку и зажить, какъ въ раю»; извѣстно, что мѣсто это было выбрано художникомъ Честаховскимъ, когда тѣло поэта перевезено было изъ Петербурга.

Русскій Вѣстникъ, № 4 и 5.

А. Будиловичъ. Объ отношеніи народнаго къ общечеловѣческому, въ связи съ идеей русскаго національнаго единства (№ 4, стр. 483—509). Авторъ, указавъ на то, что есть нѣсколько теорій, отрицающихъ принципъ національнаго единства, пытается, на основаніи историческихъ аналогій, выяснить важность этого единства не только для Россіи и славянства, но и для всего человѣчества. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, авторъ между прочимъ приходитъ къ выводу, что не слѣдуетъ развивать областныхъ литературъ, а слѣдовательно и нашей малорусской (стр. 503—507). Нельзя, однако, упустить изъ виду того факта, что основное положеніе автора, будто «будущее станетъ развертываться не иначе, какъ по образцамъ прошедшаго», весьма осно-

вательно толкуется и такъ: опытъ исторіи очень важенъ въ смыслѣ рѣшенія судебъ будущаго, но онъ, въ связи съ умозрительными теоріями современности, часто служитъ показателемъ того, какъ не должно быть въ будущемъ.

Журналъ Мин. Нар. Просв., № 4 и 5.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» напечатанъ отвѣтъ проф. Н. Максимейка проф. М. Любавскому по поводу критики послѣднимъ труда перваго о литовско-русскихъ сеймахъ (№ 4, стр. 360—378).

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщена рецензія проф. А. Соболевскаго о книгѣ Д. Вишневскаго «Кіевская Академія въ первой половинѣ 18-го столѣтія». (№ 5, стр. 223—229).

Труды Кіевск. Духовн. Академіи, № 4.

Н. Петровъ. Значеніе Кіевской Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 году и до половины 18-го вѣка (стр. 520—577). Указавъ на то, что правильная организація духовныхъ школъ въ Россіи началась только съ изданія Духовнаго Регламента, которымъ устанавливалось два типа этихъ школъ—домовыя архіерейскія и академіи и семинаріи,—авторъ даетъ краткую исторію роста и развитія обоихъ этихъ типовъ въ 1-й половинѣ 18-го вѣка, а затѣмъ указываетъ, какую важную роль сыграла въ этомъ дѣлѣ Кіевская академія, какъ разсадница науки въ другія школы, при чемъ перечисляются всѣ тѣ преподаватели, которые взяты были изъ Кіевской академіи въ Московскую, въ Черниговскій Коллегіумъ, въ Ростовско-Ярославскую, въ Новгородскую, въ Нижегородскую, въ Александро-Невскую, въ Иркутскую семинаріи, въ Бѣлогородскія школы, преобразованныя затѣмъ въ Харьковскій Коллегіумъ.

Варшавскія Университетскія Извѣстія, №№ 1—3

Н. Г. Воблый. Заатлантическая эмиграція, ея причины и слѣдствія (стр. 1—88). Изучая въ настоящей работѣ эмиграцію изъ Зап. Европы и изъ Россіи въ Америку, авторъ пользуется также данными о переселеніяхъ Рутеновъ изъ Австро-Венгріи за Океанъ. Россіи онъ посвящаетъ особую главу.

Записки Императ. Харьков. Универс., № 1.

Въ приложеніи продолжается печатаніемъ трудъ проф. Д. Багалѣя «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» (стр. 1—80).

Книжки Восхода, № 4.

Начало еврейской вѣры въ Польшѣ. Подъ такимъ заглавіемъ напечатано въ переводѣ на русскій языкъ пока начало изслѣдованія д-ра Максимиліана Гумпловича по его посмертнымъ бумагамъ. Изслѣдованіе это написано по-польски и издано въ Варшавѣ въ 1903 году. Въ напечатанной части говорится кратко: объ исторіи евреевъ въ Польшѣ, о кавказско-балтійской торговлѣ въ доисторической Польшѣ, откуда и когда пришли евреи въ Польшу, о Хазарахъ, о войнахъ хазаровъ съ готами (стр. 111—129).

Revue Archéologique, январь-февраль.

Comte A. Bobrinskoy. Notes d'archéologie russe (1900—1903). Авторъ въ сжатомъ очеркѣ излагаетъ важнѣйшіе результаты изысканій русскихъ археологовъ въ теченіе 1900—1903 г.г., основываясь преимущественно на «Отчетахъ» и «Извѣстіяхъ“ Императорской Археологической Коммиссіи. Вся статья раздѣлена на небольшіе параграфы, каждый изъ которыхъ посвященъ особому виду древностей, и снабжена хорошо исполненными рисунками. Изложивъ мнѣнія ученыхъ о крашенныхъ скелетахъ, гр. Бобринскій пересказываетъ кратко результаты раскопокъ русскихъ археологовъ на Кавказѣ и отмѣчаетъ близкое сходство открытыхъ въ данной мѣстности древностей съ культурными остатками древнихъ обитателей побережій Тигра и Евфрата. Затѣмъ онъ останавливается на открытыхъ г. Хвойка въ Кіевской губерніи площадяхъ со слѣдами до микенской культуры и переходитъ къ обзору раскопокъ въ Херсонесѣ, Ольвіи и Пантикапеѣ, при чемъ классическія древности Херсонеса разсматриваетъ отдѣльно отъ найденныхъ тамъ предметовъ византійскаго періода. Изложивъ результаты раскопокъ покойнаго ген. Н. Е. Бранденбурга въ Кіевской губерніи, авторъ переходитъ къ скиѳо-сарматскимъ курганамъ, при чемъ останавливается на существующемъ среди археологовъ разногласіи относительно ихъ хронологическаго пріуроченія. Попутно онъ касается также вопроса о вліяніи римской культуры на южную Русь. Изложивъ результаты раскопокъ проф. Н. И Веселовскаго на Кубани, онъ пересматриваетъ

готскія древности, найденныя на югѣ Россіи, подводитъ итогъ раскопкамъ въ сл. Верхній Салтовъ, Харьковской губерніи, и въ заключеніе останавливается на славянскихъ погребеніяхъ въ предѣлахъ Полтавской губерніи.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVIII, кн. 2.

М. Тершаковецъ. Причинки до житепису Маркіана Шашкевича та дещо із його письменської спадщини (стр. 1—48). Въ краткомъ предисловіи къ издаваемымъ рукописямъ М. Шашкевича авторъ указываетъ на ихъ значеніе для исторіи украинской культуры и характеризуетъ кратко опубликованный имъ матеріалъ. Къ сожалѣнію, рукописи Шашкевича весьма малочисленны: большая часть ихъ погибла безвозвратно и лишь небольшое число ихъ спаслось отъ той же участи, попавъ въ библіотеку Народнаго Дома, во Львовѣ. Вотъ эти то рукописи и изданы въ 58 томѣ «Записокъ». По содержанію онѣ весьма разнообразны: 1) стихотворенія 1830—51 г.г.; 2) басни; 3) самостоятельныя произведенія въ прозѣ; 4) переводы въ прозѣ и стихахъ; 5) замѣтки по украинской грамматикѣ; 6) письма; 7) документы для біографіи М. Шашкевича. Въ приложеніи къ этой статьѣ опубликованы еще 2 документа, относящихся къ личности писателя, и небольшой стихотворный отрывокъ.

Miscellanea. М. Зубрицький. Помічні дні стр. (1—4). Авторъ публикуетъ 2 документа, говорящихъ о назначеніи цѣнъ за „помічні дні“ въ приходѣ Кривчи Парохницького деканата. Для иллюстраціи этихъ цѣнъ онъ даетъ небольшую табличку ихъ по документамъ 1817—1831 г.г.

Наукова хроніка. 1) *С. Томашівський й Ів. Кревецький. Огляд часописей за р. 1903.* Здѣсь данъ обстоятельный обзоръ украинско-русскихъ журналовъ за истекшій годъ. 2) *Ів. Стешенко. З юбілейної літератури про Миколу Гоголя.* Авторъ продолжаетъ обзоръ Гоголевской юбилейной литературы, начатый въ предшествующемъ томѣ «Записокъ». Отзывы отличаются основательностью.

Въ отдѣлѣ «Бібліографія» даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ Украинѣ: 1) *В. И. Гошкевичъ.* Клады и древности Херсонской губ. Кн. I. Херсонъ, 1903; 2) *S. Hirth.* Ueber Wolga-Hunnen und Hiund-nu (Sitzungsberichte

der philos.-philol. und hist. Classe der Akademie der Wissenschaften zu München, 1899, B, II); 3) *К. А. Иностранцевъ.* Хунъ-ну и Гунны (Жив. Старина, 1900 г.); 4) *И. И. Срезневскій.* Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. II, в. 4. Спб. 1902; 5) *Н. Оглоблинъ.* Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа Ч. IV (Чтенія въ Об. Ист. и Др., 1902 г., кн. I); 6) *В. Нарбеновъ.* Южнорусское религіозное искусство XVII—XVIII вв. Казань. 1903; 7) *А. Лазаревскій.* Описаніе Старой Малороссіи. Т. III. К. 1902; 8) *Jan Leszczyński.* Rządy rosyjskie w kraju Tarnopolskim. 1809—1814. Kraków. 1903; 9) *Jósef Krajewski.* Tajnezwiązki polityczne w Galicyi od roku 1833 do roku 1841. Львовъ. 1903; 10) *Dr. Zb. Pazdro.* Strejki rolne w Galicyi wschodniej w r. 1902 i 1903; 11) *Dr. Jan Rozwadowski.* Ruskie bezrobocie w r. 1902. Львовъ. 1904.

Въ настоящемъ томѣ редакція «Записокъ» дѣлаетъ одно полезное нововведеніе, а именно въ концѣ книги приложенъ списокъ книгъ, разсмотрѣнныхъ въ 58 томѣ.

Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 1904 г., т. IX, к. 1

Н. А. Линниченко. Грамоты галицкаго князя Льва и значеніе подложныхъ документовъ какъ историческихъ источниковъ (стр. 80—102). Настоящая статья написана по поводу изслѣдованія М. С. Грушевскаго „Чи маэмо автентични грамоты кн. Льва“ (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XLV), въ которомъ послѣдній отрицаетъ существованіе подлинныхъ грамотъ кн. Льва и доказываетъ, что „изъ канцеляріи старыхъ русскихъ князей и не могли восходить грамоты, подобныя представленнымъ Казиміру, а впослѣдствіи и другимъ польскимъ королямъ, на утвержденіе“. Разсмотрѣвъ доводы М. С. Грушевскаго и данныя о древне-русскихъ грамотахъ, Н. А. Линниченко доказываетъ, что „нельзя безусловно утверждать подлинности дошедшихъ до насъ грамотъ, выданныхъ отъ имени князя Льва“. Зато „можно съ большой вѣроятностью утверждать, что часть изъ такихъ, дошедшихъ до насъ грамотъ, скопирована не съ современныхъ польскихъ грамотъ, а со старыхъ русскихъ грамотъ княжескаго періода. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, „что такія грамоты имѣютъ для насъ важное значеніе, такъ какъ даютъ данныя о формулярѣ старыхъ, не дошедшихъ до насъ, русскихъ грамотъ княжескаго періода“.

Ю. Тиховскій. Два (неполныхъ) пергаментныхъ листка изъ Волынскаго (?) нотнаго Стихираря XII—XIII в. (стр. 103—112). Въ настоящей замѣткѣ авторъ даетъ краткія замѣчанія о 2 пергаментныхъ листкахъ, найденныхъ имъ въ Евангеліи XVI в. „на хорахъ церкви въ с. Староmъ Жуковѣ, ровенскаго уѣзда волынской губ.“ Листки были разорваны на куски и служили для сшивки листовъ Евангелія. Авторъ склеилъ ихъ и заключающійся на нихъ текстъ, по правописанію, малорусскій, опубликовалъ въ приложеніи къ настоящей замѣткѣ.

В. И. Срезневскій. Отчетъ Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о поѣздкѣ въ олонецкую, вологодскую и пермскую губерніи (стр. 183—246). Въ настоящей книжкѣ продолжается перечень рукописей и книгъ, пріобрѣтенныхъ В. И. Срезневскимъ во время его поѣздки по Сѣверной Россіи (см. Кіев. Ст., май, стр. 99). Для изслѣдователей южно-русской старины могутъ представить интересъ слѣдующія рукописи: 1) сборникъ начала XVII в., въ которомъ помѣщены: слово о проявленіи крещенія Рускія земли (стр. 183) и замѣтки о житіи прп. Θеодосія Печерскаго (стр. 189) и успеніи Владиміра Св. (ib.); 2) сборникъ тропарей и кондаковъ святымъ начала XVII в.: „въ числѣ святыхъ, тропари и кондаки которымъ помѣщены въ рукописи, находятся слѣдующіе русскіе святые“, имѣвшіе то или другое отношеніе къ Южной Руси: свв. Борисъ и Глѣбъ, прп. Антоній Печерскій, Владиміръ Св., кн. Ольга, кн. Михаилъ Черниговскій, прп. Θеодосій Печерскій (стр. 191—192); 3) крюковой стихирарь съ прибавленіями первой четверти XVII в.“, въ немъ заключаются между прочимъ стихиры: кн. Михаилу Черниговскому и боярину его Θеодору, на освященіе храма св. Георгія въ Кіевѣ и свв. Борису и Глѣбу (стр. 194—195); сборная рукопись изъ 2 рукописей XVII и XVIII вв.; въ ней помѣщены между прочимъ: исповѣданіе 1452 г. Даніила, еп. Володимірскаго и Берестійскаго, и прощальная грамота митр. Іоны тому-же Даніилу (стр. 214—215); 5) отрывокъ сборника виршей съ нотами начала XVIII в., написанный скорописью юго-западнаго типа (стр. 224—225); 6) букварь дулярный начала XVIII в.; 7) сборникъ нач. XVIII в., содержащій между прочимъ отрывокъ слова Кирилла Туровскаго о душѣ и тѣлѣ; 8) сборникъ 1748 г.; содержитъ отрывки изъ Синопсиса и разныя статьи историческаго содержанія, относящіяся отчасти и къ Южн.

Руси; 9) сборн. 2-й пол. XVIII в., содержащій также житіе Прохора Печерскаго.

Въ отдѣлѣ „Библіографія" J. Polivka даетъ обстоятельный отзывъ на чешскомъ языкѣ о книгѣ Е. Р. Романова „Бѣлорусскій Сборникъ". В. VI. Могилевъ. 1901" (стр. 424—447).

Archiv für Slavische Philologie, B. 26, H. 2.

L. K. Goetz. Die Zusammensetzung der sogenannten „Похвала преп. Θеодосію Печерскому" (стр. 215—237). Настоящее изслѣдованіе посвящено вопросу о составѣ и авторѣ извѣстной „Похвалы преп. Θеодосію Печерскому". Разсмотрѣвъ сначала данныя источниковъ о смерти преп. Θеодосія и посмертномъ чествованіи его, Л. К. Гетцъ разбираетъ существующія въ наукѣ мнѣнія объ авторѣ и времени составленія „Похвалы", при чемъ указываетъ на тѣ затрудненія, съ которыми встрѣтится каждый изслѣдователь, принявъ мнѣніе арх. Леонида, что авторомъ „Похвалы" былъ Серапіонъ, еп. Владимірскій. Перейдя затѣмъ къ составу „Похвалы", Л. К. Петцъ указываетъ, что она состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ произведеній, которыя совершенно не зависятъ другъ отъ друга. При этомъ вторая „Похвала" составлена приблизительно черезъ 150 лѣтъ послѣ первой. Вслѣдъ за арх. Леонидомъ онъ признаетъ авторомъ второй „Похвалы" упомянутаго еп. Серапіона, а относительно первой высказываетъ предположеніе, что она составлена неизвѣстнымъ ученикомъ преп. Θеодосія.

Живая Старина, 1903 г., № 3.

А. С. Будиловичъ. Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ Угорской Руси (стр. 265—275). Настоящая замѣтка написана Л. С. Будиловичемъ по поводу изслѣдованій Л. Нидера и С. Цамбеля.

А. А. Петровъ. Еще два слова объ изученіи Угорской Руси (стр. 276—278). Небольшая замѣтка А. А. Петрова вызвана проектомъ Этнографическаго Отдѣленія Имп. Рус. Геогр. Общества снарядить особую экспедицію для изученія Угорской Руси. Онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы участники экспедиціи обратили вниманіе главнымъ образомъ на изученіе говоровъ и народной словесности, а также собрали документы, опредѣляющіе прежнія границы Угро-Русовъ.

Н. И. Коробка. Новое явленіе въ крестьянской жизни (стр. 279—296). Авторъ приводитъ собранныя имъ данныя объ интересномъ явленіи въ быту крестьянъ, житомірскаго уѣзда волынской губерніи,—переселеніи ихъ на волоки. По наблюденіямъ автора, это явленіе вызывается стремленіемъ крестьянъ" довести свое хозяйство до того совершенства, какимъ отличается хозяйство многочисленныхъ въ этой мѣстности нѣмецкихъ колонистовъ".

Я. Науменко. Особенности говора с. Ивановскаго, Кубанской области (стр. 358—360). Авторъ приводитъ фонетическія, этимологическія и лексикальныя особенности говора населенія с. Ивановскаго, состоящаго изъ великоруссовъ.

Я. І. Кузнецовъ. Характеристика общественныхъ классовъ по народнымъ пословицамъ и поговоркамъ (стр. 396—404). Въ настоящей замѣткѣ авторъ даетъ группировку по смыслу тѣхъ народныхъ пословицъ и поговорокъ, которыя такъ или иначе характеризуютъ различные общественные классы, при чемъ пользуется также украинскими пословицами и поговорками.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

«*Руска письменність*». Подъ такимъ заглавіемъ вышелъ во Львовѣ первый объемистый томъ новаго издательства подъ редакціей Юл. Романчука. Въ этотъ томъ вошли произведенія И. П. Котляревскаго, Гребинки и Гулака-Артемовскаго. Въ предисловіи къ изданію Юл. Романчукъ, указавъ на то, что произведенія украинскихъ писателей все еще мало извѣстны широкой публикѣ, обѣщаетъ, для большаго распространенія украинскихъ произведеній, издать цѣлый рядъ томовъ, въ которыхъ нашли-бы себѣ мѣсто всѣ лучшія произведенія извѣстныхъ нашихъ писателей. Каждый томъ будетъ выходить въ объемѣ отъ 500 до 600 стр. малаго формата (октавъ) и въ количествѣ отъ 3 до 5 тысячъ экземпляровъ. При каждомъ писателѣ будетъ приложенъ его портретъ, біографія и необходимыя разъясненія. Изданія отдѣльныхъ писателей будутъ по возможности полныя съ провѣреннымъ текстомъ. Цѣна каждаго тома будетъ 1 кор.; такая низкая цѣна только и возможна потому, что товариство «Просвита», на средства котораго предпринимается изданіе, не желаетъ получать отъ этого издательства никакой прибыли.

Новое издательство въ Станиславовъ. Гр. Зарицкый передѣлалъ извѣстную поэму Т. Шевченка «Невольникъ» въ пятиактную драму съ пѣніемъ и танцами. Драма эта, предназначенная для любительскихъ спектаклей, открываетъ собой начало новаго литературнаго предпріятія, а именно—издательство библіотеки театральныхъ представленій для молодежи старшаго возраста; чистый доходъ отъ этого издательства предназначается на сооруженіе русинскаго театра во Львовѣ. Драма «Неволбникъ», по отзывамъ галицкихъ газетъ, является удачной переработкой Шевченковой поэмы, имѣя во многихъ мѣстахъ неизмѣненный текстъ Шевченка. Цѣна книжечки небольшая—50 сот.

Предполагаемое изданіе сочиненій А. Я. Ефименко. 9-го мая, подъ предсѣдательствомъ А. В. Карчинскаго, состоялось, въ Петербургѣ общее собраніе членовъ Общества имени Т. Г. Шевченко. Собранію былъ сдѣланъ докладъ коммиссіи, назначенной для разработки вопроса объ изданіи сочиненій извѣстной писательницы А. Я. Ефименко, проживающей въ Харьковѣ, пожертвовавшей свои литературныя произведенія, въ количествѣ 60 печатныхъ листовъ, въ пользу Общества имени Т. Г. Шевченко. Коммиссія постановила издать сочиненія А. Я. Ефименко въ 2-хъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ «Южная Русь», съ портретомъ автора, въ количествѣ 2,000 экземпляровъ. Расходъ по изданію исчисленъ въ суммѣ 2212 р. 25 к. Средства на изданіе предположено занять изъ суммъ Общества въ 1,225 р., собранныхъ для устройства интерната, на содержаніе котораго предполагается употребить весь доходъ отъ продажи изданія («Южн. Край», № 8089»).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бирчак Володимир. Урвана пісня (Новеля). Львів, 1904. Накладомъ Василя Вітинського. Ст. 45, 16⁰. Ц. 70 сот.

Володськый. А. Хв. Въ каламутній води (Орыся). Буденни малюнкы зъ мищанського жыття на 4 діи. Выдання В. М. Костенецькои. У Кыиви, 1904. Ст. 86, 16⁰. Ц. 15 к.

Ганько Михайло. Якъ дбаешъ, такъ и маешъ. Оповидання. Выдання друге. (Благотворит. Общество изданія общепол. и дешевыхъ книгъ. Ч. 25). С.-Петербургъ, 1904. Ст. 32, 16. Ц. 3 к.

Етнографічний Збірник, видає Етнографічна комісия Наукового товариства імени Шевченка. Т. XV. Знадоби до галицько-руської демонольоґії. Т. I. Зібрав Володимир Гнатюк. У Львові, 1903. Ст. IV+272, 8⁰. Ц. 4 кор.

Зарицкий Григорій. Тарасъ Шевченко. Невольник. На спомин XLIII роковинъ смерти незабутного поета-генія, в V діях, в 8 відслонах (Библьотека театральнихъ представлень для старшої молодіжи. Випуск I). Станиславів, 1904. Ст. 39, 8. Ц. 40 і 50 сот.

Кинаш М. О. Практични проповѣди для руского народа. Випускъ II. Жовква. 1904. Ст. 170. Ц. 2 кор.

Кобзари и лирники Кіевской губерніи въ 1903 году (оттискъ изъ Памятной книжки кіевской губерніи на 1904 годъ). Изданіе Кіевскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Кіевъ, 1904, ст. 1—65 (со статьей о Кобзаряхъ и лирникахъ В. Доманицкаго).

Лепкий Богданъ. В горах. (Заходом К. Студинського). Львів, 1904. Накладом А. Хойнацкого.. Ст. 120, 16⁰.

«Непереглядною юрбою»... Хор мужеський a capella. Слова Ів. Франка. Музика Дениса Січинського. (Видавництво музичне «Станісл. Бояна». Ч. 16). Перемишль, 1904. Ст. 4. Ц. 60 сот.

О руський університет у Львові. Львів, 1904, ст. 47, 16⁰ (оттискъ изъ «Діла»).

Русовъ О. Прыгода на хуторі. Оповидання. Зъ 18 малюнкамы. (Благотворительное Общество изданія общепол. и дешевыхъ книгъ. Ч. 27). С.-Петерб. 1904. Ст. 64, 16⁰. Ц. 5 коп.

Святе пысьмо старого завіту мовою русько-українською. Перекладъ П. О. Куліша, І. С. Левіцького і д-ра І. Пулюя. У Відні, 1903. Виданне британського і заграничнього Біблійного товариства. З друкарні Адольфа Гольцгаузена. Ст. 826, 8⁰. Ц. 3 кор.

Характерник, Літературна збірка. Коломия, 1904. З друкарні Михайла Білоуса. Ст. 48, 8⁰. Ц. 80 с.

Чикаленко Е. Розмова про сельське хазяйство. 4-та кныжка. Выноградъ. 2-е выд. выправлене и доповнене. Зъ 16 малюнкамы. (Благотворит. Общество изданія общеполезн. и дешевыхъ книгъ. Ч. 29). С.-Петерб. 1904. Ст. 44, 8⁰. Ц. 6 к.

Шевченко Тарась. Наймычка: Поэма. Зъ портретомъ автора и 29 малюнкамы Н. Н. Каразина (Благотворит. Общество изданія общепол. и дешевыхъ книгъ. Ч. 26). С.-Пб. 1904, ст. 32, 16⁰. Ц. 3 коп.

Schewtschenkos ausgewählte Gedichte. Aus dem Ruthenischen mit Beibehaltung des Vermasses und des Reimes und mit den nöthigen Erklärungen versehen von Sergius Szpoynarowski. k. k. Gymnasialprofessor. Erstes Heft. Mit dem Bildnisse des Dichters Czernowitz 1904. Ст. 36, 8⁰. Ц. 50 сор.

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ.

Пребывающее въ С.-Петербургѣ Великобританское Посольство увѣдомило Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, что на островѣ Кипрѣ похищены и, вѣроятно, вывезены древности, составляющія часть найденнаго въ Киреніи клада.

Вещи эти слѣдующія:

1. Массивный серебряный поднос около 17 инчей (дюймовъ) въ діаметрѣ, служившій, какъ кажется, для церковныхъ надобностей, съ изображеніемъ изъ жизни Царя Давида: въ центрѣ помѣщено изображеніе борьбы Давида съ Голіаѳомъ, а ниже сцена отрубленія головы Голіаѳа.

2. Золотой крестъ съ цѣпью. Длина креста 8 инчей.

3. Четыре большія золотыя кольца и 12 штукъ небольшихъ колецъ.

4. Черный камень съ изображеніемъ льва.

5. Каменная статуя женщины вышиною въ $3^{1}/_{2}$ фута.

По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Великобританскомъ Посольствѣ, есть основаніе думать, что похищенныя вещи находятся у нѣкоего армянина Мирана Сиваджана, скупщика древностей, проживающаго въ Парижѣ, 17, Rue le Pelletier, который, вѣроятно, попытается продать ихъ черезъ посредство сирійца по имени Дуригелло, живущаго въ Парижѣ, 31, Rue de Richelieu.

Кіевскій Губернскій Статистическій Комитетъ предостерегаетъ лицъ, занимающихся покупкой древностей, а также Правленія и владѣльцевъ музеевъ отъ покупки означенныхъ выше предметовъ.

Великобританское Посольство проситъ всякаго, кому вышеуказанные предметы будутъ предложены въ продажу, извѣстить о томъ Слѣдственный Департаментъ уголовныхъ дѣлъ въ Лондонѣ (Criminal Investigation Departament New Scotland Lard London, S. W.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

учрежденіе совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства.—Измѣненіе порядка возбужденія ходатайствъ уѣздныхъ земскихъ собраній предъ правительствомъ.—Походъ нашихъ либераловъ противъ новаго положенія о крестьянахъ и мѣстныхъ совѣщаній.—С. А. К.—Обзоръ внѣшнихъ событій. Нейтралитетъ Китая. В. А. Теплова—XVI. Военно-политическіе отголоски. Н. Соколова.—XVII. На полѣ славы. Г. Сенкевича.—XVIII. Прялка. Повѣсть Маріи Родзевичъ.

Цѣна: на годъ съ достав. и перес. въ Россіи 16 р., за границу 20 р.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 136.

Редакторъ-издатель *В. В. Комаровъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXVI.

1904 г.

Іюль-августъ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ТОМЪ LXXXVI.

1904 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 6 іюля 1904 г.

Погребеніе кіевскихъ митрополитовъ Рафаила Заборовскаго и Арсенія Могилянскаго.

(По запискамъ современника).

Въ XVIII столѣтіи, когда еще не было ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, чинъ погребенія надъ умершими епархіальными архіереями совершался спустя мѣсяцъ и даже больше послѣ кончины ихъ. Такой значительный промежутокъ времени обусловливался разстояніемъ между Петербургомъ и мѣстомъ служенія скончавшагося архіерея и зависѣлъ отъ высочайшаго распоряженія, въ силу котораго каждая духовная консисторія обязательно должна была рапортовать Св. Синоду о смерти своего епархіальнаго архипастыря и оттуда ожидать приказа, кого изъ сосѣднихъ архіереевъ пригласить для совершенія чина погребенія надъ скончавшимся. Рапортъ консисторскій посылался въ Синодъ чрезъ нарочнаго посланца, который отправлялся въ Петербургъ и возвращался обратно съ Синодальнымъ приказомъ по весьма неблагоустроеннымъ тогда дорогамъ. Полученный изъ Синода приказъ также чрезъ нарочнаго посланца консисторія отправляла тому архіерею, которому поручалось совершить чинъ погребенія, и затѣмъ ожидала пріѣзда его и назначенія дня погребенія. Для такой процедуры требовалось не мало времени.

Если тѣло почившаго архіерея не подвергалось тлѣнію, то, по перенесеніи въ каѳедральный соборъ, оно покоилось въ гробѣ

незакрытомъ до пріѣзда командированнаго Синодомъ архіерея, и въ теченіе этого времени по покойникѣ ежедневно совершались панихиды и заупокойныя литургіи и, сверхъ того, священнослужители днемъ и ночью у гроба читали евангеліе. Но если покойникъ подвергался быстрому разложенію, то не позже трехъ дней послѣ его кончины, послѣ заупокойной литургіи и панихиды, прахъ его въ закрытомъ гробѣ переносился въ архіерейскую усыпальницу и гробъ закрывался склепомъ и не вынимался изъ склепа и тогда, когда командированный Синодомъ архіерей совершалъ чинъ погребенія; совершеніе сего чина происходило, какъ увидимъ ниже, въ томъ придѣлѣ каѳедральнаго собора, подъ которымъ находилась усыпальница.

Этотъ порядокъ соблюдался и въ кіевской епархіи. Чинъ погребенія надъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ совершенъ въ 39-й день послѣ его смерти, а надъ митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ спустя 47 дней. Въ біографіяхъ этихъ митрополитовъ [1]), которыя составлены не позже 1770 года бывшимъ каѳедральнымъ писаремъ, а потомъ игуменомъ Кіево-Выдубицкаго монастыря Іаковомъ Воронковскимъ, находятся краткія описанія погребенія обоихъ этихъ архипастырей.

Чинъ погребенія надъ митрополитомъ Рафаиломъ игуменъ Іаковъ такъ описываетъ: «Жилъ сей митрополитъ на престолоправленіи Кіевскія епархіи шестьнадесять лѣтъ и дней четыренадесятъ, а всѣхъ лѣтъ житія его было осьмдесятъ одно; преставился въ мирѣ и покои на вѣчное блаженство 1747 года, октомврія двадесять второго дня, въ исходѣ девятого часа съ полдня. Чинъ погребенія надъ нимъ, по указу св. Синода, совершалъ преосвященный Макарій, митрополитъ Ѳиваидскій [2]), при-

---

[1]) Рукописи ихъ біографіи достались мнѣ отъ покойной Ольги Лебединцевой, жены перваго редактора «Кіевской Старины» Ѳеофана Гавриловича Лебединцева.

[2]) Репортуя Св. Синоду о смерти митрополита Рафаила, консисторія вмѣстѣ съ тѣмъ сообщила ему о пребываніи въ Кіевѣ Ѳиваидскаго (греческаго) митрополита Макарія, и потому Св. Синодъ, указомъ

бывшій въ Кіевѣ съ письмомъ отъ патріарха Александрійскаго Матѳея для испрошенія милостыни, съ архимандритами и прочими духовными персонами кіевскія епархіи, обычнымъ порядкомъ, въ каѳедральной святыя Софіи церкви, и тѣло его положено въ склепу по правую сторону обрѣтающемся, тогожъ 1747 года, ноемврія тридесятого дня, гдѣ нетлѣнно и доселѣ пребываетъ».

«39 дней нетлѣнное тѣло святителя Рафаила покоилось въ незакрытомъ гробѣ, стоявшемъ среди храма святой Софіи, въ которомъ ежедневно совершались по въ Бозѣ почившемъ заупокойныя литургіи и панихиды, при множествѣ молящихся. При погребеніи его, того ноембрія 30 дня, говорилъ Академіи Кіевскія префектъ, іеромонахъ Георгій Конисскій похвальное слово съ ѳемы: *бѣ свѣтильникъ горяй и свѣтяй»* [1]).

Слово это даетъ блестящую характеристику м. Рафаила и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ непреложнымъ свидѣтельствомъ его богоугодной жизни; а потому я и считаю необходимымъ присоединить оное къ выше прописанному чину погребенія.

Бѣ свѣтильникъ горяй и свѣтяй (Іоанна V, 35) «Се предлежитъ единоправный апостоломъ, единомысленный богодухновеннымъ пастыремъ и учителемъ архипастырь нашъ, блаженной памяти преосвященный митрополитъ Рафаилъ, о чемъ собственно слово. Яко *бѣ свѣтильникъ горяй и свѣтяй*—сему мы всѣ свидѣтели есьми, яко въ очахъ нашихъ *горѣлъ и свѣтилъ.* Но по-

---

отъ 5 ноября 1747 года, предписалъ консисторіи пригласить этого митрополита для погребенія тѣла митр. Рафаила. На основаніи тогоже указа приглашались на погребеніе сосѣдніе архіереи: Черниговскій Амвросій и Переяславскій Никодимъ; но оба не явились; первый «вслѣдствіе имѣющаго быть 24 и 28 ноября отправленія высочайшихъ торжествъ», а второй «по не полному своему здоровью», что видно изъ ихъ собственноручныхъ отвѣтовъ на приглашеніе. Эти отвѣты приложены къ консисторскому дѣлу о погребеніи Митр. Рафаила.

[1]) Слово это хранится въ архивѣ Кіево-Михайловскаго монастыря, въ рукописи подъ № 148 л. 23—33, и печатается въ сокращенномъ видѣ.

мянемъ только, слушатели, благочестное житіе его, коснемся нѣкіихъ, зане всѣхъ исчислити неудобно, добродѣтелей его».

«*Горѣлъ* Рафаилъ въ началѣ любовію къ Богу. Что бо иное значила оная его всегдашняя по чину молитва? Откуда бысть въ молитвѣ теплота сердечная? Почему умъ его, аки легкій пламень, устремлялся горѣ? Что поощряло его къ частому у олтаря служенію? Откуда въ служеніи ревность и видъ серафимскій? Не вся ли сія суть огненная свойства,—огня невещественнаго, иже есть любовь къ Богу? Вѣдомо всѣмъ, какъ онъ часто въ жизни своей тѣломъ немощствовалъ, обаче крѣпко духомъ укрѣплялся; многажды свѣщникъ многоболѣзненнаго состава его бѣднѣ сокрушался, но свѣтильникъ души его тѣмъ паче множае пламя разливалъ. Шествовалъ Рафаилъ и болѣзненными ногами въ церковь Господню; простиралъ Рафаилъ и недужныя руцѣ къ Богу въ молитвѣ; протягалъ онъ голосъ, иногда едва слышавшійся.—Была то ему въ недузѣ едина отрада—литургія Божественная; веселился, когда ему нѣкій лѣкарь реклъ: «въ домъ Господень Преосвященству вашему свободно пойти». Горѣлъ Рафаилъ любовію къ Христу Божію,—говорилъ присно въ сердцѣ своемъ оное Давидово слово: *возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея* (Псал. XXV ст. 8). Свидѣтели тому разные суть, да и во вѣки будутъ зданія нѣкая, во украшеніе церкви сей и обители тщаніемъ его и иждивеніемъ ово совершившаяся, ово еще нынѣ совершающаяся. Чудное есть огня свойство: сколько дровъ, сколько хврастія ни прилагаютъ, вся поядаетъ, не оставляя ничего. Подобное нѣчто и въ Рафаилѣ чудо видимо было; сколько годовыхъ службы своея архіерейскія, сколько другихъ доходовъ получалъ, злато и сребро за любовь Божію вмѣсто дровъ и хврастія вмѣстивши, все до послѣдняго истощалъ. Полторы тысящи златицъ [1]) за единымъ разомъ отъ

---

[1]) Эти златицы императрица Елисавета Петровна, находясь въ Кіевѣ, собственноручно передала м. Рафаилу, бывши въ келіяхъ его на вечери 10 сентября 1744 года. Тогда-же поднесены ему брилліантовые конаки, хранящіеся въ Кіево-Софійской ризницѣ.

всещедрой руки всемилостивѣйшей государыни нашей Елисаветы Петровны воспріялъ; абіе убо тысящу златицъ, а не по мнозѣмъ времени и остатокъ на сооруженіе въ сей церкви иконостаса отдаде. Смекай, коликъ любви къ Богу и дому Его пламень въ Рафаилѣ былъ, который толикое бремя злата въ единъ часъ отъ среды себе истребилъ. Горѣлъ Рафаилъ Бога ради любовію къ ближнему,—къ вамъ найпаче, глаголю, нищіе и бѣдные, сироты и вдовицы, странники и безпомощніе; вы достовѣрніи огня въ немъ свидѣтели есте; вы паче протчіихъ ощущали, елико руцѣ его теплы были. Ощущали, во первыхъ, елицы здѣ многимъ числомъ при входѣ церковномъ собираетесь, имъ же въ ряды поставленнымъ милостыня Рафаилова раздѣляшеся. Ощущали братія наша калѣки и недужіе по больнямъ (больницамъ) лежащіе, и узники, въ темницахъ заключенніи, которыхъ многажды нарочно посланніи съ милостынею объѣзжали. Ощущали вдовицы,—пряміи, глаголю, вдовицы, которымъ, яко неимущимъ чимъ воскормити сироты своя, преосвященный сей архипастырь отъ церкви питатися апостольски учреди. Ощущали отъ различныхъ странъ бывшіе пришельцы, которымъ общій патронъ сей въ различныхъ къ прожитію нуждахъ лишеніе исполнялъ. Ощущали, наконецъ, и въ дальнихъ странахъ подъ игомъ агарянскимъ живущіе единовѣрніи братія наши: и тѣмъ бо, многажды чрезъ эпистоліи милостыни требующимъ, не затвори Рафаилъ любовью горящей утробы своей.

«Свѣтилъ убо Рафаилъ въ началѣ примѣромъ житія своего;—были добродѣтели его, аки свѣтъ, разгоняющій злодѣянія тьму. Удобно было, на него взирающи, тѣмъ, которые суть злонравніи, благонравіе стяжать,—которые о своемъ спасеніи нерадивы, въ чувствіе прійти,—которые къ вещамъ міра сего привязались, къ Богу прилѣпитися; которые унылы, скупы, на молитву воспрянуть и щедролюбію навыкнуты; удобно, глаголю, всякому было порокъ свой съ безпорочнымъ житіемъ его снести, будто скверну якую, къ ясной свѣщѣ приставивши, изгладити и вовсе очистити. Свѣтилъ Рафаилъ всегдашнимъ радѣніемъ о паствѣ своей. Были просвѣщеніе многимъ различные повелѣнія

его: о благочиніи церковномъ, о трезвости церковнослужителей, о поученіи народномъ. Тщился, во первыхъ, сей пастырь, дабы, яко самъ житія святого святынею былъ, и подчиненныхъ единой коейждо церкви пастырей и учителей таковыхъ житіемъ безпорочнымъ учинить; вѣдалъ бо то, что аще пастырь худъ, много паче бываетъ овча,—*аще свѣтъ бываетъ теменъ, много паче темна тма*, по слову Христову (Матѳ. VI, 23).

«Свѣтилъ, наконецъ реку, Рафаилъ неусыпнымъ стараніемъ о здѣшнихъ училищахъ; вѣдалъ тое, что ученія по естеству своему просвѣщеніе разума суть, ибо найпаче о благосодержаніи тѣхъ промышлялъ. Кто не видѣлъ безприкладную милость его къ учащимся? Не хощу я о семъ много слова простирать; лучше за мене проповѣдуютъ, хотя и безгласная, царскимъ чертогомъ подобящаясь училищная зданія, многимъ иждивеніемъ преосвященнаго архипастыря отстроенная. Недоволенъ одинъ языкъ того исповѣсти, нехай убо многочисленными языками съ жалостію нынѣ исповѣдуетъ многолюдный оный домъ, общее учащихся нищихъ прибѣжище,—бобыли, глаголю, бурсацкіе, безденежніе, безгрунтовіе, чрезъ шестнадцать лѣтъ милостію преосвященнаго архипастыря оправляеми, огрѣваеми и многообразно ежечаснымъ его знатнымъ подаяніемъ снабдѣваеми. Велико, якоже вси блабодарне признаемъ, благодѣяніе сотвори Россіи блаженной памяти преосвященный митрополитъ Петръ Могила, основавъ ученія знѣшняя и многими книгами онія снабдѣвъ. Не меньшее бо, а большее благодѣяніе признати долженствуемъ и преосвященнаго митрополита Рафаила: не меньше, яко тояжде, самая утверди и много сотнями книгами библіотеку дополни, а большее, поелику вновь восточныхъ священныхъ языковъ и гражданскаго нѣмеческаго ученія основалъ. Се суть новые лучи въ Россіи; сіе просвѣщеніе аще кажу въ началѣ, сему свѣтильнику восписатися должно. Сколько сія ученія просіявати имутъ, нѣсть лѣпо, дабы свѣтъ славы Рафаиловой не свѣтилъ. Сколько отселѣ память Петра Могилы воспоминати будемъ, и срамно и безчестно, аще о Рафаилѣ умолчимъ.

«Но се, слушатели, нѣкіихъ точно коснухомся добродѣтелей его: множайшіе еще суть, имиже преосвященный архипастырь нашъ прежде, даже здѣсь не былъ, на различныхъ мѣстахъ, аки лампада свѣтлая, просіялъ. Но намъ къ ощущенію настоящаго злополучія довлѣетъ сія едина помянуть: аще бо сія добродѣтели собственная наша корысть была, что болѣе намъ къ огорченію нашему потребно, какъ собственныя корысти уронъ? Тѣмъ убо нельзя нынѣ не рыдати нищимъ, яко лишились снабдѣнія своего; нельзя не воздыхать вдовицамъ, яко не видятъ ущедряющаго сиротъ ихъ; нельзя не прослезиться всѣмъ, всей паствѣ его, а найпаче тебѣ, обитель святая, яко лишихомся пастыря и отца, и телѣснѣ и духовнѣ питавшаго насъ. Однако-жъ и скорбѣти намъ недостоитъ излишне. Достоило бы воистину, аще бы или преосвященный архипастырь нашъ отсюда ны худшее перейшелъ мѣсто, или бы мы въ приключившимся намъ сиротствѣ семъ навсегда оставались. Но какъ тому быть, дабы Рафаилъ на худшее перешелъ? Сохранивъ свойство свѣтильничее во всей жизни своей, и въ смерти убо оное сохранилъ. Якоже бо вещественну свѣтильнику угасающу, пламень его не разливается въ ничто же, но тонкою, намъ невидимою мглою къ своему центру восходитъ, подобнѣ и духъ Рафаиловъ, къ якому центру жизни своей любовію присно возвышался, къ тому, несомнѣнно, и по смерти легчае въ мгновеніи ока возлетѣлъ,—къ общему, глаголю, всея твари центру, къ неприступному Божества огню, къ несозданному Пресвятыя Тройцы свѣту. Нельзя бо воистину, дабы Рафаилъ которого всею душею любилъ, взаимъ отъ того не возлюбленъ бысть,—которому храмъ ограждалъ и украшалъ, дабы взаимъ отъ Того въ нерукотворенныя обители не воспринятъ былъ, котораго въ лицѣ нищихъ ущедрялъ, и надѣлялъ, и питалъ, и одѣвалъ, дабы взаимъ отъ Того вѣчными благами, пищею неизглаголанною, одеждою нетлѣнія щедродаровито не награжденъ былъ. На много лучшее, а не на худшее перейшелъ; отъ Кіевскія церкви, отъ сихъ горъ на гору Сіонъ къ церкви перводродныхъ свѣтильникъ сей преставленъ; здѣ свѣтилъ добродѣтелію, а тамо засвѣтитъ *яко звѣзда на тверди, яко солнце въ полудни*; не печали

убо по себѣ отъ насъ требуетъ, но радости. Протчее, ниже мы болѣе въ сиротствѣ остаемся; *наказуяй и милуяй Богъ* (Евр. XII, 6), наказавъ насъ отнятіемъ Рафаила, абіе помилова опредѣленіемъ новаго намъ архипастыря Тимоѳея (Щербацкаго) [1]. Кто не видитъ, яко сіе опредѣленіе собственное руки Божіей дѣло есть? Не чрезъ человѣкъ бо, но чрезъ сердце царево,—сердце сущее въ руцѣ Своей, сіе содѣла. Удиви Господь милость Свою съ нами. Рафаила лишихомся; только жъ именемъ не Рафаила воспріимемъ, а сердцемъ, а нравами, а добротою такожде чуденъ и сей свѣтильникъ: тотъ же и огонь, тотъ же и свѣтъ въ Тимоѳеѣ, яко въ Рафаилѣ былъ. О, дабы только утвердилъ Господь, еже сотвори! Благонадежни убо, слушатели, на милость Божію уповающе, съ приличнымъ сердецъ нашихъ болѣніемъ сего бывшаго нашего архипастыря разслучающеся, отдадимъ въ погребеніи послѣдю нашу услугу ему и за премногія его къ намъ благодѣянія затвердимъ вѣчно имя его въ сердцахъ нашихъ. Повѣдаемъ роду по насъ востающему, да той паки повѣсть третьему и четвертому даже до послѣдняго рода, яко былъ въ насъ Рафаилъ *свѣтильникъ* истинный *и горяй и свѣтяй*. Аминь».

Память митр. Рафаила со дня кончины его благоговѣйно чествовалась и теперь чествуется кіевлянами, которые надъ его гробомъ довольно часто совершаютъ по немъ панихиды».

---

[1]) Преосвященный Рафаилъ, какъ пишетъ составитель его біографіи игуменъ Іаковъ, «аще за жизни своей предрекъ быти пріемникомъ митрополіи кіевскія архимандрита кіево-печерскія лавры Тимофія Щербацкого»,—что по блаженной кончинѣ его и сбылось. За 19 дней предъ его погребеніемъ состоялся указъ св. Синода на имя Кіевской консисторіи о назначеніи, по высочайшему распоряженію императрицы Елисаветы Петровны, на вакансію Кіевскаго митрополита архимандрита Тимофея Щербацкаго. Въ Кіевѣ этотъ указъ былъ полученъ 17 ноября и сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ кіевлянамъ. Указъ этотъ хранится въ Архивѣ Кіевской духовной консисторіи между указами св. Синода за 1747 годъ.

Кончину и погребеніе митрополита Арсенія Могилянскаго игуменъ Іаковъ описываетъ такъ: «Сей Митрополитъ, совершивъ многая церкви и паствѣ дѣла полезная, 1770 года, іюня 8 дня въ вторникъ съ полъ дня, въ 45 минутъ восьмого часа, на священномученика Θеодора Стратилата, отъ сея временныя въ вѣчную жизнь преселился, на шестидесятомъ году отъ рожденія своего, бывъ на правленіи Кіевскою Епархіею дванадесять лѣтъ сполна. А скончался на Шулявщинѣ, подворьѣ каѳедральномъ, гдѣ для здороваго воздуха, по совѣту доктора Силы Митрофанова, который его лѣчилъ, боленъ будучи, проживалъ. Тѣло его преосвященства того же іюня 9 дня было съ должною церемоніею соборомъ всего въ Кіевѣ находящагося духовенства въ каѳедральную Софійскую церковь перенесено и поставлено въ церкви, а по литургіи, отправленной преосвященнымъ Павломъ Конюшкевичемъ, митрополитомъ бывшимъ Тобольскимъ, пребываніе же имѣющимъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, отправлена панихида, и стояло оное тѣло въ церкви до 10 дня того же їюня. А того іюня 10, по литургіи, отправленной тѣмъ же митрополитомъ Павломъ, и послѣ отправленной панихиды, тое тѣло, по завѣщанію его преосвященства покойнаго, поставлено въ церковномъ склепу, гдѣ и митрополита Рафаила тѣло стоитъ нетлѣнно. «По кончинѣ его преосвященства митрополита Арсенія правлены третины и девятины, а сорочины іюля 17 дня въ день субботній; и въ тіи дни на третины, девятины и сорочины, онымъ преосвященнымъ митрополитомъ Павломъ священнослуженіе въ каѳедрѣ отправляемо было,—на третины и сорочины въ каѳедральной Софійской церкви, а на девятины въ домовой архіерейской церкви; въ каѳедральной же церкви и на девятины священнослуженіе имѣлъ архимандритъ Кіево-Печерскія Лавры Зосима Валькевичъ, а панихиды въ тіи дни по служеніи, отправляемы были имъ, митрополитомъ Павломъ, соборнѣ».

«Потомъ по указу святѣйшаго Синода, пресвященный Самуилъ Миславскій[1]), епископъ Бѣлоградскій и Обоянскій, прибылъ іюля 21

---

[1]) Самуилъ Миславскій въ 1767 году былъ ректоромъ Кіевской духовной академіи и архимандритомъ Кіево-Братскаго монастыря. Вмѣ-

дня 1770 года въ Кіевъ съ архимандритомъ Хотмѣшскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря Ѳеофилактомъ Яковлевымъ, съ ризницею и пѣвчими, для погребенія его преосвященства Арсенія тѣла, и того жъ іюля 24 дня, на святую мученицу Христину, отправивъ въ каѳедральной Софійской соборной церкви божественную литургію, не вынимая изъ оного склепу его, преосвященнаго Арсенія тѣла и не отворяя склепу, въ томъ предѣлѣ (Успенскомъ), гдѣ оный склепъ, священническое только погребеніе отправилъ соборнѣ, при которомъ отправленіи погребенія кромѣ протчого духовенства кіевскаго, были: архимандритъ кіево-печерскія Лавры Зосима Валькевичъ, архимандритъ кіево-золотоверхо-михайловского монастыря Ѳеоктистъ Мачульскій, архимандритъ кіево-братскаго монастыря Тарасій Вербѣцкій, вышеозначенный архимандритъ Ѳеофилактъ, съ епископомъ Самуиломъ прибывшій, архимандритъ Кириллъ, намѣстникъ кіево-пустынно николаевскаго монастыря, архимандритъ Митрофанъ Горленко, на обѣщаніи въ кіево-братскомъ монастырѣ находившійся, игуменъ кіево-выдубицкаго монастыря Іаковъ, игуменъ кіево-кирилловскаго монастыря Амфилохій, игуменъ кіево-петропавловскаго монастыря Рувимъ Истолѣнскій. Притомъ того же 24 дня, въ похвалу его преосвященства Арсенія, говорены двѣ проповѣди: одна по литургіи каѳедральнымъ проповѣдникомъ іеромонахомъ Лукіаномъ Хоржевичемъ, а другая по отправленіи погребенія говорена другимъ каѳедральнымъ проповѣдникомъ Иліею Шумалевичемъ. Тѣло его преосвященства, въ склепу поставленное, стоитъ по лѣвую сторону преосвященнаго митрополита Рафаила тѣла».

После смерти м. Арсенія, найдено духовное завѣщаніе, на основаніи котораго принадлежавшее ему домашнее имущество было продано и вырученныя отъ продажи деньги розданы лицамъ, принимавшимъ участіе въ погребеніи его тѣла.

Прот. **Петръ Орловскій.**

стѣ съ другими кіевскими архимандритами, онъ участвовалъ въ освященіи Кіево-Андреевской церкви, которое было совершено митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ 19 августа 1767 года.

Украинськи зàпыси Порфирія Мартиновича.

Печатаемый въ настоящей книжкѣ разсказъ о Кошевомъ Гладкомъ писанъ П. Мартиновичемъ по памяти, т. к. точная запись, сдѣланная со словъ козака Грыцька Ганчаря въ с. Веремiевкѣ (золотонош. уѣзда), записывателемъ утеряна, и сохранился только послѣднiй полулистъ, начиная со словъ: «Воны змину зробылы и взялы той городъ безъ ничого»... Этотъ же разсказъ П. Мартиновичъ слышалъ и отъ другого лица—отъ Захарiя Мойсеева, который передавалъ, что имъ онъ усвоенъ отъ какого-то стараго козака, жителя с. Демокъ. Въ разсказѣ Захарiя Мойсеева то отличiе отъ разсказа Грыцька Ганчаря, что въ разсказѣ перваго *Грыцько прыкажчыкъ* и *Гладкiй* три раза сходились *послѣ трехъ произшествiй*, случившихся съ каждымъ изъ нихъ, и только тогда пошли въ Турцiю къ запорожцамъ; въ разсказѣ-же второго говорится, что *послѣ двухъ произшествiй* они отправились въ Турцiю.—Козакъ Грыцько Ганчарь родился около 1797 года, а разсказъ его записанъ былъ въ 1879 году, слѣдовательно въ то время ему было болѣе 80 лѣтъ.

—

Отъ козака Олексы Бондаря записано П. Мартиновичемъ только двѣ пѣсни: «Ой повiй витре та буйнесенькый» и «Ой и не знавъ козакъ, а не знавъ Супрунъ». Обѣ эти пѣсни извѣстны уже въ печати, хотя и въ другихъ варьянтахъ. Первую пѣсню

сравн. въ «Записк. о Южн. Руси», т. 2-й, стр. 256, а также въ «Записк. Юго-Западн. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.», т. 2-й, стр. 304; вторую пѣсню сравн. въ записяхъ Метлинскаго «Народн. Южнорус. пѣсни», стр. 429, и у Гринченка «Этнограф. матер.», т. 3-ій, стр. 585.

Козакъ Грыцько Ганчаръ.

М. Веремiевка, золотонисського у.

I.

Про Кошового Гладкого.

Исъ Коврáю прыкащыкъ Грыцько прывизъ у Веремiевку на Всéидну сорокъ бочокъ горилкы: трыдьцять девять бочокъ продавъ жыдови Вульхови, а одну бочку, сорокóву, козакови Сметáнци; тутъ козакъ Сметанка бувъ (у Веремiевци).

Тутъ у Веремiевци въ базари булы скверни люды, скверный домъ держалы. Той Грыцько й пишовъ туды. Пробувъ винъ тамъ усю ничъ, колы кынувся враньци,—нема грошей за вси сорокъ бочокъ горилкы! Вкрадено въ ёго тамъ у тому доми у тихъ людей гроши. «Ну, шожъ мини теперъ робыть?! Ужежъ мени теперъ до-дому не йты». (Винъ бувъ паньськый). Таке, шо йты до Днипра хочъ топытьця. Пишовъ винъ до Днипра, ходе по надъ беригомъ, дывытьця, а тамъ ходе Гладкый, тоже по надъ беригомъ иде. Поздоровалысь воны. Гладкый и пыта его: «куды ты йдешъ, чи чого ты сюда зайшовъ и виткиля»? А винъ и каже: «я одъ пана исъ Коврaю. Пославъ мене панъ у Веремiевку продать сорокъ бочокъ горилкы. Я продавъ, пишовъ у красный домъ и тамъ у мене вытягнено вси гроши. Тепера я иду свитъ зá очи: уже-жъ равно мини теперъ до пана не йты́». Пытаиця прыкащыкъ Грыцько Гладкого: «а ты хто такый и виткиля ты и якъ сюды зайшовъ»? А Гладкый каже: «я изъ Дéмокъ». Тутъ село есть Демкы на побережжи. «Бувъ я въ Дéмкахъ головою, та мене поци-

нувалы, мущество мое забралы, такъ я й пишовъ соби. Пиду-жъ, кажу, изъ свого й села, шобъ мини й на своихъ не дывытысь». То значыть, бувъ головою, а то вже... «Та оце я й прыйшовъ сюды... Пиду де небудь у други городы наняться. Ходимъ умисьти». Пишлы воны.

Пишлы воны ажъ на нызъ, ажъ на степа́. Гладкый нанявсь ажъ у Мыкола́еви прыкащыкомъ у купця, а той Грыцько (шо прыкащыкомъ бувъ у Ковраи) пишовъ ажъ увъ Одесу и нанявсь тамъ увъ Одеси въ одного чоловика за робитныка. И той чоловикъ одынъ разъ заставывъ его воду возыть Набравъ винъ воды и йиде до-дому; визъ винъ ту воду воламы; прыйшлось йихать ему на гору, а гора була дуже крута, и йихавшы на гору, увирвалась та каблучка, що де вія прывьязуеться до ярма́. (Стара була та закаблучка чи що, лозова, та пересохла—луснула и розскочылась). Волы-жъ самы пишлы на гору, пара воливъ у ярмахъ якъ була запряжена такъ и пишлы соби на гору, а той Грыцько якось изскочывъ исъ того бендюга, де бочка та була, а бендюгъ той изъ бочкою покотывсь у нызъ... та такъ якъ гора була крута, а бочка велыка видеръ у сорокъ, та важка, та съ крутои горы й покотылась дуже швыдко, а на ту гору йшла женщына, несла воду у видрахъ на коромысли, та якось чы не бачыла вона, чы не туды вона дывылась, вона иде́, на ту гору сходе, а съ тіи горы бочка котытьця (йиде внызъ), зъ напоромъ котытьця зъ горы, тай найихала на ту женщыну, тай убыла ту женщыну на смерть: тутъ же вона й умерла. «Ну шожъ его теперъ робыть»? каже той Грыцько. «Теперъ-же мене на викы засудять; прыйдеться й зогныть увъ острози за те що цю женщыну вбывъ. Пиду свитъ за́ очи». Покынувъ винъ и волы, волы пишлы въ пари у ярми въ городъ; покынувъ винъ ту и бочку и пишовъ соби изъ города швыдче манивцямы, та всякымы глухымы вулыцямы, шобъ ёго де не зусьпилы, та не повелы у городъ пидъ допросъ. Выйшовъ винъ на кинець города и пишовъ изъ города. «Ну куды-жъ я теперъ пиду? Пиду ажъ за Дунай у Турещыну до Запорозьцивъ. Бо равно мене тутъ хоть не скоро, то найдуть, то прыйдетьця ще й дужче отвичать и за те що женщыну вбывъ, и за те, що втикъ одъ суда. А за Дунаемъ тоди жылы Запорозьци, ти шо втеклы въ Турещыну писля того, якъ Сичъ зруйнувалы. И такъ люды тикалы отъ панивъ (отъ панщыны) въ Турещыну,—тамъ и селылысь слободамы. Отамъ слободы по Дунаю Катырле́зъ велыка слобода: ото все туды тикалы одъ панивъ: де панъ такый бувъ, що знущався зъ лю-

дей, то було тикають. Ото винъ и населывся съ такыхъ Катырлезъ. Якъ утикъ туды, ото вже тамъ ёго не займуть и виттиля ёго не выдадуть. И нашыхъ людей багато Вереміевськыхъ у тому Катырлези поселылось.

Прыйшовъ той Грыцько до Дуная и ходе по надъ Дунаемъ по надъ берегомъ. Ходе по надъ берегомъ коды дывытьця—и Гладкый ходе по надъ берегомъ. Винъ поздоровкався: «здоровъ», «здоровъ!» Пытаетьця Гладкого: «чого ты тутъ». А Гладкый его пытае: «а ты чого тутъ»? Грыцько каже: «я служывъ въ одного мищанына, нанявся воду возыть; набравъ я воды въ колодязи, йихавъ на гору, каблучка ввирвалась, бочка покотылась у ызъ зъ горы, а знызу на гору йшла женщына зъ видрамы зъ водою и вбыла бочка ту женщыну; то я й втикъ сюды, шобъ не взялы, та не посадылы мене въ острогъ. А ты чого тутъ»? «А я», каже Гладкый: «нанявся до одного купця въ Мыколаеви прыкащыкомъ и служывъ у его (прыкащыкомъ). Одынъ разъ хазяина дома не було, а я взявъ шкатулку, а въ тій шкатульци тысяча цилковыхъ грошей, та въ викно я й выскочывъ съ тіею шкатулкою, тай втикъ зъ Мыколаева. Хазяинъ мини рощоту не дававъ, такъ я за шкатулку, тай давъ маху. Теперъ-же мене шукають тамъ у Мыколаеви, а я ажъ сюды прыйшовъ, шобъ утекты въ Турещыну».

Воны, бачъ, одынъ одному й прызнаються. Пишлы воны обыдва въ Турещыну. А тоди переправа черезъ Дунай у Турещыну була ось якъ: прыйде судно съ того боку Дуная съ Турещыны вночи, пидплыве те судно, а ци люды шо хотять, шобъ йхъ перевезлы на той бикъ, та й кажуть: «Святый Боже, Святый Крипкый, Святый Безсмертный, помылуй насъ»! А ти, шо на тому судни, люды й пытають: «а які комышныкы»? То имъ и треба отвичать, шо съ полтавськои губерніи. Або тамъ съ черниговськои, чы съ кыивськои губерніи. Хто виткиля, то такъ и отвичають имъ. Ото въ ихъ такый знакъ бувъ: шо кажуть: «Святый Боже». Ото знакъ, шо тутъ есть таки люды, шо хотять, шобъ ихъ узялы на той бикъ Дунаю въ Турецыну, въ подданство. А ти тоже пытають ихъ: а яки комышныкы? бо по комышамъ воны ховалысь у день, покы судно те съ Турещыны пидъиде за нымы у ночи забрать: бо съ цёго боку слидылы за тымъ, шобъ наши люде въ Турещыну не мандрувалы. Московськи караулы (кгардоны) стоялы на берези и навидувалысь до Дуная; скризь ходылы, шукалы, чы нема такыхъ, шо въ Турецыну перемандровують. А якъ шо побачуть, знайдуть, то заразъ ихъ вьяжуть, та держуть пидъ допросомъ, тай назадъ отсылають

хто виткиля. А якъ прыйдуть салдаты, а ти вже плывуть на судни на той бикъ Дунаю, такъ москали тоди зъ ружьивъ стриляють кулямы на тыхъ людей: якъ кого той вбьють; та не одного вбылы и не двохъ якъ колы, а багато... Такъ и цей разъ було.

Прыйшовъ цей Грыцько зъ Гладкымъ до берега и други люды тоже прыйшлы, шобъ и ихъ перевезлы на той бикъ Дунаю... то душъ изъ сто було людей мужчынъ и женщынъ изъ дитьмы зъ малымы такымы, шо на рукахъ, щобъ ихъ перевезлы на той бикъ у Турещыну. Прыихало судно съ Турещыны: забралы ихъ ти люде, шо на тому судни, и сталы везты черезъ Дунай. А москали прыйшлы до берега, ходылы, шукалы, чы нема такыхъ, шо хотять перевезтысь у Турещыну. Та прыйшлы до берега, такъ уже не засталы цихъ людей на березі, а бачуть, що воны вже посередъ Дунаю; такъ воны сталы на ихъ и стрилять, такъ кули не долиталы, бо Дунай шырокый, а воны вже посередъ Дунаю булы. Такымъ побытомъ ото воны й переправылысь ти люды на той бикъ Дунаю въ Турещыну. Теперъ-же ти люды, шо прыйихалы тоди въ Турещыну, пишлы соби селытьця у ти села, шо за Дунаемъ, а ци два, Грыцько та Гладкый, пишлы вдвохъ у Запорозьку Сичъ просытьця, шобъ прынялы ихъ у запорозьци.

Прыйшлы воны въ Сичъ туды, де жывуть Запорозьци. Пишлы до кошового, де кошовый жывъ. Увійшлы въ хату; кошовый сыдыть у хати и дру́ги старшыны. Ставныкъ горыть, лежыть Евангеліе розгорнуте на такому столыку, якъ ото въ церквахъ, и хрестъ биля ёго лежыть Воны ввійшлы въ хату, поздоровкалысь. Кошовый пыта ихъ: «чого вамъ треба, хлопци»? Воны кажуть, шо мы прыйшлы просытьця, шобъ вы, паноче, прынялы насъ у Запорозьци. «Добре», каже, «хлопци, я васъ прыйму». Ну, теперъ-же прысягты имъ треба. Заставылы ихъ прысягаты, пиднять рукы до горы, и ставъ кошовый имъ чытать прысягу: той же Грыцько за кошовымъ каже, а Гладкый прямо дывытьця въ кныгу, та чыта по словамъ по Евангельськымъ (бо винъ бувъ грамотный); кошовый и замитывъ, шо винъ грамотный. Отъ якъ прысяглы воны и сталы жыть у Запорозьцивъ. А Гладкого кошовый влюбывъ за те, шо винъ грамотный бувъ, и ставъ его держать пры соби, а Грыцько жывъ у курени, де й вси запорозьци.

Росказувавъ Грыцько, якъ воны жылы у куреняхъ ти запорозьци. Курени такъ то хаты таки велыки: у середыни въ хати стоить стилъ довгый и лавкы кругомъ по всій хати; то ти запорозьци обидають— сидають уси вмисьти и вечерять. А якъ спать лягають, уси въ тому

курени спать лягалы на лавкахъ и,каже, лягалы такъ мытусь уси: значыть одынъ до одного ногамы,—той до того ногамы, а той до того ногамы: значыть головамы нáризно: одынъ напротывъ одного, а ногамы до миста; та такъ лягалы, шо пальци нигъ одного доставалы до жыжокъ; значыть одынъ пальцямы нигъ достававъ у другого ажъ пидъ жыжкы. Та каже якъ лежать на лавкахъ, та ше не сплять, тай лескочуть одынъ другого ногамы пальцямы пидъ жыжкы́. Отъ жылы воны тамъ... Черезъ скилькы литъ кошовый захворавъ дуже. А кошовый той ихній уже старый, слабый ставъ. И такъ, шо вже почувъ, шо вже не вставать ёму... Отъ винъ прызвавъ до себе запорозьцивъ, тай каже имъ: «я вже старый, нездужаю; може такъ, шо й вмру: то кого вы соби наставылы-бъ кошовымъ, якъ я вмру?» А воны кажуть: «кого-бъ вы, паноче, хотилы-бъ, шобъ бувъ кошовымъ, то того-бъ и мы бъ выбралы». «Ну, колы такъ, то нехай буде въ васъ кошовымъ Гладкый: винъ чоловикъ бувалый, грамотный; винъ може вамъ порядкы даваты». А воны, якъ любылы того кошового, то й послухалысь ёго, шо винъ имъ казавъ, шобъ Гладкого выбралы кошовымъ. Отъ зновъ той кошовый умеръ. Поховалы ёго. И кошовымъ ставъ Гладкый Іосыпъ Мыхайловычъ. И ото винъ бувъ у запорозьцивъ кошовымъ, ажъ покы вже не прыйшлы запорозьци сюды упьять у наше царство.

А вернулысь воны ось якъ: була война—туркы зъ нашымъ царемъ воювалы. Такъ воны запорозьци зибралысь мижъ собою, тай радятьця: шо мы, хрыстыяне, та будемъ воювать на Билого Царя? Намъ не прыходытьця помагать туркамъ. Якъ увійшлы москали у Туреччыну, такъ запорозьци давалы помочи воювать туркивъ. И царь тоди пойихавъ у Туреччыну. А тоди була весна: такъ крыга на Дунаи розстала такъ, шо рушыла вже йты, и перейизду вже не було, опасно: крыга йде. Такъ самъ кошовый Гладкый, та ше зъ нымъ други запорозьци силы на човенъ, та перейихалы черезъ Дунай на той берегъ, та взялы царя, тай перевезлы на човни черезъ Дунай. Царь бувъ радъ имъ. Дякувавъ ихъ. Такъ воны й сталы просыться въ царя Мыколая Павловыча, шобъ упьять ихъ прынявъ жыть у Россію и шобъ давъ имъ ихни прежни земли. Такъ воны давалы помочи воювать. Тамъ треба було взять городъ такый, шо не здавався: крипость така була найбильша, шо не здавалась. Такъ то воны воювалы, помогалы нашому цареви воювать ото. Якъ кинчылась уже война, такъ воны й кажуть цареви: «дайте жъ намъ ти наши прежни земли, шо вы намъ обищалы». А царь имъ сказавъ, шо неможно: бо теперъ уже позаселювано;

а я дамъ вамъ землю тутъ коло Азовського моря, коло Ростову. Такъ воны то сталы помогать цареви воювать. Тамъ була крипость така, шо трудно було іи взять.

Воны змину зробылы и взялы той городъ безъ ничого. То то вже якъ выйшлы сюды, то имъ и дано мисто коло Ростова. Тамъ же Гладкый и домъ соби выстроивъ и жинку ви́дсиль туды взявъ... Такымъ паномъ сюды прыйиздывъ, шо й Боже сохраны якымъ паномъ прыйиздывъ!... И на́ши такы туды пишлы: и Дви́рный Иванъ туды пишовъ. Такъ я... тó сваты мои Двирни булы. Ну, такъ ото я бувъ у ихъ у Двирныхъ. А винъ, той Грыцько, по выходу зъ Турещыны и соби тамъ бувъ; такъ винъ мене й замитывъ и сознавсь. (А мы зъ нымъ чумакувалы було замолоду). Та той зачавъ ту росказку казать, якъ тамъ було... (А любопытствують сыльно запорозьки ти козакы, якъ хто чытае пысьмо святе, або що... сыльно любопытствують було!..).

Такъ и я, якъ чумакувавъ, то бачывъ ихъ увъ Ирменьськимъ. А воны, два ихъ, у харчевни узялы булочокъ чотыри, та рыбы, а я сыдю, сивъ на баклагахъ... та таки́ сыви, якъ я теперъ, а такы съ чупрынамы за вухомъ. Такъ воны вершкы позрывалы зъ булочокъ, тай годи; вершкы позрывалы зъ булочокъ, та мини и булкы и рыбу оддалы́.

Такъ ото воны коло Ростову и засилы, и часть ихъ и доси у Турещыни. Ото-жъ воно за ихъ и бытвá теперъ рóбыться, шо туркы имъ велыки збыткы роблять.

Такъ тáкъ и запышить: шо цю росказку казавъ той самый чоловикъ, шо разомъ и зайшовъ изъ Гладкымъ у Турещыну, разомъ и выйшовъ.

II.

Рóсказка про те, якъ дидъ Иванéнко утикъ зъ Веремiевкы черезъ Днипръ на той бикъ у Боровыцю, а виттиль зъ Боровыци въ Сичъ и якъ пры ему те було, шо и Сичъ руйнувалы; якъ запорозьци тикалы до турецького салтана, якъ вiйська край бралы и якъ уже навпосли дано имъ запорозьцямъ мисце коло Чорного моря, де воны и поны́ни жывуть.

То бувъ случай ще зáмолоду, уже тому литъ за симдесятъ назадъ буде. Мы чумакувалы: ишлы у Хведосій Стрилкою черезъ Стóмку; тáмъ прыпало намъ ночувать. Наварылы мы соби вечерять.—

Вечеряемъ. Прыйиздыть до нашои валкы чумачокъ изъ хлопцемъ и симъ визъ пры ёму; пытаеться: „господа чумакы, позвольте й мини ночувать коло васъ, бо въ мене симья мала́—боюся самъ". Повыпрягавъ волы, сталы мы зъ нымъ балакать. Пытаеться винъ насъ, зъ якыхъ мы мистъ.

Мы кажемъ, що полтавськои губерніи, зъ такыхъ то мистъ—зъ Вереміевкы. А винъ намъ говорыть: „и я зъ Вереміевкы, зъ Погорилого, Иваненко. Пытаеться насъ, чы багато вже теперъ хатъ на Погорилому? Мы ему сказалы, що бильшъ якъ пьятдесятъ хатъ буде. А винъ намъ говорыть: „Э-э, тоди, якъ я бувъ у Вереміевци, то на Погорилому тилько дви хати було: наша Иваненкова, да ще Пи́стунъ жывъ, а на Тимче́нкахъ симъ хатъ було". Мы ёго пытаемось: „стикы-жъ вамъ, дидусю, годъ теперъ?" Каже „девьятдесятъ чотыри, а якъ утикъ зъ Вереміевкы, то тоди мени симъ годъ тилько було. А якымъ побытомъ утикъ зъ Вереміевкы—то ось якъ:—не було въ мене ни батька, ни матери, а тилько жывъ я пры братови та пры сестри. Дви сестри въ мене—одна замижемъ. И воно робытьця се писля Всеиднои. У Тимче́нкы пишовъ братъ и сестра—пишлы на весильля; мене дома покынулы. А въ насъ на току пшеныци багато намолоченои и недомолоче́нои стигъ. У Пистуна, сусида нашого, сорокъ свыней було; тоди вольни лугы булы и все ходыть по обцому. Мини братъ, идучы на весилля, прыказавъ пшеныци глядить, шобъ не вбиглы Пистунови свы́ни. Теперъ, покынулы мене самого (пшеныци глядить),—прыходыть до мене товарышъ, такый-же якъ и я, хлопець, граться. Зачалы мы граться,—забулы тыи й пшеныци. Зима була велыка, тай передъ Всеидною ростала. У насъ була исъ Тимче́нокъ та въ погориле ричка текла горовои воды—Ровецьке звалась. (Такъ воно е й теперъ). Граемось мы зъ тимъ хлопцемъ; якъ оглядивсь я, що мене покынулы пшеныци стерегты, пишовъ на тикъ, ажъ пшеныця розбыта, и молочена и не молочена, по всимъ току. Якъ занявшы ти свыни изъ собакамы, та нагнавъ ихъ ажъ на Ровецьке. А вода у Ровецькому якъ замерзла, то крыга тилько осталась такъ, якъ исъ чоловикъ заввышкы одъ дна, а вода збигла у Ричы́ще. Якъ нагналы мы ти свыни на той лидъ, якъ завалылы лидъ, то такъ ти свыни до однои и пропалы. Теперъ радымось мы исъ тымъ хлопцемъ, що що его робы́ть (а мини ще тилько симъ литъ). Каже „ну́мъ тикать за Днипръ у Польщу... Уже равно й такъ дурно бье братъ, а теперъ уже убьють мене на викы; я вже буду тикать".

Теперъ ото радуты булы коло Днипра у насъ за-кгля осторожносты одъ турка. Якъ ту́рокъ ишовъ на нашъ край війною, то наши побере́жане за-кгля осторожносты Днипръ полонылы: понасыпалы радуты, поставылы сторожу коло Днипра и рубалы крыгу, шобъ присна вода йшла;—не давалы ій замерзать, шобъ туркови не дать на сей бикъ перейты. Та не тилькы тутъ у насъ полонылы Днипръ,—и въ Кременчузи; ажъ до самыхъ порогивъ скризь отака сторожа стояла радутамы. То тоди турокъ тилько дійшовъ до Ведме́дивкы, тай завернувсь назадъ.

Якъ турокъ ишовъ тимъ краемъ Полщею, то ти люде съ тихъ слобидъ зъ Мыхайливкы, то зъ Княжого то́ що, зъ усихъ тихъ слобидъ, боячеся турка, тикалы сюды. Ввесь мыръ виттиль тикавъ сюды. И туды вверхъ Днипромъ ажъ до Нижена тикавъ народъ зъ того боку [1]).

Тоди-жъ за моеи молодосты, за мого часу, то стари люды якъ згадають за те время, то було росказують такый случай, шо якъ одна жинка та чотырехъ туркивъ убыла. Отъ якымъ родомъ воно й було: на тймъ боци,—недалеко й видсиль, верстъ за сорокъ, стояла у лиси хатка; у тій хатци жывъ чоловикъ изъ жинкою. Находять на той край туркы. Чоловикъ, злякавшысь туркивъ, забравъ тилько двое дитокъ, тай утикъ, а жинку таку, шо ототожъ розсыплетця, покынувъ у хати на Божу волю, бо іи не можна було ни на коня посадыть, ни на визъ покласты... Отъ, якъ осталась та жинка сама, дытыну изродыла, зачала себе очыщать; окропы гріе, а бачыть у викно, шо прыбигло два туркы киньмы. Кого бояться,—тихъ два й прыбигло. Ажъ одынъ съ коня та въ хату!... Вона той окрипъ шо грила, стрившы турка на порози, якъ лыне ёму мыжы́ очы, такъ винъ и не кавкнувъ... та трупъ ёго сховала А другый жде жде,—не выходыть товарышъ,—тай соби въ хату.—Такъ вона й тому такъ. А посли впьять два прыбигло: вона й тихъ такъ: однымъ мечемъ повоювала—усе окропомъ такы. Було й нашъ покойный дидъ та невистокъ своихъ якъ зачне лаять,—то все було: „шо вы скверни, бздюхы! Отъ, говорыть, жинка була! Шо вона чотырёхъ чоловикъ турка вбыла. Такъ ото́ жинка!"

Такъ отожъ, кажу, весь мыръ виттиль тикавъ сюды у Гатьманщыну. Оцежъ Гатьманщына була нашъ край; та іи й поны́ни Гать-

---

[1]) Це вже не той дидъ Иваненко росказувавъ, а я кажу.

манщыною дражнять. Якъ оце й ціи войны зъ туркомъ, та чы пидводу треба або шо доставыть куды, а наши побережане тамъ булы Васютыньци то Пы́щыкы, та тó що,—то заразъ кажуть: «а подай Гатьманьцивъ».

Такъ ото воно ся дидова Иваненкова бесидка діялась саме въ той часъ, якъ тогобицьки люды, писля турецькои колотнечи, верталысь исъ цего боку, зъ Гатьманщыны, на свои миста. Такъ, каже, добигаемъ съ тимъ хлопцемъ до Днипра, ажъ коло Днипра багато людей тогóбоцькыхъ изъ возамы й зъ усымъ гáннямъ зъ чымъ тикалы, вертаються на той бикъ. Такъ я, каже, нышкомъ, шо мене нихто и не бачывъ, зализъ у те гáння у ихне. А той хлопець вернувсь назадъ; тому не страшно дуже. Отъ мене, каже, и перевезлы на той бикъ ажъ у Борові́цю. И пробувъ я въ ти Борові́ци симъ годъ.—А тамъ товарышъ лучывсь, та повивъ мене ажъ у Запорожжа.

Отóжъ и жылы воны у тимъ Запорожжу, вже не знаю стикы литъ жылы—ажъ покы зруйнувалы Сичу Запорозьку... Каже, шо послиднье время москаль налигавъ на запорозьцивъ сылно. Воны, ти москали, ненавыдилы запорозьцивъ и Гатьманьцивъ. То збыткы въ Гатьманщыни и попереду сылни робывъ и беззáконыи всякіи—худобу грабувавъ, жинокъ одъ чоловикивъ однимавъ—збыткы, сказано, беззаконіи робывъ усяки... А запорожець ще-жъ воленъ тоди бувъ. Такъ воны й запорозьця оббрехалы царéви. Якъ-же й оббрехалы? Узялы наризалы зъ лошятъ волосся зъ хвостивъ, та зъ грывъ—(а гусары Запорозцемъ не тронени и не зачиплени ничого), та взялы те волосся та у четверти позакладалы и позашывалы, тай послалы Цареви, шо отъ-стико и отъ-стико Запорожець гусаривъ перебывъ;—оце ихни й волосы. А тоди гусары въ косахъ ходылы: якъ то було, шо напутрювалы, шо оттака голова була. Царь, прочытавшы ихъ бумагы, каже: «попудь ёго того Запорозьця». [1])

Уже військо налига на Сичу. (А дидъ такы тамъ бувъ).—Кошовый каже своимъ Запорозьцямъ: «а шо, каже, паны-молодци, здаймось». А було тамъ между ныхъ два хлопци, та добрыхъ мабуть. И вышлы воны на валъ—каже: «батьку, покы свитъ соньця насъ не возьмуть!» Одынъ каже: я воды не дамъ, а другый

[1]) Попудьте ёго того запорозьця.

сказавъ: я вогню не дамъ». А винъ имъ отвича. Кошовый той Запорозькый, каже: „жалко... Тамъ у Гатьманщыни наши родытели, батькы й матери, сестры й браты. То знущаеться сылно, а то ще й дужче знущатыметься зъ ныхъ". Такъ уже имъ прыйшлося, шо треба й корыться...

Положылы черезъ Днипръ понтонный мистъ до ихнёго начальства—до Московського; главна старшына Запорозька, побравшы коровгы, знамена, вангелію й хрестъ и все, пишлы поклоныться Московському начальству... А коло ихъ, та хлопцивъ ще багато осталось у городи—сорокъ тысячъ: такъ воны взялы, та башту забылы, мистъ порвалы и військо въ Сичу не пустылы. Та дожыдають ночи. Дождалысь. Якъ узялы ночнои добы у судна убираться, а військо та десь черезъ Днипръ перекынуло цепъ—(винъ казавъ и де, та не згадаю, а по сей бикъ порогивъ), а ничъ темна—и воны думалы, шо запорожець дурень—не вмитыме, якъ пройты. И вырештувалы черезъ цепъ бильшъ якъ сто пушокъ; думка въ нихъ така, шо якъ тогрне Запорожець судномъ у цепъ, то вдарыть исъ пушокъ, шобъ его тамъ затопыть. Такъ не таки ти й Запорозьци булы: возьмуть судно порожне та нагрузять его землею, та каминемъ, та ще чимъ, тай пустять за водою, щобъ черезъ цепъ торнуло. То судно торгне цепъ, а воны тоди зъ пушокъ и завалять.—Військо думае, шо то судно изъ Запорозьцямы. То Москва якъ выстрелыть исъ пушокъ, а Запорозьци вже тимъ часомъ и проскакують за цепъ.—Тамъ уже за цепомъ нема того, шо страшно Запорозьцеви. То такымъ побытомъ уси жывымы й проскочылы (сорокъ тысячъ), та до турка и втеклы у Турещыну. А Турещына—якъ за Береславъ, такъ и Турещына вже була. То вже Чорна долына, гайманы, Сирогозы—то то вже була Турещына все. И воны ти Запорозьци упросылысь до Турка. Теперъ-же имъ треба прысягты туркови. (Ото вже имъ дано кутъ сюды: Олешкы то що: теперъ тамъ понасылювано Бо-зна стико слобидъ). Отъ кошовый пославъ у свою прежню землю Запорозьцивъ чоловика два або й тры набрать земли сіи де воны жылы: зъ Запорожжа, „запорозькои земли". Теперъ уси, стикы ихъ тамъ було, сорокъ тысячъ, коженъ соби у свои чоботы земли тіи взявъ, запорозькои, повзувалыся—пишлы на прысягу до салтана. И прысягають такъ: «на чій земли стоимо,—тому и вируватымемъ и служытымемъ». А воны на своій на Запорозькій земли стоять—туркови клятьбы не дають ніякои. Прысяглы, тай жывуть у турка и туркови служать. А Крымъ турецькый тоди бувъ. Хотя

й йиздылы туды наши малороссіяне по силь, такъ у турка ту силь бралы. Десять рубливъ заплатыть, тай набира на визъ хочъ и 200 пудивъ, та вывезе за башту, тай насыпа на два й на тры возы, шобъ легче везты, та йиде до дому; а турокъ зъ своимы провожателямы ажъ до Береславу провожа, шобъ шо не пообижало.

Теперъ уже Москва налига, шобъ Крымъ одибрать одъ туркивъ. Запорозьци порадылысь мижъ собою: „мы своему Цареви прысягалы на его земли", а вже Москва попудылы турка видсиль исъ Чорнои долыны зъ Гайманивъ; уже турокъ заперся у Перекопи. А палата царьска була на Гаймани. (Долына Гайманъ е). Теперъ москалыкъ найшовсь такый, мабуть дурачокъ дуже (а винъ мабуть розумнишый усихъ бувъ). Пострыглы ёму волосы, такъ повыстрыгалы абы якъ:— те покыне, а те острыже, та вбралы ёго у лахмиття у скверне въ таке: торбы понавишувалы старчецьки, такъ якъ старци ходять. Пишовъ винъ у Перекипъ до туркивъ. Воны зъ ёго кглузують изъ малороссіяньського старця... такый, абы якый... То винъ упавъ у ривъ у той и роздывывсь тилько чого треба запасу у той ривъ и на валъ отой. Ставъ крычать;—туркы его й вытяглы того дурныка зъ рову... та ажъ тры дни, кажуть, воны зъ ёго кглузувалы исъ того старця... Вытяглы ёго туркы зъ рову,—винъ и скрывся... та до арміи... (тай пошлапався до варміи). Якъ давъ знать начальствови стикы его треба на той ривъ:—стико драбынокъ, стикы тáросý [1]), такъ уже винъ роздывывсь той дурныкъ! А запорозьци все це й знають шо робыться. Пойихало два запорозьци у палату до царя на Гайманъ; кажуть— „дайте намъ ту землю, шо мы жылы въ ній, такъ мы безъ ничого той Крымъ визьмемъ". Такъ царь имъ сказавъ, шо „вже не можна— бо заселено все слободамы те ваше мисце. А есть у мене земли коло Чорного моря, то ти я вамъ дамъ". Такъ воны и согласылысь (тилкы часть, а часть у Турецыни осталась... давно вже е... ажъ покы ихъ Гладкый виттиль вывивъ). Такъ ище ти одъ царя й не прыйихалы, а ци вже знають, шо коло Чорного моря подаровано имъ земли... Ну такъ кавалерію, каже, обвивъ Запорожець Сывашемъ, а пишу той дурныкъ провивъ черезъ валъ. Той ривъ закыдалы, а на валъ драбынкы поставлялы, та вылизла армія. Ничъ темна, а булы таки парни, що пооберталы пушкы на ихню-жъ сторону, тилько одній угловои не

[1]) Хворостъ,—яке небудь сміття.

обернулы и позаклинувалы у пушокъ понóвкы. Якъ вылизла музыка зъ барабанамы, а Запорозьци виттиль выйихалы Сывашéмъ, а си зъ моря—пиши... Такъ воны якъ зъ сіи вугловои пушкы выстрелылы, то чымало вылущылы; а тамъ посередъ крипости могыла стояла, то якъ стрельнулы, а бонба якъ попала на могылу, то такъ якъ рúвъ перекопало шось;—такъ воно й понúни есть. Оце стико чумакувавъ я, то все той ривъ е.

Такъ óто той дидъ тамъ у тому й бувъ усе въ тихъ компаніяхъ... Якъ то... якъ уже кóнчылась война, то имъ дано й землю тамъ коло Чорного моря; отожъ вона Чорноморіею й зветься. И винъ той дидъ бувъ уже у Катерынодари жытелемъ—то тутъ винъ бувъ Ивáненко, а тамъ у Запорозьцивъ Бурдунисъ. Такъ винъ и насъ пидмовлявъ до себе въ Катерынодаръ: Бондаря Якова и мене. Такъ той уже жонатый бувъ, а я ще. Такъ казавъ, що въ мене и хазяйство велыке: тры заводы рыбныхъ, по шиснадьцять чоловикъ у кожному заводи,—а дочка тилько одна була—бильшъ нема ни сынивъ, никого. „Такъ я бъ“, кáже, „оддавъ за васъ, хлопци й дочку“. Я не схотивъ черезъ те, що боявся батька, що буде проклёнъ якый велыкый, що безъ ёго видома пишовъ—а той Бондарь жонатый бувъ.

Такъ той Бурдунисъ симъ визъ рыбы не на прóдажъ визъ, а роздававъ по слободахъ мылостыну; изъ однымъ тилько хлопцемъ йиздывъ. Та днивъ зъ два зъ намы пробувъ винъ. Такъ уже зрадивъ, що своихъ Вереміевцивъ побачывъ.

III.

Ихалы Запорозьци до царыци на показъ, яки воны е. Царыци захотилось на ихъ подывыться. Такъ яки булы мижъ ными найпрылышнищи люды, яка найпрылышнища одежа и яки кони, то таке вже воны и выбиралы.

Йидуть степомъ. Сыдыть пастушокъ на могыли, пасе вивци и въ козу грае. Пидъйиздять воны до того пастушка, пытаються: «чый ты?» «отакого й такого». Роспыталысь—якъ же въ ёго сынú й дочкы е? каже: «нема сынивъ тилько однымъ одна дочка й е».

Узялы его; овечкы поручылы другымъ пастухамъ, его вбралы въ свое що найкраще одивання и повезлы до хазяина до ёго. Прыйихалы до хазяина, просяться на квартырю перепочыть. Роздывывшысь по хати—пытають хазяина: «се въ тебе дочка?» «Дочка». «Чы не

можна бъ зъ тобою, батьку, зазнаться; оце въ насъ хлопець. Якъ бы ты оддавъ дочку за цёго хлопця, то мы бъ извинчалы, а виттиль идучи одъ царыци и весилля-бъ одгулялы.—Такъ, якъ понайидалысь, та понапывалысь, зачалы уже те балакать, шо можна й оддать. Колыбъ-же, кажуть, швыдче, бо намъ николы тутъ довго буть,—треба йихать (пылно)». Заразъ по попа. Звинчалы. Пойилы, попылы—уже те весилля одбулы якъ небудь за 'дынъ день. «А шо теперъ намъ часъ йихать: а ну, лыпъ, сыну, та заграй намъ на дорогу». Колы той хлопець вытяга свою козу. Батько и маты, якъ побачылы ту козу, пизналы по кози наймыта свого, та вплачъ, та въ голосъ! шо за наймыта, свою дочку оддалы... пропала дочка! А (ти) запорозьци тоди: «прощайте»! Жывить-же соби зъ Богомъ. Уже бъ батько й маты ради бъ дочку одибрать одъ наймыта, такъ дочка сама не схотила. Каже: «тату, й вы, мамо! У церкви насъ звинчано, я свого чоловика люблю—не розведете вы насъ ніякъ. Тай зачалы соби жыть. То такый то чудный народъ булы ци Запорозьци! Якого хазяина дочку та за наймыта оддалы.

То й це-жъ воно запорозька повисть—покійный дидъ було розсказуе.

IV.

Йихавъ дидъ изъ горшкамы увъ узвози на гору, а зъ горы два Запорозьци йдуть: кони въ рукахъ ведуть. «А ну», кажуть: «звертай, диду».—«А, голубчыкы», каже, «помылуйте, бо я тилько зъ цего й хлибъ имъ... а моя старисть». Кланяеться имъ, просыть... А воны такы ни́: «звертай», покы не прыйшлы уже блызенько до ёго. Винъ тоди (той дидусь) якъ ухватыть одныею рукою цёго за груды, а другою рукою того, та якъ розведе ихъ, та якъ зведе лобамы до купы,—та порозбывалы и лобъ и очи повыбывавъ.—Та тоди того туды одтягъ, а того туды, тай пойихавъ на гору. Такый то дидусь бувъ!»

V.

Отутъ у Веремiевци Гейко Йосыпъ бувъ. А тоди шо́ ти Запорозьци робылы!.. Йде валка чумакивъ—визьме та ратыще встромыть у землю посередъ шляху, тай не мынай никуды ёго. Прыйидь тай стань. А винъ оддалекы́ й каже: «положы оте на оте».—Такъ уже стикы чого винъ требуе. То такъ и цей разъ було: ставъ винъ требувать—а́ воны просять, та кланяються: «здилай мылость возьмы такы зъ рукъ, то

бильше корысти буде, якъ зъ земли брать».—Такъ его улещають, шобъ прыйихавъ блыжче. Винъ и наблыжывсь. А цей Гейко за ратыще, шо въ землю встромлене було, якъ ухопыть, запорожецъ завернувъ коня утикать.—Гейко якъ попудыть, та якъ ударывъ у спыну, то такъ воно въ груды й выскочыло те ра́тыще. Тамъ такый здоровый чоловикъ бувъ, шо крый Боже. Убылы ёго, та позабиралы шо було въ ёго;—заволоклы геть его, тай пойихалы. Не було того, шобъ хто за нымы и слидувавъ.

VI.

Отутъ у Веремієвци въ Погорилимъ бувъ такый чоловикъ Невгамо́та звався: ёго поколиння й теперъ е; такъ було винъ росказуе свои заробиткы: каже було, нема лучого заробитку, якъ у «Сухимъ Заброди». Шо́жъ то, дидусю, за сухый забродъ такый?» А мы ще тоди малымы булы. «А, ты бисовська дытыно, не знаешъ шо то за Сухый Забродъ!.. (шей палець у ёго крывый бувъ: отакъ пальчыкъ крывый бувъ: та такъ и ты́ка имъ у вичи). «Ты», каже, «бисовська дытыно, не знаешъ шо то за Сухый Забродъ?» Каже, якъ у рыбнимъ заброди, то обгноисся, замочысся, якъ у тимъ шо рыбу ловыть. А то, каже, осидлаешъ коня, ни заросыся ничого; прыйихалы, каже, на Чорни Йваны, (тамъ такый Иванъ бувъ,—якъ булы степы дыки, та переходы, такъ винъ трахтырь державъ—та людей ризавъ. Такъ воно Чорни Иваны долына зветься. Якъ якый де ватажокъ ихній звавсь, то те его мисто называлось). Такъ мы, каже, прыйихалы, а горилкы шисьстьдесятъ визъ стоить, а чумакы ти пьють горилку, вже вечеряють—та балакають коло багаття; а мы взялы та откотылы визъ изъ бочкою... Таки́вськый визъ перевернулы! Та тоди ще пойихавъ до табуна, та занялы пару воливъ... Такъ ото, бисовська дытыно, Сухый Забродъ. Ни заросывсь, ни забродывсь... ото й сухи заброды... бочка горилкы й пара воливъ е.

VII.

Ба́гато тутъ и въ Веремієвци було Запорозьцивъ, тихъ шо зъ Сичи позаверталыся: Хибаба Корній бувъ и Стучка Наумъ бувъ...

VIII.

Запорожець якъ спобижыть де въ степу мужыка якого, шо тамъ або йде куды або що, то заразъ було й гука:

«Эй, мужыкъ ворона,
Чы е въ тебе оборона?»

Якъ нема ніякои обороны, то такъ попудыть ратыщемъ, що и въ спыну выскочыть.

IX.

Бувъ тутечка у Вереміевци Кандыба козакъ и взявъ за себе Назаривну Настю; и будьто винъ іи бравъ не полюбовно, а любывъ Кулишивну. Ну, жывуть соби—тамъ шо чы годъ, шо й пьять годъ жывуть; уже въ ныхъ и дытынка е—хлопчыкъ маленькый Андрійко. И жывуть въ ненавысти вылыкій. Прыдумавъ винъ, якъ жинкы збуться:—нанявъ Хо́луя (тутешній такы чоловикъ—ёго поколиння е й теперъ: скверни таки люды, якъ и той предокъ ихъ бувъ).

Нанявъ Холуя, шобъ застрелывъ жинку...

То вона бидна пиде коровъ доить у вечери, чуе шось цока зза тыну (а тоди ще кременни ружа булы); той цока, а воно не палыть (такъ уже може Господь не допускавъ того). Пиде вона пелюшокъ прать у берегъ пизненько (отъ у цей такы й берегъ; отутъ у сихъ болотахъ),—чуе, щось цока зъ очерету. Не встрелыть такы ще все. Прыйде вона до дому, та своіи свекруси й хвалыться: «шо то воно тамъ цока зъ очерету?» «Та то тоби, дочко, такъ, каже, вчуваеться».—

Побалакавъ Кандыба впьять зъ Хо́луемъ—шобъ такы вбыть жинку непреминно. Полигалы въ ночи спать на полу: винъ той Хо́луй у викно ружо (всунувъ) встромывъ, сей же Кандыба одъ стины лежыть, а хазяйка зъ краю. Холуй уставывъ у викно ружо, тай убывъ хазяйку прямо ій въ саме серце и улучывъ іи. Убывъ тай утикъ.—Кандыба кгвалтъ учынывъ, «шо шось мою жинку вбыло». Прыйшлы бабы, обмылы іи й положылы на лаву. То вже такъ балакалы люды: шо, кажуть, «якъ ходыть Кандыба по двори—то вона та жинка лежыть соби тыхо на столи,—а якъ увійде винъ у хату, то такъ и клекотыть у неи кровъ зъ тыи раны. То жинкы ти, шо седять надъ нею, то й замичають це: «Эй», кажуть, «Омельку, це чы не одъ тебе ій смерть?»

Пишовъ винъ волы налыгать, по попа йихать; прыйшовъ до воза, прывивъ и волы, тай становыть ихъ уже рогамы до воза, а хвостамы до ярма. Люды це все бачуть: «Эй, годи вже тоби, Омельку, одмагаться! Се ты погубывъ свою жинку». Та взялы его пидъ пры-

казъ. По попа вже другый бувъ, шо пойихавъ. Такъ его тутъ у Веремієвци й катъ бывъ — ёго й Холуя; и обохъ ихъ у Сибиръ зослано. А дытыну Андрійка добри люды выгодувалы.

Та булы-жъ таки й жиночкы, шо проклалы й письню про Кандыбу. Та вже велычна й письня була! И-й ве́-лы-чна була письня! Та той хлопець Андрійко сынъ ихъ якъ пидрисъ, та якъ пиде було въ степъ овечкы пасты, та сяде на могыли, та якъ загра тіи письни въ сопилку, то такъ якъ де старци гарно спивають, та назбыряеться багато народу слухать,--то то такъ збиралось и до цёго хлопця слухать тіи письни. А винъ у сопилку гра.

То така була жалислыва та письня, шо вси чысто, хто слуха, то й плаче... И моя покойна баба тямыла тыи письни... а теперъ уже зъ молодыхъ не зна іи нихто. Вырисъ той хлопець, то якъ населявся Крывый ригъ (на Чорноморіи), такъ винъ туды запысався у поселяне. То якъ я ще чумакувавъ, такъ винъ жывый бувъ. Тутъ у Веремієвци бувъ Назаре́нко Мыкыта ёго родычъ: то було винъ усе подае виттиль цему Назаренкови и борошна пшеныпного и пшона. Хазяинъ велыкый зъ ёго бувъ. Та садокъ добрящый у его и млыны на Ингули... То тамъ его потомство и доси жыве.

1879 года. Іюль.

Козакъ Олекса Бондарь.

М. Веремієвка 1879 года.

Ой повій, витре, та буйнесенькый,
Й а зъ Озовського моря—
Мынаеться, а вже й мынулася
Гей а запорозьцямъ воля.
Гей теперъ наши славни запорозьци
Й а въ превелыкому жалю,
Що не знають кому вклоныться
Эй а котрому ца́рю.
Ой уклонылыся тому турасеви,
Що воны ёго й не зналы;—
Кругомъ церквы, церквы Сичово́и
Эй калавурамы сталы.
Священыку отцю Владымарю
Гей а служыты не далы,
Ой изъ за Пру́са й а табуны гналы,
А отары займалы,
Ой тамъ наши славни запорозьци
Эй а турася впіймалы;
Й а турася впіймалы:
„Ой и скажы скажы,
Нашъ славный, турасю,
Нехай же мы будемъ знаты:
Черезъ що жъ мы того Шмаилова
Эй та не можемо взяты?“
— „Ой идить-же вы, славни запорозьци
Та все по-надъ Бугъ рикою,
Тамъ найдете весь турецькый запасъ
Гей и вси лодкы зъ ордою“.
Ой пишлы наши славни запорозьци
Та все по-надъ Бугъ рикою,
Та забралы весь турецькый запасъ
Гей и вси лодкы зъ ордою.
Ой ходыть, ходыть турецькая Баша,

Та все голову склоняе,
Куды пиде, а куды гляне,—
Эй та все запасу нема.
Ой ходыть м....ь та по надъ Сичою
Тай усе пыше, тай пыше: (Тай усе лысты пыше)
Ой идить же вы, славни запорозьци,
Эй та у наше царство жыты,
Ой дамъ вамъ зéмли, земли по першому
Й по Днистеръ граници".
— „Ой дурышъ, дурышъ, псяюхо....
Ты насъ хочешъ обмануты:
Ой якъ мы пидемъ тай у твое царство
Гей та ты будешъ лобы голыты".
Ой летыть бонба зъ московського стану
Й а посередъ Сичи впала,
Хочъ пропалы славни запорозьци,
Та не пропала ихъ слава.

Ой не знавъ козакъ,
А не знавъ Супрунъ
А де славонькы нажыты?
Ой забравъ висько
Славне запоризьке,
Ой та пишовъ Орды быты.—
Ой у суботоньку—
Проты недиленькы
Супрунъ изъ Ордою стявся,
А у недилю, въ обидню годыну
Самъ у неволю попався.
Ой и вьяжуть, вьяжуть
Превражи мурзáкы
Мене назадъ рученькáмы.
Не вьяжите, превражи мурзáкы,
Мене назадъ рученькамы,
Та поведить мене въ чысте поле

Изъ моимы козакамы.
Осавуръ могыла,
Глубока долына,
Сызый орелъ пролитае.
Стоить висько
Славне запорозьке
А якъ золото сяе,
Ой якъ макъ процвитае.

Козакъ Иванъ Душейко.

М. Вереміевка, 1879 года.

Ой пидъ вышенькою
Й а черешенькою,
У вышневымъ садочку,
Цье гуляе
Панъ Корчевськый
Й а исъ паномъ Галаганомъ.
Пылы гулялы
Одну раду малы:
„Ой якъ бы намъ
Славныхъ запорозьцивъ
Й а изъ Сичи выманыты“.
Ой выманылы
Славныхъ запорозьцивъ
Тай у чыстее поле,
Ой повьязалы
Славныхъ запорозьцивъ
Та по два до купочкы.
Ой поглядають одынъ на другого,
Якъ сыви голубочкы.
Ой стоить салдатъ коло мо́сту,
Та дывыться у воду;
Тече ричка, ричка кривавая

Й а дывуеться къ тому.
Половына лисомъ,
Половына Днистромъ
Тай изъ Сичи повтикалы.—
Ой хочъ пропалы
Славни запорозьцци,
Такъ не пропала ихъ слава.

Кырыло Пашковськый (Пашко́).

Съ Шахивкы, 1882 года.

Палій и Мазепа.

Мазепа и Палій обучалысь у лыцаря лыцарства. Мазепу-жъ лыцарь у хати обучавъ, а Семенъ Палій стоявъ за дверьмы, слухавъ, та лучче вывчысь одъ Мазепы.

Говорыть лыцарь: «чы можешъ ты, Мазепа, достать дванадьцять вьюнивъ»? А Палій и одвича пидъ дверьмы: «благословы, паноче, шобъ я доставъ дванадьцять вьюнивъ, бо Мазепа, не способенъ достать ихъ: винъ не зна яки то й вьюны». Одвича ёму лыцарь: «Боже тоби благословы, Семене Палію, колы ты знаешъ дванадьцять вьюнивъ де достать».

Зарядывъ Палій рушнычку и пишовъ у лисъ. Знайшовъ похылне дерево; пишовъ знайшовъ дванадьцять кабанивъ дыкыхъ пасуться; такъ винъ якъ прыцилывсь, та такъ и одбывъ имъ уси дванадьцять хвостивъ, та на те дерево на похылне побигъ утикаты, шобъ не розирвалы. Дыки кабаны пидбиглы до того дерева; у гору-жъ воны не глянуть, а на земли бувъ та нема—похрокотилы, похрокотилы, тай побиглы впьять пастысь. Излизъ Палій зъ дерева, пишовъ заразъ забравъ тыхъ дванадьцять вьюнивъ у заполу, дыкыхъ кабанивъ хвосты, прыносыть тоди вже до лыцаря; отдае ёму поклонъ и каже, шо доставъ дванадьцять вьюнивъ. Дае ёму ти вьюны, той прынимае тай каже:

«Проклята Мазепа теперъ не подужае Семена Палія, колы винъ знае, яки вьюны. Теперъ хиба на бенькетъ ёго вклыкнешъ, та напоишъ, та накормышъ, та вкынешъ у темныцю, та забьешъ у скрепыцю, та поидешъ до царя, та наволочешъ якои брехни на Семена Палія, та царь велыть ёго повисыты, то такимъ хиба побытомъ ты Семена Палія подоліешъ».

Ну сказано-жъ: брехнею сьвитъ пройдешъ, а назадъ не вернешся: то такъ воно й е! Заклыкае Мазепа Семена Палія у госьти: «Семене Палію, прыйидь до мене на бенькетъ».—«Боюся, проклята Мазепа, шобъ ты мене не зрадывъ», каже. «Не бійся мене, я не зрадю тебе, а зрадять тебе хиба напыткы, найидкы, та червона налывка». Оте хиба издзобáе ёго, а то бильшъ нищо Пойихавъ Палій до Мазепы на бенькетъ и послушныка взявъ зъ собою хлопця. Пылы-гулялы, бенькетувалы; извалывсь Палій Семенъ Тоди Мазепа звеливъ своимъ слугамъ: «возьмить Семена Палія въ темныцю та забыйте въ скрепыцю и замкнить и прынесить ключи до мене». А то якъ-бы въ скрепыцю не забылы-бъ, такъ-бы винъ вылизъ-бы и замкы-бъ не вдержалы. Пойихавъ Мазепа до царя, до свого хрестного батька, брехню волокты вже на Семена Палія: «Семенъ Палій собыраетьця на тебе иты воюваты». А винъ самъ, значыть, думавъ иты на царя воюваты, та на Семена Палія извернувъ, шо самъ мыслывъ; а царь и повирывъ. Каже: «де-жъ ёго теперъ взять, шобъ повисыть»? «У мене въ темныци забытый у скрепыцю». Тоди царь звеливъ у дворци коло рундука шыбыныцю ставыты и звеливъ слугамъ, шобъ пишлы одымкнулы Палія и прыставылы до шыбеныци прямо.

Помошныкы Семена Палія—Искра, Посьтилъ и Лапоть—помижъ себе порадылысь: «шо безъ Семена Палія мы ничого не зробымъ; треба схыстыть ёго, шобъ жывый зоставсь, бо якъ повисять, то де мы тоди жывого возьмемъ? Тоди пропаде Гетьманщына: Мазепа зъ панамы іи сплиндрують». Та взялы, тай зьминылы Палія душегубцемъ. Палія замисть душегубця въ Сибирь заслалы, а душегубця замисьть Палія повисылы на шыбеныци. А Семена Палія послушныкъ у Мазепы зоставсь: винъ також знавъ лыцарства, якъ и Семенъ Палій, ёго панъ.

Тоди заразъ потребувавъ Мазепа царя на полёву—хто кого подужа. Увійшлы воны въ Повтаву. Царь звеливъ погулять; прыостановывъ войну тамъ на суткы чы на двое, а самъ пишовъ по своему виську роспытувать, чы нема такого, шобъ подужавъ Мазепу.

Тоди сталы казаты Искра, Посьтилъ и Лапоть: «Мы не можемъ подужать ёго безъ Семена Палія».—«Де-жъ мы визьмемъ Палія, якъ мы ёго повисылы»?—«Ни, мы душогубця повисылы, а Семена Палія схыстылы. Винъ жывъ и доси; тилько въ Сыбири на роботи за душогубця одвича, а душогубця за Семена повисылы». Заразъ царь звеливъ на дванадьцять сутокъ погулять ще, покы зъ Сибиру Семена Палія прыставлять. Якъ подавъ туды лыстъ, такъ по станціяхъ выставылы коней самыхъ летючыхъ, шобъ не було загаю, шобъ скоро та скоро...

Прыставылы Палія зъ Сыбиру. «На шо ты мене требуешъ? Я-жъ бувъ повишеный, якъ бы не товарыши мои»?—«Дай мени помочи воюваты зъ Мазепою».—«Якъ отдасы мени Гатьманщыну, такъ буду воювать зъ Мазепою: помочи тоби дамъ; а якъ—не отдасы, не буду мишатьця, бо я въ тебе повишенный! Такъ царь зьнявъ образъ и поцилувавъ, шо собственно отдамъ Гатьманщыну».

Вытопылы баню. Пишовъ Палій зъ братчыкамы въ баню; вынарылысь добре. Давай тоди коней. Чотыри коня шобъ було: сири уси чотыри. Ставъ Палій выбирать соби коня съ тыхъ чотырёхъ—падають уси навколишкы—не выдержуть Палія-лыцаря: сыла велыка; царь звеливъ свого любымого коня пидвесты пидъ ёго: отдають изъ збруею зовсимъ. Тоди взявъ Палій ратыще, сивъ на коня на царського (царській выдержавъ). Уси забралыся за плечи. Палій зъ Искрою, зъ Лаптемъ и зъ Постоломъ пойихалы кругомъ Мазепыного виська. Заглянувъ Палій у Мазепыну палатку.

Беспешно гуляе Мазепа у себе въ палатци, а хлопець Мазепынъ, той шо бувъ послушныкомъ у Палія, й говорыть: «благословы, паноче, навитьнёго сокола вбыты». Мазепа й каже: «нехай гуля; мы гуляемъ, то нехай и винъ погуля». Винъ (Палій) у другый разъ прыйиджа до Мазепыной палаткы, объихавшы ёго вармію. Винъ упьять канальськый хлопець одвича: «благословы, паноче, навитьнёго сокола вбыты».—«Нехай гуляе»—отвича Мазепа. «Чы нехай—нехай и гуля; то таке дило». Третій разъ объихавъ Палій Мазепыне висько: заглянувъ у палатку. Винъ упьять той хлопець: «благословы, паноче, навитьнёго сокола вбыты». «Нехай погуля ще. Мы гуляемъ, такъ и винъ нехай погуля».—«Устань, проклята Мазепа, подывысь, шо твое висько робе. Не сокилъ лита, а Палій Семенъ гуляе; уже объихавъ твое висько тричы. Тикай хочъ ты, покы жывый, а то пропадешъ, якъ собака». Выскочывъ Мазепа зъ палаткы, колы подывытьця, ажъ ёго висько само себе рубае, нивечыть.

Сивъ Мазепа на коня, та въ одно стремено піймавъ ногою, а въ друге не піймавъ—штрыкнувъ ёго Палій ратыщемъ у с...у. Мазепа тика, а Палій Семенъ штрыка, такы догоня Мазепу, а царь догоня Палія, хвата ёго коня за повидъ та прыдержуе, шобъ винъ не заколовъ Мазепы. Жаліе свого хресныка, хоче жывого пустыты; поты гнавсь та прыдержувавъ Паліевого коня, покы розирвавъ ёму щелепы ажъ до вухъ. Мазепа втикъ, ёго десь сплиндровалы, не далы ёму ходу. Нема ёго й званыя теперъ ниде.

Семенъ Палій хотивъ панивъ вывесты, шобъ не було; шобъ уся Русія була одна: простолюдые. (Воны) ци паны спершу прыйиздылы съ чужыхъ земель до насъ грошей зароблять у давныну, а теперъ, бачъ, якъ (воно) стало: куды не глянь, куды не глянь—усе ихне. Такъ Палій хотивъ перевесты усихъ чысто, шобъ не було цыи погани; а Мазепа бувъ чужоземець; винъ хотивъ усихъ сплиндровать.

Царь змолвывъ передъ Семеномъ Паліемъ:—не давъ ёму Гатьманщыны,—клявся, тай скрыводушывъ. Палій подавсь одъ царя на острова, не ставъ склонятьця передъ царемъ. И жывый и доси. И винъ жывый и доси. Якъ мисяць нарожаетьця, то винъ молодіе, а якъ мисяць старіе, то й винъ старіе. И жыве винъ и доси. И до страшного суду буде жывый.

Винъ колысь буде воювать зъ царемъ за простолюдые.

Царь пожаливъ Гатьманщыны. Значыть, наплодылысь паны та жыды. Спершу воны прыйиздылы зароблять грошей, тай бачъ скилько теперъ стало ихъ! Де самый послидній жыдъ, тай той себе купцемъ велычае.

Такъ Палій хотивъ перевесты усихъ чысто, шобъ не було ціи дряни (ціи погани).

Такъ Палій подавсь на острова и винъ жывый и доси у запорозьцивъ. Якъ мисяць нарожаеться, то винъ молодіе, а якъ мисяць старіеться, то й винъ старіе. И до страшного суду буде жывый.

Була колысь правда, та перевелась на казку. Кажуть люде, шо винъ жывый и доси. Колысь ёго буде ще треба.

1882 года.

Палій и Мазепа.

Пишовъ Мазепынъ сынъ и Палій Семенъ до чужоземного лыцаря обучаться лыцарства. Мазепыного сына лыцарь у хати обучавъ, а Семенъ Палій пидъ дверьмы слухавъ, стоявъ, дай лучше вывчывсь нижъ одъ Мазепыного сына.

Говорыть лыцарь: «чы можешъ ты, Мазепо, достать дванадьцять вьюнивъ»?

А Палій и отвичае пидъ дверьмы: «благословы, паноче, шобъ я доставъ дванадьцять вьюнивъ, бо Мазепа не тямыть, якъ ихъ достать (не способенъ достать); винъ не зна, яки то й вьюны».—«Боже тоби благословы, Семене Палію, колы ты знаешъ дванадьцять вьюнивъ достать».

Зарядывъ Палій рушнычку и пишовъ соби въ лисъ. Знайшовъ похы́лне дерево, таке шобъ можно на ёго було збигты. Пишовъ, знайшовъ—дванадьцять кабанивъ дыкыхъ пасуться. Винъ пидождавъ, покы воны сталы врядъ, такъ ви́нъ якъ прыци́лывся, та такъ и отбывъ дванадьцять хвостивъ. Тай побигъ на дерево на похы́льне утикаты, шобъ не розирвалы. Дыки кабаны похрокотилы, пидбиглы до того дерева, тай побиглы впьять па́стысь. Угору жъ воны не глянуть, а на земли бувъ, та нема—на дерево схыстывсь. Винъ пишовъ, заразъ забравъ тихъ вьюнивъ у заполу, дыкыхъ кабанивъ хвосты, прыносыть тоди вже до лыцаря. Отдае ёму чесьть: «о́тъ доставъ дванадьцять вьюнивъ». Той прыймае: «проклята Мазепа», каже, «теперъ не подужае Семена Палія, колы винъ знае яки вьюны й принисъ мени. Теперъ хиба на бе́нькетъ ёго вклыкне́шъ, та напоишъ, та вкынешъ у темныцю, та забьешъ у скрепы́цю, та до царя пойидешъ, та наволоче́шъ якои брехни́ на Семена Палія, та може повисыть ёго царь, такъ тоди ты царя подоліешъ, а якъ Семенъ Палій буде, такъ ты и...!

Ну сказано-жъ: брехнею сьвитъ про́йдешъ, а назадъ не вернесься;—то та́къ воно й е!? Заклыка́е Мазепа Семена Палія на бенькe̒тъ: «Семене Палію, иды до мене на бенькe̒тъ».—«Боюся, проклята Мазепо, шобъ ты́ мене не зрадывъ», каже. «Не бійся мене, я не зрадю тебе, а зрадять тебе напыткы-наидкы та червона налывка». Ото́ хиба издзоба́е ёго, ато́ бильшъ нищо́. Палій думае-думае... «ну шо́ я за молоде́ць буду, якъ не пойиду до Мазепы въ госьти».

Пойихавъ Палій до Мазепы на бенькетъ и послушныка свого взявъ зъ собою хлопця. Въ ёго бувъ послушныкъ у Семена Палія; такъ и то́й умивъ лыцарства, якъ и Семенъ Палій: одъ Семена Палія вывчывсь. Клыкну́въ на бенькетъ; пылы, гулялы, бенькетувалы. Винъ извалывсь Палій. Мазепа звеливъ своимъ слугамъ: «возьмить Семена Палія въ темныцю, забыйте въ скрепы́цю и темныцю замкни́ть, и прынеси́ть ключи до мене». А то якъ бы въ скрепыцю не забылы-бъ, такъ бы винъ вылизъ и замкы-бъ не вде́ржалы.

Пойихавъ Мазепа до царя, до свого хрестного батька брехню вже волокты на Семена Палія. А царь и повирывъ. «Та́къ и та́къ, Семенъ Палій собыраеться на тебе йты воюваты». А винъ самъ, значыть, думавъ иты, та шо са́мъ мыслывъ воювать на царя на свого хреще́ного батька, то те́ на Палія и звернувъ. Говорыть (царь): «де́жъ теперъ ёго взять, шобъ ёго повисыть?». «У мене въ темныци,—забыто въ скрепыцю. Ось и ключыкъ у мене». Извеливъ у дворци, коло крыльця, шы́беныцю ставыты. Сказавъ своимъ слугамъ, шобъ одимкнулы Семена Палія и прыставылы до шыбеныци прямо.

Помошныкы Семена Палія—Искра, Посьти́лъ и Ла́поть—заюртувалысь (юрту́ються). Помежду собою порадылысь, сказалы своимъ старшымъ, шо безъ Семена Палія мы ничого не зробымъ. Треба схысты́ть Палія, шобъ жывый бувъ. Бо якъ повисять, то де́ мы тоди жывого возьмемъ? Тоди пропаде Гатьма́нщына! Мазепа тоди съ панамы іи сплиндрують». Та взялы тай зьминылы Палія душогу́бцемъ. Душогубець бувъ такый, шо людей убывавъ. Такъ воны того душогубьця въ Сибиръ заслалы, а Семена Палія послушныкъ у Мазепы зоставсь. Винъ также знавъ лыцарства, якъ и Семенъ ёго панъ.

Тоди заразъ потребувавъ Мазепа царя на полёву́—хто кого подужа. Увійшлы воны въ Полтаву—Мазепыно висько и царьське́. Царь звеливъ погулять. Прыостановывъ войну тамъ на суткы, чы на двое. Царь пишовъ по своему війську роспытувать, чы нема такого, шобъ подужавъ Мазепыного сына? Тоди сталы казать Искра, Посьтилъ и Лапоть: «мы не можемъ подолить ёго безъ Семена Палія. Мы хоть и самы лыцари́ велыки, такъ не таки́ якъ Семенъ Палій. Мы мали́ лыцари́».—«Дежъ мы визьмемъ Палія, якъ мы́ ёго повисылы»? «Ни, мы душогубьця повисылы, а Семена Палія схыстылы; винъ жывъ доси, тильки въ Сибири на роботи за душогубьця одвича; а душогубьця за Семена повисылы». Заразъ царь звеливъ на дванадьцять сутокъ погулять ще, покы зъ Сибиру Палія прыставлять. Подавъ

лыстъ, шобъ за дванадьцять сутокъ прыставылы. Якъ подавъ туды лыстъ, такъ по станціяхъ выставылы коней самыхъ летючыхъ, шобъ не було загайкы, шобъ скоро та скоро...

Прыставылы его зъ Сибиру. «На́ шо ты мене требуешъ?» — «Я въ тебе просю дай мени помочи воювать зъ Мазепою». «Я жъ у те́бе повишеный бувъ, якъ бы не товарыши мои. Якъ отдасы мени Гатьма́нщыну [1]), такъ буду воювать зъ Мазепою—помочи тоби дамъ, а якъ не отдасы, такъ нехай воюе Мазепа. Я не буду мишаться, бо я въ тебе пови́шенный.

Тоди вытопылы баню. Пишовъ Палій зъ братчыкамы въ баню. Выпарылысь добре. Писля того попойилы, закусылы добре. Давай коней тоди. Чотыри коня шобъ було, сири уси чотыри. Ставъ Палій выбырать соби коня съ тыхъ чотырёхъ; одного взявъ за грыву,— упавъ навко́линкы; звалывъ. Падають уси навколи́нкы—не выдержуть Палія-лыцаря: сыла велыка. Царь звеливъ тоди свого любымого коня пидвесты пидъ его, отдать и зброю всю. Тоди взявъ Палій ра́тыще, сивъ на коня на царьсько́го. Царьськы́й выдержавъ. Уси забралыся за плечи. Палій зъ Искрою, зъ Лаптемъ и зъ Постоло́мъ пойихалы кругомъ Мазепыного виська. Уже Мазепыно висько само́ стало себе колоты. Заглянувъ Палій у Мазепыну палатку.

Безпешно гуляе Мазепа у себе въ палатци, а хлопець Мазепынъ, той, шо бувъ послушныкомъ у Палія, и гово́рыть: «благословы, паноче, нави́тьнёго сокола вбыты». Мазепа й каже: «Нехай гуля. Мы гуляемъ, то нехай и винъ погуля».

Винъ (Палій) у другый разъ прыйижджа до Мазепынои палаткы, объихавшы его вармію. Винъ упьять, канальскый хлопець, одвича: «благословы, паноче, нави́тьнёго со́кола вбыты».—«Нехай гуляе». Отвича Мазепа. «Чы неха́й,—нехай и гуля. То таке́ дило!»

Третій разъ объихалы. Заглянувъ у палатку. Винъ упьять гогорить: «благословы, пано́че, нави́тьнёго сокола вбыты».—«Нехай погуля ще. Мы гуляемъ, такъ и винъ нехай». Винъ ёму на тарильци бомбу й подае, у палатку впала. «Устань, проклята Мазепо, та подывысь, шо твое висько робе! Не сокилъ литае, а Палій Семенъ гуляе! Колы объихавъ уже кругомъ твое висько трычи! Тикай хочъ ты,

[1]) А яка́ Гатьма́нщына?—Паны.

покы жывый, то може выскочышъ!» Выскочывъ Мазепа зъ палаткы колы подывыться, ажъ ёго висько само себе рубае—нивечыть.

Сивъ (Мазепа) на коня, та въ одно стремено́ піймавъ ногою, а въ друге́ не піймавъ. Одну ногу встромывъ у стремено, нахылывся, шобъ друге достать,—штрыкнувъ ёго Палій Семенъ ра́тыщемъ пидъ матьню. Піймавъ ёго ратыщемъ пидъ матьню. Мазепа тика, а Семенъ Палій штрыка, такы догоня, ажъ кинь увесь червоный одъ крови. А царь доганя Палія, хватае ёго коня за поводы́ та прыдержуе, шобъ не заколовъ Мазепы. Жаліе свого хрестного сына, хоче жывого пустыты. По́ты гнавсь та прыдержувавъ, покы розидралы Паліевому коневи щёлепы ажъ до вухъ. Мазепа втикъ (вы́проставъ ёго царь). Не далы ёму ходу. Нема ёго и званыя теперъ ниде.

Царь пожаливъ Гатьманщыны. Не давъ Паліеви Гатьма́нщыны.

—

Це́ ще я чувъ, якъ маленькимъ бувъ. У шынку стари люды розсказувалы. Батько мій шынкарь бувъ... То було посходяться (якъ колы у празныкъ) стари люды, тай розсказують (було часто) про Палія Семена.

Про чумака и про розбойныка.

Значыть чума́къ ишовъ и дванадьцять паръ воливъ гнавъ тыюжъ са́мою дорогою, шо чумакы ходылы. Тилько вже заросла та дорога! Черезъ шо́ заросла—черезъ розбойныка. Розбо́йныкъ тамъ сыдивъ, побывавъ мыра багато. А то́й праву́еться туды чумакъ—не боиться. Люды кажуть, шо нильзя йихать туды... А той розбойныкъ сыды́ть якъ орелъ на могыли. А той заразъ прыпынывъ волы... До ковали́въ... Заразъ давай цепъ робыты на того розбойныка: и не поганый,—хорошый цепъ, колы винъ сылачъ такый розбойныкъ. И пружыны поробывъ тому цепу, шо сча́люватымуть заразъ у мисто. И поставлявъ возы до миста, шобъ вія подъ вія усе пидпускавъ. Поста́влявъ такъ якъ городокъ кругомъ; та тоди це́помъ обнявъ уси дванадьцять возивъ. И двійло́ положывъ тутъ же на пружыну, и зворушывъ чимсь то: заразъ пружыны до купы й схватылыся. Тоди взявъ заплатывъ шо слидъ (шо сказалы), положывъ цепъ у визъ, поихавъ до розбойныка.

Пидъизжае до могылы. Волы порозлы́гувавъ; пустывъ на пашу, а возы попидко́чувавъ вія пидъ вія. Городо́къ зробы́въ, цепомъ обнявъ.

Ваговы́й дрюкъ положывъ на пружынахъ. Са́мъ заходывсь кашу вары́ть изъ саломъ, добру; зро́змазь... до́бру... Розбойныкъ прыходыть до его: «шо́ ты», каже, «росположывсь тутъ? ще й кашу варыть заxо́дывся! ту́тъ и пройихать нильзя,—не то́ кашу вары́ть!»—«Адже жъ и ты́ хочешъ йисты, може? и я хочу наче. Якъ шо ты госьть прыйшовъ,—сидай отдыхаты, каши покы я наварю». Каже, «побалакай».—«Та вже́ жъ», каже, «хоть передъ смертю побалакаешъ». Той верти́всь вертивсь--ни́де сида́ты, тай на двійло й сивъ, а воно й позащипало кругóмъ за по́перекъ, якъ обручемъ, шо ни́куды й выпрыснуть. Такъ ви́нъ якъ узявъ тяггы́ той цепъ, та дванадьцять сажни́въ дванадьцять возивъ тягъ. «Подожды», каже; «найимо́сь ще каши; куды ты тягнешъ!?» Годувавъ, годувавъ кашою [1]); письля то́го двійломъ якъ ударывъ, тай убывъ.

Доложылы царю, шо такый то чумакъ побидывъ такого то розбойныка. Отъ царя прыставлено тому чумакови за его вслугу на пере́дьни волы золоти ро́гы: шобъ де́ черезъ городъ, або село (пройижджа́), прохо́дыть, то надива ти золоти ро́гы. Шобъ люды бачылы его заслу́гу.

1882 года.

Илія Му́равець.

Значыть винъ трыдьцять литъ не ходывъ ногамы,--на печи сыдивъ. А народъ усе жалуетьця пры ему, и винъ чуе, значыть, про Соловья-розбойныка, шо побыва свыстомъ за дванадьцять верстъ. И коло Соловья-розбойныка ричка бигла быстро. Перемишалася съ кровью вода вже; отъ до то́го добывся людей Соловей-розбойныкъ!.. А Илія Муравець издыхне, тай мовчыть,—ничого не каже; шо ви́нъ бы его подужавъ, такъ ногы слабі́,—сылы тый не зде́ржать ногы. Ви́нъ бы его й подужавъ, ногы не можуть ходыть.

Прыходыть Самъ Господь пидъ викно до его храмы́ны зъ святымъ Петромъ: «рабъ Божій, подай Хрыстову мылостыню намъ». Илія отвичае: «Радъ бы я пода́ть, не могу встать. Лежыть хлибъ на столи и ножъ; увійдить, скилько нужно одрижте соби и возьмить Хрыстову мы́лостыну». Отъ воны входять у храмы́ну, поздрастувалыся, поздоро-

[1]) Вывернувъ ему казанокъ зъ гарячею кашою на голову.

вы́лы, тамъ, съ тымъ днемъ,—якый есть «Уставай», каже, «Илія Муромець, съ печи». Самъ Господь сказавъ. «Боюсь», каже, «провалюсь». И въ другый разъ сказавъ тоже Господь, шо «вставай съ печи», а винъ отвича впьять: «боюсь,—провалюсь». Третій разъ сказавъ Господь: «спускай ногы на прыпечокъ». Винъ спустывъ. Ставъ на ногы, перехрестывсь: «спасыби Богу и вамъ, старычкы, шо вашымъ прыходомъ Богъ давъ мини сылу въ ногы».—«Пиды-жъ корцемъ воды зачерпны въ крыны́чыни, та внесы въ храмыну». Винъ пишовъ, прынисъ корець воды. Господь поблагословывъ корець воды вныть. Винъ выпывъ, ставъ здоровъ. Господь и пытае: «яку ты сылу имієшъ у се́бе теперъ?» Винъ и сказавъ: «якъ бы посередыни сьвита кильце вправылы,—шобъ не здвыгну́лось нику́ды, такъ я мигъ бы весь сьвитъ повернуть». Господь пославъ ёго зачерпнуть воды ще́ корець. Винъ пишовъ черпать воды, столитняго дуба узявъ вырвавъ одною рукою, та́къ якъ бабы пло́скинь беруть, або пьрядыво, то такъ винъ дуба вытягъ одною рукою. Иде, пидпыраетьця тымъ дубо́мъ. Воды набравъ, прыйшовъ, положывъ понадъ хатою дуба того; та́къ якъ мы палку кладемъ, то такъ ёму дубъ. Уносыть корець воды, дае Господу Богу. Господь надпывъ половыну корця, «а сю половыну ты выпый». Винъ выпывъ. Господь пытае тоди: «яке ты здоровья теперъ имієшъ у соби?»—«И половыны вже немае». «Буде съ тебе и цёго. Протывъ тебе вже сыльни́шаго нема по всимъ билимъ царстви». Тоди вже давъ мылостыну Хрыстову и выпроводывъ и поблагодарывъ упьять: «спасыби Богу та й вамъ, старычкы Божи, шо Господь давъ вашымъ прыходомъ сылу въ ногы». И за́разъ заходывся дубья пробувать. Шисьть десятынъ окончывъ дубья, у сажени́ поклавъ и выоравъ и жытомъ засіявъ, того-жъ дня й заволочывъ. И пишовъ и коня найшовъ по своїй мири. У чоловичка вырисъ коныкъ [1]).

Иде отець и маты исъ поля. Ды́вытьця,—уже въ сажняхъ дубья и жыто вже засіяно и заволо́чено. Маты жъ не знала, шо сынъ стараетьця,—доволикае жыта, значыть, а отець не йме виры: „ни, не довжно буть, шобъ сынъ изробывъ“.

У скоросты винъ ставъ просыть отця свого: „пидить, коня купить мини у такого то чоловика; шо́ заправе,—те́ й давайте; не откладайте на другій день, бо винъ завтра черезъ ничъ ще́

[1]) У чоловичка то вырисъ коныкъ.

стилько выросте, то вйнъ удвое вже буде цйну правыть [1]). Купывъ отецъ (коня) и прывивъ до дому. Сынъ вырвавъ тры шерстыны и пустывъ у чысте поле (коня) гуляты, покуда винъ поробывъ калы́нови сьтрилы и сидéльце и подушечку и стремéнце. Тоди ставъ просыть отця и матери, шобъ отпустывъ съ Соловьемъ-розбойныкомъ погулять. Багато мыру побыва. Уже Сморóдына ричка кровью взялась,—кривава ричка вже стала. Прóсыть отця й матери, шобъ отпустылы. Отець и маты кажуть: „мы диждалы тилько мочи; тебе хто небудь убье, та впьять будемъ мы сами". Винъ пишовъ до старыкивъ; думавъ шо старыкы потягнуть за нымъ; колы жъ и старыкы за отцемъ за матирью руку держуть. Винъ якъ ставъ коло могылы, а могыла преогромная и ричка коло ихъ текла, быстро бигла; такъ якъ торкну́въ ту могылу плечемъ, такъ вона якъ хляпнула,—та такъ и ричку перегатыла пополамъ, дóразу грéблю зробыла, такъ вода якъ розлылась, та позатопляла скризь слободы и церквы́. Воны соглянулысь дружка на дружку, та до отця й до матери говорять: „треба отпустыть. Мабуть мы й за цилый годъ не загатымъ и не пропустымъ воды". А винъ такъ якъ гребнувъ рукою,—пропустывъ воду,—пишла вода впьять гулять, якъ гуляла; снаружи сталы церквы вже, значыть; вода збигла и слободы знаты... Пропустывъ воду,—впьять стала, якъ и була. Отець и маты по горсти сухаривъ далы въ сумочку и мать земли у вузóлчыкъ навьязала: „якъ дé воду пытымешь, такъ вузолчыкъ умочышь, тай пый". Попрощався и пойихавъ у чысте поле погулять.

Прыйизжае до бору. Выходыть двадьцять пьять чоловика розбойныка, хотять ёго вбыть. Винъ ихъ и думку знае, зачи́мъ воны идуть до нёго. Коло ихъ дубъ стоявъ недалеко. Винъ стрилу калы́нову пустывъ на дуба на того. Побыла на трыскы калы́нова стрила, нощепáла, на милки части порозметáла. Дубъ той упавъ до долу. Воны сталы навкóлишкы, та давай просыть: „будь ты въ насъ за старшóго, колы ты такый воинъ".—„Я не съ тымъ, шобъ мижъ вамы за старшóго буть, а я иду Соловья-розбойныка побидыть. А шó, козáцтво! пора вже перестать розбой розбывать! Пора перестать цимъ диломъ займатьця! А вы́ якъ хазяинувалы спервуначала,—такъ и хазяинуйте. Вы не полагайте, шобъ я за старшого бувъ, бо якъ вернусь

[1]) То тóй чоловикъ удвое вже буде цину правыть.

назадъ, та стрилу пущу, такъ стрилою найду и въ земли васъ, бо я не хочу, шобъ вы розбойствомъ занималысь, а шобъ хозяйствомъ занималысь". Такъ воны якъ сталы,—такъ и розійшлысь урóзь по своимъ домамъ.

Винъ пойихавъ тоди до Соловья-розбойныка. За дванадцять верстъ пидъйизжае, винъ свыснувъ; кинь спотыкнувсь пидъ нымъ. Винъ по бедрахъ ударывъ ёго: „шо ты, псыне мьнясо, спотыкаесься? Хиба ты по лису не ходывъ? злыхъ звиру не боявся?—óтъ де спотыкнувсь!" Пидъйихавъ блыжче, пустывъ калынову сьтрилу. Калынова стрила у прáве око піймала Соловья-розбойныка:—тáкъ баньку й вы́вернула и гниздо звалыла и ёго зъ гнизда звалыла. Узявъ ёго, скрутывъ у-двое и увьязавъ у торокы на свого коня. А жени (Соловья-розбойныка) сонъ и прыснывся противъ сёго времени (Соловьевій жени): „шо вы́дытьця, де взявсь орелъ и выклюнувъ тоби око праве". А винъ, значыть, не послухавъ жены, та на гниздо пишовъ.

Ставъ Илья Муровець йихать у Кыивъ до князя Владымыра. Ставъ йихать до Соловья-розбойныка двора. Просыть Соловей-розбойныкъ Илью Муровця: „зайидьмо до мого двора,—тамъ выпьемъ и закусымъ". А винъ и одвича: „можно", каже. А Соловьева-розбойныкова жена будыть своихъ сынивъ и зятивъ: „сыновья и зяти любезныи! Вставайте, берить срибро-злото, на тарилкы́ кладить и просить шобъ пустывъ жывого"—отьця ихьнёго, значыть. Сказано жена. А дочка старша вышывае коло викна, а меньша на двори гуля, бига коло викна и говорыть: „нашъ батюшка якого вытязя везеть у торокахъ увьязаного". А та шо вышывала, глянула у викно, и говорыть: „ахъ ты дурна! Якыйсь то вытязь нашого батюшку везеть у торокахъ увьязаного". Отъ ти зяти давай ратыща забырать, чорни шляпы надивать, хотилы иты воювать. Илья Муравець ды́вытьця шо не тá стать заходыть,—ударывъ свого коня по бедрахъ, такъ винъ повы́ше ли́са понисъ ихъ обохъ и Соловья и Илью Муравця. Пóлно зайиджать зеленóго вына выпывать и закусувать! Спустылыся впьять, значыть, зъ горы на нызъ.

Бытва завелась, вóинство [1]). Отъ винъ выдыть, шо мала сыла наша противъ чужои, спросывъ Соловья розбойныка: „чи ты помочи

---

[1]) Бытва завелась, воинство зъ татарвою.

дасы“, каже „нечысту сылу звоювать?“—„Зъ дорогою душе́ю могу помочи дать. Хотьбы косьти мои росправылысь хоть трошкы“. Винъ ёго розвьязавъ и поставывъ на ногахъ уже. Той исъ тыи стороны зайшовъ, а той исъ тыи стороны забигъ, заразъ ихъ поглушылы. Наши воины давай просыть Илью Муравця, щобъ за старшого ставъ: „якъ булы́ у васъ старши,—такъ нехай и будуть, а я пойиду до князя Владымаря на дворець, Соловья розбойныка повезу на показъ. Я слыхавъ, шо князь Владымарь хлибосолный чоловикъ, прынимае людей пройизжающыхъ, пойить и кормыть; отъ и я пойиду до ёго въ гости“. Двиръ у ёго не зачыняетьця день и нощь. У ёго ще сыльныхъ, могу́щихъ багатыривъ двадьцять девьять чоловикъ, протывъ ёго молодьця нихто не справытьця, протывъ Ильи Муравця.

Винъ тоди прыйизжае у дворець до князя Владымаря. Стоить стовпъ, столитьній дубъ испыляный; дубъ родымый, значыть, у земли,—тилько спыляный пенёкъ, кильце́ управлене у той стовпъ,—може случытьця коня прывьязать. Прывьязавъ коня до кильця, та тоди ставъ съ коня, ажъ исъ коня мыло такъ клаптямы пада. Тоди ставъ до Соловья-розбойныка промовлять: „ты не будешъ у княжецькимъ двори?“—„Такъ“, каже, „якъ не прыйдетьця“. Такъ винъ узявъ и губы до кляка́ прыбывъ гвозьдямы у сидьли, а самъ пишовъ до князя Владымаря, прывьязавшы; безъ проси, безъ усёго, прямо иде. А князь Владымыръ у палатахъ, и тамъ у ёго сыльни могущіи багатыри. Винъ говорыть слузи: „Пиды, спросы шо́ за чоловикъ иде прямо? Розспросы, виткиля винъ е и шо за чоловикъ и зачимъ“. Винъ прыбигае до ёго, ставъ пытать: виткиля чоловикъ, якого ро́да и куды йихавъ,—зачымъ? „Я есть“, каже, „калика, отъ такого-то отця и матери сынокъ“.— „Ну, ступай икъ кнзяю Владымарю“. Винъ прыходыть. И князя и княгыню поздоровы́въ. Воны сталы роспытувать. „Добре вамъ роспытувать, ну тилько не добре розсказувать, шо я давно ку́шавъ; шо я давно йивъ; довжно буть трудно“.

Владымыръ заразъ, глядя по чоловику, звеливъ подать пивтора пуда зеленого вына, пивтора пуда закускы. Винъ закусывъ,—тоди ставъ росказувать. Воны сталы роспытувать: „куды жъ ты йихавъ? Чы ты водою йихавъ, чы на калынови мосты прямо йихавъ? Тамъ Соловей-розбойныкъ не пусте“, каже, „я та́къ надіюсь“. Илья Муравець отвичае, шо „Соловей-розбойныкъ у мене въ торока́хъ увьязанъ“.—„Не повирю“, каже. Въ другый разъ сказавъ, шо „въ торокахъ увьязаный“.— „Не повирю“, каже. Въ третій разъ сказавъ. „Пошли́ть же посла́н-

ныка, хай подывытьця тай скаже вамъ". Пишовъ той сыльный могучый багатырь, подывывсь. Прыходе до Владымаря,—каже: „такъ! Увьязаный у торокахъ и губы прыковани до кляка",—„Ну, якъ бы жъ ты съумивъ такъ, шобъ винъ свыснувъ". „Добре. По вашому позволенію. Ну, тилько шобъ соболынни шубы надивалы обворотыть тило,—очи шобъ булы выдьни наружу".

Винъ пишовъ до Соловья-розбойныка, тоди одвьязавъ, губы одкувавъ, поставывъ на ногахъ, росправывъ ёго: „князь и княгыня велять, шобъ ты свыснувъ".—„Та та́къ", каже, „на ще́серце и свыстить голодному?!" Винъ и говорыть: „ну, шо́ жъ тоби заку́скы?" Дванадьцять пудивъ закускы и дванадьцять бочонкивъ зеленого вына представылы. Дванадьцять пудивъ закускы и дванадьцять бочонкивъ зеленого вына выпывъ и закусывъ. „Ше́ жъ цёго мало. Якъ бы ше́ дванадьцять пудивъ закускы и дванадьцять бочонкивъ зеленого вына".—„То́ вже буде, якъ заробышъ". Тоди повелы въ хаты князя и княгыню пидъ плече. Тоди винъ якъ свыснувъ, такъ сыльни могучи багатыри тилько-ти́лько шо жывеньки оста́лысь, а кони ихъ порозбигалысь.

Остався князь Владымыръ недоволенъ. Винъ же веливъ на половыну ротка й свыстить, а винъ на ввесь свыснувъ имъ. (Винъ) хотивъ поглушыть усихъ. Илья Муравець тоди прыходыть до Соловья розбойныка, вырвавъ столи́тній дубъ, узявъ ёго (Соловья-розбойныка) за крыло и давай ёго погонять тымъ дубомъ, кори́ньнямъ! Побывъ ёго, понивечывъ. „Оце-жъ тоби", каже, „уся й плата. Якъ бы́ ты бувъ послу́хавъ, то бъ тебе́ на цепу́ держалы та кормылы, а то́ зача́въ коверзува́ть". На землю перевивъ; чысто побывъ. Такъ княгы́ня розважыла князя: „винъ не выноватъ; винъ веливъ на половыну свыстка́ свыснуть".

Князь хотивъ оставыть коло се́бе Илью Муравця. А винъ и каже: „у ме́не есть отець и маты. Ище́ жъ и Соловья-розбойныка сыны́ есть; и ихъ, и ти́хъ треба, и зятивъ треба стребыть, шобъ не було́ розбойства ниде".

Оттакый-то Илья Муравець! Отця и мать пишовъ докормывъ и Господу Богу прыподо́бывся и са́мъ.

Про Мыколай-угодныка.

Одынъ укравъ пару коней у двохъ братившъ и пойихавъ тикать. И воны (браты) добулы у сусидъ по коню, тай доганять пойихалы. Пбщокомъ за нымы у сьлидъ выйихалы. И потра́пылы тыю дорогою, куды винъ пойихавъ, злбдій, у степъ. И вже стало выдать ёго. И вбръ увыдивъ. Оглянувся, шо бижать уже сьлидомъ пбщокомъ за нымъ же. А винъ тоди, значыть, обратывся, та давай Мыколай-угодныка просы́ть, шобъ защыты́въ: Мыколай угоднывъ, скорый помбшныкъ! Закрый сей разъ. Не буду красты никблы вже я! Поставлю тоби сьвичку съ ки́ньську ногу".

Мыколай угодныкъ являвсь икъ ёму. И требуха́ зъ вола лежыть передъ ны́мы тамже на дорози. Мыколай угодныкъ сказавъ: „розрижъ требуху, та вытрусы, та лизь у требуху швыдче, та тутъ схысты́сься. Отъ винъ розризавъ, вытрусывъ и полизъ у требуху и заховався.

Прыбигають браты ти два за киньмы. Подывылысь... Кони стоять, а нема никого. Сама́ тилько требуха лежыть пердъ киньмы. Оту́тъ бы жы́сть кончылы, якъ бы догналы, ну нема. „А ма́буть нечыста сыла посьміялася зъ насъ", кажуть у двохъ, шо того нема, шо сыдивъ на кони́", тай пойихалы до дому.

Тоди Мыколай угодныкъ сказавъ: „вылазь съ требухы". Винъ вылизъ. Насылу отдыхнувъ. „Трбхы не вмеръ", каже, трохы не задушывсь тамъ".

„Ота́къ-же",—каже (Мыколай):—„та сьвича, шо вы съ киньську ногу станбвыте съ краденого, смердыть мини, поку́дова згорыть".

1886 года.

Про Мыколая угодныка.

Панъ шисьти́рнею ки́ньмы прыйихавъ у Кыивъ Богу молытьця. На обохъ рукахъ, на всихъ пальцяхъ булы золотіи кольця. Пастырь выспвидавъ ёго,—на престолъ схылывъ голову. Позьнимавъ (панъ) персте́ни золотіи съ пальцивъ,—положывъ на престолъ. „Колы ты пожертвовавъ кольця на престолъ, такъ отда́й на ныщу братыю все иминыя свое, колы до царства небесного хочъ дойты".

Прыйихавъ до-дому,—ныща братыя прыходыла до двора. Ангелы хранытели исказалы: «ступайте до двора до такого-то,—панъ буде

роздавать худобу свою на ныщу братыю». Винъ свои иминыя роспредилывъ на ныщу братію. Коня одного оставывъ,—воды прывезты, дровъ прывезты для сéбе, значыть, щобъ на соби не носыть.

Пойихавъ винъ трудыться,—дровъ рубать для себе. Поставывъ коня у половыни дýба,—сáме падать ёму,—на коня похылывсь прямо. Столи́тьнёго дуба зачавъ рубать. Кругомъ обрубавъ ёго, покы й упавъ на коня и вбывъ коня. Винъ тоди сокыру взявъ на рукы и задумався... А Господь и посыла Мыколая: «пойды ты, наймай на роботу, а тó щобъ чого не здумавъ другого чого нéбудь». Прыходыть Мыколай и къ ёму: «наймысь до мене на роботу».—«Щó-жъ у тебе робыть?» «Що заставлю,—тé й робытымешъ».—«Такъ я», каже, «йисты хочу». «Потрудысься трошкы, такъ тоди й йистымешъ». Показалысь у сумочци у Мыколая угодныка ковбасы́ кильцé (кусочокъ) и булочкы кусочокъ. «А-а», каже, «йисты хочу».—«Пидожды», каже, «до моря дóйдемъ,—тáмъ и потрапезуешъ».

Ото-жъ до моря дойшлы. «Вынимай ковбасу и булочку й трапезуй сидай». Винъ выньнявъ ковбасу й булочку и дума самъ соби: «насъ», каже, «двое, а тутъ и самому ничого йисты».—«Сидай, сидай», каже, «трапезуй». Винъ сивъ, потрапезувавъ: сы́тъ ставъ, и половынкы не покушавъ. Мыколай угодныкъ говорыть: «поклады-жъ ци кусочкы у сумочку вньять. Отъ ты говорывъ, що кажешъ, щó тутъ йисты въ двохъ, а ты половынкы не покушавъ и сытъ ставъ. Помолысь Богу, та ступай за мною,—черезъ море пидемъ». Мыколай угодныкъ пишовъ на море: «ступай и ты», каже, «за мною». Панъ сомлиается ступать на море, а Мыколай угодныкъ говорыть: «ступай. Якъ що достоинъ, такъ и ты пидешъ, якъ и я, Богу помолывшысь. Усе зробыться, якъ достоинъ того».

Увъ óстривъ увійшлы,—лопатка лежыть securities зализна: «подберы лопатку и копай. Що нáйдешъ,—твое буде». Копнувъ разъ,—нема ничого. Копнувъ у другый,—выкынувъ земельку саму. Втрете копнувъ,—бочонокъ найшовъ. Обчерпýвъ кругомъ,—вытягъ бочоночокъ. Посли сёго и дрýгый и третій, четвертый, пьятый, шостый, сёмый, вóсьмый, девьятый и десятый, одынадьцятый и дванадьцять бочонкивъ. Позбывавъ по обручыку, пооддынáвъ,—днá повыймавъ,—подывывсь, що есть у бочонкахъ. Золото саме по всихъ дванадьцяты бочонкахъ. Ну, позадынáвъ,—обручыкы понабывавъ. «Ну, ставай-же Богу молысь, то Богъ поможе, може, човнычокъ найты на берегу та веселечко». Винъ ставъ, Богу помолывсь прылижно. Побигъ назадъ бережкомъ. Найшовъ

човнычокъ и веселечко. Прыпливаеть икъ Мыколаю. Ото-жъ заразъ сказавъ Мыколай: «ставай,—Богу помолысь,—бочоночкы складай на човнычокъ». Ставъ, Богу помолывсь. «Ступай теперъ у човенъ сидай,—на той бикъ переплывай». Мыколая тилько й бачывъ. Мыколай уже не показувався вже тоди. Пишовъ соби на той бикъ моря. Сивъ и поплывъ.

Прыплывае до берега такъ якъ съ двое гинъ: «надувъ», каже, «мене Богъ,—надую й я Бога». А човнычокъ хыть-хыть, бочоночкы булькъ-булькъ,—вси попадалы у море. Попадалы вси дванадьцять бочонкивъ; выкотылысь у море исъ човна. Прыплывае до берега. И Мыколай угоднықъ стоить тутъ на бережку вже. «А-що», каже, «надувъ Бога?! Ставай-же навколишкы, та Бога просы, щобъ повыкочувалысь бочоночкы зъ моря». Винъ ставъ навколишкы,—ставъ Бога просыть. Повыкочувалысь бочоночкы вси дванадьцять на бережокъ.

Являеться звощыкъ икъ нёму изъ верблюдамы; ангелы усе булы; и верблюды й тó ангелы. «Отъ, нанимай», каже Мыколай угоднықъ, «договоряйся. Бочоночкы забере и тебе одвезе до-дому. Та гляды щобъ ты роздавъ на ныщу братыю, та на церквы́. Для чóго воны тоби здалысь? Оставъ часточку для пропытанія, а всихъ не держы коло себе». Бочоночкы склалы на хургонъ; винъ сивъ и заснувъ на хургони. Прывезлы до-дому. Ото-жъ Ангелъ Хранытель заразъ помигъ знесты бочонкы у комнаты; и ёго знеслы,—сплящій бувъ,—крипко заснувъ; выморывся, значыть. На лежанци положылы сплящого, а сáмы пидьнялы́сь на óболокы.

Панъ проснувсь. Глянувъ,—бочонкы стоять коло лежанкы. Глянувъ,—мы́ра стоить много коло двора вже. Винъ два бочонкы вынисъ. Избывъ обручи,—давай роздавать на мыръ Божій, одиднýвшы золото. Пивтора бочонка роздавъ на мыръ Божій, а половына бочонка для ёго пропытанія осталась. А ти́ десять бочонкивъ роздавъ на манастыри та на церквы́, щобъ за ёго Бога молылы. Имьня ёго завелы въ кныгы. Покы свитъ соньця,—буде чытанія про ёго.

Такъ оттаки́ колысь булы паны!.. Не таки́, якъ теперъ...

Про Мыколая угодныка.

Въ Ерусалымъ йихавъ Мыколай угоднықъ и Арій посли Мыколая йихавъ. И попросывъ Мыколай угоднықъ у чумакивъ воды на-

пыться. А чумакы-то погрузлы у перéкалку въ большóму, такъ Мыколая угодныка просылы, щобъ посóбывъ. Такъ винъ звеливъ кучерю повыпрягать коней, а самъ помочи пишовъ давать чумакамъ. А Арій поодрубувавъ головы конямъ Мыколаевымъ. Винъ думавъ, що спыть Мыколай, а Мыколай трудыться коло чумакивъ, Бога просыть.

Мыколай угоднықъ попросывъ Господа Мылостывого: Господь давъ сылу воламъ вытягты зразу. Сьвичокъ нéськилько пообищалы поставыть Мыколаю угоднику (чумакы), чы может деньгамы далы. Воны-жъ не зналы, що Мыколай угоднықъ,—думалы що пройижджающый, та й подавалы на сьвичи въ Ерусалымъ Мыколаю угоднику. Винъ же сказавъ кучереви: «иды запрягай коней», а Арій поодрубувавъ головы конямъ. Кучерь пишовъ, ажъ тýлубы стоять, а головы лежать. Мыколай угоднықъ звеливъ прытулять головы: «якý до якои прытулышъ, запрягай мерщій, бо Арій вже пойихавъ». Зъ чорного до билого прытулывъ, а зъ билого до чорного прытулывъ и поробывъ рябы́мы киньмы, що не пизнáе Арій, чы то пройихавъ Мыколай.

Пытаеть Арій кучеря: «чы не пройихавъ Мыколай?»—«Та куды ёму пройихать, колы поодрубувалы головы конямъ». Богъ велыку сылу иміе. Ничóго и Арій не зробывъ протывъ Мыколая, та протывъ Бога. «Пройихавъ хто ёго зна хто такый рябы́мы киньмы». У Мыколая вороный бувъ та билый та саврáстый, кажеться, а тó вже сталы рябі́. «Тройкою киньми пробигъ, такъ не Мыколай», каже, «я того кони знаю». А теперъ рябымы уже: чорный зъ билою головою, а билый съ чорною, а саврастый якъ бувъ,—такъ и йе, та чорна голова на билому, а била на чорному.

Колы прыбигають, ажъ винъ уже отдавъ деньги на сьвичи, помывъ рукы, Богу помолывсь и на службу ставъ. Кадильныцею вже пишовъ кады́ть по церкви. А Арій ставныкомъ пидсмалывъ ёму бороду. Господь сказавъ: «будь-же ты трыжды прóклятъ отны́ни и до вика!» Черезъ то, що не смій трогать, колы вже на службу ставъ.

1886 года.

Палій Семенъ подавсь на островá. И Петро первый подавсь на острова, и Штóхвиль.

Царь Петро первый ишовъ черезъ нашу слободу у жнывá саме. Моя маты тоди гралась съ диткамы; значыть бильша видъ тыхъ ди-

тей; на писочку гралась, значыть, дитвора, а бабуся моя хлибъ пекла;—тоже, значыть, оставалась дома. Ото Петро и пытае: «де та дивчонка зъ тыеи хаты, що обидать варыть, та хлибъ пече?»— «Я», каже, «съ тыеи хаты». Вынимае цилковый и дае тій дивчынци моій матери, значыть. «А запыску несы-жъ», каже, «до матери, щобъ несла до Штохвиля, до свого пана и немедлено. До барына щобъ понесла и подала. А барынъ бувъ строгый такый, що женщыни низя й доступыть и до двора! Воны дывляться въ викно: бабуся вже вбралась и стала несты,—колы дывляться въ викно,—стоить исъ шаблею и пишовъ; заразъ на дверяхъ запысавъ запыску, тý-жъ сáму и на воротихъ. А бабуся пишла стала на воротихъ, взяла паперу между пальци и цилковый,—стала на вколишкы. А винъ крычыть на лакея: «пойды, штó за вѣдьма стойть? Штó вона держыть?» Выходыть лакей, узявъ понисъ до барына запыску и цилкового. Винъ тоди вскрычáвъ: „ступай сюды до окошка поблыже". Воны пидійшлы. Винъ кынувъ цилкового: „это дивчонкы дано цилкового гостыньця. Ступай", каже. А самъ пишовъ до воритъ. Тá-жъ запыска саме напысана на воротахъ. „Подавай лошади", воскрычавъ, „и сычасъ!" Сивъ, побигъ у погонь, та бильше й не чулы. Либо мижъ запорозьцямы. Мáбудь мижъ запорозьцямы: Штóхвиль, царъ Петро и Палій Семенъ. Сорокъ тысячъ запорозьцивъ йе й теперъ.

—

Я говорывъ Кырылу Пашковському: „тоди Петро третій бувъ царь, а не Петро первый"; Пашковськый каже: „ни, Петро первый. Петро первый, кажуть люды".

Не хвалысь.

И давнó сказано: не хвалысь!.. Не хвалысь хвальный хвáльнощу, а мудрый мудрощу, а багатый багатствомъ!.. бо Господь врáзъ все те одберéть!.. Господь хвастунивъ не любыть!..

Не хвалысь хвалный хвáлнощу,
А ýмный ýмнощу,
А мýдрый мудрощу,
А сыльный сылою не хвалыся,
А лучче Богу молыся.

Отáкъ-то!..

Дытячи забавкы та гры усяки.

Зибрани по Чыгырынщыни кыивськои губерни.

1. **Тарахкотёльце (торохтельце, торохтильце).**

(Зъ гусячои шыи).

Роблять тарахкотёльце за-для малыхъ дитей изъ гусячого горла. Робыть будли хто: найбильшъ той, хто забавляе малыхъ дитей, або той, у кого ихъ багато йе. Часомъ и на подарунокъ чужій дытыни роблять. Роблять такъ: якъ зарижуть гуску або гусака, выймуть изъ неи горлянку. Така вона якъ хрящыкъ, довга и дудочкою дило. Зъ одного краю товща, а зъ другого тонча. Вкынуть у неи сухый горохъ—горошынъ дви, тры. Тоди ту дудочку зигнуть у бублыкъ, застромывшы тончый кинчыкъ у товщый, тай покладуть на комини (бо тамъ не дуже гаряче и тепло), шобъ зисохлась. Якъ зисохнется черезъ день два, тоди беруть у рукы и тарахкотять. Малымъ дитямъ дають его въ руку, то воны не тильки граются нымъ и радіють, шо воно торохтыть, а ще беруть ёго и въ ротъ соби, бо диты, шо не попадуть у рукы, то у ротъ тягнуть—найгиршъ тоди, якъ зубы у ихъ рижутся; а кажуть, що кращи зубы выризуются, якъ диты цей бублычокъ грызуть.

Гусей теперъ мало въ кого поводытся, то й забавка ця не дуже часто попадается. Частій вона у Васылькивщыни поводытся.

2. **Торохтёло.**

(Зъ свынячого пузыря).

Якъ рижуть у-осены кабаны, бо тоди усе ихъ колють, то диты уже й ждуть, колы-то имъ дадуть пузыря зъ кабана.

Сечь зъ ёго выпустять и дають дитямъ. Хто иншый, якъ браво вычыстыть, то складае сало-здиръ, шобъ довше глядить его можно було у-литку, бо воно (пузыреве сало) годытся и на ликы одъ усячыны. А хто, то выкыдае пузыря и на двиръ. Бильшъ же того, що оддають дитямъ. Диты беруть ёго и у гречаному попели мнуть. Якъ добре вымнуть, винъ ажъ билый стане. Якъ добре вымнуть, тоди управляють у его въ ту саму дирку, кудою сечь йшла, дудочку, мицно увязують іи въ пузырь, щобъ духъ не проходывъ, и надымають, покы винъ ажъ трохы не лопне. Вкыдають тоди кризь очеретыну (дудочку) горошынъ скилько, або бляшычокъ и добре ще надмуть, а тоди, де саме вправлена дудочка, заразъ за нею мицно завьяжуть, щобъ и кризь дудку вже духъ не выходывъ. Положать на комынь и ждуть, покы засохне пузырь. Засохне, беруть у рукы за дудочку и торохтять. Ти горошынкы, або бляшечки торохтять, брязкають, або бубонять; диты мали дывлятся, забавляются, плакать перестають, потимъ сами у рукы беруть пузыря и зважуются й соби торохтить. Бильши диты бигають, радіючы, що торохтыть, а меньши, сыдячы торохкотять. Усе-жъ таки забавка воно йе дитямъ. Йе, що й на базаръ выносять продавать таку забавку, и люде й купують. Теперъ повчылысь ще й розмалёвувать торохтёла ціи. Де-хто й зъ дерева выточуе таки торохтёла и на продажъ выносыть.

3. **Деркачь (деркотёло, деркало).**

Деркачь роблять зъ валка або баранця, хвирточкы або драбынкы, та зъ язычка або трыщиткы—усе це деревьяне. На валокъ беруть такый круглый оцупочокъ завдовшкы зъ пядь; зъ вершокъ у розризи за втовшкы. Зверху цей оцупочокъ заризують, таку заризку або чопыкъ роблять круглу не велыку. Зъ другого краю заризують заризку довшу, щобъ у руци за неи

можно було держаты; а середына не зменьшается, а тильки уздовшъ по ній одынъ коло одного выризують зрубыкы, такъ якъ на колищати коло машыны. Якъ готовый валокъ цей, злагожують хвирточку. Уперёдъ зробыть дви дощечкы—у-бильшкы зъ палецъ—и въ тыхъ дощечкахъ (воны не шыроки—не шырше пальця) та попроверчуваты однаково на далечыну одну одъ однои по чотыры дирочкы на кожній. Тры зробыты (краще продовбаты) на вуглы, щобъ угласти булы на кожній дощечци, а по одній зъ краивъ кругли щобъ булы. До цихъ двохъ дощечокъ выготовыть ще тры, коротчи одъ ихъ, але ривни—одна за одною дощечкы, на шырыну трошкы вужчи одъ тыхъ двохъ. Якъ разъ посередыни на кожній вырizать таки й тутъ вугласти дирочкы, а край зарізать зъ обохъ кинцивъ (чопыкомъ дило й тутъ) на кожнои такъ завбильшкы и завтовшкы, щобъ якъ разъ прыпустыть, щобъ щильно увійшлы воны у вугласти дирочкы першыхъ двохъ дощечокъ. Ци тры дощечкы заразъ и позакладаты у ти дви дощечкы (тильки ще не прыбывать гвоздкамы, покы геть не складена уся буде заготовка). Повставлять ци тры дощечкы у перши дви такъ, щобъ ти дирочкы угласти, що по одній у кожній въ трехъ дощечкахъ, та булы якъ разъ одна проты другои. Воны, якъ колы, то роблятся и трошкы продовгувати, щобъ шыршый язычокъ можно було затягты у ихъ (въ уси тры разомъ). Це й буде хвирточка уся. Наостанци треба выготовыть до миры тыхъ трёхъ дирочокъ, що у хвирточци ще не закладани, и язычокъ такый, або трыщитку. Язычокъ—це просто дощечка выстругана, зъ одного краю потовстувата, а зъ другого потонкувата, и на самимъ кинци така завтовшкы, щобъ улазыла у яркы межъ сами зубци на баранцеви, за кожный шрубъ на валку, бо тамъ йе зрубчыкы таки. Якъ затягты цю дощечку у хвирточку, то ажъ тоди вже вкладать у ти дви кругли дирочкы першыхъ двохъ дощечокъ и валокъ, поставывшы ёго держалномъ у ныжню дощечку. Якъ усе гараздъ прыпустыть, то тоди ажъ попрыбывать, позаплишувать уже добре, навикы, ажъ у симохъ мисцяхъ хвирточку, щобъ змицнена була, якъ разъ по кинцяхъ трехъ дощечокъ (буде шисть гвоздкивъ, або плишокъ) и на одному кинци, на товщому, язычка—семый.

А вкладеный валокъ самъ тоди не выпаде и винъ упускается на выльготи, слободно ходыть у диркахъ. Ажъ нарешти вже брать рукою за держално и выхать, крутыть кругомъ валка хвирточкою усіею. Язычокъ объ зрубчыкы зачипается, якъ хвирточка обкручуется на валку, и дуже дерчыть. Швыдче вертить хвирточкою кругомъ валочка, то дужче и дрибнише дыркотыть язычокъ объ зрубчыкы. Цей деркачъ—и мали диты и пидлиткы вже—дуже люблять. Люблять и робыть ёго. Люблять и граться нымъ. Вивчари роблять ёго бильшого, щобъ дужче дырчавъ. Пастухы ёго носять зъ собою, щобъ лякать нымъ и овець. Стануть куды вивци звертать и бигты, то пастухъ задерчыть нымъ и вивци заразъ стануть, дослухаются, що воно таке це дерчыть. Пастухъ тоди и встыгне добигты до ихъ и завернуть куды треба. А дытына мала, хочъ якъ роскрычытся, задерчы—перестане. Деркачъ цей зветея ще й трещиткою, деркотильцемъ.

4. **Вуркало (вуркотёло).**

(Зъ свынячои, або зъ баранячои кисточкы).

Якъ заколять свыню, та або якъ рубають ногы на холодець, або якъ уже на мясныцяхъ йидять солоныну, то находять таку кисточку («подобну») [1]. Вона йе и въ баранячыхъ ногахъ. Отъ іи якъ обйидять, обсмокчуть, то покладуть на коминъ, щобъ засохла добре. Ця кисточка—вона зъ обохъ кинцивъ колинця мае соби однакови и черезъ те й пидхожа на вуркало. Посередыни цеи кисточкы прокручують чымъ небудь дирку, таку завбилшъ, якъ у горлатимъ решети. Потимъ зъ пряжи зсукують мицный мотузокъ аршынъ зъ чверткою удовшкы або що, щобъ два разы можно було протягты ёго у ту дирочку, що въ кисточци. Найбильшъ мотузокъ сучать зъ вовны, бо така мотузка дужче звукъ дае, голоснишa, якъ уже вуркотыть на вуркали. Протягать мотузку треба такъ: ущылыть край мотузка у дирку, що въ ки-

---

[1]) Пидхожу.

сточци, и протягты до половыны, не бильшъ, а тоди цей самый же край обвесты по-за кисточкою, та протягты у ту саму дирочку, тильки зъ другого кинця, и звьязать обыдва тоди кинци до купы. Тоди надить петли зъ обохъ краивъ на пальци зъ одного краю на одну руку, а зъ другого на другу и, не дуже натягаючы, махать кругло по мотузку кисточкою. Мотузокъ скрутытся, трохы не до пальцивъ,—тоди потягты цупкишъ мотузку въ рукахъ и тильки що натягты, щобъ не вспила и стать, заразъ попустыть; та й знову не дать ій стать и заразъ же й тягты, то натягать то попускать усе,—а вона то роскрутытся то закрутытся, то роскрутытся то закрутытся, и такъ довго, покы завгодно іи то натягать, то попускать, то скоришъ, то повагомъ, а вона все вуркае, вур-вур-вур-вур... И дуже, на всю хату стане вурчать; зъ вовны мотузка ще дужче буде вурчать. Дитей малыхъ усе пидманюють цею забавкою, щобъ не росплакалось, а пидросткы то й сами цею цяцькою забавляются. Мотузка, якъ перегорыть, що дуже пею труть, то друга й наготови вже буде... Бува до языка котре попробуе прыторкнуть мотузокъ, якъ саме вуркають,—то ажъ дрыжака схватыть, такъ пройме по тили людыну.

5. **Вуркало (гудокъ).**

(Зъ дерева).

Йе вуркало зъ деревыны роблять. Узять такый ципокъ и зробыть зъ его довге пужално. Тоди узять дощечку зъ сосныпкы, або будь-ли зъ чого и выстругать гладенько. Дощечка зъ пивъаршына, або бильшъ щобъ була. Не шырока—ушыршъ пальцивъ у два, або й у тры. Тоненька—утончъ трохы товща одъ соломыны-цивкы, бо якъ товста—не буде дуже вурчать. На ій зробыть у краи заризку; та добрымъ мотузкомъ звьязать іи за заризку зъ пужалномъ тымъ за шыйку, а тоди й вертить, пиднявшы въ гору дощечкою, кругомъ пужална у воздуси, то дощечка крутытся й вурчыть такъ само, якъ и зъ кисточкы вуркотело,—тильки дужче. Це вуркотёло диты швыдче роблять, бо ёго зробыть легше, колы-жъ у хати нымъ гратьса не дають, бо й тисно, й киптягу пиднyма велыку дитвора, якъ нымъ граетcя.

Горобцивъ имъ добре обгонять коло пашни, або коло садка. Ставлять у пашни, то витеръ самъ нымъ гойдае й птычокъ лякае. А якъ хто зъ дитей стереже пашню, то саме воно бигае зъ вуркотёломъ цимъ, та й вуркотыть. Горобци чують, та й злитають зъ пашни. Такъ само и въ садку ягоды стережуть.

6. **Пукалка** (**стрелька**).

(Зъ дерева).

Зъ бузыны, або зъ калыны выриже цивку товсту. А въ середыни бузына й калына—порожня деревына. Якась потеруха тамъ замисць середовыны деревьянои. Ривну таку цивку выриже одъ колина до колина. Завдовшъ у пьядь, або й у пивторы; зъ середыны выпхне тоненькою палочкою зъ мицного дерева ту потеруху зъ цивкы и добре вычыстыть. Отъ дудка ця уже й готова. До неи ще треба штомпиля та клочча (перепрядивъ). Штомпиля робыть зъ ривного, мицного дерева (ясеныны, або що), палочкы, довшои одъ дудкы на цилу долоню. Цю палочку—товщу трохы одъ дудкы, покы у рукы взять, зоставля, не зменчуе, а дали вже зариже и выстругуе потончъ, щобъ якъ разъ у прыпорціи увійшло въ дудку. Клочча въ хати йе багато, якъ прядуть, и воно ричъ не шкидна въ хазяйстви. Его треба помочыть, щобъ вохке було добре. Увирве ёго трохы, пожуе въ роти, щобъ змицныть дужче, та тоди й упыхае у дудку штомпилемъ, такъ якъ разъ якъ у рушныцю клейтухъ. Допхае до краю дудкы, та й стане. А треба, щобъ тисно йшло клочча у дудку, це буде «куля». Тоди другу «кулю» зъ клочча тежъ тисно пхае штомпилемъ у дудку. До половыны допхае та й покыне такъ. Це вже пукалка заряжена. Отъ, якъ хоче кого злякать, або похвастать передъ кымъ (диты передъ дитьмы частій), то мыттю пожене штомпиль до краю и не допхае, якъ перша «куля» выскочыть и хлопне, выскочывшы. Пукае часомъ и дуже такы чутко,—нарошне за-для цёго и добыраютъ и дерево лунасте (кленыну) для дудкы; а якъ изъ бузыны роблять дудку, то выскаблюють дуже и высушують, щобъ одляскъ йшовъ.

якъ пукне пукалкою:—луна щобъ ажъ пишла! Така пукалка и дорожша одъ нечуткои. Разъ стрелывшы, глядыть, де «куля» впаде. Знайде и за-друге іи заряжае; а якъ пропала, то перепряды у пазуси готови на другу,—новеньку «кулю». Цилятся попасты у що небудь. Часомъ и викно бувае выбье, часомъ и сыняка набье кому. Тымъ-то цю забавку зъ хаты выряжають часто. Маленьки диты до неи не дуже лыпки, а вже бильши, то черидкою за пукачемъ ходять и кожне просыть дать и ёму пукнуть. Штомпиль треба, щобъ бувъ на одну кулю коротчый одъ дудкы, бо обыдви будуть кули вылитать, якъ ривный буде, и не стрилятыме.

7. **Сцыкавка (спрыса)** [1].

Такъ само робыться якъ и пукавка. Тильки штомпиль на кинци не зризуется, а ще краще и щилнище прыпускается у дудци и насылу въ дудци ходыть. А якъ слабко, то й прымотують або ганчирочкою, або перепрядамы. Штомпиль, де рукою брать, товщый одъ дудкы трошкы, а те, що въ дудци, те выстругуется слабко, а вже кинчыкъ штомпиля (винъ не довгый—зъ наперстокъ чоловичый удовшъ) то якъ разъ у щерть прыпускается. Отъ, упхне увесь штомпиль у дудочку, устромыть у воду (часомъ у кухли й носыть за собою) и тоди тягне штомпиль назадъ, а вода й набывается у дудку. Дотягне до половыны дудкы, або и бильшъ, та й стане. Це вже сцыкавку зарядывъ—щытать. Отъ, якъ хоче посмишыть усихъ—то нажме на штомпиль у передъ дуже, прометтю. Вода сцыкне на кого влучыть. Хто сміется, а то й плаче, якъ попаде водою. А вси, кого не впопавъ, регочутся: «а ну ще!» «а дай я!». Усякъ зацикавлюватся сцыкавкою. Покы ажъ набрыдне нею забавлятся. Малымъ дитямъ вона й вовси не играшка. Частишъ роблять дудку зъ чопыкомъ на кинци (пробкою), а въ чопыку якъ разъ посередыни дирочку, якъ шыломъ прокрутыть. А штомпиля (шпиня) краще робыть зъ заризкою на кинци

---

[1]) У Сквырському повити.

и намотувать прядывомъ. Зъ бугелы дудку ще краще брать, бо тамъ йе готове колинце (пробка)—провертить тильки дирочку.

8. **Швыгалка.**

Налиплять на палочку, таку завтовшъ якъ зъ ликоть, смолы, наобдераюють коло колесъ, якъ возы стоять. Та гарно оброблять, выважать у руци, щобъ ще й замашна була. А тоди по черзи и швырляють въ гору дитвора. Хто выще выкыне, усе добываются. Або й нызомъ, хто дали закыне. Хто зъ усёго гурту найвыщъ и найдальшъ кыдавъ, тому завыдують и той самъ погоржуется. Усякъ соби хоче кращымъ буты.

9. **Праща.**

(Зъ реминякы).

Ремишну таку пошыють калытку наче. До неи до дна прывьязують мотузокъ, або й реминчыкъ. У неи (у калытку тую) кладуть круглый, браво оброблений каминчикъ. Замотавшы край ремінця за руку мицно, розмахують калыткою зъ каминцемъ и якъ уже выважывшысь добре, швырляють у-передъ, або вгору. Каминець зъ пращи дальше буде летить. Тильки тутъ треба мытця доброго, бо не всякый це й зробыть. Треба зловчуваться упередъ. Кажуть, якъ хто, то й птыцю на литу дожене нею—тильки треба дуже щилно, щобъ прыйшовся въ пращи каминець. Ремииччыкъ, бува, накручують на руци на ливый бикъ, якъ хотять роскручувать на правый бикъ. Якъ роскручувать, то каминець ще буде держатся въ пращи, бо винъ тисно въ ній упхнутый, а вже якъ до краю розмотается ремиичыкъ, та якъ сипне добре, то каминчыкъ тоди вмыть вышвыгнется и далеко долетыть и дуже вдарыть. Зручъ такъ не швыгне нихто.

10. **Праща.**

(Зъ дерева).

У палыци, у замашній, одъ половыни іи, выризують ярокъ. У ярокъ цей вкладають круглый, браво оброблений каминець;

кладуть у ярку одъ краю ярка, що въ середъ палыци почынается. Метко треба махнуть палыцею, щобъ каминець вмыть посунувсь, або покотывсь по яркови тому; , и вже якъ выскочыть зъ ярка, то щобъ летивъ куды направлено зразу ще. Хто не зважытся, то й тутъ не гараздъ швырне, а хто зловчытся, та ще й удаль до того мае, то такъ метне, що й окомъ не скынешъ,—такъ каминець той пиде швыдко й далеко. И заздрощи беруть, якъ хто уміе нымъ гараздъ орудувать.

11. **Дзыга (веретено).**

Выробыть зъ доцечкы колесце—у краяхъ воно тонче, а до середыны усе товще робытся, шобъ мицнище и легше воно було. Якъ разъ посередыни колесця выдовбують дирочку—краще якъ вугласта буде, бо не такъ швыдко въ ій стане повертаться веретено. У цю дирку й уроблюють таку палычку, чысто, якъ веретено: зъ одного краю тонча и все товщъ иде ажъ до другого кинця, а пры самому кинци закругляется другый край и трошкы стончуется. Саме де найтовщи, тамъ прымиряется до диркы и щилно прыпускается у колесци на самымъ товщимъ мисци и прыплишуется мицно, щобъ не спадало. Писля цёго узять мижъ долони довшый край, здавыть добренько долонямы и потягты одну у-передъ, а другу назадъ; тильки швыдко потягты долони и пустыть дзыгу до долу, або на пилъ, чы й на стилъ, де ривного багато мисця,—то дзыга тоди закрутытся дуже, стане на мисци и вертытся соби, та гуде на всю хату, якъ велыка. Чымъ дужче потягты долонямы и чымъ жывише пустыть іи, тымъ краще завертытся вона и дужче загуде. У хати вси прытыхнуть, та слухають іи и дывлятся на неи. Бильши диты сами соби пускають дзыгу, а меньшымъ бильши пускають. У хазяйстви и ця играшка якъ колы корысна. За верхній край прывьяжуть нытку, або й мотузокъ, та й сучать: дзыга крутытся и нытку зсукуе. Черезъ це іи звуть и веретеномъ ще.

12. **Дзыга-играшка.**

Ще роблять инчымъ способомъ дзыгу: беруть оцупочокъ деревьяный, оброблений на чотыри вуглы—товщыною у вершокъ,

або що. Недалеко одъ краю вывирчують дирочку такы велыченьку, просторну и круглу. У-пилъ пошты мєнчу провирчують дирочку зъ боку, якъ разъ, щобъ середына іи стрилась зъ середыною першои диркы. Одъ цихъ дирокъ одступыть трошкы и геть оцупочокъ той застругать, абы въ руци добре ёго державъ було. До цёго ще треба зробыть и шапочку таку. Половына верхня щобъ була шыриченька и товстенька и уся кругла—якъ и шапка бувае, а одынъ бикъ тупый заризуется и якъ разъ середына палочкы зоставляется и загоструется, щобъ увійшла у ту бильшу дирку и достала наввылитъ, а шапка, щобъ була уравни на товщыну зъ оцупочкомъ, де диркы саме продовбани. Кинчыкъ шапочкы—шпонька, загоструется и закруглюется, щобъ гарно було окручуваться; якъ закрутыть іи. А щобъ закрутыть іи, то увесь пошты цей кинчыкъ, уся шпонька, сказать, умотуется у мицну нытку, або въ шпагатыну, въ дратву, або що, дóты, абы слабко такы увійшла у ту ширшу дирку. А першъ, якъ укласты іи сюды, то той край, що недомотаный на шпоньци (зъ пьядь удовшкы) кризь велыку дирку прошыляется у правый бикъ меньшои диркы (або у ливый—якъ хто хоче) и протягуется, а шапочка уже потимъ уставляется, заразъ за цею ныткою. Якъ слабко намотано на шпонци, то зверху за шапку крутять, щобъ ще пидмотать, а якъ туго, то одкручують назадъ, то воно й послабша. Стане у прыпорціи саме, тоди за той кинчыкъ, що высыть зъ маленькои диркы, шарпнуть добре и швыдко, спустыть до-долу, або на яке друге ривне мисце, шапочку зъ оцванка того. Мотузочокъ у руци зостанется, а шапочка на шпоньци буде якъ несамовыта вертиться и густы, дзызчать. Дзызкотыть довго.

Цю дзыгу диты довго запускають, бо іи легше запустыть, якъ ту, що прядуть на ній. И чогось краще люблять іи. Оцю шапочку на шпоньци уміють у пальцяхъ закрутыть и пустыть по ривному крутыться,—колы-жъ це не такъ нравытся, якъ запустыть іи ныткою. Тыеи-жъ дзыгы, що ото зверху ривна, а одъ горы усе у ныэъ круто загоструется, що ото батогомъ іи ганяють поперѣдъ себе на земли,—то не люблять. А кацапчукы по городахъ дуже нею потишаются.

13. **Журавель (клацалка).**

Выготовляють дощечкы удовшъ зъ пивъ-аршына, шырыною пальцивъ у два, и тоненьки, якъ у пивпальця одного. Хто хоче бильшого журавля, то тоди и дощечкы бильши; а хто меньшого, то меньши й дощечкы. Дощечокъ треба найменьшъ зъ десятокъ, а то й зо два,—то буде довшый и хымернишый. У кожній дощечци робытся тры дирочкы—уси щобъ до миры ривни булы и на однаковимъ мисци одна одъ одной булы. Перши дви дощечкы роблятся зъ держалнамы (трохы довши будуть одъ усихъ), а останни на кинцяхъ зарублюются фигурамы усякымы—найскоришъ птычымъ, журавлевымъ носомъ. Якъ выготовлени будуть уси дощечкы, то тоди збывать ихъ у порядокъ: перши дви на охрестъ посередыни сбыть; такъ другу, й третю и останню. Выйдуть наче перехрестя накосыну̀. Тоди одно перехрестя прыкласты до першого—кинци до кинцивъ и збыть по дирочкахъ, до другого—трете и такъ до останнего. Останне повернуть носамы впередъ. Позбывать на дирочкахъ на-ослаби. Якъ узяться за держакы рукамы першого перехрестя, та рознимать ще дужче, то вси палочкы збижатся до купы и буде таке, якъ гармонія на[illegible]. Отъ и носять ёго за пазухою диты. Якъ треба кого злякать, або ущипнуть, щобъ не догадався й звидкы ёго й зачипають, то вытягнуть ёго и за держална жыво прыдавлюють, наче до миста ихъ зводять,—то уси перехрестя такъ и стрыбнуть упередъ и носамы остани клацъ кого-небудь. Щобъ смишнишъ було, то норовлять клацать за носа кого-небудь, або за чуба. Дивчатъ за косу. Диты мали довго боятся ёго у рукы браты, ажъ покы то обизнаются зъ цяцькою цею и обсмилятся нею и другыхъ лякать, хто ще неляканый нею бувъ.

14. **Пыльщыкъ.**

Зъ деревыны выробыть, якъ хто зъуміе, чоловика завбильшъ хочъ и въ цилый ликоть. У пузи провертить дирку, забыть у неи килокъ, у другимъ, тупимъ краи, трохы плысковатый, и въ цимъ кинци продовбать дирку угласту и вкласты въ неи и прыплишыть

гараздъ деревьяну пылку. Іи легко зробыть. Вкладать однымъ кинцемъ и повертать зубцямы до чоловика, а другый край пылкы, що внызу,—треба тежъ застругать и на ёго надить и прыплишыть мицно булаву зъ дерева—такый одризокъ. Треба добырать до сылы чоловика и булаву, щобъ выважено було добре. Оце й готовый пыльщыкъ. Щобъ винъ самъ соби пылявъ, ставлять на лаву, або на пилъ зъ краю, щобъ ногамы стоявъ на лави, а пылкою спустывся нызче лавы (черезъ це й пылку роблять у-двое довшу одъ чоловика). Тильки погойднуть за пылку, або за голову цю забавку,—вона й почне хытаться на ногахъ и все хытаючысь выляе. Хто зважытся робыть ци пыльщыкы, то вже такъ уважыть зробыть, що разъ похытнуть, а винъ и не перестае, та все пыляе, Тильки хто ёго ставыть—уси диты заразъ и збигаются дывытысь на ёго. Прыкладають пальця до пылкы, чы дуже пыляе пылка,—доты заглядають до ёго, покы й звалять. Тоди знову ёго направляють. Переносять ёго съ хаты въ хату, де йе диты, и ще й тамъ позабавляются, покы й разломають. Йе що ще й люльку въ зубы вправлять пыльщыкови. Усякъ ёго обквичують, обмережуютъ, щобъ такы й дывытысь було на-що.

15. **Ковали**.

Треба робыть у самый передъ двохъ чоловичкивъ-коваливъ, бо це саме найтруднише браво выробыть. Хочъ одъ такыхъ забавокъ ножамъ и лыхо, та проте нихто не вборонюе дитямъ брать ноживъ на це дило, хиба дуже ще мали диты. Але покы пальцивъ не пориже, дόты не вмитыме й мастрювать. А кортячка бере кожного, щобъ выробыть якъ найкраще. Зроблять коваливъ и звисно зъ довгымы ногамы, шыроко розставленымы,—заразъ выстругують дви, на чотыры ривни вуглы кожну, дощечкы, або палочкы, якъ отъ у школяривъ графчыкъ. Більшъ пьяди довшыною, щобъ булы якъ хочется не велыкыхъ коваливъ. Хочъ и ривни ци квадратыкы, але складать ихъ треба не ривно одынъ на другому. Треба одзначыть на одному стилько, якъ рукою взятся, и на другому стилько само; отъ тоди й покласты одынъ на одынъ и втулыть мижъ ногы обомъ коваламъ и попрыбывать цвяшечкамы

деревьяными зъ однои ногы у другу той и другый квадратыкъ. Такъ и въ другому ковалыкови. У ногахъ мицно позаплишувать гвиздкы въ усихъ чотырехъ (або й у восьмы мисцяхъ), а у квадратыкахъ—въ усихъ чотырёхъ мисцяхъ буде на-ослаби гвиздокъ управленый. Якъ потягты двома рукамы за два кинця квадратыкивъ, то одынъ коваль назадъ похылытся, а другый до ёго нагнется, а якъ здавыть у рукахъ ти кинци, то павпакы—той що наклонявся, назадъ одхылытся, а вже ёму той другый поклонытся. Такъ можно швыдко робыть, то ковали ти швыдко будуть одынъ одному кланятся. На верхнему квадратыку, якъ разъ на середыни межъ ковалямы, уроблюють столыкъ--одризочокъ маленькый зъ дерева—кувадло. У груди ковалямъ управляють молоткы деревьяни. Теперъ, якъ захытать нымы, то воны ще й закують молоткамы по кувадли. Такъ застукають навпереминкы, що ажъ чудно стане. Сміются диты и жартують зъ нымы, пидкладаючы або пальця, або насинyну, щобъ розбылы ковали. Звисно, йе таки скусныки, що такъ выробыть цихъ ковапивъ, що й у рукахъ держать молоткы и ще й хукае, якъ бы по кувадли. Кажуть, що ця забавка не дуже старынна... Якъ дытына показуе кому зъ старыхъ играшку цю, то дытына, якъ воно куе саме нымы, ще й прыспивують ковалыка: «коваль коваля черезъ ногу валя». Воно прыспивування й скризь поводытся, але бувае й коло выграшокъ.

16. **Салдатъ.**

Дитямъ и то дыковына, якъ москаль муштруется. Имъ и цее показують. Выроблять зъ дощечкы, або зъ палятуркы гарного салдата, ногы прыроблять у перепилахъ саме (а колы то въ колинахъ) на гвынтахъ, шобъ тылипалысь, якъ узять за чуба москаля. У голову москалеви уроблять якъ разъ у тимья дротыну, або палычку тоненьку, довгу,—а то й нытку прыбьють до тимья; а тоди за край ныткы, або дротыны беруть та й прыказують муштры салдатськои «на права, на лѣва». Та и повертають нымъ. А потимъ якъ замуштрують тропака навпрысядкы,—ажъ не стямытся, таки выкрутасы робыть та танцюе. А диты регочутся, ажъ за жывитъ

берутся. Йе ци салдаты таки выроблени страшни—у кыверяхъ та размалёвани у кавалеріи усяки. Та ще й рукы трипаются на гвынтыкахъ, и очи мыготять. Теперь дуже вже мудрять, якъ выроблюють москаливъ цыхъ. Та й уся ця забавка недавня ще.

17. Млынокъ.

(Зъ очерету).

Выбрать браву очеретыну—ривну и не дуже товсту—и одризать зъ неи дудку одъ колинця до колинця,—тильки зъ одного боку колинця не одризувать. До цеи дудкы одризать дудку другу зъ обома колинцямы и товщу одъ тіеи, шобъ та въ цю влизла. Воны будуть удовшъ ривни. Теперъ ту товщу, шо зъ двома колинцямы, пополамъ перерізать,—стане дви товстыхъ и короткыхъ. У ихъ коло колинцивъ саме попроризувать наввылётъ (черезъ усю товщызню дудкы) диркы—таки якъ разъ, шобъ перша довша и тонча дудка увійшла щильно у ихъ. Звисно мирять треба. Отъ теперъ и надить на довгу тонку дудку спершу одну короччу и довщу дудку, ажъ коло самого колинця, а потимъ и другу и поставыть на середыни. Це одна справа.

До цеи справы ще й другу треба. Треба до цёго прыпарату робыть и самый млынокъ; тежъ зъ очерету выризувать треба дви дудкы удовшкы трохы (або на цилу половыну) короччи одъ обохъ тыхъ, шо надити вже на довгу, а утовшкы таки, шобъ одна въ другу влизала, и у товщи посередыни наскризь проризать дирку и уткнуть у неи до половыны другу тончу дудочку. Выйде бравый хрестъ. Сколюють ёго посередыни дрязочкою зъ очеретыны (оскилкомъ).

Теперъ вымирять треба, шобъ прыйшовсь цей хрестъ—млынокъ мижъ дудкамы на прыпарати, и въ дудкахъ тыхъ, де прыйдется саме, проризать диркы; протягты у хрестъ выструганый валокъ (палычку) и заложыть у ци диркы кинци валка. Пидъ самымъ хрестомъ у тій найдовшій дудци выризать щырбыну (дирку зверху тильки). Млынокъ готовый. Шобъ моловся,—треба ротомъ студыть (дуть) у край велыкои дудкы, де колинця немае. Млынокъ

розмелется и буде галасать на вси заставкы. Кожне зъ дитей бере и дме, покы не втомытся.

18. **Млынокъ на хвостивныку**.

(Зъ дерева).

Млынокъ на хвостивныку—се найлюбымиша забавка по всихъ дворахъ, хоча-бъ де и дитей не було. Изъ давныхъ давенъ винъ поводытся. Разъ що гарно на ёго й поглянуть, а друге, выдко по ёму куды й витеръ віе. Якъ у дорогу йихать, то вже й выглядають, колы за витромъ буде. А то, кажуть, мій двиръ боится того двору, де млынокъ торохтыть. Роблять ёго такъ. Выстругують дощечку завбилшъ, якъ кому хочется. Якъ разъ посередыни провирчують дирочку. Такъ якъ на палець зъ обохъ бокивъ коло дирочкы цеи поступаются и проведуть уширъ дощечки ярочокъ—зъ того й зъ того боку дирочкы; а одъ ярка все до краю дощечку зризують на косыну у одынъ бикъ. Тоди край другый одъ ярка, що колы дирочкы, зризують тежъ на косыну, тильки вже инчу сталку. Якъ уперёдъ ныжчу зризано, то теперъ вже выщу. Такъ зъ обохъ бокивъ дощечкы. Зробытся такъ само, якъ и у витряка справжнёго рамына. До цыхъ крылъ (рамынъ) роблять хвостивныкъ. Выроблюють ёго, якъ кому прыйде у голову. Найлегше, якъ узять его робыть зъ ривнои палыци. Палычку у однимъ краи зарызать на чопыкъ, якъ шыя у пужальна, и головку цю (булавку) треба такъ прыпустыть, шобъ насылу велыку вона пройшла у ту дирку, що въ крыли,—це шобъ не спадало й витеръ, якъ рвачкый буде, не зносывъ зъ хвостивныка, и щобъ не прыстромлювать прытычкою, бо не буде якъ на слободи крутыться крыльцямъ. У хвостивныку провирчують дирку и въ неи управляють воряку—такый велыкый дрючокъ, якъ бовтъ або що (жорсть)—и прывьязують воряку цю коло воритъ, або коло тыну. Дирку на ворякови у хвостивныку такъ завдольшкы одъ крылъ вертять, шобъ объ неи крыльця не чипалысь. На воряци чипъ той, що вправляють у сю дирку, повыненъ буты на ослаби у дирци, шобъ усе витеръ его самъ и повертавъ, бо хвостивныкъ такый ззаду

бувае, шо непремипно за витромъ стане, а крыла будуть проты витру. Йе, що прыбывають и паглуху хвостивныкъ до ворякы, то тоди вже треба на витеръ самому повертать млынокъ. Диты часомъ то сами и носять ёго проты витру, усе йдучи, або й бижучы; туды, куды якъ повернуть, то млынокъ мелется. Чупрыны такъ и маёрять у хлопчыкивъ, а воны проты витру бижать зъ нымъ' Щобъ ще дужче маныло дитей, до хвостивныкивъ чипляють выкраску яку небудь: куныци зъ очерету, гапчирку—хай маёрыть Пивня зъ дощечкы, або зъ лубка выроблять и на хвостивныку прыбьють. Шо выдумають!

Выстругують и двое крылъ та навхрестъ збывають и надивають на хвостивныка, щобъ роскишный бувъ млынокъ и дужче ще вертився на витри, а якъ немае витру, то диты, бижучы; й сами гонять витеръ.

19. **Млынокъ (на валкови).**

(Зъ дерева).

Кортыть дитимъ рясншиого млынка. Тоди роблять на валкови. Спершу беруть довгу палыцю. Товшый кинець іи зстругують на дощечку. Продовбають у ній чотыри вугласти дырочкы. Четверту, саму верхню, скружлюють трохы и проризують у гору до самого краю. До цеи роблять другу таку саму дощечку изъ такымы дирочкамы. Верхня тилько не проризуется и круглиша; збывають тоди ихъ трома щаблямы у угластыхъ диркахъ мицно. Зъ круглои дровынячкы робытся тоди валокъ, трохы довшый одъ щабливъ. Круглымъ чопыкомъ укладають у дирочку круглу; а другый кинець роблять шыйкою дило и вкладають у проризану ажъ до горы дирочку. На цю шыйку надивають у кинци крыла, четверо або й шестеро, и уроблюють такъ само, якъ и въ млынку на хвостивныку, тилько тутъ до шыйкы прыбывають ихъ и не воны крутятся на валку, а самъ валокъ крутытся на витри. Дитямъ ця забавка не такъ скванна, якъ хвостивныковый млынокъ,—отъ и тутъ шобъ було чымъ поцикавыться—уроблюють ступы. Першъ у ти тры щабли посередыни удовбують таки вуха диряви (дощещкы зъ выдов-

баными у ихъ диркамы на 4 вуглы). Пидъ нымы подставляется ступа—таке якъ ковганка выдовблюется у щабли найнызчому. Кризь ти вуха у дирки пропускается стовпець, загостреный у нызу (товкачъ), у саму ступу достае. У товкачи противъ валка уторчъ удовбуется дощечка, а у валку противъ неи якъ разъ удовбуется чальма (така товстенька дощечка) на обыдва бокы валка и пускается такъ завдовшкы, шобъ и тымъ и тымъ кинцемъ зачыпала дощечку въ товкачеви, шо проты неи якъ разъ. Одъ витру валокъ крыламы покрутытся и чальмою зачипае товкача. Зачепыть, пидниме въ гору, тоди спустыть, товкачъ гопне, а тутъ заразъ и другый кинець чальмы его пидхоплюе и пускае, и безъ перестану такъ усе гупае. Шобъ гупання ще бильшъ було, вроблюють такыхъ самыхъ ступныкивъ два и тры. Пидставляють дви й тры й ступы, насыпають писку, якъ мелется млынокъ, а то ступы й непотрибни пидъ товкачамы, а цикавиши сами товкачи, якъ воны навперегонкы пидлитають и стукотять. Бидни диты и поснуть, ждучы, колы то вже ти товкачи угомонятся и стануть.

20. **Млынокъ на води**.

(Зъ очеретыны).

Дудку очеретяну зъ обома колинцямы велыченьку росколоть посередыни уздовшъ на чотыре ривни части. Зъ очерету понаколювать шыроченькыхъ ривныхъ одна зъ одною очеретынокъ. А тоди й закладать у росколыны такымъ порядкомъ: одну очеретынку запхнуть на половыни дудкы за першу (яка попадется) щилынку у дудци. Усихъ щилынокъ чотыри, отъ якъ закласты у одну щилыну, по пидъ одною сталкою, то очеретынка выйде у другу, якъ разъ по половыни; тоди другу очеретынку впоперекъ у другу щилыну пропыхають. Выйде наохресть. Теперъ пидрядъ отакъ утыкать трохы не до колинець усю дудку. Млынокъ готовый. Тилько де вода пидъ дощъ, або на весни, бижыть ричечкою,—диты бижать зъ млынкомъ на воду, загачують спускъ, ставлять сишкы дви, а на ихъ кинцямы дудкы млынокъ кладуть. Вода бижыть и зачипается за крыла (очеретынкы) и меле. Але зъ водою гирше бороться, якъ зъ витромъ. Вода и сишкы выносыть и

млынка затоплюе. Морокы немалои, покы выставлять скилько тамъ штукъ такихъ млынкивъ! Иноди валкомъ становять на загату зъ снигу (на весни) або зъ калу (у литку): сипокъ тоди не треба и довше подержытся млынокъ.

21. Млынокъ павучокъ.

(Зъ соломынкы).

Якъ граются у соломи, або въ пашни диты, то шобъ такъ не обійшлось, шобъ чого не выдумать, выдумують павучкы-млынкы: зъ товстои соломынкы безъ колинець одломыть цивочку пальцивъ у чотыре удовшъ: на пивтора пальця, або й меньчъ трохы, обыдва кинци на шестеро, або й на четверо поросколюе. У роти помочыть, шобъ вохке було й гнучке, не ламалось. Тоди росколынкы позавертае у бокы. Выйде таке, якъ павучокъ. Тоди у цю соломынку устромлять тоненьку, одъ колоска, стеблынку—довгеньку таку. За обыдва кинци іи возьмутся та й дмуть губамы на павучокъ,—то винъ и мелется. Его й на води ставлять такъ само, якъ и очеретяный на сишкахъ. Тильки цей ше швыдче ламается на води. Дмуть, шобъ не перестававъ вертиться, по черзи вси, хто йе. Набрыдне дуть—закынуть.

22. Павучокъ.

(Зъ соломы).

Выберуть таку соломынку товстеньку, шобъ одъ колинця йшла зъ пирцемъ. Тильки треба шобъ пирце було не зломане ще,—воно на всякій соломыни повынно буть. Одрижуть соломынку одъ колинця у передъ, де немае пирця, такъ якъ зъ палець,—а сюды де йде одъ колинця пирце попускають багато, скилько можно. Той кинець, де немае пирця, росколять на четверо, або що, росколять такъ, шо й колинце поросколюють и ще трохы й за колинце, росколюючы й пирце те. Якъ се гараздъ зроблять, поламають вьязы, де саме росколыны кинчаются. Ливою рукою прыдержують довшу стеблыну, а правою—то назадъ то впередъ совають по соломыни пирцемъ, ще не помьятимъ. Тоди росколыны ти то рознимутся,

то зступлятся. Якъ рознимутся, то хватають за носа кого-небудь, або просять языка пидкласты. Хвабрини не боятся, бо вонo не сыльне, шобъ здавыть дуже, а де яки недогадлыви та труслыви — тикають. Пирце, якъ часто хававкать павукомъ, швыдко пивечытся и сама забавка залышается.

23. **Павучокъ зъ соломкы**.

Одрижуть на товстенькій соломыни зъ колинцемъ такъ якъ зъ два пальци соломынкы. Порозризують, до колинця тильки трошкы не доходя, соломынку цю на скилько можно частынокъ, шобъ багато и тоненькихъ було волосынокъ цихъ. Тоди помочать у роти, шобъ за водою не йты, и якъ уже не крахка буде соломынка ця, позагынають ци волосынкы такъ, якъ у павука ногы: сперше коло колинця шыроко розставлять,—ажъ у гору позагынають: зъ половыны назадъ позаламлюють—у середыну. А на крайкахъ знову у бокы поодвертають потрошкы, та й пустять на лаву, або й на землю, а тоди котре зъ дитей постудыть пидъ ёго, то винъ—стрыбъ, стрыбъ! Дужче дмуть, то частинъ и дальшъ пидстрыбуе винъ. Якъ маленькыхъ дитей такихъ шо годъ и по два, то ще й лякають нымъ,—покы не обзнаёмытся гараздъ. Часомъ уси якъ почнуть пиддымать пидъ ёго, то винъ и мисця соби не знайде, такъ стрибае,—якъ колы, якъ зъ усихъ бокивъ на ёго дмуть, то винъ тилько те й робыть, шо плыгае на мисци! Такъ розгарячатся коло ёго, шо котресь и зо зла и ногою надавыть его. То винъ знову пиднимется; тоди вси зъ ногамы на ёго,—покы й зопсують.

24. **Змія**.

(Зъ паперу)

Недавня дитська забавка—змія. Колы-не-колы вона проявляется. Та й то або жыдокъ межъ нымы орудуе, або зъ городськои школы якый поповычъ або що. А тымъ часомъ и по пивдня диты не отходять одъ цеи забавкы. Сами часомъ іи роблять, якъ де паперу добудуть. Зробыть іи, шобъ готова була, легко, та

трудно вгадать, шобъ легка була на повитри, а ще труднишъ нею такъ правыть, щобъ пиднималась усе въ гору. Якъ уже й пиднимется дуже высоко, то треба уміючы й спускать, бо іи стягты трудно. Злипыть іи треба зъ бумагы на рямци такій. Зробыть зъ чотырехъ дощечокъ шыбку (рямку) таку на чотыри однакови вуглы. Навхрестъ зъ угла въ уголъ перебыть тежъ двома дощечкамы. Достать газеты и кругомъ облипыть. Буде таке, якъ кватырка у викни. За чотыри вуглы зачепыть мотузочкамы и якъ разъ посередыни кватырьки цеи ихъ докупы звьязать, а тоди да ихъ уси, де саме вузолъ, прычепыть хвоста, треба шобъ довгый бувъ и важкенькый проты зміи. Це вже треба шобъ угадать, вымирять тоди, якъ уже пускать змію, шобъ летила. Падае змія, якъ пидкынуть, легкый це хвистъ у неи; не здіймется у гору и не метко до долу (наче опукою) летыть, значыть трохы важкый хвистъ. Зъ другого боку тильки за верхни два кинци та за середыну зачипають тры мотузкы и до купы звьязують, тежъ на ослаби попускають, шобъ на пивпяди одъ змія[1]) пиднималось, а тоди й тутъ за середыну, якъ разъ, де вузолъ, прывьязують дуже довгу мотузку (шнурокъ зъ дратвы,—або шпагатыну, бычевку, сажнивъ на десять хочь. Тоди одынъ хто небудь бере змію за саму кватырку, одходыть и пиднимае выще себе скилько можно ставшы проты витру; а другый хто небудь бере у ливу руку (жмутъ) палычку зъ намотанною на неи шворкою (а ни—клубокъ), попустыть одъ себе змію, такъ якъ на сажнивъ два, и тильки шо той, шо державъ, попустыть, то той бигомъ проты витру. Змія й пидлитае. Отутъ и треба умить іи то сипать выльготно, помалу то попускать; то вона все буде пиднiматься въ гору и все зъ жмута веревочку ту попускать потрошку. Покы й усю роспустыть. Змія высоко пиднимется и маёрыть тильки хвостомъ Найкраще въ поли, або де на выгони хочъ, пускать змію, якъ не велыкый и не малый саме дме витеръ. Дитвора, де яка йе, збижытся

---

[1]) Мирять зъ двохъ вугливъ верхнихъ до середыны саме, а тоди зъ середыны межъ вуглами верхнимы прымирюють мотузку удовжъ до середыны усіеи зміи.

дываться и пускать змію. Хто скуснык пускать іи, то робыть велыку и пускае пидъ вечиръ у поли зъ лыхтарыкомъ зъ бумагы и зъ свичечкою; то воно й блещыть якъ зирка. Свичка згорыть, лыхтарыкъ папирьяный займется, искры до-долу посыплятся. Часомъ и змія згорыть тамъ. Понабигуются, понадывляются диты на сю выдумку и ждуть, покы ще зберуться на неи разъ. Школяри въ ій дуже кохаются.

Диткамъ маленькымъ вона не забавка. Попадуть іи хиба, то возять замисць возыка за собою. За-для бильшыхъ вона и забавка и дывовыжа.

Ще роблять іи прямо, безъ дощечокъ, зъ палятуркы. Скоришъ робыть іи и легше прыладнать усю до неи справу.

25. **Ходули.**

Зъ двохъ килкивъ, убильшкы зъ сажень, можно зробыть ходули, треба тильки у кожному увертить палычкы, зъ пьядь удовшкы и мицьненьки, щобъ не одломылысь, якъ стать на ихъ. Увирчують ихъ, хто якъ хоче соби, хто выще, а хто ныжче. На ныжчыхъ легше вывчыться ходыть. Зате краще дываться, якъ хто на высокыхъ ходыть и черезъ ли́сы переступае. Такый ходака у шаноби у всихъ, хто любыть забавкы.

Бувае, що хочъ увирчують у дрючечкы накосыну, а хочъ нарошне зъ готовымы довгымы сучкамы знаходять, и до половыны ти сучкы, або й килочкы, заплитають лызкою тоненькою, щобъ мягше на чоботы було, або й на ногы, якъ босонижъ ходыть на ходуляхъ, и щобъ, бува, нога не спрыснула,—бо на ривно увирченому килочкови у килкы опасно стоять, щобъ не посковзнулась нога й не зійшла зъ ходули и не довелось шкопыртака упіймать доброго.

Щобъ ходыть на ходуляхъ, хто ще не вміе, то ихъ упередъ ставлять до тыну, або до стины якои, щобъ спыною обпертысь объ що и ногамы стать на ти килочкы, що въ дрючкахъ. Ногамы якъ стать, то дрючкы, що йдуть уверхъ одъ килочкивъ, пустыть по-пидпличчю за спыну и рукамы взятысь, трошкы схылывшысь, за дрючечкы; стать, одвыхнувшысь объ що обпирався,

на ходули и заразъ же, й капли не постоявшы,—бо й не можно, не топцюючы хочъ на мисци, устоять на ихъ,—пидпимать разомъ и руку й ногу зъ ходулею, уперед одну, тоди другу, та й усе такъ робыть. Ступинь можно дуже здоровый зробыть и можно й маленькый. Далеко одъ того, що гнатымется на ходуляхъ, не втечешъ, та й винъ самъ далеко не зайде, бо рукы заболять скоро. Выловчуются на ходуляхъ ходыть швыдко.

26. **Дидъ (машкара).**

Дидъ—давня се выдумка, и хоча й часто роблять дида—не набрыдае. Часомъ и стари люде заманюются нымъ до гурту. За те жъ йе и докладають усякыхъ прымуцій, усякыхъ выдумокъ, якъ роблять дида и якъ уже прыставляють дида (граются). Выбырають сыву кожушыну зъ стрючастою довгою вовною, дуже ковтуновату. Прымирюють до выду: тамъ, де щокы й лобъ, выбреюють, а бороду и за́выскы покынуть. Вуса прышывають нарошне велыки добрани. Вовну на бороди розмычують браво. Де саме нисъ, очи й ротъ прыпадають, такъ вырызують до миры диркы. Дирочкы ци обшывають червонымъ сапьянцемъ, або червоною кытайкою,—якъ червоне, то найпидхожише сюды: якось и страшнише и лычыть дуже. Бровы зъ вовны выстрыгаются на кожушыни жъ, або й нашываются нарошне (усе щобъ не мале було) Зубы зъ обструганыхъ палычокъ зисподу прышываются.— Языка де треба—свого вставляе у ротъ той, хто прыставляе дида. Штукари йе такы, що зъ сапьянцю выроблюють и языка, и ще й немалого, щобъ якъ уже показать, то було що́. Хто надине сю машкару, то той и горба соби намощуе и зогнется у пьять погыбеливъ зъ костуромъ у рукахъ и, все шавкаючы ротомъ, гонытся, наче бъ то за дитьмы, що увгородъ, або до баштана лизуть, то за кымъ попало. Й гляды таке вычытуе у сварци, що такъ бы не выказавъ бы безъ машкары—й у голову не прыйшло бъ. А ни, то ворожыть про будущи годы. Про старовыну розсказуе, якъ то колы було и якъ теперъ йе и якъ ще й дали буде. Якъ по пысанію все вычытуе. Бувае, такъ гарно выробыть дида, не страшного,

якъ усе люблять ёго робыть, а настóяще пидроблюе, та такого, якъ десь угадька знають, або такого, що й у сели и нигде немае. За поворозкы, що коло кожушыны ажъ чотыри йе, щильно по-пидъ своимъ чубомъ увьяже и ще й шапку надине, або брыля, и увалытся у хату зъ торбою—старець наче бъ то. Зайде у одну хату и у другу й у третю, и зайде и у ту, де треба або на зло пид'весты, або одъ зла одвернуть, и тамъ и напророчыть. Люде й послухають, гляды; а тоди вже якъ увалытся, наче ненарокомъ де молодижъ збырается, якъ начне выказувать та врикать усякъ у свити, якъ зъ псавтыря наче, або зъ оракула якого. Гляды нарозсказуе й пиде, а гляды розсказуе-розсказуе, покы або вбрешется добре, або хто зъ гурту догадается,—тоди буде рахубы й розбору и реготу й бороння и штукъ усякыхъ, и вже те, що винъ навыказувавъ, попрылиплюють, до кого воно стосувалося.

Роблять дида й зъ конопель—зъ прядыва. Роблять и зъ сукна, нашываючы бороду й усы. А найзвычайнишъ изъ кожушыны. Диты нымъ, хочъ и мали, то забавляются и самою машкарою довго граются. Кожне соби ёго прытулюе до свого выду,—забавляется само й другыхъ забавляе. Бува й перелякуются диты й жинкы, якъ хто схоче налякать кого.

27. Баба.

(Зъ снигу).

Йе камьянни бабы,—по шляху, якъ де, воны стоять. Кажуть ще за гайдамащыны ихъ на шось понастановлено. Часомъ одна каменюка стоить, выду ніякого на ій немае, а кажуть «баба» (на неи). А тó диты йе вылиплюють бабу зъ снигу. Якъ снигу багато, товсто, та мягкый, на ногы берется, и злиплюется самъ, отъ диты кожне соби чоботомъ (ногою у чоботи) и суне купу снигу. Снигъ зводытся до купы,—хочъ и посыдить на ёму. Котыть, ажъ покы не подужа; тоди вже гуртомъ, скильки зійдется, и докотять одну бабу, тоди другу, третю, и такъ усихъ, хто де понакочувавъ. Тоди берутся уси, та на спидъ покладуть бабъ зъ чотыри, а на ихъ менчыхъ зъ чотыри, або тры велыкыхъ, а на ци—тры менчи, або двы велыки, а на верхъ цихъ уже выносять

одну довговысту снигову бабу. Поставлять тай выроблюють у ій носа, рота, уха, очи, плечи й закруглюють и голову, ій щей поясомъ обведуть у середыну (ярокъ выражуть навкругы у бабы). Де-яки повылазять наверхъ та й граются тамъ, штукъ докладають соби; а де-яки доли соби выдывляются на неи, покы надавлять кимьяхивъ у рукахъ зъ вохкого снигу (якъ отъ на-одтани стае), та давай жбурлять у тыхъ, що на баби стоять. А ти тамъ колупають, розвалять бабу. А бувае, що зроблять ще й бильшу бабу, рядивъ у пьять навыносять у гору. Браво оброблять, полюбуются та й пидуть. А баба та довго ще стоить. Снигу вже бувае не стане, а вона ще не розстала. Згадують, бува, ще й на другу зиму таку бабу. Школярамъ найкраще робыть, бо ихъ багато.

28. **Снижкы.**

Литомъ грудкамы та каминчыкамы у бой идуть диты. Одна пола (sic) кыдаются, влучають у другу. А зимою снижкамы. Злипыть, скильки въ жмени захватыть мокрого снигу, а тоди жбурляе. Чысто геть зберуть снигъ попередъ себе. Часомъ и сынякы понабывають. Коло школы найшвыдче у снижокъ пограють диты. Ся играшка десь коло школы наче й выросла.

29. **Кобзалка (скобзалка).**

Тильки трошкы прымерзло де у калюжи, або на ставу, чы й на ричци, диты заразъ и туды. Люблять по лёду гратьця, бигать, якъ винъ ще гнется. Розженется котре, поставыть ногу котору упередъ, стане, та й сунется по лёду, лидъ гнется, трыщыть, а кобзалныкъ соби дали йиде стоячы на ногахъ. Якъ витеръ йе, то ще й роспережется и розставыть полы, щобъ за витромъ ще й дали и скоришъ забигты. Часомъ и шурхне ногою, або й обоме (щукы ловыть),—то то байдуже. Сердятся, що лидъ нивечыть. Якъ де блызько немае воды мерзлои,—то пидъ морозъ и землю де въ балочци прочовгають чобитьмы, покы достануть до лёду, до крыгы, що въ земли. Тоди по крызи тій и кобзаются. Найхытришъ, якъ одне зъ одного боку кобзалкы стане, а друге зъ

другого. Розженутся, поскобзнутся разомъ, добижать назустричъ, схоплятся пидъ плечи, або навхрестъ, и тоди на мисци дуже закрутятся—се добре вдается на велыкому лёду. Часомъ по душъ десять на велыкій скобзавци станутъ одны протывъ одныхъ, та якъ стринутся уси въ купи—розбору багато! Що чоботамъ лыхо—се не счеть.

30. **Громакъ.**

Добре спускаться зъ горы санкамы, але не все воны и напоготови. А громакъ—заходывсь и готовый! не треба деревни зшукувать. Пишовъ на лидъ, вырубавъ зъ крыгы на леду велыку крыжыну, обкруглявъ іи, выцюкавъ у ій ямку, щобъ систы було въ чому хочъ трохы, продавывъ дирку зъ краечку де, та завьязавъ въ неи мотузкомъ, та й везы на гору и сидай спускайсь зъ горы, покы крыжына не розстане, або покы не розибьется. Що перекыдаться будешъ—се бува изъ усякымъ!

Немае ще товстои крыгы, а снижокъ уже йе, а спускаться схотилось,—у загороду до кизякивъ. Пидъ морозъ—такый самый якъ изъ крыгы, або ще й кращый можно вылипыть зъ свижыхъ товарячыхъ кизякивъ. Зъ дна тильки треба полывать водою, щобъ обмерзъ и слывкый бувъ. Се й довговишнишый и надежнишый громакъ! На громакови, правда, труднишъ устерныть, якъ на саночкахъ; такъ за те жъ винъ усе на справи! А стерныты треба выловчуватысь.

31. **Грынджолы.**

Щобъ спускаться на спускальци, треба мать громака, а якъ ёго ни зъ чого зробыть (ни товару у двори, ни воды у сели), то роблять саночкы маленьки—таки точъ въ точъ якъ и волови, тильки маленьки. Колы жъ ихъ ридко хто мае, бо трудно полозочкивъ добуты и треба майстернымъ буты, щобъ зробыть. А воно не всякый й батько майстеръ, не тильки малый. Отъ тоби шукають дви дощечкы у пивъ аршына шырыны и зъ аршынъ довжыны, затисують ихъ на косыну зъ одного боку, щобъ булы

похожи на полозкы, и трема щеблямы, а то й чотырма, збывають ихъ до купы, середній пыжче збывають, щобъ краще дыржаться було, якъ систы у крынджолы ци. За мотузку ихъ прывьязують и везуть на спускалку, де уси диты зибралысь спускаться. Въ сели не безъ косогору, а тамъ вопы пидъ спускалку уси.

32. **Громакъ-свыня.**

Зъ крыгы або й зъ кизякивъ роблять свыню, щобъ спускатысь можно було. Не круглый громакъ, а зъ продовговуватымъ посомъ буде такъ якъ цыганськый мишокъ и похоже на свыню. За кинець рыла зачыпають мотузочку и везуть; кажуть, стерпыть на ёму легше, якъ спускаться зъ горы.

33. **Конекъ.**

По крамныцяхъ йе готови продаются конькы—таки полозкы зализни (якъ пидризы у папськыхъ сапокъ); на ихъ йе гвынты, щобъ за закаблукъ ухопыть тиспо, и ремипци, щобъ за пидъёмъ, та коло пальцивъ до чобота прывьязать си полозочкы Папськи диты пымы все ковзаются по лёду, або по гололедыци на дорози або й по вгородахъ, по выгонахъ. Йе—бигають мыттю, що й конемъ не збижышъ. А прости, людськи диты дывлятся на ихъ та й соби—або хто дешевенького купыть, або найшвыдче зъ деревыны выробыть по своему чоботови якъ разъ, та ще й зъ бляшкою, або такъ якою зализнячкою пидибье зпызу, щобъ не швыдко зчовгувалось пидъ полозочкомъ. А то—то й безъ пидкування човгають, покы й зчовгають геть. Уперѐдъ учатся на одному, а тоди вже й на двохъ. Немае выроблепыхъ конькивъ—триска або такъ яка дощечка, щó буде напохвати, буде за конекъ—за полозочкы; стане чоботомъ на неи, та й суне по крызи, покы й згубыть. Тоди вернется за свое. Щобъ ся справа давня мижъ людськымы дитьмы, то сёго сказаты не можно. Давнишъ іи не зналы по селахъ и не манылы никого. А вже якъ школы гараздъ уже почалы заводыться—то школяри одъ учытеливъ переняли сю забавку соби. Велыки у селянъ не забавляются симъ, якъ отъ

у панивъ. Та й до малыхъ вона не прыстае: початгае, поялозыть по крызи,—та й берется за що инче.

34. **Крутилка**.

Збырается скильки тамъ хлопцивъ—чы велыкыхъ (парубкивъ), чы й малыхъ—затіють крутилку, якъ гарна зима стоить: морозъ и тыхо. Роблять іи такъ. На ставу прорубують ополонку, забывають у дно, ажъ у калъ, килокъ утовшъ такый, щобъ колесо зъ воза простого на ёго нализло и слабко ходыло, а увышъ, щобъ трошкы выще колодкы, що въ колеси (маточыны). Килокъ умерзне добре. Кругомъ килка на сажень навкругы обсыплють лидъ землею, або пискомъ, и ще й покроплять водычкою, щобъ прымерзло, витеръ не позносывъ—це за для того, щобъ не падать, якъ крутыть те колесо доведется. Саме на спыцяхъ, якъ тильки надинуть на дрючокъ, черезъ усе колесо и ажъ далеко, сажнивъ и на пьять удовшъ, увьязують мицно дрючокъ такый—«вырло». А до кинця цёго вырла прывьязують саночкы. Щобъ бигалы ци саночкы навкругы колеса, треба вертить колесо; повернется колесо и поверне до ёго прывьязаный дрючокъ, а дрючокъ потягне и саночкы, до ёго прычеплени. Щобъ легше жъ крутыть було колесо и везты саночкы,—укладають мижъ колесо, мижъ спыци, и зачыпають за колодку дрючкы—два, або й тры—и пымы ходять кружка по земли тій и вертять, такъ якъ млынъ наче повертають. На саночкы упередъ сяде хочъ и душъ два й тры, и одни сыдять на ихъ, други крутять—и санкы жыво обкручуются, а трети ждуть чергы, бо тутъ усе по черзи—и крутять, и йиздять, и ждуть. Колесо поманисеньку нога-за ногою вертять, а саночкы вже якъ несамовыти летять. Пидъ святкы ся забавка найбильшъ у моди.

Гулять идуть «на крутилку» уси гулящи—и стари й мали, и чоловикы й жинкы... Часомъ и безъ оказіи не буває: одлетять санкы, або перекынутся—далеко тоди одлетають одъ ихъ ти, що сыдилы у ихъ, або и такъ якъ згубытся который та и голову, гляды, занесе. Мали диты маленьку крутилочку соби роблять,—иноди якъ цяцьку тильки.

35. **Возыкъ („карета“).**

За-для дитей найкраща забавка возыкъ: якъ немае зробленого нарошне, то воны й сами зъ чого попадуть зроблять соби: корякъ за мотузку прывьяжуть, тай возять у ёму свои цяцькы, кошыкъ, навить и ваганкы або й дощечку. Черезъ те то дитямъ и роблять возыкы. Якыхъ тильки маниривъ немае на возыкы. Хто якъ выдумае: абы йихало, такъ и возыкъ. Звисно самый найоскомишный—се той, що въ ёму и дытыну малу можно повозыть, и прыбиръ та цяцькы ховать. Найзвычайнишый же, що найбильшъ поводытся—се возыкъ зъ лозы, зъ шелюгу, або й зъ якои инчои гнучкои деревыны. Матеріялу легко достать и робота незамысловата. Взять лозыну завдовшъ аршынъ $2^1/_2$; у тончому кинци іи росколоть на пивъ-аршына або що; зъ тончыхъ на аршынъ поиты удовшкы лозынокъ загнуть дви ривны дугы и звьязать ихъ коринцемъ зъ лозы, чы зъ шелюгу, або й корою зъ чого небудь (лыкомъ).—Тоди скласты ихъ навхрестъ уверхъ звьязанымъ. Саме тамъ, де воны зійдутся си складени дугы, взять у лещата въ росколыну тіеи лозыны и чымъ небудь змицныть у обохъ кинцяхъ. Якъ що, то на сёму й край: уже йе що везты; не вдержытся клади тильки въ ёму багато. Якъ йе зъ чого, то его й заплетуть ще, щобъ и на се годывся. Якъ разъ по середыни лещатамы вкладуть дви палычкы одъ середыны росколонои лозыны у гору до полудрабкивъ (що ными дугы звьязани), а тоди й позаплитають палычкамы уторчъ. Передокъ и задокъ те жъ заплитають якъ хотять.

36. **Возыкъ („цяцька“).**

Одна вись на 2-хъ колищатахъ, зъ деревыны одризаныхъ, та війячко у неи управлене—и се вже возыкъ здатный дуже; хочъ не покладе на ёго ничого, такъ за те повозыть ёго--то й то радисть дытыни. Щобъ ще бильше воно зацикавлювалось, прыставляють до ёго ще верхни колищатка надъ тымы, що на оси,—тильки такъ ушыляють ихъ, щобъ ныжни, якъ везты возыка, зачипалы верхнихъ. Спершу вись зробыть. Продовбать у іи дирочкы на

війя та на ти килочкы, що на ихъ верхни колищатка надивать. Тоди и сами килкы повправлять за-для тыхъ колищатокъ. Выпылять ныжни колисця—се просто; а верхни роблятся инакше. Ныжнихъ двое, а верхнихъ тильки по одній дирочци, щобъ на оси ихъ надивать, а у верхнихъ пьять дирокъ: чотыри по куткахъ, ривно одна одъ однои, а одна посередыни. Зъ двохъ колищатокъ робытся одынъ барабанчыкъ. У ти чотыри дирочкы заправляется чотыри спыци одными кинцямы у одно кильце, а другымы у друге. Такъ и зъ другымы двома роблять. А у середни диркы ничого не заправляется, бо у ихъ треба управыть ти килочкы, що у-торчъ въ оси стоять. Тильки прыпустыты до тыхъ колисъ ныжчыхъ на килочкахъ тыхъ, щобъ зачипалысь зъ ныжнимы колисцямы.

37. **Возыкъ-„кони"**.

Увъ-осени якъ соняшныкы позризують, диты шукають, де два зъ одного пенька выросло. Вырвуть. Одынъ запрягается у ёго якъ у голобли и бижыть. Уси за нымъ. А одынъ, котрый за погоныча, зъ батогомъ и вижкы прычепыть, хочъ изъ кориня. Вéрхы на палычци—и се «кони», играшкы (гульня дытяча).

38. **Гойдалка (дытяча)**.

Малымъ дитямъ и пидлиткамъ роблять гойдалку. Вижкы, канатъ, або налыгачъ, або такъ довгый орывокъ, однымъ кинцемъ зачеплять за гиляку пидъ деревомъ, якъ де йе одлога така гиляка, за трямъ у повитци або въ клуни (найшвыдче), або й у хати за сволокъ, а другымъ кинцемъ одступлять на аршынъ небильшъ одъ прямого кинця и знову завьязують, попустывшы въ нызу одъ земли трохы меньшъ, якъ зъ аршынъ, щобъ, якъ систы въ середыну, то ногамы можно й земли достать. Якъ систы, то рукамы взяться за дви сталкы гойдалкы и розгойдуваться. Найкраще той гойдается, хто погойднется ажъ уривни зъ трямомъ, де зачеплена виревка, або ще й трошкы выще пидкынется. Инчого то ще треба й розгойдувать.

Щобъ не мулыло, якъ сыдить, то пидкладають покривлю зъ вулыка, або такъ яку на чотыри вуглы, або й довговасту до-

щечку Хочь и кодолы (канаты) гойдалкамы рвуть, але дитямъ не забороняють гойдалокъ робыть, хоча й посварюются, що нивечать вирёвкы. Инчи диты ще зъ коринпя шелюгового, або що, плетуть соби гойдалку. Сею гойдалкою корыстуются й дивчатка; часомъ и велыки.

39. Гойдалка хлопчача („выхалка", „кобылыця", "колыска").

Гойдалку-выхалку роблять парубкы и все пидъ велыкодни святкы, ридко колы пидъ зелени, або пидъ храмъ. Хлопци ще за тры дни до святъ опытують по чоловикахъ, де йе деревня велыка, вильхы, сосна, береза, або й осокори,—будли, яка абы довга. Въ кого напытають,—просять позычыть на гойдалку. Буває, що й позычають, а якъ ни, то й купують. Сажень по пьятнадцять удовшкы треба деревни—шисть такыхъ деревынъ. Сёму товсту дуже и коротчу. А восьму тонку й довгу—сажень у десять. Дви такыхъ, що по сажню, а одна така, що аршынивъ два. А то на докладъ: на скракли, на прытычкы та на тыбли; на кобылыцю ще треба деревни—звисно мицнои. Роблять такъ. Зносять усю деревню на выгинъ куды, на просторе. Копають ямы упередъ чотыри, а тоди ще по одній прыбавляють до тыхъ чотырехъ. У перши чотыри ставлять высоку деревню по одній, и ти, що въ першыхъ двохъ, деревыны зводять у верхахъ до купы навхрестъ, и въ перехрести звьязують: хто небудь по деревыни лизе угору и звьязує хочъ лозою скрученою, або шелюгомъ, або й вирёвкою. Такъ и въ другыхъ двохъ ямахъ роблять. Тоди и въ ти останни дви укладують по деревыни и нагынають ихъ мижъ ти кизлыны, що тильки повьязувани, и ихъ прыкручують туды жъ—це на те, щобъ не шатались воны и не похылылысь, якъ будуть ихъ гойданнямъ росколыхувать. Упоперекъ цихъ кизлынъ зъ однои на другу кладуть сволокъ и тежъ увьязують ёго добре на обохъ кизлынахъ. Зъ тыхъ двохъ деревынъ выроблюють товсти дошкы, провиртять ихъ у трёхъ мисцяхъ и у верхни дыркы управлять кобылыцю—таке, якъ коромысло,—а у ныжнихъ уроблять двило, зъ тіеи останнёи довгои деревыны, кругле и прыбьють двома тыблямы у ти дви диркы—се усе зветься скраклямы. У ныэу увертять дов-

гый тыбель, щобъ на ёго стать ногамы, а выще меньшый и тоньшый, щобъ рукамы було за що прыдержуваться. Скракли зъ двийломъ наливають на сволокъ кобылыцею и, змицнывшы скризь добре, почынають гөйдаться.

На цій выхальци здорово розгойдуются: повыще хатъ. Бувае, що й безъ оказіи не проходыть: головы закручуются, падають и на смерть убываются,—а робыть роблять, не каются! Коло колыскы уся челядь—и стари й диты збыраются. А колышется тильки парубоцтво, та хвабриши зъ пидлиткивъ диты. Ридко яка дивка обисмилытся. Полыція слидыть, щобъ ихъ небуло: але парубоцтво ухытряется.—Мали диты, навзирець велыкои, маленьку роблять колыску, а иноди то й забавкою дило роблять, гойдаючы на ій лялёкъ.

40. **Скракли**.

У скракливъ грають вылычeньки хлопци и парубкы. Одведуть два городкы кругли, або вугласти, одынъ одъ одного якъ палыцею разъ кынуть—не бильше. Пороблять соби бычи таки, гылкы замашни, та поодризують зъ товстого килка стовпци завбильшъ у пьядь. Пьять штукъ у однимъ городи ихъ ставлять и пьять у другимъ. Ставлять у кружокъ, у хрестъ, у злію, у церкву, и складають у купу—якъ кому улюбъ, абы у обведенимъ городку булы. Вымиряются кому-якому городови першъ быть стовпци ти (скракли). Два впередъ вымиряется—на палычци рукамы берется [1]): хто зверхъ буде, той и почынать буде, хто нызче—той ждатыме, покы ёму доведется быть. Тоди друга и третя пара. Скильки паръ тамъ буде. Отъ ти, що уперёдъ повыходылы, почынають по черзи быть—улучать у скракли гылкамы, щобъ ихъ выбыть. Не выбьють,—тоди ти бьють у сей городъ и то жъ такъ, якъ не выбьють,—знову перши гылять у свій городъ. Хто першый выбье зъ города скракли, тому и за друге, якъ поставлять, почынать улучать. Ти, що не

---

[1]) За край палычкы берется одынъ усею жменею, тоди по верхъ ціеи жмени другый кладе свою жменю, на верхъ ціеи першый, на верхъ ціеи знову другый и т. д. до краю палыци.

выбылы, або й выбылы, та на останни, звутся «свыни въ поли». И повынни перевозыть на соби на шыяхъ та спынахъ тыхъ, що выбылы другый городъ, у той, де воны спершу самы паслы. А ти--паны хазяины въ городи, у слободи, у сели. Часомъ и гылы на свыней нагонять: ликъ ведуть, скильки то ти разъ паслы свыни, и потимъ пидсміюются зъ тыхъ. Якъ попадутся у одынъ городъ усе зловчени хлопци, то се «не по правди» вымирялысь. Перемиряются знову; а якъ и се не поможе, то тильки два вымиряются на палыци, а тоди кожный до себе пидбирае по черзи любого грача,—се вже «поправди» буде. Якъ и тоди не повезе тому самому городкови,—то то «мисце таке»: его, гляды, переминяють. Якъ выбывають та скраколь упаде на черту, то се не счетъ и скракля цёго на чорти якъ разъ и ставлять стойма—въ торчъ, якъ и въ чорти винъ бувъ, и звуть «пипъ», и тоди влучають такы ёго, покы й выбьють. Якъ не выбьють, то прыкладають ёму яке ймення погане—«с...», «дучка», «пысокъ» и т. инче—глумлятся, якъ хто добере. У скракливъ грають на всяки маниры: грають и по одному тильки хлопцеви вгороди, грають и безъ гылъ,—усякъ перетолковують, якъ кому хочется. Скракливъ, хоча не часто, а заводять. Бабокъ же тыхъ, що въ городахъ йе грають у кисточокъ, нема—и дывыться не люблять: «костогрызы тильки на ихъ грають».

41. Хрестъ.

(Зъ очерету).

Зъ поколенои товстои очеретыны нароблять очеретынокъ—одну довгу, а то стильки середнихъ и стильки тамъ меньшыхъ. На ту довгу зъ середнихъ двохъ зроблене перехрестя кладуть уздовшъ и посередыни лівою рукою прыдержують ёго. Зъ того боку, де до велыкои очеретыны прыкладене перехрестя, зверху й знызу перекладають двома очеретынкамы коротчымы; тоди перехрестя само держытся (прыгороження стане). Ще двома середнимы те перехрестя и зъ бокивъ прыдушують, заклавшы ихъ у кинци въ середыну. Оце й буде хрестъ, любымый дитьмы, якъ забавка. Якъ хотять, то ёго ще ряснишый роблять: добавляють зверху,

знызу й зъ бокивъ ще по скильки очеретынокъ, у перегородку все ихъ укладають. Якъ робыть по цёму маниру, то воно й само показуе, де саме ще можно прыкладать. Зробывшы хрестъ такый, диты носять ёго у рукахъ, покы не роспадется, ставлять де на горбу на своихъ играшкахъ, якъ «хаткы» роблять, або «пичкы» копають, або «церкву» зъ земли липлять. Якъ колы, то зъ хворосту, зъ лозы довгои на дрючку зроблять такый хрестъ и носять ёго попередъ себе, якъ куды купою йдуть. Звуть ёго часомъ и «корогвою».

42. Хрестъ.

(Зъ дерева).

Ножыкамы диты, звисно вже велыченьки, выробляють хресты. Майструвать для хлопцивъ—се найкраща и найлюбымиша забавка. Часомъ одынъ майструе, а вси дывлятся, ждуть, що то выйде, яке зробыть. Роблять «млынкы», «дукачи», але почасто роблять и хресты,—часомъ за для того, щобъ подывыться на ёго, якъ уже зробленый буде,—а иноди и въ хати на покути або на викни ставлять. Бувае що й на стини ёго прыбывають мижъ иконамы, хочъ й несвяченый. Люблять робыть зъ крыламы пидъ перехрестямъ, а мижъ перехрестямъ уставляютъ сіяніе. Роблять на чотыри тильки кинци. Кинци иноди ривни, иноди закруглени, а иноди ще й зъ зарубкамы. Якъ бравый выходыть, то й на воротяхъ у двори, або й у загороди ёго прыбывають. Роблять и безъ ничого. Саме перехрестя.

43. Хрестъ.

(Зъ соломы).

Хрестъ зъ соломы—се бильшъ дивчача забавка. Цивкы зъ пшеныци такъ увьязують мокрымы цивкамы, що й столяръ такъ не выточыть. Цивокъ зъ десятокъ або й зъ два, складеныхъ у купу, а де-де тисно здушыть, а де и ни, инде ще й у середыну укладае палычку, або соломынокъ коротенькыхъ жмутыкъ—и буде ще товще колинце. Тоди и друге таке саме зробыть—тильки ко-

ротче. Перекладе, перевьяже браво—и такый хрестъ повыще виконъ у хати бравый! Краи вси чотыри будуть пидибгнути у середыну, на обручыкови зъ соломынокъ. Такый самый хрестъ роблять изъ самыхъ колоскивъ зъ пшеныци. Колоскы будуть на верси вси, а стеблынкы у середыни мижъ колоскамы поховани и тамъ воны посплитувани, або й позвьязувани. Цей хрестъ люблять и на Маковія святыть и держать ёго за иконамы,—годытся такъ.—Зъ соломынокъ самыхъ хрестъ, изъ колоскивъ, бувае, обведуть ще й винкомъ зъ колоскивъ самыхъ, або й зъ квитокъ зимнихъ (крокосу або що). Хресты ще роблять и зъ васылькивъ сухыхъ: и пахнуть, и браво у хрестъ складени. Часомъ утыкають ихъ ласкавцемъ, такою лыстатою и рясною рослыною. А на лавцевыхъ лысточкахъ гарбузяче насиння попрытулюють, хрещыкомъ дило. Це и литня и зимня забавка дивоча, а часомъ и жинкы, щобъ краще у хати було, згадавшы дытячи часы, роблять ци хресты й винкы у хатахъ. Зплитують зъ колоскивъ пшеныци и зъ сосны и межъ иконамы на стини прычеплюють.

44. **Голубы.**

Голубы роблять и хлопци й дивчата. Хлопци зъ дерева, зъ лубочкивъ, ихъ ножыкамы выробляють, а дивчата зъ паперу, або зъ краму якого. Дивчата голову роблять зъ тиста, зъ воску або й зъ глыны. Хлопци якъ зроблять голуба, то носятся зъ нымъ довго, покы й понивечытся, а инколы й у хату оддають и поверхъ хреста ёго уроблюють; а дивчата хочъ тишатся нымъ якый тамъ часъ, колы жъ и напередъ уже знають, що то винъ буде на стели на слыжи прыбытый, на тому слыжыкови, що самый блызчый до «образивъ» (иконъ). Бувае, що геть увесь унызанный винъ голубамы, або и другый за нымъ такъ само уквитчаный, а на прогайвынахъ по стели, або й на слыжи, мижъ голубамы квиткы зъ бомагы малёванои попрылиплювани, зиркы—то що. Якъ на слыжи ніякъ прыбывать голубивъ, то нытку передъ образамы проведе гойдалкою дило и на іи голубивъ насажае. Голуба найлегше зъ паперу та зъ перкалыны робыть: лысточокъ у складкы складае, якъ на гармоніи ото; де головци буть, звьяже краёкъ ныточкою, на черевце

попустыть, скильки якъ разъ треба, и знову звьяже. Тоди край роспустыть наче хвостыкъ,—якъ можно дужче на самому краи, деревце тришкы роспистре, щобъ посередыни товщеньке було—и голубъ готовый. А хто дуже вдаряется у сю забавку, то такъ и роблять, що якъ жывый наче. И нижкы, и крыльця попрытулюють. Добере рябои, або й попылястои бомагы малёваной—зъ конхфетивъ або що. Дротынокъ на ногы. И чорныця на бикъ—такъ й е выгаптовують ихъ.

45. Куклы.

У куколъ грають тильки дивчата. Трапляется що одъ куколъ не одирвешъ и велыкои дивкы: замижъ йде и въ скрыни куклы везе свои,—такъ полюбыть се добро свое! Одначе це не похваляется на людське око, хоча зъ усмишкою пробачается. Хлопци часто ворожо якось на си дивчачи забавкы дывлятся: иноди й ныщать и глумлятся, якъ знайдуть де захованни куклы й прыбиръ: тымъ-то хытро й ховають уже де ихъ одъ хлопцивъ! Гляды и сами хлопци, якъ колы, побавлятся коло куколъ,—а проте чогось лукавый таки пидкусыть ихъ и попимстятся надъ самымъ скарбомъ: найлегше що,—то це переховують у друге мисце, щобъ дивчата вже сами ще пошукалы. У хати не разъ и скаргы зъ-за куколъ. Батькы та матери такы тамъ и погрымають на хлопцивъ, щобъ не вмишувалысь не въ свое дило. Скарбъ сей звычайно буде увесь зибраный у коробци якійсь, у решитци невелыкому, у цидылкови покынутому, у старому очипкови, чы й будли въ чому. У куколъ якъ грають, то не роблять хлопчыкивъ, а все дивчатъ та молодыць—зъ ридка бабу и дытынку хлопчыка у сповытку. Клаптыкы зъ краму якого, чы зъ нового, чы зъ старого—це все матеріялъ, звется винъ: крамъ, крамнынкы, крамкы, прибиръ, прыборынкы; до ихъ ще й прядыво держать; бо це потрибно за-для того, щобъ було зъ чого куклу зробыть—першъ пожують хлиба въ роти, а тоди зъ ёго вылиплять таке, якъ голова въ молодыци. Якъ положать у пыркалынку, або въ полотнынку той хлибъ, то заразъ завьяжуть якъ вузлыкъ ныткою и тоди зверху вузлыка того удавлюють, щобъ

выйшло таке, якъ очипокъ у молодыци, або якъ кокошныкъ на стрички у дивкы. Пидождуть щобъ засхло. Якъ засхне, то молодыцю завьязують наче платкомъ, а дивку у косы прыбырають. Вычешуть киску зъ прядыва и узявшы за лобъ, зъ-заду заплитують косу и натуляють кисныкивъ, стричокъ... У той узлыкъ, де звьязано мотузочкомъ, або ныточкою, стромляють палычку коротеньку, а ни, то ще бильшъ намотують на тому вузлыку нызче мотузочка, щобъ було за що зачипать сорочечку и крамокъ, замисць грудей и жывота. Натулять чы мало, у кинци знову намотують мотузка (валынку, прядывынку, нытки) тисно, и за ёго прывьязують спидныци, запаскы, плахты й попередныци и хвартухы. Рукъ немае. Роблять то й спивають: дивота—весильныхъ, а молодыци—«ненькы» або що. Звычайно, що куклы й такъ гарно майструють, що тильки навдывовыжу; и прымуцій до ихъ ще багато и очи сажею на крамныни (перкалеви) малюють, и геть увесь выдъ, и рукы—рукава й уставы прыробляють, и керсетъ надивають.

Куколъ и двадцять, бувае, носыть за собою у скрынци, або у платочку якому и всихъ по именню звуть. Де хаткы роблять, або пичкы копають—тамъ и куклы разсажени на выдкыхъ мисцяхъ. Стари, бувае, дывуются: «чомъ хлопци до сёго не прылижни таки?!—свое таке дивчына вищуе!»—За те хлопцямъ: сокырка, ножыкъ, батигъ; не сховаешся, не одчепышся ніякъ,—якъ и тыхъ одъ куколъ не одирвешъ. Дивчата, якъ куклы нема—оцваночокъ буде въ заполи носыть,—хлопець зъ палычкы ножыка зробыть и буде носыться. До чого яка «чыя врода». «Чыя кому стать».

46. **Стрилка**.

Стрилка у хлопцивъ дуже влюблена. Зъ сырои лозыны загне дугу, пидбырае, певно, лозыну пружаву таку, якъ іи гнуть. Мотузкомъ за кинце звьяже ту дугу. Посередыни лозыны-дугы ярочокъ выриже и знайде ривни палочкы на одному кинци зъ рижкамы (або й зариже зарубку), а на другому кинци палычку загострыть, якъ спычку, а ни, то й протора (голку) або й дротыну загострыть, уткне туды. Прымирыть, щобъ ця палычка (іи

то и звуть стрилкою) була зъ четверть довша одъ дугы, якъ на мотузку іи поставыть. Тоди укладае гострымъ кинцемъ на ярочокъ, що въ дузи (бувае безъ ярочка, абы посередыни), а вылкамы посередъ мотузка укладае. Ливою рукою берется за дугу коло стрилкы, а правою за мотузокъ, тежъ коло стрилкы. Добре натягне мотузокъ, покы вже й не можна тягты. Прыцилытся на що небудь и якъ пустыть мотузокъ, то дуга розійдется (такъ и порсне), а стрилка уперёдъ стрелне и добре такы зашкульнуть, якъ попаде у що, часомъ и застряне. На поготови другу стрилку носыть; якъ треба, стрелныть и до першои добигае, та знову заряжае іи и цилыть и стриляе. Се бувае, якъ у горобця кортыть хлопцеви попасты. Горобець не дуже то боится и перелитае зъ гылкы на гылку. Тильки ця стрила трудна такы, щобъ нею не промынуть, а одразу и попасты. Якъ безъ жала лучокъ, то хлопци одынъ у одного цилятся. Попадае—мытець. Выкрутывсь, що пролетила стрилка, и то мытець.

47. Лучокъ.

Обробляють вугласту, довгу (зъ $1^1/_2$ ар.), ривну деревынку зъ вершокъ утовшкы. На однимъ боци уздовшъ вырижуть ярочокъ не дуже глыбокый, щобъ у ёму хочъ до половыны сховалась стрилка, якъ іи покласты у ёго. Въ краи провертять дирку и затянуть лозыну и зъ неи загнуть, якъ ото въ стрилци, дугу и звьяжуть мотузкомъ або реминцемъ. Стрилу таку саму роблять, якъ и въ стрилци. Трошкы дали на пьядь одъ мотузка проробляють заверточку зъ боку деревынкы тіеи. На заверточци й зарубкы дви; за ихъ, якъ стриляють, зачипають мотузокъ и, якъ треба стрелыть, укладають стрилу у ярокъ той и потягнуть завертку; мотузокъ спрысне, дуга прысне и потаскае мотузкомъ стрилку. Се вже меткиша выдумка и забавка справниша, хочъ и морочлывиша, покы зробыть іи. А вцилыть надежниша. Завертку тильки ту краще выроблювать у тій деревыни, а не зъ боку,—саме протывъ ярка того,—тоди легше можно уцилыть, бо якъ зъ боку, то у косыну йде стрила, а тутъ уже ривно. Прымиръ добрый

треба мать, щобъ, якъ зъ боку завертка, пустыть по лынии стрилку. А якъ у середыни, то сама йде якъ по шнурку.

Ухытряются ще краще направыть стрилу и дать ій бильшъ розгону: замисть того ярка, що по ёму йде стрила, та роблять дирку—такъ якъ дудку. За-для сёго на той ярокъ та накладують зверху ще таку саму деревынку яркомъ до ярка, тильки трохы тоншу, щобъ выднищъ було стрилку, якъ цилыться. А ни, то ще краще: уробляють у ярку дудку, хочъ изъ очерету, або що, и въ ту дудку управляють стрилу. Дугу або знызу прыбывають у кинци, зробывшы дирку на неи, або й на тимъ самимъ мисци буде, якъ умистытся.

48. **Рижкы** (праща).

Знайдуть де диты таку палычку, що у верси йде на два рижкы: гылячкы поростуть. Одъ картуза одчепыть резынку,—а ни, де отъ черевыкивъ старыхъ навытягують, або зъ выступцивъ старыхъ (калёшъ) навыризують та назшывають, та сплетуть мотузочку; або й увъ односталку.—Резыною тіею перевьяжуть ти кинци, що въ палычци зъ рижкамы. Зъ паперу або зъ ганчирыны зроблять кулю, закотывшы папирыну тисно у цыгарку и перегнувшы іи у двое. Такъ якъ скобель вона буде, тильки гнуча звисно. Зачеплять за резынку ціею кулею и ливою рукою держать рижкы за ту одну палычку, а правою здушать обыдва кинци кули тіеи и натягують кулею резыну. Добре натягне, прыцилытся, пустыть—резына и одшвырне кулю,—та такъ, гиршъ якъ лозыною порсне и сынякъ набижыть, якъ у тило влучыть. Нароблять багато такыхъ рижкивъ, та одне у одного дыты якъ заходятся улучать. Таке заведуть, що не розберешъ, хто кого й боится, хто тикае, а хто гонытся.

49. **Ральце.**

Диты що де побачуть—усячыну й соби переймають. Бачать, що стари граблямы громадять сино, копають лопатамы землю, видрамы воду носять, орють плугамы и такого инчого багато. Отъ воны й соби и грабли, и лопаты, й видра, й плужкы,—все

це пороблять. Видра, або дижкы, якъ треба на швыдкý зробыть, зъ огирка (жовтяка) репаного выроблять и граются нымъ. Колы треба, й картопля напоготови, якъ нема иншого матеріялу. Сама-жъ найулюблениша забавка—се ральце. Якъ роблять ёго диты, то небезпреминно вдають, щобъ воно уточнишъ таке було, якъ и те, що нымъ роблять стари. Зъ довгои и товстои лозыны выробляють стебло (стеблыну), у ёму продовбають диркы въ товщимъ краи: одну на самимъ ажъ краи, другу одъ неи, на такъ якъ напьядь,—а третю одъ другои ще трошкы дали. Диркы си продовбани будуть удовшъ стебла и сами будуть продовгувасти. До сыхъ дирокъ прымиряють щобъ увійшлы у ихъ дви товстенькыхъ дощечкы, завдовшъ хочъ и зъ пивъ-аршына. Звутся воны стóвбамы. Зъ одныхъ краивъ стовба повынни буть зарубкы, щобъ не пролазылы у ти диркы. А други кинци стовба будуть трохы зстругани, тончи... До стебла роблять зубокъ або зубъ. Утовшъ ривный зъ стебломъ, або ще й ширшый трошкы. И въ зубку таки сами на миру роблять диркы, якъ и въ стебли. Сама-жъ найвыдатниша ричъ—чепига. Якъ іи немае, то й думкы робыть рало не буде. Чепига не робытся, а тильки оброблюется, бо вона росте на дереви. Шукають межъ деревомъ, чы немае це такого, подобного чого на чепигу. Якъ де набачать, що одъ гилякы одросла друга такъ наче въ торчъ одъ неи—ото й буде деревына «подобна». Іи тоди оброблюють гарно, щобъ товщый кинець бувъ ривный утовшкы зъ стебломъ; а тончый—щобъ у руку було добре взять. Якъ немае нигде самориднёи чепигы, то тоди—(нужда законъ переставляе)—роблять такъ: знайдуть таке, якъ держано у чепигы, зъ-загнутымъ ще й краемъ. Якъ йе чепига, то й зубка не треба; а якъ немае, то й безъ ёго ничого не буде.

Зъ зубка безъ чепигы (се частишъ бувае) роблять ральце такъ: кризь зубокъ пропыляють обыдви стовбы (якъ колы то й одною обходятся) ажъ у стебло и у стебли ихъ прыплишують клынцямы, а у третю, що скраю, черезъ стебло уже у зубокъ пропускають ручку и у зубку прывирчують наослаби тыблыкомъ, а ни то заплишують и тутъ. Рало готове; якъ треба, щобъ глыбше йшло у землю, стебло на стóвбахъ пиднимають

выще, а якъ мильче, то опускають внызъ ёго по сто́вбахъ. Якъ зроблять уже геть, то диты берутся за стебло и везуть, а одынъ берется за ручку и держыть якъ слидъ рало, щобъ у землю йшло. Щобъ скыбу робыло рало, до ёго прыбывають и палычку зъ правого боку—таку дощечку, коло стебла іи прыбьють, а коло чепигы (коло ручкы) іи одводять подали на тыблеви. Отъ вона йде и землю кладе на бикъ. Щобъ легше у земли йшло рало, зубокъ гостро загострюется (а у велыкыхъ ралахъ, то й зализныкъ надивается) й коло переднеи сто́вбы одъ зубка до стебла пидставляется жабка, на тры вуглы дощечка, однымъ вугломъ у передъ вона ставытся и здавлюется стебломъ и зубкомъ коло переднеи стовбы, черезъ те й не впаде. Якъ же готова йе чепига, то це все такъ само робытся, тильки вже стебло уробляется у чепигу—у ручку пры самому зломи, а у товщому кинци, де затесано на зубокъ, тамъ ти сами диркы нужны на стовбы. Сказать—то зрощеный зубокъ, и ручка буде чепига.

Палычка й сюды прыроблюется. Лисъ теперъ упрыщеный, то й трудно де й знайты самородню чепигу. Черезъ те й повчылысь тулыть чепигу зъ двохъ деревынокъ.

50. **Ковинькы (патерычкы)**.

Ходыть зъ ковинькамы диты не дуже охочи,—бычыкы имъ справнишi. А робыть ковинькы—се забавка любьязна имъ. На огни зъ лозыны запарять одынъ кинець и загнуть. Звьязану положать—нехай засхне. Оброблять іи потимъ и, погравшысь, дають малымъ ще дитямъ. Зимою зъ соломы гнуть. Тутъ дуже треба вже метко. Зигне соломынку у ковиньку, послыныть и пружомъ у полумья-й назадъ. Разъ такъ, або й два. Ковиныча затужавила. Обробыть тильки. Одкусюе кинець одынъ коротенькый, а другый довшый. Роблять, покы не обрыдне. Стари люблять и зъ патерыцею ходыть. Зъ соломынокъ роблять тильки для забавы, що, мовъ, догадавсь, що соломынка помочена на огни зогнется, якъ самъ зигнешъ, и не росправытся.

51. Свистокъ (свыщыкъ).

Свыстять диты часто: часомъ свыстыть котре писню, або такъ у ладъ перебирае языкомъ кризь зубы. Велыки хлопци то й дудочкы выроблять пидъ языкъ, або й губамы; а часомъ свыстять, щобъ подать голосъ, де хто йе. Йе—свыстять дуже: а) губамы самымы, б) ще дужче кризь зубы, в) а ще дужче пидъ языкъ. Якъ же ще треба дужче, щобъ и далеко дуже почулы, то кладуть два пальци въ ротъ: середульшый и або пидмызынокъ, або показательный, и за зубы ныжни загынають, зробывшы ярокъ межъ пальцямы, и тоди свыстять дужче. Иноди вкладають пидъ губу горихъ-свыстунъ (порожній зъ дирочкою), але пальцямы дужче свысне. Диты уміють свыстаннямы пидробляться пидъ птыцю яку: часомъ добре такы іи передражнюють! Крывлять сову, сыча. За-для цего стулюють два велыки пальци и обыдви долони до купы. Межъ долонямы порожнёго миста багато, а щилыны нигде ніякои не пускають, тильки мижъ щиколоткамы двохъ велыкыхъ пальцивъ ярочокъ такый пропускають. У цей ярочокъ дмуть зъ одного краю, то воно й свыстыть по-птычому; а щобъ хававкать у стать такъ, якъ сова, перебирають долонямы—то розтулюючы ихъ, то стулюючы. Складають и такъ долони: усима пальцямы правои рукы прыкладе до чотырёхъ середнихъ суставивъ пальцивъ ливои и ти загне, здушыть нымы ци пальци. Межъ долонямы буде пусто, порожне, а велыкый палець правои достане тильки трохы не до кисточкы велыкого пальця ливои рукы, а дали по-надъ велыкымъ пальцемъ ливои буде шыроченька щилына. Укласты трохы ажъ за ниготь ливои рукы вел. палець, прытуленый до тыхъ пальцивъ щильно, у ротъ и дуть. Духъ пиде у ту щилыну, засвыстыть по-птычи, и долонямы то одрывать, то прытулювать, и буде хававкання, якъ ото въ сыча. У Суботови й у стинкахъ по пидъ Чыгырыномъ диты що-ósены якъ пасуть по лугахъ та по очеретахъ по-надъ Тясмыномъ, то й безъ ничого—горломъ своимъ такъ пидроблюются пидъ клекитъ якоись ночнои птыци, иноди й пидъ сову, що хто не прывыкъ до цёго клекоту, то сумъ якыйсь находыть на душу. А въ ихъ це пере-

клычка часта и дуже въ моди. Тымъ, що чутна вона (за версту и за дви долунае), іи часто вжываютъ, щобъ не розійтысь зъ кунпаніею; а иноди хочъ и одно де тамъ по болотахъ ловыть, то соби, у-у-укае,—наче за-для розвагы своеи, або й такъ соби: «ни, якъ же безъ цёго?». Щобъ посвыстить ще инче, роблять свысткы—пыщыкы усяки. Одначе ихъ роблять не стилько за-для того, щобъ краще и дужче свыснуть, скилько на те, щобъ самою роботою повтишаться, що, мовлявъ, и таке ще можно выробыть, що по-чоловичи свысне. Беруть сыру вербыну утовщъ якъ добрый палецъ. Де не мае сучечка, тамъ одрижуть край спуховато (косо). Завдальшъ тежъ якъ палець удовшъ кругло кору перерызують до дерева. На тимъ краи спуховатимъ, де саме довшый краекъ, одступывшы трохы, якъ на пивпальця утовщъ, заризують заризочку не глыбоку—до половыны деревынкы щобъ не дійшла. Побьють колодочкою зъ ножыка, або й такъ якымъ оцваночкомъ по тому всему навкругы мистови, що заризана кора. Постукають, щобъ кора одстала. У-литку вона й такъ не дуже то улыпла до дерева. Та заразъ и знимають ту кору зъ вербынкы. Такъ и вылущытся. Якъ уже знята кора, то на тій зарубци трошкы зризують до краю—абы ривненько було. Надинуть кору, що знята була,—буде прогайвынка. Прогайвынка и зарубка зветься голосныкъ. У ту прогайвынку, взявшы іи въ губы, подуть, то воно й свысне. Якъ заризать и зъ другого боку одъ зарубкы, та вкынуть горошынку пидъ голоснызомъ, або такъ яку смитынку, то якъ посвыстить, то воно не тильки свыститыме, а щей сюрчатыме, якъ ото й у полыцейськыхъ теперъ повелося. Зветця цей свыщыкъ и сюркомъ. Забавляются зробленымъ свыщыкомъ, або й сюркомъ, диты не довго. Швыдко набрыдае.

52. **Пыщыкъ (пыщалка).**

(Зъ дерева).

Впередъ роблять лысыцю—таку деревынку довгеньку, якъ палець удовшъ, и завтовшъ якъ палець утовшкы, зъ вырызаною посередыни зарубкою. А зъ другои деревынкы роблять таке якъ разъ, щобъ у ту зарубку увійшло. На мышіеви найшырши ро-

стуть лысткы. Отъ зъ мышійины вырвуть лыстокъ шырокый и довгый та й положать на лысыцю и надавлять отымъ чопомъ до краю. Щилыною, де лежыть якъ у лещатахъ мышійина, прыкласты до рота та й дыхать у неи то сюды то туды,—то воно й пыщыть. Дужче дуть—тоньче и дужче й пыщалочка пыщыть, а слабше—то и вона тыхиша буде.

Однаково якъ и на голоснықъ якый можно на неи заграть. Духомъ якъ перебирать, то й пыщалочка перебирае соби такъ само—и до танцивъ перебыре, абы грачъ не втомывся.

53. **Пыщалка.**

(Зъ самого мышію).

Ото якъ де йе здоровый мышій, то узять та одирвать одынъ лыстокъ, тильки не самый лыстокъ, а зъ тымъ, що обгорнуло мышійину. Тоди взять у ротъ та въ себе тягты духъ, то воно й пыщыть.

54. **Пыщалка.**

(Зъ жыта).

Саме тоди якъ жыто стане колоскы выкыдать, зирвать жытыну на половыни де и якъ-разъ на колинци на якимъ небудь, та одирвать отъ того колиньця дудочку яку завгодно удовшкы, а зъ того краю, що одъ колинця, узять дудочку у ротъ та дуть,—то воно й гра, пыщыть.

Ще й инче можно: вкоротыть ту дудочку, щобъ уся у роти помистылася, тай покласты іи на языкъ и въ ротъ утягты и дуть кризь губы и все казать: пи! пи! пи! Такъ воно ловко робытся: пика, а не выдко ничого въ роти.

55. **Пыщалка.**

(Зъ лыстка).

Зирве лыстка—зъ будь-ли чого—звычайно зъ рослыны, де лысткы наймнякши,—якъ отъ макъ. Прыкладе до губъ ёго та и просмоктуе кризь ёго духъ у себе. Хочъ и прорвется лыстокъ,

а ще довго буде пикать. Инколы, то покладе упер态 лыстокъ на кулакъ, де велыкый палець зъ показательнымъ зтуляется, и пропустыть дирочку у кулакъ. Удавыть тоди у дирочку лыстокъ, якъ твердый (зъ клёну або-що), та и ляпъ тоди долонею зверху. Такъ и бахне лыстокъ одъ духу, и вже тоди тою щылыною прыкладае до губивъ та й знову пика. Разомъ и побахкае и попыщыть.—Уміють диты, и не розирвавшы лыстка, пикать. Пика-пика—набрыдне, а тоди вже покладе на кулакъ и бахне. Выходыть и навпакы: упер態ъ попикае, а тоди бахне.

56. Дудка.

(Зъ гарбуза).

На огудыни гарбузовій ростуть дудкы здорови, а на ихъ лыстя здорове. Пры самій огудыни дудку одризать и одризать зверху лыстокъ, щобъ колинця не зачепыть. Тамъ буде въ цёму кинци, де одъ лыстка одризано, такый ярочокъ, тильки що на скризь непродавленый. Отъ цей ярочокъ и треба уздовшъ дудкы ножыкомъ прорізать ажъ у середыну, щобъ другого боку дудкы не зачепыть, а протягты не бильшъ вершка, щобъ у роти помистылось, и ще трошкы розвесты цей ярокъ, щобъ духъ гараздъ проходывъ.

Якъ узять цей край у ротъ и дуть, то дудка товсто й дуже гуде, голосно пыщыть. А якъ зверху на дудци пидъ край, де одъ огудыны одризано, та попрорізувать диркы на вси 8 пальцивъ, то однаково що й на сопильци можно вывесты що вгодно до танцивъ чы до спивъ. Тильки голосъ инакшый, нижъ у сопилкы.

57. Дудка.

(Зъ лозовои, або шелюговои коры).

Зъ ривнои, потовстуватои и безъ сучечкивъ лозыны вырізать хочъ и зъ аршынъ удовшъ палыцю. Одъ товщого краю хочъ и на цилу пьядь одступыть та заризать заризку—голоснычокъ (якъ и въ сюркови); одъ цёго голоснычка вершкивъ на пивтора назадъ, ще блыжче до краю, вырізать другый голоснычокъ, тильки

трошкы довшый. По тій, що зъ краю товщого, заризочци кругомъ кору обризують ножыкомъ. Постукають колодочкою зъ ножа, або чымъ другымъ, кризь по тому краю, що довшый и зъ двома заризкамы, або такъ тисно подавыть, погладыть уздовшъ того кинця. Кора одстане и легко іи покрутыть на деревыни тій, що въ кори, и знять. Якъ знять кору, буде зъ неи така дудка, а деревынка останется. На цій деревыни, де саме заризка перша, одризать; зостанется деревынка, на цій деревынци одъ заризкы до кинця трошкы зризать ножыкомъ ривненько. Цю деревынку вкласты въ дудку. Заризочка стане коло дудкы, а кинець деревынкы дійде до заризкы у дудци—до голосныччка. У ту заризку, що коло дудкы, дуть прытулывшысь губамы. Дудка и буде тоненько грать. Дужче дуть—дужче й грать буде. А якъ хочется, щобъ и пальцямы ще перебырать, то дудку ту въ краи зогнуть треба и у дудци поробыть дирочкы на пальци, хочъ на чотыри.

58. **Сопилка**.

Зробыть таку дудку, якъ и на пукалку. У дудци зъ краю заризать голоснычокъ. Зробыть пробку круглу, щобъ щильно вона увійшла у край дудкы, до голосныччка достала—не-дали. Одынъ бикъ чуточку цеи пробкы зризуется и въ гору зризанымъ упыхается въ дудку до голосныччка. Тильки прытулыть до губивъ дирочкою тіею, що въ затычци цій, и дуть,—сопилка заграе. Поробыть и дирочкы по дудци. Можно й пальцямы перебырать и чы писни, чы танцивъ—що завгодно выграть можно. Голоснычкомъ держать у-нызъ, дирочкамы въ-гору. Якъ хочется грать и турчать, то капельку бильшъ ныжнею губою брать голоснычокъ—трохы не до половыны захоплять губою. Ся забавка у шаноби не тильки у дитей, а й у старыхъ и у дидивъ. Йе таки музычи люде, що й горе нею соби розважыть уміють.—Трохы не сплять зъ нею. До сопилкы й прыспивують:

«Грай, сопилочко, грай
Та не вразы мого серденька въ край».

59. **Выгранъ.**

Цыгане роблять зъ зализа выграны. Диты ихъ купують, або миняють за крашанкы (за «биленьки»), за хлибъ, за овощы, за вгородыну. Якъ грать, то беруть у ротъ, и пальцемъ за дротыну торкае и все бренчыть. То воно й выходыть—«гивъ-гивъ-говъ-говъ» «гивъ-гивъ-говъ-говъ». Губамы, розтулывшы зубы, держыть скобель, а за дротыкъ пальцемъ усе зачепае. Дуже до смаку ця забавка вивчарямъ. Цыгане добре на ихъ грають, а йе и зъ мужыкивъ (зъ украинцивъ) вдали на цю забавку. Такъ йе—грають, що нарошне збыраются люде послухать. Наче у земли далеко десь хтось жалибно вуркоче.

60. **Скрыпка.**

(Зъ очеретынокъ).

Ухытряются бильши зъ дитей робыть зъ нытокъ струны на дощечци и смычокъ зъ ныткы на палычци,—одначе це ридко поводытся. Частій роблять скрыпку зъ дудокъ очеретяныхъ. На дудци одъ колинця до колинця выйме тонкуватыхъ дви очеретыны и пидниме на закладынкахъ, а найкраще дудку потрощыть посередыни на четверо або-що, поколоть іи. Та дви одколыни очеретыны пиднять и въ однимъ краи коло колина и въ другимъ. Смычокъ зъ очеретыны. И по тыхъ двохъ одведеныхъ очеретынкахъ водять очеретыною—то воно й грае-цугыкае. Цугыкають диты и зъ казкы про «телесыка» прыспивують: «цугы-цугы, скрыпочка, тутъ була лысочка».

61. **Пыщалка зъ рижкомъ.**

(Очеретына и роговый рижокъ).

У очеретынци, не товстій коло колинця, пидрижуть язычокъ. Якъ узять у ротъ усе колинце зъ языкомъ и дуть, то воно пыщыть дуже и тонко, а якъ на край цеи цивкы та надить ще й рижокъ, хочъ зъ скотыны, хочъ и зъ дерева, нарошне выроблений, то буде такъ браво грать, що й сказать ніякъ. А якъ поробыть у очеретынци и дирочкы для пальцивъ, щобъ перебирать,

то краще ніякъ уже буть,—такъ хороше грае: мали диты тильки слухають, а грать,—то тильки пробуются. Бильши жъ то и грать и робыть цю забавку дуже кваплятся. Гра на цёму рижкови дуже подобается дивоцтву и жиноцтву. И вулыцю готови дивкы кынуть и иты туды, де на рижокъ который зъ парубкивъ до-ладу грае. Хочъ и до танцивъ, то жалю багато въ цій гри йе, черезъ те й прыгортуе вона до себе дуже усихъ.

62. **Цынбалы.**

(Зъ очерету).

Бачать диты, що грають на цынбалахъ—ну й соби робыть. Нарижуть зъ обома колинцямы ривныхъ дудокъ зъ очерету и потрощать ихъ посередыни кожну хочъ на четверо. Беруть дви палычкы, а скорійшъ очеретынкы, и на ихъ знызують уси дудкы, забираючы на ти палычкы по одній одколеній очеретыни у-гору. Уси знытуть и по ихъ бьють палычкамы.—Очеретынкы бреньчать-грають.

63. **Коныкъ (свыстунъ).**

Готови зъ глыны гапчари выроблюють маленьки коныкы и по шагу ихъ продають. Батькы та матери й купують ихъ дитямъ. Въ середыни винъ порожній и на спыни дви дирочкы за-для двохъ пальцивъ. А въ хвости, саме важлывише, роблять голосныкъ, точнисенько якъ и въ сопильци. Кризь хвистъ дирка (а хвостыкъ угору буде непремипно задраный, щобъ у ротъ добре брать); дирка ця йде ажъ у жывитъ коневи. Трошкы нызче хвоста у дирку пророблюется голоснычокъ той. У хвостыкъ дуть. Воно засвыстыть, а якъ пальцямы перебырать по дирочкахъ тыхъ двохъ, то воно и браво такы здается якъ грае. А дытыни и играшка, и забавка не абы-яка!

64. **Дзызкавка.**

Хочъ помижъ зубкамы на гребини—тимъ, що на ёму прядуть, а хочъ помижъ зубкамы на гребинци, що голову чешуть нымъ, укладуть папирыну зъ конхфета або що, прыкладуть до

рота злегка. Прыторкуются до папирцю злегка и дмуть у папиръ—дзъ, дзъ, дзъ,—задзызчыть тоненько. Языкомъ у роти перебывать, то воно й браво выграе. Танцюють пидъ це дзызкання й спивають.

65. **Балабайка**.

Диты беруть взиръ зъ усихъ музыкъ, яки йе у старыхъ, и соби вытулюють щось похоже. Роблять балабайку и на тры струны на дощечци зъ нытокъ. Беруть гребинь той, що прядуть прядыво на ёму, и по ёму бренкотять пальцямы у перебиръ. Беруть пылку подовжню и по ій якъ по цынбалахъ у-перебиръ бьють, чы й у сковороду, або що.

Якъ лопне пузырь зъ тарахкотёла свынячый, на обручыкъ натягнуть, тай бубонять у ёго якъ у бубонъ справжній. Перебиръ усе пидбырають бравый—козака, дудочкы, дрибушкы. Передражнюють звоны—якъ «у въ усй дзвонять». Настоящои жъ балабайкы ридко вже хто вміе зробыты. Готови йе купують, такъ не те такы: швыдко не докупышся. Ото на гребини тильки й пограють,—похоже на балабайку.

66. **Дзызкавка**.

(Зъ чайкы, або хруща).

По весни упіймають диты чайку, якъ уже стануть литать по молодихъ бурьянахъ, або хруща, якъ у зеленому жыти, або у садкахъ стануть попадаться (чайкы попередъ хрущивъ налитають). У чайкы, якъ и въ хруща, по двое крылець на обохъ бокахъ— одни тверди, а пидъ ными тоненьки, мьяки. Отъ ци тверди крыльця прошывать на голку, або ныточку, або на тоненьку палычку, и держать у рукахъ за два краи, а посередыни на крыльцяхъ высытыме чайка (чы тамъ хрущъ) и хотитыме бидне летить, а саме тоди ще й подуть якъ бы губамы,—то воно кругомъ голкы, або палочкы крутытся,—та такъ швыдко, що й невыдко—тильки дзыжчыть добре. Пустыть,—той зъ палычкою залетыть далеко; але диты подзызкотять—тай пустять зновъ на свитъ Божый.

67. **Дзызкавка.**

(Зъ очеретыны).

Увъ очеретыни йе таке, якъ папыросна бумага. Отъ очеретяну дудку безъ колинець зризують посередыни ажъ до теи папирыны. На кинцяхъ дудкы тильки не зризують. У одному краи папирець цей продушують ножыкомъ,—якъ разъ ткнуть нымъ. У той край, де не проткнуто, дуть ротомъ и казать (непреминно) «гу»—густы все. Отъ воно гуде и дзызкотыть. Це́ й буде дудка—дзызкавка.

68. **Морока.**

(Зъ мышiю робытся).

Вырвать дви мышiйины лыстати и росколоть ихъ посередыни трохы не до краю. Вырızать дви дудочкы зъ жыта чы пшеныци, щобъ булы напоготови. Розризани ти дви мышiйины вкласты одна въ одну—якъ лещата въ лещата узять, щобъ однымъ кинцемъ зачепыть другый. Кинци звесты одынъ до одного, склавшы мышiйины, и закласты у дудочку обыдва. Такъ само закласты у дудочку другу и краи два и два. И тоди обыдви дудочкы посунуть ажъ до краю. Це и буде морока: якъ ихъ рознять, ци лещатка, и дудочокъ нескыдаючы и нигде не розрываючы? треба розморочыть. Розморочують отакъ. Розсунуты дудочкы ажъ на краи и не розризани краи мышiю упыхаты у дудочкы; нерозризаный край однои упыхать у дудочку, надиту на другу мышiйину, а цей въ ту. Якъ упхнуть обыдва краи, то зсовують тоди дудочкы одну до однои, щобъ неризани краи выглядалы зъ дудочокъ. За ци крайкы и тягты. Воны выймутся, а дудочкы на краяхъ у ихъ будуть, тильки одна дудочка перейде на другу мышiйину, а зъ цеи на ту. Забавка—покы зробышъ мороку, забавка—покы́ й розморочышь iи.

69. **Морока.**

(Зъ реминьця).

Узять довгенькый реминьчыкъ, якъ отъ наконешнычокъ у батога. На обохъ краяхъ проризать петли. Знайты одну дощечку

и въ ій на краяхъ продовбать дирочкы тай затягты перш у въ одну дирку, потимъ по-за-дощечкою вытягты у другу и запетлювать: у петлю, що выйде зъ другои диркы, протягты другый край реминьця.

Запетлювавшы у цій дощечци, шукать другу дощечку и въ ній продовбать тры дирочкы: дви на краяхъ, а одну посередыни. Незапетлёваный край реминьця затягты у другу дощечку отакъ: петельку протягнуть у крайню дирочку, помынуть середню, затягты у другу крайню дирочку, ажъ тоди тягты петельку у середню дирочку. И добре сюды вытягты та знову у ту першу крайню дирку, де вже йе ремынець, протягты петлю цю (назустричь уже). Якъ вытягты, то въ ту петельку пропхнуть усю запетлёвану другу дощечку, тай знову назадъ тягты петельку, та ще й скризь мицненько попрытягувать. Будуть обыдви дощечкы запетлёвани. Морока зроблена. Хто не знае, хай розморочыть. Бо хто знае, якъ заморочыты, то той легко й розморочыть. Часомъ якъ хто, пиднесе кому знаючому цю мороку, думае, що той не знае ще, то той и каже: «дуры кого другого».

70. **Морока („баранець“).**

Выготовлять шисть однаковыхъ палычокъ на чотыри вуглы жодна. Зроблять зъ ихъ лысыци таки. Одну пару лысычокъ цихъ складуть одна до однои, вырizка до вырызкы, и щобъ до миры булы! Другу пару зробыть на взирець таку саму, а вырызкы таки щобъ булы, щобъ якъ скласты ихъ на маниръ, якъ и перша пара складается, то у ихъ у середыну улизла-бъ перша парка. А якъ готови будуть, то нымы и обнять першу пару посередыни. Лысыци, сказать, узять у други лысыци. Якъ узять лысыци въ лысыци, то зъ бокивъ будуть диркы межъ лысыцямы. Дви диркы, ти що не затулени верхнимы лысычкамы, будуть таки завбильшъ, що и въ ихъ у кожну ще по одній лысыци можно пропхнуть. Отутъ и вси хытрощи. Пропхнуть треба такъ, щобъ третя пара лысычокъ обняла тисно другу пару лысычокъ—та́къ завтиснишъ, щобъ баранець (воно выйде такый баранчыкъ) не роспався самъ, хочъ и якъ нымъ перекыдатыся («грaться»). А баранець выйде— що й подывытысь любо

71. **Морока**.

(Зъ сырого шелюгу, або лозыны).

Сыру шелюжыну, або лозыну (утовщъ зъ палець, удовшъ зъ аршынъ), на одному краи (якому небудь) застругать, якъ дощечку, зъ чотырёхъ вугливъ и въ цимъ краи саме посередыни кинчастымъ ножемъ, або кискою, продовбать дирку вугласту, не дуже по́малу. На цій шелюжыни тымъ самымъ ножемъ на бильшому краи, що незструганый, оддилыть коры стёжку, щобъ тильки не до краивъ. Буде таке, якъ лучокъ, якъ трохы зигнуть шелюжыну цю. Загынать на тому боци, де саме оддилена кора одъ стебла. Якъ зигнуть дужче ще, то кора геть одвысне, и іи саме на середыни зигнуть и ту петельку упхнуть у ту дирочку вугласту и протягты чымаленько. Хоча, бувае, и наломытся шелюжына, якъ іи згынать, про те ничо́го: ще краще тоди зъ нею пораться, абы тильки зовсимъ не роспалась на двое; а теперъ треба узять коротчый цурпалочокъ шелюговый, або лозовый, и по-половыни на двое переризать, не до краю, а тильки до коры и ту кору щей пооддилять одъ стебла, по краяхъ переризавъ, и сами краи ци понадризувать потроху, щобъ бильша стежка зъ коры була и щобъ удобнише було зъ нею ворочатысь. И ажъ допиру затягты одынъ край у ту петлю, що у першій лозыни зроблена. Затягты тай пустыть помалу, хай соби усе стане на своій мири, а якъ вже лозына перша не росправытся сама, то іи треба вже самому помалу росправыть. Якъ росправытся, то вона у вугласту дирку сама протягне за собою другу петлю зъ другои лозы, и морока кончена—заморочена. Хто не знае, попозаглядае коло неи, якъ іи розморочыть, розризныть одну лозыну одъ другои, не рвавшы коры. А хто знае вже, то, звисно, зигне назадъ першу лозыну зъ петли.—Найкраще цю мороку робыты зъ сырого соняшныка: на ёму не выдно, чы зломленый винъ по половыни, чы ни, и вгадаты, що незигнувшы не выведешъ одной петли другои.

72. **Морока.**

(Зъ пояса роспытлюваться).

Котрый небудь хлопець визьме свого пояса, зкладе удвое, саме де петля—визьме рукою и протягне коло пазухы у рукавъ чы свиткы, чы й сорочкы и прошылы́ть по руци ажъ у закавраши, геть петлю ту вытягне на двиръ черезъ увесь рукавъ. А два краи зъ пояса, що такъ соби, зосталысь зъ цёго краю, що пишовъ у пазуху. Якъ же петлю вытягне зъ рукава, то тоди у ту петлю прошыляе ци обыдва краи пояса. Пошылыть, тай держыть за ихъ рукою, а ни—прывьяже до чого й каже: «а ну роспетлюйся». Той тоди и мусуе, усякъ роскыдае головою, якъ бы ёго такъ роспетлюватысь.

Роспетлёвуются такъ: рукою, що незапетлёваный рукавъ, беруть петлю и надивають на свою голову, а потимъ іи тягнуть че́рёзъ станъ на ногы, а тоди ногамы выступыть зъ петли и поясъ роспетлюется. Геть увесь проріне хлопець кризь петлю.

73. **Морока.**

(Зъ пояса—вузолъ розвьязать).

Заморочыть такъ: посередъ пояса зробыть вузолъ. Такымъ самымъ вузломъ, зробленымъ на обохъ краяхъ, прывьязать будь-ли кому за рукы. Тоди й загадать, щобъ той, кому прывьязаный поясъ, розвьязавъ середній, що въ самый передъ зробленый бувъ, вузолъ насередъ пояса, щобъ тильки вузливъ на рукахъ не розвьязувать и не скыдать зъ рукъ.

Щобъ розвьязать вузолъ середній, треба, щобъ трохы на ослаби и винъ бувъ звьязаный и ти два вузлы, що на рукахъ.—Тоди будь-ли якою рукою взять ту сталку, що йде поверхъ прывьязаного до рукы краю, тай тягты до рукы, надить на руку ажъ по-за вузломъ, що на руци, та по-пидъ вузломъ другою слободною рукою по са́мимъ тили протягты стильки, щобъ руку (жменю) прошылыть и держать, покы рука ця пролизе, а якъ пройде, такъ заразъ и ростягты поясъ рукамы—вузолъ и розійдется, розвьяжется.

74. **Морока (загадка).**

(Зробыть дви петли за разъ—на пояси, або й на будь-ли чому).

Загадують загадкы на словахъ, загадують загадкы и на дили. Зробыть дви петли въ одынъ разъ—завдасть хто завдачу: хто не знае, той не прыгадае. Хиба ридко хто потрапыть, тай зъ довгою морокою. Бувае, що й покаже, якъ воно зробыть треба, и то не вкмитыть друге швыдко. Оце прыйде зъ поясомъ на рукахъ хто до кого та шморгъ и вытягне передъ очыма дви петли въ-разъ, тай каже: а ну вытягны ты. И зайде морока. А воно робытся такъ. Спершу поясъ кладется на дви рукы петлямы, якъ налыгачъ на рогы корови,—тильки обыдва краи пускаются довши наверлé.

Зробывшы такъ, треба потимъ правою рукою та всею жменею узять коло лившы ту сталку, що одъ себе. Ливою рукою такъ же само взяты коло правши. Мицно забравшы въ рукы сталкы, потягты, щобъ рукы зъ своихъ петель повылазылы геть, и потягты. Вытягнутся дви петли зъ одного вузла, бо якъ тягты, то краи непреминно зашморгнутся, а выйдуть тильки дви петли—ривни.

75. **Загадка (морока).**

(На два вузлы на однимъ пояси).

Така сама и це загадка-морока на два вузлы на однимъ пояси, або й мотузци, яка на дви петли—морока. Робытся такъ спершу. У двое складеный поясъ запетлёвують такъ, якъ ото и въ рукавъ, тай держать у рукахъ ливою за петлю двохсталкову, правою—два краи пояса.

Зробывшы таку петлю, заразъ продить у неи усю руку праву (або й ливу) и, продившы руку, брать жменею ту що одъ себе сталку (край пояса) зъ другои рукы, а ту въ тій держать мицно и тоди швыдко потягты.

Якъ потягнуты швыдко, щобъ у лынію вытягты пояса, то зостанутся на пояси два вузлы. Такъ саме заморочують и на бильшъ вузливъ—на тры, чотыри й на пьять.

76. **Морока на шыйку до батога.**

Батигъ надивается на пужално шыйкою, що двома петлямы складается до купы. Двома рукамы ій зробыть легко, якъ хто уміе іи робыть, а вже одніею рукою, хочъ и знаешъ якъ вона робытся, не складешъ такъ легко: гараздъ треба головою роскынуты, щобъ догадатысь, якъ іи скласты. Щобъ попробувать, беруть поясъ,—винъ найскоришъ напо́хвати. Складають ёго усякъ, щобъ зробылась шыйка на батигъ. Прыбырають усякыхъ способивъ. Найшвыдче отсымъ доходять. Складуть поясъ наполовыну у-двое—петлею дило (одну руку ховають за пазуху, або за очкуръ стромляють, щобъ нею не орудовать). Той край, що ызомъ пишовъ по-пидъ другымъ краемъ, завирчують тежъ петлею, краемъ наверхъ. Тоди цю другу петлю злегка, щобъ не розсунулась, беруть у руку и кладуть на першу, або першу на неи и, здавывшы обыдви у руци, струснуть іи; краи опустятся у-ныЗъ, а въ руци зостанется шыйка на батигъ.

77. **Морока—покласты десять палочокъ навхрестъ черезъ дви на третю.**

У самый передъ ложать на лави, або на столи, а то—то й доли на земли, пидрядъ десять палычокъ маленькыхъ, найшвыдче сирнычкивъ; такъ урядъ ихъ и класты 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1. Якый угодно сирнычокъ можна браты тай переносыть хочъ у-передъ, хочъ назадъ усе черезъ два тильки—не бильшъ и не меншъ—и класты на третій навхрестъ. Якъ выкласты вси, хто зуміе, такымъ порядкомъ уси геть сирнычкы, той мороку заморочывъ. Але довга морока, покы попадешъ уси похрестыть сирныкы. Навить и спершу не вгадаешъ за якый братысь. А казать нихто нехай не каже.—Щобъ мороку цю заморочыть, треба 5-й класты на 2-й; 7-й×10-й; 3-й×8-й; 9-й×6-й або й навпакы 6-й×9-й; 4-й×1

або й навпакы 1-й$\times$4-й; тоди уси будуть навхрестъ покладени и все черезъ дви на третю. Будуть уси складени такъ XX . . . . . XXX (якъ 6$\times$9, а 4$\times$1). Такъ же й розморочувать теперъ само. Якъ хто другый заморочыть, то розморочувать ще труднище самому, бо и розморочувать треба тежъ черезъ два на третій, а на порожни мисця трудно попадать и въ голови вдержувать. А хто вже зловчывся, тому байдуже.

М. Г.

Полтавскій семинаристъ въ плѣну у горцевъ.

Самовольные побѣги на «ту сторону реки Кубани» и «безъ особо нужныхъ къ тому причинъ» лицъ, принадлежавшихъ къ сословію бывшаго Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) войска или хотя бы временно проживавшихъ на территоріи послѣдняго, строго запрещалось войсковой администраціей. Существовала цѣлая система карательныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ «удержанію отъ побѣговъ черезъ р. Кубань» и въ широкихъ размѣрахъ примѣнявшихся администраціей войска вплоть до 1862 г., когда граница черноморскихъ владѣній была отодвинута за р. Кубань. Виновные бѣглецы, послѣ предварительнаго допроса, снимавшагося съ нихъ въ карантинныхъ заставахъ, куда они препровождались обыкновенно пограничными разъѣздами козачьихъ «бекетовъ», а часто и самими «закубанцами» (обычный терминъ въ устахъ черноморскихъ козаковъ для обозначенія горскихъ народностей, жившихъ на Кавказѣ), матеріально заинтересованными въ доставленіи назадъ войсковыхъ перебѣжчиковъ, и послѣ «выдержанія ими опредѣленнаго карантиннаго термина», препровождались «для поступленія по законамъ» въ войсковую канцелярію. Послѣдняя обыкновенно «мнѣніемъ своимъ полагала: возвратить виновнаго на прежнее его жительство, въ прежнее состояніе», подвергнувъ его предварительно—судя по степени виновности—наказанію плетьми

отъ 50 до 100, а то и больше ударовъ. Судебное разбирательство въ такихъ случаяхъ продолжалось не долго; для судьевъ—членовъ Войсковой канцеляріи—достаточно было самого факта нарушенія подсудимымъ установленныхъ правилъ и распоряженій, чтобы возложить на него соотвѣтствующее наказаніе. Ссылки на тяжести войсковой пограничной службы, на случайное, не «злымъ намѣреніемъ» нарушеніе требованій послѣдней, какъ на мотивы, приводившіеся подсудимыми въ свое оправданіе, не имѣли въ глазахъ судилища особой цѣнности, и значенія смягчающихъ вину обстоятельствъ» имъ не придавалось такое, по крайней мѣрѣ, выносишь убѣжденіе изъ изученія «дѣлъ» Войскового Правительства Черном. каз. войска и «кременальной» экспедиціи Черноморской войсковой канцеляріи, смѣнившей въ 1801 г. названное Правительство, Но вотъ 25 іюня 1819 года членамъ войсковой канцеляріи пришлось встрѣтиться съ небывалымъ до сихъ поръ въ ихъ административно-судебной практикѣ случаемъ. «Поступленію по законамъ» подлежалъ «пойманный закубанцами, дезертировавшій за границу рѣки Кубани, «именующій себя семинаристомъ Иванъ Вакулинскій». Предварительныя дознанія, снятыя съ подсудимаго еще 17 іюня въ Екатеринодарской карантинной заставѣ, выяснили личность Вакулинскаго: онъ происходитъ изъ духовнаго сословія, его отецъ былъ настоятелемъ одной изъ приходскихъ церквей м. Решетиловки, полтавской губерніи, и даже имѣлъ санъ протоіерея. Въ карантинную заставу Вакулинскій былъ представленъ 17 іюня черкесами, получившими въ обмѣнъ за него отъ комиссара заставы 50 пуд. соли по 50 коп. за пудъ. Свои предварительныя показанія подсудимый дополнилъ въ Войсковой канцеляріи, куда его препроводили 25 іюня послѣ выдержанія карантиннаго термина; здѣсь «былъ онъ спрашиванъ» и показалъ: «обучавшись онъ Переяславской семинаріи до класса рыторики, откуда въ прошломъ 1809-мъ году, во время квартированія около города Переяслава Уланскихъ запасныхъ баталіоновъ, былъ съ прочими семинаристами подманутъ въ оные безъ вѣдома духовной власти, но какъ оная часть отобрала семинаристовъ, по-

ступившихъ безъ вѣдома туда, въ томъ числѣ и меня, велѣла продолжать ученіе ихъ далѣе. Покойный же родитель мой, протоіерей Вакулинскій, услышавши о семъ, пріехалъ самъ въ городъ Переясловъ и видя меня въ жалостномъ положеніи, просилъ преосвященнаго и Консисторію тамошнюю уволить меня вовся изъ духоваго званія, но консисторія вышеуказанная заключила своимъ опредѣленіемъ: вмѣсто уволненія за такой поступокъ исключить изъ семинаріи и духовнаго званія вовся, не давъ ему никакого письменнаго документа. Я тогда, пріехавши въ домъ родителя моего, прожилъ не болѣе въ ономъ, какъ одинъ годъ въ надеждѣ той, что рано или поздно ошибки молодыхъ людей посредствомъ благодѣянія могутъ исправиться. Но какъ родитель мой померъ, я былъ учителемъ Полтавской губерніи Зѣньковскаго повѣта, въ домѣ помѣщика коллежскаго регистратора Виктора Тимченка два года;—кончивши-же курсъ своей кондиціи, поехалъ тоже для сего единственно Хорольскаго повѣта въ мѣстечко Бѣлоцерковку къ помѣщику ротмистру Александру Быковскому, который, отправляя послѣ сына своего въ Петербургъ, совѣтывалъ и ему туда же поехать,—онъ, на сіе рѣшась, поехалъ и, достигши Петербурга, просилъ медицинской тамошней академіи о принятіи его въ оную; но оная Академія его, не имѣвшаго отъ семинаріи никакого документа, не приняла; въ скорѣ же послѣ сего полковой есаулъ Бѣлой, служившій въ гвардіи, отправлялся въ переводъ оттель въ войско сіе, и онъ, услышавши отъѣздъ его, просилъ, чтобы его взялъ съ собой въ Екатеринодаръ, куда прибывши, подалъ прошеніе въ Войсковую канцелярію войска сего, и находился при письменныхъ дѣлахъ оной и по сіе время до 15 числа сего іюня.—Что же касается до содѣяннаго нимъ нынѣ поступка, онъ отъ того единственно произошелъ, что на сообщеніи сей канцеляріи, послѣдовавшемъ ему—въ причисленіи въ войско сіе непріятные преграды,—и онъ услышавши сіе, началъ безпокоиться такъ, что впалъ въ меланхолическое положеніе и отъ шума въ головѣ отъ того собственно родившагось, рѣшилъ переплыть на ту сторону навсегда, тамо и остаться, что и учинилъ

днемъ, гдѣ сейчасъ незнаетъ какимъ образомъ былъ подхваченъ черкесами, которые, завязавши ему глаза и руки, черезъ двѣ какіе то рѣки перевезли прямо въ свой аулъ, въ которомъ и находился одинъ только день, что правильно показалъ, въ томъ и подписался. Полтавской губерніи, мѣстечка Решетиловки умершаго протоіерея Лазаря Вакулинскаго сынъ Иванъ Вакуливскій».— Услышавъ эту печальную повѣсть, члены войсковой канцеляріи оказались въ затруднительномъ положеніи: передъ ними стоялъ не заурядный бѣглецъ, вслѣдствіе тяжелыхъ условій войсковой службы искавшій счастья, свободы и приволья въ горахъ, у черкесовъ; нельзя было причислить Вакулинскаго и къ разряду тѣхъ невольныхъ «плѣнниковъ», которыхъ приходилось судьямъ такъ часто подвергать наказанію за несоблюденіе ими правилъ пограничной сторожевой службы и которые, благодаря этому, попадали въ плѣнъ къ «Закубанскимъ народамъ». И личность подсудимаго, и обстоятельства, предшествовавшія побѣгу, и, наконецъ, мотивы послѣдняго были настолько своеобразны и необычны, что судьи не рѣшились примѣнить къ Вакулинскому чисто-формальные пріемы судопроизводства, какъ это практиковалось ими въ подобныхъ случаяхъ. Съ другой стороны и оправданіе подсудимаго по такимъ мотивамъ, какъ «меланхолическое» настроеніе, повлекшее за собою «шумъ въ головѣ», не было предусмотрѣно законоположеніями и правилами пограничной сторожевой службы, ясно и опредѣленно говорившими о «тяжести» наказанія за «самовольный побѣгъ» черезъ р. Кубань, «безъ вѣдома начальства» и «безъ особо нужныхъ къ тому причинъ». Желая выйти изъ такого затруднительнаго положенія, члены Войсковой канцеляріи постановили обратиться черезъ войскового Атамана полковника Матвѣева къ Херсонскому военному губернатору графу Ланжерону, главному начальнику Черноморскаго войска, за необходимыми указаніями. Послѣдній въ своемъ отвѣтѣ отъ 12 іюля т. г. на имя войскового атамана писалъ слѣдующее: «Прочитавъ рапортъ вашъ за № 3427 съ объясненіемъ выкупленнаго отъ черкесъ, показывающагося Полтавской губерніи мѣстечка Решетиловки умершаго протоіерея

Вакулинскаго сына Ивана Вакулинскаго, я не нахожу надобности предавать его сужденію по уваженію, что онъ побѣгъ учинилъ отъ меланхолическаго припадка, но предлагаю вамъ только содержать его арестомъ и, справками открывъ настоящее его жительство и званіе, представить все то моему разсмотренію, и ожидать разрѣшенія» (№ 503). Каковы были результаты этого отношенія гр. Ланжерона—изъ дѣла, къ сожалѣнію, неизвѣстно. (Дѣл. Войск. Арх. Куб. каз. войска, кн. 172, св. 75, д. № 748; стр. 22—31).

Сообщ. **С. Петлюра.**

Святъ-вечиръ.

Наставъ святъ-вечиръ. Цилисенькый день падавъ снигъ, а у вечири схопылась така велыка завирюха, що й свита Божого не выдно стало.

Гуде на двори витеръ—завыва, та кучугуры намита таки здорови, якъ ти могылы, що скризь по велыкому шляху, хто ёго зна й видколы: мабуть ще за дидового-дида.

Довго, довго ще свитылось по хатахъ, бо дила було багато у жинокъ передъ Риздвомъ; а день якый у Пылыпивку? манисинькый! Хиба вспіешъ все переробыты що треба?

Хаты хочъ и побилени булы на останнимъ тыжни, а все-жъ таки треба було ще разъ и прыпичокъ зашмаровать, и дилъ змазаты; де-хто не вправывся—прыйшлось и сорочку выкачаты й голову змыты.

Дила було багато у жинокъ, а чоловикы, зразу писля кути, завалылысь спаты.

Цилисенькый вечиръ свитылось и въ земській школи, що стояла на выгони, далеченько таки видъ села.

Свитылось у тій горныци, де жыла учытелька, молода, гарна панночка. Вона ще першый рикъ якъ почала вчыты дитей. Іи помошныця пойихала въ городъ до ридни, а вона сама зосталася зъ старымъ дидомъ-сторожемъ перебуты Риздво.

Давно вже дидусь и самоваръ зогривъ и на стилъ подавъ, а Надежда Васылёвна—такъ звалы учытельку—сыдила соби мовчкы

биля столу, похылывшысь на рукы, смутна, смутна та невесела.

Горныця іи була прыбрана гарненько: постеля заслана новисенькымъ одіяломъ; на подушечкы (що булы въ червоныхъ напирнычкахъ) натягнути тонисенькы зъ мережкамы наволичкы; доли лежалы половычкы, въ кутку иконы; по стинахъ скризь высилы всякы картыны, патреты, а на виконцяхъ билесенькы, такъ и просвичуются наскризь, занависочкы.

— Надежда Васылёвна!—обизвався до неи дидъ—чого це вы сумуете, неначе послидне спеклы? Зирка вже давно просвитыла, а вы ще й доси ничого не йилы: и борщъ стоить цилисенькый, и пыригъ, що прынесла унука, лежыть на тарилочци не розлупаный; я й кашу вамъ олійкою смачненько помастывъ, а вы й не куштуете? Самоварь видколы паруе, а вы ще й доси чаю не заварылы. Що це зъ вамы подіялось?

— Охъ, дидусю! Охъ, голубчыку, чогось мени такъ важко зробылося на серци... що не хочется мени ни пыты, ни йисты и свитъ билый мени не мылый ставъ.

— Чого-жъ це такъ? Вы-жъ булы веселенькы, балакучи, прыязны, а теперъ зробылысь таки неначе батька ридного поховалы. Вы-жъ якъ Риздва дожыдалы!

— Правду кажете, дидусю, диждала я Риздва, хто ёго зна й якъ: думалось диты розійдутся, не будуть туркотиты головы, спочыну на самоти, багато де чого зроблю: чытатыму й пысатыму; радила, колы-бъ швыдче самій зостатыся... Ось и зосталась сама... диждала святого вечира... И не хочется мени ни кныжкы въ рукы браты —бачыте ото скилькы лежыть нечытаныхъ,—и пысаты ничого не хочется... Згадала, якъ ще торикъ весело, та гарно було у городи зстричать Риздво зъ матирью, та мижъ панамы, а теперь якъ померла маты, та зосталась я сыротою, ни до кого мени пойихаты, ни зъ кимъ слова сказаты... и такъ-то, дидусю, цилисенькый викъ у васъ отутъ пропадатыму, якъ у тюрьми... отакъ и молодисть свою занапастю и помру, не бачывшы ничого доброго й не звидавшы радосты ніякои.

— Хай Богъ мылуе, що це вы кажете?

— Правду, дидусю, кажу. Добрый вы чоловикъ, а тильки не розуміете того, що робытся у мене на серци!

— Добре розумію, моя матинко, що молода вы людына, а пары вамъ немае, и боитесь вы, що тутъ іи й не знайдете.

— Ни, дидусю, я не про те... и въ думци цёго не було.

— Такъ про що-жъ?—здывовався дидъ.

— А про те... Ну якъ бы це вамъ такъ розсказаты, щобъ вы й розибралы?!... Бачыте, выросла я у городи у великій семьи, вчылась мижъ панночкамы, по празныкахъ ходыла въ гости до панивъ—весело та гарно було; а тутъ я все одна, та одна! Адже-жъ и ваши дивчата сходятся на вечорныци докупы: шуткують, спивають, танцюють! И бабы ходять одна до другои, и чоловикы збираются у волости, або такъ де въ хатахъ побалакаты про те, про се... а мени ни до кого слова промовыты, ни до кого й обизватыся.

— Адже-жъ и до васъ ходять диты, бабы й дивчата,—хиба вы мало зъ нымы балакаете?

— Э... дидусю, то балачкы не таки,—не до такыхъ я звыкла. Ось я, дидусю, чытаю кныжкы—и ни зъ кимъ мени побалакаты про те, що я чытаю. И то-жъ то цилисенькій викъ такъ буде отутъ... Гирка моя доля, дидусю, ой яка гирка! Важко молодому отакъ пропадаты!

— Ось слухайте, не плачьте, не надрывайте вы свого серця... Ось, не гнивить вы Бога... Хай плакатымете тоди, якъ справди лыхо взнаете!

— А хиба це, дидусю, й не лыхо?

— Яке-жъ це лыхо? Колы чоловикъ пры здоровьи, молодый, та гарный, йе въ нёго хлибъ, йе й до хлиба; и жыве винъ соби й копійку мае, якъ оце й вы... Мени такъ здается, що паны николы въ свити такого лыха не знають и не бачать, якъ намъ, простымъ людямъ, ёго доводытся бачыты. Ударьте-но лыхомъ объ землю, та й не сумуйте!

— Охъ, дидусю! Ну й важко-жъ мени на серци такъ, що не знаю куды й дитыся?

— А вы на те не вдаряйте, що вамъ на серци важко робытся—безъ цёго не можно прожыты никому. Однаково, якъ ота годына на двори миняется: то сонечко свитыть—то дощыкъ накрапа, то зоряно и ясно—то метелыця круте, а де колы схопытся така завирюха, що й стогы попереверта й крышы позносе й дерева зъ кориннямъ повывертае,—то такъ точнисенько бува й на серци у кожного чоловика. Та, спасыби Богу, тильки ненадовго: на свити все мына—и радисть и печаль. Оце вы теперъ зажурылысь, а завтра сміятыметесь. Ось побачыте, колы я неправду вамъ кажу. А вы, якъ що таке прыйде вамъ на думку, видъ чого на серци стане важко,—одганяйте ёго геть видъ себе, щобъ ёго й не було. Це вы тимъ засумувалы, що нема годыны гарнои на двори и сами зосталыся, та ще й ничого не йилы цилисенькый день, и въ горныци холодно. Ось я вытоплю ще разъ грубку, бо вы вже змерзлы, ажъ помарнилы на выду; а вы тымъ часомъ заходиться та всыпте соби борщыку, та пойижте гарненько, та чайкомъ якъ запьете, то де те й лыхо динется!...

— Може воно й справди такъ, якъ вы кажете... А я ось що надумала, дидусю: добуду я у васъ до весны, а якъ диты экзаменты здадуть, пойиду я тоди соби у городъ миста шукаты.

— Якого-жъ це миста?.

— Такого-жъ самого—за учытельку, тильки панськыхъ дитей буду вчыты... Я й сама, дидусю, багато де чому вчылась: знаю якъ и нимци балакають по своему, й храннузы, и граты на музыкы вмію, мене визьмуть до дитей у всякый замижный димъ,—сказала вона й очы іи заблыстилы зъ радощи, що надумала, якъ можно кинчыты свое сумування и зажыты такъ, якъ ій хочется: мижъ панамы, весело та гарно.

А дидусь глянувъ на неи, та тильки головою похытавъ.

— Чого це вы такъ, дидусю?

— Гирко мени слухаты, шо це вы кажете... дуже шкода буде, якъ вы пойидете видъ насъ.

— Хыба не однаково? Не я буду—друга буде.

— Добре знаю, що буде... багато вже тутъ народа попребувало—и панычивъ и панночокъ. Тильки тутъ не вдержытся

нищо добре... А якъ попадется ледащо яке—пьяныця, те довго держатымется.

— Хыба у васъ, дидусю, й таки бувають?

— Чому ни? Тутъ мы разъ одного учытеля насылу здыхалысь. Винъ бувъ поповычъ, та не схотивъ, кажуть, ниде вчытыся; куды вже той бидный батько ёго не виддававъ, якъ винъ ёго не вговорявъ, що вже ёму й не робывъ, и бывъ, кажуть,—такъ ничого й не помоглось! Други сыны гарно повчылысь и на попы выйшлы, а це було таке убоище, що й служыты ниде не схотило, жыло соби на батькивській шыи, та байдыкы было, покы не пидійшлы ти годы, що треба було въ москали йты, такъ воно злякалось военнои муштры, та тоди тильки за кныжку взялось—экзаментъ здало на вчытеля, та до насъ и прыйихало. И що то мы зъ нымъ мукы набралыся: цилисеньку ничъ було гуля зъ волостнымы, та одно зна—по горилку мене посыла, а шынокъ бувъ далеко у сели. И що то мени оти пивъ-кварты увирылысь, до жывыхъ печинокъ... багато я ихъ попереносывъ ёму. Було прыйде винъ передъ свитомъ, ляже спать, а вранци ёго не добудышся; уже й школяры понаходять, а винъ все спыть и не чуе, якый воны галасъ у школи пиднимуть: жартують, борюкаются, одне одного почнуть чубыты, таке було зроблять, хочъ полы врижъ та тикай видъ ныхъ. А вчытель прокынется тоди, якъ сонечко высоченько пидибьется—добрымъ людямъ уже й обидаты пора, а винъ тильки встае, и покы не выпье горилкы на ще серце, такъ и не пидходь—сердытый такый, якъ та звирюка въ лиси; а пиде въ класъ и почне стусанамы годуваты ученыкивъ за те, що не такъ отвичають, якъ ёму хочется.

— Що це вы кажете, дидусю, невже винъ бывъ дитей?—зострахнулась Надежда Васылёвна.

— А то-жъ! Якъ ще й здорово бывъ: и за вуха дравъ и навколюшкы ставывъ. Що то бидни дитки попоплакалы видъ него!

— Хай Богъ мылуе! Чомъ же не жалилысь на нёго?

— Та хто-жъ бы посмивъ и кому? Хыба нашы бабы, або-жъ дядькы знають, якъ ту жалобу пысаты й куды іи подаваты? Було почне хто изъ материвъ казаты старшыни, якъ учытель дуже

дитей обижае, такъ той тильки здвыгне плечыма. — «Дурна ты!» — каже—«Це-жъ винъ такъ ихъ до ума доводыть. Хыба-жъ таки можно дитей вчыты такъ, щобъ котрый разъ и не попобыты?— И щобъ то й було зъ нашыхъ дитей, якъ-бы ихъ ще й не бывъ?! Шыбенныкы, та й годи. Я й своихъ добре луплю».—И пиде маты до-дому ковтаючы слёзы, бо хлопця іи такъ учытель торохнувъ у вухо, що у того другый мисяць головонька болыть. Не розибравшы дила, дурна баба пишла до старшыны, а винъ-же жъ первый прыятель нашому учытелю, зъ нымъ пье й гуляе, такъ стане винъ руку тягты за дитей? Якъ-разъ!

— Боже Мылосердный! Це мени й дывно слухаты!... Ну, чомъ-же-жъ батюшци не казалы за учытеля?

— Не насмилы казаты.

— Якъ-же-жъ той учытель видъ васъ видійшовъ?

— Прогналы, спасыби Богу. Прыйихавъ якось наблюдатель несподивано, а вчытель, писля доброи выпывкы, и лыкомъ не вьязавъ, очы позапухалы и ледви на ногахъ держався. Такъ той якъ глянувъ на нёго, та й балакать зъ нымъ не схотивъ: зибравъ дитей до купы и довго ихъ пытавъ про те й про се—нибы-то экзаментъ зробывъ, та якъ побачывъ, що воны ничого не тямлють и не розуміють, дуже розсердывся, а черезъ тыждень и бамага прыйшла, щобъ учытеля не було. Ну й зрадилы вси, ажъ хрестылысь, якъ винъ выйиздывъ.

— Такъ ось яки учытели бувають!—каже Надежда Васылёвна, и стало ій такъ гирко на души, уже не за себе, а за бидныхъ дитей-школяривъ, що попадають воны до такыхъ учытеливъ, котри горилку пьють и ихъ бьють....

Дидъ узявъ рядно й пишовъ по солому, а вона почала потрошку куштуваты борщыку, що дидъ наварывъ,—винъ у неи кухарювавъ, якъ умивъ. И все зъ думкы у неи не йшовъ той учытель... и шкода, шкода стало ій бидныхъ дитей.

— И за що винъ ихъ такъ обыжавъ?—дума Надежда Васылёвна.—Воны-жъ таки слухняни та гарни диты, що не доводылось ій не те що наказуваты ихъ николы, а й гриматы дуже,

або-жъ лаяты и все було вона ихъ ласкавенько вговоряла, якъ що не такъ, якъ слидъ воны зроблять, а диткы й слухалы іи. Добре вона теперъ знала, що прости мужычи диты таки, що зъ нымы що вгодно можно зробыты, тильки уміючы треба обійтысь коло ныхъ ласкавенько та прыязненько.

Солома жарко горила у грубци, въ хати зробылось тепло, ажъ душно. Воны соби сыдилы зъ дидомъ у-двохъ и пылы чаекъ: Надежда Васылёвна биля столу, а дидъ коло грубкы доли.

— Дидусю! Розскажить мени що небудь, щобъ мени веселише було на души.

— Про що-жъ я розсказуватыму, моя матинко, якъ я й самъ ничого не знаю.

— Якъ таки, щобъ вы ничого не зналы? Я цёму зроду не повирю. Хыба-жъ таки вы мало прожылы на билому свити? Багато де чого вже бачылы, багато де чого знаете; розскажить, якъ перше люде жылы? Хыба мало де чого траплялось вамъ на вашому вику?

— Э-э! На вику якъ на довгій ныви, всёго переведется.

— То-то-жъ и йе! Ось вы казалы, що я справжнёго лыха ще не бачыла, и що паны ёго николы не знають; а вы-жъ, дидусю, ёго бачылы, або-жъ пережывалы? Розскажить, а я послухаю.

— Ну, про що-жъ бы мени вамъ розсказаты?!.. Хыба ось про вищо: згадавъ я, якъ разъ мени трапылось Риздво стричать, та не такъ ще мени, якъ бидному батькови довелось святъ-вечиръ справлять такъ, якъ мабуть никому въ свити ще й не доводылось... Давно це було, я тоди ще невелычкымъ бувъ: годивъ трынадцять не бильше... Жылы мы соби не тутъ, а въ Гупаливци. Покійный батько и маты—царство имъ небесне и вичный покій, хай имъ перомъ земля—булы не таки, якъ теперъ люде насталы: воны Бога боялыся, по закону жылы и насъ, дитей, вчылы почытаты й поважаты старшыхъ и ничого чужого не займаты. А про-те, якъ лыхо прыкрутыло, сами пишлы на грихъ... И якъ-же-жъ воны каялысь и намъ, дитямъ, прыказувалы цёго ихъ гриха не

забуваты и такъ николы не робыты... Бороны Боже видъ такого лыха, видъ такои напасти, якъ имъ трапылось пережыты, у той рикъ, якъ хлибъ святый не вродывъ. Ще зъ самои весны, вырисъ винъ соби ридесенькый, а передъ тымъ якъ ёму налыватыся, настала суша, жарота, витеръ гарячый такый, що якъ вогнемъ ёго выпалывъ. Не було й пашы ни на толоци, ни на стерни; манисенька травка поросла и та посохла такъ, ажъ хрумтила пидъ ногамы. Земля порепалась, якъ той лидъ на ричци, передъ тымъ, якъ ёму роставаты. Якъ-же настала зима, то скотына бидна ревла зъ голоду. У кого ще булы запасы торишни—пойилы, хто мавъ яку одежу, худобу, або такъ що зъ хазяйства—попродавалы, позаставлялы й грошы попройидалы. Доводылось не те що биднымъ, а й багатымъ соломьяни крышы обдыраты та худобу годуваты. И зерна на насиння ни въ кого не було. Покійный батько мій багатыремъ николы не бувъ, ну а все-жъ таки и не бидувавъ до голодного году, й горя не знавъ. А тутъ якъ зосталыся безъ хлиба зъ диткамы (а насъ чы-маленько въ хати було—пьятеро, та вси таки дрибненьки), такъ и зазналы, що таке справжнимъ лыхомъ называется. Багато народу у той рикъ померло у насъ на сели; люде мовлялы—видъ жывота, а я вамъ кажу—прямисенько зъ голоду: бо якъ найидятся хлиба зъ мьякынамы, то такъ жывота й пидведе. И намъ-бы те-жъ було, якъ-бы насъ не пиддержувавъ багатырь нашого села, Тарасъ Грыгоровычъ Ковбаня. Винъ батькови кумомъ доводывся, а намъ, дитямъ, хрещенымъ батькомъ—всихъ насъ винъ до хреста державъ. Своихъ дитей у нёго не було. Люде казалы, що винъ скупый бувъ; це справди, що винъ не хотивъ хлиба свого роздаваты й грошей ридко де кому позычавъ и то за велыки проценты; люде це добре зналы и хату ёго мыналы, а про-те батька мого винъ шанувавъ и багато ёму позычавъ и хлиба й грошей. Тильки де-жъ на таку симью й напозычаться? Надокучыло й кумови даваты,—ставъ винъ и батькови видказуваты. Дожылысь мы до того, що не те що хлиба не було, а послидню картоплю дойилы. А тутъ риздвяни святкы наступають. Що ёго робыты? Дывлятся батько якъ маты побываются: слухають, якъ диткы плачуть—йисткы просять; та

таки зробылысь худи, та жовти, ажъ очы имъ позатягало,—то такъ у ныхъ серце защемыть, неначе гадюка обовье ёго—-и душыть и давыть, и мисця воны соби не найдуть одъ печали. Не разъ казалы, що бралысь за налыгачъ и поглядалы въ лиси на сукъ, котрый дебелишій, щобъ петлю накынуты... та перехрестятся, зострахнутся, прочытають отченаша и пидуть соби геть видъ гриха дали.

Ось разъ—це було на самисенькый святъ-вечиръ—не знаючы де дитыся видъ дитського плачу (трое вже лежало на лави, якъ мертви, остатни лазылы такъ-сякъ по хати, якъ ти заморени мухы),—выйшлы батько зъ села... куды свитъ за очы—-думка була въ ополонку кынуться, та тильки не блызько, а десь далеко, щобъ и диты не зналы. Идуть соби по дорози, голову повисывшы, а назустричъ имъ трапывся Мыкыта Сопильныкъ.

— Здоровъ бувъ Остапе! Чого це ты зажурывся?—пытается судида.

— Якъ, братику, не журытыся, колы лыхо прыкрутыло... колы другый день въ роти ни у дитей, ни у мене зернятка не було: вже трое на лави лежать, якъ мертви.

— Куды-жъ це ты мандруешъ?

— Куды?... Эхъ! краще й не пытай! страшно й казаты.

— Остапе! схаменыся! що ты надумавъ!? Перехрестысь! Ты-жъ маешъ кума багатыря!

— Що-жъ, що я ёго маю? Я вже й такъ у того багатыря набрався, що бильше вже й не дае!

— Отъ катюга проклятый! Винъ же-жъ батькомъ хрещенымъ доводытся твоимъ дитямъ, чы то-жъ то ёму не соромъ, чы то-жъ ёму не грихъ?

— Слухай, Мыкыто. Я ёго не выноватю. Спасыби ёму: винъ и такъ багато мени запомигъ. Уже давно бъ мы зъ голоду померлы, якъ-бы винъ не ратувавъ насъ зъ самисинького лита. Де жъ и ёму набратыся на таку симью? насъ семеро у хати. Я вже въ нёго такъ напозычався, що цилисенькій рикъ прыйдется ёму видробляты за самый тильки процентъ, а колы стовпъ видда-

ваты, хто його зна й колы... Де жъ мени зъ моимы злыднямы на нёго зибратыся! Такъ за що-жъ ёго лаяты?

— А за те, що ёму не слидъ зъ кума про́центу браты. Не зигнувся бъ винъ, якъ бы, оглядаючысь на похрестныкивъ, подарувавъ бы тоби не те що про́центъ, а й стовпъ—щобъ не лежавъ винъ у тебе на думци, якъ важкый каминь. Теперъ ты що жъ? наймытъ ёго вичный, та й тильки: одно знатымешъ—робыты и въ день и въ ночи, хочъ бы Богъ и благословывъ тебе урожа́емъ. А ты ще ёму й дякуешь за те, що винъ вызволявъ тебе, якъ ты кажешъ изъ биды. Не бійся! Не дурный винъ: добре знавъ, кому гроши позычавъ; знавъ, що воны за тобою не пропадуть: колы не виддасы—все йидно видробышъ. Ты жъ до всякого дила дотепный: чы борону злагодыть, чы воза зробыть, чы стриху полаштувать, чы пичку скласты—все вміешъ, сказано на все мытець, и винъ це добре зна, що ты ёму повсигда чоловикъ нужный, на всяке дило у хазяйстви у прыгоди станешъ. А ты, колы прыйдется, у самисинькы жныва, якъ люде зароблятымуть по карбованцю въ день, дурно спыну гнутымешъ у кума, процентъ видробляючы.

— Та це такъ!

— То-то й йе що такъ! Теперъ ты тильки роздумайся, хлиба въ тебе нема!

— Та де бъ винъ узявся?

— Картопли нема?

— Послидню дойилы.

— Що жъ ты теперъ маешъ робыты?

— И самъ не знаю! Зъ голоду пропадатыму. Правду тоби скажу, братику, якъ бы не грихъ, давно бъ уже повисывся, або жъ утопывся, щобъ очы мои не бачылы, якъ ти диткы бидни зъ голоду пропадають.

— А я тоби коротесенько скажу: ду́рни мы зъ тобою, ду́рни! хлибъ у насъ пидъ бокомъ йе, а мы голодомъ пропадаемъ, та журымось; адже-жъ и я такый несчасный якъ и ты, и у мене ничого йисты.

— Якый хлибъ пидъ бокомъ, що ты кажешъ?

— А те, що у твого кума въ засикахъ ёго пидъ саму стелю насыпано.

— Ну такъ що-жъ?

— А те, що ходимъ у ночи у-двохъ, тай наберемо мишка по два на брата!

— Богъ зъ тобою! що ты кажешъ!? Чы ты зъ глузду не зийшовъ?! Оханыся! Щобъ я пишовъ красты? Та краще голодомъ пропадатыму, а на таке дило не пиду, щобъ у чужій комори замкы видбываты. Бороны Боже! Я зъ молоду ворюгою не бувъ, а то бъ на старисть заходывся красты.

— Хто жъ тоби каже замкы видбываты? Я й самъ цёго не хочу; можно зъ цилисинькымъ замкомъ гарнесенько мукы набраты.

— Якъ же це такъ?

Мыкыта зареготався.

— Ото жъ кажу, що ты, Остапе, дурный, такъ и правда! Стильки годивъ на свити прожывъ, а того й не тямышъ, що пидставывшы драбыну, можно стриху продраты и гарнесенько влизты въ комору.

— Боже мылосердный, а грихъ велыкый красты!

— А якъ диты на твоихъ очахъ помруть зъ голоду, то тоби не грихъ?

— Ой, братику, не кажы такъ, не нагадуй про дитей... Бо я якъ згадаю про ныхъ... то такъ мени зробытся—неначе мене хто зализнымы граблямы по серцю дряпоне,—такъ заболыть воно, що крычаты хочется, щобъ люде добри рятовалы.

— Э! ни, теперъ, братику, не шукай добрыхъ людей на свити, бо яки й булы добри, уси позвирилы зъ голоду; теперъ самъ себе рятуй.

— Крадижкою? Бога боюсь... ну якъ я одважусь на таке дило?

— Адже жъ ты одважувався рукы на себе накладаты, а це жъ у Бога бильшый грихъ, нижъ красты. Украдешъ зъ нужды, покаишся батюсьци, якъ говитымешъ; Богу помолышся—Богъ и простыть, а за той грихъ нема тоби прощенія не на тимъ свити,

ни на цимъ, и нихто и не одмоле за тебе цёго гриха, такъ и пидешъ прямисинько до чортякы въ пёкло.

— Боже мій! Боже! Що мени робыты? И дитей шкода й гриха боюся.

— Ну якъ знаешъ, я тебе не сылую; твоихъ дитей жаліючы кажу, а про мене хай воны пропадають зъ голоду!—

Стоять батько мовчкы, дывлятся на землю. Довго воны ще стоялы на дорози у-двохъ зъ Мыкытою, котрый ёму розсказувавъ, якъ можно все зробыть такъ лагидненько й тыхесенько, щобъ нихто про дило не довидався и не догадався. Винъ якъ на долони выкладавъ, якъ треба обернутыся такъ, щобъ усе було шыто й крыто, а батько тильки слухалы й думалы, що такъ не хочется имъ иты на цей грихъ, якъ умыраты, и все видмагалысь видъ цёго дила.

— Ну, слухай, Остапе, послидне слово тоби скажу и бильше вже й не казатыму: мы не будемо красты, а тильки потыхесеньку трошкы позычымо у Тараса Грыгоровыча. Такъ винъ намъ не дасть—то мы сами зъ нымъ передилымось и дуже не будемо ёго й обыжаты: визьмемо мишечка по два на брата, абы зъ диткамы не померты зъ голоду и Риздво перебуты: и побожымось, що колы Господь намъ уродыть, мы кумови твоему виддамо, ще й зъ процентомъ виддамо.

— Ну хыба такъ—сказалы батько, скыдаючы шапку и хрестючысь:—хай уже Богъ буде свидкомъ, що зго̂жуюсь я на це дило тильки зъ тымъ, що я ёму виддамъ, якъ тильки Господь пошле мени хочъ трошкы святого хлиба заробыты. И батюсьци покаюсь, якъ говитыму.

Мыкыта, почувшы ци слова, зрадивъ, самъ перехрестывся й побожывся, що и винъ виддасть крадене; и пишлы воны тоди у-двохъ у село, змовляючысь, якъ се дило краще зробыты.

Наставъ святый вечиръ. Тарасъ Грыгоровычъ Ковбаня, диждавшысь зиркы, найився добре зъ робитныкамы борщу, що наварыла жинка, насолонцювався жареною рыбкою—просельцемъ, що давненько прывизъ зъ города, набухався пырижкамы зъ пряженою капустою, закусывъ узварцемъ, та кутёю зъ медомъ, за-

пывъ вечерю спотыкачемъ и, розперезавшысь, залигъ спаты на печи. У пивъ-ночи винъ прокынувся: вчулось ёму, що неначе шось на двори коло коморы гуркотыть. Тепло ёму на печи та гарно: угрився винъ такъ добре, що не хочется ёму йты на двиръ, бо морозъ здоровый. «Якъ бы хто бувъ на двори чужый, Лабко загавкавъ бы давно, а то мовчыть, мабуть нема никого»,— дума соби Ковбаня, перевертаючысь на другый бикъ. Лежыть. Спаты ёму дуже хочется и чогось и не спытся—сонъ кудысь неначе забигъ, всяки думкы почалы товктысь у голови: и про те здума и про друге нагада, и ремствуе винъ на ци думкы иніякъ винъ видъ ныхъ не видчепытся,—такъ и лизуть, такъ и лизуть у голову; тильки сонъ розганяють дужче. Колы це винъ зновъ почувъ, неначе хто загомонивъ пидъ коморою и такъ тыхесенько, тыхесенько, а вже-жъ ёму и чуты скризь мазани стины, бо комора стоить блызенько видъ хаты.

— Невже злодій забрався?!—подумавъ Ковбаня, и тило ёму затремтило, и въ души похолонуло зъ ляку. Схопывся винъ мерщи зъ пе́чи и почавъ шукаты чобота, що кудысь завалывся. Не хотилось ёму́ свитыты каганьця, та ничого робыты—прыйшлось трычы сирнычкомъ чиркнуты, покы винъ розшукавъ гаспыдскій чобитъ, що завалывся пидъ лаву.

Покы Ковбаня роздумувавъ на печи, а дали по хати шамотався зъ чоботомъ та одягався, батько вспилы, прыставывшы зъ Мыкытою драбыну, стриху продраты и въ комору влизты. Мыкыта жъ, якъ побачывъ свитъ у хати, зразу мовчкы злизъ зъ драбыны и гайда до-дому навтикача, а батько тамъ зосталыся у комори.

Ковбаня, перше всёго якъ выйшовъ зъ хаты, наскочывъ на драбыну и впавъ на землю.

— Чого це ты товчешся, якъ Марко по пеклу?—почувъ винъ голосъ зъ коморы. Хочъ болило у Ковбани здорово и гулю винъ соби набывъ велыку на лоби, одначе и не застогнавъ, а потыхесеньку полизъ по драбыни подывыться, що тамъ робытся? Долизъ винъ до стрихы, де вона була продрана, ажъ баче винъ, що тамъ у комори горыть свичка, а батько—биля закрома съ пшенышнымъ борошномъ пораются.

Здывовався Ковбаня, побачывшы кума за такымъ диломъ. Знавъ винъ ёго ще змалечку; вдвохъ воны зъ нымъ гралыся, горобцивъ дралы, коней й овець паслы, и николы Остапъ ничого чужого не зачыпавъ, а колы ёго хлопци клыкалы до багатыхъ козакивъ у садокъ лизты яблокъ або жъ дуль красты, винъ николы не згожувався и дитей своихъ вчывъ чужого не браты, а тутъ и що ёму подіялось, що винъ полизъ до мене, свого благодителя и кума, борошна красты?! Чы сподивався жъ я, щобъ кумъ мій Остапъ ворюгою бувъ? Зъ роду, зъ вику я цёму-бъ не повиривъ, якъ бы своимы очыма не побачывъ,—дума Ковбаня. А батько ничого не знаючы, що тамъ робытся на драбыни, набравшы мишкы й кажуть:

— Чы ты тутъ, братику?

— Тутъ!—отвича Ковбаня тыхесенько, зминывшы голосъ.

— Оце жъ буду подаваты мишкы: два зъ пшенышнымъ борошномъ, а два зъ жытнимъ.

— Добре, подавай!

— А кума не чуты? Нихто не выходывъ зъ хаты?

— Ни, нихто! Кумъ теперъ писля кути хропе добре на печи! Не бійся, насыпай ще!

— Ни, буде! Годи! И того зъ роду зъ вику не взявъ бы, якъ бы бидни диткы зъ голоду не пропадалы.

Батько добре чуба нагрилы, покы стаскалы мишкы пидъ стриху и передалы Ковбани въ рукы, а той ихъ прынимавъ и зносывъ пидъ комору.

— Беры жъ що небудь изъ одежы,—каже Ковбаня.—Выкыдай швыдче кожухъ, свытку, тамъ ще на жердци высять новисиньки чоботы, подавай ихъ сюды!

— Боже мене бороны, щобъ я одважывся хоть нытку взяты у кума; голый ходытыму, а цёго ввикъ не зроблю. Годи! теперъ и самъ буду вылазыты.

— Ни, куме, не телесуйся старистью тягтысь на крышу, я тебе и въ двери выпустю,—отвича Ковбаня своимъ голосомъ.

Батько якъ почулы голосъ кума, такъ и отетерилы, такъ и зомлилы, кажуть, на мисти. То имъ було душно, покы воны на-

сыпалы, та подавалы мишкы, а то ихъ зразу холодный питъ пронявъ и зубы цокалы зъ переляку. А Ковбаня тымъ часомъ побудывъ хлопцивъ-робитныкивъ, засвитывъ лыхтаря, одперъ комору й прысвитывъ до батька, котрый стоявъ якъ мертвый—билый якъ глына и губы посынилы, а очы таки страшни, страшни зробылыся.

— Якъ же це ты, куме, зважывся на таке дило?—спытавъ Ковбаня.—И то тоби не соромъ и то тоби не грихъ, що ты прыйшовъ свого кума-благодителя обкрадаты?! Скильки я тоби запомагавъ, скильки рятовавъ, якъ того доброго, а ты мени отакъ оддячывъ? Мовчать батько якъ въ ротъ воды набравшы; и скильки Ковбаня не пытавъ ихъ, воны й пары зъ вустъ не пустылы.

— Ну що-жъ зъ тобою робыты?—Озлывся Ковбаня найдужче за те, що кумъ мовчыть, неначе не чуе.

— Люде добри! звьяжить ёго, злодюгу, та ведить у другу хату, заприть ёго до свита, щобъ не втикъ. А завтра треба заявыты урядныкови.

Хлопци жывенько побиглы въ хату, знайшлы вирёвку, звьязалы батькови рукы и повелы въ другу хату, де заперлы ихъ на замокъ.

Якъ стало на свитъ благословлятыся, прыйшовъ Ковбаня у ту хату, де батько просыдилы цилисиньку ничъ, все думаючы про те, якого сорому набралысь воны на цилый викъ, та що совисть свою загубылы. Воны вже й забулы про те, що диты зъ голоду дома пропадають, а думалы тильки: що то диткы скажуть, якъ дознаются, що той батько, котрый вчывъ ихъ не красты, самъ попався на крадижци и буде сыдиты у тюрьми, якъ справжній злодій. И такъ воны цилисиньку ничъ побывалысь, що зъ печали у ныхъ ажъ волосся на голови побилило якъ снигъ,

Якъ увійшовъ Ковбаня та побачывъ батькову билу голову, то ажъ зострахнувся, а дали, якъ прыдывывся якъ воны помарнилы за ничъ: зробылысь таки, якъ земля—сири, неначе ихъ зъ хреста знялы,—такъ ажъ отступывся видъ ныхъ, бо сумно було й дывыться.

Батько черезъ сылу пиднялысь, повалылысь ёму въ ногы й кажуть:—Куме! голубчыку, просты мене Хрыста ради! Що хочешъ зо мною робы: оттипай мене добре, або жъ убый своимы рукамы, тильки не доводь дила до суда, не робы ты сорому... я жъ цёго не перенесу и все йидно пропаду; пожалій дитей моихъ, що ты ихъ у хрестъ уводывъ, воны жъ безъ мене пропащи будуть!—И гирко, гирко заплакалы.

У Ковбани въ души щось защемило, да такъ, що ажъ на очы слёзы навернулысь.

— Слухай, куме! счастя твое, що ты мени не схотивъ ничого податы зъ моеи одежи, якъ я тебе прызводывъ до цёго. Та боронь Боже, якъ бы ты мени выкынувъ хочъ свытку, або жъ чоботы, то я бъ тебе зроду звику не простывъ, а такъ якъ ты мене пожаливъ, добра мого не бравъ, то й я тебе пожалію й прощу тебе. Може й справди ты пишовъ на такый соромъ и грихъ видъ велыкого лыха; адже жъ ты доси жывъ по закону, по чести, Бога боявся! Вси жъ тебе поважалы й почыталы, якъ самого честного на сели: не дурно жъ тебе дванадцять литъ пидъ рядъ у церковни старосты выбыралы, а ты на таке дило пишовъ!?... Эхъ! Куме, куме!.. Ну, ничого! Прощаю тебе за-для святого Риздва и подарую тоби оте все борошно, що ты у мене взявъ; беры ёго зуздромъ, тильки мишкы верны назадъ!—сказавъ Ковбаня, розвьязуючы батькови рукы.

— Хай же тебе, Тарасъ Грыгоровычъ, Богъ помылуе, простыть уси твои грихы, якъ ты мене помылувавъ, и той хлибъ святый, що ты мени подарувавъ, хай поставыть передъ твоею душечкою на тимъ свити въ царстви небесномъ!—Ковбаня пиднявъ ихъ зъ колинъ и трычи зъ ными поцилувався.

— Ходимъ же, куме, до мене въ хату Риздво стричать; може й я выноватъ у твоимъ гриху, що самъ добре зъ вечора найився, а про хрестныкивъ своихъ и про тебе, куме, й забувъ, що вы голодомъ пропадаете. Забудь и ты про це й николы не згадуй! Годи! Не сумуй и не печалься, а за жинкою и диткамы я пошлю заразъ, щобъ воны прыйшлы,—хай переобидають у мене... А якъ люде пытатымутся, що це за чудасія выйшла зъ тобою?—каза-

тыму усимъ, що це мы такъ у двохъ пошуткувалы, або жъ объ закладъ, значыть, побылысь зъ тобою: я казавъ, що нихто до мене въ комору не влизе,—всякого піймаю, а ты обищався влизты нарочыто колысь такъ, що я й не почую; такъ ось ты святкамы й прыдумавъ забавку. А такъ якъ на мое выйшло, то я тебе наказавъ и на ципури продержавъ цилисиньку ничъ,— ось и край.—Такъ Ковбаня батька передъ народомъ захыстывъ и цилисинькый рикъ годувавъ насъ, покы Царь Небесный на насъ не оглянувся и не пославъ намъ урожаю та такого, якъ давно не було.

Такъ ось, Надежда Васылёвна, що «настоящымъ» лыхомъ зветця, що воно зъ чоловикомъ робыть и до чого воно ёго прызводыть, а не те, що вы кажете. Не гнивить же Бога, и за таке лыхо, якъ вамъ трапылось, ще й лоба хрестить на церкву й Богу дякуйте!—сказавъ дидусь, розгортаючы кочергою солому, котра стала стухать у грубци.

Надежда Васылёвна неначе закамьянила, слухаючы, що дидусь ій казавъ, и розибрала вона теперъ добре, що справди іи лыхо не прыйдется до того, яке довелось перетерпиты дидовому батькови; и роздумалась вона, якъ тяжко часомъ прыходытся бидному людови, скильки горя бачыты, про яке паны не чують николы й не видають.

Въ синяхъ щось затупотило, загомонило. Надежда Васылёвна и дидусь кынулысь до дверей и побачылы цилу юрбу хлопцивъ и дивчатъ школяривъ.

— Идить, идить до мене швыденько!—нагукала на ныхъ Надежда Васылёвна.

Вси війшлы въ горныцю и ныженько поклонылыся учытельци.

— Зъ святымъ вечеромъ бувайте здорови!—весело обизвалысь диты-школяри.

— Це мы побачылы що на двори завирюха стыхла, та й змовылысь, зибравшы вашыхъ школяривъ, до васъ прыйты, бо згадалы, що вы жъ зосталыся зъ старымъ тильки дидомъ, и сумно жъ вамъ и невесело у такій вечиръ на самоти буты,—поясныла одна зъ дивчатъ.

— Спасыби! спасыби вамъ велыке, що про мене згадалы!— казала Надежда Васылевна.—Школа такъ далеко стоить видъ села, и така метелыця було схопылась... Я вже й не сподивалась, щобъ хто провидавъ мене.

Ось стривайте трошкы, я щось прыдбала своимъ ученыкамъ: хотила на Риздво виддаты, ну все йидно—хай на святвечиръ получають.—Вона видчыныла скрыню и почала выйматы бумажни пакеты зъ ласощамы и роздаваты дитямъ горишкы, прянычкы, канхветы. А ти такъ зрадилы, що не зналы, якъ уже й дякуваты ій.

Дывытся на ныхъ Надежда Васылёвна, яки воны вси молоденьки, кругловыди, веселеньки, гарненьки: оченята такъ и горять, якъ ти зирочкы въ неби, а щокы видъ морозу—красни, красни, якъ те яблучко у Спасивку. Сміются диты, та радіють, що вона имъ ласощивъ надавала. И такъ ій робытся самій на серци весело, що хочется ій кынутысь до своихъ дитокъ-школяривъ и всихъ ихъ до себе прыгорнуты, прыголубыты и, якъ тихъ ридныхъ, поцилуваты.

Надежда Васыльевна наче зновъ на свитъ народылась; де поцилася та журба, яка було обхопыла іи зъ вечера? Теперъ ій здавалося, що бильшого счастя и бильшои втихы ниде вона не знайшла бъ, якъ повертаючысь середъ цихъ своихъ любыхъ хлопьятъ. Вона гралася зъ имы, багато имъ де-чого розсказувала и нарешти, довидавшысь, що воны не дуже то розуміють, яке це наступыло свято, розсказала имъ коротенько и про Риздво Исуса Хрыста, и про те, якъ винъ жывъ на земли и якъ научавъ людей буты мылосерднымы, одно одного шануваты, а ворогивъ своихъ любыты и душу свою за друга положыты. Диты слухалы іи, неначе кожне слово ловылы, та въ голови складалы, щобъ не забуты, а якъ скинчыла вона, вси повставалы и почалы дуже, дуже ій дякувать, ызенько кланяючысь.

Вси розійшлысь. Зновъ вона вдвохъ зосталась зъ дидомъ. Радила вона теперъ, що вси ци диты-школяри понеслы въ души своій Бога-Христа, котрый засіявъ въ серци ихъ, якъ та звизда Виѳліемська, що вела праведни души до Спасытеля.

— Надежда Васылёвна! Невже вы насъ покынете?—спытавъ іи дидусь.

— Ни, дидусю, теперъ вже не покыну васъ... Не покыну своихъ дитей, щобъ часомъ воны не досталысь такому прояви, якъ отой учытель, що горилку пывъ та бидныхъ дитокъ бывъ. Ни, не пойиду вже въ городъ панськыхъ дитокъ вчыты: йе й безъ мене па ныхъ тамъ багато учытеливъ, а ридко хто хоче до простыхъ дитей йихаты,—хыба зъ велыкои нужды та неволи. А я, дидусю, по добрій воли зостануся, бо шкода мени ихъ, Боже, якъ шкода! Воны—диты оци якъ ти вивци ничого не знають, а ласкави, добри, та смырни, якъ ти ягнята. Ну якъ я ихъ покыну й на кого? Перше мени казалы, що въ народній школи таки шыбеныкы, що зъ ными ничого не поробышъ,—це вже брехня: диты, якъ диты, треба тильки умиты коло ныхъ обійтысь: ласкавенько та прыязненько, такъ воны и любытымуть и слухатымуть. Спасыби вамъ, дидусю, шо вы мени про те лыхо розсказалы, що трапылось батькови вашому перетерпиты! Спасыби всимъ дитямъ моимъ, що мене згадалы у святый вечиръ. И я жъ ихъ теперъ не забуду, покы жыва буду. Вси гроши свои, яки матыму залышни, одкладатыму и кныжкы хороши купуватыму,—хай чытають, щобъ порозумнишалы. И кожну недилю и кожный празныкъ буду склыкать всихъ до себе и буду зъ ными балакаты про всячыну, що на свити робытся: якъ по чужыхъ краяхъ народъ жыве, якъ уміе трудытыся на земли своій и зна, що ій робыты, щобъ родыла гарно. Буду розсказуваты имъ, що нового кожный годъ прыдумають: чы то машыны для хазяйства, для всячыны, щобъ людямъ удобнише и швыдче було управлятыся зо всякимъ диломъ... Якъ бы воны булы вси грамотни та чыталы кныжкы про хазяйство, то зналы бъ, що тій земли робыты треба, щобъ вона хлибъ святый родыла, не прыходылось бы тоди тикаты видъ неи въ переселенци, котри теперъ вертаются сотнямы зъ далекои Сибири—боси, голи и обидрани, обшарпани и голодни—въ ридный край... Не хочу вже я теперъ, дидусю, й думаты про себе, та про свое счастя... Колы-бъ

мени Господь помигъ хочъ трошкы дитей своихъ школяривъ просвитыты и до ума ихъ подоводыты, то я бъ уже й счастлыва була!

— Помагай вамъ Бигъ!—сказавъ дидусь.

Николы ще Надежда Васылёвна на своему невелыкому вику не лягала спатытакою веселою та радистною, якъ у цей святый вечиръ.

С. Мерцъ.

По вопросу о призрѣніи слѣпыхъ и всякихъ нищихъ [1]).

„Обнимите, браты мои,
Найменшого брата....“
Шевченко.

Полтавская губ. зем. управа представила 39 очередному зем. собранію, между прочимъ, докладъ «объ устройствѣ профессіональной школы для слѣпыхъ». Послѣ оживленныхъ преній, губ. зем. собраніе, признавъ докладъ недостаточно обоснованнымъ, поручило управѣ разработать проектъ, принявъ во вниманіе указанія собранія.

Такимъ образомъ, намѣченный губ. управою вопросъ подлежитъ новой разработкѣ въ смыслѣ указаній губ. зем. собранія. Въ виду этого, мы, заинтересовавшись этимъ вопросомъ, попытаемся сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія съ своей стороны и начнемъ наши замѣтки съ исторической справки о призрѣніи слѣпыхъ и всякихъ нищихъ на Украинѣ.

I.

Съ первыхъ, можно сказать, дней по принятіи южною Русью св. крещенія, было организовано на христіанскихъ началахъ при-

---

[1]) Читано въ засѣданіи Полтавской ученой архивной Коммисіи 6 марта 1904 г.

зрѣніе больныхъ и нищихъ, и забота объ этомъ была возложена на церковное управленіе. Церковный уставъ великаго князя Владиміра передаетъ церковному управленію больницы, богадѣльни и странопріемные дома. Князья щедрой рукой раздавали нищимъ милостыню; при монастыряхъ же устраивались больницы и богадѣльни. Вмѣстѣ съ христіанствомъ организація призрѣнія по южно-русскому примѣру распространилась въ сѣверную Русь. Въ «поученіи Кирилла», обращенномъ къ сыну Александра Невскаго, между прочимъ, выражено, что земли и дома даны князьями и боярами, «крылошанамъ на потребу, и старости и немощи и въ недугъ впадшихъ чадъ многихъ прокормленіе, обидимымъ помоганіе, страннымъ прилежаніе, въ напастехъ пособіе, въ пожарахъ, въ потопѣ, плѣнныхъ искупленіе, въ гладѣ прокормленіе».

Въ литовско-польскій періодъ южно-русской исторіи особенно широкое развитіе призрѣнія нищихъ и убогихъ обнаруживается въ XVII в., послѣ провозглашенія на Брестскомъ соборѣ въ 1596 г. уніи и послѣдовавшей затѣмъ ожесточенной духовной борьбы православія съ католицизмомъ. Могучими поборниками православія выступили южно-русскія братства церковныя съ участіемъ знатныхъ мірянъ—въ лицѣ князей и друг., съ Львовскимъ братствомъ во главѣ. Это старѣйшее по времени и славное своею дѣятельностію братство было ставропигіальнымъ, т. е. находилось въ непосредственныхъ сношеніяхъ и подъ вѣдѣніемъ вселенскаго патріарха и пользовалось правомъ избранія не только городского и сельскаго духовенства, но имѣло правомочія и при назначеніи епархіальнаго епископа. Утвержденный вселенскимъ патріархомъ уставъ Львовскаго братства послужилъ прототипомъ или образцомъ для другихъ важнѣйшихъ и второстепенныхъ братствъ. Такъ, наприм., учредители Берестейскаго братства получили и предъявили для вписанія въ актовыя книги «Чинъ Православнаго Львовскаго братства, преподанный Берестейскому братству». Изъ этого акта явствуетъ, что главная цѣль существованія и дѣятельности Берестейскаго братства заключалась «о промышленію (призрѣніи) вдовъ и сиротъ и убогихъ, немощныхъ же, тако же и странно-прилежанію (призрѣніи странниковъ); наипаче же составиша шпиталь

(богадѣльню) и неподвижну обитель училища». По отношенію же къ своимъ братчикамъ—«если съ допущенія Божія на брата будетъ яковый упадокъ и немочъ и не имѣлъ бы достатку,—маютъ ему братія помагати братскими пѣнязьми (деньгами) и въ немочи призирати» Въ свою очередь «который бы братъ яковую справу (дѣло) мѣлъ, и не умѣлъ бы своее речи справити (повести дѣло), волно ему взяти двохъ братовъ на пораду (совѣтъ) и помочъ» [1]). По Львовскому образцу имѣли уставы другія болѣе или менѣе значительныя братства: Виленское, Луцкое, Могилевское, Острожское, имѣвшія собственныя типографіи, училища и т. п.

При энергичной дѣятельности братствъ, южная Русь въ XVII в. была покрыта многочисленными шпиталями, въ которыхъ помѣщались нищіе бѣдняки и неизлѣчимо больные; иногда въ шпиталяхъ находили пріютъ бѣдные ученики братскихъ и другихъ школъ, иногда даже обѣднѣвшіе и лишившіеся здоровья дворяне. Въ большихъ шпиталяхъ нищимъ и больнымъ давалось полное содержаніе: одежда, обувь, пища, постель и проч. Для завѣдыванія шпиталями назначались старшіе изъ шпитальныхъ; главное же наблюденіе за шпиталями поручалось старшимъ братьямъ въ братствахъ, игуменамъ при монастыряхъ, и священникамъ при церквахъ вмѣстѣ съ ктиторами (старостами церковными) [2]).

Послѣ присоединенія Малороссіи къ Россійской имперіи, южно-русскіе шпитали послужили примѣромъ для московскихъ богадѣленъ. Такъ въ 1682 г. царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ о построеніи въ Москвѣ двухъ «шпиталенъ». А въ государствѣ и городахъ—сказано въ уставѣ—гдѣ такіе шпитали построены, великая отъ того польза, какъ ниже видно, ибо эти шпитальни по «еуропскимъ» обычаямъ будутъ имѣть слѣдующія выгоды: 1) доставлять пристанище бѣднымъ, увѣчнымъ и старымъ, особенно служилымъ военнымъ людямъ; 2) помогать отдѣлить истинно нуждающихся отъ гулящихъ бродягъ, чѣмъ можетъ по-

---

[1]) Чинъ правосл. Львовскаго братства, стр. 57.

[2]) Кіев. Стар. 1883 г. IV, 718.

ложиться конецъ воровству отъ бродягъ; 3) есть нищіе съ страшными болѣзнями, что нельзя чреватой (беременной) женщинѣ ихъ видѣть не испугавшись, и такихъ больныхъ должно лечить. Шпитали должны находиться подъ управленіемъ добраго дворянина, ради любви служащаго, и подъячаго, завѣдующаго хозяйственною частью. Средствами шпиталенъ должны послужить сборы по церквамъ [1]).

Во время ожесточенныхъ религіозныхъ преслѣдованій православія и кровопролитныхъ войнъ между козачествомъ и Польшею, масса населенія переселилась съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра въ предѣлы Малороссіи, т. е. въ черниговскую и полтавскую губ., а послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи въ 1654 г. и окончательнаго порабощенія Польшею правобережнаго населенія и уничтоженія тамъ козачества, какъ вольнаго воинскаго сословія, переселенія до того усилились, что многія правобережныя поселенія совершенно и надолго обратились въ опустошенныя «руины». Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Малороссіи закипѣла духовная и общественная жизнь, и получили широкое, но своеобразное развитіе благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія по традиціямъ братствъ церковныхъ, а также цеховыхъ, пользовавшихся на родинѣ такъ наз. Магдебургскимъ правомъ. Подъ вліяніемъ этихъ традицій, по словамъ А. Я. Ефименковой [2]), «у народа естественно связываются съ религіей всѣ высшія формы духовныхъ потребностей, и народъ на практикѣ связалъ съ церковью все, что служило для ихъ удовлетворенія: церковь явилась сложнымъ учрежденіемъ, соединявшимъ въ себѣ храмъ, шпиталь и школу. И вотъ Малороссія оказалась покрытою, какъ показываютъ цифры ревизій, сохранившихся въ ревизскихъ полковыхъ книгахъ, громаднымъ количествомъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Правда, учрежденія эти были элемен-

---

[1]) Н. Сумцовъ. Культур. пережив. 357—358. Указъ приписывается вліянію проживающихъ въ Москвѣ южно-русскихъ ученыхъ Епифанія Славинецкаго или Симеона Полоцкаго (1675 и 1680 г.).

[2]) «Южно-русскія братства». Вырѣзки изъ журн. «Слово» 1879 г.

тарны, какъ элементарны были и самыя потребности, ихъ вызвавшія; но они драгоцѣнны тѣмъ, что были выдвинуты самимъ народомъ,—и уже не цивилизованнымъ мѣщанствомъ большихъ городовъ, промышленныхъ и торговыхъ центровъ, а темнымъ населеніемъ глухихъ городишекъ, мѣстечекъ и селъ Малороссіи».

Достойно особеннаго вниманія, что изъ историко-статистическаго описанія Черниговской епархіи архіеп. Филарета извѣстно, между прочимъ, что въ заштат. гор. Березномъ, въ старину былъ старечій цехъ изъ нищихъ, жившихъ въ шпиталѣ; они дѣлали приношенія въ церковь. Въ томъ же городѣ былъ старечій шинокъ, построенный въ 1682 г. Село Покошичи славилось нищенскою школой[1]). Въ цитированномъ источникѣ въ рядѣ статей о братствахъ: нищенскихъ, цеховыхъ, церковныхъ, парубоцкихъ и о шпиталяхъ, встрѣчается много данныхъ о дѣятельности разныхъ братскихъ союзовъ въ сѣверо- и юго-западныхъ краяхъ и вообще на Украинѣ, но за недостаткомъ мѣста ограничиваюсь приведеннымъ примѣромъ.

Этого рода данныя наводятъ на мысль, что въ старинной Малороссіи право- и лѣвобережной, животворная идея дѣятельной христіанской любви и организованной широкой взаимопомощи, глубоко проникла въ сознаніе всѣхъ классовъ старосвѣтскаго общества, не исключая и нищихъ; при томъ союзы или братства послѣднихъ бывали иногда коллективными владѣльцами недвижимой собственности. Аналогичнаго изслѣдованія по Полтавской епархіи произведено не было, а случайно собранныя мною по губерніи данныя объ остаткахъ братствъ и цеховъ напечатаны въ статьѣ моей «Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ» (въ «Кіев. Стар.» 1885 г. X, 159—171). Но эти жалкіе остатки я характеризовалъ народною поговоркой: «Маркивъ кинь, та не Марко на нимъ; Маркова зброя, та не Маркова мова», т. е., что осталась форма, а богатое содержаніе ея исчезло; уцѣлѣли обычаи, а смыслъ и духъ ихъ затерялся или затемнился, и самая память о прежней жизни братствъ—говорилъ и повторяю я—утрачена

[1]) Культур. пережив. 347—348.

въ живущихъ поколѣніяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Высочайше утвержденныхъ 8 мая 1864 г. основныхъ положеніяхъ о церковныхъ братствахъ, какъ-бы снова открывался былой просторъ для широкой общественной взаимопомощи и просвѣтительной дѣятельности. Первое положеніе правилъ гласитъ, что цѣль учрежденія братствъ—служеніе нуждамъ и пользамъ православной церкви, созданіе и украшеніе православныхъ храмовъ, дѣла христіанской благотворительности, распространеніе и утвержденіе духовнаго просвѣщенія. Однако возникшее по иниціативѣ духовенства Лубенское Спасо-Преображенское братство, по утвержденному уставу поставило во главу угла «попеченіе о преуспѣяніи *церковно-приходскихъ* школъ» въ городѣ и уѣздѣ (§ 2). Отдѣленія братства предположено открывать *только* въ такихъ приходахъ, гдѣ существуютъ *церковно-приходскія* школы, и открывать, главнымъ образомъ, въ видахъ попеченія объ этихъ школахъ (§ 21). Впрочемъ сдѣлана оговорка (§ 3), что «братство, сосредоточивая *на первыхъ порахъ* свою дѣятельность на церковно-приходскихъ школахъ, направляетъ и дѣла благотворительности *прежде всего* на учащихся въ этихъ школахъ. Тѣмъ не менѣе судя по ежегоднымъ отчетамъ, братство повидимому не помышляетъ объ измѣненіи столь односторонняго направленія своей дѣятельности и попеченій. Но, по крайней мѣрѣ, Лубенское братство, по преданіямъ старины, всетаки состоитъ хоть изъ *братчиковъ* старшихъ и младшихъ; зато Полтавское Св.-Макаріевское братство уже наравнѣ со всякими свѣтскими обществами, состоитъ изъ *членовъ:* почетныхъ, дѣйствительныхъ и соревнователей. Дѣятельность этого братства такая же односторонняя, какъ и Лубенскаго братства, распространяется (за исключеніемъ названнаго уѣзда), на всю губернію. Такимъ образомъ, совершенно ясно и непререкаемо, что оба братства оставили безъ вниманія глубоко поучительную исторію, духъ и направленіе старосвѣтскихъ украинскихъ братствъ, не смотря на то, что въ 4 положеніи упомянутаго выше закона 8 мая 1864 г. между прочимъ выражено, что «при учрежденіи братствъ, въ составляемыхъ для нихъ уставахъ могутъ быть *сохраняемы* упо-

треблявшіяся *въ древнихъ* церковныхъ братствахъ, *наименованія, правила и внѣшніе обычаи».*

Въ свое время[1]) я говорилъ—и не могу не повторить еще разъ—что если наши историческія братства носили, главнымъ образомъ, религіозный характеръ, если тогдашнія сельскія школы были церковно-приходскими, то вѣдь тогда эти школы были *единственными* оплотами народности и могучими свѣточами православія, мужественно и неустанно боровшагося съ католицизмомъ и его благоустроенными и многочисленными не только элементарными, но и высшаго типа школами. Въ наши же дни описанная выше исключительность и односторонность дѣятельности братствъ несообразна ни съ приведеннымъ закономъ 8 мая 1864 г., ни съ дѣйствительными потребностями сельскаго населенія, ни, наконецъ, съ извѣстнымъ апостольскимъ ученіемъ: «нѣсть еллинъ, ни іудей, нѣсть обрѣзанъ ни не обрѣзанъ, нѣсть рабъ ни свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ». Могу добавить, что при старосвѣтскихъ братствахъ на Украинѣ, среди сельскаго населенія не существовало сектанства. При современномъ же положеніи и условіяхъ, конечно, среди сельскаго населенія можетъ чуть не окончательно исчезнуть память о славной дѣятельности и обычаяхъ древнихъ братствъ, къ памяти которыхъ съ такимъ уваженіемъ отнесся законъ 8 мая 1864 г. И тѣмъ болѣе слѣдуетъ присоединиться къ прекрасному мнѣнію почтеннаго профессора Н. Ѳ. Сумцова, что «народъ огрубѣлъ «на самотині», въ отчужденіи отъ руководящихъ общественныхъ слоевъ. Мѣщане въ большихъ городахъ обезличились и опошлились, отставши отъ народа по языку, нравамъ и обычаямъ, и не присоединившись къ высшимъ сословіямъ по недостатку образованія. Сельская же интеллигенція получила односторонній служилый характеръ, и изъ ея одноцвѣтной среды, въ значительной степени тронутой кулацкою червоточиной, рѣдко стали выдѣляться люди съ иниціативой во имя общаго блага» [2]).

---

[1]) Полтав. Губ. Вѣдом. 1890 г., № 14—15.

[2]) Культур. пережив. 354.

II.

Среди питающихся отъ подаянія милостыни, многочисленныхъ нищихъ всякаго рода, съ давнихъ поръ занимаютъ особое положеніе слѣпые бандуристы и лирники, въ качествѣ національныхъ пѣвцовъ-музыкантовъ. Въ то время, какъ заурядный зрячій или слѣпой нищій испрашиваетъ подаяніе «Христа-ради», оплачивая подателю милостыни исключительно молитвенными возношеніями и благопожеланіями,—въ то время бандуристъ и лирникъ привлекаютъ своимъ пѣніемъ и музыкой вниманіе слушателей, которые, съ своей стороны, посильно оплачиваютъ деньгами и проч. слѣпцу за полученное наслажденіе, соотвѣтствующее вкусамъ и настроенію слушателей. Нужно вспомнить, что на Украинѣ въ старину бандура (кобза) «была инструментомъ не только удалыхъ запорожцевъ, но и знатныхъ людей въ козацкомъ товариществѣ. Она уступала первое мѣсто только гуслямъ, которые были присвоены особамъ духовнаго сана и тѣмъ лицамъ, которые чувствовали себя слишкомъ степенными для свѣтской поэзіи. Но затѣмъ—говоритъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ,—мало-по-малу произошелъ разрывъ между народомъ и интеллигенціей, сначала свѣтской, потомъ духовной, а вмѣстѣ съ тѣмъ сначала была заброшена бандура, а потомъ и гусли [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что разрывъ достигнулъ крайнихъ предѣловъ въ теченіе XIX в., когда гоголевскіе типы старосвѣтскихъ пановъ, и типы И. Левицкаго (Нечуя) старосвѣтскихъ батюшекъ и матушекъ стали анахронизмомъ; во время же Гетманщины и Коша запорожскаго, даже знатные военачальники игрывали на бандурѣ. Какъ извѣстно, въ музеѣ В. В. Тарнавскаго (нынѣ Черниговскаго земства) хранится бандура гетмана Мазепы; послѣдній же судья Сѣчи запорожской, Антонъ Головатый, также былъ, какъ видно, хорошимъ бандуристомъ, такъ какъ услаждалъ своею музыкой и пѣніемъ петербургскихъ вельможъ предъ «зруйнуваннямъ» Коша и современнымъ уничтоженіемъ Сѣчи запорожской съ ея историческими

---

[1]) Культур. пережив. 166.

правами и вольностями. Достойно также вниманія, что еще Петръ Великій имѣлъ въ своемъ штатѣ придворныхъ бандуристовъ, а въ царствованіе Елисаветы Петровны въ 1758 г. (Полное собран. закон., т. X, № 7656) послѣдовалъ указъ объ учрежденіи въ Малороссіи школы, въ которую указано было набирать учениковъ изъ духовныхъ, козачьихъ и мѣщанскихъ дѣтей, обучать ихъ «партесному» пѣнію и струнной музыкѣ, а именно на скрипкѣ, на гусляхъ и на бандурѣ, а затѣмъ лучшихъ учениковъ присылать ко двору [1]). Во времена же козачества распространеніе бандуры среди любителей обусловливалось удобствомъ ея конструкціи и сподручностью для передвиженія верхомъ на конѣ, тогда какъ гусли слишкомъ громоздки, ввидѣ старинныхъ клавесиновъ. Независимо отъ этого, извѣстно, что слѣпцы-бандуристы сопровождали козацкіе отряды, распѣвая удальцамъ старинныя героическія думы, а подчасъ развеселяя юмористическими народными пѣснями, иногда забористыми плясовыми мотивами. Съ уничтоженіемъ же Сѣчи запорожской, съ упраздненіемъ прежняго гетманскаго управленія и съ обращеніемъ въ крѣпостное состояніе бывшихъ посполитыхъ и подданныхъ, послѣ дарованія бывшей войсковой старшинѣ правъ потомственнаго дворянства,—измѣнился образъ жизни и быта всѣхъ классовъ малороссійскаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовалъ упадокъ народной музыки. «Свѣтская интеллигенція и духовенство не много потеряли, если судить по музыкальному достоинству гуслей и бандуры, и въ то же время много, если принять во вниманіе ихъ общедоступность и дешевизну. Но какъ бы то ни было, тутъ явилась сначала гитара, теперь также почти заброшенная, затѣмъ скрипка, флютъ-гармонія, фортепіано, рояль» [2]). Собственно же сельское населеніе несомнѣнно потеряло очень много, начиная съ того, что старинныя думы и пѣсни остались въ крайнемъ пренебреженіи у пановъ и духовенства и обратились въ достояніе исключительно слѣпыхъ бандуристовъ, влачащихъ до нашихъ дней уничижительное нищенское скитальчество,

---

[1]) См. докладъ Полт. Губ. Зем. Упр., № 171, за 1903 г.

[2]) Культур. пережив., 167.

и притомъ подвергавшихся повсемѣстно полицейскимъ преслѣдованіямъ на ярмаркахъ и базарахъ. На горькій хлѣбъ бандуристовъ находилось мало охотниковъ, такъ какъ требуется искусная игра и хорошая память для точной передачи текста обширныхъ думъ, и потому многіе старые талантливые бандуристы сошли въ могилу, не оставивъ достойныхъ преемниковъ; въ позднѣйшее же время значительно увеличилось число лирниковъ. Разница между бандуристами и лирниками та, что звуки бандуры «напоминаютъ арфу, гитару, фортепіано, звукъ же лиры сопровождается шипѣніемъ, скрипѣніемъ, крикомъ, и вслѣдствіе безконечности смычка представляетъ безконечную нить, не поддающуюся музыкальнымъ оттѣнкамъ. Тогда какъ бандура можетъ отмѣчать всѣ эти оттѣнки, лира способна только на замедленіе или ускореніе темпа. Такая же разница и между исполняемыми при томъ или другомъ инструментѣ словесными произведѐніями. Кобзарь, какъ всякій эпическій пѣвецъ, поетъ пѣсни духовнаго содержанія (стихи), пѣсни героико-эпическія, и, наконецъ, сатирическія, тогда какъ лирники вовсе думъ не знаютъ; ихъ репертуаръ составляютъ: 1) псальмы, т. е. духовныя пѣсни въ честь святыхъ, часто не народной композиціи, а произведенія Базиліанскихъ монаховъ, вирши кіевскихъ академиковъ и семинаристовъ съ коверканными церковно-славянскими и польскими словами; 2) правоучительныя пѣсни; 3) сатирическія пѣсни; 4) шуточныя пѣсни, главнымъ образомъ, циническія, и 5) разнообразныя плясы и козачки» [1]).

По доставленіи въ Кіевъ покойнымъ Г. П. Галаганомъ проживавшаго въ Сокиренскомъ его имѣніи слѣпого бандуриста Остапа Вересая, и послѣ доклада А. А. Русова «Остапъ Вересай, одинъ изъ послѣднихъ кобзарей малорусскихъ» [2]), въ литературѣ цѣлые десятки лѣтъ Вересай слылъ послѣднимъ уже бандуристомъ. Однако по случаю Всероссійской выставки кустарныхъ издѣлій въ Петербургѣ въ 1902 г., Полтавская губ. зем. управа экспонировала издѣлія туземныхъ кустарей и разыскала одного изъ

---

[1]) Зап. Юго-зап. отд. геогр. общ. I, 315.

[2]) Тамъ же, 309.

бандуристовъ, Михаила Кравченка, который присутствовалъ на выставкѣ и своеюи грою и пѣніемъ заслужилъ вниманіе столичной публики. Затѣмъ въ томъ же году на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ было устроено этнографическимъ отдѣленіемъ съѣзда публичное засѣданіе, на которомъ фигурировалъ организованный инженеръ-технологомъ И. М. Хоткевичемъ цѣлый оркестръ изъ 6 бандуристовъ и 3 лирниковъ, уроженцевъ харьковской и по одному чел. изъ полтавской и черниговской губ. Слѣпцы исполнили вокально-музыкальный концертъ по разнообразной программѣ, который произвелъ глубокое впечатлѣніе на множество ученыхъ и на интеллигентную публику. Затѣмъ по постановленію Археологическаго съѣзда было возбуждено, увѣнчавшееся успѣхомъ, ходатайство предъ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ объ оказаніи бандуристамъ и лирникамъ покровительства. Послѣ того, во время очередной сессіи Полтавскаго губернскаго земскаго собранія 1902 г., по иниціативѣ губ. зем. управы—губернскіе гласные имѣли возможность слышать тотъ-же составъ бандуристовъ и лирниковъ подъ управленіемъ г. Хоткевича.

Въ упомянутомъ въ началѣ статьи докладѣ Полтав. Губернская управа между прочимъ выразила, что «бандуристы и лирники со своими пѣснями заслуживаютъ только лишь одобренія и поддержки, и имъ необходимо прійти на помощь; необходимо оградить ихъ репертуаръ отъ вторженія фабричной пѣсни. А для этого, по мнѣнію управы, нужно дать имъ понять, что усвоенное ими отъ дѣдовъ несравненно дороже и благороднѣе усвояемаго ими теперь отъ парубковъ, побывавшихъ въ городѣ или на заработкахъ. Пока еще чисты эти народные пѣвцы, пока не коснулась еще ихъ разрушительная рука слѣпой моды, нужно помочь имъ выбрать правую дорогу, нужно научить ихъ хорошему». Далѣе читаемъ, что «въ настоящее время бандуристы-слѣпцы предоставлены самимъ себѣ: они учатъ все, на что натолкнутся, и вотъ нужно поддержать то лучшее, что не поддалось еще вліянію темныхъ сторонъ жизни». Исходя изъ этихъ достойныхъ полнаго сочувствія побужденій, губ. управа предположила устроить школу для слѣпыхъ, въ увѣренности, что школа въ состояніи будетъ помочь

этому злу: подъ наблюденіемъ завѣдующаго школой, бандуристы будутъ учить слѣпыхъ своему искусству, передадутъ имъ знанія думъ, псалмовъ, религіозныхъ пѣсенъ и проч., и помогутъ такимъ образомъ, во-первыхъ, имъ самимъ, а во-вторыхъ—и всѣмъ тѣмъ, кто вмѣсто «милой Параши» будетъ слушать нравственную, чистую пѣсню». Въ этой школѣ, по общеобразовательнымъ предметамъ—выражаетъ управа—«пусть повѣдаютъ слѣпцу *что нибудь* (?) изъ окружающаго невидимаго міра, пусть разскажутъ ему о жизни, страданіяхъ и смерти Іисуса Христа, пусть научатъ его хоть таблицѣ умноженія, чтобы ему не нужно было разуваться, когда необходимая цифра превышаетъ десять. Ему не нужна—по мнѣнію управы—азбука для слѣпыхъ; что онъ будетъ съ нею дѣлать въ деревнѣ, гдѣ и обыкновенной книжки съ огнемъ не отыщешь;—ему не нужны экзамены, ибо онъ не въ состояніи повторить пройденнаго; ему нужно просто разсказать, чему его желаютъ научить». «Но кромѣ нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ и игръ на народныхъ инструментахъ, необходимо, по мнѣнію губ. управы, дать въ руки слѣпцамъ и какое-либо ремесло, такъ какъ зимою, напр., нельзя ходить по дворамъ съ бандурою и пѣть на морозѣ. Доступныя слѣпому ремесла извѣстны всѣ наперечетъ, а если принять опять таки во вниманіе нужды деревни, то всѣ онѣ приблизительно сведутся къ плетенію сѣтей, витью веревокъ, вязанію рукавицъ и т. д. А потому съ успѣхомъ могутъ обучать тѣ же самые слѣпцы—музыканты, которые всѣ безъ исключенія знаютъ какое-либо изъ перечисленныхъ выше ремеслъ». Курсъ ученія предположенъ двухлѣтній, съ интернатомъ для помѣщенія на первый годъ хотя бы 15 чел. Расходы на содержаніе школы съ интернатомъ въ наемномъ помѣщеніи исчислены въ 3500 р., въ томъ числѣ учителю, онъ же завѣдующій школой и интернатомъ, 600 р., двумъ учителямъ музыки и ремеслъ 300

III.

Изъ возникшихъ въ губ. земскомъ собраніи по поводу доклада преній [1]) видно, что по объясненію предсѣдателя губ. зем.

---

[1]) «Хуторянинъ» 1904 г. № 5.

управы Лизогуба, въ основаніе предложенія управы положены соображенія филантропическія и то, что слѣпцы прежде были носителями національной музыки, которая теперь пришла въ упадокъ. Несомнѣнно, большинство слѣпцовъ имѣетъ музыкальныя способности, которые же не имѣютъ—обучаются въ школѣ ремеслу. Школу желательно учредить губернскую; она будетъ типомъ профессіональныхъ школъ губ. земства. По мнѣнію нѣкоторыхъ гласныхъ для слѣпыхъ музыка должна быть побочнымъ занятіемъ, главнымъ же должно быть ремесло. Предположено было устроить школу, по крайней мѣрѣ, на 100 чел. и даже на 150 ч., а между тѣмъ въ докладѣ отсутствуютъ данныя о числѣ слѣпцовъ; учреждать-же школу на 10 чел. ради удовлетворенія идеѣ—неблагоразумно: пусть будетъ этотъ расходъ на губернскій счетъ, но принятый на основаніи полнаго доклада, съ тѣмъ, чтобы онъ удовлетворялъ общегубернской потребности. По мнѣнію одного изъ гласныхъ, репертуаръ бандуристовъ въ настоящее время портится и управа предполагаетъ его исправить. Но бандуристы будутъ пѣть только то, на что есть спросъ. Надо исправить вкусъ публики. Земство обязано дать слѣпымъ ремесло, а не учить нищенству; музыкѣ-же должно учить зрячихъ талантливыхъ людей. Другой гласный вовсе не согласенъ съ мыслію проекта, чтобы школу сдѣлать преимущественно консерваторіей для слѣпыхъ. Это не средство поддержать народный эпосъ. Искусственно поддерживать живыя древности—это дѣло археологовъ, а не губ. земства. Бандуристы могутъ быть приглашаемы и оплачиваемы, могутъ обучать слѣдующія поколѣнія самостоятельно. Но они способствуютъ развитію бродяжества среди мальчиковъ и готовятъ изъ нихъ контингентъ для арестантскихъ ротъ. Наконецъ, еще одинъ изъ гласныхъ, указавъ, что въ докладѣ—центръ тяжести въ бандуристѣ, обратилъ вниманіе на то, что существуетъ для слѣпыхъ особая форма печати, принятая всѣмъ міромъ, но докладъ отвергаетъ обученіе чтенію. Лишить же слѣпцовъ чтенія—значитъ лишить ихъ органа для усвоенія мысли,—поступокъ довольно безчеловѣчный. Не слѣдуетъ имъ запрещать пѣть, но не задача земства учить ихъ бродяжить.

Такимъ образомъ указанія губ. зем. собранія сводятся къ тому, что школа должна быть устроена по крайней мѣрѣ на 100—150 чел., причемъ школа должна имѣть профессіональный характеръ съ преобладаніемъ обученія слѣпцовъ ремесламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ докладъ управы долженъ быть обоснованъ данными о числѣ слѣпцовъ по губерніи. Что касается народной музыки и вообще призрѣнія слѣпыхъ и всякихъ нищихъ въ прежнія времена, то очевидно, что ни губернская управа, ни губернскіе гласные не были знакомы хотя бы съ изложеніемъ въ приведенной выше исторической справкѣ. Во всякомъ случаѣ немыслимо, конечно, на земскія средства сдѣлать школу преимущественно консерваторіей для слѣпыхъ. Да ни о какой консерваторіи и рѣчи не можетъ быть, коль скоро по докладу предполагалось, что двое заурядныхъ слѣпцовъ-музыкантовъ должны обучать въ школѣ музыкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ремесламъ. Мнѣніе, что музыкѣ должно учить только зрячихъ талантливыхъ людей—представляется односторонним, имѣя въ виду, что дѣйствительно «Господь умудряетъ слѣпцы», и что по наблюденіямъ живой жизни нерѣдко встрѣчаются среди слѣпцовъ талантливые народные пѣвцы—музыканты, и потому слѣдуетъ болѣе талантливыхъ обучать пѣнію и музыкѣ. принявъ мѣры для устраненія, по возможности, бродяжничества въ сопровожденіи зрячихъ поводарей. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что еще въ 1874 г. былъ напечатанъ украинскимъ композиторомъ Н. В. Лисенкомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ музыкальныхъ особенностей, непосредственно списанный съ голоса бандуриста Остапаココ Вересая полностію весь репертуаръ его. Изъ статьи же А. А. Русова [1]) видно, что думы и историческія пѣсни исполнялись Вересаемъ «такъ вдохновенно и проникновенно, что выжимали слезы изъ ученыхъ академиковъ и у первоклассныхъ артистовъ. Намъ не забыть—говоритъ авторъ—какъ знаменитая артистка Императорскихъ театровъ, пѣвшая въ одномъ концертѣ съ Вересаемъ и мало понимавшая текстъ малорусскихъ думъ, сидя за сценою и слѣдя по либретто за выполняемою на сценѣ

[1]) Кіев. Стар. 1903 г., декабрь, 483.

думою... «Про трехъ бративъ», встала, обратилась въ вслухъ и, съ напряженнымъ волненіемъ дослушавши думу до конца, воскликнула со слезами на глазахъ: «Что, если бъ я обладала такою силою экспрессіи, съ какою поетъ этотъ старикъ»! Далѣе читаемъ: «У нынѣ оставшихся кобзарей, сколько ни случалось автору слышать, нѣтъ ни той характерности исполненія, ни той силы вдохновенія; средствъ ихъ вокальной выразительности хватаетъ на выполненіе псальмъ и сатирическихъ пѣсенъ, но они безсильны для передачи общаго настроенія козацкихъ думъ и даже правильной характеристики ихъ мелодій, какъ этнографическаго матеріала. На сколько они искажаютъ текстъ безсмысленною замѣною однихъ словъ другими, на столько же и мелодіи ихъ думъ измѣнены, обезличены и лишены того общаго колорита, какой проникалъ музыкальное содержаніе образцовъ, сохраненныхъ Вересаемъ. Хорошо еще, говоритъ авторъ, что они могутъ по написаннымъ Лисенкомъ нотамъ до извѣстной степени возвратиться къ правильной интонаціи думъ и соотвѣтственному строю бандуры для аккомпанированія имъ; при выполненіи ими думъ, впечатлѣніе на слушателя производитъ только словесная половина этихъ произведеній творчества давно прошедшаго, а не звуковыя формы вокальной части ихъ».

Къ счастью для нашей музыки, Н. В. Лисенко не только не ограничился точнымъ воспроизведеніемъ въ поученіе потомству полнаго репертуара замѣчательнаго бандуриста старосвѣтской школы, Остапа Вересая, но совершилъ поистинѣ гигантскій трудъ—собираніемъ и положеніемъ на ноты записанныхъ непосредственно изъ устъ народа напѣвовъ многочисленныхъ народныхъ пѣсенъ и т. п. вокально-музыкальныхъ произведеній. Такъ, изъ библіографическаго указателя музыкальной и литературной славной дѣятельности Н. В. [1]) можно видѣть, что въ продолженіе 35-лѣтъ дѣятельности онъ, между прочимъ, выпустилъ въ свѣтъ 106 болѣе или менѣе объемистыхъ выпусковъ своихъ произведеній, среди которыхъ заключается значительное

---

[1]) Кіев. Стар. 1904 г. № 1, отдѣльный библіограф. указат.

число сборниковъ, вмѣщающихъ въ сложности до 475 № малороссійскихъ пѣсенъ историческихъ, бытовыхъ и проч. и между ними 120 № написанныхъ для хоровъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто распространяться о громадныхъ заслугахъ предъ родиной и значеніи трудовъ композитора для развитія національной музыки и самосознанія, но нельзя не привести хотя краткое извлеченіе для характеристики разработки имъ народныхъ мелодій для хоровъ. «И въ самыхъ этихъ «роскладкахъ», и фортепіанныхъ сопровожденіяхъ къ нимъ, Н. В. Лисенко проявилъ очень много таланта и знанія хорового дѣла. Одинъ изъ спеціалистовъ такъ отзывается объ этихъ «роскладкахъ». Такой красоты звука, то мощнаго, то ласкающаго, такого стройнаго движенія хоровыхъ массъ очень трудно встрѣтить въ хоровыхъ пьесахъ. Но главное достоинство этихъ работъ, это—типичное и вмѣстѣ съ тѣмъ художественное голосоведеніе, основанное па глубочайшемъ знаніи народнаго контрапункта» [1]). Слѣдуетъ замѣтить еще, что въ 1883 г. въ «Кіевской Старинѣ» была напечатана сохранившаяся въ родѣ Галагановъ рукописная XVIII вѣка партитура и полный литературный текстъ «Вертепа» со многими колядками для хора, а также мелодіи народныхъ танцевъ XVIII в.

Съ такою драгоцѣнною сокровищницей доподлинныхъ народныхъ музыкальныхъ произведеній за нѣсколько вѣковъ, представляется въ наши дни счастливая возможность вполнѣ исправить исковерканный репертуаръ наличныхъ бандуристовъ и лирниковъ, а также научить ихъ перезабытымъ историческимъ думамъ и пѣснямъ—какъ изъ репертуара Вересая, такъ изъ сборниковъ Н. В. Лисенка; научить не только точному словесному тексту, но и типичному музыкальному сопровожденію въ строго національномъ духѣ и вкусѣ, которыми вообще отличаются глубоко народныя произведенія нашего славнаго композитора. Понятно, что для использованія сокровищницы, потребуется отъ учителей для зрячихъ и слѣпыхъ бандуристовъ и лирниковъ, основательное музыкальное образованіе, и главное—возможно глубо-

---

[1]) Кіев. Стар. 1903 г. № 3, 150.

кое усвоеніе и вѣрное пониманіе своеобразныхъ особенностей и прелести малороссійской музыки [1]). Не для слѣпцовъ и зрячихъ лирниковъ и бандуристовъ необходима никакъ не консерваторія, а всего лишь профессіональная школа для доставленія насущнаго пропитанія вокально-музыкальнымъ и ручнымъ ремесленнымъ трудомъ; при чемъ учителемъ пѣнія и музыки обязательно долженъ быть зрячій съ музыкальнымъ образованіемъ. При такихъ условіяхъ бандуристы возстановятъ прежнее уваженіе къ своей музыкѣ и пѣнію народной массѣ, которая можетъ отрѣшиться отъ нелѣпыхъ пѣсенъ фабричныхъ и т. п.

IV.

По существу дѣла и по смыслу указаній губ. зем. собранія, губернской управѣ предстоитъ (да съ этого и начать-то слѣдовало) привести въ извѣстность наличное число слѣпыхъ обоего пола въ предѣлахъ губерніи, а затѣмъ уже разработать проектъ, безъ предвзятаго предрѣшенія, что дескать «если немыслимо конечное измѣненіе строя жизни обездоленныхъ, то нужно помочь имъ хотя *палліативомъ*, хотя бы поддержаніемъ того лучшаго, что у нихъ есть (?) Нужно заплатить имъ—говорится далѣе,— *хотя чѣмъ нибудь* за то, чего они лишены волею судебъ, и воздать за наше невниманіе къ ихъ тяжкой жизни въ продолженіе многихъ лѣтъ, необходимо *чѣмъ нибудь* загладить (?) тотъ индиферентизмъ, съ которымъ мы ежегодно констатируемъ количество (?) слѣпыхъ въ уѣздахъ губерній». Очевидно, что категорически уже выраженная губ. зем. собраніемъ принципіально человѣколюбная заботливость и готовность понести затраты для устройства губернской школы или пріюта для 100—150 чел. слѣпцовъ вполнѣ развязываетъ руки губ. управѣ и открываетъ ей возможность предпринять раціональное воспособленіе слѣпцамъ—конечно въ мѣру матеріальныхъ средствъ губернскаго земства. Сколько извѣстно, губ. управа намѣрена приступить къ собиранію чрезъ

[1]) Для указанія такихъ лицъ слѣдовало бы обратиться къ Н. В. Лисенку.

волостныя правленія, свѣдѣній о количествѣ слѣпыхъ по губерніи, и потому я, предпринявъ настоящій самостоятельный трудъ, съ своей стороны предоставилъ въ распоряженіе управы выработанную мною программу личной карточки для опроса каждаго слѣпца, а также программу для собиранія свѣдѣній по сельскимъ обществамъ и волост. правленіямъ. Во всякомъ случаѣ, по мысли моей, личная карточка должна заключать вопросы о возрастѣ слѣпца, о знаніи ремесла или промысла, объ умѣньи пѣть и играть на какомъ-либо народномъ инструментѣ, объ имущественномъ цензѣ семьи и, наконецъ, о наклонности и способности къ пѣнію и музыкѣ. Думаю, что собранныя по предложеннымъ программамъ и затѣмъ систематически разработанныя данныя могутъ послужить обоснованіемъ для всякаго рода мѣропріятій и практическаго разрѣшенія многихъ вопросовъ.

Изъ непосредственныхъ наблюденій извѣстно, что въ массѣ слѣпцовъ весьма немногіе обладаютъ хорошими голосами и музыкальными способностями; при томъ у каждаго изъ современныхъ бандуристовъ и лирниковъ репертуаръ чрезвычайно ограниченъ и не отличается художественнымъ достоинствомъ текста, вслѣдствіе искаженій въ особенности думъ и историческихъ пѣсенъ. Такой современный упадокъ, или иначе говоря—низкопробность репертуара слѣпцовъ обусловливается низведеніемъ ихъ до положенія заурядныхъ попрошаекъ-бродягъ вмѣсто пользовавшихся уваженіемъ старосвѣтскихъ бандуристовъ. Отсюда слѣдуетъ, что репертуаръ слѣпцовъ нуждается въ коренномъ поправленіи и пополненіи изъ сокровищницы народной музыки, о которой было упомянуто выше. Эта же сокровищница составляетъ богатѣйшій источникъ для образованія профессіональныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ изъ болѣе талантливыхъ молодыхъ зрячихъ и слѣпцовъ, при посредствѣ профессіональной ремесленно-музыкальной школы, въ которой не должна имѣть мѣста профессіональная тайна, какъ извѣстно, столь обычная среди современныхъ слѣпцовъ при традиціонномъ обученіи пѣнію и игрѣ. Соединеніе въ школѣ и затѣмъ уже въ живой жизни зрячихъ со слѣпыми—для совмѣстнаго вокально-музыкальнаго исполненія—представляется цѣлесообраз-

нымъ и неизбѣжнымъ въ силу слѣдующихъ практическихъ соображеній и потребностей: 1) изъ массы наличныхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ слѣпыхъ должны бы только съ *лучшими* голосами, или *наиболѣе способные* къ музыкѣ, поступить въ школу для обученія пѣнію и игрѣ; вся же *остальная* молодежь и взрослые изъ слѣпцовъ должны изучать *исключительно* доступные *ремесла* и находиться вмѣстѣ съ другими взрослыми слѣпцами на попеченіи *въ богадѣльнѣ, или въ пріютѣ колоніи*, какъ это водилось въ прежнія времена на Украинѣ при существованіи шпыталей. Во всякомъ случаѣ совершенно немыслимо обратить всю массу или хоть значительное число слѣпцовъ въ пѣвцовъ и музыкантовъ: послѣднее должно быть предоставлено наиболѣе одареннымъ отъ природы; 2) для устраненія «контингента для арестантскихъ ротъ» изъ тунеядцевъ и бродягъ—зрячихъ поводырей слѣпцовъ, представляется возможнымъ такихъ *зрячихъ* подростоковъ, *преимущественно сиротъ*, и вообще изъ семействъ *безземельныхъ* и *малоземельныхъ*, имѣющихъ менѣе 4 дес. пахатной земли, которые обладаютъ *хорошими голосами* или особенными способностями *къ музыкѣ*,—допустить въ школу для изученія грамоты, пѣнія и игры *по нотамъ* на народныхъ инструментахъ, совмѣстно со слѣпцами; 3) эти зрячіе грамотные, обученные нотамъ, при совмѣстномъ съ слѣпцами вокально-музыкальномъ исполненіи, могутъ значительно способствовать въ каждой голосовой партіи и на каждомъ инструментѣ [1])—болѣе ритмичному голосоведенію и инструментальному сопровожденію хоромъ подъ управленіемъ дирижера, а въ тоже время они *должны служить поводырями* для своихъ слѣпыхъ товарищей. При томъ въ число ремеслъ слѣдовало бы ввести для зрячихъ обученіе производству народныхъ музыкальныхъ инструментовъ улучшенной конструкціи и техническихъ достоинствъ, такъ какъ обращающіеся среди слѣпцовъ инструменты до крайности неудовлетворительны по качеству и по внѣшнему виду. Несомнѣнно, что улучшенные инструменты мо-

---

[1]) Это будутъ своего рода суфлеры, которые могутъ слѣдить за точнымъ выраженіемъ текста и мелодіи исполняемыхъ произведеній.

гуть быть выгодны для сбыта вообще въ средѣ любителей музыки.

Такимъ образомъ ремесленно-музыкальная школа для бандуристовъ и лирниковъ будетъ имѣть своими питомниками *молодежь изъ зрячихъ и слѣпыхъ*, отличающуюся болѣе или менѣе выдающимися способностями къ пѣнію и музыкѣ. Она также откроетъ свои двери *возмужалымъ* бандуристамъ и лирникамъ, желающимъ исправить и пополнить свой репертуаръ и принять участіе въ соединенномъ хорѣ исполнителей. Ставъ живымъ разсадникомъ и вѣрнымъ хранителемъ сокровищъ народной поэзіи и музыки въ строго національномъ духѣ и вкусѣ, школа можетъ способствовать распространенію въ отечествѣ лучшихъ вокально-музыкальныхъ произведеній въ болѣе или менѣе художественномъ исполненіи хоровыми массами, или одиночными и групповыми (дуэты, тріо) голосами съ тѣмъ или инымъ музыкальнымъ сопровожденіемъ.

Вполнѣ возможное и существенно необходимое объединеніе зрячихъ грамотныхъ съ неграмотными взрослыми и малолѣтними слѣпцами, наводитъ на мысль, что школа можетъ содѣйствовать организаціи братствъ бандуристовъ и лирниковъ на началахъ взаимопомощи,—по примѣру историческихъ братствъ.

При огромномъ запасѣ ставшаго достояніемъ печати нотнаго матеріала, вполнѣ обезпеченъ болѣе или менѣе обширный репертуаръ для нѣсколькихъ десятковъ хоровъ бандуристовъ и лирниковъ, даже безъ повторенія однихъ и тѣхъ же пьесъ въ разныхъ хорахъ, такъ что каждый изъ послѣднихъ можетъ располагать *своею* программой, не конкурируя съ собратами. Слѣдовательно, каждый хоръ можетъ пѣть то, чего нельзя услышать отъ другихъ—и это разнообразіе программъ до извѣстной степени и надолго можетъ обезпечить въ публикѣ интересъ къ малороссійскимъ концертамъ бандуристовъ и лирниковъ. Конечно, школа можетъ подготовить болѣе или менѣе многолюдные хоры съ разнообразнымъ репертуаромъ каждый, съ солистами и т. п. изъ лучшихъ голосовъ. Въ виду того, что въ настоящее время малорусскій народъ разсѣянъ по необъятному отечеству отъ Амурскаго края

до Туркестана, Закавказья, Карпатскихъ горъ и т. п., можно разсчитывать, что бандуристы и лирники будутъ всюду у земляковъ желанными гостями, какъ равно въ столицахъ и многихъ значительныхъ городахъ съ великорусскимъ населеніемъ. Статься можетъ, что впослѣдствіи тотъ или иной хоръ нашихъ бандуристовъ и лирниковъ въ цѣломъ составѣ найдутъ радушіе и обезпеченное пропитаніе среди земляковъ другихъ губерній и областей; но это еще журавли въ небѣ, а синицей въ рукахъ должна быть намѣченная губернскимъ земскимъ собраніемъ ремесленно-музыкальная школа для слѣпцовъ, съ организаціей на предложенныхъ выше главныхъ основаніяхъ.

Что касается призрѣнія остальныхъ слѣпцовъ обоего пола, а также увѣчныхъ, малоумныхъ, спокойныхъ душевно-больныхъ, нуждающихся въ надзорѣ и попеченіи, страждущихъ иногда странными болѣзнями и выставляемыми на показъ язвами, круглыхъ сиротъ и т. п., то этотъ чрезвычайно сложный вопросъ требуетъ спеціальной разработки и прежде всего приведенія въ точную извѣстность числа нуждающихся въ призрѣніи. Наша же историческая справка выясняетъ, хотя отчасти, практиковавшіеся на Украинѣ способы призрѣнія страждущихъ и неимущихъ и вызываетъ необходимость предварительнаго сношенія съ епархіальнымъ вѣдомствомъ, для выясненія способовъ участія монастырей и сельскаго духовенства въ духовномъ просвѣщеніи и утѣшеніи страждущихъ, и въ дѣлѣ устройства пріютовъ и колоній для призрѣваемыхъ.

В. Василенко.

ПЕРЕЛЯКЪ.

(Малюнокъ зъ натуры).

— Панычу, заразъ стражныкъ зъ людьмы пройихавъ повзъ насъ: кажуть, що у панському лиси стброжа вбыто тіеи ночи... Чы не догнать бы мени ихъ, панычу, побачыты що таке тамъ скоилось?

— Бижы, колы наздоженешъ; повертайсь лышъ икъ вечору, Тадею!

— Обвязателно, обвязательно; будьте покійни за се!

На швыдку Тадей насовуе шапку и зачыняе двери. Я зновъ устромляю очи въ газету, про те—не читается: якыйсь сумъ обгортае душу. Одягаюся и иду зъ хаты. Чудова зимова годына. Сонце на вечирнёму прузи осявае кризь сыву габу одностайныхъ хмаръ матовымъ свитломъ сыняво-билый кылымъ безкраій, на обріи якого де-не-де чорніють вербы на шляху та обрысы далекыхъ селъ; трохы праворучъ спочывае у долыни наше село за верству одъ лису. Узлисся, до якого прытулылася сторожка лисныча, вылыскуется яскравымы алмазамы, що ряснiють на кожній гилочци. Тыхо, тыхо. Свиже повитря бадёрыть, тягне до руху. Коло хаты нагромаджено купу недорубаныхъ дровъ. Берусь за сокыру. Рубаю завзято, невымовно радіючы що-разу, колы сокыра глыбоко врижется въ одрубокъ и винъ, крекнувшы, роз-

скочется на поли. Рубаю, якъ машына,—безъ жаднои думкы у голови.

— Ого, спасыби вамъ, що допомоглы: на тыждень нарубалы!

Выпростуюсь. Вже смеркае.

— Ну, розсказуй, Тадею, що и якъ?

— Лыхе дило, панычeньку! Таке, значыть, обстоятелство выходыть, що и у насъ погани люде завелыся.

Винъ зъ хвылынку мовчыть за-для эффекту.

— Степана Бовкуна знаете? Да той, що у пана Моцакевыча за сторожа у лиси жывъ?

— Ну?

— Вбыто.

— За що?

— Чутка така, кажуть, бигала мижъ людьмы, що Степанъ грошыкы чымали мавъ,—отъ и накынулы окомъ на ёго. Бачте—самотинныкомъ жывъ, роду ніякого, а грошей до чорта бравъ? За Ягорыя и за раны—пьять карбованцивъ одъ Царя; шисть—жалування! А куды дидови гроши дивать?.. Усимъ Сыбиръ буде, стражныкъ каже.

— Хыба винъ знае, хто дида убывъ?

— Ну-да не знае! Та, мабуть, вже добираеться: каже, що то зъ якономіи постаралысь. Охо-хо! Забулы люде на Бога... Чы не казавъ я, колысь, що не буде добра намъ зъ якономіи!

— Чы дуже дида скаличено?—мушу перебыты ёму мову отсимъ запытаннямъ, знаючы добре, що Тадей, згадавшы про Бога и свого особыстого ворога якономію, або заведе якусь своеридну фильозофыю, або лаятыметься довго й добирно.

— Сказаты настояще,—страшно й глянуты: у голови дирка зъ кулакъ завбильшкы, очи вырячывъ, хвызіономія геть тоби чысто заюшена... Що я васъ, панычу, попрошу?—одразу перескакуе несподивано Тадей на инше,—пустить мене у село!

— Чого такъ скортило?

— Та десяцькый, знаете, переказувавъ, що Хома мій сыльно безъ мене загулявъ. И яку соби глупость у голову забравъ?! «Я, каже, рядовый запаса—черезъ якыйсь тыждень мене на війну зъ японцемъ потребують; треба, каже, добре хочъ нагулятысь на останци». Винъ ото гуляе, а жинка зъ дитьмы плаче. Якъ на вашу думку, панычу,—треба, мабуть, батькови сына на путь добру наставыть?—пытае улеслыво Тадей, сміючысь и показуючы рукою, якымъ робомъ треба Хому на путь наставляты.—Що треба, такъ треба—та ба!—закинчуе винъ сумно.

Черезъ вищо жъ такъ?

— Сумниваюся васъ самого у лиси кынуть... Э, ни, не пиду!—Тадей угадавъ—мени якось боязко стае ночуваты самому сіеи ночи.

— Хыба я боюся? Це мени не первынка,—кажу, яко мога, байдужлывише.—Про мене, йды. Прынесы тильки завтра мени газету зъ села, якъ буде.

— Добренько, добренько!

На поли зовсимъ темно. Лисъ у кориня чорный, якъ ничъ. Зъ поля дме вохкый витерець. Вхожу у хату й запалюю гаснык.

— Такъ я йду!—крычыть Тадей у викно зъ надвору.

— Йды!

— Покорно васъ благодару. Счаслыво оставатыся, панычу!

Мене обгортае якыйсь неспокій. Хочу побигты, зупыныты, вернуты ёго, а тымъ часомъ якось зъ мисця рушытысь не можу.

— Отъ дурень!.. Треба жъ зачынытыся на ничъ!

Симъ разомъ незвычайно старанно запыраю на засовъ синешни двери. Зачыняю ще хатни и сидаю до столу, але за хвылыну мене непевнисть бере, чы справди я позачынявъ двери, чы мени тильки такъ здалося, що я це зробывъ. Йду, щобъ упевнытысь. Вернувшысь, сидаю дочытуваты сёгодняшни газеты. Почуваю, що мои очи прытуляе, мовъ тягунцемъ, до себе чорне викно, чы навить не викно, а хтось, що дывытся на мене зъ-за викна. Не зважуюсь и очей своихъ звесты. Выбывае годынныкъ висимъ. Сей дзвинъ змушуе мене отямытысь видъ запаморочення и

затулыты налижныкомъ ту безодню темрявы, зъ таемною свитлою смугою на снигу, на яку я зырнувъ мымохить. Теперъ уже ни що не стурбуе! Я зъ головою порынаю у військови домыслы, планы та миркування про сылы японцивъ... Разъ, два, тры, симъ, десять. Десять годынъ! Часъ и спатонькы. Озыраюся на двери и лышъ теперъ у-перве сповидомо почуваю, що мени страшно. Оповидання Тадееве не йде зъ головы, хочъ я жену ёго видъ себе: «завелысь у насъ лыхи люде, дирку у голови завбильшкы зъ кулакъ продовбано, усе въ крови»... бррр! А мене хыба не можуть вбыты тежъ? Хто зарятуе? Засовъ держыть двери мицно, про те треба ще якоись затрымкы передъ дверыма. Прысуну ослинъ: покы вдерутся у хату—встыгну выстрибнуты у викно. Въ усякому рази сёгодня ляжу не роздягаючысь!

Гашу свитло. Мощуся лягты выгиднише. Нарешти запанове тыша. Ни, не зовсимъ: щось ворушытся! Пидвожу голову—ничого не чуть. Лягаю—ворушытся. Мыша запевно. Ни! Серце голосно бьется. Хай тоби лыхо! це мене подушка налякала своимъ шелестомъ! Теперъ вже спочыну, абы не думаты про те... Охъ, яке звирря!.. У голови дирка завбильшкы зъ кулакъ, кровъ такъ и дзюрыть... Дурный, пустывъ Тадея! Ну, якый соромъ сказаты, що боюся? Одначе жъ я ночувавъ тутъ самъ, безъ Тадея, ще й спавъ такъ мицно. А чому неодминно сёгодня мене вбьють? Певне, «воны» сами теперъ ажъ трусятся зъ ляку, сподиваючысь арешту? А вже жъ дурень, по дурному тильки дрижакы йимъ. Щобъ швыдче заснуть—буду марыты. Чы не пойихаты мени, справди, на театръ війны? Запышуся охочымъ, дарма, що мени лита не выходять—на выглядъ мени рокивъ симнадцять. Можно збрехаты. Колы маты не дозволыть—втечу. Отъ здывуются уси, колы я прышлю лыста зъ Сеула: «Мамо, простить, що втикъ безъ вашого дозволу. Теперъ я вже не маленькый Петрусь, а охвыцеръ россійськои арміи и кавалеръ св. Георгія. Сёго хреста я заробывъ за молодецьке дило, якъ бувъ на чатахъ. Мене послано, якъ смилого и розсудлывого охвыцера (охвыцерство я диставъ ще ранише за одвагу пры атаци, про се розскажу згодомъ) зъ чотырма козакамы роздывытыся японського табору.

Мы прокрадалысь непомитно мижъ скелямы середъ дыкого и непрывитного краєвыду. Ажъ ось по-надъ нашымы головамы просычало вразъ де-килька куль и короткый выбухъ рушныць гулко розкотывсь по горахъ: «Лаштуйся до бою!»—встыгъ я тильки скомандуваты, якъ ту жъ мыть звидусиль хмарою вылетилы на насъ верхивни. Я зъ козакамы не злякався: японци, якъ сино нидъ косою, валылыся видъ нашыхъ куль. Воны хотилы схопыты насъ у бранъ жывцемъ. Одынъ изъ ихъ, безъ кепы, зъ брузументамы на рукавахъ, вымахуючы шаблюкою, пидлетивъ до мене и отъ-отъ розрубавъ бы мени голову, колы бъ важка шаблюка пидручного козака не впала на ёго голову. Винъ упавъ зъ диркою у голови, зъ кулакъ завбильшкы; кровъ залыла густо ёму облыччя, зубы выщерылысь, губы посынилы, якъ бозъ...». Я кыдаюся зъ лижка. Закунявъ на хвылынку, а яке страшне наснылося! Зъ якои речи я такый певный, що воны не прыйдуть до мене. Черезъ два мисяци Велыкдень: грошей кожному треба, а вси, мабуть, ришуче вси знають, що дядько мени на Риздво десять карбованцивъ подарувавъ. Певне, бачылы, що й Тадей на село подавсь и чекають лышъ, колы засну. На що я погасывъ свитло?

Спалахнувъ сирныкъ: темрява тикае передъ блидымы проминнямы свичкы. У кимнати лагидный прысмерокъ. Очи заплющуются, але уява працюе. «Воны» напевно коло хаты, радятся, дывлятся кризь щылыны налижныка; бачать, де я; ще й застрелять у викно! Що сылы дмухаю на свичку. Темно, якъ у труни. Яка нисенитныця! Навищо «воны» стрилятымуть? Воны швыдче розламають двери! Ни, дверей не займуть, а отъ викно: одна мыть, ударывъ—и вси шыбкы геть! У мене жъ ни пистоля, ни рушныци, сокыра—и ту забувъ биля хаты! Де жъ хоча нижъ? Облапкы шукаю на столи его и перекыдаю каламаръ? Чы не залывъ кныжокъ? Клопоты, абы на двори не почулы сей грюкъ! Ось и нижъ. Деревá на двори шелестять гиллямъ. Витеръ гуде у бовдури. Осокорына поскрыпуе коло хаты. Усе на хвылыну ущухае. Раптовый трискъ на горыщи порушуе тышу. Серце завмирае. Я забувъ за горище! Злодіи вже тамъ; лизуть у синци;

заступають выхидъ; гадають, що я вже сплю! Покажу «имъ» заразъ, що не сплю, що не боюся ничогисинько! Хай свитыть гасныкъ! Заспиваю найвеселійшои... якои? Отъ лыхо: уси писни забувъ! Ага! «У Кыиви на рыночку»...—ростынается несподивано гострый, непрыродный, швыдче крыклывый спивъ, схожый до выклыку: «поможить, рятуйте, рижуть». Я самъ лякався свого голосу, такъ не до речи винъ середъ сіеи тыши. Краще чытатыму, але що? Еврыка, Евангелію! Чы не зупынить часомъ «ихъ» святе письмо?

Де розгорнется, те й чытатыму.

Тыхо и плавко льются одностайни звукы, непомитно переходячи у церковный тонъ. Я звыкъ до свого голосу—чытаю й чытаю. Нарешти горло пересыхае, чытаты важко. Зупыняюсь. Мене зновъ огортае острахъ, якого я наче бъ гнавъ одъ себе голосомъ. Чытаю дали. Огняный языкъ гаснака спалахнувъ й почынае блыматы: догоривъ гасъ.

У хати зновъ темно, але середъ темрявы скризь, куды бъ не подывылысь мои очи, вытанцёвують огныкы. Бумъ, бумъ! Ще дви годыны... Господы! якъ довго тягнется ничъ! Голова важка; на тили млосно; віи несамохить злыпаются,—куняю.

Угу-у, угу-у-у!—долитае зъ-надвору незрозумилый сумный стогинъ. Схвачуюсь, мовъ опеченый. Чоло вохке й холодне. Це «воны» склыкуются.

Чого я тремчу, якъ заяць? одъ смерти жъ не втекты, не сховатыся. Хай лизуть, каличять, убывають, колы вже прызначено мени вмерты видъ сокиры розбышакъ! И за чимъ мени жалкуваты?..

А моя енергія, мій талантъ? А моя мрія зробыты щось вельмы корыстне людямъ?.. А слава?.. И «воны» вбьють мене?! Не допущу «ихъ» до цёго! Боротымусь, покы сыла!! Дорого продамъ себе!!! Я самъ «ихъ» убью усихъ!!!...

Багато, певно, було бъ галасу въ кыивськыхъ газетахъ. Оттаке бъ пысалы, напрыкладъ: «Надзвычайный выпадокъ смилывосты. Въ N—ському повити одынъ юнакъ Петро Перекыдько вбывъ недавнечко у ночи двохъ (ни, трохъ!) розбійныкивъ, що

хотилы ограбуваты ёго. Се сталося у сторожци, що стоить самитно середъ лиса. Тіеи ночи винъ ночувавъ самъ»...

Биля дверей урывчастый гукъ. Серце падае кудысь у шлунокъ, потимъ бьется такъ здорово, що мени здается—се чуты й на двори. Слухаю, слухаю й слухаю, затрымуючы виддыхъ бо и винъ перешкоджае: шумыть, якъ михъ ковальскый. Сыджу, схылывшысь на руку. Не зручно, а боюся поворухнутыся.--Рука затерпла. Прыляжу, хочъ на хвылынку, бо не сыла! На часъ забуваюся. Прокыдаюся видъ ледве помитного шелестиння чымсь по стриси. Такъ! Розумію: це «воны» прыставляють драбыну до голубныка! Ще, ще мыть—и серце розирвется,—ажъ боляче у боци. Бумъ, бумъ, бумъ, бумъ, бумъ—гуде годынныкъ. Чуты, що хтось пидходыть до викна... Невже у викно?..—Ни, повертають до драбыны... Хтось, обережно ступаючы, лизе по драбыни на гору. Хапаючысь, одягаю кожухъ... Я чую, якъ ступають важко чыись ногы по стели... «Воны заразъ будуть у синяхъ! Швыдче тикаты! Въ одынъ ментъ одкыдаю ослинъ, росчыняю навстежы одни двери, зъ грюкомъ—други. Чымъ дужъ лечу до села, не озыраючысь. «Воны женутся!» Пухкый снигъ лыпне до повстянокъ, обважуе ногы. Свижый ранишній витеръ риже горло...

Дотыкъ рукъ и облыччя до снигу вертае мене до памьяты. Встаю; оглядаюся. Верствы за пивъ позадъ мене чорніе лисъ, до якого протяглыся мои слиды, неривни, самитни, а за гоны одъ мене лежыть чорна шапчына моя. Срибне сяйво мисяшне залывае усе навкругы и веселковымы барвамы грае на закрыгованыхъ витахъ, одбывается перламы на ривному кылыми снигу. Мисяченько, ясный и круглый, застыгъ середъ сынёго неба, де ряснію́ть блыскучи ще, тыхи зиркы. Де дали на схидъ, тымъ небо блиднійше. Увесь схидъ загромаджено пасмамы хмаръ: зъ горы—сиро-жовти, ще нызче—рожеви, дали червонясти, на обріи жъ зовсимъ кривавіи хмары. Чудова незвычайна картына, картына борни двохъ освитлень! Дзвинъ, повный, гучный, оксамытовый, ударывъ и тане въ повитри. На пивничъ мовъ-бы на долони розкыдалысь безладно хаткы. Якъ ничъ чорніють ихъ нызы. Зъ виконъ де-не-де сяе свитло й прокладае смугы яскрави на плотахъ, що ихъ ожеледь посрибныла.

А бани дзвинныци та церквы, тополи кругъ ихъ, верхы стрихъ и вси верховиття деревъ, облыти проминнямъ мисяця, горять якъ видъ за́гравы. Село прокыдается. Встають нерухомо зъ бовдуривъ стовбуры дыму. Якъ молоко били, воны выпынаются гостро на темному тли. Рыплять журавли та ворота, собакы валують. Розмовляють голосно люде...

Одъ села, стежкою до лису, прямуе хтось у кобеняку зъ напнутою кобкою. Прыдывляюсь—Тадей! Винъ те́жъ бачыть мене, махае рукою, крычыть, прямуе просто до мене. Я вже бачу його червоне облыччя и густи бровы.

— Чого вы такъ рано всталы, панычу?

— Не спалося.

— Не спалося? А я це вагався, чы на заупокойну обидню йты, чы паныча провидаты. Здрастуйте!—каже Тадей, наблызывшысь.

— Теперъ выявылось, де небищыкъ Степанъ гроши диваѣъ. Усе у церкву нашу, на вичне його помыновенне, та щобъ його на цвынтари поховалы. Це учора староста на зборни казавъ.

Повертаемось до хаты моимы слидамы. Тадей зъ запаломъ оповидае ще про якись новыны. Я його не слухаю. Чы сказаты, що «тамъ» розбійныкы? Не повирыть; на глузы ще визьме! Нехай тоди самъ усе побачыть! Ось и слидамъ моимъ край. Навколо жъ більшъ ніякыхъ. Якъ то?? «Воны» жъ пидходылы до дверей, смыкалы ихъ? Обійду кругъ хаты. Скризь ривный, не займаный обрусъ снигу. Мени стае соромно, соромно себе самого. Я почуваю, якъ кровъ прылывае мени до лыця. Хочется плакаты й крычаты видъ злосты й прыкросты. Повертаю до дверей. Тадей вже рубае дро́ва.

— Сокыру учора забулы на двори!

— Хыба вкралы бъ?

— А кому тутъ красты? Прытрусыло снигомъ, ледви знайшовъ.

Вразъ въ мене повстае бажання покаятыся передъ Тадеемъ за свій безглуздый жахъ; оповисты усе, усе, щобъ винъ, хоча смихомъ, покаравъ мене за пустый страхополохъ.

— Тадею!—почынаю лагидно,—Тадею!

— Чого?—одгукуется винъ, не кыдаючы роботы.—А проте зъ якои речы, я мушу передъ нымъ покуту правыты? Виддаваты себе доброхить на посмихъ якомусь-то... а винъ рознесе славу скризь по селу, а самъ кынувъ мене самого середъ лису на прызволяще!

— Вытопы заразъ пичъ! У ночи холодно чортъ-зна якъ було!—загадую я суворымъ тономъ и грюкаю за собою хатнимы дверыма.

Петро Перекыдько.

Дѣятель старой бурсы [1])

(Воспоминанія свящ. Н. Бѣловольскаго).

Статья, помѣщенная въ 58 № Церковно-общественнаго Вѣстника, сообщающая пріемы педагогической дѣятельности инспектора лубенскаго училища іеромонаха Поликарпа, вызвала

[1]) Воспоминанія эти составлены были настоятелемъ Троицкой церкви въ г. Миргородѣ, о. Николаемъ Бѣловольскимъ, скончавшимся въ мартѣ 1900 года. Личность эта въ Миргородѣ пользовалась особеннымъ уваженіемъ и любовью за свою доброту, рѣдкое безкорыстіе и умъ. При похоронахъ его почти всѣ присутствовавшіе плакали навзрыдъ, и это были такія искреннія слезы, какія рѣдко можно видѣть у гроба. Болѣе подробныя свѣдѣнія о покойномъ Н. Бѣловольскомъ можно почерпнуть изъ некролога его, напечатаннаго въ Полт. Губ. Вѣдом. 1900 г. № 24. Какъ видно изъ этого некролога, авторъ воспоминаній родился въ 1832 году, слѣдовательно—въ тѣ годы, которыхъ коснулись его воспоминанія (съ 1844 по 1847 г.), онъ былъ въ возрастѣ 12—16 лѣтъ и самъ обучался въ это время въ Лубенскомъ духовномъ училищѣ. Воспоминанія эти, не давая по существу ничего особенно новаго сравнительно съ тѣмъ, что напечатано уже въ разное время и въ разныхъ литературныхъ формахъ для характеристики старой бурсы, однако же очень цѣнны по своей простотѣ и правди-

и въ моемъ воспоминаніи нѣкоторые факты, которые я уже думалъ навсегда предать забвенію; но коль скоро эта личность поставлена на сцену, то, въ виду болѣе полнаго и обстоятельнаго описанія этого представителя древней педагогики, считаю нелишнимъ сообщить нѣсколько фактовъ.

Если бы описать всѣ дѣянія Поликарпа за 25 лѣтъ его дѣятельности, то составились бы большіе томы, но для этого нужно много времени и труда. Я сообщу факты всего за 4 года, начиная съ 1844 года, когда Поликарпъ вторично пріѣхалъ инспекторствовать въ Лубенское училище.

Пріѣздъ его послѣдовалъ въ одинъ изъ дней, когда ученики сидѣли въ классахъ на послѣобѣденныхъ урокахъ. Во дворъ училища въѣхала громадная колымага, изъ которой вышелъ монахъ и, не заходя въ свои комнаты, прямо направился въ классы. Всѣ сейчасъ же узнали, что это инспекторъ, и всѣ задрожали, такъ какъ о его жестокостяхъ ходило много толковъ. Войдя въ классъ, Поликарпъ спросилъ у учителя объ успѣхахъ учениковъ и сказалъ нѣсколько словъ о томъ, какъ ученики должны хорошо учиться и не заниматься шалостями, а потому—заявилъ онъ откровенно—въ классѣ

вости автора, пріобрѣтаютъ свою цѣнность только тогда, когда имѣется увѣренность въ правдивости ихъ. Центральная личность въ воспоминаніяхъ—о. Поликарпъ, о жестокостяхъ котораго какъ воспитателя,были напечатаны замѣтки въ «Церковно-обществ. Вѣстн.» (? года, № 58). Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ замѣтокъ и были составлены о. Н. Бѣловольскимъ его воспоминанія. Замѣтки эти любезно сообщены редакціи М. П. Пащенкомъ, который лично получилъ ихъ отъ автора со словами: «колы хочете, подарую ихъ вамъ на згадання; може вы що-небудь зъ нымы зробыте». Приносимъ глубокую благодарность М. П. Пащенку за предоставленіе намъ возможности напечатать эту рукопись, которая содержаніемъ своимъ прибавляетъ нѣсколько яркихъ страницъ для характеристики мрачнаго прошлаго въ бурсацкой жизни, а тономъ своимъ обрисовываетъ почтенную личность автора ея.

Ред.

должны всегда быть наготовѣ въ достаточномъ количествѣ лозы. Наружный видъ Поликарпа и его послѣднія слова привели учениковъ въ трепетъ. Такъ какъ наружность Поликарпа имѣла большое значеніе, вмѣстѣ съ свирѣпымъ его характеромъ, въ дѣлѣ устрашенія учениковъ, то считаю не лишнимъ прежде всего описать эту физіономію.

Поликарпу въ это время было лѣтъ 50 съ лишнимъ. Роста невысокаго, довольно толстый; лицо круглое, большое и очень смуглое, усѣянное мелкими черными волосами на носу, на щекахъ и между глазъ; глаза большіе, на выкатѣ, какъ бы двѣ пули, готовыя пронизать того, на кого они устремлены; борода большая, совершенно сѣдая; усы черные; лобъ большой и голова вся лысая, исключая затылка, на которомъ торчалъ маленькій хвостикъ волосъ. Клобукъ свой, который носилъ онъ въ родѣ камилавки, въ классѣ всегда снималъ, и голова его являлась совершенно голою. Голосъ имѣлъ грубый и произношеніе какое-то странное. Одинъ этотъ наружный видъ Поликарпа приводилъ всякаго ученика въ трепетъ.

Посѣтивъ всѣ классы, Поликарпъ отправился въ свои покои, которые находились тутъ же, въ одномъ домѣ съ училищемъ и бурсою. (Въ бурсѣ жили казенные ученики). Не прошло, кажется, и трехъ дней, какъ Поликарпъ началъ дѣйствовать. Самъ же онъ по вечерамъ дозволилъ ученикамъ гулянье (при этомъ онъ выражался, обращаясь ко всѣмъ ученикамъ, въ единственномъ числѣ: «*гуля́й!*»). Ученики играли въ разныя игры, но болѣе возрастные засидѣлись долѣе слѣдуемаго и дозволили себѣ игру въ карты—разумѣется «дурачки». На несчастіе Поликарпъ засталъ ихъ надъ картами, и—о ужасъ! сейчасъ же дѣлается распоряженіе о приготовленіи на завтра побольше лозъ. Воображаю ночь, проведенную этими несчастными въ ожиданіи завтрашнихъ событій. На другой день въ 8 часовъ утра ученики пришли въ классъ. Жившіе на квартирахъ ничего не знаютъ о вечернемъ случаѣ. По приходѣ въ классъ замѣтно было какое то уныніе на лицахъ учениковъ, тайный шопотъ одного съ другимъ и вообще грустное настроеніе всѣхъ. Не успѣли еще ученики передать

одинъ другому о событіи, какъ ужасный крикъ и шумъ въ сосѣдней комнатѣ привелъ всѣхъ въ трепетъ,—это уже началась расправа Поликарпа съ виновными. Покончивъ въ одномъ классѣ, онъ перешелъ въ другой. Дверь отворилась, показался грозный Поликарпъ и за нимъ экзекуторъ съ нѣсколькими пучками розогъ. Послѣ немногихъ словъ нравоученія, приступлено было къ дѣлу; начались визги, крики—и пошли литься слезы ручьями. Насколько безчеловѣчна и грозна была расправа, служитъ доказательствомъ то, что учитель (а учителя тоже не церемонились съ учениками на счетъ розогъ), отошедши къ окну и отворотившись въ сторону, буквально плакалъ. (Учитель этотъ недавно былъ присланъ изъ Переяслава, гдѣ обхожденіе съ учениками было гуманнѣе, что зависѣло отъ того, что ректоръ семинаріи часто посѣщалъ училище и дѣлалъ неоднократно учителямъ выговоры за строгое обращеніе съ учениками). Совершивъ эту экзекуцію, Поликарпъ отправился въ классъ для занятій, гдѣ до конца урока и еще была расправа за незнаніе заданнаго.

Я не буду передавать въ порядкѣ всѣхъ дѣйствій Поликарпа, какъ они слѣдовали одни за другими, а сообщу лишь отдѣльные, болѣе выдающіеся факты, которые сохранились въ моей памяти.

Начну съ 4-го класса, такъ какъ въ этомъ классѣ Поликарпъ преподавалъ, и потому ученики должны были каждодневно выносить его тягостное присутствіе по 2 и даже 4 часа. Это присутствіе настолько угнетало учениковъ, что сидѣвшіе на вторыхъ скамьяхъ прятались постоянно за спины своихъ товарищей, чтобы не встрѣчать этого ужаснаго взгляда. Порядокъ ежедневно былъ такой.—Ученики, не знавшіе уроковъ, сами должны были выходить къ порогу и становиться на колѣни. Входитъ Поликарпъ; по лицу его можно было узнавать, въ какомъ онъ расположеніи духа. По прочтеніи молитвы, Поликарпъ, посмотрѣвши въ эррату, которая лежала на столѣ, и затѣмъ съ злобною улыбкой взглянувши на стоявшихъ у порога, грозно произносилъ: «лозы есть?» (слова эти произносились съ протяжностью); слѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, послѣ котораго Поликарпъ произносилъ громко

и чрезвычайно отрывисто: *сэчь!*—и начиналась расправа. Во время ея Поликарпъ никогда не садился, а стоялъ, какъ бы считая неприличнымъ сидѣть во время этой важной церемоніи; но собственно тутъ имѣлось въ виду, чтобы надъ истязуемыми не было поблажки. Если Поликарпъ замѣчалъ такую поблажку,—что было очень рѣдко,—то и экзекуторъ получалъ по шеѣ палкою, кулакомъ или чѣмъ попало. Покончивъ съ наказаніями, Поликарпъ садился—и начинались занятія. Нельзя сказать, чтобы остальное время занятій проходило благополучно,—нѣтъ, и среди уроковъ находилось еще нѣсколько жертвъ, которыя хотя и считались знавшими урокъ, но изобрѣтательность Поликарпа находила причины виновности—и начинались новыя истязанія. Иногда приходъ Поликарпа въ классъ былъ и противоположнаго свойства: онъ являлся въ хорошемъ расположеніи духа и даже съ веселымъ лицомъ. Тутъ бывало такъ: взглянетъ Поликарпъ на стоящихъ у порога и скажетъ: «жаль! козловъ много, да охоты нѣтъ»,—и тутъ же опредѣляетъ день, въ который явится у него охота. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Поликарпъ являлся въ классъ въ хорошемъ настроеніи духа, бывало, что за весь день никто не подвергнется опалѣ; но такіе дни бывали очень большой рѣдкостью. Суббота считалась преимущественно тяжелымъ днемъ: большею частью въ этотъ день Поликарпъ дѣлалъ усиленную расправу какъ бы для того, чтобы въ воскресенье отдохнуть. Случалось впрочемъ, что и воскресные дни не были для учениковъ днями радости и отдыха: нерѣдко въ эти святые дни разнузданность Поликарпа творила великія беззаконія. Иногда въ воскресенье послѣ обѣда билъ училищный звонокъ, и ученики должны были являться въ училище со всѣми книгами. Начинался осмотръ книгъ, и у кого книги были изорваны, испачканы, не обернуты бумагою или холстомъ, тотъ подвергался біенію. Поликарпъ тутъ вступалъ въ права отца и говорилъ: «отецъ тратится, покупаетъ книги, а ты не бережешь, разоряешь отца»,—и затѣмъ слѣдовало отрывистое «сэчь»! Истязуемыхъ учениковъ онъ еще утѣшалъ словами: «его же люблю наказую». Однажды въ воскресенье, по обычаю собравъ звонкомъ учениковъ въ училище, По-

ликарпъ ужасно насмѣшилъ всѣхъ: когда ученики собрались, онъ вышелъ къ нимъ и грозно закричалъ: «убирайтесь, бо́ охота есть—буду всѣхъ бить!»,—и ученики съ радостью разбѣжались, не подвергшись никакимъ бѣдамъ. Охота на этотъ разъ у Поликарпа была какая то не настоящая, а только воображаемая, на подобіе пресытившагося человѣка, когда онъ съ наслажденіемъ смотритъ на вкусное блюдо, но не въ состояніи ѣсть его. И не мудрено, что Поликарпъ пресыщался истязаніемъ учениковъ до того, что у него отпадала по временамъ охота: вѣдь онъ имѣлъ право расправиться не только съ 4-мъ классомъ, но и со всѣми остальными, и не за одни только уроки, а вообще за все поведеніе учениковъ въ классѣ, въ квартирѣ и въ церкви. Журналъ всѣхъ классовъ о поведеніи учениковъ поступалъ къ нему, но онъ не сейчасъ расправлялся съ виновными, что объяснялось его нелюбовью возиться съ однимъ или съ двумя,—онъ собиралъ побольше виновныхъ, и когда являлась *охота* (а это чаще всего бывало во время пьянства), бралъ журналы и съ ними отправлялся по всѣмъ классамъ и насыщалъ свое звѣрство, сколько ему хотѣлось.

Другой родъ истязанія учениковъ составляли *пали*, которыя давались не линейкою, а обратнымъ, толстымъ, концемъ розги, что равнялось довольно толстой палкѣ. Передъ этимъ наказаніемъ Поликарпъ произносилъ: «дай ему въ лапу». Получать въ лапу чаще всего приходилось ученикамъ за письменныя упражненія. Къ несчастію учениковъ, Поликарпъ преподавалъ греческій языкъ, гдѣ, какъ извѣстно, легче надѣлать ошибокъ, чѣмъ въ латинскомъ. Упражненія эти писались послѣ обѣда и по окончаніи сдавались инспектору. Онъ ихъ просматривалъ дома, исправлялъ ошибки и въ концѣ тетради ставилъ число ихъ. Исправивши нѣсколько тетрадей, онъ призывалъ къ себѣ въ комнату учениковъ и, показавши каждому ошибки порознь, произносилъ: «держи лапу» и по числу ошибокъ давалъ удары въ руку. Случалось, что иной, получивши ихъ много, нѣсколько времени не могъ владѣть рукою, ибо рука распухала такъ, что онъ не могъ ни писать, ни дѣлать что-либо другое. Битье по

рукамъ часто приходилось также принимать бурсакамъ за волошскіе орѣхи, которые въ большомъ изобиліи росли въ училищномъ саду и которые тайкомъ срывались учениками. Поликарпъ, посѣщая классы, осматривалъ руки учениковъ, и если на пальцахъ замѣтна была чернота, то кричалъ: «дай ему въ лапу»!

Для упражненій Поликарпъ выдумывалъ иногда довольно мудреныя вещи. Разъ онъ задалъ перевести на греческій языкъ слѣдующія слова: «соборище смоковницу Христосъ еврейское, плодовъ чуждую духовныхъ вообразуяй, клятвою усушаетъ, ея же бѣжимъ страсти». Говорить нечего, что ни одинъ ученикъ не уразумѣлъ настоящаго смысла этихъ словъ и не сдѣлалъ правильной разстановки, а Поликарпъ не объяснилъ и, разумѣется, душевно былъ радъ, что у каждаго ученика нашлись ошибки, и ему представился пріятный случай «давать ученикамъ въ лапу». Для истязанія учениковъ Поликарпъ придумывалъ невѣроятныя вещи, и ни одинъ ученикъ, идя въ классъ и зная прекрасно урокъ, не могъ быть увѣреннымъ, что онъ возвратится домой благополучно, не подвергшись какому-нибудь варварству. Однажды Поликарпъ, вызвавши къ столику ученика, спросилъ его, сколько буквъ въ греческомъ алфавитѣ, и по числу буквъ велѣлъ ученикамъ наловить мухъ. Пойманныя мухи умерщвлялись и клались на столъ. Затѣмъ онъ велѣлъ отрывать мухамъ—одной крыльце, другой ножку и т. д.—и класть ихъ на столъ подъ рядъ, называя каждую именемъ греческой буквы—отъ альфы до омеги; потомъ по этимъ мухамъ, какъ бы по книгѣ, велѣлъ ученикамъ прочитать азбуку. Послѣ этого, смѣшавши всѣхъ мухъ вмѣстѣ, онъ заставляетъ ученика отыскать такую то букву, другую и т. д. Разумѣется, такихъ мудрецовъ не было еще на свѣтѣ, которые могли бы угадывать эту безтолковую азбуку, и ученикъ послѣ каждаго опыта, слышалъ только: «брешешъ»! и подвергался заушеніямъ, побоямъ и разнаго рода ругательствамъ. А ругался Поликарпъ въ классѣ самыми неприличными площадными словами, особенно во время расправы.

Во время упражненій играла роль старая греческая грамматика, бывшая пособіемъ къ учебнику, но имѣвшаяся не у всѣхъ

учениковъ. Посмотрѣвши въ тетрадку какого-нибудь ученика и нашедши у него ошибку, Поликарпъ велитъ ему сдѣлать справку по этой грамматикѣ. Ученикъ на бѣду свою не взялъ въ классъ этой книги. Ревностный педагогъ дѣлаетъ наставленіе: «то твоя маты; ты всегда долженъ носыть іи зъ собою и спать изъ нею»,— и сейчасъ же велитъ наказать ученика, а затѣмъ подвергались сѣченію и всѣ тѣ ученики, у которыхъ эта книга имѣлась, но не была на этотъ разъ принесена въ классъ.

Иногда бывали и такія сцены. Влетитъ въ классъ въ растворенное окно воробей; Поликарпъ поднимаетъ ученика побольше ростомъ и велитъ ловить воробья. Ученикъ бѣгаетъ по скамьямъ и ловитъ, но поймать не можетъ, а Поликарпъ кричитъ, «ловы, ловы,—а то выбью». Если ученики и избѣгали въ такомъ случаѣ наказанія, то только потому, что Поликарпъ былъ въ хорошемъ настроеніи и не являлась у него въ это время «охота».

Однажды разрѣшилъ онъ бурсакамъ гулять; но черезъ нѣсколько времени выйдя изъ комнаты и вѣроятно въ хмелю забывши о своемъ разрѣшеніи, встрѣчаетъ одного бурсака безъ книги и накидывается на него: «чому ты не учышся? воздухъ миряешъ? витеръ гонышъ? собакъ бьешъ»? Ученикъ отвѣчаетъ: я все знаю (т. е. уроки на завтрашній день).—«А, ты все знаешъ!—рычитъ Поликарпъ:—а скильки звиздъ на неби?—Ученикъ, конечно, молчитъ. Поликарпъ притягиваетъ ученика къ себѣ и, указывая пальцемъ на звѣзду, спрашиваетъ: «бачышъ оту звизду? а онъ-ту?» Ученикъ отвѣчаетъ: «вижу».—А знимы мени іи сюды!—Послѣ этого тащитъ за собою беззащитное, невинное дитя, ставитъ посреди комнаты и, созвавши всѣхъ учениковъ, провозглашаетъ: «винъ есть обманщыкъ, брехунъ; его надо наказать!»—и велитъ каждому подходить и бить его со всего розмаху по щекѣ. Замѣтивъ, что кто-нибудь легко ударилъ, Поликарпъ приказывалъ тому становиться позади мучимой жертвы, и тотъ также получалъ отъ каждаго пощечину. Ученикъ долго не могъ выдержать этой казни и послѣ цѣлаго ряда пощечинъ, обомлѣвъ, упалъ.

Даже тѣ рѣдкія минуты, въ которыя отъ Поликарпа отходилъ духъ злобы, когда онъ пребывалъ въ хорошемъ расположеніи и

хотѣлъ оказать дѣтямъ милость и благоволеніе, какъ любящій отецъ,—и тѣ, говорю, немногія минуты не обходились безъ біенія и слезъ. Вотъ примѣръ. Послѣ каникулъ ученики съ билетами являлись къ инспектору, и каждый при этомъ приносилъ маленькій подарокъ: булку, арбузъ, плоды разные. Приношеній этихъ собиралось много, и Поликарпъ иногда угощалъ ими бурсаковъ. Однажды голодные бурсаки съ неописаннымъ восторгомъ насыщались въ комнатѣ Поликарпа, въ его присутствіи, арбузами, фруктами и булками; все было благополучно: со стороны посмотрѣвши, можно было сказать: «се отецъ и дѣти его». Но духъ злобы и тутъ помѣшалъ. Къ послѣднему кусочку арбуза ученикъ протягиваетъ руку! Поликарпъ кричитъ: «стой!»—и велитъ раздѣлить этотъ кусочекъ на всѣхъ учениковъ по равной части. Ученикъ беретъ ножъ и рѣжетъ, а Поликарпъ стоитъ подлѣ ученика и послѣ каждой отрѣзанной части приговариваетъ: «брешешъ, не такъ»—и даетъ пощечину. Въ концѣ концовъ ученикъ, ни за что ни про что весь избитый, обливается слезами.

Игры Поликарпъ устраивалъ не ради развлеченія учениковъ, а для собственнаго удовольствія. Однажды устроилъ онъ такую игру: велѣлъ ученикамъ среди двора становиться въ кругъ; у каждаго ученика долженъ быть такъ называемый *жгутъ*. Выбѣгалъ изъ круга ученикъ и, ударивши по плечамъ своего сосѣда, бѣжалъ кругомъ; сосѣдъ бѣжалъ за нимъ, ударивъ своего сосѣда, и билъ бѣгущаго; слѣдующій выбѣгалъ и билъ этого и т. д. Такимъ образомъ весь кругъ обращался въ бѣгающихъ и бьющихъ другъ друга по плечамъ. Доходило до того, что многіе изнемогали отъ бѣганія и сильныхъ ударовъ и со слезами на глазахъ падали на землю, а Поликарпъ на крыльцѣ любовался этою картиною и велѣлъ игру продолжать подолѣе.

Теперь розскажу дѣянія Поликарпа болѣе грознаго свойства, когда виновные выводились на позоръ и, какъ на эшафотѣ, подвергались публичному поруганію. Возрастный ученикъ замѣченъ въ какомъ-то проступкѣ, который въ глазахъ Поликарпа показался настолько важнымъ, что онъ не рѣшился учинить расправу самъ, а распорядился письменнымъ отношеніемъ вызвать неме-

дленно въ училище отца виновнаго ученика. Отецъ явился. Предложено одно изъ двухъ: или наказать сына публично, или исключить. Отецъ, устрашенный грознымъ инспекторомъ, принимаетъ первое рѣшеніе и отдаетъ своего сына на позоръ. Получивъ согласіе отца, Поликарпъ съ сіяющимъ лицомъ приступаетъ къ исполненію заранѣе придуманной имъ казни. Въ минуту дѣлается распоряженіе, чтобы всѣ ученики выходили изъ классовъ на училищный дворъ. Ученики вышли и шеренгою, образовавши большой полукругъ, стали отъ одного крыльца до другого. На крыльцѣ, довольно высокомъ, ступеней въ шесть, стоятъ Поликарпъ и отецъ виновнаго; передъ крыльцомъ—виновный и около него экзекуторъ, около котораго на землѣ лежитъ нѣсколько пучковъ розокъ, а одинъ пучокъ въ рукахъ. Училищный звонокъ во все это время звонитъ медленно и какъ то уныло. Продолжительное молчаніе... Наконецъ Поликарпъ, походивши по крыльцу, становится на край его и читаетъ виновному нравоученіе, послѣ котораго произноситъ грозное, отрывистое: «сэчь»! Виновный принимаетъ соотвѣтственную позу. Опять молчаніе... Затѣмъ Поликарпъ произноситъ еще нѣсколько словъ нравоученія и оканчиваетъ словами: «дай ему пять»! Черезъ нѣсколько секундъ повторяетъ: «дай ему шисть!»; еще черезъ нѣсколько секундъ—«дай ему чотыри!» и т. д. Такъ эта трагедія продолжалась уже около часу, и неизвѣстно, какъ долго она еще протянулась-бы, если бы сторонніе люди не помѣшали. Улица, идущая мимо училища, наполнилась множествомъ зрителей, и изъ толпы, прорвавъ ученическіе ряды, вбѣжала на крыльцо женщина и, павши на колѣни, просила прекратить истязаніе ученика и затѣмъ прибавила: «якъ вамъ не грихъ, якъ не стыдно мучыть такъ дитей!». Поликарпъ устыдился и прекратилъ истязаніе. Вѣщій звонъ замолкъ. Облитый кровью и слезами ученикъ едва поднялся съ своего мученическаго ложа. Такъ закончилась эта ужасная сцена, наведшая на учениковъ трепетъ, а на гражданъ произведшая ужасающее впечатлѣніе.

Одинъ ученикъ, устрашившись грозныхъ училищныхъ порядковъ, бѣжалъ домой. По доставленіи его обратно въ училище,

принята была слѣдующая исправительная мѣра. Всѣ ученики были разставлены въ длину училищнаго двора въ два ряда; виновный былъ раздѣтъ до-нага; на шею его былъ навѣшенъ большой листъ бумаги съ надписью большими буквами: «бѣглецъ», и въ такомъ видѣ онъ водимъ былъ долгое время взадъ и впередъ.

Одного ученика Поликарпъ хотѣлъ даже прогнать сквозь строй. Съ вечера отдано было приказаніе, чтобы на завтра каждый ученикъ принесъ сырую палочку толщиною въ палецъ. На другой день всѣ ученики пришли въ классъ съ палочками и съ трепетомъ ожидали, что будетъ. Но Поликарпъ, къ утру протрезвившись, раздумалъ, п. ч. убоялся привести въ исполненіе задуманное имъ наказаніе.

А вотъ еще образчикъ его истязаній. Однажды приказалъ онъ нарвать крапивы и, прославши ее на своемъ крыльцѣ и раздѣвши до-нага одного ученика, положилъ его на крапиву да еще крапивою-же и прикрылъ.

Бывали случаи и келейнаго сѣченія,—но что на нихъ происходило, неизвѣстно. Одинъ смѣльчакъ, рискнувшій проникнуть въ эту закулисную сцену, смотрѣлъ въ щелку двери и разсказывалъ другимъ, что онъ видѣлъ слѣдующее: Поликарпъ, послѣ сѣченія, избитыя части тѣла поливалъ водкою,—это, вѣроятно, для затягиванія ранъ, а можетъ быть—и для увеличенія боли. Случались и такія безобразія, что Поликарпъ, въ видѣ наказанія, заставлялъ ученика выпить большую чашку воды, или-же съѣсть корень хрѣну. Одинъ ученикъ проживалъ у смотрителя, котораго Поликарпъ знать не хотѣлъ и ненавидѣлъ, а вслѣдствіе ненависти къ смотрителю, изливалъ ярость свою на ученика. Ученикъ этотъ иногда приходилъ въ бурсу брать себѣ кушанье. Однажды онъ приходитъ съ горшечкомъ въ столовую бурсы, чтобы получить себѣ бурсацкихъ сластей, и въ это время застаетъ въ столовой Поликарпа. Пьяный Поликарпъ, какъ тигръ, бросается на несчастную жертву и сначала кричитъ: «смотрытель краде казну и ты прыйшовъ красты!», а затѣмъ велитъ ученику пролазить подъ столомъ, за которымъ по обѣ стороны сидѣли ученики, а ученикамъ приказываетъ толкать несчастнаго ногами по чемъ по-

нало, и дитя вылѣзло изъ-подъ стола избитое и окровавленное. Но это еще не конецъ бѣдамъ. Злобный Поликарпъ еще кипитъ яростію: онъ беретъ измученное дитя и держитъ одною рукою, а въ другую набираетъ горячей жидкой каши и начинаетъ мазать ученика по лицу, приговаривая грубымъ своимъ голосомъ протяжно «сійся-родыся, сійся-родыся!» Дитя въ мукахъ кричитъ и не можетъ вырваться, а звѣрообразный мучитель еще не насыщается и кричитъ: «подать лозъ!» Но несчастный въ суматохѣ какъ-то вырвался и успѣлъ таки убѣжать. Вотъ какъ дорого достался пищенскій бурсацкій обѣдъ бѣдному мальчику!

И всѣ молчали; никто не доносилъ о подобныхъ ужасахъ; никто не укрощалъ этого звѣря!

Однажды ученики отпущены были всѣ вмѣстѣ на рѣку для купанья. Смотрѣть за порядкомъ назначено нѣсколько учениковъ старшихъ. Ученики выкупались благополучно и отправились по домамъ. Во время купанья случилось такое обстоятельство.—Одинъ ученикъ, не умѣвшій плавать, попросилъ другого, побольше возрастомъ, пронести его немного на глубину, а онъ будетъ пробовать плыть оттуда самъ. Старшій ученикъ пронесъ его на глубину и пустилъ на воду, но тутъ-же и поддерживалъ его, чтобы тотъ не захлебнулся. Обстоятельство, какъ видите, самое ничтожное, на которое никто не обратилъ и вниманія. На другой день ученики приходятъ въ классъ и узнаютъ о готовящейся грозѣ. Дѣло въ томъ, что какой-то шпіонъ изъ бурсаковъ донесъ Поликарпу, что такой-то ученикъ чуть не утопилъ другого, такъ-что едва вытянули его живымъ. Еще съ вечера былъ отданъ приказъ приготовить побольше лозъ. Ученики, какъ громомъ пораженные этою вѣстью, сидятъ ни живы ни мертвы. Отворяется дверь, и показывается Поликарпъ, грозный и страшный; за нимъ постоянный его спутникъ съ множествомъ пучковъ розогъ. Тутъ произошло великое сѣченіе, отъ котораго, кажется, и стѣны содрогались. Поликарпъ заявилъ, что вчера на купаньи случилось ужасное происшествіе и ему никто не донесъ изъ тѣхъ, которые назначены были смотрѣть за порядкомъ,—поэтому всѣ они будутъ наказаны. Началось съ того, который, будто-бы, топилъ ученика.

Оправданія никакого... Эта грозная казнь продолжалась больше часу; классъ наполнился стонами, криками и слезами, а полъ буквально былъ заброcанъ отбитыми концами прутьевъ. Удивительно, гдѣ Поликарпъ бралъ такое количество розогъ! Говорили, впрочемъ, что онъ имѣлъ спеціальнаго поставщика. Говорили также, что розги заблаговременно вымачивались въ водѣ съ солью и затѣмъ хранились въ сыромъ подвалѣ.

Не смотря на всѣ эти варварства, а можетъ быть именно благодаря имъ, между учениками было порядочное количество плохо учившихся, а шалости и проступки проявлялись довольно серьезнаго свойства.

Разъ, напримѣръ, ученики старшаго возраста, напившись пьяными, ходили по кладбищу и вырвали съ могилъ нѣсколько крестовъ. Къ счастью для виновныхъ, этотъ проступокъ какъ-то не дошелъ до ушей Поликарпа; а узнай онъ объ этомъ, то виновные, вѣрно, были-бы распяты на крестѣ.

А вотъ еще случай. Во время экзаменовъ нѣсколько учениковъ, тоже изъ старшихъ, вздумали однажды устроить кашу гдѣ-нибудь въ лѣсу. Для этого предположено было, что каждый у своихъ хозяевъ достанетъ, тайно или явно, провизіи: курей, пшена сала и пр. Все это совершалось почью. Мѣстомъ склада до вечера другого дня назначенъ чердакъ училищнаго дома, гдѣ нѣкоторые бурсаки лѣтомъ спали. Приступлено къ дѣлу—и каждый со своей провизіей направился на чердакъ. Къ несчастію, живая провизія испортила все дѣло: принесенныя куры подняли крикъ, который былъ услышанъ плохо спавшимъ, или совсѣмъ еще неспавшимъ, Поликарпомъ. Въ минуту Поликарпъ очутился на чердакѣ—и виновные накрыты на мѣстѣ преступленія. Въ темнотѣ нѣсколько квартирныхъ учениковъ бѣжало домой, но это ихъ не спасло, т. к. захваченные на мѣстѣ открыли и остальныхъ. На другой день въ училищѣ суета, суматоха страшная,—Поликарпъ производитъ строжайшее слѣдствіе, которое увѣнчалось для него полнымъ успѣхомъ: виновные открыты и всѣ сознались. Одинъ изъ участниковъ былъ родственникомъ городского доктора. Доктору послано отъ смотрителя и инспектора письмо: затѣмъ ви-

дѣли, какъ однажды вечеромъ смотритель и инспекторъ пріѣзжали къ доктору и пробыли тамъ долгонько. Результатъ этого визита—виновныхъ не исключать, а наказать. Но Поликарпъ не прямо приступилъ къ наказанію, а придумалъ какой-то курьезный процесъ. Приказано было, чтобы виновные написали отъ себя и подписали слѣдующую бумагу: «18...года мы нижеподписавшіеся такіе-то, сознавая себя виновными въ томъ-то и томъ-то, налагаемъ сами на себя наказаніе и обовязываемся принять по столько-то розогъ». Въ первый разъ было написано что-то немного ударовъ, но Поликарпъ, возвративъ, заставилъ вновь переписать и прибавилъ число ударовъ. Такъ возвращалъ онъ нѣсколько разъ, пока количество ударовъ не возросло, кажется, до 70 на каждаго виновнаго. Тогда Поликарпъ принялъ бумагу и спряталъ у себя. Экзамены продолжались своимъ чередомъ,— наказаніе не приводилось въ исполненіе. Наконецъ экзамены окончены; назначенъ публичный актъ. Актъ вышелъ на славу,—небывалый въ училищныхъ лѣтописяхъ! На актѣ присутствовали: смотритель, всѣ наставники, нѣкоторыя посторонніе лица, и не мало было отцовъ, пріѣхавшихъ за дѣтьми. Актъ приходитъ къ концу. Поликарпъ отправляется въ свои покои и черезъ нѣсколько минутъ является выпивши и съ веселымъ лицомъ. Принявши торжественную позу, онъ заявляетъ, что виновныхъ нужно публично наказать, и при этомъ громогласно читаетъ пресловутую бумагу, силою вынужденную у бѣдныхъ жертвъ. По прочтеніи бумаги, началась казнь— и казнь ужаснѣйшая. При первыхъ-же крикахъ и вопляхъ, посторонніе убѣжали изъ стѣнъ училища, чтобъ не видѣть раздирающія душу сцены, а Поликарпъ наслаждался до конца. Вотъ какія награды раздавалъ Поликарпъ на актахъ!

Еще одинъ эпизодъ. Въ началѣ послѣдней трети, передъ переводомъ въ семинарію, приходитъ Поликарпъ въ классъ, совершенно спокойный и какъ будто расположенный къ ученикамъ, и говоритъ совершенно серьезно: «ну, теперь вольному воля, спасенному рай! Хто хочъ—учысь, хто хочъ—не вчысь, быться не будемъ»! Вотъ тутъ ученики вздохнули свободно и обрадовались сердечно. Но радость была напрасна: не прошло и трехъ дней,

какъ Поликарпъ принялся по-прежнему наказывать учениковъ за что ни попало, и такъ продолжалъ вплоть до самаго экзамена. Только послѣ экзамена, который произведенъ былъ инспекторомъ семинаріи, Поликарпъ, встрѣчая ученика, злобно и язвительно говорилъ: «ты вже теперъ панъ,—тебе быть не можно».

Было и еще много безобразій различнаго свойства, но ихъ всѣхъ нельзя и припомнить. Я разсказалъ факты, совершенные Поликарпомъ только въ одномъ училищѣ и всего только за четыре года. А сколько ихъ было еще въ Полтавскомъ училищѣ и вообще за все время Поликарпового правленія!

Такъ стонало училище многіе годы подъ деспотическимъ гнетомъ этого грознаго мучителя. Сколько бѣдныхъ, невинныхъ дѣтей искалѣчено нравственно и физически! Сколько здѣсь вылилось слезъ и изречено проклятій на самое училище! Не было, кажется, дня, чтобы въ этомъ домѣ, называемомъ храмомъ науки, не раздавались вопли и стоны. Не было, кажется, ни одного проѣзжаго и прохожаго мимо училища, слухъ котораго не поражался-бы раздирающимъ душу крикомъ, исходящимъ изъ стѣнъ этого мрачнаго дома. И Поликарпу никто ни слова! Высшее начальство ничего не дѣлало,—быть можетъ, оно и не знало ничего. Отцы молчали, боясь возвысить голосъ, и никому не заявляли о варварскихъ порядкахъ училища. Только полное сумасшествіе Поликарпа, дошедшее до вѣшанія ученика, положило конецъ его безумнымъ варварствамъ. Преосвященый Іеремія, любившій отечески дѣтей, получивъ донесеніе о варварскихъ поступкахъ Поликарпа, изгналъ навсегда этого мучителя и даровалъ миръ училищу.

Тяжело вспоминать подобные грустные факты, но утѣшаешься тѣмъ, что эта бурса съ ея ужасами навсегда погребена и никогда не воскреснетъ.

Очеркъ изъ жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ.

Хотя настоящій очеркъ относится ко времени не очень древ-нему, а именно къ 1814—1866 г.г., но въ немъ найдутся такія черты изъ жизни малороссійскаго панства, какихъ теперь уже не встрѣтишь и какія находимъ лишь въ повѣстяхъ Гоголя. Предлагаемый очеркъ составленъ мною отчасти по личнымъ воспоминаніямъ, а болѣе всего по разсказамъ самихъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ современниковъ. Онъ относится къ жизни потомковъ Филиппа Васильевича Борзаковскаго, любимца гетмана Павла Полуботка, по семейнымъ преданіямъ — родного племянника гетмана.

Будынки п. Луки Андреев. Борзаковскаго стояли на пригоркѣ, по правой сторонѣ р. Есмани, дѣлившей село на двѣ части: Некрасовъ—по правой сторонѣ рѣчки и Мазуровку—по лѣвому берегу ея. Будынки были крыты гонтомъ, имѣли стекляныя окна изъ двухъ подъемныхъ половинокъ: верхней и нижней, какъ устраивались тогда окна во всѣхъ панскихъ домахъ. При домѣ былъ небольшой садъ, просторный, поросшій травой дворъ, весь окруженный хозяйственными постройками, крытыми соломой. Ворота изъ панскаго двора выходили на проѣзжую улицу, по которой отъ воротъ направо, возлѣ самого двора, стояла деревянная церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы; по улицѣ же внизъ и влѣво отъ воротъ шумѣли на рѣкѣ колеса трехъ мель-

ницъ; на противоположномъ лѣвомъ берегу рѣчки тянулись луга и сады, за которыми на горѣ стояли будынки шурина Луки Андреев., глуховскаго маршала Ивана Васильевича Магеровскаго [1]).

Настала весна 1814 г. Окутанное чистымъ свѣжимъ воздухомъ весенней ночи, спитъ село послѣ дневныхъ трудовъ; и тихо покойно журчатъ воды Есмани въ обрамленныхъ цвѣтущими садами и лугами берегахъ; на куткахъ изрѣдка перекликаются пѣснями дивчата съ парубками; изъ сосѣднихъ садовъ и лѣсовъ льются чарующіе звуки неподражаемой пѣсни соловья...

Въ будынкахъ п. Луки Андреев. Борзаковскаго въ ночь на 13 мая никто не слушалъ волшебныхъ пѣсенъ соловья, никто не наслаждался нѣгой благоуханной майской ночи: тамъ умиралъ 38-лѣтній глава семейства, оставляя 34-лѣтнюю вдову съ двумя малютками дочерьми—десятилѣтней Маріей и четырехлѣтней Антониной. У одра умирающаго собралась вся семья: жена, дѣти, 22-лѣтняя племяница Надя Бартошъ, боготворившая воспитавшаго ее дядю, и молодая наставница дѣтей Борзаковскаго, сирота изъ Воспитательнаго дома, Марѳа Сергѣевна.

Умирающій простился съ нѣжно-любимой женой, благословилъ дѣтей и племянницу съ ея подругой.

— Вамъ, Надя и Марѳа Сергѣевна, поручаю дѣтей... блюдите ихъ, жалѣйте... учите ихъ добру... какъ я тебя училъ, Надя... Надѣюсь на ваши добрыя сердца... Берегите Елену...

Умирающій заботился о своей легкомысленной женѣ, какъ о ребенкѣ, и заботы о ней, а совмѣстно и о дѣтяхъ, поручалъ двумъ молодымъ дѣвушкамъ...

Лука Андреев. Борзаковскій похороненъ на «цвинтарѣ» своей церкви въ с. Некрасовѣ.

Надежда Яковлевна Бартошъ была дочь сестры Луки Андр.— Анны Андр., съ самаго рожденія своего выросшая у дѣда и бабки Борзаковскихъ, а послѣ ихъ смерти съ 1800 г. остававшаяся при дядѣ Лукѣ Андр. и его женѣ Еленѣ Васил. Борзаковскихъ. Сво-

[1]) Отецъ Ив. Вас.—Василій Ѳеодоров. Магеровскій—вездѣ на документахъ подписывался не Магеровскій, а Maġеровскій.

ихъ двоюродныхъ сестеръ, дѣтей дяди, она любила какъ родныхъ и посвящала ихъ воспитанію все свое время. Когда старшей дочери минуло 8 лѣтъ, Лука Андр. взялъ для дѣтей молодую наставницу изъ Москвы, сироту Марѳу Сергѣевну [1]), которая сдружилась съ Надей, и вдвоемъ умныя дѣвушки послѣ смерти Л. Андр. все стараніе свое прилагали къ воспитанію сиротъ. Ихъ заботы оказались тѣмъ болѣе кстати, что Елена Вас. скоро забыла обожавшаго ея мужа, вела разсѣянную жизнь и въ 1817 г. вышла замужъ за молодого дворянина глуховск. у., капитана Ѳеодота Никол. Косинскаго, но жить вмѣстѣ съ мужемъ осталась въ с. Некрасовѣ.

Дѣти росли и учились всему подъ наблюденіемъ двухъ подругъ: онѣ научились изрядно писать, хорошо читать и довольно правильно говорить литературнымъ языкомъ, хорошо танцовали, знали множество изящныхъ рукодѣлій и не пренебрегали хозяйствомъ.

Въ 1823 г. у Нади заболѣлъ отецъ (мать ея умерла еще въ 1805 г.), и она уѣхала къ нему въ с. Землянку, и когда въ янв. 1824 отецъ Нади умеръ, она уже въ с. Некрасовъ не вернулась, а осталась въ с. Землянкѣ жить съ сестрами.

21-го окт. 1829 года умерла отъ чахотки старшая дочь Л. Андр. Борзаковскаго—Марія Лукинична, и съ этого дня 19-тилѣтняя Антонина Лукинична осталась единственной наслѣдницей прекраснаго имѣнія со 120 ревизскими душами крестьянъ, съ винокурней, хуторами и др. угодьями.

Марѳа Серг., которую больная Марія Борзаковская очень любила и не отпускала отъ себя, послѣ ея смерти переѣхала въ с. Землянку къ Надѣ Бартошъ, сдружилась съ сестрой Нади и оставалась у своихъ подругъ до своей смерти.

---

[1]) Я хорошо знала Марѳу Сергѣевну (она умерла около 1850 г.), но не припомню, въ какомъ именно инстит. она воспитывалась, кажется, въ Воспитательн. Московск.

Стройная, свѣжая, веселая и здоровая голубоглазая блондинка, Антонина Лукин. Борзаковская недостатка въ женихахъ не имѣла, но для ней не наставала еще пора любви, и потому шаловливая наслѣдница пѣла модный тогда романсъ: «прочь, прочь! отойди! какой безпокойный»—и всѣхъ безъ исключенія искателей ея руки надѣляла «гарбузами».

Между тѣмъ мать и дяди Антоси, Ив. и Як. Васил. Магеровскіе, оба старые холостяки, порѣшили устроить судьбу ея: братья уплатили сестрамъ—Еленѣ Вас. Косинской и Праск. Вас. Гернетъ—по десяти тысячъ руб. съ тѣмъ, чтобы сестры отказались отъ наслѣдства, которое оба брата передавали двумъ сыновьямъ двоюроднаго брата: Тимоѳею и Антону Петровичамъ Магеровскимъ, и одного изъ нихъ, именно подполковника Тимоѳея, рѣшено было женить на Антосѣ. Женихъ былъ согласенъ на подобную комбинацію, но Антося и слышать объ этомъ бракѣ не хотѣла и беззаботно продолжала наслаждаться дѣвической жизнію. Мать не спѣшила также передавать бразды правленія имѣніемъ въ чужія руки; не спѣшила со свадьбой и надѣялась, что Антося со временемъ уразумѣетъ выгоды предполагаемаго брака. Но—«не такъ склалось, якъ ждалось».

Въ старину во всей Малороссіи всѣ сколько-нибудь зажиточные хозяева «курили» или «гнали» горѣлку и откармливали на бардѣ скотъ; въ городѣ же Коропѣ и его окрестностяхъ занимались преимущественно откармливаньемъ на бардѣ свиней для заграничной торговли саломъ и свининой. Близъ г. Коропа въ с. Райгородкѣ проживало семейство дворянъ Лихошерстовыхъ; одинъ изъ братьевъ этой семьи былъ женатъ на сестрѣ Ел. Вас.—Маріи Васильевнѣ Магеровской изъ с. Некрасова и проживалъ съ семействомъ въ с. Метченкахъ, конотопскаго у. Братья-же Ѳеодота Васильевича, Василій и Никита, жили въ с. Райгородкѣ. Сынъ Василія Вас—ча Лихошерстова, Иванъ Васильевичъ, служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ Турецкой войнѣ, въ 1828 г. подъ Варной былъ контуженъ въ голову и 28-ми лѣтъ вышелъ въ отставку въ чинѣ штабсъ-капитана съ ежегодной пенсіей

въ 600 р. Вернувшись на родину, Ив. Вас—чъ пожелалъ продолжать отцовскую торговлю саломъ и свининой.

Порѣшивъ пуститься въ торговыя предпріятія, молодой человѣкъ рѣшилъ сперва посовѣтоваться съ дядей Θеодот. Вас. и попросить у него денегъ взаймы на покупку свиней [1]).

Отправившись въ Метченки, Ив. Вас—чъ встрѣтилъ у дяди самый радушный пріемъ и получилъ совѣтъ, рѣшившій всю дальнѣйшую участь жизни молодого человѣка.

— Ивасю, мій голубе!—ласково встрѣтилъ дядя племянника,—якый добрый витеръ занисъ тебе до насъ?

— Я, дядьку, хочу просыть васъ вызычыть мени трохы грошей, бо миркую соби у гильдію запысаться, шобъ свынями торгувать, да и поспытаю у васъ: куды бъ мени кынутысь лучче, шобъ добри свыни безъ оманы знайты.

— Добре, добре, шо лежнемъ буты не хочешъ: *пидъ лежачій каменъ и вода не тече.* Тильки отъ я тоби якый совитъ дамъ: йихать туды, де йе добри свыни, а ще до ихъ и панночка йе. Йидь ты до нашои сестрычкы Олены Васыльевны Косинськои у село Некрасивъ, пидъ Глуховомъ: вона мае чы малу вынныцю и багато на барди свыней—свыни въ неи добри. А ще краща въ неи дочка одыначка, наслидныця Борзаковськая. Спробуй счастя! Полюбытся—спасыби дядькови скажешъ, паномъ справжнимъ зажывешъ, а якъ шо не гараздъ, то у старои свыни купышъ; свыни, кажу, въ неи добри! Грошей трохы дамъ.—Такъ привѣтствовалъ дядя Θеодотъ Вас—чъ своего племянника.

Ив. Вас. отъ души поблагодарилъ дядю за совѣтъ и «позыку» денегъ; дядя съ теткой хорошо «прывиталы» и накормили племянника обѣдомъ съ наливками, поблагословили его на всякія добрыя начинанія и, отпуская изъ дома, просили передать отъ нихъ поклонъ сестрицамъ и племянницѣ.

Возвратясь домой, Ив. Вас. сообщилъ сестрамъ предложенный дядей планъ и сталъ заботиться о предстоящей ему поѣздкѣ. Поручивъ сестрамъ приготовитъ все необходимое къ завтрашнему дню,

---

[1]) Тогда иного кредита кромѣ «позыки» не существовало.

Ив. Вас. цѣлый вечеръ въ задумчивости гадалъ на пальцахъ: зажмуривъ глаза, вертѣлъ указательный палецъ одной руки объ другой, разводилъ руки врозь и потомъ старался попасть кончиками пальцевъ одинъ къ другому. Но вѣрнаго ничего не выходило: то разъ-два пальцы сходились, то два-три раза попадали врозь и т. д. Сестры цѣлый вечеръ хлопотали надъ чемоданомъ, набили его лучшимъ бѣльемъ, разными туалетными принадлежностями (Ив. Вас. былъ большой щоголь), вычистили и уложили лучшее платье, не забыли и «хварбу» для усовъ и т. п.; только подушки Ив. Вас. съ собой никогда не бралъ и въ дорогѣ спалъ по-суворовски, на шинели. На завтра всѣ хорошенько закусили, подкрѣпились чарочкою; позавтракавъ, всѣ сѣли на лавки посидѣть передъ отъѣздомъ, «шобъ усе добре до насъ сидало»; посидѣвъ немного, встали, помолились на иконы, перецѣловались съ отъѣзжающимъ братомъ и на дорогу поблагословили его хлѣбомъ-солью.

Закутавшись въ шубу, Ив. Вас. сѣлъ въ сани съ катрягою, [1]) запряженныя парою рыжихъ коней [2]) и, съ Грицькомъ на козлахъ, по хорошему морозу выѣхалъ въ путь.

Выѣхавъ за село, Ив. Вас. выкресалъ огня, закурилъ дешевую сигару и всю дорогу до г. Кролевца озабоченно молчалъ. Въ г. Кролевцѣ остановились ночевать у Жука. На завтра встали до свѣта. Ив. Вас. принарядился, напился чаю, намазалъ «хварбой» и закрутилъ свои усы и съ Грицькомъ снова спѣшно продолжалъ свой путь по Кіевскому шляху на гор. Глуховъ. Миновавъ с.с. Быстрикъ, Тулыгоговы, Обложки, путешественники, не доѣзжая «Глиница» [3]), свернули вправо на с. Полошки, проѣхавъ которое, минули сельцо Богдановъ въ трехъ верстахъ отъ с. Некрасова и оттуда «манивцемъ» отправились къ виднѣвшемуся с. Некрасову.

---

[1]) Верхъ въ крытомъ экипажѣ.

[2]) Рыжая масть была любимая Ив. В. и онъ др. масти не держалъ.

[3]) «Глинище»—мѣстность возлѣ с. Полошекъ, гдѣ добываютъ фарфоровую глину.

— Оце, панычу, такъ парубкы завсигда до дивчатъ манивцемъ простують, якъ мы сёгодня зъ вамы,—заговорилъ молчавшій всю дорогу Грыцько. Онъ удивлялся молчаливости своего всегда разговорчиваго паныча и сгоралъ нетерпѣніемъ узнать причину панычевой поѣздки.

— Эге, до дивчатъ, а мы, бачъ, манивцемъ по свыни!—возразилъ Ив. Вас. Грыцьку.

— Да ни бо, панычу, не такъ воно есть: кажуть у Некрасовськои паніи йе паночка гарна, багата.

— Може й йе, да окримъ панночкы мабуть и дивчатъ у Некрасови йе до биса!—возразилъ Ив. В., не желавшій разоблачать озабочивавшей его думы.

— Йе ихъ усюды повно! Вы соби, панычу, визьмете панночку, а мени вже яку-небудь изъ синешныхъ дивчатъ надилить, бо й мени вже парубковать надокучыло!

Ив. Вас. не поддержалъ бесѣды съ Грыцькомъ и впалъ снова въ мечтательное настроеніе.

Въ Некрасовъ Ив. В. пріѣхалъ около полудня, когда въ домѣ начинали завтракать. Когда онъ вошелъ въ столовую, Өеодотъ Никол. Косинскій наливалъ себѣ еще первую рюмку «сорокатравной», а Елена Вас. въ третій разъ посылала козачка за барышней, которая «откушала» чай въ постели.

Увидавъ подъѣхавшаго паныча, горничныя изъ-за дверей любопытствовали его разсмотрѣть, угадывая въ немъ жениха своей панночкѣ; Антосина любимица, Настя, стремглавъ помчалась къ барышнѣ доложить о новомъ гостѣ.

Антося, въ свѣтлой ситцевой блузѣ лѣниво передъ зеркаломъ закалывала черепаховымъ гребнемъ свои золотистыя косы.

— Панночко, панночко!—залепетала, влетая въ спальню, горничная:—якій же гарный панычъ до насъ прыйихавъ видкилясь: молодый, гонкый якъ тополя, чорнявый, румьяный, а вусы таки, що тильки бъ до поцилункивъ... Се прыйихавъ вашъ суженый, ій-же Богу!

— Ха-ха-ха!—захохотала Антося,—который это уже по счету мнѣ судился? «Прочь, прочь! отойди! какой безпокойный!»—запѣла Антося.

— Ни, панночко, ни, не шуткуйте! ій-Богу, кажу вамъ, такого ще гарного панича до насъ не прыйиздыло, кращого женыха у васъ ще й не було. Ось побачыте, колы сёму панычу не заспиваете вы: прыйды до мене, мое серденько! а свою «прочу» спивать покынете, бо се зовсимъ не такый, яки до насъ пайиздjалы,—говорила горничная панночкѣ.

Разсказы горничной возбудили любопытство въ Антонинѣ Лукинишнѣ, и она велѣла подавать скорѣе одѣваться и не безъ удовольствія думала о предстоящей встрѣчѣ. Антонина Лукинишна надѣла свѣтло-синее шалоновое платье съ открытымъ лифомъ и короткими рукавами, какъ носили тогда по модѣ, на шею застегнула нѣсколько нитокъ мелкаго жемчуга, свои золотистыя косы заколола высокимъ черепаховымъ гребнемъ, потрогала серьги въ ушахъ, повертѣла на мизинцѣ колечко и, забывъ наклеить «височки», пошла къ завтраку. Когда она ступила на порогъ столовой, Ив. Вас. закусывалъ колбасой только что выпитую рюмку водки, а Ѳеод. Никол. «пропускалъ» уже 4-ую рюмку, потому что безъ «четырехъ угловъ хата не строится», и самодовольно поглаживалъ рукой свое громадное чрево. Елена Вас., довольная появленіемъ покупателя, весело разговаривала съ Ив. В-чемъ. «Вотъ мы теперь по сестрѣ съ вами свойственны, а купите у меня свиней, тогда и сватами будемъ»,– шутила Ел. Вас. — «Обогрѣетесь, пообѣдаете, тогда съѣздимъ на винницу свиней поглядѣть. Тамъ прелестныя свинки есть!

— Добре, добре, паниматко, я чоловикъ покладлывый: якъ колы скажете, тоди й пойидемо. А шо про торгъ, то вамъ шо слидъ—те й просить, а мени—шо по грошахъ, те й даватыму!

Иванъ Вас. никогда ни съ кѣмъ иначе не говорилъ, какъ по-малорусски. Ел. Вас-ну покоробило обращенное къ ней «паниматко», но она отнеслась къ молодому человѣку снисходительно: вѣдь онъ былъ родной племянникъ уважаемаго мужа ея старшей сестры—Ѳеод. В-ча, да къ тому же, пожалуй, и свиней ему можно будетъ продать съ выгодой. А объ Антосѣ мать и не подумала. Мало ли она не такихъ жениховъ спроваживала съ гарбузами; и какая же пара Антосѣ мелкопомѣстный дворянинъ, торгующій покупными свиньями?!

А въ это время Антося стояла въ дверяхъ за ихъ спинами, очарованная молодымъ красавцемъ, такимъ безупречно изящнымъ, такъ свободно и своеобразно разговаривающимъ по-малорусски съ ея матерью. Антонина Лукин. приблизилась къ матери. Ив. В. увидалъ дѣвушку и вѣжливо расшаркался. Елена Вас. представила ихъ другъ другу. Иванъ Вас. еще разъ шаркнулъ каблуками и приложился губами къ пухленькой, бѣленькой ручкѣ наслѣдницы. Выхоленная, стройная, голубоглазая блондинка съ пышными плечами и нѣжными руками произвела на Ивана В-ча впечатлѣніе вполнѣ «лакомаго кусочка» во всѣхъ отношеніяхъ, а молодой статный воинъ съ «карымы очыма» поступилъ по военному: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ».

Послѣ закуски, пока накрывали столъ къ обѣду, всѣ ушли въ гостинную, и Иванъ Вас., въ присутствіи своей суженой, забылъ свиней и старую хозяйку и все время не отходилъ отъ Антонины Лукиничны.

Обѣдъ у Борзаковскихъ готовилъ «кухарь» и, какъ у всѣхъ тогда въ Малороссіи, состоялъ изъ шести блюдъ, преимущественно свинины: холодная съ хрѣномъ бужанина, борщъ говяжій, гречневая каша, кому какъ угодно съ масломъ или съ смальцемъ, гречневые вареники съ сыромъ и сметаной, которыхъ Θеод. Никол. подавали отдѣльно полную миску, жареная свинина съ огурцами и «воздушный пирогъ» изъ яблокъ со сливками. Послѣднее блюдо почти для одной Антоси. Къ обѣду подавались водка и разныя наливки собственнаго приготовленія. Ив. Вас. ѣлъ только свинину и борщъ, пирожнаго и вообще сладкаго ничего никогда не ѣлъ, предоставляя сладости въ пищу «дивчатамъ»; про кашу говорилъ, что она ему «ще маленькому обрыдла», а варениковъ попробовалъ, потому что это были гречневые, а пшеничныхъ не ѣлъ никогда. Отъ наливокъ не отказывался, восхищался ѣдой Θеодота Никол. и хвалилъ его за то, «що добре вареныкы ковтае», мялъ за обѣдомъ шарики изъ хлѣба и мѣтко бросалъ ихъ изъ-подъ стола черезъ столъ за открытый лифъ платья Антон. Лукин. и приводилъ ее этимъ въ восторгъ. Антося краснѣла, лукаво улыбалась, поощряя его ухаживанье. По окон-

чаніи трапезы, Ив. В. вмѣстѣ съ хозяевами усердно помолился Богу, приложился къ рукѣ хозяйки, облобызался съ Ѳеодот. Никол. и особенно усердно пожалъ и поцѣловалъ ручку своей суженой. Послѣ обѣда пара буланыхъ, ожидавшая у крыльца, покатила съ Ел. Вас. и Ив. Вас-чемъ въ санкахъ къ винокурнѣ, гдѣ хозяйка съ гостемъ должны были произвесть осмотръ свиней. Сытые буланые, помахивая бѣлыми хвостами, быстро домчали сѣдоковъ къ винокурнѣ, гдѣ уже прогуливалось въ дворикѣ въ ожиданіи оцѣнки стадо жирныхъ свиней. Ив. Вас. съ видомъ знатока осматривалъ и расцѣнивалъ стадо, и оба, какъ продавщица, такъ и покупатель, довольные другъ другомъ, скоро вернулись на буланыхъ домой. Ел. Вас. въ голову не приходило, что Ив. В., расцѣнивая свиней, мечталъ объ Антосѣ, а летя на буланыхъ съ бѣлыми хвостами со старухой возлѣ себя, представлялъ себѣ катанье на рысакахъ съ Антосей вдвоемъ.

Пока вернулись отъ свиней, Антося съ ключницей приготовили чай, сливки, булки, печенья и ромъ; въ виду проведенія предстоящаго вечера съ Иваномъ Вас., Антонина Лукин. достала двѣ колоды чистыхъ картъ для «симпатіи» [1]), повѣсила настроивши гитару въ гостинной поближе къ столу, рядомъ съ картами положила «Новѣйшій пѣсенникъ». Своей любимой бѣленькой кошечкѣ «Бѣляночкѣ» повязала бантикомъ на шею голубую ленточку и положила любимицу возлѣ себя на диванѣ на шитой подушкѣ, сѣла съ ней рядомъ и принялась перелистывать пѣсенникъ. Нѣжное лицо ея вспыхнуло, когда она услыхала голосъ возвратившагося гостя, котораго она мысленно называла уже своимъ «Жаней».

Ел. Вас. прошла въ свою комнату, а Иванъ Вас. остановился въ гостинной, гдѣ сидѣвшая между вышитыми подушками на диванѣ дѣвушка, въ замѣшательствѣ гладившая нѣжной ручкой красивую кошечку, при свѣтѣ канделябровъ, показалась ему еще милѣе.

---

[1]) Пасьянсъ, который раскладывается двумя играющими, каждымъ особой колодой картъ.

Полюбовавшись дѣвушкой, Иванъ Вас. присѣлъ къ ней на диванъ и принялся за свою трубку съ длиннымъ чубукомъ, съ которой никогда не разставался; сигары онъ курилъ только тогда, когда бывалъ въ грустномъ или озабоченномъ настроеніи. Антося предложила ему сыграть въ «симпатію»; Иванъ Вас. не отказался и, раскладывая пасьянсъ, началъ съ Антосей разговоръ.

— Чы вміете вы, панночко, отъ на таки чубукы зъ бисеру вынызувать?»

— О! я бисеромъ всевозможныя работы знаю!

— Дакъ я бъ хтивъ, шобъ вы мени на цей чубукъ чахолъ вынызалы; можно?

— Съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣчала Антонина Лук., восхищенная тѣмъ, что можетъ своему «Жанѣ» сдѣлать подарокъ своей работы. —Завтра же начну вязать.

— Эге! глядить же, шобъ якъ прыйиду по свыни, то готове було!

— Окончу скоро, у меня дѣла на рукахъ нѣтъ! Давайте сейчасъ узорчикъ выберемъ!—Антонина Лук. достала пачку узоровъ изъ стола: вмѣстѣ они начали разсматривать. Она одинъ за однимъ предлагала узоры на его разсмотрѣніе, и Иванъ Вас. соглашался, что всякій годится, а Антося хохотала надъ его «безпонятіемъ».

Наконецъ Антося выбрала узоръ сама и отложила его особо, а въ это время явился козачекъ доложить, что барыня проситъ ихъ чай кушать. Молодые люди поднялись съ дивана и, когда козачекъ повернулся къ нимъ спиной, чтобы идти въ столовую, Иванъ Вас. быстро чмокнулъ Ант. Лук-ну въ щеку... Получивъ первый въ жизни поцѣлуй и отъ человѣка, котораго уже выбрало ея сердце, молодая дѣвушка оторопѣла; Иванъ Вас. молодцевато взялъ ее подъ руку и повелъ въ столовую... На порогѣ онъ выпустилъ ея руку, и оба пошли пить чай къ столу, гдѣ сидѣла ничего не подозрѣвавшая мать. За чаемъ Антонина Лук. оправилась и болтала какъ обыкновенно; Иванъ В. говорилъ шутки и прибаутки; пришелъ къ чаю и выспавшійся Ѳеодотъ Никол. Ел. Вас. пробовала за чаемъ начать торги за свиней, но Ив. В. за-

явилъ, что онъ такъ дорогой перемерзъ, а теперь въ теплѣ «розопривъ», что совсѣмъ не чувствуетъ себя въ силахъ торговаться, и просилъ торги оставить до утра, на свѣжую голову. Послѣ чая Антося съ Иван. Вас. снова ушли въ гостинную, а Ел. В. съ Ѳ. Н. остались разговаривать съ пришедшимъ старостой и расцѣнивать свиней. Антон. Лукин. снова помѣстила свою «Бѣляночку» на диванѣ на подушку, но подвинула подушку такъ, чтобы Ив. Вас. сидѣлъ не рядомъ съ ней, Антосей, а по другую сторону кошки. Ив. Вас. помѣстился возлѣ кошки и принялся ее гладить рукой, съ видомъ человѣка, любящаго животныхъ.

— А що, панночко, чы се ваша кишка, чы мо вашои старои?—спросилъ онъ.

— Это моя Бѣляночка, моя любимочка!—отвѣчала Ант. Лук.— А вы любите кошекъ?

— А якъ же не любыть, якъ ихъ любыть така гарна панна, якъ вы?

— Пожалуйста безъ комплиментовъ! За это и еще за другое я вамъ выговоръ сдѣлаю; лучше перемѣнимъ разговоръ. Скажите, зачѣмъ вы такъ рано въ отставку вышли? Такъ интересно быть военной дамой! и когда мужъ носитъ золотые эполеты! Вы бы могли дослужиться до генеральства, или, по крайней мѣрѣ, полковничества, полкомъ бы командовали. Развѣ это не лучше, чѣмъ торговать свиньями?

— Гмъ! якъ для кого. А що здается вамъ добро буты жинкою военного, то якъ бы вы поспробувалы, та ще зъ купкою дитокъ, потягатысь у катрязи за повкомъ, тоди бъ угадалы, яке то добро! Покынувъ же я службу за тымъ, що пидъ Варною шальна бомба трохы мени головы не розвернула, такъ що инколы якъ заболыть у мене сяя контузія, то роблюсь я якъ несамовытый, та усе панночокъ цилую; нарешти чы не найшло на мене тее жъ!—придумалъ Иванъ Вас.

Антонина Лук., опасаясь новаго поцѣлуя, отодвинулась отъ него.

— Чого вы, панночко, одъ мене сунетесь? Чы не залыцялыся вже зъ якымъ паномъ полковныкомъ, то вже простого чоловика й цураетесь?

— Нѣть, нѣть! у меня никакого жениха нѣть.

— То може кохаешъ кого, серце?—спросилъ Иванъ Вас., заглядывая Антосѣ въ глаза и незамѣтно переходя съ *вы* на *ты*.

— Нѣть, нѣть! я не люблю никого!

— А мене?—все также допытывался Иванъ Вас.

Антонина Лук. молчала; она не могла понять, что съ ней.

— Бачу по оченькахъ, що мене покохала! Казать старій, хай отдае тебе за мене?

— Завтра, завтра! сегодня не надо, не могу,—чуть не со слезами проговорила Антося и убѣжала въ свою комнату, не давъ времени Ив. В. обнять ее.

Иванъ Вас. въ одиночествѣ докуривалъ трубку, когда его позвали къ ужину. Антонина Лук. не вышла. Ел. Вас-ну не удивилъ отказъ дочери отъ ужина: дѣвушка часто своевольничала и къ гостямъ не выходила. Между тѣмъ Антося съ трепещущимъ сердцемъ сидѣла въ своей комнатѣ и думала: «что это со мной сталось? Какая перемѣна? Зачѣмъ сердце такъ громко стучитъ, какъ никогда? Почему я не могла разсердиться, когда онъ меня поцѣловалъ? Никогда никому не простила бы поцѣлуя,—почему же на него я не сержусь? Ахъ какъ бы ей хотѣлось, чтобы Иванъ Вас. вправду ее посваталъ! Мать можетъ не согласиться, можетъ разсердиться, но она ни за что ни за кого не пойдетъ кромѣ «своего Жани»...—такъ мысленно называла Антося Ивана Вас-ча. Не спалось ей покойно въ эту ночь: ей все мерещилось, какъ они будутъ жить вдвоемъ съ Жаней и будутъ не покупать, а продавать своихъ свиней съ барды, а главное—какъ будетъ Жаня любить ее и цѣловать... Утромъ Антонина Лукин. встала раньше обыкновеннаго, ничего не слышала изъ разсказовъ горничной, быстро одѣлась и, къ удивленію матери, безъ зова пришла къ чаю раньше обыкновеннаго. Ел. Вас. разливала чай и начинала торги о свиньяхъ. «Ну ихъ икъ бису, ваши свыни»!—внезапно возразилъ Иванъ Вас-чъ, вставая навстрѣчу Антосѣ и съ жаромъ цѣлуя ея руки: «Отъ кого я у васъ прошу: виддайте вы іи за мене замижъ!»

Смущенная внезапнымъ предложеніемъ Антося стояла, не отнимая своихъ рукъ у Ивана Вас. и съ недоумѣніемъ глядѣла на мать. Елена жъ В. вообразила, что «мужланъ» Иванъ Вас. «шуткуетъ» и обидѣлась за такую шутку. Иванъ В. крестился на икону. «Не шуткую я, добродійко Олено Вас.; вразыла мое серце ваша дочка гирше одъ турецькои бомбы! Колы я ій не любъ—хай каже; колы любъ—виддайте іи за мене!»—Антося не выдержала и со словами: «милый Жаня!» при матери обняла Ивана В. за шею, а онъ жаркимъ поцѣлуемъ прильнулъ губами къ ея губамъ.

Всѣ громы небесные не могли бы сильнѣе поразить Елену В., какъ поразило ее все происшедшее передъ ея глазами. Она упрекала дочь въ неблагопристойности, въ непослушаніи, Ивану Вас-чу объявила, чтобы онъ не надѣялся ни на что, даже на покупку свиней, что Антося не пара свинному торговцу, что ей мать сама приготовила жениха и т. д.

Ивану Вас-чу не оставалось больше ничего, какъ благоразумно уѣхать, что онъ и сдѣлалъ, обѣщавъ Антосѣ на прощанье вскорѣ вернуться съ дядькомъ Ѳедот. Васыльёвычемъ «якъ слидъ іи сватать съ хлибомъ».

Иванъ Вас. исполнилъ свое обѣщаніе: вскорѣ онъ явился съ дядей оффиціально просить у Елены Васильевны руки ея дочери. Но Елена Вас., несмотря на уговариванья почтеннаго зятя, ни на мольбы молодыхъ людей, оставалась непреклонна и согласія на бракъ дочери не дала.

— Нуте-бо, сестрычко! увольнить воленьку вашои дочкы-едыначкы, поблагословить ихъ зъ Ивасемъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! никогда не позволю я своей дочери идти за свинного торгаша!—визжала Елена Вас.

— Не второпаю я, пани, чого вамъ такъ вадыть, шо я свыни, якъ добри люде, купую! А шо до Антоси—то ще побачымо, паниматко, чы оддасы іи, чы може я й безъ тебе іи визьму!

— Ахъ, ахъ! со мной дурно! такого нахала я не могу выносить! Братецъ!—обратилась Елена В. къ Ѳ. В., прошу васъ, чтобы нога вашего племянника въ моемъ домѣ не была.

— Покы судъ та дило—то й не буде, а усе жъ Антося моя такы буде!—отвѣтилъ Ив. Вас-чъ.

Остававшаяся во время этихъ переговоровъ въ сосѣдней комнатѣ Антонина Лукин. не выдержала, вбѣжала къ ссорящимся и, ломая руки, обратилась къ Ѳед. Вас: «дядя! дядя! я люблю Жаню! я ни за кого не пойду, я вѣчно его любить буду!»

Тогда Ив. Вас. подошелъ къ Антосѣ, нѣжно обнялъ ее за станъ и, прижавъ къ себѣ, поцѣловалъ въ голову. «Не плачъ, серце!—сказалъ онъ ей,—пидождемъ до твоихъ совершенныхъ литъ, тоди обійдемось безъ матери; а я тоби передъ дядькомъ руку даю, що на те лито мы у пари будемъ, хиба сама не схочешъ».

— Я прокляну ее, если она осмѣлится нарушить мою материнскую волю!— визжала разъяренная мать.

Послѣ такихъ безумныхъ рѣчей хозяйки, дядѣ съ племянникомъ не оставалось ничего болѣе, какъ уѣхать.

Антон. Лукин. любила писать письма и вела значительную переписку со всѣми своими двоюродными сестрами (а ихъ было не мало), съ Марѳой Сергѣевной и съ другими подругами; этой переписки мать никогда не провѣряла, и потому ей не трудно было завести переписку съ Ив. Вас. Въ провинціи и до сихъ поръ процвѣтаетъ излишнее любопытство, а за 70 лѣтъ назадъ, при отсутствіи и тѣхъ немногихъ интересовъ, какіе имѣются теперь, половина писемъ на почтѣ прочитывалась и содержаніе ихъ становилось достояніемъ общественныхъ сплетенъ. Одно изъ писемъ Антон. Лукин. къ «Жанѣ» попало въ число вскрытыхъ и заботливой рукой «неизвѣстнаго» возвращено въ руки матери. Снова произошли ссоры, брань и т. п., и дальнѣйшая переписка оказалась невозможной. Антося изливала свое горе въ письмахъ къ сестрамъ, между которыми Пелагея Гавриловна Юркевичъ, бывшая тогда въ замужествѣ за надворн. совѣтн. Дмитр. Саввичемъ Богуномъ, бывшимъ управляющимъ имѣніями гр. Кушелева-Безбородко и жившимъ въ г. Нѣжинѣ, зная нравъ своей тетки, приняла къ сердцу страданія своей сестры и написала дядѣ Ѳеод. Вас. о случаѣ съ перепиской молодыхъ людей, предупреждая о

невозможности дальнѣйшей между ними переписки. Она съѣздила въ Некрасовъ къ теткѣ, надѣясь уломать старуху, въ чемъ, конечно, не успѣла, и лишь утѣшила Антосю тѣмъ, что убѣждала ее, если «Жаня» ее любитъ, то не забудетъ ее, если-же онъ окажется измѣнникомъ, то не стоитъ ея любви и жалѣть о немъ нечего.

Ив. Вас. измѣнникомъ не оказался, а придумалъ весьма своеобразный способъ переписки. Черезъ с. Райгородокъ проходятъ толпы богомольцевъ и странниковъ въ Рыхловскій Николаевскій мужской монастырь, кролевецк. у. Когда Ив. Вас. пришлось изыскивать способъ переписки съ Антосей, то онъ выбралъ изъ среды знакомыхъ ему странниковъ одного наиболѣе смышленнаго старика, разсказалъ ему свою «прыгоду» и предложилъ быть посредникомъ для передачи писемъ. Странникъ согласился на предложеніе Ив. Вас.; онъ зналъ с. Некрасовъ и первое свое путешествіе туда назначилъ на 9 мая 1830 года, когда у Борзаковскихъ справляли ежегодную «Никольщину», т. е. въ этотъ день всѣ странники, сиріе, нищіе, бобыли обѣдали у Борзаковскихъ и получали по двѣ чарки водки изъ рукъ хозяйки. Полонъ дворъ ставили столовъ и лавокъ и на три дня сгоняли панщину готовить пищу[1]).

9 мая 1830 года у Борзаковскихъ дворъ, при хорошей погодѣ, кипѣлъ бѣднымъ людомъ. Ел. В. сама обходила столы и смотрѣла за распредѣленіемъ пищи. Большинство странниковъ было знакомо Ел. В., но одинъ изъ незнакомыхъ стариковъ, такой согбенный, смиренный, обратилъ на себя ея вниманіе своимъ набожнымъ видомъ. Косинская вступила съ нимъ въ разговоръ; онъ ей понравился, и Ел. Вас. пригласила его въ домъ, обласкала, особо накормила своимъ обѣдомъ, дала денегъ, чтобы онъ

---

[1]) Подобные обѣды не были особенной рѣдкостью: не только паны, но всякій зажиточный хозяинъ имѣлъ свой опредѣленный день для кормленія сирыхъ и убогихъ (у насъ, въ с. Землянкѣ, кормили нищихъ 10 февр., на Власія). Конечно, обѣдъ тогда ставили въ кухнѣ и въ сѣняхъ. Обычай этотъ держался до освобожд. крестьянъ.

молился посѣщаемымъ имъ угодникамъ смирить ея непокорную дочь и просила приходить почаще. Странникъ обѣщалъ ей все исполнить и просилъ позволенія переговорить на дворѣ самъ на самъ съ Антосей. Ел. В. позволила. Странникъ вышелъ во дворъ, гдѣ сейчасъ-же встрѣтился съ Антосей, грустно обходившей столы и вдвоемъ съ горничной потчивавшей водкой нищую братію. Старикъ низко поклонился Ант. Л.

— Спасы тебе, Господы, панночко-голубонько!—заговорилъ старикъ,—не журысь, не печалуйся, возьмы одъ мене отъ Заступныци нашои, Матери Божои, гостынець, шо шле тоби рабъ Божый Іоаннъ.—И на виду у всѣхъ странникъ порылся въ котомкѣ, досталъ оттуда писаный «сонъ Богородицы» и въ него вложенное письмо Ив. В. и подалъ Антосѣ.

— Какъ? Онъ васъ прислалъ?—почти вскрикнула Ант. Л., но старикъ приложилъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія, снова поклонился дѣвушкѣ и, согнувшись, смѣшался съ толпой. Антося убѣжала къ себѣ въ комнату, гдѣ съ трепетнымъ сердцемъ прочла письмо «Жани». Ив. В. писалъ, что онъ ее не забылъ, лишь бы она его не забывала, и просилъ отвѣчать черезъ старика. По субботамъ у Борзаковскихъ подавалась милостыня нищимъ, и старикъ долженъ былъ навѣдываться по субботамъ въ Некрасовъ. Такимъ образомъ установились письменныя сношенія влюбленныхъ.

Съ этого дня Ант. Лук. стала весела по прежнему, переписывалась съ сестрами и подругами, приглашала ихъ подѣлиться «Жаниными» письмами, строила планы о своей будущей жизни, любезно принимала жениховъ и привязывала имъ гарбузы подъ экипажи, а когда пріѣзжали сестры и подруги, то она съ ними уходила въ садъ читать Жанины письма, а потомъ вмѣстѣ барышни гуляли и пѣли: «я вечо́ръ въ лугахъ гуляла, грусть хотѣла разогнать...». Странникъ приходилъ по субботамъ, обмѣнивалъ влюбленныхъ письмами, утѣшалъ панію разговорами и такъ расположилъ къ себѣ старуху, что она скучала и безпокоилась, если въ какую-нибудь субботу старикъ не приходилъ.

Однажды странникъ принесъ Антон. Лукин. писаный масляными красками на полотнѣ небольшой портретъ Ив. В. въ офицерской формѣ. Вечеромъ, когда всѣ уснули, Антон. Лук. развернула на постели портретъ, долго любовалась имъ, цѣловала и, наконецъ, зашила его въ свою головную подушку. Но не всѣ спали въ то время. Съ Ант. Лук. ночевала тогда ея трехлѣтняя крестница—Маруинька Подгаевская, которая въ то время еще не спала и видѣла портретъ, но не увидала, куда онъ исчезъ. На завтра утромъ enfant terrible Маруинька за чаемъ объявляетъ во всеуслышаніе:

— Я ночью у мамы офицера на кровати видѣла, видѣла какъ мама его цѣловала!

Какой содомъ подняли слова ребенка! Мать подумала, что Ив. В. самолично явился въ Некрасовъ, а дочь, на всѣ издѣвательства матери, отвѣчала смѣхомъ. Пошли обыски, допросы, горничныя получили порцію березовой каши, но открыть никто ничего не могъ, а Маруинька не увидала, куда Антося дѣвала портретъ, который благополучно сохранялся у невѣсты въ подушкѣ до дня ея свадьбы, послѣ которой онъ былъ вставленъ въ золоченую рамку и повѣшенъ на стѣнкѣ возлѣ кровати супруговъ.

Послѣ этого происшествія съ портретомъ, снова все вошло въ обыденную колею и жизнь продолжала идти по прежнему мирно до 10 іюня 1831 г., дня именинъ и совершеннолѣтія Антон. Лукин. Въ этотъ день съ утра все шло прекрасно: дочь была особенно весела, мать въ хорошемъ расположеніи духа ожидала, ради совершеннолѣтія дочери, большого пріѣзда гостей и нѣкоторыхъ жениховъ, хлопотала вмѣстѣ съ пріѣхавшей наканунѣ Надей, чтобы всего всѣмъ было въ достаткѣ. Утромъ о. Іоаннъ Базилевичъ отслужилъ въ церкви обѣдню и отъ обѣдни со всѣмъ причтомъ пришелъ поздравить именинницу и принесъ заздравную просфору. Въ домѣ-же отслужили заздравный молебенъ, при чемъ присутствовали, кромѣ хозяекъ и Нади, еще сестра Ел. В-ны Прасковья Вас. Гернетъ и ихъ племянница Пелагея Гавриловна Богунъ съ мужемъ Дмитріемъ Саввичемъ, особенно внимательно

относившіеся къ именинницѣ съ матерью: они были посвящены въ тайну Антоси. Къ полдню стали подъѣзжать еще родные и чужіе гости: дяди именинницы Яковъ и Ив. Вас. Магеровскіе, мужъ тетки—глуховской полиціймейстеръ Карлъ Васил. Гернетъ, сосѣди послѣдняго—два молодыхъ брата гусары Ал-дръ и Борисъ Як-чи Шемшуковы; изъ нихъ младшій былъ крестнымъ отцемъ Антон. Лукин., а старшій былъ замѣчателенъ своими запорожскими усами до пояса. Собрались и барышни сосѣдки, и судейскіе кавалеры. Подали именинный пирогъ. Всѣ ѣли, пили, поздравляли именинницу съ совершеннолѣтіемъ, желали ей хорошаго жениха; именинница была крайне весела и держала уже себя совершенной хозяйкой: всѣ обращались по преимуществу къ ней, она всѣмъ и распоряжалась. Во время раздѣла именинного пирога, появился и Ѳеодосій Васил. Лихошерстовъ. Антося такъ и бросилась къ нему навстрѣчу, расцѣловала дядю, потчивала пирогомъ, ухаживала за нимъ. Вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ, и на парѣ своихъ «рыжаковъ» въ плетеной «нейтычанкѣ» подъ крыльцо подкатилъ Ив. Вас.... Молодцовато вошелъ онъ въ залъ, всѣмъ поклонился; Антося встала ему навстрѣчу; онъ крѣпко пожалъ и поцѣловалъ ея руку, и Антося представила его всѣмъ какъ своего жениха и будущаго мужа... На Ел. Вас. никто не обращалъ вниманія, но восклицаніе «ахъ!» съ взвизгомъ заставило всѣхъ обратить свои взоры на нее: Ел. Вас. лежала въ истерикѣ. Громадный атлетъ Макс. Мих. Троцкій, мужъ Надиной сестры, Анастасіи Яковл., предложилъ свои услуги: онъ одинъ взялъ старуху на руки и отнесъ ее, какъ ребенка, въ спальню, поручивъ ее надзору прислуги и заявивъ самой Ел. Вас., что онъ самъ берется ее охранять: это значило, что она должна была усмириться, иначе ей не безопасно будетъ волноваться, когда всѣ, даже «гайдамака», какъ называлъ себя Троцкій, на сторонѣ влюбленной молодой пары.

Ел. Вас. провела день совершеннолѣтія дочери въ добровольномъ одиночествѣ. Ничьи просьбы не могли сломить ея упрямства, но благодаря «гайдамакѣ» Троцкому, она не мѣшала гостямъ прекрасно провесть день совершеннолѣтія наслѣдницы.

Попировавъ у молодой хозяйки, большинство гостей и родныхъ разъѣхались подъ утро другого дня именинъ; черезъ день спустя уѣхалъ и Ив. В. съ дядей Ѳеод. Вас., оставивъ Ант. Лук. вступать въ свои права наслѣдства, что она и исполнила вскорѣ по указаніямъ практическихъ Богуновъ.

Ив. Вас. уѣхалъ справляться съ хозяйствомъ и ликвидировать свои дѣла по торговлѣ свиньями, а Антон. Лук. занялась приготовленіемъ своего приданаго, въ чемъ ей помогала «сестра Надя Бартошъ» и ея подруга Елизав. Ѳеодор. Туманская, дочь рижскаго цензора, послѣ смерти матери поселившаяся одиноко въ доставшемся ей въ наслѣдство хут. Теребени, возлѣ с. Землянки. Елиз. Ѳеодор. привезла съ собой и своихъ швеекъ, обучавшихся въ модныхъ магазинахъ Петербурга, и свои модные журналы и выкройки. Надя съ ключницей и Мареой Сергѣевной усиленно занимались приготовленіемъ различныхъ вареній и соленій къ свадьбѣ, а Ант. Лукин. съ Елизав. Ѳеодор. и швейками кроили, шили, вышивали. Мать не хотѣла ни на что обращать вниманія, жаловалась на дочь и проливала слезы, а Ант. Лук. не обращала на нее вниманія и распоряжалась всѣмъ самостоятельно. Одинъ Косинскій держалъ себя нейтрально и по прежнему продолжалъ за обѣдомъ кушать миску гречневыхъ вареников, а послѣ обѣда храпѣлъ до чая на своей постели.

Теперь Ант. Лукин. свободно переписывалась со своимъ Жаней, который свободно пріѣзжалъ часто на нѣсколько дней и дружески распивалъ съ Ѳеод. Никол. «сорокатравникъ» и закусывалъ колбасой. Праск. Вас. Гернетъ, Дм. Сав. Богунъ съ женой, братья Ел. Вас.—Ив. и Як. Вас. Мегеровскіе—много разъ старались склонить Косинскую на миръ съ дочерью; хлопоталъ о томъ-же и Ѳеод. Вас. Лихошерстовъ, но Ел. В. оставалась глуха ко всѣмъ уговорамъ и твердила одно: «Я ее прокляну!». Свадьбу откладывали, но видя неуспѣшность стараній склонить старуху къ миру, рѣшили обойтись безъ нея и назначили свадьбу на 11 ноября 1831 г. Приглашенія разсылала сама невѣста.

Съѣздъ гостей въ день свадьбы былъ великъ. Пріѣхали всѣ родные, съѣхались и сосѣди: Коробчевскіе, Легкобытовы, Толма-

чевы, Уманцы, Кулябки, Львовы и мн. др. Съ Надей Бартошъ пріѣхала Елиз. Θеодор. Туманская, и прямо съ почтовой перекладной явился изъ смоленской губ. старшій, холостой братъ Нади—Яковъ Яковл. Бартошъ, взявшій краткосрочный отпускъ у гр. Кушелева-Безбородка, у котораго онъ служилъ тогда повѣреннымъ по дѣламъ.

До вѣнца молодые не должны были между собой видѣться и не принимать никакой пищи. Одѣвали къ вѣнцу Антонину Лукин.—Надя, Елизавета Θеод. Туманская и дѣвица Коробчевская (впослѣдствіи замуж. за Яков. Дорошенко) и др. Посаженымъ отцемъ жениха былъ Θеод. Вас. Лихошерстовъ и замужняя сестра жениха, со стороны невѣсты—Дм. Сав. Богунъ и Пр. Вас. Гернетъ. Мать не могли упросить благословить дочь.

Хотя церковь стояла подъ дворомъ, но, ради обычая и осенней погоды, молодые въ церковь поѣхали и, какъ требовалось по обычаю, поѣхали порознь: Ив. Вас. съ Θедот. Вас. въ дядиной коляскѣ, а Ант. Лукин. съ подругами въ своей каретѣ. Обвѣнчавшись, молодые вернулись въ домъ вмѣстѣ въ одной каретѣ. На порогѣ дома ихъ встрѣтили съ иконой и хлѣбомъ-солью Дм. Сав. Богунъ и Параск. Вас. Гернетъ, отъ которыхъ получивъ благословеніе, молодые вошли въ домъ и направились въ гостинную, гдѣ ихъ ожидали шафера съ шампанскимъ и сладкая закуска... . Навстрѣчу молодымъ изъ другой двери двинулась изступленная фигура матери новобрачной, съ поднятыми кверху руками. Завидя дочь, Ел. В. вскрикнула: «Проклинаю! проклинаю! Будь ты трижды проклята! Не видать тебѣ дѣтей никогда!» Ант. Лук. упала на грудь Жани и разрыдалась; произошло общее замѣшательство; Θеод. Вас. поспѣшилъ къ Ел. Вас., но всѣхъ выручилъ «гайдамака» Троцкій: онъ взялъ старуху на руки и какъ ребенка отнесъ ее въ ея спальню, приказавъ прислугѣ не выпускать ее оттуда до конца свадьбы. Всѣ знали легкомысленный нравъ старухи и романическую вѣрную любовь новобрачныхъ и отнеслись къ матери съ негодованіемъ и съ сочувствіемъ къ новобрачной.

Обѣдъ начался грустно, но мало-по-малу всѣ оживились, выкрикивали «горько» и при звукахъ музыки, играющей «тушъ», заставляли молодыхъ цѣловаться. Послѣ обѣда устроились танцы, которые начались общимъ польскимъ, потомъ молодежь танцовала «метелицу», козачка, галопъ, а болѣе свѣтскія особы танцовали «кадриль» и закончились танцы общимъ «гроссъ-фатеромъ». Послѣ танцевъ отъужинали; дѣвицы ушли ночевать во флигель, посторонніе гости разъѣхались, а родные, отправивъ новобрачныхъ въ опочивальню, продолжали пировать всю ночь. По распоряженію веселой Праск. В. Гернетъ и Ѳеод. Вас. Лихошерстова, дворня ночью водила сороку и «скакала журавля». Утромъ Антон. Лук. всѣхъ, приходившихъ къ ней съ поздравленіемъ, «застебывала» красной лентой, куски которой розданы были всѣмъ поселянамъ, а Ив. Вас. потчивалъ чаркой горѣлки и знакомился со своими будущими крѣпостными, которыхъ староста представлялъ ему на-лицо. Въ качествѣ шафера или боярина разшалившійся какъ мальчикъ 36-тилѣтній братъ Нади, вмѣстѣ съ другими шаферами, выставили на воротахъ свадебный флагъ изъ красной запаски, за что получили отъ новобрачной по шелковому пестрому фуляру въ «выкупъ». Барышни съ горничными сжарили яичницу и изъ флигеля съ пѣсней:

Мы до тебе, Антосю, идемо,
Тоби снидаты несемо!..

сдѣлали кругъ по двору и принесли ее Ант. Лук., которая должна была кушать яичницу, послѣднее дѣвичье «сниданне» [1]).

Покончивъ со всѣми свадебными утренними обычаями, Ант. Лук. пошла одѣваться къ обѣду. При одѣваньи присутствовалъ молодой супругъ и когда Ант. Лук. вознамѣрилась надѣвать корсетъ, Ив. Вас. взялъ его изъ рукъ жены говоря: «Дай мени на цю штуку подывыться, я ще зроду такои цикавои речи не ба-

---

[1]) Почему подружки невѣсты приносятъ на «сниданне» молодой непремѣнно яичницу? Вѣроятно какъ знакъ будущаго плодородія, зарожденія дѣтей....

чывъ»—и съ этими словами бросилъ корсетъ въ топившуюся въ комнатѣ печь.

— Хай винъ, серце, лучче згорыть, шобъ ты зъ нымъ не турбувалась. Страхъ не люблю я тоненькыхъ бабъ! Шобъ ты мени цихъ кистокъ бильшъ не надивала!

Ант. Лук. исполнила желаніе мужа и изъ тоненькой блондинки превратилась впослѣдствіи въ толстую, краснолицую даму.

Послѣ свадьбы мать не примирилась съ дочерью. Бракъ Лихошерстовыхъ оставался безплоднымъ, что супруги приписывали материнскому проклятію. Въ 1836 г. умерла мать, и Лихошерстовы три раза ѣздили въ Кіевъ на богомолье, но дѣтей не вымолили.

Послѣ женитьбы Ив. Вас. оставилъ торговлю свиньями и занялся хозяйствомъ, устроилъ прекрасный садъ, въ саду выкопалъ прудъ и занялся рыбоводствомъ, а свободное время занимался клейкой рамокъ для картинъ и столярствомъ мелкой кленовой мебели: столиковъ, шкатулокъ и т. п., на которой отпечатывалъ черные рисунки. Супруги были добрые хлѣбосолы и любили пожить въ свое удовольствіе. Штабъ и оберъ-офицеры каждаго квартировавшаго въ уѣздѣ полка съ женами и всѣми своими семействами всегда были своими людьми у Лихошерстовыхъ. Одинаково привѣтливо принимали они и прапорщика и генерала; полковая музыка гремѣла въ Некрасовѣ каждый праздничный день, и сосѣдняя молодежь стремилась къ Лихошерстовымъ воспользоваться случаемъ у нихъ потанцовать и найти себѣ жениха или невѣсту. Первымъ бракомъ, устроившимся при сватовствѣ Ант. Лук., былъ союзъ моихъ родителей въ 1832 году, и мало по малу устройство браковъ обратилось у Ант. Лук. въ страсть. У Лихошерстовыхъ постоянно кто-нибудь сирый находилъ себѣ пріютъ: барышни, которыхъ некому было вывозить въ свѣтъ, офицерскія жены съ дѣтьми во время войны или командировокъ мужей проживали у нихъ по нѣсколько мѣсяцевъ. Немудрено поэтому, что имѣніе ихъ таяло, а недоимки накоплялись.

Такъ какъ Антонина Лукин. была двоюродной сестрой моего отца, то послѣ смерти нашихъ родителей Ив. Вас. Лихошерстовъ

былъ назначенъ нашимъ опекуномъ, какъ мужемъ сестры и ближайшимъ по мѣсту жительства нашимъ родственникомъ, и мы съ сестрой, по окончаніи курса ученія въ Москов. Елисав. Инстит., пріѣхали жить въ Некрасовъ къ Лихошерстовымъ. Вотъ какъ случилось наше прибытіе къ опекунамъ. Елена Вас. Майэрова, урожденная Кочубей, благодѣтельствовала намъ по смерти нашихъ родителей и была единственнымъ лицомъ, навѣдывавшимъ насъ въ институтѣ. Наканунѣ нашего выхода изъ училища она была у насъ и поручила сопровождать насъ домой старушкѣ нянѣ Кочубеевъ, ѣхавшей въ м. Дубовичи, глух. у., и велѣла отвезть насъ къ тетѣ Надѣ въ хуторъ Теребень. Пріѣхали мы въ мальпостѣ изъ Москвы въ г. Орелъ 28 мая 1852 г. вечеромъ и остановились у доктора Лоренца, жена котораго также была воспитана г-жей Майэровой. На завтра утромъ старуха няня укладывала наши вещи въ нанятый до г. Глухова тарантасъ [1]), а мы, въ ожиданіи чая забавлялисъ съ дѣтьми Лоренцъ; вдругъ дверь въ комнату отворилась, и на порогѣ появилась 40-лѣтняя прилично одѣтая, очень полная дама съ краснымъ лицомъ и въ желтой атласной шляпкѣ на головѣ.

— Здѣсь остановились ѣдущія изъ Москвы институтки Б—шъ?—спросила дама приготовлявшую чай горничную и оглянула кругомъ комнату.

Услыхавъ свою фамилію, мы привстали съ чемодана и въ тотъ же мигъ были заключены въ объятія толстой дамы, повторявшей, обнимая насъ:

— Дѣти мои! дѣти мои!—при чемъ дама всхлипывала. Дама эта была Антон. Лук. Лихошерстова.

Нашла насъ Антон. Лукин. слѣдующимъ образомъ: когда мы написали ей изъ института, что выѣзжаемъ 26 мая въ мальпостѣ до г. Орла, Ант. Лук. разочла, что 28 мая мы будемъ въ г. Орлѣ и должны остановиться у г-жи Лоренцъ, съ которой она раньше была знакома; она рѣшила поѣхать въ г. Орелъ разогнать свою скуку и забрать насъ съ собой.

---

[1]) Мальпостъ ходилъ изъ Москвы только до г. Орла.

Положеніе наше оказалось между двухъ огней: старуха няня настаивала, чтобы исполнили желаніе Ел. Вас. Майэровой и продолжали свой путь къ тетѣ Надѣ въ свой хуторъ, Ант. Лук. тащила насъ къ себѣ въ с. Некрасовъ, и, право, не знаю почему, мы остались съ Ант. Л., или же просто она насъ отвоевала и только. Старушка наша уѣхала въ м. Дубовичи одна, а мы еще два дня бѣгали съ Ант. Л. по орловскимъ лавкамъ и магазинамъ, въ которыхъ Ант. Лук. накупила множество различныхъ вещей.

Ѣхали мы изъ г. Орла на почтовыхъ лошадяхъ въ собственной Антонины Лук. крытой 4-хмѣстной коляскѣ, наполненной подушками, посудой и нѣкоторой провизіей. Помѣщались мы въ колясвѣ вчетверомъ: Антон. Лук., насъ двое (сестра и я) и рыжая въ веснушкахъ горничная Гашка; на козлахъ съ ямщикомъ помѣщался сопровождавшій Ант. Лукинишну въ путешествіяхъ разноглазый лакей Ѳедька. Гашка и Ѳедька были прекрасные слуги; безъ такихъ слугъ ѣздить тогда было и затруднительно, и опасно. Во 1-хъ, мы могли на станціяхъ и ночлегахъ очутиться въ положеніи Щедринскихъ генераловъ, во 2-хъ—по той дорогѣ «пошаливали» добрые молодцы, и если не наша жизнь, то чемоданы наши могли пострадать безъ охраны. Однако, несмотря на небольшой переполохъ подъ лѣсомъ, вблизи г. Кромъ, наше путешествіе окончилось благополучно и 1-го іюня 1852-го года мы прибыли въ с. Некрасовъ.

Прелестный іюньскій день клонился къ вечеру когда мы подъѣхали къ крыльцу дома господъ Лихошерстовыхъ. Нашимъ глазамъ предстала самая прелестная патріархальная картина. Стоявшій на крыльцѣ дома высокій, статный 50-лѣтній брюнетъ съ взъерошенными послѣ сна черными волосами и еще заспанными глазами, въ бухарскомъ халатѣ и съ трубкой на длинномъ чубукѣ въ рукахъ и четырехлѣтняя сиротка—пріемышъ Оля [1]) съ огромнымъ рыжимъ котомъ на рукахъ, составляли ядро явившейся нашимъ глазамъ картины. Фонъ картины составляли нѣсколько окру-

---

[1]) Оля Борщова была сирота, дочь смотрителя уѣзднаго дворянскаго Глуховского училища.

жавшихъ главныхъ лицъ, за которыми стояли, суетились и выглядывали гурьбой лакеи, горничныя, дворовая дѣтвора, высыпавшая навстрѣчу намъ и др. лица. Всѣ барышни и прислуга бросились наперерывъ помогать хозяйкѣ выйти изъ колымаги, а горничной выносить вещи. Мы выпрыгнули изъ коляски, поздоровались съ Ив. Вас. и очутились во власти барышень, расточавшихъ намъ поцѣлуи. Супруги нѣжно расцѣловались. Оля одной ручкой придерживала у груди кота, другой уцѣпилась за платье мамаши, а супруги, нѣжно обнявшись открыли шествіе въ домъ, куда и мы всѣ послѣдовали за ними.

Ив. В. любилъ удобство и изящество, и вся усадьба носила печать его заботливости. Прежніе будынки были перестроены, и на ихъ мѣстѣ стоялъ бѣлый домикъ съ красной тесовой крышей и съ большими растворчастыми окнами въ лакированыхъ дубовыхъ рамахъ. Къ дому со стороны сада былъ пристроенъ обширный балконъ, отъ котораго къ рѣкѣ спускалась на лугъ большая площадка; посрединѣ площадки, противъ балкона, на сѣромъ пьедесталѣ стояла глянцевая бѣлая невысокая колонна, съ устроенными на верху ея солнечными часами. По всей площадкѣ были расположены различныхъ формъ клумбы съ изящнымъ подборомъ цвѣтовъ, носившихъ мѣстныя названія: *крученые паньчи*, *нечесаныя панночки*, *лизетки*, *уголъки въ огнѣ*, *10-й часъ* и т. п. Въ саду много было георгинъ, превосходныхъ лилій, гвоздикъ, піоній, жасминовъ и цѣлыя аллеи воздушныхъ розъ; вокругъ сада шла живая изгородь по рву какого-то сильно колючаго кустарника съ лиловыми мелкими цвѣтами; подобнаго я впослѣдствіи нигдѣ больше не встрѣчала. Сѣмена, корни и пр. выписывались отъ Вагнера изъ Риги, и цвѣтоводствомъ завѣдывала двоюродная сестра Ив. Вас.—Елена Никитишна Лихошерстова. Среди сада, по лѣвой сторонѣ главной отъ балкона дорожкѣ, былъ устроенъ Ив. В. небольшой рыбный прудъ; по правую сторону, подъ завѣдываніемъ Антон. Лукин., пасѣка на двѣсти колодъ пчелъ. На окнахъ дома и на балконѣ стояло много գераній, пиляргоній и любимыхъ Ант. Лук. чайныхъ розъ.

Полы въ домѣ были не крашеные, а вощеные подъ паркетъ. Залъ въ 5 оконъ имѣлъ во всемъ желтоватый оттѣнокъ: свѣтлые, желто-коричневые обои покрывали стѣны, вокругъ которыхъ стояли легкой работы берестовые стулья съ плетеными сидѣньями и карточные столы, по угламъ кленовые столики съ черными оттисками батальныхъ картинъ, на стѣнахъ бронзовыя конкеты, и посреди потолка спускалась такая-же люстра. На стѣнѣ въ одномъ углу часы стѣнные въ какомъ-то желтомъ футлярѣ, а въ другомъ вызолоченный образъ Хр. Спасителя довершали гармонію обстановки зала; только стоявшее у глухой стѣны старинное фортепьяно краснаго дерева выдѣлялось своимъ темнымъ цвѣтомъ. Гостинная имѣла два окна, украшенныхъ бѣлыми кисейными занавѣсами, и между этихъ оконъ помѣщалась стеклянная дверь на балконъ. Обои въ комнатѣ были темно-красные съ золотомъ и черными разводами, мебель вся желтая, осокоровая съ черными ободками, обитая краснымъ сукномъ съ черными узорами; на стѣнахъ такіе же конкеты, какъ и въ залѣ; надъ диваномъ широкое зеркало въ золоченой рѣзной рамѣ; въ простѣнкахъ между окнами стѣнные зеркала съ подзеркальниками, на одномъ изъ которыхъ стояли бронзовые столовые часы, на другомъ—букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, въ двухъ углахъ—по угольному низкому осокоровому съ черными ободками шкапчику и вверху надъ однимъ—образъ Христовой Матери въ золоченой ризѣ. Третья парадная комната была столовая или «чайная». Комната эта была довольно велика, но освѣщалась однимъ только окномъ и имѣла двѣ двери: въ гостинную и дѣвичью. Штукатурныя стѣны столовой были окрашены свѣтло-синей краской; у стѣнъ стояли дубовыя черныя стулья и низкій легкій турецкій диванъ; вся мебель обита синей шерстяной матеріей. Посреди столовой стоялъ круглый обѣденный столъ, въ одномъ углу стояла «горка», вся унизанная огромнымъ количествомъ «замѣчательныхъ» чубуковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою особенную исторію происхожденія; на «горкѣ» лежали всѣ необходимыя принадлежности куренія: сигары, съ табакомъ кисетъ, кресало и многогранная осокоровая шкатулка для табака. Въ другомъ углу на стѣнѣ въ черномъ

кіотѣ было разставлено множество образовъ, всѣ въ золоченыхъ шатахъ, и передъ образами горѣла «неугасаемая» лампада. Стѣны были покрыты множествомъ небольшихъ картинокъ, въ рамкахъ работы Ив. В., и между ними висѣла одна надъ диваномъ большая картина масляными красками на полотнѣ, изображавшая хожденіе по водамъ. Эту картину Ив. В. вымѣнялъ за черешневый чубукъ у Т. П. Магеровскаго. Помѣщеніе для насъ, какъ и вообще для проживающихъ у Лихошерстовыхъ дѣвицъ, было устроено съ различными удобствами во флигелѣ, гдѣ проживала и Елена Никитишна Лихошерстова.

Къ чаю мы и Ант. Лук. перемѣнили свои дорожнія платья, а Ив. Вас. одѣлся въ коричневый сюртукъ, и къ чаю же пріѣхали Ант. Петр. Магеровскій съ женой и 2 малолѣтними дѣтьми поздравить Ант. Лук. съ благополучнымъ пріѣздомъ и насъ съ окончаніемъ курса въ институтѣ. Всѣ присутствующія лица были намъ знакомы раньше, почему и встрѣча наша съ ними прошла безъ стѣсненій. Послѣ чая насъ попросили сыграть что-ниб. на фортепіано. Мы сыграли: сестра—мазурку Шопена, я—мазурку Шульгофа. Всѣ выражали восторгъ, но я увѣрена, что дѣйствительно восхищенъ былъ одинъ пятилѣтній не отходившій отъ меня, Митраша Магеровскій. Ив. Вас., стоявшій среди барышень съ своей трубкой съ длиннымъ чубукомъ, обратился къ нимъ:

— Ничого, добре граете! тильки я цихъ вашихъ мазурокъ не второпаю, якъ бы загралы таку, що до танцивъ у собраніяхъ грають, або якои нашиньскои писни, не можно?

— Насъ не учили играть ни танцевъ, ни малорусскихъ пѣсенъ—отвѣчали мы.

— Шкода! то вы навчиться теперечкы, а ноты вамъ дадуть панночкы, бо воны гарни писни спивають.

Дѣйствительно барышни не замедлили насъ снабдить множествомъ малорусскихъ пѣсенъ, положенныхъ на музыку талантливыми сыновьями глуховскаго архитектора Ассинга.

Отъ фортепьяно всѣ разбрелись: старики на балконъ, барышни въ садъ, Ант. Л. съ Наст. Петр. Магер. и дѣтьми—въ гостинную. Погода была самая весенняя, соловьи непрерывно вы-

водили свои трели,—до-нельзя было хорошо. Въ 9 часовъ козачекъ Порфирій, поочередно появляясь передъ барышнями, докладывалъ:

— Пожалуйте ужинать!

— Ужинать, идите ужинать!—пищала съ балкона Антон. Лукинишна.

— Вечерять! Ходить, панночкы, ве-че-рять!—гукавъ своимъ звучнымъ голосомъ Ив. Вас.

Послѣ ужина Магеровскіе уѣхали, а мы всѣ пошли спать. День у Лихошерстовыхъ проходилъ въ такомъ же порядкѣ: вставали хозяева въ шесть часовъ утра и добавляли распоряженія, данныя старостѣ съ вечера. Въ 7—8 часовъ пили чай (барышни являлись отъ 8—9 час.), послѣ чая выходили супруги въ дѣвичью, гдѣ ихъ ожидала молодая кухарка Степанида, и заказывали обѣдъ, т. е. заказывала Ант. Лук., а Ив. В. только присутствовалъ и требовалъ для себя неизмѣнно все однѣ и тѣ-же кушанья: борщъ съ говядиной или свининой, картофель съ саломъ и свинина или курица жареная; друг. кушаній онъ не ѣлъ, и Ант. Лук. добавляла остальной обѣдъ для себя и для насъ.

Покончивъ съ заказомъ обѣда, хозяева отправлялись въ гостинную. Ант. Лук. садилась на диванъ, на колѣна къ ней прыгалъ рыжій котъ «Рудько» и, потершись мордочкой о подбородокъ хозяйки, начиналъ отыскивать булавочку: Ант. Лук. заранѣе втыкала куда-нибудь булавку—въ диванъ, кресло, обои, скатерть, иногда въ свою косу, и Рудько непремѣнно отыскивалъ булавочку гдѣ бы она ни была, ловко вытаскивалъ ее зубами и въ зубахъ подносилъ ее своей хозяйкѣ, за что получалъ отъ нея поцѣлуй въ мордочку; послѣ этого подвига котъ, совершенно довольный собой, ложился дремать у Ант. Лук. на колѣнахъ. Ант. Л. принималась тогда раскладывать пасьянсъ; если она оставалась въ комнатѣ одна, то раскладывала «Наполеоновскій» пасьянсъ въ двѣ колоды картъ, если-же имѣла партнера, раскладывала «симпатію». Ив. В. въ это время шагалъ молча по гостинной и усиленно курилъ трубку, выходилъ на балконъ, смотрѣлъ на небо, на работавшихъ въ саду дивчатъ, перекидывался шутками съ гулявшими или си-

дѣвшими барышнями, а въ полдень бралъ съ углового шкапчика «Академическій календарь», вынималъ изъ кармана часы и шелъ въ цвѣточникъ свѣрять ихъ съ солнечными. Послѣ повѣрки часовъ, всѣ шли завтракать.

Ив. Вас. передъ завтракомъ и передъ обѣдомъ всегда выпивалъ рюмку «Карпѣковки»; Ант. Лук. ничего не пила или пила иногда, но оч. мало, вмѣстѣ съ барышнями, наливки. Закусывали колбасой, селедкой, жареными карасями, вареными раками, которыми славился Некрасовъ, и т. п. Посланный привозилъ изъ Глухова почту и разныя вѣсти. Снова всѣ расходились. Ант. Лук. шла продолжать пасьянсъ, а Ив. Вас. садился въ гостинной въ кресло и читалъ вслухъ полученныя письма и газеты. Когда онъ уставалъ читать, его смѣняла жена, а Ив. Вас. доканчивалъ начатый ею пасьянсъ.

Въ три часа снова всѣ собирались въ столовую къ обѣду. За обѣдомъ всегда подавались наливки и мѣстной глуховской фабрикаціи вино. За столомъ маленькая Оля сидѣла между «мамашей» и «дядюней», какъ она называла своихъ воспитателей, а цѣлые дни проводила со своей няней Аксюткой, гдѣ хотѣла. Послѣ обѣда Ив. В. шелъ отдыхать къ себѣ въ кабинетъ, а Ант. Лук., повязавъ голову бѣлымъ носовымъ платкомъ, ложилась отдыхать въ гостинной на диванѣ между горой вышитыхъ подушекъ. Вечеромъ пили чай на балконѣ, а зимой или въ непогоду, въ столовой. Послѣ чая Ив. В. гулялъ по саду или сидѣлъ съ трубкой на балконѣ; Ант. Лук. боялась вечерней росы и никогда послѣ чая на воздухъ не выходила. Если барышни были въ гостинной, то и Ив. Вас. не гулялъ въ саду, а игралъ въ гостинной на гитарѣ и пѣлъ малороссійскія пѣсни одинъ или хоромъ съ барышнями: «гречаныкы», «сусида» и др., но любимая его пѣсня была «дуда»:

«Якъ пійду я у комору пó муку, пó муку,
Да вдарю я дудочку пó боку, пó боку,
А дудочка: ти-ни-ни, ти-ни-ни!»
А я тоди въ бокы, да въ скокы.
Розсыпала по комори кившъ мукы, кившъ мукы»...

—и Ив. Вас. при этомъ притопывалъ ногой и пританцовывалъ. Сами барышни пѣли преимущественно: «Віють витры, віють буйни» и «Ой не видтиль витеръ віе»... безъ всякихъ аккомпаниментовъ или съ фортепьяно.

Когда Ив. В. кончалъ свое пѣніе, Ант. Лук. говорила: «Дай, Иванечка, гитару мнѣ!» и получивъ отъ мужа гитару, пѣла всегда одинъ и тотъ-же романсъ: «Конченъ, конченъ дальній путь»...

Если Ив. В. оставался безъ Ант. Лук. или вообще скучалъ, то онъ пѣлъ безъ гитары:

«Седыть козакъ на стерни, та штаны латае»...

и вмѣсто трубки курилъ сигару въ знакъ грусти, и зажмуривъ глаза, вертѣлъ указательные пальцы одинъ объ другой, разставлялъ руки и пробовалъ попасть пальцемъ въ палецъ. Такъ онъ гадалъ когда-то о задуманномъ сватовствѣ на Ант. Лукин.

Въ 9 часовъ всегда ужинали и расходились спать. Передъ сномъ приходилъ къ Ив. Вас. староста отдать отчетъ работамъ за истекшій день и приносилъ разнообразныя «бирки»: орѣховыя, черемховыя, рябинныя, чищенныя или въ корѣ, смотря по тому, что эти «бирки» означали, напр., количество работъ, число рабочихъ людей, подводъ, возовъ сѣна, пудовъ хлѣба, ведеръ водки и т. п. Однажды я, глядя на бирочные іероглифы (тамъ были «накарбованы»: полоски, крестики, палочки, колечки, и т. п. означавшіе единицы, десятки, сотни и т. д.), предложила Ив. В. свои услуги для веденія хозяйственныхъ счетовъ, но Ив. Вас. на мое предложеніе рукой махнулъ.

— Ну ихъ икъ бису ціи счоты да росчоты! Пробувавъ я ихъ пысать не разъ, усе одно грошей не прыбува... Шкода марно й папиръ переводыть!

Въ дни именинъ Ив. Вас. и Антон. Лукин.—10 іюня и 27 января—по прежнему продолжали собираться у нихъ гости, но съ 1853 г., когда войска уходили на войну, музыка уже была не полковая, а «Вареныкы» изъ с. Ображевки, остатки прежней музыки генерала Наумова. Лихошерстовы выглядѣли еще бодро и вполнѣ прилично: Ив. Вас. въ своемъ черномъ сюртукѣ и бѣ-

лыхъ жилетѣ и галстукѣ былъ весьма изященъ. Молодежь танцовала до утра, а пожилые люди играли въ преферансъ и штоссъ.

Въ будни два раза въ недѣлю Лихошерстовы ѣздили на другой конецъ села въ гости къ Ант. Петровичу Магеровскому, у котораго Антон. Лукин. крестила дѣтей, и для красивой, молодой, чахоточной жены Анаст. Петр. Антон. Лукин. замѣняла самую внимательную мать. (Ан—сія Петр. Маг—ская ум. въ 1855 г.) Магеровскіе пріѣзжали къ Лихошерстовымъ иногда на цѣлый день съ дѣтьми. Разъ въ недѣлю Ант. Лукин. съ Ив. Вас. ѣздили къ теткѣ Прасковьѣ Вас. Гернетъ въ Глуховъ; разъ или два въ недѣлю собирались у насъ кто-ниб. изъ сосѣдей, бывали у Клоченковъ въ с. Слѣпородѣ «на малинѣ» и т. д. Ив. Вас. всегда бывалъ на дворянскихъ выборахъ, а дворянскихъ танцовальныхъ собраній супруги не пропускали ни одного. Тогда Ив. Вас. надѣвалъ изящный фракъ, а Антон. Лук. золотистое или коричневое шелковое платье и бѣлый блондовый чепецъ съ голубыми незабудками и бѣлыми шелковыми лентами и везли съ собой на балъ по 2 экипажа барышень. Въ ту зиму, когда мы жили у Лихошерстовыхъ, они вывозили пятерыхъ: сестру Ив. Вас.—Елену Никит. Лихошерству, 26-лѣтнюю красивую дѣвушку, насъ двухъ и еще двухъ сиротъ 25—30-лѣтнихъ дѣвицъ В—цкихъ; послѣднихъ приписывали для входа въ собраніе къ билету Ант. Петр. Магеровскаго, который въ собраніе ѣздилъ безъ дамъ. Были тогда еще развлеченія въ видѣ мѣстныхъ ярмарокъ, служившихъ выставочнымъ гуляньемъ для невѣстъ и жениховъ. Самая главная ярмарка была Воздвиженская въ г. Кролевцѣ, продолжавшаяся болѣе двухъ недѣль, съ 13 сент. по 1-ое окт. Тогда, несмотря ни на какую погоду, всѣ окрестные помѣщики, за сто даже верстъ, выѣзжали на ярмарку цѣлыми семьями, нѣсколькими экипажами, повозками съ поварами, прислугой и посудой. Всѣ запасались здѣсь на цѣлый годъ провизіей, краснымъ товаромъ и проч. Общественныхъ развлеченій, кромѣ балагановъ, на ярмаркѣ не было никакихъ, за то помѣщики нанимали квартиры въ нѣсколько комнатъ въ частныхъ домахъ (гостинницъ не

было) и каждый вечеръ впродолженіи 8—15 дней приглашали другъ друга «пробовать» чай, икру, балыкъ, вина, конфекты, одобрить выборъ нарядовъ, серебро въ приданое невѣстамъ и т. д. Здѣсь-же уѣздные торговцы запасались баккалеей и бочками вина, которое на ярмаркѣ-же фабриковалось мѣстными поварами, между которыми своимъ вкусомъ и умѣньемъ приготовить вино на извѣстный сортъ особенно отличались два повара: Михаилъ Ломикинъ изъ дер. Богданова подъ г. Глуховомъ, крѣпостной П. А. Л—ва и, не помню имени, тоже крѣпостной генеральши Пол. Гавриловны Чинчикъ [1]) изъ Новгородсѣверск. у. Оба они пріѣзжали въ числѣ необходимой дворни съ своими господами и по ночамъ зарабатывали немало на фабрикаціи винъ. Глуховскіе бакалейные купцы Х—ко и Б—скій присылали пробы этихъ винъ Ив. Васильевичу, яко бы знатоку въ винахъ.

Съ наступленіемъ зимы начинался увеселительный круговоротъ: 6 дек., въ день Николая, открывалось первое танцовальное (и карточное) дворянское собраніе, за нимъ на Рождество давался балъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, которымъ въ 1853 г. былъ Владим. Ив. Туманскій; потомъ шли балы и вечера подъ рядъ у всѣхъ пановъ: у кого въ Глуховѣ, у кого въ деревнѣ. Пировали всю зиму и масляную.

Наступалъ постъ—и все измѣнялось: ѣли постное, говѣли, готовились къ весеннимъ сельскимъ работамъ, продавали свиней и водку съ винокурни, готовились къ Пасхѣ, шили лѣтніе наряды (Пасха въ 1853 г. была 19 апр.) и другъ другу сюрпризы. Антон. Лукин. велѣла снять съ чердака пяльцы и велѣла горничной Гашкѣ впялить въ нихъ канву: это долженъ былъ вышиваться Антониной Лук. Жаничкѣ «сюрпризъ» къ Пасхѣ—подушка. Должна была вышивать Антон. Лук., и подразумѣвалось, чтобы для мужа это было неожиданностію. Ант. Лук. предложила мнѣ вышивать вмѣстѣ. Выбрали узоръ, подобрали шерсти; во всѣхъ этихъ приготовленіяхъ и выборѣ тѣней участвовалъ и

---

[1]) П. Г. Юркевичъ, бывшая въ 1-мъ бракѣ за Дм. Сав. Богуномъ.

Ив. Вас., даже помогалъ намъ оч. усердно, при чемъ изображалъ полное невѣдѣніе, для кого шьется подушка, хотя «сюрпризы» для него въ видѣ кисетовъ, подушекъ, ермолокъ вышивались ежегодно такимъ-же порядкомъ при помощи какой-ниб. барышни. Ив. Вас. постоянно исправлялъ наши погрѣшности въ тѣняхъ и даже въ самомъ узорѣ замѣнялъ иногда однѣ мелочи другими.

— Одкиньте цю окрасу, вона не пристала, визьмить жовтогарячу, красна сюды не гожа.

Перемѣнимъ—вѣрно! Такъ и полагаемся на его природный вкусъ. Либо на ермолку скажетъ: «Тутечки шовкомъ выложить, а канитель, або золото кладить замисто шовку»—и выйдетъ хорошо.

Такъ мы и шили съ помощью Ив. Вас. ему «сюрпризъ». Считалось, что «сюрпризъ» работаетъ Антон. Лукин., но въ сущности работала одна какая-нибудь изъ живущихъ у ней барышень. Работа Ант. Лукин. ограничивалась на пятомъ или десятомъ стежкѣ: Антон. Лук. начинала чувствовать головокруженіе, передавала иглу мнѣ, шла полежать съ «Рудькомъ» на диванѣ, вставала и садилась возлѣ пялецъ смотрѣть на мою работу и въ окно на вздувавшій по рѣкѣ ледъ. Ив. Вас. попрежнему курилъ трубку, шагая по гостинной, прочитывалъ вслухъ почту, пока до бездорожья можно было ее получать; не получая почты, смотрѣлъ на мою работу, въ окно на рѣку. Остальныя домашнія лица были также заняты какимъ-нибудь дѣломъ. Ледъ сломало, вода быстро, быстро прибывала, я усердно вышивала, иногда меня смѣняла сестра, а Ант. Лук. продолжала смотрѣть на рѣку.

— Ахъ, Жаня! Жанечка, смотри! Что онъ бездѣльникъ дѣлаетъ!—воскликнула однажды Ант. Лук., глядя въ окно и указывая на рѣку.

— А шо тамъ таке?—вопросилъ Ив. Вас., отнимая чубукъ ото рта и вмѣстѣ со всѣми нами устремляясь къ окну.

Оказалось, что козачекъ Порфирій, большой любитель ловли раковъ, пошелъ ихъ ловить, такъ какъ во время половодья они хорошо ловятся; онъ разулся на берегу рѣки и поставилъ сапоги на сушѣ, не сообразивъ быстроты прилива, которымъ унесло са-

ноги, пока онъ заботился наловить господамъ раковъ. Порфирій вернулся съ наловленными раками, но босой, сапоги были быстро унесены разливомъ и онъ ихъ поймать не могъ. За это Порфирія посадили въ дѣвичьей плесть неретки и, волей или неволей, оставили на недѣлю безъ сапогъ, которыхъ ни сшить, ни купить по бездорожью было нельзя, пока не сошелъ разливъ.

Наступила страстная недѣля; всѣ усердно посѣщали церковь и еще болѣе усердно готовились къ Пасхѣ. Антон. Лук. славилась своимъ умѣньемъ печь «бабы», въ чемъ ей была помощницей булочница Мокрина. Къ сватовству и къ печенью «бабъ» Антон. Лук. чувствовала совершенную страсть: тогда у ней не случалось ни головокруженія, ни насморка, ни усталости, хотя для сватовства и приходилось ѣздить по всякой погодѣ, а для «бабъ» не спать нѣсколько ночей и сидѣть въ жаркой кухнѣ нѣсколько сутокъ. Напекалось у Лихошерстовыхъ «бабъ» безчисленное количество всевозможныхъ величинъ и размѣровъ: длинныя, высокія, круглыя и т. п. Иныя были до полутора арш. высоты и вѣсили 5—10 ф. всего; украшались глазиромъ цвѣтнымъ, сахарнымъ мачкомъ и пр. Много «бабъ» оставлялось для себя, но также много разсылалось и знакомымъ: кумовьямъ, холостякамъ, больнымъ и просто знакомымъ, которые не умѣли такъ хорошо испечь, а еще кому-нибудь такому, кто невѣрно хвасталъ своими печеньями... Подушка была готова, и Антон. Лук., христосуясь съ Жаней на Пасху, поднесла ему свой «сюрпризъ».

Весной я вышла замужъ, и мы съ сестрой оставили опекуновъ, не порывая съ ними.

Вскорѣ началось движеніе войскъ на югъ [1]); патріотизмъ охватилъ всѣхъ; всюду встрѣчали и провожали войска оваціями; Лихошерстовы поили и кормили даромъ проходившихъ черезъ Некрасовъ, не только офицеровъ, но и солдатъ. Когда было собрано козацкое ополченіе, Лихошерстовы предложили у себя да-

---

[1]) Началась Севастопольская (Крымская) война.

ровую квартиру Николаю Аркадьевичу Кочубею, а мой мужъ, при встрѣчѣ козаковъ, поднесъ Кочубею въ даръ ополченію одну изъ моихъ старинныхъ иконъ: образъ Св. Николая въ вызолоченой шатѣ съ вѣнцомъ изъ изумрудовъ.

Ополченіе въ дѣло не потребовалось, а отъ скуки кутежамъ и попойкамъ не было конца... То, что въ молодости проходило для Ив. Вас. безнаказанно, теперь не прошло даромъ: онъ сталъ хворать, у него развилась водянка, отёкъ ногъ. Къ тому же денежныя дѣла Лихошерстовыхъ быстро катились подъ гору; приходилось продавать имѣніе за долги. Иванъ Вас. не дожилъ до этой катастрофы и умеръ въ своемъ домѣ 20 іюня 1856 года. Сестра его Ел. Никит. умерла въ 1855 году.

Продавъ имѣніе, Антон. Лук. оставила себѣ только любимую 30-лѣтнюю дѣвку Гашку, которую замужъ не отдала, и двухъ дѣвочекъ, съ которыми переѣхала на жительство въ г. Глуховъ къ своей 80-лѣтней теткѣ Праск. Вас. Гернетъ, вдовѣ бывшаго глуховскаго полиціймейстера, которая свою превосходную усадьбу на Веригинѣ и при ней нѣсколько десятинъ земли передала Ант. Лукинишнѣ.

Но Антонина Лук. не съумѣла и здѣсь прожить скромно: по прежнему она окружила себя молодежью, задавала по прежнему пиры и проживала остатки денегъ отъ уплаты долговъ за продажу Некрасова, который былъ купленъ Орловскимъ стряпчимъ Степаномъ Яковл. Спановскимъ. Для Оли она взяла гувернантку, пожилую дѣвицу, одѣвавшуюся à l'énfant, бывшую воспитанницу Патріотическаго института. Оля была достаточно лѣнива и избалована, гувернантка педагогическими способностями не отличалась, поэтому дѣвочка въ ученьи поспѣвала мало. Выросла Оля красивой дѣвушкой и вышла замужъ за офицера, квартировавшаго тогда въ Глуховѣ полка, Ш-ва. Старуха Гернетъ умерла, Антонина Лук. успѣла къ этому времени прожить землю, а усадьбу подарила Олѣ въ приданое. Въ 1866 году полкъ перевели изъ Глухова куда то на югъ; Оля, уѣзжая, продала усадьбу г. Дачевскому и увезла съ собой «мамашу». Антонинѣ Лукин. на старости пришлось испытать прелести походной жизни. Уѣзжая

изъ Глухова, она увезла съ собой изъ всего своего прежняго достоянія только одинъ неразлучно висѣвшій надъ ея кроватью портретъ масляными красками своего милаго Жани. Дорогою Антонина Лук. заболѣла холерой и умерла. Что сталось съ портретомъ,—положили ли его вмѣстѣ съ вѣрной подругой въ могилу?

П. Л-ва.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Г. П. Галагана о Малороссійскомъ будынкѣ въ селѣ Лебединцѣ, прилукскаго уѣзда. Нѣсколько разъ уже упоминалось о существованіи въ с. Лебединцѣ, прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи, оригинальной постройки *малороссійскаго будынка*, скомбинированнаго въ стилѣ старинныхъ малорусскихъ зданій. Было даже высказываемо предположеніе, будто этотъ будынокъ есть старинная постройка, которая можетъ быть образчикомъ для созданія современныхъ построекъ въ старомъ малорусскомъ стилѣ. Лица, знакомыя съ этимъ *будынкомъ*, конечно, знали, что тутъ мы имѣемъ дѣло не со стариной, но съ удачной комбинаціей стильныхъ частностей, созданной по мысли самого Г. П. Галагана Въ архивѣ коллегіи Павла Галагана, куда, какъ извѣстно, поступали всѣ бумаги покойнаго учредителя коллегіи, хранится, между прочимъ, его автографъ, озаглавленный «Письмо о Малороссійскомъ будынкѣ» и дающій подробное описаніе какъ самого будынка, такъ и тѣхъ мотивовъ, которые побудили Г. П. Галагана приступить къ постройкѣ его. Автографъ этотъ представляетъ черновикъ письма къ неизвѣстному намъ лицу, такъ-какъ обычнаго обращенія нѣтъ ни въ началѣ, ни въ срединѣ, ни въ концѣ письма. Есть одно только мѣсто, дающее нѣкоторую возможность искать адресата: говоря о въѣздныхъ воротахъ въ усадьбу, Г. П. Галаганъ даетъ справку, что «фасадъ ихъ заимствованъ изъ рисунка, снятаго *Вами* съ весьма старыхъ воротъ въ 1845 году гдѣ-то въ предмѣстіяхъ Кіева». Хотя даты на автографѣ нѣтъ, но писано это письмо въ 1857 году, такъ-какъ въ одномъ мѣстѣ его сказано: «постройка начата была въ 1854 году, а въ *прошедшемъ* 1856 году со-

вершенно окончена». Изъ письма видно, что къ нему были приложены планъ и рисунокъ будынка.

Ред.

Письмо о Малороссійскомъ будынкѣ.

Вы спрашиваете меня, правда ли, что я выстроилъ домъ въ старинномъ малороссійскомъ вкусѣ и какъ это случилось. Съ удовольствіемъ удовлетворю вашему любопытству, какъ всякій человѣкъ, любящій похвастать тѣмъ, въ чемъ имѣлъ удачу.

Въ одномъ моемъ имѣніи, въ селѣ Лебединцѣ, прилукскаго уѣзда полтавской губерніи, нужно мнѣ было выстроить пріѣзжій домикъ. Рѣшившись на это, я, однако, затруднялся въ выборѣ архитектуры для такого дома. Съ тѣхъ поръ, хотя, впрочемъ, съ недавняго времени, какъ наша сельская архитектура избавилась отъ холоднаго классицизма, который связывалъ ее въ продолженіе полувѣка, фантазіи архитекторовъ разъигрались. Сельскіе дома нашихъ помѣщиковъ принимаютъ видъ разнообразный. Всѣ почти строятъ ихъ съ террасами, выступами, башенками, и только развѣ упрямые послѣдователи прежней моды продолжаютъ придерживаться фронтоновъ съ коринфскими колонками и при нихъ крылечками, на которыхъ нѣтъ ни тѣни, ни простора. Мнѣ хотѣлось, чтобы въ моемъ былъ стиль обозначенный, цѣльный. Я передумалъ о швейцарскихъ хижинахъ, итальянскихъ виллахъ и великорусскихъ избахъ. Всѣ онѣ требуютъ особеннаго для себя характера мѣстности и вовсе не идутъ къ здѣшней нашей обстановкѣ. Одинъ развѣ англійскій cottage сколько-нибудь гармонируетъ съ природой сѣверной части полтавской губерніи, да и тотъ имѣетъ все-таки недостатокъ быть для насъ чужимъ. Тутъ родилась во мнѣ мысль попытаться возсоздать нашу старинную малороссійскую постройку. Я не смѣю сказать архитектуру,—въ ней намъ отказываютъ совершенно. Да, впрочемъ, развѣ не отказываютъ намъ люди близорукіе даже въ отдѣльности языка и въ своеобразности всей нашей народности, называя все это случайными оттѣнками? Многіе не понимали вовсе, какъ можно выстроить домъ малороссійскій, въ которомъ ожили бы стѣны такъ, какъ ожилъ языкъ нашъ въ рѣчахъ нашихъ поэтовъ. «Что-жъ это будетъ? большая мужицкая хата?»,—такъ спрашивали меня многіе выросшіе въ Малороссіи, но такъ отдѣлившіеся отъ всего родного, что въ ихъ памяти оно уже потеряло всякую цѣну и значеніе. За разными барскими и полубарскими построй-

ками, введенными въ нашъ край, они уже не замѣчали еще существовавшихъ лѣтъ за 25 остатковъ старосвѣтскихъ домовъ, уютныхъ, своеобразныхъ, полныхъ самой нѣжной идиллической роскоши. Несмотря на разные остатки, которые еще существовали тамъ и сямъ и показывали совершенно своеобразный стиль постройки, принадлежавшій собственно нашему краю, этихъ особенностей не замѣчали и даже пренебрегали ими, какъ и всѣмъ своимъ роднымъ. Удивляться этому нечего, когда вспомнимъ, что самое драгоцѣнное достояніе всякаго народа—его родное слово и родныя мелодіи—были у насъ въ Малороссіи пренебрегаемы и даже до крайности унижаемы такъ называемымъ нашимъ образованнымъ классомъ. И такъ къ моей постройкѣ я долженъ былъ прокладывать путь новый или скорѣе возобновлять старый, сильно заглохшій. Для составленія плана и фасада я обратился къ архитектору, академику Червинскому, также малороссіянину. Онъ былъ сначала въ такомъ же затрудненіи, какъ и я, и мы должны были положить довольно дальній срокъ для обдумыванія проекта. Въ это время нашъ художникъ пересмотрѣлъ въ разныхъ мѣстахъ всѣ мелочные остатки, изъ которыхъ можно бы было собрать что-либо цѣлое, много переговорилъ съ старыми людьми, перечиталъ разныя описанія старинныхъ малороссійскихъ построекъ, а болѣе всего перечитывалъ Михайла Чарнышенка, въ которомъ не упущены ни малѣйшія подробности, характеризующія жилища нашихъ предковъ, и, наконецъ, составленъ былъ проектъ, по которому постройка начата была въ 1854-мъ году и въ прошедшемъ 1856 году совершенно окончена. Домъ, или скорѣе *будынокъ*, вышелъ очень удачный. Характеръ его совершенно оригинальный, родной и дѣйствующій на каждаго посѣтителя совершенно своеобразно. Слѣдовательно, цѣль достигнута. Не скрою, что, несмотря на все наше стараніе, вкрались нѣкоторые мелочные недостатки, неизбѣжные при первомъ опытѣ и которые я всегда готовъ указать всякому послѣдователю моей фантазіи. Вотъ вамъ планъ и фасадъ будынка и для объясненія подробное описаніе.

Будынокъ стоитъ среди довольно обширнаго зеленаго двора въ мѣстности чрезвычайно ему приличной. Ворота при въѣздѣ въ дворъ сдѣланы высокія, дубовыя съ крытымъ верхомъ; фасадъ ихъ заимствованъ изъ рисунка, снятаго вами съ весьма старыхъ воротъ въ 1845 году гдѣ-то въ предмѣстіяхъ Кіева. Нѣсколько большихъ вербъ случились кстати, чтобы отѣнить эти ворота. При въѣздѣ въ дворъ направо тянется рядъ хозяйственныхъ построекъ и налѣво двѣ длинныя хозяйскія

хаты, почти прикрытыя развѣсистыми вербами. Прямо, хотя немного наискось отъ воротъ (такъ потребовала мѣстность), поставленъ будынокъ. Онъ упирается другими сторонами въ густой старинный садъ съ огромными липами, кленами и вязами. Какъ вы видите на картинкѣ, крыша въ будынкѣ сдѣлана съ широкими навѣсами. Крыша эта соломенная и сдѣлана *гузыремъ* или корнями соломы, а не колосомъ (волотомъ) въ наружу. Такъ вообще дѣлаютъ въ степныхъ мѣстахъ, и это придаетъ крышѣ оттѣнокъ матовый, не лоснящійся и пріятный для глазъ. Стѣны въ будынкѣ не штукатурены и не клинцованы, а просто по бревнамъ вымазаны сначала нѣсколько разъ глиной и потомъ выбѣлены. Отъ земли сдѣлана, такъ называемая, *призба*. Цѣль ея во всѣхъ малороссійскихъ хатахъ есть защитить снизу подвалину отъ гнили и всю хату отъ холода; она дѣлается всегда изъ досчатой или плетневой стѣнки, набитой глиной. Въ будынкѣ она придѣлана къ стѣнѣ для того только, чтобы сохранить характеръ постройки, а между тѣмъ подъ нею скрытъ каменный фундаментъ, который сдѣланъ для прочности строенія. Призба, набитая глиной и обдѣланная досками со столбиками, обходитъ кругомъ всю постройку, и такъ какъ будынокъ имѣетъ много заломовъ, то на этой призбѣ чрезвычайно покойно сидѣть въ тѣни широкаго навѣса крыши. Есть такіе уголки, гдѣ цѣлое общество можетъ усѣсться для отдыха. Двери и окна въ будынкѣ имѣютъ особую форму, какъ видно по прилагаемымъ рисункамъ. Лутки дубовыя, не крашеныя. Главный входъ въ будынокъ составляетъ рундукъ (крытое крыльцо). Онъ имѣетъ 5 арш. въ одну 4 въ другую сторону и обнесенъ тонкими витыми колонками; внизу глухая досчатая стѣнка съ рѣзьбой и дубовыми скамьями вокругъ. На этомъ рундукѣ, въ защитѣ отъ солнца и дождя, можетъ усѣсться человѣкъ 18. На такихъ рундукахъ обыкновенно наши дѣды встрѣчали своихъ гостей и провожали въ будынокъ. Послѣдуемъ и мы за ними. Первая комната—сѣни, довольно широкія, чисто выбѣленныя и съ двумя дверьми: направо въ отдѣленіе хозяйское (женское), налѣво—въ отдѣленіе пріемное. Тутъ вы входите черезъ массивную одностворчатую дверь съ лежневыми (?) желѣзными шпугами въ столовую. Это собственно главная комната всего дома. Она имѣетъ $10^1/_2$ арш. длины и *(пропущ.)* арш. ширины. Стѣны ея липовыя, гладко сдѣланныя безъ лаку и безъ побѣлки. Цвѣтъ ихъ чрезвычайно пріятенъ для глазъ, особенно, когда въ знойный полдень солнечные лучи, проходя сквозь густую зелень деревъ, отражаются на нихъ, принося съ собою и зеленоватый

оттѣнокъ листвы. Окна, двери окружены дубовыми рѣзными лутками, и также ниже оконъ вдоль стѣнъ проведенъ дубовый рѣзной панель (lambri). Все это безъ лаку. Полъ и потолокъ кленовые. На потолкѣ тоненькія балки поддержаны однимъ массивнымъ *сволокомъ* (балкою). Этотъ сволокъ всегда игралъ и до сихъ поръ играетъ важную роль въ малороссійскихъ постройкахъ. На немъ вырѣзываютъ хозяева свои завѣтныя надписи. На моемъ сволокѣ вырѣзано 4 надписи въ 4-хъ отдѣленіяхъ, 1-я: „Благословеніемъ Бога Отца, соизволеніемъ Сына и содѣйствіемъ Святаго Духа аминь"; 2-я: „Року Божого 1856 создася домъ сей коштомъ пана *такого-то*"; 3-я: „Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіе" (Псал.....). Эти три надписи подражаніе и по формѣ и по языку стариннымъ. 4-я надпись назначена для объясненія цѣли постройки будынка: „Домъ сей сооруженъ для оживленія преданія о жизни предковъ въ памяти потомковъ". У одной изъ стѣнъ красуется большая печь изъ зеленыхъ кафель (изразцовъ). Рисунокъ ея затѣйливый: кафли съ выпуклостями, съ карнизами, крайками (?) и колонками. Эти изразцы дѣланы по заказу въ г. Ромнѣ мастеромъ Чумаченкомъ. Посреди комнаты стоитъ большой дубовый столъ на точеныхъ ногахъ; онъ покрытъ полосатымъ ковромъ, на которомъ всегда лежитъ хлѣбъ-соль. Кругомъ стѣнъ точеные кленовые стулья и диванчики весьма стариннаго фасона, обитые желтымъ сафьяномъ. Не забыты и треугольные столики по угламъ и рѣзныя полочки съ иконами, окруженными шитыми *рушниками* (утиральниками), и, наконецъ, пучки разныхъ пахучихъ травъ, разбросанные на окнахъ и столахъ и издающіе простой сельскій и чисто національный ароматъ. Изъ этой залы ведутъ три двери: одна въ гостинную, квадратную комнату съ такими же стѣнами, какъ и столовая, другая въ небольшую галлерейку, ведущую въ лѣвую пристройку къ дому, въ которой особая комната, и третья въ корридоръ.

Гостинная имѣетъ такую же мебель, какъ и столовая, только нѣсколько посолиднѣе, и печь, въ которой на всякомъ изразцѣ нарисованъ мой гербъ.

Эта феодальная замашка замѣчалась во многихъ мѣстахъ старой Малороссіи и до сихъ поръ еще кое-гдѣ есть печи съ гербами: такъ въ Выдубецкомъ кіевскомъ монастырѣ еще половина изразцовъ въ трапезной печи съ гербами фамиліи Миклашевскихъ. Изъ этой гостинной направо ведетъ дверь на такъ называемое *подташье*,—это комната со всѣми своими принадлежностями, но безъ одной наружной стѣны. Тамъ, гдѣ должна бы быть стѣна, рѣзныя колонки поддержи-

ваютъ балку. Этотъ уголокъ имѣетъ характеръ чисто восточный и повторяется во многихъ жилищахъ на востокѣ. Я помню въ дѣтствѣ два дома съ такими подташьями, и одинъ домъ разрушенъ только лѣтъ 8 тому назадъ въ селѣ Калюжинцахъ, прилукскаго уѣзда. Имѣя характеръ восточный, подташье, кажется, носитъ названіе нѣсколько нѣмецкаго происхожденія отъ Dach—крыша; отъ того же слова ташоваться—располагаться на ярмаркѣ или базарѣ подъ навѣсомъ. Нельзя придумать ничего проще и уютнѣе этого уголка. Вы сидите въ тѣни отъ солнца, въ защитѣ отъ вѣтра и дождя, а между тѣмъ и на чистомъ воздухѣ. Подташье довольно глубоко входитъ въ домъ, такъ что на немъ удобно и обѣдать. По счастливой случайности у самаго этого подташья начинается великолѣпная аллея старыхъ развѣсистыхъ липъ въ 6 саженъ ширины и 150 длины. Сидя на подташьи, вы вдоволь можете любоваться этою зеленою перспективою, по которой бѣгаютъ гдѣ ни гдѣ лучи полуденнаго солнца. Не хочу утомлять васъ дальнѣйшими подробностями и скажу еще въ нѣсколькихъ словахъ, что особая пристройка налѣво отъ столовой заключаетъ въ себѣ комнату, чисто выбѣленную и съ зеленою печью. Другая, т. е. правая сторона будынка есть хозяйская: тутъ двѣ спальни, дѣвичья и еще одна комната холодная въ особенной пристройкѣ. Всѣ эти комнаты выбѣлены. Внутренній корридоръ, ведущій въ эту половину изъ столовой, есть собственно отступленіе отъ старой постройки. Въ старыхъ домахъ обѣ половины были обыкновенно раздѣлены обширными сѣньми съ очагомъ. Но это отступленіе, прибавляя много удобства, довольно скрыто, чтобы не вредить цѣльности характера. У обѣихъ пристроекъ, не симметрически расположенныхъ, находятся небольшіе навѣсы съ точеными колонками. Эти навѣсы называются *ганками* и до сихъ поръ иногда употребляются въ крестьянскихъ постройкахъ около коморъ. Это есть преспокойные уголки для сидѣнія.

Вотъ вамъ требуемое описаніе моего будынка. Пріѣзжайте, посмотрите сами, полюбуйтесь вмѣстѣ со мною нашею родною постройкою и, наконецъ, укажите сдѣланныя въ ней ошибки. Начавши впервые дѣло въ этомъ родѣ, и мнѣ и г. Червинскому легко было впасть въ нѣкоторыя погрѣшности, и указаніе ихъ будетъ полезно для нашихъ послѣдователей, которыхъ набирается нѣсколько человѣкъ. Вы найдете безъ сомнѣнія, что общій характръ постройки удаченъ. Это чувствуется по тому впечатлѣнію, которое производитъ будынокъ на душу посѣтителя. Каждая постройка съ опредѣленнымъ стилемъ оставляетъ въ человѣкѣ и свое особое впе-

чатлѣніе,—и замокъ рыцарскихъ временъ, и швейцарская хижина и итальянская вилла. Будынокъ дѣйствуетъ на душу какъ-то особенно успокоительно. Изъ него вѣетъ всѣмъ тѣмъ, что имѣли лучшаго наши почтенные предки въ патріархальную старину. Кругомъ васъ сейчасъ составляется какая-то тихая идилія, среди которой бѣжитъ отъ васъ мысль о нынѣшней роскоши, замѣненной роскошью своего рода, изъ близкой къ вамъ природы почерпнутой. Тутъ можно отдохнуть душою и сосредоточиться.

Два указа митрополита Рафаила Заборовскаго (1733 и 1735 гг.). Сообщаемые ниже два указа митрополита Рафаила Заборовскаго, въ бытность его архіепископомъ кіевскимъ, могутъ служить дополненіемъ къ цѣлой серіи характерныхъ указовъ этого владыки, сообщенныхъ въ свое время г. Д. В. на страницахъ «Кіевской Старины» [1]). Въ одномъ изъ приводимыхъ нами указовъ (1735 г.) повелѣвается произвести ревизію богослужебныхъ книгъ во всей епархіи и постараться завести «великоросійскіе справніе служебники», которые «мало какіи церкви имѣютъ», такъ какъ существующіе въ употребленіи понынѣ «давного изданія разнихъ в Малой Россіи или в Полской державѣ печатей, в которихъ многія непорядки и мнѣніе Римское в священнослуженіи содержится». Другой указъ (1733 г.) бытового характера: повелѣвается лишить сана священника м. Ивангорода, нѣжинской протопопіи, Ивана Өедорова за похищеніе «татски» Святого Агнца «не ради спасенія... но знать, что з иного какого злого намѣренія», т. е., повидимому, для цѣлей практическаго свойства, подобно тому, какъ и въ настоящее время нѣкоторыя старухи, „знахарки", стараются не проглотить Причастія, дабы сохранить его, какъ драгоцѣннѣйшее лѣчебное средство отъ всѣхъ недуговъ.

1) *Указъ 1735 г. о пріобрѣтеніи церковныхъ книгъ.*

„Рафаилъ Заборовскій, Божіею Милостію Архіепископъ Киевскій, Галицкий и Малия России.

Вамъ Превелебнѣйшимъ Архимандритамъ Киевскимъ Пустинно-Никольскому Іосифу, Братско-училищному Амвросію, Златоверхо-Михайловскому Алексѣю, Пречестнѣйшому игумену Видубицкому Өеодосію,

---

[1]) 1899 г., кн. IX.

Пречестному намѣстнику катедралному Сильвестру, всечестнимъ протопопамъ ныжняя гограда Стефану, вышняго града Киева Стефану, да триполскому Ныколаю, и честнимъ игуменіямъ Дѣвичихъ Киевскихъ монастирей, Божія и нашего архіерейскаго благословенія желая, предлагаемъ: извѣстно ест намъ, пастиреви, сіе, что в многихъ приходскихъ епархіи нашеи Киевскои церквамъ(хъ?), а в нѣкоторихъ и монастирѣхъ для отправленія порядочного в Господскія и другия праздники Божественнаго пѣнія не имѣются надлежащихъ и потребнихъ книгъ, имѣнно не токмо дванадесятимѣсячнихъ Мыней великоросийского типу рѣдко, но и Трафологионовъ, какихъ удобнѣе достатъ возможно, нѣтъ, а хочай гдѣ и имѣются Трофолои, то и тѣ неисправного типу, да и зѣло обветшаліе, тако жъ и в олтарѣхъ для отправленія божественнои Літургии и другихъ служеній, хочай и сутъ служебніки, однакъ тѣ давного изданія разнихъ в Малой Россіи или в Полской державѣ печатей, в которихъ многия непорядки и мнѣніе Римское в священнослуженіи содержится, великоросийскихъ же справнихъ служебниковъ мало какіи церкви имѣютъ, зачимъ в церквахъ Божіихъ отъ священно и церковнослужителей, а найпаче недоволно в томъ искуснихъ непорядочно и неодинако пѣніе биваетъ отправляется; того ради вамъ превелебнѣйшимъ архимандритамъ, пречестнѣйшему игумену, пречестному намѣстнику, такъ в монастырѣхъ своихъ, писанихъ к намъ скиткахъ, какъ и в отчинахъ своихъ монастирскихъ (кому с указомъ нашимъ в вѣдомство опредѣлено), а всечестнимъ протопопамъ во всѣхъ церквахъ вѣдомства своего учинить ревизѣю, гдѣ имѣются дванадесято-мѣсячние Минеи и Трафолиони справніе необветшалие и служебники великоросийской печати, и гдѣ имѣются дванадесято-мѣсячніе точию Минеи, а гдѣ толко единіе Трафолои, и по оной ревизѣи в какъ(ихъ?) монастирѣхъ, скиткахъ и приходскихъ церквахъ не явится Минеи и Трафологіоновъ и московской печати служебниковъ, то с тихъ монастирей и церквей, в вѣдомствѣ своемъ Архимандритъ или Протопопъ всякъ денегъ с казни церковной, а буде гдѣ не имѣется церковнихъ, то з священническихъ собственнихъ 10 рубливъ на Трафолой, а на служебникъ нового издания печерского 3 рубля, и в доношеніи своемъ написавъ сколко числомъ, в каку протопопію и в какой монастиръ з вотчинами или же монастиръ точию надобно Трафолоевъ и служебниковъ, прислать к намъ в катедру для покупки показаннихъ книгъ, в печерской типографіи порядочно вновъ напечатаннихъ, нарочнихъ посланцовъ, а гдѣ имѣются Трафолои необветшалие

и великороссійской печати служебники, то в тѣ мѣста на произволене отдается обявленнихъ книгъ требованіе покупкою. О семъ вамъ, превелебнѣйшимъ архимандритамъ, пречестнѣйшому игумену, пречестному намѣстнику, всечестнимъ протопопамъ да честнимъ игуменіямъ о вишъ писанномъ вѣдать и безотлагателства исполненіе чинить архіерейско накрѣпко повелѣваемъ. З катедри Нашей Киево-Софѣйской 1735 года сентября 1 дня. Вишше именованний Рафаилъ Архиепископъ".

—

2) *Лишеніе сана священника за святотатство (1733 г.).*

Рафаилъ Заборовскій, Божіею Милостію Православный Архіепископъ Кіевскій, Галицкий и Малия Россіи.

Вамъ превелебнѣйшымъ отцамъ Архимандритамъ Пустинно-Николаевскому Іосифу, Братско-Училищному Амвросію и Пречестнѣйшымъ отцамъ Ігуменамъ монастирей Кіевскихъ: Золотоверхо-Михайловскаго Алексію, Выдубицкаго Өеодосію и Пречестному отцу Намѣстнику Свято-Софѣйскому Катедралному Сѵлвестру да Петро-Павловскому Намѣстнику Іосифу, также и вам, честнымъ отцамъ Протопопамъ вышняго града Кѵева Стефану, нижнего Стефану и Триполскому Николаю и честнымъ игуменамъ монастырей Кіевскихъ и пресвитерамъ и всему причту Духовному, Божіе Благословеніе и наше (архи?)Ерейское преподавше, предлагаемъ: Іоаннъ Өедоровъ, попъ церкви Преображенія Господня мѣстечка Івангорода, протопопіи Нѣжинской, показалъ допросомъ своимъ въ Духовной Консисторіи, что онъ Іоаннъ, будучи по нѣкоторому имѣющемуся в Духовной Консисторіи дѣлу в запрѣщеніи, татски святый Агнецъ зал.....(оторвано) на прежде освященную Литургію сего 1733 года на третой неделѣ поста похитилъ и какъ бы оный во спасеніе себѣ оупотребилъ. О какомъ своемъ святотатствѣ хотяй помянутый попъ Іоаннъ нещадно былъ допрашиванъ боемъ в Духовной Консисторіи, для чого то імянно похитилъ оной святый Агнецъ, но оный в бою не винился, токмо едино то сказивалъ: что де ради единаго спасенія похитилъ и будто во спасеніе себѣ оупотребилъ, с какова отвѣтствованія показаннаго попа Іоанна явная оттуду познавается ложь, что не ради спасенія похитилъ святый Агнецъ, но знать, что з инного какого злого намѣренія на такоебого противное святаго Агнца дерzнулъ похищеніе. Понеже онъ попъ хотяй и былъ в запрѣщеніи от священнодѣйствія, однакъ незапрещено ему тайнамъ Божественнымъ сообщатися, на что было ему воровско похищат Святый

Агнецъ? Когда без похищенія могъ Тайнамъ святымъ причаститися, можно бы ему было ввойти в святый олтар во время каноника (!) и...... божественнымъ причаститися, чего ему по....... откуду показуется, что по нѣткому злому оумыслу...... онъ своимъ показалъ отвѣтствіемъ. .... похищеніемъ подлогъ: другому священнику...... Потому Духовная Консисторія за выш....... онаго попа Іоанна Өеодорова Івангородскаго приговорила...... и мы, пастиръ, утвердили, лишивъ, вовся священства, остричь ему.....(голову?) половѣна бороду, что и учинено, и быть ему простимъ мужикомъ, в расѣ и шапкцѣ поповской не ходить, но в свѣтскомъ одѣяніи, какъ простіи мужики ходятъ, и впред волосов на головѣ и на бородѣ не ростить; а исповѣдоватися ему в пости святыя, толко тайнамъ божественнымъ не сообщатися, кромѣ (крайн)ой нужды, но причастившися ему Тайнъ Божественныхъ при кончинѣ.. ...... ево Івана роспопа, и на томъ приговорѣ Духовной Консисторіи нашей утвержденномъ от насъ, пастиря, велено ему Івану роспопу расписатися, в чомъ онъ и расписался. Да сверхъ того патентъ от него отобрать, и дабы смотря........ протчіе на тое не поощрялися на такое богопротивное святотатства дѣло, во всю епархію нашу Кіевскую послать оуказы для извѣстія и общаго вѣдома. О чемъ сей к вамъ и посылается, и вамъ превелебнѣйшимъ отцамъ архимандритамъ, пречестнѣйшымъ отцамъ Ігуменамъ, всечестнѣйшымъ отцамъ протопрезвитерамъ и честнымъ презвитерамъ и всему причту духовному о вышеписанномъ вѣдати по сему нашему архиерейскому указу.

Данъ з Катедры нашей Кіево-Софѣйской 1733 года, мая 1 дня. Вышеименный Рафаилъ, архиепископъ. М. П.

Въ низу приписка: „Сей указъ Архипастырскій полученъ в Триполлю в отца протопопа Триполского мая 15, а скопѣевавъ отосланъ для извѣстія в протопопію Триполскую мая 16 дня по надлежащему тракту“.

Сообщ. **В. Доманицкій.**

Полтавское дворянское ополченіе 1812—14 г.г. Въ отечественную войну 1812—14 г.г., въ полтавской губерніи было сформировано: 7 конныхъ, 4 пѣшихъ козачьихъ полковъ, шестисотенная команда и батальонъ госпитальной прислуги, находившейся въ Краковѣ, какъ поясняетъ въ 2-хъ вѣдомостяхъ, составленныхъ 26 февраля 1815 г., начальникъ полтавскаго ополченія князь Филиппъ Жеваховъ. Позаимствуемъ изъ нихъ интересныя свѣдѣнія о составѣ этого ополченія и расходы на содержаніе полковъ. *Конные:* 1-й былъ сформированъ въ пирятинскомъ уѣздѣ и находился подъ командою князя

Ушакова; 2-й—въ хорольскомъ уѣздѣ, маіора Кулябки; 3-й—въ лохвицкомъ уѣздѣ, подполковника Сергіенко; 4-й—въ лубенскомъ уѣздѣ, маіора Бороздина; 5-й—въ роменскомъ уѣздѣ, подполковника князя Кавкасидзева; 6-й—въ константиноградскомъ уѣздѣ, маіора Паскевича; 7-й—того же уѣзда, маіора Макова. *Пѣшіе полки:* 1-й—въ пирятинскомъ уѣздѣ, маіора Санковскаго; 2-й—въ лохвицкомъ уѣздѣ, подполковника Шостака; 3-й—кобелякскомъ уѣздѣ, подполковника Потоцкаго; 6-й—миргородскаго уѣзда, подполковника Клименка; 6-ти-сотенная команда въ золотоношскомъ уѣздѣ, подполковника Левицкаго. Батальонъ госпитальной прислуги, кобелякскаго уѣзда, состоялъ подъ командою капитана Ѳомина. Каждому козаку полка полагалось выдать на покупку вещей въ 1813 г.: шапки, кафтана, шараваръ, трехъ рубахъ, 2 портовъ, 2 паръ сапогъ, на шитье и смазку—по 7 р. 72½ к. въ 1 конномъ полку, въ остальныхъ—по 6 р. 63 к., кромѣ 2 и 3-го пѣшихъ полковъ, въ которыхъ выдавалось на эти вещи по 12 р. 29 к., а въ 4-мъ—по 3 р. 28¼ коп., козакамъ 6-ти-сотенной команды полагались тѣ-же вещи и 3 пары сапоговъ и кромѣ того на шитье одежды и сапогъ по 1 р. 60½ коп.

Въ примѣчаніи противъ 3-го полка сказано, что меньшая часть козаковъ полка не получила денегъ на шаравары, считая за каждые по 3 руб., сапоги по 1 р. 30 коп., и кромѣ того на каждаго козака добавлено за холстъ на подкладку по 1 р. 40 коп. Козакамъ госпитальнаго баталіона полагалось на покупку тѣхъ же вещей по 37 р. 15 коп. каждому и по 2 рубахи, выданныя имъ готовыми, какъ показано по вѣдомости сотника Ставкова, представленной войсковому дежурному подполковнику Дахнову.—Сверхъ того козаки 4-хъ пѣшихъ полковъ по окончаніи похода получили по 2 р. награды, которая имъ была роздана при роспускѣ ополченія губернскимъ обозным подполковникомъ Райзеромъ. Въ 1811 г. тѣ же вещи выдавались козакамъ ополченія, холстъ на рубашки считался по 27½ к. за аршинъ, вмѣсто 13½ коп., а пара сапогъ по 2 р. 50 коп. Вѣдомость эта была составлена княземъ Жеваховымъ для того, чтобы козаки, служившіе въ ополченіи, получили довольствіе отъ полковыхъ командировъ, какъ было объявлено имъ войсковымъ дежурнымъ подполковникомъ Дахновымъ, на смотру въ м. Бориcполѣ, полтавской губ. Въ другой вѣдомости имъ же показано: сколько слѣдуетъ получить козакамъ жалованья за время ихъ службы въ ополченіи, отъ дворянства полтавской губ., съ 1 сентября 1812 г. по 1 марта 1813 года, и отъ казны по 31 декабря 1814 года, полагая козакамъ конныхъ полковъ по 11 р. 28 к., пѣшихъ—по 9 р. 40½ коп. въ годъ. Жалованье это слѣдовало козакамъ ополченія съ 1 декабря 1812 г. на основаніи приказа главно-

командующаго арміями, фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова, отъ 28 марта 1813 г. за № 62; при этомъ полки за границей получали жалованье серебряною монетою, считая 1 р. сер. за 4 р. ассигнаціями. Отъ дворянства козаки получили за 6 мѣсяцевъ по 6 рублей, а съ казенными за время похода коннымъ: въ 1-мъ полку по 89 р. 66¼ к., во 2-мъ—82 р. 23 к., въ 3-мъ—89 р. 16 к., въ 4-мъ—90 р. 63 к., въ 5-мъ—89 р. 57 к., въ 6-мъ—91 р. 83 к., въ 7-мъ—28 р. 77 к.; въ пѣшихъ полкахъ по 67 р. 68—85 к.; въ 6-ти-сотенной командѣ по 53 р. 72¾ к. и баталіона для больныхъ 76 р. 8¾ коп. Начальникъ ополченія князь Ф. Жеваховъ, прилагая эти вѣдомости, сообщалъ полтавскому губернскому предводителю дворянства А. Ф. Данилевскому, что въ нихъ не всѣмъ полкамъ назначено одинаковое число аммуничныхъ вещей, потому что нѣкоторые полки не получили ихъ отъ корпуснаго командира генералъ-лейтенанта Рота. На требованіе пріемщиковъ о выдачѣ денегъ за остальныя вещи, генералъ Ротъ приказомъ отъ 23 сентября за № 66 объявилъ, чтобы они обращались за деньгами въ Варшавскую комиссію, о чемъ полковые командиры донесли начальнику главнаго штаба, генералъ-лейтенанту Собанееву. При возвращеніи ополченія, когда князь Жеваховъ былъ въ Владимірѣ, волынской губерніи, то былъ посланъ генераломъ Собанеевымъ адъютантъ, капитанъ Козначеевъ, по тракту изъ города Варшавы въ городъ Брестъ, отобрать свѣдѣнія отъ полковъ о всѣхъ недоимкахъ и о добротѣ сукна и полотна, отпущеннаго козакамъ на одежды. Въ концѣ отношенія князь Жеваховъ говоритъ, что для сличенія цѣнъ, по которымъ вещи для полковъ были приняты изъ Варшавской комиссіи, „противъ каковыхъ цѣнъ отпущено Его Прево-вомъ гораздо излишними цѣнами въ полки“, онъ приложилъ копіи вѣдомостей и отношенія генерала кригсъ-комисара Татищева. Губернскій предводитель дворянства, или маршалъ, какъ тогда его называли, копіи его отношенія и двухъ вѣдомостей разослалъ 15 марта 1815 г. уѣзднымъ предводителямъ дворянства.

Въ кременчугскомъ уѣздѣ служилъ въ то время предводителемъ дворянства С. Ф. Булюбашъ, разославшій, въ свою очередь, копіи письма князя Жевахова и двухъ вѣдомостей дворянамъ по уѣзду черезъ волостныя правленія. Изъ этой переписки вполнѣ выясняется благородная личность князя Ф. Жевахова, о которомъ г. Павловскій помѣстилъ замѣтку въ „Кіевской Стар.“, за мартъ 1904 г. и приложилъ копію письма его отъ 9 сентября 1817 года къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Н. В. Рѣпнину, объ увеличеніи ему пенсіи, Можно полагать, что князю Жевахову, при увольненіи отъ службы въ ополченіи полтавской губерніи, была назначена половинная пенсія,

потому что его излишняя заботливость объ интересахъ козаковъ ополченія была непріятна генералу Роту и комиссіонеру Васильеву. Прилагаемъ копію отношенія князя Филиппа Жевахова къ губернскому предводителю дворянства А. Ф. Данилевскому, отъ 26 февраля 1815 г. за № 136.

Копія.

Получ. 4 марта 1815 года.

Милостивый Государь мой, Алексѣй Θеодоровичъ! Предполагая надобностію имѣть свѣдѣнія гг. помѣщикамъ полтавской губерніи, изъ владѣній коихъ находились люди на службѣ въ бывшемъ командованію моему ввѣренномъ ополченіи, сколько и какихъ именно вещей и денегъ аммуничныхъ и жалованныхъ, за которое время получить должны каждый изъ козаковъ съ отпущеннаго уже въ полки отъ казны количества, призналъ я справедливымъ долгомъ моимъ, учиня вѣдомости первую объ аммуничныхъ вещахъ и деньгахъ за оныя слѣдующихъ, а вторую о жалованіи, имѣю честь препроводить къ Вамъ для оповѣщенія чрезъ посредство гг. повѣтовыхъ маршаловъ упомянутымъ господамъ владѣльцамъ, исполняя сіе предварительно извѣстить Вамъ, милостивый государь мой, честь имѣю, что неравенство удовлетворенія козаковъ по всѣмъ вообще полкамъ какъ натурой вещей, такъ и за оныя деньгами аммуничными и жалованными произошло отъ того, что полки неодинаково всѣ получили какъ бы слѣдовало вещи и деньги, кои были приняты корпуснымъ командиромъ генералъ-лейтенантомъ и кавалеромъ Ротомъ отъ варшавской коммиссаріатской коммиссіи на собственное свое попеченіе удовлетворить полки и которые неизвѣстно мнѣ по какимъ резонамъ не отдалъ всего принадлежащаго полкамъ, хотя пріемщики отъ полковъ неоднократно посылаемы были къ нему и даже гг. повѣтовые командиры для сего предмета собирались, но за всѣмъ тѣмъ остальное число денегъ, которое должно бы поступить на удовлетвореніе полковъ за вещи, онъ, г-нъ генералъ-лейтенантъ Ротъ, обратилъ опять въ варшавскую комиссію, въ чемъ и отданнымъ приказомъ по корпусу отъ 26 сентября № 66 у сего въ спискѣ прилагаемомъ по второму пункту полки извѣщены, дабы отъ корпуснаго комиссіонера 9-го класса Васильева, когда уже не успѣли принять аммуничныхъ вещей на обмундированіе не требовали, а обратились бы въ варшавскую комиссію комиссаріатскаго депо, куда присланная сумма обратно выслана. Однако-жъ не считаю излишнимъ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь мой, что обо всѣхъ недоимкахъ по сему обстоятельству произшедшихъ и дѣйствительно полкамъ слѣдующихъ на удовлетвореніе козаковъ донесено оными съ препрово-

жденіемъ вѣдомостей рапортами начальнику главнаго штаба господину генералу-лейтенанту и кавалеру, а черезъ сего безъ сомнѣнія будетъ имѣть свѣдѣнія и главнокомандующій арміею г-нъ генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ графъ Барклай-де-Толли, ибо извѣстно мнѣ, по пребыванію моему въ г. Владимирѣ во время слѣдованія полковъ полтавскаго ополченія въ свою губернію, для роспуска по домамъ, что посланъ былъ отъ господина генералъ-лейтенанта Собанеева адъютантъ его капитанъ Казначеевъ по трактамъ, на Брестъ и Владимиръ отъ Варшавы идущимъ, отобрать извѣстность отъ проходящихъ по тѣмъ трактамъ полковъ ополченія не только обо всѣхъ недоимкахъ и претензіяхъ, но даже и о добротѣ суконъ и полотенъ, на одежду козаковъ уже отпущенныхъ, съ посланныхъ же къ господину генералу-лейтенанту и кавалеру Собанееву вѣдомостей точные списки при рапортахъ отъ полковыхъ командировъ и мнѣ обо всѣхъ претензіяхъ представлены; слѣдовательно, когда сія претензія отпущена будетъ, въ то время и козаки принадлежащее имъ за все время получатъ. Для сличенія въ цѣнахъ и приведенія ихъ въ извѣстность, до кого будетъ сіе относиться, какъ получено господиномъ генералъ-лейтенантомъ и кавалеромъ Ротомъ отъ варшавской комиссіи за вещи противъ каковыхъ цѣнъ отпущено Его Прево-вомъ гораздо излишними цѣнами въ полки, вѣдомость съ отношеніемъ генерала кригсъ-комиссара Татищева въ спискахъ у сего включая, имѣю честь быть съ истиннымъ къ Вамъ почтеніемъ, Милостивый Государь мой, Вашъ покорнѣйшій слуга князь Филиппъ Жеваховъ. Февраля 26-го 1815 года, м. Бѣлики.

Его Высокородію Полтавскому губернскому маршалу дворянства Данилевскому.

Сообщ. **П. Китицынъ**.

Къ вопросу о школахъ въ Малороссіи въ началѣ 19 вѣка. Св. прав. синодъ, указомъ 8 марта 1803 г., поручилъ переяславскому епископу Сильвестру содѣйствовать народному образованію въ полтавской губ., вслѣдствіе чего преосвященный предписалъ консисторіи: поручить священно-церков. служителямъ епархіи обучать дѣтей въ приходскихъ училищахъ, по предварительнымъ правиламъ, 24 января того же года изданнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія; а діаконамъ и причетникамъ—изучать катехизисъ, ариѳметику и нотное пѣніе для того, чтобы они могли быть назначены въ нихъ учителями. По предписаніи консисторіи, благочинный хорольскаго уѣз., В. Горо-

децкій, разослалъ предложеніе настоятелямъ приходовъ 8 октября 1803 г. за № 621, копію котораго прилагаю. Всего предполагалось открыть въ полтавской губерніи 598 школъ, какъ говоритъ г. Павловскій. (См. ж. «Кіев. Стар.» январь 1904 г.; стр. 22).

«Въ указѣ, съ хорольскаго духовнаго правленія сего октября 5-го дня подъ № 623 пущенномъ, а мною 6 числа полученномъ, состоявщемся по указу малороссійской переяславской дух. консисторіи написано: минувшаго августа 14 дня въ данномъ отъ его высокопреосв-ва Сильвестра, епископа малороссійскаго переясл—го и ордена св. Анны 2 класса кавалера, оной дух. конс. предложеніе написано: на основаніи его импер—скаго величества указа, даннаго свят—му прав—му Синоду въ 24 день генваря о принятіи со стороны онаго соотвѣтственныхъ мѣръ для содѣйствія благоуспѣшному теченію народнаго просвѣщенія по предварительнымъ правиламъ отъ министра Народнаго просвѣщенія поднесеннымъ высочайше утвержденнымъ, по слѣдовавшему свят—го прав—го Синода къ намъ отъ 8 марта сего года указу представлено въ оной отъ насъ мнѣнія, что преподаваніе во вновь учрежденныхъ по тѣмъ предварительнымъ правиламъ приходскихъ училищахъ ученіе во ввѣренной намъ переяс—кой епархіи можно при распоряженіи отъ надлежащаго правительства по селеніямъ приходскихъ училищъ поручить священно- и церковнослужителямъ здѣшней епархіи, поставляя самое расположеніе къ тому способныхъ самому тому времени и положенію, когда и какъ расположены будутъ таковыя приходскія училища, а при томъ въ ономъ же мнѣніи положили мы, что какъ со стороны нашей во ввѣренной намъ епархіи соблюдается то, что каждогодно къ сентябрю и вѣдомости отъ духовныхъ правленій благочинныхъ присылаются въ оную консисторію о обучащихся россійскому письму священно- и церковно-служительскихъ дѣтяхъ и самыя таковыя дѣти въ семинарію доставляются, такъ соблюдено будетъ и то, чтобы самыя возрастные при отцахъ безъ помѣщенія состоящіе наипаче помѣщаемы были на причетническія мѣста какъ подготовительнымъ въ семинаріи, хотя въ начаткахъ ариѳметическихъ и въ катехизисѣ образованіи, дабы и таковые бы въ помѣщеніи въ причетъ могли употребленные быть; по сему предмету хотя подъ смотреніемъ приходскаго (священника) совершеннѣйше въ сихъ предметахъ образованнаго, но по одиночеству въ своемъ служеніи должности сельскаго учителя отправлять не могущаго священника; для того дабы исполнить въ точности высочайшую его и. в. волю и вышеписанное

здѣланное нами положеніе, рекомендуемъ косисторіи: 1) послать во всѣ духовныя правленія указы и велѣть всѣмъ, состоящимъ при приходскихъ сельскихъ церквахъ діаконамъ и причетникамъ, кои не обучены ариѳметики и катехизису и притомъ нотному пѣнію, обучить съ подтвержденіемъ о изученіи ими всего того непримѣнно, дабы можно было употребить ихъ съ пользою къ преподаванію ученія въ учреждаемыхъ приходскихъ уч—ахъ, буди же кто ариѳметики, катехизису и нотному пѣнію неизучены и впредь не изучатся, о таковомъ не подъ какимъ видомъ не дѣлать къ намъ представленій о произведеніи или діакона такова въ священническій или причетника въ діаконскій чинъ; 2) какъ многіе епархіи нашей свящ. и церков.-служ. дѣти возрастные проживаютъ при отцахъ своихъ безъ представленія ихъ въ семинаріи къ ученію безъ опредѣленія ихъ къ причетническимъ должностямъ, а тѣмъ сами себѣ и обществу никакой пользы не приносятъ, то потвердить отцамъ ихъ отъ духовныхъ правленій, чтобы таковыхъ своихъ дѣтей предварительно въ семинаріи доставляли для обученія начаткамъ ариѳметическимъ и катехизиса и при томъ нотному пѣнію, дабы сіи были помѣщены въ причетъ и могли употреблены быть по своему предмету, хотя подъ смотрѣніемъ приходского совершеннѣйше въ сихъ предметахъ образованнаго священника, а безъ того не получатъ они, хотя бы просили никакихъ причетническихъ мѣстъ; 3) какъ указомъ с. п. си—да 1798 г., октября 3-го дня состоявшагось 15 пунктъ въ 6 опредѣленіи сказано: во всѣхъ семинаріяхъ наблюдаютъ, чтобы сверхъ обученія въ наукахъ умѣли всѣ исправно читать по церковнымъ книгамъ и пѣть при службѣ Божьей, выходящіе изъ училищъ знали бы и уставъ церковнаго круга, ибо незнаніе сего дѣлаетъ великое для учащихся посрамленіе въ споспѣшествованіи сего имѣется при нашей семинаріи нотныя чтенія и устава церковнаго какъ и уставлены череды къ хожденію семинаристовъ въ соборъ и въ прочія сверхъ праздничныхъ дней для чтенія и познанія на самомъ дѣлѣ устава церковнаго; для того семинарскому правленію предписать указали о потвержденіи всѣмъ низшихъ и высшихъ классовъ студентамъ и ученикамъ, чтобы они при прохожденіи прочихъ наукъ и при непримѣнномъ и совершенномъ обученіи ариѳметики и катехизиса обучались безъ изъятія нотному пѣнію и чтенію и уставу церковному, а если и посему не будетъ кто-либо совершенно всего того знать, то хотя бы и курсъ богословскій кончилъ, при прошеніи себя въ діаконскій или священническій чинъ, не получатъ желаемаго,

доколѣ, возвратясь въ семинарію не изучатся всему тому, да не наносятъ незнаніемъ своимъ общаго для учащихся посрамленія, по оному его в—го придложенія исполненія въ духовныя и семинарскія правленія послать указъ, вслѣдствіи котораго указа въ хорольскомъ дух. правлен. опредѣлено для объявленія свящ. и церковно-служителямъ послать мнѣ указъ съ тѣмъ, чтобы я вашихъ дѣтей возрастныхъ, проживающихъ при отцахъ праздно, выслалъ въ переяславскую семинарію для обученія начаткамъ ариѳметическимъ и катехизиса, а притомъ нотному пѣнію и затѣмъ кто будетъ мною высланъ или не высланъ, въ то правленіе рапортовать, о чемъ для вѣдома и надлежащаго по оному указу исполненія Вамъ сіе предложеніе посылается съ тѣмъ, чтобы оно было возвращено благочинному съ росписками. Октября 8-го дня 1803 года подлинное подписалъ благочинный протоіерей В. Городецкій.

Сообщ. **П. Китицынъ.**

Раввинскія книги временъ Хмельницкаго [1]. Въ еврейской книгѣ «Вопросы и отвѣты» львовскаго раввина Аврама Рапопорта, изданной въ 1796 г. въ Острогѣ подъ названіемъ «Этонъ-Гаэзрухи», находимъ нѣкоторыя данныя объ избіеніи евреевъ козаками въ г. Тульчинѣ:

Вопросъ № 22. Передъ нами, засѣдавшими въ качествѣ судей, явился молодой человѣкъ Хононъ Михелевъ изъ г. Тамошава и далъ показаніе такого содержанія: Что дядя его Ирма изъ Каповки отправилъ его за 12-ью боч. спирта въ Камеръ-Гейдскій винокуренный заводъ; это было приблизительно за 8 дней до избіенія евреевъ въ Тульчинѣ. Со мною вмѣстѣ тогда пріѣхало еще два брата Пейсиховичи, Лейба и Мейлахъ. Вдругъ въ Камеръ-Гейдѣ поднялась тревога, и насъ не выпускали оттуда. Только съ большимъ трудомъ, при помощи *пана,* удалось намъ всѣмъ бѣжать изъ Камеръ-Гейда въ Тульчинъ, гдѣ мы всѣ засѣли въ замкѣ. Въ это время панъ duксъ Шметвитинскій сошелся съ козаками на томъ, что имъ будутъ выданы всѣ евреи. И въ четвергъ повели плѣнныхъ въ Умань; а въ субботу вломились козаки въ дворъ замка. Дядя мой Ирма со всей своей семьей,

---

[1] См. „Кіев. Стар." 1896 г. № 6.

а также Лейба и Михель Пейсиховичи да еще евреи, среди которыхъ былъ и я,—стояли въ другомъ крайнемъ углу и видѣли, какъ убили жену Ирмы, а также мою мачиху и еще много другихъ евреевъ; кто только пробовалъ бѣжать, былъ изловленъ и убитъ, такъ что не спасся ни одинъ еврей, ибо крестьяне стояли тамъ тысячами. Лишь когда подожгли замокъ и стало невыносимо жарко, убѣжалъ я быстро на еврейское кладбище, а спустя 8 дней пошелъ въ городъ освѣдомляться въ замкѣ объ участи остальныхъ евреевъ, и сказали мнѣ тамъ, что не осталось изъ нихъ ни одного: большая часть были убиты, остальные погибли въ пламени». Таково было его показаніе передъ судьями въ Львовѣ въ четвергъ 18-го мѣсяца Авъ 5408 года (1648 г. по Р. Х.) Яковъ Іосифовъ, Яковъ-Аврамъ Ашкенази, Іуда-Лейви Эпштейнъ.

Допросъ этотъ былъ сдѣланъ *старшимъ* львовскимъ раввиномъ р. Мееръ Іосифовымъ съ цѣлью констатированія смерти *мужа* Лейба Пейсиховича, чтобы вдовѣ послѣдняго было дозволено по еврейскому закону вторично вступить въ бракъ.

Сообщ. **В. Затуловскій.**

Какъ читается Шевченко. На основаніи книжки г. М. Комарова «Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ» (Одесса, 1903) является въ настоящее время возможнымъ вычислить болѣе или менѣе приблизительно, въ какомъ количествѣ экземпляровъ были изданы понынѣ «Кобзарь» и отдѣльныя стихотворенія Шевченка, какъ у насъ, такъ и за границей, за все время, начиная съ 1840 года. Къ сожалѣнію, въ то время, какъ объ изданіяхъ въ Россіи имѣются по большей части точныя указанія количества экземпляровъ, а въ недостающихъ случаяхъ къ нимъ можно довольно близко подойти,—относительно изданій галицкихъ и швейцарскихъ приходится держаться гадательнаго подсчета, принимая во вниманіе довольно слабый тамъ вообще спросъ на книжку. Само собой, что въ послѣднемъ случаѣ можно предположить ошибку съ нашей стороны въ нѣсколько тысячъ экземпляровъ, а для всего количества изданій въ Россіи и за границей—еще большую, быть можетъ до 2-хъ десятковъ тысячъ, но отъ этого общая картина мало измѣняется—общая цифра получается даже приблизительно настолько солидной, что ошибка хотя бы въ 20 тысячъ не оказываетъ особенно большого вліянія на ея измѣненіе.

Итакъ, съ 1840 года было по сію пору 20 изданій «Кобзаря» (32 по счету г. Комарова, а точнѣе — 33,—но сюда имъ отнесены и

всѣ изданія избранныхъ стихотвореній Шевченка, которыя мы выдѣляемъ особо въ рубрику «Изъ Кобзаря»)—въ количествѣ экземпляровъ около 120.000. Изданія «Изъ Кобзаря» (всѣхъ 13)—даютъ цифру—22.000.

Далѣе идутъ изданія отдѣльныхъ стихотвореній. Оказывается, что чаще всего издавалась «Катерина» (11 изданій), давшая 111.000 экз.; немного меньшее число даетъ «Наймычка» (7 изданій), а именно 100.000. Съ этими двумя изданіями остальныя не могутъ конкурировать. Довольно большую цифру даетъ еще «Топо́ля» (4 изданія)—31.000; затѣмъ идетъ «Невольныкъ» (2 изд).—20.000, «Гайдамакы» (6 изданій)—14.000, «Перебендя» (3 изд.)—13.000, «Прычынна, Утоплена, Русалка, Марьяна» (1 изд.)—10.000, «Княжна» (3 изданія)—9.000. Слѣдующія изданія, кромѣ «Гамалія» (2 изд)., давшаго 6000 экз.,не превышаютъ 3000, это: «Тарасова ніч», «Псальмы Давыда», «Иванъ Гусъ», «Сонъ», «Видьма» и Саулъ, Неофиты и Марія (послѣдняя въ 2 изд), Москалева Крыныця, Назаръ Стодоля, Сотникъ, Марына и Тытаривна, Княжна, Варнакъ и Петрусь, Иванъ Пидкова»,—всѣ вмѣстѣ считая и «Гамалія», давшія приблизительно 30.000. экз.

Такимъ образомъ, общая сумма изданій украинскихъ произведеній Т. Шевченка у насъ и за границей за все время достигаетъ цифры 480.000 Допуская же ошибку приблизит. въ 20.000 въ смыслѣ уменьшенія общаго количества, такъ какъ для заграничныхъ изданій мы брали цифры минимальныя (600—1200), можно безъ преувеличенія сказать, что изданіе произведеній Шевченка донынѣ достигло количества *полу-миліонна* экземпляровъ.

В. Доманицкій.

Къ исторіи почтъ въ Малороссіи. Постановлене почтарское, про память въ книзѣ сей записано, якое такъ ся в себѣ мѣетъ.

За волею его милости пана Иоанна Леонтиевича Черняка, полковника войска Его Царского Пресвѣтлого Величества Запорожского Полтавского, з общого совѣту пановъ старшини полковой и городовой полтавской: пана Климента Нащинского, обозного, Григория Богаевского, писара, Григория Буцкого, судѣ, Лаврентия Никитовича и Федора Сѣбилевича, асаула, Якова Черняка, и Димитрия Самарского, сотниковъ полковихъ полтавскихъ, Ивана Коломака, атамана городового.

Я, Кирило Ивановичъ, войтъ Полтавский, з мещанами нашими, именно: Гавриломъ Романовичомъ, Григориемъ Манденкомъ, Иваномъ Решетиловскимъ, Василиемъ Малярчинимъ, Леонтиемъ Гавриловичомъ, Яковомъ Рудимъ и с прочими, учинилисмо постановлене з Динисомъ Андрѣевичомъ и з Мартиномъ Александровичомъ, жителями нашими Полтавскими, нанявши ихъ з двадцятми конми на почту роковую служити при ратуши нашой полковой Полтавской, отправуючи подводи всякихъ наездовъ, такъ великоросиских, яко и малоросискихъ людей, какого-ни будутъ чину, по указу ездячихъ, по трактамъ з Полтави лежащимъ: до Нехворощи, до Кобеляка; в полкъ Миргородскии: до Бѣлоцерковки, Балаклии, до Голтви, до Барановки и до Шишаку; в полкъ Ахтирский: до Коломака и до Великихъ Будищъ; а особливе в дѣлѣ его милости пана полковника нашого, кромѣ войсковихъ дѣлъ, если прилучится для скорости двома чили и трома конми в его-жъ панские маетности, повинни послушати. За якую ихъ працу мѣемо з тоей же нашой Полтавской ратуши в годъ давати имъ плати: на кождого коня по тринадцетъ рублей грошей, полтораста возовъ сѣна, тожъ на кождого коня по двѣ осмачки овса мѣрою полтавскою, муки житной—осѣмъ осмачокъ, пшона—двѣ осмачки з чверткою, полтавскою мѣрою, сала—пять пудовъ, лою—каменъ одинъ, соли—пять пудовъ, а грошей заразъ мѣемо имъ дати сто сорокъ рублей; на тие другие сто двадцетъ рублей—когда будутъ стягнени з городовъ и з сѣлъ уезду нашого полтавского и державческихъ, мѣютъ они-жъ почтарѣ, подлугъ реестра отъ насъ, отбѣрати. Що для лучшого увѣрения естъ записано в книгу мѣскую, а сей екстрактъ при звиклой печати майстратовой в ратушу нашомъ полковомъ Полтавскомъ имъ, Динису и Мартину, виданъ. 1720 году, мѣсяца іюля 13-го дня.

(Полтавская ратушная книга л. 301—302).

Къ исторіи коннозаводства въ полтавской губерніи въ прошломъ столѣтіи [1]). Въ архивѣ мы нашли письмо помѣщика кобелякскаго у., г. Чорбы, къ кн. Репнину, предлагавшаго казнѣ купить у него заводъ.

---

[1]) Изъ „Хуторянина", № 24.

«Въ 1811 г., писалъ Чорба, имѣлъ я счастье поднести Государю Императору для Его Величества сѣдла нѣсколькихъ верховыхъ лошадей собственнаго моего завода и, обрѣвъ тѣмъ Всемилостивѣйшее вниманіе, удостоился получить высочайшую награду и благоволеніе. Заводъ мой, состоящій въ полтавской губерніи, время отъ времени, по неусыпнымъ стараніямъ моимъ приведенъ въ лучшее состояніе и нынѣ я имѣю на лицо до трехсотъ штукъ самыхъ лучшихъ лошадей скаковой и чисто арабской крови, другихъ же вовсе не имѣю. Преклонныя мои лѣта возродили во мнѣ мысль, дабы тридцатилѣтнее мое неусыпное стараніе и трудъ на улучшеніе породъ завода моего не были тщетны, я рѣшился продать весь заводъ мой Его Императорскому Величеству, не для пользы своей, но на пользу общественную и, если благоугодно будетъ Государю Императору принять ихъ въ покупку, то не повелѣно ли будетъ прежде черезъ знающихъ людей сдѣлать заводу моему оцѣнку, о которой объявить мнѣ, и, по согласію моему, отъ меня заводъ принять, а слѣдуемую за оный сумму уплачивать въ теченіе хотя двадцати лѣтъ съ указными процентами; содержаніе лошадей можетъ продолжаться на моихъ земляхъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они родились и нынѣ существуютъ. Я же не ищу себѣ никакой за то награды, а по охотѣ моей и знанію, пока живъ, присматривать за онымъ буду, сверхъ того, нуженъ и казенный присмотръ, какъ чиновниками, такъ и простыми людьми, а за сѣно и овесъ на зимнее продовольствіе я получалъ бы деньги по цѣнамъ, какія существовать будутъ въ окрестностяхъ моихъ; впрочемъ и перевести заводъ отсюда отъ Высочайшей воли зависитъ. Я увѣренъ, что верховыхъ лошадей лучшаго завода въ Россіи нѣтъ. Священнымъ долгомъ себѣ поставилъ сіе намѣреніе мое посредствомъ Вашего Сіятельства довести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества свѣдѣнію, о чемъ, прося всепокорнѣйше Вашего Сіятельства, ходатайствую о удостоеніи меня вашимъ отвѣтомъ. Весьма мнѣ будетъ жаль, если многимъ трудомъ заводъ мой доведенный до сей степени породныхъ лошадей и въ такомъ количествѣ принужденъ буду пустить въ продажу въ разныя руки. Вашего Сіятельства, всепокорнѣйшій слуга *Ѳедоръ Чорба*».

Кн. Репнинъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Императора.

Ѳедоръ Николаевичъ Чорба былъ богатый помѣщикъ кобелякскаго уѣзда (имѣніе Чербовка); съ октября 1805 г. по январь 1812 былъ Кобелякскимъ предводителемъ дворянства. До этой должности, онъ служилъ въ военной службѣ, которую оставилъ въ чинѣ маіора.

Купила ли казна, свѣдѣній нѣтъ. Думаемъ, что нѣтъ, такъ какъ о такомъ заводѣ не сохранилось даже и преданія. Помимо этого, въ полтавской губерніи, сто лѣтъ назадъ, существовали заводы: въ кременчугскомъ уѣздѣ 3, въ кобелякскомъ 3, въ золотоношскомъ 13, въ прилукскомъ 5, въ гадячскомъ 5 и въ миргородскомъ также 5. Эти статистическія данныя относятся къ 1804 году. (Арх. Полт. Губерн. Правленія 1817 г. по описи № 73).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Отвѣты редакціи. 1) Считаемъ долгомъ извѣстить гг. Н. С. Кононенка, Г. Н. Заворотька, В. А. Стаховскаго, М. П. Воронина, приславшихъ изъ г. Екатеринослава въ редакцію 36 рублей на поддержаніе въ порядкѣ могилы Т. Г. Шевченка, что деньги эти получены и переданы по назначенію.

2) Считаемъ долгомъ извѣстить слѣдующихъ лицъ, приславшихъ въ редакцію деньги на подарокъ Н. В. Лисенку—О. И Каминскаго (5 р.), Н. Е. Гандибера (2 р.), свящ. Михаила Мотылевича (14 р. 60 к. на музык. школу), украинцевъ изъ Екатеринослава (2 р. 54 к.), «землякивъ» изъ Дерпта (5 р. на музык. школу), К. Д. Хуторного (3 р.), NN (4 р.),—что деньги получены и переданы по назначенію, а именно: 1) на покупку дачи 16 р. 54 к. что вмѣстѣ съ прежними 6016 р. 39 к. (см. № 5) составитъ 6032 р. 93 к.; 2) на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка 1021 р. 40 к.; 3) билетъ дворянск. съ выигрышами займа 286 р.; 4) на школу имени Н. В. Лисенка 19 р. 60 к., что вмѣстѣ съ прежними 219 р. 49 к. (см. № 5-й) составитъ—239 р. 9 к., а всего—7669 р. 42 к.

Текущія извѣстія.

Къ постройкѣ школы имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Губернское по гор. и земскимъ дѣламъ присутствіе, при разсмотрѣніи городскихъ смѣтъ на нынѣшній годъ, сдѣлало нѣкоторыя сокращенія въ расходной смѣтѣ, исключивъ изъ нея, между прочимъ, ассигнованіе на постройку зданія для школы имени И. П. Котляревскаго. Участвовавшій въ томъ засѣданіи присутствія, гдѣ разсматри-

вались смѣты, городской голова Трегубовъ просилъ, въ виду исключенія суммы на постройку школы Котляревскаго, разрѣшить думѣ сдѣлать для этой цѣли временное безпроцентное позаимствованіе изъ пожертвованныхъ имъ на школу своего имени 3-хъ тысячъ руб. В П. Трегубову было заявлено, что со стороны присутствія эта комбинація не встрѣтитъ препятствія.

Дума выслушавъ докладъ Трегубова, выразила ему благодарность за пожертвованіе и оказанное содѣйствіе для осуществленія въ этомъ году проектируемой школы имени Котляревскаго.

Губернское земство относится весьма сочувственно къ постройкѣ школы имени Котляревскаго и снабжаетъ ее черепицей, а отчасти и другимъ строительнымъ матеріаломъ.

Даръ будущему музею имени Котляревскаго. Художникъ В. П. Карповъ прислалъ изъ Харькова въ полт. город. управу, въ даръ для музея имени Котляревскаго, двѣ картины (акварели), въ золотыхъ рамахъ. Первая картина «Реве ревучій» (Шевченко) изображаетъ Ненасытецкій порогъ на р. Днѣпрѣ. Вторая картина представляетъ «аллегорію» изъ жизни современной Малороссіи. Самъ художникъ даетъ слѣдующее, очень интересное, объясненіе картинѣ «аллегорія».

«Желѣзныя дороги проложили новый путь жизни.

Фабрики и заводы создали фабричныхъ рабочихъ.

Явились новые люди и запѣли новыя пѣсни.

Кобзарь, пѣвшій народу о томъ, какъ его дѣды и батьки защищали кровью своею вѣру и родину, замолкъ. Бандуру замѣнила гармонія.

И вотъ, поднявшись въ высь на насыпи и мосты, желѣзнодорожный поѣздъ стремительно уходитъ въ даль. Кобзарь на проселочной дорогѣ, поросшей травой, идетъ оставленный «поводатаремъ», не зная куда, пробираясь ощупью, онъ прійдетъ на отдыхъ.

А солнце—на закатѣ, и ночь уже начала своимъ покрываломъ окутывать землю»...

Обѣ картины городская управа рѣшила временно помѣстить въ одномъ изъ фойе просвѣтительнаго зданія имени Н. В. Гоголя.

Народная брошюра по метеорологіи на украинскомъ языкѣ. Статистическимъ бюро губернскаго земства разослана корреспондентамъ этого бюро малорусская брошюра по метеорологіи подъ заглавіемъ «Прыгода на хутори». Брошюра составлена А. Русовымъ, подъ редакціей проф. Клоссовскаго и Броуна, и представляетъ собой первый и при томъ весьма удачный опытъ популяризаціи на мѣстномъ нарѣчіи свѣдѣній по метеорологіи. Брошюра снабжена 18 рисунками. Издана она С.-Пет. Благотворительнымъ Обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ на средства, собранныя три года тому назадъ служащими въ полтав. губернскомъ земствѣ въ память сорокалѣтія освобожденія крестьянъ. Разосланные корреспондентамъ бюро 1200 экз. «Прыгоды» составляютъ подарокъ автора. Надо надѣяться, что «Прыгода на хутори» будетъ одобрена, по примѣру другихъ спеціальныхъ малорусскихъ изданій, Мин. земледѣлія, и такимъ образомъ, по циркуляру Мин. нар. пр. отъ 10 ноября 1901 г., получитъ доступъ и въ училищныя, а также въ народныя библіотеки. (№ 435 «Полт. Вѣстн.»).

О невѣстѣ Т. Г. Шевченка. *(Письмо А. Кулишъ въ редакцію «Биржевыхъ Вѣдомостей»).* М. г.г. редакторъ! Я, конечно, не стану возражать на вымыселъ Лукерьи, бывшей невѣсты Т. Г. Шевченка, скажу только что она никогда у насъ не жила и не была, а прожила она лѣто у моей сестры, къ которой и я, ѣдучи въ Малороссію, передъ отъѣздомъ заѣхала на нѣсколько дней, но тогда Лукерья была уже невѣстой Шевченка, и слѣдовательно, совѣтоваться со мной ей не было надобности. Еще скажу: кто зналъ меня и мою дружбу съ Шевченкомъ, тотъ никогда не повѣритъ клеветѣ Лукерьи.

Если г. Брешковскій желаетъ знать истину, пусть прочтетъ въ «Кіевской Старинѣ» (кажется за 1889 г.) «Воспоминанія о Шевченкѣ», написанныя Н. М. Кибальчичъ, дочерью моей сестры, со словъ своей матери.

Тамъ сказана вся правда.

Къ сожалѣнію, Н. Я. Макарова (братъ г-жи Карташевской), который все зналъ, и съ которымъ моя сестра по этому поводу вела переписку, нѣтъ уже въ живыхъ. Остался только одинъ свидѣтель, это сенаторъ Андрей Николаевичъ Маркевичъ, близкій намъ и бывавшій у насъ. Я увѣрена, что и онъ бы не отказался подтвердить все помѣщенное объ этомъ въ «Кіевской Старинѣ».

Старинная церковь въ г. Лохвицѣ. Въ № 444-мъ «Полтав. Вѣстн.» напечатано слѣдующее письмо Н. Филянскаго, командированнаго Императорскимъ Моск. Археол. Общ. для обозрѣнія замѣчательныхъ памятниковъ южно-русскаго церковнаго зодчества.

«Въ г. Лохвицѣ, полт. губ., мнѣ пришлось встрѣтить драгоцѣнный памятникъ прошлаго—характерный образчикъ южно-русскаго церковнаго зодчества конца XVIII вѣка. Несмотря на условія болѣе чѣмъ неблагопріятныя для всего того, что выходитъ изъ уровня обиходныхъ цѣнностей, памятникъ дошелъ до насъ почти не тронутымъ позднѣйшими реставраторами. Пятиглавая церковь сохранила всѣ свои типичныя черты: кое-что осталось изъ внутренняго убранства; на колокольнѣ уцѣлѣлъ весьма цѣнный въ художественномъ отношеніи крестъ—по композиціи единственный въ своемъ родѣ.

Техническій осмотръ церкви убѣдилъ меня въ томъ, что, при умѣлой и бережной реставраціи, она можетъ сохранить свой первоначальный видъ неопредѣленно долгое время. Каково было мое удивленіе, когда я узналъ, что этотъ, одинъ изъ немногихъ, послѣднихъ памятниковъ указаннаго періода проектируется на-дняхъ подвергнуть основательной передѣлкѣ!

Мнѣ удалось, благодаря любезности мѣстнаго настоятеля, ознакомиться съ характеромъ перестройки. Ничѣмъ не можетъ быть оправдана та развязность, съ которой составители проекта подходятъ къ ремонту этого замѣчательнаго памятника южно-русскаго народнаго творчества. Слѣдуетъ замѣтить, что указанный памятникъ является однимъ изъ весьма немногихъ представителей уже исчезнувшаго стиля, вліяніе котораго сказалось въ такъ бережно сохраняемыхъ памятникахъ XVI и XVII вѣка сѣверной Россіи.

Неужели и этотъ послѣдній, вопреки желанію какъ мѣстнаго настоятеля, такъ и представителей общества, будетъ подведенъ подъ общій шаблонъ церковныхъ трафаретовъ, назойливая безличность которыхъ такъ ясна въ глазахъ не только спеціалиста-художника.

Музей имени В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ. Благодаря невѣрному и неточному сообщенію газетъ, въ прошлой книжкѣ «Кіевской Старины» помѣщена во II отд. на 125 стр. замѣтка о музеѣ имени В. В. Тарновскаго, въ которой сообщалось, что музей этотъ

оффиціально еще не открытъ. По этому поводу мы получили слѣдующее письмо отъ г. завѣдывающаго музеемъ.

Прошу редакцію «Кіевской Старины» принять къ своему свѣдѣнію, а также довести и до свѣдѣнія своихъ читателей, что «Музей украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго», принадлежащій Черниговскому Губернскому Земству, фактически былъ открытъ для безплатнаго обозрѣнія предметовъ его и для научныхъ, художественныхъ и литературныхъ занятій съ лѣта 1902 года, а 15 февраля 1904 г. открытъ оффиціально. Въ теченіе 2-й половины 1902 года всѣхъ посѣщеній музея было 296, изъ нихъ 3 ради рисованія копій съ картинъ; выдано изъ музея 2 копіи рукописей и 3 фотографич. снимка съ рисунковъ; поступило пожертвованій въ музей 5 предметовъ и 13 книгъ и брошюръ.

Въ теченіе 1903 года посѣщеній музея было 799, изъ нихъ 15 ради рисованія и фотографированія рисунковъ и предметовъ музея и архивныхъ справокъ; поступило пожертвованій 46 предметовъ и 57 книгъ и брошюръ.

Въ текущемъ году по 15 февраля (день оффиціальнаго открытія музея) посѣщеній было 89 и съ 15 февраля до іюля 3200 (живущихъ въ г. Черниговѣ 2042, черниговской губерніи—933 и иныхъ мѣстъ225).

Прилагаемъ тутъ-же правила для посѣтителей Музея и объявленіе объ оффиціальномъ открытіи его.

Объявленіе.

Музей Украинскихъ Древностей В. В. Тарновскаго (Смоленская ул., б. усадьба Сиротскаго Дома), переданный Черниговскому Губернскому Земству, открытъ для обозрѣнія публики *ежедневно*, отъ 11-ти до 3-хъ часовъ въ будніе дни, по воскресеньямъ же—отъ 12-ти до 4-хъ часовъ пополудни.

По понедѣльникамъ, въ двунадесятые праздники, въ день Новаго года, въ два послѣдніе дня масляницы, три послѣдніе дня страстной недѣли и въ первые три дня Пасхи, а также 24, 25, 26, и 31 декабря,—музей для публики закрытъ.

Имѣющійся при музеѣ кабинетъ для занятій научныхъ, литературныхъ и художественныхъ предоставляется для пользованія желающимъ только два раза въ недѣлю: по вторникамъ и средамъ отъ 6 до 10 час. вечера. Лица, желающія пользоваться кабине-

томъ для занятій, обращаются за разрѣшеніемъ въ Губернскую Земскую Управу.

Входъ въ музей и кабинетъ для занятій—безплатный. Объясненія даются смотрителемъ музея А. П. Шелухинымъ.

Правила для посѣтителей музея.

1. Входъ въ музей и въ кабинетъ для ученыхъ занятій безплатный.

2. Дѣти моложе 12 лѣтъ допускаются въ музей только въ сопровожденіи взрослыхъ.

3. Музей открытъ ежедневно, кромѣ понедѣльника, въ будни отъ 11 до 3 часовъ, а въ воскресенье отъ 12 до 4 часовъ пополудни. Кромѣ вышеназначеннаго времени, кабинетъ открытъ для занятій съ 6 и до 10 часовъ вечера по вторникамъ и средамъ.

Примѣчаніе 1. Временно дневныя занятія происходятъ въ помѣщеніи музея въ тѣ же часы.

4. Музей и кабинетъ для занятій закрыты: въ двунадесятые праздники, 1 января, 2 послѣдніе дня масляницы, три послѣдніе дня страстной недѣли, 2 первые дня Святой недѣли, 24, 25, 26 и 31 декабря, а также одинъ лѣтній мѣсяцъ по опредѣленію Управы (о чемъ своевременно будетъ публиковано).

5. Входъ въ залы музея въ верхнемъ платьѣ и съ какими бы то ни было предметами воспрещается.

6. Воспрещается куреніе въ музеѣ.

7. Посѣтители кабинета и музея должны соблюдать совершенную тишину.

8. Дотрагиваться къ выставленнымъ для обозрѣнія предметамъ воспрещается.

9. Предметы, не выставленные для обозрѣнія, какъ напримѣръ: рукописи, оригинальные рисунки, эстампы и проч., могутъ быть выдаваемы для осмотра лишь подъ личнымъ наблюденіемъ смотрителя музея и во время, когда, по обстоятельствамъ службы, для него возможно такое наблюденіе. Посѣтители должны обращаться съ полученными вещами съ надлежащими предосторожностями и возвращать все непосредственно смотрителю.

10. Никакой предметъ не можетъ быть выданъ изъ музея или кабинета на домъ.

11. Къ работамъ въ кабинетѣ допускаются желающіе съ разрѣшенія губернской управы.

12. Для занятій въ кабинетѣ выдаются рукописи и книги. Одному лицу выдается за разъ не болѣе трехъ томовъ или трехъ №№ рукописей. При своихъ требованіяхъ лица, работающія въ кабинетѣ, благоволятъ указывать № книги, или рукописи, подъ которыми онѣ значатся въ каталогѣ

13. Копированіе находящихся въ музеѣ картинъ и рисунковъ или рисованіе предметовъ допускается въ дни, когда музей открытъ, съ тѣмъ, что: а) мѣста для работы занимаются по указанію смотрителя музея; б) занимающіяся въ музеѣ лица не имѣютъ права снимать или передвигать предметы: в) калькированіе воспрещается, равно воспрещается дотрагиваться кистью или карандашемъ до оригиналовъ; г) сдѣланные въ музеѣ копіи или рисунки должны быть предъявляемы смотрителю до взятія ихъ изъ музея. При неисполненіи какого-либо изъ этихъ правилъ смотритель можетъ немедленно взять назадъ данное для занятій разрѣшеніе.

Къ XIII археологическому съѣзду. Въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» (№ 2154) напечатана слѣдующая статья А. С—скаго, касающаяся вопросовъ, интересныхъ для разработки по первобытнымъ древностямъ.

Среди запросовъ, на которые желательно было бы получить разъясненіе на XIII археологическомъ съѣздѣ, важнѣйшими нужно признать тѣ, которые остаются екатеринославскому съѣзду въ наслѣдіе отъ одесскаго, кіевскаго и харьковскаго съѣздовъ.

Правда, выдвигаются въ высокой степени интересные и новые вопросы, какъ, напримѣръ, вопросъ о слѣдахъ домикенской культуры, оставленной пра-греками въ ихъ движеніи черезъ южную Русь на Балканскій полуостровъ,—поставленный на основаніи раскопокъ въ сѣверной Бессарабіи проф. Э. Р. Штерномъ.

Еще большее значеніе имѣетъ вопросъ о преемственной связи культуры неолитической эпохи въ бассейнѣ средняго Днѣпра, съ культурой мѣстной, славянской. Эта интересная и важная гипотеза явилась

слѣдствіемъ весьма цѣнныхъ раскопокъ, произведенныхъ г. Хвойко. Онѣ, казалось-бы, только подтверждаютъ давнюю теорію чешскихъ ученыхъ сравнительной автохтонности славянъ.

Хотя черты древней культуры нашего Приднѣпровья, по сравненію съ сѣвернымъ, представляютъ отличіе, но и послѣднее предположеніе не можетъ быть оставляемо безъ вниманія при изслѣдованіи сѣверной части херсонской и екатеринославской губерній, южныхъ притоковъ Днѣпра и особенно при разысканіи слѣдовъ славяно-русской культуры.

Изъ прежнихъ вопросовъ поднятый на одесскомъ съѣздѣ вопросъ о мегалитическихъ памятникахъ на югѣ Россіи, слѣды которыхъ были найдены Е. Н. Мельникъ у екатеринославскихъ пороговъ, вѣроятно, обратитъ особенное вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей.

Благодаря степному характеру нашей мѣстности, искать дальнѣйшіе слѣды мегалитовъ возможно только въ скалистой грядѣ, идущей отъ Карпатъ и перерѣзывающей теченіе рѣкъ Днѣстра, Южнаго Буга, Ингула и Днѣпра.

Видѣнныя нами по Днѣстру и Южному Бугу пещеры и груды камней, разбросанныхъ въ своеобразномъ порядкѣ, убѣждаютъ въ томъ, что наукѣ извѣстны еще не всѣ эти древнѣйшія сооруженія на югѣ Россіи.

Происхожденіе и значеніе каменныхъ изваяній, наибольшее количество которыхъ было находимо въ предѣлахъ екатеринославской губерніи, такъ называемыхъ «каменныхъ бабъ», также остается еще неразрѣшеннымъ окончательно, не смотря на многочисленныя попытки въ этомъ направленіи.

Самымъ важнымъ для рѣшенія вопроса было бы производство раскопокъ такихъ кургановъ, на которыхъ сохранились бы каменныя бабы, поставленныя одновременно съ погребеніемъ, но, къ сожалѣнію, свѣдѣній о такихъ курганахъ пока еще не имѣется. Каменныя бабы почти всѣ уже сняты съ мѣстъ, на которыхъ онѣ были поставлены первоначально.

Характеръ скиѳской культуры, ея особенности и степень классическаго вліянія греческихъ колоній Черноморскаго и Азовскаго побережій въ достаточной степени выяснены въ многочисленныхъ трудахъ и раскопкахъ гр. Уварова, Тизенгаузена, гр. Бобринскаго и мн. друг., но несомнѣнно, что съѣздъ, собирающійся въ центрѣ царской Скиѳіи, не оставитъ этого, хоти и стараго вопроса, безъ вниманія и будетъ произведено хотя нѣсколько раскопокъ еще уцѣлѣвшихъ скиѳ-

скихъ кургановъ, которыхъ можетъ не остаться къ слѣдующему съѣзду, въ виду усиливающагося на югѣ Россіи кладоискательства и разграбленія кургановъ.

Югъ Россіи, какъ извѣстно, является путемъ—«битымъ шляхомъ», которымъ народы двигались съ востока на западъ и гдѣ кочевали въ нашихъ степяхъ гунны, готы, авары, печенѣги, половцы, татары и многіе др. Славянское населеніе, конечно, также терпѣло передвиженія, оттѣсняемое къ сѣверу. Отыскать слѣды славянскихъ поселеній на югѣ и опредѣлить юго-восточную границу до-монгольской Руси—одинъ изъ важныхъ вопросовъ съѣзда; изслѣдованію и разрѣшенію этого вопроса посвятилъ себя В. А. Городцовъ, а также—что касается харьковской губерніи, —В. Е. Данилевичъ.

Главное вниманіе съѣзда сосредоточится на выясненіи типовъ кочевническаго погребенія и возможнаго установленія ихъ этнографіи, а также, быть можетъ и начатаго на харьковскомъ съѣздѣ разысканія слѣдовъ хазарской культуры. Эти работы, давшія успѣшные результаты къ харьковскому съѣзду, весьма важныя для рѣшенія другихъ привходящихъ вопросовъ, явились причиной, почему «половецкая степь» снова стала предметомъ изслѣдованія, и общее собраніе харьковскаго съѣзда согласилось на назначеніе мѣстомъ будущаго съѣзда городъ Екатеринославъ.

Результаты изслѣдованій нынѣ покойнаго Бранденбурга, столь плодотворно продолжавшихся г. Городцовымъ, могутъ составить, при окончательномъ разрѣшеніи, одну изъ интересныхъ страницъ европейской археологіи IV—XII вѣковъ.

Спеціальный вопросъ екатеринославскаго съѣзда о слѣдахъ пребыванія готовъ на югѣ Россіи и объ ихъ погребальномъ типѣ также стоитъ на очереди и требуетъ собиранія данныхъ для своего разрѣшенія.

Небезынтересенъ вопросъ, поднятый Э. Р. Штерномъ, о томъ, какъ далеко простиралась въ нынѣшней екатеринославской губерніи сфера вліянія классической культуры. Насъ лично интересуютъ также нѣкоторые вопросы, напримѣръ, вопросъ:

1) О городищахъ-майданахъ екатеринославской губерніи. Это громадныя, идущія, въ большинствѣ, по водораздѣламъ сооруженія полукруглой формы, съ тремя-четырьмя выступами по концамъ, извѣстныя въ народѣ подъ названіемъ «робленныхъ и раскопанныхъ мо-

гилъ». Желательно было бы опредѣлить, по содержанію близъ лежащихъ кургановъ и по содержанію майдановъ, время ихъ сооруженія, назначеніе и взаимное отношеніе, т. к. ни одна изъ существующихъ теорій касательно значенія городищъ-майдановъ не можетъ быть признана удовлетворительной.

2) Интересно установленіе погребальнаго ритуала и культуры каменнаго вѣка въ южномъ Приднѣпровіи и въ частности—у порожистой части Днѣпра, и вопросъ о культурѣ и связи кургановъ праваго берега Днѣпра съ лѣвымъ и въ частности—у г. Екатеринослава, такъ какъ произведенныя раскопки указываютъ на значительное разнообразіе типовъ.

3) Необходимо обслѣдованіе порожистой части Днѣпра—для выясненія, не имѣется-ли еще остатковъ стоянокъ и мастерскихъ каменнаго вѣка у пороговъ, такъ какъ несомнѣнно, что нѣкоторые ихъ слѣды еще имѣются.

4) Желательно было-бы намѣтить, насколько возможно, погребальные типы кочевниковъ—печенѣговъ, тюрковъ, половцевъ и татаръ.

5) Составленіе сводной карты распространенія скиѳскихъ кургановъ въ южной Россіи, на основаніи новыхъ раскопокъ, способствовало бы выясненію вопроса какъ о географическомъ распространеніи такъ называемыхъ скиѳовъ, такъ и объ ихъ отношеніи къ другимъ народамъ южной Россіи.

Наконецъ, составленіе, согласно общему пожеланію московскаго предварительнаго комитета, археологической карты екатеринославской губерніи по вѣкамъ, начиная съ неолитической эпохи и оканчивая нанесеніемъ послѣднихъ раскопокъ, а также всѣхъ сохранившихся кургановъ различнаго типа и городищъ, явилось-бы огромной важности вкладомъ въ русскую археологію, которая является, если не введеніемъ, то первымъ и особенно важнымъ томомъ русской исторіи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Слѣдуетъ-ли въ числѣ просвѣтителей древней курской области считать св. Петра, митрополита Московскаго?

(Критико-библіографическая замѣтка по поводу издан. г. Девріэна «Россія» т. 2).

Широко задуманное капитальное изданіе Девріэна, извѣстное подъ общимъ заглавіемъ: «Россія, полное географическое описаніе нашего отечества», довольно успѣшно подвигается впередъ. До настоящаго времени вышелъ третій—въ хронологическомъ порядкѣ—и второй—въ общей системѣ «Описанія» большой (VIII+717 стр.) томъ. Въ этомъ томѣ разсматривается «среднерусская черноземная область», въ составъ которой, по классификаціи редакторовъ, входятъ губерніи: рязанская, тульская, орловская, тамбовская, пензенская, воронежская и *курская*. Авторы книги не только предлагаютъ читателямъ описаніе природы и населенія, во всѣхъ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ ихъ современной жизни, но даже довольно часто дѣлаютъ экскурсы въ область отдаленнаго прошлаго, затрагивая, такимъ образомъ, насколько позволяли использованные ими источники, исторію края [1]). Вполнѣ, поэтому, понятно, что въ указанныхъ губерніяхъ какъ изслѣдователи экономической жизни населенія и этнографическаго его состава, такъ

---

[1]) Такова, напр., глава IV-я отдѣла II-го: „Историческія судьбы среднерусской черноземной области и культурные ея успѣхи"; глава VII-я того-же отдѣла: „Пути сообщенія" (съ древнѣйшихъ временъ). Особенно много свѣдѣній историческаго характера помѣщено въ отдѣлѣ III-мъ: „Замѣчательныя населенныя мѣста и мѣстности".

и любители отечественной старины съ живѣйшимъ интересомъ прочтутъ этотъ томъ «Россіи». Понятно также и то, что авторы неизбѣжно должны были коснуться религіозной жизни населенія, указать на первые проблески религіознаго сознанія среди жителей, на дальнѣйшее развитіе религіознаго чувства и его проявленія и т. д.

Но разнообразіе намѣченныхъ вопросовъ и соединенная съ этимъ чрезвычайная сложность работы и обиліе матеріала, подлежащаго изученію, повели къ тому, что «Описаніе» нерѣдко грѣшитъ противъ истины. Авторы должны были просмотрѣть всю литературу, касающуюся географіи и исторіи указанныхъ семи губерній и, притомъ, главнымъ образомъ, изданія мѣстныя—рязанскія, орловскія, курскія и т. д. Уже одно это представляло громадный трудъ, такъ какъ иногда для того, чтобы получить какое-нибудь свѣдѣніе частнаго характера, нужно было просмотрѣть мѣстныя епархіальныя и губернскія вѣдомости и другія періодическія изданія за много лѣтъ. Изъ «Описанія» видно, что авторы нерѣдко принуждены были пользоваться свѣдѣніями неполными, неточными или даже и совершенно неправильными; что они иногда имѣли подъ руками источники, уже значительно устарѣвшіе, и притомъ лишены были возможности провѣрить на мѣстѣ указанія источниковъ [1]). Вотъ почему въ «Описаніи» встрѣчаются ошибки и неточности. Нѣкоторые факты освѣщены односторонне, нѣкоторыя черты исторической жизни отмѣчены неправильно и несогласно съ указаніями исторіи. Не имѣя возможности подробно перечислять погрѣшности, допущенныя авторами при описаніи курской губерніи, мы, для примѣра, укажемъ лишь на слѣдующія, замѣченныя нами, неправильности въ области свѣдѣній церковно-историческаго характера. Въ главѣ, посвященной описанію Бѣлгорода, мы видимъ странное утвержденіе, что бѣлгородскіе епископы носили до Петра Великаго титулъ митрополитовъ и *имѣли своихъ викаріевъ въ Курскѣ* [2]). Между тѣмъ извѣстно, что бѣлгородскіе митрополиты не имѣли подчиненныхъ епископовъ, викаріевъ, и были только титулярными митрополитами [3]); именовались же они митрополитами не до Петра Великаго (неточное

[1]) Особенно это замѣтно въ описаніяхъ природы и въ историческихъ очеркахъ.

[2]) „Россія“, т. II, стр. 471.

[3]) См. объ этомъ въ объяснительной статьѣ Н. П. Сенаторскаго: „Бѣлгородско-Курская епархія“, „Курскія Епарх. Вѣдом.“, 1900. № 26.

указаніе «Россіи»), а до учрежденія св. Синода. Во всякомъ же случаѣ одновременно въ Курскѣ и Бѣлгородѣ епископскихъ каѳедръ никогда не существовало. Тамъ же говорится, что епископъ бѣлгородскій Іоасафъ Горленко причисленъ церковью къ лику святыхъ; между тѣмъ извѣстно, что епископъ Іоасафъ Горленко еще не канонизованъ [1]).

Впрочемъ въ данномъ случаѣ изъ сообщеній «Россіи», касающихся религіозной жизни курскаго края, насъ интересуетъ собственно лишь вопросъ, поставленный въ заголовкѣ настоящей замѣтки, также затронутый «Описаніемъ» и рѣшенный ошибочно. Къ выясненію этого вопроса мы и приступаемъ.

Въ историческомъ очеркѣ Курска и его области («Россія», т. II, стр. 460 и сл.) мы читаемъ слѣдующія фразы: ... «Извѣстно, что св. Петръ, впослѣдствіи митрополитъ московскій, уроженецъ Волыни, отыскивая себѣ «безмолвное мѣсто», нашелъ его въ дебряхъ на рѣкѣ Рати (притокъ Сейма въ 15 верстахъ отъ нынѣшняго Курска) и основалъ здѣсь обитель, которой и сдѣлался игуменомъ» (стр. 463).

Разумѣется, изложенныя мысли не составляютъ результата самостоятельныхъ изслѣдованій составителя указаннаго очерка: онъ пользовался готовыми трудами историковъ курской области,—въ данномъ случаѣ книгою, составленною ранѣе 1865 года. Но вина его въ томъ, что онъ не использовалъ источниковъ новѣйшаго времени, въ которыхъ эти мысли опровергаются [2]).

Ошибочное утвержденіе, что св. Петръ подвизался въ курской области, обязано своимъ происхожденіемъ автору «Историческаго описанія Коренной Рождество-Богородицкой пустыни».—І. Л. (іеромонаху, впослѣдствіи архимандриту, намѣстнику Троице-Сергіевой Лавры, Леониду). Въ этомъ «Описаніи» Коренной пустыни говорится между прочимъ слѣдующее: «О духовномъ состояніи курской области до явленія въ ней чудотворной иконы мы имѣемъ лишь одно частное извѣстіе въ рукописномъ житіи св. Петра, митрополита московскаго и всея Россіи чудотворца. Тамъ повѣствуется, что святитель... по достиженіи

---

[1]) Подобныя ошибки не могли бы имѣть мѣста въ книгѣ, если бы редактированіе соотвѣтствующихъ отдѣловъ книги было поручено кому-либо изъ курскихъ обывателей.

[2]) См., напр., „Курскія Губернск. Вѣдомости", 1897 г., № 262, 263, 265, 266.—статья, принадлежащая автору настоящей замѣтки.

двѣнадцатилѣтняго возраста... бѣжалъ въ одинъ изъ окрестныхъ монастырей, гдѣ, поселившись, принялъ постриженіе... Потомъ, оставивъ этотъ монастырь и обходя *многія* мѣста и пустыни, нашелъ безмолвное мѣсто на рѣкѣ *Рати*, протекающей отъ бывшаго города Курска въ 15 верстахъ и впадающей въ рѣку Сеймъ, и здѣсь устроилъ себѣ жилище, воздвигнулъ церковь, построилъ келліи и собралъ *немалое* число братій» [1]), т. е., основалъ монастырь, въ которомъ и былъ игуменомъ. По мнѣнію автора «Описанія», свидѣтельство біографа св. Петра о существованіи построеннаго имъ въ окрестностяхъ Курска монастыря подтверждается указаніемъ извѣстной «Исторіи о городѣ Курскѣ» [2]) на то, что «въ 1650 году курскій протопопъ Григорій сыскалъ на старомъ городищѣ, отстоящемъ отъ Курска за 15 верстъ, близъ рѣки, именуемой Рать, въ земляномъ валу отъ древности вшедшія въ землю палаты» [3]). Эти палаты, утверждаетъ авторъ, представляютъ остатки монастыря св. Петра.

Эти мысли, принадлежащія І. Л., высказываются, вслѣдъ за нимъ, и въ историческомъ очеркѣ г. Курска, составленномъ,—кстати скажемъ, довольно небрежно и поспѣшно—покойнымъ Т. І. Вержбицкимъ [4]). Теперь, какъ видимъ, утвержденіе о пребываніи св. Петра въ курской области опять повторяется во II томѣ Россіи.

«Описаніе» Коренной Пустыни, а также и «Памятная книжка курской губ.»—это изданія, которыя разсчитаны на строго опредѣленный кругъ читателей. Но описаніе «Россіи», о которомъ мы говоримъ, имѣетъ въ виду уже широкую публику, и потому мысли, высказываемыя въ немъ, могутъ получить гораздо большее распространеніе. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ еще разъ, примѣнительно къ случаю, разъяснить, почему слѣдуетъ признавать указанныя выше мысли о св. Петрѣ ошибочными.

Замѣчанія І. Л. о св. Петрѣ сами по себѣ очень важны. Для исторіи распространенія и утвержденія христіанства въ курской области указанный фактъ—основаніе монастыря св. Петромъ недалеко отъ Курска—долженъ былъ бы имѣть большое значеніе. Онъ доказы-

---

[1]) „Истор. описаніе Коренной Пустыни", С.-Пб. 1876. Стр. 12—13. Тоже самое можно читать и въ позднѣйшихъ изданіяхъ „Описанія".

[2]) Курскъ. 1792. Стр. 35.

[3]) Стр. 13-я „Описанія", примѣчаніе.

[4]) Напечатанъ въ „Памятной книжкѣ курской губ.". На 1892 г., отд. II, стр. 6 и слѣд.

валъ бы, что вначалѣ XIV в., когда—приблизительно—былъ основанъ монастырь, христіанство въ Курскѣ вошло уже въ большую силу: св. Петръ не только основываетъ монастырь и строитъ церковь, но и собираетъ «немалое число братій». Мысль о значительномъ распространеніи христіанства въ курской области еще рѣзче оттѣняется, если мы къ тому-же вспомнимъ, что въ 1295 году явилась чудотворная курская икона Знаменія Божіей Матери. Кромѣ того—монастырь св. Петра, сколько-бы онъ ни существовалъ, не могъ не оказать вліянія на окрестное населеніе; по крайней мѣрѣ, если монастырь и былъ разрушенъ послѣ, то хоть завѣты святителя остались въ назиданіе. Одно пребываніе святого въ курской области могло оказать нравственное воздѣйствіе на ея обитателей; хоть одинъ лучъ отъ ореола, окружавшаго личность св. Петра, могъ упасть въ неблагодарную среду тогдашнихъ воинственныхъ жителей Курска.

Въ виду важности извѣстія «Описанія» и полнаго отсутствія въ первоисточникахъ свѣдѣній о томъ, что вблизи Курска былъ монастырь св. Петра, мы сдѣлали попытку провѣрить указаніе автора «Описанія».

І. Л. основывается на какомъ то рукописномъ житіи св. Петра. Извѣстны въ настоящее время двѣ редакціи житія св. Петра, митрополита московскаго. Одна—болѣе древняго происхожденія (приблизительно 20-хъ годовъ XIV столѣтія)—принадлежитъ Прохору, епископу ростовскому. Житіе, составленное Прохоромъ, имѣетъ характеръ пролога и отличается сухимъ, сжатымъ изложеніемъ. Прохоръ сообщаетъ мало свѣдѣній о жизни св. Петра въ Галиціи—онъ не указываетъ ни мѣста рожденія его, ни монастыря, гдѣ онъ постригся. Издано это житіе преосв. Макаріемъ [1]), но, по отзыву профессора Ключевскаго [2]), въ очень неисправномъ видѣ. Интересующее насъ мѣсто, въ изданіи Макарія, читается такъ: «Бывши же ему (св. Петру) 12 лѣтъ, иде въ монастырь и бысть мнихъ... И посемъ постави церковь св. Спаса на рѣцѣ Рати [3]) и створи монастырь».

---

[1]) Исторія русской церкви. Т. IV. Прилож. III.

[2]) Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Стр. 75, прим. 2.

[3]) Но въ своемъ очеркѣ жизни св. Петра пр. Макарій называетъ эту рѣку: „Рата“ Исторія, т. IV.

Митрополитъ Кипріанъ переработалъ (между 1397 и 1404 год.) житіе, составленное Прохоромъ. Онъ украсилъ простой сравнительно разсказъ Прохора широковѣщательными разсужденіями о высокомъ достоинствѣ св. Петра, дополнилъ подробностями, которыя узналъ о св. Петрѣ на его родинѣ, во время своего продолжительнаго пребыванія въ южной Руси [1]). Онъ прибавляетъ извѣстіе о волынскомъ происхожденіи св. Петра, о состояніи Волыни при св. Петрѣ и пр. Кипріаново житіе помѣщено въ Степенной книгѣ [2]) и даетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія объ основаніи св. Петромъ монастыря... «Родися во единомъ отъ мѣстъ земли Волынскія... Бывшу-же ему двѣманадесяте лѣтомъ, иде въ *прилежащей тамо* пустыни во единъ отъ монастырей и иже отъ тамо сущаго игумена постризается и къ братіи причитается... По времени-же исходитъ отъ обители... и обходитъ *округная* мѣста пустынная, и обрѣтаетъ мѣсто безмолвно на рѣцѣ, нарицаемой Рата, и церковь воздвизаетъ во имя Спаса нашего Іисуса Христа и келіи поставляетъ. И князю тогдашнему въ слухъ пріиде добродѣтельное мужа житіе... и всей странѣ и земли оной. Тогда-бо бяше въ своей чести и времени земля *Волынская* всякимъ обильствомъ и славою преимуща» [3]).

І. Л. пользовался, очевидно, спискомъ житія второй редакціи, принадлежащей митроп. Кипріану. Фразы кипріановскаго житія дословно повторяются въ «Описаніи» Коренной пустыни. Въ указанномъ житіи мы находимъ слѣдующія имѣющія для насъ большое значеніе указанія: во-первыхъ—родиной св. Петра была земля Волынская, во-вторыхъ – св. Петръ основываетъ монастырь на р. Рати, или Ратѣ, въ-третьихъ—въ избранномъ мѣстѣ св. Петръ построилъ церковь во имя Спаса, т. е. въ воспоминаніе Преображенія Господня.

О томъ, гдѣ находится рѣка Рата, источникъ не даетъ ясныхъ указаній; но изъ контекста рѣчи видно, что эта рѣка могла быть только въ Волынской землѣ. Дѣйствительно: св. Петръ идетъ въ пу-

---

[1]) Въ 1396 г. Кипріанъ предпринялъ путешествіе для обозрѣнія юго-западныхъ епархій и пробылъ въ Кіевѣ 1½ года. Въ 1404 г. онъ поѣхалъ въ Литву, потомъ въ Кіевъ, потомъ въ волынскую землю. (Макарій, Исторія р. церкви, т. IV, стр. 78, 85).

[2]) Житіе Петра, списано Кипріаномъ смиреннымъ мнихомъ и митрополитомъ кіевскимъ и всея Русіи". Степ. книга, стр. 410 и слѣд.

[3]) Степ. книга, стр. 410, 411, 412, 413.

стыню, которая была по отношенію къ мѣсту его родины *прилежащей*, и въ одномъ изъ монастырей, расположенныхъ въ этой пустынѣ, принимаетъ постриженіе; чрезъ нѣсколько времени онъ уходитъ изъ этого монастыря, обходитъ *«округная* мѣста пустынная» и въ безмолвномъ мѣстѣ на рѣкѣ Ратѣ строитъ церковь и келліи. Совершенно неправдоподобнымъ является предположеніе, что это «безмолвное мѣсто» было въ курской области, потому что курская область находилась по отношенію къ Волынской землѣ на разстояніи цѣлой тысячи верстъ. Исторія жизни св. Петра ничего не знаетъ о пребываніи св. Петра въ курской области въ 15 верстахъ отъ Курска; и трудно допустить, чтобы фактъ пребыванія св. Петра въ окрестностяхъ Курска—если-бы св. Петръ дѣйствительно былъ тамъ—не былъ отмѣченъ въ источникахъ. Исторически установленныя обстоятельства поставленія св. Петра въ митрополиты указываютъ именно на то, что предшествовавшая этому поставленію дѣятельность его протекла въ Волынской землѣ. Извѣстно, что внукъ князя галицкаго Даніила Юрій Львовичъ посылалъ св. Петра въ Константинополь исключительно затѣмъ, чтобы получить въ лицѣ его отдѣльнаго галицкаго митрополита. Патріархъ Аѳанасій охотно утвердилъ св. Петра въ санѣ митрополита, но неодобрительно отнесся къ мысли о раздѣленіи русской митрополіи и поставилъ его не галицкимъ митрополитомъ, а «кіевскимъ и всея Руси» [1]). Извѣстно также, что когда митроп. Максимъ въ 1301 году, во время путешествія своего на соборъ въ Царьградъ, обозрѣвалъ Волынскую землю [2]), здѣсь ему поднесъ икону Богоматери св. Петръ [3]).

Поэтому понятно, что Карамзинъ и Амвросій, которымъ представился случай говорить о монастырѣ св. Петра, указываютъ именно на Волынь. Карамзинъ, приводя выдержки изъ Кипріанова житія, послѣ словъ: «обрѣтаетъ мѣсто безмолвно на рѣкѣ Ратѣ» прибавляетъ отъ себя: *«въ Волыніи, а не близъ Курска»* [4]). Амвросій же пытается

---

[1]) См. объ этомъ у Н. Тихомірова: „Галицкая митрополія". Церковно-историческое изслѣдованіе„ С.-пб. 1896. Стр. 55, 56.

[2]) Преосв. Макарія „Исторія р. церкви", т. IV, стр. 14—15.

[3]) Житіе Прохора говоритъ о св. Петрѣ: „написа святую Богородицю и вда ю Максиму митрополиту".

[4]) Смирдинское отдѣльное изданіе „Примѣчаній" къ „Исторіи госуд. росс". С.-пб. 1852, т. II, прим. къ IV части 243-е.

даже указать, гдѣ именно находился монастырь, хотя въ этомъ случаѣ и допускаетъ ошибку [1]).

Для того, чтобы точно опредѣлить мѣстонахожденіе монастыря, мы должны обратиться къ указаніямъ тѣхъ писателей, которые разрабатываютъ исторію галицко-волынской земли, причемъ естественнѣе всего отдавать предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которые находились недалеко отъ мѣста рожденія (по житію) св. Петра и, такимъ образомъ, могли собрать наиболѣе достовѣрныя сдѣдѣнія о монастырѣ.

Извѣстный галицко-русскій писатель А. Петрушевичъ говоритъ такъ: «Рѣчка Рата течетъ въ жолковскомъ округѣ, нѣкогда бельзкой земли, и вливается въ Бугъ. Древній монастырь, въ которомъ св. Петръ былъ игуменомъ, стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ на рѣцѣ Рата, въ деревнѣ, именуемой тамошнимъ простонародіемъ Спасское (Спаске), въ книжной географической номенклатурѣ же извѣстной подъ названіемъ Дворцы (Dworce); слѣдовательно, упомянутый монастырь былъ сооруженъ во имя Преображенія Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, и того же титла есть настоящая церковь. На правомъ березѣ рѣчки Раты находится полянка, названа Петрова долина, принадлежащая до здѣшней приходской церкви, на которомъ мѣстѣ стояла нѣкогда монастырская церковь» [2]). Другой писатель—Денисъ Зубрицкій—указываетъ на тоже самое мѣсто. Рѣчка Рата, по его утвержденію, истекаетъ въ жолковскомъ округѣ, у села Верхраты, и впадаетъ въ Бугъ выше Крестіанполя. Мѣсто, въ которомъ находилась обитель, основанная св. Петромъ, есть село Дворцы на лѣвой сторонѣ Раты. Приходская церковь во имя Преображенія построена въ позднѣйшее время. «Есть пни истлѣнныхъ отъ старости берестовъ,

---

[1]) „Ратскій *Воздвиженскій* монастырь—говоритъ Амвросій—находился въ волынской губ., епархіи житомірской, на р. Ратѣ, отъ Житоміра къ с. з. въ 310 в." и т. д. („Исторія росс. іерархіи", ч. V. стр. 667). Амвросій тамъ же ссылается на Прологъ; но въ Прологѣ мы ничего не могли найти, кромѣ того же извѣстія, что св. Петръ основалъ монастырь „на рѣцѣ, зовомой Рата" (Прологъ, изд. 1843, 21 дек.). Значитъ ссылка эта не имѣетъ значенія для указанія мѣста монастыря. О томъ, что опредѣленіе Амвросія невѣрно, см: у Е. Е. Голубинскаго въ ст.: „Митрополитъ всея Россіи св. Петръ" (Богослов. Вѣстникъ, 1893, январь, 23 стр., прим.). Да это, впрочемъ, будетъ ясно при дальнѣйшемъ изложеніи.

[2]) Галичскій историческій сборникъ, издаваемый обществомъ галицко-русской Матицы. Вып. III. Львовъ, 1860. § 9-й. О галицкихъ митрополитахъ. Примѣч. 6-е.

есть и роща на правой сторонѣ рѣки, подъ названіемъ Петровой долины, и преданіе о существованіи здѣсь монастыря доселѣ остается въ устахъ народа» [1]).

Точность и опредѣленность указаній этихъ двухъ писателей, по нашему мнѣнію, исключаетъ возможность сомнѣній въ вопросѣ о мѣстонахожденіи монастыря св. Петра.

Проф. Е. Е. Голубинскій, съ своей стороны, склоненъ довѣрять указаніямъ упомянутыхъ писателей. «Можно думать—говоритъ онъ,—что родину св. Петра составлялъ либо городъ Бельзъ, находящійся на сѣверѣ отъ Львова, либо Львовъ, тогдашняя столица Галиціи» [2]). Этимъ до нѣкоторой степени опредѣляется и мѣсто монастыря. Село Дворцы (Спасское), по указаніямъ Голубинскаго, находится почти на равномъ разстояніи между городами Жолковымъ, къ округу котораго принадлежитъ, и Бельзомъ, прямо на югъ отъ послѣдняго [3]).

Какъ-же объяснить ошибку, допущенную авторомъ «Описанія» Коренной пустыни? какимъ образомъ І. А. пришелъ къ неправильному заключенію о мѣстонахожденіи монастыря св. Петра? Всѣ главныя историческія свидѣтельства о томъ, что монастырь былъ не въ курской области, находятся въ книгахъ, изданныхъ до 1865 года, когда вышло изъ печати первое изданіе «Историческаго описанія» Коренной пустыни. Трудно допустить, чтобы авторъ его, І. Л., не зналъ этихъ свидѣтельствъ—по крайней мѣрѣ, Амвросія или Карамзина, который прямо говоритъ, что мѣсто монастыря было «не близъ Курска».

[1]) Исторія древняго галическо-русскаго княжества. Часть 2-я Львовъ, 1852. Стр. 255. Примѣч. 243. Срав. его-же „Критико-историческую повѣсть временныхъ лѣтъ червонной или галицкой Руси". Перев. съ польск. М. 1845, стр. 71.

[2]) См. вышеуказанную статью въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" 1893, янв. стр. 22—23. Извѣстный проф. Павловъ А. С., изучавшій исторію галицкой митрополіи, называетъ эту статью „превосходной" („О началѣ галицкой и литовской митрополіи", М. 1894, стр. 9, прим. 2). Голубинскій ссылается на „Галичскій истор. сборникъ", упрекая въ ошибкѣ Д. Зубрицкаго. „Зубрицкій—говоритъ онъ—полагаетъ бывшій монастырь св. Петра въ *нынѣшнемъ селѣ Верхратѣ*". Мы, однако, видѣли, что у Зубрицкаго такой мысли нѣтъ: онъ говоритъ только то, что р. Рата „*истекаетъ* у с. Верхраты", относительно-же мѣста монастыря онъ дѣлаетъ указанія совершенно согласно съ „Галичскимъ сборникомъ". Поэтому—упрекъ Е. Е. Голубинскаго несправедливъ.

[3]) Зубрицкій утверждаетъ, что св. Петръ родился гдѣ-то въ окрестностяхъ Бельза („Исторія др. галиц.-русск. княж.", ч. 2, стр. 256).

Сравнивая приведенныя нами выдержки изъ кипріановскаго житія св. Петра съ тѣми сужденіями, которыя высказываетъ І. Л., мы прежде всего замѣчаемъ, что въ «Описаніи» Коренной пустыни прибавлено много лишняго сравнительно съ житіемъ, благодаря чему повѣствованіе житія принимаетъ совершенно другой характеръ. Въ житіи сказано, что св. Петръ обходитъ «округная мѣста пустынная» (т. е. находящіяся недалеко отъ его родины); между тѣмъ въ «Описаніи» говорится, что онъ обходилъ «*многія* мѣста и пустыни». Это измѣненіе сдѣлано, очевидно, съ тою цѣлью—если только, впрочемъ, здѣсь можетъ быть рѣчь о намѣренномъ измѣненіи,—чтобы представить болѣе правдоподобной мысль объ основаніи монастыря въ курской области, находящейся на большомъ разстояніи отъ родины святителя—Волынской земли. Вѣдь, если св. Петръ обходилъ многія мѣста, а не окрестныя только, то онъ могъ зайти и въ Курскъ, несмотря на то, что онъ отстоялъ отъ родины его болѣе чѣмъ на тысячу верстъ. Затѣмъ, основываясь на созвучіи названій: «Рать, Рата», І. Л. указываетъ на рѣку Рать въ курской области, добавляя, что Рать впадаетъ въ р. Сеймъ, чего въ житіи, конечно, нѣтъ.

Мы не беремся рѣшать съ несомнѣнностію, кто именно виновникъ этихъ измѣненій—І. Л., который, можетъ быть, комментировалъ житіе по своему, или же кто-нибудь другой: можетъ быть, І. Л. только пользовался неточнымъ спискомъ житія, которое было измѣнено какимъ-либо благочестивымъ курскимъ жителемъ. Во всякомъ же случаѣ нужно признать, что этотъ комменатарій принадлежитъ къ числу довольно неудачныхъ, и на отвѣтственности автора „Описанія“ лежитъ то, чтó совершенно неправильная мысль была пущена въ обращеніе и повторяется въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

Сознательно ли сдѣлано было указанное измѣненіе авторомъ „Описанія“ или несознательно, для дѣла рѣшительно все равно. И въ томъ и въ другомъ случаѣ процессъ, происходившій въ душѣ автора, является вполнѣ понятнымъ. І. Л., повидимому, имѣлъ въ виду не столько научныя цѣли, сколько нравственно-назидательныя. Насколько можно судить по книгѣ, онъ былъ самъ человѣкъ очень вѣрующій [1]). Даже обстоятельствамъ, сопровождавшимъ развитіе Коренной пустыни, онъ придаетъ провиденціальное значеніе. Въ читателяхъ онъ хочетъ

---

[1]) См., напр., стр. 4, 8, 9, 13 и др. „Описанія“ въ указанномъ изданіи.

возбудить благоговѣніе къ пустыни, создать благочестивое настроеніе и внушить убѣжденіе въ томъ, что самое мѣсто, гдѣ она находится, и вся область курская освящены божественною силою. Мысль о томъ, что св. Петръ былъ въ курской области, подвизался въ ней въ санѣ игумена и основалъ даже монастырь, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ его настроеніемъ и подходитъ къ его цѣлямъ. І. Л.—присяжный историкъ, ему знакомы научные пріемы изслѣдованія, какъ можно видѣть изъ „Описанія"; но воодушевившись высокой задачей агіографа, онъ сходитъ съ исторической почвы и пользуется сближеніями совершенно примитивнаго характера, забывши, что одно только сходство названій рѣки (Рата, Рать) не даетъ еще никакихъ твердыхъ и опредѣленныхъ указаній.

То обстоятельство, что Коренная пустынь владѣла такъ называемымъ „святымъ городищемъ" на р. Рати [1]), указываетъ лишь на то, что на этомъ мѣстѣ когда-нибудь *могъ быть* монастырь—какой, неизвѣстно.

Что же касается извѣстія „Исторія о городѣ Курскѣ" о томъ, что въ 1650 году найдены около рѣки Рати развалины палатъ, то объясненія его нужно искать въ другихъ фактахъ. Существуетъ указаніе, что первый „властелинъ" Курска—Изяславъ Владимировичъ—построилъ „дворецъ съ каменнымъ укрѣпленіемъ", и что остатки этого дворца были разобраны въ 1650 году [2]). Мы не знаемъ, на чемъ основывается это утвержденіе, но если оно имѣетъ какую-нибудь историческую цѣнность, то извѣстіе „Исторіи о г. Курскѣ" о палатахъ можно относить именно къ этому дворцу. Можетъ быть, на мѣстѣ развалинъ была когда-нибудь сторожка или даже поселокъ кого-нибудь изъ служилыхъ людей. Въ XVI--XVII в. московское правительство съ охотою раздавало земли въ южной окраинѣ служилымъ людямъ, обязывая ихъ охранять предѣлы государства отъ набѣговъ кочевниковъ. Поверхность курской области почти сплошь была покрыта лѣсомъ, особенно по бассейнамъ рѣки Сейма и его притоковъ; лѣсъ же давалъ много средствъ для защиты первымъ поселенцамъ. И вотъ на лѣсистомъ берегу р. Рати, въ укромномъ уголкѣ, можетъ быть, и устроилъ кто-нибудь маленькую крѣпость для защиты себя и своихъ

---

[1]) См. „Описаніе"—въ концѣ главы, заключающей обзоръ „перваго періода" существованія Коренной пуст.

[2]) См. Экциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона, статья: „Курскъ".

пожитковъ. А протопопъ курскій Григорій изъ развалинъ этой крѣпости ломалъ кирпичъ и дикій камень для постройки соборной церкви [1]). Наименѣе правдоподобнымъ является предположеніе, что это были развалины древняго монастыря: извѣстно, что основатели обителей селились въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ и имѣли возможность строить лишь самыя убогія церкви и келліи; и только въ пору наибольшаго процвѣтанія своего монастыри украшались великолѣпными каменными храмами.

Такимъ образомъ, курянамъ приходится признать невѣрнымъ извѣстіе о томъ, что св. Петръ освятилъ своею дѣятельностію курскій край. Разумѣется, вполнѣ очевидно, что отъ этого признанія, сдѣланнаго исключительно въ интересахъ исторической правды, ни слава курской святыни, благоговѣйно чтимой въ курской губерніи и даже далеко за предѣлами ея, ни вліяніе святыни на религіозную жизнь края нисколько не могутъ уменьшиться.

Поэтому надѣемся, что въ новомъ изданіи „Историческаго описанія“ Коренной пустыни и II-го тома „Россіи“ указанная нами ошибка будетъ устранена.

Д. Булгаковъ.

А. Войтковъ. Іовъ Базилевичъ, епископъ переяславскій и участіе его въ церковно-политической жизни Польской Украины. *(1771—1776). Кіевъ. 1903 г. стр. 1—194.*

Едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ послѣднее время въ русской читающей публикѣ интересъ къ вновь появляющимся произведеніямъ исторической, а особенно церковно-исторической литературы, весьма незначителенъ. Виновата въ этомъ, конечно, не одна публика, увлекаемая новыми литературными вкусами и теченіями мысли, новыми научными горизонтами и перспективами, наконецъ, новыми запросами жизни,—виновата въ этомъ и сама историческая литература. Она рѣдко даритъ современнаго читателя произведеніями несомнѣнной научной цѣнности, гдѣ бы новизна историческаго матеріала или, хотя бы, новизна постановки и рѣшенія историческихъ вопросовъ соединялась съ живостью и легкостью

---

[1]) См. „Исторію о г. Курскѣ“.

изложенія. Весьма рѣдки историческіе труды, которые бы въ описаніяхъ и выводахъ опирались на обильныхъ архивныхъ данныхъ и проливали бы въ самомъ дѣлѣ новый свѣтъ на болѣе темныя страницы прошлаго нашей родины. Естественно, поэтому, что всякая, болѣе или менѣе серьезная, попытка въ этомъ родѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и нуждается въ болѣе тщательной научной оцѣнкѣ.

Вышеназванный трудъ г. Войткова, представляющій собою оттискъ изъ академическаго журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“, обращаетъ на себя вниманіе, прежде всего, множествомъ ссылокъ на обильный архивный матеріалъ, бывшій, повидимому, подъ руками у автора. Матеріалъ этотъ взятъ по преимуществу изъ актовъ бывшей нѣкогда переяславской консисторіи, хранившихся до послѣдняго времени (замѣтимъ отъ себя—въ крайнемъ безпорядкѣ) при кіевской духовной консисторіи. Кромѣ того, имѣются ссылки и на архивъ св. синода Архивныя данныя, въ свою очередь, старательно комментируются, подкрѣпляются и дополняются многими данными изъ разнообразныхъ печатныхъ источниковъ. Далѣе, предметомъ изслѣдованія являются 1771—1776 годы изъ исторіи возсоединенія уніатовъ Западной Украины съ православной Россіей,—годы, сравнительно слабо освѣщенные въ нашей церковно-исторической литературѣ, а между тѣмъ,—слѣдовавшіе за столь значительными по народному и церковно-религіозному движенію въ Украинѣ 1766—1769 годами. Все это придаетъ названному труду характеръ явленія незауряднаго и побуждаетъ насъ къ обстоятельному и по мѣстамъ даже очень подробному его разсмотрѣнію.

Авторъ называетъ свой трудъ историко-біографическимъ очеркомъ и даетъ ему заглавіе: „Іовъ Базилевичъ, еп. переяславскій и участіе его въ церковно-политической жизни Польской Украины“. Итакъ, главнымъ предметомъ этого изслѣдованія авторъ считаетъ личность и дѣятельность епископа Іова Базилевича. Въ дѣйствительности же, при чтеніи книги, оказывается, что годы жизни этого епископа и мѣропріятія формально-бюрократическаго характера служатъ лишь искусственной рамкой, куда вставлены авторомъ полныя глубокаго интереса картины (часто не безъ ущерба для ихъ широты и выразительности) изъ церковно-политической жизни Польской Украины. Читатель сосредоточиваетъ свое вниманіе всецѣло на этихъ картинахъ, на этихъ замѣчательныхъ событіяхъ, а о главномъ якобы дѣйствующемъ лицѣ этихъ событій почти забываетъ, и только характеристики

лица, дѣлаемыя авторомъ настойчиво и довольно неожиданно, чуть ли не въ концѣ каждаго отдѣла книги,—крайне цвѣтистыя, но не имѣющія достаточной опоры въ изложенныхъ фактахъ, заставляютъ вспоминать о немъ.

Слишкомъ очевидны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тщетны всѣ усилія автора подчеркнуть каждый шагъ въ дѣятельности Іова Базилевича. То вѣрно, что названный епископъ ревностно относился къ своимъ обязанностямъ по управленію церковно-религіозной жизни православныхъ украинцевъ при весьма трудныхъ, измѣнчивыхъ условіяхъ, но также несомнѣнно, что при этомъ особаго рода энергіи и замѣчательнаго образа дѣйствій онъ не проявляетъ и замѣтнаго вліянія на ходъ событій не оказываетъ. Онъ предоставляетъ самыя широкія полномочія переяславской консисторіи, которая дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно, допуская различныя злоупотребленія въ важномъ дѣлѣ защиты православія на Украинѣ. Никакихъ новыхъ путей въ своемъ отношеніи къ церковно-религіозному вопросу Украины еп. Іовъ не пролагаетъ. Въ особую заслугу ему,—въ заслугу, относящую его якобы къ разряду незаурядныхъ дѣятелей,—авторъ ставитъ „неуклонное“ (а въ дѣйствительности едва замѣтное) стремленіе къ „твердо поставленной цѣли“, которая „заключалась, по традиціи отъ предшественниковъ, въ старой охранѣ національной самобытности православно-русскаго населенія Польши и въ осторожномъ, но послѣдовательномъ проведеніи въ народную среду той единственно вѣрной, историческимъ опытомъ оправданной, идеи, по которой рѣшительнымъ средствомъ для выхода изъ безотраднаго положенія могла служить лишь органическая ассимиляція съ кореннымъ русскимъ народомъ и русской государственностью“ (стр. 183-184). Но отсюда ясно, что въ образѣ дѣйствій преосв. Іова самъ авторъ не находитъ никакой оригинальности и считаетъ этотъ образъ дѣйствій „унаслѣдованнымъ по традиціи“—съ осторожностью, постепенностью и прочими добродѣтелями.

Не смотря на это, въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ старается усмотрѣть въ тѣхъ или иныхъ дѣйствіяхъ преосв. Іова какія то необычайныя особенности и недюжинныя способности. Такъ, напр. въ совѣтахъ его, преподанныхъ украинскимъ протопопамъ о томъ, чтобы „насильно къ православію никого не принуждать и грабительствъ отнюдь никакихъ не дѣлать“ авторъ видитъ „глубокое политическое прозрѣніе и дальновидность“ (стр. 117), тогда какъ все въ этомъ случаѣ можетъ быть объяснено внушеніями простого благоразумія, требова-

ніями элементарной морали и чувствомъ самосохраненія, въ виду печальнаго примѣра его предшественника, преос. Гервасія, который и при довольно осторожномъ образѣ дѣйствій все же былъ обвиненъ въ подстрекательствѣ народныхъ украинскихъ массъ къ бунтамъ и въ наказаніе за это былъ удаленъ изъ своей резиденціи въ Кіевъ. Въ другомъ случаѣ, авторъ приписываетъ преос. Іову крайне хитрую заботу о „проявленіи народнаго негодованія (въ Украинѣ) въ легальныхъ формахъ“ (стр. 165), иначе говоря, о выполненіи какого-то удивительнаго сочетанія нелегальнаго съ легальнымъ. Въ третьемъ случаѣ, считается замѣчательнымъ то обстоятельство, что преос. Іовъ, признававшій за украинскими приходами право избирать себѣ священчика, шелъ въ данномъ случаѣ „въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ своей эпохи“, которая была временемъ „систематическаго уничтоженія выборной системы и проведенія началъ централизаціи“ (стр. 62). Но ничего замѣчательнаго здѣсь нельзя видѣть. Дѣло объясняется очень просто: никакого намѣренія итти въ разрѣзъ съ эпохой у преос. Іова не было, о централизаціи и уничтоженіи выборнаго начала Польской Украины ему въ то время нельзя было и думать, такъ какъ епархіальная православная власть тамъ была до крайности слаба, православіе поддерживалось, главнымъ образомъ, прихожанами, а не пастырями, и для епископа поддерживать выборное начало—это значило располагать къ себѣ народъ, а подрывать это начало—значило итти противъ желаній прихожанъ и обращать ихъ въ сторону уніи.

Въ своемъ непремѣнномъ желаніи разрисовать личность преос. Іова авторъ доходитъ до чрезмѣрной идеализаціи ея и до приторнаго панегиризма, расплывающихся въ апріорныхъ, даже предположительныхъ сужденіяхъ, подъ-часъ противорѣчиваго характера. Сопоставивши эти сужденія другъ съ другомъ и съ фактическими данными, имѣющимися въ книгѣ на лицо, крайне трудно согласить ихъ. Въ результатѣ получается какая то игра словъ на подобіе: „Съ одной стороны нельзя не сказать, а съ другой—нельзя не замѣтить“. Въ этомъ отношеніи особенно интересна характеристика преос. Іова, какъ человѣка и администратора, помѣщенная на стран. 107—109. Содержащіяся въ ней противорѣчія трудно примирить даже при самомъ тонкомъ психологическомъ анализѣ (къ чему напрасно стремится авторъ). Возьмемъ слѣдующія выраженія: „Идеалистъ, онъ (т. е. преос. Іовъ) относится къ людямъ мягко и довѣрчиво и видитъ въ нихъ одно хорошее“, но при этомъ онъ „караетъ ихъ строго и безпощадно“; въ отношеніи

къ подчиненнымъ онъ „избѣгаетъ теплыхъ словъ, а исключительно приказываетъ, предписываетъ и обовязываетъ“, „бываетъ въ иныхъ случаяхъ суровъ“, но „эта черта примиряется и смягчается въ немъ душевной добротой“ (которая ни въ чемъ не видна, но) „которая ищетъ высшей идеальной правды“; онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ (очевидно—наивныхъ) людей, для которыхъ „незначительныя уклоненія отъ нормы представляются безусловнымъ нарушеніемъ закона, долга и справедливости“ (между тѣмъ, изъ наличныхъ данныхъ видно, что онъ караетъ лишь грубыя отклоненія отъ закона и долга!..) и въ объясненіе этого (по совершенно произвольному предположенію автора) долженъ быть причисленъ къ натурамъ, „отличающимся глубиною чувства и сильною впечатлительностью“. Такія натуры „часто допускаютъ ошибки. Желая выровнять дерево, они слишкомъ перегибаютъ его на другую сторону (въ отношеніи къ преос. Іову это—совершенно непонятный намекъ на совершенно неизвѣстныя дѣйствія)“ и т. д.

Также трудно согласить категорическое утвержденіе въ одномъ случаѣ, что преос. Іовъ отдавался „борьбѣ съ враждебными вліяніями“ въ сферѣ духовно-религіозныхъ интересовъ Украины „всѣмъ своимъ существомъ“, и не менѣе рѣшительное заявленіе въ другомъ случаѣ, что живое дѣло защиты православія онъ пускалъ чрезъ мертвящій „консисторскій фильтръ“, „всецѣло довѣрялся консисторіи и даже подчинялся ея вліянію“ (стр. 109).

Исключительно біографическій характеръ имѣетъ лишь II-я глава книги г. Войткова (стр. 25—37), которая говоритъ о рожденіи, воспитаніи и дѣятельности Іова Базилевича до епископства—въ качествѣ ректора Харьковскаго Коллегіума, а затѣмъ—архимандрита Курскаго Знаменского монастыря, и представляетъ собой точный, весьма старательный сводъ печатныхъ данныхъ по этимъ вопросамъ. Глава I-я посвящена общему обзору эпохи, на которую падаетъ дѣятельность преос. Іова (стр. 1—24), III-я и IV-я главы—важнѣйшему предмету изслѣдовавія, церковно-политическимъ событіямъ въ Украинѣ, свидѣтелемъ и участникомъ которыхъ въ извѣстной мѣрѣ пришлось быть этому епископу. Третья глава обнимаетъ собой первый періодъ указанныхъ событій съ 1771 по 1773 г., характеризующійся, „перевѣсомъ и торжествомъ православной идеи и русской народности въ краѣ“, а четвертая глава—второй періодъ, ознаменовавшійся по словамъ автора, „численнымъ превосходствомъ въ краѣ польско-уніатской партіи и терроризаціей его послѣдней“. Краткій эпилогъ содержитъ

въ себѣ общій заключительный взглядъ автора на судьбы православія въ Украинѣ и послѣднюю оцѣнку дѣятельности преос. Іова. Въ приложеніи, наконецъ, помѣщенъ документъ, содержащій въ себѣ современный указаннымъ событіямъ діалогъ на русскомъ и польскомъ языкѣ между представителями православной и уніатской духовной власти въ Украинѣ.

Въ общемъ обзорѣ эпохи кратко говорится о многомъ: о происхожденіи и характерѣ западно-русской уніи и вѣковой борьбѣ съ ней православнаго населенія Польши, времени, предшествовавшемъ дѣятельности преос. Іова въ Украинѣ, о сеймѣ 1767—68 гг., о барской конфедераціи и гайдамацкомъ бунтѣ, о послѣдующемъ настроеніи враждующихъ въ Украинѣ партій, о диссидентскомъ вопросѣ послѣ перваго раздѣла Польши, объ отношеніи къ этому вопросу русскаго правительства и въ частности—важнѣйшихъ представителей этого правительства, начиная съ императрицы Екатерины II-й. Обо всемъ говорится кратко, авторитетно, рѣшительно и фразисто, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне поверхностно и неосновательно. Мнѣнія и сужденія автора по всей видимости разсчитаны на полную безошибочность и убѣдительность, а между тѣмъ обнаруживаютъ недостаточное или поверхностное знакомство его съ широкообслѣдованными уже историческими данными и заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ неопредѣленностей, преувеличеній, а то и прямыхъ погрѣшностей. По мѣстамъ весьма замѣтно, какъ громкими словами и цвѣтистыми выраженіями прикрывается недостатокъ ясности, точности и основательности въ историческихъ выводахъ и сужденіяхъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго отмѣтимъ болѣе характерныя мѣста первой главы. Произнося рѣшительный судъ надъ уніей, авторъ между прочимъ говоритъ: „Унія (ко времени дѣятельности преос. Іова), обнаруживъ въ теченіе двухвѣковаго существованія полную несостоятельность въ проведеніи указанныхъ ей политическихъ религіозныхъ тенденцій и ознаменовавъ свое господство непрерывнымъ рядомъ насилій, доживала послѣдніе дни“... и далѣе неожидано, безъ всякихъ комментаріевъ, продолжаетъ: „Казалось бы, въ этомъ процессѣ саморазложенія она должна была обезсилѣть, лишенная внутренней и внѣшней точки опоры, сойти въ могилу никѣмъ незамѣченной, никому ненужной“... Здѣсь, что ни слово, то загадка. Что собственно надо разумѣть подъ „этимъ процессомъ саморазложенія“? Каковы были признаки его? Не вѣрнѣе ли, что къ указанному времени унія захва-

тила почти все православное населеніе Польши, подавляла уже последніе проблески православія, особенно входила въ силу и не только имѣла внѣшнія точки опоры въ польскомъ правительствѣ, но и находила внутреннія—въ душахъ украинскаго духовенства, а то и простого, уже отчасти свыкавшагося съ ней, украинскаго народа? Этимъ и надо объяснять то обстоятельство, что въ последніе свои дни, постепенно лишаясь, подъ давленіемъ Россіи, внѣшней точки опоры, унія проявляла большую живучесть и вела упорную борьбу съ православіемъ, что она не „сошла въ могилу никѣмъ незамѣченной". Да и могло ли исчезнуть незамѣтно вѣковое явленіе—то, что такъ долго всѣми средствами насаждалось въ народѣ? Конечно, нѣтъ. Посему страннымъ кажется намъ все недоумѣніе автора и приводимое даже хитроумное объясненіе удивительнаго для него явленія: „Но вышло иначе. Никогда она (унія) не проявляла столько живучести—упорной, поразительной, какъ именно въ это время... То были последнія судорожныя движенія, еще болѣе ускорившія ея погибель» (стр. 6). Последнее сравненіе, по нашему мнѣнію, совершенно неудачно опредѣляетъ характеръ рѣшительной и подъ-часъ искусной борьбы уніи съ надвигавшейся со стороны Россіи опасностью: то были живыя, напряженныя движенія вошедшаго въ силу организма, въ виду все возраставшихъ внѣшнихъ препятствій для его развитія, а не предсмертныя судороги организма одряхлѣвшаго, разложившагося.

Приводимъ далѣе рядъ сужденій гиперболическаго характера: 1) „Барская конфедерація залила кровью всю Украину" (стр. 9), 2) „Въ волнахъ народной крови политическій организмъ Польши приблизился къ окончательному разложенію" (Рѣчь о первомъ раздѣлѣ Польши, стр. 12), 3) „Шляхетскій походъ (послѣ 1773 г. противъ православныхъ Украины) по обыкновенію принялъ форму крестоваго" (стр. 12), 4) „По трактату 1768 г. диссидентамъ была предоставлена полная свобода вѣроисповѣданія" (стр. 6—7), 5) „Это была реакція забитаго народа" (Рѣчь о возстаніи 1768 г. стр. 10). 6)» Если въ Римѣ все еще вѣрили въ великое значеніе уніи, какъ средства къ водворенію католичества на украинской территоріи, то здѣсь, на мѣстѣ ея существованія, давно уже перестали думать объ этомъ" (стр. 14—15). „Въ последніе годы существованія польской республики... лица, поставленныя во главѣ управленія, равнымъ образомъ и та часть націи, для которой благо отечества было дороже тѣхъ или другихъ формъ религіознаго созерцанія, стали приходить къ одинаковому убѣжденію, что

унія—зло,... что необходимо парализовать ея энергію и дать больше средствъ къ самозащитѣ страдательной (т. е. православной) сторонѣ"... и дальше, гдѣ авторъ старается развить ту мысль, что польское правительство употребляло всѣ средства, чтобы ослабить унію, а польскіе паны относились къ православнымъ „съ замѣчательной вѣротерпимостью" (стр. 13—14).

Въ первомъ и второмъ случаѣ „волны крови", разлитыя авторомъ для краснаго словца, производятъ совсѣмъ непріятное впечатлѣніе. Въ первомъ случаѣ это тѣмъ болѣе непростительно, что въ подтвержденіе сказаннаго дѣлаются ссылки на печатные источники, гдѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній для подобной гиперболы. Такъ, если обратимся къ ссылкѣ на Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. I, т. 3, стр. 734, то найдемъ здѣсь, въ письмѣ епископа переяславскаго Гервасія къ графу Кречетникову, стоявшему въ то время съ русскимъ военнымъ отрядомъ на границахъ Украины, упоминаніе „о возмущеніяхъ и гвалтовничествахъ отъ нѣкоторыхъ конфидератовъ и другихъ бунтовщиковъ" (разум. гайдамаки) въ Украинѣ. Въ то время незначительные отряды конфедератовъ, собиравшіеся въ Украинѣ, уже были разсѣяны коліями Желѣзняка, а Кречетниковъ, усмирявшій раньше конфедератовъ, взялся за усмиреніе „коліевъ". По второй ссылкѣ у Антоновича (Монографіи. 1,274) находимъ лишь указаніе, что конфедерація 4 года волновала Польшу. Столь же неубѣдительны и другія ссылки. О залитіи кровью Украины не говорятъ. Да оно и понятно. Если барскіе конфедераты и имѣли желаніе „залить кровью всю Украину", то имъ не удалось и отчасти осуществить его, такъ какъ помѣшали русскія войска, сразу загнавшія ихъ за Днѣпръ. Съ мелкими же мѣстными отрядами конфедератовъ въ Украинѣ, вздумавшими устрашать населеніе Украины да вербовать себѣ охотниковъ, скоро расправились возставшіе коліи.

Въ третьемъ случаѣ стремленіе польскихъ шляхтичей удержать въ повиновеніи уніатскимъ духовнымъ властямъ украинскій народъ, проявлявшееся частично, по тому или другому поводу, а иногда пріобрѣтавшее болѣе общій характеръ и сопровождавшееся насиліями, авторъ, неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, возводитъ въ обыкновеніе совершать походы, подобные крестовымъ. Въ четвертомъ случаѣ надо имѣть въ виду, что по трактату 1768 г. не разрѣшался свободный переходъ изъ католичества въ православіе или возвратъ изъ уніи въ православіе, а потому едва ли справедливо будетъ утвер-

жденіе, что по этому трактату дана была диссидентамъ полная свобода вѣроисповѣданія. Въ пятомъ случаѣ коліивщина названа реакціей забитаго народа, между тѣмъ какъ она имѣла мѣсто въ средѣ украинскаго населенія, пользовавшагося еще сравнительно большими льготами, въ общемъ безпокойнаго, жившаго въ сосѣдствѣ съ Запорожьемъ и потому легко воспламенявшагося, при всякомъ серьезномъ ограниченіи своихъ правъ со стороны польскихъ властей. Названіе „забитаго“ къ этому непокорному населенію Украины совсѣмъ неприложимо.

По шестому случаю замѣтимъ, что, если въ Польшѣ католики и разочаровались отчасти въ уніи, какъ въ скоромъ и незамѣтномъ пути перевода православныхъ въ католичество, если и досадовали на медленность такого перевода и старались даже тѣснить уніатовъ, чтобы склонить ихъ къ католичеству, то все же рѣшительно пренебрегать этимъ средствомъ они не имѣли основаній и всячески поддерживали унію въ борьбѣ съ православіемъ. Уніатскіе епископы половины XVIII в. неоднократно обращались съ жалобами къ папскому престолу на то, что католическое духовенство Польши слишкомъ энергично обращаетъ ихъ пасомыхъ въ католицизмъ. Они даже побаивались, какъ бы, чрезъ убыль уніатовъ въ латинство, въ скоромъ времени совсѣмъ не остаться безъ пасомыхъ (см. „Sejm czterołetni“ Waleryana Kalinki, Lwow, 1884—1886 г. т. II, стр. 370—371. „Dzieje koscioła unickiego na Litwe i Rusi w XVIII i XIX wieku“. Edwarda Likowskiego, Poznań, 1880, стр. 66).

Въ седьмомъ случаѣ единичные примѣры терпимости и сочувствія въ отношеніи православныхъ со стороны представителей польскаго правительства и польскаго высшаго общества слишкомъ преумножены, найдена даже цѣлая часть націи такого образа мыслей, которая будто бы была убѣждена въ томъ, что унія зло и что ее надобно всячески ограничивать, чтобы поддержать православіе. Безспорно, что эта терпимость поляковъ дальше платоническаго сочувствія православнымъ не шла и, во всякомъ случаѣ, мирилась съ полной терпимостью ихъ въ отношеніи къ уніи. Въ противномъ случаѣ, какъ объяснить отсутствіе этой „части націи“ на сеймахъ 1766—1768, 1773 и 1775 гг., гдѣ самъ авторъ отмѣчаетъ проявленія сплошного фанатизма со стороны поляковъ, при всякомъ предложеніи русскаго посла объ облегченіи въ законодательномъ порядкѣ участи православныхъ въ Польшѣ? Ссылка автора на уніатскаго историка Пелеша въ подтвержденіе того, что польское правительство старалось всячески

ограничить унію, неосновательна, такъ какъ въ указанномъ мѣстѣ (стр. 502—504) Пелешъ ясно свидѣтельствуетъ, что король, если и желалъ, то ничего не могъ сдѣлать для поддержанія уніи, такъ какъ Репнинъ слѣдилъ за нимъ глазами Аргуса.

Отсюда уже—доводить сочувствіе высшаго польскаго общества уніи до того, что видѣть единственный базисъ ея въ мелкой шляхтѣ, какъ это дѣлаетъ авторъ на страницахъ 16—17-й, значитъ допускать явную ошибку. При одной поддержкѣ мелкой шляхты на мѣстѣ,—въ провинціи, безъ сильной партіи въ сеймѣ (напрасно авторъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 139) утверждаетъ, будто вліяніе мелкой шляхты на сеймѣ было такъ велико, что она составляла „общественное мнѣніе", имѣвшее рѣшающее значеніе въ сужденіяхъ сейма. Обычно на сеймахъ представительствовала крупная шляхта), унія въ законодательномъ порядкѣ оказалась бы беззащитной, между тѣмъ, при всемъ давленіи русскихъ пословъ на депутатовъ сеймовъ, она находила здѣсь, и именно въ высшихъ сферахъ, самыхъ ярыхъ защитниковъ.

Остановимся еще предъ нѣкоторыми сужденіями автора изъ той же главы: „При Елисаветѣ, когда всѣ силы государства сосредоточились на семилѣтней войнѣ, было не до диссидентовъ" (стр. 19). Во-первыхъ, невѣрно, что эта война поглощала всѣ силы государства, во-вторыхъ, не семь лѣтъ царствовала Елисавета Петровна, въ третьихъ, дипломатія этой императрицы энергичнѣе, чѣмъ когда-либо раньше, ратовала за интересы православныхъ въ Польшѣ, такъ что диссидентскій вопросъ переданъ былъ Екатеринѣ II-й, какъ уже готовый и назрѣвшій для окончательнаго разрѣшенія.

„Глубокій политическій умъ (говорится объ Екатеринѣ II-й), все взвѣшивавшій, постигавшій самыя тонкія и сложныя настроенія дипломатическаго искусства и непреклонная сила воли, не останавливавшейся ни передъ какими препятствіями—таковы отличительныя черты женщины, какъ будто созданной для царственнаго служенія" (стр. 19). Столь рѣшительное сужденіе по вопросамъ, въ исторической наукѣ пока еще спорнымъ, повидимому, разсчитанное на то, чтобы явиться послѣднимъ словомъ науки, кажется намъ тѣмъ болѣе излишнимъ, что данныя для его ограниченія можно найти въ любомъ школьномъ учебникѣ исторіи. Какъ извѣстно, монаршей волѣ Екатеринѣ II не одинъ разъ приходилось останавливаться предъ препятствіями, хотя бы, напр., при попыткѣ осуществить законодательную реформу или при желаніи улучшить положеніе крестьянъ.

„Уніатскіе историки заблуждаются, когда утверждають, что Екатерина стремилась только къ водворенію на польской территоріи вѣротерпимости“ (стр. 19). Не знаю, почему авторъ приписываетъ такое мнѣніе уніатскимъ историкамъ, ссылаясь на Пелеша:—какъ разъ наоборотъ,—они подвергаютъ это самое большому сомнѣнію и высказываютъ тотъ взглядъ, который авторъ считаетъ своимъ.

„11 апрѣля 1764 г. она (Екатерина II-я) заключила съ Фридрихомъ II секретную конвенцію, гдѣ рѣшенъ былъ положительно и безповоротно раздѣлъ Польши“ (стр. 20). Интересно здѣсь то, что въ подтвержденіе своего личнаго мнѣнія, такъ категорически заявленнаго, авторъ ссылается на различные источники, которые, какъ бы ни суммировать ихъ показанія, не даютъ основанія для столь смѣлаго сужденія: ни Шлоссеръ (стр. 139—140), ни Костомаровъ (стр. 80), ни Пелешъ (стр. 545). Послѣдній, между прочимъ, приводитъ подлинный текстъ секретной конвенціи и въ ней говорится лишь о взаимномъ обязательствѣ Екатерины II-й и Фридриха II-го поддерживать въ Польшѣ выгодный для нихъ политическій ея порядокъ, но ничуть не о безповоротномъ намѣреніи раздѣлить ее.

„Мы тебѣ и королю твоему снесемъ голову, чтобы онъ не давалъ правъ схизматикамъ, собачьей вѣрѣ, говорили конфедераты Мелхиседеку по пріѣздѣ его изъ Варшавы“ (стр. 9, примѣч. 2). Эти слова авторъ относитъ къ барскимъ конфедератамъ, при чемъ ссылается на Архивъ Ю. З. Россіи, ч. I, т. 2, стр. CXXI. Но въ указанномъ мѣстѣ этихъ словъ нѣтъ, о конфедератахъ нѣтъ и рѣчи. Слова эти находятся на страницѣ 837, 3 тома I части Арх. Ю. З. Р.; и вотъ если разобраться, какъ слѣдуетъ, въ нихъ, то окажется, что они относятся къ 1766 г., когда Мелхиседекъ, вернувшійся изъ Варшавы съ привилегіями, имѣлъ въ Украинѣ разговоры съ поляками; съ ноября же сего года онъ жилъ въ Переяславѣ и въ Украину не возвращался и въ 1768 г. никакихъ пререканій съ барскими конфедератами не имѣлъ.

„Въ Андрусовскомъ договорѣ 1686 г. онъ (Алексѣй Михайловичъ) рѣшительно высказалъ свое сочувствіе“ жителямъ праваго берега Днѣпра (стр. 18). Извѣстно, что Андрусовскій договоръ заключенъ былъ въ 1667 г., и вѣчный миръ 1686 г. состоялся въ правленіе царевны Софіи.

Больше всего интереса, какъ по богатству и новизнѣ содержанія, такъ и живости и стройности изложенія, представляетъ, по на-

шему мнѣнію, третья глава книги г. Войткова. Разсказавши сначала о поѣздкѣ въ Петербугъ украинскихъ протопоповъ, Симеона Переровскаго и Михаила Гуранды, и о дарованіи, по ихъ ходатайству, императрицей Екатериной II-й рескрипта на имя русскихъ войскъ, пребывавшихъ въ Польшѣ, объ оказаніи покровительства православнымъ жителямъ Украины,—и объ открывшемся послѣ этого грандіозномъ присоединеніи къ православію украинскихъ уніатовъ (правда, грандіозность эта здѣсь не обрисована), авторъ далѣе обстоятельно повѣствуетъ о православной церковной организаціи въ Украинѣ и характеризуетъ нововозсоединяющихся, начиная съ прихожанъ и кончая главными духовными дѣятелями. Здѣсь онъ говоритъ объ избраніи кандидатовъ во священство, объ ихъ образовательномъ цензѣ, о правилахъ „презенты", о ставленнической процедурѣ и связанныхъ съ ней формальностяхъ, о волошскихъ постриженцахъ, о снабженіи церквей необходимыми священными принадлежностями, объ украинскихъ протопопахъ, о духовенствѣ вообще, о монашествѣ и проч. Всѣ эти вопросы, конечно, не новы въ церковно-исторической литературѣ, но въ изложеніи г. Войткова они много выигрываютъ, при наличности новыхъ фактическихъ данныхъ, по мѣстамъ очень характерно иллюстрирующихъ въ общемъ извѣстныя уже положенія. Но что заслуживаетъ особеннаго вниманія,—такъ это весьма рельефно отмѣченныя отрицательныя стороны въ дѣятельности украинскихъ протопоповъ и недостатки въ жизни православнаго духовенства. Въ данномъ случаѣ авторъ не только не замалчиваетъ ихъ, не старается во всемъ обѣлить православныхъ, потому только, что они православные (въ чемъ немало погрѣшаютъ наши церковные историки, такіе, какъ профес. Кояловичъ), но даже впадаетъ по временамъ въ крайность, сгущаетъ краски, дабы получить болѣе яркія картины. Такъ, напр. онъ рѣшительно заявляетъ, что „простое украинское духовенство погрязало въ пьянствѣ" (стр. 98), что священники „за горѣлочный напой нередко (sic!) закладывали въ шинкахъ церковныя вещи, напрестольные кресты, подсвѣчники и другую утварь" (ibid.), что монахи „нерѣдко (sic!) совмѣщали исполненіе уставныхъ обязанностей съ удовлетвореніемъ нажитыхъ привычекъ. Взявъ богослужебныя принадлежности и свѣчи, они отправлялись въ шинокъ и тамъ, комфортабельно устроясь, отправляли службу" (стр. 101) и проч.

Нельзя отрицать того, что пьянство въ то время среди необразованаго, близкаго по привычкѣ къ простому люду, украинскаго ду-

ховенства было нерѣдкимъ явленіемъ, но зачѣмъ такъ обобщать это явленіе, заявляя, что въ пьянствѣ погрязало все духовенство? Ужели среди него такъ-таки и не было трезвыхъ людей? Зачѣмъ, далѣе, обобщать не только пьянственную страсть, но и самыя уродливыя, святотатственныя проявленія ея (продажу и заложеніе церковныхъ вещей, отправленіе службъ въ шинкахъ...)? Что же это, въ самомъ дѣлѣ? Если таковы были представители православія въ Украинѣ, то не правы ли были поляки и уніаты въ презрительномъ отношеніи къ нимъ и все православное движеніе тамъ не было ли одной насмѣшкой надъ православіемъ? Или, можетъ быть, оно было ничто иное, какъ отраженіе винныхъ паровъ? Безспорно, что въ данномъ случаѣ авторъ слишкомъ неосторожно обращается со словами „нерѣдко“ и „очень нерѣдко“. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ подтвержденіе этихъ словъ онъ все время ссылается лишь на дѣло 1773 г. № 550, въ которомъ говорится о подвигахъ настоятеля Богуславскаго монастыря, іерея Иларіона. Но позволительно ли одинъ или два примѣра возводить въ общее явленіе, не значитъ ли это—злоупотреблять научными данными?

Указанная глава имѣетъ, кромѣ того, еще нѣкоторые недочеты. большинство которыхъ можетъ быть объяснено недостаточно основательнымъ знакомствомъ автора съ предыдущей, эпохой положившей начало возсоединенію уніатовъ на украинской территоріи. По словамъ его, до времени преос. Іова православнаго движенія въ Украинѣ какъ бы не существовало. «Церкви православныя были всѣ почти обращены въ уніатскія (стр. 54)... Преос. Гервасій и иг. Мелхиседекъ, руководившіе православными Украины, уже два года удалены были отъ дѣлъ (стр. 38). Православные священники «томились въ неволѣ – въ Корсуни, Радомыслѣ, Трояновѣ». Украина осталась безъ пастыря и хищный волкъ скоро распудилъ овцы» (ibid.). Поѣздка въ іюлѣ 1771 г. Михаила Гуранды и Симеона Переровскаго въ Петербургъ «составила эпоху въ исторіи православія на Украинѣ» (стр. 47). Украинскій народъ точно въ первый разъ услыхалъ радостную вѣсть о заступничествѣ императрицы и... «началось возсоединеніе уніатовъ» (стр. 54), «началось движеніе, одно изъ тѣхъ историческихъ движеній, которыя составляютъ эпоху въ народной жизни». «Сила народнаго духа, скованная цѣпями рабства и гнета, проявилась теперь во всей стихійной мощи и величіи» (стр. 53).

На это замѣтимъ, что преос. Гервасій, хотя и переѣхалъ, согласно синодальному указу, въ ноябрѣ 1768 г. въ Кіевъ, но не былъ совершенно устраненъ отъ украинскихъ церковныхъ дѣлъ, какъ не былъ устраненъ отъ дѣлъ общеепархіальныхъ. Только просители должны были являться къ нему въ Кіевъ, туда же отсылались и дѣловыя бумаги для просмотра. Умеръ онъ 22 декабря 1769 г., до послѣднихъ дней принимая просителей (между прочимъ изъ Украины) и занимаясь дѣлами. Игуменъ Мелхиседекъ устраненъ былъ отъ должности правителя духовныхъ дѣлъ Украины лишь 28 ноября 1771 г. (см. Архивъ Ю. З. Р. ч. I, т. 3, стр. 862), значитъ, уже при преос. Іовѣ. Поэтому нельзя утверждать того, что Украина два года до прибытія этого преосвященнаго оставалась безъ руководителей. Мелхиседекъ, сдавая дѣла, засвидѣтельствовалъ, что въ его вѣдѣніи на Украинѣ находилось 530 православныхъ церквей. Духовные правители, назначенные преос. Гервасіемъ въ Украинѣ, особенно такіе, какъ Зражевскій и Переровскій, продолжали дѣйствовать при самыхъ трудныхъ условіяхъ. При чемъ первый изъ нихъ находилъ поддержку у русской Бѣлоцерковской команды. Украинская паства, хотя и потеряла немало пастырей, между прочимъ и захваченныхъ командами Стемпковскаго, но не была покинута ими. Изъ Переяслава продолжали посылаться въ Украину новые замѣстители ихъ.

Въ подтвержденіе того, что православные священники томились въ это время въ Корсуни и Радомыслѣ, авторъ ошибочно ссылается на Архивъ Ю. З. Р. ч. I, т. 3, стр. 76—78, 104, 81, 144 и др.: здѣсь говорится о священникахъ—узникахъ 1766 г. (а не 1768, 69, 70..), которые были отпущены на свободу въ 1767 г. (см. Архивъ Ю. З. Р. ч. I, т. 3, стр. 112, 151—153, 189—190, 169—170 и др.). Поѣздка Гуранды и Переровскаго эпохи въ исторіи православія на Украинѣ, конечно, не составила и начала возсоединенію уніатовъ не положила. Прежде всего, она не была какой-либо новостью, а прямымъ повтореніемъ того, что дѣлалось при преос. Гервасіи, когда иг. Мелхиседекъ ѣздилъ въ Петербургъ и затѣмъ въ Варшаву. Слѣдствіемъ той и другой поѣздки было оказаніе русскимъ правительствомъ поддержки православію въ Украинѣ и дальнѣйшее возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ. Но въ первомъ случаѣ это было начало, которое потрясло своими послѣдствіями (событія 1768—1769 гг.) всю Украину, а во второмъ—продолженіе, которое, хотя и сопровождалось присоединеніемъ многихъ уніатовъ къ православію, при дѣ-

ятельной поддержкѣ со стороны русскихъ войскъ, но вскорѣ затѣмъ, по минованіи русской помощи, смѣнилось отпаденіемъ столь же многихъ православныхъ въ унію. При этомъ продолженіи народъ принималъ уже болѣе пассивное участіе, чѣмъ при началѣ, значительно ослабѣвъ въ своей духовной энергіи послѣ необычайнаго подъема силъ въ 1768—1769 гг. Авторъ говоритъ о «стихійной мощи» народнаго движенія, но нигдѣ не рисуетъ и малѣйшей картины этого движенія. Оно и понятно: главными дѣятелями этого движенія были духовныя лица, да русскіе солдаты.

«Когда послѣ депутаціи въ Петербургъ (сказано на стр. 60-й) православіе на Украинѣ восторжествовало и одни уніатскіе священники присоединились къ церкви православной, другіе же подъ давленіемъ оставили свои приходы, на территоріи украинской открылось до 1902 свободныхъ приходовъ, имѣвшихъ настоятельную нужду въ священникахъ». Показанная цифра вакантныхъ приходовъ чрезмѣрно велика. Въ данномъ случаѣ авторъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, сослался на Бантышъ-Каменскаго (Историч. Извѣст. объ уніи), а не принялъ свидѣтельства позднѣйшихъ и болѣе освѣдомленныхъ историковъ уніи—Кояловича (у него показано 1000 приходовъ), Пелеша и Ликовскаго (у нихъ 1200). Между тѣмъ около 1764 г., когда унія господствовала на Украинѣ и юридически не признавала православія (у послѣдняго оставалось нѣсколько десятковъ приходовъ), она считала за собой всего 1900 приходовъ (см. книгу автора, ст. 126). Затѣмъ, къ 1771 году 530 приходовъ (изъ которыхъ большая часть была отнята у уніи) оказалось православными, значитъ, имѣли православныхъ священниковъ, которые, если даже были изгнаны на время уніатами, то по минованіи опасности, могли вернуться къ своимъ приходамъ. Кромѣ того, по словамъ самого автора, одни уніатскіе священники присоединились къ православію, значитъ—остались при своихъ приходахъ. Какимъ же это образомъ могло, все таки, оказаться, почти въ одно время, около 1902 свободныхъ приходовъ? Это число, наконецъ, противорѣчитъ приводимому авторомъ заявленію поляка-современника, который при всемъ своемъ желаніи отмѣтить порѣзче преступную дѣятельность духовныхъ дѣятелей во вредъ уніи, опредѣляетъ число отнятыхъ у уніатовъ церквей всего въ 1200.

Тамъ же, на страницѣ 60-й, авторъ рѣшительно замѣчаетъ: «Просматривая синодальные списки украинскихъ церквей, составленные въ нашъ періодъ, мы находимъ, что почти всѣ онѣ были замѣ-

щены ставленниками преос. Іова». Большинство (если не всѣ) этихъ списковъ намъ хорошо извѣстно, но найти въ нихъ то, что находитъ авторъ, мы никакъ не можемъ. Возьмемъ для примѣра (по случайному выбору) нѣкоторые списки: въ «Описи церквей уманской протопопіи» отъ 1775 г. 1-гв марта (см. Кіевск. Епарх. Вѣдомости 1894 г. № 3) на 105 церквей приходится 25 ставленниковъ преос. Іова, въ «Описи церквей каневской протопопіи» (Кіев. Еп. Вѣд. 1894 г. № 1) на 54 церкви—21 ставленниковъ, кальницкой протопопіи (Кіев. Еп. Вѣдом. 1894 г. № 5) на 18 церквей—5 ставленниковъ, богуславской протопопіи (Кіев. Еп. Вѣд. 1893, № 20) на 118 приходовъ—33 ставленниковъ и т. д.

Глава четвертая книги г. Войткова по нашему мнѣнію крайне сжато повѣствуетъ о событіяхъ 1773—1776 гг.; авторъ не счелъ нужнымъ воспользоваться широко всѣми имѣвшимися у него данными, особенно печатныхъ источниковъ, какъ видно, не желая особенно распространяться о томъ, что уже обстоятельно описано другими (напр. Кояловичемъ). Но описанное другими слѣдовало бы тщательно провѣрить и приложить къ вновь собранному матеріалу; тогда можно было создать яркія и занимательныя картины; между тѣмъ нарисованныя авторомъ слишкомъ блѣдны и по мѣстамъ явно требуютъ дополнительныхъ штриховъ. Таковъ въ особенности отдѣлъ, говорящій о «насильственномъ захватѣ уніатскихъ церквей, какъ выраженіе торжества и силы православной партіи». Здѣсь на двухъ листикахъ сгруппированы самыя общія замѣчанія о бѣдственномъ положеніи гонимыхъ уніатовъ. Взявши для примѣра два или три случая, главнымъ образомъ изъ дѣятельности протопопа Зражевскаго, авторъ въ концѣ ограничивается такимъ замѣчаніемъ: «Въ энергіи и рѣшительности дѣйствій при отборѣ уніатскихъ церквей не уступали Зражевскому и другіе протопопы» (ст. 114). При этомъ подъ строкой помѣщенъ рядъ ссылокъ на архивные документы, трудъ проф. Кояловича и другіе печатные источники. Непонятно, почему авторъ, довольно подробно описывающій гоненія, испытанныя православными отъ уніатовъ и поляковъ, въ данномъ случаѣ не сказалъ подробнѣе о бѣдствіяхъ уніатовъ и вообще надлежаще не освѣтилъ этого вопроса. Недостаточно было бросить (какъ-бы вскользь) замѣчаніе «о вихрѣ разыгравшихся страстей», «о грустныхъ сценахъ насилій (со стороны православныхъ) совершавшихся иногда съ варварскою жестокостью» (ст. 116) и тутъ же съ легкимъ сердцемъ завѣрить читателя, что «въ общемъ, положеніе

уніатовъ въ это время было далеко не такъ печально, какимъ представляютъ его уніатскіе историки, сгущающіе краски».

Столь же мало затронутъ и обслѣдованъ авторомъ вопросъ о положеніи уніатскихъ узниковъ въ Бердичевѣ. Вмѣсто обстоятельнаго и безпристрастнаго разбора этого вопроса, въ противовѣсъ хотя бы сужденіямъ по этому поводу Кояловича, который какъ бы радъ злоключеніямъ уніатскихъ священниковъ подъ надзоромъ русской команды, авторъ ограничивается какими-то общими и неопредѣленными сужденіями, подъ-часъ ироническаго харктера, какъ напр. «Жалобы страдальцевъ за вѣру» (ст. 119) «Нѣжной перепиской не ограничивалось участіе нунція въ судьбѣ злополучныхъ узниковъ» (ст. 120).

Чтобы оправдать порывистый захватъ уніатскихъ церквей православными при преос. Іовѣ, авторъ замѣчаетъ: «Большинство, вѣдь, возвращенныхъ церквей были раньше православными и отобраны на унію въ печальное время господства на Украинѣ Стемпковскаго и Мокрицкаго» (ст. 115—116). Не все здѣсь вѣрно. Правда, что большинство взятыхъ православными церквей, захвачено было раньше уніатами у православныхъ, но ничуть не во время Мокрицкаго и Стемпковскаго. Число захваченныхъ при содѣйствіи этихъ лицъ было весьма невелико. Мокрицкій «господствовалъ» на Украинѣ въ 1765—1767 гг. и, главнымъ образомъ, возвращалъ уніи приходы, отнятые у нея православіемъ въ этотъ же періодъ времени. Эти приходы надо считать десятками. Во время господства Стемпковскаго возвращались уніи приходы, возсоединившіеся съ православіемъ въ 1768 г.,—возвращались далеко не всѣ и число ихъ въ сравненіи съ возсоединившимися при преос. Іовѣ было очень невелико. Въ это послѣднее время возвращались въ большомъ числѣ приходы, отпавшіе отъ православія раньше и Стемпковскаго и Мокрицкаго.

По мнѣнію автора, на варшавскомъ сеймѣ 1775 г. русское правительство въ диссидентскомъ дѣлѣ пошло будто бы на уступки, чтобы успокоить общественное мнѣніе въ Польшѣ, а именно: разрѣшило отказать диссидентамъ «и въ сенаторскомъ креслѣ, и въ министерскомъ портфелѣ», зато порѣшило «добиться въ ихъ пользу отмѣны наказанія за переходъ изъ католичества въ другую вѣру» (ст. 153). Едва-ли можно видѣть въ этомъ случаѣ серьезныя уступки общественному мнѣнію Польши. Кресло и портфель—это были требованія, не имѣвшія практическаго значенія (среди православныхъ Польши даже некому было занимать столь отвѣтственныя мѣста) и русское правительство

никогда особенно не настаивало на нихъ, гораздо болѣе значенія имѣло второе требованіе: оно всегда крайне волновало поляковъ и даже на позорномъ для нихъ сеймѣ 1767—68 гг. не могло быть проведено русскимъ посломъ; оно, вѣдь, должно было окончательно уравнять диссидентовъ съ католиками и, значитъ, вопреки практикѣ всѣхъ другихъ цивилизованныхъ государствъ въ то время, лишить всякихъ преимуществъ господствующую религію въ Польшѣ. Настаивать на этомъ требованіи—это значило намѣренно возбуждать и дальше общественное мнѣніе Польши.

Непонятнымъ намъ кажется еще утвержденіе автора (ст. 163), что воспрянувшіе въ 1775 г. духомъ многочисленные дѣятели и проповѣдники уніи «злачную ниву для проповѣди находили лишь въ среднемъ классѣ польскаго общества». Вѣдь это общество было католическое и никакой нужды въ уніи лично не имѣло? Да, наконецъ, къ нему никто и не обращался, вся проповѣдь обращена была къ простому украинскому народу...

Въ заключеніе своего обзора книги г. Войткова, скажемъ, что при всѣхъ указанныхъ недочетахъ она представляетъ собой старательный историческій трудъ, основанный на многихъ какъ архивныхъ, такъ и печатный данныхъ, въ общемъ удачно скомбинированныхъ и изложенныхъ живымъ языкомъ. Изложенные въ ней факты изъ исторіи церковнополитической жизни многострадальной Украины глубоко поучительны и вызываютъ живѣйшій интересъ.

С. И.

Н. И. Петровъ. Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 г.г.). Томъ I (1721--1750 г.г.). *Часть I.—XXXII+1—463 стр. Часть II. Приложенія I—XXI+455 стр. Кіевъ, 1904 г.—Цѣна по 3 руб. 50 коп. книга.*

Напомнимъ нашимъ читателямъ вкратцѣ исторію настоящаго изданія. Еще въ 1901 г., въ виду приближающагося трехсотлѣтняго юбилея Кіевской Духовной Академіи, по инціативѣ тогдашняго ректора ея пр. Димитрія (Ковальницкаго), нынѣ архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, была образована изъ проф. Н. И. Петрова, С. Т. Голубева и Ѳ. И. Титова коммиссія «для собиранія и изданія относящихся

къ исторіи этой Академіи актовъ и документовъ и для послѣдующаго составленія, на основаніи ихъ, какъ самой исторіи Академіи за три вѣка ея существованія, такъ и ученаго академическаго Синодика». (См. Введеніе къ 1 части, стр. III). При этомъ проф. С. Т. Голубевъ взялъ на себя трудъ обработать первое отдѣленіе актовъ (съ 1615—по 1721 г.г., до учрежденія Св. Синода), проф. Н. И. Петровъ—второе (съ 1721 по 1795 г., до царствованія импер .Павла I), а доцентъ Ѳ. И. Титовъ—третье (съ 1795 г. до послѣдняго времени). Всего коммиссія предположила выпустить около двадцати томовъ актовъ и документовъ.

Передъ нами двѣ первыхъ, пробныхъ, такъ сказать, книги актовъ. Мы не станемъ въ данномъ случаѣ повторять азбучной, избитой истины о важности и полезности подобнаго изданія, особенно еще редактированнаго такимъ опытнымъ въ архивномъ дѣлѣ ученымъ, какъ проф. Н. И. Петровъ. Среди кіевскихъ ученыхъ мало можно найти людей, которые бы съ такимъ успѣхомъ могли исполнить задуманную Кіевской Академіей интересную работу, какъ именно онъ. Рѣдко кто такъ преданъ архивной работѣ, такъ любитъ и знаетъ ее и такъ хорошо знакомъ со всѣми мѣстными архивами, какъ Н. И. Петровъ, составившій подробное описаніе почти всѣхъ этихъ архивовъ.

Введеніе, приложенное къ первому тому актовъ (второго отдѣленія), знакомитъ насъ съ методомъ работы собирателя или редактора и съ тѣми источниками, какими онъ пользовался при своей работѣ, что опять таки убѣждаетъ насъ въ томъ, что дѣло находится въ опытныхъ и вполнѣ надежныхъ рукахъ.

Въ двухъ громадныхъ книгахъ (частяхъ) перваго тома актовъ собрано XCVI+XXXI номеровъ актовъ. Нерѣдко въ составъ многихъ изъ этихъ номеровъ входитъ до 5 и болѣе отдѣльныхъ документовъ, соединенныхъ вмѣстѣ по содержанію, для приданія извѣстному дѣлу цѣльности и законченности.

Большинство документовъ снабжены обстоятельными, очень интересными и цѣнными примѣчаніями редактора, безъ которыхъ смыслъ и значеніе этихъ документовъ могли бы оставаться не вполнѣ понятными для читателей.

Конечно, собраніе такого количества актовъ и документовъ потребовало отъ составителя и редактора огромнаго труда. Вѣдь, всѣ эти документы приходилось добывать изъ различныхъ архивовъ не только мѣстныхъ, но и иногороднихъ и изъ множества печатныхъ изданій. Дальнѣйшее указаніе источниковъ этихъ первыхъ двухъ кни-

жекъ актовъ покажетъ, какъ много нужно было вложить въ это дѣло. труда, энергіи и знанія. Вотъ важнѣйшіе изъ этихъ источниковъ: 1) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, 2) Описаніе документовъ и дѣлъ архива Св. Синода, 3) Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи, 4) Архивъ Св. Синода, [1]) 5) Указныя книги, хранящіяся въ Архивѣ Кіевской Духовной Консисторіи, 6) Сборникъ указовъ и постановленій, относящихся къ Кіевской епархіи и Академіи, хранящихся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора вмѣстѣ съ другими рукописями м. Евгенія Болховитинова, 7) Указныя книги разныхъ протопопій Кіевской и сосѣднихъ съ нею епархій Черниговской и Переяславской, сохранившихся въ архивѣ Кіево-Подольской Борисо-Глѣбской церкви и въ библіотекѣ церковно-археологическаго музея при Кіевской Академіи, 8) Матеріалы для отечественной исторіи М. Судіенка и историческіе матеріалы изъ архива Кіев. губ. Правленія А. Андріевскаго, 9) Акты Кіево-Братскаго монастыря и Академіи, собранные В. Аскоченскимъ, 10) Акты, относящіеся къ г. Кіеву и Кіевской Академіи, собранные Д. К. Вишневскимъ, 11) Акты, относящіяся къ исторіи Кіевской Академіи, собранные имъ же [2]), 12) Очерки стараго архива Кіевской Академіи, 13) Рукописи библіотекъ: Академической, Лаврской, Кіево-Софійской, Михайловской, Семинарской (Кіевской) и др., 14) Чтенія въ имп. общ. истор и древн. рос. при Московскомъ университетѣ, 15) Труды Кіевской Дух. Академіи, 16) Кіев. Епарх. Вѣдомости, 17) Чтенія въ истор. общ. препод. Нестора Лѣтописца, 18) Кіевская Старина, 19) Сводная галицко-русскакая лѣтопись Петрушевича, 20) Люди старой Малороссіи А. М. Лазаревскаго, 21) Духовныя школы въ Россіи П. Знаменскаго и много др. Несмотря на такое громадное число источниковъ, использованныхъ проф. Н. И. Петровымъ при его работѣ, онъ далеко не надѣется на исчерпывающую полноту своего изданія и обращается съ усерд-

---

[1]) Къ сожалѣнію, этотъ источникъ не вполнѣ использованъ по независящимъ, впрочемъ, отъ редактора разсматриваемыхъ томовъ актовъ причинамъ.

[2]) Сборники г. Вишневскаго использованы имъ въ его магистерской диссертаціи: „Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія". Тамъ же использованы и остатки архива Кіев. Дух. Консисторіи за первую половину XVIII в.

ною просьбою ко всѣмъ читателямъ «сообщить то, что имѣется у нихъ въ виду, но опущено нами (Петровымъ), и указать неизбѣжныя упущенія и ошибки» (ibid. стр. XI).

Собранные въ разсматриваемыхъ нами первыхъ двухъ книгахъ акты обнимаютъ собою время съ 1721 г., со времени учрежденія Св. Синода, до 1750 г., до возстановленія въ Малороссіи власти гетмана, «что имѣло нѣкоторое значеніе и для Кіевской Академіи». Для того, чтобы ввести читателей въ пониманіе эпохи и тѣмъ облегчить имъ условіе содержанія отдѣльныхъ актовъ, проф. Н. И. Петровъ самимъ актамъ предпосылаетъ краткую характеристику первой половины XVIII вѣка. Настоящій періодъ въ исторіи Кіевской епархіи и Академіи характеризуется имъ, какъ время особенно острой борьбы между централистическими стремленіями Св. Синода и усиленіями Кіевскихъ митрополитовъ отстоять древнія, исконныя права и привилегіи южно-русской церкви, которыя очень часто «стояли въ рѣшительномъ противорѣчіи съ нивеллирующими, централизаціонными стремленіями духовнаго регламента и дополнительныхъ къ нему синодальныхъ указовъ» (ibid. стр. XI—XII). «Централизаціонныя стремленія русскаго правительства,—говоритъ проф. Н. И. Петровъ,— при трехъ Кіевскихъ архипастыряхъ обозрѣваемаго періода все шире и глубже проникали въ жизнь Кіевской епархіи. Тогда какъ архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ ревниво оберегаетъ старыя привилегіи и особенности управленія своей епархіи, м. Рафаилъ Заборовскій даетъ новымъ реформаціоннымъ и централизаціоннымъ стремленіямъ широкое примѣненіе въ своей епархіи, примѣняя ихъ ко всѣмъ отраслямъ и органамъ епархіальнаго управленія (ibid, стр. XVI). Однако, такое строгое и неуклонное проведеніе началъ централизаціи обусловливалось не одними только стремленіями и усиліями русскаго правительства поколебать древніе, самобытные устои малороссійской церкви, но и строемъ тогдашней общественно-политической жизни Малороссіи. Военные, духовные и мѣщане,—«всѣ эти слои общественно-политической малороссійской жизни въ XVII в. враждовали и боролись между собою, старались выхлопотать себѣ побольше правъ и привилегій на счетъ другихъ сословій, и, что всего важнѣе, въ своей борьбѣ весьма часто указывали на примѣръ сѣверной Россіи, желали примѣненія къ своимъ противникамъ общерусскихъ законовъ и порядковъ и, такимъ образомъ, пользовались централизаціонными стремленіями русскаго правительства и охотно помогали имъ, если они были выгодны для нихъ». (Ibid., стр.

XVII). Весь этотъ строй жизни такъ или иначе отражался и на Братскомъ училищномъ монастырѣ, и на самой Академіи. Братскому монастырю приходилось не разъ выдерживать борьбу со свѣтской властью (гетьманъ, магистратъ) за свои стародавнія права, особенно за земли. Академія тоже, по мѣрѣ силъ, боролась противъ явнаго стремленія Св. Синода подчинить ее своему вліянію, независимо отъ мѣстнаго митрополита, уничтожить ея внутреннюю самостоятельность, сравнять ее со всѣми другими духовными епископскими школами, унизить ее и возвысить на ея мѣсто молодую ея соперницу, Московскую Академію. Несмотря, однако, на все это, въ продолженіе разсматриваемаго періода, Кіевская Академія продолжала быть самымъ широкимъ и наиболѣе вліятельнымъ просвѣтительнымъ центромъ, откуда свѣтъ знанія распространялся по всей обширной Русской землѣ.

Многочисленные, собранные проф. Н. И. Петровымъ акты наглядно иллюстрируютъ эту общую характеристику и въ общемъ даютъ полную и очень яркую картину внѣшней и внутренней жизни Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII в., въ связи съ общимъ теченіемъ жизни Кіевской епархіи того времени. Между этими актами мы встрѣчаемъ распоряженія о воспрещеніи духовенству вновь пріобрѣтать недвижимыя имущества въ Малороссіи и о подчиненіи монастырскихъ и церковныхъ владѣльцевъ по исковымъ дѣламъ суду гетьмана (ч. I, стр. 160—164),—акты о спорахъ Кіево-Братскаго монастыря съ кіевскимъ митрополитомъ изъ-за грунтовъ, права пропинаціи и т. д. (ibid, стр. 118—122, 320—327, 328—333, 374—380), о временномъ подчиненіи суду малороссійской коллегіи духовенства Малой Россіи, по случаю умножившихся жалобъ на него (ibid, стр. 133—134),—документы о протестѣ Кіевской Консисторіи противъ положенія рублеваго сбора на архіерейскія и монастырскія населенныя имѣнія Кіевской епархіи (а въ томъ числѣ и Кіево-Братскаго монастыря), притомъ же помимо вѣдома гетьмана, и отмѣна сего сбора (ibid, стр. 48—50),—о подчиненіи Кіевской Академіи протектору школъ архим. Гавріилу Бужинскому (ibid, 16—19 стр.),—о вызовѣ ученыхъ изъ Кіевской Академіи въ Пекинскую миссію (ibid, 269—274), въ Сербію (ibid, стр. 122—123), въ Голландію (ibid, стр. 365—366), въ Польшу въ качествѣ переводчиковъ къ полномочнымъ русскимъ посламъ (ibid, стр. 229—230), въ иныя епархіи русскія экзаменаторами ставленниковъ (ibid, стр. 294—297), профессорами въ Московскую Академію и различныя иноепархіальныя семинаріи (См. II часть приложенія),—о

порученіи Кіевскимъ ученымъ исправлять Четьи-Минеи (1ч., стр. 267) прологи (ibid, стр. 123—124), Библію (ibid, стр. 366—370) и составить книжицу о должностяхъ (ibid, стр. 370—374) и выписку для основательнѣйшаго изученія калмыками христіанскаго закона (ibid, стр. 297—298) и т. д.

Вторая часть перваго тома (приложенія) содержитъ списки студентовъ Академіи и профессоровъ за разсматриваемое время, а также много документовъ, характеризующихъ роль и вліяніе Кіевской Академіи въ развитіи просвѣщенія въ первой половинѣ XVIII в. [1]).

Изслѣдованіе и изученіе юго-западнаго края многимъ обязано Н. И. Петрову: онъ оставилъ очень замѣтные слѣды въ разработкѣ мѣстной исторіи, археологіи и литературы. Изданіе актовъ и документовъ по исторіи Кіевской Академіи можетъ послужить достойнымъ завершеніемъ его долголѣтнихъ, многополезныхъ ученыхъ трудовъ. Въ заключеніе нашей замѣтки отъ души желаемъ глубокоуважаемому ученому силъ и энергіи для окончанія начатаго имъ труднаго, но и очень важнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ выражаемъ надежду, что и другіе сотрудники проф. Н. И. Петрова по изданію актовъ и документовъ по исторіи Кіевской Академіи не замедлятъ порадовать насъ изданіемъ своихъ трудовъ.

В. Д-скій.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующія журналы: 1) Русскій Архивъ, № 6; 2) Русская Старина, № 6; 3) Историч. Вѣстн., № 6; 4) Всемірный Вѣстн., № 4 и 5; 5) Вѣстн. Европы, № 6; 6) Русская Мысль, № 6; 7) Міръ Божій, № 6; 8) Русское Богатство, № 5 и 6; 9) Русскій Вѣстн., № 6; 10) Образованіе, № 5; 11) Журн. Мин. Нар. Просв., № 6; 12) Труды Кіев. Дух. Акад., № 5) 13) Этнограф. Обозр., № 1; 14) Книжки Восхода, № 5 и 6; 15) Русскій Филолог. Вѣстн., № 1—2; 16) Сборн. Отдѣл. Рус. яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 75; 17) Извѣст. русск. археологич. Института въ Констан-

[1]) Объ этой части работы проф. Н. И. Петрова мы имѣли уже случай поговорить съ читателями нашего журнала (См. Кіев. Стар. 1904 г. № 6), по поводу изданія ея въ видѣ отдѣльной брошюры.

тинополѣ, т. IX, вып. 1—2; 18) Révue archéologique, т. 3; 19) Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Institutes in Wien Band VII.

Историческій Вѣстникъ, № 6.

Въ отдѣлѣ *критики и библіографіи* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *С. Л. Пташицкій.* Иванъ Ѳедоровъ. Изданія Острожской Библіи въ связи съ новыми данными о послѣднихъ годахъ его жизни. Спб. 1904 г. (стр. 1031—1032; 2) *И. И. Срезневскій.* Статьи о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ (1853—1866). Спб. 1903 г. (стр. 1035—1036); 3) *D-r Frydr. Pappée.* Polska i Litwa na przełomie wieków średnich. T. I. Послѣднее двѣнадцатилѣтіе Казимира Ягеллона. Краковъ 1904 г. (стр. 1045—1047).

Въ отдѣлѣ *некрологовъ* помѣщенъ краткій некрологъ М. П. Старицкаго (стр. 110—112.

Всемірный Вѣстникъ, № 4 и 5.

В. Святловскій. «Замѣчательная эпоха древне-русской жизни» (№ 4, стр. 14—41). Въ этой статьѣ авторъ, указавъ на то, что славянофильскій восторгъ предъ домонгольскою Русью имѣетъ много для себя основаній, разсматриваетъ условія жизни древней Кіевской земли, отмѣчая крупные факты внѣшней и внутренней торговли Кіева до 13-го вѣка.

Михаилъ Могилянскій. «Глѣбъ Ивановичъ Успенскій въ Черниговской гимназіи» (№ 4, стр. 42—58). Авторъ статьи ставитъ своей задачей представить духовный обликъ Глѣба Успенскаго въ періодъ пребыванія его въ черниговской гимназіи, при чемъ онъ пользуется извѣстными уже въ печати матеріалами для біографіи писателя, а въ особенности двумя сообщеніями о Глѣбѣ Успенскомъ, сдѣланными въ засѣданіяхъ черниговской архивной коммиссіи П. М. Добровольскимъ и И. Л. Шрагомъ.

Въ отдѣлѣ «Библіографія» данъ краткій отзывъ о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Л. Личковъ* «Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа» (№ 4, стр. 141); 2) «Родословная книга Черниговскаго дворянства. Сост. гр. *Гр. А. Милорадовичъ* (№ 5, стр. 140—143).

Вѣстникъ Европы, № 6.

«Сорокъ лѣтъ тому назадъ. По личнымъ воспоминаніямъ». Ѳ. Ѳ. Воропонова. (Стр. 757—772). Статья посвящена главнымъ образомъ очень интереснымъ литературнымъ знакомствамъ автора въ Москвѣ въ 1862 г. съ Катковымъ, И. С. Аксаковымъ, Леонтьевымъ, Лонгиновымъ, П. Д. Юркевичемъ, Кошелевымъ и др., но кромѣ того авторъ сообщаетъ о кратковременной экскурсіи своей въ Петербургъ и о знакомствѣ своемъ съ редакціей журнала «Основа», «посвященнаго исторіи, литературѣ и вообще интересамъ Малороссіи». Въ виду интереса этого сообщенія для насъ, приводимъ его цѣликомъ: Редактировалъ этотъ журналъ В. М. Бѣлозерскій, а помогалъ ему въ редакціонныхъ трудахъ —Кистяковскій, впослѣдствіи кіевскій профессоръ. Заѣхавъ въ редакцію, бывшую у Круглаго рынка, я засталъ тамъ обоихъ и встрѣтилъ еще болѣе привѣтливый пріемъ (чѣмъ въ редакціи еженедѣльной газеты «Вѣкъ»—Ред.). Мы оживленно разговорились, преимущественно о знакомомъ мнѣ югѣ и малороссійской исторіи; кстати оказалось, что у насъ есть общіе знакомые, и я съ удовольствіемъ засидѣлся у Бѣлозерскаго часа полтора, а въ заключеніе получилъ приглашеніе на вечеръ слѣдующаго дня, на который приходилось еженедѣльное, понедѣльничное собраніе сотрудниковъ «Основы» и знакомыхъ редакціи.

Отъ этого вечерняго собранія, однако, у меня осталось немного впечатлѣній, да и тѣ сильно сгладились потому, что почти со всѣми встрѣченными тамъ людьми мнѣ потомъ не пришлось видѣться ни разу. Помню, что собраніе было многолюдно, но хотя вечеръ отличался національнымъ характеромъ, однако составъ участниковъ былъ довольно смѣшанный. Были двѣ—три дамы, были великоруссы и малороссы, и даже нѣсколько сербскихъ студентовъ; различны были и одежды. На ряду съ сюртуками и фраками, встрѣчалось не мало народныхъ малорусскихъ костюмовъ. Одинъ, помню, одѣтъ былъ въ широкую и длинную халатообразную чуйку и подпоясанъ длиннымъ, толстымъ и пестрымъ крестьянскимъ поясомъ, обертывавшимъ его два или три раза. Изъ писателей припоминаю только Кулиша. Разговоръ шелъ оживленно по кружкамъ, но была и рояльная музыка. Чувствовалось, что большинство здѣсь—горячіе приверженцы всего малороссійскаго; слышалось немало о правѣ, достоинствѣ и важномъ значеніи народнаго языка, но меня отчасти удивляло, что при всемъ томъ говорившіе мало имъ пользовались. Даже въ тѣсныхъ кружкахъ

земляковъ рѣчь шла, главнымъ образомъ, на языкѣ общерусскомъ, литературномъ. Выдвигались среди бесѣдъ отдѣльныя малорусскія фразы, поговорки, отрывки народныхъ пѣсенъ, иной начнетъ и разговоръ по-малорусски, а тамъ—опять сведутъ на общую русскую рѣчь.

Въ отдѣлѣ *«Литературное обозрѣніе»* данъ отзывъ о книгѣ *Л. Личкова* «Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа». Кіевъ 1904 г. (стр. 823—827).

Журналъ Мин. Нар. Просв., № 6.

В. Ляскоронскій. О мѣстоположеніи лѣтописнаго города Родни. (стр. 323—334). Авторъ подвергаетъ сомнѣнію установившееся мнѣніе, будто городъ Родня, извѣстный въ моментъ борьбы Владиміра съ Ярополкомъ, находился на р. Роси, тамъ, гдѣ теперь стоитъ село Пекари (черкасскаго уѣзда). Сопоставивъ общественно-политическія условія жизни южной Руси въ то время, авторъ находитъ, что никакихъ основаній не было у Ярополка убѣгать на югъ, къ степямъ печенѣжскимъ, а слѣдовательно городъ Родню нужно искать въ другомъ мѣстѣ. Скорѣе всего Ярополкъ могъ уходить къ древлянамъ, и вѣрнѣе всего къ городу Овручу; вотъ тутъ-то, по дорогѣ отъ Кіева на Овручъ, и нужно искать означеннаго города. Обращаясь къ картѣ, авторъ останавливается на рѣкѣ *Иршѣ*, считая, что выраженіе въ лѣтописяхъ (на усть *Рси;* на усть *Урси*) ошибочно отнесено историками къ рѣкѣ Роси, а что оно имѣетъ въ виду теперешнюю р. *Иршу*, подлѣ которой есть до сихъ поръ нѣсколько селъ съ именемъ *Рудня.*

Труды Кіевск. Духовн. Академіи, № 5.

Н. Петровъ. «Значеніе Кіевской Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 году и до половины 18-го вѣка» (№ 5, стр. 50—102). Въ этой статьѣ, начало которой помѣщено въ № 4-мъ, перечисляются тѣ лица, которыя были вызваны въ качествѣ преподавателей изъ Кіевской Академіи въ семинаріи—тверскую, казанскую, холмогорскую, коломенскую, вятскую, суздальскую, вологодскую, рязанскую, псковскую, устюжскую, тобольскую, смоленскую, воронежскую, астраханскую, крутицкую, переяславскую, троицкую лаврскую, костромскую и владимірскую.

Русскій Филологич. Вѣстн. № 1—2.

А. Ветуховъ. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова (продолженіе, глава 3-я, стр. 229—254). Въ этой главѣ приведены образцы заговоровъ отъ крови, среди которыхъ обширное мѣсто занимаютъ заговоры малорусскіе, заимствованные авторомъ изъ разныхъ печатныхъ матеріаловъ.

Вячеславъ Каминскій. Краткое описаніе говора села Косарева, дубенскаго уѣзда, волынской губерніи (стр. 255—278). Говоръ этого села, расположеннаго въ глуши, не представляетъ тѣхъ особенностей, которыми характеризуются полѣсскіе говоры; равнымъ образомъ онъ свободенъ и отъ вліянія галицкихъ говоровъ. Для доказательства этого положенія, авторъ разсматриваетъ всѣ звуковыя особенности въ области гласныхъ и согласныхъ звуковъ, нѣкоторыя особенности въ склоненіи и спряженіи, а также немногіе синтаксическіе оригинальные обороты. Въ концѣ статьи приложены образцы говора въ пѣсенномъ матеріалѣ (14 пѣсенъ) и въ одномъ разсказѣ.

Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп Ак. Н, т. 75.

Четырнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина 1901 года. Отчетъ и рецензіи I—VII. Въ числѣ другихъ находится рецензія г. А. Крымскаго о книгѣ г. И. Стешенка «Поэзія И. П. Котляревскаго. К. 1898» (стр., 58—66).

Е. Ѳ. Карскій. Матеріалы для изученія сѣверно-малорусскихъ говоровъ, а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ (стр. 1—39), Авторъ публикуетъ въ настоящей статьѣ матеріалы, относящіеся къ діалектологіи Полѣсья. Эти матеріалы собраны сельскими жителями и другими лицами.

И. В. Бессараба. Матеріалы для этнографіи сѣдлецкой губерніи (стр. I—VII и 1—324). Очень обстоятельное изслѣдованіе о бѣло-малорусскомъ говорѣ Забужной Руси, въ частности о Ломазскомъ говорѣ, основано на личныхъ наблюденіяхъ автора во время долгаго пребыванія его на родинѣ и частыхъ поѣздокъ туда въ послѣдніе годы. Работа И. В. Бессарабы содержитъ слѣдующія главы: I. Звуковыя особенности Ломазскаго говора. II. Грамматическія формы его. III. Образцы этого говора. IV. Лексическій составъ его. V. Народныя названія мѣстностей. VI. Древнія урочища и слѣды памятниковъ пра-

вославной церковной старины. VII. Ломазскій говоръ въ сравненіи съ народными говорами Холмской Руси и другихъ русскихъ и славянскихъ областей. VIII. Словарь этого говора.

Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1901 году (стр. 1—35). Въ отчетѣ помѣщена рецензія П. И. Симони на труды проф. Е. Ѳ. Карскаго «Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Варшава. 1901» и «Образцы славянскаго кирилловскаго письма съ X по XVIII вѣкъ. Варшава. 1901».

Извѣстія Рус. Археолог. Института въ Константинополѣ, 1904 г., т IX, в. 1—2.

Б. А. Панченко. Крестьянская собственность въ Византіи. Земледѣльческій законъ и монастырскіе документы (стр. 1—234). Обстоятельное изслѣдованіе автора о крестьянскомъ землевладѣніи въ Византіи и законодательной дѣятельности правительства въ этомъ направленіи основано не только на изученіи общеизвѣстныхъ законовъ византійскихъ императоровъ, но также многочисленныхъ актовъ, хранящихся въ монастыряхъ и лучше всего поясняющихъ и самые законы и примѣненіе ихъ на практикѣ. Въ частности первая часть этого труда представляетъ интересъ для лицъ, занимающихся исторіей древней Руси, такъ какъ въ ней дано прекрасное изслѣдованіе о земледѣльческомъ законѣ, извѣстномъ и въ древне-русскихъ переводахъ.

Музыкальныя сочиненія **М. ЛИСЕНКА**,

НАХОДЯЩІЯСЯ НА ГЛАВНОМЪ СКЛАДѢ

ВЪ КНИЖНОМЪ И МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

ЛЕОНА ИДЗИКОВСКАГО ВЪ КІЕВѢ.

Для фортепіано въ двѣ руки.

*	Op. 2. Сюита in G. Малороссійскія пѣсни:	
	№ 1. Preluda (Хлопче молодче)	— 60
	№ 2. Couranta (По малу, малу, братику грай)	— 45
	№ 3. Toccata (Пишла маты на село)	— 45
	№ 4. Sarabanda (Сонце нызенько)	— 30
	№ 5. Gavotte (Ой, чыя ты дивчыно)	— 45
	№ 6. Scherzo (Та казала мени Солоха прыйды)	— 45
	Всѣ въ одной тетради	1 80
	Op. 5. Grand polonaise en La bémol	1 50
	Op. 6. Valse brillante	1 20
	Op. 7. Polonaise de concert en G	1 50
*	Op. 8. Rhapsodie sur des thèmas de l'Ukraine. Grand morceau de concert	1 50
	Op. 9. Nocturne № 1. B-moll	—
	Op. 10. Deux chants sans parolesxà	—
	№ 1. E-moll. Dediée à M-me Olga Lissenko	— 75
	№ 2. B-moll. Славному нашому письменныкови, Ивану Нечуеві	— 75
	Op. 11. Scherzino	— 60
	Op. 12. Le Rêve „На солодкимъ меду" Мрія	— 90
	Op. 13. Eèvérie „Образкы зъ колышнёго"	—
	Op. 14. Deux mazourkas	—
	Op. 15. Barcarolle	— 75
	Op. 16. № 1. Valse mélancolique	— 75
	Op. 17. № 2. Valse de Concert, As	—

* Op. 18. Думка-шумка 2-me Rhapsodie de l'Ukraine . . . . — 90
* Op. 19. Nocturne. Cis-moll. . . . . — 90
Op. 20. Fragment épique . . . . —
Op. 22. Chanson populaire Ukrainïenne „Ходыть гарбузъ по городу" composée en forme d'une gavotte . . . . . — 60
Op. 23. Polonaise № 3. As. . . . . —
Op. 24. Rondo . . . . —
Op. 25. Scherzo héroïque . . . . —
* Op. 27. Romance As-dur . . . . — 60
Op. 28. Sérénade F-moll . . . . — 45
* Op. 29. Gavotte F-dur . . . . — 50
Op. 30. Polonaise № 4. A. . . . . —
Op. 31. Chant sans paroles F. . . . . — 45
Op. 33. Chant au berceau . . . . —
Op. 35. Valse. D-moll. . . . . —
Op. 36. Обозный маршъ . . . . —
Op. „На часи" Trois pièces: 1) Aveu. 2) Chant d'amour. 3) Sérenade —
Op. 38. Impromptu . . . . —
Op. 39. D'Album d'été 1901. 1) Valse La Séperation. 2) Marche solènnelle. 3) La Tristesse, mélodie . . . . —
Op. 40. D'Album privé: 1) Moment de desespeir. 2) Moment d'enchantement. —
D'Album 1902. 1) La langueur. 2) Impression d'un jour. 3) Elegie. —
Жалибный маршъ до 27-хъ роковынъ смерти Тараса Шевченка (транскрипція) . . . . — 60
Увертюра изъ оперы „Риздвяна ничъ" . . . . — 90
+ Попури зъ першои Украинськои оперы „Наталка-Полтавка" И. П. Котляревського для спиву съ провод. фортепіана упорядкувавъ М. Лисенко, уложывъ для фортепіано на дви рукы А. Н. Артемовскій . . . . — 90
Chants populaires de l'Ukraine:
1) Безъ тебе Олесю . . . . — 30
2) Плыве човенъ воды повенъ, Barcarolle . . . . — 45
3) Ой, зрада кари очи зрада . . . . —
4) Ой у поли . . . . —
* 50 Украинськыхъ писень выбраны изъ 1-го и 2 Збирныкивъ Лисенка для спиву, переложены для фортепіано В. Зентарскимъ . . . . 2 —
* Отдѣльно каждые 2 писни. . . . . — 20

Для фортепіано въ 4 руки.

Увертюра изъ оп. „Риздвяна ничъ". Ouverture „La nuit de Noël" opéra lyrique 1 50
* Op. 4. Украинскій козакъ—шумка. Danse nationale de l'Ukraine. Scherzo. Arrangé pour le piano à 4 mains par l'auteur. 1 65

Для 2 фортепiано. Pour 2 pianos.

* Торжественный маршъ ко дню празднованiя пятидесятилѣтняго юбилея Кiевскаго Института благородныхъ дѣвицъ, въ 8 рукъ	1 50

Для скрипки съ акомпаниментомъ фортепiано.

* Op. 18. Думка-шумка 2-me Rhapsodie de l'Ukraine pour Violon avec acompagnement de Piano par Michel de Sicard .	1 25
Op. 21. Fantaisie sur deux thèmes populaires de l'Ukraine . .	—
Op. 32. Capriccio élegico	1 50
* Op. 40. № 1. Moment de desespoir	— 40

Для флейты съ акомпаниментомъ фортепiано.

Op. 21. Fantaisie sur deux thémes populaires de l'Ukraine .	—

Для вiолончели съ акомпаниментомъ фортепiано.

Op. 39. „La tristesse" melodie, tirée d'Album d'été 1901. . .	—

Для спиву съ проводомъ фортепiано.

„Безъ тебе Олесю". Народня писня зъ Волынського полисся.	— 30
До Хортыця (25 роковыны Т. Шевченка), Стугоныть Днипро по скеляхъ, бьется объ пороги	— 50
„Жалибный маршъ" до дня 27-хъ роковынъ смерти Т. Шевченка для мишаного хору зъ проводомъ фортепiана .	—
* Збирныкъ Украинськыхъ писень. Вып. 1-ый	2 50
* „ „ „ „ 2-ый	2 50
„ „ „ „ 3-ый	2 50
„ „ „ „ 4-ый	3 —
„ „ „ „ 5-ый	3 —
„ „ „ „ 6-ый	2 50
Збирныкъ народнихъ Украинськыхъ писень для хору 12 десяткивъ кожный по	— 50
Матушка Царица, солнце наше красно. Юбилейный хоръ къ празднованiю 50-лѣтiя Кiевск. Инст. благородныхъ дѣвицъ. Слова Е. Н. Полянской	1 20
Молодощи. Збирныкъ танкивъ та веснянокъ. Гры, спивы, весняны, дитячи, дивочи, жиночи й мишани	1 20
* Моя Мылованка, якъ часомъ жартлыво. Мазурка для пѣнiя. Слова М. Старицького	— 50

Писни и спивы на слова Г.

1. Колы наставъ чудовый май	— 30
2. Чого такъ поблидлы троянды	— 40
3. Зъ мого тяжкого суму	— 20

4. Вси люде, кохана, дурни . . . . — 20
5. На лыченьку у тебе . . . . — 20
6а. У мене бувъ коханый ридный край (теноръ) . . . . — 20
6б. У мене бувъ коханый ридный край (барит.) . . . . . — 20
7. Тебе, моя любко едына, ... — 30
8. Колы розлучаются двое. Дуэтъ . . . . — 30
Плачъ Ярославны. Частына зъ поэмы: „Слово о полку Игоревѣ" — 70

Украинськи обрядови письни.

(Для мишаного хору).

I. Веснянкы (1-й винокъ) . . . . — 50
II. Веснянкы (2-й винокъ) . . . . — 50
III. Купальська справа . . . . — 20
IV. Колядкы, щедривкы . . . . — 50
V. Весилля. Весильни писни упоряджени за ритульнымъ ходомъ людового весилля. Соло, хоры парубочи, дивочи, мишани зъ проводомъ фортепіана . . . . —

Оперы и Оперки.

Зима и Весна (тежъ „Снигова Краля") дытяча фантастычна оперка у 2-хъ одминахъ . . . . —
Коза-Дереза. Дытяча комична оперка въ одній діи. Граф. Рус. Линд. Либретто уложила Днипрова Чайка 1 25
Наталка-Полтавка. Перша украинська оперетка у 3 діяхъ И. Котляревьского. 1 50
Панъ Коцькый. Комична дытяча оперка у 4-хъ одминахъ. . —
Риздвяна ничъ. Комико-лирычна опера въ чотырёхъ діяхъ, музыку уложивъ для спиву съ проводомъ фортепіана авторъ . . . . 8 —
Утоплена. (Майська Ничъ). Опера лирычна у 3 діяхъ, слова М. П. Старицького. Для спиву, съ проводомъ фортепіана 4 —
Чорноморци. Оперета у 3 діяхъ. Текстъ по Кухаренку склавъ М. П. Старицькый . . . . 2 —

Музыка до кобзаря Т. Г. Шевченка.

Спивы про жоночи голосы, якъ поодыноки такъ и гуртови (дуэты, тріо, квартеты, хоры) съ проводомъ фортепіана.

Серія перша:

1. Ой, одна я, одна, якъ былынонька въ поли (про сопрано). . — 30
2. Туманъ, туманъ долыною (про сопрано) . . . . — 30
3. На городи, коло броду (про сопрано) . . . . — 30
4. Садокъ вышневый коло хаты (про сопрано або тенора) . — 30
5. Ой, чого ты почорнило, зеленее поле (про барит.) . . . — 30
6. Нащо мени чорни бровы (сопр. або тен.) . . . . . . — 40
7. Ой люли, люли (про сопрано) . . . . — 30

8. Якъ бы мени, мамо, намысто (сопрано) . . . . — 40
9. Надъ днипровою сагою (про к.-альто) . . . . — 50
10. Сонце заходыть, тріо, про 2 сопр. та тен. . . . . — 80
11. Полюбылася я (про м.-с або альт.) . . . . — 20
12. Закувала зозуленька . . . . — 20
13. Утоптала стежечку . . . . — 30
№ (1—13) въ идному зшытку . . . . 2 —

Серія друга:

14. И багата я, и вродлыва я (альт.) . . . . — 30
15. Мынають дни (про баритона) . . . . — 40
16. Огни горять (про тенора) . . . . — 20
17. тежъ (про баритона) . . . . — 20
18. „Ой Днипре мій, Днипре“. Спивъ Яремы зъ Гайдамакивъ (про баритона) . . . . — 30
19. „Гетьманы, гетьманы“... Свято въ Чыгрыни зъ Гайдамакивъ (бар.) . . . . — 30
20. Не женыся на багатій. Думка (баритонъ) . . . . . . — 20
21. Зацвила въ долыни червона калына. Дуэтъ (про сопр. та тен.) — 50
22. Не тополю высокую (про сопрано) . . . . — 20
23. За сонцемъ хмаронька плыве (Квартетъ сопрано, альтъ, теноръ и басъ). . . . . — 60
24. Ой, по гори роменъ цвите (теноръ) . . . . — 30
25. Якъ бы мени черевыкы . . . . — 30
26. Бьють порогы. Кантата про одыноки голосы чоловичи, мишаный гуртъ зъ проводомъ оркестра; фортепьянный укладъ (Klavierauszug) автора 1 30
(14—26) въ идному зшитку . . . . 2 —

Серія третя:

27. Реве та стогне Днипръ шырокый (басъ) . . . . — 30
28. И шырокую долыну. Дуэтъ (с. т.) . . . . — 30
29. Ой крыкнулы сири гусы . . . . — 30
30. У недилю вранци рано . . . . — 50
31. Мы заспивалы, розійшлысь. Дуэтъ (б. и с.) . . . . . . — 40
32а. Ой умеръ старый батько. (к.-альто) . . . . — 30
32б. „ „ „ „ (сопр.) . . . . — 30
33. Та не дай Господы никому (бар.-басъ) . . . . — 20
34. Материнъ жаль (м.-с.) . . . . — 20
35. У тіеи Катерыны хата на помости. (басъ) . . . . — 60
36. По диброви витеръ вые (с. або т.) . . . . — 20
37. Ой я свого чоловика въ дорогу послала . . . . — 30
38. Тече вода зъ пидъ явора. Дуэтъ (про 2 сопрана) . . . . — 30
39а. Бувае иноди старый (бар.) . . . . — 30
39б. „ „ „ (тен.) . . . . — 30

Серія четверта:

40а. Доля „Ты не лукавыла зи мною (тен.) . . . . — 30
40б. „ „ „ „ „ „ (бар.) . . . . — 30
40в. „ „ „ „ „ „ (басъ) . . . . — 30
41. Рослы у купочци. Дуэтъ (про с. т) . . . . — 30
42. Не вернувся изъ походу гусарынъ москаль . . . . . . — 20
43. По-надъ полемъ иде . . . . — 30
44. Хустыночка . . . . — 20
45. Учытеся браты мои . . . . — 40
46. Чого мени тяжко? Чого мени нудно? Думка (с.) . . . . . — 20
47. Есть на свити доля (бар.) . . . . — 30
48. Ой, стричечка до стричечкы мережаю тры ниченькы (с.) . — 20
49. Якъ-бы зустрилыся мы знову (м.-с.) . . . . — 20
50. Чы мы ще зійдемося знову (т.) съ ак. віолонч. . . . . . — 30
51. У гаю, гаю витру немае. (Серенада зъ Гайдамакивъ) (бар.) — 30
52. Гомонила Украина (зъ Гайдамакивъ) (т.) . . . . — 30

Серія пьята:

53. Княжна. Зоре моя вечирняя (м.-с.) . . . . — 50

Сочиненія означенныя звѣздочкой * составляютъ собственность издателя Леона Идзиковскаго, + собственность Э. Островскаго, остальные собственность автора.

УСЛОВІЯ

пріема въ музыкально-драматическую школу

Н. В. Лисенка

(Уставъ утвержд. Министр. Внутр. Дѣлъ).

---

1. Музыкально-драматическая школа Н. В. Лисенка учреждена въ Кіевѣ, съ цѣлью давать воспитывающимся въ ней *вполнѣ законченное художественное, музыкальное или драматическое образованіе.*

2. Предметы преподаванія раздѣляются: на a) *спеціальные* b) *вспомогательные.*

3. *Спеціальные* предметы: фортепіано, скрипка, віолончель, контрабасъ, флейта, гобой, кларнетъ, фаготъ, валторна, труба, корнетъ съ пистонами, тромбонъ, ударные, арфа, пѣніе соло, теорія музыки и композиціи, дирижерство, сценическая игра и декламація.

Вспомогательные предметы: сольфеджіо, элементарная теорія, гармонія, энциклопедія, инструментовка, хоровое пѣніе свѣтское и духовное, оркестровая игра, камерный и оперный ансамбль, исторія драмы, исторія культуры и литературы, эстетика, италіанскій языкъ, мимика, фехтованіе, танцы и гримировка.

4. Предметы музыкальные преподаются *по программамъ и въ объемѣ консерваторій,* а предметы драматическаго класса

по программамъ и въ объемъ Московскаго филармоническаго музыкально-драматическаго училища.

5. Въ школу принимаются лица обоего пола всѣхъ сословій и состояній.

6. Желающіе поступить въ школу подаютъ о томъ прошеніе на имя директора школы и въ этомъ прошеніи означаютъ, какой именно предметъ они желаютъ избрать для спеціальнаго изученія. При прошеніи представляется свидѣтельство о личности и научномъ образованіи.—

Примѣчаніе. За малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ прошенія подаются родителями или заступающими ихъ мѣсто

7. Поступающіе въ школу подвергаются испытаніямъ и опредѣляются въ классы, соотвѣтствующіе обнаруженнымъ ими познаніямъ.

Примѣчаніе I. Музыкальное отдѣленіе школы имѣетъ 4 класса, два первыхъ составляютъ младшее отдѣленіе (5-ти лѣтній курсъ), остальные два класса есть старшее отдѣленіе (4-хъ лѣтній курсъ). *Въ драматическомъ отдѣленіи* 3 класса, первые два составляютъ младшее отдѣленіе (3-хъ годичный курсъ) и третій классъ есть старшее отдѣленіе (годичный курсъ).

Примѣчаніе II. Для поступленія въ приготовительный курсъ (первый курсъ младшаго отдѣленія) отъ музыкантовъ требуется хорошій музыкальный слухъ, музыкальная память и физическое здоровье, удостовѣренное мидицинскимъ свидѣтельствомъ, отъ поступающихъ въ драматическое отдѣленіе требуется еще сценичность внѣшнихъ данныхъ.

Примѣчаніе III. По возрасту принимаются въ классы: фортепіано и скрипки не моложе 9-ти лѣтъ, въ классъ віолончели не моложе 11-ти лѣтъ, въ классъ контрабаса не моложе 14-ти лѣтъ, въ классы всѣхъ духовныхъ инструментовъ, кромѣ фагота и тромбона не моложе 12-ти лѣтъ, въ классы фагота и тромбона не моложе 16-ти лѣтъ; въ классъ арфы не моложе 12-ти лѣтъ; въ классы пѣнія, сценическаго

искусства и декламаціи дѣвушки не моложе 16-ти лѣтъ и юноши не моложе 17-ти лѣтъ.

8. Въ отношеніи платы за ученіе учащіеся раздѣляются на *комплектныхъ* и *сверхкомплектныхъ*,

а) *Комплектные* платятъ за спеціальные предметы: фортепіано, арфу, пѣніе соло, композицію, дирижерство, драматическій классъ 100 рублей въ годъ, внося къ 15 сентября 60 руб. и къ 15 января 40 рублей; за классъ скрипки и віолончели 80 рублей, внося къ 15 сентября 50 рублей и къ 15 января 30 рублей. За классы остальныхъ оркестровыхъ инструментовъ 50 рублей, внося къ 15 сентября 30 рублей и къ 15 января 20 рублей. За вспомогательные предметы: теорію музыки, оркестровую игру, камерный ансамбль, обязательное фортепіано, хоровое пѣніе свѣтское и духовное 10 рублей, вносится къ 15 сентября. За оперный ансамбль 50 рублей—(къ 15 сентября 30 руб. и къ 15 января 20 руб.). За мимику, фехтованіе, танцы и гримировку вносится 30 рублей къ 15 сентября.

b) Сверхкомплектные принимаются за плату по соглашенію съ дирекціей школы.

Примѣчаніе I. Внесенная плата не возвращается.

Примѣчаніе II. Лица не внесшіе въ срокъ платы за ученіе считаются выбывшими изъ школы.

9. Лица, желающіе посѣщать какіе либо классы отдѣльно—внѣ курсовъ могутъ быть приняты въ качествѣ вольнослушателей за плату по соглашенію съ дерекціей школы.

10. Курсъ ученія съ 1-го сентября по 15 мая.

Примѣчаніе. Пріемные экзамены въ концѣ августа.

11. При школѣ есть ученическія квартиры съ полнымъ пансіономъ—плата по соглашенію.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Личный составъ малороссійской козацкой старшины въ 1725 году.[1]

«Вѣденіе о дѣйствительныхъ полковой, сотенной и городовой старшинѣ, въ полкахъ малороссійскихъ обрѣтающихся; о наличныхъ и отлучныхъ, и в которихъ имянно какихъ чиновъ неопредѣлено» [2]).

Полкъ Прилуцкій.

Старшина полковая.

Ігнатій Galagанъ полковникъ дѣйствителний.

Михайло Григоріевичъ обозной съ комендою 5000 числа козаковъ къ крѣпости Святого Креста отправленъ сего 1725 году.

Судіи полкового неопредѣлено.

---

[1]) Въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, въ отдѣленіи рукописей, въ числѣ бумагъ покойнаго историка Малороссіи Маркевича, подъ № 1898, хранится печатаемая нами здѣсь рукопись, которая должна имѣть для историковъ нашего края большой интересъ, такъ какъ даетъ весь личный составъ старшины всѣхъ полковъ и сотенъ за одно и то же время, именно за 1725 годъ. Рукопись разыскана въ бумагахъ Маркевича, въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, сотрудникомъ нашего журнала Ѳ. Д. Николайчикомъ. *Ред.*

[2]) Заглавіе приписано вверху, очевидно, послѣ написанія списка, другою болѣе искусною рукою. Этою же рукою въ разныхъ мѣстахъ списка сдѣланы вставки и поправки, отмѣченныя нами въ выноскахъ.

Того жъ полку дѣйствителная полковая старшина:

Өедоръ Галенковъскій писарь,
Михайло Мовчанъ асаулъ,
Григорій Пликовичъ, другій асаулъ къ крѣпости Святого Креста отправленъ сего 1725 году,
Іванъ Семеновичъ хоружій,
Григорій Николаевичъ прапорщикъ.

Дѣйствителная сотнѣ полковой сотенная старшина:

Петро Носенко сотникъ,
Мойсѣй Дембовскій хоружій,
Андрей Радіоновъ писарь,
Стефанъ Волковъ асаулъ,

Городовая прилуцкая старшина:

Михайло Севериновичъ атаманъ,
Леонтій Василіевичъ войтъ,
Іванъ Ѵуленко бурмистръ,
Павелъ Яремковичъ бурмистръ,
Өедоръ Турковскій писарь.

Сотнѣ Журавской.

Дѣйствителная сотенная старшина:

Михайло Яголнѣцкій сотникъ,
Грицко Ляховенко хоружій,
Яковъ Травуцкій писарь.

Городовая старшина:

Кость Тараненко атаманъ,
Максимъ Овдѣенко войтъ.

Сотнѣ Варвинской.

Дѣйствителная сотенная старшина:

Михайло Тарнавскій сотникъ,
Уласъ Хоменко хоружій.

Городовая старшина:

Семенъ Безъчипчій атаманъ,
Яковъ Шаравара войтъ,
Парфенъ Власіевъ писарь.

Сотнѣ Срѣбранской

Дѣйствителная старшина сотенная:

Антонъ Троцина сотникъ,
Остапъ Тимченко хоружій,
Стефанъ Остаповъ писарь,
Продикъ Мозира асаулъ.

Городовая старшина:

Павелъ Федоровичъ атаманъ,
Ѳедоръ Захарченко войтъ,
Гаврило Широченко бурмистръ,
Кондратъ Довгаленко асаулчикъ.

Сотнѣ Красно-Колядинской.

Дѣйствителная сотенная старшина:

Марко Анґеловскій сотникъ,
Іванъ Бѣлецкій хоружій,
Іванъ Дмитріевичъ писарь,
Карпъ Сиченко асаулъ.

Городовая старшина:

Ѳедоръ Корнѣевичъ атаманъ,
Остапъ Крутѣй войтъ,
Ігнатъ Гайдукъ бурмистръ,
Павелъ Данилейченко бурмистръ.

Сотнѣ Іваницкой.

Дѣйствителная сотенная старшина:

Іванъ Стороженко сотникъ,

Василь Юревичъ хоружій,
Тимофѣй Нѣжинецъ писарь.

Городовая старшина:

Стефанъ Кремень атаманъ,
Тихоній (sic) Самарецъ войтъ,
Данило Шійка бурмистръ,
Іванъ Соколскій писарь.

Сотнѣ Ічанской.

Дѣйствителная сотенная старшина:

Григорій Стороженко сотникъ,
Артемъ Немириченко хоружій,
Назаръ Рожанскій писарь,
Семенъ Желѣзнякъ асаулъ.

Городовая старшина:

Кость Булича (sic) атаманъ,
Кирило Войташовскій войтъ,
Матвѣй Миловичъ писарь,
Николай Захлюпаній бурмистръ,
Демко Хоменко бурмистръ.

Сотнѣ Манастирійской.

Павелъ Суханскій сотникъ въ походѣ терковскомъ прошлаго 1724 году умре, и въ тую сотню дѣйствителного сотника не опредѣлено.

Павелъ Карась наказный сотникъ,
Стефанъ Вишинскій хоружій.

Городовая старшина:

Андрѣй Донецъ атаманъ,
Павелъ Івановичъ войтъ,
Петро Будинскій писарь,
Кондратъ Кокуръ бурмистръ.

Полкъ Чернѣговскій.

Старшина полковая:

Дѣйствителній полковникъ Михайло Богдановъ,

Обозного и асауловъ двохъ полковихъ дѣйствителнихъ не опредѣлено.

Василій Томара судія полковій дѣйствителній на комисіи на Дону.

Ігнатъ Василіевичъ за полкового обозного на мѣсто Василія Скоропадского.

Михайло Мокріевичъ, Іванъ Бобирь за асауловъ полковихъ,

Писарь полковій Іванъ Бутенко билъ в Санктъ Петербурху зъ половникомъ Полуботкомъ под карауломъ, а въ мѣсто его правитъ за полкового писара Никита Василіевъ,

Хоружій полковій дѣйствителний Марко Чечелъ.

Сотенная старшина въ полковой сотнѣ:

Сотника дѣйствителного не опредѣлено, а правитъ въ той сотнѣ за сотника Василь Медушевскій,

Алексѣй Ковтунъ хоружій,

Яковъ Головко писарь,

Ермолай Семеновъ асаулъ.

Городовая старшина:

Атаманъ Іванъ Силѣчъ,

Тимофѣй Кущинскій въ мѣсто городничого въ Чернѣговѣ управляетъ.

Въ Бѣлоуской сотнѣ.

Елиферій сотникъ, Товстолѣсъ хоружій; дѣйствителного не опредѣлено, а правитъ за сотника Іванъ Товстолѣсъ,

Асаулъ Іванъ Степановъ,

Писара въ той сотнѣ не опредѣлено.

Въ сотнѣ Вибелской.

Өедоръ Новикъ хоружій,

Асаула и писара въ той сотнѣ не опредѣлено.

Въ Слабинской сотнѣ.

Сотника не опредѣлено, а по предѣленіи Господина Енерала Маіора Румянцова правилъ за сотника Николай Тризничъ, которій зъ бунчуковими пошолъ въ Гилянскій походъ.

Семенъ Михайловичъ наказній сотникъ,
Гарасимъ Ланковичъ хоружій,
Сидоръ Мякчунъ асаулъ.
Въ той сотнѣ писара не опредѣлено.

Въ Роиской сотнѣ.

Дѣйствителная старшина:

Сотникъ Яковъ Бакутринскій (sic) въ низовомъ походѣ
Михайло Деренковскій писарь,
Тимофѣй Шахуцкій хоружій тожъ въ походѣ низовомъ,
Асаулъ Михайло Соколовскій.

Въ Любецкой сотнѣ.

Іванъ Савичъ сотникъ дѣйствителный,
Карпъ Губаръ хоружій,
Якимъ Гарасименко асаулъ,
Писара сотенного не опредѣлено,
Григорій Шумейко атаманъ городовій,
Демянъ Бурдукъ городничій.

Въ Седневской сотнѣ.

Дѣйствителная старшина:

Димитрій Милитиновичъ сотникъ зъ Господиномъ Енераломъ Маіоромъ Румянцевимъ у Порти Отоманской,
Ѳедоръ Борецкій атаманъ,
Іванъ Івановъ хоружій въ Гилянскомъ походѣ,
Самойло Стоховичъ городничій,
Данилевичъ писарь,
Семенъ Нуско асаулъ.

Въ Городницкой сотнѣ.

Дѣйствителная старшина:

Яковъ Ждановичъ сотникъ въ Гилянскомъ походѣ,
Корнѣй Дубовикъ хоружій,
Григорій Страсевскій писарь,
Костя Нода асаулъ.

Въ Березинской сотнѣ.

Дѣйствителная старшина:

Ѳедоръ Лисенко сотникъ,
Семенъ Савицкій писарь въ низовомъ походѣ,
Леонтій Михненко хоружій,
Степанъ Андрущенко асаулъ,
Артемъ Михненко атаманъ,
Климъ Олещенко городничій.

Въ сотнѣ Стулинской.

Іосифъ Семеновичъ сотникъ дѣйствителній,
Іванъ Одерѣенко хоружій,
Іванъ Загалскій писарь,
Семенъ Маценко асаулъ.

Въ Менской сотнѣ.

Іванъ Васютинскій правитъ за отца своего сотника менскаго Ігната Василіевича, которій управляетъ за полкового обозного,
Захарій Павловъ атаманъ,
Никифоръ Исаевъ писарь,
Максимъ Веруженко городничій,
Ѳома Войтченко асаулъ,
Ѳедоръ Войтченко хоружій.

Въ Синявской сотнѣ.

Андрѣй Полянской сотникъ дѣйствителній,
Афанасъ Борисенко хоружій,
Данило Струтінскій писарь,
Михайло Кобилянъ асаулъ.

Въ Киселювской сотнѣ.

Іванъ Лисенко сотникъ дѣйствителній,
Авраамъ Коляда хоружій,
Григорій Здалниковъ асаулъ,
Романъ Николаевъ писарь.

Въ Сосницкой сотнѣ.

Павелъ Омеляновичъ сотникъ дѣйствителній,
Григорій Поручка хоружій,
Василь Івасенко атаманъ,
Семенъ Яковлевъ городничій,
Іванъ Трушевскій писарь,
Мартинъ Костирка асаулъ.

Въ сотнѣ Волинской.

Карпъ Лѣневичъ сотникъ дѣйствителній,
Петро Макаренко хоружій,
Василь Дмитріевъ писарь,
Василь Бутій асаулъ.

Въ Понурницкой сотнѣ.

Тихонъ Никифоровъ сотникъ дѣйствителній,
Романъ Огѣенко хоружій,
Михайло Николаевъ писарь,
Прокопъ Кириловъ асаулъ.

Полкъ Миргородскій.

Дѣйствителній полковникъ Данило Апостолъ въ Санктъ Пітербурху.

Полковая старшина.

Василь Родзянка обозній полковій правитъ въмѣсто его полковника,

Матвѣй Остроградцкій судія полковій которій былъ въ Глуховѣ подъ арестомъ,

Петро Лискевичъ писаръ полковій которій былъ въ Пѣтербурху при означенному полковнику,

Самойло Малинка другій писарь полковій,

Семенъ Galaganъ асаулъ полковій,

Антонъ Воловачъ (sic) асаулъ другій полковій,

Іванъ Черкесъ хоружій полковій,

Суфрунъ Семеновъ другій хоружій полковій.

Старшина сотенная городовая.

Сотнѣ полковой.

Дѣйствителній сотникъ Моисѣй Зарудній которій сего 1725 году одправленъ въ Сулацкую крѣпость надъ козаками того полку коммандиромъ.

Корнилій Горѣздра писарь тамъ же въ походѣ зъ нимъ сотникомъ,

Савка Мордачъ хоружій тожъ въономъ походѣ зъ нимъ сотникомъ.

Городовая старшина:

Василь Короленко атаманъ городовій Миргородскій и наказній сотникъ,

Іосифъ Яременко управляючій за писара городового,

Сидоръ Стефановъ войтъ,

Еvтухъ Яценко и Матвѣй Балацкій бурмистри.

Сотнѣ Хоролской дѣйствителніе.

Дѣйствителній сотникъ Стефанъ Родзянка,

Кирило Еvстафіевъ атаманъ городовій,

Савка Зубенко писарь сотенній,

Григорій Помагачъ войтъ,

Якимъ Сергѣенко бурмистръ.

Сотнѣ Сорочинской дѣйствителніе.

Николай Gоронескулъ сотникъ сорочинскій, которій бувъ (sic) при полковнику Апостолу въ Санктъ Пѣтербурху,

Михайло Лоевскій атаманъ, которій въ отлучке,

Данило Лукашевъ писарь,

Стефанъ Очеретко хоружій.

Прокопъ Іосифовичъ войтъ,

Семенъ Наружній и Василь Савченко бурмистри.

Сотнѣ Шишацкой дѣйствителние.

Дѣйствителній сотникъ Романъ Лесницкій,

Іванъ Ситникъ атаманъ городовій

Дмитро Василіевъ писарь сотенній,

Кондратъ Смаленко войтъ мѣскій,

а бурмистровъ нѣтъ.

Сотнѣ Ересковской.

Дѣйствителного сотника неопредѣлено, токмо управляетъ наказній Романъ Леонтіевичъ,

Стефанъ Кійко атаманъ,

Леонтій Ословскій писарь,

Григорій Іващенко хоружій посланъ въ Шліонскъ для покупки барановъ,

Яковъ Губенко войтъ,

Ігнатъ Левушка бурмистръ.

Сотнѣ Уцтивицкой.

Дѣйствителного сотника неопредѣлено, а управляетъ въ той сотнѣ наказній Максимъ Тимошенко, которій посланъ въ транжаментъ черкаскій на коммиссію,

Іванъ Маслякъ атаманъ,

Гаврило Іосифовъ писарь,

Николай Бутко войтъ.

Сотнѣ Богацкой.

Дѣйствителній сотникъ Андрей Стефановичъ,

Грицко Бѣличенко атаманъ,

Іванъ Ѳедоровъ писарь,

Кондратъ Іващенко хоружій,

Матвѣй Ілляшенко войтъ.

Сотнѣ Бѣлоцерковской.

Дѣйствителній сотникъ Іванъ Ярославъ, которій отправленъ сего 1725 году коммандиромъ надъ козаками полку того въ Гилянскій походъ,

Наказній сотникъ въ мѣсто его Ярослава Тиховъ Лукяненко,
Данина (sic) Василенко атаманъ,
Василь Захаріевъ писарь,
Григорій Нечаенко хоружій,
Семенъ Карпенко войтъ.

Сотнѣ Остаповской.

Дѣйствителній сотникъ Ярема Юхимовичъ, якій прошлаго 1724 году посланъ коммандиромъ въ Сулацкую крѣпость.
Данило Івановичъ атаманъ и наказній сотникъ [1]),
Захарій Павловъ писарь,
Иванъ Григоріевъ хоружій,
Дмитро Івановъ войтъ,
Гарасимъ Батракъ бурмистръ.

Сотнѣ Голтвянской.

Дѣйствителній сотникъ Өедоръ Остроградскій,
Якимъ Замятня атаманъ,
Емелянъ Голѣнковскій писарь,
Ігнатъ Рибалка хоружій,
Захарій Кривошія войтъ,
Ониско Черкесъ бурмистръ.

Сотнѣ Омелницкой.

Дѣйствителній сотникъ Кондратъ Леонтіевичъ,
Өедоръ Ланко атаманъ,
Григорій Іосифовъ писарь,
Мартинъ Тимофѣевъ хоружій,
Алексѣй Полтавецъ войтъ.

Сотнѣ Потоцкой.

Сотникъ Іосифъ Росоха прошлого 1724 году въ Сулацкой крипости умеръ, и въ той сотнѣ сотника дѣйствителного не определено.
Данило Малишовъ атаманъ городовій и сотникъ наказній,

---

[1]) Эта строка вставлена тою же рукою, которой сдѣлано заглавіе: „Вѣденіе и проч".

Іванъ Петрушенко писарь,
Яковъ Прядченко хоружій
Петро Кинпелъ войтъ.

Сотнъ Кременчуцкой.

Гаврило Илляшенко сотникъ кременчуцкій дѣйствителній,
Ѳедоръ Василенко атаманъ,
Омелянъ Корчевскій писарь,
Данило Волошиненко хоружій,
Стефанъ Пашковскій войтъ.

Сотнъ Власовской.

Дѣйствителній сотникъ Михайло Майборада (sic),
Ілля Клименко атаманъ,
Іванъ Суличичъ писарь,
Григорій Дашовецъ хоружій,
Леонтій Остапенко войтъ,
Никита Лабезній бурмистръ.

Сотнъ Городиской.

Дѣйствителній сотникъ Лаврентій Юсенко,
Уласъ Сердюковскій атаманъ,
Ігнатъ Кашевскій писарь,
Іосифъ Дапенко хоружій,
Петро Шветченко войтъ.

Полкъ Стародубовскій.

Полковникъ Іванъ Кокошкинъ другій годъ въ Москвѣ,
Обозного и судіи полковихъ не опредѣлено,
Стефанъ Максимовичъ писарь полковій, *опредѣленъ отъ господина генерала маіора Румянцова на мѣсто писара полкового Григорія Скоруппи, которій держанъ за арестомъ* [1]),
Павелъ Яворскій асаулъ

---

[1]) Курсивъ вставленъ рукою, писавшею заглавіе.

Семенъ Березовскій асаулъ другій,
Афанасій Есимонтовскій ассесоръ судовъ полковихъ,
Стефанъ Якимовичъ хоружій полковій,
Өедоръ Данченко хоружій полковій другій,
Іванъ Залѣскій асаулъ артиллеріи полковой,
Григорій Овѣновскій атаманъ городовій,
Ісаакъ Яковлевъ войтъ.

Старшина сотнѣ полковой Стародубовской [1]).

Семенъ Галецкій сотникъ,
Филипъ Данченко хоружій,
Григорій Бѣлокопитъ асаулъ,
Писара нѣтъ.

Сотнѣ Новомѣской-Стародубовской.

Павелъ Дублянскій сотникъ, нынѣ обрѣтаетъся въ Гилянскомъ походѣ, токмо онъ за старшини енералной отъ сотництва по чолобитю сотнѣ тоей козаковъ отдаленъ.
Тимофѣй Силевичъ правящій въ той сотнѣ за сотника,
Стефанъ Козловскій хоружій,
Алексѣй Гриневичъ асаулъ,
Іванъ Паламаренко писарь.

Сотнѣ Топалской.

Климъ Янжулъ сотникъ за арестомъ,
Никифоръ Івановичъ хоружій,
Василь Тимоновичъ писарь,
Григорій Тимоновичъ писарь,
Григорій Стародубецъ асаулъ,
Кондратъ Швей атаманъ.

Старшина сотнѣ Шептаковской.

Сотника въ той сотнѣ не опредѣлено дѣйствительного,
Іванъ Василіевъ наказній сотникъ,

---

[1]) Послѣднее слово приписано тою-же рукою, которой принадлежитъ предыдущая приписка.

Василь Григоріевъ хоружій,
Іванъ Забузкій писарь сотенній.

Дѣйствителная Новгородская старшина.

Василь Христичевскій сотникъ,
Лукянъ Пашинскій асаулъ,
Петро Помаранской писарь,
Тимофѣй Стардовскій (Смардовскій?) хоружій.

Старшина городовая Новгородская.

Іванъ Андрѣевъ атаманъ,
Степанъ Андрѣевъ войтъ,
Іванъ Ходорацкій писарь,
Максимъ Остапенко городничій.

Дѣйствителная сотенная старшина Погарская.

Семенъ Соболевскій сотникъ.
Михайло Пряжика (sic) асаулъ,
Хоружого сотеннаго не опредѣлено,
Романъ Подгаецкій писарь.

Старшина Погарская городовая.

Іосифъ Рухлядскій атаманъ,
Климъ Пѣсоцкій войтъ,
Бурмистръ бувалъ, только его нынѣ не имѣетъся,
Леонтій Бѣлявъ писарь.

Старшина сотенная Бакланская.

Антипъ Соколовскій сотникъ *держанъ былъ за арестомъ* [1]),
Михайло Готовецъ атаманъ,
Василь Бурій хоружій,
Марко Стасенокъ асаулъ,
Захарій Точицкій писарь,
Тарасъ Афанасовъ войтъ.

---

[1]) Курсивъ приписанъ вышеупомянутою рукою.

Старшина сотнѣ Почеповской.

Іванъ Губчичъ сотникъ дѣйствителній
Ефимъ Карновичъ атаманъ,
Іванъ Карновичъ хоружій,
Іванъ Івановъ Губчичъ асаулъ.
Никита Ботвинка писарь.

Старшина сотенная Мглинская.

Дѣйствителній сотникъ выправленъ къ крѣпости Святого въ семъ 1725 году Креста Алексѣй Есимонтовскій,
Андрей Зубрицкій атаманъ и наказній сотникъ,
Сидоръ Парфеновъ асаулъ,
Мартинъ Лишенъ хоружій въ походѣ терковскомъ,
Юрій Ревутъ писарь.

Старшина городовая Мглинская.

Сидоръ Мажука войтъ,
Григорій Вакуленокъ городничій.

Полкъ Переяславскій.

Полковника дѣйствителного не опредѣлено,
Наказній полковникъ сотникъ Бориспольскій Стефанъ Афендикъ,
Обозного полкового не опредѣлено,
Семенъ Новаковичъ судія полковій,
Карпъ Бурляй писарь полковій, *отъ господина енерала маіора Румянцова на мѣсто полкового писара Павла Черняховскаго, которій въ Глуховѣ держанъ за арестомъ* [1]).

Романъ Юрченко асаулъ полковій, *опредѣленъ отъ господина енерала маіора Румянцова* [2]).

Лука Василіевичъ асаулъ другій полковій, которій билъ подъ арестомъ въ Глуховѣ.

---

[1]) Курсивъ приписанъ вышеупомянутою рукою.
[2]) Тоже.

Прокопъ Парфеновъ хоружій, *опредѣленъ отъ господина енерала Румянцова* [1]).

Григорій Бартошевичъ атаманъ городовій,

Стефанъ Гаптаренко атаманъ другій,

Павелъ Дахъ асаулъ арматній,

Іванъ Многогрѣшній городничій,

Сотнѣ полковой.

Іванъ Доброницкій сотникъ держанъ былъ подъ арестомъ, а на мѣсто его опредѣленъ отъ господина енерала маіора Румянцова [2]).

Григорій Дараganъ.

Сотнѣ полковой другой.

Дмитро Дараganъ правитъ за сотника.

Сотнѣ Трехтемировской.

Яковъ Рустановичъ сотникъ дѣйствителній.

Сотнѣ Воронковской.

Николай Аффендикъ сотникъ, *опредѣленъ отъ г. енерала маіора Румянцова* [3]).

Іванъ Сулима атаманъ.

Сотнѣ Ворисполской.

Сотникъ дѣйствителній Стефанъ Афендикъ, которій правитъ наказнимъ полковникомъ,

Александеръ Жиянъ наказній сотникъ,

Якимъ Кузменко атаманъ Городовій.

Сотнѣ Баришовской.

Ісай Денисовичъ сотникъ дѣйствителній,

Пилипъ Скиданъ атаманъ.

---

[1]) Тоже.

[2]) Тоже.

[3]) Тоже.

Сотнѣ Басанской.

Ѳедоръ Рудковскій сотникъ дѣйствителній въ терковскомъ походѣ умеръ.

Михайло Забѣла наказній сотникъ,

Степанъ Полѣно атаманъ.

Сотнѣ Березанской

Яковъ Корнѣенко дѣйствителній сотникъ въ Ґилянскомъ нынѣ походѣ.

Яковъ Загорулченко наказній сотникъ,

Іванъ Зуй атаманъ.

Сотнѣ Яготинской.

Іосифъ Павловъ дѣйствителній сотникъ,

Хведоръ Крисенко атаманъ.

Сотнѣ Гелмязовской.

Сава Тоцкій дѣйствителній сотникъ,

Данило Ѳедоровичъ атаманъ.

Сотнѣ Золотоноской.

Антонъ Черушинскій сотникъ дѣйствителній въ Терковскомъ походѣ.

Леско Бутенко наказній сотникъ,

Кирило Лавренко атаманъ.

Сотнѣ Пѣщанской.

Семенъ Кандиба дѣйствителній сотникъ,

Данило Орѣщенко атаманъ.

Сотнѣ Кропивянской.

Константій Яковлевичъ дѣйствителній сотникъ,

Тимофѣй Матвѣевъ атаманъ.

Сотнѣ Ирклѣевской.

Славуй Требинскій дѣйствителній сотникъ.

Іванъ Журба атаманъ.

Сотнѣ Домонтовской.

Кондратъ Іваненко дѣйствителній сотникъ,
Павелъ Моруxоничъ атаманъ.

Сотнѣ Бубновской.

Михайло Проxоренко дѣйствителній сотникъ,
Стефанъ Баглай атаманъ.

Сотнѣ Леплявской.

Іванъ Киржа наказній сотникъ,
Романъ Курдесенко атаманъ.

Полкъ Гадяцкій.

Дѣйствителній полковникъ Михайло Милорадовичъ въ Терковскомъ походѣ.

Александеръ Ситенскій писарь полковій въ томъ же походѣ умеръ, а на мѣсто его писаромъ нѣкого не опредѣлено.

Стефанъ Милорадовичъ наказній асаулъ полковій,
Обозного, асаули другого полковихъ не опредѣлено,
Мартинъ Стишевскій судія дѣйствителній,
Яковъ Гречаній асаулъ полковій дѣйствителній.

Сотнѣ полковой.

Василь Велецкій сотникъ въ томъ же Терковскомъ походѣ,
Ѳедоръ Сулима на его мѣстцу наказній.

Сотнѣ полковой другой.

Іванъ Пѣратинскій сотникъ полковій дѣйствителній,
Григорій Цюпка хоружій,
Трохимъ Івановъ атаманъ городовій гадяцкій.

Сотнѣ Веприцкой.

Леонтій Масюкъ сотникъ дѣйствителній,
Сава Семеновъ атаманъ.

Сотнѣ Грунской.

Ілія Милорадовичъ сотникъ дѣйствителній зъ полковникомъ въ походѣ.

Михайло Милорадовичъ наказній сотникъ.

Іванъ Бабуцкій атаманъ.

Сотнѣ Куземинской.

Михайло Семеновъ сотникъ въ Гилянскомъ походѣ.

Іванъ Максименко на его мѣстцу наказній,

Іванъ Коробка атаманъ.

Сотнѣ Опошнянской.

Романъ Корицкій сотникъ прошлого 1724 году, виправленъ будучи въ Сулакъ, тамъ умеръ.

Мойсѣй Клименко на его мѣстцу наказній,

Григорій Сѣрацкій атаманъ.

Сотнѣ Зѣнковской.

Василь Рожанскій сотникъ дѣйствителній въ Терковскій походъ сего 1725 году виправленъ.

Мелетій Жадко сотникъ дѣйствителній другій зенкувскій,

Іванъ Церло атаманъ.

Сотнѣ Ковалювской.

Демянъ Івановъ сотникъ дѣйствителній прошлого 1724 году въ Сулакъ виправленъ.

Іванъ Гаянъ на мѣсто его наказній сотникъ,

Созонтъ Гавриленко атаманъ.

Сотнѣ Лютенской.

Лукянъ Яковлевъ сотникъ дѣйствителній,

Онисимъ Величай атаманъ.

Сотнѣ Комишанской.

Данило Іллѣчъ сотникъ зъ полковникомъ въ Терковскомъ походѣ.

Афанасій Барзевичъ хоружій и наказній сотникъ,
Андрѣй Бакута атаманъ.

Сотнѣ Рашевской.

Петро Зеленскій сотникъ,
Михайло Возниця атаманъ.

Полкъ Нѣжинскій.

Дѣйствителній полковникъ графъ Петръ Толстой,
Леонтій Шрамченко обозній,
Романъ Лазаревичъ судія,
Леонтій Ѳроновскій писарь полковій, *опредѣленъ отъ гидна (sic) маіора Румянцова* [1]).
Моисѣй Левицкій асаулъ полковій,
Асаула другого не определено,
Іванъ Левицкій хоружій полковій дѣйствителній въ крѣпости Святого Креста,
Василь Богдановскій атаманъ городовій,
Іосифъ Коннѣйскій бурмистръ и войтъ наказній.

Сотнѣ полковой.

Сотникъ Іванъ Пирацкій былъ подъ арестомъ и старъ,
Василь Стасенко наказній сотникъ,
Кондратъ Евхименко атаманъ,
Висиль Бѣлиловець хоружій,
Тихоній Кривецкій писарь,
Леско Калантай асаулъ,
А сотника цѣлого нѣтъ.

Сотнѣ другой полковой.

Дѣйствителного сотника неопредѣлено,
Леонтій Бѣлякъ наказній сотникъ,

---

[1]) Приписано вышеупомянутой рукой.

Іванъ Іващенко атаманъ,
Опанасъ Кресань хоружій,
Іосифъ Дадзѣнскій писарь,
Семенъ Василіевъ асаулъ.

Сотнѣ третой полковой.

Григорій Романовскій сотникъ дѣйствителній,
Петро Соляникъ атаманъ,
Демидъ Рожовець хоружій,
Михайло Балановскій писарь,
Карпъ Мазка асаулъ.

Сотнѣ Олишевской.

Данило Шрамченко сотникъ дѣйствителній,
Василь Усикъ атаманъ,
Хведоръ Клименко хоружій,
Ѳедоръ Чарнускій писарь,
Данило Гулевичъ асаулъ,
Кирикъ Кишка войтъ.

Сотнѣ Івангородской.

Василь Дмитровъ сотникъ дѣйствителній,
Яковъ Гладкой атаманъ,
Хведоръ Івановъ хоружій,
Никифоръ Евфимовъ писарь,
Іванъ Омеляновъ асаулъ.

Сотнѣ Короповской.

Іванъ Порохонскій сотникъ дѣйствителній въ Гилянскомъ походѣ,
Тупѣцкій хоружій въ томъ же походѣ,
Филипъ Трохимовъ наказній сотникъ,
Герасимъ Григоріевъ писарь,
Петро Тупѣцкій асаулъ.

Городовая старшина.

Сава Панковъ войтъ,
Ѳедоръ Тимофѣевъ бурмистръ,
Алексѣй Тимофѣевъ бумистръ.

Сотнѣ Воронѣжской.

Іванъ Холодовичъ сотникъ дѣйствителній въ Сулацкомъ походѣ
Кирило Слабѣй наказній сотникъ,
Демидъ Яковлевъ писарь,
Тимофѣй Закорка асаулъ,
Хоружого не опредѣлено,
Петро Андрѣевъ войтъ,
Григорій Фуницкій бурмистръ.

Сотнѣ Глуховской.

Іванъ Мануйловичъ сотникъ правитель въ войсковой енералной канцеляріи.
Θедоръ Омеляновъ атаманъ,
Кирило Потапенко хоружій,
Іванъ Винда асаулъ,
Остапъ Евфимовъ писарь,
Войтъ Стефанъ Хмелникъ.

Сотнѣ Новомлинской.

Кирило Троцкій сотникъ дѣйствителній,
Василевъ атаманъ.
Семенъ Нестеревъ хоружій,
Прокопъ Кириловъ писарь,
Асаула не опредѣлено.

Сотнѣ Борзенской.

Михайло Забѣла сотникъ дѣйствителній,
Андрѣй Бѣличъ атаманъ,
Леонтій Новакъ писарь,
Хоружого не опредѣлено,
Іванъ Горбачъ асаулъ въ Сулацкомъ походѣ,
Гордѣй Пархомовъ войтъ,

Сотнѣ Бахмацкой.

Дѣйствителного въ той сотнѣ сотника и асаула не опредѣлено
Данило Налѣтовскій наказній сотникъ,
Кирило Маценко атаманъ,

Ігнатъ Писаренко хоружій,
Петро Яновскій писарь.

Сотнѣ Кролевецкой.

Дѣйствителній сотникъ Костантій Генваровскій въ походѣ Низовомъ.
Григорій Падалка наказній сотникъ,
Уласъ Дмитренко асаулъ,
Опанасъ Резниковъ хоружій,
Іванъ Хмелницкій писарь,
Ілля Каменецкій писарь,
Сидоръ Харевичъ асаулъ.

Сотнѣ Батуринской.

Ѳедоръ Даниловъ сотникъ дѣйствителній,
Ѳедоръ Прима атаманъ,
Іванъ Занко хоружій,
Іосифъ Рижій писарь,
Григорій Русакъ асаулъ,
Іванъ Стеценко войтъ.

Сотнѣ Прохорской.

Матвѣй Борсукъ сотникъ дѣйствителній,
Юско Циркувскій атаманъ,
Самойло Горбанъ хоружій,
Василь Борсукъ писарь,
Грицко Рогулка асаулъ.

Сотнѣ Конотопской.

Григорій Костенецкій сотникъ дѣйствителній,
Данило Опанасовъ атаманъ,
Василь Лазоренко хоружій,
Моисѣй Кривецкій писарь,
Леско Зубченко асаулъ,
Мартинъ Брагій (?) войтъ.

Сотнѣ Мринской.

Өедоръ Тарасовичъ сотникъ дѣйствителній,
Іванъ Бережній атаманъ,
Лукянъ Чекань хоружій,
Іванъ Мартуковичъ писарь,
Моисѣй Скумликъ асаулъ,
Семенъ Малинка войтъ.

Сотнѣ Шаповаловской.

Дѣйствителного сотника, якожъ и хоружого не опредѣлено,
Іванъ Небаба наказній сотникъ,
Өедоръ Стахора атаманъ,
Алексѣй Василевъ писарь,
Тимушъ Лишунъ асаулъ.

Сотнѣ Веркіевской.

Павло Самойловъ сотникъ дѣйствителній въ походѣ,
Самойло Афанасіевъ наказній сотникъ,
Ілля Гарасименко атаманъ,
Семеневъ (sic) Василевъ писарь,
Микита Соя асаулъ,
Алексѣй Проценко хоружій тожъ зъ сотникомъ въ походѣ.

Сотнѣ Дѣвицкой.

Яковъ Селецкій сотникъ дѣйствителній
Ігнатъ Сулимовъ атаманъ,
Өедоръ Семеновъ хоружій,
Омелянъ Суждалскій писарь,
Григорій Роговскій асаулъ,
Семенъ Гарасимовъ войтъ.

Сотнѣ Ямполской.

Сотника нѣтъ, токмо атаманъ Іванъ Верховецъ правитъ въ мѣсто сотника.

Полкъ Полтавскій.

Дѣйствителного полковника неопредѣлено,

Дѣйствителная полковая старшина,

Сава Тарануха дѣйствителній полковій асаулъ и наказній полковникъ.

Лаврентій Никитовъ обозній полковій,

Судія полковій Григорій Буцкій, писарь полковій Григорій Богаевскій и асаулъ полковій другій Ѳедоръ Сибѣлевичъ держани подъ арестомъ въ Глуховѣ,

Михайло Руденко хоружій полковій,

Павло Гарасимовъ хоружій полковій,

Яковъ Фѣринка арматній хоружій,

Асаула артилерійского нѣтъ.

Городовая старшина полтавская:

Лука Старицкій атаманъ,

Кирило Івановъ войтъ,

Василь Тимофѣевъ писарь, которій за полкового править писаря,

Алексѣй писарь Івановъ ратушній.

Сотнѣ полковой.

Григорій Чернякъ дѣйствителній сотникъ въ походѣ Гилянскомъ,

Панко Сягайло хоружій въ томъ же походѣ,

Опанасъ Лобачевскій писарь.

Сотнѣ другой полковой.

Дмитрій Самарскій сотникъ дѣйствителній,

Карпъ Гарасименко хоружій,

Ѳедоръ Івановъ писарь.

Старшина сотнѣ Великобудиской.

Іванъ Сулименко дѣйствителній сотникъ въ Терковскомъ походѣ,

Іосифъ Сулименко наказній сотникъ.

Ѳедоръ Товстѣй атаманъ,

Іванъ Фесенко войтъ,

Яковъ Івановъ писарь,

Сотнѣ Старосанджаровской.

Самойло Спафарій сотникъ дѣйствителній,
Денисъ Сачавецъ атаманъ,
Михайло Захарченко войтъ,
Іванъ Ханасевичъ писарь.

Сотнѣ Новосанджаровской.

Дѣйствителнаго сотника неопредѣлено,
Григорій Бичъ наказній сотникъ,
Андрей Погорѣлскій атаманъ,
Матвѣй Костенко войтъ,
Іванъ Ященко писарь.

Сотнѣ Бѣлицкой.

Василь Еѵфименко сотникъ дѣйствителній
Карпъ Даценко атаманъ,
Петро Василенко войтъ,
Андрей Гайденко писарь.

Сотнѣ Кобеляцкой.

Сава Тарануха сотникъ дѣйствителний.
Андрей Шумейко атаманъ,
Григорій Куйнашъ войтъ,
Яковъ Панасенко писарь.

Сотнѣ Соколской.

Ѳедоръ Тимофѣевъ дѣйствителній сотникъ въ Торковскомъ походѣ.

Ѳедоръ Ѳедоровъ наказній сотникъ,
Юско Кулбака атаманъ,
Семенъ Івановъ писарь,
Зѣновій Якимовъ войтъ.

Сотнѣ Кишинской.

Григорій Потоцкій сотникъ дѣйствителній,

Максимъ Левченко атаманъ,
Григорій Капканецъ писарь.

Сотнѣ Переволочанской.

Павелъ Вакуленко сотникъ дѣйствителній
Яковъ Лисенко атаманъ,
Леонтій Емченко писарь.

Сотнѣ Керебердянской.

Іванъ Лишенко дѣйствителній сотникъ *за арестомъ* [1]),
Іванъ Набокъ наказаній сотникъ.
Прокопъ Яценко атаманъ,
Кондратъ Ігнатенко пысарь.

Сотнѣ Нехворощанской.

Гордѣй Савичъ сотникъ дѣйствителній,
Іванъ Івановъ атаманъ,
Алексѣй писарь.

Сотнѣ Маяцкой.

Андрей Прийма сотникъ дѣйствителній,
Ѳедоръ Казѣмѣръ атаманъ,
Гаврило Штепенко писарь.

Сотнѣ Чаричанской (sic).

Ѳедоръ Бабанскій сотникъ дѣйствителній,
Лукянъ Бабанскій атаманъ,
Іосифъ Івановъ писарь.

Сотнѣ Орлянской.

Іосифъ Яковлевъ сотникъ дѣйствителній,
Іванъ Матвѣевъ атаманъ,
Денисъ Лутченко писарь.

---

[1]) Приписка вышеупомянутой рукой.

Сотнѣ Китайгородской.

Яковъ Головченко сотникъ дѣйствителній,
Василь Онуфренко атаманъ,
Степанъ Бѣлименко писарь.

Полкъ Лубенскій.

Андрѣй Марковичъ дѣйствителній полковникъ,
Павелъ Мартосъ обозній полковій,
Іванъ Павловичъ асаулъ,
Семенъ Еvстафѣевичъ другій асаулъ,
Судіи полкового не опредѣлено,
Стефанъ Савицкій, писарь полковій,
Стефанъ Корсунъ хоружій полковій,
Андрѣй Бутурлимъ другій хоружій.

Сотнѣ полковой.

Дѣйствителній сотникъ Григорій Кулябка,
Семенъ Прима атаманъ.
Касянъ Пантелимоновъ войтъ,
Іванъ Яременко и Василь Калениченко бурмистри,
Іванъ Іваненко писарь.

Сотнѣ Роменской.

Дѣйствителнаго сотника не опредѣлено,
Данило Савуско наказній сотникъ,
Іванъ Лаврентіевъ атаманъ.
Василь Даниловъ войтъ,
Миронъ Кушнѣръ бурмистръ,
Федоръ Яновскій,
и Василь Балинскій писарѣ.

Сотнѣ Смяловской (sic).

Костантій Василіевичь сотникъ дѣйствителній,
Василь Бабичъ атаманъ,

Филипъ Романенко войтъ,
Іванъ Козиръ и Никита Скрипникъ бурмистрѣ,
Яковъ Тихоновъ писарь.

Сотнѣ Глинской.

Афанасій сотникъ Жуковскій дѣйствителній,
Романъ Ющенко атаманъ наказній.
Василь Івасенко войтъ,
Ярема Тищенко бурмистръ,
Петро Григоріевъ писарь.

Сотнѣ Лохвицкой.

Іванъ Гамалѣя дѣйствителній сотникъ,
Іванъ Бузинскій атаманъ,
Кирило Івановъ войтъ,
Сидоръ Яковлевъ и Мойсѣй Дядура бурмистри,
Іванъ Шестерневскій писарь.

Сотнѣ Сенецкой.

Кирило Криштопъ сотникъ дѣйствителній въ Терковскомъ походѣ.
Лукянъ Яковлевъ атаманъ,
Іванъ Криштфъ наказній сотникъ,
Степанъ Карпенко войтъ,
Іосифъ Ваховитъ бурмистръ,
Андрѣй Корецъ писарь.

Сотнѣ Городиской.

Василь Кирика дѣйствителній сотникъ,
Гарасимъ Іваненко атаманъ,
Радко Носаръ войтъ,
Кондратъ Шерема бурмистръ,
Гаврило Василенко писарь.

Сотнѣ Чорнуской.

Семенъ Максимовичъ дѣйствителній сотникъ въ Терковскій походъ 1724 году виправленъ,

Яковъ Дроздъ наказній сотникъ,
Григорій Звиряка наказній атаманъ,
Матвѣй Головко войтъ,
Мартинъ Пустовойтъ и Петро Ткачъ бурмистри,
Андрей Івановъ управляючій за писара.

Сотнѣ Пѣратинской.

Григорій Корнѣевичъ дѣйствителній сотникъ,
Іванъ Пасюта атаманъ,
Войта не опредѣлено,
Григорій Івановъ и Михайло Безмулній бурмистри,
Михайло Ілліевичъ за писара правитъ.

Сотнѣ Лукомской.

Мартинъ Кодинецъ дѣйствителній сотникъ,
Василь Дацѣй атаманъ,
Іванъ Бобирь войтъ,
Василь Оникіенко бурмистръ,
Андрѣй Карпъ писарь.

Сотнѣ Чигиринъ-Дубровской.

Іванъ Болюбашъ дѣйствителній сотникъ,
Козьма Скосиръ атаманъ,
Ѵфимъ Чепѣлъ войтъ,
Прокопъ Головня бурмистръ,
Дмитро Буковскій писарь.

Зъ верхъ полковой, сотенной и городовой старшини не опредѣлено енеральной старшини и другихъ къ тому надлежащихъ чиновъ, которіе надлежатъ быть, а именно:

Обозній енералній,
Судія енералній,
Судія другій енералний же,
Писарь енералній,
Асаулъ енералній,
Асаулъ другій енералній,

Хорунжій енералный [1]),
Бунчучій енералній,
Асаулъ артиллерійскій,
Судовъ енералнихъ писарь,
Реентъ при канцелляріи войсковой.

Зъ тихъ енералнихъ особъ судія Чарнышъ, писарь Савичъ, асаулъ Жураковскій и бунчучній Лизогубъ обрѣтаютъ ся въ Санктъ Питербурху [2]).

---

[1]) Вставлено рукою вышеупомянутою.

[2]) Послѣднія строчки, начиная со словъ: „*Зъ тихъ енералнихъ особъ*" и до конца, зачеркнуты.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 17 августа 1904 г.

Посвящается

памяти

Михаила Александровича

Максимовича.

3-го сентября 1904 года исполнилось столѣтіе со дня рожденія нашего славнаго земляка-украинца, *Михаила Александровича Максимовича*, своими учено-литературными трудами, своимъ словомъ и всѣми дѣлами сослужившаго большую службу нашей родинѣ. Ботаникъ по своей научной спеціальности, онъ въ молодые годы былъ уже въ числѣ видныхъ именъ на полѣ изученія въ Россіи естественныхъ наукъ, и въ то-же время, углубляясь своимъ быстрымъ умомъ въ сѣдую старину любимой имъ Украины, онъ сталъ еще болѣе славенъ, какъ историкъ и этнографъ, оставивъ послѣ себя цѣлый рядъ работъ, посвященныхъ изученію судебъ нашей родины вообще и Кіева въ частности.

Журналъ «Кіевская Старина», съ благодарностью поминая славное имя Максимовича въ столѣтнюю годовщину его рожденія, посвящаетъ его памяти настоящую книжку и открываетъ ее статьей проф. В. С. Иконникова о Кіевѣ и его двухвѣковой исторіи, что всегда составляло одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ для изученія поминаемаго нами историка, по временамъ даже питавшаго надежду стать оффиціальнымъ исторіографомъ г. Кіева.

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

МАКСИМОВИЧЪ.

(Родился 3 сентября 1804 г., умеръ 10 ноября 1873 г.)

Объявленіе о преміяхъ.

Редакція журнала «Кіевская Старина» рѣшила на текущій годъ объявить преміи за лучшіе разсказы и повѣсти, написанные по-украински. Условія премій слѣдующія:

1) Представляемые на премію разсказы и повѣсти должны быть оригинальные, а не переводные и передѣланные [1]).

2) Авторамъ предоставляется свободный выборъ темъ и сюжетовъ.

3) Премированный разсказъ или повѣсть печатается въ «Кіевской Старинѣ» и оплачивается по разсчету 100 руб. за печатный листъ въ 16 страницъ.

4) Срокъ представленія разсказовъ и повѣстей не позже 1 ноября 1904 года.

5) Рукописи должны быть представлены переписанными не рукою автора и безъ имени его, а только съ девизомъ, при чемъ нужно въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью того-же девиза, указать свой точный адресъ (имя, отчество, фамилія и почтовая станція).

---

1) Драматическія пьесы на премію не принимаются.

Кіевъ въ 1654—1855 гг.

(Историческій очеркъ) [1].

> И кто убо не возлюбитъ Кіевъскаго княженіа, понеже вся честь, и слава, и величество, и глава всѣмъ землямъ Русскіимъ—Кіевъ.
>
> *Русская лѣтопись по Никонову списку (годъ 1155).*
>
> Среди множества городовъ обширной Русской Имперіи—Кіевъ, Москва и Петербургъ возвышаются какъ три великіе памятника трехъ великихъ періодовъ русской жизни.
>
> *М. Максимовичъ.*
>
> И ты одинъ подъ башнями святыми
> Шумишь, о Днѣпръ, волнами вѣковыми...
>
> *И. Козловъ* („Кіевъ").

I.

Послѣ погрома, нанесеннаго южной Руси продолжительными княжескими усобицами и нашествіемъ татаръ (XII—XIII в.), Кіевъ утратилъ свое первенствующее значеніе, а утвержденіе гос-

[1]) Въ 1897 году университетъ св. Владиміра издалъ сборникъ, посвященный исторіи Кіева и его университета, для котораго авторомъ былъ написанъ настоящій очеркъ; но такъ какъ послѣдній оказался обширнымъ, то изъ него сдѣлано было извлеченіе. Сборникъ

подства Литвы въ предѣлахъ бывшихъ русскихъ княжествъ создало для него новый порядокъ вещей [1]). Прежняя тѣсная связь, существовавшая между южной и сѣверной Русью, о которой свидѣтельствуютъ и лѣтописи, и пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», на долго была утрачена. Тѣмъ не менѣе Кіевъ, служившій нѣкогда центромъ политической и религіозной жизни, не потерялъ навсегда своего притягательнаго значенія. Изъ-за него ведутъ борьбу литовскіе князья, причемъ защитники независимости Кіева ищутъ поддержки въ другомъ центрѣ русскаго міра—Москвѣ: туда отправляется кіевскій князь Владиміръ Ольгердовичъ за помощью противъ Витовта, мечтавшаго объ осуществленіи широкихъ политическихъ плановъ; сынъ того же Владиміра—Александръ женится на дочери вел. кн. Василія Дмитріевича, Анастасіи; внукъ—Михаилъ становится во главѣ движенія, цѣлью котораго было сверженіе литовскаго господства [2]). Потерпѣвъ неудачу, сторонники этого движенія бѣгутъ въ Москву, а самъ виновникъ его поплатился головою въ Кіевѣ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ родъ этихъ князей заботился о возобновленіи кіевскихъ святынь [4]). Нѣсколько позже (въ нач. XVI в.) обнаруживается движеніе въ пользу объединенія южно-русскихъ земель, находившихся подъ властью Литвы, неудача котораго заставила его виновниковъ (дѣло

изданъ былъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Поэтому напечатаніе настоящаго очерка можетъ представлять извѣстный интересъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ дополнилъ его данными, заимствованными изъ матеріаловъ и статей, вышедшихъ въ свѣтъ послѣ составленія очерка.

[1]) Лѣтопись по Лавр. списку, 461; Истор. Библ., изд. Археогр. ком., VI, 64.

[2]) По смерти брата его, Симеона Александровича (1471), Кіевское княж. нисходитъ на степень воеводства.

[3]) П. С. Р. лѣт. VI, 233; Густ. лѣт., 138.

[4]) О судьбѣ ихъ см. В. Рыбинскій, Кіев. митр. каѳедра съ пол. XIII до к. XVI в., К. 1891 (Тр. К. Д. акад.); Историч. замѣтки о Кіевѣ, П. Л—ва (Кіев. Стар. 1884, № 10. с. 227—233).

Глинскихъ) снова искать пріюта въ Москвѣ [1]). Между тѣмъ подчиненіе Литвы польскому владычеству должно было оказать свое вліяніе на судьбы южной Руси и Кіева въ частности. Въ началѣ XV в. здѣсь появляется латинская епископія, строятся латинскія церкви, а, по соединеніи Литовскаго княжества съ польскою короною (1569), Кіевъ становится польскимъ городомъ [2]). Съ тѣхъ поръ распространіе католицизма дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи, которые завершаются введеніемъ уніи, отобраніемъ въ пользу уніатовъ важнѣйшихъ монастырей, какъ Софійскій и Выдубецкій, учрежденіемъ іезуитскаго коллегіума, разореніемъ Кіева: такъ, въ 1621 г. были опустошены монастыри, церкви и новозаведенное Братское училище, а въ 1630 г. совершено нападеніе на Печерскій монастырь. Исторія фамиліи Кобызевичей-Ходыкъ, вышедшихъ изъ мѣстныхъ татарскихъ державцевъ, а потомъ (въ XVI—XVII в.), достигшихъ высшаго званія—войтовства въ Кіевѣ, покорныхъ слугъ польскаго правительства, лучше всего иллюстрируетъ тогдашнее положеніе Кіева [3]). Но въ лицѣ кіевскаго воеводы кн. К. К. Острожскаго и митрополита Петра Могилы южная Русь пріобрѣтаетъ дѣятельныхъ защитниковъ церкви и народности. Съ ихъ именами связаны развитіе печатнаго дѣла и основаніе училищъ, изъ которыхъ Кіево-братское было преобразовано въ высшую школу—коллегію [4]). Приближалась эпоха Богдана

---

[1]) Герберштейнъ, 23, 161—165 (по изд. Анонимова); Хрон. М. Бѣльскаго; S. Warnka, De ducis Mich. Glinscii contra Sigism. regem Poloniae et M. D. Lith. rebelione (1507—1508), Berol. 1868; Соловьевъ, V, 308—314; Н. П. Дашкевичъ, Замѣтки по ист. Литов.-русск. госуд., 152—155.

[2]) О внутренней борьбѣ, вызванной означенными условіями и внѣшнихъ опасностяхъ, см. Кіевъ триста лѣтъ назадъ, А. В. Стороженка (Кіев. Стар. 1894, № 2, стр. 204—230; № 3, с. 403—425).

[3]) См. Кіев. войты Ходыки. Эпизодъ изъ исторіи город. самоупр. въ Кіевѣ XVI—XVII ст., В. Б. Антоновича (Кіев. Стар. 1882, № 2; Моногр., 197—220).

[4]) См. Голубевъ, Исторія К. Д. академіи; М. Петръ Могила; Древнія и новыя сказанія о нач. Кіевской академіи; О началѣ книгопеч. въ Кіевѣ (Кіев. Стар. 1882, № 6, стр. 381—400). Объ иму-

Хмельницкаго [1]), эпоха открытой борьбы за права русской народности [2]).

Несмотря, однако, на рядъ невзгодъ, постигшихъ Кіевъ, онъ продолжаетъ служить центромъ торговли [3]), складочнымъ мѣстомъ для продуктовъ вывоза со всего днѣпровскаго бассейна съ одной стороны и предметовъ привоза констонтинопольской и восточной торговли, съ другой. Въ Кіевъ направляются многочисленные караваны сухимъ путемъ и водою изъ Крымской орды и Константинополя; сюда же стекались произведенія, привозимыя изъ предѣловъ сѣверной Россіи и Москвы. Торговля Кіева издавна привлекала многочисленныхъ иностранцевъ [4]). Уже въ XV стол. здѣсь существовала многолюдная армянская колонія, члены которой владѣли домами и лавками въ городѣ и землями въ кіевскихъ по-

---

щественныхъ надѣлахъ Братской школы (Памятн., изд. Кіев. ком., II, 286—316; Кіевъ, изд. ком., 104—116).

[1]) Въ 1649 г. Б. Хмельницкій говорилъ полякамъ: «Мій Кіевъ, я панъ и воевода кіевскій» (Кіевъ и Б. Хмельницкій въ ихъ взаимн. отношеніяхъ, И. М. Каманина, Кіев. Стар. 1888, № 7, стр. 69—78).

[2]) Въ самый разгаръ этой борьбы (1651) Кіевъ былъ занятъ польскими войсками, жители его были обезоружены, а городъ (16 и 17 августа) выжженъ и разрушенъ. Но, и послѣ занятія Кіева русскими, онъ не разъ подвергался опасности. Такъ, вслѣдствіе измѣны гетм. Ивана Выговскаго и шатости кіевлянъ, В. Б. Шереметевъ, разбивъ Даніила Выговскаго на Щекавицѣ, сжегъ Подолъ. (Сборн. лѣт. изд. Кіев. ком., с. 98). Въ 1661 и 1663 г.г. ему причинили вредъ осаждавшіе поляки, а въ 1679 и 1687—татары (Лѣт. Самовидца).

[3]) Поэтому на первыхъ же порахъ мѣщане старались оградить свои торговые интересы. Въ статьяхъ, утвержденныхъ въ 1669 г., читаемъ: «кіевскимъ людямъ торговать въ нижнемъ городѣ на старинномъ мѣстѣ, а русскимъ бы людямъ торговать въ верхнемъ городѣ, а не съ ними вмѣстѣ» (П. С. Закон., I, № 447).

[4]) Древній лѣт. замѣтилъ «И отъ всѣхъ дальнихъ царствъ стицахуся всякіе человѣци и купци (въ Кіевъ) и всякихъ благъ отъ всѣхъ странъ бываше въ немъ» (П. С. Р. лѣт., IX, 202). Въ королев. привилегіяхъ и жалов. грам. Кіеву ц. Алексѣя Мих. говорилось, что ему предоставляется складъ всякихъ купецкихъ и пріѣзжихъ товаровъ (П. С. Зак., I, № 133).

вѣтахъ; генуэзцы имѣли свой торговый дворъ и здѣсь же проживали многочисленные торговцы татарскіе, турецкіе, греческіе, молдавскіе, польскіе и московскіе [1]). Съ XIV стол. въ Кіевѣ находился монетный дворъ: до насъ дошли менеты кіевскаго чекана, носящія имена князей: Владиміра Ольгердовича, Витовта, Казиміра. Овладѣвъ Кіевомъ, литовскіе князья построили въ немъ свой замокъ (деревянный), возвышавшійся надъ Подоломъ (гдѣ сосредоточивалась торговля), съ башнями; на одной изъ нихъ помѣщались большіе городскіе часы, которыми кіевляне очень дорожили [2]). Въ предѣлахъ замка размѣщались дома воеводы и гарнизона, крѣпостная артиллерія, три православныя церкви и одна католическая [3]), дома нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Впрочемъ всѣ дома въ городѣ, несмотря на его значительную торговлю, показались венеціанскому послу, Контарини, проѣзжавшему черезъ Кіевъ въ 1474 г., весьма плохими и невзрачными: два жестокихъ опустошенія, нанесенныя городу: Едигеемъ, въ 1416 г., и Менгли-Гиреемъ, въ 1482 г. [4]), наложили свою пе-

[1]) Недавно найденный кладъ въ Кіевѣ, состоящій изъ татарскихъ и чешскихъ монетъ XIII—XV вв., подтверждаетъ торговыя связи Кіева того времени съ Востокомъ и Западомъ (Кіевлян. 1902, №№ 59 и 86). Объ армянской колоніи см. актъ 1620. (Кіевъ, изд. Кіев. ком., № 38).

[2]) Боевые часы играли важную роль въ жизни городовъ. Извѣстна легенда относительно пражскихъ часовъ (см. Ист. Вѣст. 1901, № 6, стр. 1156); а русскія лѣтописи записали о постановкѣ звенящихъ часовъ въ Москвѣ (1404, сербомъ Лазаремъ, на княжьемъ дворѣ), въ Новгородѣ (1436), въ Псковѣ (1477 г., въ Снѣтогорскомъ мон., съ нѣкоторыми приключеніями). Въ дѣлахъ Сибирскаго приказа сообщается (1633) о часахъ, устроенныхъ въ Тобольскѣ. Въ люстр. Кіев. замка 1545 г. упоминаются: «Зекгаръ въ замку на вежи съ колы и со всѣми приправамы, выбиваетъ 24» и зекгамистръ, который получалъ опредѣленное вознагражденіе (Сборн. матер. о Кіевѣ, изд. Кіев. ком., № 19).

[3]) Объ устройствѣ и судьбѣ катол. церкви. (Н. И. Петровъ, Тр. К. Д. акад. 1895, № 7).

[4]) Еще до этого нападенія окрестности Кіева предстадляли полное запустѣніе (А. В. Стороженко, Къ исторіи Кіева XV—XVII стол.,

чать разрушенія на благосостояніе города: позднѣйшія извѣстія (Герберштейнъ, Гваньини, Лассота, Гейденштейнъ) говорятъ намъ о развалинахъ и запустѣніи церквей, монастырей и жилищъ [1]). Вслѣдствіе этого, по повелѣнію Казимира, собрано было много народа изъ приднѣпровскихъ и окрестныхъ мѣстъ для заселенія города, а при вел. кн. Александрѣ Казимировичѣ городъ получаетъ магдебурское право, которое подтверждено было Сигизмундомъ I и его преемниками [2]).

Съ возвышеніемъ Москвы расширился горизонтъ Русскаго міра, и вотъ, начиная съ Ивана III [3]), въ сношеніяхъ московскаго правительства съ польско-литовскимъ, красною нитью проходитъ стремленіе добиться возвращенія «искони вѣчной вотчины—Кіева

по архив. матер., Кіев. Стар. 1892, № 2, стр. 339—46; ср. М. А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малороссіи, III, стр. VIII).

[1]) Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV—XVI столѣтіе (1362—1569), В. Б. Антоновича (Кіев. Стар. 1882, № 2; Моногр.. I, 223—264). «Самыя развалины города и памятники, отъ которыхъ можно видѣть обломки, доказываютъ, что онъ былъ великолѣпнымъ и истинно царскимъ городомъ» (Герберштейнъ). Лассота и Гейденштейнъ сообщаютъ объ остаткахъ украшеній Соф. собора, мозаики, цвѣтнаго каменнаго пола и замѣчательной галереѣ. И конст. патр. во время церковной смуты, продолжали настаивать, что Кіевъ—соборная церковь всей Россіи и главная митрополія (Acta Patr. Const., I, 12) „Градъ Кіевъ... орла нѣкогда гнѣздо сущій", по выраженію москов. правительства (П. С. Законовъ, I, № 115).

[2]) По люстраціи Кіев. замка 1552 г. въ Кіевѣ числилось 173 дыма магистр. мѣщанъ, 150—замковыхъ, 16 бискупскихъ, 16 монастыр. и 37 землянскихъ. На 460 дымовъ считались чуть не 400 корчмъ, въ которыхъ изстари повинно было и духовенство (И. М. Каманинъ, Нов. данныя для ист. кіев. город. самоупр., К. 1904; Кіев. Стар. 1899, № 1, стр. 137; актъ 1586—о Соф. соборѣ).

[3]) Густ. лѣт. возводитъ даже къ Ивану Калитѣ (П. С. Р. лѣт., II, 348).

съ уѣздомъ и пригородами [1]) и прочихъ вотчинъ своихъ» [2]). Подчиненіе Малороссіи Москвѣ приблизило рѣшеніе вопроса о Кіевѣ. Уже въ 1654 г. царь Алексѣй Михайловичъ подтверждаетъ городу его прежнія права и привилегіи [3]). Съ этого момента, въ силу принципа beati possidentes, московское правительство распоряжается въ немъ [4]) и добивается во что бы ни стало удержать его по крайней мѣрѣ съ незначительною вокругъ него территоріей, или на извѣстное число лѣтъ, и соглашается уступить Кіевъ (1667) лишь въ томъ случаѣ, если понадобится для удержанія его новая война [5]). «Стойте всѣми силами, чтобъ намъ въ титлахъ

---

[1]) Кіевскими пригородами считались: Житомиръ, Овручъ, Звенигородъ, Переяславль, Каневъ, Черкасы, Остеръ, Чернобыль, Мозырь.

[2]) Соловьевъ, VII, 274. При Иванѣ III моск. бояре говорили венгерскимъ посламъ: «не тыи одни городы и волости русскіе, которые нынѣ за нами, *наша отчина*, и *вся русская земля* съ божіею волею *изъ старины*, отъ нашихъ прародителей, *наша отчина*» (Сборн. Муханова, 122—123); а по взятіи Иваномъ IV Казани лѣтописецъ выразилъ пожеланіе видѣть его государемъ *на Кіевъ*» (П. С. Р. лѣт., VII, 315).

[3]) Пол. Собр. Закон., I, № 133. Мечъ, которымъ нѣкогда отсѣсѣкались головы преступникамъ, хранился еще въ началѣ XIX вѣка въ магистратскомъ складѣ (Кіевское представительство прежняго времени (Кіев. Стар. 1882, II, 178).

[4]) Съ 1654 г. назначаются въ Кіевъ московскіе воеводы, при которыхъ находилось ок. 5000 войска (В. Щербина, Къ ист. воевод. управл. въ Кіевѣ, Кіев. Стар. 1893, № 8, стр. 293—296; Высшая админ. кіевская съ 1654—1777 г. и свѣд. о разного рода установленіяхъ и распоряж. по кіев. губ., Ист. матер, и арх. кіев. губ. прав. А. А. Андріевскаго, I. стр. 164—186). Въ 1663 г. еп. Меѳодій (Филимоновъ) писалъ царю: «Въ Кіевѣ малолюдно, а городъ большой» (Соловьевъ, XI, 174). Въ 1654 г. въ Кіевѣ присягу принесли 1460 ч. (А. Ю. и З. Рос., X, 294).

[5]) Во 2-й полов. XV в. въ предѣлахъ Литов. княж. евреевъ обоихъ половъ было 10—12000 чел., причемъ относительно гуще евреи населяли южно-русскія провинціи Польши (Кіев. Стар. 1901, № 1,

по прежнему кіевскимъ писаться», настаивалъ въ своемъ наказѣ посламъ царь Алексѣй Михайловичъ [1]). Дѣйствительно, тогда же, на основаніи Андрусовскаго перемирія, Кіевъ оставленъ былъ на 2 года съ окрестностями на милю разстоянія во владѣніи царскомъ. Но Андрусовское перемиріе обратилось въ вѣчный миръ съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ условій, а Кіевъ, подъ разными предлогами, не возвращался болѣе къ Польшѣ, какъ ни хлопотали о томъ поляки. Въ самой Украинѣ существовало убѣжденіе: «при комъ Кіевъ, при томъ всѣмъ въ вѣчномъ подданствѣ быть» [2]). Однако, только въ 1686 г. заключенъ былъ между Россіею и Польшею «вѣчный миръ», въ силу котораго Польша уступала навсегда Кіевъ Россіи, причемъ за послѣдній рѣшено

стр. 66). Большіе города, какъ Кіевъ и К.-Подольскъ ограждались корол. грамотами отъ евреевъ. Въ 1619 г. послѣдніе утратили право жительства и торговли въ Кіевѣ; въ 1623 г. въ Черниговскомъ и Сѣверскомъ повѣтахъ; въ К.-Подольскѣ еще раньше (1447 и дал.). Въ особенности жители жаловались (1569) на захватъ ими оброчныхъ статей и почти всѣхъ корчмъ (Арх. Ю. З. Росс., ч. V. т. II, стр. 11—12; Кіев. Стар., ib. 67—68). Въ 1660 г., по грам. Алексѣя Мих., евреи, армяне и поляки были удалены изъ Кіева, но въ 1663 г. первые всячески добивались возвратиться (Лѣт. Самовидца 78).

[1]) Соловьевъ, XI, 231—249, 255—260; XII, 62—66, 80—81, 92, 95, 210. Памятникомъ занятія Кіева русскими войсками служатъ сохранившіяся до сихъ поръ въ старой части города названія улицъ Рейтарской и Стрѣлецкой (Матер. изъ арх. кіев. губ. правл. VIII, 123). Въ концѣ XVII в. митр. Варлаамъ Ясинскій жаловался, что въ Кіевѣ «на землѣ изстари церковной Свято-Софійской дворы людей ратныхъ..., яко же единъ, идѣже живяше нѣмчинъ ген. Петръ Гординъ, другой идѣже зять его Родіонъ (Рудольфъ Штрасбургъ) и прочіе, отъ нихъ же въ нѣкихъ нынѣ имѣютъ свои угодья воеводы кіевскіе, а митрополиту въ тѣснотѣ той отнюдь есть непокойно отъ вопля близкихъ всегдашнихъ барабановъ и трубныхъ игралищъ» и т. д. (Кіев. Стар. 1894, № 7, 122—123).

[2]) Павелъ Алеппскій сообщаетъ, что поляки чрезвычайно сожалѣли о потерѣ Кіева.

было уплатить ей крупную сумму—146,000 р. Еще въ 1620 г. возстановлена была въ Кіевѣ православная іерархія, а съ 1686 г. состоялось подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху. Для сѣверной Руси Кіевъ не переставалъ сохранять значеніе религіознаго центра [1]) и съ XVII в. возобновляется поломничество въ Кіевъ изъ московскихъ предѣловъ [2]). Послѣ событій 1658 г. въ Москвѣ возникла было мысль, чтобы не возобновлять больше кіевскихъ школъ (еще раньше боялись проникновенія изъ Кіева «многихъ латинскихъ ересей», Акты Моск. госуд., I, 224), но русскій воевода Шереметевъ отвѣчалъ, что упразднить ту школу никакъ нельзя, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ то въ великое оскорбленіе. Поэтому сдѣлано было только ограниченіе, чтобы въ ней обучались кіевскіе жители, а изъ непріятельскихъ и другихъ городовъ никого не принимать, дабы отъ сего не произошло смуты и всякаго дурна. Въ 1659 г. ц. Алексѣй Ми-

[1]) Живя въ Москвѣ, митрополиты посѣщали Кіевъ вплоть до м. Іоны и имѣли тамъ своихъ намѣстниковъ,а извѣстный Вассіанъ Рыло, будучи троицкимъ игуменомъ, дважды побывалъ въ Кіевѣ, по порученію м. Іоны. (Ак. ист., I, №№ 62 и 273; Рус. ист. библ., I, № 80). Кіевскіе монахи, въ свою очередь, появляются въ XIV и XV вв. въ сѣверной Руси и основываютъ тамъ монастыри (И. Некрасовъ, Зарожд. націон. литер. въ сѣв. Руси, 33). Когда союзникъ ИванаШ— Менгли-Гирей овладѣлъ Кіевомъ (1482), то прислалъ въ даръ вел. князю золотой дискосъ и потиръ изъ Софійскаго собора (П. С. Р. Л., VI, 234) и хотя Сигизмундъ Августъ запретилъ братіи Печерскаго монастыря принимать къ себѣ монаховъ изъ Москвы и Валахіи, но Иванъ Грозный посылалъ отъ себя милостыню (Соловьевъ, VII, 141). Въ грам. 1583 г. моск. правительство признавалось, что милостыня издавна давалась въ Печер. монастырь (Кулишъ, Матер., I, 17—19). Петръ Могила прислалъ ц. Алексѣю часть главы Владиміра св. (Чт. въ Общ. ист. 1893, III, 82). Въ особенности часты были сношенія при Михаилѣ Ѳед. (А. Ю. и З. Рос.).

[2]) Кіевская Старина, 1890 г. № 2, стр. 345—346. Побывавъ въ Кіевѣ московскіе путешественники говорили: «другой подобной лавры не сыщешь въ нашемъ россійскомъ государствѣ». (Путеш. во св. землю свящ. Лукьянова (Рус. Архивъ, 1863). Послѣ Андрусовскаго

хайловичъ даетъ грамоту на земли въ пользу Кіево-братской коллегіи [1]). Но Кіевъ съ этого времени сталъ служить и интересамъ просвѣщенія для Москвы: Ртищевъ, Морозовъ, Никонъ покровительствуютъ кіевлянамъ, вызываютъ отсюда монаховъ для обученія греческому и латинскому языкамъ и посылаютъ учиться въ Кіевъ. Нѣкоторые ѣздили съ этою цѣлью даже изъ Тобольска [2]). Въ Москвѣ предполагали часть необходимыхъ книгъ печатать въ лаврской типографіи въ Кіевѣ, но это не состоялось [3]). Во главѣ кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ стоялъ извѣстный Епифаній Славеницкій, ученикъ Кіевской коллегіи [4]), а другой ея ученикъ, Симеонъ Полоцкій, является наставникомъ дѣтей ц. Алексѣя Михайловича. Благодаря, вѣроятно, этимъ отношеніямъ возникли въ Малороссіи симпатіи къ Ртищеву, какъ главному покровителю кіевлянъ. Такъ Сомко, многіе полковники и старшіе козаки говорили, чтобы царь указалъ вѣдать ихъ окольничему Ѳ. М. Ртищеву, потому что онъ къ нимъ ласковъ, объ ихъ нуждахъ всякую рѣчь доноситъ царю и что имъ скажетъ, то все правдиво; а Брюховецкій писалъ, что имъ не о гетманствѣ надо было за-

---

перемирія, ц. Алексѣй Михайловичъ собирался на богомолье въ Кіевъ (Соловьевъ, XII, 19), а здѣсь желали видѣть патр. Никона (ibid. X, 435).

[1]) Акты Ю. и Зап. Россіи, IV, № 112 и VI, № 34.

[2]) Макарій. Исторія Кіевской академіи, 46.

[3]) Къ исторіи просвѣщенія на Руси въ XVII в., В. Эйнгорна (Чт. въ Общ. ист. и древн. рос. 1891, I, 5—8).

[4]) Кіев. Стар. 1896, № 6 стр. 73—79. Изъ переписи по этому поводу узнаемъ, что, за недостаткомъ мастеровъ, ихъ выписывали изъ Львова и Кракова. Тогда же при кіев. лаврѣ заведена была и польская типографія (Письма Л. Барановича, Черн. 1865, стр. 75)).

[5]) Соловьевъ, X, 167—168; XI, 282—283. Въ виду частыхъ сношеній между Москвою и Кіевомъ, устраивается постоянная почта —кіевскій трактъ (Доклады Сената, III, 358; Полн. Собр. Зак. I, № 573).

ботиться, а о князѣ малороссійскомъ отъ его царскаго величества и на это княжество желаю Ѳедора Михайловича, т. е. Ртищева [1]).

Кіевъ представлялъ и другой интересъ для московскаго правительства. Здѣсь можно было легче получить текущія свѣдѣнія о замыслахъ и событіяхъ въ Польшѣ, Валахіи, Крыму, Турціи; здѣсь жили постоянные агенты правительства; отсюда доставлялись всевозможные лазутчики, промышлявшіе своимъ ремесломъ и игравшіе не послѣднюю роль въ международныхъ сношеніяхъ, и свѣдѣніями о нихъ и ихъ донесеніями, часто неважными и вымышленными, наполнены современные акты [2]). Какъ только Кіевъ, съ подчиненіемъ Малороссіи, вошелъ въ зависимыя отношенія къ Москвѣ, правительство обращаетъ на него вниманіе, какъ на важный стратегическій пунктъ въ отношеніи къ Польшѣ и Турціи, какъ на городъ, къ которому обращены взоры всего южно-русскаго населенія, съ удержаніемъ котораго связано и обладаніе самымъ краемъ [3]). Первый кіевскій воевода, кн. Ѳ. С. Куракинъ озаботился исправленіемъ и расширеніемъ укрѣпленія вокругъ Стараго города [4]), кіевскаго кремля. Близкій свидѣтель

---

[1]) Соловьевъ, XI, 139, 146.

[2]) Акты Москов. госуд., изд. Имп. Акад. Наукъ, I, 166, 176, 177, 224, 346, 350, 351, 409, 586; II, 223, 230, 376; Ак. Ю. и З. Россіи.

[3]) Не въ этомъ ли стремленіи къ соединенію обѣихъ половинъ Россіи кроется происхожденіе весьма распространенной тогда легенды будто бы укромныя пещеры Кіева шли до Смоленска и даже до Москвы. (Кіевъ, изд. Кіев. ком., 95; ср. Р. Арх. 1897, № 4, стр. 581).

[4]) Древнія укрѣпленія состояли изъ валовъ, деревянныхъ стѣнъ и ничтожныхъ рвовъ (Бопланъ). Въ новомъ городѣ (на Подолѣ) послѣдній полагаетъ жителей 5—6,000 (ок. 1640 г.). Всѣ кіевскія улицы, по его словамъ, исключая трехъ довольно красивыхъ, представляли не что иное, какъ неправильные, кривые переулки, образующіе родъ лабиринта; дома были низкіе, въ одинъ этажъ; вмѣсто свѣчъ жгли большею частью лучину. Современникъ его, печерскій монахъ Аѳанасій Кальнофойскій называетъ Подолъ «жалостнымъ и едва ли достойнымъ древняго имени». Оживленная торговля («хохлы всѣ торговые люди», говоритъ Лукьяновъ), очевидно, могла бы способствовать

этихъ работъ (Павелъ Алеппскій) хвалитъ устройство новой защиты (палисады, крѣпкія башни, подъемные мосты, глубокіе рвы), «показывающее искусство, подобное франкскому», и говоритъ о значительномъ войскѣ и артиллеріи, сосредоточенной въ стѣнахъ города, за что онъ воздаетъ похвалы ц. Алексѣю Михайловичу [1]). Въ 1679 г., въ ожиданіи нападенія турокъ, Кіевъ былъ огражденъ «многими крѣпкими валами» и кромѣ того сдѣланъ былъ валъ вокругъ Печерскаго монастыря [2]). Укрѣпленія эти постоянно поддерживались и расширялись [3]). Въ 1684—85 гг. работы эти возложены были на извѣстнаго сотрудника Петра В. Патрика Гордона, который сообщаетъ свѣдѣнія о нихъ въ своемъ дневникѣ [4]). Послѣ него наблюденіе и починка укрѣпленій въ Кіевѣ возлагались на ген. м. Фамендина (1701) и инжен. Эмман. Гохмана (1702) [5]). Съ конца XVII ст. стали строить въ Кіевѣ

внѣшнему улучшенію города. «На Подолѣ градъ деревянный и грязно сильно», прибавляетъ онъ. За городомъ помѣщались торговыя бани.

[1]) Въ 1661 г. стѣны и валы были вновь исправлены (Сборникъ матеріаловъ для ист. и топогр. г. Кіева, 87—89).

[2]) Синопсисъ, изд. 2-е, стр. 161. Тогда же былъ устроенъ «первый мостъ на байдакахъ» (Сборн. лѣтоп., отн. къ ист. ю. и з. Руси, К. 1888, стр. 32). Въ 1675—78 г. въ Кіевѣ находился инж. Фанъ-Заленъ.

[3]) Подробную роспись Кіеву 1682 г. см. въ Описаніи Кіева Н. Закревскаго, II, 900—904. Это внѣшее описаніе города, его укрѣпленій, военнаго «снаряда», съ указаніемъ пространства отдѣльныхъ частей и разстояній между ними, количества дворовъ, церквей и. т. п. (въ нижнемъ городѣ показано 635 двор.) «Передъ Печерскимъ мѣстечкомъ посадъ, а на посадѣ живутъ Печерскаго мон. и иныхъ монастырей подданные, которые отъ воинскихъ людей изъ деревень и изъ селъ сбѣжавъ поселись». Во всѣхъ частяхъ города показано 18 воротъ. Ср. списокъ ратныхъ людей и запасовъ 1682 г. (Доп. къ акт. ист., X, № 33).

[4]) По измѣренію Гордона кіевскій замокъ заключалъ въ себѣ свыше 817 саж., а всѣ остальныя укрѣпленія 2,937 съ больверками, не считая внѣшнихъ сооруженій, 2152 саж. Сажень того времени нѣсколько больше настоящей.

[5]) Кіев. Стар. 1886, № 11, 549

каменные дома. Такъ, въ это время начата постройка двухъэтажнаго каменнаго зданія магистрата (на Подолѣ) [1]), обращеннаго передними фасадами: однимъ къ Братскому монастырю, а другимъ съ главнымъ входомъ—къ Успенской церкви, съ башнею и галерееюю (во второмъ этажѣ), коллосальною статуею Ѳемиды съ мечемъ въ одной рукѣ и вѣсами въ другой, и мѣднымъ барельефнымъ изображеніемъ кіевскаго герба—архангела Михаила, фигура котораго, какъ говорятъ, устроена была при часахъ на башнѣ, такъ, что во время ихъ боя, она ударяла стальнымъ копьемъ въ кремнистую пасть змѣя, отъ чего сыпались изъ нея искры, а надъ часами, вокругъ карниза башни, была надпись славянскими золоченными буквами «Богомъ хранима града Кіева ҂ахчз (1697)». Зданіе это обгорѣло во время пожара 9 іюня 1811 г. [2]).

---

[1]) Оно находилось на площади на разстояніи 33 саж. отъ нын. контрактоваго дома и 20 саж. отъ фонтана «Сампсонъ». Колодезь въ видѣ павильона съ крестомъ на крышѣ, обнесенный палисадникомъ, извѣстенъ былъ еще въ XVII в. Въ XVIII стол. упоминается уже о статуѣ на пьедесталѣ колодца (Кіев. Стар. 1893, № 2, 281—282; Петровъ, 223—24). Въ к. XVIII в. преподаватель математики въ акад., французъ Брульонъ, устроилъ для магистрата солнечные часы на ротондѣ того же фонтана (Кіевъ, изд. Кіев. ком., 164).

[2]) Закревскій, I, 440—44. Ср. Обозр. Кіева, Фундуклея, 1847, стр. 87. Прежняя ратуша изображена на видѣ (ibid.). 1651. На планѣ 1695 г. показано высокое деревянное зданіе. Нѣкоторые относятъ всю постройку каменнаго зданія къ 1737 г. (Петровъ, Ист. топ. очерки древ. Кіева, 221—222). Однако мелкія крамницы и грязныя улицы, выстланныя фашинникомъ, не измѣняли жалкаго вида города (Берлинскій, Кіевъ 20). Въ одной юж.-рус. лѣтописи, по поводу пожара 1717 г. читаемъ: «Подолъ мало не ввесь выгоривъ, а на ратуши дзекгаръ чудесный, где арханг. Михаилъ копіемъ во время пробитя часовъ змѣя во уста билъ столко, сколко часовъ ударяло, згоривъ». (Сборн. лѣтоп., изд. Кіев. ком. для разб. древ актовъ, стр. 53). О судьбѣ указанныхъ изображеній скажемъ ниже. Еще въ пожаръ 1697 г. были уничтожены всѣ зданія, окружавшія Софійскій соб., причемъ погибъ архивъ кіев. митрополіи (Пр. П. Л-въ, К.-Соф. соборъ, стр. 87).

Каменныя церковныя постройки, возведенныя гетманомъ Мазепою, производились уже московскими мастерами [1]). Вообще московскіе государи и гетманы являются главными возобновителями кіевскихъ святынь и жертвователями въ этотъ періодъ. Даже богослужебныя книги посылаются въ Кіевъ изъ Москвы [2]).

II.

Въ Москвѣ на Кіевъ смотрѣли прежде всего, какъ на сильную крѣпость, охраняющую страну отъ внѣшнихъ вторженій. Онъ считался важнымъ оплотомъ противъ Польши и Турціи. «Въ россійскомъ государствѣ такого града врядъ сыскать,—говоритъ тотъ же московскій путешественникъ (1701). Верхній градъ—валъ земляной вельми крѣпокъ и высокъ; а по градской странѣ все караулы стоятъ крѣпкіе... зѣло опасно блюдутъ сей градъ, да и надо бы блюсти: *прямой замокъ московскому государству*» [3]). Еще въ 1694 г. дано было разрѣшеніе Кіевской коллегіи расширить пріемъ учениковъ изъ Польши и другихъ окрестныхъ мѣстъ (повторенное Петромъ В. въ 1701 г.); въ 1701 г. Петръ Вел. даровалъ ей имя «академіи», равное онымъ академіямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ») и собственную юрисдикцію, а въ 1703 г. обезпечилъ ея имущественныя права [4]). Въ 1700 и

---

[1]) Кіев. Стар., 1884, № 10, 232.

[2]) Закревскій, 75—76, 86, 531.

[3]) Лукьяновъ (Рус. Арх. 1863). „Кіевъ, городъ пограничный и другимъ губерніямъ не примѣръ“ выражался о немъ кіевскій губ. кн. И. Ю. Трубецкой (Чт. въ Истор. Общ. Нестора Лѣт., VI, 123).

[4]) Привилегія академіи въ Памятн., изд. Времен. ком. въ Кіевѣ, II, 325—334; Макарій Булгаковъ, Истор. Кіев. акад., 86, 109—110, 168). Въ 1700 г. Петръ отправилъ сюда учиться сына думнаго дьяка Конона Зотова (К. Стар. 1893, № 9, стр. 138—139). Но здѣсь же одно время учился, подъ видомъ купца, „грамматическому и риторическому разуму“ сторонникъ ц. Софіи, видный представитель поморскаго толка раскольниковъ—Андрей Денисовъ, изъ рода кн. Мышец-

1710 г. были подтверждены права и привилегіи Кіева [1]). Отсюда же вызывались (1652) къ двору пѣвчіе (въ 1713 г. ихъ было взято 21 чел.) [2]).

Шведская война и опасенія со стороны Турціи, въ свою очередь, заставили Петра Великаго обратить особенное вниманіе на Кіевъ. 4 іюля 1706 г., на пути изъ Гродна онъ прибылъ сюда, а на другой день посѣтилъ Софійскій соборъ, гдѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ («Великаго Петра дѣлъ славныхъ проповѣдникъ») сказалъ въ его присутствіи проповѣдь, которая обратила на него вниманіе государя. И точно: это была рѣчь, давно не слыханная на церковной

кихъ (Щаповъ, Расколъ, 301—307). Путешественникъ, бывшій въ это время въ Кіевѣ (Лукьяновъ, 1701), замѣчаетъ: „Въ Кіевѣ школьниковъ очень много". Въ 1715 г. въ академіи считалось 1,100 учениковъ разныхъ сословій (Аскоченскій, Кіевъ съ древнѣйшими его училищемъ-Академіей, II, 16). Малороссійская старшина охотно посылала сюда своихъ дѣтей (Дневн. Марковича II, 275—276, 284, 308). Присяжные листы 1742 г. показываютъ, что въ числѣ учениковъ академіи можно было найти представителей множества нынѣ существующихъ дворянскихъ и недворянскихъ фамилій Малороссіи (Кіев. Стар. 1888, № 24, стр. 5). Тотъ же Лукьяновъ пишетъ: „да и воруютъ (школьники) много; попущено имъ отъ митрополита. Когда имъ кто понадокучитъ, тогда пришедши ночью да и укокошатъ хозяина-то; а изъ двора корову или овцу сволокутъ, нѣтъ на нихъ суда; скаредно сильно, попущено воровать пуще московскихъ солдатъ; а вечеръ пришелъ, то и пошли пѣть по избамъ псалмы, да хлѣба просятъ; даютъ имъ всячиною, и деньгами и хлѣбомъ, а иные имъ даютъ убоясь». Подроб. см. въ статьяхъ Д. Вишневскаго: „Изъ быта студентовъ старой Кіевской академіи („К. Стар." 1896, №№ 1—3); Роковое чтеніе псалтири, К. Цыбульскаго (1887, т. 2, стр. 336—342).

[1]) К. Стар. 1886, № 12, стр. 669; А. Ю. и З. Рос III, 480, 518.

[2]) Доклады и приговоры Прав. Сен., III, 434. Въ 1702 г. ихъ выписывалъ въ Сибирь Филоѳей Лещинскій (Кіев. Стар. 1893, № 9, стр. 139). Въ Глуховѣ существовала школа для обученія придвор. пѣвчихъ, регентъ которой былъ также изъ Кіева (ib. 1886, № 6, стр. 169—174: Школа для обученія пѣвчихъ, П. Ефименка).

каѳедрѣ. Въ одушевленномъ словѣ проповѣдникъ выразилъ свои чувства по случаю радости о прибытіи юнаго, а между тѣмъ уже славнаго государя. Тутъ нѣтъ ни отвлеченныхъ и сухихъ разсужденій, ни школьныхъ приступовъ и аргументацій, ни утомительныхъ періодовъ: это стройная, одушевленная и блестящая рѣчь витіи, оставившаго позади себя схоластическую риторику [1]). Петръ осматривалъ всѣ рѣдкости Софійскаго храма, посѣтилъ академію [2]), и Печерскій монастырь. Замѣченный Петромъ, Ѳеофанъ сталъ впослѣдствіи однимъ изъ вѣрныхъ его сотрудниковъ, а по смерти Петра—неизмѣннымъ защитникомъ его реформъ. Осматривая крѣпость и найдя неудовлетворительными расположеніе ея для современной тактики, Петръ В. распорядился построить новую крѣпость на Печерскѣ; самъ опредѣлилъ размѣръ ея и очертанія и участвовалъ въ ея заложеніи, происходившемъ 15 августа. Для веденія этихъ работъ назначены были малороссійскіе и великороссійскіе полки, а надзоръ за ними порученъ гетману Мазепѣ [3]). До того времени около лавры было селеніе, которое вмѣстѣ съ небольшою слободою, при Никольскомъ монастырѣ, составляло отдѣльное отъ города мѣстечко—Печерское. Съ сооруженіемъ крѣпости оно значительно распространилось и населеніе его умножилось военными людьми, рабочими и разными должностными лицами и называлось уже Печерскимъ форштатомъ. Въ 1717 г. форштатъ значительно распространился поселеніемъ на немъ, особою слободою, подъ названіемъ Солдатскаго, переформированныхъ тогда въ четыре тысяцкіе регулярные полка стрѣльцевъ, съ давняго времени жившихъ въ разныхъ частяхъ Кіева и

---

[1]) Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 14.

[2]) Закревскій, I, 81.

[3]) Современникъ говоритъ, «Какъ закладина крѣпость, великое было людямъ воздыханіе и плачь, понеже двори размитали, сады прекрасныи вырубили и жильцамъ велѣно гдѣ хотятъ жить искать.» Недоволенъ былъ и Мазепа, такъ какъ мать его была игуменьей Вознесенскаго монастыря, переведеннаго на Подолъ (Сборн. лѣт., относ. къ Ю. и З. Руси, 45—46), въ бывшій тамъ Флоровскій монастырь. Любопытны хлопоты о посѣщеніи ею Москвы въ 1687 г. (Доп. къ ак. ист., XII, 326—331).

часто бунтовавшихъ, по примѣру московскаго стрѣлецкаго войска [1]). Съ 1711 г. перешли въ крѣпость (окончен. въ 1708 г.) на жительство начальники города и губерніи, такъ что лавра съ крѣпостью и форштатомъ составляла въ то время какъ бы особый городъ, отдѣлявшійся отъ Стараго Кіева обширнымъ, пустымъ и лѣсистымъ мѣстомъ, застроеннымъ нынѣ Печерскою и Дворцовою частями и Крещатикомъ [2]). Для большаго удобства сообщенія между Печерскомъ и Подоломъ, губернаторъ кн. Д. М. Голицынъ устроилъ новую дорогу (1711 г.) со спускомъ у того мѣста, гдѣ потомъ былъ поставленъ памятникъ св. Владиміру (т. е. у колодца, на берегу Днѣпра) [3]). Въ первый разъ Петръ пробылъ въ Кіевѣ полтора мѣсяца [4]), но уже въ декабрѣ того же года онъ

---

[1]) Что же касается рейтаръ, то въ 1712 г. ихъ было 170 чел. (Доклады и пригов. Прав. Сената, II, 97), а въ 1725 г. велѣно было оставить изъ нихъ только 50 чел., для посылокъ въ Константинополь, въ другія государства и въ Россіи, остальныхъ же раскассировать. О нихъ упоминается въ 1738 г. (Матер., изд. А. А. Андреевскимъ, VIII, 123). Въ 1742 г. ихъ было 54 чел. (К. Стар. 1888, № 4, стр. 6), но и въ 1772 говорится еще о рейтарской командѣ (Матеріалы, X, 70).

[2]) Во время постройки крѣпости въ Кіевѣ была найдены вост. монеты, на которыя обратили тогда вниманіе (Русская Старина, 1882, XXXVI, 60).

[3]) Опис. Кіевской губ., I, 321—322. Въ 1714 г. сдѣланъ былъ экопъ на Кудрявцѣ (Сборн. лѣтоп., изд. Кіев. ком., 52).

[4]) По преданію Петръ В. останавливался на Подолѣ, близъ церкви Николая Притиска, въ каменномъ домѣ, сохранившемся до сихъ поръ, въ которомъ помѣщалось потомъ приходское училище. Но фасадъ этого дома подвергался неоднократно измѣненіямъ, вслѣдствіе починокъ (Закревскій, I, 81—82; II, 877). Другой подобный остатокъ старины, по близости отъ него (на углу Хоревой и Межигорск. ул.) —это домъ «Артемихи», часто неправильно называвшійся домомъ родителей св. Димитрія Ростовскаго. Онъ былъ сломанъ недавно (Кіевл. 1902, за мѣс. іюль). Домъ родителей Д. Ростовскаго находился возлѣ церкви Николая Притиска и подвергся сломкѣ въ 40-хъ годахъ (Кіевск. Стар. 1887, № 2, 383—384).

снова посѣтилъ Кіевъ. По устройствѣ крѣпости, опредѣлены въ Кіевъ комендантъ и инженерный генералъ. Земляныя же укрѣпленія постоянно поддерживались [1]). Съ учрежденіемъ губерній (1708 г.) образована была Кіевская губернія и административныя учрежденія, помѣщавшіяся прежде въ Старомъ городѣ, стали сосредоточиваться на Печерскѣ [2]). Въ 1709 г., послѣ полтавской побѣды, когда Петръ возвращался черезъ Кіевъ, Θеофанъ (тогда префектъ академіи) сказалъ въ его присутствіи (10 іюля), въ Софійскомъ соборѣ «всенародный» на эту побѣду «панегирикъ», который тогда же былъ напечатанъ въ кіево-печерской типографіи, на русскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ; а въ декабрѣ того же года, въ церкви Кіево-братскаго училищнаго монастыря, онъ сказалъ похвальное слово кн. Меншикову, въ которомъ выразилъ просьбу о покровительствѣ академіи. Въ 1711 г. Петръ В. вспомнилъ о Θеофанѣ и взялъ его съ собою въ Прутскій по-

---

[1]) Закревскій, I, 80; Марковичъ, Дневныя записки (1713 годъ). Въ 1714 г., «чтобъ отъ непріятельскаго прихода было благонадежно», для достройки крѣпости было назначено около 5000 чел. изъ Кіев. и свыше 5500 изъ Азовской губ. и лошадей, для перевозки матеріаловъ изъ Кіевской губ. до 2000 и изъ Азовской до 1400 (Доклады Сената, IV, 446). Въ это время постройками завѣдывалъ инжен. полк. Бреклинъ.

[2]) Кіевскіе воеводы, губернаторы и генер.-губернаторы 1654—1775 г., В. И. Щербины (Чтен. въ Общ. Нестора Лѣтоп. кн. VI (123—137); Закревскій, 432; Высшая администрація Кіева 1654—1777 г. (Матер. архива Кіев. губерн. правл., изд. А. Андреевскимъ, I, 164—177); Великорус. чиновники въ Кіевѣ въ 20-хъ годахъ XVIII стол. В. Щербины (К. Стар. 1891, № 11, стр. 302—306). Общею связующею властью была власть губ. канцеляріи, которая судя по ея малочисленности (всего 25 чел.) имѣла мало дѣла, что и естественно при магдеб. управленіи Подола и церковной юрисдикціи, распространявшейся на всѣ части (К. Стар. 1888, № 4, стр. 5—9). Укажемъ еще на ст. М. Б(ерлинскаго) «Правители г. Кіева отъ завоев. сего княж. вел. кн. лит. Гедиминомъ, съ 1320—до 1828 г.» (Отеч. Зап. 1830, т. XLI, с. 478—492).

ходъ. Хотя цѣль этого похода не была достигнута, но Ѳеофанъ написалъ прочувственное стихотвореніе, въ которомъ выражалъ надежду, что со временемъ русское оружіе одолѣетъ мусульманъ [1]). По возвращеніи въ Кіевъ, Ѳеофанъ, по желанію Петра, былъ опредѣленъ ректоромъ академіи. Кіевскимъ губернаторомъ въ это время былъ кн. Д. М. Голицынъ (1707—1719), одинъ изъ самыхъ образаванныхъ людей своего времени, владѣлецъ замѣчательной библіотеки,—это будущій верховникъ. Одинаковая склонность сблизила его съ Ѳеофаномъ, который часто бывалъ у него, пользовался его книгами и, по его желанію, перевелъ съ иностранныхъ языковъ на русскій нѣсколько сочиненій [2]). Подобные же переводы, при посредствѣ Голицына, дѣлались въ академіи по распоряженію Петра [3]). Кіевская академія дала Петру рядъ духовныхъ лицъ, занявшихъ видныя мѣста въ церковной іерархіи и заявившихъ себя трудами на поприщѣ просвѣщенія въ

---

[1]) Въ заключеніе этого стихотворенія онъ говоритъ:

Не судилъ Богъ христіанства
Освободить отъ поганства,
Еще не далъ сбить поганства,
Магомете, Христовъ враже,
Ащо дальній часъ покажетъ—
Кто отъ чіихъ рукъ поляжетъ».

(Чистовичъ, 15—21).

[2]) Пекарскій, Литература и наука при Петрѣ В., I, 214—215, 259.

[3]) Въ «описаніи Кіева», составленномъ въ 1753 г., сказано: «Онъ же Голицынъ вновь австеріи завелъ и виноградный садъ, котораго прежде не бывало» (тамъ же, 258). Въ австеріяхъ и внѣ Подола продавалось казенное вино, изъ-за чего происходили частыя столкновенія съ магистратомъ. Кабаки заведены были съ 1712 г., но въ особенности убыточно стало для мѣстнаго винокуренія съ введеніемъ откупа въ 1756 г., предоставленнаго компаніи московскихъ купцовъ (Сборн. Р. ист. общ., т. XLIII, 492). Въ австеріяхъ обыкновенно держались водка, табакъ, карты и т. п. (Кіевская Старина, 1894, № 5, стр. 353—355).

сѣверной Россіи, каковы Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Филоѳей Лещинскій, Іоаннъ Максимовичъ, Иннокентій Кульчицкій, Гавріилъ Бужинскій и мн. др. Съ 1704 г. до второй половины XVIII стол. Московская академія большею частью имѣла наставниковъ изъ Кіева, а они привозили съ собою не мало учениковъ, достаточно подготовленныхъ [1]), но пребываніе здѣсь Ломоносова подвергается теперь сомнѣнію [2]). Вызовъ духовныхъ лицъ для замѣщенія епископскихъ каѳедръ поддерживался до пол. цар. Екатерины II, а съ ихъ именами соединяется открытіе духовныхъ семинарій и училищъ, положенныхъ по регламенту Петра Велик., наставники для которыхъ также вызывались изъ Кіева [3]). Съ исторіей академіи тѣсно связано начало духовнаго театра. Религіозныя драмы и диспуты были общедоступны. Пьеса объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ написана и представлена была въ честь царя Алексѣя Михайловича «въ знаменіе подданства чрезъ шляхетную молодь студентскую въ коллегіумы Кіево-могилянскому на публичномъ діалогѣ, 1674 года» [4]).

Между тѣмъ Кіевъ постигло два жестокихъ бѣдствія: въ 1710 г. (съ марта по янв. 1711 г.)—чума, разогнавшая жителей

---

[1]) Смирновъ, Ист. Моск. академіи, 81; Аскоченскій, Кіевъ съ его училищемъ Академіей, II, 85—87.

[2]) М. И. Сухомлиновъ. Кратк. біографія Ломоносова (Изв. Акад. Наукъ, 1896, I, кн. 4, стр. 779—791).

[3]) Макарій, Ист. К. Д. ак., 180—181. О значеніи и вліяніи академіи—Петровъ, Кіев. акад. во 2-ой половинѣ XVIII в., 65—80; Знач. К. Акад. въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учр. св. Синода до половины XVIII в. (Труды Кіевской Духовной Академіи 1904 и отд.).

[4]) Н. И. Петровъ, 104—105; Голубевъ, К. акад. въ к. XVII и нач. XVIII стол. К., 1901, стр. 23, 71. Гордонъ въ своемъ дневникѣ (1685 г.) сообщаетъ, что онъ въ великую пятницу со многими другими отправился въ Братскій монастырь, чтобы присутствовать на школьной церемоніи (Schul-actus).

и значительно сократившая число учениковъ въ академіи [1]). Въ 1718 г. погорѣла вся Печерская лавра и Подолъ съ церквами. Петръ назначилъ значительную сумму на возобновоеніе лавры, которое совершилось въ царств. Петра II, а въ 1720—1721 г. построенъ въ лаврѣ огромный каменный домъ для помѣщенія бывшей въ ней типографіи [2]). Еще при Петрѣ В. рѣшено было завести въ Кіевѣ шелковый заводъ. Такъ, въ 1725 г. изъ-за границы выписанъ былъ мастеръ этого дѣла съ опредѣленнымъ жалованьемъ, а на Подолѣ куплено два двора съ строеніемъ и мастеръ занялся выдѣлываніемъ шелка, которое старались поддерживать въ послѣдующее время (при Елисаветѣ Петровнѣ, Екатеринѣ II и т. д.), но результаты его не соотвѣтствовали сдѣланнымъ затратамъ [3]).

Кіевскій магистратъ упорно отстаивалъ торговые интересы мѣщанъ отъ чуждыхъ имъ элементовъ—казаковъ, духовенства и евреевъ. Съ одной стороны торговля велась съ важнѣйшими центрами Великороссіи и раскольничьими слободами Стародубья, служившаго важнымъ торговымъ пунктомъ [4]). Для военныхъ надобностей въ Кіевѣ закупалось значительное количество селитры [5]). Заграничную торговлю Кіевъ велъ съ Силезіей, Поль-

---

[1]) Вмѣсто бывшихъ 2000 оно пало на 100 (Зап. Юста Юля, М. 1899. стр. 346; Доклады и Проток. сен. I, 10—14).

[2]) Сборникъ матеріаловъ о Кіевѣ, изд. Кіев. арх. ком., 135—137; Сборникъ лѣтописей, изд. Кіев. ком., 57.

[3]) Статистич. опис. Кіев. губ. II, 453—464; Свѣдѣнія о шелковомъ заводѣ въ Кіевѣ съ 1725—1743 г. (Матер. изъ Арх. кіев. губерн. правл., III, 142—147; VIII, 43—50).

[4]) Сводъ данныхъ см. въ нашей рецензіи на книгу г. Лилеева „Изъ истор. раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII ст.“ (Унив. Изв. 1897); ср. еще Табач. кантрабанда 1759 г.—о продажѣ табаку за границу (К. Стар. 1891, № 11, стр. 259—266); Васильк. таможня и городничіе монахи, А. А. (ib. 1883, № 1, стр. 193—202.

[5]) Проток. и доклады Сената, I, 148; II, 49—51.

шей, Цесаріей, Валахіей и Молдавіей [1]). Найденный недавно кладъ (лаврскій) свидѣтельствуетъ о торговыхъ связяхъ Кіева съ Великороссіей и Западомъ въ XVII и XVIII стол. [2]). Здѣсь можно было купить иностранныя вина и латинскія книги, изданныя за границей [3]). Въ Кіевъ, какъ мѣсто расположенія войскъ, посылали лѣчиться изъ другихъ городовъ [4]). Въ 1725 г. сдѣлано было распоряженіе объ устройствѣ почтоваго двора, находившагося въ вѣдѣніи магистрата, который ежегодно избиралъ почтмейстера изъ грамотныхъ мѣщанъ [5]).

III.

Въ послѣдній разъ укрѣпленъ былъ Старый Кіевъ во время войны съ Турціей (1732—1737). Тогда Минихъ, поверхъ старыхъ окоповъ и деревянныхъ укрѣпленій, насыпалъ огромный валъ, обходящій вокругъ Стараго города, и соединилъ его съ Подоломъ посредствомъ палисадовъ, а къ Печерской крѣпости отъ него провелъ ретраншементы [6]). Но Золотыя ворота закрыты были землею не теперь, а въ 1750 г. («для сохраненія и вида древ-

---

[1]) К. Стар. 1889, № 7, стр. 60; 1891, № 5, с. 311. О цѣнахъ на разные товары въ нач. XVIII стол. (Кіев. Стар., 1894, № 9, 451).

[2]) Археол. Изв., 1898, № 12, стр. 381—384; Ист. Вѣст. 1899, № 2, стр. 764.

[3]) Дневникъ Марковича, II, 92, 269.

[4]) Пригов. и доклады Сената, II, 23. Въ прежнее время, на грунтѣ Ан. Гулевичевны при Брат. мон. (1629) находился шпиталь (см. Шпитали въ Малороссіи II. Ефименка (К. Стар. 1883, № 24, стр. 709—728). Упоминается богадѣльня при ц. Николая Добраго на Подолѣ. (Памятн. изд. Кіев. ком., II, 153). Въ концѣ XVII ст. при полкахъ находились лѣкарь, лѣк. ученикъ и аптечн. складъ (Доп. къ акт. ист., X, № 33). Цирюльники занимались и лѣченіемъ (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., XI, 11).

[5]) По даннымъ за ноябрь 1731 г. видно, что на Бровары и Борисполь отпущено было 30 подводъ (К. Стар. 1898, № 1, стр. 11). О положеніи ея въ 1790 г. (Матер., изд. Андріевскимъ, I, 135—145).

[6]) Максимовичъ, Сочиненія, II, 118—119; Закревскій, 431—432.

ности»), въ какомъ видѣ и оставались они до 1832 г.[1]) Въ интересахъ военныхъ цѣлей, въ царствованіе Анны построены были лазареты, цейхгаусы, пороховые погреба, инженерный и артиллерійскій дѣловой дома. Въ Кіевъ теперь назначаются генералъ-губернаторы [2]); а съ 1733 г. учреждается полиція [3]). Въ 1735 г. выборной войтъ былъ замѣненъ коронньмъ, но при Елисаветѣ снова, въ 1753 г., позволено было магистрату выбрать войта [4]). Въ 1737 г. достроена была ратуша на Подолѣ, главныя улицы его вымощены, проведены канавы и т. п. Въ 1739 г. въ этой, торговой части города считалось 2.140 обывательскихъ домовъ [5]).

---

[1]) Обозр. Кіева въ отношеніи къ древностямъ, 47; Закревскій, 325. Порученіе это возложено было на инжен. Дебоскета (Къ истор. Зол. воротъ, Сапожникова, Кіев. Стар., 1886, № 5, стр. 163--168).

[2]) Матер. изъ Арх. кіев. губерн. правл., I, 170; Сенатскій арх. II, стр. 3. Послѣ кн. Д. М. Голицына губернаторами были: кн. П. А. Голицынъ (съ 1719), кн. И. Ю. Трубецкой (съ 1723), ген. лейт. В. П. Шереметевъ (съ 1730), ген.-м. С. И. Сукинъ (1736—1737), ген. А. П. Румянцовъ (1737—38), ген. Матюшкинъ (ген.-губ., 1731), богем. графъ фонъ-Вейсбахъ (ген. губ. съ 1731 г.), ген.-лейт. Леонтьевъ (1738—1740 губ., 1741—1753 ген.-губ.; съ 1740—1741 губ. И. И. Неплюевъ); Костюринъ (в. губ. 1753—58); ген. анш. Лопухинъ, Чичеринъ, Власьевъ (прав.—1762); ген.-анш. Глѣбовъ, ген.-губ. 1762—1766.

[3]) Матер. изъ арх. Кіев. губерн. правл., I, 178. Кіевскіе полиціймейстеры 1734—1763 (Матер. изъ арх. Кіев. губерн. правл. VIII, 70—73). Въ первой пол. XVIII стол. возникла распря между губерн. и комендантами изъ-за пользованія столовымъ имѣніемъ Обуховкой (Сенат. Арх. III, 568—570).

[4]) Соловьевъ, XXVIII, 28—29. Ср. Указъ 1734 г. о бытіи въ Кіевѣ войтомъ Кузьмѣ Кричевцу и свѣд. объ испр. въ 1739 г. должн. кіев. войта Быковскаго (К. Стар., 1891, № 5, стр. 309—311).

[5]) Журавскій, Опис. Кіев. губ., изд. Фундуклея, I, 322. Чтобы судить, какъ колебалась цифра населенія, замѣтимъ, что въ 1727 г. числилось 1914 дворовъ, а въ 1731 г.—1726 дворовъ (К. Стар. 1884, № 2, стр. 353). Прибавимъ еще, что въ 1727 г. «евреевъ было выведено изъ Кіева безъ остатка» (ibid. 1883, № 4, с. 681).

Еще въ 1731 г. начата была постройка лаврской колокольни, законченная въ 1745 г.,—архитекторомъ І. Г. Шейденомъ, которымъ надстроенъ также училищный корпусъ съ конгрегаціонною залою въ Кіевской академіи (1735—1640) [1]).

Императрица Елисавета Петровна подтвердила всѣ права города Кіева и академіи, данныя ей Петромъ I (1742—1743) [2]); а въ 1744 г. она посѣтила Кіевъ, въ сопровожденіи наслѣдника вел. кн. Петра Ѳеодоровича, вел. княг. Екатерины Алексѣевны и многочисленной свиты, для поклоненія его святынямъ Академія

---

[1]) Закревскій, 161, 687—688. Съ построеніемъ лаврской колокольни связывается легенда о 12 братьяхъ-строителяхъ (Обозрѣніе Кіева, 104).

[2]) На основаніи присяжныхъ листовъ (вел. кн. Петру Ѳеодоровичу) 1742 г. въ Кіевѣ числилось: высшихъ чиновъ (свѣт. и духовныхъ) 11; лицъ духовнаго вѣдомоства 3812 (въ томъ числѣ монаш. и послушниковъ въ 9 монаст. 815, приходскаго дух. 122); служащихъ въ разн. управленіяхъ, гражд. и воен., 351; мѣщанъ нижняго города 2575 (въ томъ числѣ ремесленниковъ по цехамъ: кравец. 362, рыбальск. 234, кушнер. 310, шевск. 485, ткац. 76, маляр. 69, бондар. 148, музыцк. 35, ковальск. 180, рѣзниц. 140, гончар. 78); пяти казац. сотенъ—460; купеч. и ремесл. людей въ предмѣст. 29; въ верхн. гор. 70. великорос. купц. 129. Общій итогъ всѣхъ присяг. и неприсяг. 8294, а присоединяя женщинъ и дѣтей и пашенныхъ крестьянъ, обыкновенно неприсягавшихъ, по приблизительному разсчету, принимаютъ цифру всего населенія свыше 20000, не считая войска (до 5000 чел.) Отсюда дѣлаютъ выводъ, что въ то время Кіевъ былъ городъ наименѣе чиновничій, отчасти промышленно-торговый и преимущественно духовный (К. Стар. 1888, № 24, стр. 1—10). Заслуживаетъ вниманія составъ населенія Флоровскаго мон. по болѣе позднему показанію (1777 г.). Сюда между прочимъ поступали женщины, принадлежавшія къ высшему кругу (кн. Нат. Долгорукова, Апраксина, Глѣбова, Головина и др.). На 118 монахинь было 15 урож. Великороссіи и 96 грамотныхъ. Въ жен. Іорданскомъ монастырѣ всѣ монахини были малороссіянки, изъ высшаго класса не было ни одной, а грамотныхъ приходилось на 97—22 и малограмотныхъ 27 (ibid. 1896, № 4, стр. 9—13).

также принимала участіе въ торжественной встрѣчѣ, причемъ, по словамъ современника, «съ помощію выписанныхъ машинъ и своего изобрѣтенія, произведены были разныя удивительныя явленія къ ея удовольствію». Между прочимъ «выѣхалъ за городъ старикъ самаго древняго вида, великолѣпно прибранный и украшенный короною и жезломъ». Кажущійся старикъ этотъ былъ молодой студентъ. Въ колесницу его, на подобіе «божескаго фаэтона, были запряжены два піитическіе крылатые кони, называемые пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ представлялъ собою баснословнаго Кія, основателя и обладателя древняго Кіева. Онъ встрѣтилъ императрицу на берегу Днѣпра, по переѣздѣ черезъ мостъ привѣтствовалъ ее важною рѣчью и, называя ее своею наслѣдницею, просилъ въ городъ, какъ въ свое достояніе и поручалъ его и весь народъ русскій въ милостивое ея покровительство [1]). Императрица остановилась въ Печерской лаврѣ и провела въ Кіевѣ около трехъ недѣль (25 авг.—12 сент.). Въ лѣтописяхъ академіи сохранились извѣстія о ея двукратномъ посѣщеніи этой послѣдней—въ день своего тезоименитства—5 сентября и спустя три дня—во время нарочно устроеннаго для этого случая диспута. Здѣсь ректоръ академіи архим. Сильвестръ Думницкій произнесъ рѣчь на тему о томъ, «коликое счастье государству бываютъ, гдѣ свободныхъ ученій любитель Государь» [2]), а профессоръ греческой словесности іеромон. Варлаамъ Лящевскій поднесъ наслѣднику Петру Ѳедоровичу переведенную имъ книгу: «Зерцало должности государей». Въ тоже время одинъ изъ учениковъ піитики, между диспутами, произнесъ стихотворное привѣтствіе [3]). Въ это время была заложена императрицею, на

---

[1]) Исторія Русовъ, 244.

[2]) Слово (сказанное на литургіи въ лаврѣ 5 сентября тѣмъ же архим. Сильвестромъ) и рѣчь напечатаны были въ 1744 въ Петербургѣ при Академіи Наукъ.

[3]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіей, В. Аскоченскаго II, 86—98.

мѣстѣ ветхой, каменная церковь ап. Андрея, выстроенная по чертежамъ знаменитаго архитектора графа Фр. Растелли, многочисленныя и замѣчательныя постройки котораго находятся въ Петербургѣ и Москвѣ, и пожаловала сумму на постройку каменной церкви св. Георгія близъ Софійскаго собора вмѣсто деревянной, выстроенной въ 1674 г. кн. Ю. П. Трубецкимъ и русскими ратниками (на мѣстѣ монастыря, воздвигнутаго Ярославомъ I и разореннаго Батыемъ [1]). Андреевская церковь была освящена уже въ 1767 г. [2]). Повидимому лавра заботилась о поддержаніи въ своихъ стѣнахъ постоянной школы живописи: такъ, въ это время былъ приглашенъ сюда итальянскій художникъ Веніаминъ Фридериче, работавшій до того времени въ Бердичевскомъ кармелитскомъ монастырѣ [3]). Пребываніе его здѣсь связываютъ съ остатками итальянской живописи въ лаврѣ и несомнѣнно сохранившеюся живописью той же школы въ Андреевской церкви. Кіево-Печерская лавра служила разсадникомъ и поставщикомъ живописцевъ для монастырей и церквей Западной Россіи, а въ 1772—1776 г.г. могла предпринять въ обширныхъ размѣрахъ расписаніе своего сборнаго храма [4]). Къ этому же времени относится окончаніе постройки лаврою вѣроятно названнымъ выше Шейденомъ кловскаго дворца, отошедшаго впослѣдствіи въ казну и от-

---

[1]) Закревскій, 226—267.

[2]) Закревскій, I, 179—188; Памятн., изд. Общ. любит. древн. письмен., 1880, II, стр. xxxv. Образъ «Тайной вечери», присланный Екатериной II, считается произведеніемъ Леонардо-да-Винчи. Храмъ Андрея Первозв. возвышается надъ Днѣпромъ на 42 саж. (Р. Стар. 1882, № 11, стр. 439).

[3]) Павелъ Алеппскій (полов. XVII стол.) свидѣтельствуетъ о большомъ числѣ искусныхъ живописцевъ въ Кіевѣ, пользующихся умными выдумками для снятія точныхъ портретовъ и весьма удачно изображающихъ страсти Христовы. То же подтверждаетъ и Лукьяновъ: «а письмо иное кажется живопись», говоритъ онъ.

[4]) Къ исторіи живописи въ Кіево-печерской лаврѣ въ XVIII ст. (по докум. лавр. архива), М. П. Истомина (Чт. въ Истор. Общ. Нестора лѣт., IX, 65—75).

даннаго (съ 1811 г.) для помѣщенія Вышпей (1-ой) гимназіи [1]). Въ царствованіе Елисаветы (ок. 1753 г.) выстроенъ былъ также деревянный, на каменномъ нижнемъ ярусѣ, съ каменными флигелями, дворецъ, позади котораго разбитъ обширный садъ (называемый царскимъ), съ оранжереями и виноградникомъ. Дворецъ этотъ сгорѣлъ въ 1819 году [2]). Прибытіе импер. Елисаветы въ Кіевъ (1744) вызвало приведеніе въ порядокъ базаровъ и лавокъ на Печерскѣ и въ Старомъ городѣ и нѣкоторыя мѣры по благоустройству города [3]), а нѣсколько позже (1753 г.) была учреждена уже особая контора для укрѣпленія кіевскихъ горъ, причемъ обращено особенное вниманіе на укрѣпленіе пещеръ и предупрежденіе обваловъ со стороны Днѣпра. Правительство озаботилось также учрежденіемъ госпиталей [4]). Насколько однако медленно двигалось благосостояніе города видно изъ данныхъ, собранныхъ въ 1760 г., по требованію Академіи наукъ, кіевской губернской канцеляріей. Въ этой вѣдомости на Печерскѣ показано 2245 дворовъ—«всѣ деревянные, а каменныхъ ничьихъ дворовъ не имѣется [5]). Въ нижнемъ городѣ (Подолѣ) обывательскихъ

---

[1]) Закревскій, 387—388. Стоимость этой постройки обошлась лаврѣ въ 20000 руб., сумма по тому времени весьма значительная (Кіев. Стар. 1888, т. XX, 22).

[2]) Закревскій, 85, 275—276. Участокъ для сада былъ нанятъ у Никольского мон. за 200 р. ежегодной платы (Кіев. Стар. 1888, т. XX, 64).

[3]) К. Ст. 1891, № 6, стр. 131—133; Мат. изъ арх. кіев. губ. правл. V, 162—168; VI, 46—48; VII, 37—57; X, 242—243. Теперь отъ Подола удалены были водяныя мельницы, безобразовшія пристань, но доставлявшія значительный доходъ ихъ владѣльцамъ (онѣ были переведены къ Труханову острову). Всѣ эти работы были возложены на инж. де-Боскета (Кіев. Стар. 1890, № 7, с. 129—133).

[4]) Закревскій, 274, 679; Опис. Кіев. губерніи I, 322—323.

[5]) Какъ видно эта часть города быстро возрастала новоприбывшими поселенцами. Еще въ 1742 г. въ ней числилось 480 дом., причемъ это были почти однѣ курныя избы, а многіе совсѣмъ не имѣли печей и трубъ (К. Стар. 1888, № 4, стр. 9—10). Выдубецкому мон.

каменныхъ домовъ до пяти, а прочіе всѣ домы деревянные, которыхъ числомъ 3357» [1]). Въ теченіе XVIII стол. Кіевъ, по прежнему, служилъ пунктомъ, въ которомъ собирались извѣстія о видахъ и намѣреніяхъ Польши, Турціи и Крыма, и здѣсь, въ свою очередь, какъ было и прежде, проживали нерѣдко иностранные шпіоны, за которыми постоянно слѣдили нарочные агенты. Политическимъ цѣлямъ служили иногда и купцы. Въ Кіевѣ же сосредоточивались мѣры противъ занесенія заразы изъ пограничныхъ мѣстъ (въ 1747, 1750, 1751, 1754)[2]). Съ половины XVIII в. (отъ этого времени идутъ и многія извѣстныя фамиліи южнославян. происхожденія) стали переселяться въ Россію сербы и черногорцы, а отчасти валахи и венгерцы, направлявшіеся въ Новороссію, въ Оренбургъ и Самару, но обыкновенно имѣвшіе болѣе продолжительную стоянку въ Кіевѣ, а нѣкоторые изъ нихъ оставались здѣсь на жительство. Они прибывали сюда большими партіями съ семействами (въ 1751—218 чел. сербовъ; въ 6751 сразу ожидали 800 чел.; въ 1755—прибыло 100 черног.; въ 1757—129 и въ 1758—1022 черног.) [3]) и изъ нихъ же сформи-

---

принадлежала Звѣриницкая слобода, относившаяся къ Печерской части города. Въ 1786 г. въ ней считалось 35 двор., занимавшихся земледѣліемъ и ремеслами. Въ слободѣ находился кирпичивій заводъ доставлявшій 120 р. дохода, и *три шинка*, дававшихъ 250 р. дохода съ водки, причемъ замѣчено, что пива и меду совсѣмъ не требовалось (К. Стар. 1895, №№ 7—8, с. 13—20).

[1]) Описаніе г. Кіева, сост. кіев. губерн. канцел. въ 1760 г. (Матер. арх. кіев. губ. правл., III, стр. 111—141). Въ Старомъ городѣ число домовъ не обозначено, такъ какъ живущіе въ немъ въ вѣдѣніи канцеляріи не состояли и подчинялись военному вѣдомству. Въ 1753 г. въ Печерской лаврѣ составлено было описаніе града Кіева, остающееся въ рукописи (Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В. I, 257).

[2]) Сенатскій Архивъ, V, 444 463, 501, 494, 564, 642; VII, 177, 196, 571, 629; VIII, 77, 403, 406, 434—35; IX, 625.

[3]) Ibidem, VII, 73; VIII, 1, 57, 82, 92, 132, 241, 291, 317, 379; IX, 255, 259, 309, 373.

рованъ былъ гусарскій полкъ въ 1000 чел., который заявилъ себя постоянными столкновеніями съ жителями, требовавшими вмѣшательства властей [1]). Но такъ какъ на жителей падала тяжелая повинность содержанія ихъ фуражемъ, то отношенія между ними были большею частью обострепныя [2]). Въ концѣ 50-хъ годовъ въ Кіевѣ была уже цѣлая колонія сербовъ, гдѣ они между прочимъ являются устроителями казенныхъ виноградныхъ садовъ [3]). Съ половины XVII в. въ Кіевѣ стали селиться греки. Въ 1726 году въ Кіевѣ было 22 греческихъ торговца. При Аннѣ Іоанновнѣ они хлопотали уже объ устройствѣ своей церкви на Подолѣ, а въ 1748 г. имъ удалось обратить ее въ монастырь (Екатерининскій), подчиненный Синайской горѣ. Въ монастырѣ была построена гостиница для проѣзжающихъ [4]). Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ посылались ко двору изъ Кіева грецкіе и волошскіе орѣхи и вишни [5]). Съ развитіемъ садоводства, при Елисаветѣ Петровнѣ, въ Кіевѣ заготовлялись ко двору значительные

---

[1]) Сербы въ Кіевѣ (Кіев. Стар. 1885, № 2, с. 381—385; № 6, с. 505—11; 1904, № 3 с. 106 –108; Матер. изъ Арх. кіев. губ. правл. V, 424—139; X, 28--33, 76—94; Сенат. Архивъ, VIII, 403, 406, 703, 708; IX; 10—12; 75—75, 79—81, 172, 178, 181, 199; 289, 293, 420; X, 3, 18, 78, 95, 97, 99, 109, 414, 416. 430, 465, 525, 537—539, 545). Отряды эти прибывали въ Россію подъ командою Хорвата, Прерадовича, Шевича, Писчевича и др.

[2]) Матер., изд. Андріевскимъ, V, 125—139.

[3]) Матер. изъ Арх. кіев. губ. правл., IX, 207—211; X, 34—51.

[4]) Матеріалы кіев. губ. арх., VIII, 124—126, Кіев. Стар. 1895, №№ 7—8 с. 4—9. На просьбѣ объ учрежденіи мон. подписались докторъ Кондоиди и 25 лицъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются фамиліи Корбута, Лакерды, Кармалея, Константинова и др. (отчасти обрусевшія); нѣкоторые изъ нихъ занимались винокуреніемъ и содержали карантинный дворъ съ Васильковѣ. Подроб. см. Н. И. Петровъ, Греч. Екатер. мон. въ Кіевѣ (Тр. К. Д. акад. 1896, № 1); ср. еще К. Ст, 1891, № 5, с. 311—312; 1893, № 3, с. 440—441; 1896, № 1, с. 86—98; 1904, № 2, 55—56; Закревскій 597.

[5]) Симбирскій Сборникъ, отписки 59—202; Чт. въ Общ. Нест. лѣт., XI, 20.

запасы вареныхъ фруктовъ, и съ этою цѣлью посланъ былъ сюда «конфектный подмастерье» Францъ Андреасъ съ учениками [1]). Екатерина II упрочила славу кіевскаго варенья и содѣйствовала значительному распространенію здѣсь этого промысла [2]).

IV.

Веденіе правильнаго городскаго хозяйства не было еще обычнымъ дѣломъ, а предъявляемыя къ магистрату требованія встрѣчали нерѣдко противодѣйствіе со стороны членовъ послѣдняго, какъ вмѣшательство въ его компетенцію. Такимъ образомъ шнуровыя книги для записи расходовъ заведены были только съ 1757 года. По имѣющимся весьма отрывочнымъ даннымъ, видно, что городской доходъ въ 1720 г.=4183 р. 94 к., въ 1744 г.= 9411 р. 59 к.; въ 1754 г.=7571 р. 5 к., причемъ доходъ отъ продажи напитковъ мѣстнаго производства составлялъ 67,5% общаго бюджета; а въ 1761 г., въ общей суммѣ дохода=6464 р. 13 к., съ шинковъ за хлѣбное вино получено было 5059 р. 92 к. [3]), чѣмъ и объясняется та ожесточенная борьба, какую велъ городъ противъ корчемства въ теченіе XVIII стол., и жалобы со стороны мѣщанъ на участіе въ куреніи и продажѣ вина пришлыхъ казаковъ, монастырей и казны [4]).

Другіе доходы получались съ мѣръ и вѣсовъ, съ дегтя и соли, съ «рѣзни», паромовъ, плотовъ, байдаковъ, лавокъ, огородовъ, мостовъ, съ дворовъ, построенныхъ на городской землѣ и

---

[1]) Матер. изъ Арх. кіев. губ. правл. III, 154—164.

[2]) Закревскій, 112—113; Матеріалы, I, 61—68.

[3]) Цѣны на вино мѣстное и волоское см. А. А. Андрієвскій, Матер. Кіев. губ. архива, III, 164; VIII, 216; Днев. зап. Як. Марковича, I, 438, II, 92, 325, 397.

[4]) Кіев. Стар. 1891, № 6, с. 390; Къ ист. о винокур. въ Кіевѣ и Борьба Кіев. магистр. съ корчем. (Матеріалы, V, 100—224; VII, 157—200).

т. п. Расходъ за 1744 г. показанъ=9403 р. 50 к., а въ 1754 г.= 7248 р. $24^1/_2$ коп., причемъ оказывается, что не менѣе половины городскихъ средствъ шло на презенты, угощенія и поздравленія почетныхъ и мѣстныхъ властей, и вліятельныхъ лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ, въ которыхъ такъ или иначе нуждался магистратъ, на проѣзжихъ гостей (напр. турецкаго посланника, навстрѣчу черног. воев. Василія Петровича и т. п. [1]), въ видѣ сукна, винъ или денегъ «до яловицъ и яблокъ» включительно; между тѣмъ даже благотворительность не играла никакой роли въ городскомъ бюджетѣ [2]). На прямыя городскія нужды расходовалось не болѣе 35%, а городскіе долги все болѣе возрастали [3]). Понятно, что при такихъ условіяхъ городъ процвѣтать не могъ.

Въ 1754 г. послѣдовалъ указъ, отмѣнявшій въ Малой Россіи такъ наз. идукты и эвекты, а въ 1755 г. «въ облегченіе малороссійскаго народа» были отмѣнены сборы съ продажи вина, дегтя, съ ярмарокъ, мельницъ, винокуренныхъ котловъ и пр., вслѣдствіе чего явилось опасеніе, что кіевскій магистратъ не въ состояніи будетъ исправно отбывать нѣкоторыя государственныя повинности (почтовую, подворную, квартирную и др.), тяжело сложившіяся на городской бюджетъ. Поэтому сдѣлано было распоряженіе объ отпускѣ магистрату на содержаніе нижняго города (Подола) и прочія надобности по 479 р. 66 к. и Сенатъ неоднократно требовалъ представленія вѣдомостей о доходахъ и расходахъ города. Съ своей стороны магистратъ хлопоталъ объ

---

1) См. Матеріалы, изд. Андріевскимъ, в. II, 58 и др.

2) Призрѣніе нищихъ находилось въ самомъ жалкомъ видѣ. Поэтому дѣлались только распоряженія (напр. въ 1764, 1769) о высылкѣ ихъ изъ города и непропускѣ иногородныхъ. При лаврѣ содержалось тогда 20 мужч. и 10 женщ. больныхъ и неспособныхъ къ работѣ (Матер. изд. А. А. Андріевскимъ, VIII, 207—212; К. Стар. 1893, № 9, с. 450).

3) Н. В. Молчановскій, Бюджеты г. Кіева въ срединѣ XVIII с. (К. Стар. 1898, № 1, с. 64—83).

отпускѣ болѣе значительной суммы (1214 р.), ссылаясь между прочимъ «на устремленіе Днѣпра» къ Подолу и порчу берега, требовавшую необходимыхъ поправокъ. Однако, только въ 1766 г. состоялось рѣшеніе въ пользу города, притомъ съ доплатою за все предшествовавшее время (съ 1756 г.), но съ обязательствомъ устроить хлѣбный магазинъ, вслѣдствіе того, что въ 1749 г., послѣ истребленія хлѣба саранчой, оказался такой недостатокъ послѣдняго, что въ Кіевѣ, «какъ великомъ городѣ», въ торговые даже дни нельзя было купить и 50 четв. ни за какую дорогую цѣну [1]). Тѣмъ не менѣе магистратъ уклонился тогда отъ постройки магазина, ссылаясь опять таки на недостатокъ средствъ и только въ 60-хъ годахъ XVIII стол., по неоднократному настоянію Сената, магазинъ этотъ былъ устроенъ за счетъ таможенной суммы—это было обширное каменное зданіе съ желѣзной крышей (на Подолѣ). Въ 1777 г. для него было закуплено 2000 четв. немолотой ржи, половина которой отпускалась иногда въ продажу, а изъ другой части половина отдавалась въ ссуду преимущественно чиновнымъ людямъ и взысканіе ея оказывалось тщетнымъ [2]).

Въ особенности тяжела была для населенія постойнная повинность. На основаніи высоч. грамотъ, кіевскій магистралъ считалъ жителей Подола, входившихъ въ составъ мѣщанства, свободными отъ означенной повинности и въ 1763 г., въ силу сенат. указа, находившаяся тамъ временно-инженерная команда была

---

[1]) Въ 1753 г. Малорос. кол. писала: «Народъ малороссійскій къ земледѣлію не приложенъ и запаснаго хлѣба не имѣетъ, когда у нихъ одинъ годъ хлѣба неродится, терпятъ голодъ», чѣмъ и объяснялась потребность въ хлѣб. магазинѣ (К. Стар. 1888, № 5, с. 39—40). Тоже самое подтверждается и наказомъ 1767 г., причемъ жители заявляли, что безъ иностраннаго хлѣба обойтись нельзя (Сборн. Р. И. общ. п. CVII, 188).

[2]) Объ учрежд. въ Кіевѣ запаснаго хлѣбнаго магазина, А. А. Андріевскаго (Кіев. Стар. 1891, № 6 с. 475—79); Кіев. город. управ. въ 1756 г., Н. В. Молчановскаго (ibid., 1889, № 27, с. 54—55).

выведена на Печерскъ; но привилегія эта весьма часто нарушалась, почему возникали продолжительныя пререканія между магистратомъ и губернской канцелярій. Таково напр. было дѣло 1759 г., по поводу требованія послѣднеей объ отводѣ квартиры ген.-маіору артил. Чиркову. Въ своихъ отвѣтахъ магистратъ между прочимъ писалъ, что «хотя изъ чиновническихъ домовъ нѣкоторые противъ мѣщанскихъ мало и лучше показуются, однако тѣ домы отъ всякихъ постоевъ увольнены, мѣщанскіе же домы крайне тѣсные и въ строеніи скудные, да и тѣ всегда отъ постоевъ несвободны, чѣмъ и такъ здѣшніе обыватели противъ другихъ малороссійскихъ обывателей излишнее поносятъ отягощеніе». Не смотря на требованіе губ. о канцеляріи безпрекословномъ подчиненіи и угрозу представить о томъ въ Сенатъ, какъ видно, магистратъ не убоялся этого, такъ какъ уже въ 1760 г. (26 окт.) состоялся указъ Сената «о вѣдѣніи кіев. мѣщанъ судомъ и управленіемъ по магдеб. правамъ въ кіев. магистратѣ, и о бытіи оному магистрату подъ апелляціями Прав. Сената и объ охраненіи отъ обидъ какъ магистрата, такъ и мѣщанъ кіев. губернатору». Допуская предоставленіе квартиръ проѣзжающимъ черезъ городъ правительственнымъ чинамъ и переходящимъ командамъ, магистратъ и мѣщане всячески противились постоянному размѣщенію воинскихъ частей. Такъ, въ 1763 сразу потребовалось для молдавскаго гусарскаго полка 1489 квартиръ и предвидѣлось еще требованіе для размѣщенія кон. артил. полка. Все это заставило магистратъ дважды произвести опись дворовъ, расположенныхъ на Подолѣ и въ предмѣстьяхъ, причемъ оказалось, что на Подолѣ было 2139 дв., на Сырцѣ—28, на Преоркѣ—148 и на Куреневкѣ—94, а всего 2454 двора, въ которыхъ можно было назначить постои. Тѣмъ не менѣе, дѣло это не окончилось мирно: оно сопровождалось произвольнымъ захватомъ дворовъ, поврежденіемъ службъ, столкновеніями и насиліями съ обѣихъ сторонъ, (неудовольствіе мѣщанъ было тѣмъ сильнѣе, что нѣк. гусары завели у себя шинки) и наконецъ потребовало вмѣшательства ген. губ. Воейкова (съ 1766—75), признавшаго притязанія военныхъ командъ большею частію неправильными и оказавшаго поддержку магистрату. При

этомъ онъ требовалъ оставить для пріѣзжающихъ черезъ Кіевъ чиновъ 100 дворовъ въ запасѣ [1]).

Вызванное выше рѣшеніе Сената стояло въ связи съ другимъ, непріятнымъ для Кіева дѣломъ—подчиненіемъ его гетману, которое соединялось съ вмѣшательствомъ въ управленіе города полковой канцеляріи. Хотя въ 1737 г. кіевскіе мѣщане были освобождены отъ подчиненія (съ 1733) гетману, чтó вновь было подтверждено въ 1743 г., но съ 1751 г. Разумовскій настойчиво сталъ добиваться утвержденія за нимъ правъ на Кіевъ [2]). Противъ этого постоянно возражала мѣстная администрація, находившая поддержку въ Сенатѣ; но, благодаря болѣе сильнымъ вліяніямъ при дворѣ, подтвержденіе независимости города, состоявшееся въ 1754 г., оставалось въ бездѣйствіи до 1760 г. [3]), а, по вступленіи на престолъ Петра III, права гетмапа на Кіевъ вновь были возстановлены [4]). Гетману не нравилось, если Сенатъ обра-

---

[1]) Утѣсн. кіев. мѣщанъ военнымъ постомъ въ 1763—64 г.г. (Кіев. Стар. 1895, № 5, стр. 65—70; Матер. Кіев. губ. арх., VIII, 205--206). Въ перечнѣ лучшихъ домовъ обозначенъ одинъ каменный —-директора Карасева (ib. 66). Пререканіе кіев. магистр. съ губерн. канцел. по поводу квартирн. повинности, А. А. Андріевскаго (К. Стар. 1894, № 9, с. 144—146). Столкновеніе студентовъ академіи съ гусарами (Матеріалы, X, 71—75).

[2]) Притязанія гетмана на поддержаніе своей власти наглядно выразились въ недовольствѣ на форму поминанія имени его въ ектеніяхъ, которая и была измѣнена новымъ распоряженіемъ митрополита въ 1751 г. (Кіев. Стар. 1893, № 7, с. 142—143).

[3]) Въ Глуховѣ распоряженіе это получено было только 20 янв. 1761 г. Марковичъ записалъ: «Грамота пришла къ гетману, чтобы ни въ чемъ не имѣть дѣла до кіевлянъ и козаковъ оттоль вывести на сей бокъ и поселить» (II, 373).

[4]) По этому поводу мы находимъ любопытную запись въ запискахъ писаря кіев. магистр. Данилы Слюсарскаго о кіевск. событіяхъ съ 1734—1778 г., хран. въ Церк. арх. музеѣ при К. Д. акад. и напеч. въ Епарх. Вѣд. 1885, №№ 1 и 2. Такъ какъ ими не пользовались изслѣдователи означенныхъ событій, то приводимъ здѣсь выписку:

щался непосредственно къ кіевскому магистрату [1]). Тѣмъ легче ему было поддерживать свои требованія, что во главѣ кіев. магистрата продолжительное время стоялъ назначенный войтомъ изъ лейбъ-компанцевъ секундъ-маіоръ Ив. Сычевскій [2]), рекомендованный самимъ Разумовскимъ (1754—1766). Пользуясь поддержкой послѣдняго и членовъ генер. канцеляріи, съ которой онъ имѣлъ родственныя и имущественныя связи, Сычевскій не стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, чѣмъ вызвалъ, послѣ продолжительныхъ хлопотъ, слѣдствіе и вмѣшательство высшей власти [3]). Борьба между магистратомъ и войсковою канцеляріей, на-

---

«1762 г. мая 20 д. госуд. имп. Петръ Ѳед., *по неправедному* бывш. малорос. гетмана гр. Кир. Григ. Разумовскаго *прошенію, прародительскую государеву отчину*, Богомъ спасаемый и Богомъ хранимый *городъ Кіевъ Подолъ* отдалъ въ команду онаго гетмана, съ таковымъ повелѣніемъ, *чтобъ мѣщане здѣшные вольные шляхетные подъ таковымъ его игомъ были*, какъ и всѣ малороссіяне, и подати платили, *чему наущали и способствовали малороссійская генер. старшина* Вас. Гудовичъ и быв. кіев. войтъ сек. маіоръ Ив. Сычевскій, кіево-под. спасскій поповичъ» (ib., № 1, с. 38).

[1]) Матер. Кіев. губ. арх., VIII, 173—174; Васильчиковъ, I, 264, 291.

[2]) Въ войты избиралось четыре кандидата (А. Ю. и З. Р., I, 172), изъ которыхъ одинъ утверждался Сенатомъ. Городское управленіе состояло изъ войта, писаря, очередныхъ бурмистровъ и райцовъ, лавниковъ, для суда, двухъ шафарей, инстигатора, городничаго и 15 урядниковъ. Въ одной изъ жалобъ въ Сенатъ подписалось до 70 должн. лицъ (40 отъ 12 цеховъ); въ другой разъ—53. Они составляли можно сказать, городскую олигархію, которая владѣла почти $^1/_3$ частію города (Подола), занятой ихъ дворами, и не платила повинностей (К. Стар. 1882, № 5, с. 177—192; 1891, № 4, с. 14; № 5, с. 309 - 311; № 6, с. 414). О средствахъ тогдашнихъ представителей магистрата см. Дѣло о наслѣдствѣ, оставш. послѣ войта Пав. Войнича (Матер., VIII, 1—42).

[3]) Тотъ же Дан. Слюсарскій подробно разсказываетъ, какъ „войск. старшій канцеляристъ Осипъ Туманскій и науститель войтъ Сычевскій всѣ грамоты и привилегіи забрали изъ магистрата въ присутственную избу для снятія будто бы копій, но этого не сдѣлали, а

полняющая средину XVIII стол., сопровождались иногда насильственнымъ захватомъ войта (какъ было въ **1737** г.—Павла Войничая) и препровожденіемъ въ Глуховъ непокорныхъ городскихъ чиновниковъ и мѣщанъ, не хотѣвшихъ подчиняться произвольнымъ требованіемъ канцел. гетмана (какъ было въ 1763 г.); а улицы Кіева нерѣдко обращались въ мѣста ожесточенныхъ дракъ и схватокъ, сопровождавшихся кровопролитіемъ и смертнымъ боемъ [1]). И въ этихъ распряхъ опять видную роль играло право винокуренія и продажи вина поселившимися въ Кіевѣ козаками [2]), занимавшее важное мѣсто въ хозяйствѣ тогдашней Малороссіи [3]).

приставили къ нимъ караулъ, чрезъ что всѣ здѣшніе граждане взволновавшись збунтовались». Но тѣ же лица, «поставивъ крѣпости въ скарбовой ратушѣ и запечатавъ, отъѣхали къ гетману злоумышленно и хитростно». Вслѣдъ же затѣмъ, по ордеру гетмана, всѣ крѣпости и 14 чел. магистр. чиновниковъ (бурм. Вас. Балабуха и Коз. Кулешъ, райцы и др.), взятые подъ караулъ, были отвезены въ Глуховъ, гдѣ они были допрошены и, лишенные чиновъ, отпущены въ Кіевъ, а привелегіи отвезены гетманомъ въ Петербургъ. «а отъ него гетмана, по повелѣнію Прав. Сен., чтобъ нестыдно было отдавать оныхъ въ магистратъ, представлены въ Сенатъ, и изъ онаго отданы въ магистратъ" (ibid., 39).

[1]) Подроб. см· Матер. изъ Архива кіев. губ. правл., VI, 20—29, 100—130; VIII, 113—122; X, 1—14, 71—75; Кіев. смуты средины прошлаго столѣтія А. Андріевскаго (К. Стар. 1886, № 12, с. 664—708); Войтовство Ив. Сычевскаго въ Кіевѣ, его же (1891, №№ 4, **5**, 6).

[2]) Казаки поселились въ Кіевѣ во 2-й пол. XVII в., отправляя въ немъ разныя службы, а потомъ, женившись на мѣщанскихъ вдовахъ и дочеряхъ, они стали пріобрѣтать земли и дома, и хотя составляли здѣсь «сотню», но число ихъ простиралось тогда до 40 дворовъ. Съ другой стороны, соблазняясь разными льготами, въ казаки стали записываться и мѣстные мѣщане (Кіев. Стар. 1886, № 12 с. 687—688; 1891, № 6, с. 400—401).

[3]) Матеріалы, III, 1—24, 88—111; Днев. зап. Марковича, I, 438; II, 325, 351, 358, 390, 397, 414.

Понятно, почему возвращеніе Кіеву правъ «по жалованнымъ грамотамъ нашего любезнаго дѣда Петра Вел.» Екатериною II, съ прибавленіемъ еще, чтобъ оный магистратъ и мѣщане въ своихъ дѣлахъ имѣли апелляцію у кіев. ген.-губернатора, сопровождавшееся тѣмъ, что гетманъ Разумовскій и войтъ Сычевскій «въ своихъ злоумышленіяхъ» и «на Кіевъ предпріятіяхъ» «остались ни съ чѣмъ», вызвало особенную радость въ Кіевѣ. Такимъ образомъ то обстоятельство, что слѣдствіе по дѣлу войта Сычевскаго «за посредствіемъ разныхъ знатныхъ персонъ примиреніемъ было окончено», а онъ отъ войтовства только «отрѣшенъ», не причинило особеннаго раздраженія; а послѣдовавшее затѣмъ избраніе правительственнаго канд. кіев. губ, прокур. «господина Григ. Сид. Пиваварова», состоявшееся по вторичному настоянію и въ присутствіи ген. губ. Воейкова, не было встрѣчено такъ враждебно, какъ можно было бы ожидать въ настоящемъ случаѣ [1]).

V.

Еще въ коммиссіи для сочиненія «новаго уложенія» 1762 г. присутствовало два депутата отъ Кіева («шафари») и тогда же обнаружено было нежеланіе кіев. магистрата посылать ихъ вновь, поддержанное и гетманомъ. Магистратъ подкрѣплялъ свой отказъ между прочимъ тѣмъ, что «здѣсь купечество не какое знатное, но крайне скудное, ибо изъ здѣшнихъ мѣщанъ по большей части упражняются рукодѣліемъ; а хотя нѣкоторые изъ нихъ и торгуютъ, однако не какими большими товарами, но едиными только

---

[1]) Зап. Слюсарскаго (№ 1, стр. 39—40); Выборъ въ кіевск. войты Гр. Пивоварова, въ 1766 г. (Кіев. Ст. 1897, № 2, с. 35—38. Сенатъ однако, не согласился увеличить его жалованье. Любопытно еще дѣло о распрѣ изъ-за званія писаря (ib. № 3, 64—74), которое показываетъ, что магдеб. права не всегда ясно понимались магистратомъ, иногда неправильно толковались и столь же неясно представлялись мѣстной администраціей.

крамними дробизками и харчевыми вещами [1]); да кромѣ того и по многимъ высоч. кіев. маг-ту жалованнымъ грамотамъ между здѣшними мѣщаны судъ и расправу содержать повелѣно по майдебурскимъ правамъ, по которимъ оній маг-тъ тотъ судъ и расправу всегда и содержалъ, и нынѣ содержитъ» [2]). Таже точка зрѣнія на сохраненіе мѣстныхъ правъ была удержана депутатами и въ коммиссіи 1767 г. [3]), въ которой присутствовало два депутата отъ Кіевской г. [4]). Какъ со стороны малорос. шляхетства, такъ и духовенства означенныя желанія были заявлены вполнѣ ясно и опредѣленно; но весьма характерно, что въ заявленіяхъ о нуждахъ города кіев. наказъ не выходитъ изъ предѣловъ тѣхъ больныхъ мѣстъ, которыхъ намъ приходится касаться на этихъ страницахъ (какъ огражденіе отъ затрудненій въ иноземной торговлѣ, освобожденіе отъ таможенныхъ сборовъ, облегченіе отъ военнаго постоя и отъ наплыва разныхъ выходцевъ, стѣсняющихъ жителей, отъ корчемства, разоряющаго населеніе и т. п. [5]). Болѣе важно отмѣтить

---

[1]) Въ означенномъ пунктѣ конечно краски сгущены въ интересахъ успѣха намѣченной цѣли; но объ экономической слабости Кіева (отсутствіи фабрикъ и т. п.) говорятъ и др. оффиціальныя данныя (К. Стар. 1888, № 5, стр. 38—40).

[2]) Матер., изд. А. А. Андрієвскимъ, VIII, 172—174. Насколько на практикѣ это далеко отступало отъ теоріи см. въ одной изъ статей ниже назв. очерка (К. Стар. 1890, № 10, стр. 101—109).

[3]) См. статьи И. В. Теличенка: Єослов. нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатер. коммиссіи (Кіев. Стар. 1890 и 91 г.г.).

[4]) Латкинъ Законод. коммиссіи въ Россіи, 250.

[5]) Наказъ кіев. шляхетства (Сборн. Р. И. Общ., т. LXVIII, с. 178—189); Пункты отъ Кіев. епархіи (ibid., т. XLIII, с. 436—560); отъ г. Кіева (т. CVII, 181—188, ср. Чт. въ Общ. Ист. 1858, III, 51—102). Въ наказъ отъ г. Кіева мѣщане вносятъ даже частную жалобу на сотниковъ Гудимовъ, причинившихъ имъ убытки въ винокуреніи. (см. объ этомъ Матеріалы, VII, 100—225). На основаніи же подписей подъ наказомъ (4 бурм., 1 пис., 4 райцевъ, 11 шафарей, 7 лавниковъ, 4 шафаратив., 5 инстигат., 1 городничаго, 29 реестр. мѣщанъ; 94 представ. отъ 13 цеховъ и 41 чел. поспол. сотни видно, что въ числѣ

лишь то, что шляхетство въ числѣ своихъ нуждъ признало, что «ничто въ жизни для честнаго шляхетства не можетъ быть столь полезно, а для интересовъ государственныхъ потребно, какъ знаніе наукъ, составляющее въ человѣцѣ цѣлость его собственнаго благоденствія и пользы государственной». Здѣсь же указывалось, что у шляхетства вошло уже въ обычай отправлять своихъ дѣтей въ Московскій университетъ, въ Петербургъ [1]) и въ чужія, далекія государства, и потому оно желало, чтобы правительство учредило университетъ въ Малой Россіи, а именно въ Кіевѣ или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ заблагоусмотрѣно будетъ шефомъ ея гр. П. А. Румянцовымъ [2]). Между тѣмъ, въ инструкціи, данный послѣднему Екатериной II, намѣчены были тѣ общія основанія, которымъ намѣрено было слѣдовать правительство въ интересахъ объединенія законодательства и управленія [3]). Поэтому и мѣстныя права Малороссіи оставались въ силѣ до введенія въ ней общихъ учрежденій [4]).

ихъ было неграм. 6 шаф. и шафарат., 75 цеховыхъ и 12 изъ поспол. сотни.

[1]) Поѣздки въ Петербургъ представителей города и разныхъ чиновъ въ теченіе XVIII стол. по дѣламъ службы, въ торжественныхъ случаяхъ и въ интересахъ просвѣщенія изъ Малороссіи были такъ часты, что нѣтъ надобности ихъ перечислять (См. Днев. зап. Марковича и др. мемуары).

[2]) Сборн., т. LXVIII, 176—177.

[3]) Ibid., VII, 376—390.

[4]) Любопытно, что въ 1766 г. Малор. коллегія признавала необходимымъ введеніе въ малрос. городахъ нотаріусовъ, которое встрѣтило возраженіе, какъ противное магдеб. правамъ (Чтенія, 56, 83). Въ 1765 г. должность нотаруіса была введена въ Кіевѣ для великорус. купечества, причемъ изъ вѣдомости видно, что многіе изъ нихъ имѣли собств. дома и жили не только на Печерскѣ и Стар. городѣ но и на Подолѣ, вопреки привил. кіев. магистрата (Кіев. Стар. 1892, № 11, с. 301—304; ср. 1888, № 5, с. 38). Отъ нихъ ведутъ свое происхожденіе многія купеч. фамиліи въ Кіевѣ.

Съ открытіемъ въ городѣ намѣстническаго управленія (съ 1782 г.)[1]) и разрѣшенія селиться въ немъ выходцамъ изъ Великой и Малой Россіи, населеніе Кіева стало возрастать. Съ этого времени хозяйственная часть города поступила въ завѣдываніе казенной палаты, административная и полицейская возложены были на губернатора, военная на коменданта, а судопроизводство и внутренне управленіе предоставлены—городскому магистрату, на основаніи магдебургскаго права[2]), которому подчинены были мѣстные граждане, между тѣмъ, какъ Верхній городъ (Старый Кіевъ) находился въ непосредственномъ управленіи высшей администраціи [3]). Съ изданіемъ въ 1785 г. городового положенія, оно было распространено и на Кіевъ, хотя и не устранило вполнѣ его мѣстныхъ особенностей. Такъ, между прочимъ, до позднѣйшаго времени сохранялся «вооруженный мѣщанскій корпусъ»[4]). Въ

---

[1]) Выборы и распоряж. гр. Румянцова-Задунайскаго (съ 1782 г. кіев., черниг. и новг.-сѣвер. намѣстн.), кас. долж. лицъ, согласно учреж. о губ. въ Кіев. намѣстнич. (Матер., изд. Андріевскимъ, II, 1—30). Кіевскіе предводители дворяества показаны въ такомъ порядкѣ: тит. сов. Ѳ. Л. Мигай, кол. ассес. И. П. Гудимъ-Левковичъ, надв. сов. Михаилъ Луста (1785—95). См. кн. Туркестановъ, Губерн. служеб., 64—65. Дворянскіи выборы въ 1782 г. производились во дворцѣ, а въ 1785, по причинѣ починокъ въ немъ, въ Кловскомъ домѣ, принадлежавшемъ лаврѣ (Матер., изд. Андріевскимъ, II, 1—30). О простанствѣ управленія и власти кіев. ген.-губернатора—см. Шафонскій, Черниг. намѣстнич. топогр. опис., сс. 103—104; ср. Чт. въ Истор. Общ. Нест. лѣт., VI, 136—137.

[2]) О постепенной отмѣнѣ этихъ правъ (Кіев. представительство прежняго времени, Кіев. Стар. 1882, № 5, с. 176—192).

[3]) Журавскій, Стат. опис. Кіев. губ., I, 323; Кіев. Стар. 1891, № 8, стр. 313—314.

[4]) Начало его восходитъ къ весьма давнимъ временамъ (Кіев. Стар. 1882, № 5, 187).

Согласно привилегіямъ граждане Кіева были уволены отъ службы. Въ жалов. грам. ц. Алексѣя значилось: «въ обозъ не ходить, а въ городѣ себя оберегать». (Пол. Собр. Закон., I, № 133). Послѣдняя была подтверждена въ 1700, 1730, 1743, 1762, 1797 и 1801 гг. (Кіев. Стар. 1882, № 5, стр. 179—180).

1790 г., по обстоятельствамъ военнаго времени, требовались свѣдѣнія (отъ исправл., съ 1791—93 г., должн. ген.-губ. Н. М. Кречетникова) объ этомъ корпусѣ, и предписывалось составить именной его списокъ, и, раздѣливъ на хоругви, назначить изъ нихъ командировъ со внушеніемъ, чтобы каждый имѣлъ у себя въ надлежащей исправности ружье, пистолетъ и пику, заимствуя послѣднія изъ оставшихся отъ прежнихъ хорунжихъ службъ, пріучаясь по временамъ стрѣлять изъ ружей, а въ сохраненіи надлежащаго при семъ порядка назначить для стрѣльбы одинъ день въ недѣлю (эти экзерциціи производились на Оболони), о чемъ градскому головѣ съ думою сдѣлано было надлежащее наставленіе. Кіевскіе граждане вооружились, «по заведенному издревле порядку пѣшіе саблями и ружьемъ, а конные саблями и пистолетами, пикъ же вовсе не было, почему, какъ доносила городская дума, и нынѣ вооружиться не могутъ». Въ вѣдомость вошло купцовъ и мѣщанъ 1996 пѣшихъ и 140 конныхъ. Первые раздѣлены были по управамъ, что даетъ возможность судить о численности каждой управы (цеха)[1]. Главнымъ «регементаремъ» вооруженнаго мѣщанскаго

---

[5]) Въ спискѣ показано: отъ управы сапожниковъ 428 чел., отъ управы мелкихъ торговцевъ—225, плотниковъ—221, портныхъ—218, хлѣбниковъ—151, кузнецовъ—138, шапочниковъ—124, рыболововъ—113, иконописцевъ—85, мясниковъ - 84, ткачей—83, гончаровъ—54, цирюльниковъ—31, музыкантовъ—27. Во главѣ каждой управы стоялъ старшина. Кромѣ того, не вошедшихъ по болѣзни и другимъ причинамъ показано 473. (Кіев. Стар. 1891, № 7, стр. 129—131). Подъ наказомъ кіев. мѣщанъ 1767 г. показаны цехи кравец., кушн., шев., ковальск., ткац., мясниц., переп., музыканск., рыбальск., бондар., малярск., гончар., крамар. (см. Сбор. Р. И. Общ., т. CVII). Ср. Уставъ кіев. цирюльн. цеха, 1767 (К. Ст. 1883, № 11, с. 470—76); Запрещ. лицамъ, не принадл. къ цеху цирюльн., заниматься на Подолѣ цирюльн. ремесломъ (Матер., изд. Андріевскимъ, VIII, 187—188); Ходатайство бондарскаго цеха о присоединеніи къ нему другого мастерства ремесленниковъ (Матер., изд. Андріевскимъ, X, 15—20). Укажемъ еще на переписку между Кіев. магистратомъ и Малорос. коллегіей по поводу сманиванія рабочихъ отъ кіев. серебр. дѣлъ мастеровъ въ Глуховъ, 1780 г. (Кіев. Стар. 1892, № 12, с. 478—81).

корпуса избранъ былъ думою городской голова Григорій Радзицкій. Въ прочихъ малороссійкихъ городахъ также составлялись подобные отряды. При Екатеринѣ II кіевскій корпуса усиленъ былъ артиллеріею новаго калибра: въ 1790 г. она состояла изъ 4 пушекъ, а Кречетниковъ прибавилъ еще 5. Въ 1768 г. магистратъ озаботился устройствомъ и содержаніемъ при корпусѣ постояннаго оркестра, который между прочимъ употреблялся «для игранія» утренней и вечерней зори, а также полуденнаго 12 часа. Магистратъ завелъ особую школу для музыкантовъ, мундиры и инструменты [1]).

Уже въ 1754 г. Малороссійская коллегія указывала, что въ Кіевѣ «яко городѣ знатномъ и многолюдномъ», куда собирается множество бого мольцевъ изъ Россіи, Сербіи, Греціи, Валахіи и другихъ мѣстъ [2]), необходимо устроить больницу (шпиталь), перевести полевую аптеку изъ Лубенъ, «яко изъ пустаго мѣста, гдѣ никакого лѣкаря нѣтъ», и устроить въ Кіевѣ ботаническій садъ для разведенія лѣкарственныхъ растеній, которыхъ въ Кіевѣ и около онаго многое число [3]). Кромѣ военныхъ врачей въ Кіевѣ (въ 1764 г.) было два пограничныхъ лѣкаря [4]); были и частные врачи. При этомъ запрещалось даже лѣчить неопробованнымъ докторамъ (1766, 1787) [5]). Тѣмъ не менѣе, недостатокъ медицин-

---

[1]) Кіев. Стар., 1882, № 5, 188—189.

[2]) Путевыя замѣтки (богомольца) отъ Смоленска до Кіева (Кіев. Стар. 1888, № 3, с. 537—544). Содержаніе его въ теченіе 20 дней обошлось немного больше 7 рублей. О «множествѣ стекающихся въ Кіевъ богомольцевъ» (К. Стар. 1896, № 6, с. 88—89).

[3]) К. Стар 1888, № 5, с. 38—39. Въ нѣкоторыхъ городахъ положены были врачи еще въ цар. Анны Іоанновны; но цѣлый рядъ указовъ о городскихъ врачахъ относится уже къ цар. Елисаветы Петр. (П. С. Зак., №№ 10527, 10632, 10726, 11086).

[4]) К. Стар. 1892, № 1, с. 146—148.

[5]) Ibid. 1893, № 2, с. 379—380; № 7, с. 126—131; Матер., изд. Андріевскимъ, X, 227—231. Путешественникъ сообщаетъ о положеніи душевно-больныхъ (раньше). «Тутъ же (въ пещерахъ), говоритъ Лукьяновъ, стоятъ столбики деревянные, а къ нимъ придѣланы цѣпи желѣзныя: тутъ на ночь на тѣ цѣпи бѣсноватыхъ куютъ» (1701).

ской помощи вскорѣ далъ себя чувствовать, причемъ раздѣленіе города (до 1782 г.) на нѣсколько отдѣльныхъ частей относительно управленія и несоблюденіе необходимыхъ санитарныхъ условій еще болѣе усложняли возможность борьбы съ какой либо заразой [1]). По словамъ конфедерата Хоецкаго изъ 600 слишкомъ плѣнныхъ, препровожденныхъ въ 1768 г. въ Кіевъ, въ теченіе 13 недѣль почти половина перемерла [2]). Другой современный наблюдатель, Варѳ. Михаловскій, такъ характеризуетъ положеніе края и Кіева въ частности. «Въ земляхъ русскихъ есть что-то привлекательное, чему полякъ невольно поддается. Половина шляхты русской состояла изъ пришельцевъ-поляковъ, но не было примѣра, чтобы русинъ поселился на польской землѣ. Зато, съ другой стороны, въ этой части Руси не было ни книжныхъ складовъ и во всемъ воеводствѣ кіевскомъ ни одной аптеки и ни одного врача. Венгерцы разносили по шляхетскимъ домамъ свои лѣкарства отъ боли головы, отъ желудка, отъ горячки и т. п. Шляхтичъ наполнялъ ими свою аптеку и въ случаѣ опасной болѣзни венгерскія капли и нашептыванія бабъ-знахарокъ были единственною медициною въ цѣломъ краѣ. Пользуясь удобствомъ сообщенія и близостью къ Кіеву, я ѣздилъ туда, чтобы запастись прекраснымъ вареньемъ и книгами». Познакомившись съ ген.-губ. Воейковымъ, авторъ записокъ отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ, отличавшемся дарованіями государственнаго мужа, высокою честностью и пріязнію къ польскимъ панамъ [3]).

Въ 1770—71 г. Кіевъ постигла чума, столь памятная по своимъ губительнымъ слѣдствіямъ въ Москвѣ и др. городахъ Россіи. Главное наблюденіе въ разгаръ болѣзни въ Кіевѣ возложено было на военнаго врача Лерхе, оставившаго намъ описаніе ея и Кіева, но вообще здѣсь чувствовался большой недостатокъ во врачебныхъ средствахъ, такъ какъ медики (числомъ 7), назначенные изъ Петербурга, прибыли уже въ то время, когда зараза

---

[1]) Ibid. 1901, № 8, с. 304—314; Матер., V, 169—173.

[2]) К. Стар. 1883, № 1, с. 156.

[3]) Древ. и Новая Россія, 1880, I, 562—563.

почти прекратилась. По словамъ Лерхе, приходилось бороться и съ духовенствомъ, не позволявшимъ сжигать вещи умершихъ, и съ неприспособленностью администраціи [1]). По оффиціальнымъ даннымъ отъ заразы умерло 1829 мужчинъ и 1802 женщ., всего 3631 чел. [2]), а въ это время въ Кіевѣ, по словамъ того же Лерхе, считалось до 20000 жит. [3]).

Уставъ благочинія (1782) значительно расширилъ полицейскія обязанности города (съ этого времени Кіевъ былъ раздѣленъ на кварталы и части); но на первыхъ порахъ управѣ благочинія пришлось вступить въ переписку чуть не со всѣми вѣдомствами. Съ этого же времени въ Кіевѣ было заведено правильное оспопрививаніе [4]). Вѣроятно постигшая недавно зараза заставила («по общему гражданъ согласію») учредить богадѣльню съ больницей для нищихъ и удрученныхъ болѣзнями (въ 1771 г.) [5]). Въ 1786 г. въ ней находилось больныхъ 26 мужч. и 46 женщинъ, частію на средства города, а отчасти на частныя подаянія, отъ чего они много бѣдствовали [6]). По прежнему вопросы хозяйственнаго характера были камнемъ преткновенія для городскаго упра-

---

[1]) Joh. Lerche, Lebens-und Reise-Geschichte, Halle. 1791, 439—55. Распоряж. губ. Шипову (Р. Стар., т. LXXX, 449—64).

[2]) Магистр. писарь Слюсарскій пишетъ: «Во время оной язвы многіе здѣшніе обыватели ставили сундуки съ имѣніемъ своимъ въ церквахъ и погребахъ, а сами выѣздили въ лѣсы, боры, на луги и куда кто могъ и тамо милосердіемъ божіимъ спаслись, а иные и тамо померли». Маг. имѣлъ въ своемъ распоряженіи (на Подолѣ) двухъ врачей, двухъ подлѣкарей и 2-хъ учениковъ. Больныхъ отвозили въ лазаретъ, а здоровыхъ изъ зараженныхъ домовъ въ карантины, устроенные на Трухановомъ остр. и въ Кирил. монастырѣ. По словамъ того-же современника, на одномъ Подолѣ умерло болѣе 4000 чел. обоихъ половъ и дѣтей (Кіев. Еп. Вѣд. 1885, № 2, 81—82).

[3]) Ср. Закревскій, 85.

[4]) К. Стар. 1892, № 9, с. 423—426.

[5]) Матер., изд. Андріевскимъ, I, 128—129.

[6]) Н. В. Молчановскій, Кіев. город. управл. въ 1786 г. (Кіев. Стар. 1882, т. XXV и XXVI).

вленія. Дума несла значительный расходъ на содержаніе «водоточныхъ трубъ и фонтальныхъ колодцевъ»; но они часто приходили въ ветхость и гнилость. Устройство четырехъ колодцевъ въ 1786 г. на одномъ Печерскѣ обошлось въ 1000 р.[1]) Подземныя трубы были деревянныя, требовали безпрестанно ремонта и переданы были въ руки думы въ самомъ жалкомъ состояніи. Очистка городскихъ улицъ отъ сора и нечистотъ лежала на обязанности полиціи и производилась лишь въ важнѣйшихъ пунктахъ. Въ апрѣлѣ 1786 г. городничій предлагалъ думѣ купить 12 паръ воловъ для удобнѣйшей очистки городскихъ улицъ, но дума отклонила это предложеніе въ видахъ экономіи и потому еще, что такой расходъ не предписанъ закономъ[2]). Только въ случаѣ проѣзда именитыхъ особъ дѣлались распоряженія о прокладкѣ мостовыхъ, нарочитаго устройства фонарей по два передъ каждымъ домомъ, удаленія бродящихъ по городу животныхъ, усмиренія пьяницъ и воровъ и т. п.[3]). Пожарныя трубы при полицейскихъ частяхъ были въ самомъ жалкомъ состояніи[4]), не смотря на не-

---

[1]) Кіев. Стар. 1892, № 9, с. 415—425.

[2]) Въ смѣтѣ 1799 г. расходъ этотъ уже показанъ (Мат. изъ Арх. к. губ. правл., X, 122). Въ концѣ 40-хъ годовъ главная полиц. канц. донесла Сенату, что въ Кіевѣ на Подолѣ въ рядахъ чистоты нѣтъ, потому что скотъ бьютъ въ рядахъ, а *не въ бойницахъ,* и мясо продаютъ къ пищѣ негодное, а отъ нечистоты въ рядахъ смрадный воздухъ, да и рогатокъ нѣтъ, и хотя отъ полиціи запрещеніе и принужденіе сдѣланы относительно чистоты, однако по причинѣ малой команды не исполняютъ, магистратъ не помогаетъ и рогатокъ до сихъ поръ не дѣлаетъ (Соловьевъ, XXII, 237). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что и другіе русскіе города того времени страдали всѣми недостатками отсутствія благоустройства, нисколько не уступающими сказанному о Кіевѣ (ib. XXII, 38—39, 237—239, 268—270; XXIII, 134—136). Правда, послѣдній соперничалъ въ этомъ отношеніи съ Астраханью (П. С. З. № 6378).

[3]) Кіев. Стар. 1883, VI, 540. Матер. изъ Арх. кіев. губ. правл. V, 162—168. Впрочемъ фонари упоминаются и раньше. Сальныя свѣчи доставлялись моск. людьми. (Чт. въ Общ. Нест. л., XI, 7—8).

[4]) Еще въ 1754 г. обращено было вниманіе на внѣшнее улучшеніе города: устройство палисада, мостовъ, рогатокъ и мостовыхъ;

давнее распоряженіе ген.-губернатора графа П. А. Румянцова организовать пожарную команду [1]). Городская дума не имѣла точныхъ свѣдѣній о доходахъ городскаго имущества и различныхъ оброчныхъ статей; правильной смѣты не существовало [2]). Въ это время доходъ города, все еще преимущественно получаемый съ питей, достигалъ 13—15000 р. въ годъ, но расходованіе суммъ производилось безконтрольно, по произволу войта, на угощеніе котораго съ компаніей (на венгерское, французское и шампанское вино, на аглицкое пиво и т. п.) нерѣдко забирались большія деньги, а чтобы скрыть этотъ расходъ, въ книгахъ уменьшали покупку и продажу вина. Попытка нѣкоторыхъ членовъ магистрата ввести контроль не имѣла успѣха [3]).

но и въ 1762 г. главная Подольская ул. (отъ Крещатицкихъ воротъ) не была вся вымощена, мосты были ветхи или отсутствовали, палисадъ—гнилой, караульни (4) въ плохомъ состояніи и только въ 1781 году главныя улицы Подола (ихъ было 7) и дорога съ Подола въ Старый городъ къ Андрею Первозв. приведены были въ исправный видъ (К. Стар. 1892, № 9, с. 420—421; 1891, № 6, с. 479—81). Сообщеніе съ Печерскомъ и Подоломъ находилось не въ лучшемъ состояніи (1904, № 4, с. 13—15; Матеріалы, изд. Андріевскимъ, VII, 91—100; X, 7—10). Въ 1786 г. впервые назначено было содержаніе архитектору (150 р. и квартира, см. 1882, № 7, с. 53). Обращено было вниманіе на упорядоченіе извознаго промысла, «по московскому примѣру», заведены номера и пр. (1893, № 6, с. 519—520).

[1]) О частыхъ пожарахъ и отсутствіи необходимыхъ приспособленій (Матер. 1766—74 гг., въ собр. Андріевскаго, VII, 58--90). Конфедератъ Хоецкій, препровожденный 1768 г. изъ Кіева въ Казань, говоритъ, что послѣдняя пользовалась лучшими условіями жизни и большею дешевизною, чѣмъ Кіевъ (К. Стар. 1883, № 3, с. 631).

[2]) Кіевское городское управленіе въ 1786 г., Н. В. Молчановскаго (Кіев. Стар. 1882 г., т. XXV и XXVI); Кіевское городское хозяйство во 2-й половинѣ XVIII ст., С. Н. (тамъ же, 1887, т. XXIII, 578—583).

[3]) Изъ сферы кіев. город. хоз. (К. Стар. 1887, № 2, с. 578—583).

Вызовъ колонистовъ при Екатеринѣ II привлекъ въ Кіевъ болгаръ [1]), молдаванъ [2]) и нѣмцевъ: послѣднихъ было около 100 человѣкъ. Они имѣли своего пастора, а нѣсколько позже и кирху, названную именемъ Екатерины, въ честь императрицы, которая въ бытность свою здѣсь (1787) опредѣлила и содержаніе пастору. Это имя кирха сохранила при всѣхъ перемѣнахъ до сихъ поръ. Благодаря нѣмецкимъ поселенцамъ въ Кіевѣ, появилась частная аптека (Бунге), хорошо устроенная и приносившая значительный доходъ, такъ какъ казенная аптека при госпиталѣ предназначалась исключительно для военныхъ. Медицинская коллегія устроила здѣсь большой складъ аптекарскихъ матеріаловъ для первой арміи [3]).

VI.

По прежнему Кіевъ служилъ мѣстомъ остановокъ и пріема лицъ, проѣзжавшихъ въ Петербургъ и на югъ (въ 1776 г.—турецкаго посла, кн. Репнина, въ Константинополь), для помѣщенія плѣнныхъ (турокъ, поляковъ и пр.) [4]). Въ 1780 г. на пути въ Россію пробылъ въ Кіевѣ нѣсколько дней (14—19 мая) императоръ Іосифъ II, отправлявшійся на свиданіе съ императрицею Екатериною II въ Могилевъ, а оттуда въ Москву и Петербургъ, путе-

---

[1]) Матер. изъ Арх. кіев. губ. правл., X, 52—70. Ихъ было 7 чел. и 1 грекъ, посел. въ Борщаговѣ, на землѣ Братскаго мон.

[2]) Тамъ же, 71—75.

[3]) О нѣмецкой общинѣ: J. J. Lerche Lebens und Reisegeschichte, Halle, 1791; A. Döllen, Kurze Nachrichten über die Evangelisch-lutherische Gemeinde in Kiew, Dorp. 1857 г.; тоже въ Кіев. Епарх. Вѣд. 1866, №№ 1 и 2; N. Neese, Gesch. der Evang.-luther. Kirche und Gemeinde in Kiew, K. 1882; Историч. свѣд. о семьѣ Бунге въ Россіи, Кіевъ, 1901.

[4]) Архивъ Госуд. Совѣта, I, 19, 31, 38, 68, 269, 308, 309, 481, 675. По случаю тур. войны была учреждена почта между Кіевомъ и Хотиномъ (315).

шествовавшій подъ именемъ гр. Фалькенштейна[1]); а въ 1781 г., посѣтилъ Кіевъ (11—15 окт.), на пути за границу, вел. кн. Павелъ Петровичъ съ супругою своею Маріею Өедоровною. Имъ была оказана блестящая встрѣча, устроенная гр. Румянцовымъ. Но современная объ этомъ событіи записка особенно распространяется о томъ, какъ подошли «господинъ войтъ съ членами и поднесли подданническое свое поздравленіе», о присутствіи магистратской реестровой конницы подъ предводительствомъ господина райци, состоявшей изъ 130 человѣкъ въ единокалиберныхъ и единоформенныхъ темнозеленаго сукна, съ золотымъ балетомъ, черкескахъ и кафтанахъ красныхъ шелковыхъ, въ шапкахъ малиновыхъ бархатныхъ съ серебряными кистями, съ околицами сѣрыми крымскими, сабли наголо держа въ рукахъ, и 12 цеховъ «въ ружье съ знаменами до 1000 человѣкъ, между которыми въ срединѣ изволили ѣхать ихъ высочества, а цеховые сдѣлали на караулъ, по примѣру карабинеровъ ружьемъ; а во дворецъ ѣхали съ тѣми же конвойными командами и между цехами, до дворца построившимися шеренгами». По выходѣ въ залу ихъ высочества жаловали всѣхъ къ рукѣ, въ началѣ обоихъ фельдмаршаловъ: Разумовскаго и Румянцова, кн. Понятовскаго (племянника короля польскаго) и др. генераловъ, а также всѣхъ здѣсь собравшихся, причемъ ея высочество каждаго подходящаго къ рукѣ изволила цѣловать въ щеку, а гр. Румянцовъ подходящихъ представлялъ, кто каковъ, въ томъ числѣ и кіевскаго войта съ членами[2]).

---

[1]) Объ этомъ свиданіи статья проф. А. Г. Брикнера „Путешествіе импер. Екатерины II въ Могилевъ въ 1780 г. (Рус. Вѣстн., т. CLIV). Екатерина II, хваля Смоленскъ, замѣчаетъ, что гр. Фалькенштейну соборъ его показался лучше кіевскаго (Сборн. Р. И. Общ., IX, 58).

[2]) „Вотъ въ Кіевѣ вы нашли многочисленное, изящное общество, старыхъ и новыхъ знакомыхъ, писала Екатерина путешественникамъ. Къ первымъ принадлежитъ кн. Понятовскій, а ко вторымъ генералъ Ганахъ и Комаржевскій, присланные своими повелителями. Что вы говорите о мѣстопоженіи Кіева, напомнило мнѣ о томъ, что я видѣла тамъ (1744 г.), и я охотно соглашаюсь съ вами, что въ древности не дурно выбирали мѣста для своего жилища. Это напоминаетъ мнѣ слова Ив. Мих. Головина, сказавшаго Петру: „ты человѣкъ умный, только усадьбу заложить не умѣешь“ (Сборн. Р. И. Общ., IX, 76).

Иллюминація въ то время занимала уже видное мѣсто въ торжественныхъ случаяхъ. Всѣ три части города Кіева и лаврская колокольня горѣли огнями, а во дворцѣ садъ «разныхъ цвѣтовъ фонарями и плошками». Но въ особенности обращали на себя вниманіе прозрачныя изображенія на холстѣ «Плутона и Прозерпины съ символическими знаками» и «Нептуна съ купидонами». Послѣ посѣщенія кіевскихъ храмовъ (12 окт.), ихъ высочества въ 8 часовъ вечера прибыли въ магистратъ (на Подолѣ), гдѣ уже ожидали ихъ «дамы и кавалеры», приглашенные по билетамъ отъ магистрата, а также госпожа войтша съ дочерью, такъ и всѣхъ членовъ магистратскихъ и другихъ чиновниковъ жены съ дочерьми; а передъ магистратомъ была устроена иллюминація «и стояли цеховые съ ружьями, а другіе съ факелами». При этомъ выдавались вензелевыя изображенія имени государыни и членовъ царствующей фамиліи, а внизу ихъ въ храмѣ жертвенникъ, а на немъ 13 сердецъ пылающихъ, знаменующіе по числу членовъ въ магистратѣ кіевскомъ присутствующихъ; по обѣимъ сторонамъ въ храмѣ 6 человѣкъ ремесленныхъ людей, стоящіе по два человѣка между томбами и держащіе въ рукѣ сердце пылающее, а подъ ногами у всякаго изъ нихъ знаки его ремесла, а выше жертвенника, съ одной стороны, книга высочайшей грамоты, жалованной Кіеву, съ висячею печатью и кистями, съ другой же—магистратскій гербъ. При входѣ въ судейскую палату ихъ высочества встрѣчены были рѣчью бургомистра, а затѣмъ распрашивали членовъ о постройкѣ магистрата, о порядкѣ выборовъ, о жалованныхъ грамотахъ, хранившихся въ скарбовой палатѣ [1]), причемъ спросили о грамотѣ ц. Алексѣя Михайловича, а при разсмотрѣніи грамотъ Петра В. и Екатерины I подпись обое цѣловать изволили. Затѣмъ спрашивали, кто въ подданство Россіи прежде вошелъ: Кіевъ или Малороссія. На что голова отвѣтствовалъ, что

---

[1]) Въ маг. архивѣ (позже) хранилось 47 королев. привилегій отъ 1544 до 1569 г., данныхъ на право суда, владѣнія и преимуществъ гражданамъ, и русскихъ государей—до 1801 г. включительно. (Берлинскій, Краткое описаніе Кіева, 102).

единовременно. Въ залѣ былъ накрытъ столъ на 50 кувертовъ, а у креселъ ихъ высочествъ при кушаньяхъ стояли жены войта и членовъ магистрата. По окончаніи ужина ихъ высочествамъ представлялись жены и дочери всѣхъ присутствовавшихъ и дворянскія жены, пріѣхавшія по этому случаю изъ окрестныхъ мѣстъ. Послѣ того ея высочество изволила разговаривать съ женами членовъ о платьи ихъ малороссійскомъ, похваляя, что оно покойное и незаботное, не требующее долго времени для убору, что тутъ булавки къ употребленію не нужны и изволила спросить, всѣ-ли въ такомъ платьи ходятъ; на что они отвѣтствовали, что старыя только и придерживаются еще сего природнаго платья, а молодыя и дочери ихъ переодѣлись въ нѣмецкое. Изъ магистрата ихъ высочества отбыли въ полов. 12 ночи. На другой день (13 октября) войтъ съ членами ѣздили благодарить ихъ высочества за милостивое посѣщеніе города и магистрата, а они выразили имъ благодарность, сказавъ: «вы наши хозяева».

Въ тотъ же день ихъ высочества посѣтили Братскій монастырь и академію, причемъ академисты-мальчики привѣтствіе сказывали по одному на семи языкахъ (по русски, по польски, по латыни, по нѣмецки, по французски, по гречески, по еврейски), а ректоръ архим. Кассіанъ (Лехницкій) поднесъ ихъ высочествамъ и присутствовавшимъ почетнымъ гостямъ рукописныя оды. Вечеромъ того же дня ихъ высочества были на балѣ и ужинѣ у гр. Румянцова, въ губернаторскомъ домѣ. 14 октября, по случаю дня рожденія императрицы, былъ торжественный выходъ, а обѣдъ былъ во дворцѣ; а 16 состоялся отъѣздъ вел. князя и его супруги изъ Кіева. Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ чины магистрата и «мѣщанскій корпусъ» отбывали службу по указанному порядку. Передъ отъѣздомъ ихъ высочества выражали м. Гавріилу сожалѣніе по поводу разставанія съ Кіевомъ, а съ русской границы прислали отдѣльные рескрипты на имя гр. Румянцова, выражавшіе благодарность за оказанный имъ пріемъ[1]).

---

[1]) Посѣщеніе Кіева вел. княземъ Павломъ Петровичемъ и в. к. Маріею Ѳеодоровною (Кіев. Стар. 1883, № 7, 539—562).

Прошло еще нѣсколько лѣтъ и Кіевъ посѣтила императрица Екатерина, на пути въ Крымъ, послѣ отъѣзда откуда, въ 1787 г., состоялось объявленіе 2-й турецкой войны. Графу Румянцову стоило большихъ хлопотъ приготовить городъ къ пріему двора, такъ какъ императрица пробыла здѣсь около трехъ мѣсяцевъ (29 янв.—22 апр.), причемъ ее сопровождали иностранные послы и многочисленная свита, а въ Кіевъ пріѣхали толпы поляковъ, по выраженію гр. Сегюра, «для изъявленія императрицѣ своей преданности» и множество иностранцевъ. О наплывѣ пріѣзжихъ въ Кіевъ, императрица писала къ Н. Н. Салтыкову: «У насъ здѣсь четыре графа, грандъ д'Еспань, князья имперіи безъ счета, поляковъ тьма, англичане, американцы, французы, нѣмцы, на многихъ страницахъ всѣхъ не перечтешь; съ роду столько иноязычныхъ и не видѣла, даже киргизы и тѣ здѣсь очутились, и все сіе *по кіевскимъ хижинамъ* живетъ и не понятно какъ умѣщаются» [1]). Ежедневные оффиціальные пріемы, балы, обѣды, поѣздки по церквамъ и монастырямъ [2]), народныя гулянья смѣняли другъ друга [3]). Пріемъ, сдѣланный магистратомъ (11 апр.), напоминалъ уже извѣстный намъ ритуалъ [4]). «Всѣ эти дни, писала императрица Гримму, мы провели въ балахъ, праздникахъ, маска-

---

[1]) Рус. Архивъ, 1864 г., 958. Были три армянки (семейство одного, вступившаго въ подданство и пожалованнаго статскимъ совѣтникомъ) въ платьяхъ ихъ покроя и обычая (Дневникъ А. Полетики). У Неводницкой пристани имп. встрѣчена была высшими чинами, дворянствомъ, магистратомъ, женами и дочерьми гражданъ (до 300) въ мѣстныхъ костюмахъ.

[2]) При этомъ императрица обратила вниманіе на краснорѣчиваго проповѣдника прот. Софійскаго собора И. В. Леванду (Кіево-Соф. прот. І. В. Леванда, К. 1879). Восторженный отзывъ Вигеля (І, 68). Въ 1817 г. кн. И. М. Долгоруковъ замѣтилъ: «Послѣ Леванды въ Кіевъ не зачѣмъ ѣхать охотнику до витійства» (Путеш. 110).

[3]) По указанію принца де-Линя одинъ изъ фейерверковъ стоилъ 40,000 (Письма и мысли, І, 77).

[4]) Днев. Храповицкаго (31). У гр. П. А. Румянцова на сей случай взятъ былъ серебрянный съ позолотою сервизъ съ разными приборами (Дневникъ, веденный Андр. Полетикою, С. Отеч. 1843, № 3; Памятн. кн. Кіев. губ. 1858).

радахъ, а сегодня, въ понедѣльникъ, наступилъ, слава Богу, постъ и положилъ конецъ всей этой суматохѣ [1]). Полъ Польши съѣхалось сюда. Пріѣхалъ испанскій грандъ, принцъ Нассаускій и еще одинъ испанецъ, по фамиліи Миранда. Все это, когда разъѣдется, станетъ говорить, что не стоило пріѣзжать. Странный здѣшній городъ: *онъ весь состоитъ изъ укрѣпленій, да изъ предмѣстій, а самаго города я до сихъ поръ не могу доискаться;* между тѣмъ, по всей вѣроятности, въ старину онъ былъ по крайней мѣрѣ съ Москву» [1]). Среди празднествъ и увеселеній сенаторы ревизовали губернскія учрежденія, суды и мѣста заключенія, а сама императрица занималась вопросомъ о дуэляхъ, манифестъ о которыхъ былъ подписанъ въ день ея рожденія, 21 апрѣля [2]). Между тѣмъ графъ Ангальтъ (Ѳед. Евст.) осматривалъ на Подолѣ *всѣ училища* и экзаменовалъ учитилей и многихъ учениковъ, которые говорили рѣчи на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, греческомъ и еврейскомъ языкахъ [3]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ рѣчь очевидно идетъ о Кіевской академіи. Сама императрица посѣтила ее 11 апрѣля. Ректоръ архим. Варлаамъ (Миславскій) привѣтствовалъ ее краткою рѣчью, въ которой изобразилъ ходъ просвѣщенія въ Россіи, охарактеризовавъ его словами: «Владиміръ насади, Ярославъ распространи, Петръ напои, а премудрая Екатерина II возрасти и утверди». Студенты и ученики, по обычаю, произносили рѣчи и оды на разныхъ языкахъ. Императрица наградила

---

[1]) Въ теченіе поста императрица говѣла и присутствовала на всѣхъ церковныхъ торжествахъ (омовеніе ногъ, выносъ плащаницы, заутреня въ вел. субботу) въ лаврѣ. Свѣтлую недѣлю снова ѣздила по церквамъ и монастырямъ (Г. В. Есиповъ, Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. Кіев. Стар. 1891 г. т.т. XXXII и XXXIII). Вербу носили церемоніею студенты въ Братскій мон. (Дневникъ Полетики). Есть замѣч. Екатерины II о пещерахъ въ зап. Храповицкаго (рукопись).

[1]) Рус. Арх. 1878, III, 131.

[2]) Подробности о его составленіи въ дневникѣ Храповицкаго, 24—32.

[3]) Дневникъ Полетики (Сынъ Отеч., 1843).

служащихъ и казенныхъ воспитанниковъ денежными пособіями. Академіи даровала право завести типографію для печатанія книгъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ при Кіево-Печерской лаврѣ. Ученики, достигшіе съ успѣхомъ высшихъ классовъ, могли быть назначены учителями въ народныя училища, уставъ которыхъ былъ изданъ въ 1786 г., а также въ медицинскую науку и университетъ, смотря по ихъ склонности. Кромѣ того повелѣно, на счетъ академической суммы, по усмотрѣнію митрополита, посылать студентовъ въ иностранные университеты для пріобрѣтенія лучшихъ знаній въ наукахъ, чтобы академія могла снабдить себя искусными преподавателями. Средства академіи были увеличены [1]).

Хотя въ 1741 г. была возстановлена выдача на содержаніе и нужды академіи 200 р. [2]), но и во 2-й полов. XVIII стол. она бѣдствовала въ матеріальномъ отношеніи. Преподаватели получали свое содержаніе большею частію натурою, въ недостаточномъ количествѣ, такъ что сравненіе его съ содержаніемъ Моск. дух. акад. представлялось крайнимъ предѣломъ ихъ желаній [3]). Нравственное положеніе преподавателей, зависѣвшихъ вполнѣ отъ произвола начальства, было непривлекательно [4]). Академіи приходилось вступать въ непріязненныя отношенія съ магистратомъ [5]). Тѣмъ болѣе такое положеніе кажется страннымъ, что послѣдняя служила тогда общегосударственнымъ цѣлямъ. По своему характеру академія имѣла въ то время общеобразовательное значеніе, а по словамъ Лерхе называлась часто даже университетомъ. Правда, по признанію ея историковъ, направленіе всѣхъ наукъ академическаго курса было чисто формальнымъ, не представлялось высокимъ и ни одинъ изъ ея преподавателей не пошелъ по пути,

---

[1]) Аскоченскій, Кіевъ и Академія, II, 357—360. Студенты посылались въ Московскій, Виленскій и Кенигсбергскій унив. (Макарій, 141, 196), а также въ иностранныя миссіи (200).

[2]) Сенат. Архивъ, V, стр. 78.

[3]) Кіев. Стар. 1896, № 6, стр. 79—80, 88—90.

[4]) См. Инстр. К. Д. ак. 1763 (ib. 1894, № 8, стр. 282—286).

[5]) Аскоченскій, II, 363—364.

начертанному Өеофаномъ [1]); такъ что отзывъ акад. Гильденштедта, что «это учрежденіе не заслуживаетъ названія университета и можетъ сойти за посредственную гимназію; но въ то же время оно единственное во всей Малороссіи, гдѣ учатъ наукамъ» [2]), сохраняетъ свое значеніе. Тѣмъ не менѣе въ то время академія служила самымъ разнообразнымъ интересамъ. Въ 1732 г. десять ея студентовъ посланы были для заведенія училищъ въ Сербію; въ академію стали поступать сербы, молдаване, черногорцы и греки [3]). Съ 1754 г. изъ академіи и черниговской семинаріи медицинская канцелярія получала довольное число студентовъ для обученія врачебному искусству и хирургіи и для опредѣленія при госпиталяхъ, которые также имѣли значеніе школъ [4]); а въ 1760 и 61 гг. Сенатъ отправилъ 15 изъ нихъ на казенномъ иждевеніи въ Лейденъ и Страсбургъ для усовершенствованія въ медицинѣ [5]). Во второй половинѣ XVIII стол. особенно много было требованій на студентовъ академіи изъ разныхъ управленій. Такъ, въ 1778 г. вызвано было медицинской коллегіей 29 человѣкъ; въ 1783—4 студента; въ 1788 г., по требованію Потемкина, въ елисаветградскій госпиталь отправлено 29, въ 1792 г. въ медицинскія училища—15;

---

[1]) Общее направл. образов. въ Кіев. дух. акад. въ 1-й пол. XVIII стол., Д. Вишневскаго (Кіев. Стар. 1904, № 2, стр. 166—178); подр. въ соч. Кіев. акад. въ 1-й пол. XVIII ст., К. 1903.

[2]) Н. И. Петровъ, Ист. топ. опис. Кіева, 215—216.

[3]) Макарій, 169, 194. Матер., изд. Андріевскимъ, I, 190; Кіев. Стар. 1901, № 1, стр. 6—7.

[4]) Съ 1754—68 г. въ одни медико-хирургическія училища изъ Кіевской академіи поступило болѣе 300 воспитанниковъ и это продолжалося до 1817 г. (Макарій, 194). Учрежденіе Петромъ III голштинскаго войска опять соединялось съ требованіемъ о высылкѣ изъ Кіева школьниковъ и они охотно шли въ Петербургъ, надѣясь на лучшую карьеру (Кіев. Стар. 1892, № 9, стр. 293—312).

[5]) Lerche, Lebens-und Reisegeschichte. Въ 1777 г. въ Константинополь были посланы два студента для отправленія церковныхъ должностей (Матер., I, 155—58).

въ 1794—4; въ 1795—30; въ 1798—6 и т. д. [1]). Съ открытіемъ народныхъ училищъ они стали предпочитать учебную службу. Уже въ первый годъ существованія послѣднихъ въ Петербургъ отправлено было 45 студентовъ. По отзыву гр. П. В. Завадовскаго между всѣми присланными въ разныя времена и изъ разныхъ духовныхъ семинарій въ коммиссію объ учрежденіи училищъ, «наилучшими, способнѣйшими и благороднѣйшими оказывались всегда обучавшіеся въ Кіевской академіи». Въ 1790 г. снова выслано было отсюда въ Петербургъ 25 учениковъ, а съ открытіемъ намѣстничествъ въ Западномъ краѣ, студенты стали охотно поступать въ гражданскую службу: такъ, въ 1784 г. отпущено было изъ академіи 12 чел., а въ 1795 г., по приглашенію ген. губ. Т. И. Тутолмина, вслѣдствіе сенатскаго указа, 30 человѣкъ назначены были къ разнымъ должностямъ въ Минскую, Заславскую и Брацлавскую губерніи [2]). Въ этотъ періодъ академія могла гордиться такими дѣятелями на гражданскомъ поприщѣ какъ Безбородко, Завадовскій, Козицкій, Трощинскій; она дала нѣсколькихъ ученыхъ, профессоровъ для Московскаго университета, врачей, писателей (Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Рубанъ, Прокоповичъ-Антонскій, Сохацкій, Р. Тимковскій, Амбодикъ и др.) [3]); въ стѣнахъ ея учились также извѣстный пѣ-

---

[1]) Объ этихъ училищахъ см. гр. Д. А. Толстой: «Взглядъ на учебн. часть въ Россіи въ XVIII ст. до 1782», 62—63. Кіевская епархія въ пунктахъ, поданныхъ въ Екатерин. коммиссію, враждебно отнеслась къ этимъ постояннымъ требованіямъ студентовъ академіи для гражданскихъ нуждъ (Сборн. Р. И. Общ., XLIII, 529).

[2]) Аскоченскій, II, 350—352; Макарій, 194. Въ 1790 г. считалось выбывшихъ изъ духов. званія въ гражд. службу по Кіев. намѣстничеству 136 чел. (Матер., изд. Андріевскимъ, I, 196—201). Замѣтимъ, что отъ дѣтей духовенства требовались тогда носить длинные волосы (Прик. по Кіев. митр. 1788 г., Кіев. Стар. 1893, № 7, стр. 143—144).

[3]) Аскоченскій, II, 185—191, 200, 269; Ист. Кіев. Акад. Макарія, 191—192.

вецъ и композиторъ А. Л. Ведель и малорусскій философъ Г. С. Сковорода [1]).

20 апрѣля, въ сопровожденіи свиты, иностранныхъ министровъ, генералитета, штабъ и оберъ-обфицеровъ кіевскихъ баталіоновъ императрица осматривала Печерскую крѣпость на всемъ ея протяженіи, начавъ съ Васильковскаго бастіона, причемъ ей поднесенъ былъ и планъ этой крѣпости [2]). Прибавимъ къ этому, что еще съ 1784 напротивъ лавры стало воздвигаться обширное каменное зданіе арсенала въ два этажа, образующее квадратъ, каждая сторона котораго имѣетъ протяженіе до 100 сажней, на мѣстѣ бывшаго Вознесенскаго дѣвичьяго мон., соединеннаго съ 1712 г. съ Флоровскимъ и въ зданіяхъ котораго въ пол. XVIII стол. помѣщался цейхаузъ. Строителемъ арсенала былъ инженеръ-генералъ Карлъ де-Шадронъ [3]). Во время своего пребыванія въ Кіевѣ Екатерина II утвердила первый правильный планъ города, составленный генералъ-аншефомъ Меллеромъ и гр. А. П. Шуваловымъ, по которому предписывалось весь городъ сосредоточить на высотахъ, начиная отъ Печерской крѣпости къ старому Кіеву. Туда должны были переселиться по-

---

[1]) Аскоченскій, II, 373—379. Любопытныя данныя даютъ цифры объ учившихся въ Кіев. академіи по ихъ происхожденію: въ 1744 г. дѣтей дух. было 380, разночинцевъ 722; въ 1760—420 и 575; въ 1764—585 и 674; въ 1776—444 и 345, въ 1778—375 и 451; въ 1779—418 и 418; въ 1790—418 и 232; въ 1799—544 и 234; въ 1801—500 и 217; въ 1811—1069 и 129 (Серебренниковъ, 202).

[2]) Путеш. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г., Есипова (Кіев. Стар. 1891, № 3, с. 414—415).

[3]) Закревскій, 862—872. На сооруженіе его назначено было 50000 р. (Арх. Гос. Сов., II, 419). По поводу осмотра арсенала въ 1810 г. кн. И. М. Долгоруковъ замѣчаетъ: «Зданіе прекрасное изъ здѣшняго кирпича, который не стыдливъ и даже отъ огня не краснѣетъ: желтая глина добывается въ Кіевской губ., всегда сохраняетъ въ немъ свой цвѣтъ, такъ что стѣны арсенала кажутся почти похожи на фаянсъ. Онъ не штукатуренъ, только выбѣленъ, чтобы блѣдность желтизны не терялась» (Путеш. въ Кіевъ 1810 г., 291).

степенно подольскіе жители; Подолъ уничтожался какъ городская часть, а мѣсто его предназначалось для однихъ загородныхъ домовъ [1]). Главною частью назначалась кіево-печерская, печерскія же укрѣпленія должно было соединить ретраншементами со старымъ Кіевомъ въ одно цѣлое. Планъ этотъ представлялъ много удобствъ въ военномъ отношеніи, а также въ интересахъ здоровья жителей и безопасности отъ разливовъ Днѣпра; но онъ не согласовался съ выгодами мѣщанъ и потребностями торговли, почему не былъ приведенъ въ исполненіе, а указомъ 13 октября 1797 г. уничтоженіе Подола совсѣмъ было отмѣнено и подтверждено только стараться объ увеличеніи въ немъ каменныхъ домовъ [2]).

VII.

Мы уже знаемъ отзывъ Екатерины II о Кіевѣ. Несмотря на продолжительные годы мира, наступившіе для него послѣ турецкой войны (въ цар. импер. Анны), онъ мало измѣнился къ

---

1) Опис. Кіев. губ., I, 324.

2) Въ 1700 г. Слобода Плоская близъ Подола (съ 78 двор.) была отчислена въ уѣздъ; но въ 1792 г., по просьбѣ жителей, снова оставлена за ними (т. е. жителями Подола, имѣвшими тамъ издавна земли) впредь до генеральнаго межеванія (Арх. Госуд. Совѣта, II, 349—350). Любопытный актъ о слободѣ (Кіев. Стар. 1888, № 1—3, стр. 58—60). До насъ дошли старин. планы Кіева: 1638 (іером. Аѳан. Кальнофойскаго), 1651 (видъ), 1695, 1713—15, 1719 (черт. нѣк. частей города, прилож. къ тяжеб. дѣлу Никольскаго мон. въ Церк. арх. музеѣ при Кіев. д. акад.), 1745 г. Изданія: Древнѣйшій планъ Кіева 1638 г. изд. Б. И. Ханенкомъ, Кіевъ, 1896; Обозр. Кіева, Фундуклея, К. 1847 (планы 1651, послѣ 4-й стр., и 1745, послѣ 24 стр.); Планъ Кіева, составл. въ 1695 г., изд. Кіев. ком. для разб. др. акт., К. 1893; замѣч. о нихъ: Кіев. Стар. 1894, № 1 стр, 155—159; 1895, № 11, 56—58 (В. И. Щербины о планѣ 1695 г.); ib. 1896, № 12, стр. 95—98 (о планѣ 1638 г., его же); Петровъ, Ист. топогр. оч. древ. Кіева съ план. 1638 г., К. 1897, см. стр. 7, 28, 45, 54—55, 59—60, 64.

лучшему. Одинъ изъ спутниковъ Екатерины II пишетъ: «Когда вы приближаетесь къ Кіеву, то городъ этотъ представляетъ собою ландшафтъ рѣдкой красоты; особенную прелесть производятъ находящіяся на высокихъ горахъ церкви съ зелеными или даже вызолочеными куполами. Но очарованіе исчезнетъ, когда вы очутитесь внутри этого жалкаго города. Все, что доставляется водою: лѣса и товары, необходимо везти съ Подола въ верхнія части города, въ которыхъ иногда не достаетъ воды для питья [1]). На Подолѣ, по случаю глубокой грязи, улицы вымощены сплоченными брусьями, а если во время сухой погоды случается пожаръ, то легко обхватываетъ огонь и дома, и улицы. На Печерскѣ я видѣлъ, какъ экипажъ, запряженный парою лошадей, долженъ былъ оставаться въ грязи, а въ другой разъ шесть лошадей не могли вытащить экипажа изъ ужаснаго омута. Въ верхнемъ городѣ (на Печерскѣ) есть одинъ только каменный красивый домъ, который построенъ монахами, а теперь принадлежитъ казнѣ (Кловскій дворецъ). Дворецъ въ Кіевѣ (у Царскаго сада) выстроенъ изъ дерева, а при немъ разведенъ большой садъ, красотѣ котораго способствуетъ мѣстоположеніе, но не хорошо содержится. Для императрицы была устроена въ одной комнатѣ ванна. Зимою простыя женщины въ Кіевѣ носятъ сапоги, а лѣтомъ ходятъ босыя. При малѣйшемъ дождѣ или оттепели дѣлается непроходимая грязь, а пыль лѣтомъ нестерпима» [2]). На вопросъ Екатерины II о Кіевѣ, Фицъ-Гербертъ (англійскій посланникъ) отвѣчалъ: «Если сказать правду, такъ это не завидное мѣсто, видишь только развалины да избушки», а Сегюръ (французскій посланникъ), по обыкновенію

---

[1]) Даже въ нач. XIX ст. гражд. губ. Панкратьевъ писалъ, что Подолъ и Софійская части мало населены и, имѣя свое положеніе на горахъ, вовсе безводны (Чтен. въ Общ. истор. и древн. рос. 1861, I, 170).

[2]) Taurische Reise der Kaiserin v. Russland Katharina II. Aus dem englisch. übersetzt, Koblenz, 1799; ср. Есиповъ, Путеш. импер. Екатерины II въ южную Россію (Кіев. Стар. 1891, № 1, 100—101; Закревскій, 101—104).

позолотивъ пилюлю, сказалъ: «Кіевъ представляетъ собою воспоминаніе и надежды великаго города»; но отъ себя прибавляетъ: «мы всѣ рады были, что выѣхали изъ скучнаго Кіева, гдѣ льды держали насъ цѣлые три мѣсяца» [1]). «Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь», писала сама Екатерина II вел. кн. Павлу Петровичу, «все ищу: *гдѣ городъ;* но до сихъ поръ ничего не обрѣла, кромѣ *двухъ крѣпостей* и *предмѣстій;* всѣ эти *разрушенныя части* зовутся Кіевомъ и заставляютъ думать о миновавшемъ величіи этой древней столицы» [2]). Въ городѣ не было (1792) не только хорошей гостиницы, но даже порядочнаго ресторана [3]). «Городъ сей тѣмъ болѣе былъ примѣчателенъ, пишетъ Вигель, что вездѣ являлъ контрасты, *нищету и великолѣпіе;* безчисленные храмы его съ позлащенными, какъ жаръ горящими, куполами, были окружены низкими, едва-едва надъ землей замѣтными хатами; огромныя живописныя горы служили ему подножіемъ, а позади его разстилались необозримыя, безконечныя равнины... Кіевъ болѣе чѣмъ всякій другой принадлежалъ къ числу казенныхъ городовъ» [4]).

Понятно, что Екатерина придавала большое значеніе своему пребыванію въ Кіевѣ. «Разноязычные отселѣ помаленьку разъѣзжаются, но думаю, что городъ Кіевъ *не одну сто тысячъ* выигралъ, писала она, ибо платили по 80 червонныхъ за дурную квартиру на недѣлю, и думаю, что воевода русскій одинъ здѣсь прожилъ тысячъ болѣе 30; у него всякій день былъ столъ для всѣхъ на-

---

[1]) Записки гр. Сегюра о пребываніи его въ Россіи, Спб. 1865.

[2]) Рус. Стар. 1873, VIII, 671—673 и д.

[3]) Записки Яна Дуклана Охотскаго, II, с. 2. Тѣмъ не менѣе въ Кіевѣ легко было достать венгерское, французскія вина, шампанское и английское пиво, которымъ любили угощаться магистратскіе сановники (Кіев. Стар. 1887, № 7, 580). Въ 1792 г. администрація хлопотала объ устройствѣ для пользы проѣзжающихъ по ту сторону Днѣпра гостинаго дома, но повидимому онъ устроенъ не былъ (Матеріалы, I, 138—141). Замѣч. о Кіевѣ см. еще въ зап. І. А. Эренстрема (Р. Стар., т. LXXIX, 9).

[4]) Воспомин. Ф. Ф. Вигеля, М. 1864, I, 33—34.

ходящихся, у Браницкаго почти тоже, не упоминая о Мнишкѣ и прочихъ, кои столами и экипажами здѣсь щеголяли» [1]).

Въ другомъ письмѣ (къ Брюсу) она даетъ характеристику кіевскаго населенія: «Вы пишете, что свѣтлый праздникъ у васъ расшевелилъ людей, а здѣсь и того нѣтъ. Фельдмаршалъ Румянцовъ поставилъ качели и всякія игры, но здѣшній народъ и при весельи такой же nonchalnce, какъ всегда; de ma vie jes n'ai vue une province, ou les gens soyent plus laids et plus bêtes, à peine cela se remue-t-il. Виватъ Русь! C'est bien autre chose! morgue!» [2]).

Были и другія причины, неблагопріятно подѣйствовавшія на императрицу [3]) Во время осмотра города, а также при поѣздкахъ

---

[1]) Рус. Арх., 1864, стр. 962. Графиня Потоцкая пріѣзжала на балы, украшенная бриллiантами на нѣсколько сотъ тысячъ и алмазами по крайней мѣрѣ на полмилліона; это жена воеводы русскаго, у котораго въ Кіевѣ челяди было болѣе 200 человѣкъ шляхетскаго происхожденія (Костомаровъ, Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, 148); Есиповъ, Путеш. Екатер. II, Кіев. Стар. 1891, № 3, 414). При обыкновенной дешевизнѣ, въ Кіевѣ цѣны сильно на все поднялись (Кіев. Ст., ib., № 1, 101); а между тѣмъ знатныя лица проживали значительныя суммы на пріемы (Зап. Сегюра, 155). «Чужестранныхъ было и есть много, живутъ по здѣшнимъ мерзкимъ шалашамъ и платятъ неслыханныя цѣны», пишетъ Екатерина (К. Ст. 1891, № 3, с. 414, письмо къ Брюсу отъ 14 апрѣля).

[2]) Здѣсь же помѣщена и характеристика польскихъ женщинъ: „Mais toutes les dames Polonaises sont bien singulières; не знаю, что-то въ нихъ есть много замоскворѣцкаго" (тамъ же).

[3]) Въ тотъ годъ была суровая зима въ Кіевѣ и Екатерина II жаловалась на это въ своихъ письмахъ. „Увѣдомляю васъ, писала она, что суровость петербургскаго климата по моему лучше дурачествъ здѣшняго"... „Погода хотя и пріятнѣе петербургской, но тоже съ своими причудами, особенно обилуетъ туманами и вѣтромъ"... „Я увезла изъ Петербурга дурную погоду и она пожаловала сюда въ моей свитѣ". Только съ 30 марта стало легче: „Борисѳенъ разошелся... Я приказала дать о томъ сигналъ съ Печерской крѣпости, какъ въ Петербургѣ въ подобныхъ случаяхъ". Она стала гулять въ саду „и не безъ восхи-

чя монастыри и церкви, она замѣтила много шатающихся нищихъ; иногда же нѣкоторые просители подбѣгали къ каретѣ, или у крыльца и при входѣ въ церковь, старались подать лично императрицѣ прошеніе и почти всегда становились на колѣни, а духовникъ (Иванъ Ивановичъ Панфиловъ) постоянно жаловался государынѣ, что нищіе не даютъ ему покоя, осаждая его въ квартирѣ съ утра до ночи съ воплями и стенаніями. Екатерина нѣсколько разъ говорила объ этомъ Румянцову, который очень огорчался, подозрѣвая въ этихъ замѣчаніяхъ императрицы навѣты на него Потемкина (послѣдній жилъ въ Печерской лаврѣ, въ домѣ архимандрита). Желая объяснить императрицѣ причину большого количества нищихъ, онъ донесъ ей, что въ трехъ кіевскихъ богадѣльняхъ помѣщено только 136 мужчинъ и женщинъ и всѣ они по міру шатаются, а другіе и не нищіе, увидѣвъ теперь щедрое милостивое подаяніе, притворяясь старостью и калѣчествомъ, надѣваютъ на себя рубище и, несмотря на строгое наблюденіе полиціи, собираются толпами около церквей, а особливо Печерской лавры и у пещеръ, а особливо безпокоятъ вашего духовника». Императрица отвѣчала Румянцову: «принять мѣры и сдѣлать соображенія объ уменьшеніи числа шатающихся по городу Кіеву нищихъ, оставленныхъ безъ призрѣнія, отъ чего кромѣ безпокойствъ для людей могутъ происходить и другіе безпорядки» [1]).

Тѣмъ не менѣе, неблагопріятное впечатлѣніе о пребываніи въ Кіевѣ, притомъ въ суровую зиму, не покидало императрицу. Уже 30 апрѣля она писала изъ Кременчуга къ Брюсу, въ Петербургъ: «Половина Польши и сюда прискакала, и Кременчугъ (а онъ находился уже въ предѣлахъ управленія Потемкина) еще

щенія смотрѣла на прелестное мѣстоположеніе, съ котораго видны три города и извилистое теченіе рѣки" (Рус. Стар. 1873, VIII, с. 671—690, Переписка Екатерины II съ вел. кн. Павломъ Петр. и в. кн. Маріей Өеодоровной).

[1]) Путеш. Екат. II въ южную Россію (Кіев. Стар. 1891, № 2, 221). Подъ 15 апр. Храповицкій отмѣтилъ: „При чтеніи рапорта о разныхъ убійствахъ въ Малороссіи: cela est affreux! Многое относится къ худому смотрѣнію" (32). Въ Кіевѣ „грабятъ и бьютъ" (Сб. Р. И. О., XXVII, 407), см. ниже.

людне̌е гораздо и, если сме̌ть сказать, *лучше Кіева*, по крайней ме̌ре̌ *мѣстоположеніе веселѣе*». А въ письме̌ къ Еропкину въ Москву, отъ того же числа, сообщила: «Зде̌сь все̌ деревья безъ изъятія раскинулись и тепло, какъ у насъ въ іюле̌. Зде̌шній городъ *веселѣе Кіева*... Въ зде̌шней губерніи трудъ и прилежность везде̌ ощутительне̌е, что мне̌ весьма пріятно» [1]). После̌ же смотра, сде̌ланнаго войскамъ, она выразилась еще откровенне̌е, сказавъ самому Потемкину: «Отъ Петербурга до Кіева мне̌ казалось, что пружины моей Имперіи ослабли отъ употребленія: зде̌сь оне̌ въ полной силе̌ и де̌йствіи» [2]). Изъ этого видно, откуда сыръ-боръ загоре̌лся.

В. Иконниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Тамъ же, № 7, 27—28, 34.

[2]) Записки Сегюра, 194.

Замѣчательный экземпляръ книги митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова: „Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской церкви. Изд. 2-е. Спб. 1827 г.".

Извѣстно, что названный знаменитый Евгеніевъ «Словарь», и доселѣ еще остающійся первоисточникомъ для біографическихъ и историко-литературныхъ справокъ о дѣятеляхъ Русской церкви— древнихъ и новыхъ, имѣлъ два изданія: первое вышло въ Спб. 1818 г., а второе—тоже въ Спб.—въ 1827 г., но уже *исправленное и умноженное*, какъ значится на его выходномъ листѣ. Такимъ образомъ приснопамятный авторъ «Словаря», этотъ неутомимый *регистраторъ* русской литературы [1]), немало потру-

---

[1]) Его „Словарь о писателяхъ духовнаго чина" есть только часть его *общаго* Словаря о писателяхъ русскихъ и иностранныхъ въ Россіи. Но второй отдѣлъ „Словаря"—о свѣтскихъ писателяхъ—вышелъ въ свѣтъ уже по смерти Евгенія—въ Москвѣ въ 1845 г. подъ такимъ заглавіемъ: „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи".—„*Умомъ регистраторнымъ*" назвалъ Евгенія преосв. Иннокентій Борисовъ. А извѣстный Погодинъ говорилъ о Евгеніи: „Это былъ одинъ изъ величайшихъ собирателей, которые когда-либо существовали... Это былъ русскій Миллеръ... Это былъ какой-то статистикъ исторіи"... См. въ *Христ. Чтеніи*—іюнь 1903 г.— А. В. *Карташева:* „Историко-критическій очеркъ обработки Русской церковной исторіи"—стран. 918.

дился, чтобы второе изданіе его «Словаря» вышло *вѣрнѣе и полнѣе перваго*. Но, конечно, и въ этомъ второмъ изданіи могло оказаться еще многое, многое, требовавшее новой провѣрки, исправленія и дополненія... Митрополитъ Евгеній, всегда ревностно пополнявшій свои знанія, всегда съ великою любовію продолжавшій свои историко-литературныя изысканія, могъ ли оставаться равнодушнымъ къ возможному улучшенію своего «Словаря»?—Очевидно, не могъ; и онъ, несомнѣнно, долженъ былъ работать и приготовлять матеріалы для новаго—третьяго—изданія своего «Словаря».—Но гдѣ слѣды этой подготовительной работы незабвеннаго для науки кіевскаго митрополита?

Намъ удалось найти эти слѣды... Въ библіотекѣ бывшаго настоятеля Одесской Покровской церкви, протоіерея *Θеодора Елисеевича Туровскаго*, большого любителя и ревностнаго собирателя рѣдкихъ книгъ и рукописей [1]), мы увидѣли экземпляръ Евгеніевскаго «Словаря» во 2-мъ изд.—замѣчательный *въ двухъ отношеніяхъ*. Во первыхъ, это, очевидно, былъ экземпляръ, вращавшійся въ рукахъ самого митрополита Евгенія; ибо на немъ вездѣ—и на поляхъ, и въ текстѣ среди строкъ—были многочисленныя *собственноручныя* [2]) *приписки* митроп. Евгенія, въ которыхъ онъ частію исправлялъ, а частію дополнялъ текстъ «Словаря». Большею частію эти приписки сдѣланы чернилами, а иногда краснымъ

---

[1]) Протоіерей Θед. Елис. Туровскій скончался въ ночь на 1-е сент. 1895 г. Онъ былъ уроженцемъ херсонской губерніи—изъ села *Любомирки*, Елисаветградскаго у. Въ дѣтствѣ бѣгалъ и игралъ вмѣстѣ съ *Рябошапкою*, извѣстнымъ основателемъ штундизма въ Херсонщинѣ, а за нею—и въ Кіевщинѣ.—Окончилъ курсъ Кіевской д. Академіи въ 1859 г.—и долго былъ преподавателемъ исторіи въ одесской духовной семинаріи.

[2]) Почеркъ м. Евгенія намъ хорошо извѣстенъ. Въ библіотекѣ Одесскаго Общества Исторіи и древностей есть переплетенный Сборникъ подлинныхъ писемъ Евгенія къ намѣстнику Кіево-Печерской Лавры архим. *Серафиму (Покровскому)*. Мы изучили этотъ сборникъ и приготовили его для печати.

карандашемъ.—Затѣмъ, во вторыхъ,—изъ этого экземпляра видно, что, по смерти м. Евгенія († 23 февр. 1837 г.), онъ перешелъ въ руки знаменитаго тогдашняго ректора Кіевской Академіи *Иннокентія Борисова*, но перешелъ чрезъ посредство священника Кіево-Софійскаго собора *Кирилла Ботвиновскаго*; ибо на выходномъ листѣ «Словаря» есть такая подпись: «Принадл. свящ. Кириллѣ Ботвиновскому».—Въ свою очередь и Иннокентійподѣлалъ разныя свои замѣтки и въ текстѣ «Словаря», и на его обложкахъ (экземпляръ-*переплетенъ*: два тома «Словаря» вмѣстѣ), и на бѣлыхъ листахъ—въ началѣ и концѣ. Видно, что Иннокентій, для разныхъ своихъ ученыхъ цѣлей, весьма тщательно изучалъ этотъ «Словарь».—Экземпляръ «Словаря» остался въ библіотекѣ Иннокентія и съ нею прибылъ въ Одессу, и находился въ ней до кончины Иннокентія († 26-го мая 1857 г.). Во время кончины Иннокентія многіе предметы его домашняго имущества были расхищены, въ томъ числѣ растасканы были и многія книги изъ его библіотеки, весьма замѣчательной, которую онъ съ любовію собиралъ въ продолженіе всей своей жизни [1]). Похищенъ былъ

---

[1]) О судьбѣ Иннокентіевской библіотеки довольно подробно сказано въ статьѣ г. *Ив. Стрѣльбицкаго*, помѣщенной въ „Трудахъ Кіевской д. Академіи“ за 1889 г. (№ 8-й).—„Иннокентіевская“ библіотека составляетъ теперь *одну* часть *общей библіотеки одесской д. семинаріи*, наиболѣе украшающую эту послѣднюю; а другую такую же часть,—кстати скажемъ—составляетъ въ ней библіотека *„Стурдзовская“*, переданная въ нее покойной княгиней *Маріей Алекс. Гагариной,* дочерью знаменитаго духовнаго писателя и одесскаго филантропа *Александра Скарлатовича Стурдзы*, сконч. 13-го іюня 1854. А. С. Стурдза *первый* учредилъ въ Одессѣ институтъ *Сестеръ милосердія*—въ 1850 г., до-тѣхъ поръ тамъ невиданный и неслыханный... А между тѣмъ—когда въ день 50-лѣтія его смерти (13-го іюня текущаго 1904 г.) естественно было помянуть его—въ Одессѣ, ни въ одной изъ Одесскихъ газетъ не нашлось для этого мѣста. Въ одной только изъ нихъ было напечатано двѣ строчки—въ такомъ родѣ: „Сегодня исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти А. С. Стурдзы, который былъ дѣдомъ по матери князя Ю. Е. Гагарина.—Выходитъ, значитъ, что Стурдза тѣмъ только и достоинъ памяти, что *онъ былъ дѣдомъ князя Ю. Е. Гагарина*, именитаго въ Одессѣ *коммерческаго* дѣятеля... Вотъ таковы-то наши одесситы!..

при этомъ и экземпляръ Евгеніевскаго «Словаря», о которомъ у насъ рѣчь, и попалъ къ одному изъ одесскихъ букинистовъ... Вотъ у этого-то букиниста нашелъ и купилъ его покойный протоіерей Ѳ. Е. Туровскій...—Драгоцѣнный экземпляръ... Но гдѣ онъ теперь и существуетъ ли еще,—неизвѣстно. По смерти о. Ѳ. Е. Туровскаго его библіотека перешла въ качествѣ наслѣдства къ одному изъ его сыновей, не понимавшему ея дорогого значенія. И онъ скоро постарался сбыть ее *на пуды*—на толкучій рынокъ. Къ сожалѣнію эта продажа совершилась такъ и въ такое время, что мы не могли предупредить ея пагубныхъ послѣдствій и посредствомъ покупки спасти нѣкоторыя, особенно рѣдкія, книги и рукописи. Но въ свое время, еще при жизни о. протоіерея Ѳ. Е. Туровскаго, благодаря его особенной къ намъ любезности, мы выпросили у него замѣчательный экземпляръ Евгеніевскаго «Словаря» къ себѣ нá домъ и точно, аккуратно списали всѣ бывшія на немъ рукописныя замѣтки, какъ м. Евгенія, такъ и Иннокентія Борисова. Нечего и говорить объ историко-литературной цѣнности замѣтокъ Евгенія—въ виду новаго, могущаго быть переизданія его «Словаря». Но и замѣтки Иннокентія достойны вниманія... Онъ тоже много трудился надъ собираніемъ и изученіемъ памятниковъ древней русской литературы—и предполагалъ издать нѣкоторые *сборники* изъ ея произведеній, къ сожалѣнію, по разнымъ причинамъ, большею частію не отъ него зависѣвшимъ, никогда не увидѣвшіе свѣта... Изученіе *процесса ученыхъ занятій* Иннокентія въ области церковной исторіи и въ особенности церковной литературы еще ждетъ своего изслѣдователя. Поэтому—въ настоящій разъ—мы считаемъ не лишнимъ, вмѣстѣ съ замѣтками м. Евгенія на замѣчательномъ экземплярѣ его «Словаря», сообщить и всѣ замѣтки на немъ преосв. Иннокентія Борисова [1]).

А. М.

---

[1]) Въ непродолжительное время мы представимъ на страницахъ «*Кіевской Старины*» еще одинъ интересный матеріалъ для изученія

1.

Приписки м. Евгенія *въ первомъ томѣ*—«*Словаря*».

Въ статьѣ: *Августинъ Виноградскій*—на стран. 1-й, въ 9-й строкѣ послѣ словъ: «родился въ Москвѣ 1766 года» прибавлено: «Марта 6». На стран. 4-й—въ концѣ статьи прибавлено: «Подробнѣйшее описаніе его жизни и трудовъ напечатано въ V части Сочиненій Общества Любителей Словесности Россійской въ Москвѣ».

Въ статьѣ *Авраамій Палицынъ* на стр. 9-й и 10-й пять послѣднихъ строкъ статьи, начиная со словъ: «о времени кончины»... затерто и на мѣсто ихъ написано: «Около 1621 года Авраамій удалился въ Соловецкій монастырь и тамъ скончался и погребенъ 1627 года. Тамъ остались и его книги и между ними житіе преподобнаго Сергія Радонежскаго съ его прибавленіями».

Въ статьѣ: *Адріанъ*, десятый и послѣдній патріархъ Московскій—на стран. 19-ой, въ 8-й строкѣ статьи послѣ словъ: «изъ сочиненій сего Патріарха печатныхъ немного» прибавлено: «и тѣ изданы только отъ его лица, а сочинены другими» [1]). На

процесса ученыхъ занятій Иннокентія, заимствованный изъ домашней его „Записной Книжечки", которая хранилась у *Н. Христ. Палаузова*, одесскаго болгарина, нечаянно-негаданно сдѣлавшагося *наслѣдникомъ* нѣкотораго Иннокентіевскаго имущества и между прочимъ—*права на изданіе сочиненій Иннокентія*, которое онъ, Н. Х. Палаузовъ, и продалъ извѣстному С.-петербургскому книгопродавцу Вольфу...

[1]) На стран. 19-й—къ 12-й строкѣ этой статьи послѣ словъ: „Она (рукопись: *Щитъ вѣры*) состоитъ изъ разныхъ нравоучительныхъ разсужденій" *Иннокентій Борисовъ* подчеркнулъ слово *нравоучительныхъ* и на поляхъ написалъ чернилами такую замѣтку: „не нравоучительныхъ (коихъ вовсе нѣтъ), а догматико и литургико-полемическихъ. Содержаніемъ почти всего Щита, который при томъ составленъ въ главномъ еще Патр. Іоакимомъ, служатъ: 1) Щитъ Іоакимовъ, 2) Лихудіевъ Акось, 3) Ихъ же Сѣчецъ. Потомъ—историческія сказанія о еретикахъ. А сущность всѣхъ статей есть споръ и рѣшеніе недоумѣній о времени пресуществленія Св. Таинъ".

стран. 20-й—въ концѣ статьи—къ счету сочиненій Адріана, окончившемуся цифрой 7,—добавлено: «3, Слово на погребеніе царевны и велик. княжны Анфисы Михайловны, имъ говоренное 1692 г., находится въ библіотекѣ П. П. Свиньина» [1]).

Въ статьѣ: «*Андрей Іоанновичъ Журавлевъ*»—на стран. 38—40—въ строкѣ 11-й страницы 39-ой послѣ словъ: «а въ 1799 году напечатано и третье изданіе тамъ же» прибавлено: «и 4-ое 1831 г. тамъ же».

Въ статьѣ: *Антоній Радивиловскій*—послѣ названія этого имени и фамиліи прибавлено: «прежде бывшій Намѣстникъ Кіево-Печерской Лавры, а потомъ»... Слѣдуетъ дальнѣйшій текстъ.

Въ статьѣ: *Арсеній Грекъ Іеромонахъ* на стран. 49-й въ 6-й строкѣ *снизу* послѣ точки сдѣлана прибавка: «Его переводъ съ Греческаго Анѳологіонъ напечатанъ въ Москвѣ 1660 г.».

Въ статьѣ *Аѳанасій Калнофойскій*—стран. 59-я—въ концѣ прибавлено: «Въ концѣ книги (*Тератургима*) присовокуплено Игумена Иларіона Денисовича *Описаніе чудесъ Купятицкой Богородицкой иконы*.—Есть еще Калнофойскаго книга *Парергіонъ* 1638 г. въ Кіевѣ же напечатанная».

Въ статьѣ *Василій монахъ*—стран. 65-я—фраза: «разговоръ свой съ нимъ (*князем Василькомъ*) включилъ въ Несторову лѣтопись» исправлена такъ: «разговоръ его съ нимъ включенъ въ Несторову лѣтопись».

Въ статьѣ *Василій Архіеп. Новгородскій*—стран. 66-я—послѣ словъ во второй строкѣ: «въ мірянахъ именовавшійся *Григорій Калека*» прибавлено: «Учитель Тверскаго Великаго Князя Михаила Александровича».

---

[1]) Къ этой прибавкѣ Евгенія Иннокентій еще отъ себя прибавилъ: „Напечатано въ *Христіанск. Чтеніи*".—За статьею *объ Адріанѣ* слѣдуетъ на стран. 20—21-й статья: „*Азарій*, Іеромонахъ Бѣлорусскій". Въ концѣ ея—такая замѣтка Иннокентія: „Противъ ней (т. е. книги Азарія *о вѣрѣ Единой, Святой, Соборной, Апостольской Церкви*) въ Щитѣ Адріановомъ содержатся обвиненія".

Въ статьѣ *Георгій Конисскій*—на стран. 95-й послѣ словъ въ 6-й строкѣ, «напечатана *(рѣчь Екатеринѣ II ой 1762 г)* въ *Историческомъ извѣстіи объ Уніи* на стран. 373-ей—прибавлено: «въ Рубановомъ журналѣ *Старинѣ и Новизнѣ* и въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827 г. Другая говоренная Императрицѣ Екатеринѣ II 1773 г. марта 10 въ С.-петербургской придворной церкви напечатана въ с.-петербургскомъ журналѣ *Сѣверная Минерва* 1832 г. № 1».—Послѣ перечисленія сочиненій Георгія—передъ красною строкою, начинающеюся: «Сей пастырь....», прибавлено: «Есть еще въ рукописи его *Исторія Руссовъ или Малой Россіи* имъ исправленная и дополненная».

Въ статьѣ *Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ*—на стран. 107-й—въ строкѣ 13-ой—послѣ словъ: «посвященъ во Архимандрита» прибавлено: «Московскаго».

Въ статьѣ *Св. Димитрій митроп. Ростовскій*—на стран. 116-й въ строкѣ 12-й вмѣсто: «на 18 году возраста» исправлено: «на 17-мъ».—На стран. 125-й—въ строкѣ 8-й послѣ слова: «Второе *(изданіе Четіихъ Миней)*» прибавлено: «Три только мѣсяца сентябрь, октябрь и ноябрь—въ Могилевѣ 1702 г. въ листъ».—На стран. 126-й—въ послѣдней строкѣ вмѣсто 1715 исправлено 1716.—На стран. 133-ей къ числу драматическихъ сочиненій св. Димитрія прибавлено: «24 ,*Навуходоносоръ*—трагедія и проч.».

Въ статьѣ *Евгеній Булгаръ*—на стран. 162-й къ греческому надгробію Евгенія Булгара прибавлено такое подстрочное примѣчаніе: «Мысли сіи заимствованы изъ стихотворенія св. Григорія Богослова *о жизни*».

Въ статьѣ *Епифаній Славинецкій*—на стр. 176-й къ извѣстію о книгѣ его: *филологическій Лексиконъ*—прибавлено: «Она нынѣ подлинникомъ въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ».—На стран. 177-й—въ строкѣ 4-й вмѣсто: «въ Кіево-Златоверхо-Михайловской библіотекѣ» исправлено: «въ Кіево-Печерской Лаврской».

Въ статьѣ *Захарія Копыстенскій*—на стран. 187-й—15-й строкѣ послѣ словъ: «и сочинилъ къ оному *(переводу Златоустовыхъ бесѣдъ)* предисловіе» прибавлено: «съ посвяще-

ніемъ князю Святополку Четвертинскому и со включеніемъ его родословной».

Въ статьѣ *Зосима Монахъ*—на стран. 193-ей въ концѣ прибавлено: «Книга *(Ксеносъ)* вся уже напечатана съ сего списка въ журналѣ *Русскомъ Зритель* 1828 г. № 7 и 8».

Въ статьѣ *Игнатій митропол. Сибирскій*—на стр. 196-й—въ концѣ *страницы* прибавлено: «Въ библіотекѣ Московскаго Общества Исторіи и древностей есть подносный весьма красивый списокъ его *Слова благочестивому христолюбивому Россійскому воинству*, съ княземъ Голицынымъ ходившему на Агаряны, сочиненнаго 1687 года».

Въ статьѣ *Іоакимъ Савеловъ*—на стран. 226-й въ 4-й строкѣ послѣ точки прибавлено: «Въ молодыхъ лѣтахъ онъ проходилъ военную службу, а въ 1655 г. постригся въ Кіево-Межигорскомъ монастырѣ».—На стран. 228-й—послѣ словъ: «Сей патріархъ скончался въ Москвѣ 1690 г. марта 17-го прибавлено: «70 лѣтъ отъ рожденія».—А послѣ словъ: «духовное его *Завѣщаніе* находится въ патріаршей библіотекѣ» прибавлено: «и напечатано въ іюньской книжкѣ 1830 года. *Отечественныхъ Записокъ*».

Въ статьѣ *Іоанникій Галятовскій*—на стран. 229-й—въ 4-й строкѣ *снизу* послѣ словъ: «напечатана она *(книга «Ключъ разумѣнія»)* въ Кіево-Печерской Лаврѣ 1659 года въ листъ» прибавлено: «и въ 1663 г. во Львовѣ».—На стран. 230-й—въ строкѣ 15-й послѣ словъ: «Напечатано *(Небо новое)* на Польскомъ и Польско-русскомъ языкахъ во Львовѣ 1665 года» прибавлено: «трижды».—На той же стран. строка 9-я снизу: «напечатана *(Скарбница)* на польскомъ языкѣ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ» дополнена такъ: «напечатана на русскомъ въ Черниговѣ, а на польскомъ...» и т. д.—На стран. 239-й—*послѣ* сочиненія «Боги Поганскіе» и *предъ* сочиненіемъ: «Души людей умерлыхъ»—прибавлено новое: «10 (должно быть 11) «*Софія премудрость созда себѣ домъ и утверди седмь столповъ*—Притч. IX.—Напеч. въ Черниговѣ 1686 г. на Польскомъ языкѣ въ 4 д. л. и посвящена Гедеону митрополиту Кіевскому».

Въ статьѣ *Іоаннъ Ѳедоровъ*—на стран. 262-й—во второй строкѣ послѣ точки съ запятой прибавлено: «1519 г. напечаталъ въ Венеціи служебникъ, а въ 1527 г.»—далѣе уже идетъ печатный текстъ, при чемъ фраза «напечаталъ въ Венеціи» *(Словенскій Катихизисъ)* затерта, какъ употребленная уже въ рукописной добавкѣ.—На стран. 267-й въ 5-й строкѣ послѣ словъ: «Послѣ Апостола, по увѣренію Фрита, напечатано было еще *Евангеліе»* прибавлено: «а въ 1569 г.—Псалтырь» и въ слѣд. строкѣ въ фразѣ «кромѣ еще двухъ книгъ» вм. *двухъ* исправлено: *трехъ.*—На стран. 268-й—въ строкѣ 17-й вмѣсто 1588 г. исправлено краснымъ карандашемъ 1586, а въ слѣд. строкѣ къ словамъ *Литовскій Статутъ* прибавлено тѣмъ же карандашемъ: «и Трибуналъ».—На стран. 269-й—въ 21-й строкѣ—послѣ точки, кончающейся словами: «*Аникита Фофановъ* напечаталъ *Минею Общую»* прибавлено: «Есть ноябрь мѣсяцъ *Мѣсячной Минеи* изданный 1609 года. съ именемъ избраннаго на Россійскій престолъ польскаго короля Владислава Жигмонтовича, напечатанный въ Москвѣ типографомъ Иваномъ Андрониковымъ Невѣжинымъ» далѣе—прежній текстъ.

Въ статьѣ *Іоаннъ Максимовичъ*—заглавіе сочиненія подъ № 1: *Ѳеатръ* и проч. измѣнено такъ: «Ѳеатронъ или Позоръ нравоучительный царемъ, княземъ, владыкамъ и всѣмъ спасительный». Годъ изданія этой книги вм. 1703 исправл. 1708.—На стр. 288-й въ извѣстіи о книгѣ подъ № 7 «Богомысліе» вм. 1711 г. исправл. 1710 и вмѣсто «въ 8-ю долю» исправл. 4.

Въ статьѣ *Іовъ* первый патріархъ Россійскій—въ концѣ прибавлено: «Есть еще его *Прощальная* или *разрѣшительная граммата* отъ присяги данной Самозванцу Лжедимитрію отъ многихъ Россіанъ».

Послѣ этой статьи вставлена *новая*—слѣдующая:

«*Іовъ Борецкій* митрополітъ кіевскій, воспитывался въ Галицкомъ городѣ Львовѣ въ Ставропигіальномъ Успенскомъ монастырѣ, въ школѣ учрежденной Антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ и Константинопольскимъ Іереміею подъ руководствомъ

архіепископа Димотискаго Арсенія и по немъ былъ тамъ ректоромъ сей гимназіи».

Въ статьѣ *Іосифъ Салтанъ*—на стран. 305-й въ первой строкѣ вмѣсто 1497 г. исправлено 1499; а въ слѣдующей строкѣ фраза: «Константинопольскимъ патріархомъ Нифонтомъ» затерта.

Въ статьѣ *Іосифъ Санинъ* на стран. 309-ой передъ 3-ей *(красной)* строкою отъ конца—прибавлено: одно изъ словъ его *о иноческомъ чину* напечатано въ Требникѣ Патріарха Іоасафа 1639 г.» [1]).

Въ статьѣ *Кипріанъ* первый архіепископъ Сибирскій—въ концѣ на стран. 330-й прибавлено: «Онъ сочинилъ службу на положеніе Ризы Христовой въ Москвѣ, принесенной изъ Персіи къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, печатаемый *(sic!)* въ мѣсячныхъ Минеяхъ іюля 10».

Въ статьѣ *Кириллъ Транквиліонъ Ставровецкій*—на стран. 335-й въ 3-ей строкѣ статьи къ слову «Архимандритъ» прибавлено «Елецкій»; въ 7-й строкѣ—послѣ словъ: «и въ третій разъ» прибавлено: «въ Уневскомъ монастырѣ 1692, а въ четвертый въ Кіевѣ 1696»—и потомъ дальнѣйшій текстъ. На слѣдующей страницѣ послѣ словъ: «въ Могилевѣ того же года» прибавлено: «въ Вильнѣ 1616»; въ 8-й строкѣ вм. словъ: «напеч. *(Перло Многоцѣнное)* въ Могилевѣ 1690 г.» исправлено такъ: «напеч. въ Черниговѣ 1646 г. и въ Могилевѣ 1699 г.» и т. д.

2.

Приписки м. Евгенія во второмъ томѣ «Словаря».

Въ статьѣ *Лаврентій Крыжановичъ*—на стран. 5-й фамилія «*Крыжановичъ*» исправлена въ «*Крщоновичъ*».

---

[1]) Къ статьѣ *Іосифъ*, 5-й патріархъ Моск. на стран. 313-й—по поводу *письма́* царя Алексѣя Михайловича къ Никону—Иннокентій прибавилъ: „напечатано въ Актахъ Археологич. Коммиссіи“.

Въ статьѣ *Лазарь Барановичъ*—на стр. 6-й—въ строкѣ 5-й годъ изданія «*Благодать и Истина Христова*» вм. 1680 исправленъ въ 1683.—На той же стран. послѣ сочиненія подъ № 7: «Разговоры о вѣрѣ»... и проч. прибавлены еще слѣдующія: «8, *Лютня Аполлонова*—напеч. въ Кіевѣ 1674 г.; 9, *Вѣнецъ Божіей Матери*—напеч. въ Черниговѣ 1680 г.—10, *Пять ночей и ранъ Христовыхъ*—въ Черниговѣ 1680 г. на польскомъ языкѣ».—

На стран. 8-й послѣ статьи *Леонтій Карповичъ* прибавлена новая—слѣдующая: « *Леонтій Боболинскій*, іеромонахъ Выдубицкаго монастыря. Его лѣтопись начинающаяся отъ 1699 г. находится въ библіотекѣ черниговской семинаріи. См. Лѣтопись Общества Исторіи и др. часть 2, кн. III, стран. 148».—Затѣмъ слѣдуетъ статья: *Лихуды*.

Въ статьѣ *Логинъ, Муромскій протопопъ*—на стр. 9-й, въ 18-й строкѣ, послѣ фразы: «и самъ (*патр. Никонъ*) совѣтовался съ симъ ученымъ мужемъ (*Епифаніемъ Славинецкимъ*)» прибавлено; «а принцъ Буховъ въ своемъ описаніи римскаго посольства къ царю Ивану Васильевичу въ главѣ 2—говоритъ, что и тогда ученымъ и благочестивымъ епископамъ позволялось наизусть проповѣдывать: а священникамъ только сіе довѣріе щиталось опаснымъ».

Въ статьѣ *Макарій Митрополитъ Московскій*—на стр. 12 въ 5 строкѣ послѣ словъ: «граммату въ 1534 г.» прибавлено: отъ 25 марта».—На стр. 13-й—въ строкѣ 19-й послѣ словъ: «а индѣ восемъ» прибавлено: «и 12».—На стран. 22-й—въ концѣ статьи прибавлено: «Онъ воспринималъ отъ купѣли и дѣтей царскихъ».

Въ статьѣ *Мелетій Сиричъ*—на стр. 55 вмѣсто: «князѣ Константинѣ Ивановичѣ» исправлено: «князѣ Константинѣ *Константиновичѣ*».—Въ 8-й строкѣ снизу—послѣ точки, кончающейся словами: «патріаршей Библіотеки»—прибавлено: «вторая (книга: *Служба положенію нешвеннаго хитона Христова*) печатается и въ мѣсячныхъ Минеяхъ подъ числомъ іюля 10».

Въ статьѣ *Меѳодій Смирновъ*—на стран. 68-й въ 5-й и 6-й строкахъ этой статьи фраза: «во Владимірской губерніи (*родился*) въ селѣ Алексинѣ недалеко отъ Сергіевой Лавры» затерта и

вмѣсто нея написано: «Смоленской епархіи въ Гжатской пристанѣ въ городѣ Версѣ»; но послѣднія слова: «въ городѣ Версѣ— опять затерты [1]).

Въ статьѣ *Никонъ, шестый патріархъ Всероссійскій*—на стр. 133 въ 5 строкѣ послѣ словъ: «послѣ Никонова патріаршества» прибавлено: «Даніилъ принцъ Буховскій въ описаніи своего посольства къ царю Ивану Васильевичу пишетъ, что и тогда въ Россіи церкви были, по большей части, со многими куполами».

Послѣ послѣдней статьи на букву *Н Нифонтъ епископъ Новгородскій* прибавлена еще одна новая—именно: «Нифонтъ монахъ Троицы Сергіева, а постриженникъ новгородскаго Антоніева монастыря около 1598 г. сочинилъ сказаніе въ 1597 г. мощей препод. Антонія Римлянина въ Великомъ Новгородѣ. Его содѣйствіемъ и открыты сіи мощи. Списокъ сего сочиненія находится въ библіотекѣ Московск. Общества Исторіи и древн. Росс.» [2]).

Въ статьѣ *Памва Берында*—на стран. 150, въ 10-й строкѣ статьи послѣ точки въ фразѣ: «Онъ много трудился»... слово *онъ* зачеркнуто и сдѣлана такая добавка: «Въ 1620 г. онъ издалъ тамъ (*въ Кіево Лаврской типографіи*) первымъ тисненіемъ *Номо-*

---

[1]) Къ статьѣ *Никифоръ Митрополитъ Кіевскій*—на стр. 95-й— къ № 1: «Посланіе отъ Никифора... о Латинѣхъ»—Иннокентій сдѣлалъ замѣтку: «Слич. Coteler Monumenta Eccles. Graecae—tom. III, pag. 495. Здѣсь статья: Criminationes adversus Eccles. Latinam, изъ коей взята сущность посланія».—Къ статьѣ *Никифоръ Ѳеотокій*— послѣ перечисленія его сочиненій Иннокентій прибавилъ: «онъ же издалъ Блаж. Ѳеодорита всѣ σωζόμενα—остальныя сочиненія въ Галѣ Магдебургской, съ посвященіемъ Софронію патріарху іерусалимскому 1772 г.».

[2]) Къ статьѣ *Палладій Роговскій*—на стр. 149-й—сдѣлано много вопросительныхъ знаковъ Иннокентіемъ—противъ разныхъ мѣстъ статьи. Къ словамъ: «въ томъ же 1700 г. умеръ»—замѣтка Иннокентія: «1703 г. v. Вивліоѳика» и затѣмъ общее замѣчаніе его же: «статья о Палладіи слаба и неправильна».

канонъ въ 4-ю листа съ своимъ предисловіемъ и много трудился»... слѣдуетъ дальнѣйшій печатный текстъ.

Въ статьѣ *Петръ Могила*, на стран. 161, въ строкѣ 13-й снизу—послѣ словъ «*Краткій Катихизисъ*» прибавлено: «или *Собраніе краткой науки о Артикулахъ вѣры*».—На стран. 164—въ строкѣ 3-й—послѣ словъ: «къ *Патерику Печерскому*» прибавлено: «И къ Номоканону 3-го изданія 1629 г.»—На той же стран. въ строкѣ 6-й послѣ словъ: «въ 4 д. л.» прибавлено: «Въ 1636 г. издалъ онъ *Анѳологіонъ* составленный изъ молитвъ и поученій душеполезныхъ».—На той же стран.—въ 18-й строкѣ послѣ словъ: «...сію книгу (*Лиѳосъ*) издалъ Могила подъ именемъ *Евсевія Пимина*, 1644 г. въ Кіевѣ» прибавлено: «на польскомъ и словенскомъ языкѣ порознь».

Въ статьѣ *Питиримъ*, четвертый епископъ Печерскій—на стран. 167-й—въ строкѣ 4 и 5-й фраза: «или по Татищевой исторіи 1445 г.» зачеркнута.—На слѣд. страницѣ—168-й, въ строкѣ 3-й—послѣ словъ: «Онъ, будучи еще архимандритомъ» прибавлено: «въ 1439 г.».

Въ статьѣ *Платонъ Левшинъ*—на стран. 188-й—въ 12-й строкѣ послѣ точки прибавлено: «А во 2-мъ № московскаго журнала *Вѣстникъ Европы* 1829 г. напечатано его *Описаніе Перервинскаго монастыря*».—Въ строкѣ 7-й снизу выраженіе *Краткая Богословія* исправлено: *Сокращенная Богословія*.

Въ статьѣ *Самуилъ Миславскій*—на стр. 196-й въ 4-й строкѣ статьи выраженіе: «родился въ малороссійскомъ городѣ Глуховѣ» измѣнено: «въ глуховскомъ уѣздѣ въ селеніи Полошкахъ [1]).

---

[1]) Послѣ статьи *Селлій* и передъ статьею *Серапіонъ архіепископъ Новгородскій*—на стр. 199-й—Иннокентій вставилъ статью: «Серапіонъ, епископъ владимірскій—V. изд. Св. Отцевъ Моск. академій.—Къ статьѣ *Сильвестръ Коссовъ*—на стр. 204-й—къ имени этому сдѣлана Иннокентіемъ такая выноска: «Въ Екзегезисѣ своемъ онъ пишетъ, что прибылъ въ Кіевъ съ Петромъ Могилою и тотчасъ началъ учить въ школѣ. Откуда прибылъ? Былъ ли русскій, или иностранецъ? Вѣроятнѣе—первое, судя по языку».—Къ перечисленію его сочиненій Иннокентій прибавилъ: «Сему же Коссову принадлежитъ Exegesis

Въ статьѣ «*Симеонъ*, нѣкто изъ суздальскихъ духовныхъ»— стран. 210-я— вмѣсто *нѣкто* написано *іеромонахъ*.

Въ статьѣ *Симеонъ Полотскій*—на стр. 211-й время изданія *Жезла Правленія* вмѣсто 1668 г. исправлено въ 1666 г.; это же самое сдѣлано и на стран. 215-й.—На стран. 217—послѣ словъ: «Всѣ сіи книги подлинниками хранятся въ московск. патріаршей или синодальной библіотекѣ, а списки оныхъ есть и въ софійской новгородской»—прибавлено: «но напечатаны были и порознь. См. Каталогъ Толстова».—На стр. 218-й послѣ словъ: «Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1809 и 1810 г. помѣщено много выписокъ изъ сочиненій Полотскаго» прибавлено: «и въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 г.—нѣсколько его писемъ къ государю. Ему приписывается изданіе *Букваря языка Славенска* напеч. въ Москвѣ 1679 г. въ 8 долю л.».

Послѣ статьи *Храбръ*—на стран. 277-й—прибавлена *новая*— такая: «*Христофоръ Бронскій*--Социніанъ по препорученію Острожскаго князя Константина сочинилъ на литовско-русскомъ языкѣ и издалъ въ Брестѣ-Литовскомъ 1587 г. подъ именемъ *Филалета Орѳолога* книгу *Апокрисисъ* въ опроверженіе Уніатскаго Брестскаго Собора».

Въ статьѣ *Ювеналій Медвѣдскій*—въ концѣ на стран. 280-й послѣ словъ: «*Систему Богословіи Христіанской*... въ трехъ томахъ (вм. *томахъ* исправлено: *частяхъ*) въ 8 д. л.» прибавлено: «и вторично 1826 г.—тамъ же».

Въ статьѣ «Ѳеодосій, вторый игуменъ Кіево-Печерскаго монастыря»—на стран. 284-й въ строкѣ 6-й сверху вмѣсто Князю Святополку» исправлено: *Святославу*.

Послѣ этой статьи вставлена *новая*—такая: «*Ѳеодосій Бывальцевъ* митрополитъ всероссійскій въ 1461 г. возведенный изъ ростовскихъ архіепископовъ, скончавшійся 1475 г. Его повѣсть о чудѣ, бывшемъ при гробѣ Алексѣя митрополита, находится между рукописями библіотеки Московск. Общества Исторіи и древностей».

или апологія школъ кіевскихъ. Книжка весьма рѣдкая, напечатана 1635 г. въ Лавр., когда онъ былъ уже епископомъ мстиславскимъ».

Въ статьѣ *Ѳеодосій Софоновичъ*—на стран. 284-й—послѣ этого заглавія прибавлено: «уроженецъ Кіевскій, Кіево-Братскаго монастыря старецъ, учитель школъ и проповѣдникъ, а потомъ игуменъ», а далѣе—по печатному.—Послѣ окончанія статьи прибавлено: «Ѳеодосій Софоновичъ въ 1649 г. отвозилъ въ Москву по требованію государеву двухъ учителей и переводчиковъ Арсенія и Епифанія Славинецкаго и говорилъ государю рѣчь, которая напечатана въ Исторіи Малыя Россіи Д. Н. Бантышъ-Каменскаго—изд. 2, томъ 2, примѣч. 179».

Въ статьѣ *Ѳеофанъ Прокоповичъ*—на стран. 310—послѣ перечисленія сочиненій Ѳеофана на русскомъ языкѣ—къ № 32 прибавленъ еще 33-й: «*О смерти императора Петра втораго и о восшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны*—напечатано въ 1-мъ номерѣ Московскаго Вѣстника 1830 г.»—Въ соотвѣтствіе съ этимъ при перечисленіи сочиненій еще *неизданныхъ*, на стран. 321-й зачеркнутъ № 27-й.

3.

Замѣтки Иннокентія Борисова.

А) Въ началѣ книги—на оборотѣ первой палитурки на слѣдующемъ за нею *бѣломъ листѣ*, предшествующемъ печатному выходному листу:

«Въ *Сборникъ Догматическій* [1]): вѣкъ XII—Посланіе митроп. Никифора, *како отвергнены быша Латины.*—Въ С.-Петербургской дух. академіи: рукописи Никодима Селлія 15 vol.».

---

[1]) Надъ этимъ «Догматическимъ Сборникомъ» или иначе «Памятникомъ Вѣры» Иннокентій трудился цѣлую свою жизнь, приготовилъ *два огромныхъ тома*, но никакъ не могъ издать ихъ въ свѣтъ—по *капризамъ* тогдашней духовной цензуры... Если такой гигантъ въ русской церковной іерархіи и духовной литературѣ томился въ тискахъ духовной цензуры,—то какъ же трактовались ею мелкія сошки?!...

«Для общества кіевскаго [1]): 1) Издать Григоровича путешествіе. 2) Варлаама Палицына» Лѣтопись объ осадѣ Кіева отъ татаръ XVI».

«Посмотрѣть въ Московской Синод. Библіотекѣ: a) Арсенія Суханова—Проскинитаріонъ. b) 43 статьи ошибокъ,... въ книгахъ архим. Діонисіемъ (v. *Діонисій*).—c) потребникъ Өеогностовъ; d) Дѣяніе на Мартина еретика; e) Отвѣтъ Никона патріарха на 30 вопросовъ (v. *Никонъ*)».

«Рукописи въ библіотекѣ синодальной въ С.-Петербургѣ:

Арсенія Мацѣевича—на раскольниковъ.

Аполлоса—о Началѣ часовъ, вечерни и литургіи.

Амвросія Серебренникова—Сравненіе Евангелія съ Алкораномъ.

Гавріила Бужинскаго—переводъ Морреніева Словаря.

NB. Въ библіотекѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ—*Варлаама Палицына*—Описаніе осады города Кіева отъ татаръ».

Б. *Въ концѣ книги*—на бѣломъ пустомъ мѣстѣ передъ *Азбучнымъ спискомъ*:

---

[1]) Объ этомъ «Кіевскомъ обществѣ вотъ что мы читаемъ въ библіографіи Иннокентія:—«Основанное въ Одессѣ «Общество Исторіи и древностей (кстати—отъ себя скажемъ, что въ числѣ его основателей былъ и вышеупомянутый *Александръ Скарлат. Стурдза*), избравшее Иннокентія своимъ членомъ, дало поводъ къ тому, что въ Кіевѣ, по иниціативѣ М. Максимовича и Иннокентія, готовилось основаться «Общество Исторіи и древностей словено-россійскихъ». По благословенію Иннокентія, обрабатывался даже уже и уставъ этого новаго общества. Но переводъ изъ Кіева Иннокентія, а затѣмъ и выѣздъ Максимовича остановилъ дѣло, которое впослѣдствіи вызвало только учрежденіе при кіевскомъ генер.-губернаторѣ «Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ» (*свящ. Т. Буткевина*: «Иннокентій Борисовъ», Спб. 1887 г. стран. 92).

«По праву Каноническому: 1) Максима митрополита: a) вопросы и отвѣты; b) правила».

Въ концѣ книги—на палитуркѣ—списаны Иннокентіемъ чьи-то стихи о комъ-то:

«Италія меня родила,
А Францiя мнѣ мечь дала,
Россія службу наградила
И съ честью прахъ мой погребла» [1]).

Затѣмъ замѣтка: «1757 г. апрѣля 22. Димитрій Ростовскій признанъ въ числѣ святыхъ».

Сообщ. **Л. М.**

---

[1]) Не можемъ додуматься, кого—именно имѣютъ въ виду эти стихи?..

ДО НАУКЫ.

(Нарысъ зъ жыття простого люду).

— Эге, запровторьте! визьмить хлопця, запровторьте! А коровьяка одна, тай та нехай гыне въ хливи, або ныдіе на прыпони!—галасувала на ввесь двиръ Лопушыха.

— Та божевильна ты, кажу-жъ тоби, що це школа не абыяка, хлиборобська: побуде тры рокы, навчытся ремества та хлиборобства, тай вернется; не зипай, хай тоби кистка въ горло!

— Вернется! Запряжешъ тоди, сыну, матирь тай почнешъ оброблять по панському хлибъ, бо бильше ніякымъ буде чортовымъ батькомъ. Волыкы такъ позахарчовувалы, що ледви ногы волочять. Отъ тоди вже наробышъ хлиба по вченому на двохъ третынахъ!

— И наробыть, думаешъ не наробыть? Наробыть! Ниначымъ буде хлибъ робыть, то почне ковалювать, або майструвать тай наробыть, а такъ дулю бачытыме!

— Найкраще хай писля наукы та йде въ халамыднықы, тамъ буде ще солодше; отъ тоди вже я обсмокчу кистку та зъйимъ бублыкъ!—промовыла Лопушыха и несподивано почала плакать.

— Ну й що ты будешъ робыть зъ оттакою маніею?—вдарывся объ полы Лопухъ:—этъ, ничого не можно втокмачыть въ іи дурну голову: ты ій те, а вона тоби те!

— Я все въ васъ дурна! Кажу-жъ—навчывсь Богу молыться, тай буде зъ нёго, а то бачышъ малый свитъ телипаться! Десь въ

ианивъ не стало робитныкивъ... а въ мене теля, въ мене порося, въ мене курчята, що я въ свити робытыму зъ ными въ жныва?

-- Хай воны вамъ выздыхають, ти курчята!—реве Левко на прызьби.

— Цыть, щеня, не пащекуй! Ото занапастыла колысь повисмо конопель, та купыла въ щетынныка повный молытвеннык и жытые Θеодора Стратылата, то чытай, а чортъ батька-зпа чого не выгадуй!

Але де-жъ це мы?—спытае хто зъ чытачивъ. Чы зъ васъ хто чувавъ про Лыпнягы, або про ричку Гнылыцю, що зъ ливого боку влывается въ Оржыцю? Напевне ни... а Лыпнягы— це чымалый хутиръ въ Полтавщыни. Отъ Гнылыця, то, не-де правды диты, незначна ричка: и весняной добы тіеи воды въ ній, мовлявъ, курци до пьятъ, а вже туды къ литу, то хиба тильки де-не-де зостаются ковбани для жабъ. Тильки жабамъ та пуголовкамъ и роскишъ въ цихъ ковбаняхъ, бо лыпнягивци такъ загыжують воду коноплямы, що вона робытся однаково одворотнёю якъ людямъ, такъ и скотыни. А Лыпнягы—значный хутиръ! Гинъ на шестеро ростягся винъ по-надъ Гнылыцею, порынаючы увесь въ вышневыхъ садкахъ. Одно тильки не гараздъ—ростапованый винъ якось недоладу: де хто хотивъ зъ хазяинивъ, то тамъ и сивъ. Видъ того въ Лыпнягахъ зовсимъ немае вулыць. Дывысь, иде, иде быта дорога, тай упрется въ чый небудь двиръ. «Гей, дядьку, а якъ тутъ пройихать?» «Поганяйте, добри люде, прямо въ двиръ, звернить на Терешкивъ обнижокъ, та обнижкомъ-обнижкомъ и выхватытесь куды слидъ»!

Немае въ Лыпнягахъ ни церквы, ни школы. Та школа— дидько зъ нею, нихто про неи николы и гадкы не мае, а отъ церквы треба-бъ; бо до свого прыходу верстовъ десять, а чужый и блыжче, та батюшка кожну недилю грымае, щобъ не ходылы. «Ходить», каже, «туды, куды вамъ вказано! Тамъ-то зъ васъ лыхва: завжди помичаю, що кыдаете за сповидь або стари шагы, або шматочкы бляхы— тильки зъ вашымъ батюшкою осуружаюсь.

На школы, та на рижни тамъ наукы бильшисть лыпнягивцивъ мала такый поглядъ, що це не бильшъ, не меншъ якъ

панськи прымхы. Воно звисно, гарно навчытыся на попы, або на дякы, або хочъ на пысари... але всимъ-же не потовпытьс я въ пысари, та въ дякы—треба кому-сь и хлибъ робыть. Грамотіивъ на вси Лыпнягы два-тры чы й наличышъ, тай то грамотіи таки—не шкодлыви: чытають якъ слидъ тильки друковане, але якъ пысаного, такъ и друкованого однаково не розуміють. Кныжокъ въ Лыпнягахъ дасть-би. Чулы лыпнягивци, що йе на свити така кныжка Быблія, въ котрій все сказано, але чытать цю кныжку не зовсимъ безпечно, бо можно дочытатысь до того, що зайты голосвита; кого-жъ прызведе Богъ дочытаты іи до кинця, то та людына прысвячуется, бо побачыть въ ій все, що въ свити, що на свити. Та и въ симъ лыпнягивци не булы впевнени, бо дидъ Корній, котрый завсигды ходыть по манастыряхъ та по лаврахъ и що року на Велыкдень говіе въ Кыиви, каже, що кримъ Быбліи йе ще друга кныга—быбліотека и що тильки прочытавшы быбліотеку, можно напевне сподиватысь царства небесного.

Гарный хуторъ Лыпнягы, якъ зырнуть на нёго оддалекы, особлыво весною: праворучъ вьется Гнылыця, та вылыскуется на сонци каламутною водою; поручъ зъ нею лежыть зелена стежка лугу, поросла вербамы, вильхамы та верболозомъ. А якъ зацвитуть лыпнягивськи садкы, якъ затёхка въ лузи соловейко, якъ кыгыкне поблызу чайка... Боже,—скаже прохожый и пройизжый,—чому тутъ людямъ не жыть, чому не царствовать! Лыпнягивци зроду чужи робитныкы. Тиснымъ коломъ обгорнулы ихъ панськи земли и це коло стае що року все тиснишымъ и тиснишымъ. Гнитыть лыпнягивцивъ це коло. Що весны зрывается килько симей шукаты добра въ Крыму, на Кубани та въ далекій холодній Сыбири, и що осены бильшисть цихъ симей вертается на стари осели. Наче зачароване маныть ихъ ридне коло въ свои обіймы...

— Вмочай скорыну въ попилъ та йижъ,—кажуть поселяне, вернувшысь зъ чужыхъ краивъ,—а не кыдай ридного кубла.

Але не всякъ корыстуется такою порадою и не переводятся въ Лыпнягахъ мытци минять старе лыхо на нове. «Хочъ гирше, мовлявъ, абы инше». А де вже йе лыпнягивцивъ, то це навкругы по экономіяхъ. Тамъ воны и силы и палы; тамъ воны, якъ ка-

жуть, шевци и кравци, и швачкы и прачкы. Инпый то й викъ звикувавъ въ наймахъ. Голеча въ Лыпнягахъ. Дывысь, старенька, крывобока халупа, зъ якымысь пидслипуватымы викнамы, сякыйтакый захыстъ скотыни—отъ тоби и уся оселя. Колы-бъ, мовлявъ, прыбравъ садкы та выставывъ Лыпнягы де-небудь на выдночоли, то ни-на-що було-бъ и глянуть гараздъ.

Гарасько Лопухъ на вси Лыпнягы хазяинъ; и двиръ у нёго зъ огорожею и хата не свитыть крокзамы. Що вечера въ ёго загинъ вертается зъ череды пара волыкивъ, коровка и скилько овечатъ; отъ уже шкапы—то нема, бо дидъ Гараська лычыть шкапу неблагословенною тварью и дуже грымае на тыхъ селянъ, котри на голодну кутю ходять въ конюшню кропыть свяченою водою и пысать на одвиркахъ хресты. Гараськивъ сынъ ходыть що року на Динъ на заробиткы, а старый зъ невисткою и зъ двома онукамы прыробляють дома хлибця. Такъ зъ году въ годъ и перебываются Лопухы. Боже, якъ той побывается дидъ Лопухъ за своимы онукамы. Здается маты ридна такъ не бажае своимъ дитямъ добра, якъ винъ имъ. Такъ зъ нымы и панькается. Чы йиде по снопы, чы везе гній, то—дывысь—хлопчыка або дивчыну и посадыть въ задку, а самъ веде волыкы въ рукахъ. А якъ зайиде до нёго колы батюшка зъ хрестомъ, або дякъ якъ колы ильнуе, або и такъ чужа людына, то дидъ Гарасько тилькы те и робыть, що выхваляется своимы онукамы. «И такы, каже, и такы, и Богу молыться вміють краще за старого, и дида шанують и матиръ слухають». Рокивъ зъ чотыри тому назадъ зайиздыть до Лопухивъ зъ кропыломъ батюшка, зробывъ, що слидъ по звычаю, а потимъ силы, выпылы рады празныка по чарци, та и розгомонились про це, про те. Слово за слово, та й звивъ дидъ ричь на Левка та на Приську.

— А знаешъ що, Гараську?—каже батюшка.

— А що?

— Выстроилы въ насъ въ Драбынкахъ школу, колы хочешъ довесты хлопця до ума, то прывозь ёго въ-осены, нехай ходыть зъ чужымы дитьмы.

— Та Богъ ёго святый знае,—одповидае той,—дило нове, незвычайне; воно нехай-бы вчывся—шкоды не буде, але якъ роспустытся тамъ за очыма?

— Э, ни, це вже дзускы! Я самъ буду ходыть въ школу и давать скубкы за пустощи; дякъ тоби жыво поодбыва пальци!— звернувся батюшка до Левка, котрый сыдивъ въ запичку и колупався въ носи.

Подумавъ, подумавъ соби Гарасько, порадывся зъ сыномъ та невисткою и оборавшысь на зябъ, одвизъ Левка въ Драбынкы. Побуло хлопья тры рокы въ Драбынкахъ, навчылось тамъ чытаты и пысаты, тай вернулось до-дому, здается тутъ-бы и казци кинець, але ни: почалася зъ того часу въ лопухивськимъ двори коженъ день лайка та колотнеча.

Колы йиздывъ старый въ останній разъ за Левкомъ, то, мабудь на напасть Лопухамъ, и пипъ, и дякъ, и той панъ, що прыйихавъ зъ миста доскипуватысь, чы гараздъ-то повчени диты, вси въ одно слово хвалылы Левка, вси казалы, що винъ дуже пронорыстый до наукъ и що грихъ видъ Бога не даваты ёму стежкы дали.

— Якъ то?—спытавъ Лопухъ,—це-бъ то ще вчытысь? А нехай ёму всячына... Колы-жъ тоди зъ него помочы ждаты?... Этъ, винъ у мене, дякуваты Бога, погонычъ!..

— Эхъ, диду!—каже панъ—яка тоби корысть, колы твій онука стане слипымъ циповьязомъ та буде на тебе плакатысь, що ты не давъ ёму ладу. Ось послухай мене: везы ты хлопця до хлиборобськои школы, що торикъ видкрылась въ мисти. Потрется винъ тамъ тры рокы мижъ чужымы людьмы, то ёго й самъ не пизнаешъ. Ще й тебе буде вчыть, якъ хлибъ сіять и буде тоби увесь викъ дякувать...

Якъ почавъ, якъ почавъ... тай выйихавъ Лопухъ зъ Драбынокъ зъ такымы думкамы, що тилько вчени люде—люде, а не вченый чоловикъ—та-жъ самисенька товаряка, и що на чымъ-бы то не стало, а Левка треба вчыть. Але не такъ дывылась на наукы Лопухова невистка. Видъ рижносты цихъ поглядивъ мижъ свекромъ та невисткою коженъ день иде теперъ суперечка. Середъ

однои зъ такыхъ суперечокъ застаемъ лопухивське симейство и мы зъ чытачемъ.

— Ты-бъ таки, божевильна, розмиркувала, чы справытся невченый чоловикъ протывъ вченого. Молытвы молытвамы, а то сказать и коло земли вченый бачыть що до чого...—вмовляе дидъ невистку словамы пана экзаменатора.

— Бачыть винъ мабуть свою скажену матиръ. Вы-бъ мени краще терлыцю склюкалы, а то въ мене копа горстокъ на шыи!... Навчытся—дежъ-пакъ!.. Буде тоди матиръ быть, такъ якъ бье стару Сыдорыху москаль; той же набрався розуму въ москаляхъ...—Лопушыха хотила пидкрипыты послидню аргументацію протывъ наукы буханамы и вже протяглась до Левка, але на цю прыгоду увійшла въ двиръ баба Мотря.

— Добрыдень вамъ! що це въ васъ наче въ жыдивськiй школи? А ну лышъ, сынку,—звернулась вона до Левка, котрый сыдивъ и хлыпавъ,—глянь въ соннықъ, та то такый мени цю ничъ поганый сонъ снывся! Снылось мени: буцимъ здорова, здорова воша выповзла зъ-за пазухы тай сунется по пояси, а я и кажу: и де вона взялась така погань, Господы просты?! Колы зыркъ... стоить передо мною якый-сь страннықъ зъ довгою та сывою бородою; стоить, дывытся на мене тай каже: «То, раба Божа, не воша, а то твоя смерть!» Маты Божа! Якъ потерпла я, якъ жахнулась—тай прокынулась... Эге... оце-жъ, кажу, не даромъ я, мабуть, и хлиба не спечу: чотыры разы зряду солодаши. Подывысь, сынку, мерщій, бо й рукы мои ни до чого не стоять. Я вже, якъ будешъ сыдить на посади, то подамъ тоби воды.

— Нетеча тебе внесла,—бубонила Лопушыха,—бачъ яка! Будемо ій по кныгахъ сны розгадувать; прыйшла, щобъ славу розносыть!

Левко почавъ ворожыты, але скильки винъ не нышпорывся въ сонныку, то ніякъ не мигъ знайты, протывъ чого снытся воша. Въ кинци наткнувся винъ на блоху.

— Бабо, чого-сь нема въ сонныку вошы; блоха йе...—звертается Левко до бабы.

— Такъ що-жъ, сынку, ворожы на блоху, воно все йидно, якъ то, такъ и то нужа...

Левко прочытавъ, що блоха означа «невдовольствіе».

— И таке ляпне, собачый брехунъ! Къ чому воно, до чого?— промовыла здывована баба и заспокоена побигла зъ двору.

Такымы и иншымы ричамы Левко частенько слугувавъ лыпнягивськимъ бабамъ; дывысь--то заворожыть, къ чому снывся якый сонъ, то подывытся въ святци, колы празныкъ въ «крузи», колы въ «полукрузи», а колы зовсимъ безъ «круга». Отъ такы бабы и знають, въ якый празныкъ треба празнувать, а въ якый можно робыть легку, а то и важку роботу.

Чоловикы тай то цяцькувалысь лопухивськимъ грамотіемъ. Дывысь—колы не колы празныкомъ чы недилею и зійдется гуртокъ биля лопухивськихъ воритъ; балакають про це, про те и частенько закыдають заключкы про наукы.

— Охъ наукы, наукы!—каже дядько Карпо, сплёвуючы зъ люлькы,—я колысь сплавъ дилъ въ управытелевыхъ кимнатахъ; то такъ: въ йидній кимнати робымо мы, а въ другій вчятся диты... и такъ воны мени за день натуркалы цимы наукамы голову, що вона въ мене була оттака,—показуе Карпо на пивъ аршына видъ щокы.

— Та ты-бъ показувавъ дальше!—иронычно вставляе дядько Мусій.

Середъ гурту почынается регитъ.

— Этъ, бисови поторочи! Не слухай ихъ, Левко, хай ихъ батько впьется. Прынесы лышень лучше кныжку, та почытай намъ що небудь.

Левко выносыть зъ хаты кныжку, котру винъ тры рокы довбавъ въ школи, и перегортае, чытаты не одважуется: гуртокъ забалакався, тай забувъ про нёго.

— Ты намъ, Левку, щось обищавъ прочытаты,—нетерпляче мовляе дидъ Гараськo, поглядаючы на хуторянъ,—чытай, дурню, не соромся, хай люде послухають.

— Ай справди!—гомоныть килько голосивъ,—мы тутъ ёго чекаемъ, а винъ про насъ и думать забувъ; чытай, ледащо, годи гнутся!

Левко червоніе, запыняется, але черезъ килько хвылынъ дрибно, дрибно почынае:

Какъ пошелъ нашъ козелъ
Да по ельничку,
Да по частому березничку.
А навстрѣчу ему
Сѣрый заинька.
Ахъ ты, заинька!
Ахъ ты сѣренькій!
Ты не смерть-ли моя?
Ты не съѣшь-ли мена?

Гуртокъ зареготавъ. Дядько Мусій слухавъ, слухавъ, тай почавъ выгурцуватысь въ тактъ Левкови.

— Бачъ, чортъ старый, що вытіявъ!—чуется зъ гурту,—взявъ-бы самъ тай почытавъ!

Дядько Мусій не заставляе себе довго просыты; винъ бере кныжку и, прыскалывшы око, пыльно передывляется.

— Гарна кныжка, та здается, не пры мени пысана,—прызнается винъ въ кинци.

— А отъ визьмы лышень ты, Карпе, та втны намъ що небудь!—звертается дядько Мусій до Карпа зъ самымъ серіознымъ выдомъ.

Карпо бере кныжку и, тежъ серіозно, почынае іи розглядаты.

— А що? Не читко напысано?

— Эге, скоропысь якась нерозборшлыва.

— Та въ тебе, голубе, и коза чого-сь до горы дрыкгомъ намалёвана.

— Ай справди!—захапався Карпо,—то мабуть, собачый маляръ помылывсь!

— Чы маляръ, чы може й ты похапцемъ та не туды повернувъ,—озвався хтось середъ реготу зъ гурту.

— Пысавъ пысака, не розбере и собака,—здыхае Карпо и вертае кныжку Левкови.

Левко радый; винъ бере кныжку и зновъ начынае выщаты хуторянамъ кныжне слово, брыдко вымовляючы російськи слова:

Чижикъ пыжикъ у воротъ
Воробышекъ маленькій.
Ахъ, братцы, мало насъ
Голубчики немножко.
Въ хороводѣ людей мало
Веселиться не съ кѣмъ стало!

— И выдумано, и вытолкувано!—здыхае баба Мотря, котра не розшолопала ни йедыного слова:—таке, Богъ зна й що; ни къ селу, ни къ городу!

— Не лайтесь, бабо, може воно що святе, —вставляе Мусій.

— Кныжка гражданьська,—розгадуе хтось,—хиба такы въ святій кныжци буде коза!?

— Отъ пысьменного зразу выдно,—почулось кильки голосивъ, и гуртокъ зновъ зареготався.

— Охъ, чыжыкъ-пыжыкъ,—здыхае Мусій,—а въ мене корова ригъ зломыла, то така пеня.

— Такъ вы, серце, за шыю лыгайте,—радыть баба Мотря,— у насъ торикъ якъ зломыла, то лыгалы за шыю.

—

Саме въ клечальну суботу, рано вдосвита рушывъ дидъ Гарасько зъ Левкомъ до миста шукаты хлиборобськои школы и цилисенькый день плуганылысь воламы по специ зъ йиднымъ тильки невелычкымъ видпочывкомъ.

Дидъ зъ-ранку гомонивъ до Левка—все навчавъ якъ треба жыты въ свити: «Молысь, каже, сыну, Богу рано и пизно, не йижъ въ пистъ скоромного, шануй старшыхъ...»—а потимъ, якъ стало прыгриваты сонце, то сивъ на переднёму затылку, спустывъ на війя ногы и мугукавъ пидъ нисъ якусь писню; зъ тіеи писни Левко тильки и вчувавъ що: «Ой крыкнулы журавли на рыли та гей, гей!» Курный шляхъ бувъ въ два ряды обсаженый вер-

бамы, а дали выдно було степъ, степъ и степъ. Жыта тильки що почалы красуватысь и якъ море хвылювалы видъ малесенького подыху витру. Левко цикавывся всимъ, що тильки траплялося навкругы. Дывысь—зирвется жайворонокъ, высоко, высоко пидіймется, затрипоче крыльцямы, защебече и хутко впаде въ зелену ярыну. Ось кибець, росправывшы крыла, тыхо, спокійно плавае въ блакитному неби, а ось другый высыть недвыжно въ повитри, а дали зрывается и кулею падае на землю, вздрившы оддалекы якусь дóбычъ. Зъ кибцивъ Левко переводыть очи на били, легеньки, якъ намитка, хмаркы, що незнать де берутся и куды счезають зъ неба. Де-не-де попадалысь помижъ вербамы товсти, гилясти осыкы; воны дрибно, дрибно шелестилы своимъ билястымъ лыстячкомъ.

— Диду,—пытае Левко,—чого воно, нибы и витру немае, а осыка шелестыть?

— Отъ бачышъ, хлопче, ты и пысьменный, а дурный!—сміется дидъ—то ій, сыну, такъ давъ Богъ! Вона трепочется зъ переляку, бо на ій повисывся жыдъ-Юда, що Суса Хрыста продавъ.

— Такъ хай бы та й тремтила,—замыслено каже Левко,—а чого воны вси тремтять?

— Такъ бачъ-же, Богъ такъ давъ, що тремтыть увесь ридъ осычый,—поясняе дидъ.—Гей, корякъ, отъ уже до миста недалеко! «Ой крыкнулы журавли на рылли, та гей, гей!» Борозный «корякъ» тяжко хакавъ, высолопывшы языка.

Вже ажъ четвертого дня верталысь Лопухы зъ миста до-дому. Левко сыдивъ въ задку и кунявъ, а дидъ суворый, мовчазный правувавъ воламы. Тыхо повзуть волы. «Тукъ, тукъ», монотонно выбывае объ пидтокы мазныця.

— Що-жъ воны таке хоть пыталы тебе, що ты не погодывся?—звертается дидъ до Левка тильки що не кризь слёзы.

— Пыталы молытовъ рижныхъ, та рожество Хрыстово, та входъ Господа въ Іерусалымъ, а потимъ кажуть: ну теперъ, малчыкъ, розберы предложеніе: «мужикъ вчера пахалъ за нашимъ садомъ».

— А ты-жъ що?

— А я сказавъ, що не знаю, бо насъ дякъ такого не вчывъ?— плаче Левко.

Дидъ крутнувъ головою.

— Бачъ, Левку, хиба я тебе не навчавъ, хиба я тоби не казавъ: будь, сынку, розумненькый, будь такый, якъ хазяйськи диты... Чы й спыталы тебе, стилько мужыкъ выоравъ за нашымъ садомъ, то ты-бъ такы й сказавъ, що це, добри люде, глядя по худоби и по дню: передъ Покровою и за два дни того не вробышъ, що вробышъ петривнёго дня. Та впять же и киштъ! А ты ляпнувъ, якъ вилъ у калюжу... Охъ, горе зъ такымы диткамы! Не даромъ каже та прыказка, що добри диты на ногы поставлять, а лыхи зъ нигъ звалять. Гей, корякъ! Ачъ бисова ледачъ такъ и валытся на війя. Воно звисно, мы жылы безъ наукы тай йилы хлибъ, але все-жъ, сыну, чого-бъ навчывся, то того за плечыма не носыть.

Добре смеркло, якъ прыйихалы Лопухы до-дому. Повный мисяць, котрый вже спускався на захидъ, облывавъ блидымъ сяевомъ сонни Лыпнягы. Тыхо, тыхо; де тильки иноди хрыпло гавкне собака, або гугукне въ лузи пугачъ. Старый якось помьякшавъ и тыхенько гомонивъ зъ Левкомъ.

— Ну, сыну, навчылысь чортового батька; теперь лягай та будемо спать, а завтра перечасуемъ зъ ранку, покы худоба спочыне, гукнемо на супряжчыка, та пойидемъ орать толоку—годи байдыкы быть. Хатнихъ калатать не будемъ—хай сплять; ляжемо тутъ на вози; тпру, корякъ! Бачъ якъ выголоднывся; жды жданого, хлопче, прыйде и твоя черга!

Не вспивъ Левко звесты очима, якъ прыверзлась ёму наука: довга, зелена, зъ гадючымъ хвостомъ, зъ цапыною бородою. Поворушылась вона въ якомусь жабурыни; вышкырыла страшни зубы тай пыта: «А ну, малчыкъ, розбери предложеніе: мужикъ вчера пахалъ за нашимъ садомъ; де тутъ подлежащее, а де сказуемое?» Левко зъ лякомъ прокынувся. Дидъ стоить навколюшкы и голосно молытся Богу: «не прыемли имени Господа Бога твоего всуе...»—зъ особлывою щыристью вымовляе винъ, бьючы важки поклоны... «Не прелюбы сотворы... не украды...»—начытуе старый

дали и тяжко здыхае. Левко заспокоюется, але що це? «Ря-туйтуйте!»—чуется хлопцеви здалека-здалека; «ряту-ту-ту...»—голосыть хтось блызько; зовсимъ блызько, отъ уже надъ самисинькымъ вухомъ.

— Диду... диду, чы вы чуете?

— Ну й чого, дурнесенькый? Перехрестысь та спы, бо завтра вставать рано!

Ту... ту, ту...—почынае черезъ кильки хвылынъ таемный голосъ и комаръ впывается Левкови въ щоку. «И въ Духа Святаго Господа Жывотворящого, иже отъ Отца исходящого...»—молытся дидъ. Мисяць въ останній разъ зырнувъ на Лыпнягы и сховався за вербамы. Хуторъ оповыла густа питьма.

П. Майорськый.

Украиньски зàпыси Порфирія Мартиновича. [1]

Печатаемыя въ настоящей книжкѣ записи отъ «лирныка *Семена Мыкытовыча Чекана*» изъ с. Дзыкгливкы даютъ только двѣ историческія пѣсни. Дума про побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова представляетъ, сравнительно съ записанными П. Д. Мартиновичемъ отъ другихъ лицъ, болѣе краткій и слабый варьянтъ (см. запыси отъ Крюковскаго-Кравченка, Магадына), равно какъ и пѣсня о Марусѣ Богуславкѣ далеко короче и слабѣе извѣстныхъ уже въ печати варьянтовъ (см. Антон. и Драгоман. «Историч. пѣсни»). Первая пѣсня заучена, по словамъ Семена Чекана, «у Ряській, у Рясчаньського вчывся» (къ сожалѣнію, нѣтъ болѣе точнаго опредѣленія), а вторая слышана имъ отъ Степана, по фамиліи неизвѣстнаго, но судя по дополняющимъ справкамъ, онъ былъ родомъ изъ екатеринославской губерніи, т. к. Семенъ Чеканъ, прилагая къ этому Степану эпитеты: «Катарнаславськый, Заднипрянській, Товмашкивськый (изъ с. Товмашкивкы), добавляетъ, что «винъ прожываеть скризь—и въ новомосковськимъ уйизди, и въ павлоградськимъ».

Записи отъ *Косьтянтына Мыкытовыча Коваленка*, 88-лѣтняго старца изъ с. Мартыновки (константиногр. у.), представляютъ разсказы въ родѣ тѣхъ, которые уже были напечатаны по записямъ П. Д. Мартиновича отъ Грыцька Ганчаря и Кырыла Пашковського (см. № 7—8). Жаль только, что въ этихъ разсказахъ, очевидно, многое перезабыто старикомъ Коваленкомъ.

Отъ кобзаря *Хведора Грыценка* изъ с. Груни (зѣньков. у,) записана только одна пѣсня про *Канивченка*, представляющая сокращенный варьянтъ записей П. Д. Мартиновича отъ Крюковскаго и Магадына (см. № 2 и 3).

---

[1]) См. № 7—8.

Лирныкъ Семенъ Чеканъ.

Про трехъ бративъ.

Тожъ не темни туманы уставалы,
То тры браты исъ Турещыны,
Зъ Озовьського города, зъ неволи утикалы.
Што два браты конныи,
Третій пишый пихотынець.
Онъ за ными уганяе
Миждо кони вбигае,
За стремена онъ хватаеть,
До бративъ словомъ промовляе:
«Братикы мои мыліи,
Голубчыкы сыви,
Обождите хоть мало немного,
А хоть до хрыстыяньськыхъ городивъ довезите,
А хоть мечемъ голову иснимите,
Тило мое похороните,
Дзвиру на поталу неподайте».
Середулшой братъ добре дбае,
До старшого словомъ онъ промовляеть:
«Тутъ воды велыки, травы зелени,
Станьмо свои козацьки молодецьки кони попасимо,
И меньшого брата, пишого пихотыньця, надождимо».
Старшый братъ до середульшого промовляеть:
Якъ будемо мы меньшого брата пишого пихотыньця
ожыдаты,

Будеть за намы пребóльшая погонь гнаты,
Будуть насъ сикты рубаты,
Ише въ горшу неволю завертаты».
Сталы ти два браты у лисы, въ байракы уйижджаты,
Сталы изъ дубья верхивья изрываты,
Усе меньшому брату, пишому пихотыньцю
На прымиту покыдаты.
И сталы изъ лисивъ, изъ байракивъ выйижджаты,
Ничого стало найменьшому брату на предмиту покыдаты.
Середулшой братъ добре дбае,
На соби голубый каптанъ мае,
И тотъ онъ на соби обрывае,
На предмиту меньшому брату,
Пишому пихотыньцю, покыдае.
Ставъ меньшый братъ, пишый пихотынець,
Изъ лисивъ, изъ байракивъ выйижджаты,
Ставъ своихъ братывъ жовти кытыци ввичы забачаты,
«Ахъ, десь моихъ братывъ на свити немае,
Што вже изъ ихъ дорогіи шаты по дорогамъ валяються».
Сойшовъ меньшый братъ, пишый пихотынець, на Саворъ могылу,
Ставъ онъ слизно рыдаты
И ставъ онъ словомъ промовляты.
Што первое безвидья,
А другое безхлибья,
А трете буйный витеръ повивае,
Бидного козака съ ногъ валяе.
Стала тогда дробная птыця налитаты,
И сирые 'олкы нахождаты,
Сталы ёго тряматы,
Ставъ онъ словомъ до ихъ промовляты:
«Обождите вы, сирые волкы и вы дробная птыця,
Покудова душа исъ тиломъ розлучыться.
И тогда будете мене тряматы,
Тило мое по кущамъ розношаты».
Дробная птыця на чорни кудри ёму наступала,

Очи зъ лоба ёму выбирала.
Тоди сыви зозули налиталы
И ёго обкувалы,
Якъ ридни сестрыци обплакалы.
Сталы ти два браты
До дому дойижджаты,
Ставъ середульшый братъ до старшого словомъ промовляты.
«Што якъ мы будемъ отцу и матери правду открываты,
Што нашого брата меньшого, пишого пихотыньця,
На свити немае?»
Ставъ старшый братъ до середульшого словомъ промовляты:
«Чы лучше намъ отцу и матери правду открываты,
То лучше жъ намъ на дви части батькивщыну паюваты.
А если будешъ ты, середульшый братъ,
Отцу и матери правду открываты,
То буду я тебе изъ свита погубляты,
То самъ я тогда буду батькивщыну пожываты».
Сталы отца и матирь сострічаты,
Ставъ середульшый братъ сльезновъ рыдаты,
Отцу и матери правду открываты:
«Што нашого наименьшого брата, пишого пихотыньця, на свити немае».
Сталы воны ёго за гостя прыйматы,
А старшого брата зъ двора прогоняты.
Ставъ старшый братъ сльезновъ рыдаты
И словомъ промовляты:
«Што лучше-бъ же було намъ на тры часты батькивщыну паюваты,
Нижъ чимъ теперъ тоби самому пожываты».
Дай Боже мыру царському
На здравіе, на многіе лита.

(У Ряськiй у Рясчанського вчывся).

Константиноградъ 30 января 1886 года

Маруся Попивна Богуславка.

Запорозька писня.

На сыниму мори,
На билому камени
Тамъ стояла темная темныця,
А въ той темныци, тамъ пробувало пьятсотъ козакивъ,
Бидныхъ невольныковъ.
Што воны трыдьцять тры лита тамъ пробувалы,
Сонця праведного
И свита билого
Соби въ вичи не выдалы.
Десь узялась дивка бранка
Маруся попивна Богаславка,
До темныци прыхождае,
До козакивъ словомъ промовляе.
«Ахъ вы козакы
Бидніи невольныкы:
Што вы тутъ трыдцять тры лита пробувалы,
Сонця праведного
Свита билого
Соби въ вичи не выдалы,
Чы вы знаете, што въ насъ день сегодня святой субота,
Завтра будеть святой день Велыкдень?»
Оны на колинка упадалы
Дивку бранку
Марусю попивну Богуславку
Проклыналы.
«Шобъ ты, дивко бранко,
Марусю попивно Богуславко,
Ни щастя соби, ни доли немала,
Якъ ты намъ сей день Велыкдень сказала.
Што наши родніи будуть пыты и гуляты
И насъ спомынаты,
А намъ будеть тяжко та важко
У неволи пробуваты».

«Не лайте мене, бидніи невольныкы, и не проклынайте!
Панъ одъ двору одъиждджатыме,
Ключы мени у рукы уручатыме,
То я буду на билый свитъ васъ выпущаты.
То вы бижите,
Только города Богаславіи не мыните,
Тамъ моему отцеви накажите,
Што нехай монетовъ не збувае,
Мене видсиля не выкупляе,
Бо вже я потурчылась
И побесурменылась
На турецьки ласощи и на лакомыны».
Вызволь Господы насъ, бидныхъ невольныкивъ на волю,
Въ край веселый,
У мыръ хрещеный
На ясни зори
Въ городы хрыстыяньськи.
Хрыстыяньському мыру на здравіе
И на многіе лита.

(«У катарнославського у Степана чувъ іи»).

30 января 1886 года.

Степанъ Ивановычъ Задниприяньськый ёго звать, а фамиліи не знаю якъ. Винъ у насъ зоветься Задниприянській, винъ изъ-за Днипра, и Товмашкивськый ище зоветься. Винъ изъ Товмашкивкы. Прожываеть (винъ) скризь: и въ Новомосковськимъ уизди и въ Павлоград ськимъ.

Косьтянтынъ Коваленко.

(Зъ Мартынивкы, константиногр. у.)

Запорозъци.

Запорозьци—такъ воны не таки люде, шо стало быть чы королёкъ, чы що, а воны таки, а воны ось яки люды. У нашого царя та

трошкы людей було, а въ Турка багато. Такъ Турокъ и насида: „давай мини по десять чоловика въ мисяць, а якъ не будешъ давать, такъ отберу все“.—„Ну, чы давать, то й давать. Вже-жъ я съ тобою ничого не здѣлаю“. Ото й отсыла десять чоловика у мисяць. Мисяць выйшовъ—упъять десять. Ото вже два раза пишлы, а хто его зна де винъ дива; чы воны тамъ у его жывуть де, чы винъ ихъ ще запровторыть... Ну, й въ третій мисяць ото збырають. „И тоби, Грыцьку, йты и тоби Хомо“... А въ одного хлопець шиснадцяты литъ. „Оце жъ ты, сыну, дома зоставайся, та годуй уже и матиръ и дитей“.—„Э-э, тату! Якъ мини зоставаться вашихъ дитей годувать, а я ше малолитный,—зоставайтеся-жъ вы, то вы вже й годуйте“. – „Такъ ты-жъ малый“!—„Та дарма шо малый“. Ну, отъ пишлы воны. Идуть та идуть...—Увійшлы воны у Турецьку землю. Той хлопець и говорыть: „Дядькы“!—„Чого“! – „Чы мы не дурни, шо мы такы йдемъ сами?! Ось слухайте мене, ось захожуйтеся, батереи копайте. Хоть же не велыки на десять чоловика, а хто прыбуде, то той соби, побыля насъ“. И жывуть. Отъ то ще йде десять человика. Уже четвертый мисяць... „Куды вы йдете? Зоставайтесь тутъ“. Оставывъ и тыхъ. На пъятый мисяць упьять идуть десять. Винъ и тыхъ не пустывъ—завернувъ. Ото вже въ его тридцять чоловика. И ото скилькы не йшло!... То вже винъ дывывсь-дывывсь, шо багато йде, та давай до царя пысать: „Царю! Не давай“, каже, „Царю! А то винъ уже всихъ, забере! (Туркови не давай). А Турокъ пыше: „Чомъ ты не даешъ? Розорю!.. И Росѣю твою розорю!.. Чомъ ты не прысылаешъ“?! А цей одпысуе, шо „я славъ отъ исъ такого-то мисяця жаденъ мисяць“! „Ну, такъ воны десь е“! Та ото и сыхъ завертавъ (хлопець), та ото и збоку прыбигалы,—такъ уже то одынъ, то два. И назбыравъ винъ сорокъ тысячъ! Хлопець той назбыравъ. Винъ лыцарь бувъ, та то его нихто не знавъ. „Ну, шо жъ, хлопци!? Теперъ мы въ чужій земли жывемъ и намъ хто его зна за кого заступаться! Чы за Турка, чы за Россійського царя. На Россійського Царя намъ не йты! Тамъ наши дядькы, тамъ наши батькы, такъ намъ буде грихъ, якъ мы будемъ на Билого царя йты... (Пропускъ). Турокъ тоди: „эге! якъ ты такый, такъ я тебе роззорю зъ кориньнямъ, шобъ ты у моій земли не бувъ“!

Собралыся иты его воювать. Прыйшовъ... Онъ-де йдуть,—онъ-де и винъ жыве... Нельзя йты: гора,—така гора, шо бида!! Воны ходылы, ходылы, тай вернулысь.

Турокъ розсердывся! Какъ такы не можно?! Шо це вы дѣлаете?! Другымъ порядкомъ другыхъ нарядывъ.

...Ричка....... Така здорова—така здорова, шо такъ вода и блыщыть!!...

Третій разъ пославъ... Лисъ... терны... Самый лисъ!!...

„Ну, шо-жъ намъ робыть теперъ?! Та мы его й не возьмемъ. А возьмемъ мы сорокъ бочокъ горилкы! Издѣлаемъ балъ. И воны понапываються, такъ мы ихъ тоди пьяныхъ“... Клыче Кошового въ госьти. Винъ и пыта хлопцивъ: „Хлопци! Шо мы будемъ казать? Турокъ клыче въ госьти отсюды й недалеко“. „Та вы знаете. Якъ прыкажете. Чы йихать, то йихать“. „Такъ винъ хоче насъ погубыть“!?. Воны его называють: Паноче! Тамъ то вже вы знаете“. „Ну, та пойидьмо“. Тоди пойихалы туды до его въ госьти. И выйихавъ. Горилкы напылысь... Яку забралы до-дому... винъ и не бачывъ (турокъ). Тоди вьзявъ ричку напустывъ посередыни. Ци зъ сьёго боку запорозьци, а ти съ того боку... Пропало дило ихъ шо й напувавъ!!

„Шо якъ такы ты думаешъ?! Шо ты въ моій земли жывешъ, а мини помочи ніякои?! Такъ прыбудь до мене побалакаемъ ще“.

Отто вже винъ пойихавъ!!... „А пидить мини, хлопци, за межу, росьсійськои земли наберить зо прыгирщъ“. Пишовъ одынъ тамъ, прынисъ. Винъ узявъ та роззувся та въ чоботы й понасыпавъ потроху. Та тоди й убувсь. „Ну, оце-жъ теперъ, хлопци, пойидемо“. Теперъ уже йидуть за нымъ, уже й верхамы и винъ йиде. Турокъ и говорыть: „якужъ ты мини дань будешъ давать, шо ты въ моій земли жывешъ? Чы ты за мене стоятымешъ, чы за Россѣйського?“—„На чіи земли стою, за того й стоятыму“. А вы-бъ подумалы: шо на моій-же земли винъ стоить, за мене буде й стояты. А въ его въ чоботихъ—Росьсѣйська?!!.. „Ну, нехай-же хоть твои хлопци до мене на часы йизьдять. Двадьцять пьять чоловика жадьни суткы“.—„Ну, й нехай! Зъ усымъ прыдовольствіямъ!! Двадьцять пьять рубливъ у суткы жадьни даватымешъ“.

1886 года Г. Константиноградъ, полтавской губ.

Про кошового Гладкого.

Той кошовый уже вмеръ. Якъ умыравъ, то казавъ: „кого вы наставыте кошовымъ“?—„Не знаемъ кого наставыть“. „Наставте-жъ

вы Гладкого, мого поваря“ (а винъ бувъ поваромъ у кошового),—„то це, хлопьци, пожывете“. Ну, то винъ померъ—наставылы Гладкого...

Ажъ Гладкый вже й не такъ. Уже й не такъ!.. Вже й острогъ зробывъ?!...

Якый тамъ у пана бувъ лакей, якый кучеремъ—та туды тикають!.. А Гладкый уже ихъ увъ острогъ та й назадъ!...

Ну, кажеться за Мыколая.... шо Мыколай ихъ выклыкавъ, шо „идить я тоби землю дамъ“. Давъ чынъ полковныка и землю.—„Тилькы не мишайся!!!“.. А тихъ запорозьцивъ повернулы у козакы.. А Гладкый одказавсь. Отто ему императоръ такъ исказавъ: „откажысь! отъ тоби полковныцькый чынъ, тилько не наставляй наставленыивъ“.

Половына назадъ вернулась, та хто его зна й не чуть, чы вона тамъ и жыве, чы вона де прытулылась къ якому королю али царю.

1886 года г. Константиноградъ, полтавской, губ.

Про царыцю Катерыну.

Воны до неи въ госьти йиздылы скилько тамъ чоловика, хто его зна: чы пивсотьни чы що буде. Ну, та прыйшлы. „А здорова, Катерыно!“—„Здоровы! Здоровы-здоровы, запорозьци“. И дочка выйшла. А запорожець одынъ каже: „можно заспивать вамъ письни?“ А дывыться въ дочкы перстень на руци. „Заспивай—заспивай“.

„Ой чукъ шкарбундравъ,
Козакъ зъ дивкы перстень знявъ“...

Колы вона зыркъ—нема перстня. „А що вы дывытесь? Нема перстня? Оце може вашъ? Вернуть?“ „Ни, нехай вже тоби на бублыкы“. „Дать-же имъ по стакану водки“. Це вже Катерына каже. Дають. Такъ одынъ узявъ: „Будь здорова“, каже, „Катре, якъ корова, а обшырна якъ земля!“ „Э-э! якъ ты такъ сказавъ на мене“, обидылась вона. „Застрелыть“. Узялы, одвелы скилько пушка бере. Винъ стоить: „Чы й стрилять, то й стрилять“. Выстрелылы. Ажъ воно не докотылось до ёго. „Блызче поставыть, а такы розстрелыты“. Блызче прывелы. Выстрелылы. Впьять не докотылась (бомба). И третій разъ не докотылась. „Ну, шо-жъ зъ тобою робыть? У Санодъ судыть-же треба“. Санодъ розсудывъ: „Ажъ винъ на тебе, Катре, хорошо сказавъ: будь здорова якъ корова, а обшырна якъ земля. И шо-жъ тоби?“

Отъ тоди ій лучше стало. Ну, теперъ-же помырылыся. „Катре!“ Ото вже впьять запорожець. „Катерыно! Навары намъ галушокъ“. „Хорошо, хорошо“. Вона тамъ, чы скоро чы не скоро—подалы ложкы въ аршынъ держакъ, шобъ до рота не донисъ и печать положыла, шо нельзя-жъ посунуть блыжче. О-такъ воны посидалы одынъ протывъ одного, то я беру та тоби даю, о-такъ я вамъ, а вы мени, тай понайидалысь.

1886 года, г. Константиноградъ, полтавской губ.

Про чупрыны.

Та тутъ у чупрынахъ вси ходылы; якъ отъ вырывалысь люде. И я въ чупрыни ходывъ змалу. Якъ паньськи сталы вже люде, якъ закрепостылы, то якъ де побаче (панъ) въ чупрыни: „А-а ты, с..... с...! Ты хочешъ утекты въ запорозьци“. Возьме ножныци тай обриже. Ото й унычтожылы.

1886 г. Г. Константиноградъ, полтавской губерніи.

Про татаръ.

Ото-жъ моя маты знала. Ото воны татары забигають... То це якъ витьтиля идуть, то ще й бижыть передовый: „Тикайте, татары идуть“. То воны добро въ лантухы та ховають по лисамъ. И самы ховаются. Въ воду и по лисамъ ховаются. Въ воду ховаются тильки очы выдно... пидъ плавомъ и сыдыть. Пидъ очеретомъ сыдыть. То якъ днемъ, то винъ и ходе, татарынъ: „Марусю!.. Марусю!.. Иды, дытына плаче“. То якъ яка то вона озовется. Ось де й винъ (татарынъ). Заразъ повивъ. Якъ шо стоить того дила—заразъ беруть гонять у свій край. А якъ не стоить, то зарубають тай бросять. Одна молодыця зъ дытыною бижыть ото ховаться.., Дытына плаче... Ныльзя выховаться... То вона тоди дытыну въ воду булькъ!.. Свою ридну, шо не можно спасать; тай сыдыть тоди вже сама. Ночувать не ночують у слободи, боятся, а выходять у чысте. А тыхъ молодыхъ та здоровыхъ вьяжуть. А плачуть, крычать; хочь и не выдно, а прыпаде до земли, такъ и чуть гласъ. Де ночують, такъ тамъ сырыцею вьязалы нога до ногы, шобъ не втекло, значыть. Одна жинка пидъ те времня розсыпалась:

такъ така, шо никуды тикаты. Жинка молода, хороша. Такъ воны взялы, та одного й покынулы. „Ото оздоровіе, такъ возьмешъ“. Ото той и береже татарынъ. Вона й дума: „шо съ тобою казаты? Ходимъ у погрибъ—возьмешъ бурякивъ у дижци“. Пишлы въ погрибъ. Винъ нахылывся (до дижкы), а вона ёго за ногы, та туды въ квасъ. Пропавъ. Тоди свободна стала.

1886 г. Г. Константиноградъ, полтавской губерніи.

Палій Семенъ.

Про ёго все й розно росказують. Де не почуты, то все й розно.

У Мазепы дытына родылась, тоди якъ Повтаву воювавъ. Тоди ёго воля була у Повтави—Мазепы, а тутъ у насъ никому. А одынъ салдатыкъ ото и обибрався сказать: „Шо якъ-бы до мене Семенъ Палій, такъ мы-бъ ёго выгналы“. А Семенъ Палій, де-бъ-то по нашому, такъ на Сибири бувъ. Такъ ёго за суткы и прыставылы. Такъ винъ якъ увійшовъ (Палій до солдата): „Э-э, чого ты, сынокъ, мене требуешъ?“ Якъ тупнувъ ногою, такъ викна и повылиталы. Такый чоловикъ. Такъ у ёго (у Мазепы) ото, шо хрыстыны пылы, такъ ота шельмына дытына: „Э-э, батьку“, каже, „куй“, каже, „кони назадъ шыпамы, бо вже Семенъ Палій тутъ!“ . . . . . (пропускъ) . . . .

Такъ воны, Семенъ Палій та той салдатыкъ, тай позабыралы на тихъ столахъ и напыткы и найидкы. А ти такъ и не бачылы. Та погулялы ничъ, та то вже на другый день якъ сивъ на билого коня Семенъ Палій, та объйихавъ трычы кругомъ, такъ тоди вже ёго тамъ и по..... Пропавъ.

1886 г. Г. Константиноградъ, полтавской губерніи.

Запорозьци.

На ихъ стриляють, а воны возьмуть, та запилъ наставыть, а кули все въ запилъ—все въ запилъ... „Нате вамъ, хлопци, горихивъ“. Отъ ты й бый ёго якъ знай.

1886 г. Г. Константиноградъ, полтавской губерніи.

Кобзарь Хведиръ Грыценко.

Канивченко.

1. Ой пидъ городомъ пидъ Черкасовымъ
То то жыла удова—Грыцыха,
Зовуть іи по мужови Канивчыха.
Мала вона соби Йвася Грыценка
По мужови Канивченка [1]).
То вона ёго до зросту годувала,
У наймы не пускала
Чужимъ людямъ на поталу не давала.
То-жъ вона зъ нымъ славы та памьяты
10. Старосты пры ёму жытія сподивала.
Скоро ставъ Ивась Канивченко до розума дохождаты.
Ставъ на базаръ выхождаты,
Чорну булаву на тышлыкъ [2]) выставляты,
Ставъ на вынныкивъ на брованныкивъ поклыкаты:
„Одже-жъ козакы-панове молодьци!
Которымъ не хочется по вынныцямъ горилокъ ку-
рыты,
А ще которымъ не хочется шынкарци дровъ воза
За чарку горилкы порубаты,
20. То зо мною до пана Хвылона Корсуньського
Подъ наметъ подъйиждл*аты,
Славного царства вже зажываты.
Ой удово-Грыцыхо, маты старая!
Якбы ты мени велыке стараніе мала,
То ты-бъ мени вороного коня купыла,
Шо моя давно козацька молодецька душа улюбыла".
„Сыну Йвасю Канивченку!
Есть у насъ чотыри волы чабаніи
И два кони вороніи;
30. Пидешъ ты въ чыстее поле хлиба-солы пахаты

---

[1]) Зовуть его по мужови Канивченка.
[2]) Хто его зна, шо воно.

Будуть тебе мужыкы козакы вже й такъ добре знаты“.
„Ой удово-Грыцыхо, маты старая!
Не хочется меня по борознахъ червоного сапьяну
каляты.
Думашкового жупану пыломъ набываты,
А ще не хочется своимъ гласомъ козацькимъ молодецькимъ
На воливъ гукаты,
А ще не хочется, шобъ мене мужыкы козакы
Гречкосіемъ називалы“.
То въ Недилю Святую рано пораненько
40. То то вдова-Грыцыха до вутрени Божои отхожае,
Останни зрубни [1]) трема замкамы замыкае.
То Йвась Канивченко отъ сна пробужае
По двори походжае
Велыку о соби смутку мае,
Шо ни коня вороного, ни козацькои зброи
Ничого въ себе не мае,
У кимнату вхожае,
Замкы отбывае,
Батькивську шаблю съ килка здыймае,
50. До пояса прыпашае,
Пишкомъ суховертомъ поспишаеть гуляты.
А сусиды зналы,
Удови й Грыцыси знаты давалы:
„Удово Грыцыхо! Ты въ церкви стоишъ, Бога молышъ,
А ты своеи прыгоды не знаешъ,
Шо вже славного лыцаря Ивася Канивченка
Ты вже въ своій господи не застанешъ“.
То то вдова-Грыцыха вутреню Божу выслухае,
Мовъ сывою голубкою въ двери вылитае,
60. До господы прыбувае,
До земли прыпадае.
Дрибнымы слёзамы пролывае,
Свого Йвася Канивченка клыне-проклынае:

---

[1]) Шобъ то воно значыть? хаты-бъ то, шобъ то?

„Бодай тебе, Йвасю Канивченку;
У первій громади первая пуля не мынула,
Якъ ты мене не схотивъ пры старосты литъ
Хлибомъ-сольюо годуваты,
А пишовъ на герець своею волею гуляты“.
А ще вона якъ ёго кляла проклынала,
70. А ще подумала погадала.
Вороного коня купыла,
Що ёго давно козацька молодецька, душа улюбыла.
Козака наньняла,
Дванадьцять рубливъ на жупанъ дала.
То той козакъ добре дбавъ,
Висько догнавъ,
Ивася Канивченка съ табору выклыкавъ.
То Йвась Канивченко съ табору выходжае,
На себе хрестъ искладае.
80. Тоди винъ козацьки попругы пидтягае,
На коня сидае:
„Благодарю тоби Господу Богу,
Отцевьській, матерыній молытви.
Я-жъ думаю, що мене ненька старенька клене-проклынае,
А вона объ мени вольному чоловикови велыкія стараныя мае“.
Тоди винъ на коня сидае,
На себе хрестъ искладае
До пана Хвылона Корсуньського
Подъ наметъ подъйиждӂае.
90. „Пане Хвылоне Корсуньській полковныку!
Позволь мени на герець питы погуляты,
Славного царства вже зажываты“.
„Сыну Ивасю Канивченку!
Ты дытя малое,
Пидешъ ты на черець гуляты,
Будуть тебе туркы побиждаты“.
„Пане Хвылоне Корсуньскый полковныку!
Аже-жъ пусты ты одно утя старое,
А друге молодое:

100. То вже-жъ яко-же поплыве старое
Тако-же и молодое".
„Благословлю тоби, Ивасю Канивченку,
На герець питы погуляты".
Тоди винъ на коня сидае,
Козацьки попругы пидтягае.
На герець поспишае гуляты.
То винъ пишовъ гуляты,—небагато забравъ,
Трыста душъ посикъ, порубавъ,
Ще й симсотъ у полонъ заньнявъ.
110. Своему панови Корсуньському подъ наметъ подогнавъ.
Корсуньській полковныкъ велыку радость мае,
Ивася Канивченка славнымъ лыцаремъ называе.
„Пане Хвылоне Корсуньськый полковныку!
Позволь мени меду, вына, воковытои горилкы
Стольки вгодно брать подпываты,
Та позволь мени пьяному побигты погуляты".
„Сыну Ивасю Канивченку!
Въ мене медъ, выно, воковыта горилка не заборонена,
Стольки вгодно беры, пый-подпывай,
120. Ну, тольки не велю я тоби пьяному бигты гуляты,
Бо горилка израдлыва,
Шобъ вона тебе съ цего свита не збавыла".
То Йвась Канивченко на те не уповае[1]),
Стольки вгодно бере пье-подпывае,
Та въ недилю рано пораненько
Старыхъ мужыкивъ козакивъ карбачемъ затынае.
Та винъ пишовъ гуляты—небагато забравъ.
Трыста душъ посикъ-порубавъ.
А симсотъ у полонъ заньнявъ,
130. До пана Хвылона Корсуньського
Подъ наметъ подогнавъ.
А де взявся туркъ пьяныченко
Збоку найиждjае,
На Йвася Канивченка шаблю намиряе.

---

[1]) Гараздъ, шо попалася!

То винъ ёму не велыку рану завдавъ,
Трохы Ивася Канивченка вполъ не перетявъ.
То той кинь добре дбавъ,
Шовковы шнуры порвавъ,
До свого табору хрыстыяньського втикавъ.
140. Панъ Хвылонъ уздривъ,
На тимъ мисти зомливъ.
„Эй сыну Йвасю Канивченку!
Якъ я тоби не веливъ меду, вына, воковытои горилкы
Столькы вгодно брать подпываты,
А веливъ де-небудь у моёму намети лягты спочываты,
А теперъ де ты велышъ свое тило козацьке молодецьке поховаты.
Чы до города Черкасова отсылаты,
Чы тутъ ёго поховаты?
„Пане Хвылоне Корсуньськый полковныку!
150. Не велю я тоби мого тила козацького молодецького
До города Черкасова одсылаты,
Велыкого жалю удови й Грыцыси, матери моій, завдаваты,
А велю тутъ де-небудь ёго поховаты“.
То винъ первому полку загадавъ яму копаты,
А другому полку загадавъ труну бурсуваты,
А третёму полку загадавъ
Шапкамы, поламы высоку могылу высыпаты.
Ивася Канивченка поховалы,
Дванадцять ивангелыивъ надъ нымъ прочыталы,
160. Шобъ було славно на всю Украину.
А ще проты въ Недили Святои
Прыснывся сонъ удови й Грыцыси.
То вона по обидьній поры выходжае,
Старымъ жонамъ повидае:
„Стари й жоны отгадайте мини сонъ:
Быть-бы то мій Ивась Канивченко прынявъ соби Туркеню
Горду та препышну;

Мымо двиръ иде—на дворъ не погляне,
Тонкымъ платьтямъ слиды замитае,
170. Мовъ мое серце ножемъ пробывае".
То сусиды добре знали,
Та вдови й Грыцыси правды не сказалы
„Не плачъ, удово, не печалыся,
Дасть ёму Господь съ походу прыбуваты,
Буде тебе хлибомъ солью годуваты"
То се зъ за-горы йде тры полкы:
Первый полкъ иде—
Якъ бжола гуде;
Другый полкъ иде—якъ макъ цьвите;
180. Третій полкъ иде—
Ивася Канивченкового коня за поводы веде.
То вдова Грыцыха вздрила,
На тимъ мисти зомлила.
До земли прыпадае,
Словамы промовляе,
Дробнымы слезамы пролывае
Пана Хвылона клене проклынае:
„Бодай тоби, пане Хвылоне Корсуньскій полковныку,
Не було ни царства, ни панства,
190. Якъ ты мого Йвася Канивченка съ свита Божого
спріявъ" [1]).
То де взявся козакъ бижыть,
Чорну [2]) короговъ у рукахъ имчыть,
Стару жону Грыцыху розважае:
„Не плачъ, удово, не печалыся!
Не за то ёго Господь скаравъ, шо пишовъ на герецъ
гуляты,
А за те ёго Господь скаравъ, шо ставъ у Недилю
рано пораненько
Медъ, выно, воковыту горилку подпываты,

---

[1]) Хоть „спріявъ" сказать, хоть „загнавъ", якъ хочете такъ и пышить.

[2]) Червону.

Та старыхъ мужыкивъ козакивъ карбачемъ затынаты".
То вона вси тры полкы завертала,
200. Заразъ по Ивасеви Канивченку свадьбу й похоронъ отправляла,
Шобъ було славно на всю Украину!
Дай Боже мыру царському,
Народу хрыстыяньському,
Всимъ и вамъ православнымъ хрыстыянамъ
206. На здравіе на многая-лита.

На мой вопросъ, отъ кого кобзарь выучился этой пѣснѣ, онъ отвѣтилъ: „Однопригъ бувъ покойный. Винъ увъ Охтырци було найбольше скытаеться, тай я, було тамъ... Иваномъ звалы... Иванъ Олексіевычъ—такъ-то ёго звалы. Изъ Синного бувъ,—тамъ туды за Охтыркою. У науци бувъ у Краснимъ Кути. Былына бувъ покойныкъ".

1885 г. М. Лютенька (гадяц. у.).

Автобіографія Мих. Алек. Максимовича.

Когда къ столѣтнему юбилею Московскаго университета приготовлялось изданіе «Біографическаго Словаря», составители его, профессора и преподаватели университета, занимавшіе каѳедры въ 1854 году, обратились ко многимъ изъ бывшихъ профессоровъ этого университета съ просьбами доставить матеріалы для своихъ біографій. Такая-же просьба обращена была и къ М. А. Максимовичу въ 1854 году, проживавшему въ тотъ годъ на своемъ хуторѣ *Михайлова Гора* (въ полтав. губ.). Отвѣтомъ на эту просьбу было письмо М. А. Максимовича къ С. П. Шевыреву. Въ этомъ обширномъ письмѣ даны были не только матеріалы для біографіи, но вполнѣ обработанная автобіографія его. Очевидно, не желая нарушать единообразія въ изложеніи всѣхъ біографій, С. П. Шевыревъ значительно видоизмѣнилъ текстъ, присланный Максимовичемъ, вслѣдствіе чего напечатанная въ «Словарѣ» біографія его не можетъ быть признана со стороны характера изложенія и тона своего принадлежащей его перу. Такъ-какъ настоящая книжка нашего журнала посвящена памяти М. А. Максимовича въ столѣтіе со дня его рожденія, то мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ, вмѣсто обычнаго пріема напоминать въ такихъ случаяхъ читателямъ главные моменты изъ жизни поминаемыхъ лицъ, помѣстить полный текстъ той автобіографіи, которая была составлена самимъ М. А. Максимовичемъ, тѣмъ болѣе, что имѣемъ въ своихъ рукахъ подлинное письмо его къ С. П.

Шевыреву. Сличеніе печатаемой автобіографіи съ текстомъ «Словаря» показываетъ, что многія интересныя строки въ автобіографіи были тогда опущены для «Словаря», а между тѣмъ онѣ иногда характерны для выясненія личности М. А. Максимовича. Опускаемъ только въ этой автобіографіи библіографическій указатель трудовъ его, т. к., въ 1-хъ, онъ доведенъ только до 1854 года, а во 2-хъ, полный списокъ трудовъ М. А. Максимовича легко можно найти въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

Ред.

Любезнѣйшій Степанъ Петровичъ!

Спѣша исполнить Ваше порученіе мнѣ для «Словаря», принимаюсь за перо, чтобы написать біографическое извѣстіе о себѣ самомъ.

Теперь, когда я доживаю 50-й годъ на этомъ вольномъ свѣтý, для меня ближе мой внутренній, потаенный сердца человѣкъ, а Вамъ для «Словаря» нуженъ внѣшній я,—бывшій профессоръ Ботаники въ Москвѣ и Русской Словесности въ Кіевѣ... Впрочемъ, мое профессорство было не внѣшнимъ и не случайнымъ положеніемъ и дѣломъ въ жизни: оно было назначеніемъ моимъ и любимою мечтою съ дѣтства, средоточіемъ и подвигомъ юношеской жизни, моимъ самолюбіемъ въ возмужалые годы, при которомъ не было уже мѣста во мнѣ ни властолюбію, ни иному подобному любію, какъ въ томъ я не разъ имѣлъ случай повѣрить себя и убѣдиться вполнѣ... Отдѣленный отъ профессорства моего давностію 13-лѣтнею, я позволяю себѣ говорить о немъ съ откровенностью историка, глядя на него, какъ на «дѣла давно минувшихъ лѣтъ»... Перечитавъ аттестатъ, выданный мнѣ изъ университета св. Владиміра 26 апрѣля 1841 года, и мой позабытый альбомъ московскій,—я перебираю въ памяти моей полвѣка жизни.

«И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ;
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде оживленнымъ».

Я родился 1804 года, 3 сентября, на той прекрасной полосѣ украинскихъ степей, которая на востокъ отъ Днѣпра простирается отъ города Золотоноши, черезъ Згарь и Крапивну до текущей «серебряными струями» Сулѣ.—Моя родина—въ Згарскомъ хуторѣ Тимковщинѣ, въ дому бабки моей Анны Савичны Тимковской. Тамъ проживалъ еще, и я помню его,—святой мужъ, Иванъ Назарьевичъ Тимковскій,—по смерти брата своего, воспитавшій и передавшій Москвѣ пятерыхъ племянниковъ своихъ, которые всѣ были писателями, и два изъ нихъ профессорами.—Меньшая сестра ихъ, Гликерія Ѳедоровна, родившаяся 1788 года, была моею матерью. Отецъ мой, Александръ Ивановичъ, оставилъ въ 1803 году, по волѣ отцовской, едва начатую службу въ Кіевѣ, и женился на 21 году отъ роду, жилъ подъ Переяславомъ, въ хуторѣ Староселье, надъ рѣчкою Каранью,—гдѣ и я пробылъ до трехлѣтняго возраста. Послѣ того мы около году жили въ приднѣпровскомъ селѣ Прохоровкѣ, золотоношскаго уѣзда, у дѣда моего Ивана Ивановича, любившаго суровую, старосвѣтскую простоту жизни, и въ народѣ извѣстнаго подъ именемъ «стараго маіора». Прадѣда моего не помню: онъ жилъ здѣсь же въ Прохоровкѣ, служилъ сотникомъ «Бубновской Сотни», а въ 80-тыхъ годахъ, по преобразованіи Малороссіи, служилъ онъ по выборамъ сперва судьею, а потомъ предводителемъ золотоношскаго дворянства. Въ этомъ званіи находился онъ въ числѣ провожавшихъ Екатерину Вторую Днѣпромъ отъ Кіева до Кременчуга, въ апрѣлѣ 1787 года. Послѣ того, оставаясь въ чинѣ бунчуковаго товарища, дожилъ онъ вѣкъ свой въ Кіевѣ (гдѣ нѣкогда жилъ и служилъ его прадѣдъ, родоначальникъ мой Максимъ Печерскій), и въ концѣ 1801 года погребенъ на горѣ Щековицѣ.

Пятый годъ жизни моей прошелъ въ Тимковщинѣ. Оттуда я отданъ былъ въ Благовѣщенскій женскій монастырь, бывшій въ Золотоношѣ, въ которомъ училась грамотѣ и мать моя, и всѣ дяди мои Тимковскіе. Тамъ у черницы Варсонофіи, сестры генерала Голёчки, прошелъ я граматку, часловецъ и псалтырь, (монастырскій курсъ наукъ, установленный еще св. Кириломъ-философомъ первоучителемъ Славянскимъ). Между тѣмъ отецъ

мой переместился на должность въ черниговскую губернію. Въ ту же пору и старшій дядя мой, Илья Θеодоровичъ Тимковскій,—докторъ обоихъ правъ и философіи, бывшій профессоромъ русскаго законовѣдѣнія въ Харьковскомъ университетѣ,—оставивъ по болѣзни службу, поселился въ Тура́новкѣ на р. Шосткѣ въ 18-ти верстахъ отъ Глухова (въ имѣніи жены своей Софіи Ивановны, урожденной Халанской). Туда взялъ меня И. Θ. къ себѣ, въ 1811 году, и училъ меня началамъ разныхъ наукъ и по-латыни. Подъ конецъ достопамятнаго 1812 го́да отдали меня въ Новгородсѣверскую гимназію, которая въ 1808 году открыта была имъ же, Ильею Θеодоровичемъ (какъ визитаторомъ харьковскаго округа съ 1803 года), и въ которой директоромъ былъ тесть его, статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Халанскій.

Въ гимназіи семь лѣтъ прошли для меня какъ семь мѣсяцевъ. Живописное положеніе Новгорода-Сѣверскаго надъ Десною, съ его древнимъ Спасскимъ монастыремъ на каменистой горѣ, давали поэтическое настроеніе. Учили насъ всему по-верхамъ: Г. П. Македонскій, назидая насъ въ Русской Словесности, декламируя намъ Ломоносова и Державина, поучалъ насъ и эстетикѣ, и психологіи, и даже политической экономіи. Молодой учитель Зате́плинскій (котораго въ 1832 году видѣлъ я въ Харьковѣ уже профессоромъ астрономіи) преподавалъ намъ физику, а послѣ уроковъ ея декламировалъ Людмилу и другія, одно за однимъ появлявшіяся стихотворенія Жуковскаго. Учитель Сухомлиновъ преподавалъ естественную исторію, называя латинскими именами разныя растенія: и ему-то обязанъ я моимъ первоначальнымъ знаніемъ ботаники. Я такъ пристрастился къ ней тогда, что для собиранія новгородсѣверской флоры то и дѣло бывало бродилъ въ Троицкомъ монастырскомъ саду, или въ Цуприцкомъ рву, или въ гаю Полковницкомъ... За то мои успѣхи въ наукахъ, въ двухъ высшихъ классахъ гимназіи, спустились съ прежней превосходной степени на очень хорошую, и даже очень хорошую!

Въ іюнѣ 1819 года, проговоривъ рѣчь «объ истинномъ просвѣщеніи» на публичномъ экзаменѣ, я получилъ аттестатъ, котораго не помню... Помню только, что учитель Затеплинскій на

прощанье желалъ мнѣ исполненія гимназической мечты моей: быть московскимъ профессоромъ ботаники.—Тогда я побывалъ на родинѣ, гдѣ находилась и мать моя для поправленія въ здоровьѣ. Бабки моей Тимковской не было уже на свѣтѣ съ 1813 года. Иванъ Назарьевичъ, пробывъ нѣсколько лѣтъ послушникомъ въ Печерской Лаврѣ, доживалъ свой вѣкъ отшельникомъ, въ Мошногорскомъ монастырѣ за Днѣпромъ. Въ августѣ ѣздилъ я за Сулу за дворянскимъ свидѣтельствомъ отъ маршала Булюбаша, поразившаго меня своею гоголевскою-оригинальностью. Въ началѣ сентября, когда мнѣ исполнилось 15 лѣтъ, я простился съ родиною. Дѣдъ мой, напутствуя своимъ благословеніемъ, наградилъ меня 115 р. асс. на московскую жизнь. Я спѣшилъ къ отцу, въ Шостенскій пороховой заводъ, оттуда въ Турановку, а тамъ и въ Москву. Около 25 сентября съ сердечнымъ трепетомъ увидѣлъ Бѣлокаменную. Къ вечеру того же дня былъ уже въ университетскомъ домѣ у дяди своего Романа Θеодоровича Тимковскаго; онъ первый былъ моимъ путеводителемъ по Кремлю. Записавъ меня въ студенты словеснаго отдѣленія, онъ (по праву директора педагогическаго института) помѣстилъ меня въ одномъ изъ кандидатскихъ нумеровъ, окнами на Никитскую, въ верхнемъ этажѣ. Объ опредѣленіи на казенный коштъ и слышать не хотѣлъ онъ... Но я не долго пользовался его руководствомъ: онъ скончался 15 генваря 1820 года. Дѣдовскихъ денегъ едва стало мнѣ до генваря; и для меня глубокій тогда смыслъ имѣлъ Мерзляковскій стихъ: «вина трудолюбія—бѣдность». Проѣздъ черезъ Москву въ Китай младшаго дяди Егора Θедоровича Тимковскаго памятенъ мнѣ опредѣленіемъ меня въ казенно-коштные студенты. Въ томъ же 1820 г., въ августѣ, увидалъ я въ Москвѣ и Василія Θедоровича Тимковскаго, запечатлѣннаго геніальною силою ума и слова. Его проѣзды черезъ Москву изъ Оренбурга, въ Грузію и обратно, воодушевляли меня новою силою. Я строго слѣдовалъ совѣту его не пускаться въ ремесло уроковъ и не тратить на то золотого времени студентства. Весь досугъ мой отъ лекцій я посвящалъ любимой своей наукѣ. Неутомимо обходилъ я Воробьевы Горы и другія окрестности Москвы, собирая себѣ московскую флору.

Первымъ наставникомъ и помощникомъ моимъ въ ботаникѣ былъ адъюнктъ Левъ Ѳедоровичъ Гольдбахъ. Ему обязанъ я и поѣздкою въ Горенки, весною 1821 года, и первымъ знакомствомъ съ ботаникомъ Фишеромъ.

Два года пробылъ я въ словесномъ отдѣленіи, гдѣ всего болѣе плѣнялся обязательнымъ краснорѣчіемъ Мерзлякова, о которомъ нынѣ могу я, какъ о древнемъ Боянѣ, возгласить: «о соловію стараго времени!»

Въ августѣ 1821 года, имѣвъ право пробыть еще два года на казенномъ коштѣ, перешелъ я въ отдѣленіе физико-математическое. Тутъ я познакомился съ профессоромъ ботаники Гофманомъ. Но звѣздою сего отдѣленія въ университетѣ заблестѣлъ тогда прибывшій изъ-за границы профессоръ минералогіи и сельскаго хозяйства Павловъ. Его лекціи о природѣ, въ духѣ натуральной философіи, тщательно обработанныя, строго-логическія и округленныя какъ яблоко, питали новою жизнію наши молодые умы.

Пробывъ два года въ физико-математическомъ отдѣленіи, я удостоенъ былъ 30 іюня 1823 года степени кандидата, «за отличные успѣхи и примѣрное поведеніе». Въ то время началось и мое авторство; но о немъ рѣчь впереди.

Сладкимъ отдыхомъ послѣ студентства была вакація, проведенная въ ботаническомъ саду за Сухаревою башнею, у профессора Гофмана.

Съ кандидатства началась моя служба при университетѣ. Въ іюлѣ 1823 года я назначенъ былъ въ библіотеку заниматься разборкою и приведеніемъ въ порядокъ книгъ для систематическаго каталога, подъ руководствомъ библіотекаря, профессора Рейса. А черезъ годъ мнѣ поручено было заниматься разборкою университетскихъ гербаріевъ у профессора Гофмана. Кромѣ того мнѣ поручено было отъ университета, въ лѣтніе мѣсяцы 1824 года, обозрѣть московскую губернію, относительно естественныхъ ея произведеній, и преимущественно растеній... Подъ непрерывными дождями, въ продолженіе іюня и іюля, я успѣлъ обозрѣть только южную половину губерніи, и добравшись до ботаника

Адамса, жившаго въ можайскомъ уѣздѣ, я отложилъ, по совѣту его, мое путешествіе на лѣто 1825 года. Собранныя въ эти два лѣта растенія и минералы представилъ я университету. «Путевыя Записки» мои помѣщались въ Новомъ Магазинѣ, издававшемся отъ университета проф. Двигубскимъ; а «Списокъ растеній Московской Флоры» напечаталъ я въ 1826 году.

Тутъ съ благодарностью вспомяну о ректорѣ А. А. Прокоповичѣ-Антонскомъ. Имѣя на примѣтѣ постоянную любовь къ естествознанію (котораго нѣкогда былъ онъ профессоромъ) и предназначивъ меня въ преемники проф. Гофману, онъ снарядилъ мнѣ помянутое путешествіе по московской губерніи. Его же участіемъ началось и авторство мое, еще въ студентствѣ.

Былъ тогда обычай, что кончающіе курсъ студенты подавали разсужденія возможно большему числу профессоровъ своего отдѣленія. Я помню, что профессору зоологіи знаменитому Фишеру, подалъ я цѣлую *мастогнозію,* пальца въ два толщины, переписанную набѣло товарищемъ моимъ Николаемъ Смирновымъ, въ домѣ котораго на Смоленскомъ рынкѣ и готовился я къ экзамену, удалясь отъ шума казенныхъ нумеровъ. Профессору Гофману подалъ я монографію de Cynarocephalis, въ которой былъ и новосоставленный мною родъ (изъ одной кавказской центавреи или волошки), названный Lampolepis; съ приставовкою соблазнительнаго для натуралистовъ mihi! Были тамъ и виды, перемѣщенные мною изъ рода въ родъ; но они уже ушли изъ моей памяти. А профессору Павлову, прежде всѣхъ, подалъ я сочиненіе мое «О системѣ растительнаго царства», гдѣ ботаническое знаніе преисполнилось ученія натурально-философскаго. Павловъ осыпалъ меня похвалою и благодарностью, вполнѣ довольный сочиненіемъ, какъ первымъ плодомъ его ученія о природѣ?! По совѣту его, я тотчасъ же отдалъ мое сочиненіе Двигубскому для помѣщенія въ Новомъ Магазинѣ, еще до экзаменовъ. Двигубскій чуть не обругалъ меня въ неистовствѣ, называя статью мою «сумасбродствомъ, Павловщиною» и т. п., и она очутилась въ рукахъ ректора, бывшаго цензоромъ Магазина... Антонъ Антоновичъ позвалъ меня къ себѣ, ободрительно совѣтовалъ поубавить филосо-

фіи, оставляя болѣе ботаническую сущность въ статьѣ моей, и въ этомъ видѣ подать ему; и она была тогда же напечатана въ Новомъ Магазинѣ, въ маѣ 1823 года. Студентъ съ авторитетомъ, я уже смѣло поднесъ Двигубскому, въ полномъ собраніи отдѣленія, какъ начался экзаменъ, разсужденіе мое по предмету физики: о постоянной пребываемости атмосфернаго воздуха, съ нарочитымъ эпиграфомъ изъ Шпренгеля «я охотно послѣдую новѣйшимъ авторамъ, которые полагаютъ, что воздухъ для сохраненія своего вида, подобно органическимъ тѣламъ, превращаетъ въ себя непрерывно всѣ чуждыя вещества». Эта статья была прочтена въ первомъ собраніи педагогическаго института, въ присутствіи тогдашняго директора его Мерзлякова и ректора Антонскаго,—и по ихъ одобренію и желанію была напечатана (въ Магазинѣ, не помню когда)—во свидѣтельство, что педагогическія собранія въ университетѣ бываютъ.

Ставши кандидатомъ, мнѣ слѣдовало бы торопиться въ магистры, чтобъ не пропустить и мѣсяца въ дозволенномъ срокѣ... А я въ августѣ 1823 года записался въ медицинское отдѣленіе, на лекціи Лодера, Мухина и прочихъ преподавателей, находя это необходимымъ для полноты моего естествознанія; я посѣщалъ еще лекціи профессора Давыдова, ставшаго тогда оракуломъ въ отдѣленіи словесномъ... (На тѣхъ лекціяхъ впервые сошелся я съ вами, любезный Шевыревъ... и помню живо мое первое посѣщеніе Васъ, съ сожителемъ Вашимъ В. П. Титовымъ, когда вы меня, поклонника флоры, угостили вкуснымъ даромъ Волжской Помоны, большою грушею, которая, разрѣзанная пополамъ на блюдцѣ, точила изъ себя сладкій сокъ!..) Было у меня въ предметѣ и то, чтобы ученую степень доктора получить по отдѣленію медицинскому; ибо надъ математическими науками, въ степени необходимой для докторства, не хотѣлось мнѣ трудить головы, вопреки склонности. Записавшись въ медики, я согласился съ адъюнктомъ Гольдбахомъ издать вмѣстѣ естественную исторію для слушателей медицинскихъ студентовъ. Онъ взялъ на себя написать ботанику по руководству Нейса-фонъ Эзенбена; а я взялся написать зоологію, по руководству Океновой натуральной исто-

ріи, и его же «Эскиза», изданнаго въ Парижѣ на французскомъ языкѣ и подареннаго мнѣ Павловымъ... Но мой добрый Гольдбахъ умеръ въ мартѣ 1824 года; и я помянулъ его тогда біографическимъ извѣстіемъ, помнится въ Сынѣ Отечества.

Деканъ Е. О. Мухинъ, заваливший тогда университетскую типографію горами медицинскихъ книгъ, которыя снабжалъ онъ своими примѣчаніями и вставками, узнавъ, что я пишу зоологію, предложилъ мнѣ: «вообще, такъ сказать, мы издадимъ на казенный коштъ, сдѣлаемъ примѣчанія...» Предупреждая это, я представилъ ему главныя основанія зоологіи, напечатанныя мною отъ себя въ типографіи Августа подъ цензурою Павлова, въ маѣ 1824 года. Прежняя благосклонность Мухина ко мнѣ была утрачена... Но когда я воротился на осень въ Москву, изъ моего путешествія, моя зоологія была уже въ ходу: князь В. Ѳ. Одоевскій написалъ объ ней похвальный отзывъ (кажется въ Сынѣ Отечества)—отыскалъ меня по ней въ кандидатскихъ нумерахъ, пригласилъ меня въ кругъ собиравшихся у него литераторовъ... И съ той поры началась моя принадлежность къ литературному міру, богатая воспоминаніями, начиная съ той первой поры и до моего послѣдняго возвращенія изъ Москвы въ Малороссію, въ іюнѣ 1850 года, вмѣстѣ съ моимъ незабвеннымъ землякомъ и другомъ Гоголемъ. Въ этомъ пути онъ былъ моимъ новымъ и послѣднимъ ученикомъ въ ботаникѣ. Я простился съ нимъ 18 августа, прогостивъ у него 10 дней, на его родинѣ... А за 25 лѣтъ, докончивъ свое ботаническое странствіе по московской губерніи, я провелъ августъ мѣсяцъ въ кругу своей семьи, посѣтивъ и Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ видѣлъ тогда императора Александра на пути въ Крымъ и Таганрогъ.

Воротясь въ Москву, я сталъ, въ ноябрѣ 1825 года, преподавателемъ хозяйственной ботаники и садоводства, въ земледѣльческой школѣ, по приглашенію директора ея, моего незабвеннаго наставника и товарища Павлова; и былъ я тамъ преподавателемъ 4 года, а въ февралѣ 1826 года началъ я преподаваніе естественной исторіи въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, въ которомъ я и преподавалъ ее 7 лѣтъ. Въ то же

время, т. е. въ февралѣ 1826 года, я назначенъ былъ, по предложенію попечителя А. А. Писарева, къ завѣдыванію университетскимъ ботаническимъ садомъ, къ болѣвшему профессору ботаники Гофману. Онъ скончался марта 5-го; мнѣ предписано было занять его мѣсто въ Ботаническомъ саду, куда и перемѣстился я тогда изъ университетскаго дома. Въ то время напечаталъ я въ Новомъ Магазинѣ—«Жизнь московскаго профессора ботаники Гофмана».

Съ начатіемъ новаго академическаго года, т. е. въ августѣ 1826 года, преподаваніе ботаники поручено было временно старшему товарищу моему Александру Фишеру, доктору медицины, бывшему адъюнктомъ при отцѣ своемъ въ медико-хирургической академіи московской. А мнѣ, остававшемуся начальникомъ сада и гербарія университетскаго, поручено было въ томъ году преподавать въ университетѣ общій курсъ естественной исторіи, а для слушателей ботаники заняться показаніемъ и объясненіемъ живыхъ растеній. Для занятія каѳедры ботаники, которую предположено было занять мнѣ послѣ Гофмана, надобно мнѣ было, по тогдашнему положенію, получить степень магистра, и я будучи, уже преподавателемъ въ трехъ заведеніяхъ, принялся за позабытую мною уже половину оставленнаго мною факультета, и въ январѣ 1827 года выдержалъ магистерскій экзаменъ. Утомленный этимъ экзаменомъ, я взялъ отпускъ на 21 день и отгулялъ Масляную въ Малороссіи въ домѣ отцовскомъ и воротился въ Москву съ богатою жатвою малороссійскихъ пѣсенъ... Въ продолженіе Великаго поста написалъ я магистерское разсужденіе: «О системахъ растительнаго царства», и напечатавъ оное, публично защитилъ 30 іюня. А между тѣмъ уже печатались мои «Малороссійскія пѣсни», съ объясненіемъ и сравнительнымъ словаремъ, для котораго я, въ продолженіе вакацій, прочелъ и славянскую грамматику Добровскаго, и Сербскій словарь Вука Стефановича. (Вы первый почтили разборомъ эти пѣсни, въ Московскомъ Вѣстникѣ, а напечатались они иждивеніемъ С. А. Соболевскаго. И вошли они тогда въ славу, и у насъ на Руси, и въ Славянщинѣ Западной).

Впродолженіе сего времени, знаменитый профессоръ Фишеръ де Вольдгеймъ предлагалъ мнѣ быть адъюнктомъ зоологіи

при немъ, чтобы каѳедра ботаники осталась за его сыномъ... Мнѣ бы слѣдовало принять это предложеніе. Зоологія у меня шла постоянной спутницею ботаники, и я скорѣе сталъ бы профессоромъ.. но не профессоромъ ботаники. Послѣ обѣда у знаменитаго натуралиста, когда онъ мнѣ предложилъ это, я просилъ его сдѣлать все это мимо меня, не вызывая моего отреченія отъ науки, которой я посвятилъ себя, и выразилъ удивленіе мое, что сынъ не наслѣдуетъ ни славы, ни богатыхъ способовъ, стяжанныхъ отцомъ по зоологіи.

Дѣло это рѣшилось тѣмъ, что Двигубскій, ставшій ректоромъ послѣ Антонскаго, занялъ каѳедру ботаники,—съ тѣмъ будто бы, что черезъ два года, когда свершится его эмеритура, онъ передастъ ее мнѣ. Чего же и желать еще! Въ каталогѣ лекцій на 1827—1828 годъ объявлено было, что Иванъ Двигубскій и проч. по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, въ 10 часу утра, будетъ читать ботанику по собственнымъ сочиненіямъ и утвержденному конспекту; вспомоществовать ему будетъ кандидатъ физ.-мат. отд. Михаилъ Максимовичъ. (Это значило, что читать лекціи будетъ кандидатъ Максимовичъ, а получать жалованье по каѳедрѣ будетъ профессоръ и ректоръ Двигубскій). Въ концѣ того же каталога объявлено, что Ботаническимъ садомъ завѣдываетъ кандидатъ Максимовичъ, который въ лѣтнее время будетъ изъяснять свѣжія растенія; онъ же показываетъ и университетскій травникъ (т. е. гербарій).

Кандидатъ Максимовичъ, пробывъ въ этомъ званіи 4 года и 5 мѣсяцевъ, утвержденъ былъ въ степени магистра физ. матем-наукъ 28 ноября 1827 года. Отрекшись отъ предлагаемаго ему путешествія вокругъ свѣта, довольный надеждою на близкое профессорство и пребываніемъ въ ботаническомъ саду, онъ работалъ въ немъ, какъ украинскій волъ на подножномъ корму. Успѣхъ его лекцій въ университетѣ, его писаній въ литературномъ мірѣ, окрылялъ его въ трудахъ... Много потрудился онъ безвозмездно и для своего профессора-ректора, и въ журналѣ и въ другихъ его изданіяхъ.

Въ маѣ 1828 года, окончивши первый курсъ моихъ ботаническихъ лекцій, началъ я печатать I часть «Основаній ботаники, содержащую органологію растеній». Книга вышла не дурна, достоинства современнаго (по крайней мѣрѣ, ото всѣхъ ботаниковъ была ей похвала). Профессоръ Черняевъ тогда же принялъ ее за руководство; да и берлинскій профессоръ Линкъ привелъ изъ нея мое опредѣленіе растенія въ своей «Elementa Philosophiae Botanicae», 1837 г. Послѣ вакаціи, когда воротился въ Москву изъ деревни мой профессоръ (издавшій Вильдекова ботанику подъ именемъ Двигубскаго), я поднесъ ему экземпляръ новой книги моей, въ нарядномъ бѣло-кожаномъ переплетѣ. Взглянувъ на заглавный листъ, онъ бросилъ книгу на столъ съ небреженіемъ, провѣщавъ мнѣ: «Рано вамъ еще писать ботаники!»—«Время всѣмъ, и всякой вещи подъ небесѣмъ, Иванъ Алексѣевичъ!» сказалъ я и ушелъ отъ него. Мнѣ грустно стало положеніе мое и особенно потому, что я не могъ дѣйствовать для науки моей изъ-за ректора-профессора моего, заслонившаго собою мнѣ путь, какъ китайскою стѣною.—Стану-ли говорить объ улучшеніи сада:—«На кой чортъ», говоритъ онъ, «нѣтъ денегъ,—садъ (учрежденный Петромъ Великимъ) надо продать; для показанія студентамъ растеній довольно и садика на университетскомъ дворѣ, или при обсерваторіи...». Ему и не говори, что садъ нуженъ для науки и для профессора, который долженъ непрестанно уравниваться съ современнымъ состояніемъ науки!—При бѣдности московскихъ средствъ заниматься ботаникою, я тогда же порывался перемѣститься въ Петербургъ, гдѣ и Академія, и Императорскій садъ, и ботаническій Фишеръ; но всѣ мѣста заняты, а на два вакантныя мѣста въ саду были уже «сильно рекомендованные люди» (т. е. нѣмцы).

Въ половинѣ декабря того года пріѣхалъ въ Москву министръ просвѣщенія князь Ливенъ, и началъ посѣщать лекціи. Вотъ, думаю, случай благопріятный; и подготовилъ лекцію добрую... Входитъ министръ; ожидаю, что ему представятъ меня; но обо мнѣ и помину нѣтъ: мой ректоръ-профессоръ самъ вступаетъ на катедру, съ охапкою своихъ «Изображеній растеній...». Не мастеръ

на лекціи былъ онъ и въ физикѣ, которыя тянулись у него усыпительно и вяло; а тутъ, не читавши Ботаники, въ присутствіи министра онъ переконфузился, и вмѣсто лекціи сталъ онъ студентовъ моихъ, привыкшихъ къ живымъ растеніямъ, экзаменовать по своимъ рисункамъ; отвѣты были невпопадъ, не лучше вопросовъ... Министръ черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ авдиторіи. Только что началъ я лекцію, какъ возвращается мой не «великолѣпный» ректоръ, и до того забылся, что началъ мнѣ при студентахъ говорить: «Чему вы ихъ учите! они ничего не знаютъ у васъ! читайте-ка, я послушаю, какъ вы преподаете!..».

Студенты у меня были одинъ одного лучше—Алексѣй Савичъ, Діомидъ Пассекъ и другіе; и нѣкоторые изъ нихъ уже знали ботанику—Богъ свидѣтель—лучше Двигубскаго. Они были поражены его обидною выходкою и удивились, какъ достало духу у меня, поблѣднѣвшаго какъ полотно, сѣсть и начать лекцію спокойно... Какъ бы иначе мнѣ тогда поступить?... Взволнованный сильно первую минуту, я тотчасъ же овладѣлъ собою, и чувствуя совершенное преимущество свое въ этой сценѣ,—я подумалъ только, взглянувъ на Двигубскаго: «сова, ты, сова!» (совою прозывался онъ въ университетѣ), и началъ говорить лекцію, какъ-бы его не было... Вдругъ онъ, при какомъ-то сказанномъ мною ботаническомъ терминѣ, заговорилъ: «Къ чему эти всѣ нововведенія!... все это вздоръ!»—«Это изъ вашей ботаники. .»—сказалъ я со смиреніемъ такъ, что студенты захохотали,—и мой профессоръ вышелъ изъ авдиторіи... На другой день министръ опять ходитъ по лекціямъ; Двигубскій присылаетъ ко мнѣ въ садъ студента спросить, буду ли я сегодня читать лекцію. «Доложите, господину ректору, что я уже совсѣмъ не буду читать лекцій въ университетѣ...» Тогда онъ крѣпко струсилъ, боясь, чтобы эта исторія не дошла до министра; началъ передъ студентами хвалить меня преувеличенно, объясняя бывшее «недоразумѣніе» тѣмъ, что у всякаго своя метода и т. п.

Вотъ, любезный Степанъ Петровичъ, какія выдерживалъ я сцены на катедрѣ ботаники!.. А между тѣмъ мое отреченіе отъ зоологіи поставило меня въ разладъ съ Фишеромъ... И была мнѣ

препона, какъ русскому натуралисту, напримѣръ, въ обществѣ Испытателей Природы, гдѣ былъ я членомъ... На то собраніе, которое было для Гумбольдта... и на другое торжественное собраніе, въ которомъ былъ и президентъ Академіи Наукъ Уваровъ, предъявленныя мною и назначенныя для прочтенія статьи мои— прямо скажу, блестящія, - оставались недопущенными къ чтенію... Выпускали даже Петрозиліуса читать шутовскую поэму о фарфорѣ; а Максимовичъ оставался въ тѣни. Когда кончилось второе собраніе,—въ которомъ собственно для меня былъ цѣлый рядъ нашихъ москвичей, Фишеръ, мягко стелющій, подошелъ съ извиненіемъ, что не стало времени... «Я знаю, В. П., причину», сказалъ я во всеуслышаніе. «Какую же?» «Ту, что я русскій!..». Это была сущая правда: естествоиспытательныя науки въ Россіи словно на откупу были у нѣмцевъ, еще и въ мою пору; русскому человѣку вельми трудно еще было тогда на этомъ поприщѣ... [1]).

Но я отдалился отъ моей исторіи. Докончивъ второй годъ преподаванія ботаники, я ѣздилъ въ Петербургъ, въ августѣ 1829 года, и тамъ, въ Императорскомъ саду и въ бесѣдахъ съ Фишеромъ, повѣрилъ и пополнилъ свои ботаническія знанія. Въ то же время былъ я представленъ отъ университета въ адъюнкты, и утвержденъ министромъ 28 октября—«безъ производства однако жалованья», такъ какъ я былъ представленъ въ адъюнкты сверхъ штата.., а магистерское жалованье состояло въ 400 рубляхъ ассигн.; и мнѣ надо было прибавлять къ этому еще много, ибо у меня на рукахъ были въ Москвѣ два брата.

Въ началѣ 1830 года, когда кончилось 75-лѣтіе Московскаго университета, въ собраніи 12 генваря говорилъ я «Рѣчь объ участіи Московскаго университета въ просвѣщеніи Россіи».

Въ 1832 году, тоже въ университетскомъ собраніи 12 генваря, я сказалъ другую рѣчь —«О русскомъ просвѣщеніи».—Университетъ московскій и просвѣщеніе русское были предметы близкіе душѣ моей, и потому я добровольно вызвался на эти двѣ рѣчи.

---

[1]) Эти факты, разсказанные на стр. 333—335, пропущены въ «Словарѣ».

Былъ уже пятый годъ, какъ я вспомоществовалъ, а Двигубскій читалъ ботанику, не читаючи... Онъ былъ уже заслуженный профессоръ, но катедру мнѣ не передавалъ. Большая часть профессоровъ смотрѣла на это съ неудовольствіемъ. Отдѣленіе физико-математическихъ наукъ 26 генваря 1832 года представило совѣту о возвышеніи меня въ экстро-ординарные профессоры сверхъ комплекта. Съ разрѣшенія попечителя происходило баллотированіе въ Совѣтѣ. Погодинъ и я получили большее число избирательныхъ шаровъ. Но министръ Ливенъ не утвердилъ насъ, поелику штатное число экстр.-орд. проф. было наполнено. Между тѣмъ, когда я представленъ былъ въ экстра-ординарные профессоры,—и Двигубскій вошелъ тогда въ Совѣтъ о посылкѣ меня въ Кавказскую область для собиранія растеній и для поправленія минеральными водами моего разстроеннаго здоровья. Попечитель князь С. М. Голицынъ утвердилъ это, 23 марта, съ назначеніемъ мнѣ на путешествіе двухъ тысячъ р. асс. изъ хозяйственныхъ суммъ университета.

Съ мая по сентябрь пробылъ я въ Кавказской области: и эта поѣздка была для меня не трудомъ, а благотворнымъ развлеченіемъ и отдыхомъ.—Когда я вернулся въ Москву, помощникъ попечителя, Д. П. Голохвастовъ того же дня представилъ меня товарищу министра С. С. Уварову, обозрѣвавшему тогда Университетъ.. «Я завтра слушаю вашу лекцію!» сказалъ мнѣ Сергій Семеновичъ.

Лекцій я никогда не писалъ; написанная лекція меня связывала и сбивала... Я подбиралъ только содержаніе лекціи, а обдумывалъ ея изложеніе, ѣдучи отъ Сухаревой на Моховую... И помня, что послѣ четырехмѣсячной вакаціи, съ свѣжими впечатлѣніями Кавказа, ту первую лекцію сказалъ я такъ хорошо, что и самъ ею остался вполнѣ доволенъ. Видно было, что краснорѣчивый президентъ Академіи Наукъ не ожидалъ такой ботаники отъ московскаго адъюнкта: ибо, когда я пріѣхалъ въ назначенный день къ нему на обѣдъ (онъ стоялъ у камина, возлѣ него одесную А. С. Пушкинъ, и ошую И. И. Давыдовъ),—онъ тотчасъ же сказалъ: «а я только что говорилъ съ Иваномъ Ивано-

вичемъ о вашей лекціи... Я удивляюсь вашему дару слова... у васъ совершенно литературное выраженіе...»—На это заговорилъ Пушкинъ: «да мы г. Максимовича давно считаемъ нашимъ литераторомъ; онъ подарилъ насъ малороссійскими пѣснями»... et cetera... (На этомъ обѣдѣ были, если не ошибаюсь, и Вы, и Погодинъ, и Строевъ, съ надѣтою въ тотъ день на шею Анною... И послѣ того М. Г. Павловъ, подгуливая надо мною, спрашиваетъ бывало: «да объясните мнѣ, какое различіе между *ученымъ* и *литераторомъ*!»).

По окончаніи академическаго года, въ августѣ 1833 года, Двигубскій уволенъ былъ отъ университета съ пенсіей; каѳедра ботаники, оставшаяся вакантною, поручена была мнѣ,—и 23 августа я выбранъ былъ въ Совѣтѣ въ ординарные профессоры ботаники, и утвержденъ 27 сентября.

Я сталъ, наконецъ, тѣмъ, къ чему стремился, ѣдучи въ Москву, за 14 лѣтъ. . и будь это годами четырьмя ранѣе, я почелъ бы себя счастливцемъ. А теперь... грустно и даже совѣстно было, что Павловъ и нѣкоторые другіе товарищи мои болѣе меня радовались моему профессорству!...

Они видѣли мое болѣзненное истомленіе, знали, что я не могъ уже читать правымъ глазомъ; но никто не зналъ, чѣмъ больна у меня душа... Еще въ 1829 году, когда я былъ въ Петербургѣ, я получилъ тамъ извѣстіе о смерти матери моей, которой любовь ко мнѣ была моимъ геніемъ хранителемъ, и которую радовать собою было для меня первѣйшимъ счастьемъ. . И это сбылось тогда, когда у насъ положено было, что она переѣдетъ ко мнѣ въ Москву съ 7-лѣтнею сестрою моею; и я ждалъ уже ихъ къ себѣ въ ботаническій садъ... Любимый и привычный планъ жизни разстроился. Моя живая печаль о ней обратилась въ томительную для меня тоску по родинѣ... Можетъ быть я и перемогъ бы эту тоску, какъ перемогалъ я многое въ душѣ; но назначеніе новаго университета въ Кіевѣ повлекло меня туда неодолимою силою. Туда же согласился со мною перемѣститься и мой незабвенный землякъ Гоголь; но ему не удалось этого: да и мнѣ для того надо было вмѣсто ботаники взять каѳедру русской словесности.—Мая 4-го 1834 года назначенъ былъ я ординар-

нымъ профессоромъ русской словесности въ университетъ св Владиміра и вмѣстѣ деканомъ 1-го отдѣленія философскаго факультета.

Готовясь къ новому поприщу, я доканчивалъ въ Московскомъ университетѣ преподаваніе ботаники, которое кончилъ 30 іюня, пробывъ только 9 мѣсяцевъ въ званіи профессора, послѣ 4-лѣтняго адъюнктства. Всего же прослужилъ я въ Московскомъ университетѣ 11 лѣтъ, въ томъ числѣ преподавателемъ—8 лѣтъ. Мнѣ предписано было отъ министра поспѣшить въ Кіевъ и явиться прежде 15 іюля, въ которое предположено открытіе университета. Я выѣхалъ изъ Москвы 5 іюня, послѣ университетскаго акта, гдѣ въ исторической запискѣ прочтена была лестная для меня аттестація о моихъ трудахъ (въ университетѣ, въ которомъ прошло второе, лучшее 15-лѣтіе моей жизни).

Поспѣшая въ Кіевъ, мимоѣздомъ побывалъ я у отца моего и на могилѣ матери, и 13 іюля былъ уже я въ Кіевѣ, не видѣнномъ мною съ младенчества. Того же дня я былъ уже въ университетскомъ засѣданіи; и того же дня попечитель фонъ-Брадке возложилъ на меня исправленіе должности ректора. Іюля 15-го былъ я участникомъ и свидѣтелемъ торжественнаго открытія университета св. Владиміра. Въ сентябрѣ началъ я преподаваніе русской словесности; а октября 16 того же 1824 года, по положенію комитета гг. министровъ, Высочайше утвержденъ я ректоромъ университета св. Владиміра.

«Мы съ вами все какъ на пожарѣ или на войнѣ!» сказалъ я однажды моему попечителю... а онъ тому и радъ!... Многотрудныя занятія по устройству новаго университета (въ которомъ тогда былъ и училищный комитетъ для управленія округомъ),— и въ тоже время занятія по новой для меня каѳедрѣ, еще сильнѣе изнурили мое здоровье... Я видѣлъ ясно, что мнѣ надо было или оставить преподаваніе, или сложить съ себя ректорство, которому конца не могъ я выждать, ибо былъ ректоромъ не на срокъ избраннымъ... Въ три полугодія, все, для чего нуженъ былъ я какъ ректоръ, и что зависѣло отъ меня, было уже сдѣлано, и университетъ былъ уже въ ходу; а въ наукѣ моей чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и надо было въ ней, почти на

каждомъ шагу, пролагать себѣ новые пути. (Вы, Шевыревъ, лучше другихъ это знаете по себѣ, работавши надъ тою же наукою, въ томъ же объемѣ и самобытно, почти въ одно со мною время... Да у васъ подъ рукою въ Москвѣ были бóльшія, чѣмъ въ Кіевѣ, книжныя средства для исторіи русской словесности... Почему и сказалъ я объ Васъ,—въ одномъ письмѣ моемъ къ покойному Н. М. Языкову: «ему и книги въ руки!»). При наступившей на меня болѣзни, въ один прекрасный вечеръ, подалъ я попечителю прошеніе объ увольненіи меня, за болѣзнію, отъ должности ректора; и 11 декабря 1835 года послѣдовало на то Высочайшее соизволеніе. Декабря 21, въ засѣданіи совѣта, прочтено было объ этомъ предложеніи попечителя и его письмо ко мнѣ, выражавшее благодарность за управленіе университетомъ; послѣ чего я сказалъ слѣдующее прощальное слово къ членамъ университета.

Прощальное слово къ членамъ императорскаго университета св. Владиміра отъ ректора Максимовича, по прочтеніи предложенія объ увольненіи его отъ сей должности, въ засѣданіи совѣта 21 декабря 1835 г.

Изъ предложенія сего видите, любезные товарищи, причину моего преждевременнаго увольненія отъ ректорства. При всей слабости моего здоровья, я старался, сколько могъ, исполнять сію должность, и тогда только пожелалъ освобожденія отъ оной, когда сталъ чувствовать, что не въ силахъ уже продолжать ее такъ, какъ бы желалъ, и какъ должно. Никакая другая причина не дала бы мнѣ права, оставаясь здѣсь, оставить должность, ввѣренную мнѣ правительствомъ, и притомъ столь важную и для меня лестную: ибо каково бы ни было еще мое служебное поприще, но я, конечно, никогда уже не могъ бы сказать себѣ ничего лучшаго, какъ то, что я былъ первымъ ректоромъ университета св. Владиміра. Самымъ лучшимъ воспоминаніемъ моей гражданской жизни будутъ мнѣ эти три полугодія, когда я вмѣстѣ съ вами принималъ столь близкое участіе въ образованіи новаго университета, когда я имѣлъ честь быть предсѣдателемъ сословія, состоящаго изъ членовъ столь достойныхъ. Да! я почитаю обязанностію сказать теперь открыто, какъ результатъ моего наблю-

денія, что въ нашемъ сословіи, при такой готовности и безкорыстномъ усердіи къ труду, при такомъ общемъ стремленіи къ точному исполненію своихъ обязанностей, было рѣдкое уваженіе и довѣріе другъ къ другу, рѣдкое согласіе и единодушіе.

Сему то единодушію и согласію мы обязаны за успѣхъ нашихъ первыхъ трудовъ,—за эту простоту и легкость, съ которою трудныя дѣла мы рѣшали какъ самыя обыкновенныя и ежедневныя,—за то вниманіе, которое такъ постоянно сохраняетъ къ намъ нашъ попечитель, служащій намъ образцемъ службы и дѣятельности, и нашъ просвѣщеннѣйшій министръ,—и, наконецъ, за благосклонность къ намъ нашего возлюбленнаго государя!

Несомнѣнны наши и будущіе успѣхи, если въ сословіи нашемъ сохранится то братское согласіе и та общая забота о своемъ долгѣ, которыми отличалось оно доселѣ; если мы всѣ, стремясь къ пользамъ просвѣщенія, заботясь о благѣ, чести и славѣ университета нашего, будемъ дорожить добрымъ именемъ каждаго нашего товарища.

Благодарю васъ, любезные товарищи и сотрудники, за ваше вниманіе ко мнѣ и содѣйствіе! Если я былъ полезенъ университету, то этимъ я обязанъ вамъ; и если въ комъ либо изъ васъ произвелъ собою непріятное впечатлѣніе, прошу великодушно простить, ибо то было безнамѣренно. Я думаю, что все личное, частное, особенное, не теряя своей самобытности, должно согласоваться съ общимъ закономъ необходимости; и въ оправданіе моего управленія скажу, что я старался соблюдать пользу и достоинство нашего университета, руководиться искренностью и прямотою мнѣнія, и вмѣстѣ желаніемъ, чтобы всѣ предпріятія и рѣшенія совѣта были исполнимыя на самомъ дѣлѣ. Такъ ли я дѣйствовалъ, о томъ—вы лучшіе судіи мои. Я же теперь, оставляя, можетъ быть навсегда, мое ректорство, буду съ благодарностью къ вамъ вспоминать объ немъ, какъ объ лучшемъ времени моей гражданской жизни. Дай Богъ, чтобы и всѣмъ будущимъ преемникамъ моимъ было такъ хорошо служить, какъ было мнѣ съ вами.

Этимъ словомъ, и прощальнымъ обѣдомъ мнѣ отъ Университета и Попечителя, покончилось мое ректорство, въ продолженіе котораго я трижды исправлялъ должность Попечителя (на основаніи § 6 Проекта Устава Университета Св. Владиміра).

Занявшись тогда привольно своею катедрою и наукою, я отказывался и былъ увольняемъ отъ университетскихъ выборовъ, и только разъ, по просьбѣ новоизбраннаго ректора К. А. Неволина, я согласился на выборъ меня въ деканы на одинъ годъ, и былъ утвержденъ министромъ, 12 августа 1837 года.

Въ томъ же году я два раза въ Кіевѣ былъ ораторомъ. Въ первый разъ, 10 апрѣля, сказалъ я рѣчь надъ гробомъ генералъ-фельдмаршала князя Ф. В. фонъ-деръ-Остенъ-Саксена (бывшаго въ 1814 году генералъ-губернаторомъ города Парижа).

Въ другой разъ, 2 октября, въ торжественномъ собраніи университета, бывшемъ въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова. Тогда ожидали къ этому дню въ Кіевъ наслѣдника цесаревича, и собраніе было великолѣпное, со всѣхъ трехъ западныхъ губерній. Я произнесъ рѣчь—объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи. Вспоминая живое впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, я съ удовольствіемъ могу сказать, что въ этомъ великолѣпномъ собраніи было—мое торжество. С. С. такъ былъ одушевленъ, что когда я кончилъ рѣчь, словами: «во свѣтѣ твоемъ узримъ свѣтъ!», онъ былъ уже у каѳедры и привѣтствовалъ меня одобрительными рукопожатіями. Митрополитъ сказалъ мнѣ: никогда васъ и рѣчи вашей не забуду!. «Златоустый витія кіевскій» назвалъ ее брилліантовою—и этимъ названіемъ словно напророчилъ мнѣ большой брилліантовый перстень, который я получилъ 7 октября отъ наслѣдника, за поднесеніе его высочеству рѣчи моей, тогда уже напечатанной, записки о Кіевѣ и нѣкоторыхъ другихъ моихъ Кіевскихъ сочиненій. Сергій С. прислалъ мнѣ этотъ перстень съ своимъ, тогда еще юнымъ, сыномъ Алексѣемъ, которому я былъ путеводителемъ по Кіеву.

Моею лекціею, которая случилась тогда,—о народныхъ пѣсняхъ великорусскихъ—С. С. тоже былъ совершенно доволенъ и сказалъ: «почему Вы не печатаете этого», а при первомъ пред-

ставленіи университета ему въ пансіонскомъ домѣ, онъ спросилъ меня о здоровьѣ и сказалъ: «я только для этого и согласился отпустить его въ Кіевъ; онъ былъ нуженъ мнѣ для Москвы»! Къ довершенію удовольствія моего въ то время, прибылъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ Жуковскій (къ сожалѣнію послѣ 2 октября)... Три памятныхъ дня провелъ я съ нимъ, обозрѣвая и обходя всѣ примѣчательныя мѣста Кіева... до тѣсной пещеры Варяжской, гдѣ онъ на стѣнѣ начертилъ свое имя. Въ пещерахъ мы провожали его съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, поздно вечеромъ, когда былъ фейерверкъ въ дворцовомъ саду для наслѣдника. Октября 8 простился я съ Жуковскимъ, и навсегда!

Я распространился Вамъ объ этой осени, какъ о послѣдней, когда жизнь моя была въ полномъ цвѣту своемъ, подживленная 1836 года 4-мѣсячною гульбою въ Одессѣ и въ Крыму по Черному морю: въ ту пору уволенъ былъ я на 4 мѣсяца, для пользованія здоровья, по положенію комитета министровъ, высочайше утвержденному 21 апрѣля, съ выдачею мнѣ въ пособіе 2,000 руб. ассигн. изъ суммъ университета.

Съ 1838 года жизнь моя пошла уже подъ горку и въ 1839 году я съ трудомъ уже передвигалъ ноги, и лѣвымъ глазомъ моимъ читать могъ уже не въ очки, а въ увеличительное стекло. Съ половины того года лекціи преподавалъ я уже въ квартирѣ моей, гдѣ производились и всѣ тѣ экзамены, въ которыхъ мнѣ надо было участвовать. Подъ конецъ 1840 года я не въ силахъ былъ уже и лекцій читать, и принужденъ былъ подать въ отставку, по совершенно разстроенному здоровью. Университетъ и попечитель князь С. И. Давыдовъ представили меня къ полной пенсіи. Министръ С. С., возвращавшійся тогда изъ чужихъ краевъ и бывшій въ Кіевѣ, тоже больнымъ, обѣщалъ мнѣ сдѣлать съ своей стороны все, что можетъ: и я въ началѣ 1841 года, 36-ти лѣтъ отъ роду, получилъ отставку, съ выдачею мнѣ единовременно годового оклада жалованья изъ государственнаго казначейства и съ производствомъ въ пожизненную пенсію двухъ третей оклада жалованья ординарнаго профессора, т. е. по 762 р. 45 коп. серебромъ въ годъ. Получивъ аттестатъ

отъ университета 26 апрѣля, я черезъ три дня выѣхалъ изъ Кіева, принявъ прощальное благословеніе преосвященнаго Иннокентія, отправлявшагося тогда въ Вологду на епархію.

Я думалъ, какъ и всѣ предполагали, что скоро уже и Богу душу отдамъ. Но проживъ два года сиднемъ на моей Михайловой Горѣ (что надъ Днѣпромъ противъ устья Роси), не читающимъ и непишущимъ селяниномъ-отшельникомъ, отрекшимся отъ всякаго врачевства и отложившимъ всякое попеченіе житейское, я опять сталъ на ноги, сталъ въ силахъ читать и писать по-немногу...

Между тѣмъ въ университетѣ, на оставленную каѳедру не могли найти профессора; и князь С. И. Давыдовъ просилъ меня письмомъ, а потомъ и оффиціальнымъ приглашеніемъ, занять хотя временно каѳедру, до пріисканія профессора. По этому случаю я опять преподавалъ въ университетѣ Русскую Словесность по-урочно,—съ сентября 1843 года; и отъ занятія сего уволенъ 12 іюля 1845 года, съ объявленіемъ мнѣ признательности министерства народнаго просвѣщенія за труды по преподаванію. На каѳедру же опредѣленъ былъ кандидатъ московскаго университета А. И. Селинъ.

При этихъ занятіяхъ, въ ноябрѣ 1843 года, приглашенъ былъ я генералъ-губернаторомъ Д. Г. Бибиковымъ въ учрежденную при немъ по высочайшему повелѣнію временную коммиссію для разбора древнихъ актовъ; и будучи членомъ ея, при самомъ ея началѣ, былъ я редакторомъ и 1-го отдѣленія въ первомъ томѣ памятниковъ, изданныхъ въ 1845 году.

Съ возобновленіемъ пристальныхъ трудовъ, воротилась было ко мнѣ прежняя болѣзнь на все лѣто 1845 года. А потому я, поправивъ себя нѣсколько искусственными минеральными водами и ґульбою въ дворцовомъ саду, воротился опять въ свою Михайлогорскую хату.—Отсюда, въ маѣ 1847 года, опять ѣздилъ я въ Кіевъ, на десять мѣсяцевъ, для книгопечатанія чужихъ и своихъ сочиненій. А въ 1849 году, посѣтивъ дядю моего Илію Ѳедоровича въ Турановкѣ, продвинулся оттуда и въ Москву, на 16 году моего изъ нея отбытія, и увидѣлъ ее подъ вечеръ 21 октября...

Спознавшись съ нею вновь, я сталъ думать опять о ней, о моемъ перемѣщеніи въ нее, тѣмъ болѣе, что съ 1850 года здѣсь на родинѣ была мнѣ утрата за утратой: похоронилъ отца, и сестру-питомицу мою, и еще нѣсколькихъ близкихъ сердцу людей; а оставшись одинокъ, на моей Михайловой Горѣ и увидя, «яко не добро человѣку быти единому», женился весною прошлаго 1853 г., на украинкѣ, родившейся на той же Згари, что и я. Вотъ чѣмъ увѣнчалась моя жизнь, которой въ этомъ году сентября 3-го свершится полвѣка. Мой прадѣдъ, и дѣдъ, и отецъ, кончили свой вѣкъ на 70-мъ году: если бы и мнѣ суждено было тоже, то въ 20 лѣтъ, живучи въ Москвѣ, я написалъ бы, кажется, что нибудь дѣльное, но не въ томъ дѣло. Мнѣ надобно еще мое письмо къ вамъ дополнить тѣмъ, что относится къ прожитой мною жизни, о которой краткую исторію и дружескую исповѣдь написалъ я вамъ теперь, на память о себѣ, по запросу вашему...

Далѣе слѣдуетъ перечень трудовъ ученыхъ и литературныхъ почти въ томъ-же изложеніи, что и въ «Словарѣ». Заканчивается автобіографія сообщеніемъ данныхъ изъ формулярнаго списка о службѣ, что цѣликомъ и напечатано въ «Словарѣ». Послѣ всего этого, М. А. Максимовичъ на послѣднемъ листочкѣ своей рукописи, случайно взятомъ изъ начатой имъ статьи о Мельхиседекѣ Значко-Яворскомъ съ написаннымъ на листочкѣ словомъ «помянникъ», пишетъ, обращаясь къ С. П. Шевыреву слѣдующее:

Вотъ Вамъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, полвѣка жизни моей, сжаты въ одну горсть: передаю ее въ Ваши дружескія руки; дѣлайте изъ нея, что Вамъ угодно! Съ своей стороны, попрошу только поручить кому либо списать для меня уютную копію сего письма, чтобы оставить ее на память о себѣ моей Марусѣ [1]). Обнимаю Васъ и желаю Вамъ всякаго благополучія въ жизни и въ наукѣ!

Вашъ М. Максимовичъ.

2 апрѣля 1854 года, на Михайловой Горѣ.

---

[1]) Мар. Вас. Максимовичъ—жена М. А—ча.

Помянникъ.

(P. S. Вотъ съ какимъ словцомъ попался мнѣ, въ конецъ письма,—листокъ, за недостаткомъ бумаги взятый изъ тетрадки, назначенной для замѣтокъ о разныхъ украинцахъ... Написано было въ ней только о *Мельхиседекѣ Значко-Яворскомъ*, о которомъ удалось наконецъ доискаться мнѣ 1852 г. въ Петропавловскомъ Глуховскомъ монастырѣ, гдѣ онъ долго былъ архимандритомъ и тамъ скончался... Кстати быть этому листку исходнымъ въ моемъ длинномъ письмѣ къ Вамъ о себѣ самомъ... Можетъ быть подъ вліяніемъ этого словца—*Помянникъ*, сегодня, когда я перечитывалъ и поправлялъ свою автобіографію, овладѣло мною такое чувство, какъ будто я читаю о себѣ, какъ уже о покойникѣ!... Впрочемъ, я не разъ уже видѣлъ приступы къ себѣ неизбѣжной ни для кого *семерётки*, и сроднился съ мыслію объ ней, особливо въ первый годъ моей отставки... А въ прошломъ декабрѣ, на Спиридона *Солноворота*, я видѣлъ сонъ, который кстати будетъ вписать въ *эпилогъ* къ моему письму... Видѣлось мнѣ, будто я уже при смерти, и ухаживаетъ за мною въ слезахъ покойная сестра моя Елена; и уже хлопочутъ о гробѣ и похоронахъ моихъ; и началъ сходиться народъ поглядѣть на меня, а въ толпѣ его стою и я, и гляжу на себя, лежащаго въ гробу на столѣ... и не узнаю лица своего, худого и посинѣлаго; а сестра говоритъ: будемъ читать «Вѣрую во Единаго Бога» – и выхожу съ нею изъ домика своего, и думаю: не успѣлъ умереть, а уже выломали и стѣнку въ новенькомъ крылечкѣ (сдѣланномъ въ октябрѣ)... и проснулся въ волненіи... А на другой день вижу во снѣ Гоголя, будто пришелъ ко мнѣ, и говоритъ: послушай, какую спою тебѣ пѣсню! и ставши среди комнаты, начинаетъ выпѣвать сквозь зубы, съ своими жестами, такіе глубокіе и сильные звуки, и все crescendo, что я и пробудился отъ нихъ съ слезами на глазахъ... А черезъ нѣсколько дней опять вижу Гоголя, въ Москвѣ, и съ нимъ всѣ мы за круглымъ столомъ въ веселой пирушкѣ; и хлопочетъ онъ надъ вазою, готовя напитокъ, какъ бывало готовилъ именинную жженку, и, кончивъ, говоритъ: ну, господа, выпьемъ мы

теперь *Шлецера.* И Погодинъ первый беретъ бокалъ и торжественно выпиваетъ Шлецера! И ставъ на колѣни передъ Гоголемъ, благодаритъ его и плачетъ отъ умиленія, что Шлецеръ удостоился такой чести отъ Гоголя... Странно: о кончинѣ Гоголя пришла мнѣ вѣсть отъ сестры моей изъ Золотоноши, въ день его рожденія, и въ тотъ день, какъ хоронила его Москва, здѣсь хоронилъ я мою любимую украинку, мать моей нынѣшней жены!.. Но что же это я заговорился о покойникахъ... «что до мертвыхъ, что до гроба!» Когда вы получите мое письмо, вся Москва будетъ ликовать свѣтло-празднично о Господѣ Воскресшемъ изъ мертвыхъ и даровавшемъ жизнь во гробѣхъ сущимъ!—Заблаговременно цѣлую Васъ!

3 апрѣля.

Михаилъ Александровичъ Максимовичъ.

(Къ столѣтію годовщины его рожденія).

3 сего сентября текущаго года исполнится сто лѣтъ со дня рожденія одного изъ лучшихъ сыновъ нашей родины, извѣстнаго ученаго Мих. Алекс. Максимовича. Крупныя заслуги послѣдняго передъ наукой являются достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы еще разъ вспомнить съ благодарностію о выдающейся его личности. И тѣмъ болѣе умѣстно остановиться на этомъ писателѣ, что и самое изученіе его далеко отстоитъ отъ желаемой полноты: ни личность его не объяснена должнымъ образомъ, ни ученые его труды не нашли еще надлежащей оцѣнки.

А между тѣмъ личность Максимовича представляется намъ крайне интересной и важной. Вращавшійся въ кругу лучшихъ русскихъ писателей 30—40 г.г. и принадлежавшій къ виднымъ представителямъ русской науки—съ одной стороны, Максимовичъ—съ другой—отдавалъ всѣ свои силы на служеніе родной Украинѣ, стремясь разрабатывать историко-литературныеея памятники, выяснять ея исторію и отстаивать ея самобытность съ ученымъ оружіемъ въ рукахъ. Такая личность, кромѣ вызываемаго ею общенаучнаго интереса, несомнѣнно имѣетъ важность и педагогическаго образца. Поэтому-то, принимая во вниманіе историческое

значеніе произведеній Максимовича, вмѣстѣ съ современною важностью его личности, мы считаемъ необходимымъ, въ виду знаменательнаго дня столѣтія со дня его рожденія, напомнить обо всемъ этомъ нашему обществу.

Не будемъ, однако, много распространяться о внѣшней біографіи Максимовича, факты которой въ значительномъ количествѣ указаны уже раньше [1]): сообщимъ изъ нихъ только важнѣйшіе.

Максимовичъ принадлежалъ къ старинному украинско-козацкому роду и родился возлѣ г. Золотоноши. Шести лѣтъ отданъ на обученіе въ женскій монастырь въ Золотоношѣ, затѣмъ учился у своего дяди, харьковскаго профессора Ильи Өедор. Тимковскаго и въ 1812 г. поступилъ въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію, причемъ еще въ гимназіи обнаруживалъ большую любовь къ природѣ. Въ 1819 г. онъ поступилъ въ московскій университетъ на словесное отдѣленіе, пробылъ на немъ два года, увлекаясь, между прочимъ, Мерзляковымъ, но затѣмъ перешелъ на естественный факультетъ, уступая прежнему своему влеченію къ ботаникѣ. Университетскій курсъ Максимовичъ окончилъ въ 1823 г. и остался при университетѣ для научныхъ занятій ботаникой. Въ 1827 г. онъ выдержалъ магистерскій экзаменъ и защитилъ диссертацію, въ 1829 г. назначенъ адъюнктъ-профессоромъ и, наконецъ, въ 1833 г. ординарнымъ профессоромъ ботаники. Все это время онъ занимался не только естествовѣдѣніемъ, но и словесностью; вошелъ въ кругъ выдающихся русскихъ ученыхъ и писателей и пріобрѣлъ почетную извѣстность научными своими трудами.

Между тѣмъ, къ сожалѣнію, здоровье Максимовича, подорванное ревматизмомъ, стало разстраиваться, и онъ началъ подумывать о переѣздѣ на Югъ. Въ Кіевѣ въ это время основанъ былъ университетъ, и Максимовичъ сталъ просить туда перевода... Попечитель округа фонъ-Брадке устроилъ ему переводъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ занятія каѳедры русской словесности. Макси-

---

[1]) См. С. Пономаревъ «Мих. Алекс. Максимовичъ» Спб. 1872 г. В. Науменко—«Скорбная страничка изъ жизни М. А. Максимовича» Кіев. Старина 98 г., XI.

мовичъ принужденъ былъ согласиться, и въ 1834 г. переѣхалъ въ Кіевъ, причемъ на него возложено было также исполненіе обязанностей ректора.

Обязанности эти оказались слишкомъ хлопотливыми, и потому, въ виду слабаго здоровья и усиленныхъ занятій наукой, Максимовичъ долженъ былъ отказаться отъ ректорства (въ 1835 г.) и даже уѣхать въ Крымъ (1836 г.); въ 1838—9 г. университетъ былъ закрытъ, а въ 1841 г. Максимовичъ вышелъ уже по разстроенному здоровью въ отставку и поселился на Михайловой горѣ, въ золотоношскомъ у., продолжая заниматься наукой. Въ 1843—45 г.г. онъ снова получаетъ покинутую въ Кіевѣ каѳедру и затѣмъ опять поселяется на своей горѣ, отлучаясь только на время въ Кіевъ и Москву. Такъ, въ 1847 г. онъ редактируетъ издаваемую Фундуклеемъ книгу: «Обозрѣніе Кіева», въ 1857 г. ѣдетъ въ Москву для редактированія «Русской бесѣды»; кромѣ того, за весь періодъ послѣ вторичнаго оставленія университета, Максимовичъ замышляетъ и осуществляетъ рядъ научныхъ изданій и предпріятій, и за научной работой проводитъ весь остатокъ своей жизни.

Отдавая всю свою жизнь наукѣ, Максимовичъ долженъ былъ, конечно, создать много трудовъ по обѣимъ своимъ спеціальностямъ— какъ по естествовѣдѣнію, такъ и по словесно-историческимъ наукамъ. И въ самомъ дѣлѣ, обозрѣніе перечня его трудовъ убѣждаетъ каждаго, что жизнь Максимовича была дѣйствительно безпрестанной работой, отличавшейся значительной продуктивностью. Касаясь сначала трудовъ Максимовича по естествовѣдѣнію и оставляя въ сторонѣ болѣе мелкія изъ многочисленныхъ его рабоѣъ въ этомъ родѣ, мы должны отмѣтить признанную за главными изъ нихъ важность и научную цѣннность. Такова прежде всего магистерская его диссертація «О системахъ растительнаго царства», гдѣ Максимовичъ «строгій систематикъ блистательно защитилъ свои точныя положенія» (Пономаревъ стр. 8). Такова первая часть его «Основаній ботаники», «которая встрѣчена была всеобщимъ одобреніемъ и доставила автору не-

малую извѣстность» (ib. стр. 9) и даже составила «эпоху успѣховъ ботаники въ нашемъ отечествѣ» (ib.). Вторая часть этого труда, вышедшая въ 1831 г. подъ заглавіемъ «Систематика растеній», «никогда еще не представлялась у насъ съ такою свѣжестью содержанія, стройностью состава и чистотою обработки»; въ ней, кромѣ того, «ботанической терминологіи Максимовичъ послужилъ очень много и одинъ изъ первыхъ въ Россіи (стр. 16, ib.). Подъ заглавіемъ «Микроскопъ» Максимовичъ велъ въ журналѣ отдѣлъ по естествовѣдѣнію, гдѣ указывались «промахи и ошибки разнаго рода даже первоклассныхъ естествоиспытателей» (стр. 19). Такимъ образомъ, какъ спеціалистъ-ботаникъ, Максимовичъ былъ очень серьезной величиной въ русской наукѣ и сдѣлалъ въ нее несомнѣнные вклады, размѣръ которыхъ могутъ опредѣлить только спеціалисты-естественники.

Параллельно съ спеціальными статьями по естествознанію, Максимовичъ занимался и популяризаціей добытыхъ знаній, какъ для интеллигенціи, такъ и для народа. Таковы его «Размышленія о природѣ», отличавшіяся «прекраснымъ изложеніемъ» (Попом. стр. 9), и въ особенности «Книга Наума»—«*первая* попытка въ нашей литературѣ представить полезное и вмѣстѣ завлекательное для простого народа чтеніе» (ib., стр. 19). Послѣдняя книга до 1872 г. вышла уже одиннадцатымъ изданіемъ.

Слѣдовательно, заслуги Максимовича въ области естествознанія были безспорны, и недаромъ на шестомъ «году самостоятельной дѣятельности» молодого ученаго «Московское общество испытателей природы избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ» (стр. 10, ib.).

«Испытуя природу», Максимовичъ, какъ мы сказали выше, не переставалъ заниматься и словесностью, а прежде всего, собираніемъ и обработкой словесно-поэтическаго матеріала, т. е. украинскихъ пѣсенъ. Изданный въ 1827 г. сборникъ ихъ имѣлъ огромное значеніе не только самъ по себѣ, какъ открытіе цѣлаго поэтическаго міра, но и косвенно,—вліяніемъ на развитіе этнографической науки и художественной литературы. Самъ по себѣ этотъ сборникъ, вышедшій подъ названіемъ «Малороссійскія пѣсни, изданныя

М. Максимовичемъ», былъ явленіемъ замѣчательнымъ. Относясь къ началу этнографической дѣятельности на Украинѣ и являясь вторымъ по времени сборникомъ», —это изданіе было совершенной новостью для всего славянскаго міра. Въ то время, какъ въ первомъ украинскомъ сборникѣ Цертелева былъ представленъ историческій и нравоучительный эпосъ, у Максимовича были собраны образцы народно-украинской лирики, и, такимъ образомъ, освѣщена совершенно особая сторона творчества украинскаго народа. Въ 1834 г. появился новый его сборникъ украинскихъ пѣсенъ, состоявшій изъ думъ и козацкихъ былевыхъ пѣсенъ, и, наконецъ, въ 1849 г. третій сборникъ—эпическихъ пѣсенъ.

Всѣ эти сборники съ восторгомъ встрѣчены были русской и украинской интеллигентной публикой и оказали существенное вліяніе на ходъ и направленіе художественной литературы. Въ напечатанныхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ, правда, были нѣкоторыя поддѣльныя, яркими штрихами обрисованъ былъ могучій образъ украинскаго народа, съ его реализмомъ, юморомъ, лирической нѣжностью и задушевностью. Въ поэтическихъ образахъ, тонкомъ чувствѣ и широко-размашистыхъ типахъ этихъ пѣсенъ явно осязалась и чувствовалась сущность украинскаго народа и смыслъ его прошлаго. И потому онѣ болѣе, чѣмъ лѣтописи, говорили поэтическому уму; и потому, открывая красоту народной души, эти пѣсни учили интеллигенцію понимать, цѣнить и любить народъ, создавшій такія дивныя художественныя произведенія.

Два имени, яркими звѣздами сверкающія на горизонтѣ русской литературы, Гоголь и Пушкинъ, какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ объ огромномъ воздѣйствіи на интеллигенцію изданныхъ Максимовичемъ пѣсенъ. Гоголь зачитывался этими пѣснями; Гоголь воспитывался на ихъ дивныхъ образахъ и учился ихъ глубокому чувству и жизненности... Гоголь, наконецъ, черпалъ силы въ широкомъ розмахѣ народной фантазіи, отражавшейся въ пѣсняхъ, и проникался величіемъ запечатлѣнной въ нихъ украинской исторіи. Всѣ эти черты Гоголь внесъ, какъ извѣстно, и въ свое творчество, создавая ими эпоху въ русской литературѣ. И даже больше того: тотъ контрастъ величія жизни въ прошломъ и по-

шлость ея въ настоящемъ, составившій такую драму въ жизни Гоголя, именно и долженъ быть приписанъ вліянію на Гоголя изученныхъ имъ народныхъ пѣсенъ [1]). Несомнѣнно вліяніе украинскихъ пѣсенъ и на Пушкина, хотя послѣдній и взялъ отъ нихъ совершенно иную дань, чѣмъ Гоголь: Пушкина плѣняла нѣжность и душевная красота женскихъ типовъ украинской поэзіи, и потому неудивительно, что, при созданіи типа Маріи въ «Полтавѣ», онъ, по собственному признанію, «обиралъ пѣсни Максимовича». Великій поэтъ-интеллигентъ учился, такимъ образомъ, у другого великаго поэта-народа. Все это, взятое вмѣстѣ, заставляетъ насъ сказать, что открытая Максимовичемъ сфера народной поэзіи сослужила большую службу русской художественной литературѣ: украинскія пѣсни ввели въ нее элементъ реальной народности и послужили къ прочному обоснованію на этой почвѣ русскаго литературнаго развитія. Все замѣченное о русской литературѣ остается въ силѣ и для украинской; разница только та, что въ послѣдней реальность и народность водворились еще съ Котляревскаго, т. е. далеко раньше, и потому украинскія пѣсни Максимовича имѣли для нея значеніе только укрѣпляющаго элемента на пути, уже раньше проложенномъ, но не только что открытомъ, какъ это было въ отношеніи литературы русской. Раскрывая сущность вліянія украинскихъ пѣсенъ на литературу художественную, выразившуюся, собственно говоря, въ формальныхъ чертахъ творчества, т. е. въ реализмѣ типовъ и жизненности изображенія, мы естественно должны подойти къ вопросу объ общественной сторонѣ значенія новоявленныхъ украинскихъ пѣсенъ. Мы хотимъ именно сказать объ ихъ вліяніи на развитіе идеи народности. Создавшаяся, конечно, подъ напоромъ болѣе сложныхъ общественныхъ факторовъ, эта идея въ большой дозѣ, однако, обязана своимъ расцвѣтомъ народной поэзіи. Появленіе памятниковъ послѣдней, раскрывавшихъ глубину народнаго духа, оказывало несомнѣнное давленіе на мыслящихъ людей въ смыслѣ пробужденія въ нихъ вниманія къ народу, удивленія передъ народной душой

---

[1]) В. Европы, № 3, 1874 г. Драгомановъ.

и желанія заняться ея изученіемъ. Отсюда одинъ шагъ до идеи народничества, каковая, по различнымъ историческимъ условіямъ, принимаетъ разные практическіе образы, и въ 40-е и позднѣйшіе годы вылилась въ форму эмансипаціи отъ крѣпостного права. Таковъ былъ конечный результатъ открытія обществу народной поэзіи, превратившій этнографію въ своего рода обществовѣдѣніе. Таково-то было въ частности и вліяніе пѣсенъ, изданныхъ Максимовичемъ. Но если таково было значеніе ихъ для идеи народности, то для идеи украинской народности оно должно было стать еще большимъ, въ силу переживаемаго послѣдней историческаго момента. Правда, для Украины значеніе это было совсѣмъ инымъ, но къ народности ея имѣло касательство несомнѣнное. Дѣло въ томъ, что до Максимовича идея народности была уже на Украинѣ осязаема,—достаточно только вспомнить резонерски-народническій элементъ въ произведеніяхъ Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго, ясно сознававшихъ соціальную приниженность крестьянства и вмѣстѣ съ тѣмъ его права на лучшій удѣлъ. Слѣдовательно, съ этой стороны, пѣсни Максимовича не прибавляли къ созрѣвшей уже на Украинѣ идеѣ ничего новаго. Но за то другая сторона этой идеи, а именно украинскій характеръ народности воспользовался помощью пѣсенъ Максимовича въ большой степени. Въ самомъ дѣлѣ, украинская народность, пробудившаяся съ конца 19 в. въ лицѣ Котляревскаго, засверкала вдругъ новымъ свѣтиломъ на славянскомъ горизонтѣ и привлекла вниманіе и своего и чужого общества. Что такое эта новая народность, каково ея содержаніе, каковы силы и задатки для будущаго,—вотъ тѣ вопросы, которые естественно были заданы каждымъ, задумывавшимся надъ появленіемъ въ интеллигентный міръ новой народности. И прежде всего задумались надъ этимъ сами украинцы, для которыхъ родная народность была неизученнымъ сфинксомъ. Труды по изученію украинскаго народа, въ родѣ изданныхъ Максимовичемъ пѣсенъ, конечно, дѣлались капитальной важности подспорьемъ для разрѣшенія указаннаго выше вопроса. Изъ такихъ трудовъ видно было, что народность есть, что она обладаетъ громаднымъ запасомъ недюжинныхъ силъ, что она можетъ и потому

должна жить, ибо живетъ творческій ея духъ. И такіе отвѣты, вытекавшіе сами по себѣ изъ разсмотрѣнія памятниковъ народной поэзіи, конечно, успокоительно дѣйствовали на психику украинской интеллигенціи и могущихъ изъ нея «видѣти и слышати» ставили на правильный путь мысли и дѣла. Памятники этнографическіе пріобрѣтали національную важность и закладывали прочный фундаментъ для національнаго развитія.

Явленіе это—конечно, не спеціально украинское: то-же самое, и даже почти въ тѣ же годы, происходило съ сербами, хорватами, словинцами и другими славянскими народностями, у которыхъ изученіе народнаго творчества приводило къ проявленію національнаго самосознанія, и дѣятели-этнографы или дѣйствовали на полѣ національнаго возрожденія, или даже одними своими этнографическими трудами заслуживали титулъ дѣятелей національнаго возрожденія.

Таково было значеніе изданнаго Максимовичемъ пѣсеннаго матеріала, оцѣненнаго вполнѣ по достоинству какъ современными ему, такъ и послѣдующими критиками. Но и самъ Максимовичъ прекрасно понималъ смыслъ издаваемыхъ имъ пѣсенъ и зналъ ихъ историческую цѣну. Воззрѣнія его на этотъ счетъ, выраженныя въ предисловіи къ первому изданію пѣсенъ (1827), иллюстрируютъ автора ихъ, какъ теоретика-этнографа, и заключаютъ въ себѣ зачатки будущей этнографической науки. Въ этомъ новая весьма серьезная заслуга Максимовича передъ наукой.

Обращаясь къ разсмотрѣнію украинскихъ пѣсенъ, какъ одного изъ видовъ народной поэзіи, Максимовичъ говоритъ, что въ нихъ, наравнѣ съ сказками, полнѣе всего выражается «народность». Въ пѣсняхъ «звучитъ душа, движимая чувствомъ»; въ нихъ, какъ и въ сказкахъ, «часто видимъ баснословія, повѣрья, обычаи, нравы и нерѣдко событія дѣйствительныя, кои въ другихъ памятникахъ не сохранились».

Независимо отъ такого содержанія пѣсенъ, онѣ, какъ и всякій другой народно-поэтическій памятникъ, важны и для изученія языка: вотъ почему Максимовичъ считаетъ, что «весьма значитель-

ны, а посему достойны вниманія и уваженія были-бы розысканія слѣдовъ народной миѳологіи... собраніе пѣсенъ и т. д.».

Имѣя такой взглядъ на народную поэзію и самъ занимаясь ея собираніемъ, Максимовичъ и на своемъ собственномъ примѣрѣ постарался показать важность изданнаго имъ сборника пѣсенъ; онъ занялся ихъ анализомъ. Онъ указалъ прежде всего на отразившіяся въ нихъ историческія теченія, создавшія особый характеръ украинскихъ пѣсенъ, именно—буйность наѣздническаго, скукость пастушескаго и осѣдлость земледѣльческаго образа жизни. Онъ указалъ черты различія между украинской и великорусской пѣснями, сообразно съ различными характерами обѣихъ народностей. Въ русскихъ пѣсняхъ онъ находитъ унылость, забвеніе, раздолье; въ украинскихъ—порывы страсти, старую твердость, тоску.

Конечно, такая характеристика пѣсенъ далека еще отъ полноты и точности, на что и указано было Максимовичу, напримѣръ, Дельвигомъ; тѣмъ не менѣе важно было вообще поставить затронутые Максимовичемъ вопросы, ибо вполнѣ удовлетворительно отвѣтить на нихъ все равно не представлялось, тогда (да и теперь еще) возможнымъ. Сдѣлавъ общія замѣчанія о пѣсняхъ, Максимовичъ обращается къ ихъ классификаціи по содержанію и устанавливаетъ различные разряды пѣсенъ, что такъ коробило, какъ извѣстно, Н. Гоголя. Максимовичъ находитъ и характеризуетъ пѣсни о козакахъ, гайдамакахъ, о домашнихъ событіяхъ, женскія, обрядовыя и т. д. Не всюду и здѣсь, конечно, удавалось Максимовичу разрѣшать свою задачу удовлетворительно, но за-то многое было разрѣшаемо удачно и во всякомъ случаѣ давало мысли толчокъ. Въ данной чертѣ Максимовича виденъ былъ опытный естествовѣдъ, привыкшій къ точному изслѣдованію и систематикѣ. Естествовѣдѣніе дополняло этнографію. Послѣ установленія классификаціи, Максимовичъ занялся детальнымъ изученіемъ формальной стороны украинскихъ пѣсенъ. Онъ коснулся ритмической ихъ формы и нашелъ, что онѣ стоятъ на срединѣ между русскими и польскими; къ первымъ онѣ близки по тонизму, ко вторымъ—риѳмами. Затѣмъ Максимовичъ дѣлаетъ комментаріи къ пѣснямъ, трактуетъ о выборкѣ лучшихъ текстовъ, о складѣ стиха;

о правописаніи и, наконецъ, присоединяетъ къ изданію небольшой украинскій словарь. Снабженный всѣми такими замѣчаніями и разсужденіями, сборникъ, дѣйствительно, представленъ былъ въ научномъ видѣ и, будучи таковымъ, требовалъ отъ дальнѣйшихъ, если не издателей народно-поэтическихъ памятниковъ, то по крайней мѣрѣ отъ обработывающихъ ихъ лицъ, серьезной научной подготовки:—того, что называется теперь знаніемъ пріемовъ фольклора. Сборникъ 1827 г., какъ и послѣдующихъ годовъ, не были безупречны, ибо, помимо всего прочаго, заключали въ себѣ и поддѣлки; но это и неудивительно: ученая этнографическая литература вообще, а украинская въ частности, была въ то время слишкомъ незначительна, и потому промахи Максимовича вполнѣ извинительны. И тѣмъ не менѣе значеніе всѣхъ вообще замѣчаній въ его сборникахъ, и въ частности въ первомъ изъ нихъ, было очень велико. Говоря о послѣднемъ, Пыпинъ въ своей Исторіи этнографіи замѣчаетъ: «если сравнить это изданіе Максимовича не только съ тѣмъ, что работалось тогда у насъ по народной словесности, но и съ подобными изданіями въ остальной литературѣ славянской и даже западной европейской, надо признать за нимъ большую заслугу разумнаго пониманія и исполненія долга». «Точно зрѣніе его значительно ушло впередъ отъ взглядовъ его предшественника» и т. д.

Къ числу этнографическихъ работъ Максимовича необходимо также присоединить статью «Дни и мѣсяцы украинскаго селянина» (1856 г.), написанную съ знаніемъ предмета. Въ этой статьѣ изложенъ народно-украинскій календарь, по которому расположены существующія въ Украинѣ повѣрья, легенды, преданія и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ сопровождаются соотвѣтственными объясненіями. Вообще, говоря данная работа относится къ числу описательныхъ, представляющихъ одну изъ первыхъ ступеней фольклора, какъ науки; она, однако, обличаетъ въ авторѣ ея серьезнаго изслѣдователя, умѣющаго оріентироваться среди часто неясныхъ народныхъ представленій, и во всякомъ случаѣ, имѣетъ несомнѣнную научную цѣнность.

Изъ болѣе крупныхъ этнографическихъ работъ Максимовича слѣдуетъ также отмѣтить его полемику съ Кулишемъ по поводу повѣстей Гоголя. Посвященныя этому вопросу статьи Максимовича отличаются большой обстоятельностью и знаніемъ предмета, что даетъ ему возможность указывать подчасъ ошибки Кулиша. Въ общемъ, однако, слѣдуетъ признать, что правда была на сторонѣ Кулиша, такъ какъ послѣдній несомнѣнно превосходилъ Максимовича своими познаніями въ этнографіи. Глубокія познанія Кулиша въ этнографіи сознавалъ и самъ Максимовичъ, что видно изъ его рецензіи на «Записки о южной Руси», о которыхъ Максимовичъ даетъ восторженный отзывъ.

Тѣмъ не менѣе, уступая Кулишу въ глубинѣ этнографическихъ познаній, Максимовичъ и самой своей полемикой помогъ болѣе прочному обоснованію различныхъ этнографическихъ понятій и такимъ образомъ послужилъ обнаруженію истины.

Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, дѣятельность Максимовича, какъ ученаго-этнографа, должно признать выдающейся. Максимовичъ, можно сказать, первый украинскій этнографъ, смотрѣвшій на народную украинскую поэзію глазами не только восхищеннаго наблюдателя, но и спокойнаго представителя науки.

Занятія этнографіей естественно должны были привести Максимовича къ разсмотрѣнію вопросовъ исторіи литературы и языкознанія, и выступленіе его на путь историко-литературныхъ изысканій было прежде всего двинуто этнографіей. Мы имѣемъ въ виду замѣчанія Максимовича по поводу раскритикованной въ свое время за невѣрность типовъ Пушкинской «Полтавы». Руководящею нитью въ данномъ случаѣ были именно этнографическія свѣдѣнія Максимовича, каковыя онъ и пустилъ въ ходъ для защиты Пушкина.

Интересуясь литературой изъ любви къ искусству, Максимовичъ долженъ былъ, наконецъ, заняться ею и оффиціально, когда назначенъ былъ профессоромъ въ кіевскій университетъ. Задача Максимовичу предстояла серьезная. Хотя онъ и былъ нѣсколько лѣтъ на словесномъ отдѣленіи университета, но для обязанностей преподавателя этого было, конечно, слишкомъ мало, и потому Максимовичъ долженъ былъ подготовляться. Но

заниматься въ то время исторіей литературы было не такъ-то легко, и въ особенности древнимъ ея періодомъ. Источники были почти не разработаны, детальныхъ и серьезныхъ изслѣдованій почти не было, древнихъ памятниковъ также было не такъ много,— словомъ работа предстояла сложная. Тѣмъ не менѣе Максимовичъ добросовѣстно подготовлялся къ новой своей спеціальности и успѣлъ въ ней много.

Первой ученой пробой М—ча въ исторіи литературы была вступительная его лекція «О значеніи и происхожденіи слова», прошедшая вполнѣ удовлетворительно. Послѣ нея М—чъ занялся историческимъ изложеніемъ словесности, основаннымъ на чтеніи и разборѣ памятниковъ. Работа была трудная въ виду отсутствія надлежащаго количества пособій, но М—чу помогалъ митрополитъ Евгеній, обладавшій богатой коллекціей рукописей.

Нѣсколько лѣтъ занятій и преподаванія словесности укрѣпили познанія М—ча въ достаточной степени, но кромѣ того заставили его обратиться къ языкознанію, безъ котораго не могла быть успѣшной культивировка исторіи литературы. Результатомъ совмѣстнаго изученія словесности и языка появилась въ 1838 г. его «Исторія древней русской словесности», имѣвшая цѣлью послужить пособіемъ для студентовъ. Въ ней М—чъ «предпринялъ разсмотрѣть нашу словесность въ связи со всею жизнію народа; такъ какъ важнѣйшимъ предметомъ изученія являлся языкъ, то на него по преимуществу и обратилъ вниманіе Максимовичъ» (Пономаревъ, стр. 44). Послѣдній отдѣлялъ русскій языкъ отъ западно-славянскихъ и признавалъ три особыхъ его вида. Ученая критика отнеслась къ этой книгѣ въ общемъ благопріятно, хотя и находила, что писать исторію словесности было тогда еще рано. И это было, конечно, вѣрно: недостатокъ памятниковъ долженъ былъ естественно сказаться и на правильности выводовъ М—ча, хотя самъ авторъ и старался внести въ свой трудъ возможно больше критики. Однако слышавшійся по адресу М—ча упрекъ автору за преждевременность изданія былъ, собственно говоря, совершенно лишнимъ и далекимъ отъ требованій научности. Прогрессъ науки именно и заключается въ постоянномъ ис-

каніи и стараніи дѣлать выводы на основаніи того, что есть въ распоряженіи ученаго; дѣло уже будущихъ поколѣній исправлять ошибки предшественниковъ, пользуясь ихъ опытомъ и большимъ количествомъ матерьяловъ. Такъ поступалъ и М—ичъ, желая дать своимъ слушателямъ хоть какое-либо подспорье и болѣе или менѣе опредѣленный взглядъ на изучаемые памятники.

За «Исторіей др. р. словесности» послѣдовали другія крупныя работы М—ча, какъ то: «О народной исторической поэзіи въ древней Руси», «Начатки русской филологіи» и т. д. Въ филологическихъ своихъ работахъ, касавшихся русскаго языка и отношенія его къ западно-славянскимъ, М—ичъ проводилъ мысль о самостоятельности двухъ русскихъ нарѣчій (а не трехъ, какъ раньше), о различіи русскаго и славянскаго языковъ, о сложеніи южнорусскаго языка подъ вліяніемъ кіево-полянской рѣчи и т. д. Но выраженные въ этихъ раннихъ сочиненіяхъ взгляды М—ча висѣли какъ бы въ воздухѣ: они, по мнѣнію Пыпина, «не могли назваться научными, такъ какъ и не было еще сдѣлано никакихъ изслѣдованій о малорусскомъ языкѣ и т. д. (Исторія мал. этн., 314). М—ичъ говорилъ только голословно, вслѣдъ за различными славянскими учеными, въ сущности же онъ «руководился только общимъ впечатлѣніемъ историческихъ обстоятельствъ, рѣшалъ вопросъ на глазомѣръ» (стр. 315). Бо́льшая опредѣленность и научность проявилась во взглядахъ М—ча лишь послѣ появленія лингвистическихъ изслѣдованій Буслаева, Каткова, Срезневскаго и Лавровскаго, а также послѣ историческихъ изысканій самого М—ча, но объ этомъ послѣ.

Изучая древніе памятники, М—ичъ отнесся съ особеннымъ вниманіемъ къ «Слову о полку Игоревѣ», которое, конечно, является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній древней Руси. Интересъ къ «Слову» пробужденъ былъ «приготовленіемъ изданія... пѣсенъ» (Пономаревъ, стр. 21), къ которымъ очень близко по своему складу «Слово»; Максимовичъ занялся изученіемъ его, и когда въ 1833 г. явилась «пѣснь о полку Игоревѣ» въ переводѣ А. Вельтмана, Макс—ичъ написалъ о ней обстоятельную рецензію» (ib, 21 стр.). «Въ 1855 г., по поводу изданія

г. Гербелемъ стихотворнаго перевода «Слова о полку Игоря», Максимовичъ напечаталъ въ Москвитянинѣ двѣ большія статьи о близко знакомомъ ему предметѣ» (ib. 61). Анализъ «Слова» сдѣланъ былъ имъ очень серьезный, какъ внутренній, такъ и внѣшній, въ видѣ сравненія сказаній пѣвца съ лѣтописью. «По поводу этой статьи М—ча, въ журналѣ М. Н. Пр. замѣчено было, что она, по основательности и мѣткости своихъ замѣчаній, принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми долженъ ознакомиться всякій, желающій основательно вникнуть въ содержаніе и форму знаменитаго «Слова» (стр. 62). Наконецъ, въ 1859 г. вышелъ и украинскій переводъ «Слова», принадлежащій перу самого Максимовича. Не входя въ подробную оцѣнку работъ Макс—ча о «Словѣ», мы должны сказать, что, отбрасывая различныя ошибки, которыхъ онъ и не могъ не сдѣлать въ виду современнаго ему состоянія даннаго вопроса, изслѣдованія М—ча производятъ впечатлѣніе своей глубиной, обстоятельностью и мѣткимъ разрѣшеніемъ спорныхъ мѣстъ «Слова». Въ большой степени необходимо сказать то-же самое и о всѣхъ вообще трудахъ М—ича по исторіи словесности, въ особенности древней. При отправленіи въ дальнее плаваніе исторіи литературы, М—чу не у кого было учиться, ибо исторіи литературы, какъ науки, тогда еще не было. М--ичъ долженъ былъ самъ вырабатывать методы изслѣдованія, отыскивать необходимые для историческаго изложенія матерьялы, подвергать ихъ критикѣ— и все это при условіи полной неразработанности исторіи литературы. Работа была трудная, но за то и результаты благодарные: мало помалу расчищался путь различныхъ историко-литературныхъ недоумѣній, и преемники М—ча получали въ наслѣдство если и не всегда безспорныя истины, то за то очень часто научные методы и достойныя вниманія положенія. Такимъ образомъ, за Максимовичемъ должна быть засчитана еще новая заслуга—какъ одного изъ первыхъ историковъ литературы, много сдѣлавшихъ для серьезнаго изученія древней литературы и народной поэзіи въ частности. Эта же заслуга по отношенію къ украинской словесности увеличивается еще болѣе... Не говоря о другихъ изслѣдованіяхъ М—ча, достаточно лишь упомянуть объ изслѣдованіи М—чемъ

«Слова о полку Игоревѣ», чтобы понять важность историко-литературныхъ его работъ для развитія украинскаго самосознанія и правильнаго сужденія о развитіи украинской народности. Приведенныя М—емъ доказательства въ пользу мнѣнія о южно-русскомъ происхожденіи «Слова» слишкомъ очевидны по своей важности въ указанномъ смыслѣ, чтобы объ этомъ нужно было распространяться. Новая и средняя украинская литература пріобрѣли, такимъ образомъ, осязаемое историческое свое начало, и потому нормальность украинскаго развитія, очевидная и безъ того, усиливалась аргументами историческаго характера.

Интересуясь исторіей литературы, филологіей и этнографіей, Максимовичъ естественно долженъ былъ придти къ болѣе детальному изученію исторіи Украины. Въ этомъ заключалась логическая необходимость. Но была и другая причина: Максимовичъ жилъ въ Кіевѣ, полномъ историческихъ преданій, гдѣ каждое мѣсто взывало къ исторіи и требовало настоятельнаго изученія. Къ этому-же предрасполагало Максимовича присутствіе въ Кіевѣ такихъ выдающихся духовныхъ особъ, какъ митроп. Евгеній и архим. Иннокентій, которые обнаруживали самый близкій интересъ къ памятникамъ кіевской древности и тѣмъ самымъ направляли любознательность Максимовича въ сторону исторіи. Вдохновленный Кіевомъ и его древностями, Максимовичъ ревностно занялся исторіей и археологіей, и въ скоромъ времени показались обильные плоды его занятій въ видѣ различныхъ изданій. Наиболѣе выдающимся изъ нихъ былъ «Кіевлянинъ», историческій сборникъ, три книжки котораго вышли въ 1839, 40 и 50 гг. и посвящены были Кіеву. Отмѣчая характеръ и содержаніе своего изданія, Максимовичъ говорилъ: «Изслѣдованіе и приведеніе въ надлежащую извѣстность всего, что относится къ бытію Кіева и всей южной Руси—Кіевской и Галицкой, составляетъ особенную и собственную цѣль моего Кіевлянина» (Предисловіе къ 1-й кн.). Для выполненія этой задачи, Максимовичъ пригласилъ выдающихся сотрудниковъ, подготовился самъ, и въ результатѣ получилась первая книжка, очень цѣнная по содержанію, гдѣ обращаетъ на себя вниманіе статья самого Максимовича о дворянскихъ южно-

русскихъ ополячившихся родахъ, носящая заглавіе «О надгробіяхъ въ Печерскомъ монастырѣ». По отзыву біографа, «первая книга Кіевлянина была встрѣчена въ журналистикѣ сочувственно» (Пономаревъ, стр. 47), чего нельзя было сказать о цензурѣ. Послѣднею урѣзывались историческія статьи немилосердно, а статья Максимовича «Сказаніе о Коліивщинѣ 1768» «не только воспрещена цензоромъ, но даже, по настоянію его, была отослана мѣстнымъ цензурнымъ комитетомъ въ Петербургъ, при особомъ мнѣніи цензора» (стр. 47, Пономаревъ). Въ 1840 г. вышла уже вторая книжка «Кіевлянина», тоже наполненная статьями мѣстнаго характера, но большаго значенія; при чемъ, цѣлыя восемь статей въ немъ принадлежали самому Максимовичу. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ статья «Родословныя записки», гдѣ снова отмѣчено до 90 ополяченныхъ южно-русскихъ дворянскихъ фамилій. Помѣщенныя во 2-й книгѣ «Кіевлянина» статьи тоже были очень цѣнны, и по поводу обѣихъ книгъ высказалъ слѣдующее сочувственное свое мнѣніе С. М. Соловьевъ: «такъ вполнѣ достигаетъ своей прекрасной цѣли издатель «Кіевлянина». Передъ нами только двѣ книжки, но уже сколько относящагося къ бытію Кіева и всей южной Руси изслѣдовано и приведено въ надлежащую извѣстность, и все это совершено усиліями только одного ученаго» (Пономаревъ, стр. 49).

Послѣ второй книжки въ издательствѣ «Кіевлянина» произошелъ перерывъ. Не организуя пока новаго сборника, Максимовичъ выпускаетъ рядъ статей историческаго характера. Таковы статьи, напечатанныя въ «Москвитятинѣ» 1843—5 гг.—«О гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ», «Объ именахъ южно-русскихъ городовъ», «О гайдамакахъ»; въ 1847 г. онъ редактировалъ «Обозрѣніе Кіева» для И. И. Фундуклея и лишь въ 1850 г., по нахожденіи интересныхъ памятниковъ, издалъ третью книгу «Кіевлянина», по прежнему посвященную выясненію древностей Кіева.

Вооружившись всесторонними знаніями по исторіи своей родины—Украины и по многимъ относящимся къ ней вопросамъ, Максимовичъ сталъ однимъ изъ компетентнѣйшихъ ученыхъ въ области украиновѣдѣнія. Онъ ясно представлялъ себѣ судьбы

своей родины съ древнихъ доступныхъ историческому взору временъ, былъ увѣренъ въ ея непрерывномъ развитіи и отсюда дѣлалъ выводъ о способности ея къ дальнѣйшему процвѣтанію. Важный моментъ скоро далъ ему возможность показать свою эрудицію и тонкое проникновеніе въ исторію Украйны. Этотъ моментъ—споръ о древности малорусскаго племеннаго языка, окрещенный споромъ «сѣверянъ съ южанами». Сущность спора заключалась въ томъ, кто былъ обитателемъ Кіевской Руси до 13 в., малороссы или великороссы, и на чьемъ языкѣ написаны древне-русскіе памятники. Было время, когда Погодинъ высказывался по этому поводу въ пользу малороссовъ,—правда, самъ лично мало имѣя для этого историко-филологическихъ данныхъ. Но вотъ въ концѣ сороковыхъ и послѣ 50 гг. прошлаго вѣка вышли замѣчательныя книжки по исторіи древне-русскаго языка Срезневскаго и П. Лавровскаго («Мысли»—перваго и «О языкѣ сѣв. рус. лѣтоп.»—второго). На основаніи данныхъ языка Срезневскій и на тѣхъ же основаніяхъ, съ прибавленіемъ историко-этнографическихъ данныхъ, Лавровскій—доказывали, что ни въ исторіи, ни въ памятникахъ древней южной Руси до 13 в. нельзя обнаружить присутствія малорусской рѣчи и что послѣдняя, значитъ, образовалась только въ 13 в. Изслѣдованія двухъ филологовъ были восприняты Погодинымъ и въ его представленіи претворились въ цѣлую теорію, согласно которой въ Кіевской Руси до 13 в. жили великороссы, говорившіе, конечно, и писавшіе древніе памятники на своемъ языкѣ; подъ вліяніемъ татарскаго нашествія они двинулись на сѣверъ и мѣсто ихъ заняли пришедшіе съ Карпатъ малороссы. Мысли эти, изложенныя въ статьѣ «Записка о древнемъ языкѣ русскомъ», помѣщеной въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ» за 1856 г., и встрѣтили горячій отпоръ со стороны Максимовича. Возраженія Максимовича высказаны были въ «Филологическихъ письмахъ къ М. П. Погодину», помѣщенныхъ въ «Р. Бесѣдѣ» 1856 г., и такимъ образомъ поставленъ былъ на научную почву споръ, не прекращающійся и по сей день. Возраженія Максимовича сводились, конечно, къ тому, что до 13 в. въ древней кіевской Руси

жили малороссы, особенности языка которыхъ отразились и въ древне-русскихъ памятникахъ. Въ доказательство положенія своего Максимовичъ приводитъ массу соображеній, какъ филологическихъ, такъ и историческихъ, и въ особенности подчеркиваетъ мысль, что южно-русскіе памятники дошли до насъ въ сѣверной редакціи и что если-бы даже въ разбираемыхъ имъ памятникахъ не было видно слѣдовъ малорусскаго языка, то, въ виду указаннаго обстоятельства, въ этомъ не было-бы ничего удивительнаго. Многіе даже позднѣйшіе малороссы писали умышленно не на малорусскомъ языкѣ, но изъ этого, говорилъ онъ, нельзя заключить объ отсутствіи въ ихъ время въ обращеніи малорусскаго языка. Основной нитью возраженій былъ разборъ приведенныхъ Погодинымъ языковыхъ образцовъ, свидѣтельствовавшихъ, по мнѣнію послѣдняго, о безусловномъ немалоруссизмѣ древне-русскихъ памятниковъ. Соображенію же Погодина о выселеніи малороссовъ въ 13 в. изъ-за Карпатъ противопоставлялось Максимовичемъ другое—переселеніе на Карпаты изъ кіевской и волынской Руси. Разсматривая приводимыя Максимовичемъ доказательства, слѣдуетъ, въ общемъ, признать ихъ очень удачными,—такъ они подчасъ сильны и правдоподобны.

Коснувшись данныхъ возраженій Максимовича, Пыпинъ замѣтилъ: «послѣдніе изслѣдователи находятъ филологическое знаніе Максимовича недостаточнымъ. Дѣйствительно, какъ человѣкъ стараго вѣка, онъ былъ въ этомъ предметѣ самоучка; но какова была и филологія Погодина? а историческія соображенія, какія дѣлалъ Максимовичъ, не были лишены значенія» (стр. 321, Истор. рус. этногр.)). И послѣднее сознавалъ самъ Погодинъ. Въ своемъ «Отвѣтѣ» на упомянутыя «письма» Максимовича, Погодинъ называетъ его статью «ловко написанной» (стр. 194) и «прекрасною», хотя нисколько для Погодина «не убѣдительною». Онъ призналъ себя явившимся на поле сраженія «безоружнымъ», скользящимъ «по поверхности предмета» и отсылалъ Максимовича сражаться не съ нимъ, Погодинымъ, а со Срезневскимъ и Лавровскимъ, которые, по признанію Погодина, носили «одинаковое»

съ Максимовичемъ оружіе. Въ частности, онъ благодарилъ Максимовича за сдѣланныя имъ нѣкоторыя указанія филологическаго свойства, напр. объ именахъ существительныхъ съ гортанными передъ мягкими окончаніями, объ отдѣленіи галицкаго нарѣчія отъ малорусской рѣчи. Тѣмъ не менѣе, признавая все-таки статью Максимовича неубѣдительною для себя, Погодинъ дѣлаетъ рядъ новыхъ возраженій, въ сущности, однако, повторяющихъ прежнія его положенія, и тѣмъ самымъ вызываетъ новыя письма Максимовича, и затѣмъ вновь возражаетъ ему.

Полемика двухъ ученыхъ привлекла къ ней и третьяго—Лавровскаго, который въ своей работѣ въ 1859 г., подъ заглавіемъ «Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго и т. д.» пришелъ къ заключенію, вслѣдъ за Погодинымъ и на основаніи близости малорусскаго и сербскаго языковъ, что малороссы, дѣйствительно, не существовали въ Кіевщинѣ до 13 в. и пришли къ этому времени только изъ-за Карпатъ. Въ полемикѣ-же съ Максимовичемъ (Основа, 61 г.) онъ, кромѣ всего прочаго, заявлялъ, что признаваемыя Максимовичемъ за малорусскія различныя языковыя формы и особенности имѣются также и въ памятникахъ сѣверныхъ. Максимовичъ тогда не умолчалъ и выступилъ на «брань», исполняя давнишнее желаніе Погодина видѣть его сражающимся съ Срезневскимъ или Лавровскимъ. Послѣднему, но опять на имя Погодина, Максимовичъ отвѣчаетъ въ прежнемъ духѣ и кромѣ того рѣшительно опровергаетъ мысль своего противника о сходствѣ малорусскаго и сербскаго языковъ (День 1863 г. №№ 8—16). Недостатки и достоинства аргументаціи Максимовича остаются прежними и, по мнѣнію Пыпина, приводимые имъ «новые аргументы» не лишены справедливости (стр. 323, Ист. м. р. этн.). Изложенная нами полемика надолго заняла вниманіе Максимовича, заставляя его, для усиленія аргументаціи, перерывать различные памятники и отыскивать въ нихъ нужныя ему показанія. Тѣмъ не менѣе полемика не помѣшала ему продолжать различныя учено-литературныя предпріятія, въ частности историческаго характера. Къ 1857 году принадлежитъ написанная имъ статья о «мнимомъ запустѣніи Украины», не-

посредственно примыкающая къ упомянутому «спору». Признавая несостоятельность въ послѣднемъ Погодина, какъ филолога, Максимовичъ хочетъ поговорить съ нимъ, какъ историкъ, о характерѣ кіевскаго населенія до 13 в. и развиваетъ прежнюю свою мысль о малоруссизмѣ этого населенія, подтверждая свое положеніе историческими справками. Къ тому-же времени относится его статья «О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ и т. д.» и соображенія о личности Богдана Хмельницкаго.

Позже, въ «Основѣ», было помѣщено 11 писемъ Максимовича о Б. Хмельницкомъ, направленныхъ къ Костомарову и имѣвшихъ на послѣдняго особенное воздѣйствіе. «Я не иначе, какъ съ благодарностью — говорилъ Костомаровъ — отнесся къ замѣчаніямъ М. А. Максимовича, написаннымъ послѣ второго изданія моего Богдана Хмельницкаго, и воспользовался нѣкоторыми изъ нихъ при третьемъ изданіи» и т. д. (Бесѣда № 1, критика).

Въ 1859 г. Максимовичъ выпустилъ нѣкоторыя свои сочиненія въ сборникѣ «Украинецъ», гдѣ также имѣются статьи историческаго характера, напр. о Полтавѣ, Золотоношѣ, Богданѣ Хмельницкомъ. Въ 1864 г. выпущена была вторая книжка «Украинца», гдѣ напечатаны были также историческія статьи. Сборники были «сродни Кіевлянину» и отличались всѣми достоинствами послѣдняго. Остальные годы своей жизни Максимовичъ помѣщалъ свои статьи въ Кіев. Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, чѣмъ «усилилъ историко-научный и важный мѣстный интересъ этого маленькаго изданія» (Пономаревъ, стр. 69). Между прочимъ, Максимовичъ обратилъ большое вниманіе на книгу Закревскаго «Описаніе Кіева», указавъ въ ней много неточностей. Разсматривая историко-археологическіе труды Максимовича, приходишь къ заключенію, что мало осталось областей въ малорусской исторіи, которыхъ-бы онъ не коснулся проницательнымъ своимъ изслѣдованіемъ. По многимъ вопросамъ онъ сказалъ вѣское свое слово и многіе изъ нихъ освѣтилъ яснымъ свѣтомъ науки. Будучи самоучкой, какъ и въ филологіи, Максимовичъ съумѣлъ такъ глубоко войти въ свой предметъ, что работы его

получали признаніе спеціалистовъ. «Многіе изъ трудовъ Максимовича—говоритъ Пыпинъ—уже совсѣмъ устарѣли въ настоящее время...... но въ свое время Максимовичъ былъ самымъ дѣятельнымъ работникомъ въ историко-этнографической области» (Ист. м. р. этногр., стр. 33). И дальше: «наука прошла гораздо дальше тѣхъ оснований и пріемовъ, какими онъ нѣкогда руководился; онъ понялъ это, покинулъ старые теоретическіе пріемы и продолжалъ работать надъ собираніемъ и ближайшимъ истолкованіемъ фактовъ, всегда необходимымъ для науки... (ib.).

«Перейдя отъ природы къ археологіи, и для послѣдней старый естествоиспытатель нашелъ въ душѣ своей живую воду; тысячелѣтняя старина являлась ему не голою, нѣмою развалиной... камни, ручьи заговорили, завороженные чудною силою сердца и воображенія» (Петровъ, Очерки ист. укр. лит. 19 ст., стр. 176).

«Независимо отъ поэтическаго колорита, историко-филологическія и археологическія изысканія М. А Максимовича почти всѣ направлены къ уясненію современнаго ему положенія Малороссіи и потому имѣли, кромѣ *научнаго* значенія, интересъ общественный и политическій» (ib.). И дальше: «тѣ работы и интересы, какимъ предавался этнографъ и археологъ Максимовичъ въ Кіевѣ и послѣ, имѣютъ столько-же *научное*, сколько и политическое значеніе» (ib.). Не приводя отзывовъ другихъ компетентныхъ лицъ, касавшихся научной дѣятельности Максимовича, мы можемъ ограничиться приведенными сейчасъ мнѣніями ученыхъ, вполнѣ, думаемъ, компетентныхъ въ рѣшеніи этого вопроса.

Но Максимовичъ не ограничивался лишь тооріей, т. е. изученіемъ исторіи, а старался создать и кое-что практическое: таковы были его старанія къ открытію (не открытаго, впрочемъ) «Кіевскаго общества исторіи»; затѣмъ онъ принялъ участіе во «Временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ»; въ бытность въ Москвѣ въ 1857—9 гг. онъ возрождаетъ Московское общество любителей россійской словесности, секретаремъ котораго онъ состоялъ по 1859 г. Къ сферѣ «практики» Максимовича необходимо также отнести его преподавательскую дѣятельность въ уни-

верситетѣ. По отзыву біографа, Максимовичъ велъ свое преподаваніе исторіи литературы «съ особеннымъ искусствомъ и успѣхомъ; критическіе разборы были силою и торжествомъ Максимовича; ими онъ успѣлъ внушить слушателямъ любовь къ прекрасному и вліялъ на эстетическое ихъ развитіе» (Пономаревъ, 32). «Ограничиваясь образцами русской поэзіи, Максимовичъ хорошо ознакомилъ слушателей съ народной поэзіей и этимъ, конечно, будилъ въ нихъ чувство народности. Въ этомъ вліяніи Максимовича на молодежь заключается великая заслуга его для новаго университета и т. д. (ib.). Максимовичъ «въ теченіе семилѣтней своей профессуры успѣлъ подготовить нѣсколькихъ спеціалистовъ» (ib.) и т. д. «Наравнѣ съ Новицкимъ и Неволинымъ, Максимовичъ былъ двигателемъ оживленія молодежи» (ib.) и т. д.

Таковъ былъ ученый обликъ М—ча, также высоко державшаго знамя науки, какъ и умѣвшаго передавать лучшія ея пріобрѣтенія обществу и слушателямъ. Въ этомъ отношеніи, онъ по истинѣ «былъ для кіевской Руси цѣлымъ ученымъ историко-филологическимъ учрежденіемъ» (Петровъ, Очерки, стр. 180). И неудивительно потому, что, въ свою очередь, различныя «историко-филологическія» и другихъ спеціальностей учрежденія много разъ удостаивали М—ча цѣннымъ своимъ вниманіемъ, избирая его дѣйствительнымъ своимъ членомъ; Кіевская-же духовная академія и университетъ св. Владиміра избрали его почетнымъ своимъ членомъ.

Наполняя свою жизнь учеными изслѣдованіями, М—ичъ немного досуга отдалъ и для украинской поэзіи, т. е. стихотворству. Въ данномъ случаѣ, имъ несомнѣнно руководила любовь къ родному языку и естественное желаніе воспользоваться его формой. Своими украинскими произведеніями М—чъ входилъ уже въ кругъ украинской художественной литературы, и потому важно выяснить, какое мѣсто занимаютъ его произведенія въ этой послѣдней, къ какому литературному направленію относятся, какъ велика ихъ художественность и, слѣдовательно, поэтическое дарованіе М—ча, и, наконецъ, какое значеніе имѣли его произведенія

для послѣдующаго развитія украинской литературы. Вотъ вопросы, которые мало еще затронуты нашей наукой, хотя, впрочемъ, нѣтъ особеннаго повода ими и заниматься.

Однимъ изъ первыхъ украинскихъ произведеній М—ча былъ переводъ въ стихахъ «Слова о полку Игоревѣ», напечатанный въ 1857 г. и вторично въ «Украинцѣ» за 1859 г. и переведенный, по мнѣнію Пыпина, «чтобъ возвратить новому народу полу-книжное созданіе его предковъ» (стр. 35, Ист. млр. этн.). Пыпинъ-же, какъ упоминаетъ и Петровъ, дѣлалъ о переводѣ «прекрасные отзывы» (Очерки ист. укр. л. стр. 188). Трудно, однако, согласиться съ подобной оцѣнкой перевода М—ча, такъ какъ, по нашему мнѣнію, выполненіе перевода не вполнѣ заслуживаетъ названія прекраснаго. Если говорить о вѣрности перевода, то, конечно, послѣдній хорошъ: за это ручаются долгія занятія М—ча текстомъ «Слова», поставившія нашего ученаго на высоту возможнаго тогда пониманія смысла текста. Но для поэзіи этого еще мало: необходима красота изображенія и передачи оригинала. Нужно признать и здѣсь, что въ большинствѣ случаевъ М—чъ сохраняетъ и передаетъ красоту оригинала, такъ что, обладая чертой вѣрности послѣднему, онъ какъ-бы заслуживаетъ названіе хорошаго переводчика. Но пока мы все-таки говоримъ о вѣрности, оригиналу: гдѣ-же однако художественность перевода, при наличности которой переводъ дѣлается дѣйствительно вдохновенной работой, а не перекопировкой всего изложеннаго на иностранномъ языкѣ? Въ этомъ смыслѣ мы должны, во первыхъ, сказать, что нѣкоторыя мѣста перевода М—ча представляютъ неудачныя построенія то по своей неясности, то по необразности. Во вторыхъ, что очень важно, размѣръ стиха почти всегда выбирается М—емъ несоотвѣтствующій передаваемому настроенію,—погрѣшность крайне ощутительная въ поэзіи, требующей полнаго согласованія ритма рѣчи съ содержаніемъ. Наконецъ, самый стихъ перевода очень тяжелъ и неправильно построенъ,—грѣхъ, особенно ощутительный для пріятеля и современника такихъ корифеевъ поэзіи, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Такіе недостатки перевода очень ослабляютъ впечатлѣніе отъ него, заставляютъ за-

бывать красоту образовъ и во всякомъ случаѣ уменьшаютъ его цѣнность. Въ общемъ, нужно признать, что переводъ «Слова», хорошій, какъ переводъ, въ достаточной мѣрѣ не удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ художественному произведенію, и оставляетъ желать лучшаго.

То-же самое приходится сказать и объ его «псалмахъ, переложенныхъ на украинское нарѣчіе» и помѣщенныхъ въ той-же книжкѣ «Украинца». Переводъ псалмовъ стоитъ даже ниже перваго перевода: отличаясь одинаковыми недостатками, онъ имѣетъ меньше достоинствъ въ виду разницы въ характерахъ самихъ оригиналовъ. Какъ произведеніе религіозное, псалмы располагаютъ меньшимъ разнообразіемъ поэтическихъ образовъ и большей шаблонностью, что отразилось и на переводѣ: онъ вышелъ еще тяжелѣе «Слова» и вообще производитъ менѣе выгодное эстетическое впечатлѣніе.

Указанные переводы представляютъ наиболѣе крупную часть украинскаго стихотворства М—ча; все остальное представляетъ мелочи, частью напечатанныя въ старыхъ сборникахъ и изданіяхъ и большею частью въ К. Старинѣ (1898 г., № 11). Разсматриваемыя стихотворенія отличаются публицистическимъ содержаніемъ и въ большинствѣ относятся къ Крымской кампаніи; другія—къ Т. Г. Шевченку, а остальныя съ самыми разнообразными сюжетами. Объ этихъ стихотвореніяхъ г. Петровъ сказалъ, что они «отзываются недостаткомъ поэтическаго вдохновенія и дѣланностью» (Очерки, стр. 181),—но здѣсь сказано еще мягко. Перечисленные стихи М—ча—неудачные стихотворные опыты, написанные безъ изящества, чувства и мысли. Въ нихъ содержаніе развито такъ-же слабо, какъ и форма; только изрѣдка промелькнетъ въ нихъ что-то, но и то не свое, а напоминающее народную поэзію, въ общемъ-же можно пожалѣть, что данныя писанія вышли изъ-подъ его пера.

Изъ обзора украинскихъ стихотвореній М—ча и произведенной нами оцѣнки можно, думается, заключить объ ихъ роли и мѣстѣ въ украинской литературѣ.

Опредѣляя литературныя стремленія М—ча, Пыпинъ называлъ ихъ характерными для «народно-романтическаго» направленія, наклонявшаго въ сторону народно-поэтической старины, т. е. изученія и увлеченія ею. Приведенными словами только и можно, кажется, опредѣлить все положительное, внесенное М—чемъ въ украинскую литературу; его стихотворенія только и имѣютъ то значеніе, что писались на народномъ языкѣ и поддерживали его возрожденіе,—но ни художественнаго, ни историко-литературнаго значенія за ними не числится. Историко-литературное положеніе ихъ таково, что они совершенно теряются въ ряду превосходящихъ ихъ произведеній украинскихъ: съ одной стороны, они не были шагомъ впередъ по сравненію съ предшествовавшими произведеніями, а съ другой—далеко были превзойдены писателями послѣдующими; отсюда—полная ихъ незамѣтность на горизонтѣ украинской поэзіи. Исключенія не составляетъ даже болѣе содержательное стихотвореніе М—ча: «На похоронъ Т. Гр. Шевченка», интересное въ біографическомъ отношеніи но и оно лишено истинной поэзіи.

Окончивъ разсмотрѣніе учено-литературной дѣятельности М—ча, мы могли бы сдѣлать уже окончательные выводы о ея характерѣ и значеніи; однако, остановившись на этомъ, мы не дали бы полнаго очертанія личности М—ча, такъ какъ не выяснили бы себѣ его, какъ человѣка, и не опредѣлили общественныхъ его взглядовъ и симпатій. Касаясь формальныхъ чертъ М—ча, какъ человѣка, должно сказать, что онъ былъ мягкою, уступчивою личностью и сердечно-благородной натурой. Въ характерѣ его не было никакой заносчивости и гордости, наоборотъ, онъ всегда былъ полонъ готовности сдѣлать что-либо хорошее; но вмѣстѣ съ тѣмъ и всегда былъ полонъ достоинства. Одною изъ иллюстрацій многочисленныхъ хорошихъ его качествъ былъ образъ его дѣйствій въ качествѣ ректора Кіевскаго университета. Въ совѣтѣ университета находились преимущественно «преподаватели закрытаго Кременецкаго лицея, лѣтъ за 40—50 и болѣе, люди, хранившіе преданія отжившей старины, самолюбивые, но дѣйствительно обладавшіе ученостью. Максимовичу

удалось достигнуть чрезвычайно труднаго тогда и чрезвычайно важнаго всегда результата, что въ совѣтѣ утвердилось рѣдкое уваженіе и довѣріе другъ къ другу, рѣдкое согласіе и единодушіе» (Пономаревъ, стр. 28). «Общество профессоровъ чтило М—ча не только по его оффиціальному или общественному значенію, но и просто какъ живую личность, какъ привѣтливаго, занимательнаго товарища» (ib). Такими же чертами отличалось и отношеніе М—ча къ молодымъ ученымъ, ибо «рѣдко ученый стараго вѣка сохранялъ такую дружелюбную близость съ молодыми поколѣніями, какъ Максимовичъ» (Пыпинъ, Ист. млр. эт., стр. 33). Онъ всегда чувствовалъ «нравственную связь съ новыми поколѣніями,—которая, къ сожалѣнію, рѣже встрѣчается въ нашей «ученой республикѣ, чѣмъ должно было бы быть» (ib). И дѣйствительно, «можно бы многое сказать о его внимательности къ молодежи, его помощи ей и совѣтомъ и руководствомъ, и словомъ и дѣломъ и т. д.» (Пономаревъ, стр. 71). Любопытно и отсутствіе въ М—чѣ поползновенія къ карьерѣ, столь частаго въ «ученой» средѣ, когда ученые завѣты забываются для крупнаго положенія въ административныхъ сферахъ съ полнымъ, конечно, ущербомъ для науки... М—ичъ, молодой ректоръ, съ большими карьерными перспективами, сейчасъ же бросилъ для науки лестное свое положеніе, какъ только почувствовалъ, что второе наноситъ ущербъ первой.

Но перечисленныя достоинства личности М—ча были только формою, гдѣ, по условіямъ времени и мѣста, могло вмѣщаться содержаніе самое нежелательное въ смыслѣ общественно-идейномъ. Важно потому рѣшить, чѣмъ былъ М—ичъ, какъ гражданинъ и общественный дѣятель. Въ виду отсутствія данныхъ, трудно пока сказать, какъ складывались воззрѣнія М—ча въ его молодые годы; но близкія къ университетскому его времени свѣдѣнія, именно относящіяся къ годамъ послѣ окончанія имъ университета, даютъ нѣкоторый ключъ къ пониманію воззрѣній М—ча и въ годы университетскія. Несомнѣнно, что декабрьскія событія не могли не отразиться на М—чѣ; несомнѣнно, что сентиментально-народническій романтизмъ начала 19-го вѣка оставилъ свои слѣды въ

чувствительной психикѣ его. И въ результатѣ получилось то, что онъ примкнулъ къ кружку лучшихъ людей 30-хъ годовъ, раздѣляя въ общемъ ихъ воззрѣнія и стремленія. А сутью послѣднихъ былъ романтизмъ, главнымъ образомъ, приводившій къ чувству народности и идеализаціи народа, какъ въ прошлой его жизни, такъ и въ современной романтикамъ. Послѣ декабристовъ романтически-народное направленіе было рѣшительно новымъ словомъ въ общественной жизни, ибо указывало на пренебреженный народъ, приводило къ раздумью надъ нимъ и къ стремленію снять съ него опутавшее его крѣпостное иго. Народность—являлась какъ бы символомъ антикрѣпостничества и надолго стала лозунгомъ передового движенія въ Россіи. М—чъ бережно хранилъ первоначально взлелѣянные завѣты народничества и остался представителемъ ихъ до конца. Нужно однако прибавить, что первые шаги народничества М—ча скорѣе имѣли формальный характеръ, чѣмъ касались общественной стороны народной жизни. М—чъ подходилъ, такимъ образомъ, къ оффиціальному пониманію народности, признакомъ котораго была самобытность народа и необходимость развитія таковой. Въ числѣ проповѣдниковъ такой программы М—чъ былъ однимъ изъ первыхъ. Очень ярко выразилось подобное народничество М—ча въ предисловіи къ изданнымъ имъ въ 1827 г. народнымъ пѣснямъ.

«Наступило, кажется, то время,—говорилъ М—чъ въ предисловіи—когда познаютъ истинную цѣну народности; начинаетъ уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно-русская». Въ дальнѣйшемъ изложеніи трактуется о томъ же, т. е. о желаніи видѣть расцвѣтъ поэзіи народа, до сихъ поръ заглушавшейся образцами иностранными. Позже М—ичъ выражается шире, и требованія самобытности и народной окраски развитія Россіи распространяетъ на всѣ стороны народной жизни, а не только поэзію. Въ актовой рѣчи Московскаго университета 1832 г. «О русскомъ просвѣщеніи» М—чъ заявилъ: «самобытность непремѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ жить плодотворною жизнію и оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ. Тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ самобытнаго развитія». Въ разныхъ

обстоятельствахъ М—чъ видѣлъ «признакъ природной, жизненной крѣпости духа русскаго, способность къ развитію самобытному, при величайшей понятливости, переимчивости и т. д.». На основаніи такихъ свойствъ, такой цѣльности въ натурѣ русскаго человѣка, ораторъ требовалъ, чтобы Россія, почитая иностранное, не забывала своенароднаго, чтобъ она возвысилась жизненнымъ развитіемъ родныхъ ей стихій. Мы должны, говоритъ Максимовичъ, не принимать, но понимать европейское, для возвышенія русскаго (стр. 17, Пономаревъ). Правда, понятіе М—ча о самобытности, по правильному замѣчанію Пыпина, не выходило еще изъ стадіи туманности, заключая въ себѣ зародыши и оффиціальной программы и будущаго славянофильства, равно какъ и требованія истиннаго просвѣщенія. За то, при всей своей неопредѣленности, самобытность въ пониманіи М—ча никогда не доходила до крайностей выраженія.

Иллюстраціею соотвѣтственныхъ воззрѣній М—ча служитъ его рѣчь «Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи», произнесенная въ 1837 г. передъ гр. Уваровымъ. Рѣчь встрѣтила полное сочувствіе въ гр. Уваровѣ, а арх. Иннокентій сказанное М—чемъ слово называлъ «брилліантовымъ».

Какъ извѣстно, господствующей чертой во всемъ ученолитературномъ характерѣ М—ча были его малорусскія стремленія, и вотъ они-то и составили основу всей дѣятельности М—ча, ея душу. Въ чемъ-то заключались малорусскія стремленія М—ча и въ какомъ соотношеніи находились они съ такими-же стремленіями другихъ украинскихъ дѣятелей? Симпатіи къ своему родному М—чъ проявилъ очень рано и притомъ въ формѣ вполнѣ сознательной,—въ изданіи народныхъ пѣсенъ; самобытность народа, которому онѣ принадлежали, и его право на развитіе были для М—ча внѣ всякаго сомнѣнія. Чѣмъ дальше шелъ М—чъ въ жизни и наукѣ, тѣмъ болѣе возрастала въ немъ привязанность къ родной народности и тѣмъ въ сильнѣйшей степени служилъ онъ ей своимъ авторитетнымъ словомъ и дѣломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находился въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ со всѣми представителями культурнаго малорусскаго движенія,—

Квиткой, Костомаровымъ, Кулишомъ, Шевченко, и другими; онъ же участвовалъ въ «Основѣ», органѣ, гдѣ права на развитіе малорусской народности выставлялись и выяснялись весьма выпукло. Слѣдовательно, искренность малорусскихъ стремленій М—ча и его привязанность къ родному народу должны быть признаны безусловно. Вопросъ только въ другомъ, насколько глубоко и далеко шелъ М—чъ въ своемъ малоруссизмѣ, или, другими словами, въ какомъ отношеніи стоялъ послѣдній къ русскому народному развитію. По мнѣнію Пыпина (стр. 35 Ист. млр. этн.), «Максимовичъ не былъ украинофиломъ въ болѣе позднемъ смыслѣ этого слова», ибо по поводу Кіевской и Московской Руси М—чъ говорилъ, что «какъ ихъ бытіе, такъ и уразумѣніе ихъ, одной безъ другой, недостаточны и односторонни» (ib). Кромѣ того, по свидѣтельству Пономарева (стр. 67), М—чъ «былъ убѣжденъ, что малороссійскій языкъ, оставаясь языкомъ простонародья, можетъ быть языкомъ поэзіи и для современнаго малоросса, но не можетъ быть ни языкомъ общежитія образованнаго общества, ни языкомъ ученыхъ». Намъ кажется, что дѣло съ М—чемъ стоитъ нѣсколько иначе. Что онъ не былъ тождественъ съ позднѣйшими «украинофилами» въ ихъ взглядахъ на основы и предѣлы народнаго развитія, это, конечно, вѣрно. Но трудно повѣрить, чтобы такой хорошій историкъ и филологъ, какъ М—ичъ, могъ думать о возможности поставить предѣлъ развитію народа и его языка, ограничивая область ихъ поэзіею. Правда, личность М—ча надлежащимъ образомъ еще не изучена, но нѣкоторыя данныя его біографіи говорятъ выразительно, что М—ичъ на вопросъ о будущемъ малорусской народности смотрѣлъ нѣсколько иначе. Приведемъ пару фактовъ.

Изъ переписки М—ча съ Квиткою-Основьяненкомъ видно, что М—ча озабочивала мысль «издавать что-либо на наській мови и притомъ при «Отечественныхъ запискахъ» (К. Стар. 1883, № 6). Это «что-либо» врядъ ли должно было обозначать только «поэзію», ибо послѣдняя на украинскомъ языкѣ и безъ того уже имѣла мѣсто: очевидно, предполагалось печатать по-малорусски все. Другой примѣръ, стихотвореніе М—ча 1864 г. подъ заглавіемъ «Юго-Западному оратору» и его замѣтки, сдѣланныя на по-

ляхъ статьи въ «Вѣстникѣ ю.-западной и западной Россіи». М—ичъ былъ возмущенъ авторомъ статьи, предлагавшимъ «забуты ридну мову», что̀ и дало возможность издателю стихотворенія, В. Н., сказать: «изъ этихъ замѣтокъ прекрасно видно, какихъ воззрѣній держался М—ичъ по вопросу національному» (К. Стар. 1898). Конечно, М—ичъ разрѣшалъ данный вопросъ въ смыслѣ благопріятномъ для малорусскаго народа.

Какъ бы то ни было, однако,—думалъ ли М—чъ о высокой роли «малороссійскаго» языка, или не задавался такими мечтаніями, «украинофиломъ» онъ былъ во всякомъ случаѣ и любовь его къ своей родинѣ засвидѣтельствована должнымъ образомъ. И эта-то любовь привела его впослѣдствіи къ столкновенію съ славянофилами новой формаціи. Въ концѣ концовъ, народническія воззрѣнія М—ча дифференцировались и опредѣлились окончательно: М—чъ отошелъ отъ славянофильской программы и поставилъ на своемъ знамени развитіе малорусскаго народа, сообразное съ его особенностями. Въ такой формѣ воззрѣнія М—ча стали на жизненное основаніе и поставили его самого въ рядъ прогрессивныхъ дѣятелей.

Разсмотрѣвъ учено-литературную дѣятельность М—ча и его шаги на жизненномъ поприщѣ, скажемъ теперь послѣднее слово о всѣхъ заслугахъ М—ча въ совокупности.

М—чъ, по характеру своей дѣятельности, былъ преимущественно ученымъ и на этомъ полѣ успѣлъ сдѣлать много. Какъ естествовѣдъ, онъ написалъ рядъ прекрасныхъ работъ, способствовавшихъ развитію естественныхъ наукъ въ Россіи. Какъ этнографъ, онъ напечаталъ рядъ поэтическихъ памятниковъ, имѣвшихъ огромное и всестороннее значеніе какъ для Великороссіи, такъ и для Украины. Изданія М—ча послужили къ обновленію русской литературы, къ развитію этнографической науки, къ поднятію идеи народности вообще и къ возвеличенію народа украинскаго. Какъ историкъ и археологъ, М—чъ затронулъ и удачно рѣшилъ много вопросовъ, касающихся Украины и въ частности Кіева. Какъ филологъ, онъ много сдѣлалъ для изученія малорусскаго языка и впервые научно поставилъ вопросъ о присутствіи мало-

русской стихіи въ памятникахъ кіевской Руси до 13 в. Какъ малорусскій поэтъ, М—ичъ не выдѣляется изъ ряда посредственности, но очень цѣннымъ должно быть уже одно желаніе М—ча писать для малорусскаго народа на его-же языкѣ. Всѣ эти заслуги М—ча передъ лицомъ науки прославили его крупнымъ ученымъ вообще, а заслуги его передъ роднымъ краемъ сдѣлали его имя однимъ «изъ почетнѣйшихъ именъ въ исторіи изученія малорусскаго народа» (стр. 22 Пыпинъ Ист. млр. этн.). Объ этихъ большихъ заслугахъ М—ча мы и хотѣли поговорить теперь, въ 100-лѣтнюю годовщину его рожденія, чтобы снова напомнить, что личность этого замѣчательнаго дѣятеля прошлаго вѣка до сихъ поръ еще не изучена должнымъ образомъ, что даже не всѣ его интересные труды напечатаны отдѣльнымъ изданіемъ и что нѣтъ до сихъ поръ широкой оцѣнки послѣднихъ.

Долгъ потомства передъ своимъ учителемъ восполнить весь этотъ пробѣлъ; нашей-же задачей было вспомнить «не злымъ тыхимъ словомъ» того выдающагося человѣка, который такъ много поработалъ для Украины.

И. Стешенко.

Переписка М. А. Максимовича съ П. Г. Лебединцевымъ.

(1864—1873).

Въ послѣдніе девять лѣтъ своей жизни, начиная съ 1864 года, М. А. Максимовичъ, главнымъ образомъ, сотрудничалъ въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», редакторомъ которыхъ состоялъ П. Г. Лебединцевъ. Это сотрудничество М. А. Максимовича, конечно, сблизило его съ редакторомъ, тѣмъ болѣе, что оба они въ своихъ научныхъ работахъ касались однородныхъ вопросовъ— исторіи Кіева—въ частности и Украины—вообще. Переписка этихъ лицъ въ теченіе девяти лѣтъ, имѣющаяся теперь въ нашихъ рукахъ благодаря любезности племянника П. Г. Лебединцева, К. Ѳ. Лебединцева, представляетъ большой интересъ не только какъ матеріалъ для біографіи и характеристики обоихъ крупныхъ работниковъ на нашей родной нивѣ, но и какъ матеріалъ, затрогивающій очень часто научные и общественные вопросы, касающіеся жизни нашей родины. Въ виду такого интереса, мы и хотимъ въ настоящей книжкѣ журнала, посвященной памяти М. А. Максимовича въ столѣтній юбилей со дня его рожденія (3 сентября 1804 года), начать печатаніе переписки его съ разными лицами и на первую очередь ставимъ переписку его съ П. Г. Лебединцевымъ, т. к. имѣемъ въ своихъ рукахъ письма обоихъ корреспондентовъ. Для будущаго времени мы обращаемся съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ у себя письма М. А. Максимовича, подѣлиться ими съ редакціей нашей, такъ-какъ у насъ есть уже письма почти всѣхъ его корреспондентовъ.

Какъ извѣстно изъ біографіи М. А. Максимовича, онъ, вступивши въ самые молодые годы на блестящій путь широкой общественной дѣятельности, сначала въ качествѣ ординарнаго профессора ботаники въ Московскомъ университетѣ, затѣмъ ординарнаго профессора русской словесности и перваго ректора Кіевскаго университета, вскорѣ долженъ быть сойти съ этого пути, благодаря своей болѣзни, и съ 1841 года до самой смерти своей жилъ безъ оффиціальнаго положенія въ своемъ хуторѣ, на извѣстной Михайловой Горѣ, въ золотоношск. у. полтавской губерніи, безпрерывно ведя свои кабинетныя работы и сотрудничая въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ эти послѣдніе 32 года своей жизни онъ по временамъ покидалъ свое хуторское уединеніе, переѣзжая для работъ то въ Кіевъ, то въ Москву, но вѣчная матеріальная нужда и болѣзненное состояніе не позволяли ему подолгу баловать себя такой роскошью, какъ городская жизнь.

Осенью 1864 года М. А Максимовичъ рѣшилъ предстоящую зиму провести въ Кіевѣ. Къ этому времени въ Кіевѣ однимъ изъ серьезныхъ научныхъ органовъ выдвинулось изданіе «Кіевскія Епаріальныя Вѣдомости», и М. А. Максимовичъ захотѣлъ принять въ нихъ участіе, съ одной стороны, «любя издавна старину Кіевской Руси, а особенно церковную, и имѣя въ запасѣ нѣкоторыя свѣдѣнія и замѣчанія по этому предмету», а съ другой—видя въ этомъ сотрудничествѣ своемъ возможность нѣсколько увеличить свой матеріальный достатокъ, такъ какъ на 760 рублей пенсіи въ годъ не мыслимо было прожить ему—въ Кіевѣ, а семьѣ—отдѣльно на маленькомъ, почти бездоходномъ хуторѣ. 30 сентября 1864 года М. А. Максимовичъ написалъ письмо прямо въ редакцію «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», даже не на имя редактора, съ предложеніемъ своего сотрудничества и съ приложеніемъ статейки «Нѣчто о Межигорьи» [1]).

---

[1]) Напеч. въ Кіев. Епарх. Вѣдом. 1864 г., № 20; перепечат. въ Собран. Сочиненій, Т. 2.

Вотъ это письмо.

Съ назидательнымъ для себя удовольствіемъ читалъ я многія статьи въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Любя издавна старину Кіевской Руси, и особенно церковную, и имѣя въ запасѣ нѣкоторыя свѣденія и замѣчанія по этому предмету, я желалъ бы иногда передавать ихъ въ общую извѣстность черезъ Кіевскія Вѣдомости, и покорно прошу Редакцію оныхъ принять меня въ свои сотрудники. На первый разъ препровождаю *Нѣчто о Межигорьи*—статейку, внушенную извѣстіемъ о продажѣ Межигорья съ публичнаго торга... Вскую, Боже, низложилъ еси оплотъ его, и обимаютъ й вси мимоходящіи путемъ!...

Я полагаю, что для мысли о Межигорьи, мной выраженной, найдется у васъ сочувствіе; а потому и статейкѣ моей справедливѣе всего быть въ вашихъ Вѣдомостяхъ, минуя всѣ другія свѣтскія повременныя изданія. И если она найдетъ себѣ мѣсто въ Вашихъ Вѣдомостяхъ, то благоволите, по обыкновенію, напечатать для меня полсотни отдѣльныхъ оттисковъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ къ Редакціи «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» имѣю честь быть покорнымъ ея слугою. Михаилъ Максимовичъ

30 сент. 1864 г. Михайлова-Гора.

На письмѣ этомъ стоитъ помѣтка рукою П. Г. Лебединцева «*отвѣтъ 15 октября*», но, къ сожалѣнію, отвѣтъ этотъ въ переппскѣ не сохранился. Во всякомъ случаѣ съ осени 1864 года начинаются между М. А. Максимовичемъ и П. Г. Лебединцевымъ литературныя и научныя связи, а затѣмъ постепенно онѣ переходятъ въ дружескія отношенія, что лучше всего будетъ видно изъ ряда писемъ всѣхъ послѣдующихъ годовъ. Печатая эти письма, мы, для удобства читателей, группируемъ ихъ хронологически по годамъ, но не каждаго корреспондента отдѣльно, а при письмѣ одного изъ нихъ сейчасъ-же помѣщаемъ отвѣтное письмо другого. Изъ переписки мы исключимъ все то, что носитъ слишкомъ частный, личный характеръ, а также и то, что пока не подлежитъ опубликованію.

Такъ-какъ осенью 1864 года **М. А.** Максимовичъ переѣхалъ въ Кіевъ на житье, то естественно всѣ сношенія его, какъ съ редакторомъ, такъ и съ редакціей, могли быть большею частью устныя, а потому въ перепискѣ послѣднихъ мѣсяцевъ 1864 года и первыхъ мѣсяцевъ 1865 года мы встрѣчаемся только съ немногими записочками, какъ напр.: 1-го декабря 1864 г. П. Г. Лебединцевъ проситъ прислать рукопись о Каневскомъ монастырѣ [1]), «ибо пора уже отдать въ типографію»; а 22 декабря М. А. Максимовичъ пишетъ записочку съ обѣщаніемъ написать статейку объ Исаакіѣ Борисковичѣ [2]). Въ эти-же мѣсяцы П. Г. Лебединцевъ любезно принялъ на себя трудъ по изданію популярной брошюры М. А. Максимовича подъ заглавіемъ «Книга Наума о великомъ Божьемъ мірѣ» (8-мъ изданіемъ), слѣды чего и видны въ слѣдующихъ двухъ коротенькихъ письмахъ въ мартѣ 1865 года.

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Хотя я Вамъ столько же вѣрю, какъ и Вы мнѣ, но поелику всѣ мы живемъ подъ волею Божіею, а на нѣкоторое время и разстанемся, то я считаю неизлишнимъ имѣть каждому изъ насъ по экземпляру слѣдующаго, при семъ прилагаемаго, условія, за общимъ подписомъ, надѣясь, что къ подписанію сего условія не представится затрудненія.

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностію Вашъ покорнѣйшій слуга прот. П. Лебединцевъ.

1865 г. 21 марта, Кіевъ.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Весьма благодарю Васъ и за изданіе моей книги Наума, и за условія о ней, и за всю вашу заботу о ней, которую принимаю за ваше для меня дорогое вниманіе ко мнѣ. О томъ свидѣтельствую прилагаемою при семъ фотографическою *персоною* моею и подписомъ руки моей.

---

[1]) Напеч. въ 1864 г., № 24 подъ заглав. «Воспоминаніе о стародавнемъ монастырѣ Каневскомъ»; перепечат. въ «Собран. сочин.» Т. 2-й.

[2]) Напечат. въ 1865 г., № 4 подъ заглавіемъ «Епископъ Исаакій Борисковичъ».

Душевно преданный вамъ и васъ почитающій Михаилъ Максимовичъ.

21 марта 1865 г.

Корректурный листъ *Сказаній* [1]) благоволите прочесть и мнѣ прислать.

Съ началомъ весны М. А. Максимовичъ переѣхалъ опять на свою Михайлову Гору, разсчитывая прожить здѣсь только два-три мѣсяца, а затѣмъ опять вернуться въ Кіевъ, но тутъ какъ разъ подоспѣло открытіе земскихъ учрежденій въ Полтавской губерніи, и М. А-чъ былъ избранъ гласнымъ Золотоношскаго земства, что и удержало его на хуторѣ на болѣе длинный срокъ, такъ что и на зиму онъ остался здѣсь. Вотъ въ этотъ-то періодъ и начинается настоящая уже переписка его съ П. Г. Лебединцевымъ.

1865 годъ.

Первымъ откликнулся М. А. Максимовичъ, написавши слѣдующее коротенькое письмо съ извѣщеніемъ о себѣ и своихъ новыхъ дѣлахъ.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Пользуясь сегодняшнею оказіей отсюда въ Кіевъ, препровождаю вамъ въ библіотеку стародавнюю книгу проповѣдей, изданныхъ Виленскимъ братствомъ, любопытную и по языку Западнорусскому. Съ нею вмѣстѣ посылаю вамъ мой задушевный поклонъ и сердечное желаніе вамъ здравія и успѣха въ дѣлахъ и трудахъ вашихъ.

Я все еще отгуливаюсь послѣ кіевской зимы и, съ ревматизмомъ въ рукѣ, не берусь еще за книги и бумаги, а пребываю весь, до іюня мѣсяца, въ жизни буколической и отчасти земской, для которой мы позваны въ Золотоношу на 27-е мая къ выбору гласныхъ. Изъ новостей нашей губерніи—очень печальный пожаръ города Лубенъ; а радостныхъ не имѣется. Въ половинѣ іюня надѣюсь быть уже въ Кіевѣ и

---

[1]) „Сказаніе о Межигорскомъ монастырѣ“ (1865 г. № 6 и 7); перепечат. въ „Собран. сочин.“ Т. 2-й.

видѣться съ вами. И такъ—до пріятнаго свиданія! Преданный и уважающій васъ Михаилъ Максимовичъ.

17 Мая 1865 г. Мих. Гора.

о. Ѳаворову [1]) прошу передать мой душевный привѣтъ.

П. Г. Лебединцевъ сейчасъ же отвѣтилъ довольно длиннымъ письмомъ, въ которомъ встрѣчаемъ интересное извѣстіе объ одной статейкѣ М. А. Максимовича, написанной имъ, какъ оказывается, по просьбѣ П. Г—ча, но въ перечнѣ библіографическихъ трудовъ М—ча совершенно пропущенной [2]). Въ печатаемомъ письмѣ дается только намекъ на эту статью въ словахъ: «позвольте, впрочемъ, надѣяться, что Вы найдете нѣсколько минутъ, чтобы набросать нѣсколько строкъ, обѣщанныхъ мнѣ о родѣ Забѣлъ и Мировичей, для проповѣди, говоренной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ по поводу брачнаго соединенія сихъ двухъ родовъ. Проповѣдь остается въ ожиданіи Вашей замѣтки». Изъ дальнѣйшей переписки весь этотъ вопросъ не только выяснится вполнѣ, но даже явится новая статейка М. А—ча, касающаяся этого сюжета.

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Душевно благодарю Васъ за память о мнѣ и за Вашъ подарокъ для будущей моей библіотеки, такъ какъ небольшого нынѣшняго числа своихъ книгъ я далеко не могу назвать библіотекой. Письмо Ваше было столько прискорбно, что я не успѣлъ проститься съ Вами, уѣхавши утромъ съ братомъ въ Лавру. Дай Богъ укрѣпиться Вамъ сельскимъ воздухомъ для новыхъ трудовъ. Боюсь только, чтобы весь запасъ Вашихъ силъ не привлекли земскія собранія по своей новости и по желанію Вашему помочь землякамъ. Позвольте, впрочемъ, надѣяться, что Вы найдете нѣсколько минутъ, чтобы набросать нѣсколько строкъ, обѣщанныхъ мнѣ о родѣ Забѣлъ и Мировичей, для проповѣди, говоренной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ по случаю брачнаго соединенія сихъ двухъ родовъ. Проповѣдь остается въ ожиданіи Ва-

---

[1]) Н. А. Ѳаворовъ, проф. богословія въ Кіев. унив.

[2]) См. *С. И. Пономаревъ*. М. А. Максимовичъ. Біографич. и историко-литературный очеркъ. СПБ. 1872 г.

шей замѣтки. Покорнѣйше прошу привезти эту замѣтку съ собой въ Кіевъ или прислать, если бы что замедлило Ваше прибытіе.

Ѳеофанъ Гавр.[1]) къ 25 мая долженъ быть въ Варшавѣ на съѣздѣ директоровъ. Папа съ своими ксензами противодѣйствуетъ Черкасскому, по интригѣ папы уже въ Галиціи отказываютъ въ ректорѣ для холмской семинаріи и въ новомъ кандидатѣ на архіер. каѳедру. Генералъ Безакъ [2]) прибылъ къ намъ и подвизается тихо, но энергически. Онъ говоритъ мало, да работаетъ много. Дай Богъ ему успѣхъ. Митрополита ждемъ въ началѣ іюня. 27 мая онъ уже высылаетъ свиту изъ Петербурга. Въ Кіевѣ теперь протоіерей Сергіевскій, профессоръ московскаго университета. Жаль, что Васъ нѣтъ въ Кіевѣ; Вы бы поговорили съ нимъ о своихъ старыхъ знакомыхъ.

Составъ редакціи Кіевскихъ Вѣдомостей нѣсколько измѣнился— и къ лучшему; мнѣ удалось освободиться отъ Оглоблина, и вмѣсто его выпросить въ соредакторы моего товарища Колосова, законоучителя кадетскаго корпуса. Будьте ужъ такъ обязательны, привезти что-нибудь для редакціи въ видѣ гостинца ей.

Наума взято Андріашевымъ 1000 экз., братствомъ 500; отправлено брату 1000 и Крыжановскому 500 экз. Литовъ распродалъ 100. Русская лавка изъ Москвы опять спрашивала, не уступлю ли 20%; вновь отказалъ. Не знаю, что будетъ дальше. Брату высылаю еще 200 букварей. Барщевскій и Литовъ просятъ еще дать на коммиссію, но съ уступкой 20%. Какъ прикажете быть? Придется дать, ибо изъ другихъ мѣстъ требованій нѣтъ пока.

Пожелавъ Вамъ здоровья и благополучныхъ совѣщаній, остаюсь въ ожиданіи пріятнаго съ Вами свиданія

Васъ истинно уважающій и преданный слуга

П. Петръ Лебединцевъ.

22-го мая 1865 года. Кіевъ.

Не получивши еще въ отвѣтъ только-что приведеннаго письма, М. А. Максимовичъ писалъ слѣдующее.

9 іюня 1865 г. М.-Гора.

Несмотря на одолѣвающую меня перобоязнь, не могу пропустить новой оказіи въ Кіевъ, и не сказаться о себѣ вамъ, дорогой и по-

---

[1]) Ѳ. Г. Лебединцевъ, братъ П. Г. Лебединцева, начальникъ холмской дирекціи училищъ.

[2]) Вновь назначенный генералъ-губернаторъ въ Кіевѣ.

чтенный Петръ Гавриловичъ! Пишу вамъ мой душевный привѣтъ и поклонъ; и посылаю обѣщанную вамъ книжицу нашего знаменитаго Транквилліона „Зерцало Богословія", которую лѣтъ за двѣстѣ преслѣдовали и жгли, по указамъ Михаила и Алексія въ Московщинѣ и Сибири, и несмотря на то, читали ее тамъ, равно какъ и „Учительное Евангеліе" того же автора, и вдохновлялись тѣмъ и другимъ на собственныя писанія проповѣдей и богословскихъ трактатовъ. Транквилліонова учит. Евангелія уже нѣтъ у меня; но вмѣсто его я препроводилъ вамъ „Учит. Евангеліе" Виленское въ прошломъ мѣсяцѣ (обрывокъ моего прежняго собранія книжной старины западнорусской!)

Послѣ Золотоношскихъ выборовъ, о которыхъ я извѣщалъ васъ, я остался въ числѣ 27-ми *гласныхъ* отъ сословія *землевладѣльцевъ*, между которыми обрѣлось 2 священника и 2 козака; а на 12-е іюня мы опять позваны на выборы дворянскіе. Не позволяю себѣ отказаться отъ поѣздки и на эти выборы. Такимъ образомъ, поѣздка моя въ Кіевъ все оттягивается впредь... Съ того 27-го мая страшная засуха обратилась въ дождливую погоду, и остаюсь въ невѣдѣніи, поблагопріятствуютъ ли небеса столь желанной мною поѣздкѣ въ Кіевъ въ іюнѣ, чтобы тамъ отговѣться мнѣ къ Петрову дню,—мнѣ, удрученному тѣлесно и душевно. Во всякомъ случаѣ примите увѣреніе въ истинной преданности къ вамъ душевно уважающаго васъ старика Михаила Максимовича.

Епарх. Вѣдом. получаю черезъ Золотоношу исправно и читаю съ удовольствіемъ; но какое то письмо страховое пришло въ Каневъ еще 11 мая, а объявленіе о немъ получилъ я лишь сегодня. О. Назарія [1]) привѣтствую съ орденомъ, о чемъ прочелъ я сегодня. Часто вспадаетъ заботная мысль: окупился ли вамъ мой Наумъ [2]), принятый вами въ свою добрую опеку?...

Отвѣтомъ на это письмо явилось слѣдующее, въ которомъ, авторъ, считая, что прежнее, переданное черезъ руки, не дошло до адресата, повторяетъ кое-что уже сообщенное.

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Вы доставили мнѣ удовольствіе читать уже два письма Ваши, а моего, къ сожалѣнію не получили. Оно, въ отвѣтъ на первое Ваше,

---

[1]) Наз. Ант. Ѳаворовъ (см. выше).

[2]) „Книга Наума о великомъ Божьемъ мірѣ" (см. выше).

отправлено съ окружнымъ чиновникомъ Герасименкомъ, обѣщавшимъ доставить на Михайлову Гору чуть ли не съ нарочнымъ—24 мая. Надѣюсь, что можетъ быть это письмо будетъ счастливѣе и дойдетъ до рукъ Вашихъ.

Приношу Вамъ глубокую благодарность какъ за учительное Евангеліе, такъ и за Транквилліона; но я опасаюсь, что Ваша расположенность ко мнѣ оставила большую пустоту въ Вашемъ собраніи книжной старины. Поберегите и себя; я люблю старину, но еще болѣе люблю почитателей старины.

Весьма жаль, что пріѣздъ Вашъ въ Кіевъ замедляется, но чрезъ то выигриваетъ Золотнош. округъ отъ участія Вашего въ семъ новомъ у насъ дѣлѣ.

Поздравляю Васъ съ званіемъ гласнаго; дай Богъ, чтобы Вашъ гласъ не былъ гласомъ въ пустынѣ. Григорій Павловичъ Галаганъ тоже гласнымъ въ Козельцѣ.

Въ прежнемъ письмѣ я просилъ Васъ о сообщеніи Вами обѣщанной замѣтки къ проповѣди Прокоповича на свадьбу Анны Забѣлы и Мировича Симеона, въ ожиданіи которой остается неотпечатанною проповѣдь. Будьте добры, не откажите въ семъ.

Весьма радъ я, что хотя Еп. Вѣдомости доходятъ къ Вамъ исправно. Составъ редакціи теперь измѣненъ: мнѣ удалось Оглоблина устранить отъ редакторства, а на его мѣсто причислить своего пріятеля и товарища Колосова, законоучителя Кадет. корпуса (что нынѣ Военная Гимназія). Но пока, какъ изволите усмотрѣть, историч. отдѣлъ весьма скуденъ.

Въ Кіевѣ начальства никакого не имѣется: Безакъ, Казнаковъ [1]) митрополитъ въ отъѣздѣ. Впрочемъ сегодня ждемъ прибытія митрополита. Предтеча его Муравьевъ [2]) уже прибылъ вчера; онъ привезъ извѣстіе о назначеніи новаго оберъ-прокурора въ св. Синодъ— графа Дмитрія Толстого (писавшаго о католицизмѣ въ Россіи) вмѣсто Ахматова, уволеннаго по болѣзни. Онъ въ добавокъ зять Дмитрія Гавр. Бибикова.

Погода и у насъ дождливая послѣ засухи. А что будетъ въ 1866 г.—міръ оставленъ въ невѣдѣніи приказомъ Безака, прекратив-

---

[1]) Губернаторъ.

[2]) Муравьевъ, авторъ „Путешествія къ святымъ мѣстамъ“.

шимъ изданіе Бердич. календаря [1]). Полагаю, что эта новость смутила и Вашу блаженную Малороссію, въ которой Бердич. календарь также пользовался полной вѣрой.

Вчера получено мною объявленіе съ 50 руб. изъ Москвы. Это, вѣроятно, изъ Русской книжной лавки. Разъ я отказалъ въ уступкѣ 20% при продажѣ Наума; опять писала какая то графиня—одна изъ учредительницъ, я опять отказалъ, прописавши, что книга разбирается вѣдомствами. Теперь рѣшились выписать 500.

Съ сими будетъ въ распродажѣ 3700 экземпляровъ, больше запросовъ нѣтъ какъ нѣтъ—ни изъ Вильны, ни изъ Петербурга. Полагаю, что мы ошиблись, спустивши цѣну на 10 коп. Еслибы назначили 25 коп., да книгопродавцамъ уступили 30%, то они забрали бы все изданіе. Но посидимъ еще у моря и подождемъ погоды. Съ желаніемъ таковой и душевной преданностью остаюсь Вашимъ покорнѣйшимъ слугой прот. П. Лебединцевъ.

1865 г. 12-е іюня, Кіевъ.

Слѣдующія пять писемъ М. А. Максимовича, посланные въ лѣтніе мѣсяцы, и одно отвѣтное П. Г. Лебединцева, интересны въ томъ отношеніи, что они устанавливаютъ часть авторства Макс—ча въ замѣткѣ, помѣщенной въ Кіевск. Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ (1865 г. № 14), и даютъ одну цѣльную его статейку по тому-же вопросу, нигдѣ, кажется, ненапечатанную. Какъ видно изъ прежнихъ писемъ, П. Г. Лебединцевъ обратился съ просьбой къ М. А. Максимовичу дать замѣтку о Забѣлахъ и Мировичахъ по поводу вновь найденнаго слова Θеофана Прокоповича въ честь брака двухъ лицъ изъ этихъ родовъ. М. А. Максимовичъ далъ сначала замѣтку объ этомъ въ письмѣ отъ 26 іюня, а затѣмъ сейчасъ-же, въ письмѣ отъ 3 іюля, сдѣлалъ поправку къ ней. Оказалось, что въ Епарх. Вѣдом. была сознательно напечатана 1-ая редакція, безъ дополняющей ее поправки, что объясняетъ П. Г. Лебединцевъ въ своемъ письмѣ отъ 11-го октября, при чемъ и дается справка, почему замѣтка эта помѣщена была безъ под-

---

[1]) Бердичевск. календарь, особенно тогда распространенный, помѣщалъ обширныя предсказанія погоды на будущій годъ.

писи автора. Увидѣвъ въ № 14 Епарх. Вѣдом. напечатанной эту замѣтку въ непоправленномъ видѣ, М. А. Максимовичъ при письмѣ 19 августа посылаетъ уже прямо отдѣльную замѣтку, которая почему-то не была напечатана и такъ и осталась приложенной къ письму. Кромѣ того, въ письмѣ отъ 10 іюля есть указаніе на замѣтку, посланную въ редакцію «Епархіальн. Вѣдом.», гдѣ у М. А. Максимовича являлось было желаніе высказать мысль, что пора-бы снять уже съ Мазепы проклятіе, совершавшееся въ храмѣ въ недѣлю православія. Какъ видно изъ письма П. Г. Лебединцева отъ 11 октября, онъ считалъ, что «о снятіи клятвы съ Мазепы опасно и заводить рѣчь; его дѣло проиграно разъ навсегда, и память его погибе съ шумомъ».

1865 г. 26 іюня М.-Гора.

Два отвѣтныя письма ваши, дражайшій Петръ Гавриловичъ, я получилъ, наконецъ, хотя и не скоро, но исправно, и премного благодарю васъ за нихъ, ибо они доставили мнѣ великое удовольствіе. Ваша память обо мнѣ столь же усладительна для моей души, сколько любопытны сообщенныя вами свѣдѣнія изъ текущей жизни современнаго Кіева. Сожалѣю, что мое намѣреніе быть въ немъ все еще отлагается впредь по разнымъ обстоятельствамъ моего здѣшняго быта и пребыванія; съ чѣмъ въ согласіи и самая природа, бывшая въ маѣ отмѣнно сухою и палящею, а въ іюнѣ слишкомъ дождливою, даже до нынѣшняго дня. А мнѣ такъ хотѣлось быть въ Кіевѣ именно въ настоящіе дни, чтобы отговѣться въ Лаврѣ и посмотрѣть нѣкоторыя окрестности, для рѣшенія себѣ нѣкоторыхъ накопившихся топографико-историческихъ вопросцевъ... Не знаю самъ, удастся ли хотя въ Спасовку исполнить предположенное было на Петровку!... А съ 15 августа у насъ въ Золотоношѣ начнется уже земское *собраніе*, въ которомъ дѣятельно участвовать вмѣняю себѣ въ обязанность, хотя отъ поѣздокъ въ Полтаву (еще не видѣнную мною, но ненавидимую), равно и отъ выборовъ въ члены управы, отказываюсь рѣшительно... Желаніе мое— провести зиму опять въ Кіевѣ, водворясь по прежнему въ сосѣдствѣ съ вами, если бы можно было, гдѣ-нибудь на Крещатикѣ. Тогда вознагражу трудолюбіемъ ту гульбу и недѣятельность, въ которой обрѣтаюсь тутъ уже третій мѣсяцъ и которую могу себѣ извинять только развѣ старостію и утомленьемъ отъ прежней жизни; но ужъ никакъ

не украинскою лѣностію... Пробы мои освѣжаться въ Днѣпрѣ оказывались неудачными и въ маѣ и въ іюнѣ: остаются надежды на іюль, дабы избавиться отъ ревматизма, крѣпко приставшаго къ лѣвой рукѣ и посягающаго нерѣдко на голову и глаза; а избавленіе отъ него мнѣ единственное—Днѣпро-Словутиця!

Что касается до другого способника моего—до старика Наума, то я радуюсь, что онъ уже почти окупается передъ вами вашею же заботою; а мои обращенія о немъ къ толикимъ и таковымъ мужамъ, видно, безуспѣшны, не удостоены даже ни отъ кого и отзывнымъ словцомъ даже до сегодня! То-то мнѣ такъ и не хотѣлось писать ихъ; послѣ долгой отвычки отъ нихъ, я зарекаюсь уже писать ихъ даже до смерти, чтобы не навязываться на непріятныя ощущенія, которыя и безъ того сами налетаютъ подобно мошкамъ и комарамъ, столь досадительнымъ въ нынѣшнее лѣто. Согласенъ вполнѣ съ вами, что книгопродавцамъ надо уступать, и не только по 20, но при значительномъ требованіи и по 25%. Имѣю письмо изъ Сбп. отъ Глазунова, долго пролежавшее въ Каневѣ, которымъ онъ проситъ позволенія моего напечатать новое изданіе Наума, какъ напечаталъ онъ прежде три изданія, подъ надзоромъ Надеждина и Неволина. Но я ему предлагаю покупать тысячами изъ Кіева съ уступкою 30% безъ нашей пересылки. Я увѣренъ, что онъ въ своей типографіи печаталъ несравненно большее количество, чѣмъ то, на которое договаривался и за которое платилъ. Что же это г. Андріяшевъ [1]), съ двухъ тысячъ, за которыя уже вынималъ и деньги, съѣхалъ только на одну?... Надо бы мнѣ объ этомъ воззвать къ С. С. Гогоцкому [2]), назначившему двѣ, какъ minimum... или къ М. А. Тулову [3]), вспомянувшему меня, спасибо ему, на выѣздѣ моемъ.

Но я вспомянулъ сей часъ, что мнѣ надо прежде всего заговорить о Забѣлахъ и Мировичахъ, какъ о предметѣ, болѣе прочихъ настоятельномъ. Не читавши Ѳеофанова слова, не могу написать пріуроченнаго къ нему коментарія; а потому собственно для вашего усмотрѣнія припомяну слѣдующія свѣдѣньица.

Бракосочетаніе Мировиченка съ Забѣловною было, безъ сомнѣнія, въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія, еще до „нещасливого шведського року“.—Родъ *Забѣлъ* (или *Забѣловъ*, какъ писали встарину) извѣстенъ сталъ въ предѣлахъ бывшаго Нѣжинскаго полка еще въ гетманство Богдана Хмельницкаго; въ 1654 году встрѣчается *полковникъ Забѣла* (должно быть *Василій*).

---

[1]) А. Ѳ. Андріяшевъ, издатель „Кіевскаго Народнаго Календаря“.

[2]) Проф. философіи въ Кіевск. университ.

[3]) Помощн. попеч. Кіевск. учебнаго округа.

Его сынъ *Петръ Забѣла* въ гетманство Брюховецкаго былъ уже генеральнымъ судьею, а въ гетманство Демка Многогрѣшнаго - генеральнымъ обозным (т. е. первымъ послѣ гетмана старшиною въ войскѣ). Въ томъ же званіи, несмотря на свою неграмотность, продолжалъ онъ быть и при Самойловичѣ, видный еще и въ 1679 году, въ которомъ его сынъ *Степанъ Забѣла* былъ генеральнымъ бунчужнымъ (какъ видно изъ 116 главы Кіевск. Синопсиса); а въ первые годы Мазепина гетманства былъ онъ полковникомъ Нѣжинскимъ. Сего-то Степана Петровича Забѣлы дочь *Анна* и была въ бракѣ за *Семеномъ Мировичемъ*, котораго отецъ *Иванъ Мировичъ* исторически извѣстенъ съ 1692-го по 1706 годъ, какъ полковникъ Переясловскій (а документально мнѣ онъ извѣстенъ еще съ 50-тыхъ годовъ, какъ зять Кропивянскаго полковника Филона Джеджелѣя). Весною 1706 года командированъ былъ онъ съ своимъ полкомъ отъ гетмана Мазепы въ Ляховичи, для защиты этого города отъ шведовъ; но осажденный многочисленнѣйшимъ шведскимъ войскомъ, взятъ былъ въ плѣнъ съ своими переясловцами, въ апрѣлѣ (или точнѣе 1 мая) и отвезенъ въ Готтенбургъ, гдѣ скончался 4 декабря и тамъ погребенъ. Памятью его въ Переясловѣ остается каменная Покровская церковь, которую по смерти его докончилъ въ 1706 г. зять его Яковъ Ефим. Лизогубъ съ своею нѣжною Мировичевною, помнится, Настасіей.

Чету, привѣтствуемую Θеофановымъ словомъ, постигла недобрая доля.

Въ числѣ сторонниковъ Мазепы, при его измѣнѣ, оказался и *Василь Ивановичъ Мировичъ*; пока онъ и другіе находились эмигрантами въ Туреччинѣ, брали ихъ семейства и близкихъ родичей въ Москву на жительство, при чемъ въ апрѣлѣ 1712 года переселены были въ Москву—вдова Мировича, старая полковница *Пелагія*, ея сыновья *Яковъ* и оный *Семенъ*, и дочка *Марина*. А какъ Василій оказался потомъ столь виновнымъ, что сосланъ въ каторжную работу, то и все вышеозначенное семейство Мировичей отправлено было въ Тобольскъ изъ Москвы. Въ одно время съ этою семьею отправленъ былъ изъ Малороссіи въ Москву и *Семенъ Забѣла*, котораго жена ушла съ Орликомъ и при немъ находилась; а *Михайло Забѣла*, бывшій сначала сотникомъ Борзенскимъ, а потомъ полковымъ судьею Нѣжинскимъ, сталъ генеральнымъ судьею въ 1729 году, когда Яковъ Еф. Лизогубъ возвышенъ былъ въ званіе генеральнаго обознаго. въ

которомъ и оставался долго, будучи по смерти гетмана Апостола первенствующимъ лицомъ въ войсковой старшинѣ Малороссійской.

Михаилъ Максимовичъ.

Воспоминаніе объ этихъ лицахъ, въ желѣзный вѣкъ Малороссійской жизни,—припоминаетъ мнѣ извѣстный актъ о снятіи клятвы съ Горленка и прочихъ, который слѣдуетъ мнѣ списать для Вѣдомостей, вами издаваемыхъ. Это поспѣшу сдѣлать въ слѣдующемъ письмѣ, пока надумаюсь приняться за что нибудь болѣе кощтовное, хотя и не на столько, какъ ваши церковно-археологическія замѣтки въ послѣднемъ нумерѣ. А какая интересная тамъ резолюція владыки вашего о благочинномъ! Не знаю, отцу ли Назарію [1]) или кому иному обязанъ я за присылку мнѣ «Трудовъ академіи», которыя получаю исправно и читаю съ большимъ удовольствіемъ и любопытствомъ, несмотря, что утомляется отъ того мое зрѣніе.

Относительно старыхъ книгъ, я долженъ сказать откровенно, что у меня ихъ осталось уже очень мало, и сберечь изъ нихъ у себя я желаю очень-очень не многія, въ томъ числѣ изданія Іоанна Максимовича: изъ нихъ *Богомысліе* и *Ѳеотронъ* бралъ у меня иногда Иннокентій для академіи и не возвратилъ. Если когда нибудь встрѣтится вамъ случай пріобрѣсть эти двѣ книжки и *Отче Нашъ*, которой у меня еще не было, то не упустите ихъ отъ моего обладанія, въ наслѣдіе моему сыну Алексѣйку; а я охотно вамъ доставлю еще кой какія старыя книжицы, вовсе не предназначенныя у меня къ сохраненію и для меня ненадобныя. Всѣ онѣ изъ разряда священныхъ, а потому даже грѣшно ихъ оставлять въ качествѣ домашняго хламу. Охотнѣе теперь я далъ бы мѣсто на своихъ полкахъ двумъ томамъ Архива, изданнымъ Ѳеф. Гавриловичемъ [2]), и прочелъ бы ихъ съ жадностію; но мой почтенный другъ Юзефовичъ до того небреженъ, что и донынѣ не высылаетъ ихъ мнѣ, имѣющему сугубое право имѣть ихъ у себя прежде многихъ иныхъ лицъ.

Тутъ-то на досугѣ, когда не хочется брать пера въ руки, и читать бы подобныя вещи, усѣвшись на призьбѣ, въ тѣни акацій, и поглядаючи на Днѣпръ, за которымъ видны мнѣ и Каневъ, и Мошны, и высокій мысъ надъ Сокирною, гдѣ взятъ былъ Мельхиседекъ... А

[1]) Н. А. Ѳаворовъ.

[2]) Ѳ. Г. Лебединцевъ (см. выше).

кстати, портретъ его я оставилъ у Г. П. Галагана, и въ случаѣ моего смертнаго часа, онъ долженъ быть переданъ въ академическую залу, сообразно желанію Θеоф. Гавриловича, которому прошу передать въ ближайшемъ письмѣ мой дружескій поклонъ.

Но пора уже мнѣ и кончить этотъ письменный присѣстъ и вамъ дать покой отъ него. Уже за полдень; а день пресвѣтлый... Вы еще, вѣроятно, въ консисторіи пробудете часъ-другой. Отъ всей души желаю вамъ здравія и благоуспѣянія въ дѣлахъ вашихъ. Душевно преданный вамъ и почитающій васъ М. Максимовичъ.

Если случится что писать ко мнѣ, то вѣрнѣе и скорѣе дойдетъ ко мнѣ адресованное по почтѣ на Золотоношу.

—

3-го іюля, 1865 г. Мих.-Гора.

Въ погоню за моимъ послѣднимъ письмомъ, черезъ Золотоношу посланнымъ, поспѣшаю съ этимъ листкомъ, имѣющимъ плыть по Днѣпру, да омоется историческая пыль съ письма предыдущаго.

Вы, желая отъ меня обѣщанной замѣтки о *Забѣлахъ* и *Мировичахъ*, при первой фамиліи поставили *Анну*, а при второй—имя *Симеона*. Это такъ и принялось въ моей мысли, хотя въ самомъ дѣлѣ было наоборотъ; а къ тому еще привилось весьма ошибочное извѣстіе Исторіи Бантыша-Каменскаго (1822, Т. IV. стр. 47) о *Василіи Мировичѣ*, которому онъ приписалъ Переясловское полковничество, принадлежавшее его покойному отцу *Ивану*, и проступокъ, принадлежащій брату *Θедору*. И я написалъ вамъ свѣдѣніе двуошибочное. Спѣшу поправить его для исправнаго коментарія къ Θеофанову слову. Женихомъ былъ не Мировичъ Семенъ, а *Семенъ Забѣла*, невѣстою—*Мировичовна* (Анна), которая въ 1709 году бѣжала вслѣдъ за Мазепою, Орликомъ и братомъ своимъ *Θедоромъ* (Ивановичемъ) *Мировичемъ* въ Бендеры. Семенъ Забѣла въ 1711 году посылалъ къ ней нарочнаго, чтобы она вернулась къ нему на Украину; но она при томъ-же нарочномъ выбралась въ Шведскій лагерь къ королевскому маршалку Лимонту. Послѣ такого поступка Анны Ивановны, мужъ ея подавалъ челобитную къ царю, черезъ гетмана Скоропадскаго, дабы ему вольно было иную жену поняти, а отъ той-де онъ цурается и отрекается.

Такъ окончилась свадьба, напутствованная словомъ Θеофана Прокоповича, который (говоритъ преданіе) и безъ свадьбы сплодилъ знаме-

нитаго *Теплова*, наставника послѣдняго гетмана, Кирилла Разумовскаго. Чѣмъ кончилась судьба Мировичовны-Забѣлихи, не знаю; а мужъ ея все-таки былъ позванъ на жительство въ Москву, за гульбу и эмигранство его жены.

Семенъ Мировичъ былъ женатъ на дочери *Ломиковскаго*, умершаго въ Бендерахъ; а *Василь Мировичъ* былъ зятемъ *Токіевскаго* (полков. Кіевскаго), тоже находившагося въ Бендерахъ при Мазепѣ, потомъ при Орликѣ, въ гетманство котораго *Θедоръ Мировичъ* считался генеральнымъ асауломъ (вмѣсто Дмитрія Максимовича, воротившагося въ Малороссію, оттуда въ Москву, а изъ нея въ Архангельскъ). За его то тяжкую вину, его мать старая *Мировичка Пелагія*, братья его и сестры, потребованы были въ Москву, а оттуда посланы въ Тобольскъ, но его жена, во время его эмигранства, была у отца своего Полуботка, знаменитаго полковника Черниговскаго. Вотъ подробная и вѣрная обстановка вопроса, за которую можетъ смѣло ручаться душевно васъ почитающій и преданный вамъ Михаилъ Максимовичъ.

Вчера я начитался и Майской книжки Трудовъ Академ., и вашихъ Вѣдомостей 12 нумера, въ которомъ особенно понравилась мнѣ замѣтка о дорожнихъ крестахъ и по поводу свѣдѣнія о родной матери Ломоносова. Благоволите и въ вами завѣдываемое училище, и въ школу Гогоцкой подарить отъ меня по 50 экз. книги Наума.

---

10 іюля 1865 г. М.-Гора

У васъ въ Кіевѣ теперь праздникъ Антоніевскій, а завтра Ольгинскій, а тамъ и Владиміровскій, но я сижу тутъ по буднишному и только сожалѣю подъ часъ, что не могу очутиться въ Кіевѣ—по причинѣ изнеможенія отъ жары и пустоты карманной. Кое-какъ, однако, настрочилъ вчера прилагаемый листокъ для вашихъ епархіальныхъ вѣдомостей, который прошу принять благосклонно. Примѣчаніе мое вышло сухарное; но я поопасался размочить его Днѣпровскою водою... А хотѣлось сказать-бы, что можно-бы кажется, уже снять анаѳемское поминовеніе въ Кіевѣ съ того, чьихъ памятниковъ столько въ Кіевѣ— и Лаврская каменная ограда, и Никольскій соборъ, и Братская Богоявленская церковь; кто золотилъ своимъ коштомъ и верхи прежней лаврской великой церкви, отъ громоваго удара сгорѣвшіе; чьимъ стараніемъ возобновлена древняя епархія переясловская и поставленъ

тамъ Вознесенскій соборъ и проч. и проч. 157 лѣтъ уже проклинали его ежегодно: и если проклятіе наложено было на *него* и *его единомышленниковъ*, и снималось съ послѣднихъ—по велѣнію царскому, то и съ *него* могло бы, наконецъ, быть снятымъ, по милостивой волѣ царской, церковнымъ ходатайствомъ Кіева.. Вотъ какая хмелинка была въ головѣ, когда я принялся списывать листъ гетмана Скоропадскаго къ митрополиту кіевскому, но нельзя же было ей повиться по тычинѣ пера моего; вы первый выбросили бы ее изъ моего примѣчанія, какъ сорную траву [1])...

Вы, изъ моего Золотоношскаго письма могли удостовѣриться, что въ знойное лѣто я не могу писать дѣльнаго; вамъ вѣрно уже доставилъ мусье Альфонсъ [2]) мое поправочное письмецо о женитьбѣ *Семена Забѣлы* на *Аннѣ Мировичовнѣ*; но и въ томъ письмѣ жену *Θедора Мировича*, нераскаяннаго приверженца Филиппа Орлика, я назвалъ, помнится, дочкою Павла Полуботка, между тѣмъ какъ она была родная *сестра* его, *дочь* Леонтія Полуботка, бывшаго полковникомъ Переяславскимъ.—Вижу, что въ старой памяти моей происходитъ уже такая же мѣшанина, какъ и въ исторіи Бантыша-Каменскаго, который *Василя* Чуйкевича называетъ то Васильемъ (по актамъ), то Семеномъ (по Ригельману), да и не одинъ онъ попадаетъ непрестанно въ подобныя неточности! Похожденіе Анны Ивановны Забѣлиной-Мировичевны и было у меня на примѣтѣ, когда я хотѣлъ вамъ писать примѣчаніе къ Θеофанову слову; но здѣсь я и не вспомнилъ на первый разъ въ чемъ дѣло!

Но не буду обременять васъ моимъ разглагольствіемъ: у васъ мало досуга и много чтенія и дѣла; а у меня наоборотъ! И такъ—будьте здравы и благоуспѣшны, и не забывайте душевно-преданнаго вамъ Михайлогорца.

А что выпадаетъ на долю Межигорья?...

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Кланяюсь вамъ изъ Золотоноши, гдѣ я уже третій день, участвуя въ земскомъ собраніи, въ качествѣ гласнаго, уклонившагося впро-

---

[1]) См. статью „Замѣтка къ листу гетмана Скоропадскаго" (Кіев. Епар. Вѣд., № 46); перепечат. въ „Собран. сочин." Т. 1-ый.

[2]) Французъ, поселившійся въ с. Прохоровкѣ еще въ молодые годы; умеръ около года тому назадъ глубокимъ старикомъ.

чемъ отъ выбора въ какія либо особенныя должности по земству; а нынѣшній день и назначенъ для балотировки въ члены управы, которымъ положено вчера жалованья 750 р. въ годъ, тоже и предсѣдателю; на канцелярію 2,000 р.

Препровождаю замѣтку къ Θеофанову слову, которую можно, мнѣ кажется, помѣстить въ вашихъ вѣдомостяхъ. Хотѣлось бы въ первой половинѣ сентября, къ Воздвиженью, быть въ Кіевѣ по прошлогоднему; но еще не знаю, исполнится ли это, равно какъ и то, въ возможности ли буду зимовать въ богоспасаемомъ градѣ.

Отъ всей души желаю вамъ здоровья и благополучія искренно преданный вамъ Михаилъ Максимовичъ.

19 августа. 1865 г.

Письмецо мое, съ актомъ о Горленкѣ [1]), посланное черезъ Переясловъ 12 іюля, вы вѣрно уже получили.

Замѣтка о новоизданномъ словѣ Θеофана Прокоповича.

Въ 14 нумерѣ Кіевскихъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» нынѣшняго года напечатано весьма замѣчательное, но остававшееся въ неизвѣстности слово Θеофана Прокоповича—„въ честь новобрачныхъ". Очевидно, что это извѣстное слово принадлежитъ къ первой порѣ его витійства, когда онъ былъ еще *учителемъ* въ Кіевской академіи (ректоромъ въ ней былъ онъ съ 1711 года).

Не знаю, къ какому времени принадлежитъ академическая рукопись, изъ которой заимствовано это слово, но я нахожу, что переписчикъ его сдѣлалъ значительную ошибку въ заглавіи, перемѣшавъ фамиліи новобрачныхъ. Заглавіе дано такое: „слово ректора Кіевской коллегіи Θеофана Прокоповича въ недѣлю мытаря и фарисея, въ честь новобрачныхъ *Симеона Мировича* и *Анны Забѣловны*".

Противъ этого можно сдѣлать слѣдующія возраженія.

1) Кіевская академія именовалась *коллегіей*, въ XVII вѣкѣ, до 1701 года. „Ректоромъ Кіевской коллегіи" былъ Θеофанъ Прокоповичъ I-й, дѣдъ знаменитаго витіи, скончавшійся 1689 года.

2) У переясловскаго полковника Ивана Мировича, умершаго въ шведскомъ плѣну 1706 года, дѣйствительно былъ сынъ *Семенъ*

---

[1]) „Листъ гетм. Ивана Скоропадскаго"... (см. выше).

Мировичъ. Но онъ женатъ былъ на дочери генеральнаго обознаго Ивана Ломиковскаго, *Еленѣ*. Свидѣтельствомъ тому служитъ завѣщаніе Ломиковскаго, писанное въ мартѣ 1711 года въ Яссахъ. Въ немъ сказано между прочимъ: „кохануую дочерь мою *Елену Семіеновну Мировичовую* зъ милымъ еи малжонкомъ и кохаными чады благословляю и божія имъ благословенія желаю". (см. въ *Молодикѣ* на 1844 г. стр. 73 и 77). Ясное дѣло, что Өеофаново слово относилось не къ *Семену Мировичу*.

3) Новобрачными, въ честь которыхъ витійствовалъ Өеофанъ, были: *Семенъ Забѣла* и *Анна Мировичевна*, дочь выше помянутаго полковника переясловскаго. Въ доказательство приведу слѣдующій отрывокъ изъ письма гетмана Скоропадскаго къ графу Головкину, *1712* года (см. въ *Чтеніяхъ* 1859 г. кн. 1).

«Старая *Мировичова*, [1]) которой сынъ *Өедоръ* при Орлику енеральнымъ асауломъ; тамъ же [2]) и *дочка его, Семена Забѣлы жена*; браты его Өедоровы: *Семенъ* зъ женою и зъ дѣтьми, за которымъ дочка Ломиковскаго, при Орлику найдуючагося, *Василь* зъ женою и зъ дѣтми, за якимъ дочка Мокіевского [3]), въ противной сторонѣ умершого; да его жъ, Өедора Мировича, три браты нежонатыи, *Яковъ, Димитрій и Иванъ*».

Такъ какъ взаимный родственный союзъ Малороссійской старшины составляетъ главный мотивъ Өеофанова слова, то не лишнимъ будетъ прибавить, что Өедоръ Мировичъ женатъ былъ на дочери прежняго Переясловскаго полковника Леонтія Полуботка, которая, послѣ бѣгства мужа ея, оставалась въ дому брата своего Павла, полковника Черниговскаго. Другая дочь полковника Мировича, именно *Өеодора*, была женою Якова Лизогуба, бывшаго впослѣдствіи генеральныхъ обознымъ.

На основаніи предложенныхъ свѣдѣній, слѣдуетъ дать Өеофанову слову такое заглавіе: Слово учителя Кіевской академіи Өеофана Про-

[1]) Полковница *Пелагея Мировичева*, урожденная *Голубовна*.

[2]) Т. е. въ Бендерахъ, куда ушла она, покинувъ мужа своего въ Малороссіи.

[3]) Константій Мокіевскій, полковникъ Кіевскій.—Не знаю, его ли дочь, или Полуботкова, была *Анна Мировичовна* (другими словами: жена ли Василія, или Өедора Мировича).

коповича въ недѣлю Мытаря и Фарисея, въ честь новобрачныхъ *Семена Забѣлы и Анны Мировичовны»*.

Михаилъ Максимовичъ.

1865 г., 13 іюля, Михайлова гора.

—

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Посылаю вамъ статейку о горѣ Московкѣ [1]). Можетъ быть она, послѣ оной, что помѣщена у васъ въ 5 нумерѣ, окажется излишнею; въ такомъ разѣ благоволите ее пристроить хоть въ Кіевлянинѣ, или гдѣ-нибудь, за исключеніемъ, разумѣется, Телеграфа... [2])

Я воротился изъ Золотоноши (откуда писалъ къ Вамъ) не совсѣмъ здоровый, что и до нынѣ продолжается, при неблагопріятной для ревматизма моего погодѣ. Не теряю, однако же, надежды собраться съ силами для поѣздки въ Кіевъ.

Между тѣмъ погружаюсь въ кіевскую церковную старину, и сегодня, прочитавъ въ вашемъ изданіи объ андреевскомъ крестѣ Лохвицкаго работы—занимался крестовоздвиженскою церковью... Вижу, что надобно съизнова повѣрить все, что писано было и Берлинскимъ, и Закревскимъ, и прочими о Старомъ Кіевѣ. Чтобы меня или митрополиту, или Безаку пригласить въ Кіевъ на службу въ званіи археографа: въ Кіевѣ для этого можно быть *по особымъ порученіямъ*!

Желаю вамъ здоровья тѣлеснаго и крѣпости душевной преданный вамъ М. Максимовичъ

1 сент. 1865 г. М. Гора.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Три раза я въ долгу у Васъ, такъ какъ не отвѣчалъ почти на три письма Ваши. Но ужъ, волей не волей, простите. Это произошло не отъ недостатка уваженія къ Вамъ или забвенія о Васъ. Съ 17-го по 29 августа ѣздилъ я съ Владыкой по бердичев., липовецкому, уман. и звенигор. уѣздамъ; изъ Шполы по почтовой дорогѣ поспѣшили въ Кіевъ къ прибытію в. князя. Затѣмъ пріемъ училища [3]), запущенныя и

---

[1]) Кажется, эта статья нигдѣ не напечатана.

[2]) Издававшаяся въ то время вторая газета въ Кіевѣ „Кіевскій Телеграфъ“.

[3]) П. Г. Л—въ завѣдывалъ женскимъ Епархіальнымъ училищемъ.

новыя дѣла и т. п., набралось добра на цѣлый сентябрь, такъ что едва теперь пользуюсь возможностью написать Вамъ нѣсколько строкъ.

Вы, можетъ быть, удивились, что я помѣстилъ въ Еп. Вѣд. не 2-е, а 1-е Ваше примѣчаніе о Мировичѣ и Забѣлѣ «и при томъ съ подписью редакціи, а не Вашего имени». Дѣлая это, я имѣлъ въ виду, что въ заглавіи рукоп. слова стоитъ женихомъ Семенъ Мировичъ, а не Забѣла, и на дочери Ломиковскаго могъ Семенъ Мировичъ жениться и въ другой разъ; предполагалъ также напечатать ваше новое мнѣніе объ этой свадьбѣ, въ родѣ возраженія противъ 1-го; главное же—статья была уже набрана и срокъ печати близился, когда получена была Ваша новая замѣтка. О снятіи клятвы съ Мазепы опасно и заводить рѣчь; его дѣло проиграно разъ навсегда и память его погибе съ шумомъ. Золотилъ же онъ и строилъ церкви вѣрно на козацкія деньги. Сладко ли было козакамъ въ его гетманство?

За статью о крестахъ и стриженыхъ макушкахъ прозвали меня и латинникомъ, и уніатомъ или, по крайней мѣрѣ, сыномъ уніат. священника. Одинъ господинъ прислалъ даже ругательное по сему случаю письмо на меня—безыменное—въ 2-хъ экз.: одинъ Крамареву, другой мнѣ. Какихъ дураковъ нѣтъ на свѣтѣ! Мѣриломъ православія берутъ не исторію церкви, а status quo Великороссіи и все отличное отъ великороссійскихъ обычаевъ въ южнорус. церкви клеймятъ титломъ католическаго. Сколько мнѣ приходилось слышать нареканій на обычай вязать руки брачущимся, а между тѣмъ изъ статьи о бракѣ (въ 20 № Еп. В.) увидите, что и это обычай древней церкви. Недавно я узналъ, что въ Лаврѣ существовалъ не очень давно бывшій издревле обычай—въ большіе праздники непремѣнно звонить въ разгонъ, хотя это уже неудобно было по огромной тяжести новѣйшихъ колоколовъ. Въ пещерныхъ церквахъ всѣ престолы были каменные, приставлены къ восточной стѣнѣ; передѣланы въ *указанную мѣру* по распоряженію м. Евгенія или Серапіона, и выставлены на указанное мѣсто. Въ Спасск. церкви открылись замазанныя было сухой краской изображенія Марка, Исаака затвортника и другихъ (временъ Могилы) съ короткими волосами и въ туникахъ.

Мое вниманіе остановилось еще на вдѣланномъ въ нижній этажъ лавр. колокольни барельефѣ св. Антонія съ древней готич. подписью; онъ въ корич. туникѣ, короткой до колѣнъ мантіи и въ кукутѣ. Удивляюсь, какъ никто изъ 100.000 проходящихъ по лавр. двору доселѣ не замѣчалъ этой древности, сохраненной Лаврой.

Нижняя подпись запачкана известкой, и барельефъ высоко, едва можно прочитать ὁ ἅγιος Ἀντόνιος.

Межигорье торгують, но Лаврѣ не желають продавать всячески. По сему дѣлу прибылъ недавно въ Кіевъ нѣкій графъ Тарновскій, состоящій при кабинетѣ и Адлербергѣ. Дѣло ведется таинственно, а продають какому то нѣмцу. Писните что-нибудь Аксакову въ *День* [1]). Онъ недавно въ передовой статьѣ о проектѣ нов. устава духовной цензуры наговорилъ довольно горькихъ рѣчей св. Синоду и даже допустилъ выраженіе: «маловѣрные блюстители вѣры». Вѣрно получитъ предостереженіе, да благо, если тѣмъ ограничатся.

Выручено за книгу Наума 392 руб.; изданіе стоитъ 242 р.— Андріяшевъ обѣщалъ скоро взять еще 1.000 экз. Онъ при календарѣ припечаталъ объявленіе о книгѣ Наума, и по сему случаю при требованіи календарей у него набралось требованій на 600 экз. Наума. Можно надѣяться и на дальнѣйшее. Спасибо ему.

Кстати о календарѣ. На дняхъ объявлено въ газетахъ, что привилегія Академіи Наукъ на исключительное право издавать календарь уничтожена и право издавать календари предоставляется всякому желающему. Прошу принять это къ свѣдѣнію.

Крамаревъ взялъ 100 экз. Наума за 60 руб., записанные Вами братству. Главный братчикъ Бердихинъ умре и 6-го октября погребенъ бысть въ Китаев. пустыни. Капиталъ свой 49 т. отписалъ въ полное и безусловное распоряженіе кіев. митрополита.

Митрополитъ 23 октября выѣзжаетъ въ Петербугъ для засѣданій въ свят. Синодѣ. Телеграмма о высочайшемъ повелѣніи получена завчера.

Какъ Ваше здоровье? Дозволитъ ли оно Вамъ провести и эту зиму въ Кіевѣ. Богъ да укрѣпитъ Васъ; а здѣсь отъ Вашего пребыванія все же нѣсколько свѣта прибавится въ нашей исторіи. Я же за дѣловыми бумагами, счетами и протоколами едва имѣю время приготовить оффиціальн. часть Вѣдомостей. Сами видите, что историч. отдѣлъ въ нашихъ Вѣдомостяхъ совсѣмъ оскудѣлъ и почти исчезъ. Когда воскреснетъ,— Богъ вѣсть.

---

[1]) Статейка въ „Днѣ“ напечатана М. Максимовичемъ тогда-же въ 1865 г. № 45—46 „Слухи о Межигорьѣ“; перепечат. въ „Собр. сочин.“ т. 2-й.

Въ надеждѣ скораго прибытія Вашего въ Кіевъ пишу Вамъ: до свиданія. Вась многоуважающій и глубокопреданный слуга протоіерей Лебединцевъ.

1865 г. 11-е октября. Кіевъ.

Какъ человѣкъ, свободный отъ оффиціальныхъ занятій, М. А. Максимовичъ оказывался въ перепискѣ гораздо болѣе аккуратнымъ, чѣмъ его корреспондентъ. Въ отвѣтъ на только-что напечатанное письмо, онъ сейчасъ-же, 18 октября, послалъ свое съ приложеніемъ статейки: «О двухъ стихотвореніяхъ: «Плачъ Малой Россіи» и «Милость Божія» [1]) и съ упоминаніемъ о посланномъ раньше началѣ статьи «Записки о первыхъ временахъ Кіевскаго Богоявленскаго братства» [2]). Упоминается здѣсь также еще разъ про статейку *О горѣ Московкѣ* (см. письмо отъ 1 сент.), которая, кажется, не была нигдѣ напечатана.

18 окт. 1865 г. М. Гора.

Благодарю Вась премного, почтеннѣйшій и дорогой Петръ Гавриловичъ, за ваше пріятнѣйшее письмо отъ 11 октября, которымъ усладился такъ благовременно, ибо я находился тогда въ сильномъ желаніи бесѣды вашей. Вы много сообщили столько интересныхъ новостей, изъ которыхъ особенно я порадовался Спасскими фресками и примѣченнымъ вами рельефомъ пр. Антонія—и какъ бы хотѣлось взглянуть на нихъ! Но къ прискорбію это прійдется уже будущею весною, если дастъ Богъ мнѣ вызимовать благополучно въ моемъ Михайло-Горскомъ отшельничествѣ... Мнѣ очень тяжело оставаться здѣсь на безлюдьи и въ тѣсной хаткѣ; но что же дѣлать, когда не везетъ фортуна въ Кіевѣ... И безденежье, и нездоровье не пускаютъ меня отсюда. Мой ревматизмъ лѣваго плеча очень усилился, на всю руку, кидаясь нерѣдко на голову и глаза, и это подъ часъ пугаетъ меня не мало... И я разсудилъ, что ѣхать въ Кіевъ безъ денегъ и на такое же, если не на большее домосѣдство какъ въ прошломъ году, и также одному—не пригоже вельми, и что лучше ужъ весною—дастъ Богъ—пріѣхать, когда можно и бывать тамъ вездѣ, и поработать, и

[1]) Кіев. Епарх. Вѣд. 1865 г., № 22; перепечат. въ „Собр. сочин." т. 3-й.
[2]) Кіев. Епарх. Вѣд. 1865 г. № 21, 23 и 24; перепечат. въ „Собр. сочин." т. 2-й.

полѣчиться, если надобно. И такъ—до будущей весны! Помолитесь только, чтобы помогъ мнѣ Господь вызимовать благополучно.

Въ тотъ день, какъ вы писали ко мнѣ, и я здѣсь писалъ для Васъ—прилагаемую при семъ статейку о двухъ стихотвореніяхъ, которую благоволите помѣстить въ К. Е. Вѣдомостяхъ, да услышана будетъ et altera pars! Кто этотъ г. Петровъ? Спасибо ему за находку, и нельзя ли попросить у него или иного кого, чтобы мнѣ списали *буква въ букву* тотъ *Плачъ*, ибо въ томъ видѣ, какъ напечатанъ, онъ зѣло попорченъ.

А въ началѣ сего мѣсяца я отправилъ къ вамъ черезъ золотоношскую почту начало моихъ *Записокъ о кіевскомъ Братствѣ*. Кажется, Вы и о. Ѳаворовъ будете ими довольны. Я хочу пересмотрѣть критически всѣ извѣстія историковъ Кіев. академіи о временахъ ея до кончины П. Могилы. Попрошу Васъ только вычеркнуть конецъ 1 параграфа о петербургскомъ календарѣ. По отправкѣ къ Вамъ, я примѣтилъ, что этотъ конецъ не кстати, и послалъ его особою замѣточкой въ День [1]).—(Туда жъ сегодня настрочилъ и нотабенку: *слухи о Межигорьѣ*, по вашему намеку). Еще попрошу Васъ сдѣлать для меня оттисковъ нѣсколько, какъ статейки о 2 стихотвореніахъ, такъ и Записокъ: этихъ можно и побольше, въ видѣ особой книжечки, для раздачи ихъ питомцамъ и любителямъ матери-академіи.

А что съ моею статейкою *о горѣ Московкѣ*? Буде не пойдетъ въ дѣло у Васъ, перешлите ее въ День, и вообще я попрошу Васъ, что не пріймется у васъ изъ моихъ писаній, отправлять туда. Сюда, впрочемъ, не подходитъ замѣтка о Семенѣ и Аннѣ, которая пусть останется въ Вашихъ бумажныхъ связкахъ безъ печати.

Спасибо вамъ за опеку надъ моимъ *Наумомъ* и радуюсь, что онъ взнесъ уже вамъ выкупную за себя сумму. Жаль, что мои бывшіе академическіе пріятели и прочіе панове не потрудили своихъ десницъ даже для отвѣта на мои письма, къ нимъ писанныя. Ни отъ кого ничего въ отвѣтъ: это уже просто неучтивство; но видно такъ повелось уже въ нынѣшнемъ вѣкѣ, отъ котораго съ каждымъ годомъ я отстаю примѣтно, а быть можетъ уже незабаромъ и совсѣмъ меня не станетъ... Время всѣмъ... Но живый живе гадае...

---

[1]) Напечатано въ № 39 газ „День" 1865 г.

Така какъ у Васъ причтется мнѣ малую-толику, то я дружескую на Васъ возложу коммиссію: 1) пошлите въ черниговскую редакцію сколько надо за *Исторію Русской церкви* Филаретика, послѣдняго изданія, его книгу о *Черниговской эпархіи* и *Житія русскихъ святыхъ* (не помню настоящаго титула), дабы эти три изданія выслали оттуда на мое имя въ Золотоношу. 2) Пошлите 15 р. с. моей родичкѣ, Варварѣ Васил. Марковой, на Крещатикъ въ домъ Коломійцова, гдѣ была фотографія Левдика, и гдѣ ея мужъ открылъ новую фотографію. На тѣ деньги, я просилъ ее сдѣлать мнѣ нѣкоторыя покупки и прислать ихъ съ этою же оказіей, по которой теперь я къ Вамъ пишу мое посланіе. Я до того здѣсь досидѣлся, въ упованіи быть скоро въ Кіевѣ, что и писательные припасы всѣ истощились; а писанія въ виду довольно таки,—начиная съ продолженія Записокъ о Братствѣ, которыя надѣюсь докончить въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, если отляжетъ боль отъ головы и глазъ, въ послѣдніе дни къ нимъ привалившая.

Но св. Антоній у меня въ мысляхъ и какъ бы передъ глазами. Снимите фотографическій его образъ съ лаврской колокольни и тотъ образъ св. Өеодосія, что въ Спасской церкви, что вы упоминали объ немъ въ Вашей знаменитой статьѣ...

Помогай Богъ Вамъ трудиться и да хранитъ Онъ васъ въ добромъ здоровьи. Съ моимъ къ вамъ почтеніемъ и сердечною преданностью остаюсь навсегда вашъ М. Максимовичъ.

Отвѣтомъ на это было слѣдующее письмо П. Г. Лебединцева:

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Душевно благодарю за Ваше письмо отъ 18-го октября и вмѣстѣ скорблю, что немощи тѣлесныя не позволяютъ Вамъ въ эту зиму пріѣхать въ Кіевъ. Господь самъ да укрѣпитъ еще Ваши силы для пользы исторической науки и для блага Вашей семьи. Дай Богъ, чтобы хотя весной не встрѣтилось препятствій къ исполненію Вашего желанія. Но все же грустно подумать, какъ Вы будете всю зиму сидѣть въ своемъ хуторскомъ уединеніи. Зима и вообще вездѣ не очень весела, а на хуторѣ и вельми; по крайней мѣрѣ, намъ, привыкшимъ къ городской жизни, это кажется болѣе чѣмъ скучнымъ. Статейка Ваша въ отвѣтъ Петрову [1]) печатается. Я самъ чувствовалъ, что

---

[1]) О двухъ стихотвореніяхъ... см. выше.

здѣсь что то не такъ, да не было времени хорошенько сообразить. За нее, а еще больше за статью о Кіевской Академіи приношу Вамъ глубокую благодарность и жду продолженія, сего ждетъ и типографія съ оттисками первой части. Замѣтка о каѳедрѣ не вычеркнута, такъ какъ она уже была подъ прессой [1]).

Деньги 15 руб. выданы Варварѣ Вас. Марковой; въ Черниговъ посылаю сегодня 8 р. на книгу, прося увѣдомить о недоимкѣ за пересылку и вновь вышедшіе мѣсяцы Русск. Святыхъ. Не угодно ли Вамъ будетъ почитать Черниговъ. Еп. Извѣстія за текущій годъ? Если кто будетъ отъ Васъ въ Кіевѣ, то я вышлю. Хорошо и сухарь на голодные зубы иногда.

О горѣ Московкѣ, съ пропускомъ о флотиліи (что уже было у насъ) можетъ быть помѣщено и въ Кіев. Еп. Вѣдомостяхъ. «День» не объявляетъ о продолженіи своего существованія въ 1866 году, а графиня Антонина Дмитріевна Блудова, бывшая недавно въ Кіевѣ, говорила мнѣ, что Аксаковъ прекращаетъ «День» по недостатку подписчиковъ. Жаль и очень жаль, о семъ всѣ духовные сожалѣютъ, потому что въ послѣднихъ нумерахъ «День» коснулся нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ церковныхъ. Я полагаю, что интересъ послѣднихъ №№ доставилъ бы ему значительное число подписчиковъ изъ духовенства. Графиня Васъ знаетъ, хотя не знакома лично. Она хорошая барыня, хлопочетъ объ Острожскомъ Братствѣ и нарочито ѣздила въ Острогъ, гдѣ предполагаетъ открыть 6-ти классное училище для дѣвицъ; въ Кіевѣ хлопотала о братчикахъ. Мнѣ обѣщала дать книгу для вписа. Тогда позвольте и Васъ записать. Взносъ не свыше 1 р., никакъ не болѣе.

Отъ распродажи Наума, за возвратомъ издержанныхъ на изданіе 242 руб., да еще 15 р.+8 р., израсходованныхъ на Вашъ счетъ, имѣется у меня Вамъ слѣдуемыхъ денегъ около 125 руб. серебромъ. Что прикажете съ ними дѣлать? Благоволите сообщить распоряженіе.

Буслаевъ проситъ меня написать о фрескахъ Спасскихъ для ихъ изданія, а времени нѣтъ, да можетъ быть и не втраплю написать.

Ѳеофанъ Гавр. теперь вѣрно уже въ Львовѣ,—паспортъ ему высланъ изъ Варшавы 23-го октября. Объ открытіи гимназіи холмской Вы уже читаете въ Кіев. Еп. Вѣдомостяхъ. Рѣчь брата въ № 23-мъ

---

[1]) См. выше письмо Максим. отъ 18 окт.

будетъ. Въ Кіевѣ недавно нѣсколько времени провелъ слѣпой князь Давыдовъ, бывшій попечитель. Я видался съ нимъ у Безака. Ему снялъ съ одного глаза катарактъ Караваевъ, да неудачно; для операціи другого ѣдетъ въ Вѣну. Злые люди въ Кіевѣ (мниси, ихъ же горше нѣсть) клеветали Трепову на брата и Крыжановскаго, приписывая имъ сепаратическія тенденціи хохломановъ. Хорошо сказалъ М. А. Туловъ, «всякая скотина, вмѣсто того, чтобы заниматься наукой, занимается политикой». Крыжановскій пишетъ: «эти люди клевещущіе гнуснѣе поляковъ. Поляки хотѣли распудить нашихъ учениковъ-уніатовъ, а они хотятъ разогнать учителей».

Коммисссія кіевская безъ денегъ, а Юзефовичъ кадитъ въ Моск. В. Безаку, да такъ нещадно закладываетъ ладану, что кто-нибудь закашляется. Я за это всегда браню своего пономаря.

Завтра надѣюсь увидѣться съ Галаганомъ и графомъ Комаровскимъ. Вѣрно наберу Вамъ поклоновъ. А впередъ самъ низко кланяюсь Вамъ. Искренно уважающій Васъ Лебединцевъ.

Еще не получивши этого письма, которое хотя и не датировано, но, какъ видно изъ дальнѣйшаго, было писано 11-го ноября, М. А. Максимовичъ, посылая окончаніе своей статьи о Кіевскомъ Богоявленскомъ братствѣ, писалъ слѣдующее:

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

На этихъ дняхъ я отправилъ къ Вамъ *продолженіе*, а вотъ теперь препровождаю и *окончаніе* моего писанія о Кіевскомъ Братствѣ. Я предположилъ было окончить Могилянскимъ временемъ; но для этого понадобилось бы еще главизнъ 8 или 10, а потому ограничился до-Могилянскимъ временемъ, опасаясь, что и этихъ 12-ти много. Можно будетъ послѣ разобрать особо и исторію Могилянскаго 15-лѣтія. Не имѣю подъ рукою у себя нѣсколькихъ необходимыхъ книгъ. Мои *Акты Западной Россіи* остались у переплетчика *Боде*, въ цѣлую зиму у него неконченные. Желалъ бы очень получить еще: *второй* томъ актовъ Южной и Западной Россіи, если онъ вышелъ въ свѣтъ, и *Документы*, изданные въ нынѣшнемъ году Кояловичемъ. Во всякомъ случаѣ, вы имѣете уже отъ меня подвозъ историческаго запасу для Епархіальныхъ Вѣдомостей, да и впредь не будетъ остановки за этимъ, лишь бы здоровье не измѣнило. Что-то крѣпко разболѣлась лѣвая рука, такъ что съ трудомъ напинаю свое пальто, въ которомъ вы и видѣли меня постоянно, а тулубъ свой могу накидать только на

опашку. Глаза мои тоже залипаютъ во снѣ. Забываю немощность свою только въ тѣ часы, какъ усядусь за книги и письмо...

Какъ Ваше здоровьячко служитъ Вамъ при вашемъ многочисленномъ служеніи? Помогай вамъ Богъ!

Если образа готовы, то передайте ихъ Ник. Аркад. Ригельману для пересылки въ Варшаву, а еще короче—перешлите ихъ и отъ себя какъ-нибудь въ Варшаву, на имя Ольги Ѳедоровны Кошелевой. Она, вѣроятно, давно уже тамъ; а что за нихъ будетъ слѣдовать, то получится неукоснительно.—На мою долю, если наберется у Наума или по редакціи Вашей, попрошу у васъ выслать къ декабрю *полсотни*, на подмогу пенсіону моему, который рѣшительно не покрываетъ потребностей здѣшняго моего домашняго быта, какъ ни стараюсь быть сокращеннымъ въ расходахъ; а прочее, если послужитъ фортуна, пусть накопляется ко времени контрактовому или на весну, когда я намѣреваюсь непремѣнно пріѣхать въ Кіевъ, между прочимъ и для занятій дѣломъ ученымъ и книжнымъ...

Остаюсь съ моимъ неизмѣннымъ къ Вамъ чувствомъ уваженія и преданности Михаилъ Максимовичъ.

14 ноября 1865 г. М. Гора.

NB. Когда то я читалъ у Захарія Копыстенскаго о девятинахъ и прочихъ поминальныхъ срокахъ, а теперь усомнился въ счетѣ дней: Іовъ скончался 2 марта, какой день 11-е марта?

О Копинскомъ, прости Господи, дохожу до того предположенія, что онъ, наконецъ, помѣшался на патріаршествѣ Могилы, на отдачѣ Лавры, Михайловскаго и Никол. монастырей католикамъ. Много виноватъ С. Коссовъ, исключившій его изъ ряду митроп. кіевскихъ въ своемъ патерикѣ: это для бывшаго митрополита страшная обида. Что его при взятіи изъ Мих. монастыря окровавили, то видно изъ его собственныхъ словъ, записанныхъ въ градской книгѣ, а слѣд. сказаніе Ерлича не чуждо правды. Я смягчилъ воспоминаніе о немъ донельзя.

Почти одновременно съ этимъ письмомъ писалъ своему корреспонденту и П. Г. Лебединцевъ, благодаря за присылку 2-й части статьи о братствѣ и сообщая кое-какія новости объ организовавшемся въ то время въ Кіевѣ распорядительномъ отдѣленіи Острожскаго Братства.

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Письмо въ отвѣтъ на послѣднее Ваше отправлено по почтѣ въ Золотоношу. Теперь, принося благодарность за продолженіе Вашего труда о кіев. Братствѣ, посылаю оттиски о 2-хъ стихотвореніяхъ и двѣ брошюры - актъ въ Холмѣ и рѣчь при открытіи гимназіи тамошней. Ѳеофанъ Гавриловичъ, вѣроятно, уже возвратился изъ Львова. Посмотримъ, что онъ сообщитъ намъ о своей поѣздкѣ.

Вчера у Галагана собрался совѣтъ 7-ми членовъ распорядительнаго отдѣленія Острожскаго Братства, въ числѣ каковыхъ и я. Прочіе 6-ть: Галаганъ, Ригельманъ, Туловъ, Юзефовичъ, Воронинъ, Гогоцкій. Читали уставъ Братства, а затѣмъ рѣшили просить отъ графини Блудовой болѣе точнаго и болѣе формальнаго полномочія на веденіе дѣлъ Братства, а между тѣмъ, затребованы свѣдѣнія о состояніи дѣлъ въ г. Острогѣ. Производителемъ дѣлъ избранъ Гр. П. Галаганъ. Съ тѣмъ и разошлись. Молитва кіевлянъ будетъ въ Острожскомъ монастырѣ. Не удосужитесь ли написать что-нибудь въ Кп. Вѣдомости объ Острогѣ и острожскомъ училищѣ, приложивши конецъ къ извѣстію объ учреждаемомъ Братствѣ? Кажется, что въ г. Острогѣ никакого не было Братства, кромѣ сосѣдняго въ Луцкѣ.

«День» наконецъ, объявилъ о своемъ продолженіи въ 1866 году; только онъ явится уже не газетой, а журналомъ въ формѣ 6-ти книжекъ.

Холера, слава Богу, въ Кіевѣ не показывается. Дай Богъ, чтобы она и вѣкъ не показывалась.

Желаю Вамъ здравія и о Господѣ радоватись. Вашъ душевнопочитающій прот. Петръ Лебединцевъ.

1865 г. 16 ноября. Кіевъ.

PS. Въ предпослѣднемъ моемъ письмѣ отправлена къ Вамъ записка Николая Ивановича Розанова, чиномъ стат. совѣтника; на прошлой недѣлѣ я встрѣтился съ нимъ у Ключаровыхъ, въ другой разъ видѣлся потомъ у Ѳ. С. Виноградова. Онъ бывалый вездѣ и большой говорунъ. Теперь онъ проживаетъ почему то въ Кіевѣ близъ университета.

Слѣдующія два письма Максимовича являются отвѣтомъ на два послѣднихъ письма Лебединцева.

1865 г. 24 ноября Мих. Гора.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Каждому письму Вашему бываю радъ, но послѣднимъ Вашимъ отъ 11 ноября я особенно усладился, получивъ его въ часы душевной тревоги и тоски отъ болѣзни моего Алексѣйки. Вотъ эти случаи составляютъ, можно сказать, центръ тяжести тягостнаго быта въ хуторѣ,—который пора бы уже на старости замѣнить городскимъ житьемъ... Мнѣ въ прошлую зиму говорили какъ-то объ этомъ и панъ Галаганъ съ Ригельманомъ; и другіе пріятели тоже иногда совѣтовали зимовать въ Москвѣ, особенно Языковъ и Хомяковъ—царство имъ небесное!—и я совершенно согласенъ съ ними съ того времени и до нынѣ,—и радъ бы совсѣмъ водвориться въ Кіевѣ, да не приберу къ тому способу. На седьмомъ десяткѣ лѣтъ, съ хилымъ здоровьемъ трудно ужъ вступить въ обязательную службу, хоть бы то была и въ коммиссіи временной,—да именно въ ней-то и тяжело было-бы,—ибо наигоршій изъ деспотизмовъ есть деспотизмъ пріятельскій, какъ это сказалъ я лѣтъ за семь въ Москвѣ бывшему нѣкогда моему пріятелю Титову, обрадовавшему тогда всѣхъ насъ своимъ появленіемъ. Странная моя участь, словно та чумацкая доля,

— Що люде не роблять,
А я роблю, дбаю—ничого не маю!. —

Надо однакоже придумать какой-нибудь способъ, видя совершенную необходимость перемѣщенія въ Кіевъ или Москву; ибо хуторское житье мое съ каждою зимою становится все хуже и тяжелѣе... Но я удалился отъ текущихъ дней, и не сказалъ, что нынѣ, благодареніе Богу, мой сынишка здравствуетъ опять, и я покойнѣе душею; а что болитъ рука и т. п., то это уже какъ будто такъ и слѣдуетъ.

Заботы москвитянокъ объ Острожскомъ Братствѣ утѣшительны, и когда будетъ у Васъ вписная книга, прошу и меня вписать въ братчики. Но какую штуку лягнулъ объ Острогѣ о. Подвысоцкій въ 40 нумерѣ «Дня»! Если такое понятіе о книгопечатаньи острожскомъ въ ходу у нашего духовенства, то мнѣ пришло на мысль написать Вамъ въ Епархіальныя Вѣдомости статейку маленькую о русскомъ книгопечатаньи. А между тѣмъ попрошу Васъ отобрать изъ имѣющихся въ моей скрынѣ всѣхъ книжицъ моихъ по 1 или по 2 экз. и переслать отъ меня въ тамошнюю библіотеку; а Наума можно послать сотню въ училище острожское, для подарка ученицамъ. (Я просилъ Васъ, какъ то,

сдѣлать тоже и для Вашего Кловскаго училища, и для школы Гогоцкой).

Съ особеннымъ любопытствомъ прочелъ я въ 21 нумерѣ статью о холмской гимназіи и съ нетерпѣніемъ жду прочесть рѣчь Ѳ. Г. [1]) Богъ въ помочь ему! Но сколько ему сдержанности духа приходится выносить при всѣхъ этихъ процессіяхъ. Воображаю себя на литургіи, гдѣ Калинскій возглашалъ о папежѣ... Пришлось бы плюнуть да и только, какъ это дѣлалъ нашъ святой Владиміръ, по свидѣтельству Нестора и пѣсенъ великорусскихъ. Плюнуть да и только надо и Ѳ. Г. и Крыжановскому на тѣхъ черняковъ, кокорые уже бросили на нихъ тѣнь страхопудства украйнофильскаго... Но если это опудало, сочиненное ляхами и Говорскими, еще въ ходу, даже и въ царствѣ Польскомъ, то можно бы позаботиться о томъ, чтобы Антоновичъ [2]) не перемѣщался въ Холмъ, а былъ удержанъ въ Кіевѣ прибавкою жалованья: безъ него совсѣмъ пропадетъ обанкротившаяся временная коммиссія, хотя предсѣдательство ея и считается службою М. В. Ю. [3]) Жаль, что я не знакомъ съ Безакомъ—готовъ бы написать ему объ удержаніи Антоновича при коммиссіи удвоеніемъ ему жалованья. Нельзя ли вамъ какъ-нибудь подѣйствовать и содѣйствовать этому дѣлу?

А замѣчаніе ваше объ избыткѣ ладану такъ мнѣ полюбилось, что въ отвѣтъ на него я сказалъ бы даже стихами:

Замолкни, лжецъ нашъ посѣдѣлый,
И дай покой твоимъ богамъ:
Уже имъ гимны надоѣли
И опротивѣлъ ѳиміамъ,
Отъ воскуреній невоздержныхъ
Златой кадильницы твоей
Уже тошнитъ ляховъ мятежныхъ
И кашель душитъ москалей.

Впрочемъ, я не читаю Моск. Вѣд.; а если вы пришлете Черниговскія Епархіальныя, то я имъ буду очень радъ, ибо такихъ историческихъ писателей, какъ Филаретикъ, у насъ со свѣщами поискать, и я его писанія читаю съ особеннымъ вниманіемъ, хотя и не во всемъ съ нимъ согласенъ. Онъ слѣдитъ за исторіей и подвигаетъ ее впередъ:

---

[1]) Ѳ. Г. Лебединцевъ.

[2]) В. Б. Антоновичъ, извѣстный историкъ, тогда служившій въ Кіевѣ, въ археографич. коммиссіи для разбора древнихъ актовъ.

[3]) М. В. Юзефовичъ.

не то, что бездарный соперникъ его, компиляторъ Макарій.—А какъ же доставить ихъ на Михайлову Гору?.. Если бы не очень озаботить васъ, то я попросилъ бы васъ—и *Черн. Вѣд.* и еще болѣе нужныя для меня *Акты Зап. Россіи* и *Документы*, изданные Кояловичемъ, и когда вышелъ второй томъ *Актовъ Ю. и З. Россіи*, и еще что найдете, задѣлать въ одну посылку, закупоренную и запечатанную, и перваго или 2-го декабря сдать ее моей родичкѣ Варв. Вас. Марковой; а она отдастъ посылку своему племяннику, студенту Василью Лѣсеневичу, который 3 дек. уѣзжаетъ домой на вакаціи, и, такимъ образомъ, я могу получить ее еще хоть подъ конецъ декабря.—Что же касается до Наумовскаго заработка, то его лучше переслать черезъ почту, сколько бы его ни набралось. Мнѣ угрожаетъ долгое безденежье: только на этихъ дняхъ я узналъ о новомъ порядкѣ полученія пенсіона. Еще въ началѣ нынѣшняго года подалъ прошеніе Иванишеву [1]) о выдачѣ мнѣ копіи аттестата моего, затеряннаго при выѣздѣ моемъ изъ Москвы; но себялюбивый Иванишевъ оставилъ ее безъ удовлетворенія, говоря, что ему некогда было при отъѣздѣ его; Митюкову [2]) тоже было, какъ видно, не до моего аттестата; просьба моя почіетъ, вѣроятно, въ ректорскихъ дѣлахъ; надо будетъ писать къ Матвѣеву [3]), да позабылъ его имя по отчеству; а между тѣмъ полтавская казенная палата можетъ замедлить выдачею своихъ пенсіонныхъ мнѣ листовъ; а поэтому то я радъ буду всякой присылкѣ отъ васъ, что только наберется у васъ въ мою пользу (безъ отложенія на контракты) по генварь мѣсяцъ. Къ этому мѣсяцу, или точнѣе говоря, къ исходу декабря, предстоитъ, особенно здѣсь, особенная надобность въ деньгахъ, на расплату съ наймытами и проч. и проч.

Теперь еще словцо о слѣдующемъ. Въ III главѣ моихъ «Записокъ» на 739 стр. сдѣлана важная опечатка: Петръ Могила постриженъ—въ *1595* году!—Бога ради помѣстите въ концѣ слѣдующаго нумера—*необходимую поправку*, что онъ постриженъ не въ 1595 году, какъ напечатано, а въ *1625*, а въ оттискахъ благоволите перепечатать этотъ листокъ; а можетъ быть онъ войдетъ во второй полулистъ, еще неотпечатанный.

Въ VII главѣ не опечатка, а глупая съ моей стороны прибавка въ скобкахъ *червонцевъ*—къ слову *золотыхъ*! Прошу васъ прытьмомъ:

[1]) Ректоръ университета.

[2]) Проректоръ у-та.

[3]) Вновь избранный ректоръ унив-та.

выкиньте эти *червонцы*, въ скобкахъ приписанные, чтобъ ихъ не было совсѣмъ въ текстѣ. Это просто затмѣніе на ту минуту. *Червонецъ* въ 1622 году равнялся *тремъ золотымъ*!

Все остальное въ запискахъ моихъ обстоитъ, кажется, исправно. Развѣ въ концѣ XII-й главизны можно такъ поставить: свое признаніе—«рятовать церковь православную россійскую» (какъ говорилъ о немъ Исаія Копинскій).

Послѣ 10-дневной отлучки отъ письменнаго столика моего, именуемаго, по формѣ его подставки, *лиркою*, я слишкомъ расписался къ вамъ... но неохотно разстаюсь съ этимъ листкомъ, замѣняющимъ личную бесѣду съ вами. А вже пора прервать ее... Сегодня, наконецъ, сыпалъ снѣгъ, и подуло зимою. Сегодня, вѣроятно, вы видѣли двухъ именинницъ, соименныхъ и по отчеству. А когда ихъ будете видѣть, послѣ полученія этого письма моего, то скажите и старой К. В. Годувичевнѣ, и молодой К. В. Кочубеевнѣ, что я вспоминалъ объ нихъ обѣихъ, и если бы былъ въ Кіевѣ, то вѣрно былъ бы у нихъ въ ту пору, т. е. въ началѣ 3-го часу пополудни. А здѣсь у меня нѣтъ уже никого— въ прошломъ ноябрѣ, когда я былъ въ Кіевѣ, здѣсь скончалась старушка тетка моя Катерина Ивановна Максимовичевна; и нѣтъ ни единой души родной старѣе меня, только дядя Егоръ Өедоровичъ Тимковскій, меньшой братъ матери моей (тотъ, что путешествовалъ въ Китай, приставомъ миссіи, и привезъ назадъ Забулдыжнаго Гіацинта или Іоанна Бичурина, съ которымъ я и побратался было у него въ Питерѣ 1829 года), который привитаетъ надъ Невою и сегодня видѣлся мнѣ очень странно въ безпокойномъ и тяжеломъ снѣ.

Прощайте пока, дражайшій Петръ Гавриловичъ! Пошли вамъ Господь здоровье и бодрость на совершеніе благихъ дѣлъ вашихъ и завершеніе трудовъ годичныхъ. Остаюсь при вашихъ молитвахъ и благословеніи. Душевно преданный М. Максимовичъ.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

По отправкѣ моего письма къ вамъ отъ 25 ноября, я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 16-го и при немъ мои брошюры и рѣчь Ө. Г., которую прочелъ со вниманіемъ и удовольствіемъ, ибо она очень хороша.

Объ Острогѣ напишу вамъ съ охотою,—и немедленно, особливо если получу *Акты* западнорусскіе, которые остались у переплетчика Боде: я думалъ ими пользоваться зимою въ Кіевѣ,—но здѣсь теперь

мнѣ безъ нихъ плоховато приходится. Это я испыталъ уже, писавши и о Кіевскомъ Братствѣ,—принужденный пропустить число избранія Исаіи Копинскаго въ игумены Михайловскіе и поставивши войтомъ кіевскимъ *Семена Мелешковича*, кажется несвоевременно. Если не отпечаталась статья, то вычеркните его имя.

Объ острожскихъ князьяхъ, училищѣ и типографіи начну писать дня черезъ два, и можетъ быть еще въ декабрѣ же пришлю вамъ,—особливо если подоспѣютъ *акты*, гдѣ есть кое-что, чѣмъ необходимо бы воспользоваться для статьи. Братства въ Острогѣ не было прежде.

Сегодня мой Наумъ именинникъ, и я несправедливъ передъ нимъ, что не продолжаю его книгъ. Поспѣшаю отправкою почты. Душевно желаю вамъ добраго здоровья и успѣха въ дѣлахъ вашихъ. Преданный вамъ и уважающій васъ М. Максимовичъ.

1 дек. 1865 г. М. Гора.

Не привезутъ ли съ почты черниговскихъ книгъ: жду ихъ нетерпѣливо.

Получивъ письмо Максимовича отъ 24 ноября съ указаніемъ на матеріальныя затрудненія, Н. Г. Лебединцевъ поторопился выслать ему 100 рублей, вырученныхъ за «книгу Наума», и обѣщалъ поскорѣе свести счеты и по заработку его отъ редакціи, что видно изъ письма Лебединцева отъ 10 декабря, въ отвѣтъ на которое Максимовичъ написалъ свое послѣднее письмо этого года 29 декабря.

Почтеннѣйшій и многоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Посылаю Вамъ *сто руб. серебромъ* изъ вырученныхъ за Наума; прочее, что причтется и по редакціи, вышлю къ 1-му генваря или въ началѣ; теперь столько хлопотъ и дѣла, что некогда рѣшительно подводить какіе-нибудь счеты.

Ѳаворову я поручилъ постоять надъ Матвѣевымъ о выдачѣ Вамъ копіи съ аттестата Вашего.

Племянникъ—Лѣсеневичъ все не ѣдетъ, а потому и посылка къ Вамъ не ѣдетъ. Изъ Чернигова посылку Вы получили, надѣюсь. Канцелярія преосв. Филарета увѣдомила меня, что за пересылку съ Васъ ничего не посчитаетъ. Это знакъ почтенія.

Книгу отъ Блудовой я получилъ и имѣю уже 40 братчиковъ, къ нимъ же присоединяю и Васъ. Вами пожертвованныя книги отсылаю къ Галагану для отправки въ г. Острогъ.

Затѣмъ низко Вамъ кланяюсь и желаю добраго здоровья. Вашъ преданный и почитающій И. Лебединцевъ.

1865 г. 10 декабря Кіевъ.

PS. И. С. Аксаковъ женится на фрейлинѣ Тютчевой, особѣ весьма близкой къ государынѣ императрицѣ.

1865 г. 29 дек. М. Гора.

Привѣтствую васъ съ наступающимъ новымъ годомъ, почтеннѣйшій и дорогой Петръ Гавриловичъ! Желаю вамъ отъ Господа новыхъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ на продолженіе трудовой жизни вашей.

Письмо ваше отъ 10-го декабря съ сотнею Наумовскихъ рублей подоспѣло въ самую пору, и я благодарилъ васъ за него мысленно, а теперь и письменно благодарю васъ за ваше дружеское ко мнѣ вниманіе. Получилъ я въ тоже время и черниговскую книжную посылку, которою преимущественно и занятъ былъ въ послѣдніе дни, какъ читатель, отложивъ на время писательство; а настрочилъ только прилагаемое при семъ *письмо въ Кіевъ о тысячелѣтіи* русскаго христіанства [1])... Вѣроятно есть уже объ томъ въ великомъ мірѣ нашемъ, но я не знаю его; а полагаю, что, во всякомъ случаѣ, не лишнимъ будетъ и мое личное мнѣніе объ этомъ, которое и благоволите напечатать поскорѣе въ вашихъ Вѣдомостяхъ. Кажется я не ошибся въ томъ, чѣмъ именно приличнѣе всего ознаменовать тысячелѣтіе православной русской церкви въ Кіевѣ. Копію этого письма въ Кіевъ пошлю жениху—Аксакову.

За острожскую старину примусь уже съ новаго года; а въ старомъ годѣ выработалось для нея совсѣмъ новое родоначаліе князей острожскихъ, по которому моя статейка будетъ любопытна и для польскихъ любителей западно-русской генеалогіи. Ожидаю моихъ Актовъ Зап. Россіи, чтобы рѣшительнѣе взяться за напечатаніе моего

[1]) Напеч. въ 1866 г. въ № 2 подъ заглавіемъ „Письмо на новый 1866-ой годъ“, (о желаемомъ построеніи въ Кіевѣ Влахернскаго храма); перепеч. въ „Собран. сочин.“ т. 2-й.

«Воспоминанія о князьяхъ острожскихъ» для вашихъ Вѣдомостей [1]). Помогай вамъ Богъ! Остаюсь душевно преданный вамъ М. Максимовичъ.

PS. Что за книжица публикуется въ Кіевѣ о придорожныхъ крестахъ?.. Не на васъ ли мѣтятъ?—Прошу васъ пришлите ее и Муравьевскую о судьбахъ Андреевск. церкви (въ пакетѣ при Кіевск. Епарх. Вѣдомостяхъ, всего скорѣе дойдутъ). У меня задумана статья объ Андреевской церкви, въ которой можно будетъ сказать нѣчто и о придорожныхъ крестахъ древне-русскихъ [2]).

Ахъ, когда бы уже поскорѣе весна: я сплю и вижу быть въ Кіевѣ...

Сообщ. **В. Науменко**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1] Напеч. въ 1866 г. №№ 3, 4, 6, 7, 9, 10 въ формѣ писемъ къ граф. А. Д. Блудовой подъ заглавіемъ „Письма о князьяхъ Острожскихъ“.

[2] Напеч. въ 1866 г., № 11 подъ заглавіемъ „О мѣстѣ кіевской церкви св. Андрея“.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу. Въ сентябрѣ 1871 года праздновался въ Кіевѣ пятидесятилѣтній юбилей учено-литературной дѣятельности М. А. Максимовича. Къ этому празднику прислалъ юбиляру свое оригинальное привѣтствіе и другъ его М. П. Погодинъ. Привѣтствіе это, написанное въ формѣ дружескаго письма изъ Өеодосіи, гдѣ въ этотъ годъ проводилъ М. П. Погодинъ лѣтніе мѣсяцы, напечатано было въ брошюрѣ, изданной въ Кіевѣ въ 1871 году, съ описаніемъ празднованія этого юбилея. Такъ-какъ письмо это было напечатано съ нѣкоторыми пропусками и измѣненіями, а между тѣмъ оно имѣетъ значеніе и интересъ, какъ освѣщающее въ нѣкоторыхъ случаяхъ личность М. А. Максимовича, служа матеріаломъ для его біографіи, то мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ теперь, въ книжкѣ, посвященной его памяти, помѣстить это письмо въ полномъ видѣ по подлиннику, находящемуся въ нашихъ рукахъ.

Өеодосія, августа 28, 1871.

Сейчасъ, въ Өеодосіи, гдѣ лѣчусь я отъ своихъ недуговъ виноградомъ и морскимъ воздухомъ, получилъ я, старый дружище, радостное для меня извѣстіе, что въ Кіевѣ, 6 сентября, празднуется пятидесятилѣтіе твоей словопечатной службы.

Но какимъ же образомъ, спрошу тебя мимоходомъ, перегналъ ты меня по этому общему пути? Вѣдь я старѣе тебя по университету на цѣлый годъ, а моей гражданской ученой службы исполняется 50 лѣтъ только въ концѣ нынѣшняго года, литературной же—въ 1872 г., когда напечатана была первая статья въ «Вѣстникѣ Европы». Развѣ ты напечаталъ что-нибудь, еще бывши студентомъ, въ «Магазинѣ

естественныхъ наукъ» Двигубскаго? Разрѣши мнѣ обстоятельно мое недоумѣніе, для очищенія библіографической совѣсти.

Это, впрочемъ, я оставляю здѣсь въ парентезѣ, сирѣчь въ скобкахъ, какъ говаривалъ нашъ добрый Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ, профессоръ эстетики и славянскаго языка, которому, помнишь, онъ отдавалъ обыкновенно преимущество предъ русскимъ, сравнивая выраженія, что лучше: «юная дѣва трепещетъ», или—молодая дѣвка дрожитъ»?

Какъ желалъ-бы я провести этотъ день съ тобою вмѣстѣ, какъ провели мы вмѣстѣ протекшіе 50 лѣтъ, живя душа въ душу, т. е. съ однѣми чувствами, съ однѣми стремленіями, съ однѣми желаніями добра отечеству, наукѣ, словесности, просвѣщенію.

И вотъ они проносятся теперь передо мною въ моемъ воображеніи, со всѣми дорогими умственными тѣнями. Воспоминаніе

Свой пестрый развиваетъ свитокъ,

говоря словами дорогаго, незабвеннаго нашего поэта. Пушкинъ любилъ тебя, радовался появленію твоихъ «Малороссійскихъ пѣсенъ», и далъ тебѣ *«кажется, что-то»...* [1]) въ «Денницу», какъ и мнѣ, въ «Уранію», при посредствѣ князя Вяземскаго. Вотъ и еще любезное имя, но я забѣгаю далеко впередъ... Давай руку—пройдемся шагъ за шагомъ по нашимъ этапамъ: мнѣ хочется повѣять на тебя стариною.

Въ первый разъ я увидѣлъ тебя въ 1820 году у гроба твоего дяди, а моего учителя латинской словесности, незабвеннаго Романа Ѳедоровича Тимковскаго, любимаго ученика славнаго геттингенскаго Гейне. *Молоденькій хохликъ,* ты только-что пріѣхалъ изъ Малороссіи *отъ домашнихъ галушекъ* въ Москву, въ университетъ. *Я оканчивалъ тогда свой 3-хъ годичный курсъ, а ты начиналъ въ 1821 г. (поправл. Макс. 1819). Съ тобой было еще двое товарищей: Самусь и Глушановскій.—Что съ ними сотворилось?* Послѣ мы сходились на лекціяхъ нашего добраго, несравненнаго Мерзлякова и восхищались его блестящими импровизаціями, его критическими разборами. Далѣе встаетъ на нашемъ горизонтѣ величавая фигура Павлова, который только-что воротился изъ Германіи съ натуральною философіей Шеллинга и Окена, и началъ проповѣдывать новое ученіе о природѣ. Какъ оне-

---

[1]] Курсивомъ печатаемъ тѣ слова и строки, которыя пропущены или измѣнены въ напечатанномъ текстѣ письма. Напечатано: начало Бориса Годунова.

ломлены мы были его полюсами, его непобѣдимыми силлогизмами! Твои «Размышленія о природѣ» и диссертація «о Системахъ растительнаго царства» вышли плодомъ новаго ученія, которое отозвалось и въ «Основаніи Зоологіи» Щуровскаго;—мнѣ доставили вы нѣсколько сравненій для «Историческихъ афоризмовъ». Тогда же вышла и моя диссертація магистерская «О происхожденіи Руси», которой тезисы ты, злодѣй, кажется и на ноты положилъ, по крайней мѣрѣ, помню, распѣвалъ первый:

Варяги-Русь—не Шведы,
Варяги-Русь—не Пруссы,
Варяги—не Козары,
Варяги составляли
Особенное племя—
Норманское.

Но вотъ являются «Телеграфъ» и «Московскій Вѣстникъ» съ зародышами западничества и славянофильства. Война завязалась вскорѣ не на животъ, а на смерть. *Ты, признайся, что грѣха таить, тянулъ сперва къ западу, живъ въ ботаническомъ саду, близъ Сухаревой башни, по сосѣдству съ Полевымъ.* Аксаковскія субботы съ Шаховскимъ, Загоскинымъ, Писаревымъ, Дмитріевымъ (М. А.), Пинскимъ, Верстовскимъ и наконецъ Надоумкою; вечернія собранія у Елагиныхъ съ Кирѣевскими, Языковымъ, Каролиной Янишъ (послѣ—Павловой), и у Сухово-Кобылиныхъ—съ Надеждинымъ, Морошкинымъ, Раичемъ, дѣлаются средоточіями литературнаго движенія, ареопагами печатныхъ явленій, впрочемъ часто не согласными между собою. Помнишь ли исторію въ театрѣ, когда Сабуровъ громкимъ голосомъ пропѣлъ въ куплетѣ Писарева слова:

Всѣ любятъ [1]) цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ полевой»?

Какія оглушительныя рукоплесканія и пронзительныя шиканья раздались въ *партерѣ* [2]). Какъ ратовалъ нашъ добрый Алексѣй Андреевичъ Елагинъ, возставшій за оскорбленіе личности и любившій шу-

[1]) Напечатано—Всѣмъ милъ.

[2]) Напечатано—театрѣ!

тить и подтрунивать съ такимъ добродушіемъ надъ современными выходками!

Но вотъ уже и мы профессорами, открылось новое поприще...—«Берегите пуще всего идею университета»! гласитъ Павловъ,—«смотрите, чтобъ она не пострадала»!—«Душа и тѣло», восклицаетъ Сандуновъ, «не есть еще дѣло: надо дѣлать дѣло»! Щепкинъ (П. С.) съ своею точностію, Перевощиковъ съ живостію и разнообразіемъ, Надеждинъ съ тезисами: гдѣ жизнь, тамъ и поэзія—ubi vita, ibi poësis... Ему возражаютъ на диспутѣ: ergo ubi prosa, ibi mors?—Non *solum* m rs, sed plurimi versus, отвѣчаетъ онъ, ничѣмъ не смущавшійся. А Мудровъ съ правилами Иппократа, а Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, ревнитель русскаго начала, который на вопросъ попечителя Писарева: острижены ли студенты? отвѣчалъ: всѣ оболванены, ваше превосходительство! А Дядьковскій, работавшій часовъ по шести въ день для студентовъ, ревностный, неутомимый (послѣ на всемъ бѣгу подшибленный противною партіей и завѣщавшій все свое имѣніе на пособіе бѣднымъ семинаристамъ)! И никого уже нѣтъ въ живыхъ изъ этого періода нашей жизни, да и изъ слѣдующаго—гдѣ Хомяковъ, гдѣ Кирѣевскіе, Аксаковы, Шевыревъ, Гоголь?.. Онъ умеръ въ томъ домѣ, гдѣ читалъ намъ, помнишь, начало 2-й части «Мертвыхъ душъ». Недавно сошелъ въ могилу нашъ добродушный Одоевскій, который ввелъ тебя въ кружокъ «Мнемозины» и вслѣдъ за нимъ Соболевскій прервалъ свои остроумныя эпиграммы съ богатыми риѳмами. Остаются только двѣ наши дорогія феи-покровительницы *и ободрительницы*: Авдотья Петровна Елагина, подруга и сотрудница Жуковскаго, которой онъ читалъ свое «Сельское кладбище» въ 1802 г., тотчасъ по переводѣ, и которая на всю жизнь оставалась первымъ его другомъ, и Ольга Семеновна Аксакова, вдова автора «Семейной хроники» мать Константина и Ивана, которая принимала съ любовью первые наши опыты, ободряла своимъ участіемъ и кормила такимъ свѣжимъ вареньемъ. Онѣ озаряютъ еще кроткимъ своимъ сіяніемъ наше прошедшее и свѣтятъ тихо молодому поколѣнію. Храни ихъ Богъ на утѣшеніе всѣхъ присныхъ! Но я опять забѣжалъ впередъ: что-же ты не крѣпко держишь меня за руку?

Уваровъ—ты вѣрно помянешь его на своемъ юбилеѣ: въ немъ было много хорошаго, достойнаго, соотвѣтственнаго его должности,—Уваровъ избралъ тебя ректоромъ Кіевскаго университета, немедленно по его основаніи, и поручилъ Русскую Словесность. Мы разстались,

отпустивъ тебя съ благословеніями, не безъ страха, на новое трудное дѣланіе. Это было *кажется въ 1833 г.* [1]) Я вспомнилъ рѣчь твою о значеніи Кіева, *при открытіи университета* [2]), Иннокентій, одинъ, замѣнилъ тебѣ все московское общество. Ты воспользовался и совѣтами достопочтеннаго Евгенія.

Въ 1835 г. судьба свела насъ еще на нѣсколько времени вмѣстѣ. Помянемъ здѣсь еще добраго человѣка—Дмитрія Максимовича Княжевича. Съ нимъ, Надеждинымъ и Петромъ Кирѣевскимъ, воротились мы тогда изъ-заграницы, и нашли въ тебѣ *своего* [3]) путеводителя при обозрѣніи кіевскихъ древностей. Тогда и я познакомился съ Иннокентіемъ, а Евгенія зналъ еще прежде.

Далѣе измѣняетъ мнѣ память, а справиться не съ чѣмъ: я не помню, когда собственно поразила тебя болѣзнь, *и ты переселился на нѣсколько времени въ Москву, присоединился совершенно къ нашему полку*, началъ издавать «Кіевлянина», для котораго собственно *кажется*, и написалъ Хомяковъ свое славное стихотвореніе «Кіевъ».

[[4]) Чтобъ не запутаться, я обращусь лучше къ нашимъ пререканіямъ, которыя начались съ твоей книжицы о томъ, откуда идетъ Русская Земля. Не ликвидировать ли намъ наши счеты для праздника? Кокошкинъ, переводчикъ Мольерова Мизантропа, такъ увѣщевалъ Писарева, водевилиста: „послушай, милый, ты знаешь, какъ я тебя люблю. Стану ли я тебя обманывать, ну и на что мнѣ это! Повѣрь же мнѣ—ей Богу, Расинъ лучше Шиллера!“ Такъ и я тебѣ скажу: право, варяги Русь—Норманны, не славяне по твоему, а пожалуй съ примѣсью Славянъ, которые жили густыми толпами по всему Поморію (Померанія, Рюгенъ) и въ особенности въ западномъ углу Балтійскаго моря. Ну, чего же тебѣ больше?

Въ вопросѣ о «Словѣ о полку Игоревѣ», норманская повадка для меня несомнѣнна, и я надѣюсь, что, прочитавъ мои послѣднія соображенія, ты не будешь отвергать сѣверное вліяніе.

Отдай же справедливость и Андрею Боголюбскому за то, что онъ перенесъ центръ Русской тяжести на сѣверъ, и согласись, что на юго-западѣ между Польшею, татарами и турками ему бы не сдобровать. Пришлось же вѣдь батькѣ Хмельницкому броситься въ объя-

---

[1]) Напечатано—въ 1834 г.

[2]) Напечатано—на торж. актѣ университета.

[3]) Напечатано—живаго.

[4]) Все это мѣсто пропущенно въ напечатанномъ текстѣ письма.

тія Московскія. Ну, а если и сѣверный Андрей (котораго ты такъ не любишь) погрѣшилъ хоть и не непосредственно, разореніемъ Кіева, такъ вѣдь и южный Рюрикъ Ростиславовичъ принужденъ былъ обстоятельствами допустить опустошеніе еще болѣе тяжкое. Впрочемъ объ этомъ спорить нечего: всякій можетъ остаться при своемъ мнѣніи. А вотъ великороссіянство Полянъ лежитъ у меня на сердцѣ, и желалъ бы я, чтобъ оно доказалось покрѣпче. Въ послѣдній пріѣздъ твой къ намъ ты, напечатавъ старую свою реплику, просилъ меня, чтобы я не читалъ ея, пока ты оставался въ Москвѣ, дабы на ту пору не покрылись тѣнью наши дружескія отношенія, и я, вспомнивъ двухъ малороссіянъ, которые отправлялись на одной телѣгѣ въ судъ, чтобы жаловаться другъ на друга, исполнилъ твое желаніе: не прочелъ тогда твоей статьи, да и забылъ про нее, и только вспомнилъ теперь: но по возвращеніи въ Москву, я прочту немедля и не оставлю безъ отвѣта, потому что камешковъ собралось таки нѣсколько,—а лучше было, повторяю, еслибъ ты самъ, возвысясь надъ частностями. взглянулъ на вопросъ съ моей точки и подумалъ бы о томъ, какъ подтвердить мои гаданія, а не опровергнуть. Мнѣ кажется, ты успѣлъ бы въ этомъ больше].

Но довольно. Свѣчи мои догораютъ, идётъ уже второй часъ по полуночи. Я долженъ кончить мое письмо теперь же, потому что завтра рано мы сговорились съ здѣшнимъ археологомъ ѣхать въ монастырь Стефана Сурожскаго, и осмотрѣть генуэзскую крѣпость въ Судакѣ; оставлять же отправку письма до возвращенія оттуда, т. е. до 2 числа, нельзя – оно можетъ не дойти до Кіева къ назначенному дню, и ты остался-бы безъ моего привѣта, а это было-бы для меня прискорбно.

Мнѣ остается сказать тебѣ нѣсколько словъ о темной сторонѣ твоей жизни, вслѣдъ за свѣтлою; и здѣсь прежде всего я припоминаю сказанное мною на профессорскомъ обѣдѣ, при празднованіи столѣтняго университетскаго юбилея въ Москвѣ. «Перечтите біографическій словарь», сказалъ я, «двѣсти пятьдесятъ человѣкъ трудилось на нашемъ полѣ. Укажите мнѣ, кто прошелъ путь свой по цвѣтамъ? Кто не плакалъ, не страдалъ? Бѣдность—вотъ наша общая, милая мать; нужда—вотъ наша вѣрная, любезная кормилица; препятствія, огорченія, оскорбленія, болѣзни, удары – вотъ наши неотлучные, дорогіе спутники, которые воспитываютъ душу, трезвятъ умъ, напрягаютъ способности и ведутъ per angusta ad angusta, хоть иногда и за гро-

бомъ». Тебѣ, дружище, досталась доля тяжеле многихъ другихъ. Ты превзошелъ даже и объемистую малороссійскую пословицу: «терпи козакъ, атаманомъ будешь»; ты дотерпѣлся до атаманства, а послѣ опять таки долженъ былъ терпѣть. Какъ это случилось, кто виноватъ, что виновато —Богъ знаетъ: видно такая планида вышла. По крайней мѣрѣ, ты можешь, положа руку на сердце, сказать теперь, что ты трудился по мѣрѣ силъ своихъ, приносилъ пользу, служилъ съ усердіемъ святому дѣлу просвѣщенія, зла не дѣлалъ никому, желалъ добра всѣмъ, оставаясь вѣренъ своимъ честнымъ убѣжденіямъ,—и я надѣюсь, что въ этотъ день ты получишь со всѣхъ сторонъ живыя доказательства почтенія, признательности, участія; желаю отъ души, чтобы это было началомъ перемѣны твоихъ обстоятельствъ къ лучшему, чтобъ заслуги твои были оцѣнены по достоинству, чтобъ остальные дни своей жизни ты провелъ спокойнѣе, довольнѣе, счастливѣй. Прими же заочно мое искреннее поздравленіе. Жму тебѣ крѣпко руку и обнимаю.

М. Погодинъ.

Этнографическіе матеріалы, записанные въ с. Вудкахъ, винницкаго уѣзда.

I.

1) *День «Ивана Купала».*

Этотъ праздникъ справляется здѣсь, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, преимущественно дѣвушками, строго и неуклонно соблюдающими всѣ тѣ обряды и обычаи, которые сохранились отъ старины. Несмотря на разнаго рода вліянія, внесшія значительную долю разложенія въ жизнь старинныхъ обрядовъ и обычаевъ, а также способствовавшія упадку малорусской пѣсни, о чемъ мнѣ приходилось говорить [1]), празднованіе дня «Ивана Купала» представляетъ въ этомъ случаѣ счастливое исключеніе. Интересъ къ этому празднику, а равно къ обрядамъ, обычаямъ и пѣснямъ, сопровождающимъ этотъ праздникъ, поддерживается неослабѣвающій, что мнѣ приходилось наблюдать въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Празднованіе этого дня состоитъ въ слѣдующемъ. Подъ вечеръ въ этотъ день дѣвушки собираются въ домѣ одной изъ нихъ, принеся

[1]) Живая Старина, 1892 г. вып. I, стр. 93. „Матеріалы для характеристики малорусскихъ говоровъ подольской губерніи".

срубленное деревцо вишни или березы; здѣсь они убираютъ его цвѣтами, вѣнками, зельемъ, а также цвѣтной бумагой; въ такомъ видѣ срубленное дерево получаетъ названіе: гильце. Его несутъ на площадь (подлѣ церкви), здѣсь становятся въ кружокъ, при чемъ посреди кружка двѣ или три дѣвушки держатъ «гильце» и всѣ поютъ слѣдующія пѣсни.

I.

Ой у поли по долыни гиркый дымъ,
Тамъ соловейко збудувавъ соби димъ.
Винъ до себе зозуленьку прынадывъ
«Иды, иды, зозуленько, зо мною;
Будешъ мени ридною жоною;
Будешъ мени раненько вставаты;
Будешъ въ моимъ садочку куваты».

—

Ой у поли по долыни гиркый дымъ,
Тамъ соби Васылько [1]) збудувавъ димъ.
Такъ винъ до себе Ганусю прынадывъ:
«Иды, иды, Гануню, зо мною;
Будешъ мени ридною жоною;
Будешъ мени раненько вставаты;
Будешъ мои матинци вгождаты».
(Вона каже)
«Иды соби, Васыльку, будь соби самъ;
Гляды соби такои, якъ ты самъ:
Щобъ тоби раненько вставала.
Щобъ твои матиньци вгождала».

II.

У городечку верба, верба,
Пидъ вербою вода, вода.
Зозуленька купалася,
На берижечку сушылася
На берижечку сушылася,

[1]) Или другое какое-нибудь имя.

Дивка Гануня журылася
Я ще й рушнычкивъ ны напряла
А вже Васылеви слово дала,
Щей рушнычки на варстати,
А вже Васылько сыдыть у хати».

III.

Ой у лису на клынку,
Тамъ висыла колысенька на шнурку.
А хто въ тыи колысоньци колыхався?
Колыхався Васылько молоденькый.
«Колышите мене, братья, высоко
Щобъ я бачывъ далеко.
Десь моя тещенька медъ-выно пье,
Десь моя Гануня винки вье» [1].
Ой говорыть барвинокъ до руты:
«Часъ тоби Васыльку тутъ буты».
«Ой ны часъ, ны часъ, ны пора.
Бо моя Гануня щей молода.
Щей вона на гулянне не ходыла,
Ще вона Васыля не любыла.

IV.

Купайла на Ивана, на долыни корчъ калыны,
На ти калыни тры соловейкы,
Тры соловейкы—вси тры веселенькы.
Першый соловейко—молодый Васыленько.
Купайла на Ивана, на долыни корчъ калыны,
На ти калыни тры зозуленькы
Тры зозуленькы—вси тры веселенькы
Перша зозуленька—молода Гануня.

V.

Ни стижечкы ни дорижечкы
Йихавъ Васылько доворижечкы [2].

---

[1]) Здѣсь имѣются въ виду тѣ вѣнки, которыми украшается „гильце“.

[2]) Къ ворожеѣ.

А въ ворижечкы лыхи собакы,
Никому выйты обороныты.
Выйшла Гануня обороныла,
Свое серденько розвеселыла.
«Ану, собакы, въ солому спаты!
Тебе, Васыльку, прошу до хаты».

VI.

Ходыла Гануня по полю,
Выбырала пшыныцю зъ куколю.
Якъ йихавъ Васылько шапку знявъ:
«Боже тоби, Ганунё», помогай!
Зъ цеи пшыныченькы буде коровай,
Зъ цеи пшыныченькы насиння,
Колы въ тебе, Гануню, весилля»?
«Въ недилю, Васыльку, въ недилю,
Бо маю на тебе надію;
Въ суботу, Васыльку, въ суботу
Бо маю за тебе Васыльку охоту» [1]).

Послѣ этихъ пѣсенъ дѣвушки ломаютъ на части «гильце» и выбрасываютъ кусочки его обыкновенно на то мѣсто огорода, гдѣ посажены огурцы, и съ тою цѣлью, чтобы огурцы лучше росли. При исполненіи приведенныхъ выше пѣсенъ присутствуютъ и парни, которые не принимаютъ никакого участія въ пѣніи; они слушаютъ, переговариваются, шутятъ, при чемъ каждый старается задѣть словомъ дѣвушку, которая ему нравится. Если та отвѣчаетъ ему взаимностью, то она не остается въ долгу, посылая въ большинствѣ случаевъ мѣткое слово, а иногда и легкаго пинка.

Когда дѣвушки изломаютъ «гильце» въ мелкія части, то поютъ пѣсню, обращенную къ парнямъ:

VII.

Въ городечку крокишныця [2])
Забравъ чортъ хлопцивъ тай тишыця.

---

[1]) Эти слова не заключаютъ въ себѣ противорѣчія, такъ какъ крестьянская свадьба продолжается нѣсколько дней, начинаясь въ пятницу дѣвичникомъ („рушныки"), она оканчивается въ среду, а иногда (въ богатыхъ семьяхъ) въ пятницу, т. е. тянется цѣлую недѣлю.

[2]) Въ другихъ мѣстахъ этотъ цвѣтокъ наз. „папистки"; онъ цвѣтетъ желтымъ цвѣтомъ, издаетъ сильный запахъ.

Въ городочку лепухъ—лепухъ,
Бодай тымъ хлопцямъ жывить спухъ
Ныхай пухне ныхай знають,
Тай купальныцю вырубають.

Этотъ упрекъ вызывается тѣмъ, что первое дерево для «гильця» рубятъ обыкновенно сами дѣвушки. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ упрекъ имѣетъ цѣлью побудить парней вырубить новое дерево (купальныцю). Парни рубятъ обыкновенно «вербу», которую передаютъ дѣвушкамъ. Тѣ становятся въ хороводѣ въ такомъ же порядкѣ, какъ и раньше, поютъ пѣсни, а затѣмъ изламываютъ дерево въ мелкіе куски и бросаютъ на огородъ. Иногда это продѣлываютъ до 3-хъ разъ, но деревьевъ во второй и третій разъ не убираютъ. Послѣ окончанія этого обряда «зъ гильцемъ» шалятъ и бѣгаютъ.

Насколько можно судить по содержанію записанныхъ пѣсенъ, въ которыхъ обыкновенно фигурируютъ имена извѣстныхъ хороводу парня и дѣвушки, интересъ къ празднованію «Купайла» поддерживается здѣсь независимо отъ того значенія, какое имѣлъ этотъ праздникъ въ древности и какими онъ тогда сопровождался обрядами; да и сознаніе этого значенія повидимому совершенно утратилось; осталась только память о религіозныхъ обрядахъ; что видно изъ обычая приносить въ хороводъ «гильце», а также пѣть пѣсни. Эти послѣднія затрагиваютъ тѣ «вѣчно старые и вѣчно новые» мотивы, которые имѣютъ отношеніе къ любви и браку. Не касаясь самого праздника и связанныхъ съ нимъ обрядовъ, эти пѣсни, тѣмъ не менѣе, вполнѣ объясняютъ, почему съ такимъ интересомъ относятся въ с. Будкахъ къ празднованію дня «Ивана Купайла». Этотъ праздникъ, кромѣ того, даетъ законную возможность, несмотря на начавшіяся работы, собраться вмѣстѣ парнямъ и дѣвушкамъ для игръ и развлеченій. Если къ этому прибавить еще то, что въ это время (преимущественно весной и лѣтомъ) происходитъ «сватанье», когда парень намѣчаетъ себѣ невѣсту и ухаживаетъ за нею вплоть до осени, то этимъ можно исчерпать все то, что необходимо для выясненія того интереса, съ какимъ относятся здѣсь къ описываемому празднику.

II.

РАЗСКАЗЫ.

1) *Балтяньська ярмарка.*

Отець Мыхаилъ прыйихалы до свого татуня—старенького попа, щобъ йихаты разомъ на балтяньську ярмарку [1]). Татунё бувъ немоцный и на ярмаркы вже давно ны йиздывъ; це добре знавъ ёго сынъ, але теперъ була важна прычына. Всп попы першый разъ получылы жалуванне, и сынъ ставъ дуже просыты татка йихаты разомъ, щобъ купыты буду, бо вже всп ёго сосиды малы по нови буди. «Очепыся, сынку, казавъ татко: чого жъ я пойиду на ярмарокъ? Ты знаешъ, що я вже давно ны йиждж; старый вже я».—«Э, таточку! Зробить це для мене. Нехай я буду маты буду, а то моя матушка ны дае мени спокою: вже й Дзяливськи й Тарасивськи й Рахнянськи купылы буду, а мы не маемо. Це встыдъ на все благочыніе». Якъ ны видказувався старенькій, алы мусивъ йихаты. Тоди зготовылы обрикъ, наладнувалы возы, поснидалы добре, взялы зъ собою церковного старосту й сторожа тай пойихалы. Отъ йидуть и дорогою радяця, де статы, якъ прыйидуть на ярмарокъ. Сынъ каже, що треба зайихаты на зайиздъ, а татко каже: «нащо тратытысь? Станемо на мисци въ холодочку: тутъ и ярмарокъ всенькій выдно й коней лучче доглядаты». Хоць сынови ны хотилось ставаты на мисци, але на цей разъ прыйшлось послухаты татка. Отъ прыйихалы рано на ярмарокъ, сталы на мисци, въ холодочку и пійшлы купуваты буду. Прыйшлы на торгъ, сталы оглядаты буды, а йихъ було зъ тры десяткивъ, бо купець знавъ, що попы дуже накидаются на цей товаръ. Выбралы гарну буду, мицну, оббыту добрымъ юхтомъ; поторговалысь трохы й купылы. Писля того пишлы до Іося пыты могорычъ. Закусылы й выпылы добре тай пишлы до возивъ, щобъ видпочыты, и заснулы. Спалы воны спалы, але вже пора вставаты. Першый проспався татко, бо сонечко дуже прыгрило ёго лысыну, на котри ны було шапкы. Отъ винъ пытае сына: чы йе въ тебе сынку на голови шапка»?

---

[1]) Ярмарка въ г. Балтѣ, подольск. губ. (верстахъ въ ста отъ мѣста, гдѣ записанъ разсказъ).

— «Ныма, татку, але чого въ васъ, татку, ногы босы»?—пытае сынъ! винъ думавъ, що одъ гарячноты татко не мигъ спаты въ чоботяхъ и скинувъ ихъ. Татко тоди зоглядився, що винъ справди босый; ставъ прыпомынаты, що було, якъ воны лягалы, и ныякъ ны мигъ спамьятаты, що винъ скидавъ самъ чоботы. Оглядився киля себе, а чобитъ ныма; вже хтивъ сказаты сынови, ажъ очы ёго впалы на босыи ножынята сына. Тоди винъ запытавъ: «А чого жъ въ тебе, сынку, ноги босы»? «Хтось здынявъ», каже сынъ. «То й въ мене здается те саме; дуже шкода, бо юхтови и новисеньки булы чоботы. Це злодіякы ярмаркови поздыймалы зъ насъ капелюши и чоботы. Подывымся-но до кишени, чы цилы наши калытки зъ грішмы». Подывылысь тай лучче бъ ны дывыцця, бо кишени булы порожни. «Шожъ будемо робыты? Ны капелюшивъ, ны чобитъ, ны грошый. Вертаймося до-дому»!

«Як же йихаты»? каже сынъ: «цебъ треба було похмылытыся».

«Колы ныма грошый», видказуе татко. «Запытаймо старосту; може въ него йе грошы», каже сынъ. На счасте ихъ старостова калытка була розумниша, бо не йишла въ чужыи руки, и на старостовы грошы вси воны похмилялысь. Писля того зладнувалы возы, прывъязалы до заднёго воза буду; въ буду посадылы старосту на солому, щобъ хто ны зробывъ шкоды; самы досталы старыи капелюши, силы на той визъ, до которого прывъязана була буда, поховалы босы ноги въ солому тай пойихалы. На другому вози йихавъ сторожъ. Староста дуже зраднивъ, що ёго посадылы въ буду; писля похмиля и снидання винъ закурывъ люльку, ростягнувся на соломи и заснувъ. Тымъ часомъ зъ люльки жарына впала на солому; солома загорилась, а писля того почала палаты й буда. Ажъ йидутъ напротывъ ныхъ люде, та й кажуть: «за вамы визъ горыть». Попы думалы спочатку, що зъ ныхъ сынапываюця, и байдуже. Алы якъ розмынулысь зъ тыми людьмы, сынокъ каже: «таточку, щось мени въ спыну гаряче, ыначе спына на гарячи груби лыжыть». Оглядуются, а буда й справди палае. Гасыты вже було пизно, дай воды ны було. Такъ згорила буда, зосталыся тилько идны ребра. Отъ воны вырнулыся до-дому безъ капелюшивъ, безъ грошый, безъ чобитъ и безъ буды.

2) *Праведна бабуня.*

Дуже довго жыла соби праведна бабуня. Вона сполняла вси законы: циле жыття свое сповидалася кождого посту, ходыла на видпусты,

въ понедилокъ постыла, въ пьятныцю шматьтя не золыла, въ суботу не спивала, въ пьятныцю не вмывалася, и такъ добре вона знала вси законы, що не було здается такого, котрый-бы вона не сполныла. Якъ прыйшовъ часъ вмираты, то вона була зовсимъ спокійна, бо душа іи покаялась во всихъ грихахъ, була чыста й готова до цёго страшного часу. Отъ вона вмерла й поховалы іи. Якъ прыйшла вона на той свитъ, то повернула на ту дорогу, по котрій треба йты до раю. Якихъ святыхъ вона не зустрила, вси іи кажуть: «Бабуню! ты праведна, йды до раю простисенько по цій дорози; тамъ для тебе вже давно йе мисце». А чортяка тымъ часомъ все хвостомъ выкручуе, та усмихается, здалеку поглядаючы на бабуню. Отъ вона прыходыть до райськои брамы й просыть святыхъ Петра й Павла пустыты іи въ рай. Свв. Петро й Павло кажуть: «Мы-бъ раднисеньки пустыты тебе, бабуню, до раю, але ты одного гриха не спокутовала». Вона ажъ змынылась на твару и стала пытаты: «Якого?» Тоди воны взялы зъ шафы здоровесеньку кныгу й прочыталы таке: якъ бабуня була молода, законивъ добре ще не знала, то въ масляну кужель пряла. Тоди баба й сама згадала, що бувъ такый грихъ, и почала дуже печалытыся, що не може війты въ рай; ще кобъ грихъ бувъ та грихъ, а то й грихъ невелычкый. А свв. Петро й Павло пожаловалы бабуню, тай кажуть: «Не жалкуйся, бабуню, що не можно тоби війты въ рай; сядай киля райськои брамы на каминьчыку и чекай: якъ буде йты якый пипъ до раю, попросы ёго гарненько, винъ тебе розришыть одъ гриха, и мы пустымо тебе въ рай». Бабуня послухала, сила на каминьчыку; але тамъ вона бидна сыдыть й доси и не може дочыкатысь, щобъ пипъ йшовъ до раю.

3) *Тры правды.*

Въ йидного пана служывъ за гуменного 30 литъ Иванъ. Це було ще за панщыны. Отъ панъ выйиджае разъ за границю, клыче гуменного й дае ёму прыказъ пыльне глядиты маёнтку, а найбильше ручного сокола. «Дывысь, Иване», казавъ панъ, «щобъ найлучче глядивъ мого любымого сокола». «Добре, паночку», сказавъ Иванъ, «якъ пыльне доглядавъ всёго 30 литъ, такъ и теперъ буду глядиты». Панъ пойихавъ, а Иванъ тымъ часомъ хотивъ спробуваты пана, жинку й свого сына-прыймака. Отъ винъ йде до-дому й каже жинци: «Панъ пойихавъ за границю й сказавъ дуже пыльноваты сокола, а въ того сокола добре мнясо; отъ я прынесу ёго, ты зарижешъ и мы попробуемо;

тильки ты не повынна никому цёго говорыты: а ни куми, а ни сусидови». Передъ вечеромъ жинка пишла до рички по воду й зустрила тамъ куму. «Ото кумцю», каже вона, «сёгодня буду варыты щось дуже добре на вечеру». «Що-жъ таке?»—пытае кума. «А зарижу того сокола, що въ пана йе; прыходьте, то й вы спробуете; тильки не кажыть моёму чоловикови, що я вамъ це сказала». «Добре», сказала кума, «прыйду на вечеру й буду мовчаты». А чоловикъ хочъ казавъ, що прынесе сокола, прынисъ нидъ полою свытки пивня. Жинка ёго зарезала й зварыла вечеру. Якъ силы воны вечеряты, прыходыть кума. Іи прыпрохують до вечеры; вона сила; вси разомъ повечерялы й кума пишла. Тоди чоловикъ пытае жинку: «Чого це кума прыходыла; ты десь сказала, що въ насъ буде на вечеру». Жинка божылася й клялася, що вона куми ничого не казала, а що кума прыходыла позычыты соли.

Черезъ мисяць писля цеи вечеры прыйиждже панъ. Першымъ диломъ клыче Ивана й пытае: «Що Иванъ? все въ моимъ маёнтку доглядивъ?» Иванъ каже: «Все, тильки сокилъ пропавъ». Панъ ёму каже: «За твою выну маю тебе повисыты». Иванъ подякувавъ панови за таку награду, бо винъ вже 30 литъ вирно служывъ панови и не въ чому не провынывся. Писля цёго панъ звеливъ поставыты шыбеныцю. Якъ зибралыся люде, прывелы Ивана; неборака просывъ тоди пана передъ смертю, щобъ панъ позволывъ ёму распорядытыся останній разъ въ своимъ господарстви. Панъ позволывъ. Тоди Иванъ пишовъ до-дому, вынявъ зъ коморы торбу грошей (червинцивъ) и роздилывъ йихъ на тры части чы купы: «Йидна купа», каже Иванъ, «тоби жинко; друга—тоби сынку, а третя тому, хто мене повисыть». Якъ почувъ це сынъ, та й каже: «Якъ мае чужый хто браты грошы, то лучче я йихъ визьму й васъ, тату, повишу». Писля цёго Иванъ грошей сынови не давъ, а хутко пишовъ до пана; тамъ винъ спустывся въ лёхъ и вынисъ зьвиты сокола, виддавъ ёго панови, подякувавъ за службу и сказавъ: «Паньській сокилъ жывый, а я тильки хтивъ спробуваты, яка то паньська ласка». Потимъ обернувся до громады й каже: «Ото люды добри, скажу вамъ тры правды: панови вирно не служы, жинци правды не кажы, чужои дытыны за свою не беры».

Вячеславъ Каминскій.

Историко-этнографическія мелочи изъ матеріаловъ З. Доленги-Ходаковскаго Сообщаемыя ниже историко-этнографическія мелочи заимствованы нами изъ двухъ рукописныхъ сборниковъ знаменитаго этнографа и археолога Зоріана Доленги-Ходаковскаго (Адама Чарноцкаго, род. 1784, ум. 1825), принадлежащихъ въ настоящее время редактору «Кіевской Старины» В. П. Науменку [1]). Въ этихъ двухъ сборникахъ заключается 1631 пѣсня, записанная собственноручно Ходаковскимъ, причемъ на долю польскихъ пѣсенъ приходится 199 №№, бѣлорусскихъ 128, великорусскихъ 49, чешскихъ 1; остальныя 1354 №№—пѣсни украинскія (изъ губерній: волынской, подольской, кіевской, полтавской, Червоной Руси и Галичины). Питая надежду, что этотъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи украинской этнографіи, хронологически предшествующій *первому* опыту собранія украинскихъ пѣсенъ князя Цертелева 1819 г. (онъ относится, преимущественно къ 1813—1817 г.г.), не замедлитъ увидѣть свѣтъ на страницахъ «Кіевской Старины», мы въ нижеслѣдующихъ строкахъ предлагаемъ вниманію читателей тѣ мелкія замѣтки Ходаковскаго, которыя, какъ неподходящія подъ различные отдѣлы пѣсенъ, могли-бы со временемъ остаться неиспользованными въ печати. Считаемъ нужнымъ оговориться, что всѣ нижеслѣдующія мелочи предлагаются нами въ переводѣ съ польскаго языка, на какомъ они записаны въ подлинникѣ.

«Въ окрестностяхъ Владиміра-Волынскаго донынѣ въ честь бога Ny.... (оторвана часть слова) празднуютъ въ селахъ *Niewski* (?) *Wełykdeń*, въ четвергъ послѣ Пасхи, и говорятъ, что въ этотъ день всѣ умершіе радуются (cieszą się), танцуютъ и имѣютъ большое утѣшеніе, а потому крестьяне считаютъ грѣхомъ заниматься какой-либо работой, если же и бываютъ принуждены къ этому, то увѣрены, что отъ такой работы не будетъ пользы; въ особенности, если кто въ этотъ день посадитъ картофель, послѣдняя погибнетъ совершенно. Кромѣ того говорятъ, что кто этого (обычая) не соблюдаетъ, у того выростетъ *Niewska kistka*, т. е. шишка (guz) надъ глазомъ, подъ глазомъ, на головѣ или рукѣ».

«*Проводы* бываютъ въ понедѣльникъ проводный въ честь умершихъ: молятся за души покойниковъ, служатъ *парастасы*; пьютъ на

---

[1]) Объ этихъ цѣнныхъ рукописяхъ подробности см. въ „Исторіи Руской Этнографіи" А. Н. Пыпина, т. III, а также Rawita-Gawronski, Zoryan Dolega-Chodakowski, jego życie i praca, Lwów. стр. 170, 174—180.

могилахъ (гробахъ) водку, ѣдятъ—катаютъ крашеныя яйца, которыя затѣмъ отдаютъ нищимъ».

«Въ Дмитровскую субботу, что бываетъ 30 октября, въ окрестностяхъ Острога также поминаютъ умершихъ».

«*Розьигры* (Rozihry).—день, въ который крестьяне надъ Горынью рвутъ и теребятъ (drą i szarpią) на себѣ одежду или рубаху, или срываютъ женскій головной уборъ (czepki); онъ приходится на седьмой день послѣ Зеленыхъ Святъ (Тройцы) или въ началѣ Петровскаго поста».

«*Выпадь, чортове ребро!*»—повторяютъ на Пасху, ставши въ кругъ и кружась, причемъ по одному выходятъ (odstają) изъ круга».

«Лыса Гора и Шембекова—во Львовѣ; послѣдняя разсѣлась (rospadła) и ею проклинаютъ: «чтобъ ты разсѣлся какъ гора Шембекова» (Żebyś się rospadł, jak góra Szembekowa)».

«*Багатый вечиръ*»—день передъ Новымъ Годомъ. Въ этотъ вечеръ дѣвушки ходятъ къ водяной мельницѣ (młyn) ворожить на водѣ: найти соломинку—выйти замужъ за земледѣльца, стекло—за стекольщика, черепокъ—за гончара, щепку—за столяра, уголь—за коваля, нитку—за ткача. Тогда же идутъ красть дрова; когда принесутъ и посчитаютъ полѣна и окажется парное число—выйдетъ замужъ, если не парное—злой знакъ» (записано, повидимому, близъ Острога).

«На Украинѣ на «прыносынахъ» родители новорожденнаго, принимая дитя, дарятъ (czestują) пару голубей; подлѣ Кременца—курицу».

«Въ Сокалѣ, лѣтъ 40 тому назадъ [1]) праздновали Купала наканунѣ Ивана; объ этомъ я слышалъ отъ одной старухи въ Старомъ Порыцку, которая была на этомъ празднованіи».

«*Каплычки*—головной уборъ волынскихъ дѣвушекъ, тоже что *кисныки* на Украинѣ,—вплетаніе ленты въ косы».

Къ пѣснѣ, записанной подъ Клеванью (волынск. губ.) «Изъ горы, горы, темненького лису, татарове идуть, Волыночку везуть» добавлено примѣчаніе: «На Украинѣ до сихъ поръ въ селахъ сохранилась память о бѣдствіи отъ татаръ и о захватѣ населенія въ плѣнъ: когда одинъ другого застанетъ за какой-либо работой и спроситъ: «Що робышъ?» часто въ отвѣтъ бываетъ: «абы не сыдячого татары взялы».

---

[1]) Т. е. около 1775 г. В. Д.

Къ пѣснѣ «Ишовъ Чурыло зъ миста, за нымъ дивочокъ трыста»—добавлено: «Объ этомъ Чурылѣ поютъ подлѣ Галича, въ Червоной Руси, отводя молодыхъ на свадебное ложе. Потомокъ его, Чурыло, капуцинъ и казнодѣй (kaznodzieja), около 1750 г. выѣхалъ изъ Винницкаго монастыря, взявъ съ собой деньги на надобности (sprawanki) у Островскаго въ Кузминьцахъ, у Паволоцкаго въ Осиголовѣ, у Быковскаго у Зарваньцяхъ и княгини Четвертинской въ Латаньцяхъ; прыбывъ въ Балту, турецкій городъ, принялъ мусульманство (obrzezał się) и женился. Разсказывалъ это В. Конст. Орловскій, 75-лѣтній старикъ въ Кунѣ».

Сказка.

«Обертався Орелъ за царя, а Шулякъ за комисара, а Сыныця за судью, злетилыся вси птахы и пыталы едно другого, хто Бога выда́въ? Найперши птахы Гусы зъ Билои Руси: «мы пролиталы, а Бога не выдалы»; а Сокилъ каже: «я высоко пролитаю, а нигды Бога не выдаю», а Горобець каже: «я сыдивъ въ хворости, бачывъ Бога на хрести», а Сыныця каже: «я вамъ буду за судью»; а Чапля каже: «тоби не подобае буты за судью»—бо ты есте (жона), тоби подобае коло печы ходыты, горохъ колотыты, намъ йисты варыты,—а я буду за судью, бо я коротку одежу маю, нигды на себе (соби?) не замараю. Я коло *трехъ крыныць* ходыла, а нигды своихъ суконь не замочыла». А Крукъ каже: «я буду законныкомъ, бо я чорну одежу маю, нигды не замараю.» А Пивень каже: «я два раза родывся, а разъ буду гынуты, а передъ своею смертію покажу вамъ тры мудрости. Перша моя мудрость: якъ я заспиваю, скажуть люде: «слава тоби, Господе (sic)!» А другая моя мудрость,—ходжу помежы сты(и)же(о)чкамы, воджу курочокъ купочкамы—за те жынотки выризалы яечкы. А третя мудрость: якъ мени прыйдеть викъ и конець, то мене вложать жинкы въ горнець».

Отрывокъ о чудесахъ отъ Василевской иконы Божіей Матери. Чудо шестое. Дворянина Кулика, подстаросты Иванковецкаго жена, мучимая нечистымъ (od szatana utrapiona), обратившись къ чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы Василевской, получила исцѣленіе, въ чомъ подписалася знакомъ Креста Господняго.

Чудо седьмое. Села Стрѣльни Михайло, глухой, нѣмой, и немогущій передвигаться благодаря нечистой силѣ, исцѣлился отъ того же образа Пресвятой Богородицы.

Чудо восьмое. Журавля колесника, крестьянина Иванковецкаго, жена, мучимая болѣзнью не владѣла сама собой, когда же пообѣщала

жертву Пресвятой Богородицѣ Василевской, выздоровѣла и пѣшкомъ отправилась поблагодарить Пресвятую Богородицу и здоровой возвратилась домой.

Чудо девятое. 20 іюля. Катерина, изъ с. Фасціевки, на Подольи, три года болѣла злой болѣзнью, и въ послѣднемъ, выше упомянутомъ году ослабѣла до того, что, желая поклониться чудотворному образу Пресвятой Богородицы Василевской и дойдя до Ф... (неразборч.), близъ села Василевки, не могла далѣе двинуться. Принесенная въ село Василевку въ церковь, подверглась страшнымъ припадкамъ, не могла ни говорить, ни ходить. Мать ея, съ тоской глядя на бѣсовское дѣйствіе, съ плачемъ просила Богородицу о помощи, и на другой день дочь ея была здорова. Свидѣтелями этого чуда было все село. Мы, главные священники, видѣвшіе это, подписью удостовѣряемъ. A. Samborski (другая подпись неразборчива). Мы, братство Василевское, тяжелую болѣзнь упомянутой Катерины и исцѣленія видѣли, въ чемъ и подписуемся знакомъ креста Господня: X. Dubniewicz (подписался), Hryhory Dudeyko, Mikoła Brailowski, Dmytro Sazon.»

Сообщ. **В. Доманицкій.**

Поминка о Н. А. Маркевичѣ. *(Къ столѣтней годовщинѣ рожденія его).* Въ текущемъ году исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія одного изъ видныхъ представителей въ дѣлѣ изученія нашей Украины, *Николая Андреевича Маркевича.* Считаемъ долгомъ своимъ покаяться въ томъ, что пропустили своевременно отмѣтить этотъ юбилей, т. к. столѣтіе со дня рожденія нашего историка исполнилось еще 26 января. Надѣясь въ ближайшихъ книжкахъ журнала посвятить памяти его болѣе обширную статью, мы теперь, хоть въ нѣсколькихъ словахъ, хотимъ помянуть того человѣка, который своими научными работами, своею любовью къ собранію старинныхъ рукописей, своею преданностью книгѣ и литературѣ, наконецъ—своимъ добродушнымъ характеромъ снискалъ любовь и уваженіе современниковъ и добрую память въ потомствѣ.

Н. А. Маркевичъ болѣе всего извѣстенъ былъ своимъ большимъ трудомъ «Исторія Малороссіи», издан. въ 1842 году въ 5 томахъ. Его «Исторія» въ теченіе многихъ лѣтъ считалась, наравнѣ съ исторіей Малороссіи Бантыша-Каменскаго, книгой, которая можетъ служить руководствомъ при изученіи судебъ нашей родины. Правда, ни-

когда она не признавалась удовлетворяющей требованіямъ науки, но, давая богатое собраніе разныхъ историческихъ матеріаловъ, она всегда была и будетъ полезной для всѣхъ изучающихъ исторію Украины. Другимъ болѣе извѣстнымъ трудомъ его было этнографическое описаніе *обычаевъ, повѣрій, кухни и напитковъ малороссіянъ*, издан. въ Кіевѣ въ 1860 году. До появленія въ свѣтъ болѣе обстоятельныхъ трудовъ по этнографіи Малороссіи, эта книга была долгое время почти единственнымъ собраніемъ подобныхъ матеріаловъ.

Кромѣ этихъ двухъ, болѣе извѣстныхъ, трудовъ Н. А. Маркевича, надо отмѣтить еще нѣсколько брошюръ его, какъ-то: 1) О табакѣ вообще и въ Малороссіи въ особенности (Москва 1853 г.); 2) Рѣки полтавской губерніи (Записки Русск. Геогр. Общ. 1856 г. кн. II-я; 3) О климатѣ полтав. губ. (1850 г.); 4) О народонаселеніи полтавск. губ. (Кіевъ 1855 г.); 5) Народные украинскіе напѣвы, положенные на фортепіано (Москва 1840 г.).

Лучшимъ заключеніемъ поминки нашей о Н. А. Маркевичѣ будетъ перепечатка тѣхъ теплыхъ словъ о немъ, которыя сказаны были о немъ Н. Макаровымъ въ его статьѣ въ «Основѣ» (1861 г., № 1): «Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ». «Его добродушная простота, доступность и умѣніе говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ не только располагали къ нему сердца его крестьянъ и слугъ, которые обращались съ нимъ, какъ съ другомъ, но внушали и окрестнымъ поселянамъ особенную любовь и довѣріе къ этому рѣдкому пану. Сосѣдніе крестьяне приходили къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ, разрѣшить споръ, или, просто, потолковать *зъ розумнымъ паномъ*».

Скончался Н. А. Маркевичъ 9 іюня 1860 года въ своемъ с. Туровкѣ, полтав. губ., прилуцкаго уѣзда, гдѣ и находится могила его.

Записка Н. И. Костомарова къ Д. Г. Лебединцеву. Н. И. Костомаровъ, какъ извѣстно, превосходно владѣлъ старинной актовой рѣчью, а также и церковно-славянской. Въ печати уже было нѣсколько образчиковъ его писемъ на церковномъ языкѣ. Въ нашихъ рукахъ находится теперь еще одинъ его автографъ въ томъ-же родѣ. Автографъ этотъ представляетъ собой записку, писанную въ 1870 году въ Петербургѣ Д. Г. Лебединцеву, брату хорошо извѣстнаго Кіеву каѳедральнаго протоіерея П. Г. Лебе-

динцева, а также и основателя нашего журнала Ѳ. Г. Лебединцева. Записка Н. И. Костомарова есть приглашеніе Д. Г. Лебединцева навѣстить его вмѣстѣ съ братомъ Петромъ Гавриловичемъ, проживавшимъ тогда временно въ Петербургѣ. Вотъ текстъ ея: «Въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова ҂аѡо (1870) декемвріа въ й день на память прп Потапіа и ткє мученикъ африканскихъ и свв. апостолъ Сосѳена, Аполлоса, Епафродита и яже во с҃тыхъ пр҃о матере нашея Анѳисы во вторый день по недѣлѣ кз, бысть глг҃лъ съ небесе къ Даніилу сыну Гавріилову реченному Лебединцу, глаголяй сице: Даніиле! Даніиле! Онъ же рече: се азъ, Гд҃и! И прорече ему гласъ съ небеси: Востани и поими брата своего единокровнаго протоіерея Петра и тецы съ нимъ ко старцу Николаю, иже на Невѣ рѣцѣ, сущему въ скорбѣхъ и болѣзнехъ, и утѣши и словесы своими. Онъ же воставъ сотвори вся яже повелѣ ему Гд҃ь.

Отвѣтъ редакціи. Считаемъ долгомъ извѣстить нижеслѣдующихъ лицъ, что деньги, присланныя ими на поддержаніе въ порядкѣ могилы Т. Г. Шевченка, получены и переданы по назначенію: отъ К. К. Похила 2 р. 40 к., Н. А. Тисенко 1 р. 50 к., А. К. Похила 2 р. 50 к., И. Г. Горбоносова 2 р. 75 к., М. А. Шведовой 1 р. 20 к., А. В. Крыжановскаго 2 р., С. О. Липковскаго 10 р., М. К. Емецъ 5 р., А. Н. Захаровой 2 р. 50 к., В. П. Нечволодова 1 р. 65 к., И. А. Матича 2 р., Н. В. Додица 2 р. 25 к., А. М. Гринченко 5 р., М. И. Симоновскаго 4 р., П. И. Бѣлаго 8 р., П. П. Зуйченко 1 р., И. И. Данилевскаго 1 р., М. М. Энштейна 3 р., С. П. Д. 5 р., Н. Л. Кузьменко 5 р., В. И. Лаврененко 4 р. 50 к., К. П. Стороженко 3 р., В. Д. Однороженко 5 р., Г. И. Аблицева 1 р., В. А. Корчинскаго 2 р. 50 к., И. Г. Рѣпчанскаго 4 р., А. К. Бабанскаго 3 р., С. Г. Фалько 2 р. 50 к., Н. Г. Шпаковскаго 5 р., В. Г. Петренко 3 р. 25 к., А. К. Бѣлаго 1 р., Э. К. Гендриховскаго 75 к., А. Н. Компанійца 1 р. 75 к., А. И. Кучеренко 2 р. 50 к., А. О. Неижмана 2 р. 50 к., В. Н. Соляника 2 р. 50 к., А. Г. Харитонова 1 р. 50 к., Н. Д. Усенко 2 р. 50 к., О. Н. Л. 3 р., Н. Ф. Знаковскаго 50 к., В. И. Лихоносова 2 р., М. Г. Паннева 2 р., А. В. Лядова 60 к., П. Ф. Тисенко 1 р. 45 к., П. В. Федоровскаго (изъ г. Луганска) 3 р., Е. Е. Федоровскаго (изъ

г. Луганска) 2 р., К. С. Дудки 10 р., Н. А. Богуславскаго 10 р., С. П. Степаненко 3 р., И. П. Боборыкина 1 р., И. А. Лимаря 1 р., К. А. Лимаря 1 р., С. Г. Кобзаря 1 р. 50 к., Н. Ф. Д. (ст. Юзово) 5 р., К. В. Бутко 50 к., С. О. Шевченко 50 к., А. Я. Веснянко 1 р., П. А. Рослова 1 р., С. П. Сѣраго 50 к., С. Д. Тищенко 50 к., И. В. Пустовойтова 2 р. 25 к., А. П. Сидоренко 2 р. 25 к., Е. М. Войкова 25 к., К. П. Дрожженко 2 р., М. Н. Кацина 1 р. 50 к., К. И. Кучеренко 25 к., Г. С. Дудки 4 р. 50 к., І. А. Черненко 4 р. 50 к., И. Н. Рекова 4 р. 50 к., П. Н. Соколовскаго 4 р. 50 к., К. В. Крамаренко 3 р., К. Н. С. 9 р., А. Ф. Ш. 1 р., В. Н. Т. 25 к. Всего — 207 р. 30 к.

Текущія извѣстія.

Постройка въ Полтавѣ зданія для школы имени Котляревскаго подвигается довольно успѣшно. Кладка стѣнъ перваго этажа черезъ нѣсколько дней будетъ закончена. Второй этажъ, по проекту, будетъ деревянный, лишь обложенный кирпичомъ. За ходомъ работъ наблюдаютъ, кромѣ городского архитектора, г. Стасюкова, которому принадлежитъ и планъ постройки, инженеръ губернской управы г. Сердюковъ, взявшій на себя обработку фасадной части зданія, примѣнительно къ южно-русскому стилю. Прилегающая къ зданію школы часть склона Николаевской горы будетъ срыта и, такимъ образомъ, здѣсь образуется совершенно ровная площадка, на которой предположено разбить садикъ. Мѣсто для постройки избрано какъ разъ подъ соборной бесѣдкой.

Базаръ-гулянье въ Полтавѣ. 22-го августа въ Полтавѣ, въ Городскомъ саду состоялось оригинальное гулянье подъ заглавіемъ «Сорочынськый ярмарокъ», сборъ съ котораго поступилъ на усиленіе фонда для постройки школы имени Котляревскаго. Какъ гласитъ про-

грамма, на центральной площадкѣ сада былъ расположенъ украинскій ярмарокъ съ продажей дешеваго ярмарочнаго товара, съ ярмарковой корчмой и разными лакомствами и закусками; въ закрытомъ лѣтнемъ театрѣ поставлены были: «Наталка-Полтавка», украинская опера И. П. Котляревскаго, и водевиль А. Чехова «Юбилей», и кромѣ того исполнены были музыкальные номера соло и хоровые, а также чтеніе басни Л. Глибова «Горлиця и горобець»; на открытой сценѣ и въ саду, среди ярмарки, исполнены были слѣдующіе номера: игра лирника и троистои музыки, пѣніе хора парубковъ, прощальные проводы запорожца передъ поступленіемъ его въ «ченци», «перезва»—свадебный народный обычай, живыя картины изъ «Энеиды» Котляревскаго.

Подробное описаніе этого гулянья, принадлежащее перу Бр. Яковлева, помѣщено въ «Полтавск. Вѣст.» (№ 493). Приводимъ его цѣликомъ.

Это былъ грандіозный украинскій праздникъ...

Городской садъ превратился третьяго дня въ нѣчто для глаза непривычное, пожалуй, даже невѣроятное...

Вотъ, напримѣръ, цѣлый рядъ «хозяйскихъ» возовъ, съ приподнятыми оглоблями...

Лошади и волы стоятъ привязанными къ нимъ и аппетитно пожираютъ свое сѣно—«перій»...

Вотъ подъ телѣгой отдыхаетъ, поэтически развалившись, пріѣхавшій поярмарковать селянинъ...

А дальше, на слѣдующей повозкѣ, сидитъ благообразный хозяинъ, покуриваетъ свою люльку и не то сердито, не то серьезно-вдумчиво отплевывается послѣ каждой «затяжки».

Повозки эти занимаютъ всю входную аллею городского сада.

А дальше украиньскій ярмарокъ развертывается во всей его красотѣ, поэтичности и причудливости малороссійскаго жанра...

Вся центральная площадь сада испещрена балаганами съ различными ярмарочными предметами торговли...

Вотъ горшки, нѣсколько возовъ арбузовъ, бакалейный товаръ, галантерейные «магазины», изобилующіе пестрыми лентами и т. д., и т. д.

А въ лавкахъ этихъ хозяйничаютъ «дивчата» въ полномъ малороссійскомъ одѣяніи...

— Эй, пундики, пундики,—выкрикиваетъ зычно дивчина-продавщица,—заходите, народъ честный, давайте торговать...

— Гарный виноградъ, солодкый,—старается попасть въ тонъ заискивающей ярмарочной торговкѣ одна изъ продавщицъ съ милымъ личикомъ,—ей-Богу, господа солодкый, вотъ попробуйте...

А вотъ и различныя горшечныя издѣлія и возлѣ нихъ тѣже очаровательныя украинки, зазывающія въ свою лавочку.

Дальше, налѣво отъ «торговой стороны», расположена ярмарковая корчма, служащая предметомъ вожделѣнія всѣхъ, у кого лишь имѣется «на осьмушку» въ карманѣ.

Тутъ и горилка, и пиво, и медъ, и варенуха, и другія питія...

«Горилка» и прелестныя, гарныя дивчата, продающія здѣсь, привлекаютъ ярмарочную публику, распространяя среди нея непринужденное веселье, беззаботное удальство...

Гулянье открылось въ 12 часовъ, но привлекло оно въ теченіе дня не особенно много публики, которая рѣшила, повидимому, сохранить свои силы и... кошельки до вечера, когда въ лѣтнемъ театрѣ и на открытой сценѣ пойдутъ различныя развлеченія.

И хотя днемъ и не было «громады»—веселье шло во всю.

Особенно большой интересъ представляли собой сборища народа по разнымъ концамъ ярмарки, среди которыхъ «пилила» деревенская музыка и ухарски, съ неподдѣльнымъ чувствомъ, «садылы гопака».

Лавки торговали, и даже бойко, продавая товаръ за небольшія цѣны, но... безъ сдачи, что, въ извѣстной степени, способствовало къ полученію «наибольшаго количества барышей при наименьшей затратѣ капитала».

И долженъ сказать, по личному опыту, что экономическую науку эту продавщицы прошли блестяще и работали энергично, умѣло.

—

Семь часовъ вечера.

Публика начинаетъ съѣзжаться къ вечернему гулянью.

Вся улица, прилегающая къ кассѣ, запружена народомъ, но билетовъ почти уже нѣтъ.

Малорусская рѣчь становится въ саду господствующей.

Народныя пѣсни оглашаютъ воздухъ.

Это подгулявшіе парни поютъ хоромъ.

Въ закрытомъ лѣтнемъ театрѣ шла въ это время «Наталка-Полтавка», и мягкій ласкающій голосъ Наталки грѣетъ душу, раздуваетъ какъ-бы затухшій огонь любви къ родному краю, народу.

Бандуристы, музыканты усердствовали въ саду, привлекая къ себѣ большую аудиторію; народныя танцы продолжались въ теченіе всего вечера—и въ нихъ принимали участіе, на ряду съ простонародьемъ, и мѣстные «панычи и барышни».

Вообще долженъ сказать, что кастовыя, такъ сказать, правила нашей жизни стушевывались въ этотъ оригинальный вечеръ: не было «пана» и «мужыка», а былъ сплошной народъ, переполненный любовью къ своему родному краю—къ своей поэтичной Украинѣ... Хлопцы, простые хлопцы, шли рядомъ съ людьми съ высшимъ образованіемъ, съ людьми, занимающими извѣстное общественное положеніе и спивали, спивали безъ конца..

Были здѣсь и веселыя пѣсеньки, и грустныя, до боли грустныя мелодіи про долю-долюшку свою...

На открытой сценѣ показывали туманныя картины, пѣли про «Кучеряву Катырыну» и многое другое изъ народнаго малорусскаго репертуара...

Смѣшанный хоръ, подъ управленіемъ г. Попадича, исполнявшій народныя пѣсни какъ въ закрытомъ театрѣ, такъ и на открытой сценѣ, вызвалъ всеобщій восторгъ публики и былъ награжденъ дружными аплодисментами.

Участвующихъ въ спектаклѣ любителей публика встрѣчала очень тепло, вызывая ихъ по нѣсколько разъ.

Ровно въ 12 час. торговля на «ярмарци» прекратилась, при чемъ была пущена въ ходъ, разумѣется, и дешевая продажа остатковъ, до которыхъ такъ падка наша публика...

Бойко распродавались и «обсыпальники» (конфетти), а также шампанское.

Общій итогъ будетъ несомнѣнно довольно прибыльный, чему, конечно, нельзя не порадоваться.

Нужно отдать справедливость устроителямъ гулянья: они все сдѣлали отъ нихъ зависящее, чтобы доставить побольше удовольствій гуляющей публикѣ—и ихъ цѣль была и съ этой стороны достигнута: всѣ остались довольны вечеромъ.

Духъ, такъ сказать, Котляревскаго царилъ въ саду: его Наталка пѣла на сценѣ, его портретъ красовался на программахъ, его произведенія продавались въ книжной лавкѣ и его нарѣчіе было среди гуляющихъ господствующимъ...

Спектакль закончился «Юбилеемъ» Чехова къ часу ночи, публика начала расходиться по домамъ, дивчата-продавщицы сбросили съ себя плахты, намыста, квитки, украшающія ихъ голову, и *сдѣлались* опять «барышнями», но вечеръ этотъ, все пережитое за прошлое воскресенье, нужно надѣяться, останется долго, долго въ ихъ памяти, напоминая имъ и вообще всѣмъ присутствующимъ на этомъ гуляньи о чемъ-то свѣтломъ, прекрасномъ, которое въ нашей скромной жизни и «хмурости» людской встрѣчается очень, очень рѣдко...

Къ вопросу о музеѣ имени И. П. Котляревскаго. *(Письмо въ редакцію «Полт. Вѣстника», № 500).*

> Учытеся, браты мои,
> Учытесь, чытайте,
> И чужому научайтесь,
> Й свого не цурайтесь.
> *Т. Шевченко.*

Прошу дать мѣсто въ «Полт. Вѣстникѣ» нѣсколькимъ мыслямъ, быть можетъ, имѣющимъ нѣкоторый общественный интересъ. Когда я пріѣхалъ сюда въ іюнѣ сего года, въ нѣкоторыхъ кругахъ и на столбцахъ «Полт. Вѣстн.» трактовали о *довершеніи* памятника И. Котляревскому постройкой школы его имени. Дѣйствительно, при открытіи въ прошломъ году памятника Котляревскому было рѣшено почтить его не только «холоднымъ гранитомъ», но и другимъ живымъ, теплымъ и гуманнымъ дѣломъ—сооруженіемъ школы. Нѣтъ еще и году съ тѣхъ поръ и уже перестали говорить о томъ, что, кромѣ этихъ двухъ памятниковъ и совмѣстно съ названной школой, было рѣшено открыть и небольшой музей, въ которомъ можно было бы собрать всѣ вещи, связанныя съ жизнью и именемъ поэта-полтавца.

Въ послѣднее время въ Полтавѣ я не слышалъ ни одного намека о недавнемъ обѣщаніи. Между тѣмъ мѣсто для музея уже давно отведено: его рѣшили слить въ одно цѣлое съ школой, т. е. къ строющемуся сейчасъ школьному корпусу прибавить впослѣдствіи помѣщеніе для коллекцій Котляревскаго. Не буду, конечно, распространяться здѣсь о томъ, что такая пристройка или надстройка черезъ значительный промежутокъ времени обыкновенно искажаетъ первую мысль начинателей и иногда совершенно не вяжется съ общими предположеніями. Часто это является слѣдствіемъ естественныхъ причинъ, и иллюстраціей этой мысли можно было бы указать достаточное коли-

чество; онѣ существуютъ даже въ Полтавѣ, но доказывать нецѣлесообразность такого веденія дѣла я считаю излишнимъ въ виду ея очевидности.

Общая мысль—связать названную школу съ музеемъ того же имени заслуживаетъ, по моему мнѣнію, всякаго уваженія и послѣдовательность ея я хотѣлъ бы еще разъ подчеркнуть словами великаго кобзаря Украйны:

«И чужому научайтесь,
И свого не цурайтесь!»...

Это завѣщаніе, очевидно, было принято въ разсчетъ или непосредственно вылилось въ мысляхъ послѣдовательныхъ почитателей Котляревскаго. Въ Западной Европѣ давно уже признали глубокое воспитательное значеніе въ соединеніи школъ съ музеями всевозможныхъ родовъ и характеровъ. Школа будетъ учить во всю ширь своей программы, музей же будетъ напоминать юношеству о своемъ родномъ; интересъ къ послѣднему онъ долженъ будетъ пробуждать и въ рамкахъ своего содержанія поддерживать любовь къ родному краю, а эта послѣдняя не мало поможетъ устранить тотъ «разбродъ» въ мысляхъ и настроеніяхъ нашей молодежи, который засвидѣтельствованъ всей современной публицистикой.

Какъ только возникла мысль о музеѣ, тотчасъ же, конечно, стали собирать свѣдѣнія о матеріалѣ для него и не мало вещей было предложено и показано, но, за неимѣніемъ надлежащаго учрежденія, многіе владѣльцы не рѣшились оставить своихъ драгоцѣнностей на произволъ судьбы и предметы коллекціи, за исключеніемъ нѣсколькихъ экземпляровъ, увезены изъ Полтавы. Мнѣ лично извѣстны нѣкоторые такіе источники; но можетъ ли кто-нибудь поручиться за ихъ сохранность у частныхъ лицъ: чѣмъ мы гарантированы, что онѣ когда-нибудь попадутъ въ общую коллекцію-музей?

Мнѣ кажется, что самымъ естественнымъ выходомъ изъ этого положенія могло бы быть принятіе музеемъ Полтавскаго губернскаго земства на себя обязанности предварительнаго собирателя и охранителя матеріала для названныхъ коллекцій имени И. Котляревскаго. Это—предварительно. Необходимость же постройки обособленнаго помѣщенія въ связи со школой мнѣ кажется неопровержимой и безотлагательной, тѣмъ болѣе, что музей Полт. губ. земства и безъ того уже переполненъ и нуждается въ расширеніи.

Въ настоящее время мнѣ поручено исполнить оба главные фасада школы, но могу ли я ограничиться только этой работой? Конечно, нѣтъ. Мнѣ поставлено условіемъ, что къ третьему фасаду «когда-нибудь» будетъ пристроено музейное помѣщеніе, и я даже поневолѣ долженъ сообразоваться съ общей картиной будущаго зданія, а потому сверхъ программы я рѣшилъ составить эскизный проектъ и для музея. Этотъ добавочный проектъ я оставлю въ распоряженіе коммиссіи, ведущей постройку школы, чтобы впослѣдствіи, быть можетъ, не затерялись общія предположенія иниціаторовъ этого дѣла. Но въ данный моментъ замолчали окончательно о постройкѣ музея, и только про себя вспоминаютъ нѣкоторые почитатели поэта, а листъ бумаги съ чертежомъ вѣдь не есть еще гарантія того, что молчаніе это когда-нибудь нарушится. Неужели же мы такъ безсильны, что можемъ только втихомолку мечтать? Неужели мысль, столь послѣдовательная и освященная обычаемъ нашихъ культурныхъ сосѣдей и давшая поразительные результаты у другихъ народовъ, заглохнетъ надолго, до случайнаго пробужденія къ жизни, при помощи случайнаго иниціатора или навсегда?.. Неужели же забыто столь недавнее торжественное обѣщаніе на могилѣ поэта?

Послѣднему я окончательно не вѣрю. Объ обѣщаніи не говорятъ и молчатъ только потому, что нѣтъ наличныхъ 5—6 т. рублей, что въ постройкѣ музея могутъ и даже должны принять участіе болѣе широкіе круги населенія, а въ такомъ случаѣ мы не должны откладывать мысль о немъ въ долгій ящикъ, мы даже не можемъ сказать, что денегъ для него нѣтъ: ихъ необходимо только привлечь.

Необходимо дѣло это поставить шире, иначе. Та же общественная благотворительность или ежегодныя хотя бы небольшія процентныя отчисленія изъ городского и земскаго бюджетовъ не такъ ужъ невозможны и въ состояніи будутъ придать этой мысли болѣе конкретную форму, помогутъ фактически стремиться къ намѣченной цѣли. Если же въ архивѣ городской управы сохранится одна лишь бумажка съ изображеніемъ музея, то еще очень гадательно, что будетъ съ ней лѣтъ черезъ 5.

«Новыя птицы—новыя пѣсни», и мы ничуть не гарантированы, что пѣснь о музеѣ запоется на другой мотивъ, можетъ въ другомъ случаѣ затерѣться, затеряться и исчезнуть безслѣдно.

Это самый худшій конецъ, но кто можетъ сказать, что онъ не случится? По моему, вложенная теперь же хотя бы небольшая сумма для

фонда на постройку музея будетъ опредѣленной и вѣрнѣе напоминать будущимъ «отцамъ» города о завѣщаніи предшественниковъ, будетъ, быть можетъ, даже притягивать къ себѣ по крохоткѣ пожертвованія или изъ другихъ источниковъ и, во всякомъ случаѣ, послужитъ непоколебимымъ живымъ напоминаніемъ и основаніемъ къ осуществленію затѣяннаго дѣла.

Коммиссія, устроившая «Сорочинській ярмарокъ», какъ мнѣ извѣстно, подаетъ заявленіе въ городскую управу съ пожеланіемъ, чтобъ деньги, собранныя съ гулянья, пошли цѣликомъ на художественную отдѣлку школы имени Котляревскаго, чтобъ орнаментика и формы фасада носили южно-русскій характеръ. Вполнѣ присоединяясь къ этой мысли, я приложу всѣ усилія, чтобъ осуществить это желаніе, но, въ виду того, что сумма, поступающая съ гулянья (болѣе 1.000 руб.) значительна, я теперь же предложилъ бы отложить изъ нея процентовъ 8—10 для фонда на постройку будущаго музея. такъ какъ расходы на украшеніе фасадовъ не должны превысить названной цифры.

Даръ будущему музею имени Котляревскаго. Художникъ В. П. Карповъ прислалъ изъ Харькова въ городскую управу, въ даръ для музея имени Котляревскаго, двѣ картины (акварели) въ золотыхъ рамахъ. Первая картина «Реве ревучій» (Шевченко) изображаетъ Ненасытецкій порогъ на р. Днѣпрѣ. Вторая картина представляетъ «аллегорію» изъ жизни современной Малороссіи. Самъ художникъ даетъ слѣдующее, очень интересное, объясненіе картинѣ «аллегорія».

«Желѣзныя дороги проложили новый путь жизни.

Фабрики и заводы создали фабричныхъ рабочихъ.

Явились новые люди и запѣли новыя пѣсни.

Кобзарь, пѣвшій народу о томъ, какъ его дѣды и батьки защищали кровью своею вѣру и родину, замолкъ. Бандуру замѣнила гармонія.

И вотъ, поднявшись въ высь на насыпи и мосты, желѣзнодорожный поѣздъ стремительно уходитъ въ даль. Кобзарь на проселочной дорогѣ, поросшей травой, идетъ, оставленный «поводатаремъ», не зная куда, пробираясь ощупью, онъ прійдетъ на отдыхъ.

А солнце—на закатѣ, и ночь уже начала своимъ покрываломъ окутывать землю»...

Обѣ картины городская управа рѣшила временно помѣстить въ одномъ изъ фойе просвѣтительнаго зданія имени Н. В. Гоголя. («Полт. Вѣст.» № 462).

Архіерейскія поученія на малорусскомъ языкѣ. Въ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» помѣщенъ отчетъ преосвященнаго Амвросія, викарнаго епископа Кременецкаго, о ревизіи приходовъ овручскаго уѣзда. За время съ 14 по 28 іюня настоящаго года были посѣщены 48 церквей въ мѣстечкахъ и селахъ, при чемъ на лошадяхъ было сдѣлано 450 верстъ преимущественно по песчаной грунтовой дорогѣ.

«Послѣ обычной встрѣчи, пишетъ преосвященный, я обращался съ краткимъ поученіемъ къ собравшемуся народу. Тема поученія заимствовалась преимущественно отъ имени (посвященія) храма, при чемъ, если позволяло время, поученіе предлагалось предъ молебномъ, или въ концѣ молебна, на церковномъ погостѣ, куда мы вмѣстѣ съ участвовавшими во встрѣчѣ священниками и народомъ выходили съ крестныхъ ходомъ, для избѣжанія жары и тѣсноты...

Въ мѣстахъ ночлеговъ соборомъ священниковъ, обычно во главѣ съ благочиннымъ, всегда совершались всенощныя бдѣнія, а на другой день—ранняя литургія также соборне. На литію, поліелей, а иногда и на молебенъ послѣ литургіи выходилъ также и я; при чемъ всенощное бдѣніе отъ литіи и до окончанія великаго славословія, а также молебны послѣ литургіи совершались обычно на погостѣ, гдѣ всегда въ такихъ случаяхъ предлагалось и поученіе.

Поученія предлагались мной всегда на малороссійскомъ языкѣ, родномъ мѣстному населенію, что весьма нравилось народу и, повидимому, производило на него благотворное и большое впечатлѣніе.

Народу собиралось вездѣ очень много, даже въ будничные дни, исключая 2—3 случаевъ... Это объясняется преимущественно той причиной, что мнѣ пришлось посѣщать на этотъ разъ большею частью такія мѣста, гдѣ архіереи бывали уже давно и рѣдко, напр. 10, 25, 50 лѣтъ тому назадъ или даже и вовсе не бывали никогда»... («Волын. Епарх. Вѣд.» за 1904 г., № 22).

Преосвященный Амвросій, викарій епископа Волынскаго и Житомірскаго Антонія,—уроженецъ люблинской губ. (въ мірѣ Гудко), кандидатъ богословія С.-Петербургской духовной академіи выпуска 1893 года.

Упорядоченіе архива министерства земледѣлія. Архивъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ уже окончательно упорядоченъ и систематизированъ; составленъ алфавитъ всѣхъ находящихся въ архивѣ 200.000 дѣлъ. Въ изданномъ очеркѣ министерство указываетъ, что самыми старыми дѣлами въ архивѣ являются дѣла и документы польскаго періода, т. н. эдукаціоннаго фундуша или поіезуитскіе, попавшіе въ казну вмѣстѣ съ поіезуитскими имѣніями и монастырями и представляющіе интересъ по времени (XVI—XVIII столѣтій), по языку и содержанію. Многіе документы на имѣнія въ Бѣлоруссіи и литовскихъ губерніяхъ писаны еще на русскомъ языкѣ, который былъ государственнымъ языкомъ въ Литвѣ до соединенія ея съ Польшей и удержался въ документахъ еще долгое время послѣ соединенія. По содержанію эти дѣла представляютъ интересъ какъ общеисторическій, напр., погодныя записки іезуитовъ и другія бумаги, заключающія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ политическихъ событіяхъ Литвы и юго-западной Россіи—объ осадѣ Смоленска Сигизмундомъ III въ началѣ XVII ст., о возстаніи козаковъ подъ начальствомъ гетмана Хмельницкаго въ 1648 г., о завѣщаніи принявшимъ католицизмъ гетманомъ Павломъ Тетерею своихъ капиталовъ іезуитской академіи въ Вильнѣ и т. п., такъ и спеціальный интересъ для исторіи поіезуитскихъ имѣній, крестьянъ и сельскаго хозяйства въ XVI—XVIII столѣтіяхъ. («Кіев. Газета», № 179).

Къ XIII археологическому съѣзду. Въ настоящее время профессоромъ Д. И. Эварницкимъ организованы и ведутся энергично подготовительныя работы къ предстоящему у насъ въ августѣ будущаго года археологическому съѣзду. Къ съѣзду собирается обширный матеріалъ по этнографіи. Для этой цѣли вызванъ профессоромъ изъ Харькова этнографъ В. А. Бабенко; послѣдній по программѣ, составленной профессоромъ и по его указанію, объѣздилъ для собиранія этнографическаго матеріала слѣдующіе уѣзды екатеринославской губерніи: екатеринославскій, верхнеднѣпровскій, славяносербскій и бахмутскій.

Въ настоящее время В. А. Бабенко отправляется въ новомосковскій уѣздъ, гдѣ сохранилось болѣе всего остатковъ мѣстной старины, какъ въ языкѣ, такъ въ костюмахъ и въ мѣстной обстановкѣ. Кромѣ того, будутъ обслѣдованы павлоградскій и александровскій

уѣзды. Г. Бабенко собралъ огромный этнографическій матеріалъ, который можно привести въ слѣдующую систему: орудія и самые предметы ткацкаго производства, шевскаго и кравецкаго (сапожнаго и портняжнаго), снаряды для ловли рыбъ, ульи дупляничнаго производства, предметы домашней обстановки и быта, музыкальные инструменты, начиная съ свистуна и кончая басомъ кустарнаго издѣлія. Въ отдѣльности: расписныя скрыни, мереженныя ярма, расписная глиняная посуда. Между прочимъ, прелюбопытна ручная первобытныхъ временъ мельница и много друг.

Всѣ эти предметы пріобрѣтены на средства, отпущенныя Бабенко губернскимъ земствомъ, и всѣ они будутъ распредѣлены въ зданіи новаго областного музея по рисункамъ нѣсколькихъ художниковъ ко времени археологическаго съѣзда.

Г. Бабенко уже представилъ этнографическую выставку въ Харьковѣ на бывшемъ тамъ археологическомъ съѣздѣ; выставка имѣла огромный успѣхъ и посѣщалась въ количествѣ 5 тыс. человѣкъ ежедневно. Что касается собиранія древностей, то и въ этомъ отношеніи уже сдѣлано очень много.

На дняхъ профессоръ Д. И. Эварницкій возвратился изъ с. Степановки, новомосковскаго уѣзда, имѣнія князя Н. П. Урусова. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, работая волокомъ и волами, профессоръ произвелъ раскопку кургана, въ которомъ нашелъ типичное погребеніе камен. вѣка неолитической эпохи. Погребеніе оказалось количественное, т. е. въ одну могилу положено было нѣсколько скелетовъ; всѣ скелеты положены въ скрюченномъ видѣ, локти рукъ прижаты къ колѣнямъ, ноги также согнуты въ колѣняхъ. Скелеты по обычаю положены правымъ бокомъ внизъ, причемъ ступни ихъ окрашены сухой минеральной краской. При скелетахъ найдена была посуда примитивнаго издѣлія (отъ руки, безъ станка). Посуда сдѣлана изъ простой черной земли, къ которой примѣшаны—крупный гравій песокъ и толченыя рѣчныя ракушки.

Возлѣ руки одного скелета найденъ камень бѣлаго цвѣта около четверти аршина длины; на камнѣ этомъ первобытный человѣкъ оттачивалъ кремневыя стрѣлы. Изъ Новомосковска профессоръ привезъ рѣдкую коллекцію древностей, подаренную ему для музея докторомъ П. М. Сочинскимъ. Коллекція состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: двѣ превосходныя сабли турецкаго издѣлія. На лезвіи одной изъ нихъ имѣется серебряная насѣчка и полумѣсяцъ, восточный ятаганъ съ высѣченными по лезвію словами изъ Корана,

запорожскій короткій кинжалъ, прекрасный экземпляръ молотка каменнаго вѣка, нѣсколько наконечниковъ бронзовыхъ стрѣлъ, нѣсколько чугунныхъ ядеръ; кромѣ того, запорожскій деревянный «корячекъ» или «махайликъ» для горѣлки, три древнихъ печати, нѣсколько древнихъ монетъ, большая терракотовая женская фигура, затѣйливо отлитая, запорожскій, краснаго персидскаго сырца, поясъ и мн. др. предметовъ. Далѣе профессоръ привезъ предметы старины изъ новомосковскаго, александровскаго и екатеринославскаго уѣздовъ, между прочимъ: два замѣчательныхъ подрѣзника тонкой ручной работы, запечатанный штофъ «горилки» съ лежавшей подъ нимъ монетой 1788 г., рѣдкій парчевый поясъ 18 вѣка, металлическій ковшъ запорожскихъ временъ и др. вещи.

Профессоръ Д. И. Эварницкій отправилъ ученика московской консерваторіи В. А. Шевченка въ полтавскую губернію къ слѣпцамъ-кобзарямъ для собиранія «думъ» (словами и нотами). Думы будутъ разучены имъ на кобзѣ, на которой г. Шевченко играетъ артистически. Въ настоящее время г. Шевченко сообщилъ профессору, что имъ уже записаны въ м. Сорочинцахъ 10 рѣдкостныхъ думъ.

По возвращеніи изъ поѣздки г. Шевченко дастъ одинъ концертъ для публики. Независимо отъ этого, къ съѣзду подготовляетъ архивныя работы студентъ кіевскаго университета г. Терновскій; послѣдній нашелъ въ архивѣ губернскаго правленія большой матеріалъ для изученія запорожскаго козачества. Матеріалъ этотъ г. Терновскій печатаетъ въ «Вѣстн. Екат. Земства», и къ концу года образуется, такимъ образомъ, интересный матеріалъ.

Наконецъ, для будущаго съѣзда работаетъ московскій архитекторъ Н. Г. Филянскій, командированный, по соглашенію графини П. С. Уваровой съ профессоромъ Д. И. Эварницкимъ, въ полтавскую губернію для изученія древняго церковнаго архитектурнаго стиля. Весь матеріалъ, собранный Филянскимъ, будетъ демонстрированъ на выставкѣ съѣзда.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. Дорошенко. Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью. *С.-Петербургъ, 1904, стр. I—IV, 5—60, in 16°.*

«Настоящій указатель имѣетъ цѣлью придти на помощь желающимъ ознакомиться съ южно-русскимъ (малорусскимъ) народомъ въ его прошломъ и настоящемъ. До сихъ поръ не было указателя литературы, который всесторонне охватывалъ бы жизнь малорусскаго народа, его исторію, бытъ, литературу и пр.... Нашъ указатель имѣетъ въ виду дать возможно полную библіографію вопроса, хотя, разумѣется, въ дѣйствительности онъ далекъ отъ желаемой полноты и систематичности, и является лишь слабымъ опытомъ въ этомъ родѣ, такъ какъ составлялся онъ въ провинціи при условіяхъ, мало благопріятныхъ для такой работы. Книги, указываемыя въ немъ, далеко не исчерпываютъ литературы каждаго вопроса; но мы надѣемся, что нашъ указатель привлечетъ вниманіе спеціалистовъ, и они укажутъ всѣ его промахи, сдѣлаютъ необходимыя добавленія, и тогда будетъ возможно издать его въ лучшемъ видѣ—соотвѣтствующемъ его назначенію».

Вышеприведенный отрывокъ изъ предисловія къ указателю вполнѣ правдивъ: указатель далекъ отъ желаемой полноты и систематичности, и книги, указываемыя въ немъ, далеко не исчерпываютъ литературы каждаго вопроса, при томъ замѣчаются не рѣдко такіе крупные пропуски, которые ничѣмъ нельзя было бы извинить, если бы мы не знали достовѣрно, что многіе произошли по совершенно независящимъ отъ составителя причинамъ. Это послѣднее обстоятельство, понятно, значительно смягчаетъ вину автора,—по крайней мѣрѣ, по отношенію

къ изданіямъ за предѣлами Россіи, но не должно было оказать ни малѣйшаго вліянія на выборъ остальной литературы, также страдающей солидными пробѣлами, на которыхъ, по сколько позволяютъ наши силы, мы и остановимся. Оговариваемся, впрочемъ, напередъ, что мы не беремъ па себя непосильнаго для насъ въ данный моментъ труда дать всестороннюю оцѣнку труда г. Дорошенка: въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы продѣлать наново всю ту работу, какую предпринялъ г. Дорошенко; мы ограничимся лишь краткими замѣчаніями средняго читателя, будучи увѣрены, что за нашими замѣчаніями послѣдуютъ и другія, summa summarum которыхъ дастъ возможность г. Дорошенку исправить и дополнить его симпатичное начинанье, въ которомъ давно уже чувствовалась насущая потребность. Но раньше два слова о содержаніи указателя. Послѣдній разбитъ на XV отдѣловъ (точнѣе 24), болѣе или менѣе всесторонне охватывающихъ жизнь въ прошломъ и настоящемъ украинскаго племени, хотя замѣчаются и здѣсь нѣкоторые мелкіе дефекты: почему, напр., отсутствуетъ отдѣлъ историческихъ источниковъ (лѣтописи, мемуары и т. п.)? Если, быть можетъ, неудобно вводить для этого спеціальный отдѣлъ, то можно было бы помѣстить источники въ подотдѣлъ II-го отдѣла „Исторія Южной Руси до половины XVIII ст.". (вначалѣ). Лишнимъ затѣмъ намъ кажется разбивать этнографическую литературу на 3 части, какъ это дѣлаетъ составитель, а именно: «Отдѣлъ XIII» —Малорусская этнографія (обычаи, одежда, пища, народная медицина)", затѣмъ снова въ отд. XVI „Народное творчество: a) поэзія и e) изслѣдованія по украинской этнографіи (стр. 26—27, 31—33, 36—37). Кажется, было бы практичнѣе собрать это все во-едино подъ общимъ заглавіемъ: „Украинскій фольклоръ". Слишкомъ мелки дѣленія въ отдѣлѣ XV „Украинскій языкъ": отдѣльно украинская діалектологія, отдѣльно морфологія, удареніе, синтаксисъ... Наконецъ, претенціозное заглавіе носитъ послѣдній отдѣлъ: „Украинскіе философы" (Гр. Сковорода, Д. Веланскій, и П. Юркевичъ)...

Перейдемъ къ отдѣльнымъ главамъ указателя. Первый отдѣлъ—„Научный взглядъ на украинцевъ, какъ на отдѣльную народность", съ подраздѣленіемъ на два подотдѣла: книги, выражающія положительные и отрицательные взгляды, даетъ достаточно матеріала; но здѣсь именно бросается въ глаза разительное отсутствіе двухъ капитальныхъ сочиненій, а именно: М. Грушевскаго „Історіи Украины-Руси" (4 тома) и „Исторіи русской литературы"

Е. Огоновскаго (3 тома), что можно объяснить лишь независящими отъ составителя обстоятельствами. Изъ менѣе крупныхъ работъ можно указать на статью А. Ефименко: «По поводу украинофильства» (войдетъ во 2-й томъ сочиненій А. Я. Ефименко, печатающихся въ настоящее время въ Петербургѣ).

Глава II „Исторія Южной Руси до половины XVIII в.", съ подотдѣлами: періодъ археологическій, княжескій, литовскій, польско-козацкій, московскій (Руина и Гетманщина и Правобережная Украина въ XVIII ст.). Здѣсь не достаетъ, какъ мы уже отмѣчали, подотдѣла: „источники украинской исторіи",—съ указаніемъ на главнѣйшія лѣтописи, мемуары, дневники и т. п., какъ лѣтопись Самовидца, Грабянки, Величка, Ригельмана, Густынская, Діаріушъ Ханенка, дневникъ Освѣцима, Сулимовскій архивъ, записки Евлашевскаго, Карла Хоецкаго, Божка-Балыки и др., напр. «Собраніе лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи" (К. 1888). Подотдѣлъ—„періодъ археологическій" далеко не полонъ: не разсмотрѣны хотя бы труды археологическихъ съѣздовъ и отдѣльныя изданія Императорской Археологической Коммиссіи, Московскаго Археологическаго Общества, журналъ „Археологическая Лѣтопись" (голое указаніе на нее), нѣтъ указанія на такія изданія какъ „Історія Украіни-Руси", т. I. М. Грушевскаго, „Древности Приднѣпровья" Б. Ханенко, „Клады и древности Херсонск. губ." Гошкевича, отдѣльныя статьи Н. Бѣляшевскаго въ „Кіевской Старинѣ" и т. п. Въ подотдѣлѣ „княжескій періодъ" не видно „Собранія сочиненій" Максимовича, Батюшкова („Холмская Русь и Волынь"), Дашкевича („Болоховская земля"), Зубрицкаго, Шараневича, Петрушевича, опять таки 2 и 3 т. т., „Історіи Украины-Руси" М. Грушевскаго (тоже и для литовскаго періода). Для польско-козацкого періода недостаетъ хотя бы „Исторіи Малороссіи" Маркевича, многочисленныхъ изданій О. Бодянскаго въ „Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн." (Исторія Руссовъ, Миллера, источники исторіи Бантыша-Каменскаго и др.), сочиненій М. Максимовича, Kubala (Szkice historyczne), Pulaski (Szkice i poszukiwania historyczne,—указаны для литовскаго періода), Antoni I. (Ролле: Trzy opowiadania hictoryczne и др.), цѣнной книжки „Бесїди про часи козацькі" (Чернівцї, 1897), Ѳ. Николайчика—Матеріалы для исторіи колонизаціи Лубенщины (въ Чтен. Ист. Общ. Нестора Лѣтописца), Новицкаго („Князья Ружинскіе"— К. Стар. 1882), Эварницкаго („Исторія Запорожскихъ козаковъ", т. I,— отнесена къ спеціальному отдѣлу „Запорожье"). Для „Московскаго пе-

ріода“ недостаетъ г. Багалѣя („Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московск. Государства (М. 1887) и „Матеріалы для исторіи Колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ“), Н. Василенко („Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинск. полка (1729—1730)“ и Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій 1786 г.), Козловскаго („Судьба малороссійскаго крестьянства XVII—XVIII в.“, К. 1871,). Для подотдѣла „Правобережная Украина въ XVIII ст.“ можно бы еще указать: „Матеріалы для Коліивщины“ Костомарова (К. Ст. 1882, 8), „Разсказъ современника о приключеніяхъ его во время Коліивщины“, съ предислов. Θ. Рыльскаго (ibid, 1887, I). „Уманская рѣзня“ переводъ съ польскаго Ревы, К. 1879, Скальковскаго „Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамацкихъ наѣздовъ“ (Кіев. Ст., 1885, X), И. Козловскаго „Событія на Волыни 1789 г.“, К. 1871.

Въ отдѣлѣ III „Запорожье. Его исторія и устройство“ должны имѣть мѣсто: Эварницкаго „Вольности запорожскихъ козаковъ“ (Спб. 1890), „Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ“, „Число и порядки запорожскихъ сѣчей“, Шиманова „Предсмертная поземельная борьба Запорожья“ (К. Ст. 1883, XII).

Въ отдѣлѣ IV „Исторія Южной Руси отъ половины XVIII в. до 60-хъ годовъ XIX“ не встрѣчаемъ О. Левицкаго „Очерки стариннаго быта Волыни и Украины (К. Ст. 1889 и 1891 г.г.), В. Антоновича „О происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ Ю.-Зап. Руси (1867), „О городахъ въ Ю.-Западной Руси“ (1869), и „О крестьянахъ“ (1870).

Въ отдѣлѣ VI „Галицкая Русь подъ владѣніемъ Австріи“—для Буковины не встрѣчаемъ многочисленныхъ работъ Keind'a, также точно, какъ въ отд. VII („Угорская Русь и ея судьба“) не находимъ Де-Воллана „Угро-русскія народныя пѣсни“ (Спб. 1885), Врабеля (въ Унгварѣ), Францева, Ир. Пол—на „Угорская Русь“ (въ Изв. Спб. Слав. благотвор. Общ. 1888, № 10).

Къ отд. IX («Чужія народности въ Малороссіи») слѣдуетъ добавить статью А. Ефименко «Бѣдствія евреевъ въ южной Руси въ XVII ст. (К. Ст.).

Въ отд. XI (Кубань) не использованы «Труды Кубанск. Областнаго Статист. Комитета» и совершенно выпущены «Донскіе козаки» и «Терскіе», и соотвѣтствующія работы: Н. Краснова «Земля войска Донского» (Спб. 1863), его же «Историч. описаніе земли войска Донскаго» (Новочер. 1867—7), А. Савельева „Трехсотлѣтіе войска Дон-

скаго Спб. 1870), Попко «Терскіе козаки со стародавняго времени. В. I. Гребенское войско (1880).

Отд. XII «Малороссы въ антропологическомъ отношеніи» довольно скуденъ,—отмѣчено всего 6 работъ; не указаны: Талько-Гринцевичъ,—характеристика физическаго типа украинцевъ (въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej t.t. XIV, XV и XVI), его же,—«Объ общихъ чертахъ типа украинцовъ» въ «Протоколахъ» Рус. Археол. Общ. 1894 г., Коперницкаго «Fiziczna charakterystyka gòral ukrainskich (въ Wiadomosci, t. XIII), его же,—о метрическихъ помѣткахъ въ «Кіев. Унив. Извѣст. (1 годъ изданія № 1, 1-ая статья), его же „Czaszki z kurganów Pokucia“ (Krakow, 1875) „Оссовскаго Sprawozdanie wycieczki po Galicyi“ Zbiór Wiadomości, t. XVI), Дибольдъ „Zur Antropologie der Ukraine“, Эмме «Медицина и Антропологія», Анучинъ «О географическомъ распредѣленіи роста мужского пола въ Россіи, статьи Краснова въ «Харьковскомъ Сборникѣ 1891 г.» и «Трудахъ Предварит. Комитета XII археолог. съѣзда» (1902), Икова въ „Трудахъ Московс. Археолог. Общества“.

Отдѣлъ XIII „Малорусская Этнографія“ требуетъ значительныхъ добавленій и концентраціи матеріала (въ указателѣ въ 3-хъ мѣстахъ). Изъ важнѣйшей этнографической литературы не видимъ сборниковъ Лукашевича („Малорусскія и червонорусскія думы и пѣсни, Спб. 1836), Максимовича (1827, 1834 и 1848 г.г.), Метлинскаго (1854), Żegota Pauli (Piesni ludu ruskiego i galicyjskiego, Lw. 1839—1840 2 тома), Waclawa z Oleska (Piesnie polskie i ruskie ludu Galickiego, we Lwowe, 1883), капитальнаго труда Kolberga-Pokucie (Краковъ, 1882—1889, 4 тома), Nowosielsk'ого (Lud Ukraiński, Wilno, 1857, 2 тома), Закревскаго «Старосвѣтскій бандуристъ (М. 1860), Руликовскаго «Opis powiatu Wasilkowskiego», Стецкаго «Wolyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym. Lwow (2 тома), Мошинской—«Обычаи, обряды и свадебныя пѣсни украинскаго народа изъ окрестностей Бѣлой Церкви» (изданіе Краковской Akademije Umiejętności. t.t. II, V, и IX), Руликовскаго «Этнографическія записки изъ Украины» (т. III.), Подбережнаго «Матеріалы для украинской демонологіи» (т. VI), и «Пѣсни русскаго народа въ Залеванщинѣ, винницкаго у. (т. VI) и «Пѣсни русскаго народа въ Залеванщинѣ» (т. VIII), и др. матеріалы въ т.т. VII: С. Шаблевской, В. Малиновской, С. Рокосовской, VIII: В. Неймана, X.—О. Рошкевича, Ив. Франка, и XI:—Коперницкаго, XII—Томашевской, Стадницкой, Брыкчинскаго, Земба, Ванке,

Яна Колессы и др. Тамъ же работы Д. Вержбицкаго «Народная метереологія» (т. VI). Далѣе отсутствуютъ: Малинка «Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору. Черниговъ, 1902; вся серія львовскаго «Етнографічного збірника» (вышло уже 15 томовъ); три тома «Матеріалов до укр.-руськоі етнольогіі» подъ редакціей Хв. Вовка, Кулиша; «Записки о Южной Руси (2 тома); Драгоманова «Нові украінські пісні про громадські справи (Л. 1880); А. Ефименко «Старинная одежда и принадлежности быта слобожанъ»; А. Малинки «Малорусскіе обряды, повѣрья и заплачки при похоронахъ (Этногр. Обозр. 1898, XXXVIII); Ястребова «Свадебные обрядные хлѣбы въ Малороссіи (К. Стар. 1897, XI); писання М. Дикарева (Львів, 1902, т. I); Е. Криста. «Кобзари и лирники харьковской губ. (въ Трудахъ предварит. Комитета по устройству XII археол. съѣзда, т. II, ч. II); С. Маслова. «Лирники Полт. и Черн. губ. (ibid.), П. Тиховскаго». Кобзари Харьк. губ. (ibid.); А. Малинки; Кобзари и лирники (въ «Земск. Сборникѣ Черн. губ. за 1903 г., № 4); Хоткевича «О кобзаряхъ и лирникахъ (въ «Этнографич. Обозр.» 1903, № 2); А. Сластіона «Кобзарь Мих. Кравченко и его думы (К. Ст. 1902, X), Кузьмичевскаго «Малоросс. пѣсни объ освобожденіи крестьянъ (К. Ст. 1887, 1887, 4—5), Костомаровъ «Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи (Истор. Моногр., т. III); его же «Историч. значеніе южнорусскаго народн. творчества (Бесѣда, 1872); его же «Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества (въ «Литерат. наслѣдіи), В. Науменка. Происхожденіе малоросс. думы о Самуилѣ Кошкѣ (К. Ст. 1883, VI; В. Горленка. Кобзари и лирники (К. Ст., 1884, I и XII); его же «Малорусскія народныя игры окрестностей Переяслава (К. Ст. 1887, VI—VII); Ц. Неймана «Куплетныя формы народной южно-русской пѣсни» (К. Ст. 1883, VIII), Ю. Талько-Грынцевича «Народное акушерство въ южной Руси» (газ. Земскій Врачъ, 1889, № 26—28), Х. Ящуржинскаго «Лирическія малорусскія пѣсни, преимущ. свадебныя», въ сравненіи съ великорусскими (Рус. Филол. Вѣстн. 1880); Н. Янчука «Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Сѣдлецкой губ. (М. 1886); А. Потебни «Малорусс. домашніе лѣчебники XVIII ст». (К. Ст. 1890),—и множество еще другихъ статей, которыя безъ труда можно въ настоящее время вымѣтить изъ цѣнной книги Б. Гринченка «Литература украинскаго фольклора» (1777—1900). Черниг. 1901.

Отдѣлъ XV («Украинскій языкъ»). Недостаетъ указаній на такія работы, какъ: Dr. Emil Ogonowski. «Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache, Lemberg, 1880; его же». Граматика руского языка для шкôлъ середнихъ. Л. 1889; Смаль-Стоцкаго и Ф. Гартнера. Руска граматика, Львів, 1883, старыя грамматики Павловскаго, Вагилевича, Лозинскаго, Левицкаго; Житецкаго «Описаніе Пересопницкой рукописи XVII в К. 1876; статей акад. Шахматова въ «Журн. Мин. Народн. Просв.»), О. Маковея. З істориі нашоі фильольогиі. Три галицькі граматики (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка (LI и LIV).

Для того же отдѣла, подотдѣлъ б, отсутствуютъ: П. Лавровскаго „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями (Журн. Мин. Н. Просв. 1859), М. Халанскій „Образцы народн. говора южной части Курской и сѣверной части Харьк. губ. (Рус. Фил. Вѣст. 1882, т. VII), К. Филатовъ „Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губ. (ibid); М. Дикарева". Воронежскій сборникъ; статьи казанск. проф. Будде (въ Зап. Имп. Казанск. университ.), А. Семенова „Объ особенностяхъ угро-русскаго говора (въ сборн. статей по славяновѣдѣнію. Спб. 1882)" множество матеріала во львовск. «Етнографічном збірнику». Въ подотдѣлѣ д не упоминается синтаксисъ въ граматикѣ Сталь-Стоцкаго и ф. Гартнера. Для подотдѣла е (словари)— недостаетъ: К. Шейковскаго. Опытъ южно-русскаго словаря. В. 1. А. и Б. К. 1882; словарь I. Верхратскаго. Львовъ, 1877).

Отдѣлъ XVI, б) (музыка) не отмѣчены: А. Русовъ. Теорбанисты Грегоръ, Каэтанъ и Францъ Видорты (К. Ст. 1882, III), П. Демуцький. Лира и іи мотивъ К. 1903. Къ подотдѣлу в) (архитектура) не привлечена литература по древней (церковной и свѣтской) архитектурѣ, хотя бы отчеты членовъ Общества Нестора-Лѣтописца, совершавшихъ археологическія экскурсіи съ цѣлью собиранія матеріала для описанія древностей Украины (см. Чтен. въ Ист. Обществѣ Нестора-Лѣтописца, начиная съ 1901 г.). Подотдѣлъ г) (орнаментъ)—нѣтъ упоминанія о новомъ изданіи альбома малорусскихъ узоровъ Ольги Косачевой (К. 1902), описаніе писанокъ (М. Кордубы?) въ «Зап. Н. Тов. ім. Шевченка». Въ подотдѣлѣ д) (народный театръ) пропущены, напр., В. Горленко „Картинки старины, Кіевскій спектакль начала XVIII ст. (К. Ст. 1887, IV), Кузьмичевскій „Старинныя русскія драматическія сцены (ib. 1885, XI), Ц. Нейманъ „Судъ Божій надъ душой грѣшника— южн.-русс. драма XVII в. (К. Ст. 1884, VI), Корифеи украинской

сцены (К. 1901). Въ подотдѣлѣ е) (Міровоззрѣнія украинскаго народа) недостаетъ: В. Антоновича „Колдовство въ Ю.-З. Руси, П. И. „Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ внѣшнему міру («Харьковск. Сборн.» 1888, вып. 2); его же „Народные обычаи, повѣрья, примѣты, пословицы и загадки, относящіеся къ малор. народу (ib. вып. 3, 1889 г.), Васильевъ М „Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ укр. народа (Этногр. Обозр, 1890, IX).

Отдѣлъ XVII («Юридическія отношенія малорусскаго народа»)— не встрѣчаемъ, напр., статей А. Ефименко: «Крестьяне—данники въ Южной Руси», «Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси», «Южнорусскіе копные суды въ Лѣвобережной Украинѣ», а также проф. Иванишева—о копныхъ судахъ въ Правобережной Украинѣ; брошюра: «Про кары, до якыхъ прысуджують мырови судди», К. 1876.

Въ отдѣлѣ XVIII («Экономическое положеніе малорусскаго народа») нѣтъ: М. Ковалевскаго. Общинное землевладѣніе въ Малороссіи въ XVIII в. («Юридич. Вѣстникъ», 1885, I), И. Лучицкаго. Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи (Спб. 1889); его же „Слѣды общиннаго землевладѣнія въ Лѣвобережной Украинѣ XVIII в. («Отеч. Зап.» 1882, № 11), его же „Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ Черниговщинѣ и Сѣверщинѣ («Чтен. въ Ист. Общ. Нестора Лѣтописца», кн. XV, вып. 1), его же „Къ исторіи финансовъ и финансоваго управленія въ Малороссіи XVII—XVIII в. (ibid.); книжки: «Земледѣльческія артели херсонской губ.». (Оттискъ изъ № 2 «Трудовъ Имп. Вольно-Экономическаго Общества» за 1896 г.,—статья Н. Левицкаго о земледѣльческихъ артеляхъ), Новицкаго И. Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія Юго-западной Руси въ XV—XVIII ст.» (К. 1877 г.), Шиманова „Главные моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губ." (К. Ст. 1882--3), В. Василенка. «О кустарныхъ промыслахъ сельскихъ сословій полтавской губ.», его же «Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ» (К. Ст. 1885).

Отдѣлъ XIX («Украинская литература»)—отсутствуютъ труды проф. Малышевскаго, Голубева, др. Франка («Апокріфи», 3 тома). Колессы. Лаврівські пергамінові листки XII—XIII ст. (Зап. Н. Тов. ім. Шевч., LIII), М. Марковскаго—о Гиляровскомъ, Шляпкина—о Димитріи Ростовскомъ, Студинскаго—«Пересторога», Франка—Иванъ Вишенскій, Варлаамъ и Іосафатъ. Для литературы XIX ст. не видимъ трехтомной «Історіи рускои литературы» Огоновскаго, литературной библіотеки Оныщкевича, статей Драгоманова: Литературное движеніе

въ Галиціи (В. 1872, 9 и 10), «Література россійська, великоруська, українська і галицька (псевд. Украінець), Львів, 1873—74; «По вопросу о малорусской литературѣ», Вѣна, 1876, а также собранія его сочиненій: «Розвідки про українську народню словесность і письменство» (Львовъ). Въ подотдѣлѣ в) («Монографіи и статьи про отдѣльныхъ укр. писателей»)—не встрѣчаемъ: К. Студинського. Літературні замітки (Котляревский-Артемовский, Львів, 1901), В. Науменка. Къ 50-лѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго (К. Ст. 1888, XI), брошюры Б. Гринченка. Оповидання про Ивана Котляревського. Собр. 1902, П. Куліша—Григорій Квітка і ёго повісті. Слово на новий вихід ёго повістей. Спб. 1858»; о Шевченкѣ приведено всего пять сочиненій, но не упомянута, напр., капитальная біографія Шевченка О. Кониського, библіографическій указатель «Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ» Одесса, 1903, въ которомъ отмѣчено 855 №№ литературы о Шевченкѣ; вновь найденныя произведенія Шевченка (статьи О. Кониського въ «Зап. Наук. Товариства»; о Конисскомъ указана статья С. Ефремова (Ефремова—Матушевскаго) въ «К. Стар.», но не упомянута таковая же въ «Літературно-Науковім Вістнику»; объ Иванѣ Франко не указана статья С. Ефремова въ «Кіевск. Старинѣ»—«Пѣвецъ борьбы и контрастовъ» (К. Стар. 1903) и библіографическій указатель его трудовъ, составленный во Львовѣ ко дню его юбилея.

Въ подотдѣлѣ г) («Лучшія изданія главнѣйшихъ произведеній выдающихся украинскихъ писателей»)—нѣтъ, напр., указателя на новое изданіе Кобзаря Шевченка «Поезиі Шевченка» Ю. Романчука (Львовъ, 1902); повѣстей Шевченка на украинскомъ языкѣ (2 тома, Кіевъ, 1901), Кулиша—переводы Святого письма и 10 драмъ и комедій Шекспира, Федьковича—Повісті, з переднім словом про галицько-руське письменство Мих. Драгоманова, К. 1876, и новое четырехтомное изданіе во Львовѣ; сочиненія Руданскаго (львовское изданіе), Крымскаго («Изъ повистокъ и ескизовъ» М. 1902), Франка (изданіе «Видавничоі Спілки» новое—Хойнацкаго), львовскихъ изданій („Видавничоі Спілки") Стефаника, Коцюбинскаго, Кобринской, Винниченка и Деде и др.; пропущенъ кіевскій трехтомный сборникъ „Викъ" и т. п.

Отдѣлъ XX—почему-то отсутствуетъ въ указателѣ и за XIX слѣдуетъ непосредственно XXI (такъ и въ оглавленіи, гдѣ нѣтъ никакой оговорки.

Отдѣлъ XXI—„Украинское искусство", подотдѣлъ а) (Музыка)—всего 4 статьи, въ томъ числѣ статья С. Ефремова неправильно ци-

тирована: должно быть—„Торжество украинской *пѣсни*“, а не *музыки*, какъ у составителя! Въ подотдѣлѣ в) („Живопись“)—почти не приведена литература о церковной живописи, какъ напр.—статья проф. Рѣдина („Религіозные памятники искусства“ Харьковъ, 1901) и другихъ его статей; М. Грушевськои, Причинки до істориі руськои штукі в давній Польщі (етнографічный). (Зап. Н. Тов. LI); работъ Истомина, проф. Айналова и др. на X, XI и XII археологич. съѣздахъ; также отчетовъ археологич. экскурсій въ „Чтен. Истор. Общ. Нестора Лѣтописца“.

Въ отдѣлѣ XXII—„Біографіи выдающихся дѣятелей Южной Руси“ не имѣется—проф. Голубева о Петрѣ Могилѣ; изданія: Галлерея русскихъ писателей.

Въ отдѣлѣ XXIV „Религіозная жизнь малороссовъ и церковь въ Южной Руси“—нѣтъ упоминанія о переводѣ Святого Письма и всей Библіи, о проповѣдяхъ священ. Гречулевича (Спб. 1849), Опатовича („Оповидання изъ святого письма“), о статьяхъ: В. Антоновича. Объ уніи и состояніи православной церкви съ полов. XVII до конца XVIII ст. (К. 1871), О. Левицкаго. Основныя черты внутренняго строя зап.-русской церкви XVI и XVII в. (К. Ст. 1884, VIII); его же „Внутреннее состояніе зап.-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI ст. и унія“ (Архивъ Ю.-З. Р., т. VI, ч. I).

Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ „Украинскіе философы“, не упомянута статья А. Ефименко „Философъ изъ народа“, ея же „Личность Сковороды, какъ мыслителя“.

На этомъ мы прекращаемъ свои замѣчанія, которыхъ можно было бы сдѣлать еще въ нѣсколько разъ больше, при чемъ мы не касались вопроса о томъ, насколько цѣнна приведенная составителемъ литература; безъ сомнѣнія, немалую ея долю не слѣдовало бы вовсе вводить, какъ второстепенную, замѣнивъ ее и пополнивъ болѣе важными работами. Но послѣднее легче всего будетъ произвести уже тогда, когда, надѣемся, выяснится болѣе обстоятельно необходимая въ указателѣ литература: тогда не трудно будетъ отдѣлить плевелы отъ пшеницы. Пока же будемъ благодарны составителю и за этотъ, несовершенный еще, опытъ ознакомленія публики съ источниками для исторіи и жизни нашего народа; во всякомъ случаѣ, даже и въ настоящемъ своемъ видѣ, онъ сослужитъ свою службу, а слѣдовательно и назначеніе его будетъ достигнуто.

В. Доманицкій.

Изслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской Церкви. Арсенія (Стадницкаго), Епископа Псковскаго. *С.-Петербургъ 1904.*

Авторъ задумалъ составить и издать изслѣдованія и монографіи по исторіи всей румынской церкви, въ составъ которой входили церкви Молдавская и Валашская. Въ настоящей книгѣ заключаются изслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви, тогда какъ изслѣдованія и монографіи по исторіи Валашской церкви имѣютъ занять второй томъ.

Почему авторъ началъ свои изслѣдованія и монографіи съ Молдавской церкви, а не Валашской, какъ болѣе древней, неизвѣстно; вѣроятно потому, что Молдавія, находясь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ русскими землями, имѣла тѣсное общеніе съ ними и потому представляетъ для русскаго изслѣдователя наибольшій интересъ.

Еще на зарѣ русской исторіи въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нынѣшней Молдавіей жили славяно-русскія племена Тиверцы и Угличи въ низовьяхъ Днѣстра и Дуная, и Дулѣбы и Хорваты въ верховьяхъ Днѣстра. Тѣ и другіе отчасти населяли и нынѣшнюю Молдавію или же подчиняли ея населеніе своему культурному вліянію. Извѣстны древне-русскіе города, стоявшіе по теченію Днѣстра и въ низовьяхъ Дуная. Въ удѣльный періодъ русской дотатарской исторіи по-Дунайская область входила въ сферу дѣятельности галицко-русскихъ князей. Въ XII и XIII вв. на территоріи Молдавіи появляются сначала Берладники, а затѣмъ Бродники, эти русскіе изгои, составлявшіе какъ-бы козацкую окраину для коренныхъ русскихъ земель. Послѣ разоренія южной Руси, когда южнорусскіе земли постепенно стали переходить подъ власть литовско-русскихъ князей, подольскіе русско-литовскіе князья Коріатовичи оказались въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Молдавіей, и одинъ изъ Коріатовичей Юрій или Югъ былъ даже нѣкоторое время Молдавскимъ господаремъ. Даже церковную іерархію, въ лицѣ епископовъ Іосифа и Мелетія, Молдавія получила изъ русскаго Галича, отъ тамошняго митрополита Антонія. Въ XVI вѣкѣ, по образованіи южно-русскаго козачества, начинается рядъ военно-политическихъ взаимоотношеній между румынскими княжествами и малорусскими козаками, изъ коихъ послѣдніе не разъ предпринимали походы въ эти княжества и даже захватывали господарскую власть въ свои руки. А съ 1686 года начинаются войны Россіи съ крымскими татарами и турками, ареною которыхъ нерѣдко бывали румынскія

княжества,—войны постепенно подготовлявшія освобожденіе этихъ княжествъ отъ власти татаръ и турокъ и возрожденіе ихъ къ самобытной жизни.

Были и мирныя, чисто культурныя услуги, какія взаимно оказывали другъ другу румынскія княжества и Россія. Изъ просвѣщенныхъ румынъ извѣстны своею дѣятельностію на пользу Россіи литовско-русскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, кіевскій митрополитъ Петръ Могила, Памва Берында, молдавскій митрополитъ Досиѳей, посылавшій свои переводы въ Россію для напечатанія, и сотрудникъ его, извѣстный въ русской литературѣ переводчикъ Николай Спаѳарь Милеску, митрополитъ Гавріилъ Бануленко-Бодони и др. Россія, съ своей стороны, доставляла православнымъ румынамъ милостыню, богослужебныя книги и учителей.

Всѣхъ этихъ румыно-русскихъ отношеній авторъ касается въ своей книгѣ; но, можно сказать, только скользитъ по ихъ поверхности, не останавливаясь на нихъ серьезно и съ обстоятельностію. Его интересуютъ больше румынскіе источники и занимаютъ преимущественно внутреннія, домашнія отношенія румынскихъ княжествъ. Тѣмъ не менѣе, и бѣглыя замѣтки о фактахъ русско-румынскихъ отношеній имѣютъ у автора особую цѣнность, такъ какъ основаны на такихъ румынскихъ источникахъ и пособіяхъ, которые мало доступны и мало извѣстны русскимъ ученымъ. Авторъ прекрасно владѣетъ румынскимъ языкомъ и использованы всѣ доступные ему румынскіе источники и пособія. При помощи этихъ только источниковъ и пособій удалось, наконецъ, выяснить дальнѣйшую судьбу митрополита Григорія Цамблака, по удаленіи его изъ Россіи. Въ румынскихъ же источникахъ нужно искать окончательнаго разъясненія свѣдѣній о господарствѣ князя Юрія или Юга Коріатовича въ Молдавіи, и проч.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько дополненій и поправокъ къ почтенному труду преосвященнаго Арсенія, касающихся русско-румынскихъ отношеній.

1. На страницѣ 53 сочиненія упоминается о школѣ, основанной въ Яссахъ при монастырѣ трехъ святителей господаремъ Василіемъ Лупу, при содѣйствіи кіевскаго митрополита Петра Могилы. Мы, съ своей стороны, добавимъ, что въ 1640 году игуменъ и ректоръ Кіево-Братскій Софроній Почаскій посланъ былъ въ Яссы, въ качествѣ

игумена Ясскаго и ректора тамошней школы [1]). Кромѣ того, мы подозрѣваемъ еще южно-русскаго ученаго въ лицѣ проповѣдника Варѳоломея Лѣтопольскаго, который въ 1639 году говорилъ въ Бухарестѣ надгробную рѣчь надъ Александрійскимъ патріархомъ Митрофаномъ, но считалъ себя „странникомъ“, т. е. чужеземцемъ въ Валахіи [2]).

2. Къ страницамъ 53—55, на которыхъ говорится о молдавскомъ митрополитѣ Досиѳеѣ и сотрудникѣ его Николаѣ Спаѳарѣ Милеску, нужно добавить, что нѣкоторые ихъ переводы и сочиненія хранятся между рукописями Кіево-софійскаго Собора [3]). Замѣчательно, что въ припискѣ къ одной изъ этихъ рукописей о преосвященномъ Досиѳеѣ сказано, что онъ скончался въ Жолквѣ и положенъ при мощахъ мученика Іоанна Сочавскаго [4]). тогда какъ преосвященный Арсеній утверждаетъ, что митрополитъ Досиѳей назначенъ былъ Петромъ 1-мъ въ митрополиты Азовскіе и умеръ въ Москвѣ въ 1711 году (стр. 53).

3. На страницѣ 516 не разъясненъ вопросъ о томъ, почему молдавскій митрополитъ Антоній (1730—1740 г.г.) и господарь Григорій Гика, рѣшивъ предоставить въ распоряженіе русскихъ раскольниковъ старообрядцевъ, переселившихся въ Молдавію, особую церковь для совершенія богослуженія и требъ, не привели этого распоряженія въ исполненіе. Въ разъясненіе этого вопроса нужно замѣтить, что молдавскій митрополитъ спрашивалъ кіевскаго митрополита Рафаила Заборовскаго о томъ, кто такіе эти раскольники—*пилипоны*, и получилъ отъ него надлежащее разъясненіе [5]). Вѣроятно, въ виду этого разъясненія и не дано было раскольникамъ особой церкви.

4. Со второй половины XVIII вѣка становятся извѣстными случаи посылки молодыхъ румынъ въ Кіевскую Академію для довершенія образованія. Въ 1752 году, 16 мая, поступили въ Кіевскую Академію румыны, іеромонахъ Софроній и монахъ Діонисій, изъ Мултянской земли, изъ монастыря Козійскаго. Но они не долго пробыли въ Кіев-

[1]) „Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в“. Н. Петрова, Кіевъ, 1895 г., стр. 11 и 12.

[2]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, выпускъ III, Москва, 1904 г., стр. 258—9.

[3]) Тамъ же, №№ 127, 136, 161, и 232.

[4]) Тамъ же № 232.

[5]) Въ указанныхъ книгахъ Кіевской Дух. Консисторіи.

ской Академіи, вѣроятно вслѣдствіе малой подготовки. Монахъ Діонисій возвратился на родину въ іюлѣ того же года, а іеромонахъ Софроній—въ маѣ 1754 года [1]).

5. Авторъ нигдѣ не упоминаетъ о такъ называемыхъ молдавскихъ ставленикахъ въ южной Россіи въ XVIII вѣкѣ. Въ виду совращенія въ унію въ началѣ XVIII вѣка русскихъ архіереевъ въ юго-западной Россіи, находившихся въ предѣлахъ Польши, и затруднительности получать священниковъ изъ Кіева, южно-русское населеніе въ польско-литовскихъ областяхъ весьма часто довольствовалось ставлениками, получавшими священство у сосѣднихъ молдавскихъ православныхъ архіереевъ. При обычномъ низкомъ уровнѣ образованія, эти молдавскіе ставленики все-таки приносили несомнѣнную пользу православному населенію въ польско-литовскихъ областяхъ, удовлетворяя ихъ насущнымъ религіознымъ потребностямъ, и только съ теченіемъ времени, по минованіи въ нихъ надобности, они оказались тяжелымъ бременемъ для южно-русскихъ православныхъ архіереевъ.

Н. П—въ.

Отчетъ Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1903 годъ. *С.-Петербургъ. 1904.*

Основанное въ 1898 г., по иниціативѣ Н. Ф. Федоровскаго, «Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» съ самаго своего возникновенія сосредоточило, какъ извѣстно, свою дѣятельность на популяризаціи полезныхъ свѣдѣній среди украинскаго народа, и, лишь въ видѣ исключенія, оно издаетъ нѣкоторыя классическія произведенія литературно-художественнаго характера. Въ отчетномъ году Обществомъ издано 6 научно-популярныхъ брошюръ [2]) и 1—характера беллетристическаго [3]), въ общемъ количествѣ 114900

---

[1]) „Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи, собранные В. Аскоченскимъ, въ рукописи Кіев. Академіи, № 0. л. 13, т. 1, № 44, л. 398—426.

[1]) *Черный паръ* Е. Чикаленка (№ 22), *Мудрый учитель* М. Загирнои (№ 23), *Якъ выгадано машыною йиздыты* (М. Загирнои № 84), *Якъ дбаешъ* М. Ганька (№ 25). *Прыгода на хутори* О. Русова (№ 2 7), *Выноградъ* Е. Чикаленка (2-е изд. № 9-го).

[2]) *Наймычка* Т. Г. Шевченка (№ 26).

экземпляровъ, номинальная стоимость которыхъ равняется 4930 руб. Принадлежащія перу лучшихъ украинскихъ популяризаторовъ, къ тому же опрятныя съ внѣшней стороны, изящныя и дешевыя изданія Общества являются весьма желательными на нашемъ книжномъ рынкѣ. Какъ видно, и выборъ литературнаго матеріала для печатанія, и внѣшность изданій служатъ предметомъ самаго тщательнаго вниманія со стороны Общества.

Что касается средствъ, какими располагало Общество въ минувшемъ году, то, по источнику ихъ происхожденія, они представляются въ слѣдующемъ видѣ: членскіе взносы 1539 р., пожертвованія 1421 р. 76 к., субсидіи отъ Министерства Земледѣлія и Г. И. 200 р., спеціальныя пожертвованія 88 р., выручка отъ продажи книгъ 817 р. 10 к., % по сбер. кассѣ и проц. бумагамъ 110 руб. 91 коп., мелкія поступленія 2 р., всего въ теченіе года въ кассу Общества поступило 4178 р. 77 к.

Сводъ кассовыхъ оборотовъ Общества за истекшій годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: отъ 1902 года оставалось—наличными деньгами 298 р. 55 к.; въ 4% рентѣ на 1100 р. по покупной стоимости на 1075 р. 76 к.; итого 1374 р. 31 к.; въ 1903 поступило: наличными деньгами 4178 р. 77 к.; въ 4% рентѣ на 900 р. по покупной стоимости на 890 р. 06 к., итого 5068 р. 83 к.; въ 1903 г. израсходовано: по операціямъ и администраціи Общества 3695 р. 78 к., на покупку 4% ренты по номинальной стоимости на 900 р. 890 р. 06 к., итого 4585 р. 84 к., къ 1904 году имѣется съ остаткомъ отъ предыдущаго года: наличными деньгами 472 р. 25 к., въ 4% рентѣ на 2000 р. по покупной стоимости на 1965 р. 82 к., итого 2438 р. 7 к.

Такъ какъ издательская дѣятельность Общества тормозится вслѣдствіе скудости научно-популярной литературы на украинскомъ языкѣ, то Правленіе Общества, желая привлечь къ популяризаторской работѣ возможно больше литературныхъ силъ и увеличить производительность въ области украинской популярно-научной литературы, еще въ концѣ 1902 года приступило къ выработкѣ подробной программы, которая была бы сообразована съ ощущаемыми въ популярной литературѣ недочетами и котораго правленіе могло бы руководиться въ своей издательской дѣятельности на будущее время, направляя ее по опредѣленному плану. Выработанный особой коммиссіей проектъ такой программы разосланъ ком-

петентнымъ лицамъ, которыя, обладая широкой теоретической подготовкой или находясь въ близкомъ и непосредственномъ соприкосновеніи съ народною жизнію, могли бы помочь Обществу привести программу въ возможно полное соотвѣтствіе, какъ съ общими требованіями, которымъ должна удовлетворять популярно-научная литература, такъ и съ особенностями и наиболѣе ощутительными потребностями украинской народной массы. Вмѣстѣ съ тѣмъ правленіе обратилось болѣе чѣмъ къ 100 лицамъ, на содѣйствіе которыхъ оно могло разсчитывать, съ предложеніемъ взять на себя трудъ обработки той или другой темы. Въ отвѣтъ на свое предложеніе, правленіе получило около 40 писемъ, въ которыхъ высказывались соображенія о желательныхъ измѣненіяхъ въ проектѣ программы. Въ значительной части писемъ были предложены нѣкоторыя весьма цѣнныя указанія. Кромѣ того, многіе корреспонденты предложили Обществу свое сотрудничество и даже намѣтили избранныя ими темы; обѣщано до 30 рукописей. Исправленная коммиссіей, примѣнительно къ полученнымъ ею указаніямъ, программа приложена при отчетѣ.

Такимъ образомъ, по словамъ отчета, выработка опредѣленной программы изданій Общества уже съ первыхъ шаговъ вызвала оживленіе популярно-научной литературной работы среди широкаго круга украинской интеллигенціи и нѣсколько увеличила контингентъ авторовъ-популяризаторовъ, работающихъ на избранномъ Обществомъ полѣ дѣятельности, и это даетъ правленію основаніе надѣяться, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, при дѣятельной помощи членовъ Общества, оно будетъ располагать вполнѣ достаточнымъ литературнымъ матеріаломъ для расширенія издательской дѣятельности.

Въ значительно болѣе благопріятныя, по сравненію съ предыдущимъ временемъ, условія было поставлено правленіе относительно выбора литературнаго матеріала уже въ отчетномъ году. Со второй половины года, послѣ разсылки программы, замѣчается уже нѣкоторый приливъ рукописей, предоставляемыхъ Обществу для изданія. Въ теченіе года правленіемъ разсмотрѣно было 30 брошюръ противъ 14 въ предыдущемъ году.

Изъ частныхъ фактовъ дѣятельности правленія за отчетный годъ заслуживаютъ упоминанія слѣдующіе. Согласно принятому правленіемъ рѣшенію, предсѣдатель Общества Д. Л. Мордовцевъ входилъ къ начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати съ ходатайствомъ о содѣйствіи къ устраненію тѣхъ цензурныхъ условій, которыя въ на-

стоящее время служатъ для цензурнаго вѣдомства основаніемъ къ запрещенію популярно-научныхъ рукописей на украинскомъ языкѣ. Правленіе постановило принять участіе въ предполагавшемся по иниціативѣ С.-Петербургскаго Общества Грамотности въ январѣ 1904 г. съѣздѣ дѣятелей по народному образованію и экспонировать свои изданія на предстоящихъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ въ г. Кіевѣ и м. Единцахъ, бессарабской губ. Правленіемъ посланы привѣтствія: полтавскому городскому управленію по случаю торжества открытія въ Полтавѣ памятника родоначальнику новой украинской литературы И. П. Котляревскому, а также привѣтствіе по случаю исполнившагося 35-лѣтія музыкальной дѣятельности Н. В. Лисенку, избранному въ отчетномъ году въ почетные члены Общества за высокоцѣнные труды въ области народной музыки.

Засѣданій правленія въ 1903 году было 6 и общее собраніе—одно. Изъ числа членовъ правленія выбыли: казначей Общества В. В. Игнатовичъ и С. Ф. Русова; казначеемъ Общества избранъ П. Я. Стебницкій и на мѣсто выбывшихъ членовъ въ правленіе вступили кандидаты П. Ю. Рудановскій и Я. П. Забѣлла.

По отчетный годъ въ Общество вступило всего 915 членовъ, а за исключеніемъ отсюда скончавшихся (16) членовъ, остается 899; изъ нихъ почетныхъ—12, пожизненныхъ—24, членовъ сотрудниковъ—35, дѣйствительныхъ—835.

Въ виду того, что въ минувшемъ году исполнилось 5 лѣтъ со времени учрежденія (19 ноября 1898 г.) Общества, дѣятельность его за послѣдній годъ разсматривается въ *отчетѣ* въ связи съ предыдущими годами и подводятся итоги пятилѣтію его существованія.

За истекшія 5 лѣтъ Общество успѣло издать 383 тысячи брошюръ, на номинальную сумму свыше 17 тысячъ рублей, при чемъ затратило на издательство уже около 9 тысячъ руб. Всего напечатано (безъ перепечатокъ) около 1200 страницъ на номинальную цѣну 1 р. 15 к.; стоимость же одной брошюры составляетъ 3 к. для листовки и 5 к. для двухъ-листовки. Число изданныхъ «Благотворительнымъ Обществомъ» названій 27, а если считать перепечатки нѣкоторыхъ брошюръ вторымъ изданіемъ, то 30 №№. Изъ этого числа въ первые два года издано по 3 брошюры, а въ слѣдующіе 3 года въ среднемъ 7—8 брошюръ. «Абсолютно незначительное, число это,—какъ справедливо замѣчается въ *отчетѣ*,—нельзя признать такимъ—по сравненію съ количествомъ брошюръ, ежегодно выпускаемыхъ другими

народно-издательскими фирмами. Такъ, Московскій комитетъ грамотности за 5 лѣтъ своего существованія издалъ лишь 10 книгъ; С.-Петербургскій комитетъ грамотности за 14 лѣтъ своей издательской дѣятельности напечаталъ 39 названій, т. е. въ среднемъ 2—3 книжки въ годъ; Харьковское Общество распространенія въ народѣ грамотности за 10 лѣтъ выпустило въ свѣтъ 68 №№, т. е. въ среднемъ по 6—7 книжекъ въ годъ; Кіевскимъ малорусскимъ издательствомъ «Викъ» за 8 лѣтъ издано 35 книжекъ (4—5 книжекъ въ годъ); и только такой энергичный издатель народныхъ малорусскихъ книгъ, какъ Б. Д. Гринченко, за 6 лѣтъ издалъ 45 брошюръ (въ среднемъ 7—8 брошюръ въ годъ).

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, «Благотворительное Общество» по числу ежегодно печатаемыхъ имъ брошюръ (въ среднемъ 6—8 въ годъ) не уступаетъ другимъ народно-издательскимъ предпріятіямъ».

«Въ отношеніи количественнаго роста своихъ членовъ «Благотворительное Общество» достигло въ высшей степени благопріятныхъ результатовъ. Въ то время, какъ гораздо старѣйшія Общества насчитываютъ: Харьковское Общество грамотности—699 членовъ, Кіевское—604, С.-Петербургское—222, «Благотворительное Общество» въ теченіе пяти лѣтъ послѣдовательно увеличивало число своихъ членовъ слѣдующимъ образомъ: въ 1899 году состояло 253 чл., въ 1900 году 350 чл., увеличилось на 97, скончалось 4; въ 1901 году состояло 547 чл., увеличилось на 197, скончалось 2; въ 1902 году состояло 732 чл., увеличилось на 185, скончалось 5; въ 1903 году состояло 915 чл., увеличилось на 183, скончалось 5.

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, число членовъ Общества послѣдовательно увеличивается на значительныя цифры.

Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» по своимъ задачамъ и характеру своей дѣятельности,— читаемъ въ *отчетѣ*—является идейнымъ народно-просвѣтительнымъ учрежденіемъ, объединяющимъ интеллигентныя общественныя силы въ одномъ общемъ дѣлѣ—культурнаго, въ широкомъ смыслѣ, подъемѣ малорусской народной массы... Правленіе всегда держалось того убѣжденія, что оно является лишь объединяющимъ центромъ тѣхъ разбросанныхъ по лицу родной земли активныхъ общественныхъ силъ,

которыя, принявъ на себя званіе членовъ Общества, въ дѣйствительности являются ближайшими посредниками между правленіемъ и народной массой—въ общей культурной работѣ... Общество въ настоящее время представляетъ почти тысячный кадръ безкорыстныхъ работниковъ на пользу «найменчого брата», дѣятельность которыхъ, направленная къ активному осуществленію задачъ Общества, явилась бы высокоинтеллигентной, мощной своимъ идейнымъ содержаніемъ, силой, съ которой можно было бы достичь неоцѣнимыхъ по своему внутреннему и практическому значенію результатовъ".

Изложивъ данныя о дѣятельности Общества за отчетный годъ, правленіе позволяетъ себѣ обратиться къ членамъ Общества съ горячимъ призывомъ къ дружной совмѣстной работѣ въ достиженіи народно-просвѣтительныхъ его задачъ, и остается въ твердой увѣренности, что призывъ его найдетъ вполнѣ сочувственный откликъ среди членовъ Общества. Основаніемъ для такой увѣренности является то серьезное и рѣдкое при нашемъ обычномъ равнодушіи къ общественному дѣлу сочувствіе, какимъ пользовалось Общество въ теченіе своего 5-лѣтняго существованія. Это отрадное обстоятельство объясняется, конечно, глубоко назрѣвшей въ средѣ малорусскаго народа и ясно сознанной интеллигентными его представителями потребности въ доступныхъ для него книгахъ... Справедливость требуетъ сказать, что среди другихъ народно-просвѣтительныхъ учрежденій «Благотворительное Общество» является пока единственнымъ въ томъ отношеніи, что оно направляетъ свою дѣятельность спеціально на районъ малорусскихъ губерній и стремится внести свѣтъ знанія въ среду мѣстнаго малорусскаго населенія въ наиболѣе понятной и доступной для него формѣ родной рѣчи и соотвѣтственно его мѣстнымъ потребностямъ. Такія задачи дѣятельности Общества и вызвали горячее къ нему сочувствіе со стороны тѣхъ силъ малорусской интеллигенціи, которыя близко принимали къ сердцу просвѣтительныя нужды родного народа и видѣли необходимость образованія его на практической почвѣ примѣненія къ его національнымъ и бытовымъ особенностямъ. Правленіе всегда находило высокое нравственное удовлетвореніе въ тѣхъ теплыхъ, пышащихъ искренностію, выраженіяхъ сочувствія, какія оно получало не только отъ представителей интеллигентной среды, но и отъ той массы, на духовное развитіе и экономическое благосостояніе которой и направлена его дѣятельность, и сочувствіе которой поэтому въ особенности цѣнно и дорого.

Принимая все это во вниманіе, правленіе съ полнымъ основаніемъ разсчитываетъ и въ будущемъ на активную помощь членовъ Общества въ общемъ дѣлѣ культурнаго подъема родного народа.

Такимъ обращеніемъ къ членамъ «Благотворительнаго Общества» заканчиваетъ правленіе свой годовой отчетъ, находя въ итогѣ пятилѣтняго существованія Общества прочныя основанія для дальнѣйшей плодотворной его дѣятельности.

В. Поточный.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 86-го:

іюль-августъ, сентябрь, 1904 г.

Книга первая и вторая—іюль-августъ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—сентябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ТОМЪ LXXXVII.

1904 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерингoвская, № 6.
1904.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 22 сентября 1904 г.

Кіевъ въ 1654—1855 гг.

(Продолженіе [1]).

VIII.

Какъ мы видѣли, Кіевъ въ теченіе продолжительнаго времени былъ то религіознымъ центромъ (какимъ онъ всегда оставался), то съ одной стороны военнымъ городомъ, а съ другой замкнутой въ самое себя общиной. Съ теченіемъ времени старые устои расшатались, а новые (какъ введеніе общихъ учрежденій съ 1782 г.) не могли еще дать опредѣленныхъ результатовъ. Совѣстный судъ, которому Екатерина придавала такое широкое значеніе [2]), не имѣлъ успѣха вслѣдствіе укоренившейся привычки къ тяжбамъ, но онъ указывалъ свою долю вліянія тамъ, гдѣ имѣли мѣсто дѣла, связанныя съ суевѣріями, волшебствомъ и т. п. [3]). Расширеніе больницы (на 100 чел., съ двумя отдѣл., мужскимъ и женскимъ), принятой на счетъ города (на сборъ отъ город. вѣсовъ), по рѣшенію почетнѣйшихъ гражданъ, Дума прямо приписывала «вліянію» новыхъ учрежденій [4]). Причиною медленнаго роста города

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 9.

[2]) Храповицкій, Дневникъ, 1.

[3]) Кіев. Стар. 1891, № 7, с. 119—120.

[4]) Матер., изд. Андріевскимъ, 130—135. Въ 1790 г. въ ней содержалось свыше 100 чел.

и его промышленнаго процвѣтанія, одинъ изъ современныхъ наблюдателей считаетъ то, что магистратъ не давалъ права на гражданство пришельцамъ и не позволялъ имъ имѣть собственные дома [1]). Печальное состояніе торговли Кіева во второй половинѣ XVIII ст. (почти лишь одной мелочной) отчасти подтверждается признаніемъ самаго магистрата [2]). Такимъ образомъ, въ 1775 г., на запросъ коммерцъ-коллегіи о состояніи фабрикъ и торговли въ городѣ и уѣздахъ, Кіевскій магистратъ, по требованію ген. губ. Воейкова, сообщилъ, что здѣшніе мѣщане и нѣкоторые ремесленники (цеховые) производятъ торгъ въ лавкахъ *нѣмецкими и великороссійскими* шелковыми, бумажными, шерстяными, пушными и желѣзными товарами, а нѣкоторые держатъ отъѣзжіе торги за границу: въ Польшу, въ Цесарію, Саксонію, въ Пруссію, въ Гданскъ, возятъ товары *великороссійскіе* пушные, китайку, холстъ, крашенину, *малороссійскіе* говяжье сало и воскъ. Цеховые питаются рукодѣліемъ, а чернь, находящаяся въ сотняхъ, работаетъ у партикулярныхъ людей. Въ городѣ имѣются казенный шелковый и партикулярные кожевенные и кирпичные заводы, ткацкіе станы, на которыхъ работаютъ здѣшніе ткачи для своихъ и обывательскихъ *домашнихъ нуждъ*. а также на продажу холстъ и другія надобности, какъ-то шерстяной мухояръ, изъ котораго монахи одѣяніе носятъ, сермяжныя сукна и т. п., а никакихъ *особенно достойныхъ*, по знатости ихъ, примѣчанія промысловъ (металическихъ, минеральныхъ и др.), казенныхъ и частныхъ, какому либо мѣсту или народу принадлежащихъ, нѣтъ [3]).

---

[1]) Закревскій, 86. «Каменныхъ домовъ очень мало», прибавляетъ по этому поводу Лерхе. «Дома почти всѣ деревянные и съ номерами; названія также находятся на угловыхъ домахъ», замѣчаетъ путешественникъ въ 1787 г. (J. W. Möller, Reise von Wolhynien nach Cherson in Russland, Hamb. 1802; ср. К. Стар. 1895, № 9, стр. 64).

[2]) Матер. изъ арх. Кіев. губ. правл., VIII, 173; ср. II, 13.

[3]) Матер. изъ арх. губерн. правл., V, 158—161. Въ пунктахъ 1754 г., повторенныхъ въ 1767 г., губерн. канцел. высказывается, что въ Кіевѣ «множество есть народа празднаго безъ всякаго

Въ свою очередь, изъ таможенныхъ книгъ за 1762—1785 гг. видно, что вывозъ изъ Малороссіи былъ самый ничтожный, главнымъ образомъ состоящій изъ мѣховъ соленой рыбы, крашенины, шерстяныхъ одѣялъ и поясовъ. Всѣ же мануфактурныя произведенія, англійскія и силезскія сукна, льняныя и шелковыя матеріи и т. п. доставлялись изъ-за границы [1]). Такъ, за 1762 г. по межигородской таможнѣ значилось въ доходѣ 4685 р. съ ввозныхъ пошлинъ и всего 860 р. вывозныхъ. Кіевъ являлся тогда полнымъ отраженіемъ страны въ отношеніи производства. Заводовъ и фабрикъ, за ничтожными исключеніями, не существовало въ немъ [2]). А между тѣмъ онъ не могъ сдѣлаться, подобно горо-

---

дѣла», который заботится о ежедневной пищѣ, не думая о завтрашнемъ днѣ, «ибо фабрикъ никакихъ нѣтъ и работы сыскать негдѣ». При этомъ рекомендовалось заведеніе *суконной* фабрики, для которой съ пользой могла бы идти овечья шерсть; упорядоченіе красильнаго производства и т. п. (К. Стар. 1888, № 5, с. 39—40). При обиліи кожевенъ (22 двора) не существовало выдѣлки кожъ, между тѣмъ какъ въ раскольничьихъ слободахъ было нѣск. кожевенныхъ заводовъ (Матеріалы, VI, 1—9). Предметы первой необходимости получались изъ-заграницы (напр. чиненныя кожи), юфть, свѣчи и мыло шли черезъ Кіевъ изъ Россіи, не говоря о такихъ товарахъ какъ шелковыя ткани и ревень, которые получались изъ Москвы (К. Стар. 1895, № 9, стр. 66), или о такихъ издѣліяхъ какъ оружіе—оно было восточное или западное. О зависимости такого порядка отъ самаго строя тогдашнихъ юго-запад. городовъ см. В. Б. Антоновичъ, „О промышл. Юго.-зап. края въ XVIII стол. (Зап. Ю. З. отд. И. Р. Геогр. общ., I, 179—191).

[1]) Для пріѣзжихъ купцовъ былъ устроенъ на Подолѣ гостиный дворъ, который предоставлялся имъ три раза въ годъ во время ярмарокъ, но они предпочитали останавливаться у мѣстныхъ купцовъ, почему гост. дворъ доставлялъ мало дохода (Матер., I, 137—138).

[2]) Первый и единственный заводъ мѣдныхъ, желѣзныхъ и чугунныхъ издѣлій въ 40-хъ годахъ XIX стол. принадлежалъ братьямъ Дехтеревымъ, переселившимся въ первой четверти этого стол. изъ Калуги (Опис. Кіев. губ., III, 168; Калужскіе купцы Дехтеревы, А. И.

дамъ—лѣваго берега Днѣпра, чисто земледѣльческимъ поселеніемъ: мѣшала почва, песчаная въ большей своей части, не годная для обработки [1]). А потому главнымъ и почти единственнымъ источникомъ существованія и доходовъ города попрежнему является винокуреніе. Фабрикація водки и напитковъ, столь прыбыльная тогда, была, можно сказать, единственною формою производства, существовавшаго въ Кіевѣ. Крещатикъ былъ обращенъ чуть не въ сплошную винокурную слободу. Винокурни были разбросаны вокругъ всего Кіева. На одномъ Подолѣ, въ магистратскихъ шинкахъ выписывалось ежегодно 25—30 тысячъ ведеръ водки, доставлявшихъ доходовъ магистрату до 10000 р. [2]). Понятно отсюда, почему винокуреніе вызывало въ Кіевѣ такую ожесточенную борьбу между мѣщанами и казаками, магистратомъ и монастырями. Послѣдніе не уступали въ этомъ отношеніи другимъ. Печерская лавра, монастыри Софійскій, Михайловскій, Никольскій имѣли свои многочисленныя винокурни и вели эту торговлю на самыхъ широкихъ основаніяхъ [3]). Въ виду массы шинковъ, украшавшихъ тогда

Маркевича, Од. 1892); заводъ сальныхъ свѣчей былъ устроенъ лишь въ 1811 г. на Печерскѣ, купцомъ Ходуновымъ (тамъ же, 159). Кіев. мѣщане не охотно допускали и великорусскихъ прикащиковъ для торговли (Мат., VIII, 161). Ср. Нѣск. дан. о великорус. купеч. въ XVIII стол. и объ отнош. къ нему мѣст. магистрата, А. А. Андріевскаго (Чт. въ Общ. Нест. Л., VI, 171—189).

[1]) Мы знаемъ уже какъ сказывались недостатокъ хлѣба или неурожаи въ Кіевѣ. Ср. данныя о голодѣ въ Кіев. губ. въ 1799 г. съ цифровыми свѣдѣніями о питающихся въ извѣстной долѣ лебедою или одною лебедою и о запрещеніи винокуренія помѣщикамъ, если крестьяне ихъ не будутъ имѣть хлѣба (Матер., изд. Андріевскимъ II, 187—191; VIII, 161).

[2]) Кіев. Ст. 1887, № 8, с. 579. И. В. Лучицкій. Кіевъ въ 1766 г., по описанію малорос. полковъ Румянцова (ibid. 1888, т. XX, 1—74).

[3]) Болѣе важные эпизоды и черты изъ этихъ отношеніи см. въ Матер., III, 1—24; Кіев. Стар. 1886, № 12, стр. 664—708; 1893, № 2, с. 738; 1894, № 10, с. 154—155; 1895, №№ 7—8, с. 14—20; 1897, № 1, с. 137. Цѣны на крѣпкіе напитки (Матер., I, 128, 135;

почти всѣ улицы города, и предмѣстья, понятнымъ становится и смыслъ фразы извѣстнаго уже намъ путешественника Лукьянова о жителяхъ Кіева: «На Подолѣ строеніе узорочное, тщательны, лихоманы и много у нихъ чудотворныхъ иконъ, а письмо иное кажется живопись; сердечная вѣра у нихъ велія къ Богу; и къ нищимъ податливы вельми. Да шинки ихъ въ конецъ разорили, да кабы изъ того у нихъ сильно скаредно; и добрый человѣкъ худымъ будетъ» [1]).

Гетманъ Разумовскій повидимому понималъ это зло и еще въ универсалѣ 6 іюля 1761 г. пытался положить предѣлъ столь широко распространенному, во вредъ хозяйству, обычаю. «Малороссіяне, писалъ онъ, не только пренебрегаютъ земледѣліемъ и

VIII, 214); два док. о монаст. хоз. (Соф. и Выдуб. мон.) въ XVIII ст. (К. Стар. 1893, № 8, с. 719—734); о хоз. хлопотахъ духовенства (1884, № 3, с. 465—470; ср. Матер., VII, 136—156). Духовенство въ своихъ заявленіяхъ въ Екатер. ком. признаетъ, что винокуреніе содѣйствуетъ паденію земледѣлія, но хлопочетъ о разныхъ льготахъ въ свою пользу, а монастыри ходатайствуютъ о правѣ содержать шинки (Сборн. Р. Ист. Общ., XLIII, 440—441, 492—493). О разореніи населенія отъ продажи вина (Кіев. Стар. 1903, № 11, с. 57—58); Къ ист. пьянства въ Малороссіи—два распор. гр. Румянцова-Задунайскаго (1894, № 8, с. 286—288). Купецъ Зябкинъ, содержавшій питейные сборы въ Кіевѣ, Нѣжинѣ и Переяславѣ въ 1775—1779, потерпѣлъ убытокъ отъ незаконно заведенныхъ шинковъ и недоимка съ него была снята въ 1807 г. (Архивъ Государств. Совѣта, III, ч. I, 354—355).

[1]) Въ значительной степени этими привычками населенія объясняется замѣчаніе Екатерины II, во время пребыванія ея въ Кіевѣ: «Здѣсь по улицамъ не безопасно: грабятъ и бьютъ людей. Сказать должно фельдмаршалу (Румянцову), чтобъ приказалъ городничему умножить о семъ бдѣніе» (апр. 11-го 1787 г.). Сборн. Р. И. Общ., XXVII, 407). Ср. любопытное дѣло объ ограблене въ 1780 г. подъ Кіевомъ корон. польск. хорунж. Стан. Потоцкимъ съ реестромъ вещамъ и деньгамъ (орд. гр. Румянцова кіев. об. коменд. Елчанинову, Кіев. Стар. 1903, № 11, стр. 64—66).

скотоводствомъ, отъ которыхъ притекаетъ богатство народное, но еще, вдаваясь въ непомѣрное винокуреніе, часто покупаютъ хлѣбъ по торгамъ дорогою цѣною не для пріобрѣтенія себѣ какихъ-либо выгодъ, а для одного пьянства; истребляя лѣсныя свои угодья и нуждаясь отъ того въ дровахъ, необходимыхъ къ отапливанью ихъ хижинъ. Во избѣжаніе происшедшихъ отъ сего безпорядковъ опредѣляемъ: 1) чтобы винокуреніемъ занимались одни только владѣльцы и казаки, имѣющіе грунты и лѣсныя угодья, кромѣ духовенства, купечества и посполитаго народа; 2) полковникамъ и сотникамъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ, лишенія мѣстъ, надзирать за точнымъ исполненіемъ сего; 3) запрещается имѣть винокурни и шинки великороссіянамъ и вообще не тамошнимъ владѣльцамъ, въ особенности купцамъ и крестьянамъ; 4) возбраняется также полковникамъ и полковымъ старшинамъ нанимать бѣдныхъ, хотя и имѣющихъ грунты, казаковъ для произведенія подъ ихъ именами винокуренія и шинкарства, но каждому предоставляется производить оныя на своихъ земляхъ и изъ собственнаго имущества» [1]). Легко понять, что подобныя палліативныя мѣры не достигали цѣли. Уже въ 1816 году, во время пребыванія въ Кіевѣ, императоръ Александръ I замѣтилъ: «Винокуреніе привело Малороссію въ совершенное изнеможеніе; она находится въ такомъ положеніи, какъ человѣкъ разслабленный. Но нельзя пенять на помѣщиковъ, что они обратили вниманіе на сію отрасль промышленности, казна даетъ имъ въ семъ примѣръ: главнѣйшій доходъ ея состоитъ въ откупѣ; министръ финансовъ называетъ оный жемчужиною нашихъ доходовъ» [2]).

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Ист. Мал. Россіи, III, 205—206. Ср. какъ исполнялся универсалъ Разумовскаго (К. Ст. 1901, № 11, с. 57—60).

[2]) Дневникъ Михайловскаго-Данилевскаго (Шильдеръ, Императ. Александръ I, т. IV, 66). Необходимо прибавить, что крупные помѣщики и въ великорос. губ. широко пользовались винными откупами. Въ одной жалобѣ к. XVIII стол. сообщается о злоупотребленіяхъ продажей вина въ имѣніяхъ Теплова, Зиновьева, Панина и др. «Графъ такъ опузатѣлъ отъ вина, что ему любо», говорится объ одномъ изъ помѣщиковъ (Р. Стар. 1875 XII, 402—405).

Послѣдствія такого односторонняго развитія города можно видѣть въ оффиціальной вѣдомости о населеніи Кіева, представленной гр. Румянцовымъ импер. Екатеринѣ въ 1785 г. Такъ, въ ней показано: на Подолѣ купеческихъ домовъ 10, мѣщанскихъ 1974, разночинческихъ 89, владѣльческихъ поданныхъ 37; на Печерскѣ: купеческихъ 20, мѣщанскихъ 46, разночинческихъ 315, солдатскихъ 632, владѣльческихъ подданныхъ 172; на Старомъ городѣ купеческихъ домовъ 1, мѣщанскихъ 54, разночинческихъ 222, солдатскихъ 305; всего 3899 домовъ [1]).

Введеніе духовныхъ штатовъ въ Малороссіи (1786), произведшее большой переполохъ въ Кіевѣ [2]), значительно сокращало количество монастырей (на 42), монаховъ и монахинь (на 1000) въ епар-

---

[1]) Аскоченскій, Кіевъ, II, 339. По количеству населенія показано на Подолѣ съ предмѣстьями—6034, въ томъ числѣ купцовъ 334 и мѣщанъ 4566; остальное количество приходилось на польскихъ выходцевъ и иностранцевъ (37), великорос. и малорос. городовъ (51), казен. крестьянъ, отпущен. на волю (26). Въ 1795 г. пришлаго элемента было 875 чел., купцовъ христіан. закона лишь 281, за то появляется статья о евреяхъ (94), какъ вслѣдствіе присоединенія юго-запад. областей, такъ и духа терпимости, почти одновремено заявленнаго въ Австріи (1782) и Россіи (1786). См. Кіев. Стар. 1884, № 2, 352—54; 1901, № 1, с. 74; Матер., II, 13). По даннымъ 1792 г. евреевъ было 73 (польск. 61, бѣлорус. 12); одинъ изъ нихъ былъ надв. совѣт. польской службы (Бен. Шпееръ), пріѣх. для лѣченія и поставки провіантовъ въ Черн. губ., одинъ для продажи винъ оптомъ, одинъ прус. евр. съ зятемъ, содерж. трактиръ, съ 1786 г., еще одинъ, съ 1781 г. (дольше всѣхъ), изъ Богеміи (Полнеръ) и два другихъ, въ качествѣ подрядчиковъ; остальные были ремесленники, поселившіеся съ 1779—80 гг. и только два хозяина-портные съ 1783, изъ Сатанова. По магистр. вѣдом. значилось 4 порт., 1 серебрен., 2 шмукл., 1 сапож., 1 тракт., 1 рѣзч. Всѣ они внесли (кромѣ рѣзч., дѣлав. натурою), 275 р. въ приходъ городу (Матер. I, 154—155). «Жидовъ очень мало» (Вигель, I, 47).

[2]) См. Кіевская пертурбація 1786 г. (К. Стар. 1883, № 4, с. 895—899). Ср. Плачъ кіев. монаховъ. Сатира въ виршахъ, рук. 1792 г. славян. шрифт., Рус. Стар. 1881, XXXII, 435—444.

хіи, вслѣдствіе чего должны были потерпѣть многіе кіевскіе монастыри. Дух. академію предполагалось перевести въ лавру, Глав. нар. училище помѣстить въ Соф. митр. домѣ, мон. Братскій, Межигорскій и Кирилловскій отдать на больницы, госпиталь и помѣщеніе для инвалидовъ. Впрочемъ м. Самуилу, по ходатайству гр. Румянцова, удалось сохранить ихъ на прежнемъ положеніи [1]); только Кирил. мон., по настоянію Потемкина, былъ обращенъ въ инвалидный домъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ воиновъ и, кромѣ того, въ помѣщеніе для богоугодныхъ заведеній и дома умалишенныхъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшился, въ интересахъ города, жгучій для него вопросъ о правѣ куренія водки. Въ рескр. на имя гр. Румянцова, дан. 17 апр. 1787 г., указывалось, чтобы деньги на устройство въ Кіевѣ больницы для прилипчивыхъ болѣзней были взяты изъ городскихъ доходовъ, которые должны значительно увеличиться, такъ какъ, за упраздненіемъ монастырскихъ шинковъ, вся вообще винная продажа, находящаяся во всѣхъ частяхъ города, по высоч. повел., отдана въ пользу города [3]). Однако уже 14 авг. 1791 г., по представленію и. д. ген. губ. Кречетникова, послѣдовалъ сенатскій указъ, гласившій, чтобы въ городахъ и на городскихъ и казенныхъ земляхъ винокурни, какъ заведеніе не свойственное городамъ, были уничтожены [4]).

Въ это время Россія утверждала свои завоеванія въ предѣлахъ Новороссійскаго края, къ которому, по многимъ причинамъ, съ такимъ вниманіемъ относилась Екатерина II,—и вотъ являлась мысль о неизбѣжности и даже необходимости перемѣщенія русской столицы изъ Петербурга на югъ—въ древнее ея мѣсто-

---

[1]) Ibid. 1887, № 4, с. 895—99; 1890 № 12, с. 492—93.

[2]) Закревскій, 357; Днев. м. Серафима (К. Стар. 1884, VIII, 431—32). Содѣйствовало тому, вѣроятно, противодѣйствіе, оказанное администраціи консисторіей и монастыремъ въ 1771 г., по случаю помѣщенія чумныхъ больныхъ, за что было Синодомъ наложено взысканіе (К. Ст. 1898, т. LVII, № 6, с. 165—459).

[3]) Матеріалы, I, 133; К. Стар. 1892, № 9, с. 424—25.

[4]) Арх. Госуд. Сов., II, 399.

пребываніе—Кіевъ и даже южнѣе, гдѣ красовался уже своимъ именемъ Екатеринославъ [1]). Но вотъ что отвѣчала Екатерина на эти мечтанія своему постоянному корресподенту, барону Гримму: «Изъ исторіи Россіи видно, писала она, что народы, жившіе на сѣверѣ государства, легко подчиняли себѣ народы, жившіе на югѣ; южные же жители, предоставленные самимъ себѣ, были всегда слабы и не имѣли прочнаго могущества, тогда какъ сѣверъ легко обходился безъ юга или безъ южныхъ странъ. Но, по моему мнѣнію, настоящая столица имперіи еще не найдена и, по всей вѣроятности не мнѣ ее найти. Еслибъ въ шведскую войну меня здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) не было, то потребовалось бы шестьдесятъ тысячъ лишняго войска для противодѣйствія стремительному нападенію шведовъ» [2]). И она радовалась, что «народная ненависть» къ Петербургу уменьшилась [3])...

Еще 10 апрѣля 1786 г. [4]) послѣдовалъ высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось при бывшемъ каѳедральномъ Кіевософійскомъ монастырѣ помѣстить Главное народное училище Кіевскаго намѣстничества, заводимое отъ коммиссіи объ установленіи народныхъ училищъ; но въ бытность Екатерины II, предположеніе это было отмѣнено [5]); а открытіе училища состоялось лишь 1 мая 1789 г., одновременно съ училищами, основанными въ другихъ южныхъ губерніяхъ. Зданіе для училища въ Кіевѣ было приготовлено на Подолѣ, какъ наиболѣе населенной и важной по торговлѣ части города. Первыми учителями этого училища были четверо молодыхъ людей, отправленныхъ въ 1788 г. изъ Кіевской академіи въ Петербургъ для приготовленія къ своимъ обязанностямъ въ тамошней учительской семинаріи. Октрытіе училища происходило въ обычной торжественной обстановкѣ, при сте-

---

[1]) Сборн. Рус. Истор. Общ., т. XLIV, 560, 643.

[2]) Сборн. Рус. Ист. Общ., т. XXIII, 648—649.

[3]) Рус. Стар. 1873, VIII, 648.

[4]) Кромѣ духов. школъ въ Кіевѣ упоминается гарнизон. школа въ 1784 г. (Кіевъ, изд. Кіев. ком., 128).

[5]) Аскоченскій, II, 353—354.

ченіи многочисленной публики [1]), съ молебствіемъ, совершеннымъ м. Самуиломъ, причемъ прот. Леванда сказалъ слово «о важности открываемаго училища», а одинъ изъ преподавателей рѣчь «о пользѣ наукъ»; рѣчь была сказана и однимъ изъ учениковъ [2]). Во время торжества изъ магистратскихъ пушекъ произведены были 31 выстрѣлъ. Курсъ былъ пятилѣтній, въ числѣ учащихся находились и дѣвочки, но онѣ заканчивали курсъ двумя низшими классами. Впрочемъ и мальчики не всегда проходили полный курсъ. Полугодичныя испытанія совершались въ присутствіи почетныхъ гостей и публики и также сопровождались рѣчами учителей, учениковъ и ученицъ, а иногда производились физическіе опыты. Содержаніе на училище отпускалось изъ кіевскаго приказа общественнаго призрѣнія, которому на общемъ основаніи были подчинены училища. Основаніе въ Кіевѣ училища встрѣтило полное сочувствіе въ тогдашнемъ обществѣ, что и выразилось тотчасъ же разнообразными пожертвованіями на бѣдныхъ учениковъ и библіотеку. Эти книжныя пожертвованія и покупки легли въ основаніе библіотеки 1-ой гимназіи, такъ какъ библіотека училища цѣликомъ перешла къ ней. Въ такомъ видѣ Кіевское главное народное училище существовало съ 1789—

---

[1]) По донес. губ. Ширкова до 3000. Временно училище было помѣщено въ домѣ, принадл. Ассигн. банку и проданномъ почтамту, а въ 1789 г. переведено въ свой домъ, купленный у ген. Нилуса (на Рожд. ул., въ приходѣ Николая Добраго). Кіевск. Стар. 1900, № 9, стр. 5). Въ помѣщеніе училища (при открытіи) были допущены именитыя лица и родители.

[2]) Училище открывалось для мальчиковъ и дѣвочекъ (поступило первыхъ 58 и вторыхъ 18). См. Откр. въ Кіевѣ Главн. нар. училища, Н. Рыжкова (К. Стар. 1893, № 7, с. 136—138). Повидимому произнесеніе рѣчей, быть можетъ подъ вліяніемъ академіи, вошло въ обычай у кіевлянъ при торжественныхъ встрѣчахъ и въ другихъ случаяхъ; такъ, передъ обѣденнымъ столомъ, предложеннымъ Екатеринѣ II магистратомъ (на 65 персонъ) 11 апрѣля, об. камерг. Шуваловъ представилъ ей купеч. старосту Ефима Митюка, который сказалъ рѣчь отъ купечества (К. Стар. 1893, № 3, с. 413).

1803 г., когда начинается постепенный переходъ его въ гимназію [1]).

Къ царств. Екатерины II относится начало въ Кіевѣ масонства. Это была «Ложа безсмертія», основанная русскими офицерами, но любопытно, что она возникла безъ всякой связи съ петербургскимъ и московскимъ масонствомъ и находилась въ подчиненіи ложи польскаго «Великаго Востока», а попытка основать такую же ложу въ Петербургѣ относится уже къ 1787 г. Въ 1788 г. въ Кіевѣ была основана Еллизеномъ, по эклектической системѣ, ложа «Трехъ колоннъ», но она скоро закрылась [2]).

Въ концѣ XVIII ст. русское общество въ Кіевѣ представлялось чрезвычайно разношерстнымъ. «Кіевъ былъ проѣзжій, пограничный городъ и почти столица Малороссіи; кругомъ его были расположены войска, въ немъ стекались и воинскія чиновныя лица, и украинскія помѣщики по дѣламъ и тяжбамъ, и великороссійскіе набожные дворяне съ семействами для поклоненія святынямъ, и наконецъ просто путешественники, которые для развлеченія посѣщали тогда южную Россію, какъ нынѣ ѣздятъ въ чужіе края». Въ ряду служащихъ лицъ авторъ записокъ (Вигель) называетъ кн. Хованскаго

---

1) Ѳ. И. Яновичъ-де-Миріево или народ. училища при Екатеринѣ II, А. Воронова, 93—94; Городскія училища въ царств. имп. Екатерины II, гр. Д. А. Толстого, Спб. 1886; Андріяшевъ, Кіев. главное народное училище (въ Отчетѣ о состояніи 1-й Кіев. гимназіи за 1885—86 г.); Столѣтіе Кіев. 1-й гимн., Садовскаго (Кіев. Стар. 1889, т. XVII); Матер. Арх. кіев. губ. правл., IX, 225; Къ начальной исторіи Кіевскаго народн, учил. 1789—1803, В. Д. (Кіев. Стар., 1900, т. LXXI, № 10, стр. 1—10;—объ учебн. персоналѣ и преподаваніи). Число учащихся колебалось 58—218, а въ числѣ первыхъ преподавателей встрѣчается и имя препод. исторіи, географіи и естествен. наукъ—Макс. Берлинскаго. Кромѣ того преподавались: священная ист., ариѳм., геом., физика, механ., архитектура, рус. и нов. языки, латин. яз., о должностяхъ человѣка и гражданина, рисов. и чистописаніе.

2) Лонгиновъ, Новиковъ и москов. мартинисты, стр. 215—216; Пыпинъ, Хронологич. указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масон. до запрещ. его, 1731—1822, Спб. 1873, стр. 23, 27, 28.

(в.-губ.), жена котораго, урожд. Нарышкина, отличалась привѣтливостью; кн. Дашкова, сына извѣстной Екатерины Романовны, командовавшаго Сибирскимъ полкомъ, но поссорившагося съ матерью изъ-за неравнаго брака; губ. предв. двор. Дем. Дем. Оболонскаго, владѣльца 8000 душъ крестьянъ, державшаго зимою открытый домъ, чтобы «покормить бѣдняковъ», какъ онъ выражался о своихъ пріемахъ; предсѣд. гражд. пал. Ив. Гр. Туманскаго, судившаго по законамъ, «слѣдственно къ неудовольствію половины тяжущихся», но не было ни одного человѣка, который не любилъ бы и не уважалъ его, и др. Въ Кіевъ нерѣдко наѣзжала по своимъ дѣламъ А. В. Браницкая, урожд. Энгельгардтъ, племянница Потемкина, знаменитая своимъ богатствомъ и скупостью. Изъ лицъ нерусскаго происхожденія назовемъ инж. ген. де-Шардона, въ домѣ котораго давались маленькія пьесы и пантомимы, неизвѣстныя еще кіевлянамъ, артил. ген. Нилуса, пастора Граля, семью Бунге... («Почтенный старецъ Г. Ф. Бунге († 1792) живетъ здѣсь уже 36 лѣтъ, говоритъ Мёллеръ (въ 1787 г.»). Кромѣ ботаники, химіи и фармакологіи, онъ занимается еще электричествомъ, приготовленіемъ барометровъ и термометровъ, токарнымъ искусствомъ, а также дѣлаетъ и оттиски медалей. Его комната украшена портретами древнихъ мудрецовъ, а также двумя прекрасными перспективными китайскими картинами на бумагѣ, которыя онъ получилъ въ наслѣдство отъ одного настоятеля базиліанскаго ордена, бывшаго въ Китаѣ. Тщетно я разспрашивалъ, прибавляетъ тотъ же путешественникъ, объ ученыхъ и коллекціяхъ минераловъ или картинъ; но здѣсь все дышетъ Беллоной или слѣдуетъ за Меркуріемъ. За исключеніемъ двухъ токарей, въ Кіевѣ напрасно было бы искать художниковъ». Кромѣ того, Мёллеръ упоминаетъ Еллизена изъ Гойи, губернскаго врача, любителя охоты, и хирурга штаба Бланка, которыхъ хвалили за познанія въ ихъ наукѣ. Изъ нѣсколькихъ сыновей Бунге—Андрей наслѣдовалъ его аптеку [1]); Иванъ основалъ новую, а Христіанъ потомъ служилъ врачемъ при госпиталѣ и учебныхъ заведеніяхъ (духовн. академіи и др.).

---

[1]) Къ Г. Ф. Бунге она перешла отъ вдовы Анны Гуннингеръ, на дочери которой (отъ перваго брака) Ек. Гейтеръ онъ былъ женатъ.

Балы начинались тогда рано (не позже 7 часовъ), на которыхъ можно было видѣть и малороссійскую метелицу, и голубца, и казачка; плясали и порусски и поцыгански, но всегда танцы должны были начинаться польскимъ и оканчиваться алагрекомъ. Вальсовъ еще не знали [1]). Карты составляли необходимую принадлежность этихъ вечеровъ, а въ среднемъ классѣ они доводили часто до разоренія [2]). Комнаты освѣщались довольно плохо, въ богатыхъ домахъ восковыми свѣчами, что тогда считалось роскошью [3]). У одного кн. Дашкова (получившаго образованіе за границей) начинался новый вѣкъ, у него были уже и трубки, и пуншъ, и смѣлое обхожденіе безъ разбора лѣтъ и пола. Жители черниговскихъ уѣздовъ, а еще болѣе новгородъ-сѣверскихъ сохранили или приняли много русскихъ обычаевъ. Жители южной Малороссіи остались почти такими же казаками, какими были они еще при Хмельницкомъ [4]). Богатѣйшіе изъ тогдашнихъ кіевскихъ помѣщиковъ весьма рѣдко покидали свои хутора; съ крестьянами своими, которые лѣтъ 20—30 назадъ были имъ равными, имѣли одинаковые вкусы, обычаи, пищу [5]). Румянцовъ [6]) и Разумовскій имѣли свои дома въ Кіевѣ, но это были хотя и обширные, но деревянные дома. Въ послѣднемъ, дотолѣ необитаемомъ, при Павлѣ жилъ воен. губ.

---

[1]) Воспом. Вигеля, I, 63.

[2]) Воспом. Тимковскаго (Р. Арх. 1874, стр. 1418). «По несчастію эта язва тогда свирѣпствовала. Я самъ видалъ въ Кіевѣ тѣхъ же щеголей, выходящихъ изъ трактиревъ полумертвыми, въ одной рубахѣ и солдатской шинели».

[3]) Роскошь была весьма неразорительна, такъ какъ цѣны на съѣстные припасы были самыя низкія (Вигель, I, 62). Впрочемъ, цѣны часто колебались по случайнымъ причинамъ (неурожай, военныя событія, К. Стар. 1884, т. XI, 431, 434, 435).

[4]) Объ образѣ жизни ихъ, даже въ 1-й четв. XIX ст., не отличавшемся отъ стараго быта, но проникнутомъ уже крѣпостническими порядками (съ указаніемъ лицъ), см. въ дневн. Михайловскаго-Данилевскаго (Рус. Стар. 1900, т. CIV, № 10, с. 212—214).

[5]) Воспоминанія Вигеля, I, 36, 48, 46—76.

[6]) Р. Стар. 1893, № 7, с. 8. Близъ лавры (К. Стар. 1895, № 9, стр. 65; ср. 1904, № 1, 04).

гр. И. П. Салтыковъ. Домъ этотъ висѣлъ надъ стремниной и открывалъ чудные виды за Днѣпръ. Онъ казался волшебнымъ, когда въ лѣтнюю ночь блисталъ огнями, говоритъ Вигель. Въ царскіе дни бывали фейерверки, иллюминаціи, а иногда спускались небольшіе воздушные шары [1]).

Домашнее воспитаніе высшаго класса предоставлялось иностраннымъ гувернерамъ и гувернанткамъ, преимущественно нѣмцамъ. Нѣсколько позже (при Павлѣ) прибылъ въ Кіевъ проф. Граафъ, который не хотѣлъ заводить школы, а устроилъ у себя небольшой пансіонъ [2]). Болѣе широкіе интересы ума удовлетворялись по прежнему академіей [3]). Даже послѣ пожара 1780 г. библіотека ея все еще представляла выдающееся, по выбору, собраніе книгъ. Здѣсь были и древніе классики и сочин. Эразма Роттердамскаго, и математическія произведенія [4]). Для выписки книгъ изъ Москвы находился при академіи коммиссіонеръ, а въ торго-

---

[1]) Вигель, I, 85, 997—98. Легенда о домѣ (Васильчиковъ, 461). Въ 1798 г. наѣзжалъ въ Кіевъ принцъ Конде съ герц. Ангіенскимъ и своей свитой (Вигель, 101).

[2]) Вигель, I, 37, 69, 73, 149.

[3]) О состояніи академіи, личномъ составѣ, преподаваніи и содержаніи учителей въ 1798 г. см. Матер. для ист. Кіев. дух. академіи (К. Стар. 1894, т. LXXXIV, № 4, стр. 6—13). По прежнему она сохраняла общеобразовательный характеръ. Въ ней прибавлено было рисованіе и выражено желаніе ввести опытную физику и возстановить преподаваніе франц. языка, прекращенное въ дух. учебныхъ заведеніяхъ вслѣдствіе бывшихъ во Франціи событій.

[4]) Въ 1780 г. академическая библіотека заключала въ себѣ до 12000 рукописей и печатныхъ книгъ, которыя собирались со времени Петра Могилы, но пожаръ этого года истребилъ ихъ почти безъ остатка, а вновь собранная библіотека (до 4000 т.) отчасти пострадала въ 1811 г. (Макарій, 135—136). «Библіотека хотя не велика, но хороша, говоритъ кн. И. М. Долгоруковъ, составлена изъ книгъ отборныхъ и во вкусѣ словесности, много иностранныхъ сочиненій на разныхъ языкахъ» (Путеш. въ Одессу и Кіевъ 1810 г., Чтен. въ Общ. ист. и древн. рос. 1869, III, 290).

выхъ рядахъ помѣщался и антикварій, скупавшій и продававшій старыя и рѣдкія книги. Но праздниками для насъ были, говоритъ И. Ѳ. Тимковскій, пріѣзды итальянцевъ изъ Ломбардіи, всякій годъ весною, на мѣсяцъ, съ большою лавкою латинскихъ и французскихъ книгъ, эстамповъ и учебнаго снадобья; а какъ рисованіе было почти общимъ у всѣхъ, то намъ пріятно было въ той же лавкѣ получать образцы и матеріалы, а при выборѣ наглядѣться и другихъ новостей... Я весь былъ въ моихъ урокахъ и, по обычаю, съ весны, для оживленія ихъ, часто ходилъ съ товарищами на Крещатицкія горы, нависшія по Днѣпру вдоль Царскаго сада[1]). Тамъ горы, кусты и пригорки наполнены были шумомъ учащихся, а подъ ногами бьетъ священный ключъ свой Гениконъ». Въ размытыхъ же провальяхъ этихъ горъ иногда можно было набрести на кувшинъ съ древними монетами, въ томъ числѣ и кіев. гривнами, а также кольцами и перстнями, которые тутъ же сбывались серебренику и пріѣзжимъ итальянцамъ. Кіевлянинъ не былъ прихотливъ еще на удовольствія. Онъ пробавлялся захожимъ чудакомъ изъ Бѣлоруссіи, одѣтымъ арлекиномъ съ высокою пестро окрашенною жердью и большимъ колокольчикомъ на верху ея, который разсказывалъ народу о постѣ 12 пятницъ въ году,

---

[1]) Ежегодные разливы Днѣпра, причинявшіе вредъ Подолу, побудили въ 1788 г., по случаю голода, чтобы дать работу «вольноприходящимъ», предпринять отводъ Днѣпра, для чего разрывали у лѣваго берега рукавъ его Черторый; а когда обмелѣлъ Днѣпръ, то полагали запереть этотъ рукавъ (Сборн. матер. о Кіевѣ, 167). Постоянные разливы Днѣпра и дурное санитарное состояніе Подола, порождавшія болѣзни, отражались какъ на приростѣ населенія, такъ и на большей смертности сравнительно съ возвышенными частями города. Цифра умершихъ 40—60 лѣтъ значительно превосходитъ среднюю и указываетъ на неблагопріятныя для жизни условія (И. Пантюховъ. Статист. и санит. очерки Кіева, К. 1875, по метрич. книгамъ съ 1781 г.). Только послѣ чумы 1771 г. въ Кіевѣ устроены были отдѣльныя кладбища для каждой части города (Подола, Стар. гор. и Печерска, К. Стар. 1897, № 6, с. 453—59) и еще въ 1766 г. магистратъ не желалъ принимать на свое содержаніе врача (ib. 1903, № 12, стр. 141). О частной аптекѣ на Подолѣ упоминаетъ Гильденштедтъ (1774 г.).

страданія в. муч. Екатерины, дѣянія апостоловъ и т. п., или страннымъ астрологомъ и провѣщателемъ, который занялъ большой домъ въ переулкѣ возлѣ Духовской церкви и ежедневно появлялся на крыльцѣ, выходящемъ на улицу, въ чудныхъ креслахъ, въ парчевомъ стянутомъ платьѣ до колѣнъ, съ перекинутымъ на шеѣ широкимъ зодіакомъ, въ золотой островерхой митрѣ. Когда приходили къ нему любопытные, онъ бралъ плату, смотря по лицу и вопросу, вводилъ въ темную комнату, освѣщаемую семисвѣчникомъ и за обрядами представлялъ свои мистеріи-фокусы, а больше еще, поглядывая на разложенные листы съ знаками, высказывалъ свое искусство въ физіогноміи и хиромантіи. Повидимому онъ былъ венгерецъ. Въ Кіевѣ «провѣщатель» этотъ пробылъ двѣ или три недѣли [1]).

IX.

Въ 1797 г. образовалась Кіевская губернія въ настоящемъ ея составѣ и Кіевъ былъ назначенъ въ ней губернскимъ городомъ [2]); предположеніе объ уничтоженіи Подола, какъ части города, было отмѣнено [3]); а 19 сентября 1798 г. возобновлены прежнія права и привелегіи Кіева и магистратъ былъ возстановленъ въ прежнемъ составѣ и съ прежними названіями членовъ. Права эти въ цар. Александра I еще разъ были подтверждены. Между тѣмъ

[1]) Записки И. Ѳ. Тимковскаго (Москвит. 1852, кн. 17-я; Рус. Архивъ 1874, № 6).

[2]) Въ кратковременное царств. Павла I въ Кіевѣ смѣнилось 9 воен. губернаторовъ, а именно: М. Н. Кречетниковъ, гр. И. П. Салтыковъ, А. Г. Розенбергъ, гр. И. В. Гудовичъ (не доѣхавъ, перемѣщенъ въ К.-Подольскъ), кн. П. М. Дашковъ, А. А. Беклешовъ, С. А. Беклешовъ, Повало-Швыйковскій, А. С. Феншъ (Fenchaw).

[3]) Статистич. опис. Кіев. губ., изд. Фундуклеемъ, I, 324.

Съ отмѣною екатеринин. учрежденій, въ Кіевѣ было возстановлено и званіе полиційместера (П. С. Зак., № 18829; Сенат. Арх., I, 480).

13 іюля послѣдовало высочайшее повѣленіе «дабы впредь церковныхъ парадовъ не было, предоставляя сіе единственно резиденціи». Тогда кіевляне стали хлопотать объ отмѣнѣ сдѣланнаго распоряженія. Императоръ Павелъ I снизошелъ къ просьбѣ кіевскихъ граждапъ и снова позволилъ отправлять издавна введенную въ Кіевѣ 1-го января и 1-го августа церемонію, т. е. «всѣми цехами при сабляхъ и ружьяхъ съ хоругвями выходить, а почетнымъ гражданамъ въ одинаковомъ одѣяніи на лошадяхъ выѣзжать на р. Днѣпръ при освященіи воды и пальбу производить». Если возстановленіе означенныхъ привелегій кіевлянъ послѣдовало по ходатайству воен.-губ. А. А. Беклешова, пользовавшагося вниманіемъ у импер. Павла, то вѣроятно не послѣднее мѣсто занимало въ данномъ случаѣ и воспоминаніе императора о чрезвычайномъ пріемѣ, оказанномъ ему нѣкогда кіевлянами [1]). Независимо отъ того магистратъ получилъ въ свое вѣдѣніе (по ходатайству Беклешова), вновь учрежденную въ 1798 г., на мѣстѣ остатковъ погорѣвшаго древняго Межигорскаго мон., фабрику фаянсовыхъ издѣлій (образцы ихъ были доставлены еще Екатеринѣ II, въ 1796 г.), отъ успѣшнаго дѣйствія которой ожидали значительнаго дохода [2]); но, въ дѣйствительности, она стоила гораздо большихъ издержекъ, а въ 1810 г. пожаръ истребилъ почти

---

[1]) Кіевское представительство прежняго времени (Кіев. Стар. 1882, т. II); А. А. Беклешовъ, малорос. воен. ген.-губ., кіев. воен. губ. и ген. прокуроръ (тамъ-же, 1890, т. XXVIII). По поводу испрошенія о подтвержденіи городу привилегій отправлена была въ Петербургъ депутація (Матер. изъ арх. Кіев. губ. правл., X, 129).

[2]) Къ ней причислено было 370 д. крестьянъ казен. сел. Петровецъ, 4000 десят. лѣса и 31 дес. земли. По оффиціальнымъ даннымъ (1803 г.) она доведена была тогда «до того совершенства, что приносила весьма значущій доходъ и издѣлія ея недоставало на удовлетвореніе покупщиковъ» (см. Журн. Ком. министровъ. Царств. Александра I, т. II, 75). Однако, кн. Долгоруковъ замѣчаетъ: «я видѣлъ работы тамошнія: можно ихъ назвать лучшими въ Россіи; конечно, далеко еще фаянсъ нашъ отъ иностраннаго: не чистъ въ отдѣлкѣ и не всегда выдерживаетъ горячую воду» (293).

всѣ ея строенія, машины и запасы. Накопившійся долгъ (въ количествѣ 90000 руб. асигн.) былъ возвращенъ городу въ 1822 г., по передачѣ фабрики въ вѣдомство кабинета, а въ 1874 г. она совсѣмъ прекратила свое существованіе и только въ послѣднее время на мѣстѣ фабрики снова устроенъ (вм. мужскаго женскій) монастырь [1]).

До насъ дошла вѣдомость о числѣ домовъ и зданій, бывшихъ въ Кіевѣ въ 1797 г. Не считая лавры, въ ней показано: каменныхъ церквей 26, деревянныхъ 20, монастырей и церк. строеній камен. 29, публичныхъ строеній камен. 18, част. домовъ камен. 12, деревян. 3672, изъ нихъ на Подолѣ 2068, на Старомъ городѣ 506, на Печерскѣ 1098. Въ 1796—1800 г.г. жителей въ Кіевѣ насчитываютъ до 19,000, а нѣкоторые до 30000. Умноженію населенія и распространенію города въ концѣ XVIII стол., какъ полагаютъ, способствовало перенесеніе въ 1797 г. крещенской ярмарки изъ г. Дубно (сюда же переведена она въ 1774 г. изъ Львова, по присоединеніи Галиціи къ Австріи) въ Кіевъ, называемой *контрактами* (такъ какъ при этомъ совершались разныя сдѣлки), на которую стали съѣзжаться, въ количествѣ нѣсколькихъ (до 5) тысячъ, преимущестенно помѣщики, дворяне и купцы, и производить здѣсь обороты на значительныя суммы [2]). Благодаря этимъ съѣздамъ, Кіевъ становится многолюднымъ и шумнымъ городомъ [3]).

---

[1]) Опис. Ків. губ., изд. Фундуклеемъ, III, 187—210; Закревскій, 497—501; Сементовскій, 252.

[2]) Контрактовый домъ (зданіе построено въ 1737 г.) находился на Подолѣ, близъ Покровской церкви, и состоялъ изъ двухъ этажей, нижняго каменнаго и верхняго деревяннаго. Послѣ пожара 1811 г. онъ былъ обращенъ въ ремесленную управу (Закревскій, 390); а послѣ вторичной передѣлки въ 1878 г.—въ женскую гимназію (Сементовскій, 230).

[3]) Опис. Кіевской губерніи, I, 323—26, III, 529—531; Закревскій, 115, 390. Общія свѣдѣнія можно найти въ брош. Henryk'a Ulaszyn'a, Kontrakty Kyowskie. Szkic histor.-obyczajowy 1798—1898. Petersb. 1900, 108 стр. Пять ярмарокъ (3 на Печерскѣ и 2 на Подолѣ), бывшія до того въ Кіевѣ, считались не важными (Гильденштедтъ).

Тѣмъ не менѣе улучшеніе въ матеріальныхъ условіяхъ города не могло такъ скоро измѣнить вкусовъ и понятій жителей древней столицы относительно самыхъ необходимыхъ удобствъ и потребностей. «Нѣтъ домовъ каменныхъ, нѣтъ порядка въ строеніи, нѣтъ регулярности и архитектуры. Улицы не мощены, пески покрываютъ ихъ! восклицаетъ В. В. Измайловъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ и ревностныхъ карамзинистовъ, потомъ издатель журналовъ, переводчикъ и авторъ «Сентиментальнаго путешествія въ полуденную Россію» (ч. I, М. 1800; ч.ч. I—IV, М. 1802). «Самый Подолъ, говоритъ онъ, болѣе населенный, нежели другія части города, не имѣетъ совсѣмъ вида города. Деревянныя кровли, низкія хижины [1]) прикрываются церквами и монастыремъ. Улицы такъ узки на Подолѣ, что едва ли двое дрожекъ могутъ разъѣхаться. Сообщеніе между тремя частями города чрезвычайно затруднительно. Кажется, что вы видите три разныя селенія. Я говорю селенія, ибо и весь Кіевъ едва ли заслуживаетъ названія города»,—какъ будто бы авторъ повторяетъ здѣсь отзывы Екатерины II и ея спутниковъ о Кіевѣ, конечно, ничего не подозрѣвая объ ихъ мнѣніяхъ на счетъ этого предмета [2]). Между тѣмъ городское хозяйство въ к. XVIII ст. представляется далеко не въ удовлетворительномъ видѣ. Такъ, ежегодный доходъ города составлялъ 46830 р. (въ 1780-хъ годахъ онъ не превышалъ 15—20000 р.), расходъ въ 1799 г. свыше 138370 р., а въ 1800 г. свыше 140000 р. Главный доходъ опять доставлялъ винный откупъ, которымъ завѣдывалъ магистратъ [3]); далѣе слѣдовали налоги на

---

[1]) Попросту «убогія избы, выстроенныя по украинскому способу изъ плетня снаружи, извнутри облѣпленныя глиной», говоритъ Эренстремъ (Рус. Стар. 1893, т. LXXIX, № 6, с. 9). По словамъ Гильдентштедта почти при каждомъ домѣ были сады съ орѣхомъ и шелковицей, а на Подолѣ и шелковичная плантація, но жители шелководствомъ не занимались.

[2]) Кіевъ въ 1799 г. (Кіев. Стар. 1885, XI, 581—592). Ср. В. Горленко, Южно-русскіе очерки и портреты, К. 1898.

[3]) Постройка новыхъ четырехъ городскихъ питейныхъ домовъ въ 1800 г. обошлась въ 4562 р.

разныя торговыя предпріятія въ городѣ и предмѣстьяхъ, оброчныя статьи, проценты съ капитала, отданнаго въ кредитъ купцамъ и мѣщанамъ (въ 1800 г. въ долгу числилось 68556 р.) [1]). Что же касается расходовъ, то весьма тяжкимъ бременемъ на городѣ лежали военныя повинности въ разныхъ видахъ (въ 1799—16885 р.; въ 1800—до 15000 р.), содержаніе фаянсовой фабрики (въ 1799 г. 23180 р., въ 1800—18240 р.) и конной почты въ городѣ (въ 1799 —9206 р., въ 1800 г.—9683 р.). Изъ другихъ расходовъ заслуживаютъ упоминанія: 1) содержаніе городской богадѣльни для нищихъ обоихъ половъ (2543 и 2030 р.); 2) содержаніе больницъ, народнаго училища и другихъ заведеній (оспеннаго дома), приказа общ. призрѣнія (7000 и 5000); 3) исправленіе по взвозамъ дорогъ и на покупку фашинъ (2628 и 3334); 4) засыпка провала на Печерскѣ (3066 р.); 5) освѣщеніе города фонарями (1105 и 901); 6) исправленіе пожарныхъ инструментовъ (1320 и 939 р.); 7) жалованье городскому архитектору, его помощнику и ученику (544 и 744 р.) и т. п. Представленныя смѣты вызвали въ свое время рядъ замѣчаній со стороны казенной палаты и ген.-губернатора (Феннна), а вопросъ объ отягощеніи города военными повинностями восходилъ къ генералъ-прокурору (Беклешову) и разрѣшенъ былъ до извѣстной степени въ благопріятномъ для жителей смыслѣ [2]).

Съ открытіемъ въ 1782 г. намѣстничества въ Кіевѣ и причисленіемъ къ его губерніи почти всей южн. Полтавской и части Черниговской губ., составъ служебной администраціи въ губернскихъ учрежденіяхъ, начиная съ высшихъ должностей и кончая

---

[1]) Городъ же состоялъ въ долгу купцамъ Котляревскому и Долинному 37 т. р.

[2]) Магистратское хозяйство въ Кіевѣ въ 1799 и 1800 г. (Матер. изъ арх. Кіев. губ. правл., X, 101—149). Въ числѣ другихъ статей городской смѣты упоминается расходъ по содержанію городскихъ музыкантовъ, «магистратскихъ башенныхъ и комнатныхъ часовъ» и «артиллеріи». По представленію же Беклешова отпущено было (въ 1799 г.) 12956 р. на починку пришедшаго «въ ветхость» дворца въ Кіевѣ (Сенат. Архивъ, I, 545).

канцеляріями, наполнился почти всецѣло лицами изъ лѣвобережной Украины. Съ 1797 г., по отдѣленіи лѣвобережныхъ уѣздовъ, число русскихъ чиновниковъ и малороссійскихъ дворянъ начало уменьшатся и въ такой же степени увеличивалось количество служащихъ польскаго происхожденія [1]). Въ цар. Павла, какъ извѣстно, послѣдовало облегченіе въ употребленіи польскаго языка въ судопроизводствѣ юго-западныхъ губерній [2]), что́ еще болѣе укрѣпило положеніе служебнаго персонала польскаго происхожденія въ означенномъ краѣ. Теперь въ Кіевѣ сдѣлались постоянными жителями или посѣтителями гр. Ржевускій, Чацкій, Грохольскій, Дульскій, Олизаръ и мн. другіе, люди отмѣнно вѣжливые, хорошаго тона, остатки лучшаго варшавскаго общества, говоритъ Вигель. Нужно ли повторять здѣсь, прибавляетъ онъ, что въ нихъ не было замѣтно и тѣни недоброжелательства къ Россіи; они предпочитали ее Австріи и Пруссіи, гдѣ ихъ обирали и гнули въ дугу, и даже, какъ умѣли, говорили они порусски. Въ числѣ женщинъ выдавались княгиня Яблоновская, связанная родствомъ со многими польскими домами, владѣтельница Стѣблева, бившая въ глаза своими выѣздами и титулами, подробно перечисленными на огромной визитной панкартѣ, и кн. Шуйская, влад. Ясногородки; а въ числѣ молодежи блистали двѣ Залѣскихъ, Гурковская, Росцишевская и др. [3]). Поляки хорошо уживались и съ администраціей, а къ воен.-губ. Беклешову даже благоволили, несмотря на то, что онъ нисколько не поступался своими требованіями [4]). Требованіе имп. Павла относительно одежды, хотя и поздно, распространилось въ Кіевѣ и значительно измѣнило физіогномію высшаго общества. Евреи по прежнему оставались жителями

---

[1]) О составѣ кіевскаго общества въ 1782—1797 г., А. Андріевскаго (Кіев. Стар. 1894, № 2).

[2]) П. С. Зак., т. XXIV, стр. 727—733; т. XXV, с. 552—555, причемъ прибавлено, чтобы сношенія главнаго суда съ присутственными мѣстами велись непремѣнно на россійскомъ яз., что́ подтверждено и въ 1807 г. (т. XXIX, стр. 1026). Подробнѣе скажемъ ниже.

[3]) Воспом. Вигеля, I, 85—88.

[4]) Ibid. 123—124; Mém. de prince Ad. Czartoryski, I, 225—26.

города [1]). Въ 1799 г. представленъ былъ проектъ о способѣ увеличенія дохода съ нихъ «въ Кіевской губ., Подоліи и Волыніи» посредствомъ продажи мяса [2]).

Постояннаго театра въ Кіевѣ еще не было [3]); но въ 1897 г. послѣдовало распоряженіе о сборѣ не только съ постоянно существующихъ, но и съ временныхъ общественныхъ и въ частныхъ домахъ открываемыхъ театровъ въ пользу воспитательнаго дома нѣкотораго взноса. По этому поводу узнаемъ, что въ Малороссійской губ. никакихъ публичныхъ увеселеній и позорищъ не оказалось; а въ Кіевѣ, по донесенію коменд. Вигеля воен. губ. Розенбергу, имѣлись: театръ во флигелѣ государева дворца и «редута» (собраніе) въ городскомъ домѣ на Печерскѣ, «въ которомъ италианецъ представлялъ на стене тень одинъ разъ (sic!) и концертъ игранъ одинъ такъ же разъ». По собраннымъ справкамъ выяснилось что, съ нихъ выручено было (за вычетомъ на освѣщеніе и музыку) 745 р. (театръ далъ 193 р., «редута» 486 р., концертъ 40 р., тѣни—26 р.), изъ которыхъ десятая часть и была взыскана въ пользу Спб. воспит. дома [4]).

---

[1]) При Павлѣ I относительно пребыванія ихъ въ Каменецъ-Подольскѣ было выражено: «Оставить на томъ основаніи, какъ они и въ другихъ городахъ свободное пребываніе имѣютъ» (П. С. Зак., т. XXIV, с. 725). Ср. Арх. Госуд. Совѣта, т. II, 535.

[2]) Архивъ Госуд. Сов., т. II, 534—36.

[3]) Воспом. Вигеля, I, 163.

[4]) Кіев. Стар. 1897, LVI, № 2, стр. 038—39. Напомнимъ здѣсь о сатирическомъ произведеніи офицера Уманскаго стоявшаго съ полкомъ въ Кіевѣ въ к. XVIII в., въ которомъ онъ описываетъ кіевское общество: клубъ и домашнія собранія, мужчинъ и дамъ, русскихъ и поляковъ, разбогатѣвшаго на «шинкахъ» еврея, нѣмцевъ и т. п.

Но во всѣхъ домахъ здѣсь съ тономъ
Испыталъ я самъ не разъ,
Угощаютъ лишь бостономъ
И злословятъ на заказъ...

(К. Стар. 1885, т. XIII, с. 543—551).

X.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, имп. Александръ I подписалъ жалованную грамоту г. Кіеву, которой подтверждались всѣ его права и преимущества, какими онъ издавна пользовался. «По этому поводу 16 февр. 1802 г, въ 11 час. утра состоялось торжественное шествіе изъ магистрата всѣхъ его чиновниковъ, въ сопровожденіи коменданта (Массе) въ Успенскій соборъ (на Подолѣ), при пушечной пальбѣ, во время котораго по обѣ стороны пути до собора стояли всѣхъ 15 цеховъ мѣщане въ надлежащемъ вооруженіи, съ ихъ начальниками и «корунгвами». Высоч. грамотѣ предшествовали въ народномъ одѣяніи съ обнаженными саблями по три въ рядъ всѣ почетнѣйшіе, такъ наз. *реестровые граждане*. Потомъ несены были штандартъ и золотое магистратское знамя при играніи градской духовой музыки. Государственная грамота несена была на бархатной съ золотою бахрамою и кистями подушкѣ войтомъ «Именитымъ Гражданиномъ» Георгіемъ Рыбальскимъ и двумя депутатами, Именитымъ Гражданиномъ Сем. Балабухою и Степеннымъ Гражданиномъ, бургом. Петр. Барщевскимъ. Затѣмъ слѣдовалъ комендантъ съ полицейскими чиновниками, а за ними члены магистрата и почетнѣйшее гражданство. Во время литургіи, которую совершалъ митр. Гавріилъ (Бодони [1]), присутствовали воен. губ. А. С. Феншъ [2]), гражд. губ. М. С. Коробьинъ [3]), генералитетъ, важнѣйшіе воинскіе и гражданскіе чиновники. Высоч.

---

[1]) О немъ статьи В. Чеховскаго (Тр. К. Д. академіи 1904).

[2]) Родомъ англичанинъ, вынужденный вслѣдствіе какой-то несчастной исторіи оставить отечество, команд. Елецкимъ, а потомъ Московскимъ полкомъ (Вигель, I, 209—210).

[3]) По Закревскому Коробинъ (809), а по другимъ Коробкинъ (К. Стар. 1900, № 11, с. 92), но Вигель, лично его знавшій, говоритъ: «Коробьинъ (какъ и оффиціально, см. Арх. Госуд. Сов., Ш, ч. I, 1596), старый артиллеристъ, хорошій, добрый и честный человѣкъ, и не безъ состоянія, любилъ приглашать иногда къ себѣ; другіе русскіе чиновники жили всѣ про себя, а въ Кіевѣ, какъ казенномъ городѣ, общество только и поддерживалось служащими лицами». (Воспом., I, 209).

грамота лежала на особомъ для того приготовленномъ столѣ передъ образомъ Спасителя; по окончаніи литургіи говорена была пристойная случаю проповѣдь, а по окончаніи ея читана была среди церкви магистратскимъ писаремъ грамота. Наконецъ, совершено было молебствіе, а во время многолѣтія окроплена была грамота св. водою, послѣ чего производились колокольный звонъ и пушечная пальба. Такимъ же порядкомъ грамота была несена въ магистратъ, для храненія ея вмѣстѣ съ прочими въ особливомъ ковчегѣ. Обѣденный столъ въ тотъ день состоялъ на 112 кувертовъ въ новопостроенномъ контрактовомъ домѣ, по особому приглашенію. При питіи за Выс. здравіе, изъ пушекъ, поставленныхъ противъ означеннаго дома на Андреевской горѣ, учинено было 150 выстрѣловъ, а вечеромъ контрактовый домъ, магистратъ, и Андреевская церковь, были иллюминованы и вообще весь городъ освѣщенъ; передъ домомъ же, гдѣ былъ балъ и ужинъ, поставлены были иллюминованные щиты съ вензелями именъ Ихъ И. Вел. и пристойными прозрачными картинами. Балъ продолжался до 2 ч. по полуночи и за ужиномъ производима была пальба. Подобное же празднество, сопровождаемое балами и иллюминаціей, продолжалось въ теченіе 3-хъ дней, причемъ вольнаго состоянія граждане и другіе городскіе обыватели были приличнымъ образомъ угощены отъ магистрата [1]). Описаніе этого торжества свидѣтельствуетъ объ общей радости гражданъ, которые въ знакъ «вѣрноподданнической благодарности», по общему согласію, собрали сумму въ 10000 р. для постройки, вмѣсто обветшалой новой, на каменномъ фундаментѣ съ надлежащими службами, богадѣльни, «для 100 чел. дряхлыхъ, увѣчныхъ и бѣдныхъ сего города мѣщанъ», и, кромѣ того, опредѣлено было соорудить каменный па-

---

[1]) Такими же торжествами праздновались рожд. у государя дочери Елисаветы, заключеніе мира и т. п. (К. Стар., IX, 432, 457). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ (1814), по словамъ м. Серапіона, былъ данъ 101 пуш. выстрѣлъ, а вечеромъ устроена иллюминація, причемъ на соф. колокольнѣ горѣло 100 плошекъ, а на лаврской—200, „къ великому удовольствію гражданъ“.

мятникъ съ фонтаномъ, на Крещатицкомъ источникѣ, на мѣстѣ бывшаго крещенія сыновей Владиміра св., и учредить тамъ ежегодно «торжественнѣйшій крестный ходъ» 15 іюля, *въ воспоминаніе будущимъ* родамъ нынѣ дарованныхъ сему городу, яко древней столицѣ, монаршихъ милостей» [1]).

Такъ торжествовали и повѣствовали о своемъ празднествѣ граждане Кіева въ оффиціальномъ тогда изданіи—«Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1802 годъ, 30 апрѣля, среда, № 35, стр. 519—520), не предполагая, что это будетъ послѣднее подобное празднество невиннаго чествованія ихъ старинныхъ правъ и привилегій.

Въ цар. импер. Александра I въ Кіевѣ возникаетъ рядъ общественныхъ построекъ и учрежденій, соотвѣтствовавшихъ современнымъ потребностямъ города. Такъ, въ 1805—1809 гг. воздвигнуто было на Печерскѣ трехъ-этажное зданіе (на мѣстѣ нынѣшняго дворцоваго сквера) для присутственныхъ мѣстъ, въ которомъ помѣщались послѣднія до 1850-хъ гг., когда, по случаю войны и постройки крѣпости оно было срыто [2]); въ 1806 г. состоялось открытіе Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній, освященныхъ м. Серапіономъ въ присутствіи магистрата, сопровождавшееся «богатымъ завтракомъ» [3]); въ 1808 г., на Подолѣ устроенъ былъ фонтанъ, извѣстный подъ именемъ Сампсона (раздирающаго челюсти льва), у котораго совершалось водоосвященіе 1-го августа съ особенной церемоніей до 1835 года [4]); въ 1809 г. заложенъ

[1]) Кіев. Стар. 1896, т. LIV, № 9, стр. 65—69 (Изъ жизни Кіева въ нач. исход. стол.).

[2]) Кіев. Стар., т. IX, 429—430, 440 (освящ. 14 окт.). «Домъ присутственныхъ мѣстъ великъ, каменный, съ колоннами и строенъ по новѣйшей архитектурѣ» (Путеш. кн. И. М. Долгорукова въ 1810 г., Чтен. въ Общ. исторіи 1869, III, 261).

[3]) «Примѣчанія достоинъ домъ для сумасшедшихъ, гдѣ многія комнаты съ кольцами на стѣнахъ желѣзными» м. Серапіонъ (К. Стар. 1884, IX, 431). Богоуг. заведенія находились въ вѣд. прик. общ. призрѣнія.

[4]) Закревскій, 875—876.

(тамъ же) каменный гостиный дворъ, имѣющій въ длину 50 саж. (съ 52 магазинами), значительно улучшенный въ 1828 г; въ 1809—16 г.г. устроенъ былъ Инвалидный домъ [1]) фельдм. кн. Прозоровскаго на Печерскѣ [2]). Послѣ большого пожара, постигшаго Кіевъ 9-го іюля 1811 г. и истребившаго почти весь Подолъ [3]), отъ котораго пострадали магистратъ [4]), а также монастыри и

---

[1]) На 6 офицеровъ и 24 солдатъ (Варадиновъ, ч. II, кн. I, 112).

[2]) Закревскій, 247. Кіев. Стар. IX, 493—440. Объ устр. инвалид. дома въ Кіевѣ (Арх. Госуд. Сов., III, ч. 1, с. 879). Въ 1809 г. открыта была старая дорога къ Днѣпру, назв. Панкратьевскою (Закревскій, 193, 408, 532), прежде Спасская.

[3]) Въ теченіе 10—15 часовъ превращено было въ пепелъ 1176 домовъ и магистратъ, 11 камен. церквей, 8 деревян., 3 монастыря (Братскій, Петропавловскій и Флоровскій) со множествомъ имущества церковнаго и обывательскаго. О рядѣ пожаровъ, бывшихъ въ 1808—1811 см. современныя записи (Кіев. Стар. 1884, VIII, 690, и записки митр. Серапіона, IX, 443, 446—447, 461); подр. донес. дир. гимн. Мышковскаго (1896, LIV, № 12, с. 72—79); Закревскій, 116—119. Ср. „Тревожные годы. Очеркъ изъ обществ. и политич. жизни г. Кіева и Ю. З. края въ 1811—12 гг.". (Кіев. Стар. 1891, т. XXXV, 1—21, 170—194). Есть указаніе, что во время пожара 1811 г. пропалъ столъ Кіев. общественн. коммиссіи, въ которомъ хранилось на 600000 руб. ас. векселей. Так. обр., безслѣдно исчезъ первый кіев. банкъ, устроенный въ к. XVIII ст., какъ ссудное учрежденіе, и въ балансѣ Кіев. город. думы до позднѣйшаго времени сохранялся счетъ общественной ком. въ суммѣ ок. 14000 р. (Кіевлян. 1898, № 106).

[4]) Послѣ пожара магистратъ помѣщался временно въ городскомъ домѣ противъ Воскресенской церкви, а въ 1838 г. для него пріобрѣтенъ частный домъ (Наз. Сухоты) «именитаго купца, ктитора церкви Николая Добраго» (Дневн. м. Серапіона, 435), близъ той же церкви, который по перемѣщеніи Думы на Крещатикъ (1878) былъ совершенно перестроенъ (на что городомъ употреблено 120000 р.) и отданъ для помѣщенія 3-ей гимназіи. Въ свое время сообщалось, что оставшійся отъ пожара гербъ арханг. Михаила и старинная серебряная посуда, употреблявшаяся для торжественныхъ пріемовъ, были проданы управленіемъ перваго состава думы, избранной по городскому положенію 1870 г. (Кіевлянинъ 1896, № 93. Къ вопросу объ устройствѣ

академическая библіотека (см. выше), былъ выстроенъ новый контрактовый домъ (составляющій впрочемъ часть ранѣе проектированныхъ большихъ построекъ). Послѣ этого пожара Кіевъ представлялъ весьма жалкій видъ; вскорѣ, однако, было ассигновано правительствомъ 200000 р. на возобновленіе Братскаго и Флоровскаго монастырей, частнымъ же лицамъ выдавались пособія [1]) и собирались пожертвованія, а отечественная война (1812) значительно отдалила и возможное улучшеніе города. Не задолго до этого пожара митр. Платонъ, посѣтившій Кіевъ (1804), писалъ: «Подолъ есть жилище гражданъ кіевскихъ, состоитъ изъ строенія деревяннаго, весьма мало гдѣ каменнаго, невиднаго, тѣснаго и *еще въ порядокъ не приведеннаго*, по низкости мѣста и по тѣснотѣ улицъ по мѣстамъ грязнаго. Нѣсколько отличнѣе строеніемъ каменнымъ ратуша, на башнѣ которыя сдѣланъ ангелъ, который, сказываютъ, ударяетъ копіемъ, означаетъ часы; *но при насъ сего не случалось*» [2]). Нѣсколько раньше механизмъ дѣйствовалъ, но дѣйствіе его Гильденштедтъ описываетъ иначе.

музея въ Кіевѣ; Перестройка зданія бывшаго магистрата, ibid. 1901, № 342). Гербъ, какъ выяснилось потомъ, помѣщенъ былъ надъ входомъ въ церковь Щекавицкаго кладбища (статуя частью вызолочена, частью посеребрена). Что же касается мѣдной статуи Ѳемиды, украшавшей фасадъ зданія магистрата до 1811 г., о которой упоминаетъ Закревскій, то, какъ говорятъ, она хранилась въ м. Ходорковѣ Сквирского у. у мѣстнаго миров. судьи (Кіевлян. 1896, №№ 93, 96, 109 и 110). Кромѣ того, изъ оффиц. показаній видно, что фигура арх. Михаила, статуя Ѳемиды и двугл. орелъ съ изображ. Петра В. на щитѣ въ 1836 г. находились въ домѣ быв. войта Киселевскаго (К. Стар., 1901, № 3, с. 156). Гетманскія регаліи, по нѣк. показаніямъ, также находились въ Кіевѣ (1893, № 12, с. 436).

[1]) Воен. губ. Милорадовичъ ходатайствовалъ о выдачѣ жителямъ въ ссуду на 10 лѣтъ 790000 р., но, вслѣдствіе затрудненія госуд. казначейства, отпущено было 12850 р. безвозвратно (Журн. Комит. мин., I, 244, 317, 417).

[2]) Путеш. въ Кіевъ въ 1804 г., въ прилож. къ соч. И. М. Снегирева „Жизнь митр. Платона“, стр. 40; Свѣдѣнія о его пребываніи въ дневн. м. Серапіона (К. Стар. 1884, IX, 424—426). Встрѣча по-

Между тѣмъ, политическія обстоятельства отвлекли на нѣкоторое время вниманіе правительства отъ Кіева, а опасности грозившія Россіи передъ отечественной войной, вызвали новыя мѣры по усиленію и расширенію кіевскихъ укрѣпленій [1]). Такъ, въ 1810 г. къ югу отъ Печерской крѣпости основана была Звѣринецкая крѣпость [2]); въ 1812 г. прибыли въ Кіевъ военные инженеры, которые устроили рвы и валы надъ самыми пещерами для помѣщенія батарей, и хотя, по ходатайству митрополита (черезъ Аракчеева), работы были ограничены, а вскорѣ затѣмъ

четнаго гостя происходила за Днѣпромъ, гдѣ уже существовалъ „трактиръ", а переѣздъ на кіевскую сторону совершился на паромѣ (ibid., 424). Подобный способъ переправы объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что понтонный мостъ, находившійся не вдали отъ пещеръ, былъ поврежденъ, какъ случилось и передъ пріѣздомъ Екатерины II (1889, № 5, с. 388; 1900, № 9, с. 66). Перевозы на Днѣпрѣ находились въ рукахъ лавры, Выдубецкаго мон., магистрата и казны и доставляли значительный доходъ, отчего и происходили постоянные споры между ихъ владѣльцами (К. Стар., 1882, № 11, с. 268; 1897, №№ 7—8, стр. 26—33). При отъѣздѣ м. Платона ему поднесены были лавр. братіей книги, образа, 16 арш. малиноваго бархата и два погребца, одинъ съ водкой старою сахарною о 8 штофахъ, а другой въ 12 бут. венгерскаго. Такіе же подарки дѣлались и м. Серапіону: такъ, могил. еп. Даніилъ, проѣздомъ въ свою епархію, поднесъ м-ту 32 арш. матеріи и 12 бут. венгерскаго. (Дневн., 456). Отъѣзжая изъ Кіева, м. Платонъ прибылъ къ Неводницкой прист., гдѣ сѣлъ въ большую лодку, наз. *дубъ*, и въ сопровожденіи полиціймейстера перевезенъ былъ на другой берегъ Днѣпра (ib., 426).

[1]) Князь И. М. Долгоруковъ (1810) замѣчаетъ: «Крѣпость въ большомъ содержится порядкѣ; видно что въ нее смотритъ попечительное око. Внутри ея, кромѣ лавры, замѣтить можно арсеналъ, онъ окруженъ еще и другими строеніями, какъ-то комендантскимъ домомъ, въ которомъ разведенъ большой садъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ пещерами, и провіантской коммиссіей; но домъ ея не краситъ этой части города» (291).

[2]) Закревскій, 322, 433. Въ городѣ постоянно размѣщены были два полка (Вигель, I, 207; Кіев. Стар. VIII, 690; IX, 428).

и валы были срыты [1]), но въ то же время возникла мысль о заложеніи на Печерскѣ каменной крѣпости, на случай враждебнаго вторженія съ западной границы. Опасность эта, однако, пока миновала, а вопросъ о постройкѣ крѣпости не возобновлялся до 1830 г. [2]).

Въ этотъ періодъ дважды посѣтилъ Кіевъ (1810, 1817) извѣстный въ свое время писатель и авторъ путешествій по разнымъ провинціямъ Россіи, преимущественно южнымъ, кн. И. М. Долгоруковъ, внукъ злосчастной Нат. Бор. Долгоруковой. Въ 1810 г. онъ писалъ: «Вообще городъ великъ и хорошо устроенъ; онъ имѣетъ 15 верстъ длины и много домовъ со вкусомъ. Безпрестанно надобно всходить или сходить съ горы [3]); до сихъ

---

[1]) Дневн. м. Серапіона (К. Стар. 1884, X, 451—58). Въ 1812 г. записано: 30 іюня митр., возвращаясь изъ лавры, нашелъ, что крѣпость была уже заперта, и ходили уже на главную гофъ-вахту докладываться въ пропускѣ (451). 14 іюля: съ полов. іюля стали приводить плѣнныхъ французовъ. 15 іюля комендантъ просилъ у м-та позволенія въ пѣвческомъ корпусѣ поставить плѣнныхъ французовъ, коихъ ведутъ 290 чел., да вслѣдъ за симъ будутъ до 400. 29 сент. лекарь Бунге сказывалъ м-ту, аки бы Москва была сдана французамъ на капитуляцію. Наконецъ 3 окт. м-ту удалось получить прямое извѣстіе о Москвѣ (453—54). 20 сент., въ полдень многіе въ Кіевѣ видѣли при солнечномъ сіяніи луну и подъ нею малую звѣзду, «изъ чего разныя дѣлали заключенія» (454) и т. д. рядъ извѣстій о текущихъ событіяхъ.

[2]) Закревскій, 123. Работами этими завѣдывалъ инж. ген. Глуховъ, вѣроятно Ил. Алексѣевичъ, состоявшій при Суворовѣ, по плану котораго взята штурмомъ Прага (ib., IV, 622), оставшійся затѣмъ въ Кіевѣ.

[3]) Отмѣчая посѣщенія церквей на Печерскѣ, Аскольдовой мог. и арсенала м. Платономъ, м. Серапіонъ выражается «ходилъ большею частью пѣшкомъ» (Дневн., 426), а м. Платонъ говоритъ, что «съ горы (Андреевской) на Подолъ по крутизнѣ сходили пѣши» (Пут. въ Кіевъ, 40), такъ трудны были тогда сообщенія. Когда «разбирали старокіевскія крѣпостныя ворота», то Серапіонъ ѣхалъ въ лавру че-

поръ ихъ обрабатываютъ и углаживаютъ. Улицы не мощеныя. Недавно разломаны ворота, такъ наз. Золотыя, какъ и во Владимірѣ, для употребленія матеріаловъ съ большею пользою въ другомъ мѣстѣ. Трактировъ нѣсколько, модныхъ лавокъ болѣе 10, музыкальные магазины и книжныя лавки; одна изъ нихъ съ надписью: «Cabinet de lecture». Дворецъ—строеніе огромное, залы большія и прекрасный садъ; въ немъ живетъ военный губернаторъ и часто даетъ роскошные праздники [1]). Музыка военная, а иногда роговая, почти ежедневно забавляетъ публику въ его саду и онъ всегда наполненъ [2]), а, идучи отъ дворца къ монастырю, отдѣлываютъ бульваръ и деревья при насъ садили [3]). Ремесленниковъ въ городѣ очень много; все нужное есть; на каждомъ домѣ вывѣски три, четыре, разнаго мастерства: жить здѣсь въ свободѣ пріятно, я очень этому вѣрю; но, по обязанностямъ службы, думаю, что очень тягостно, потому что губернія наполнена вся-

---

резъ нѣмецкое кладбище (Дневн., 444), которое находилось тогда въ концѣ Крещатика близъ нын. бульвара (Закревскій, 385).

[1]) Рѣчь идетъ о М. А. Милорадовичѣ. Нѣсколько позже во дворцѣ жилъ нач. 4-го корпуса Раевскій, который также славился своими пріемами (кн. Долгоруковъ, Пут. 1817, с. 112—113, 117, 119; Зап. Миславскаго, 690).

[2]) Для отдохновенія сдѣлана въ саду большая галерея, изъ которой виденъ Днѣпръ съ разными излучинами и Подолъ—прелесть всѣхъ видовъ кіевскихъ. Садъ содержится не совсѣмъ въ хорошомъ состояніи, есть оранжерея, а музыка и пѣсенники безпрестанно готовы къ услугамъ гуляющихъ (291), прибавляетъ кн. Долгоруковъ. Оркестръ роговой музыки принадлежалъ кн. Лобанову, который, женясь на дочери гр. Безбородка, жилъ въ Кіевѣ и давалъ (1817) зимою праздники народу (121).

[3]) Это, конечно, были «Липки», лучшая улица, назв. такъ по аллеѣ великолѣпныхъ липъ въ ея срединѣ (К. Стар., 1882, IV, 615). Сады въ Кіевѣ содержались вообще дурно (Гольденштедтъ) и фрукты были дороги (Долгоруковъ). Однимъ изъ первыхъ хорошо устроилъ фруктовый садъ Хр. Бунге, большой любитель садоводства, пріобрѣвъ усадьбу въ 1818 г. въ Липкахъ.

кимъ народомъ; въ ней поляки, малороссы и россіяне; разность правъ, нравовъ и обычаевъ каждаго изъ нихъ наносятъ служащимъ большія хлопоты и затрудненія. На Подолѣ выгорѣли ряды и строятся новые; между тѣмъ купцы торгуютъ по домамъ [1]). Тутъ рынки, торги, лавки, магазины. Ничто такъ не удивляетъ, какъ магазинъ Губарева, у котораго вы найдете все, что можетъ обворожить самаго равнодушнаго къ прелестямъ роскоши скупца; все выписное: стекло, фарфоръ, бронзы; о мелочахъ уже и говорить нечего: сюрпризы, какихъ лучше нѣтъ и въ Москвѣ; все это завелось здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ сюда перенесены контракты [2]). Это очень возвысило красоту города и воспособило его отстройкѣ. Домъ для контрактовъ выстроенъ превеликій на Подолѣ... Всѣ знаютъ, что такое контракты. Они начинаются въ январѣ и продолжаются недѣли три. Въ эту бѣшеную пору всѣ магазины, лавки опустошаются, все распродаютъ. Поляки наѣзжаютъ кучами отвсюду для своихъ продажъ, размѣновъ, арендъ и откуповъ [3]). Изъ каргановъ ихъ сыплются кучи золота, и я видѣлъ такіе дома, которые даютъ невѣроятный доходъ хозяину [4]), напр. домъ Сперанскаго занимается уже нѣсколько лѣтъ сряду во время контрактовъ граф. Потоцкой, которая за двѣ недѣли найма платила до 4000 р., а домъ деревянный и далекъ отъ того, чтобы

---

[1]) Это былъ пожаръ 21 нояб. 1808 г., начавшійся въ лавкахъ, у самой Успенской церкви, отъ котораго сильно пострадала послѣдняя («такъ, что жалостно смотрѣть») и «до 300 разныхъ лавокъ сгорѣло» (Днев. м. Серапіона, 437).

[2]) По словамъ автора пут., въ немъ было на нѣсколько сотъ тысячъ товара. Другой магазинъ,—галантерейный, соперничавшій съ московскими,—Маслакова (Пут. 1817, с. 108).

[3]) Во время контрактовъ заняла уже видное мѣсто хлѣбная торговля (Журн. Комит. мин. II, 211—112).

[4]) Посѣтившій въ 1806 г. Кіевъ путешественникъ Гунъ, упоминая о контрактахъ, сравниваетъ ихъ съ одной изъ знаменитѣйшихъ ярмарокъ въ Европѣ—лейпцигской, получившей начало за три столѣтія до кіевскихъ контрактовъ. (К. Стар. 1893, № 2, (251). Ему нравится мостовая изъ брусьевъ, «по которой ѣздить пріятно», а также онъ хвалитъ бѣлый хлѣбъ и варенье.

быть обширнымъ [1]). Вотъ крупныя черты города. Кіевъ старъ, но древность его не такъ видна, не такъ осязательна, какъ новгородская, тамъ столѣтія на всякомъ церковномъ зданіи, на всякомъ шпицѣ колокольни явственно изображены и свидѣтельствуютъ долговременность города; здѣсь все что-то новое, больше моды, меньше старины. Такое отсутствіе большой древности авторъ видитъ и въ церквахъ: Софійскому собору онъ отдаетъ преимущество передъ лаврой [2]), и, будучи человѣкомъ вполнѣ религіознымъ, дѣлаетъ, однако, не лишенные интереса замѣчанія въ бытовомъ отношеніи. Заведенія приказа общ. призрѣнія разсѣяны на нѣсколькихъ верстахъ вокругъ города. Я не ѣздилъ ихъ смотрѣть, потому что они не имѣютъ тамъ большой славы» [3]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же путешественникъ замѣчаетъ: «не совѣтую никому ѣздить смотрѣть Кіева ни въ Успенскій постъ [4]), ни въ контракты. Въ первое время тьма богомольцевъ и суеты набожныхъ посѣтителей, въ послѣднее—толпа поляковъ и роскошные праздники не дадутъ времени ни о чемъ подумать, все въ развлеченіи: и монахъ, и міряне, всѣмъ недосугъ» [5]).

---

[1]) Дѣлая визиты, она надѣвала брилліантовъ на милліонъ рублей (К. Стар., т. IX, 427).

[2]) Подобный же взглядъ на церковныя древности высказываетъ и м. Платонъ (Путеш. въ Кіевъ, 28—42).

[3]) Чтен. въ Общ. ист, 1869, стр. 259—302).

[4]) Около Усп. дня въ Кіевѣ, говоритъ кн. Долгоруковъ, всѣ норки набиты народу, а наемъ домовъ порядочныхъ отмѣнно дорогъ (Пут. 1817 г., 107).

[5]) Путеш. 1817 г. (ibid. 1870, II, 125). Къ этому онъ присоединяетъ, что «для осмотра полезныхъ заведеній надобна протекція; а у кого нѣтъ ни знакомыхъ въ городѣ, ни покровительства, тотъ можетъ сто разъ пріѣхать въ Кіевъ, и меньше будетъ его знать, нежели англичанинъ, шведъ, нѣмецъ, который привезетъ отъ министра письма и для котораго всегда дверь растворяется настежъ. Жаль, что это такъ затруднительно въ нашемъ государствѣ; разсужденіе мое о семъ основано на собственномъ опытѣ; присоедините къ этому еще и образъ жизни россіянъ... Всякой требуетъ визита и поклона, по-

Въ 1812 г. утвержденъ былъ планъ для Подола, распланировано опустошенное мѣсто, обозначены кварталы и улицы, а спустя пять лѣтъ тотъ же путешественникъ, замѣчаетъ: «Вся эта часть опять устроена и пожаръ способствовалъ ея украшенію. Улицы разбиты гораздо правильнѣе, дома построены въ порядкѣ и по хорошимъ рисункамъ; вездѣ промежутки наблюдены въ пристойной мѣрѣ. Нѣтъ прежней тѣсноты, которой опасность доказана была столь пагубнымъ опытомъ». Но авторъ съ упрекомъ относится къ магистрату и купцамъ, которые не хотѣли удовлетворить требованіе «начальства» относительно починки Андреевской церкви (она принадлежитъ дворцовому вѣдомству, а казна денегъ не даетъ) и въ этомъ спорѣ проходятъ годы, а зданіе примѣтнымъ образомъ разрушается и скоро на развалинахъ старинныхъ будутъ указывать развалины нашего времени, если казна не придетъ на помощь» [1]).

Само собою понятно, что упорядоченіе Печерска и постройка присутственныхъ мѣстъ въ этой части города, содѣйствовали умноженію частныхъ домовъ въ ней (графа Безбородка, кн. Прозоровской, Ипсиланти, быв. Вигеля, «прекрасный домъ», Оболонскаго, гр. Самойлова, Бѣгичева, ген. Бухгольца, Корта (зятя Массе [2]), увеличенію населенія [3]), развитію торговгли [4]) и воз-

---

томъ станутъ васъ посѣщать. Куча незнакомыхъ сдѣлаются пріятелями, но на пользу ни отъ одного не жди ни шага, ни слова, былъ бы соблюденъ этикетъ, а время убито» (124).

[1]) Чтен. въ Общ. ист. 1870, II, 106—107. О ней см. Данныя архива св. Синода о кіев. цер. св. ап. Андрея первозв., К. Здравомыслова, со снимк. 1809 г. (К. Стар. 1897, № 4, с. 1—12); зам. по пов. брош. А. М. Кіев. храмъ св. ап. Андрея первозв., К. 1898 (ib. 1898, № 10, стр. 31—32, Н. М.).

[2]) Долгоруковъ, Пут. 1810 г., 299, 301; Пут. 1817, с. 117; Зап. книж. гражд. Миславскаго (К. Стар. 1884, VIII, 690; Днев. м. Серапіона (ib., IX, 447); зап. Сем. Сулимы (1882, IV, 621).

[3]) Послѣ пожара 1811 г. Подолъ по числу домовъ уменьшился почти въ 5 разъ, зато значительно распространились Старый городъ и Печерскъ (Фундуклей, I, 327), которые начинаютъ преобладать.

[4]) Въ февр. (16) 1824 на Печерскѣ сгорѣли всѣ (деревянныя) лавки (Записи Миславскаго, 691).

никновенію новыхъ потребностей въ означенной части города [1]). Не смотря однако, на эти существенныя перемѣны, городъ мало улучшился въ смыслѣ благоустройства. Въ Кіевѣ царила тогда ужасная пыль лѣтомъ и бездонная грязь осенью и весной, не исключая и лучшей части города,—Липокъ; а какъ тогда, кромѣ рабочаго люда, никто еще не ходилъ пѣшкомъ, а ѣздилъ, какъ могъ, то улицы «матери всѣхъ городовъ русскихъ» и днемъ не были безопасны отъ множества собакъ... Тогда въ Кіевѣ часто вспыхивали пожары, выгорѣлъ весь Подолъ (1811), на перекресткахъ ходили часовые «ратники», въ предохраненіе отъ поджоговъ, въ которыхъ въ народѣ подозрѣвали «жидівъ и ляхівъ» [2]). И тотъ же наблюдатель, возвратившись въ Кіевъ спустя (съ 1817) нѣсколько лѣтъ (1824), пишетъ: «Кіевъ почти въ такомъ же положеніи, какъ я его оставилъ, прибыло нѣсколько новыхъ каменныхъ домовъ и убыло лачужекъ. Подъ великолѣпными липами устроили нѣчто въ родѣ бульвара, но все та же пыль по улицамъ и все тѣ же искони враждующія между собою партіи монтекки и капулетти, грязныхъ жидовъ и тощихъ псовъ. Изрѣдка несущаяся четверня барина съ визгливымъ форейторомъ или цугъ

---

[1]) Въ 1817 г. здѣсь былъ уже книжный магазинъ (Долгоруковъ, 117).

[2]) Былъ пожаръ во дворцѣ у воен. губ.—сгорѣлъ правый корпусъ; погорѣлъ митр. садъ на Кудрявцѣ; горѣли большія дома въ Липкахъ и на Печерскѣ, аптека, домъ войта Рыбальскаго и др., Выдубецкій мон.; у митр-та кареты на конюшнѣ вытаскивали. «Весь городъ наполненъ горячимъ дымомъ, такъ что дышать было трудно и вдали мало что было видно, страху много причинено, ходили слухи объ угрозахъ, говорили, что 8 чел. подозрительныхъ отосланы въ Петербургъ, а 6 содержатся здѣсь» (Дневн. Серапіона, 445—448). Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ насчитывали 20 зажигательствъ (К. Стар., VIII, 690), погорѣли люди, и въ крѣпости подымались мосты и никого даже въ церкви не пропускали безъ билета отъ коменданта. По поводу пожара было схвачено нѣсколько поляковъ, евреевъ, а также французовъ (К. Стар. 1896, т. LV, № 12, с. 73—74; 1891, т. XXXV, №№ 11 и 12).

съ бичемъ яснаго пана, обращали на себя вниманіе воюющихъ партій, изъ которыхъ дѣти Израиля, остановясь торопливо, подъ палящимъ солнцемъ, трясли свои мѣховыя шапки, чтобъ не завязли въ нихъ ермолки, и униженно кланялись, а собаки, съ воплемъ отчаянія, бросались за лошадьми» [1]).

Политическія обстоятельства, заставившія сосредоточить значительныя войска на югѣ Россіи [2]), и экономическое оживленіе, вызванное торговыми сдѣлками, въ свою очередь привлекали сюда на болѣе или менѣе продолжительное время окрестныхъ русскихъ помѣщиковъ и дворянъ. То было великое и славное время русскаго представительства въ древней столицѣ русской и во всей древней Кіевщинѣ, пишетъ современникъ. Послѣ заграничныхъ походовъ, въ Кіевѣ жилъ со своей семьей Н. Н. Раевскій, командиръ 4-го корпуса 1-й арміи, штабъ которой находился также здѣсь. Раевскіе были изъ числа богатѣйшихъ помѣщиковъ Кіевской губ. (м. Болтышка). Пышно жили они въ Кіевѣ, какъ и ихъ богатые родственники: графиня Браницкая (м. Бѣлая Церковь), ея братъ Энгельгардтъ (м. Ольшаны), ген. временъ Потемкина, извѣстный силачъ гр. Николай Алдр. Самойловъ (м. Смѣла), Алкивіадъ того времени, его сестра Елена Захаржевская (Жаботинъ), Давыдовы (Грушевка, Каменка), Высоцкій (Золотоноша), Лопухины (м. Шпола), Бороздины, Поджіо и мн. др., какъ Орловы (м. Матусово), Кудашевы, Могилянскій и т. д. Могучъ былъ тогда не только въ Кіевѣ, но и во всей Украинѣ блестящій русскій элементъ» [3])...

---

[1]) Замѣтки стар. кіевлян. (К Стар. 1882, IV, 615—616, 619).

[2]) Быть можетъ это обстоятельство отразилось и на назначеніи въ Кіевъ военныхъ губернаторовъ. Такъ, въ цар. Александра I здѣсь были: А. П. Тормасовъ (1803—1806), М. Л. Голенищевъ-Кутузовъ (1806—1810), М. А. Милорадовичъ 1810—1812). Въ 1812 г. онъ былъ отозванъ для формированія войскъ, а въ 1818 г. назначенъ с.-перб. воен. губ. (О родѣ двор. Милорадовичъ, см. 84). Послѣ него воен. губ. въ Кіевъ не назначали до 1827 г. (ср. Вигель, VI, 70; Закревскій, 895), а управляли имъ губернаторы.

[3]) С. Сулима, Замѣтки стараго кіевлянина (К. Стар. 1884, т. IV, стр. 623, 624).

Во время войнъ первыхъ лѣтъ цар. Александра и 1812 г. въ Кіевѣ появились новыя лица—эмигранты (француз. ген. Пупаръ) и военно-плѣнные. «Трогательное было зрѣлище, говоритъ тотъ же свидѣтель, когда на зимнихъ балахъ вводили на костыляхъ выздоравливающихъ русскихъ офицеровъ и плѣнныхъ французскихъ и саксонскихъ (французовъ приглашали по списку, данному ихъ ген. Раппъ). Начинались танцы, плѣнные весело плясали, и кончались уже къ утру веселымъ ужиномъ... Французскій ген. Раппъ и саксонскій Эргардтъ были вездѣ желанными и пріятными гостями. Эргардтъ рисовалъ, а Раппъ писалъ стишки въ альбомы. Многіе же французы и нѣмцы изъ плѣнныхъ пристроились гувернерами въ разныхъ домахъ [1]).

XI.

Двумя указами Павла I, изданными въ 1797 г., польскимъ дворянамъ въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ предоставлялось право избирать изъ своей среды на сеймикахъ губернскихъ и уѣздныхъ маршаловъ и другихъ чиновниковъ, а также генеральныхъ судей въ главные суды и предсѣдателей въ прочіе суды, причемъ возстановлялось дѣйствіе Литовскаго статута и судопроизводство на польскомъ языкѣ, съ прибавкою, однако, чтобы сношенія главнаго суда съ присутственными мѣстами велись непремѣнно на россійскомъ діалектѣ, что подтверждено было и въ 1807 г. [2]). Съ тѣхъ поръ почти всѣ административныя и судебныя должности въ юго-западныхъ губерніяхъ исключительно были заняты поляками. Общая численность русскаго дворянства въ Кіевской губерніи (въ числѣ которыхъ были: кн. Лопухинъ, гр. Самойловъ, гр. Бобринскій, Трощинскій и др.) вмѣстѣ съ безпомѣстными русскими чиновниками въ 1812 г.

---

[1]) Ibidem, 616, 618, 620.

[2]) П. С. Р. Зак. т. XXV, № 18850, 552—555; т. XXIX, стр. 1026.

простиралась всего лишь до 1170 лицъ, тогда какъ польскихъ дворянъ считалось свыше 43677 чел., изъ которыхъ около 3000 были собственно помѣщики, а остальныя составляли такъ наз. шляхту [1]). Когда въ 1806 г. было объявлено о созывѣ чрезвычайнаго ополченія на защиту отечества, то дворяне Кіевской губ. сформировали десятитысячную земскую милицію, въ составѣ которой находился особый конный отрядъ въ 600 чел., набранный исключительно изъ польскихъ шляхтичей. Главнымъ начальникомъ этого ополченія былъ помѣщикъ Кіевской губ. гр. А. Н. Самойловъ, но званія повѣтовыхъ начальниковъ милиціи, тысячныхъ и далѣе до сотенныхъ командировъ и другія должности польскіе дворяне исключительно распредѣлили между собою. По этому случаю состоялся дворянскій съѣздъ въ Кіевѣ. Кіевскому ополченію не пришлось принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, но милиція продолжала существовать еще нѣкоторое время; однако вскорѣ ее распустили. Замѣчательно также, что, по случаю назначенія кіевскаго воен. губ. Тормасова (1805) командовать выступившими къ границѣ полками, временное управленіе Кіевскою губ. поручено было председателю гражданской палаты Моршковскому [2]). Губернскими маршалами въ этотъ періодъ состояли: Козловскій [3]), гр. Ад. Ржевускій, Фр. Потоцкій. Изъ повѣтовыхъ

---

[1]) Между тѣмъ въ 1782 г., на запросъ о выборѣ фискала въ Кіевѣ, Малорос. коллегія отвѣчала, что въ этомъ послѣднемъ и его округѣ дворянъ нѣтъ (К. Стар. 1898, № 9, с. 83). Съ 1784—1795 г. въ родосл. книгу дворянъ г. Кіева и его округа внесено было всего 175 лицъ (Стат. опис. Кіев. губ., изд. Фундуклеемъ—трудъ Журавскаго, I, 189—192).

[2]) Дневн. м. Серапіона (К. Стар. 1884, т. IX, стр. 429).

[3]) «Поляки даже семейные, говоритъ Вигель, жили на холостую ногу. Одинъ только изъ нихъ, весьма почтенный человѣкъ, богатый вдовецъ, губ. маршалъ, т. е. Козловскій имѣлъ открытый домъ. Когда судьба отечества его рѣшилась, не прежде, чистосердечно онъ сдѣлался преданъ Россіи и двухъ сыновей своихъ опредѣлилъ въ гвардію (одинъ изъ нихъ командовалъ потомъ Преображенскимъ полкомъ). Онъ, безъ различія, принималъ поляковъ и русскихъ, и какъ съ тѣми, такъ и съ другими обходился вѣжливо и ласково» (Воспом., I, 209).

маршаловъ только въ двухъ уѣздахъ—черкасскомъ и чигиринскомъ были русскіе, въ остальныхъ же всѣ поляки [1]).

Выборы (дворянъ и чиновниковъ), происходившіе въ Кіевѣ, бывали чрезвычайно многочисленны и шумны [2]). «Католики имѣли перевѣсъ не только въ числѣ, но и въ знатности, и въ богатствѣ», замѣчаетъ м. Серапіонъ. Православныхъ депутатовъ владыка называетъ «мелкотравчатыми», а между католиками отмѣчаетъ т. с. Козловскаго и нѣсколькихъ «съ кавалеріями польскими» (въ первый разъ 5, а въ другой до 10 [3]). Дворянство имѣло свои собранія въ собственномъ домѣ (на мѣстѣ нын. конторы государств. банка [4]), на которомъ значилась огромными золотыми буквами надпись: «Dworzańska Kommissja». Представители дворянства обыкновенно употребляли польскій языкъ [5]). Въ 1817 г. состоялась

---

1) Кіев. губ.-ръ указывалъ, что въ его губерніи земская полиція состоитъ большею частью изъ мелкопомѣстныхъ и нечиновныхъ польскихъ дворянъ, находящихся въ полной зависимости отъ дворянства, поэтому въ дѣлахъ нѣтъ ни справедливости, ни успѣшнаго теченія (С. М. Середонинъ, Ист. обз. дѣят. Комит. мин., 279).

2) Кандидатура Олизара (1821) была принята 400 голосами, т. е. почти всѣми польскими помѣщиками Кіевск. губ. За свои рѣчи онъ имѣлъ непріятности (см. Pamiętniki, 203—208). О политич. характерѣ выборовъ въ Подольск. губ. (1808). Вслѣдствіе безпорядковъ на выборахъ были отмѣнены (1809) довѣренности (Середонинъ, 260—261).

3) Дневникъ (Кіев. Стар. 1884, IX, 430—431, 457—460); (К. Стар. 1892, № 11, 198, 200). Православныхъ приводилъ къ присягѣ митрополитъ, а католики приносили присягу въ костелѣ. Съ 1805—1808 губ. марш. состоялъ Козловскій, 1808 по 1811—Ржевускій, 1811 по 1820—Потоцкій. Въ 1808 г., послѣ присяги, м. Серапіонъ принималъ у себя всѣхъ дворянъ. Вслѣдствіе неутвержденія Потоцкаго, испр. должн. маршала (1820—1821) Фр. Моршковскій и Вал. Росцишевскій (Pam. G. Olizara, 130). Съ 1821 г. губ. марш. былъ Олизаръ, отличавшійся наклонностью къ сближенію съ русскими.

4) Постройка эта значительной величины состояла тогда изъ двухъ деревянныхъ корпусовъ на каменномъ фундаментѣ (Закревскій, 278).

5) Подъ 4 ноября 1809 г. митр. Серапіонъ отмѣтилъ: „Былъ у митрополита гражданскій губернаторъ Панкратьевъ и между прочимъ

закладка костела въ Кіевѣ во имя св. Александра, близъ Михайловскаго монастыря (вмѣсто деревяннаго, построеннаго въ 1799 г. на Печерскѣ и сгорѣвшаго въ 1817 г., при которомъ, какъ и послѣ, служили доминикане), постройка котораго закончена была лишь въ 1838 г.[1]). Съ образованіемъ Варшавскаго

показывалъ табакерку, отъ дворянства кіевскаго ему поднесенную, съ надписью на польскомъ языкѣ бриліантовыми словами: „за добродѣтели и труды отъ шляхты кіевской!“ (стр. 440); а подъ 13 марта 1810 г. онъ же пишетъ: „Скончался гражд. губ. П. П. Панкратьевъ. Погребеніе было въ субботу 19 марта. Въ 9 часу утра митрополитъ поѣхалъ въ домъ скончавшагося для поднятія тѣла... Затѣмъ читана была у самаго гроба на польскомъ языкѣ рѣчь предсѣдат. граждан. суда Проскурою. Шествіе продолжалось $2^1/_2$ часа. Въ провожаніи народу была тьма. Едва не весь городъ былъ. И были несены (въ Кирилловскій мон.) отъ шести цеховъ шесть пустыхъ гробовъ (при погребеніи войта Рыбальскаго несли 12 гробовъ; при погребеніи Ипсиланти участвовали 15 цеховъ со своими гробами, см. дневн. м. Серапіона, 455, 458), накрытыхъ покрывалами, шитыми очень богато и хорошо золотомъ по красному бархату“ (441—442). Дворянство Кіевской губ. приняло на свой счетъ содержаніе дѣтей умершаго губернатора. (Тревожные годы въ Кіевѣ 1811—1812, О. И. Левицкаго, Кіев. Стар. 1892, № 11, 196—197). Заслуги его были оцѣнены поляками еще въ рѣчи васильк. марш. Хоецкаго въ собр. дворянъ Кіев. губ. 28 дек. 1806 г. Необходимо замѣтить, что онъ былъ губернат. съ 1806—10 г., когда воен. губ. состоялъ М. И. Кутузовъ, занятый военными дѣлами и не всегда проживавшій въ Кіевѣ (ibid., 189, 198—199). Олизаръ благосклонно отзывается о русскихъ губернаторахъ въ Кіевѣ (Бухаринѣ и Ковалевѣ) и, напротивъ, рѣзко выражается о польской администраціи на Волыни (137, 150, 171—175; ср. Вигель, II, 70). Въ этомъ случаѣ еще заслуживаетъ вниманія рѣчь м. Евгенія въ Соф. соборѣ къ дворянамъ, адресъ къ нему всѣхъ дворянъ и раздача имъ этой рѣчи на польскомъ языкѣ (К. Стар. 1899, № 8, стр. 46).

[1]) Дневникъ Серапіона (462); Закревскій, 455. Сборъ однако продолжался и въ 1842 г., не исключая православныхъ помѣщиковъ (К. Стар. 1897, т. LVII, № 5, с. 68—69). Другой бытописатель, размышляя объ этомъ сборѣ, замѣчаетъ, что гр. Браницкая не дала,

герцогства, а затѣмъ царства Польскаго, настроеніе польскаго общества въ Кіевѣ значительно измѣнилось и вмѣстѣ съ тѣмъ обострились отношенія къ мѣстной администраціи (при ген. губ. Милорадовичѣ и позже). Образованіе народнаго ополченія въ 1812 г. встрѣтило большія затрудненія со стороны польскаго общества. Весьма удобнымъ временемъ для общихъ собраній являлись кіевскіе контракты. Мѣстное дворянство обыкновенно устраивало въ это время свои собранія, выборы; магнаты давали балы и вечера, на которые приглашались мѣстныя власти и представители русскаго общества. Сюда съѣзжались не одни помѣщики юго-западныхъ губерній, но и жители другихъ областей Рѣчи Посполитой. Теперь польская молодежь стала часто отправляться въ Варшаву и тамъ оставалась; много толковали о политикѣ и хотя въ публичныхъ собраніяхъ (на контрактахъ, въ театрѣ) соблюдалась «благопристойность» (по донесеніямъ администраціи), но тишина эта казалась подозрительной. Министръ полиціи требовалъ имѣть строгое наблюденіе за поведеніемъ жителей[1]). Съ своей стороны, администрація (губ. де-Санти) указывала на лицъ, какъ совершенно неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи, хотя безъ явныхъ выраженій, на марш. гр. Потоцкаго, быв. маршала гр. Ржевускаго, звенигор. повѣтоваго марш. Обремскаго, предсѣд. 2 департ. кіев. глав. суда Проскуру и сообщала рядъ сомнительныхъ характеристикъ относительно многихъ другихъ дворянъ, въ томъ числѣ и Ѳад. Чацкаго; но гр. Потоцкій и Чацкій являлись главными виновниками настоящаго возбужденія умовъ и хотя серьезныхъ послѣдствій отъ этого настроенія польскаго общества не произошло, но образованіе ополченія не состоялось[2]).

какъ православная: „Графиня скупа, рада привязкѣ, и не дала ни гроша“ (Долгоруковъ, Пут. 1817, с. 138—139). Ср. еще Воспомин. Олизара (131—138).

[1]) Требованіе это распространялось и вообще на иностранцевъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ высылали за границу (Журналъ Комит. министровъ, I, 488, 687).

[2]) Тревожные годы въ Кіевѣ. Очерки общественной и политич. жизни г. Кіева и Ю.-З. края въ 1811 и 1812 гг., О. И. Левицкаго,

Съ развитіемъ экономической жизни города нѣкоторое вліяніе сталъ пріобрѣтать и другой элементъ, мало проявлявшій пока значеніе,—еврейскій; но кіевскій магистратъ держался прежней точки зрѣнія на этотъ вопросъ. Въ дек. 1809 г. послѣдній обсуждался въ Комитетѣ министровъ, изъ журналовъ котораго видно, что Сенатъ препроводилъ на разсмотрѣніе мин. вн. дѣлъ просьбу магистрата о переселеніи въ другіе города евреевъ, живущихъ въ Кіевѣ, и о воспрещеніи имъ впредь тамъ селиться, приводя въ основаніе своей просьбы, съ одной стороны, прежнія привилегіи, которыми воспрещалось евреямъ записываться, жить и торговать въ Кіевѣ, а, съ другой, происходящія отъ нихъ многочисленныя тяжбы и ссоры. При этомъ по справкѣ оказалось: 1) что евреи начали селиться въ Кіевѣ по общему дозволенію съ 1794 г. и ихъ теперь тамъ 452 души и домовъ собственныхъ 25; 2) что ук. 1797 г. всѣ древнія привелегіи Кіева подтверждены во всей силѣ; 3) что въ 1801 г. выс. повелѣно евреевъ изъ города не переселять; 4) что грамота, въ томъ же году данная Кіеву, подтверждаетъ привилегіи, если онѣ не противны государственнымъ постановленіямъ; 5) что положеніемъ о евреяхъ въ 1804 г. дозволено записываться имъ въ города, коихъ привилегіи тому не противны и тамошній губернаторъ мнѣніемъ своимъ полагаетъ переселить евреевъ только изъ Подольской части города, а оставить ихъ въ Печерской и Софійской. Мин. вн. дѣлъ, по уваженію къ тому, что евреи записывались въ Кіевѣ съ законнаго дозволенія уже болѣе 15 лѣтъ и тамъ основали свои жилища и что по самому положенію о нихъ преимущественно назначены для ихъ жительства города, а не села и деревни, гдѣ они не столько могутъ быть *полезны*, а прекращеніе безпорядковъ зависитъ отъ бдительности мѣстнаго начальства, полагалъ, что не должно выселять сихъ людей изъ Кіева и запрещать имъ записываться въ цехи и гильдіи. Комитетъ мин. опредѣлилъ, согласно съ мнѣніемъ мин. вн. дѣлъ, оставить евреевъ въ Кіевѣ въ на-

---

К. Стар. 1892, т. XXXIX, №№ 11 и 12. При Кутузовѣ Чацкій былъ выселенъ въ Харьковъ (ib. 1893, № 2, с. 343). Многіе изъ означенныхъ данныхъ получены были мѣстной полиціей черезъ евреевъ.

стоящемъ положеніи[1]). Такое разрѣшеніе вопроса несомнѣнно стояло въ связи съ той общей точкой зрѣнія на улучшеніе быта и положенія евреевъ, съ какой онъ разсматривался въ началѣ цар. Александра и если не былъ рѣшенъ тогда, то въ значительной степени по стараніямъ самихъ евреевъ[2]). Нѣсколько раньше (1808) въ Госуд. Совѣтѣ было обращено вниманіе, что, не смотря на частый переводъ мѣдныхъ денегъ въ Кіевъ, замѣчался постоянный ихъ недостатокъ, что́ вліяло на положеніе курса, вслѣдствіе того, что въ Кіевской губ. и во всѣхъ отъ Польши пріобрѣтенныхъ губ. почти всѣ мѣдники евреи и занимаются передѣлываніемъ монеты въ мѣдь, потому что цѣна на нее возвысилась до 30 рублей и болѣе за пудъ; однако открыть это злоупотребленіе не удалось[3]). Въ дневн. м. Серапіона находимъ также любопытную черту изъ кіевскихъ нравовъ. Во время освященія церкви Николая Добраго (13 сент. 1807 г.) «вдругъ сдѣлался на мостовой чрезвычайный крикъ у самой церкви... И крикъ сей учинили жиды, человѣкъ 30; они для послѣдняго дня празднованія кущей ходятъ по улицамъ и поютъ. И были изъ нихъ многіе взяты въ полицію. 20 ноября эти жиды явились къ митрополиту съ просьбою о прощеніи ихъ неумышленнаго проступка»[4]). Въ другой разъ м. Серапіонъ записалъ: «Былъ у митрополита раввинъ жидовскій и просилъ прощенія въ ложномъ доносѣ самому государю, аки-бы дочь его (раввина), будучи выкрадена, была окрещена»[5]).

Въ 1803 г. (начатъ въ 1801, а открытъ 9 сент. 1803 г.) возникаетъ въ Кіевѣ постоянный театръ (деревянный, на мѣстѣ нын. Европейской гост.), не пользовавшійся вначалѣ хорошей

---

[1]) Журн. Комит. мин., I, 412. Подобное же отношеніе къ евреямъ, изъ боязни захвата ими торговли, выражено было въ прошеніи гражданъ Нѣжина обращенномъ къ гр. Салтыкову о запрещеніи евреямъ розничной торговли (К. Стар. 1898, № 6, с. 86—89; 1902, № 7—8, с. 12).

[2]) Богдановичъ, I, 107—109.

[3]) Арх. Госуд. Сов., III, ч. I, 459.

[4]) К. Стар. 1884, IX, 435.

[5]) Ibid., 461. Въ 20-хъ годахъ на Печерскѣ существовалъ уже „еврейскій трактиръ“ (Воспом. Вигеля, VI, 69). Евреи принимаютъ участіе въ откупахъ (Берлинскій, 28).

репутаціей. Кн. Долгоруковъ пишетъ о немъ (въ 1810 г.): «Театръ хотя и есть въ Кіевѣ, и снаружи хорошъ и великъ, но, за недостаткомъ актеровъ, въ немъ игры нѣтъ. На одни только контракты наѣзжаетъ какое-то иноплеменное сборище скомороховъ и что-то представляетъ; роскошь и мотовство болѣе, нежели вкусъ къ театру, его наполняютъ» [1]). Въ акустическомъ отношеніи онъ былъ превосходенъ. Въ немъ было 2 яруса ложъ (32), кресла и партеръ (за креслами, гдѣ стояли), амфитеатръ и галерея, всего на 470 чел. При трудности имѣть постоянно хорошихъ актеровъ, антрепренеры часто мѣнялись. Преимущественно это были содержатели польскихъ труппъ, которыя имѣли мѣсто даже до 60-хъ годовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ давались русскія и малорусскія пьесы. Афиши печатались на русскомъ и польскомъ яз. Одно время здѣсь имѣла представленія малорусская труппа помѣщика Ширая, а въ 1821 содержалъ театръ пріѣхавшій изъ Полтавы, знаменитый впослѣдствіи моск. актеръ М. С. Щепкинъ. Въ этотъ періодъ изъ пьесъ преобладали произведенія романтической школы. Изъ переводныхъ и передѣланныхъ пьесъ встрѣчаются произведенія Шекспира (Гамлетъ, Графъ Эссексъ), Шиллера (Карлъ Моръ), Мольера (Скупой и др.), Расина, Скриба, но особеннымъ вниманіемъ пользовались пьесы Коцебу. Часто давались также оперы, преимущественно «волшебнаго» характера, и особенно часто передѣлка изъ нѣмецкой оперы «Днѣстровская русалка» и Дюваля «Іосифъ въ Египтѣ», но ставились и «Цирюльникъ Севильскій», и «Донъ-Жуанъ или наказанный вольнодумецъ»; а изъ русскихъ «Мельникъ» Аблесимова и «Филаткина свадьба» Княжнина и на малорусскомъ яз. «Украинка или волшебный замокъ». Кромѣ того, ставились въ театрѣ пантомимы, балетъ и интермедіи. Русскія пьесы часто играла польская труппа; а игра актеровъ иногда соединялась съ пѣніемъ и танцами проѣзжихъ артистовъ. Въ 1823 г. между дѣйствіями представленія пѣли артистка львовскаго театра Герлетцъ и пѣвецъ Крулинскій, а польскіе танцоры

---

[1]) Путеш. 1810 г., с. 262. Поэтому нын. Крещатикъ носилъ тогда названіе Театральной улицы (К. Ст. 1892, № 5, с. 199).

и танцорки исполняли русскіе, фрацузскіе и др. танцы. И въ томъ же году давала большой концертъ пѣвица Каталани[1]). Преобладаніе польскаго репертуара объясняется тѣмъ вліяніемъ, какимъ сталъ пользоваться польскій элементъ въ Кіевѣ съ конца XVIII стол., благодаря политическимъ условіямъ края, преобладанію польскаго дворянства въ общественныхъ дѣлахъ и преимущественному участію его въ экономическихъ сдѣлкахъ со времени перенесенія контрактовъ въ Кіевъ. Какъ видно изъ оффиціальнаго донесенія, въ театрѣ тишина не всегда соблюдалась, часто сидѣли въ шапкахъ, а отсутствіе благопристойности бывало иногда причиною, что публика уклонялась отъ посѣщенія представленій [2]). Во время контрактовъ два раза въ недѣлю давались балы въ контрактовомъ домѣ, куда поляки обыкновенно являлись «въ народномъ костюмѣ» и танцовали мазурку въ шапкахъ, причемъ, во время танцевъ, происходили нерѣдко столкновенія между поляками и русскими, оканчивавшіяся часто крупными ссорами. Шалости пріѣхавшей на контракты публики принимали иногда и болѣе крупные размѣры. «Къ счастію, замѣчаетъ Вигель, до поединковъ не доходило. Феншъ, разумѣется, держалъ сторону поляковъ и офицеровъ сажалъ подъ караулъ». На вечерахъ, которые давалъ Феншъ во дворцѣ, гдѣ онъ жилъ, также выдавалась полька Моршковская, урожденная Ворцель [3]). Настроеніе общества, господствовавшее при немъ и нѣсколько позже, значительно измѣнилось при Милорадовичѣ [4]).

---

[1]) Къ ист. польскаго театра въ Кіевѣ, П. Т. (Кіев. Стар. 1890, № 6, стр. 533—540); Н. И. Николаевъ, Драм. театръ въ Кіевѣ (1803—1893), К. 1898, с. 14—18. О труппѣ Ширая (К. Ст. 1901, №№ 7—8, с. 010).

[2]) Кіев. Стар. 1892, № 11, с. 207.

Подобныя же черты нравовъ тогдашней ярморочной и театральной публики см. „Бердичевская ярмарка 1823 г. по воспомин. шляхтича" (К. Стар. 1893, № 6, стр. 428—458), какъ бывало и позже (1901, №, 3, с. 154).

[3]) Воспомин., I, 210—212.

[4]) К. Стар. 1892, № 11, с. 207. Отношенія его къ предвод. дворянства гр. Ржевускому и гр. Потоцкому крайне обострились (ibid., 197—198; № 12, с. 353—356).

Пріемы у Феншa[1]), имѣли скучный и чопорный характеръ; Кутузовъ часто отсутствовалъ; но нравы дворца измѣнились, когда въ немъ поселился богатый и тароватый представитель власти. Подъ 30 августа 1810 г. м. Серапіонъ записалъ: «По случаю царскихъ имянинъ былъ у воен. губ. М. А. Милорадовича хорошій фейерверкъ съ пушечною пальбою. И народу была тьма до полночи, и былъ балъ и угощеніе веліе всѣмъ»[2]). Въ другой разъ онъ далъ блестящій праздникъ въ честь Мятлевой, ур. Салтыковой, пріѣхавшей изъ Рима, и затѣмъ гр. Безбородко устроилъ чай въ своей, роскошно убранной усадьбѣ, въ Липкахъ[3]).

Въ 1811 г. въ Кіевѣ побывалъ гр. де-Лагардъ, роялистъ, оплакивающій прошлое и предпочитающій Франціи чужіе края въ то время, когда въ ней господствуетъ «узурпаторъ» (Voyage de Moscou à Vienne, P. 1824). Въ Кіевѣ онъ представлялся военному губернатору и познакомился съ поселившимся тамъ господаремъ Молдавіи и Валахіи Ипсиланти. «Озабоченный весь благосостояніемъ своихъ подданныхъ, замѣчаетъ де-Лагардъ, онъ не оставляетъ заботъ о своемъ состояніи, которое громадно». У Милорадовича путешественникъ былъ на великолѣпномъ балѣ. «Сады были иллюминованы до самаго низу горъ и въ чащахъ деревьевъ спрятаны были хоры музыки, которые сообщали этой прекрасной ночи какой-то волшебный колоритъ. За нѣсколько дней передъ

---

[1]) Вигель говоритъ, что «въ военномъ дѣлѣ онъ мало понималъ, а въ гражданскомъ ровно ничего, самая наружность его не вселяла уваженія...; онъ не имѣлъ ни одной оригинальной черты англичанина, отличался самымъ безцвѣтнымъ характеромъ и физіогноміей, не умный и не глупый, не добрый и не злой, не привѣтливый и не грубый. Находили, однако, что онъ имѣетъ нѣкоторую ученость, потому, что хорошо умѣетъ говорить поанглійски и знаетъ, что такое парламентъ, о которомъ немногіе у насъ тогда слыхали. Жена его, Софія Карловна, напоминала собою нянекъ и ключницъ своей націи и пофранцузски англійскимъ нарѣчіемъ говорила очень забавно" (Воспом., I, 210). Польское общество весьма охотно у нихъ собиралось (209).

[2]) Дневникъ (К. Стар. 1884, т. IX, 443—444).

[3]) Подробное описаніе у кн. Долгорукова (299—300).

тѣмъ разосланы были гонцы къ дамамъ, которыя почти всѣ теперь по деревнямъ. Генералъ открылъ балъ съ одной изъ прелестнѣйшихъ особъ, какую я видѣлъ въ жизни, госпожей Давыдовой, рожденной Аглаей де-Грамонъ»[1]). Не менѣе того французъ восхищается и ужиномъ. Въ два часа ночи былъ концертъ, въ которомъ соперничали между собою на віолончели и скрипкѣ Ромбергъ и Лафонъ. Потомъ танцовали до свѣта. Въ 9 час. утра поданъ былъ въ саду завтракъ. Спустя два дня онъ пишетъ: «Ген. Милорадовичъ возилъ меня вчера къ гражд. губ. Панкратьеву. Народу было мало и общество удалилось въ гостиную, установленную цвѣтами, гдѣ рѣшили разсказывать по очереди разныя исторіи. Дамы потребовали, чтобъ исторіи были страшныя, чѣмъ и воспользовался словоохотливый путешественникъ. Здѣсь же, въ Кіевѣ, онъ встрѣтилъ ген. Чаплица, друга принца де-Линя, который разсказалъ ему эпизодъ изъ путешествія Екатерины II въ Крымъ. На пути изъ Кіева онъ взглянулъ на Б. Церковь Браницкой и посѣтилъ Тульчинъ и Умань Потоцкихъ, причемъ сообщаетъ объ образѣ жизни ихъ богатыхъ владѣльцевъ, основанномъ на трудѣ массы крѣпостныхъ, громадныя цифры которыхъ онъ здѣсь и приводитъ[2]).

Изъ другихъ семействъ выдавался пріемами домъ Юл. Конст. Веселицкой, по первому мужу Бѣлухи-Кохановской. Второй мужъ ея былъ послѣднимъ русскимъ посланникомъ при крымскомъ ханѣ... «Домъ ея былъ столь же веселый, какъ названіе ея и она сама. Постоянное ея веселонравіе, приличная ея лѣтамъ шутливость и украинскій ея языкъ дѣлали ее для всѣхъ пріятно-оригинальною; хлѣбосольство ея не знало предѣловъ, за ея столомъ сливались обычаи и нравы, общіе Руси—восточной и западной, великой и малой. У нея обыкновенно гостили ея малороссійскіе родствен-

---

[1]) Говорится о женѣ А. Л. Давыдова, урожд. графинѣ Агл. де-Грамонъ, къ которой позже писалъ Пушкинъ извѣстное стих. „Къ Аглаѣ“ (изд. Литер. фонда, I, 237—238), какъ писалъ и къ дочери ея Адели (281), и къ самому А. Л. (301). Въ 1820 г. Пушкинъ гостилъ у нихъ въ Каменкѣ (VII, 11).

[2]) Кіев. Стар. 1885, т. XIII, № 12, стр. 749—757.

ники: Иваненки, Гудимы, Масюковы и др.; они никуда не выѣзжали, въ ея домѣ видѣли весь Кіевъ, и, пробывъ нѣкоторое время, возвращались восвояси» [1]).

Бывали удовольствія другого рода. Однажды (21 апр. 1807) митрополитъ на переходахъ у себя съ гостями ожидалъ спуска шара изъ дворцоваго сада; но шаръ не полетѣлъ, а спустя мѣсяцъ (21 мая), въ Шулявской рощѣ, принадлежавшей митрополичьему дому, въ присутствіи митрополита, кн. Кутузова, множества дамъ и другихъ людей «шаръ пущалъ цесарецъ». Шаръ поднялся саженей на сто, пролетѣлъ около 10 минутъ и спустился на дорогѣ близъ рощи. Развлекались и болѣе замысловатыми представленіями. Такъ, «въ присутствіи владыки, ректора и префекта акедеміи, знатнѣйшихъ лаврскихъ и домовыхъ старцевъ, въ прихожемъ покоѣ митрополита иностранецъ съ ученою лошадкою и принадлежностями фокусъ-покуса представлялъ разныя штуки». Изъ послѣднихъ всего болѣе удивило то, что въ часы, лежащіе передъ глазами зрителей фокусникъ вкладывалъ карточки, не касаясь часовъ. Въ заключеніе «живыя птички аки бы крѣпость осаждали и палили изъ пушечекъ, и вся крѣпость при пальбѣ зажжена была порохомъ и имѣла видъ аки бы фейерверка». Фокусникъ получилъ отъ митрополита 50 рублей [2]). Представленія эти, конечно, повторялись и въ другихъ кіевскихъ домахъ, а можетъ быть и публично.

Какъ и прежде, игра въ карты занимала большую часть досуга у праздныхъ кіевлянъ; но во время контрактовъ она достигала грандіозныхъ размѣровъ. Все съѣхавшееся общество вело игру на тысячи и на десятки тысячъ... Уѣхать съ контрактовъ было гораздо труднѣе, чѣмъ собраться туда, говоритъ одинъ изъ свидѣтелей этого «бѣшенаго времени». «Можно сказать, прибавляетъ онъ, что Варшава танцовала, Краковъ молился, Львовъ влюблялся, Вильна

---

[1]) Воспом. Вигеля, I, 208—209. Путешественники вообще хвалятъ гостепріимство кіевлянъ (Долгоруковъ, Пут. 1810, с. 300—301; 1817, с. 140—141). Измайловъ выражается: «Въ Кіевѣ болѣе красавицъ, но въ Москвѣ болѣе грацій; москвички милѣе для холоднаго разсудка, а кіевлянки для пламеннаго сердца».

[2]) Дневникъ м. Серапіона (К. Стар. 1884, IX, 433—434, 436).

охотилась, а старый Кіевъ игралъ въ карты и, въ виду этого передъ возрожденіемъ университета, забылъ, что онъ преднареченъ Богомъ и людьми быть столицей всеславянства» [1]).

XII.

Малороссійскіе депутаты въ Екатерининской коммиссіи ходатайствовали объ учрежденіи университета въ Кіевѣ [2]); по вступленіи на престолъ импер. Александра I и учрежденіи новыхъ университетовъ (въ Казани и Харьковѣ), Кіевъ былъ поставленъ на очередь. Въ 1805 г. посѣтилъ Кіевъ гр. П. В. Завадовскій [3]) и велъ рѣчь («аки бы по волѣ государя») съ митр. Серапіономъ о соединеніи академіи съ университетомъ, который предполагалось здѣсь открыть [4]); но не встрѣтилъ сочувствія этому проекту со стороны высшаго духовенства (какъ бывало, впрочемъ, и раньше, напр. при Екатеринѣ II относительно образованія богословскаго факультета [5]). Между тѣмъ, еще въ 1803 г. состоялось отчисленіе

---

[1]) Записки Чайковскаго (Р. Стар. 1895, № 12, стр. 153, 157—158.

[2]) О постепенномъ закрытіи школъ въ Малороссіи въ связи съ екатерин. учрежденіями (К. Стар. 1904, № 1, с. 023; № 7—8, с. 14—17).

[3]) Онъ остановился въ контрактовомъ домѣ (Кіев. Стар. 1884, т. IX, с. 430).

[4]) Эту мысль поддерживалъ и гражд. губ. Панкратьевъ, указывая, что теперь (академія) почти въ „одно только духовное училище превращена“ (Замѣт. о Кіев. акад. въ Чтен. Общ. ист. и древн. 1861, I, 166—172).

[5]) Дневникъ Серапіона (Кіев. Стар., IX, 430). М. Самуилъ (въ 1786), повидимому, былъ сговорчивѣе и склонялся къ совмѣстному помѣщенію академіи и училища въ соф. митр. домѣ; онъ указывалъ даже на возможность заимствованія академіей „ученія въ народныхъ училищахъ преподаваемаго, коему сообразоваться и всѣмъ дух. училищамъ (указаніе на распоряженіе 1785 г.) предписано“; однако, онъ находилъ, что помѣщеніе ихъ на Старомъ городѣ неудобно, который

Кіева и главнаго училища изъ управленія Приказа общественнаго призрѣнія въ вѣдѣніе Виленскаго университета и о назначеніи на содержаніе училища суммы въ размѣрѣ 3736 р. Въ это время попечителемъ Виленскаго учебнаго округа назначенъ былъ кн. Адамъ Чарторыйскій, ректоромъ университета гр. Стройновскій, а визитаторомъ училищъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской—Θаддей Чацкій. Въ 1804 г. Чацкій въ первый разъ посѣтилъ главное народное училище и внесъ въ книѓу актъ объ этомъ на польскомъ языкѣ. Чацкій высказываетъ въ своей визитѣ неудовольствіе, что учителя не знаютъ попольски, что въ библіотекѣ училища нѣтъ польскихъ книгъ и т. п. [1]). Тогда же началась подготовка училища въ гимназію. Въ это время оно находилось, какъ всякое учрежденіе въ переходный періодъ, почти въ упадкѣ [2]). Но въ 1809 г. состоялось уже назначеніе директоромъ Кіевской гимназіи и училищъ Кіевской губ. Як. Мышковскаго [3]). До 1812 г.

есть мѣсто *пустое, безлюдное, безводное, бездровное* и, по причинѣ горъ, всегда разрушающихся, *непроходимое* (К. Стар. 1900, т. LXXI, № 10, с. 04) и, какъ мы видѣли, при посредствѣ Румянцова, успѣлъ отклонить отъ себя эту опасность. М. Самуилъ выписывалъ для академіи руководства изъ Ком. народ. учил. (Сборн. матер. для ист. просв. въ Россіи, I, 93—97). Представленія губернатора и дир. училища (1789) окончательно утвердили послѣднее за Подоломъ, такъ какъ учащіеся были собственно подольскіе жители.

[1]) Заслуживаетъ вниманія, что даже Кіев. акад. должна была подвергнуться ревизіи Чацкаго и онъ не скрылъ своего недовольства въ письмѣ къ Коллонтаю (изд. ихъ переписка), въ которомъ, упоминая объ этой ревизіи, выражается, что учебное дѣло въ академіи представляется ему «сатирой на умъ человѣческій». (Рус. Вѣст. 1893, № 8, стр. 7).

[2]) Путеш. Долгорукова въ Кіевъ въ 1810 г., 292—93. Онъ говоритъ: „Никто меня не зазвалъ въ нее и я ничего объ ней отъ жителей не слыхалъ. Право я не холодѣю подъ старость къ просвѣщенію, но, видѣвъ нѣсколько училищъ, смѣю спросить тамъ ли оно, гдѣ по стату есть домъ, директоръ и учители?“

[3]) Директорами училища до него состояли: П. И. Симоновскій, Н. Р. Политковскій, И. В. Глейнингъ. Существуетъ мнѣніе (Андріяшевъ, Θ. Кудринскій, въ статьѣ Θад. Чацкій, К. Стар. 1893, № 2,

гимназія оставалась на прежнемъ мѣстѣ—на Подолѣ, а съ 1812 г. она, по настоянію Чацкаго и по желанію дворянства, собравшаго значительный капиталъ на пользу новаго учрежденія (до 450000 рублей, по 1 р. съ ревизской души) была помѣщена въ Кловскомъ дворцѣ (быв. помѣщеніе губернатора [1]) на Печерскѣ, гдѣ жили тогда польскіе магнаты. Въ 1811 г импер. Александръ утвердилъ грамоту, предоставлявшую гимназіи (названной Вышнею) особыя преимущества, которыя состояли въ расширеніи курса наукъ [2], въ назначеніи преподавателямъ почти двойного оклада

с. 339), что Мышковскій былъ воспитанникъ іез. школъ; но это ошибочно. Въ изд. мин. нар. просв. „Матеріалахъ" (т. I, II, III), помѣщенъ его послужной списокъ, отзывы о его дѣятельности, вѣдомости, имъ составленныя и пр. (см. т. I, по обстоятельному указателю), изъ которыхъ видно, что онъ былъ урожд. Могилевской губ., сынъ священника (изъ дворянъ), учился въ могилев. семин., оттуда посланъ, по вызову, въ учит. семин. въ Петербургъ, затѣмъ состоялъ учителемъ Гл. нар. уч. въ Могилевѣ, директоромъ (съ 1800 г.) училищъ Подольской губ. и, наконецъ, въ Кіевѣ и женатъ былъ на русской. Онъ зналъ польскій яз., какъ урож. Могилевской губ., а намъ сообщали на основаніи архивныхъ данныхъ кіев. I-й гимн., что онъ рѣшался вступать въ борьбу и съ Чацкимъ. Сношенія съ округомъ, дѣлались, однако на польскомъ яз.; но въ дѣлахъ сохранялся и русскій переводъ бумагъ (К. Стар. 1896, № 12, с. 74).

[1]) Переходъ ея въ Кловскій домъ не сразу состоялся. Въ апрѣлѣ 1812 г., вслѣдствіе скопленія раненыхъ въ воен. госпиталѣ (1800 чел.), Кловскій домъ былъ занятъ для больныхъ (250 чел.), а гимназія выведена въ д. гр. Потоцкой, бывшій Сперанскаго (Матер., изд. Мин. нар. просв., III, 719—723).

[2]) Въ составъ его входили: языки латинскій, греческій, фанцузскій, нѣмецкій, русскій и польскій, высшая математика, химія, физика, технологія, архитектура, естественное право, римское, русское право, политическая экономія, коммерція, статистика, естественная исторія, сельское хозяйство, всеобщая литература, русская и польская литература, нравственная философія, логика, психологія и эстетика, а также танцы, фехтованье, музыка, рисованіе. Курсъ преподаванія былъ пятилѣтній. На гимназію изъ казны отпускалось 5050 р.

и предоставленіи окончившимъ курсъ правъ дѣйствительныхъ студентовъ. Желанія жертвователей, «чтобы знатная часть наукъ преподавалась на польскомъ языкѣ», не было, однако, принято. Открытіе гимназіи совершилось 30 янв. 1812 г. при весьма торжественной обстановкѣ, сопровождавшейся везеніемъ высочайшей грамоты въ Печерскую лавру визитаторомъ и членами фундушевой коммиссіи, при участіи губернскаго маршала (гр. Потоцкаго) и повѣтовыхъ маршаловъ, дворянства, чиновъ всѣхъ присутственнымъ мѣстъ, членовъ магистрата, мѣщанскихъ цеховъ со своими хоругвями[1]), мѣстныхъ войскъ и т. п. Подобное же шествіе совершено было и обратно. Въ 3-мъ часу дня послѣдовало самое открытіе (101 выстрѣлъ). Въ рѣчи Чацкаго (на польскомъ языкѣ), сказанной въ примирительномъ духѣ, между прочимъ читаемъ: «Почитайте славу и несчастія даже угасшаго отечества однихъ, уважайте отечество другихъ. Докажите, что въ этомъ общемъ уже государствѣ есть Монархъ, котораго благодѣянія обязываютъ насъ къ благодарности». Вторую рѣчь, еще длиннѣе, говорилъ гр. Ржевускій и третью—маршалъ повѣтовый; наконецъ, порусски дирек.

---

[1]) См. Дневникъ м. Серапіона (Кіев. Стар., IX, 449--450): „передъ гимназіей стояли цехи съ знаменами и городская милиція на коняхъ, и играли въ литавры“. Ср. записи Миславскаго (VIII, 690). Въ 1812 г., когда кіевскій гарнизонъ былъ двинутъ на усиленіе арміи, кіевляне сформировали свой корпусъ и содержали караулы въ городѣ и крѣпости (Кіев. Стар. 1882, II, 191).

Въ 1813 г. въ дневникѣ м. Серапіона снова читаемъ: „24 января умеръ войтъ Рыбальскій, старикъ почтенный, всѣми уважаемый и умный. Отпѣвалъ митрополитъ. Церемонія погребенія войта была необычная: 1) въ церкви было около гроба 18 знаменъ; 2) когда гробъ вынесли изъ церкви, передъ гробомъ ѣхало до ста гражданъ въ наилучшемъ уборѣ, на наилучшихъ лошадяхъ, въ малороссійскомъ богатомъ платьѣ; 3) впереди всей процессіи несли 12 гробовъ, покрытыхъ богатыми пеленами, шитыми золотомъ и серебромъ (тамъ же, IX, 455). Погребенъ онъ былъ на Щекавицѣ, гдѣ построена имъ каменная церковь.

Мышковскій[1]). Торжество закончилось «богатымъ обѣдомъ» (въ 7-мъ часу), даннымъ въ гимназическомъ залѣ Чацкимъ, и баломъ у ген.-губернатора, съ иллюминаціей всего города, украшенной (передъ гимназіей) вензелями и миѳологическими картинами. По управленію, гимназія первоначально подчинялась Виленскому университету, съ 1813 г. непосредственно министерству народнаго просвѣщенія, затѣмъ опять Виленскому университету, а съ 1818 г. Харьковскому. Въ виду необходимаго подготовительнаго заведенія для Высшей гимназіи, курсъ кіевскаго уѣзднаго училища былъ расширенъ преподаваніемъ латинскаго и новыхъ языковъ. Число учениковъ гимназіи, постепенно увеличиваясь, не достигало, однако, значительной цифры (1812—48; 1815—63; 1818—98; 1824—112; 1828—119). Въ кіевской гимназіи воспитывались дѣти всѣхъ сословій, съ преобладающимъ, конечно, числомъ сыновей дворянъ и чиновниковъ (на 119—42 двор., 39 дѣтей чиновниковъ, 8 купцовъ, гражданъ—4, мѣщанъ—18, казак.—1, иностранцевъ—1, вольноотпущ.—2, кантонистовъ—2 [2]). Многопредметность преподаванія, при краткости курса, отсутствіе вполнѣ подготовленныхъ преподавателей и соотвѣтственныхъ учебниковъ, должны были неблагопріятно повліять на успѣхи преподаванія: при сравнительно небольшомъ количествѣ учащихся, число учениковъ, оканчивавшихъ курсъ, составляло лишь $^1/_{12}$ всего ихъ состава[3]).

---

[1]) „Вѣроятно въ теченіе своей многовѣковой жизни Кіевъ только разъ оглашался въ вечернее время такимъ патріотическимъ громомъ, какой устроили теперь три польскихъ графа“ (Дневникъ м. Серапіона, Кіев. Стар. IX, 450).

[2]) Поляки предпочитали воспитывать своихъ дѣтей въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ науки проходились на польскомъ языкѣ, какъ напр. въ Умани и Каневѣ и въ частныхъ пансіонахъ (Андріяшевъ, 31—32; Зап. Чайковскаго, Рус. Стар. 1895, № 11, стр. 168—171, о пансіонѣ Вольсея въ Бердичевѣ, гдѣ учились русскіе и поляки совмѣстно). Много данныхъ объ этихъ и др. училищахъ (составъ ихъ и преподаваніе) см. въ Матер., изд. Мин. нар. просв., тт. I—IV.

[3]) Историко-статистич. обозр. 50-лѣтія существ. Кіев. первой гимназіи (1812—62), А. Андріяшева, К. 1862; Кіев. Стар. 1889, т.

Кіевъ сталъ пополняться и другими учебными заведеніями, не смотря на неблагопріятныя условія, въ какія поставлена была средняя школа[1]). Въ сент. 1801 г. былъ открытъ пансіонъ «иностранца» Ивана Броецкаго; въ дек. 1802 пансіонъ отст. франц. капитана Карла Компаньона, а въ мартѣ 1803 г. вдовы Каролины Штуцъ[2]), какъ одновременно съ тѣмъ открываются пансіоны въ другихъ городахъ Кіевской и малороссійскихъ губерніяхъ[3]). Правда, мин. нар. просв. съ самаго начала неблагопріятно смотрѣло на пансіоны, устраиваемые иностранцами и потому тогда же установило правила относительно ихъ содержанія, платы, преподаванія и обязательнаго введенія русскаго языка (съ постепенностію для губерній «присоединенныхъ отъ Польши»), а также и надзора, ввѣреннаго университету и въ такомъ видѣ они просуществовали до 1826 г.[4]). Съ 1806 г. въ Кіевѣ открыто было уѣздное училище[5]), помѣщавшееся вмѣстѣ съ гимназіей и въ Кловскомъ домѣ[6]). Кромѣ того, упоминается нѣсколько приходскихъ

XXVII, 423—429. Въ Дневникѣ Серапіона подъ 14 іюля 1815 г. записано: „Выпускной экзаменъ въ кіев. гимназіи. Новопроизведеннымъ студентамъ выданы были аттестаты, а еще губернаторъ роздалъ имъ шпаги“ (Кіев. Стар., IX, 458). Мышковскій состоялъ директоромъ съ 1809—1820 г.; затѣмъ былъ Г. Петровъ.

[1]) По заявленію производившаго ревизію гимназій Козодовлева, большинство не находило необходимости въ болѣе широкомъ образованіи, а считало совершенно достаточнымъ элементарное знаніе.

[2]) Матер., изд. Мин. нар. просв., I, 453, 498; II, 570.

[3]) Кіев. Стар. 1890, № 9, с. 495—96; 1901, № 6, с. 450—59. Въ Кіевской губ.—въ Умани, Звенигородкѣ, Христиновкѣ.

[4]) Будучи въ Кіевѣ въ 1810 г., кн. Долгоруковъ замѣчаетъ: „Одинъ иностранецъ держитъ *Пансіонъ для благородныхъ дѣвушекъ*, я его не видалъ, и судить достоинства заведенія не могу; а, заѣхавши нечаянно въ обѣденную пору, засталъ барышень за столомъ; хозяева, мужъ и жена, вмѣстѣ съ ними обѣдали, и мнѣ показалось содержаніе сего училища по наружности благопристойнымъ“ (293).

[5]) Матеріалы, 342, 1083.

[6]) Закревскій, 269—270.

училищъ (и на Подолѣ), въ томъ числѣ и для дѣвицъ, которыя также иногда подвергались опасности содержать военный постой [1]).

Въ 1818 г. одинъ русскій журналъ писалъ: «Нынѣ Европа наполняется училищами взаимнаго обученія; они умножаются въ Америкѣ; учителя сей методы находятся въ Корсикѣ. на мыслѣ Доброй Надежды, въ Антигоѣ, Калькутѣ и на Цейлонѣ; другіе отправляются въ Сенегалъ; правительство Гаити также требовало ихъ и получило; одинъ уроженецъ отаитскій перевезъ сію систему изъ Лондона въ Новый Валисъ, и въ сочиненіи, назначенномъ для споспѣшествованія распространенія оной въ обширныхъ областяхъ Россіи, изъявлено желаніе и поданы средства ввести ее между кочующими народами, незнающими еще христіанской религіи, учредить школы въ кибиткахъ и къ обыковенному выоку верблюда присовокупить еще снаряды кочеваго училища». Дальше авторъ сообщаетъ о методѣ взаимнаго обученія, по поводу книги Іос. Гамеля, о методахъ Белля и Ланкастера, переведенной съ нѣм. языка на французскій [2]). Въ 1819 г. было утверждено «С.Петербургское Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія», въ числѣ первыхъ жертвователей котораго были имп. Марія Ѳедоровна и Елисавета Алексѣевна и «многія почетнѣйшія особы въ Имперіи». Въ Петербургѣ эти

---

[1]) Кіев. Стар. 1896, т. LV, № 12. с. 75. Въ 1814 г. смотритель ихъ Берлинскій жаловался дир. Мышковскому, а послѣдній губернатору, что квартирная экспедиція, вопреки предписанію начальства, не отвела для нихъ требуемыхъ квартиръ, а учительница дѣвич. приход. учил., помѣщавшагося въ домѣ Барскаго, жена тит. сов. Куницкаго заявила, что 22 авг. квартиргеръ коммиссіи, во время самаго ученія, ввелъ на постой проходящихъ донскихъ казаковъ, разогналъ учащихся дѣвицъ и таковымъ неожиданнымъ поступкомъ разрушилъ начавшееся ученіе, приведши страхомъ въ безпорядокъ ученицъ и училище" и пр. Необходимо замѣтить, что губерн. Черепановъ немедленно удовлетворилъ ходатайство директора и потребовалъ къ отвѣту квартиргера (К. Стар. 1897, т. LVII, № 4, стр. 14—15).

[2]) Сынъ Отеч. 1818, № 51 и дал., изъ париж. журнала Arhives philosophiques, politiques et littéraires, Sept. 1818, № 15.

школы были учреждены при училищахъ, находившихся въ вѣдѣніи имп. Маріи Ѳедоровны, въ гвардейскомъ корпусѣ, которыми завѣдывалъ Гречъ, и особое училище, заведенное обществомъ (на 274 чел.) въ части города, населенной недостаточными людьми, въ которомъ за три года перебывало 815 чел. и лѣчилось 312 дѣтей; далѣе, въ Кронштадтѣ главнымъ командиромъ порта (на 170 мальчиковъ), причемъ замѣчено, что изъ нихъ 150 въ 8 мѣсяцевъ совершенно выучились читать, писать и ариѳметикѣ. Школы устраивались при всѣхъ военно-сиротскихъ отдѣлленіяхъ въ разныхъ городахъ (въ Новгородѣ на 630 чел., въ Херсонѣ на 660 чел. и т. д.) и при всѣхъ баталіонахъ и ротахъ поселяемыхъ войскъ, для которыхъ была высоч. учреждена особая коммиссія, состоявшая подъ вѣдѣніемъ гр. Аракчеева, составившая и издавшая нужныя для того книги, руководства и прочія учебныя пособія. Гречъ издаетъ свои наблюденія о школахъ (Ланкастерскія школы. Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ издателя Сына Отечества, Спб. 1818), и составляетъ «Руководство ко взаимному обученію» (Спб. 1819); а книга Гамеля переводится на русскій языкъ («Описаніе способа взаимнаго обученія по системамъ Белла, Ланкастера и другихъ, въ коемъ изложены начало и успѣхи сего способа въ Англіи, во Франціи и въ другихъ странахъ, правила и порядокъ употребленія онаго въ училищахъ»; и издана департ. госуд. хозяйства (Спб., типогр. воспит. дома, 1820). Высшіе сановники принимаютъ участіе въ этомъ дѣлѣ: первая такая школа (еще въ 1819 г.) была учреждена гр. Н. П. Румянцевымъ въ Гомелѣ, при содѣйствіи извѣстнаго педагога Я. И. Герда [1]); мин. вн. дѣлъ гр. Кочубей устраиваетъ въ своихъ имѣніяхъ въ Малороссіи; С. С. Апраксинъ и А. Н. Соймоновъ—въ Московской губ., а въ Иркутскѣ содѣйствуетъ открытію школы Сперанскій [2]) и, по недостатку помѣщенія, она устраивается въ залахъ ген.-губернаторскаго дома. Въ Перми, Оренбургѣ, Тифлисѣ школы открывались мѣстными гражданами и воен-

---

[1]) Истор. Вѣст. 1887, XXIX, 650—556).

[2]) Остаф. Архивъ, I, 335.

ными властями. Въ Вологдѣ завелъ училищѣ мѣщанинъ Муромцовъ «человѣкъ ограниченнаго состоянія (на 100 мальч. и 30 дѣв.) и самъ занимался обученіемъ». Въ Болховѣ, Одессѣ, Вильнѣ, Виленской и Подольской губ. устраиваются университетомъ, лицами учебнаго вѣдомства, помѣщиками, католическимъ духовенствомъ. Для Подольской губ. таблицы и учебныя пособія составлены были на польскомъ языкѣ; на изданіе таблицъ и прочихъ пособій на молдавскомъ яз., для открываемыхъ училищъ въ Бессарабской обл., имп. Александръ пожаловалъ 6700 р. Въ 1822 г., по ходатайству Венинга, открыто подобное же училище въ Петербургѣ для иностранцевъ, а въ 1823 г., по мысли Сарры Кильгамъ, для женщинъ, преобразованное въ 1862 г. въ училище св. Елены. Изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что въ Кіевѣ существовали школы взаимнаго обученія при 3-й понтонной ротѣ на 160 чел., заведенная полк. Шварценбургомъ, и при военно-сирот. отд. почет. член. Общества ген. майор. М. Ѳ. Орловымъ, на 800 чел., извѣстнымъ устройствомъ подобныхъ школъ въ войскахъ 4 корпуса, находившагося подъ нач. Н. Н. Раевскаго. Орловъ близко интересовался этимъ дѣломъ и старался облегчить способы усвоенія означеннаго метода преподаванія, которые онъ называлъ своею (орловскою) системою и надѣямся даже заслужить себѣ славу [2]). Онъ познакомился съ методомъ взаимнаго обученія во время пребыванія русскихъ войскъ въ Парижѣ, откуда онъ получалъ книги и таблицы, переведенныя на рус. языкъ для корпуса гр. Воронцова и напечатанныя въ крѣп. Мобежъ въ 1817 г., и, кромѣ того, состоялъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Обществомъ взаимнаго обученія въ Парижѣ [3]). По

---

[1]) Выписка изъ отчетовъ Комитета Высоч. утвержд. Сп. общ. учрежд. училищъ по методѣ взаимнаго обученія, читан. въ торж. собр. Общества 15 ян. 1821 и 1 іюня 1822 г. (С. Отеч., 1823, ч. LXXXIV, № 10, стр. 97—107); письмо о составѣ и цѣли Общ. учрежд. уч. взаим. обученія (ib. 1823, LXXXIV, 170—173); тамъ же (за 1818—20 гг.) и другія свѣдѣнія о нихъ.

[2]) Рус. Стар., т. XL, 657; Остаф. Архивъ, I, 456—59.

[3]) Сборн. Р. Ист. Общ., т. LXXVIII, стр. 523—528.

нѣкоторымъ указаніямъ, самое начало способа взаимнаго обученія было положено Орловымъ въ Кіевѣ (1816—1820), а потомъ онъ примѣненъ былъ въ Петербургѣ и въ другихъ губерніяхъ. Въ Кіевъ присылались изъ разныхъ мѣстъ ученики для подготовки въ этомъ дѣлѣ, откуда ихъ разсылали въ Москву, Могилевъ и Херсонъ. Даже послѣ перехода Орлова на службу въ Кишиневъ, гдѣ онъ продолжалъ свое дѣло, ланкастерскія школы въ Кіевѣ (ими завѣдывалъ инж. капит. Прасоловъ) пользовались хорошей репутаціей, учителя отличались ревностью и самое заведеніе было доступно дтя всѣхъ интересовавшихся познакомиться съ нимъ [1]). Съ возникновеніемъ реакціи въ 20-хъ годахъ ланкастерскія школы подверглись заподозриванію и вызвали нападки на нихъ въ высшихъ сферахъ [2]), которыя отразились въ извѣстонй репликѣ старушки Хлёстовой въ комедіи Грибоѣдова [3]). Съ охлажденіемъ главныхъ дѣятелей постепенно онѣ стали закрываться, отчасти по указаннымъ причинамъ, а отчасти по недостатку средствъ, приливъ которыхъ вскорѣ прекратился. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ м. Городищѣ, принадлежавшемъ гр. М. С. Воронцову, ланкастерская школа, основанная имъ для своихъ крестьянъ (на 40 чел.) въ 1820 г., существовала и послѣ 1840 г. [4]). Прибавимъ къ этому, что еще въ к. 50-хъ годовъ Печерское приходское училище называлось ланкастерскимъ [5]).

«Академія видъ имѣетъ хорошій, писалъ м. Платонъ въ 1804 г., своими особливо переходами съ колоннами. Величиною въ два

---

[1]) Въ такомъ смыслѣ написана ок. 1820 л. Записка о Ланк. учил. въ Кіевѣ Ив. Ром. Мартосомъ (К. Стар. 1897, № 6, с. 1—2; №№ 7—8, прилож., 65—69).

[2]) Сборн. Р. Ист. Общ., LXXVIII, стр. 15; Шильдеръ, IV, 210.

[3]) И впрямъ съ ума сойдешь отъ этихъ отъ одних
От пансіоновъ, школъ, лицеевъ, какъ бишь ихъ,
Да отъ ланкастерскихъ взаимныхъ обученій.

[4]) К. Стар. 1898, № 12, стр. 80—82.

[5]) Памят. книжка Кіев. губ. на 1858 годъ, сост. ред. Кіев. Губ. Вѣд. Н. Чернышевымъ, К. 1858, стр. 346.

этажа, длиною до 35 саж., съ церковью». Видѣлъ строеніе академіи, говоритъ кн. Долгоруковъ, и нашелъ его прекраснымъ; зала собранія велика въ сравненіи съ прочими, ей подобными, и со вкусомъ расписана... Зала наполнена портретами благотворителей академіи. Надъ ними на хорахъ разставлены грудные списки съ остроумныхъ писателей въ язычествѣ. Вы найдете Цицерона, Саллюстія, Виргилія и пр. Кто располагалъ эту залу, тотъ не былъ суевѣръ. Мнѣ полюбились болѣе прочихъ слѣдующіе замыслы живописца: надъ дверьми философскаго класса изображенъ Фаэтонъ; надъ дверьми богословскаго—Аполлонъ; Фаэтонъ хотѣлъ поревновать солнцу и взялъ его упряжку, но кони его помчали и онъ стремглавъ низвергся на землю; Аполлонъ, напротивъ, прямые лучи Феба отражаетъ на себѣ и лира его плѣняетъ всю вселенную... Академія считаетъ у себя до 1400 учениковъ, изъ нихъ 400 на казенномъ коштѣ» [1]). Дважды средства академіи были увеличины (1797, 1807). По прежнему она должна была высылать своихъ учениковъ по требованію медицинской коллегіи, снабжала ими персоналъ гражданскихъ чиновниковъ въ Ю. З. краѣ, а въ теченіе 1803—1816 г., для составленія контингента учителей, изъ академіи было взято въ Петербургъ 19 студентовъ; но, вообще, со 2-й пол. XVIII стол. академія все болѣе спеціализируется; воспитаніе въ ней становится исключительно религіозно-церковнымъ; число выдающихся учениковъ, вышедшихъ изъ нея, все болѣе уменьшается; а въ 1817 г. она обращена была даже въ семинарію [2]). Уставъ 1819 возстановилъ академію, но какъ училище, предназначенное для богословскаго образованія и приготовленія церковныхъ пастырей [3]). М. Платонъ, посѣщая академію

---

[1]) Путеш. 1810, 289—290. По оффиц. даннымъ тогда было въ ней 1069 дѣтей дух. зв. и 129 разночинцевъ, въ 1814 г. 904 (Серебренниковъ, 202, 216).

[2]) Серебренниковъ, 184—223.

[3]) Макарій, 203—208. Въ 1822 г. на старомъ 2-этажномъ корпусѣ постройки Мазепы возведенъ былъ 3-й этажъ, а въ 1863 и 64 гг. зданіе было вновь перестроено (Закревскій, 171).

въ 1804 г., призналъ все ея значеніе для другихъ училищъ въ предшествовавшій періодъ ея существованія. «Бывъ приглашены въ академію, говоритъ онъ, почтили насъ тамъ привѣтствіемъ на разныхъ языкахъ, прозою и стихами съ инструментальною музыкою [1]). Чѣмъ бывъ обязаны, изъявляли свое обрадованіе, что узрѣли ту Академію, которая столько учеными людьми прославилась, и особливо почли себя одолженными возблагодарить на самомъ томъ мѣстѣ, откуда по большей части были взимаемы учители въ Московскую академію, отъ коихъ и мы имѣли счастіе нѣкоторое получить просвѣщеніе» [2]).

Необходимо замѣтить, что еще съ 1787 г., вслѣдствіе распоряженія м. Самуила о доставленіи дѣтей духовнаго званія въ академію и съ увеличеніемъ свѣтскихъ училищъ [3]), число учащихся въ академіи изъ разночинцевъ значительно падаетъ (въ 1790—232; а дѣтей дух. званія—419; въ 1803—172 и 1015; въ 1811—129 и 1062, изъ нихъ на казенномъ содержаніи—533 [4]), но, со введеніемъ устава 1819 г., когда всѣ студенты переведены были на казенное содержаніе, число ихъ понизи-

---

[1]) Подобныя привѣтствія были обычны въ то время и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ. Въ днев. Серапіона о посѣщеніи академіи мин. нар. просв. Завадовскимъ, читаемъ: «былъ въ академіи, гдѣ выслушалъ на разныхъ языкахъ стихи и рѣчи». По поводу рожденія дочери у имп. Александра въ академіи трудились надъ сочиненіемъ одъ на сей случай (430, 432). Въ ожиданіи пріѣзда вел. кн. Константина Павл., въ 1804 г. митрополитъ поручилъ ректору академіи готовить одну de adventu M. Ducis Const. P. (427).

[2]) Путешествіе въ Кіевъ, с. 41.

Ср. Матеріалы для ист. Кіев. акад. 1800—1802 (о преподаніи, Кіев. Стар. 1904, № 6, стр. 61—68; Н. И. Петровъ, Акты и документы, относ. къ ист. Кіев. акад. отд. II, т. I, (1721—1750), чч. I и II, К. 1904.

[3]) О его дѣятельности см. Ѳ. Рождественскій, Самуилъ Миславскій, митр. кіевскій (съ 70 письмами, напеч. съ рукоп. К. Соф. соб. и Кіев. консист., К. 1877 (тоже въ Труд. К Д. акад.).

[4]) Макарій, 104, 108.

лось до установленной нормы (120 [1]); а другая часть была отвлечена въ семинарію, основанную въ томъ же году, сначала на мѣстѣ дух. училища у берега Днѣпра, а съ 1832 г. перемѣщенную въ Петропавловскій мон. на Подолѣ же, который былъ занятъ раньше греческимъ монастыремъ [2]).

Почти одновременно возникаетъ въ Кіевѣ учрежденіе, имѣвшее своею задачею болѣе широкія религіозно-просвѣтительныя цѣли. Мы разумѣемъ «Кіевское отдѣленіе Рос. Библейскаго общества». Открывъ свои дѣйствія (съ 6 дек. 1812) подъ вліяніемъ Великобританскаго общества, подъ покровительствомъ свыше и при содѣйствіи многочисленныхъ членовъ и матеріальныхъ средствъ, Рос. Библ. общество вскорѣ распространило свою дѣятельность почти на всю территорію Россіи и посредствомъ переводовъ свящ. писанія почти на всѣ языки и нарѣчія, имѣвшія мѣсто на ея территоріи, не исключая и заботъ о слѣпыхъ и заключенныхъ въ тюрьмахъ. Благотворительныя цѣли и просвѣщеніе массы посредствомъ тѣхъ же ланкастерскихъ школъ также входили въ дѣятельность Общества [3]). Такимъ образомъ, въ моментъ прекращенія дѣятельности послѣдняго въ 1826 г., вслѣдствіе предшествовавшихъ реакціонныхъ тенденцій и мистическихъ увлеченій [4]), оно располагало имуществомъ до 2-хъ мил. руб. и 289 отдѣленіями и сотовариществами. 11 августа 1817 г. было открыто отдѣленіе Общества въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, при весьма торжественной обстановкѣ. «Изъ лавры, говоритъ, сви-

---

[1]) Закревскій, 171.

[2]) Закревскій, 163, 171, 597—200. О внутренней жизни академіи см. въ перепискѣ ея питомцевъ (Кіев. Стар. 1882, I, 499—519; Ш, 106—136).

[3]) См. статьи А. Н. Пыпина, Рос. Библ. общество (Вѣст. Евр. 1868, №№ 8, 9, 11, 12); И. Чистовичъ, Исторія перевода Библіи на русскій языкъ, Спб. 1873.

[4]) Ср. характеристику дѣятельности кн. А. Н. Голицына, какъ предсѣд. Общества и распространителя ланк. школъ съ одной стороны и столпа мистицизма съ другой, въ біогр. его, сост. П. П. фонъ-Гетцомъ (извлеч. въ Р. Арх. 1902, № 9, стр. 66—107).

дѣтель этого открытія, м. Серапіонъ повелъ всѣхъ въ свою залу, и тамъ, стоя у большаго стола, накрытаго алымъ сукномъ, съ возложенными на немъ духовными регаліями и толстою Библіею, старецъ сей прочелъ всему собранію рукописную своего сочиненія рѣчь, и когда, по выслушаніи ея, всѣ возсѣли около его на свои мѣста, предложилась подписка. Младенцу на зубокъ положили изрядное приданое (митрополитъ подписалъ 1000 р. единовременно и 300 ежегодно [1]). Въ это и слѣд. засѣданіе послѣдовали выборы членовъ и деректоровъ, въ число которыхъ избранъ былъ и лютеранскій пасторъ, отмѣчаетъ митрополитъ въ своемъ дневникѣ [2]). Общество помѣщалось и имѣло засѣданія въ лаврѣ [3]). Недавній «арзамасецъ», человѣкъ съ литературнымъ образованіемъ и связями, такъ горячо относившейся къ возникавшимъ тогда ланкастерскимъ школамъ, М. Ѳ. Орловъ и здѣсь является самымъ вліятельнымъ членомъ. «Лучшее въ Орловѣ, писалъ о немъ А. И. Тургеневъ, есть страсть къ благу отечества. Она сберегаетъ въ немъ душу его благородную и возвышенную» [4]). Онъ мечталъ о возстановленіи стараго масонства, а затѣмъ примкнулъ къ «Союзу благоденствія», въ которомъ состоялъ по 1821 годъ. Какъ членъ «Общества начальнаго образованія въ Парижѣ», въ мартѣ 1818 г. онъ сообщилъ послѣднему изъ Кіева объ опытахъ, сдѣланныхъ имъ здѣсь, благодаря ген. Раевскому подъ нач. котораго онъ служилъ, и просилъ, выслать ему журналъ, посвященный методу взаимнаго обученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Библ. общества вице-президентомъ котораго онъ былъ избранъ; а дѣятельность его онъ разсматривалъ «въ смыслѣ либеральнаго учрежденія» и стремился соединить ея съ устройствомъ ланкастерскихъ школъ.

---

[1]) Путеш. въ Кіевъ 1817 г. кн. Долгорукова, 109—110, со скептическими замѣчаніями на счетъ самаго Общества.

[2]) К. Стар. 1884, т. IX, 462.

[3]) Берлинскій, Опис. Кіева, 124.

[4]) Остаф. Арх., I, 297.

[5]) N Tourguéneff, La Russie, I, 160.

Онъ предлагалъ открыть образцовую школу въ Кіевѣ, которая была бы доведена до 300 чел. съ безплатнымъ обученіемъ и послужила бы примѣромъ для другихъ школъ. Въ своей рѣчи, произнесенной въ годичномъ собраніи Библ. общества 11 авг. 1819 г. онъ указывалъ на задачи этого послѣдняго, какъ органа просвѣщенія и вооружался противъ тѣхъ, кто въ широкой общественной дѣятельности видѣлъ только опасность и, въ свою очередь, ссылаясь на примѣры исторіи, выставлялъ, какъ образецъ, дѣятельность прогрессивныхъ правительствъ [1]). Въ подобномъ же направленіи онъ продолжалъ дѣйствовать и въ Кишиневѣ, но уже въ 1821 г. послѣдовало закрытіе ланк. школъ въ военныхъ частяхъ и передача ихъ въ мин. нар. просв. [2]). Какъ извѣстно. въ 1818 г. посѣтилъ Россію квакеръ Грелье, проѣхавшій черезъ губерніи отъ Петербурга до Кавказа; а въ 1818—21 гг.—агенты Великобрит. библ. общ.—Патерсонъ и Гендерсонъ объѣхали почти всю среднюю и южную Россію съ цѣлью ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ Общества, тюрьмами, благотворительными учрежденіями и т. п., и между прочимъ посѣтили Кіевъ. По этому случаю въ дневникѣ м. Серапіона (4 апр. 1818 г.) отмѣчено посѣщеніе его пасторомъ Гендерсономъ, распространявшимъ Библіи и Новый завѣтъ среди евреевъ, и миссіонеромъ Патерсономъ, причемъ они много бесѣдовали объ обращеніи евреевъ въ христіанскую вѣру [3]). Подъ 11 апр. 1820 г. митр. Серапіонъ опять отмѣтилъ: «генеральное собраніе Библейскаго общества въ лаврѣ» [4]).

Вѣдомость о Кіевѣ за 1817 годъ сообщаетъ нѣкоторыя новыя явленія въ жизни города, указывающія на ростъ населенія и увеличеніе его потребностей. Въ ней называются: римско-катол. костелъ, протест. церк., старообряд. часовня [5]), 2 евр. молитв. дома, 13 церк.

---

[1]) Сборн. Р. Ист. Общ., т. LXXVIII, 519—528; Остаф. Арх., I, 639.

[2]) Остаф. Арх., I, 146, 212.

[3]) Кіев. Стар. 1884, т, XI, 462.

[4]) Ibid., 464.

[5]) Уже въ XVIII стол. раскольники имѣли постоянное жительство въ Кіевѣ (Сенат. Арх., IX, 698). Раскольн. молельня появляется

школъ, 4 приходскихъ училища (всѣ въ дерев. домахъ), 3 пансіона, 1 школа, театръ (деревянный), 1 воспитательный домъ, 6 казенныхъ и частныхъ аптэкъ [1]), 2 гостиныхъ камен. дома, 1 деревянный, 21 трактиръ [2]), обывательскихъ домовъ каменныхъ—49 (на Печерскѣ 14, на Старомъ гор. 10, на Подолѣ 23, въ Плоской части 2), деревянныхъ—3919; монастырей 7, церквей каменныхъ 42, дерев. 12; воен., город. и общ. зданій—60, промышлен. заведеній 211, лавокъ 316. Общее число жителей въ это время полагали до 23,514 чел. т. е. сравнительно съ 1797 г. увеличилось на 20% [3]). Слабость прироста населенія объясняется большими пожарами, военными событіями и болѣзнями. До насъ дошла вѣдомость о дѣятельности Приказа общ. призрѣнія за 1816 годъ, знакомящая съ его учрежденіями. Кіевскій прик., открытый въ 1781 г. имѣлъ собственнаго капитала 315200 р. ассиг., 6200 р. сер., 2090 черв.; посторонниxъ 907640 руб. ассиг., 42140 р. сер., 4340 р. черв.; доходовъ 75850 р. ассиг., 1140 р. сер., 180 черв.; расхода 40480 р. асс. Въ его вѣдѣніи были: инвалидный домъ, двѣ больницы, воспит. домъ съ родильней, богадѣльня, суконная

ок. 1820 г. близъ Флоровскаго мон., на улицѣ Черная грязь. Приходъ былъ небольшой, такъ какъ въ 1859 г. числилось въ немъ всего 167 мужч. и 168 женщинъ (Закревскій, 832).

1) Повидимому хлопоты Малорос. коллегіи (см. главу V) увѣнчались успѣхомъ. Лерхе въ 1770 г. упоминаетъ о запасномъ магазинѣ аптек. вещей, устроенномъ главн. упр. медиц. части (быв. медиц. коллег.) и тогда завѣдывалъ имъ провизоръ Ведель. Оно находилось на Подолѣ возлѣ ц. Покрова; въ 1830 г. имъ завѣдывалъ Циммерманъ, а на уступахъ горы, между Михайловскимъ мон. и Андреевской ц. расположенъ былъ аптекарскій садъ. Четыре частныя аптеки въ Кіевѣ принадлежели нѣмцамъ. Кромѣ аптекъ воен. вѣдомства была еще аптека Прик. общ. призр. (Закревскій, 189, 569, 839).

2) Магистратскій трактиръ повидимому настолько былъ хорошъ, что въ немъ въ 1804 г. останавливался принцъ Карлъ мекленб. (Дневн. Серапіона, 427).

3) Берлинскій, 123—126, 130; Фундуклей, I, 326—327. Упоминаются также заводы: шелк. (1), свѣчные (6), кирпичные (16), кожевен. (30), изразцовые (3), мыльные (3), колок. (1), котляр. (3), каретн. (8).

фабрика (осн. въ 1810 г.), 3 мельницы, доставлявшія доходу 1500 р., дома умалишенныхъ, рабочій и смирительный, городская богадѣльня, аптека съ лабораторіей, отдававшаяся въ наемъ, кирпичные и черепичные заводы, приносившіе доходу 1500 р. [1]).

В. Иконниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Варадиновъ. Исторія Мин. вн. дѣлъ, т. II, ч. I, 110, 168, 456. Въ 1821 г. Приказу разрѣшено было выдавать ссуды подъ залогъ и деревянныхъ домовъ (ч. 2, стр. 144); а въ 1825 г. разъяснено было, что ссуды должны выдаваться не одному дворянству, но и прочимъ сословіямъ (Арх. Гос. Сов., т. IV, ч. I, 415, 418).

Украиньски запыси Порфирія Мартиновича [1].

Мыхайло Переходенко.

Булы мы за паньськыхъ правъ паньськи; и ти паны обижалы сылно; тоди ще малолюдно й було; ну, мій дядько втикъ ажъ у Запорожжа. У го́дъ прыйихавъ за жинкою (дядько) и жинку выкравъ; по́тимъ того прыйихавъ,—винъ бувъ матерынъ братъ,—прыйихавъ и сестру выкрасты ничью; и ставъ винъ у другій слободи,—тамъ сродныкъ у тій слободи. Шось объявыло управляющому нашому,—горило свитло пидъ лавою, а воны розмовлялы. Прыбигъ управляющый, зарештувалы ёго и прыставылы панови.

Батька мого дома не було,—бувъ у Ромнахъ у посылкахъ. Мій батько бувъ прыкапцыкомъ у пана. Маты ходе на совитъ до дядька исъ сыномъ туды, якъ ото піймався. Узявъ панъ въ острогъ усыхъ трёхъ: и дядька, и сестру, и сына старшого, а батька не було до́ма. И насъ обибралы чысто; забралы худобу, все. Мы гарно жылы пре́же.

По́тимъ то́го узявъ панъ отдавъ у службу (у салдаты) дядька и брата отдавъ мого, и по́тимъ винъ тамъ бувъ у службы го́дивъ пьять. Издумавъ утекты черезъ Дунай ажъ у Турецыну. Дывытьця, шо тамъ очеретець малый, такъ думалы (дядько и племиныкъ) тамъ сухо, а воно ходе одынъ, а цей стоить на березі, мій дядько. Нарвалы воны комышу такъ якъ съ пивъ копыци,—тамъ въ конци й вирӧвкы е; ну винъ давай звязувать оти конци; той поплывъ упередъ и цёго тягнеть... и конець поволикъ зъ собою... (дядько не вмивъ плавать). Доплывъ

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 9.

до того очеретцю, ажъ тамъ нема сухого; таке—вода, тилькы не глыбоко; давай бресты, давай бресты,—нема бресты, стало по шыю; воны й давай крычать. Набиглы Дóны, забралы ихъ и преставылы у той полкъ. де воны. Винъ хотивъ утекты въ Турещыну, та то й полот вылыся (дядько й племиныкъ). Ишлы воны кризь строй обыдва. Сику́зія имъ була... На спы́ни такъ якъ кулакы понаростало. Винъ выгоився въ болныци,—ото впьять до того товарыша: «ану впьять ходимъ». Товарышъ не пожалавъ, такъ винъ узявъ дошку, замерзъ лёдъ на Дунаи; есть такъ шо замерзло, а де мыеть; то винъ дошку пересунеть черезъ той де мыеть, тай перелизеть по досьци, то потимъ опьять иде выбира ми́ста лёдомъ; такъ шо мистивъ у пьяты, въ шесты може... Потимъ того перейшовъ черезъ Дунай, а потимъ ставъ жыть у Запорозьцяхъ.

Яка то була війна, що стало замыреніе, що запорозьци сюды вже вернулыся. Винъ тамъ ота́маномъ бувъ,—військовый ота́манъ зоветьця. Ну, ото вернулысь сюды. Тамъ Гладкый бувъ начальныкъ выщый дядька; винъ полтавськои губерніи и дядько полтавськый. Винъ выпроважавъ Гладкого ажъ сюды въ Косьтянтынъ, а въ мене въ Косьтянтыни бувъ дядько (другый дядько) й тожъ бувъ прысяжнымъ, такъ туды й насъ позвалы гулять въ Косьтянтынъ. Давай тамъ мы гулять, давай тамъ мы гулять, такъ дядько (запорожецъ) бзьметъ та патронови якъ одбрве верхъ, та въ пидстоль зарядыть съ пьянову, та якъ двынеть изъ пидстоля, то такъ двери й одчынятьця. Пьять чоловикъ салдатъ прыйшло до насъ гулять; винъ (запорожецъ) набравъ горилкы и напова ихъ. Одному ошмалывъ и глаза выбывъ салдату (съ пидстоля), а вже смеркло;—винъ дававъ имъ двадцять пьять цилковыхъ,—не беруть ци салдаты двадцяты пяты, а винъ пару коней запригъ ничью и втикъ одъ тыхъ салдатъ.

Верстовъ пьятнадцять жыве сестра того дядька, видкиль винъ тикавъ. Убигъ у двиръ и входе въ хату ничью до сестры, и въ ёго тамъ жинка була, ще й дочка коло сестры жыла. Его жинку прыгналы по ята́пу зъ Запорожа. Гуляють, гуляють исъ сестрою, гуляють.. Батько мій боитьця, шобъ опьять не обобралы,—повивъ дядька до пана; ну панъ подывывся ёго праппорты тамъ турецьки и не розобравъ; ну... дядько зрябивъ.. Панъ каже: «Я не могу пра́ва... Гуляйте. Я отъ тебе отсахнувся вже». Ну, ото тамъ погулялы. Гулялы тамъ,—изъ тыждень гулялы.

Той Гладкый вернувся вже назадъ отъ своеи ридни; ну, потимъ винъ попрощався (дядько) и пойихалы.

Отамъ есть Моло́шна; такъ воны й поселылыся на Молошній; и вже мы бильшъ не выдалы ихъ. Мабуть поме́ръ.

—

А мій братъ, шо отдававъ у службу у салдаты изъ нымъ (це ка́аця дванадьцятого году) и попавъ жыть у Керчь и выслужывъ винъ двадьцять пьять литъ у службi—це за Мыколая—и заслужывъ Калѣтського регыстраторя по штатській,—прапорщыкъ; и выйшовъ въ отставкы. Тамъ е за Керчю Темрюкъ. Оженывся (у Темрюци́): дитей у ныхъ не́ було. Исправывъ лавку и дворъ постоялый; и нажывъ копыталъ; и потимъ того тамъ де прыпыска—прыймають мищанъ и купечество. Ну, винъ нажывъ тысячъ пьять грошей; дывыться, шо лавокъ багато, а нема сходу; такъ винъ свое попродавъ, продавъ лавку и домъ и видтиль прыйиздывъ у гости до насъ; и въ панивъ просывъ хлопця; хлопця паны не далы,—далы дивчынку, племеныцу маненьку. Винъ ïи зростывъ, стала й дивкою; и отдавъ за пысара въ канцелярію.

По́тимъ того мій братъ заболивъ—и калъ запераеться. Пыше до мене пысьмо: прыйидь, брате, я не здоровъ. Ну, а я саме бувъ старшыною у ти поры. Мыровый посреднықъ мене не пуска; отпустывъ, такы выпросывсь и я... «Беры, брате, кони поштови и прыйижджай до мене поштовымы». Я взявъ подорожню и побигъ поштовымы. Ажъ прыбигъ я въ Кызіяръ, тамъ купци мени знакоми. Мени йихаты сухопутьтю черезъ Тонку, та на Горбато́къ, та на Керчь, та на Отамань. Купечество каже: вернить вы на Бердяньське, водою лидете, а сухопутьтю—я облы́шывъ сухопутьтю. Пойихавъ съ Бердяньська на Керчь пароходомъ: трыста симдесятъ верстовъ шовъ водою; ну закачався бувъ, Господы!... Прыбиглы мы въ Керчь, така сылна бье волна, шо вси сталы пароходы и судна на мори спынено черезъ вилну; тамъ я тры дня простоявъ и сивъ я на другій пароходи и прыбигъ я въ Отамань. Прыставъ—и братъ померъ; а ще йихать верстовъ пьятдесятъ сухопутьтю. Духовне завищаніе на мене спысано. Потимъ того я прыбигъ ночью у Темрюкъ. Колы винъ деньгы роспустывъ по домахъ по всимъ Темрюку. До кого позываться? И городнычій выноватъ сто карбованьцивъ.

Ти деньгы роспысани по церквахъ: перве священыкамъ за погребеніе пивтораста цилковыхъ. Въ Темрюцьку церкву трыста цилковыхъ—на Мыколая. На Ахвоньски горы шистьдесятъ цилковыхъ. Моій уну́ци, шо то выйшла вона замижъ, пьятсотъ цилковыхъ. И матери

онученій сто цилковыхъ. На вдовъ, сыротъ трыста цилковыхъ. Его помынать трыста цилковыхъ. Мыни тысяча. Въ Костянтыньськи церкви сто. Я туды и отдавъ. Въ Мыколаевську церкву пьятдесятъ цилковыхъ.

(Росказувавъ Мыхайло Максымовычъ Переходенко 93-хъ литъ. Изъ села Мыхайловкы, Костянтыньського въйзда).

24 сентября 1887 года.

Христына Морозовська.

Кунтуши, кораблыкы, кыбалкы пры мени ще булы, якъ я ще була маненькою; ихъ уже тоди не носылы, а тилько иноди, було, надивають ихъ, тоди якъ на Рождественскихъ праздникахъ, або на масляній роблять маскарадъ. Це було такъ: бабушка моя Анна Мыхайловна Шклярова жыла у Старыхъ Санжарахъ; у неи и князь Репнинъ у гостяхъ бувавъ. И отъ-это якъ була масляна или празники Рождественскіе, такъ воны, було, звязують воловіи саны, а на саняхъ помощени доскы, столыкъ поставляють и стулья; запрягають воловъ паръ дви, прычиплюють звоныкы до воловъ,—ото вже йиде, кучеръ Пылыпъ у неи бувъ, Панько, Грышка,—то ти вже такъ, коло воловъ у неи идуть; состояніе хорошое имѣла и жила по барски очень. И беруть музыкантивъ Жадкивъ; и бувъ у неи музыкантъ Прудко Васыль Петровычъ, который бувъ на ему кунтушъ голубый, штаны сыни, а жалетъ красный длынный, и пуговыци на тому кунтуши велыки; онъ игралъ на флейту, на цымбалы, на гусли, на коларнетъ, на скрыпку!.. Та ще такый,—вообразить,—слипый, и въ млынахъ каминьня наковувавъ! И здоровый старыкъ такой! А то ще й други Жадкы есть (музыканты), такъ воны и тихъ прыглашалы!.. Ото позбыраютьця и гости бувало: Маркевычи, Мыхайловськи, Щербынськи тамъ, Сухыны... Ото вже маскарадъ у ихъ: и кыбалкы, и кораблыкы, и очипкы парчеви!.. Кораблыкы шылысь исъ чорного бархату, а верхъ золотый, парчевый; по чорному бархату зверху золотымъ шнурочкомъ узоръ вышытый. Спидныци булы шовкови,—матеріи не таки, якъ теперъ!.. Теперъ нема такыхъ матерій. И голуби и зелени; штофни, парчеви... Матеріи очень хороши! У намиткахъ, у кунтушахъ, у плахтахъ... И отти спидныци парчеви, шовкови... Спидныцю, було, парчеву надивае и у кораблыку... У кораблыку красыво очень!.. У прабабушкы моеи пла-

токъ бувъ шовковый, конци золотомъ шыти, а бабушка въ чепчыку ходыла вже, а прабабушка у повьязьци. Замостять двое саней доскамы длынными, на доскахъ поставляють столы и стулья, тай йидуть, а музыканты грають; и я-жъ тамъ сяду, хоть я и дытё була. Ну, ото йидуть и варенои наберуть и дорогого вына возьмуть,—пьють. Ну, тутъ уже хозяины просють. Прыйиждажають у госьти: до Сухыны, до Маркевыча, до Мыхайловськыхъ, до Щербыньськыхъ, до Жалія. Жалій бувъ старыкъ... Ото була благочынна Жадчыха,—ото було до Жадчыхы... У того сёгодня, а завтра у другого,—такъ у ныхъ вся масляна расположена. Встричае хозяинъ и угощае; а я вже неотлучна внучка була у бабушкы, я вже була іи любымка. Прыйидуть куды,—подають варену и калыну; заразъ, було, нальють варенои и по вѣточкѣ кыдають калыну; ото вергуны, оришкы жарени, кгроночкы оти въ меду жарени,—знаете?!.. вергуны, маковыкы. Ото въ ихъ таке угощеніе!... Ну, тоди вже й танцюють. Тоди ще танцювалы горлыцю, метелыцю, экасесъ и козачка. Теперъ уже нема экасеса, а я и теперъ помню! Я ще и теперъ прыпомню экасесъ!. А чай пьють, бувало, такъ я ще небольшою була: ото прыйиждажають до титкы моеи Ненипывыхы Варвары Радіоновны; такъ дидъ Иванъ, крестьянынъ ихній, ставыть прынижокъ у прыгрубныку,—ото буде чай варыты. Тоди ще чаивъ не очень було.

Караблыкъ я и теперъ могу пошыть. Я въ первый разъ якъ повыдала кораблыкъ, такъ посли того сама и сдѣлала. Я, було, кукламъ своимъ часто шыю караблыкы.

—

Бабушка моя вже росказувала и прабабушка, шо у Санжарахъ ото-жъ рогаткы стоялы и крипость була. Якъ ище татары булы, то, було, ховаютьця жинкы видъ татаръ: и въ коминъ ховаютьця, у погриба!... Такъ и ховаютьця, було! Якъ йихать изъ Санжаръ до Полтавы,—тамъ есть Кгеркгеливъ Ригъ и лисокъ тамъ: такъ отамъ, було, наихуже татары оббырають пройизжыхъ. И отожъ було росказуе бабушка: «Хи-и! Якъ, було, йидемо у Полтаву, такъ, було, подводъ штукъ пьятнадцять, двадьцять собыраютьця ихъ (разныхъ знакомыхъ панивъ), шобъ пройихать, було, до Полтавы»!

Моя бабушка сто пьятнадьцять литъ прожыла—мать отца.

—

Котляревскій Иванъ Петровычъ мій крестный отець бувъ. Якъ я прыйиду до его, то дасьть, було, 25 рубливъ, билу ассигнаційку,—все й подаруе мени каждый разъ. Розы центифольни булы у его, коло виконъ, кусты. Нариже розъ: «понесы маменькы Храполыхи» (Храполыха хрестна мать моя). Кныжечокъ дасьть мени чытать. Шо небудь дасть, подарыть... Ато ще якъ выйшла я замижъ, то съ Яковъ Никитычемъ [1]) скилько разъ була. Було угощае чаемъ и, було, дасть на молытвы.

И Храполыха, крестна мать моя, Котляревского кума, у повьязьци ходыла; вона ходыла у двохъ платьтяхъ; такъ, було, пидниметь верхне платьтя и тамъ бувъ карманъ большой,—дасть цилковыхъ пьять, або десять.

Мазанова отца Ивана отець, теперишнего отца Петра [2]) дидъ, бувъ Старо-Санжарова козака простого сынъ; Мазанъ винъ и ткачъ ще бувъ, а оцей-же отець Иванъ бувъ у Полтави у собори дьячкомъ, а то уже Котляревскій такъ зробывъ, шо его попомъ зробылы!.. То Котляревскій уже хлопотавъ, шобъ его во священыкы отца Ивана!.. То уже Котляревскій хлопотавъ!..

—

Шевченка я бачыла у Шинко́ва въ Михновци, Кобыляцького уизда, у Попова Алекс. В. въ Решетыливци; ёму тоди було литъ 26. Лыце було брыте, тилько зъ мане́нькымы вусамы; волосы на голови темноруси и въ кружокъ пидстрыжени; роста не высокого. Винъ бувъ веселый въ обществи и шутныкъ. Помню, шо росказувавъ, якъ винъ бувъ маненькымъ та вивци пасъ...

Гоголя выдила въ ихъ доми. Выдила мать Гоголя и сестеръ; мать ёго красывая женщына. Гоголю тоди було литъ до трыдцяты; свитлорусый; въ обществи не бувъ веселый.

—

Фамилія отца моего Шплитсте́ссеръ [3]). Винъ бувъ учытелемъ у гимназіи и преподававъ Нимецькій и Латинскій языкъ, а дядя бувъ учытелемъ въ Институти. Дядя ридный, папеньки братъ, гравировавъ ге́тманивъ въ исторіи Малороссіи;—то́ дяди моего гравировка [4]). Мени

---

[1]) Чоловикъ Морозовськои.

[2]) Въ Полтави въ Институти священныкъ.

[3]) Зъ нимцивъ.

[4]) Въ 1-му выданню исторіи Бантышъ-Каменскаго.

самій въ институти слидовало буть, та папенька покойныкъ не отдавъ. Прежде було: на щó учы́ть въ институти дивыць? Шобъ женыхамъ пысьма пысалы? Прежде не дуже дывылысь на це...

Я родомъ Полтавська настояща, а жыла у Стáрыхъ Санжáрахъ. У восимнадьцятому гóди (1818) родылась.

—

(Росказувала вдова священныка Христына Петровна Морозовска. 29 мая 1888 года. На хутори Катерынивци коло с. Ганебного, Константиноградскаго уизда).

Лирщыкъ Иванъ Пересада.

(Зъ Петривкы).

Тры браты Озовськи.

То же не туманъ наступае,
Тожъ не дробенъ дощыкъ налягае,
Тожъ тры браты зъ города зъ Озова
Съ тяжкои неволи утикалы:
То воны за городъ выбигалы.
Якъ сыви орлы вылиталы.
Кони въ рукы хваталы,
Найменьшого свого брата
Пишого пихотыньця покыдалы.
Той-же пишый пихотынець добре гадае,
На чорне кориння,
На биле каминня,
Свои ногы побывае,
Кровью сьлидъ залывае,
Жовтымъ пискомъ засыпае,
Слезамы пролывае,
Словамы промовляе,
Старшого брата всердно́ прóсе-благае.
«Братику нашъ найстаршый, ясный соколе!
Хочъ малую годыну обождите,
Кони прыноровите,

То вже мене до отця до матери
Въ хрыстыяньськи города исъ собою возьмите».
То старшый братъ зачувае
И ему отвичае,
Самъ не бере
И середулышому не позволяе:
«Братику нашъ найменьшый,
Пишый пихотыньцю!
Самъ-же ты знаешъ,
Шо мы зъ города зъ Озова
Два разы утикалы. .
Города Озовська
Вира бусурменьська
Непрыятельська
Два разы насъ догоняла,
Назадъ завертала,—
То вже третій разъ якъ догонятыме,
То вже наше тило козацьке молодецьке
Сиктыме, рубатыме;
Хочъ не буде сикты-рубаты,
То буде назадъ завертаты,
Увъ Орабськy землю везты продаваты
По сто злотныкивъ за неволныка буде браты».
Той же пишый пихотынець
Добре гадае
Мижъ кони вбигае,
За стремена хватае,
Слезамы пролывае
Й словамы промовляе,
Старшого брата всердно просе-благае:
«Братику нашъ найстаршый,
Ясный соколе!
Хочъ не хочете мене исъ собою взяты,
То лучче мое тило козацьке молодецьке
На тры часты розрубайте,
Въ мать сыру землю опускайте» [1])...

---

[1]) Въ мать сыру землю поховайте.

Толькы дзвиру, птыци на поталу не дайте.
Толькы мене на чужой сторони
У чужоземській земли не покыдайте».
То старшый братъ зачувае,—
Самъ не бере, —
Середульшому не позволяе:
«Братику нашъ найменьшій, пишый пихотыньцю!
Шо якъ будемъ мы твое тило козацьке молодецьке
Сикты—рубаты,
То вже наша душа
То й по викъ не скупытьця гриха!
Лучче мы будемъ упередъ тебе
Темнымы лугамы будемъ гуляты,
Съ терну верхы виття будемъ стынаты,
Назадъ себе тоби предмету даваты,
Шобъ ты знавъ, куда до отца до матери
Въ хрыстыяньськи города пидступаты»...
То вже воны выйиждажають
У тры гаи зеленыхъ:
Середульшый братъ добре гадае,
Съ терну верхы виття стынае,
Назадъ себе ему покыдае...
То вже воны выйиждажають
Съ трехъ гаивъ зеленыхъ.
Толькы витеръ повивае,
Серце ихъ козацьке молодецьке потишае.
То вже третёго дня
Пишый пихотынець
Тымъ-же путемъ
У тры гаи вбигае...
Съ терну верхы виття хватае,
Слезамы пролывае
И словамы промовляе:
«Осюды-жъ-то мои браття пробигалы,
Якъ сыви орлы пролиталы,
То ше воны объ мене добре гадалы [1]),

---

[1]) То ше воны объ мени добре гадалы.
Чы объ мини,—то вже наче прыятьнише.

Шо мыни на предмету давалы».
То вже воны сойижджають
На тры шляхы на тры Муравьськи.
Середульшый братъ до старшого
Глазамы завыжае
И словамы промовляе:
«Братику нашъ найстаршый,
Ясный соколе!
Шо мы будемъ думаты-гадаты
Объ наименьшому брату?
Яку предмету будемъ даваты?»
То старшый братъ до його лыцемъ обертае
И словамы промовляе,
А ничого не отвичае [1]).
Середульшый братъ добре гадае,
На соби дорогу одежу обрывае,
На тры шляхы, на тры Муравськи роскыдае,
Найменьшому брату на предмету давае,
Шобъ винъ знавъ, куда до отця до матери
Въ хрыстыяньськи города пидступаты.
А старшый братъ до середульшого
Словамы промовляе:
«Братику нашъ середульшый!
Шо ты думаешъ-гадаешъ,
Шо ты на соби дорогу одежу обрываешъ?
Якъ будемъ мы до отця до матери дойижджаты,
То вже нивчому буде намъ мижъ челядь
Питы статы погуляты».
То вже шостого дня пишый пихотынець
На тры шляхы, на тры Муравськи збигае,
Слёзамы пролывае
Й словамы промовляе:
«Ой не дурно жъ зъ моихъ братывъ
Одежда валяе!
Десь моихъ братывъ, сывыхъ орлывъ,
На сьвити немае!..

---

[1]) Думкою стало быть думае, а словамы не отвичае.

Колы бъ мыни Господь давъ
Исусъ Христосъ
Сынъ Божій
Ихъ тило
Козацьке—молодецьке
Нахождаты
У мать сыру землю поховаты
Дзвиру-птыци на поталу не даты» [1])!
То вже воны на Осавуръ-могылу сйижджають,
На Осавуръ-могыли прыпочывокъ мають...
То воны сталы прыпочывалы,
Тры дни, тры ночи его ждалы.
Самы помисъ собою
Тыху розмову малы:
«Шо якъ-бы-жъ то мы зналы,
То-бъ мы довше ждалы,
Або зворотылыся съ собою взялы».
Потомъ кони въ рукы бралы,
До Самарю пройижджалы,
Кони напувалы,
Самы промижъ собою взайименно
Тыху розмову малы.
Старшый братъ до середульшого
Словамы промовляе:
«Братику нашъ середульшый!
Якъ будемо мы до отца до матери дойижджаты,
Шобъ ты знавъ, якый отвитъ даты».
То вже девьятого дня пишый пихотынець
На Осавуръ-могылу збигае,
Прыпочывокъ мае [2]:
Ногамы не поступае,
Рукамы не облаждае,
Головонькы на сьвитъ Божій не пиднимае...
Прылита до його
Тры зозули

[1]) Винъ, стало быть, думавъ, шо ихъ погублено.
[2]) Бачыте—винъ усе третёго дня насьпивае.

Сывокрылый;
Одна сида на рученькахъ,
Друга на ниженькахъ [1]),
Третя въ його головонькахъ...
То воны не кувалы,—
Якъ отець або маты
Словамы промовлялы:
«Головко далёшьня
Нестотешьня [2])!
Було сій головоньци
Тры прыгодоньци:
Первая прыгодонька—
Безъ хлиба;
Другая прыгодонька—
Безввидя [3]);
Третяя прыгодонька—
Помырае на чужый сторони
Безъ отца, безъ матери,
Безъ ридного ридьдя!
«Колы-бъ мыни Господь давъ
Исусъ Хрыстосъ
Сынъ Божій
На ногы статы,
Рученькамы облаждаты,
Головоньку на сьвить Божій пидняты,
Ходь-бы до отца до матери
Трёма зозулямы
Поклонъ податы!..
Богъ ему давъ—
На ногы ставъ,
Рученькамы обладавъ,
Головоньку на сьвитъ Божій пиднявъ,
Трёма зозулямы
Поклонъ подавъ

---

[1]) Друга на ноженькахъ.
[2]) Стало-быть вона не здешьня—сказать.
[3]) Сказать „безъ воды“.

Самъ къ сырой земли прыпадае,
Богу душу отдавае.
Прылита до його
Тры орлы сызокрылыи:
Одынъ сида на ниженькахъ,
Другый тило розрывае,—
Третій по полю розношае.
Витеръ повивае,
Комышъ похыляе,
Тило його козацьке молодецьке прыкрывае,
Дзвиру-птыци на поталу не попускае.
То старшый братъ до середулшого
Словамы промовляе:
«Шо якъ будемъ мы до отца до матери дойиждҗаты,
Якъ будешъ ты отцеви матери
Истину правду открываты,
То вже одъ мого меча
Твоя голова
Буде съ плечъ до долу зьлитаты.
То вже воны до отца до матери дойиждҗають,
Навстричъ отець маты выступають,
Гарячымы слёзамы свое лыце облывають:
«Ой сыны-жъ мои, сыны!
Сыви орлы!
Де вы свого найменьшого брата
А нашого сына позадилы?
Чы вы вбылы,
Чы зрадылы?
Чы молодои души
Съ свита изгубылы»?
То старшый братъ съ коня не вставае,—
Отцеви и матери отвичае:
«Не быйте насъ, отець маты, не проклынайте.
Мы свого найменьшого брата,
А вашого сына
Ни вбылы,
Ни зрадылы,
Ни молодои души съ свита не згубылы...

Шо мы въ городи увъ Озови
Не въ одной неволи бувалы,
Не одну й муку прынималы,
Мы його й въ глаза не выдалы».
Середулшый сынъ съ коня уставае,
Отцеви й матери у ногы упадае:
«Ой не быйте насъ, отець маты, й не проклынайте,
Шо мы свого наименьшого брата
Ни вбылы,
Ни зрадылы
Ни молодои души
Съ сьвита не згубылы...
Мы въ городи увъ Озови увъ одной неволи бувалы,
Одну муку прынималы;
Мы зъ города зъ Озова
Вси тры разомъ выбигалы,
Якъ сыви орлы вылиталы.
То старшый братъ меньчого
Самъ не бравъ
Й мени не позволявъ;
То й ише мени старшій братъ
Таки речи одвичавъ:
Шо якъ буду я вамъ истыну правду казаты,
То вже одъ его меча
Моя голова
Съ плечъ буде до долу злитаты».
То отець и маты
Середулшого сына за госьтя прынимае,
А старшого зъ домивкы зганяе,
А найменьчому сыну
Въ небесное Царство отсылае...
Слава Тоби, слава Тоби!
Всимъ трёмъ братамъ Небесное Царство!
Всимъ Православнымъ Хрыстыянамъ
Честь хвала
На здравые.

(Зъ бандурщыкивъ, зъ Харькивськыхъ, ажъ изъ Рубливкы. Та такъ шо мабуть съ квартяку и выпылы, такъ винъ мени проказавъ. Алексій Халявка).

Жебранка.

Дай, душа праведна, возмылостывитеся!
Шо я то не бачу,
Якъ праведне сонце во неби осіяе,
Якъ билый сьвитъ сьвитае,
Якъ темная ниченька наступае...
Шо якъ бы-жъ я сьвитъ Божій выдавъ,
Тобъ я вашыхъ стежокъ-дорожокъ не засидавъ,
Головонькы своей та й вашои не клопотавъ...
Лучче пишовъ-бы я до вашои мылосты заробывъ...
Гирьке мое зароблéнное,
Божого сьвита не выдаючы,
За чужымы очыма спотыкаючы...
Дай, едыная душечка,
Хочъ едыную копеечку
На горькое наше собыраныя,
На осмажное содиваныя [1])
Души нашій на пропытаныя...
А теперыча не могу я
До вашои мылосты питы заробыты,
Едыную денежку заслужыты,
Вашій мылосты угодыты...
Шо мени сьвитъ Божій не выденъ.
Якъ клыновымъ лыскомъ закрытый...
Якъ клыновымъ лыстонькомъ задвыненъ
А якъ-бы жъ то, мы, мамочко,
Выдившы сьвитъ Божій [2]).

---

[1]) Хто его зна шо воно, противъ чого воно? такъ якъ насъ панотци вчылы.

[2]) А якъ-бы жъ то, моя мамочко,
Я сьвитъ Божій выдавъ.

Я-бъ же къ вашій мылости прыступывъ,
Вашій мылости, мій таточку, угодывъ,
Едыную денежку соби заробывъ.
А теперыча я не могу
Питы заробыты,
Питы заслужыты,
Тилькы повыненъ я
За весь мыръ Православный
Едыного Господа Исуса Хрыста
Сына Божого помолыты:
Помылуй васъ,
Исусе Сыне Божый, Владычыце...
Заступныце
То Владычыце!
Помылуй васъ
Святытелю отче Мыколаю
Чудотворче,
Всему мыру помошныче!

—

(Просто воно называетьця Жебранка.
Запросы—то вже що по хатамъ ходять.

Жебранка—то такъ просьба; запросъ—то такъ якъ иншый не вміе ніякои псальмы, то сыдыть и просыть.

Лирщыкъ, а то бандурщыкъ.

Оце называюсь я лирщыкъ, а то другый бандурщыкъ, а то называетьця жебраннытъ: ходе винъ соби жебрае; просто прыпада.

8-го іюня 1901 г.

(Окнчаніе слѣдуетъ).

КОНТРАСТЫ.

(Нарысъ).

Глыкерія выпыла вже третю чарку густого, мицного ликеру и почувае себе надзвычайно прыемно: такъ любо, такъ затышно сыдиты, спершысь спыною на дерево, и линыво прыслухатысь до сыхъ згукивъ, змишаныхъ зъ балачокъ спильныкивъ пикныку, зъ лопотиння лыстя, зъ щебетання пташокъ, зъ дзвону пляшокъ, выделокъ, ноживъ, тарилокъ. По всёму тили розлыта така хороша, нижна втома, у грудяхъ дзвеныть якесь мягке, тепле, добре чуття, не хочется ни рухатысь, ни говорыты,—хочется тильки счаслыво, радистно усмихатысь. Те незадоволення, яке було въ неи зъ початку видъ того, що выбрады для пикныку сей лисокъ, теперъ счезло, и вона вже навить залюбкы заговорыла бъ до Кати, якъ бы не ся втома.

Глыкерія прыплющуе трохы очи, и ій здается, що вона тыхо-тыхо плыве на якыхъ-сь оксамытовыхъ, теплыхъ хвыляхъ, яки мягко колыхають іи, а передъ нею плавко проходыть ся картына прогалыны зъ розстеленымы скатиркамы, повпымы пляшокъ, тарилокъ, всякыхъ найидкивъ, напыткивъ, зъ сыдячымы, напивлежачымы постатямы знаёмыхъ мужчынъ и подругъ. Воны щось говорять мижъ собою, крычать, регочутся, але вона не прыслухается добре,—ій доволи сыхъ згукивъ не гучныхъ, мырныхъ, гармонійныхъ.

Сонце вже заходыть десь тамъ за деревамы, и рожеве свитло ёго косыхъ проминнивъ не бье, не риже въ очи, а такъ спокійно фарбуе лыстя, постати, экипажи, розпряженыхъ коней, кучеровъ, самоваръ зъ сынимъ дымомъ, рожеви, били, темни убрання панночокъ и мужчынъ; вси ци фарбы мипаются зъ рожевымъ колёромъ и вбираютъ въ себе очи.

— Катерыно Исаевно!.. Змылуйтесь!.. Господь мене вбый, не вынен! Прысягаюсь вамъ постоламы Магомета,—молыть про щось «сей комикъ Жабурынъ», якъ звуть его знаёми, и стае навколишкы передъ Катею, якось кумедно вытягаючы до горы свою маленьку головку. Катя схыляе на бикъ голову, сміется и бье ёго серветкою по плечи. Сей «комизмъ» Жабурына, ёго прысягання, залыцяння до Кати давно вже видоми Глыкеріи, але вона дывытся на ныхъ, добродушно посмихается и почувае себе ще краще.

— Жыты треба, моя пани, вміючы!—говорыть Иванъ своимъ тыхымъ, мелодычнымъ барытономъ, налываючы Сони въ чарку вына.—Не склавшы рукы на порожнихъ грудяхъ,—якъ сказавъ якыйсь поэтъ,—плысты за жыттямъ, а самому гребты... А першъ усёго—треба твердо и завжды памьятаты, що ты жывешъ... Люде се забуваютъ якось, все збираются, готуются до якогось будучого жыття. А се страшна помылка!.. Охъ, яка помылка!

Винъ зъ жахомъ дывытся на Соню, що спокійно слухае ёго, и выдно по іи млявому, дуже напудреному лыци и сынихъ, вялыхъ очахъ, що вона думае щось свое, таке жъ десь вяле и мляве, якъ и вся іи повна, покійна постать. Але Иванъ своимъ звычаемъ не бачыть того,—блиде, нервове лыце ёго, зъ чорною, гострою боридкою и вдумлывымы очыма, зхвылёване и, выдно, трохы пьяненьке; билый, шырокый лобъ ёго зъ тою знаёмою Глыкеріи жовтызною по краечкахъ, укрытый дрибнымы краплынамы поту; губы, выдно, сухи и гарячи. Глыкерія прыслухается зновъ и чуе, якъ винъ говорыть:

— Мени, знаете, здается, що зъ такого погляду можно згодытыся зъ словамы Хрыста: «не печитеся», въ переклади: не тур-

буйтеся, не клопочиться». Розуміете? Не те, що не купуйте соби на завтра чаю и сахару, а не уявляйте соби рижныхъ непрыемныхъ почувань... Се найголовнійше... Почувань! Що жъ таке жыття, якъ не довгый, довгый рядъ усякыхъ почувань?.. И заразъ, въ сю хвылыну я *жыву*, я маю якись почування, хочъ бъ и видъ сёго выпа... Не все одно? Черезъ що жъ се жыття мусыть буты гиршымъ, нижъ те будуче, для якого вси такъ клопочутся, и головнымъ чыномъ клопочутся до самои смерти?! Теперешни пережывання ввыжаются за переходни, неважни, а отъ тамъ десь, нибы то въ будучому, буде все. И бижать, бижать, поспишаючысь одмахуются рукамы одъ всёго, а якъ не можно одмахнуться, ледве прыторкнутся губамы и зновъ спишать и, помитьте, мынають те, чого шукають. Шукають жыття, а воно у ныхъ передъ носомъ... Вы вдывиться, удумайтесь, скильки жыття у кожного чоловика, скильки гры, думокъ, почувань. Вы тильки слидкуйте за кожнымъ такъ про себе—и вы побачыте, скильки втихы се дасть. Люблять слидкуваты за жыттямъ звирятъ, а те забувають, що самый цикавый звиръ—то чоловикъ. Яке багацтво руху, жыття!..

Глыкерія одводыть видъ ёго очи и почынае слидкуваты. Дійсно, скильки руху, жыття! якъ все прыемно, мыло! Онъ сыдыть на дышли брычкы кучеръ Семенъ и, попыхкуючы «ароматною» папыроскою, балакае зъ Дунькою. Дунька билiе середъ зеленого своимъ билымъ фартухомъ и, заклавшы рукы за спыну, очевыдячкы кокетуе зъ нымъ. Але Семенъ, выдно, не дуже то вважае, бо дывытся кудысь повзъ Дуньку и десь, певно, своимъ звычайнымъ флегматычнымъ тономъ говорыть:

— Намъ еты хвакты вже звесны... шукай дурнищыхъ!

Глыкерія дывытся на Дуньку, якъ та жваво и граціозно повертается своимъ станомъ, и вже не почувае того непрыемного, ревнывого чуття, що завжды ворушылось у неи, колы вона дывылась на свою покойнівку. Ій думается, що дуже гарно було бъ оженыты Семена зъ Дунькою, и навить уже уявляется ій, якъ вона, писля того якъ поберется зъ Иваномъ, поклыче Дуньку и, пообицявшы даты добрый посагъ, скаже, що буде старатысь за неи

передъ Семеномъ; якъ Дунька дуже-дуже почервоніе и, затулывшы лыце рукавомъ, утиче на кухню, и якъ вси будуть сміяться веселымъ, хорошымъ смихомъ... Справди, якъ легко можна зробыты свое жыття такымъ, щобъ у ёму було бильше прыемного, нижъ непрыемного, якъ можна жыты повно, радисно, счасливо.

— Панове! панове!—крычыть Мыкытенко. Оповищаю вамъ велыку новыну!

Вси замовкають и дывлятся на ёго незграбну, дужу постать въ незграбному сюртуци зъ довгымы поламы. Мыкытенко прыйма урочысту позу, пиднима руку и чекаючы замирае.

— Ну?—нетерпляче пытае Катя.

— Слухайте!.. Вси слухають? У Зинаиды Карловны одне ухо выще другого!.. Ха-ха-ха,—и Мыкытенко задоволено регочется, дывлячысь на трохы зчервонилу Зину.

— Фи! Якый вы дотепный!—кыдае Женя и зновъ повертается до Олексы Гусляра. Вси тежъ одвертаются, и нихто не сміется. Але Глыкерія вже не бачыть недотепносты Мыкытенка, якый завжды мае на се претензію; ій цикава ся гра поглядивъ, смиху: то зневажлывого, то дурноватого, то линывого, цикаво се жыття рижныхъ почувань, яке пробывается кризь байдужи рухы, кризь прудки погляды, кризь незначни слова и фразы.

— Не хочете?—держучы надъ Соныною чаркою пляшку зъ ликеромъ, пытае Иванъ—Се жъ ликеръ.. *Глыкерія, ликеръ и я*,—говорыть винъ старый каламбуръ и показуе рукою на Глыкерію, на пляшку и на себе. Выходыть, нибы винъ два разы говорыть: Глыкерія, Глыкерія. Соня усмихается, але мовчкы крутыть головою.

— Ну, значыть, я соло—пидіймаючы чарку до роту и обережно пьючы зъ неи, добродушно дывытся винъ на Соню. И Глыкерію вже не дратуе такъ непрыемно, якъ перше, сей каламбуръ зъ іи негарнымъ, мужычымъ имьямъ, а навпакы здается дотепнымъ и повнымъ змисту. Выходыть, що вона, винъ и выно складають зъ себе щось едыне, яке все-такы высловлюется въ одному: Глыкерія. И ій такъ любо дывытысь на се мыле, разумне лыце коханого, на ёго били, невелычки рукы зъ довгымы, чысто

скульпторськымы пальцямы, на глыбоки, пекучи очи. Хочется нижно-нижно взяты сю хорошу голову, прытулыты до грудей и мырно, счаслыво замерты пидъ сей гармонійный гоминъ прыроды и людей, пидъ си ласкави, тыхи почування.

— Ваня!—ласкаво, тыхо говорыть вона сладкымъ голосомъ, и хоча не знае, що сказаты ёму, але почувае потребу хочъ згукомъ голосу высловыты свое хороше, добре чуття. Катя озырается, дывытся на неи и Ивана и зновъ одвертается. Але «Ваня» ставыть чарку и, щось згадавшы, не чуе іи и, звертаючысь до Сони, що задумлыво мне повнымы, пухкымы рукамы серветку зъ инициіаламы Глыкеріи, почынае жыво говорыты:

— А таке зъявыще, якъ контрастъ? Га? Тутъ вамъ все: и історія думкы, и історія людського слова, и естетыка, и... Тутъ все! Визьмить вы хочъ таке, ну...

Иванъ водыть очыма навкругы и зупыняется на коняхъ, що пасутся биля экипаживъ.

— Ну, визьмить хочъ сыхъ коней. Дывиться, якъ переплитаются фарбы, яки контрасты, яки тоны... Чорне и биле! Одне чорне не зробыть вамъ такого вражиння, а поручъ зъ билымъ воно грае выдатну ролю, видтиняется, выступа рельефно, грае... А психыка? Напрыкладъ, цинизмъ и святисть, поручъ одно зъ однымъ. Тутъ просто духъ захоплюе! Я хочу липыты теперъ одну ричъ. Такъ, знаете, тема така—огыдлыве и гарне. Огыдлыве мусыть буты жинкою, не дуже старою, але страшенно гыдкою, зъ такымъ, знаете, розпустнымъ выглядомъ въ облыччи, зъ страшеннымъ цинизмомъ душы и тила. А поручъ молодый, гарный юнакъ зъ полумьямъ сылы и такого, знаете, захоплюючого бажання боротьбы за добро, за красу; невынный, чыстый, палкый! И одне поручъ зъ другымъ. Контрастъ якый!

Глыкерія згадуе, що той будынокъ, якый воны обдывлялысь, щобъ наняты, и въ якому вже постановылы зробыты де-яки переробкы за-для Ивановои майстерни, хазяинъ (якъ казала швачка) несподивано продае кому-сь. Певно, доведется шукать другого, або зъ новымъ хазяиномъ зновъ говорыты.

— Ваня!—клыче вона зновъ.

Иванъ озырается, кыдае «заразъ, заразъ» и зновъ звертается до Сони:

— И помитьте: таки контрасты на кожному кроци, въ кожному зъявыщи; воны миняются, чергуются, складають зъ себе самыхъ зновъ контрасты. Се така гра, знаете... я страхъ якъ люблю слидкуваты за нымы! Бувае стильки красы, стильки змисту, що ажъ знемога якась на тебе впаде.

— Ваня!!—голоснише гукае Глыкерія и чуе, якъ ій щось непрыемно-гостро проходыть у серци, а голосъ стае тонкымъ и ризкымъ. Катя зновъ дывытся на неи и на Ивана, саркастычно посмихается и одверта голову.

— Заразъ, заразъ!—кыдае «Ваня».—И выдно, що люде такъ страшенно консерватывни, пасивни. Напрыкладъ, прылипылысь до однои формы, старои, збытои формы красы и гадають, що въ ній все, що... дійшлы до геркулесовыхъ стовпивъ!..

Глыкерія почувае, якъ гаряча хвыля кровы пидіймается ій у груды, надавлюе ихъ и вогнемъ суне до лыця. Ій соромно до болю, до скаженои злосты. О, якый соромъ! Винъ навить не хоче дывытысь на неи, а вона уявляла, що у ёго справди йе якесь чуття до неи. До неи, до цёго гострого, пацючого лыця зъ ридкымы зубамы и рябуватымы щокамы, зъ сею мизерною, жовтуватою косычкою. О, прокляття! Вона, дурепа, могла думаты, що іи мілліоны, мужычи, батькивськи мілліоны, яки ще, здается, пахтять вивцямы и пóтомъ наймытивъ, си мілліоны не мають ніякого значиння для ёго. Вона, идіотка, могла думаты, що ся артыстычна, нижна натура на неи звернула свою мылостыву увагу, а не на мілліоны, що воны, оть-ци панкы, инженеры, чыновныкы, генеральськи дочкы, титулярни, благородни, що воны пьють іи вына и катаются на іи коняхъ зъ-за любовы и повагы до неи. О, прокляття!

Ій хочется, якъ, бувало, робыла малою, зъ лютымъ вереском упасты на землю и люто бытысь объ неи головою; хочется несамовыто схопытысь и зъ ненавыстю уньястысь нигтямы въ се нижне, брехлыве лыце зъ глыбокымы очыма; хочется дыко, по мужицькы, схопыты за край скатиркы, шпурнуты на нихъ

сымы пляшкамы, тарилкамы и хлыскаты ихъ нею и крычаты: «геть звидсы! геть зъ мого лису, голопьяти! геть! геть!

Але вона тильки раптомъ сидае ривнише, мицно впывается рукамы въ сукню, такъ що ажъ пучкамъ боляче, и почынае важко дыхаты. Вона знае, що вона заразъ страшенно негарна, що кровъ, прылывшы до головы, робыть іи лыце не червонымъ, якъ у другыхъ, а якымсь буряковымъ, губы стають тонкымы та билымы, и гостре лыце, зъ вузькымы пронызуватымы очыма, стае ще бильшъ схожымъ на пацюче. Але ій теперъ дарма. Показать, заразъ же показать ёму и имъ, що вона хоче начхать на ныхъ, що вона и на мызыный палець не вважа на ихне благородство и не потребуе ихнёго товарыства.

— Треба, щобъ воно васъ захоплювало, щобъ вы не спалы!—гарно одкыдуючы свій темнорусый, шовковый чубъ, палко говорыть Иванъ. Треба зминяты свои почування, тасуваты ихъ, якъ карты, вышукуваты ихъ въ кожній дрибныци, въ кожній незначній прояви всякого жыття!.. А для сёго контрастъ найбильшъ видповидае. Винъ не дае застыгнуты думци, винъ дратуе нервы... Хай погане, хай гыдке буде въ сёму контрасти,— тутъ ходыть не про фактъ, а про ваши почування...

— Ха—ха—ха!—раптомъ вырывается у Глыкеріи зъ грудей злистный, дзвинкый видъ сеи злосты смихъ.—Иванъ, Соня, Женя и ще де-хто озыраются на неи.

— Ха—ха—ха!—пидводытся вона трохы.—Се цикаво!.. Уявляю... Не фактъ, а почування. А ну, отъ визьмить, визьмить, визьмить скыньте заразъ вашъ сюртукъ и черевыкы и лизьте на дерево. А мы будемо дывытысь. Се буде тежъ контрастъ.

Иванъ трохы здывовано и пыльно дывытся на іи лыце и одповидае:

— Ну, сказаты, се буде не контрасть, а... а видхылення видъ нормы, видъ звычайного. Воно подибне до ёго, але тильки...

— Зовсимъ не подибне!—скрыкуе ризко Глыкерія.—Зовсимъ не норма. Самый справжній контрастъ, и якъ разъ на вашъ смакъ. Отъ скыдайте сюртукъ и лизьте!

Иванъ стыскуе плечыма и одвертается, панночкы жъ сдержано сміются. Але се ще бильшъ дратуе іи. Вона стае на колина и, нервово шарпаючы хустку, говорыть:

— Ну, отъ я хочу сёго пережывання, сёго контрасту! Я хочу, щобъ вы полизлы на дерево. Иване, лизьте! Се мое бажання, зробить же!

— Се—вередування, Лико,—знехотя посмихается Иванъ, а не бажання... И воно трохы не лычыть тоби...

Глыкерія чуе, якъ нова, ще дужча хвыля несется зъ грудей въ лыце, чуе, якъ загоряются въ неи очи, але вона вже не може спынытысь. А! не лычыть? Ій зъ лыцемъ кухаркы, ій мужычци не лычыть, а якъ бы се сказала Катька, ій бы не тильки лычыло, а було бъ «справжнимъ, дужымъ, гострымъ, естетычнымъ» и всякымъ контрастомъ. Ну, такъ отъ же вона хоче сёго и такъ мусыть буты.

— Все одно—лычыть не лычыть, а я хочу! Отъ и все! Будете лизты? Ну?

Вона встае, выпрямляе свій дужый, гарный станъ зъ роскишными формамы и чекаючы дывытся на ёго. Иванъ закыдае трохы назадъ голову и, озыраючы іи зъ нигъ до головы трохы здывованымъ, трохы зачарованымъ поглядомъ, мовчкы посмихается?

— Ну, Иване?—я чекаю.

— Не можу, Лико—жартовлыво розводыть винъ рукамы.—Сёго, ій-Богу, не можу... За таки контрасты мене до людей не пустять, а то и въ участокъ не довго. И я не розумію, що за фантазія така зразу. И сей тонъ, поза.

Винъ зновъ озыра іи зъ нигъ до головы, дывытся на іи лыце, повне затрыманои. скаженои злосты, на били губы, на гострый, негарный нисъ, зновъ переводыть очи на чудовый, стрункый станъ, якый, здается, на жартъ хтось прытулывъ до сеи незграбнои головы. Вона бачыть ци погляды, и въ неи пролитае думка, що винъ любуется сымъ контрастомъ тила и головы. И ій ще дужче хочется зробыты щось дыке, щось образлыве для ёго.

— Не хочете?—закыда вона гордо голову.

Балачка вже й на другому кинци стыхае, и Глыкерія, не повертаючы ни головы, ни очей, бачыть, якъ Катя выясняе инчымъ прычыну суперечкы, и чуе, якъ та повынна насмишкувато и зневажлыво всмихатысь. Иванъ тежъ устае на ногы, струсюе зъ штанивъ крыхты и говорыть:

— Не то що не хочу, а просто не можу выконуваты таки, таки дыки бажання. Я просто такы дывуюсь.

Глыкерія круто повертается, такъ що подилъ сукни ажъ витеръ здійма биля неи, и крычыть до экипаживъ:

— Семенъ! Запрягай мою брычку! Хутко!

— Лико!—тыхо говорыть до неи Иванъ.—Що зъ тобою?!.. Що за фантазія? Се жъ образа...

«А мени начхать!»—хочется крыкнуты ій, але вона тильки зрывается зъ мисця и прудко йде до брычкы, биля якои, не знаючы що початы, стоить Семенъ и зъ здывованою пыкою щось говорыть до Дунькы. Глыкерія знае, що и ся буде лаять іи и судыты на кухни зъ другою прыслугою, и ій хочется кынуть ій гроши, затопать ногамы и выгнать, заразъ же выгнать.

— Чого стоишъ?! Що за разбалакування?—накыдается вона на Семена.—Запрягай!!

Вона ще трохы дывытся на похипни рухы Семена, якый почына вовтузытысь биля упряжи, потимъ повертается и иде до спильныкивъ пикнику, що збылысь до купы, тыхо балакаючы; назустричъ ій выбигае Жабурынъ и, вытыраючы невелычкымы кулачкамы свое маленьке, руденьке облыччя, почына плаксывымъ голосомъ:

— Глыкерія Панасовно! Змылуйтесь, куды жъ такъ рано? Тильки розвеселылыся—и трахъ! до-дому... А тутъ лыхтарыкы, чаёкъ, повитрячко... Глыкеріе Панасовно! Забудьте...

Глыкерія не слуха ёго и, звертаючысь до всихъ, говорыть холоднымъ и трохы здывованымъ тономъ:

— Панове! Мене дывуе просто... Я соби пойиду, а вы можете зоставатысь. Кучерá и покойивка и безъ мене до-дому дорогу знайдуть...

Але, кажучы се, вона вже знае, що воны ни за що не зостанутся тутъ безъ неи, безъ хазяйкы сыхъ вынъ, найидкивъ, «лыхтарыкивъ, чайкивъ», сыхъ кучеривъ и коней. Вона се бачыть вже по холодныхъ, ображеныхъ физіономіяхъ панночокъ, яки почынають розшукуваты свои капелюхы, накыдкы, рукавычкы и т. и. И ій се и прыемно, и злистно, и нибы соромно за себе. На Ивана вона не дывытся и не знае, чы винъ сердытся, чы дывытся на неи своимъ пыльнымъ поглядомъ, чы всмихается, немовъ кажучы: «о, мени се давно вже видомо».

Кони запряжени, вси розсажуются, и Глыкерія чуе, якъ Катя злистно каже:

— Я зъ сею мужычкою бильшъ николы никуды не пойиду! Николы!

Ій хтось щось тыхо одповидае, чуется смихъ, образлывый, тяжкый смихъ. Семенъ, Хома и Дунька поспишаючыся складають на свою брычку самоваръ, тарилкы, порожни пляшкы и тежъ щось говорять и сміются. На Ивана Глыкерія не дывытся, але почувае, що и винъ повыненъ тежъ сміятысь.

Вона сидае на свою маленьку на двохъ зроблену брычку, бере въ рукы вижкы и зъ замиранням сърця прыслухается, чы не чуты Ивановыхъ ступнивъ. Вона загадуе: колы винъ сяде на свое мисце поручъ зъ нею, значыть, не все ще порвано, колы жъ пиде на другый экипажъ, значыть... Ну и начхать... хай иде, все одно! Хай иде!

Вона шарпае вижкамы и злистно крычыть на коней:

— Н-но!!

— Почекайте!—чуется биля брычкы знаёмый голосъ.—Я жъ ще сяду...

Глыкерія зъ похмурымъ, напруженымъ лыцемъ зупыняе коней и чекае, покы Иванъ умощуется биля неи. Нарешти рушають; попереду Глыкерія зъ Иваномъ, потимъ два экипажи зъ останнимы и на кинци Семенъ та Дунька зъ посудою и недойиденнымы найидкамы.

Сонце нибы тежъ розсердылось и, страшенно червоне видъ гниву, показуе иноди кризь дерева свое кругле лыце; берестки,

молоди дубкы, схыляючы на зарослу шпорышомъ, мало накочену дорижку свои виты, чыпляются за капелюхы, за одижъ и нибы бажають спыныты гостей.. Кони тежъ, здается, незадоволени—часто фыркають, махають хвостамы и, нибы одгоняючы оводивъ, озыраются на Глыкерію и, одвернувшысь, насмишкувато пырхають.

Глыкерія робыть выглядъ, що дуже пыльно правыть киньмы, й не озырается до свого сусиды, але знае, що винъ дывытся на неи, и ій хочется, щобъ винъ заговорывъ, бо тоди мусыть меньче дывытысь на іи надто негарне у профиль лыце, и хочется, щобъ винъ не говорывъ, бо прыйдется одповидаты, а вона чуе, що наговорыть такого, за що буде потимъ каятысь.

— Лико...—тыхо почынае Иванъ.

— Я зъ вамы не балакаю! Прошу не звертатысь!—хутко й навмысне зъ побильшеною злистю говорыть вона и шарпае вижкамы.

Иванъ хвылыну мовчыть.

— Але жъ... Хм... кумедно трохы справди,—зачынае винъ знову. Наробыты дурныць, образыты людей, зпоганыты имъ вечиръ—и не звертайтесь до неи...

— Чымъ я образыла? Чымъ?—швыдко поверта вона до ёго лыце й дывытся въ ёго спокійни, добри й злегка затуманени вынымъ очи.

— Чымъ? Своимъ вередуванням...

— Ха-ха-ха!..—одвертаючысь, сміется вона робленымъ смихомъ—«Вередуваннямъ»!.. А вы, а вы...—раптомъ гнивно й зъ щырымъ выбухомъ злосты повертается вона.—Вы не образылы мене? Га? Я трычи клычу васъ, а вамъ навить важко було повернуты до мене свою...—ій хочется сказаты «благородну», але вона здержуется—...свою горду голову! И вамъ бильшъ цикава Соня, нижъ та, що буде жинкою вашою. О, я знаю, все знаю! Ахъ, годи, годи!!

Вона нервово бъя вижкамы блыскучи крыжи коней, и экыпажъ стрыбае впередъ и, пидіймаючы витеръ, мынае берестки й дубкы, що хапаючысь дряпають капелюхы, крыла брычкы и зныкають позаду.

Лисокъ кинчается, и кони выносять ихъ у поле. И зразу передъ очыма имъ выдно на неби край чорнои хмары, яку наче хто-сь тильки выстромывъ зъ-за краевыду, щобъ сонце позолотыло й погрило іи своимы червонымы, якъ полумья, проминнямы.

— Все одно дощъ бувъ бы!—кыдае холодно Глыкерія до Ивана, показуючы на небо. И чы видъ сеи хмары, чы видъ того, що вона выйихала зъ лису, чы видъ мовчання Ивана, Глыкеріи ривный, довгый степъ здается якымъ-сь похмурымъ и нуднымъ. Яко-сь голо, сиро, одноманитно, а до того ще сей шырокый, велыкый шляхъ, що йде по-надъ лискомъ и тягнется туды, у степъ, до самого миста. Покрытый весь дрибнымъ, якъ пудра, мягкымъ порохомъ, що здіймается пидъ колесамы й за возомъ, якъ дымъ, що сиро вкрывае собою на де-кильки саженивъ хлиба́, сей шляхъ зъ сирымъ запорошенымъ бурьяномъ зъ бокивъ здается схожымъ на старого, змученого, знесыленого жыттямъ чоловика.

Звернувшы на шляхъ, кони почынають чого-сь косо дывытысь у бикъ, до лиска. Глыкерія поверта туды голову и бачыть крокивъ на 30 видъ шляху яку-сь массу рудыхъ свытокъ, жовтыхъ брыливъ, чорныхъ та червоныхъ хустокъ, босыхъ нигъ, якыхъ-сь довгыхъ, билыхъ палыць, клункивъ, грабель. Воны то рухаются, то спокійно лежать на земли у холодку пидъ деревамы, тинь одъ якыхъ довгымы, незграбнымы пасмамы сягае ажъ до шляху. Биля рову, що подиляе лисъ видъ поля, горыть вогонь, а коло ёго стоять якись постати зъ голымы спынамы й, простягшы рукы надъ вогнемъ, щось роблять. Глыкерія дывытся на си голи, шыроки, смугляви й били спыны й ніякъ не може зрозумиты, що роблять ти люде надъ вогнемъ безъ сорочокъ. Вона озырается до Ивана и бачыть, що й той, высунувшысь зъ-за неи й прыплющывшы очи, тежъ дывытся и, выдно, такожъ не розуміе.

— Хто-то?—пытае винъ.

— Полтавци... Заробитчане...

— А що то воны роблять биля вогню?

— Не знаю... Я сама дывлюсь...

Глыкерія зупыняе коней и озырается. Зъ лису выйизжають останни экипажи и, пидйихавшы, тежъ зупыняются. Почынаются

розпытування, догадкы, миркування. Але Глыкерія не выдержуе й, звертаючысь до масы, гукае:

— Эй вы!.. Чуете?.. Эй тамъ!..

Голи спыны повертаются, але все такы держать рукы надъ вогнемъ, и не выдко добре, щó въ ныхъ йе. По масси свытокъ и брыливъ проходыть шамотиння: де хто пидводытся, де хто встае, хто стоявъ спыною, повертается лыцемъ до шляху. И Глыкерія бачыть пидъ брылямы червони й темни облыччя, якыхъ роздывытысь добре не можно. Воны щось говорять одно до одного и знов дывлятся на скупчени экипажи, певно не розуміючы, чого хотять видъ ныхъ си гарно одягнени, чысти, багати люде. Глыкерія зверта коней на борозну, що тягнется по-надъ шляхомъ, обережно перейизжа іи й наблыжается по трави до заробитчанъ, середъ якыхъ шамотиння стае ще бильшымъ, а голи спыны накрываются свыткамы. Теперъ ій уже выразно выдко облыччя, тильки яки воны вси нибы однакови: темни, худи, похмури и вси наче одного якого-сь сирого колёру,—нема ни билявыхъ, ни чорнявыхъ,—уси сири. Зъ валкы выступае де-кильки мужчынъ у брыляхъ и въ гнидыхъ чумаркахъ, и одинъ зъ ныхъ, невелычкый чоловичокъ, въ шырокыхъ, выбійчаныхъ штаняхъ зъ вузькою, довгою латкою на всю холошу, пидходыть блыжче й, уклонывшысь, зкыдае брыля. Глыкерія прыдывляется й розуміе теперъ, чого вси однакови: на бороди, на вусахъ, на бровахъ, у зморшкахъ лыця, навить на віяхъ у чоловичка, якъ на бурьяни край шляху, лежыть густо сирый порохъ, що навить засохъ ёму на губахъ чорненькою ныткою. Тильки на тимьи волосся выразно чорніе.

Вона переводыть очи на другихъ и бачыть, що й ти вси покрыти порохомъ зъ нигъ до головы, такъ що выдно навить кризь розхрыстани, брудни, товсти сорочкы сири груды.

— Що вы, робыте тутъ?—пытае вона въ чоловичка.

— Спочываемо, пани,—ще разъ уклоняется винъ—зтомылысь, то й спочываемо трохы...

Други экипажи (кримъ Семенового) тежъ пидйизжають и зупыняются. Чоловичокъ дывытся на ныхъ и зтурбовано озырается до своихъ, що пидступають блыжче несмилою ходою. По

вальци заробитчанъ проходыть ще бильшый рухъ. Глыкерія бачыть, якъ, лежачы у купи, дивчата й хлопци пидводятся, сидають и почынають дывытысь у ихъ бикъ, и у дивчатъ облыччя хочъ таки жъ худи и зморени, але не сири, а червони й такъ попечени сонцемъ, що шкура въ де-якыхъ мисцяхъ пооблазыла, а носы блыщять, наче помазани саломъ. Воны, выдно, повмывалысь.

До переднёи купкы заробитчанъ пидходять други й мовчкы зупыняются биля ныхъ. Тутъ—и зовсимъ молоди хлопци-пидлиткы, и дивчата, и дядькы зъ бородамы й глыбокымы зморшкамы, повнымы пороху.

— А шо то робылы ти люде онъ-тамъ биля вогню... безъ сорочокъ?—пытае Глыкерія, показуючы головою на дымъ, що стелется по-надъ ровомъ и плыве вузькою хмарою межъ деревамы. Чоловичокъ тежъ дывытся туды и спершу не розуміе, але потимъ раптомъ засоромлюется й, ніяково всмихаючысь, каже:

— Та то, знаете, такъ... ходять коло себе трохы...

— Якъ то «ходять коло себе»?

— Та такъ, чепурятся... Звынить на слови, въ дорози завелась нужа... ну й той...

— Що??—зи страхомъ скрыкуе Глыкерія.

— Нужа, нужа... Ну, й той печуть... Вона вогню не любыть, заразъ падае. Такъ, якъ держышъ сорочку надъ вогнемъ, а вона й падае... Мыты нема колы, та й нема чого, де була яка переминна сорочына, на хлибъ перевелы...

Чоловичокъ добродушно й трохы сумно посмихается й дывытся на Глыкерію, а ій выразно вже уявляется, якъ стоять отъ-таки жъ запорошени люде и держять надъ вогнемъ брудни-брудни сорочкы... Вогонь лыже и смаже сорочку, а огыдлыви паразиты повзуть такъ тыхо, вяло и падають зъ трискомъ въ вогонь. Брр!

— О, Боже!—повертается вона до Ивана, огыдлыво поводячы плечыма й почуваючы, якъ ій ажъ за глотку щось давыть

видъ сеи уявы. Иванъ не одповидае ій,--лыце ёму якесь напружене, скрывлене и очи дывлятся пыльно-пыльно на робитныкивъ. Зъ экипаживъ чуется: «що?.. що?.. на що»? и потимъ: «о, Боже!.. Та не може буты»!

Глыкерія злазыть зъ брычкы й на щось пидходыть блыжче до заробитчанъ. Злазють такожъ Иванъ, Катя, Гусляръ, Женя та инчи й такожъ пидходять до ныхъ.

— Чого жъ вы такъ... Хиба роботы немае?—говорыть Глыкерія.

— Хм... роботы...—посмихается чоловичокъ и почынае оповидаты, якъ воны два тыжни вже блукають одъ экономіи до экономіи, зъ миста въ мисто, й нигде не можуть знайты тыеи роботы.

— Лито, Господь его святый зна, выпало неврожайне. Хлиба высохлы, згорилы, скризь вправляются своимы рукамы. Що було грошенятъ зъ дому, зйилы, а теперъ хочъ жывымъ до Бога лизь. Думалось, хочъ погорюемъ лито, та все-такы прынесемъ до-дому якусь копійку, чы за землю заплатыты, чы себе прохарчуваты. А теперъ отъ-таке. Хочъ сядь та плачъ, хочъ стоячы ревы..

Чоловичокъ оповидае, а дви купы людей стоять и дывлятся одна на одну, але дывлятся не такъ, якъ незнаёми межъ собою люды, а такъ, якъ дывлятся звычайно въ музеи на вощани фигуры, тильки одна группа дывытся зъ выразомъ якого-сь жалю, огыдлывосты, страху, а друга—заздросты, похмурои тугы й піяковосты.

— Ось зрана й маковово зёрна у роти не було,—посмихается чоловичокъ, вынувато якось дывлячысь на Глыкерію й Ивана:—люде вкрай попрыставалы. Доросле то ще такъ-сякъ телипается, а молоде зовсимъ прыпало до земли. Якъ не найдемо ще тутъ роботы, то вже й Господь святый зна, що ёго думаты дали...

Глыкерія дывытся на якого-сь хлопця годъ 14, помичае, що винъ дуже схожый на іи брата, Васылька,—таке жъ худе лычко зъ довгымъ пидбориддямъ и тонкымъ носомъ, таки жъ очи смырни и добри,—и ій стае вментъ жалько-жалько сыхъ людей.

Ій ввыжается, якъ воны лежять отъ-такымы жъ купамы де-сь на базаряхъ, чекаючы наймачивъ, якъ ганяе ихъ зъ мисця на мисце полиція, а воны несмило, покирлыво гуртомъ поступаются ій. Потимъ, не дочекавшысь въ одному мисти, идуть у друге. Идуть степомъ: степъ довгый, безкраій; зеленіють чужи хлиба, мріють могылы на обріи. А сонце пече—ни витру, ни хмары; порохъ зъ бытого шляху дымомъ лизе въ очи, въ вуха, въ нисъ, у ротъ. Хочется пыты, а воды немае, або така тепла въ баклажкахъ, що ажъ гыдко у ротъ взяты. Ногы щемлять, тило мляве, у грудяхъ страхъ за будуче и пекуче бажання йисты, йисты!

Вона озырается до экипаживъ и зустривается зъ поглядомъ Ивана.

— Отъ-се контрастъ!—говорыть Иванъ, пошыренымы й смутнымы очима показуючы на одну й другу группу.—Се справжній контрастъ.

Але Глыкерія навить не дочувае добре, що винъ каже; ій жаль, страшенно жаль заробитчанъ. Вона ничого не одповидае ёму, а найшовшы очима Семенову брычку, гукае:

— Семенъ!.. Семенъ!.. Йидь сюды!

Семенъ поверта кони, гецае на борозни и хутко пидйизжа до неи.

— Тамъ зосталось що небудь?.. Хлибъ, мясо?..—пытае вона.

— Зосталось.

— Выймай сюды все!.. Треба людямъ цимъ дать...

Зачувшы «хлибъ, мясо», полтавци якъ электрычною течіею проймаются. Воны жадно переводять очи на Семена й почынають зорыты за нымъ. Забачывшы, що винъ злизъ зъ брычкы й почавъ щось выйматы зъ неи, воны почынають посовуватысь вперёдъ, помынаты панивъ и наблыжатысь до брычкы. Глыкеріи выдно, що й чоловичкови страшенно хочется побигты туды, але винъ зъ деликатносты стоить передъ нею безъ брыля, щось говорыть и тильки иноди погляда на Семена пыльнымъ окомъ.

А Глыкеріи ажъ досадно дывытысь, якъ Семенъ, зъ своимъ звычайнымъ флегматычно-покійнымъ выглядомъ и зъ «ароматною» въ куточку рота, по-малу выйма французськи булкы, якись ко-

робкы и, морщачись видъ дыму зъ «ароматнои», що лизе ёму прямо въ око, не хапаючысь кладе до-долу.

Помитывшы щось надзвычайне биля брычкы, й останни заробитчане пидходять блыжче, й навить коло вогню никого не зостается,—валяются тильки свыткы, клункы, косы, грабли й таке инче.

Валка почынае густы, турбоватыся, чуется шопотиння:

— Прыслано панивъ зъ хлибомъ. Годувать будуть на одробитокъ.

— Де на одробитокъ?.. Це наймать заразъ будуть. Дають по 50 на своихъ харчахъ.

А въ другому мисци, надто де дивчата:

— А дывы онъ у тои, що зъ квиткамы на голови... Десь дороге! Й за пьять рублывъ не купывъ-бы!

— Цыть... Слухають.

— Та й выно имъ давать?—вмыть гукае Семенъ.

— Ахъ, Боже ты мій!—нервово повертается до ёго Глыкерія—усе, усе давай!

И ій выдно, якъ Семенъ, звертаючысь до Дунькы, що склада все на розистлану доли скатирку, стыскуе плечыма й, иронычно посмихаючысь, щось говорыть до тои. Потимъ обое беруть за кинци скатиркы и важно проходять до Глыкеріи повзъ заробитчанъ, яки почынають напираты одне па одного й зазыраты у скатирку. И писля того, якъ хто зазырне туды, по валци проходыть гоминъ и чуты:

— Паляныци!.. Ковбасы!..

А Семенъ тильки пыхкае «ароматною» й иноди строго крычыть:

— Па-а-дй!

И колы ёго не розуміють, сердыто говорыть:

— А ну жъ зъ дорогы! Повылазыло, що несу?

Заробитчане уступаются, подаются трохы назадъ, и Семенъ зъ Дунькою урочысто проходять мижъ нымы, несучы скатирку, якъ покійныка.

— Роздавать?—зупыняючысь недалечко видъ Глыкеріи, пытае Семенъ.

По слови «роздавать» по валци, пролитае шумъ, якъ видъ подыху витра у лиси.

— Роздавай, роздавай!

— Та й выно имъ давать?

Глыкеріи хочется кынутысь на ёго й побыть ёму тымъ самымъ выномъ ёго голову.

— Семене!—зтрымуючы себе, глухо говорыть вона и мовчкы дывытся на его. Семенъ поспипіно нахыляется до скатиркы и першъ усёго выймае пляшку вына.

— У що вамъ налывать?.. Давай тамъ,—крычыть винъ на заробитчанъ, що вмептъ обтовплюють ёго,—казанкы, давай горшкы.

Де хто выпручуется, бижыть до клункивъ и справди зъ казанкомъ або горщыкомъ вертается назадъ. Семенъ почынае розлываты выно, й иронычна посмишка зновъ зъявляется пидъ «ароматною». Глыкеріи навить вчувается, якъ винъ повыпенъ говорыты до серьёзнои й посмутнилои Дунькы:

— Хамулы!.. Вопы попимають на выни, якъ свыня на апальцыпахъ. Але Дунька, выдно, не выдержуе,—нахыляется до скатиркы и, вытягшы де-кильки паляныць, почынае ломаты й роздаваты на вси бокы. Колы Семенъ лывъ выно въ казанкы, мало хто розумивъ, щó то й на що то, але колы въ рукахъ Дунькы биліе хлибъ, вси зразу почынають простягаты рукы, товпытысь, крычаты, сопты, лаятысь. Колы жъ и Семенъ тако-жъ берется за найидкы, робытся щось страшне. Гоминъ, крыкы, лайка, прохання, слёзы, звиряче ревипня, гарячи, жадни погляды, велыки, чорни рукы, змучени облыччя, брыли, хусткы, картузы,— все се мишается мижъ собою, хвылюется, кыпыть. И потимъ сей запахъ, важкый, кыслый, якый-сь запахъ поту, що кожного разу, якъ биля Глыкеріи хто проходыть зъ ныхъ зовсимъ блызько, душно обвивае іи и крутыть у носи. Серце ій чого-сь бьется дуже-дуже, а очи просто не можуть одирватысь видъ сеи дыкои, страшнои картыны.

Глыкерія, глянувшы до центру, бачыть, якъ Дунька, блида, зъ велыкымы, зляканымы очима (и черезъ се дуже гарна), хутко кваплючысь ламае хлибъ, совае въ купу рукъ, простягнутыхъ до неи, и въ купи заразъ же пиднимается крыкъ и гамъ; якъ вона зновъ совае имъ шматкы ковбасъ, якый-сь паперъ, и се зновъ зчезае тамъ, якъ въ безодни. Ось зъ валкы, мицно трымаючы щось биля грудей, выпручылась якась дивчына и, розгорнувшы прытулене, почына йисты зъ голоснымъ цмакáпнямъ балыкъ чы шынку, и очи ій бигають на вси бокы одъ страху, щобъ хто не однявъ. Балыка вменгъ не стае, й вона знову пирнае у валку. Іи не пускають, але вона чепляется рукамы за бокы заднихъ, розгорта ихъ и всовуется въ середыну, не вважаючы на штовханы, якымы надиляють іи задни. Семенъ щось крычыть, але чуты тильки голосъ ёго, а сливъ не можно розибраты.

— Дядьку, мени!.. Голубчыкы!.. Ой ридни жъ! хочъ крыхотку!.. Куды?.. Ой, Бога рады!.. Не пускай!.. Не давайте ёму, винъ уже взявъ!.. Дядьку!.. А мени!.. Дивчыно, мени жъ, мени... Ой, пустить!.. Змылуйтесь...

Биля самои Глыкеріи, важко сопучы, зупыняется той самый хлопець, що дуже схожый на Васылька, и дрижачымы рукамы почынае выйматы зъ коробкы и пхаты у ротъ сардынкы. Рукы ёму залыти кровью,—выдно поризавъ ихъ объ бляшану коробку; на пидборидди тежъ кровъ, на коробци кровъ... Глыкеріи щось до болю, до мукы душыть серце; дыхаты важко одъ жалю, и хочется скажено, голосно рыдаты.

— Боже!—чуе вона за собою й озырается. Иванови очи горять, на лоби стоить питъ, губы дрижять, и самъ випъ, здается, весь дрижыть. Вона дывытся на другыхъ спильныкивъ пикнику и на всихъ лыцяхъ бачыть такый выразъ, якый бувае у людей, що дывлятся на велыку пожежу. Навить Соня якось скрывылась, напружылась и гостро дывытся у валку.

Иванъ вытырае хусткою лоба й, одвертаючысь, говорыть до Глыкеріи:

— Не можу!.. Не можу дывытысь!. Я впаду. Така картына... такый жахъ.

— Що жъ робыты, Ваню, що жъ робыты?!—скрыкуе вона розбытымъ, сыплымъ голосомъ и зъ мукою хутко, нервово дывытся то на валку, то на ёго.—Я жъ не знаю. Такъ жаль. Дывысь, той хлопець... Ахъ, винъ вже пье зъ коробкы!

Хлопець, перехылывшы высоко коробку, одхылывъ голову назадъ и жадно смокче зъ коробкы масло, яке змишуется зъ кровью й капае ёму на сорочку.

— Панове!—раптомъ чуе вона зтурбованый голосъ Кати,—буря буде. Дывиться, хмара... до-дому треба!

Глыкерія озырается. Той ригъ хмары, що перше тильки ледве стырчавъ зъ-за краевыду, теперъ розрисся, розсунувся и чорно, гризно такъ суне за сонцемъ, мовъ бажаючы дигнаты ёго и заховаты въ своихъ суворыхъ обіймахъ. А сонце, злякавшысь, сховалось уже—и тини немае, все сиро: и степъ, и шляхъ, тильки хмара яскраво чорніе на сирому неби.

Але на Глыкерію вона не робыть ніякого вражиння. Вона мало-що добачаючымъ поглядомъ тильки обкыдае небо й зновъ повертается до заробитчанъ. И бачыть, що Семенъ щось крычыть и махае порожнёю скатиркою, а воны не вирять ёму й, ще не пережувавшы того, що въ роти, товплятся кругъ ёго, просять, молять, зазырають за ногы, нышпорять биля экипажу. Семенъ, выдно. сердытся й поглядае на Дуньку, яка ще не роздала всёго. А лыце ій яке-сь чудне, дуже блиде, скрывлене й негарне вже. Щось гостро коле у серце Глыкеріи,—вона догадуется, що Дунька плаче; стоить, роздае, а сама плаче. И хоча Глыкеріи сего добре не выдно, але ій уявляется, якъ слёзы хутко-хутко выкочуются ій зъ очей, бижять по щокахъ и падають на хлибъ, на сардынкы, на балыкы.

Нема вже ничого и въ Дунькы. Выдно, що голодъ тильки роздратовано, але не втышено ни на крыхту. За те несмилывосты въ облычяхъ нема вже; де-яки, певно ти, що выпылы вына, навить выявляють щосъ вороже, злистне, нахабне. Глыкерія бачыть, якъ воны ходять, пиднимають крыхты зъ пидъ нигъ, дыв-

лятся на панивъ и щось говорять и сміются. Але якъ негарно, якъ терпко сміются!

— Я дамъ имъ грошей!—повертается вона до Ивана и заразъ же, не слухаючы ёго, поспишно выйма свій гаманець и нервово высыпае соби въ руку срибни, мидни й золоти монеты.

— Поможить мени!—кыдае вона до Ивана, не повертаючысь и розкладаючы на руци гроши. Иванъ хутко выймае й свій гаманець и поспишаючы, почына тежъ для чого-сь розкладаты гроши на руци.

— Слухайте!.. Ей!..—крычыть Глыкерія до робитныкивъ.

Середъ переднихъ зразу стае тыхо.

— Ось мы... вамъ хочемо трохы... грошей. Идить сюды!

— Грошей!!—бурею прокачуется по вальци, и въ одынъ менть Глыкерія вже ничого не бачыть й не чуе кругъ себе, кримъ довгыхъ, брудныхъ рукъ, важко сопучыхъ лыць, крыку й тяжкого запаху поту. Тыкаючи у вси бокы гроши й щось кажучы до сихъ темныхъ облычь, вона почувае, якъ хто-сь наступывъ ій на ногу й биль проходыть ій ажъ въ груды, якъ чыи-сь рукы давлять ій пальци, зъ-заду хто-сь дуже напырае и гаряче дыхае въ шыю и чуты таке сопиння, нибы хто-сь тамъ котыть щось важке-важке. А въ ухахъ ажъ ляскае видъ крыкивъ:

— Панночко!.. Ридненька!.. Ой, Боже жъ мій! Мени жъ, мени, панночко!.. А ну!.. А дывы!.. Куды?.. Пусты!.. Панночко!.. Ты вже взявъ!.. Золотый!.. Господы!.. Ой, Боже жъ мій! А мени, а мени... Тю!.. Панночко!

Глыкеріи важко дыхаты; грошей у неи вже немае, але іи все не пускають, напирають, топчуть ногы, протягують рукы, хапають іи пальци, й не то цилують, не то грызуть ихъ, лаются, крычать и, здается, вси дыхають на неи симъ запахомъ поту, свытокъ и... горилкы. Вона безпомично, зъ страхомъ озырается й хоче поклыкаты Ивана, але бачыть зъ-за брыливъ и хустокъ тильки кинчыкъ ёго чорного капелюха и чуе тежъ таки сами крыкы:

— Панычу!.. Ой, ратуйте!.. А мени жъ... Рубъ, рубъ!.. Куды?.. То пополамъ-пополамъ... Стій!.. Мени жъ, мени!.. Панычу!.. Пане!..

Вона якось выбырается зъ валкы. Гоминъ стоить страшенный, невымовный. Глыкерія бачыть, що вже биля й тыхъ спильныкивъ товплятся брыли й хусткы, а попереду всихъ высока, дужа постать парубка зъ лыцемъ турка й дыкымы очыма.

А хмара суне и, здается, сидае все ныжче та ныжче. На шляху здіймается высокый стовпъ пороху й, крутячысь, завертуючы въ себе соломынкы, пирья, трисочкы, бижыть по дорози.

— Панове! До-дому, дощъ буде!—крычыть Катя.

Але іи мало хто слуха.

До Глыкеріи пидходыть Иванъ. Винъ важко дыхае, вытырае дрижачею рукою зъ лыця пить и мае выглядъ чоловика, якый допомогавъ на пожежи, ледве вырвався самъ зъ вогню и теперъ тильки зъ жахомъ и безнадійнистю дывытся на велыґенське полумья, въ якому ёго праця пирнула безслидно, якъ крапля у мори.

— Ты знервувався дуже—зтурбовано дывытся Глыкерія на ёго биле-биле лыце, яке видъ чорныхъ очей, боридкы и капелюха здается ще билищымъ.

— Ни, такъ... трохы... А тутъ ще хмарытся...—повертается винъ до почорнилого неба:—заразъ гримъ буде.

— Пойидемъ до-дому—говорыть Глыкерія, якій видъ усёго цёго робытся въ грудяхъ якось порожне, нудно и безнадійно.

Стае темнище й темнище. Хмара ривняется вже зъ лисомъ и, нибы замыслывшысь, зупыняется надъ нымъ. Робитныкы почынають по-троху одбигать до свытокъ, до клункивъ. Де-яки ще товплятся биля Жени й Саши, де-яки сварятся, крычать, лаются. На краевыди далеко-далеко моргае блыскавка.

— Панове!—плачучымъ ображеннымъ голосомъ крычыть Катя.

— Ну, що жъ це справди таке? Я боюсь... До-дому...

Раптомъ, неначе злякавшысь, що вони втичуть, звидкы-сь изъ поля налитае скаженый витеръ зъ порохомъ, зъ соломою,

зрывае капелюхы, пиднимае до горы одижъ, грывы коней и злистно накыдается на лисъ, що гризно, сердыто одповидае ёму.

Глыкерія бачыть, що до ныхъ бижать робитныкы зъ якою-сь темною и сирою одежою въ рукахъ и щось гукають заднимъ. Ти тако-жъ щось несуть и бижать до Кати, Жени й останнихъ.

— Дощъ буде, панночко!—захакавшысь говорыть одынъ изъ переднихъ, зупыняючысь передъ Глыкеріею й Иваномъ.—Укрыйтесь... Ось... що маемо... Свытку, ряденце... Воно не такъ змочыть...

— А вы жъ якъ?—вагается Глыкерія, дывлячысь то на робитныкивъ, то на Ивана.

— Э, мы!—зъ усмишкою маха вильною рукою чоловикъ.— Дощъ змые, а витеръ высуше!.. Ось... накыньте, то воно яко-сь... Берить, берить... Карпо, дай панычеви...

— Але Глыкерія помичае, що Иванъ яко-сь одсовуется, ніяково дякуе и кыдае на неи погляды.

«Нужа!»—пролитае въ неи думка, и зновъ щось здавлюе глотку.

— Ни, ни, спасыби!—поспишно говорыть вона.—Мы й такъ... У насъ йе зонтыкы... Мы встыгнемо ще втикты.. Спасыби, спасыби... Укрывайтесь сами, вамъ тежъ треба... А мы такъ... Иванъ, пойидемо!

Ій здается, що робитныкы догадуются, чого воны одмовляются, и ій стае ніяково—и жаль ихъ, и соромно-соромно. Але вона хутко бижыть до брычкы, вылизае й хапа въ рукы вижкы. Иванъ тежъ выстрыбуе за нею. Глыкерыя озырается й бачыть, що други экипажы вже рушылы й повертають чого-сь до лису, а на тому мисци стоять заробитчане зъ одижью у рукахъ и очевыдячкы балакають мижъ собою.

— Прощайте!—повертаючы коней до лису, кыдае Глыкерія до робитныкивъ.

— Счаслыво... Прощавайте... Спасыби вамъ... Хай вамъ... одъ Бога... Спасытели наши—чуется видъ ныхъ, але Глыкеріи чогось вчувается середъ сихъ подякъ не то докиръ якый-сь, не то образа...

— Эхъ, свынство!—бурчыть якось злистно Иванъ.

Глыкерія бье вижками коней, и экипажъ легко, нечутно котытся до лису. Витеръ дме имъ въ спыну, рве капелюхы, яки воны мусять прыдержуваты рукамы; лисъ шумыть и зъ погрозою хытае имъ назустричъ настобурченымъ витямъ, мовъ остерегаючы ихъ.

Въ лиси не такъ віе витеръ, але темнище, бильше шуму й страшнише. Пидъ высокымы, густымы дубамы стоять вже передни экипажи, а зъ пидъ ныхъ чуется жиночый и чоловичый смихъ, гоминъ, крыкы.

Глыкерыя выбирае густый дубъ и зупыняется.

— И мы пидъ брычку?—пытае вона у Ивана.

— А якъ кони злякаются й понесуть?

— Семенъ!!—крычыть вона.—Семенъ!!

Десь глухо одзывается Семенъ, и не дуже то хутко чорніе ёго постать середъ деревъ.

— Сюды, сюды!.. Та скорище!.. Держы коней, бо мы зализемо пидъ брычку. Семенъ у своему чекмени уже. Винъ бере коней за поводдя и мовчкы (выдно, незавдоволено) застыгае биля ныхъ. Глыкерія поспишно, нервово бере зъ брычкы кылымъ, якый бувъ на сиденни, свою кофту, зонтыкъ, пальто и подае Иванови, якый вже сыдыть пидъ брычкою. Умощуются.

— Цили баррыкады,—тыхо говорыть Иванъ, выставляючы поперед себе зонтыкъ. Глыкерія мовчыть и слухае. Десь надъ ными у гори щось гуркотыть, и ій здается, що вона сыдыть пидъ мостомъ, а надъ головою у неи по дошкахъ мосту котятся велыки, важки возы. Сыдиты трохы незручно, тисно, але за те якъ гарно, якъ затышно. Вона чуе, якъ Иванова рука нижно, тыхо обнима іи за станъ, злегка прытулюе до себе й замирае.

— Хороша моя...—чуется ласкавый, мылый, ледве чутный голосъ, и рука на стани щильнище прыгорта іи до свого теплого, любого тила.

— Тоби не холодно?—пытае вона, щобъ сказаты що нэбудь, и голосъ у неи выходыть тежъ ласкавый и мягкый. Иванъ сміется, потимъ бере іи руку, пидносыть до губъ и застыгае. А губы

ёму таки гарячи, що Глыкерыи ажъ холодно-солодко якось замирае у грудяхъ и стае чогось страшно.

«Ррра́к-рак-рак-рракъ!..—раптомъ трищыть надъ головою.

«Вву-у!.. фрр... фи-и-и!»—лютуе щось кругъ ныхъ у витяхъ, на земли, за брычкою.

— Якъ гарно!—шепче Глыкерія, стыскаючы Иванову руку, потимъ трохы мовчыть и ще тыхище пытается:

— Ты не сердышся?.. Я така дурна, божевильна...

Иванъ зновъ тыхо цилуе руку, и Глыкеріи здается, що видъ ёго гарячыхъ губъ и мягкихъ усивъ черезъ руку проходыть до неи у серце щось мырне, спокійне, нижне. Воно розходытся тамъ, гріе груды и такъ солодко стоить по всій истоти.

— Тпрру! . Стій .. Бодай ты каминемъ стала!..—чуется Семенивъ голосъ, а за нымъ:

— Вжжж... фрр... гу-у-у!..

Надъ головою щось зъ страшеннымъ трискомъ лускае и розкочуется по небу, мовъ хто покотывъ велыки гыри по мосту. Глыкерія й Иванъ ажъ здрыгуются и прытуляются ще щильнище одне до одного. Потимъ стыхае, и чуты, якъ по лиси проходыть якыйсь масивный, поважный, ривный шумъ.

— Дощъ...—шопоче Глыкерія —Змоче насъ...

— «Витеръ высуше»...—заспокоюе Иванъ словамы робитныка и змовкае.

«А у тыхъ нема брычокъ»—думается Глыкеріи, але жалю въ грудяхъ нема вже, тильки стае якось ніяково й важко, якъ у чоловика, котрый десь або набрехавъ багато, або вкравъ щось и счаслыво утикъ звидты.

— Философія...—иронычно й трохы сумно говорыть Иванъ.— Що можуть сказаты тутъ Канты, Лейбницы, Гегели для сихъ людей... Яка тутъ философія, колы тебе пече сонце, мочыть дощъ. мучыть голодъ, крывдять люде... Яка тутъ, спытатысь, може буть философія, колы твое жыття складается зъ одныхъ непрыемныхъ пережывань?.. Якый тутъ може буты категорычный императывъ, абсолютъ, колы въ тебе категорычно вымагае черево йисты?.. Философія жыття, философія морали, красы... Ни, ты дай таку фило-

софію, щобъ я мигъ навчыты сихъ людей буты счаслывымы... А ихъ мілліоны, тысячи мілліонивъ!..

Раптомъ по лиси проходыть велытенськый шумъ, трискъ, выття, скрыпъ деревъ, зонтыкъ зъ пидъ ихъ нигъ зрывается й вментъ зчезае десь и въ лыце имъ и на рукы холодно бье дощъ. Иванъ поспишно вгортае Глыкерію у свое пальто, допомога ій щильнище до себе систы й укрывае ногы кылымомъ. Глыкеріи стае ще затышнище, ще краще, й хочется радисно сміятысь дрижачымъ смихомъ.

А лисъ стогне, вые, якъ роздратованый, страшный звиръ. Пры свитли блыскавкы, яке нагадуе Глыкеріи трамвай, ій выдно кудлати, молоди берестки, яки сердыто настовбурчылы лыстя и гризно трипочуть нымъ. Стае темно. Потимъ зновъ блыскавка, и выдно, якъ тижъ берестки зъ розмахомъ нахыляются до земли, мовъ бажаючы щось зъ неи пидняты, й, не диставшы, одкыдаются назадъ, злистно, безсыло трипочуть кучерявымы витамы и зновъ розхытуются.. А стари дубы стоять, стогнуть и наче зъ жалемъ и тугою хытають головамы на сылкування молодижы. А тамъ, на мосту, надъ головою, здается, злетилысь дви велычезни арміи й скажено бьются. Грюкитъ герматъ, тупотиння коней, несамовыте ревиння, все мишается въ страшенный, дужый концертъ, де можно чуты й шопотиння пекельнои злости, й грюкитъ гниву, й выття болю й ненавысты, и страхъ, и дужый, радистный поклыкъ до бою, и повне одчаю и мукы знесылля. Бій не змовкае и кровъ потоками дощу льется на лисъ, прорывае лыстя, стикае на брычку й почынае капаты за шыю й на голову Глыкеріи.

— Чудово!.. Пекельно чудово!—давыть ій холоднымы пальцямы рукы Иванъ.—Хочется бытысь, крычаты... Ухъ!

Винъ скажено прыгорта іи до себе, дрижыть весь и почынае цилуваты щокы, очи, нисъ, губы. Глыкерія сміется, але замирае вся пидъ наплывомъ чуття и почувае якусь вагу, прыемну вагу, и безсылисть въ рукахъ и ногахъ.

— Годи любый, годи—шопоче вона.

«Вжж... фрр... фи-и-и!»

— Лико!.. Я жыву!—важко дыхае Иванъ.—Ахъ, якъ я заразъ жыву!.. Могуче, дуже... Теперъ бы я на весь свитъ пiйшовъ бы самъ одынъ!.. Бытысь, боротысь, мучытысь... Лико!

Глыкерiи ще бильша, ще солодча вага налягае на всю истоту и зовсимъ не хочется ни бытысь, ни страждаты.

— А я ни.. —прыхыляется вона рукою до ёго плеча.—Отъ такъ сыдила бъ, слухала бурю и... може бъ плакала... Счаслыво тильки плакала!.. Хай соби тамъ буря, а у мене тажъ тыхо, такъ мырно... Справжнiй контрастъ!.. И зъ тобою...

Вмыть iй згадуется «вередування», и соромъ гостро коле въ серце.

— Ваню!—зъ усыллямъ каже вона.

— Я.

— Хочу прохаты въ тебе выбачення..

— О, прошу!—жартивлыво говорыть винъ.

— Ни, Ваню, не смiйся... Я знаю, що я образыла всихъ... и тебе. . Я знаю. Але мени було тяжко. Мени здавалось, що ты не вважаешъ на мене, що мене нихто не любыть, що смiются зъ мене. Ся Катя... Потимъ, потимъ я думала, що ты сватаешъ мене... такъ... Ни, не треба... Я дурна, скажена... Просты Ваню... Я бильше не буду... така... Прощаешъ?

Замисць одповиди винъ зновъ хапа iи въ обiймы и мижъ поцилунками говорыть:

— Прощаю... Прощаю... Люблю... люблю... Чуешъ?

— Любышъ?—встыгае вона спытаты.—За що?

— За те, що ты... жыва, що ты не вымуштрована истота, а людына... За сылу твою, за... все!.. Правда, дыка трохы, але, знаешъ, я тоби скажу...

И винъ говорыть iй. Буря потроху меншае. На мосту стыхае, витеръ втомывся й не крутыть деревомъ, тильки дощъ ще зъ бильшымъ шумомъ пада на лисъ. Иванъ тежъ помалу заспокоюется и, поклавшы голову Глыкерiи соби на плече, мягко проводыть iй теплою рукою по щоци. А iй и непрыемно видъ сёго, бо знае, що винъ повыненъ своимы чуткымы, нижнымы пальцямы почувать iи ридке рябботыння, и якось душно й солодко, й

досадно чогось. Вона прытуля ёго голову до себе й, закрывшы очи, почына палко цилуваты. Скильки проходыть часу такъ, вона не знае.

— Годи, кицю, годи вже!.. Пора вылизаты... Дощу вже немае...—чуе вона Иванивъ голосъ и наче прокыдается. Знявшы зъ ёго шыи руку, вона глыбоко, зъ дрижаннямъ зитхае й проводыть рукою по лыци. А воно таке гаряче, нибы вона не проты витру сыдила, а проты якого полумья.

Дощу вже справди немае и въ лиси выднище трохы. Десь за дубамы чуты знову смихъ, балачкы, перегукування.

— Иванъ Васылевычъ!—чуется Катинъ голосъ.—Де вы? Го-го!!.. До-дому!

— Холодно, Лико, надинь мое пальто,—говорыть Иванъ, сидаючы биля неи.—Вохко, застудышся...

— Ни...—вяло бовкае вона и бере въ рукы вижкы. Вона зовсимъ не почувае ни холоду, ни вохкосты,—ій душно, чогось тяжко, чогось сумно, хочется плакать.

Зновъ рушають, тильки попереду йиде Семенъ, якый показуе всимъ дорогу. Берестки зновъ чипляются за одижъ, за брычку и наче плачуть, прощаючысь зъ гостямы й обсыпаючы ихъ краплямы дощу. Повитря легке, свиже, бадёре.

— А тыхъ вже немае...—лінько промовляе Глыкерія, выйизжаючы на шляхъ и дывлячысь на те мисце, де стоялы робитныкы. Тамъ тыхо. И тыхо скризь навкругы. Сирый шляхъ зробывсь чорнымъ и выразно темніе довгою смугою середъ хлибивъ, що здаются теперъ сирымы. Небо наче помыршало, пиднялося дали у гору и сміется своимы зорямы.

Кони задоволено пырхають, клацають упряжю й копытамы; попереду чуется легкый смихъ и гоминъ зъ экипаживъ: дме ледве помитный витеръ видъ прудкои йизды. Все спочывае видъ лютого бою. Степъ, якъ прытомленый велетень, дыхае ривно, спокійно и віе безмежною сылою. Ледве помитни покрыти хлибамы могылы плывуть и ховаются позаду; тыхо, вильно.

— Якый контрастъ зъ бурею...—ледве чутно каже Иванъ.— Здается, або то бувъ тильки сонъ, або се... Але якъ гарно видъ

сихъ снивъ!.. Не дай Боже все жыття жыты симъ покоемъ, або тіею бурею...

Глыкерія раптомъ прытуляе зъ вижкамы руку до лыця и почынае, сама не знаючы чого, гирко плакаты. Иванъ змовкае й якыйсь ментъ здывовано мовчыть.

— Отъ-тоби й маешъ!—нарешти говорыть винъ.—Чого се? Що зъ тобою, Лико, голубко?..

— Такъ... не знаю... Ничого... Я заразъ...!—схлыпуе вона.

— Ну, годи жъ, годи...

Винъ бере іи за рукы й, нижно втишаючы, хоче одирваты ихъ одъ лыця. И голосъ ёму такый зтурбованый, нижный, добрый, нагадуе покійныцю-матиръ, и ще бильшъ хочется плакать видъ ёго.

Зъ бокивъ шляху темніють якись постати. Воны зупыняются и стоять, очевыдячкы, покы пройидуть. Колы экипажъ ривняется зъ нымы, воны зкыдають капелюхы й уклоняются.

— А отъ и полтавци наши...—каже Иванъ.—Ну, буде вже... Знервувалась ты дуже... Воны уклоняются намъ.

Постати щось говорять навить, але не чуты добре, бо воны нибы одстрыбують за экипажъ, а замисть тыхъ вже стоять нови, тежъ зъ клунками и якымысь палыцямы на плечахъ и, тежъ уклонывшысь, зныкають за брычкою. И такъ довго, довго... Воны стоять по одному, й группамы, зъ клунками й безъ клункивъ, змочени, зъ прысталою до тила сорочкою, голодни, зморени, й нызько вклоняются экипажамъ и конямъ, яки мовъ тикають видъ йихъ.

— Якый глумъ...—сумно говорыть Иванъ.

— Ахъ, дай ты мени спокій зъ ными!—вмыть якось злистно скрыкуе Глыкерія.—«Глумъ, глумъ!» Наче я вынна, або можу зробыть що... А, дай спокій!

Вона бье коней, нагоня передни экипажи, выпережа ихъ и... натыкается на «ныхъ». «Воны» рухаются, але, зачувшы стукить, зупыняются, оступаются на бикъ и, впизнавшы «благодителивъ», зкыдають капелюхы й уклоняются. Але Глыкерія не бачыть, не хоче бачыты ихъ.

— Зъ дороги тамъ!!—крычыть вона ризкымъ голосомъ и ще дужче бье коней. Постати нибы бижать назустричъ, мыготять, зныкають позаду, але краю, здается, немае имъ. Чы видъ прудкои йизды, чы видъ сихъ людей, чы видъ чого другого, Глыкеріи почынае росты въ грудяхъ щось дыке, гостре, скажене. Вона раптомъ по кучерськы пидводытся, змахуе рукою, дыко скрыкуе, й кони, якъ выхоръ, пидхоплюють брычку, вытягують спыны й скажено несутся впередъ.

«Вжжж»...—свыстыть ій въ ухахъ.

— Лико!!.. Лико!!..—чуе вона зляканый Иванивъ голосъ; але дыке ще бильшъ розростается въ грудяхъ, розпира ихъ и рвется зъ ныхъ буйнымъ крыкомъ на волю. Й вона чуе, що колы вона крыкне, то се буде такый крыкъ, що не тильки коней, але й людей перелякае. Постативъ вже не выдно на шляху, але Глыкерія зновъ пидводытся, зновъ змахуе рукою и регочучы одкыдается на спынку сыдиння. Иванъ щось говорыть, крычыть, але шумъ и свыстъ такый въ ушахъ, що ничого не можно розибраты. А кони летять; а грывы имъ мають по витри й черезъ се надають выглядъ поскаженилыхъ; брычка здрыгуется, пидстрыбуе на выбоинахъ, въ лыце летять зъ колесъ и копытъ грудкы мокрои земли, духъ захоплюе, и тильки чуты страшенный витеръ въ ушахъ, стукитъ копытъ та торохтиння брычкы. Иванъ уже мовчыть и, мицно здавывшы за ликоть Глыкерію. сыдыть безъ капелюха, и чубъ ёго такъ смишно лита на вси бокы.

Десь далеко почынають мыготиты вогни. Спершу два, потимъ ще одынъ, дали цилый рядъ ихъ, нарешти воны вже вкрывають всю долыну; сыни, якъ засвичени сирныкы, зелени, жовти, червони, воны то спокійно горять, то моргають, то ховаются, то зновъ выныкають.

Глыкерія почынае здержуваты коней.

— Що, гарно?—весело повертается вона до Ивана.

— Страшенно гарно... Тильки я спершу думавъ, що насъ кони понеслы...

— Ого!—зъ гордистю сміется вона.—Мене́ не понесуть... Тш-ш-ш... Воны мене люблять... и слухаются. Тш-ш, Сокилъ... Сокилъ и Орелъ... Я ихъ скажено люблю... Тш-ш-ш...

Вогни наблыжаются; де-яки ховаются, де-яки бильшають. выдно вже высоки дымари фабрыкъ и заводивъ.

— А наши десь позаду зостались...—говорыть Глыкерія. —Ну, треба буты паинькамы: мисто вже... Дай мени мій капелюхъ...

Иванъ пиднима зъ дна брычкы, куды вона кынула, ще выйихавшы зъ лису, капелюхъ, и подае ій.

Почынаются якись тыны, пустыри, пройизжають повзъ якись землянкы и мало не перейизжають свыню зъ поросятамы; гавкають собакы, десь грають на гармоніи, хтось лается; въ повитри стоить запахъ спаленого пирья, гною й ще чогось печеного.

— Отъ и мисто...—говорыть, зитхаючы Иванъ.—Землянкы, мищаньски хаткы, поросята, полицейськи, плата за кватырю, кумаси, пересуды,—дрибно, поганенько...—и якый контрастъ зъ тымъ покоемъ степу, прыроды, тои бури, повпій, суцильній!.. Контрасты, контрасты, контрасты!..

В. Винниченко.

Современный малорусскій театръ.

(Письмо изъ Петербурга. По поводу гастролей М. Л. Кропивницкаго и М. К. Заньковецкой).

Въ теченіе марта и апрѣля въ Петербургѣ, въ театрѣ «Неметти», играла малорусская труппа съ участіемъ двухъ корифеевъ этой сцены: г. Кропивницкаго и г-жи Заньковецкой. Странное и сложное чувство возбуждается въ душѣ воспоминаніемъ объ этихъ интересныхъ спектакляхъ, доставившихъ столько искреннихъ и глубокихъ наслажденій... Посѣщались-ли они, имѣли-ли успѣхъ? Съ внѣшней стороны—да. Присутствовавшихъ на малорусскихъ представленіяхъ было много, а на пьесахъ, идущихъ въ первый разъ, и особенно въ праздничные дни, театръ бывалъ переполненъ. При этомъ зрители не относились къ артистамъ холодно и безучастно, а, напротивъ, проявляли горячій энтузіазмъ (иногда, впрочемъ, чрезмѣрно и невпопадъ). Казалось-бы, чего-жъ и желать? хорошіе сборы и полнѣйшее сочувствіе публики»... А между тѣмъ нигдѣ и никогда намъ артисты не казались такими одинокими, неоцѣненными и непонятыми, почти обиженными, какъ именно здѣсь; и эти чувства имѣли большое основаніе. Дѣло въ томъ, что въ театрѣ присутствовала публика двухъ родовъ. Тутъ были (и это лучшая часть) земляки артистовъ, живущіе въ Петербургѣ малороссы, искавшіе въ театрѣ не столько художественныхъ наслажденій, сколько удовлетворенія своихъ національныхъ чувствъ; и затѣмъ публика совершенно случайная, сборная, со-

всѣмъ ничего не искавшая, быть можетъ, просто живущая гдѣ-нибудь вблизи и потому попавшая въ театръ. Конечно, артисту всякая публика хороша, если она къ нему горячо относится; и мы совсѣмъ не за то, чтобъ артисты играли только для «избранныхъ». Напротивъ, они должны воспитывать своихъ разнообразныхъ и часто разнородныхъ зрителей, оказывать на нихъ широкое вліяніе. Но ужъ слишкомъ жутко становится артисту отъ отсутствія болѣе внимательныхъ и тонкихъ цѣнителей его игры, способныхъ хоть на минуту съ нимъ слиться, проникнуть въ его душу; въ нихъ артистъ нуждается, какъ рыба въ водѣ, безъ нихъ чахнетъ его вдохновеніе. Публика же, наполнявшая театръ «Неметти», была слишкомъ случайна, нетребовательна и неразборчива. Случалось, она неистово аплодировала плохенькому каламбуру или па́ въ танцахъ, нарушая впечатлѣніе отъ сильной драматической только сцены. И жаль становилось артистовъ, одиноко ждавшихъ, пока уляжется въ публикѣ восторгъ, вызванный «гопакомъ», чтобы продолжать игру...

Но почему жъ отсутствовала болѣе интеллигентная и избранная публика, та «чуткая петербургская публика», о которой съ похвалой отзывалась въ прошломъ году Элеонора Дузе, жалѣя, что не можетъ пріѣхать и играть передъ ней? Мы не думаемъ, чтобъ это отсутствіе объяснялось отдаленностью театра «Неметти» отъ центра и чрезмѣрною «занятостью» петербуржцевъ. Вѣдь наполняла же эта публика зимой болѣе чѣмъ посредственный «Новый театръ» (г-жи Яворской) и смотрѣла шаблонную пьесу, идущую болѣе 100 разъ сряду. Нѣтъ, очевидно, причины коренятся въ другомъ. Во первыхъ, хотя имена Кропивницкаго и Заньковецкой извѣстны всѣмъ, но далеко не всѣ знаютъ, насколько это дѣйствительно крупныя силы. Въ какія бы стѣснительныя рамки онѣ ни были заключены, на какомъ бы языкѣ такіе артисты ни играли, они всѣмъ будутъ понятны, они многое могутъ дать лицамъ, не знакомымъ съ малорусскимъ языкомъ и не интересующимся малорусскою національностью. Второй причиной невниманія петербуржцевъ къ малорусской труппѣ является несомнѣнно предубѣжденіе по отношенію къ малорусскому театру вообще,

столь рѣзко выраженное въ рецензіяхъ «Новаго Вр.». Отдавъ должное талантамъ корифеевъ, рецензентъ «Н. В.» весьма пренебрежительно отзывается о малорусскомъ театрѣ. По его мнѣнію, это «театръ будущаго», который будетъ посѣщаться развѣ тогда, когда заселятся всѣ окраины; а по мыслямъ, явно сквозящимъ у рецензента между строкъ, у малорусскаго театра нѣтъ и этого будущаго, да и не можетъ быть, какъ нѣтъ у него ничего въ настоящемъ, кромѣ двухъ-трехъ именъ, которымъ въ немъ совсѣмъ не мѣсто... Къ сожалѣнію, до извѣстной степени это мнѣніе раздѣляется и настоящей интеллигентной публикой, для которой нѣтъ національныхъ предвзятостей и другихъ предразсудковъ, которая всегда готова чутко и справедливо отнестись ко всему, заслуживающему вниманія и сочувствія. Предъ этой-то публикой намъ и хочется защищать малорусскій театръ.

Малорусскій театръ прежде всего театръ очень молодой. Усиленное развитіе его началось только съ середины 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія, послѣ того, какъ снято было запрещеніе съ малорусскихъ спектаклей, и въ немъ, конечно, есть всѣ недостатки, связанные съ молодостью. Въ количественномъ отношеніи репертуаръ его уступаетъ современному русскому, но въ качественномъ едва ли. Во всякомъ случаѣ, упрекъ въ отсутствіи репертуара является большимъ анахронизмомъ.

Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ выдвинулась цѣлая плеяда талантливыхъ малорусскихъ писателей, написавшихъ много интересныхъ пьесъ: г.г. Панасъ Мирный, Карпенко-Карый, Старицкій, Кропивницкій и многіе другіе. Каждый изъ нихъ, какъ авторъ, не чуждъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Пьесы ихъ иногда отличаются избыткомъ сентиментализма и мелодраматизма, иногда растянутостью и другими техническими недостатками; но онѣ обнаруживаютъ въ авторахъ близкое и серьезное знакомство съ изображаемою ими жизнью и полное проникновеніе ею.

У малорусскаго театра есть одна важная особенность. Это театръ исключительно *народный* (какъ и вообще вся малорусская литература), и такимъ онъ былъ всегда. Это объясняется причинами историческими. Въ Малороссіи высшіе классы издавна

были оторваны отъ народа; въ XV и XVI в.в. они тяготѣли къ Польшѣ, испытывая на себѣ ея вліяніе, а со времени присоединенія къ Россіи, въ XVII в., слились съ интеллигенціей русской. Они вносили въ русскую культуру все, что получали отъ народа и чего не могли ему вернуть, если бъ и хотѣли, въ соотвѣтствующей національной формѣ, за неимѣніемъ на то средствъ: и школа, и языкъ, и пользующееся правами гражданства литературное слово— все было русское. Потому корень малорусской національности, всѣ ея отличительныя индивидуальныя черты сохранились неприкосновенными только въ простомъ народѣ. Жизнь этого народа и нашла себѣ полное и яркое отраженіе въ литературѣ, главнымъ образомъ въ театрѣ. Поэтому малорусскій театръ и заслуживаетъ въ такой большой степени названіе театра народнаго и національнаго.

Съ 80-хъ годовъ 19-го в. подвинулась впередъ не только теорія театральнаго малорусскаго дѣла (драматическая литература), но и практика. Изъ одной драматической труппы образовалось множество—до 50 труппъ, которыя разъѣзжали по всей Россіи и всѣмъ давали возможность познакомиться съ малорусскимъ творчествомъ. Мало-по-малу появились замѣчательные актеры, которые раздвинули горизонтъ малорусскаго театра и созданными ролями придали ему болѣе широкое общечеловѣческое значеніе. Напомнимъ, кстати, какой шумный успѣхъ имѣлъ пріѣздъ малорусской труппы въ Петербургъ въ 1897 году.

«Отцомъ» малорусскаго театра справедливо считаютъ Марка Лукича Кропивницкаго, трудившагося для родной сцены всю жизнь и много для нея сдѣлавшаго въ качествѣ артиста и драматурга. Онъ родился въ 1841 году въ херсонской губерніи; долго, по желанію отца, оставался чиновникомъ и только въ 1871 году бросилъ службу ради сцены, къ которой все время неудержимо рвался душей. Съ тѣхъ поръ онъ всецѣло посвятилъ себя любимому дѣлу, неустанно работая, какъ режиссеръ, какъ директоръ труппъ, какъ плодовитый писатель и артистъ. Въ этотъ свой пріѣздъ Кропивницкій выступалъ сравнительно мало и при томъ, главнымъ образомъ, въ небольшихъ роляхъ, явно избѣгая уто-

мительнаго репертуара. Въ немъ замѣчался какъ бы нѣкотораго рода скептицизмъ и недовольство—не то обстановкой, въ которой ему приходилось играть, не то самимъ собою, своимъ настоящимъ по сравненію съ блестящимъ прошлымъ... Въ послѣднемъ спектаклѣ («Пошылысь у дурни») на настойчивое требованіе публики повторить юмористическій куплетъ, артистъ такъ краспорѣчиво махнулъ рукой—добродушно и въ то же время нетерпѣливо. Со стороны публики было не совсѣмъ тактично приглашать своего любимца бисировать устарѣвшимъ и измѣнившимъ ему голосомъ, когда-то столь звучнымъ и красивымъ. Но если недовольство артиста было внутреннее и относилось къ самому себѣ, то онъ неправъ. Увяданія его таланта, когда онъ выступалъ, совсѣмъ не чувствовалось, можетъ быть потому, что такіе сочные, оригинальные таланты, вообще рѣдко увядаютъ; они какъ бы питаются безпрерывно множествомъ невидимыхъ родниковъ, неизсякающихъ въ душѣ артиста всю жизнь. По роду своего дарованія Кропивницкій не трагикъ, а творецъ бытовыхъ ролей, резоперъ и комикъ. Двумя-тремя штрихами онъ создаетъ живое лицо, представляетъ намъ его со всѣми его мельчайшими субъективными особенностями. Таковъ типъ козака (пожилого, съ славнымъ и добрымъ прошлымъ), вышедшаго изъ Запорожской Сѣчи, который намъ даетъ Кропивницкій въ оп. «Запорожецъ за Дунаемъ» и «Черноморцахъ», стараго Цыбули въ «Сорочинской ярмаркѣ» и типъ кулака-міроѣда въ двухъ собственныхъ пьесахъ: «Глытай або жъ паукъ» и «Олеся». Послѣдняя пьеса написана авторомъ недавно и давалась въ Петербургѣ впервые. Въ ней Кропивницкій дѣлаетъ интересную попытку изобразить нарождающееся деревенское мѣщанство, выдѣлившееся изъ крестьянской среды и идущее на смѣну угасающему дворянству. Скопивши всякими правдами и неправдами капиталецъ, лица, подобныя герою пьесы, Балтыку, скупаютъ за безцѣнокъ помѣщичьи имѣнія и становятся «панами». Мелкій деревенскій людъ всецѣло у нихъ въ рукахъ и не можетъ ступить безъ нихъ ни шагу. Кто является призанять у Балтыка муки для хлѣба, кто купить самосѣйнаго табаку, кто просить работы, хотя онъ всѣхъ обсчитываетъ. Балтыкъ всеси-

ленъ; деревенское общество приглашаетъ его въ церковныя старосты, презирающій его сельскій учитель—въ попечители школы... Эта пьеса, подобно большинству драмъ Кропивницкаго, лучше задумана, чѣмъ выполнена. Въ ней есть длинноты и излишній мелодраматизмъ, мѣстами она слишкомъ сентиментальна, но изображаемая среда представлена въ ней яркими, типичными чертами. Эта среда груба и безпощадна, у нея единственный кумиръ и мѣрило всѣхъ цѣнностей—рубль; но при всемъ этомъ она не лишена нѣкоторой оригинальности и обладаетъ большимъ запасомъ жизненныхъ силъ, благодаря которымъ, путемъ реакціи и моральныхъ превращеній, въ ней иногда возникаютъ очень свѣтлыя явленія. Подтвержденіемъ тому можетъ служить идеальный образъ Олеси, дочери Балтыка, стремящейся изъ своего глухого угла на курсы въ Петербургъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не брезгающей своими братьями-мужиками, съ которыми она чувствуетъ прочную связь. Тема «отцовъ и дѣтей», на ряду съ изображеніемъ разныхъ современныхъ общественныхъ явленій, усиленно эксплуатируется новѣйшими малорусскими писателями. Такъ, мы съ ней встрѣчаемся въ послѣдней пьесѣ Мирного: «Круты та не перекручуй», гдѣ изображено зло, причиняемое деревнѣ «аблокатамы». Къ сожалѣнію, г. Кропивницкій въ ней не выступалъ, но она давалась въ бенефисъ талантливаго комика малорусской труппы г. Левицкаго.

Гастроли М. К. Заньковецкой прошли съ большимъ успѣхомъ. Артистка достигла апогея славы. Ея земляки не даромъ привѣтствовали ее на бенефисѣ, какъ свѣтлую «зорю» малорусскаго театра. Она—его гордость, то лучшее и высшее, въ чемъ выразилась его творческая мощь. Но значеніе г-жи Заньковецкой этимъ не ограничивается. Она—артистка вдохновенія, глубоко *внутренняя* артистка, съ большимъ, широкимъ и разнообразнымъ дарованіемъ, создавшая не только интересные національные образы, но и общечеловѣческіе типы. Она вполнѣ проникается каждою своею ролью, одухотворяетъ ее и представляетъ намъ изображаемое лицо совершенно живымъ, часто болѣе яркимъ и индивидуализированнымъ, чѣмъ оно вышло у автора пьесы. Та-

кія артистки, дѣйствительно «творящія новый міръ», являются очень рѣдкими единицами и оставляютъ глубокій слѣдъ въ душѣ всѣхъ, кто ихъ видѣлъ. По своеобразности и самобытности таланта, по художественной отдѣлкѣ игры, необыковенной простотѣ ея и богатству артистическаго темперамента, г-жу Заньковецкую можно сравнить только съ Элеонорой Дузе. Какъ и у Дузе, у нея самые лучшіе моменты—моменты высшаго душевнаго настроенія—творчества. Въ этихъ трагическихъ мѣстахъ вы совсѣмъ не чувствуете школы, пройденной артисткой, ея предшествовавшаго обдумыванія и изученія роли, несомнѣнно очень серьезнаго и детальнаго; вы получаете дѣйствительно *новое*... Вы чувствуете, что оно не было такимъ у нея вчера и не будетъ такимъ завтра. Это-то «новое» и производитъ мгновенное превращеніе въ душѣ зрителя, раздвигая ея горизонтъ. Оно всегда равно удивительно и неожиданно для зрителя, и для самой артистки, какъ высшее чудо, доступное человѣческому воспріятію. Если къ етимъ внутреннимъ даннымъ артистки еще прибавить внѣшнія: привлекательную наружность, изящную фигуру и очень музыкальный голосъ, богатый интонаціями, то станетъ вполнѣ понятно то чарующее впечатлѣніе, которое она на всѣхъ безъ исключенія производитъ. Неудачныхъ ролей у г-жи Заньковецкой нѣтъ, какъ нѣтъ и неудачныхъ мѣстъ въ игрѣ, которая отличается большою ровностью и вѣрностью тона; а между тѣмъ ей часто приходится выступать въ несовсѣмъ удачныхъ и слабыхъ пьесахъ. Но у нея есть роли, болѣе и менѣе подходящія къ ея артистической индивидуальности, и въ зависимости отъ этого—мѣста болѣе и менѣе сильныя. «Критиковать» игру ея было бы такъ же невозможно, какъ невозможно критиковать живую жизнь. Можно только разбираться въ ней для себя, выбирать то, что субъективно болѣе цѣнно и важно.

Одной изъ самыхъ соотвѣтствующихъ г-жѣ Заньковецкой ролей является роль Натали въ «Лымеривнѣ» Мирного, которую артистка и выбрала для своего бенефиса. Наталя—богатая и сложная натура съ пылкимъ сердцемъ и твердой волей. Желанія у нея цѣльныя и стойкія, мысли ясныя. Ей не страшна ни бѣдность

ни предразсудки, ни общественное мнѣніе, лишь бы не измѣнилъ ей ея Васыль, котораго она любитъ больше всего на свѣтѣ. На опасенія ея возлюбленнаго, что она будетъ принадлежать другому, Наталя отвѣчаетъ только многозначительной усмѣшкой. Нѣтъ, она не такова, чтобъ ее можно было «выдать» замужъ. Насильно не повѣнчаютъ,—думаетъ она съ увѣренностью. Но обстоятельства сложились иначе. Вслѣдствіе козней злыхъ людей и при участіи пьяницы матери, пропившей свою дочь богатому жениху, Наталю убѣждаютъ въ томъ, что Васыль ей измѣнилъ и обѣщалъ жениться на другой. Гнѣву ея нѣтъ границъ. Изъ мести, горя и отчаянія она тоже выходитъ за ненавистнаго ей жениха, богатаго и вліятельнаго Шкандыбу. Но вскорѣ правда обнаруживается, и въ бурной душѣ Натали вспыхиваетъ яркій протестъ противъ обманувшихъ людей и пропившей ее матери. Сцена, въ которой Наталя высказываетъ матери и свекрови горькую правду, самое выдающееся мѣсто въ игрѣ г-жи Заньковецкой. Вся вулканическая, протестующая натура Натали и ея правдивость сказываются тутъ во всей силѣ. Нѣтъ для нея ничего родного и святого тамъ, гдѣ нѣтъ правды, въ томъ, чего она внутренно не признала; ни у матери, ни у мужа нѣтъ на нее никакихъ правъ, потому что они ее обманули; никого изъ нихъ она знать не хочетъ и уйдетъ отъ нихъ, куда глаза глядятъ... Встрѣтившись съ Васылемъ, Наталя вымаливаетъ у него прощеніе и безъ колебанія рѣшаетъ идти съ нимъ, какъ вольный человѣкъ, на край свѣта. Однимъ своимъ словомъ обезоруживаетъ она бросившуюся было къ Васылю соперницу. Какъ много оттѣнковъ и содержанія съумѣла вложить артистка въ это единственное, гордое слово: «мій!». Вамъ ясно, чѣмъ былъ для нея этотъ человѣкъ и какое у нея на него глубокое внутреннее право.—Я его любила, люблю и буду любить!—внѣ себя кричитъ Наталя передъ собравшимися людьми и, въ присутствіи мужа, бросается Васылю на шею. Но право Домостроя, конечно, оказывается сильнѣе. Васыля на глазахъ у Натали арестовываютъ, и самой ей предстоитъ вернуться къ постылому мужу. Видя это, Наталя мужественно закалывается со словами: «Не ёму, такъ и никому!»

Дополненіемъ къ энергичной, активной Наталѣ можетъ служить образъ, созданный г-жей Заньковецкой въ «Марусѣ Богуславкѣ». Сюжетъ этой исторической пьесы взятъ изъ народнаго преданія, относящагося къ XVI в., времени усиленной борьбы козаковъ съ турками и татарами. Послѣдніе часто покупали и похищали малорусскихъ красавицъ. Но плѣнницамъ не всегда жилось плохо. Случалось, что онѣ внушали своимъ повелителямъ очень серьезныя чувства, бывали пламенно любимы и даже пріобрѣтали вліяніе на государственныя дѣла. Но ни роскошь, ни могущество, ни любовь не могли вытѣснить изъ сердца малоросcокъ воспоминаній о далекой родинѣ и тоски по ней. Ради нея онѣ готовы были на все—на обманъ и преступленіе. Образцомъ такой героини-патріотки и является Маруся Богуславка. Она влюбилась въ своего повелителя, гирея Мюрзу, имѣла отъ него дѣтей, перешла въ его вѣру—«обасурманилась», но далекой Украины не забыла. Счастливая, любимая и любящая, она все по ней тоскуетъ. Безпрестанные переходы отъ одного настроенія къ другому и борьба между любовью къ родинѣ и чувствами къ мужу и дѣтямъ, наполняющая всю пьесу, передается артисткой съ большою тонкостью и драматизмомъ. Случайно услышанная Марусей пѣсня невольниковъ и приходъ, подъ видомъ цыганки, ея матери, потрясаютъ и рѣшаютъ исходъ борьбы. Маруся клянется обмануть своего любимаго мужа (Гирея, ставшаго пашей), вытащить у него во время сна ключи отъ тюрьмы и освободить братьевъ. Это самый яркій моментъ въ игрѣ г-жи Заньковецкой. Замѣтимъ кстати, что сильнаго впечатлѣнія артистка достигаетъ чисто внутренними средствами: ея мягкій и чрезвычайно благозвучный голосъ не издаетъ ни одного рѣзкаго звука, несмотря на волненіе и напряженіе; онъ все время совершенно естественъ и гармониченъ. У другой артистки, не располагающей такими данными, въ этой драматической сценѣ съ ключами непремѣнно получился бы сплошной крикъ...

Интересенъ и другой женскій образъ, данный г-жей Заньковецкой въ «Мазепѣ». Марія (Муруся) въ ея изображеніи нѣсколько отличается отъ обычнаго представленія о ней. Она ме-

нѣе честолюбива, болѣе пылка и женственна, вообще болѣе *человѣчна*. Увлеченная Мазепой, она оставляетъ для него домъ—родныхъ, отца и мать. Онъ безъ труда добивается отъ нея признанія, что онъ для нея дороже всего на свѣтѣ, что еслибъ ей пришлось выбирать между нимъ и отцомъ, она выбрала бы его, Мазепу... Но на дѣлѣ это не такъ. Любящая и нѣжная Маруся не въ силахъ забыть своихъ родныхъ и, несмотря на любовь Мазепы, скучаетъ о нихъ и рвется къ нимъ. Вѣсть о несчастьи, постигшемъ ея домъ, о смерти отца, ей не по силамъ. Ея хрупкая натура не выдерживаетъ, и она кончаетъ сумасшествіемъ.

Хрупкія натуры и избранныя женскія сердца можно, вообще, считать въ такой же степени коронными ролями г-жи Заньковецкой, какъ и роли всевозможныхъ протестантокъ. Она въ нихъ безподобна и можетъ дать богатый матерьялъ не только для критической замѣтки, но и для цѣлой поэмы. Таковы въ изображеніи артистки героини пьесъ Карпенка-Караго. Это тѣ исключительныя, утонченныя души, о которыхъ можно сказать словами поэта: *Творецъ изъ лучшаго эфира соткалъ живыя струны ихъ...* Онѣ способны тонко и горячо чувствовать, словно созданы для того, чтобъ любить и быть любимыми. Онѣ довѣрчивы и полны жизнерадостности, но очень хрупки и способны разбиться отъ перваго же грубаго прикосновенія дѣйствительности. А судьба, какъ нарочно, обрушиваетъ на нихъ самые жестокіе удары, какихъ не выдержали бы и болѣе грубыя организаціи. Когда Софія (въ пьесѣ «Безталанна») говоритъ:—«Я така счаслыва... така счаслыва, щó й нé знаю, чы була така дрýга людына»...,— у васъ на душѣ тоже становится свѣтло и радостно; отъ одного тона ея голоса, отъ ясныхъ, сіяющихъ безмятежнымъ счастьемъ глазъ—словно солнце ворвалось въ комнату. Но тутъ же вы испытываете и смутную тревогу. Такія натуры слишкомъ много находятъ для себя и въ счастьи, и въ горѣ, слишкомъ глубоко имъ проникаются и остро его чувствуютъ; то, что для другихъ покажется пустяками, для нихъ можетъ явиться непосильнымъ бременемъ. И правда: утѣшая свою подругу, у которой взяли мужа въ солдаты, Софія говоритъ, что и представить себя не можетъ въ

ея положеніи: нѣтъ, она бъ *не могла*, она бъ не вынесла разлуки съ своимъ любимымъ Гнатомъ... А между тѣмъ тучи долго сгущались надъ головой Софіи и судьба готовила ей гораздо худшее. Вѣдь Гнатъ женился на Софіи безъ любви; только чтобъ отомстить ея соперницѣ, своей прежней возлюбленной Варькѣ. Привлекательныя душевныя свойства Софіи и ея любовь къ Гнату не могли не вызвать въ его душѣ отклика, но это было лишь временно; старая любовь вскорѣ возрождается, и онъ начинаетъ бить и обижать свою молодую жену. Изводить Софію усердно помогаетъ ему и его мать. Злая свекруха и прежде ее достаточно донимала, но тогда ей все было ни по чемъ и она сама убѣждала его «молчать». Счастливая, она довѣрчиво прижималась къ его груди и шептала ему, что ей все равно, лишь бы онъ оставался такимъ, лишь бы онъ ее любилъ... А теперь было не то. Въ последнемъ дѣйствіи предъ нами совершенно другая Софія, и физически и нравственно. У нея другое лицо, другія движенія, другой голосъ—не ея звучный и разнообразный, а глухой, чуть слышный и безразличный, чуждый ей самой. Въ этой Софіи нѣтъ ничего прежняго; она сознаетъ все, что кругомъ происходитъ; на гнѣвъ, на открытое возмущеніе она не способна, да это бы ничему и не помогло, потому что тамъ, внутри, неизлѣчимая рана. Сценъ ревности она своему мужу не устраиваетъ, но своей соперницы выносить органически не можетъ; вы чувствуете, какъ она при видѣ Варьки холодѣетъ и вздрагиваетъ; отъ ея приближенія и попытки заговорить она лишается чувствъ. Когда она тяжело падаетъ передъ Варькой на «лаву», вы видите передъ собой не легкій женскій обморокъ, а дѣйствительно замертво упавшаго человѣка отъ непосильныхъ душевныхъ потрясеній.

Такой же сложный, исключительный женскій образъ создаетъ г-жа Заньковецкая изъ сироты Харитыцы («Наймычка»); мы бы назвали его образомъ абсолютной и органической женской чистоты. При настоящихъ условіяхъ жизни такимъ натурамъ часто не оказывается мѣста, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Харитына кончила свою жизнь въ прудѣ. Но обманутая и поруганная своимъ покровителемъ, она высказала ему свое отвраще-

ніе и порицаніе такъ бурно, съ такимъ сознаніемъ своей правоты, что отъ ея словъ содрогнулся даже этотъ закоренѣлый развратникъ. Для Харитыны все кончено. Она и подумать не можетъ о томъ, чтобъ послѣ такого поруганія соединиться съ любимымъ парнемъ. Смѣло и спокойно говоритъ она ему, что это *невозможно*, и затѣмъ топится. Подобной чистоты нельзя создать моральными прописями,—съ нею нужно родиться... Чтобъ не растягивать своей замѣтки, не будемъ останавливаться на другихъ роляхъ г-жи Заньковецкой, напр., на Зинькѣ (въ пьесѣ «Дви симьи», Кропивницкаго), этой женщинѣ-протестанткѣ, бросавшей вызовъ за свое несчастіе не только людямъ, но и небесамъ, или на «Лисовой Квиткѣ». Послѣдняя показала бы, что артистка обладаетъ не только драматическимъ талантомъ, но и комическимъ. Впрочемъ, изъ всего предыдущаго уже должно было выясниться крупное значеніе г-жи Заньковецкой, какъ создательницы разнородныхъ женскихъ типовъ. Не только женщину-малороссу дала она намъ въ своемъ творчествѣ, а воплотила въ немъ женскую долю вообще, со всѣми ея особенностями—скорбями и радостями, надеждами и разочарованіями Мы едва ли впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что болѣе полнаго, яркаго и правдиваго выраженія доля эта въ искусствѣ еще не находила.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о труппѣ, гастролировавшей въ Петербургѣ, и о малорусскомъ театрѣ. Эту труппу нельзя назвать слабой. Она средняя. Въ ней есть очень недурныя артистическія силы, особенно среди женскаго персонала: такова г-жа Ратмирова, обладающая прекраснымъ драматическимъ сопрано, и нелишенная огонька г-жа Козловская. Въ мужскомъ персоналѣ имѣется такая крупная сила, какъ упомянутый уже нами комическій артистъ г. Левицкій; есть и удовлетворительные исполнители для маленькихъ ролей. Но непозволительно слабъ первый любовникъ, г. Марьяненко, съ которымъ г-жѣ Заньковецкой приходилось такъ много играть.

Техническая сторона при постановкѣ пьесъ, за недостаткомъ средствъ, конечно, оставляла желать многаго. Но репертуаръ составлялся очень заботливо и разнообразно. Въ 42-хъ спектакляхъ

даны были 24 новыхъ пьесы; такимъ образомъ, нѣкоторыя давались только однажды. Режиссерская часть была недурна. Всѣ артисты знали свои роли твердо, статисты и хористки вносили въ свое дѣло много жизни, что рѣдко наблюдается на такихъ маленькихъ сценахъ.

Однако, дѣйствительно хорошаго ансамбля и достойной себя обстановки малорусскій театръ дождется только тогда, когда, во первыхъ, будетъ устроена подготовительная школа для артистовъ въ видѣ правильно организованныхъ драматическихъ курсовъ; во-вторыхъ, когда театръ будетъ имѣть для себя опредѣленный пунктъ, постоянное мѣстопребываніе. Первая мысль уже повидимому близка къ осуществленію; слѣдовало бы подумать и о второй, вполнѣ назрѣвшей. Мѣстомъ, желательнымъ для обоихъ учрежденій является, конечно, историческій центръ Малороссіи—Кіевъ; а оттуда уже «образцовый» малорусскій театръ (если такой создастся) можетъ гастролировать повсюду. При близости къ народной жизни, у этого театра окажутся всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія. Онъ можетъ быть не только памятникомъ малорусской старины, но и выразителемъ современнаго содержанія народной жизни. А при такихъ условіяхъ для него обозначено осуществленіе и чисто художественныхъ цѣлей, представляющихъ для всѣхъ равный интересъ; для тѣхъ же, кто вышелъ изъ малорусскаго народа и чувствуетъ съ нимъ духовную связь, такой театръ будетъ не только интересенъ, но и дорогъ—какъ дороги отецъ и мать.

Е. Колтоновская.

Переписка М. А. Максимовича съ П. Г. Лебединцевымъ.

(Продолженіе [1]).

1866 годъ.

Первое письмо въ 1866-мъ году написано было П. Г. Лебединцевымъ 5 января, въ отвѣтъ на послѣднее письмо М. А. Максимовича въ концѣ декабря 1865 года. Это коротенькое письмо дополнено было вторымъ письмомъ отъ 16 января. На оба эти письма, полученныя Максимовичемъ одновременно, какъ видно изъ помѣтки на нихъ, онъ сейчасъ-же отвѣтилъ письмомъ отъ 21 января. Вотъ эти письма:

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Приношу благодарность за послѣднее письмо, завчера полученное, и привѣтствую Васъ взаимно съ новымъ годомъ, моля Бога, чтобы Онъ укрѣпилъ Ваши силы. Прилагаемая переписка говоритъ сама за себя; пошлины будутъ уплачены мною. Сто руб. сер. еще за Наума [2]) будутъ высланы въ Золотоношу съ слѣдующей почтой на Ваше имя.

Вашъ преданнѣйшій слуга П. Лебединцевъ.

5-е янв. 1866 года. Кіевъ.

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904, № 9.

[2]) Книга Наума о велик. Божьемъ мірѣ (см. раньше: № 9, стр. 381).

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Пока еще судъ да дѣло о выдачѣ Вашего аттестата не окончены, посылаю Вамъ еще сто рублей, слѣдуемые Вамъ изъ состоящихъ по моимъ счетамъ; положите ихъ въ капшукъ и *обгоняйтесь*, пока выдадутъ пансіонъ, ибо только капшукомъ и можно обгоняться въ жизни. Проектъ аттестата, посланный Вамъ для просмотра, вѣроятно, Вы уже получили. Не понимаю, какъ это въ университетѣ дѣлается; если Вамъ выданъ былъ аттестатъ, то въ дѣлахъ университета должна быть копія; для чего-жъ тутъ писать новый проектъ? [1]).

Письмо Ваше о праздникѣ тысячелѣтія въ Россіи христіанства печатается въ № 2-мъ, такъ какъ оно не поспѣло въ № 1-й [2]). Мысль Ваша вѣрна, и на предметъ этотъ еще никто не обратилъ вниманія нигдѣ. Но мнѣ кажется, что Россія будетъ праздновать только тысячелѣтіе отъ принятія христіанства Владиміромъ. Храмы новые намъ нужны во всякомъ случаѣ, но денегъ нѣтъ, вотъ и Владимірскій соборъ еще не оконченъ. Вчера Безакъ говорилъ, что на этихъ дняхъ рѣшается вопросъ о желѣзной дорогѣ по двумъ направленіямъ отъ Одессы чрезъ Бессарабію къ Черновицамъ, на границѣ Буковины, или отъ Одессы черезъ Балту и Подольскую губернію въ Львовъ, съ вѣтвью отъ Винницы на Кіевъ. Безака безпокоитъ, которое изъ 2-хъ направленій будетъ принято, и онъ послалъ энергическое письмо за послѣднюю линію. 19-го января, въ среду, кіевское всѣхъ сословій общество даетъ обѣдъ Лукулловскій (по 12 руб.) въ Контрактовой залѣ въ выраженіе своего сочувствія къ проведеннымъ Безакомъ русскимъ идеямъ въ юго-запад. краѣ. Горватъ изъ первыхъ поспѣшилъ подписаться, приговаривая, что онъ вполнѣ сочувствуетъ этимъ идеямъ. Кто ему повѣритъ?...

Къ Боде [3]) я посылалъ нѣсколько разъ за Актами, но все не готовы. Нужно будетъ самому зайти туда ругнуть какъ-нибудь. Документы, изданные Кояловичемъ, были получены у Литова въ небольшомъ числѣ, но быстро раскуплены; я не могъ захватить ни единаго экземпляра. О придорожныхъ крестахъ написалъ Малышевскій [4]);

---

[1]) Объ аттестатѣ своемъ писалъ Максимовичъ раньше (см. № 9, стр. 409).

[2]) См. раньше: № 9, стр. 412.

[3]) Переплетчикъ.

[4]) И. И. Малышевскій—проф. Кіев. Дух. Акад.

вещь зѣло добрая въ обличеніе желавшихъ заводить на югѣ Россіи *Нижегородское* православіе [1]). Эту книжицу вмѣстѣ съ прочими вышлю Вамъ чрезъ случай, который обѣщалъ мнѣ скоро доставить студентъ Лѣсеневичъ.

Юзефовича М. В. можете поздравить съ арендой въ 2000 руб. серебромъ, въ добавокъ къ таковому-же пансіону. Съумѣлъ сослужить службу!... Антоновичъ уже опредѣленъ въ Холмъ, но его вовсе не намѣрены выпустить изъ Кіева, такъ какъ скоро ожидается утвержденіе новыхъ штатовъ Коммиссій.

Ѳеофанъ Г. здравствуетъ, воротившись уже изъ Варшавы. Въ Варшавѣ былъ Милютинъ; тамъ рѣшено: Русь должна быть по Вислу, сообразно этому будутъ принимаемы постепенно мѣры. Зима плоха: весной въ иные дни пахнетъ. Дай Богъ скорѣе, а тамъ и лѣто Господеви благопріятно. Да укрѣпитъ Васъ Господь!

Васъ почитающій и преданный слуга прот. Петръ Лебединцевъ.

16-е января 1866 г. Кіевъ.

---

21 генв. 1866 г. М. Г.

Еще 17 генваря я получилъ пакетъ отъ Васъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, и того дня приготовилъ было обратно въ Кіевъ копію моего аттестата; но ѣдущій въ Кіевъ отложилъ поѣздку до сегодня, да и почта изъ Золотоноши будетъ завтра; а потому сегодня препровождаю и документы и мое челобитное благодареніе Вамъ и добрѣйшему о. Ѳаворову за благосклонное попеченіе объ этомъ въ настоящую пору немаловажномъ дѣльцѣ моемъ.

Судя по тому, что прежній подлинный аттестатъ занималъ полтора листа и полулистъ былъ гулящій, я полагаю, что для удобства въ будущихъ пересылкахъ по почтѣ, можно и теперь написать его на *двухъ* листахъ, взнеся хоть за пять листовъ краснописцу, ибо мнѣ очень желается, чтобы этотъ документъ, оставляемый на память моему Алексѣйку [2]), былъ написанъ *каллиграфически*, подобно потерянному.

---

[1]) О придорожныхъ крестахъ спрашивалъ Максимовичъ раньше (см. № 9, стр. 413).

[2]) Сынъ М. А. Максимовича.

Послѣзавтра, надѣюсь, привезутъ мнѣ и объявленіе на Ваше пятипечатное письмо, и 1-й нумеръ Вашихъ Вѣдомостей, за которыми уже я соскучился.

Мои три письма къ *гр. Блудовой* вы вѣрно получили уже...[1]). (NB. въ 3 письмѣ не забудьте побѣду подъ Вишневцемъ означить *1512* годомъ, вмѣсто *1516*-го!). Полагаю, что этихъ писемъ, если Вы ихъ помѣстите у себя, понадобится таки порядочно для основательницъ и братчиковъ; а потому прошу Васъ покорнѣйше устроить изъ нихъ брошюру съ особымъ заглавнымъ листомъ и цвѣтною оберткою экземпляровъ во *сто*—разумѣется, на мой счетъ; ибо несправедливо было бы наносить ущербъ редакціи печатью болѣе 50-ти (что ей вмѣняется въ обязанность, по примѣру Русской Бесѣды, Ж. Мин. Нар. Пр.) и притомъ облеченныхъ въ обертку полную...

Началъ было четвертое письмо и—остановился: не откуда мнѣ взять здѣсь, безъ *Актовъ* З. Р., свѣдѣнія о княгинѣ Константина Константиновича, а въ примѣчаніяхъ о. Григоровичъ, помню, приложилъ родословную. Тамъ же помѣщена и *Престорога* священника, необходимая для письма о Конст. Константиновичѣ. Всѣхъ писемъ, какъ вижу, будетъ еще *три*; нельзя ли выручить у Боде мои акты и для пересылки мнѣ отдать моей родичкѣ В. В. Марковой, у которой бываетъ сюда оказія, какъ и сейчасъ привезли письмо отъ нея и Кіевскій календарь 2 изданія отъ г. Андріяшева, которому прошу при свиданіи передать мой благодарственный поклонъ за Наума и за календарь, и замѣчаніе, что и во 2 изданіи остались ошибки: избраніе Петра Могилы было въ *1633* г., а не въ 1631; Зборовская битва и миръ въ *1649* году, а не въ 1648... вотъ что примѣтилось съ перваго взгляда.

Брошюры о крестахъ хоть и не присылайте: изъ статьи Малышевскаго вижу уже чтó они.

Попрошу Васъ всеусерднѣйше еще вотъ о чемъ: моему Алексѣйку будетъ скоро 6 лѣтъ; надо къ нему приставницу добренькую и смышленную; тутъ не могъ найти; не набѣжитъ ли подобная передъ Ваши глаза въ подвѣдомомъ Вамъ училищѣ?... Прошу Васъ имѣть это на примѣтѣ; ибо пора моей дитинѣ, не то чтобы учиться, а просвѣщаться, а не баловаться, даже и въ гульбѣ по Михайловой Горѣ. А мальчуганъ-то уродился даровитый... Да при невѣжественныхъ хохлушкахъ начинаетъ грубѣть противъ первыхъ пяти годовъ.

---

[1]) Письма о князьяхъ Острожскихъ (см. № 9, стр. 413).

Отъ всей души желаю Вамъ благоденствія и крѣпости душевной и тѣлесной на продолженіе Вашей полезной православному люду дѣятельности!

Преданный Вамъ М. Максимовичъ.

Приготовивъ къ печати продолженіе своихъ «Писемъ о князьяхъ Острожскихъ, Максимовичъ послалъ 4-ое и 5-ое письмо пакетомъ, а черезъ недѣлю выслалъ 6-ое и 7-ое при слѣдующемъ письмѣ.

Почтеннѣйшій и дражайшій Петръ Гавриловичъ!

За недѣлю предъ симъ я послалъ къ вамъ черезъ Золотоношскую почту *продолженіе* моихъ писемъ о кн. Острожскихъ (4-е и 5-е); а вотъ является къ вамъ съ поклономъ и *окончаніе* (6 и 7-е); примите ихъ благосклонно! Дѣло обошлось, по необходимости, и безъ *актовъ*, которыми я турбовалъ васъ, турбуемый на досугѣ моею историческою совѣстью, но забывая, что вамъ такъ мало досуга при многосложной службѣ вашей. Пусть же тѣ акты дожидаются моего пріѣзда въ Кіевъ, куда намѣренъ привезти и отсюда еще порядочную ношу книжно-бумажную, на продовольствіе себя будущею осенью и зимою, которыя, если дастъ Богъ вѣку, предрѣшилъ я себѣ провести непремѣнно въ Кіевѣ. Здѣсь въ эту странную зиму совсѣмъ изныдѣлъ, и особенно въ этомъ *лютомъ* мѣсяцѣ; въ послѣдніе дни его я почти такой, какъ былъ во время оно—лѣтъ за 25,—да и скучно уже становится здѣшнее безлюдье. Жду не дождусь весенняго дыханія и пути, чтобы послѣ Великодня да и въ Кіевъ!

Послѣднее письмо ваше со *ста* рублями я получилъ еще въ концѣ масляной—и съ той поры прекратилась моя корреспонденція; по случаю перемѣны почтмейстера въ Золотоношѣ, что-ли, вышла какая-то путаница, что три недѣли нѣтъ ничего мнѣ ниоткуда, даже и 3-го нумера вашихъ Вѣдомостей. Сегодня я уже рѣшительное туда пишу требованіе не задерживать получающихся на мое имя пакетовъ. Въ хандрѣ и нездоровьи я и самъ ни къ кому не писалъ, кромѣ этихъ писемъ—къ знакомой незнакомкѣ! [1]) Только Ѳедоровъ, посѣщавшій меня изъ Канева, сообщилъ меня съ нѣкоторыми новостями кіев-

---

[1]) Т е. Письма о князьяхъ Острожскихъ (къ граф. А. Д. Блудовой).

скими, изъ которыхъ особенно радостною была мнѣ—назначеніе *шести* тысячъ на временную комиссію. Исполать имъ за это и поможи имъ Боже, при такомъ воротѣ, благоуспѣшно и обильно черпать воду цѣлющую изъ неистощимаго кладезя старины—архива центральнаго и проч. Теперь уже и грѣшно было бы не удержать въ Кіевѣ Антоновича, какъ главнаго водочерпія. Воображаю торжествующаго теперь М. В. Юзефовича!.. Жаль, что Кіевлянина уже нѣтъ мнѣ—хотѣлось бы прочесть заобѣденное краснорѣчіе. Въ апрѣлѣ и маѣ ничего уже читать не захочется, кромѣ книги природы.. Но—отъ нынѣшней почты жду вознагражденія за трехнедѣльное пощеніе.

Отъ всей души желаю вамъ крѣпости тѣлесной и бодрости душевной, на продолженіе великопостныхъ подвиговъ, чтобы вы были благоуспѣшны во всѣхъ многосложныхъ вашихъ должностяхъ и занятіяхъ.

Вашъ преданный и почитающій васъ М. Максимовичъ.

27 февр. 1866 г. Михайлова-Гора.

Нельзя ли мнѣ прислать *одинъ*, не болѣе, оттискъ моихъ записокъ о Кіевскомъ Братствѣ, чтобы прислать нѣкоторыя *опечатки* для приложенія къ прочимъ оттискамъ, которые получу уже на мѣстѣ.

Прикажите корректору пристальнѣе наблюсти за цыфрами, особенно въ 6 письмѣ. Для меня ошибки въ годахъ—просто бѣда и обида, такъ опостыли. Такъ недавно, въ Ю. З. архивѣ зачиталъ вводную статью Иванишева и въ самомъ началѣ—«на Люблинскомъ сеймѣ *1596*» да еще крупными цыфрами! Такую небрежность вмѣняю въ преступленіе. Да! въ 5-мъ, кажется, письмѣ написано у меня Іоанъ Борзобогатый-*Красненскій*,—надо *Красенскій*.

Не дождавшись еще отвѣта отъ своего корреспондента, Максимовичъ написалъ 2 марта слѣдующее коротенькое письмо.

2 марта 1866. М.-Гора.

Я не ошибся въ ожиданіи моемъ отъ той почты, по которой отправилъ къ вамъ, достопочтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, письмо мое съ двумя послѣдними письмами къ гр. Б. для печати. Получилъ нѣсколько пріятныхъ для себя пакетовъ, въ томъ числѣ и съ 3 и 4 нумерами Кіевск. Вѣдомостей, и брошюру Временной Коммиссіи, и Погодинское утро... отъ чтенія уже и глаза заболѣли.

Не распространяясь, однакоже, попрошу васъ покорно *на мой счетъ* подписаться въ редакціи Вѣдомостей за сей годъ—въ Варшаву на имя *Ольги Өедоровны Кошелевой* и поскорѣе выслать всѣ отпечатанные нумера, а потомъ и слѣдующіе.—Нелишнимъ считаю сказать, что бибульная обвертка пропускаетъ сквозь себя чернилы надписей, которыми пропитываются и мараются листы нумеровъ, даже до пятаго, а потому повелите отправщику шановать книжки; а еще лучше, если бы на обвертку вообще шла бумага нѣсколько плотнѣе.—Чья это *Исповѣдь*? [1])—Кіевлянина и Трудовъ Академіи уже не присылаютъ; а я только что задумалъ было написать статейку въ Труды, раздѣлавшись съ Острожскими... Не напишу же, а займусь лучше переборкою своихъ книгъ, которыя въ страшномъ безпорядкѣ и запыленіи. Тѣмъ временемъ не наступитъ ли уже весна... Я просто изнемогъ отъ этой несносной полузимы.

Остаюсь душевно преданный вамъ М. Максимовичъ.

Въ Кіевѣ-ли еще Н. И. Розановъ? Хочу писать въ отвѣтъ. Благоволите запечатать это письмецо мое и отправить въ типографію.

Когда была, благодаря заботамъ П. Г. Лебединцева и Н. А. Өаворова, готова копія аттестата М. А. Максимовича, Лебединцевъ отправилъ ее къ нему, какъ документъ, при оффиціальной бумагѣ, въ отвѣтъ на которую Максимовичъ послалъ, яко-бы въ оффиціальномъ тонѣ, но очень игриво написанное письмо.

Распорядитель Кіевскаго училища дѣвицъ духовнаго званія. №... 2-е марта 1866 года. Кіевъ. Г-ну Статскому Совѣтнику Михаилу Александровичу Максимовичу.

Согласно требованію Вашему, имѣю честь препроводить къ Вашему Высокородію копію аттестата Вашего, полученную отъ Совѣта Университета Св. Владиміра, покорнѣйше прося о полученіи увѣдомленія.

Распорядитель Кіевскаго училища, Протоіерей Петръ Лебединцевъ

1866 года, 10 марта.

Его высокопреподобію Господину Распорядителю Кіевскаго училища дѣвицъ духовнаго званія. Честь имѣю почтеннѣйше донести,

---

[1]) Вопросъ этотъ касается статьи преосв. Порфирія Успенскаго.

что Аттестатъ мой полученъ мною сего марта 8 дня, и принятъ съ искреннею благодарностію за попеченіе о немъ, какъ вашему Высокопреподобію, такъ и добротолюбному о Христе брату нашему, господину профессору университета св. Владиміра и всечестному отцу Ѳаворову, о чемъ и благоволите увѣдомить при удобномъ случаѣ его Высокопреподобіе, его же образъ купно съ вашимъ въ моей душѣ и памяти моей пребываетъ выну!—И не засталъ меня тотъ Аттестатъ мой яко раба лѣниваго и каменя лежачаго, но яко труженика, обращшаго разумичныя силы своя на уясненіе святой и для всѣхъ насъ достолюбезной старины богоспасаемаго града Кіева, во свидѣтельство чему и препровождаются при семъ седмь листовъ первыхъ отъ моихъ „Археологическихъ записокъ о Кіевѣ [1])"—да не умедлять они типарнымъ дѣломъ объявитися во всеобщее извѣстіе въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, трудомъ вашего Высокопреподобія издаваемыхъ,—отъ нихъ же, и моего ради удовольствія и продовольствія соблаговолите повелѣть совершити сто отпечатковъ особо, на мое иждивеніе, толикоже благообразныхъ, яко и книжица временной коммиссіи, сего же року выданная подъ заглавіемъ *Очеркъ*, зѣло бо есть красовита не точію очесомъ тѣлеснымъ, но и мысленнымъ.

Вашего Высокопреподобія покорный слуга и пріятель Михаилъ Максимовичъ рукою власною.

Писано на Михайловой-Горѣ.

Послѣ долгаго молчанія П. Г. Лебединцевъ написалъ 22 марта письмо, въ которомъ привѣтствуетъ М. А. Максимовича съ свѣтлымъ праздникомъ и сообщаетъ кіевскія новости.

22-го марта 1866 г. Кіевъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Христосъ воскресе!

Привѣтствуя Васъ съ радостнымъ для христіанскаго міра праздникомъ, душевно обнимаю Васъ христовою любовію, и прошу прощенія въ молчаніи на нѣсколько уже карточекъ Вашихъ. Господь да

---

[1]) О мѣстѣ кіевской церкви св. Андрея. Археологическія письма (Кіев. Епарх. Вѣдом. 1866 г. № 11).

укрѣпитъ Ваши силы для блага исторической науки, для которой Вы, кажется, одинъ трудитесь на лицѣ нашего историч. юга Россіи.

Письма Ваши о князьяхъ Острожскихъ печатаются. Получилъ я и начало новаго Вашего труда—объ Андреев. церкви; онъ весьма интересенъ для Кіева и не умедлитъ появиться въ печати. Но мнѣ показалось, не назывался ли *Копыревымъ концомъ* холмъ тотъ, на которомъ хотѣлось поставить памятникъ Богдану Хмѣльницкому? На немъ красноватая, какъ будто жженая глина, какъ будто разложившійся цементъ древній. Не здѣсь ли была Симеонов. церковь?

«Исповѣдь» принадлежитъ перу преосв. Порфирія. Акты уже переплетены и отобраны, наконецъ, отъ Боде; хранятся у меня.

Иконы для Ольги Ѳ. Кошелевой окончены; завтра попрошу о. Іосифа, чтобы онъ распорядился объ отправкѣ ихъ въ Варшаву [1]).

Завтра же хочу отправить 5-ть оттисковъ Писемъ—графинѣ Блудовой. Кто то на дняхъ потребовалъ экз. Еп. В. въ Москву чрезъ Москов. почтамтъ. Подозрѣваю, что это графиня. Посылать же ей Вѣдомости я не рѣшился, такъ какъ въ Уставѣ братства сказано, что вѣсти не должны доходить до графини другимъ путемъ, кромѣ названныхъ журналовъ.

Розановъ въ Кіевѣ и ходитъ говѣть теперь въ губернат. церковь. Видѣлъ я его впрочемъ издали.

Антоновичъ остается въ Кіевѣ. Братъ написалъ Витте, что назначеніе его нужно считать несостоявшимся. Так. образомъ, Ваше желаніе исполнится для блага Коммиссіи; дай Богъ, чтобы оно было и для блага самого Антоновича. Братъ получилъ отъ Милютина письмо, въ которомъ тотъ сообщаетъ, что выписки изъ его замѣтокъ, выданныхъ въ Львовѣ, онъ докладывалъ Государю, и Государь изволилъ написать: «весьма любопытно».

Я получаю теперь «Галицкое Слово». Бѣдные русины, чего теперь они не терпятъ отъ ляшскаго большинства на Сеймѣ. Благо, что русины имѣютъ хоть свободу лаять ляховъ, да и лаютъ здорово. Я поручилъ одному пану заявить эту полемику въ Кіевлянинѣ, и кажется это скоро явится на свѣтъ. Это будетъ поучительно для ляхолюбцевъ и для ляховъ.

Безакъ 22 февраля въ С.-Петербургѣ. Главная вѣсть, имъ сообщенная въ Кіевъ,—это утвержденіе желѣз. дороги отъ Балты до Кіева

---

[1]) Объ этихъ образахъ см. раньше: № 9. стр. 405.

и назначеніе 3-хъ дивизій на эту работу. Государь самъ рѣшилъ это, присоединившись къ 5-ти голосамъ противъ 11-ти. Дай Богъ Его Величеству здоровье! Видно, онъ лучше многихъ понимаетъ общіе интересы Россіи. Серебр. свадьба будетъ праздноваться тихо въ с. Ильинскомъ; говорятъ о тоговременномъ обрученіи Наслѣдника съ Дагмарой, а свадьба якобы назначена 22-го іюля. Пишутъ также, что Государь-Наслѣдникъ намѣревается посѣтить Кіевъ въ м. маѣ. Дай Богъ намъ узрѣть Его свѣтлыя очи.

У насъ было пропустили слухъ, что Безакъ назначенъ министромъ внутр. дѣлъ; все всполошилось, но это оказалось пуфомъ.

Въ № 6-мъ мои соображенія объ улучшеніи дух. учеб. заведеній всполошили Кіев. монаховъ противъ меня. Вѣрно, пойдутъ кляузы къ Митрополиту; закричатъ: отнять редакцію. Будетъ что будетъ, а лжи во мнѣ нѣтъ никакой И Максиму Греку досталось за монастырское имѣніе!.

Южный вѣтеръ повѣваетъ, несетъ весну, а Богъ дастъ принесетъ къ намъ и тотъ пароходъ, на которомъ прибудетъ въ Кіевъ почтенный М. Александровичъ. Итакъ до свиданія. Душевно преданный съ глубокимъ уваженіемъ прот. П. Лебединцевъ.

Въ отвѣтъ на это письмо М. А. Максимовичъ написалъ 3 апрѣля преинтересное письмо съ нѣкоторыми воспоминаніями о Гоголѣ по поводу записанной имъ пѣсни о Скавикѣ. Пѣсня эта, какъ и нѣсколько другихъ, нецензурнаго характера, вписана рукою Гоголя въ рукописный сборникъ пѣсенъ (Ходаковскаго), принадлежавшій Максимовичу и теперь находящійся у меня.

3 апр, 1866 г. М. Г.

Христосъ воскресъ—во истину воскресъ!

Не успѣлъ я отправить на почту моего великоднаго письма къ Вамъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, какъ принесли мнѣ съ почты Ваше письмо и 6-й н. Вѣдомостей. И такъ, мое письмо осталось ненадобнымъ, кромѣ заглавія, на истребленіе котораго не поднялась рука и которое при семъ прилагается. Поспѣшаю отозваться моимъ искреннимъ благодареніемъ за всю вашу пріязнь и за это послѣднее письмо, содержащее въ себѣ столько любопытныхъ для меня подробностей. Слава Богу! среди суеты и слѣпоты міра сего текутъ еще

источники живой воды и свѣтитъ свѣтомъ истиннымъ... И сама природа въ нынѣшнемъ году вполнѣ у насъ отвѣчаетъ Свѣтлому празднику праздниковъ, какъ ясными и теплыми днями, такъ и ночнымъ сверканіемъ звѣзднаго неба...

И я оживаю, несмотря на подвернувшееся къ празднику душевное огорченье, которое впрочемъ проглочено уже мною, отерпѣвшимся съ молоду на перенесеніе тяжаровъ житейскихъ... Весна всегда радуетъ и оживляетъ меня, особливо въ послѣдніе, преклонные мои годы; а этотъ годъ особенно. Для вящшаго наслажденія ею, я немедленно двинулся-бы въ Кіевъ, но—парусовъ нѣтъ... Аттестатъ, за который снова благодарю и Васъ и Назарія Васильевича [1]), пошелъ уже въ ходъ; но—говорятъ—вернется изъ Полтавы развѣ къ концу мая мѣсяца... Какъ быть? приходится Васъ просить, чтобъ извѣстили меня поскорѣе, много-ли у Васъ наберется мнѣ деньги́ по редакціи, включая туда и письма объ Острожскихъ,—разумѣется, приблизительно. Другаго источника для Кіевской поѣздки не имѣю; а хотѣлось бы сильно еще хоть въ послѣднихъ дняхъ апрѣля двинуться въ Кіевъ на весь май. Если присланные Вами 200 р. отнесть на счетъ Наума, то все же таки, за исключеніемъ истраченныхъ для меня, будетъ нѣчто на мою поѣздку; а если мало, то нельзя ли какъ-нибудь тысячу Наума сбыть Литову или кому иному, съ значительною уступкою. Надо пріодѣться!

А и денегъ нѣтъ—передъ деньгами—

поютъ въ московскихъ пѣсняхъ: такъ-то и мнѣ приходится, впрочемъ не въ первый, а развѣ въ сотый разъ, услаждаться этимъ напѣвомъ А между тѣмъ я еще тѣмъ обезсилилъ свое иждивеніе, что, испытавъ плохую зимовку въ своей старой хатинѣ, заложилъ новую, чтобы поспокоить себя на случай доведется здѣсь кончить свой вѣкъ, чегобы не хотѣлось, по пословицѣ: на людяхъ и смерть красна. Веселѣй было-бы, кажется, и труженымъ костямъ моимъ, если-бы ихъ понесли, напримѣръ, хоть на Скавику, гдѣ лежитъ мой прадѣдъ у сѣверныхъ дверей церкви,—хотя про нее же есть пѣсенка и несмертельная, записанная въ моей книгѣ пѣсенъ рукою Гоголя, 1834 г. въ Петербургѣ, а въ слѣдующемъ году, будучи у меня въ Кіевѣ, онъ на-

---

[1]) Ошибочно названъ по отчеству Ѳаворовъ Назарій Антоновичъ.

строился добрымъ духомъ, такъ что съ этой поры, кажется, можно вести его душевный кризисъ: въ пять сутокъ—ни словечка зазорнаго, *крѣпкаго*, безъ чего не обходилось и въ августѣ 1850 года, когда я провелъ съ нимъ 10 дней у него въ Васильевкѣ или Яновщинѣ, и простился съ нимъ уже на вѣки... Вотъ вспомянулся мнѣ покойный другъ мой—въ конецъ Свѣтлой Недѣли, когда мой Алексѣйко дожидается въ церкви артоса;—не «*Свѣтлое-ли Воскресенье*», имъ читанное мнѣ, вдругъ сблизило со мною его душу, и мнѣ пришла на память его мысль, что у насъ прежде, чѣмъ у другихъ народовъ, воспразднуется Свѣтлое Воскресеніе Христово!—

Вашъ 6 номеръ предо мною: берусь за него, чтобы оторваться отъ овладѣвшей моею душею памяти о прошломъ. *Соображенія* Ваши—отличная статья, особливо листокъ съ 211 страницей: что правда, то правда, а ее такъ много, и такъ хорошо у Васъ высказано, что съ нею хоть на Божій судъ явиться можно...

Что же касается до *примѣчанія* Вашего на 202 страницѣ, къ выпискѣ изъ Платоновой исторіи, то Вы, отче, дали порядочнаго маху, назвавъ епископовъ *Сѣверскаго* Лежайскаго и *Подольскаго* Туптала: такихъ епископствъ и епископовъ не было тогда на бѣломъ свѣтѣ; ихъ сочинилъ авторъ Исторіи Руссовъ, также какъ и *Переяславскаго*—Яварскаго,—разумѣется, *не Конискій*, а какой-то иной даровитый мистификаторъ, написавшій эту замѣчательную исторію, изъ которой однако нельзя и не надо брать ни единаго факта для положительной исторіи. *Сѣверскаго* епископа не бывало тогда; а Михаилъ *Лежайскій* былъ архимандритъ *Новгородъ-Сѣверскій*, жившій уже въ половинѣ XVII-го вѣка; *Савва Тупталенко* впервые встрѣтился мнѣ въ книгѣ Реестровъ Войска Запорожск. 1649-го, въ числѣ рядовыхъ козаковъ кіевскаго полка, а епископа этой фамиліи не было, до св. Димитрія Савича; да и особаго *Подольскаго* епископа не было; а *Каменецъ-Подольскимъ* считался и прибавочно титуловался епископъ Львовскій *Гедеонъ Балабанъ*, котораго товарищемъ по-православію оставался еще *Михаилъ Копыстенскій*, и только; за исключеніемъ ихъ *двухъ*, всѣ *прочіе* тогдашніе епископы перешли въ унію, затянувъ въ нее и митрополита Рогозу.—

Что касается до *Копырева Конца*, то я не знаю, гдѣ хотѣли поставить памятникъ Богдану. Не тамъ ли, гдѣ у меня на *чертежѣ* древняго Кіева, въ *Кіевлянинѣ* 1840 года, помѣщена церковь *св. Симеона?* Но Крупичь-Польская Пчела заставила меня перемѣстить

ее къ мѣсту Андреевской церкви; а на томъ краю можно помѣстить церковь *св. Іоанна*, заложенную въ 1121 г. въ Копыревѣ концѣ—(должно быть, Мономахомъ); подъ горою или въ дебряхъ тутъ былъ и «огородъ св. Іоанна», поминаемый въ Кіев. лѣтоп. 1151 года. (Войска были поставлены между дебрями отъ Ольговой могилы и въ огородъ св. Іоан.). Но вотъ и Алексѣйко мой вернулся съ артосомъ...

Примѣчаніе къ моей статьѣ объ Андреевской церкви я пришлю на той недѣлѣ; и мнѣ кажется, что лучше ее помѣстить у васъ особою статьею, безъ заглавія «Археологическихъ Записокъ», которыхъ впрочемъ имѣю въ виду нѣсколько, начиная съ *Софійскаго Собора,* о немъ же покойный Иванъ Михайловичъ [1]) разсудилъ весьма не удовлетворительно и неправо; да и для меня отпечатайте только обыкновенныхъ 40 экземпляровъ.

Полтавскій директоръ, не спрося меня, представилъ, а князь Шихматовъ [2]) утвердилъ членомъ отъ министр. нар. просвѣщ. въ Золотоношскій училищный совѣтъ, куда и зовутъ на 15 апрѣля; но я поѣду съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ этой обязанности, которая не по силамъ мнѣ старику, хотя по душѣ и не прочь бы. Меня влечетъ къ себѣ Кіевъ и его святая старина. Поможите мнѣ осѣстись въ немъ! Отъ души обнимаю Васъ, преданный Вамъ М. Максимовичъ.

Когда на Михайлову Гору пришла вѣсть о покушеніи Каракозова на жизнь имп. Александра 2-го, Максимовичъ 12 апрѣля написалъ письмо Лебединцеву, но отъ этого письма сохранился только одинъ листочекъ.

Что это за нечестіе на берегахъ Невы, въ Петроградѣ!.. И чья же это святотатственная рука—ляцкая или плантаторско-русская—поднималась на царя-Освободителя, котораго по-истинѣ можно назвать «добрымъ страдальцемъ за Русскую землю», какъ называетъ Кіевская лѣтопись Владиміра Мономаха!.. Сохрани же намъ его, Боже, для блага Русской земли, и пошли ему вѣкъ Мономаховъ, чтобы и о немъ будущій лѣтописатель сказалъ: «жилъ отъ рождества своего 73 лѣта»!

Кланяюсь Вамъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, и ожидаю благопріятной весенней погоды, чтобы хоть въ концѣ сего мѣсяца

[1]) Скворцовъ, бывш проф. богословія въ Кіевск. университ., а затѣмъ каѳедральн. прот. въ Софіевск. соборѣ.

[2]) Кн. Ширинскій-Шихматовъ, попечит. Кіев. Учебн. Округа.

пуститься въ путь, на Переяславъ разумѣется, а не Днѣпромъ, котораго теперь еще не вынесетъ мое нездоровье... Такъ холодно и вѣтряно у насъ, что едва ли теперь отважусь и на поѣздку въ Золотоношу.

12 апр.

Хотя и собрался Максимовичъ, какъ видно изъ послѣднихъ строкъ только-что приведеннаго письма, раннею весною въ Кіевъ, но слѣдующія два письма его свидѣтельствуютъ, что и въ концѣ мая полное безденежье удерживало его все еще на Михайловой горѣ.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Что касается до моего пріѣзда въ Кіевъ, то о немъ довелось мнѣ сказать себѣ украинскою поговоркою: *нехай на Петривку!*.. Не получая и доселѣ изъ Полтавы ни разсчетнаго листа на пенсіонъ, ни аттестата моего,—не вѣдая о предстоящей мнѣ Кіевской заплатѣ, я не могъ двинуться въ Кіевъ ни Днѣпромъ, ни румомъ. На этой недѣлѣ поручилъ уже найти для меня хоть полсотни въ позыку, и если найдутъ, то немедля пущусь въ богохранимый Кіевъ, хоть на малое время, чтобы исполнить свой обѣтъ; а если выйдетъ на этихъ дняхъ и пенсіонъ, то къ іюню же прибуду въ Кіевъ и съ семейкою моею.

До пріѣзда моего не печатайте статьи моей о Вздыхальницѣ: лучше будетъ повѣрить ее на мѣстѣ, вмѣстѣ съ Вами, и рѣшаемые въ ней археографическіе вопросы рѣшить окончательно, соборнѣ.

Какъ вы возмогаете о Господѣ?... Жду съ нетерпѣніемъ обнять Васъ душевно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

21 мая 1866 г. Мих. Гора.

9-го нумера Кіев. Еп. Вѣдомостей доселѣ нѣтъ еще съ почты.

—

29 мая 1866 г. М. Гора.

Давно, давно не имѣю отзыва отъ Васъ, дорогой и почтенный Петръ Гавриловичъ, и скучаю о томъ, но не пеняю, зная, какъ много у Васъ занятій, и желая всегда сердечно Вамъ новыхъ силъ отъ Господа на ихъ продолженіе... Будучи въ Золотоношѣ 26 мая, куда ѣздилъ въ первое собраніе училищнаго совѣта, я получилъ 10 нумеръ Кіев. Еп. Вѣдомостей и вчера прочелъ его весь залпомъ, и—привѣтствую Васъ съ орденомъ св. Анны, и желаю поскорѣе видѣть на Васъ и орденъ св. Владиміра! Возрадовался я и тому, что уже былъ ходъ на Оскольдову могилу—и за это *предпразднество* готовъ раз-

цѣловать преосвященнаго Порфирія, хотя прежній предмѣстникъ его, Владиміръ, какъ-то замѣтилъ Иннокентію, меня цѣловавшему всегда во уста (даже и въ саккоссѣ и въ митрѣ, при заложеніи Университетскаго зданія), что епископу не подобаетъ цѣловаться съ міряниномъ!

Но аттестата и разсчетнаго листа на полученіе пенсіона за 1866 годъ еще нѣтъ изъ Полтавы... и я остаюсь—увы—въ совершенномъ безденежьи; но еще не въ безнадежьи достать тутъ сколько нибудь, лишь бы доѣхать до Кіева, въ упованіи, что *въ началѣ іюня* Вы припасете мнѣ заплату по редакціи—о чемъ предупредительно и убѣдительно прошу Васъ.

Съ моимъ душевнымъ почтеніемъ остаюсь преданный Вамъ М. Максимовичъ.

Передайте мое привѣтствіе и о. Оглоблину, и сердечное спасибо за его статью и благосклонное словцо обо мнѣ, старомъ кіевлянинѣ...

Очевидно, съ іюня мѣсяца 1866 года М. А. Максимовичъ переѣхалъ таки въ Кіевъ, гдѣ остался проводить зиму $186^6{}_7$ года, вслѣдствіе чего и переписка его съ Лебединцевымъ почти прекратилась; только и есть въ перепискѣ 1866 года еще двѣ записочки, писанныя въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Возвращая при семъ листокъ Телеграфа, прошу послѣдняго нумера Епархіальныхъ Вѣдомостей. За морозомъ и нынѣшнимъ снѣгомъ я и сегодня еще домосѣдствую съ самой пятницы; а между тѣмъ притьмомъ надобно перемѣнить квартиру и прочая, и прочая. Скучно мнѣ зимовать въ Кіевѣ... и писаніе не идетъ на умъ...

До пріятнаго свиданія!

7 дек.

—

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Вотъ и статья моя о Соф. Соб. для перваго нумера Вашихъ Вѣдомостей [1]); если будетъ угодна, то надо бы не медля и печатать, еще до наступленія святокъ. А себѣ попрошу у Васъ, тоже еще до

---

[1]) „О времени основанія Кіево-Софійскаго собора"—напечатана въ „Кіев. Епарх. Вѣдом. 1867 г. № 1.

наступленія святокъ, пятдесятъ рублей въ счетъ новаго моего заработка. Надобно же, чтобы хоть отъ редакціи «Епархіальныхъ Вѣдомостей» было чѣмъ заплатать сторублевую прорѣху въ моемъ дырявомъ карманѣ, сдѣлавшуюся по благодушію братства. Вижу по себѣ, что полы урѣжь, да утекай!

Разгулявшаяся во мнѣ простуда отбила рѣшимость на перемѣщеніе, и я остаюсь на прежней квартирѣ, не смотря на разныя ея невыгоды.

Желалъ бы получить 24 н. Еп. Вѣдомостей.

Получилъ очень любезное письмо отъ гр. Блудовой.

Желая Вамъ крѣпости и бодрости на окончаніе экзаменовъ и совершеніе прочихъ Вашихъ служебъ, остаюсь до пріятнаго свиданія душевно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

16 дек.

Завтра утромъ хочу освободить Вашу храмину отъ моей скрыни съ книгами и остальной сотни Наумовской.

1867 годъ.

Въ этотъ годъ переписка между обоими корреспондентами оказалась очень незначительной, прежде всего потому, что Максимовичъ до наступленія лѣта жилъ въ Кіевѣ и по всѣмъ дѣламъ и интересовавшимъ его вопросамъ могъ переговорить съ Лебединцевымъ устно; развѣ только въ періоды болѣзни одного или другого обмѣнивались они записками. Такъ, въ началѣ января, очевидно, Максимовичъ извѣстилъ Лебединцева о своемъ нездоровьи, въ отвѣтъ на что и была слѣдующая записка Лебединцева.

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

И у меня такая бѣда: простуда пришла, глазъ разболѣлся до того, что ночью не давалъ покою. Видно, между нашими натурами есть сочувствіе. Вчера я служилъ по случаю пріѣзда Безака и вопреки совѣту врача, но безъ худшихъ послѣдствій, благодаря теплой погодѣ.

Вашу прекрасную статью о Соф. соборѣ [1]) съ удовольствіемъ прочиталъ и приношу благодарность за это удовольствіе. Вы порѣшили

[1]) О вермени основ. Кіево-Соф. собора (см. выше).

довольно важный мѣстный вопросъ. Желаю Вамъ и себѣ выздоровленія и скораго свиданія.

Вашъ искренно преданный П. Лебединцевъ.

4 генв. 1867.

Въ такомъ-же родѣ и слѣдующія четыре записочки, писанныя въ январѣ и мартѣ.

Лучше ли Вамъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ?.. А мнѣ сегодня еще карантинъ; безвременнымъ выѣздомъ въ субботу я поиспортилъ немного свои суставы. Всего досаднѣе, что при этомъ глаза болятъ, и домосѣдство мое малоплодно...

Тетрадь Лаврскихъ актовъ попридержите у себя до времени, ибо тамъ есть любопытныя подробности о Никифорѣ Турѣ; хотя главные акты напечатаны уже, да и второстепенные о правахъ уніатскихъ также напечатаны въ Почаевскомъ сборникѣ.

Остальныя двѣ т. Наума Андріяшевъ взялъ для своего книжнаго склада, и такимъ образомъ довершилось это дѣло. Остающую у Васъ сотню, если досужно Вамъ теперь, вручите сему подателю. А я произнесъ еще разъ спасибо Вамъ за Наума и желая Вамъ полнаго здоровья, остаюсь до скораго свиданія съ Вами.

Душевно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

9 янв. 1867 г.

—

Какъ Вы здравствуете, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, ради великаго поста?.. А я нѣсколько дней уже томлюсь зубною болью и скучаю безденежьемъ; отъ первой отдѣлаюсь, можетъ быть, терпѣніемъ; а второму можете Вы пособить—присылкою моего заработка за напечатанный уже *полулистъ:* и то добре на голодные больные зубы! Благоволите-же ускорить присылкою.—Прилагаю при семъ два тома Макарьевской Исторіи Р. Ц., уже теперь не нужные для меня.

До пріятнаго свиданія! Вашъ преданный М. Максимовичъ.

2 марта. 1867.

—

Благодареніе Богу, что не болѣю, ибо болѣть нѣкогда.

Желаю Вамъ исцѣленія и отъ зубного недуга. Посылаю *двадцать пять* рублей при семъ.

Вашъ преданный П. Лебединцевъ.

2 марта 1867 г.

—

Привѣтствую Васъ со днемъ св. Благовѣщенія, препровождаю нѣсколько брошюръ и Погодинское объявленіе о его *Русскомъ,* которое благоволите перепечатать въ Еп. Вѣдомостяхъ, а къ слѣдующему ихъ номеру доставлю мою статейку, кажется, о выборѣ П. Могилы въ митрополиты [1]).

Душевно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

25 марта 1867 г.

Зиму 1867—8 года Максимовичъ рѣшилъ опять провести на Михайловой горѣ, почему къ осени 1867 года переписка возобновилась. Первымъ откликнулся Максимовичъ, написавъ въ началѣ октября слѣдующее письмо, на которое сейчасъ-же послѣдовалъ и отвѣтъ Лебединцева.

Добраго здоровья желаю Вамъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!.. Вотъ я уже и затворился на всю предстоящую зиму въ моей Михайлогорской пустыни; а между тѣмъ книги подручныя и моя сѣросмушковая шапка—въ Кіевѣ. Безъ шапки той я обойдусь; но безъ тѣхъ книгъ, я какъ безъ руки одной буду на зиму, и мнѣ будетъ неловко,—даже и передъ Вашими Епарх. Вѣдомостями. А потому, если ѣдущій въ Кіевъ изъ Прохоровки, податель сего письма, Ник. Вас. Красникъ, возьмется допроводить сюда находящіеся у Васъ мои два сундука, то прошу Васъ передать ему оные, запечатавъ ихъ Вашею печатью. Онъ обѣщалъ мнѣ это сдѣлать, если что-нибудь особенное ему не помѣшаетъ. Съ нимъ же я препровождаю къ Вамъ пакетецъ профессору Тютчеву, который благоволите передать ему, въ его домъ—на Подвальной улицѣ, немного далѣе дома Алферьева. А когда увидите о. Желтоножскаго, то настройте его кисть на скорѣйшее живописаніе тѣхъ иконъ, о которыхъ его прошено: ждутъ ихъ нетерпѣливо и мнѣ объ нихъ напоминаютъ, а потому—надо поспѣшить исполненіемъ. Скучненько будетъ мнѣ здѣсь до весны; да нельзя уже пособить тому. Опытъ двухъ зимовокъ въ Кіевѣ показалъ, что на третью уже зиму не по силамъ и не по лѣтамъ отваживаться мнѣ безъ готовой на то деньги!.. Да, видно я не очень нуженъ для Кіева, когда

---

[1]) Замѣтка къ акту избранія Петра Могилы въ митрополиты кіевскіе (1867 г. № 8).

никто изъ имущихъ власть или деньги кіевлянъ не порадѣетъ моему тамъ пребыванію. Даже и почтенный предсѣдатель нашей коммиссіи— казавъ панъ кожухъ дамъ, да й слово ёго тепле... Но съ наступленіемъ осенняго тепла, я надѣюсь и безъ ихъ кожуха обойтись и таки буду въ необходимомъ для души моей Кіевѣ, если Богъ не возьметъ моей души къ тому времени въ селенія нездѣшнія...

Еще разъ желаю Вамъ отъ всей души добраго здоровья и бодрости на продолженіе вашихъ полезныхъ трудовъ и съ моимъ неизмѣннымъ къ Вамъ почтеніемъ и пріязнію остаюсь навсегда преданнный Вамъ.

М. Максимовичъ.

5 окт. 1867 г. М. Гора.

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Слава Богу, что Вы, наконецъ, подали вѣсточку о себѣ, а то я уже не разъ задавалъ себѣ вопросъ о Вашемъ здоровьи. Не забывайте же насъ: если у Васъ нѣтъ книгъ, то найдется все-таки листочекъ бумаги.

Письмо Тютчеву отправляю теперь же съ человѣкомъ или съ племянникомъ. Сундуки предоставляю г. Краснику взять; но боюсь, какъ бы онъ не отказался, ибо, глядя на нихъ, онъ что то нерѣшительно брался.

По отъѣздѣ Вашемъ мы и м. Евгенія вспомянули на университ. актѣ устами Назарія Антоновича, и епархію объѣхали, и великаго князя Алексѣя Александровича и митрополита Арсенія проводили въ Петербургъ. Въ минувшую поѣздку былъ я на мѣстѣ казни Кочубея и Искры въ м. Борщаговкѣ за Сквирою. Съ Искрой и Кочубеемъ казненъ и іерей одинъ, котораго имя сохраняется. Всѣ они до казни содержались въ тюрьмѣ, которая была на огородѣ нынѣшняго священника. На могилѣ—мѣстѣ казни, гдѣ іерей и поднесь остался, стоялъ крестъ, но отъ времени уже давненько повалился: по моему докладу, Владыка благословилъ поставить новый крестъ. Въ Борщагов. церкви имѣется Апостолъ, изданный въ Кіевѣ при благородномъ И. С. Мазепѣ; въ уман. уѣздѣ въ с. Обозовкѣ таковое же Евангеліе. Болѣе сихъ вещей нигдѣ не встрѣчается. Былъ я и въ с. Оситной, гдѣ еще извѣстна хата Гонты.—Какая богатая растительность въ липов. уѣздѣ по границѣ подол. губерніи! Это страна, кипящая яблоками, сливами и грушами. Былъ даже и на Лысой горѣ—прекрасная мѣстность.

Въ церквахъ пограничныхъ съ подольск. губерніей иконостасы прекрасные, какъ по живописи, такъ и по рѣзьбѣ, и всѣ дѣланы въ Львовѣ, въ концѣ прошлаго вѣка, за времена уніи. Сколько еще было православія въ тогдашней уніи, и нынѣ въ Польшѣ!..

Но будь она не ладна: это страна поѣдающая. Въ ней овдовѣли два самыхъ близкихъ моихъ: Крыжановскій и Ѳеофанъ Гавриловичъ. Первую Вы не знали, а Юлію Александровну, вѣрно, помните. Увы! и она скончалась 14-го сентября, оставивъ мужа съ 3-мя мальчиками. Грустно и очень грустно..., тѣмъ болѣе, что я посредствовалъ переселенію ихъ въ Царство Польское.

Послали-ли къ Вамъ вновь вышедшій томъ коммиссіи? Юзефовичъ здравствуетъ и можетъ благоденствовать. Ригельманъ возвратился изъ Парижа въ Кіевъ, сынъ при немъ. Галагана еще нѣтъ, но матушка Комаровская уже вчера прибыла въ Кіевъ.

Мелхиседекъ Вашъ переданъ въ Академію.

Безъ книгъ вспомните что-нибудь о м. Евгеніѣ для Епарх. Вѣдомостей; о семъ моя покорнѣйшая просьба.

Душевно желаю Вамъ добраго здоровья и Вашему семейству и во всемъ благоденствія Вашъ преданный покорный слуга П. Лебединцевъ.

8-е окт. 1867 года. Кіевъ.

Къ концу года оба корреспондента, по обычаю, обмѣнялись поздравительными письмами съ наступающимъ новымъ годомъ, при чемъ оба письма писаны почти одновременно, такъ-что одно не составляетъ отвѣта на другое.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Привѣтствую Васъ съ новымъ годомъ, душевно желая и моля Бога, чтобы укрѣпилъ Ваши физическія силы и чтобы Господь хранилъ Васъ и Ваше семейство въ здравіи и благополучіи.

Въ сентябрѣ или октябрѣ я отправилъ къ Вамъ письмецо чрезъ Золотоношу, но отъ Васъ доселѣ не имѣлъ удовольствія получить ни единой строчки, кромѣ записочки о выдачѣ Вашихъ сундуковъ, которые и высланы. Исправно ли дошли они къ Вамъ? Покорнѣйше прошу подать какую-нибудь вѣсточку о себѣ не только для меня, но и для многихъ Вашихъ почитателей.

Между тѣмъ приношу Вамъ глубокую благодарность за статейку о названіи Кіевской Руси [1]). Она положитъ конецъ всякимъ прекословіямъ и пустословіямъ объ этомъ предметѣ Статья эта напечатана въ № 1-мъ Кіев. Еп. Вѣдомостей за 1868 годъ, и печатаются для Васъ 40 оттисковъ. Такъ какъ Вы начали Новый годъ Еп. Вѣдомостей, то прошу продолжать, и особенно повторю мою просьбу усерднѣйшую написать хоть нѣсколько словъ въ воспоминаніе о м. Евгеніи — о Вашемъ знакомствѣ съ нимъ, объ отношеніи его къ университету кіевскому, о достоинствѣ его историч. трудовъ и личности какъ обязательнаго ученаго. При неопредѣленныхъ отзывахъ о немъ нѣкоторыхъ господъ и даже самой Академіи наукъ въ 18-й день декабря, Ваше слово, хотя и краткое, много будетъ значить—уже потому, что это слово Ваше. Съ него и желалъ бы начать рѣчь о м. Евгеніи, отъ которой доселѣ удерживался. Время еще не ушло, хотя 18 декабря и миновало его столѣтіе, ибо 22 февраля день кончины м. Евгенія. Покончивши съ памятью свѣжею м. Филарета, начнемъ о Евгеніѣ. Здѣсь—въ Кіевѣ теперь и Пономаревъ [2]) со всѣми матеріалами для біографіи м. Евгенія. Статьи въ Кіев Еп. Вѣд. о м. Филаретѣ—его же рукодѣлія. Живая душа! И онъ присовокупляетъ свою просьбу къ моей. Похваляя Евгенія, въ С.-Пет. Вѣдомостяхъ прибавляютъ, однако жъ, что онъ «не проложилъ новыхъ путей въ литературѣ». Но собрать матеріалы для 2-хъ Словарей о писателяхъ россійскихъ и издать ихъ развѣ не значило проложить путь для Греча, Филарета черниг. и т. д.? Собрать матеріалы для 6 т. исторіи Росс. Іерархіи и выдать такія монографіи, какъ Описаніе лавры и Соф. собора, развѣ не значило проложить путь историкамъ рус. церкви?

Въ Кіевѣ, кромѣ панихидъ въ лаврѣ, Братскомъ и Соф. соборѣ, особеннаго ничего 18-го декабря не было по извѣстной причинѣ. Преемникъ м. Филарету, вѣроятно, явится въ новый годъ. Кандидатами называютъ Иннокентія камчатскаго, Димитрія одесскаго и Леонида—викарія московскаго.

Безака ждали обратно изъ С.-Петербурга въ половинѣ января. Онъ представилъ проектъ раскрѣпощенія отъ приписки къ дух. званію

---

[1]) О названіи Кіевской Руси Россіею. (1868 г. № 1; перепечатана съ газ. „Москвичъ" 1868 г. № 25 и въ „Кіев. Телегр." 1868 г. № 7).

[2]) С. И. Пономаревъ, извѣстный своими трудами, особенно по библіографіи.

дѣтей священно-и церковнослужительскихъ въ юго-зап. краѣ, чтобы изъ лишняго ихъ запаса образовать среднее русское сословіе, котораго здѣсь нѣтъ, и для сего дать имъ права личнаго дворянства и внѣ службы государственной. Этотъ проектъ одобренъ государемъ, прошелъ комитетъ министровъ и получилъ согласіе оберъ-прокурора св. Синода. Осталось только исполнить надъ нимъ законодат. обряды. Такимъ образомъ будетъ 19-е февраля и для православ духовенства.

Новый попечитель кіев. учеб. округа Антоновичъ еще не прибылъ въ Кіевъ. Говорятъ, что онъ умный и добрый человѣкъ, хотя и состоитъ по Армейской пѣхотѣ. Воспитанникъ москов. университета.

Мой усердный и нижайшій Вамъ поклонъ Васъ истинно почитающій Петръ Лебединцевъ.

29-е дек. 1867 г. Кіевъ.

Почтеннѣйшій и дражайшій Петръ Гавриловичъ!

Привѣтствую Васъ съ настоящимъ Новымъ Годомъ и желаю Вамъ отъ всего сердца моего новыхъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, на продолженіе вашихъ благихъ подвиговъ, отъ которыхъ столько добраго Кіеву и его люду.

Простите меня, что не написалъ Вамъ отвѣта на Ваше любезное мнѣ письмо отъ 8 октября; я думаю, что отвѣтъ мой внятенъ былъ Вамъ и безъ моего письмена... Что же касается до воспоминанія о Евгеніѣ, то я начиналъ писать, но прочитавъ прекрасное слово о. Ѳаворова въ Вашихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, нашелъ излишнимъ для нихъ мое писаніе и бросилъ его. Но я мысленно соприсутствовалъ Вамъ въ Софійскомъ соборѣ, при Вашемъ соборномъ поминовеніи достопамятнаго кіевскаго іерарха-историка; я съ благодарностью воспоминалъ вечера, проведенные въ бесѣдѣ съ нимъ во дворѣ Софійскомъ, и тотъ свѣтлый Владиміровъ день 1834 года, когда Евгеній благословлялъ торжественное открытіе университета св. Владиміра, и я съ сердечнымъ трепетомъ подписалъ ему первый дипломъ на званіе почетнаго члена... Давно уже нѣтъ въ Кіевѣ того Картовскаго дома, который былъ колыбелію новорожденнаго университета: «и не познаетъ къ тому мѣста своего»!.. Нынѣшнее зданіе и заложено и совершилось уже по смерти Евгенія; но память о немъ жива, и честь перваго юбилейнаго воздаянія принадлежитъ ему, университету св. Владиміра,—о чемъ я не зналъ даже, будучи въ августѣ въ

Кіевѣ, что тамошній благовѣститель готовится своимъ словомъ помянуть многотрудную жизнь ученаго іерарха на торжественномъ актѣ... Тѣмъ интереснѣе было для меня то слово, имѣя за собою даже прелесть нежданной новости. Да почіетъ же со славою прахъ Евгенія въ Софійскомъ кремлѣ до всеобщаго воскресенія!

А Филаретъ московскій... Какой удивительно-торжественный конецъ жизни этого великаго свѣтила на небосклонѣ русскомъ! Съ его кончиною, не стало уже, кажется, послѣдняго представителя русскаго человѣка прежняго, Александровскаго вѣка. Дай Богъ, чтобы вѣкъ, по истинѣ новый, наставшій съ царствованіемъ Александра Втораго, царя-освободителя, оставилъ православному русскому міру такихъ людей, какими знаменовался вѣкъ Александра 1-го, Благословеннаго! .

Что новаго готовится у Васъ въ Кіевѣ на 1868 годъ? Я поздравляю Васъ съ новою книгою о *Кіевѣ*, которая на дняхъ выходитъ въ Москвѣ, съ книгою Закревскаго, въ двухъ большихъ томахъ въ 4-ку съ рисунками. Археологическое общество не пожалѣло истратить болѣе трехъ тысячъ рублей на ея изданіе. Хвала и честь московскому археологическому обществу за его усердіе къ Кіеву!

Не знаете ли Вы, гдѣ теперь находится попечительница Острожскаго Братства. Мнѣ хотѣлось бы къ ней отозваться.

Когда будете писать къ Өеофану Г., прошу передать ему мой дружескій привѣтъ и рукожатье.

Два сундучка съ моими книжками и бумагами получилъ я въ исправности, въ день св. Митрофана.

Мою статейку о Руси—Россіи Вы, вѣрно, давно получили. Новаго едва ли что буду писать до весны. Много остается еще не читаннаго или давно читаннаго, что хотѣлось бы прочесть; а чтеца и писца у меня нѣтъ; а мое собственное зрѣніе, какъ оно кратковременно, Вамъ извѣстно; да и охота писать что то крѣпко убавилась съ наступленіемъ нынѣшней зимы. И такъ—до весны, до этого радостнаго утра новаго 1868 года!

Отъ всей души обнимаю Васъ преданный Вамъ М. Максимовичъ.

27 дек. 1867 года. Михайлова гора.

Сообщ. **В. Науменко.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАПРАСНАЯ ТРЕВОГА.

Говорятъ, въ одномъ селѣ распространился слухъ, что проживающая на околицѣ старуха-колдунья пожираетъ дѣтей. Быстро пошла молва о пропавшихъ малюткахъ: тамъ на Островѣ исчезъ Грыцько, тамъ на Приточиловкѣ не досчитались маленькаго Панаса. Матери стали бояться за дѣтей, а отцы стали поговаривать, что такую проклятую вѣдьму нужно сжечь и пепелъ развѣять. «Та що тамъ казаты, що говорыты?—вмѣшался староста:—полычьмо першъ хлопьятъ, а тамъ вже побачымо що робыты». Сосчитали дѣтей, и всѣ оказались въ цѣлости; бабу не нужно было сожигать.

Подобная тому исторія произошла въ Харьковѣ въ 1863 г., причемъ печальную роль распространителей страшныхъ вѣстей сыграли тайный совѣтникъ Могилянскій, и нѣкій Андрей Ивановъ [1]); въ опасномъ положеніи бабы, пожиравшей дѣтей, ни за что ни про что оказался скромный учитель гимназіи Чириковъ, а въ роли осторожнаго и разумнаго старосты тогдашній попечитель харьковскаго учебнаго округа К. К. Фойгтъ.

---

[1]) Андр. Аким. Ивановъ, оконч. курсъ филолог. наукъ въ Кіев. унив., бывшій затѣмъ преподават. древнихъ языковъ въ Кіевск. 1-ой гимн., всегда фанатично относившійся къ украинофильству (см., напр., статьи его въ Современ. лѣтописи 1864 г. № 22, и въ Кіев. Телегр., 1864 г., № 59—61.

Ред.

Членъ главнаго правленія училищъ, тайный совѣтникъ Могилянскій, производя обозрѣніе гимназій Харьковскаго учебнаго округа, побывалъ и въ харьковской 1-ой гимназіи на урокахъ русскаго языка и словесности, преподавателемъ которыхъ тогда состоялъ Чириковъ.

Пересматривая въ VI классѣ ученическія сочиненія, Могилянскій остановился на работѣ ученика П—ва подъ заглавіемъ «Разсказъ о происшествіи на охотѣ». Сочиненіе всего въ три страницы. Въ немъ на одной страницѣ приведенъ разсказъ полѣсовщика малоросса, причемъ ученикъ, стараясь быть ближе къ дѣйствительности, передалъ этотъ разсказъ, какъ слышалъ, т. е. по малороссійски. Кажется, чего бы проще и естественнѣе. Въ интересахъ истины, справедливости и элементарнаго педагогическаго такта, можно было говорить о чемъ угодно, но не о простонародномъ разсказѣ полѣсовщика. Вѣдь не могъ же юноша въ 15 лѣтъ знать, что малорусское слово предосудительно, а учитель Чириковъ, разумѣется, не могъ предполагать, что ученикъ будетъ близко держаться явленій жизни—и винить ихъ, кажется, нельзя; но Могилянскій усмотрѣлъ тутъ украинофильство и въ своемъ «Отчетѣ» изобличилъ его. «Одинъ ученикъ, говорится въ Отчетѣ, прочелъ свое сочиненіе на простонародномъ (малороссійскомъ) нарѣчіи, заимствованный откуда-то разсказъ о происшествіи на охотѣ. Нельзя не пожалѣть, что въ гимназіи допускаются такія отступленія отъ правильнаго преподаванія». Отчетъ былъ напечатанъ, и за эту фразу ухватился нѣкій Андрей Ивановъ, сотрудникъ «Современной Лѣтописи», воскреснаго прибавленія къ «Москов. Вѣдом.». Въ 1863 г. въ «Современной Лѣтописи» сотрудничалъ цѣлый букетъ изъ Ивановыхъ: С. Ивановъ писалъ статьи по крестьянскимъ дѣламъ, Ф. Ивановъ помѣщалъ стихотворенія, А. Ивановъ, онъ же и Андрей Ивановъ занимался спеціально сыскомъ по части украинофильства. Въ своемъ патріотическомъ усердіи А. Ивановъ часто хваталъ черезъ край. Такъ, въ 30 № «Соврем. Лѣтоп.» 1863 г., возражая противъ допущенія въ народныхъ школахъ какихъ бы то ни было объясненій по малорусски, хотя бы и при обязательномъ русскомъ литера-

турномъ языкѣ, такъ какъ такое допущеніе «послужило бы самой удобной лазейкой для украинофиловъ», Ивановъ ни съ того ни съ сего добавилъ, что, «какъ носятся слухи, даже теперь, при положительномъ запрещеніи, въ нѣкоторыхъ сельскихъ школахъ и даже уѣздныхъ училищахъ кіевскаго округа идетъ преподаваніе на малорусскомъ нарѣчіи, а г. Стояновъ, будучи еще кандидатомъ педагогомъ, вздумалъ было дѣлать это самое даже въ гимназіи, и притомъ во 2-ой Кіевской; но скоро былъ задержанъ». Послѣ того, какъ въ 32 № «Совр. Лѣтоп.» директоръ кіевской 2-ой гимназіи Вилуевъ помѣстилъ оффиціальное опроверженіе, что никакого преподаванія на малорусскомъ языкѣ не происходило и не могло происходить, и, слѣдовательно, писалъ директоръ, и «задерживать» Стоянова было не въ чемъ, послѣ этого возраженія Андрей Ивановъ въ 34 № «Соврем. Лѣтоп.» оправдывался тѣмъ, что онъ писалъ «какъ носятся слухи» (для себя значитъ «лазейку» оставилъ), что онъ слышалъ отъ какого-то студента, что «Стояновъ прочелъ половину урока по-малорусски». Какъ мило выходитъ одно только словцо «половину», со стороны Иванова, пойманнаго, очевидно, въ полной клеветѣ. Ивановъ даже при этомъ пишетъ: «я долженъ пожалѣть, что студентъ ввелъ въ обманъ, хоть и временный (?!), меня и публику, и остаюсь доволенъ опроверженіемъ начальства гимназіи. Я былъ бы еще болѣе доволенъ, если бы была положительно доказана неосновательность и другихъ слуховъ о распространеніи украинофильства...».

Съ радостью ухватился Андрей Ивановъ—этотъ своеобразный публицистъ на половину,—за «Отчетъ» Могилянскаго. Въ 32 № «Совр. Лѣтоп.», выдернувъ изъ этого «Отчета» показаніе о харьковскомъ гимназическомъ сочиненіи на малорусскомъ языкѣ, Ивановъ громко закричалъ, что «въ харьковскомъ округѣ это нелѣпое направленіе (т. е. украинофильство) получило право гражданства уже не въ уѣздныхъ и сельскихъ училищахъ, а даже въ гимназіи, находящейся притомъ въ университетскомъ городѣ и мѣстопребываніи попечителя. Тамъ распространителемъ украинофильства явился учитель русской словесности, самый плохой изъ плохихъ учителей 1-ой гимназіи...». При такой незавидной

характеристикѣ учителей Харьковской 1-ой гимназіи, Ивановъ ссылается на «Отчетъ» Могилянскаго. Здѣсь большая несправедливость, такъ какъ Харьковскіе учителя того времени далеко не были такъ плохи.

Попечитель харьковскаго учебнаго округа Фойгтъ получилъ изъ Петербурга отъ высшаго начальства такую «Записку для памяти»: «Украинофильство нашло доступъ въ нѣкоторыя уѣздныя и сельскія училища Кіевскаго учебнаго округа, а въ Харьковскомъ учебномъ округѣ это нелѣпое направленіе получило право гражданства уже не въ уѣздныхъ и сельскихъ училищахъ, а даже въ гимназіи, находящейся въ университетскомъ городѣ и мѣстопребываніи попечителя. Тамъ распространителемъ украинофильства явился учитель русской словесности. Нельзя не пожалѣть и не удивляться, что это допущено».

Попечителемъ въ это время былъ человѣкъ высокаго образованія и превосходнаго нравственнаго характера К. К. Фойгтъ. Фойгтъ сначала былъ профессоромъ русскаго языка и литературы въ Казанскомъ университетѣ, затѣмъ ректоромъ Харьковскаго университета и съ 1863 по 1867 г. попечителемъ харьковскаго учебнаго округа.

«Замѣтка для памяти», очевидно, имѣла характеръ такой серіозной и рѣзко выраженной укоризны, что попечитель вынужденъ былъ войти въ подробное разсмотрѣніе предъявленныхъ къ нему и ко всему округу обвиненій, что онъ и сдѣлалъ въ свойственной ему вполнѣ корректной, но достаточно убѣдительной формѣ.

Въ такое великое время, какъ 60-ые годы, и такихъ достойныхъ людей, какъ министръ Головнинъ и попечитель Фойгтъ, тогдашніе Могилянскіе и Ивановы отвлекали отъ ихъ серіозныхъ задачъ столь ничтожными мелочами, какъ переданный гимназистомъ разсказъ полѣсовщика малоросса, отвлекали ихъ произвольными фантасмагоріями о придуманныхъ ими опасностяхъ, которыя должны были свидѣтельствовать объ ихъ ревизорскомъ и публицистическомъ усердіи. Правда, случаи такого переусердія бывали и ранѣе, и позже; но въ приложеніи къ данной эпохѣ

они звучатъ особенно рѣзкимъ диссонансомъ. Какъ бы то ни было, Фойгту приходилось оправдываться и защищаться.

«Имѣя самыя близкія сношенія съ всѣми учебными заведеніями харьковскаго округа и преимущественно г. Харькова, писалъ К. К. Фойгтъ Б. П. Мансурову, зная каждаго изъ здѣшнихъ преподавателей не только лично, но и по характеру и по способу его преподаванія, тѣмъ болѣе, что двое изъ моихъ сыновей окончили здѣсь гимназическій курсъ, я могу съ полной увѣренностью засвидѣтельствовать, что украинофильство, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ дѣйствительно имѣло здѣсь приверженцевъ между университетской молодежью и отчасти выразилось въ стремленіи ввести малороссійскую грамотность въ учрежденныхъ тогда въ Харьковѣ воскресныхъ школахъ, въ гимназіяхъ г. Харькова никогда не существовало и тѣмъ менѣе могло бы проникнуть въ учебныя заведенія прочихъ губерній округа, гдѣ господствующее и почти исключительное народонаселеніе составляютъ чистые великороссы».

Фойгтъ возложилъ на инспектора училищъ Рындовскаго, какъ опытное лицо, наблюденіе за обѣими мѣстными гимназіями. «Я поручилъ ему, писалъ Фойгтъ, секретно, какъ человѣку испытанной правдивости и проницательности, посѣщать въ неопредѣленныя времена, и притомъ всегда неожиданно, уроки русской словесности, слѣдить за разборомъ учителя ученическихъ сочиненій, собрать и прочитать таковыя за весь текущій годъ».

Не думалъ лѣсничій малороссъ, что его безыскуственная рѣчь вызоветъ такую переписку, такое тщательное слѣдствіе и будетъ такъ занимать высшее начальство; видно, никому и въ голову не могло прійти, что изъ всего этого выйдетъ какая-то уголовщина.

Рындовскій посѣщалъ гимназіи, собиралъ и читалъ ученическія работы, самъ попечитель округа ихъ пересматривалъ, и выводъ получился одинъ, что «во всѣхъ сочиненіяхъ нѣтъ ни малѣйшихъ украинофильскихъ тенденцій; они писаны чистымъ русскимъ языкомъ, безъ всякой примѣси малорусскаго нарѣчія, и ни въ одномъ изъ нихъ не найдено ничего, что бы явно или скрытно

выражало сочувствіе къ этому направленію или даже пр[illegible] интересъ къ нему».

По истинѣ, «parturient montes, nascetur ridiculus mus»; столько усердія тайнаго совѣтника Могилянскаго, столько безпокойства и огорченій другого тайнаго совѣтника Фойгта—и «не найдено ничего».

Фойгтъ писалъ далѣе [1]): «Теперь вмѣняю себѣ въ обязанность прибавить еще въ разъясненіе этого обстоятельства, что обниотнюдь не все сочиненіе (рѣчь идетъ о работѣ Пашкова), мавшей три страницы, было написано на простонародномъ (малороссійскомъ) языкѣ, но только одинъ эпизодъ его, разсказъ полѣсовщика малоросса, занявшій только одну страницу. При томъ это сочиненіе представляется явленіемъ чисто случайнымъ и исключительнымъ; ни одного подобнаго сочиненія на малороссійскомъ нарѣчіи, по самымъ точнымъ справкамъ, учениками подаваемо не было, да и преподаватель Чириковъ, хотя и уроженецъ Харьковской губерніи, не могъ ни предлагать, ни поощрять упражненій, потому что самъ весьма мало знакомъ съ малороссійскимъ языкомъ... Очень жалѣю, что въ подтвержденіе моихъ словъ не могу представить ни въ подлинникѣ, ни въ копіи сочиненія ученика Пашкова, такъ какъ оно, послѣ замѣчанія тайнаго совѣтника Могилянскаго, тотчасъ было уничтожено, да и самъ Пашковъ въ гимназіи уже не находится». Изъ этихъ словъ Фойгта видно, что Могилянскій нагналъ страху, и можно подозрѣвать, что и бѣдный юноша, попробовавшій передать рѣчь лѣсника-малоросса собственными его словами, пострадалъ, и все это было въ 1863 г., въ годъ введенія въ университетахъ славнаго устава, у народа освобожденнаго отъ крѣпостной неволи, наканунѣ судебной реформы, вѣщавшей правду и милость.

---

[1]) Оффиціальная переписка Фойгта взята мной изъ архивныхъ матеріаловъ, любезно сообщенныхъ мнѣ профессоромъ Д. И. Багалѣемъ. *Прим. авт.*

Вскорѣ, въ 1905 г., Харьковская первая мужская гимназія справляетъ свое столѣтіе. Пожелаемъ же ей, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ столѣтіи ея жизни она не видѣла въ своихъ стѣнахъ тайныхъ совѣтниковъ Могилянскихъ. Довольно тайнъ и могилъ. Побольше свѣта и жизни.

Проф. **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

Документы, извѣстія и замѣтки.

Повѣрья и обрядности родинъ и крестинъ. Въ заславльскомъ уѣздѣ, волын. губ., мною записаны слѣдующія обрядности родинъ и крестинъ.

Когда родится ребенокъ и въ первый разъ его купаютъ, то въ эту первую купель бросаютъ деньги серебряныя; деньги эти поступаютъ въ пользу «бабки». До 6 недѣль со времени рожденія, или иначе «до вывода родили», нельзя родилѣ выходить за ворота своей усадьбы, «по заходи сонца» выходить на дворъ; нельзя ходить чрезъ гребли, мосты, плотины и вообще чрезъ рѣку; нельзя купаться въ рѣкѣ, нельзя ходить въ лѣсъ. Новорожденнаго ребенка тоже нельзя носить по перечисленнымъ только-что мѣстамъ, «доки не охрыстятъ». У «родили» до выводу, а у «рожденного» пока не окрестятъ, должна быть всегда при боку сталь, какой-нибудь стальной предметъ, напр.—ключъ; но преимущественно въ обычаѣ—ножъ. Такой ножъ долженъ всегда лежать въ люлькѣ ребенка. Ребенку до года нельзя стричь волосъ—а то будетъ тупоумный, не развитой; нельзя также до года обрѣзывать ногтей, а только можно обкусывать зубами. Нельзя до года, и въ особенности по заходѣ солнца, показывать въ зеркало и давать ребенку смотрѣться въ зеркало, а то, по одному вѣрованію, дитя будетъ рябое, «съ ряботынням» (веснушками), а по другому—ребенку лицо изуродуетъ оспа. До года новорожденнаго нельзя фотографировать, а то не будетъ жить. «Доки не охрестять», нельзя ребенка выносить за калитку или ворота усадьбы—за городъ или село, или въ лѣсъ, чрезъ мосты, пруды, рѣки; нельзя выносить «по заходи

сонця на двиръ»,—а то вѣдьма или нечистая сила можетъ обмѣнять ребенка, и тогда, вмѣсто ребенка, будетъ «одмина»; или нечистая сила «пидкаснется», «пидвійнытся пидъ нехрещену дытыну», т. е. вселится въ нее, и тогда съ ребенкомъ будутъ конвульсіи или иначе «чорна», «чы падуча слабисть». Пока ребенка не охрестять, а также пока «родиля» «не возьме выводу», нельзя въ хатѣ на ночь тушить огонь. Въ шесть недѣль послѣ родовъ, когда «родиля» идетъ «до-выводу»,—бабка дѣлаетъ ей «розмывкы» или «обмывкы». Ставитъ «родилю» на топоръ и сливаетъ ей на руки воды, принесенной изъ рѣки или колодезя «до схода сонця»; родиля этою водою умывается и затѣмъ утирается тѣмъ «крыжмомъ» (кускомъ холста или матеріи), которое «родиля» даетъ бабкѣ въ подарокъ за принятіе ребенка. Пока родиля не возьметъ выводу, и пока ребенка не окрестятъ, ножомъ, лучше всего освященнымъ на Пасху, крестятъ окна, двери, гдѣ лежитъ родиля и ребенокъ, и люльку ребенка. Вообще при родинахъ преимущественно употребляется ножъ, освященный на Пасху съ тѣстомъ, и чѣмъ больше онъ разъ святился, тѣмъ лучше; особенно же дорогъ и цѣненъ семилѣтній ножъ, т. е семь разъ или семь лѣтъ подъ рядъ «свяченый»; но если нѣтъ такого ножа, то берется какой-нибудь ножъ. Пока родиля не пойдетъ къ выводу, а ребенка не окрестятъ, нельзя ихъ однихъ оставлять въ хатѣ. Идя къ выводу, родиля ступаетъ на порогъ, на которомъ положенъ ножъ, и ногою становится на этотъ ножъ, въ то же время ее окропляетъ бабка свяченою водою; также, когда кумы несутъ крестить ребенка, на порогѣ кладутъ топоръ или ножъ, и кумы (въ другихъ мѣстахъ только кума) обязаны ступить на нихъ, и бабка тоже окропляетъ свяченой водою.

Въ нѣкоторыхъ селахъ заславльскаго уѣзда новорожденному въ первую купель, кромѣ серебряныхъ денегъ, сыплютъ: мальчику—свяченое яровое жито, а дѣвочкѣ—яровую пшеницу, освящаемыя съ прочими злаками на «Спаса» (6 августа). Дитяти до году нельзя давать ѣсть рыбы, а то долго не будетъ говорить, и гороху, а то будетъ картавый. Беременной женщинѣ нельзя ходить занимать что-либо въ чужой домъ, ибо если и займутъ просимое, то въ обычаѣ—за выходящей изъ хаты беременной женщиною что нибудь, какъ за нечистою, незамѣтно бросить: если бросятъ уголь—ребенокъ будетъ ѣсть уголь, если бросятъ мыло, то ребенокъ,

родившись, будетъ ѣсть мыло,—а если бросятъ топоръ или ножъ то родившійся ребенокъ будетъ со шрамомъ на лицѣ, какъ отъ порѣза Если беременная женщина блѣднѣетъ, дѣлается некрасивой,—родится дѣвочка; если, напротивъ, красная, розовая, хорошѣетъ,—родится мальчикъ. Нельзя переступать черезъ дитя,—не будетъ ребенокъ рости. Нельзя также на ребенка смотрѣть, если онъ лежитъ или сидитъ, черезъ голову, т. е. поверхъ головы или сзади, а нужно зайти спереди—а то ребенокъ будетъ косоокій, по другому повѣрью—тупой, тупоумный. «Родилѣ» нельзя въ теченіе недѣли послѣ родовъ чесаться, иначе новорожденный будетъ вшивый и паршивый. Беременной женщинѣ нельзя смотрѣть на пожаръ,—ребенокъ родится красный, какъ будто опеченый. Нельзя беременной женщинѣ ни наканунѣ, ни въ самые праздники, хотя бы самые малые шить—роды будутъ очень тяжелые, а по другому повѣрью—ребенокъ родится или слѣпой, или нѣмой, т. е. съ зашитыми глазами или ртомъ. Ребенку съ головы нельзя ни сгребать, ни счесывать, «тименюху»,—она должна сама постепенно сходить; отъ счесыванія или скребыванія «тименюхи»—ребенокъ будетъ тупой, тупоумный, неразвитой. Нельзя ребенка купать въ горячей водѣ,—ребенокъ, выросши, будетъ «горячій», т. е. вспыльчивый.

Если у ребенка первыми прорѣжутся верхніе зубы—ребенокъ будетъ жить, а если нижніе—не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ. Если ребенка не стричь до года, а ровно въ годъ, въ день рожденія, то онъ будетъ счастливъ и будетъ имѣть успѣхъ и удачу въ жизни во всемъ; если же его не стричь до 5 лѣтъ, то онъ будетъ очень умный, будетъ имѣть охоту и способности учиться. Чтобы ребенокъ выросши имѣлъ охоту и способности учиться, завязанный ему бабкою послѣ рожденія пупъ или пуповину бабка отрѣзываетъ на книжкѣ, или на бумагѣ. Пуповину нужно перевязывать прядивомъ—«матиркою», а не «плоскопью», т. к. въ послѣднемъ случаѣ ребенокъ, выросши, будетъ безплоднымъ или бездѣтнымъ.

Сообщ. **Ив. Бѣньковскій.**

Собача доля *(легенда)*. Въ Малороссіи, сохранилось достаточно разсказовъ, которые можно считать издавна занесенными съ востока разными кочевыми народами, селившимися на югѣ Россіи и оставлявшими послѣ себя тѣ или другіе пережитки

свои. Намъ удалось достать въ нѣсколько обработанной формѣ легенду о собачьей долѣ, основа которой несомнѣнно восточная. Легенда пытается объяснить причины ухудшенія плодородія на землѣ. Оказывается, что колосъ хлѣбныхъ злаковъ въ древности начинался съ самаго дола, а только послѣ уже, когда родъ людской впалъ въ разные грѣхи, онъ былъ наказанъ тѣмъ, что колосъ былъ уменьшенъ до нынѣшней его величины.

Въ той передачѣ легенды, которою мы хотимъ подѣлиться съ читателями, конечно, мало слѣдовъ ея древняго происхожденія, такъ какъ она носитъ ясные слѣды позднѣйшей передѣлки, однако же самая основа легенды, какъ будетъ видно впереди, несомнѣнно, древняя.

Собача доля.

Давно колысь, та й дуже вже давно, святи апостолы Петро й Павло ходылы зъ Богомъ по земли въ якійсь чужій, не въ нашій сторони. По свиту чого воны ходылы и що дорогою робылы, про те багацько не скажу, а то, гляды, ненáрокомъ що-небудь ще й збрешу. Стари жъ люде такъ казалы, що правды на земли воны шукалы,—та правды не знайшлы и зновъ туды на небо геть пишлы, видкиль сюды булы прыйшлы.

Павло бувъ зовсимъ лысый и ходывъ ченцемъ: зъ рижкомъ на голови, зъ ковинькою въ руци, та въ чорній хламыди.

Петро,—той вырядывсь слипцемъ, ходывъ въ полатаній свытыни: якъ спавъ, подралы, мабуть, свыни... Прыходылось бо ничку не одну на двори почувать,—въ хливи мижъ свынямы не разъ доводылося спать... А Богъ ходывъ въ такимъ никчемнимъ жупани, що гыдчъ не знайдешъ на смитти: замасляній, латкы на спыни; у него-жъ пидъ плечемъ ще высила торбына. Колысь вона була вся повна хлиба,—такъ изйилы. Давно вже пусто тамъ було, якъ ци старци святи загледилы издáлека село. Вже сонце до пивдня дійшло и въ шыю гаряче пекло, уже бъ и снидаты пора, такъ ще далеко до села.. Подыбалы... Рукой подать—село блызенько, видъ краю маячыть хатына чепурненька, надъ хатою пороскыдавъ гилькы дубокъ, за хатою вышневенькый садокъ. Петро святый и каже: «Отутъ бы гарно й намъ поснидаты и дать спокій кисткамъ; а то, ій Богу, вже ажъ жыжечка дрожыть, такъ йисты хочется». А Богъ—ни пары зъ устъ, мовчыть. Павло

й соби пидлакуе, губамы ажъ прысмакуе; бо звисно й винъ голодный бувъ. а носомъ чувъ, що снидання на прыпечку вдовы шкварчыть... То—край села вдова жыла...

Отъ до воритъ прыйшлы. Петро й Павло хотилы вже ворота видчыныть, ажъ дывлятся,—вдова та зъ рундука змита саме смиття. Углядила вона старцивъ—крычыть: «ичъ дармойиды! Що дня тутъ товчетесь... А щобъ вамъ не було пуття, якъ вы до мене вси претесь... Одъ цихъ старцивъ, слипцивъ нема мени жыття... Ходить лышъ до сусиды».

Похпюпылысь старци, мынають двиръ, мандрують въ другу хату... Хотилы вже ввійты, такъ ни, куды? Тамъ те-жъ не можно у кимнату...

Дарма село все обійшлы, пиде имъ и шматочка хлиба не далы; а щобъ старци пидъ воритьмы подовгу не стоялы, якъ де старцивъ собакамы цькувалы.

Така то правда въ свити йе, що Богъ усимъ усе дае, а Богови прыйшлось просыть, то коженъ такъ и норовыть, щобъ Бога обдурыть: той каже, що ёму самому ничымъ жыть, другый гарчыть, що вси до ёго прутъ, а самъ винъ визьме де? ему ничого даромъ не дають.

Святи старци зъ села идуть и ледве-ледве ногы волочуть.

Бувъ за селомъ маленькый хутирокъ. Жывъ тамъ заможній мужычокъ. Видъ всихъ винъ найдобришій бувъ; про щедрость ёго кожный въ сели чувъ. Такъ Богъ и каже, щобъ зайты: «Тамъ можно буде снидання знайты, бо то-жъ, кажуть, добри люде тамъ жывуть, може хлиба хочъ дадуть».

По цій мови пидходять до воритъ. Замкнени,—замокъ чымаленькый высытъ.

Воны гукають: «видчынить»!

Собакъ зъ десятокъ выбигло,—не гавкають, мовчать, а все тымъ помеломъ вертять, що зъ-заду Богъ имъ прычепывъ, тоди ще, першъ якъ винъ собакъ творывъ.

Чоловикивъ зъ хазяйськои симьи никого дома не було тоди: була тильки хазяйка, та въ пелюшкахъ маленька лялька. «Просымо паньматкы, людцивъ убогенькыхъ прыйматы, солы-хлиба даты, щырымъ словомъ прывитаты», гука Петро и зъ нымъ Павло.

Хазяйка глянула въ викно; одъ разу догадалась. Выходе зъ хаты, не швыдко до воритъ попхалась. «Оце вамъ, люде добри,

визьмить—шкорынка; звыняйте, що остатня, бильшъ нема, бо хлиба я сегодни не пекла; помиха въ мене йе,—мала дытынка».

Старци—нызесенькій поклонъ: «спасыби». «Збрехала; хлибъ іи лежыть у скрыни»—Богъ тоди каже самъ соби.

Старци изъ хутора идуть, шкорыночку соби жують. Похмурый Богъ зъ Павломъ зъ Петромъ иде. Дійшлы до поля, на поли хлибъ росте. А колосъ одъ земли на четверть почынавсь; въ аршынъ и бильше колоскы завжды тоди булы. И Богъ за одынъ колосокъ узявсь, шморгнувъ и колоска въ руци одынъ шматокъ оставсь. Одъ разу поле все змінылось: съ кожнымъ колоскомъ на поли тежъ зробылось, усякый колосокъ зникчемнивъ, такый завбильшкы ставъ, якъ той, що Богъ въ своій руци державъ.

И знову Богъ за той шматокъ узявсь, що цилымъ бувъ зоставсь. И зновъ хотивъ шморгнуть ёго, щобъ людямъ не зосталось ничого.

Такъ Богъ людей скаравъ, бо хлиба Богови нихто й куска не давъ: далы суху шкорыну, та й ту въ земли замазала дытына.

Лучылося на ту годыну цюцькóви бигты по дорози. Уздривъ цюцько, яке то лыхо людямъ склалось, мерщій вертыть хвостомъ—бижыть до Бози сердега, хутко скавучыть: «Пропадуть теперъ собакы, не стануть люде насъ кормыть; то хоть шкорынку кыне намъ усяке, мале й велыке; тымъ жывемъ, не стане хлиба—зовсимъ пропадемъ».

Цуцыкъ скавучыть и прыязно у вичи Богови глядыть. И жаль взявъ Бога за цюцькивъ. Богъ такъ цюцькови одповивъ: «Нехай росте цюцькова доля». Така була то Божа воля, и хлибъ, якъ бувъ, зоставсь на поли; та колоскы уже не бильшъ долони...

Такъ оттаке колысь було; теперъ собачу долю мы йимо.

Въ журналѣ «Природа и Люди» (№ 15, 1897 г. 13 февр.) въ статьѣ М. Бернова: «Столицы міра», при описаніи Константинополя авторъ останавливаетъ свое вниманіе на одной турецкой легендѣ, объясняющей то обожаніе, которымъ пользуются собаки у турокъ. Она близко подходитъ къ нашей легендѣ. Вотъ какъ она изложена у г. Бернова.

«Въ отдаленные вѣка Аллахъ разсердился на родъ людской и, чтобы наказать его, рѣшилъ уморить его голодомъ. Въ тѣ времена, гласитъ легенда, хлѣбъ росъ безъ соломы; колосъ начинался у самой земли и достигалъ высоты нашихъ хлѣбовъ. Воспользовавшись тѣмъ, что люди сѣяли, Аллахъ спустился на землю и сталъ тянуть колосья, желая обратить ихъ въ сплошную солому. Собаки, которыя не спали, увидя это и сообразивъ, что, если люди останутся безъ хлѣба, то и имъ, собакамъ, тоже будетъ нечего ѣсть, завыли. Аллахъ сжалился надъ собаками и, оставивъ на кончикѣ соломы небольшой колосокъ, сказалъ: «Это будетъ ваша доля»: Авторъ прибавляетъ отъ себя: «Отсюда произошла сложившаяся на востокѣ поговорка, что «люди живутъ насчетъ собакъ» (стр. 234).

Намъ кажется, что этою легендою скорѣе всего хотѣли объяснить пониженіе плодородія земли, а не почитаніе собакъ.

В. К.

Автобіографическая замѣтка Я. Щоголева. Намъ передана П. С. Ефименкомъ автобіографическая замѣтка украинскаго поэта Я. Щоголева, болѣе всего извѣстнаго публикѣ по сборнику его стихотвореній подъ заглавіемъ «Ворскло», вышедшему въ Харьковѣ въ 1883 году. Замѣтка эта написана была по просьбѣ П. С. Ефименка, когда въ 1886 году предполагался въ Харьковѣ къ изданію малорусскій сборникъ. Не обширны тѣ біографическія свѣдѣнія, какія даются въ этой замѣткѣ, но, представляя собой автобіографическую справку, они вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы быть напечатанными, какъ матеріалъ для будущаго словаря нашихъ почтенныхъ земляковъ.

Я родился въ Ахтыркѣ, харьковской губ., гдѣ и учился первоначально въ тогдашнемъ народномъ училищѣ; а съ 1836 года въ 1-й харьковской гимназіи, откуда въ 1843 году поступилъ въ харьковскій университетъ, окончивъ въ немъ курсъ въ 1848 году. Послѣ университета я болѣе 20 лѣтъ провелъ на службѣ, сначала столоначальникомъ въ Палатѣ Государственныхъ имуществъ, потомъ помощникомъ правителя канцеляріи губернатора, секретаремъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, помощникомъ окружного начальника Богодуховскаго округа, чиновникомъ особыхъ

порученій при палатѣ государственныхъ имуществъ, секретаремъ харьковской думы. Служба была для меня сущимъ наказаніемъ Божіимъ и выносилась только изъ-за борьбы за существованіе. Въ 1870 годахъ нѣсколько внезапно-счастливыхъ обстоятельствъ улучшили мои средства и дали возможность жить хотя и весьма скромно, но независимо, и рѣшительно безъ всякаго общенія съ людьми. Тогда въ 1871 году я ее бросилъ. Пошелъ бы далеко дальше, но никогда ни передъ кѣмъ шеи не согнулъ. Нынѣ состою лишь старостою при церкви харьковскаго епархіальнаго женскаго училища. Это моя оффиціальная, повидимому сухая, біографія; но, такъ сказать, внутренняя, богатая несчастіями жизнь прошла иначе. О ней коротко, но весьма правильно, разсказано въ рецензіи на «Ворскло» въ Кіевской Старинѣ (генварь 1884 года) Все это теперь не нужно, а если и понадобится, то черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

А вотъ моя біографія лишь для того, чтобы вы объяснили себѣ тѣ хронологическіе пробѣлы, которые замѣтите въ оглавленіи моего сборника «Ворскло».

По нерѣдкому тогда обычаю и я, будучи гимназистомъ, началъ писать стихи сначала по-русски. Въ гимназіи мнѣ покровительствовалъ учитель русской словесности П. И. Иноземцевъ — личность симпатичная и поэтическая. Затѣмъ порядочнымъ сборникомъ русскихъ стихотвореній я обратилъ на себя вниманіе профессоровъ И. И. Срезневскаго и А. Л. Метлинскаго, такъ что, экзаменуясь при поступленіи въ университетъ на юридическій факультетъ, я, во время самыхъ экзаменовъ, былъ перетянутъ ими на филологическій.

Но когда Бѣлинскій встрѣтилъ плеяду молодыхъ стихотворцевъ безпощадною насмѣшкой, то я сжегъ рукопись и бросилъ писать. Однако въ 1846 году, по просьбѣ Метлинскаго, написалъ нѣсколько малорусскихъ стихотвореній для его сборника, изданнаго потомъ въ 1848 году, хотя онъ ихъ туда почему то не помѣстилъ. Впослѣдствіи ихъ выпросилъ у меня студентъ Неговскій, черезъ котораго они, вѣроятно, и достались въ сборникъ Кулиша «Хату». Также случайно было написано 4 стихотворенія въ 1864 году, какъ объ этомъ и сказано въ очеркахъ украинской литературы Петрова.

Здѣсь опять пробѣлъ на 12 лѣтъ, и затѣмъ случайная причина появленія «Ворскло» Въ маѣ 1876 года ко мнѣ зашелъ землякъ А. Л. Шимановъ и показалъ письмо къ нему Конисскаго, въ которомъ выражалось желаніе имѣть отъ меня что либо для малорусскаго сборника, предполагавшагося къ изданію въ Кіевѣ. Я и написалъ ему два-три стихотворенія. Старшіе изъ моихъ дѣтей— дочь и сынъ, высокаго художественнаго закала и глубокой души, живя лѣтомъ на дачахъ, среди простонародья, знали разговорный малорусскій языкъ и стали просить меня писать для нихъ. Я и писалъ имъ до 1878 года. Затѣмъ было не до того. Въ началѣ 1878 года заболѣла моя дочь, отчаянно проболѣла весну и лѣто; осень я прожилъ съ нею въ Ялтѣ, и только что начала было поправляться, какъ на слѣдующую весну 1879 года внезапно заболѣлъ сынъ, о которомъ я сказалъ выше—мальчикъ 14-ти лѣтъ, красавецъ и замѣчательный скрипачъ: въ два дня умеръ онъ отъ воспаленія мозга. Потрясеніе для семьи было громадное; болѣзнь дочери возобновилась и свела ее въ могилу въ 1880 году. Писать было не для кого, и я опять ничего не написалъ въ теченіе почти 4-хъ лѣтъ. За симъ моему малорусскому сборнику предстояла, можетъ быть, та-же судьба, какая случилась съ русскимъ; но мои друзья Шимановъ и Комаровъ склонили меня напечатать его. Тогда я добавилъ сборникъ—и вотъ причина выхода его въ свѣтъ.

Все это моя интимная кратчайшая исповѣдь (собственно для Васъ: я знаю, что по судьбѣ—мы съ вами братья, хотя и не въ одинаковыхъ деталяхъ). Вы, разумѣется, вытянете изъ этой исповѣди лишь эссенцію, ибо въ календарѣ распространяться о нашемъ братѣ негдѣ; но я бы просилъ Васъ, Многоуважаемый Петръ Савичъ, въ случаѣ желаете упомянуть обо мнѣ, то укажите сущность рецензій на «Ворскло», помѣщенныхъ въ Кіевской Старинѣ (Генварь 1884 г.), въ Галицкой газетѣ Діло, въ Одесскомъ Вѣстникѣ и въ Исторіи Украинской Литературы Петрова. Если у Васъ чего не окажется, то сообщу я или Лободовскій.

Списокъ стихотвореній М. А. Максимовича. Прилагаемыя въ настоящей книжкѣ заглавія сборника украинскихъ стиховъ и отдѣльныхъ стихотвореній сдѣланы мною болѣе двадцати лѣтъ назадъ съ автографа покойнаго М. А. Максимовича. Сборникъ этотъ

достался какимъ то образомъ М. Г. Щербаку, который, будучи студентомъ Петербургскаго университета, состоялъ письмоводителемъ или дѣлопроизводителемъ въ редакціи малорусскаго журнала «Основа», а потомъ въ Кіевѣ содержалъ библіотеку для чтенія и, наконецъ, былъ чиновникомъ Кіевской контрольной палаты и умеръ въ отставкѣ около 1882 года. Вдова г-на Щербака, насколько мнѣ извѣстно, продала часть рукописей и бумагъ, оставшихся послѣ смерти ея мужа, покойному А. М. Лазаревскому. Можетъ быть, въ числѣ этихъ бумагъ найдется и сборникъ стихотвореній М. А. Максимовича.

Стихотворенія въ сборникѣ идутъ съ 1856 и по 1872 годъ включительно. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ свое время; но большая часть ихъ носитъ личный и семейный характеръ автора и нигдѣ не напечатана.

Н. П.

„Мои украинськи стихи“ *(автографъ М. А. Максимовича).*

1) 1 дек. 1864. Олексѣйку.

2) 31 дек. 1864 года. Олексѣйку.

3) Машѣ. 1858 г. 20 ноября. Москва. На Твер. бульв.

4) Плачъ Ярославны.

5) На Люблинскую унію 1569 года. 1863 г.

6) Пѣсня 1863 года.

7) На погребеніе Шевченка подъ Каневомъ 1861 г. 10 мая.

8) На смерть Т. Г. Шевченка. 12 марта, 1861 г.

9) Пословица. 3 сент. 1864.

10) Юго-западному оратору. Въ іюнѣ 1864 г.

11) На 1864 годъ.

12) Пѣсня 1864 года.

13) 3 сент. 1864.

14) Пѣсня на Тарасову годовщину 10 мая 1862 року. Посвящается Николаю Дмитровичу Иванишеву, 15 мая 1862 года. Михайлова Гора

15) Экспромтъ въ Кіевѣ 1864.

16) Шевченкови 25 марта 1858 года. Застольный стихъ, Москва на Поварскомъ [1]).

---

[1]) Первыя 16-ть стихотвореній писаны на малорусскомъ языкѣ.

17) Степану Алексѣевичу Маслову въ привѣтъ и отвѣтъ съ Михайловой Горы, 30 іюня 1869 года.

18) Стихотворное письмо на русскомъ языкѣ къ Ѳеодору Ѳеодоровичу объ ускореніи выдачи пансіона, 21 мая 1866 г. Михайлова Гора.

19) Князю П. А. Вяземскому по прочтеніи его новыхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ Утрѣ. 1866 г. 22 февр.

20) М. П. Погодину. 11 марта 1866 г.

21) Князю П. А. Вяземскому, 1869 г. 18 марта.

22) Въ понедѣльникъ 24 февр. 1869 г.

23) М. П. Погодину 19 февраля 1869 г.

24) О. Ѳ. Кошелевой. 18 іюня. М. Г.

25) Кн. П. А. Вяземскому 23 іюня. М. Г.

26) Авд. П. Елагиной. 15 іюня 1869.

27) Ѳ. Н. Глинкѣ. 16 іюня, 1869 г.

28) О. Ѳ. Кошелевой. 30 іюня.

29) Я къ горѣ моей прикованъ. 1 іюля.

30) 11 іюля, 1869 г. Михайл. Гора (имянинницѣ).

31) Е. Ѳ. Тимковской. 14 іюля.

32) 1872 г. 9 марта, девятистишіе (М. П. Погодину) [1].

33) На смерть юнаго Г-на (Галагана). 2 мая 1869 г.

34) Старымъ друзьямъ. 1866.

35) Пѣсня 1865 г. 10 августа. М. Г.

36) П. А. Кулѣшу. 20 ноября 1856 г. М. Г.

37) 22 дек. 1864 г. Кіевъ.

38) Воспоминаніе 20 генв. 1866. М. Г.

39) Пѣсня. 1865 г. 25 февр. Кіевъ.

Изученіе кобзарства [2]. Усчитать всю пользу, принесенную бывшимъ въ Харьковѣ XII археологическимъ съѣздомъ, разумѣется, нѣтъ никакой возможности, по разнообразію связанныхъ

[1]) Съ 17-го по 32-й № стихотворенія—на русскомъ языкѣ, а съ 33-го и до конца—на малорусскомъ.

[2]) Эта статья напечатана въ «Южн. Краѣ» (№ 8414). Въ виду ея интереса, мы считаемъ умѣстнымъ перепечатать ее цѣликомъ.

съ нимъ явленій. Несомнѣнно только, что польза—большая, и, несмотря на значительное число журнальныхъ отчетовъ, далеко еще не выясненная въ главныхъ своихъ частяхъ. Несомнѣнно, что и Харькову, въ особенности харьковскому университету, археологическій съѣздъ пригодился во многихъ отношеніяхъ, преимущественно. въ дѣлѣ расширенія знаній и накопленія цѣнныхъ коллекцій по этнографіи и археологіи. Къ несчастью, харьковскій университетъ, по своей хронической тѣснотѣ и бѣдности, не можетъ въ достаточной степени воспользоваться собранными матеріалами; два своихъ новыхъ музея—археологическій и этнографическій, университетъ вынужденъ держать на положеніи двухъ складовъ, для всѣхъ закрытыхъ, по неудобству помѣщенія и нагроможденности матеріала. Все это тѣмъ болѣе досадно, что есть силы, есть свѣдущіе люди, которые могли бы разсортировать все собранное богатство, могли бы установить его въ системѣ, согласно съ современнымъ положеніемъ науки, могли бы освѣтить своими объясненіями, и не достаетъ лишь матеріальныхъ средствъ: досадно тѣмъ болѣе, что людей этихъ и силъ не такъ много, и были годы, когда ихъ совсѣмъ не было—имѣемъ въ виду, напримѣръ, каѳедру по исторіи искусства, которая нынѣ въ Харьковѣ занята ученымъ выдающагося трудолюбія и большихъ познаній, послѣ того какъ была вакантной около тридцати лѣтъ; имѣемъ въ виду многихъ мѣстныхъ спеціалистовъ по русской исторіи, археологіи и архивовѣдѣнію, когда еще такъ недавно въ Харьковѣ обнаруживались по этой части большіе недочеты, а въ 60-хъ годахъ русская исторія не читалась въ университетѣ по нѣсколько лѣтъ, за неимѣніемъ свѣдущихъ людей.

Достойно сожалѣнія, что значительные запасы умственной и нравственной энергіи остаются безъ примѣненія, и, какъ это ни странно, въ приложеніи преимущественно къ университету, по причинамъ весьма разнообразнымъ, въ числѣ которыхъ тѣснота помѣщеній играетъ немаловажную роль.

Харьковскій археологическій съѣздъ далъ большой толчекъ изученію репертуара и быта кобзарей и лирниковъ и, повидимому, послужитъ исходнымъ пунктомъ въ дѣлѣ улучшенія ихъ соціальнаго и профессіональнаго положенія. Въ этомъ отношеніи харьковскимъ археологическимъ съѣздомъ и его достоуважаемымъ предсѣдателемъ графиней П. С. Уваровой сдѣлано много, и ре-

зультаты этой плодотворной работы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обнаруживаются и въ научной литературѣ, и въ самой жизни. Въ данномъ случаѣ, въ отношеніи кобзарей и лирниковъ наука и жизнь, древность и современность пошли рука объ руку, и предвидятся серіозныя пріобрѣтенія не только въ области знаній, но и въ сферѣ бытового добра и справедливости. Намѣчены пути для облегченія участи многихъ сотенъ несчастныхъ слѣпцовъ, добывающихъ себѣ скромныя средства къ жизни музыкой и пѣніемъ. Обратились къ ихъ подсчету, къ изученію ихъ матеріальнаго положенія; заговорили объ устройствѣ для нихъ спеціальной музыкальной школы, которая, съ одной стороны, должна сохранить лучшіе мотивы ихъ пѣсенъ и мелодій, съ другой—поднять ихъ технику и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ заработокъ и облегчить имъ усвоеніе музыкальнаго кобзарскаго и лирницкаго репертуара.

Еще до открытія въ Харьковѣ археологическаго съѣзда, уважаемый профессоръ Н. П. Дашкевичъ, предсѣдатель кіевскаго Общества Нестора лѣтописца, выразилъ пожеланіе, чтобы харьковскій съѣздъ занялся кобзарями. Предварительный комитетъ издалъ спеціальную программу для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ. Частью по этой программѣ, частью независимо отъ нея разными лицами предприняты были соотвѣтствующія описанія, большей частью изданныя въ «Трудахъ Предварит. Комитета». Во время самаго съѣзда было прочитано нѣсколько рефератовъ о кобзаряхъ и лирникахъ, и устроенъ былъ общедоступный кобзарскій и лирницкій концертъ, о которомъ въ свое время были подробныя сообщенія въ мѣстныхъ газетахъ. Главное, съѣздъ постановилъ возбудить передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ просьбу объ оказаніи покровительства кобзарямъ и лирникамъ, какъ хранителямъ старины, въ ея лучшихъ музыкальныхъ и поэтическихъ остаткахъ. Начало было положено: интересъ къ кобзарямъ возбужденъ, дѣло изученія пошло расти, а съ нимъ стали отчетливо обнаруживаться и благотворныя послѣдствія ходатайства о покровительствѣ.

Въ научномъ отношеніи лучшимъ плодомъ харьковскаго археологическаго съѣзда по части изученія кобзарства представляется вышедшее недавно изслѣдованіе проф. М. Н. Сперанскаго о кобзаряхъ и лирникахъ, по даннымъ на съѣздѣ матеріаламъ, преимущественно

о талантливомъ молодомъ кобзарѣ Пархоменкѣ, который извѣстенъ по участію въ концертѣ въ Харьковѣ. Проф. Сперанскій подробно останавливается на репертуарѣ Пархоменка. Вообще, какъ сводъ матеріаловъ въ строго научномъ распорядкѣ и освѣщеніи, книга проф. Сперанскаго производитъ хорошее впечатлѣніе и несомнѣнно принесетъ значительную пользу.

Благодаря доброжелательству и энергіи графини П. С. Уваровой, ходатайство о покровительствѣ кобзарямъ и лирникамъ получило успѣшное направленіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве отнесся къ нему сочувственно и запросилъ сначала графиню П. С. Уварову относительно статистическаго матеріала. Графиня Уварова обратилась за справками въ нѣкоторыя южнорусскія ученыя общества, ранѣе собиравшія свѣдѣнія, и въ частности поручила мнѣ составить докладную записку съ соотвѣтствующей фактической мотивировкой состоявшагося на археологическомъ съѣздѣ постановленія, что и было мною исполнено. Я препроводилъ свою объяснительную записку П. С. Уваровой, и графиня дала дѣлу дальнѣйшее движеніе, а что дѣло это подвигается, прямымъ доказательствомъ тому служитъ полученная на этихъ дняхъ мной обстоятельная работа кіевскаго губернскаго статистическаго комитета о кобзаряхъ и лирникахъ кіевской губерніи въ 1903 г., составленная по порученію министра внутреннихъ дѣлъ, на основаніи матеріаловъ, собранныхъ мировыми посредниками и полицейскими чиновниками. Матеріалы эти редактированы опытнымъ лицомъ, г. Доманицкимъ, снабжены имъ маленькой объяснительной статьей, при краткомъ предисловіи г. Ник. Василенка. Въ данномъ трудѣ кіевскаго статистическаго комитета я съ удовольствіемъ нахожу оправданіе и подтвержденіе той мысли, которую я развилъ въ докладной запискѣ, а здѣсь я, между прочимъ, говорилъ, что, по моему мнѣнію, ученыя общества не располагаютъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ о кобзаряхъ, не могутъ одновременно производить изслѣдованія въ огромномъ раіонѣ всей южной Россіи и не обладаютъ такими средствами, чтобы широко поставить собираніе матеріаловъ, и что въ этомъ отношеніи Министерство Внутреннихъ Дѣлъ располагаетъ гораздо большими средствами для собиранія соотвѣтствующихъ статистическихъ свѣдѣній одновременно во всѣхъ губерніяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, причемъ, нельзя сомнѣваться

въ томъ, что для систематизаціи и изученія собраннаго матеріала въ южно-русскихъ историко-филологическихъ обществахъ найдется достаточно ученыхъ силъ. На дѣлѣ такъ и вышло: больщой матеріалъ по кіевской губерніи собранъ органами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а разработанъ кіевскими учеными. Въ изданіи кіев. стат. комитета есть одинъ большой пробѣлъ — полное умолчаніе о репертуарѣ кобзарей и лирниковъ, что и не входило въ программу, присланную Министерствомъ; но статистическій комитетъ обѣщаетъ восполнить этотъ пробѣлъ послѣдующими изученіями. Репертуаръ кобзарей и лирниковъ, дѣйствительно, требуетъ уже особаго изслѣдованія, по особой программѣ, и людьми со специальной, ученой подготовкой; такая задача, разумѣется, не могла входить въ цѣли министерской программы, разсчитанной всецѣло на выясненіе основныхъ вопросовъ, кому, въ какомъ числѣ и въ чемъ можно оказать «покровительство».

Такъ какъ порученіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, навѣрно, распространено на всѣ губерніи съ малорусскимъ населеніемъ, то и изданная кіевскимъ статистическимъ комитетомъ книга можетъ послужить пособіемъ относительно распредѣленія матеріала.

Въ 1881 г., по свѣдѣніямъ кіевскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ, на огромное число слѣпыхъ въ кіевской губерніи въ 4221 человѣкъ, занимающихся игрой на лирѣ, показано лишь 13. И вотъ, несмотря на признаваемый всѣми упадокъ кобзарства и лирничества, въ 1903 году, по подсчету статистическаго комитета, кобзарей и лирниковъ въ кіевской губерніи оказалось 289. Нужно думать, что кіевская статистика двадцать лѣтъ назадъ сама страдала слѣпотой. Изъ 289 человѣкъ только три кобзаря и 286 лирниковъ. Впрочемъ, эти цифры подлежатъ большому сомнѣнію, такъ какъ лица, собиравшія матеріалъ, повидимому, плохо отличали кобзарей отъ лирниковъ, тѣмъ болѣе, что и въ самой жизни народной обнаруживается иногда смѣшеніе ихъ. Данныя относительно числа кобзарей въ другихъ губерніяхъ такъ мало заслуживаютъ довѣрія, точнѣе—составлены по такимъ ограниченнымъ раіонамъ и въ такой степени случайно, что нѣтъ никакой возможности строить на нихъ какіе-либо выводы, до новаго разслѣдованія, въ родѣ кіевскаго. Такъ, въ харь-

ковской губерніи насчитано всего 32 бандуриста и лирника, но насколько сомнительна эта цифра, видно изъ того, что одинъ лишь И. М. Хоткевичъ въ небольшомъ раіонѣ двухъ уѣздовъ, харьковскомъ и богодуховскомъ, и нѣкоторыхъ прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ насчиталъ 28 бандуристовъ и 37 лирниковъ. Очевидно, что тутъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ, и обстоятельный опросъ по всей губерніи можетъ дать совсѣмъ неожиданныя цифры. Если кіевскую мѣрку приложить ко всѣмъ губерніямъ съ малорусскимъ населеніемъ, то выйдетъ около двухъ тысячъ кобзарей и лирниковъ, число не малое, и, слѣдовательно, вполнѣ умѣстно дальнѣйшее настойчивое изученіе ихъ положенія, и вполнѣ были бы умѣстны немедленныя мѣры по части улучшенія ихъ быта, прежде всего учрежденіе безплатной профессіональной школы для усвоенія кобзарства и лирничества, въ лучшихъ мелодіяхъ и съ наилучшими техническими пріемами. Это будетъ со стороны образованнаго общества достойной отплатой бѣднымъ, слѣпымъ народнымъ музыкантамъ за то, что они въ своей несчастной темнотѣ вынесли изъ глубины прошлыхъ временъ преданія и пѣсни, историческія и религіозно-нравственныя, въ значительной степени содѣйствовавшія развитію мягкихъ и гуманныхъ чувствъ въ массѣ безграмотнаго простого народа. Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, дававшихъ отвѣты на министерскую программу, замѣчаетъ, что въ глазахъ сельскаго люда лирникъ не простой нищій-попрошайка; онъ прежде всего «несчастный», предназначенный судьбою на служеніе Богу, «благочестивый горемыка», и если у крестьянъ такой туманный взглядъ, то интеллигенція должна добавить къ нему литературные и историческіе мотивы и поставить этихъ «несчастныхъ» въ возможно лучшія условія жизни, открыть имъ доступъ въ спеціально для нихъ приспособленную музыкальную школу, поднять ихъ вкусъ, улучшить технику ихъ ремесла и облегчить пути для добыванія средствъ къ жизни всѣми возможными для слѣпца способами.

Проф. **Н. Сумцовъ.**

Страничка изъ жизни духовенства въ старой Малороссіи. *(Село Куренъ, конотоп. у.).* Изъ архивныхъ документовъ Куренской Николаевской церкви, относящихся къ жизни мѣстнаго духовенства, не трудно видѣть, что священно-церковно-служительскія мѣста

при Куренской церкви въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія замѣщались обычнымъ образомъ. Умиралъ-ли глава семьи, выходилъ-ли по болѣзни или старости за штатъ,—въ томъ и другомъ случаѣ къ епархіальному начальству поступала просьба «предоставить» мѣсто за дочерью «впредь до пріисканія зятя», или же «зачислить» на мѣсто сына. Снисходя къ этимъ просьбамъ, а можетъ быть и руководясь другими какими-либо соображеніями, начальство «предоставляло» и «зачисляло» [1]). При этомъ нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что не только такихъ примѣровъ, чтобы дѣти дьячковъ возвышались до іерейскаго или діаконскаго сана, но даже и такихъ, чтобы пономарскія дѣти занимали дьячковскія должности, за цѣлое столѣтіе по документамъ нѣтъ ни одного; наблюдается иногда только обратное движеніе—сверху внизъ. Въ большинствѣ же случаевъ сынъ дьячка становится тоже дьячкомъ, сынъ священника былъ священникомъ и т. под. Что дѣти причетниковъ становились тоже причетниками, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго: крайняя скудость содержанія низшихъ членовъ причта не позволяла имъ отдавать своихъ дѣтей въ училища; дѣти дьячковъ и пономарей учились дома подъ руководствомъ своихъ отцовъ, а домашняя подготовка являлась крайне недостаточною для того, чтобы получить священство. Вся эта подготовка состояла только въ томъ, что они усваивали такъ называемые «причетническіе предметы», являлись затѣмъ куда слѣдуетъ «къ слушанію», послѣ чего, смотря по степени усвоенія учебной программы, опредѣлялись на мѣста дьячками или пономарями [2]).

---

[1]) Документы, по которымъ можно прослѣдить унаслѣдованіе дѣтьми отцовскихъ мѣстъ, начинаются только съ 1731 года. Бывшій въ то время въ Куренѣ священникъ Афанасій Кибальчичъ передалъ мѣсто своему сыну Іосифу, который, въ свою очередь, предоставилъ мѣсто зятю, священнику Михаилу Горуновичу. Послѣ Михаила Горуновича (ок. 1815 г.) мѣсто его хотя и было „зачислено“ за сыномъ, но не было занято до 1822 г., т. е. пока сынъ его Александръ не окончилъ семинарію. Въ 1852 году умеръ Ал. Горуновичъ; послѣ его смерти мѣсто было „предоставлено“ за дочерью, къ которой „отыскался“ женихъ только въ 1854 году.

[2]) Обязанности пономарей исполняли иногда люди, не принадлежавшіе къ клиру, напр.—нанятые прихожане. Впрочемъ, нанимались они „не столько за оскудѣніемъ потребныхъ людей, сколько ради прихотей и лакомства священническаго“ (см. Ук. Дух. Конс. 31 дек. 1772 г.). Это практиковалось во многихъ селахъ епархіи. Начальство того однако не

За все время съ 1793 [1]) по 1850 годъ по документамъ мы встрѣчаемъ въ Куренѣ только одного дьячка, который учился въ семинаріи. Но и то мы вправѣ сомнѣваться въ его научныхъ познаніяхъ, такъ какъ онъ былъ уволенъ изъ семинаріи «за предосудительные поступки и безуспѣшность въ наукахъ». Всѣ же остальные дьячки были съ домашней подготовкой: одни изъ нихъ поступили на мѣсто только «изучась при отцѣ церковному уставу», другіе—«изучась русской грамотѣ и церковному уставу», третьи—«изучась всѣмъ причетническимъ предметамъ» и т. под.

Причиной такого недостаточнаго образованія дьячковъ и пономарей, опять повторяемъ, была бѣдность содержанія этихъ служителей церкви [2]).

Въ вѣдомости за 1829 годъ [3]) сказано: «содержаніе священнослужителей зависитъ отъ роковой доли отсыпного хлѣба, а церковно-служителей отъ милостиваго подаянія прихожанъ. Жалованья отъ казны никакого. Содержаніе ихъ посредственно». Другими словами—тогда какъ священно-служители получали отъ прихожанъ ежегодно опредѣленное количество хлѣба, дьячки и пономари должны были довольствоваться только тѣмъ, что имъ дадутъ изъ милости, изъ состраданія.

О размѣрѣ «роковщины» документы не говорятъ ничего, но народная память, передавая, что роковая дача существовала въ Куренѣ «издревле», въ то же время опредѣляетъ и ея размѣръ — именно: съ каждаго двора священникъ получалъ по четверику, т. е. и въ Куренѣ священникъ получалъ хлѣба приблизительно постолько же съ каждаго двора, посколько получали и священ-

---

одобряло, такъ какъ „допускаеміи къ отправленію ихъ (пономарскихъ) должностей мужики вовсе не преобучены духовной субординаціи" (См. Ук. Конот. Дух. Прав. 12 дек. 1832 г.).

[1]) Съ этого года только и имѣются въ церковномъ архивѣ свѣдѣнія объ образованіи духовенства.

[2]) Особенно пономарей, которые „получаютъ денежныхъ доходовъ отъ прихожанъ иногда втрое, а инде и въ пятеро меньше даже дьяковъ, а отъ сего не только отдавать дѣтей въ училище, но и сами себѣ дома пропитать не имѣютъ способовъ и остаются бѣднѣе нищихъ". (См. Указъ Консист. 1832 г.).

[3]) Болѣе раннихъ документовъ у насъ подъ руками нѣтъ.

ники другихъ селъ[1]). Но какъ видно изъ вѣдомости 1835 года, роковщина отдавалась прихожанами весьма недобросовѣстно, «по возможности», т. е. кто сколько хотѣлъ. Поэтому, въ слѣдующемъ году духовенство вынуждено было обратиться къ суду. Слѣдствіемъ такого оборота со стороны прихожанъ послѣдовало обязательство выдавать причтовый хлѣбъ въ исправности. Вѣдомость этого года между прочимъ говоритъ, что «буде роковщина въ исправности будетъ выдаваема, то для всѣхъ будетъ достаточно. Съ этого же года стали получать опредѣленную (по $1/2$ четверика съ двора) роковую дачу и дьячки, до того времени, какъ извѣстно, получавшіе отъ прихожанъ только «милостивное подаяніе». Но положеніе пономарей однако нисколько не улучшилось: они по прежнему обречены пользоваться только лишь «доброхотнымъ подаяніемъ и награжденіями» отъ прихожанъ. Жизнь этихъ членовъ причта была по истинѣ плачевная. Съ одной стороны—«милостивное подаяніе» прихожанами хлѣба, а съ другой—тоже «милостивное и доброхотное» въ полномъ смыслѣ этихъ словъ подаяніе со стороны священниковъ денежныхъ доходовъ дѣлало пономарей почти нищими[2]).

Несмотря, однако, на обязательство отдавать отсыпной хлѣбъ въ должномъ количествѣ, прихожане уже въ слѣдующемъ

---

[1]) Такъ, напр., въ с. Сиволожѣ (Борзен. у.) священникъ получалъ „съ рабочаго вола по четверику, отъ пѣшаго по 5 коп.“; въ с. Хорошемъ Озерѣ (т. у.)—„по четверику съ пары воловъ и по 10 к. съ пѣшаго, дьячки по 3 к. съ хаты“. Свѣдѣнія эти относятся къ 1806 году. См. Ист.-Стат. Оп. Черн. Еп. Арх. Филарета, т. VI.

[2]) Бывшій въ Куренѣ священникъ Іоаннъ Дончевскій (1796—1828 г.) какъ говоритъ молва, особенно притѣснялъ дьячковъ и пономарей; послѣдніе были у него въ числѣ даровыхъ работниковъ. Въ 1828 году Дончевскій за „буйственные поступки“ былъ удаленъ отъ должности. Указомъ консисторіи (1832 г.) было предписано по епархіи, чтобы „благочинные, священники и протоіереи причетниковъ на свои работы по домашнему и хозяйственному быту отнюдь не употребляли подъ строжайшимъ въ противномъ случаѣ прещеніемъ, а вмѣсто того при всякомъ удобномъ случаѣ всемѣрно старались бы пономарей съ дьячками въ положеніи доходовъ всякихъ уравнивать и о семъ внушать бы неупустительно и прихожанамъ, дабы оныхъ несчастныхъ служителей церкви Божіей хотя-бы мало выпутать изъ достойной оплакиванія нищеты и чрезъ то дать церкви возможность имѣть изъ ихъ дѣтей служителей церкви и общества“.

1837 году своего обязательства «не выполняютъ и на половину», вслѣдствіе чего «для бѣдствующаго причта содержаніе скудно». А когда въ 1844 году назначено было причту казенное жалованье [1]), то многіе прихожане отъ роковой дачи начали совершенно отказываться. Въ вѣдомости 1849 года по этому поводу пишется такъ: «дача рокового датка, положенная въ пособіе жалованью, производится въ самомъ маломъ количествѣ и то только въ половинѣ прихода; прочіе же прихожане уклоняются отъ рокового датка, почему и содержаніе причта въ хлѣбѣ неудовлетворительно, а при неурожаѣ даже скудно» [2]).

Судя по документамъ, роковщина не выдавалась полностью до самаго 1877 года, когда, вслѣдствіе надѣленія причта нужной землею, совершенно прекратилась.

Сообщ. **Иванъ Егоровъ.**

Какъ молятся наши старики-крестьяне. Недавно мнѣ удалось записать дословно молитву одного 70-лѣтняго крестьянина изъ с. Каплúвки, Хотинскаго уѣзда, Данкивской [3]) волости, Антона Козака, который о себѣ разсказывалъ слѣдующее: Отецъ мій—чоловикъ захожáлый, прыйшовъ сюды зъ Нимеччыны [4]), якъ полякы ся збунтувалы [5])... москали ходылы на смыренье, и якъ звидты забиралыся, то сказалы: «Хто жалае идить зъ намы», то тоди багато прыйшло сюды, бо тамъ бида була—паны сыльно мучылы людей роботою»...

---

[1]) Священнику—160 руб., діакону—70 руб., дьячку—36 и пономарю—30 руб. въ годъ.

[2]) Впрочемъ, такой участи подвергся не одинъ только куренскій причтъ. Такъ же, напр., случилось и въ селѣ Есмани, глухов. уѣзда, гдѣ роковщина послѣ 1844 года собиралась только въ половину, но и то съ „трудомъ и позоромъ“. (См. Ист.-Ст. оп. Черн. Еп. Арх. Филарета).

[3]) Оффиціально приняты здѣсь молдавскія названія селъ: с. Данкоуцы, волость Данкоуцкая, Романкоуцкая, а народъ (малороссы)—называетъ Данковська вол., Данкивци, Романкивци, Васькивци, а не Васькоуцы, Ходоровци, а не Ходороуцы.

[4]) Т. е. изъ Галичины, которую бессарабцы называютъ Нимеччыной.

[5]) Очевидно, здѣсь говорится о польскомъ возстаніи 1830 года, что подтверждается тѣмъ, что Антонъ Козакъ родился уже *въ Капливкѣ*.

Вотъ самый текстъ молитвы съ сохраненіемъ характерныхъ особенностей мѣстнаго нарѣчія «руснаковъ».

«За молытву Сьватыхъ Отецъ Нашыхъ, Господы прыйдитъ [1]) до насъ, веселы́тса въ насъ, очы́ститъ душу нашу. Прыйдимо поклонимса Царевы нашому Богу, прыйдимо, поклонимса и прыпадемо Хрысту Царевы Богу нашому. Сьватый Боже, Сьватый Крипкый, Сьватый Безсмертный помылуйте мене. Слава Отцу и Сыну и Духу и ныни и присное ви́кы ви́комъ, а́минь. Пресьватая Тройце, помылуйте мене. Оче нашъ, оже есы въ небесахъ, да сьватытся имня Твое, да прыйде царство Твое небесне, да буде воля Твоя, яко на небесахъ и на земны, хлибъ нашъ нашушный дайте намъ денесъ, оставы́ намъ довжныкомъ нашымъ и не веды насъ оскушéного, избавы́ насъ облукавого, а́минь.—Матеръ Божа, чесни́щою херувымъ,родчую сущую Богородычку. Богородычко, Тебе, Диво, величаемо, Тоби ся поклоняемо —Вирую въ едынóго Бога Суса Хрыста и Сына Божого народного, Отца рожденого, нагла́щую пророкы одыну́ю и сьватую себорную напостольску церкву. Исповидую хрещеные всихъ гриховъ мóихъ. Чаю оскресеные мертвыхъ и жызныхъ, оду́щую вика́ викóмъ, аминь. Господы ослаби́тъ, Господы прости́тъ мене, согрѣшеные мóе невольное же вольныхъ мóщыхъ сéмня и прости́тъ яко ва́ры Богъ чоловика любецъ.—Сьватый Отче Ныколаю, скорый помошныку, заступитъ мене, борони́тъ мене видъ панскои ка̀рносты, видъ людскои ненавысты, заступи́тъ мене до кинца жытя мóго.—Першый артыкулъ: ростворывъ небо и землю и невыдымо добрымъ людемъ платы́тъ (замисть «пла́тыть»), а злыхъ пекломъ караемо. Другый арты́кулъ: О, Тройце сьватая! Третый арты́кулъ: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ пры сóби идéнъ Богъ. Четвертый арты́кулъ: и стався Сусъ, Сынъ Божый, чоловикомъ и давса мучыты на хресты прыбыты за насъ гришныхъ.—Маемо десятеро Божыхъ прыказаный. Перше прыказаня: абысь не мавъ инчыхъ богивъ, бо есть истынъ Богъ. Втóре: не называй Бога надаремне. Трете: сьваткуй -день сьватый и недилю. Четверте: шануй отца-матиръ свóю. Пьяте: не вбый.

---

[1]) Характерно, что къ Богу и св. Николаю обращается въ молитвѣ на „Вы", а не на „Ты".

Шесте: не вкрадь. Семе: не жулой свидкомъ пальчывымъ [1]) прыблыжымо. Десяте: не пожадай ни вола, ни осла, ни судныци, ни хрещеныя ́ере помазáныя, трете харысту покута ее мажáху».

Эта «молитва» лишній разъ можетъ подтвердить, что отсутствіе Св. Писанія на малорусскомъ языкѣ составляетъ огромный тормазъ для просвѣщенія народа въ духѣ истиннаго христіанства. Вѣдь старики, подобные Антону Козаку, встрѣчаются сплошь и рядомъ, и обучаютъ своихъ дѣтей подобнымъ «молитвамъ». Правда, въ настоящее время, съ развитіемъ школьнаго обученія, часть дѣтей изучаетъ молитвы въ школѣ, по печатнымъ руководствамъ, но вредъ отъ такого изученія все-таки очень великъ, такъ какъ молитвы эти написаны на славянскомъ языкѣ, непонятномъ для народа. При такихъ условіяхъ народъ, не понимая точнаго смысла молитвъ, будетъ коверкать ихъ на разные лады. Смѣемъ думать, что отъ перевода священныхъ книгъ на малорусскій языкъ религіозность малорусскаго народа нисколько не пострадала бы, а сдѣлалась бы только болѣе сознательной, осмысленной.

Вл. Яблоновскій.

Текущія извѣстія.

Ходатайство о постановкѣ памятника Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ. Въ Золотоношскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи послѣдней сессіи (15—18 сент. 1904) между прочимъ обсуждался докладъ Управы «О сооруженіи памятника поэту Т. Г. Шевченку». Докладъ этотъ выраженъ былъ въ такой формѣ.

25 февраля 1914 года истекаетъ 100 лѣтъ со дня рожденія народнаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка. Этотъ славный въ исторіи малороссійской литературы день слѣдовало-бы ознаменовать сооруженіемъ памятника поэту, грустная муза котораго

---

[1]) Т. е. фальшивымъ, ложнымъ. Непонятныхъ словъ Антонъ Козакъ не могъ объяснить, самъ не знаетъ. Этой молитвѣ научился онъ отъ своего отца.

Молитва къ св. Николаю создалась еще при крѣпостномъ правѣ, „за панщины.“

близка и понятна какъ простолюдину малороссу, думы и чувства котораго она воплотила въ поэтическія формы, создала ему пѣсню, составляющую и нынѣ гордость Малороссіи, такъ и интеллигенту, которому она, кромѣ пѣсни, кромѣ поэтическихъ образовъ, дала простой и чистый, какъ сама поэзія Тараса Григорьевича, украинскій литературный языкъ.

Помимо нравственнаго долга передъ памятью Т. Г. Шевченка, выступить съ иниціативой сооруженія памятника ему у золотоношскаго земства есть еще и формальный поводъ. 22 года тому назадъ Н. С. Кулябка вошелъ въ полтавское губернское земское собраніе съ предложеніемъ ассигновать 1000 рублей на образованіе капитала, за счетъ % съ котораго могла-бы исправляться и содержаться въ порядкѣ могила поэта. Предложеніе это встрѣтило сочувствіе и Собраніе, ассигновавъ для этой надобности 500 руб. и открывъ, кромѣ того, подписку въ полтавской губерніи, постановило передать образовавшійся такимъ путемъ капиталъ золотоношской земской управѣ, прося ее озаботиться поправкою могилы поэта Шевченка, согласно предсмертному его желанію.

На ассигнованные губернскимъ земствомъ 500 руб. и собранные имъ по подпискѣ 180 руб. золотоношская земская управа, въ лицѣ бывшаго предсѣдателя ея И. В. Тоцкаго, въ періодъ съ 1883-го по 1886-й годы исправила могилу, на которой впослѣдствіи почитателями Тараса Григорьевича былъ поставленъ надгробный памятникъ, составляющій пока единственное вещественное проявленіе общественнаго вниманія къ памяти великаго малороссійскаго поэта. Заботы о поддержаніи могилы и памятника и по настоящее время лежатъ на золотоношскомъ земствѣ, въ распоряженіи котораго состоитъ для этой надобности капиталъ въ суммѣ 237 руб. 94 коп.

Полагая, что мысль о сооруженіи памятника родному поэту встрѣтитъ сочувствіе золотоношскаго земскаго Собранія, управа позволяетъ себѣ предложить ему:

1) Образовать для этой надобности спеціальный капиталъ, путемъ ежегоднаго ассигнованія по 100 руб.; 2) испросить разрѣшеніе на открытіе при золотоношской земской управѣ подписки съ этой-же цѣлью; 3) избрать коммиссію для выработки проекта памятника и исполненія другихъ дѣйствій по сооруженію его.

Мѣстомъ постановки памятника управа полагала-бы избрать г. Кіевъ.

Докладъ этотъ почти единогласно (за исключеніемъ одного голоса) былъ принятъ весьма сочувственно, при чемъ въ коммиссію оказались избранными: предсѣдатель управы С. В. Лукашевичъ и гласные—И. В. Лучицкій и В. П. Науменко.

Родственники Т. Г. Шевченка. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ «Биржев. Вѣдом.» (№ 458) статья И. К. Пархоменка, въ которой онъ разсказываетъ о встрѣчѣ своей въ этомъ году съ двумя родичами нашего славнаго кобзаря: одинъ изъ нихъ—троюродный племянникъ Григ. Лаврент. Шевченко, а другой—внукъ родной сестры кобзаря—Бойко. Послѣдній, находясь въ настоящее время въ Черниговской больницѣ, въ отдѣленіи душевно-больныхъ, намъ хорошо извѣстенъ съ его горестной судьбой. Описаніе встрѣчи съ нимъ г. Пархоменка ничего особенно интереснаго не представляетъ, почему мы и не будемъ воспроизводить ее. Что-же касается Григ. Лавр. Шевченка, то его разсказы касаются воспоминаній о встрѣчахъ съ Т. Г. Шевченкомъ, которыя мы перепечатываемъ цѣликомъ.

Путешествуя въ этомъ году по разнымъ губерніямъ Россіи, я побывалъ и въ своей «Черниговщинѣ», гдѣ незабвенный поэтъ Тарасъ Шевченко когда-то имѣлъ «щирыхъ» друзей.

Родные берега красавицы Десны и живописно-уютный древній Новгородъ-Сѣверскъ—стоятъ въ той же неприкосновенной и архаической красотѣ, въ какой я зналъ ихъ еще въ пору дѣтства.

Въ Шосткѣ, первой желѣзнодорожной станціи отъ Пироговки по направленію къ Конотопу, мнѣ удалось въ одной семьѣ встрѣтить популярную въ губерніи личность, Григорія Лаврентьевича Шевченка, родственника поэта.

Сѣдой, съ подстриженной бородкой, съ карими привѣтливыми глазами, симпатичный старикъ охотно вступилъ со мной въ разговоръ. И даже попозировалъ мнѣ: я сдѣлалъ съ него карандашный набросокъ.

— Давно-ли вы въ черниговской губерніи?—распрашивалъ я.

— А якъ же... все время, сколько живу на свѣтѣ. Мнѣ уже больше семидесяти лѣтъ; беззубый совсѣмъ,—отвѣчалъ онъ съ добродушной улыбкой.

— А гдѣ ваше постоянное мѣсто жительства?

— Въ Глуховѣ. Тамъ я уже тридцать третій годъ. А сюда пріѣхалъ только рояли чинить. Я ихъ по всей губерніи чиню.

— Знакомы съ этимъ дѣломъ?

— Ого!...—Онъ съ гордостью ухмыльнулся.—На этомъ дѣлѣ чорта съѣлъ. Самъ дѣлаю рояли. Вотъ Дробышевскому сдѣлалъ, не нахвалится...

— Говорятъ, вы родственникъ Тараса Григорьевича?

— А якъ же: его батько и мой дѣдъ были двоюродными братьями.

— Вы его видѣли?

— Тараса Григорьевича? бачывъ. Мнѣ тогда было лѣтъ двадцать съ чѣмъ-то. У Забѣллы это случилось, въ хуторѣ Сорокѣ, около Борзны.

По лицу старика пробѣжала улыбка, чуть замѣтно вздрагивали сѣдые подстриженные усы. Я залюбовался имъ: какой симпатичный хорошій дидъ!

— Помню, какъ онъ пріѣхалъ изъ Борзны на лошадяхъ Забѣллы,—говорилъ старикъ съ оживленіемъ.—Въ армякѣ, въ барашковой шапкѣ. Не могу только вспомнить, когда это было, весной или осенью. Холодновато было и грязно. У Забѣллы тогда были гости: помѣщикъ Кандыба, шаповаловскій священникъ и оттуда же становой приставъ Безухій. Позвалъ меня Забѣлло въ свою компанію и подвелъ къ Тарасу Григорьевичу.—«Дывысь, твой дядько вернувсь. Бачъ—якый». А ему сказалъ: «Це Лаврентіевъ сынъ, тоби племянникъ». Тарасъ Григорьевичъ меня поцѣловалъ и, узнавъ, что я уже женатъ, шутѣйно ругнулъ, потомъ сталъ разспрашивать о родичахъ. За столомъ Тарасъ Григорьевичъ разсказывалъ, какъ онъ былъ въ ссылкѣ. «Першъ посадылы мене у якусь яму, хай-бы вона була згынула! и надъ ней поставылы чорного, якъ сатана въ пекли, сторожа зъ горбатымъ носомъ и зъ мяломъ въ рукахъ, доглядать, шобъ, часомъ буває, я не втикъ. А той—знай соби—ходе по-надъ ямой, та, якъ дурень, мяломъ махае. И хочъ-бы тоби слово зъ устъ выпустывъ,—неначе воды въ ротъ набравъ. Должно буть ему не велѣно було зо мною балакать. А потымъ того поперлы мене на Кавказъ [1]), де я цилыхъ девять рокивъ вирой и правдой служывъ Царю и отечеству». «Та видали жъ, видали»,—смѣялся становой, намекая на портретъ Тараса Григорьевича въ солдатской шинели, въ кандалахъ и при кавказской обстановкѣ, съ надписью: «Якъ бачыте»,—который тутъ же на стѣнѣ, и висѣлъ. Этотъ портретъ Тарасъ Григорьевичъ нарисовалъ и какимъ-то хитрымъ путемъ прислалъ Виктору Николае-

---

[1]) Очевидно, разсказчикъ понятіе о Кавказѣ расширяетъ очень далеко.

Ред.

вичу съ Кавказа какъ разъ въ то время, когда отъ всѣхъ почему-то скрывалось, гдѣ онъ и что съ нимъ, и въ особенности, что онъ въ солдатахъ. Тарасъ Григорьевичъ на минуту поднялъ глаза къ портрету, и я замѣтилъ, какъ его брови слегка шевельнулись, и дрогнули сѣдоватые усы. «Кандыба!» хлопнулъ онъ вдругъ Кандыбу по плечу, да такъ, что тотъ ажъ пригнулся, «давай выпьемъ»! «Не пью», отказался тотъ. Тарасъ Григорьевичъ разсмѣялся. «Оттака рожа, та щобъ не пыла—не вирю»! «Ну, давай, колы не виришь», согласился Кандыба. И выпили.

— Хорошо выпили?

— О-о... здорово выпили! въ особенности, Безухій: тотъ въ концѣ концовъ ажъ подъ столъ свалился.

— А Тарасъ Григорьевичъ какъ?

— Ничего. Онъ крѣпче всѣхъ оказался. Ѣлъ все маринованные огурцы, да хвалилъ за нихъ хозяйскую экономку. Подмаргивалъ ей. А она, чортово зелье, и красавица была, цыганка!... Пѣла хорошо! Такъ славно, чортово зелье, пѣла, что ажъ...

Григорій Лаврентьевичъ замолчалъ и, очевидно, отдался воспоминаніямъ о пѣсняхъ цыганки.

— Что вы еще помните о Тарасѣ Григорьевичѣ?—спросилъ я.

— Пожалуй, что ужъ больше ничего. Это вотъ все, что удержалось въ моей сѣдой головѣ. А было много кой-чего въ ней да повылѣзло, забылъ. Только самого Тараса Григорьевича ни на минуту не забывалъ. Такъ врѣзался въ память, что живымъ стоитъ предъ моими глазами и теперь. И голосъ его до сихъ поръ слышу.

Ты не лукавыла зо мною,
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Сироми стала. Ты взяла
Мене, маленького, за руку
И въ школу хлопця одвела
До пьяного дьяка въ науку

— Меня только удивляло,—добавилъ старикъ,—и до сихъ поръ не знаю, какъ случилось, что его отецъ попалъ въ крѣпостные. Весь нашъ родъ козацкаго званья, и дѣдъ Тараса Григорьевича, родной братъ моего прадѣда, былъ козакъ.—

Я позавидовалъ старику. Онъ видѣлъ Тараса Григорьевича, говорилъ съ нимъ, сохранилъ въ памяти его образъ и до сихъ поръ слышитъ его голосъ.

Вечеромъ я слушалъ малороссійскія пѣсни. Въ домѣ, противъ того, гдѣ я остановился, собралась интеллигентная молодежь. Сильный дѣвичій голосъ запѣвалъ слова Шевченка:

На що мени чорни бровы,
На що кари очи,

а за ней остальные хоромъ подхватывали:

На що лита молодіи,
Весели, дивочи.

И чудилось, что гдѣ-то тутъ, близко, стоитъ и слушаетъ, и думаетъ свои думы самъ Тарасъ Григорьевичъ. Стоитъ такимъ, какимъ я видѣлъ его въ Петербургѣ, у Данилы Лукича Мордовцева, на большущемъ портретѣ—во весь ростъ, съ непокрытой головой, съ кобзой въ рукѣ.

Чествованіе памяти М. А. Максимовича. Въ столѣтнюю годовщину со дня рожденія М. А. Максимовича (3 сент. 1804 г.), кромѣ цѣлаго ряда періодическихъ изданій, посвятившихъ памяти покойнаго болѣе или менѣе обширныя статьи, помянули его тѣмъ или другимъ способомъ и нѣкоторыя общественныя учрежденія. Такъ, Кіевскій университетъ, въ которомъ М. А. Максимовичъ былъ первымъ ректоромъ, отслужилъ панихиду въ университетской церкви. Историческое общество Нестора-Лѣтописца въ Кіевѣ посвятило памяти его особое засѣданіе 12 сентября, гдѣ были прочитаны слѣдующіе доклады: 1) «М. А. Максимовичъ, его личность и заслуги передъ наукой этнографіи»—сообщилъ членъ Общества В. П. Науменко; 2) «Труды Максимовича по литературѣ и языкознанію»—сообщ. проф. Лобода; 3) «Заслуги Максимовича, какъ историка»—сообщ. проф. П. В. Голубовскій; 4) «Письмо Максимовича къ Кулишу»—сообщ. членъ Общества И. М. Каманинъ. Почтило также память М. А. Максимовича, какъ своего земляка-золотоношца, Золотоношское земское собраніе послѣдней сессіи: по предложенію гласнаго В. П. Науменка, собраніе единогласно постановило учредить въ с. Прохоровкѣ, гдѣ бо́льшую часть своей жизни прожилъ Максимовичъ и гдѣ находится его могила, народную безплатную библіотеку-читальню его имени.—Тамъ-же, въ с. Прохоровкѣ, на Михайловой

горѣ, 3-го сентября устроено было и скромное, семейное поминовеніе его: въ присутствіи сына М. А. Максимовича, небольшого круга родныхъ и близкихъ знакомыхъ, мѣстнымъ священникомъ отслужена была на могилѣ его панихида.

Малорусское слово въ оффиціальныхъ телеграммахъ. Во многихъ газетахъ было помѣщено слѣдующее извѣстіе, касающееся современныхъ событій войны. «Начальникомъ Кубанской области и наказнымъ атаманомъ Кубанскаго козачьяго войска, по словамъ «Кавказа», получена изъ Либавы отъ его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича слѣдующая телеграмма: «Атаману Кубанскаго козачьяго войска съ товарищи и войску. «Гей, не дывуйте, добріи люде, шо на Вкраини повстало». Только что зачисленный въ списки русскаго флота крейсеръ «Кубань», въ день перваго подъема военнаго флага, шлетъ свой привѣтъ славнымъ потомкамъ запорожцевъ—защитникамъ родины и вѣры, твердо обѣщаетъ поддержать честь славнаго имени, которое крейсеръ носитъ».

Въ отвѣтъ на эту телеграмму были посланы наказнымъ атаманомъ телеграммы Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михайловичу съ выраженіемъ искренней признательности и горячихъ пожеланій скорѣйшей славной боевой дѣятельности родного крейсера и командиру крейсера «Кубань», капитану 2 ранга Маньковскому, заканчивающіяся слѣдующими словами: «Маемо певну надію, що видъ васъ, юнакы, ни одынъ ворогъ не вкрыется. Рубайте имъ мечемъ головы зъ плечей, а решту топить водою».

Еще о церковныхъ поученіяхъ на малорусскомъ языкѣ. Въ № 9 нашего журнала мы напечатали, на основаніи отчета преосвящ. Амвросія, викарнаго епископа Кременецкаго, о проповѣдяхъ его на малорусскомъ языкѣ. Въ дополненіе къ этому прибавимъ теперь, что, какъ сообщаетъ «Почаевскій Листокъ» (№ 34-й, 22 авг. 1904 г.), наканунѣ праздника Успенія, 14 августа, преосвященный Амвросій говорилъ за поздней обѣдней проповѣдь на малорусскомъ языкѣ.— Кромѣ того, 29 авг. въ Кременцѣ торжественно хоронили сына мѣстнаго протоіерея, только что окончившаго курсъ Петерб. Дух. Академіи, Иларіона Туркевича. Въ похоронахъ принималъ участіе преосвященный Амвросій и все Кременецкое духовенство. Говорилось

много рѣчей; въ числѣ другихъ говорилъ и родной братъ умершаго, священникъ русской миссіи въ Сѣв. Америкѣ, Венедиктъ Туркевичъ. Его живое, одушевленное слово, на малор. языкѣ, произвело особенно сильное впечатлѣніе. Отрывокъ изъ него приведенъ въ статьѣ, посвященной памяти умершаго Илларіона Туркевича и помѣщенной въ 27 № «Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

По поводу такихъ случаевъ малорусскихъ церковныхъ поученій газ. «Русь» (№ 282) замѣчаетъ: «Поученія на малорусскомъ языкѣ— большое новшество. До сихъ поръ священниковъ обязывали говорить или, вѣрнѣе, считывать свои проповѣди не иначе какъ по-русски. Прихожане, бесѣдующіе со своимъ пастыремъ обыкновенно по-малорусски, въ церкви вдругъ слышали его русскую рѣчь, съ цѣлымъ рядомъ непонятныхъ для нихъ словъ, и проповѣдь не производила никакого впечатлѣнія. Вопросъ языка еще очень новъ для насъ и въ немъ мы боимся сдѣлать шагъ въ сторону отъ привычныхъ тропъ. Думаемъ, для успѣховъ русской государственности и самого русскаго языка и литературы было бы полезнѣе всего побольше имѣть вѣры и въ живую силу русскаго языка, и въ воспитательную и побѣждающую силу русской литературы. Русскій языкъ нужно проводить, какъ средство объединенія государства; но нигдѣ не навязывать. Побольше вниманія къ бытовымъ условіямъ мѣстностей и побольше свободы самому русскому слову...

Памятникъ и могила Котляревскаго. Въ ужасномъ состояніи находится могила поэта Котляревскаго въ Полтавѣ.

Намогильный памятникъ поэта обновленъ, приведенъ въ болѣе или менѣе надлежащій порядокъ, вокругъ обнесена небольшая бѣленькая оградка. Но дѣло въ томъ, что кладбище со стороны Екатерининской ул. совершенно не огорожено, и памятникъ, такимъ образомъ, находится у самой дороги, отдѣленной отъ него небольшой канавой; канава эта у самаго памятника служитъ (жутко сказать) «отхожимъ мѣстомъ»—надо полагать, для кладбищенскихъ молодцовъ и проходящей мимо простонародной публики... Мало того, что ровъ, но и самая ограда вокругъ памятника поэта обращена въ такое же самое «отхожее мѣсто», такъ что отъ зловонія и чувства гадливости, отвращенія не у многихъ хватитъ силъ подойти къ этой святынѣ Украины...

Памятникъ поэта обезображенъ также тѣмъ, что вокругъ него проведены телефонныя проволоки. («Екатер. Лист. № 390»).

Открытіе школы имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Въ началѣ сентября состоялось торжество открытія школы имен. Котляревскаго во временномъ наемномъ помѣщеніи, на т. н. Берековкѣ. Въ 12 часовъ дня тамъ былъ отслуженъ молебенъ. На молебнѣ присутствовали нѣкоторые гласные, а также всѣ ученики и ученицы новой школы. За чаемъ, предложеннымъ собравшимся, з. м. городского головы Г. И. Маркевичъ передалъ выраженное ему начальникомъ губерніи сожалѣніе о невозможности быть на открытіи, въ виду отъѣзда изъ города, и пожеланіе его сіятельства развитія и процвѣтанія новому разсаднику народнаго просвѣщенія въ Полтавѣ. Пока открывается лишь младшее отдѣленіе; комплектъ учащихся, опредѣленный въ 40 человѣкъ, уже полонъ, тѣмъ не менѣе продолжаютъ ежедневно поступать новыя просьбы, которыя, конечно, приходится отклонять. Значительный процентъ зачисленыхъ дѣтей, принадлежитъ къ окрестному населенію. Вообще школа въ этомъ мѣстѣ будетъ больше обслуживать уѣздъ, нежели городъ.

Въ будущемъ году закончится постройка зданія для школы имени Котляревскаго на Подолѣ, а открытая на Берековкѣ школа, тѣмъ не менѣе, нужно думать, будетъ продолжать свое существованіе, хотя бы уѣздное земство и не согласилось взять на себя ея содержаніе.

Результаты базара-гулянья „Сорочинскій ярмарокъ“ [1]). Въ устроенное распорядителями гулянья засѣданіе участниковъ послѣдняго, для выслушанія отчета, собралось 60—70 лицъ, т. е. почти всѣ принимавшіе въ той или иной формѣ участіе въ гуляньѣ. Выяснилось, что чистая выручка отъ гулянья достигаетъ 1040—1050 р. Тутъ-же въ собраніи выражены нѣкоторыя пожеланія, формулируемыя въ запискѣ устроителей, переданной городск. управѣ для представленія думѣ, въ такомъ видѣ: сборъ съ гулянья долженъ поступить исключительно на художественную отдѣлку зданія для школы имени Котляревскаго въ украинскомъ стилѣ, а 10%, если будутъ остатки, должны составлять фондъ на устройство при школѣ музея имени Котляревскаго.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ № 9, отд. 2-й, стр. 92—96.

Училище имени Богдана-Хмельницкаго. Вслѣдствіе представленія кіевскаго учебнаго округа, по возбужденному уполномоченными общества крестьянъ с. Субботова, чигиринскаго уѣзда, ходатайству о присвоеніи мѣстному двухклассному училищу наименованія—«Субботовское имени Богдана Хмѣльницкаго двухклассное министерское училище», министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено присвоить названному училищу просимое наименованіе.

Портретъ Мазепы. Ходятъ слухи, что въ слободкѣ Сыроваткѣ, харьковской губ., у одного изъ крестьянъ найденъ портретъ гетмана Мазепы. Портретъ писанъ масляными красками и носитъ всѣ черты старой кисти. На портретѣ имѣется надпись древнимъ церковно-славянскимъ шрифтомъ: „Ясновельможный гетманъ Иванъ Степановъ Мазепа“. Какъ извѣстно, районъ шведской войны очень близко подходилъ къ Сумамъ, хотя военныя дѣйствія происходили преимущественно въ сосѣднихъ уѣздахъ: лебединскомъ и ахтырскомъ. Въ Сумахъ сохранилось преданіе о пребываніи здѣсь императора Петра I, Меньшикова и др. Все это даетъ возможность предполагать, что найденный портретъ относится ко времени гетмана Мазепы и, что весьма возможно, писанъ съ оригинала. („Полт. Вѣстн.“ № 572).

Къ тысячелѣтію г. Переяслава. Въ г. Переяславѣ возникъ вопросъ о праздновании тысячелѣтія этого города. Но затѣмъ явились затрудненія по вопросу о томъ, къ какому именно времени отнести празднованіе этого юбилея. Мнѣнія историковъ о времени основанія Переяслава сильно расходятся: основаніе его относятъ то къ временамъ Владиміра Святого, то къ самому началу X вѣка, то (и это ближе всего къ истинѣ) къ временамъ до-историческимъ, какъ и основаніе Кіева, Новгорода, Чернигова и др., которые, безъ сомнѣнія, возникли во время глубочайшей древности, еще до появленія на Руси князей-варяговъ. Въ виду этого Полтавская ученая архивная коммиссія обратилась къ Историческому обществу Нестора Лѣтописца съ ходатайствомъ обсудить и разрѣшить вопросъ, когда надлежитъ праздновать тысячелѣтіе Переяслава. Общество Нестора-Лѣтописца постановило просить высказаться по этому вопросу своихъ членовъ: автора „Исторіи Переяславской земли“ Вас. Г. Ляскоронскаго, автора очер-

ковъ Переяславской старины А. В. Стороженка и профессора русской исторіи П. В. Голубовскаго.

Правда-ли это? Въ „Бирж. Вѣд.“ (№ 458) И. К. Пархоменко, разсказывая о своемъ посѣщеніи въ этомъ году Чернигова, между прочимъ говоритъ о музеѣ В. В. Тарновскаго и жалуется на слишкомъ большой формализмъ, примѣняемый къ посѣтителямъ его.

«Жаль только, говоритъ онъ, что о существованіи этого интереснаго музея, проживъ въ Черниговѣ болѣе недѣли, я узналъ лишь наканунѣ своего отъѣзда, и то случайно, и попалъ въ него за полчаса до закрытія.

Обратился, было, я къ живущему при музеѣ смотрителю съ просьбой, чтобъ онъ разрѣшилъ мнѣ осмотрѣть музей съ шести часовъ вечера, когда, какъ гласитъ вывѣшенное въ музеѣ объявленіе, въ музей допускаются лица, желающія въ немъ „заниматься“, но смотритель предложилъ мнѣ пойти въ управу и принести оттуда письменное разрѣшеніе.

— Да, вѣдь теперь уже три часа, а въ управѣ занимаются до двухъ; я тамъ никого не застану. Завтра же я уѣзжаю изъ Чернигова. И, если вы не окажете мнѣ любезности и не позволите осмотрѣть музей сегодня, я лишусь громаднаго удовольствія и при томъ удобнаго случая дать въ печати нѣсколько интересныхъ строкъ о немъ.

— Принесите мнѣ изъ управы бумагу,—стоялъ на своемъ смотритель,—тогда допущу, а такъ не желаю».

Правда-ли это?—приходится спросить намъ отъ себя.

Ученые труды мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, представленные къ полученію золотой медали. На предложеніе Высочайше учрежденнаго комитета по завѣдыванію Московскимъ музеемъ прикладныхъ знаній рекомендовать авторовъ, достойныхъ быть награжденными золотой медалью за научно-литературные труды по сельскому хозяйству, Полтавское сельско-хозяйственное Общество представило на-дняхъ помощника директора мѣстнаго опытнаго поля С. Ф. Третьякова за составленную имъ книгу: „О кормовыхъ травахъ“ и другія научныя труды и *землевладѣльца полтавской губерніи Е. Х. Чикаленка* за цѣлый рядъ популярныхъ брошюръ по сельскому хозяйству,

изданныхъ имъ почти въ количествѣ 200 тысячъ экземпляровъ на малорусскомъ и молдавскомъ языкахъ (на послѣднемъ языкѣ издано Бессарабскимъ губернскимъ земствомъ).

Новые труды книгоиздательства „Викъ“. Кіевское книгоиздательство „Викъ“ выпускаетъ одинъ за другимъ превосходные сборники разсказовъ и стихотвореній современныхъ малороссійскихъ писателей; сборники большей частью, богато украшены талантливо исполненными иллюстраціями. Недавно выпущенъ въ продажу огромный литературный сборникъ на украинскомъ языкѣ „На вичну память Котляревському“, посвященный памяти родоначальника и творца новѣйшей украинской литературы. Въ этомъ юбилейномъ изданіи участвуютъ своими произведеніями множество лучшихъ украинскихъ писателей, какъ напримѣръ: Мордовець, Мырный, В. Потапенко, Самійленко, Славинськый, Стефаныкъ, Тобилевичъ (Карпенко-Карый), Леся Украинка, Иванъ Франко, Чернявськый, Яновська, Г. Барвинокъ, Билоусенко, Бобенко, Винниченко, Бордулякъ, Волохъ, Грабовськый, Вороный, Грынченко (Чайченко), Грыгоренко, Доманыцькій, Доброхольскій, Кобрыньска, Коныськый, Коцюбинськый, Левицькый, Маковей и др.

Новый украинскій альманахъ. Въ Одессѣ печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ украинскій альманахъ «Багаття» подъ редакціей И. Липы. Въ альманахѣ этомъ принимаютъ участіе слѣдующіе авторы: Волохъ, Вороный, Вороньkивськый, Гринченко, Гротъ, Днипрова Чайка, Карманскій, Кибальчичъ, Кобыляньска, Коваленко Гр., Колцунякъ, Левицькый Мод., Лепкый, Лозинськый, Луцькый, Мандычевськый, Маковей, Максименкова, Мырный, Олесь, Павленко, Плющъ, Пятка, Полтавка Нат., Романова, Ткаченко, Хоткевичъ, Чернявськый, Яновська, Франко.

По постановленію Ученаго Комитета Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, утвержденному г. министромъ 24 минувшаго іюля, составленныя В. И. Василенко брошюры: 1) «Къ вопросу о толковомъ словарѣ Украинской народной терминологіи», и 2) «Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по

полтав. губ. (отдѣлы I, II, III—кустарные промыслы, сельское хозяйство и землевѣдѣніе, поговорки и изреченія), *допущены* въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

К. А. Тобилевичъ. *(Некрологъ)*. 9-го сентября, въ 9 часовъ утра въ имѣніи извѣстнаго малорусскаго драматурга И. К. Карпенка-Караго «Надеждовкѣ», елисаветградскаго уѣзда, херсонской губ., скончался простой крестьянинъ Карпъ Адамовичъ Тобилевичъ.

Это имя станетъ особенно дорого всѣмъ любителямъ малорусскаго театра, если они узнаютъ, что скончавшійся на 87 году своей трудовой жизни старецъ не кто иной, какъ родной отецъ талантливаго тріумвирата И. К. Карпенка-Караго, Н. К. Садовскаго и А. К. Саксаганскаго.

Болѣе полувѣка тому назадъ этотъ простой «хохолъ» своимъ недюжиннымъ умомъ дошелъ до того, что дѣтямъ надо дать образованіе, чтобы изъ нихъ вышли люди.

Будучи самъ неграмотнымъ, не зная другой работы, кромѣ работы хлѣбопашца, онъ постарался вывести своихъ дѣтей на дорогу, и мы видимъ на его даровитыхъ сыновьяхъ, насколько онъ въ этомъ успѣлъ.

Этому «хлѣборобу» могъ позавидовать любой отецъ.

Знавшіе покойнаго отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ рѣдкаго ума. Онъ былъ, если можно такъ выразиться, ходячей энциклопедіей народной мудрости.

Обладая колоссальной памятью, К. А. былъ живымъ хранилищемъ народной поэзіи, сказаній, легендъ и пр.

Умеръ онъ совершенно неожиданно, такъ какъ до конца дней сохранилъ крѣпость тѣла и духа, и посѣтившій его въ Надеждовкѣ внукъ, поручикъ Юрій Тобилевичъ, писалъ въ Екатеринославъ своему отцу Карпенку-Карому отъ 7 сентября, что «дѣдушка живъ и здоровъ».

И. А. Загорскій. *(Некрологъ)*. Въ Екатеринославѣ скончался одинъ изъ лучшихъ малорусскихъ комиковъ *Иванъ Ананіевичъ Загорскій*, игравшій въ послѣднее время въ труппѣ А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго.

И. А. Загорскій, происходившій изъ потомственныхъ дворянъ г. Бобринца, херсонской губерніи, родился 14-го ноября 1858 года. Свою артистическую дѣятельность покойный началъ въ труппѣ Михайлова-Муравьева, откуда перешелъ въ г. Маріуполь, въ труппу Шаповалова. Пробывъ здѣсь до 1889 года, онъ перешелъ на малорусскую сцену и поступилъ въ труппу М. Л. Кропивницкаго, гдѣ подвизался нѣсколько лѣтъ, пока, въ 1900 году, корифеи малорусской сцены И. К. Карпенко-Карый Н. К. Садовскій, А. К. Саксаганскій и М. Л. Кропивницкій не соединились въ одну труппу. Съ тѣхъ поръ И. А. оставался все время въ труппѣ А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго. Въ ноябрѣ 1903 года И. А. Загорскій серьезно заболѣлъ и никакъ уже не могъ оправиться. Своей добротой и отзывчивостью покойный снискалъ себѣ въ средѣ товарищей и сослуживцевъ прочную любовь и уваженіе. У публики И. А., въ теченіе 20-ти лѣтъ сценической дѣятельности переигравшій массу ролей изъ русскихъ и малорусскихъ пьесъ, пользовался вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ.

Библіографія.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. *Годъ 9, Кіевъ 1903 г.*

Составъ «Ежегодника» тотъ же, что и въ прошломъ году, только оффиціальная часть носитъ на себѣ характеръ большей дѣловитости. Такъ, въ этомъ отчетѣ нѣтъ тѣхъ desiderata, которыя раньше помѣщались изъ года въ годъ (и—вѣроятно не выполнялись); но за то изъ теперешняго отчета видно, что совѣтъ коллегіи является настоящимъ хозяиномъ своего дѣла, обративши вниманіе какъ на матеріальныя средства заведенія, такъ и на его духовное развитіе: составлена изъ членовъ совѣта особая коммиссія для улучшенія и приведенія въ порядокъ обширнаго хозяйства коллегіи, при чемъ понадобилось совѣту выступать съ ходатайствомъ въ подлежащія сферы объ учрежденіи новой должности помощника директора по хозяйственной части. До удовлетворенія этого ходатайства совѣтомъ сдѣлано слѣдующее: составленъ инвентарь, улучшена бухгалтерія, усиленъ контроль, сокращены расходы, а потому и увеличились доходы. Учебно-воспитательная дѣятельность совѣта только намѣчена: рѣшено пригласить 2-хъ помощниковъ воспитателей—француза и нѣмца—для практическаго ознакомленія воспитанниковъ съ этими языками; задумано пересмотрѣть инструкцію по учебно-воспитательной части и опредѣлено «для развитія самостоятельнаго педагогическаго дѣла въ Россіи» (§ 2 Устава Коллегіи) издавать съ 1905 г. спеціальный органъ «Педагогическая мысль».

Правленіе—по словамъ Ежегодника—«разсматривало всѣ текущія дѣла коллегіи съ надлежащею тщательностью и осмотрительностью». Изъ этой фразы не видно, положимъ, что́ въ минувшемъ году внесъ учебно-воспитательный персоналъ въ жизнь школы, но все же она утѣшительна.

Количество воспитанниковъ уменьшилось и въ этомъ году: къ 1903 г. ихъ было 62, теперь 57 (30 стипендіатовъ и 27 своекоштныхъ). По сословіямъ, къ какимъ принадлежатъ воспитанники, коллегія по прежнему остается школо́ю людей привилегированныхъ: изъ 57 воспит. 32—дѣти дворянъ, 12—городскихъ сословій, 9—духовнаго званія, 2 сельскихъ обывателей и 2 иностранца.

Главу подъ заглавіемъ «учебный годъ» можно оставить безъ разсмотрѣнія, такъ какъ она представляетъ перепечатку изъ отчетовъ прежнихъ лѣтъ, со старыми разсужденіями, въ которыхъ трудновато понимаются нѣкоторыя соображенія; напр., уроки танцевъ введены для выработки «навыка къ свободнымъ, ловкимъ и изящнымъ движеніямъ», а между тѣмъ уроки эти не обязательны, и Ежегодникъ не даетъ данныхъ, сколько воспитанниковъ учится танцовать. Ничего новаго не говорятъ главы «учебное дѣло» и «учебныя пособія».

Что касается финансовой стороны коллегіи, то тутъ сказалась работа совѣта: въ отчетномъ году изъ имѣній коллегіи (11545 дес.) получено 65899 р., т. е. на 4252 р. больше прошлогодняго, хотя и расходъ по этимъ имѣніямъ возросъ съ 23381 р. до 27120 р., т. е. почти на 4 т. р. больше, чѣмъ въ прошломъ году. Доходовъ по коллегіи было 148076 р., а расходовъ 80843 р. Слѣдуетъ думать, что доходовъ было бы значительно больше, если бы арендная плата за земли коллегіи была болѣе подходящею къ современнымъ цѣнамъ. Но видно, что коллегія благотворитъ своихъ арендаторовъ, какъ она благотворитъ своекошныхъ воспитанниковъ, взымая отъ нихъ ежегодно за обученіе и содержаніе по 750 р., а тратя на каждаго тысячу руб.

Отдѣлъ неоффиціальный складывается изъ слѣдующихъ частей:

I. Труды преподавателей. Здѣсь напечатано начало статьи А. Степовича, обѣщанной еще въ прошломъ году; «изъ этнографическаго матеріала» съ листикомъ нотъ. Приведено 6 малорус-

скихъ пѣсенъ и ноты къ нимъ. Далѣе идетъ Puschkiniania В. Каллаша, занимая довольно обширное мѣсто въ Ежегодникѣ (отъ 225 до 420 стр.).

II. Матеріалы. Въ этомъ отдѣлѣ перепечатаны изъ Ежегодника прошлаго года «свѣдѣнія о бывшихъ коллегіатахъ съ тѣми же ошибками, на какія указано въ прошломъ году; 2) приведенъ списокъ тѣхъ же коллегіатовъ по выпускамъ; 3) помѣщенъ некрологъ врача И. И. Янчепка (воспит. 11 выпуска); 4) списокъ всѣхъ лицъ, служившихъ въ коллегіи со дня ея открытія по 1901 г. (почему не до 1904 г.)?

б) Письма, воспоминанія и замѣтки.

«Письмо гр. Д. А. Толстаго къ Г. П. Галагану о томъ, что онъ не можетъ быть на открытіи коллегіи.

2) Письмо В. Я. Шульгина съ отказомъ отъ предлагаемаго ему мѣста директора коллегіи, потому что—по мнѣнію автора письма—«созданный коллегіумъ по самому свойству своему и цѣли—отыскивать лучшее—будетъ колоть глаза рутинѣ и потому станетъ въ положеніе eclesiae militantis. А вести эту борьбу прійдется директору. Вѣдь для этого нуженъ человѣкъ свѣжій, не утомленный и не потратившій желчи на изданіе «Кіевлянина».

3) Письмо А. С. Воронова о томъ, что опасенія Григ. Пав. получить награду за открытую имъ коллегію не сбудутся, хотя «Д. А. (Толстой) и И. Д. (Деляновъ) не понимаютъ, почему могла бы быть непріятна награда».

4) Четыре письма директора Григорьева (отъ 1872 г.) изъ Покорщины, гдѣ лѣтомъ проживали воспитанники и воспитатели на дачѣ. Авторъ подробно описываетъ образъ жизни, занятія, удовольствія воспитанниковъ, веденіе хозяйства и пр.

5. Некрологъ бывшаго воспитателя коллегіи П. П. Ермакова.

6) Оглавленіе статей Ежегодника съ 1900 г.

7) Три фотографіи; изъ нихъ двѣ—библіотеки коллегіи и одна изразцовыхъ печей въ Покорщинѣ.

8) Уставъ вспомогательной кассы для служащихъ въ коллегіи при выходѣ ихъ въ отставку. Это очень пріятная новинка, подражать которой слѣдовало бы всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, такъ какъ государственная пенсія слишкомъ мала; по этому

уставу, напр., директоръ, кромѣ государственной пенсіи, «получаетъ за 25 лѣтъ изъ коллегіи ажегодно 1 т. р., а воспитатель 800 р.

Заканчивается этотъ отдѣлъ тремя страницами опечатокъ, что можетъ быть поставлено на видъ корректору, а особенно, когда будетъ издаваться журналъ и когда корректура будетъ находиться въ тѣхъ же рукахъ.

Таково содержаніе Ежегодника. Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что составитель Ежегодника бросилъ перепечатываніе журнальныхъ отзывовъ объ Ежегодникѣ. Если бы онъ пересталъ перепечатывать невѣрныя свѣдѣнія о бывшихъ воспитанникахъ, а вмѣсто того побольше знакомилъ бы съ внутреннею жизнію того заведенія, какое—по словамъ В. Я. Шульгина—отыскиваетъ лучшее, то Ежегодникъ доставлялъ бы богатый матеріалъ для всѣхъ, кому дорого воспитаніе юношества. Теперь же эта 32-листная книга все-таки скудна учебно-воспитательнымъ матеріаломъ.

Н. Ш.

---

1) **Ворци за мріи**. *Драма на 5 дій И. А. Тогобочнёго. Выдано Вс. И. Гуртомъ. Харьковъ, 1903. № 13; стр. 1—139; in 16⁰. Цина 10 и 50 коп.*

2) **М. С. Терещенко**. *Орыся, драма въ 4 діяхъ. Черкассы, 1903, 1—94, in 16⁰. Цѣна 25 коп.*

3) **А. М. Грабина**. *«Мужычкы». Жартъ въ 1-й діи. Кіевъ, 1904, 1—35, in 16⁰. Цѣна 20 к.*

4) **Хома Воецъ**. *Въ кого серце щыре, той въ несчастяхъ гыне. Опера у чотырехъ діяхъ и пьяты картынахъ. Кіевъ, изданіе Т. Губанова, 1904, 1—108, in 16⁰. Цѣна 15 коп.*

Цѣлая серія драматическихъ произведеній: и драмы, и водевиль, и даже опера... Abondance des richesses! Но перейдемъ къ нимъ по порядку.

Г. Тогобочній—извѣстный драматическій писатель, пьесы котораго (кромѣ данной, напр. «Жыдивка выхрестка») давно уже извѣстны на украинской сценѣ. Драма «Борци за мріи» можетъ быть отнесена къ разряду пьесъ идейныхъ, заслуживающихъ извѣстнаго вниманія, и если бы не нѣкоторые крупные недо-

статки, то ее можно было бы поставить на ряду съ лучшими пьесами нашихъ немногихъ почтенныхъ драматурговъ. Однимъ изъ такихъ крупныхъ недостатковъ является все 4-ое дѣйствіе, гдѣ выведенъ, въ качествѣ носителя правды и всеобщаго благодѣтеля, земскій начальникъ,—фигура болѣе чѣмъ идеальная (въ томъ видѣ, какъ она изображена въ пьесѣ), благодаря чему въ нереальности цѣлаго дѣйствія никто не можетъ сомнѣваться. Очевидно, неловкость эту созналъ впослѣдствіи и самъ авторъ (или издатель), сдѣлавшій примѣчаніе: «Здебильшого 4-та дія зовсимъ не ставыться». Этакъ пожалуй и лучше! Мы же, съ своей стороны, подали бы благой совѣтъ не ставить еще и пятаго дѣйствія,—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь. Вообще пьеса въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ возбуждаетъ живѣйшій интересъ, напоминая содержаніемъ отчасти «Розумный и Дурень» и «Бурлаку» Карпенка-Караго; третье дѣйствіе, въ волости—съ идеальнымъ, честнымъ, неподкупнымъ писаремъ, говорящимъ почему-то только по-русски, портитъ уже первоначальное впечатлѣніе; четвертое, какъ мы упомянули, совершенно не реально, и въ пятомъ, въ общемъ вяломъ и скучномъ, вся соль въ мелодрамѣ, въ которой повторяется старая исторія Каина съ Авелемъ. Если бы авторъ потрудился, по указанію людей опытныхъ, значительно реставрировать свою пьесу, она могла бы имѣть несравненно большій успѣхъ, чѣмъ въ настоящемъ своемъ видѣ.

Драма г. Терещенка «Орыся» принадлежитъ къ категоріи тѣхъ литературныхъ произведеній, о которыхъ въ нашихъ интересахъ, лучше совсѣмъ умолчать: «шкода тратыть пѐра и папиръ». Это какая то ахинея, неизвѣстно почему названная украинской драмой, въ которой взведенъ тяжкій поклёпъ на ни въ чемъ неповинныхъ предъ г. Терещенкомъ украинскихъ дивчатъ, парубковъ и почтенныхъ старыхъ людей. А если къ этому прибавимъ еще милыя потуги на остроуміе, въ родѣ: «марнополька... чы... малахонька», «градушыльныкы» и т. п., то можемъ лишь выразить искреннее сожалѣніе, что писатели, подобные г. Терещенку, не переводятся, а пьесы ихъ «къ представленію дозволены» такого-то дня и числа... Впрочемъ, послѣднее еще не такъ опасно: г. Терещенко можетъ питать полную увѣренность въ томъ, что пьеса его не будетъ поставлена нигдѣ и никѣмъ въ мірѣ, исключая, конечно, случаевъ съ людьми психически ненормальными...

Г. Грабина написалъ «Мужычкы», «жартъ въ 1-й діи». Онъ уже много лѣтъ «жартуетъ» съ украинской литературой, снабжая ее въ нестерпимомъ количествѣ то собственными изготовленіями, то перекройками—напр., изъ Квитки-Основьяненка «Панъ-Халявскій». Въ данномъ случаѣ онъ, вѣроятно, плѣнился лаврами Чехова и пожелалъ обезсмертить себя насчетъ украинскихъ «мужычкивъ».

Останавливаться на «Мужычкахъ» не станемъ, и перейдемъ прямо къ «оперѣ» г. Хомы Бойця, имѣющей передъ другими операми прежде всего то преимущество, что заглавія ея хватило бы, по меньшей мѣрѣ, на пять оперъ: «Въ кого серце щыре, той въ несчастяхъ (sic!) гыне». Второе удобство этой оперы то, что партитуръ для нея не имѣется, поэтому—то, что полагается, по расписанію автора, пѣть, пой себѣ, какъ тебѣ больше нравится. Третья же цѣнная особенность этой оперы та, что собственно никакой оперы вовсе нѣтъ, такъ какъ авторъ не ясно себѣ представляетъ, что́ такое опера. Въ сущности, мы имѣемъ здѣсь драму со множествомъ пѣсней, но пѣсней не народныхъ, а все отъ чрева авторскаго, почему, вѣроятно, послѣдній и принялъ свое драматическое твореніе за оперу. Нельзя, впрочемъ, не сознаться, что нѣкоторыя изъ стихотвореній г. Бойця совсѣмъ недурны: стихъ легкій, безъискусственный, хотя языкъ иногда значительно портитъ довольно пріятное впечатлѣніе; изъ такихъ стихотвореній можемъ отмѣтить: «Ой у поли тамъ на воленьци» (стр. 15—16), «Ой майнула зиронька, та горою впала!» (стр. 48—49), «Доле, ты, доле наша убогая!» (стр. 75), «Ой зъ-за лису, лису темного» (стр. 89—90). Содержаніе драмы совсѣмъ не оригинально, дѣйствія въ ней крайне мало, финалъ мелодраматическій. Параллельно съ внутренними достоинствами идутъ и внѣшнія; прежде всего языкъ: «*выдъ* показуе юлыцю», «сховалось за выдъ», «по́казъ першый», писарь говоритъ «*лысяво*» (льстиво), очи и зори «стухлы» словно «болячка» или зерновой хлѣбъ, напр., просо; «тяжко здыхае» (т. е. зитхае). Но обложка драмы—верхъ совершенства: нашъ слабый языкъ не въ состояніи передать всей прелести потрясающей картины, гдѣ у убитаго писаря льется изъ бокового кармана алой струей кровь, а совершившій преступленіе (изъ-за любви, конечно) герой въ традиціонныхъ синихъ шароварахъ,

красномъ поясѣ, брылѣ и неизвѣстнаго фасона малорусской сорочкѣ, опустивъ руки по швамъ, умилительно устремилъ взоръ къ небу!

Въ общемъ же, какъ эта Губановской фирмы quasi-опера, такъ и упомянутыя драмы и жартъ, исключая впрочемъ драмы Тогобочнёго, являются тѣми сорными травами, «кукилемъ и зиноватью» на нашей драматической нивѣ, которыя неизбѣжно произрастаютъ на всякомъ полѣ со слабой культурой... Наша же обязанность предостерегать каждаго отъ вреднаго зелья...

В. Д.

На чуже посягны, то й свое выставъ. *Составилъ козакъ Е. С. Копылъ. Москва, 1904, 1—32.*

Довольно приличное по внѣшности изданіе Сытина не такъ прилично по содержанію, какъ это и можно было ожидать по аналогіи съ иными изданіями той же фирмы. Авторъ, повидимому мало вкушавшій горькій плодъ науки, простой козакъ, почувствовалъ литературный зудъ и посему обогатилъ нашу литературу новымъ произведеніемъ, въ которомъ, однако же, не сказалъ ничего новаго. Сюжетъ разсказа мы уже имѣемъ въ «Перекотыполе» Квитки-Основяненка, и разница лишь та, что у Квитки свидѣтелемъ убійства является блуждающій полевой злакъ, а у козака Копыла—орелъ; развязка и тамъ, и здѣсь та же самая .. Впрочемъ, отсюда не обязателенъ выводъ, что новѣйшій нашъ *писатель* почерпнулъ вдохновеніе изъ произведенія Основьяненка: онъ повидимому въ какихъ бы то ни было литературныхъ знакомствахъ не повиненъ, и свое произведеніе сочинилъ вполнѣ оригинально, какъ ему Богъ на душу положилъ. Въ виду этого къ нему не слѣдуетъ прилагать какихъ-либо требованій относительно художественныхъ достоинствъ, чистоты языка и т. п.,—онъ во всемъ оригиналенъ и вполнѣ безхитростенъ. Природой ему, очевидно, опредѣленъ проповѣдническій талантъ, а всяческой морали у него—неисчерпаемый кладезь, которая, какъ извѣстный сокъ анчара, такъ й каплетъ «сквозь его кору» Въ проповѣдническомъ пылу авторъ не замѣтилъ, какъ самъ себя предалъ анаѳемѣ, ополчившись на мнимаго своего собесѣдника за его сомнѣніе въ томъ,

что «може то зовсѣмъ и не орелъ бувъ, а такъ щось друге въ образи орла», и высказавъ пріятную увѣренность, что то «можовинъ самъ янголъ бувъ», г. писатель разражается по адресу «такыхъ умныкивъ» слѣдующей грозной филиппикой: «Учыця, учыця, а тоди ни къ Богу свичка, ни къ чорту ожогъ; такъ тилькы отъ тіеи стины одскочывъ, а до другои не пруставъ, наче ягня, котре вылучыцця зъ ватагы и блее середъ поля» (стр. 32). Да, можно пожелать и автору больше «не блеять середъ поля»...

В. Д.

С. Русова. Малорусскія женщины XVI и XVII вѣка. *(Сборникъ „Къ свѣту“, стр. 205—219).*

Лѣтомъ текущаго года вышелъ въ Петербургѣ прекрасно изданный большой научно-литературный сборникъ «Къ свѣту», подъ редакціей Ек. П. Лѣтковой и Ѳ. Д. Батюшкова. Изданіе сборника принадлежитъ Комитету Общества доставленія средствъ С.-Петербургскимъ высшимъ женскимъ курсамъ. Этимъ, конечно, объясняется, что приведенная въ заголовкѣ нашей замѣтки статья С. Русовой «посвящается малорусскимъ слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ», какъ сказано въ пояснительной, заскобочной, припискѣ къ статьѣ. И дѣйствительно, малорусская женщина 16-го и 17-го вѣка носитъ на себѣ отпечатокъ той сильной духовно, энергичной по натурѣ и идейной по убѣжденіямъ личности, которая можетъ во всѣ вѣка составлять гордость предковщины. Г-жа Русова въ превосходно составленномъ очеркѣ обрисовала, на основаніи извѣстныхъ уже въ печати матеріаловъ, картину общественно-семейнаго положенія женщины въ Малороссіи и дала иллюстрацію этой картины въ образахъ женщинъ, выступающихъ героинями въ историческихъ народныхъ пѣсняхъ (Маруся Богуславка, Бондаривна), а, главнымъ образомъ, отмѣченныхъ на страницахъ исторіи съ характерными чертами въ ихъ личной судьбѣ. Среди этихъ послѣднихъ рѣзко выдѣляются: Марья Борзобогатовна Красенская, съ такимъ достоинствомъ давшая бракоразводную запись въ 16 вѣкѣ, могущую сдѣлать честь и современной намъ семьѣ; Гальжка Гулевичевна, учредительница Кіево-Братской школы, завѣщавшая всѣ остатки своего иму-

щества на просвѣтительныя учрежденія; Раина Могилянская, основательница Мгарскаго и Густынскаго монастырей, тогдашнихъ разсадниковъ просвѣщенія въ Малороссіи. Кромѣ этихъ, такъ сказать, героинь духа, проходятъ предъ нами и героини активныхъ дѣйствій—то въ роли «властныхъ гетманшъ» (Анна Золотаренко, третья жена Богдана Хмельницкаго), то въ роли энергичныхъ предводительницъ военныхъ отрядовъ (Софія Ружинская). Наконецъ, выступаетъ на сцену и эта несчастная красавица, Ганна Монтовтъ, перенесшая въ своей жизни столько противоположностей и разныхъ злоключеній, что образъ этотъ можетъ послужить темой интереснѣйшаго историческаго романа на семейно-общественной подкладкѣ.

Представивъ въ очень живомъ, популярномъ изложеніи всѣ эти образы, С. Русова имѣла полное основаніе закончить свою статью слѣдующими словами: «на современныхъ намъ малорусскихъ женщинахъ, толпами наполняющихъ всѣ аудиторіи высшихъ курсовъ, на нашихъ современныхъ беззавѣтныхъ носительницахъ лучшихъ идеаловъ науки и жизни лежитъ великій долгъ донести эти идеалы во всей ихъ чистотѣ до самой той массы обезличеннаго, придавленнаго тяжелыми условіями существованія населенія того самаго Полѣсья, Приднѣпровья и Черноморья, гдѣ Бондаривна и Маруся Богуславка совершали свои подвиги женской гордости и любви къ родинѣ, гдѣ Гальжка Гулевичъ, Раина Могилянская высоко поднимали знамя національной независимости и просвѣщенія».

В. Н.

Отъ Правленія Общества имени Т. Г. Шевченка.

Общество имени Т. Г. Шевченка имѣетъ своею цѣлью оказывать помощь учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. С.-Петербурга уроженцамъ Южной Россіи, выдавая имъ ссуды или безвозвратныя пособія. Въ истекшемъ 1903 году такихъ денежныхъ пособій было выдано 72 лицамъ на сумму 2940 руб., но гораздо большему числу нуждавшихся въ пособіи было отказано за неимѣніемъ въ кассѣ Общества средствъ для выполненія въ полной мѣрѣ своихъ задачъ. Въ кругъ послѣднихъ входитъ устройство дешеваго общежитія и столовой,—въ чемъ давно уже ощущаютъ потребность кліенты Общества, открывшаго съ этою цѣлью спеціальную подписку среди своихъ членовъ. Поступившія на этотъ предметъ пожертвованія по 1 января 1904 г. составили сумму около 1.250 рублей, крайне недостаточную для осуществленія задуманнаго предположенія. Для увеличенія этого спеціальнаго фонда общее собраніе членовъ Общества имени Т. Г. Шевченка въ засѣданіи 11-го апрѣля текущаго 1904 г. рѣшило воспользоваться пожертвованіемъ А. Я. Ефименко, которая предоставила Обществу право на изданіе сборника своихъ сочиненій по исторіи Южной Руси. Принявъ съ благодарностью это пожертвованіе, Общество постановило издать сочиненія А. Я. Ефименко въ пользу фонда на устройство общежитія и столовой.

Въ виду того, однако, что имѣющихся въ распоряженіи Общества средствъ для этого изданія недостаточно, Общество остановилось на мысли, для покрытія недостающей суммы, просить о поддержкѣ членовъ общества и другихъ лицъ, на сочувствіе и помощь которыхъ въ данномъ случаѣ можно было бы разсчитывать. Помощь можетъ быть оказана или въ видѣ но-

выхъ пожертвованій въ фондъ на устройство общежитія и столовой для учащихся, или въ видѣ безпроцентной ссуды Обществу на изданіе сочиненій А. Я. Ефименко, чистый доходъ отъ продажи которыхъ, за покрытіемъ долга по ссудамъ, предназначенъ на увеличеніе названнаго фонда.

Сборникъ сочиненій А. Я. Ефименко издается въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: «*Южная Русь*». *Очерки, изслѣдованія и замѣтки Александры Ефименко, члена Императорскаго Русскаго Географическаго, Московскаго Психологическаго, Кіевскаго Юридическаго Обществъ и почетнаго члена Полтавской ученой архивной коммиссіи.* Каждый томъ будетъ имѣть около 25 печатныхъ листовъ. Въ нихъ войдутъ слѣдующія статьи:

Томъ I. Очерки изъ исторіи Правобережной Украины. Малорусское дворянство и его судьба. Южнорусскія братства. Копные суды въ лѣвобережной Украинѣ. Народный судъ въ Западной Руси. Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси. Архаическія формы землевладѣнія у Германцевъ и Славянъ. Крестьянеданники въ Литовской Руси.

Томъ II. Бѣдствія евреевъ въ Южной Руси XVII вѣка. Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. Турбаевская катастрофа. Архіерейскій подарокъ. Два намѣстника. Обличитель Богдана Хмельницкаго. Старинная одежда и принадлежности быта слобожанъ. Малорусскій языкъ въ школѣ. Философъ изъ народа. Личность Г. С. Сковороды, какъ мыслителя. Націонализмъ по Соловьеву. По поводу украинофильства. Литературныя силы провинціи (В. Б. Антоновичъ). Котляревскій въ исторической обстановкѣ. По поводу 40-лѣтняго юбилея Т. Г. Шевченка. Украинскій элементъ въ творчествѣ Н. В. Гоголя.

Лица подписавшіяся на изданіе до 1 ноября 1904 г., уплачиваютъ *3 рубля за оба тома.* По выходѣ изданія въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

Какъ подписную плату, такъ и пожертвованія въ фондъ на устройство общежитія и столовой и ссуды на изданіе сочиненій А. Я. Ефименко, просятъ высылать секретарю Общества имени Т. Г. Шевченка *Петру Матвѣевичу Саладилову С.-Петербургъ, Адмиралтейская наб., д. 6, кв. 34.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ТОМЪ LXXXVII.

1904 г.

НОЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1904.

✝

10-го ноября скоропостижно скончался ближайшій сотрудникъ нашего журнала

Вильямъ Людвиговичъ

Беренштамъ,

о чемъ Редакція „Кіевской Старины“ съ глубочайшимъ прискорбіемъ извѣщаетъ друзей и почитателей покойнаго.

Объявленіе о преміяхъ.

Объявленный редакціей «Кіевской Старины» конкурсъ на преміи за лучшіе разсказы и повѣсти, написанные по-украински, объявляется закрытымъ, такъ какъ *1-го ноября* окончился срокъ представленія рукописей. Всего поступило въ редакцію 27 рукописей. По разсмотрѣніи ихъ въ редакціи, результатъ конкурса будетъ опубликованъ въ началѣ будущаго 1905 года.

Кіевъ въ 1654—1855 гг.

(Продолженіе [1]).

XIII.

Весьма частыя наводненія Днѣпра безпокоили жителей и причиняли значительный вредъ Подолу [2]), все еще служившему главной артеріей промышленной и торговой жизни города, а между тѣмъ ростъ этой части его не только прекратился, но и сократился. Послѣ пожара 1811 г. Подолъ уменьшился почти въ 5 разъ. Войны въ срединѣ первой четверти XIX стол. повліяли на торговлю города и на число лицъ, занимавшихся ею [3]). Въ этотъ же промежутокъ болѣе другихъ частей города улучшились и застроились Старый городъ и Печерскъ [4]). Нельзя также ска-

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 9.

[2]) 1 мая 1808 г. вода покрывала всѣ острова и затопила на Подолѣ 180 домовъ (Днев. м. Серапіона, 436); но еще ужаснѣе было наводненіе 1820 г. подобнаго не помнили уже 32 года; затѣмъ въ 1826 г. (Записи Миславскаго, Кіев. Стар., VIII, 691). Ср. планъ Кіева 1806 т. съ обознач. теченія Днѣпра, снятый для XI Арх. съѣзда (К. Стар. 1899, № 7. Архерл. лѣтоп., стр. 32—33), а также Историч. зам. о Кіевѣ П. Л—ва (К. Стар. 1884, № 10, стр. 250—253).

[3]) М. Серапіонъ въ своемъ дневникѣ не разъ отмѣчаетъ дороговизну и паденіе курса вслѣдствіе военныхъ событій (Дневн., стр. 431, 434, 435, 441). Неурожаи въ свою очередь давали себя знать. Въ 1804 г. Кіев. губ. пострадала отъ саранчи (Варадиновъ, I, стр. 155); въ 1811 г. м. Серапіонъ отмѣтилъ, что на поляхъ подъ Кіевомъ жучки сидѣли почти на каждомъ стеблѣ (446).

[4]) Фундуклей, I, 226, 326—327. Въ 1818 г. «особенно неуспѣшна была контрактовая ярмарка въ Кіевѣ» (Варадиновъ, Ист. Мин. вн. дѣлъ, ч. II, кн. I, 540). Въ 1820, изъ привезенныхъ товаровъ на 686550 р. продано было уже на 290500 р. (ib. кн. II, 72).

зать, чтобы улучшилось санитарное состояніе города, въ особенности Подола. Обычными болѣзнями были: оспа, тифъ, золотуха, скарлатина, малярія и желудочныя. Въ 1802, 1807 и др. годахъ давала себя чувствовать оспа, а по свидѣтельству одного мѣстнаго жителя, притомъ врача [1]), вообще было распространены сыпныя болѣзни (лопухъ), преимущественно на Подолѣ. Такъ, большою смертностью, кромѣ означенныхъ выше, отмѣчены 1810 и 1826 годы [2]). Была и еще печальная сторона въ составѣ кіевскаго населенія, на которую постоянно указываютъ и жалуются путешественники—это масса нищихъ, калѣкъ и слѣпыхъ у монастырей и церквей. «Ужасное множество странныхъ», прибавляетъ кн. Долгоруковъ [3]). Проникнутый религіознымъ чувствомъ писатель нач. XIX стол., впадаетъ по поводу видѣннаго въ глубокій пессимизмъ: «Среди самыхъ искреннихъ ощущеній христіанской религіи, часто мнѣ приходило здѣсь на мысль, что весь видимый нашъ міръ не что иное, какъ плачевная картина человѣческой бѣдности, и ежели бы сонъ вѣчнаго упокоенія, какое ожидаетъ насъ въ могилѣ, было бы даже началомъ вѣчнаго ничтожества то и тогда умереть лучше, нежели жить» [4]). Ученый нѣмецъ XVIII стол. (Гильденштедтъ) судилъ иначе. «Нищіе, къ стыду богатыхъ монастырей, сидятъ въ Кіевѣ на улицахъ, какъ и вездѣ въ украинскихъ городахъ. Многіе могли бы еще зарабатывать хлѣбъ въ рабочихъ домахъ. Очень много слѣпыхъ, объ излѣченіи которыхъ слѣдовало бы позаботиться правительству» [5]).

---

[1]) Зап. Е. П. Рудыковскаго (К. Стар. 1892, т. XXXVII, № 4, стр. 9—11). О болѣзняхъ въ Кіевѣ въ то время см. соч. Христ. Бунге: „Dissertatio inauguralis medica de morbis épidemiis Kiovinsibus“, Jenae 1798.

[2]) Пантюховъ, Статист. и санит. очерки Кіева 7—24; ср. Кіев. Стар. 1889, №№ 5—6, стр. 389. Съ 1796—1835 г. тянется рядъ лѣтъ съ преобладаніемъ смертности надъ раждаемостью. Въ верхнихъ частяхъ города она была меньше (ib.); Фундуклей, I, 144—200; Пантюховъ Куреневка, К. 1904, стр. 1—20.

[3]) Путеш. 1810 г., 269—270.

[4]) Ibid., 271—275.

[5]) Reisen durch Russland und im caucas. Gebürge, Pet., B. II, 1791.

Кіевъ привлекалъ многихъ посѣтителей, однихъ на богомолье, другихъ своимъ положеніемъ и климатомъ [1]); ѣздили въ Кіевъ, какъ теперь ѣздятъ за границу. Въ цар. Александра I онъ не разъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ почетныхъ гостей. Такъ, въ немъ перебывали: м. Платонъ, принцъ Карлъ мекленбургскій (1804, родной братъ супруга в. кн. Елены Павловны), мин. нар. просв. гр. П. В. Завадовскій (1805 [2]), М. М. Сперанскій (1806, 1823 [3]), быв. молд. господарь Конст. Александр. Ипсиланти (1807 [4]), масонъ и филантропъ Ив. Вл. Лопухинъ [5]), мин. юстиціи кн. П. Вас. Лопухинъ, гр. И. Я. Безбородко (1808), кн. И. М. Долгоруковъ (1810, 1817), вел. кн. Екатерина Павловна (1813), гр. Н. П. Румянцовъ (1814, 1821), гр. Витгенштейнъ (1815), вел. кн.

---

[1]) Вигель I, 36.

[2]) Дневн. м. Серапіона, 424—427, 430.

[3]) Въ Кіевъ, послѣ болѣзни, была отправлена дочь Сперанскаго съ его тещей Стивенсъ, которыхъ онъ навѣщалъ въ августѣ 1806 г., плѣнился ихъ пребываніемъ здѣсь и восхищался проповѣдями прот. Леванды, много выигрывавшими отъ того искусства, съ которымъ онъ ихъ произносилъ (Корфъ, I, 274—75). Семья его прожила здѣсь до 1809 г. Племянница тещи Меланія Ферранъ въ 1806 г. (II, 98—99) стала первой женой Христіана Бунге (она ум. 1816). Вторично Сперанскій былъ въ Кіевѣ 9—12 іюня 1823 г. (м. Серапіонъ, стр. 466), навѣстивъ предварительно свою дочь въ Черниговѣ, послѣ выхода ея замужъ (за Фролова-Багрѣева). «Можетъ быть оттуда, по близости, взгляну я на Кіевъ и святыя его *древности*» (ib., II, 291), писалъ онъ.

[4]) Онъ поселился здѣсь съ семьею и свитою (30 чел.), сконч. въ 1816 г. и погребенъ въ Георгіев. церкви: «15 городскихъ цеховъ приняли участіе въ церемоніи съ своими гробами и знаменами», говоритъ м. Серапіонъ (Дневн., 458—89). При посѣщеніи митрополита Ипсиланти говорилъ пофранцузски, а переводчикомъ былъ Толстой, зять Кутузова, при послѣдующихъ визитахъ митр. и господарь объяснились полатыни (425).

[5]) Митр. принялъ гостя любезно; вмѣстѣ они ходили въ склепъ подъ Соф. соб. и смотрѣли нетлѣнное тогда тѣло митр. Рафаила Заборовскаго. Mira res, ибо 58 лѣтъ, какъ скончался (430).

Николай Павловичъ (1816), гр. С. П. Румянцовъ (1818) [1]), в. к. Михаилъ Павловичъ (1819), А. С. Пушкинъ (1821) [2]), гр. А. А. Аракчеевъ [3]) и др. и рядъ духовныхъ лицъ, греческихъ и русскихъ [4]).

Въ 1816 г. (1—12 сент.) посѣтилъ Кіевъ имп. Александръ, безъ всякихъ встрѣчъ и остановился въ домѣ Оболонскаго (близъ дворца [5]), о которомъ мы упоминали [6]). Государь дѣлалъ смотръ вой-

---

[1]) Дневн. Серапіона стр. 425, 427, 430, 457, 458, 463, 466; Переписка Румянцова съ м. Евгеніемъ, стр. 120.

[2]) Пушкинъ былъ въ Каменкѣ (1820) и Кіевѣ (1821), гдѣ написалъ нѣсколько стихотвореній: «Земля и море», идиллія Мосха, надписана 8 февр., а 14 февр. стих. «Муза» (Кіевъ), откуда онъ пріѣхалъ въ Каменку 20 февр. (Гротъ, 196); а такъ какъ онъ былъ и на свадьбѣ М. Ѳ. Орлова (ibid.), то, очевидно, посѣтилъ Кіевъ и въ маѣ. Въ днев. м. Серапіона записано: «15 мая бракосоч. ген. маіора М. Ѳ. Орлова съ доч. ген. Н. Н. Раевскаго Екатериною въ ц. Спаса на Берестовѣ. Пѣли митр. пѣвчіе и дано имъ отъ жениха 100 р. ассигн.» (465).

[3]) Братъ Аракчеева Петръ Андр. былъ комендантомъ въ Кіевѣ съ 1818—1829 г. (Закревскій, 895).

[4]) Весьма часты были въ Кіевѣ хиротоніи епископовъ (м. Серапіонъ, стр. 433, 447, 456 (два раза). Митр. Серапіонъ сообщаетъ случай, какъ его викарій Ириней (Фальковскій) долго не принималъ ордена Анны 1-й ст. и только по настоянію митр. «воздѣлъ его» (445, 450), при отъѣздѣ изъ Кіева. Впрочемъ кн. Долгоруковъ сурово отзывается о немъ (Пут. 1810 г., стр. 274).

[5]) Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что дворецъ, хотя совершенно очищенъ и поправленъ былъ «послѣ саксонецевъ», но никто еще въ немъ не жилъ, то разсудили всѣ остановиться государю тамъ, гдѣ и братъ его останавливался (Николай Павловичъ). См. замѣтки неизвѣст. изъ церк. архива (К. Стар. 1885 г., т. XI, 401). Большая часть «саксонцевъ» перемерла отъ эпидеміи, а въ 1819 г. верхній этажъ дворца (дерев.) сгорѣлъ.

[6]) Оболонскіе, разбогатѣвшіе, какъ и др. члены малороссійской старшины, владѣли въ 1798 г. 7330 д. крестьянъ въ нѣсколькихъ имѣніяхъ въ Полтавщинѣ и ок. Глухова; но сынъ основателя этихъ богатствъ Д. Д. Оболонскій и его жена (ур. Якубовичъ) прожили ихъ, по склонности къ мотовству: все получалось изъ Парижа, а одна шаль

скамъ, осматривалъ арсеналъ и др. общественныя мѣста, былъ на балахъ у ген. Раевскаго, жившаго тогда въ дворцѣ, и на другомъ, данномъ кіевскимъ дворянствомъ въ домѣ дворянской коммиссіи [1]), посѣтилъ Братскій мон. и духовную академію, но особенное вниманіе оказывалъ Кіево-печерской лаврѣ, которую посѣщалъ ежедневно и оставался въ ней довольно продолжительное время, особенно долго бесѣдуя со схимникомъ Вассіаномъ [2]). Это посѣщеніе Кіева Александромъ I, любопытно со стороны той религіозности, которая наложила на него свою печать послѣ событій 1812 года [3]). Вторично онъ посѣтилъ Кіевъ въ 1817 г. (6—11 сент.) и останавливаясь во дворцѣ, по прежнему посѣщалъ академію и ежедневно лавру, а на обѣдѣ у государя присутствовали гр. Сакенъ, Ржевускій, Милорадовичъ, Раевскій, Капцевичъ (нач. дивизіи) и весь генералитетъ; а также представлялись ему гр. Браницкая и кн. Прозоровская. Въ оба раза онъ ѣздилъ въ Бѣлую церковь [4]).

Кіевъ все чаще становится теперь предметомъ археологическаго интереса. Особенно привлекали вниманіе путешественниковъ гробница Ярослава и мозаика Соф. собора [5]). При постройкѣ

въ Петербургѣ была куплена для жены за 36000 р. и, какъ говорили, даже бѣлье ея мылось въ Голландіи; они имѣли свой оркестръ, устраивали праздники (и для крестьянъ), и въ конецъ разорились; имѣнія были взяты въ опеку и проданы въ разныя руки (К. Стар, 1901, №№ 7—8, стр. 010—12).

[1]) На балу во дворцѣ государь танцовалъ съ женою ген. Раевскаго (хозяйкой бала), съ вдовою покойнаго князя Прозоровскаго и статсъ-дамой гр. А. В. Браницкой, а на двор. балѣ съ княг. Шуйской и тѣми же дамами (ib. 403).

[2]) Дневн. м. Серапіона (К. Стар. 1884, т. IX, стр 459); записи Миславскаго (ib., XIII, 690—691); Закревскій, 119—121; Богдановичъ, V, 305.

[3]) Письмо іером. Антонія Смирницкаго, впослѣд. архіеп. воронеж о пребыв. имп. Александра I въ Кіевѣ (Чтен. въ Общ. ист. 1862, I, 189—190 и Р. Арх. 1884, III, 115—117). Запись современника (К. Стар., т. XI, 399—403).

[4]) Дневн. м. Серапіона, 459—460; зап. Миславскаго, 691.

[5]) Днев. м. Серапіона, 427, 452, 459,.

новыхъ зданій нерѣдко вскрываются древнія кладбища (на Подолѣ, при рытьи фунд. ц. Рождества Богородицы [1]), при постройкѣ камен. церкви на Аскольдовой могилѣ, при закладкѣ костела [2]). Къ 1810 г. относится извѣстная археологическая экспедиція К. М. Бороздина, въ сопровожденіи А. И. Ермолаева и художника Иванова, по Россіи, между прочимъ посѣтившая Кіевъ, которой сняты были болѣе замѣчательныя древности [3]). Большую важность въ этомъ отношеніи имѣло посѣщеніе Кіева гр. Румянцовымъ въ 1814 г. Въ Кіевѣ уже были цѣнители древности: Берлинскій [4]), составившій еще въ началѣ XIX в. «Описаніе Кіева», напеч. въ 1820 г. (Спб.), нѣкто Шираевскій и др., съ которыми вступилъ въ сношенія гр. Румянцовъ [5]), разыскивая че-

---

[1]) «Головъ и костей человеческихъ вырыто премногое число и наложено кучею великою» (436).

[2]) Ibid., 439, 461. Въ pendant къ денежной находкѣ поздн. времени отмѣтимъ, что въ 1817 г. митр. осматривалъ въ лаврѣ въ верхнемъ скарбцѣ открытый желѣзный сундукъ, въ коемъ отъ 1785 хранились деньги серебромъ 10000 и золотомъ 1000 черв. (461); ср. 465.

[3]) Описаніе Бороздинскаго собранія рисунковъ къ его археол. путеш. въ 1809—810 г. (Труды I Арх. съѣзда, I, 67—74,—четыре тома рисунковъ въ большой листъ сохран. въ Имп. Публ. библ.). Въ 1811 и 1814 гг. производились раскопки въ Вышгородѣ, но существенныхъ результатовъ не дали. (Закревскій, 262, 281, 547, 554).

[4]) Путешественники въ Кіевѣ посѣщали его (Сент. пут. Измайлова).

[5]) Переписка съ Шираевскимъ относится къ 1814, съ Берлинскимъ къ 1815—25 (обзоръ ея въ нашей «Истріографіи», I, стр. 185—194). Ему принадлежатъ также: «Историч. обозрѣніе Малороссіи и города Кіева», матеріалы для котораго доставлялись при посредствѣ митр. Іероѳея (Малицкато) и губ. (Милашевича), но только отрывки изъ него были помѣщены въ «Молодикѣ» Бецкаго; учеб. рус. исторіи (1800) и «Наставл. къ собир. и приготовл. червеца или рус. кошенили», изд. хоз. деп. мин. вн. дѣлъ (1814). Б., какъ и др. старожилы Кіева (напр. врачъ Бунге), занимался и метеорологич. наблюденіями. См. о немъ Біогр. Слов. Венгерова и «Первый кіев. археологъ М. Ѳ. Берлинскій», В. И. Щербины (К. Стар. 1896, № 12).

резъ нихъ памятники древности и письменности въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. Въ 1824 г. посѣтилъ съ тою же цѣлью Кіевъ П. И. Кеппенъ [1]). Впрочемъ, особенный интересъ къ кіевскимъ древностямъ пробудился, когда во главѣ Кіевской епархіи явился (1822—37) митр. Евгеній Болховитиновъ, переписка котораго съ тѣмъ же Румянцовымъ наполнена археографическими и археологическими вопросами, касающимися и Кіева [2]). Самъ Евгеній предпринимаетъ «Описаніе Кіево-Софійскаго собора, съ прилож. грамотъ и плановъ» (К. 1825) и «Кіево-Печерской лавры» съ прилож. (К. 1826 [3]) поощряетъ къ изученію кіевскихъ древностей студентовъ академіи, предлагая имъ темы, относящіяся къ исторіи Кіева. Къ этому же времени относятся разысканія древностей К. А. Лохвицкаго, А. А. Турчаниновой и А. С. Анненкова. Въ 1824 г. открыты были стѣны Десятинной церкви, на возобновленіе которой послѣдній (землевлад. Курской губ.) пожертвовалъ 80000 р., а м. Евгеній и Берлинскій [4]), помѣщаютъ свои статьи о ея древностяхъ въ «Трудахъ Общества исторіи и древностей россійскихъ». П. А. Мухановъ сообщаетъ издателю «Рус. Старины» А. О. Корниловичу (оба декабристы) свѣдѣнія объ открытыхъ въ 1824 г. древностяхъ близъ Михайловскаго мон. въ Кіевѣ; а кн. В. Ѳ. Одоевскій въ 1825 г. писалъ В. К. Кюхельбекеру: «На дняхъ получилъ я отъ Грибоѣдова письмо изъ Кіева (онъ былъ здѣсь въ маѣ и іюнѣ 1825 г.); онъ, видно, въ хорошемъ расположеніи духа... и восхищается кіевскими древностями. Онъ отправляется на караблѣ въ Имеретію» [5]). Интересъ къ историческимъ преданіямъ и древностямъ преслѣдовалъ его на пути. «Въ Кіевѣ я пожилъ съ умершими, писалъ Грибоѣдовъ Одоевскому, Владиміръ и Изяславъ совершенно овладѣли моимъ

---

1) Исторіографія, I, 191.

2) Она изд. Ворон. стат. комит. въ 3-хъ вып., 1868. См. «Исторіографію», т. I, 189—197.

3) Въ XVIII в. издавались лишь краткія описанія кіевскихъ святынь, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

4) Ibid., 190—191; Закревскій, 279—283.

5) Рус. Стар. 1888, т. X, 586 и 595; А. С. Грибоѣдовъ и декабристы, П. Е. Щеголева, Спб. 1904.

воображеніемъ; за ними я вскользь замѣтилъ настоящее поколѣніе, какъ они мыслятъ и что говорятъ, русскіе чиновники и польскіе помѣщики, Богъ ихъ вѣдаетъ. Природа великолѣпная; зелень, тополи, виноградники, чего нѣтъ у васъ. Прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступать въ темноту лавры или Софійскаго собора» [1]). Кромѣ того, въ свой пріѣздъ въ Кіевъ Грибоѣдовъ видѣлся съ Бестужевымъ-Рюминымъ, С. И. Муравьевымъ, Арт. Зах. Муравьевымъ и кн. С. П. Трубецкимъ, служившими въ войскахъ, расположенныхъ въ Кіевѣ или вблизи него, что подало потомъ основаніе для привлеченія Грибоѣдова къ допросу о прикосновенности по дѣлу декабристовъ [2]).

XIV.

При всемъ томъ Кіевъ не могъ похвалиться широтою умственныхъ интересовъ. Правда, даже въ Петербургѣ слышались жалобы нъ равнодушіе публики къ сокровищамъ Импер. Публ. библіотеки [3]); но Харьковъ имѣлъ въ то время значительныя преимущества передъ Кіевомъ, не смотря на его старую академію и близость къ западной границѣ. Въ первое десятилѣтіе существованія Харьковскаго университета, его типографія выпустила 210 изданій, что составляетъ половину всего количества вышедшихъ за это время книгъ во всей Россіи; въ 1815 г. вышло 27 изданій; въ 1818 г.—16 книгъ. Изъ названныхъ 210 изданій—90 принадлежало профессорамъ, 16 студентамъ, а остальныя посто-

---

[1]) Р. Арх. 1864, стр. 810—811; изд. 2-е, стр. 1001—1002. О любви къ древностямъ Грибоѣдова свидѣтельствуетъ письмо его къ кн. Одоевскому, въ которомъ онъ проситъ прислать ему: «Памят. древности рос. словесн.» Калайдовича, исторію. Арцыбашева, Русскія древности Успенскаго, а лѣтопись Нестора была его настольною книгою (ibid., 1000—1001).

[2]) Рус. Арх. 1904, № 3, стр. 526—535 (А. С. Грибоѣдовъ, историч. справка, С. Панчулидзева).

[3]) Рус. Стар. 1872, VIII, 661.

роннимъ лицамъ. Въ Харьковѣ появляются труды, имѣющіе научное значеніе (какъ Рейта «Опытъ по рус. исторіи», Успенскаго «Опытъ о русскихъ древностяхъ 1-е изд. 1811, 2-е 1818, 815 стран.). Появляются періодическія изданія, какъ «Украинскій Вѣстникъ» (1816—1825) и «Украинскій Журналъ» (съ 1824) научнаго характера, который пользовался репутаціей лучшаго провинціальнаго органа, издававшіеся подъ редакціей и при участіи профессоровъ, а учитель гимназіи Вербицкій съ 1817 г. издаетъ газету «Харьковскія Извѣстія». Журналы эти хотя не были велики, но разнообразны по содержанію, а рѣчи профессоровъ посвящены были столь же разнообразнымъ вопросамъ современной науки. Появляются произведенія, посвященныя литературѣ («Опыты въ прозѣ», «Опыты въ стихахъ») и свои писательницы («Мои свободныя минуты», стих. Любови Кричевской, 1817). Реакціонныя тенденціи 1820-хъ годовъ отразились на издательской и ученой дѣятельности Харькова и выразились или въ полномъ прекращеніи ея или въ упадкѣ количества изданныхъ книгъ: въ 1823—13; въ 1825—12, въ 1826—6 [1]).

Иную картину представляетъ въ этотъ періодъ Кіевъ. Типографія въ немъ появляется въ 1800 г. съ однимъ станкомъ для печатанія при губерн. правленіи «однихъ только указовъ и экземпляровъ съ нужныхъ дѣлъ на русскомъ и польскомъ языкахъ» [2]). Она была пріобрѣтена, по стараніямъ губ. Коробьина, въ Махновкѣ у Тадеуша Дерича. Въ ней печатались сначала лишь афиши [3]) и служебныя бумаги; вскорѣ, однако, машины и

---

[1]) Фойгтъ, Ист. стат. записки о Харьковскомъ унив., Х. 1859; Харьк. Сборн., изд. Чириковымъ, Х. 1889; Сухомлиновъ, Матер. для ист. просв. въ Рос. въ ц. Александра I; Харьков. журналистика нач. XIX стол., С. Р. (Кіев. Стар. 1892, № 8, стр. 168—198).

[2]) Печатное дѣло въ Малороссіи въ нач. XIX стол. (по оффиц. докум.), В. Д. (К. Стар. 1900, т. LXX, № 9, стр. 83—86). Мы неупоминаемъ о типографіяхъ лаврской и академической, имѣвшихъ свое спеціальное назначеніе. (Чт. въ Общ. ист. 1869, III, 280).

[3]) Еще въ 1786 г. Управа благочинія настаивала на внесеніи думою въ смѣту расхода въ 1100 р. на изготовленіе *столбовъ для публикацій* (К. Стар. 1899, № 7, с. 49).

шрифты обветшали. Митрополитъ не дозволилъ отлить новые шрифты въ кіево-печерской словолитнѣ. Попробовали (въ 1805) отыскать Дерича, но онъ уже умеръ. Тогда, изъ той же Махновки доставилъ шрифтъ (20 пудовъ) моск. купецъ Селезневъ. Въ 1806 г. въ типографіи работали три мастера, три помощника и переплетчикъ съ ученикомъ [1]). И періодъ съ 1812—1839 не ознаменовался въ исторіи типографскаго дѣла ничѣмъ выдающимся. Работы производились на одной машинѣ простѣйшей конструкціи и на двухъ станкахъ. Въ 1815 г. шрифтъ опять былъ выписанъ (до 30 пудовъ) черезъ московскаго купца Селивановскаго. Въ концѣ этого періода въ ней работало 13 чел. [2]). Попытка изданія журнала въ Кіевѣ является лишь въ началѣ 30-хъ годовъ, окончившаяся впрочемъ неудачно [3]). Даже духовно-нравственный журналъ при Кіевской академіи (Воскресное Чтеніе) возникаетъ лишь въ 1837 году. Любопытно, что Кіевъ не могъ создать и своего календаря. Обыкновенно Малороссія пробавлялась польскими календарями, сначала знаменитыми изданіями Замойской академіи, выходившими съ к. XVII в., особенно процвѣтавшими при Стан. Дунчевскомъ (1727—1767),—«Kalendarz Polski i Ruski», и имѣвшими въ виду потребности юго-западной Руси, какъ разсчитывали на тотъ же сбытъ календари съ такимъ же названіемъ Краковской, Познанской и Виленской академій. Замойскіе календари были въ большомъ употребленіи среди малорусскаго духовенства [4]), а кіевскій магистратъ, посылая разные

---

[1]) О переплетномъ дѣлѣ упоминается въ Расход. книгахъ Кіев. приказ. избы 1675 г., а именно переплетчикъ жилъ на Печерскѣ, а кожа для переплета покупалась у кожемякъ. (Чт. въ Общ. Нест. Л., XI, с. 8). Впослѣдствіи принадлежности его пріобрѣтались на контрактахъ (К. Стар. 1897, № 7—8, с. 58).

[2]) Краткій ист. очеркъ Кіев. губ. типо-литогр. за 1799—1899, К. 1899, 70 стр. съ 2 снимк. и 17 фототип. и Кіев. Стар. 1900, № 11, стр. 92—103.

[3]) Къ исторіи газетно-журн. дѣла въ Кіевѣ, В. П. Науменка (К. Стар. 1884, т. X, № 11, с. 529—34).

[4]) Въ 1738 г. календарь на польскомъ языкѣ, „сочиненный чрезъ доктора философіи и математики“ Стан. Дончевскаго былъ вос-

презенты нужнымъ людямъ въ столицахъ, обыкновенно включалъ въ ихъ число и календари польскіе; но во 2-й пол. XVIII в. сталъ распространяться Бердичевскій календарь, изд. съ 1760 г., босыми кармелитами, который измѣнялъ не разъ свое заглавіе сообразно съ положеніемъ края и политическимъ настроеніемъ (назв. русскихъ праздниковъ печатались польскими буквами и только съ 1829 г. имена русскихъ святыхъ стали печататься русскимъ шрифтомъ [1]). Попытка Кіевской академіи издавать свой «Мѣсяцесловъ» (1797—99), печат. въ тип. Кіево-печер. лавры и составленный учителями и студентами, повидимому, неудовлетворила любителей, которые привыкли въ Бердичевскомъ календ. находить и сельско-хозяйственныя свѣдѣнія, и указанія на погоду, и кое-какія наставленія. Въ 1812 г. польскій календарь изданъ былъ въ переводѣ на русскій яз. въ Харьковѣ, но и это предпріятіе не имѣло успѣха, между тѣмъ, какъ Бердичевскій календарь легко распространялся посредствомъ ярмарокъ, контрактовъ и евреевъ [2]). И правильной книжной торговли еще не

прещенъ въ Малороссіи и подлежалъ сожженію въ Глуховѣ, „яко мерзостные пашквили и злостно вымышленные пасажи, предосудительные о нашемъ имперіи“ (рѣчь идетъ о прогностикахъ), а рекомендовались календари, изд. въ Петербургѣ и Кіевѣ, которые и напечатать въ довольномъ количествѣ (Соловьевъ, XX, 468). Дѣло о немъ имѣется въ бумагахъ Малорос. кол. при Харьковскомъ унив. (Опытъ русской исторіогр., I, 99; ср. Мухановъ, Что желат. для рус. ист., 100—101). Любопытно также дѣло о газетныхъ извѣстіяхъ подобнаго рода, смущавшихъ правительство въ 1732 г. (см. Секретное дѣло объ одной газетной авизіи, И. В. Лучицкаго, Ист. Вѣст. 1889, т. XXXVII, № 9, с. 577—588, по докум. К. центр. архива).

[1]) По закрытіи тип. въ Бердичевѣ (1844) календарь печатался въ Кіевѣ (1846), Житомирѣ (1847—1852) и снова въ Кіевѣ (1853—55), Житомирѣ (1856—57) и Кіевѣ (1859—1865), когда прекратилось изданіе по распоряженію ген.-губернатора, вслѣдствіе обнаруженія, что въ календарь 1862 и 1863 г.г. подъ 12 окт. было внесено чествованіе *пяти братьевъ муч.*, вм. св. Иларія, подъ которыми разумѣлись лица, убитыя въ Варшавѣ въ началѣ возстанія.

[2]) Старин. польско-русскіе календари, А. М. Лазаревскаго (Чтен. въ Общ. Нест. лѣт., т. XIV, в. 2-й, стр. 102—117), съ прилож. за-

было. Гунъ жалуется, что въ городѣ существовали книжныя лавки, но въ нихъ, кромѣ церковныхъ книгъ и иконъ, которыхъ выставляется на продажу великое множество, ничего не было [1]).

Отсутствіе вліянія постоянно дѣйствующей періодической печати видно изъ тѣхъ извѣстій и сообщеній, которыя заносились въ «дневники» даже такими лицами какъ митр. Серапіонъ, который получалъ эти свѣдѣнія во время самыхъ напряженныхъ политическихъ отношеній Россіи (1806—1814) главнымъ образомъ посредствомъ слуховъ и передаваемыхъ ему писемъ, частными лицами, часто другъ другу противорѣчащихъ, преувеличенныхъ и тутъ же опровергаемыхъ [2]), не говоря, конечно, о сообщеніяхъ болѣе интимнаго характера [3]); а главнымъ корреспондентомъ для него служила «философка Турчанинова», имѣвшая связи съ Петербургомъ [4]).

Нельзя, однако, сказать, чтобы въ Кіевѣ не было въ то время интересовавшихся научными знаніями и текущей литературой. Примѣръ подобнаго отношенія мы видимъ въ одномъ изъ учениковъ Кіевской и Медико-хирургической академій, бывшемъ затѣмъ въ Кіевѣ врачемъ,—Е. П. Рудыковскомъ. Онъ писалъ стихи на русскомъ

писей на календаряхъ лѣтописнаго, историч. и хозяйств. характера. 1761—1831 (118—123).

[1]) Кіев. Стар. 1892, № 2; стр. 251. Предпринятое Румянцовымъ (въ 1784) „Описаніе Кіевскаго намѣстничества" не имѣло успѣха, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ подобныя описанія составлялись и были изданы (Кіев. Стар. 1904, № 5).

[2]) Дневникъ, 431, 438, 465.

[3]) Была у митрополита «философка» Турчанинова и разсказывала «исторію объ измѣнничествѣ Сперанскаго и Магницкаго» (24 апр. 1812). «Митрополиту изъ разговоровъ гостей стало примѣтно, что французы уже въ Вильнѣ» (24 іюня).

[4]) Дневникъ, 451, 452, 453, 454, 456, 465.

Подъ 26 апр. 1815 г. онъ отмѣтилъ: «Скончалась старушка Анна Александровна Т—ва, супруга полковника и перваго камердинера имп. Петра III и погребена торжественно 28 апрѣля въ Выдуб. мон.» (458). О ней есть нѣсколько замѣчаній въ Путеш. Долгорукова (Пут. 1817 г., с. 107 и др.) и письмахъ м. Евгенія.

и малорусскомъ яз.,—сказки, басни, думы, оды, религіозныя и патріотическія произведенія. Библіотека его представляла какъ бы соединеніе двухъ спеціальностей автора—богословской и медицинской; но рядомъ встрѣчается и «Похвала глупости», въ баз. изд. 1780 г., съ гравюрами Гольбейна. По личнымъ отношеніямъ, онъ познакомился съ семьей ген. Н. Н. Раевскаго, а у этого послѣдняго и по службѣ авторъ встрѣчался со многими декабристами (кн. Трубецкой, Лореръ, Поджіо и др.) и Грибоѣдовымъ, который проѣзжалъ черезъ Кіевъ на Кавказъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велъ знакомство съ м. Евгеніемъ и лаврскими монахами. Вопросы религіи и философіи особенно его интересовали; однако онъ не чуждъ былъ и извѣстной доли скептицизма. «Дю-Туа, авторъ Божественной философіи, съ нѣкотораго времени взялъ меня безъ цѣны и серебра въ свою школу и открылъ мнѣ такое поле, по которому наши Иринеи и Гіацинты (рѣчь идетъ объ Иринеѣ Фальковскомъ и Іакинѳѣ Логановскомъ) никогда насъ не водили и сами не ходили. Тамъ бы они упали и открыли срамоту свою», читаемъ въ одномъ изъ его писемъ къ пріятелю по профессіи [2]).

Къ концу настоящаго періода жизни Кіева относится любопытная характеристика ея въ письмѣ молодого писателя, Н. А. Мельгунова, вращавшагося въ кругу «Московскаго Вѣстника», воспитывавшагося въ Педаг. инст. въ Петербургѣ, побывавшаго за границей и участвовавшаго въ переводѣ соч. Тика «Объ искусствѣ», вмѣстѣ съ Титовымъ и Шевыревымъ. Подъ вліяніемъ Кеппена, онъ задумалъ совершить путешествіе по Россіи, чтобы ознакомиться съ ея древностями, населеніемъ и въ особенности «Малороссіи, края любопытнѣйшаго, на который до сихъ поръ еще слишкомъ мало обращали вниманія». Въ Харьковѣ онъ знакомится съ кружкомъ профессоровъ и въ особенности «съ тутошными жителями, индегенами тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣхалъ»; далѣе на пути,—съ Каразинымъ, думая, что

---

[1]) Изъ сем. арх., записки и соч. Е. П. Рудыковскаго, сообщ. В. И. Щербиной (К. Стар. 1892, № 4 (с. 1—21), № 5 (с. 193—206) и прилож. (№№ 5, 6, 7).

[2]) К. Стар., № 5, стр. 197.

«нѣтъ человѣка во всей Малой Россіи, который имѣлъ бы болѣе его способностей и средствъ къ пріобрѣтенію матеріаловъ по всѣмъ частямъ о здѣшнемъ краѣ». Онъ не могъ не побывать въ Полтавской губ.—«этомъ средоточіи и цвѣтѣ Малороссіи», а въ Полтавѣ знакомится съ Котляревскимъ и беретъ на себя распространеніе его «Энеиды» среди «россіянъ». Въ Переяславѣ онъ находитъ «аматёра отечественной исторіи Благодарова»; а въ Кіевъ «въѣхалъ уже съ лихорадкой въ тѣлѣ», пишетъ авторъ. Первый визитъ его былъ къ м. Евгенію, «своему земляку,дружкому съ его дядей» и онъ спѣшитъ сообщить Погодину (письмо писано къ послѣднему) объ ученыхъ мнѣніяхъ Евгенія по разнымъ вопросамъ, который такъ скептически относился къ русскимъ и особеннымъ московскимъ литераторамъ. Далѣе, онъ познакомился съ Берлинскимъ и Лохвицкимъ; а затѣмъ даетъ слѣдующую характеристику мѣстной жизни Кіева 20-хъ годовъ. «Изъ здѣшнихъ знакомыхъ моихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ отставной генер. Бѣгичевъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, страстный къ познанію, мудрецъ въ родѣ древнихъ. Пріобрѣтаетъ свѣдѣнія съ цѣлями чисто практическими; страстно любитъ естественныя науки, особенно медицину и, недовольный французами, онъ самъ собою обратился къ нѣмцамъ. Любопытно и поучительно видѣть человѣка, который, на закатѣ дней своихъ, отбросивъ прежніе предразсудки, принялся съ жаромъ юноши за сочиненія Шеллинга, Шуберта, Онкена, Кайзера и пр., коихъ имена произноситъ съ благоговѣніемъ, ихъ открытія старается примѣнить практически, дѣйствуя въ небольшомъ, безызвѣстномъ кругу и не думая изъ него выйти. Несмотря на свою тихую, уединенную жизнь, онъ извѣстенъ своими добродѣтелями, ибо чуждается свѣта, а не людей. Онъ въ особенности изучаетъ чудесныя дѣйствія магнетизма [2]), самъ практически занимается имъ,

---

[1]) Его усадьба съ прекраснымъ садомъ находилась на мѣстѣ нын. Инст. благ. дѣвицъ. Въ ней послѣ пожара Подола (1811) помѣщалась нѣм. кирха, до постр. новой (дерев.) близъ нынѣшней (Закревскій, 305), въ 1812 г.

[2]) О лѣченіи имъ тогда упоминаетъ и м. Серапіонъ (стр. 449).

и не одинъ житель Кіева и окрестныхъ мѣстъ благословляетъ его искусство... Близкое разсматриваніе состоянія просвѣщенія въ здѣшнихъ провинціяхъ не очень радуетъ патріота. Если уже блеснулъ въ столицахъ свободный порывъ ума, освободившагося хотя нѣсколько отъ узъ чужеземныхъ законодателей и у насъ болѣе не боятся ферулы Буало, Лагарпа и другихъ, то здѣсь еще не пробудилась искра самороднаго пламени. Университеты наши не могутъ возбудить ее, а образъ здѣшней жизни и того менѣе. Здѣсь читающихъ можно раздѣлить на три разряда: на диллетантовъ, которые считаютъ, какъ вездѣ, всякій попавшійся имъ сбродъ. Они спятъ подъ книгу крѣпче обыкновеннаго, а потому единственно и любятъ чтеніе. Второй классъ довольно многочисленный—классъ полуученыхъ, которые получили черезъ дипломы изъ университетовъ и семинарій право судить и рядить безъ пощады и литераторовъ, и литературу. Это классъ самый несноснѣйшій и, можетъ быть, самый вредный, потому именно, что одинъ господствуетъ, безъ противниковъ; но онъ наиболѣе выписываетъ и читаетъ журналы, слѣдовательно для васъ не безъ выгоды. Отъ него первый классъ живится журналами, хотя пользуется ими самымъ невиннымъ образомъ: онъ довольствуется повѣстями и стишками, которые старается выучить наизусть. И потому здѣсь вовсе не въ диковинку слышать «стишки» Пушкина изъ устъ дѣвушекъ даже въ кругу купеческомъ. Наконецъ, третій классъ очень малочисленный—истинныхъ ученыхъ, которые обыкновенно хранятъ совершенно нейтралитетъ... Изъ всего этого предоставляю вамъ самимъ сдѣлать заключеніе: какой участи подверженъ журналъ вашъ наравнѣ съ прочими. Равнодушіе, безсмысленность или грубое нахальство, вотъ что ожидаетъ ихъ здѣсь. Между тѣмъ человѣчество идетъ своимъ чередомъ, и поколѣнія слѣдуютъ за поколѣніями, и духъ времени, вопреки препятствіямъ и невѣжеству, все побѣждаетъ—и утверждаетъ печать свою неизгладимо»... [1]).

---

[1]) Барсуковъ, М. П. Погодинъ, II, 110—112. Долгоруковъ сообщаетъ о занятіяхъ младшаго сына ген. Раевскаго рус. словесностью (148). Восторженныя похвалы его матери (119—120); Олизаръ (154).

Модный въ 20-хъ годахъ мистицизмъ также имѣлъ своихъ приверженцевъ. Часто упоминаемыя въ перепискѣ м. Серапіона «философка» Турчанинова, была собственно «теософка», а занимавшійся археологическими разысканіями Лохвицкій предавался, мистицизму и переносилъ даже его въ область археологіи, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ [1]). Въ тоже время проживалъ въ Кіевѣ И. Р. Мартосъ (воспит. Кіев. акад.), служившій въ гвардіи, потомъ секретаремъ у бывшаго гетмана, въ Сенатѣ, въ мин. юстиціи, ревностный масонъ съ филантропическимъ настроеніемъ, не чуждый археологическимъ изслѣдованіямъ («О банномъ строеніи, 1809»), сочувствовавшій учрежденію въ Кіевѣ ланкастерскихъ школъ, близкій къ м. Евгенію, но затѣмъ разошедшійся съ нимъ вслѣдствіе крайняго увлеченія мистическими наклонностями (одно время онъ жилъ въ лаврѣ [2]). Поэтому неудивительно, что появленіе кометъ въ моменты политическихъ осложненій вызывало суевѣрный страхъ и самыя необычайныя толкованія [3]), и тотъ же м. Серапіонъ отмѣчаетъ необычайное суевѣріе, которымъ заражено было даже городское духовенство. «28 февр. (1805), былъ у меня, пишетъ онъ, андреевскій протопопъ Лозановскій съ донесеніемъ о сборищѣ, бывшемъ на кладбищѣ, по случаю или по слуху таковому, будто-бы одной жены умершій мужъ приходитъ къ ней и акибы хотѣли *духовные* въ недѣлю православія открывать его въ моемъ присутствіи. Оле суевѣрія и невѣжества!», прибавляетъ возмущенный пастырь [4]).

---

[1]) О мистической части его записокъ (Тр. К. Д. ак. 1863, № 11).

[2]) О немъ ст. А. М. Лазаревскаго (Чт. въ Общ. Нестора лѣт., т. X, с. 35—36) и переписка Ив. Ром. Мартоса, изд. имъ же (К. Стар. 1896, №№ 6, 10 и 11). Корреспондентами его были писатель Капнистъ, Трощинскій, Ломиковскій, ворон. архіеп. Антоній, художн. Ефимовъ, проф. Медико-хир. акад. Велланскій. Послѣдній также воспит. въ Кіев. акад., учился за границей и увлекался натуръ-философіей Шеллинга; переводчикъ и авторъ многочисленныхъ сочиненій, проникнутыхъ тѣмъ же направленіемъ. Свои книги «О животномъ магнетизмѣ» и перев. соч. Окена „О свѣтѣ и теплотѣ“ онъ посылалъ Мартосу (№ 10, с. 81—83).

[3]) Дневн. м. Серапіона, 434, 447, 457.

[4]) Дневникъ, стр. 428.

При отсутствіи гласности, хроника общественной жизни не можетъ представляться обильною фактами. Тѣмъ не менѣе въ современныхъ извѣстіяхъ сохранилось нѣсколько данныхъ, рисующихъ нравы кіевлянъ. Прежній «шинокъ» смѣнился новой фирмой, однако прежнія влеченія остаются въ силѣ. Подъ 6 февр. 1811 г. читаемъ въ томъ же дневникѣ: «Возвратились изъ С.-Петербурга кіевскіе купцы: Киселевскій, Лакерда и Барскій. А ѣздили они за откупомъ виннымъ и взяли на себя *лично* за 379000 р., да за пиво и медъ 23000 р. на 4 года. Сумма чрезвычайно великая! замѣчаетъ митрополитъ [1])». И мѣстная администрація не всегда стояла на высотѣ своего положенія. Тотъ же наблюдательный авторъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ; «15 окт. 1810 генералъ-губ. Милорадовичъ имѣлъ разговоръ съ митрополитомъ по дѣлу кіевскаго вице-губ. Четверикова, о которомъ представилъ государю касательно взятокъ и казалъ всѣ бумаги дѣла сего, даже и секретныя» [2]). Съ 1817—20 годъ состоялъ подъ судомъ за злоупотребленія кіев. губ. П. С. Черепановъ [3]). Въ это время почты въ Кіевѣ содержалъ сынъ того же Киселевскаго, «одинъ изъ богатѣйшихъ мѣстныхъ купцовъ и видныхъ членовъ кіевскаго магистрата». Хотя почтовыя станціи у него содержались въ отличномъ порядкѣ, говоритъ Олизаръ, но тѣмъ не менѣе при каждыхъ торгахъ вице-губерн. (Катериничъ) приходился ему весьма солоно своими вымогательствами, и чтобы избавиться отъ необходимости откупаться отъ казенной палаты при совершеніи всякаго новаго торговаго условія, Киселевскій согласился взять на *триста тысячъ рублей менѣе*. Авторъ «воспоминаній». Олизаръ подробно разсказы-

---

[1]) Дневникъ м. Серапіона, 445. Не будемъ удивляться. Въ долѣ съ ними состоялъ и полк. Іос. Понятовскій „почтенный и богатый помѣщикъ" (зап. Олизара. 143; ср. Кіев. Стар. 1888, № 8, с. 163—164), а въ Петербургѣ содержали винный откупъ гр. Феликсъ Потоцкій, гр. Потоцкая и гр. Зубовъ (Арх. Госуд. Сов., т. VI, ч. IV, 103—107).

[2]) Ibid., 444.

[3]) Арх. Госуд. Сов. III, ч. 2-я, с. 104. Губ. онъ былъ 1814—1817 (Закревскій, II, 896).

ваетъ весь ходъ этого дѣла, какъ участникъ (предвод. двор.) въ торгахъ (отъ дворянства, для соисканія); затѣмъ дальнѣйшее пониженіе сдѣлалъ Киселевскій, за которымъ и остались торги. Не смотря на поддержку губернатора (Бухарина), дѣло это печально окончилось для автора записокъ, а одинъ изъ совѣтниковъ казенной палаты, а также и губернаторъ, вскорѣ затѣмъ, безъ причины, были переведены въ другія губернія [1]). Въ 1809 г. въ Комит. мин. докладывалось дѣло о томъ, что жена кіевскаго повѣтоваго штабъ-лѣкаря кол. асессора Розлача, Ксенія, по ненависти къ родной дочери, (за обнаруженіе романическихъ приключеній матери), продала ее «за крѣпостную дѣвку», каковой поступокъ хотя и обнаруженъ слѣдствіемъ, производившимся о семъ дѣлѣ, въ Кіев. глав. судѣ, но мать оставлена была безъ всякаго наказанія, а куда дѣвалась дочь изъ отцовскаго дома другой уже годъ—извѣстно только однимъ ея родителямъ. При этомъ высказано было недовѣріе къ губернатору (Панкратьеву), который пропускалъ журналъ суда, и потому разслѣдованіе поручено было в. губерн. (Четверикову), а затѣмъ направлено въ Сенатъ [2]). По другимъ же даннымъ видно, что мать сначала отправила дочь въ Козелецкій м., потомъ неоднократно отдавала въ работницы мѣщанамъ, а въ 1806 г. безъ вѣдома мужа продала донскому козаку Фершалову за 90 руб., по формальному акту съ перемѣною отчества. Когда обнаружилось это дѣло по доносу, то кіев. повѣтовый судъ оправдалъ Розлачъ, ссылаясь на установленную законами «неограниченную власть родителей надъ дѣтьми»; а 1-й деп. кіев. глав. суда утвердилъ настоящій приговоръ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать выговоръ матери, съ указаніемъ на мѣры исправленія дочери согласно 391 ст. губ. учрежденія. Между тѣмъ послѣ доноса, Розлачъ взяла дочь обратно и отдала ее одной изъ донскихъ жительницъ. Сенатъ призналъ

---

[1]) Pamiętniki, str. 138—142. Въ 1828 Катериничъ былъ губ. въ Кіевѣ (Закревскій, 896). По словамъ Вигеля, бердичевская ярмарка давала 30000 р. дохода волын. губернатору (III, 97), о чемъ говорили открыто въ служебной сферѣ. Панкратьевъ отклонялъ щедрые подарки, подносимые помѣщиками (К. Стар. 1884, VIII, 177—181).

[2]) Журн. Комит. мин., I, 4, 24; II, 6, 126.

фактъ продажи доказаннымъ и оправданія виновной лживыми; а потому она была приговорена къ лишенію званія и ссылкѣ въ Сибирь; на судей и секретарей были наложены штрафы, губ-ру предназначалось замѣчаніе, но онъ умеръ; дочь положено возвратить къ отцу, котораго подвергнуть рѣшенію мин. юст., способенъ ли онъ отправлять свою должность, какъ ссылавшійся на «слабость»; а лицъ, служившихъ посредниками въ продажѣ, предать суду и рѣшеніе кіев. глав. суда опубликовать повсемѣстно. Докладъ Сенатана былъ утвержденъ имп. Александромъ 22 авг. 1810 г. [1]).

Намъ приходилось уже упоминать о возникновеніи масонства въ Кіевѣ въ XVIII стол., не долго впрочемъ просуществовавшаго. Въ перв. четв. XIX стол. оно снова появляется здѣсь и снова при участіи польскаго элемента, прочно утвердившагося въ Кіевѣ. Такъ, возникла 12 марта 1818 г. Ложа Соединенныхъ славянъ» (система le rite du Grand Orient de Pologne) въ союзѣ Астреи. Мастеромъ стула въ 1818—19 гг. былъ Валентинъ Росцишевскій; въ 1820—21 г. Францъ Харлинскій [2]); а его смѣнилъ Фил. Олизаръ, предводитель дворянства Кіев. губ.; надзирателями (les deux surveilleurs) были русскіе, а члены были

---

[1]) Кіев. Стар. 1897, № 5, стр. 63—65. Ук. Сен. полтав. губ. правленію.

[2]) Хронолог. указ. русскихъ ложъ 1731—1822, Спб. 1873, стр. 37, № 132.

Надъ Крещатикомъ, на одной изъ плоскихъ возвышенностей которыми кончается дворцовая часть Кіева стояло древнее, деревянное, полуразрушенное зданіе; тамъ въ старинныя времена была масонская ложа, потомъ въ зданіи этомъ помѣщался театръ, наконецъ оно пришло въ совершенную ветхость и служило убѣжищемъ летучимъ мышамъ; зловѣщій крикъ послѣднихъ нерѣдко вечернею порой пугалъ прохожихъ и наводилъ на нихъ уныніе. Съ мыса открывался великолѣпный видъ на Старый Кіевъ съ его церквами и на широкій величественный Днѣпръ... Существовало повѣрье, что мѣсто это нехорошее, что разрушенное зданіе заколдованный домъ, обитаемый выходящими съ того свѣта (Зап. Селецкаго, К. Стар. 1884, VIII, 280). Сколько можно судить, это то же зданіе, въ которомъ имѣли свои совѣщанія и декабристы, по связи тогда съ масонами (см. ниже).

безъ разбора и русскіе, и поляки, и дружно побратски подавали другъ другу руку, говоритъ С. Г. Волконскій. Послѣдній знакомитъ насъ съ обществомъ и средой, въ которыхъ онъ вращался по пріѣздѣ въ Кіевъ именно въ это время. «Въ Кіевѣ, говоритъ онъ, начальникомъ штаба при 4-мъ пѣхот. корпусѣ былъ тогда М. Θ. Орловъ, товарищъ по воспитанію (мы оба были въ одномъ заведеніи у аббата Николя), товарищъ по полку кавалергардскому, по боевой бивачной жизни; мы встрѣтились съ нимъ какъ старые друзья [1]). У насъ собирался кружокъ образованныхъ людей, какъ русскихъ, такъ и поляковъ, довольно большой по случаю съѣзда на контракты и даже кругъ далекаго знакомства не былъ пустой, свѣтскій, а дѣльный. Въ это время у насъ въ Россіи ненависть къ Франціи, порожденная нашими военными пораженіями въ войнахъ 1805--1807 гг., вовсе исчезла; кампаніи 1812, 13 и 14 гг. подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ ея установленіями и порядкомъ управленія, и какъ всякая новая идея имѣетъ коновода, то М. Орловъ по уму и сердцу былъ этимъ коноводомъ и дѣйствовалъ на просторѣ въ Кіевѣ, гдѣ ни предразсудки столичныхъ, лицъ высшаго общества, ни усердный надзоръ полиціи не клали помѣхи и гдѣ съѣздъ на контракты образованныхъ людей давалъ случай узнавать ихъ и сѣять сѣмена прогресса». Волконскій приписываетъ большое вліяніе на него Орлову и этому кружку людей: «Съ этого времени началась для меня новая жизнь», говоритъ онъ. Далѣе онъ выясняетъ и другую сторону своихъ связей и знакомствъ. Они доставили ему возможность сблизиться со многими поляками, какъ юго-восточнаго края Россіи, такъ и съ пріѣхавшими по дѣламъ довольно значительными лицами и молодежью изъ Варшавы и царства Польскаго. Въ то время, замѣчаетъ онъ, не было той рѣзкой черты непріязненности, скажу даже вражды, между русскими и поляками; не было въ этихъ послѣднихъ желанія отдѣлиться отъ Россіи... Тогда господствовалъ въ обо-

---

[1]) Впослѣдствіи они породнились, женив. на дочеряхъ ген. Раевскаго. На одной изъ нихъ хотѣлъ было жениться Олизаръ.

юдныхъ убѣжденіяхъ соединенный славянскій элементъ». Ложа «Соединенныхъ славянъ» служила этой связью и на этой почвѣ завязались потомъ болѣе широкія политическія цѣли. Авторъ записокъ былъ принятъ почетнымъ членомъ въ эту ложу и сказалъ обычную рѣчь, въ которой указывалъ, какія великія послѣдствія могутъ произойти изъ добровольнаго соглашенія между поляками и русскими составить одно нераздѣльное цѣлое. Затѣмъ онъ посѣтилъ Тульчинъ, пребываніе въ которомъ ввело его «въ кругъ людей мыслящихъ и мечтавшихъ о преобразованіи Россіи»[1]). Какъ извѣстно, здѣсь образовалась «дума» «Южнаго общества» и затѣмъ—двѣ подчиненныя ей управы—въ Каменкѣ Кіевской губ., гдѣ главными дѣятелями были владѣлецъ ея В. Л. Давыдовъ и кн. Волконскій, и Васильковская, подъ вѣдѣніемъ С. И. Муравьева и А. П. Бестужева-Рюмина, состоявшая въ ближайшей связи съ «Обществомъ соединенныхъ славянъ», имѣвшимъ свое пребываніе въ Житомирѣ, гдѣ находилась главная квартира 3-го корпуса (1-й арміи) и въ числѣ членовъ которой были какъ военнослужащіе, такъ и многіе польскіе помѣщики. Мѣстомъ общихъ съѣздовъ и совѣщаній служили для нихъ главнымъ образомъ кіевскіе контракты. Члены польскаго Патріотическаго общества съѣзжались здѣсь еще съ 1821 г. [2]). Въ 1823 г. состоялся съѣздъ представителей всѣхъ управъ; въ 1824 и 1825 гг.—депутатовъ отъ польскаго и русскаго обществъ для переговоровъ о соглашеніи [3]); а въ янв. 1826 г. назначено было уполномоченнымъ отъ обоихъ обществъ снова съѣхаться на контрактахъ (въ январѣ) въ Кіевѣ. Такимъ образомъ контракты, какъ время удобное для большихъ собраній

---

[1]) Записки С. Г. Волконскаго, Спб. 1901, стр. 400—405. Послѣ этого началалась усиленная агитація на югѣ Россіи и между прочимъ въ Кіевѣ (407—418).

[2]) Провинц. совѣтъ Кіев. губ. (польскій) состоялъ изъ Запольскаго, Іотейки, Ант. Чарковскаго и Ивашкевича. Ярмарки въ Балтѣ и Бердичевѣ служили также мѣстомъ съѣздовъ. (Донес. Варшав. слѣд. ком.).

[3]) Записки Волконскаго, 410, 412—416; Донес. Петерб. и Варшав. слѣд. коммиссій.

и совѣщаній, пріобрѣли политическій характеръ. Собранія эти происходили въ частныхъ домахъ, напр. у кн. Волконскаго, у предвод. двор. Олизара и др., на обѣдахъ и вечерахъ [1]). Пріѣзжали и въ другое время года, какъ видно изъ переписки Грибоѣдова, сообщенной выше. Къ этимъ собраніямъ причастны были предсѣд. 2-го департ. кіев. глав. суда Проскура, члены суда Іотейко, Аѳ. Гродецкій, сынъ сенат. Ржевускій и др. польскіе помѣщики, жившіе вблизи Кіева, не говоря о волынскихъ дворянахъ, въ большомъ числѣ пріѣзжавшихъ сюда на зимнюю ярмарку. Но событія предупредили состоявшееся рѣшеніе о съѣздѣ въ началѣ 1826 г.

19 ноября скончался имп. Александръ I. Такимъ обр. уже 6 дек. всѣ сословія Кіева были приведены на вѣрноподданство имп. Константину Павловичу; а 25 дек., въ день Р. Х., принесли присягу имп. Наколаю Павловичу, причемъ читаны были всѣ акты отреченія перваго отъ пристола [2]). Однако, черезъ нѣсколько дней (30 дек. по 3 янв. 1826) вспыхнуло вблизи Кіева (Васильковъ, Мотовиловка, Трилѣсы, Ковалевка) возмущеніе Черниговскаго полка и Кіевъ намѣченъ былъ цѣлью его движенія. Понятно, что все происшедшее произвело среди жителей и помѣщиковъ, съѣхавшихся по случаю контрактовъ, настоящую панику и посѣяло, какъ сообщаютъ оффиціальныя донесенія, опасенія, въ особенности, когда стало извѣстнымъ, что многіе военнослужащіе и знатнѣйшіе изъ помѣщиковъ (см. выше) были привлечены къ слѣдствію и увезены въ Петербургъ. Многіе изъ членовъ Южнаго общества не пріѣхали вовсе, а другіе изъ прибывшихъ на контракты лицъ поспѣшили уѣхать изъ города. Контрактовый домъ все время находился подъ особеннымъ наблюданіемъ, что не могло не отразиться и на торговыхъ сдѣлкахъ въ этомъ году [3]). Что

---

[1]) Въ старое время указывали деревянный домъ въ Липкахъ, противъ Царскаго сада, на пригоркѣ, гдѣ обыкновено происходили эти совѣщанія. Встрѣчались они также въ «Зеленой гостиницѣ» (Зап. Лорера, Р. Богат. 1904, № 3, с. 71), на Печерскѣ.

[2]) Кіев. Стар. (1884, VIII, 691).

[3]) См. Рус. Арх. 1871 и 1902 № 6 (оффиц. донес. о бунтѣ Черниговск. полка); записки Горбачевскаго (Р. Арх. 1882 г.), Волконскаго (Спб. 1901 и 1904) и Олизара.

же касается польскаго дворянства, то, по словамъ близкаго къ нему лица, молодежь стала усердно охотиться, ѣздить по ярмаркамъ, устраивать кутежи, вести бродячій образъ жизни, какъ бы пріучая себя къ рыцарству, въ виду надвигавшихся новыхъ событій [1]).

XV.

Новое царствованіе существенно повліяло на измѣненіе физіогноміи Кіева, преобразовавъ его внѣшній видъ и внутренній строй. Первые годы новаго правительства ушли на установленіе политическихъ отношеній, вызванныхъ все еще продолжавшимся греческимъ возстаніемъ и приведшихъ къ войнѣ съ Турціей въ 1828—29 гг., а послѣдовавшее затѣмъ польское возстаніе привлекло вниманіе правительства и къ южному краю Россіи [2]).

---

1) Зап. Чайковскаго (Рус. Стар. 1895, № 12, стр. 162).

2) Волынь и Подолія волновались, а въ первой изъ нихъ принимали участіе богатѣйшіе и болѣе видные изъ мѣстныхъ помѣщиковъ (Пузыревскій, I, 189, 285, 298, 294, 301, 349). Движеніе это затронуло и нѣк. части Кіевской губ. (Радомысльскій и Липовецкій уу.), но распространенія не получило (В. Н. Шульгинъ, Ю. З. край, Др. и Нов. Россія 1879, II, с. 6). Попытка поднять крестьянъ вызвала извѣстное воззваніе кн. Остенъ-Сакена, что они никогда уже не будутъ принадлежать тѣмъ помѣщикамъ, которые возстанутъ противъ законной власти (Шульгинъ, 6); но указъ Сената 4 іюня 1831 значительно поколебалъ эту мѣру (Чтен. въ Общ. Нестора 1900, I, 25). Контракты въ Кіевѣ и въ этотъ разъ, какъ и въ 1821—25 гг., служили (а равно ярмарки въ Бердичевѣ и Ярмолинцахъ) удобнымъ мѣстомъ совѣщаній. Съѣзды происходили также по уѣздамъ, а въ к. 30-хъ годовъ мѣстная администрація указывала на частныя собранія помѣщиковъ Овручскаго и Радомысльскаго уу. и нѣчто похожее на масонскія ложи (ib., с. 11; Смитъ, Ист. польск. возст. 1830—31 г., I, 25). Предвод. Кіев. уѣзда Іос. Залѣскій выѣхалъ въ Галицію, а въ Кіевѣ начались аресты и высылки; поэтому многіе послѣдовали примѣру своего предводителя (Р. Стар. 1896, № 8, стр. 376—77).

Съ 1827 г., послѣ продолжительнаго промежутка (съ 1812 г.), въ Кіевской, Подольской и Волынской губ. возстановлено было генералъ-губернаторство [1]), и уже первый изъ ген.-губ. [2]) возбудилъ вопросъ о принятіи мѣръ по отношенію къ дворянству Западнаго края, въ то время, какъ цес. Константинъ Павловичъ повидимому не вѣрилъ въ возможность заговора и польскаго возстанія. Желтухинъ указывалъ на необходимость введенія въ судебныхъ учрежденіяхъ Ю. З. края русскаго языка въ дѣлопроизводство, хотя бы въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ населеніе всплошь малорусское или русское; въ прочихъ же повѣтахъ сдѣлать обязательнымъ употребленіе русскаго яз. лишь въ губернскихъ учрежденіяхъ, не запрещая писать бумаги на этомъ языкѣ въ повѣтовыхъ учрежденіяхъ [3]). Затѣмъ Желтухинъ просилъ объ установленіи новаго порядка ревизіи дѣлъ, рѣшаемыхъ повѣтовыми учрежденіями. Въ Сенатѣ

---

[1]) Званіе его выражалось въ такомъ видѣ: „Кіевскій воен. губернаторъ, подольскій и волынскій ген. губернаторъ“ (Варадиновъ, ч. III, кн. I, 125, 417; кн. II, 115; кн. III, 233); однако, критика ген. губ. власти въ Комит. 6 дек. 1826 г. не прошла безслѣдно, и хотя инструкція ген. губ-рамъ не была составлена, но права ихъ были опредѣлены ук. 13 окт. 1831 г., въ которомъ сказано, что права и обязанности ген. губ. (кромѣ сибирскаго и кавказскаго) по губернскому управленію тѣ же самыя, какія имѣютъ гражд. губ. тѣхъ губерній, въ которыхъ нѣтъ ген. губернаторовъ (Ист. Комит. мин., т. II, ч. I, 109).

[2]) Въ царств. Николая I ген. губ. были: ген. лейт. Желтухинъ (1827—29, назначенный полномоч. предсѣд. diвановъ въ Дунайскихъ княж., Шильдеръ, Имп. Николай I, т. II, 204, и вскорѣ умершій, Отеч. Зап. 1830, т. XLI, 491); Б. Я. Княжнинъ (—1832), В. В. Левашовъ (—1836), гр. А. Д. Гурьевъ (—1837), ген. л. Д. Г. Бибиковъ (—1853), кн. Ил. В. Васильчиковъ (—1862).

[3]) Кн. Долгоруковъ въ 1817 г. писалъ (живя подъ Каневомъ): „Сюда приносили изъ земскаго суда курсорію, т. е. повѣстку, на польскомъ яз., и меня этотъ обычай очень удивилъ; это такъ, какъ бы я вздумалъ въ свою деревню къ старостѣ наслать приказъ понѣмецки. Кіевская губ., однако-жь, населена вся русскими обывателями... Поляки здѣшніе никогда дѣтей своихъ не учатъ порусски“ и пр. (150).

его представленіе вызвало пренія; напротивъ мин. юстиціи настаивалъ на приведеніи предположеній ген. губ. въ исполненіе. Комитетъ мин. нашелъ, что все это дѣло подлежитъ разсмотрѣнію Госуд. Совѣта, съ чѣмъ согласился и Государь. Далѣе Желтухинъ, указывая, что засѣдатели, избираемые кіев. дворянствомъ, очень плохо знаютъ и исполняютъ свое дѣло и держатъ безъ всякаго производства дѣла по нѣсколько лѣтъ, просилъ, чтобы ему позволено было половину засѣдателей назначать отъ короны, тѣмъ болѣе, что крестьяне—малороссы питаютъ постоянно ненависть къ помѣщикамъ полякамъ. Комитетъ мин. разрѣшилъ ввести предлагаемый порядокъ временно до изданія новаго постановленія. Между тѣмъ, кіевское дворянство обратилось къ государю съ просьбой о подтвержденіи его правъ и привелегій. Желтухинъ сильно возсталъ противъ этого стремленія. Необходимо, писалъ онъ, имѣть при рѣшеніи просьбы и польскіе законы, и исторію края; постоянною цѣлью польскаго дворянства было стремленіе ограничить власть королей, умножить свои права и совершенно поработить себѣ низшіе классы населенія; напр., по польскимъ законамъ, за оскорбленіе величества виновный наказывался шестинедѣльнымъ заключеніемъ въ замкѣ, а простолюдинъ за уязвленіе дворянина смертною казнью. Дѣло это Ком. мин. также перадалъ въ Госуд. Совѣтъ. Еще въ 1827 г. были изданы нѣкоторыя постановленія для устраненія безпорядковъ въ выборахъ губерній, присоединенныхъ отъ Польши [1]). Желтухинъ спрашивалъ, допускать ли ему къ дворянскимъ выборамъ тѣхъ дворянъ Кіевской губ., которые находятся подъ секретнымъ надзоромъ полиціи, за прикосновенность къ происшествіямъ 14 дек. 1825 г., или находятся въ близкихъ связяхъ и родствѣ съ лицами, участвовавшими въ заговорѣ, открытомъ въ ц. Польскомъ. «Особый духъ свободомыслія, дерзость сужденій о правительствѣ, распространенія неблагопріятныхъ слуховъ о войнѣ (1828—29 гг.), безпрерывные и даже нѣсколько скрытные переѣзды изъ одного мѣста

---

[1]) Второе П. С. закон., II, № 1174. Ср. Варадиновъ, Ист. мин. вн. дѣлъ, III, кн. I, с. 135, 425.

въ другое, частыя между собою свиданія»—характеризовали, по его словамъ, поведеніе этихъ дворянъ. Самъ Желтухинъ и мин. вн. дѣлъ полагали, что этихъ дворянъ не слѣдуетъ допускать до выборовъ, тѣмъ болѣе, что можно было опасаться, какъ бы эти именно лица не были выбраны въ должности. Комитетъ находилъ, что лишить дворянина участвовать въ выборахъ можно только по приговору суда; во-вторыхъ, за этими лицами учрежденъ секретный надзоръ, слѣдовательно не допустить ихъ къ выборамъ,—значитъ огласить надзоръ; затѣмъ мѣра эта была бы противна жалов. грамотѣ дворянства и другимъ высоч. указамъ; наконецъ, всѣ дѣла по происшествіямъ 14 дек. окончены и участь лицъ, прикосновенныхъ къ нимъ, разрѣшена уже приговоромъ верх. угол. суда. Государь рѣшилъ дѣло согласно съ представленіемъ воен. губернатора: «тѣхъ, которые были изобличены въ участіи сего дѣла, допускать къ выборамъ отнюдь не должно» [1]). Но и въ 1833 г. дворянства Полтавской, Черниговской, Кіевской и Бѣлорусскихъ губ. просили о подтвержденіи и расширеніи своихъ правъ и права участія въ земскомъ управленіи [2]).

Почти одновременно (1828) возникло слѣдующее характерное дѣло. Рядъ городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, обратились къ правительству съ ходатайствомъ объ утвержденіи ихъ правъ и привелегій; а малороссійскіе города просили прислать имъ и экземпляръ этого права на русскомъ языкѣ. Какъ видно, просьба эта подтверждаетъ существующее мнѣніе, что города, пользовавшіеся магд. правомъ, не вполнѣ были освѣдомлены въ немъ. Отчасти мы видѣли это и на примѣрѣ столкновенія кіев. магистрата съ канцел. ген. губернатора во 2-й пол. XVIII стол. Въ Петербургѣ, въ архивѣ Сената нашелся одинъ, и то не полный, экземпляръ перевода съ польскаго, неизвѣстно кѣмъ и когда исполненный. Мин. юстиціи предложилъ поручить коллегіи ин. дѣлъ сдѣлать переводъ съ оригинала и отпечатать этотъ переводъ въ 600 экз.; но оказалось, что во II отд. Е. И. В. канц.

---

[1]) Середонинъ, Ист. Комит. мин., II, ч. I, с. 55—57.

[2]) Ibid., I, 427.

есть полный переводъ, сдѣланный въ 1732—35 гг. Комитетъ мин. положилъ отпечатать этотъ послѣдній; но государемъ дѣло передано было Сперанскому, съ тѣмъ, чтобы онъ собралъ обстоятельныя свѣдѣнія и переговорилъ съ мин. юстиціи, если изданіе будетъ признано необходимымъ [1]).

Постойная повинность всегда тяжело ложилась на бюджетъ городовъ. Поэтому даже болѣе состоятельные и значительные города просили для себя разныхъ привилегій и ссудъ, иногда весьма значительныхъ по размѣру. Въ 1828 г. Кіевъ ходатайствовалъ объ отпускѣ суммы въ 1 мил. р. на постройку казармъ. Комитетъ мин. сначала нашелъ неудобнымъ разрѣшать ее въ военное время; обыватели мало будутъ облегчены въ квартирной повинности; притомъ, по плану обороны, можетъ быть выстроена крѣпость, конечно не на счетъ города. Въ это время кіевскій гарнизонъ состоялъ изъ 516 офиц. и 7512 ниж. чиновъ, а квартирную повинность несли 3593 дома. Особый комитетъ проектировалъ постройку для части войскъ казармъ на счетъ города, а для остальныхъ—отъ казны. Комитетомъ мин. было положено сдѣлать для постройки казармъ заемъ въ 1 мил. слишкомъ, причемъ половина означеннаго расхода падала на городъ [2]). Въ томъ же году, по настоянію Желтухина, по тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, была учреждена экстра-почта между Кіевомъ и Петербургомъ (обыкновенная почта проходила путь въ 10 дней [3]).

Въ 1831 году, въ Кіевѣ возникаетъ «Коммиссія для разбора дѣлъ о мятежникахъ», порядокъ и подробности котораго были установлены въ Комитетѣ мин., а вмѣстѣ къ тѣмъ поставленъ былъ на очередь и вопросъ о положеніи шляхты [4]). Коммиссія продолжала свои дѣйствія и позже, а по открытіи заговора

---

[1]) Ibid., I, 322—323.

[2]) Ibid., I, 301.

[3]) К. Стар. 1904, № 2, с. 49; ср. Ист. Комит. мин., II, 169.

[4]) Ibid., I, 59—65.

Конарскаго (1838) усилила свою дѣятельность [1]). Возстаніе 1830 г. вызвало рядъ новыхъ мѣръ «въ согласность распоряженіямъ блаженной памяти имп. Екатерины II». Указами 30 окт. 1831 г. и 1 іюня 1832 присвоены всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ въ краѣ тѣ названія, какія существуютъ въ великороссійскихъ губ. и введенъ русскій яз. въ судопроизводство. Указ. 25 іюня 1832 г. предписано было рѣшать въ возвращенныхъ отъ Польши губ. дѣла уголовныя и слѣдственныя на основаніи польскихъ узаконеній тогда только, когда русскія оказываются недостаточными; ук. 31 мая сроки раскладки земскихъ повинностей и рекрутская повинность утверждены на общихъ въ имперіи основаніяхъ; а ук. 3 дек 1833 г. введены были въ краѣ совѣстные суды, по примѣру и устройству великорусскихъ [2]). Рядъ дѣлъ, возникшихъ на пространствѣ 1835—45 гг. въ предѣлахъ Волыни (Общество вѣры, надежды и любви, Союзъ польскаго народа, заговоръ Конарскаго, гороскопы о возстановленіи Польши—на Волыни) и обнаружившихъ ихъ вліяніе въ Кіевѣ предоставили въ распоряженіе ком. значительный матеріалъ и отразились, въ свою очередь, на дальнѣйшихъ судьбахъ края [3]).

---

[1]) Подробности разслѣдованія и положеніе дѣлъ на Волыни въ запискахъ одного изъ слѣдователей, Н. И. Мамаева (Истор. Вѣстн. 1901, №№ 9 и 10). Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ даютъ характеристику мѣстной администраціи и настроенія общества. Въ Житомирѣ поразила автора картина дворянскихъ выборовъ «Изъ толпы дворянъ, — болѣе ста человѣкъ, — отдѣлились двое и направились въ соборъ, какъ православнаго исповѣданія, всѣ же прочіе пошли въ костелъ, въ которомъ и были устроены самые выборы, т. е. были разставлены столики по уѣздамъ и одинъ общій — губернскій» (№ 9, с. 797).

[2]) См. Полн. Собр. зак. (второе).

[3]) Шульгинъ, 23—24. Объ отношеніи администраціи (ген. губ. Княжнина и Левашова) къ событіямъ 30 годовъ, духовенства, мѣстной полиціи и пр. см. «Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1831 г. въ Кіевщинѣ" О. Л. (К. Стар. 1899, № 4, с. 91—116); распоряж. 1831 г. (тамъ же 1901, №№ 6 и 9). Въ связи съ этими событіями находится усиленіе полиціи въ Кіевѣ (Второе П. С. зак., VIII, № 6084; Варадиновъ, III, ч. II, с. 504).

Между тѣмъ событія въ Кіевѣ шли своимъ чередомъ. Воен. губернаторъ Левашовъ высказывалъ опасенія, какъ бы по причинѣ льготъ, данныхъ Кременчугу, не остановился ростъ Кіева; жители его не стали переселяться въ Кременчугъ. Поэтому онъ просилъ предоставить кіевскому купечеству тѣ же льготы, какія были дарованы послѣднему, т. е. по платежу гильдейскихъ пошлинъ (новымъ обывателямъ на 5 лѣтъ полное освобожденіе отъ платежа, слѣдующія 5 лѣтъ половина платежей, а устроившіе фабрику освобождались отъ этихъ платежей на 10 лѣтъ). Мин. фин. Канкринъ находилъ опасенія ген губ. Левашова неосновательными, такъ какъ Кіевъ самъ по себѣ важный пунктъ внутренняго потребленія и всегда будетъ привлекать къ себѣ купцовъ; льготы, данныя Кіеву, принесутъ убытокъ казнѣ и сосѣднимъ городамъ, а сверхъ того послужатъ многимъ примѣромъ домогаться того-же; въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ согласиться на предоставленіе Кіеву только половинныхъ льготъ. Комитетъ министровъ призналъ причины, выставленныя минист. финансовъ, «весьма уважительными» и высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ вообще привлекать населеніе въ города единственно собственными ихъ выгодами, а не разными льготами. Но такъ какъ теперь въ видахъ правительства усилить городъ Кіевъ, то Комитетъ прилагаетъ къ своему журналу проектъ указа сообразно съ представленіемъ минист. финансовъ. Дарованіе льготъ Кіеву ставилось въ зависимость отъ политическихъ видовъ правительства послѣ польскаго возстанія 1830—31 гг. Проектъ представленнаго указа былъ одобренъ [1]). Вслѣдъ затѣмъ Левашовъ возбудилъ другой важный вопросъ. Въ 1834 г. масса малороссійскихъ казаковъ съ семьями двинулись было на Кавказъ, но они были остановлены кн. Репнинымъ, который опасался, что имъ придется идти по неурожайнымъ мѣстамъ; по Комит. мин.,

---

[1]) Ист. дѣят. Ком. мин., II, ч. I, 306—307. Это былъ указъ 8 марта 1835 г., предоставлявшій купцамъ, поселившимся въ Кіевѣ и выстроившимъ дома, освобожденіе отъ платежа податей на 3 года, послѣ чего торговля привлекла въ городъ и нѣск. иностранцевъ.

опять согласно съ мнѣніемъ мин. фин., нашелъ еще неудобнѣе оставить ихъ въ неурожайной мѣстности, а такъ какъ было получено донесеніе, что урожай на пути ихъ слѣдованія хорошъ, то Ком. мин. положилъ, не дожидаясь согласія кавказскаго начальства, двинуть тѣхъ, кто пожелаетъ. Положенія эти были утверждены. Тогда Левашовъ представилъ на разрѣшеніе самый вопросъ о положеніи казаковъ, крайне бѣдственномъ отъ обезземеленья и другихъ, отчасти политическихъ, а отчасти экономическихъ причинъ (неправильное распредѣленіе подушной подати, недоимки, которыя взыскивались даже «жестокими мѣрами», неурожаи 1828, 1833—34 гг.; въ отеч. войну вооруженіе казакамъ стоило 40 милл., въ 1831 г.—½ милл., лишеніе дохода съ промысла соли, запрещеніе продажи казенныхъ земель—понизило цѣны на нихъ и т. п.). Съ своей стороны онъ рекомендовалъ лучшую организацію переселеній бѣдныхъ казаковъ (на правительственный счетъ), отмѣну общественной поруки и измѣненіе порядка сбора податей. По каждому изъ этихъ пунктовъ Канкринъ представилъ подробныя возраженія, одобряя переселеніе, но не принудительное, а поощряемое лишь пособіями и льготами съ тѣмъ, чтобы издержки на него раздѣлялись между казною и обществами. Сверхъ того, замѣчалъ Канкринъ, слѣдуетъ всегда помнить, что доколѣ у казаковъ будетъ вольная продажа вина, не поправятся до тѣхъ поръ ни казаки, ни Малороссія. Ком. мин. высказался также за переселеніе, дозволивъ его всѣмъ тѣмъ, кто захочетъ поступить въ казенные крестьяне [1]).

Уже при Левашовѣ началась перестройка Кіева въ широкихъ размѣрахъ [2]); при немъ вводились измѣненія во внутреннемъ

---

[1]) Ibid., 220—222.

[2]) Въ 1834 г. утверждено было положеніе объ учрежденіи строительнаго комитета въ Кіевѣ и о строительной его части, объ учрежденіи квартирной коммиссіи, о прибавкѣ 6-й полиц. части и пр. (Второе П. С. зак., т. IX, №№ 6704; 7525; 7562; 7451; Варадиновъ, III, кн. I, 613); планъ города (ib., кн. II, 312); о замощеніи улицъ (ib. 145).

бытѣ края, съ бо́льшей системой и настойчивостью проводившіяся при Бибиковѣ; при немъ же открытъ (учр. 14 дек. 1832) былъ Кіев. учеб. округъ, а затѣмъ и университетъ; по настояніямъ фонъ-Брадке и при поддержкѣ гр. Левашова, которому такъ не сочувствовалъ его кратковременный преемникъ (гр. Гурьевъ), «ненавидѣвшій всѣ университеты», по выраженію фонъ-Брадке [1]). Преемникъ же Гурьева пожелалъ въ самомъ началѣ стать и попечителемъ округа (какъ утверждаетъ тотъ же фонъ-Брадке), что́ случилось уже позже. При Левашовѣ, въ 1834 г. образовалось въ Кіевѣ акціонерное Общество приготовленія искусственныхъ минеральныхъ водъ [2]). Въ 1835 г. разрѣшено было въ Кіевѣ держать постоянную русскую труппу подъ управленіемъ особой дирекціи съ пособіемъ отъ города [3]) и тогда же положено было начало постоянному дворянскому собранію; по объ этихъ явленіяхъ, имѣющихъ тѣсную связь съ общественной жизнію города, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Предпріимчивый кіевскій войтъ (бывшій) надв. сов. Киселевскій просилъ въ 1835 г. ген. губ. принять подъ свое покровительство учреждаемую имъ, по выс. утвержденному положенію Комит. мин-овъ, «Контору первоначальнаго заведенія дилижансовъ и транспортовъ». Послѣдніе направлялись (два раза въ недѣлю) изъ Кіева на Москву (ц. 125—75 р. ассигн.) и изъ Кіева на Петербургъ (ц. 213—90 р. ассигн.), о чемъ ген.-губ. увѣдомилъ губернаторовъ кіевскаго, черниговскаго и полтавскаго [4]).

---

[1]) Автобіогр. записки (Р. Арх. 1875, I, 281—82). Гр. Бутурлинъ называетъ его «тяжелослогимъ» (Р. Арх. 1897, № 8, с. 571). Кіевляне лишь помнятъ его дѣйствія, если при проѣздѣ экипажей не держались правой стороны, за что сурово доставалось отъ полиціймейстера—нѣмца (К. Стар. 1882, III, 64).

[2]) Оно помѣщалось сначала въ оставшемся отъ пожара (1819 г.) дворца флигелѣ, а потомъ въ отдѣльномъ заведеніи, также выстроенномъ въ Царскомъ саду. Въ другомъ флигелѣ въ 1835 г. находилась гостиница (Зап. Бутурлина, Р. Арх. 1897, № 8, с. 596).

[3]) Закревскій, 833.

[4]) Кіев. Стар. 1903, № 12, с. 134.

XVI.

Въ 1829 г. (23—25 іюня) послѣ коронаціи въ Варшавѣ и смотра въ Тульчинѣ императоръ Николай посѣтилъ въ первый разъ (послѣ 1816 г.) Кіевъ [1]), вмѣстѣ съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ, осматривалъ городъ и древности Софійскаго собора [2]). Въ это время въ Кіевѣ было получено извѣстіе о взятіи (18 іюня) крѣпости Силистріи. «Желая сохранить городу Кіеву памятникъ сего важнаго событія, читаемъ въ рескриптѣ на имя военнаго губернатора П. Ѳ. Желтухина (1827—1830) назначаю оному одинъ изъ ключей покоренной крѣпости и три знамени, изъ числа взятыхъ при семъ случаѣ храбрыми нашими войсками, повелѣвая хранить сіи трофеи побѣды въ соборномъ храмѣ св. Софіи» [3]). И въ тотъ же день (25 іюня), осматривая крѣпостныя работы, производимыя плѣнными турками, императоръ далъ повелѣніе: избрать изъ числа ихъ 200 человѣкъ старшихъ и имѣющихъ семейства и отправить ихъ на родину [4]).

Вслѣдъ за тѣмъ императоръ Николай посѣтилъ Кіевъ въ 1830 г. (31 мая—2 іюня). По поводу настоящаго его пребыванія современникъ пишетъ: «1-го іюня слушалъ обѣдню въ

---

[1]) Онъ останавливался въ ген.-губ. домѣ.

[2]) Записки Бенкендорфа (Шильдеръ, II, 235—38). Нѣсколько ранѣе (17—20 сент. 1828), проѣздомъ изъ Одессы черезъ Кіевскую губ. посѣтила Кіевъ имп. Александра Ѳеодоровна съ вел. кн. Маріей Николаевной и подробно осматривала городъ и его святыни (см. двѣ записки объ этомъ, одна—оффиц., а другая, сост. митр. Евгеніемъ, Кіев. Стар. 1902, №№ 7—8, с. 15—20). Въ томъ же году была въ Кіевѣ и вел. кн. Елена Павловна (Отеч. Зап. 1830, т. XLI, 491).

[3]) По поводу этого дара въ современныхъ кіев. записяхъ читаемъ: «церемоніально были возимы (6 авг.) по всему городу городскою реестровою гвардіею, взявши оныя (ключъ и знамена) изъ крѣпости (арсенала) и доставлены въ соборъ» (Кіев. Стар. 1884, VIII, 692), гдѣ они находятся и до сихъ поръ (Опис. Кіево-Соф. собора, пр. П. Л., 50).

[4]) Митр. Евгеній, Опис. Кіево-Печерской лавры, стр. 95 и д.; Закревскій, 123.

Софійскомъ соборѣ, вечеромъ посѣтилъ балъ, данный дворянствомъ и гражданами въ контрактовомъ домѣ» [1]). Въ этотъ пріѣздъ государь повелѣлъ гражданамъ перемѣнить польскіе мундиры на обыкновенные гражданскіе, присвоенные дворянскимъ чиновникамъ [2]). Посѣщенія эти несомнѣнно оказали вліяніе на приведеніе въ порядокъ города и усиленіе его военнаго значенія. Мы видѣли, что еще въ 1816 г. предполагалось въ Кіевѣ построить сильную крѣпость, но мысль эта тогда была оставлена. Вскорѣ же по окончаніи турецкой войны, а именно въ 1830 г., началось возведеніе громаднаго укрѣпленія изъ прекраснаго кіевскаго кирпича въ Печерской части города, состоящеее изъ нѣсколькихъ цитаделей, закончившееся только въ 1852 г. А такъ какъ крѣпость дожна была занять многія мѣста, застроенныя домами жителей, то, по уплатѣ за каждое строеніе и мѣсто, послѣднимъ отведены были свободныя мѣста по рѣкѣ Лыбеди, положившія начало новой части города, получившей названіе Новаго строенія [3])—это такъ называемый потомъ латинскій кварталъ г. Кіева, гдѣ сосредоточивались долгое время квартиры большинства учащихъ

---

[1]) Въ то время находили это помѣщеніе для бала обширнымъ. Предварительно, на пути въ Кіевъ, онъ посѣтилъ въ Б. Церкви гр. Браницкую (К. Стар. 1896, № 10, с. 10).

[2]) Кіев. Стар. 1884, VIII, 692. Состоялось это при представленіи 1 іюня воен-губ. Княжнинымъ членовъ кіев. магистрата. По этому случаю Е. В. выс. повелѣть соизволилъ: «Костюмъ или мундиръ, издревле членами магистрата сего употребляемый, стараго польскаго покроя, отмѣнить, а употреблять онымъ членамъ мундиръ россійскій», о чемъ войтъ предложилъ магистрату для должнаго исполненія, а магистратъ почтеннѣйше донесъ о томъ воен. губ-ру, подписывая такъ: «Е. И. В. прародительской Отчины Богомъ хранима града Кіева бургомистры: Пав. Рожнятовскій, Ант. Лакерда; ратсгеры: Ром. Барскій и Коробкинъ» (К. Стар. 1901, №№ 7—8, сс. 15—16).

[3]) Вблизи него находилась мѣстность Паньковщина, принадлежавшая Софійскому собору и состоявшая въ вѣдѣніи митр. намѣстниковъ Паньковъ (въ XVI в. о нихъ упоминается въ актахъ), съ которыми приходилось тягаться изъ-за земли Михайловскому и Никольскому мон. (Закревскій, 233, 349, 384, 514, 567).

и учащихся; а передъ второй турецкой войной (1853—55) зданіе присутственныхъ мѣстъ, находившееся въ виду крѣпости (гдѣ нынѣ Александровскій скверъ), было срыто и заложено (15 іюля 1854) новое на площади между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ, по плану архитектора Скаржинскаго,—это обширное каменное зданіе, частью въ 3, а частью въ 4 этажа, представляющее соединеніе нѣсколькихъ корпусовъ и стоившее казнѣ до 400000 руб. (оно оконч. было въ 1857 г. [1]). Въ томъ же году заложенъ былъ каменный театръ, построен. на площади по Владимірской ул., по плану архит. Штрома, стоимостью въ 130000 руб., неоднократно подвергавшійся потомъ передѣлкамъ и сгорѣвшій въ 1896 году [2]).

Почти одновременно съ основаніемъ новой крѣпости состоялось окончательное перемѣщеніе изъ Могилева главной квартиры первой арміи (1830), состоявшей подъ начальствомъ кн. Остенъ-Сакена, въ связи съ чѣмъ находится прибытіе въ Кіевъ главнаго штаба, генералитета, индендантства, аудиторіата и другихъ военныхъ коммиссій [3]); а размѣщеніе въ городѣ военныхъ управленій и значительнаго числа войскъ вызвало постройку новаго (1835—45) обширнаго (на мѣстѣ прежнихъ деревянныхъ зданій) каменнаго госпиталя, состоящаго изъ трехъ огромныхъ корпусовъ на 1800 чел. больныхъ, съ значительнымъ при немъ штатомъ служащихъ и прислуги [4]).

---

[1]) Закревскій, 125—26, 382—83, 432; 743: Мѣсто, занятое нынѣ присут. мѣстами, представляло совершенный пустырь, на которомъ росла трава и стояли первобытныя кузницы, въ виду Михайловскаго мон. и Софійскаго собора.

[2]) Закревскій, 833. Прежній театръ на Крещатикѣ былъ срытъ въ 50-хъ годахъ и застроенъ усадьбою Гудимъ-Левковича, въ которой открылась Европейская гост., сущ. по настоящее время. До отстройки новаго театра представленія давались на Подолѣ въ зданіи, занятомъ потомъ арест. ротами, а затѣмъ приспособленномъ для Александровскаго ремесл. училища, по завѣщанію купца Котляревскаго.

[3]) Закревскій, 123.

[4]) Ibidem, 274. Уже въ 1857—58 г. возведены еще два каменныхъ въ два этажа корпуса—казармы и три огромныя круг-

Изъ лицъ жившихъ въ Кіевѣ, говоритъ фонъ-Брадке, особенно замѣчательны были 80-лѣтній слишкомъ фельдм. кн. Сакенъ (Фаб. Вильг.) и нач. его штаба ген. лейт. Муравьевъ (Ник. Ник., потомъ Карсскій). Сакенъ былъ не женатъ, но имѣлъ много незаконныхъ дѣтей и былъ въ нравахъ своихъ вообще грязноватъ... Впрочемъ онъ былъ человѣкъ большого ума и отличныхъ военныхъ познаній [1]... Муравьевъ впослѣдствіи кавказскій намѣстникъ, человѣкъ вел. духа и отличныхъ военныхъ способностей. Онъ зналъ нѣсколько европейскихъ и восточныхъ языковъ, читалъ много и основательно. Онъ былъ горячо преданъ своему исповѣданію и строгъ въ правилахъ [2], но высокомѣренъ, причудливъ и рѣзкаго нрава... Позднѣе его постигли большія непріятности по службѣ, къ которымъ онъ отнесся чрезвычайно раздражительно, просилъ отставки, дожидался ея въ Кіевѣ и дѣйствительно получилъ [3]. Ему пришлось на первыхъ порахъ столкнуться съ крупными злоупотребленіями по интендантской части. Фельдмаршалъ, по словамъ Муравьева, находился въ рукахъ трехъ лицъ (ген. Красовскаго и Карпова) и главнымъ образомъ правителя своей канцеляріи (Квиста). Послѣдній дѣйствовалъ даже посредствомъ женщинъ, къ которымъ фельдмаршалъ при старости своей имѣлъ еще непомѣрную слабость. «Въ бытность мою въ Кіевѣ, говоритъ Муравьевъ, я составилъ записку, въ которой изложилъ горестное состояніе, въ какомъ находятся войска въ нравственномъ отношеніи. Въ запискѣ сей были показаны причины упадка духа арміи, побѣговъ, слабости

лыя башни. Въ одномъ изъ первыхъ помѣщено было училище кантонистовъ, а потомъ (съ 1859) Военное училище (Закревскій, 337).

[1]) Онъ жилъ въ соб. домѣ, нынѣшнемъ губернаторскомъ (Закревскій, 124). Н. Н. Муравьевъ также хвалитъ его способности и дарованія (Р. Арх. 1894, III, 165).

[2]) Въ Кіевѣ онъ принялся было за обращеніе гр. Бутурлиной, перешедшей въ католизмъ (Р. Арх. 1897, № 8, стр. 594). Извѣстный церковный писатель А. Н. Муравьевъ—его родной братъ.

[3]) Рус. Арх. 1875, I, 282—283. Записки его (Муравьева) помѣщены въ Р. Арх. 1894 г. (№ 10). Мѣсто его занялъ П. С. Кайсаровъ (Р. Арх. 1897, № 574, 588—89).

людей, заключающіяся большею частію въ непомѣрныхъ требованіяхъ начальства, частыхъ смотрахъ, поспѣшности, съ коей старались образовать молодыхъ солдатъ и, наконецъ, въ равнодушіи ближайшихъ начальниковъ къ благосостоянію людей имъ ввѣренныхъ». Записка эта была представлена, но результатовъ не имѣла... «Государь хотѣлъ заблуждаться на счетъ войскъ, и трудно было увѣрить его въ противномъ, когда онъ самъ, видя войска, какъ бы искалъ утѣшить себя мнимыми совершенствами, упуская изъ вида то, что составляетъ самое важное» [1]), замѣчаетъ Муравьевъ.

При Левашовѣ началось распланироваіе бывшаго урочища Кловъ (Липки), назначены были мѣста подъ постройку частныхъ домовъ и вскорѣ явились здѣсь деревянныя постройки, хотя это обстоятельство заставляло кіевлянъ сожалѣть о старинной липовой рощѣ, бывшей нѣкогда украшеніемъ города [2]). Вотъ любопытный разговоръ, происходившій между имп. Николаемъ I и Н. Н. Муравьевымъ (Карсскимъ) въ 1835 г., свидѣтельствующій о вниманіи государя къ устройству Кіева: «Украпляется-ли у васъ Кіевъ? спросилъ государь.—Есть новыя строенія; но за то лучшее украшеніе города, цѣлыя ряды тополей, срубаются.—Зачѣмъ это? Гдѣ эти тополи были? Я ихъ не помню.—Тополи были по улицамъ около домовъ, а рубятъ ихъ, чтобы спрямить улицы.—Гдѣ ихъ спрямляютъ? [3]). Въ разныхъ мѣстахъ

---

[1]) Р. Арх. 1894, № 10, стр. 181—184, 192—195.

[2]) Рус. Архивъ 1894, III, 198.

[3]) Въ 20-хъ годахъ лучшею частью на Печерскѣ считалась «Липки», названная такъ по аллеѣ великолѣпныхъ липъ, обращенной потомъ въ бульваръ (Кіев. Стар. 1882, IV, 615, 617). Въ 1833 г. Кловская липовая роща была истреблена (Закревскій, 388). Другой свидѣтель называетъ это дѣло «вандализмомъ» и прибавляетъ: «Во фронтовомъ своемъ рвеніи соблюдать, елико возможно, прямую линію, Левашовъ выровнялъ бугроватые откосы одной изъ гористыхъ улицъ, и работа эта исполнена была столь поспѣшно и повидимому неожиданно, что въ одномъ мѣстѣ, какъ передано было мнѣ, одинъ несчастный аптекарь лишился будто бы всякаго приступу къ своему

и между прочимъ близъ сада.—Какъ торговля въ Кіевѣ? Улучшается ли?— Не полагаю Ваше Величество; купцы тамъ болѣе пріѣзжіе, а съ уничтоженіемъ главной квартиры они очень обѣднѣють: ибо мы тамъ издерживали до милліона рублей въ годъ. —Если перевести Бердичевскую ярмарку? [1]). Но я полагаю сіе невозможнымъ. Какъ ты думаешъ о семъ?—Я думаю, Государь, что ярмарки учреждаются безусловно по обстоятельствамъ и надобностямъ народа, а потому и полагаю, что правительство не можетъ назначать и переводить ихъ, какъ равно и торговыя дороги.—Подвигаются-ли крѣпостныя работы? Подвигаются и отдѣлка каменныхъ стѣнъ очень чистая.—Какъ идетъ университетъ?—Это одно изъ лучшихъ заведеній въ Кіевѣ.—Тамъ Брадке управляетъ имъ (съ 1834 г.), онъ человѣкъ знающій», прибавилъ государь [2]).

Между тѣмъ у фельдмаршала возникли большія несогласія съ Левашовымъ, перешедшія въ болѣе острыя отношенія, окончившіяся отозваніемъ (1836) послѣдняго [3]), впрочемъ уже не задолго до смерти Остенъ-Сакена (7 апр. 1837 [4]). Предпринятая перестройка города была завершена при Бибиковѣ.

Еще въ 1834 г. (7 янв.) утверждено было положеніе объ устройствѣ Кіева, имѣвшее цѣлью украшеніе города правильными и прочными зданіями, исправнымъ содержаніемъ домовъ, заборовъ, мостовъ, публичныхъ зданій, садовъ и т. п. [5]). Много

дому, потому что обрывъ горы подходилъ къ самому его крыльцу» (Записки гр. М. Д. Бутурлина, Р. Арх. 1897, № 8, стр. 595).

[1]) Политическая сторона этого вопроса выяснится далѣе.

[2]) Рус. Архивъ, 1894, III (№ 10), стр. 289--290.

[3]) Фонъ-Брадке, стр. 281. «Гдѣ его заслуги, говорилъ за обѣдомъ Сакенъ? Я 69 лѣтъ служу вѣрно государю; а онъ что дѣлаетъ? Рубитъ деревья въ Кіевѣ, да дома ломаетъ, и что онъ больше умѣетъ дѣлать? Пора его отсюда вонъ; онъ не радѣетъ объ общемъ благѣ» (Р. Арх. 1894, № 10, стр. 198—206—исторія ссоры).

[4]) Р. Стар. 1904, № 9, стр. 652. Названная впослѣдствіи Левашовская ул. въ Липкахъ носила прежде названіе Шелковичной.

[5]) Закревскій, I, 104.

содѣйствовали также улучшенію города частыя посѣщенія импер. Николаемъ Кіева (1832 [1]), 1835, 1837 [2]), 1840 [3]), 1843 [4]), 1844, 1845, 1847, 1852 [5]), въ устройствѣ котораго онъ принималъ близкое участіе, руководствуясь то военными, то археологическими соображеніями [6]). Послѣднихъ мы коснемся далѣе, въ своемъ мѣстѣ. Въ 1837—1848 гг. планированіе распространилось и на древніе валы Стараго Кіева, гдѣ проведены новыя улицы (Владимірская, Михайловская, Житомирская и др. [7]), вслѣдствіе чего эта часть города совершенно измѣнилась. Въ свою очередь, наводненія, происходившія отъ разлива Днѣпра и чрезвычайныхъ дождей, которымъ весьма часто подвергался Кіевъ (1826, 1839, 1844, 1845, 1848, 1849, 1853), заставили обратить вниманіе на укрѣпленіе его горъ и предохраненіе жителей отъ возможныхъ случайностей [8]). Поэтому въ теченіе 1839—49 гг. произведена была обдѣлка Александровской горы, укрѣплена часть откосовъ Андреевской горы, требовавшей, однако, постояннаго вниманія, по причинѣ своего грунта, кіево-подольскій каналъ (въ просторѣчіи наз. канавою) возобновленъ, вымощенъ по дну камнемъ, берега уложены дерномъ и обнесены перилами, а по сторонамъ его засажены въ два ряда деревья. Бульваръ этотъ долгое время слу-

---

1) Ж. М. Н. Пр. 1836, № 11, с. 265.

2) В. Я. Шульгинъ, Ист. унив. св. Владиміра, 226 (въ 1837 г. посѣтилъ Кіевъ и наслѣд. цес. Александръ Николаевичъ); о пребыв. въ 1837—въ зап. Бенкендорфа, о постройкѣ крѣпости и моста. Имп. Николай сказалъ: «открытый мною камень лучше мрамора» (Ист. Вѣст. 1903, № 2, стр. 454). Вторично наслѣд. цесаревичъ былъ въ 1852 г.

3) Владимірскій-Будановъ. Ист. унив. св. Владиміра, 254, 265, 288, 299; Записки П. Д. Селецкаго (К. Стар. 1884, VIII, 285—290).

4) Барсуковъ, Погодинъ, VII, 271.

5) Закревскій, стр. 121—127.

6) Послѣдняя прежде называлась Навозною (Москвит. 1843, № 3, стр. 258). Таково было состояніе Стараго города! Припомнимъ отзывъ м. Самуила.

7) Закревскій, 124, 378.

8) Тамъ-же, 124—127, 271.

жилъ мѣстомъ прогулокъ для подолянъ, пока не былъ снова запущенъ [1]).

Часть Подола за канавою съ 1844 г. была распланирована, расчищена и застроена. Наводненіе 1845 г. побудило многихъ жителей Подола и Плоской части переселиться на прилежащія къ нимъ возвышенности отъ Житомирской дороги до Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній [2]). Въ то же время произведены были нѣкоторыя сооруженія, содѣйствовавшія благоустройству города и улучшенію его сношеній. Еще въ 1843 г. началась обдѣлка Михайловской горы и Александровскаго спуска съ Печерска на Подолъ, законченная въ 1849 г., и работы по устройству набережной отъ Цѣпного моста вдоль Подола, приведенныя къ концу въ 1860 г., и стоившія нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Въ 1848—1853 г. построенъ былъ Цѣпной мостъ черезъ Днѣпръ (вмѣсто временно наводившагося со времени Петра В.), по проектамъ и планамъ англійскаго инженера Шарля де-Виньоля, который былъ и строителемъ его [3]). Стоимость этого моста полагаютъ въ 2350000, а число работавшихъ при немъ простиралось свыше 2000 чел. Въ 1855 г. устроена набережная дорога отъ Неводницкой пристани къ Выдубецкому монастырю. Въ то же время (1852—1860) начались работы по отдѣлкѣ спуска (Панкратьевскаго), отъ Военнаго собора къ Цѣпному мосту и набережной отъ

---

[1]) Перечень замѣч. событій, новостей и пр. о Кіевѣ (Москвит. 1843, № 3, стр. 258—259). Смывши постепенно нижнюю часть косы и поглотивъ р. Почайну, Днѣпръ сталъ отмывать материкъ Подола, уничтоживъ постепенно до 300 домовъ, пока не положенъ этому предѣлъ устройствомъ по всему его протяженію отъ канавы до крещатицкаго источника ок. 1840 г набережной изъ туровъ и фашинника (К. Стар., 1884, т. X, 252).

[2]) Опис. Кіев. губ., изд. Фундуклеемъ, (Журавскаго), I, 329; Закревскій, I, 382; Кіевъ въ 1843 г., К., 1846.

[3]) Къ постройкѣ этого моста относятъ легенду, разсказанную бытописателемъ Лѣсковымъ, въ повѣсти «Запечатлѣнный ангелъ», но такое толкованіе было отвергнуто самимъ авторомъ (К. Стар. 1883, V, 707—708). Ср. еще зам. о мостѣ (ib. 1884, т. IX, № 6, с. 345). Подр. опис. работъ (Москвитян. 1852, № 1, вн. изв., 17—21; Фундуклей, III, 223—233).

него вдоль Подола. Одновременно съ мостомъ въ 1853 г. былъ освященъ бронзовый памятникъ св. Владиміра, работы бар. Клодта, выдвинутый на уступѣ Михайловской горы, откуда открывается живописный видъ почти на весь Подолъ и Заднѣпровье [1]).

Повидимому вопросъ о мостовыхъ составлялъ всегда больное мѣсто въ кіевскомъ городскомъ хозяйствѣ [2]). Въ 1844 г. глав. управленіе путей сообщенія предписало произвести въ Кіевѣ опыты устройства искусственнаго «шоссе изъ обоженной глины», въ виду недостатка во многихъ мѣстахъ пригоднаго для дорожныхъ работъ камня. Пробное шоссе было устроено отъ съѣзжаго дома Дворцовой части до квартиры начальника губерніи; по 8 мая 1845 г. строительная коммиссія донесла ген.-губ., что отъ безпрестанной по оному шоссе ѣзды экипажами, а при сухой погодѣ отъ настланнаго кирпича, происходитъ несносная пыль, покрывающая толстымъ слоемъ стѣны и крыши домовъ; а такъ какъ въ этомъ участкѣ улицы предполагалось квартированіе вел. кн. Константина Николаевича, то администрація распорядилась замѣнить шоссе попрежнему мостовой. Однако, изъ сообщенія главноуправл. путями сообщенія (Клейнмихиля) узнаемъ, что подобный же опытъ въ Екатеринославѣ, въ противность кіевскому (!), увѣнчался полнымъ успѣхомъ, почему онъ просилъ вторично испытать новый типъ шоссе. Округъ распорядился замостить участокъ на Лютеранской ул. и отъ Шелковичной (Левашовской) до Университетскаго спуска и по спуску, но въ окт. 1860 г. кирпичныя шоссе признаны негодными и отъ дальнѣйшихъ съ нимъ опытовъ отказались [3]). Между тѣмъ, въ 1855 г. и. д. губернатора писалъ: «Во многихъ улицахъ города вымащиваютъ мостовыя весьма недобросовѣстно. Я не техникъ, но не могъ

---

[1]) Журавскій, III, 222—223; Закревскій. 126—128, 223—425, 551—553.

[2]) Въ 1835 г. были устроены мѣстные комитеты для изысканія мѣръ о постепенномъ вымощеніи всѣхъ губерн. городовъ и Кіевъ стоялъ на первой очереди (Варадиновъ, ч. III, кн. II, 145).

[3]) Кіев. Стар., 1901, т. LXXII, № 3, с. 155.

этого не замѣтить». И онъ приписывалъ это отсутствію всякаго надзора со стороны тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ [1]).

XVII.

Въ выс. указѣ отъ 23 ноября 1835 г., данномъ Правит. Сенату, было выражено: «Въ особенномъ Нашемъ вниманіи къ благосостоянію г. Кіева, желая всемѣрно способствовать успѣхамъ населенія его и промышленности, признали нужнымъ обозрѣть въ подробности настоящій порядокъ его управленія. Изъ свѣдѣній, по сему Намъ представленныхъ и въ Государственномъ Совѣтѣ подробно разсмотрѣнныхъ, удостовѣрясь, что сей порядокъ несоотвѣтствуетъ существеннымъ выгодамъ города и что права, нѣкогда ему данныя *и на первый случай* впредь до усмотрѣнія подтвержденныя, одни давно уже сами собою прекратились, другія же въ теченіи времени и съ перемѣною мѣстныхъ обстоятельствъ, измѣнясь въ ихъ дѣйствіи, обратились во вредъ и отягощеніе цѣлому составу городскаго общества, признали Мы за благо, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, постановить: 1) для управленія городскихъ хозяйственныхъ дѣлъ учредить въ г. Кіевѣ, по примѣру другихъ городовъ, на основаніи городоваго положенія Городскую думу; затѣмъ упразднить городскую коммиссію и передать ея дѣла въ думу; 2) присвоить магистрату Кіева въ отношеніи губернскаго начальства и судебныхъ мѣстъ всѣ права и обязанности, какія присвоены прочимъ магистратамъ [2]); 3) освободить городское общество отъ содержанія городской стражи (2000 чел. пѣхоты и 500 конницы, съ артиллеріей), какъ отъ повинности для благоустройства города по настоящему его положенію безполезной; 4) распространить рекрутскую повинность на всѣхъ мѣщанъ, приписанныхъ къ городу послѣ ревизіи 1782 г., а со старожилыхъ

---

[1]) Ibid, 1903, т. LXXXIII, № 11, с. 60.

[2]) Подробнѣе о положеніи магистрата въ связи съ перемѣнами въ городскомъ управленіи, см. И. М. Каманинъ, Послѣдніе годы самоуправл. Кіева по магдеб. праву (Кіев. Стар. 1888, № 9, стран. 597—621).

взыскивать по 1 т. руб. за каждаго слѣдуемаго съ нихъ рекрута; 5) подчинить мѣщанъ въ ихъ искахъ о безчестіи общимъ законамъ; тѣмъ же, которые пользовались въ такихъ искахъ шляхетскимъ правомъ, назначить вознагражденіе вчетверо больше, сравнительно съ простыми мѣщанами»[1]). Такимъ образомъ, въ 1835 г. (при ген.-губ. Левашовѣ) въ Кіевѣ отмѣнено было магдебургское право, пожалованное ему въ концѣ XV в. и просуществовавшее нѣсколько столѣтій.

По словамъ одного современника, кіевскіе граждане весьма кичились своими шляхетскими правами и чуть не при каждомъ словѣ повторяли: «мы тоже польскіе шляхтичи». «Городская милиція представляла собою вооруженную силу. Сила эта была не велика численностью, но велика своимъ воодушевленіемъ. Но поляки этого не понимали или не хотѣли понять» (1830—31 г.[2]). Во время польскаго возстанія 1830—31 г. кіевскіе граждане снова снарядили свою милицію, состоявшую на этотъ разъ изъ 1000 чел. пѣхоты и 400 чел. конницы, въ теченіе полугода охраняли Кіевъ и Кіевскій уѣздъ отъ вторжонія непріятеля и получили за то высоч. благодарность. Милиція эта снаряжена была съ разрѣшенія ген. губ. Княжнина, по постановленію магистрата 1 мая 1831 г. Начальникомъ отряда былъ избранъ ратсгеръ магистрата Ив. Гавр. Мажный, тогда уже 60-лѣтній старикъ, команд. имъ до уничтоженія милиціи въ 1835 г., заявившій себя уже по завѣдыванію разныхъ порученій отъ губ. де-Санти (1812) «къ охраненію города отъ опасности». Ближайшимъ помощн. его состоялъ «полковникъ» Ив. Петр. Романовскій, также ратсгеръ маг-та, имѣвшій подъ своимъ нач. «адъютанта»—гражд. Хотяновскаго. Сформированная на военную ногу, милиція эта ограничилась лишь поддержаніемъ порядка внутри города, съ «строгимъ соблюденіемъ правилъ военной дисциплины», по признанію правительства при вторично выраженной благодарности. Старожилы, оче-

---

[1]) П. С. Р. З., т. X, отд. 2-е, прибавл., стр. 47, № 7694, а.

[2]) Записки Чайковскаго (Садыкъ-паши). Рус. Стар. 1896 г., т. LXXXV, № 6, с. 634—35.

видцы бывшихъ церемоній, краснорѣчиво повѣствуютъ о гордой осанкѣ, воинственномъ видѣ послѣдняго командира вооруженнаго корпуса—Мажнаго, его блестящемъ костюмѣ, дорогомъ конѣ, богатой сбруѣ, величественной командѣ [1]).

Между тѣмъ въ польскихъ кругахъ существовало другое мнѣніе. «Здѣсь (въ Кіевѣ) допускали возможность возстанія, говоритъ современникъ, хлопотали о томъ, чтобы столковаться, прійти къ соглашенію; это настроеніе было особенно замѣтно среди кіевскихъ горожанъ». Называя фамиліи тогдашнихъ представителей кіевскаго гражданства (Киселевскіе, Балабухи), онъ продолжаетъ: «Въ то время я зналъ только двухъ людей, которые, преслѣдуя политическія цѣли, старались сблизиться съ кіевскими мѣщанами. То были Іос. Залѣскій и Эдм. Росцишевскій; прочіе сторонились какъ отъ помѣщиковъ изъ Заднѣпровья, которыхъ съѣхалось на контракты очень много, такъ и отъ кіевскихъ мѣщанъ. Среди жителей Кіева царствовало такое оживленіе, какого мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть... Народъ съ восторгомъ вспоминалъ времена казачества и гетманства» [2]). Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же авторъ ставитъ въ зависимость съ этимъ движеніемъ и уничтоженіе самой милиціи. «Въ Кіевѣ, говоритъ онъ, начались аресты и высылки, а въ результатѣ готовность, высказанная кіевлянами, примкнуть къ возстанію, была причиною

---

[1]) Кіев. представительство (К. Стар. 1882, II, 191). Насколько эта служба цѣнилась, видно изъ слѣдующаго факта: Антонъ Лакерда обратился въ 1842 г. въ магистратъ о выдачѣ ему свидѣтельства о его службѣ, какъ гражданина и члена магистрата, и о правѣ его на высоч. благоволеніе за охрану Кіева въ 1831; а въ 1833 г. войтъ Киселевскій былъ награжденъ орд. Анны 3-й ст. при рескриптѣ, весьма вѣроятно, за ту же службу (Кіев. Старина 1882, № 7, стран. 186—87). Въ 1815 г. онъ получилъ золотую медаль на Алекс. лентѣ за исправное содержаніе на почтовыхъ станціяхъ курьерскихъ лошадей. Съ 1823—1826 г. состоялъ регментаремъ и т. д. (ib. 1888, № 5, с. 159).

[2]) Зап. Мих. Чайковскаго (Рус. Стар. 1896, т. LXXXV, № 3, стр. 633—35).

окончательнаго распущенія мѣстной милиціи, созданной двумя Болеславами (авторъ полагаетъ, что кіевляне связывали свои привилегіи съ именами двухъ королей этого имени), а Голсевскому, за полезный совѣтъ, который онъ далъ Іос. Залѣскому (см. выше), простили вину и онъ избѣгъ висѣлицы» [1]).

Подобные слухи вѣроятно послужили основаніемъ для другой легенды. По одному семейному преданію, кіевляне, сформировавъ отрядъ, вскорѣ были поражены внезапнымъ изъ Петербурга распоряженіемъ, по которому они устранялись отъ исполненія гарнизонной службы по г. Кіеву и въ то же время самъ войтъ (Г. И. Киселевскій) былъ вытребованъ черезъ фельдъ-егеря въ столицу. Оказалось, что въ польскихъ газетахъ было напечатано, будто-бы войтъ, занявъ своими войсками кіевскую цитадель, водрузилъ на валахъ ея польское знамя и ждетъ прихода поляковъ. Конечно, слухи эти были опровергнуты [2]).

Приговоръ надъ живыми совершился; но оставались еще мертвые участники. Уже, осенью 1836 г. 2-й гильдіи купецъ Сергѣй Тереховъ обратился къ гр. Чернышеву (воен. мин.) съ просьбою исходатайствовать высоч. соизволеніе на принятіе подносимыхъ имъ двухъ однокалиберныхъ чугунныхъ орудій, отлитыхъ якобы въ 1371 г., принадлежавшихъ Кіевской думѣ и ею только-что проданныхъ съ публичнаго торга. Императоръ Николай, какъ цѣнитель древности, повелѣлъ мѣстному начальству выяснить, насколько въ дѣйствительности древни орудія, о которыхъ идетъ рѣчь, почему принадлежали они думѣ и нѣтъ ли въ распоряженіи городскаго управленія какихъ либо другихъ рѣдкостей, которыя

---

[1]) Рус. Стар. 1896, № 8, с 376. Голсевскій, быв. гусар. офицеръ полка Тулинскаго, сидѣлъ, въ кіевской крѣпости за жестокое обращеніе со своими крестьянами. Тотъ же авторъ прибавляетъ, что «это былъ энергичный офицеръ, но онъ не былъ ни хорошимъ человѣкомъ, ни хорошимъ полякомъ (Р. Стар. 1896, № 3, стр. 634).

[2]) Разсказъ объ этомъ былъ напеч. внукомъ войта Ив. Ник. Киселевскимъ въ кіев. газетѣ «Заря», 1882, № 115; ср. Кіев. Стар. 1882, III, № 7, стр. 186—188 (Послѣдняя самозащита г. Кіева, И. М. Каманина).

также предназначались бы къ продажѣ. Ген. губ. гр. Гурьевъ потребовалъ доставить свѣдѣнія, изъ которыхъ выяснилось слѣдующее. Когда въ 1811 г., стоявшій на Подолѣ, общественный домъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ сгорѣлъ, то на пепелищѣ, среди желѣзнаго лома, отысканы были двѣ пушки, одинъ необыкновенной длины ружейный стволъ и 600 старыхъ, къ употребленію негодныхъ, пикъ: послѣднія изготовлены въ 1806 г. для милиціонеровъ. Сверхъ того, въ домѣ быв. войта хранились уже извѣстные намъ фигура архист. Михаила, статуя богини правосудія и гербъ двухглаваго орла. Свѣдѣнія о нихъ въ магистратскомъ архивѣ не оказалось, такъ какъ онъ тогда же сгорѣлъ. Въ 1836 г. дума постановила гербъ города съ вѣсами правосудія и ружейный стволъ, по очевидной древности, оставить безъ продажи, а пушки и пики продать: первыя изъ-нихъ пошли за 14 руб., а вторыя куплены евреямъ Гребенемъ за 12 р. Почему оружіе своевременно не сдано въ архивъ ни дума, ни магистратъ объяснить не могли. По уплатѣ израсходованныхъ денегъ Терехову, пушки и пищаль были переданы въ арсеналъ; пики оставлены у покупщика, а гербъ и вѣсы правосудія опредѣлено было хранить. Терехову выражено было монаршее благоволеніе [1]). Пушка съ надписью 1371 (отлита въ XVIII в.), очевидно, была доставлена въ Петербургъ и хранится тамъ въ кронверкскомъ музеѣ, а другая и по настоящее время находится въ кіев. артиллерійск. складѣ. Но кромѣ означенныхъ орудій, съ 1831 г. въ арсеналѣ хранилось семь пушекъ (1757, 1768), четыре единорога (надпись: «города Кіева Общей думы», 1790) и одна гаубица (ломъ), «изъ коихъ два раза въ годъ кіевское купечество и мѣщанство, составляя вооруженный строй, 6 янв. слѣдовало за духовною процессіею къ Іордани, а 1-го авг. на церковномъ парадѣ, производило холостую пальбу». Сообщая объ этомъ инспектору арсеналовъ (1836), командиръ кіев. арсенала писалъ, что, согласно высоч. волѣ, объявленной г. мин. воен. дѣлъ, таковое шествіе отмѣнено

---

[1]) Кіев. Стар. 1901, № 3, стр. 155—157 (Кіев. магистр. пушки, съ описаніемъ ихъ).

и уповательно оныя орудія въ магистратъ обращены не будутъ, то имѣетъ онъ честь покорнѣйше просить записать мѣдныя орудія въ ломъ мѣди, а гаубицу передать въ гарнизонъ въ ломъ чугуна». Однако инсп. арсеналовъ предписалъ: «орудія хранить, выдавая таковыя магистрату для всѣхъ церемоній, при коихъ употребленіе орудій было въ обычаѣ». Впрочемъ, въ томъ же году часть ихъ поступила въ артил. складъ въ Петербургѣ для украшенія залы, а другія, какъ полагаютъ, въ разное время переданы были въ кронверкскій музей [1]).

Такимъ образомъ, по выраженію одного изъ историковъ этихъ событій, «прародительская его импер. велич. вотчина, богоспасаемый городъ Кіевъ, лишился своего готическаго, средневѣковаго устройства: прежній магистратъ, подчиненный непосредственно Сенату, переименованъ былъ въ городскую думу, поставленную въ зависимость отъ мѣстныхъ губернскихъ властей; мѣсто непремѣннаго войта заступилъ городской голова; исчезли старые ратманы, шафаръ, лавникъ и инстигаторъ; исчезли товарищи золотой корогвы, вмѣстѣ съ цеховой милиціей; исчезли богоявленскій и маккавейскій парады, въ которыхъ эта милиція въ послѣднее время цвѣтными кунтушами, да холостыми выстрѣлами изъ пушекъ и пищалей все еще проявляла свою старую воинственность. Давно уже погибло содержаніе, оставалась одна старая, довольно невиная форма, имѣвшая значеніе историческаго антика, по которой еще долго тосковали вполнѣ преданные правительству старожилые граждане» [2]). Отмѣна означенныхъ привилегій состоялись при особенной обстановкѣ. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней чрезъ полицію созвали все городское представительство,—командировъ и нижнихъ чиновъ, на мѣстѣ, гдѣ происходили ихъ военныя эволюціи, выстроили въ ряды и объявили имъ царскую волю. Магистратъ переименованъ былъ въ думу, а вмѣсто войта велѣно избрать голову—изъ купцовъ, на три года.

---

[1]) Кіев. Стар. 1901, № 5, с. 084—085.

[2]) Юго-Западный Край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова, проф. В. Я. Шульгина (Древн. и Нов. Россія, 1879, II, 116—117).

Сожалѣніе и своего рода плачъ по утерянным старинныхъ правамъ выразились въ современномъ стихотворномъ произведеніи, написанномъ магистратскимъ писаремъ, въ которомъ отразились и мотивы этой печали, и борьба двухъ означенныхъ теченій [1]).

Любопытно, однако, что въ средѣ, близкой къ происшедшимъ событіямъ (магистратской) неясно представляли себѣ основную причину или источникъ этой перемѣны. Въ ней готовы были винить то воен. губ. Левашова (въ стихотвореніи фамиліи воспроизведены вполнѣ), то Кравченка, одного изъ недовольныхъ по поводу бывшихъ выборовъ въ ремесленной управѣ и причинившаго, какъ увидимъ, много бѣдъ представителямъ стараго порядка своими жалобами, но авторъ произведенія тутъ же обѣляетъ его отъ подозрѣнія; то, наконецъ, самого послѣдняго войта Киселевскаго, на котораго, кажется, больше всего падало это подозрѣніе, быть можетъ вслѣдствіе близости его къ властямъ. По крайней мѣрѣ онъ дважды упоминается здѣсь въ такомъ именно смыслѣ [2]). Названное произведеніе писано уже послѣ совершившихся событій и потому авторъ ясно указываетъ, что теперь въ новомъ учрежденіи верхъ взяла партія великороссійская («москаль буде панувать»). Вождями послѣдней являются два лица, бывшія потомъ го-

---

[1]) Скорбь кіевлянъ о потерѣ магдебурскаго права (Кіев. Стар. 1882, II, 352—357).

[2]) Да и въ церкви у недилю
Такъ Призенко (Призъ) говорывъ,
Заблудывшы писля хмилю,
Що се Кисиль натворывъ.
Се винъ натантаривъ,
Левашову щось сказавъ,
Мусывъ той ёму повирыть
Да ввесь городъ расчухравъ
. . . .
Пропылы права не вдяку,
Кисиль въ карты прогулявъ,
Чы пройилы на кульбаку
Да й самыхъ ихъ дидько взявъ.

родскими головами, представители капитала, первый изъ которыхъ (Дехтеревъ) притомъ былъ раскольникъ (пилипонъ, т. е. Филиппова согласія), какъ замѣчаетъ тотъ же авторъ съ неудовольствіемъ [1]).

Въ сущности происшедшая перемѣна въ жизни Кіева была результатомъ постепенно совершавшагося процесса объединенія Ю. З. края съ коренными частями Имперіи, причемъ событія 1830—31 гг., коснувшіяся города, не могли не оказать своего вліянія на общій ходъ этого сліянія. Однако, съ воспоминаніемъ объ отмѣнѣ магдебургскаго права соединяется обыкновенно неясное представленіе о какомъ-то чрезвычайномъ обстоятельствѣ, послужившемъ поводомъ къ отмѣнѣ стараго порядка и оставшемся для насъ неизвѣстнымъ. Одну версію этого необычайнаго событія мы указали выше. Она создалась на политической почвѣ края. Другая, ближе стоящая къ дѣлу, но затемненная, благодаря прежнему порядку судопроизводства, въ настоящее время вы-

---

[1]) Преемникомъ войта кол. ас. Рыбальскаго (1797—1813; см. Опис. Соф.соб., 280; К. Стар., XI, 440, 445) были: и. д. войта Ф. И. Лакерда (1813—1814; К. Стар. 1888, т. XXI, 155, 162); затѣмъ слѣдовали: Мих. Ив. Григоренко, ремесломъ мѣдникъ (1814—1826; ibid., т. VIII, 691; т. XXI, 162) и послѣдній Г. И. Киселевскій, содержатель конной почты и участникъ въ винномъ откупѣ, послѣ отца; въ 1826 г. онъ присутствовалъ на коронаціи имп. Николая I (ibid., т. XXI, № 5, с. 158—159). Город. гол. по екатер. город. полож. 1785 г. были: бунчук. тов. Вас. Копыстенскій (Матер., изд. Андрієвскимъ, II, 9); а затѣмъ Евѳ. Митюкъ (упом. въ сент. 1786 г. и 1787 г. ibid., I. 133—135; Кіев. Стар. 1889, т. XXV, с. 382; тамъ же, 1892, т. XXXVIII, 425) и Григорій Радзицкій (1790, Матеріалы, I, 135; К. Стр. 1888, XXII, № 9, 607). Съ 1835 состояли Парѳ. Мих. Дехтеревъ; Елисеевъ; И. И. Ходуновъ (Закревскій 442, Маркевичъ 25), Бухтѣевъ (1903, № 211, с. 82). Домъ послѣдняго войта, на Подолѣ, въ которомъ вовремя контрактовъ помѣщались лучшіе изъ магазиновъ (вблизи контракт. дома), въ послѣднее время перешелъ въ руки коммерсанта-еврея Sic transit gloria mundi!

яснена по изученіи архивныхъ дѣлъ [1]), изъ которыхъ узнаемъ о широкихъ злоупотребленіяхъ членовъ кіевскаго магистрата, постепенно накоплявшихся и кончившихся для нихъ отрѣшеніемъ по указу Сената 10 авг. 1834 г. отъ всѣхъ занимаемыхъ ими должностей, какъ лицъ состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ,—указу, исполненіе котораго во многомъ зависѣло отъ замѣны шестигласной думой кіевскихъ городскихъ учрежденій, основанныхъ на магдебурскомъ правѣ, и хотя уже подчинявшихся извѣстному контролю, но значительно служившихъ помѣхою для наблюденія администраціи надъ городской автономіей.

Какъ часто случается, означенное дѣло возникло на почвѣ личныхъ столкновеній и неудовольствій, но, вслѣдствіе неотразимыхъ обстоятельствъ, приняло, можно сказать, грандіозные размѣры [2]). Поводомъ же къ тому послужили выборы ремесленнаго головы, происходившіе въ магистратѣ 8 января 1821 г. Выборы производились голосами, а не шарами (очевидно здѣсь сказалась разница стараго и новаго порядка, раньше примѣненнаго), въ присутствіи впрочемъ полиціймейстера (Дурова). Недовольный ихъ исходомъ мѣщ. В. Н. Кравченко вступилъ въ споръ и вызвалъ возраженіе со стороны войта Григоренка и бургом. Лакерды. Присутствовавшіе раздѣлились на партіи и, повидимому, сильнѣйшая изъ нихъ составила опредѣленіе объ исключеніи виновника смуты, какъ человѣка безпокойнаго, изъ мѣщанскаго общества. Попытка къ примиренію не нашла себѣ поддержки. Тогда отъ Кравченка послѣдовалъ рядъ жалобъ и прошеній въ

---

[1]) Дѣло это находится нынѣ въ Кіев. центр. арх. при унив. св. Владиміра. На немъ основанъ очеркъ И. М. Каманина: «Послѣдніе—годы самоуправленія Кіева по магдеб. праву» (Кіев. Стар. 1888, №№ 5 8, 9), которымъ мы и пользуемся въ краткой передачѣ.

[2]) Напомнимъ, что и въ 1786 г. вновь образовавшаяся шестигласная дума потребовала отъ магистрата (въ которомъ бургом. сидѣлъ Як. Гудимъ) выдачи выморочнаго имущества лѣкаря Некиша въ 1500 руб. и капиталъ этотъ съ трудомъ былъ возвращенъ городу (К. Стар., 1889, т. XXV, №№ 5—6, с. 384—385). Быть можетъ здѣсь выразилось соперничество стараго и новаго учрежденій.

разныя правительственныя учрежденія и къ высшимъ сановникамъ о неправильныхъ (подушныхъ) сборахъ, о незаконности произведенныхъ выборовъ и т. п., и губерн. правленіе, признавъ правильность послѣднихъ, не утвердило избранныхъ лицъ, по имѣвшимся о нихъ данныхъ. Тогда возникаетъ весьма неприглядная картина объ отсутствіи росписокъ на пріемъ денегъ, о неправильномъ веденіи счетовъ за много лѣтъ, о невзносѣ значительной суммы въ казначейство изъ собранныхъ денегъ (слѣд. ком. опредѣлила растрату въ 67325 руб., а казенная палата потомъ возвысила до 68557 руб.); расходы магистрата оказались неоправданными документами (тогда является подписка до 650 лицъ объ извѣстности имъ расходовъ); далѣе, по новымъ указаніямъ того же жалобщика, обнаружилось исчезновеніе значительной суммы упомянутаго нами прежде частнаго банка—«общественной коммисіи», располагавшей до пожара 1811 г. капиталомъ въ 600000 р. (сост. изъ частныхъ вкладовъ, вѣроятно, въ к. XVIII стол., на осн. город. положенія 1785 г. [1]), изъ которыхъ 200000 р. были отданы въ оборотъ питейному откупу, но которые будто бы были «скрыты» во время пожара тѣми же лицами, а коммиссія опредѣляла сумму въ 300000 р. и т. п. Когда же дѣло это протянулось до 1828 г., то магистратъ присоединилъ къ нимъ еще нѣсколько лицъ (А. Барскаго, К. Балабуху, Ив. Киселевскаго, А. Лакерду, Н. Болотина, В. Тохая, П. Романовскаго и др.), но почти всѣ они оказались умершими. Дѣйствія, ознаменовавшія эту городскую пертурбацію, сопровождались то сборомъ подписей (650), то собраніемъ членовъ отъ цеховъ (до 200 человѣкъ) и т. п., которые, однако, вызывали новые протесты, какъ сопровождавшіеся обычнымъ принужденіемъ. Въ концѣ концовъ (лишь въ 1842 г.) былъ признанъ безпорядокъ въ веденіи отчетности, однако, въ силу милостивыхъ указовъ 1826 и 1841 гг., отвѣтственность съ членовъ магистрата и ремесленной управы была снята. Съ суммою общест-

---

[1]) Должниками были по преимуществу мѣщане и купцы—домовладѣльцы Кіева, а вкладчиками, кромѣ коренныхъ жителей, лица другихъ сословій и мѣстностей.

венной коммисіи дѣло стояло иначе. Оказалось, что и здѣсь главными распорядителями были назв. лица (бургом. и др.), а въ моментъ пожара 1811 г. векселя и книги находились въ вѣдѣніи у кассира Филипповича (но столъ вынесли на улицу, отлучились, пропалъ безслѣдно)- такова показная сторона. Все это давало удобное положеніе привлеченнымъ къ отвѣтственности для уменьшенія капитала, оттягиванія, непризнанія требованій законными и пр.; но и по старымъ дѣламъ сумма коммиссіи была установлена въ 405486 р. (а по другимъ показаніямъ въ 700000 р.). Дѣло это тянулось до 1827 г. и, по опредѣленію казен. палаты, растрата вычислена была въ 428335 р. Независимо отъ того, были обнаружены злоупотребленія по винному откупу (лица, ѣздившія въ 1811 г. хлопотать о предоставленіи откупа городу, получили изъ суммъ коммиссіи 50000 р., а откупъ взяли на свое имя); а послѣ ревизіи начетъ въ пользу города по откупу былъ сдѣланъ въ 134775 р., и не было, можно сказать, такой доходной статьи, которую не использовали бы въ своихъ интересахъ представители городского общества (пожарная, посаженная, театральная, содержаніе музыки, постройка гостинаго двора и т. п.), по которымъ общую сумму гражд. судъ опредѣлялъ (съ указанной выше) въ 363672 р., не говоря о болѣе мелкихъ (какъ постройка кузницъ, вскорѣ разрушенныхъ горою, по опекѣ, по пріему свиты имп. Николая, во время пріѣзда въ 1832 г. [1]), по пересылкѣ денегъ, церковныя, по выдачѣ свидѣтельствъ, по контрабандѣ, обнаруженной въ лавкахъ), не считая частныхъ подношеній (какъ покупка коровы войту Григоренку, угощеніе ремесленнаго головы Бугаевскаго и т. п.). Милостивые манифесты 1826 и 1841 гг. покрыли бо́льшую часть виновныхъ относительно ихъ личной отвѣтственности, другіе подверглись начетамъ, иные отсиживали въ тюрьмѣ и лишились правъ по выборамъ; нѣкоторые должны были продать дома съ торговъ для удовлетворенія претензій казны, причемъ, однако, продажа ихъ

---

[1]) Подр. вѣдомость закупленныхъ продуктовъ и друг. расходовъ указываетъ на потребности того времени (К. Стар. 1888, № 8, стр. 183–185).

оказалась довольно фиктивною на дѣлѣ. Въ общемъ этотъ обширный процессъ, такъ неожиданно явившійся на свѣтъ наканунѣ отмѣны прежняго порядка, представляетъ растрату въ 1400000 р. ассигн., а по нынѣш. цѣнамъ почти равную такому же количеству руб. серебромъ, т. е. въ девять разъ превышаетъ (на 1829 г.) годовой доходъ города.

Процессъ этотъ заслуживаетъ вниманія и въ другомъ отношеніи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ немъ, видно, что распорядителями въ городскихъ дѣлахъ являлись преимущественно однѣ и тѣ же фамиліи, связанныя родствомъ и другими тѣсными узами, что должности весьма часто наслѣдовались, а съ повышеніемъ старшихъ членовъ семьи передавались младшимъ, которые также успѣшно двигались по чиновной лѣстницѣ магистратской службы, что́, при пожизненности послѣдней, содѣйствовало образованію прочной городской олигархіи. Между общимъ достояніемъ и частнымъ имуществомъ не существовало строгаго различія, а за стремленіемъ къ увеличенію этого послѣдняго забывались общественные интересы, которые обыкновенно замыкались въ тѣсномъ кругѣ только извѣстной части городского персонала [1]). Разсмотрѣнное

---

[1]) Объясняя Сенату заявленную цифру лицъ, одобрившихъ дѣйствія магистрата (до 650), послѣдній говоритъ, что изъ общей цифры полноправныхъ гражданъ (6000 чел.), подписавшіеся составляютъ почетнѣйшее общество, которому одному подлежитъ вѣдать городскія нужды; остальные же или находятся подъ судомъ, или въ безвѣстной отлучкѣ, или сосланы въ Сибирь, или принадлежатъ къ малолѣткамъ, больнымъ, калѣкамъ, старцамъ, умершимъ и пр., и пр.; къ числу же лицъ, лишенныхъ довѣрія, отнесъ онъ и жалобщика Кравченка (№ 5, с. 153). Впрочемъ, такая цифра составилась принудительно, а въ дѣйствительности избирателей было гораздо меньше. Изъ 5517 душъ, числившихся (по ревизіи) въ 1813 г. (старожиловъ—3608 и новоприписныхъ 1909 д.) въ избирательные списки было внесено всего 166 д. (3%), а на выборы явилось лишь 104. Выборы производились шарами, а не голосами —прецедентъ для Кравченка. (К. Стар. 1888, № 9, 607—608). По означенному выше дѣлу можно видѣть весь составъ фимилій, принимавшихъ участіе въ управленіи и дѣлахъ города, прямо или косвенно.

дѣло представляетъ, конечно, выдающееся явленіе по своимъ подробностямъ и характеру. Однако не слѣдуетъ думать, что общественное управленіе въ другихъ городахъ стояло гораздо выше и что новые порядки исцѣлили старые недуги. На пространствѣ 1820—40-хъ годовъ мы имѣемъ заявленія о полномъ упадкѣ думскаго управленія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, не исключая и столицъ; о неизвѣстности имъ своихъ капиталовъ и доходовъ [1]); о томъ, что существенною причиною косности городскаго управленія признаются обособленность и крайній эгоизмъ торгово-промышленнаго класса, завѣдывающаго городскими дѣлами [2]); а на стремленіе къ ихъ улучшенію и расширенію правъ другихъ жителей, представители торговаго сословія отвѣчали обычными угрозами о безпорядкахъ и замѣшательствахъ отъ того могущихъ послѣдовать, просьбами о недопущеніи прочихъ сословій и заявленіями о возможности полной анархіи, вслѣдствіе «совокупленія дворянъ съ другими низшими классами по степени ихъ образованности», и когда состоялась крайне ограниченная реформа петербургской думы, то они же настаивали на возстановленіи прежняго порядка, какъ единственнаго спасительнаго, обвиняя реформу въ опасномъ подражаніи Англіи и Франціи! [3]).

Какъ извѣстно, магистратъ и ратуша завѣдывали теперь въ городахъ судебными дѣлами, составляя первую инстанцію. Въ 1837 г. мин. вн. дѣлъ Блудовъ предложилъ присоединить ихъ къ дѣламъ уѣздныхъ судовъ. Государь велѣлъ спросить купеческія и мѣщанскія общества, желаютъ ли они такой перемѣны? Только 95 городовъ и мѣстечекъ изъявили на то согласіе и къ 1849 г. составлены были Госуд. Совѣтомъ правила этой реформы. Имп. Николай дозволилъ ввести ее, въ видѣ опыта, въ одномъ городѣ; а такъ какъ первымъ, изъявившимъ на нее согласіе, былъ Житоміръ, то Комитетъ мин. и положилъ упразднить въ Житомирѣ городовой магистратъ. Такимъ обр., Кіевъ еще на нѣкоторое время

[1]) Дитятинъ, Устройство городовъ, II, 253, 272.

[2]) Ibidem, 279, 281, 281, 332, 334, 370—71.

[3]) Ibidem, 379—81, 395, 397.

удержалъ этотъ остатокъ своего прежняго устройства, напоминавшаго его только своимъ именемъ [1]).

Но реформа въ интересахъ объединенія Ю.-З. края съ остальными частями Имперіи не ограничилась городскимъ устройствомъ; мы указали выше на измѣненія, коснувшіяся суда и управленія вообще (указы 1831—33 гг.). Вслѣдствіе всего этого законодательство въ Ю.-З. краѣ представляло нѣчто не законченное и по разнымъ планамъ строившееся: статьи Свода законовъ шли рядомъ со статьями Литовскаго статута и съ опредѣленіями магдебургскаго права. Отмѣна этого права для Кіева составляетъ дальнѣйшій шагъ на пути указаннаго объединенія. Но гораздо серьезнѣе была и глубже касалась основного отличія мѣра, принятая въ 1840 году,—это уничтоженіе въ западныхъ губерніяхъ Литовскаго статута и подчиненіе ихъ силѣ и дѣйствію общихъ русскихъ гражданскихъ законовъ.

Литовскій статутъ въ Бѣлоруссіи былъ отмѣненъ въ 1831 г., но въ Кіевской, Волынской и Подольской, а также въ Литовскихъ губерніяхъ онъ сохранялъ силу до 1840 г. Входя съ представленіемъ объ отмѣнѣ его, тогдашній начальникъ Юго-Западнаго края (Д. Г. Бибиковъ) почиталъ мѣру эту самымъ дѣйствительнымъ средствомъ не только къ сближенію западныхъ губерній съ великороссійскими, но и къ водворенію благоденствія въ краѣ. Мотивами для введенія этой мѣры послужили слѣдующія основанія: 1) только единство въ законахъ и судопроизводствѣ сплавляетъ въ крѣпкую массу народы, составляющіе обширныя государства; 2) мѣра эта не можетъ встрѣтить въ исполненіи своемъ никакихъ препятствій, тѣмъ болѣе, что она приготовлялась въ теченіе почти 10 лѣтъ: введеніемъ русскаго процесса и русскихъ узаконеній въ дѣлахъ уголовныхъ и слѣдственныхъ, введеніемъ русскаго языка (который узаконенъ въ дѣлопроизводствѣ еще конституціею 1589 г. по Волынскому воеводству), уничтоженіемъ наименованія должностей старо-польскими названіями, преобразованіемъ главныхъ и повѣтовыхъ судовъ въ гражданскія палаты

---

[1]) Ист. Комит. мин., II, кн. I, 323—24.

и уѣздные суды, кіевскаго магистрата въ городскую думу, по общему городовому положенію, давнимъ сравненіемъ юго-западныхъ дворянъ съ дворянствомъ русскимъ и т. п.; 3) устарѣлостью Статута; 4) смѣшеніемъ его дѣйствія съ дѣйствіемъ общихъ постановленій; 5) признаніемъ, что дѣйствіе его въ здѣшнихъ губерніяхъ является вопіющею несправедливостію въ отношеніи къ массѣ населенія, ибо польскіе законы во всемъ, даже въ процедурѣ судопроизводства, покровительствуютъ сильнаго и богатаго, что̀ было въ духѣ бывшей республики [1]); наконецъ 6) медленностью дѣлопроизводства и связанными съ нею другими недостатками [2]).

Уже въ 1852, оставляя постъ генералъ-губернатора въ Кіевѣ, Бибиковъ такъ объяснилъ свой взглядъ на значеніе этой реформы: «Государь хочетъ, чтобы западныя губерніи были душою и тѣломъ возсоединены сь Россіею и потому введено въ этотъ край русское законодательство. Нѣкоторые хвалили Статутъ литовскій, а многіе ли изъ васъ читали его? Нѣкоторые помѣщики мнѣ признавались, что никогда не читали, и никто не знаетъ, какія въ немъ законоположенія, которыя, при нестройномъ смѣшеніи со множествомъ, противорѣчащихъ себѣ, конституцій, устарѣли, неудобопримѣнимы къ настоящимъ гражданскимъ отношеніямъ и дѣламъ, замедляютъ ихъ, равно и умножаютъ до безконечности... Да и отыскать его очень трудно: я досталъ въ оригиналѣ два только экземпляра» [3]).

---

[1]) Даниловичъ говоритъ: «Статутъ былъ приспособленъ исключительно къ интересамъ мѣстной дворянской жизни» (О Литовскомъ статутѣ, Юрид. Зап., изд. Рѣдкинымъ, т. I).

[2]) Члены уѣздныхъ судовъ безпрестанно уклонялись отъ своихъ должностей, такъ что въ 1838 и 1839 гг., не смотря на самыя строгія подтвержденія, по тремъ губерніямъ болѣе 100 членовъ судовъ замѣчены были въ самовольныхъ отлучкахъ отъ должностей (Древ. и Нов. Россія 1897, II, 17).

[3]) Рѣчь Бибикова къ дворянству Юго-Западнаго края 1852 г. (Кіев. Стар. 1884, II, 533—534).

Не менѣе важною мѣрою въ исторіи края представляется учрежденіе въ Кіевѣ конторы коммерческаго банка. Въ 1836 г. состоялось закрытіе, по политическимъ соображеніямъ, секціи (агенція) *польскаго банка* въ Бердичевѣ, вслѣдствіе обнаружившихся ранѣе сношеній и операцій съ заграничными участниками движенія 1830—31 гг., а также значительныхъ вкладовъ, внесенныхъ въ банкъ (обор. св. $2^1/_2$ мил.). Но контора Варшав. банка пріучила жителей къ благодѣтельнымъ результатамъ кредита. Съ уничтоженіемъ ея, она потребовала возвращенія своихъ ссудъ, а деньги, полученныя ею для храненія, перешли въ польскій банкъ и такимъ образомъ всѣ почти капиталы были отняты у мѣстной торговли и промышленности [1]). Съ большими усиліями удалось однако мѣстной администраціи склонить министерство финансовъ открыть контору государственнаго коммерческаго банка въ Кіевѣ по образцу одесской, и хотя уставъ ея былъ утвержденъ 24 мая 1839 г., но свою дѣятельность она открыла лишь въ февралѣ 1840 г. [2]).

---

[1]) Шульгинъ, 18—19; Варадиновъ, III, 406. Въ 1844 г. м. Бердичевъ присоединено къ Кіев. губ., а въ 1845 г. обращено въ городъ.

[2]) Количество вкладовъ въ контору банка было слѣдующее:

Въ 1-ый годъ существованія ея было внесено .	2415139	р.	8	к.
Во 2-ой	3062314	р.	8	к.
Въ 3-ій	6660503	р.	20	к.
Въ 12-ый (1852).	10113753	р.	50	к.

Первоначально (со 2 сент. 1839 г.) контора помѣщалась на Александровской ул., противъ Царскаго сада, въ д. фонъ-Юнка (съ платой по 6000 р, ассиг. въ годъ), а въ 1845 г. пріобрѣтенъ (съ землею въ 2830 саж. за 44890 р.) для нея вновь отстроенный каменный домъ дворянской коммиссіи (на мѣстѣ прежняго деревяннаго), который былъ приспособленъ (съ пристройкой флигеля), стоившаго 43080 р. для конторы банка, и она перемѣстилась сюда въ 1847 г. Въ 1862 г., она преобразована въ Контору государственнаго банка. Въ 1864, для устройства складовъ, разрѣшено было пріобрѣсть у Института (жен.) за 5000 р. сосѣднее съ конторой мѣсто ок. 800 кв. саж., а когда, послѣ постройки Кіево-брест. и Кіево-курской жел. дорогъ, склады оказались ненужными, то это мѣсто, а также собранные 28000 р. были съ высоч. соизв. безвозмездно отданы (12 іюня 1870) Кіев. биржевому купеч. для устройства зданія биржи, а бирж. общ. уступило это мѣсто Кіев. зем. банку (подробности намъ сообщены).

Выходя въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по устройству края преимущественно изъ политическихъ соображеній, Бибиковъ не могъ не обратить вниманія на отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, которыя, въ силу вѣковой національной и религіозной борьбы, представлялись крайне враждебными и даже опасными.—«Не смотря на всѣ мѣры, писалъ онъ въ докладѣ 1844 г., дотолѣ нельзя ручаться за будущее спокойствіе края и его безопасность, доколѣ положеніе крестьянъ не будетъ улучшено и обезпечено мѣрами, исходящими прямо отъ вашего величества» [1]). Первая изъ предположенныхъ имъ мѣръ—увольненіе казенныхъ крестьянъ на оброкъ была уже осуществлена въ 1845 г., причемъ Бибиковъ успѣлъ получить одобреніе на то, чтобы переводъ казенныхъ крестьянъ на оброкъ совершился подъ непосредственнымъ его завѣдываніемъ, сообразно съ общею системою дѣйствій, принятыхъ имъ въ краѣ; а спустя 3 года (26 мая, 1847 г.), послѣ нѣкоторыхъ колебаній, были утверждены составленныя имъ инвентарныя правила для Юго-Западнаго края, которыми опредѣлялись права постояннаго пользованія крестьянами землею; порядокъ отбыванія повинностей на помѣщика, сверхъ которыхъ остальныя работы подлежали оплатѣ по установленной таксѣ; возрастъ рабочаго, свойство работы мужской и женской, празд-

---

[1]) 2 іюля 1840 г. онъ разослалъ уѣздн. предводителямъ двор. Ю. З. края секретный циркуляръ, въ которомъ ставилъ на видъ, что помѣщичьи крестьяне слишкомъ стѣснены своими владѣльцами, которые сплошь да рядомъ заботятся лишь о томъ, какъ бы извлечь изъ крѣпостныхъ наибольшую для себя выгоду. Замѣчено, что наказанія, примѣняемыя въ экономіяхъ, нерѣдко слишкомъ жестоки; для истязанія крестьянъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ заведены были деревянныя колодки и кандалы; въ наказаніе крестьянамъ перебривались головы... «Съ крайнимъ сожалѣніемъ я побуждаюсь довести до свѣдѣнія господъ предводителей, что въ теченіи управленія моего ввѣренными мнѣ губерніями, въ 2 года и 5 мѣсяцевъ, было болѣе 500 крестьянъ, посягнувшихъ на жизнь свою» (К. Стар. 1901. № 5, стр. 82—83). И онъ напоминалъ предводителямъ объ обязанностяхъ по наблюденію за отношеніемъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, возложенныхъ на нихъ рескр. 6 сент. 1826 г.

ничные дни, а всѣ вещественные сборы и косвенные налоги съ крестьянъ въ пользу помѣщика совсѣмъ отмѣнялись; затѣмъ сдѣланы были ограниченія помѣщичьяго произвола относительно крестьянскихъ браковъ, права отдавать въ рекруты и высылки въ Сибирь. Въ результатѣ правила сказались въ пріобрѣтеніи крестьянамы значительной доли мірской земли въ неизмѣнное и неприкосновенное пользованіе и въ полученіи задѣльной платы за опредѣленную помѣщикомъ работу; въ сокращеніи числа высылаемыхъ крестьянъ и извѣстной категоріи преступности, въ увольненіи значительнаго числа крестьянъ на оброкъ и т. п.[1]). Общественное мнѣніе просвѣщенной части общества Кіевской губ., по свидѣтельству Самарина, служившаго здѣсь въ 1849—52 г., было въ пользу инвентарей; а въ 1863 г. онъ говорилъ: «Съ точки зрѣнія научной проектъ правилъ Бибиковв не выдерживалъ критики. Это была работа самая грубая и топорная, но она имѣла то огромное достоинство, что содержала въ себѣ два или три положенія простыхъ, всѣмъ понятныхъ, которыя должны были немедленно улучшить бытъ крестьянъ, и, по своей общности и опредѣлительности никакъ не могли быть перетолкованы или искажены исполнителями дѣла». Несомнѣнно, что инвентари ограждали въ извѣстной степени личность и собственность крестьянина отъ безконтрольной власти помѣщиковъ и послужили переходною мѣрою къ освобожденію крестьянъ. Ревизія дворянскихъ правъ въ Ю. З. краѣ (1836—1845), значительно сократившая контингентъ дворянскаго сословія[2]), и отмѣна аренды на земли (проектъ невыполненный) должны были довершить эту реформу[3]).

---

[1]) «Нужно помнить, что это все-таки была самая энергичная мѣра въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ изъ всего, что было сдѣлано для нихъ въ эпоху имп. Николая». (Семевскій, II, 504).

[2]) Въ Бердичевѣ существовала фабрика дворянскихъ документовъ, (Шульгинъ, 109).

[3]) В. Я. Шульгинъ, Ю. З. край (Древ. и Нов. Россіи, 501—502); Обозр. Кіев., Под. и Волын. губ. 1838—1850 (Р. Арх. 1884, Ш, 1—12); Семевскій (Крест. вопр. въ Россіи, II, 481—513); Фундуклей

Въ 1852 г. во время дворянскихъ выборовъ, Бибиковъ обратился къ дворянамъ 3-хъ губерній съ слѣдующими словами: «Въ прошедшіе выборы я имѣлъ честь вамъ сказать, что на мѣста, зависящія отъ выборовъ дворянства, нынѣ замѣщенныя чиновниками отъ правительства, будутъ выбираемы дворяне по вашему усмотрѣнію, когда они ознакомятся съ русскимъ языкомъ, и тѣмъ не менѣе я въ настоящую минуту поставленъ въ невозможность не назначить на эти мѣста чиновниковъ, по опредѣленію отъ правительства; но это перемѣнится, и для этой цѣли я посылаю молодыхъ людей въ должности стряпчихъ, чтобы они, привыкнувъ практически къ производству, могли быть впослѣдствіи полезны при дворянскихъ выборахъ, и тогда уже всѣ мѣста, согласно коренному закону, будутъ замѣщены дворянами, по выбору дворянства» [1]).

Одновременно съ тѣмъ шли распоряженія, коснувшіяся еврейскаго населенія, значительнаго по своей численности и вліянію въ Юго-Западномъ краѣ. Еще въ 1827 г. послѣдовало воспрещеніе евреямъ постояннаго жительства въ Кіевѣ [2]), нѣсколько ограниченное потомъ. Однако, въ 1830 г., воен. губ. Княжнинъ возбудилъ вопросъ о необходимости воспретить евреямъ дальнѣйшее пребываніе ихъ въ казенныхъ и помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ Кіевской губ., по водвореніи ихъ въ городахъ и мѣстечкахъ. Государь одобрилъ эту мысль и поручилъ составить на мѣстѣ комитетъ для разсмотрѣнія его, составить планъ переселенія и, наконецъ, осуществить самое переселеніе; но вспыхнувшій мятежъ и холера въ краѣ побудили самого Княжнина ходатайство-

---

(Журавскій, II, 353—365). «Уроки, опредѣленные инвентарными правилами довольно, близки къ среднимъ, такъ что были имѣнія въ которыхъ, на основаніи новаго закона, они должны были значительно уменьшиться; увеличивать прежніе уроки было запрещено». (ib). «Произволъ крѣпостного права былъ фактически ограниченъ строгими взысканіями за злоупотребленія властію» (Зап. Селецкаго, К. Ст., X, 88).

[1]) Кіев. Стар. 1882, II, 534..

[2]) Второе П. С. Зак., II, № 1115; Варадиновъ, III, ч. II, 133, 139. Кіевская губ. принадлежала къ наиболѣе населеннымъ евреями. Ср. ч. III, 156, 474.

вать о пріостановкѣ переселенія [1]). Въ свою очередь губ. правл. указывало, что евреи особенно охотно занимались мѣной денегъ. Съ этой цѣлью они ставили противъ домовъ и лавокъ столики, за которые уплачивали по 12 р. въ годъ въ пользу города; а жители жаловались, что евреи за промѣнъ брали процентъ свыше существующаго курса. Правленіе признало жалобы основательными и полагало считать взиманіе процентовъ свыше курса лихвою, воспретить евреямъ заниматься исключительно мѣною денегъ, но обязать ихъ производить вмѣстѣ съ тѣмъ и торговлю; воспретить мѣнять деньги на особыхъ столахъ и разрѣшить промѣнъ только въ лавкахъ, гдѣ евреи производили торговлю. Однако съ этимъ мнѣніемъ не согласились ни казенная палата, ни мин. вн. дѣлъ и финансовъ, ни Сенатъ, которые, по разсмотрѣніи вопроса, нашли, что не было никакихъ основаній стѣснять промыселъ, принадлежащій къ обыкновеннымъ, торговымъ дѣламъ. И Сенатъ предписалъ кіев. губ. правленію и всѣмъ губернаторамъ наблюдать за правальностью торговли и не допускать въ ней злоупотребленій и несправедливаго обложенія мѣнялъ другимъ сборомъ, кромѣ платимаго ими по званію купеческому или мѣщанскому [2])

Между тѣмъ, комитетъ, учрежденный еще въ 1825 г. для составленія положенія о евреяхъ, окончилъ возложенное на него порученіе, которое, по разсмотрѣніи его въ Госуд. Совѣтѣ, было утверждено въ 1835 г, [3]). Положеніе это обнимало всѣ отноше-

---

[1]) Кіев. Стар. 1902, № 2, с. 92.

[2]) Варадиновъ, Ист. Мин. вн. дѣлъ, ч. III, кн. III, 557—558.

[3]) Слухи о предполагавшихся льготахъ для евреевъ очевидно не понравились гражданамъ Кіева; такъ какъ въ записяхъ одного изъ нихъ (Миславскаго) читаемъ: «1833 г., 14 іюня кіевскій лавникъ Миславскій съ И. И. Ходуновымъ выѣхали въ С.-Петербургъ отъ имени кіевскаго общества ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о недозволеніи евреямъ селиться въ г. Кіевѣ на жительство по силѣ указа. Прибыли 24 іюня, выѣхали 4, а прибыли 14 августа *съ пріятнымъ окончаніемъ въ пользу общества*» (Кіев. Стар. 1884, VIII, 692).

нія еврейскаго быта отъ мѣста жительства до дѣлъ, касавшихся вѣры и обрядовъ. Въ районъ поселеній евреевъ входила и Кіевская губ., но кромѣ г. Кіева; а живущіе изъ нихъ въ городахъ и умѣющіе читать и писать порусски допускались къ избранію въ члены городскихъ думъ, магистратовъ и ратушъ [1]); однако, затѣмъ прибавлено опять (1836): «исключая городовъ Кіева и Вильны» [2]). Тѣмъ не менѣе переселеніе евреевъ изъ селъ и деревень, встрѣтило большія затрудненія, и было тогда же остановлено [3]).

Съ своей стороны, въ 1839—40 гг. Д. Г. Бибиковъ предложилъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію племенной исключительности евреевъ, которыя были разсмотрѣны въ особомъ комитетѣ и съ 1843—46 г. появился рядъ постановленій, которыми кагалы были уничтожены, особая одежда евреевъ отмѣнена, отъ шинкарства въ селахъ и деревняхъ они совершенно удалены; издано положеніе о евреяхъ-земледѣльцахъ, а также о еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ, для устройства которыхъ опредѣленъ особый свѣчной сборъ [4]).

Замѣчательно впечатлѣніе, произведенное на самихъ евреевъ указомъ о введеніи общей одежды. Молодое поколѣніе съ явнымъ увлеченіемъ бросились переодѣваться, для того, чтобы уничтожить внѣшнія особенночти, которыя, потерявъ свое древнее значеніе, оставались для нихъ позорнымъ знакомъ отличія. Особенно были рады молодыя женщины отмѣнѣ бритья головы при выходѣ въ замужество и необходимости носить парики, которые нерѣдко переходили изъ поколѣнія къ поколѣнію и употреблялись не смотря на различіе цвѣта волосъ; но фанатики, по словамъ современниковъ, приняли указъ за посягательство на ихъ религіозную свободу, и охотно платили акцизъ за право носить старинную

---

[1]) Второе П. С. Законовъ, т. X, отд. I, № 8054; Варадиновъ, т. III, ч. II, 132—134.

[2]) Второе П. С. Зак., № 9226.

[3]) Варадиновъ, ibid. 135—139.

[4]) Юго-Западный край, 96—104, 117—123; Кіев. Стар. 1882 г. II, 532—533; т. III, 61—80; Варадиновъ, III, 139.

одежду и длинные волосы [1]). Вѣроятно подъ вліяніемъ такъ тяжелыхъ испытаній, въ 30-хъ годахъ въ Россіи и особенно въ западной распространились воззванія сіонистовъ, за подписью L. S. Siegfrid Justus I, освободителя и искупителя Израиля, посланняго Богомъ для сооруженія храма въ Іерусалимѣ, съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ и выдачей дипломовъ на завоеваніе Палестины [2]).

В. Иконниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Шульгинъ (Древ. и Нов. Рос., 1879, II).

[2]) Изъ арх. Кіев. ген.-губ. (Русск. Стар. 1901, № 7, стр. 150). Въ началѣ XIX в. Наполеону приписывали намѣреніе переселить евреевъ въ Обѣтованную землю (Р. Мысль, 1893, № 8, с. 155; ср. П. С. Зак., № 22394); а въ Военно-ученомъ архивѣ Главнаго штаба хранится дѣло съ двумя письмами еврея Плонскаго, совершившаго путешествіе въ Іерусалимъ съ цѣлью возстановленія Іудейскаго царства (Катал. Военно-учен. арх. Гл. штаба, III, с. 53).

Заботы князя Н. Г. Репнина о полтавскомъ театрѣ и о выкупѣ артиста Щепкина.

Театръ въ Полтавѣ былъ построенъ въ 1818 г. при генералъ-губернаторѣ кн. Я. И. Лобановѣ-Ростовскомъ. Помѣщался онъ около Нѣмецкой колоніи, за нынѣшнимъ женскимъ епархіальнымъ училищемъ. Это было трехъ-этажное каменное зданіе, крытое дранью. Построенъ онъ на городскія средства, и постройка обошлась около 20 тыс. асс. Въ 1852 г., за ветхостью, онъ былъ проданъ на сносъ. О театрѣ много заботился преемникъ кн. Лобанова-Ростовскаго, кн. Н. Г. Репнинъ, бывшій любитель сцены и музыки. Въ 1818 г. кн. Репнинъ пригласилъ въ Полтаву драматическую труппу Штейна изъ Харькова; въ этой труппѣ началъ свою артистическую дѣятельность знаменитый впослѣдствіи артистъ М. С. Щепкинъ (р. 6 ноября 1788, † 11 авг. 1863). Директорами театра при кн. Репнинѣ были: А. Ѳ. Имберхъ [1]), довѣренное его лицо, занимавшее должность правителя канцеляріи, и И. П. Котляревскій, извѣстный малорусскій писатель. Щепкину Репнинъ покровительствовалъ. Игра его очень нравилась всѣмъ, особенно восхищалъ онъ публику игрою своею въ пьесѣ «Жидовская корчма», гдѣ, въ главной роли еврея, онъ копировалъ тогдашняго полтавскаго городского голову А. Зеленскаго, происходившаго изъ евреевъ. Послѣднему это очень не

---

[1]) Скончался въ Петербургѣ, въ чинѣ дѣйств. статск. сов. въ 1864 году.

нравилось и онъ обѣщалъ платить ежегодно труппѣ по 2 тысячи, если только пьеса будетъ снята съ репертуара, на что артисты согласились. Но кн. Репнинъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ возможно чаще ставить эту пьесу, и Зеленскій, чтобы не навлечь гнѣвъ начальства края, долженъ былъ посѣщать театръ. Репертуаръ труппы былъ слѣдующій: играли пьесы «Рекрутскій наборъ», «Несчастные», «Подводный камень», «Военная тюрьма», «Побѣгъ отъ долговъ», «Примиреніе двухъ братьевъ», «Русскій солдатъ», «Наталья, боярская дочь», «Попугай», «Клеветники», «Дуракъ и шуты», «Уѣздный городокъ», «Женихъ», «Любовная ссора», «Серебряная свадьба», «Школа злословія», «Недоросль» Фонъ-Визина, «Ябеда» гр. Капниста и др.

Жалованья Щепкинъ получалъ 1500 р. Помимо Щепкина, лучшими артистами были Барсовъ, Угаровъ, а изъ женскаго персонала примадонна Пряженковская и Медвѣдева. Цѣны мѣстамъ были слѣдующія: кресло 4 р., партеръ 2 р., галлерея—1 р., табуретъ—5 р., ложи нижнія (нынѣшній бенуаръ)—16 р., верхнія (бель этажъ)—12 р.

Въ афишахъ не указывали номеровъ. Интересно, что спектакли начинались въ 6 часовъ и потому не кончались далеко за полночь, какъ это бываетъ въ настоящее время.

Кн. Репнинъ, признавая за Щепкинымъ сценическій талантъ, началъ хлопотать у владѣлицы его, помѣщицы курской губерніи А. А. Волькенштейнъ, о вольной для него.

Надо сказать, что Щепкинъ былъ сынъ камердинера этой помѣщицы, впослѣдствіи ея управляющаго. Въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія сохранилась переписка, которая рисуетъ заботы Репнина о знаменитомъ артистѣ; переписка, доселѣ неизвѣстная, хотя изъ біографіи покойнаго артиста извѣстно, что онъ получилъ вольную, благодаря стараніямъ князя Репнина. Вотъ что писалъ Репнинъ А. А. Волькенштейнъ.

М. Г. Графиня Анна Абрамовна!

Человѣкъ вашъ, Михайло Щепкинъ, находящійся на условіи при полтавскомъ театрѣ, отправляется нынѣ къ вашему сіятельству, вслѣдствіе приказанія вашего; я пользуюсь симъ случаемъ, считаю долгомъ свидѣтельствовать вамъ о хорошихъ

свойствахъ его и что онъ, отличаясь всегда чрезвычайнымъ талантомъ въ представленіи назначаемыхъ ему ролей, доставляетъ тѣмъ пріятнѣйшее удовольствіе всей полтавской публикѣ, почему я и убѣждаюсь покорнѣйше просить васъ, М. Г., позволить ему, Щепкину, возвратиться къ своей обязанности дней за десять до Пасхи; вы тѣмъ чувствительнѣйше обязать изволите имѣющаго честь быть въ совершенномъ почтеніи и проч.

Хотя нѣтъ даты на этомъ мѣстѣ, но, несомнѣнно, оно писано въ 1818 г., такъ какъ въ мартѣ того же года былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ отъ графини:

М. Г. Сіятельнѣйшій князь!

Письмо вашего сіятельства отъ 4 марта я имѣла удовольствіе получить; изъ котораго усматриваю, что Щепкинъ своими малыми талантами доставляетъ удовольствіе полтавской публикѣ, что вашему сіятельству угодно, чтобы онъ передъ наступающимъ праздникомъ возвратился въ Полтаву. Хотя сей человѣкъ, по своимъ познаніямъ въ землемѣрной наукѣ, мнѣ крайне нуженъ, но, желая вашему сіятельству, какъ мною почитаемой особѣ, услужить, увольняю его къ вашему сіятельству, съ покорнѣйшею моею просьбою, что, когда онъ, Щепкинъ, мнѣ необходимъ будетъ, то чтобъ тогда отпустить его ко мнѣ. Впрочемъ, препоручая себя въ продолженіе благорасположенія вашего сіятельства, честь имѣю пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Анна Волькенштейнъ.

Марта 29, 1818 г. Курскъ.

Въ томъ же году, въ маѣ мѣсяцѣ, самъ Щепкинъ получилъ письмо отъ брата графини. Письмо это интересно; оно показываетъ, какъ Щепкинъ мало былъ расположенъ вернуться къ своей владѣлицѣ, а съ другой—оно дало поводъ кн. Куракину хлопотать передъ графиней о вольной для него. Вотъ что писалъ братъ владѣлицы, П. Анненковъ:

«Миша Щепкинъ! Такъ какъ ты, видно, не хочешь быть слугою и видно не расположенъ быть благодарнымъ за все то, что твой отецъ пріобрѣлъ, бывши у графа, за воспитаніе, данное тобѣ, то графиня желаетъ всѣмъ вамъ дать вольную, т. е. вашей

фамиліи—отцу твоему со всѣмъ семействомъ за 8 тысячъ, ибо семейство ваше весьма значительно. Ежели ты хочешь оное получить, пріѣзжай поскорѣе, такъ ты получишь; не теряй времени.

П. Анненковъ.

2 мая, 1818 г.

Кн. Репнинъ, узнавъ объ этомъ письмѣ, тотчасъ же написалъ графинѣ слѣдующее:

М. Г. Графиня Анна Абрамовна!

Съ искреннею признательностью принявъ согласіе вашего сіятельства на увольненіе человѣка вашего Щепкина на полтавскій театръ, я приношу вамъ благодарность какъ отъ себя, такъ и отъ публики полтавской, пользующейся удовольствіемъ, доставляемымъ его талантомъ. Нынѣ же, видя изъ письма братца вашего Петра Абрамовича къ нему, Щепкину, что ваше сіятельство соизволите оказать ему и семейству его милость, предоставляя ему право воспользоваться свободою черезъ взносъ 8000 рублей, я вновь обращаюсь къ вашему сіятельству и прежде всего хочу увѣрить васъ, что свойства и поведеніе Щепкина суть лучшими его достоинствами; благодарность его къ милостямъ вашимъ обратила прежде всего на него мое вниманіе, но, дѣйствительно, талантъ его заслуживаетъ ободренія, предоставленія ему всѣхъ способовъ образовать и усовершенствовать оный, къ чему совершенно преграждается возможность, если онъ не будетъ свободнымъ. Убѣждаясь истиною онаго, я совершенно полагаюсь на благороднѣйшій образъ мыслей вашихъ и то великодушіе, которое вы доказываете, являя доселѣ неограниченныя ваши Щепкину милости; прошу ваше сіятельство довершить начатое вами благодѣяніе ему и услугу, смѣю сказать, обществу, предоставить ему и его семейству свободу и снизойти на умѣренный о немъ взносъ за право, ему съ семействомъ предоставленное. И какъ семейство его состоитъ изъ четырехъ мужскаго пола душъ, въ числѣ коихъ одинъ старый отецъ, а другой—малолѣтній сынъ его, то я полагалъ бы достаточнымъ 4000 или 5000 рублей. Снисхожденіе вашего сіятельства, въ семъ случаѣ оказанное, я пріиму большимъ для себя одолженіемъ и то, что слѣдовать будетъ Щепкину

внесть къ удовлетворенію вашему, дирекція полтавскаго театра пріиметъ на себя. Примите! [1]) и проч.

Репнинъ.

Графиня не пожелала сдѣлать уступку. Для сбора этой суммы 26 іюля 1818 года въ полтавскомъ театрѣ былъ устроенъ спектакль «въ награду таланта актера Щепкина для основанія его участи». Помимо обычнаго сбора за мѣста, была открыта подписка на этотъ спектакль среди состоятельныхъ гражданъ и помѣщиковъ. У Имберха сохранился этотъ подписной листъ, изъ котораго видно, что Репнинъ заплатилъ за кресло 300 р., Потемкинъ—700 р., тесть Репнина, гр. А. Разумовскій —300 руб. Одинъ помѣщикъ пожертвовалъ деньги въ суммѣ 1992 р., должныя ему за карточную игру полтавскимъ полиціймейстеромъ Кищенковымъ. Подписка и спектакль дали 7207 р. [2]). Недостающую сумму уплатилъ самъ Репнинъ изъ собственныхъ средствъ. Такъ, заботами Репнина, былъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости одинъ изъ видныхъ сценичныхъ дѣятелей прошлаго вѣка. Обо всемъ этомъ, о перепискѣ съ графиней, кн. Репнинъ сообщилъ И. П. Котляревскому, какъ директору театра. Послѣдній писалъ князю въ октябрѣ 1818 г. о впечатлѣніи, какое произвели на Щепкина заботы о немъ князя. Письмо это интересно и въ томъ отношеніи, что оно рисуетъ состояніе театра въ то время. Письмо князю писано изъ Полтавы, вѣроятно, въ Яготинъ, гдѣ Репнинъ очень часто проживалъ.

Сіятельнѣйшій князь, Милостивый Государь!

Письмо вашего сіятельства, которымъ угодно было меня удостоить, и условіе господина Анненкова о выкупѣ Щепкина, я сему послѣднему показывалъ; онъ принялъ таковое вашего сіятельства благодареніе со слезами признательности и вѣчной благодарности.

---

[1]) Арх. П. Г. Правл. 1818 по описи № 156, л. 67, 95, 96, 97.

[2]) Рус. Старина 1875. Май, 152—154. У Имберха сумма выкупа 10 тыс., но это невѣрно, что видно изъ письма П. Анненкова.

Алексѣя Осиповича Имберха нѣтъ въ Полтавѣ и не знаю, гдѣ его искать, а потому и деньги остаются невысланными къ вашему сіятельству.

Въ ожиданіи разрѣшенія о поѣздкѣ въ Черниговъ, я велѣлъ починять экипажи театральные. Зборы по театру здѣсь такъ малы, что жалованья за сентябрь не всѣмъ еще актерамъ выдано. Въ одинъ вечеръ въ театръ пришли только четыре зрителя, взносу сдѣлали 14 р., и я принужденнымъ нашелся отказать въ спектаклѣ. Теперь еще у насъ и погода прекрасная, хотя съ холоднымъ вѣтромъ; что же будетъ съ нашимъ театромъ, когда сдѣлается ненастье?.. Г. главный директоръ пріѣзжалъ въ Полтаву для полученія 40 тыс. изъ казенной палаты за поставку сукна, но, не получивъ денегъ, отъѣхалъ обратно, не удостоивъ театра и посѣщеніемъ.

Г. Горбовскій [1]) нѣсколько дней уже боленъ (но не опасно), простудившись въ банѣ у отца архимандрита.

Сего же числа выѣзжаетъ изъ города г. генералъ-адъютантъ графъ Ламбертъ [2]) съ супругой проѣздомъ въ Одессу; впрочемъ въ Полтавѣ все по старому.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и вѣчной преданностью къ особѣ Вашего Сіятельства и проч. Иванъ Котляревскій.

Октября 15, 1818 г., Полтава.

Кн. Репнинъ много заботился о труппѣ. Самъ всегда бывая въ Черниговѣ на дворянскихъ выборахъ, онъ отправлялъ туда и полтавскую труппу. Интересно, что заботы объ устройствѣ сцены онъ поручалъ губернатору и прокурору. Вотъ что онъ писалъ губернатору черниговскому, А. Н. Жукову.

«Отправляя въ декабрѣ 1817 г. декоратора для написанія декорацій и устроенія сцены для театра къ выборамъ черниговскимъ, я прошу ваше прев-во на потребные расходы приказать

---

1) Полтавскій прокуроръ.

2) Ламбертъ Карлъ Осиповичъ, помѣщикъ Константиногр. уѣзда, извѣстный воинъ, сражавшійся при Мацѣевицахъ, при взятіи Праги, принимавшій участіе въ войнѣ съ Наполеономъ. Скончался въ 1849 г. (Циглеровка) См. о немъ Рус. Стар. 1874. 12.; В. Экц. Лексиконъ 1844 года, № 13.

отпустить изъ суммъ городскихъ доходовъ черниговскому прокурору пятьсотъ рублей; деньги сіи въ свое время возвращены будутъ. Я увѣренъ, что и ваше прево-во не откажите всѣмъ отъ васъ зависящимъ вспомоществовать къ лучшему устроенію въ Черниговѣ театра, который послужитъ пріятнымъ удовольствіемъ имѣющему собраться въ городѣ Черниговѣ тамошнему дворянству [1]).

Полтавская труппа весьма нерѣдко выѣзжала въ сосѣдніе города: Харьковъ, Кременчугъ, Ромны, когда въ послѣднемъ бывала Ильинская ярмарка. Въ Харьковѣ эту труппу принялъ подъ свое покровительство извѣстный малорусскій поэтъ Г. Ѳ. Квитка, котораго Репнинъ благодарилъ за его содѣйствіе успѣху актеровъ слѣдующимъ письмомъ въ февралѣ 1819 г.:

«Попеченія ваши о театрѣ полтавскомъ, во время бытности его въ Харьковѣ, были для него весьма полезны, ибо сборы превзошли ожиданія, а порядокъ во все время сохраненный удостовѣряетъ меня въ справедливости заслуженнаго отъ всѣхъ довѣрія и оправдываетъ, что все, состоящее подъ такимъ выраженіемъ (?) всеобщимъ, находится въ лучшемъ устройствѣ. Пріймите искреннюю благодарность мою за принятый вами трудъ и попеченіе, вами оказанное; я надѣюсь, что и харьковская публика не менѣе вамъ за сіе обязана, ибо вы много содѣйствовали ея удовольствію. Я бы очень желалъ, чтобъ и другіе могли встрѣтиться случаи, которые насъ съ вами болѣе еще сблизили бы. Весьма для меня пріятно было бы видѣть васъ въ Полтавѣ и лично увѣрить въ томъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь» и проч. [2]).

Въ 1819 г. полтавская труппа ѣздила опять въ Харьковъ. О содѣйствіи ей кн. Репнинъ просилъ В. Г. Муратова, поручая ему привлечь къ тому же и Квитку [3]). А въ 1820 году самъ Муратовъ проситъ князя разрѣшить труппѣ прибыть въ Харьковъ во время крещенской ярмарки. Но затѣмъ Муратовъ пишетъ князю письмо, гдѣ говоритъ о неудобности быть въ Харьковѣ труппѣ во время ярмарки, въ виду дворянскихъ выборовъ, что противорѣчило взглядамъ самого Репнина. Репнинъ, наоборотъ, всегда старался о предоставле-

---

[1]) Арх. Полт. губ. Правленія по описи № 156, л. 21, 1818 года.
[2]) Арх. Полт. г. Правл. 1819 по описи № 322.
[3]) Арх. П. губ. Прав. 1818 по описи № 59.

ніи съѣхавшимся на выборы дворянамъ всевозможныхъ развлеченій, не исключая и драматическихъ представленій. Вотъ письмо Муратова.

М. Г. Князь Николай Григорьевичъ!

Подноситель сего, г. Климовъ, доставилъ мнѣ почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, коимъ изволите вы извѣщать меня, что намѣрены отпустить на Харьковскую Крещенскую ярмарку полтавскую труппу актеровъ. Принося Вашему с-у покорнѣйшую благодарность мою за доставленіе симъ удовольствія здѣшней публикѣ, я вмѣню себѣ въ пріятнѣйшую обязанность оказывать всякое зависящее отъ меня содѣйствіе къ доставленію здѣсь актерамъ всевозможныхъ выгодъ. Между тѣмъ долгомъ поставляю донести вамъ, М. Г., что такъ какъ во время ярмарки предполагаются здѣсь быть еще и благородныя собранія, представленія театральныя не должны уже имѣть мѣста, почему не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству приказать предварительно дать знать о семъ труппѣ актеровъ. Въ прочемъ съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и проч. Василій Муратовъ.

Харьковъ. 30 декабря 1830 г.

На это письмо кн. Репнинъ отвѣтилъ: «Принося вашему превосходительству благодарность мою за готовность вашу доставлять въ Харьковѣ полтавскимъ актерамъ возможныя выгоды, усугубляю просьбу о позволеніи имъ играть на театрѣ въ тѣ вечера, когда будутъ и благородныя собранія. По моему мнѣнію, сіи два увеселенія публики не могутъ дѣлать одно другому подрыва, ибо каждый посѣщаетъ то и другое по своему вкусу, а сверхъ сего на ярмаркѣ большая часть людей бываетъ такого состоянія, кои не имѣютъ права входить въ благородныя собранія, слѣдовательно жалко будетъ ихъ лишать любимаго увеселенія. Я увѣренъ, что ваше пр—во не оставите просьбы моей по сему предмету безъ уваженія, равно какъ и того, чтобы бенефисъ въ пользу инвалидовъ отложить до Успенской ярмарки. По причинѣ испортившейся дороги, компанія актеровъ поздно прибудетъ въ Харьковъ, а безъ снисхожденія вашего превосходительства она останется въ накладѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч...

Сохранилось еще письмо кн. Репнина къ Г. Ѳ. Квиткѣ.

М. Г. мой Григорій Ѳеодоровичъ.!

По приближеніи Успенской ярмарки, я приказалъ дирекціи театральной отправить изъ Ромна въ Харьковъ театральную труппу подъ непосредственное распоряженіе ваше, а нынѣ предварительно посылаю живописца для составленія декорацій и всего нужнаго. Извѣщая о семъ васъ, я въ полной увѣренности нахожусь, что вы уважите просьбу мою въ принятіи на себя званіе директора и, оказавъ уже успѣшную готовность вашу содѣйствовать пользѣ сего полезнаго и пріятнаго учрежденія, нынѣ примете труппу полтавскаго театра вновь въ свое покровительство, по производству оной въ Харьковѣ, въ непосредственное ваше распоряженіе, о чемъ васъ покорнѣйше буду просить и ожидать, по окончаніи ярмарки, о послѣдствіяхъ вашего увѣдомленія. Труппа же, по окончаніи Успенской ярмарки, должна отправиться въ Кременчугъ къ тамошней, называемой Семеновской. Я надѣюсь, что харьковское общество приметъ съ удовольствіемъ представленіе полтавской театральной трупны, и потому, если вы найдете удобнымъ сдѣлать вновь съ Сердюковымъ условіе на взятіе въ годовое содержаніе его театра, то и по тому буду ожидать отъ васъ увѣдомленія. Впрочемъ все вами учиненное принявъ въ доводы усердія вашего ко всему полезному для общества и особеннаго расположенія вамъ ко мнѣ, я увѣрить васъ могу въ искреннемъ» и и проч. [1]).

Кн. Репнинъ.

При отъѣздахъ труппы изъ Полтавы, ей выдавалась казенная подорожная. Репнинъ былъ большимъ покровителемъ всѣхъ государственныхъ артистовъ. Въ 1825 году посѣтила Полтаву извѣстная въ то время въ Россіи балерина Баньковская, воспитанница танцмейстера Виріонда. Ея гастроль совпала съ дворянскимъ съѣздомъ. Она очень понравилась полтавской публикѣ. Изъ Полтавы она отправилась въ Кіевъ, и кн. Репнинъ пишетъ въ Кіевъ И. Г. Ковалеву письмо съ просьбой оказать ей содѣйствіе.

[1]) Арх. П. Г. Правл. по описи № 59.

И въ такомъ родѣ мы встрѣтили не мало данныхъ въ архивѣ. Репнинымъ при театрѣ былъ организованъ оркестръ изъ 23 чел. Это были крѣпостные помѣщика Райковича (вѣроятно, Раковича. богатаго помѣщика прилук. уѣзда). Надо сказать, что въ то время у многихъ помѣщиковъ были оркестры или, какъ тогда назывались они, «капеллами». Оркестръ былъ на жалованьи отъ дирекціи. Многіе изъ музыкантовъ были женаты, но семьи ихъ жили въ деревнѣ. Послѣ смерти владѣльца ихъ, наслѣдники лишили эти семьи содержанія, но Репнинъ, узнавъ объ этомъ, принялъ мѣры въ улучшеніи ихъ положенія.

И. Фр. Павловскій.

Украинськи запысп Порфирія Мартиновича.

Россоха Тымохвій.

Запорóзьци.

Булы колысь запорозьци, а теперъ ни́; не тé вже, не на тý стáть. Теперъ уже воны перевелысь. Перевелы́сь уже. Воны й тýтъ булы—Запорожжа; а теперъ уже й прошлó. Гатьманьци булы, запорозьци. Роскóшный народъ. Гатьманьци булы таки, шо жылы́—въ однимъ мисти Запорожжа, а тутъ гатьманьци: такъ сказать, шо мы волосты тый, а ти тый—гатьманьци.

Запорозьци теперъ за Билою ричкою [1]), де тепли воды: тамъ недалеко коло Азовського моря, тамъ и дальше и блыжче. Позагóнылы теперъ ихъ, Боже мой!

Разъ одынъ булы мы тамъ; одынъ разъ и булы тилько. А тó въ Крымú булы, на Гнылій булы, на Кóсахъ булы.

Бачъ, запорозьци яки булы: отакú штаны́ вшыршкы—о-ó, Боже мой! Роскошный народъ. Вýсы такú, шо и за вýхо заклада. Ахъ, Боже нашъ мы́лостывый! Въ чупрынахъ. Чупрыны таки, шо дьвичи, трычи за вухо заклада, ще й вы́сыть отáкъ. Рукава у сорочкы отакъ у шыршкы: въ дви пилкы. Якъ побачышъ, такъ прямы́й запорожецъ!

Тоди далеко булы (воны), а теперъ ихъ позагóнылы ще дальше. А прежде, говорять, шо тутъ воны булы.

На ихъ—чорни штаны й кытаéви тамъ. Чорни, зелени и всякыхъ матерій, а въ билыхъ не ходылы. А на молодыхъ червони. Матьня по колина. Найбильшъ чорныхъ штанúвъ. Чоботы сапьянóви: съ чорного сапьяну и съ червоного, якъ молоди,—тожъ и съ червоного, якъ молóдижъ. На и́хъ було подывувáться. Боже мой, якъ подумаешъ!

---

[1]) Била ричка вона тамъ за Кубанью, де тепли воды.

Шапкы́ булы гостри и зъ верхамы булы [2]). Красывый народъ такы булы, Боже мій мылостывый! Жупаны прежде булы такъ халаты: такъ халатамы й шы́лысь. Куртки зъ голубого сукна, съ чорного сукна. Пры оружіяхъ: шабля и пистолетъ. Сыни поясы булы шыроки, зелени и червони. Жупаны на молодыхъ червони, повышывани золотомъ коло комыри́въ. О-о, Боже, народъ бравый! Теперъ уже нихто й не скаже, чы ихъ ше́ дали позагонылы, чы Богъ е́го зна.

Доводылось у слободи у ихній буть: та́къ, переходылы. Та такъ: чы напо́ять, чы кусокъ хлиба страннымъ дають: воны люде славни.

Перехо́дылы тико станыцю. Станыци звуться Петрыки́вка, Мыха́йлова—ото дви, третю переходылы Вознесеньську. Вознесеньська—третю переходылы. Ото тилко... ото тилко ихъ и бачылы. У Вознесеньскій са́ми вже настоящіи.

Петрыкивку переходылы утромъ. Черезъ базарь йихалы весною, такъ якъ хлибъ посіялы посьли Мыколая. Выда́лы и малыхъ, и старыхъ, и жинокъ. Одлышный народъ. Одлышный народъ Запоро́жжа. Диты одити по и́хъ одежи. Бабы одиваютъся такъ одлышно: сорочкы такъ понашывано червонымъ. Платьтя хороше, Господы! Въ запаскахъ не ходять такъ, якъ мужычкы,—въ спидныцяхъ: сказать по мища́ньскій лыніи. Юпкы таки: парчеви называютьця.

Переходылы за два дьни ти станыци, а третій день Петрыкивку перейшлы и бильше не бачылы запорозцивъ. Ато́ то грекы, то верме́ны, то...

Шапкы булы и ковпакы червони на мужчынахъ, отакъ якъ Аглычане: и ше й съ кытыцямы ковпакы.

Воны тоже торгують тамъ, хлибъ продають, соль продають, о́вошъ тамъ же тоже. И до́ма торгують тоже, якъ и мы́.

Воны до нашыхъ ни Боже мой! Пытають:—«дале́ки люде? яко́и губерніи»?—«Полтавськои; отакого то, Костянтыньського въизда. Э-э-э, далека сторона́». Росказують, шо «наши батькы́, диды́, прадиды булы тамъ, де вы жывете́». А теперъ ихъ позаганялы. Теперъ ихъ позаганялы.

(Якъ ихъ бачывъ я),—давня ричъ: годъ до шестыдесяты: я ще молодымъ бувъ.

---

[2]) А то булы гостри таки, якъ на черкесахъ, изъ вершкамы.

Позганялы ихъ за то, шо бунтувать сталы, розорять сталы, такъ йхъ черезъ то позганялы. Воны воины булы крипко. Никóго жъ воны,—одного Бога Мылосердного, а тó воны не боялысь никого, такъ йхъ боялысь хуже зьвйра малоросіянъ! Не хотилы óвсимъ схóдыть нсъ сіи земьли; схóдыть не хотйлы.

Ше ходылы по рыбу, такъ Запорожжа було и тамъ. У Дону ше булы. У Дону булы. У Кóсахъ. На Кóсахъ це сказать: на Билій Косй сáме бачылы тамъ ихъ; тó вже на Гнылій; це по тыхъ городахъ, по тыхъ мистахъ, шо Бýды и Марнополь; це на Кóсахъ, такъ се блыжче, а тó дальше: то сотъ пьять верстъ, сказать. А теперъ уже ихъ за тысячу верстъ, за пивторы, туды ихъ позагóнылы—ажъ тáмъ де черкесъ, такъ ажъ туды. Теперъ нема. То прежже: якъ булы (мы) молоди, то булы тутъ,—теперъ нема. На Кóсахъ—ото значыть, де рыбу ловлять, такъ Кóсы звалысь: то Била коса, а тó Сыня Коса; такъ знáчыть воны рыболовлею занималысь, котори, значыть, бидни. А теперъ нема ихъ тамъ. Тýтъ на заробиткахъ, такъ булы безъ жинóкъ... У заброди. Дé чоловика два, а де пьять у забродахъ, а дé тры тилько. Одлышный народъ. Теперъ нема; шé дальше ихъ позагонылы! Тó воны булы блыжче. Теперъ позаганялы.

Булы кошовй отáманы, отаманьня. Боже мой,—Боже мой! А всé те мынулось—все то пройшло! Де й подивалось! Росказують, шо булы кошовй отаманы, отаманьня.

Доводылось у слободи у ихній буть: то тáкъ чы напойть, чы кусокъ хлиба страннымъ дать,—воны люде славни.

Якъ истрйнеся, такъ грубивствóмъ такымъ очыныться, шо.. грубивствóмъ такымъ, розбоемъ! Ёго нихто не побидыть окроме козакá.

Тико йдеть ше до людей: «зворочá-й! козакъ иде»!—тамъ ужé й звертай: потому шо винъ козáкъ. Звертають. Звертають. А якъ бижыть конемъ, такъ и земля дрижыть. Сыльни воины булы колысь. Эй, Боже нашъ Мылостывый!

«Зворочай! Шобъ ты знавъ козакá Запорозького. Шобъ ты знавъ козака Залынійського. А тó и не згадаете», говорыть. А ёго боятьця. „Отъ сучій сынъ: о, бачъ якый!" Розбойныкы тай годи. Та ше такъ кажы, шобъ винъ не чувъ... А винъ осьмихнеться и бильше ничóго. Осьмихнеться, оглянеться „ну", каже „козакови звертай!" Пойиде. Й пойихавъ. Винъ не зверта николы: хочъ йиде, хочъ и пишкы,—на тé есть козакъ залынійській. Якъ тильки йиде, то „зворочай" каже. Ёго боялысь такъ, якъ звйра. И прежде якъ чумакувалы,—и намъ було тоже по первáхъ.

У трёхъ мистахъ булы запорозьци оци: въ Дону́ за Ростовомъ, сказать де Гнылá—на Гнылій. Одъ Ростова Гнылá пьять верстъ, якъ витциля йидешъ на Ростовъ; такъ Ростовъ остаетьця у ливій руци, а Гнылá у прáвій; на Гнылій и на Кóсахъ и на Билосарáйци. Билосарáйка тоже надъ моремъ; це сюды сотъ чотыри верстъ одъ насъ, а туды сотъ висимъ—до тысячи верстъ.

Ци́ хоть и въ роботныкахъ воны,—якъ на празныкъ повдигаютьця,—якъ купци ходять; якъ купци, шельмы. Жылы воны нащотъ тáкъ, якъ у хазяина въ роботныкахъ. На хазяинáхъ, якъ подывысься, такъ одежи такои й чортмá, якъ у и́хъ. Вусани́ таки, шо ó-о Боже мой! Одежа: халатъ, такъ сукно такé, шо ó Боже мой! На дру́гому суконный, а на другому плысовый. Чупрыны—куды́ вáмъ; безъ чупрыны такъ чортмá ихъ и одного: и стари́ и молоди́.

Шапкы́ сыви, высоки и чорни, зъ вершкáмы и зъ червонымы и зъ зелёнымы й зъ голубы́мы. О-хъ козакы́, матери ёго ч.....! Та ще й шапкы плескóвати. Грóмки въ ихъ речи.

А тико такъ якъ глянешъ на ихъ, такъ наче сердытый чоловикъ,—злó на ихъ есть, якъ гляне. Скверного чоловика и не бачывъ: тáкъ шобъ худощáвый, а все здорóви, все здорóви.

Бачывъ я тыхъ, шо въ заброди, такъ тамъ мы на Гнылій булы [1], рыбу бралы; шыбкый народъ.

Тыхъ, шо въ станыцяхъ, бачывъ тыхъ разъ одынъ:—перехóдылы черезъ станы́ци, а цыхъ такъ разивъ пьять бачывъ.

Воно Запорожжа, воно, бачыте, такъ жывуть по станыцяхъ, а якый убогый,—де піймавъ: ото въ забродъ, де зароби́ткы почують; де піймавъ. (Хаты булы у дру́гыхъ, а то въ другыхъ и землянкы булы ще.)

Осаву́лы вже якъ наварять тамъ, якъ наварять обидать, такъ кажуть на чумаки́въ: „а чогó жъ вы, вражéнни сыны́! Иди́ть обидать, чы полу́днувать; шó, просы́ть будемъ!?“ То йды́, а тó налáе. Отó до вози́въ якъ уже идемó, ото: „а чого жъ вы, вражéнни сыны?!“ ото на забродьчыкивъ. „укынь имъ на кашу тамъ рыбы.“ (Накыда тамъ возивъ зъ два). Въ запі́лъ укынешъ на кашу тамъ таранухы. То винъ накыда десяткивъ по два намъ.

---

[1] Туды ныжче отуды на западъ изъ Лыныи, такъ ныжче на западъ соньця.

Осавулъ здорóвый чоловикъ. Отáманъ тамъ: якъ отáманъ, сказать; осавýлъ—хазяинъ; воны́ въ рощотній у ихъ; комý тамъ треба чы грошей, чы чобитъ, чы на чумарку.

Осавулъ одитый... на ёму, сказать, такъ якъ каптанъ (на мисто каптана.) Штаны плысови на ёму. Осавулъ саме найстаршій, а отаманъ уже осавула слуха.

Оце якъ тыхо днемъ витеръ, оце ще ситокъ не кыдають ше, не кыдають на море, тó якъ гра; а якъ оце шо вты́хне, стане сонце сидать на море, то закыне ситкы, та всé вкось и тягне, и тягне, и тягне.

Запорозьцивъ позсылалы. То вже посьли булы мы по заводахъ, такъ ужé ихъ не стало; чы вонó, сказать, шо по и́хъ желанію, чы и́хъ óвсимъ не по и́хъ желанію. Должнó по и́хъ желáнію. Не стало дохóдивъ тыхъ шо булы́: отáкъ.

Отó вже нащотъ осавула,—отó вже хазяинъ у городи вже якый нанима заводы, тамъ чы купець, чы мищанынъ багатый, такъ ото въ ёго прыкажчыкы отаманы, або осавулъ—тó вже сáмый найстаршый.

Тихъ шо въ Петрыки́вци (бачылы). Мы давни́ше булы, годивъ пьятнадьцять булы упередъ въ тихъ, шо у Гаймáнахъ. Та въ Петрыкивьци. У цы́хъ булы разивъ пьять, такъ у цы́хъ булы годъ черезъ пьятнадьцять.

Та кажи́ть шо хочете, шо забродчыкивъ одъ и ты́ (!) на запорозьку одежу ходять: якый хто пожелае. У запорозьцивъ били сорочкы, рукава шыроки-шыроки, та страсть одна; ну и рукы дебéли, ну прями́ запорóзьци.

Обидать не выпустять изрóду вже. А якъ будешъ одмагаться:—„скýрвый сыну! бáчъ якый! Сказáлы разъ,—у дрýге не будемъ казать“. Ото й иды. Отó й иды, сидай. Хлиба-сóлы, вже хлибомъ солью накорме—Боже мой! Отó заразъ рыбу упередъ варену; такъ оце шобъ не перекипáла, такъ ваганы велы́ки—и кажному-кажному и сты́льчыкъ и стульчыкъ кажному. Коло стóлыка чоловика восимнадьцять и двадьцять, а якъ съ прыходны́мы, такъ чоловика и двадьцять пьять. Чолови́ка тры́ насъ, чоты́ри,—усі́ сидáй, усі́ у ми́сто. Силы—„давай“—якось и называють кашовара,—„давай лышень намъ трáпезы, хлопче!“ Ото рыбы попойилы,—тоди кашу изъ жыромъ, о Бóже! Тоди рыбы жареной поставе: нажáре й рыбы,—батечку мій! А паляныци булы пшенышни, якъ паскы.

Подавалы обидать чепурно. А въ дру́гыхъ, якъ мала́ ватага, то и се́ е: якъ выверне казанъ рыбы на стилъ (шобъ йилы), такъ и юшка й бижыть, — такъ рукавамы й ма́тлають.

Це́ якъ не́видъ закыдають, то по стака́ну выпьють по восьму́шному, повечеряють.—Якъ уже піймають рыбы, такъ отоди́!..

Чумакы́ якъ пидхо́дять, такъ „на щасьтя". Та́къ шо „якъ вытягнете, братьця, на мое щасьтя, такъ пивъ видра горилкы вамъ". А дру́гый каже: „якъ вытягнете на мое щасьтя, такъ видро горилкы". Тамъ якъ вытягнуть, такъ ви́зъ на пьятдесятъ, а иноди та́къ шо й на сотню. Якъ табуна́ [1]) не захватять де, такъ и шабашъ. Сулы́, ка́мбулы, билюгу одну якъ вытяглы,—аршынъ чотыри билюга, такъ якъ товаряка яка. О-о Боже Мы́лостывый! Навози везуть, а воно ще й хвостомъ до долу высыть. (Красна рыба ота, о-о, Боже, Боже!)

Такъ ото вже попьютьця вже могорыча́, ото вже попьютьця, вже такъ шо ой-ой! «Ашо братьця, по запорозькій чи якъ?» А другый «эге!—Запорозьци!" Якъ пиднимуть пи́сни [2])! ой батечку мій! Наче въ мори ревуть. Наче море реве, то та́къ воны. Вы коло моря булы́? Якъ на пого́ду, такъ реве́, реве, о-о, Боже мій Мылостывый!.. Оце якъ почуе на погоду,—за двое сутокъ реве, якъ розколы́шеться. Боже мой, Боже мой! А въ мори не останетьця—грошъ укынь, такъ вы́кыне, тряпку вкынь,—не буде нищо́. Утопленыкы пото́нуть,—повыкыда море! Повыкыда́ море.

—

Ну вамъ слы́шно, шо козака́мы оцы Лы́ніи ризалы. Говорять,— козака́мы. Боже мой, Боже мой! О Боже, де вона дилась та гора? вона була крупни́ше ще. Шо́ тамъ хатъ було состроеныхъ! Ото жъ запыралыся воны.

З н а т н ы к ы́.

Знатныкы́ булы таки, шо не дай Богъ. Воны й померли ходылы, не ту́тъ ихъ згадуючы. Зъ запорозьцивъ найбильше знатныки́въ, найбильше. То́ винъ не своимъ духомъ уже. И дознавалы. И дознава́лы, шо отамъ то ходять. Такъ, говорять, ныць лежыть. Говорылы люды. Богъ съ нымы, я ихъ не бачывъ уже.

[1]) Табуна рыбы.

[2]) Чумацькыхъ, запорозькыхъ.

Винъ умреть, а потомъ ходыть до своеи симьи́. Такъ и́хъ откопувалы,—говорять наши предкы.

—

Видьмы́ булы. Видьмы́ булы. Та хай Господь мылуе. Теперъ ихъ нема.

—

Та бу́въ розбой... тамъ Сте́шынъ бридъ. На Оре́лы. Сте́ха. Вона жинка була, а зави́дувала розбо́йныкамы. Стеха яка́-то була на Оре́лы. Розбойныкивъ чоловика трыдьцять-сорокъ, а вона розбой держала,—такъ ото́ и Стешынъ бридъ черезъ то́.

—

Знатныкы булы таки шо знають.. То́ вже ходылы воны, не ту́тъ згадуючы. То́ вже таки́ ходылы. То́ вже таки́ ходылы.

—

А то́ по рыбу пишлы: и два́ ихъ. Два чумаки́въ по рыбу ходять, два́ ихъ. И народъ пры здоровью; диды́ пры здоровью. Ну, ось одынъ кони пасе—погнавъ кони, тамъ далеко, чы блызько погнавъ кони, а одному́ калаву́рыть возивъ. Та взявъ, та буркою накрывъ, тымъ, шо вкрывають: сказать опанча́. Одежду и шапку выстромывъ съ опанчи, «будьто я лежу». И прыходе розбо́йныкъ. А самъ саже́нь тры у комыши лежыть геть о́сторонь отъ вози́въ (комыши́ колысь булы увъ аршынъ) и не спыть.

И прыйшовъ розбойныкъ зъ ножемъ: нижъ уже наготовывъ и ды́вытьця—лежыть будьто чумакъ: „оце жъ чумакъ". Сюды-туды гулькъ, будто ничого; оце́ жъ и шапка вы́стромлена. Той (розбойныкъ) мо́стытьця уже впасты на ёго, а то́й лизеть комышемъ, уже блыжче пидлазе сюды до ёго, до того опанчи, де лежыть чумакъ:[1]) будьто чумакъ, а винъ накрывъ. Якъ упа́въ той на опанчу, тай ноже́мъ за́разъ та́къ якъ будьто пикою шырнувъ у груды: „о́сь я ёго й заколовъ!" Тай опанчу и одежу пробывъ и одежу пробывъ и прыслухаетьця:—заколовъ, каже, я заколовъ". А цей вже пидлизь якъ є. Той туды лежыть очыма, а сюды плечыма, а цей изъ-за плечей кый за собою волоче́; прыволикъ, уже зъ-за плечей съ кыемъ. Той прыслухаетьця чы задавывъ того, а це́й ёго кы́емъ якъ свы́снувъ, такъ винъ не схватывсь и на ногы, та якъ блы́снувъ у други, такъ и захри́пъ:

---

[1]) Це було за насъ уже.

выбывъ усе зъ ёго. Та якъ блыснувъ у друге, такъ уже ёго й не чуть,—убывъ. Зъ одного разу вбывъ; вдруге ударывъ уже нежывого. Отакъ солодять. Такъ винъ ёго зволикъ зъ одежи (такъ и пышить), та за ногы ёго, та въ комышъ одволикъ сажень пьятнадьцять. А тоди ще й серебро було, такъ винъ оглядивъ ёго по карманахъ, де знавъ глядивъ уже; такъ у ёго,—тоди ще червонци булы,—найшовъ у ёго собственно двадьцять,—це за насъ уже було,—въ однимъ мисьти, а въ другимъ трыдьцять карбованьцивъ найшовъ серебра; и тоди прыйшовъ до обозу и гука: „товарышу мій! подгонь кони сюды поблыжче: розбой"! Такъ той зразу сюды кони гоне и злякавсь, крипко злякавсь. „Шо ты, каже, гукаешъ? Шо тутъ зробылось"?—„Не бійсь", каже, „ничого: бо вже", каже, „одного вгепавъ". А цей пытае ёго, и коней ще не роспутувалы: „Де жъ ты ёго дивъ, якъ угепавъ?"— „У самій бильшій комышъ одволикъ? А той пытаетьця: „шо жъ", каже, „робыты?"—„Роспутувать кони, та давай тикаты". А того й не каже, шо копытала пьятдесятъ цилковыхъ уже въ кармани.

Позапрягалы кони, пойихалы. Йихалы довго-коротко. А колысь люды булы вирьни яки—а Боже мой!—що одынъ другому росказуе що я зробывъ, шо й получывъ. Йидуть умисьти. „Шожъ ты", каже „угепать угепавъ, тай не поглядивъ, шо въ ёго тамъ було по карманахъ?" „Ось Богъ дасть сьвитъ буде, такъ пощытаемъ". Бачъ, колысь люде яки булы. Ось Богъ давъ сьвитъ; сталы воны на роспаши, пощыталы деньги—пьятдесятъ рублівъ. „Шо," каже, „брате, чы дилыться будемъ?"—цей, шо погубывъ. А той говорыть, шо коло коней бувъ: „братьня голово! це", каже, „твое щасьтя, шо ты вгепавъ! Хто вгепавъ,—того й копыталъ". Такъ тилько оглядалыся,—такъ тоди давнишъ бачъ якъ було,—такъ тилько оглядалыся одни сутки, а то бильше й не оглядалысь. Колысь було якъ то малолюдно було—охъ Боже нашъ!.. Не сталы боятьця и ны пужатьця... Богу помолылысь—той пропавъ тамъ, а воны...

А той думавъ те—винъ уже настояще думавъ, що и надумавъ и заколовъ и задавывъ, а тутъ ёго зверху и гепнувъ. Цежъ усе за насъ було.

Можеть у Харькивъ вы йихалы?—такъ тамъ Бида жывъ. Ото шо церква у лиску маненька, такъ ото й Бида. Такъ винъ бидный бувъ,—такъ черезъ то ёго й прозваные Бида. Такъ винъ йиздывъ зъ горшкамы, возывъ горшкы; тожъ и Бида, що бидно жывъ. Боже мой!..

Повизъ винъ у Катеринославську губернію. И выйихавъ у лисъ; и йиде,—ниде спать дорогою. А винъ пры здоровью чоловикъ бувъ. Йиде, й йиде, й йиде, ось уже и повдня йиде лисомъ, и стоить хата: хатёнка та́къ чорзна яка. Ось винъ конячку свою—конячка погана!—бросывъ на дорози: „а пиду я подывлюсь, що́ воно таке тутъ жыве́“. Колы ввійшовъ,—ажъ ди́дъ одынъ забисо́ваный тамъ. Винъ тико ускочывъ у ту хатёнку, така́ шо тилько бокомъ лизты. „Здоровъ. Де бъ я“, каже, „де бъ мени выйихать?—що́ воно тутъ це за лисъ?“ А винъ каже: „де жъ конячка?“—„Та ото“, каже, „на дорози; та до то́го дойихавсь, що ни сюды, ни туды“. А винъ схватывсь, та до ёго. А розбой у ро́зйиздь. Такъ ёму Господь давъ:—у розйиздь,—дида тико бросывъ. И вхватылысь бороться. Онъ ба́чъ, яка ёму бида була; ёму бида була. Такъ ви́нъ ды́выться, що бида... Винъ росказувавъ, такъ ёго „Бидо́ю“ заразъ и вхватылы: „Э-э, тоби бида́“, каже, „була!“ То ви́нъ якъ перевернувсь,—чере́кнувъ ёго чепурне́нько, та якъ ударывъ ёго головою объ вищо то такъ: объ каминь, чы объ лаву, та и голову розбывъ ёму. Ёму бида була бидному; та каже: „чого тоби тутъ хотилось?“—„Де твои гроши?“—„Ото“, каже, „ото, панебрате, возьмы: тоби пожыватъ, а мене не добывай; ото“, каже, „одынъ бочонокъ, а то“, каже, „другый, а то третій“, каже, „це золото“. Такъ и ти́ выдно, що воны невелычки... А такы того дида доглекавъ: угрю́кавъ, добывъ, та тоди й пойихавъ. Такы Господь, усе́ Господь! Господь ёго й вынисъ. Та тоди ти бочонкы забравъ: одынъ пидъ мышку, сюды одынъ, а цей пидъ другу, а третій у по́лу, та й вынисъ до повозкы. И не дывывсь, чы подавляться горшкы, чы ни́,—такъ и повкыдавъ ихъ у горшкы, у кошúль [1]) такъ и кынувъ; зрадивъ крипко.

Мени ганчари́ росказувалы Водола́зьци; я зъ нымы часто тамъ горшкы продаю. Такъ ото́ жъ ему й бида була. Та, ба́чъ, усе Господь дае,—побидывъ. Такъ ви́нъ, каже, съ тымы́ горшка́мы якъ пойихавъ, пойихавъ, та все́ Богу мо́лытьця, все Богу молытьця, все Бога просе. Господь давъ—выйихавъ. И пойихавъ, и пойихавъ, и пойихавъ Забу́въ уже й горшки́въ: то продававъ, а то́ якый розбывъ, якый покынувъ, якый покынувъ, якый подарывъ, та утикъ до дому чымъ дужъ и съ тымы гри́шмы. А шкапи́чка була така, що тры карбованьци цина усёго.

Прыйихавъ и ставъ вурушы́ться, ставъ вурушы́ться; купывъ соби заразъ другу коняку; купывъ пару быки́въ; купывъ корову, купывъ

[1]) У кошиль той що на горшкы загородывъ; загороженый, высокый.

Ше такъ спе́рвоначалу купывъ пьять овець... далше билше... Жыве годъ, жыве й два, жыве й тры.—Черезъ тры годы уже й плугъ воливъ! Шо́ зъ гри́шмы, Боже мой! А безъ грошей ничо́го!

И сталы люде допы́тувать ёго: „шо жъ се“, каже, „чи не отаке? де жъ ты горшкивъ на дорожне́ту на таку возывъ, шо“... Такъ ви́нъ и ставъ росказувать: „Э-й, господа!“ каже: „я, каже, горшкы возывъ, такъ мени бида була.“ Та то́ Бида́ й ста́въ. Тай росказуе було нашымъ батькамъ и плаче: „шо мени ма́лось буть само́му смерть; са́мъ изйихавъ на розбой“.

Якъ пойихавъ я самъ на Лынію, та йиду-йиду, та якъ пойихавъ я посли Мыколая зъ двора, та перейихавъ я Ростовъ и прыйихавъ до Та́нбы. И перейихавъ Та́нбу: значыть, море, сказать—по тому мисту́; и перейихавъ Донъ и въ ливу руку идеть дорога на Чорноморію, а въ ли́ву руку на Лынію, сказать—на Лынію идеть вамъ дорога на Ста́врополь городъ. И йиду я день; тра́плятьця чумакы—стою́ надъ дорогою, не траплятьця чумакы, нитъ нико́го—йиду я зъ дорогы за верству миста, за пивторы у сторону. А не одйидешъ, такъ опасно ставать надъ дорогою - розбой. На ву́тро встаешъ, Богу помолысься й йидешъ упьять на дорогу. Йидешъ—тоже тамъ на обидъ стаешъ. Трапляютьця чумакы—стаю́ я зъ нымы, ночу́ю надъ дорогою; нема́ чумакивъ—йиду въ сторону. А, Боже мій! Йиду въ Ставропо́льську губернію. А Боже мій—тамъ розбой, не дай Богъ. Йидешъ дорогою—гукать нильзя. Коняка пры́сне, тай то́ душі́ нема, шо пры́сне коняка: у сторону вже пойидешъ зъ дорогы. Упьять на утро встаешъ, упьять йидешъ на дорогу. Такъ йидешъ до оби́дъ, або до полудня: трапытьця чумакъ—станешъ надъ дорогою, а не то́—въ сторону йидешъ, верству—у пивторы одйидешъ зъ дорогы. Степъ—о-о! Боже Мылостывый! Ота́мъ степъ! Станы́ци нема; все й степъ, и степъ, и степъ: все́ й цилы́нный, все́ й цилынный! Отта́мъ ше можна пожы́ть.

Комыша́мы йидешъ,—у сторону звертай.

Стривайте, я вамъ оце́ роскажу шо́ було: запыши́ть, ій-Богу запыши́ть на ту́ штуку.

Значыть, колысь салдаты ходылы въ такыхъ ша́почкахъ, якъ со́яшныкы.—Це́ на степу́ було, а мы́ воливъ па́слы: уже́ тыхъ людей нема на свити, съ кымъ па́слы. Тры́ насъ. И обложы́лы волы, напаслы, значыть, ихъ, и самы поморени-то булы и поснулы. Та́мъ,

довго-кóротко, óсь кы́нувсь одынъ—немá воливъ; а тéмно поночи; нема воливъ; ну шóжъ казать? «Иды́ жъ ты у сторону, туды на Глобу́» (хутиръ, значыть: на хутиръ), тáкъ сказать якъ на схóдъ соньця; а дру́гый тáкъ якъ на обидъ, а третій такъ якъ на запáдъ соньця. Пишлы мы. Такъ иды́ та гукай. Якъ нáйдешъ волы, якый нáйде, такъ гукай». И пишлы: тóй туды, той туды, а я пишовъ тóжъ. Ишовъ, ишóвъ, ишовъ—нечу́ть; нечу́ть ничóго. А це тáкъ, прыслу́хався, такъ будьто гукнуло отъ у той край на запáдъ соньця, будьто гукнуло, а я соби́ гукнувъ. Переждавъ, гукнувъ я, а воно переждавшы й соби гукну́ло, впьять уже блыжче. Гукну́ло! Ищé блыжче; я впьять гукнувъ и соби. Ось дывлюсь, ажъ уже ось коло мéне. Одногó звалы Мыхайломъ, а другого Якымомъ. Ти́ въ сирякáхъ. Це ты́, Якыме? Лапнувъ за шенéлю. А винъ каже «а кавó тоби нáда?» Якъ ухвате мене за сирякъ, а я молодый бувъ порськы́й; здоровьячко було. Я повернувсь сюды-туды, а я той ы́стыкъ та схватывъ, та хóда!—а винъ за мною; та би́гъ, бигъ, бигъ, утикавъ-утикавъ. А воно на тому жъ бóрозны та купья тоже; та на ку́пыну якъ спиткнувся, якъ полетивъ—упавъ! А винъ на мене якъ набигъ, та не вдержався, та черезъ мéне; я схватывсь, та éго ы́стыкомъ—та впьять хóда. О Боже, перелякавсь!.. А винъ, упьять! упьять! Та якъ догнавъ у друге! Такъ я ёго якъ пры́снувъ уже! Ищé разъ! Та коли́номъ ёго! Та колиномъ якъ прыдавывъ, такъ ви́нъ якъ схватывсь, та давай хóда уже й рачкы. Такъ ви́нъ оставсь, то я вже рáчкы утикавъ; лизъ я рачкы, шобъ загубы́ться. Богъ помигъ мени. Оставсь у комыши́, загубывсь уже. А винъ—щó? Хоти́въ сирякъ..... «А-хъ», каже, догадлывый! Мени бъ», каже, «не треба; мени сиряка тилько треба. Мени тико», каже, «сиряка та шапкы твоеи треба». Такъ не подоли́въ; а якъ бы подоливъ, такъ поотнимавъ бы. А що налякáвъ, такъ не дáй Богъ.

А тó биглець бувъ. Убигалы съ службы: биглéць, значыть; такъ ви́нъ бы, якъ бы достáвъ де сиряка та шапкы, такъ ви́нъ де забереться до панивъ у клуню; тóжъ воны годъ по пьять у панивъ жывуть таки биглеци, бурлашня. Такъ я зайшовъ до своихъ и волы зайшлы. Шó вамъ, кажу, ничóго не булó? «Ничóго. Шó жъ воно?» Якъ роспыталы, а тó биглець; тáкъ воно на ту лынію й выйшло. А нóччу никóлы не гукай, Боже сохраны. Стари́ши люде, ше постарше насъ, такъ кáжуть—ноччу, якъ волы́ пасешъ, такъ не гукай, бо непрыятеля соби выклычешъ.

—

Якъ бýвъ на службі ше дидъ, якъ бýвъ у пикинéрахъ дидусь и служывъ у пикинéрахъ; пикинéрськa служба була; жонáтымъ узялы въ службу. Такъ якъ хто не бáчывъ нýжды, такъ и не побаче й добра. И дида взялы́ на службу, а вонá остáлася. Такъ якъ пíде полоть по шагу,—по шагý въ дéнь, такъ заробыть грóшъ той. (Ще мені́ доводылось по тры копійкы косы́ть, шо теперъ грывня: дéнь якы́й, а я дубасю по грывни въ день.) «Заробышъ», ка, «той грошъ, та йду исъ того двора. Выйду зъ багатого, зъ багатырського двора, та на смиття пиду, та найду латочку, тай запащы́ну налатаю тымъ же самымъ. Выдыте що: яка бидность була.

Такъ ви́нъ, якъ завоювалы, якого то шведа завоювалы, тай йи́де полкъ (воны у конныци служылы), и йи́де генералъ на кони уперѐдъ усихъ и въ бокы взявся, а пи́сельныкы пи́сьни пóють, гуляють по тому по городу. Ви́нъ и затаи́вся у хати. А хаты таки: викна круглі; и виконечко отсунувъ, та ружжа позаряжувавъ. Ти́лько полкъ дойшовъ напротивъ тіи землянкы, такъ ви́нъ якъ хлопнувъ, такъ ви́нъ тико кáвкнувъ, тай годи; и впьять тико дымъ пишовъ виттиля и впьять вертытьця, заряжа. Такъ воны якъ хваты́лыся—полковныкы закрычалы, що «ступайте, шобъ узять ёго: жывóго взять». Шо наткнýтьця,—дверя розбылы, такъ не можуть узять: на смéрть выдю́щу итыть—Боже мой! Тáкъ брать ёго, убылы бъ и землянку бъ ту розорылы, такъ жывого шобъ узять хотять. Подойшло чоловика трыдьцять, чы й сорокъ, чы й сто чоловика: «ну, ступайте вперéдъ, бери́ть ёго. Берить, значыть, шобъ жывого взять, такъ не мóжуть. А въ ёго и шапка, и кынджалъ, и ружжа: тáкъ и вертыть усимъ оружіямъ. Такъ тры́: трёмъ далы выпыть добре и зъ намирéніемъ, зъ намиреніемъ. Звисно, начальство велыке прыказуе, такъ якъ царь, шобъ узять ёго. А ви́нъ сыдыть—однó поверта тико, одно поверта. Такъ ви́нъ якъ грякнувъ! Напротивъ ёго груди,—убывъ. Дрýгый хватывся,—руку пересикъ; а третій хватывсь,—захватывъ ёго уже значалу. Такъ ёго вы́тяглы и звъязалы ему рукы назадъ чы ногы, чы закувалы, чы якъ то просторъ далы́, не óвсимъ; и зачалы казныть тоди, и казны́лы тáкъ: одрижуть пивъ пальця—пидóждуть; одрижуть ище и палець, и цилый—пидождуть; одрижуть и третій. Охъ, Боже мой! Боже мой! Боже мой! Боже мой! Усѝ пальци ризалы тоже такъ и потимъ вуха ризалы и потимъ носъ ризалы и потимъ—жывый,—ти́ло ризалы по кускахъ. И то вже ёго обдыралы кускамы—жывый. И потимъ лупылы якъ собаку. Посли того наклалы костеръ дровъ и ёго на костеръ, и спалылы и попилъ перевіялы. Конецъ.

Прыйшовъ исъ службы... Воны на двадцять пьять годъ прысягалы; такъ якъ побидылы, такъ ихъ по домахъ роспустылы, якъ побидылы. Пикинерьську службу служылы харашо; ихъ роспустылы. Такъ отó якъ по городахъ, такъ воны пылы и гулялы по тыхъ городахъ и по селахъ: всячыны бралы по лавкахъ и чого не було; хтó шо хотйвъ бравъ, такъ вонй не бралы ничого, окрóме грошей. Серебро важкé,—золото легкé. Брáвъ хто и серебро, бравъ хто хотивъ. Такъ добувъ дидъ тáкъ, шо прынисъ черескй: на ногахъ пó два чересκы червонци, и на рукахъ позашйвани червонци у черескахъ, и на пóяси, тоже саме, червонци.

Та каже, якъ сядуть сьпиваты, та якъ просьпивають разивъ и два и тры и пьять, та якъ сядуть плакаты; такъ слёзы такъ якъ горохъ... Мабуть тамъ де служылы, такъ не добрó було, та Господь давъ, якé добро заслужывъ посли ёго.

Воны дóма ходылы у пикинерьській одежи: червони штаны шыроки-шыроки! Цé вже дидусь пóмеръ, такъ наёмщыкамъ продавъ уже батько ти штаны. А у чóботихъ ходывъ у жовтыхъ, у зеленыхъ; воны такй: зелени й халявы. И червони чоботы; нискй гострювáти, гостри таки осюды, тáкъ якъ нóсыкъ у куркы отакъ сказать; пидъ зáвидь. Такъ вйнъ чумакувавъ: повóзокъ двадцять по рыбу йде. Та якъ прыйде зъ рыбою, такъ недиль за дви одъ моря повертаеться, онъ бáчъ яки съ службы повстають. Онъ бáчъ яки съ службы повертають. Це колы спросйть кого, такъ я вамъ не брешу. Багáчъ бувъ на всю слóбоду.

Киньмы чумакувалы, а тó й воламы: дванадьцять визъ солы прывозе. Овець було сотня и череда своя; коней косякъ свій. Боже мой, Боже мой, дé воно подивалось? Такъ якъ увъ огни погорилы. И бугунй булы тоже такъ якъ въ овчынныка,—такъ тáкъ у ёго на веймъ двори: якъ прыйде зъ рыбою, такъ заразъ роскыда зъ усихъ возивъ по тыхъ бугунáхъ; вйвьялытьця вона вже, значыть высохне, такъ тоди вже скыда въ ынбарь [1], а то сыта була безъ чысла, такъ загріетьця, покы зъ дорогы прыйде. Цежъ не дурно воно сказано, шо коней четверо бере зайвынá: якъ прыстáне, такъ бросе. Отó кому трапытьця, свою собственну, а сáмъ иде. Перерызъ грошей бувъ милочи: тáкъ якъ на зéрно, сказать; такъ зъ допцокъ збывъ виттиля й

[1]) Викна въ ёго комори булы таки, шо лядою прогонычомъ уныэъ отчыпялысь. То це якъ увійде винъ, то штовхъ у виконьцю!

виттиля. Прийде солы купувать, прыйде рыбы купувать,—туды жъ у переризъ гроши та́къ и скыда́, якъ зерно́. У ярмарокъ пойиде, повезе соли, повезе рыбу:—прывезе оклу́нокъ грошей; по мишку́ торгувавъ: тоди ми́лочъ була; серебра тоди мало було. Оттакі́ багачі́ булы, що не въ скрыняхъ гроши держалы, а въ пере́ризахъ. И кузьня своя, бонда́рьня своя, слесари свои».

Веде́ть мене у кузьни; наваре чумацькои каши,—и казанокъ несе, и мене веде. Разъ убуе у чоботы въ червони, а на другу недилю у жовти обуе. Любува́всь. (Ходылы у червоныхъ и жовтыхъ чо́ботихъ багачи; багачі́ ходылы). То я возьму съ пере́риза грошей у руку, возьму двое, а трое—не бильшъ—тыхъ грывень велыкыхъ; не бу́де ничо́го казать: «йды йды! вже́, враже́ный сыне, ца́пнувъ». Звалы ёго Даны́ло. Даныло Пылы́повычъ Россо́ха.

(То) лева́ду о́бчество одвело, де було россошыно мисто: тамъ десятынъ пьятнадьцять; теперъ хазяинивъ двадьцять на тимъ мисти, на тій усадьби. Такъ отакі́ багачі́ булы. Чотыри мельныци було.

Тры сыны було: Даныло самый старшій, а середульшій Мусій, а са́ме найменьшій, батько мій, Степанъ.

Сына женывъ—узявъ у секретаря дочку у городи въ Косьтянты́ни; бу́въ у Черні́гови попервахъ... то чы бу́въ тутъ секретаремъ чы ні́, а то́ у Чернигови бувъ годъ десять, а впьять же перейшовъ сюда, впьять бувъ секретаремъ тутъ; впьять бувъ, на ми́сти впьять бувъ, са́мій Петривській бувъ. Бачъ, заслужувалы благоро́жа, заслужувалы; тоди мало було людей. (Звать его Буравлёвъ Кырыло Дмытровычъ).

Маты моя грамотни булы; воны пысать моглы и чытать, такъ росказують було. Боже мой, якого добра було всячыны у Россохы. Ще дидивъ обохъ я знаю. (Буравлёвъ довго жывъ: уже я бувъ отакъ годъ шиснадьцять, якъ Буравлёвъ жывый бувъ. Все́ поме́рло, все померло. Буравлёвъ литъ девяносто жывъ: старый, старый уже бувъ; до ста́... ні́, литъ девьяносто жывъ).

А браты́ ёго бидно жылы, дидусе́ви, Россошыны (Даныла Пылыповыча); по лю́дихъ робылы. Такъ бидно жывъ Хведиръ сей, дидусивъ братъ. Тай прыйде сюды, якъ гости, якъ панивъ понайизды́ть, купцивъ понайиздыть, а на ёму, звисно, одежа плоха, такъ винъ не прызнае ёго за брата, та́къ якъ того Лазура той братъ багачъ не прыимаеть, то такъ винъ ёго. А тикы Хведиръ одно́ рыбу ловывъ, одно рыбу ловывъ.

У дида тры браты було; одынъ Иванъ бувъ: того я добре знавъ,— такъ Ивашко́, Ивашко́. То ще й я знаю; було прыйде, кабаны коле дидусеви. И то вбогій бувъ: пры бидносты жылы. Третій братъ такъ то́й грамотный бувъ. Той грамотный бувъ. И ви́нъ жывъ у городи у нашимъ паштыліономъ.

Хведиръ одно́ рыбу ловывъ, одно́ рыбу ловывъ... Булы колысь очерета́, та болота, та таке, шо не дійдешъ до сагы́ [1]),— скотыну не заженешъ, а теперъ уже нема ничого... Такъ ви́нъ той, шо ловывъ ёго братъ рыбу, такъ диждалы уже Велыко́дноі Суботы передъ празныкомъ; ну, такъ якъ мьясы́ва нема и тамъ къ празныку може купывъ тамъ кусочокъ сальця и къ Велыкодню, а са́мъ узявъ вьятери́, пишовъ у Велыкодну Суботу, поставывъ вьятери́,—а тоди рыба ловылася, такъ отака́! А са́мъ жывъ недалеко одъ Берестово́и на лужку́. Ну, поставывъ вьятери́ и по́тимъ пишовъ у свій домъ. И по́тимъ дума, шобъ питы ра́но: рано шобъ питы́, шобъ покы́ то на Вдыяныи стоять, такъ пиду, дума, ще зъ ве́чера, такъ виду́,та рыбу заберу въ вьятеряхъ, а то́ паску несты вже треба освьяща́ть. Ось заснувъ и кы́нувся. Кы́нувся—ще й на́ сьвитъ не благословы́ться. Умывсь, Богу помолывся, вхватывъ весло и побигъ. У ёго жъ човенъ тамъ е.

Кажуть,—противъ празныка оказуетьця: Господь дававъ людямъ И пишовъ...

Прыходе до сагы—перейшовъ; прыходе до другои—перейшовъ; прыходе до третёи—перейшовъ. Ось уже й очеретъ. Колысь не косылося!... Значыть прошлогодній очеретъ; колысь воно ни косылось, ни жалось: народъ роскошно жывъ колысь! Стежечка одна, де винъ ходе. И рыбалокъ тоди було може два чы тры всихъ. Идеть стежкою вже въ очеретъ. Увійшовъ; будьто оказалося—свичка впереди. Доходыть блыжче,—потухло. Прыходе ще блыжче,—дывытьця, шось маяче коло стежкы такъ блызько,—ажъ черкнувсь... ажъ черкнувсь; тико не на стежечци. Винъ облапавъ,—ажъ бочоночокъ. Винъ перехрестывсь, попробувавъ ёго, а такъ якъ пудивъ тры: такъ тико понесты;— тико поднять та понесты. Пудивъ тры такы якъ-небудь. Ну шожъ? Перехрестывъ ёго и дума: «ну шожъ! И ятери недалеко! Питы довидатьця, чы е шо въ ятеряхъ, чы нема». А ось и сьвитае вже. «Ни,

[1]) Сага половоддя йшла: такъ трясовыны, шо неможно туды скотыны нагнать,—такъ стежку тико зробе. Та стежку зробе, шо низя скота нагнать... Сагы—одна сага, тамъ друга, тамъ третя.

побижу». Перехрестывъ ёго, трошкы посунувъ далше, очеретыну переломывъ: значыть, якъ прыйде, такъ шобъ дознать, и пишовъ.

Пишовъ, на човенъ сивъ—тамъ човенъ уже зна де—и пойихавъ. Прыйиздыть до ятеривъ; якій не пидниме ятирь—повнисинькый рыбы! Набылось. Посадывъ винъ туды, де й бувъ: значыть пиднявъ наверхъ, а рыбы повнисинькый ятерь; такъ винъ до третёго вже й не сахавсь. Поставывъ такъ, якъ и булы, шо «треба вже мни оте несты. Треба до грошей иты. Пойихавъ човномъ. Прыйиздыть до тыи стежкы. Уставъ, выйшовъ на стежку, пишовъ. Прыходе до бочоночка,—стоить, слава Богу. А на празныкъ хто иде? Винъ одынъ вырвавсь, мабуть пишовъ. Винъ заразъ съ себе поясъ скынувъ, перевьязавъ, питсунувся до ёго хорошенько: такъ же не можно до ёго, шобъ пидсунувсь, тай взявъ такъ же шамко, шобъ схватыть ёго, а пидлизь пидъ ёго; насылу, вставъ пиднять ёго. И пишовъ.

Прыходыть до-дому; трычи, каже, оддыхавъ, сидавъ, оддыхавъ, покы дотаскавъ. Ось уже, каже, розвыдняетця. Прыйшовъ уже до дому; та не йшовъ у хату, та прямо въ комору, та роскынувъ рогожку—выплетена зъ рогозъ,—поставывъ на рогожи. И набытый зализнымы обручамы. Винъ до хазяйкы не йшовъ; тамъ наче спала въ хати, чы лежала. Узявъ сокыру—бачъ, якъ прежде було, шо гроши выходылы, вы жъ слышалы, шо выходылы? Избывъ обручъ зализный, избывъ и другый; одиднувъ дно—колы воно, якъ е, подгребло у щердь сами карбованьцй серебро (гроши). У щердь повно. Бачъ якъ Господь пославъ Мылосердный! То Господь усе дае. Винъ ёго взявъ, рогожкою накрывъ. Накрывъ рогожкою, дно заднывъ, тамъ якъ-небудь ёго залаштувавъ, взявъ мишокъ и пишовъ по рыбу. Побигъ уже. Побигъ, побигъ, побигъ: побигъ уже. Прыйшовъ до ятеривъ. Такъ одынъ ятеръ пиднявъ, такъ забравъ саме старшу: а воно лыны та щукы; а ту дрибнишу у сажъ повкыдавъ,—тамъ и сажъ у ёго е. Прыйшовъ до другого—и въ другому такъ. И въ третьему такъ. Ну, ту дрибнишу въ сажъ повкыдавъ, а ту въ мишокъ забравъ—тамъ пудивъ коло двохъ—и пойихавъ до берега. Прыйихавъ до берега,—човенъ поставывъ, прытопывъ: уставъ и пишовъ стежкою до-дому. Прыходе до-дому—сонечко зійшло вже. „Ну, на-жъ тоби, хазяйка, сю рыбу, росчыняй и жарь". Потимъ узявъ паску—пишовъ до церквы. Удигся—пишовъ, до церквы понисъ святыть. Потимъ съ церквы выйшлы—пишовъ до дому.

Розговилысь. Пообидавъ якъ должно; спочывъ трохы и пишовъ до брата у госьти. И неклыканый. Вбогого не клычуть. Прыходыть до ёго: похрыстосавсь. Винъ ёго прынявъ уже тамъ такъ якъ... Госьти булы—вже пойихалы зяти тамъ, проччи. Винъ ему каже тоди: „брате! пойидьмо до мене въ госьти; я до тебе прыйшовъ,—пойидьмо до мене". А винъ ёму отвича: „чого я до тебе, брате, пойиду? Чимъ ты будешь мене гостыты?" Онъ бачъ що! Боже мой, Боже мой! А винъ уже цилковаго узявъ,—уже горилкы прынисъ пивъ видра. „Пойидьмо", каже, „стара. пойидьмо! чимъ винъ буде насъ гостыть". А вона рыбы нажарыла,—тамъ уже прыгостыть... А винъ прыйихавъ:—ниде и коня прывьязать—обхидчаста хатка. „Ходимъ же, брате", каже, „въ хату". Бабуся покойна пишла вперёдь, тамъ може взяла паляныцю, понесла до зовыци. А воны два ихъ идуть: у синьци ввійшлы, а винъ: „иды, брате у комору напередъ, а тоди въ хату пидемъ". Увійшлы въ комору: „можъ тутъ", каже, „таке?"—„Та пидожды". Взявъ рогожку, роскынувъ, пиднявъ той бочонокъ; якъ черехнувъ! якъ брязнувъ тымы гришмы, такъ и заславъ усю рогожку! „Шо це", каже, „брате, таке?"— „Богъ давъ", каже. Ото, значыть, братови похвалывся, шобъ полюбо-ныствовавъ и братъ. „Пожывай", каже „брате! якъ тоби Богъ давъ;— въ мене", каже, „бильше е!" Хе-э! Це настояще такъ! Не то, що я васъ дурю—чорзна що прыставлявъ. Якъ чорзна що кажы,—чорзна що й буде. „Пожывай," каже, „брате! Въ мене наче билше е". Потимъ пойихалы. Винъ оставсь у доми. И потимъ, Богъ давъ, святкы проводылы, и давай нымы ворушыть! давай ворушить—купывъ десятокъ овець. Дывлятьця люде!—А сынъ у ёго бувъ такый—литъ пьятнадцяты одынъ одны́мъ, одынъ одны́мъ и бувъ тико.

Давай жыть, давай жыть, давай жыть тымы гришмы. Впьять другого ярмарку диждавъ, третёго—другу пару воливъ купывъ: хазяинъ уже ставъ. Дворыкъ обгородывъ, сарайчыкы построивъ. Уже ось годъ выходе—уже плугъ воливъ!—Уже своимъ плугомъ оре. Дывлятьця люде—уже багачъ, уже такый, шо слава тоби Господы!—Пры якій бидносты жывъ,—уже теперъ жыве гей якъ уже. Тры пары воливъ, уже й скотына, уже й вивци и хлибъ и всячына вже! Мелныцю справывъ водяну, де тамъ ричка була коло ёго, бачъ що!

Дождалы посту. Не дождавъ и празныка—померъ. Осталась вона вдовою. Туже, плаче по ёму... Зажурылася, зажурылася, запечалылась. Пожыла два годы ще съ сыномъ безъ ёго,—стало ему висимнадьцять годъ. И сына оженыла. Ну, сынъ ставъ хазяинувать тожъ; худоба

таки не вменьчалась,—е; и гришмы давай орудувать,—вона прыдавыла ти гроши. И сына звалы Владымаремъ. И начавъ сынъ тымы гришмы коннетовать (орудовать тымы гришмы). Померъ и сынъ. Ставъ ворушыть тымы деньгамы—померъ и сынъ. Осталась уньять удовою. А то гроши найшовъ „головьяни!". Головьяни! Шо воно закопувало ихъ, такъ и заложыло: головьяни называютьця. Померъ хазяинъ и сынъ: и вона вньять давай орудовать, давай орудовать, и сама вмерла. Померла й вона!

„Головьяни",—значыть на голову закладалысь воны: такый-то бувъ, такъ закладавъ ихъ.

Та бачъ шо головьяни: и пожыть не пожылы! И пожыть не пожылы! Кажуть, де не трудовне—прахъ, попилъ; не трудовне! Шо трудамы своимы заробе чоловикъ, то ото наше. То не наше!.. Шо то гроши! Шо то гроши! Шо то гроши!

И хазяйство перевелось. А то гроши головьяни. Бачте, то сучій сынъ, шо на голову закладавъ. На шобъ такъ? На шобъ такъ? На шобъ на голову закладаты?!

А потимъ то дядько Мусій. Сынивъ не було въ ёго и передався винъ у Мыколай—городъ: шо й теперъ есть тамъ, тожъ коло моря туды ныжче: отамъ. Отамъ винъ и померъ. Дочкы булы сами; дочкы булы. Та Богъ ёго зна, чы воны жыви, чы й дочкы померлы. Богъ ёго зна.

Батько (мій) по первахъ чумакувалы, потимъ пысарювалы. А я одынъ бувъ. А то булы померлы меньчи. Я самый старшій.

Росказують (батько), шо тоди дешевше все було: тоди повозку рыбы набрать за пивтора карбованьци, за два карбованьци паровыцю. Тоди дешевше все було; малолюдно було. Теперъ уже мыру набылось. (Упосьли рыба була: набрать повозку—карбованьцивъ двадьцять пьять, якъ коло моря. Теперъ за сотьню, на пуды теперъ, а колысь на щотъ була). Та говорять дешевшъ усе було. О Боже Мылостывый! Тоди чумака було жменя, а покупателивъ тоже.

Боже Мылостывый! яжъ кажу, яки теперъ люде сталы. Яки люде сталы!.. Теперъ люде сталы неловки. Неловки теперъ сталы люде! Яки то мысли не ти въ людей совсимъ. Тоди наче люды булы луччи, то и имъ Господь дававъ. А теперъ сталы, о-о лышечко тяжке!... Одынъ Господь баче тико. Тай въ ёго нема; и голый, и босый, и простоволосый. Гайдарь! И йисты ничого!

Та яки не жылы багачи, все й умерлы, все й умерлы! Все й нема, все й нема! (то така служба була, а то така, а то пикинерська).

(Попивськи люде) захожи було зъ-за Повтавы. А тико розсказують, шо Россохы прежни жытели поповськи: кажуть якъ ише Поповка заселялась, такъ воны ише прежде засилы.

У Попивци третя часть була козачыхъ—третя доля козачыхъ.

Воны й то военни поселяны нашп, а то козачи; и подать була мала: два рубли усій подати було.

Росказують, шо ихъ служба була труднiй цихъ военныхъ поселянъ. Богъ ёго зна якъ, шо ихъ царь облегчывъ, а и службою козакивъ. А потимъ перевернулы: одни вже сталы.

Козача служба була; воны по гряныцяхъ служылы; по гряныцяхъ ихъ служба була, а то вже, бачьте, зъ ихъ поколиння «козачи» й «козачи». А воно козакы таки .. козакы таки вже—дрянни, дрянни. И начальныкы ихъ булы въ Ряськiй. У Ряськiй, въ Нехворощи, сюды, було, выйиздять. Сюды було выйиздыть въ Попивку ихнiй начальныкъ. Боже нашъ!...

Староста бувъ козацькый, зборщыкъ бувъ козацькый, одокромно козачiй. А теперъ уже не стало. Теперъ уже не стало. Теперъ уже огряничылы. Одни вже... одни вже.

Прыйиздывъ ихнiй начальныкъ до козакивъ. Йизде було часто, часто, часто; часто и густо. Сидый, сидый бувъ; такъ середньёго росту. Козацькiй начальныкъ. Прыйиздывъ козацькый начальныкъ зъ Ряськои у Попивку. Такъ ёго госьтять, госьтять, Боже,—госьтять, такъ якъ царя, тай годи! Недилю цилу, покуда зборъ зберуть, уже весь якъ е; ото винъ у казну збере и везе. Выпывавъ було: здорово пье горилку съ козакамы. И козакы ёго боялысь, боялысь, якъ старшыны теперъ. У чуби. Пидголюеться було отуть пидъ чубомъ скрозь; вусы здорови; старый-старый, волосы сиди вже,—такъ то теперъ на насъ. Такъ бувъ старычокъ запроста, тико зъ ихнеи лыніи козакивъ. Чекминь сынiй, у шапци чорнiй; такъ сказать шо тико козацького поведенія, а такъ якъ мужыкъ; такъ якъ старшына, якъ ходе въ одежи по старыковськiй.

Ратыще у хыжи стоитъ у куточку. Теперъ нема й зазолу; ниде й не почуешъ. Ше й сидла булы козацьки, говорять, прежде у дидивъ, а то вже у батькивъ и сидель не стало. Боже нашъ Мылостывiй, тай годи! Шабля въ хыжи на крючку, напротывъ печи, шо топыться,

такъ напротивъ печи туды дальше. Рушныця на тій же стини, де й шабля: и шабля высыть и рушныця опрошно на крючку тутъ же коло неи, на тый же стини на одній. Пистоль высыть тожъ тутъ же вмисти на тій стини, тилько ныжче. Шабля.

Де прыйдешь до козака, такъ выдавъ пистолетъ, ружжа, шабля и ратыще. Бачъ, яки воны воины булы. У Шавкунивъ було все; воны не Шавкуны, а Сыдоренкы; у Сыдоренкивъ було: це ще у ихъ батькивъ ще. Ото ще въ другого у Коньтя була, у Мыкыты ще. Ще була у Черненка, отъ, дай Богъ намьять, у старого, у старого ще у Грыгорія. Воны Черненкы тико по вулышному, а воны Шосьти. Отожъ той Сыдоренко высокый бувъ чоловикъ; винъ умеръ оце въ пистъ писля Благовищення; винъ бувъ пидтытарымъ. Померъ—Степаномъ звалы. У первыхъ браття ихъ батькивъ, такъ ридни булы Шавкуны.

У чупрынахъ и тутъ ходылы люде; уже я бувъ литъ восимнадьцяты, або двадьцяты, такъ чупрыны—закруте за вухо разивъ тры, такъ ще й высыть отакъ; а теперь уже й вывелысь. На козацьку лынію жылы колысь, а теперь уже нема.

Очипкы сторчови, высоки булы очипкы. Старухы ходылы въ намиткахъ. Свыты били булы зъ вусамы.

Въ кыбалкахъ бабы наши ходылы. Наша бабуся ще ходыла въ кыбальци: намиткою накыда, зъ вусамы свыта... До церквы. Кунтушъ надивае, якъ иде до церквы, вусы съ сухозлотыци. Кунтуши сыни и зелени булы и червони булы на молодыхъ и парчеви булы на багачкахъ. Ще я оженывсь, парчевый очипокъ бувъ высокый, сторчовый.

Петривка и Попивка. Попивъ хутиръ бувъ. Якыйсь пипъ бувъ. Говорять ще наши предкы: запштатный чы що. Попивка й Попивка.

Петривка давнишъ отъ Попивкы далеко.

Съ Крыму й у Крымъ (ходыть)—шисть недиль, симъ недиль. Тоди комыши булы таки, що Боже Мылостывый! Комыши яки булы. Оце и по той бикъ моря и по сей бикъ моря, трава—комыши.

Тоди було добре пасты. По рыбу ходывъ (я) разивъ тры, по силь разивъ тры.

Це на Маріуполь; по рыбу на Гныду, а въ Крымъ такъ ныжче-ныжче, туды будьто такъ назадъ. О, батечку мій! Видъ усихъ слободъ

якъ выйидуть, такъ и земли важко! Теперъ де воно дилось?—скажить. Де воно дилось! Де воно дилось! Така сыла шо...

А до татаръ якъ прыйидуть... Теперъ ихъ позганялы. Такъ кобкамы воду тягають [1]), волы напувають. Колодязи сажень по трыдьцять глыбыны.

Платять за те шо напувають. Винъ своимъ конемъ и тяга. Якъ побачуть наши татаръ: „татаръ иде, татаръ иде". А воно гарба рыпыть: не може ничого; не може николы ничого.

Чумака сыла; за водоной заведутьця чы за траву, отъ и забунтуються. Чумака жъ сыла! Було такъ, шо и убывають. А попадеться татарынъ,—такъ татарамъ ще й хуже укыпа. Бьють; якъ на самоти, то набывають у смерть. Убывають. У смерть убывають. Чумакы отнимають и бьють; уже тоже и ёго бьють. Хрестивъ багацько е надъ дорогою; отожъ наши поховани, хрыстыяне. Ото якъ убьють, то вже хрыстыяне хоронять; и хрестъ исъ каминя. То вже хрестъ исъ каминя зроблять. Есть такъ, шо въ комыши найдуть, заволочуть ёго къ лыхій годыни, заволочуть ёго въ комышъ. Татары найдуть: «Ала-ла, ала-ла!» Якъ хошъ. Такъ якъ хошъ тамъ алалакай.

То вже шкоду зроблять: або каминь переверну̀ть, шо ставлять замисто хрестивъ, то ка́быщъ яку-небудь зроблять.

Татары побачуть, то ругаються. Бьють. Бьють хоть и нашыхъ, такъ якъ кого й добрыхъ бьють...

—

А то ише прадиды наши, прежде насъ, якъ ше мы тилько родылысь, такъ отци наши було росказують, шо яки чумакы булы. Шо якъ доходыть до города, паръ по шисть воливъ, по висимъ було, такъ наклада на передни волы золоти рогы. И выходять купци, мищаны, и ославляють чумака такого-то. И ославляють и дарять. И дарять. Бачь якъ було прежде колысь. Гришмы (дарять), шо прославывсь чумакъ отакый то.

Отъ чумакы прежде якъ булы, такъ якъ идуть до города, якъ главни тико, такъ мищане и купци такъ выпровожають ажъ за городъ. Ото самый главный чумакъ.

Золоти рогы у вози у скрыньку хоронять.

То прежде ше булы; то расказують ше наши предкы, диды наши, шо нашъ чоловикъ попивській такъ чумакувавъ. Чумакувавъ

[1]) Зъ вола кобка велыка.

винъ. И прозывавсь Хведиръ. И я ёго знаю, такъ якъ оце й васъ; и мы молоди булы, а винъ уже старый, старый! Такъ у ёго золоти рогы булы. Ото чумакъ бувъ, а теперъ чумакы дрянни. А тико золоти рогы, и наклада ти чотыри рогы. А та хата й доси стоить... тамъ така хатёнка... й доси стоить; тамъ така, що въ землю вже ввійшла. А пидъ тымъ домомъ булы лёхы и була горилка. Горилку продававъ тоже, шынкувавъ. Его тилько стари знають и я знаю.

Такъ уже бидность, бидность була, ныщота стала, (значыть) куска хлиба не имивъ; а то чумакъ бувъ преогромный бувъ такый, що Боже мой!

И прыйде зъ дорогы було отъ оцёго времья: що нема травъ ничого, а въ насъ же пискы; а по писку хто выкосыть за день?— Трудно косыть—що дурно махать: у трави лехше десятерыцею. И ото якъ выкосыть день цилый, такъ ото видро горилкы выносыть и поштуе.

У старыну булы люде прости. Прости якось. Прости якось. дурнишъ якось. Теперъ розумнишъ люды сталы.

Зъ женьцямы йихавъ у поле Буря Семенъ и бочку воды женьцямъ вывизъ: не бочонокъ, а бочку. Женьцямъ воды вывизъ. И сталы на ныви. Дощъ зъ утра, дощъ и до обидъ и писля обидъ. «Идить», каже, «скотымъ бочку, та йдить до дому: чы буде годына,—выйдемъ и выйдемъ». Прыйшлы воны симейство свое и ти звалылы бочку пидъ копамы и пойихалы и пишлы до дому. Прыйихалы до дому,—немае бочкы,—тико земля мокра. А винъ и каже: «э-э, розумный сучій сынъ! Се винъ воду выпустывъ, тай самъ положывъ бочку, а я думавъ чоловика чи шисть сюды наткнеться, щобъ скотыть сюды бочку на визъ; ажъ винъ и самъ положывъ».

Такъ усе було люде поносять Бурю: хто небудь тамъ що небудь забуде тамъ чого небудь, то було й кажуть; «э-эй и ты такъ якъ Буря! Не покотывъ бы бочкы?» Годъ двадьцять пьять було поносять и трыдьцять, покы жыви булы старыкы ти.

А винъ воду выточывъ, тай одынъ покотывъ.

Сагá.

Сага—ричка, значыть; зъ Берестовы значыть. Якъ половодь иде, такъ одынъ ривчакъ проризавъ, и другый ривчакъ проризавъ, и третій. И воно було бизодьня таке, шо якъ скотына загрузне,—якъ ускоросты було не вытягнешъ воламы, такъ и пропала скотына. Глыбыни такъ шо неможно сказать ёму, тай годи; хоть будеть чы тры сажени, чы пьять саженей, скилькы у прогній не проганяй тычынъ, такъ усе йде, усе йде. Такъ якъ сажень два було пробувано, такъ одно йде. А пробувалы такъ де на велыкій сази. А теперъ нема того ничого. Теперъ де дилось воно, нема. Забылося, Боже мой, позабывалось. Де дивалось? Теперъ немае, тико сагы знаты, шо сагы; и скотына переходе, и люде перейижджають. А теперъ нема; пролетило усе. Боже мой—Боже мой, де воно подивалось? де воно подивалось!?

Воны е, и вода такъ есть кой-де, тилько не загрузне скотына и воды вже такъ—по кисточкы, по колина воды. Одна сага и друга и третя.

Очерета де дилысь, шо було зимуються? Та ни скосыты, та ни звозыты!—Теперъ чагарнычокъ отакый.

—

Росказують було, борьци яки булы; хай лышъ роскажу.

Борець.

Бувъ борець упередъ у Мыколаевци, бувъ у Зачепыливци,—зборовъ; а це въ Попивку перебравсь. И въ Попивци жывъ тыждень, жывъ и дви недили.

Винъ якъ зборе, такъ не выженуть, а вже якъ ёго зборять, такъ тоди вже батогамы проженуть. А прыдовольствіе давай. Курей рижуть, индыкивъ рижуть, качокъ рижуть, гусей рижуть, крашанкы несуть; не паляныцямы, а бублыкамы годують. Бояться жъ ёго, Боже мой! Боялыся! Винъ тикы ходе такъ, якъ бугай ото мырській, то такъ винъ. Робыть не хоче, а такъ тико напьетьця, найистьця, покы вбьють и его. Кватырю ему дають. Якъ увійшовъ, заспива. Его вже гласъ чують. И пытаетьця: «де ваша росправа?» Ото вже й дають кватырю. Тамъ той покорме день хазяинъ, застаၣе, а то вже говорять, загадують, шобъ неслы ему. Другый хазяинъ, третій хазяинъ, четвертый хазяинъ. А

празныка дижде,—зганяють обчество и выклыкають борця; выклыка винъ самъ: «выходь». То выклыкають, выклыкають оце въ недилю... Боятьця. Выклыкають выклыкають,--боятьця. Пожывъ недилю—боятьця: пожывъ и другу—боятьця. Хоть и є й народъ здоровый, та боятьця, выдюща смерть страшна. Якъ борютьця,—одежу геть, а въ сорочкахъ отъ самыхъ; въ слободи коло росправы, тамъ де ёго кватыря. Боже Мылостывый, такъ оть воля була! Чы вбье,—пропавъ, закопалы якъ собаку. Слобидського якъ убье, такъ тамъ сыны жъ е, то хоть помына такы. Ну, жыве й третій тыждень,—немае борьця. Уже тры недили. И такъ уже вуха обйивъ, що що зъ нымъ казаты! Боже Мылостывый, хоть бы найшлась така людына, щобъ зборола,—пора вже прогнать ёго.

Жывъ тыждень, жывъ и дви недили, жывъ и тры. И обчество що зженуть,—посоваютьця, посоваютьця, тай пиде. Оть прыйшло уже тры недили; розійшлысь. Оть прыйшовъ празныкъ середъ тыжня. Зганяють обчество вньять. Уже обрыдъ, уже обрыдъ уже кой кому. Выйшлы. Нема охотныка.

А одна жинка уже тыждень думала. Нема охотныка. Выклыкалы и другый разъ и третій. Нема. „На лыштъ", каже, „чоловиче, дытыну". (А той чоловикъ дума: „може", каже, „дума, що той..."). А вона й выходе; напередъ выйшла, напередъ, (тай) поясъ исъ себе:—пидперезуетьця потуже, пидперезалася, пидсмыкалась, пидтыкалась. „Ну", каже, „йды поблыжче; иды", каже, „поблыжче".—„Ану, враженна бабо". Ухватылыся. Вхватылыся—Богу помолылыся. „Ну! Ану", „бабо, кыдай же!.."—„Кыдай", каже, „ты, хлопче!" Ну, винъ тутъ дожыдать вже ничого; колы вже то, такъ!—Якъ надувся, якъ поверне іи ту бабу. Хотивъ такъ: думавъ іи окружать коло себе, тай черехнуты; й якъ повернувъ іи, а вона тилько на друге мисто перемистыла ногы, тай годи: тилько не на тимъ мисти. Здвыгнулась тай годи! „Ну ты", каже.. „Ну вже", каже, „це жъ мени черга", каже той, „тоби вже кыдаты". Якъ повернулася, якъ двынула, якъ двынула ёго сюды й туды, якъ опереже ёго объ землю! ажъ запьяткы въ чоботяхъ поодлиталы; изъ носа й зъ рота кровъ пишла. Отакъ оперезала баба и не вдержала и въ рукахъ ёго, выпрыснувъ изъ рукъ къ лыхій годыни.

Тоди прыйшла, дытыну взяла. А той чоловикъ и вмеръ,—зажурывся... „Оце-жъ", каже, „погыбель буде". А тутъ ій награда! Награда: дарують іи гришмы! Господь опроставъ людей—дарують іи:

хто грывеныкъ, хто копышныкъ, хто семыгрывеныкъ, хто копу, и горилкы видро. А ёго батогамы прогналы къ бисовому батькови. Уставъ. Уставъ. Заривъ якъ бугай, тай пишовъ.

Прыйшлы чоловикъ зъ жинкою до-дому. Ось переночувалы; заходывсь винъ соби сумку шыты. Исшывъ сумку, склада сухарьци туды. „Куды ты, чоловиче, вбыраесься?"—„Эй, жинко", каже, „пиду вже, куды мени", каже, „Господь дасть". „Чого-жъ, чоловиче?"—„Та того", каже, „що ты, якъ розсердюсь, ударю чы не вдарю, то ты мене", каже, „зразу вбьешъ. Жывы", каже, „зъ диткамы, якъ Господь давъ, Богъ съ тобою". „Ой слухай, чоловиче, не йды! Не йды! Ты такы за дило мене и побый—я тоби повынюся, и полай—я тоби повынюся, а безъ дила тильно мене не обижай". Такъ винъ скынувъ исъ себе сумку... скынувъ сумку съ себе и облышывъ иты. И жылы й жылы такъ що...

Наёмщыкы.

А що за наёмщыкы?—оце ще вамъ сторію роскажу. Вы ихъ не знаете? Оце ще вамъ сторію роскажу—опысь изробимо. Наймалы багачи: Попивци, Петривци такъ по первій часты, тай первому ще й званію. Бачъ, спасыби, що вы нагадалы,—теперъ буду росказувать. Це було настояще. По первій часты та й первому ще званію. Ще сказать, я такый бувъ, що годъ пьять, або й чотыри. Матуся росказувалы. Такъ, бачъ, люды яки булы! По первыхъ дилахъ, такъ диды. Це ще маты росказувалы. Такъ служывъ робитныкъ такъ: Кошовымъ ёго прозваныя. Кошовый. Кошовый Оврамъ.

Такъ, по первахъ, я вамъ скажу. То самый, що за ёго ходывъ наёмщыкомъ, такъ якъ ще не наймавсь винъ, такъ чудеса булы, Боже мой!.. Чудеса, кажу, яки булы, якъ розсказувать вамъ.

Такъ мого тестя батько—мени дидъ доводыться винъ: Россоха, такъ якъ и мы Россохы.—Хома. Такъ за Хомыного сына служывъ,—за Петра ходывъ. А мій тесть Петро. Хома той самый каже: „Овраме!" Винъ у мого дида въ багача служе: кони пасъ тамъ, скотыну пасъ въ мого дида. А той иде вулыцею, чы тамъ винъ йихавъ виткиля, або що роботныкъ съ хазяйськымъ, хазяйське може визъ сино, або може що друге визъ, а може йшовъ, а винъ ёго стривъ на дорози. Цей до хазяина иде, а той до-дому иде. Каже, „Овраме!"—„Чого?"

А винъ такый бувъ, шо въ грошахъ рощоту не знае. И не одынъ винъ такый бувъ и не два. Ото такъ якъ ото розсказувавъ, шо бочку покынувъ зъ водою... „Овраме“, каже, „наймысь“, каже, „за моихъ сынивъ у салдаты“. А винъ ёму и отвича: „А шо ты мени дасы, Хомо, за те, шо я пиду на двадьцять пьять годъ служиты?“ Отвича ёму: „шо я“, каже, „тоби дамъ, Овраме? Пивтораста рубливъ!“ (на осигнаціи). А винъ и отвича ёму: „а хытрый“, каже, „Хомо—пивтораста рубливъ! А сотенькы бъ ты не давъ?“ Той хазяинъ хряпъ по рукамъ—прыбывъ рукы.

Пишовъ до хазяина, одежу повдягавъ. Сынъ поскыдавъ и чоботы; не поскыдавъ, а празныкови булы. Штаны таки, шо отъ хоть и не червони, а парусови: парусына ото була! (Теперъ уже ихъ на штанихъ мало; и червоныхъ мало було, въ мужыкивъ мало й есть. То тилько въ нашого дида купылы запорозьки). Все, все надивъ; шыю завьязавъ; хочъ яка жара, и шыю платкомъ завьязуе: голубымъ, червонымъ. Винъ изъ невисткы стягне самый первишый, самый первый: „одмыкай скрыню, давай мени якый полюбыться“. Шыю (платкомъ) завьязуе и киньци высять съ платкомъ исверху жупана; винъ же здоровый платокъ, такъ двичи обійдетьця коло шыи. Жупанъ вдягне, одынъ бувъ—и той стягне съ хазяина: „Отакъ! Давай съ прыдовольствіямъ!“

Такъ винъ за сотню нанявся. Такъ избоку люде: оце я одынъ, другый, третій: „шо ты, Овраме, зробывъ такы?! Шо дешево нанявсь! Дай, Хомо, ёму хоть пьятдесятъ на прогуляньня!“ Такъ Хома давъ пьятдесятъ на прогуляньня. И пишовъ служыть за пивтораста. Ти прогулявъ, а за сотьню пишовъ. За сотьню пишовъ, а пьятдесятъ прогулявъ. А сто рубливъ скилько? Трыдьцять карбованьцивъ. А Боже мій Мылостывый!...

Жупанъ вдягне, поясомъ червонымъ пидпережетьця. Музыкы тожъ рижуть-рижуть. Музыкъ тры найме на цилу недилю, та рижуть-рижуть, рижуть-рижуть! Жонатый,—такъ и жинка гуля. Жинка гуля и родня тамъ, яка е,—и то гуля; таньцюе. Спивають. Крыкъ такый, галасъ, Боже мой, день и ничъ, день и ничъ!

У лавку прыйде, орихы бере, озюмъ бере, прости орихы и волоськи и крендели! Шобъ не попаде—бере. И выно бере, и зъ бутыль водку бере, и просту и хранцуську; шобъ не попаде бере. О Боже, Боже! Такъ умота хазяина, шо... У шынокъ иде,—горилку бере, рыбу бере, налывку бере, тоди ще вына не було. Бублыкы бере у базари,

усе що попадеться. Усе бере, а хазяинъ платы. Отъ якъ було, Боже мій Мылостывый! Отаки булы Россохы!

Тай мука жъ имъ була. Ихъ убывалы. Це за Мыколая ще. Убывалы на смерть. Шо ихъ побылы, Боже Мылостывый!

Та шо имъ було на служби?! Имъ бида була: „Эй ты", каже, „продай-душа, сукынъ сынъ!" Було имъ, Боже мой! А то, було, платылы по пьятсотъ, по шиссотъ уже за нашои бытносты. Такъ мало наёмщыкивъ и выходыло до-дому. Мало й выходыло; ридко-ридко выходыло.

Оце якъ иде вже, якъ у городи йдеть, оце прымиръ сказать, та схоче позгнущуваться надъ хазяиномъ, якъ имъ не вгонобыть, то побье ёго ще до оддачи, а ще чы пиде, чы ни. Оце, сказать, кáбыщъ изробе: оце иде позъ дёготь—у дёготь устромыть ногы исъ штаньмы, а хазяинъ уже платыть, винъ скаже, за шкоду платыть. Боже мой!--Непрыятели булы. У калъ покачаетьця, ляже тай ниveче одежу. А хазяинъ пидводе, просе. Одежа хочъ яка—понивече. Викно розибье. Прыйде, кулакомъ вдаре,—розбывъ, а хазяинъ ходе та отвича. Хоть батько, хоть сыны ходять и отвичають. О, Боже, капость робылы. Такъ шо небудь оце такъ шо небудь скаже, шо небудь накрыво, якъ тамъ грубко шо небудь скаже,—вылае, тай телесне. А хазяинъ уже було отвича. А якъ не возьмуть уже, то хазяйськи сыны бьють. О!—бьють було, до смерты бьють!

Инчій часныку найистьця; часныку найився, тай незгодывся. Инчій часныку найисьтьця, та выступе гостець--не возьмуть ёго. О, Боже, пранкы давалы. Одежу постягають зъ ёго. Давалы такои пранкы, що Боже Мылостывый.

За сотьню пиновъ, а пьятдесятъ прогулявъ. А сто рублівъ стико? Трыдьцять карбованьцивъ. А-а, Боже мій Мылостывый!

Шо втрачалыся тоди люде, о Боже, о Боже, о Боже!.. Сыны на заробиткы ходылы черезъ наёмщыкивъ. Та шожъ вы думаете?--худобу продасть батько, а сынамъ треба йты.

А-то попье, погуляе; а-то тамъ начальство: може тамъ наростъ якый? Або може ты чимъ боленъ, або що?—„Нѣтъ", каже, „я желаю служыть Богу й царю". Отаки булы праводушни! А падлеци й тоди булы. А падлеци й тоди булы. Якый, хоть винъ и гулявъ, такъ и правду робывъ (тамъ хоть). А другый напывся, найився, тай жыве въ хазяина. И те було. А другый напывся, найився такого, шо не

треба, тай гостець выступе. То нема ничого, а то... А шо бьють уже!.. У прыёмъ иты, а винъ налупытьця зъ медомъ часныку.

—

Батько мій продавъ червони штаны дида мого наёмцыкови. Тожъ пожелавъ, значыть, шо почувъ, побачывъ штаны, та „купы мени червони штаны".

Э, куды на свити! И очи бере,—таки хороши! Та скажить, чы воно матерія крипка?—Ше дидусь стико ходылы,—ще цили булы. Цили. Суконни, таки шо и очи бере. Та червони. Отакъ холоши. Очкуръ якъ шо́вковый. Такъ сказать, якъ шовковый. Хорошій очкуръ. Хорошій очкуръ. Теперъ и не побачышъ ниде. Теперъ ниде й не побачышъ.

Значыть пидъ ту лынію,—будто запорозьци. Воны пикинеръ; а на козацьку лынію, значыть, ходывъ. Красни штаны, красни чоботы. Жовти чоботы и зелени. Теперъ нема.

—

Отъ шо: запышить ще катывъ; ката—отъ шо: оце якъ ярмаркы.— Ярмарокъ уже и той Провидьськый, и на Петра и на Пречысту; по ярмарку ходе съ салдатомъ катъ. Съ салдатомъ. И салдатъ одъ ёго и не одступа. Ой страшне, Боже! Й то, Господы, страшне! Оце й иде ярмаркою,—стане. Заразъ отъ краю зайшовъ; оце чоловикъ тамъ чы стоить, чы сыдыть на вози; сыдыть, чы стоить, а прыйшовъ: „дай кату плату". А винъ выймай грошъ и давай. А грошъ тоди дви копійки бувъ (отой). Якъ не давъ, шо оце не давъ уже оце,—шо сыдыть, шо стоить, якъ не давъ, то отакъ тико: трр-ахъ! Страмъ. А другый позыче тутъ, дывыться... тай отдасть.

Я захватывъ. У ярмарокъ йиздывъ. Такъ батько: „це", каже, „катъ иде". Хлопцемъ бувъ. Та зъ ярмарку, не знаю, куды-бъ я й забигъ. О Боже, страшне, якъ сказалы, шо це катъ. Хлопцемъ такъ бувъ годъ дванадьцяты.

Катъ—исъ такыхъ винъ, шо душогубець. Такъ ото выклыкають: „Хто схоче буть?" (катомъ). Отъ винъ и отзываеться: „Я", каже. Та выслуже терьмить, такъ якъ салдатъ двадьцять пьять литъ, та тоди вже й выхрыщуеться, якъ схоче выхрыстыться.

—

Якъ дощу не було, такъ видёмъ топылы. Та якыхъ видёмъ?— Жинокъ, якыхъ попало. А воны ховаються шельмы; а воны ховаються видьмы. Съ колодязя воду беруть, у рицци разъ-у-разъ, разъ-у-разъ!

А не то, такъ у рицци къ лыхій годыни! Не то—въ рицци ихъ потопляють къ лыхій годыни. (Абы не втопла). Теперъ уже ихъ нема. Воны е, та ридко. Потопляють такъ: зъ головою. Такы такъ: чоловика чотыри іи схватять у сороцци и въ запасци; спробують: „а яка ты е? а-а, чы ты видьма, чы що ты таке? Сюды, сюды, сюды ходы, не тикай, голубочка,—сюды“. И Богъ дасть доцъ. Рукамы разъ потоплять и друге зъ очипкомъ совсимъ къ чортовій матери (абы не втопла). А инша лаеться. „Чорты твого беры батька, лайся“. Якъ празныкы, такъ коло колодязя шаплыкъ воды насыплять;—яка бъ не пiймалася, яка бъ не пiймалася, та туды. Такъ и теперъ. Ще й я бувъ молодымъ, то такъ було; и литъ шистьдесятъ мени було, то такъ було; будьте вирни.

Имъ полезно коровы доиты чужи; якъ доцъ, такъ имъ не здорово.

Видьмачи́.

Видьмачи́ е́: съ хвостамы ше́льмы. Купавсь одынъ чоловикъ, тай побачылы. Та ловлять; ловлять ёго за хвистъ. Хвистъ та́къ якъ пу́пъ, каже. Та́къ, каже, стремы́ть, якъ лопу́цёкъ у шерсты́.

Це сусида була видьма. Такъ бсь що: просе жинка тамъ, що „навчы мене видьмыты“. Жинка тамъ жыве коло насъ недалеко черезъ вулыцю, а та́ черезъ ба́лку тико. Чвертку горилкы ій купыла и на другый день напувала, и „се́стро, навчы мене видьмыты, бо я й ви́къ прожыла́ бидно: ни вареничка николы не покушту́ешъ, сьвятого молочка николы не покуштуешъ“... Та́ й навчыла стара сука. А якъ навчыла? „Гляды-жъ“, каже: „диждешъ ты Суботы, що оце завтра Сьвята Недиля“—передъ Сьвято́ю, значыть: „такъ ты́“, каже, „оце́-жъ тоби росказую, а ты́ гляды понимай: та́ не проспы́“; каже: „за́снешъ первый сонъ, то щобъ и пивни не сьпивалы. Роса якъ впаде зъ вечера, то ты́ й засядь, якъ смеркне, та возьмы свытку“—а тоді́ въ бі́лыхъ свыткахъ ходылы— „и помахай, помахай, поросы́; поросы́-поросы́-поросы́, щобъ мо́кра була; и повись на ве́рхъ на клю́чку, що на верси ключка, и пидставляй, що въ тебе буде: и горшкы, и макитры́, и видра: все́, все́, все́“.

Поросы́ла ота́къ, помахала середыною, середыною—не лыце́мъ, а выворотомъ; пови́сыла на ключку. Такъ це́, собственно, сама́ росказувала. Тоди пидставляла вже и горшкы́ и видра и макитры́. Якъ побигло молоко съ тыи свы́ткы, такъ не ті́лько зъ усіи Попи́вкы, а й зъ усіи Петри́вкы! Тилько дзюррр... (такъ и дзюры́ть). Вона пидставляла вже и горшкы́, и видра, и макитры́, и горшчыкы, шо булы́ съ пе́рвого до пусьли́дьнёго; а воно́ бижы́ть, а воно́ бижыть. Вона́ вже й юпку хвачувала, а воно бижы́ть изъ юпкы. Потягла́ лыха лычына; потягла́ тварь нечесты́ва! Тоди́ вже ни́чого пидставляты, та бижыть въ сины, та каже: „цуръ ёму, пе́къ ёму мому́ молоци́“. А молоко бижыть вже по ки́сточкы въ си́няхъ. А вона́ потягла зъ усіи слободкы́. Отака́ въ насъ Гры́пка була. Не да́й, Бо́гъ, та́къ вчытьця.— Цу́ръ ёму пе́къ! Побигла. Бросыла.

Прыби́гла до не́и, тай каже: „Кума! Кума! Шо́ мени казаты“?— „А шо́ тамъ таке?“ „Вже́“, каже, „пидставляла; повни сины“, каже, „вже молока набигло“.—„Це́ я забула тоби сказаты, шо́ зробыты; бижы до дому“, каже—„вже перестане“. Такъ я прыбигла: уже воно не бижыть; уже вона спыны́ла. Покы прыбигла, а воно выще кисточокъ уже молока; повни сины вже. Глянула тико, якъ прыби́гла одъ неи, такъ ажъ зъ души́ верне. Такъ я блюва́ты, блюва́ты, такъ я“, ка́же, „те молоко усе повысыпа́ла пидъ ты́нъ. Цу́ръ тоби, пе́къ зъ молокомъ совси́мъ“! Та то́ молоко́ не то́ зъ усіи Попи́вкы, а вона́ й съ Петри́вкы, ма́буть, потягла́. О Боже Мылостывый!..

Та́ са́ма-жъ жинка росказувала: та́ жъ са́ма, шо вчыла вона. Ходы́лы й по те́ренъ у ли́съ изъ моею хазяйкою, та пла́че; каже, ажъ заплакала: „цу́ръ ёму пе́къ ёму“, каже.

—

Опырякы ото́ жъ все одно; та́къ, якъ и видьма и нечыстый духъ воно. Перекыда́еться свынею, собакою.

—

Була въ чоловика жинка така: якъ чоловикъ изъ дому, такъ вона й въ шынокъ. Якъ пойихавъ чы сіяты, чы ораты—и такъ вона въ шынокъ. Прыйде до-дому—диты голодни и самъ голодный. Прыйиздыть: „де, диты,маты?“—„Въ шынку“, каже. „А, матери твоій врагъ“! Уже й бывся и що не робывъ; а то пишовъ у шынокъ. и заньнявъ іи. Идуть до-дому н надумавъ: „шо тоби робыть? Прывьязать тебе до дубка“. Лужкомъ идуть и въ лиску палыцю оту взявъ. „Роздягайся“! Вона й роздяглась. Скынула свытку. Такъ винъ взявъ

іи, скынувъ запащыну, а тымъ поясомъ, що вона пидперезувалась прывьязавъ іи назадъ рукы до дубка. И пишовъ до-дому, тай заснувъ. Наморывся, натомывся, тай заснувъ. „Нехай іи посцуть такы комари,— то вона покаетьця". Колы якъ заснувъ! Колы кынувсь, ажъ свитъ. Схватывсь и побигъ. Побигъ іи розвьязать. Прыбига до жинкы, а жинка голову схылыла; не жыва уже. Розвьязуваты іи—дума, що вона схылыла голову дурно. Винъ дума, що вона дуре ёго,—голову схылыла. Колы розвьязавъ, а вона й упала. Колы розвыднилось,—ажъ у неи комаря повыще кисточокъ самого комаря кровъ. Повыще кисточокъ. Самого комаря. Засцуть. Засцуть. Боже сохраны! Воны зъ усёго лиса мабудь злетилысь. Отакъ! Пропала жинка дурно. Пропала дурно. Отутъ недалеко. Недалеко тутъ було. Не дуже давно.

—

У насъ отутъ опасно жыть у цимъ краи, а тамъ жыть опасно, о-о Боже Мылостывый!—у симъ краи, въ ставропольскій губерніи, на Лыніи и въ Чорноморіи. Ну тамъ ще не такъ у козакивъ, тамъ люды якось звычайниши, строгость наблюдають: у перве выбьють, а вдруге посадять, голодомъ и холодомъ стощать такъ, що умыраеть. Занивечать тай годи. Ото якъ не покаетьця въ другый разъ, а за третій разъ повисять. Ото ёму картаные все. Ото и встанова така у Чорноморіи у козакивъ. Тамъ козакы.

Значыть воривство изъ млынивъ, изъ ынбаривъ. Провирчують ынбары и выточують хлибъ. Такъ въ одного чоловика обибрано. Тамъ Жукова е село, воно мистечко теперъ; такъ не то въ ёго, а въ другыхъ. Такъ гострыть зубы, „що якъ бы ёго", каже, „то..." И въ друге обикрало. Такъ винъ у трете: „давай", каже, „буду ходыть засидаты". А зимою морозы, холодъ! Такъ винъ удився у кожухъ и въ другый кожухъ и сирякъ узявъ. Сирякы зъ видлогамы (тожъ) здорови. То вже на ничъ—такъ хоть и спать, такъ не холодно. И пишовъ у млынъ. Пишовъ и засунувся на ничъ съ топоромъ. Топоръ узявъ и пишовъ. И лигъ у млыни. Ну, лигъ у млыни и заснувъ. Нема. Ту ничъ нема. Винъ на другу ничъ вньять пишовъ. Не було. Винъ на третю ничъ пишовъ. „Уже жъ такы прыйде може". Уже надіеться, що може те вже помарнычавъ, попродавъ, або пойивъ, то уже скоро буде вньять. Ось прыйихалы два. Ось на третю ничъ пишовъ; воны й прыйихалы такъ якъ у глупу ничъ. А въ ёго, якъ на млынъ злизе, такъ на стини у дошкахъ дирка така, що тико рука туды влизе; а

побиля стины замокъ зроблено, такъ выдовбано, та туды ключъ устромля и отсовуе. Такъ винъ ключъ прыбравъ туды такый, якъ и въ хазяина. А цей тыхенько вставъ, тай прыцилывся до рукы: „оце жъ вона",—тай навивъ сокыру, та якъ замахнувъ зъ-за плеча, та якъ сикнувъ!—такъ рука тамъ и осталась!—Зразу одсикъ... Такъ винъ якъ закрычавъ, та зъ млына—стовбуна! Кынувся той, хотивъ одбыть двери, а той, шо въ млыни, та на горище, тай скрычавъ: „Хто въ Бога вируе—ратуйте!" Такъ воны дывлятьця, шо людей покгвалтувавъ уже, та на санкы того болного (того), шо руку одрубалы, тай помчалы—втеклы.

Отъ до млына посходылысь, позбигалысь мужыкы—шо-жъ казать? Ниччу не шукать. Такъ воны пишлы. Переночувалы по домахъ. И пишовъ у росправу той самый зъ рукою, руку взявъ, ту шо въ млыни осталась, и пишовъ. Обжалився старости тамъ чы голови: „а прызнавайте, господа, чыя це рука?" той самый, що одрубавъ руку. Началство й каже: „шо-жъ? посылать теперъ десятныкивъ, соцькыхъ по такыхъ людяхъ по замиченыхъ; яки замичени, значыть, у воровстви". Послалы. Того дома нема, а той у заробиткахъ, а той пидъ хуру пойихавъ,—тожъ нема. Такъ воны—„ходимъ ище до такого-то". Пишлы. Колы винъ у рядни лежыть. „А вставай, хлопче".—„Та-а хво-рый!"—це вже вона—„такый хворый, такый хворый, Боже Мылостывый, це вже другый день... лежыть". „Та вставай!" Кынулысь до ёго,—колы и рядно все въ криви. Колы далше, ажъ рукы въ ёго нема, а сурёмя одна. Такъ воны ёго взялы въ росправу. Колы ажъ ёго рука! Отакъ сучій сынъ докрався. Тры дни пожывъ—померъ. Отакъ! Ото ёму вси—и караніе все. А за те ёму ничого не було; хоть бы голову—и голову одрубавъ.

—

Прыйшлы до хазяина розбойныкы-воры, сучи сыны; тоже въ тимъ краи на Лыніи. Низя добыться, низя дойты ніякъ за собакамы. Такъ воны два рогы коровьячыхъ прыготовылы, значыть, съ собою прынеслы; насыпалы ихъ масломъ, тай позакубрювалы, тай кынулы собакамъ; а собакъ тамъ шисть чы симъ. Воны кынулысь—ажъ грызуться тамъ, ти рогы захваталы тай грызе-грызе-грызе и ничого не зроблять. А воны, шо хотилы, то те й робылы: комору порозбывалы, гроши забралы, дорогоцинну одежу забралы; шо хотилы, забралы. Шо хотилы бралы, шо хотилы,—те й робылы: и вына по-

напывалыся, и такъ було усячыны добра понабиралы, и ноччу ввойшлы.

Хватылысь на утро хазяины—благонолушни и собакы, и не побыти, и не потруени, грызуть рогы, та масло въ рогахъ. А добро все забрате. Отаки сучи сыны тамъ. Шукай витра въ поли. Шукалы, шукалы—пропало. Отаки тамъ люде.

А все въ тимъ краи, все въ тимъ краи, въ ставропольськiй губерніи; ниде розбою нема такого, якъ у тимъ краи. Не дай Богъ.

25-го мая, 1891 года. У пьятныцю.

Переписка М. А. Максимовича съ П. Г. Лебединцевымъ.

(Продолженіе [1]).

1868 годъ.

Въ этомъ году переписка между обоими корреспондентами прошла довольно вяло, хотя, казалось-бы, условія для нея были подходящія: Максимовичъ, собиравшійся было на зиму 1868—69 года переѣхать на житье въ Кіевъ, почувствовалъ себя осенью недугующимъ и остался зимовать на своей Михайловой Горѣ, а слѣдовательно, сидя въ одиночествѣ, долженъ былъ-бы интересоваться корреспонденціей съ друзьями. Объяснить причину сравнительно рѣдкаго корреспондированія со стороны Максимовича можно только тѣмъ, что въ этомъ году слабо было литературное участіе его въ «Кіев. Епарх. Вѣдомост.», такъ-какъ онъ больше всего писалъ въ «Русскомъ» Погодина, въ результатѣ чего и получилось какъ-бы нѣкоторое уменьшеніе интереса у обоихъ корреспондентовъ другъ другомъ. Впрочемъ, это нисколько не повліяло на ихъ личную пріязнь, что́ сказывается во всѣхъ письмахъ за этотъ годъ.

Первымъ отозвался въ 1868 году Максимовичъ, написавшій 13 января слѣдующее письмо въ отвѣтъ на полученное привѣтствіе съ новымъ годомъ [2]).

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 10.

[2]) См. № 10, стр. 144.

Почтеннѣйшій и дражайшій Петръ Гавриловичъ!

Сейчасъ былъ у меня о. Чайковскій и доставилъ мнѣ пріятнѣйшее письмо Ваше отъ 25 дек. Благодарю Васъ за него; полагаю, что и мое, современное ему, Вы уже получили. Если буду въ мысляхъ свободнѣе, то постараюсь хоть небольшой листъ написать о Евгеніѣ для Епархіальныхъ Вѣдомостей; хотя повторяю сказанное въ прежнемъ письмѣ, что у Васъ—слово отца Ѳаворова такой превосходный пролегоменъ къ дальнѣйшимъ воспоминаніямъ о Евгеніѣ, которыхъ г. Пономаревъ, конечно, набралъ уже вдоволь, что моя страница пригодится развѣ въ послѣсловіе [1]). Къ тому-же все это время я что-то очень смущенъ головою; была всѣ святки больна жена моя; да и самъ я таскаю ноги черезъ силу. А къ тому еще прислали мнѣ два большихъ тома Описанія Кіева Закревскаго, и я до того утомился ихъ чтеніемъ, до того голова набита вся этимъ грузомъ, что едва-ли сквозь него пройдетъ что нибудь свѣтлое и живое, пока хоть немного не вытрушу на бумагу той *Кіевомахіи*... Впрочемъ, до половины февраля еще далеко, и Богъ дастъ просвѣтлѣетъ въ головѣ, и послѣ отписокъ новогоднихъ, мнѣ предлежащихъ, буду досужнѣе. Сегодня настрочилъ для Погодинскаго «Русскаго» некрологъ о нашемъ Яковѣ Иван. Осиповскомъ, обезумѣвшемъ отъ соперничества съ Иваномъ Борисовымъ, во время академическаго ихъ студентства [2]).

Сегодня же, прежде всего, читалъ № 1 Вашихъ Вѣдомостей и въ моей статейкѣ встрѣтилъ важную опечатку на стран. 9, строкѣ 2: напечатано *апостоловъ*—вмѣсто: *апостатовъ*!! Кажется, надо поскорѣе поправить эту ошибку—и въ Вашихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и въ особыхъ оттискахъ—зане она въ изреченіи Петра Могилы, и наши апостаты могутъ имъ воспользоваться...

А между тѣмъ—да хранитъ Васъ Господь въ добромъ здоровьи и бодромъ духѣ!

Преданный Вамъ М. Максимовичъ.

1868 г. 13 генв. М. Гора.

---

[1]) Объ этомъ см. тамъ-же. стр. 144—147.

[2]) Напечат. подъ заглавіемъ „Сельскіе некрологи" (1868 г. л. 9 и 10). Я. И. Осиповскій былъ товарищемъ по академіи преосв. Иннокентія (Ивана) Борисова.

P. S. Поминкою о Евгеніѣ, черезъ шесть недѣль послѣ его кончины, началось мое надгробное *Слово* Сакену [1]); но у меня нѣтъ его, нѣтъ давно и моей московской рѣчи о *Русскомъ Просвѣщеніи* [2]). Не попадутся-ли случайно Вамъ на глаза эти двѣ штучки, и тогда благоволите ихъ притяжать для меня. Хочу собрать подъ конецъ вѣку свои писанія и хоть разъ взглянуть на нихъ и вспомянуть по нимъ мои минувшіе годы.

Вскорѣ послѣ этого письма была послана Максимовичемъ замѣтка о митр. Евгеніѣ для «Епархіальн. Вѣдомостей» [3]). Съ слѣдующей же почтой Максимовичъ пишетъ Лебединцеву, прося его сдѣлать нѣкоторыя поправки въ этой замѣткѣ, а также устроить печатаніе его «Букваря» [4]).

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

На прошлой почтѣ я послалъ къ Вамъ *письмо о м. Евгеніѣ*, какое случилось написать. Въ немъ надо въ концѣ поставить такъ: *его преемникомъ*, *Филаретомъ Кіевскимъ* (см. *Временникъ 1854*. Кн. 19), а въ помѣтѣ—сегоднишній день суботній—*10 февр.*

На случай, по какому либо обстоятельству, Вамъ неудобнымъ покажется печатать это письмо съ означеніемъ вашего имени, въ такомъ разѣ поставьте: *къ М. П. Погодину*—и тогда въ началѣ такъ: *Сегодня пишу тебѣ...* но подъ впечатлѣніемъ *не совсѣмъ пріятнымъ*.

Не мѣшало бы и къ *Хроникѣ* И. М. Скворцова означить: см. *Кіев. Епарх. Вѣдомости...* годъ и нумеръ.

Если бы какое выраженіе въ томъ скоропоспѣшномъ письмѣ оказалось неловкимъ, прошу Васъ покорно исправить по своему

---

[1]) Рѣчь надъ гробомъ генералъ-фельдмаршала князя Ф. В. фонъ-деръ-Остенъ-Сакена. Кіевъ, 1837 г. (Перепеч. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1838 г., ч. 14, а также во многихъ тогдашнихъ газетахъ).

[2]) Рѣчь о русскомъ просвѣщеніи, сказанная Максимовичемъ 12 янв. 1832 г. во время университет. акта въ Москвѣ, напечатана въ „Телескопѣ" 1832 г., ч. VII, № 2; (вышла и отдѣльно).

[3]) Письмо о м. Евгеніѣ къ прот. П. Г. Лебединцеву (Кіев. Епарх. Вѣд. 1868 г. № 5; перепечатано и въ „Русскомъ" (Погодина) 1868 г., № 40).

[4]) Краткій букварь для русскаго народа, вышедшій четырьмя изданіями: 1859 г. Москва, 1865, 1868 и 1869 гг. Кіевъ.

усмотрѣнію. Я и свою душу, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ страшно волнуемую и мучимую, предалъ бы Вамъ на утѣшеніе и исцѣленіе, если бы находился въ Кіевѣ; но тамъ Господь спасаетъ меня отъ этой невзгоды...

Покорнѣйше прошу передать прилагаемое при семъ письмецо къ г. Андріяшеву и переговорить съ нимъ, и рѣшить съ нимъ *условіе* о моемъ *Краткомъ Букварѣ*, съ тою же ко мнѣ благосклонностію, съ какою Вы были къ предпослѣднему изданію моего *Наума*.

Я желалъ бы, чтобы напечатано было Букваря тысячи три или ужъ не менѣе двухъ—на плотной бумагѣ, и чтобы всѣ экземпляры были непремѣнно *сшиты* и въ цвѣтной плотной оберткѣ. Цѣну ему можно назначить *пять* копѣекъ; и въ такомъ разѣ мнѣ получить здѣсь за тысячу *30 рублей* серебромъ; а за вторую тысячу *33 рубля* вручить Е. В. Галагановой отъ моего имени къ сроку, въ приходъ Острожскаго Братства.

Печатать же славянскій текстъ, по Вашему совѣту, лично мнѣ въ Кіевѣ сказанному, надо безъ титлъ, съ разверстаніемъ въ полный складъ молитвъ и проч.

Сдѣлайте одолженіе, примите на свою опеку мой Букварь новаго изданія, во всемъ вышеозначенномъ, и рѣшите все то, какъ Вы положите въ переговорѣ и договорѣ съ почтеннымъ директоромъ-книгораспространителемъ.

Вообразите, я только теперь получилъ отъ Погодина письмо къ нему графа о моемъ Наумѣ, писанное еще въ прошломъ году 1-го апрѣля!... Я бы лѣтомъ получилъ за 10000. А теперь получу развѣ къ концу этого года! ибо напечатано было, по неизвѣстности, 5 или 6 тыс.

Въ отвѣтъ на это письмо Лебединцевъ откликнулся 4 апрѣля первымъ своимъ письмомъ въ этомъ году, начинающимся поздравленіемъ съ Свѣтлымъ праздникомъ.

Кіевъ, 4-е апрѣля 1868 г.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Христосъ воскресе!

Привѣтствую Васъ свѣтлымъ праздникомъ съ мыслью, что ради воскресшаго Господа Вы простите мнѣ и мое промедленіе отвѣтомъ

на послѣднее Ваше письмо. А признаться и писать нечего было послѣ бесѣды съ А. Ѳ. Андріяшевымъ. Разсчитавши, онъ нашелъ невозможнымъ за 20 руб. отпечатать 1000 экз. букваря, и еще труднѣе будто разсчитывать на сбытъ букварей нынѣ, когда ежегодно выпускаются ихъ десятки тысячъ, и притомъ съ усовершенными на разные манеры складами. По симъ причинамъ отказался взять на себя это дѣло.

За письмо о м. Евгеніѣ приношу глубокую Вамъ благодарность отъ себя и отъ всѣхъ чтителей его памяти. Вы уже видѣли его въ печати. Нужно было бы мнѣ при этомъ справиться съ рукописью Иринея Фальковскаго, да некогда было ходить за нею. Отзывъ о м. Евгеніи писанъ не Филаретомъ кіев., а Я. К. Амфитеатровымъ и только сообщенъ Филаретомъ кіевскимъ.

Н. В. Закревскій прислалъ и мнѣ свои томы описанія Кіева. Сборникъ великъ, трудовъ много, но критики нѣтъ. Положивши эту канву подъ руку, не удосужились ли бы Вы хотя лѣтомъ сообщить редакціи Еп. В. драгоцѣнныя для исторіи Ваши замѣтки на нѣкоторыя статьи этой книги? Это былъ бы большой подарокъ для насъ и самый близкій.

Съ удовольствіемъ прочиталъ я и Ваши воспоминанія о преосв. Иннокентіи, напечатанныя въ Русскомъ. Вы придали имъ новую и весьма приличную форму. Богъ да поможетъ Вамъ во всякомъ трудѣ, который, какъ бы ни былъ малъ, всегда даетъ что-нибудь новое для исторіи.

Какъ Ваше здоровье и какъ Богъ вообще Васъ милуетъ нынѣ? Вотъ и красная весна; утромъ уже раздается свистокъ съ парохода. Не подвинетесь ли посѣтить Богоспасаемый градъ Кіевъ? Богъ да укрѣпитъ Ваши силы къ утѣшенію всѣхъ почитателей Вашихъ.

А сегодня отпѣли мы, соборне съ преосвящ. Порфиріемъ, старушку Катерину Вас. Галаганъ [1]), скончавшуюся въ 1-й день Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ 8-мъ часу утра. Отпѣваніе совершено въ Георгіев. церкви, и здѣсь въ подвальномъ склепу поставленъ ея гробъ до исправленія дорогъ въ Сокиринцы.

Вѣчный покой ея праведной душѣ, и намъ даруй Боже—еще пожить на семъ свѣтѣ.

Душевно желая Вамъ здоровья и мира душевнаго, остаюсь глубоко почитающій Васъ и искренно преданный П. Лебединцевъ.

---

[1]) Мать Григ. Павл. Галагана.

Не получивши еще этого письма, Максимовичъ въ свою очередь пишетъ привѣтственное письмо съ Свѣтлымъ праздникомъ и посылаетъ свою *писанку*, статью о *Синопсисѣ* [1]). Черезъ нѣсколько дней послѣ этого письма онъ отправилъ измѣненный конецъ статьи о синопсисѣ при коротенькой записочкѣ.

Христосъ Воскресъ!

Привѣтствую васъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, съ великоднымъ святомъ и прошу принять благосклонно только-что доконченную *писанку* мою о Кіевскомъ синопсисѣ, для вашихъ епархіальныхъ вѣдомостей.

Какъ же вы возмогаете о Господѣ?.. Я уже соскучился крѣпко и даже посѣтовалъ, что въ нынѣшнемъ 1868 году еще ни разу вы не подарили меня своею грамоткою, которая всякій разъ мнѣ приносила и новое удовольствіе для сердца, и новыя вѣсти для знанія. Что за немилость; или я передъ вами чѣмъ-либо провинился, хотя ей-ей не сознаю за собою никакой вины передъ вами; а впрочемъ, зная многосложность вашего быта кіевскаго, я не пеняю, а только напоминаю о томъ, что есть... Я люблю Кіевъ, гдѣ между немногими вы первый—и совсѣмъ разнакомился съ Кіевомъ въ нынѣшнемъ году, ибо сквалыга Шульгинъ уже и *Кіевлянина* своего не высылаетъ мнѣ въ этомъ году, а *Другъ народа* [2]) хуже врага докучаетъ своимъ Ильей Муромцемъ, еще недоконченнымъ и въ нынѣшнемъ году!... Разоритесь на время—а подпишитесь: на имя Марьи Васильевны Максимовичевой въ Золотоношу—на треть или на половину сего года, въ конторѣ Кіевлянина, на эту неблагодарную ко мнѣ газету; ибо я намѣренъ прибыть къ вамъ въ исходѣ мая, такъ не мѣшаетъ хоть въ началѣ того мѣсяца пробѣжать, что дѣялось въ Кіевѣ за генварскую треть года.

Прилагаю при семъ печатное объявленіе, присланное мнѣ отъ Погодина, чтобы я передалъ его для напечатанія въ кіевскихъ газетахъ: Бога ради, напечатайте, гдѣ знаете и возможете.

Когда будете видѣться въ первый разъ съ г. Андріяшевымъ, прошу сказать ему отъ меня, что я не получилъ обѣщаннаго имъ ака-

---

[1]) О Кіевскомъ синопсисѣ. Письмо П. Г. Лебединцеву (Кіев. Епарх. Вѣд. 1868 г., № 9; перепечат. въ „Русскомъ“ 1868 г. № 43 и вошедшее потомъ въ книжку „Письма о Кіевѣ“, Спб. 1871 г.).

[2]) Газета, издававшаяся А. Андріяшевымъ.

демическаго календаря на 1868 годъ, и что я имѣлъ право ожидать отъ него, на какихъ же условіяхъ онъ желалъ-бы напечатать новое изданіе моего *Букваря*. Уважая его ревность къ распространенію народныхъ книгъ, прошу васъ разрѣшить ему напечатать мой букварь въ какомъ ему угодно числѣ и на какихъ ему угодно условіяхъ!.. Кажется не обидно будетъ ему, если онъ черезъ годъ по напечатаніи заплатитъ мнѣ половину барыша. Сумма такъ маловажна, что намъ съ нимъ считаться и торговаться не подобаетъ.

Если, по случаю его несогласія на предложенное прежде ему условіе, не взнесена та сумма въ Острожское Братство, о которой извѣщалъ я васъ, то попрошу васъ теперь взнести ее въ счетъ моего вамъ заработка. У меня есть деньги въ Золотоношѣ, да я не знаю, когда соберусь за ними съѣздить, ибо и сегодня еще продолжается Свѣтло-седмичный дождь, нагрязнившій крѣпко дорогу, а къ тому же не имамъ крытаго экипажа (старую коляску, возившую Богородскаго, Иванишева, его преемника, и, наконецъ меня, въ Москву и Кіевъ, я, наконецъ, продалъ, за ея изветшалостью, жиду-ковалю за 25 карбованцевъ). Мнѣ совѣстно и сознаться, что та вписная книжечка, которую получилъ я отъ Е. В. Галаганъ, завалилась гдѣ-то, такъ что я не могу вамъ сообщить и списка подписавшихся въ ней на Братство Острожское. Но я на этой недѣлѣ предприму обыскъ повальный въ моемъ книжно-бумажномъ хламу, перерою всѣ мышиныя норки и конечно отыщу ту книжечку и доставлю тогда вамъ, яко блюстителю Кіевскому Братства Острожскаго. Я даже позабылъ, сколько я написалъ вамъ собрано мною: сорокъ съ чѣмъ-то, или около того.

Вотъ нѣсколько разъ уже въ этотъ Ѳоминъ понедѣльникъ непогода мѣшаетъ мнѣ отслужить привычную панихиду на могилахъ дѣда и отца на сосѣднемъ съ Михайловой горою кладбищѣ. Однако дождь уже перересталъ и какъ будто разгуливается. Уже 11 часовъ и блеснула надежда быть тамъ... А въ 1845 году въ этотъ поминальный день, бывшій тогда въ Юрьевъ день, за отысканіе на Скавикѣ прадѣда моего могилы и отслуженную на ней панихиду, я поплатился возобновленіемъ моей прежней болѣзни ревматической, подорвавшей тогда мои дотолѣ исправные финансы, такъ что я и донынѣ не налажу ихъ на первоначальную стать. Но Богъ милостивъ—такъ сякъ, а все таки не напрасно копчу небо своимъ непристойнымъ воскуреніемъ табачнаго зелья.

Отъ всей души обнимаю васъ и прошу передать мой привѣтъ о. Ѳаворову, о. Подвысоцкому и его подружію—доброй заступницѣ моей въ послѣдній день мой въ Кіевѣ, когда она заступилась за меня отъ притязаній какого-то полицейскаго молокососа, не пускавшаго меня и Солнцева ступить и шагу впередъ дальше золоченаго ангела надъ тою катедрою, съ которой провѣщалъ любезный супругъ ея о судьбахъ Андреевской церкви и о ея попечителѣ, отъ него же послѣ обѣда мы пѣшеходствовали съ вами и простились на Софіевской площади—до радостнаго будущаго утра...

Вашъ М. Максимовичъ

8 апр. 1868 г. Михайлова Гора.

Не забудьте велѣть оттиснуть мнѣ моего письма къ вамъ о Кіев. Синоп.—Жаль, что нѣтъ оттисковъ письма о Евгеніѣ.

—

Я имѣлъ удовольствіе получить свѣтлопраздничное письмо ваше, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ! Но отлагая впредь письменную бесѣду, поспѣшаю отправить теперь новый конецъ моего письма о К. Синопсисѣ, которымъ прошу васъ покорнѣйше замѣнить прежній конецъ, тамъ находящійся. Продолженіе, вами желаемое будетъ, будетъ.

Вашъ М. Максимовичъ.

15 апр. 1868. М. Г.

Какъ видно изъ только-что напечатаннаго письма, Максимовичъ лѣтомъ собирался пожить въ Кіевѣ, что, вѣроятно, и осуществилось, такъ-какъ въ лѣтніе мѣсяцы не оказывается ни одного письма отъ обоихъ корреспондентовъ, и только въ сентябрѣ отозвался опять Максимовичъ съ своей Михайловой Горы двумя письмами, въ первомъ изъ которыхъ онъ извѣщаетъ о своемъ намѣреніи зимовать въ Кіевѣ, а во второмъ сообщаетъ, что «почувствовалъ себя такъ немощнымъ, что не рѣшился на переѣздъ».

Сердечно порадовался я, узнавъ о назначеніи васъ, дражайшій и многоуважаемый Петръ Гавриловичъ, въ катедральные протоіереи Софійскаго храма, и не разъ уже привѣтствовалъ васъ мысленно, желая отъ всей души вамъ благоденствовать и благовѣствовать тамъ долгое время, и чтобы вашъ подвигъ увѣнчался такъ-же, какъ и достойныхъ предмѣстниковъ вашихъ, двухъ соименныхъ Іоанновъ!..

Въ срединѣ сентября, или во второй половинѣ его, надѣюсь видѣть и слышать васъ въ Кіевѣ; а теперь пока-что отгуливаюсь на

Михайловой-Горѣ моей, воротясь изъ Золотоношскаго земскаго собранія порядочно простуженнымъ: плохая подготовка на зиму... Да ужъ такъ видно суждено мнѣ быть безвыходнымъ домосѣдомъ зимою, не только здѣсь, но и въ Кіевѣ. Когда-бы только попалась квартира мнѣ съ большою одною комнатою, гдѣ бы можно ходить просторно; а впрочемъ и для ума тоже пріятенъ просторъ... Засѣвъ на полгода въ вашемъ святомъ градѣ, быть можетъ успѣю и написать о немъ что нибудь путное...

До пріятнаго свиданія остаюсь душевно преданный вамъ М. Максимовичъ.

1 сент. 1868 г. М. Г.

---

28 сент. 1868 г. М.-Гора.

Поклонъ и привѣтъ мой задушевный вамъ, дорогой Петръ Гавриловичъ! Подъ конецъ сентября, при сборахъ на зимовникъ кіевскій, я почувствовалъ себя такъ немощнымъ, что не рѣшился на переѣздъ и принужденъ невольнымъ благоразуміемъ—остаться здѣсь на всю осень и предстоящую зиму. . Легко сказать: на полгода; но кто считаетъ себѣ уже 65-й, тому *полгода* неважность какая... пролетятъ незамѣтно! А останется-ли слѣдъ ихъ на моемъ привычномъ книжномъ полѣ, о томъ напередъ и себѣ сказать не могу,—кромѣ, развѣ, обѣщаннаго вамъ сказанія о монастыряхъ Подканевскомъ, Святопокровскомъ!.. [1]) Богъ дастъ дотяну до весны, такъ въ маѣ увижу Кіевъ и васъ въ немъ. Да хранитъ васъ Господь и святая Софія; а вы помолитесь обо мнѣ и припасите мнѣ, въ благословеніе моей Махайлогорской хаты—храмовой образъ Премудрости Божіей, создавшей себѣ столповъ седмь. У меня былъ онъ, да я отдалъ его въ благословеніе покойной сестрѣ моей Еленѣ, и не разъ желалъ опять видѣть его у себя на горѣ, возлѣ образа Нерушимой стѣны.

А вотъ и другая просьба. О. Іосифъ Желтоножскій, въ прошломъ годѣ, обѣщалъ мнѣ написать, наконецъ, два образа—*св. Ольги* изъ ц. Десятинной, и *Богоматери* изъ придѣла Софійскаго, что при входѣ. Если они уже готовы, то да благоволитъ ихъ отправить по слѣдую-

---

[1]) Вѣроятно, предположеніе не осуществилось: такой статьи М-ча мы въ печати не знаемъ.

щему адресу: *Ея превосх. Ольгѣ Өедоровнѣ Кошелевой—въ Москву, на Поварской въ собственномъ домѣ.*

Гдѣ вы зимуете: тамъ же, или во дворѣ Софійскомъ?

Передайте поклонъ мой о. Өаворову и о. Подвысоцкому.

Душевно преданный вашъ М. Максимовичъ.

Послѣ долгаго молчанія Лебединцевъ, уже въ декабрѣ мѣсяцѣ, написалъ письмо къ Максимовичу съ извиненіями и съ просьбами сообщить что-нибудь о себѣ.

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Считаю себя повиннымъ предъ Вами за мое молчаніе. И грѣхъ тяготитъ душу и грустно, что въ Кіевѣ отъ Васъ ничего не слышно. Посему простите насъ и сообщите вѣсточку о себѣ для всѣхъ вашихъ почитателей, отъ нихъ же первый есмь азъ. Какъ Богъ хранитъ васъ и милуетъ? и что подѣлываете вы въ краткіе зимніе дни и въ длинныя эти ночи? Объ Вашей фермѣ хлопоталъ я и протоколъ составили мы съ Самчевскимъ, но когда спросилъ я Юзефовича, доложилъ ли онъ Безаку, то получилъ въ отвѣтъ: это будетъ отправлено къ нему въ С.-Петербургъ. Что это значитъ,—нужно объясниться съ нимъ наединѣ.

Власти наши выѣхали изъ Кіева въ Петербургъ; вѣстей отъ нихъ, кромѣ увѣдомленія о благополучномъ прибытіи, нѣтъ еще. Мож. б. Владыка нашъ отправился хоронить и виленскаго митрополита Сѣмашку, скончавшагося 23 ноября.

На зиму еще 15 сентября, перешелъ я въ Соф. дворъ, устроившись здѣсь довольно удобно, а чтобы хата не была пусткою, я выписалъ сестру вдову съ двумя малыми дѣтьми. Так. образомъ, я начинаю жизнь нѣсколько иначе. Въ Соф. дворѣ я отпраздновалъ Софію 8-го сент. и 10-го ноября освященіе Богословскаго на хорахъ придѣла,—что теперь теплый соборъ Душевно сожалѣлъ при томъ, что между моими гостьми не было Васъ. На хоры теперь идутъ съ двухъ угловъ юго-западному и сѣверо-западному. Желается еще открыть малые ходы въ западной стѣнѣ, по обѣ стороны главнаго входа, которые когда то заклaдены и зрятъ нынѣ въ остатки западной галлереи; да, кромѣ того, открыть окна въ малыхъ, что надъ хорами куполахъ, передѣлавъ для сего часть скрывшей ихъ крыши. Но для этого нужно испросить раз-

рѣшеніе Св. Синода. Евгеніевскій теплый соборъ, бывшую монастыр. трапезу, предполагаю обратить съ весны въ соборную библіотеку. Овіи хвалятъ меня за кое-что, овіи же бранятъ, называя реформаторомъ; но я не увлекаюсь ни тѣмъ, ни другимъ, а дѣлаю свое дѣло, возстановляя старину и уклоняясь новшествъ смоленскихъ и другихъ. Положеніе мое хлопотливое при антагонизмѣ господина одного, мостившагося на мое мѣсто; но Богъ дастъ какъ нибудь обойдутся дѣла, а чтобы лучше обошлось, я вытребовалъ Евгеніевскую инструкцію собору и отпечаталъ для общаго свѣдѣнія. Помолитесь и Вы обо мнѣ.

Иконы Кошелевой отправлены о. Іосифомъ въ октябрѣ по адресу въ Москву. Образъ Премудрости Божіей для Васъ будетъ изготовленъ.

На праздникъ Рождества Христова жду къ себѣ брата Ѳеофана, котораго несчастье не покидаетъ: 22-го ноября онъ лишился и 2-го своего сына, умершаго отъ горячки; остался одинъ меньшій, хилый и болѣзненный. Тяжкое его горе!...

Кіево-Курская дорога открывается между 9 и 14 декабря. Я уже проѣхалъ по ней съ Владыкой отъ Днѣпра до Броваровъ. Хочется мнѣ въ маѣ проѣхать и дальше до Москвы и Петербурга—свѣта побачить. Дай Богъ дождать...

Душевно преданный Вамъ П. Лебединцевъ.

4-е декабря 1868 г.—день св. Варвары, обѣдъ у преосв. Порфирія. *Кіевъ.*

Этимъ и заканчивается переписка 1868 года, хотя есть вѣроятность, что одно письмо Максимовича, а можетъ быть и больше, не сохранилось, такъ-какъ, во 1-хъ, не могъ онъ не отвѣтить на только-что приведенное письмо Лебединцева, а во 2-хъ, первое письмо 1869 года, написанное тоже Лебединцевымъ, свидѣтельствуетъ, что были Максимовичемъ посланы даже статьи для Епарх Вѣдомостей.

1869 г.

Въ перепискѣ за этотъ годъ, очевидно, утеряно много писемъ М. А. Максимовича, такъ-какъ имѣется на лицо всего два письма его, а между тѣмъ писемъ къ нему П. Г. Лебединцева

сохранилось пять. Лучшимъ доказательствомъ того, что письма отъ Максимовича были, служитъ содержаніе писемъ Лебединцева, а особенно перваго—отъ 1 марта 1869 г. Здѣсь Лебединцевъ проситъ простить за промедленіе отвѣтомъ и благодаритъ за присланныя статьи. Статьи эти, конечно, «Объяснительные параграфы о Кіевѣ» (по поводу книги Закревскаго «Описаніе Кіева»), напечатанныя въ «Кіев. Епарх. Вѣдом» 1869 г. №№ 2, 3 и 4.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Время покаянія требуетъ очистить мою совѣсть и предъ Вами. Покорнѣйше прошу прощенія за промедленіе отвѣтомъ и повторяю глубокую благодарность за Ваши статьи, которымъ эпитетовъ не смѣю подбирать. Оттиски ихъ сдѣланы; но полагаю, что Вы сами приплывете въ Кіевъ за ними по раннему открытію весны и пароходства.

Отъ Федорова получилъ я тюкъ, адресованный на Ваше имя изъ Москвы. Въ немъ письмо къ Вамъ А. Котляревскаго [1]), «стрѣлы», оттиски Вашей статьи о стрѣлахъ—изъ Археолог. Вѣстника—100 экз., книжка—о погребальн. обычаяхъ языческихъ славянъ,—Котляревскаго; разборъ сочиненія Аѳанасьева: Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу; книжка Археолог. Вѣстника за соединенные ноябрь и декабрь. Это книжное добро остается у меня впредь до Вашего востребованія.

М. В. Юзефовичъ медомъ мазалъ, но съ того меду квасу не будетъ. По выѣздѣ Безака говорилъ, что протоколъ объ Васъ пойдетъ въ Петербургъ; а теперь, по смерти Безака, говоритъ: Безакъ никакого отвѣта не далъ на словесное предувѣдомленіе о семъ докладѣ, а потому я не рѣшился и посылать. Вотъ и все.

Теперь ѣдутъ къ намъ *князи;* сегодня около 2-хъ часовъ по полудни ожидается прибытіе Дундука [2]). Это сынъ засѣдавшаго въ Академіи наукъ, но говорятъ, что онъ умный человѣкъ—у нихъ чрезъ поколѣніе, тоже какъ и въ родѣ Меньшиковыхъ...

Академія Кіевская 28 сентября готовитъ веліе торжество юбилейное [3]): Синодъ распорядился призвать на оное 10-ть архіереевъ—

---

[1]) А. А. Котляревскій—извѣстный ученый славистъ.

[2]) Кн. Дундуковъ-Корсаковъ, назначен. Кіевск. Генералъ-Губернаторомъ.

[3]) 50-тилѣтняя годовщина.

Димитрія Одесскаго, Макарія Литовскаго, Антонія Казанскаго, Нектарія нынѣ Харьковскаго, и проч..., да своихъ 3, да Академія еще пригласитъ 2-хъ, итого 15-ть архіеревъ Кіевъ увидитъ въ одно время—соборъ великъ, какого здѣ и не бывало, кажется; кромѣ того будутъ представители отъ 14-ти семинарій бывшаго Кіев. учеб. округа. Наканунѣ 28-го будетъ совершена панихида по всѣмъ усопшимъ членамъ славной нѣкогда Академіи.

Въ началѣ іюля ожидаемъ пріѣза въ Кіевъ Государыни Императрицы по пути въ Крымъ. Предполагался онъ въ началѣ апрѣля, но задерживаетъ Дагмара, намѣревающаяся въ маѣ сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ возношеніи именъ царств. дома на эктеніи.

Подѣлюсь съ Вами еще моимъ наблюденіемъ: называемое надгробіе в. кн. Ярослава есть не надгробіе, а самый *гробъ*, состоящій изъ двухъ цѣльныхъ кусковъ мрамора: нижней—гроба и верхней—крыши въ видѣ двускатной кровли; цементомъ замазана только щель, гдѣ крыша неплотно прилегаетъ къ гробу. Если бы рычагомъ приподнять крышку массивную (д. быть пудовъ 100), то увидѣли бы остатки Ярослава Владиміровича. Придѣлъ Георгіевскій освященъ уже, а что Ярославъ погребенъ въ Георгіевскомъ придѣлѣ—свидѣтельство лѣтописей вѣрно, ибо стѣнка у гроба Ярослава, отдѣляющая его отъ Георгіевскаго придѣла, есть заложенная дверь, которою проходили изъ Георгіев. придѣла въ Владимірскій присѣнокъ—гдѣ престола при Ярославѣ не было.

Кланяюсь Вамъ усердно и низко. Вешніе деньки да укрѣпятъ Васъ къ Велыкодню.

Васъ истинно почитающій и преданный слуга протоіерей П. Лебединцевъ.

1-е марта 1869 г. Кіевъ.

На это письмо Максимовичъ отвѣчалъ черезъ нѣсколько недѣль, причину чего и объясняетъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, въ догонку за которымъ, при оказіи, послалъ и второе письмо.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Письмо ваше отъ 1 марта я имѣлъ удовольствіе получить, но пока сбирался отвѣчать подробно—простудился, разболѣлся глазами, а къ вящшему горю—вчера нечаянно изломались мои читальные очки, и пока исправлюсь очами и очками, попрошу Васъ на сей разъ объ

одномъ дѣлѣ: снимите съ меня братчиковскій долгъ и изъ заработанныхъ мною по вашей редакціи денегъ передайте Екатеринѣ Васильевнѣ Галаганъ мой сборъ, вписанный въ полученную отъ нея книжицу:

за 1867 годъ—34 р. 25 коп.
» 1868 » 18 » 75 »

а всего 53 рубля.

Прошу васъ очень поспѣшить этимъ дѣльцомъ, чтобы не опоздать къ отчету. Передайте мой поклонъ всѣмъ братчикамъ Острожскимъ—Кіевскимъ, и предсѣдателю новому Свято-Владимірскаго, и купно съ нимъ вспомяните меня въ вашихъ молитвахъ.

Къ Вамъ въ Кіевъ предполагаю и думаю прибыть уже послѣ Великодня, когда станетъ совсѣмъ тепло по весеннему. Моихъ брошюръ благоволите прислать мнѣ сюда хоть по десятку; а прочія пусть у васъ меня дожидаютъ.

За извѣстіе о Ярославовой гробницѣ весьма благодарю и думаю, что вамъ подобаетъ приняться за новое описаніе Софійскаго храма и всей его исторіи. Поможи вамъ Боже и на сіе и на всякое дѣло.

Григорію Павловичу мой особенный и повинный поклонъ и просьба, чтобы, пока-что съ тѣмъ памятникомъ передъ лаврскою трапезою, поставить бы хоть временную рѣшетку: будучи на Антоніевъ день въ лаврѣ, только что подхожу къ бѣдному камню Кочубея и Искры, какъ на встрѣчу мнѣ якійсь богомолецъ по немъ такъ и човгае подковами, що у мене ажъ на серцѣ защемѣло, и я пожурилъ его съ сердцемъ за попираніе старины,—и мало-ли такихъ ногъ кованныхъ прошло еще послѣ того, сглаживая дорогую памятную надпись все болѣе... Но уже разболѣлась голова моя.

Остаюся душевно преданный вамъ Михаилъ Максимовичъ.

23 марта, 1869 г. М.-Гора.

—

Сейчасъ представилась оказія изъ нашего села въ Кіевъ, и пользуюсь ею, чтобы передать Вамъ мой поклонъ, многоуважаемый Петръ Гавриловичъ! Я недавно писалъ къ Вамъ о разрушеніи моихъ привычныхъ читальныхъ очковъ, безъ которыхъ бѣдствую; а въ ночь подъ Благовѣщеніе и совсѣмъ опѣшился: два жидка, какъ видно по ихъ слѣдамъ, выкрали моихъ коней съ упряжью и нетычанкою, разобравъ частоколъ задняго двора и—пиши пропало! Такъ уже пришлась неудачна мнѣ вторая половина нынѣшняго марта.

На случай мои брошюры еще не посланы, то ихъ передайте въ квартиру Васил. Никол. Максимовича и онѣ дойдутъ съ обратною подводою. Да приложите [кстати, если есть подъ рукою, календарь 1869 г.; Андріяшева просилъ выслать, да онъ забылъ вѣрно, а безъ календаря скучно; а въ *хозяйственомъ* Симонтовскаго перепутаны на весь годъ лунные квадры, за что достается ему немало лайки отъ здѣшнихъ хозяевъ.

Желаю Вамъ здравія крѣпкаго на предстоящія седмицы, въ которыя помолитесь и обо мнѣ, и моемъ Алексѣйкѣ, да вразумлюсь, куда его пристроить на ученіе; ибо уже пора—съ 22 февраля пошелъ десятый годъ, и мальчикъ славный.

Остаюсь душевно преданный и уважающій васъ М. Максимовичъ.

29 марта 1869 г. М. Гора.

Екат. Вас. Галаганъ пришлю отчетъ по Братству; болѣли все глаза, да и донынѣ еще не совсѣмъ оздоровѣли; впрочемъ для Братства нужнѣе деньги, о которыхъ я просилъ въ предыдущемъ письмѣ моемъ.

До слѣдующаго письма или до свиданія послѣ Великодня, если Господь тому поможетъ.

Остальныя письма этого года принадлежатъ Лебединцеву. Ихъ четыре; но только первое находится въ отвѣтной связи съ только-что приведенными двумя письмами Максимовича. Второе письмо есть отвѣтъ на привѣтствіе съ Свѣтлымъ праздникомъ, но это привѣтствіе не сохранилось. Третье--есть записочка, писанная въ то время, когда Максимовичъ въ маѣ мѣсяцѣ жилъ уже въ Кіевѣ. Четвертое-же письмо, писанное въ декабрѣ, вѣроятно, явилось не отвѣтнымъ, а написаннымъ Лебединцевымъ для возобновленія письменныхъ сношеній послѣ того, какъ съ отъѣздомъ Максимовича на зиму къ себѣ на Михайлову Гору, прекратились личныя общенія.

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Душевно сожалѣю о Вашемъ горѣ—и порчѣ очекъ и потерѣ коней; вспоминаю по послѣднему обстоятельству, какое было горе, когда крали коней у моего батюшки и не на чемъ было сынкамъ доѣхать до Кіева, и купить было не на что. Хоть бы позвонить на безголовье ворамъ, да на Михайловой Горѣ и того нельзя сдѣлать.

Присланныя изъ Москвы книги при семъ посылаю. Вашихъ статей оттиски еще не сброшюрованы, а потому будутъ отправлены уже при слѣд. случаѣ.

31-го марта совершили мы соборнѣ поминовеніе годичное старушки доброй Катерины В. Галаганъ и были на утѣшеніи у Григорія Павловича. Здѣсь при Юзефовичѣ я предлагалъ ему устроить рѣшетку къ памятнику Кочубея прежде памятника, но онъ отвѣчалъ, что лучше не дѣлать сего, ибо тогда на одной рѣшеткѣ и дѣло можетъ кончиться.—Деньги по Вашимъ реестрамъ, на Вашъ счетъ, мною давно уже въ Братство Острожское чрезъ Григорія Павловича уплачены.

Вы что то послали, кажется, на Археологическій съѣздъ, а Кіевъ отправилъ отъ Академіи Лашкарева, а отъ университета увѣдомленіе, что университетъ не имѣетъ нынѣ лицъ, занимающихся археологіей. Писаніе это съ улыбкой показывали Лашкареву на съѣздѣ.

Юзефовичъ уже соглашается дѣлать раскопки въ Вышгородѣ. Новое описаніе Соф. собора дѣйствительно необходимо; но не снабдите ли Вы еще какими замѣтками Евгеніев. Описаніе? Statum quo нетрудно описать, а хорошо бы пробѣлить—промыть что-нибудь и въ исторіи нашей Софіи.

Въ надеждѣ скораго свиданія остаюсь душевно преданный Вамъ и уважающій пр. Петръ Лебединцевъ.

3-го апрѣля 1869 года Кіевъ.

—

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Воистину воскресе Христосъ!

Приношу Вамъ душевную благодарность и за пасхальное привѣтствіе и за Ваши письма печатныя. Завтра 1-го мая, въ день памяти святителя Макарія, вручу экземпляры преосв. Викарію и о. ректору Академіи. За память о Соф. библіотекѣ тѣмъ большее спасибо, что въ сокровищницу ея ничего не вложено изъ Вашихъ трудовъ. Посылаю при семъ статью [1]) и 195 экз. объяс. параграфовъ о Кіевѣ, выдѣливъ изъ нихъ 5-ть экз. для тѣхъ же библіотекъ и для себя.

[1]) Статья М. А. Максимовича „Украинскія стрѣлы", напеч. въ „Археологич. Вѣстн." 1868 г. вып. 5. Были и отдѣльн. оттиски, присланные автору черезъ Лебединцева (см. письмо Лебедин. 1 марта).

Прилагаю и изданную мною выдержку изъ писемъ А. Н. Муравьева. Пока я соберусь составить новое описаніе Соф. собора, весьма полезенъ будетъ для богомольцевъ граціозный очеркъ Софіи, нарисованный художеств. рукою нашего Паломника, да и въ послѣдствіи онъ пригодится.

Григорія П. Галагана постигло неописанное горе, какого онъ и представить не могъ: 27 апрѣля скончался его сынъ единородный Павлусь отъ тифа, полученнаго на пути изъ Кіева въ деревню, куда Галаганы отправились на 3-й день Пасхи. Сегодня похороны. Въ великій четвергъ—этотъ отрокъ, свѣжій, румяный, исповѣдывался у меня, и увы—это была предсмертная его исповѣдь. Вотъ ужъ тутъ нужно терпѣніе Іовле! Григорій Павловичъ такъ пораженъ этимъ горемъ, что слегъ въ постель и Мерингъ находится при немъ.

До радостнаго свиданія. Надѣюсь, что Ваше прибытіе въ Кіевъ совпадетъ съ пріѣздомъ сюда же Ѳеофана брата.

Владыку нашего ждемъ около 15-го мая, а 29 мая онъ выѣзжаетъ по епархіи на 2 недѣли.

Душевно преданный Вамъ пр. Петръ Лебединцевъ.

Н. Д. Иванишевъ вчера выѣхалъ изъ Кіева въ Парижъ.

30 апрѣля 1869 г. Кіевъ.

—

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

По обстоятельствамъ нѣкоторымъ мнѣ, мож. б., не придется быть дома въ обѣденное время, и даже обѣдать дома. Потому мое приглашеніе покорнѣйше прошу перенести на завтрашній день, т. е. понедѣльникъ къ 2-мъ часамъ.

Сегодня—хиротонія Ѳеоктиста въ епископа Старорусскаго.

Съ глубокимъ почтеніемъ Вамъ преданный П. Лебединцевъ.

25-е мая 1869 года.

—

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Въ семъ году мы разстались не простившись, что вѣроятно произошло отъ моей неусидчивости въ квартирѣ, дурной погоды и слабости Вашего здоровья предъ отбытіемъ изъ Кіева. Порученное Вамъ особое дѣло лишаетъ нашу редакцію и Вашего сотрудничества. Но тѣмъ

не менѣе душа моя съ Вами и желаетъ быть въ прежнемъ общеніи съ Вами, интересуясь знать о Вашемъ здоровьи и Вашихъ трудахъ. Богъ да укрѣпитъ Васъ и поможетъ Вамъ совершить предположенное дѣло.

Меня обезпокоили предположеніемъ вызвать съ Ѳаворовымъ въ Петербургъ въ комитетъ по преобразованію духовно-суд. части. Запросъ послѣдовалъ о неимѣніи препятствій въ началѣ ноября, но указа ѣхать еще нѣтъ. На время моего отсутствія редактировать Еп. Вѣдомости будетъ Степанъ Ив. Пономаревъ, ибо преподобный оскудѣ. Извѣстіе о моемъ выѣздѣ, аще случится, будетъ приложено въ № 1-мъ 1870 года.

Прошу тогда, если что понадобится, адресовать въ Петербургъ: *Старшему Дѣлопроизводителю Военно-Кодификаціоннаго Комитета—Даніилу Гавр. Лебединцеву.* А аще останемся дома, то на Соф. дворъ—прислать вѣсточку о себѣ.

При семъ прилагается книга для чтенія, доставленная для Вашего Алексійка графинею Антониною Д. Блудовой, которая теперь уже въ Петербургѣ.

Власти наши и Владыка въ Петербургѣ. Впрочемъ, мы сидимъ смирно, а потому и они могутъ быть покойны.

М. П. Погодинъ присылалъ мнѣ вопросы о Ярославовомъ гробѣ, на которые я отвѣтилъ уже. Не думаетъ ли онъ хлопотать объ освидѣтельствованіи?..

Маевскій, по моему указанію, искалъ фундамента обрушившейся передней галлереи Соф. собора, но вмѣсто стараго оказался фундаментъ не старый, вѣроятно устроенный подъ бывшую рѣшетку. Цоколь фундамента самаго собора освидѣтельствовали: онъ на глубинѣ почти двухъ аршинъ. Осмотръ прочаго оставленъ до весны.

Кланяясь Вамъ яко Корнилій сотникъ Ап. Петру, остаюсь искренно преданный и почитающій Васъ душевно П. Лебединцевъ.

12-е дек. 1864 г. Кіевъ.

1870 г.

Первымъ письмомъ этого года является отвѣтное маленькое письмо Максимовича на послѣднее письмо Лебединцева въ минувшемъ году. Такъ какъ Лебединцевъ сказалъ, что объ отъѣздѣ

его въ Петербургъ, буде это состоится, объявлено будетъ въ № 1-мъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей», то Максимовичъ, не зная куда направлять свой отвѣтъ, все поджидалъ полученія этого 1-го номера, но не дождавшись, послалъ 10 января слѣдующее письмецо.

1870 г. 10 янв. Михайлова Гора.

Сердечно благодарю Васъ, почтеннѣйшій и дражайшій Петръ Гавриловичъ, за Вашъ дружескій листъ отъ 12 декабря. Въ отвѣтъ на него я давно надиктовалъ бы вамъ нарочито-длинную эпистолію; но поджидаемый оный *первый* нумеръ К. Е. В. доселѣ ко мнѣ не явился, а потому не знаю, куда направить мои къ Вамъ мысли и рѣчи, и только словами поэта, съ дѣтства моего мнѣ милыми, могу сказать:

— Гдѣ ты, милый? Что съ тобою... И лишь узнаю, *гдѣ* Вы нынѣ, не премину провести пріятный часъ въ письменной бесѣдѣ съ Вами; а до того часу, какъ и до скончанія вѣку моего—остаюсь преданный Вамъ и почитающій Васъ М. Максимовичъ.

Весь декабрь и первые дни января я былъ съ такою тяжелою головою, и слабымъ зрѣніемъ, и скукою въ душѣ, что и вспоминать скучно.

Такъ какъ отъѣздъ Лебединцева въ Петербургъ состоялся позже, чѣмъ онъ ожидалъ, то Максимовичъ получилъ отъ него еще изъ Кіева въ февралѣ мѣсяцѣ письмо, извѣщавшее между прочимъ о скорой поѣздкѣ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Привѣтствуя Васъ съ новымъ годомъ, еще разъ желаю обновляться Вамъ юностію орлею, чтобы задуманный Вами птенецъ [1]) появился благовременно и въ силѣ Вашей на свѣтъ.

А мнѣ нужны ужъ крилѣ голубинѣ не для летанія, когда есть желѣзные пути до Петрограда отъ Кіева, но чтобы пройти невредимо Сциллу и Харибду, среди которой попаду я съ Н. Антоновичемъ [2]);

---

[1]) Кн. Дундуковъ-Корсаковъ, кіев. генер.-губерн., предложилъ Максимовичу приготовить трудъ по исторіи Кіева и юго-западн. края. (См. намекъ на эту работу въ письмѣ Лебединц. отъ 12 дек. 1869 г., а болѣе подробное объясненіе Максимовича въ письмѣ отъ 29 іюля 1870 г.).

[2]) Н. А. Ѳаворовъ, вмѣстѣ съ котор. Лебединцевъ былъ назначенъ въ комитетъ по преобразованію духовно-судебной части.

впрочемъ, при состоянiи нашихъ путей, не мѣшаетъ имѣть въ запасѣ крилѣ голубинѣ и для того, чтобы унести цѣлыми свои кости съ желѣзной дороги.

Первый № Еп. Вѣдомостей оказался безъ адреса моего жительства, ибо оно еще не перемѣнено; ожидается на сихъ дняхъ указъ о нашемъ выѣздѣ, по увѣдомленiю отъ Петер. брата моего.

Лучше бы сидѣть въ теплѣ и продолжать старое дѣло, чѣмъ пускаться въ великое житейское море, называемое столицей, но велятъ, да признаюсь—у меня таки самого есть сильное желанiе посмотрѣть рѣдкости столицы, да и столицы самыя, чтобы не оставаться далѣе въ невѣдѣнiи о главизнахъ нашего отечества.

Москву вѣрно только мелькомъ узримъ теперь, а если задержатъ дальше Пасхи въ Питерѣ, на Пасху буду проситься въ Москву, къ которой и противъ которой я имѣю нѣчто.

Недавно было у насъ засѣданiе Слав. Комитета, въ послѣдствiе котораго отправлена газетѣ «Слово» субсидiя въ 200 руб. сер., о которой умолялъ Дѣдицкiй чрезъ Өеофана Гавриловича.

Прочее у насъ по старому, и по старому съ уваженiемъ и любовiю всѣ воспоминаютъ Васъ, а во первыхъ, я нижеподписавшiйся Вамъ душевно преданный пр. П. Лебединцевъ.

Писанiе это составлено въ м. январѣ и лежало на столѣ, чтобы приписать извѣщенiе о времени моего отъѣзда въ Петербургъ по ожидаемому вызову. Но никакого вызова и доселѣ не послѣдовало, хотя составъ комитета Высочайше утвержденъ и объявленъ св. Синоду 14 января. Вѣроятно задержали и открытiе нашего Комитета, чтобы пустить впередъ Комитетъ о духов. Цензурѣ, вызываемый связью этого вопроса съ Комитетомъ, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ князя Урусова. И такъ не знаемъ, до Пасхи или по Пасхѣ будемъ въ Петербургѣ, а потому пускаю сiе писанiе, чтобы поздравить Васъ съ св. четыредесятицей и пожелать Вамъ мира и душевнаго спасенiя.

Читали Вы, какъ Костомаровъ отвергаетъ преданiя о св. Андреѣ, крещенiи Ольги въ Царьградѣ и Владимiра въ Херсонесѣ,—преданiя, обратившiяся въ св. вѣрованiе рус. народа? Хоть бы Вы вступились за преп. Нестора и его лѣтопись и просвѣтили скептиковъ. Вамъ бы было великое спасибо.

Преосв. Порфирій въ В. Постъ даетъ въ Унив. залѣ духов.-музык. утро, на которомъ прочтетъ двѣ публ. лекціи въ пользу Славянъ—о Византіи въ 9 вѣкѣ и Фотіи.

Вамъ душевно преданный Петръ Лебединцевъ.

17 февр. 1870 года.

Успѣли и еще обмѣняться оба корреспондента письмами до отъѣзда Лебединцева въ Петербургъ.

6 апр. 1870 г. Мих. Гора.

Кланяюсь Вамъ, достопочтеннѣйшій и дорогой Петръ Гавриловичъ, и привѣтствую Васъ съ наступающимъ Свѣтлымъ Праздникомъ! А гдѣ Вы встрѣтите и проведете его, того не знаю и не вижу изъ К. Е. Вѣдомостей... Я же все здѣсь, въ своей хатѣ, и все еще немощный, съ головою, одолѣнною ревматизмомъ и набитою чтеніемъ, но неспособною еще на писательство. Давно уже не было такой безплодной мнѣ зимы! Жду не дождусь наступленія мая, чтобы переѣхать въ Кіевъ и тамъ уже водвориться постоянно... Но какъ и гдѣ, то еще для меня невѣдомо.

Сегодня дѣвица Мироновичева отправляется въ Кіевъ на пароходѣ, вслѣдствіе сильнаго ея желанія быть тамъ на праздникахъ. Я отпускаю ее съ миромъ, заплативъ ей сполна за $5^1/_2$ мѣсяцевъ ея пребыванія у меня, въ совершенномъ здравіи.

Статей Костомарова, о которыхъ Вы упоминали въ своемъ письмѣ, не вѣдаю; но по пріѣздѣ въ Кіевъ полюбопытствую посмотрѣть, что тамъ за погудка на новый ладъ. Если Вы въ Петербургѣ, то прошу Васъ достать для Кіева ту книгу Срезневскаго, гдѣ помѣщена его статья о *Зарубскомъ* монастырѣ, которую мнѣ желательно знать. Не забудьте!

А о Погодинѣ я получилъ недавно грустное извѣстіе, что онъ былъ опасно боленъ. Помоги ему Богъ поскорѣе возстановиться въ силахъ и докончить свою древнерусскую исторію. Нашъ Славянинъ простудился въ день св. Первоучителей Славянскихъ! Православному русскому міру надобны такіе старики-подвижники, какъ Погодинъ: и съ убылью ихъ—какъ будто убываетъ богатырская русская сила... Такъ сдается, по крайней мѣрѣ, мнѣ старику, душевно преданному Вамъ Максимовичу.

P. S. Прошу Васъ передать мой поклонъ братьямъ Вашимъ, Ѳеофану Г. и Данилу Г., а также милому намъ обоимъ Наз. Ант. Господь да хранитъ Васъ на всякомъ мѣстѣ владычества своего!— Вспомяните меня при наступленіи Великодня!

—

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Христосъ воскресе!

Душевно благодарю Васъ за пасхальное привѣтствіе и взаимно привѣтствую. Пока я еще въ Кіевѣ, и въ среду Свѣтлыя Седмицы предполагаю выѣхать въ Петербургъ, въ оный духовно-судный комитетъ. Собирался вмѣстѣ съ Назаріемъ Антоновичемъ, но ему дѣлаетъ препятствіе производство экзаменовъ, и какъ онъ это уладитъ, не знаю; по крайней мѣрѣ трудно успѣть ему до 1-го мая, а экзамена требуетъ министръ. Вѣроятно пребываніе мое продолжится до іюня въ Петроградѣ.

Если Вы будете затрудняться въ квартирѣ для себя, то прошу располагать моей квартирой и подгонять моего племянника къ усидчивости за дѣломъ.

Если позволитъ время, то я забѣгу въ Москвѣ къ Погодину сдѣлать свой и передать Вашъ поклонъ.

О Зарубскомъ монастырѣ похлопочу.

Если будетъ милость Ваша написать что мнѣ въ Петербургъ, то прошу адресовать: Е. В. *Даніилу Гавр. Лебединцеву, старшему дѣлопроизводителю военно-кодификаціоннаго комитета* для передачи... Благотворное вліяніе весны да укрѣпитъ Ваши силы и препроводитъ въ Кіевъ здрава и благополучна.

Искренно преданный Вамъ съ глубокимъ уваженіемъ Петръ Лебединцевъ.

11 апрѣля 1840 года Кіевъ.

Съ мая мѣсяца началась переписка Максимовича уже по Петербургскому адресу, при чемъ въ этомъ первомъ письмѣ опять съ грустью говоритъ онъ о своемъ тяжеломъ положеніи какъ по части здоровья, такъ и по части финансовой. Отвѣтное письмо Лебединцева интересно между прочимъ и потому, что въ немъ раскрывается, какъ приготовлялась та матеріальная поддержка,

которая оказана была Максимовичу въ 1871 году, во время празднованія его 50-лѣтняго юбилея ученой дѣятельности.

Привѣтъ и поклонъ Вамъ, дорогой Петръ Гавриловичъ, съ береговъ Днѣпра и пустынно-цвѣтущей Михайловой Горы—на берега невскіе, въ громадныя вѣчношумныя твердыни Петроградскія! Благополучно ли Васъ домчала паровозная сила по желѣзнымъ путямъ?.. Отъ всей души желаю Вамъ здоровья и успѣха въ призваніи Вашемъ, и благополучнаго возвращенія къ св. Софіи кіевской!

Когда я увижу богоспасаемый нашъ градъ—самъ не знаю. Только-что освѣжился было немного животворнымъ дыханіемъ во второй половинѣ апрѣля,—въ которую здѣсь и небо и земля была необычайно прекрасны,—какъ передъ Правою Середою вздумалось мнѣ омыться послѣ полугодоваго заключенія во фланели: но прохладная ванна въ 23^{0} неожиданно, вмѣсто ободренія моего скудельнаго состава, пробудила въ немъ давняго врага моего—ревматизмъ, который и гуляетъ теперь по мнѣ отъ головы и до ногъ... А тутъ еще—все та-же скудость денежная, съ которою хотя я и свыкся отъ юности моея, но въ исходящіе годы моего вѣку, при возрастающихъ цѣнахъ и потребностяхъ, становится она иногда до того тяготящею и смущающею, что и крылья и душа опускается, и рука не порывается къ перу.. Вамъ, какъ духовному другу моему, повѣряю прискорбіе мое въ эти послѣдніе дни, майскіе дни, когда бы только радоваться, любуясь зеленью и цвѣтеніемъ обновленной весной природы... Въ раздорѣ мысленныхъ стремленій и житейскихъ печалей и задержекъ, беру псалтирь—что откроется?.. Псаломъ 118-й, на 70-тыхъ стихахъ.—Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ: благъ мнѣ законъ устъ Твоихъ паче тысящъ злата и сребра. Руцѣ Твои сотвориста и создаста мя; вразуми мя и научуся заповѣдемъ Твоимъ. Вотъ что открылось мнѣ—среди письменной бесѣды съ Вами, въ день святыхъ Первоучителей Славянскихъ. Да будетъ же надъ нами ихъ благословеніе и молитва!

Отъ всей души обнимаю Васъ, и брата Вашего Даніила Г.,—и нашего любезнаго кіянина Назарія А.[1]) Любящій и уважающій Васъ Михаилъ Максимовичъ.

Если узрите тамъ, въ Петроградѣ, графиню А. Д. [2]), передайте ей мое живѣйшее воспоминаніе о ней,—въ нынѣшній день

---

[1]) Н. А. Ѳаворовъ.

[2]) Ант. Д. Блудова.

Въ началѣ мая я просилъ Н. П. Барсукова достать намъ для Кіева—должно быть любопытный *Дневникъ Эриха Лассоты*, бывшаго въ Кіевѣ 1592 года. Если видаетесь съ нимъ, т. е. съ библіотекаремъ синодальнымъ,—то попросите его вручить эту нѣмецкую книжицу Вамъ, коли она есть на лицо;—а если надо еще выписывать ее, то все таки пусть на имя Ваше онъ вышлетъ ее въ Кіевъ, а Вы придержите ее у себя, до нашего свиданія.—О статьѣ про *Зарубскій* монастырь не забудьте. Не отыщется ли въ синодальномъ архивѣ стариннаго списка Θеофановыхъ грамотъ Богоявленскому Братству?—А о грамотѣ п. Іереміи я не чаю: такъ увѣренъ, что ее не было.

Если встрѣчаете И. С. Сербиновича, - засвидѣтельствуйте ему мое незабытое къ нему почтеніе.

А нашему достопочтенному Владыкѣ кіевскому я повседневно кланяюсь мысленно, глядя на его фотографическій снимокъ, сдѣланный Кордышемъ.

До свиданія!

11 мая, 1870 г. Михайлова Гора.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Подъ конецъ только Петривки отвѣчаю Вамъ на письмо Ваше, адресованное ко мнѣ въ Петербургъ. Причиной сего не недостатокъ времени, котораго у меня здѣсь изобильно, не недостатокъ усердія, которое не охладѣло и на хладномъ сѣверѣ, а желаніе покончить здѣсь нѣкоторые разговоры о Вашихъ трудахъ на пользу общую. Самымъ усерднымъ почитателемъ Вашимъ сталъ Н. П. Барсуковъ и трубитъ вездѣ о несправедливости въ отношеніи къ Вашимъ заслугамъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Мухановъ уже докладывалъ о необходимости возвысить Вашъ пенсіонъ, но министръ народ. просвѣщенія указалъ на министра финансовъ. Съ Барсуковымъ перебрали мы разные способы и рѣшили покончить разговоръ нашъ у А. Ф. Бычкова, удостоившаго меня приглашеніемъ къ себѣ. Бычковъ весьма уважаетъ Ваши труды, желалъ бы сдѣлать что доброе для Васъ, но говоритъ—нужно придраться къ какому-либо случаю. Барсуковъ указалъ на приближающееся 50-лѣтіе Вашей литературн. дѣятельности, но при семъ добавилъ, что Вы полагаете ее не въ 1871, а въ 1873 году, т. е. считая начало не съ перевода, а съ своего произведенія перваго. Я предложилъ, что такъ какъ нельзя поступать противъ желанія и мнѣнія са-

мого юбиляра, ждать же 1873 года еще долгенько, то нельзя-ли interim дать будущему юбиляру кусочекъ земли, водворивъ его на кіевской землѣ, имъ обслѣдованной исторически. Бычковъ, совершенно соглашаясь съ этимъ, обѣщалъ осенью, когда соберутся сильные, подумать, чрезъ кого-бы сильнѣе предложить о семъ князю Дундукову. Жаль, что я едва захватилъ въ Петербургѣ графиню Антонину Дмитріевну. Съ ней можно было бы придумать что-нибудь скорѣе. Теперь она въ своемъ Острогѣ.

Дневникъ Лясоты Вы имѣете; пріобрѣлъ и я, увлекаясь желаніемъ узнать что-нибудь новое о святынѣ кіевской. О козачествѣ здѣсь довольно, но о Кіевѣ мало. Что же здѣсь новаго? Таинств. зеркало; башня-вежа, бывшая еще въ эти дни; гробница Ольги, гробница царской дочери (?), гробница Иліи Муромца... Въ гробѣ Ярослава лежитъ и его супруга (?) А извѣстно ли Вамъ, что гробница Ярослава была вскрывана въ 1820 году и находящееся въ ней не только видѣно, но и срисовано? Ѳ. Г. Солнцевъ имѣетъ рисунокъ.

Пожелаете знать, что мы подѣлываемъ въ своемъ Комитетѣ? Прибылъ я сюда 20 апрѣля, Комитетъ открылся 3-го мая, сдѣлали 6-ть засѣданій и 1-го іюня разъѣхались до 1-го сентября, образовавъ маленькій комитетецъ, вмѣсто 19 изъ 5-ти членовъ, для подготовки дѣла. Въ семъ комитетцѣ и я, а Назарій Антоновичъ ускакалъ въ Кіевъ 1-го іюня. Въ маломъ дѣло не дѣло, и ѣхать нельзя; между дѣлами только и хорошаго дѣлалъ, что съѣздилъ на Валаамъ по бурному Ладожскому озеру. Желалъ бы я хотя теперь уѣхать въ Кіевъ, заглянувши по пути въ Новгородъ, но кажется не придется; вѣрно— здѣсь лѣто и осень пройдутъ.

Барсуковъ рисуетъ Вамъ копію вида лавр. церкви съ Патерика Гизелева. Это тоже, что въ Тератургимѣ и у Гербинія, но крупнѣе, ибо Гизель сообщилъ этотъ рисунокъ Гербинію вмѣстѣ съ планомъ пещеръ.

Простите и наслаждайтесь благоухающей природой Малороссіи и благодатными струями Днѣпра. Богъ да хранитъ Васъ и Ваше семейство въ добромъ здоровьи.

Съ глубокимъ уваженіемъ Вамъ искренно преданный пр. П. Лебединцевъ.

28 іюня 1870 г. Петроградъ.

Тѣ хлопоты, которыя началъ П. Г. Лебединцевъ въ Петербургѣ объ улучшеніи матеріальнаго положенія М. А. Максимовича, стали служить теперь въ перепискѣ обоихъ корреспондентовъ одной изъ видныхъ темъ, что обнаруживается въ двухъ послѣдовательно написанныхъ Максимовичемъ письмахъ въ іюлѣ и августѣ.

29 іюля 1870 г. Мих. Гора.

На ваше Петербургское письмо, почтеннѣйшій и дорогой Петръ Гавриловичъ, отзываюсь нынѣ—сердечною благодарностью, что вы и тамъ продолжаете свою дружескую обо мнѣ заботу... Но знаете ли что?.. Мнѣ, примѣтно ослабѣвающему головой и тѣломъ на исходѣ 66-го года жизни, была бы полезна такая субсидія, которая не заботила бы меня собою и не отвлекала бы меня отъ привычныхъ и желанныхъ занятій книжнымъ дѣломъ. Вотъ, если бы можно было испросить для меня то, чѣмъ покойный Безакъ улучшилъ бытъ нашего предсѣдателя Временной Коммисіи, почтеннаго друга моего Ю. [1]), т. е. аренду. Но это несбыточно, особенно въ нынѣшнее время, когда поднялась на Западѣ заверюха военная. Что же касается до предполагаемаго вами мнѣ землевладѣнія на правой сторонѣ Днѣпра, то о немъ была уже рѣчь и въ исходѣ прошлаго года, и чуть-ли еще не другая, въ началѣ нынѣшняго, къ князю Донлукову,—и болѣе уже не должна быть повторяема ни отъ кого,—тѣмъ болѣе, что я передъ нашимъ *ласковымъ княземъ* кіевскимъ оказываюсь несостоятельнымъ человѣкомъ, взявшись за предложенное имъ дѣло, казавшееся какъ разъ по мнѣ, но превысившее мои одряхлѣвшія рабочія силы—и я ничего почти доселѣ не сдѣлалъ, хотя и не бѣгалъ отъ дѣла [2])... Истинно говорю, что порою бываютъ со мною такіе отливы жизненныхъ силъ, что, ложась послѣ вечерней молитвы на свою постель, думаю, ужъ не послѣдній ли день кончаю на этомъ свѣтѣ!—Но Господь даетъ еще мнѣ новые дни, а мнѣ хотѣлось бы проводить ихъ возможно спокойнѣе и безпечальнѣе, не удручая себя новыми тяготами житейскими. А предполагаемый надѣлъ меня участкомъ земли Кіевской съ обязательною за него выплатою, будетъ для меня непремѣнно тя-

[1]) М. В. Юзефовичъ.

[2]) См. объ этомъ выше въ примѣчаніи.

гостною обузою, безполезною и для самой земли Кіевской. Вѣдь я самъ не буду тамъ жить и хозяйничать;—моимъ участкомъ ея будутъ орудовать все тѣ же *олондари*, жиды или «безбожныи ляхове», и можетъ послѣ меня статься, что на выплату наслѣдники мои будутъ лишаться нѣкоторой части готоваго для нихъ моего пенсіона... Мнѣ становится уже не въ моготу попеченіе и иждивеніе даже и на мою Михайлову Гору, мною насажденную и устроенную на песчанистомъ пустырѣ; и не будь они родиною моего единороднаго сынка Алексѣйка,—я сбылъ бы ее съ своихъ плечъ для какой-нибудь хатки съ садикомъ въ Кіевѣ, чтобы въ ней дожить свой вѣкъ, на родинѣ моего рода, и тамъ написать давно желанную *книгу о Кіевѣ*.

Прошу васъ засвидѣтельствовать мое искреннее почтеніе и благодареніе Аѳанасію Ѳеодоровичу [1]) за его доброе ко мнѣ вниманіе и участіе,—и пересказать или даже прочесть ему вышеписанное нежела́ніе мое обратиться изъ мелкопомѣстнаго владѣльца Михайловой Горы золотоношскаго уѣзда—въ помѣщика или обывателя губерніи Кіевской.

Передайте мой поклонъ и Николаю Платоновичу [2]) и скажите ему, что если и была за мною нѣкоторая *заслуга* научная, то она слишкомъ уже вознаграждена мнѣ дипломами отъ многихъ ученыхъ обществъ, а, наконецъ, и отъ университета и отъ академіи Кіевской, удостоившихъ меня въ концѣ прошлаго года избраніемъ въ свои почетные члены.

Когда перемѣщусь въ Кіевъ, самъ еще не знаю. При посредствѣ П. А. Мухонова, графъ Дм. Андр. [3]) благоволилъ принять въ собственность Мин. Нар. Пр. мою *книгу Наума*, и еще 24 іюня получилъ я письмо его, что за то мнѣ опредѣлена съ Высочайшаго соизволенія *тысяча* рублей; и я въ тотъ же Ивановъ день отвѣчалъ благодарнымъ письмомъ Его Сіятельству; и на первые дни іюля, по страшной духотѣ и пыли, отправился въ Золотоношу, чтобы написать нотаріальный актъ на передачу М. Н. Пр. моихъ правъ на мою *книгу Наума*, и тотъ актъ 3-го іюля отправилъ директору Полтавскому, въ надеждѣ, что отъ него скоро пришлется Золотоношскому штатному смотрителю и ассигновка на оную тысячу. Но директоръ уѣхалъ изъ Полтавы:

---

[1]) А. Ѳ. Бычковъ.

[2]) Н. П. Барсуковъ.

[3]) Толстой, Мин. Нар. Просвѣщ.

смотрителя, какъ вчера мнѣ сказали, тоже нѣтъ на мѣстѣ... Ну, для чего, скажите, такая формалистика? Для чего эта лишняя инстанція—директоръ? Развѣ не могъ департаментъ послать ассигновки прямо золотоношскому смотрителю, предписавъ, чтобъ онъ сперва истребовалъ отъ меня нотаріальный документъ. Тогда бы еще 3 іюля я получилъ деньги и былъ бы давно въ Кіевѣ. А теперь опять надо ѣхать въ Золотоношу на 3-е августа за тою несчастною тысячею,—протомясь изъ-за нея цѣлый іюль... Вотъ это ужъ подлинно... Да можетъ быть и не найду тамъ ни смотрителя, ни ассигновки, и возвращусь на свою горемычную гору только съ пенсіономъ своимъ за іюль мѣсяцъ, съ 62 р., за вычетомъ на поѣздку и дневку; а здоровья то и спокойствія душевнаго опять убудетъ на столькоже, сколько убыло ихъ послѣ тѣхъ первыхъ дней іюля... Потому то и сказалъ я, что не знаю самъ еще, когда выберусь отсюда въ Кіевъ.

«За днями дни идутъ, идутъ—
Напрасно...»

Да и въ Кіевѣ то, я привыкъ уже, что, по переѣздѣ съ парохода въ гостинницу, тотчасъ отправляюсь къ вамъ на бесѣду, къ св. Софіи Кіевской.—А когда знаю теперь, что вы привитаете еще тамъ, на водахъ Невы,—если и успѣю хоть къ половинѣ августа достичь Богоспасаемаго града, мнѣ при видѣ его съ Днѣпра, придется сказать: «Благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи!» Мысленно обнимаю васъ—любящій и уважающій васъ М. Максимовичъ.

P. S. Что же вы не прислали мнѣ статьи Срезневскаго о монастырѣ *Зарубскомъ?* Мнѣ она очень нужна. Перечитавъ эти 5 страничекъ, мною вамъ сегодня написанныя, я попрошу васъ прочесть ихъ—и достопочтенному Аѳ. Ѳ., и достолюбезному Ник. Пл., да вѣдаютъ они, каково мнѣ, старому украинцу, живется здѣсь на Побережьи днѣпровскомъ; а въ дополненіе къ тому скажу великорусской пословицей: «Не корми меня тѣмъ, чего я не ѣмъ».

—

17 авг. 1870 г. Мих. Гора.

Въ концѣ іюля я писалъ къ вамъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ въ Питеръ,—но вчера вечеромъ вернулась изъ Кіева жена моя, отвезшая туда моего Алексѣйка, и сказала, что видѣла васъ слу-

жащаго въ Софійскомъ храмѣ... Привѣтствую возвращеніе ваше въ Богохранимый градъ! Имѣю надежду, что я прибуду туда въ первые дни сентября, ибо вчера получилъ отъ золотоношскаго штатнаго смотрителя увѣдомленіе, что полтавскій директоръ 8 августа, наконецъ, распорядился о переводѣ оной Наумовской суммы изъ Полтавы въ мой родимый городокъ... Туда и потрясусь я завтра или послѣзавтра, вѣроятно уже въ послѣдній разъ.

Гдѣ найду пріютъ себѣ въ Кіевѣ на зиму?.. Возвратится ли ко мнѣ головная сила и настроенность на писаніе и занятіе книжное?.. Какъ уладится тамъ въ эти дни принятіе въ первую гимназію моего возлюбленнаго Михайлогорскаго нéука, о которомъ что то сильно щемитъ у меня на сердцѣ?.. Какъ оставить тутъ жену на маленькомъ хозяйствѣ моемъ, при ненадежныхъ наемникахъ, повседневно смущающихъ мирное житіе наше своими неисправностями?.. Все это вопросы, бременящіе нынѣ мою утомленную, устарѣвшую голову, тогда именно, когда имъ надобны полное освобожденіе отъ тяготы и заботы житейской, чтобы прійти въ себя... Ахъ, когда бы уже скорѣе очутиться въ Кіевѣ, и тамъ отговѣться, ибо я здѣсь не говѣлъ еще въ нынѣшнемъ году и о томъ скорблю душевно.—Радъ буду обнять васъ въ первый день моего прибытія.

Душевно преданный вамъ М. Максимовичъ.

Заверщу это письмо четверостишіемъ, набѣжавшимъ въ письмѣ къ Погодину, озвавшемуся ко мнѣ по возвращеніи изъ Іерусалима:

Въ глуши томлюся я безлюдной,
Неся тяжелый мой яремъ,
И подвигъ жизни многотрудной
Кончается почти ничѣмъ.

Послѣ долгаго перерыва въ перепискѣ, отозвался въ декабрѣ мѣсяцѣ Лебединцевъ изъ Петербурга, но Максимовичъ еще раньше полученія этого письма, въ свою очередь, откликнулся къ нему изъ Кіева, гдѣ онъ проводилъ зиму, такъ что оба эти письма не составляютъ отвѣта одно на другое.

10 дек. 1870 года, Петроградъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ.

Часто здѣсь идетъ у меня бесѣда объ Васъ съ Николаемъ Пл. Барсуковымъ, но еще не обращалась она прямо къ Вамъ отъ меня

изъ столицы. Не припишите это моему разсѣянію въ столицѣ или забвенію о васъ. Николай Плат. такъ усердно пишетъ Вамъ о всемъ, что, при неимѣніи ничего особеннаго, я и не трогалъ своего гусинаго оружія. Но вѣсть прямая отъ Васъ все же ближе сердцу, да и я боюсь разучиться бесѣдовать съ Вами, когда мое пребываніе въ Петроградѣ такъ затягивается.

Мнѣ всего интереснѣе знать о Вашемъ здоровьѣ, такъ какъ по письмамъ Вашимъ Николаю Плат. оно не совсѣмъ удовлетворительно. 5-го дек. Васъ видѣли путешествующимъ по Кіеву, значитъ Вы стали ужъ крѣпче, хотя можетъ быть Вы сдѣлали и усиліе надъ собою, чтобы воздать послѣдній долгъ несчастному Александру Дмитричу [1]), кончившему свой мирный вѣкъ отъ руки злодѣя. Ужасно, когда и дома, среди семьи, нельзя быть безопаснымъ; ужасно, что это случилось надъ добрѣйшимъ человѣкомъ. Богъ да хранитъ всѣхъ насъ отъ подобной участи, къ прискорбію въ Петербургѣ составляющей нынѣ нерѣдкое явленіе.

Нововоспроизведенную книжицу Вашихъ писемъ о Кіевѣ видѣлъ я уже, хотя не совсѣмъ еще готовую къ выпуску въ свѣтъ,—коафюра не готова. Бумага и печать приличная—по столичному. Николай Пл. поусердствовалъ даже на особомъ листкѣ выставить мой адресъ предъ Вашими письмами ко мнѣ. Что дѣлать? не просить же, чтобъ вырвали. Пусть лучъ Вашъ отразится и на моей камилавкѣ... Николай Плат. не меньше усердствуетъ, знакомя меня съ порядочными людьми. 6-го дек. на именинахъ у него видѣлъ я 2-хъ Майковыхъ, редактора Зари—Страхова, проф. русск. исторіи—Замысловскаго, полковника Кропотова, и Вашего ученика Гордѣева. Хочетъ познакомить меня съ Савваитовымъ и даже Мухановымъ. Съ графомъ Уваровымъ познакомился я для Малышевскаго и принятъ имъ весьма благосклонно. Между прочимъ онъ спросилъ, какъ я нахожу описаніе Кіева—Закревскаго. Забывши, что это Уваровское изданіе, я отвѣчалъ—«да—это порядочный сборникъ». Затѣмъ онъ еще упомянулъ, что Вы—М. А. нападаете очень на Закревскаго. Графъ интересовался знать о Вашихъ нынѣшнихъ занятіяхъ, Вашихъ лѣтахъ, Вашемъ здоровьѣ, Вашемъ мѣстопребываніи. Предлагалъ мнѣ и такой вопросъ—нельзя ли устроить въ Кіевѣ Археолог. общество. Я

---

[1]) А. Д. Иванишевъ, братъ профессора, былъ убитъ своимъ слугой.

затруднялся дать какой-нибудь отвѣтъ опредѣленный отъ себя, упомянувши только, что это была мысль Ваша и покойнаго Иннокентія. Графъ сидитъ въ квартирѣ страдая рожей. Такъ какъ у него рожа, то о впечатлѣніи его лица лучше умолчать; но человѣкъ простой и весьма пріятный. Просилъ вечеромъ къ себѣ. Скажите Ваше слово о Кіевск. Археолог. обществѣ, и я отправлюсь передать его графу.

Изданіе св. Софіи Кіевской подготовляется, а планами Маевскаго весьма доволенъ кн. Гагаринъ. Въ Вѣстникѣ Европы помѣщенную статью Пыпина: «Умственное движеніе въ Россіи при Александрѣ І-мъ» заарестовали было, но дѣло окончилось вырѣзкой конституціи декабристовъ, позаимствованной изъ какого то аглицкаго изданія; нарушенный счетъ страницъ дополнили кое-чѣмъ о нѣмецкихъ конституціяхъ.

Иванъ Игн. Малышевскій читалъ у васъ Вашу статью, приготовленную для Кіев. Епарх. Вѣдомостей, но о чемъ—не прописалъ. Приношу глубокую благодарность за вашу память о сиротствующей редакціи нашей.

Съ Н. Плат. Барсуковымъ, читая корректуру Рус. Старины, я упомянулъ о имѣющихся у Васъ письмахъ Надеждина, Хомякова и другихъ под. лицъ, въ которыхъ заключается немалый историко-литературный интересъ. Барсуковъ увѣрялъ меня, что Бартеневъ—его родственникъ—весьма радъ былъ бы этому матеріалу и напечаталъ бы его съ выдачей вознагражденія, а Николай Платонычъ принялъ бы на себя весьма охотно трудъ переписать какъ письма для печати, такъ и возможныя Ваши къ нимъ примѣчанія. Передаю нашъ разговоръ на Ваше усмотрѣніе, и душевно желая Вамъ встрѣтить праздникъ Рожд. Христова въ добромъ здоровьѣ, остаюсь съ всегдашнимъ глубокимъ уваженіемъ, искренно преданный Вамъ П. Лебединцевъ.

Завчера вспоминали о Васъ у графини Антонины Дмитріевны Она приготовила краткую статью—о князьяхъ Острожскихъ; нынѣ готовитъ пространную, да не знаетъ, гдѣ найти статью Дубровскаго о князьяхъ Острожскихъ.

—

1870 г. 13 дек. Кіевъ.

Давно сбираюсь озваться къ Вамъ непосредственно, дражайшій Петръ Гавриловичъ,—и вотъ сегодня такъ свѣтло свѣтитъ съ самаго утра солнце, повернувшее вчера *на лѣто*, что и у меня на душѣ посвѣтлѣло,—и я поспѣшаю въ эти часы сказать Вамъ мой душевный

привѣтъ и сердечное желаніе—здравія, благоуспѣянія въ дѣлахъ и подвигахъ—тамъ на царственномъ сѣверѣ! Но сѣверъ и климатически надвигается съ каждымъ годомъ сильнѣе на кіевскую землю. Здѣсь, и особенно съ 7 декабря морозы, и мятели, и преизобильные снѣга, наперерывъ соревнуя другъ другу, напоминаютъ мнѣ живо хуртовину, въ концѣ 1837 года бывшую, и заставляютъ меня ожидать, что будетъ и нынѣ, какъ тогда, хоть и не великое землетрясеніе, а что будетъ великая вода въ Днѣпрѣ на весну, то уже почти навѣрное сказать можно.

Съ 7-го декабря началось и для меня извѣстное вамъ зимнее мое заточеніе. Правду сказать, и до того дня не велики были мои ходы по Кіеву, не далѣе Коломійскаго дома [1]) въ одинъ конецъ, и 1-й гимназіи въ другой; послѣ 15 сентября не поднимался на Печерскъ; а на Подолъ спускался 5 дек., по извѣстному случаю съ несчастнымъ братомъ Иванишева,—гдѣ увидалъ, наконецъ, и Назарія А., невидѣннаго мною съ прошлогодняго юбилея. Но зимнее отшельничество мнѣ уже давно привычно; а то необычайно мнѣ, что четвертый мѣсяцъ уже я въ Кіевѣ, а не пришла еще бывалая охота и способность писать—ни о Кіевѣ, ни о Юго-западномъ краѣ. Что это за планида нашла на меня въ 1870 году, самъ не знаю, и боюсь разгадывать... Останавливаюсь чаще на той мысли, что въ 47 лѣтъ моей сочинительской дѣятельности, проходившей въ частыхъ недугахъ и постоянной скудости, и премногихъ неудовлетвореніяхъ душевныхъ и житейскихъ, я пришелъ въ изнеможеніе рабочихъ силъ умственныхъ и тѣлесныхъ. Боюсь насиловать себя на 67 году, хотя и не лишаю себя упованія, что еще не пришелъ конецъ,—что съ новымъ годомъ прійдетъ еще былое настроеніе, при новыхъ условіяхъ жизни... А теперь они не завидные: что-бъ было чѣмъ зимовать мнѣ здѣсь, а женѣ на Михайловой Горѣ, я продалъ мой послѣдній дворъ, въ Прохоровкѣ, за 400 р. жиду Аарону; ибо пансіономъ моимъ теперь уже не пропитаешься; половина его уходитъ на наемъ и содержаніе служителей и работниковъ Михайлогорскихъ; а всего-то пенсіона 2 р. въ сутки!—Жаль мнѣ разстаться съ Михайловой Горой, моимъ теплымъ гнѣздомъ, гдѣ ожилъ я послѣ отставки на новое, богоданное тридцатилѣтіе жизни;

[1]) Домъ Коломійцевыхъ былъ на углу Крещатика и Бибик. бульвара, а Максимовичъ въ ту зиму квартировалъ по сосѣдству съ этимъ домомъ.

но и тамъ уже такъ трудно и скудно стало жить мнѣ, что горе, да и только. Кіевское житье не пріютно для ослабѣвшаго старика, готоваго сказать, наконецъ: не покидать было Москвы и ботаническаго сада за Сухаревой башней, когда и Уваровъ не хотѣлъ тебя изъ нея выпустить (не давъ ни подъемныхъ, ни даже прогонныхъ до Кіева)! Но видно была воля Божія, чтобы вторая половина жизни моей посвящена была родинѣ моего рода, Кіеву,—и я пеняю себя каждый разъ, когда срывается съ языка или пера сожалѣніе, что промѣнялъ Москву на Кіевъ... Но я запѣлъ варіацію на извѣстную вамъ старую пѣсню. Лучше вотъ-что скажу. Въ концѣ прошлаго мѣсяца, во исполненіе Вашего желанія, переданнаго мнѣ Пономаревымъ, настрочилъ я статейку для К. Еп Вѣд.; то была проба пера и чернила, какова въ нихъ сила [1]). Между тѣмъ, пока вы въ Питерѣ, потрудитесь, черезъ гг. Григоровича и Барсукова навести справку, нѣтъ ли въ синодальномъ архивѣ извѣстія Кіевскаго отъ Рафаила Заборовскаго о достопамятномъ двухнедѣльномъ пребываніи здѣсь Елисаветы Петровны, 1744 г. Вѣдь неизвѣстно намъ тѣхъ дней, напр.—какого числа сентября заложила она ц. Андрея Первозваннаго? Вы много обяжете меня, если добудете въ Питерѣ точныя извѣстія о томъ времени, недостающія для вѣрнаго и обстоятельнаго Кіевоописанія. Господь да хранитъ васъ всюду и выну!

Преданный Вамъ М. Максимовичъ.

Кланяюсь дружески Данилу Г.

Къ концу года, по обычаю, Максимовичъ послалъ своему корресподенту привѣтственное письмо, и даже не одно, а цѣлыхъ два, на разстояніи всего 4-хъ дней одно отъ другого, при чемъ второе затрогиваетъ интересный вопросъ объ основаніи въ Кіевѣ *Историческаго Общества*, о чемъ болѣе подробно будетъ идти рѣчь въ перепискѣ дальнѣйшей.

27 дек. 1870 г. Кіевъ.

На прощанье съ этимъ кончающимся уже годомъ, пишу мой святочный привѣтъ Вамъ, вѣчно тотъ же для меня Петръ Гаврило-

---

[1]) Вѣроятно, статья эта—извѣстіе о книгѣ „Благоутробіе Марка Аврелія“ (Кіевск. Епарх. Вѣд. 1871 г., № 1).

вичъ, съ наступающимъ Новымъ Годомъ,—и сердечно желаю, что бы онъ былъ намъ хорошій и погожій!

Благодарю Васъ за Ваше достолюбезное письмо, дней за двѣнадцать мною полученное... Гдѣ то на чугункѣ разъѣхалось оно съ моимъ къ Вамъ писаніемъ?—Мы сочувственно, какъ вижу, другъ другу сказались, по пословицѣ русской: сердце сердцу вѣсть даетъ!

Первый нумеръ Еп. Вѣдом. Вамъ засвидѣтельствуетъ о моемъ участіи въ нихъ; а пока дойдетъ онъ къ Вамъ, посылаю корректурный отрывокъ, который прошу передать Николаю Платоновичу [1]), въ его собраніе автографовъ. Хорошо, что я написалъ статейку еще нечитавши Карповской книжки, а то мое *Извѣстіе* обратилось бы грозно на эту возмутившую меня докторскую свинорыю,—и вышло бы изъ того длинное, но непріятное писаніе. Костомаровское научное франтовство и Кулишовское себѣ-на-умѣ литературное сумасбродство нашли таки себѣ созвучіе въ хрюканьѣ харьковскаго доцента, возлоеннаго щекотомъ московскаго Соловья-историка, о которомъ Погодинъ молвилъ справедливое словцо, что у него прошедшая жизнь русская представляется вверхъ ногамы. Это особенно вѣрно и мѣтко сказано относительно нашей родимой Украины козацкой.—Но, оставляя въ сторонѣ всѣ эти разномыслія, разногласія научныя и литературныя,—оставляя позади себя все бывшее доселѣ, я съ надеждою на лучшее, впереди намъ предстоящее, обнимаю Васъ дружески, дорогой Петръ Гавриловичъ, цѣлую мысленно десницу Вашу протопресвитерскую, яко же и наяву бывало не единожды, и остаюсь навсегда неизмѣнно преданный Вамъ—старый украинецъ Михайло Максимовичъ.

—

31 дек. 1870 г. Кіевъ.

На отданіе праздника Р. Х.,—на встрѣчу Новаго Года и прощанье съ 70-мъ,—мнѣ пожелалось еще разъ отозваться къ Вамъ, многоуважаемый Петръ Гавриловичъ,—да вспомянется Вамъ, тамъ на Невѣ, наша поднѣпровская сегодняшняя *щедривка:*

Щедрый вечôръ, добрый вечôръ,
Добрымъ людямъ на здоровье!

И Богъ велѣлъ бы, кажется, быть *историческому Обществу* въ древнемъ Кіевѣ... И почему бы, сдается мнѣ, не состояться ему

[1]) Барсукову.

хоть въ *1871* году! Именно: «Кіевскому Обществу Исторіи и древностей Славянорусскихъ,—какъ начертано было за тридцать лѣтъ рукою Иннокентія?..

Пусть-бы графъ Уваровъ переговорилъ объ этомъ съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, яко двигателемъ Кіева... Вѣдь состоящая при немъ Временная коммиссія, съ ея предсѣдателемъ Юзефовичемъ, есть все-таки *временная*. Мнѣ же приходитъ на мысль, что въ Кіевѣ Историческому Обществу, и при существованіи оной Коммиссіи, подобало бы состояться, подобно Московскимъ обществамъ—*при университетѣ св. Владиміра*, гдѣ есть уже и музей древностей, и неисчерпаемый центральный Архивъ, и даже особая сумма на открытіе древностей... А потому, если нашему ласковому князю Кіевскому не будетъ противна мысль объ основаніи Общества,—тогда гр. Уварову слѣдовало бы замолвить объ этомъ свое слово графу Дм. Анд. Толстому и запросить письменно здѣшняго попечителя,—такъ какъ и во время оно бывшій комитетъ древностей, по мысли стараго Уварова, состоялъ подъ предсѣдательствомъ Попечителя,—и состояніе предполагаемаго при *Университетѣ* Общества не можетъ обойти попечителя, также какъ бытіе его въ *Кіевѣ* не можетъ сбыться безъ начальника края. Такъ мнѣ представляются нынѣ первоначальные ходы къ исполненію мысли о *Кіевскомъ ученомъ Обществѣ*. Но я вѣдь устарѣлый, запоздалый въ мірѣ отшельникъ, и Вамъ виднѣе тамъ и оттолѣ, какъ бы лучше дать первый шагъ къ осуществленію этой счастливой и для меня завѣтной мысли... Я увѣренъ, что *Общество* можетъ состояться, разумѣется не подчиненное, но лишь прикосновенное къ попечителю, и въ дѣйствіяхъ своихъ самостоятельное, подобно прежнимъ и новому въ Москвѣ, при университетѣ обрѣтающимся. Дѣятели найдутся изъ новаго поколѣнія въ академіи и университетѣ,—отчасти и изъ прежняго (наприм. Иванишевъ, здоровый еще какъ быкъ,—но какъ вицепредсѣдатель вр. ком. совершенно чуждающійся ее, по нелюбію своему къ предсѣдателю, о немъ-же не лѣть глаголати намъ съ Вами). Починайте рѣчь объ этомъ съ гр. Алексѣемъ Сергѣевичемъ: авось словеса Ваша обратятся въ дѣлеса! Обрадованный тѣмъ, могъ бы и я тогда,—съ боку припёка,—тряхнуть стариной по-стариковски, какъ въ пѣсняхъ нашихъ поютъ: «по-тыхéсеньку, по-малéсеньку»... Приходитъ мнѣ на память старичишка Берлинскій,—котораго два аттестата теперь у меня передъ очами: одинъ, данный ему 22-лѣтнему, *1786* года, за подписомъ академіи Кіевской ректора

архимандрита *Варлаама Мисловскаго*; другой,—данный 7 марта *1835* года, на которомъ подписался «Ректоръ Михаилъ Максимовичъ». Этотъ бывшій ректоръ вспомянулъ стараго Максима въ Москвѣ, въ началѣ 1850 года, въ засѣданіи Московскаго общ. Ист. и древн. россійскихъ, бывшемъ въ домѣ Черткова и подъ его предсѣдательствомъ [1]). А послѣ того засѣданія, былъ у него въ залѣ вечеръ, гдѣ находился и Гоголь,—и гдѣ я познакомился съ Чертковой, урожденной графиней Чернышевой, оригинальной женщиной, одѣтой по-черкески, съ кинжаломъ за кожанымъ поясомъ... И рекомендована она въ знакомство мнѣ, какъ другу Гоголя... Но все это, съ сотнями подобныхъ былей моей жизни, исчезаетъ яко дымъ,—

«Какъ обманъ, какъ упоенье,
Какъ прелестный призракъ сна»—

говоря стихами кн. П. Андр. Вяземскаго.

Сегодня я, какъ и вчера, сижу себѣ одинъ съ Алексѣйкомъ моимъ, не зная еще, прибудетъ ли съ Михайловой Горы мое подружіе... Прощайте!

Сообщ. **В. Науменко.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Статья Максимовича „Поминка о Берлинскомъ“ напечатана во „Временникѣ“ 1850 г. кн. 5-я.

БАТЬКИВЩЫНА.

I.

Нашого товарыша Опанаса Морымуху прозвалы мы ще въ гимназіи Батькивщыною,—не на честь популярнои газеты «Батьковщыны», яка тоди ще не выходыла, а зъ иншои прычыны. Винъ мавъ звычай, колы говорывъ про своёго батька, называты ёго «батькивщыною»; такъ само матирь по-за очи называвъ «матерызною», «стрыйка», «стрыйщыною», и загаломъ любывъ жартомъ перекручуваты, або якъ винъ говорывъ, «пидплишуваты» мову. Винъ степенувавъ: добрый, липшый и липшыйшый; сылкувався напысаты цыфрамы чысло кильканадцять, мицно обстоювавъ за чысленямъ днивъ назадъ: нынн, вчора, позавчора, якось, позаякось; боровся зъ учытелямы за рижныцю мижъ словомъ повитря, яке вважавъ ривнозначнымъ зъ нимецькымъ die Pest—чума, и «повитря», що мало значыты die Luft,—однымъ словомъ, бувъ незвычайный майстеръ видъ языка. Винъ одынъ у цилій нашій гимназіи вмивъ не тильки говорыты по бойкивськы, зъ бойкивськымы словамы, формамы и акцентомъ, але знавъ характерни нюансы говору, майже кождого села въ околыци Дрогобыча. Винъ прынисъ и пустывъ у курсъ таки діялектольогични перлы мазурського говору зъ Рихтычъ, якъ «zaprzy dźwirze», що мало значыты «запры двери и «wyżeni imienie na zagumienie», що мало значыты «выжены худобу («иминя» въ пидгирськимъ дія-

лекти) на пасовысько». Винъ бувъ добрый ученыкъ и добрый товарышъ, загально любленый за-для своёго доброго гумору, дару удавання ріжныхъ голосивъ та висловивъ, та незличенои сылы прыказокъ та дрибныхъ оповидань и анекдотивъ, якы̆мы въ хвыляхъ веселосты щедро пересыпувавъ свою мову.

Его батько, старый Морымуха, бувъ, якъ казалы, заможный селянынъ изъ Колодрубъ, невелычкого паддныстрянського села. У насъ тамошнихъ селянъ называють «заболотеямы», бо воны жывуть на ривныни, яку часто залывае Днистеръ, середъ багонъ та болотъ, а на дорогахъ, яки ведуть черезъ ихъ села, болото, якъ кажуть, не высыхае николы. «У насъ болото святеньке, —говорывъ було Опанасъ,—якъ розчынять зъ одною паскою, то кысне ся до другои». «Заболотеи» вызначаются й своимъ строемъ: не носять гунь, ани суконныхъ свытъ, тильки довги, майже до самои землы, полотнянкы.

— У насъ якъ котрый сватъ выросте высокый,—говорывъ було Опанасъ,—а въ стани тонкый, а олягне таку полотнянку, а въ половыни перепереже вузкымъ реминцемъ, а зигнется въ двое, вытягаючы ногы зъ болота, то выглядае зовсимъ такъ, якъ ципъ: ципивно хтось держыть у руци, а быленъ кинцемъ загрузъ у болоти.

— А чы правда то, що въ васъ ти полотнянкы перуть якъ на Панталыма, то ажъ зновъ на Панталыма?—пытаемо було жартуючы.

— Не правда!—зъ комичнымъ обуренням видповидае Опанасъ.—У насъ нихто не бачывъ, щобъ полотнянкы пралы. Носыть доты, докы ныжній кинець не обигные зъ болота. Тоди на колодку, видмирыть пьядь—тай сокирою цюкъ-цюкъ! И полотнянка йде на когось меншого замись новои, а бильшый дистае нову. И такъ іи все направляють, докы зъ полотнянкы не зробытся лейбыкъ. Сей дистае найстарша бабенція, що сыдыть за комыномъ и ключя пряде.

Мы бувало бокы зрываемо, регочучысь изъ тыхъ Опанасовыхъ выгадокъ, а Опанасъ байдуже соби—и не скрывытся, мовъ щырисиньку правду говорыть. Яки булы видносыны Опанаса до

батька й матеры, мы якось не моглы змиркуваты. Правда, винъ по-за очи называвъ ихъ жартуючы «батькивщына» та «материзна»; але николы мы не чулы, щобъ винъ справди кпывъ изъ ныхъ, або нарикавъ на ныхъ. Тильки зъ боку зналы мы, що старый Морымуха бувъ чоловикъ заможный, але дуже скупый. У нёго не було бильше дитей: Опанасъ бувъ одынакъ. Морымуха давъ ёго до гимназіи тильки наслидкомъ зусыльного намагання священныка та вчытеля, але сылкувався надгородыты соби ту шкоду не лыше тымъ, що вышукувавъ ёму якъ найдешевшу й найпоганійшу кватыру, прывозывъ ёму скупо сухого хлиба та бульбы, або ячминныхъ крупъ безъ омасты, але навить пизнійше, колы Опанасъ зароблявъ соби прыватнымы лекціямы на пару гульденивъ у мисяць, не соромывся що-понедилка выпрошуваты у нёго на пару «дудкивъ», то на тютюнъ для себе, то на пачку солы, то на обаринкы для вуйчаныкивъ та титчаныкивъ дома. И Опанасъ дававъ, а для малыхъ вуйчаныкивъ та титчаныкивъ и самъ купувавъ то калачи, то цукеркы, то дешеви забавкы та передававъ до-дому.

Разъ тильки вытяглы мы въ нашого Опанаса невелычке оповидання про ёго батька, тай то треба було ёго видъ нёго, якъ то кажуть, клищамы вытягаты. То такъ було. Одного понедилка старый Морымуха чомусь не мигъ прыйихаты до Дрогобыча и передавъ цилотыжневый провіантъ для сына черезъ якогось сусида, розповившы ёму, де й якъ мае шукаты сыновои кватыры. Прыходыть сватокъ до насъ на кватыру зъ кобелею [1]) въ руци тай пытае кризь викно:

— А чы тутъ Каганцивъ Панаско?

Мы попрыходылы зи школы, а Опанаса ще не було:

— Каганцивъ?—перепытуемо.—Тутъ жыве Опанаско, але не Каганець, тильки Морымуха.

— Ну, та той, той, той самъ. У насъ ёго называють Каганець.

— Ба, та чому? Черезъ що?—пытаемо мы зацикавлени.

---

[1]) Кошель, плетеный зъ рогожи.

— Э, та то ба довго повидаты, а мени нема колы. Отъ, каже, тутъ ёму тато футрашъ [1]) передавъ. Выберить изъ кобели, бо кобеля моя.

— Та розповижте бо, чому старого Морымуху называють Каганцемъ?—налягаемо мы.

Але сусидъ уже взявъ кобелю, натыснувъ стару соломьяну крысаню на потылыцю, тай, обертаючыся йты геть, каже:

— Пытайте Панаска,—винъ вамъ скаже, а я не маю колы.

Тай пишовъ. А колы Опанасъ прыйшовъ зи школы, мы заразъ до нёго, якъ псы до дида на перелази:

— Чому твого старого называють Каганцемъ?

— А вы видкы се знаете?

— Та бувъ тутъ вашъ сусидъ, прынисъ тоби «футрашъ», то пытавъ, чы тутъ Каганцивъ Панаско?

— Ну, то було ёго пытаты, видкы мого батькивщыну прозвалы Каганцемъ.

— Мы пыталы. Винъ веливъ запытаты тебе.

— Эй, дайте мени спокій!.. Я такый голодный, якъ колы-бъ у мни дно выпало, а вамъ чортъ зна чого захочуется.

— И мы голодни. Та покы обидъ буде—говоры.

— Говорить вы, я послухаю.

— Ни, заразъ кажы, чому твого батькивщыну прозвалы Каганцемъ?

— Та чому?—нерадо мовывъ Опанасъ. То колядныкы збыточныкы. Прыйшлы колядуваты пидъ наши викна, а тато не мавъ дрибныхъ.

— А може не хотивъ даты?—втрутывъ хтось.

— А може й не хотивъ,—згодывся Опанасъ.—Досыть, уставъ зъ лавы тай стукае до викна, нибы-то не треба. А колядныкы крычать: «Татусю, тожъ то Риздво Хрыстове, разъ у рикъ свято! Годытся колядныкивъ прыйматы». А тато каже: «вже булы трои».

---

[1]) Пожыву.

— А то певно неправда була?—втрутывъ зновъ хтось зъ боку.

— Та може й неправда. Або я знаю!—згодывся Опанасъ.— А колядныкы не хочуть уступытыся. А тато до ныхъ: «А будете колядуваты за каганець вивса?» Якъ почулы колядныкы таку цину, то зразу въ смихъ, потимъ помуркотилы щось помижъ собою, а потимъ крыкнулы: будемо!—тай заколядувалы.

Опанасъ урвавъ, мовъ наразъ похопывшыся, що задалеко забигъ у своимъ оповиданню.

— Ну, якъ заколядувалы?—пытаемо.

— Або я знаю,—каже якось несмило Опанасъ.

— Знаешъ, знаешъ!—крычымо.—По носи тоби выдно, що брешешъ! Заразъ говоры, якъ заколядувалы?

— Але вы будете зъ мене кпыты.

— Ни, слово честы, що не будемо.

— Або зъ моеи батькивщыны.

— Ни, ни, говоры смило!

— Та якъ заколядувалы! Тамъ мижъ нымы бувъ такый цупкый на выгадкы, такъ той затягнувъ, а вси за нымъ, та такъ мовъ сокырою рубають:

Богъ предвичный народывся,
Прыйшовъ днесь со небесъ,
Морымуха такъ якъ песъ
Розвередывся.
  Тріе цары идуть со дары;
  Парубкы, спивакы́,
  Разъ у рикъ колядникы́
  Колядувалы.
Тріе цари, де вы йдете?
Тай идить дали въ свитъ,
Бо у мене грошей нитъ,
Дармо ревете.
  Звизда ясна объявылася...
  А я вамъ хыба дамъ
  За колядку спивакамъ
  Каганець вивса.

Слава Богу, вже и писни конець!
Намъ овесъ, а ты песъ,
Та вже будешъ викъ весь
И самъ Каганець.

Ну, але вже колядныкы не дожыдалы того вивса. Выбиглы до ныхъ татуню зъ палыцею, а воны лышъ по за хату злопотилы, якъ кони. И ще тои самои ночы нова колядка пишла скризь по селу, и видтоди татуня прозвалы Каганцемъ. Уже воны до попа и до війта на скаргу ходылы, та що зъ того, ще ихъ паганьбылы, а того, що имъ прылипылы зли языкы, вже до смерти ніяка людська сыла имъ не видійме..

Опанасъ розговорывся, та колы скинчывъ и замовкъ,мы моглы змиркуваты, що ёму й самому не мыло було, що такъ розбалакався. Кильки день потимъ винъ бувъ якійсь квасный та незадоволеный и на всяки пытання видповидавъ нерадо, просто кажучы, видбуркувався. Такъ и выдно було, що самъ соби вразывъ якесь болюче мисце и не мигъ дарuваты соби того. Була у нёго якась тыха амбиція що разъ ображена сгорожувалася мовчанкою, особлыво колы та враза доторкала ёго улюбленои «батькивщыны».

Зъ часомъ я переконався одначе, що назвою «батькивщына» винъ обіймавъ не такъ своихъ родычивъ та своякивъ, якъ радше щось неособове, хочь не можно сказаты, щобъ абстрактне. Я мавъ нагоду разъ, пидчасъ вакацій, загостыты до нёго до-дому. Писля моёго ридного Пидгирья ёго ридне село, положене на болотыстій Днистровій долыни, середъ лозъ та очеретивъ, выдалося мени страшенно нецикавымъ та одноманитнымъ. Ызеньки хаты, ызеньки плоты, коряви вербы, чорни вильхы по-надъ берегамы грузькыхъ ричокъ, и ривныпа-ривнына, поперетынана бездоннымы болотамы, стругамы, та охабамы, все те якось давыло мою душу, навивало сумъ и нудоту. А мій Опанасъ бигавъ по тій сумній околыци ожывленый, веселый, счаслывый, що я й пизнаты не мигъ того тыхого, мало говиркого та задуманого хлопця, якымъ винъ бувъ у Дрогобычи. Винъ увесь день тягавъ мене по вбогимъ садку довкола своеи батькивськои хаты, оповидавъ мени

исторію кождого дерева, кождого корчыка, кождого ривчака и кождои кладкы. Винъ знавъ кожду стежку на непереглядній наддністрянськӣй синожати, кожду баюрку и кождый закрутъ рикы, знавъ, у якимъ очерети гниздятся дыки качкы, а де можно знайты достыгли ягоды смородыны. Кожду грушку на межи, кождый корчъ жостели середъ терныны надъ ричкою, кождый кытяхъ калыновыхъ ягидъ, навыслый надъ водою, и кожду темнобагрову «павку» на очерети винъ вытавъ радиснымы окрыкамы, якъ старыхъ знаёмыхъ. И всюды винъ умивъ щось цикаве оповисты, зъ кождою дрибныцею вьязався якыйсь моментъ ёго жыття. «Оттутъ мы тои а тои осены зловылы журавля на ничлизи». «Оттутъ моя батькивщына торикъ чепыла велычезного щупака: жыдъ у коршми не торгуючыся давъ два папиркы. «Оттуда треба йты навпростець до Лукы»... «Оттутъ мени разъ трапылося те й те». Винъ не вгававъ весь часъ моёго побуту, бувъ невтомный, бигаючы зо мною скризь и оповидаючы про все, а все було цикаве-прецикаве для нёго. Сей мій невелычкый побутъ у ёго сели давъ мени ключъ до розуминня ёго вдачы, ёго тыхои и глыбокои прыстрасты, що була, можно сказаты, папуючою нотою ёго жыття. Я ще николы не бачывъ хлопця, щобъ такъ гаряче любывъ свій ридный кутокъ, такъ зжывся зъ нымъ и весь жывъ у нимъ, и мене дывувало тоди лышъ одно: якъ можно було такъ усею душею прывьязатыся до такого мизерного, сумного, однотонного та ничымъ невызначного мисця, якъ ота ёго славетна «батькивщына».

II.

Я пишовъ на университетъ двома рокамы швыдше видъ Опанаса Морымухы, тай потимъ якось не зійшовся зъ нымъ блыжче. Я знавъ лышъ, що винъ здавъ матуру [1]), на жадання своёго батька запысався до духовнои семинаріи, хочъ не почувавъ у соби ніякисинькои охоты до духовного стану, та швыдко якось

---

[1]) Испытъ до зрилосты.

выступывъ изъ семинаріи та перепысався на философію. Якось по роци я довидався прыпадково, що обое стари Марымухы померлы, такъ що Опанасъ лышывся одынокымъ спадкоемцемъ [1]) своеи батькивщыны. Швыдко потимъ я зовсимъ стратывъ зъ очей Опанаса. Винъ якось счезъ зи Львова, и нихто зъ ёго блызшыхъ знаёмыхъ, у кого я перепытувавъ за нымъ, не мигъ сказаты мени ничого про те, куды винъ подився. Въ першій хвыли я подумавъ було, що винъ покынувъ университетъ, до якого ёго ничогисинько не тягло, и пишовъ на село на батькивське господарство. Я вже збырався «на хыбывъ-трапывъ» напысаты ёму лыстъ и поздоровыты ёго зъ улюбленымъ сильскымъ жыттямъ, колы одного разу здыбавъ у Львови килькохъ селянъ изъ того села и почавъ розпытуваты ихъ про Опанаса. Воны зразу не розумилы, про кого я пытаю, а дали одынъ догадлывійшый гукнувъ:

— А, се вы про Панаска! Про Каганцёвого Панаска! Ого, зійшовъ нашъ Панаско на псы!

— Э, ни, куме,—перебывъ ёму другый.—Не ладно такъ казаты. Хто ще знае, що зъ нымъ сталося. Я гадаю, що винъ подався на пана.

— Якъ же се такъ?—запытавъ я.—Одынъ каже, що зійшовъ на псы, а другый, що подався на пана?

— Та то на одно выйде,—мовывъ першый селянынъ, очевыдно бильше жартлывои вдачы.—Бачыте, скоро вмеръ старый Каганець, Панаско прыйихавъ, и абы вамъ слово сказавъ кому, порадывся чы що, а винъ просто до жыда, тай бухъ!—продавъ всю свою батькивщыну.

— Тай ще якъ продавъ! За пивъ-дарма! Такъ якъ бы хотивъ зъ рукъ позбутыся!—зъ жалемъ крыкнувъ другый.

— Се правда. Якъ бы бувъ до насъ обизвався, мы булы бъ ёму далы безъ торгу десять тысячъ. Бо тамъ, пане, маеткы булы! А жыдъ за пьять тысячъ узявъ. А скоро гроши въ жменю, нашъ

---

[1]) Наслидныкомъ.

Панаско сивъ на ту саму жыдивську таратайку, якою прыйихавъ, тай дмухнувъ изъ села.

— Наши люде ажъ тоди довидалыся про ёго вчынокъ, якъ выйиздывъ. У сели крыкъ зчынывся. Повыбигалы зъ хатъ бабы, чоловикы, кленуть Панаска, гукають за нымъ: «Юда, Юда! Батькивщыну продавъ!» Дали молодши за грудкы, за каминци, давай шпурляты за нымъ, та все крычать: «Юда! Юда!» А стара Безкрылыха выскочыла зи свого обійстя, стала середъ дорогы передъ ёго фурою та крычыть: «Панаску! Йидешъ уже? Та чекай, иды на цвынтаръ, велы видкопаты тата та покласты по людськы, бо винъ у гроби перевернувся!» Але фурманъ-жыдъ штовхнувъ стару дышлемъ у груды, перевернувъ у снигъ, бо то зимою діялося, тай погнавъ свитамы. И видтоди вже мы не бачылы Панаска и не чулы, що сталося зъ нымъ.

— Та вже певно, що добра ёму не буде!—задумано мовывъ другый селянынъ.—Дежъ бы Панъ Бигъ мигъ благословыты такого чоловика!

Отся видомисть була для мене такою несподиванкою, що довго я по просту не мигъ отямытыся. Якъ то,—думалось мени,—той Опанасъ, що, бачылось, такъ усимъ серцемъ и всею душею прылынъ бувъ до своеи батькивщыны, жывъ у ній думкамы и жывъ нею,—винъ мавъ бы ни зъ сёго ни зъ того продаты іи, тай ще жыдови! Видомисть була неправдоподибна, дыка, та проте сумниватыся про іи правдывисть не було ніякои можносты. Я пробувавъ вдумуватыся въ ёго мотывы, та не мигъ ничого прыдуматы. Вчынокъ Опанаса бувъ для мене загадкою, надъ якои розвьязаннямъ я мучывся досыть довго, та не догадавшыся ничого, покынувъ думаты, хочъ у глыбыни души якось не важывся зъ повнымъ переконаннямъ повторыты окрыку: «Юда! продавъ батькивщыну»!

III.

Видъ того часу мынуло десять литъ. Доля кыдала мене въ рижни бокы, водыла по рижныхъ закуткахъ нашого краю и робыла зо мною всиляки експерименты, чы, якъ кажуть, держала

зо мною тверду школу. Одна іи лекція завела мене въ одынъ изъ найглухійшыхъ закуткивъ нашыхъ гиръ, до села, позбавленого всякои *комуникаціи*, доступного звычайно хиба верхы, або зимою саньмы, затесаного мижъ велыкымы лисамы, крутымы горамы и рвучою гирською рикою. Въ чудовій затышній долыни, обставлене темнымы стинамы лисивъ, лежало невелычке сельце, радше подибне до пустельныцького скыта, нижъ до новочаснои осели, тымъ хиба новочасне, що въ нёму невылазно гниздылася зовсимъ не идиллична биднота, брудъ, убожество та темнота. Сельце зъ невелыкою церковцею на однимъ горбыку и зъ просторою та невымовно брудною коршмою внызу пры одынокій вулыци, що заразомъ була ложыщемъ маленького гирського потока, тулылося, якъ сырота, однымъ своимъ кинцемъ до чорного бору, другымъ губылося въ яру надъ рикою. Видъ хатокъ, неотиненыхъ ніякою садовыною, кримъ вербъ та смерикъ, выбигалы дви-тры стежкы на супротылежну гору, внызу покрыту худымы вивсяными нывкамы, а дали обгорилымы пенькамы недавно спаленои «пасикы» [1]) та корчамы яливцю. Си стежкы—то була одынока комуныкація, що вела зъ сёго, сьвитомъ забутого, закутка дали на Бескыдъ и въ Угорщыну.

Мени доводылося йихаты зъ Угорщыны и мынуты те село не зупыняючыся. Мы йихалы верхы зъ провидныкомъ—угроруськымъ парубкомъ изъ одного погранычного села. Мы поспишалы, щобъ на вечиръ добратыся до найблызшого мисточка, та нашъ плянъ переминыла рика. Мынулои ночы въ горахъ упавъ сыльный дощъ, и колы мы дойихалы до рикы, мы побачылы здоровый, жовто-каламутный валъ, що зи скаженымъ клекотомъ, пинячыся, бьючысь о берегы та котячы по своёму дни зъ глухымъ гуркотомъ грубе каминня, сунувся внызъ, перерываючы всяку комуныкацію нашого села зъ дальшымъ свитомъ.

---

[1]) Пасикою называють у горахъ мисце, де весною вырубано, а въ осены спалено лисъ, щобъ на весну на тому мисци засіяты «збиже», цебъ то овесъ.

Колы мы почалы зйиздыты надъ самъ берижокъ рикы, зъ однои хаты выйшовъ чоловикъ и, побачывшы насъ, почавъ махаты намъ обома рукамы и крычаты щось: хочъ и якъ недалеко було видъ насъ до нёго, але за ревомъ та клекотомъ воды мы не моглы розибраты ани одного слова.

— Що, що!—закрычавъ зъ усеи сылы мій провидныкъ.

Чоловикъ перелизъ тымчасомъ два перелазы, видчынывъ лиску и выйшовъ на вулыцю, проты насъ.

— Та куды тамъ йдете?—запытавъ винъ, не здоровкаючыся зъ намы.

— Хочемо на другый бикъ,— мовывъ провидныкъ.

— Та не выдыте, що вода велыка!

— Та выдымо. А не покажете намъ, куды тутъ перейихаты?

— Хиба перескочыте,—мовывъ чоловикъ, здвыгнувшы плечыма.

— Якъ то?—запыталы мы обыдва вразъ.

— А такъ, що броду не йе.

— А може де мистъ?

— Моста не йе.

— А може добра кладка?

— Кладкы не йе.

— Ну, а такъ перейихаты не можно?

— Каминня несе. Конямъ ногы потре.

— Ну, то щожъ намъ робыты?

— А перечекаты, ажъ вода впаде.

— А колы впаде?

— Чей завтра.

Значыть, доведется ночуваты,—мовывъ я, обертаючыся до провидныка.—Не знаете, де бы тутъ переночуваты?—додавъ я, обертаючыся до мисцевого чоловика, бачучы, що мій провидныкъ стоитъ заклопотаный та чухае потылыцю.

— Та де бы? Хиба въ коршми.

Я зырнувъ пытаючымъ окомъ на свого провидныка. Сей усе ще стоявъ, држачы за поводы нашыхъ коней, и одною свобидною рукою чухався по потылыци.

— Ну, що, Мыхайле?—запытавъ я, бачучы, що винъ не говорыть ничого.

— Та ничого, прошу пана.

— Пидемо ночуваты до коршмы?

— Якъ панъ знають. Я не пиду.

— А то чому?

— Я вже разъ ночувавъ тамъ тай заклявся не ночуваты бильше.

— А то чому?

— Тутъ, прошу пана, найкуслывійши блощыци на вси горы.

Видповидь була коротка и переконуюча; я обернувся зновъ до мисцевого чоловика.

— А не можно бы просытыся до вашого его мосця [1]) на ничъ?

— У насъ не йе его мосця. До насъ дойиждждаютъ що дви недили на видправу.

— А може до якого кгазды?

— Та не знаю. Може бы... Лышъ не знаю, у кого бы.— А потимъ, подумавшы хвылыну, винъ додавъ:—хиба бы у нашого навчытеля.

— У васъ хиба йе навчытель?

— А йе.

— То значыть, йе й школа?

— А йе. Вже пьять литъ маемо школу.

— А дежъ той вашъ навчытель?

— Та не далеко. Онъ тутъ за коршмою.

И винъ показавъ намъ дорогу. Було справди не далеко. По дорози, йидучи стежкою по-надъ потокомъ, що заступавъ мисце головнои сильськои вулыци, и якого дномъ провиднықъ проводывъ коней, я встыгъ розпытаты у чоловика, що ихъ навчытель молодый ще чоловикъ, жыве самъ, нежонатый, не выйиждждае майже никуды зъ села, що у нёго не бувае нихто

---

[1]) Священныка.

чужый и що громада досыть задоволена зъ нёго, бо вчыть «дитвакивъ» пыльно, не бье въ школи, тай и зъ людьмы людяный: у всёму порадыть и не одного й гришмы поратуе, хочъ самъ жыве бидно. Отакъ розмовляючы, мы дійшлы до «чколы», що стояла на крутому березі надъ потокомъ. Зайизду до неи не було ніякого, тильки стежка горі невелычкымъ, пустымъ огородомъ. Школа була така жъ силянська хата пидъ соломою, якъ и инши, збудована хиба о стилько видминно видъ селянськихъ, що складалася зъ двохъ половынъ, передиленыхъ вузкымы синьмы. Одна половына зъ трёма викнамы до горо́да, се була шкильна зала, а друга зъ двома викнамы—помешкання вчытеля. Передъ сею половыною огородъ бувъ скопаный, засадженый ярыною [1]), зъ-мижъ якои тутъ и тамъ выросталы гарни щепкы яблунь та грушъ; плитъ отинювалы густи корчи садженои малыны, поричокъ та «вепрынъ» [2]). Въ однимъ кути стала альтанка, отинена густымъ дыкымъ хмелемъ та обсаджена смеричкамы. Смеричкы, засаджени въ два ряды передъ дверыма, по пьять у кождимъ ряди, заступалы мисце кганку. Двери булы заперти, але учытеля мы засталы въ альтани. Пора була литня, вакаційна и шкильного заняття не було; винъ очевыдно порався въ своимъ огороди, а теперъ видпочывавъ у альтани та покриплявся квасным молокомъ и чорнымъ, жытнимъ хлибомъ.

Я війшовъ до альтаны й поздоровывъ ёго. Винъ мотнувъ головою, не видповидаючы ничого на мое поздоровлення и не встаючы зъ мисця. Я попросывъ ёго переночуваты мене и моёго провидныка. Винъ выдывывся на мене якымось тупымъ поглядомъ и, не перестаючы жоваты, давывся досыть довго, не говорячы ани слова. Я стоявъ у входи и дывывся на нёго зъ заклопотаннемъ, не знаючы, якъ мени буты. На помичъ мени прыйшовъ селянынъ, що прыпровадывъ мене.

— Та вже, пане навчытелю, будьте ласкави! Я бы й самъ переночувавъ панча, але знаете, въ мене тисно. А въ коршми не хочуть, бо тамъ блощыци.

---

[1]) Ярыною въ Галычыни звуть городыну.

[2]) Акгресту.

Учытель поклавъ ложку, вставъ и, не кажучы до мене ани слова, выйшовъ зъ альтаны та пишовъ до перелаза, за якымъ стоявъ мій угроруськый провиднықъ зъ парою коней.

— Ты видкы?—запытавъ винъ.

— Та зъ Воливця.

— А багато взявъ видъ паныча?

— Та два рыпцьки [1]).

— А заплатылы тоби?

— Та заплатылы.

— Ну, то сидай на коня и йидь до-дому. Ще маешъ часъ дойихаты.

— Та чому ни. До ночы дойиду до своеи граныци, а тамъ я вже якъ дома.

— Ну, то добре. На, маешъ шустку [2]) на тютюнъ. Йидь, а я вже паныча проведу, куды треба буде. Я зъ неменшымъ якъ доси зачудованнемъ слухавъ тои розмовы и дывувався, якъ се такъ панъ учытель, не розвидавшыся гараздъ, розпоряджается моимъ провидныкомъ. Я наблызывся до нёго и сказавъ:—мени бы треба до Туркы.

— Добре, добре, най винъ йиде,—видповивъ якось байдужно учытель, навить не обертаючыся до мене, и мій провиднықъ пойихавъ. И мисцевый селянынъ поклонывшыся пишовъ соби до-дому. Мы лышылыся сами.

— Позвольте вамъ представытыся,—сказавъ я, зновъ наблыжаючыся до нёго.

Винъ усмихнувся якымось сылуванымъ смихомъ.

— Нибы я не знаю тебе! За першымъ разомъ пизнавъ. То хиба ты не пизнавъ мене.

Я прыдывывся ёму, та не мигъ пизнаты. Се бувъ чоловикъ на выдъ 35 литъ, зъ довгою, чорною бородою, трохы згорбленый, у литній полотняній блюзи и въ такыхъ самыхъ штанахъ, зъ якымось не то меланхолійнымъ, не то заляканымъ и непрытом-

---

1) Гульденъ.

2) Шустка (шистка)=десять крейцеривъ.

нымъ выдомъ. Его очы немовъ уныкалы вашого погляду, але тоди, колы винъ не чувъ на соби вашого погляду, воны спочывалы, вперти десь у одну точку, въ якусь далечинь, немовъ видсы вызыралы когось Я глядивъ та не мигъ пизнаты ёго. Винъ якось скрывывся, дали здвыгнувъ плечыма и похылывъ голову.

— Ну и не дыво. Давно мы бачылыся. А ты навить у мене въ хати бувъ. Морымуха Опанасъ—тямышъ?

— Та не може буты!—скрыкнувъ я. Опанасъ! Ни, ни за що не пизнавъ бы! Та Господь зъ тобою! Видкы ты тутъ узявся? Вчытелюешъ? И въ такимъ глухимъ закутку! И стильки литъ я не чувавъ про тебе... Ну, ходы, оповидай, що зъ тобою?..

Я засыпавъ ёго пытаннямы, та винъ похылывъ голову и якось зъ-пидъ лоба дывывся на мене, немовъ бы або не вирывъ у щырисить моёго зацикавлення, або миркувавъ надъ тымъ, якъ бы выкрутытыся видъ моихъ запытань.

IV.

У вечери при лямпи мы сыдилы въ кимнати вчытеля и розмовлялы. У мене знайшовся чай та цукеръ, панъ учытель роздувъ огонь та розигривъ окрипъ, и мы згадалы старый школярськый звычай, попываючы гарячый чай та закусюючы хлибомъ та брындзою. Морымуха йивъ зъ апетытомъ, слухавъ моихъ оповиданъ, та самъ говорывъ мало. Оповидаючы про спильныхъ знаёмыхъ, учытеливъ та товарышивъ, я пыльно дывывся на нёго, сылкуючыся пизнаты давнёго Опанаса, та все щось немовъ перепынювало мени, заслонювало знаёми рысы, показувало въ прывычнимъ для мене облыччи якись чужи, незвисни мени рысы. Я мавъ таке вражиння, немовъ бы въ жыттю того чоловика пройшла якась широка й глыбока борозна, якою видорано ёго мынуле видъ теперишнёго Кильки разивъ мени здавалося навить, що въ заляканій чы апатычній души сёго нового Опанаса ворушытся щось, блымае якыйсь огныкъ, що радъ бы освитыты сю дывну борозну, що якись пытання, якись прызнання снуются у нёго на языци, ради зирватыся та вылытыся, але

якась таемна сыла зупыняе, прогонюе ихъ назадъ у глыбыну ёго души. Я постановывъ соби допомогты тымъ боязкымъ пташкамъ зирватыся и вылетиты, постановывъ, якъ кажуть, легенько потягнуты Опанаса за языкъ.

— А я недавно бувъ у твоимъ сели,—закынувъ я несподивано.

— Въ моимъ,—зъ якоюсь дрожью въ голоси видповивъ Опанасъ. И сумно всмихаючыся, додавъ:—де тамъ у мене яке село? хиба те мое, де я теперъ.

— У твоимъ риднимъ,—поправывъ я.—Тамъ, де твоя батькивщына була.

— Мынулося, забулося!

И винъ махнувъ рукою и звисывъ голову.

— Ну, але тебе тамъ люде не забулы. Хочъ нихто не мигъ сказаты мени, куды ты подився.

— Благословляють мене?

— Не можу сказаты, щобъ такъ дуже,—мовывъ я.—А все таки не можуть выйты зъ дыва, що тоби сталося, що ты такъ ни сило, ни впало продавъ свою батькивщыну. А особлыво я здывувався. Адже я знавъ, якъ ты любывъ іи.

Опанасъ кынувся мовъ ужаленый.

— Ты знавъ!—Що ты знавъ? Ты мигъ знаты лышъ частыну. А про те...

Винъ зновъ махнувъ рукою и звисывъ голову.

— Ну, Опанасе, скажы по правди, що се зъ тобою сталося? Такъ ты якось ни зъ сёго ни зъ того счезъ изъ нашого горизонту, такъ безслидно пропавъ... А ще потимъ та нагла продажъ батькивщыны...

— Се не потимъ було, а дрибку передъ тымъ,—нервово, мовъ зачипленый за болюче, втрутывъ Опанасъ.

— Ну, то вже чы потимъ, чы передъ тымъ, а все такы загадка. Я довидався про смерть твоихъ старыхъ и думавъ, що ты пишовъ систы на грунти та господарюваты. Вже збырався пысаты тоби на село, колы якось прыпадкомъ довидався видъ селянъ, що ты продавъ усе...

— Ще до того жыдови!—додавъ винъ зъ гиркымъ усмихомъ.

— И выбрався кудысь. Зрозумієшъ и самъ, що я не знавъ, що й думаты про се.

— И щожъ ты думавъ?

— Ничого не думавъ. Зупынывся на тимъ, що тутъ якась загадка, якои самою логикою не розвьяжешъ.

— А инши товарыши що?

— Якось не доводылося ни зъ кымъ говорыты про тебе. Ты въ товарыствахъ николы не бувавъ.

— Ну, певно, забулы!—мовывъ Опанасъ.—И добре такъ.

— Але скажы́, що таке тоби сталося? Йшовъ у одынъ бикъ и раптомъ звернувъ зъ дорогы, тай гатьтя! Немовъ якась кыценька перебигла тоби дорогу.

Опанасъ ажъ пидкынувся, мовъ ужаленый.

— Кыценька! Ты тямышъ іи?

— Кого?

— Адже ты отсе згадавъ про неи. Значыть знаешъ щось. Догадався! Чы може чувъ що видъ когось? А може вона сама?..

И винъ зъ жахомъ вперъ въ мене очи.

— Выбачай, Опанасе, але я бигме не розумію тебе. Про кого я згадавъ? Хто такый вона сама?

— Кыценька.

— Що за кыценька?

— Якъ то? Не тямышъ Кыценькы? И не знаешъ моеи исторіи?

— Та ничогисинько жъ. И про яку се ты кыценьку?

— Не тямышъ? А, правда, ты не бувавъ у Суберлёвои.

— Бувъ пару разивъ.

— Ну, то може прыгадаешъ. А въ тимъ...

Я прыгадавъ соби кавярню Суберлёвои, що була на рози вулыць Вирменьськои и Гродзицькыхъ. Се була нична кавярня зъ дамською обслугою, своёго часу ославлене мисце гулянокъ золотои молодижы. Я заходывъ туды ридко и то лыше въ день, тому й не дыво, що назва Кыценькы не сказала мени ничого.

— Тамъ була одна панна,—мовывъ якось нехотя Опанасъ.—Свого часу славна була. Іи звалы Кыценькою. Брунетка, зъ рос-

кишнымъ волоссямъ, зъ чорнымы, блыскучымы очыма. Лыце—кровъ зъ молокомъ. Зубы чудови. На устахъ усмихъ такый, що ажъ за серце хапавъ. Голосъ—у розмови, не въ спиви, бо вона мало спивала—але такого голосу я не чувъ николы. Тай загаломъ уся вона, кождый іи рухъ, кожда рысочка, кожде слово, кождый позыркъ іи очей—усе въ неи було таке, що я видъ першои хвыли забувъ себе, все въ неи мени выдавалося невыданымъ и нечуванымъ, такымъ, якому нема пары въ свити. Не даромъ кажуть, що закохання—слабисть, манія; колы я побачывъ іи, почувъ іи голосъ и усмихъ, на мене найшла така хороба и то въ такимъ сыльнимъ степени, що я навить здуматы не мигъ того, щобъ ій опертыся. Знаешъ, що я звычайно не бувъ ласый до жиноцтва, ани надто чутлывый. Але тоди се наскочыло на мене раптомъ, зъ такою сылою, що я цилкомъ стратывъ застанову. Такъ мовъ бы зъ лисовои гущавыны наразъ выйшовъ на лисову пожежу. И я станувъ безъ власнои воли, безъ сылы, безъ тямы. Чувъ, що судьба заглянула мени въ очи и що не втечу видъ неи.

Опанасъ зупынывся. Винъ ажъ задыхався, наговорывшы стилько однымъ духомъ. На ёго блидому лыци запалавъ гарячый румьянець, мовъ и справди выпеченый пожежою. Винъ говорывъ зъ очыма, втупленымы въ землю, немовъ углыблявся въ свое внутришне життя и боявся глянуты мени въ очи, щобъ я кризь ныхъ не заглянувъ ёму въ душу. Помовчавшы трохы та сёрбнувшы чаю, винъ заговорывъ зновъ, проты свого звычаю, сквапно, урывано, немовъ ловлячы образы, що неслыся по овыди ёго души мовъ дощови хмары.

— Я не бувъ частымъ гостемъ у Суберлёвои. Але разъ засыдився до пизнёго вечера. Сыджу за газетою, колы пидвивъ очи, побачывъ іи. Вытрищывъ очи, мовъ самъ соби не вирывъ. Зачудовання—се було перше, найсыльнійше чуття, яке опанувало мою душу. «Невже»! «Чы справди»!—Таки пытання вертилыся въ моій голови, мовъ сухе лыстя въ осиннёму витри. Я сыдивъ и дывывся на неи. Колы вона проходыла помижъ столамы, мои очи бигалы за нею, якъ вирни собакы за паномъ. Колы наблы-

жалася до мене, мене кыдало въ жаръ, пробигало дрожью. Колы вона счезала, я сыдивъ мовъ оглушеный и ждавъ іи. Мынала годына за годыною; у мене навить не ворушылася думка въ голови, щобъ йты кудысь. Йты? Куды йты, колы тутъ бувъ увесь свитъ, було сонце, було жыття. Десь коло одынадцятои прыйшлы де-яки товарыши, вже добре пидпыти, зъ голоснымъ реготомъ, весели, спивучи. Воны позасидалы пры двохъ столахъ, замовылы цилу масу коньякивъ, а побачывшы мене, прытяглы мене до себе. Вона війшла, несучы замовлени коньякы.

— А, Киценька!—закрычалы воны и почалы тиснутыся до неи.—Servus, Кицю! Якъ ся маешъ? Здорова була! Wie gehts?

Десяткы рукъ простягалыся до неи, одни бралы чаркы зъ коньякомъ, инши тыслыся до іи грудей, рукъ, плечей, стану, доторкалыся іи, щыпалы іи. Я весь тремтивъ, стоявъ мовъ обсыпаный прыскомъ, у мене въ голови шумило, немовъ мене оглушено довбнею. А вона йшла спокійно, байдужна на вси безсоромни рухы, дотыкы та окрыкы. На іи лыци грала якась маестатычна усмишка, немовъ увесь отой пьяный гармидеръ не досягавъ до іи пьятъ, не мигъ доторкнутыся до неи, ани тымъ менше опоганыты іи. Я такожъ узявъ чарку зъ іи рукъ и почувъ пры тимъ, якъ іи очи спочылы на мени. Я затремтивъ увесь, кровъ ударыла мени до головы, и та чарка коньяку полылася въ мое нутро мовъ огненна течія. Я якось безтямно зажадавъ ще одной «колійки», а дали не тямлю, що діялося зи мною. Знаю лыше, що у мене въ кышени було двадцять гульденивъ, изъ якыхъ я другого дня не знайшовъ ани цента, що мы ревлы писень и перекыдалыся цынизными жартами, що вона сыдила у мене на колинахъ и торгала мене за вуха, а я плакавъ, цилувавъ іи рукы и безтямно белькотавъ:—Киценько! Жытте мое! Киценько!

Хто, колы й якъ завивъ мене до-дому, роздягъ и поклавъ до лижка, я й досы не знаю. Я прокынувся другого дня ажъ десь надъ вечеромъ зъ трискучымъ болемъ головы. Въ горли щось пекло, въ ухахъ шумило и я не мигъ отямытыся, де я и що було зо мною. Та колы нарешти я зволикся зъ лижка

и вымочывъ голову въ води, мени почала вертаты памьять прожытои ночи. Я не почувавъ ни сорому, ни жалю, не миркувавъ ни про що, хиба про те, що у мене нема грошей, щобъ и сеи ночи бачыты іи, буты зъ нею. Та се була не велыка ще турбота. Я однымъ позыркомъ обмиркувавъ, що зъ моеи гардеробы можно продаты, щобъ добуты гроши. Кныжкы, розуміется, безъ ніякого миркованя пишлы заразъ «на гебраику». Пишовъ и годынныкъ. О десятій я вже сыдивъ у кавярни и зновъ мучывся: и горивъ, и тремтивъ, дывлячыся на неи. Вона ходыла по-мижъ столамы гарна, маестатычна; ани слиду втомы, перепою, невыспаннои ночы не було выдно на іи непорочно-чыстимъ, дытячо-невынним лыци. На мене вона якось не дывылася, а може тильки робыла такый выдъ, немовъ не бачыть, не пизнае мене. Я просыдивъ отакъ мовчкы до першои годыны, пывъ одну чарку по другій и не осмилювався заговорыты до неи, тай вона не чипала мене, хочъ тутъ то тамъ поблызу мене лунавъ іи сриблыстый смихъ, колы до неи заговорювалы або зачипалы іи знаёми паничи. По першій я выйшовъ зъ кавярни и пишовъ до-дому.

Почалося для мене жыття видъ ночы до ночы. Я покынувъ ходыты на универсытетъ, покынувъ думаты про себе, про свою будущыну, жывъ тильки тымъ, що бачывъ іи, ловывъ вухомъ іи смихъ та іи слова, думавъ про неи. Писля тои першои ночы я не пробувавъ заговорыты до неи, тай вона, бачучы, що я не пью и не сыплю гришмы, не цикавылася мною и немовъ и зовсимъ не добачала мене. Та мени було про се байдуже. Я не бувъ заздрисный, колы инши жартувалы зъ нею, обіймалы, щыпалы або цилувалы іи. Я, бачылось, навить не любывъ іи такъ, якъ люблять закохани. Я тильки почувавъ невидхыльну потребу що дня бачыты іи, такъ якъ почуваемо потребу свитла та повитря.

V.

Мы допылы чай, але спаты намъ не хотилося. Мени цикаво було дослухаты до кинця Опанасову драму, въ якій для мене выявлялася чымъ разъ яркійше вся ёго тыха, та глыбоко прыстрасна натура. А Опанасъ очевыдячкы радъ бувъ, що може передъ кымось высповидатыся, що знайшовъ слухача, якый розуміе ёго и сымпатызуе зъ нымъ. Винъ потеръ долонею чоло, поглядивъ на мене якыйсь часъ недовирлыво, немовъ боявся моёго осуду, але, не бачучы на моимъ лыци ничого такого, що могло-бъ знеохотыты ёго, видвернувся зновъ очыма до кута и почавъ тыхымъ голосомъ:

— Сказаты тоби по-правди, все те, що дали сталося зи мною, се бувъ якыйсь такый чортивськый танець, що я й досы не прыберу ёму назвы. Иноди мени здается, що то бувъ сонъ, що я видтоди й доси сплю и ось-ось прокынуся такымъ самымъ студентомъ, якымъ бувъ тоди, якымъ побачывъ Киценьку. А иншымъ разомъ я готовъ вирыты въ чудо, въ прызначеппя, въ чары, въ що хочешъ, такъ неправдоподибнымъ выдается мени все те, що тоди сталося зи мною. Зрозуміешъ, що й оповисты тоби всю отсю історію не зумію докладно. Мабуть не одно важне дило шмыгало поузъ мене, а я й не завважувавъ ёго, и навпакы, моя увага не разъ середъ того шаленого выру подій зупынялася на маловажныхъ дрибныцяхъ, на прывыдахъ, изъ якыхъ потимъ годи було злипыты щось циле та прыродне.

Почалося зъ того, що одного дня я одержавъ изъ дому телеграму. «Прыйизджай заразъ. Твій тато». Щось немовъ торкнуло мене въ души, колы я прочытавъ ти слова. Але телеграму я одержавъ о девятій годыни вечеромъ, саме колы выбырався до кавярни Суберлёвои, щобъ пасты свои очи выдомъ Киценькы. У мене тремтилы рукы. Я кынувъ телеграму на стилъ, не думаючы про неи, натыснувъ шапку на вуха, бо на двори ревла та свыстила хуртовына и была въ очи снигомъ, и побигъ вулыцямы. У мене було ще въ кышени килька гульденивъ, одержа-

ныхъ за продажъ годынныка. За пивъ годыны я сыдивъ уже въ кавярни середъ клубивъ дыму та пьяного гамору, пывъ чорну каву, чытавъ газеты, а властыво чытавъ иноди очыма надрукованы сторинкы, а самъ ненастанно глядивъ на двери, якымы мала війты вона. Але мынула десята—вона не прыходыла, мынула одынадцята—іи не було, мынула дванадцята—Киценькы ни слуху ни духу. Я сыдивъ мовъ у горячци, пывъ одну чарку за другою, въ голови у мене шумило, передъ очыма скакалы друковани буквы зъ газетъ, яки я державъ у рукахъ, та думка не клеилася въ моій голови. Нарешти по важкій боротьби зъ самымъ собою я зважывся запытаты у однои зъ тыхъ панночокъ, яки услугувалы сёгодни, що сталося зъ Киценькою?

— О, вона вже не прыйде сюды!—весело видповила панна, сидаючы биля мене и дмухаючы мени дымъ изъ своеи папироскы просто въ очи.

— А то чому!

— А вамъ цикаво знаты?

— А вже-жъ цикаво.

— А мени нецикаво оповидаты.

— А чого треба, щобъ васъ зацикавыты?

— Го, го багато де-чого треба. А попередъ усёго два келишкы коньяку, щобъ добре бесидувалося.

Я веливъ прынесты два келишкы коньяку. Вона стукнулася зи мною, прыгубыла свою чарку, а решту вылыла на тацку. Я такожъ лыше прыгубывъ и не пывъ.

— Отже що сталося зъ Киценькою?

— Нема іи.

— А дежъ вона?

— А на що вамъ знаты?

— Треба.

— А по-що треба? Такъ вамъ вона сподобалася?

— Та вже чы сподобалася, чы ни, а треба.

— Э ни, я на таке не пышуся. Кажить, подобалася вамъ, чы ни?

— А вже-жъ сподобалася.

— И вы закохани?

— Смертельно.

Мои уста сміялыся, а за серце стыскало щось мовъ клищамы.

— А, колы смертельно... Але пыйте! Чому не пьете!

Я выпывъ.

— Ще два коньяки!—гукнула вона кельнерови.

— Панъ велять?—запытавъ мене кельнеръ, не дывлячыся на неи.

— Такъ!—сказавъ я машынально, не зводячы зъ неи очей.

Вона зновъ дмухнула мени дымомъ изъ своеи цыгаретки просто въ очи.

— Смертельно! Бидный хлопчына! И за що властыво? Ну, скажы, за що ты любышъ іи?

— Або я знаю! Такъ якось трапылося. Але де вона?

— Може дома.

— Чомъ не прыйшла сюды?

— Бо іи видправлено. А може й сама выступыла. Сёго не знаю.

— А де вона жыве?

— Тутъ же на другимъ поверси.

Мене мовъ штовхнуло щось. Я хотивъ бувъ у тій самій хвыли видипхнуты свою розмивныцю, зирватыся зъ мисця и безъ тямы бигты кудысь, бигты до неи, щобъ лышъ побачыты іи, буты на хвыльку блызько неи. Та все такы я перемигъ себе, зробывъ байдужне лыце, поклыкавъ кельнера, заплатывъ и выйшовъ. Опынывшывся на вулыци, я мымохитно обтеръ соби питъ изъ чола и важко видитхнувъ, мовъ вырвався зъ-пидъ тяжкого тягару. Потимъ я пишовъ вулыцею навмання, сылкуючыся змиркуваты, що властыво сталося и що значыть для мене ся новына? Вона покынула службу въ кавярни. Чому? Ну, се байдуже. Але вона безъ службы. Може въ прыкримъ становыщи? Може іи прогнано, скрывджено пры выплати? Може у неи стара маты, дрибни сестры та браты, якыхъ вона мусыть удержуваты? Мени набигалы на умъ рижни сытуаціи, де дивчына, нибы то пропаща, являлася

героинею, що жертвувала свою дивочу честь для удержання своеи ридни. Я постановывъ соби навидатыся до неи, розпытаты у сторожа про іи обставыны, виддаты все, щобъ допомогты ій. Я укладавъ соби рижни пляны, якъ доступыты до неи, сблызытыся до неи, здобуты іи довирья, и зъ тою постановою зайшовъ додому, розибрався на-потемкы и лигъ спаты.

И спавъ твердо десь до другои по-полудни. Мене збудыло сыльне стукання до дверей. Лыстокъ изъ телеграмою. Я видчынывъ, пидпысавъ рецепись, машынально розирвавъ телеграму, прочытавъ. «Прыйиздждай заразъ. Твій тато!» Я здывувався. Що се таке? Я-жъ уже диставъ таку телеграму. Чы се та сама надана черезъ помылку другый разъ? У насъ почтаръ иноди напьется та перепутае высылку. А колы ни, що се значыть? Чого два разы те саме телеграфують? Чого прыйизджаты теперъ, зымою, въ таку фугу? Зализныча станція у насъ мала, видъ неи чотыры мыли дорогы саньмы, у мене нема й одежи такои, щобъ можно було пускатыся въ таку дорогу. Що се може значыты? Я теръ долонею чоло, мучывся думкамы, напывся воды и заснувъ. А колы прокынувся десь коло пьятои, одынокою моею думкою була Киценька. Що зъ нею? Якъ добратыся до неи? Де здыбаты іи? Про телеграму я й не думавъ. Зибрався, замкнувъ покій и выбигъ на мисто. Пообидавшы, я побигъ на Вирмяньску и почавъ ходыты попередъ камьяныцею, надіючыся здыбаты Киценьку, колы буде входыты або выходыты зъ брамы, а тоди вже,—що тоди буде, я й не бравея думаты, але чувъ у своій души якусь незломну постанову, якусь непохытну певнисть, що тоди здобудуся на якыйсь ришучый крокъ.

Десь коло сёмои вона выйшла, гарно одягнена, въ барвыстимъ капелюси зъ велыкымъ струсячымъ перомъ. У мене завмерло серце. Я поклонывся ій, але пидійты до неи, заговорыты не було ани думкы. Вона злегка кывнула мени головою и пишла гордо выпрямлена вулыцею. Я йшовъ за нею въ виддаленню якыхъ двадцятёхъ крокивъ. Я не зводывъ очей зъ іи капелюха, мовъ морякъ изъ полярнои звизды. Мене потручувалы, мени ставалы на ногы, снигъ замитавъ мени очи, та я не зважавъ ни

на що. А вона озиркнулася разъ, озиркнулася другый разъ и очевыдно все пизнавала мене. Що діялося въ моій души въ ту пору—страшно подуматы. Одынока думка: не вже вона *така?* Ся думка така, натуральна въ даннимъ становыщи, выстарчала для мене за циле пекло. Я бигъ за нею, весь тремтячы, задыханый, безтямный, а вона, здавалося, йшла все швыдше, виддалялася видъ мене все бильше, выбырала сами найлюднійши вулыци, потимъ выйшла на рынокъ, пройшла однымъ бокомъ, выйшла на Трыбунальську. Іи капелюхъ чымъ разъ частійше тонувъ у потоци чужыхъ темныхъ постатей и наразъ счезъ зовсимъ. И я побигъ напередъ, кынувся сюды й туды—нема Киценькы. Мовъ шаленый бигавъ я по всихъ сумежныхъ вулыцяхъ, довкола рынку, по Галыцькій, по Маріяцькій площади,—ниде не було іи. Счезла, мовъ парою розвіялась. Снигъ липывъ чымъ разъ дужчый. Коло десятои почалы вулыци пуститы. Я ще якыйсь часъ ходывъ, мовъ вартовый передъ брамою тои камъяныци, де жыла вона, але даремно ходывъ: Киценькы не було ани слиду. Мабуть вернула до-дому швыдше. А може знайшла де-инный обовьязокъ, що зупынявъ іи всю ничъ? Але де? Ничныхъ кавярень такыхъ, якъ Суберлёвои, у Львови не було. Я даремно ломавъ соби голову и по дванадцятій, весь розбытый, утомленый, мокрый и зиприлый, вернувъ до-дому. Сторожъ, видчыняючы мени браму, набурчавъ на мене, що разъ-у-разъ волочуся такъ до пизна, а тутъ телеграфный писланець розбйгався зымою. Що за лыхо зъ тымы телеграмамы?—подумавъ я и махнувъ рукою, мовъ обганяючыся видъ влазлывои мухы. Але вдумуватыся въ сытуацію моеи батьkивщыны я не мавъ ани часу, ани охоты, ани сылы. Я роздягся, весь продрогъ у нетопленій хати и, обвынувшыся ковдрою та накынувшы ще на ковдру все мое мокре убраня, я лежавъ, дзвонячы зубамы та трясучыся мовъ у пропасныци, покы важкый сонъ не налигъ на мои повикы.

Рано я прокынувся зъ сыльнымъ болемъ головы. Я мавъ таке чуття, що хтось довбнею бье мене по тимью. Важко стогнучы, я пидвивъ голову и тильки по хвыли розибравъ, що хтось сердыто стукае до моихъ дверей. Я зволикся зъ лижка, босымы

ногамы пишовъ до дверей и видчынывъ. У клубахъ морознои пары, що бухнула до покою, стоявъ возный видъ телеграфу.

— Я вже думавъ, чы васъ не вбыто, або чы вы не загорилы,—мовывъ винъ.—Пивъ годыны стукаю до дверей, та годи васъ добудытыся.

И винъ подавъ мени дви телеграмы.

— Зъ одною я вчора не мигъ васъ дождатыся,—пояснывъ винъ.—Надіюся, що нема тамъ ничого пыльного.

Я пидпысавъ обыдва рецепისы, давъ возному двадцять крейцаривъ, затулывъ обыдви телеграмы въ жменю и, сичучы зубамы, замкнувшы двери, закопався зновъ пидъ ковдру. Якась невымовна млисть опанувала мене; якесь ослабленння не то тила, не то воли. Я лежавъ, якъ колода, грився. Ворухнутыся рукою або ногою выдавалося мени велычезною, надсыльною працею. Зъ телеграмамы въ жмени я швыдко заснувъ, не розгортавшы ихъ.

Що було дали, я не тямлю. Мовъ кризь сонъ прыгадуются якись люти стукання, якись голосы, якись холодни рукы, що стыскалы мене мовъ клищамы, а дали все заволикае сира, непрозора мряка.

VI.

Опанасъ помовчавъ хвылю, передыхнувъ, обтеръ питъ, що выступывъ ёму на чоло, и, зырнувшы не смило мени въ очи та переконавшыся, що я не дримаю, почавъ оповидаты дали.

— Я прокынувся въ шпыталю. Мени сказалы, що я пролежавъ безъ тямы два тыжни. Безтямного спровадылы мене люде. Колы сторожъ, почувшы стогнаня въ моимъ покою, поклыкавъ полицію, ся выважыла двери и велила забраты мене до шпыталю. Обыдви телеграмы и пару лыстивъ, що прыйшлы булы въ часи моеи хоробы, знайшовъ я обикъ себе въ шуфляди нахткастлыка [1]). Въ одній телеграми булы слова: «Благословлю тебе, твій тато», а въ другій видомисть про смерть моёго тата. Въ лысти

---

[1]) Ничный шкафчыкъ.

нашъ громадськый пысарь доносывъ мени про те, якъ мій тато, а заразъ по нимъ моя мама, занедужалы на тыфъ, якъ обое бажалы конче бачыты мене передъ смертю, посылалы писланця за писланцемъ до телеграфу, якъ тато не диждавшыся мене вмеръ, а за нымъ до трёхъ день умерла й мама. Теперъ зъ порученія начальныка громады доносывъ мени, що мою ридну хату опечатано, що тато пры свидкахъ полышывъ для мене все свое добро, що про се вже заявлено до суду, и взывавъ мене, щобъ я якъ найшвыдше зголосывся обняты въ посиданія свою батькивщыну.

Я чытавъ ти документы и дывувався. Мени здавалося чомусь, що все те мени видоме, що я самъ бувъ тамъ, ишовъ за похорономъ своёго батька, прынявъ благословенство видъ матери и перебувъ усе те, що повыненъ бувъ перебуты пры такій нагоди. И ни що теперъ не ворушылося въ моимъ серци пры тій висты. Такъ видъ разу й выйшло, немовъ усе те такъ и мусило статыся, и власне теперъ, у сю пору. Я почувъ навить якесь облекшення, мовъ на мени порвалыся якись пута, що вьязалы мене, и мовъ теперъ я буду мигъ свободно полетиты кудысь, розпочаты щось таке, про що передъ тымъ навить не смивъ подуматы. Про Киценьку я неначе зовсимъ забувъ,—вона не истнувала для мене, въ голови не ворушылася про неи ани одна думка.

Я пролежавъ ище килька день у шпытали, покы мигъ выйты на свитъ. Та скоро тильки я выйшовъ на вулыцю и мене обхопыло холодне сичневе повитря и въ очахъ замыгтилы діяменты—видблыскы снигових зирочокъ, розискреныхъ сонцемъ, я въ тій самій хвыли почувъ, якъ думка про Киценьку, непереможне бажання летиты до неи, шукаты іи, кынуты ій до нигъ усе що маю, виддатысь ій увесь безъ огляду—опанувалы всю мою истоту. Ще не твердымы крокамы я поспишывъ на Вирменську и почавъ вартуваты передъ брамою, видкы надіявся выходу Киценькы. Пару годынъ я ждавъ даремно, перемерзъ и пустывся ходыты по вулыци, колы наразъ на рози наткнувся на Киценьку. Вона шла зъ рынку. Я зъ неопысаною тривогою поклонывся и ставъ неначе вкопаный. Вона зиркнула на мене, всмихнулася, зупыны-

лася, подумала щось, потимъ прыступыла до мене и мовыла коротко:

— Ходы до мене!

Я жахнувся, немовъ бы ось тутъ коло мене вдарывъ гримъ. Та про те я машынально пишовъ за нею. На другимъ поверси въ одчыненыхъ дверяхъ вона ждала на мене зи свичкою въ руци. Я зупынывся въ нерішучосты. Вона взяла мене за руку и потягла за собою, шепнувшы одно слово:

— Ходы!

Я війшовъ. Вона замкнула двери и попросыла мене зняты пальто и систы соби. Іи помешкання складалося зъ просторого, ясного покою й ныши, де стояло іи лижко. Покій бувъ уряджений якъ салёныкъ, обставленый зи смакомъ, хочъ безъ выставносты. На мене дыхнуло любе тепло, не знаю чы видъ натопленои печы, чы видъ іи особы. Вона скынула зъ себе пальто, и опынылася переди мною въ елегантній вовняній сукни, скромно и зи смакомъ зачесана. На іи лыци не выдно було ани слиду заклопотання. Поверталася свобидно, зъ тою властывою ій маестатычною граціею, що такъ хапала мене за серце. Повештавшыся по помешканню, поправывшы передъ зеркаломъ волосся и кокарду пидъ шыею, немовъ хотячы даты мени хвылю часу отямытыся, вона станула передо мною и, вдывляючыся мени въ лыце, зъ таемнычымъ усмихомъ запытала:

— Любышъ мене?

Я не видповивъ ничого, тильки вхопывъ іи обыдви рукы и почавъ покрываты ихъ поцилунками. Слёзы рынулы мени зъ очей, закапалы на іи рукы.

Вона сила биля мене на крисли и прыгорнула мене до себе, прытулыла мою голову до своихъ грудей. Я тыхо хлыпавъ.

— Ну, ну, цыть, дурненькый!—мовыла вона.—Я все знаю. И чого було не прыйты заразъ тоди, якъ тоби Наталя казала? Треба було конче простужуватыся и йты до шпыталю?

Я зъ жахомъ поглянувъ ій у лыце.

— Кажу жъ тоби, що все знаю. Про тебе було въ газетахъ. И про те, що твои стари померлы.

Я тильки въ тій хвыли догадався соби, що телеграмы и лысть, яки я знайшовъ у шпытали, булы порозпечатувани. И якъ се я въ першій хвыли не доглянувъ сёго? А вона встала, поправыла вогонь у печы и лямпу на столи и зновъ стала переди мною.

— Ну, скажы що? Чого тоби треба видъ мене?

— Ничого,—видповивъ я.—Я счаслывый тымъ, що ты дывышся на мене.

— Ха, ха, ха!—засміялась вона.—Отъ ище дывачына! Ну, але скажы, що думаешъ робыты теперъ?

— Не знаю. Ничого не думаю.

— А багато лышылы тоби стари?

— Не знаю. Грошей певно ніякыхъ, але господарство, поле...

— Килько жъ се може буты вартъ?

— Не знаю. Тры, чотыры тысячи.

— Гмъ!

Вона пару разивъ пройшлася по покою, немовъ обмирковуючы щось, а потимъ зновъ стала переди мною.

— И що жъ ты думаешъ робыты зъ тымъ?

— Не знаю.

— Може хочешъ иты на село, осисты на грунти? А може й видъ мене зажадаешъ, щобъ я йшла зъ тобою, зробылася селянкою и годувала гусей та свыней?

Я зъ переляком выдывывся на неи. Таке жадання выдалося мени чымсь бездонно абсурднымъ та неможлывымъ.

— Ну, скажы бо! Говоры! Думай!

И вона обома рукамы потермосыла мене за плечи.

— Зроблю все, що звелышъ,—прошептавъ я.

— Такъ? Ну, се гарно. За се люблю тебе. На!

И вона нахылылась и поцилувала мене въ чоло. Видъ дотыку іи усть у мене мовъ огняни мурашкы забигалы по-пидъ шкирою.

— Слухай же!—мовыла вона, зновъ сидаючы биля мене и прыгортаючы мою голову до своеи груды ливою рукою.—Подобаешся мени. Хочешъ йихаты зо мною?

— Куды?

— Въ свить. Я не думаю сыдиты въ тимъ проклятущимъ Львови. Тутъ мени не мисце. Тутъ я Киценька и нищо бильше. А мене тягне до чогось выщого. Чую въ соби сылу, талантъ, огонь. Хочешъ допомогты мени вырватыся зъ сеи проклятои норы?

— Все виддамъ, щобъ допомогты тоби,—скрыкнувъ я зъ запаломъ.

Вона скоса зъ усмихомъ дывылася на мене.

— А ты навить гарный, колы не кыснешъ. Люблю такый запалъ у молодыхъ хлопцивъ. Дай уста.

И вона вхопыла обома рукамы мою голову, прыхылыла до себе и поцилувала мене въ уста. Я стратывъ памьять. Якась невымовна роскишъ наповныла мое серце. Думалось, що зомлію, що мынуся въ тій хвыли.

— Слухай же,—мовыла вона дали:—видъ ныни за тыждень йиду геть зи Львова. Мушу, не выдержу довше. Колы хочешъ йихаты зи мною, будь готовъ до того часу. Видъ ныни за тыждень. У-вечери. Ось тутъ. Зликвидуй свои дила, продай свою спадщыну, чымъ дорожче, тымъ липше. Робы якъ знаешъ. Видъ ныни за тыждень, у-вечери, ось тутъ, жду на тебе. Не прыйдешъ видъ завтра за тыждень, уже мене тутъ не буде и нихто не знатыме, де я. Якъ бы не ты, якъ бы не те, що ты подобався мени видъ першого разу, и якъ бы не ота прыгода зъ тобою, що попала въ газеты, я була бъ вже выйихала передъ тыжнемъ. Отже чуешъ? Розуміешъ? На, поцилуй мене и йды теперъ и робы якъ знаешъ. Я не сылую тебе, але ждатыму. Хочешъ закоштуваты счастя зо мною, то прыходь. Добра́-ничъ.

Я поцилувавъ въ іи уста, въ рукы и выйшовъ позбавленый до разу власнои воли, выйшовъ іи невильныкомъ. Моя доля була запечатана, и я не мигъ навить подуматы про те, щобъ боротыся зъ своимъ прызначеннямъ.

VII.

Опанасъ замовкъ. Я пидвивъ очи и глянувъ на нёго. Ёго лыце було смертельно блиде, зъ очей градомъ котылыся слёзы.

— Опанасъ!—скрыкнувъ я.—Годи тоби! Тебе занадто розворушують ти спомыны. Ходимъ спаты, а то ще занедужаешъ.

— Ни, не бійся—видповивъ винъ.—Не занедужаю. Навпакы. Ты не знаешъ, яку полекшу на серци робыть мени те, що можу разъ подилытыся тымы спомынамы зъ кымсь иншымъ. Десять литъ я мовчавъ и носывъ ихъ, мовъ каминь, на серци. То вже теперъ, колы твоя ласка и колы... Але ты може втомленый зъ дорогы, спаты хочешъ?

— Ни, зовсимъ ни!—запевнывъ я. Тай хиба бы чоловикъ деревомъ бувъ, щобъ твое оповидання не прогнало ёму сну зъ очей.

— Но, но, безъ компламентивъ!—осмихнувся винъ, обтеръ очи и веселишымъ голосомъ говорывъ дали.

— Мени зъ рештою не багато й лышылося оповидаты. Кинець историы не цикавый, можно й напередъ догадатысь ёго. Я заразъ на другый день пойихавъ у село, оглянувъ свою батькивщыну и заходывся шукаты купця на неи. Певна ричъ—по-тыхо. Селяне вси радылы мени вертаты въ село, господарюваты, але нихто не знавъ, шо кыпило въ моій души. Залагодывшы потрибни судови формальносты, я продавъ мисцевому арендарю всю свою батькивщыну за пьять тысячъ. Лыце горило мени зъ сорому, серце краялося, колы я пидпысувавъ контрактъ, але у мене не було выбору, надъ усимъ панувавъ образъ Киценькы. Думка про те, що се іи воля, іи наказъ, що вона жде мене зъ своимы палкымы обіймамы й огныстымы поцилунками, зъ своею ненаглядною красою и граціею,—ся думка переважала все. И колы по доконаній продажи я, мовъ злодій, выйиздживъ изъ села, я прощався зъ нымъ безъ слизъ, безъ жалю; я чувъ тильки звытокъ зъ пятьма тысячореньсковымы банкнотамы на грудяхъ, а серце було повне Киценькы. И колы обурени селяне на видйизд-

нимъ обкыдалы мене лайкамы, прокляттямы та жменямы болота, я кулывся та хылывся мовъ пидъ громомъ, але не почувавъ ніякого жалю, ніякого гниву, ніякого сорому. Киценька заслонювала мени весь свитъ, заминювала вси почуття, заповнювала вси бажання.

Бувъ останній вечиръ передъ вызначенымъ нею реченцемъ іи видйизду. Зъ якою душевною мукою бигъ я на Вирменську! Ану-жъ одурыла! Ану-жъ видйихала безъ мене! Що тоди? Передо мною рознимала чорну пащеку якась страшна безодня. Опынывшысь на рози Вирменськои, я зырнувъ у гору на іи викна. Ажъ, воны булы освитлени!»—значыть, не выйихала! Якъ выхоръ полетивъ я горі́ сходамы, застукавъ до іи дверей и, не дожыдаючы голосу, влетивъ до покою. Вона сыдила на велыкимъ куфри въ подорожнимъ убранню, зъ очыма, обернеными до дверей. Іи лыце було блиде-блиде, очи горилы.

— Ось я!—скрыкнувъ я, переводячы духъ.—И ось тутъ—на!

И я поклавъ передъ нею пьять тысячоренськыхъ банкнотивъ. Вона всмихнулася и махнула рукою.

— Сховай се! Я ждала тебе. Бачышъ, я готова до дорогы. Подзвоны на сторожа, щобъ поклыкавъ фіякра.

Я подзвонывъ и розпорядывся, а потимъ обернувся до неи.

— А якъ бы я бувъ не прыйихавъ, запизнывся о пивгодыны, то ты була бъ видйихала безъ мене?

— Розуміется,—сказала вона коротко.

Я взявъ іи руку. Вона була холодна, якъ крыга.

— Що тоби таке? Ты хора?—запытавъ я іи.

Вона не видповидала.

— Киценько! Жыття мое!—скрыкнувъ я.—Скажы мени, ты ненавыдышъ мене? Не рада, що я прыйшовъ? Хотила йихаты сама, безъ мене? Колы такъ, то на тоби грошi и йидь. Я не маю ніякои претензіи.

Я подавъ ій грошi. Вона легкымъ рухомъ рукы видсторонила ихъ, потимъ усмихнулася—якъ мени здавалося, кризь слёзы—и своимъ звычаемъ, узявшы мою голову въ обыдви долони и прыгорнувшы іи до себе, поцилувала мене въ чоло и мовыла:

— Якый ты дурненькый! И не вгадавъ. Знаешъ, я вже почала була сумниватыся, чы ты прыйидешъ. Думала, що твоя батькивщына переможе въ твоій души мій образъ. Ну, а якъ бы ты не бувъ прыйихавъ, я була-бъ, розуміется, видйихала, але зъ однымъ намиромъ.

— Зъ якымъ?

— Се вже мій секретъ.

— Скажы мени ёго.

— По що?..

— По що? Щобъ я знавъ.

— Про мене. Зъ намиромъ—на найблыжчій станціи або за станціею кынутыся пидъ колеса зализныци.

Я зъ жахомъ обнявъ іи, немовъ хтось сылкувався вырваты іи у мене.

— Киценько, а то чому?—скрыкнувъ я.

— Ну, у мене не було иншого выходу. Такъ и намьятай соби: сёгодни ты своимъ прыбуттямъ уратувавъ мене видъ немынучои...

Кинець сёго речення я заглушывъ своимы поцилункамы.

Десять мынутъ пизнійше мы силы на фіякра и пойихалы до зализныци.

— Куды-жъ мы йидемо?—запытавъ я.

А тоби що до того?—видповила вона ризко.—Йидемо, куды я хочу. Ты теперъ мій и я роблю зъ тобою, що сама захочу.

— Докы що?

— Докы не кыну! Ха-ха-ха! Страшно тоби?

— Ни, не страшно.

— Любышъ мене про те?

— Люблю.

— Ну, гляды жъ! У мене тверда школа.

Мы надоспилы якъ разъ на курьерськый пойиздъ до Видня. Вона взяла два билеты першои кляссы, виткнула щось у руку кондукторови, и колы пойиздъ рушывъ, винъ заперъ за намы купе. Тоди Киценькакы нулася мени на шыю и, цилуючы мене, мовыла:

— Ну, теперъ почынается наша шлюбна подорожъ!

У Видни мы сталы рано. Я бувъ безтямный, ошеломленый, а вона—мовъ зовсимъ ничого. Поклыкала пакера, заговорыла до нёго чыстисенькымъ виденьскымъ діалектомъ, щобъ замовывъ намъ фіякра, и мы зайихалы до якогось готелю. Тамъ намъ далы дви гарни кимнаты, и въ ныхъ я прожывъ зъ Киценькою чотыри дни—чотыри найсчаслывійши дни моёго жыття. Що я буду тоби опысуваты те, що пережывъ тоди! Таки ричы не опысуются, а хто ихъ не пережывъ самъ, той не видчуе ніякого опысу, а головна ричъ, кождый изъ тыхъ счаслывцивъ, якымъ выпадають на долю подибни дни, пережывае ихъ по своёму. Киценька розсыпала передо мною вси чары своеи красы, свого доброго, справди золотого серця, свого незвычайного розуму. Кожда хвылына моёго побуту зъ нею видкрывала мени въ ній щось нове, прынадне, любе. А ни одна хмарыночка, а ни одно непорозуминня, а ни одна брутельна чы цынична рысочка не закаламутыла того свитлого, чыстого образа, якый зложывся въ моій души въ іи подобызну. Все и всюды вона була супроты мене така суцильна, натуральна и, бачылось, непорочна душею, а пры тимъ весь спосибъ іи поводження выявлявъ стильки простоты и делікатносты, що я тильки тоди пизнавъ, до якои высоты може цивилизація пиднесты людыну, а специяльно жинку. И я всимъ своимъ еством поклонывся тій цивилизаціи и поклавъ служыты ій усе свое жыття, шырыты хочъ ти слаби іи проминчыкы, яки здужавъ захопыты. А дывлячыся на Киценьку и любуючыся нею, я въ души запытувавъ себе, видкы се и якымъ правомъ я, бидный Рутенець, прыходжу до того, щобъ роскошуватыся такою перлыною людського роду?

Було щось загадкове, таемныче въ іи повединци, якись нагли скокы, мовъ непереможени порывы якоись темнои сылы. Я килька разивъ запытувавъ іи, благавъ, щобъ видкрыла мени свою душу, подилылася зо мною всимъ тымъ, що тысне и турбуе іи. Вона якось мылосердно всмихалася пры тыхъ словахъ, гладыла мене по-пидъ бороду та говорыла:

— Ну, ну, ты дурненькый! Годи тоби.

А потимъ сяде до фортепьяна, вдарыть килька акордивъ и затягне писню. Спивала и грала чудово—бодай я ни передъ тымъ, ни потимъ не чувъ ничого кращого. Особлыво любыла одну писеньку—може й сама зложыла іи...

Въ день мене любыть
Сонце въ простори,
Я жъ покохала
Ничніи зори.

Въ день мене сонце
Цилуе въ очи,
Серденько жъ прагне
Темнои ночи.

Якъ бы я мала
Надъ сонцемъ сылу,
Я бъ його вклала
Въ темну могылу.

Я бъ заминяла
Сонце за свичку,
Вси дни бъ виддала
За одну ничку.

— А проспивавшы кынется до мене, цилуе и пестыть и прыговорюе:

— Розуміешъ се? Розуміешъ? Знаешъ, яка я? Ну, то не допытуйся дали.

Я не розумивъ, не хотивъ розумиты ничого по-надъ те, що давала мени хвылына. Одно тильки я прочувавъ, що такыхъ хвылынъ ніякому чоловикови въ свити, а тымъ менше мени, не могло судытыся багато.

Отъ тымъ то мене майже зовсимъ не здывувало, колы збудывшыся пьятого дня, я не заставъ Киценькы на іи лижку и колы поклыкана моимъ дзвинкомъ Zimmermädchen сказала мени, що «die gnädige Frau ist verreist». Правда, у мене пры тій видомосты зробылося на души такъ, немовъ нади мною раптомъ погасло сонце, але заразъ же потимъ прыйшла рефлексія и почала

шептаты мени: «А ты жъ якъ думавъ? Воно лыше для тебе свитыть? И для тебе сходыло? Будь радъ, що й стильки бачывъ ёго?»...

Якыйсь часъ я снувавъ по покояхъ, мовъ непрыкаяный, не знаючы що робыты, за що взятыся. Потимъ, глянувшы на іи нахткастлыкъ, я побачывъ на нёму лыстъ зъ напысомъ на конверти. «Fidelio». Се мене вона назвала тымъ романтычнымъ именемъ. Я отворывъ той лыстъ и прочытавъ. И раджу тоби тако жъ прочытаты ёго. Нехай винъ самъ говорыть за себе. Тымъ бильше, що я теперъ и не потраплю высловыты тоби й сотои часты того вражиння, яке винъ тоди зробывъ на мене. Ось нá тоби ёго Бачышъ, я справывъ соби на нёго срибну пушку—одыноку люксусову ричъ, яка йе у мене. Бо се жъ найбильша моя святисть. одынока памьятка жинкы, що разъ на все заповныла мою душу. Чытай и миркуй самъ, що маю судыты про неи.

И винъ изъ окремои шуфлядкы свого столыка вынявъ невелычку, гарно зроблену пушку, видчынывъ іи и вынявъ изъ неи маленькый лыстокъ у незапечатаній коверти. Закымъ податы ёго мени, винъ прытулывъ ёго до устъ.

— Ще чуты запахъ тои перфумы, яку вжывала вона тоди,— мовывъ Опанасъ, и по короткій мовчанци додавъ,—знаешъ, я не забобонный, але поклавъ соби въ души таке вируванне: докы видъ сёго лыста чуты іи перфуму, доты я певный, що вона жыве, и значыть, доты можу надіятыся, що вона ще верне до мене

Я розгорнувъ лыстокъ, пысаный дуже гарнымъ жиночымъ почеркомъ на моднимъ передъ десятьма рокамы лыстовимъ папери, и прочытавъ ось що:

«Дорогій мій Fidelio! Пора намъ розійтыся. Я йиду, куды кlыче мене доля. Не сердься, що выйизжаю безъ прощання. Виръ мени, такъ буде лыпше. И не вынувать мене, що корыстуюся грошмы, яки ты подарувавъ мени. Беру ихъ якъ доказъ твоеи любовы. Я дала тоби за ныхъ те, що могла даты на разі, и вважаю себе на дали твоею довжныцею. Надіюся, що прыйде

ще часъ мени поквитуваты тебе. Вирю въ твою вирнисть и щыристь, що ты не обвынуватышъ и не будешъ пошукуваты мене. Се зъ рештою и не прыдалось бы ни на що. А теперъ слухай моеи рады. Вертай назадъ до свого ридного краю. Кинчи студіи, здобувай соби жытеве становыще. И докы у тебе въ души не вытасне спомынъ про мене, не забувай хочъ до року напысаты мени пару сливъ на адресъ: A. Z. № 12. Wien VIII: назва. Якъ жывешъ, чымъ займаешся, чы жонатый,—чуешъ, се доконче—и яка твоя адреса. Чы дистанешъ колы яку видповидь видъ мене, чы ни, а ты не забудь напысаты. Се потрибно. А теперъ бувай здоровъ! Ты спышъ солодко. Цилую тебе въ чоло. Твоя Киценька.

P. S. Нашъ готелевый рахунокъ я выривняла. Тоби на дорогу и на першы потребы лышаю въ твоій вализци сто гульденивъ. Бильше не можу. Ну, до побачення!»

— Ось тоби и уся моя драма,—мовывъ зитхаючы Опанасъ, колы я, дочытавшы лыстъ, зложывъ его и виддавъ ему, а винъ зновъ обережно поцилувавъ его, сховавъ до пушкы, а пушку до столыка.

— Ну, и щожъ ты зробывъ потимъ?—запытавъ я.

— Зробывъ усе такъ, якъ велила вона. Не шукавъ за нею, пойихавъ изъ Видня, а зрикшыся разъ на все всякои думкы про каріеру, пишовъ зи Львова до Станиславова, скинчывъ тамъ учытельську семынарію, зробывъ испытъ и отсе вже пьять литъ учытелюю тутъ у горахъ та сію потроху зерно цивилизаціи въ темнимъ закутку.

— А до неи пышешъ?

— Разъ на рикъ. Коротко, безъ чутлывосты, подаю лыше реляцію изъ мого жыття, свою адресу и поздоровлення тай годи.

— А диставъ колы видповидь?

— Николы. А ни слова.

И не знаешъ, де вона, що зъ нею?

— Ничогисенько не знаю. И байдуже мени. Люблю іи, жыву спомынамы про неи,—и досыть мени. И ти спомыны пидтримують мене въ тяжкыхъ злыгодняхъ. А зъ по-за туманивъ

невидомого все мовъ іи била рука кывае до мене и чуется іи остатне слово: «До побачення»!

Опанасъ замовкъ, задумався. Лампа почала погасаты. Мы полягалы спаты.

Другого дня мы по сниданню обыдва выбралыся въ дорогу. Опанасъ провивъ мене до мисточка, куды було треба. Винъ бувъ замысленый, але спокійный, оповидавъ про свои заходы коло просвиты селянъ та економичного пидвыгнення, про свою ненастанну боротьбу зъ властямы. Про Киценьку не було а ни згадкы.

VIII.

Мынуло звышъ пьятнадцять литъ видъ того часу. Я зновъ стратывъ зъ очей Опанаса, тымъ бильше, що на два, чы тры мои лысты до ёго не одержавъ видповиди. Ажъ литомъ 1904 р. я побачывся зъ нымъ на вичу галыцькыхъ и буковынськыхъ учытеливъ. Винъ значно постарывся, посывивъ, запустывъ велыку бороду, але все-такы держався просто, бувъ статный и крипкый, говорывъ смило. Давнёго заляканого погляду, меланхолійного зитхання не було а ни слиду. Се бувъ очевыдно чоловикъ, якый знавъ, що и по що робыть, а чуючы за собою совисну и позытывну працю, глядыть кожному смило въ очи. Мы прывиталыся сердечно, умовылыся, де маемо здыбатыся по вичу, а зійшовшыся ввечери, пры склянци пыва, розбалакалыся.

— Ну, що тамъ твои горы?—запытавъ я въ Опанаса.

— Го, го, мои горы!—видповивъ винъ.—Такы воны мои, якъ твои. Я вже давно зъ гиръ. Видъ того часу, якъ мы бачылыся,—осьми мои переносыны.

Мы побалакалы про ти переносыны та ще про де-що, та Опанасъ выдно ждавъ видъ мене якогось пытання, на яке у ёго готова була видповидь. А не можучы диждатыся того пытання видъ мене, винъ нарешти нахылывся до мене и прытышенымъ голосомъ запытавъ:

— Ну, а про неи не пытаешъ?

— Про кого бъ то?

— Ну, а про Киценьку.

— Що жъ про неи пытаты? Хиба сталося щось нового?

— А вже жъ сталося. Вона вернула до мене. Я вже бувъ у К., недалеко Дрогобыча. Одного вечора прыйиздыть до мене фіякеръ и на ёму дама вся въ чорному, закрыта чорнымъ серпанкомъ.

— Здоровъ бувъ Fidelio,—скрыкнула ще зъ воза. Голосъ іи бувъ, мовъ переломаный, але я пизнавъ іи видъ разу.—Ось бачышъ, я до тебе!

Я помигъ ій злизты зъ воза. Властыво я занисъ іи майже зовсимъ на рукахъ. Була легенька, якъ дытына. Колы стала на земли, я почавъ цилуваты іи рукы.

— Ну, ну, дай спокій!—мовыла вона.—Я прыйихала до тебе вмираты.

И пры тимъ вона видкынула заслону зи свого лыця. Було блиде, зъ выпеченымы на щокахъ румянцямы. Уста булы блиди, очи горилы. Я взявся потишаты іи, хочъ у самого серце мовъ клищамы здавыло.

— Ни, вже, сынку, не балакай ничого!—мовыла вона.—Я вже знаю, по що прыйихала. Докы була сыла, я розсыпала іи по свиту. Докы була краса, я чарувала нею. Докы було здоровья, я счастыла нымъ. Я жыла—що вже казаты. А теперъ прыйиздкаю до тебе вмираты. Прыймешъ? Не бійся, я довго не потягну.

У мене слёзы брызнулы зъ очей.

— Э ты, бачу, ще не позбувся сентиментальносты. Ну, ну, дай спокій! Встыгну ще набрыднуты тоби. Мовъ хвороба така, якъ той чехъ казавъ: «Ne boj se, ja te budu pomalenku rizal». Я для того и носыла іи зъ собою отсе вже тры рокы, щобъ не надто докучаты тоби. А гарно тутъ у тебе! Треба буде питы та роздывытыся по кладовыщи та вынайты соби мисце спочынку до вподобы.

Вона говорыла майже весело, хоча по кожнимъ реченю урывала и важко дыхала. Въ грудяхъ чулося легесеньке харчання.

И кожде іи слово, кождый отакый тонъ изъ іи грудей ризавъ мене по серци.

Прожыла у мене ще висимъ мисяцивъ. До самого кинця держалася на ногахъ, була весела, хоча говорыла вже майже лыше шептомъ. На моій намови узяты шлюбъ зи мною видповидала все однымъ ришучымъ: «ни». Мусыла бъ показаты мени свою метрычку (спалыла іи давно), выявыты свое дійсне имя и прозвыще, а цёго не зробыть ни за що. Я называвъ іи Галею, и вона полюбыла се имя. Хто вона була, видкы и якого роду, се лышылося тайною, яку вона и понесла зъ собою въ могылу. На тыхимъ сельськимъ кладовыщи въ тини прыстарои лыпы я поховонывъ іи видповидно до іи воли въ простій деревьяній домовыни, въ тій одежи, яку сама соби прыготовыла на смерть. А ни хреста, а ни надгробного каменя на своій могыли не велила класты. «Жыття дало мени все, що могло даты, нехай же и смерть бере все, що може взяты»—говорыла вона.

— Дывно дило Боже отака жинка,—додавъ Опанасъ по вхыли роздумы.—Глядышъ на неи зъ боку—пропаща. И сама вона не вважае себе ничымъ лишшымъ. А пиды жъ ты, яка сыла въ ній! Однымъ своимъ позыркомъ, однымъ, може навить несвидомымъ, рухомъ, однымъ недбало кыненымъ словомъ вона може зипхнуты чоловика въ безодню и може пидняты ёго и попхнуты до праци, до посвячення.

— Не всякого чоловика, Опанасе,—додавъ я.—А килько то було такыхъ, передъ кымъ твоя Киценька весь свій викъ розсыпала чары своеи красы та перлы своеи граціи та блыскы свого розуму и все-такы не попхнула ихъ никуды. Все се було для ныхъ «акы усерязь златъ въ ноздрехъ свиній»; перлы сыпалысь передъ ныхъ лышъ на те, щобъ воны моглы топтаты по ныхъ. На се треба маты такожъ певну здибнисть, треба маты, що такъ скажу, въ своій души свою «батькивщыну».

Иванъ Франко.

Злоключеніе трехъ кіевскихъ студентовъ въ прошломъ столѣтіи.

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ".

I.

Хорошо было въ Кіевѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1868 г. Потому, можетъ быть, такъ хорошо было тогда, что это была пора нашей молодости, когда мы собирались разставаться съ нашей alma mater. Погода стояла замѣчательная; цвѣты цвѣли роскошно; воздухъ сохранялъ еще свѣжесть и влажность, но въ его теплотѣ была какая то живительная сила, которой набраться намъ хотѣлось какъ можно больше, ибо время было трудное—время экзаменовъ, для меня послѣднихъ въ моей жизни. Сбывши какой то устный экзаменъ, наканунѣ письменнаго по русской словесности у А. И. Селина, зашелъ я послѣ обѣда къ одному изъ «вѣчныхъ» студентовъ, филологу Аристову.

— Пойдемъ за городъ!—сказалъ я ему, входя въ его конуру. Она помѣщалась противъ ботаническаго сада по Шулявской, «за яромъ», который былъ тогда на мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время построены зданія дѣтскаго пріюта и расположенъ садъ этого заведенія.

Аристовъ жилъ всегда впроголодь, писалъ стихи и никакъ не могъ собрать требуемыхъ за право ученія 40 руб. въ

годъ. Оттого и сталъ «вѣчнымъ» студентомъ. Когда не было у него ни уроковъ, ни заработка въ «Другѣ Народа» или «Календарѣ», то онъ цитировалъ:

«Я—царь, я—рабъ!
Я—червь, я—Богъ!»

съ особеннымъ удареніемъ на словахъ «рабъ» и «червь». Изъ года въ годъ онъ дѣйствительно все болѣе и болѣе погружался въ «рабство», пока, не кончивъ университета, сталъ дѣйствительно формальнымъ рабомъ двухъ названныхъ редакцій. Позже ему удалось издать сборникъ своихъ стихотвореній.

Формы студенты тогда не носили; его потертый, засаленный штатскій сюртучишко, слабо прикрывавшій грязные откладные воротнички когда то очень давно вымытой и накрахмаленной рубахи, съ невзрачностью всей фигуры, несмотря на поэтически разбросанную кучу русыхъ локонъ на головѣ, дѣлали его похожимъ скорѣе на подмастерье сапожника, чѣмъ на студента.

— Хотя вы «рабъ и червь» теперь, но вѣдь при такой погодѣ всякій червь выползаетъ изъ своей норы; а вамъ и подавно провѣтрить нужно и себя, и комнату вашу, прокопченную смраднымъ дымомъ! (Сочиняя стихи, Аристовъ много курилъ и, конечно, табакъ 3-го сорта, котораго четверть фунта стоила тогда 10 к.). Отворите окно и оставьте такъ, а сами пойдемъ въ Байкову рощу!—приставалъ я къ нему.

— Нѣтъ! я теперь—Богъ, я—Царь! Какой сонетъ сегодня у меня вылился на тему—«земщина» по ученію славянофиловъ! (Нужно замѣтить, что тогда о новыхъ земскихъ учрежденіяхъ писалось много въ высокопарно-символистическомъ тонѣ).

— Да какіе сонеты могутъ выйти въ такой смрадной атмосферѣ? Не разсуждайте! идемъ!

— Идти,—пойдемъ, но только не въ Байкову, гдѣ близость кладбища напоминаетъ о бренности всего земного. Я вѣдь теперь воспѣваю жизнь, которая наступитъ, когда Кіевъ соединится желѣзною дорогою съ другими центрами культуры: туда, туда! туда

на югъ хотѣлъ бы я... Пойдемъ, посмотримъ, какъ сооружають путь цивилизаціи въ нашу праматерь городовъ русскихъ.

— Ну и прекрасно! «Туда», но только поскорѣе «отсюда», — сказалъ я. Мнѣ тоже хотѣлось увидѣть, какъ насыпають машиною желѣзную дорогу; а тогда только что начали строить Кіево-Балтскую дорогу.

Мы отворили окно, заперли дверь студенческой комнатки, за которую онъ платилъ 4 рубля въ мѣсяцъ, спустились по Шулявской на Жандармскую и зашли еще на одну студенческую квартиру, гдѣ жилъ естественникъ Дорошенко. Онъ тоже держалъ экзаменъ. Уроженецъ пирятинскаго уѣзда, по окончаніи Кіевскаго университета, онъ поступилъ въ Медико-Хирургическую академію, а потомъ служилъ до смерти своей въ полтавской губерніи земскимъ врачемъ. Это былъ брюнетъ дебелаго тѣлосложенія, рѣдко говорившій по-русски, и считался закоренѣлымъ хлопоманомъ или хохломаномъ, т. е. тѣмъ, что теперь называютъ украинофиломъ. Съ нѣсколькихъ словъ Дорошенко къ намъ также присталъ, и всѣ втроемъ по Жилянской, а дальше по зеленому лугу, отдѣлявшему тогда Кадетскій корпусъ отъ города, мы направились въ Кадетскую рощу. День былъ такой, когда по росписанію владѣльцевъ пруда, изъ котораго беретъ начало рѣка Лыбедь, мужчины купались послѣ обѣда. Мы не преминули воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. А намъ вѣдь предстояло наглядным наблюденіемъ рѣшить довольно интересный споръ. Одинъ изъ насъ утверждалъ, что полотно желѣзной дороги должно непремѣнно насыпаться по направленію прямой; другіе два думали, что оно можетъ дѣлать изгибы и закругленія и что насыпь, которую мы уже видѣли отъ шоссе до пруда, дальше въ рощѣ сдѣлаетъ заворотъ налѣво. Вѣдь тогда мы, кіевскіе студенты, только слышали, что строится желѣзная дорога Курско-Кіевская, но она еще до Кіева не была доведена; что гдѣ то подъ Одессою и отъ Петербурга до Москвы и до Острова существуютъ желѣзныя дороги; но какъ онѣ насыпаны — по прямой-ли линіи, или съ заворотами, — это видѣли только рѣдкіе изъ насъ. Въ спорѣ по этому вопросу мы прошли по насыпи очень небольшое про-

странство, и только соблазнъ выкупаться прекратилъ наши дебаты. И купались мы торопливо, приводя тѣ или другіе доводы въ пользу защищаемаго мнѣнія, ибо за вербами, окаймлявшими прудъ, намъ слышался шумъ, очень насъ занимавшій. Тамъ работала «машина», настоящая машина, которую тогда называли и пароходомъ и паровозомъ и другими, странными и не вполнѣ еще ясными для насъ терминами, какъ теперь, напримѣръ, не для всѣхъ еще ясенъ терминъ «радіоктивность».

Пароходы «Опытъ», «Днѣпръ» и еще какой то мы уже видѣли; я сподобился даже на одной изъ такихъ машинъ на каникулахъ съѣздить до Ржищева «на кондицію» и возвратиться назадъ въ Кіевъ; потомъ пароходомъ же я ѣзжалъ до Черкассъ на свадьбу товарища Объ этой машинѣ на водѣ у насъ было самое ясное представленіе. О сухопутной же мы знали только изъ пѣсни Глинки:

«Дымъ столбомъ, кипитъ, дымится пароходъ!
Пестрота, разгулъ, движенье, ожиданье, нетерпѣнье»...

Какими колесами, на какихъ рельсахъ, какъ положенныхъ и укрѣпленныхъ, при помощи какихъ приспособленій, передающихъ движеніе, идетъ такой сухопутный пароходъ,—все это было для насъ и темно и заманчиво. Хотя мы слышали, что машина, возящая землю изъ глубины Кадетской рощи въ долину деревень Шулявки и Соломенки,—еще не такая, какая будетъ возить и людей и грузы, а только рабочая; но все же она и не такая, какую чертилъ намъ на доскѣ учитель физики, разсказывая о паровыхъ машинахъ, и увидѣть ее своими глазами очень хотѣлось, чтобы потомъ, добавивши воображеніемъ quae mutanda sunt, представить себѣ и настоящій паровозъ.

Изъ глубины рощи раздался свистокъ,—и противъ насъ показалась машина, подскакивавшая на неровно положенныхъ рельсахъ. Мы шли въ это время между воздвигаемою насыпью и канавою сажня въ два шириною; изъ нея прежде брали землю для насыпи, а теперь она была оставлена и наполнена дождевою водою. Когда машина стала приближаться къ намъ, мы останови-

лись, чтобы лучше разсмотрѣть, какою системою рычаговъ приводятся въ движеніе ея колеса и такъ ли передается имъ вращательное движеніе, какъ въ рѣчномъ пароходѣ? На машинѣ, не то въ блузѣ, не то въ заселенномъ пиджакѣ, стоялъ какой то черный человѣчекъ и, махая на насъ рукою отъ себя, кричалъ намъ что то по-французски; но такъ какъ мы стояли сажня на полтора отъ невысокой насыпи, по которой двигался поѣздъ съ платформами, наполненными землею, то мы не двигались съ мѣста, а вниманіе всѣхъ шести глазъ нашихъ было обращено на колеса. Поровнявшись съ нами, машинистъ повернулъ какую то ручку, и тотчасъ со свистомъ и шипѣніемъ хлынула струя пару, такъ что мы должны были пригнуться, чтобы не быть забрызганными.

Мимо насъ, постепенно замедляя ходъ, проѣхали всѣ платформы съ землею, на которыхъ сидѣли въ однѣхъ рубахахъ рабочіе съ кирками и лопатами. Поѣздъ остановился. Машинистъ французъ закричалъ рабочимъ:

— Ребятъ! Полошитъ ихъ на вода̀!

Мигомъ душъ 15 рабочихъ соскочили съ платформъ и ринулись на насъ. Отступленіе возможно было только въ направленіи къ канавѣ. Сообразивъ, что силы въ бою будутъ крайне неравны, мы и ретировались въ этомъ направленіи. Я и Аристовъ успѣли уже вскочить въ канаву, съ края которой была только маленькая грязь, а дальше и вода меньше, чѣмъ до колѣна глубиною, а слѣдовательно, такая, которую можно было бы перебѣжать, чтобы скрыться отъ преслѣдователей на другую сторону. Дорошенко, самый сильный изъ насъ, сообразилъ, что вода въ канавѣ не остановитъ преслѣдователей,—въ большинствѣ босыхъ; ему, вѣроятно, захотѣлось поддержать свою честь, а не предаваться безславно бѣгству: у границы суши и воды, онъ мгновенно обернулся лицомъ къ врагу и кулакомъ хотѣлъ треснуть перваго настигшаго его; но тотъ ловко отдернулъ голову назадъ, такъ что кулакъ Дорошенка попалъ въ ширинку рубахи и разорвалъ ее до самого низу. Съ гикомъ бросились на

насъ другіе подбѣжавшіе, и всѣ мы были смяты и повержены въ воду.

На срединѣ канавы, еще разъ толкнувши каждаго изъ насъ носомъ въ грязь, побѣдители возвратились на свой берегъ, къ платформамъ, а мы, такъ или иначе подскакивая въ желтой водѣ, выбрались на противоположный. Французъ на локомотивѣ выражалъ звуками свой восторгъ и грозилъ намъ кулакомъ, подзадоривая рабочихъ продолжать битву.

— Креста на васъ нѣтъ, православные!—кричалъ Аристовъ: людей топить захотѣли, чтобы угодить своему французу!

— Яки воны въ чорта православныи! Таки жъ бусурмены, якъ и Иродъ той плюгавый!—продолжалъ его возгласы Дорошенко:—самъ не бійсь не посмивъ посунутысь на насъ, а васъ, чортовыхъ дитей, наславъ!..

— Да гдѣ у васъ тутъ начальникъ надъ рабочими?—кричали мы, чувствуя себя уже до извѣстной степени въ безопасности по сю сторону канавы.

— Оттамечкы у лисъ пройдить трохы: тамъ и контора збудована!—совѣтовали намъ, разгружая платформы, оставшіеся на платформахъ рабочіе, не принимавшіе участія въ нападеніи.

Очищая свои платья, на сколько можно, отъ грязи, выливая изъ ботинокъ и сапогъ воду, мы слышали, какъ на той сторонѣ канавы раздавались и сочувственные намъ голоса.

— Да й ты жъ, Семене! Чы жъ можно справди такъ людей пхаты у багнюку?!

— А чого жъ воны ще й огрызаются!

— Огрызнувся бъ и ты, якъ бы тебе топыты хто ставъ!

Французъ, когда рабочіе, очистивши отъ земли всѣ платформы, стали расходиться на ночлегъ въ хатки Шулявки, возился со своею машиною и, какъ ни въ чемъ не бывало, отдавалъ приказанія уходящимъ:

— Кондратъ! Иванъ! Пошалюсть, завтрѣ рано-рано выходитъ... и т. п.

Мы чувствовали себя на самой низшей ступени бытія. Мой исковерканный зонтикъ въ грязи никакъ не могъ принять вида

на столько приличнаго, чтобы его можно было нести по Жилянской при возвращеніи назадъ. Не только спереди жилеты и сюртуки мы не могли очистить отъ желтой липкой глины, но даже и спинамъ, вычищая ихъ другъ другу, не могли придать надлежащаго вида.

— Что же это такое? Вѣдь и послѣдній рабъ у повелителя своего можетъ защиту найти!—воскликнулъ Аристовъ:—вѣдь какой бы земли или какой орды мы ни были рабами, но есть же и надъ рабами какое-нибудь начальство! И у этихъ рабовъ француза, вѣроятно, въ той лѣсной конторѣ есть какой-либо царь, или правитель! Идемъ туда искать какого ни на есть удовлетворенія!

Солнце уже сѣло и наступали сумерки. Подъ ихъ благодатнымъ прикрытіемъ мы могли въ контору явиться такъ, что тамъ не замѣтили бы нашего униженнаго, оскорбленнаго и обезчещеннаго грязью вида.

Въ лѣсу на крылечкѣ небольшого лѣтняго домика кто то сидѣлъ.

— Можно ли видѣть г-на инженера, завѣдующаго работами?—спросили мы у него и изложили смыслъ нашихъ претензій.

— Онъ—въ городѣ; утромъ и пополудни бываетъ тутъ; но заявленія, подобныя вашимъ, онъ и слушать не станетъ: некогда ему всякими пустяками заниматься!

— А если бы свора вашихъ дикарей рабочихъ по приказу еще большаго дикаря убила кого-нибудь изъ насъ, то и это пустяки были бы по вашему? Позвольте намъ листъ бумаги, чтобы написать заявленіе!

— И бумаги у меня, господа, нѣтъ, и свѣчи нѣтъ, и спать мнѣ пора. Захотите, то прійдете завтра, часовъ въ 10—11 г. инженеръ будетъ тутъ—сказалъ этотъ, не то письмоводитель, не то сторожъ, не то десятскій при рабочихъ, и ушелъ въ свою комнатку.

Мы пошли черезъ лѣсъ, огибая какъ можно дальше зданіе Кадетскаго корпуса, чтобы не встрѣтить кого-либо. Прелесть природы и въ лѣсу, и на чистомъ полѣ, куда мы затѣмъ вышли,

утратила для насъ всякое значеніе. Обида, оскорбленіе ни за что ни про что, безсиліе реабилитировать свою честь представлялись намъ столь грандіозными, что ничего, кромѣ отрывочныхъ фразъ, мы не могли сначала произносить.

— А знаете ли что: разскажу я все завтра Александру Ивановичу передъ экзаменомъ. Дастъ же онъ какой-нибудь совѣтъ!—сказалъ я. На томъ и порѣшили.

II.

Далеко раньше 10 часовъ утра на слѣдующій день я былъ уже въ IV аудиторіи, гдѣ назначенъ былъ намъ письменный экзаменъ по русской словесности и славяновѣдѣнію. Изъ окна аудиторіи я увидѣлъ, что деканъ нашего факультета, Александръ Ивановичъ Селинъ, прогуливается въ ботаническомъ саду по верхней дорожкѣ, параллельной зданію университета. Я спустился внизъ и пошелъ въ садъ.

— Красотами природы полюбоваться захотѣли передъ экзаменомъ?—спросилъ онъ меня, когда я подошелъ къ нему и поклонился.

— Нѣтъ, Александръ Ивановичъ! Я къ вамъ, какъ къ декану нашему, съ просьбою дать совѣтъ по очень важному дѣлу. Насъ, студентовъ, бьютъ, издѣваются, унижаютъ!..

— Какъ? что? бьютъ? Присядемъ, разскажите!

Я разсказалъ все вчерашнее происшествіе чуть не со слезами въ голосѣ и на глазахъ.

— Да! но скажите: вы то, вы чѣмъ вызвали такую дикую самораспраку? Не вы ли начали задирать противниковъ?

— Могу поклясться, что нѣтъ. Мы тихо и чинно стояли, желая присмотрѣться къ механизму.

— Такъ знаете ли что? Время еще до экзамена есть: пока я тутъ погуляю, да пока соберемся,—бѣгите вы къ попечителю и разскажите ему все такъ, какъ мнѣ разсказали: «Вы, скажите, печетесь о насъ, посвятившихъ себя высшему развитію, вы насъ и защитите»!

Попечитель учебнаго округа, Платонъ Александровичъ Антоновичъ, жилъ въ первой гимназіи. Двухъ, трехъ минутъ было достаточно, чтобы я явился къ нему, получилъ аудіенцію и опять разсказалъ ему обо всемъ нашемъ злоключеніи.

— Да, да! Да, да!—кивая головою, произносилъ онъ, пока лилась моя эпопея.—Но правда ли, что вы, съ своей стороны, ничѣмъ не вызвали этого нелѣпаго поступка со стороны француза, что все было именно такъ, какъ вы разсказали, и что вы ничего не скрыли отъ меня про свои, можетъ быть, непозволительныя выходки?

— Могу, ваше превосходительство, честнѣйшее слово дать, что мы никого и ничѣмъ не раздражали.

— Ну, хорошо! идите, держите экзаменъ, а я сейчасъ же побываю у генералъ-губернатора! Правду говоритъ вашъ профессоръ, что нужно защищать тѣхъ, кто собирается служить просвѣщенію нашей родной земли. Мало вѣдь васъ, студентовъ, и, вообще, людей съ высшимъ образованіемъ. Идите съ Богомъ!—И онъ меня перекрестилъ.

Еще и другой разъ, лѣтъ шесть послѣ этого случая, когда онъ далъ мнѣ отставку отъ службы по Министерству Народнаго Просвѣщенія, онъ сдѣлалъ то же, и эти два мометна проявленія какого то любовнаго, родственнаго чувства совершенно посторонняго для меня человѣка, и при томъ высшаго начальника моего, крѣпко запечатлѣлись въ моей памяти. Въ гимназіи учился я въ періодъ Пироговскій. Тогда режимъ былъ особый. Этотъ попечитель являлся на сходки студентовъ и вносилъ въ разъяренные дебаты молодежи элементъ логической послѣдовательности и примирительную струю высшихъ идеаловъ просвѣщеннаго человѣка. А въ гимназіяхъ (то 2-й, то 1-й) на субботнихъ собраніяхъ гимназистовъ для «собесѣдованій» его сократическій методъ расшевеливалъ въ насъ такіе пріемы діалектики, которые мы, впослѣдствіи пережевывая въ своихъ спорахъ по нѣскольку разъ, не могли признать ни за что иное, какъ за путь къ святой истинѣ, вытекающей изъ неумолимой логики. То было вліяніе на мозги наши, а экспансивность сердечныхъ чувствъ другого попе-

чителя—вызывала у насъ соображенія, что, кромѣ истины и логики, просвѣщеннымъ людямъ не должны быть чужды еще и любовь, и стремленіе къ правдѣ!

— Да, теперь правда восторжествуетъ! будьте покойны!—сказалъ мнѣ Селинъ, когда я, явившись на экзаменъ, отрапортовалъ ему, что сказалъ попечитель.

Билетъ, который я взялъ для письменнаго отвѣта, выпалъ на ту тему, какую я три года назадъ разрабатывалъ спеціально для полукурсового сочиненія. Потому я раньше другихъ окончилъ свой письменный отвѣтъ, и уже часа въ два былъ дома. Едва успѣлъ я кончить обѣдъ, какъ хозяйка мнѣ объявила, что въ наши овраги, заваливаемые по тогдашнему обычаю «гноемъ», пріѣхалъ «въ каретѣ» полиціймейстеръ съ какимъ то паномъ съ портфелемъ!

Послѣдній оказался губернаторскимъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, котораго я зналъ, какъ прекраснаго выполнителя роли Подколесина въ любительскомъ представленіи «Женитьбы». Появленіе его вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ Фонъ-Гюббенетомъ сразу внушило мнѣ мысль, что теперь торжество на нашей сторонѣ: человѣкъ, играющій піесы Гоголя, не можетъ не стать на защиту праваго дѣла!—соображалъ я.

Распросивши меня въ чемъ было дѣло, оба высокопоставленныя лица, наряженныя для предварительнаго дознанія, пригласили меня къ себѣ въ четырехмѣстное ландо, и мы отправились на мѣсто вчерашняго происшествія. Я указалъ мѣсто, гдѣ мы шли, гдѣ насъ клали «на водá» и пр. При объясненіяхъ съ инженеромъ полиційместеръ обратилъ его вниманіе на то, что нигдѣ не выставлено объявленій о воспрещеніи ходить вблизи насыпаемаго полотна. Инженеръ расхваливалъ способности француза Francois Tabutôt, машиниста, который за день перевозилъ вдвое большее количество кубовъ земли, чѣмъ его предшественникъ русскій. Относительно же нашего инцидента сказалъ, что первый разъ слышитъ о немъ. Когда мы проходили мимо рабочихъ по насыпи, я разслышалъ уже создавшуюся про меня легенду, по которой выходило, что я—или сынъ, или племянникъ

губернатора,—оттого и полиціймейстеръ такъ скоро пріѣхалъ разслѣдовать дѣло.

Какъ только привезли меня домой, я тотчасъ же побѣжалъ разсказать обоимъ моимъ товарищамъ по бѣдѣ о торжествѣ нашемъ. Что дальше будетъ,—мы хорошо не знали, хотя Дорошенко предупреждалъ, что страданія наши на этомъ не кончились, что будетъ еще «тяганына» по судамъ и т. п.

Вечеромъ мнѣ прислано было черезъ полицейскаго приказаніе явиться на другой день къ губернатору. Туда же явились полиціймейстеръ, чиновникъ губернатора, Fr. Tabutôt во фракѣ, и въ качествѣ переводчика его—инженеръ, расфранченный по послѣдней модѣ. Когда я по требованію губернатора еще разъ разсказалъ о происшествіи, онъ обратился сначала къ инженеру по-русски, а затѣмъ, повысивъ голосъ, по-французски къ Табюто.

— Какъ можете вы допускать такое самоуправство! Вѣдь могло случиться, что у молодыхъ людей были бы револьверы или другое оружіе,—чѣмъ бы это могло окончиться?!

Инженеръ восхвалялъ распорядительность и работоспособность француза, а послѣдній на какой то вопросъ, поставленный губернаторомъ, отвѣтилъ:

— Я нэ топитъ людей сказалъ! je dis: «положитъ ихъ на вода́»!

Эта наивность вывела губернатора изъ себя. Онъ сталъ разъяснять французу, что и Россія такая же страна, гдѣ безопасность личности ограждена законами, какъ и во Франціи, и что напрасно онъ думаетъ, что тутъ живутъ дикари. На объясненія же француза по-французски, что «вода» не смертельная стихія, онъ еще рѣзче ему замѣтилъ, что дѣло не въ водѣ и грязи, а въ оскорбленіи ни въ чемъ неповинныхъ людей, и заключилъ свое наставленіе распоряженіемъ:

— «Je vous arrêste, monsieur»!

Это рѣшеніе поразило инженера. Ссылаясь на то, что ходъ работъ по постройкѣ дороги очень замедлится при арестѣ Та-

бюто, онъ просилъ замѣнить арестъ внесеніемъ крупнаго залога. Но губернаторъ сухо ему сказалъ:

— Я не мѣняю своихъ распоряженій.

III.

Экзамены шли своимъ чередомъ и близились уже къ концу. Всѣ три студента получили повѣстку судебнаго слѣдователя явиться въ помѣщеніе Лыбедской части, въ тотъ домъ, гдѣ нѣкогда, во времена возстанія студентовъ противъ полковника Бринкена, на углу Шулявской (нынѣ Караваевской) и Владимірской была «общая квартира студентовъ». Домъ этотъ, куда мы явились въ четыре часа послѣ обѣда и гдѣ застали человѣкъ 8 рабочихъ изъ тѣхъ, что насъ топили въ грязь, заставилъ насъ вспомнить про Бринкена, его большую собаку и студента, героя легенды 50-хъ годовъ, съ его маленькою собачкою, которая на Крещатикѣ была смята полковницкою собакою; студентъ, осмѣлившійся ее отымать, прибитъ былъ лакеемъ полковника, изъ-за чего и произошелъ грандіозный актъ мести всѣхъ безъ исключенія студентовъ по отношенію къ человѣку, носившему военный мундиръ: онъ при выходѣ изъ театра былъ избитъ до полусмерти студентами въ формѣ. Мы, сначала сторонясь отъ враговъ нашихъ по дѣлу и прохаживаясь около нихъ, перебирали подробности этого Бринкенскаго дѣла. Мы сопоставляли свое положеніе съ положеніемъ нашихъ предшественниковъ. Тѣ носили треуголки и шпаги, когда облекались въ парадную форму; часть ихъ жила на общей квартирѣ, занятой теперь Лыбедскою «частью». Что случалось тогда съ однимъ студентомъ,—тотчасъ же знали всѣ остальные. Но ихъ сажали въ карцеръ на хлѣбъ и воду; мы же, явившіеся, какъ обыкновенные обыватели въ участокъ, хоть и не могли попасть въ карцеръ, за то едва ли могли разсчитывать, что за насъ заступятся всѣ студенты. Мы—съ одной стороны, студенты, а съ другой—и обыкновенные граждане, подчиненные суду и полиціи!..

— Но что же такъ долго не является слѣдователь, вызвавшій насъ сюда?

Этотъ общій интересъ объединилъ насъ, обвинителей, и обвиняемыхъ, которые сидѣли на ступенькахъ крыльца, и вовлекъ насъ въ мирный разговоръ съ ними.

— Да й сыла жъ у васъ, папычу, не абы-яка!—признавался рабочій, которому досталось отъ Дорошенка: цилу ничъ жинка зашывала сорочку, та дывувалася, яки сыльни папычи бувають, покы я розсказувавъ ій про ту історію!

— А якъ ты штовхонувъ мене у плече, то це ничого, думаешъ? Отъ якъ почнуть теперъ тягаты по судахъ, то й побачышъ, чы добре слухатысь усякого плюгавого хранцюзыка!

— А що жъ то насъ заразъ арештують, чи що?—интересовался другой:—чого це насъ у полыцію поклыкано?

— Слидуватель розпытуватыме про дило, якъ було!

— Та вже скильки роспытувалы—и прыставъ и хвартальный! Чого жъ ще бильше?

— Дакъ теперъ же новый судъ заводять—гласный! То полиція само по соби роспытувала, а слидователю треба усе зпысаты, щобъ яснійше було!—разъяснялъ Дорошенко положеніе дѣла:—то вы думаете, що чоловика впхнуты въ калюжу—выграшкы! Ни! новый судъ покаже вамъ, яки то выграшкы! Тягатымуть ще кильки мисяцивъ по слидствіяхъ, а тамъ ще й у кутузку мисяцивъ на пивтора або жъ на два запровторють!

— Да що жъ таке мы зробылы? Намъ що велять те й робы! Вже здилайте мылость, папычи, простить насъ на сей разъ, бо жъ мы хиба вынни?

— На сей разъ просты вамъ, а вы зновъ будете зъ вашымъ хранцузомъ розбійнычаты, та людей каличыты! Ни, не таки вже часы теперечкы! Да й мы сами вже теперъ не можемо васъ простыты, бо губернаторъ требуе, щобъ було слидствіе, а тамъ и судъ,—якъ слидъ!

— Дакъ мы жъ то за що терпитымемо муку? Ще й у тюрму посадять! А вже й такъ скильки насъ тягалы по вашому позову! Вже, сдилайте мылость, простить!

Для насъ было неясно, можемъ ли мы прекратить дѣло, когда завести его приказалъ самъ губернаторъ. Полицейскій чи-

новникъ, тутъ бывшій, разъяснилъ намъ, что если съ нашей стороны не будетъ жалобы, то и дѣло должно прекратиться. А намъ не желательно было его прекращеніе. Дорошенко утверждалъ, что и при новыхъ порядкахъ слѣдствіе будетъ тянуться мѣсяцы и годы, а это можетъ помѣшать ему ѣхать въ Петербургъ, куда онъ стремился по окончаніи физико-математическаго факультета. Чтобы избѣжать «тяганыны», онъ готовъ былъ заявить, что не желаетъ никакого суда, что обиду, нанесенную ему и намъ, онъ забылъ, ибо въ селахъ пирятинскаго уѣзда, да часто и въ Кіевѣ, и не такія драки бываютъ, какая произошла у насъ съ рабочими, а sancta simplicitas послѣднихъ и ужасъ ихъ предъ грозящею карою приводятъ его къ тому, что всю заваренную нами кашу слѣдуетъ совсѣмъ прекратить. Мы, филологи, были другого мнѣнія. Отъ оканчивающихъ университетъ юристовъ, готовившихся уже къ судебнымъ состязаніямъ по окончаніи курса, мы слышали, что судъ будетъ гласный, скорый и правый, и что позорно отказываться отъ такого суда, гдѣ всѣ пріемы судопроизводства будутъ уже не тѣ, что были въ старой уголовной палатѣ. Намъ стало извѣстно, сверхъ того, что нашъ инцидентъ будетъ первымъ случаемъ, когда примѣнена будетъ новая форма разбирательства, хотя и безъ рѣчей прокурора и защитника, но при «гласномъ» слушаніи дѣла! Это «гласное» слушаніе было столь интересно, что не испробовать его при личномъ нашемъ участіи было бы, по мнѣнію юристовъ-студентовъ, просто постыдно. Наконецъ, воспоминанія о нахальствѣ, съ которымъ держалъ себя Табюто при встрѣчѣ моей съ нимъ на другой день послѣ инцидента, подымало во мнѣ чувство стыда, обиды, злости; Аристовъ поддерживалъ мое настроеніе не отступать въ возстановленіи своихъ поруганныхъ правъ; Дорошенко же предсказывалъ, что, послѣ слѣдствія, со всѣми возможными и невозможными показаніями разныхъ свидѣтелей, мы, пожалуй, можемъ оказаться не обвинителями, а обвиняемыми.

Послѣ переговоровъ съ рабочими и послѣ дебатовъ между собой, мы порѣшили заявить слѣдователю, что не имѣемъ никакихъ претензій къ рабочимъ, которые только выполняли прика-

заніе, ослушаться котораго не могли; Табюто же мы считаемъ вдвойнѣ виновнымъ въ самоуправствѣ, такъ какъ онъ и рабочихъ побудилъ на оскорбленіе насъ.

Слѣдователь позвалъ прежде всего насъ, и первый вопросъ его, послѣ формальныхъ о званіи, вѣроисповѣданіи и т. п., былъ: видѣли ли мы объявленія, выставленныя на столбахъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ вдоль полотна желѣзной дороги? Мы утверждали, что никакихъ столбовъ съ объявленіями не было не только въ день самоуправства надъ нами, но и на другой день, когда тамъ былъ со мною полиціймейстеръ и чиновникъ по особымъ порученіямъ губернатора. Это дало поводъ Дорошенку, когда мы шли уже домой, опять высказать свои скептическія мысли относительно новаго порядка слѣдствія и суда.

— Не казавъ я хиба, що ще й мы вынни будемо, що не бачылы стовпа, де въ ихъ щось тамъ напысано!

— Да не можетъ же несуществующій фактъ стать какою нибудь уликою! Да и насъ никто не обвиняетъ въ непрочтеніи объявленія, котораго не было!

— А чого жъ слидуватель вже бачывъ и стовпы и объявленія?

Хотя заявленіе слѣдователя, что онъ видѣлъ нѣсколько вывѣсокъ о воспрещеніи близко подходить къ строющейся дорогѣ, насъ смутило, но все-таки, помня мольбы крестьянъ простить ихъ, мы заявили ему при концѣ допроса, что къ рабочимъ у насъ нѣтъ никакихъ претензій, ибо ихъ мы ни въ чемъ не считаемъ виновными. Такое заявленіе мы подписали всѣ три, хотя Дорошенко и тутъ усматривалъ нашу неосторожность и грозилъ новыми осложненіями: «повернуть воны такъ, що колы хрестьяне на нашу думку невыновни, то и храпцузъ—невыновный, а намъ чы не вийшло бъ чого видъ того нашего заявленія»!

Чуть не каждый день послѣ перваго допроса мы собирались всѣ втроемъ и на разные лады разбирали наше поведеніе у слѣдователя, при чемъ насъ мучили опасенія, что мы надѣлали какихъ то ошибокъ въ изложеніи факта и, не уговорившись предварительно, поспѣшили подписать свои показанія безъ всякихъ ого-

ворокъ. Хотя экзамены шли къ окончанію и многіе студенты уже разъѣхались, но оставшіеся, несмотря на отсутствіе объединяющей всѣхъ формы, интересовались ходомъ нашего дѣла. Интересовалась имъ и не студенческая публика, не только на Новомъ строеніи, но и въ Старомъ Городѣ. Говорили, что губернатору захотѣлось проучить наѣхавшихъ иностранцевъ и показать на дѣлѣ, что желѣзно-дорожныя Общества не составляютъ status in statu. Въ одномъ домѣ, гдѣ толковали по этому поводу и меня распрашивали о подробностяхъ, я встрѣтилъ чиновника по особымъ порученіямъ, командированнаго губернаторомъ на производство дознанія. Онъ приводилъ въ примѣръ нечистыхъ дѣйствій строителей то обстоятельство, что они выставили столбы съ объявленіями послѣ инцидента со студентами и утверждаютъ, что такіе столбы поставлены были ими еще при началѣ работъ.

— А какое это можетъ имѣть значеніе для насъ?—спросилъ я.

— Да никакого, ибо это несомнѣнно ложь. Слѣдователь запросилъ письменно и меня, и полиціймейстера, замѣтили ли мы гдѣ-нибудь на границѣ царства желѣзной дороги ихъ объявленія; а мы отвѣтили, что не только не замѣтили, но утверждаемъ, что ихъ и не было; ибо мы обратили вниманіе главнаго инженера на отсутствіе объявленій, и онъ призналъ, что это недосмотръ, но что въ скоромъ времени они будутъ вывѣшены.

Получивъ такое извѣстіе, я сообщилъ о немъ и Дорошенку и Аристову.

— Побачымо ще, побачымо, до чого усе це дойде!—твердилъ скептически Дорошенко:—тоди скажешъ гоць, якъ перескочышъ!

IV.

Еще разъ потребовалъ насъ слѣдователь къ себѣ въ помѣщеніе участка. Рабочихъ уже не было. Передъ началомъ допроса онъ просилъ насъ выслушать то, что онъ скажетъ не какъ слѣдователь, а какъ частный человѣкъ, входящій и въ наше поло-

женіе, и въ положеніе противной стороны, для которой предсто ящій послѣ суда арестъ Табюто за самоуправство отзовется большими убытками.

— Вы уже освободили отъ преслѣдованія судомъ рабочихъ,—сказалъ онъ:—заявленіе ваше принято во вниманіе и рабочіе освобождены отъ слѣдствія и суда. Подайте такое же заявленіе относительно Табюто,—и все дѣло прекратится. Какъ вижу я по вашимъ костюмамъ, вы люди бѣдные, а управленіе дороги за ваше содѣйствіе тому, чтобы работы не потерпѣли заминки, выдастъ вамъ приличное вознагражденіе:

— Другими словами, вы предлагаете, чтобъ мы честь свою продали за деньги?—вспылилъ Аристовъ, истасканный костюмъ котораго прежде всего могъ навести на мысль сдѣлать такое предложеніе:—А какъ же намъ прикажете оцѣнивать каждый толчокъ? по той же цѣнѣ, что и каждый нахальный жестъ и каждое грубое слово г-на Табюто, или дешевле? Мы рабочихъ считаемъ невмѣняемыми и подали заявленіе, что отъ ихъ толчковъ обиды никакой не чувствуемъ, а слышать отъ васъ такое предложеніе намъ даже стыдно!

— Вы насъ за этимъ только и звали?—вызывающе спросилъ Дорошенко.

Слѣдователь спохватился.

— Я звалъ васъ, господа, какъ слѣдователь, оффиціальною повѣсткою для дополненія слѣдствія; но не приступая еще къ служебнымъ своимъ дѣйствіямъ, какъ частный человѣкъ, передалъ, по просьбѣ управленія строющейся дороги, его предложеніе о прекращеніи дѣла вашего мирнымъ путемъ. Вы можете и не согласиться на это предложеніе; во всякомъ случаѣ я убѣдительно прошу васъ, также какъ частный человѣкъ, чтобы этотъ разговоръ, который я началъ вести съ вами, остался между нами, и надѣюсь, что вы, какъ люди образованные, поймете всю щекотливость моего положенія въ данномъ случаѣ, гдѣ я только выполняю просьбу столь же постороннихъ для меня лицъ, какъ и вы. Какъ я замѣчаю, вы отрицательно относитесь къ предложенію желѣзнодорожнаго управленія?

— Да какой же тутъ можетъ быть разговоръ?!

Какъ то смущенно слѣдователь приступилъ къ дополнительнымъ вопросамъ, которые задавалъ намъ, то уклоняясь въ сторону объясненій, почему онъ находитъ нужнымъ спросить о томъ или другомъ, то повторяя другой разъ только въ другой формѣ то, о чемъ уже спрашивалъ. Еще съ болѣе унылымъ настроеніемъ, чѣмъ въ первый разъ, мы давали свои показанія. Вотъ тебѣ и новый судъ, гласный, скорый, правый!—мерещилось каждому изъ насъ:—дала ли взятку желѣзная дорога слѣдователю, что онъ намъ сдѣлалъ такое гнусное предложеніе? Да и для чего это онъ насъ почти о томъ же распрашиваетъ, о чемъ мы уже давали показанія?

— А що: хиба я не казавъ, що тягатымуть насъ оттакъ ажъ до другого прышествія?—шипѣлъ Дорошенко, когда мы возвращались:—отъ вамъ и скорый та правый судъ! Якого чорта винъ насъ клыкавъ? Давай, думае, куплю студенческу честь за гроши! Такъ у насъ и исправныкы та станови судылы людей: побье панъ мужыка та й заплатыть ёму за сынякы, що на морди понабывае! А що звуть ёго «слидувателемъ», а не «становымъ», дакъ що зъ того? Уси воны однакови!

Мы чувствовали себя уже опутанными какою то паутиною, въ которую сами попали по своей волѣ, но изъ которой выпутаться казалось намъ очень затруднительнымъ. «Экзамены окончились; въ городѣ осталось немного студентовъ. Одинъ, окончившій юридическій факультетъ, увѣрялъ насъ, что дѣло наше пикантное и сенсаціонное; если бы ему пришлось составить по нему докладъ, то онъ представилъ бы столкновеніе двухъ силъ— интеллигентной и дикой—съ такими ораторскими украшеніями, что оно получило бы общій интересъ и о немъ говорили бы даже въ газетахъ. Онъ готовъ былъ также въ роли прокурора составить и обвинительную рѣчь, расцвѣтивъ риторическими сопоставленіями съ одной стороны значеніе для прогресса устройства желѣзной дороги, а съ, другой, тѣхъ выходокъ, какія позволяютъ себѣ строители ея.

— Но вѣдь дѣло въ томъ, что по вашему дѣлу, говорилъ онъ намъ, не будетъ полнаго судоговоренія, а лишь упрощенное гласное слушаніе его съ публичнымъ объявленіемъ приговора. Еще не будетъ, напримѣръ, пренія сторонъ, какъ оно опредѣлено закономъ 1864 года. Но и въ гласномъ слушаніи дѣла уже много есть новаго по сравненію со старымъ судомъ! Очень хорошо было бы, продолжалъ онъ, если бы студенты явились въ внушительномъ числѣ въ судъ; хотя безъ разъясняющихъ рѣчей сторонъ все на немъ будетъ носить характеръ дѣла о частной обидѣ, но присутствіе студентовъ при гласномъ слушаніи дѣла все же покажетъ ясно публикѣ, что оно имѣетъ и общій интересъ.

Мнѣніе этого новоиспеченнаго юриста, считавшаго уже себя чуть не кандидатомъ на судебныя должности, стало распространяться между студентами, оставшимися въ незначительномъ количествѣ въ городѣ, и когда стало извѣстно, на какой день назначено «слушаніе» дѣла о самоуправствѣ подданнаго императора Наполеона и объ оскорбленіи, нанесенномъ имъ студентамъ Русову, Аристову и Дорошенку, то студенты разныхъ курсовъ толковали о томъ, какъ бы больше собрать въ залу судебнаго засѣданія питомцевъ науки.

При разговорахъ о томъ, какъ слѣдуетъ вести себя на судѣ, среди лицъ, возмущавшихся болѣе всего поступкомъ француза, являлись довольно дикія предложенія, несовмѣстимыя съ тою высотою положенія, какое, по мнѣнію обсуждавшихъ вопросъ, занимали или должны были занимать среди обывателей г. Кіева студенты. Одинъ филологъ, напримѣръ, не надѣясь на то, что на судѣ попранная честь адептовъ Аполлона и Аѳины будетъ удовлетворена въ полной мѣрѣ, предлагалъ собрать такую толпу ихъ, которая можетъ сдѣлать все, что пожелаетъ: когда окончится судъ и обвиняемый Табюто выйдетъ на Михайловскую площадь, онъ рекомендовалъ окружить его массою, увлечь на средину площади и здѣсь, не прибѣгая къ кулакамъ или другимъ орудіямъ насилія, надругаться надъ оскорбителемъ чести студенческой такимъ дѣйствіемъ, о которомъ и говорить и печатать въ газетахъ было бы стыдно, но которое показало бы всю чрезмѣрную сте-

пень презрѣнія къ иностранцу, осмѣлившемуся посягнуть на неприкосновенность чести русской учащейся молодежи.

— Нѣтъ, господа! говорили другіе: какое же отношеніе къ новому, настоящему суду выразимъ мы такимъ нелѣпымъ поступкомъ! Мы покажемъ, что мы недовольны судомъ милостивымъ, скорымъ и правымъ, а такимъ своимъ дѣяніемъ опозоримъ всю нашу студенческую корпорацію въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей! Мы еще не знаемъ, что скажетъ судъ, а уже предопредѣляемъ, что нужно и самый судъ, и себя самихъ оскорбить такимъ фактомъ, который приличествуетъ или каннибаламъ съ острововъ Фиджи, или нечистоплотнымъ больнымъ изъ дома сумасшедшихъ! Напротивъ, если мы. какъ студенты, и явимся на судъ. то должны показать, что мы—носители терпимости и уваженія къ закону и карамъ, опредѣляемымъ имъ!

Были и такіе, что въ появленіи студентовъ гурьбою въ залѣ суда усматривали одну фанфоронаду отъ нечего дѣлать и одно стремленіе вызвать со стороны публики вниманіе къ себѣ.

— Не все ли равно, на студента или на кого другого обрушилось раздраженіе машиниста?—говорили эти оппоненты:—можетъ быть и интересно, что это дѣло первое, которое разбирается при открытыхъ дверяхъ; но если кто интересуется тѣмъ, какъ будетъ производиться новый судъ,—можетъ пойти и на второе или третье засѣданіе, гдѣ будутъ разбираться какія нибудь другія дѣла, а не непремѣнно студенческое. Да и дѣло то это вовсе не студенческое: никто не зналъ, что это именно студенты попали въ грязь, и теперь не зачѣмъ раздувать эту исторію въ студенческую!

Такія разнообразныя мнѣнія пришлось намъ слышать съ разныхъ сторонъ. При дебатахъ возникалъ вопросъ, есть ли у студентовъ общая корпорація, или нѣтъ ея? Съ одной стороны мы знали, что времена, когда студентовъ отличали по формѣ, отошли уже въ вѣчность; съ другой—если были между студентами партіи, сходки, дебаты, то какъ же не было общности? Вѣдь и кромѣ формы студенческой, отмѣненной еще такъ недавно, соединяло же всѣхъ насъ что то до такой степени, что теперь люди, даже не знакомые другъ другу, сходились на част-

ныхъ квартирахъ, почему-то интересовались нашимъ инцидентомъ и вели споры о томъ, нужно ли проявить публично такъ или иначе суденческую солидарность?

Чѣмъ болѣе приближался день суда, тѣмъ болѣе напрягались наши нервы. Хотя Дорошенко старался не выказывать своего волненія и маскировалъ его заботами о предстоящемъ послѣ вакацій переселеніи своемъ въ Петербургъ, но и у него прорывались минуты, когда перспектива предстоящаго суда вызывала у него опять брюзжаніе, что дѣло—не въ формѣ суда, а въ его результатѣ и не получится ли въ концѣ концовъ отъ заваренной нами каши чего либо постыднаго? Аристовъ на своемъ Пегасѣ возносился въ высь и въ возбужденномъ состояніи сочинялъ стихи, въ которыхъ трусливымъ «рабамъ», волнующимся надъ созданною ими же фантасмагоріею, доставалось «коемуждо по дѣломъ»; настроеніе каждаго изъ насъ троихъ, опредѣлявшееся его поэтическимъ анализомъ, выходило далеко не въ нашу пользу.

Теперь къ соображеніямъ о томъ, что выйдетъ на судѣ для насъ и подсудимаго, у насъ прибавилось безпокойство, не предпримутъ ли наши товарищи, заинтересовавшіеся нашимъ дѣломъ, чего-либо неподходящаго или могущаго скомпрометировать не столько насъ, сколько вообще всѣхъ студентовъ. Съ одной стороны, намъ и желательно было, чтобы студентовъ пришло на судебное разбирательство побольше, чтобы видно было, что мы не изъ-за замаранныхъ сапогъ и платья да нѣсколькихъ толчковъ подняли дѣло, а изъ-за того, что не могли оставить дикой расправы безнаказанною; съ другой стороны, мы опасались, что если въ судѣ при посторонней публикѣ явятся любители шумныхъ проявленій дикихъ инстинктовъ, то не только вообще представители студенчества заслужатъ справедливое неодобреніе, а и насъ, какъ центральныхъ лицъ во всей исторіи, почтутъ зачинщиками всего этого шума и безобразія и будутъ на насъ указывать пальцами. Публичное засѣданіе суда по новому закону представлялось намъ чѣмъ то очень священнымъ, а неуважительное отношеніе къ нему со стороны товарищей-студентовъ, возможность проявленія кото-

раго обусловливалась предложеніями нѣкоторыхъ изъ нихъ, представлялась чѣмъ то худшимъ всякаго безславія.

V.

Наконецъ наступилъ день суда. Около средняго входа въ зданіе присутственныхъ мѣстъ, со стороны Михайловской площади, за четверть часа до срока, когда назначено было засѣданіе, стали стекаться студенты. Другой публики не было. Да и студентовъ набралось не болѣе сорока душъ. Канцелярскій чиновникъ, при входѣ всѣхъ насъ въ переднюю, сначала нѣсколько растерялся, такъ какъ стѣны бывшей уголовной палаты до того времени могли принимать въ себя только просителей, а не постороннихъ слушателей дѣла. Но, удалившись во внутреннія комнаты, черезъ нѣсколько времени онъ вынесъ намъ новую книгу, еще не бывшую въ употребленіи, и попросилъ всѣхъ прибывшихъ расписаться въ ней, обозначивъ, кромѣ именъ и фамилій, и свое званіе. Тогда мы всѣ пошли въ залу суда, гдѣ прежде всего намъ бросилась въ глаза жалкая фигура подсудимаго, совершенно утратившаго свой прежній гордый видъ. За столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣли члены суда, а подсудимый и мы и вся «публика», за неимѣніемъ скамей, расположились передъ этимъ столомъ, образовавъ дугу. Предсѣдатель, объявивъ засѣданіе открытымъ, и задавши нѣсколько вопросовъ подсудимому и намъ, стоявшимъ впереди публики, предложилъ секретарю прочитать докладъ о дѣлѣ. Прочитанъ онъ былъ не безъ волненія чиновникомъ, въ первый разъ выступавшимъ передъ публикою, а прослушанъ былъ послѣднею съ напряженнымъ вниманіемъ и въ глубочайшей тишинѣ.

Дальше и намъ, и товарищамъ нашимъ, представлявшимъ публику, было жалко видѣть, какъ Табюто на вопросы предсѣдателя униженно отвѣчалъ, путая французскія слова съ русскими объ извѣстной уже всѣмъ «вода» и старался убѣдить судъ, что въ его дѣяніи «нѣтъ вреда». Риѳма «вода—вреда» вызвала улыбку на устахъ предсѣдателя, но какую то грустную, кислую. Покро-

витель и защитникъ Табюто, явившійся въ качествѣ переводчика, инженеръ дороги безнадежно выслушивалъ все происходившее и произнесъ нѣсколько незначительныхъ фразъ. Какъ мы отвѣчали на предложенные намъ вопросы,—не берусь опредѣлить; помню, что, по выраженію во всѣ уши слушавшей насъ публики, было видно, что она насъ не признала ораторами, достойными занять съ честью первое мѣсто во всемъ происходящемъ. Судъ ушелъ въ сосѣднюю комнату. Тишина среди всѣхъ остававшихся не нарушалась ни однимъ словомъ. Только, когда судъ возвратился назадъ и объявилъ приговоръ, что за самоуправство Табюто приговоренъ къ аресту, не помню хорошо,—на сорокъ дней или на два мѣсяца, а что затѣмъ подлежитъ разсмотрѣнію другое дѣло,— все вдругъ зашевелилось и съ говоромъ оставило зданіе суда.

На площади одни студенты насъ поздравляли, другіе распрашивали о нѣкоторыхъ подробностяхъ и дѣлали какія то замѣчанія; но намъ (я сужу по себѣ) хотѣлось почему то поскорѣе уйти отъ всѣхъ и остаться безъ публики, среди которой явились предложенія пойти сразиться за пивомъ на бильярдѣ. Не до пива и не до бильярда было, когда какое то неясное чувство шептало намъ, что по нашей милости человѣкъ будетъ сидѣть въ тюрьмѣ.

Когда провожавшіе насъ изъ суда студенты разбрелись въ разныя стороны, и мы остались на Владимірской улицѣ одни, первый Дорошенко прервалъ молчаніе.

— Славу Богу, что кончились наши «страданія» и такъ скоро; а мени здавалося, що черезъ цей судъ и на лито пойихаты до-дому не можно буде!

Аристовъ разводилъ свою излюбленную теорію о «рабствѣ», въ какомъ мы всѣ обрѣтаемся; онъ доказывалъ, что не будь у насъ рабьихъ чувствъ, мы относились бы иначе «ко всѣмъ этимъ страданіямъ», ибо на дѣлѣ и страданія никакого не должно быть вообще, и мы его не должны были испытывать, если бы не были рабами разныхъ условностей. На то и судъ спокопъ вѣку заведенъ, чтобы тотъ, кому слѣдуетъ, отсидѣлъ свое время въ тюрьмѣ!

И дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, на разспросы знакомыхъ, чѣмъ кончилось наше дѣло,—мы не безъ гордости и совершенно спокойно, даже съ нѣкоторымъ торжествомъ, объявляли имъ о рѣшеніи суда. Но Дорошенко оставался при мнѣніи, что лучше остерегаться имѣть дѣло съ такимъ или инымъ судомъ.

Передавая суду потомства вопросъ о томъ, хорошо ли мы поступили, что обратились въ данномъ случаѣ къ защитѣ со стороны администраціи и оффиціальнаго суда, не могу при воспоминаніи объ этомъ анекдотѣ изъ старой жизни Кіевскихъ студентовъ, не высказать мыслей, какія невольно возникаютъ въ головѣ.

Нѣсколько лѣтъ уже говорятъ теперь о «сердечномъ» отношеніи къ учащейся молодежи, требуя такого именно отношенія къ ней со стороны и общества и воспитателей. Но чѣмъ болѣе говорятъ объ этомъ, тѣмъ болѣе рѣзкихъ, вовсе не сердечныхъ отношеній вызываютъ эти разговоры съ обѣихъ сторонъ. Перемѣнились ли въ худшую сторону нравы и молодежи и болѣе взрослыхъ представителей общества и науки? Присматриваясь къ тѣмъ и другимъ, искренно могу сказать, что и тѣ, и другіе, остались такими же, какими были и 30—40 лѣтъ назадъ. Люди «широкаго ума благороднаго сердца», какъ характеризуетъ Платона Александровича Антоновича г. Романовичъ-Словатинскій, котораго, студенты «чтили, зная его сердечное отношеніе къ нимъ» [1]), или такіе профессора, какъ А. И. Селинъ, о «любвеобильныхъ отношеніяхъ» котораго къ студентамъ упоминаетъ тотъ же мемуаристъ [2]), никогда не переводятся на бѣломъ свѣтѣ. Между студентами, какъ и теперь, такъ и тогда было достаточно представителей самыхъ разнообразныхъ направленій, проявлявшихся въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ. Та или иная группа студентовъ въ тѣ времена, если затрагивали ея идейные интересы и грубо ставили препятствія на избранномъ ею пути дѣятельности, обращались тогда къ печати... и если кто пожелаетъ прочитать въ старыхъ журналахъ и газетахъ публичныя заявленія professions de foi тогдашнихъ

---

1) «Вѣстникъ Европы» 1903 г., кн. 5, стр. 204; кн. 6, стр. 205.

2) Ibid. кн. 2, стр. 616.

студентовъ, должны будутъ признать, что тѣ же разнообразныя думы о служеніи въ будущемъ родинѣ при помощи тѣхъ или другихъ средствъ и способовъ дѣйствія обуревали юныя головы, какія обуреваютъ и теперь. Но замѣчается какая-то разница въ отношеніи «отцовъ» къ «дѣтямъ» тогда и теперь. Приходятъ на память мнѣ и другія имена профессоровъ на историко-филологическомъ факультетѣ Кіевскаго университета, кромѣ краснорѣчиваго А. И. Селина. Нейкрихъ, Деллепъ, читавшіе намъ лекціи по-латыни, Ставровскій, Бильбасовъ, Драгомановъ, священникъ Ѳаворовъ, читавшій публичныя лекціи о Vie de Jesus Ренана, Гогоцкій, вѣчно заваленный корректурами своего «Философскаго лексикона» и признавшійся намъ, что онъ работаетъ надъ нимъ «отъ 8 часовъ утра—и по полночь», за исключеніемъ времени засѣданій въ Совѣтѣ и лекцій, и Яроцкій, и Страшкевичъ, и Линниченко и многіе другіе, отшедшіе въ вѣчность, были такими же профессорами, какіе и теперь встрѣчаются въ нашихъ университетахъ. Однихъ мы слушали съ захватывающимъ волненіемъ, записывая на лекціяхъ каждое слово ихъ; надъ академическими привычками другихъ подтрунивали, перекривливая ихъ жесты и выговоръ; но каждый изъ насъ чувствовалъ, что мы, юноши, съ этими—и молодыми учеными, и старцами живемъ одною общею жизнью въ университетѣ. Польское повстанье, въ которомъ принимали участіе студенты, и послѣдующія проявленія общественной жизни и революціонныхъ вспышекъ (напримѣръ, покушенія 1866 года), дѣлили насъ на партіи, враждующія между собой, вызывали споры и даже драки на университетской площади, застроенной нынѣ и засаженной скверомъ. Бывали и въ университетѣ бурныя сходки въ сборной студенческой, курительной или студенческой читальнѣ. Но все это ничѣмъ не отзывалось на ходѣ лекцій, гдѣ и мы и профессора чувствовали себя солидарными. Гдѣ честь студенческая была затронута, тамъ, какъ при злоключеніи, здѣсь разсказанномъ, всякій, мнѣ помнится, могъ разсчитывать на «сердечное» отношеніе къ себѣ нашихъ просвѣтителей. Гармонія настроенія профессоровъ и студентовъ не давала мѣста какой-либо розни. Теперь приходится слушать иногда иные аккорды

съ нѣкоторыми рѣзкими диссонансам, приводящими, при массовомъ исключеніи студентовъ или курсистокъ, къ выходу въ отставку нѣкоторыхъ профессоровъ! Раздражительныя ноты, не раздававшіяся ни съ той, ни съ другой стороны въ 60-ые годы прошлаго столѣтія, теперь слышатся часто, и думается, что стихъ поэта, воспѣвавшаго другую сферу жизни, жизни лапотниковъ, можетъ быть примѣненъ и къ жизни храма науки:

Порвалась цѣпь великая,
Порвалась, раскачалася!..

А. Русовъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Математикъ М. В. Остроградскій подъ надзоромъ полиціи. Въ 1828 году, 17 іюля, графъ П. А. Толстой, главнокомандующій въ Петербургѣ, обратился съ слѣдующей бумагой къ малороссійскому генералъ-губернатору, князю Н. Г. Репнину:

«Находящійся здѣсь полтавскій помѣщикъ Михайло Остроградскій обратилъ на себя вниманіе правительства тѣмъ, что онъ возвратился изъ-за границы въ Россію пѣшкомъ, и нѣкоторыми, впрочемъ, незначащими обстоятельствами. Получивъ нынѣ донесеніе, что сей г. Остроградскій отправляется изъ полтавской губерніи въ Кобеляцкій повѣтъ, я считаю долгомъ покорнѣйше просить ваше сі—во имѣть его секретно на замѣчаніи, и въ случаѣ, когда за нимъ откроется что-либо предосудительное или заслуживающее вниманіе правительства, почтить меня о семъ подробнымъ увѣдомленіемъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Графъ П. Толстой».

Кн. Репнинъ сообщилъ объ этомъ полтавскому губернатору, а послѣдній кобелякскому земскому комиссару Щекутину. Щекутинъ ничего не нашелъ предосудительнаго въ поведеніи М. В. Остроградскаго, о чемъ и донесъ кн. Репнину:

«Вслѣдствіе предписанія вашего с—ства отъ 7 сего мѣсяца № 21, послѣдовавшаго по отношенію главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, генерала отъ инфантеріи графа Толстого, о помѣщикѣ здѣшняго повѣта Михайлѣ Остроградскомъ, обратившемъ вниманіе правительства возвращеніемъ изъ-за границы въ Россію пѣшкомъ и нѣкоторыми, впрочемъ, незначущими обстоятельствами, я по жительству онаго Остроградскаго въ домѣ его отца, здѣшняго помѣщика, коллежскаго

ассесора Василія Остроградскаго, имѣлъ всевозможное наблюденіе, но до сего времени ничего не доведено до моего свѣдѣнія изъ поведенія и поступковъ сего дворянина, чтобы подлежало какому-либо подозрѣнію или предосудительности. Между тѣмъ сего дня отецъ Остроградскаго вошелъ въ подвѣдомственный мнѣ нижній земскій судъ съ прошеніемъ о выдачѣ сему сыну его свидѣтельства, по коему бы можно было получить оному подорожную и свободно отправиться въ Петербургъ. Какъ въ вышеупомянутомъ предписаніи вашего с—ства именно вмѣнено мнѣ въ обязанность отнюдь ни въ чемъ Михаила Остроградскаго не стѣснять, то судъ и удовлетворилъ означенное прошеніе выдачею свидѣтельства, въ копіи при семъ подносимомъ. О чемъ имѣя долгъ донести вашему с—ству, докладываю, что теперь же отправляюсь въ жилище Остроградскихъ, гдѣ буду имѣть наблюденіе до самаго отъѣзда Михайла Остроградскаго и о времени онаго и что будетъ замѣчено или дойдетъ до моего свѣдѣнія заслуживающимъ вниманіе правительства не промену в. с—ству донести». Получивъ это донесеніе, кн. Репнинъ сообщилъ о немъ графу Толстому. Щекутинъ, отправившись для надзора за Остроградскимъ въ имѣніе 30 августа, пробылъ тамъ до 8 сентября, когда М. В. Остроградскій отправился въ Полтаву за полученіемъ подорожной, при чемъ комиссаръ доносилъ «ничего заслуживающаго вниманія на подозрѣніе въ чемъ либо или предосудительности не замѣчаю». (Архивъ Полт. Губ. Правленія 1828 г., по описи № 312).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Замѣтки объ Антоніи Рафальскомъ, митроп. Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ. Григорій Антоновичъ Рафальскій, воспитанникъ Волынской духовной семинаріи, окончилъ курсъ въ 1809 г. Рукоположенъ онъ былъ преосв. Даніиломъ Наттонъ-Михайловскимъ 16 мая 1809 г. во священники, а 15 іюня 1813 г. возведенъ имъ же въ санъ протоіерея и опредѣленъ настоятелемъ Острожской соборной воскресенской церкви [1]). Этотъ протоіерей Григорій Антоновичъ Рафальскій—личность глубоко интересная, завѣщанная Россіи эпохой перваго возсоединенія уніатовъ, когда въ общую работу русской исто-

---

[1]) См. книгу *Н. И. Теодоровича:* „Волынская духовная семинарія"— Почаевъ, 1901 г.—стр. 259—260 и 911.

ріи вдвинуто было и бывшее малорусское уніатское духовенство. Это былъ скромный южно-русскій пастырь и учитель, который, благодаря своему уму, образованности, житейскому опыту и такту и рѣдкимъ качествамъ сердца, достигъ съ теченіемъ времени высокаго званія—митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго—подъ именемъ *Антонія*—и, такимъ образомъ, сдѣланъ первенствующимъ членомъ св. Синода и представителемъ всей русской церкви... Въ судьбѣ этого *Волынянина*, ковельскаго уѣзда, родившагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ родины св. Петра, перваго митрополита московскаго,—есть *нѣчто* сходное съ судьбою знаменитаго *кіевлянина Ѳеофана Прокоповича*. Какъ этого послѣдняго выдвинула на сцену исторіи *свѣтская власть*—въ лицѣ императора Петра Великаго—и воспользовалась имъ для своихъ политическихъ цѣлей, такъ и таланты Рафальскаго замѣтили прежде всего *свѣтскіе люди*, довели ихъ до свѣдѣнія императора Николая, и этотъ послѣдній удачно воспользовался имъ для своихъ политическихъ видовъ—въ отношеніи къ Польшѣ—послѣ возстанія поляковъ въ 1831 г. и въ благодарность за это поставилъ его во главѣ русской церковной іерархіи... И вотъ, такимъ образомъ, на первенствующемъ церковномъ посту въ С.-Петербургѣ явился опять *малороссъ*, чего давно уже не было въ русской церковной практикѣ... Еще при Екатеринѣ II архіереи изъ великороссовъ отодвинули на задній планъ такъ называемыхъ тогда Черкасъ (т. е. архіереевъ—уроженцевъ Малороссіи)... Но, повторяемъ, еслибы не свѣтскіе люди, то таланты Рафальскаго такъ бы и остались безъ употребленія въ исторіи... «На что онъ вамъ?—такъ говорилъ волынскій архіерей, великороссъ *Амвросій Моревъ*, свѣтскимъ людямъ, хлопотавшимъ объ Рафальскомъ,—*«это—дуракъ!»* [1]). А волынскій губернаторъ *графъ Левашовъ*, будучи впослѣдствіи кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, на обѣдѣ у фельдмаршала Сакена, въ присутствіи Кіевскаго митрополита Евгенія, сказалъ: «Я нашелъ въ протоіереѣ Рафальскомъ такого человѣка, что умнѣе его не встрѣчалъ ни между бѣлымъ, ни между чернымъ духовенствомъ»... [2])—Рафальскій, принявшій въ монашествѣ имя *Антонія*, сдѣлался любимцемъ императора Николая. Когда, будучи посвя-

---

[1]) См. „Сборникъ Императ. Русскаго Историческаго Общества т. 113-й—книга 1-я, стр. 92.

[2]) Ibidem., стр. 90.

щенъ во епископа Варшавскаго, Антоній принятъ былъ императоромъ Николаемъ, то сей послѣдній сказалъ ему: «Преосвященный! я слышалъ про васъ много похвалъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ видѣть васъ; но вы превзошли всѣ похвалы и мои ожиданія» [1].—Когда въ званіи митрополита С.-Петербургскаго Антоній Рафальскій скончался 16 ноября 1848 г., то императоръ Николай такъ выразился о немъ предъ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ св. Синода графомъ Протасовымъ: «Да, у меня митрополитъ будетъ; но Антонія уже не будетъ"...—

Л. М.

Къ исторіи торговли въ Малороссіи XVIII стол. Указомъ 1758 г. «во всѣ малороссійскіе и въ слободскіе полки» повелѣвалось, чтобы «всѣ находящиеся для продажи иностранние прошлихъ лѣтъ товари, которіе по прежнему обикновенію, по взятъи одной индукты, состоятъ безъ таможеннихъ клеемъ,—обявили къ клейменью», въ теченіе одного мѣсяца, въ указанныхъ городахъ,—«и сколко кто какихъ товаровъ у себя имѣетъ, подавали бъ въ тѣ мѣста реестры за своими руками, и по обявленіи всѣ тѣ товары тотчасъ переклеймить таможенными клеймами, не требуя съ тѣхъ товаровъ никакихъ пошлинъ, и отдавать тѣмъ, чии оны были, обратно для свободной и безопасной продажи, дабы уже безъ таможенихъ клеемъ нигдѣ такихъ иностранныхъ товаровъ не осталось», а въ случаѣ таковые появятся, конфисковались бы. О семъ объявляется всенародно, съ добавленіемъ, кто именно «цолнеръ» находящихся «ажъ по великороссійской границѣ таможенъ», а именно:

Въ Киевѣ—Василковской пограничной таможни цолнеръ Андрей Шереметцовъ.

Въ Стародубѣ—Вишковской таможни инспекторъ Іванъ Кондратьевъ.

Въ Кременчугѣ—оной таможни цолнеръ Иванъ Пономаревъ.

Въ Курскѣ—оной таможни директоръ Никифоръ Судаковъ.

Въ Глуховѣ—Сѣвской таможни директоръ Ѳедоръ Стеферевъ.

Въ Нѣжинѣ—Переяславской таможни инспекторъ Василей Чернявской.

---

[1]) Ibid., стран. **96-я.**

Въ Харьковѣ—Брянской таможни цолнеръ Петръ Холчигинъ.

Въ Ромнѣ—Павловской таможни инспекторъ Петръ Хмѣлевской

Въ Бахмутѣ—оной таможни инспекторъ Терентій Сахаревъ.

Въ Сумахъ—бывшій въ Трубчевскѣ на заставѣ въ должности цолнера Антонъ Тикотовъ.

В. Д.

Домашніе учители изъ лицъ польскаго происхожденія въ юго-западномъ краѣ въ 1840-хъ годахъ. Кіевскій губернаторъ И. И. Фундуклей, въ представленіи генералъ-губернатору Бибикову отъ 4 дек. 1840 г., писалъ слѣдующее: «Въ 7 п. высочайше утвержденнаго положенія бывшаго комитета для разсмотрѣнія разныхъ предметовъ къ лучшему устройству училищъ, въ кіевской, подольской и волынской губерніяхъ находящихся, между прочимъ вмѣнено въ обязанность главному мѣстному начальству, по приведеніи въ извѣстность числа лицъ изъ уроженцевъ западныхъ губерній, занимающихся домашнимъ обученіемъ, стараться по возможности удалять ихъ изъ сего края, а между тѣмъ пріостановиться впредь до усмотрѣнія съ выдачею людямъ польскаго происхожденія новыхъ свидѣтельствъ на дозволеніе обучать въ частныхъ домахъ. Несмотря на это, я весьма часто получаю отъ директора 2-й кіевской гимназіи [1]) отношенія съ требованіемъ аттестацій о лицахъ изъ уроженцевъ или жителей кіевской губ., просящихъ отъ него свидѣтельствъ на право домашняго обученія, изъ чего имѣю поводъ заключать, что директоръ не имѣетъ въ виду прописаннаго выше распоряженія и потому, вѣроятно, доставляетъ, въ противность оному, удовлетворенія просящимъ означенныхъ свидѣтельствъ. Таковое заключеніе мое болѣе кажется мнѣ безошибочнымъ потому еще, что директоръ самъ входитъ ко мнѣ съ вопросами о достоинствѣ лицъ, просящихъ у него свидѣтельствъ, тогда какъ ему слѣдовало бы сношенія со мною въ потребныхъ случаяхъ, а въ особенности по дѣламъ, менѣе или болѣе касающимся политическихъ обстоятельствъ, представлять господину попечителю учебнаго округа, какъ ближайшему своему начальнику, которому гораздо болѣе

---

[1]) Таковымъ былъ въ то время С. О. Богородскій, занимавшій одновременно и профессорскую каѳедру въ Кіевскомъ университетѣ; онъ же состоялъ и директоромъ училищъ кіев. губ.

должны быть извѣстны какъ распоряженія правительства относительно учебныхъ вѣдомствъ въ семъ краѣ, такъ и самая цѣль, къ которой клонится постоянная заботливость его. Имѣя въ виду предложеніе вашего высокопр-ства по прописанному вами предмету отъ 8 прошедшаго іюня, № 1359, я долгомъ поставляю себѣ замѣченныя мною дѣйствія директора кiев. 2-й гимназіи довести до свѣдѣнія вашего».

Генералъ-губернаторъ велѣлъ истребовать отъ тогдашняго попечителя учебнаго округа князя Давыдова «справку» по данному дѣлу и 11 декабря того же года получилъ отъ послѣдняго слѣдующее объясненіе: 1) Выдача свидѣтельствъ на право частнаго обученія лицамъ польскаго происхожденія совершенно пріостановлена со времени введенія въ дѣйствіе высочайшаго повелѣнія 23 апрѣля 1839 года, о чемъ имѣются положительныя свѣдѣнія въ дѣлахъ управленія кiев. учебнаго округа, потому что, какъ прежде, такъ и теперь ни одно изъ подобныхъ свидѣтельствъ никому безъ разрѣшенія попечители кiев. учебнаго округа не выдается. Для избѣжанія излишней переписки о лицахъ, не имѣющихъ права получать свидѣтельства на частное обученіе, на основаніи приведеннаго высочайшаго повелѣнія, предписано секретно директорамъ гимназій и училищъ удалять таковыхъ лицъ, подъ самыми благовидными однако жъ предлогами, отъ испытанія; если же таковыхъ предлоговъ не представится, то представлять о подобныхъ лицахъ, безъ всякихъ предварительныхъ о нихъ сношеній, попечителю округа. 2) Заключеніе, изложенное въ представленіи г. Фундуклея, будто-бы директоръ училищъ кiевской губерніи дѣйствуетъ несообразно высочайшему повелѣнію 23 апрѣля, не могло бы возникнуть, если-бы въ сношеніяхъ директора о поведеніи разныхъ лицъ различаемы были три ихъ вида, именно: а) о лицахъ, подвергавшихся испытанію и желающихъ получить свидѣтельства на право быть учителями въ училищахъ уѣздныхъ и приходскихъ, чѣмъ однако же не пріобрѣтается право обучать въ частныхъ домахъ; б) о лицахъ, получившихъ свидѣтельства до изданія положенія 1-го іюля 1834 года о домашнихъ учителяхъ, а также имѣющихъ оныя изъ учебныхъ заведеній, не состоящихъ въ Кiевскомъ учебномъ округѣ; поскольку таковымъ лицамъ означеннымъ повелѣніемъ не воспрещено заниматься обученіемъ въ частныхъ домахъ, то, по предъявленію ими имѣющихся у нихъ свидѣтельствъ въ дирекціяхъ училищъ, дѣлаются обыкновенныя справки о ихъ поведеніи и образѣ мыслей; наконецъ, в) о лицахъ, испрашивающихъ вновь свидѣтельства на право обучать въ част-

ныхъ домахъ. 3) На основаніи § 182 устава училищъ и гимназій, высочайше утвержденнаго 8 дек. 1828 года, директоръ имѣетъ право самъ относиться къ губернскимъ и прочимъ мѣстнымъ начальствамъ».

Сообщ. **О. Л.**

Письмо гетмана Скоропадскаго къ митрополиту Іоасафу Кроковскому 1712 г. Ясне в Богу преосвященний мосцѣ отче метрополитъ кіевский и галицкий, мой велце мосцѣвий пане, архипастиру милостивий, в Духу святомъ отче й добродѣю.

Панъ Димитрий Полоцкий, войтъ кіевский, будучи тут в Глуховѣ, предложилъ намъ, что по всѣхъ трудностяхъ, якіе от войскъ великороссийских городовѣ Кіеву и гражданамъ тамошнимъ чинилися, за едину отраду себѣ милость вашего преосвященства, которою передъ нами хвалилъся, имѣетъ; тилко жалостенъ есть на височе в Богу превелебного его милость отца архимандриту Межигорского, что многіе ему самому и всему майстрату Кіевскому досади и укоризни дѣетъ и людей въежджаючихъ в пущу за дровами грабыть, воли и конѣ забыраетъ и не велит ворочати. В чомъ яко просилъ нашего до вашои архипастирской милости за собою и за всѣмъ майстратомъ вложеньяся [1]), такъ мы до вашего преосвященства за ними інтерцедуючи, просимъ, благоволи ваша пастирская святыня его превелебного отца архимандриту от тоей на пана войта и всѣхъ мѣщанъ завзятости уняти и архирейскою своею смирити властію, а приказать, чтобы его превелебность грабежѣ людзкіе велѣвъ поворочати и впредъ за уездъ в пущу людей кіевскихъ не казавъ грабыти.

О що и повъторе вашой пастирской милости просячи, его ж архіерейскимъ молитвамъ и благословенію навсегда полѣцаемъся.

Вашому преосвященству всего добра зичливий в Духу Святомъ синъ и нижайший слуга Іванъ Скоропадский, гетманъ войска Его Царского пресвѣтлого величества Запорожского. З Глухова, юня 2, року ҂аѱві (1712).

Адресовано: «Ясне в Богу преосвященному Его милости отцу Іоасафу Кроковскому, Митрополитѣ и Архіепископу Кіевскому, Галицкому и всея Россіи, моему велце мосцевому пану, архипастиру милостивому, в Духу святомъ отцу и добродѣю.

---

[1]) Т. е. ходатайства.

Письмо это отчасти касается продолжительнаго спора между кіевскимъ магистратомъ и кіевскими монастырями. Двѣнадцать тогдашнихъ кіевскихъ монастырей владѣли въ городѣ и окрестностяхъ огромною недвижимою собственностью: домами, лавками, шинками, корчмами, перевозами черезъ Днѣпръ, лѣсами, сѣнокосами, винокуренными заводами, «цегельнями» и т. под., считая себя совершенно свободными отъ всѣхъ государственныхъ и городскихъ повинностей, ложившихся всею тяжестью на городскую общину. Разумѣется, такая привилегія вызывала ропотъ и неудовольствіе со стороны мѣщанъ, имѣвшихъ основаніе оспаривать многія изъ угодій, считавшихся монастырскими. Петръ I подтвердилъ давнее право кіевскаго магистрата пользоваться лѣсами, сѣнокосами и др. угодьями на разстояніи 25-ти верстъ вокругъ Кіева. Мѣщане рѣшили, что на этомъ пространствѣ не однѣ только свободныя земли входятъ въ ихъ пользованіе, но и частныя, т. е. монастырскія, и потому безъ стѣсненія рубили здѣсь лѣса, пасли скотъ и т. под., чему монастыри дѣлали всякія препятствія. Это и порождало безконечныя распри и тяжбы. Пока митрополичью каѳедру занималъ Іоасафъ Кроковскій, избранный въ этотъ санъ еще по прежнимъ малороссійскимъ правамъ, означенный споръ не выходилъ изъ границъ частныхъ недоразумѣній; но когда съ 1722 года его замѣнилъ уже назначенный по избранію синода митрополитъ Варлаамъ Ванатовичъ, не умѣвшій и не хотѣвшій сдерживать монастырскія власти, споръ съ мѣщанами принялъ столь страстный и злобный характеръ, что стороны перестали уже стѣсняться въ выборѣ средствъ борьбы, и жертвою этого взаимнаго озлобленія палъ самъ митрополитъ, оклеветанный тѣмъ же войтомъ Д. Полоцкимъ, будто онъ, получивъ въ 1730 г. манифестъ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, вмѣстѣ съ своими консистористами не захотѣлъ совершить положенное молебствіе. Ванатовичъ былъ за это лишенъ архіерейскаго и священническаго сана и заточенъ въ Бѣлозерскій монастырь, а консистористы (игумены кіевскихъ монастырей) отрѣшены отъ должности.

О. Л.

Подати в Кролевствѣ Польскомъ въ 1717 г. Въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ въ рукоп. № 495 каноника Сярчинскаго начала XIX ст., имѣется замѣтка подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ,

къ сожалѣнію безъ указанія на ея источники. Приводимъ ея содержаніе.

		Поголовное		*Hiberna*		*Соль*
Воеводство	Русское	278 зл.	498 гр.	112 зл.	595 гр.	—
»	Кіевское	10	861		—	—
»	Волынское	109	363	10	535	—
»	Подольское	27	473			.
»	Любельское	186	148	13	444	1125
»	Подляшск.	186	650	31	840	999
»	Брацлавское	5	400			

Со всего же Королевства 1.939.990.

Hiberna отъ духовенства изъ Львовской діецезіи достигала 2434 зл., Перемышльской 5987, Холмской 2226, Луцкой—2161, отъ духовенства обряду греческаго—6.141.

Годовой коронный доходъ въ 1717 г. 5.532.279 зл.

«*Чопове*» и «*шеляжне*» платилось отъ бочки проданнаго напитка и гарнца вышинкованнаго; этотъ же поборъ шелъ на нужды края, а позже на нужды воеводства.

«*Млынове*» или «*czos*» не всегда былъ въ употребленіи. Въ 1703 г. рѣшено было его употребить на выкупъ Эльбонга (Elbąga).

«*Donatywa kupiecka*»—нѣкогда добровольная жертва, почему и сохранилось названіе «donatywa», но впослѣдствіи—спеціально доходъ съ купцовъ. Въ 1628 г. достигалъ онъ суммы 100.000 зл. п. Купцы: Греки, Армяне, Персы, Шкоты дали дохода 20000 зл. п.

«*Поральне*»—наидревнѣйшая подать, получавшаяся съ лана. Король Людовикъ уменьшилъ его отъ 12 до 2 гр., а Владиславъ Ягелло постановилъ, чтобы его сами крестьяне «складали», а не шляхта.

«*Акцыза*»—ухваленная позже,—сборъ, получавшійся отъ взносовъ 2 грошей отъ каждаго злотаго стоимости предметовъ первой необходимости.

«*Татарское поголовное*», какъ выражается конституція сейма 1710 г., достигала наиболѣе 6.000 зл. п.

Сообщ. **В. Д.**

Цѣна продуктовъ въ Кіевщинѣ въ 1789 г. (Cena w Kijowskim do ofiary 10-go grosza r. 1789 ustanowiona). День тяглый—15 грош., пѣшій—12; курица—10 гр., каплунъ—15 гр., мотокъ пряжи—15 гр., „belee“ меду, содержащій 10 квартъ—8 зл. п., пень пчелъ—7 зл., „sotko“ грибовъ—1 зл., „czerwcu lyżka“—10 гр., кварта орѣховъ—

2 гр., 3 яйца—1 гр., корецъ жита—6 зл. п., „jagieł“ — 9 зл., корецъ ячменя — 5 зл., овса—2 зл., сѣмени конопляного—6 зл.. пшеницы—4 зл., гречки—4 зл., гороху—6 зл., льну (сѣмени)—8 зл., хмеля—1 зл.

(Библіотека Оссолинскихъ, рукоп. № 496 каноника Сярчинскаго, стр. 189).

Сообщ **В. Д.**

Отвѣтъ редакціи. Считаемъ долгомъ извѣстить нижеслѣдующихъ лицъ, что деньги, присланныя ими на поддержаніе въ порядкѣ могилы Т. Г. Шевченка, получены и переданы по назначенію: 1) *Изъ Екатеринослава*: отъ В. П. Гегело—60 р., Н. С. Кононенко—9 р. (съ полученными раньше 27 руб., см. іюль-авг. «Кіев. Ст.», отъ г. Кононенко всего поступило—36 р.), Н. Т. Павлова—5 р., С. П. Балабухи—5 р., И. И. Тимофеева—3 р., И. Ф. Карпинскаго—2 р. 50 к., С. Ф. Леухина—2 р. 50 к., Л. Ф. Леухина—2 р., Ф. В. Дитятева—2 р., В. А. Стаховскаго—2 р., В. И. Лавриненко—1 р. 50 к., М. А. Тисенко—1 р. 20 к., Ѳ. А. Кузьменко—1 р. 20 к., Н., М. и К. Кузьменко—1 р. 80 к., М. Г. Шиллера—1 р., П. А. Кольченко—1 р., А. Р. Ткаченко—15 к., М. П. Бондаренко—15 к., всего 101 р., 2) *Изъ Одессы*: Е. И. Тищенко—5 р., а всего 106 р., что вмѣстѣ съ прежними (см. № 7-8—36 р. и № 9—207 р. 30 к.), составляетъ *349 р. 30 к.*

Текущія извѣстія.

О положеніи украинской печати. Подъ этимъ заглавіемъ въ «Кіевскихъ Откликахъ» (№ 288) напечатана прекрасная статья Б. Гринченка, подчеркивающая ненормальное отношеніе къ печатному малорусскому слову. Ввиду интереса этого вопроса, мы приводимъ статью цѣликомъ.

Газеты передали намъ слѣдующія слова, сказанныя г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, княземъ Святополкъ-Мирскимъ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ «Руси» по вопросу о національностяхъ: «Если даже смотрѣть на дѣло такъ, что необходимо ограждать интересы русскаго населенія, то должно соблюдать извѣстную мѣру. Во вся-

комъ случаѣ, надо имѣть въ виду, прежде всего, не наносить чувствительнаго ущерба людямъ. У насъ не мало мѣръ, которыя, не принося никакой существенной пользы тѣмъ, ради которыхъ дѣлаются, наносятъ однако огромныя лишенія людямъ, къ которымъ примѣняются».

Объ одной изъ такихъ мѣръ не разъ говорилось въ русской печати. Вотъ, напримѣръ, что писали еще въ 1898 году (29 октября, № 297) въ статьѣ: «Зачѣмъ?» «С.-Петербургскія Вѣдомости». Знакомство съ произведеніями классиковъ обязательно у насъ для каждаго гимназиста, почему одни изъ этихъ авторовъ изучаются по подлинникамъ въ классѣ, а другіе—въ отрывкахъ наполняютъ хрестоматіи, предназначенныя также для класснаго употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но многимъ ли у насъ извѣстенъ тотъ фактъ, что за чтеніе иныхъ переводовъ этихъ произведеній взрослые люди подвергаются у насъ различнаго рода непріятностямъ?

Теперь уже XX-е столѣтіе—и все-же положеніе не измѣнилось: взрослые люди продолжаютъ подвергаться «различнаго рода непріятностямъ» только за то, что они читаютъ переводы Шекспира, Гомера или Евангелія на украинскій языкъ.

Но кому-же и какой вредъ можетъ произойти отъ того, что любители литературы будутъ читать Шекспира не въ переводѣ Гребеля, а въ передачѣ Кулиша, Гнѣдича замѣнятъ, читая Гомера, Нищинскимъ, а обратившись къ Данту, найдутъ болѣе удобнымъ и соотвѣтствующимъ своимъ вкусамъ русскій переводъ Мина замѣнить украинской передачей Самійленка? А между тѣмъ, благодаря тому, что у насъ печатаніе переводовъ на малорусскій языкъ запрещено и таковые могутъ появляться лишь за-границей, откуда пропускъ ихъ къ намъ также запрещенъ, чтеніе ихъ, несмотря на всю невинность этого занятія, сопряжено съ помянутыми выше «непріятностями». Въ «непріятномъ», хотя и совсѣмъ иного рода, положеніи оказывается, благодаря этимъ обстоятельствамъ, даже цензура: запрещая, скажемъ, «Марію Стюартъ» Шиллера *исключительно за языкъ* ея перевода и не имѣя по этому возможности найти рѣшительно никакихъ другихъ основаній для такого запрещенія, цензурѣ приходится пояснить, что переводъ запрещенъ согласно ст. 113-й устава о цензурѣ и печати, каковая статья въ точности гласитъ слѣдующее: «При цензированіи статей, касающихся частей: военной, судебной, финансовой и предметовъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, цензоры обязаны руководствоваться особо изданными наставленіями». Такимъ образомъ

оказалось, что несчастная королева еще изъ глубины XVI вѣка заняла нецензурное положеніе по отношенію къ помянутымъ въ ст. 113-й россійскимъ вѣдомствамъ, почему и должна подвергнуться запрещенію въ 1897 году.

Любопытно также, что запрещенъ малоруссій переводъ Библіи. «Въ христіанскомъ государствѣ»,—цитируемъ снова помянутую статью петербургской газеты,—«гдѣ имѣется Евангеліе на семидесяти языкахъ и нарѣчіяхъ, въ томъ числѣ: на вогульскомъ, вотяцкомъ, зырянскомъ, калмыцкомъ, латышскомъ, лапландскомъ, осетинскомъ, пермскомъ, эстонскомъ, на четырехъ нарѣчіяхъ татарскаго языка, на еврейско-польскомъ и еврейско-нѣмецкомъ жаргонахъ (см. каталогъ библейскаго общества),—славянское населеніе въ два десятка милліоновъ душъ лишено права читать св. Писаніе на своемъ родномъ языкѣ». Вся крайняя непослѣдовательность такого положенія вещей понятна сама собой, безъ дальнѣйшихъ объясненій. Прибавимъ развѣ лишь то, что среди самого духовенства цѣлый рядъ лицъ держался мнѣнія о необходимости такого перевода и въ проповѣдяхъ на украинскомъ языкѣ старался говорить о религіозныхъ предметахъ понятнымъ для населенія языкомъ (украинскія проповѣди и изложенія священныхъ событій священниковъ: Гречулевича, Опатовича, Бабченка и др.). Это направленіе получало не разъ одобреніе со стороны лицъ высоко авторитетныхъ въ духовномъ мірѣ, какъ, напр., извѣстный Филаретъ, архіепископъ черниговскій и нѣжинскій, издавшій въ 1859 г. по украински свою «Проповидь противъ враждебныкивъ» съ отрывками переводовъ Евангелія (Кіев. Стар. 1902, V, 86); въ томъ же духѣ былъ изданъ съ соизволенія архіерея указъ изъ полтавской духовной консисторіи о необходимости малорусской проповѣди (ib., II, 81), въ томъ же направленіи дѣйствуетъ въ настоящее время и преосвященный Амвросій, епископъ кременецкій, самъ произносящій малорусскія проповѣди (ib., 1904, IX, 100 и пр.). Такимъ образомъ, со стороны церковныхъ каноническихъ правилъ нѣтъ препятствій для перевода Библіи по малорусски, а, между тѣмъ, украинская Библія, недавно изданная въ полномъ составѣ британскимъ библейскимъ обществомъ въ Вѣнѣ, является для насъ запрещенной вещью. Если въ ней что-либо оказалось бы переведеннымъ, несогласно съ установленнымъ у насъ текстомъ, то вѣдь для россійскаго изданія это можетъ быть легко исправлено; наконецъ, есть и другой переводъ Евангелія—Морачев-

скаго, давно одобренный россійской Академіей Наукъ и все-же уже сорокъ лѣтъ остающійся въ рукописи...

Такое ненормальное положеніе малорусскаго слова существуетъ не только относительно переводовъ. Еще въ 1863 г. было сдѣлано первое запрещеніе украинской литературы, а затѣмъ, послѣ нѣкотораго облегченія, въ 1876 г., послѣдовало новое распоряженіе, дѣйствующее и въ настоящее время, часть котораго цитируемъ по помянутой статьѣ «Зачѣмъ?»

1) Недопускать ввоза въ предѣлы имперіи, безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати, *какихъ бы то ни было* книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи.

Печатаніе и изданіе въ имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ, и б) произведеній изящной словесности; но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ-же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія, и чтобы разрѣшенія на печатаніе произведеній изящной словесности давались не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописи въ главномъ управленіи по дѣламъ печати.

Такимъ образомъ, запрещены всѣ книги характера научно-популярнаго, педагогическаго или утилитарнаго. Такія вещи, какъ народныя книжки о Сахарѣ, Финляндіи, Колумбіи, Гуттенбергѣ, Александрѣ Македонскомъ, Линкольнѣ, Ив. Гуссѣ, о пользѣ птицъ, о холерѣ, о любви къ животнымъ, о картофели и пр. и пр.— были до сихъ поръ запрещаемы въ большомъ количествѣ, и нѣсколько книжекъ научно-популярнаго содержанія, которымъ, въ силу какихъ-то случайныхъ обстоятельствъ, посчастливилось проскользнуть въ типографіи, слишкомъ ничтожная въ количественномъ отношеніи вещь для того, чтобы ими можно было удовлетворить умственный голодъ народныхъ массъ, для того, чтобы ими возможно было разогнать тотъ леденящій душу мракъ невѣжества, въ которомъ бродятъ ощупью эти массы. Это запрещеніе подрываетъ въ самомъ корнѣ возможность широкаго и глубокаго народнаго просвѣщенія, просвѣщенія, не волостныхъ писарей приготовляющаго, а пробуждающаго умъ народный, побуждающаго народныя силы и таланты къ напряженной и энергичной дѣятельности въ сферѣ какъ матеріальной, такъ и духовной. Огромное

большинство народа буквально вырождается духовно и физически среди поражающаго невѣжества; другая часть, меньшинство, съ напряженнымъ томленіемъ ищетъ удовлетворенія своимъ духовнымъ запросамъ, своимъ порывамъ къ свѣту и знанію, и не находитъ даже понятной для себя книжки, могущей быть для нея первой ступенью на дорогѣ къ простору знанія и счастливаго существованія, не находитъ только потому, что этой понятной ему книжкой можетъ быть для него лишь книжка на его родномъ малорусскомъ языкѣ! Если для украинской интеллигенціи невозможность имѣть свою журналистку, читать въ украинскомъ переводѣ классиковъ и пр. составляетъ лишеніе, крайне болѣзненно отражающееся на ея знаніи, то невозможность для народа имѣть книжку на родномъ языкѣ является еще болѣе тяжелымъ лишеніемъ.

Сама народная мысль, какъ сказано было выше, въ лицѣ меньшинства народа, съ ярко-выраженной очевидностью стремится къ жизни, къ развитію—пробуждается не только интересъ къ книгѣ, но и къ газетѣ. А между тѣмъ, газета, вообще періодическое украинское изданіе, тоже является вещью, для насъ запрещенною. Въ 1897 г., изъ Чернигова было возбуждено ходатайство объ изданіи еженедѣльной газеты для народа «Порада», и съ этого времени просьбы объ украинскихъ періодическихъ изданіяхъ не прекращались. Мы припоминаемъ, напр., слѣдующія ходатайства: г. Коваленко просилъ объ изданіи періодическаго органа «Украина», г. Левицкій изъ Кіева—«Проминь», г. Яворскій изъ Чернигова—«Рилля», г. Яблоновскій изъ Херсона—«Степъ», гг. Чикаленко и Левицкій изъ Кіева—«Селянынъ» (1903), г-жа Муркенъ изъ Севастополя—«Хлиборобъ» (1903), и пр. Всѣ эти ходатайства остались безъ удовлетворенія. Въ настоящее время представлено два новыхъ ходатайства: отъ г. Семешко о газетѣ «Громадянынъ» и отъ г. С. Ефремова о еженедѣльной газетѣ съ приложеніями въ видѣ книжекъ—«Викъ», представлены съ надеждой, что новое направленіе внутренней политики удовлетворитъ и несомнѣнную нужду въ украинской періодической печати.

Лица, посвящающія себя украинской литературѣ, въ настоящее время находятся у насъ въ крайне тяжеломъ положеніи. Даже въ рамкахъ цитированнаго выше распоряженія 1876 г. они постоянно подвергаются ограниченіямъ, почти лишающимъ ихъ возможности производительной работы. Поэтому подавляющее большинство своихъ работъ они принуждены печатать за границей—въ Австріи, гдѣ есть

украинская пресса, и даже въ Америкѣ, гдѣ много украинскихъ колоній и есть также нѣсколько малорусскихъ газетъ. Неудобство такого положенія вещей, какъ для авторовъ, такъ и для страны, гдѣ они живутъ, очевидно съ перваго взгляда: авторы лишены какъ возможности непосредственнаго общенія съ своей публикой, такъ и заработка; страна лишается производительныхъ силъ, могущихъ быть полезными на мѣстѣ, но вытѣсняемыхъ за границу. Къ этому нужно прибавить еще общее запрещеніе ввоза въ Имперію *какихъ-бы то ни было украинскихъ книгъ:* благодаря этому запрещенію, множество научныхъ работъ совершенно не могутъ быть сдѣланы, такъ какъ запрещены къ ввозу даже такія чисто ученыя изданія, какъ «Записки наукового товарыства им. Шевченка», «Этнографичный збирныкъ» и пр., и пр.

Украинская литература давно уже является объектомъ научныхъ изслѣдованій. Академикомъ А. Н. Пыпинымъ отведенъ ей особый отдѣлъ въ его обширной «Исторіи славянскихъ литературъ»; проф. Н. И. Петровымъ написанъ «Очеркъ исторіи украинской литературы XIX в.», а проф. Н. П. Дашкевичемъ, по порученію Академіи Наукъ, сдѣланъ обширный разборъ этой книги, гдѣ г. Дашкевичъ далъ рядъ своихъ собственныхъ изслѣдованій предмета; проф. Огоновскій издалъ четырехтомный трудъ по исторіи украинской литературы; множество серьезныхъ работъ по отдѣльнымъ вопросамъ опубликовано было цѣлымъ рядомъ солидныхъ ученыхъ, какъ у насъ, такъ и за границей; ученыя изданія и вообще пресса нѣмецкая, французская, англійская и пр. все болѣе и болѣе обращаетъ вниманія на украинскую литературу, чему особенно способствуетъ вѣнскій журналъ „Ruthenische Revue“, знакомящій Европу съ положеніемъ украинскаго вопроса. Украинскій языкъ раздается съ кафедръ двухъ университетовъ, и украинскіе ученые въ Галиціи своими работами уже успѣли пріобрѣсти вниманіе своихъ европейскихъ собратьевъ. Объ украинской литературѣ начинаютъ говорить съ кафедръ иностранныхъ университетовъ. Все это показываетъ, что новая украинская литература уже давно вышла изъ періода дѣтства, что ее нельзя иначе трактовать, какъ и всякую другую литературу, что отношеніе къ ней, какъ къ чему то несуществующему и не долженствующему существовать. не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и, какъ таковое, является вреднымъ и «наноситъ... огромныя лишенія людямъ, къ которымъ примѣняется», почему и тяготѣющее надъ украинскимъ словомъ у

насъ запрещеніе, какъ совершенно противорѣчащее высказанному г. министромъ внутреннихъ дѣлъ взгляду, должно быть устранено.

Этого и ожидаетъ въ настоящее время украинское общество отъ новаго направленія внутренней политики Россіи, поставившего во главу угла довѣріе къ общественнымъ силамъ и ихъ развитіе.

Къ вопросу о малорусскомъ языкѣ. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ «Южныхъ Запискахъ» (№ 44) статья М. А. Славинскаго, въ которой сообщаются свѣдѣнія о положеніи малорусской рѣчи по отношенію къ литературному примѣненію ея.

До второй половины XIX вѣка малорусское слово не подвергалось какимъ-либо исключительнымъ стѣсненіямъ; цензура была сурова и губительна, но эта суровость и губительность распространялась одинаково на всѣхъ, въ томъ числѣ и на малорусскую литературу. Начало, такъ называемыхъ, шестидесятыхъ годовъ, проникнутое довѣріемъ правительства къ обществу, благотворно отразилось на малорусской литературѣ и на всемъ малорусскомъ движеніи. Время это отмѣчено широкой просвѣтительной дѣятельностью малорусской интеллигенціи, которая встрѣтила сочувствіе не только среди русскаго общества и печати, отъ Каткова до Чернышевскаго, но и въ правящихъ кругахъ. Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» принимаетъ деньги для подписки, объявленной Костомаровымъ на изданіе народныхъ книгъ, въ томъ числѣ и св. писанія, на малорусскомъ языкѣ, министерство народнаго просвѣщенія ассигнуетъ кредиты для изданія малорусскихъ учебниковъ и пособій для народныхъ училищъ, земства ходатайствуютъ о законодательномъ введеніи малорусскаго языка въ школы, какъ преподавательскаго, частныя лица основываютъ воскресныя малорусскія школы, появляется малорусскій журналъ «Основа», создается довольно обширная малорусская литература, открывается малорусскій театръ, духовенство усваиваетъ малорусскій языкъ въ церковныхъ проповѣдяхъ, Академія Наукъ хлопочетъ объ изданіи одобреннаго ею перевода евангелія на малорусскій языкъ, мѣстная администрація (кіевское генералъ-губернаторство) въ своихъ сношеніяхъ съ крестьянами время отъ времени пользуется малорусскимъ языкомъ. Малорусскій языкъ, естественно, пріобрѣлъ права гражданства въ школѣ, въ церкви, въ журналистикѣ и отчасти въ администраціи.

Но такая гармонія въ отношеніи власти и населенія, основанная на обоюдномъ согласномъ пониманіи естественныхъ народныхъ нуждъ, продолжалась недолго. Ясное небо согласія интересовъ и пониманія заволоклось темными тучами подозрительнаго недовѣрія, результаты котораго не замедлили оказаться. Начало этому, какъ и многому другому, положилъ Катковъ, усмотрѣвшій въ малорусскомъ движеніи не болѣе, какъ—польскую интригу. Поляки, молъ, желая создать благопріятную среду для своего возстанія, породили малорусское движеніе. Болѣе неосновательнаго предположенія нельзя было и придумать. Какъ извѣстно, польскіе круги, готовившіе возстаніе, относились къ малорусскому движенію въ высшей степени враждебно, справедливо полагая, что возрожденіе малорусской народности ставитъ непреодолимое препятствіе для осуществленія ихъ мечты о возстановленіи исторической Польши «отъ моря до моря». Катковъ, создавая свою теорію польской интриги, намѣренно игнорировалъ какъ ту рѣзкую полемику съ поляками, которую вели въ «Основѣ» малорусскіе интеллигенты (Костомаровъ, Кулишъ, Антоновичъ и др.), такъ и тотъ общеизвѣстный фактъ, что малорусское крестьянство съ нескрываемой враждебностью встрѣтило извѣстіе о польскомъ возстаніи и въ распрѣ поляковъ съ русскимъ правительствомъ рѣшительно стало на сторону послѣдняго.

Въ 1862 г. 8 іюля послѣдовало извѣстное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ Валуева къ министру народнаго просвѣщенія, въ которомъ находимъ все тѣ же катковскія мысли о польской интригѣ, съ примѣсью отвергнутыхъ исторической наукой погодинскихъ представленій о происхожденіи малорусскаго языка. Приводимъ извлеченія изъ этого характернаго документа:

«Давно уже идутъ споры въ нашей печати о возможности существованія самостоятельной малороссійской литературы. Поводомъ къ этимъ спорамъ служили произведенія нѣкоторыхъ писателей, отличавшихся болѣе или менѣе замѣчательнымъ талантомъ или своею оригинальностью. Въ послѣднее время вопросъ о малороссійской литературѣ получилъ иной характеръ, вслѣдствіе обстоятельствъ чисто политическихъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ интересамъ собственно литературнымъ. Прежнія произведенія на малороссійскомъ языкѣ имѣли въ виду лишь образованные классы южной Россіи, нынѣ же приверженцы малороссійской народности обратили свои виды на массу непросвѣщенную, и тѣ изъ нихъ, которые стремятся къ осуществле-

нію своихъ политическихъ замысловъ, принялись, подъ предлогомъ распространенія грамотности и просвѣщенія, за изданіе книгъ для первоначальнаго чтенія, букварей, грамматикъ, географій и т. п. Въ С.-Петербургѣ собираются пожертвованія для изданія дешевыхъ книгъ на южнорусскомъ нарѣчіи. Многія изъ этихъ книгъ поступили уже на разсмотрѣніе въ с.-петербургскій цензурный комитетъ. Не малое число такихъ же книгъ представляется и въ кіевскій цензурный комитетъ. Сей послѣдній въ особенности затруднялся пропускомъ упомянутыхъ изданій, имѣя въ виду слѣдующія обстоятельства: обученіе во всѣхъ, безъ изъятія, училищахъ производится на общерусскомъ языкѣ, и употребленіе малороссійскаго языка въ училищахъ нигдѣ не допущено; самый вопросъ о пользѣ и возможности употребленія въ школахъ этого нарѣчія не рѣшенъ, но даже возбужденіе этого вопроса принято было большинствомъ малороссовъ съ негодованіемъ, часто высказывающимся въ печати. Они весьма основательно доказываютъ, что никакого малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ, и что нарѣчіе ихъ, употребляемое простонародьемъ, есть тотъ же русскій языкъ, только испорченный вліяніемъ на него Польши, что общерусскій языкъ такъ же понятенъ для малороссіянъ, какъ и для великороссіянъ, и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый для нихъ нѣкоторыми малороссіянами, и въ особенности поляками, такъ называемый украинскій языкъ. Лицъ того кружка, который усиливается доказать противное, большинство самихъ малороссовъ упрекаетъ въ сепаратистскихъ замыслахъ, враждебныхъ къ Россіи и гибельныхъ для Малороссіи. Явленіе это тѣмъ болѣе прискорбно и заслуживаетъ вниманія, что оно совпадаетъ съ политическими замыслами поляковъ и едва ли не имъ обязано своимъ происхожденіемъ, судя по рукописямъ, поступившимъ въ цензуру, и по тому, что большая часть малороссійскихъ сочиненій дѣйствительно поступаетъ отъ поляковъ. Наконецъ, и кіевскій генералъ-губернаторъ находитъ опаснымъ и вреднымъ выпускъ въ свѣтъ разсматриваемаго нынѣ Духовной цензурой перевода на малороссійскій языкъ Новаго Завѣта. Принимая во вниманіе съ одной стороны настоящее тревожное положеніе общества, волнуемаго политическими событіями, а съ другой стороны имѣя въ виду, что вопросъ объ обученіи грамотности на мѣстныхъ нарѣчіяхъ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ, впредь до соглашенія съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуро-

ромъ Святѣйшаго Синода и шефомъ жандармовъ относительно печатанія книгъ на малороссійскомъ языкѣ, сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе, чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы, съ пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ, какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, остановиться».

Только абсолютной неосвѣдомленностью и мнительной подозрительностью Валуева можно объяснить этотъ жестокій актъ огульнаго недовѣрія къ малороссійскому населенію. Министерское распоряженіе тяжело отразилось на малороссійской литературѣ, въ особенности популярно-народной. За десятилѣтній періодъ (1863—1872 гг.) вышла всего одна популярная книжка на малорусскомъ языкѣ, вызванная притомъ крайней необходимостью разъяснить малорусскому населенію значеніе введенныхъ новыхъ судебныхъ установленій; названіе этой рѣдкой книжки—«Про судебни россійськи реформы».

Въ 1873 г. наступило фактическое смягченіе цензурныхъ правилъ для малорусскихъ произведеній, но это ничѣмъ, кромѣ личняго усмотрѣнія, не регулированное смягченіе продолжалось недолго. На смѣну ему 18-мая 1876 года изданъ былъ законъ, которымъ окончательно установилось исключительно тяжелое цензурное положеніе для малорусской литературы. Законъ этотъ, мало извѣстный широкой публикѣ, состоитъ всего изъ трехъ пунктовъ и гласитъ слѣдующее:

1) Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи, безъ особаго на то разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати, какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи.

2) Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности, но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности—не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобъ разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописи въ главномъ управленіи по дѣламъ печати.

3) Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малороссійскомъ нарѣчіи, а равно и печатаніе на таковомъ текста къ музыкальнымъ нотамъ.

Эти оригинальныя правила, дополненныя въ 1881 г. дозволеніемъ печатать словами и исполнять малорусскія пьесы съ особаго каждый разъ на то разрѣшенія генералъ-губернатора и губернаторовъ, являются и донынѣ руководящими при разрѣшеніи къ печати произведеній на малорусскомъ языкѣ. Распространительное толкованіе, кстати сказать, въ подобныхъ случаяхъ едва ли допустимое, внесло въ практику еще болѣе ограниченій: не разрѣшались къ печати переводныя произведенія изящной литературы, дѣтскія книги, хотя бы беллетристическаго содержанія, не дозволялись также и періодическія изданія, хотя все это и не воспрещается прямо закономъ.

Жизнь давно уже успѣла доказать всю устарѣлость подобныхъ мѣръ въ борьбѣ съ живыми народными интересами.

По поводу изданія Св. Писанія въ украинскомъ переводѣ. Какъ извѣстно нашимъ читателямъ, въ текущемъ году издано въ Вѣнѣ Библейскимъ обществомъ Св. Писаніе на украинскомъ языкѣ въ переводѣ П. Кулиша, І. Полюя и И. Левицкаго. Въ іюнѣ этого года, одинъ изъ переводчиковъ, д-ръ І. Полюй, обратился въ Императорскую Академію Наукъ въ Петербургѣ съ письмомъ, въ которомъ указываетъ, что имъ послано въ Главное управленіе по дѣламъ печати прошеніе о допущеніи этого изданія къ продажѣ въ Россіи. Обращая вниманіе Академіи Наукъ, какъ учрежденія вполнѣ компетентнаго въ сужденіяхъ по вопросамъ научнаго и культурнаго характера въ Россійской имперіи, на значеніе распространенія Слова Божьяго въ народѣ на родномъ для него языкѣ, д-ръ Полюй проситъ содѣйствія Академіи въ разрѣшеніи для Украины пользоваться свободно вышеназваннымъ изданіемъ Св. Писанія, надѣясь, что голосъ его найдетъ сочувствіе въ сердцахъ благородныхъ мужей науки. При этомъ письмѣ д-ръ Полюй препроводилъ въ Академію для ея библіотеки одинъ экз. изданія.

Въ отвѣтъ на это д-ръ Полюй получилъ недавно слѣдующее письмо отъ непремѣннаго секретаря Императ. Акад. Наукъ:

13 октября 1904 г. № 903.

Милостивый Государь! Имѣю честь, по порученію Конференціи Императорской Академіи Наукъ, принести Вамъ искреннюю признательность отъ имени Академіи за присланный въ даръ ея Библіотекѣ,

при письмѣ отъ 30-іюня с. г., переводъ Священнаго Писанія на русско-украинскую рѣчь, при чемъ долгомъ считаю сообщить Вамъ, что подлинное Ваше письмо, съ копіею ходатайства въ Главное управленіе по дѣламъ печати о разрѣшеніи провоза въ Россію изъ-за границы книгъ на малороссійскомъ языкѣ, передано, согласно постановленію Общаго Собранія Императорской Академіи Наукъ, на усмотрѣніе Отдѣленія Русскаго языка и словесности.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. *(Подпись).*

Къ вопросу о психическихъ элементахъ національности. Въ «Южн. Россіи» (№ 258) напечатанъ отчетъ о засѣданіи въ Одесскомъ литературно-артистическомъ обществѣ, гдѣ былъ прочитанъ М. А. Славинскимъ рефератъ на тему, указанную въ заголовкѣ замѣтки. Въ виду интереса затронутаго вопроса, перепечатываемъ этотъ отчетъ цѣликомъ.

Залъ, въ которомъ происходило собесѣдованіе, былъ переполненъ публикой и далеко не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ послушать рефератъ. И неудивительно. Тема реферата, можно сказать, животрепещущая и злободневная. Съ одной стороны, многіе еще продолжаютъ искать путей правильнаго разрѣшенія національнаго вопроса, и съ другой—многіе не могутъ уяснить себѣ, что такое національность. Въ исканіи путей для правильнаго разрѣшенія національнаго вопроса, одни доходятъ до игнорированія національнаго элемента, считая его незаслуживающимъ вниманія, находя даже его вреднымъ въ сферѣ соціальнаго развитія общества; такія лица полагаютъ, что игнорированіемъ они, такъ сказать, разсѣкаютъ Гордіевъ узелъ междунаціональныхъ отношеній; другіе, обобщая «націонализмъ» съ «національнымъ», вырабатываютъ взглядъ на національное движеніе различныхъ народовъ, какъ на что-то реакціонное, регрессивное; третьи, наконецъ, наоборотъ, придаютъ слишкомъ ужъ много значенія этому движенію, видятъ въ развитіи національной идеи единственный и главный конечный путь къ человѣческому прогрессу,—смѣшиваютъ здѣсь форму съ содержаніемъ.

Задача референта заключалась въ томъ, чтобы примирить всѣ эти крайности и по возможности выяснить, что-же собственно такое націонализмъ и какое вниманіе ему должно удѣлять общество. На

сколько мы могли уловить главную мысль референта, національныя движенія среди угнетенныхъ народностей онъ считаетъ явленіемъ прогрессивнымъ, указывающимъ, что среди даннаго народа началась духовная творческая работа. Считая національный элементъ не содержаніемъ, а формой, референтъ тѣмъ не менѣе придаетъ этой формѣ самое серьезное значеніе, видя въ ней единственный путь къ человѣческому прогрессу, къ переходу не отдѣльныхъ единицъ, а цѣлыхъ массъ отъ націонализма къ космополитизму. Исходя изъ такого положенія г. Славинскій и закончилъ свой рефератъ формулой Владиміра Соловьева. «Отъ личности черезъ національное къ человѣчеству».

Референту оппонировало человѣкъ 6—7. Здѣсь были представители различныхъ воззрѣній на національный вопросъ, исключая Катковско-Грингмутовскаго толка. Нѣкоторые изъ нихъ внесли кое-какія поправки и дополненія къ прочитанному реферату, нѣкоторые-же въ опредѣленіи, что такое національность, существенно расходились со взглядомъ референта. Такъ напр., г. Шелухинъ въ опредѣленіи національности стоитъ на точкѣ зрѣнія, между прочимъ, антропологической и инерваціи въ то время, какъ референтъ въ своемъ заключительномъ словѣ считаетъ эту теорію химерой и подходитъ къ опредѣленію, что такое націонализмъ съ этической точки зрѣнія. Здѣсь онъ, между прочимъ, приводитъ эпизодъ изъ Ипатіевской лѣтописи временъ Владиміра Мономаха, гдѣ разсказанъ случай, какъ одного половецкаго хана, ушедшаго изъ приднѣпровскихъ степей на Кавказъ и проживавшаго тамъ долгое время, склонялъ вернуться въ родную сторону гудецъ (пѣвецъ), прибывшій туда послѣ того, какъ ханъ на предложеніе соотчичей вернуться въ свою край и править ими отказался, говоря, что ему и тамъ хорошо жить. Гудецъ въ началѣ старался склонить хана родными пѣснями, сказаніями и пр., но это не помогло: ханъ только прослезился отъ пѣсни, отъ возвращенія-же по прежнему отказывается. Наконецъ, гудецъ пробуетъ послѣднее средство: онъ даетъ хану понюхать траву евшанъ-зелье, растущую въ приднѣпровскихъ степяхъ. Запахъ травы оказываетъ на хана свое дѣйствіе, онъ собирается и переѣзжаетъ въ родной край.

Этотъ поэтическій подходъ къ опредѣленію національности и національнаго чувства далъ козырь въ руки оппоненту г. Лившицу, вызвавшему гомерическій смѣхъ среди публики. Г. Лившицъ во взглядѣ на опредѣленіе національности примкнулъ къ предыдущему оппоненту

г. Шелухину (апотропологія, инервація и пр.); что же касается поэтическаго разсказа г. Славинскаго, то г. Лившицъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «Мало-ли что можетъ возбуждать національное чувство! У одного оказывается болѣе чувствительнымъ зрѣніе: видъ какого-нибудь ландшафта можетъ вызвать національный восторгъ; у другого слухъ; у третьяго, обоняніе, какъ у того хана, а у меня, напримѣръ, какъ у еврея, больше всего возбуждается національное чувство, когда я ѣмъ фаршированную рыбу»...

Въ заключеніе скажемъ, что первое собесѣдованіе въ «литературкѣ», какъ называютъ здѣсь сокращенно литературно-артистическое общество, прошло очень оживленно и интересно. Несомнѣнно, повторяю, этому способствовала избранная тема собесѣдованія, добросовѣстно разработанная референтомъ, но не исчерпывающая вопроса. Къ этой темѣ выражено желаніе еще возвратиться. Г. Шелухинъ обѣщалъ прочесть свой рефератъ по этому же вопросу.

Положеніе русиновъ въ Галиціи и Венгріи. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана корреспонденція (Н. Караваева) въ «Южн. Краѣ» (№ 8230), которую помѣщаемъ здѣсь цѣликомъ, въ виду ея интереса.

Австрійскій министръ-президентъ Керберъ совершилъ поѣздку по Галиціи съ цѣлью познакомиться съ администраціей этой страны. Въ дѣйствительности онъ хотѣлъ завязать лишь болѣе прочныя сношенія съ польской шляхтой, надѣясь, что онъ въ будущей парламентской кампаніи встрѣтитъ поддержку могущественнаго польскаго клуба. Гдѣ ужъ было при такихъ условіяхъ ревизовать дѣятельность шляхты? Керберъ ограничился лишь тѣмъ, что посѣщалъ рауты, soirées и балы, которые давались въ его честь польскими графами и князьями. А въ это самое время во Львовѣ произошелъ съѣздъ русиновъ для того, чтобы доказать министру-президенту, что онъ не попалъ въ счастливую Аркадію, гдѣ не раздается ни одного диссонанса. На этомъ съѣздѣ было иллюстрировано положеніе русиновъ въ Галиціи и Венгріи. Галиційскимъ полякамъ удалось достигнуть всего, о чемъ ихъ дѣды и мечтать не смѣли, и судьба русиновъ вполнѣ зависитъ отъ ихъ гнѣва и милости. Польская шляхта прежде всего достигла того, что всѣ вопросы объ администраціи Галиціи и всего ея культурнаго строя рѣшаются не вѣнскимъ парламентомъ, гдѣ эти вопросы рѣшались-бы безпартійно представителями всѣхъ австрій-

скихъ народовъ, а исключительно галицкимъ сеймомъ, гдѣ польскіе депутаты составляютъ подавляющее большинство. А каковы результаты этого польскаго хозяйничанья? Въ Галиціи существуетъ сорокъ четыре польскихъ гимназіи и всего только—четыре русинскихъ! Число русинскихъ народныхъ школъ далеко не удовлетворяетъ потребностямъ страны, и положеніе русинскихъ учителей очень печально. Недавно среди русиновъ возникло новое движеніе. Существующія во всей Галиціи отдѣленія пожарнаго и гимнастическаго общества «Січъ» задались цѣлью пролить хотя-бы слабый свѣтъ образованія въ темныя народныя массы. Для того они открыли во многихъ пунктахъ Галиціи образовательные курсы, чтобы хотя нѣсколько уменьшить число безграмотныхъ среди русиновъ; это—начальныя школы для взрослыхъ. Кромѣ того, открыты читальни и библіотеки. Польскіе заправилы увидѣли въ этомъ опасность для польскаго могущества и, чтобы напугать вѣнское правительство, пустили слухъ, что «Січъ» занимается политической пропагандой. Пользуемся случаемъ, чтобы заявить, что Габсбургская династія имѣетъ не много такихъ вѣрныхъ подданныхъ, какъ русины, и что послѣдніе очень привязаны къ Австріи, хотя австрійцы и относятся къ нимъ, какъ къ пасынкамъ. Недаромъ русины, цѣня свою вѣрность, называютъ себя тирольцами Галиціи! Все это польскимъ заправиламъ отлично извѣстно, но они трубятъ о русинской «опасности» только для того, чтобы напугать компетентныя сферы въ Вѣнѣ. Что только ни предпринимается ради этого напугиванія! Такъ недавно *вся* польская пресса забила тревогу: она помѣстила обстоятельные доклады изъ Коссова, Кутъ и другихъ пунктовъ восточной Галиціи, въ которыхъ иллюстрировалось яркими красками, какъ гуцулы (вост. русины) разгромили поляковъ и евреевъ, какъ они все предали огню и мечу. Вся пресса возмущалась варварствомъ гуцуловъ, собирались уже отправить туда войска, какъ узнали, что вся исторія съ погромами совершенно вымышлена! Мирные гуцулы и не думали употреблять насиліе! Все это былъ лишь злостный вымыселъ, чтобы сдѣлать гуцуловъ безвольными при предстоящихъ выборахъ въ сеймъ! Есть много галицкихъ русиновъ, утверждающихъ, что австрійская конституція не принесла никакой пользы. Ихъ свобода и автономія очень проблематичны, а въ то же время они лишились сервитутовъ и стали безземельными. Въ виду того, что все управленіе Галиціей концентрируется въ львовскомъ сеймѣ, гдѣ польская шляхта находится въ значительномъ большинствѣ, вся отвѣтственность за бѣдность и необра-

зованность русиновъ ложится на польскую шляхту, которая ничего не предприняла, чтобы улучшить положеніе русиновъ, а наоборотъ, ни предъ чѣмъ не останавливалась, чтобы держать ихъ въ потемкахъ, чтобы усиливать ихъ приниженность. Пишущему эти строки лишь недавно пришлось бесѣдовать съ однимъ австро-нѣмецкимъ генераломъ въ отставкѣ, проведшимъ много лѣтъ въ Галиціи. Онъ не можетъ нахвалиться, говоря о русинахъ. Это прилежный, честный народъ; они добры и вѣрны, и единственное ихъ несчастье заключается въ томъ, что они имѣютъ шляхту, пользующуюся средневѣковыми привилегіями дворянъ и дѣйствующую разлагающимъ образомъ на общественно-политическую жизнь Галиціи... Когда русинская депутація предстала предъ Керберомъ, министръ-президентъ отвѣтилъ ей, что галицкій сеймъ компетентенъ во всѣхъ вопросахъ, и что русины въ этомъ сеймѣ должны искать управы. Хорошъ совѣтъ! Такимъ образомъ, послѣ поѣздки Кербера русины узнали лишь одно, что на австрійское правительство они разсчитывать не могутъ и что они должны ввести болѣе строгую организацію, чтобы получить значеніе въ вѣнскомъ парламентѣ. Кто тамъ силенъ, тотъ имѣетъ въ Австріи будущее, иначе онъ выданъ съ головой той націи, съ которой онъ борется. Это—испытанная австрійская аксіома.

Но несравненно худшее положеніе занимаютъ *русины въ Венгріи*, и вина падаетъ на венгерское правительство, которое, въ слѣпомъ стремленіи мадьяризовать всѣ земли короны св. Стефана, парализуетъ развитіе всѣхъ народовъ, населяющихъ Венгрію. А вѣдь когда-то, когда мадьяры представляли собою полудикое монгольское племя, русины имѣли свою собственную культуру! Теперь времена измѣнились. Мадьяры цивилизованы, а венгерскіе русины страшно необразованы и невѣжественны. Такъ правительство можетъ сдѣлать изъ народа все, что оно хочетъ. И въ результатѣ—баснословно интенсивная эмиграція русиновъ въ Америку, гдѣ они быстро осваиваются и воспринимають американскую культуру.

Просто не вѣрится, что въ наше время въ центрѣ Европы можетъ еще жить народъ при такихъ ужаснѣйшихъ матеріальныхъ условіяхъ, что онъ можетъ блуждать въ полныхъ потемкахъ! Нищета и невѣжество характеризуютъ венгерскихъ русиновъ, и конечно, не зачѣмъ добавлять, что русины совершенно устранены отъ политической жизни Венгріи. Полмилліона венгерскихъ подданныхъ не отправляетъ въ сеймъ ни одного депутата! Правительство диктуетъ имъ кандидата.

и они принуждены избирать его, и, конечно, они не могутъ разсчитывать на то, чтобы онъ защищалъ ихъ интересы!

Венгерскіе русины живутъ въ Карпатскихъ горахъ; слѣдовательно, луга и лѣса представляютъ собой единственное средство для ихъ пропитанія. Но постепенно мадьярскіе магнаты лишили ихъ луговъ и лѣсовъ, и русины, лишившись земли, служатъ у магнатовъ въ качествѣ пастуховъ и дровосѣковъ за грошовое жалованье. Нужда царитъ среди нихъ безпросвѣтная. Эта ужасная нужда объясняетъ, что нѣкоторые русинскіе патріоты предложили организовать русинскую эмиграцію въ Амурскую область, чтобы спасти ихъ отъ полнаго вырожденія въ непривѣтливой венгерской родинѣ.

Не лучше обставлена и ихъ духовная жизнь. Въ 1881 году въ Венгріи существовали 353 русинскія народныя школы и 265 такъ называемыхъ смѣшанныхъ, въ дѣйствительности—мадьярскихъ. Чрезъ два года число русинскихъ школъ уменьшилось до 282, а число смѣшанныхъ увеличилось на 48 школъ. Въ 1894 году мы находимъ въ Венгріи всего только 195 русинскихъ школъ; но въ то же время и число смѣшанныхъ пало до 242. Такимъ образомъ, чрезъ двѣнадцать лѣтъ общее число школъ уменьшилось, а теперь на полмилліона русиновъ имѣется всего только—90 русинскихъ школъ. Не нужно быть пророкомъ, чтобы утверждать, что чрезъ нѣсколько лѣтъ русинскія школы совершенно исчезнутъ въ Венгріи и, что еще хуже, общій уровень образованія русиновъ еще болѣе низко падетъ. За послѣднія, десять лѣтъ число школьниковъ понизилось съ 618 на 395! Это въ странѣ съ обязательнымъ посѣщеніемъ школы. Всѣ народы Венгріи развиваются; число школьниковъ у всѣхъ быстро растетъ. И у однихъ только русиновъ образованность съ каждымъ годомъ падаетъ! Развѣ это не служитъ печальнымъ признакомъ ихъ полнаго банкротства, какъ націи? И жаль, что въ Венгріи они не могутъ встрѣтить поддержки прочихъ славянъ и не могутъ развиваться для общей борьбы славянства съ мадьярскимъ деспотизмомъ.

О малорусской прессѣ. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ «Южн. Россіи» (№ 268) слѣдующая замѣтка:

Потребность въ самостоятельной малорусской прессѣ съ каждымъ годомъ назрѣваетъ все болѣе и болѣе; потребность эта выражается съ одной стороны въ цѣломъ рядѣ малорусскихъ литературныхъ альма-

наховъ, этихъ зачатковъ періодической печати, вышедшихъ въ послѣднее время; съ другой—въ массѣ ходатайствъ о разрѣшеніи изданія журналовъ и газетъ на малорусскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, всѣ эти ходатайства не увѣнчались до сихъ поръ успѣхомъ, и на 27 милліоновъ малороссовъ не издается пока въ предѣлахъ Россіи ни одной газеты или журнала.

Въ настоящее время намъ сообщаютъ еще о рядѣ такихъ ходатайствъ; такъ, напримѣръ: въ Кіевѣ группа малорусскихъ писателей ходатайствуетъ о разрѣшеніи издавать двухнедѣльный журналъ «Викъ» съ литературными приложеніями, въ Одессѣ д-ръ И. М. Луценко ходатайствуетъ о разрѣшеніи еженедѣльнаго журнала-газеты подъ названіемъ «Новыны» и въ Хотинѣ земскіе—агрономъ В. А. Яблоновскій и д-ръ Ф. И. Немоловскій ходатайствуютъ о газетѣ на малорусскомъ языкѣ, назначеніе которой будетъ проводить въ малорусскую народную массу свѣдѣнія по агрикультурѣ и гигіенѣ.

При обѣщанномъ довѣріи къ обществу можно надѣяться, что вопросъ о самостоятельной малорусской прессѣ будетъ разрѣшенъ, наконецъ, въ желательномъ смыслѣ, какъ разрѣшенъ уже одинъ важный аналогичный литовскій вопросъ; мы разумѣемъ разрѣшеніе литовскаго алфавита и изданіе газеты на литовскомъ языкѣ.

Украинская старина. *(Письмо въ редакцію)*. М. Г. Г-нъ Редакторъ! На дняхъ я случайно узналъ, что у вдовы присяжнаго повѣреннаго г-жи Силецкой, живущей въ г. Москвѣ, имѣется старинная сбруя, по семейнымъ преданіямъ принадлежавшая гетману Мазепѣ, старинный патронташъ неизвѣстнаго происхожденія и портретъ Семена Палѣя. Эти предметы мною были осмотрѣны, главнымъ образомъ съ цѣлью провѣрить дошедшіе до меня слухи. Сказать объ этихъ предметахъ что-нибудь я не рѣшаюсь, такъ какъ въ антикварныхъ вещахъ мало понимаю. Но ихъ осматривалъ, по словамъ г-жи Силецкой, проф. Эварницкій, который могъ бы, если понадобится, дать интересующія подробности.

Г-жа Селецкая желаетъ эти предметы продать. Очень жаль будетъ, если они попадутъ въ антикварный магазинъ, а не въ одинъ изъ южно-русскихъ музеевъ. Надѣюсь, что редакція «Кіевской Старины не откажетъ напечатать объ этомъ на страницахъ своего журнала.

М—ко.

Къ XIII археологическому съѣзду. На дняхъ профессоръ Д. И. Эварницкій возвратился изъ александровскаго уѣзда, гдѣ имъ былъ произведенъ рядъ археологическихъ раскопокъ и изслѣдованій.

Особенный интересъ представляетъ раскопка громаднаго городища, находящагося въ такъ называемомъ «Великомъ Лугѣ» (плавнѣ). Въ городищѣ этомъ открыты слѣды старинной татарской мечети. Изъ раскопанныхъ кургановъ, представляющихъ также огромный интересъ въ археологическомъ отношеніи, нѣкоторые относятся къ ноолитическому періоду каменнаго вѣка, нѣкоторые къ эпохѣ кочевниковъ.

Изъ александровскаго же уѣзда профессоромъ привезены древности, поступившія въ даръ музею: 2 старинныхъ шелковыхъ платка, 2 цѣнныхъ бронзовыхъ кельта и найденное въ одномъ изъ кургановъ изображеніе кабана, искусно сдѣланное изъ камня. Кромѣ этого Я. П. Новицкимъ доставлена въ музей обширная коллекція древностей, представляющая результатъ его раскопокъ къ предстоящему археологическому съѣзду.

Библіографія.

В. Гринченко. Пысання. Т. I. *Кіевъ, 1903 р., I—IV+500 стр. Ц. 1 р. 50 к.* [1]).

Передъ нами лежитъ большая, прекрасно изданная книга, озаглавленная—«Пысання», но въ сущности представляющая собраніе стихотвореній, написанныхъ въ разное время, и изданныхъ теперь въ одномъ томѣ, который является первымъ томомъ предположеннаго изданія еще и другихъ произведеній Б. Гринченка, прозаическихъ и драматическихъ.

Съ внѣшней стороны, т. е. со стороны ритма и риѳмы, стихотвореніямъ г. Гринченка нельзя сдѣлать ни одного серьезнаго упрека: за немногими исключеніями, гдѣ по требованію ритма допущено неправильное удареніе, какъ напр., «несáмовытый крыкъ» (стр. 263) «вже й зрадыло й тее, що кóхавъ безъ краю (стр. 118), или употреблено удареніе, свойственное русскому, но не украинскому языку: «и тогобичняя луна, въ вòди тремтыть яснá, легкá»,—стихъ г. Гринченка

[1]) Хотя въ нашемъ журналѣ помѣщена была уже рецензія объ этой книгѣ (см. № 12-й 1903 г.), но г. Гринченко, какъ очень заслуженный украинскій литераторъ, представляетъ настолько значительный интересъ въ своемъ творчествѣ, что мы считаемъ умѣстнымъ помѣстить теперь настоящую обширную критико-библіографическую статью о его стихотворныхъ произведеніяхъ, тѣмъ болѣе, что въ этой статьѣ, по поводу стихотворнаго авторства нашего поэта, высказывается нѣсколько общихъ положеній, имѣющихъ отношеніе къ украинской лирикѣ вообще.
Ред.

строго выдержанъ, языкъ простъ. Встрѣчаются изрѣдка банальныя риѳмы, но въ такомъ большомъ количествѣ стихотвореній онѣ теряются. Можно было бы пожелать побольше музыкальности... Но это ужъ такое свойство стиха, которое не дается ни трудомъ, ни изученіемъ, разъ его нѣтъ въ самой природѣ даннаго дарованія.

Обращаясь къ внутренней сторонѣ поэзіи г. Гринченка, мы видимъ, что онъ по преимуществу поэтъ боевой. Настроеніе его почти всегда бодрое и увѣренное; онъ призываетъ всѣхъ къ труду и борьбѣ и вѣритъ, что этими трудами будутъ добыты счастье и воля, если не ему и его собратьямъ, то, во всякомъ случаѣ, дѣтямъ и внукамъ его современниковъ. Въ одномъ изъ своихъ раннихъ стихотвореній г. Гринченко восклицаетъ:

«Праця едына зъ неволи насъ вырве.
Нумо до праци, браты!
Годи лякатысь! За дило святее
Смило мы будемо йты» (12 стр.).

Это «святее дило» для поэта является олицетвореніемъ торжества правды, свободы и просвѣщенія. Къ этому благородному желанію наибольшаго количества блага для наибольшаго количества людей,— г. Гринченко присоединяетъ еще и глубокій патріотизмъ, лишенный всякаго шовинизма, совмѣщающій вмѣстѣ съ любовью къ своей родинѣ любовь ко всему человѣчеству. Гражданскія убѣжденія поэта ярко высказаны въ стихотвореніи «Друзьямъ» (210).

Друзи кохани! И душу и тило
Даймо за край свій едыный!
Кожнее слово хай буде въ насъ дило
За-для своеи краины.
Друзи-кохани! Мы будемо жыты
Въ спильци изъ людьмы братамы:
Мы бо велыкои людскости диты,
Згода хай буде мижъ намы!»

Въ книгѣ г. Гринченка, кромѣ лирическихъ стихотвореній, есть много поэмъ, воспѣвающихъ великія силы человѣческаго духа. Съ особенной любовью останавливается поэтъ на темахъ патріотическихъ. Этому чувству посвящены поэмы: Ярына, Матильда Аграманте, Зрад-

ныкъ и др. Но г. Гринченко не принадлежитъ къ числу регористовъ: кромѣ стихотвореній, написанныхъ на общественные мотивы, въ книгѣ его есть много стихотвореній, воспѣвающихъ любовь, красоту природы и радость жизни.

«Въ писняхъ моихъ горе
И радисть у ихъ,
Усе посплиталось
У згукахъ дзвинкыхъ.
Въ жытти люти мукы
Изъ счастьямъ сплелысь.
Тому таки спивы
У мене лылысь;
Полыти слезамы,
Повыти у смихъ,—
Се видгукы счастя
И смуткивъ тяжкихъ (стр. 281).

Homo sum et nihil humanum mihi alienum puto, говоритъ намъ поэтъ. Въ стихотвореніи «Вона прыйшла» г. Гринченко такъ характеризуетъ себя, свою дѣятельность и свой взглядъ на задачу поэзіи (280)—

И отъ я зрисъ, зробывсь велыкымъ, дужымъ,
И я знайшовъ кохануую богыню!
Вона зъ небесъ до мене прылитае.
Мы плачемо надъ мукамы людськымы,
Мы кленемо мучытеливъ гыдкыхъ,
Розвагою стриваемо безщастныхъ,
Красою закрашаемо жыття,
И клычемо душею воскресаты
Усякого, хто душу не продавъ,
Усякого, у кого бьется серце,
Що хоче жыть, а не вмирать по малу,
Що хоче жыть новымъ, а не старымъ.

Сопоставивши это содержаніе поэзіи г. Гринченка съ выдержанной формой его стихотвореній, слѣдовало бы ожидать, что и то и другое сливается въ одно прекрасное цѣлое, а между тѣмъ поэзія его,

въ особенности поэзія лирическая—не вполнѣ удовлетворяетъ читателя. Читатель знакомится съ честной мыслью автора, но поэзія его не вызываетъ въ насъ соотвѣтствующаго настроенія; она не трогаетъ насъ, не запечатлѣвается изящнымъ образомъ въ нашей душѣ, а проплываетъ мимо, какъ скользящее облако, уносящее съ собою и свою тѣнь.

Чего не хватаетъ автору? Что порождаетъ въ читателѣ эту смутную неудовлетворенность?

Разрѣшенію этого интереснаго вопроса мы и хотимъ посвятить настоящую статью.

I.

Что такое искусство? Точнѣе всѣхъ опредѣляетъ, по нашему мнѣнію, сущность искусства графъ Л. Н. Толстой. «Искусство, говоритъ онъ, есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками, передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами, переживаютъ ихъ». Въ этомъ опредѣленіи заключается и сущность и весь raison d'etre искусства. Благодаря способности человѣчества заражаться при помощи искусства чувствами другихъ людей, искусство и подымаетъ человѣка изъ личной жизни въ жизнь всеобщую посредствомъ участія въ одинаковыхъ чувствахъ и вѣрованіяхъ. «Не будь способности человѣка заражаться искусствомъ, говоритъ тотъ-же Л. Н. Толстой, люди едва ли не были-бъ еще болѣе дикими и главное—разрозненными и враждебными». На этой способности человѣка и основывается то впечатлѣніе отъ произведеній искусства, которое характеризуется словомъ настроеніе. Если мы говоримъ: «драма съ настроеніемъ», «картина съ настроеніемъ», «музыкальная пьеса съ настроеніемъ», то нашимъ выраженіемъ мы опредѣляемъ, что въ этомъ произведеніи искусства ярко выражено извѣстное чувство, и что чувство это непосредственно передается намъ. О пьесахъ Чехова говорятъ, напримѣръ, всегда, что они отличаются удивительно выдержаннымъ настроеніемъ, — и дѣйствительно, самый жизнерадостный, самый уравновѣшенный зритель, присутствующій въ театрѣ, не можетъ не почувствовать, хоть на короткое время, той страшной тоски и пустоты современной жизни, которою проникнуты всѣ эти произведенія. Обращаясь къ повседневной жизни, мы видимъ, что зачатки искусства можно усматривать и въ самыхъ обыденныхъ человѣческихъ отношеніяхъ.

Разсказать объ извѣстномъ событіи можетъ всякій, но заставить насъ своимъ разсказомъ пережить это событіе—удается далеко не всякому. Одинъ дѣйствуетъ своими словами только на нашу мысль, онъ знакомитъ насъ съ «опытомъ людей»; другой дѣйствуетъ на наше чувство всѣми тѣми внѣшними знаками, которые могутъ пробудить въ насъ соотвѣтствующее чувство, и такимъ образомъ приближаетъ свой разсказъ къ области искусства, такъ какъ по прекрасному опредѣленію Veron'а,—«искусство есть проявленіе во внѣ посредствомъ линій, красокъ, жестовъ, звуковъ, словъ,—эмоцій, испытываемыхъ человѣкомъ».

Предположимъ, что два офицера передаютъ намъ пережитый ими страшный моментъ ночной развѣдки въ незнакомой мѣстности противъ превосходящаго своими силами непріятеля, во время которой неосторожное движеніе, выстрѣлъ одного изъ участниковъ выдалъ отрядъ.

Предположимъ, что изъ разсказа перваго офицера мы только узнаемъ о происшедшемъ когда-то событіи, но мы не почувствуемъ его; второй-же офицеръ заставитъ насъ пережить это событіе, заставитъ насъ поставить себя на свое мѣсто и почувствовать тотъ-же ужасъ, который ощутилъ онъ при звукѣ неожиданнаго выстрѣла. Отчего-же произошла разница въ полученныхъ нами впечатлѣніяхъ? Оттого, что второй офицеръ, разсказывая о происшедшемъ событіи, вновь пережилъ ужасный моментъ, а это реальное переживаніе ужаснаго чувства придало и его голосу, и его движеніямъ, и расположеніямъ мускуловъ его лица, и блеску его глазъ то выраженіе, которое въ дѣйствительности сопровождаетъ данное чувство. Человѣку свойственно заражаться чувствами другихъ людей, и это ярко видимое чувство непосредственно передалось намъ; а слова офицера, мѣтко рисующія и видъ лѣса, и движеніе отряда, и густую тьму, разлившуюся кругомъ, пониженный тонъ его голоса, передающій царствующую тишину—все это перенесло насъ въ обстановку, и мы почувствовали, что это не онъ, а мы сами лежимъ на опушкѣ густого лѣса, что это на насъ движется еще невидимый, но уже слышимый непріятель. Тогда какъ разсказъ перваго офицера составляетъ лишь простую передачу факта, разсказъ второго подымается до степени искусства. Потому что, какъ говоритъ Толстой: вызвать въ себѣ разъ испытанное чувство и, вызвавъ его въ себѣ, посредствомъ движеній, линій, красокъ, звуковъ образовъ, выраженныхъ словами, передать это чувство такъ, чтобы другіе испытали тоже чувство,—въ этомъ состоитъ дѣятельность искусства. Очевидно второй офицеръ отличается большей впечатлитель-

ностью и большей безсознательной наблюдательностью, если только можно сопоставить такъ эти два понятія, а сила впечатлѣнія дала ему силу воспроизведенія.

Изъ этихъ основныхъ свойствъ натуры, характеризующихъ художника,—а именно силы впечатлѣнія, силы воспроизведенія, а также способности безсознательнаго наблюденія—и вытекаетъ возможность воплощенія и перевоплощенія въ моментъ искусства. Художникъ можетъ не только оживить въ своемъ сердцѣ уже пережитыя имъ чувства, но онъ умѣетъ пережить и то, чего никогда не чувствовалъ и не могъ даже чувствовать по условіямъ своей жизни. Истинный художникъ обладаетъ великой способностью проникновенія сюжетомъ.

Достаточно сопоставить личную жизнь Шиллера и тѣ величавые сюжеты, которые онъ разрабатывалъ въ своихъ произведеніяхъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что изображеніе душевной жизни выведенныхъ имъ героевъ онъ не могъ почерпнуть изъ опыта своей жизни, а между тѣмъ всѣ чувства и настроенія этихъ лицъ переданы имъ съ такой художественной правдой, поступки ихъ находятся въ такой неизмѣнной логической связи съ данными ихъ характеровъ, что мы видимъ передъ собой не вымыселъ автора, а подлинныхъ героевъ человѣческаго духа, вѣрныхъ себѣ не только въ главныхъ проявленіяхъ своей жизни, но даже въ мелочахъ, ускользающихъ отъ наблюденія обыденнаго человѣка.

До какой степени художникъ способенъ перевоплощаться, проникаться своимъ сюжетомъ, видно изъ извѣстнаго признанія Флобера въ письмѣ къ Тэну: «во время описанія отравленія Эммы Бовари, я чувствовалъ себя до такой степени отравленнымъ, я такъ ясно ощущалъ вкусъ мышьяка во рту, что три дня отказывался отъ всякой пищи».

Какъ художникъ можетъ перевоплощаться въ личность описываемаго имъ героя, такъ ярко можетъ онъ воплощать передъ умственнымъ своимъ взоромъ картины природы. На основаніи видѣнной имъ дѣйствительности онъ можетъ вызвать изъ глубины своей памяти ту или иную картину, онъ можетъ комбинировать ихъ, измѣнять, составлять новыя, хотя и не видѣнныя имъ, но полныя реальной правды; но этого мало,—на основаніи же этой реальной дѣйствительности, онъ можетъ создать въ своемъ воображеніи картины сказочной, несуществующей въ дѣйствительности природы, и хотя въ такихъ картинахъ

не будетъ реальной правды, но будетъ правда художественная, основанная на соотвѣтствіи частей и правдоподобности.

И такъ, въ виду вышеназванныхъ элементовъ, характеризующихъ художника, онъ обладаетъ способностью перевоплощенія; какимъ же образомъ заставляетъ онъ насъ, лишенныхъ этихъ элементовъ, также перевоплощаться—жить жизнью его героевъ, видѣть его глазами?

Въ области литературнаго творчества орудіемъ художника является слово. Но слово само по себѣ слабо; оно такъ-же отражаетъ чувства человѣка, какъ мѣсяцъ солнечные лучи. Человѣку свойственно заражаться чувствомъ другого индивидуума, но слово, какъ опредѣленіе извѣстнаго понятія, играетъ въ этой передачѣ не первенствующую роль. Безмолвное горе, захватывающая духъ радость—и глубже и краснорѣчивѣе того горя, той радости, которыя разливаются въ словахъ. Однако, что-же говоритъ намъ о нихъ, если они безмолвны? Видъ человѣка, движеніе, голосъ, походка, взглядъ,—словомъ все то, что можетъ говорить и безъ словъ. И если-бы мы могли войти еще въ плоть страдающаго человѣка и почувствовать тѣ физическія ощущенія неутѣшнаго горя, которыя ощущаетъ онъ, и если-бы мы могли познать и тѣ мысли, которыя порождаетъ оно въ его мозгу,—мы-бы вполнѣ поняли его.

Наблюдательный человѣкъ изъ своихъ жизненныхъ впечатлѣній всегда можетъ возстановить въ воображеніи образъ убитаго горемъ человѣка. Человѣкъ съ чуткимъ сердцемъ долженъ понять, что испытывалъ и что думалъ человѣкъ въ подобномъ состояніи духа. Писатель-художникъ обладаетъ въ должной мѣрѣ этими двумя качествами. Не прибѣгая къ риторикѣ, онъ можетъ воскресить предъ нами образъ убитаго горемъ человѣка, онъ можетъ ввести насъ въ его душу. Укажемъ хотя бы извѣстное стихотвореніе въ прозѣ Тургенева, въ которомъ онъ описываетъ, какъ, возвратившаяся съ кладбища старуха-крестьянка, похоронившая только что своего единственнаго сына, хлебала, стоя у стола, щи, потому что они были соленыя. Ни единымъ словомъ не описываетъ намъ Тургеневъ ея мыслей о прошломъ, о будущемъ; онъ не описываетъ намъ словами того, что чувствовала она,—онъ только рисуетъ намъ образъ убитой горемъ женщины: ея потухшіе глаза, слезы медленно скатывавшіяся по морщинистымъ щекамъ, и худую, загорѣвшую руку, машинально подносившую ложку къ впалымъ губамъ. И образъ этой женщины, воскрешаемый великимъ ма-

стеромъ передъ нашими глазами, безъ словъ говоритъ намъ о томъ горѣ, которое давитъ ее, и горе матери заражаетъ насъ.

У Виктора Гюго въ одномъ изъ его романовъ есть также небольшая сценка: человѣкъ, убитый горемъ, машинально садится къ столу обѣдать. «Онъ взялъ кусокъ хлѣба,—пишетъ Гюго,—хлѣбъ былъ такъ сухъ, что онъ съ трудомъ проглотилъ его; онъ поднесъ къ губамъ ложку супа,—супъ былъ горекъ».

Давно уже наблюденіемъ народнымъ, создавшимъ выраженіе: «кусокъ хлѣба поперекъ горла становится», подмѣчено такое состояніе души человѣка, когда онъ и пробуетъ ѣсть и не можетъ проглотить куска. И такое физическое ощущеніе, краснорѣчивѣе всякихъ словесныхъ тирадъ, говоритъ намъ о душевномъ состояніи человѣка.

Повторяемъ, сами по себѣ слова, какъ опредѣленія извѣстныхъ понятій, безконечно слабо знакомятъ насъ съ чувствами человѣка; нѣмая живопись гораздо ярче передаетъ намъ проявляющіяся во внѣ эмоціи, испытываемыя человѣкомъ. Музыка безъ словъ сильнѣе и непосредственнѣе заражаетъ насъ смутными и яркими настроеніями души. И только тогда, когда слово соединяетъ въ себѣ, кромѣ силы мысли, и силу этихъ искусствъ, только тогда достигаетъ оно истинной художественной красоты. Вотъ почему въ поэзіи, кромѣ искренности чувства, играетъ такое огромное значеніе образъ и та нѣжная гамма ощущеній, сопровождающихъ чувство, которая, подобно музыкѣ, переноситъ насъ непосредственно въ душу человѣка. Талантъ соединяетъ въ себѣ неразрывной цѣпью всѣ эти свойства художественнаго произведенія: способность перевоплощаться, проникаться сюжетомъ—порождаетъ въ творцѣ искреннее чувство въ моментъ творчества, искреннее-же реальное переживанье извѣстнаго чувства вызываетъ въ душѣ творца и яркій образъ, и физическія ощущенія даннаго чувства, которыя онъ переноситъ въ свое произведеніе; они уже, въ свою очередь, заражаютъ насъ и настраиваютъ созвучно нашъ духовный міръ.

Почему художникъ обладаетъ способностью перевоплощенія, а простой смертный ею не обладаетъ? Весь матеріалъ для своего творчества художникъ черпаетъ вѣдь изъ жизни; но эта-же жизнь проходитъ у всѣхъ насъ предъ глазами. Созданные фантазіей художника герои—воплощенія изъ соединенія тысячи различныхъ чертъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ въ природѣ. Почему-же то, мимо чего мы проходимъ холодными зрителями, глубоко запечатлѣвается въ его памяти? Почему всѣ эти разрозненныя въ отдѣльности черты, подобно изруб-

ленному тѣлу сказочнаго витязя, сбрызнутому живой водой, соединяются въ фантазіи художника въ одно прекрасное, никогда не умирающее цѣлое, тогда какъ въ нашей памяти они едва оставляютъ слабую тѣнь и уплываютъ куда-то въ неизвѣстность нестройной толпой?

Этихъ вопросовъ мы не беремся разрѣшать. Быть можетъ, особенность воспріятія художникомъ дѣйствительности обусловливается высшей организаціей ихъ нервной системы; быть можетъ, она зависитъ отъ особаго строя ихъ мозга, способнаго сохранять надолго въ своихъ клѣточкахъ разъ полученное впечатлѣніе,—повторяемъ, мы не беремся разрѣшать эти сложные вопросы, мы хотимъ только отмѣтить еще одно явленіе, сопровождающее процессъ истиннаго творчества; явленіе это проявляется во внѣ, а потому можетъ подлежать нашему наблюденію. Мы говоримъ о душевномъ волненіи, овладѣвающемъ художникомъ въ моментъ творчества.

Процессъ перевоплощенія, заставляющій поэта переживать извѣстное чувство, естественно вызываетъ въ его душѣ глубокое волненье. Объ этомъ состояніи духа свидѣтельствуютъ и сами поэты. Мы не станемъ утверждать, что именно оно пораждаетъ вдохновенье, мы утверждаемъ только, что оно сопровождаетъ всякое художественное лирическое творчество, а также въ большей мѣрѣ и творчество эпическое. Что касается лирики, то это понятно само собою: даже въ обыденной жизни человѣкъ, говорящій о своемъ чувствѣ, не можетъ не испытывать при этомъ извѣстной доли волненья. Эпосъ, самъ по себѣ требующій отъ своего творца лишь спокойнаго, безстрастнаго созерцанія, не долженъ былъ-бы вызывать въ его душѣ волненія, но такъ какъ эпосъ въ современномъ творчествѣ весьма рѣдко проявляется въ чистомъ видѣ, а по большей части носитъ въ себѣ элементы лирики и драмы, то высказанное нами заключеніе примѣнимо въ большинствѣ случаевъ и къ процессу эпическаго творчества.

Обратимся къ словамъ поэтовъ-художниковъ, характеризующихъ свое душевное состояніе въ моментъ творчества.

Пушкинъ, напр., весьма часто упоминаетъ объ этомъ. При первомъ звукѣ зараждающагося въ душѣ творчества, говоритъ онъ, «душа поэта встрепенется, какъ пробудившійся орелъ. Бѣжитъ онъ, дикій и суровый, и звуковъ и смятенія полнъ, на берега пустынныхъ волнъ въ широкошумныя дубровы». Процессъ творчества до такой степени волнуетъ его, что поэтъ плачетъ въ минуту вдохновенья. «Порой опять

гармоніей упьюсь, надъ вымысломъ слезами обольюсь», вспоминаетъ Пушкинъ. И плачетъ въ моментъ творчества не одинъ онъ.

Вотъ какъ описываетъ свое состояніе въ моментъ творчества Олимпіецъ-Гете.

Вы блызытесь знову хысткіи постати,
Що зъ млы вже злиталы на очи мои.
Чы я васъ тепера здолаю втриматы?
Чы схылытся серце до знады ціи?
Мене вы окрылы... Ну, зважусь помалу...
Якъ рій вашъ злитае зъ прозорыстыхъ хмаръ,
То серце трипоче видъ юного палу,
Видъ повію-лету крылатыхъ прымаръ.
Натхнення зрывае слезу за слезою,
Розчулюе серце суворе мое,—
И дійсне, сучасне зныка десь за млою,
Мынуле-жъ сучаснымъ и дійснымъ стае!

Замѣтимъ, что, какъ извѣстно, эти строки составляютъ «заспивъ» къ Фаусту. Создавая великую, глубоко-философскую поэму, старикъ-Гете плакалъ отъ прилива вдохновенья, грудь его трепетала отъ юнаго пыла, а сердце, которое онъ самъ называетъ «суровымъ», было глубоко растрогано.

Еще явственнѣе раскрываетъ намъ Шевченко тайну силы своего творчества. Только вчитываясь въ строки, какими поэтъ характеризуетъ свое состояніе въ моментъ творчества, можно понять, откуда черпалъ онъ эту силу. Поэзія Шевченка—это его жизнь, его живое, бьющееся сердце. Она побѣдила самую смерть: всѣ мысли, всѣ чувства, которыми жилъ поэтъ, на вѣки запечатлѣлись въ ней, и пока люди будутъ любить и страдать, до тѣхъ поръ будутъ жить его «нудьга», его «печали», «тіи незрыміи скрыжали, незрымымъ пысани перомъ». Достаточно прочесть «Думы» Шевченка, чтобы понять, какую роль играло въ его творчествѣ его многострадальное сердце, которое «рвалося, сміялось, вылывало мову... Вылывало якъ умило». Не отдыхъ отъ труда находилъ поэтъ въ своемъ творчествѣ, а весь смыслъ своей жизни. Въ стихотвореніи «Чыгырынъ» Шевченко говоритъ:

Помолывшысь, и я-бъ заснувъ...
Такъ думы прокляти

Рвутся душу запалыты,
Серце розирваты.
Не рвить, думы, не палите!
Може верну знову
Мою правду безталанну,
Мое тыхе слово.
Може выкую я зъ ёго
До старого плуга
Новый лемишъ и чересло,
И въ тяжки упругы
Може зъорю перелигъ той,
А на перелози
Я посію мои слёзы,
Мои щыри слёзы.

Изъ щырыхъ слезъ поэта выростали огненныя слова. Искреннее чувство будило вдохновенье, заставляло переживать каждое свое произведеніе.

То такъ и я теперъ пышу,

говоритъ въ одномъ изъ своихъ послѣдующихъ стихотвореній Шевченко:

Папиръ тильки, черныло трачу,
А першъ (ій-Богу не брешу)
Згадаю що, чы що побачу,
То такъ утну, що ажъ заплачу.
И нибы самъ перелечу,
Хочъ на годыну на Вкраину!

Къ этой темѣ онъ часто возвращается.

Не для людей и не для славы
Мережани та кучеряви
Оци вирши виршую я,—
Для себе, братія моя!
Мени легше у неволи,
Якъ я ихъ складаю:
Зъ-за Днипра мовъ далекого

Слова прылитають,
И стелются на папери,
Плачучы, сміючысь,
Мовъ ти диты, и радують,
Мою сиру душу,
Убогую! Любо мени,
Любо мени зъ нымы,
Мовъ батькови багатому
Зъ диткамы малымы.

А вѣдь это стихотвореніе писано въ Орской крѣпости! Но творчество заставляло поэта забывать все окружающее. Подобное творчество нельзя, должно-быть, откладывать до «свободной минуты», какъ нельзя заставлять и свое сердце биться по произволу горячѣй и холоднѣй. Аналогичное состояніе духа въ моментъ творчества описываетъ и нашъ молодой поэтъ Леся-Украинка.

А въ мене вже зновъ надъ чоломъ
Полумъямъ віють широки, вогненныи крыла,
Дума новая лита нади мною орломъ.

А вотъ и слова Надсона:

Милый другъ, я знаю, я глубоко знаю,
Что безсиленъ стихъ мой, блѣдный и больной,
Отъ его безсилья часто я страдаю,
Часто тяжко плачу въ тишинѣ ночной.
Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова.
Тщетно изъ души безумный рвется крикъ,
Тщетно сердце сжечь любовь порой готова,—
Холоденъ и бѣденъ нищій нашъ языкъ.

Приведенныя выше строки показываютъ намъ, въ какомъ глубоко потрясенномъ состояніи душевномъ находится поэтъ въ моментъ творчества: ихъ произведенія мучатъ ихъ тѣмъ, что не могутъ отразить и въ слабой степени того чувства, которое испытываютъ они.

Мы могли бы привести еще сотни примѣровъ въ подтвержденіе высказанной нами мысли, но остановимся еще только на одномъ небольшомъ эпизодѣ изъ жизни Некрасова, показывающемъ, съ какой

глубокой искренностью проникался поэтъ сюжетами своихъ произведеній.

Князь М. С. Волконскій разсказываетъ въ своемъ предисловіи къ Memoires de la Prinsesse Volkonosky слѣдующее:—Я самъ читалъ Некрасову записки моей сестры. Въ три вечера чтеніе было закончено. Вспоминаю, какъ при этомъ Николай Алексѣевичъ по нѣскольку разъ въ вечеръ вскакивалъ и съ словами: «довольно! не могу!» бѣжалъ къ камину, садился къ нему и, схватываясь руками за голову, плакалъ, какъ ребенокъ. Тутъ я видѣлъ, на сколько нашъ поэтъ жилъ нервами и какое мѣсто они должны были занимать въ его творчествѣ». Способность къ перевоплощенію была, очевидно, такъ сильна въ Некрасовѣ, что, слушая записки княгини, онъ буквально переживалъ все самъ, потому-то и поэма его «Русскія Женщины» написана такъ сильно и горячо.

Нервная система поэта напоминаетъ собою чувствительную пластинку телефона, воспринимающую малѣйшій звукъ и возвращающую его. Но для того, чтобы отдаваться такъ горячо впечатлѣнію, надо имѣть извѣстную долю экспансивности въ характерѣ. Такимъ образомъ, можно съ увѣренностью сказать, что впечатлительность, экспансивность характера является также однимъ изъ необходимыхъ свойствъ таланта поэтическаго, особенно таланта лирика.

Конечно, существуютъ и таланты другого рода, таланты, не испытывающіе ни увлеченія, ни вдохновенья, процессъ литературнаго творчества которыхъ сводится къ упорному, кропотливому труду. Словомъ, таланты, которые такъ прекрасно характеризуетъ французское изреченіе: Le talent n'est qu'une longue patience. Къ талантамъ такого рода принадлежали, судя по ихъ признаніямъ, Зола, Бальзакъ, Эрвье и др.

Если подобнаго рода творчество и допустимо въ произведеніяхъ повѣствовательнаго характера, то въ поэзіи, и въ особенности въ поэзіи лирической, оно вовсе не примѣнимо. Воображеніе даже отказывается представить себѣ поэта, систематически выматывающаго изъ себя въ извѣстные часы извѣстное количество строкъ. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, заключать, что мы представляемъ себѣ поэта въ видѣ какого-то изступленнаго молодца, окруженнаго ореоломъ дыбомъ стоящихъ волосъ, несущагося вдругъ, нежданно для всѣхъ, на брегъ морской слагать сладкозвучныя строфы;—но и поэтъ, изображающій изъ себя философски безстрастную и царственно-спокойную фигуру, рискуетъ уподобиться мѣди звенящей и кимвалу бряцающему.

Вчитываясь въ стихотворенія г. Гринченка, мы замѣчаемъ, что въ самомъ характерѣ поэта, судя, конечно, по его же словамъ, мало данныхъ для поэта лирическаго.

Вотъ какъ характеризуетъ себя поэтъ: «Я зрикся мрій. Поважный и спокійный, соби сказавъ: мени не треба ихъ, повынnисть ось той владарь добродійный» (357). Въ другомъ стихотвореніи онъ говоритъ о себѣ слѣдующее:

«Я не скажу, щобъ розумомъ я жывъ,
Я не скажу, щобъ серце въ мене спало,
Але ёго я тяжко прыгнитывъ,
Але ёму такъ воли давъ я мало,
Повынnисть я надъ все ушанувавъ...
Я йшовъ туды, де розумъ посылавъ» и т. д. (378).

Словомъ, поэтъ только исполняетъ то, что онъ призналъ для себя долгомъ, слушаетъ только голоса своего разсудка, сердце же свое онъ «тяжко прыгнитывъ».

Неуклонное подчиненіе голосу разсудка распространяется и на творчество поэта. Поэтическое творчество поэтъ считаетъ, очевидно, дѣломъ второй важности и потому разрѣшаетъ себѣ заняться имъ только въ свободное отъ серьезнаго труда время.

«На поэзію завсигды я мавъ тильки коротки хвылыны, вильни видъ праци, часомъ любои, дорогои, здебильшого нуднои, наймытскои,—говоритъ г. Гринченко въ своемъ предисловіи.—Моя писня—то мій робитныцькій одпочынокъ».

Признаніе поэта нельзя понимать, конечно, въ томъ смыслѣ, что у него не хватаетъ минутъ заносить въ строки то, «чѣмъ многозвучное сердце полно». Всякій поэтъ, помимо поэзіи, имѣетъ въ жизни еще другія обязанности, но г. Гринченко по собственной волѣ удѣляетъ поэзіи лишь короткія минуты послѣ какой-нибудь «праци». Поэзія для него,—отдыхъ отъ работъ. Интересно сопоставить съ такимъ взглядомъ взглядъ на поэзію Шевченка, высказанный имъ въ стихотвореніи Перебендя.

То Боже слово,
То серце по воли зъ Богомъ розмовля,
То серце щебече Господнюю славу,
А думка край свита на хмари гуля.

Орломъ сызокрылымъ литае, шыряе,
Ажъ небо блакитне шырокымы бье,
Спочыне на сонци, ёго запытае,
Де воно гуляе, якъ воно встае,
Послухае моря, що воно говорыть,
Спыта чорну гору: чого ты нима?
И знову на небо, бо на земли горе,
Бо на ій шырокій куточка нема
Тому, хто все знае, тому, хто все чуе,
Що море говорыть, де сонце ночуе.

Такая поэзія не может быть лишь отдыхомъ отъ работъ,—въ ней вся жизнь поэта. И конечно, подобное творчество нельзя регулировать такъ, какъ это дѣлаетъ г. Гринченко. Немыслимо удержать «крикъ души» въ данную минуту и заставить его звучать въ другую, но слагать длинныя и короткія строки можно во всякое время ночи и дня.

Должно быть, указаннымъ нами свойствомъ характера поэта и его отношеніемъ къ поэтическому творчеству объясняется такая холодность, тенденціозность и блѣдность поэзіи г. Гринченка.

Конечно, сознаніе долга и неизмѣнное слѣдованіе голосу разсудка— завидная доля; поэтъ, какъ и всякій гражданинъ, долженъ быть прежде всего честнымъ человѣкомъ, но онъ не можетъ быть человѣкомъ одностороннимъ: онъ долженъ обладать отзывчивымъ сердцемъ, способнымъ глубоко чувствовать, глубоко страдать, сильно реагирующимъ на всякое впечатлѣніе жизни, ему должно быть доступно всякое человѣческое чувство. Отъ людей-же, исключительно преданныхъ долгу— холодомъ вѣетъ, а поэзія ихъ хоть и чиста, какъ стекло, но такъ-же холодна и безцвѣтна.

Въ бурѣ сомнѣнья и муки, страданья и любви рождаются самыя искреннія произведенія; недаромъ же и на небесахъ молитва грѣшника считается горячѣе молитвы праведника. Если-же и самъ поэтъ въ моментъ творчества остается лишь спокойнымъ созерцателемъ истины, если онъ не переживаетъ своихъ произведеній, то онъ не можетъ и проникаться ими: ему чуждо истинное вдохновенье, дающее яркость, образность, силу и жизненную правду произведенію.

II.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, какъ-будто, сдѣлать выводъ, что въ характерѣ разбираемаго нами поэта нѣтъ всѣхъ данныхъ, необ-

ходимыхъ для поэтическаго таланта. Выводъ этотъ основанъ нами на словахъ самого автора, и въ виду этого можетъ быть весьма ошибочнымъ, такъ какъ, при самомъ искреннемъ желаніи, человѣку трудно говорить о себѣ вполнѣ объективно.

Обратимся-же къ самому творчеству поэта, чтобы рѣшить, обладаетъ-ли онъ способностью проникновенія сюжетомъ? Говоря другими словами:—чувствуетъ-ли онъ то, о чемъ пишетъ? Потому что если поэтъ, и въ особенности поэтъ лирическій, не переживаетъ своихъ произведеній,—онъ не можетъ передать и читателю соотвѣтствующаго настроенія.

Знакомясь внимательно съ внутренней стороной поэзіи г. Гринченка, мы сразу замѣчаемъ одну особенность ея, чрезвычайно характерную, не встрѣчающуюся у другихъ поэтовъ: огромное количество разсужденій и даже прямо сентенцій и поучительныхъ анекдотовъ, переложенныхъ въ стихотворную форму. Приведемъ для примѣра хотя подобныя стихотворенія.

Говорють люде: не зитхай,
Чого нема, то й такъ нехай.
А я говорю: не зитхай,
Колы нема,—борысь, прыдбай. (413).

Или:

И въ ворога учытысь добра штука,
Безпешно се и здастся намъ наука.
А вчыты—ни! И друга страшно вчыты,
Щобъ ворога изъ ёго не зробыты (419).

Или хотя бы подобныя стихотворенья:

Бильшъ на свити йе днивъ похмурыхъ, та важкыхъ,
Нижъ сояшныхъ, веселыхъ днивъ.
И бильше, нижъ лелій квитущыхъ, запашныхъ
Колючыхъ выроста тернивъ.
И бильше серце зна и мукъ и слизъ гирькихъ,
Нижъ щастя любого, та радощивъ ясныхъ.

—

Звыклы завтра все людци робыты,
Плентатысь по малу до меты,
Звыкны лышъ робыты все сегодня,
И до неи перший прыйдешъ ты (428).

Такiя произведенiя поэзiи удивительно напоминаютъ нѣмецкiя прописныя стихотворенiя для дѣтей.

Morgen, morgen, nur nicht heute—
Sprechen alle faulen Leute.

или: Die morgen Stunde hat Gold im Munde и т. д. Было-бы, конечно, весьма несправедливо утверждать, что большинство стихотворенiй г. Гринченка похоже на приведенные нами выше образцы, но разсудочный, *дидактическiй* тонъ ихъ проникаетъ очень многiя его лирическiя произведенiя; укажемъ еще на стихотв.: Загадка, Давня казка и др...

Въ такихъ стихотворенiяхъ нѣтъ ничего, кромѣ положенной въ ихъ основанiе сентенцiи, часто весьма сомнительной цѣнности. А между тѣмъ мы можемъ вспомнить множество стихотворенiй другихъ поэтовъ, въ основанiе которыхъ положены также отвлеченныя мысли, но мысли эти являются у нихъ не сухимъ, логическимъ выводомъ изъ ряда извѣстныхъ посылокъ: онѣ одухотворены чувствомъ, освѣщены образомъ. Идею можно понять, идею можно и почувствовать. Философiя заставляетъ насъ постигать извѣстныя идеи, а поэзiя--прочувствовать ихъ.

Вспомнимъ, напр., извѣстное стихотворенiе Лермонтова: «Когда волнуется желтѣющая нива». Суть этого стихотворенiя можно было-бы передать приблизительно слѣдующими строками:

«Колы-но людына погляне на роскишъ натуры,
На ныву, на ричку, на квиты въ лисахъ,
Зныка iй у серци и горе, й зневирря понуре,
И вирыть у щастя, и Бога вбаче въ небесахъ.

Суть разсужденiя осталась и въ нашемъ переложенiи, а между тѣмъ оно не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнiя, тогда какъ стихотворенiе Лермонтова дѣйствительно заставляетъ хоть на мгновенье умолкнуть немолчную тревогу нашей души. Разница между этими двумя впечатлѣнiями вполнѣ понятна: тогда какъ наше переложенiе передаетъ только извѣстное положенiе, стихотворенiе Лермонтова своими

удивительно мѣткими поэтическими образами вводитъ насъ въ то настроеніе, которое породило у поэта эту мысль.

Вотъ этой-то силы передать читателю свое настроеніе чрезвычайно мало у г. Гринченка. Разсудочный элементъ въ его лирикѣ въ значительной мѣрѣ превышаетъ паѳосъ, присутствіе котораго такъ необходимо для лирическаго стихотворенья. Съ этимъ же разсудочнымъ элементомъ встрѣчаемся мы и въ его поэмахъ.

Вотъ, напр., поэма Лавринъ Костеръ. Въ основаніе поэмы положенъ анекдотъ, трактующій о томъ, какимъ образомъ Лавринъ Костеръ предугадалъ открытіе искусства книгопечатанія. Исторія какого-нибудь открытія можетъ, конечно, составить тему для поэтическаго произведенія, но только въ томъ случаѣ, если она носитъ въ себѣ извѣстный психологическій матеріалъ: душевную борьбу, страсть, самопожертвованіе и т. д. Можно, напримѣръ, вообразить себѣ поэму Колумбъ, или Галилей, но если-бы мы вздумали переложить въ стихотворную форму извѣстный разсказъ о томъ, какъ дѣти, играя случайно, открыли увеличительное стекло, вышло бы, конечно, нѣчто въ родѣ: «Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ, которые стекло чтутъ ниже минераловъ».

Къ сожалѣнію поэма Лавринъ Костеръ по своему сюжету не даетъ никакого матеріала для поэтическаго произведенія. Лавринъ Костеръ сидитъ у себя въ комнатѣ и думаетъ о томъ, какъ бы хорошо было, если-бы онъ смогъ книги «тысячамы росплодыты!» (?) «Занялось-бы скоро всюды сонце правды и просвиты». Затѣмъ онъ вспоминаетъ о своей милой и отправляется къ ней на свиданіе. Между прочимъ онъ сообщаетъ ей, что въ душѣ его «задумъ есть одынъ велыкый, осягну ёго,—и щастя дамъ усимъ на вични викы». На другой день, мечтая о своей милой, онъ вырѣзываетъ на свѣже-сорванной вѣткѣ вензель свой и своей невѣсты, и заворачиваетъ эту вѣточку въ пергаментъ. О, чудо! На утро развернувъ пергаментъ, Костеръ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что на немъ отпечатались вырѣзанные имъ иниціалы. Открытъ секретъ книгопечатанья! Авторъ заканчиваетъ поэтому слѣдующими строками.

И засяло зъ того часу
Сонце правды и просвиты,
И ёго нищо николы
Не здолае погасыты.

Иншый нимець геніальный
Дали ще повивъ те дило,
Передъ сылою цією
Все вже голову схылыло.
Не Ваалъ бо, не Мамона
Батькомъ сталыся тій сыли,
А іи кохання щыре
Поцилункомъ породылы.
И якъ на свити довишно
Пануватыме кохання,
Такъ довишно буде кныга
Намъ несты наукы сяння (217—218).

Для любителя подхватить неудачное выраженіе автора и обратить его въ матеріалъ для своего газетнаго остроумія—этотъ неожиданный и странный выводъ представилъ бы богатый матеріалъ. Но дѣло не въ томъ, что книгопечатаніе пріобрѣло подавляющее значеніе не въ силу поцѣлуя, которому оно яко-бы обязано своимъ происхожденіемъ. Увы! пресловутые Ваалы и Мамоны гораздо могущественнѣе поцѣлуевъ любви. Дѣло не въ неудачномъ выраженіи автора, а въ томъ, что поэма эта, хотя и передающая поучительный анекдотъ, но лишенная малѣйшаго психологическаго матеріала, не производитъ никакого впечатлѣнія.

Наоборотъ, въ поэмѣ Матильда Аграманте мы встрѣчаемся съ темой, могущей дать много красокъ для поэтическаго произведенія. Матильда Аграманте—дочь яраго повстанца; въ битвѣ за свободу отчизны у ней погибли отецъ и братъ, она сама вступаетъ въ ряды сражающихся и умираетъ отважной, геройской смертью. Поэма является только передачей въ стихотворной формѣ приведеннаго нами выше содержанія. Въ ней нѣтъ ни красокъ, ни настроенія. Не говоримъ уже о томъ, что нѣтъ также ничего характернаго ни для данной мѣстности, ни для даннаго времени. Вотъ, напр., строки, которыми авторъ повѣствуетъ о страшныхъ разореніяхъ, причиненныхъ испанцами.

Поспишаетця Матильда,
Добига до свого двору:
Де була іи оселя—
Тильки вьетця дымъ у гору.

Дотливае недотлиле,
Догора сумна руина;
Що се сталося? Озвитця?
Хто тутъ йе? Гука дивчина.
Та нихто не озоветця:
Хто-жъ бы мавъ тутъ одмовляты?
Тильки трупы тутъ кривави
Скризь лежать округы хаты (447).

Развѣ это картина? Это протоколъ въ стихахъ, и не только блѣдный, но даже не совсѣмъ вѣрный. Насколько, напр., не характерно выраженіе «дымъ вьетця у гору». Вьющійся вверхъ дымъ характеризуетъ самую мирную картину, напр. готовящагося ужина, или обѣда. Надъ пожаромъ дымъ не вьется струйкой вверхъ, дымъ валитъ столбомъ, или разстилается черной пеленой. Или возгласы Матильды: «Що се сталося? Озвитьця? Хто тутъ йе?» Развѣ они возможны, натуральны? При видѣ такого ужаснаго зрѣлища у человѣка могутъ вырываться только потрясающіе возгласы, вопли, слезы, проклятья, не связныя слова, но отнюдь не такія спокойныя «гуканья»: «що се сталося?» «Озвитця? Хто тутъ йе?»

Или вотъ другая картина поэмы:—Испанцы обошли кубанцевъ:

И видразу имъ назустричъ
Кули свыснулы: гышпанци
Пидійшлы зъ-за лису тыхо,
Що не счулыся повстанци.
Обляглы,—нема рятунку... (449 стр.).

Вотъ и вся картина. Гдѣ, когда, съ кѣмъ происходила эта битва? Читатель, конечно, не уяснитъ себѣ изъ такого описанія ничего. Съ увѣренностью можно сказать, что поэтъ, пишущій подобныя картины, не видитъ ихъ своими духовными очами и не чувствуетъ ихъ своимъ сердцемъ.

Высказанное нами замѣчаніе относится не только къ поэмѣ Матильда Аграманте,—это есть типичный недостатокъ поэзіи г. Гринченка: описывая картины природы, или чувства человѣческія, Гринченко не видитъ и не чувствуетъ ихъ.

Остановимся сначала на первой части этого положенія, такъ какъ въ подтвержденіе ея мы можемъ привести фактическія данныя.

Въ поэзіи г. Гринченка встрѣчается много описаній южной тропической природы, а также описанія такихъ извѣстныхъ мѣстъ, какъ Римъ, Днѣпровскіе пороги и т. д. Человѣка, знакомаго съ этими мѣстностями, описанія эти поражаютъ своей невѣрностью, человѣку-же, незнакомому съ ними, они не рисуютъ никакой картины.

Вотъ, напр., описаніе ночи въ Римѣ.

Змовклы вулыци шыроки,
Сплять будынкы и хаты,
На церквахъ стрункыхъ высоки
Златомъ свитятця хресты» (стр. 22).

Описаніе это прежде всего поражаетъ своей неправдоподобностью. Въ доброе старое время писатель не былъ обязанъ считаться съ реальностью, и Шекспиръ могъ устроить въ Богеміи морской портъ, но въ наше время отъ писателя мы въ правѣ требовать хоть примитивнаго знакомства съ той мѣстностью, которую онъ описываетъ. Описаніе его должно быть если и не точно, то, во всякомъ случаѣ, правдоподобно. Въ описаніи-же Рима, въ поэмѣ «Беатриче», нѣтъ и этого. Авторъ описываетъ, напр., «шыроки вулыци» Рима, когда Римъ именно поражаетъ всякого необычайной узостью и кривизной своихъ улицъ. Далѣе, выраженіе «будынки и хаты», особенно выраженіе «хаты», какъ и выраженіе избы, опредѣляющее извѣстную, спеціальную постройку, совершенно не подходитъ къ римскимъ зданіямъ; даже нищета гнѣздится тамъ въ великолѣпныхъ развалинахъ, куры блуждаютъ въ засыпанныхъ мусоромъ баняхъ Каракалла. Также неудачно и выраженіе «на церквахъ стрункыхъ высоки златомъ свитятця хресты». Оно раждаетъ представленіе о церквяхъ готическаго стиля, тогда какъ большинство римскихъ церквей представляютъ изъ себя правильныя базилики. Но это отсутствіе реальной правды составляетъ еще только второстепенный недостатокъ въ описаніи данной картины. Развернувши путеводитель Бедекера, мы найдемъ въ немъ точнѣйшее описаніе Рима, римскихъ улицъ и римскихъ зданій, но при всей своей детальной точности, это описаніе не воскреситъ передъ нашими глазами сѣдого Рима въ его суровой красотѣ. Точно также не воскрешаетъ Рима и описаніе, сдѣланное г. Гринченкомъ; помимо своей неправдоподобности, оно поражаетъ своей безцвѣтностью: съ одинаковымъ успѣхомъ можно примѣнить эти строки и къ Риму, и къ Бѣ-

лой Церкви: въ немъ нѣтъ главнаго условія художественнаго произведенія,—художественной правды. Художественное произведеніе имѣетъ цѣлью отмѣтить какой-либо существенный, характерный признакъ предмета, преобладающую въ немъ идею, рѣзче даже, чѣмъ она проявляется въ дѣйствительности. Приведемъ описаніе Рима, сдѣланное Гоголемъ въ фантазіи, озаглавленной «Жизнь». «Стоитъ и распростирается желѣзный Римъ, устремляя лѣсъ копій и сверкая грозною сталью мечей, вперивъ на все завистливыя очи и протянувши свою жилистую десницу. Но онъ неподвиженъ, какъ и все, и не тронется львиными членами». Ничего подобнаго, конечно, нѣтъ въ дѣйствительности. Но эти слова передаютъ сущность впечатлѣнія древняго Рима, впечатлѣнія, которыя и понынѣ внушаютъ его величавые останки, величественные и въ своемъ паденіи.

Ничего подобнаго не порождаютъ въ душѣ строки г. Гринченка. Надо еще замѣтить, что описаніе Рима ведется имъ à vole d'oiseau, въ тишинѣ прозрачной, южной ночи, когда еще рѣзче выступаютъ на вершинахъ римскихъ холмовъ чернѣющія громады суровыхъ развалинъ, еще явственнѣе вѣетъ съ ихъ вершинъ страшнымъ и величественнымъ прошлымъ мірового города. Приведенный-же нами выше отрывокъ доказываетъ, что авторъ его не видѣлъ и не чувствовалъ Рима въ моментъ творчества.

Такое-же отсутствіе правды реальной и правды художественной замѣчается и въ описаніи Днѣпровскихъ пороговъ.

«Днипръ шырокый и глыбокый
Хвылю хвылею жене,
И добигшы до порогивъ
Гучно падае у ныЗъ (157 стр.).

И опять прежде всего въ этихъ описаніяхъ непріятно поражаетъ рѣзкая неправдоподобность. Если относительно Рейнскаго водопада дѣйствительно можно употребить выраженіе,—«гучно падае у ныЗъ», то къ нашимъ Днѣпровскимъ порогамъ оно совершенно непримѣнимо, такъ какъ Днѣпръ у пороговъ вовсе не падаетъ въ видѣ отвѣсной водяной стѣны, а кипитъ среди подымающихся изъ его волнъ острыхъ сѣрыхъ скалъ и камней. Но, кромѣ этого, описаніе г. Гринченка вовсе не передаетъ того сильнаго впечатлѣнія, которое производитъ величественная картина Днѣпровскихъ пороговъ. Интересно вспомнить при этомъ описаніе Днѣпровскихъ пороговъ Шевченка, чтобы понять,

какъ можетъ писатель-художникъ видѣть и чувствовать описываемую имъ картину.

Еще разительнѣе выступаетъ эта черта творчества г. Гринченка при описаніи обычныхъ картинъ природы. Вотъ, напр., описаніе вечера. Дѣйствіе происходитъ на островѣ Кубѣ. Солнце заходило.

Гордымъ пальмамъ верховиття
На прощання золотыло,
На барвыстыхъ крыльцяхъ нижныхъ
У колибри ще тремтило, (446 стр.).

Это вечеръ на островѣ Кубѣ. Единственными признаками тропической природы являются здѣсь ея неизмѣнные атрибуты: пальмы и колибри. Но если вообразить себѣ, что послѣдніе лучи солнца ударяютъ въ вершины пальмъ, то какимъ-же образомъ поэтъ видитъ блестки солнечныхъ лучей на крыльцахъ колибри? Если эти колибри сидятъ на вершинахъ гордыхъ пальмъ, то крылышки ихъ врядъ-ли могутъ быть видимы для простого глаза, если-же они порхаютъ гдѣ-нибудь внизу, то они находятся внѣ поля послѣднихъ солнечныхъ лучей.

Можно было-бы подобрать еще много примѣровъ такой неправдоподобности въ описаніяхъ природы у г. Гринченка. Если, напр., въ третьей строкѣ стихотворенья поэтъ заявляетъ, что надъ нимъ дубъ «кивае гордо головою», то въ слѣдующемъ куплетѣ объясняется, что кругомъ царствуетъ необычайная тишина, такая сладкая тишина, которая заставляетъ даже забыть о существованіи людей. Очевидно, авторомъ предполагается полуденное затишье лѣтняго, знойнаго дня. Но если киваетъ головой и могучій дубъ, то что-же должно дѣлаться тогда съ другими деревьями, съ вѣтвями, травой. Слѣдуетъ предположить порывы сильнаго вѣтра; въ такомъ случаѣ совершенно нарушается картина мертваго затишья и т. д. А между тѣмъ художникъ собственно не можетъ дѣлать промаховъ противъ реальной правды. Если онъ обладаетъ въ должной мѣрѣ способностью воспроизведенія, то, вызывая въ своей памяти разъ полученныя впечатлѣнія дѣйствительности, онъ воскрешаетъ ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ и запечатлѣлись они.

Отмѣченные же нами выше промахи противъ правды реальной и правды художественной даютъ основаніе предполагать, какъ мы уже и сказали раньше, что, описывая ту или иную картину, г. Гринченко

и не воображаетъ ее себѣ въ моментъ творчества. Это, если можно такъ выразиться, теоретическое описаніе природы, порождаетъ сухость и блѣдность изложенія. Упоминаются всѣ атрибуты, необходимые для даннаго момента, а сама картина не оживаетъ. Приведемъ въ подтвержденіе нашихъ словъ нѣсколько наугадъ взятыхъ отрывковъ. Вотъ, напр., описаніе вечера.

На землю вже тыхый скризь вечиръ лягае,
Зъ высокого неба вже мисяць сіяе,
Затыхла и пташка, и людська розмова,
Мовчыть, не шепоче зелена диброва. (41)

Или вотъ описаніе весны:

На неби проминня леліе и сяе,
На лукахъ пышають рожеви квиткы,
Впываются спивомъ весели пташкы,
Надія на счастья усе повывае, (383).

Въ этихъ описаніяхъ есть всѣ атрибуты, необходимые для даннаго момента, но нѣтъ того блеска, который-бы освѣтилъ всю картину; въ ней нѣтъ жизни.

И невольно вспоминается при этомъ сценка изъ Чеховской Чайки. Писатель-декадентъ, «сочиняющій» свои описанія, съ тоской просматриваетъ произведеніе писателя-таланта.

„*Треплевъ.* У него на плотинѣ блеститъ горлышко разбитой бутылки и чернѣетъ тѣнь отъ мельничнаго колеса—вотъ и лунная ночь готова, а у меня и трепещущій свѣтъ, и тихое мерцаніе звѣздъ, и далекіе звуки рояля, замирающіе въ тихомъ ароматномъ воздухѣ. Это мучительно! Да я все больше и больше прихожу къ убѣжденью, что дѣло не въ старыхъ и не въ новыхъ формахъ, а въ томъ, что человѣкъ пишетъ не думая ни о какихъ формахъ, пишетъ потому, что это свободно льется изъ его души“.

Кромѣ отмѣченной нами выше сухости, протокольности въ описаніяхъ природы у г. Гринченка, природа его и мертва:—въ ней нѣтъ духовной красоты.

Не только художникъ, но и великій человѣкъ, наблюдая какую-либо болѣе рѣзко выраженную картину природы, получаетъ отъ нея, кромѣ зрительнаго впечатлѣнія, и впечатлѣніе духовное; она пробуждаетъ въ немъ извѣстное чувство, вводитъ его въ то или иное

настроеніе. Даже самыя обыденныя явленія природы не проходятъ безслѣдно для нашей души: дождливый, осенній день, гніющая на землѣ листва деревъ, ихъ оголенныя вѣтви, словно простертыя съ безнадежной мольбой къ низкому небу—нагоняютъ на насъ тоску; заходъ солнца пробуждаетъ меланхоличную грусть, восходъ—бодрую радость, и т. д. Всякій человѣкъ, болѣе или менѣе чуткій, а тѣмъ болѣе художникъ, и видитъ и чувствуетъ природу. Должно быть, на этой особенности воспріятія нами дѣйствительности и основана волшебная тайна поэзіи, дающая ей необычайную силу: это способность поэта придавать всей природѣ чувства человѣка, и чувствамъ человѣка—пластичность и могущество стихійныхъ силъ.

Возьмемъ, напр., извѣстное стихотвореніе Шевченка:

И небо невмыте, и заспани хвыли,
И по-надъ берегомъ геть-геть
Неначе пьяный очеретъ
Безъ витру гнетця и т. д.

Въ этомъ стихотвореніи все живетъ, все словно раздѣляетъ безотрадное настроеніе поэта: и неумытое небо, и заспанныя волны, и даже сухая трава. Всѣ эти необычайно мѣткіе, одухотворяющіе природу, эпитеты рисуютъ передъ нами унылую картину, проникнутую безпросвѣтной тоской. И настроеніе поэта, благодаря совокупности впечатлѣнія зрѣнія, слуха, чувства и мысленнаго воспріятія, получившихъ извѣстное воздѣйствіе при чтеніи этого произведенія, передается и намъ.

Возьмемъ еще стихотвореніе Лермонтова «Парусъ». Можно вѣдь описать состояніе мятежной, молодой души, рвущейся навстрѣчу бурямъ жизни, и безъ уподобленія ея бѣлѣющему въ туманѣ моря парусу, а между тѣмъ именно этотъ образъ и придаетъ ему такую силу и красоту. Символъ непосредственнѣе отвлеченной мысли трогаетъ сердце. Стоитъ только представить себѣ эту безбрежную синѣющую даль моря и трепещущій на горизонтѣ бѣлый парусъ, уносящійся въ грозную и невѣдомую даль, и сопоставленіе этихъ двухъ образовъ бурнаго моря и утлаго паруса, рвущагося навстрѣчу волнамъ, ярче словъ рисуетъ намъ настроеніе молодой души, стремящейся навстрѣчу невѣдомымъ бурямъ жизни .. Въ этомъ кажущемся единствѣ міровой жизни заключается великая, святая красота поэзіи. По-

добное настроеніе поэта прекрасно выражено вышеприведенными нами строками Шевченка:

«А думка край свита на хмари гуля,
Орломъ сызокрылымъ литае, шыряе,
Ажъ небо блакитне шырокымы бъе;
Спочыне на сонци, его запытае,
Де воно ночуе, якъ воно встае?
Послухае моря, що воно говорыть,
Спыта чорну гору: чого ты нима?
И знову на небо, бо на земли горе,
Бо на ій шырокій куточка нема,
Тому, хто все знае, тому, хто все чуе:
Що море говорыть, де сонце ночуе.

Такого общенія между природой и душой поэта весьма мало въ поэзіи г. Гринченка.

Теперь перейдемъ ко второй части высказаннаго нами выше положенія, а именно къ тому, что авторъ книги «Пысання» не обладаетъ въ должной мѣрѣ способностью переживать свои произведенія что сказывается въ недостаточной силѣ чувства, проявляемой г. Гринченкомъ въ своихъ стихотвореніяхъ, въ особенности въ стихотвореніяхъ лирическихъ. Тамъ, гдѣ поэтъ долженъ переселить насъ въ душу своего героя, гдѣ искренностью своего чувства онъ долженъ взволновать все наше существо,—г. Гринченко часто прибѣгаетъ къ оружію слабыхъ,—къ риторикѣ.

Вотъ, напр., поэма—Галима. Дочь Украины, взята она въ плѣнъ турецкимъ пашей и полюбила его. Прошло много лѣтъ. Паша отправляется въ походъ на запорожцевъ, привозитъ страшный трофей—отрубленную голову козацкаго атамана и водружаетъ ее среди двора. Оказывается, что этого козака любила раньше Галима.

Галима-жъ дывылась, и очи іи
Такъ страшно, такъ дыко гледилы,
Немовъ бы останни хвылыны свои
У тій голови вона вздрила.
Пизнала, пизнала несчасна въ ту мыть
Чія голова такъ ганебно стремыть.

—

Пизнала того, за кымъ слезы лылысь
Кого въ риднимъ краи кохала,
Пизнала ти очи, вуста, що колысь
Такъ палко вона цилувала!
Погаслы ти очи, склепылысь вуста,
И кровъ на чоли запеклася густа.

—

Пизнала уже и теперъ вона зна,
Кого на роскоши зминяла,
И все, що забула, згадала вона
И ридну краину згадала.
И виру Хрыстову и батька свого,
И серце змистыть не здолало всего. (243 стр.)

—

Этотъ длинный и послѣдовательный перечень всего того, что вспомнила Галима вовсе не вводитъ насъ въ душу героини, онъ не даетъ намъ и понятія о томъ внезапномъ ужасѣ, который испытала она, а должно быть онъ былъ выше силъ человѣческихъ, такъ какъ, перечисливъ все то, что могла вспомнить Галима, авторъ заявляетъ:

Скрыкъ дыкый, страшный розитнувсь и затыхъ,
И збиглысь на крыкъ изъ свитлыци,
Знайшлы воны скоро въ трояндахъ густыхъ
Галыму знайшлы слугивныци. (244)

Галима была уже мертва, она умерла при взглядѣ на отрубленную голову. Если возможна такая смерть, то очевидно дѣйствіе этого зрѣлища было потрясающее и моментальное, но именно ни того, ни другого не даютъ приведенныя нами выше строки. Мы уже говорили о томъ, какъ слабо передаютъ слова,—какъ опредѣленія извѣстныхъ понятій,—чувства человѣка, и какое значеніе играютъ въ поэзіи образъ и та тонкая гамма физическихъ ощущеній, сопровождающихъ извѣстное чувство, которая, подобно музыкѣ, переноситъ насъ непосредственно въ душу человѣка. Поэма «Галима» является лучшей иллюстраціей къ высказанному нами мнѣнію. Мы не видимъ Галимы, не заражаемся ея горемъ, не чувствуемъ даже тѣхъ ужасныхъ ощущеній, которыя должны были предшествовать ея внезапной смерти. Авторъ даетъ намъ только: «слова, слова и слова». И результатъ такого способа творчества очевиденъ самъ собой. Зажавши въ тискахъ

свое сердце, поэтъ потерялъ способность различать бьеніе чужихъ сердецъ.

Недостатокъ силы чувства и слова сказывается и въ большой поэмѣ «Беатриче Ченче». Въ этой поэмѣ авторомъ пропущенъ самый сильный моментъ драматическаго напряженія, а именно убійство дочерью отца; это центральное мѣсто поэмы передается Гринченкомъ повѣствовательно слѣдующими словами:

Та якъ проминь вгори зъ неба въ осьме засявъ,
Ченчи зъ лижка свого уже бильше не вставъ (229).

Вообще всѣ болѣе сильныя мѣста поэмы или переданы слабо, или совсѣмъ пропущены. Такъ, напр., дойдя до того мѣста, гдѣ Беатриче отдаютъ на пытки, поэтъ только восклицаетъ: «Але, Боже мій, ни! Розсказаты нема въ мене сылы про ти мукы тяжки»! Мы не требуемъ, конечно, отъ поэта, чтобы онъ съ полнымъ реализмомъ описывалъ, какъ ломали кости несчастной жертвѣ, какъ жгли ее углями, но мысли и чувства, которыя пробудили въ душѣ Беатриче и поступокъ отца и несправедливый возмутительный приговоръ, эти муки должны были найти себѣ выраженіе въ названной поэмѣ.

Сравните Беатриче Ченче г. Гринченка съ такой-же поэмой Шелли, для того, чтобы увидѣть, какъ много далъ этотъ величественный сюжетъ Шелли, и какъ мало проникся имъ г. Гринченко.

Недостатокъ силы сказывается во всѣхъ поэмахъ г. Гринченка и въ большинствѣ его лирическихъ стихотвореній. Въ виду этого, произведенія, полныя прекраснаго замысла, не трогаютъ читателя, не задѣваютъ въ его сердцѣ соотвѣтствующихъ струнъ, а превращаются въ тенденціозныя разсужденія.

Вотъ, напр., стихотвореніе—«Неначе» (стр. 9).

Неначе и свитъ такый гарный здаетця,
И сонечко зъ неба блещыть,
И писня дивочая весело льетця,
И весело лисъ шепотыть.
И дывытця всюды усе такъ зваблыво,
Що тильки-бъ здаетця радивъ,
Та на свити весело такъ, та щаслыво,
Безъ думкы та гадкы-бъ ты жывъ.
Та здумаешъ ты, що ти спивы дивочи

Не спивы—рыдання сумни,
Що гаснуть одъ слизъ оти карыи очи,
Измалку весели й ясни;
Згадаешъ про тихъ, що у лютій недоли,
Не знаючы щастя жывуть... и т. д.

Вспомнивъ всѣ царствующія на землѣ бѣдствія, авторъ заключаетъ:

И серце заные, и самъ я не знаю,
Якъ спивы, рыдання летять.
Колы-жъ то мы будемо въ нашому краю
Про щастя и долю спивать?

Не кажется-ли читателю, что авторъ считаетъ своимъ долгомъ вспоминать и во время восхищенія красотой лѣтняго дня о всѣхъ бѣдствіяхъ земной жизни человѣка? Когда душа человѣка воистину переполнена горемъ, тогда не веселитъ его ни солнце, ни весна, онъ не видитъ ихъ, можно сказать почти въ буквальномъ значеніи этого слова, потому что впечатлѣнія этихъ картинъ, отражающихся въ его глазу, не доходятъ до его сознанія. Если-же онъ и сосредоточитъ на нихъ свое вниманіе, то все то, что кажется радостному или, по крайней мѣрѣ, спокойному человѣку, сіяющимъ счастьемъ для его глаза,—подернуто траурной пеленой. Такое настроеніе прекрасно передано Гейне въ его извѣстномъ стихотвореніи Varum sind die Rosen so blass und so stumm? Даже больше, красота природы вызываетъ чувство отвращенія въ душѣ, возмущенной торжествомъ неправды. Приведенное-же нами выше стихотвореніе распадается на двѣ части: первая, если отбросить слово «неначе», представляетъ изъ себя спокойное, радостное созерцаніе красоты природы, а вторая—воспоминанье о бѣдствіяхъ земныхъ. Это спокойное сопоставленье красоты природы съ несчастіями, порабощающими человѣчество, выходящее не изъ сердца, а изъ разсудка, не трогаетъ насъ. Говоримъ—выходящее не изъ сердца, потому-что сердце, омраченное горемъ, не можетъ наслаждаться красотой солнечнаго дня.

Перевѣсъ разсудочнаго элемента надъ искреннимъ чувствомъ особенно рельефно выступаетъ при разборѣ стихотвореній, написанныхъ Гринченкомъ на темы, аналогичныя темамъ, разработаннымъ другими поэтами.

Вотъ напр. стихотвореніе «Прыйде» (271).

О, прыйде запевно той день,
Що мы видпочынемъ видъ мукъ
И скынемъ зализа важки
Изъ звязанныхъ, стомленныхъ рукъ.
О, прыйде запевно той день,
Що гнитъ и неволя, и кровъ—
Все зныкне навикы, й тоди
Подужа святая любовь.

Аналогичную тему разрабатываетъ извѣстное стихотв. Надсона.

Другъ мой, братъ мой, усталый, томящійся братъ,
Кто-бъ ты ни былъ,—не падай душой.
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей;
Пусть разбитъ, и поруганъ святой идеалъ,
И струится невинная кровь,—
Вѣрь—настанетъ пора, и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!

Стихотвореніе это достаточно извѣстно всѣмъ, и всякій можетъ судить, какъ холодны въ сравненіи съ нимъ приведенныя выше строки.

Доказать то, что въ стихотвореніи Надсона больше искренняго чувства, чѣмъ въ стихотвореніи г. Гринченка, доказать это весьма трудно, но мы попробуемъ сдѣлать маленькій разборъ этихъ стихотвореній, чтобы уяснить причину разницы получаемаго отъ нихъ впечатлѣнія.

Импульсомъ для возникновенія стихотворенія г. Гринченка явилось, очевидно, философское разсужденіе о томъ, что святая любовь въ концѣ концовъ побѣдитъ гнетъ, неволю и кровь. Импульсомъ для возникновенія стихотвор. Надсона послужило безъ сомнѣнія, горячее состраданіе къ усталому страдающему брату. Разсмотримъ первыя строки этого произведенія.

Каждое слово говоритъ намъ о тревожномъ разростающемся въ сердцѣ поэта чувствѣ любви и состаданія ко всему человѣчеству. «Другъ мой», говоритъ поэтъ и тотчасъ же чувствуетъ, что это выраженье холодно, узко, что оно не передастъ того всеобъемлющаго

чувства, которое трепещетъ въ его душѣ. «Братъ мой», прибавляетъ онъ тотчасъ-же, расширяя свое обращеніе, «усталый, томящійся братъ», но и этого мало,—«кто-бъ ты ни былъ», восклицаетъ поэтъ отъ глубины своего порыва,—не падай душой»! Сколько любви и состраданія къ чужому горю въ этихъ двухъ строкахъ. Маленькая подробность: поэтъ не меньше тѣхъ братьевъ, къ которымъ обращена его рѣчь, страдаетъ отъ условій современной жизни, но ни однимъ словомъ не упоминаетъ онъ о себѣ—страданія окружающихъ пробудили горячую скорбь въ его душѣ и результатомъ ея явилось приведенное нами стихотвореніе.

Стихотвореніе г. Гринченка, рожденное мыслью, даетъ намъ мысли и слова, но въ немъ нѣтъ образа и очень мало чувства.

Укажемъ для подтвержденія высказанной нами мысли еще на стихотвореніе «Давня Казка». Это стихотвореніе передаетъ мысль, аналогичную мысли, высказанной въ стихотвореніи Лермонтова—«По небу полуночи ангелъ летѣлъ», но тогда какъ ангелъ Лермонтова своимъ дивнымъ образомъ и глубиной чувства навсегда запечатлѣвается въ памяти,—стихотвореніе г. Гринченка безслѣдно скользитъ въ умѣ. У Лермонтова читаемъ:

И звуки той пѣсни безъ словъ, но живой,
Остались въ душѣ молодой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна...
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

У г. Гринченка почти та-же мысль выражается слѣдующими словами:

Жыве помижъ людьмы тая душа
И спивае нечуванну писню.
Все у тій писни видбылось, що въ неби высокимъ
Богъ передавъ поцилункомъ, на землю пославшы,—
Правда, краса и безмирне та чысте кохання.
Иншихъ писень не спивае, не може спиваты.
Шляхъ свій скинчывшы на свити, душа та святая
Въ небо высоке до Бога вертаетця знову. (122 стр.)

Здѣсь словъ гораздо больше, чѣмъ у Лермонтова, а нѣтъ той силы и красоты. Не говоря уже объ образѣ ангела, несущаго душу

младенца «для міра печали и слезъ», въ самомъ существованіи этой души на землѣ—въ изображеніи Гринченка и Лермонтова есть, на видъ не большая, но въ сущности огромная разница, дающая одному стихотворенію теплоту и силу, а другому—холодность изложенія. «И долго на свѣтѣ томилась она, говоритъ Лермонтовъ, «желаніемъ чуднымъ полна, и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли»,— и этими словами онъ такъ мѣтко характеризуетъ страданіе души, исполненной высокихъ мыслей и чувствъ и заключенной въ тѣсныя рамки скучной, земной жизни. У Гринченка же эта строка совершенно опущена: «душа» не страдаетъ и не томится земной жизнью,— она «живе по-мижъ людьмы и спивае нечувану писню» и «шляхъ свій скинчывшы на свити, душа та святая въ небо высоке до Бога вертаетця знову». Душа, въ которой трепещетъ отзвукъ небесныхъ пѣсенъ, не можетъ не страдать и не томиться здѣсь. Влеченіе къ великому, невѣдомому, прекрасному и невозможность удовлетворить это влеченіе и холодъ жизни порождаютъ тоску, такъ понятную не только великимъ поэтамъ, но и простымъ смертнымъ. Описывая земное существованіе такой души, г. Гринченко не почувствовалъ того доминирующаго чувства, которое настраиваетъ подобныя души.

Мы старались указать на главный недостатокъ поэзіи г. Гринченка,—отсутствіе искренности и теплоты, а вслѣдствіе этого и силы. Въ данномъ случаѣ невозможно, конечно, заподозрѣвать автора въ отсутствіи искренняго чувства, а потому и въ преднамѣренной, если можно такъ выразиться, тенденціозности. Дѣятельность г. Гринченка, проходящая передъ глазами у всѣхъ, свидѣтельствуетъ объ искренности его настроенія, соотвѣтствующаго выраженнымъ въ его стихотвореніяхъ мыслямъ. Но это дѣйствительное настроеніе автора не нашло своего духовнаго выраженія въ его поэтическомъ творчествѣ. Человѣкъ отвѣчаетъ за свои дѣла,—творенья его сами за себя. Поэзія не должна нуждаться въ коментаріяхъ. Горячія слова должны быть горячо произнесены, иначе они зазвучатъ фальшиво.

III.

Типичныя свойства поэзіи г. Гринченка рельефнѣе всего сказываются въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ любви.

Любовь является однимъ изъ главныхъ факторовъ въ поэзіи лирической. Этому чувству мы обязаны многими лучшими произведеніями поэзіи; оно окрыляетъ могучими крылами фантазію поэтовъ и

очаровываетъ насъ дивными образами. Несмотря на то, что г. Гринченко по преимуществу поэтъ общественныхъ мотивовъ, многія изъ его стихотвореній посвящены любви. Но любовь въ стихотвореніяхъ его выражается чрезвычайно матеріально. Въ самомъ описаніи женской красоты г. Гринченко является даже малонаціональнымъ поэтомъ. Украинская пѣсня въ описаніи женской красоты, и вообще любви, проявляетъ удивительно много идеализма, цѣломудрія и изящества. Въ ней всегда упоминаются: «ясни очи, тыхая розмова, вирныи слова». У г. Гринченка же въ описаніи женской красоты первую роль играютъ «груды». Поэтъ заявляетъ, что онъ снова поетъ пѣсни «про кохання»—«про высокіи груды дивочи» (стр. 184); «груды» эти описываются поэтомъ съ приложеніемъ всевозможныхъ эпитетовъ: «Груды высоки, та били дивочи». (101) «Груды панянски, николы незаймани груды» (стр. 106), «Не зитхають соромлыво груды пышни, молоди, а налывшыся высоки ваблять запаломъ своимъ» (158), «Груды били, чудовои вроды» (стр. 38), «Пышни груды наче дышуть пидъ сорочкою» (164), «Иды прыгорну я на груды на били» (стр. 38) и т. д.

Мечты о любимой женщинѣ проявляются у г. Гринченка также въ чрезвычайно матеріальныхъ, быть можетъ и очень естественныхъ, но отнюдь не поэтичныхъ образахъ: «Дай губоньки пышни мени, такъ хочется ихъ цилувать, такъ тягнуть до себе воны». (94) «Тамъ пидъ вышнею густою ничь намъ буде, щобъ кохаты» (326) «якъ що зъ бою вернусь мене мыла моя знову прыгорне до себе на груды «(185) и т. д. И опять «груды»! и панскія, и панянскія, и займаныи, и не займаныи, и пышныи, и билыи, и вздыхающіи соромлыво, и дышущія подъ сорочкою.

И невольно воображеніе нашептываетъ пѣсни любви другихъ поэтовъ...

Приведемъ для сравненія отрывокъ изъ поэмы Лермонтова, представляющій изъ себя также описаніе физической красоты женщины.

Ходитъ плавно—будто лебедушка,
Смотритъ сладко, какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ,
Горятъ щеки ея румяныя,

Какъ зоря на небѣ Божіемъ.
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія, заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія...
Скучно-грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.

При всей матеріальности, этого описанія, сколько въ немъ красоты! Какъ видно, молодого опричника поразила также только физическая красота женщины; онъ не знаетъ, какая душа скрывается подъ этой прекрасной оболочкой, но увлеченный и чисто физической красотой Алены Дмитріевны, опричникъ не мечтаетъ о томъ, чтобы она «прыгорнула его до себе на груды», онъ говоритъ: «Скучно грустно мнѣ, православный царь, одному по свѣту маяться». Сознаніе своего одиночества, чувство смутной тоски пробудила въ немъ любовь; онъ не можетъ жить безъ любви этой одной, дорогой ему женщины.

Тоска одиночества, жажда близкой, дорогой души — вотъ доминирующія ноты въ поэзіи любви. Можно было-бы, пожалуй, замѣтить, что подобныя настроенія возбуждаетъ въ душѣ поэтовъ лишь нераздѣленная любовь, но нѣтъ, и въ любви торжествующей предметомъ истинной поэзіи—является не описаніе исключительно матеріальныхъ ласкъ, а чувство того безконечно-счастливого состоянія души, которое пробуждается полнымъ общеніемъ двухъ человѣческихъ существъ.

День-ли царитъ, тишина-ли ночная,
Въ снахъ-ли тревожныхъ, въ житейской борьбѣ,
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума все та-же, одна, роковая,—
Все о тебѣ!

—

Съ нею не страшенъ мнѣ призракъ былого,
Сердце воспрянуло, снова любя...
Вѣра, мечты, вдохновенное слово,
Все, что въ душѣ дорогого святого—
Все отъ тебя!

—

Будутъ-ли дни мои ясны, унылы,
Скоро-ли сгину я, жизнь загубя,
Знаю одно, что до самой могилы,—
Помыслы, чувства и пѣсни, и силы—
Все для тебя!

Еще сильнѣе высказано чувство такой любви въ извѣстномъ эпиграфѣ Надсона къ своимъ сочиненіямъ.

Не я пишу: рукой моею
Какъ встарь владѣешь ты, любя,
И каждый лживый звукъ подъ нею
Въ могилѣ мучилъ-бы тебя!

Очевидно, что для такого чувства, вопросъ былъ «не въ незайманыхъ грудяхъ», а въ чемъ-то болѣе высокомъ, болѣе могущественномъ, переживающемъ и тлѣніе и самую смерть. Заключеніе наше можетъ, конечно, вызвать насмѣшливую улыбку у любого физіолога: «Слова, слова, возразилъ-бы онъ намъ, а вѣдь изнанку самыхъ высокихъ чувствъ любви составляютъ именно эти примитивныя влеченья». Весьма возможно, но поэзія не копается въ изнанкѣ нашихъ чувствъ! Если даже низвести любовь лишь до уровня страсти, то и въ такомъ случаѣ предметомъ истинной поэзіи будетъ не физіологія, а психологія страсти. Оставьте Кесарево кесарю, только Божье должно быть воздано Богу. Чѣмъ глубже, чѣмъ возвышеннѣе чувство любви поэта, тѣмъ прекраснѣе мечты и образы, рожденные имъ.

Приведемъ для примѣра стихотвореніе г. Гринченка. «Ничь на озери», (стр. 37), посвященное чувству пламенной любви. Русалка выплываетъ изъ воды, очаровываетъ козака и увлекаетъ съ собою на дно рѣки.

Русалка—любимый образъ поэзіи. Въ изображеніи русалки поэты вкладываютъ всегда, кромѣ физической красоты, еще что-то неуловимо-печальное, чарующее и навсегда покоряющее себѣ душу человѣка Вспомнимъ Лорелею Гейне, или Русалку Лермонтова, «которая пѣла надъ сонной рѣкой, полна непонятной тоской», или его-же русалку въ стихотвореніи:—«Въ морѣ царевичъ купаетъ коня». Вотъ какъ описываетъ свою русалку г. Гринченко.

Онъ очи зоріють, онъ косы чорніють,
Водою ихъ мые.

Блеснулы изъ хвыли и груды вже били,
Чудовои вроды,
Плыве глыбынямы и плеще рукамы
Въ срiблястыи воды.

Русалка увидѣла козака и манитъ его къ себѣ.

«Иды обниму я, иды прыгорну я
На груды, на били.
Иды! я кохаю, тебе я бажаю!
И клыче, й благае
Лягла надъ водою, и мае косою
И станъ выгынае!

Но образъ русалки, выворачивающейся надъ водою, помавающей косой и вопіющей: «тебе я бажаю, и прыгорну на груды на билы!» лишенъ малѣйшаго ореола поэзіи.

Но такъ или иначе, а пріемы русалки на козака воздѣйствовали:

«Винъ бачыть ти очи, ти груды дивочи,
Ту вроду чудову,
Очима винъ сяе и серцемъ палае,
До неи винъ лыне,
Одежу зрывае, у воду пирнае,
Плыве до дивчыны».

Козакъ, конечно, знаетъ, что за короткую минуту любви онъ заплатитъ жизнью, но, во всякомъ случаѣ, проявляетъ столько хладнокровія, что прежде, чѣмъ броситься въ воду,—раздѣвается. Если суждено погибнуть душѣ, зачѣмъ-же погибать одеждѣ?. Вполнѣ логично, только врядъ-ли кто-нибудь проявилъ-бы въ минуту такого безумнаго увлеченья,—столько благоразумія и бережливости.

Во всякомъ случаѣ, козакъ доплылъ. «Іи обнимае и прыгортае, сплелыся рукамы». Въ концѣ концовъ «Срiблястыи хвыли у глыбъ подалыся и обохъ ихъ покрылы». Въ этомъ стихотвореніи сказывается рельефнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, бѣдность фантазіи автора, холодность чувства и сухость его кисти. Къ этому же роду творчества относится и стихотвореніе «Купання». Мы останавливаемся на

этомъ произведеніи только потому, что оно послужило, очевидно, прототипомъ для фантазіи другого писателя г. Хоткевича Aria à passionata, на которую въ свое время обрушилась критика. Въ стихотвореніи г. Гринченка также описывается юная красавица, изнемогающая отъ непостижимаго томленья въ теплую лунную ночь. «Дивчыни душно у хати на лижку лежаты». Теплая лунная ночь дѣйствуетъ на ея нервы. «Думы и мріи роскишни усе навивае». Подъ вліяніемъ этихъ мрій дѣвица отправляется въ одной сорочкѣ въ садъ къ рѣкѣ. Дивчына г. Гринченка, правда, нѣсколько менѣе требовательна: принявши холодную ванну, она успокоилась и отправилась домой, только «спиваючы писню про вирне кохання»; но образъ пламенной красавицы, путешествующей по ночамъ въ садахъ въ одной сорочкѣ, и, приторно-сладостный тонъ въ описаніи всѣхъ красотъ подобной сильфиды очень ужъ рѣзко выступаетъ въ стих. г. Гринченка.

Дивчына стала край рички, тіи, роздяглася.
Тыхо вона тоди въ воду ступыла ногою,
Спытуе нижка, чи тепла вода, чи холодна?
Дали у воду війшовшы, вона одплюснулась...
Вдарыло сяйво срибласте на неи видразу;
Вродою пышно чудове лыце осяйнуло,
Потимъ и груды высоки, та били дивочи,
Груды панянски, николы незаймани груды,
Та рученята ще били, мали рученята...
Зновъ биле тило чудово блыснуло пры сяйви,
Тильки-жъ изновъ на хвылыну одну, бо сорочка
Скоро ёго заховала, щобъ мисяць не бачывъ.
Винъ бо, цикавый, такъ любыть квиткы цилуваты:
Може (ой соромъ!) сказаты про все отимъ квиткамъ. (стр. 101).

Трудно идти далѣе этого сладостнаго «жеманничанья «обнаженной дѣвицы съ «Богови душею выннымъ» мѣсяцемъ.

Все сказанное нами выше о преобладаніи матеріальнаго взгляда на любовь въ поэзіи г. Гринченка, имѣетъ, конечно, характеръ общаго замѣчанія. Есть въ сборникѣ «Пысання» и нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, посвященныхъ чувству идеальной любви. Укажемъ, напримѣръ на стихотвореніе Сонъ (181).

Зновъ заболила стара,
Въ серци недужому рана:
Ночи сіеи мени
Снылася знову кохана.

Укажемъ еще на три стихотворенія озаглавленныя «Зъ мынулого» и др. Разбирáя лирическую, а отчасти и эпическую, поэзію Гринченка, мы старались уяснить себѣ, почему они, несмотря на свое содержаніе и на корректность внѣшней формы—не производятъ должнаго впечатлѣнія. И невольно при этомъ вспомнилась намъ старая французская сказка: Le patée suserain. Волшебникъ приготовлялъ королю дивный пирогъ. Когда король кушалъ его, онъ видѣлъ невидимое, слышалъ неслышимое. Одинъ изъ царедворцевъ захотѣлъ сдѣлать то же кушанье; онъ подсмотрѣлъ, какъ приготовлялъ его волшебникъ, и воспроизвелъ все до мельчайшихъ подробностей. Повидимому, его пирогъ ничѣмъ не отличался отъ пирога волшебника. Но король отвѣдалъ его и сейчасъ-же сказалъ: Oui c'est bou, mais il lui manque une petite herbe. А волшебная-то травка и обусловливала все чудное дѣйствіе пирога. Et pourtant, заключилъ король: c'est un plat sain, mais cen' ést pas le patée suserain.

IV.

Задавшись цѣлью уяснить себѣ причину недостатковъ лирики г. Грѝнченка, мы естественно старались выдѣлить изъ нея все самое типичное, самое характерное. Но point de regles sans exeptions, говоритъ французская пословица; съ искреннимъ удовольствіемъ спѣшимъ замѣтить, что изреченіе это вполнѣ оправдывается и въ данномъ случаѣ. Въ разбираемомъ нами томѣ есть много прекрасныхъ исключеній. Приведемъ для примѣра небольшое, но полное глубокаго чувства сттихотвореніе (345 стр.).

У кого плачуть очи,
То тяжко жыть тому,
Але въ души зосталась
Надія ще ему.

—

А въ кого плаче серце
Кривавымы слизьмы

Тому вмира надія,
Якъ квитъ середъ зимы.

—

Тому и сонце гасне,
И все зныка въ ту мыть,
И тильки чуть, якъ серце
Болыть, болыть, болыть.

Особенно искренно звучатъ послѣднія строки, передающія состояніе человѣка, придавленнаго отчаяніемъ, когда, дѣйствительно, изъ глазъ его исчезаетъ и красота природы, и радость жизни, когда сердце разростается въ какой-то тяжелый свинцовый камень, заполняющій всю грудь, и камень этотъ болитъ и болитъ, и ничто въ жизни не въ силахъ унять эту боль. Стихотвореніе написано просто, безъ претензій на какія-либо глубокія идеи, а между тѣмъ оно откликается въ сердцѣ, потому что изъ сердца-же и вышло оно. Искреннее чувство породило силу, яркость и простоту, это лучшее украшеніе поэзіи. Такой же неподдѣльной искренностью звучитъ и хорошее стихотвореніе «Хлиборобъ»; отъ первой до послѣдней строки оно проникнуто спокойнымъ достоинствомъ, и этотъ строго выдержанный тонъ придаетъ ему какой-то эпическій величавый характеръ. Очень милы и граціозны стихотворенія «Зори», «Квитчани слёзы» «Небо». Но къ лучшимъ стихотвореніямъ сборника принадлежитъ безспорно небольш. стихотвореніе: «Проминнямъ усе золотыло». Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его цѣликомъ.

Проминнямъ усе золотыло,
Сміялося радисно сонце
И въ темную нашу хатыну
Глядило въ ныզькее виконце.
Глядило, и радисть, и втиху
Несло воно наче зъ собою,
А мы не зважалы на ёго,
Зибравшыся вси надъ труною.
Сміялося сонце... Про щастя,
Жыття и надію казало
И сяйвомъ воно въ домовыни,
Того, хто не жывъ, облывало.
И въ ёго булы ти надіи,

И винъ вирывъ сяйву ясному,
И смерть узяла ёго й бильше
Не верне ёго вже никому...
И въ насъ у души не надія,—
Зъ образы тамъ зло пиднималось:
Якъ сміе й теперъ оце сонце
Сміятысь, якъ перше сміялось! (стр. 266).

Образъ, который даетъ намъ авторъ, эта ужасная игра солнечныхъ лучей на мертвомъ лицѣ, искренность чувства, звучащая въ каждой строкѣ,—все вводитъ насъ въ то-же настроеніе, которое вырвало изъ груди автора полный негодованія крикъ: Якъ сміе й теперъ оце сонце сміятысь, якъ перше сміялось!"

Вообще, когда г. Гринченку удается сбросить съ себя суровую маску человѣка, слѣдующаго только голосу разсудка, и дать волю своему сердцу, хотя-бы и вопреки неотступному требованію долга, тогда и въ его поэзіи чувствуется огонь; она звучитъ властно и сильно. Какъ образецъ подобнаго творчества приведемъ стихотвореніе Людына (стр. 390).

Людына я и мушу червониты
Изъ сорома, що маю зватысь такъ!
Колы-бъ я мигъ зректысь имья страшного,
Тоди-бъ здолавъ мовчаты й не клясты,
Але клену! Клену людей вустамы
И розумомъ, и серцемъ, и усимъ,
Шо йе въ мени, жыве и розуміе,—
За пекло те, що зъ раю людъ зробывъ.
Клену за кровъ святу Джоржано Бруно,
За кайданы, що ихъ носывъ Спартакъ,
За вырвану зъ рукъ у поэта лиру,
За плачъ тяжкый у Рами материвъ,
И за тюрму де мучывся Пелино,
За огныще де вмерла Жанна д'Аркъ.
Клену за все, що чыстотою сяло
И що у брудъ змоглы вы затоптать!
За все ясне, що въ темряви втопылы,
За всю красу, що смиттемъ занеслы,
За вильне все, що зкованнымъ зробылы,

За высоту, що геть знихнулы внызъ.
За розумы, що вы скорылы дурнямъ,
За всю любовъ, що вбыла люта злисть:
Клену я васъ! Клену, жадаю, прагну,
Хай полумъемъ проклинъ мій сполохне.
Обниме все и въ мори вогняному
Хай зныкне все, колы не вміє жыть!

Мы уже говорили раньше, что чистый эпосъ удается г. Гринченку гораздо лучше лирики, особенно та часть его, въ которой авторъ касается жизни деревни. Можно съ увѣренностью сказать, что въ этомъ жанрѣ у г. Гринченка найдется мало достойныхъ соперниковъ. Видимое близкое знакомство съ описываемымъ бытомъ, съ картинами деревенской жизни порождаетъ необычайную яркость и силу разсказа. Безусловно хорошъ драматическій разсказъ «Дочка» (136). На сколько драм. поэмы Беатриче Ченче и Матильда Аграманте поражаютъ трафаретностью своего письма, на столько этотъ драматическій разсказъ дышетъ искренностью и правдивостью. Вся «обыкновенная исторія» хорошенькой крестьянской дѣвушки, поступившей въ услуженіе панамъ, передана словами несчастной матери съ глубокимъ чувствомъ. Языкъ типиченъ. Образы одинской матери и загубленной дѣвушки стоятъ, какъ живые, предъ глазами. Особенно прелестны стихотворенія, въ которыхъ авторъ рисуетъ намъ картинки изъ жизни крестьянскихъ дѣтей; онѣ проникнуты неподдѣльной любовью. Авторъ ни словомъ не упоминаетъ о своихъ чувствахъ, но въ стихотвореніяхъ этихъ невидимо чуется ласка и теплота, съ которой поэтъ относится къ дѣтямъ деревни. Все въ этихъ произведеніяхъ ярко, выпукло, природа живетъ, какъ живутъ и маленькіе люди. Въ этихъ стихотвореніяхъ г. Гринченко достигаетъ художественной красоты.

Какъ ярко, напр., обрисована картина знойнаго лѣтняго дня и веселья бѣдныхъ, неизбалованныхъ дѣтей, хотя-бы въ этихъ строкахъ:

Зморыла всихъ духота нестерпуча,
Не подыха витрець на поле й лисъ,
Лягла рика, и мертва, и блескуча,
Прывъялый лыстъ на дереви повисъ.
Не чуть пташокъ: ихъ потомыла спека

Якъ жевріе повитря осяйне!
А дальня небесная далека,
Пашыть якъ пичъ, бо сонце тамъ страшне
Жахтыть огнемъ, огняни сыпле стрилы
И хылытся все на земли безъ сылы.

—

Вразъ чуты крыкъ: Бижать хлопьята, диты...
То настушкы... Имъ спека—пивъ-биды!
До берега, де вербы довги виты
Схылылы вныжъ до сонной воды,
И дывлютця на нерухому зъ кручи,
На схылени надъ нею береги,
Туды бижать хлопьята невгавучи!
И смихъ, и гукъ, и галасъ навкругы!
Замаялы, мовъ крыльмы, сорочкамы...
Плыгай, а ну! И въ воду головамы!

—

Жахнувшыся объ беригъ хвыли бьютця,
Розбуркани злякавшыся зо сну,
Кругъ тилъ гнучкыхъ, збиливши, скачуть, вьются.
И плескъ и крыкъ! Далеко чуть луну.
Хто плава, хто въ глыбъ пырнаты взявся,
Хто брызкатця середъ кыпучыхъ хвыль,
Онъ за рогизъ Андрійко зазмагався
Съ кугы плете соби Васюта брыль,
Зъ Демкомъ Павло вже печерують ракы,—
Летять зъ воды клешнати небораки (стр. 316).

Очень не дурна легенда, написанная въ романтическомъ стилѣ, «Пекельный Трибуналъ».

Но совершенно отдѣльно отъ всѣхъ произведеній г. Гринченка стоитъ стихотвореніе Профессоръ Пшикъ. Это произведеніе должно изображать, повидимому, сатиру. Дѣйствующимъ лицемъ ея является профессоръ оріенталистъ Но такъ какъ сатира эта не удаласъ автору, то мы считаемъ за лучшее вовсе не касаться ея.

Кромѣ оригинальныхъ стихотвореній, въ книгѣ г. Гринченка находимъ мы еще много переводовъ изъ Гейне, Плещеева и др. поэтовъ. Переводы г. Гринченка въ большинствѣ случаевъ весьма удачны.

Имѣя передъ собой готовый образъ, готовое настроеніе, Гринченко весьма удачно передаетъ его въ формѣ родного языка.

Да не послужатъ наши строки къ умаленію достоинствъ заслуженнаго украинскаго писателя: поэзія, по его собственному признанію, составляетъ только случайное явленіе въ его дѣятельности,—дѣятельности, добавимъ отъ себя, многосторонней и плодотворной, происходящей у всѣхъ передъ глазами и заслужившей уже должную оцѣнку.

Л. Старицкая-Черняховская.

Морозенко. Оповидання Панаса Мырного. Кыивъ, 1904. Выдавныцтво „Викъ"; № 40. *Цина 8 коп.*

Настоящій разсказъ [1]) принадлежитъ перу извѣстнаго украинскаго беллетриста. Въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ Мырный выступаетъ изобразителемъ деревенской нужды и безъисходнаго горя, а по свойствамъ таланта онъ направляетъ изслѣдованіе не на внѣшнія условія, создающія обстановку жизни въ деревнѣ, а на психологическій анализъ людей, мыкающихъ горе въ этой обстановкѣ. При этомъ нашъ авторъ проявляетъ такую силу въ проникновеніи и пониманіи души, такую гуманность въ отношеніи къ людямъ, что ему слѣдуетъ отвести особое и весьма почетное мѣсто въ украинской литературѣ.

Въ «Морозенкѣ» передъ нами крестьянская семья—мать съ сыномъ мальчикомъ. Убожество у нихъ дошло до того, что даже подъ Новый годъ, такой торжественный праздникъ, нечего ѣсть и нечѣмъ затопить, чтобы согрѣть хату. Тѣмъ рельефнѣе выступаетъ въ такой обстановкѣ, озвѣряющей душу и искажающей лучшія человѣческія чувства, трогательная, взаимная любовь сына и матери: желая порадовать мать, маленькій сынъ рѣшаетъ идти ночью, въ морозъ и вьюгу, въ сосѣднее село поздравить крестнаго отца съ праздникомъ и принести домой подарки и денегъ: въ ночной темнотѣ мальчикъ заблудился и замерзъ въ лѣсу.

Картина, представляющая грезы замерзающаго, самое лучшее мѣсто въ разсказѣ. Въ этихъ грезахъ впечатлѣнія дѣйствительности

---

[1]) Въ первый разъ былъ напечатанъ въ „Кіев. Стар." 1898 года, № 3.

переплетаются съ самыми причудливыми фантазіями, содержаніемъ которыхъ служитъ народное представленіе о Морозенкѣ, чудовищномъ существѣ, посылающемъ на землю вьюгу и холодъ

Въ заключеніе характеристики необходимо упомянуть, что въ своемъ разсказѣ Мырный съ большимъ искусствомъ пользуется изображеніемъ деталей убогой деревенской обстановки, чтобы сдѣлать свои картины характерными и живыми, производящими огромное впечатлѣніе на читателя.

В. К.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 7—10; 2) Русская Старина, № 7—10; 3) Историч. Вѣст., № 7—10; 4) Всемірный Вѣстникъ, № 6—9; 5) Вѣстникъ Европы, № 7—10; 6) Русская Мысль, № 7—10; 7) Міръ Божій; № 7—10; 8) Русскій Вѣстн., № 7—10; 9) Запис. Наук. Тов. ім. Шевченка Т. 60 й; 10) Chronik der Ukrainischen Šewčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, H. VI, № 16; 11) Литературно-науковый Вистнықъ, № 1—5; 12) Извѣстія Отдѣл. Рус. яз. и Словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. IX, кн. 2; 13) Archiv für Slavische Philologie, B. 26, H. 3—4; 14) Образованіе, № 6—9; 15) Литературный Вѣстн., Т. 7-й, кн. 1—3; 16) Revue de linguistique et de philologie comparée, t. 39, 17) Научно-литературный сборникъ, Т. 3-й, кн. 1; 18) Варшав. Университ. Изв., № 4 и 5; 19) Извѣстія Акад. Наукъ, № 1, 20) Этнограф. Обозрѣн., № 2; 21) Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, H. 3); 22) Zeitschrift für Ethnologie, H. 3 и 4; 23) Revue archéologique, t. 4; 24) Записки Имп. Новорос. Универс. т. 96.

Русскій Архивъ, № 7—10.

Императоръ Александръ второй въ Кіевѣ въ 1857 г. А. Г. (№ 10, стр. 298—302). Эта маленькая замѣтка представляетъ воспоминанія студента кіевскаго университета объ извѣстномъ случаѣ столкновенія въ 1857 году одного изъ студентовъ университета съ полковникомъ Бринкеномъ, столкновенія, окончившагося массовымъ отмщеніемъ студентовъ, избившихъ Бринкена въ театрѣ. Воспоминанія А. Г. кратко передавая эту исторію и не называя фамиліи Бринкена, касаются, главнымъ образомъ, того

факта, какъ имп. Александръ 2-й, прибывшій осенью 1857 года въ Кіевъ, помиловалъ студентовъ, присужденныхъ за этотъ инцидентъ особой слѣдственной коммиссіей къ тяжелымъ наказаніямъ.

Русская Старина, № 7—10.

Замѣтка Николая Дмитріевича Быкова о Т. Г. Шевченкѣ (№ 7, стр. 60). Сообщается о томъ, что извѣстный портретъ Жуковскаго, написанный Брюловымъ, съ цѣлью выкупить Шевченка изъ крѣпостной зависимости, сталъ собственностью Императрицы, а копія съ него, написанная Н. Д. Быковымъ, но тоже съ подписью Брюлова, поступила въ галлерею Третьякова въ Москвѣ.

И. Ф. Павловскій. О Шведской могилѣ и капиталѣ Судіенка (№ 7, стр. 229—239). Разсказана исторія заботъ о Шведской могилѣ подъ Полтавой въ началѣ 19-го вѣка, и какую роль сыгралъ въ этомъ дѣлѣ капиталъ, пожертвованный І. С. Судіенкомъ.

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго. Сообщ. И. Бычковъ (№ 8). Здѣсь встрѣчаемъ письмо М. В. Юзефовича съ просьбой поддержать талантливаго юношу П. А. Кулиша, выпустившаго тогда, въ 1843 г., въ свѣтъ свой романъ Михайло Чарнышенко, кстати сказать, средства на изданіе котораго даны были Кулишу Юзефовичемъ (стр. 418—419). Здѣсь же и письмо Н. И. Костомарова (въ 1856 г.) съ просьбой предоставить ему должность библіотекаря въ Румянцевскомъ музеѣ (стр. 424—425).

Изъ бумагъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго (№ 9, стр. 643—667). Здѣсь напечатаны письма разныхъ лицъ къ Д. Н. Бантышъ-Каменскому, при чемъ въ нѣкоторыхъ письмахъ идетъ рѣчь объ изданной имъ «Исторіи Малороссіи», а также и о разныхъ справкахъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Кіева, напр.: кн. А. Голицына, митрополита кіевскаго Евгенія, Берлинскаго.

Изъ архива А. В. Никитенко. (№ 9, стр. 668—687). Напечатаны письма къ Никитенку разныхъ лицъ, гдѣ, между прочимъ, въ письмѣ Г. П. Данилевскаго говорится о его статьяхъ и книгѣ «Украинская Старина».

Къ біографіи В. Н. Каразина. (№ 9, стр. 701—107). Напечатана здѣсь, между прочимъ, замѣтка Н. А. Мурзанова по поводу дѣла о неутвержденіи В. Н. Каразина предсѣдателемъ харьковской уголовной палаты, гдѣ приведена его записка о степени его участія въ дѣлѣ открытія Харьковскаго университета.

Историч. Вѣст., № 7 и 8.

Въ отдѣлѣ *критики и библіографіи* напечатаны отзывы о книгахъ: *1) Н. П. Василенко. О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи"* (№ 7, стр. 273—275); 2) *И. А. Линниченко. Грамоты Галицкаго князя Льва и значеніе подложныхъ документовъ, какъ историческихъ источниковъ* (№ 8, стр. 654—655).

Вѣстникъ Европы, № 7—10.

Ѳ. Воропоновъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ. (№ 7 и 8, стр. 5—42 и 337—466). Авторъ продолжаетъ свои личныя воспоминанія о московской публицистикѣ въ статьѣ «Сорокъ лѣтъ тому назадъ». Здѣсь онъ вспоминаетъ отношенія, съ одной стороны, Каткова, съ другой—И. С. Аксакова въ 1862 году къ вопросу о малорусской литературѣ. По его словамъ «къ современнымъ заботамъ малороссовъ о развитіи своего языка отношеніе московскихъ литературныхъ круговъ еще не вполнѣ опредѣлилось. Только Катковъ успѣлъ уже высказаться непріязненно, а Аксаковъ еще собирался обстоятельно разобраться въ этомъ дѣлѣ по существу или самъ, или черезъ своего сотрудника Гилярова-Платонова, такъ что я помню лишь его словесные отзывы. Онъ вообще находилъ малорусскія стремленія ложными, полагая, что слѣдуетъ, напротивъ, стараться о наибольшемъ объединеніи двухъ русскихъ племенъ, которыя, при нѣкоторыхъ своихъ различіяхъ, хорошо дополняютъ другъ друга. Къ малорусскому же народу онъ относился вполнѣ сочувственно. Сопоставляя малорусскій лиризмъ и индивидуализмъ съ великорусскимъ духомъ общиннаго единства, сказавшимся въ исторіи глубокимъ политическимъ инстинктомъ и твердостію въ отстаиваніи своей духовной самостоятельности, проявленнаго хотя бы въ расколѣ,—Аксаковъ опредѣлялъ различіе этихъ племенъ такъ: великорусскій народъ духовнѣе, а малорусскій—душевнѣе.

Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ г. Воропоновъ разсказываетъ, что у Каткова на 1-мъ вечерѣ осенью присутствовали малороссъ профессоръ Юркевичъ (П. Д.) и пріѣзжій изъ харьковской губерніи писатель Г. П. Данилевскій; благодаря тому, рѣчь зашла о Малороссіи, и тутъ Катковъ особенно обрушился на такъ назы-

ваемое теперь украинофильство (тогда оно еще не носило этого названія). Хотя послѣднее выражалось собственно въ заботахъ о свободѣ и развитіи малорусскаго языка, но Катковъ не только горячо обвинялъ тогдашнихъ сторонниковъ малорусской литературы въ свободомысліи, ложности понятій и безплодности затѣй, но бросалъ по ихъ адресу и политическіе укоры болѣе широкаго значенія, намекая на умѣстность внѣшнихъ обузданій. Слушатели относились къ этимъ рѣчамъ неодинаково. Юркевичъ, хотя выставлялъ нѣкоторыя преимущества родныхъ ему малороссійскихъ нравовъ, особенно семейныхъ, предъ великорусскими, но, при своемъ оффиціально благонамѣренномъ образѣ мыслей слегка поддерживалъ своими репликами Катковскія политическія соображенія, а Данилевскій поддакивалъ, въ свою очередь, такъ какъ онъ вообще умѣлъ приспособляться къ различнымъ сферамъ, одновременно сходясь съ редакціею малороссійской «Основы» и примыкая къ Каткову, а также припоравливаясь и къ проникнутому московскимъ историческимъ духомъ Аксаковскому обществу, гдѣ я его тоже встрѣчалъ. Остальные же Катковскіе гости больше прималчивали...

Какъ извѣстно, въ послѣдующіе годы Катковъ пошелъ много дальше въ своей враждѣ къ украинской литературѣ, да и Аксаковъ, послѣ полемики съ Н. И. Костомаровымъ, относился къ нашей литературѣ съ полной нетерпимостью (№ 7-й).

Въ другомъ мѣстѣ, передавая факты, касавшіеся польскаго возстанія 1863 года, авторъ характеризуетъ острое отношеніе къ польскому вопросу Московскихъ Вѣдомостей. Этотъ органъ тогда же обрушился на «украинофильство», какъ на одну изъ крупнѣйшихъ интригъ. Договорились «Москов. Вѣдом.» до того, что малорусскій языкъ объявленъ былъ ими никогда небывалымъ, выдуманнымъ языкомъ, а украинофилы—покорнымъ орудіемъ поляковъ и органомъ такой враждебной и темной интриги, что затраты на малорусскія изданія (сборъ средствъ на нихъ объявленъ былъ Костомаровымъ) гораздо хуже пожертвованій въ пользу польскаго мятежа. А между тѣмъ редакція «Московск. Вѣдом.» всего за годъ передъ этимъ напечатала у себя объясненіе группы кіевскихъ украинофиловъ, но теперь она заявила, кто кается въ своемъ грѣхѣ и постарается загладить его въ будущемъ (№ 8).

М. Русовъ. По Галичинѣ. Записки туриста. (№ 7 и 8; стр. 251—273; 602—622). Авторъ, описывая свое путешествіе по Галичинѣ, останавливается на описаніяхъ мѣстностей, жителей и ихъ нравовъ. Характеризуетъ онъ мелькомъ страны *бойковъ* и останавливается обстоятельно на *гуцулахъ*.

П. А. Тулубъ. Изъ Т. Г. Шевченка. (№ 8, стр. 677—679). Переводъ на русскій языкъ трехъ стихотвореній изъ Кобзаря: «Зацвила въ долыни червона калына»; «Не такъ тіи ворогы, якъ добріи люде; «Добро, у кого йе господа».

В. Шенрокъ. Спорные вопросы въ біографіи Гоголя. (№ 9 и 10; стр. 143—170; 563—711). Указавъ въ началѣ статьи на то, что раннее окончаніе жизненнаго поприща великими людьми всегда оставляетъ просторъ для всякихъ гипотезъ въ объясненіи разнообразныхъ фактовъ въ жизни этихъ людей, авторъ обращается къ разсмотрѣнію тѣхъ догадокъ и выводовъ, которые сдѣланы были о творчествѣ Гоголя въ послѣднихъ изслѣдованіяхъ. Опровергая многія изъ этихъ догадокъ, В. Шенрокъ между прочимъ останавливается на разсмотрѣніи вопроса о томъ, много-ли унаслѣдовалъ Гоголь національныхъ чертъ предковщины (№ 9). Особенно много удѣлено мѣста въ статьѣ разсмотрѣнію вопросовъ, затронутыхъ въ статьѣ г. Каманина «Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи» [1]). В. Шенрокъ очень обстоятельно опровергаетъ догадки г. Каманина, будто у Гоголя были написаны многія части предположенной имъ исторіи Малороссіи (№ 10).

Русская Мысль, № 7—10.

С. Русова. Гражданскіе мотивы въ малорусской современной поэзіи (№ 8, стр. 83—93). Указавъ на то, что въ малорусской литературѣ послѣ Шевченка наступилъ какъ бы моментъ сна, авторъ отмѣчаетъ фактъ пробужденія гражданскихъ мотивовъ у поэтовъ послѣдняго времени, для которыхъ «поэзія явилась не только выраженіемъ ихъ поэтическаго вдохновенія, не однимъ художественнымъ изображеніемъ реальной дѣйствительности и фантастическихъ грезъ поэта,—нѣтъ, въ ихъ рукахъ

[1]) Чтен. въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. XVI.

перо часто превращалось въ молотъ каменотеса, пробивающій стѣну невѣжества». Среди такихъ поэтовъ выдвигается Б. Гринченко, поэзія котораго можетъ быть названа «поэзіей земледѣльческой жизни; вообще идея труда, «работы честной и святой» является основой жизни въ устахъ малорусскихъ поэтовъ. Охарактеризовавъ такъ поэзію г. Гринченка, авторъ переходитъ затѣмъ къ поэзіи П. Грабовскаго, у котораго тѣ же гражданскіе мотивы, что и у Гринченка, но облекаются они въ форму горячаго, непосредственнаго чувства, нося на себѣ слѣды настоящаго поэтическаго вдохновенія.

Въ отдѣлѣ «Внутренне обозрѣніе» напечатана маленькая замѣтка по поводу столѣтія со дня рожденія М. А. Максимовича (№ 10, стр. 264).

Въ *библіографическомъ отдѣлѣ* помѣщены отзывы о слѣдующихъ книгахъ, касающихся Украины: 1) Т. Шевченко. Переводы «Кобзаря» *С. П. Дремцова*, вып. 2-ой (№ 8, стр. 237); 2) На вичну памьять И. Котляревського. Малорусскій сборникъ (№ 9, стр. 273); 3) *Н. Василенко.* О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи (№ 10, стр. 342).

Русскій Вѣстникъ, № 7—10.

Алексій, епископъ Сумской. Шелопутская община. (№ 10, стр. 705—739). Въ этой книжкѣ помѣщена только первая часть статьи, имѣющей цѣлью, по словамъ автора, дать отчетливое и правильное понятіе о шелопутахъ и восполнить существующій пробѣлъ въ духовной литературѣ по вопросу объ этой оригинальной сектѣ. Статья составлена на основаніи данныхъ, добытыхъ путемъ личныхъ наблюденій надъ жизнью представителей этой секты. Все это обѣщано авторомъ во введеніи, но далеко не то впечатлѣніе получается послѣ прочтенія статьи: въ ней кратко разсказана исторія секты; исторія общины, условія поступленія въ нее и обрядъ пріема; сущность ученія; пророческая и апостольская литургія; батюшки, пресвитеры и старшіе братья. Главною же особенностью въ статьѣ является отсутствіе философскаго анализа самого факта и нѣсколько субъективное отношеніе къ нему.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LX.

Др. І. Франко. Сьвятий Климент у Корсуні. Причинки до історії староруськоі легенди. X. Віднайдене мощей сьв. Климента (стр. 209—256). Въ данной книжкѣ помѣщена послѣдняя глава обстоятельнаго изслѣдованія д-ра І. Франка о древне-русскомъ сказаніи о св. Климентѣ. Настоящая глава посвящена детальному разсмотрѣнію той части сказанія, которая говоритъ объ открытіи мощей св. Климента.

В. Доманицкий. Козаччина на переломі XVI і XVII в. (1591—1603) (стр. 1—32). Въ настоящей книжкѣ помѣщено только начало изслѣдованія В. Доманицького. Авторъ указываетъ, что козачество не представляло первоначально особаго сословія и сливалось съ прочей массой населенія Украины. Обособленіе козачества отъ остальныхъ сословій начинается въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, при чемъ этому немало способствовало и само польское правительство, давая козакамъ организацію. Изложивъ тѣ причины, которыя вызывали стремленіе польскаго правительства подчинить себѣ козачество, авторъ останавливается на стоящихъ въ связи съ этимъ движеніяхъ козаковъ подъ начальствомъ Я. Бутовича, К. Косинського. Послѣднему движенію посвящена вся II-я глава настоящаго изслѣдованія. Наконецъ, III-я глава говоритъ объ извѣстныхъ сношеніяхъ запорожцевъ съ австрійскимъ императоромъ Рудольфомъ II.

В. Герасимчук. Виговський і Юрій Хмельницький (стр. 41—70). Въ настоящей книжкѣ помѣщено окончаніе (IV—VI главы) изслѣдованія В. Герасимчука. Авторъ указываетъ на то недовольство, которое возникло среди украинскаго козачества послѣ Переяславской рады, такъ какъ Московское правительство во многомъ отступило отъ ея постановленій. Обманутое въ своихъ ожиданіяхъ козачество сильно негодовало на гетмана и искало выхода изъ непріятнаго для него положенія вещей на Украинѣ. Среди возникшей благодаря этому оппозиціи Москвѣ видное мѣсто занималъ, конечно, Виговський, такъ какъ онъ «був сьвідомим украинським автономістомъ». Дѣйствіямъ Виговського въ этомъ направленіи и посвящена IV глава, а также отчасти и V глава, въ которой авторъ говоритъ о миссіи Беньовского. Старанія Беньовского устроить соглашеніе между козаками и Польшей не привели къ желанному результату, потому

что польское правительство сразу заняло ложное положеніе въ этомъ дѣлѣ, трактуя козаковъ не какъ равныхъ себѣ, а какъ бунтовщиковъ. Разсматривая движеніе, происходившее въ это время среди украинскаго козачества, авторъ останавливается также на тѣхъ мѣрахъ, которыя принимало московское правительство, чтобы удержать за собой Украину. Обозрѣніемъ зимней кампаніи 1660 года и заканчиваетъ свое изслѣдованіе В. Герасимчукъ, обѣщая дать новыя работы по исторіи козачества.

Въ отдѣлѣ «*Miscellanea*» помѣщена слѣдующая статья:

Ю. Романчук. Недруковані твори Артемовського-Гулака (стр. 1—14). Авторъ издаетъ сборникъ произведеній лучшихъ украинскихъ писателей, при чемъ въ I томѣ рѣшилъ помѣстить творенія Котляревскаго, Артемовського-Гулака и Гребінки. Приступая къ этому изданію, онъ обратился въ разныя города Южной Россіи съ просьбой прислать ему имѣющіяся у различныхъ лицъ рукописи названныхъ писателей. Въ отвѣтъ на эту просьбу онъ получилъ изъ Кіева отъ П. И. Житецького 34 произведенія Артемовського-Гулака, и середи нихъ оказалось 10 твореній, или совсѣмъ неизданныхъ, или напечатанныхъ въ небольшихъ отрывкахъ. Да и тѣ произведенія, которыя были напечатаны раньше, въ сборникѣ П. И. Житецького представляютъ цѣлый рядъ варіантовъ. До сихъ поръ еще не были въ печати или напечатаны лишь отчасти слѣдующія произведенія этого сборника: 1) Справжня Добрість (215 виршів. з них вже подав Петров 28); 2) Дві пташки (12 виршів, з них подав Петров 5); 3) Нагайка; 4) До Юхима; 5) Псалма 91; 6) Псалма 140; 7) Мому синови; 8) Пісня; 9) Сливіцькому; 10) До Варки. Ю. Романчук выбралъ 4 лучшія произведенія для своего сборника, а шесть болѣе слабыхъ помѣстилъ въ настоящей книжкѣ. Перепечатываемъ одно изъ нихъ здѣсь:

До Юхима.

Що там папи народ мутять?
Бач, на чужее щедрі!
Гроші хапнуть, чимсь покрутять,—
Тай кричять: алегрі!..
Може й в тебе там, Юхиме,
Яка гривня мулить?
Чи сим тебе не підніме,
Не дуже дошкулить?

Воно гривня—не що гроші
От як подивить ся,
Та все-ж гроші, ще й хороші:
Е чим похвалиться!

1895 р. 22 января. Харьків.

Свою статью Ю. Романчук заключаетъ небольшой замѣткой о поэтической дѣятельности Артемовського-Гулака, въ которой приводитъ между прочимъ хронологическій списокъ его твореній. Въ заключеніе онъ останавливается на тѣхъ произведеніяхъ, которыя, по его мнѣнію, совершенно напрасно относятся къ твореніямъ Артемовського-Гулака.

Въ отдѣлѣ «*Наукова хроніка*» (стр. 1—25) З. Кузеля даетъ обзоръ западно-европейской этнографической литературы за послѣдніе годы. Въ настоящей книжкѣ помѣщено начало этого обзора.

Въ отдѣлѣ «*Бібліографія*» (стр. 1—42) помѣщены рецензіи на слѣдующія книги: 1) *В. А. Городковъ.* Русская доисторическая керамика (Труды XI археолог. съѣзда, т. I); 2) *В. Хвойко.* Раскопки 1901 года въ области трипольской культуры. Спб. 1904; 3) *L. Leger.* La Mythologie Slave. Leroux. 1901; 4) *S. Rożniecki.* Perun und Thor (Archiv für Slav. Philologie, B. 23, (стр. 462—520); 5) *К. Ѳ. Тіандеръ* Рецензія на эту статью (Изв. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. VII, кн. 3, стр. 384—396); 6) *I. Ивановъ.* Культъ Перуна у Южныхъ Славянъ (тамъ-же, т. VIII, кн. IV, стр, 140—174); 7) *W. Nehring.* Der Name Bêlbog in der Slavische Mythologie (Archiv für Sl. Phil. B. 25, стр. 66—73); 8) *А. Куникъ.* Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ. Ч. II. Спб. 1903; 9) *F. Westberg.* Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa, I—II (Извѣстія Имп. Ак. Н., серія V, т. XI. 1899 г.); 10) *Ф. Вестбергъ.* Комментарій на записку Ибрагима ибн-Якуба о Славянахъ. Спб. 1903; 11) *F. Westberg.* Fragmente des Toparcha Goticus. Спб. 1901 (Mémoires de l'Academie des sciences de St.-Peter, т. V, № 2); 12) *А. И. Соболевскій.* Изъ области древней церковно-славянской проповѣди, I—II (Изв. Отд. р. яз и слов. Имп. Ак. Н., т. VIII, кн. 4, стр. 59—71); 13) *А. И. Соболевскій.* Нѣсколько мыслей объ древней русской литературѣ (ibid, кн. 2, стр. 138—158);

14) *П. Н. Милюковъ.* Древнѣйшая Разрядная книга оффиціальной редакціи по 1565 г. (Чтенія въ Имп. Моск Об. Ист. и Др. Рос., кн. 200); 15) *П. Жуковичъ.* Московская смута начала XVII в. и ея отраженіе въ Литовско-Польскомъ государствѣ (Христ. Чтеніе, 1902 г., кн. XI, стр. 629—664 и XII, стр. 820—845); 16) *W. Loziński.* Proces o pannę (Rocznik Krakowski, т. V, 1902 г., стр. 47—59); 17) *В, Перетцъ.* Къ характеристикѣ общественныхъ отношеній въ Малороссіи XVII в. (Изв. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. VIII, кн. 2, стр. 159—168); 18) *B. Dembiński*, Zródła do dziejów drugiego i trzeciego rozbioru Polski. S. I. У Львові. 1902; 19) *I. v. Grzegorzewski.* Ein türk-tatarischer Dialekt in Galizien (Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften, philos. hist·Classe, B. CXLVI, стр. 1—80); 20) *О. Пчилка.* Украинскія колядки (Кіев. Ст., 1903 г., кн. I, стр. 152—175, IV, стр. 124—160, V, стр. 192—230 и VI. стр. 347—394); 21) *R. F. Kaindl.* Höhencultus in den Karpathen (Die Sonntagszeit, Beilage zu nr. 56); 22) *K E Franzos* und die ethnographische Forschung (Die Zeit, 1904 г. XXXVIII, nr. 487); 23) *Dr. H. Schurtz.* Völkerkunde. Липськi-Вiдень. 1903; 24) *Dr. R. F. Kaindl.* Die Volkskunde, ihre Bedentund, ihre Ziele und ihre Methode (Die Erdkunde u s. w., Teil XVII). Липськi-Вiдень. 1903; 25) Труды Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ, т. I—II.

Въ концѣ тома приложенъ списокъ рецензированныхъ въ немъ книгъ.

Chronik der Ukrainischen Sevcenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, H IV. № 16.

Кромѣ протоколовъ засѣданій Правленія и секцій Общества, въ настоящей книжкѣ помѣщены слѣдующіе болѣе подробные отчеты:

Bericht über die anthropometrischen Exkursionen des Herrn Theodor Vovk (стр. 16—18). Экспедиція Ѳ. Вовка имѣла главной цѣлью антропометрическое изученіе гуцульскаго населенія Карпатъ и собрала значительный матеріалъ, который обрабатывается

теперь и затѣмъ будетъ изданъ. При случаѣ были собраны также кое-какіе этнографическіе матеріалы.

Der Anteil der Geselschaft an den Jubiläen (стр. 21—22). Въ настоящемъ отчетѣ помѣщены тексты тѣхъ адресовъ и поздравленій, которыя посылало Общество по различнымъ поводамъ. Напечатаны здѣсь слѣдующія поздравленія и адресы: 1) адресъ Общества по случаю открытія памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ: 2) адресъ редакціи Літературно-Наукового Вістника по тому-же поводу; 3) адресъ Н. В. Лисенку въ день его юбилея; 4) поздравленіе проф. М. С. Дринову въ день его юбилея.

Въ концѣ книжки помѣщенъ списокъ новыхъ изданій Общества.

Літературно-Науковій Вістникъ, 1904 г., кн. I—V.

Книжкы I.

М. Грушевський. 250 літ (стр. 1—6). Настоящая статья написана авторомъ для «Ruthenische Revue». По мнѣнію автора, Богданъ Хмельницький не подозрѣвалъ, «що ті відносини, які завязував він присягою 8 січня ст. ст. 1655 р., потрівають так довго». Для него это была только дипломатическая комбинація. Въ началѣ его конфликта съ Польшей помощь Крымской Орды обезпечила ему успѣхъ, и война, начатая въ интересахъ козаковъ, превратилась въ борьбу за права цѣлаго народа, за независимость Украины. Идти на компромиссы съ польскимъ правительствомъ онъ не хотѣлъ. Но Татары были плохими союзниками, и Хмельницкій ищетъ новыхъ точекъ опоры для дальнѣйшей борьбы съ Польшею. Съ этою цѣлью онъ ведетъ переговоры съ Турціей, Москвой, Валахіей, Семиградіей, Швеціей. «Як оборотний дипльомат, вихований у найвищій школі дипльоматиї оріентальний, він не робив скрупулів в обіцянках і формах, якими позискує собі союзників... А коли показало ся, що московський цар представляє собі союз із Украіною против Польщі не инакше, як у формі підданства під власть Москви, він не робыть трудностий у признанню над Украіною московськоі зверхности». Москва пылала местью къ Польшѣ за неудачи предшествующаго царствованія, но тѣмъ не менѣе сначала не хотѣла вмѣшиваться въ войну Хмельницькаго съ Польшей. Однако катастрофа при Берестечкѣ

сильно встревожила московское правительство, такъ какъ еще такое пораженіе, и козаки должны будутъ подчиниться вполнѣ Польшѣ, которая носилась съ планомъ напустить козаковъ и Крымскую Орду на Москву. Это заставило московское правительство подумать о сближеніи съ Украиной. Результатомъ этого явились событія 1654 года. Но присягая на подданство Москвѣ, Хмельницкій не думалъ, что завязанныя имъ отношенія продлятся такъ долго. Уже Хмельницький убѣдился въ томъ, что Москва и не думала предоставлять Украинѣ автономію и стремилась превратить ее въ одну изъ областей Московскаго государства. Онъ рѣшилъ порвать свои связи и ищетъ для этого союза со Швеціей и Семиградіей, но смерть не даетъ ему окончить начатое дѣло. Его преемники, Виговский, Дорошенко, Мазепа, стремятся къ тому-же, но раздоры между козаками и остальнымъ населеніемъ ослабляютъ силы народа, помогая московскому правительству подчинить себѣ больше Украину. Еще разъ украинскіе патріоты пытались добиться автономіи для своей родины: въ 1791 г. кіевскій шляхетскій маршалъ Капнистъ въ тайной аудіенціи просилъ у министра Герцберга помощи Пруссіи. Но и на этотъ разъ дѣло окончилось неудачей. Тогда населенію пришлось пойти «дорогою, яку ім вижичило росийське правительство». Но, потерпѣвъ неудачу въ своихъ политическихъ стремленіяхъ, украинскіе патріоты, начиная съ Кирилло-Меѳодіевскаго братства, обратили большее вниманіе на культурную работу, на просвѣщеніе и поддержку народныхъ массъ.

Др. В. Коцовський. Нові погляди на діяльність съв. Кирила і Методия (стр 7—31 и кн. II, стр. 85—106). Настоящая статья написана по поводу замѣтки проф. А. Брюкнера въ приложеніи къ № 29 «Allgemeine Zeitung» за 1903 годъ. Авторъ отстаиваетъ дѣятельность и значеніе св. братьевъ отъ глумленій, которыми наполнена замѣтка проф. Брюкнера, старающагося свести къ нулю все извѣстное наукѣ о славянскихъ первоучителяхъ. При случаѣ онъ касается и кирилловской письменности въ древней Руси. Статья будетъ окончена въ слѣдующихъ книжкахъ.

Й. Бодуен де Куртене. Плятонічний панславізм (стр. 32—46). Настоящая статья представляетъ переводъ съ польскаго брошюры, напечатанной проф. Бодуенъ де Куртене въ Краковѣ по случаю предполагавшагося раньше съѣзда славистовъ въ Петербургѣ. Пе-

реводъ сдѣланъ В. Гнатюкомъ. Авторъ даетъ въ этой статьѣ блестящую характеристику научнаго интереса къ Славянству, далекаго отъ политики. Написана она по поводу тревогъ польскихъ патріотовъ, что съѣздъ въ Петербургѣ приметъ панславистскій характеръ.

І. Франко. Лисенкове съвято в австрийськой Руси (стр. 47—52). Настоящая статья доктора І. Франка посвящена пребыванію Н. В. Лисенка въ Галичинѣ и тѣмъ празднествамъ, которыя происходиди тамъ по случаю 35-лѣтія его дѣятельности, какъ композитора и организатора хоровъ. Высокочтимый украинскій композиторъ былъ все время предметомъ шумныхъ и радостныхъ овацій населенія Галичины и Буковины, чествовавшихъ своего дорого гостя. «А специяльно львовські ювилейні празники д. 7 і 8 грудня і загалом гостина Лисенка у Львові—се було таке велике і чисто руське сьвято, якого ще не бачила стара столиця Льва. Маршалок гр. Ст. Бадені, що одинокий із польськоі нациі пильно слідив за ходом того сьвята, бачучи в тетрі салю Фільгармопіі щільно обсаджену руською публікою, і чуючи, що ще друге стілько лишилося без білетів і жде концерту до другого дня, мавъ сказати до одного з аранжерів празника: «Хоч я й знав, що вас Русинів досить багато розсипаних по краю, але я не думав ніколи, що вас так багато». Вообще, эти празднества по своимъ грандіознымъ размѣрамъ и подъему національнаго чувства могутъ сравниться лишь съ торжествами по случаю 100-лѣтняго юбилея со дня появленія въ свѣтъ «Енеиди» И. П. Котляревського.

Говоря о торжествахъ въ честь Н. В. Лисенка, авторъ вспоминаетъ при случаѣ и галицкія народныя пѣсни и музыку. Въ этомъ отношеніи въ Галичинѣ сдѣлано очень мало. Да и музыка стоитъ не настолько высоко, какъ у насъ. Въ пѣніи и музыкѣ царитъ еще церковный духъ, вслѣдствіе чего произведенія Н. В. Лисенка исполнялись часто далеко не съ тѣмъ пониманіемъ ихъ характера, какое обычно для нашихъ пѣвцовъ и хоровъ. «Треба було бачити Лисенка, коли він чув свої композициї виконувані галицькими співаками. Від часу до часу він корчився, морщився, зривався з місця, або похилявся мов під холоднимъ дощем, і з його уст виривалися жалібні, безпомічні окрики:

— Крилос! Се чистий крилос!

Здавалося часом, що він так і вихилиться зі своеі льожі і закричить дірігентови:

— Темпо! Темпо!

Пріемъ, оказанный Н. В. Лисенку въ другихъ мѣстахъ Галичины и Буковины, отличался не меньшею восторженностью, чѣмъ львовскія торжества. Обращаетъ на себя вниманіе, что ни львовскіе москвофилы, ни поляки не приняли никакого участія въ этихъ торжествахъ. «І се було найліпше».

Книжка II.

С. Русова і І. Франко. Старе й нове в українській літературі (стр. 65—84). Настоящая статья представляетъ переводъ замѣтки г-жи Русовой, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Русской Мысли» за прошлый годъ. Статья снабжена введеніемъ, примѣчаніями и послѣсловіемъ д-ра І. Франка, въ которыхъ онъ дополняетъ и исправляетъ сказанное г-жей Руссовой, такъ какъ не совсѣмъ согласенъ съ ея положеніями, въ особенности съ ея оптимистическимъ взглядомъ на развитіе и положеніе украинской литературы у насъ.

А. Чайковський. З часів переполоху (стр. 107—115). Замѣтка написана по поводу статьи объ академическомъ товариществѣ «Дружний Лихвар», помѣщенной въ «Запискахъ Наук. Тов. ім. Шевченка», и представляетъ воспоминанія автора объ этомъ кружкѣ за 1877—1881 годы. Большая часть этой небольшой замѣтки автора посвящена дѣятельности Франка въ этомъ кружкѣ.

Книжка III.

І. Кревецький. Український видавничий рух в 1903 р. (стр. 121—133). Въ настоящей замѣткѣ помѣщены статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ изданіяхъ въ Россіи, Австріи и Америкѣ за 1903 годъ, и данъ обзоръ издательскаго дѣла въ этихъ странахъ. Общіе итоги украинскаго издательства за 1903 годъ таковы: 1) книгъ вышло: въ Россіи—89, въ Австріи—126, въ Угорщинѣ—4—5, въ Америкѣ—до 10; 2) журналовъ выходило: въ Россіи—0, въ Австріи—35, въ Угорщинѣ—3, въ Америкѣ—4, а 4 журнала перестали выходить. Кромѣ того москвофильскихъ книгъ въ Австріи вышло—25 и въ Америкѣ 3, а журналовъ этого направленія выходило: въ Австріи—5, а 1 прекратилъ свое существованіе, и въ Америкѣ—3.

В. Ягіч. Момзен і Славяни (стр. 153—156). Опубликовано въ настоящей замѣткѣ письмо академика Ягича по поводу выходки Момзена противъ Славянъ.

О. Коваленко, Віташевська і Невідома. Спомини про П. А. Грабовського (стр. 157—163). Воспоминанія относятся къ 1896—1901 г.г., когда поэтъ жилъ въ ссылкѣ въ Якутскѣ, куда онъ былъ перемѣщенъ изъ Вилюйскаго округа, а потомъ въ Тобольскѣ среди нужды и лишеній, съ разстроеннымъ здоровьемъ.

М. Лозинський. Перші кроки (стр. 172—176). Замѣтка даетъ весьма краткій отчетъ о съѣздѣ украинскихъ женщинъ во Львовѣ 12 февраля 1904 года. Въ этомъ съѣздѣ приняло участіе до 200 украинокъ. По мнѣнію автора, пренія и рѣшенія съѣзда отличались односторонностью, а подчасъ и наивностью.

Книжка VI.

І. Франко. Шевченко «Ляхам» (стр. 1—11). Въ настоящей рѣчи, произнесенной на вечерницяхъ во Львовѣ въ 43 годовщину со дня смерти Т. Г. Шевченка, авторъ даетъ разборъ стихотворенія «Ляхамъ» и старается опредѣлить источники взглядовъ на польско-украинскія отношенія, высказанныхъ здѣсь поэтомъ. Онъ полагаетъ, что Т. Г. Шевченко, создавая это произведеніе, находился подъ вліяніемъ Бронислава Залѣсскаго и отчасти другихъ Поляковъ, съ которыми Т. Г. Шевченко познакомился въ ссылкѣ. Вліяніемъ этихъ разговоровъ объясняется и романтическое направленіе, выражающееся весьма ясно въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Т. Г. Шевченка и въ частности въ стихотвореніи «Ляхам».

Д. Лукіянович. Нові книжки (стр. 29—37). Въ настоящей замѣткѣ авторъ даетъ критическій отзывъ о повѣсти Евгеніі Ярошинськоі «Перекиньчики». Львів. 1903».

Книжка V.

Z. З розмов із селянськими інтелігентами на Лівобережній Украіні (стр. 67—78). Авторъ передаетъ содержаніе своихъ разговоровъ съ сельскими жителями черниговской губерніи о различныхъ событіяхъ въ современной жизни Россіи.

М. Лозинський. Три з'їзди (стр. 79—105). Въ настоящей статьѣ авторъ говоритъ о съѣздахъ германскихъ, австрійскихъ и русскихъ соціалъ-демократовъ въ 1903—4 г.г. При случаѣ онъ

касается также организаціи этихъ партій въ Германіи и Австріи, приводя данныя также о соціалъ-демократахъ въ Галичинѣ.

Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. т. IX, кн. 2.

А. И. Соболевскій. О русскихъ говорахъ вообще и бѣлорусскихъ говорахъ въ частности (стр. 14—23). Настоящая замѣтка написана по поводу книги проф. Е. Ѳ. Карскаго «Бѣлоруссы. Т. I. Варшава. 1903». Говоря о тѣхъ или другихъ вопросахъ, разсматриваемыхъ въ трудѣ проф. Е. Ѳ. Карскаго, акад. А. И. Соболевскій касается и украинскаго языка.

Н. В. Шляковъ. Почему 1 августа бываетъ крестный ходъ на воду? (стр. 24—43). Разбирая этотъ вопросъ на основаніи данныхъ источниковъ, авторъ приходитъ къ выводу, что крестный ходъ на воду 1 августа установленъ въ память крещенія Руси Владиміромъ, такъ какъ это крещеніе произошло именно 1 августа.

А. А. Шахматовъ. Замѣтка къ статьѣ Н. В. Шлякова (стр. 44—48). Авторъ имѣетъ въ виду показать, что крещеніе Руси Владиміромъ 1 августа подтверждается и другими источниками, кромѣ приводимыхъ Н. В. Шляковымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выясняетъ составъ и происхожденіе памятниковъ, «гдѣ имѣется это свидѣтельство», и указываетъ его источникъ. Для года этого событія онъ указываетъ, какъ источникъ, Толковую Палею, а откуда заимствовано указаніе на 1 августа, пока не удается опредѣлить.

Е. Голубинскій. Вопросъ о заимствованіи до-монгольскими Русскими отъ Грековъ такъ называемой схедографіи (стр. 49—59). Въ настоящей замѣткѣ авторъ указываетъ, на основаніи свидѣтельствъ источниковъ, что въ до-монгольской Руси были знакомы со схедографіей, которая у Грековъ представляла высшій курсъ грамотности. Были знавшіе схедографію и въ Кіевѣ.

Е. Голубинскій. О погрѣшности одного мѣста въ нашей первоначальной лѣтописи (стр. 60—62). Въ этой замѣткѣ авторъ вноситъ поправку къ тому мѣсту лѣтописи, гдѣ говорится о смерти и погребеніи Владиміра въ 1015 г.

В. И. Срезневскій. Отчетъ отдѣленію русскаго языка и словесности (стр. 96—161). Въ настоящей книжкѣ «Извѣстій»

продолжается описаніе рукописей и печатныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ В. И. Срезневскимъ во время его поѣздки въ Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губерніи въ 1902 году. Для южно-русскихъ читателей представляютъ интересъ слѣдующія №№ описанія: 87, Синопсисъ (стр. 112—113); 88, Сборникъ, л. 194 (стр. 118); 91, Отрывокъ изъ Печерскаго патерика (стр. 120).

Въ отдѣлѣ «*Библіографія*» помѣщены слѣдующіе обзоры и рецензіи, представляющія интересъ и для украинскихъ читателей: 1) *Д. К. Зеленина* «Діалектологическіе матеріалы въ журналѣ «Этнографическое Обозрѣніе» 1903 года (стр. 351—354); 2) его-же отзывъ о книгѣ *Н. М. Тупикова* «Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ». Спб. 1903 (стр. 354—358).

Archiv für Slavishe Philologie. B. 26. H, 3—4.

Heft. 3.

A. Blić. Zur Entwielungsgeschichte der slavischen Deminutiv-und Amplificativsuffixe (стр. 321—357). Настоящее изслѣдованіе состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой общей части авторъ разсматриваетъ виды суффиксовъ и опредѣляетъ ихъ значеніе, останавливаясь подробно на звуковой и синтаксической роли суффиксовъ. Во второй спеціальной части онъ разсматриваетъ словообразованія съ помощью суффиксовъ, содержащихъ слѣдующія буквы: х, т, к, л, н, и в, а въ послѣднемъ параграфѣ соединяетъ замѣтки о тѣхъ суффиксахъ, которые встрѣчаются въ немногихъ словахъ. При этомъ авторъ широко пользуется примѣрами изъ украинскаго языка.

Въ отдѣлѣ «Kleine Mittheilungen» для интересующихся древней исторіей южно-русской образованности представляетъ интересъ слѣдующая замѣтка:

V. Bobrov. Fragmente Basilius'des Grossen (des Propheten Ioël) in der Handschrift Sbornik Svjatoslava vom Iahre 1076 (стр. 478—480). Указавъ на трудность подыскивать источники для статей этого сборника, авторъ указываетъ, что нѣкоторыя мѣста въ немъ заимствованы изъ Василія Валикаго и приводитъ въ параллельномъ текстѣ отрывки изъ сборника и подлинный текстъ Василія В.

Heft 4

E. Berneker. Ueber Ellipse des Verbums im Slavischen (стр. 481—520). Говоря объ элипсисѣ глагола въ различныхъ языкахъ, авторъ пользуется также данными украинскаго народнаго языка и примѣрами изъ произведеній Т. Г. Шевченка.

A. Sobolevskij. Zur Frage über dasslavische ch (x) (стр. 559—561). Авторъ въ своей замѣткѣ пользуется также данными украинскаго языка.

Образованіе, № 6—9.

И. Бѣлоконскій. Тридцатипятилѣтіе Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности (№ 6, стр. 67—93). Авторъ даетъ обстоятельный историческій очеркъ дѣятельности названнаго общества.

А. Каминк . Арендныя отношенія у крестьянъ по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (№ 9, стр. 21—36). Характеризуя арендныя отношенія, авторъ касается и нашихъ южныхъ губерній.

Въ отдѣлѣ *Критика и библіографія* помѣщена рецензія *В. Сторожева* о книгѣ *Н. Рожкова* «Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія». Ч. 1-я. Кіевская Русь. (№ 6, стр. 99—103).

Научно-Литературный сборникъ, т. III, кн. I.

Въ «Научномъ Отдѣлѣ» этого повременнаго изданія «Галицко-русской литературы» помѣщены слѣдующія статьи:

О. А. Мончаловскій. Письма П. А. Кулиша, относящіяся къ времени и цѣли его пребыванія во Львовѣ (стр. 59—72). Въ настоящей книжкѣ помѣщено только введеніе къ письмамъ. Въ немъ г. Мончаловскій даетъ краткій очеркъ литературной и общественно-политической дѣятельности П. А. Кулиша, при чемъ болѣе подробно останавливается на отношеніи послѣдняго къ національному движенію въ Галичинѣ и къ возникшимъ тамъ вслѣдствіе этого партіямъ. Какъ извѣстно, П. А. Кулишъ зимой 1881 г. отправился во Львовъ, намѣреваясь поселиться тамъ совсѣмъ, чтобы лично дѣйствовать въ пользу сближенія Галичанъ и Поляковъ. Здѣсь

онъ сблизился болѣе всего съ представителями польской интеллигенціи и съ ихъ матеріальной поддержкой собирался издавать журналъ «Хуторъ». Но уже въ 1882 г. онъ разошелся во взглядахъ со своими новыми знакомымы. Письма, которыя обѣщаетъ опубликовать О. А. Мончаловскій, относятся къ этой поѣздкѣ во Львовъ и писаны къ Алоисію Юркевичу, офиціалу финансовой дирекціи во Львовѣ. П. А. Кулишъ жилъ у послѣдняго во время своего пребыванія во Львовѣ. Письма получены отъ Эвелины Юркевичъ, вдовы А. Юркевича, чрезъ посредство д-ра Д. А. Маркова и писаны преимущественно по-польски, такъ какъ Э. Юркевичъ сожгла почти всѣ тѣ письма, которыя были написаны П. А. Кулишемъ по-русски.

С. А. Лабенскій. Участіе Карпатороссовъ въ просвѣтительномъ движеніи Россіи въ Александровскую эпоху (стр. 72—76). Стремленіе императора Александра I повысить уровень образованія въ Россіи вызвало большой спросъ на лицъ, могущихъ занять профессорскія и преподавательскія должности въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Русскихъ кандидатовъ, конечно, было слишкомъ мало, вслѣдствіе чего русское правительство при выполненіи плана устройства учебной части въ Россіи, утвержденнаго 24 января 1803 г., оказалось вынужденнымъ пригласить иностранцевъ для занятія профессорскихъ и преподавательскихъ мѣстъ, при чемъ преимущество отдавалось Славянамъ, такъ какъ они могли скорѣе освоиться съ русскимъ языкомъ. Въ особенности-же русское правительство благоволило къ Карпатороссамъ, и въ «Журналѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія» (1822 годъ, январь) было напечатано даже объявленіе «о выгодахъ, представляемыхъ профессорамъ изъ Карпатороссовъ, приглашаемымъ къ занятію праздныхъ катедръ Казанскаго и Харьковскаго Университетовъ». Правда, въ этихъ двухъ университахъ не было среди профессоровъ уроженцовъ Картатской Руси, но въ Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ было двое такихъ профессоровъ—Лодій и Балугьянскій. При преобразованіи Педагогическаго Института въ Университетъ въ 1819 г. проф. Балугьянскій былъ назначенъ первымъ ректоромъ Университета. По мнѣнію автора, участіе Карпатороссовъ въ просвѣтительномъ движеніи Россіи при императорѣ Александрѣ I и ограничилось дѣятельностью названныхъ двухъ профессовъ.

Ф. И. Свистунъ. Памяти присоединенія Малороссіи къ Московскому государству въ 1654 г. (стр. 77—87). Констатировавъ, что событіе, отмѣченное въ заголовкѣ статьи, не вызвало никакихъ строгонаучныхъ трудовъ и обсуждалось лишь въ русской и польской періодической печати, авторъ переходитъ къ разбору замѣтки, помѣщенной въ №№ 11—14 львовскаго «Діла». По мнѣнію автора замѣтки, разбираемой г. Свистуномъ, до присоединенія Малороссіи къ Московскому государству въ ней цвѣла воля, кипѣла широкая политическая жизнь, общественная мысль, идея вольности Украины и подлиннаго демократизма, но все это исчезло послѣ 1654 года. Въ своихъ возраженіяхъ г. Свистунъ говоритъ, что московское правительство уничтожало козацкія вольности, заботясь объ интересахъ прочихъ классовъ населенія Малороссіи, такъ какъ козацкіе порядки уже доказали свою несостоятельность.

О. А. Мончаловскій. Участіе Малороссовъ въ общерусской литературѣ (стр. 88—109). Авторъ говоритъ сначала на ту тему, что русскій литературный языкъ выработанъ въ одинаковой мѣрѣ общими усиліями Малороссовъ и Великороссовъ. Въ доказательство этого положенія онъ приводитъ длинный списокъ писателей, ученыхъ и даже публицистовъ малорусскаго происхожденія, которые писали по-русски. Изъ всего этого дѣлается слѣдующій выводъ: Украинецъ «не можетъ считаться образованнымъ, пока не познакомится съ произведеніями героевъ русскаго духа и слова».

Р. В. Гладыковскій. Библіотека Института «Народный Домъ» во Львовѣ (стр. 110—116). Авторъ даетъ сначала краткій отчетъ о библіотекѣ Народнаго Дома за 1903 годъ, а потомъ сообщаетъ свѣдѣнія о чтеніи книгъ изъ этой библіотеки учениками среднихъ учебныхъ заведеній. Въ свѣдѣніяхъ этихъ приведены заголовки книгъ, взятыхъ ученикомъ, и около каждаго заголовка проставлено количество требованій. Книги распредѣлены по языкамъ и содержанію.

....

Литературный Вѣстникъ, т. VII, кн. 1—3.

Н. И. Коробка. Оригиналъ ростовщика въ Гоголевскомъ «Портретѣ» (кн. 1, стр. 20—22). Авторъ полагаетъ, что Н. В.

Гоголь подъ именемъ ростовщика Петрамихали изобразилъ извѣстнаго въ Петербургѣ индѣйскаго ростовщика Моджерама-Мотомалова.

Н. К. П-въ. Дополненія къ «Опыту библіографическаго указателя Гоголевской юбилейной литературы Л. С. Бертенсона» (стр. 38—31). Авторъ приводитъ цѣлый рядъ (45) статей, пропущенныхъ въ книгѣ Л. С. Бертетнсона, при чемъ располагаетъ ихъ по рубрикамъ послѣдняго, въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ.

Въ отдѣлѣ «*Хроника*» (кн. 1) помѣщены слѣдующія замѣтки, имѣющія отношеніе къ Южной Россіи: 1) Харьковскій комитетъ грамотности (стр. 128—229); 2) Памятникъ Гоголю въ Полтавѣ (стр. 134—135); 3) Пріостановка газеты «Волынь» (стр. 137); 4) Литературный процессъ М. П. Старицкаго и И. В. Александровскаго (стр. 138—139).

Въ отдѣлѣ «*Новыя книги*» (кн. 2) помѣщены слѣдующія рецензіи на книги, имѣющія отношеніе къ Украинѣ: 1) *Н. Виноградова*—на книгу «*I. Иллюстровъ.* Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ». К. 1904 (стр. 70—74); 2) *Его-же*—на книгу «*П. Заболотскій.* Старѣйшій запорожскій уѣздъ». Нѣжинъ. 1903 (стр. 77—79).

Въ отдѣлѣ «*Хроника*» (кн. 2) помѣщена замѣтка о Харьковскомъ обществѣ грамотности (стр. 100—101).

Въ отдѣлѣ «*Хроника*» (кн. 3) помѣщены слѣдующія замѣтки, имѣющія отношеніе къ Южной Руси: 1) Картинная галлерея и музей въ Екатеринодарѣ; 2) Историческое Общество Нестора Лѣтописца; 3) Одесское литературно-артистическое общество; 4) Одесское Общество Исторіи и Древностей; 5) Львовское Общество имени Шевченка; 6) Юбилей проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова; 7) Памятникъ И. Ф. Богдановичу въ Курскѣ.

Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 4—5.

Проф. Е. Ѳ. Карскій. Къ вопросу объ изданіи снимковъ съ древнѣйшихъ русскихъ грамотъ (кн. IV, стр. 1—28). Сначала авторъ даетъ краткій обзоръ изданій, содержащихъ снимки съ древнѣйшихъ русскихъ грамотъ, и приходитъ къ заключенію, что «до настоящаго времени въ области изданія древнѣйшихъ рус-

скихъ грамотъ, разумѣя подъ послѣдними грамоты съ XII по XV вѣка, ничего особенно выдающагося не сдѣлано». Въ значительной степени это устранено изданіемъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института «Палеографическіе снимки русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка. Спб. 1903». Давъ краткій обзоръ этого изданія, авторъ въ заключеніе своей статьи приводитъ« *списокъ всѣхъ древнѣйшихъ* опредѣленнаго времени сохранившихся до насъ *грамотъ,* съ указаніемъ мѣста храненія оригиналовъ и снимковъ съ нихъ, если таковые имѣются». Списокъ этотъ ограничивается временемъ съ XII до конца XIV столѣтія и содержитъ нѣкоторыя грамоты, относящіяся къ Галиціи и другимъ частямъ Украины.

К. Г. Воблый. Заатлантическая эмиграція, ея причины и слѣдствія (кн. IV, сту. 89—136 и кн. V, стр. 137—195). Въ настоящихъ книжкахъ авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе о заатлантической эмиграціи и подводитъ итоги приведенному въ предшествующихъ главахъ матеріалу.

Этнографическое Обозрѣніе, № 2.

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» помѣщены слѣдующія рецензіи на книги, относящіяся до Украины: 1) *С. К. Шамбинаго*—на книгу «*Абрамовичъ.* Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ» (стр. 182); 2) *Его же*—на книгу «*Коробка.* Къ изданію малороссійскихъ колядокъ (стр. 186); 3) *Вл. Б.*—на книгу «*Красильниковъ.* Малороссія и малороссы» (стр. 199).

Въ отдѣлѣ «*Хроника*» помѣщены слѣдующія замѣтки, имѣющія отношеніе къ Южной Россіи: 1) Раскопки Д. И. Эварницкаго; 2) О раскопкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ; 3) Археологическая наука въ Кубанской области.

Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, H. 3.

Въ отдѣлѣ «*Berichte und Bücheranzeigen*» помѣщены слѣдующія двѣ статейки, представляющія интересъ и для украинскаго читателя:

I. *Brückner. Polnisch, Kleinrussisch, Böhmisch.* Авторъ даетъ краткій обзоръ періодическхъ изданій по этнографіи на польскомъ, чешскомъ и украинскомъ языкахъ за 1903 годъ.

II. *Georg Polivka. Südslawisch. Russisch.* Въ этой замѣткѣ данъ обзоръ, подобный упомянутому выше, но авторъ ограничивается только южно-славянскими и русскими періодическими изданіями по этнографіи за тотъ-же 1903 годъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1905 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-воспитательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: увиверситетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

1—3

III. Беллетристика переводная. Разсказы лучшихъ иностранныхъ новеллистовъ, переводы съ малорусскаго изъ Ив. Франка, В. Стефаника, Т. Бордуляка, Б. Гринченка и другихъ.

IV. Литература и искусство. Статьи проф. Д. Овсянико-Куликовскаго, Ник. Ашешова, А. Федорова, С. Русовой, Гельрота, И. Брусиловскаго, Иг. Житецкаго и друг.

V. Научно-популярныя статьи проф. Н. Н. Ланге, прив.-доц. М. Орженцкаго, Л. Зака, Англовѣда, д-ра И. К. Хмѣлевскаго и другихъ.

VI. Политика и иностранная жизнь. Статьи С. Волькенштейна, Я. Н. Новикова, М. Гельрота, А. М. Федорова, Я. Гр-ра и друг.

VII. Общественные и экономическіе вопросы. Статьи проф. Е. Васьковскаго, С. Русовой, А. Лотоцкаго, А. Шлихтера, Л. С. Личкова, С. Лисенка, И. А. Хмѣльницкаго, Ив. Соколовскаго и друг.

VIII. Публицистика и фельетонъ. Статьи А. А. Яблоновскаго, А. С. Изгоева, С. Протопопова, Владиміра Ж. (Altalena), М. Славинскаго и друг.

IX. Земское и городское самоуправленіе. Статьи проф. И. В. Лучицкаго, И. П. Бѣлоконскаго, А. А. Русова, С. И. Лисенка, Н. П. Цакни, А. Ѳ. Саликовскаго, С. Б. Лазаровича и друг.

X. Народное образованіе. Статьи И. П. Бѣлоконскаго, Г. Е. Афанасьева, А. Б. Петрищева, С. Лисенка и друг.

XI. Статьи по мѣстнымъ вопросамъ. *И. П. Бѣлоконскій.* Дѣятельность южныхъ земствъ по народному образованію. *С. Б. Лазоровичъ.* Письма объ Одесскихъ городскихъ дѣлахъ. *Ф. А. Щербина.* Чеховъ о казакахъ. *И. П. Бѣлоконскій.* Историческій очеркъ курскаго земства. *А. Русовъ.* О херсонской земской статистикѣ. *С. Лисенко.* Днѣпровское земство. *Я. К. Имшенецкій.* Подымная подать въ Полтавскомъ земствѣ. *В. А. Бертенсонъ.* Сельское хозяйство въ Подольской и Волынской губ. *А. Саликовскій* Юго-западное земство. *М. Морозъ.* Хозяйственно-экономическое положеніе крестьянъ Пирятинскаго уѣзда. *В. Ад-ръ.* Къ исторіи заселенія Новороссіи. *Вл. Н. Р-ръ.* Криворожскій рудный районъ. *Ал. С-кій.* О курортныхъ нуждахъ. *И. Порошинъ.* На крымской Ривьерѣ. *В. Терешкевичъ.* Переселеніе изъ Полтавской губ. *А. П. Сокальскій.* Переселеніе и аренда земель въ Херсонской губ. *М. Неручевъ.* Земельное барышничество—Выселеніе десятинщика—Земельное устройство татаръ. *В. Адлеръ.* Дунайскіе хищники. *А. Киппенъ.* Винодѣльческій кризисъ и питейная реформа.—Филоксера въ Бессарабіи—Къ вопросу о фальсификаціи винъ. *Эм. Баленъ-де-Баллю.* Филоксерный кризисъ въ Бессарабіи. **N.**

Криница. Интеллигентная колонія на Кавказскомъ берегу Чернаго моря. *В. Терешкевичъ.* Экономическая дѣятельность Полтавскаго земства. *М. Рклицкій.* Подымная подать въ земствѣ. *Н. Калишевичъ.* Первые шаги Подольскаго земства и много др.

XII. Письма изъ провинціи. Кавказскія письма *Ф. А. Щербины.* Кіевскія письма. *А. И. Матюшенскаго* и *Ал. Саликовскаго,* Волынскія письма. *М. Д. Городецкаго,* Крымскія письма. *А. М. Михайлова,* письма изъ Закавказья. *А. Сегеля* и *В. Герценштейна,* изъ Таврической губерніи. *К. Л. Фастыковскаго, М. Неручева* и *А. Ельяшевича,* изъ Ессентукъ. *А. М. Колончанова,* изъ Батума, Ялты, Симферополя, изъ Екатеринодара. *В. С.,* изъ Херсона. *Гр. Сьогобочняго,* и *Dixi,* изъ Херсонской губерніи *Г. Загородникова,* изъ Курска. *Ж. Р.* и *Е. А. Звягинцева,* изъ Полтавы. *М. Сосновскаго* и *М. Рклицкаго,* изъ Чернигова *М. Могилянскаго,* изъ Каменецъ-Подольска *Ал. С-каго,* и *Н. В. Калишевича,* изъ Подольской губерніи *О. Зновицкаго,* изъ Волынской губерніи *Д. Марковича, Мих. Безсонова, И. Коварскаго* и *Ник. Угрюмова.* и др.

XIII. Библіографія. Отзывы о русскихъ и малорусскихъ книгахъ.

XIV. Коммерческій отдѣлъ. Съ указаніемъ курсовъ бумагъ, фрахтовъ, тарифовъ и цѣнъ на хлѣба.

Кромѣ вышеупомянутыхъ авторовъ въ **„Южныхъ Запискахъ“** принимаютъ участіе слѣдующія лица: *Д. Я. Айзманъ, К. С. Баранцевичъ, В. Я. Богучарскій, П. И. Вейнбергъ, І. В. Гессенъ, В. А. Гольцевъ, Кн. П. Д. Доморуковъ, С. Я. Елпатьевскій, А. Я. Ефименко, Н. Іорданскій, Вл. Г. Короленко, А. В. Пѣшехоновъ, П. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Г. И. Шрейдеръ. С. Н. Южаковъ, Е. Н. Чириковъ* и много друг.

Условія подписки: На годъ—**6** руб., полгода—**3** руб., на три мѣсяца—**1** руб. **50** коп., на одинъ мѣсяцъ—**50** коп. Народнымъ учителямъ, и городскимъ служащимъ, сельскому духовенству и учащимся «Южныя Записки» высылаются за **4** руб. въ годъ, за **2** руб. въ полгода и за **1** руб. на 3 мѣсяца.

Номеръ „Южныхъ Записокъ“ высылается для ознакомленія безплатно по первому требованію.

Адресъ редакціи и конторы „Южныхъ Записокъ“: **Одеса, Троицкая ул., № 26.**

Розничная продажа номеровъ и пріемъ подписки производится во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и земскихъ складахъ Юга Россіи, Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 15 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

на 1905 годъ

(сорокъ шестой)

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ".

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу 8 р. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 листовъ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіе «Библіотека твореній свв. отцевъ и учителей церкви Западныхъ».

Указомъ Св. Синода отъ 3/29 февр. 1884 г. подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей церкви Западныхъ» рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

1—3

Дополненіе 2-е

КЪ КАТАЛОГУ

Книжнаго магазина редакціи журнала „Кіевская Старина“.

Кіевъ, Безаковская ул., д. № 14.

Въ теченіе 1903 и 1904 г.г., въ числѣ другихъ, поступили въ продажу слѣдующія книги:

Альбомъ къ Энеидѣ Котляревскаго худ. Мартиновича. К., 1903. Ц. 1 р. 65 к.

Бордулякъ.—Оповидання, К. 1903. Ц. 75 к. и 1 р. 25 к.

Его-же.—Бидный жыдокъ Ратыця. Оповид. К. 1903. Ц. 5 к.

Буря на мори.—Оповид. К. 1903. Ц. 7 коп.

Врабель.—Угро-народни спѣванки, Будапештъ. 1901 г. Ц. 2 р.

Василенко.—Бодянскій и его заслуги для Малороссіи. К. 1904. Ц. 1 р.

Вовчокъ.—Кармелюкъ. Невильнычка. К., 1904. Ц. 10 к.

Ея-же.—Сестра, та инши оповидання. К., 1904. Ц. 10 к.

Володськый.—Въ каламутній води (Орыся). К., 1904. Ц. 15 к.

Ганько.—Якъ дбаешъ, такъ и маешъ Спб., 1904. Ц. 3 к.

Грабына.—Мужычкы. Жартъ въ одн. діи. К., 1904. Ц 20 к.

Гринченко.—Пысання, т. I. К., 1903. Ц. 1 р. 50 к. и 2.

Его-же. Хата. Оповид. К., 1903. Ц 4 к.

Его-же. Безъ хлиба. Оповид.—Выд. друге. К., 1903. Ц. 3 к.

Его-же.—Хто робыть, той и мае. (Оповид. про Д. Гарфильда) Спб. 1904. Ц. 6 к.

Его-же.—Неосторожность въ важномъ дѣлѣ. К. 1903. Ц. 20 к.

Его-же.—Каталогъ музея украинск. древностей В. Тарновскаго, т. II.—Ч. 1903. Ц. 75 к.

Грушевськый.—Оповидання. К., 1904. Ц. 35 к. и 65 к.

Даниловъ.—Пѣсни с. Андреевки, Нѣжинскаго у., К., 1904. Ц. 50 к.

Днипрова Чайка.—Чудный. Оповид. К., 1904.

Дорошенко.—Указатель источн. для ознакомл. съ Южной Русью. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Его-же. Народная украинская литература. Сборн. отзывовъ. Спб., Ц. 40 к.

Енохинъ.—На вику якъ на довгій ныви. Оповид. Е. 1903. Ц. 15 к.

Ефремовъ.—Праздникъ украинской интеллигенціи. К., 1904. Ц. 20 к.

Его-же.—Торжество украинской пѣсни. К., 1904. Ц. 10 к.

Его-же.—На мертвой точкѣ (Замѣтки читателя). К., 1904. Ц. 30 коп.

Загирня. Оповидання про Сократа. Спб., 1903. Ц. 5 к.

Ея-же. Якъ выгадано машыною йиздыты. Выд. друге. Спб., 1903. Ц. 3 к.

Зъ надъ хмаръ и зъ долынъ. Альманахъ. О. 1903 Ц. 1 руб. 20 к. и 1 р. 60 к.

Ирпенскій.—Малороссы въ Петербургѣ. К., 1903. Ц. 5 к.

Иллюстровъ.—Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ (параллельно съ украинскими). К., 1904. Ц. 3 р.

К. Е. Тимофей Бордулякъ. Біогр. оч. К., 1903. Ц. 10 к.

Калениченко.—Переселеньци у Сибиръ. Поэма. Х., 1903. Ц. 3 к.

Квитка.—Сватання на Гончаривци. Опера. Одесса, 1902. Ц. 20 к.

Его-же.—Шельменко-денщикъ. Комедія въ 5 дѣйств. О., 1902. Ц. 20 к.

Его-же.—Шельменко—волостной писарь. Ком. въ 3 д. О., 1902. Ц. 15 к.

Его-же.—Божи диты. Х, 1887. Ц. 10 к.

Его-же.—Мертвецькый велыкдень. Х. 1887. Ц. 6 к.

Его-же.—Пархомове снидання. Х. 1887. Ц 5 к.

Его-же.—Конотопська видьма. Повисть. Х. 1887. Ц. 20 к.

Его-же.—Добре робы, добре и буде. Х., 1887. Ц. 10 к.

Его-же.—Отъ тоби й скарбъ. Х., 1887. Ц. 6 к.

Его-же.—Лысты до любезныхъ землякивъ. Х., 1887. Ц. 6 к.

Его-же.—Щыра любовъ. Повисть. Х. 1887. Ц. 15 к.

Комаровъ.—Т. Г. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Од., 1903. Ц. 75 к.

Его-же.—Библіографическій указатель музыкальной и литерат. дѣятельн. Н. В. Лысенка. К., 1904. Ц. 20 к.

Его-же.—Библіографичный покажчыкъ выдань Котляревського творивъ та пысань про ёго. К. 1904. Ц. 10 к.

Его-же.—Оповидання про Антона Головатого. Спб., 1901. Ц. 5 и 10 к.

Коцюбынськый. Оповидання, т. І. К., 1903. Ц. 1 р. 50 коп. и 2 руб.

Его-же.—Дорогою циною. Оповид. К., 1902. Ц. 25 к.

Его-же.—Fata morgana (Зъ сильськыхъ настроивъ). К., 1904. Ц. 15 к.

Крымськый.—Изъ повистокъ и эскизивъ. Трете выд. Зв., 1904. Ц. 50 к.

Его-же.—Филологія и Погодинская гипотеза. К.. 1904. Ц. 1 р.

Кузьменко.—Не такъ ждалося, та такъ склалося. Оповид. К., 1903. Ц. 2 к.

Кулида.—Збирныкъ творивъ. І кн. Кр., 1904. Ц. 40 к.

Его-же. Горобына ничъ. Др. на 5 дій. Кр., 1904. Ц. 25 к.

Его-же.—Писни та думы. К., 1904. Ц. 15 к.

Левицькый М.—Санитаръ, Оповид. К., 1903. Ц. 5 к.

Личковъ.—Къ вопросу объ экономич. изслѣдованіи ю.-з. края. Ц. 20 к.

Его-же.—Очерки изъ прошл. и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. К., 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Его-же. Къ вопросу о реформѣ оффиціальной статистики. Ц. 40 к.

Его-же.—Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ. К. 1903. Ц. 40 к.

Левицькый.—За Колiивщыны. Оповид. Выд. друге. К., 1903. Ц. 5 к.

Мордовець.—Старци. Дзвонарь. К. 1903. Ц. 4 к.

Его-же.—Салдатка. Оповид. Спб., 1862 Ц. 5 к.

Матушевскій.—Посѣтители могилы Т. Г. Шевченка. К. 1903. Ц. 20 к.

Модзалевскій.—Павло Полуботокъ. Біогр. оч. Ц. 40 к.

Его-же.—Генеральный судья И. Чарнышъ. К., 1904. Ц. 60 к.

Мырный П. Творы—кныжка перша. К., 1903. Ц. 1 руб. 20 к. и 1 р. 75 к.

Его-же.—Лыхый попутавъ. Оповид. К., 1903. Ц. 5 к.

Его-же.—Морозенко. Оповид. К. 1904. Ц. 8 к.

На вичну памьять Котляревському. Литературный збирныкъ. К., 1904. Ц. 3 р. 50 к.

Немоловськый.—Бджильныцтво. Друге выд., зъ малюнкамы. Спб. 1904. Ц. 10 к.

Павловскій.—Полтава въ началѣ XIX вѣка. П., 1902. Ц. 75.

Парпура.—Косаръ на Дону. Укр. дума. К., 1902. Ц. 10 к.

Про сырить. Для дитей. Х., 1903. Ц. 4, 10 и 50 к.

Петровъ.—Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ, в. III. Ц. 3 р.

Его-же. Значеніе Кіевской Дух. Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи. К., Ц 70 к.

Познанскій. Попокъ. Пов. изъ быта Донск. малороссовъ. К., 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Пухальськый.—Катерына. Др. на 5 дій. П., 1903. Ц. 20 к.

Пчилка Олена.—Украинськи узоры. К., 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Русовъ.—Прыгода на хутори (Про метеорологію). Спб. 1904. Ц. 5 к.

С. І. Г.—Въ темноти якъ въ слипоти. Драма. Б.-Ц., 1902. Ц. 50 к.

Старицкій.—Къ біографіи Н. В. Лисенка. К., 1904. Ц. 15 к.

Стороженко.—Якъ Богъ дасть, то и въ викно подасть. Оповид. СПБ., 1862. Ц. 3 к.

Терещенко. Орыся. Драма на 4 д. Ч. 1903. Ц. 25 к.

Теодоровичъ.—Историко-топографическое описаніе церкв. и приходовъ Волын. епархіи.

Тогобочный.—Борци за мріи. Драма на 5 д. Х., 1904. Ц. 10 к.

Трыста найкращыхъ украинськыхъ писень. К., 1904. Ц. 20 к.

Украинка Леся.—На крылахъ писень. К. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Франко.—Въ поти чола. Т. I и II. К., 1904. Ц. 65 и 85 к. за коженъ т.

Хлопець та море. Лыстоноша. Розум. коваль. Оповидання. Од. Ц. 3 к.

Чернявськый.—Зъ роспуттивъ жыття. Оповидання. К., 1904. Ц. 10 к.

Его-же.—Въ незнану далечинь. Опов. К., 1904. Ц. 5 к.

Шевченко.—Наймычка, зъ малюнкамы. Спб., 1904. Ц. 3 и 10 к

Эварницкій.—Источники для истор. запорожск. коз., т. I и II по 3 р.

Его-же.—По слѣдамъ запорожцевъ. Спб., 1888. Ц. 1 р. 50 к.

Яновська.—На Зеленый клынъ Драма. Выд. др. К., 1903. Ц. 15 к.

Ея-же. Повернувся изъ Сибиру. Драма. Выдан. друге. К., 1904. Ц. 10 к.

Горельефы до памьятныка Котляревському: зъ Энеиды, зъ Наталкы-Полтавкы и зъ Москаля-Чаривныка. Ц. по 1 р.

Фотограф. портреты украинськыхъ пысьменныкивъ и гетьманивъ. Ц. 30 к. за коженъ.

Портреты-фототип. Шевченка, въ шапци и безъ шапкы, выд. Водовозовои. Ц. по 35 к.

Бюсты гипсови (били и бронзировани) Шевченка, Кулиша, Котляревського и Лысенка. Ц. 1 р. 80 к. и 2 р. 50 к.

Лыстовни карткы зъ портретамы украинськыхъ пысьменныкивъ, гетьманивъ, а такожъ карткы зъ горельефивъ памьятн. Котляревського. Цина за кожну 5 к.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ

1904 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

Къ характеристикѣ русской церковно-бытовой жизни въ первой трети XIX в.

(Письма архимандрита Іеронима Визерскаго къ архимандриту Филадельфу Пузынѣ).

1826—1832 гг.

Предлагаемыя ниже вниманію читателя письма представляютъ довольно цѣнный матеріалъ для характеристики нашего ученаго монашества въ началѣ 19-го вѣка—въ лицѣ двухъ его представителей. Это были два типическіе малоросса, прошедшіе всю тогдашнюю духовную школу—до самыхъ высшихъ ея ступеней, по праву стремившіеся во всю свою служебную жизнь къ *архіерейству*, какъ послѣдней цѣли своихъ желаній, и однако, по разнымъ случайностямъ капризной судьбы, не достигшіе своей завѣтной мечты... Въ письмахъ этихъ ярко отражаются задушевныя чаянія, предположенія и пониманія обоихъ корреспондентовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ рисуется и та историческая обстановка, въ которой имъ приходилось жить и дѣйствовать. Все это дѣлаетъ предлагаемыя письма вообще очень интересными въ историко-бытовомъ отношеніи, а, кромѣ того, въ нихъ попутно попадаются такія или иныя характерныя замѣтки о разныхъ, болѣе или менѣе выдающихся, лицахъ и событіяхъ того, уже довольно далекаго отъ насъ, времени...

Архимандриты *Іеронимъ Визерскій* и *Филадельфъ Пузына*—личности, уже нѣсколько знакомые внимательнымъ читателямъ

Кіевской Старины. О нихъ довольно говорилось въ «Воспоминаніяхъ Іосифа Акимовича Самчевскаго», помѣщенныхъ въ *Кіевской Старинѣ* 1893—1894 гг. Поэтому, въ настоящемъ нашемъ предисловіи, а также въ подстрочныхъ своихъ примѣчаніяхъ къ сообщаемымъ нами теперь письмамъ мы будемъ иногда пользоваться выдержками изъ Самчевскаго—для характеристики личностей Іеронима и Филадельфа и для разъясненія нѣкоторыхъ подробностей, встрѣчающихся въ печатаемыхъ теперь письмахъ Іеронима.

Архимандритъ Іеронимъ Визерскій былъ воспитанникъ старой Кіевской академіи, съ отличнымъ успѣхомъ прошедшій весь ея курсъ. Родился онъ, какъ видно изъ собственнаго его показанія въ одномъ изъ писемъ, въ 1731-мъ году. Изъ послужного списка его, хранящагося въ дѣлахъ правленія Волынской духовной семинаріи [1]), видно, что онъ былъ сынъ священника села *Карапашей*—нынѣ каневскаго уѣзда, кіевской губерніи, о. *Гавріила Визерскаго*, служившаго впослѣдствіи нѣкоторое время священникомъ въ Козловскомъ полку, состоявшемъ подъ начальствомъ Суворова. Въ мірѣ Іеронимъ назывался *Игнатіемъ* и сначала учился въ каневскомъ базиліанскомъ училищѣ, а затѣмъ въ 1792 г. поступилъ въ Кіевскую академію, въ которой учился до 1804 г., проходя въ ней всѣ науки до философіи и богословіи включительно. Какъ отличный по успѣхамъ и поведенію студентъ академіи, Игнатій Гавриловичъ Визерскій былъ назначенъ въ 1804 г. учителемъ Волынской духовной семинаріи, находившейся въ то время въ г. Острогѣ, по предметамъ философіи и греческаго языка, а съ 1806 г.—и нѣмецкаго языка. Въ 1807 г. принялъ монашество съ именемъ *Іеронима* и, рукоположенный во іеромонаха тогдашнимъ волынскимъ епископомъ *Даніиломъ*

---

[1]) Этимъ спискомъ пользовался для краткой біографіи Іеронима Визерскаго—*Ник. Ив. Теодоровичъ*, авторъ книги: «Волынская Духовная Семинарія»—Почаевъ, 1901 г., составленной къ 100-лѣтнему юбилею этой семинаріи. Въ этой біографіи сказано, что Іеронимъ Визерскій родился въ 1769 г. (стран. 828-я); но это очевидная ошибка.

Наттонъ-Михайловскимъ, нѣкоторое время управлялъ острожскимъ Преображенскимъ монастыремъ, по случаю смерти настоятеля его архим. *Авдія Туровскаго*, перваго ректора волынской дух. семинаріи. Въ 1808 г. опредѣленъ въ члены Волынской духовной консисторіи, а въ 1809 г. произведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Загаецкаго монастыря, а въ 1812 г. опредѣленъ былъ ректоромъ Волынской дух. семинаріи и настоятелемъ острожскаго Преображенскаго монастыря. Благополучно жилось Іерониму въ ректорской должности на Волыни, пока въ семинаріи были все *свои люди*. Но вотъ въ 1817 г. Волынская дух. семинарія, вмѣстѣ съ другими семинаріями кіевскаго духовно-учебнаго округа, была преобразована по новому уставу, и въ ней появились—въ средѣ ея наставниковъ—новыя личности, назначенныя изъ академій Петербургской и Московской. Въ новой, непривычной для нихъ, средѣ они произвели нѣкоторое *броженіе*. Въ числѣ ново-пріѣзжихъ изъ Великороссіи наставниковъ были: одинъ—изъ Московской академіи—*Евгеній Потемкинъ*, а другой —изъ Петербургской—*Яковъ Кораблиновъ*. Послѣдній особенно былъ рѣзокъ и нетерпимъ по отношенію къ новой и необычайной для него бытовой обстановкѣ и привлекши на свою сторону перваго, путемъ доносовъ на тогдашняго волынскаго архіерея *Стефана Романовскаго*, произвелъ въ началѣ 1822 года громкое дѣло, тянувшееся болѣе двухъ лѣтъ и кончившееся разгромомъ почти всей тогдашней семинарской корпораціи и переводомъ членовъ ея въ разныя другія епархіи Малороссіи и Великороссіи... Отголоски этого дѣла долго еще отражались въ дальнѣйшей судьбѣ главныхъ участниковъ его и мѣшали имъ такъ или иначе въ ихъ жизненной карьерѣ. Къ числу прикосновенныхъ къ дѣлу Кораблинова и Потемкина былъ и ректоръ семинаріи, архим. Іеронимъ Визерскій—и вотъ уже въ началѣ процесса—въ 1822 г.—онъ переведенъ былъ на должность ректора же въ Черниговскую дух. семинарію, при чемъ назначенъ былъ настоятелемъ Елецкаго Успенскаго, что подъ Черниговомъ, монастыря. Вотъ здѣсь-то, въ Черниговѣ, и встрѣтилъ его назначенный въ 1823 г. въ профессоры Черниговской дух. семинаріи

магистръ 5-го курса С.-Петербургской дух. академіи *Іосифъ Аким. Самчевскій*. Нелишнимъ считаемъ и теперь привести нѣчто изъ того, что говоритъ онъ объ Іеронимѣ Визерскомъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

«Когда мы, съ Охотинымъ [1]) говоритъ Самчевскій,—прибыли въ Черниговскую семинарію, ректоромъ ея былъ архимандритъ *Іеронимъ*, получившій образованіе въ старой Кіевской академіи. Онъ хорошо зналъ преподаваемыя въ семинаріи науки и особенно былъ свѣдущъ въ языкахъ. Богословіе и науку проповѣдничества онъ преподавалъ по старому методу. Но дѣйствительно, пользу ученикамъ богословія онъ приносилъ своими практическими замѣтками и уроками—о томъ, какъ они должны поступать со своими прихожанами, когда сдѣлаются священниками, и ученики, ставшіе такими, были ему благодарны за такія наставленія. Будучи самолюбивъ, онъ бывалъ недоволенъ, когда мы на богословскихъ экзаменахъ дѣлали возраженія; ученикамъ богословія онъ у себя дома говорилъ, чтобы они его одного только слушали, давалъ имъ невыгодныя о насъ понятія и получалъ отъ нихъ на насъ разные доносы, что для насъ, конечно, было непріятно. Своею величавостію онъ прямо задѣвалъ наше самолюбіе. Однажды, когда я изъ домового отпуска возвратился тремя днями позже по положенію срока и по обыкновенію явился къ нему въ квартиру,—онъ долго не выходилъ ко мнѣ изъ своего кабинета, а вышедши, съ суровымъ видомъ сказалъ: «извините, Іосифъ Акимовичъ, что я заставилъ долго ждать себя; вы сами заставили насъ ждать вашего возвращенія изъ отпуска».—Я извинился тѣмъ, что семейныя обстоятельства заставили меня сдѣлать означенную отлучку. Іеронимъ серьезно сказалъ мнѣ: «если обстоятельства ваши удерживаютъ васъ въ домѣ, то вы можете просить увольненія отъ семинарской службы». Я вспыхнулъ и смѣлымъ голосомъ проговорилъ: «Коммиссія духовныхъ училищъ на-

---

[1]) *Яковъ Ивановичъ Охотинъ*, товарищъ Самчевскаго, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ С.-Петербуга—профессоромъ словесности въ черниговскую семинарію.

значила меня быть профессоромъ въ Черниговской семинаріи и она только можетъ отъ нея меня уволить, а ваше высокопреподобіе не имѣете права говорить мнѣ объ увольненіи; если же вы мою просрочку находите достойною увольненія отъ семинаріи, то должны предложить о томъ на обсужденіе семинарскому правленію, которое, надѣюсь, въ рѣшеніи своемъ не будетъ ко мнѣ такъ взыскательно». Сказавши это, я, не взявши отъ Іеронима благословенія, ушелъ изъ его квартиры. Іеронимъ одумался и послалъ келейника просить меня воротиться. Когда я пришелъ, онъ ласково сказалъ мнѣ, что не имѣлъ намѣренія оскорбить меня своими словами, попросту имъ сказанными, но такъ горячо мною принятыми. Мы примирились, и я тогда же сознаъ, что съ своей стороны я сдѣлалъ глупую выходку, которую и теперь въ моей старости не извиняю ради моей молодости.—При непостоянствѣ и измѣнчивости своего характера, Іеронимъ въ личныхъ къ намъ отношеніяхъ былъ добръ, часто приглашалъ насъ, и въ этихъ случаяхъ всегда былъ веселъ, многорѣчивъ и казался искреннимъ. Въ такихъ нашихъ собесѣдованіяхъ съ нимъ мы узнали отъ него, почему онъ изъ Острожской (т. е. Волынской) семинаріи, гдѣ былъ ректоромъ, перемѣщенъ въ Черниговскую семинарію. Въ городѣ Острогѣ находилась тогда семинарія и резиденція волынскаго архіерея, къ дому котораго приписано было большое помѣстье съ крестьянами. Архіерей Стефанъ жилъ роскошно и открыто; въ домѣ его часто бывали гости, а начальники и преподаватели семинаріи почти ежедневно тамъ угощались, и для ихъ забавы въ томъ же домѣ находился билліардъ. «Когда однажды я,—говорилъ Іеронимъ,—во время такого нашего пированія, сидя вдали съ каѳедральнымъ протоіереемъ, сказалъ ему: «какъ намъ хорошо и весело жить при архіереѣ Стефанѣ», протоіерей отвѣтилъ: «да, намъ слишкомъ весело, но это не передъ добромъ». И дѣйствительно такъ и случилось. Присланный изъ Петербургской академіи старшій кандидатъ 4 выпуска (т. е. 1821 г.) *Кораблиновъ*, человѣкъ безпокойнаго характера, завелъ между своими сослуживцами разныя интриги и ссоры, осуждалъ ихъ поведеніе и неприличную жизнь архіерея;

отсюда пошли взаимные доносы, началось слѣдствіе и кончилось тѣмъ, что архіерей и всѣ члены семинарскаго правленія изъ Острога были переведены въ другія мѣста на службу; по этому случаю Іеронимъ переведенъ въ Черниговскую семинарію [1]).—Послѣ моей глупой выходки Іеронимъ не оказывалъ мнѣ враждебнаго расположенія. Онъ весьма благоволилъ къ моему меньшему брату Николаю, который воспитывался въ Черниговской семинаріи на счетъ суммы, отпускаемой оберъ-священникомъ для содержанія дѣтей армейскаго духовенства, кончилъ въ ней ученіе съ званіемъ студента и поступилъ священникомъ въ полкъ» [2])...

Въ Черниговѣ Іеронимъ Визерскій служилъ еще цѣлые 8 лѣтъ ректоромъ, томился иногда однообразіемъ учебной службы и вздыхалъ, повторяя: «Боже мой, Боже! всякій день тоже!» (См. 3-е письмо). Все ждалъ съ нетерпѣніемъ вызова *на чреду́*—въ Петербургъ, послѣ чего, обыкновенно, слѣдовало архіерейство. Наконецъ, въ 1829 году столь желанный вызовъ на чреду послѣдовалъ... По обычаю, цѣлый годъ провелъ Іеронимъ въ С.-Петербургѣ—на чредѣ, «какъ испытываемый для архіерейства», занимаясь дѣлами въ С.-Петербургской духовной консисторіи и сказываніемъ проповѣдей по назначенію петербургскаго митрополита. Но по окончаніи чреды,—вмѣсто архіерейства получилъ только *пока* настоятельство въ богатѣйшемъ изъ великорусскихъ монастырей—именно въ свіяжскомъ Богородичномъ монастырѣ, казанской епархіи. Весною 1830 г. онъ возвратился въ Черниговъ, сдалъ ректорскую свою должность правленію семинаріи и въ началѣ лѣта прибылъ въ назначенный ему монастырь въ г. Свіяжскѣ. Здѣсь онъ прослужилъ настоятелемъ до 1836 г. и скончался, такъ и не дождавшись архіерейства...

---

[1]) Здѣсь считаемъ нужнымъ поправить ошибку Самчевскаго: архіерей (преосв. *Стефанъ Романовскій*) остался на мѣстѣ, и именно больше *въ угоду ему* и разосланы изъ Волыни члены подначальной ему Волынской дух. семинаріи. До архіерея дошла очередь только въ 1828 г., когда онъ былъ переведенъ въ г. Вологду.

[2]) См. «*Кіевск. Старину*» 1894 г. январь, стран. 34—36.

Архим. *Филадельфъ Пузына* былъ «*націи малороссійской*», какъ сказано въ послужномъ его спискѣ, хранящемся въ архивѣ Кишиневской дух. семинаріи (о другихъ говорится здѣсь: *націи великороссійской*, *націи молдавской*; такое различеніе *націй* казалось тогда такъ естественнымъ и никого не смущало). Родился онъ въ 1790 г. въ полтавской епархіи и учился сначала въ Полтавской дух. семинаріи, что въ г. Переяславѣ. Отсюда, какъ отлично хорошій воспитанникъ, былъ назначенъ въ 1809 г. въ составъ перваго курса преобразованной и ново-открытой тогда С.-Петербургской духовной академіи и былъ здѣсь товарищемъ нѣкоторыхъ впослѣдствіи историческихъ знаменитостей, наприм.—протоіерея *Герасима Павскаго*, архіепископа экзарха Грузіи *Моисея Антипова* (перваго ректора преобразованной Кіевской академіи), архіеп. *Мелетія Леонтовича* (тоже бывшаго ректоромъ Кіевской академіи) и другихъ... По окончаніи академ. курса, еще въ свѣтскомъ званіи, онъ посланъ былъ въ 1814 г. въ Вологодскую дух. семинарію профессоромъ еврейскаго и французскаго языковъ. Въ 1822 г. былъ постриженъ въ монашество въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, что въ Вологдѣ, и въ томъ же году въ мѣсяцѣ сентябрѣ назначенъ инспекторомъ Черниговской дух. семинаріи и профессоромъ въ ней философскихъ наукъ, причемъ предоставлено было ему и настоятельство въ козелецкомъ Георгіевскомъ монастырѣ (въ 5-ти верстахъ отъ г. Козельца). Вотъ здѣсь-то, въ Черниговѣ онъ познакомился въ первый разъ и подружился съ архим. Іеронимомъ Визерскимъ. Здѣсь же встрѣтилъ его въ 1823 г. Іос. Ак. Самчевскій. Послѣдній въ своихъ «Воспоминаніяхъ» вотъ что, между прочимъ, говоритъ: «инспекторъ, игуменъ *Филадельфъ*, былъ кандидатъ перваго выпуска Петербургской дух. академіи. Кромѣ своей должности по семинаріи, онъ исполнялъ еще должность смотрителя находившагося при ней духовнаго училища. Будучи при томъ настоятелемъ Козелецкаго монастыря, онъ жилъ хорошо и былъ вообще гостепріименъ. Филадельфъ доставилъ мнѣ и Охотину удовольствіе, пригласивъ совершить съ нимъ въ монастырскомъ спокойномъ экипажѣ, безъ всякой отъ насъ платы, *путешествіе въ Кіевъ*, который намъ

очень желательно было видѣть. (Это было лѣтними каникулами 1824 г.; дальше у Самчевскаго слѣдуетъ описаніе дивнаго вида Кіева, послѣ проѣзда чрезъ Броварской лѣсъ). «Долго стояли мы не отводя глазъ отъ этой картины, потомъ въ Никольской Слободкѣ сѣли въ лодку и по Днѣпру приплыли къ Подолу. Съ берега мы отправились прямо въ Братскій монастырь и явились къ ректору академіи архимандриту Мелетію (Леонтовичу). Обнявъ Филадельфа и благословивъ меня и Охотина, онъ всѣхъ насъ пригласилъ квартировать въ его домѣ во все время пребыванія нашего въ Кіевѣ; но мы пользовались этимъ пріютомъ только ночью, а днемъ все осматривали городъ... Осматривая городъ, мы посѣщали въ нёмъ нашихъ знакомыхъ. Прежде всего мы были у родственника Охотина-Скворцова, котораго я видѣлъ, еще будучи мальчикомъ, на торжественномъ актѣ въ Петербургской дух. академіи (въ 1815 г.)... Здѣсь (въ Кіевской академіи) онъ преподавалъ философію... Пробывъ въ Кіевѣ около недѣли, мы пустились въ обратный путь. (Здѣсь Самчевскій кратко замѣчаетъ *о братѣ Филадельфа*, прибывшемъ изъ Полтавы для свиданія съ нимъ).—Въ Черниговъ мы прибыли къ началу ученія. Так. образомъ, благодаря Филадельфу, мы всѣ вакаціи провели весело и пріятно—и мы же, легкомысленные, подтрунивали надъ нашимъ менторомъ, что онъ, бывши въ Кіевѣ, не былъ въ пещерахъ, бесѣдуя съ своимъ товарищемъ Мелетіемъ. Но не даромъ Филадельфъ былъ въ Кіевѣ, не даромъ долго бесѣдовалъ съ Мелетіемъ, который, какъ ректоръ академіи, былъ его начальникомъ по зависимости семинаріи отъ академіи и, какъ первенствующій членъ академическаго правленія, могъ ходатайствовать о повышеніи его по службѣ, въ которой Филадельфъ отсталъ отъ своихъ сокурсниковъ, бывшихъ уже ректорами и архимандритами. И, дѣйствительно, Филадельфъ вскорѣ былъ сдѣланъ архимандритомъ и ректоромъ семинаріи въ Кишиневѣ, гдѣ знакомъ былъ съ поэтомъ Пушкинымъ, находившимся тогда въ изгнаніи и пользовавшимся его гостепріимствомъ» [1]). О дальнѣйшей судьбѣ Фила-

[1]) См. Кіев. Стар., янв. 1894 г. стр. 37—40.

дельфа ничего не говоритъ Самчевскій; очевидно, она оставалась для него неизвѣстною... Но мы должны исправить и то единственное свѣдѣніе, которое сообщилъ онъ о Филадельфѣ, по удаленіи послѣдняго изъ Чернигова. Дѣйствительно, послѣ поѣздки въ Кіевъ, Филадельфъ получилъ повышеніе по службѣ—именно былъ назначенъ на должность ректора семинаріи,—но только *не въ Кишиневъ,* какъ говоритъ Самчевскій,—а *въ Воронежъ.* Въ Кишиневъ же переведенъ былъ Филадельфъ гораздо позже—именно въ 1832 г., когда Пушкина тамъ давно уже не было,—и съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ Филадельфъ знакомымъ быть не могъ... Самчевскій, очевидно, смѣшалъ дошедшія до него свѣдѣнія. Это—другой ректоръ Кишиневской дух. семинаріи, болѣе ранній, именно архимандритъ *Ириней Несторовичъ*—жилъ въ Кишиневѣ во время пребыванія тамъ Пушкина (1820—1823 гг.) и дѣйствительно близко былъ знакомъ съ поэтомъ.—И такъ, изъ Чернигова осенью 1825 г. Филадельфъ переѣхалъ въ Воронежъ на ректорскую должность въ духовную семинарію, при чемъ изъ игумена произведенъ былъ въ архимандриты и получилъ настоятельство въ воронежскомъ Акатовѣ монастырѣ. Въ Воронежѣ онъ жилъ до 1829 г. и, вѣроятно, по живости своего характера, допустилъ какую-либо провинность или по службѣ, или вообще въ монашескомъ поведеніи; ибо былъ уволенъ отъ семинарской службы (это показывало нѣкоторое неблаговоленіе къ нему начальства) и переведенъ настоятелемъ въ глухой и бѣдный монастырь калужской епархіи—именно въ *Лютиновъ* Троицкій, подъ Перемышлемъ. Но скоро отношеніе начальства къ нему смягчилось—и въ 1830 г. мы уже видимъ Филадельфа въ Москвѣ настоятелемъ одного изъ видныхъ тамошнихъ монастырей—именно Златоустовскаго. Это, конечно, произошло не безъ вліянія тогдашняго митрополита Филарета Дроздова, который былъ когда-то ректоромъ Филадельфа на первомъ курсѣ С.-Петербургской дух. академіи и могъ оцѣнить его способности для дальнѣйшей служебной карьеры... Изъ Москвы, очевидно, по рекомендаціи митроп. Филарета, Филадельфъ опять былъ выдвинутъ на духовно-учебную службу и въ 1832 г. былъ назначенъ ректоромъ духовной се-

минаріи въ Кишиневъ и настоятелемъ одного изъ бессарабскихъ монастырей—*Добрушскаго*[1]). Здѣсь—живой и жизнерадостный Филадельфъ, нѣсколько уже умудренный опытомъ, горячо принялся за дѣло... Кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей по службѣ учебной,—онъ предался проповѣднической дѣятельности: съ усердіемъ и талантомъ составлялъ онъ церковныя поученія и произносилъ ихъ въ кишиневскомъ соборѣ и въ другихъ церквахъ Кишинева. Многочисленныя подлинныя рукописи проповѣдей Филадельфа мы сами имѣли возможность видѣть... Но вотъ и документальное свидѣтельство объ этой сторонѣ его дѣятельности. Кишиневская дух. семинарія была тогда причислена къ Кіевскому духовно-академическому округу и состояла въ зависимости отъ Кіевской академіи. Въ 1836 г. ректоръ этой академіи, знаменитый Иннокентій Борисовъ, по предложенію митрополита Евгенія, сдѣлалъ циркулярное распоряженіе по округу о доставленіи въ академическую конференцію свѣдѣній о тѣхъ наставникахъ семинаріи, кои, сверхъ классическихъ занятій своихъ, ***произвели что-либо особое***, наприм., написали какое-либо особое сочиненіе, или изготовили переводъ какой-либо полезной книги, или усердно занимались проповѣданіемъ слова Божія и проч.,—и вотъ, въ отвѣтъ на это, кишиневское семинарское правленіе представило академіи выписку слѣдующей резолюціи тогдашняго архіепископа кишиневскаго Димитрія Сулимы: «Дать знать кіевскому академическому правленію, что ни одинъ изъ наставниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и состоящихъ въ священнической должности, не представлялъ епархіальному начальству доселѣ ни ученаго сочиненія, ни перевода какой-либо книги, ***а что касается до проповѣдей***, то ***кромѣ ректора семинаріи архим. Филадельфа, который, и сверхъ***

---

[1]) Поздравляя Филадельфа, по пріѣздѣ уже его въ Кишиневъ,—одинъ изъ его московскихъ пріятелей (*Вознесенскій, что на Гороховомъ полѣ, протоіерей Іоаннъ Іоанновъ*) такъ выражается: «поздравляю съ прибытіемъ на новое ваше мѣсто, со вступленіемъ въ новую или *возобновленную вашу должность, въ возобновленное ваше достоинство, которое недостойно было у васъ восхищено*»...

назначенныхъ ему по росписанію дней, занимался усердно проповѣданіемъ слова Божія и въ другіе дни, прочіе наставники сказывали проповѣди только по назначенію» [1]). Нѣкоторыя изъ своихъ проповѣдей Филадельфъ отправлялъ для напечатанія въ журналъ «Христіанское Чтеніе» (напр. *Слово о мирѣ*) [2]). Кромѣ того, по порученію архіеп. Димитрія Сулимы,—Филадельфъ трудился и на научно-литературномъ поприщѣ. Такъ, когда изъ Одессы графъ М. С. Воронцовъ прислалъ преосв. Димитрію для перевода съ греческаго «Периплъ Понта Эвксинскаго»—*Арріана*,—то этотъ переводъ, по просьбѣ Димитрія, былъ сдѣланъ Филадельфомъ... Мы видѣли цѣлыя тетради черновыя этого перевода въ бумагахъ Димитрія Сулимы. А потомъ этотъ переводъ былъ изданъ въ Одессѣ съ именемъ чиновника при гр. Воронцовѣ *Фабра* [3]). Но годы проходили, а между тѣмъ «движенія по службѣ» Филадельфъ не удостоивался... Уже онъ прослужилъ въ Кишиневѣ болѣе 15 лѣтъ, успѣлъ уже выучиться молдавскому языку... Однообразіе жизни нѣсколько утомляло его—и онъ, по природѣ живой, общительный, добродушный и гостепріимный, находилъ для себя нѣкоторое развлеченіе—при монотонной учебной жизни—въ томъ, что часто принималъ къ себѣ гостей изъ своей же духовной карпораціи (большею частію изъ наставниковъ семинаріи) и съ ними проводилъ время. Наконецъ, въ 1846 г. вызванъ онъ былъ въ С.-Петербургъ—на желанную «чреду», на которой заставили его заниматься консисторскими дѣлами... Здѣсь видѣлъ его въ январѣ

---

[1]) См. брошюру професс. *Ив. Игн. Малышевскаго:* «Дѣятельность митроп. Евгенія въ званіи предсѣдателя консисторіи Кіевской дух. академіи». Кіевъ, 1862 г. стран. 50--51.

[2]) См. «Русскій Архивъ» 1898 г. № 2: «Письма Филадельфу преосв. *Виталія Щепетева*, ректора С.-Пет. «духовн. акад.».

[3]) «Арріона—Периплъ Понта Евксинскаго». Перевелъ *Андрей Фабръ.* Одесса. 1836 г. Изданіе этой книги, какъ и многихъ другихъ по предмету древностей Новороссіи,—принадлежало гр. М. С. Воронцову. См. статью *Н. Мурзакевича:* «Очеркъ заслугъ, сдѣланныхъ наукамъ кн. М. С. Воронцовымъ» въ IV т. «Записокъ Одесскаго Общ. Исторіи и др.»—стран. 409—413.

1847 г. архим. *Порфирій Успенскій,* извѣстный ученый путешественникъ по Востоку (впослѣд. епископъ чигиринскій—въ Кіевѣ), и вотъ какую замѣтку сдѣлалъ онъ объ этомъ своемъ свиданіи съ Филадельфомъ въ своемъ «Дневникѣ»: «7-го января 1847 г. былъ я у архим. Филадельфа—*череднаго.* Увидѣлъ здѣсь у него бумаги консисторскія о своей участи... Отецъ Филадельфъ схватилъ консисторскій журналъ и началъ бранить свое послушаніе *по-молдавски*» [1]).—По отбытіи «чреды»,—Филадельфъ былъ отосланъ назадъ въ Бессарабію—на прежнее мѣсто... Пошла по прежнему монотонная учебная жизнь и прежнія развлеченія съ гостями по вечерамъ—зимою, а лѣтомъ—поѣздки въ подчиненный ему *Добрушскій* монастырь. Отъ бессарабскихъ старожиловъ-знакомцевъ и пріятелей Филадельфа мы слышали, какъ весело бывало имъ въ гостяхъ у добродушнаго и шутливаго Филадельфа. Престарѣлый протоіерей г. *Сорокъ* (бессарабской г.) о. *Θеодоръ Паховскій*—типъ стариннаго семинарскаго *латынщика* (онъ постоянно обращался къ намъ съ вопросами на латинскомъ языкѣ и цѣлыя тирады любилъ произносить на этомъ школьномъ языкѣ незабвенной своей молодости...),—служилъ нѣкогда въ Кишиневѣ и пользовался дружбою и гостепріимствомъ Филадельфа—и вотъ что между прочимъ разсказывалъ онъ намъ о веселости и шуткѣ Филадельфа (въ бесѣдѣ нашей съ о. Θеодоромъ въ Кишиневѣ—10 ноября 1877 г.): «послѣ экзаменовъ—непремѣнно уже было у Филадельфа обильное угощеніе, хотя оно нерѣдко случалось у него и въ другія времена. На этихъ угощеніяхъ въ числѣ другихъ гостей бывалъ непремѣнно полковой протоіерей *Дмитрій Жмакинъ.* И вотъ бывало, когда уже не станетъ вина, когда бутылки уже всѣ вышли,—Жмакинъ—бацъ на полъ, какъ будто съ нимъ сдѣлался ударъ, и лежитъ безъ движенія, словно мертвый...

---

[1]) См. «Описаніе бумагъ еписк. Порфирія Успенскаго, пожертв. имъ въ Импер. Акад. Наукъ» сост. П. *Сырку*- (приложеніе къ 64 т. «Записокъ Импер. Акад. Наукъ). Спб. 1891 г. стран. 112—113. О положеніи *чередныхъ* архимандритовъ въ С.-Пет.,—см. «Русск. Стар.» 1879, мартъ, стран. 562—563

«Вотъ,—говоритъ о. ректоръ, обращаясь ко всѣмъ,—нашъ Жмакинъ уже умираетъ... А затѣмъ, приблизившись къ нему, неподвижно лежащему: «Опять въ недугѣ?.. Ну, это болѣзнь не къ смерти... Мы сейчасъ вылѣчимъ». И распоряжается принести изъ погреба еще бутылокъ шесть-семь.. Чуть только бутылки принесены, Жмакинъ вдругъ поднимается съ пола, какъ ни въ чемъ не бывало, здоровый, веселый... Ну, конечно,--всеобщій хохотъ!..--Или бывало ѣдетъ Филадельфъ въ свой монастырь Добрушскій, возьметъ меня и протоіерея Петрова [1]). На дорогѣ вдругъ обращается къ намъ: «Вставайте, свиньи, мнѣ васъ не нужно»!.. Мы встаемъ, забираемся въ кусты... Онъ возвращается, ищетъ насъ... Шалили, шутили»...—И вотъ такими невинными шутками разнообразилась жизнь.—Но ужъ видно на роду была написана Филадельфу неудачливость по службѣ...—Скоро произошло одно событіе, которое съ корнемъ подорвало его благосостояніе—и физическое, и еще болѣе нравственное... Дѣло началось, какъ водится, съ пустяшныхъ причинъ, но окончилось трагически и оставило глубокіе, неизгладимые слѣды въ дѣйствующихъ лицахъ на всю жизнь. Въ Кишиневской дух. семинаріи служилъ съ 1839 года кандидатъ кіевской духовной академіи девятаго курса (выпуска 1839 г.) *Климентъ Алексѣевичъ Никитскій*, родомъ изъ орловской губ., прекрасный молодой человѣкъ—и по наружности, и по уму, а еще болѣе по своему великолѣпному голосу... У него былъ отличный басъ—и въ академіи кіевской Клим. Ал. Никитскій оставилъ по себѣ память, какъ талантливѣйшій регентъ академическаго хора. Вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по академіи извѣстнымъ *Викторомъ Ипатьевичемъ Аскоченскимъ*, тоже обладавшимъ недюжиннымъ басомъ и понимавшимъ толкъ въ музыкѣ,

---

[1]) *Петровъ* былъ соборнымъ протоіереемъ въ Кишиневѣ и извѣстенъ въ кишиневскихъ преданіяхъ, какъ талантливый *духовный композиторъ*. Нѣкоторыя его церковно-музыкальныя пьесы и доселѣ съ особенною любовію исполняются въ Кишиневѣ и вообще въ Бессарабіи, въ особенности двѣ, поемыя на Страстной седмицѣ: одна—о Тайной Вечери, начинающаяся словами: «*Союзомъ любве...*», а другая—объ Іудѣ предателѣ, начин. словами: «*Уне тебѣ бяше, Іудо*»...

они поставили академическій хоръ на небывалую дотолѣ въ новопреобразованной академіи высоту... Въ Кишиневской семинаріи Кл. Ал. Никитскій преподавалъ математику и еврейскій языкъ. Вотъ именно на экзаменѣ по еврейскому языку и началось это несчастное дѣло... Предоставимъ разсказать о немъ очевидцу, человѣку высоко-нравственному и благороднѣйшему, *Евгенію Александровичу Сахарову*, тоже бывшему въ то время (въ 1849 г.) наставникомъ Кишиневской дух. семинаріи. Евг. Ал. Сахаровъ—магистръ Кіевской дух. академіи десятаго курса (выпуска 1841 г.), назначенный въ Кишиневскую семинарію, служилъ въ ней цѣлые 50-лѣтъ и даже больше—съ величайшею пользою для нея—по своему глубокому уму, добросердечію, терпѣнію и снисходительности къ воспитанникамъ, по благородству и независимости характера и по рѣдкой въ Кишиневѣ въ тогдашемъ духовномъ мірѣ *полнѣйшей трезвости*. Онъ скончался въ Кишиневѣ не такъ давно—въ 1902 г., въ глубокой старости—86 лѣтъ отъ роду... Это былъ незабвенный образецъ педагога, семьянина и сослуживца [1]). Въ одной изъ бесѣдъ съ нами (27 окт. 1877 г.), въ которой Евг. Ал. Сахаровъ вспоминалъ прошлое Кишиневской дух. семинаріи, онъ обстоятельно разсказалъ намъ—памятное для всѣхъ современниковъ Филадельфа—дѣло, поведшее къ увольненію этого добрѣйшаго ректора отъ службы и къ трагической судьбѣ талантливѣйшаго наставника Кл. Ал. Никитскаго. «Дѣло началось,—разсказывалъ Евг. Ал. Сахаровъ,—на экзаменѣ по еврейскому языку, который преподавалъ Никитскій. На экзаменѣ былъ, конечно, ректоръ. Былъ и я. Зашелъ споръ о какомъ-то еврейскомъ словѣ, не помню уже теперь—какомъ. Ректоръ доказывалъ одно, Никитскій—другое. Но помню, что справедливость была на сторонѣ ректора, который прекрасно зналъ языкъ и преподавалъ его еще въ Вологодской семинаріи. Но Никитскій не уступалъ... Спорили, спорили, наконецъ ректоръ въ заключеніе сказалъ шутливо—

---

[1]) *Некрологъ* его, съ большою теплотою написанный преподав. Кишин. дух. сем. *Іос. Мих. Пархомовичемъ*, помѣщенъ въ 22 № «Кишиневскихъ Епарх. Вѣдом.» 1902 г.

Никитскому: «не знаете вы еврейскаго языка». Обидѣлся этимъ Никитскій, задѣло это его за живое, какъ видно изъ послѣдующаго... Замѣчу, что ректоръ былъ человѣкъ добродушнѣйшій и благожелательнѣйшій.—Тогда былъ у насъ обычай: у кого экзаменъ, у того собирались послѣ экзамена на выпивку и закуску. Собрались у Никитскаго. Былъ и ректоръ. Тамъ тоже продолжался прежній еврейскій споръ, поднятый Никитскимъ... Опять спорили-спорили, и опять ректоръ въ заключеніе замѣтилъ: «нѣтъ, нѣтъ—не знаете вы еврейскаго языка»... Никитскій, понятно, еще болѣе послѣ этого былъ задѣтъ... Послѣ всѣхъ экзаменовъ былъ обычай собираться у архіерея, который давалъ всѣмъ наставникамъ семинаріи обѣдъ. Архіереемъ тогда былъ преосв. *Иринархъ*, который, помню, угощалъ отлично, гостепріимно,—нужно отдать ему въ этомъ честь [1]). Вина отличнаго было въ волю... Подкутили хорошо... Потомъ отъ архіерея—зашли еще всѣ къ ректору, по обычаю. Тамъ тоже еще дополнили выпивку. Всѣ начали расходиться... Не помню, кто тамъ еще оставался изъ наставниковъ, но Никитскій оставался до конца и, разгоряченный виномъ, все приставалъ къ ректору по поводу прежняго еврейскаго спора... Тому уже, должно быть, надоѣло это. А у него былъ длинный ножъ, привезенный имъ изъ Петербурга въ бытность его на чредѣ—въ родѣ кухоннаго; онъ держалъ его въ комодѣ. Когда Никитскій началъ все приставать, тотъ подошелъ къ комоду, вынулъ ножъ и сказалъ шутя, по своему обыкновенію, скороговоркой: «вотъ я тебя этимъ ножомъ, если не отстанешь». Напугать его, должно быть, хотѣлъ... Но Никитскй тотчасъ схватилъ за ножъ, началъ отнимать его и при этомъ другою рукою схватилъ ректора за бороду. Филадельфъ тоже усиливался отнимать ножъ и при этомъ, конечно, нечаянно порѣзалъ немного Никитскому руки... Этотъ въ раздраженіи схватилъ Филадельфа за волосы—и они—въ такомъ видѣ, сцѣпившись и тягаясь другъ съ другомъ,

---

[1]) Преосв. *Иринархъ Поповъ* управлялъ кишиневской епархіей съ 1844 г. по 1858 г., затѣмъ былъ послѣдовательно архіепископомъ подольскимъ и рязанскимъ. Съ 1867 г. жилъ на покоѣ и сконч. 25 сен. 1877 г.—въ рязанскомъ Троицкомъ монастырѣ.

вышли изъ комнаты на дворъ... Тогда прибѣжали служителя семинарскіе и розняли ихъ... Но домашняя сцена сдѣлалась такимъ образомъ общеизвѣстной—и особенно была по сердцу инспектору семинаріи *Анастасію*, давно желавшему занять мѣсто ректора. Анастасій довелъ сейчасъ обо всемъ происходившемъ до свѣдѣнія преосв. Иринарха. Не знаю, что говорилъ ректору и Никитскому Иринархъ, когда они были на объясненіи у него,—но только по всему было видно, что онъ не хотѣлъ давать этому печальному дѣлу, нечаянно-негадано сложившемуся при совершенно смягчающихъ обстоятельствахъ для обоихъ его участниковъ, и хотѣлъ потушить его на мѣстѣ... Жалко было Иринарху губить людей —умныхъ, талантливыхъ и еще могшихъ съ пользою послужить обществу многіе годы, но только въ возбужденномъ состояніи духа допустившихъ въ отношеніи другъ къ другу нѣчто необычайное... Но бѣсъ не дремалъ. Никитскому стали совѣтовать какіе-то его пріятели-чиновники, а въ особенности подбивалъ его Анастасій, чтобы онъ занесъ жалобу на Филадельфа. Ему представляли, что выйдетъ плохо, если онъ будетъ молчать, а если *первый пожалуется*, то останется въ безпасности... Тотъ, несчастный, и послушался, и подалъ архіерею жалобу на ректора. Архіерей долженъ былъ дать ей ходъ чрезъ академическое правленіе. Присланъ былъ для изслѣдованія дѣла ревизоръ, архим. Іосифъ. Началось слѣдствіе. Ректору предложены были вопросные пункты. Но онъ ни слова не отвѣтилъ па нихъ. Вообще этотъ случай еще раньше произвелъ въ немъ рѣзкую перемѣну. Веселый прежде, сообщительный, любившій вечеркомъ у себя общество наставниковъ, игравшій иногда съ нами и въ картишки,—онъ сталъ грустнымъ, задумчивымъ, малосообщительнымъ. И здоровье его было сильно потрясено. Прежней свѣжести какъ не бывало,—безсонница и безпокойство ослабило его организмъ, дотолѣ крѣпкій... Все ходилъ онъ у себя по комнатѣ, заложивши назадъ руки, молчаливый, и въ послѣднее время сталъ харкать кровью... Когда пріѣхалъ ревизоръ, онъ не хотѣлъ ничего разсказывать... Какъ-то разъ, ходя по семинарскому двору, онъ подозвалъ меня и сказалъ: «Евгеній Александровичъ! Я уже—ста-

рикъ, а вы—вотъ постарайтесь выгородить какъ-нибудь молодого человѣка»... Хорошая была у него душа!—Но ревизоръ, по разслѣдованіи, понялъ, конечно, суть дѣла... Никитскій уволенъ былъ отъ духовно-училищной службы... Но и ректора не пощадили.. Его удалили на покой въ одинъ изъ кіевскихъ монастырей,—кажется—въ Выдубицкій. Онъ тамъ скоро и скончался, Никитскій же не могъ бы и послѣ этого пропасть, но пьянство погубило его. Ему предлагали хорошія мѣста и въ свѣтскомъ вѣдомствѣ, но онъ не могъ удержаться нигдѣ. Съ самаго же начала послѣ увольненія отъ семинаріи, онъ пристроился у соборнаго протоіерея *Георгія Постики*, который далъ ему у себя квартиру и столъ, а Никитскій писалъ проповѣди—и прекрасныя!.. Дальнѣйшая судьба его вамъ болѣе или менѣе извѣстна. Онъ починялъ часы, дѣлалъ и продавалъ ваксу, чернила- и т. п.».

Въ Кишиневѣ—въ 1870 г.—мы застали еще въ живыхъ когда-то бывшаго кіево-академическаго регента—*Клим. Алекс. Никитскаго* и скоро съ нимъ познакомились. Онъ любилъ навѣщать молодыхъ семинарскихъ наставниковъ, особенно вышедшихъ изъ Кіевской академіи... Физіономія его казалась чрезвычайно симпатичною: большой, выдающійся лобъ, голубые глаза, на головѣ сзади вьющіеся, бѣлокурые, очевидно, когда-то прекрасные волосы... Лицо—бѣлое, съ нѣжной кожей, но уже увядшее, испытавшее слѣды большихъ треволненій жизни. Ростъ—ниже средняго. Въ голосѣ его еще гремѣла сильная басовая нота... Одежда на немъ была всегда нищенская—старая, изношенная. Въ обхожденіи его замѣтна была простота и деликатность... Общее впечатлѣніе отъ его личности давало понятіе о жизни когда-то цвѣтущей, умственно и художественно-богатой, но разбитой, уничтоженной... Но въ то же время замѣтно было нѣчто идейное въ его самосознаніи и самочувствованіи: видно было, что человѣкъ этотъ смирился и безропотно несетъ выпавшій на его долю крестъ... Даже больше: замѣтно было, что онъ нарочито принизилъ себя до послѣдней степени, нарочито дошелъ до нѣкотораго благородства въ поведеніи—Христа ради, для того, чтобы загладить допущенную въ жизни роковую ошибку, но при этомъ, несмотря на

жестокость судьбы, все таки сохранилъ въ себѣ нравственное человѣческое достоинство въ сознаніи добровольно, принятаго подвига... Онъ жилъ въ какомъ-то подвалѣ, окруженный разными инструментами для своихъ работъ—для починки часовъ и замковъ, для выдѣлыванія ваксы и проч.,—этимъ онъ снискивалъ себѣ пропитаніе... Но здоровье его было уже сильно надорвано... И поэтому, скоро онъ поступилъ, благодаря хлопотамъ нѣкоторыхъ своихъ пріятелей [1]), въ богадѣльню, что на кишиневскомъ кладбищѣ (на Малинѣ), и тамъ скончался въ 1873 г.

При отъѣздѣ своемъ въ Кіево-Выдубецкій монастырь, въ 1850 г.,—архим. Филадельфъ всѣ бумаги свои оставилъ у іеромонаха Серафима Кипера, который былъ впослѣдствіи игуменомъ Гиржавскаго монастыря въ Бессарабіи. Послѣ смерти отца Серафима Кипера, бумаги Филадельфа перешли къ племяннику о. Серафима—священнику *Александру Киперу*, который теперь соборнымъ священникомъ въ г. Кагулѣ, бессарабской губ.; нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ (письма къ Филадельфу разныхъ лицъ, его проповѣди и проч.) о. Александръ Киперъ передалъ отчасти намъ, а отчасти бывшему преподавателю Кишиневской семинаріи и извѣстному изслѣдователю бессарабскихъ древностей—*Алекс. Егор. Стадницкому* (что нынѣ преосвящ. Арсеній, епископъ псковскій).—Сообщеніемъ печатаемыхъ ниже писемъ архим. Іеронима Визерскаго къ архим. Филадельфу мы обязаны частію о. Алекс. Киперу, а частію преосвященному епископу Арсенію Стадницкому, за что и приносимъ имъ здѣсь нашу глубокую благодарность.

Л. М.

---

[1]) Воспитанниковъ кіевской академіи Петра Өедор. Паховскаго и Александра Вас. Кіетскаго, уже теперь тоже покойныхъ...

1.

Высокопреподобнѣйшій Господинъ отецъ игуменъ и ректоръ!
Возлюбленный о Господѣ братъ!

Въ новомъ семъ годѣ и на новомъ вашемъ мѣстѣ желаю вамъ отъ Христа Господа новыхъ благъ и милостей, по желанію сердца вашего, ко славѣ имени Его.

Увѣдомленіемъ вашимъ о прибытіи вашемъ въ Воронежъ я очень доволенъ былъ, и доволенъ, что далъ вамъ Богъ, прибывъ благополучно, усмотрѣть, что требуетъ улучшенія по ввѣренной управленію вашему части. Богъ милостивъ! мало-по-малу поуправившись, будете спокойнѣе, и молитва вѣры спасетъ васъ отъ всякія нетерпящія добраго порядка козни.

Я живу съ новымъ о. инспекторомъ, какъ и съ вами, спокойно, благодаря Бога [1]), хотя и радъ бы, чтобъ извѣстнаго вамъ законоискусника паки и паки, вмѣсто меня, кто-либо ближайшій къ Сем. правленію погонялъ почаще. То и дѣло, что думаетъ о расширеніи предѣловъ для себя и для другихъ, и не бережетъ, а беречься отъ него надобно. Подрядчикъ нашъ такъ печки въ Сем. церкви устроилъ, что уже до передѣлки и топить нельзя— а инако храни Богъ! и феіерверкъ послѣдовалъ бы при занятіи Игн Никифоровича [2]).

---

[1]) Этимъ «новымъ инспекторомъ» былъ іеромонахъ *Нилъ Исаковичъ*, воспитанникъ Могилевской д. семинаріи и затѣмъ магистръ С.-Петерб. дух. Акад. выпуска 1825 г.; скончался въ 1874 г.—архіепископомъ Ярославскимъ.

[2]) Подъ «извѣстнымъ законоискусникомъ» нужно разумѣть, конечно, тогдашняго эконома Черниговской духов. семинаріи и члена ея правленія—свящ. *Александра Кирилловича Огіевскаго*, который былъ воспитанникомъ еще старой Кіевской академіи и до преобразованія Черниговской д. семинаріи былъ въ послѣдней *префектомъ* и учителемъ риторики.—«Игнатій же Никифоровичъ»—это былъ тогдашній учитель Черниговъ. д. семинаріи *Пахаревскій*, воспит. С.-Пет. д. акад. выпуска 1821 г., отличавшійся, по словамъ Самчевскаго, «весьма тихимъ характеромъ».

13-го сего мѣсяца выѣхалъ Я. Ив. Охотинъ въ Нижегор. Епарх. вѣдомство. Счасливъ, что хотя до мѣста прогоны получилъ по предписанію начальства [1]. На его должность прибылъ изъ Кіева Янчевскій, питомецъ Черниг. семинаріи, росту высокаго—смирный и добрый, какъ видно [2]. Меня не двигаютъ съ мѣста. Хорошее и нагрѣтое—какъ знаете,—слава убо Богу о всемъ, о явленныхъ и не явленныхъ благодѣяніяхъ, бывшихъ на насъ. А кіевскій ректоръ нынѣ проѣхалъ чрезъ Черниговъ на очередь и съ 14-го на 15-ое ночевалъ у меня. Его должность исправлять велѣно о. Смарагду [3].

Нашъ каѳедр. соборъ попромовался. О. Данилевскій musicus—произведенъ, въ силу отношенія Син. оберъ-прокурора, въ протоіерея на своемъ свящ. мѣстѣ, а X. Jan Pseudomonachus [4]) произведенъ въ намѣстника, въ самый день Богоявленія. О. Ал. Ог. [5]) получилъ новорожденнаго сына, а самъ соборъ 6000--съ прибавкою—оклада.

Здѣсь въ благословенной Малороссіи все тихо, мирно и спокойно, да дастъ Богъ миръ и всему міру,--и возлюбленному

---

1) *Яковъ Иван. Охотинъ*--это былъ товарищъ Самчевскаго по С.-Петерб. дух. академіи, прибывшій вмѣстѣ съ нимъ въ 1823 г. въ Черниговскую семинарію—съ званіемъ профессора словесности. Онъ былъ родомъ изъ г. Арзамаса, нижегор. губ.,—куда и уѣхалъ изъ Чернигова и сдѣлался тамъ священникомъ. Это былъ отецъ нынѣшняго архіепископа Херсонскаго и Одесскаго *Іустина Охотина.*—Самчевскій посвящаетъ характеристикѣ этого своего любимаго товарища много страницъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

2) ***Василій Васил. Янчевскій***, воспитанникъ Кіевской д. академіи вып. 1825 г.,—былъ потомъ протоіереемъ и законоучителемъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.

3) «Кіевскій ректоръ»—это ректоръ Кіевской д. семинаріи архим. *Кириллъ Куницкій.—Смарагдъ Крыжановскій*—инспекторъ Кіевской академіи.

4) Подъ этимъ прозвищемъ былъ тогда извѣстенъ въ Черниговской духовной средѣ—соборный священникъ *Іоаннъ Сулятицкій*, о коемъ говорится ниже.

5) Это—*Алекс. Огіевскій*, о коемъ говорилось выше.

отроку своему, благочестивому Царю нашему вышнюю помощь на покореніе всякаго врага и супостата, да паки кроткій Давидъ обезглавитъ чудовищнаго Голіаѳа, и вѣрные Божіи—гласы преподобными—воспоютъ побѣдную пѣснь Богу, запинающему премудрыхъ міра сего въ неистовомъ коварствѣ ихъ. О семъ намъ келейно и церковно молиться надобно [1]).

Зима здѣсь крѣпкая по снѣгу и морозамъ, я думаю и у васъ не хуже.

Простите! Пребываю вашъ всегда усерднѣйшій слуга и доброжелатель арх. Іеронимъ.

15-го генваря 1826 года. Черниговъ.

Волынское купанье прокрадывается ли и въ тѣхъ странахъ въ монашескія снѣди, яко пружіе, или надобно съ рыбами знаться? Также крепы можно ли безъ труда достать у васъ [2]) и правда ли, что тамъ цымлянское дешевле грибовъ [3])?!

О Козелецкомъ монастырѣ на рапортъ преосвященнаго доселѣ разрѣшенія не получено [4]). Напишите еще люб. о. игуменъ! о своемъ житьѣ-бытьѣ подробно.

2.

Высокопреподобнѣйшій господинъ отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Господѣ братъ!

Благодарю васъ братски усерднѣйше за поздравленіе меня съ Новымъ Годомъ и братскія при семъ случаѣ пожеланія. Я

---

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ о событіяхъ 14-го декабря 1825 г.

[2]) *Крепа*—это матерія для монашескихъ клобуковъ.

[3]) «Цымлянское»—это знаменитое вино—изъ виноградниковъ «Цымлянской Станицы» на Дону, насажденныхъ, по преданію, изъ виноградныхъ лозъ, привезенныхъ изъ Франціи.

[4]) Будучи инспекторомъ Черниговской семинаріи, игум. Филадельфъ былъ вмѣстѣ и настоятелемъ *Козелецкаго Георгіевскаго монастыря*, что въ 5 верстахъ отъ г. Козельца, на рѣкѣ Острѣ.— Послѣ отъѣзда Филадельфа въ Воронежъ,—въ монастырѣ семъ открылась вакансія настоятеля—и тогдашній преосвященный Черниговскій *Лаврентій Бакшевскій* сдѣлалъ въ св. Синодъ представленіе о назначеніи новаго настоятеля.

взаимно и васъ отъ искренняго сердца поздравляю и желаю отъ Господа всѣхъ благъ на пользу вашу.

Дивному положенію обители Дивногорской удивляюсь и похваляю вашу дѣятельность въ объѣздѣ таковыхъ мѣстъ неприступныхъ среди учебнаго года [1]). Берегите здоровье;- такъ и я въ прошломъ году порисковалъ—объѣздилъ многія мѣста, часто даже гостилъ у нихъ *jejuno stomacho* [2]) и не надолзѣ казалось и благополучно,— но за пріѣздомъ едва не заплатилъ за таковое геройство жизнію, чего вамъ никогда не желаю. Felix, quem aliena pericula faciunt cautum [3]).

Съ 21-го по 22-ое ночевалъ у меня новый о. ректоръ академіи Кіевской, Кириллъ, о которомъ я къ вамъ писалъ [4]). Какъ говорили люди, такъ и сдѣлалось—это по пословицѣ, Божіи собаки какъ станутъ неустанно лаять, то кто-нибудь и идетъ. О. Кириллу чреда была легкая,—сказалъ 5 проповѣдей, а навидался и наслыхался при бывшихъ чрезвычайныхъ событіяхъ до воли. Жилъ постоянно у преосвященнаго митрополита Евгенія на Троицкомъ подворьи, вмѣстѣ съ владыкою имѣлъ столъ, чай и часто экипажъ. Подъ его былъ надзоромъ и аппробаціею, не приступенъ для *трапезныхъ* друзей и знакомцевъ, невкусный для *обиралъ*, страшный для завистниковъ. Экзамена на магистра онъ не держалъ и не искалъ сего, получилъ только второклассный Братскій монастырь и ректуру академіи, а псковскій Иннокентій также изъ старыхъ, хлопотавши въ то самое время въ

---

[1]) «Дивногорская обитель»—это *Дивногорскій монастырь*—въ г. Острогожскѣ, воронежской губ. Его, очевидно, посѣщалъ Филадельфъ въ вакаціонное время и описывалъ въ письмѣ къ Іерониму свои отъ него впечатлѣнія.

[2]) «При голодномъ желудкѣ».

[3]) «Счастливъ тотъ, коего дѣлаютъ осторожнымъ чужія опасности».

[4]) Архим. Кириллъ Куницкій—былъ любимецъ Кіевскаго митрополита *Евгенія Болховитинова*, по протекціи коего и вызванъ былъ въ С.-Петербургъ, гдѣ въ то время Евгеній засѣдалъ въ св. Синодѣ.—Кириллъ Куницкій былъ воспитанникъ старой Кіевской академіи и не имѣлъ никакой ученой степени—по ново-академич. уставу.

кадетскомъ корпусѣ, поѣхалъ во своясн въ 3-тьеклассный монастырь съ надеждою [1]). Теперь вызвали на чреду отставленнаго отъ рект. Московской семинаріи Ѳеоктиста, для повѣрки поведенія и налога,—и старичка Іасона изъ Ярославскаго первокласснаго Толгскаго монастыря [2]). Такъ наилучше, какъ Богъ строитъ: не чреда дóрога, а милость Божія, которой я вамъ желаю усердно, и вы мнѣ сего наипаче желайте, естьли любите,—а прочая приложатся намъ.—Представленныхъ къ орденамъ и другимъ отличіямъ, говорятъ, собственною рукою вымаралъ Государь Императоръ до 96 человѣкъ, и якобы впредь ниже сорокалѣтнихъ не велѣно представлять къ отличію,—разумѣется нашихъ духовныхъ.

Вчера гостилъ и обѣдалъ у нашего преосвященнаго и преосвящ. митрополитъ Евгеній, возвращаясь во своясн, по 3-ей просьбѣ [3]). За благословеніемъ являлись и мы съ о. инспекторомъ. Просилъ сидѣть—разговаривалъ на счетъ авкторовъ (*sic*) духовнаго ученія, охуждалъ нерадѣніе о знаніи церковнаго устава и самими учителями онаго, предлагалъ мнѣніе, чтобы заставлять богослововъ по очереди читать апостольскія посланія отрывками на литургіяхъ, какъ церкви обычно есть: мы сказали, что у насъ читаютъ; помолчавъ, откланялись,—сказалъ: благодарю, и мы уѣхали; чрезъ 2 часа послѣ обѣда и онъ уѣхалъ. Послѣ того я еще не былъ у преосв. и не знаю пересказанныхъ отъ митрополита новостей.

О выдачѣ Ивану Федоровичу [4]) кандидатскихъ вашихъ денегъ пришлите на простой бумагѣ краткую въ сем. правленіе

---

[1]) *Иннокентій Сельнокриновъ*—ректоръ Псковской семинаріи. Скоро онъ б. возведенъ въ санъ епископа—викарія Московскаго. Съ 1832 по 1840 г. былъ архіереемъ на Волыни.

[2]) Архим. Ѳеоктистъ *Орловскій*—послѣ «чреды» б. назначенъ въ Боголюбовъ монастырь, владимір. г., гдѣ и скончался въ 1829 г.—Архим. *Іассонъ Никольскій*—тоже не достигъ архіерейства послѣ чреды и возвращенъ въ свой монастырь.

[3]) Митрополитъ кіевскій Евгеній вызванъ былъ въ С.-Петербургъ еще въ декабрѣ 1824 г.—для присутствія въ св. Синодѣ.

[4]) *Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ*—магистръ Московской д. академіи—съ 1820 г. профессоръ Черниговской д. семинаріи,—былъ въ это время и секретаремъ семинарскаго правленія.

просьбу, ибо въ предписаніи академич. правленія слишкомъ, какъ нарочно, пояснено, чтобъ точно препроводить отъ семин. правленія въ семин. правленіе ваше, чтобъ вручить вамъ, и нѣтъ повода изворотъ какой-либо дѣлать, хотя и невинный, но все служба службою, и лучше дѣлать твердо на всякій случай. И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго—на случай и преемника—мнительнаго съ правомъ о. Иринарха, котораго вы знали *съ гарбузомъ* и именемъ Игната Никифоровича [1]).

Сей о. Иринархъ уже во діаконѣхъ и желаетъ, но не знаетъ, когда будетъ преосвященному угодно сказать объ немъ ἄξιος (достоинъ) во іеромонаха. Сей іеродіаконъ весьма рѣдко служить соизволяетъ въ семин. церкви,—когда служитъ, *мормолычетъ*, не хотя ни мало къ обычному тону приспособляться. Страненъ, мраченъ, противорѣчущъ и будетъ, кажется, тяжелый чиновникъ училищнаго правленія, хотя примѣтно сего и алчетъ [2]).

---

[1]) «Игнатій Никифоровичъ» вышеупомянутый учитель *Пахаревскій.* Неудачная женитьба *(гарбузъ)* побудила его принять монашество—съ именемъ *Иринарха.*

[2]) Самчевскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» нѣсколько иначе освѣщаетъ личность Иринарха. «Пахаревскій, во время обученія своего въ академіи и въ продолж. службы своей въ семинаріи, отличался весьма тихимъ характеромъ; онъ былъ бережливъ, воздержанъ, удалялся отъ шумныхъ обществъ и увеселеній, и 30-ти лѣтъ по собственному желанію... поступилъ въ монахи. Преосв. Лаврентій, посвятивъ его въ іеродіаконы, болѣе года держалъ его въ этомъ санѣ; Пахаревскій долженъ былъ діаконствовать въ сослуженіи съ бывшими своими учениками, которые, сдѣлавшись священниками, служили литургію въ семинарской ц—ви, чѣмъ онъ всегда оскорблялся. Однажды, когда я съ нимъ вмѣстѣ былъ у Лаврентія,—послѣдній бранилъ его, называя *медвѣдемъ,* за уклоненіе его отъ общества, какъ будто это качество въ монахѣ заслуживало укоризны. Вслѣдствіе такихъ притѣсненій, Пахаревскій сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, сталъ пить и пилъ даже по посвященіи его въ іеромонахи, отсего на должности инспектора въ Новгородѣ и умеръ. Кто тутъ виноватъ»?.. (См. «*Кіевск. Стар.*» 1894 г. янв., стран. 24).

Антонію Ивановичу, объявивъ мой поклонъ и благословеніе съ его фамиліею [1]), скажите новость, которую мнѣ сообщилъ изъ С.-Петербурга одинъ волынецъ. Преосвященный Стефанъ, подозрѣвая одного ученика своей семинаріи, прозваніемъ Лопуховича, изъ Богословскаго отдѣленія, что якобы имѣетъ переписку съ Кораблиновымъ, послалъ членовъ семин. правленія на квартиру къ нему обыскать, нѣтъ ли писемъ? Сіи писемъ не сыскали, а сыскали какую-то записочку, самую пустую, отъ одного изъ офицеровъ Саратовскаго полка, тамъ квартировавшаго, который офицеръ задолго предъ тѣмъ, яко злоумышленникъ, увезенъ на судъ. Преосвященный завязываетъ дѣло за записочку, пишетъ въ Варшаву къ великому князю, думая, что преступника Лопуховича схватятъ въ Варшаву. Но князь сверхъ чаянія велитъ ученика отправить предъ лице Государя въ С.-Петербургъ. Монархъ распрашиваетъ милостиво мнимаго преступника, велитъ, не смотря на архіерейскія бумаги, взять объясненіе отъ представленнаго, представленный пишетъ отъ избытка сердца, его освобождаютъ изъ-подъ стражи, спрашиваютъ, не хочетъ ли на родину возвратиться, онъ отказывается. Дѣло и объясненіе у царя въ рукахъ. Преступникъ ходитъ по всему граду и проповѣдуетъ о благоутробіи царскомъ, о жестокости и злоупотребленіяхъ волынскаго дух. начальства. Что будетъ далѣе и чѣмъ это окончится, еще отъ проѣзжающихъ не узнано. Просилъ я петербургскаго корреспондента, чтобы увѣдомилъ. Тутъ кому-то грозитъ или носъ, или *штось* [2]).

---

[1]) *Антоній Иван. Собкевичъ,* волынскій уроженецъ, воспитанникъ Кіевской д. академіи 1-го курса (вып. 1823), былъ сослуживцемъ Іеронима въ Волынской д. семинаріи; но, по дѣлу Кораблинова, переведенъ наставникомъ въ Воронежскую д. семинарію.

[2]) Вся эта тирада показываетъ, что Іеронимъ Визерскій не сочувственно относился къ личности прежняго начальника на Волыни— Преосв. *Стефана Романовскаго.*—Предположеніе Іеронима, что преосв. Стефану грозитъ *штось,*—исполнилось. Преосв. Стефанъ скоро (въ ноябрѣ 1828 г.) былъ переведенъ епископомъ въ Вологду.—«Штось» это шутливое старо-академическое бурсацкое извращеніе малорусскаго слова *щось*—что-то).

Будьте здоровы и благополучны! У насъ все по старому. Въ Козелецкомъ монастырѣ вакансія, а мы только ждемъ, желая и вамъ сего. Пребываю усерднѣйшій слуга арх. Іеронимъ.

28 генваря 1827 года. Черниговъ.

Вашъ нынѣ полтавскій Викторъ или *Виктусъ* изъ досады на правленіе, удалившее его туда изъ Нѣжина на покой, отказался отъ пенсіона, называя себя чужестранцемъ. Чѣмъ это кончится, легко знать [1]).

3.

Ваше высокопреподобіе! Любезнѣйшій о Господѣ братъ о. Филадельфъ!

Давно уже долженъ я вамъ отвѣтомъ и отвѣтами на многія пріятнѣйшія письма ваши. Не могъ собраться съ духомъ и, о срамъ, ради всегдашняго здѣшняго единообразія обстоятельствъ нашихъ и хлопотъ, мнѣ, уже притоптанному служивцу, наскучившихъ. Боже мой, Боже! всякій день тоже:—повторять, сближаясь къ старости, не лишнее. Теперь хочу кое-какъ расплатиться—хоть не дукатами, по польской амбиціи, а мѣдными бѣдными.—И у насъ, слава Богу разумовъ, прошедшій курсъ окончился публичнымъ экзаменомъ не не по желанію. Отвѣты были удовлетворительны, публика небольшая, но за то архипастырь сверхъ обыкновенія своего примовилъ—на благодарность ученика отъ имени семинаріи—родъ благороднаго комплимента съ благословеніемъ всѣмъ намъ. Въ академію посланы студенты: П. Крыловскій,

---

[1]) Дѣло идетъ, очевидно, объ архим. *Викторѣ Черняевѣ*, бывшемъ настоятелѣ *Назаретъ-Богородичнаго* монастыря въ г. Нѣжинѣ, черниг. губ. Мы не можемъ привести болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этой интересной личности. Въ «Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей» П. М. Строева (Спб. 1877 г.) сказано, что Викторъ Черняевъ въ 1823 году отъ настоятельства *отставленъ*, а въ 1827 г. *уѣхалъ за границу*. (См. стран. 522-ю).

Иванъ Чернявскій и Николай Митькевичъ,—охотно, и безъ малѣйшаго безпокойствія отправились съ миромъ и благословеніемъ [1]).

Вакаціями пользуясь, мы съ отцемъ инспекторомъ Ниломъ и библіотекаремъ Иринархомъ ѣздили въ Домницу къ о. архим. Іову въ гости [2]). Застали *крутаго ангела* [3]); какъ водится, обрѣли безквасіе, безналивочность и другое сему соотвѣтствіе, но, впрочемъ, день прожили не худо и горлы не были сухи, ибо о. Цукровскій, сѣющій щедро *при пути*, не допустилъ до сего. Возвратились благополучно, но моимъ молодымъ спутникамъ мѣстоположеніе Домницы и житье весьма не понравилось.—Къ концу вакацій послѣднихъ чиселъ августа съ о. инсп. Ниломъ ѣздили мы вдвоемъ въ Нѣжинъ. Здѣсь у о. архим. Евгенія [4]) гостили не худо, хотя то чай былъ *весьма* греческій и ромъ *Волынско-рабиновскій,* сирѣчь уніятъ невкусный. Зато при концѣ сдѣлалось лучше—и мы открыли у нихъ въ лавкахъ [5]) въ продажѣ то, чего они—жители—не знали и говорили, что сыскать неможно. Это можетъ и вамъ въ проѣздахъ вашихъ случиться. Обѣдали также однажды у игуменьи [6]) скорымъ пріемомъ, но бабскіе

---

[1]) Указанные три студента вошли въ составъ *пятаго курса* Кіевской д. академіи (1827—1831 гг.). *Павелъ Алексѣев. Крыловскій*, по оконч. акад. курса,—былъ впосл. законоучителемъ Новгородъ-Сѣверской гимн., гдѣ и сконч. 10 іюня 1858 г.—*Николай Васильевичъ Миткевичъ*—принялъ монашество съ именемъ *Григорія* и сконч. въ санѣ архіепископа Калужскаго—въ 1881 г. *Чернявскій* же выбылъ изъ академіи во время ученія и судьба его намъ неизвѣстна.

[2]) Архим. *Іовъ Куроцкій* былъ настоятелемъ Домницкаго (или Думницкаго) монастыря, черниг. г., съ 1823 г. по 1832 г.

[3]) Чтó, или кого-нужно разумѣть подъ *крутымъ Ангеломъ,*—не знаемъ. Вѣроятно—это прозвище ниже упоминаемаго *о. Цукровскаго.*

[4]) Архим. *Евгеній Прозоровъ* былъ настоятелемъ Нѣжинскаго *Назаретъ-Богородичнаго* монастыря съ 1823 по 1830 г.—24 іюня 1824 г. онъ торжественно освящалъ ново-устроенную церковь при Нѣжинской «Гимназіи Высшихъ Наукъ».

[5]) Разумѣются, конечно, лавки, помѣщавшіяся въ зданіяхъ, принадлежащихъ самому монастырю.

[6]) Въ Нѣжинѣ есть и женскій *Введенскій* монастырь.

взаимные упреки и переговоры худо приправляли пріемъ ихъ.— Въ Веркѣевкѣ [1]) у о. Грицепка—и туда и назадъ было хорошо, а за 30 верстъ отъ Чернигова подъ Кулиновкою задняя желѣзная ось въ коляскѣ треснула, ударились о полы; заѣхали въ село къ священнику, разыскали, сыскали кибиточку русскую подъ рогожею и инкогнито всунулись подъ вечеръ въ семинарію сякъ такъ, а оттуда я возвратился въ монастырь вытребованною каретою. Таково-то бываетъ въ пути, какъ и въ жизни!

Молебенъ у насъ отпѣтъ предъ начатіемъ ученія 12-го числа, а 13-го сего сентября, какъ я удостовѣрился предъ Воздвиженіемъ Креста Господня, который, какъ церковная исторія говоритъ, заброшенъ былъ и обрѣтенъ послѣ вѣрными—благочестивыми,—владыка нашъ представилъ къ награжденію св. Синоду трехъ епархіи своей чиновниковъ съ прописаніемъ службы долговременной, гдѣ помѣщенъ и извѣстный вамъ ректоръ семинаріи [2]), о которомъ вы, по усердію своему, какъ писали, у добрыхъ людей добрыми словами христіански интересовались. Теперь прошу отъ васъ братнихъ молитвъ и благожеланія—помяните, яко вси подъ эпитиміями есьмы, и не забудьте гдѣ знаете, какъ прилично, съ христіанскою простотою и мудростію, замолвить паки письмами доброе слово. Есть ли есть любовь братняя, то много учить ненадобно, и *bonum* будетъ сдѣлано, и *bene* [3]). И узрятъ нищіе и возвеселятся, яко Богъ помоглъ и утѣшилъ ны есть. Давно уже въ сей семинаріи увѣнчаніе начальниковъ праздновали, какъ сами знаете.

О. Нила съ утвержденія преосвящен. представили мы по порядку къ магистерской степени. Г. Мерцаловъ изъ новаго дома

---

[1]) Село *Веркѣевка*—вблизи Нѣжина—одно изъ имѣній графа *Александра Григ. Кушелева-Безбородка*, доходы съ котораго шли на первоначальное устройство знаменитой «Гимназіи Высшихъ Наукъ» въ Нѣжинѣ, давшей образованіе Гоголю...

[2]) Т. е. самъ авторъ письма, архим. Іеронимъ.

[3]) Т. е. будетъ сдѣлано *доброе дѣло*—и *добрымъ способомъ*—или кратче—по-малорусски: *добрó* и *дóбре*.

ходить въ семинарію по старому. X. Jan Сулятицкій [1]) совсѣмъ потерялся, прибилъ въ пьянствѣ мать свою, сосланъ въ Домницу на годичную эпитимію и тамъ не исправляется, а срамитъ самъ и безпокоитъ всѣхъ неистовыми поступками. Сынъ его принятъ въ бурсу, а мать съ дочерью предана сердолюбію попечительства о бѣдныхъ. Мѣста его просилъ Ос. Ак. Самчевскій и получилъ отказъ за молодостію къ присутствію въ дикастеріи.—Иванъ Федоровичъ надѣется получить мѣсто при Нѣжинской гимназіи законоучителя; директоръ Ясновскій обѣщаетъ, но еще мало успѣха [2]). Петръ Хрисанѳичъ вдовствуетъ еще, и бываетъ иногда у меня и въ семинаріи. Привыкаетъ и живетъ кое-какъ.—Изъ Кіева о. ректоръ Кириллъ писалъ ко мнѣ о бывшихъ своихъ экзаменахъ и прочемъ подобномъ,—особенно любопытнаго ничего нѣтъ. Евгеній [3]) копается въ древностяхъ, а прочее идетъ своимъ порядкомъ.—Служащіе въ Астраханской семинаріи и въ Могилевской въ письмахъ къ о. Нилу жалуются на новыхъ своихъ меценатовъ и стонутъ отъ грубости ихъ [4]), а Вятскіе и Нижегородскіе

---

1) Это—тотъ самый, упомянутый выше, соборный священникъ *Іоаннъ Сулятицкій*, котораго въ шутку прозывали: «X. Jan pseudomonachus».—Букву X здѣсь, какъ и выше, нужно читать не какъ русскую, а какъ польскую,—и она, конечно, означаетъ здѣсь «Xiądz»—*ксёндзъ*.

2) *Данило Емельяновичъ Ясновскій* былъ директоромъ Нѣжинской гимназіи послѣ Орлая—съ 1826 г. по 1835 г. По его представленію, *Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ*, дѣйствительно, въ 1829 г. опредѣленъ былъ законоучителемъ «Нѣжинской Гимназіи Высшихъ наукъ князя Безбородко» и назначенъ настоятелемъ Александровской при ней церкви, для чего и посвященъ былъ въ томъ же 1829 г. во священника.—Служилъ онъ при этой гимназіи и въ лицеѣ свыше 30-ти лѣтъ—до 1860 г.—Скончался въ Нѣжинѣ 12 авг. 1868 г.—на 75 году жизни. (См. его краткую біографію въ книгѣ: «Лицей князя Безбородко»—Спб. 1881 г,, стр. 284—286-я).

3) Т. е. митрополитъ Кіевскій Евгеній.

4) Этими «меценатами» были: въ Астрахани—архіеп. *Павелъ Саббатовскій*, а въ Могилевѣ—архіеп. *Павелъ Моревъ-Павловъ*, оба изъ старинныхъ воспитанниковъ.

благословляютъ судьбу свою подъ учеными пастырями [1]). У насъ хоть не мудро, но, право, жить спокойно и надо Бога благодарить. Будьте здоровы и благополучны. Пребываю покорный и усердный слуга арх. Іеронимъ.

23 сент. 1827 г. Черниговъ.

Дѣло о замотанныхъ прежде еще деньгахъ по дикастеріи не упразднено манифестомъ всемил.—Теперь прислано къ разсмотрѣнію епархіальн. начальства и разложенію денегъ на бывшихъ присутствующихъ. Здѣсь и Екатериносл. архіерей замѣшанъ [2]). Экономъ архіерейскаго дома Антоній сдѣланъ Козелецкимъ игуменомъ. Живетъ при домѣ и описалъ казначея Кипріяна и другихъ. Теперь они подъ судомъ и въ бѣдѣ...

Думали ли вы, чтобы архіер. казначей Филаретъ, молодой, веселый и здоровый, опередилъ смертію всѣхъ тамошнихъ стариковъ? Такъ точно сдѣлалось въ половинѣ іюля; наѣлся вишенъ съ косточками, заболѣлъ и умеръ, а старики все живутъ по прежнему.

Охотинъ уже священникомъ въ Арзамасѣ, хвалится очень милостію преосв. Аѳанасія.

4.

Ваше высокопреподобіе, любезнѣйшій о Христѣ Господѣ братъ, о. архимандритъ Филадельфъ!

Наконецъ я, съ помощію Божіею, прибылъ въ свою Свіяжскую обитель прошедшаго маія 28 числа благополучно. Сблизился къ

---

[1]) Въ Вяткѣ въ это время былъ архіереемъ преосв. *Кириллъ Богословскій-Платоновъ*, а въ Нижнемъ-Новгородѣ—преосв. *Аѳанасій Протопоповъ*—оба воспитанники 1-го курса ново-преобразованной С.-Петербургской д. академіи—и товарищи Филадельфа.

[2]) Преосв. *Ѳеофилъ Татарскій*, епископъ Екатеринославскій, бывшій съ 1813 года нѣсколько лѣтъ ректоромъ Черниговской д. семинаріи и членомъ Черниговской д. *дикастеріи* (консисторіи).

обители ночью, и хотѣлъ въѣхать не безпокоя ни другихъ, ни себя, но нѣкто скоро—проѣзжій чиновникъ, замѣтивъ меня и опередивъ, пустилъ слухъ въ городѣ, что я буду скоро. Встрѣтили меня у св. вратъ съ духовною церемоніею—и я долженъ былъ покориться и итти въ церковь, какъ прилично, уже въ 11 часу ночи. Но все содѣлалось, слава Богу, благополучно, и слова мои привѣтственныя пали на землю благу.

Монастырь сей, по наружности, прекрасный и не безъ причины поставленъ выше Донскаго [1]). Фасадъ церкви и колокольни—отмѣнный, зданія огромныя подъ палевою краскою. Ограда вокругъ, какъ Кремль вашъ, но красивѣе, ибо палевого цвѣта и безъ трещинъ; крыши крашенныя и большею частію желѣзныя; верхи церквей зеленые,—снаружи картина, при высокихъ внутри деревахъ, коихъ верхушки издали показываются, какъ Лавра какая,—палевый цвѣтъ очень ее отъ обыкновенныхъ закоптѣлыхъ старыхъ монастырей отличаетъ. Но внутри присмотрѣвшись, во многихъ мѣстахъ увидишь правду словъ пр. Діонисія [2]). Мусору пропасть по мѣстамъ, согнившихъ ступеньковъ по крыльцамъ вокругъ церкви много,—окошки индѣ безъ цѣли почти и двери выломаны, какъ-бы кто въ горячкѣ хозяйствовалъ,—а сады и слѣдовъ не имѣютъ бывшаго старанія.

Церковь внутри украшена старинною живописью, и благолѣпія особеннаго нѣтъ. При томъ и тѣсно въ атарѣ, ризница средственная. Митра первая называется *Іеронимовская*: вырѣзано на обручѣ: «исправлена настоятелемъ архиманъритомъ Іеронимомъ» [3]). Вотъ судьбы Божіи! И я въ этой митрѣ въ недѣлю

---

[1]) Т. е. *Донского Богородичнаго*—первоклассваго въ Москвѣ, гдѣ въ это время уже былъ Филадельфъ.

[2]) Преосвящ. *Діонисій Цвѣтаевъ*, бывшій епископъ Пермскій, жилъ въ это время въ Москвѣ—на покоѣ и былъ пріятелемъ архим. Филадельфа и Іеронима.

[3]) *Іеронимъ Формаковскій*—былъ настоятелемъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря съ 1767 г. по 1770 г., а затѣмъ посвященъ былъ во епископа Владимірскаго и Муромскаго. Скончт. 3 авг. 1783 г.

всѣхъ святыхъ служилъ уже; благодарю Бога! Церквей особо есть до 4-хъ,—но вездѣ нужны обновленіе и исправленіе.

Сокровища: единственное и превеліе: мощи св. Германа, ибо—св. Гурія и Варсонофія, бывшія въ Казанскомъ каѳедральномъ соборѣ и въ Спасскомъ монастырѣ, давно уже отъ пожарей *(sic)* истреблены и только малые ихъ. остатки тамо въ ракахъ находятся. Хотя Волга нынѣ отъ Свіяжска въ 2-хъ верстахъ, но и сухопутные прохожіе къ мощамъ св. усердствуя приходятъ—и кружка не можно сказать, чтобъ была бѣдная,—все, говорятъ, настоятелю около тысячи придетъ, а иногда и меньше; но предмѣстникъ мой получалъ, говорятъ, какъ хотѣлъ, болѣе любя умноженіе, нежели дѣленіе, чѣмъ были много притѣснены подчиненные, и не знали настоящей своей и его части [1]).

Теперь есть на лицо денегъ тыс. до 10-ти, а на долгахъ до 12-ти. Мельница отдается не за 14 тысячъ, какъ гласили бубны за горами, но за 7-мь тысяч., а рыбныя ловли за полторы тысячи; изъ сихъ получать третью часть настоятелю, какъ признаютъ, никто никогда не препятствовалъ, и даже не вникали, не больше ли онъ получаетъ. Настоятели управлялись, какъ хотѣли, а особливо послѣдній. Но вообразите, былъ изъ Питера, со свѣтскимъ тономъ, но даже одной кареты не исправилъ [2]). Есть колясочка, да бричка Адамовская, и мнѣ, какъ послѣ Черниговскаго Мелетія, и здѣсь придется покупать. Лошади средственныя—также къ Мелетіевскимъ прямо смотрятъ, но еще неблизко всмотрѣлись—и покупать надобно [3]).

---

[1]) Предмѣстникомъ Іеронима Визерскаго въ Свіяжскомъ монастырѣ былъ архим. *Израиль Звягинцевъ*—съ 1808 г. по 1829 г., когда здѣсь же скончался.

[2]) Архим. Израиль до назначенія въ Свіяжскъ былъ настоятелемъ Троицко-Сергіевской пустыни—что въ 10-ти верстахъ отъ Петергофа.

[3]) Предшественникомъ Іеронима по настоятельству въ *Черниговскомъ Елецкомъ Успенскомъ монастырѣ*, а равно и по ректурѣ въ Черниговской д. семинаріи,—былъ архим. *Мелетій Носковъ*, воспитанникъ и затѣмъ префектъ старой Кіевской академіи съ 1814 по

Братія средственная—человѣкъ до 30-ти, и содержаніе по здѣшней дешевизнѣ и довольству на хорошую рыбу имѣютъ хорошее. Іеродіаконовъ только два и есть нужда при служеніи, особливо по церемоніямъ близкомъ къ архіерейскому. Дополняютъ одѣвающіеся въ стихарь церковники и ученики здѣсь помѣщающагося уѣзднаго училища; сіи послѣдніе и пѣвческую составляютъ довольно приличную.

Теперь ознакомляюсь съ монастыремъ и тихонько все за прежнимъ житьемъ и людьми добрыми грустно. Чтожъ дѣлать? Такова наша жизнь, такъ Богу угодно. Я еще не могъ явиться и къ здѣшнему владыкѣ [1]). Онъ съ 20 маія уѣхалъ въ Симбирскъ и дальше по епархіи и возвратится, говорятъ, чрезъ Свіяжскъ развѣ около 21 іюня. Тогда предстану и побываю уже и въ Казани, а велѣлъ тамъ для пріѣзда на подворьи монастырскомъ, отдаемомъ въ наемъ за 800 р., обдѣлать для себя комнаты. Вотъ вамъ и подробности моего странничества! Напишите, прошу васъ, какъ вы живете и что у васъ добраго и пріятнаго слышно? Чрезъ сего подателя можете подать кучу писемъ въ Черниговъ. Я никогда не забуду вашей братской привязанности, нынѣ въ Москвѣ дознанной. Да утѣшитъ васъ Господь по благому желанію вашему и далъ бы намъ Господь взаимные способы соутѣшаться милостію Божіею о насъ.

Здѣсь люди учтивые; являлись ко мнѣ, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, съ почтеніемъ; и у помѣщицы одной статск. совѣтницы, доброй сосѣдки, былъ вчера. У нея прекрасный садъ и оранжерея. Очень усердно приняла и обѣщала всѣмъ по воз-

---

1817 г.—На ректуру въ Черниговъ опредѣленъ въ 1818 г., а въ 1822 г. переведенъ въ Волынскую д. семинарію—на мѣсто Іеронима Визерскаго.—Въ 1824 г. былъ уволенъ въ число братіи Кіево-Печерской Лавры, гдѣ и скончался въ 1851 г.

[1]) Этимъ владыкою былъ архіеп. *Филаретъ Амфитеатровъ*, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій.—Къ Казанской епархіи принадлежала тогда и территорія нынѣшней Симбирской епархіи—и Казанскій архипастырь именовался тогда *Казанскимъ и Симбирскимъ*.

можности обители прислуживать. Она же монастырю и деньги должна. Ratio sufficiens [1]).

Какова была новосовершившаяся хиротонія [2]) и явка ваша: jacendo, tacendo, petendo ко владыкѣ? Эй страшно! да нужно! [3]) Новый епископъ—добрый, думаю, человѣкъ, да дастъ ему Господь помощь Свою! [4])

Что со мною здѣсь далѣе явитъ Господь, напишу, а вы свое теперь напишите. Москва—не Свіяжскъ. Будьте здоровы и счастливы Богомъ.

Пребываю съ извѣстною и постоянною преданностію и почтеніемъ вашъ усерднѣйшій братъ и слуга А. Іеронимъ.

6-го іюня 1830 года. Свіяжскъ.

5.

Любезнѣйшій о Христѣ Господѣ братъ, отецъ архимандритъ Филадельфъ!

Христосъ воскресе!

Миръ вамъ о Господѣ и мое братское цѣлованіе! Письмо ваше въ минувшемъ августѣ получилъ я съ удовольствіемъ и читалъ оное многократно, похваляя и благодаря за усердную обстоятельность и откровенность. За лѣность и коснѣніе я не въ претензіи, а паче когда нѣтъ чего сообщить, и мертвая монотонія обстоятельствъ не даетъ ни духа, ни пера къ писанію.

---

[1]) Т. е.: «Довлѣющая причина!»

[2]) Здѣсь разумѣется совершившаяся въ Москвѣ хиротонія во епископа Дмитровскаго, викарія митрополіи Московской, выше упомянутаго архим. *Иннокентія Сельнокринова.*

[3]) Филадельфъ, перемѣщенный въ Москву, долженъ былъ являться къ *страшному* тогда для всѣхъ ученыхъ монаховъ Московскому митрополиту *Филарету Дроздову.* Явка должна была быть, конечно, сопровождаема *лежаніемъ* у ногъ грознаго святителя, и *молчаливымъ прошеніемъ* о снисхожденіи...

[4]) Т. е. упомянутый *Иннокентій Сельнокриновъ.*

Нынѣ обстоятельства Московскаго горизонта запестрились перемѣнами, и вашъ откровенный геній имѣетъ матерію къ соображенію отъ избытка малороссійской нашей простодушной говорливости, которую и добрые русскіе за благо пріемлютъ, будучи не сродны съ успѣхомъ подражать оной.

Я, благодаря Творца, обживаюсь здѣсь довольно успѣшно, познакомился со многими и пользуюсь взаимною любовію знаемыхъ, какъ и въ Малороссіи. Запущенную было о. Израилемъ обитель Свіяжскую уже, съ помощію Божіею, при довольныхъ способахъ, довольно поправилъ и украсилъ, и стали люди добрые хвалить и изъявлять усердіе. Владыка здѣшній—добрѣйшій и въ истинномъ духѣ пастырь, меня-старца *шануетъ*, обращается братски откровенно, и хотя я сдѣланъ благочиннымъ и присутствующимъ, но живу въ Казани, когда и сколько хочу, и по малороссійски съ нимъ, при благомъ времени, подшучиваю [1]). Теперь получилъ 6-го маія архипастырь нашъ брилліантовый крестъ на клобукъ отъ царя съ лестнымъ рескриптомъ. Весьма радъ онъ самъ украшеніемъ, да и получилъ достойно. Окрестилъ до 2-хъ тысячъ чувашъ (ибо татары непреклонны) и еще на дняхъ уѣхалъ въ

---

[1]) Преосв. *Филаретъ Амфитеатровъ*, будучи и митрополитомъ Кіевскимъ,—*любилъ малорусскій языкъ.* Такъ, когда въ «Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ» начальница хотѣла было перемѣнить тамошняго законоучителя протоіерея *Никиту Дашкевича* за то, что онъ, какъ истый украинецъ, выражался иногда—въ обращеніи съ сослуживцами и воспитанницами—обычнымъ малорусскимъ языкомъ,—то митрополитъ Филаретъ сказалъ: «Экой вѣдь этотъ людъ женскій—капризный и прихотливый! Вотъ изволь ты для нихъ хоть переродиться! Не нравится, видишь, имъ говоръ малороссійскій... Какой-же имъ больно хотѣлось бы слышать... Небось лучше бы нравился имъ, пожалуй, въ родѣ польскаго *пршипршиканья...* Напротивъ, языкъ-то малороссійскій во многомъ близокъ къ церковно-славянскому, да и въ выраженіяхъ онъ—сжатый, но многосодержательный»... И не согласился приснопамятный старецъ-митрополитъ на увольненіе протоіер. Дашкевича изъ института... (См. соч. архим. *Сергія Василевскаго:* «Высокопр. Филаретъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій и его время» Казань, 1888 г., т III, стр. 264).

сызранскій уѣздъ до 9-ти сотъ крестить, а другіе св. владыки до него и не помышляли о томъ и даже не являли себя чувашскому мірови. Вамъ на мое объявленіе посылаетъ свое благословеніе. Шалости академическія назвалъ *дѣтскими* и не стоющими памятованія, ибо многіе изъ тогдашнихъ шалуновъ нынѣ сдѣлались важными и почтенными людьми. Онъ же разсудителенъ и духа прямо христіанскаго [1]).

Отъ 5-го апрѣля писали ко мнѣ изъ С.-Петербурга, что владыка Черниговскій Лаврентій уволенъ съ 3-мя тысячами на покой въ Переяславскій Даниловъ монастырь [2]), на его мѣсто переведенъ Курскій преосв. Владиміръ, довольно мнѣ на чредѣ извѣстный, и также слабаго здоровья, хотя добрѣйшій человѣкъ [3]), а въ Курскую переведенъ якобы вашъ преосв. викарій Иннокентій [4]); кто же будетъ на его мѣстѣ, еще, какъ писали, не извѣстно, но въ Казани уже гласятъ, что якобы утвержденъ товарищъ мой по чредѣ, о. архимандритъ Николай, Тамбовскій ректоръ. Дай Боже! [5]) Пора и ему обрѣсти искомое и желаемое. Онъ лѣтами меня моложе (ибо имѣетъ, какъ говорятъ, около 45

---

[1]) Въ бытность Филадельфа въ 1-мъ курсѣ С.-Петербургской академіи, Филаретъ Амфитеатровъ былъ нѣкоторое время *инспекторомъ* этой академіи...

[2]) Архіеписк. черниговскій *Лаврентій Бакшевскій* уволенъ на покой 14 марта 1831 г.; жилъ въ Переяславскомъ Даниловѣ монастырѣ до самой своей кончины, послѣдовавшей 17-го декабря 1837 года.

[3]) Преосв. *Владиміръ Ужинскій* былъ архіепископомъ черниговскимъ съ 1831 г. по 1836 г., когда перемѣщенъ былъ на Казанскую каѳедру.—Въ Казани святительствовалъ до 1848 г., когда уволенъ былъ на покой—въ тотъ именно монастырь *Свіяжскій Богородичный*, гдѣ настоятельствовалъ нѣкогда *Іеронимъ Визерскій*. Сконч. здѣсь 16 дек. 1855 г.

[4]) Дѣйствительно, *Иннокентій Сельнокриновъ* былъ назначенъ въ Курскъ.

[5]) Это дѣйствительно и произошло: архим. *Николай Соколовъ* былъ хиротонисанъ во епископа Дмитровскаго, викарія московскаго, 8 мая 1831 г.

лѣтъ) и кончилъ ученіе въ 1808-мъ году,—но подвигами самоотверженія чуть ли не гораздо старше. Былъ учителемъ въ Калужской и Тамбовской семинаріяхъ двукратно, да еще, quod summa rei[1]), не будучи сибирякомъ, былъ пихнутъ въ Иркутскъ, и былъ тамъ ректоромъ четыре годы, какъ слышалъ я отъ безпристрастныхъ людей, съ похвалою отличною противъ прочихъ бывшихъ ректоровъ и настоятелей низкаго классомъ, но высокаго богатствомъ мощей св. Иннокентія и жертвами любезнаго усердія, монастыря[2]). За то и вывезъ оттуда не по нашему и вездѣ, гдѣ могъ щель сдѣлать дверью. Безъ бороды, но сметливъ по мірски. Онъ не воевалъ проповѣдью слова Божія на чредѣ, но всѣмъ вся былъ, чтобы свое пріобрѣсти. Только у вашего справедливѣйшаго владыки мы оба на одни двери ходимъ,—и теперь предлежитъ о. Николаю сдѣлать себѣ у него репутацію истинно святыми качествами. Да поможетъ ему Господь даромъ немощная наша врачующей благодати своей. Прошу увѣдомить меня объ опредѣлительностяхъ сего событія. Мы съ о. Николаемъ жили согласнѣйше, и другъ друга тяготы и недостатки сносили, и—слава Богу, не подали ни малѣйшаго повода къ оговоркѣ, часто даже на одномъ стулѣ въ церкви сидѣли къ удивленію всѣхъ,—хотя-то тайно и сокровенно неодинаково было обоихъ дѣйствіе. Характеръ малороссійскій обыкновенно, а паче въ пожилыхъ лѣтахъ, простъ, а кто захватитъ сибирской хитрости, того не проведешь; онъ и въ словѣ и въ дѣлѣ если не самъ ловитъ, то, по крайней мѣрѣ, увертывается отъ уловки возможной. Но Богъ воздаетъ всякому по мѣрѣ. Конецъ дѣло хвалитъ.

---

[1]) «Что составляетъ сущность дѣла».

[2]) Архим. Николай Соколовъ былъ настоятелемъ Иркутскаго *Вознесенскаго* монастыря съ 1822 г. по 1826 г. До 1836 г. этотъ монастырь былъ *третьеклассньмъ*. Въ немъ съ 1805 г. почиваютъ мощи св. *Иннокентія Кульчицкаго*, воспитанника Кіевской академіи и перваго архипастыря Иркутскаго, скончавшагося 1731 г. 26 ноября и погребеннаго въ этомъ же Вознесенскомъ монастырѣ. Послѣдній въ 1836 г. обращенъ въ *первоклассный*.

Самъ владыка св. скоро ли уѣдетъ въ св. Синодъ[1])? Его присутствіе тамъ драгоцѣнно для истины, ничему не приступной. Также—не былъ ли уже переѣздомъ въ Москвѣ преосв. Лаврентій и являлись ли вы къ нему? Прошу, запретивъ на сей разъ именемъ Божіимъ всякой лѣности, скорѣе братски прошу отвѣтное написать ко мнѣ—съ объявленіемъ всѣхъ новыхъ московско-іераршескихъ обстоятельствъ.—Изъ Чернигова имѣли проводить стараго владыку 1-го маія, и новаго встрѣтить 15 маія, но не знаю, какъ случилось.

Будьте здоровы, желаю вамъ отъ Господа благодати и милости.

Вашъ покорнѣйшій братъ и слуга о. Іеронимъ.

25 маія 1831 года. Свіяжскъ.

Въ жизни, не какъ въ училищной борьбѣ,—здѣсь мѣстныя и неизвѣстныя обстоятельства много берутъ. Посмотрите теперь и на своихъ первокурсныхъ,—иной и магистръ высокій, но еще за облако хватается[2]), а иной и кандидатъ, да уже въ *Костромѣ*[3]); иной членъ Синода[4]), а другой—и не семинарскаго правленія. Суета и произволеніе духа! Едино есть на потребу.

---

[1]) Т. е. митрополитъ московскій *Филаретъ Дроздовъ*. Его давно съ нетерпѣніемъ ждали въ Петербургѣ—для присутствія въ св. Синодѣ—и тогдашній оберъ-прокуроръ Синода С. Д. Нечаевъ все понукивалъ его скорѣе собираться въ путь. (См. книгу: «Переписка м. Филарета съ С. Д. Нечаевымъ» Спб. 1895 г.). Но холера и другія обстоятельства задержали его въ Москвѣ—и только къ концу сентября 1831 г. Филаретъ пріѣхалъ въ С.-Петерб.

[2]) Намёкъ на товарища Филадельфоваго—архимандрита *Поликарпа Гойтанникова*, доктора богословія и съ 1824 г. ректора Московской д. академіи. Къ нему не благоволилъ моск. митр. Филаретъ—и о. Поликарпъ такъ и недождался архіерейства...

[3]) Разумѣется *Павелъ Подлипскій*, тоже товарищъ Филадельфа, съ 26 мая 1830 г. уже *епископъ Костромской*.—Съ 1836 г. по 1859 онъ былъ архіеписк. *Черниговскимъ*, а затѣмъ уволенъ на покой и сконч. 27 ноября 1861 г.

[4]) Разумѣется *Григорій Постниковъ*, тоже товарищъ Филадельфа,—любимецъ митроп. московъ. Филарета, въ это время уже *архіепископъ Тверской* и еще съ марта 1829 г. членъ св. Синода...

Въ Черниговѣ до 1-го маія ради холернаго страха не учили и не учились. Живутъ всяко кое-какъ, ублажаютъ прошедшее *по-стариковски*. А я и здѣсь обрусѣлъ—слава Богу.

Посланъ ли кто ревизоромъ на Волынь или нѣтъ? Тамъ, какъ пишутъ уроженцы изъ Питера, племянники берутъ, да побираютъ [1]), а отъ каждаго причта привозятъ якобы благочинные явно по..... [2]) и открыто.

Каково теперь живутъ ваши *Полтавцы*? Хвалятся ли новымъ владыкою или нѣтъ [3])?—Архіерейство лестно, но не легко. Надо ума, терпѣнія и труда,—и плакать стыдно.

6.

Любезнѣйшій о Христѣ Господѣ братъ, о. архимандритъ и ректоръ Филадельфъ!

Давно, давно уже не бесѣдуемъ мы съ вами! Я еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ получилъ всепріятнѣйшее письмо ваше, и благодарилъ Бога, по охотѣ и лѣтамъ вашимъ паки васъ на ученое поприще призвавшаго, но не отвѣчалъ доселѣ—почему? и самъ не знаю почему. И вы и каждый знаетъ, что при всемъ усердіи и любви, не всегда человѣкъ готовъ и склоненъ бываетъ какъ къ словесной, такъ и письменной бесѣдѣ. Таковы мы всѣ, если не притворяемся, таковъ составъ нашъ, таково естественное устроеніе души и тѣла нашего.

Ваше описаніе страны той—любопытно [4]). Я сообщалъ оное на словахъ какъ владыкѣ здѣшнему, такъ и другимъ моимъ со-

---

[1]) Т. е. племянники тогдашняго епископа волынскаго *Амвросія Mópeвa*, правившаго Волынью съ 1828 г. по 1832 г.

[2]) Не разобрано слово.

[3]) Этимъ «новымъ владыкою» былъ преосв., *Наѳанаилъ Павловскій*, управлявшій Полтавскою епархіею съ 1830 по 1834 г.

[4]) Т. е. описаніе Бессарабіи и Кишинева, куда Филадельфъ назначенъ былъ изъ Москвы ректоромъ Кишиневской д. семинаріи.

бесѣдникамъ, какъ на словахъ, такъ и на письмѣ. Кушайте во здравіе какъ мидии [1]), такъ и стридіи и кулбахи [2]), и поздравляю васъ, что живете въ странѣ, чуждой предразсудковъ касательно снѣдей, запиваете цѣльнымъ и чистымъ виноградпымъ, но не худо припоминать и монашеское воздержаніе среди самыхъ невоздержнѣйшихъ обстоятельствъ, и что я говорю—не худо? весьма нужно и весьма полезно; ибо *ветхій нашъ человѣкъ*, утывъ, утолстѣвъ, разширѣвъ, можетъ расторгнуть всѣ оплоты, и довести насъ первое до нравственнаго, а послѣ, какъ обыкновенно бываетъ, и до физическаго ничтожества, отъ чего да сохранитъ насъ Господь, просвѣщеніе и Спаситель нашъ, и Пречистая Его Матерь, покровъ и заступленіе наше въ жизни и по смерти [3]). Какъ далѣе живете? Каковъ къ вамъ владыка? [4]) и есть ли знакомые добрые люди изъ свѣтскихъ и духовныхъ? Каковъ монастырь

---

[1]) *Мйдіи*—это устрицы въ черепашкахъ (въ «скóпкахъ»)... При морскомъ волненіи, мальчишки собираютъ ихъ на берегу цѣлыми тысячами. Изъ нихъ приготовляется кушанье *пиля́въ*, особенно любимое греками и молдаванами (по-молдавски: *пиля́въ ку-ми́ди)*. Замѣтимъ, что въ то время приморская Одесса принадлежала къ Кишиневу—въ епархіальномъ отношеніи.

[2]) *Стрйдіи*—устрицы, приготовленныя съ лимономъ—кушанье, коимъ восторгаются мѣстные жители.—*Кульба́хи*—пирогѝ съ свѣжей капустой, очень вкусны.

[3]) Все это писано было къ Филадельфу въ чисто *пророческомъ духѣ*... Обиліе и дешевизна въ Бессарабіи прекраснаго вина—особенно въ то старое время—увлекли съ прямой дороги не одного попадавшаго туда *ученаго монаха*, да и не монахв только, а и изъ свѣтскихъ семинарскихъ наставниковъ... Послѣ Филадельфа въ Кишиневѣ вынужденъ былъ уйти на покой и преемникъ его по ректурѣ въ духовной семинаріи архим. *Тихонъ Солнцевъ*, воспитан. Кіевской академіи выпуска 1837 г...

[4]) «Владыкою» въ то время въ Кишиневѣ былъ архіеп. *Димитрій Сулима*, по матери родной дѣдъ извѣстнаго малорусскаго общественнаго дѣятеля *Алексѣя Алекс. Андріевскаго*,—личность въ исторіи Бессарабіи весьма замѣчательная.

вашъ по людямъ и выгодамъ [1]) и какъ вамъ нравится страна та противъ прочихъ, гдѣ жили вы? Написать въ отвѣтномъ прошу.

А я вамъ откровенно пишу по братски, что я живу нынѣ, милостію Божіею и начальства, съ строгимъ или милостивымъ намѣреніемъ сюда меня послѣ чреды пославшаго, какъ въ земномъ странствіи полагать, преблагополучно. Монастырь мой, теперь много обстроенный послѣ 20-тилѣтняго опущенія, и памятникомъ мнѣ будетъ служить, и есть уже и не бурное пристанище, и, 'такъ сказать, одинъ изъ тѣхъ острововъ, кои язычники назначали по смерти для душъ блаженныхъ. Una ex insulis fortunatis [2]).

Бѣдный преосв. Д—сій при своихъ сужденіяхъ и житіи столичномъ! [3]) Онъ и одного дня такъ тамъ не проживаетъ, и ни ночлега, ни пріема ни одному владыкѣ такъ дать не можетъ, какъ я пяти уже далъ. Денегъ еще не собралъ, ибо душевное усердіе имѣлъ рисковать даже своею частію, чтобъ скорѣе изъ развалинъ *Израильскихъ* [4]) сдѣлать градъ обительный. По усердію и настоянію владыки и въ Казань для присутствованія пріѣзжаю—это разнообразитъ и приправляетъ уединеніе, и такъ благодаря Господу какъ во снѣ протекло уже 2 годы съ половиною... Собрались и люди въ монастырѣ, нашлись и знакомые изъ разныхъ сословій. Объ архіерействѣ моемъ только ученики да родные братья толкуютъ [5]); а я, относя, въ монашеской и христіан-

---

[1]) Въ качествѣ ректора Кишиневской д. семинаріи, архим. Филадельфъ былъ и настоятелемъ *Добружскаго монастыря*—въ Бессарабіи.

[2]) «Одинъ изъ счастливыхъ острововъ».

[3]) Это упомянутый выше епископъ *Діонисій Цвѣтовъ*, въ 1828 г. уволенный отъ епархіи съ пенсіею въ 3 тысячи рублей и назначенный въ Москву «для священнослуженія и крестныхъ ходовъ». Скончался 24 апрѣля 1846 г. въ Московскомъ Богоявл. монастырѣ.

[4]) Намекъ на запустѣніе 20-тилѣтнее монастыря при предшествовавшемъ настоятелѣ, архим. Израилѣ.

[5]) Изъ родныхъ братьевъ архим. Іеронима—одного, именно о. *Пантелеимона Гавриловича Визерскаго,* мы въ концѣ 50-хъ г.г. прошлаго XIX вѣка застали протоіереемъ и настоятелемъ *Воскресенской церкви*, что на Подолѣ—между Хоревой и Спасской ул. Онъ уже былъ

ской покорности, къ вышнему распоряженію возвышеніе или униженіе наше, благодарю Бога о всемъ—и настоящемъ, и будущемъ, какое Богъ устроитъ; не забываю и крѣпко помню, что уже 51 годъ назади, и что сближается и очевидно сближается то, предъ чѣмъ окажутся пустяками всѣ возвышенія человѣческія физическія и политическія; надобно отдать все моральности, и по ней назначутъ—вѣчную обитель... Я думаю, что и вамъ это, какъ и всякому благоразумному, часто на мысль приходитъ. Да и есть о чемъ думать, ибо это не сновидѣніе, которое произволомъ правящихъ смертныхъ и назначается и отнимается.

Что вамъ въ гостинецъ изъ Казанской области прислать? Стерлядей волжскихъ переслать не удобно, а прошу сюда пріѣхать ухи похлебать. Прислать же можно вамъ или крепы, когда тамъ нуждаетесь, или холстъ татарскій съ *ичиками* или вышитыми сапожками, или чайку лучшаго. Я вашъ должникъ еще по Москвѣ. Отозвитесь и скажите. Теперь отъ Макарьевской ярмонки возвращаться начали. Ибо знайте, что чрезъ Казань все идетъ изъ Китая и Сибири и злато и серебро,—но только *идетъ*, а покупать извольте на Нижегородской ярмонкѣ. Здѣсь же и показывать ни за что не станетъ. У васъ же нѣтъ ли хоть маленькой иконки св. Митрофана новаго Воронежскаго чудотворца [1]), или Флегонту напишите [2]), а *я вамъ отдячу*, только не забудьте прислать мнѣ это сокровище.

глубокимъ старикомъ и скончался въ концѣ 60-хъ гг.—Вотъ отъ этого-то о. Пантелеимона Визерскаго В. И. Аскоченскій и позаимствовалъ нѣсколько свѣдѣній объ *Іеронимѣ Визерскомъ* и помѣстилъ ихъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: «Кіевъ—съ древнѣйшимъ его училищемъ—академіею».—Кіевъ 1856 г. часть 2-я—стран. 408.

[1]) Открытіе мощей св. Митрофана Воронежскаго послѣдовало 7 авг. 1832 г.

[2]) Кто такой *Флегонтъ*,—не знаемъ. Кажется, братъ Филадельфа.—У него былъ другой братъ—*Поликарпъ Ивановичъ Пузына*, докторъ медицины и переводчикъ нѣкоторыхъ медицинскихъ сочиненій на русскій яз.

На ваше мѣсто, какъ слышу, въ Златоустовъ произвели о. Даніила, китайскаго іеромонаха. Онъ былъ проѣздомъ съ о. архим. Петромъ у насъ и хорошо познакомились. Уроженецъ Пензенскій изъ семинаристовъ [1]).—Любезнѣйшій преосв. Кириллъ [2]), переведенный изъ Вятки въ Каменецъ, пишетъ ко владыкѣ нашему, что все ему тамъ не нравится: Каменецъ—какъ крѣпость, наполненная жидами, ляхами и армянами, и онъ сидитъ и на свое возвышеніе ***горько плачетъ***. Аѳанасію въ Тобольскѣ также грустно, но этому по дѣломъ. Онъ совсѣмъ не похожъ на Кирилла [3]). Изъ Черн. Елецкаго—преемника моего Аѳанасія перевели въ Тверь, а на его мѣсто назначенъ изъ Тамбова Агапитъ, сейчасъ-же вызвали на чреду,—и о. Огіевскій паки проректорствуетъ, а Самчевскій учитъ богословію [4]).

Простите! Будьте Богомъ счастливы! Пребываю усерднѣйшій братъ и слуга о. Іеронимъ.

28 августа 1832 года г. Свіяжскъ.

Пишетъ ли къ вашему владыкѣ [5]) бывый Иркутскій преосв. Ириней изъ Вологды и какъ живетъ онъ? Это мнѣ по Кіевской академіи презнакомый человѣкъ. Чудное его вызвышеніе и судьба!

---

[1]) Въ «Спискахъ» Строева (стран. 197 и 564) онъ называется бывшимъ профессоромъ Казанскаго университета.

[2]) Вышеупомянутый—*Кириллъ Богословскій-Платоновъ,* товарищъ Филадельфа по академіи. управлялъ Подольскою епархіею съ января 1832 г. по мартъ 1841 г. Замѣчательнѣйшая личность въ исторіи Подольской епархіи!..

[3]) Преосв. *Аѳанасій Протопоповъ*—тоже вышеупомянутый—товарищъ Филадельфа; переведенъ изъ Нижняго-Новгорода въ Тобольскъ, вслѣдствіе гнѣва на него московскаго митроп. Филарета...

[4]) Преемниками Іеронима въ Черниговѣ были: сначала—архим. *Аѳанасій Соколовъ*, впослѣд. архіепископъ Казанскій,—а затѣмъ—архим. *Агапитъ Вознесенскій*—впосл. епископъ Томскій.—При отсутствіи ректоровъ Черниговской семинаріи, должность ректора исправлялъ вышеупомянутый о. Ал. Огіевскій,—а І. Ак. Самчевскій вмѣсто ректора читалъ уроки по Богословію.

[5]) Т. е. къ вышеупомянутому *Димитрію Сулимѣ*.

Убо образомъ ходитъ возвышеніе человѣческое! [1]) Vanitas vanitatum!.. [2])

Что къ вамъ изъ Переяслава и Вологды пишутъ, да и пишутъ ли?—Въ Черниговѣ все не по старому—какъ пошли, такъ и пошли. Были ли вы у кого проѣздомъ въ Нѣжинѣ и Кіевѣ? и у кого и какъ?

О. Нилъ безъ монастыря въ Ярославѣ ректорствуетъ. Поликарпъ, Московской академіи ректоръ, издаетъ догматику, одо-

---

[1]) Смотр. *Псаломъ* 38-й, ст. 7-й.

[2]) «Суета суетъ»!— «Бывый Иркутскій преосв.Ириней»—это архіепископъ *Ириней Нестеро́вичъ*, судьба котораго дѣйствительно замѣчательна по своей превратности. Онъ былъ родомъ изъ села *Дмитрушекъ*, уманскаго уѣзда, кіевской губерн., сынъ священника этого села и въ мірѣ назывался *Иванъ Гавриловичъ Нестеро́вичъ*, учился въ старой Кіевской академіи и послѣ былъ въ ней учителемъ. Въ 1811 г. бывшимъ митрополитомъ Кіевскимъ *Гавріиломъ Банулеско* вызванъ былъ въ Яссы, а затѣмъ перешелъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кишиневъ, гдѣ, принявши монашество съ именемъ *Иринея*, былъ сначала префектомъ, а потомъ и ректоромъ (*вторымъ*—по порядку) учрежденной въ 1813 г. митроп. Гавріиломъ Кишиневской д. семинаріи—съ 1820 г. по 1826. Въ это-то время и узналъ онъ поэта Пушкина и, по порученію извѣстнаго генерала Инзова, часто бесѣдовалъ съ нимъ.—Въ 1826 г. вызванъ былъ *на чреду* въ С.-Петербургъ и скоро посвященъ былъ во епископа Петербургскаго,—а въ 1830 г. назначенъ былъ архіепископомъ Иркутскимъ. Здѣсь, по горячности своего характера, вступилъ въ столкновеніе съ иркутскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ *Лавинскимъ*, по доносу котораго былъ уволенъ отъ управленія Иркутскою епархіею—съ *указомъ* ѣхать на жительство въ Спасо-Прилуцкій монастырь вологодской губ. Но *подлинности* этого указа Ириней не призналъ—и вотъ возникло знаменитое дѣло о «*Бунтѣ архіепископа Иринея*», о которомъ въ первый разъ пикантныя извѣстія появились въ «Русской Старинѣ» за 1878 г. (томъ 23-ій); теперь все это характерное дѣло въ подлинныхъ документахъ напечатано цѣликомъ въ 113 томѣ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» (*книга вторая*, стран. 4—60).—Изъ Вологды въ 1848 г. архіеп. Ириней переведенъ былъ въ *Толгскій монастырь*, ярославской губ., гдѣ и скончался въ 1864 г.

бренную въ классическія. Кораблиновъ купилъ деревню [1]). Суровцовъ профессорствуетъ.

Преосв. Псковскій Меѳодій упалъ на глаза и пріѣхалъ въ С.-Петербургъ лѣчиться [2]). Анатолій Максимовичъ заводитъ Симбирскую епархію [3]), Парѳеній Владимірскій лѣчится [4]).

Сообщ. **Л. М.**

---

[1]) Уволенный отъ наставнической должности въ Волынской духовной семинаріи въ 1823 г., по извѣстному дѣлу—вышеупомянутому,—Кораблиновъ впослѣд. былъ профессоромъ дипломатіи въ Казанскомъ университетѣ.

[2]) Архіеп. *Меѳодій Писнячевскій*, уроженецъ полтавской губ. и воспитанникъ старой Кіевской академіи и Московскаго университета, управлялъ Псковскою епархіею съ 1825 г. по 1834 г., затѣмъ уволенъ былъ на покой--въ Лубенскій Преображенскій монастырь, гдѣ и скончался 10 іюля 1845 г.

[3]) Архіеп. *Анатолій Максимо́вичъ*, также изъ воспитанниковъ Кіевской академіи,--изъ Минска былъ переведенъ въ новоучрежденную Симбирскую епархію—съ 10-го февраля 1832 г. Въ 1842 г. былъ уволенъ на покой въ Сызранскій Вознесенскій монастырь, гдѣ и скончался 14 февр. 1844 г.

[4]) Архіеп. *Парѳентій Чертковъ*—управлялъ Владимірскою епархіею съ 1821 г. по 1850 г., когда перемѣщенъ былъ на Воронежскую каѳедру, на которой и скончался 5 авг. 1853 г.—Въ началѣ сентября 1852 г. къ нему явился новый молодой наставникъ Воронежской духовной семинаріи *Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ*, окончившій въ 1851 г. курсъ Кіевской д. академіи,—съ рекомендательнымъ письмомъ отъ тогдашняго кіевскаго митрополита *Филарета Амфитеатрова*. Письмо это напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1899 г. (№ 6-й, стран. 207—208).

рикъ, а вы—вотъ постарайтесь выгородить какъ-нибудь молодого человѣка»... Хорошая была у него душа!—Но ревизоръ, по разслѣдованіи, понялъ, конечно, суть дѣла... Никитскій уволенъ былъ отъ духовно-училищной службы... Но и ректора не пощадили... Его удалили на покой въ одинъ изъ кіевскихъ монастырей,—кажется—въ Выдубицкій. Онъ тамъ скоро и скончался. Никитскій же не могъ бы и послѣ этого пропасть, но пьянство погубило его. Ему предлагали хорошія мѣста и въ свѣтскомъ вѣдомствѣ, но онъ не могъ удержаться нигдѣ. Съ самаго же начала послѣ увольненія отъ семинаріи, онъ пристроился у соборнаго протоіерея *Георгія Постики*, который далъ ему у себя квартиру и столъ, а Никитскій писалъ проповѣди—и прекрасныя!.. Дальнѣйшая судьба его вамъ болѣе или менѣе извѣстна. Онъ починялъ часы, дѣлалъ и продавалъ ваксу, чернила— и т. п.».

Въ Кишиневѣ—въ 1870 г.—мы застали еще въ живыхъ когда-то бывшаго кіево-академическаго регента—*Клим. Алекс. Никитскаго* и скоро съ нимъ познакомились. Онъ любилъ навѣщать молодыхъ семинарскихъ наставниковъ, особенно вышедшихъ изъ Кіевской академіи... Физіономія его казалась чрезвычайно симпатичною: большой, выдающійся лобъ, голубые глаза, на головѣ сзади вьющіеся, бѣлокурые, очевидно, когда-то прекрасные волосы... Лицо—бѣлое, съ нѣжной кожей, но уже увядшее, испытавшее слѣды большихъ треволненій жизни. Ростъ—, ниже средняго. Въ голосѣ его еще гремѣла сильная басовая нота... Одежда на немъ была всегда нищенская—старая, изношенная. Въ обхожденіи его замѣтна была простота и деликатность... Общее впечатлѣніе отъ его личности давало понятіе о жизни когда-то цвѣтущей, умственно и художественно-богатой, но разбитой, уничтоженной... Но въ то же время замѣтно было нѣчто идейное въ его самосознаніи и самочувствованіи: видно было, что человѣкъ этотъ смирился и безропотно несетъ выпавшій на его долю крестъ... Даже больше: замѣтно было, что онъ нарочито принизилъ себя до послѣдней степени, нарочито дошелъ до нѣкотораго благородства въ поведеніи—Христа ради, для того, чтобы загладить допущенную въ жизни роковую ошибку, но при этомъ, несмотря на

жестокость судьбы, все таки сохранилъ въ себѣ нравственное человѣческое достоинство въ сознаніи добровольно, принятаго подвига... Онъ жилъ въ какомъ-то подвалѣ, окруженный разными инструментами для своихъ работъ—для починки часовъ и замковъ, для выдѣлыванія ваксы и проч.,—этимъ онъ снискивалъ себѣ пропитаніе... Но здоровье его было уже сильно надорвано... И поэтому, скоро онъ поступилъ, благодаря хлопотамъ нѣкоторыхъ своихъ пріятелей [1]), въ богадѣльню, что на кишиневскомъ кладбищѣ (на Малинѣ), и тамъ скончался въ 1873 г.

При отъѣздѣ своемъ въ Кіево-Выдубецкій монастырь, въ 1850 г,—архим. Филадельфъ всѣ бумаги свои оставилъ у іеромонаха Серафима Кипера, который былъ впослѣдствіи игуменомъ Гиржавскаго монастыря въ Бессарабіи. Послѣ смерти отца Серафима Кипера, бумаги Филадельфа перешли къ племяннику о. Серафима—священнику *Александру Киперу*, который теперь соборнымъ священникомъ въ г. Кагулѣ, бессарабской губ.; нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ (письма къ Филадельфу разныхъ лицъ, его проповѣди и проч.) о. Александръ Киперъ передалъ отчасти намъ, а отчасти бывшему преподавателю Кишиневской семинаріи и извѣстному изслѣдователю бессарабскихъ древностей—*Алекс. Егор. Стадницкому* (что нынѣ преосвящ. Арсеній, епископъ псковскій).—Сообщеніемъ печатаемыхъ ниже писемъ архим. Іеронима Визерскаго къ архим. Филадельфу мы обязаны частію о. Алекс. Киперу, а частію преосвященному епископу Арсенію Стадницкому, за что и приносимъ имъ здѣсь нашу глубокую благодарность.

Л. М.

---

[1]) Воспитанниковъ кіевской академіи Петра Өедор. Паховскаго и Александра Вас. Кіетскаго, уже теперь тоже покойныхъ...

1.

Высокопреподобнѣйшій Господинъ отецъ игуменъ и ректоръ!
Возлюбленный о Господѣ братъ!

Въ новомъ семъ годѣ и на новомъ вашемъ мѣстѣ желаю вамъ отъ Христа Господа новыхъ благъ и милостей, по желанію сердца вашего, ко славѣ имени Его.

Увѣдомленіемъ вашимъ о прибытіи вашемъ въ Воронежъ я очень доволенъ былъ, и доволенъ, что далъ вамъ Богъ, прибывъ благополучно, усмотрѣть, что требуетъ улучшенія по ввѣренной управленію вашему части. Богъ милостивъ! мало-по-малу поуправившись, будете спокойнѣе, и молитва вѣры спасетъ васъ отъ всякія нетерпящія добраго порядка козни.

Я живу съ новымъ о. инспекторомъ, какъ и съ вами, спокойно, благодаря Бога [1]), хотя и радъ бы, чтобъ извѣстнаго вамъ законоискусника паки и паки, вмѣсто меня, кто-либо ближайшій къ Сем. правленію погонялъ почаще. То и дѣло, что думаетъ о расширеніи предѣловъ для себя и для другихъ, и не бережетъ, а беречься отъ него надобно. Подрядчикъ нашъ такъ печки въ Сем. церкви устроилъ, что уже до передѣлки и топить нельзя— а инако храни Богъ! и феіерверкъ послѣдовалъ бы при занятіи Игн Никифоровича [2]).

---

[1]) Этимъ «новымъ инспекторомъ» былъ іеромонахъ *Нилъ Исаковичъ*, воспитанникъ Могилевской д. семинаріи и затѣмъ магистръ С.-Петерб. дух. Акад. выпуска 1825 г.; скончался въ 1874 г.—архіепископомъ Ярославскимъ.

[2]) Подъ «извѣстнымъ законоискусникомъ» нужно разумѣть, конечно, тогдашняго эконома Черниговской духов. семинаріи и члена ея правленія—свящ. *Александра Кирилловича Огіевскаго*, который былъ воспитанникомъ еще старой Кіевской академіи и до преобразованія Черниговской д. семинаріи былъ въ послѣдней *префектомъ* и учителемъ риторики.—«Игнатій же Никифоровичъ»—это былъ тогдашній учитель Черниговъ. д. семинаріи *Пахаревскій,* воспит. С.-Пет. д. акад. выпуска 1821 г., отличавшійся, по словамъ Самчевскаго, «весьма тихимъ характеромъ».

13-го сего мѣсяца выѣхалъ Я. Ив. Охотинъ въ Нижегор. Епарх. вѣдомство. Счасливъ, что хотя до мѣста прогоны получилъ по предписанію начальства [1]). На его должность прибылъ изъ Кіева Янчевскій, питомецъ Черниг. семинаріи, росту высокаго—смирный и добрый, какъ видно [2]). Меня не двигаютъ съ мѣста. Хорошее и нагрѣтое—какъ знаете,—слава убо Богу о всемъ, о явленныхъ и не явленныхъ благодѣяніяхъ, бывшихъ на насъ. А кіевскій ректоръ нынѣ проѣхалъ чрезъ Черниговъ на очередь и съ 14-го на 15-ое ночевалъ у меня. Его должность исправлять велѣно о. Смарагду [3]).

Нашъ каѳедр. соборъ попромовался. О. Данилевскій musicus—произведенъ, въ силу отношенія Син. оберъ-прокурора, въ протоіерея на своемъ свящ. мѣстѣ, а X. Jan Pseudomonachus [4]) произведенъ въ намѣстника, въ самый день Богоявленія. О. Ал. Ог. [5]) получилъ новорожденнаго сына, а самъ соборъ 6000--съ прибавкою—оклада.

Здѣсь въ благословенной Малороссіи все тихо, мирно и спокойно, да дастъ Богъ миръ и всему міру,--и возлюбленному

---

[1]) *Яковъ Иван. Охотинъ*—это былъ товарищъ Самчевскаго по С.-Петерб. дух. академіи, прибывшій вмѣстѣ съ нимъ въ 1823 г. въ Черниговскую семинарію—съ званіемъ профессора словесности. Онъ былъ родомъ изъ г. Арзамаса, нижегор. губ.,—куда и уѣхалъ изъ Чернигова и сдѣлался тамъ священникомъ. Это былъ отецъ нынѣшняго архіепископа Херсонскаго и Одесскаго *Іустина Охотина.*—Самчевскій посвящаетъ характеристикѣ этого своего любимаго товарища много страницъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

[2]) *Василій Васил. Янчевскій*, воспитанникъ Кіевской д. академіи вып. 1825 г.,—былъ потомъ протоіереемъ и законоучителемъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.

[3]) «Кіевскій ректоръ»—это ректоръ Кіевской д. семинаріи архим. *Кириллъ Куницкій.—Смарагдъ Крыжановскій*—инспекторъ Кіевской академіи.

[4]) Подъ этимъ прозвищемъ былъ тогда извѣстенъ въ Черниговской духовной средѣ—соборный священникъ *Іоаннъ Сулятицкій*, о коемъ говорится ниже.

[5]) Это—*Алекс. Огіевскій*, о коемъ говорилось выше.

отроку своему, благочестивому Царю нашему вышнюю помощь на покореніе всякаго врага и супостата, да паки кроткій Давидъ обезглавитъ чудовищнаго Голіаѳа, и вѣрные Божіи—гласы преподобными—воспоютъ побѣдную пѣснь Богу, запинающему премудрыхъ міра сего въ неистовомъ коварствѣ ихъ. О семъ намъ келейно и церковно молиться надобно [1]).

Зима здѣсь крѣпкая по снѣгу и морозамъ, я думаю и у васъ не хуже.

Простите! Пребываю вашъ всегда усерднѣйшій слуга и доброжелатель арх. Іеронимъ.

15-го генваря 1826 года. Черниговъ.

Волынское кушанье прокрадывается ли и въ тѣхъ странахъ въ монашескія снѣди, яко пружіе, или надобно съ рыбами знаться? Также крепы можно ли безъ труда достать у васъ [2]) и правда ли, что тамъ цымлянское дешевле грибовъ [3])?!

О Козелецкомъ монастырѣ на рапортъ преосвященнаго доселѣ разрѣшенія не получено [4]). Напишите еще люб. о. игуменъ! о своемъ житьѣ-бытьѣ подробно.

2.

Высокопреподобнѣйшій господинъ отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Господѣ братъ!

Благодарю васъ братски усерднѣйше за поздравленіе меня съ Новымъ Годомъ и братскія при семъ случаѣ пожеланія. Я

---

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ о событіяхъ 14-го декабря 1825 г.

[2]) *Крепа*—это матерія для монашескихъ клобуковъ.

[3]) «Цымлянское»—это знаменитое вино—изъ виноградниковъ «Цымлянской Станицы» на Дону, насажденныхъ, по преданію, изъ виноградныхъ лозъ, привезенныхъ изъ Франціи.

[4]) Будучи инспекторомъ Черниговской семинаріи, игум. Филадельфъ былъ вмѣстѣ и настоятелемъ *Козелецкаго Георгіевскаго монастыря*, что въ 5 верстахъ отъ г. Козельца, на рѣкѣ Острѣ.— Послѣ отъѣзда Филадельфа въ Воронежъ,—въ монастырѣ семъ открылась вакансія настоятеля—и тогдашній преосвященный Черниговскій *Лаврентій Бакшевскій* сдѣлалъ въ св. Синодъ представленіе о назначеніи новаго настоятеля.

взаимно и васъ отъ искренняго сердца поздравляю и желаю отъ Господа всѣхъ благъ на пользу вашу.

Дивному положенію обители Дивногорской удивляюсь и похваляю вашу дѣятельность въ объѣздѣ таковыхъ мѣстъ неприступныхъ среди учебнаго года [1]). Берегите здоровье;- такъ и я въ прошломъ году порисковалъ—объѣздилъ многія мѣста, часто даже гостилъ у нихъ *jejuno stomacho* [2]) и не надолзѣ казалось и благополучно,— но за пріѣздомъ едва не заплатилъ за таковое геройство жизнію, чего вамъ никогда не желаю. Felix, quem aliena pericula faciunt cautum [3]).

Съ 21-го по 22-ое ночевалъ у меня новый о. ректоръ академіи Кіевской, Кириллъ, о которомъ я къ вамъ писалъ [4]). Какъ говорили люди, такъ и сдѣлалось—это по пословицѣ, Божіи собаки какъ станутъ неустанно лаять, то кто-нибудь и идетъ. О. Кириллу чреда была легкая,—сказалъ 5 проповѣдей, а навидался и наслыхался при бывшихъ чрезвычайныхъ событіяхъ до воли. Жилъ постоянно у преосвященнаго митрополита Евгенія на Троицкомъ подворьи, вмѣстѣ съ владыкою имѣлъ столъ, чай и часто экипажъ. Подъ его былъ надзоромъ и аппробаціею, не приступенъ для *трапезныхъ* друзей и знакомцевъ, невкусный для *обиралъ*, страшный для завистниковъ. Экзамена на магистра онъ не держалъ и не искалъ сего, получилъ только второкласcный Братскій монастырь и ректуру академіи, а псковскій Иннокентій также изъ старыхъ, хлопотавши въ то самое время въ

---

[1]) «Дивногорская обитель»—это *Дивногорскій монастырь*—въ г. Острогожскѣ, воронежской губ. Его, очевидно, посѣщалъ Филадельфъ въ вакаціонное время и описывалъ въ письмѣ къ Іерониму свои отъ него впечатлѣнія.

[2]) «При голодномъ желудкѣ».

[3]) «Счастливъ тотъ, коего дѣлаютъ осторожнымъ чужія опасности».

[4]) Архим. Кириллъ Куницкій—былъ любимецъ Кіевскаго митрополита *Евгенія Болховитинова*, по протекціи коего и вызванъ былъ въ С.-Петербургъ, гдѣ въ то время Евгеній засѣдалъ въ св. Синодѣ.—Кириллъ Куницкій былъ воспитанникъ старой Кіевской академіи и не имѣлъ никакой ученой степени—по ново-академич. уставу.

кадетскомъ корпусѣ, поѣхалъ во свояси въ 3-тьеклассный монастырь съ надеждою [1]). Теперь вызвали на чреду отставленнаго отъ ректъ. Московской семинаріи Ѳеоктиста, для повѣрки поведенія и налога,—и старичка Іасона изъ Ярославскаго первокласснаго Толгскаго монастыря [2]). Такъ наилучше, какъ Богъ строитъ: не чреда дóрога, а милость Божія, которой я вамъ желаю усердно, и вы мнѣ сего наипаче желайте, естьли любите,—а прочая приложатся намъ.—Представленныхъ къ орденамъ и другимъ отличіямъ, говорятъ, собственною рукою вымаралъ Государь Императоръ до 96 человѣкъ, и якобы впредь ни́же сорокалѣтнихъ не велѣно представлять къ отличію,—разумѣется нашихъ духовныхъ.

Вчера гостилъ и обѣдалъ у нашего преосвященнаго и преосвящ. митрополитъ Евгеній, возвращаясь во свояси, по 3-ей просьбѣ [3]). За благословеніемъ являлись и мы съ о. инспекторомъ. Просилъ сидѣть—разговаривалъ на счетъ авкторовъ (sic) духовнаго ученія, охуждалъ нерадѣніе о знаніи церковнаго устава и самими учителями онаго, предлагалъ мнѣніе, чтобы заставлять богослововъ по очереди читать апостольскія посланія отрывками на литургіяхъ, какъ церкви обычно есть: мы сказали, что у насъ читаютъ; помолчавъ, откланялись,—сказалъ: благодарю, и мы уѣхали; чрéзъ 2 часа послѣ обѣда и онъ уѣхалъ. Послѣ того я еще не былъ у преосв. и не знаю пересказанныхъ отъ митрополита новостей.

О выдачѣ Ивану Федоровичу [4]) кандидатскихъ вашихъ денегъ пришлите на простой бумагѣ краткую въ сем. правленіе

---

[1]) *Иннокентій Сельнокриновъ*—ректоръ Псковской семинаріи. Скоро онъ б. возведенъ въ санъ епископа—викарія Московскаго. Съ 1832 по 1840 г. былъ архіереемъ на Волыни.

[2]) Архим. Ѳеоктистъ *Орловскій*—послѣ «чреды» б. назначенъ въ Боголюбовъ монастырь, владимір. г., гдѣ и скончался въ 1829 г.—Архим. *Іассонъ Никольскій*—тоже не достигъ архіерейства послѣ чреды и возвращенъ въ свой монастырь.

[3]) Митрополитъ кіевскій Евгеній вызванъ былъ въ С.-Петербургъ еще въ декабрѣ 1824 г.—для присутствія въ св. Синодѣ.

[4]) *Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ*—магистръ Московской д. академіи—съ 1820 г. профессоръ Черниговской д. семинаріи,—былъ въ это время и секретаремъ семинарскаго правленія.

просьбу, ибо въ предписаніи академич. правленія слишкомъ, какъ нарочно, пояснено, чтобъ точно препроводить отъ семин. правленія въ семин. правленіе ваше, чтобъ вручить вамъ, и нѣтъ повода изворотъ какой-либо дѣлать, хотя и невинный, но все служба службою, и лучше дѣлать твердо на всякій случай. И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго—на случай и преемника—мнительнаго съ правомъ о. Иринарха, котораго вы знали *съ гарбузомъ* и именемъ Игната Никифоровича [1]).

Сей о. Иринархъ уже во діаконѣхъ и желаетъ, но не знаетъ, когда будетъ преосвященному угодно сказать объ немъ ἄξιος (достоинъ) во іеромонаха. Сей іеродіаконъ весьма рѣдко служить соизволяетъ въ семин. церкви,—когда служитъ, *мормолычетъ*, не хотя ни мало къ обычному тону приспособляться. Страненъ, мраченъ, противорѣчущъ и будетъ, кажется, тяжелый чиновникъ училищнаго правленія, хотя примѣтно сего и алчетъ [2]).

---

[1]) «Игнатій Никифоровичъ» вышеупомянутый учитель *Пахаревскій*. Неудачная женитьба *(гарбузъ)* побудила его принять монашество—съ именемъ *Иринарха*.

[2]) Самчевскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» нѣсколько иначе освѣщаетъ личность Иринарха. «Пахаревскій, во время обученія своего въ академіи и въ продолж. службы своей въ семинаріи, отличался весьма тихимъ характеромъ; онъ былъ бережливъ, воздержанъ, удалялся отъ шумныхъ обществъ и увеселеній, и 30-ти лѣтъ по собственному желанію... поступилъ въ монахи. Преосв. Лаврентій, посвятивъ его въ іеродіаконы, болѣе года держалъ его въ этомъ санѣ; Пахаревскій долженъ былъ діаконствовать въ сослуженіи съ бывшими своими учениками, которые, сдѣлавшись священниками, служили литургію въ семинарской ц—ви, чѣмъ онъ всегда оскорблялся. Однажды, когда я съ нимъ вмѣстѣ былъ у Лаврентія,—послѣдній бранилъ его, называя *медвѣдемъ*, за уклоненіе его отъ общества, какъ будто это качество въ монахѣ заслуживало укоризны. Вслѣдствіе такихъ притѣсненій, Пахаревскій сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, сталъ пить и пилъ даже по посвященіи его въ іеромонахи, отсего на должности инспектора въ Новгородѣ и умеръ. Кто тутъ виноватъ»?.. (См. «*Кіевск. Стар.*» 1894 г. янв., стран. 24).

Антонію Ивановичу, объявивъ мой поклонъ и благословеніе съ его фамиліею [1]), скажите новость, которую мнѣ сообщилъ изъ С.-Петербурга одинъ волынецъ. Преосвященный Стефанъ, подозрѣвая одного ученика своей семинаріи, прозваніемъ Лопуховича, изъ Богословскаго отдѣленія, что якобы имѣетъ переписку съ Кораблиновымъ, послалъ членовъ семин. правленія на квартиру къ нему обыскать, нѣтъ ли писемъ? Сіи писемъ не сыскали, а сыскали какую-то записочку, самую пустую, отъ одного изъ офицеровъ Саратовскаго полка, тамъ квартировавшаго, который офицеръ задолго предъ тѣмъ, яко злоумышленникъ, увезенъ на судъ. Преосвященный завязываетъ дѣло за записочку, пишетъ въ Варшаву къ великому князю, думая, что преступника Лопуховича схватятъ въ Варшаву. Но князь сверхъ чаянія велитъ ученика отправить предъ лице Государя въ С.-Петербургъ. Монархъ распрашиваетъ милостиво мнимаго преступника, велитъ, не смотря на архіерейскія бумаги, взять объясненіе отъ представленнаго, представленный пишетъ отъ избытка сердца, его освобождаютъ изъ-подъ стражи, спрашиваютъ, не хочетъ ли на родину возвратиться, онъ отказывается. Дѣло и объясненіе у царя въ рукахъ. Преступникъ ходитъ по всему граду и проповѣдуетъ о благоутробіи царскомъ, о жестокости и злоупотребленіяхъ волынскаго дух. начальства. Что будетъ далѣе и чѣмъ это окончится, еще отъ проѣзжающихъ не узнано. Просилъ я петербургскаго корреспондента, чтобы увѣдомилъ. Тутъ кому-то грозитъ или носъ, или *штось* [2]).

---

[1]) *Антоній Иван. Собкевичъ,* волынскій уроженецъ, воспитанникъ Кіевской д. академіи 1-го курса (вып. 1823), былъ сослуживцемъ Іеронима въ Волынской д. семинаріи; но, по дѣлу Кораблинова, переведенъ наставникомъ въ Воронежскую д. семинарію.

[2]) Вся эта тирада показываетъ, что Іеронимъ Визерскій не сочувственно относился къ личности прежняго начальника на Волыни—Преосв. *Стефана Романовскаго.*—Предположеніе Іеронима, что преосв. Стефану грозитъ *штось,*—исполнилось. Преосв. Стефанъ скоро (въ ноябрѣ 1828 г.) былъ переведенъ епископомъ въ Вологду.—«Штось» это шутливое старо-академическое бурсацкое извращеніе малорусскаго слова *щось*—что-то).

Будьте здоровы и благополучны! У насъ все по старому. Въ Козелецкомъ монастырѣ вакансія, а мы только ждемъ, желая и вамъ сего. Пребываю усерднѣйшій слуга арх. Іеронимъ.

28 генваря 1827 года. Черниговъ.

Вашъ нынѣ полтавскій Викторъ или *Виктусъ* изъ досады на правленіе, удалившее его туда изъ Нѣжина на покой, отказался отъ пенсіона, называя себя чужестранцемъ. Чѣмъ это кончится, легко знать [1]).

3.

Ваше высокопреподобіе! Любезнѣйшій о Господѣ братъ о. Филадельфъ!

Давно уже долженъ я вамъ отвѣтомъ и отвѣтами на многія пріятнѣйшія письма ваши. Не могъ собраться съ духомъ и, о срамъ, ради всегдашняго здѣшняго единообразія обстоятельствъ нашихъ и хлопотъ, мнѣ, уже притоптанному служивцу, наскучившихъ., Боже мой, Боже! всякій день тоже:—повторять, сближаясь къ старости, не лишнее. Теперь хочу кое-какъ расплатиться—хоть не дукатами, по польской амбиціи, а мѣдными бѣдными.—И у насъ, слава Богу разумовъ, прошедшій курсъ окончился публичнымъ экзаменомъ не не по желанію. Отвѣты были удовлетворительны, публика небольшая, но за то архипастырь сверхъ обыкновенія своего примовилъ—на благодарность ученика отъ имени семинаріи—родъ благороднаго комплимента съ благословеніемъ всѣмъ намъ. Въ академію посланы студенты: П. Крыловскій,

---

[1]) Дѣло идетъ, очевидно, объ архим. *Викторъ Черняевъ*, бывшемъ настоятелѣ *Назаретъ-Богородичнаго* монастыря въ г. Нѣжинѣ, черниг. губ. Мы не можемъ привести болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этой интересной личности. Въ «Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей» П. М. Строева (Спб. 1877 г.) сказано, что Викторъ Черняевъ въ 1823 году отъ настоятельства *отставленъ*, а въ 1827 г. *уѣхалъ за границу*. (См. стран. 522-ю).

Иванъ Черпявскій и Николай Митькевичъ,—охотно, и безъ малѣйшаго безпокойствія отправились съ миромъ и благословеніемъ [1]).

Вакаціями пользуясь, мы съ отцемъ инспекторомъ Ниломъ и библіотекаремъ Иринархомъ ѣздили въ Домницу къ о. архим. Іову въ гости [2]). Застали *крутаго ангела* [3]); какъ водится, обрѣли безквасіе, безналивочность и другое сему соотвѣтствіе, но, впрочемъ, день прожили не худо и горлы не были сухи, ибо о. Цукровскій, сѣющій щедро *при пути*, не допустилъ до сего. Возвратились благополучно, но моимъ молодымъ спутникамъ мѣстоположеніе Домницы и житье весьма не понравилось.—Къ концу вакацій послѣднихъ чиселъ августа съ о. инсп. Ниломъ ѣздили мы вдвоемъ въ Нѣжинъ. Здѣсь у о. архим. Евгенія [4]) гостили не худо, хотя то чай былъ *весьма* греческій и ромъ *Волынско-рабиновскій*, сирѣчь уніятъ невкусный. Зато при концѣ сдѣлалось лучше—и мы открыли у нихъ въ лавкахъ [5]) въ продажѣ то, чего они—жители—не знали и говорили, что сыскать неможно. Это можетъ и вамъ въ проѣздахъ вашихъ случиться. Обѣдали также однажды у игуменьи [6]) скорымъ пріемомъ, но бабскіе

---

[1]) Указанные три студента вошли въ составъ *пятаго курса* Кіевской д. академіи (1827—1831 гг.). *Павелъ Алексѣев. Крыловскій*, по оконч. акад. курса,—былъ впосл. законоучителемъ Новгородъ-Сѣверской гимн., гдѣ и сконч. 10 іюня 1858 г.—*Николай Васильевичъ Миткевичъ*—принялъ монашество съ именемъ *Григорія* и сконч. въ санѣ архіепископа Калужскаго—въ 1881 г. *Чернявскій* же выбылъ изъ академіи во время ученія и судьба его намъ неизвѣстна.

[2]) Архим. *Іовъ Куроцкій* былъ настоятелемъ Домницкаго (или Думницкаго) монастыря, черниг. г., съ 1823 г. по 1832 г.

[3]) Что́, или кого-нужно разумѣть подъ *крутымъ Ангеломъ*,—не знаемъ. Вѣроятно—это прозвище ниже упоминаемаго *о. Цукровскаго*.

[4]) Архим. *Евгеній Прозоровъ* былъ настоятелемъ Нѣжинскаго *Назаретъ-Богородичнаго* монастыря съ 1823 по 1830 г.—24 іюня 1824 г. онъ торжественно освящалъ ново-устроенную церковь при Нѣжинской «Гимназіи Высшихъ Наукъ».

[5]) Разумѣются, конечно, лавки, помѣщавшіяся въ зданіяхъ, принадлежащихъ самому монастырю.

[6]) Въ Нѣжинѣ есть и женскій *Введенскій* монастырь.

взаимные упреки и переговоры худо приправляли пріемъ ихъ.—Въ Веркѣевкѣ [1]) у о. Гриценка—и туда и назадъ было хорошо, а' за 30 верстъ отъ Чернигова подъ Кулиновкою задняя желѣзная ось въ коляскѣ треснула, ударились о полы; заѣхали въ село къ священнику, разыскали, сыскали кибиточку русскую подъ рогожею и инкогнито всунулись подъ вечеръ въ семинарію сякъ такъ, а оттуда я возвратился въ монастырь вытребованною каретою. Таково-то бываетъ въ пути, какъ и въ жизни!

Молебенъ у насъ отпѣтъ предъ начатіемъ ученія 12-го числа, а 13-го сего сентября, какъ я удостовѣрился предъ Воздвиженіемъ Креста Господня, который, какъ церковная исторія говоритъ, заброшенъ былъ и обрѣтенъ послѣ вѣрными—благочестивыми,—владыка нашъ представилъ къ награжденію св. Синоду трехъ епархіи своей чиновниковъ съ прописаніемъ службы долговременной, гдѣ помѣщенъ и извѣстный вамъ ректоръ семинаріи [2]), о которомъ вы, по усердію своему, какъ писали, у добрыхъ людей добрыми словами христіански интересовались. Теперь прошу отъ васъ братнихъ молитвъ и благожеланія—помяните, яко вси подъ эпитиміями есьмы, и не забудьте гдѣ знаете, какъ прилично, съ христіанскою простотою и мудростію, замолвить паки письмами доброе слово. Есть ли есть любовь братняя, то много учить ненадобно, и *bonum* будетъ сдѣлано, и *bene* [3]). И узрятъ нищіе и возвеселятся, яко Богъ помоглъ и утѣшилъ ны есть. Давно уже въ сей семинаріи увѣнчаніе начальниковъ праздновали, какъ сами знаете.

О. Нила съ утвержденія преосвящен. представили мы по порядку къ магистерской степени. Г. Мерцаловъ изъ новаго дома

---

[1]) Село *Веркѣевка*—вблизи Нѣжина—одно изъ имѣній графа *Александра Григ. Кушелева-Безбородка*, доходы съ котораго шли на первоначальное устройство знаменитой «Гимназіи Высшихъ Наукъ» въ Нѣжинѣ, давшей образованіе Гоголю...

[2]) Т. е. самъ авторъ письма, архим. Іеронимъ.

[3]) Т. е. будетъ сдѣлано *доброе дѣло*—и *добрымъ способомъ*—или кратче—по-малорусски: *добрó* и *дóбре*.

ходить въ семинарію по старому. X. Jan Сулятицкій [1]) совсѣмъ потерялся, прибилъ въ пьянствѣ мать свою, сосланъ въ Домницу на годичную эпитимію и тамъ не исправляется, а срамитъ самъ и безпокоитъ всѣхъ неистовыми поступками. Сынъ его принятъ въ бурсу, а мать съ дочерью предана сердолюбію попечительства о бѣдныхъ. Мѣста его просилъ Ос. Ак. Самчевскій и получилъ отказъ за молодостію къ присутствію въ дикастеріи.—Иванъ Федоровичъ надѣется получить мѣсто при Нѣжинской гимназіи законоучителя; директоръ Ясновскій обѣщаетъ, но еще мало успѣха [2]). Петръ Хрисанѳичъ вдовствуетъ еще, и бываетъ иногда у меня и въ семинаріи. Привыкаетъ и живетъ кое-какъ.—Изъ Кіева о. ректоръ Кириллъ писалъ ко мнѣ о бывшихъ своихъ экзаменахъ и прочемъ подобномъ,—особенно любопытнаго ничего нѣтъ. Евгеній [3]) копается въ древностяхъ, а прочее идетъ своимъ порядкомъ.—Служащіе въ Астраханской семинаріи и въ Могилевской въ письмахъ къ о. Нилу жалуются на новыхъ своихъ меценатовъ и стонутъ отъ грубости ихъ [4]), а Вятскіе и Нижегородскіе

---

[1]) Это—тотъ самый, упомянутый выше, соборный священникъ *Іоаннъ Сулятицкій*, котораго въ шутку прозывали: «X. Jan pseudomonachus».—Букву X здѣсь, какъ и выше, нужно читать не какъ русскую, а какъ польскую,—и она, конечно, означаетъ здѣсь «Xiądz»—*ксёндзъ*.

[2]) *Данило Емельяновичъ Ясновскій* былъ директоромъ Нѣжинской гимназіи послѣ Орлая—съ 1826 г. по 1835 г. По его представленію, *Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ*, дѣйствительно, въ 1829 г. опредѣленъ былъ законоучителемъ «Нѣжинской Гимназіи Высшихъ наукъ князя Безбородко» и назначенъ настоятелемъ Александровской при ней церкви, для чего и посвященъ былъ въ томъ же 1829 г. во священника.—Служилъ онъ при этой гимназіи и въ лицеѣ свыше 30-ти лѣтъ—до 1860 г.—Скончался въ Нѣжинѣ 12 авг. 1868 г.—на 75 году жизни. (См. его краткую біографію въ книгѣ: «Лицей князя Безбородко»—Спб. 1881 г., стр. 284—286-я).

[3]) Т. е. митрополитъ Кіевскій Евгеній.

[4]) Этими «меценатами» были: въ Астрахани—архіеп. *Павелъ Саббатовскій*, а въ Могилевѣ—архіеп. *Павелъ Моревъ-Павловъ*, оба изъ старинныхъ воспитанниковъ.

благословляютъ судьбу свою подъ учеными пастырями [1]). У насъ хоть не мудро, но, право, жить спокойно и надо Бога благодарить. Будьте здоровы и благополучны. Пребываю покорный и усердный слуга арх. Іеронимъ.

23 сент. 1827 г. Черниговъ.

Дѣло о замотанныхъ прежде еще деньгахъ по дикастеріи не упразднено манифестомъ всемил.—Теперь прислано къ разсмотрѣнію епархіальн. начальства и разложенію денегъ на бывшихъ присутствующихъ. Здѣсь и Екатериносл. архіерей замѣшанъ [2]). Экономъ архіерейскаго дома Антоній сдѣланъ Козелецкимъ игуменомъ. Живетъ при домѣ и описалъ казначея Кипріяна и другихъ. Теперь они подъ судомъ и въ бѣдѣ...

Думали ли вы, чтобы архіер. казначей Филаретъ, молодой, веселый и здоровый, опередилъ смертію всѣхъ тамошнихъ стариковъ? Такъ точно сдѣлалось въ половинѣ іюля; наѣлся вишенъ съ косточками, заболѣлъ и умеръ, а старики все живутъ по прежнему.

Охотинъ уже священникомъ въ Арзамасѣ, хвалится очень милостію преосв. Аѳанасія.

4.

Ваше высокопреподобіе, любезнѣйшій о Христѣ Господѣ братъ, о. архимандритъ Филадельфъ!

Наконецъ я, съ помощію Божіею, прибылъ въ свою Свіяжскую обитель прошедшаго маія 28 числа благополучно. Сблизился къ

---

[1]) Въ Вяткѣ въ это время былъ архіереемъ преосв. *Кириллъ Богословскій-Платоновъ*, а въ Нижнемъ-Новгородѣ—преосв. *Аѳанасій Протопоповъ*—оба воспитанники 1-го курса ново-преобразованной С.-Петербургской д. академіи—и товарищи Филадельфа.

[2]) Преосв. *Ѳеофилъ Татарскій*, епископъ Екатеринославскій, бывшій съ 1813 года нѣсколько лѣтъ ректоромъ Черниговской д. семинаріи и членомъ Черниговской д. *дикастеріи* (консисторіи).

обители ночью, и хотѣлъ въѣхать не безпокоя ни другихъ, ни себя, но нѣкто скоро—проѣзжій чиновникъ, замѣтивъ меня и опередивъ, пустилъ слухъ въ городѣ, что я буду скоро. Встрѣтили меня у св. вратъ съ духовною церемоніею—и я долженъ былъ покориться и итти въ церковь, какъ прилично, уже въ 11 часу ночи. Но все содѣлалось, слава Богу, благополучно, и слова мои привѣтственныя пали на землю благу.

Монастырь сей, по наружности, прекрасный и не безъ причины поставленъ выше Донскаго [1]). Фасадъ церкви и колокольни—отмѣнный, зданія огромныя подъ палевою краскою. Ограда вокругъ, какъ Кремль вашъ, но красивѣе, ибо палевого цвѣта и безъ трещинъ; крыши крашенныя и большею частію желѣзныя; верхи церквей зеленые,—снаружи картина, при высокихъ внутри деревахъ, коихъ верхушки издали показываются, какъ Лавра какая,—палевый цвѣтъ очень ее отъ обыкновенныхъ закоптѣлыхъ старыхъ монастырей отличаетъ. Но внутри присмотрѣвшись, во многихъ мѣстахъ увидишь правду словъ пр. Діонисія [2]). Мусору пропасть по мѣстамъ, согнившихъ ступеньковъ по крыльцамъ вокругъ церкви много,— окошки индѣ безъ цѣли почти и двери выломаны, какъ-бы кто въ горячкѣ хозяйствовалъ,—а сады и слѣдовъ не имѣютъ бывшаго старанія.

Церковь внутри украшена старинною живописью, и благолѣпія особеннаго нѣтъ. При томъ и тѣсно въ атарѣ, ризница средственная. Митра первая называется *Іеронимовская*: вырѣзано на обручѣ: «исправлена настоятелемъ архимандритомъ Іеронимомъ» [3]). Вотъ судьбы Божіи! И я въ этой митрѣ въ недѣлю

---

[1]) Т. е. *Донского Богородичнаго*—первокласснаго въ Москвѣ, гдѣ въ это время уже былъ Филадельфъ.

[2]) Преосвящ. *Діонисій Цвѣтаевъ*, бывшій епископъ Пермскій, жилъ въ это время въ Москвѣ—на покоѣ и былъ пріятелемъ архим. Филадельфа и Іеронима.

[3]) *Іеронимъ Формаковскій*—былъ настоятелемъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря съ 1767 г. по 1770 г., а затѣмъ посвященъ былъ во епископа Владимірскаго и Муромскаго. Сконч. 3 авг. 1783 г.

всѣхъ святыхъ служилъ уже; благодарю Бога! Церквей особо есть до 4-хъ,—но вездѣ нужны обновленіе и исправленіе.

Сокровища: единственное и превеліе: мощи св. Германа, ибо—св. Гурія и Варсонофія, бывшія въ Казанскомъ каѳедральномъ соборѣ и въ Спасскомъ монастырѣ, давно уже отъ пожарей *(sic)* истреблены и только малые ихъ остатки тамо въ ракахъ находятся. Хотя Волга нынѣ отъ Свіяжска въ 2-хъ верстахъ, но и сухопутные прохожіе къ мощамъ св. усердствуя приходятъ— и кружка не можно сказать, чтобъ была бѣдная,—все, говорятъ, настоятелю около тысячи придетъ, а иногда и меньше; но предмѣстникъ мой получалъ, говорятъ, какъ хотѣлъ, болѣе любя умноженіе, нежели дѣленіе, чѣмъ были много притѣснены подчиненные, и не знали настоящей своей и его части [1]).

Теперь есть на лицо денегъ тыс. до 10-ти, а на долгахъ до 12-ти. Мельница отдается не за 14 тысячъ, какъ гласили бубны за горами, но за 7-мь тысяч., а рыбныя ловли за полторы тысячи; изъ сихъ получать третью часть настоятелю, какъ признаютъ, никто никогда не препятствовалъ, и даже не вникали, не больше ли онъ получаетъ. Настоятели управлялись, какъ хотѣли, а особливо послѣдній. Но вообразите, былъ изъ Питера, со свѣтскимъ тономъ, но даже одной кареты не исправилъ [2]). Есть колясочка, да бричка Адамовская, и мнѣ, какъ послѣ Черниговскаго Мелетія, и здѣсь придется покупать. Лошади средственныя—также къ Мелетіевскимъ прямо смотрятъ, но еще неблизко всмотрѣлись—и покупать надобно [3]).

---

[1]) Предмѣстникомъ Іеронима Визерскаго въ Свіяжскомъ монастырѣ былъ архим. *Израиль Звягинцевъ*—съ 1808 г. по 1829 г., когда здѣсь же скончался.

[2]) Архим. Израиль до назначенія въ Свіяжскъ былъ настоятелемъ Троицко-Сергіевской пустыни—что въ 10-ти верстахъ отъ Петергофа.

[3]) Предшественникомъ Іеронима по настоятельству въ *Черниговскомъ Елецкомъ Успенскомъ монастырѣ*, а равно и по ректурѣ въ Черниговской д. семинаріи,—былъ архим. *Мелетій Носковъ*, воспитанникъ и затѣмъ префектъ старой Кіевской академіи съ 1814 по

Братія средственная—человѣкъ до 30-ти, и содержаніе по здѣшней дешевизнѣ и довольству на хорошую рыбу имѣютъ хорошее. Іеродіаконовъ только два и есть нужда при служеніи, особливо по церемоніямъ близкомъ къ архіерейскому. Дополняютъ одѣвающіеся въ стихарь церковники и ученики здѣсь помѣщающагося уѣзднаго училища; сіи послѣдніе и пѣвческую составляютъ довольно приличную.

Теперь ознакомляюсь съ монастыремъ и тихонько все за прежнимъ житьемъ и людьми добрыми грустно. Чтожъ дѣлать? Такова наша жизнь, такъ Богу угодно. Я еще не могъ явиться и къ здѣшнему владыкѣ [1]). Онъ съ 20 маія уѣхалъ въ Симбирскъ и дальше по епархіи и возвратится, говорятъ, чрезъ Свіяжскъ развѣ около 21 іюня. Тогда предстану и побываю уже и въ Казани, а велѣлъ тамъ для пріѣзда на подворьи монастырскомъ, отдаемомъ въ наемъ за 800 р., обдѣлать для себя комнаты. Вотъ вамъ и подробности моего странничества! Напишите, прошу васъ, какъ вы живете и что у васъ добраго и пріятнаго слышно? Чрезъ сего подателя можете подать кучу писемъ въ Черниговъ. Я никогда не забуду вашей братской привязанности, нынѣ въ Москвѣ дознанной. Да утѣшитъ васъ Господь по благому желанію вашему и далъ бы намъ Господь взаимные способы соутѣшаться милостію Божіею о насъ.

Здѣсь люди учтивые; являлись ко мнѣ, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, съ почтеніемъ; и у помѣщицы одной статск. совѣтницы, доброй сосѣдки, былъ вчера. У нея прекрасный садъ и оранжерея. Очень усердно приняла и обѣщала всѣмъ по воз-

---

1817 г.—На ректуру въ Черниговъ опредѣленъ въ 1818 г., а въ 1822 г. переведенъ въ Волынскую д. семинарію—на мѣсто Іеронима Визерскаго.—Въ 1824 г. былъ уволенъ въ число братіи Кіево-Печерской Лавры, гдѣ и скончался въ 1851 г.

[1]) Этимъ владыкою былъ архіеп. *Филаретъ Амфитеатровъ*, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій.—Къ Казанской епархіи принадлежала тогда и территорія нынѣшней Симбирской епархіи—и Казанскій архипастырь именовался тогда *Казанскимъ и Симбирскимъ*.

можности обители прислуживать. Она же монастырю и деньги должна. Ratio sufficiens [1]).

Какова была новосовершившаяся хиротонія [2]) и явка ваша: jacendo, tacendo, petendo ко владыкѣ? Эй страшно! да нужно! [3]) Новый епископъ—добрый, думаю, человѣкъ, да дастъ ему Господь помощь Свою! [4])

Что со мною здѣсь далѣе явитъ Господь, напишу, а вы свое теперь напишите. Москва—не Свіяжскъ. Будьте здоровы и счастливы Богомъ.

Пребываю съ извѣстною и постоянною преданностію и почтеніемъ вашъ усерднѣйшій братъ и слуга А. Іеронимъ.

6-го іюня 1830 года. Свіяжскъ.

5.

Любезнѣйшій о Христѣ Господѣ братъ, отецъ архимандритъ Филадельфъ!

Христосъ воскресе!

Миръ вамъ о Господѣ и мое братское цѣлованіе! Письмо ваше въ минувшемъ августѣ получилъ я съ удовольствіемъ и читалъ оное многократно, похваляя и благодаря за усердную обстоятельность и откровенность. За лѣность и коснѣніе я не въ претензіи, а паче когда нѣтъ чего сообщить, и мертвая монотонія обстоятельствъ не даетъ ни духа, ни пера къ писанію.

---

[1]) Т. е.: «Довлѣющая причина!»

[2]) Здѣсь разумѣется совершившаяся въ Москвѣ хиротонія во епископа Дмитровскаго, викарія митрополіи Московской, выше упомянутаго архим. *Иннокентія Сельнокринова.*

[3]) Филадельфъ, перемѣщенный въ Москву, долженъ былъ являться къ *страшному* тогда для всѣхъ ученыхъ монаховъ Московскому митрополиту *Филарету Дроздову.* Явка должна была быть, конечно, сопровождаема *лежаніемъ* у ногъ грознаго святителя, и *молчаливымъ прошеніемъ* о снисхожденіи...

[4]) Т. е. упомянутый *Иннокентій Сельнокриновъ.*

Нынѣ обстоятельства Московскаго горизонта запестрились перемѣнами, и вашъ откровенный генiй имѣетъ матерiю къ соображенiю отъ избытка малороссiйской нашей простодушной говорливости, которую и добрые русскiе за благо прiемлютъ, будучи не сродны съ успѣхомъ подражать оной.

Я, благодаря Творца, обживаюсь здѣсь довольно успѣшно, познакомился со многими и пользуюсь взаимною любовiю знаемыхъ, какъ и въ Малороссiи. Запущенную было о. Израилемъ обитель Свiяжскую уже, съ помощiю Божiею, при довольныхъ способахъ, довольно поправилъ и украсилъ, и стали люди добрые хвалить и изъявлять усердiе. Владыка здѣшнiй—добрѣйшiй и въ истинномъ духѣ пастырь, меня-старца *шануетъ,* обращается братски откровенно, и хотя я сдѣланъ благочиннымъ и присутствующимъ, но живу въ Казани, когда и сколько хочу, и по малороссiйски съ нимъ, при благомъ времени, подшучиваю [1]). Теперь получилъ 6-го маiя архипастырь нашъ брилліантовый крестъ на клобукъ отъ царя съ лестнымъ рескриптомъ. Весьма радъ онъ самъ украшенiемъ, да и получилъ достойно. Окрестилъ до 2-хъ тысячъ чувашъ (ибо татары непреклонны) и еще на дняхъ уѣхалъ въ

---

[1]) Преосв. *Филаретъ Амфитеатровъ,* будучи и митрополитомъ Кiевскимъ,—*любилъ малорусскiй языкъ.* Такъ, когда въ «Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ» начальница хотѣла было перемѣнить тамошняго законоучителя протоiерея *Никиту Дашкевича* за то, что онъ, какъ истый украинецъ, выражался иногда—въ обращенiи съ сослуживцами и воспитанницами—обычнымъ малорусскимъ языкомъ,—то митрополитъ Филаретъ сказалъ: «Экой вѣдь этотъ людъ женскiй—капризный и прихотливый! Вотъ изволь ты для нихъ хоть переродиться! Не нравится, видишь, имъ говоръ малороссiйскiй... Какой-же имъ больно хотѣлось бы слышать... Небось лучше бы нравился имъ, пожалуй, въ родѣ польскаго *пршипршиканья...* Напротивъ, языкъ-то малороссiйскiй во многомъ близокъ къ церковно-славянскому, да и въ выраженiяхъ онъ—сжатый, но многосодержательный»... И не согласился приснопамятный старецъ-митрополитъ на увольненiе протоiер. Дашкевича изъ института... (См. соч. архим. *Сергiя Василевскаго:* «Высокопр. Филаретъ, митрополитъ Кiевскiй и Галицкiй и его время» Казань, 1888 г., т III, стр. 264).

сызранскій уѣздъ до 9-ти сотъ крестить, а другіе св. владыки до него и не помышляли о томъ и даже не являли себя чувашскому мірови. Вамъ на мое объявленіе посылаетъ свое благословеніе. Шалости академическія назвалъ *дѣтскими* и не стоющими памятованія, ибо многіе изъ тогдашнихъ шалуновъ нынѣ сдѣлались важными и почтенными людьми. Онъ же разсудителенъ и духа прямо христіанскаго [1]).

Отъ 5-го апрѣля писали ко мнѣ изъ С.-Петербурга, что владыка Черниговскій Лаврентій уволенъ съ 3-мя тысячами на покой въ Переяславскій Даниловъ монастырь [2]), на его мѣсто переведенъ Курскій преосв. Владиміръ, довольно мнѣ на чредѣ извѣстный, и также слабаго здоровья, хотя добрѣйшій человѣкъ [3]), а въ Курскую переведенъ якобы вашъ преосв. викарій Иннокентій [4]); кто же будетъ на его мѣстѣ, еще, какъ писали, не извѣстно, но въ Казани уже гласятъ, что якобы утвержденъ товарищъ мой по чредѣ, о. архимандритъ Николай, Тамбовскій ректоръ. Дай Боже! [5]) Пора и ему обрѣсти искомое и желаемое. Онъ лѣтами меня моложе (ибо имѣетъ, какъ говорятъ, около 45

---

[1]) Въ бытность Филадельфа въ 1-мъ курсѣ С.-Петербургской академіи, Филаретъ Амфитеатровъ былъ нѣкоторое время *инспекторомъ* этой академіи...

[2]) Архіеписк. черниговскій *Лаврентій Бакшевскій* уволенъ на покой 14 марта 1831 г.; жилъ въ Переяславскомъ Даниловѣ монастырѣ до самой своей кончины, послѣдовавшей 17-го декабря 1837 года.

[3]) Преосв. *Владиміръ Ужинскій* былъ архіепископомъ черниговскимъ съ 1831 г. по 1836 г., когда перемѣщенъ былъ на Казанскую каѳедру.—Въ Казани святительствовалъ до 1848 г., когда уволенъ былъ на покой—въ тотъ именно монастырь *Свіяжскій Богородичный*, гдѣ настоятельствовалъ нѣкогда *Іеронимъ Визерскій*. Сконч. здѣсь 16 дек. 1855 г.

[4]) Дѣйствительно, *Иннокентій Сельнокриновъ* былъ назначенъ въ Курскъ.

[5]) Это дѣйствительно и произошло: архим. *Николай Соколовъ* былъ хиротонисанъ во епископа Дмитровскаго, викарія московскаго, 8 мая 1831 г.

лѣтъ) и кончилъ ученіе въ 1808-мъ году,—но подвигами самоотверженія чуть ли не гораздо старше. Былъ учителемъ въ Калужской и Тамбовской семинаріяхъ двукратно, да еще, quod summa rei [1]), не будучи сибирякомъ, былъ пихнутъ въ Иркутскъ, и былъ тамъ ректоромъ четыре годы, какъ слышалъ я отъ безпристрастныхъ людей, съ похвалою отличною противъ прочихъ бывшихъ ректоровъ и настоятелей низкаго классомъ, но высокаго богатствомъ мощей св. Иннокентія и жертвами любезнаго усердія, монастыря [2]). За то и вывезъ оттуда не по нашему и вездѣ, гдѣ могъ щель сдѣлать дверью. Безъ бороды, но сметливъ по мірски. Онъ не воевалъ проповѣдью слова Божія на чредѣ, но всѣмъ вся былъ, чтобы свое пріобрѣсти. Только у вашего справедливѣйшаго владыки мы оба на одни двери ходимъ,—и теперь предлежитъ о. Николаю сдѣлать себѣ у него репутацію истинно святыми качествами. Да поможетъ ему Господь даромъ немощная наша врачующей благодати своей. Прошу увѣдомить меня объ опредѣлительностяхъ сего событія. Мы съ о. Николаемъ жили согласнѣйше, и другъ друга тяготы и недостатки сносили, и—слава Богу, не подали ни малѣйшаго повода къ оговоркѣ, часто даже на одномъ стулѣ въ церкви сидѣли къ удивленію всѣхъ,—хотя-то тайно и сокровенно неодинаково было обоихъ дѣйствіе. Характеръ малороссійскій обыкновенно, а паче въ пожилыхъ лѣтахъ, простъ, а кто захватитъ сибирской хитрости, того не проведешь; онъ и въ словѣ и въ дѣлѣ если не самъ ловитъ, то, по крайней мѣрѣ, увертывается отъ уловки возможной. Но Богъ воздаетъ всякому по мѣрѣ. Конецъ дѣло хвалитъ.

---

[1]) «Что составляетъ сущность дѣла».

[2]) Архим. Николай Соколовъ былъ настоятелемъ Иркутскаго *Вознесенскаго* монастыря съ 1822 г. по 1826 г. До 1836 г. этотъ монастырь былъ *третьеклассныиъ*. Въ немъ съ 1805 г. почиваютъ мощи св. *Иннокентія Кульчицкаго*, воспитанника Кіевской академіи и перваго архипастыря Иркутскаго, скончавшагося 1731 г. 26 ноября и погребеннаго въ этомъ же Вознесенскомъ монастырѣ. Послѣдній въ 1836 г. обращенъ въ *первоклассный*.

Самъ владыка св. скоро ли уѣдетъ въ св. Синодъ [1])? Его присутствіе тамъ драгоцѣнно для истины, ничему не приступной. Также—не былъ ли уже переѣздомъ въ Москвѣ преосв. Лаврентій и являлись ли вы къ нему? Прошу, запретивъ на сей разъ именемъ Божіимъ всякой лѣности, скорѣе братски прошу отвѣтное написать ко мнѣ—съ объявленіемъ всѣхъ новыхъ московско-іераршескихъ обстоятельствъ.—Изъ Чернигова имѣли проводить стараго владыку 1-го маія, и новаго встрѣтить 15 маія, но не знаю, какъ случилось.

Будьте здоровы, желаю вамъ отъ Господа благодати и милости.

Вашъ покорнѣйшій братъ и слуга о. Іеронимъ.

25 маія 1831 года. Свіяжскъ.

Въ жизни, не какъ въ училищной борьбѣ,—здѣсь мѣстныя и неизвѣстныя обстоятельства много берутъ. Посмотрите теперь и на своихъ первокурсныхъ,—иной и магистръ высокій, но еще за облако хватается [2]), а иной и кандидатъ, да уже въ *Костромѣ* [3]); иной членъ Синода [4]), а другой—и не семинарскаго правленія. Суета и произволеніе духа! Едино есть на потребу.

---

[1]) Т. е. митрополитъ московскій *Филаретъ Дроздовъ*. Его давно съ нетерпѣніемъ ждали въ Петербургѣ—для присутствія въ св. Синодѣ—и тогдашній оберъ-прокуроръ Синода С. Д. Нечаевъ все понукивалъ его скорѣе собираться въ путь. (См. книгу: «Переписка м. Филарета съ С. Д. Нечаевымъ» Спб. 1895 г.). Но холера и другія обстоятельства задержали его въ Москвѣ—и только къ концу сентября 1831 г. Филаретъ пріѣхалъ въ С.-Петерб.

[2]) Намёкъ на товарища Филадельфоваго—архимандрита *Поликарпа Гойтанникова*, доктора богословія и съ 1824 г. ректора Московской д. академіи. Къ нему не благоволилъ моск. митр. Филаретъ—и о. Поликарпъ такъ и недождался архіерейства...

[3]) Разумѣется *Павелъ Подлипскій*, тоже товарищъ Филадельфа, съ 26 мая 1830 г. уже *епископъ Костромской*.—Съ 1836 г. по 1859 онъ былъ архіеписк. *Черниговскимъ*, а затѣмъ уволенъ на покой и скончал. 27 ноября 1861 г.

[4]) Разумѣется *Григорій Постниковъ*, тоже товарищъ Филадельфа,—любимецъ митроп. москов. Филарета, въ это время уже *архіепископъ Тверской* и еще съ марта 1829 г. членъ св. Синода...

Въ Черниговѣ до 1-го маія ради холернаго страха не учили и не учились. Живутъ всяко кое-какъ, ублажаютъ прошедшее *по-стариковски*. А я и здѣсь обрусѣлъ—слава Богу.

Посланъ ли кто ревизоромъ на Волынь или нѣтъ? Тамъ, какъ пишутъ уроженцы изъ Питера, племянники берутъ, да побираютъ [1]), а отъ каждаго причта привозятъ якобы благочинные явно по..... [2]) и открыто.

Каково теперь живутъ ваши *Полтавцы*? Хвалятся ли новымъ владыкою или нѣтъ [3])?—Архіерейство лестно, но не легко. Надо ума, терпѣнія и труда,—и плакать стыдно.

6.

Любезнѣйшій о Христѣ Господѣ братъ, о. архимандритъ и ректоръ Филадельфъ!

Давно, давно уже не бесѣдуемъ мы съ вами! Я еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ получилъ всепріятнѣйшее письмо ваше, и благодарилъ Бога, по охотѣ и лѣтамъ вашимъ паки васъ на ученое поприще призвавшаго, но не отвѣчалъ доселѣ—почему? и самъ не знаю почему. И вы и каждый знаетъ, что при всемъ усердіи и любви, не всегда человѣкъ готовъ и склоненъ бываетъ какъ къ словесной, такъ и письменной бесѣдѣ. Таковы мы всѣ, если не притворяемся, таковъ составъ нашъ, таково естественное устроеніе души и тѣла нашего.

Ваше описаніе страны той—любопытно [4]). Я сообщалъ оное на словахъ какъ владыкѣ здѣшнему, такъ и другимъ моимъ со-

---

[1]) Т. е. племянники тогдашняго епископа волынскаго *Амвросія Мóрева*, правившаго Волынью съ 1828 г. по 1832 г.

[2]) Не разобрано слово.

[3]) Этимъ «новымъ владыкою» былъ преосв., *Наѳанаилъ Павловскій*, управлявшій Полтавскою епархіею съ 1830 по 1834 г.

[4]) Т. е. описаніе Бессарабіи и Кишинева, куда Филадельфъ назначенъ былъ изъ Москвы ректоромъ Кишиневской д. семинаріи.

бесѣдникамъ, какъ на словахъ, такъ и на письмѣ. Кушайте во здравіе какъ мидіи[1]), такъ и стридіи и кулбахи[2]), и поздравляю васъ, что живете въ странѣ, чуждой предразсудковъ касательно снѣдей, запиваете цѣльнымъ и чистымъ виноградным, но не худо припоминать и монашеское воздержаніе среди самыхъ невоздержнѣйшихъ обстоятельствъ, и что я говорю—не худо? весьма нужно и весьма полезно; ибо *ветхій нашъ человѣкъ*, утывъ, утолстѣвъ, разширѣвъ, можетъ расторгнуть всѣ оплоты, и довести насъ первое до нравственнаго, а послѣ, какъ обыкновенно бываетъ, и до физическаго ничтожества, отъ чего да сохранитъ насъ Господь, просвѣщеніе и Спаситель нашъ, и Пречистая Его Матерь, покровъ и заступленіе наше въ жизни и по смерти[3]). Какъ далѣе живете? Каковъ къ вамъ владыка?[4]) и есть ли знакомые добрые люди изъ свѣтскихъ и духовныхъ? Каковъ монастырь

---

1) *Мидіи*—это устрицы въ черепашкахъ (въ «скóпкахъ»)... При морскомъ волненіи, мальчишки собираютъ ихъ на берегу цѣлыми тысячами. Изъ нихъ приготовляется кушанье *пилáвъ*, особенно любимое греками и молдаванами (по-молдавски: *пилáвъ ку-мíди)*. Замѣтимъ, что въ то время приморская Одесса принадлежала къ Кишиневу—въ епархіальномъ отношеніи.

2) *Стрíдіи*—устрицы, приготовленныя съ лимономъ—кушанье, коимъ восторгаются мѣстные жители.—*Кульбáхи*—пироги съ свѣжей капустой, очень вкусны.

3) Все это писано было къ Филадельфу въ чисто *пророческомъ духѣ*... Обиліе и дешевизна въ Бессарабіи прекраснаго вина—особенно въ то старое время—увлекли съ прямой дороги не одного попадавшаго туда *ученаго монаха*, да и не монахе только, а и изъ свѣтскихъ семинарскихъ наставниковъ... Послѣ Филадельфа въ Кишиневѣ вынужденъ былъ уйти на покой и преемникъ его по ректурѣ въ духовной семинаріи архим. *Тихонъ Солнцевъ*, воспитан. Кіевской академіи выпуска 1837 г...

4) «Владыкою» въ то время въ Кишиневѣ былъ архіеп. *Димитрій Сулима*, по матери родной дѣдъ извѣстнаго малорусскаго общественнаго дѣятеля *Алексѣя Алекс. Андріевскаго*,—личность въ исторіи Бессарабіи весьма замѣчательная.

вашъ по людямъ и выгодамъ [1]) и какъ вамъ нравится страна та противъ прочихъ, гдѣ жили вы? Написать въ отвѣтномъ прошу.

А я вамъ откровенно пишу по братски, что я живу нынѣ, милостію Божіею и начальства, съ строгимъ или милостивымъ намѣреніемъ сюда меня послѣ чреды пославшаго, какъ въ земномъ странствіи полагать, преблагополучно. Монастырь мой, теперь много обстроенный послѣ 20-тилѣтняго опущенія, и памятникомъ мнѣ будетъ служить, и есть уже и не бурное пристанище, и, такъ сказать, одинъ изъ тѣхъ островов, кои язычники назначали по смерти для душъ блаженныхъ. Una ex insulis fortunatis [2]).

Бѣдный преосв. Д—сій при своихъ сужденіяхъ и житіи столичномъ! [3]) Онъ и одного дня такъ тамъ не проживаетъ, и ни ночлега, ни пріема ни одному владыкѣ такъ дать не можетъ, какъ я пяти уже далъ. Денегъ еще не собралъ, ибо душевное усердіе имѣлъ рисковать даже своею частію, чтобъ скорѣе изъ развалинъ *Израильскихъ* [4]) сдѣлать градъ обительный. По усердію и настоянію владыки и въ Казань для присутствованія пріѣзжаю—это разнообразитъ и приправляетъ уединеніе, и такъ благодаря Господу какъ во снѣ протекло уже 2 годы съ половиною... Собрались и люди въ монастырѣ, нашлись и знакомые изъ разныхъ сословій. Объ архіерействѣ моемъ только ученики да родные братья толкуютъ [5]); а я, относя, въ монашеской и христіан-

---

[1]) Въ качествѣ ректора Кишиневской д. семинаріи, архим. Филадельфъ былъ и настоятелемъ *Добружскаго монастыря*—въ Бессарабіи.

[2]) «Одинъ изъ счастливыхъ островов».

[3]) Это упомянутый выше епископъ *Діонисій Цвѣтовъ*, въ 1828 г. уволенный отъ епархіи съ пенсіею въ 3 тысячи рублей и назначенный въ Москву «для священнослуженія и крестныхъ ходовъ». Скончался 24 апрѣля 1846 г. въ Московскомъ Богоявл. монастырѣ.

[4]) Намекъ на запустѣніе 20-тилѣтнее монастыря при предшествовавшемъ настоятелѣ, архим. Израилѣ.

[5]) Изъ родныхъ братьевъ архим. Іеронима—одного, именно о. *Пантелеимона Гавриловича Визерскаго,* мы въ концѣ 50-хъ г.г. прошлаго XIX вѣка застали протоіереемъ и настоятелемъ *Воскресенской церкви*, что на Подолѣ—между Хоревой и Спасской ул. Онъ уже былъ

ской покорности, къ вышнему распоряженію возвышеніе или униженіе наше, благодарю Бога о всемъ—и настоящемъ, и будущемъ, какое Богъ устроитъ; не забываю и крѣпко помню, что уже 51 годъ назади, и что сближается и очевидно сближается то, предъ чѣмъ окажутся пустяками всѣ возвышенія человѣческія физическія и политическія; надобно отдать все моральности, и по ней назначутъ—вѣчную обитель... Я думаю, что и вамъ это, какъ и всякому благоразумному, часто на мысль приходитъ. Да и есть о чемъ думать, ибо это не сновидѣніе, которое произволомъ правящихъ смертныхъ и назначается и отнимается.

Что вамъ въ гостинецъ изъ Казанской области прислать? Стерлядей волжскихъ переслать не удобно, а прошу сюда пріѣхать ухи похлебать. Прислать же можно вамъ или крепы, когда тамъ нуждаетесь, или холстъ татарскій съ *ичиками* или вышитыми сапожками, или чайку лучшаго. Я вашъ должникъ еще по Москвѣ. Отозвитесь и скажите. Теперь отъ Макарьевской ярмонки возвращаться начали. Ибо знайте, что чрезъ Казань все идетъ изъ Китая и Сибири и злато и серебро,—но только *идетъ*, а покупать извольте на Нижегородской ярмонкѣ. Здѣсь же и показывать ни за что не станетъ. У васъ же нѣтъ ли хоть маленькой иконки св. Митрофана новаго Воронежскаго чудотворца [1]), или Флегонту напишите [2]), а *я вамъ отдячу*, только не забудьте прислать мнѣ это сокровище.

глубокимъ старикомъ и скончался въ концѣ 60-хъ гг.—Вотъ отъ этого-то о. Пантелеимона Визерскаго В. И. Аскоченскій и позаимствовалъ нѣсколько свѣдѣній объ *Іеронимъ Визерскомъ* и помѣстилъ ихъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: «Кіевъ—съ древнѣйшимъ его училищемъ—академіею».—Кіевъ 1856 г. часть 2-я—стран. 408.

[1]) Открытіе мощей св. Митрофана Воронежскаго послѣдовало 7 авг. 1832 г.

[2]) Кто такой *Флегонтъ*,—не знаемъ. Кажется, братъ Филадельфа.—У него былъ другой братъ—*Поликарпъ Ивановичъ Пузына*, докторъ медицины и переводчикъ нѣкоторыхъ медицинскихъ сочиненій на русскій яз.

На ваше мѣсто, какъ слышу, въ Златоустовъ произвели о. Даніила, китайскаго іеромонаха. Онъ былъ проѣздомъ съ о. архим. Петромъ у насъ и хорошо познакомились. Уроженецъ Пензенскій изъ семинаристовъ [1]).—Любезнѣйшій преосв. Кириллъ [2]), переведенный изъ Вятки въ Каменецъ, пишетъ ко владыкѣ нашему, что все ему тамъ не нравится: Каменецъ—какъ крѣпость, наполненная жидами, ляхами и армянами, и онъ сидитъ и на свое возвышеніе *горько плачетъ*. Аѳанасію въ Тобольскѣ также грустно, но этому по дѣломъ. Онъ совсѣмъ не похожъ на Кирилла [3]). Изъ Черн. Елецкаго—преемника моего Аѳанасія перевели въ Тверь, а на его мѣсто назначенъ изъ Тамбова Агапитъ, сейчасъ-же вызвали на чреду,—и о. Огіевскій паки проректорствуетъ, а Самчевскій учитъ богословію [4]).

Простите! Будьте Богомъ счастливы! Пребываю усерднѣйшій братъ и слуга о. Іеронимъ.

28 августа 1832 года г. Свіяжскъ.

Пишетъ ли къ вашему владыкѣ [5]) бывый Иркутскій преосв. Ириней изъ Вологды и какъ живетъ онъ? Это мнѣ по Кіевской академіи презнакомый человѣкъ. Чудное его вызвышеніе и судьба!

---

[1]) Въ «Спискахъ» Строева (стран. 197 и 564) онъ называется бывшимъ профессоромъ Казанскаго университета.

[2]) Вышеупомянутый—*Кириллъ Богословскій-Платоновъ,* товарищъ Филадельфа по академіи. управлялъ Подольскою епархіею съ января 1832 г. по мартъ 1841 г. Замѣчательнѣйшая личность въ исторіи Подольской епархіи!..

[3]) Преосв. *Аѳанасій Протопоповъ*—тоже вышеупомянутый—товарищъ Филадельфа; переведенъ изъ Нижняго-Новгорода въ Тобольскъ, вслѣдствіе гнѣва на него московскаго митроп. Филарета...

[4]) Преемниками Іеронима въ Черниговѣ были: сначала—архим. *Аѳанасій Соколовъ*, впослѣд. архіепископъ Казанскій,—а затѣмъ—архим. *Агапитъ Вознесенскій*—впосл. епископъ Томскій.—При отсутствіи ректоровъ Черниговской семинаріи, должность ректора исправлялъ вышеупомянутый о. Ал. Огіевскій,—а І. Ак. Самчевскій вмѣсто ректора читалъ уроки по Богословію.

[5]) Т. е. къ вышеупомянутому *Димитрію Сулимѣ*.

Убо образомъ ходитъ возвышеніе человѣческое! [1]) Vanitas vanitatum!.. [2])

Что къ вамъ изъ Переяслава и Вологды пишутъ, да и пишутъ ли?—Въ Черниговѣ все не по старому—какъ пошли, такъ и пошли. Были ли вы у кого проѣздомъ въ Нѣжинѣ и Кіевѣ? и у кого и какъ?

О. Нилъ безъ монастыря въ Ярославѣ ректорствуетъ. Поликарпъ, Московской академіи ректоръ, издаетъ догматику, одо-

---

[1]) Смотр. *Псаломъ* 38-й, ст. 7-й.

[2]) «Суета суетъ»!— «Бывый Иркутскій преосв. Ириней»—это архіепископъ *Ириней Нестеро́вичъ*, судьба котораго дѣйствительно замѣчательна по своей превратности. Онъ былъ родомъ изъ села *Дмитрушекъ*, уманскаго уѣзда, кіевской губерн., сынъ священника этого села и въ мірѣ назывался *Иванъ Гаврилович Нестеро́вичъ*, учился въ старой Кіевской академіи и послѣ былъ въ ней учителемъ. Въ 1811 г. бывшимъ митрополитомъ Кіевскимъ *Гавріиломъ Банулеско* вызванъ былъ въ Яссы, а затѣмъ перешелъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кишиневъ, гдѣ, принявши монашество съ именемъ *Иринея*, былъ сначала префектомъ, а потомъ и ректоромъ (*вторымъ*—по порядку) учрежденной въ 1813 г. митроп. Гавріиломъ Кишиневской д. семинаріи—съ 1820 г. по 1826. Въ это-то время и узналъ онъ поэта Пушкина и, по порученію извѣстнаго генерала Инзова, часто бесѣдовалъ съ нимъ.—Въ 1826 г. вызванъ былъ *на чреду* въ С.-Петербургъ и скоро посвященъ былъ во епископа Петербургскаго,—а въ 1830 г. назначенъ былъ архіепископомъ Иркутскимъ. Здѣсь, по горячности своего характера, вступилъ въ столкновеніе съ иркутскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ *Лавинскимъ*, по доносу котораго былъ уволенъ отъ управленія Иркутскою епархіею—съ *указомъ* ѣхать на жительство въ Спасо-Прилуцкій монастырь вологодской губ. Но *подлинности* этого указа Ириней не призналъ—и вотъ возникло знаменитое дѣло о *«Бунтѣ архіепископа Иринея»*, о которомъ въ первый разъ пикантныя извѣстія появились въ «Русской Старинѣ» за 1878 г. (томъ 23-ій); теперь все это характерное дѣло въ подлинныхъ документахъ напечатано цѣликомъ въ 113 томѣ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» (*книга вторая*, стран. 4—60).—Изъ Вологды въ 1848 г. архіеп. Ириней переведенъ былъ въ *Толгскій монастырь*, ярославской губ., гдѣ и скончался въ 1864 г.

бренную въ классическія. Кораблиновъ купилъ деревню [1]). Суровцовъ профессорствуетъ.

Преосв. Псковскій Меѳодій упалъ на глаза и пріѣхалъ въ С.-Петербургъ лѣчиться [2]). Анатолій Максимовичъ заводитъ Симбирскую епархію [3]), Парѳеній Владимірскій лѣчится [4]).

Сообщ. **Л. М.**

---

[1]) Уволенный отъ наставнической должности въ Волынской духовной семинаріи въ 1823 г., по извѣстному дѣлу—вышеупомянутому,—Кораблиновъ впослѣд. былъ профессоромъ дипломатіи въ Казанскомъ университетѣ.

[2]) Архіеп. *Меѳодій Писнячевскій*, уроженецъ полтавской губ. и воспитанникъ старой Кіевской академіи и Московскаго университета, управлялъ Псковскою епархіею съ 1825 г. по 1834 г., затѣмъ уволенъ былъ на покой--въ Лубенскій Преображенскій монастырь, гдѣ и скончался 10 іюля 1845 г.

[3]) Архіеп. *Анатолій Максимóвичъ*, также изъ воспитанниковъ Кіевской академіи,--изъ Минска былъ переведенъ въ новоучрежденную Симбирскую епархію—съ 10-го февраля 1832 г. Въ 1842 г. былъ уволенъ на покой въ Сызранскій Вознесенскій монастырь, гдѣ и скончался 14 февр. 1844 г.

[4]) Архіеп. *Парѳентій Чертковъ*—управлялъ Владимірскою епархіею съ 1821 г. по 1850 г., когда перемѣщенъ былъ на Воронежскую каѳедру, на которой и скончался 5 авг. 1853 г.—Въ началѣ сентября 1852 г. къ нему явился новый молодой наставникъ Воронежской духовной семинаріи *Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ*, окончившій въ 1851 г. курсъ Кіевской д. академіи,—съ рекомендательнымъ письмомъ отъ тогдашняго кіевскаго митрополита *Филарета Амфитеатрова*. Письмо это напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1899 г. (№ 6-й, стран. 207—208).

Гервасій Линцевскій.

(Матеріалы по исторіи Переяславской епархіи третьей четверти XVIII ст.).

---

22 декабря 1904 года исполнится 135 лѣтъ со дня кончины одного изъ замѣчательныхъ архипастырей полтавско-переяславской епархіи, Гервасія Линцевскаго, занимавшаго каѳедру епископа переяславскаго и бориспольскаго съ 1757 г. по 1769 г. Недюжинная личность этого архіерея памятна не только въ лѣтописяхъ полтавско-переяславской епархіи; къ личности Гервасія невольно привлекается вниманіе—и ученаго, разрабатывающаго исторію южно-русской церкви, и историка, занятаго политическими судьбами Малороссіи.

Гервасій—малороссъ по происхожденію и въ мірѣ назывался Григоріемъ Линцевскимъ, (Линчевскимъ, Лѣнцевскимъ). Родился онъ въ семьѣ кіевскаго священника; время рожденія точно не извѣстно. Хотя въ печати встрѣчаются указанія, въ силу которыхъ годомъ рожденія Гервасія можно считать 1684 г., но другія данныя склоняютъ отнести рожденіе его къ 1690 году.

Образованіе Гервасій получилъ въ Кіевской академіи, которую окончилъ въ 1727 г. Принявъ монашество, онъ состоялъ нѣкоторое время профессоромъ родной академіи, а затѣмъ 8 лѣтъ проходилъ должность намѣстика Кіево-Михайловскаго монастыря [1]).

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни Гервасія до назначенія въ Пекинъ см. у проф. Н. И. Петрова въ изданныхъ имъ «Актахъ

24 января 1743 года Гервасій назначенъ былъ архимандритомъ пекинскаго Срѣтинскаго монастыря съ правами начальника русской духовной миссіи въ Китаѣ [1]). Пробывъ въ Китаѣ съ 1745 по 1755 г., Гервасій возвратился въ Россію и, поселившись въ Москвѣ, скоро получилъ назначеніе на каѳедру епископа переяславскаго и бориспольскаго [2]). Получивъ указъ объ этомъ назначеніи, Гервасій писалъ въ переяславскую духовную консисторію: «Сего настоящаго 1757 года мая 5 дня изъ святѣйшаго правительствующаго синода мною полученъ о милостивѣйшемъ Ея Імператорскаго Величества пожалованіи мене въ епархію переяславскую и святѣйшаго синода благоизволенію указъ такой и къ вамъ въ консисторію переяславскую объ томъ же посланъ. По силѣ же онаго что надлежитъ виправѣ такъ духовнихъ, какъ и мирскихъ людей къ намъ въ Москву и прочихъ потребностей сами изволите, сколко чого безъ излишества и скудости будетъ надобно, благоразсудити. А наипаче примѣнятися къ виправѣ антецесора [3]) нашего, почившого въ блаженихъ преосвященого Іоанна, оберѣгая прилѣжно излишного кошту. И мнѣ доволно будетъ зъ духовнихъ людей іеромонахъ единъ честний и при немъ дияконі два, да зъ мирскихъ котори бъ могли прочитати и пропѣти чоловѣки три или чотирѣ. Зъ ризницѣ сакоси два свѣтлии и траверний [4]) и прочее къ тому надлежное. Поизди такоже неизлишнии: берлинъ единъ, зъ лошадей пару и къ онимъ на пе-

---

и документахъ, относящихся къ исторіи Кіевской духовной академіи», Кіевъ 1904 г. отд. 2, т. I, ч. 2, и у Д. Вишневскаго «Кіевская академія въ первой половинѣ 18-го столѣтія», Кіевъ 1903 г.

[1]) О пекинскомъ періодѣ жизни Гервасія см. «Православная миссія въ Китаѣ» іером. Николая Адоратскаго («Православный Собесѣдникъ» 1887 г., ч. 2-я).

[2]) Извѣстіе Строева («Списки іерарховъ», Москва, 1877 г.) о томъ, что Гервасій въ 1757 г. занималъ нѣсколько мѣсяцевъ должность настоятеля черниговскаго Елецкаго монастыря, врядъ-ли достовѣрно.

[3]) Антецесора—предшественника по управленію переяславской епархіей.

[4]) Т. е. 2 саккоса—1 свѣтлый, праздничный и 1 траурный.

ремѣну пара другая. Спалню такожде зъ перемѣною лошадей, верхнихъ доволно два. Наипаче же взять зъ собою чоловѣка вѣжливого въ писмахъ и въ дѣлахъ приказнихъ; водка добрая ганишкая [1]), такоже и сочнихъ вишневихъ и сливнихъ велми потребнихъ, котории могутъ вмѣсто виноградних винъ гораздо послужить. Отправите же зъ обозомъ вѣжливого человѣка, который и прежде сего бивалъ въ Москвѣ и знаетъ поступокъ. Приезжая же къ Москвѣ, ставъ въ разстоянии отъ Москви и прислати передъ въ домъ его преосвященства преосвященого Іларіона Крутицкаго загородни Крутицкий и объ томъ извѣстити. Прежде же объ всемъ отправленомъ взять виписъ зъ канцелярии зъ Глухова. Когда же будетъ прыбитие въ Москву въ небытии моемъ въ Москвѣ, то мене тутъ и дожидатися до возвращения зъ Питербурга. О другомъ же я надѣюся и на разсужденія вашихъ превелебностей полагаюся. Вашихъ превелебностей отцевъ и возлюбленихъ о Христѣ братии моея всепокорный слуга Хинскій архимандритъ Гервасій Л. Мая 5 дня, 1757 года Москва» [2]). Это письмо было получено въ Переяславѣ 23 мая, а 30 мая получилось другое, въ которомъ Гервасій просилъ поспѣшить—«скорѣе онную виправу здѣлати и отпустити къ намъ», такъ какъ «прежде прибытія отправленія» изъ Переяслава онъ не предполагалъ ѣхать изъ Москвы въ Петербургъ. Первая «виправа» отправлена была къ Гервасію въ Москву въ іюнѣ, а въ августѣ, уже въ Петербургъ, снова былъ посланъ изъ консисторіи посланецъ—іеромонахъ Меркурій Севериновъ, повезшій, между прочимъ, съ собою къ новопоставленному епископу «перепусканного вина 15 вѣдеръ, да простого 15 вѣдеръ» [3]).

---

[1]) Вѣроятно, ганусковая, т. е. анисовая.

[2]) Это письмо найдено нами въ архивѣ Полтавской духовной консисторіи. Вслѣдствіе хаотическаго состоянія дѣлъ въ этомъ архивѣ, равно какъ и въ архивахъ Кіевской духовной консисторіи и Переяславскаго Вознесенскаго монастыря, мы лишены возможности дѣлать указанія на №№, связки и шкафы.

[3]) Тоже въ архивѣ полтавской духовной консисторіи.

23 іюля 1757 года въ Петербургѣ состоялось нареченіе, а 27 іюля въ Петропавловскомъ соборѣ хиротонія Гервасія во епископа переяславскаго и бориспольскаго. На епархію Гервасій прибылъ только къ ноябрю. Въ то время епархія переяславская составлялась изъ частей нѣсколькихъ нынѣшихъ губерній—полтавской (въ уѣздахъ переяславскомъ, золотоношскомъ, пирятинскомъ и кременчугскомъ), кіевской (въ юго-восточныхъ уѣздахъ), херсонской (сѣрово-восточная часть) и екатеринославской (небольшой клочекъ земли въ сѣверо-западной части). Епархія была обширна, но бѣдна. Насколько бѣдна была переяславская епархія, видно, напримѣръ, изъ дѣла объ учрежденіи въ епархіи переяславской особаго кошельковаго сбора въ 1763—64 гг. [1]).

Консисторія и протопопы представили епископу Гервасію, что учрежденіе новаго кошельковаго сбора немыслимо въ переяславской епархіи, при чемъ ссылались именно на крайнюю бѣдность церквей. Управляющіе монастырями сообща донесли Гервасію: «Здѣшней епархіи вашего преосвященства монастирѣ находятся въ скудости и обветшаніи». При этомъ каждый изъ нихъ представилъ подробное донесеніе о состояніи своего монастыря. Настоятель каѳедральнаго переяславскаго Вознесенскаго монастыря объяснялъ такъ: 1) тяжелымъ бременемъ на монастырь ложится содержаніе семинаріи, такъ какъ ея «учителы на произвожденіи денежнаго жалованья и на всей пищи катедралной содержатся»; 2) монастырь сильно пострадалъ отъ пожара 1748 г. и еще не оправился до этого времени (1764 г.)—«какъ трапезы, колокольнѣ, такъ и ограды не имѣется въ немъ крайнѣ; 3) учрежденіе въ Малороссіи въ 1755 г. таможенъ лишило монастырь доходовъ ежегодно на сумму 477 р. 85½ к.; 4) въ 1763 г. гетманъ отобралъ монастырскую вотчину при селѣ Лозовой; 5) хотя другія вотчины при монастырѣ имѣются, но онѣ малодоходны «по внѣшнимъ народнимъ отягощеніямъ, а паче чрезъ всегдашніе

[1]) Сборъ предназначался «на возобновленіе и снабженіе неимущихъ монастырей и церквей, въ Польшѣ находящихся». См. въ архивѣ старыхъ дѣлъ при Кіевской духовной консисторіи.

армейскихъ полковъ переходы» и постои, обусловливаемые близостью границы; 6) «многіи зъ старшинъ и козаковъ завладѣли неналежно многими грунтами», монастырю принадлежащими, вслѣдствіе чего возникли судебныя тяжбы, причиняющія немалые убытки. Игуменъ Михайловскаго переяславскаго монастыря доносилъ, что обитель эта «и съ начала своего основанія за малость земель, подданихъ и угодій снабдѣніе получала и препитаніе болше съ милостины», «нынѣ въ крайнее обнищаніе пришла съ того наипаче», что въ 1757 г. козаки села Помокель отняли у монастыря принадлежащую ему степь, а въ 1764 г. также—лѣса, поля и сѣнокосы; «ветхія строенія, которія въ нутрѣ онія обители находятся, требуютъ подчинкы и перестройкы», между тѣмъ средства обители таковы, что нечѣмъ и братію «препитать», а тутъ еще приходится на семинарію отпускать ежегодно—«пшона четверть, сала пудъ, масла пудъ, сира вѣдеръ пять». Правящій золотоношскимъ Красногорскимъ монастыремъ писалъ, что этотъ монастырь «въ крайней скудости и ветхости находится нынѣ и всего вновь строенія требуетъ», въ кельяхъ «великая вездѣ течь» бываетъ во время дождя; жаловался на «малолюдное число подданихъ и скота» монастырскаго, на то, что принадлежащія монастырю мельницы на рѣкѣ Золотоношѣ лѣтомъ не работаютъ «по причинѣ изсихающей тогда воды»; между тѣмъ, ежегодно на семинарію монастыремъ отпускается «пшона четвертей двѣ съ половиною, сала пудовъ два, масла коровьего пудовъ два, сира вѣдеръ десять».—При бѣдности монастырей и церквей епархіи доходы переяславскаго архіерея были крайне скудны,—это видно, напримѣръ, изъ переписки епископа Гервасія съ митрополитомъ кіевскимъ Арсеніемъ Могилянскимъ, относящейся къ 1764 и 1765 годамъ [1]. Митрополитъ Арсеній вслѣдствіе «приключившейся немощи» «въ такое слабаго здравія состояніе пришелъ, что черезъ нѣсколько времени и священно-

---

[1]) Переписка эта сохранилась въ старомъ архивѣ Кіевской духовной консисторіи, частію-же въ архивѣ Полтавской духовной консисторіи.

служенія имѣть не моглъ»; поэтому онъ обратился къ Гервасію съ просьбой о рукоположеніи послѣднимъ ставлениковъ Кіевской епархіи. Гервасій отвѣтилъ, что хотя «людей къ служенію свободнихъ» онъ не имѣетъ и «отъ дѣлъ другихъ къ показанному отривать» ему придется, тѣмъ не менѣе изъявилъ полную готовность «услужити» кіевскому владыкѣ.

Въ благодарность за услугу Арсеній послалъ Гервасію «маленькій презентикъ десять червонихъ» при письмѣ отъ 11 сентября 1764 года, въ другой разъ послалъ «тростку гебанову». Гервасій за подарки горячо благодарилъ,—«столко одолженъ вашымы милостмы»—и со скорбью указывалъ на скудость своихъ матеріальныхъ средствъ, не позволяющихъ отблагодарить,—«наши обстоятелства неважніи знати изволите», и добавлялъ: «стижуся, ибо самъ чимъ достойно благодариты не умѣю»; въ заключеніе просилъ еще присылать ставленниковъ.—Сборы съ епархіи, назначавшіеся на содержаніе архіерейскаго дома и семинаріи, получались крайне неисправно. Въ 1761 г. крайнее пришло оскудѣніе въ семинаріи въ харчахъ», такъ что «учениковъ нѣчимъ покормить» было, вслѣдствіе чего Гервасій вынужденъ былъ, разослать по епархіи строгія предписанія выслать неприсланное въ семинарію съ 1750 по 1761 гг. [1]).

Прибывъ къ началу октября 1757 года на епархію, Гервасій съ чрезвычайною энергіею принялся за дѣла епархіальнаго управленія. Вскорѣ по прибытіи, 13 января 1758 г., онъ издалъ окружное посланіе къ своей новой паствѣ [2]). Въ этомъ обширномъ посланіи Гервасій является предъ нами пастыремъ ревностнымъ, для своего времени высокообразованнымъ и гуманнымъ. Къ священникамъ онъ предъявляетъ, главнымъ образомъ, требованіе—быть заботливыми блюстителями своего храма и свѣтомъ для темнаго люда, просвѣщающимъ его словомъ назиданія, благоче-

---

[1]) См. въ архивѣ при переяславскомъ Вознесенскомъ монастырѣ.

[2]) Напечатано—«Маякъ» 1843 г. т. XI, стр. 122—132; а съ нѣкоторыми измѣненіями—въ видѣ «наставленій» въ «Странникѣ», 1872 г., августовская книжка.

стивымъ житіемъ и дѣлами благотворительности.—Въ 1758, 59 и началѣ 60 года Гервасій предпринялъ рядъ поѣздокъ по епархіи для ознакомленія съ нею. Предъ глазами его встала печальная картина небрежности и невѣжества пасущихъ, духовной тьмы пасомыхъ. Эти наблюденія вызвали Гервасія на другое пастырское посланіе, которое, какъ нигдѣ еще ненапечатанное, мы здѣсь и приводимъ [1]).

Божіею милостію православній Гервасій епископъ переяславскій и бориспольскій.

Сего настоящого года по должности нашей пастирской мы, пастиръ, во многихъ церквахъ градскихъ и селскихъ имѣли посѣщеніе и смотреніе и едва где усмотренно нами въ онихъ церквахъ, чтобъ тое было, что Духъ Святий псаломникомъ повелѣваетъ, что дому Господню подобаетъ святиня, сіе есть всякая чистота, благочиніе, благолѣпіе, благоговѣніе, но тому противное: гнюсности, мерзости, нечистоти во храмахъ Божіихъ какъ внутръ ихъ, такъ и внѣ ихъ, священнослужители же онихъ церковъ, иніи невѣжествомъ будь би то не знаютъ, какъ чистоту онихъ, какъ благочиніе содержати, другіе противо обличающей и вопіющей совѣсти сіе или иное суетно и бездѣлно во оправданіе безстудно приносятъ, и всѣ они по правому ума разсужденію, много же паче по совѣсти и по нелицемѣрному Божію суду безсовѣстни, всѣхъ же ихъ виновнѣе предпоставленіи надъ ними власти протопопи, съ которихъ нѣкоторіе нѣкако, хотя и не равно наказанни, хотя не по равенству своего нерадѣнія и несмотрѣнія, всячески въ своей должности нерадиви и несмотреливи, ниже предъ очеса своя приводятъ онаго Божія угроженія: проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ, и хотя праведно надлежало за вишше показаннія причини по правиламъ святихъ наказивати и не послабляти, обаче еще хотя мнимому невѣжеству снисходя и вѣдущимъ да не творящимъ на время нѣкое послабленіе преподается въ подтвержденіе прежнихъ нашихъ наставленій о чи-

---

[1]) Найдено нами въ бумагахъ частнаго лица.

стотѣ и благолѣпіи Божіихъ церквей симъ доволнимъ наставленіемъ изъясняемъ.

1.

Всемѣрно неотложно и всѣми возможными образи Божія церкви ветхія обновляти и которія точію начинаютъ ветшати и порчъ малую имѣти, тотъчасъ во всякой порчъ малую малимъ коштомъ исправляти и до болшой порчи и кошту не допускати, и хотя новіи будутъ создани, то спустя годъ абіе ихъ ради предохраненія омаліовати, когда жъ хотя бы где теча малая показалася, тотъ часъ задѣливати, понеже и малая теча, отъ времени до времени вознерадѣнная, великій вредъ и коштъ причинитъ.

2.

Внѣ предъ церковними дверми помости древяніе подѣлати, каменей же мелпичнихъ не полагати, какъ у многихъ мы видѣли, ибо неприлично тое есть церкви, мелницамъ же свойственно. Вокругъ храмовъ, начавъ отъ церковныхъ подвалинъ землю посравнивать и дерномъ викласти, пригоже тако жъ и цвинтари, мѣста святія, на которихъ святіи храми Господа и Вседержителя стоятъ, свято, чисто и благоговѣйно сохраняти, ями и могили посравнивати, бурянамъ рости не допущати и въ лѣтѣ часто викошивати, пристойно же и благопріятно есть цвинтари святіи древами благосѣновними и благоовощними во благолѣпіе святини и въ отраду и прохлажденіе приходящихъ порядочно насаживать, огради же всячески по возможности, обаче не гнюснія, окрестъ святилищъ потребно имѣти.

3.

Внутръ святихъ церквей такову чистоту и благолѣпіе содержати: внутръ божественнихъ олтарей престолы во указную мѣру поставити, какъ висотою, широтою и долготою, наипаче въ разсужденіи великости или малости олтаря, украсити по возможности имущества шолковими или бѣлими чистими холстяними

индитіями и покривалами, обаче гладко би и украшеніе тое дѣланно из разсужденіемъ, что и где приложити; степеней окрестъ престола опасности ради въ дѣйствіяхъ священнихъ не полагати. На божественномъ престолѣ таковимъ токмо вещамъ подобаетъ полагатися: святѣйшая дароносица съ пребожественными дарами, евангеліе, крести, антиминсъ, подсвѣщники со свѣщами, потирѣ, воздухи и воздушки; кромѣ же сего иное ничто же, мѣсто бо зѣло свято и страшно есть, на немъ же Сидяй на херувимѣхъ превишше небесъ на престолѣ величества почиваетъ, и ниже книги церковніи какія либо, ниже служебныя. Видѣхомъ нѣкіихъ неразумливихъ и ужасохомся, которіи шапку, очки, рукавецъ и прочая полагали, имже зѣло угрозихомъ и запретихомъ сего жестоко, и отъ казни едино ихъ безуміе едва свободитъ. И жертвеннику божественному воздавати подобаетъ, ниже общихъ просфиръ, кромѣ приношенія, полагати за жертвенникомъ, какъ за обичай отъ глупой увелось простоти, ради умитія рукъ уліи или придѣланнія умивальници не держать, дѣръ въ помостѣ не дѣлать, и тамо рукъ не умивать, и ручниковъ не вѣшати, и во всемъ олтарѣ никакихъ поличокъ и вѣшалокъ не придѣливати, ибо оная олтарная запрестольная часть церкви всѣхъ прочіихъ частей есть честняе и святяе, понеже здѣ есть сѣдалище горное, еже есть престолъ онаго великаго, прошедшаго небеса и сѣдящаго одесную Бога Отца Архіерея, его же ради и служители Его благоговѣніе архіереи благоговѣнія ради мѣста не смѣютъ въ сидѣніи приближатися или посѣдати, есть же оное мѣсто и чело всего святилища, чего для надлежитъ его всячески украшати; огнь потребъ ради олтарнихъ въ пристойнихъ блюдахъ глиннихъ держати на желѣзномъ трипольи; всячески же и неотложно при всякомъ олтару придѣлати камарки, и въ тѣхъ всякіе церковніи олтарніе и всякіе вещи, огнь, угліе, воду и кадило, свѣщи и протчое все содержати, храмъ же Божій, паче же олтарь божественній весма били би чисти и отъ показаннихъ вещей праздни. Проскомидіи печатніи, какіе гдѣ имѣются, честно подклеити и въ рями оправити, непоодалъ жертвенника повѣсити или малими гвоздочками прибити. Катапетасма надъ дверми царскими

такожде била би чиста, на колцахъ малихъ пристойнихъ желѣзнихъ или мѣднихъ, на прутки желѣзномъ випиляномъ гладкомъ, а не на крученомъ повѣшенна, которая когда откривается шуму и звуку не дѣлала бъ, но тихо би откривалася.

4.

Внутръ святилища, си есть внутръ храма или церкви, елико возможно иконостаси всякою возможностію краснія разумнаго изобрѣтенія, икони же доброю живописею устрояти и въ дѣло оныхъ никакого либо невѣжу майстра, столяра такожъ и иконамаза, но вѣжливихъ майстеровъ взисковати; хотя ради ихъ исскуства и кошту болѣе что прибавити, въ якомъ дѣлѣ священники селскіи, а хотя би и градскіи, мало вежливіи таковихъ художествъ, должни зъ розумними въ томъ дѣлѣ съ искусними совѣтовати и ихъ совѣтъ пріймати и не только би чтобъ что ни есть въ церквѣ было, но било би красно и удало, и все намѣреніе на тое обратити, чтобъ церковъ Божію въ красоту привести.

5.

Подсвѣщники болшіе, которіе предъ намѣстними иконами или предъ другими поставляются, должни имѣти съ тѣми иконами пропорцѣю или возмѣріе, то есть не високи столко, сколко би могли икони онія закривать и отъ людскаго зрѣнія заслоняти; но мѣрою били би такови: верхнія блюда, на которихъ свѣщи поставляются, били би висотою точію противу икони ногъ, или края одежи, на блюдѣ же онѣмъ поставленніи свѣщи, хотя мало и заслоняютъ очесъ икону, обаче не столко, какъ самія подсвѣщники или свѣтилники, какъ то ми во многихъ церквахъ видѣли, оніе же подсвѣщники или свѣтилники по имуществу казны церковнія били би деревяннія, рѣзаннія, а хотя и точеннія, обаче пригожія, не гнюснія и красками викрашенія, такожде и станки желѣзніи на блюдахъ для уставленія свѣчъ утвержденія, не грубо бы отъ кузнеца неумѣлаго здѣланніи, но художно нѣкако, оніи же подсвѣщники всегда чисто содержати, не омаліовати, не обжигати, свѣщами ниже сажою оторванною марати, какъ то и гнюсніи

невѣжи священники и пономари заобикли, и свѣщи поставленніи на свѣщницѣхъ всегда въ чистотѣ хранити, течи воцанія гладко ножами оскобливати, и прилѣпками на прилѣпки не запаскуживати.

6.

Столци, на которихъ икони или евангеліе ради цѣлованія народу полагается, такожъ имѣли би къ народу и разному возрасту пропорцѣю, или возмѣріе, на которихъ когда ради цѣлованія евангеліе или икони предлагаются, удобно би и безъ трудности отроковъ и юношъ среднїй и младолѣтнїй возрастъ возмогли бы досязати цѣлованіемъ; украшати же и сія столци по имуществу церковнаго имѣнія, обаче пристойно, честно и пригоже, а не гнюсно было бы, и на сихъ столцахъ всегда облеченіе и покривала чистіе и незамараніе и убраны вѣжливо и красно.

7.

Аналогіи, на которихъ святіи кныгы чтенія ради предпоставляются, надлежитъ имѣти такожде честно и художно точенныи или инако, единаче художно содѣланныи и висотою въ пропорцею меншихъ и болшихъ четцовъ, не билобъ имъ въ чтеніи такожде неудобства, и покривати я не гнюсними какими кожами или загнюшенними платами, но хотя и кожею, но красною, доброю или матеріею какою чистою и честною.

8.

Клироси, в которихъ поютъ пѣвцы, не гнюсно жъ бы и нерадиво, какъ то во многихъ церквахъ видѣли есмы овъ на овую, другїй же на другую страну поваленніи и развращенніи, но майстерно и красиво устроеніи; внутръ же или внѣ клиросовъ мѣста пристойніи ради полаганія или спряту книгъ церковнихъ; столци или шафки тому приличніи покрити такожде какими покривалами, да не нагимъ деревомъ книги отиралися бы и портилися, во чтеніи же онихъ и употребленіи дячкамъ и четцамъ о храненіи онихъ крѣпко и крѣпше приказать и того самимъ же священникамъ воспрілѣжно наблюдати.

9

Которія церкви древяними помостами или цеглиними вимощени били, по времени онія осѣли, помости же вишереченнія поднялися вгору, чего для и дверемъ церковнимъ не свободно есть отверзеніе и ходъ, такожде и онія самія доски въ великомъ неравенствѣ начали бити и хожденію народному опасно мѣшаютъ. Нѣкоторіе же неразумци священници по неразумію и неразсужденію грубому двери церковнія добрія ради вознесшагося помоста понадрубовали и попортили; землю, на которой такіи помости застряли, виносивъ, помости опустити застряліе и равностію всяческою сравнити, а дверей бы церковнихъ безумно не портити, и ямъ ради хода дверняго не продѣловати, помости же показанніи, гладко и чисто вимощеніи, почасту смивати, иногда же чисто смѣтати или витирати.

10.

Икони въ храмѣхъ Божіихъ имѣти спотребу токмо, и тіе имѣти, какъ древній обичай церковній, содержать въ иконостасахъ расположенніи такожъ и на стѣнахъ въ лѣпоту и чиннимъ расположеніемъ расчиняти съ разсужденіемъ, гдѣ коимъ иконамъ бить пристойно, и въ томъ разсуждати священникамъ и чего они разсужденіемъ не дойдутъ, другихъ себе умѣлшихъ испросить, какъ въ пропорцію где что поставити, с чего благолѣпіе храму Божію будетъ приложено; злишнихъ же иконъ по силѣ духовнаго регламента надъ икони не поставляти и не завѣшивати иконостасовъ и другихъ иконъ, какъ то намъ вѣдати по нѣскольку случилося, такожъ и не вѣшати на веровкахъ ово тамъ, ово индѣ, понеже тое не отъ благоразумія войшло, но отъ простоти и невѣжества, такожде и ко благолѣпію Божіихъ храмовъ не пособляютъ, но и предосужденіе и толкъ противній нѣкіимъ, паче жъ иновѣрнимъ, приносятъ, чего и правовѣрнимъ умнимъ не абіе удобно защитити; того ради благопристойнѣе есть икони излишніи, оставивъ спотребу во благолѣпіе храма, во скудніе святіи храми распредѣлити; подобножъ и оніи завѣшанніи снявъ

или при стѣнѣ въ приличномъ мѣстѣ поставити, или буди нѣтъ мѣста, и онія також въ храми, которіе скудостію иконъ лишаются, во украшеніе отдати.

11.

Хотящіи отъ благоговѣнія ко Богу или святимъ Божіимъ въ честь ихъ какову икону купити въ какой либо храмъ, должни того храма священника спросится, какова икона храму тому есть нужна, и какія еще въ ономъ не имѣются. Священникъ же о томъ благоразсудивъ доволно, коей еще нѣтъ, или какая есть потребна, дасть совѣтъ и тотъ совѣтъ желающему икону купити пріймати, самоволніи же, ненужніи и излишніи священникамъ въ церковъ не принимати; понеже хотя кто и обѣтъ въ тому имѣетъ, то должно имѣть благоразсудно, и хотящіи пособити храму Божію должни пособити въ нуждахъ и потребахъ, а не безъ потреби, понеже что дѣлается безъ потреби, то дѣлается всуе и безъ ползи, ниже есть противно обѣту желателя, понеже того обѣта есть крайнее намѣреніе слава Божія, потому честь святихъ Божіихъ; святіи же Божіи взаимно толикимъ любве союзомъ соединенніи, яко егда почитаемъ единого, почитаемъ и другаго, почитаемъ и всѣхъ единого взаимъ соединенныхъ духа любовію, якоже егда чтимъ Бога, чтимъ и Его святія Богу духомъ и любовію и протчіимъ соединенніи по оному апостола ученію; прилѣпляйся Господевѣ единъ духъ есть съ Господемъ.

12.

Свѣщи приносніи возженніи и невозженніи до самихъ иконостасовъ и иконъ святихъ не прилѣпляти, но на свѣщницѣхъ, которія предъ иконами поставленни, оніи прилѣпляти или полагати, ибо таковіи свѣщи едва не вездѣ видимо, что иконостаси и икони ово портятъ, ово же обжигаютъ и сожигаютъ, да еще же отъ нихъ опасность возженія и сожженія храмовъ биваютъ; свѣщи, которія для отмѣни въ церковъ па продажу дѣлаются, били би вѣрно, необманно и чисто з воску чистого здѣланніи и неоскудніи, которія би достойни били бить внесени въ церковъ

и предъ святими поставлени, ибо кто в семъ обману купующимъ творитъ, велми на Бога и на ближнихъ согрѣшаетъ, всевидца Бога и простоту обманиваетъ, и сего ради сугубое пріиметъ осужденіе и сугубій бичъ и руку господню и паче онихъ во евангеліи показаннихъ на себе почувствуетъ и третье наказаніе, и изгнаніе отъ лица Господня воспріиметъ, якоже и оніи, ихже Спаситель изгна и изверже изъ храма Іерусалимля.

13.

Икони какови имѣютъ писатися въ церковъ поелику можно писати ихъ искуствомъ живописнимъ, что бъ елико мощно лице писанное коего святаго имѣло би живость и красоту подобія человѣческого, да не худимъ и не грубимъ и неискуснимъ изображеніемъ отъято будетъ чести написаннаго лица, и поданна будетъ причина къ посмѣху и шуткамъ, худимъ толкамъ и соблазнамъ, яко то часто слишится въ народѣ и говорится, что вмѣсто великого Божія угодника святителя Николая худимъ безхудожнаго писателя майстерствомъ изображено медведя, такожъ и другихъ всесвятихъ и високихъ божественнихъ лицъ таковіи злохудожніи изображенія распорчиваютъ и обезчещаютъ, и буде таковіи безобразніи и злохудожніи икони имѣли би кто въ церковъ вносити, таковихъ священникамъ въ церковъ не принимать.

14.

При всякомъ приходу книгу пригоже оправленную въ кожу имѣти з доволною бумагою, которой би доволно било на уписаніе вещей церковнихъ, на лицо имѣющихся и вновъ прибилныхъ, въ оную книгу всякія церковнія вещи, какія би они ни били, по различію вещей разніи надписи болшими лѣтерами надписавъ, и подъ тими надписами вещи тимъ надписомъ прислучающія вѣрно и обстоятелно по примѣтамъ вещей означая, уписовати, вещи же уписуемія таковія: всякія утвари, ризи, подризники, епитрахиліи, потирѣ, дискоси, звѣзди, кадила, лямпади и что либо имѣется, книгу же показанную шнуромъ противъ печатію протопопскою опечатати и рукою онаго жъ по листамъ закрѣпити

и вѣчно при церквѣ въ добромъ сохраненіи между оними жъ вещами въ сундуки содержати и отъ потерянія велми беречи.

15.

Кромѣ же вишшепоказанной книги, другія имѣти шнуромъ же прошитія и печатію протопопскою запечатанная поежегодніи книги, и оніи на двѣ части раздѣливъ; въ едную часть значала всякіи церковніи приходи денежніи, такожъ и свѣщи и ладанъ отъ приношенія биваемая записивати ясно и обстоятелно по мѣсяцамъ, когда сколко чего пройдетъ, и того ради первую книги часть на двѣ статіи раздѣлити: въ первой приходъ денежной, откуду и с чего, ясно и обстоятелно означати; в другой же статіи другихъ вещей, то естъ свѣчей и ладану записивати. Другую же часть книги показаннія такожде на двѣ статьи раздѣлити: в первой еденъ расходъ денегъ со изявленіемъ обстоятелно писати, в другой же статіи расходъ свѣчей и ладану означати.

16.

Священникамъ и діяконамъ во время отправленія божественнія литургіи в первомъ входѣ, идя с олтара з святимъ евангеліемъ, мирскимъ лицамъ подносити евангеліе ради цѣлованія есть против обичаю церковному и не по уставу и того ради впредъ не дѣлать, ибо которіи священники тое дѣлаютъ, то или отъ незнанія, или отъ ласкательства; во уставѣ же церковномъ кому и когда подносити показанно, чего же не показанно, самоволнимъ и не разсуднимъ мнѣніемъ того не дерзати дѣлать.

17.

Между пѣніемъ херувимскимъ на великомъ входѣ по формѣ, в служебникахъ показанной, высочайшое Імператорское имя, такожъ и височайшія императорскія фамиліи имена какъ показанно возносити, такожъ иное, которое указомъ показанное на своемъ мѣстѣ возносити, такожъ и другія таможъ показаннія, иныхъ же самоволно никакихъ не причиняти и сверхъ видѣнія

и повелѣнія святѣйшаго синода собою ничего не прибавляти, ибо таковое дерзновеніе подлежати будетъ опасности истязанія.

18.

Священници и діякони когда съ олтара или во святилищи людскомъ преходя кадятъ, или когда врата отверзаютъ, или когда миръ глаголютъ народу, не должни имъ кланятися, какъ то невѣжи въ обичай себѣ приняли и затвердили; ибо правило собора карѳагенскаго седмое на десятъ всѣмъ клирикамъ того запрещаетъ; паче же противно естъ священнику, в дѣйствіи литургіи лице Христово на себе образующему.

19.

Всякъ какій ни будь священникъ долженъ естъ санъ свой великій, отъ благодати Божіей на него положенній, чувствовати и прилежно честъ онаго побѣрегати, да не его неразсужденіемъ повреждена будетъ честь онаго и похулится похуленіемъ, чести возложивій на него сицево великолѣпіе Духъ святій. И того ради, аще гдѣ будетъ іерей позванъ какимъ либо образомъ въ домъ каковъ, въ которомъ имѣетъ бить сана его поврежденіе какимъ либо презрѣніемъ, впредъ тамъ не ходить; не подобаетъ же священникамъ людемъ таковихъ дѣлати прислугъ и учинностей, которіе безчестятъ или умаляютъ, или предсудительство кое-либо сану и чести его приносятъ. Должни іереи время молитвъ или правилъ церковнихъ вечернаго, утренаго, наипаче божественнія литургіи крѣпко беречи, не пропущати, понеже и то естъ велми противно правиламъ и уставу церковному, и буди тое на кого будетъ донесенно, по тимъ же правиламъ безъ всякихъ извиненій будетъ наказанъ. Слишимъ бо по нѣсколку, что нѣціи малодушніи и ласкающіися священници во время литургіи подобное и уставленное съ приказу нѣкіихъ владѣлцевъ продерживаютъ и пропущаютъ въ неподобное и позное время, и тако человѣкомъ угождающе, волѣ и повелѣнію Божію злоугождаютъ.

20.

Какъ въ ветхой моисейской, такъ и в Христовой Божественной Церкви места ради моленій священникамъ мѣсто— святая святыхъ, мирскимъ же людемъ святилище, глаголюще святое людское, Богомъ, апостоли и богоносними отцы естъ опредѣленно; и того ради священницы во моленіяхъ должни на своихъ во олтарѣхъ святихъ мѣстахъ предстояти и молитися; такожде и мирскіи во святомъ людскомъ пребивати и молитви возсилати, да не повреждено будетъ оное божественное богоносныхъ отецъ уставленіе и правила, которіе мирскимъ велми запрещаютъ входити во святій олтаръ; ниже мирстіи власти да вредятъ своея совѣсти непщеваніемъ фарисейскимъ, мняще себе предъ лицемъ Божіимъ во общемъ моленіи лутшихъ и святшихъ бити паче общаго во святилищи людскомъ предстоящаго народа. Не подобаетъ мирскимъ людемъ, еще и властемъ, при олтарнихъ дверехъ стоя, дерзновенно приближатися къ престолу, и чрезъ двери на вся дѣйствуемая божественіи тайни взирати, ибо нѣкая таинства явно предъ очеси всѣхъ предстоящихъ бываютъ отправляемая, другая же отъ очесъ людей мирскихъ дверми и завѣсами укриваются, и сіе божественное апостолское и древное богоносныхъ отецъ преданіе вся православная восточная церковъ, опасно и до нинѣ сохраняетъ. И того ради камарки, въ которихъ прежде бивало показанное мирскихъ людей стояніе, опредѣлите на содержаніе церковнихъ потреби къ спряту утварей, свѣчъ, огня, води и протчаго; мирскимъ же всякаго чина людемъ отъ нинѣ при дѣйствіи божественнія литургіи въ нихъ не стояти, стояти же въ общемъ святилищи людскомъ, яко же Богомъ и богоносними отци есть повеленно.

21.

Всѣмъ священникамъ крѣпко смотрѣти и наблюдати, дабы нищіи и калѣки притворніи между сущіе нищіе и калѣки не мѣшалися и не почиталися, и притворнихъ, крѣпкихъ и могущихъ себе и другихъ промислами кормити и снабдѣвати, имати и въ

прикази отсилать по указомъ, сущимъ же калѣкамъ и нищимъ приказовать трезво, свято и честно жительствовати и имѣть объ нихъ попеченіе. Во время же моленій церковнихъ, а наипаче же литургіи не допущать имъ внутръ храмовъ Божіихъ сноватися, помѣшивать молитвы и стужати, о чемъ всемъ показанномъ многіе указы Святѣйшаго Правительствующаго Синода отправлены.

22.

Во всякомъ приходѣ при всякой церкви всякъ священникъ имѣлъ бы честнихъ и вѣрнихъ себѣ и радѣтелнихъ трехъ человѣкъ: 1) ктиторъ отъ всего прихода опредѣленій, и другіе два, съ которими би священникъ совѣтовалъ и прилѣжалъ о добрѣ церковномъ, и они би зъ священникомъ вси все церковное имѣніе, какое либо у тоя церкви имѣется, такожъ и приходи и всякіе малѣйшіе расходы вѣдали, и напрасно и безвѣстно нѣкому би, ниже священнику и безъ вѣдома ихъ не допущали расточати, но когда би церковная какая нужда востребовала, то священникъ с ними, они же со священникомъ согласно посовѣтовавъ, с казни или съ чого-либо церковнаго взимали и на тое употребляли; и повсягодно книги своя приходовъ и расходовъ исчисляли и очищали, и когда что-либо и малѣйшое кимъ било потерянно или испорченно, безъ послабленія би взисковали, и на самихъ тихъ же священникахъ отци протопопи всякъ въ своей протопопіи вѣдали о имѣніи всякомъ при церквахъ вѣдомства ихъ имѣющомся, такожъ и о цѣлости онаго или убели; и оную на комъ надлежитъ принуждали би взисковати, и ежели би якое въ томъ доправленіи явилося препятствіе, доносили архіеревѣ или консисторіи.

23.

Древній святій и достославній христіянскій обичай свято и благочестно скончавшихся христіянъ свѣтло и нарочито елико возможно естъ погребеніе чинили, керимонѣями [1]) и благолѣпіями

---

[1]) Т. е. церемоніями.

внѣшними украшали, и не точію во христианехъ, но и въ невѣрнихъ, честнихъ и человѣчнихъ, тоежъ обикновеніе велми прилежно отправляется; въ мѣстахъ же нашихъ грубость застарѣлая зъ обидою святих о в Бозѣ христіянъ почившихъ зѣло затвердѣла, умершія како-либо мало нѣчто отъ скота разлѣчно тѣлеса вѣрнихъ погребати, з чего срамніе иновѣрнимъ толко происходятъ на поруганіе вѣри святія, усопшимъ же святимъ христіяномъ во безчестіе; того ради надлежитъ ради погребенія при всякой церкви пристойнія тому имѣти орудія.

1. Чистіи и покрашенніи носилки или мари.

2. Внутръ тихъ носилокъ постилати чистый коврикъ или килимецъ, на коемъ гробъ или труну съ тѣломъ поставляти, потомъ покровъ или сукно чистое и честное, и по возможности богатое, не ветхое и не дѣравое и не загнюшенное, какъ то едва не при всѣхъ церквахъ ми видѣли, которимъ по верху тѣло покривати, имѣти же и свѣщи для провожденія усопшихъ, которія предносити усопшимъ. Въ тѣхъ же керимонѣяхъ священникамъ съ клиромъ благоговѣйно, умилно и учтиво поступати, чтенія и пѣнія учтиво отправляти, народъ ко провожденію увѣщати и возбуждати. Учити же народъ простой не просто и не безъ ползи въ томъ провожденіи ходити, но коликое что кто вѣдаетъ о преставшемся моленія Господу приносити купно со священниками и клиромъ, сихъ бо ради винъ какъ священници с клиромъ такъ и мирстіи вси ко провожденію собираются, во еже усопшихъ душамъ чимъ кто может пособити.

24.

Въ здѣшнѣхъ нѣкоторихъ церквахъ православнихъ, мню за невѣжество и за нерачителство апостолскихъ и церковнихъ правилъ, внійде обичай, что христіяне, творяще поминанія усопшимъ, приносятъ ястія различная, в которихъ пероги з сиромъ и другими вещми, паче же и мясивами начиняннії, паче же и самія мяса различная приносятся, и внутръ святилища, си есть во святое людское вносима биваютъ, идѣже священници надъ сицеви вещми поютъ панахиди малія или болшія, что и в наши

церкви и тѣхъ же ради показанних винъ внійде; сіе же естъ грѣховно, еже вносити таковіе вещи во внутрное святилище церкви Божія, велми бо сего правила апостолская запрещаютъ, священници же, сія попущающе, или невѣжествомъ обяти, паче же за лѣнивство не хотяще вникнути в правила апостолская и церковная, согрѣшаютъ и велми суть повинни, и того ради, какъ то донинѣ ни било, впредъ сего силою апостолскихъ и церковнихъ правилъ запрещаемъ, іереи впредъ дерзающе сія творити, тѣми жъ правилами имѣютъ бити осужденни. Мощно же таковому вещей вишеявленнихъ приношенію внѣ церкви въ притворѣхъ или предѣлѣхъ церковнихъ бивати, лучше же сія тако дѣлати: внутръ святилища священникомъ отпѣвше понахиди, в домъ ихъ реченнія снѣди во память усопшимъ или для поминанія, или для милостини въ домъ ихъ посилати.

25.

Вещи божественніи и святіи почитаемія во всяко время и во всякихъ обстоятелствахъ суть свято и благоговѣйно почитаемія, славимія и превозносимія: тако знаменіе креста Господня спасителное, каково препрославленное и превознесенное почитаніе въ день праздника воздвиженія своего имѣетъ, таково преподавать и творить ему въ кія либо другія дни празничнія и общія подобаетъ. По сему жъ образу и божественнихъ и святихъ лицъ изображенія икони святія имѣть должни. Въ нашихъ же многихъ церквахъ или за неразсужденіе, или за невѣжество, какъ спасителнимъ крестнимъ знаменіемъ, такъ и з иконами святими дѣлается другое противное, кромѣ бо вишше явленнаго празника, крестъ святій видимо какъ въ церквахъ, такъ и въ протчихъ мѣстахъ едва что въ почтеніи или кромѣ всякаго почтенія биваетъ. Иногда бо показаннія святини сѣмо и овамо в презрѣнніихъ и нечестнихъ мѣстахъ, иногда же и в нечистихъ брошеннія и помараннія валяются, иногда же безъ почтенія какой-либо мірскій болшій или меншій и робята руками безъ разсужденія безчестно или малочестно обращаютъ, и о таковихъ случаяхъ священници, ихъ же дѣлъ есть всякими мѣрами чести Господнимъ святимъ подобающія хранити и соблю-

дати, имѣютъ отвѣтъ въ день онъ воздати, нинѣ же въ отвращеніе того и славу и прославленіе святинь Божіихъ сей образъ представляя, повелѣваемъ. 1) Когда спасителное знаменіе крестъ святій или святія икони потребно естъ народу предъявляти, или къ лобизанію представляти, то сами бъ священници или диякони во облаченіихъ священнихъ, образомъ благоговѣйнимъ и всепочтеннимъ представляли и предполагали: мирскіи жъ дячки, пономари или школники робята того дѣлати не дерзали, какъ то доселѣ во время постовъ прежде пріобщенія таинъ божественнихъ дѣланно бивало, такожъ и въ протчія тому подобнія времена. 2) Когда священници божественними дари къ болнимъ ходятъ, священници в единой руцѣ потиръ со святинями, в другой крестъ святій носили би; пономари же, предъидя имъ, свѣщу и колоколъ въ рукахъ носили. 3) Въ праздники Рождества Христова, Богоявленія и свѣтлаго Воскресенія Христова, когда обичай есть славленія, когда священници похотятъ славити, мощно естъ точію для благоговѣнія креста Господня или святихъ иконъ имѣти на себе епитрахилій, благоговѣйно и всепочтенно в рукахъ противу персей онія носити, в домѣхъ же, вшедше, на пречестномъ и посланномъ украшеніи полагати и паки благоговѣйно взимати. Дячки же и школники безъ крестовъ и иконъ славили би, ибо слишимъ, паче же и видимъ, какови безчестія и поруганія святимъ знаменіямъ в показаннихъ случаяхъ дѣлаются. Въ показаннихъ случаяхъ церквей презвитерамъ своихъ церковниковъ обхожденія и поступленія крѣпко наблюдати, да безчиніями каковими либо народу соблазни не подадутся, за которія, яко началници и надсмотрители, имѣютъ подпасти истязанію. 4) Въ навечеріи Богоявленій священници съ церковниками когда по приходамъ для кропленія священнія води ходятъ и когда кто будетъ просити крестъ в домъ написати, какъ то завелося отъ нѣякого обичая в нашихъ мѣстахъ точію, в правилахъ же апостольскихъ и церковнихъ в требницѣхъ и уставѣ того не обрѣтаемъ, если бъ священници на мѣстѣхъ пристойнихъ и честнихъ, и честнимъ и пристойнимъ писмомъ написовали, дячки же и другіе школники, какъ то и нинѣ съ со-

блазнами и святаго изображенія презрѣніями и непочтеніями дѣлается, в мѣстѣхъ же не пристойнихъ, не писали би. Мощно же и во вся, яко отъ церкви не уставленнаго и не узаконеннаго, не писати, но точію води святія окропленіемъ в храмѣхъ и во всякихъ мѣстѣхъ доволствоватися.

26.

Священникомъ научати народъ и самимъ, показати благочиніе, каковое въ церквахъ Божіихъ восточнихъ содержится и в нашихъ нѣкоторихъ, когда божественному собщенію приступаетъ народъ, приступали бъ таковимъ образомъ: благочинно и благоговѣйно во время чтенія часовъ къ честному кресту и къ святимъ иконамъ прикладалися бъ всѣ хотящіи причащатися; егда же божественная литургія, благоговѣйно и со страхомъ стояли би до пѣнія канонника, во время же пѣнія предъ святими врати всѣ би стали чинами тако: первіе маліи, потомъ болшіи, потомъ еще болшіе и старіе и благовременно устроилися би, и егда святая врата отверзутся, уже тогда никакова смущенія и шатанія между ими не било би, но велика тихость и молчаніе, и тако егда глаголетъ священникъ молитву, всѣмъ видимо слишно и ясно будетъ, за священникомъ глаголати, егда же начнется причащеніе, тогда би сряду всякъ по единому, первіе маліи, потомъ болшіе, потомъ еще болшіе и старіе благоговѣйно и безъ всякаго мятежа с единія страни приступали, на другую отступали и отходили, приступая же согбенно крестообразно на персѣхъ имѣли би руки.

27.

При проскомисаніи священници, сверхъ уготованнихъ для проскомисіи обикновеннихъ просфиръ, з другихъ принесеннихъ со всѣхъ ихъ винимали би частицю и с воспоминаніемъ принесшаго имени полагали би на дискосѣ, ибо хотя и по невѣжеству священници с показаннихъ прочіихъ просфиръ частицѣ вынимая, куда-нибудь бросаютъ, или своимъ пономарамъ священнимъ или несвященнимъ велятъ дѣлати тое жъ, беззаконуютъ и велми согрѣшаютъ винъ ради сихъ, каковія удобъ благоразсуждающему

покажутся. Такожде когда священници на антидоръ просфири раздѣляютъ, надлежитъ раздѣляти просфиру, з коя агнецъ или болшая четвероугольная часть винимается или хотя другая какая-либо обаче з коя часть принесенна в жертву Богу на дискосѣ, можетъ ради антидору раздѣлятися. Да видятъ бо священници тайну сего, еже дѣлаютъ; проскомидія или приношеніе есть Господу Богу Вседержителю представленіе отъ человѣкъ трапези, в ней же вомѣсто всякихъ и разнихъ яствій первѣйшое, изряднѣйшое и сокращеннѣйшое яствіе—хлѣбъ предлагается, иже суть частицы вся на дискосѣ полагаемая, вомѣсто же всякаго и различнаго питія сокращеннѣйшій и изряднѣйшій и всеизвѣстнѣйшій напой—вино поставляемъ, и того ради весь прочій отъ реченнихъ частицъ оставшій хлѣбъ суть отъ трапези Божія остатки, избитки, укрухи и куски, чего ради великую честь и благословеніе онія остатки имѣютъ, и ми ихъ должни со великимъ благовѣніемъ во благословеніе наше принимати; и сего ради грѣхъ есть и не подобаетъ каковій либо хлѣбъ несвященній, какъ то сплошъ за невѣжество іерейское дѣется, къ оному таковому велми святому и благовѣйному примѣшивати, и народъ простій за благословеніе неблагословеніемъ обманивати.

28.

Предъ празниками святаго Спасителя нашего Рождества такожъ и святаго воскресенія священници, ходя прихода своего по домамъ и молитви и благословеніе подая, имѣютъ поступати тако: всѣхъ, яже въ дому обрѣтаютъ, з собою к моленію устроити, такожде молитву безмятежно и во молчаніи прочитати, такожъ отъ руки всему дому знаменіемъ креста благословеніе преподати, по всемъ же томъ нѣкакое краткое по разсужденію времени наставленіе и наученіе и ползованіе душевное удѣлати, напримѣръ: какъ крестимся, какъ персти кресту слагаемъ, каку молитву знаемъ, вѣдаемъ ли Господа Бога, люби Его, таковаго благодѣтеля, бойся прогнѣвати, худо не дѣлай, почитай родителей и прочая. И тако священници домамъ съ благословеніемъ и инія ползы имѣютъ преподати.

29.

Ради чистоти церковнія внутри нужнія таковъ священникомъ и народу подается: въ притворахъ или придѣлахъ внѣ или внутрь дверей нѣколикія вѣники держати, и когда священно и церковнослужители з двора внутръ притвора входятъ, тѣми би вѣниками обувъ блатомъ замаранній дочиста велми отирали, даби во время блата и каловъ церковъ гноями и блатами не марали и не сквернили, к чему и ввесь народъ отъ мала до велика увѣщати; и тако домъ Божій не толико внутръ замаранній будетъ гнюсомъ, церковникомъ же около очищенія храмовъ много будетъ облегченія.

30.

Всякъ священникъ отъ благодати Духа Святаго въ Божіи тяжаніи в семъ Господина своего Христа владики в приходѣ своемъ поставленъ естъ Божія тяжанія споспѣшникъ, Божія села экономъ, или искреннѣе и простѣе рещи, приказчикъ, по оному глаголу апостола: Богу споспѣшници есми, Божіе тяжаніе есте, души бо в приходѣ его сущія Божіе суть тяжаніе, великою цѣною, кровію Божіею куплени, и сего ради коликое имать о нихъ всѣми образи прилагать смотрѣніе, попеченіе и соблюденіе, воздаетъ бо о преставленіи своемъ отъ мала до велика отвѣтъ в день оный Господину онаго тяжанія. И того ради всякъ имѣетъ долгъ, кромѣ всякаго извиненія, вѣдати, кто есть всякъ прихожанинъ, каково его обхожденіе, каковъ к Богу, каковъ к ближнему, и когда что-либо порочное, неприемное Богу и закону Его противное на комъ явится, хотя би и слухомъ и отъ людскихъ повѣстей, не подобаетъ оставити и того всуе, но наединѣ, в дому ли его, или священникъ въ домъ свой призвавъ, ко исправленію увѣщати, показивати дѣла худость, закону противленіе, христіанству порокъ, и самой честности человѣческой непристойность. Творити же сіе не единожди, но многажди, покамисть о которомъ порочніи слухи носятся, исправится. Подобаетъ же іерею всякому приходскому всячески вѣдати, кто в

его приходѣ боленъ, и не дожидаясь, пока званъ будетъ, онихъ болнихъ посѣщати, утѣшительними словеси души болящихъ развеселяти, к совѣсти и разсужденію в житіи содѣянnихъ приводити, к покаянію и исповѣданію грѣховъ увѣщати, и тое не единожди дѣлати и не единому, но всякому; сіе бо есть заповѣдь Божія и должность священническая. И того ради священникъ, имѣя таковое знаніе о прихожанахъ своихъ, способнѣе будетъ имѣти случай нуждъ ради своихъ отъ прихода отлучитися; когда же понуждаетъ отъ прихода на денъ, на другій или на третій имѣетъ отлучитися, то хотя би в приходѣ и все било здраво и благополучно, вблизъ сущаго брата своего іерея просити для присмотру своего прихода до времени своего въ приходъ возвращенія; ибо хотя время показанное кратко кажется, обаче в томъ случаи много пакостей приносятъ, какъ то и прежде сего причини показовали, такожъ и нинѣ приносятся, которія и совѣстей іерейскихъ касаются, и подъ вини тяжолія ихъ приводятъ.

Вся сія ввишеписанная о благолѣпіи и чистотѣ и порядки церковномъ довлѣютъ и к прежнимъ нашимъ наставленіямъ и сія присовокупляются. И должни онія нашея епархія священники и діякони и причетници и вси благопослушливіи синове православнія церкви всячески исполняти и исправляти. И паче братія наша протопопи и намѣстники тое предъ дѣйствовати и другихъ увѣщати и понуждати; буди же кто в показанномъ и нерадивъ или ослушенъ покажется, не оставленъ будетъ безъ истязанія и чего достоинъ будетъ безъ наказанія, пастирски увѣщаемъ, молимъ и предостерегаемъ. Писано в обители нашей Святовознесенской, Переясловской, 1760 года, априля 28 дня. Вышше именованній Гервасій епископъ».

Ежегодно чрезъ протопопскія правленія Гервасій напоминалъ священникамъ объ исполненіи ими пастырскихъ обязанностей, а также время отъ времени вызывалъ къ себѣ въ каѳедральный монастырь священнослужителей для священнослуженія и испытанія ихъ въ знаніи катихизиса; неискуснымъ въ священнослуженіи и незнающимъ катихизиса угрожало «немалое затрудне-

ніе» [1]).—Кромѣ того, еп. Гервасіемъ, особенно въ началѣ управленія Переяславскою епархіею, изданъ былъ цѣлый рядъ указовъ, преслѣдовавшихъ цѣли епархіальнаго благоустройства и повышенія умственнаго и нравственнаго уровня духовенства. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ [2]).

№ 1. Указъ консисторіи о непредставленіи для рукоположенія во священники лицъ, не окончившихъ класса риторики, и о порядкѣ пріисканія жениховъ для дѣвицъ, сиротъ священниковъ.

«Указъ Е. И. В. Самодержици Всероссійскія изъ духовной епископіи Переяславской консисторіи протопопу Басанскому Андрею Туманскому. Настоящаго 1757 года, ноября 13 дня, его же въ Богу преосвященство господинъ Гервасій, епископъ Переяславскій и Бориспольскій, архипастиръ нашъ, труда и прилѣжанія въ семинаріи здешней учащихся учениковъ разсуждая, соизволилъ словесно опредѣлить,—учинить чтобъ отъ духовной его преосвященства консисторіи къ духовнимъ властямъ всѣмъ предложено было: впредъ никого не токмо изъ козачого или другого какова званія, но и священническихъ дѣтей, не обученнихъ до риторическаго ученія, къ полученію священства не представлять, а представлять тѣхъ только, которіе реторики обучени; а ежели в каковомъ приходѣ по измершихъ священникахъ дѣтей мужескаго пола не будетъ, а имѣтимутся женска пола, то вдовѣющимъ священническимъ женамъ представлять в духовную консисторію такихъ женскаго полу сиротъ, которимъ по усмотренію консисторіи изъ обучающихся въ семинаріи честнихъ и достойнихъ учениковъ, з засвидѣтелствованіемъ здѣшнея семинаріи префекта о ихъ добропорядочномъ состояніи и ученіи, опредѣленни имѣютъ бить в мужей съ надеждою удостоенія ихъ во священство. И по Ея Імператорскаго Величества указу и по опредѣленію его преосвящества духовной консисторіи приказали:

---

[1]) См. въ архивѣ Переяславскаго Вознесенскаго монастыря ордеры переяславскаго протопопскаго правленія.

[2]) Отысканы въ бумагахъ частнаго лица.

ко всѣмъ властямъ здѣшней епархіи духовнимъ, въ томъ числѣ и къ вамъ, послать сей указъ, которимъ предложить, даби ви впредъ никого не токмо изъ козачого или другого какова званія, но и священническихъ дѣтей, необученнихъ хотя до реторики, къ полученію священства не представляли, а представляли би тѣхъ токмо, которіе хотя риторическому ученію обучались; а ежели в которомъ приходѣ по измершихъ священникахъ дѣтей мужеска полу не будетъ, а имѣтимутся женска полу, то удовѣвшимъ священническимъ женамъ велѣли представлять своихъ дочерей в консисторію для опредѣленія имъ изъ учащихся въ семинаріи реторики учениковъ достойнихъ въ мужей съ надеждою удостоенія ихъ безотмѣнно во священство, и протопопу Басанскому Андрею Туманскому о томъ вѣдать и чинить по сему Е. И. В. указу 1757 года, ноября 27».

№ 2. Указъ консисторіи о представленіи къ преосвященному дѣтей духовенства свыше пятилѣтняго возраста.

«Указъ Е. И. В. Самодержици Всероссійскія изъ духовной епископіи Переяславской консисторіи правителю протопопіи Бориспольской Стефану Деревецкому и протопопу Басанскому Андрею Туманскому. Сего октября 8 дня, настоящаго 1759 г., его преосвященству господину Гервасію, епископу переяславскому и бориспольскому архипастиревѣ нашему, семинаріи Переяславской префектъ іеромонахъ Павелъ поданимъ доношеніемъ представилъ: височайшими де Ея Імператорскаго Величества указами при здешней Переяславской семинаріи священно и церковнопричетническимъ дѣтемъ славено-латинскаго языка обучатися велѣно, къ якому ученію и учителѣ опредѣлени и уже отъ минувшаго 6 сентября начали обучать, токмо де священно и церковнопричетническихъ дѣтей въ школахъ такъ мало находится, что въ риторикѣ не болше 5, в піитики 4, в синтаксимѣ и грамматики 3, в инфимѣ и аналогіи 3 человѣкъ представленихъ имѣется, в домѣхъ же священно и церковнопричетническихъ дѣтей годящихся уже учити (не сумнително вѣдать мощно) многіе содержатся и за особенимъ огурствомъ и нерадѣніемъ отцевъ ихъ и по нинѣ не представляются, отъ чего они отци, какъ знатній урокъ въ

ученіи дѣтямъ своимъ приключаютъ, такъ и школному ученію за нескоримъ представленіемъ помѣшателство причинить могутъ,— просилъ о немедленномъ онихъ дѣтей в семинарію представленіи резолюціи; по которомъ доношенію его преосвящество опредѣлить соизволилъ, чтобъ священнослужителскіе отъ пяти лѣтъ мужеска пола, кромѣ которіи женати или реторику кончили, всѣ дѣти безъ утайки представлени били его преосвященству, и в силу онаго опредѣленія духовная консисторія приказали: во всѣ вѣдомства протопопскіе здѣшней епархіи подчиненніи послать укази съ тѣмъ, чтобъ всѣ священно и церковнослужителскіе дѣти, кои вишше пяти лѣтъ, в немедленности его преосвященству представлени били, кромѣ тѣхъ точію, которіе женати или риторики обучени, о чемъ сей къ вамъ и посилается, и правителю Бориспольскому Стефану Деревецкому, да протопопу Басанскому Андрею Туманскому, о томъ вѣдая, чинить по сему Ея Імператорскаго Величества указу 1759 года, октября 24 дня».

№ 3. Указъ консисторіи, опредѣляющій покрой, цвѣтъ и достоинство верхней одежды и шапокъ для священниковъ.

«Указъ Е. И. В. Самодержици Всероссійскія из духовной епископіи Переяславской консисторіи протопопу Басанскому Андрею Туманскому. На поданномъ отъ протопопа Переяславскаго Павла Скрипчинскаго сего 760 года, 14 генваря преосвященнѣйшему господину Гервасію, епископу Переяславскому и Бориспольскому, архипастыреви нашему, доношеніе с представленіемъ подъ разсмотреніе, что многіе священники, по небреженію своему, какъ одѣяній священству приличнихъ, такъ и шапокъ не имѣютъ и не стараются споряжать, единственно тѣмъ толко извиняясь, что бобровъ или готовихъ шапокъ з околицею бобровою негде купить, яко таковихъ шапокъ не шиютъ и не продаютъ, и потому иніи з лисичою околицею, а иніе простіе мужичіе каплоухіе шапки и яломки безъ зазору носить не стидятся, такожъ и в рясахъ короткихъ и узкихъ, свѣтлаго сукна и в непокритихъ простихъ кожухахъ между народомъ публично ходятъ. Сего ярмарку болше десяти шапокъ священническихъ з бобровими околицями продавани, с коихъ только три куплено, а остальніе онъ,

протопопъ Скрипчинскій, ценою лутшіе по пять копъ, а хужшіе по два рублѣ принялъ; тотъ же шапочникъ, коего шапки, сколко надобно виставить можетъ подрядиться. Состоявшимся его жъ преосвященства определеніемъ веленно: предъ командою или предъ народомъ, кромѣ домашняго приватнаго обращенія, благославныя священникамъ и діяконамъ, благоповажнія, не короткія, черныя или темноцвѣтнія одежди верхнія носити безъ всякаго винословія, бѣлія же шуби и юпки по верху, такожъ и шапки каплоухія и другія мирскія не носити; кто же в такихъ впредъ явится, протопопамъ в духовное правленіе отбирать и гдѣ у кого и сколко будетъ отобрано, репортовать; для всѣхъ, в коихъ показаннихъ приличнихъ священству шапокъ не имѣется епархіи здешней священниковъ, реченнія шапки сдѣланни подрядити и о томъ з духовной консисторіи ко всѣмъ протопопамъ, въ томъ числѣ и к вамъ, отпустить указъ, и отпущенъ, и протопопу Басанскому Андрею Туманскому, вѣдая, чинить по сему Е. И. В. указу. 1760 года, генвара 31 дня».

№ 4. Указъ консисторіи съ опредѣленіемъ количества платы за повѣнчаніе.

«Указъ Е. И. В. Самодержици Всероссійскія изъ духовной епископіи Переяславской консисторіи протопопу Басанскому Андрею Туманскому. Понеже его преосвященству господину Гервасію, епископу Переяславскому и Бориспольскому, архипастыревѣ нашему, с нѣкоторого его преосвященству представленія учинилось извѣстно, что здешней епархіи священство за обвѣнчаніе желающихъ брачитися многіи издирства и разлишніи взятки приключаютъ, того ради в прекращеніе ихъ лакомствъ его жъ преосвященство соизволилъ опредѣлить, даби такъ своего прихода отъ прихожанъ, какъ и отъ посторонниxъ, з багатшихъ више рубля, з убогих више полтини за обвѣнчаніе священство вашей епархіи не взимали; и во исполненіе того его преосвященства опредѣленіе о томъ з духовной консисторіи всѣмъ протопопамъ для опубликованія по ихъ вѣдомствамъ указомъ предложить велѣно, коимъ и предлагается, и протопопу Басанскому

Андрею Туманскому о томъ вѣдать и чинить по сему указу. Марта 8 дня, 1759 года» [1]).

Энергичный, просвѣщенный архипастырь Гервасій замѣчателенъ не только какъ талантливый администраторъ, много сдѣлавшій для благоустроенія Переяславской епархіи; особенную извѣстность стяжала ему борьба съ уніей въ юго-восточныхъ уѣздахъ нынѣшней кіевской губерніи, состоявшихъ въ то время подъ владычествомъ Польши. Вмѣстѣ съ знаменитымъ архимандритомъ Мелхиседекомъ Значко-Яворскимъ (род. около 1720 г., ум. 1809 г.), Гервасій былъ руководителемъ и вождемъ сильнаго движенія среди подвластныхъ Польшѣ украинцевъ въ пользу православія противъ уніи [2]).

Движеніе, направлявшееся Гервасіемъ и Мелхиседекомъ къ религіознымъ цѣлямъ, въ концѣ концовъ выразилось политическимъ бунтомъ противъ польскаго господства, извѣстнымъ подъ именемъ «Коліивщины» (1768 г.). Одинъ писатель называетъ «*Коліивщину*» «великимъ движеніемъ во имя вѣры» [3]). Если другіе, писавшіе объ этомъ предметѣ, кромѣ религіознаго, указываютъ и иные факторы этого движенія, то во всякомъ случаѣ религіозный элементъ въ немъ, рядомъ съ другими, несомнѣненъ. Несомнѣннымъ также должно быть признано то положеніе, что противоуніатское движеніе въ Кіевщинѣ стояло въ связи съ политическимъ движеніемъ 1768 года. Съ этой точки зрѣнія, ду-

---

[1]) Нѣсколько интересныхъ указовъ Гервасія опубликованы покойнымъ протоіереемъ І. Крамаренко въ «Странникѣ», 1872 г. августов. книж.

[2]) Объ этой дѣятельности Гервасія и Мелхиседека см. «Архивъ Юго-Западной Россіи» ч. І, т.т. ІІ и ІІІ съ предисловіемъ Ѳ. Г. Лебединцева, и въ сочиненіи покойнаго проф. Спб. духовной академіи М. О. Кояловича—«Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ», Спб. 1873 годъ.

[3]) «Кіевская Старина», 1882 г. сент. кн., стр. 530.

мается, легче и вѣрнѣе всего можетъ быть разрѣшенъ спорный вопросъ объ участіи Гервасія и Мелхиседека въ Коліивщинѣ.

Намъ кажется, что писатели, приписывающіе Гервасію и Мелхиседеку видную роль въ возстаніи 1768 года, правы въ томъ смыслѣ, что оба эти лица оказали несомнѣнное вліяніе на ходъ событій; съ другой стороны, по нашему мнѣнію, правы и тѣ, которые горячо защищаютъ Гервасія и Мелхиседека отъ обвиненій въ организаціи гайдамацкихъ отрядовъ и благословенія «оружія отмщенія». Скудость опубликованныхъ доселѣ матеріаловъ (это признаютъ занимающіеся исторіею *Коліивщины*, какъ живущіе по сю, такъ и по ту сторону рубежа) не даетъ права вполнѣ категорически высказаться по вопросу о роли Гервасія и Мелхиседека въ гайдамацкомъ возстаніи 1768 года. По этому вопросу могутъ существовать пока лишь болѣе или менѣе правдоподобныя предположенія. На основаніи знакомства съ личностью Гервасія по его письмамъ, резолюціямъ, посланіямъ и указамъ, а также на основаніи изученія опубликованныхъ доселѣ матеріаловъ о *Коліивщинѣ* и дѣятельности Гервасія, мы смѣемъ предложить такое рѣшеніе этого вопроса. Фактическое участіе Гервасія въ возстаніи, въ видѣ «благословенія оружія отмщенія» или инымъ способомъ, намъ кажется не только недоказаннымъ, но и несообразнымъ съ личностью Гервасія, насколько можно освѣтить ее теперь, спустя 135 лѣтъ послѣ его смерти.—Человѣкъ для своего времени высоко просвѣщенный, старикъ, помышляющій уже о смерти, архипастырь, настойчиво проповѣдывавшій своей паствѣ «евангеліе мира и любви» [1]), убѣжденный христіанинъ, особенно заботившійся о сохраненіи чистоты и незапятнанности своей совѣсти и исполненіи своего долга [2]), Гервасій измѣнилъ бы себѣ, если бы благословилъ то кровавое дѣло, которое совершено было по ветхозавѣтному закону—«око за око», но ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названо христіан-

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ, кромѣ посланій, его резолюціи, какія намъ приходилось видѣть въ названныхъ выше архивахъ.

[2]) См. напр. въ «Архивѣ Юго-Западной Россіи» ч. I, т. II, стр. 125 и др.

скимъ. Къ тому же Гервасій порицаетъ гайдамакъ въ августѣ 1768 года[1]), а это было бы дѣломъ уже черезчуръ вопіющаго лицемѣрія со стороны человѣка, благословившаго будто бы въ маѣ того же года ихъ «крестовый походъ» противъ поляковъ и евреевъ.

Тѣмъ не менѣе вліяніе Гервасія на возникновеніе возстанія 1768 года врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію. Гервасій не хотѣлъ кроваваго дѣла, но своею ревностью въ борьбѣ съ уніею онъ косвенно немало содѣйствовалъ возбужденію среди украинцевъ политическаго движенія. Заботясь объ успѣхахъ православія въ Кіевщинѣ, Гервасій вызывалъ своихъ пасомыхъ на борьбу съ поляками за вѣру, подчеркивалъ, что поляки—гонители вѣры отцовъ, указывалъ, что единовѣрная и единоплеменная Россія—ихъ вѣрная и надежная защитница. Правда, Гервасій училъ своихъ пасомыхъ терпѣливо переносить страданія, въ борьбѣ за вѣру подражать христіанамъ первыхъ вѣковъ и т. под., но въ толпу вѣдь западало то, что ей было доступнѣе и понятнѣе. Читая окружныя посланія Гервасія на тему о мужественномъ стояніи за вѣру и терпѣливомъ перенесеніи страданій, украинцы ловили въ нихъ отдѣльныя слова, по которымъ сильнѣе убѣждались въ мысли, что поляки—это исконные враги и притѣснители, что имъ нужно сопротивляться, что отъ Россіи можно ждать поддержки и т. под.

Гервасій съ Мелхиседекомъ всколыхнули народную массу, вызвали въ ней броженіе, пробудили сознаніе ненормальности положенія. Боль, ярче сознанная и локализованная, всегда сильнѣе чувствуется и скорѣе побуждаетъ къ принятію соотвѣтствующихъ мѣръ противъ нея.

Гервасій и Мелхиседекъ вызвали движеніе религіозное, но отсюда былъ одинъ шагъ до политическаго бунта, до кровавой «помсты» угнетителямъ за все...

Какъ отнеслись въ Петербургѣ къ Коліивщинѣ? Большинство ученыхъ вполнѣ основательно вовсе отрицаютъ участіе русскаго

---

[1]) См. напр. «Архивъ Юго-Западной Россіи» ч. I, т. III, стр. 745—748 и др.

правительства въ самомъ поднятіи возстанія. *Въ данный моментъ Россіи это возстаніе было невыгодно.* «Въ началѣ 1768 г. Россія занимала безусловно господствующее положеніе въ Польшѣ»,—русская дипломатія въ это время какъ разъ достигла въ Варшавѣ всѣхъ своихъ цѣлей [1]). Всякаго рода возстанія и безпорядки въ предѣлахъ польскаго государства были интересны не Россіи, а ея политическимъ соперникамъ, желавшимъ ослабить вліяніе петербургскаго двора въ Польшѣ. Поэтому извѣстіе о возстаніи на Украинѣ не могло быть пріятно Екатеринѣ. Когда въ концѣ августа 1768 г. въ Петербургъ поступили донесенія о томъ, что Гервасій былъ «нѣкоторой причиной» возстанія, Екатерина сильно разгнѣвалась на него. Вѣроятно, къ этому именно времени относится записка ея къ гр. Н. И. Панину, въ которой она, съ явнымъ раздраженіемъ противъ Гервасія, высказывала намѣреніе вызвать его въ Петербургъ и «отъ него требовать отчетъ, для чего мѣшается въ заграничныя дѣла безъ повелѣнія» [2]). Гнѣвъ императрицы вполнѣ понятенъ: обвиняемый—членъ малороссійскаго духовенства, которое, по мнѣнію Екатерины, въ то время все заражено было «многими ненасытнаго властолюбія началами» [3]) и къ которому принадлежалъ ненавистный государынѣ Арсеній Маціевичъ; къ тому же, этотъ «смиренный отецъ» Гервасій дерзнулъ вмѣшиваться въ «дѣла ему не принадлежащія» [4]), благодаря чему могли нарушиться планы Екатерины относительно Польши.

Но тутъ въ дѣло Гервасія, кажется, вмѣшался руководившій тогда русской внѣшней политикой гр. Н. И. Панинъ, съ которымъ Екатерина совѣтовалась, какъ быть съ Гервасіемъ. Панинъ, надо полагать, умѣрилъ гнѣвъ императрицы на переяславскаго

---

[1]) Н. Д. Чечулинъ. «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II» въ «Зап. истор.-филол. факульт. Спб. универс., ч. 40, стр. 290—293.

[2]) „Чтен. въ Общ. исторіи и древн.“, 1863 г., кн. 2, стр. 138—139, № 349.

[3]) Сборникъ Русск. Историч. Общества, томъ 7.

[4]) „Чтен. въ Общ. ист. и древн.“, 1863, кн. 2, № 349.

епископа и побудилъ ее обождать выясненія обстоятельствъ дѣла и доказательствъ виновности Гервасія. 2 сентября онъ послалъ Гервасію письмо, въ которомъ между прочимъ писалъ: «Не подавая вѣры всему тому, что на собственный вашъ счетъ приписывается, хочу только по истинному моему почтенію къ сану вашему, равно какъ и по долгу званія моего, благовременно и благонамѣренно остеречь васъ»... Онъ, далѣе, просилъ Гервасія принять съ своей стороны всѣ мѣры къ пресѣченію волненій въ народѣ и способствовать «совершенному покоренію» возставшихъ «законамъ рѣчи посполитой польской» [1]. Между тѣмъ, въ концѣ августа и въ началѣ сентября выступилъ было съ защитой Гервасія правитель Малороссіи гр. П. А. Румянцевъ [2].

Но обстоятельства сложились не въ пользу обвиненнаго епископа. Въ это время прусскій король Фридрихъ II сталъ принимать всевозможныя мѣры «для оторванія Польши отъ Россіи и для утвержденія своей тамо инфлюэнціи»; агенты Фридриха «первые разнесли» по Европѣ «слухъ, якобы Россія бунтъ въ Польшѣ дѣлаетъ и подкупаетъ крестьянъ польскихъ, дабы убивали своихъ господъ» [3].

Подъ давленіемъ европейской дипломатіи, Турція обнаружила вмѣшательство въ польскія дѣла и приняла по отношенію Россіи вызывающій тонъ. Какъ разъ въ сентябрѣ 1768 г. обострились русско-турецкія отношенія, поведшія въ ноябрѣ къ войнѣ; въ сентябрѣ же снова усилилось гайдамацкое возстаніе, предъ тѣмъ начавшее было стихать. Въ виду этого въ Петербургѣ рѣшено было принять мѣры къ скорѣйшему подавленію возстанія; одною изъ такихъ мѣръ было удаленіе изъ Переяслава Гервасія. 29 сентября Екатерина дала Синоду указъ, коимъ по-

---

[1]) Письмо напечатано въ видѣ приложенія къ 27 т. „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева, Москва, 1877 г., стр. 335—336.

[2]) См. „Переписка Румянцева" въ Кіев. Стар. за 1882 г., октябрь, стр. 110—117, №№ 22—24.

[3]) См. ркп. Имп. Публ. Библ. F. XVII. 46. Сборникъ (въ немъ № 49 „Свѣдѣніе о Польшѣ").

велѣвалось Гервасію немедленно переѣхать изъ Переяслава въ Кіевъ и тамъ ожидать новаго указа о своей участи. Въ Петербургѣ, надо думать, видѣли связь гайдамацкаго возстанія 1768 г. съ предшествовавшимъ ему противоуніатскимъ движеніемъ въ Украйнѣ, и въ удаленіи Гервасія изъ Переяслава находили нѣкоторое средство къ ослабленію обоихъ движеній—прежде всего религіознаго и затѣмъ уже связаннаго съ нимъ политическаго.

Указъ Синода отъ 30 сентября, возвѣщавшій волю Екатерины о переѣздѣ Гервасія въ Кіевъ, послѣдній получилъ 25 октября и, наскоро собравшись, 3 ноября явился въ Кіевъ, гдѣ и поселился на кіево-подольскомъ подворьѣ переяславской епископіи.

Былъ ли судимъ Гервасій? Думаемъ, что *нѣтъ*. Видимо, уликъ, доказывавшихъ участіе Гервасія въ возстаніи, не было никакихъ, да ихъ, думается, не могло быть. Гервасія просто удалили изъ Переяслава, чтобы пресѣчь ему «сообщеніе противное съ уніатскими попами» [1]), которое не согласовалось съ тогдашними политическими разсчетами петербургскаго двора; этимъ удаленіемъ цѣль была достигнута, и тѣмъ, кажется, дѣло кончилось.

Въ архивѣ св. Синода нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы Гервасій былъ судимъ, и въ спискѣ архіереевъ, бывшихъ подъ судомъ, онъ не значится. Здѣсь есть только дѣло о переѣздѣ его изъ Переяслава въ Кіевъ, оканчивающееся рапортомъ Гервасія о томъ, что переѣздъ имъ совершенъ во исполненіе указа [2]). Другое же дѣло—о смерти Гервасія и его погребеніи [3]) побуждаетъ насъ совершенно *отвергать мысль о судѣ* надъ нимъ. Изъ этого дѣла видно, что Гервасій до самой смерти жилъ въ Кіевѣ на своемъ подворьѣ на основаніи указа синодскаго отъ 30 сентября 1768 г., давшаго повелѣніе только о переѣздѣ, что другого указа по его дѣлу не было (а если бы онъ былъ судимъ, то, безъ сомнѣнія, такой указъ долженъ былъ бы существовать непремѣнно), и что онъ до самой смерти непрерывно управлялъ дѣлами своей

---

[1]) Кіев. Стар., 1882 г., октябрь, стр. 117, № 25.

[2]) Архивъ св. Синода, дѣло 1768 г., № 95.

[3]) Архивъ св. Синода, дѣло 1770 г., № 102.

епархіи изъ Кіева [1]), что, конечно, не могло бы имѣть мѣста во время суда надъ нимъ.

Около 8 часовъ утра, 22 декабря 1769 года Гервасій скончался въ Кіевѣ на своемъ подворьѣ, послѣ непродолжительной болѣзни.

По указу Синода, тѣло его 9 февраля 1770 года, послѣ отпѣванія, было отправлено въ Переяславъ; здѣсь оно 12 февраля было торжественно встрѣчено духовенствомъ и народомъ и 13 февраля погребено въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Послѣ Гервасія осталось 568 рублей 29 копѣекъ денегъ и 168 различныхъ вещей, между которыми—рясы, матеріи, очки, 6 зрительныхъ трубъ, книги, цѣлый рядъ бездѣлушекъ «штучекъ каменныхъ, раковинныхъ и хрустальныхъ» и проч. Имущество и часть денегъ розданы были родственникамъ Гервасія, другая же часть денегъ пошла на погребеніе, на раздачу лицамъ, участвовавшимъ въ отпѣваніи въ Кіевѣ [2]) и въ погребеніи въ Переяславѣ, а также «на поминки» [3]).

Вл. П.

---

[1]) Объ этомъ стидѣтельствуютъ и дѣла бывшей Переяславской консисторіи—см. въ арх. Кіев. и Полт. дух. консисторіи и Переясл. Вознесенскаго мон.

[2]) Между прочимъ, митрополитъ кіевскій Арсеній Могилянскій, по болѣзни въ отпѣваніи не принимавшій участія, получилъ 25 руб.; жившій же въ Кіевѣ на покоѣ, бывшій тобольскій митрополитъ Павелъ Конюшкевичъ, совершавшій отпѣваніе, „подаянія не принялъ“.

[3]) См. въ арх. св. Синода дѣло, 1771 г., № 124.

Чинъ извержения изъ священства, совершавшійся въ кіевской митрополіи въ XVII вѣкѣ.

Въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора подъ № 77 значится рукописный архіерейскій Чиновникъ, который «року Божія ахн мѣсяца октобрія исписалъ недостойный Іоаннъ Василькевичъ повеленіемъ ясне въ Богу превелебнѣйшаго его милости отца Кvръ Діонисія Балабана[1]) Холмскаго и Белзскаго, Володимерскаго, Берестейскаго и Кременецкаго епископа православнаго». Въ этомъ Чиновникѣ, въ числѣ другихъ архіерейскихъ священнодѣйствій, переписанъ и «Чинъ изверженія изъ священства законопреступнаго и непокорливаго священника». Такъ какъ таковаго чина мы не встрѣчали въ другихъ тоговременныхъ рукописныхъ архіерейскихъ Чиновникахъ и такъ какъ чинъ этотъ не вошелъ въ составъ печатныхъ архіерейскихъ Чиновниковъ, то считаемъ небезъинтереснымъ опубликовать его для любителей отечественной старины.

---

[1]) Преосвященный Діонисій Балабанъ съ 1657 по 1661 годъ былъ Кіевскимъ митрополитомъ, но по причинѣ смутнаго времени не жилъ въ Кіевѣ, а въ Онуфріевскомъ монастырѣ, находящемся недалеко отъ м. Корсуна, каневскаго уѣзда. Переписанный для него Чиновникъ, при митрополитѣ Гедеонѣ, былъ переданъ въ Кіево-Софійскую каѳедральную библіотеку.

«Святитель, возложъ на ся всю одежду святительскую и веземъ жезлъ свой въ руки, сѣсти имать во олтари предъ престоломъ, идѣже есть обычай сидѣти ему, егда посвящаетъ діакона или пресвитера». Достойный же изверженія приводимъ бываетъ отъ діакона предъ царскіе врата во всей одеждѣ іерейской, имуще въ рукахъ потиръ со дискосомъ. Егда же веденъ будетъ ко вратамъ царскимъ, пресвитеры и клирицы, прилучившіеся, глаголютъ псаломъ Давидовъ—*Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи* и проч. Изверзаемый же пришедъ до Царскихъ вратъ, не входитъ въ олтарь, но предъ Царскими враты преклоняетъ колѣнѣ, Святитель же, по скончаніи псалма, сѣдя на мѣсцѣ своемъ, возвѣстити имать, во всеуслышаніе всѣмъ, вину, ея-же ради изверзаетъ пресвитера, и посемъ во осужденіе его глаголетъ изреченіе сицево: Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа аминь. Мы (имя рекъ) Божіею милостію Архіепископъ (имя рекъ); понеже по извѣстномъ и опасномъ испытаніи, отъ неложныхъ свидѣтелей, судомъ нашимъ обрѣтохомъ его пресвитера (имя рекъ) законопреступника и сана пресвитерска недостойна, беззаконій его ради, зѣло тяжкихъ и Бога раздражаючихъ, и людей соблазняючихъ, тѣмже властію Бога всемогущаго, осудивши его по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Богоносныхъ Отецъ, изъ святительскаго сана его изверзаемъ вовѣки, и отъ священнодѣйства церковнаго отлучаемъ его, и яко непотребна раба отъ престола и олтаря Божія жезломъ нашимъ пастырскимъ его отмѣтаемъ, и сіе не точію словомъ, но и дѣломъ абіе творимъ. Посемъ самъ Святитель, вставши и изверзаемому востати повелѣвши, пріиметъ отъ руку его потиръ со дискосомъ, глагола сице: отыймую отъ тебе власть приношенія пречистыя жертвы къ Богу о живыхъ и умершихъ, понеже недостоинъ еси явился къ нему приносити его; и полагаетъ потиръ со дискосомъ на престолѣ. Посемъ снимая съ него ризы, Святитель глаголетъ *анаксіосъ;* тажъ поясъ пріемлетъ отъ него и, снимая съ него епитрахиль, глаголетъ *анаксіосъ*. Тажъ глаголетъ, снимая съ него поручіе и прочая вся. Снимая съ него стихарь, Святитель глаголетъ: совлекаю съ тебе всю одежду пресвитерскую, въ ней же предстояти

Господеви, ради лукавыхъ своихъ дѣлъ, къ тому не достоинъ еси. Тажъ начинаетъ постригати его Святитель глаголя: исполнися лице его безчестія, яко бо чести сый не разумѣя. Останокъ же власъ его остригаетъ діаконъ, пѣвцемъ же поющимъ сію стихиру гласъ й: Днесь Іуда оставляетъ учителя и пріемлетъ діавола; отлучается благочестія и чуждъ бываетъ дарованія, ослѣпляется страстію сребролюбія; отпадаетъ свѣта омраченный; како бо можеши зрѣти Свѣтило предавый на тридесятихъ сребреницѣхъ; но намъ возсія Страдавый за міръ, къ Нему же возопіемъ: пострадавый и сострадавый человѣкомъ Господи слава тебѣ. Сему же поему діаконъ растризаетъ его до конца.

Посемъ снимаютъ съ него одежды внѣшняя священническія, поюще стихиру сію гласъ в҃: Днесь ученикъ Христовъ отчуждается чести Его и благодати: возлюби бо паче служенія Ему работати беззаконникомъ; тѣмже нынѣ, яко недостоинъ, отъ святилища отверженъ бываетъ. Сего ради вси со умиленіемъ Христу возопіемъ: пощади насъ, Владыко, пощади, во чистотѣ же и правдѣ служити Тебѣ насъ сподоби, яко Единъ благъ и Человѣколюбецъ. Тажъ одѣваютъ его въ одежды мірскія, глаголющи: да облечешися во срамъ, и да одеждешися, яко одеждою, студомъ своимъ.

Сія вся содѣявши, сядетъ паки Святитель на мѣсцѣ своемъ во вратѣхъ царскихъ и держа жезлъ въ руцѣ десной сице глаголетъ: понеже не достоинъ явился еси степени пресвитерскаго, ни предстояти жертвеннику Божію, ниже священнодѣйствовати слова его истины, и приносити Ему дары же и жертвы и ино что священнодѣйствовати можеши ктому, винъ ради нанесенныхъ на тя лукавствомъ твоимъ, сего ради азъ властію отъ Христа Бога мнѣ данною, яко неключимаго тя раба, отъ святаго престола и алтаря Господня отлучаю, отметаю и до конца симъ жезломъ пастырскимъ вовѣки отрѣваю. И се доглаголя, отринетъ его жезломъ отъ Царскихъ вратъ. И абіе воставъ, царскія врата затворяетъ и изложивъ съ себя одежду, отходитъ во своясии».

Міряне, присутствовавшіе при совершеніи этого чина, останавливали свое наблюденіе и вниманіе, главнымъ образомъ, на

острижкѣ длинныхъ волосъ на головѣ извергаемыхъ изъ священства и потому послѣднихъ стали называть и теперь называютъ растригами.

Въ настоящее время лишеніе священства совершается безъ всякаго церемоніала и совершается не въ храмахъ Божіихъ, а въ присутствіи духовныхъ пастырей, гдѣ секретарь консисторіи, при собраніи членовъ ея, читаетъ синодальный указъ лишаемому священства о снятіи съ него пресвитерскаго сана, и затѣмъ берется отъ него подписка впредь не именоваться священникомъ, не носить священнической одежды и не совершать никакихъ церковныхъ священнодѣйствій.

Въ нашей православной церкви совершается не только изверженіе законопреступныхъ пресвитеровъ, но бывали, хотя и рѣдкія случаи, что и архіереи наши извергались изъ святительскаго сана. Такъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича лишенъ былъ святительскаго сана патріархъ Никонъ; въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны—архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ; при императрицѣ Екатеринѣ II—митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ, а при императорѣ Александрѣ I—архіепископъ могилевскій Варлаамъ Шишацкій. Такъ какъ въ нашихъ архіерейскихъ Чиновникахъ, ни рукописныхъ, ни печатныхъ, не было особаго чина, по которому надлежало совершать изверженіе изъ святительскаго сана, то таковому изверженію предшествовало составленіе соборомъ нашихъ архипастырей церемоніала для совершенія этого крайне прискорбнаго акта. Въ настоящей статьѣ мы опишемъ причины и церемоніалъ изверженія послѣднихъ двухъ изъ упомянутыхъ святителей.

Въ самомъ началѣ своего царствованія, Екатерина II замыслила отнять у архіерейскихъ каѳедръ и монастырей вотчины; но предъ коронаціей своей сперва было утѣшила и успокоила духовенство возвращеніемъ по прежнему въ управленіе духовныхъ властей отобранныхъ у нихъ имѣній и даже уничтожила, «впредь до приведенія въ порядокъ духовныхъ штатовъ», коллегію экономіи, завѣдывавшую при императорѣ Петрѣ III монастырскими вотчинами. «Мы не имѣемъ намѣренія», писала она, «присвоить

себѣ церковныя имѣнія, но только предписать законъ о лучшемъ устройствѣ ихъ». Но вслѣдъ затѣмъ, подъ наблюденіемъ Екатерины II, была учреждена особая коммисія изъ двухъ духовныхъ и трехъ свѣтскихъ членовъ; въ числѣ первыхъ находился непріязненный Арсенію Маціевичу митрополитъ Димитрій Сѣченовъ, старавшійся заслужить благоволеніе императрицы содѣйствіемъ видамъ ея политики. Коммиссіи поручено было «составить правила о лучшемъ употребленіи церковныхъ имѣній, во славу Божію и пользу отечества». Коммиссія эта отправила во всѣ монастырскія вотчины и архіерейскіе дома приходо-расходныя книги, для записыванія денежнаго и хлѣбнаго сбора, и избранныхъ ею отставныхъ оберъ-офицеровъ для точнѣйшей повѣрки сообщенныхъ духовными властями свѣдѣній о состояніи и количествѣ церковныхъ имѣній. Командированные коммиссіею оберъ-офицеры, исполняя возложенныя на нихъ обязанности, не оказывали должнаго уваженія не только къ личности духовныхъ властей, но и къ принадлежностямъ церковнаго богослуженія; нерѣдко они входили въ олтари безъ всякаго благоговѣнія и дерзали касаться церковныхъ престоловъ, потировъ и другихъ священныхъ сосудовъ. Что же касается обыкновеннаго церковнаго имущества, то къ нему они всегда относились слишкомъ самоправно и съ крайнею обидою для духовныхъ властей.

Въ распоряженіяхъ коммиссіи и дѣйствіяхъ оберъ-офицеровъ ростовскій митрополитъ Арсеній Маціевичъ видѣлъ нарушеніе правъ церковной завѣтной собственности, а въ отобраніи архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ крайнее униженіе духовенства и даже стремленіе къ прекращенію монашества и архіерейства, безъ котораго «не оное что воспослѣдуетъ, токмо отъ древнія нашея церкви апостольской отступство, а съ тѣмъ вмѣстѣ послѣдуетъ поповщина, а потомъ безпоповщина... и тогда наше государство перейдетъ на раскольническое, или на Кальвинское государство». Опираясь на соборное правило, что посвященное Богу не можетъ быть отчуждаемо, онъ ставилъ это правило выше смысла клятвеннаго своего обѣщанія, даннаго имъ при хиротоніи въ архіерея, во всемъ повиноваться царской власти и надлежа-

щимъ образомъ, по совѣсти своей, исполнять инструкціи, регламенты и указы, именемъ государя отъ предуставленныхъ начальниковъ объявленные.

Увлеченный негодованіемъ м. Арсеній въ началѣ 1763 г. подавалъ въ Св. Синодъ одинъ протестъ за другимъ противъ отнятія вотчинъ у монастырей и архіерейскихъ домовъ и противъ вмѣшательства свѣтскихъ людей въ духовныя дѣла. Имѣя въ виду не столько свои личныя выгоды, сколько интересы своего сословія, нелюбостяжательный архипастырь въ протестахъ слишкомъ рѣзко излилъ всю желчь своего оскорбленія. «Горе намъ бѣднымъ архіереямъ», писалъ онъ въ протестѣ 6 марта», яко не отъ поганыхъ, но отъ своихъ мнящихся быти овецъ правовѣрныхъ толикое мучительство претерпѣваемъ». О членахъ коммиссіи отзывался онъ, что «они насилу въ Бога вѣруютъ». Между тѣмъ разосланы были къ архіереямъ и по монастырямъ печатныя инструкціи и формы описей церковныхъ имуществъ. «Церковь», жаловался онъ, «еще и отъ прошедшаго, недавно бывшаго удара и разоренія не отдохнула и въ чувства не пришла, а тутъ опять на нее навѣты и нападенія. Прошлаго года, мы остались безъ яроваго хлѣба и съ малымъ числомъ сѣна, то же будетъ и теперь съ превосходствомъ. Крестьянамъ сперва понравится платить оброкъ, вмѣсто работы; а какъ опустошатъ лѣса и луга, то, хоть и душу отъ нихъ возьми, не будутъ платить оброка; архіерейскія домы не только безъ дровъ, но и безъ хлѣба, безъ денегъ, безъ водовоза и послѣдняго работника останутся. Въ малое время благочестіе можетъ перевестись, такъ что и слѣда его не останется»...

Еще прежде подачи въ Синодъ письменныхъ протестовъ, Арсеній словесно выражалъ свои мнѣнія объ этомъ предметѣ, который лежалъ у него на печеняхъ; даже въ недѣлю Православія, къ чинопослѣдованію на этотъ день, отважился прибавить «анаѳему обидчикамъ церквей и монастырей». Всѣ дѣйствія этого святителя доходили до чуткаго слуха Екатерины, которая не любила гласности и видѣла въ нихъ дерзкое противодѣйствіе своимъ предпріятіямъ, а въ Арсеніи *лицемѣра*, *пронырливаго и*

властолюбиваго, бѣшенаго враля, не безопаснаго для себя, какъ она сама выражалась; но Арсеній дѣйствовалъ и говорилъ нетайно, а открыто, смѣло шелъ на крестъ, зная, что его ожидаетъ за протесты отъ самодержавной государыни и святѣйшаго Синода. Но видно, что слова и протесты этого архипастыря за живое задѣли императрицу и она поспѣшила положить предѣлъ его неустрашимымъ дѣйствіямъ. По ея распоряженію, протесты м. Арсенія были заслушаны и осуждены членами св. Синода. Вслѣдъ затѣмъ синодальный оберъ-прокуроръ Глѣбовъ представилъ императрицѣ всеподданнѣйшій докладъ о виновности м. Арсенія. Разсмотрѣвши докладъ, она возвратила его Синоду съ тѣмъ, чтобы онъ самъ «судилъ своего сочлена, какъ злонамѣреннаго и преступника».

Въ это время м. Арсеній продолжалъ свое служеніе на Ростовской каѳедрѣ. Въ половинѣ марта 1763 г., возвратясь въ свои покои отъ вечерни, онъ сказалъ своему келейнику: «не запирай воротъ на ночь! Гости будутъ ко мнѣ въ полночь». Келейникъ недоумѣвалъ, какихъ гостей ожидаетъ преосвященный. Но въ самую полночь является къ нему гвардейскій офицеръ Дурново и подаетъ синодальный указъ слѣдующаго содержанія: «14 сего марта опредѣлено ваше преосвященство, чрезъ нарочно отправленнаго гвардіи оберъ-офицера привезть въ Москву, а при томъ отъѣздѣ ризницы и людей, кромѣ трехъ нужнѣйшихъ вашему преосвященству, съ собою не брать, и имѣющіяся въ келіяхъ вашего преосвященства письма, кромѣ печатныхъ книгъ, собравъ въ одно мѣсто, вашею и того оберъ-офицера печатью запечатавъ, взять оному оберъ-офицеру въ Москву». По пріѣздѣ въ Москву 14 апрѣля Арсеній уже содержался подъ крѣпкою стражею въ Симоновомъ монастырѣ, какъ государственный преступникъ. Въ тотъ же день императрица писала оберъ-прокурору Глѣбову: «Александръ Ивановичъ! Нынѣшнюю ночь привезли *враля*, котораго исповѣдывать должно; пріѣзжайте ужо ко мнѣ, онъ здѣсь во дворцѣ будетъ». Неизвѣстно, какого рода была эта исповѣдь; въ присутствіи императрицы, Орлова, Глѣбова и Шиш-

ковскаго Арсеній до того простеръ свою дерзость въ объясненіяхъ, что императрица зажала себѣ уши, а ему «заклепили ротъ».

Послѣ *исповѣди* въ императорскомъ дворцѣ Арсеній подъ карауломъ препровожденъ былъ въ полное присутствіе Синода и при допросѣ, какъ объявлено было въ московской газетѣ (14 апрѣля 1763 г.), «созпался въ своей продерзости». Его собратія и сочлены присудили его къ лишенію архіерейскаго сана и монашества и затѣмъ къ смертной казни за оскорбленіе Ея Величества. Такой приговоръ поднесенъ былъ государынѣ для конфирмаціи, но она, какъ значится въ Синодскомъ указѣ, «по великодушію и милосердію своему природному», соизволила освободить Арсенія отъ казни и повелѣла оставить ему монашескій чинъ и сослать въ отдаленный монастырь подъ строгій надзоръ настоятеля.

Подсудимый опять призванъ былъ въ Синодъ для объявленія ему высочайшей конфирмаціи. Онъ явился въ Синодское присутствіе, какъ-бы на священнослуженіе: въ архіерейской мантіи съ источниками, въ омофорѣ, въ бѣломъ клобукѣ, съ панагіею на персяхъ и съ архипастырскимъ посохомъ въ рукѣ. По прочтеніи высочайшей конфирмаціи члены Синода, одинъ послѣ другого, снимали съ митрополита Арсенія архіерейскіе принадлежности, кто митрополичій клобукъ, кто мантію, кто омофоръ, кто панагію, кто другія принадлежности. Во время совершенія этого печальнаго акта Арсеній, убѣжденный въ справедливости своихъ протестовъ, обнаружилъ полное негодованіе къ своимъ собратіямъ—членамъ Синода и предсказалъ нѣкоторымъ изъ нихъ плачевный жребій. Такъ первенствующему члену Синода Димитрію предрекъ, что задохнется собственнымъ языкомъ, Амвросію Зертисъ-Каменскому предрекъ смерть отъ мясника. Лишенному архіерейства подано было простое монашеское одѣяніе и была взята съ него подписка, что впредь ни подъ какимъ видомъ не будетъ именоваться и писаться не только архіереемъ, но даже іеромонахомъ.

Слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе жизни своей Арсеній Мацѣевичъ сперва провелъ, подъ строгимъ надзоромъ, въ Ѳерапонтовомъ

и Николо-Корельскомъ монастыряхъ, а потомъ, по лишеніи монашества, будучи названъ *Андреемъ Вралемъ*, былъ сосланъ въ Ревель, гдѣ и скончался въ казематѣ, походившемъ болѣе на могилу, чѣмъ на жилище тяжкаго преступника.

Причина, по которой Могилевскій архіепископъ Варлаамъ Шишацкій былъ лишенъ святительскаго сана, заключалась въ слѣдующемъ проступкѣ его. 8 іюля 1812 г. французскія войска вступили въ Могилевъ. Учрежденная французскимъ правительствомъ коммиссія для управленія гражданскаго въ могилевской губерніи отнеслась $^{13}/_{25}$ іюля къ тогдашнему могилевскому архіепископу Варлааму съ оповѣщеніемъ, чтобы на другой день онъ архіепископъ съ духовенствомъ, дворянствомъ и прочими сословіями учинилъ присягу на вѣрноподданничество французскому императору Наполеону и лично совершилъ литургію и молебствіе и чтобы поминалъ во время всякаго богослуженія, вмѣсто императора Александра,—французскаго императора Наполеона. Требованіе прописанной коммиссіи архіепископъ Варлаамъ безпрекословно исполнилъ и предписалъ, чрезъ консисторію, исполнять его всѣмъ подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ и лицамъ. По высочайше утвержденному Синодальному докладу, который состоялся 19 мая 1813 г., было постановлено: «архіепископа Варлаама, яко оказавшагося явнымъ клятвопреступникомъ и потому нетерпимаго болѣе въ семъ санѣ, лишить архіепископства и священства, оставивъ только въ монашескомъ чинѣ, и пребываніе ему имѣть въ Новгородсѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ Черниговской епархіи». Совершить обрядъ лишенія архіепископа Варлаама архіерейскаго сана и священства поручено было Черниговскому архіепископу Михаилу и была указана форма обряда, который при этомъ соблюсти надлежало. Въ указѣ преосвященному Михаилу сказано было, что «когда архіепископъ Варлаамъ доставленъ къ нему будетъ, въ то время, по сношенію съ губернаторомъ назнача день, собрать въ каѳедральный соборъ монастырскихъ настоятелей и городское духовенство, а потомъ, введя въ оный его, архіепископа, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи и поставя посреди церкви, объявить прочитаніемъ чрезъ конси-

сторскаго секретаря высочайшій конфирмованный докладъ, а по объявленіи, снявъ съ него чрезъ ключаря съ протодіакономъ, все архіерейское облаченіе съ знакомъ ордена св. Анны 1 степени и возложа приличное монаху одѣяніе, обязать подпискою, чтобы онъ отнынѣ впредь не токмо архіереемъ, но ниже іеромонахомъ отнюдь ни подъ какимъ видомъ, ни письменно, ни словесно не именовался и не писался». Печальный обрядъ снятія сана совершенъ 29 іюня 1813 г. (Арх. св. Синода дѣло за № 972).

Прот. **Петръ Орловскій.**

Переписка М. А. Максимовича съ П. Г. Лебединцевымъ.

(Окончаніе [1]).

1871 годъ.

Переписка этого года представляется особенно интересной, такъ-какъ она раскрываетъ нѣкоторыя странички изъ исторіи учрежденія въ Кіевѣ историческаго ученаго общества, открывшагося вскорѣ затѣмъ подъ именемъ Общества Нестора-Лѣтописца. Кромѣ того, въ 1871 году рѣшено было друзьями М. А. Максимовича устроить празднованіе пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности, о чемъ тоже находимъ не мало данныхъ въ перепискѣ.

Первое письмо этого года написано было П. Г. Лебединцевымъ, какъ дополнительное къ письму, отправленному имъ наканунѣ новаго года, но не сохранившемуся въ нашихъ матеріалахъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Еще медовой новаго года мѣсяцъ не ушелъ, а потому, въ дополненіе къ письму моему наканунѣ новаго года, примите и въ самомъ новомъ году привѣтъ мой съ прибавочкой къ числу честной старости Вашей, которой сила не въ одномъ числѣ лѣтъ. Простите, что я умедлилъ отвѣтомъ. Теперь—праздникомъ я имѣлъ особенную

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 11.

работу по комитету, такъ что, при болѣзни глазъ, едва покончилъ во время, и притомъ обнадеженъ былъ графомъ Уваровымъ, что онъ всю суть самъ напишетъ Вамъ, что онъ и дѣйствительно сдѣлалъ. Вѣроятно онъ писалъ Вамъ то-же, что говорилъ и мнѣ, т. е. что предполагаемое общество не должно быть припертымъ къ какой либо стѣнѣ; онъ не допускаетъ никакихъ *при*, *при*, а предсѣдатель долженъ быть выборный. Съ своей стороны, пользуясь товариществомъ и дружбой графа Д. А. Толстого, обѣщаетъ похлопотать обо всемъ, что потребуется для общества, какъ съ формальной или легальной, такъ и матеріальной стороны. Когда бы въ Кіевѣ такъ горячо хватились, какъ графъ горячо здѣсь желаетъ Кіев. общества! Завчера я былъ у него вечеромъ, гдѣ познакомился съ Пекарскимъ и Крузе. Пекарскій—весьма пріятный человѣкъ, лѣтъ 40. Графъ спрашивалъ, не пишутъ ли мнѣ чего изъ Кіева по поводу его письма. Собирается онъ уѣхать изъ Петербурга около 1-го февраля. Поторопитесь что нибудь выслать ему до сего термина, ибо онъ уже что-нибудь сдѣлалъ бы для осуществленія предположеннаго дѣла. Пекарскій вспомнилъ Васъ добромъ.

Статью Вашу въ Епарх. Вѣдомостяхъ [1]) уже прочиталъ я съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ и все Ваше, и приношу искреннюю благодарность за участіе, украшающее бѣдную газетку.

Ради новаго года поблагословите поднять или начать дѣло о юбилеѣ 50-лѣтней Вашей литературно-ученой дѣятельности, въ видахъ возможности, при семъ, увеличить Вашъ пенсіонъ. Добрые люди совѣтуютъ не откладывать, не стѣсняясь, что начало—переводъ, а пользоваться, что теперь благовременно: есть лица, которые имѣютъ и силу и желаніе сдѣлать полезное для обезпеченія Вамъ и Вашего семейства. Что будетъ и въ близкомъ будущемъ—Богъ вѣсть.

Владыка нашъ здравствуетъ и Васъ вспоминаетъ. Кіеву желаю душевно имѣть голову здоровую, и таковою признаю главу Григорія Павловича [2]). За доброю головою добре и намъ буде жить.

Съ глубокимъ уваженіемъ Вашъ душевно преданный П. Лебединцевъ.

23 янв. 1871 г. Петербургъ.

---

[1]) Извѣстіе о книгѣ „Благоутробіе Марка Аврелія“ (Кіев. Епарх. Вѣд. 1871 г. № 1).

[2]) Идетъ рѣчь объ избраніи въ Кіевѣ городского головы по нововведенному тогда городовому положенію. Кандидатами называли П. П. Демидова и Г. П. Галагана, о которомъ и упоминается здѣсь.

Въ отвѣтъ на это письмо Максимовичъ, проводившій ту зиму въ Кіевѣ, сейчасъ-же написалъ Лебединцеву, главнымъ образомъ указывая на свое бѣдственное матеріальное положеніе, въ силу чего онъ, послѣ большихъ колебаній, соглашается на празднованіе своего юбилея.

Вчера, т. е. въ первый день февраля и честной масляницы, много обрадованъ былъ я письмомъ Вашимъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, отъ 23 генваря... Необычайно снѣжная зима задерживаетъ, а можетъ быть иногда и поглощаетъ письменную корреспонденцію. Представьте, что то письмо ко мнѣ гр. Уварова, на которое ожиданъ былъ отвѣтъ мой, до меня не дошло; а потому и не было отвѣта. Жаль, если оно пропало! По крайней мѣрѣ, я желалъ бы, чтобы онъ былъ объ этомъ извѣстенъ и не вмѣнилъ-бы мнѣ въ вину моего молчанія. Не поможете ли Вы мнѣ въ этомъ оповѣщеніи его? А на всякъ случай напишу объ этомъ и Погодину... Но отъ него, также какъ и отъ другихъ москвичей, нѣтъ и до сего дня ни листочка, написаннаго 1871 годомъ. Не знаю, дошло-ль мое письмо крещенское къ гр. Блудовой,—за вторую половину котораго, гдѣ я писалъ о себѣ, сильно встревоженный одною случайностью, крѣпко сержусь на себя.—Въ нынѣшнемъ генварѣ стукнуло ровно *тридцать* лѣтъ, какъ я получилъ отставку отъ службы; и какъ вспомню свою жизнь въ эти тридцать лѣтъ, то—ажъ сердце вьяне!... Наконецъ, чувствую себя старымъ, уже приставшимъ конемъ, поставленнымъ на изъѣды, остающіяся отъ молодыхъ быдлятъ: такъ выразился я въ томъ письмѣ къ графинѣ о моемъ скудномъ для нынѣшняго времени пенсіонѣ, и сказалъ: хоть-бы *Господа Петербургъ* помогли мнѣ докончить вѣкъ мой довольнѣе, чѣмъ онъ тянулся донынѣ. И вижу, что въ Петербургѣ радушнѣе думаютъ объ улучшеніи моего быта, чѣмъ въ Кіевѣ, хотя и тутъ уже съ половины генваря зашла рѣчь о томъ... Даютъ же бывшимъ профессорамъ и теперь аренды,—да и кому ихъ не даютъ!

По Вашей доброй ко мнѣ дружбѣ, Вы говорите о *юбилеѣ*, какъ предлогѣ къ улучшенію моего быта... Не по сердцу мнѣ эта незаслуженная мною почесть, и я отклонялъ отъ себя мысль о томъ моихъ доброжелателей, въ надеждѣ, что вотъ-вотъ сухоребрая жница жизней, своею неминучею никого косою, сниметъ меня съ пажити сего міра... Но если уже *Вы* полагаете, что это и необходимо и благовременно,—и что только этимъ путемъ и способомъ можно достичь того: то я

съ благодарностью разрѣшаю Вамъ отдать меня въ петербургскую опеку и распорядиться мною по ея благоусмотрѣнію! Я въ самомъ дѣлѣ, на исходѣ вѣку, не совладаю съ собою, и дѣлаю не то, чтобы надо. Знаете-ли, что я три дня уже занятъ отвѣтомъ на статью Закревскаго-дурня о Копыревѣ-Концѣ, помѣщенную въ Трудахъ Моск. Арх. Общества?—Простите!—Съ Вашимъ дружескимъ благословеніемъ, остаюсь неизмѣнно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

22 февраля 1871 г. Кіевъ.

Долго не получая вѣстей отъ своего корреспондента и томясь одиночествомъ, Максимовичъ въ началѣ марта написалъ Лебединцеву еще одно письмо.

8 марта 1871 г. Кіевъ.

Добраго здоровья желаю Вамъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, на довершеніе Вашихъ Петроградскихъ трудовъ и на радостное возвращеніе ваше въ Кіевъ.—Еслибъ знали Вы, какъ мнѣ скучно здѣсь, и особенно въ послѣднія недѣли по вечерамъ, въ одиночествѣ, не могшему читать и писать... Берегите свое зрѣніе, и особенно отъ вечерняго чтенія газетныхъ столбцовъ и отъ писанія на лощеной бумагѣ, весьма вредящей глазамъ своимъ блескомъ. Я все домосѣдствую безвыходно и рѣдко съ кѣмъ вижусь теперь... Вычиталъ кое-что я для кіевознанія, но все мелочи, почти микроскопическія. Вчера отправилъ въ «Бесѣду» (которой, впрочемъ, еще не видѣлъ) статью: «Нѣчто о Копыревѣ-Концѣ» въ отвѣтъ Закревскому [1]). Это надо было сдѣлать; но чуть ли это уже не послѣдняя моя статья полемическая. Для Еп. Вѣдомостей Вашихъ напишу нѣчто свое, оставляя въ сторонѣ чужія брехни. Жаль, нѣтъ въ Кіевѣ Пономарева; онъ бывало заходитъ иногда въ мою скучную квартиру и принесетъ объ Васъ вѣсточку...

Отзовитесь, ради Бога, хоть страничкою на эту мою грамотицу и отведите душу—поскорѣе. Скажите хоть коротенько: что сталось по вопросу Вашему обо мнѣ и по моему Вамъ отвѣту? Пошла ли въ ходъ Ваша заботливая, дружеская мысль, и можно ли надѣяться мнѣ, что она не останется втунѣ? Въ тридцать лѣтъ, послѣ отставки, я привыкъ уже къ неудачамъ всяческимъ; такъ мнѣ и тутъ онѣ чудятся

---

[1]) Въ „Бесѣдѣ“ эта статья не была напечатана, а появилась въ „Кіев. Епарх. Вѣд.“ 1871 г., № 7.

и чуются. Но освѣдомиться у Васъ не мѣшаетъ; ибо скоро весна, а мнѣ для здравія душевнаго и тѣлеснаго необходимо убираться въ маѣ изъ Кіева куда нибудь подальше на югъ, на синее море, если не къ водамъ кавказскимъ... Когда ждать Васъ изъ Питера, къ Великодню?— Да хранитъ Васъ Господь на всякомъ мѣстѣ владычества своего!— Вспоминайте иногда въ молитвахъ своихъ душевно преданнаго Вамъ М. Максимовича.

Наконецъ, уже передъ Свѣтлымъ праздникомъ, Лебединцевъ откликнулся на эти письма, извѣщая между прочимъ о томъ, какъ рѣшено повести дѣло о празднованіи юбилея и объ улучшеніи матеріальнаго положенія Максимовича.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Христосъ воскресе!

Обнимаю Васъ сердечно, привѣтствуя со свѣтлымъ праздникомъ. Свѣтлый праздникъ да оживитъ лучомъ радости и Ваше уединеніе среди немалаго града, а людямъ кіевскимъ грѣхъ, что они не то забыли Васъ, не то слишкомъ ужъ занялись своими дѣлами. Жаль, что Великъ-день для меня пройдетъ въ Петроградѣ, да и весна красная кіевская уплыветъ, кажется, до моего возвращенія. Что дѣлать? Гость-невольникъ, такъ и я. Дѣло—не дѣло, а сиди.

Мысль, заявленная Вамъ, идетъ въ ходъ чрезъ Хрущова и Н. А. Ѳаворова къ синклиту университетскому. Предполагается возможный такой порядокъ: университетъ, котораго почетнымъ членомъ Вы состоите, можетъ чрезъ попечителя и министра испросить разрѣшеніе праздновать Вашъ юбилей; при испрошеніи будетъ присовокуплено и ходатайство о Монаршей милости для юбиляра. Когда будетъ получено разрѣшеніе, тогда къ университету примкнетъ все кіев. ученое общество и всѣ Ваши почитатели. Назарій Антоновичъ, отправившійся предъ вербой въ Кіевъ и нынѣ уже вѣрно священнодѣйствующій въ университетской церкви, обѣщалъ именно предложить эту мысль историко-филологич. факультету, а Хрущову о томъ же писалъ Полѣновъ по предложенію Николая Пл. Барсукова. Этотъ путь одобренъ и Аѳа-

[1]) И. П. Хрущовъ, тогда доцентъ по каѳедрѣ русской литературы въ Кіевск. университетѣ.

насіемъ Фед. Бычковымъ. Мнѣ вѣрится, что эта мысль осуществится, а пока скажемъ—дай Боже!

Между дѣломъ я заглянулъ въ Архивъ уніат. митрополитовъ и нашелъ здѣсь интересные для Кіева документы, напр.: Опись имуществу и привилегій Лавры Печерской—1554 года (это постарше напечатаннаго въ Актахъ), опись имуществъ Соф. собора по смерти Рогозы и Поцѣя; буллу папскую Соф. собору—о переходѣ Васильев. церкви къ уніатамъ и обратно къ православнымъ; указаніе на обвалившіяся лѣтъ за 30-ть до уніи на Соф. слободѣ церкви Воздвиженія и св. *Никиты*(?) и проч. Нынѣ я занимаюсь списываніемъ этихъ документовъ, изъ которыхъ одни на польскомъ, другіе на русскомъ языкѣ, но премудрые по почерку. Чтеніе ихъ отзывается болью въ глазахъ, но на эти вещи сами глаза напрашиваются.

Письмо графа Уварова Вами получено: что же Вы отвѣтили ему, а главное, какъ приняли его предложеніе? Весьма интересно знать, потому что графъ горячо желалъ его осуществленія. Онъ обѣщалъ въ Москвѣ показать мнѣ Археологич. домъ, но едва ли я застану его въ Москвѣ на обратномъ пути изъ Петербурга. Въ Кіевъ къ намъ на лѣто многіе отсюда собираются, а также и графъ Уваровъ хочетъ побывать. Застанутъ ли они Васъ въ это лѣто въ Кіевѣ? Застану ли и я? Думаете ли и когда прогуляться на Михайлову Гору?

Андрей Н. Муравьевъ пустилъ сюда мысль, чтобы снять пристройки Соф. соб. и возстановить его по первоначальному фасаду. Мыслію этой здѣсь нѣкоторые занимаются; доведена она и до высочайшаго свѣдѣнія. Какъ она Вамъ кажется? Лучше ли будетъ Соборъ безъ 6-ти куполовъ, равняющихся по величинѣ древнему-среднему?

Поносное время холеры, слава Богу, проходитъ, а отъ оспы Господь сохранилъ Петербургъ градъ. Погода на страстной недѣлѣ стоитъ добропорядочная, а что будетъ на святой—Богъ вѣсть.

Душевно христосуясь съ Вами, остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ, Вашъ искренно преданный пр. П. Лебединцевъ.

24 марта 1871 года. С.-Петербургъ.

Въ отвѣтъ на это письмо Максимовичъ написалъ цѣлыхъ три письма въ теченіе апрѣля мѣсяца, все еще живя въ Кіевѣ, такъ-какъ болѣзнь и безденежье не позволяли ему сняться съ мѣста.

Христосъ Воскресъ!

— *Радъ міръ увесь...* Невольно пишется мнѣ сегодня это стародревнее отзвучіе—къ Вамъ, дорогой и многоуважаемый Петръ Гавриловичъ. Да здравствуете радостно на берегахъ Невскихъ!

Благодарю Васъ за письмо Ваше, полученное мною въ великую субботу... Мнѣ оно было въ усладу горемычнаго пребыванія моего въ домѣ Горецкаго [1]) именно съ вербной недѣли, продолжающагося и до сего дня, до проводнаго понедѣльника... Горе мое въ заболѣвшей лѣвой ногѣ моей,—помните, еще съ 1864 года страдавшей расширеніемъ венъ; два мѣсяца теперь сидѣлъ я безвыходнымъ сиднемъ, чтобы на страстной и свѣтлой седмицахъ за то повидать Кіева, яко подобаетъ православному христіанину русскому; но мои ножныя вены, отъ колѣна и до пятки,—ни съ того ни съ сего—вдругъ обратились въ низку твердыхъ желваковъ или галушекъ, а потомъ это пошло и вверхъ ноги... Пачкаюсь болѣе двухъ недѣль уже аптечными мазями; но отъ нихъ не легче, и сегодня перейду къ разбивкѣ вышепомянутыхъ желваковъ—іодомъ. Надо лежать или сидя держать ногу въ лежачемъ видѣ; а какъ стану на мѣстѣ минутъ на нѣсколько, щемитъ нога моя несносно, такъ что и помолиться хотя вкратцѣ нельзя спокойно. Вотъ какое невзгодье постигло меня на свѣтлый праздникъ!

Новою усладою, на третій день праздника, былъ мнѣ самъ благовѣстникъ, Назарій Антоновичъ, невидѣнный мною около 4-хъ мѣсяцевъ... Отъ него, и отъ Григорія Павловича [2]), пріятно было мнѣ услышать живую вѣсть о Васъ. Послѣдній съ Екатериною Вас. навѣстили меня въ среду,—съ лекціи Хрущова, который и самъ былъ у меня, съ третьей и послѣдней своей лекціи публичной,—въ субботу. Лекцій публичныхъ въ нынѣшнемъ году читается университантами много, да публики на нихъ бываетъ мало. Пришлись видно не въ пору,—или не въ коня кормъ,—или по пословицѣ: не корми меня тѣмъ, чего я не ѣмъ!

Дѣло моего полувѣчья, возложенное Вами на университетъ, не знаю какъ пойдетъ; на этой недѣлѣ будутъ выборы въ ректоры, хо-

---

[1]) На Бибиковскомъ бульварѣ. гдѣ тогда занималъ М-чъ квартиру.

[2]) Г. П. Галаганъ.

рошо, если бы Наз. Ант. и Хрущовъ успѣли дать этому дѣлу такой толчекъ, чтобъ изъ Кіева оно представлено было въ Питеръ къ маю мѣсяцу. А если тутъ пойдетъ оно въ проволочку и прійдетъ въ Питеръ, когда тамъ вся сила разъѣдется, то изъ того ничего желаннаго и предполагаемаго не выйдетъ. Такъ мнѣ, пассивному въ этомъ дѣлѣ, сдается!

Я пробуду здѣсь—до половины мая; нога моя, кажется, не пуститъ меня далѣе Михайловой-Горы; тамъ и предполагаю быть до половины августа; но когда бы уже мнѣ хоть 15 мая выбраться отсюда на просторъ Михайлогорскій.—И вообразить не можете, какъ я здѣсь занудился во глубинѣ душевной!—Превозмогая однакоже—я все еще продолжаю даже читанье и писанье. Вы, конечно видѣли уже и мою отповѣдь *о Копыревѣ-Концѣ*, въ 7 нум. Кіев. Еп. Вѣдом., преисполненномъ опечатокъ. Пономарева нѣтъ въ Кіевѣ, какъ слышу; удралъ въ свой Конотопъ, послѣ вербной субботы, въ которую былъ у меня съ вербовою вѣтвію изъ Софійскаго храма, стоящею и нынѣ въ образномъ углѣ.

Радуюсь, что Вы извлекаете старописьменныя перлы о Кіевѣ: привозите ихъ побольше; будемъ вкупѣ любоваться ими и пристроивать ихъ умѣстно, въ августѣ,—коли Богъ благоволитъ мнѣ къ тому времени оздоровѣть и пошлетъ средства для пребыванія въ Кіевѣ: ибо нынѣшнее пребываніе мое—сущее мнѣ разореніе,—прибыли, кромѣ несчастнаго пенсіона, ни откуда ни гроша, и долгу набѣжало уже сотни полторы; безъ Васъ не знаю у кого бы спросить и вѣдомостнаго заработка (рублей до *семидесяти*), которымъ пробавляюсь бывало отъ Васъ въ нерѣдкіе припадки безденежья. Не служитъ мнѣ *хвортуна* съ самой отставки моей 1841 года!.. Видно *нетягою* быть и до конца дней—Вашему другу и почитателю. М. Максимовичъ.

5 апр. 1871 г. К.

---

30 апрѣля, 1871 г. Кіевъ.

Пишу Вамъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, привѣтъ изъ Кіева въ памятный мнѣ день Іакова: въ этотъ день 1853 года, было бракосочетаніе мое въ Драбовѣ, въ Михайловской церкви, и какое торжественное, соборомъ трехъ іереевъ,—и какой прекрасный весенній день тогда былъ!.. А здѣсь, въ нынѣшнемъ году, ночью былъ снѣжокъ съ морозцемъ, такъ что термометръ у меня въ комнатѣ, вчера протопленой, спустился на 14°... Тѣмъ не менѣе я бодрюсь; отъ іодоваго

умащенія уже мякнуть и убавляются венозные желваки лѣвой ноги моей; я начинаю уже ходить подъ открытымъ небомъ и чувствовать себя какъ бы пробуждающимся отъ зимней спячки. Вотъ сегодня написалъ уже и отвѣтъ на недавнее письмо гр. Уварова, который при семъ прилагаю, чтобы и Вы знали его содержаніе. Если графъ въ Петербургѣ, то потрудитесь, заклеивъ и запечатавъ пакетъ, немедленно ему доставить; если онъ уѣхалъ уже, надпишите: въ *Москву*, и поскорѣе пошлите туда.

О полувѣчьи писательства моего представленіе факультетское лишь сегодня будетъ заслушано въ совѣтѣ, ибо въ прошлую пятницу не было совѣта, за отъѣздомъ ректора Матвѣева куда то далеко на практику и нездоровьемъ проректора Митюкова. Что тамъ усовѣтуютъ сегодня, буду знать завтра; но медленіе кстати, ибо попечитель Антоновичъ, ко мнѣ благопріятный, вернется развѣ къ половинѣ мая. Раньше того срока я не успѣю выбраться отсюда, ни по здоровью, ни по средствамъ моимъ денежнымъ. Спасибо Вамъ; въ Егорьевъ день о. Ждановъ весьма кстати вручилъ мнѣ 75 р. отъ редакціи К. Е. В.—Къ тому въ дополненіе, на слѣдующей недѣлѣ, получу еще мой пенсіонъ за апрѣль—62 р. изъ Кіевскаго казначейства, куда я перевелъ свой пенсіонъ, въ предположеніи здѣсь коротать остатокъ дней своихъ. Но гдѣ я водворюсь съ конца августа или съ начала сентября на новую зимовку, если Богу угодно, чтобы я вернулся сюда къ тому времени изъ моей Михайлогорской пустыни?... Конечно, мнѣ надо привитать или на Старомъ Кіевѣ, или невдалекѣ университета и первой гимназіи.—Пишу Вамъ эти мелочи, зная дружеское Ваше во мнѣ участіе, чтобы Вы, принявши въ свое вниманіе странную судьбу мою, извѣстны были и о нынѣшнемъ ея моментѣ, вслѣдствіе котораго я могу застрянуть окончательно и безвозвратно тамъ, противъ устья р. Роси [1])...

О многомъ, многомъ, болѣе мнѣ интересномъ, хотѣлось-бы поговорить съ Вами,—вотъ напр. и по случаю одесскаго событія... У меня на душѣ чуется, что если правительство не укоротитъ распространеніе жидовства, хоть бы и въ жалкой Переяславщинѣ или Полтавщинѣ, гдѣ на моихъ очахъ, въ продолженіе 35-ти лѣтъ жидовство усилилось во сто разъ, то лѣтъ черезъ десять или около того повторится непремѣнно, не только Аккерманская или Одесская исторія, а

---

[1]) Т. е. на Михайловой Горѣ.

исторія 1648 или 1768 годовъ. Но что будетъ, то Богъ дастъ. въ Его-же волѣ и силѣ пребываемъ и всѣ мы, единичныя личности, и множественныя миліардныя единицы государственныя,—и совершается на бѣломъ свѣтѣ подлунномъ то, что не можетъ быть предвидѣно никакими умозрѣніями, никакими телескопами и микроскопами... Господь да хранитъ Васъ на Невскихъ берегахъ для благополучнаго возвращенія и пребыванія на Днѣпровскомъ берегу, въ богохранимомъ стольномъ Кіевѣ. Когда-то я увижу и обниму Васъ въ ономъ?... Душевно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

P. S. Брату Вашему и Николаю Платоновичу прошу передать мой сегодняшній поклонъ. Для живѣйшаго о себѣ напоминанія прилагаю свою образинку... Снимитесь Вы въ Питерѣ, и пришлите мнѣ сюда,—только безъ камилавки, какъ, помните, я просилъ Васъ въ прошломъ году, послѣ Вашего служенія въ Софійскомъ храмѣ...

Господь да хранитъ Васъ и благодѣетъ Вамъ, на всякомъ мѣстѣ владычества своего!—Помолитесь и обо мнѣ, душевно преданномъ Вамъ землякѣ!

1 мая, 1871 г. Кіевъ.

Привѣтъ Вамъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, съ нынѣшнимъ праздникомъ Кіево-Софійскимъ [1]). Вы мыслію своею, конечно, здѣсь, въ дому и храмѣ Ярославлемъ, у мощей преподобнаго мученика - митрополита. Но знаете ли, что нынѣ съ утра до 11-го часу шелъ непрерывный дождь,—да и до сего часу полудня перемежался онъ уже неоднократно...

Чуть ли не прійдется мнѣ сегодня быть домосѣдомъ до вечера. А мое вчерашнее къ Вамъ посланіе—представьте себѣ, самъ я донесъ до почты и воротился тихимъ ходомъ во свояси, зѣло уставшій: такъ стараюсь разшевелить всѣ зимнія залежи и застои моего устарѣлаго организма... А факультетское представленіе и вчера не заслушалось въ совѣтѣ, который не состоялся и вчера, понеже не собралось узаконенное число $^2/_3$ наличныхъ членовъ.. Блаженная пора настала для «наукъ вызволéныхъ!»... Хорошо тому на свѣтѣ жить, кто нынѣ поступаетъ въ ихъ университетскій причетъ: и вольно, и привольно!

Порадуйте меня еще разъ въ Кіевѣ, до 15 мая, Вашими хотя немногими строками: когда Вы надѣетесь вернуться сюда,—и о про-

[1]) Митр. Макарія, мощи котораго въ Софійск. соборѣ.

чемъ, что набѣжитъ подъ Ваше перо, на листокъ, для меня предназначенный.

Мнѣ сегодня что-то особенно грустно, и не съ кѣмъ отвести душу... Не прійдетъ-ли къ обѣду хоть *Алексѣйко* мой изъ гимназіи, которая однакоже—сказавъ правду—не возбудила въ немъ и доселѣ любви къ чтенію и занятію...

Съ моимъ неизмѣннымъ къ Вамъ почтеніемъ и дружествомъ, остаюсь навсегда преданный Вамъ М. Максимовичъ.

Вскорѣ по полученіи послѣднихъ двухъ писемъ, Лебединцевъ отвѣтилъ, все еще изъ Петербурга, сообщеніемъ объ успѣхѣ затѣяннаго празднованія юбилея Максимовича.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ.

Два письма Ваши отъ 30 апрѣля и 1-го мая изъ нашего Кіева дышутъ не только полнотою Вашего довѣрія и теплотою Вашей сердечности, но и теплотою кіев. мая (а мы еще его и не видали): все это какъ бы тянетъ меня поскорѣе въ Кіевъ. Жаль только, что я не застану Васъ въ немъ, послѣ 8-ми мѣсячнаго пребыванія моего на семъ хладномъ сѣверѣ. Утѣшаюсь, что увижу Васъ съ сентябрѣ, въ его началѣ, и въ лучшемъ здоровьи и въ подобающей Вашимъ заслугамъ чести. Основаніе думать о возможности, что все устроится по нашему общему желанію, есть. Какъ сочувственно отнеслись добрые люди къ вѣсти о Вашемъ юбилеѣ, доказательствомъ служитъ, во-первыхъ, прилагаемое при семъ письмо г. Коссовича къ М. Н. Каткову. Деляновъ и А. Ѳ. Бычковъ, съ своей стороны, по словамъ Н. Барсукова, полнѣйшее содѣйствіе обѣщаютъ къ тому, чтобы все это окончилось для васъ не однѣми рѣчами и кормленіемъ часовымъ, а и существеннымъ для Васъ и Вашего семейства—въ родѣ увеличенія пенсіона или назначенія аренды. Графъ Уваровъ получилъ Ваше письмо отъ меня лично. О предполагаемомъ юбилеѣ онъ до того ничего не слыхалъ, и весьма обрадовался, узнавши отъ меня. Пока я окончилъ періодъ о семъ, онъ карандашемъ черкнулъ замѣтку у себя на бумажкѣ, и потомъ пояснилъ, что онъ, съ своей стороны, имѣя быть въ тотъ же день (9-го мая) въ 9-ть часовъ вечера у графа Д. А. Толстого, употребить свое ходатайство, чтобы графъ принялъ это дѣло, какъ должно, и сдѣлалъ полезное для Васъ. Графъ Уваровъ даже обѣщалъ меня письмецомъ извѣстить на другой день о содержаніи

своего разговора съ министромъ нар. просв. какъ о Вашемъ юбилеѣ, такъ и объ основаніи Кіевскаго истор. общества. Но, вѣроятно, или онъ не успѣлъ этого сдѣлать за скоростью отъѣзда, предполагавшагося на третій день, или онъ рѣшился прописать сіе въ письмѣ къ Вамъ, которое обѣщалъ (послать) отсюда еще въ Кіевъ. Во всякомъ случаѣ, на благой исходъ дѣла благаго задатковъ не мало. А Богъ своею благостью все устроитъ къ лучшему.

Степанъ Ив. Пономаревъ обѣщалъ прислать статейку по поводу предположеннаго торжества Вашего въ журналъ Мин. Народн. Просв. Ожидаю.

Отъѣздъ Владыки изъ Петербурга назначенъ 20 мая. Въ то же время, или около того же времени, предпріиму и я свое теченіе къ берегамъ Днѣпра.

Вчера въ Исаакіевскомъ соборѣ весь св. Синодъ молебствовалъ св. Кириллу и Меѳодію, а вечеромъ былъ я въ Слав. Комитетѣ, гдѣ была такая духота, что препод. Несторъ и о нихъ могъ бы сказать: сами себе мучатъ, никимъ же мучими. Въ 11-ть часовъ ушелъ я во время чаепитія, но засѣданіе было еще на половинѣ.

Да благословитъ Господь Вашъ путь на Михайлову Гору и даруетъ Вамъ укрѣпленіе силъ.

Васъ глубокопочитающій и душевно преданный Пр. Петръ Лебединцевъ.

12 мая 1871 г. С.-Петербургъ,

Слѣдующее коротенькое письмецо съ приложеніемъ статьи, вѣроятно—«Библіографическое объясненіе г. Гильтебрандту» (Кіев. Епарх. Вѣд. 1871 г., № 15), было передано черезъ С. И. Пономарева, впервые посѣтившаго тогда Михайлову Гору. С. И. Пономаревъ готовилъ для Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. статью о Максимовичѣ и потому пріѣзжалъ къ нему на хуторъ получить библіографическія и біографическія справки. Здѣсь онъ такъ увлеченъ былъ мѣстоположеніемъ хутора Максимовича на горѣ, видами съ горы и вообще всей обстановкой, что составилъ описаніе Михайловой Горы, напечатанное имъ тогда же, въ 1871 г., не припомню гдѣ. Объ этомъ описаніи упоминаетъ и Лебединцевъ въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ изъ Кіева, куда онъ пріѣзжалъ въ кратковременный отпускъ изъ Петербурга.

13 іюня 1871 г.

Привѣтствую васъ и кланяюсь вамъ въ Кіевъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, съ моей Михайловой-Горы. Уѣзжающій сегодня гость мой перескажетъ вамъ обо мнѣ, лучше меня, мое пребываніе здѣсь съ 21 мая, и передастъ вамъ статью мою, еще до его посѣщенія написанную; а письменную корреспонденцію съ друзьями и благожелателями начинаю вотъ этимъ только листикомъ къ вамъ, *13 іюня 1871 г.* Мысленно обнимаю и цѣлую васъ въ уста и десницу, любящій и уважающій васъ М. Максимовичъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Приношу Вамъ искреннюю благодарность за привѣтъ изъ Вашего Михайлогорскаго уединенія, привезенный Ст. Ив. Пономаревымъ. Да будетъ Ваше пребываніе на Михайловой Горѣ къ укрѣпленію Вашихъ силъ для предстоящаго торжества Вашего и къ обновленію Вашей почтенной старости. А пока судъ и милость Высочайшія придутъ, спасибо князю Дундукову и за его милость, состоящую въ ассигнованіи Вамъ 500 рублей. Но какъ между Вами и канцеляріей кіев. генералъ-губернатора и разстояніе и пропасть Днѣпровская не малы, то благоволите, въ ожиданіи оной милости посыпать Михайлову Гору прилагаемыми при семъ *сто рубл.* Статью, Вами пожалованную вновь редакціи Кіевск. Епарх. Вѣдомостей, я передалъ о. протоіерею Жданову въ печать, ибо по кратковременности отпуска и множеству другихъ нелитературныхъ дѣлъ, не принимаюсь за редакцію; корректура этой статьи будетъ прислана мнѣ.

Степанъ Ивановичъ до того увлекается описаніемъ пребыванія на Михайл. Горѣ, что невольно увлекся бы и я посѣтить оную, если бы не препятствовали обстоятельства.

19-е іюня 1871 г.

Въ ожиданіи встрѣтить васъ въ началѣ сентября, остаюсь съ всегдашнимъ глубокимъ моимъ уваженіемъ Вашъ душевно-преданный П. Лебединцевъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Канцелярія генералъ-губернатора, или лучше г. Снѣжко былъ такъ обязателенъ къ Вамъ, что предложилъ мнѣ получить талонъ на

ассигнованныя Вамъ княземъ Дундуковымъ 500 р., который лежитъ у нихъ безъ дѣла съ января мѣсяца за незнаніемъ, гдѣ вы обрѣтаетесь; обращались въ началѣ мая даже къ полиціймейстеру, но и тотъ будто не отыскалъ Вашей квартиры. Препровождаю сей талонъ на Ваше усмотрѣніе: если Вы желаете его обратить скорѣе въ капиталъ, то благоволите извѣрить на оборотѣ полученіе денегъ, а я на два мѣсяца положу въ частный К. Банкъ, а если угодно, получите сами деньги по возвращеніи въ Кіевъ.

Вчера Ив. П. Хрущовъ съ сожалѣніемъ сказывалъ мнѣ, что лишь вчера поѣхала въ Петербургъ бумага о Вашемъ юбилеѣ; до того лежала въ канцеляріи и отправлена уже по его настоянію. Впрочемъ, все это будетъ не поздно.

Въ Кіевѣ ничего особеннаго, тишь и Божія благодать; душевно желая Вамъ того же, остаюсь съ искреннею преданностью и уваженіемъ Вашъ покор. слуга П. Лебединцевъ.

25 іюня 1871 г., Кіевъ.

Отвѣтъ на оба послѣднія письма Лебединцева былъ исполненъ благодарности за его дружеское вниманіе.

13 іюля 1871 г. Мих. Гора.

Винюсь передъ вами, достопочтенный и дорогой Петръ Гавриловичъ, въ медленности моего отвѣта на ваши два письма ко мнѣ, не только прелюбезныя, но и многокорыстныя для меня своими приложеніями—*ста рублями* къ первому отъ 19 іюня и *пятисотнымъ талономъ* по второму отъ 25 іюня. Но сущность отвѣта напередъ вамъ извѣстна: искренняя и сугубая благодарность за ваше дружеское ко мнѣ вниманіе и обо мнѣ попеченіе. Самъ не знаю, что это за безписьменность нашла на меня въ нынѣшнее лѣто на Михайловой Горѣ: лишь второе это письмецо, а первое было тоже къ вамъ... а предстоитъ къ написанію по меньшей мѣрѣ дюжина. Впрочемъ, виною тому не перобоязнь, въ иныя лѣта на меня здѣсь нападавшая; то можете видѣть по моей второй уже статьѣ для Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей; по статьѣ объ Иліи Муромцѣ [1]), посланной письмомъ, отданнымъ для ускоренія на пароходъ, шедшій въ Кіевъ, ве-

[1]) Въ какомъ вѣкѣ жилъ Илья Муромецъ? (Кіев. Епархіальн. Вѣд. 1871 г. № 15).

черомъ 11-го іюля и пристававшей къ здѣшней *Прохоровской* пристани. Да благоволитъ редакція помѣстить ту мою вторую статью въ ближайшемъ нумерѣ, какъ для того, чтобы не утратился ея литературно-полемическій интересъ [1]), такъ и потому, что дней черезъ десять я предполагаю прислать еще статью: о кіевскихъ первопечатныхъ книгахъ достовѣрныхъ и мнимыхъ (послѣдній надалъ Кіеву о. Троцкій, накликавшій даже *Тріодь*, якобы напечатанную въ первой половинѣ XVI в., въ воображаемой лаврской типографіи, по мнѣнію о. Леонида Новоіерусалимскаго). Это будетъ вѣроятно уже послѣдняя моя дань книжной старинѣ южнорусской... Лежитъ еще на совѣсти Покровскій монастырекъ Каневскій; но тотъ уже отлагаю до зимы или осени [2]); да и весь матеріалъ для него, какъ и для всего Кіевоописанія, и для юго-западнаго края, заключенъ въ двухъ сундукахъ, оставленныхъ въ домѣ Горецкаго, у Науменка, вмѣстѣ со столомъ, въ которомъ также есть бумаги и картины мои;—а ключи отъ нихъ у него же. Предполагаю увидѣть снова Кіевъ, почти невиданный мною въ послѣднее мое пребываніе въ немъ— около *15 августа*. Впрочемъ, это сбудется лишь тогда, если поправлюсь моимъ здоровьемъ. Если жъ оно будетъ по нынѣшнему, то быть мнѣ здѣсь и въ августѣ, и въ сентябрѣ,—при всемъ стремленіи мыслей моихъ къ богоспасаемому граду, при всей томящей меня и пугающей меня мысли зазимовать здѣсь, на отцвѣтающей уже Михайловой Горѣ. Странное состояніе и теченіе моихъ дѣлъ! Съ 20 генваря лежитъ бездѣйственно талонъ на 500 рублей, назначенныхъ мнѣ благодѣющимъ княземъ Дондуковымъ, и не находитъ меня въ Кіевѣ; между тѣмъ, какъ я, почти раззорясь зимовкою въ Кіевѣ, передъ выѣздомъ изъ Кіева, объявлялъ посѣщавшимъ меня пріятелямъ, чтобъ нашли мнѣ рублей 200 на годъ, или 500 на два года, подъ залогъ Михайловой Горы, за 10 процентовъ; и нашелся лишь одинъ добрый человѣкъ, снабдившій меня на безсрочную и безпроцентную уплату *ста* рублями, которые и помогли мнѣ расквитаться съ квартирой и прочими мелочами, и добраться до ночлега на пароходѣ Александрѣ,—куда г. Щербакъ весьма обязательно доставилъ мнѣ еще мѣсячный пенсіонъ мой, изъ Кіевскаго казначейства

---

[1]) „Библіограф. объясненіе Гильтебрандту“ (Кіев. Епарх. Вѣдом. 1871 г. № 15).

[2]) Обѣ эти статьи, очевидно, не были имъ написаны, т. к. въ печати мы ихъ не знаемъ, а въ рукописяхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, мы ихъ не нашли.

имъ взятый: вотъ я и не съ пустыми руками добрался, бурнымъ въ тотъ день (царя Констант. и Елены) Днѣпромъ, до своего двора Михайлогорскаго. Я прерываю бесѣду съ вами на половинѣ ея, желая чтобы хоть она скорѣе достигла вашего слуха: мои ѣдутъ опять на Тарасову могилу гулять, съ своими гостями и сосѣдями, покидая меня сиднемъ на своей Горѣ, однимъ одного; а я тому и радъ, чтобы на самотѣ прійти сколько-нибудь въ себя, послѣ предшедшихъ дней, и отдохнуть отъ усталости. Моя жизнь... но что говорить о ней? Чья жизнь на этомъ свѣтѣ удовлетворительна—обладающимъ ею, даже счастливѣйшимъ носителямъ ея, даже баловнямъ ея?.. А я никакъ не могу сопричислить себя къ ихъ сонму, даже съ самаго отрочества моего, когда Золотоношская черница Варсонофія, выучившая меня грамотѣ, давала мнѣ ночлегъ въ кухонной половинѣ своей келіи, на лавкѣ, возлѣ своей старой колченогой послушницы, которая иногда видѣлась мнѣ во снѣ въ видѣ простоволосой, растрепанной вѣдьмы, вслѣдствіе ея же разсказовъ.

Отъ всей души обнимаю васъ, уважающій и любящій васъ М. Максимовичъ.

Затѣмъ наступаетъ довольно продолжительный перерывъ въ перепискѣ, объясняемый тѣмъ, что Максимовичъ въ концѣ августа пріѣхалъ въ Кіевъ для празднованія своего юбилея, состоявшагося 6 сентября. Время пребыванія Максимовича въ Кіевѣ, гдѣ въ то время былъ и Лебединцевъ, устраняло потребность въ перепискѣ, а затѣмъ, когда Лебединцевъ поѣхалъ опять въ Петербургъ, онъ считалъ, что Максимовичу, всецѣло занятому долго тянувшимся чествованіемъ его въ Кіевѣ и отписками на всякія привѣтствія, полученныя имъ, не до переписки. Это и объясняетъ Лебединцевъ въ началѣ своего письма, писаннаго уже въ половинѣ ноября въ Петербургѣ и адресованнаго на Михайлову Гору, куда Максимовичъ отправился проводить зиму 1871—72 г. Письмо это представляетъ особенный интересъ, заключая въ себѣ описаніе г. Владиміра на Клязьмѣ и сравненіе его съ Кіевомъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

На привѣтствія Ваши мнѣ чрезъ г. Барсукова едва собрался теперь откликнуться Вамъ. Причиной сего были нѣкоторыя служебн.

занятія, и болѣе предноложеніе, что письмо сіе удобнѣе прочтется Вами въ уединеніи Михайловой Горы, чѣмъ въ Кіевѣ, окружавшемъ Васъ въ минувшемъ мѣсяцѣ постоянными знаками почитанія и, можетъ быть, даже до утомленія Вашего. Хотя это было достойное вполнѣ достойному, но все же Вы лучше сдѣлали, что на время дали себѣ отдыхъ и отъ похвалъ.

Позвольте сказать Вамъ нѣчто о своемъ посѣщеніи новаго Кіева, Владиміра Клязьменскаго.

Съ праздника Вашего, когда еще раздавались въ ушахъ патріот. воспоминанія о Кіевской Руси, оживленной въ памяти соотечественниковъ Вашими трудами, понесся я въ Суздальскую землю съ быстротою, о которой не могъ и гадать Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій. Если бы въ ихъ время Кіевъ отстоялъ отъ Владиміра не болѣе на 3 дня пути, не грабили бы они сокровищъ и святыни Кіева, не создали бы новой великокняжеской столицы на берегахъ Клязьмы, менѣе тужили бы о томъ, что нѣтъ ихъ потомству удѣла въ русской (кіев.) землѣ. Тѣмъ не менѣе, глядя изъ вагона на все еще покрытую лѣсами и ровную мѣстность отъ Москвы до Владиміра, я вспоминалъ слова Юрія: «не забыть мнѣ русской земли», имѣющей другую физіономію. Къ вечеру, на сумеркахъ, подъѣхали мы къ возвышенной мѣстности, на которой показались вершины храмовъ и огоньки домовъ; по правую сторону была Клязьма и обширная за ней луговая мѣстность, точно заднѣпровье наше, окаймленное вдали лѣсомъ. У подошвы горнаго хребта, по теченію Клязьмы, какъ будто подъ угор. мѣстомъ, проѣхали мы мѣстность Владиміра, миновавъ стоящіе вверху храмъ Николая Мокраго, Успенскій, Дмитріевскій и Рождественскій соборы. Отъ вокзала проѣхалъ вверхъ я мимо церквей Ильинской и Богословской, стоящихъ недалеко отъ берега одна противъ другой, и миновавъ и съ другой стороны соборы Рождественскій, Дмитріевскій и Успенскій, остановился въ гостинницѣ, на улицѣ, ведущей къ Золотымъ вратамъ. Утромъ изъ окна моей квартиры открылся предъ нею взвозъ къ Клязьмѣ, какъ будто Панкратьев. спускъ къ Днѣпру, съ горами одесную и ошуюю; налѣво отъ взвоза былъ Успенскій соборъ, а направо гора или урочище Козловъ, по крутому склону котораго пріютились долинки съ огородами; выходъ взвоза, казалось, былъ подъ моей квартирой, но оказалось, что онъ обходилъ ее и, миновавъ, выходилъ на Златовратскую улицу. Все это живо напомнило что то. Кіевское. Въ 8-мь часовъ при холодной погодѣ съ дождикомъ, защищаясь зонти-

комъ, вышелъ я взглянуть на Владиміръ. Пройдя пересѣкающій Златоврат. улицу валъ, направился я вокругъ Успенск. собора, по окружающему его бульвару, усаженному тѣнистыми деревьями; мѣстность его точь въ точь похожа на мѣстность Златоверхомихайл. монастыря въ Кіевѣ, гора такой же высоты и округлости, внизу Клязьма, справа взвозъ, слѣва оврагъ въ родѣ Боричева взвоза, нѣтъ только монастыр. построекъ и большой ограды, но все это усажено деревьями съ дорожками; на углу, какъ и за Михайл. нынѣ монастыремъ, бесѣдка. По окраинѣ горы и здѣсь былъ валъ, но тоже снятъ. Это что-то въ родѣ город. сада. Рядомъ почти съ Успенскимъ Златоверхимъ соборомъ стоитъ Дмитріевскій соборъ, къ сѣверу, какъ бы съ правой стороны Боричева взвоза, отдѣляясь отъ Успенскаго собора только зданіемъ присутств. мѣстъ. Далѣе отъ Дмитріев. собора, сѣвернѣе его, на другой горѣ, имѣющей тоже овальную форму съ восточн. стороны, стоитъ монастырь Всеволода Юрьевича, Большое гнѣздо, съ зубчатой оградой и башнями вокругъ. Эта мѣстность много напоминаетъ Кіев. Трехсвятит. гору, если обрѣзать ее у Монькина дома, подлѣ минист. женской гимназіи; дальше внизъ, только не такъ ужъ внизъ, какъ на нашъ Подолъ, у подошвы Рождест. монастыря, пересѣкали Иванов. ворота Золотоврат. улицу, они были въ валу, за которымъ начинался *ветшаной* городъ съ церковью Ивана Богослова, Ильинской и Богор. монастыремъ, что нынѣ семин. церковь. Это что то въ родѣ Подола, только онъ идетъ скатомъ къ Клязьмѣ и къ Лыбеди, впадающей въ Клязьму выше этого Подола, съ сѣверной его стороны. Я забылъ предварительно сказать Вамъ еще, что Владиміръ раздѣляется на три части 3-мя валами, идущими параллельно отъ востока къ сѣверу, или отъ Клязьмен. обрыва къ оврагу, по которому протекаетъ ручей Лыбедь: 1-я часть отъ Золотыхъ воротъ до Успен. собора Печер. градъ: здѣсь Княгининъ монастырь у берега Лыбеди, на небольшой крутизнѣ, съ мощами Аврамія Болгарина; и близъ него Никит. церковь, у самыхъ Золотыхъ воротъ Николо-Златовр. церковь, влѣво отъ Златовратской улицы, или отъ Золот. воротъ на востокъ: Георгіевская, Пятницкая, Никитская, Спасопреображенская и Петропаловская, еще восточнѣе— какъ бы къ нашему Печерску: Воскресенская, Вознесенская, Никольская, а были еще здѣсь же *Успенская и Рождественская*. Какъ много здѣсь подражанія Кіеву! Правда у насъ нѣтъ на старомъ городѣ церквей Никитской, Петропавловской, Спасской, но что онѣ были, на это у меня есть свидѣтельства 17-го вѣка, а

Петропавловскую еще помнитъ старуха Королева. Дмитріевская, Іоанна Богослова и созданная Ярополкомъ во имя св. Петра были по всѣмъ примѣтамъ справа Михайл. моностыря, гдѣ и видны остатки 3 церков. фундаментовъ, гдѣ былъ Богословскій монастырь, а св. Симеона была между Трехсвятительской и нынѣшней Андреевской, гдѣ Вы полагали мѣсто Воздвиженской, ибо Воздвиженская церковь była na słobodzie, po polsku podniesienie s. Krzyża, a gdy tu cerkiew obwalilasię, ztamtąd pop przeprowadzil się na górę i potym popie drugi pop Philip mieszkał tamże na górże przy Cerkwie S. Wasyla, i trzymał ten pop trzy Cerkwi: *s. Wasyla, S. Mikitę i Cerkiew podniesienie S. Krzyża*, а отцы сіи жительствовали въ концѣ 16 вѣка. Да и въ лѣтописяхъ нѣтъ свидѣтельства о церкви Воздвиженской на старомъ Кіевѣ, а только объ Андреевской—Янчиномъ монастырѣ. Огородъ св. Іоанна могъ быть на склонѣ къ Кожемякамъ, отдѣльно отъ церкви, и притомъ вѣроятно были въ Кіевѣ и подавно Іоанно-Златоустов. церковь надъ спускомъ въ кожемякскую дебрь отъ Софійскихъ воротъ, бывшихъ подлѣ нынѣшней Златоустовской, какъ была во имя того же святого церковь въ Холмѣ. Огородъ могъ принадлежать и другому Іоанну. Народъ почему то называетъ Трехсвятит. церковь *Пятницкимъ монастыремъ*, примите къ свѣдѣнію. Спасская церковь murowana также была на słobodzé sophieyskiey и называлась Metropolu, ktòra obwaliła sie trzydziestu kilka lat до начала 17-го вѣка. Троицкой мѣсто и мы помнимъ. Вотъ Вамъ черты Владиміра, поясняющіе старину Кіевскую. Золотыя ворота весьма похожи на рисунокъ Кіев. Золот. воротъ въ 17 вѣкѣ, и надъ ними церковь *ризы положенія*, какъ было въ старину, и служба тамъ идетъ, а подъ воротами ѣздятъ, да ворота эти проѣзжія, на главной улицѣ, а не спрятаны въ уголкѣ, подобно Кіевскимъ. Поклонился я гробамъ Андрея Боголюбскаго, Глѣба Андреича и Юрія Всеволодича, убитаго при р. Сити, и Максимов. Богородицѣ стоящей надъ его гробомъ или лучше надъ его косточками, лежащими на $^1/_4$ аршина отъ поверхности пола, а гробъ сгнилъ. Видѣлъ и древній склепъ княжескій, и фрески Рублевскія, и прочія примѣчательности. Былъ я и въ княгининомъ монастырѣ, гдѣ лежатъ обѣ супруги Всеволода III и св. Александра Н., не попрепятствовавшія послѣднему и быть святымъ, несмотря на двоеженство, и гдѣ прожила 16 лѣтъ Ксенія Борисовна. Дмитріев. соборъ снаружи лучше, чѣмъ внутри, и примѣчательнѣе, но обновители оторвали отъ него древнюю паперть, признавъ по ошибкѣ за новую, а соборъ Все-

володовъ Рождественскій развалили и изъ фундаментовъ построили вновь уже. Не зная толку въ церковн. археологіи, эти господа соорудили въ томъ и другомъ соборѣ иконостасы во всю высоту храмовъ, съ глухими досчатыми дверьми. И это называется возстановлять въ древній видъ! На Златоглавомъ соборѣ мало злата, да и трудно его пріобрѣсть съ проведеніемъ желѣзн. дороги въ Нижній, быстро, безъ остановки мчащей торговцевъ нынѣ въ Нижній на ярмарку и обратно. Въ Боголюбовѣ не могъ быть за холодомъ и сыростью. Но все же я весьма доволенъ, что Богъ привелъ меня быть и въ семъ древнемъ градѣ хотя нѣсколько часовъ.

Въ Петербургѣ сидимъ благополучно и состязаемся, а время идетъ въ безполезныхъ преніяхъ. Познакомился я съ П. И. Савваитовымъ—интересный человѣкъ. Николай Пл. Барсуковъ Вамъ усердно кланяется; онъ пришлетъ Вамъ смѣту на изданіе брошюры о юбилеѣ Вашемъ—это будетъ стоить 58 рублей. Человѣкъ онъ весьма усердный ко всякому доброму дѣлу и Вамъ весьма благожелательный и радѣтельный. Жаль только, при ограниченныхъ своихъ средствахъ посердствовавши издать Ваши письма, онъ едва выручилъ 60 руб., тогда какъ изданіе ему стоило 300 рублей—ему, а не Савваитову, который участвовалъ совѣтомъ, а не карманомъ.

Братъ мой Даніилъ свидѣтельствуетъ нижайшій поклонъ.

М. П. Погодинъ—тайный совѣтникъ и докторъ Русской исторіи, но его, кажется, не покормили, а тотъ только блаженъ, кто и *снѣсть обѣдъ*...

Богъ да хранитъ Ваши силы и да продлится Ваша славная старость...

Вамъ душевно преданный съ глубокимъ уваженіемъ прот. П. Лебединцевъ.

Отъ удѣла въ русской землѣ не отказывайтесь, ибо иначе Вы отчуждитесь ея, какъ Андрей Боголюбскій, и отчуждится Ваше потомство [1]).

Слѣдующія два письма Максимовича, изъ которыхъ первое, прерванное на половинѣ, не датировано даже, но изъ замѣтки,

---

[1]) Рѣчь идетъ о льготномъ пріобрѣтеніи участка земли въ юго-западн. краѣ изъ имѣній, конфискованныхъ у польскихъ помѣщиковъ.

сдѣланной на немъ рукою Лебединцева о срокѣ полученія ея 1 декабря, ясно, что оно писано въ концѣ ноября. Продолженіемъ его служитъ письмо отъ 3 декабря, гдѣ главнымъ образомъ и идетъ рѣчь объ описаніи г. Владиміра, сдѣланномъ Лебединцевымъ въ послѣднемъ его письмѣ, и объ археологическомъ обществѣ въ Кіевѣ.

Добраго здоровья желаю Вамъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ! Мой голосъ къ Вамъ изъ Михайлогорской хаты на берега Невы, въ письмѣ къ Ник. Пл. сказавшійся, конечно, дошелъ уже давно до Вашего услышанія. А вслѣдъ за тѣмъ, я много обрадованъ былъ еще новымъ знакомъ Вашей дружеской памяти обо мнѣ—Вашею карточкой безъ камилавки, которою и почтилъ новопріобрѣтенный мною въ Кіевѣ альбомъ. Вашей статьей о городѣ Владимірѣ Залѣскомъ (о немъ же, помните, замѣтку мою, при Васъ гр. Блуд. сказанную), если Вы дадите ей форму письма ко мнѣ, можетъ начаться не малочисленный рядъ переписки нашей *о кіевской старинѣ*, гдѣ, по пословицѣ, чѣмъ дальше въ лѣсъ... Перекличкою этою оживятся опять Кіев. Еп. Вѣдомости,—и въ этомъ предположеніи я напишу и о первопечатныхъ кіевскихъ книгахъ въ формѣ письма къ Вамъ. Вы, безъ сомнѣнія, на это согласитесь...

Далъ бы только Господь мнѣ силу и благосостояніе душевное на дальнѣйшіе труды. До настоящихъ-же дней время мое на Михайловой-Горѣ было какимъ-то безцвѣтнымъ и безплоднымъ отдыхомъ послѣ многотруднаго полувѣчья моей жизни. Къ тому же и погода почти весь ноябрь, туманная, со мрякой, а нерѣдко и съ краплистымъ дождемъ, какъ и сегодня съ самаго утра. Солнца давно уже не видится здѣсь; да и мѣсяцъ сполнился, ущербляется едва видный сквозь туманную атмосферу, о звѣздахъ-же и говорить нечего, какъ будто и нѣтъ ихъ на небѣ... а безъ свѣтилъ небесныхъ скучно быть на землѣ, даже и на нашей украинской,—даже и на моей Михайлогорской. Можетъ быть на водахъ Невскихъ и веселѣй въ такіе дни; но о томъ Вы скажете мнѣ, когда—дастъ Богъ—перезимуя здѣсь, я прибуду къ Вамъ на страстную недѣлю и мы похристосуемся съ Вами на Великдень. Теперь-же, оповѣстите меня хоть коротенько о себѣ, когда будете Вы снова на Старомъ Кіевѣ, въ дому святософійскомъ? Хоть для душъ и нѣтъ, говорятъ, пространства и времени; но для души,

еще привитающей въ сихъ предѣлахъ, временныхъ и мѣстныхъ, и не отрѣшившейся отъ состава вещественнаго, желательно свѣдѣніе о родной и дружной душѣ, на этомъ вольномъ свѣту пребывающей, и по полученіи его она утоляется...

«Можно ли къ Вамъ старшинѣ войти?—спрашиваетъ у меня служанка. Зови,—говорю я... И вотъ, приспѣвшій къ обѣду моему волостной голова Панченко, на просвѣщеніе котораго я нѣкогда подарилъ его отцу четырехъ-томное «Училище Благочестія», своимъ разглагольствіемъ о всякой всячинѣ нашего земскаго бытія, перебилъ мое къ Вамъ разглагольствіе, и я препровождаю его Вамъ недоконченное, лишь бы поскорѣе заявить Вамъ этими строками моими ту постоянную думу сердечную о Васъ, съ которою былъ, есмь и буду—вѣковѣчно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

P. S.—Если Вы еще въ Петроградѣ, то прошу Васъ передать мой поклонъ и привѣтъ Даніилу Гавриловичу.

3 декабря 1871 г. Мих. Гора.

Благодарю Васъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, за Ваше усладительное письмо отъ 13 ноября, которымъ усугублено было веселіе мое на Введеніе, въ день рожденія и именинъ моей Марьи Васильевны [1]). Дважды прочелъ я тогда его своими собственными очами,—пока не прибылъ еще нашъ престарѣлый о. Иванъ Дроздовскій, для чтенія Акаѳиста—такимъ тихимъ гласомъ, что я только и слышалъ изъ устъ его: *Радуйся!*... Только этимъ молитвеннымъ воззваніемъ въ горняя, прерываемо было историческое помышленіе мое о богоспасаемомъ нашемъ Кіевѣ, наведенное живописнымъ наведеніемъ на него Вашихъ впечатлѣній Владиміромъ Залѣскимъ... Жалѣю, что написано оно Вами между прочимъ, останется пока только моимъ достояніемъ: его слѣдовало бы передать и въ общую извѣстность, зане въ немъ больше питательнаго, чѣмъ въ письмахъ М. В. Толстаго о томъ же градѣ... Меня же особенно возбудила на вниманіе къ нему чтомая наканунѣ дребедень Стрыйковскаго, будто Владиміръ Великій или святой не только создалъ этотъ городъ, но и перенесъ въ него свою столицу! Надо было мнѣ снова перечесть знаменитаго нѣкогда и авторитетнаго для кіевлянъ польскаго писателя, въ отличномъ эклемплярѣ подареннаго мнѣ, въ юбилей мой, кіевскимъ пріятелемъ моимъ Веригою-Даровскимъ.—Писанія Тихонравова я вовсе не знаю; но Ваши замѣча-

[1]) Жена М. А. Максимовича.

нія я представлю Вамъ, когда свидимся—дастъ Богъ—на Великдень въ Кіевѣ.

У Васъ въ Петрополѣ теперь на 7-е декабря будетъ *второй* Археологическій съѣздъ. Вы, конечно, будете въ немъ участникомъ, и кстати было-бы тамъ сказать Вамъ свое кіевское слово о русской древности Залѣсскаго края, возобновляемой не по-древнему.

Графу А. С. Уварову, когда будете видѣться съ нимъ, прошу передать мой поклонъ и сказать ему, что образованіе *Археологическаго Общества* въ Кіевѣ составляетъ завѣтную задачу мою; но къ исполненію ея не было возможности приступить въ минувшую осень, и потому оно отложено на предстоящую весну, на апрѣль мѣсяцъ...

Вчера прочелъ я въ «Кіевлянинѣ», что и нашъ кіевскій владыка Арсеній устремится на зиму къ сонму невожителей... Покорно прошу Васъ передать ему мой михайлогорскій поклонъ.

А между тѣмъ скоро будетъ именинникомъ мой возлюбленный—заочно Н. Пл. Барсуковъ. Прибавьте, къ моему привѣтствію ему, Ваше доброе словцо,—и какъ нѣкогда въ Кіевѣ, съ Вашей легкой руки, сошло благополучно новое изданіе «Книги Наума», такъ нынѣ поблагопріятствуйте Вашимъ наставленіемъ и содѣйствіемъ къ освобожденію Николая Платоновича отъ оныхъ *остальныхъ* «Писемъ о Кіевѣ»: изданы хорошо, на славу хорошо; но вѣдь не должны же они быть по-польски: *накладемъ* автора и издателя!

Авторъ тѣхъ *писемъ* и донынѣ еще не вышелъ на тропу писателя и, пока-что, все еще остается читателемъ и слушателемъ чужихъ писаній, отъ древней Иліады Омировой—до писаній сего времени, полковника Г. А. Милорадовича, антагониста Костомаровскаго—Карпова, Кіевлянина Шульгинскаго и прочаго, тому подобнаго, въ томъ числѣ изданій Ивановскаго о совездралѣ-Снегиревѣ... Пора-бы, кажется, все это отложить въ сторону и приняться за себя и за свое дѣло,—чтобы не безплодно и небезслѣдно прошла и эта зимовка моя; но вдохновеніе не слетаетъ, а безъ него не для-чего и приниматься за книжный трудъ на 51-мъ году своего писательства—Вашему... М. Максимовичу.

Послѣднимъ письмомъ этого года было письмо Лебединцева, написанное 37 декабря; въ немъ особенный интересъ представляетъ сообщеніе о томъ, что И. П. Хрущовъ, доцентъ кіевскаго университета, какъ бы создавши что-то самостоятельное, оказы-

вается инициаторомъ научнаго историческаго общества въ Кіевѣ (Общество лѣтописца Нестора). Изъ писемъ, напечатанныхъ выше, видно, какъ объ этомъ вопросѣ хлопоталъ Максимовичъ, подготовляя въ разныхъ сферахъ почву для созданія подобнаго общества, о чемъ зналъ и И. П. Хрущовъ. Неудивительно поэтому, что Максимовичъ очень обиженъ былъ игнорированіемъ его со стороны Хрущова, даже не пригласившаго его подписаться подъ уставомъ Общества въ качествѣ одного изъ учредителей. Мнѣ лично неоднократно приходилось въ то время слышать отъ Максимовича упреки по адресу Хрущова, иногда даже съ рѣзкими эпитетами.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Привѣтствую Васъ съ Новымъ годомъ, душевно желая провести и сей въ добромъ здоровьи и любви Вашихъ почитателей, подобной той, какая явлена Вамъ въ минувшемъ 1871 году, да и на предбудущій годъ пошли, Боже, жито, пшеныцю и всякую пашныцю.— Археологическій съѣздъ, при нѣкоторыхъ обязательныхъ работахъ, такъ увлекъ меня, что я отвѣчаю теперь на два Ваши письма разомъ. Прошу не осудить меня и извинить. Посѣщалъ я засѣданія съѣзда весьма усердно и слышалъ тамъ много хорошаго, благодаря благосклонности А. Θ. Бычкова, приславшаго мнѣ членскій билетъ. Но отъ себя я ничего не привнесъ въ сокровищницу съѣзда, несмотря на предложеніе графа Уварова, оставляя свое слово для 3-го съѣзда въ Кіевѣ. Графъ Уваровъ былъ душей съѣзда; къ сожалѣнію я почему то вообразилъ, что онъ останется праздновать въ Петербургѣ, да и не сдѣлалъ ему визита, при всемъ его вниманіи ко мнѣ, а также и его супруги: опростоволосился. Графъ въ претензіи къ Вамъ, не получивши отъ Васъ отвѣта или отклика на привѣтствіе, которое за своею подписью послалъ Вамъ въ Кіевъ къ 8-му сентября по случаю Вашего юбилея; онъ весьма сожалѣетъ о семъ, тѣмъ болѣе, что привыкъ отъ юношества уважать Васъ. Графъ уѣхалъ въ Москву и Порѣчье.

За добрый отзывъ Вашъ о моемъ сказаніи про г. Владиміръ приношу благодарность, но оно писано не для печати и потому не годится въ печать. Если же когда Вы благоволите прислать мнѣ копію моего этого письма, то я поправлю его для печати, куда оно и можетъ пойти съ Вашимъ отвѣтомъ. Г. И. П. Хрущовъ, при содѣйствіи попечителя Антоновича, пригласивши нѣсколько членовъ въ Истор. Общество,

учрежденное въ Кіевѣ, прислалъ мнѣ приглашеніе о вступленіи въ оное, прописывая въ письмѣ [1]), что онъ долго думалъ надъ этимъ вопросомъ, но успѣхъ превзошелъ его ожиданія. Не отказываясь отъ предложенной чести, я просилъ его разъяснить мнѣ, то ли это общество, о которомъ была переписка М. А. Максимовича съ графомъ Уваровымъ, или что то особое, новое. Отвѣта не получилъ еще и говорятъ, что онъ долженъ быть теперь въ Петербургѣ. Между тѣмъ на Археол. съѣздѣ сдѣланы заявленія—отъ Академіи объ учрежденіи коммиссіи для собиранія и храненія церк. древностей; отъ М. Вл. Юзефовича объ учрежденіи Археол. отдѣленія при Кіев. Археогр. коммиссіи и отъ Сементовскаго—объ учрежденіи Археолог. общества въ

---

[1]) Вотъ это письмо:

26-го ноября 1871 г.

Многоуважаемый Петръ Гавриловичъ.

Въ средѣ кіевскихъ ученыхъ возникаетъ общество ученое. Мы уже окрестили его „Историческимъ Обществомъ Нестора-Лѣтописца въ Кіевѣ“ хотя еще не увѣрены, останется ли за нимъ это названіе. Но дѣло не въ названіи. Намъ нужна ученая среда, намъ потребно единеніе духа въ союзѣ науки, намъ необходимо знать другъ друга и крѣпнуть въ обществѣ людей, занимающихся однородными предметами.

Общество, вновь возникающее въ Кіевѣ, на Институтской улицѣ, имѣетъ цѣлью разрабатывать русскую историческую науку и всѣ ея отрасли—*археологію, литературу, право и даже этнографію* здѣшняго края. Ближайшею цѣлью общества—личная связь ученыхъ и взаимная польза ихъ. Сомнѣвался я въ успѣхѣ, когда задумалъ это доброе дѣло, но успѣхъ превзошелъ мои ожиданія. Всѣ тѣ, къ кому я обратился съ просьбою быть членами-учредителями съ особеннымъ сочувствіемъ къ дѣлу согласились быть ими. Вотъ Вамъ наши имена: я, Антоновичъ (профессоръ), Иконниковъ, Пѣвницкій, Малышевскій, Тарновскій, Петровъ, Туловъ, Лашкаревъ—и вѣроятно Вы. Да, Петръ Гавриловичъ, безъ Васъ не обойтись намъ. Дайте скорѣе Ваше согласіе и тѣмъ придайте намъ силы и упованія на успѣхъ. Пр. митрополитъ уже далъ намъ свое благословеніе (я былъ у него въ прошлое воскресенье) и съ удовольствіемъ услышалъ, что и Вы входите въ первоначальный составъ общества. Кромѣ членовъ учредителей, у насъ будутъ члены дѣйствительные и почетные. Взносъ 5 рублей въ годъ. Современемъ издадимъ что нибудь. Пока Шульгинъ охотно и безвозмездно предлагаетъ намъ столбцы своего „Кіевлянина“. Максимовичу я уже писалъ объ этомъ.

Ждемъ съ нетерпѣніемъ отвѣта Вашего, достоуважаемый Петръ Гавриловичъ. Пишущій же сіи строки свидѣтельствуетъ Вамъ теплое чувство уваженія и благодарности. Иванъ Хрущовъ.

Въ институтскомъ флигелѣ.

Кіевѣ. Графъ умолялъ, чтобы открыто или учреждено было одно что нибудь, а не два или 3 общества въ Кіевѣ. Съѣзду 3-му положено быть въ Кіевѣ чрезъ два года, если будетъ на то желаніе Кіева и инициатива отъ него.

Имѣлъ я особенное удовольствіе познакомиться на съѣздѣ съ почтеннѣйшимъ другомъ м. Евгенія—Мурзакевичемъ.

Въ Петроградѣ придется мнѣ пробыть вѣрно еще мѣсяца два; такъ ужъ, думаю, Богъ осудилъ нашъ комитетъ на 40-мѣсячное странствованіе, пока попадетъ на путь. Владыка здѣсь и здравствуетъ.

Карточку безъ камилавки при семъ прилагаю. Съ глубокимъ уваженіемъ душевно преданный Вамъ пр. П. Лебединцевъ.

1872 г.

Переписка за этотъ годъ оказалась очень незначительной, что объясняется особыми условіями въ жизни Максимовича въ 1872 году. Нѣсколько поправившіяся, благодаря юбилею, матеріальныя обстоятельства (Максимовичъ получилъ 3000 р. единовременнаго пособія отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а также 500 р. изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи генералъ-губернатора) пріободрили старика, и онъ въ маѣ 1872 года рѣшилъ совершить поѣздку въ Петербургъ и Москву, какъ онъ говорилъ, чтобы попрощаться со своими старыми друзьями. Это путешествіе, очень его утомившее, было причиной, что онъ во вторую половину года, возвратившись на свою Михайлову Гору, чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ и почти прервалъ переписку со всѣми, о чемъ онъ и заявлялъ потомъ въ письмѣ отъ 2 февр. 1873 г. къ Лебединцеву. Въ нашихъ рукахъ находится очень небольшая пачка писемъ 1872 года, при чемъ послѣднее письмо Максимовича писано было въ Москвѣ 17 іюня. Можетъ быть, были еще письма его къ Лебединцеву, но они затерялись, хотя изъ дальнѣйшей переписки въ 1873 году можно предполагать, что ихъ или совсѣмъ не было, или было очень мало.

Первое письмо въ 1872 году было послано Максимовичемъ въ отвѣтъ на послѣднее письмо Лебединцева, писанное въ концѣ

декабря 1871 года; здѣсь у Максимовича звучитъ нота обиды по поводу извѣстія объ историческомъ обществѣ, открытомъ безъ его участія. Второе письмо Максимовича было написано имъ черезъ мѣсяцъ послѣ перваго.

17 генв. 1872 г. Мих. Гора.

Наканунѣ Водохрестья я имѣлъ великую радость получить письмо Ваше, дражайшій и многоуважаемый Петръ Гавриловичъ. Сердечно благодарю Васъ за привѣтное благожеланіе мнѣ и за карточку съ Вашею подписью, и за извѣстія, Вами мнѣ сообщенныя, о дѣяніяхъ втораго собора археологическаго, между которыми особенно любопытна показалась мнѣ съ одной стороны—забота разныхъ Кіянъ о разныхъ учрежденіяхъ въ Кіевѣ историко-археологическихъ. Это показываетъ настоятельную потребность въ Кіевѣ этого дѣла. Но всѣ знали, что оно почти совсѣмъ подготовлено было мною, въ долгой перепискѣ о немъ съ графомъ Уваровымъ, въ переговорахъ съ попечителемъ, съ Вами, съ Малышевскимъ, съ Юзефовичемъ, Иванишевымъ и другими юнѣйшими, и всѣ изъявили свое согласіе на то, такъ что въ сентябрѣ я говорилъ о томъ и съ княземъ Ал. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ, который выразилъ свою готовность содѣйствовать археологическому обществу, предположенному быть при университетѣ. Въ сентябрѣ не удобно было собрать мнѣ членовъ-основателей на первое совѣщаніе—за отсутствіемъ изъ Кіева кого-либо изъ главнѣйшихъ, за моимъ юбилеемъ, а потомъ за открытіемъ Галагановской коллегіи, академическимъ актомъ,—и за моимъ личнымъ утомленіемъ, и я отложилъ дѣло на *Свѣтлую седмицу* сего года. Слышу теперь, что И. П. Хрущовъ, съ Иконниковымъ, доцентомъ Антоновичемъ и другими, поспѣшилъ предвосхитить честь этого, уже много лѣтъ завѣтнаго мнѣ дѣла... На это мнѣ приходится сказать, какъ говорилъ Несторъ быстроногому Ахиллесу, въ 23 п. Иліады:

— Прежде таковъ я бывалъ! Но теперь молодымъ оставляю
Трудные подвиги славы, пора, пора уступить мнѣ—старости скорбной...

Порадуюсь издалека, если благоуспѣшно состоится оное общество *при университетѣ*, на что я особенно настаивалъ и согласилъ гр. Уварова, какъ это особенно Вамъ извѣстно. Радъ буду не менѣе, если приведетъ Богъ мнѣ побывать лично хоть на третьемъ кіевскомъ

съѣздѣ археологическомъ, о которомъ давно уже замышляетъ Уваровъ,—ему же за то подобаетъ честь и слава. Что же касается до его привѣтственной телеграммы мнѣ, то она была отъ *3 октября*, когда уже отпечатанъ былъ мой юбилей въ «Кіевлянинѣ», и Шульгинъ отказалъ Пономареву напечатать ее, чтобы не переполнять своей газеты все тѣмъ же... Васъ я воображалъ въ Питерѣ—до Великаго поста. Но Конотопецъ [1]) пишетъ мнѣ, въ полученномъ вчера письмѣ, что Вы будете въ Кіевѣ въ исходѣ генваря. По этому случаю — прекращаю на время письменную бесѣду съ Вами, и адресую Вамъ этотъ листикъ еще на Неву, къ нашему достолюбезному жителю Турова дома [2]),—и съ Вашимъ дружескимъ благословеніемъ остаюсь навсегда преданный Вамъ неизмѣнно М. Максимовичъ.

1872 г. 12 февраля Мих. Гора.

Привѣтъ и поклонъ мой Вамъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ!

Изъ моего послѣдняго письма къ Вамъ, черезъ нашего благопріятеля Барсукова посланное, Вы знаете причину, почему оно было прерваннымъ и недоговореннымъ. Слышу теперь, что Вы все еще тамъ въ Петроградѣ, а не въ Кіевѣ, а потому и устремляюсь къ Вамъ туда моими мыслями и словами, и прилагаемою при семъ копіей съ письма Вашего, давно уже списанной рукою питомицы Вашего училища [3]).

Въ недолгій промежутокъ времени не малый переворотъ произошелъ въ бытіи Вашего стараго пріятеля Михайлогорскаго. Чѣмъ больше нуждается онъ въ сосредоточеніи и покоѣ душевномъ, чтобы свести концы своей исходящей жизни и завершить ее чѣмъ нибудь дѣйствительно дѣльнымъ, тѣмъ болѣе развлекается онъ и мелочными, повседневными подробностями своей домашней жизни, и весьма лестными для него, но все же суетными, выраженіями общественнаго вниманія къ нему, по случаю 50-го юбилея, еще въ сентябрѣ начавшагося, и до сихъ дней все еще продолжающагося... Меня особенно

---

[1]) С. И. Пономаровъ—житель г. Конотопа.

[2]) Н. П. Барсуковъ.

[3]) Ѳ. А. Радецкая состояла чтицей при Максимовичѣ. Она была рекомендована Лебединцевымъ, знавшимъ ее, какъ воспитанницу Кіев. Женск. Епарх. Училища. Ея-же рукой написано и это письмо подъ диктовку.

и радуетъ и тяготитъ вниманіе, оказанное мнѣ Академіей Наукъ, доселѣ какъ бы не хотѣвшей и знать меня, но удостоившей меня, наконецъ, не только званіемъ своего *члена-корреспондента*, но и ущедрившей меня присылкою *въ трехъ увѣсистыхъ* тюкахъ *тридцати томовъ* ея изданія, въ числѣ которыхъ чуть не третья часть твореній высокопреосвященнаго историка русской церкви Макарія, съ которымъ Вы тамъ на Невѣ подвизаетесь нынѣ о правахъ и правдѣ русскаго духовенства. Несмотря на его святительскій санъ, онъ намъ родной академистъ Кіевскій, и я прошу Васъ испросить у него мнѣ архипастырское, любовное благословеніе и принять къ сердцу то выраженіе моего къ нему почтенія, которое на этихъ же дняхъ пошлю къ нему въ видѣ бандерольной посылочки (помнится, я замѣчалъ уже Вамъ, что никто изъ *епископовъ*, нѣкогда мнѣ благопріятныхъ—ни Димитрій, ни Антоній казанскій, ни даже нашъ достолюбезный Іоаннъ, ни гу-гу въ отвѣтъ и привѣтъ на письменный отзывъ къ нимъ Михайлогорскому старцу; лишь одинъ кишиневскій старичина *Антоній*—царство ему неб.!—написалъ ему отвѣтную грамотку, стоющую даже и обнародованія... Но не для чего было бы и то въ нынѣшнемъ письменномъ многословномъ мірѣ.

Было у меня предположеніе писать для печати письма къ Вамъ о Кіевѣ—*третье*, *четвертое* и т. д., но пока еще ничего не пишется мнѣ на 51-мъ году моей словопечатной службы; а чѣмъ она начнется, еще и самъ не знаю; задачи, темы роятся тьмами въ головѣ моей, но только докучаютъ собою и не даютъ мнѣ покоя, какъ мошки и комары здѣшніе, въ началѣ лѣтней поры, не даютъ спокойно ни работать, ни гулять подъ открытымъ небомъ. А тутъ еще и здоровье мое въ послѣднія недѣли сильно измѣняетъ, особенно зрительные нервы: почитаешь часъ или два, даже и крупнаго шрифта (о петитѣ уже и покушенія нѣтъ!), и голова такъ разболится, глаза тоже, что уже и слушать читаемое мнѣ становится неспособнымъ, и хандра нападаетъ... О, когда-бы уже скорѣй пролетали и этотъ *лютый* мѣсяцъ, и преемникъ его *Маржецъ*, чтобы къ Великодню мнѣ очутиться въ Кіевѣ, а тамъ въ Москву и въ Петроградъ,—чтобы еще разъ увидѣть ихъ, и освѣжась душею и тѣломъ, воротиться способнымъ на дѣланіе своего привычнаго, завѣтнаго дѣла... Тринадцатый годъ уже, какъ маюсь я между Кіевомъ и своею Горой, словно заржавѣлый маятникъ закоптѣлыхъ стѣнныхъ часовъ съ зозулею!.. Поневолѣ встоскуешься, засмутишься,—особенно сидючи безвыходно въ четырехъ

стѣнахъ, иногда цѣлые дни, въ зимнее время, въ длинныя ночи. Но это старую пѣсню затянулъ я... простите старому нетягѣ!

А видались ли Вы въ Питерѣ съ моимъ тёзкою и старѣйшимъ братомъ, съ Погодинымъ?.. Вотъ подвижникъ!—Но время уже мнѣ прекратить писаніе, зане уже половина 3-го по-полудни; а я просыпаюсь всегда до-свѣта. Господь да споспѣшествуетъ и пребыванію Вашему на Невѣ, и возвращенію Вашему на родимый нашъ Днѣпръ!—Съ неизмѣннымъ къ Вамъ почтеніемъ и полносердечною преданностью остаюсь Вашъ М. Максимовичъ.

14-го февраля.

Лебединцевъ, все еще находившійся въ Петербургѣ, впервые откликнулся въ этомъ году только въ концѣ марта слѣдующимъ письмомъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Благодати Божіей и мира душевнаго желаю Вамъ въ наступившіе уже для Украины благодатные весенніе дни Съ весной и Вы ободритесь и опять явитесь ученому мірови изъ своего Михайлогорскаго уединенія. Да благословитъ Господь Вашъ путь къ Кіеву, гдѣ Вы снѣсте пасху со ученики своими. Тамъ встрѣтите Вы у Н. А. Ригельмана и графиню А. Д. Блудову, которая уже въ Москвѣ, а на страстной прибудетъ въ Кіевъ—провести свѣтлый праздникъ въ св. градѣ.

А я все еще на берегахъ хладной, покрытой льдомъ, Невы, и хожу въ кожухѣ; здѣсь придется и Пасху эту провести. Если Вы не вдругъ на святой двинетесь изъ Кіева, то едва ли не встрѣтимся мы въ Москвѣ—на Политехнич. выставкѣ. Какъ бы не разъѣхаться! Не соблаговолите ли прислать еще изъ Кіева адресъ Вашей квартиры въ Москвѣ? Мы такъ долго сидимъ здѣсь, что нужно бы насъ провезти на Политех. выставку.

Старѣйшаго брата Вашего и тёзку видѣлъ я въ Петроград. гостинницѣ Клея. Онъ прожилъ здѣсь чуть ли не съ мѣсяцъ, разумѣется не сидя и часу на мѣстѣ одномъ. Книгу [1]) поднесъ Его Величеству и всей знати, а едва ли исполнено все, чего онъ желалъ,

---

[1]) Древняя Русская Исторія до Монгольскаго ига. М. Погодина.

или хотя нѣчто изъ того, за чѣмъ пріѣзжалъ. У него же я имѣлъ честь познакомиться съ уважаемымъ мною давно—Н. С. Аксаковымъ.

Съ вниманіемъ Академіи Наукъ поздравляю Васъ и весьма обрадованъ былъ, прочитавши Ваше имя рядомъ съ именемъ *Мольтке* въ «Голосѣ». Преосв. Макарію Вашего поклона я не передалъ, ибо у меня съ нимъ по комитету не совсѣмъ ладится, а чрезъ несовсѣмъ пріятнаго человѣка и поклонъ выйдетъ не такъ пріятный. Впрочемъ это отношеніе можетъ перемѣниться.

Графъ Уваровъ не въ претензіи на то, что его привѣтствіе Вамъ не попало въ печать, и скорбитъ о томъ собственно, что не получилъ отъ Васъ отвѣта на это привѣтствіе. Это я и сообщалъ Вамъ въ генварѣ, да видно—не совсѣмъ ясно. Теперь поясняю.

Объ утвержденіи Кіев. историч. Общества что-то ничего не слышно. Кажется, не нравится уставъ общества, въ которомъ нѣтъ предсѣдателя.

По части исторіи позвольте Васъ спросить, напечатана ли гдѣ на оригинальн. языкѣ русскомъ опись Кіевскаго замка изъ Литов. метрики? Н. Ив. Костомаровъ не знаетъ. На польскомъ есть въ zródłach 1844. Вамъ сообщилъ Баронъ Шодуаръ на русскомъ оригинальномъ; но вся ли эта опись у Васъ? Я просматривалъ ее въ литов. метрикѣ 1552 года и, находя ее весьма важнымъ матеріаломъ для исторіи Кіева, хотѣлъ списать, но отъ меня потребовали разрѣшеніе Министра Юстиціи, къ которому затѣмъ и пошло отношеніе митрополита о допущеніи меня къ выпискѣ изъ Литов. метрики свѣдѣній о Кіев. церквахъ, но еще отвѣтъ не послѣдовалъ. И такъ покорно прошу сказать, вся ли у Васъ опись Кіев. замка, или только часть оной? А при семъ позвольте спросить, что же Вы доселѣ не сдѣлали никакого употребленія изъ описи имущества Кіево-печер. монастыря, юже вручилъ Вамъ 5-го сентября 1871 г. въ обители св. Архистратига Михаила? Мнѣ перевела здѣсь одна барыня съ аглицкаго выдержки изъ путешествія діакона Павла, бывшаго спутникомъ Антіох. патріарху Макарію въ половинѣ 17 вѣка, именно его замѣтки о пребываніи въ Кіевѣ. Это весьма любопытная вещь, и я на дняхъ отправлю сіе въ редакцію Кіев. Еп. Вѣдомостей. Братъ мой и Николай Платоновичъ свидѣтельствуютъ Вамъ усерднѣйшій поклонъ, къ коему присоединяетъ и свой нижайшій Вамъ душевно преданный прот. П. Лебединцевъ.

30 марта 1872 г. С.-Петербургъ.

Отвѣтилъ на это письмо Максимовичъ уже изъ Кіева, куда пріѣхалъ онъ проводить Пасху и откуда собирался непосредственно ѣхать въ Москву и Петербургъ.

20 апр. 1872 г. Кіевъ.

Христосъ воскресъ!

Привѣтствую Васъ, достопочтенный и дражайшій Петръ Гавриловичъ, съ Свѣтлымъ праздникомъ, который провожу въ Кіевѣ съ семьею моею и со многими изъ учениковъ моихъ.

Напутственное письмо Ваше получилъ я въ день отъѣзда моего изъ Михайлогорской обители, 9 апрѣля, и оно было для меня чрезвычайно пріятно, какъ дружеское благожеланіе. И какой теплый, даже знойный апрѣль здѣсь на Днѣпрѣ!—Жена моя завтра возвратится восвояси съ дочкою и племянницей (Марковою); а я, послѣ Щекавицкаго понедѣльника, черезъ день или два отправлюсь въ Москву, гдѣ и будетъ мое пребываніе майское—по всей вѣроятности въ домѣ Кошелева на Поварской! О поѣздкѣ въ Питеръ, весьма желательной для меня, не смѣю обѣщать самому себѣ: увижу въ Москвѣ, изъ которой вернуться въ Кіевъ, а отсюда на М. Гору, предполагаю въ половинѣ іюня.

Опись кіевскаго замка, полученная мною отъ Шодуара, та самая, что напечатана польскими буквами у Грабовскаго; выдана выпись ея Станиславу Жолкевскому, помнится 1608 года, когда онъ сталъ воеводою Кіевскимъ по смерти Острожскаго. Если въ Л. метрикѣ списокъ половины 16 в., а не начала 17-го, то о немъ можно позаботиться.

Отрывки о Кіевѣ изъ діакона Павла были давно напечатаны, чуть ли не въ Библ. для чт., но они мало кому нынѣ извѣстны, и въ К. Еп. Вѣд. слѣдуетъ повторить ихъ, тѣмъ болѣе, что не все относящееся къ Кіеву было переведено въ тѣхъ отрывкахъ.

Лаврская опись, Вами мнѣ сообщенная, весьма любопытна; но къ ней необходимъ коментарій, преимущественно о нѣкоторыхъ князьяхъ и княгиняхъ, требующихъ разысканія и справокъ нарочитыхъ: вотъ почему и отложено мною впредь сіе дѣло, до будущей зимовки въ Кіевѣ.

Если увидите А. Ѳ. Бычкова, прошу Васъ передать ему глубокую благодарность мою за его академическое ко мнѣ вниманіе, ко-

торую не смогъ я выразить письменно... Вы и не подозрѣваете, какъ я впродолженіе зимовки въ своей хатѣ былъ тупъ головою, нерасположенъ къ общенію съ людьми... словомъ сказать, ипохондриченъ.— Если Москва не возстановитъ моего мозга и сердца, плохо мнѣ на старости будетъ. Сказать ли, что я въ десять дней кіевскаго житія моего не собрался еще побывать у князя Ал. Мих., ни у Порфирія. Между тѣмъ, видя здѣсь, что изъ Общества Несторіанскаго ничего дѣйствительно полезнаго для исторической науки не выйдетъ, я рѣшаюсь возобновить въ нынѣшнее лѣто прежнюю думу объ основаніи *Археологическаго* Общества,—увѣренный, что Вы не откажетесь отъ даннаго мнѣ слова: быть въ числѣ *основателей*. При встрѣчѣ нашей въ Москвѣ, въ началѣ іюня, рѣшимъ вмѣстѣ этотъ вопросъ.

Жаль, если не увижусь съ Пономаревымъ, котораго надѣялся я видѣть въ Кіевѣ.

А Н. Пл. Барсукову я готовъ бы и на веснѣ нынѣшней воспѣть:

Цвѣли, цвѣли цвѣточки—и поблекли;
Любилъ меня милый другъ—и покинулъ.

До свиданія въ Москвѣ—дражайшій Петръ Гавриловичъ! Я сегодня затормошенъ страшно,—и съ самаго утра заправленъ печально видомъ умирающаго пріятеля и земляка моего Павла Ос. Науменка [1])...

Грустная жизнь наша на семъ свѣтѣ!.. «Уже умеръ»—прибѣжалъ сказать это Алексѣйко. Иду туда—прощайте, до свиданія!—Вашъ М. Максимовичъ.

Когда Максимовичъ въ маѣ и іюнѣ жилъ въ Москвѣ, оба корреспондента обмѣнялись слѣдующими двумя коротенькими письмами, которыми и заканчивается переписка этого года.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Петербургское сидѣніе мое кончилось, наконецъ, и Богу слава. Завтра съ почтовымъ поѣздомъ отправляюсь въ Москву, предполагая по пути посѣтить Новый Іерусалимъ. Весьма радъ буду, если застану Васъ еще въ Москвѣ и съ вами хоть разъ проѣдусь по Бѣлокамен-

---

[1]) Бывшій директоръ Бѣлоцерк. гимназіи, жившій въ Кіевѣ въ отставкѣ.

ной, а былъ бы также не менѣе радъ, еслибы Вамъ вздумалось побывать въ наступающее воскресенье въ Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ, откуда я вѣрно къ вечеру прибуду въ Москву.

Въ ожиданіи вскорѣ увидѣться съ Вами во всякомъ случаѣ, остаюсь истинно почитающій Васъ и душевно преданный П. Лебединцевъ.

15 іюня 1872 г. С.-Петербургъ.

---

17 іюня, 1872 г. Москва.

Вчера я обрадованъ былъ письмомъ Вашимъ, дражайшій и многочтимый Петръ Гавриловичъ, что Вы, наконецъ, выбыли изъ числа невожителей и уже на пути къ Кіеву и къ своему двору святософійскому. Полетѣлъ бы я въ Новоіерусалимскую обитель, не видѣнную мною съ 1822 года: но я все еще остаюсь—седьмой день уже—безвыходно, какъ птица въ клѣткѣ, изъ-за малой рожицы, расцвѣвшей-было на щекахъ моихъ.. вчера поспѣшилъ умыться, но пришлось опять помазаться коллодіемъ и посидѣть еще денька два... И такъ, мы свидимся въ Москвѣ, а не въ Воскресенскомъ, куда сбирается Бодянскій, куда завернетъ и петербургскій проф. Орестъ Миллеръ, пріѣхавшій изъ Кіева и вчера меня посѣтившій. Жалѣю, что, заѣхавъ въ Москву, такъ мало видѣлъ ее въ нынѣшнемъ ея нарядѣ,—что не удалось побывать и въ Сергіевской лаврѣ, не видѣнной мною съ 1824 года... Нѣтъ, не годится уже ни для Питера, ни для Москвы, душевно преданный Вамъ Михайлогорецъ. До свиданія! Вашъ М. Максимовичъ.

Отцу архимандриту Леониду прошу передать мой усерднѣйшій поклонъ и поручить меня въ его знакомство и пріязнь.

1873-й годъ.

Это былъ послѣдній годъ переписки, такъ-какъ 10 ноября этого года Максимовичъ скончался на своемъ хуторѣ Михайловой Горѣ.

Хотя первое письмо этого года писано Лебединцевымъ, но изъ содержанія его видно, что оно было отвѣтомъ на письмо Максимовича, не сохранившееся въ перепискѣ, такъ какъ Лебе-

динцевъ указываетъ въ своемъ отвѣтѣ, что онъ передалъ какую-то просьбу Максимовича А. Ѳ. Бычкову. Можно до извѣстной степени даже выяснить, о чемъ была эта просьба. Дѣло въ томъ, что ко времени празднованія 50-тилѣтняго юбилея своего Максимовичъ хлопоталъ объ усиленной пенсіи, но вмѣсто того ему было выдано единовременное пособіе въ 3000 р. (за вычетомъ 10% составилось всего 2700 р.). Очевидно, теперь Максимовичъ опять возбудилъ ходатайство о пенсіи, что и было передано имъ въ видѣ просьбы къ А. Ѳ. Бычкову. Лебединцевъ, исполнивъ эту просьбу, сейчасъ-же и извѣстилъ Максимовича о результатахъ, въ отвѣтъ на что послѣдовало письмо его отъ 2 февраля.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Оставляя Петербургъ, спѣшу и однакожъ желаю сказать нѣчто доброе Вамъ о немъ при всей моей торопливости сегодняшней. Вашу просьбу я передалъ Афанасію Ѳ. Бычкову; онъ съ большимъ усердіемъ взялся напомнить И. Д. Делянову его обѣщаніе и пошелъ, кажется, и самъ дальше. Результатомъ совѣщаній ихъ и переговоровъ вышло то, что графъ Д. Андр. Толстой велѣлъ представить ему дѣло объ исходатайствованіи Вамъ 3000 р. по случаю юбилея вмѣсто предполагавшагося усиленія Вашего пенсіона и обѣщалъ предварительно, по разсмотрѣніи онаго дѣла, переговорить съ министромъ финансовъ. Сообщаю сію вѣсть Вамъ на тотъ конецъ, что вѣроятно Вы напишете что нибудь по сему случаю А. Ѳ. Бычкову. Полагаю, что ни Делянову пока, ни министру писать не слѣдуетъ, а нужно дѣйствовать уже чрезъ одного. Дѣло сіе свѣжее, именно на прошлой недѣлѣ я передалъ Вашу просьбу А. Ѳ. Бычкову, а вчера узналъ отъ него и прописанный выше отвѣтъ.

За симъ поздравляя Васъ съ новымъ годомъ, искренно желаю Вамъ здоровья, долгоденствія, семейныхъ радостей и исполненія онаго желанія о обезпеченіи почтенной Вашей старости.

Вашу полемику съ Хрущовымъ читалъ. Попечитель Антоновичъ, не зная о моемъ пребываніи въ Петербургѣ, приглашалъ меня въ засѣданіе 3-го декабря объ учрежденіи Истор. Общеста при университетѣ.

Вчера Полѣновъ [1]) сообщилъ мнѣ, что было 1-е собраніе общества св. Нестора, въ которомъ предсѣдателемъ избранъ Туловъ [2]), а почетными членами: Вы, Антоновичъ и Юзефовичъ.

Н. Ил. Барсуковъ здравствуетъ.

Душевно преданный Вамъ П. Лебединцевъ.

18-е генваря 1873 г. С.-Петербургъ.

—

2 февр. 1873 г. Мих. Гора.

Въ великій праздникъ Срѣтенія возобновляю надолго прерванную переписку почти со всѣми этимъ отзывомъ на ваше письмо ко мнѣ. многоуважаемый и дражайшій Петръ Гавриловичъ, отъ 18 генв. Привѣтствую возвращеніе ваше въ Кіевъ, поздравляю съ окончаніемъ вашего велико-долгаго дѣла въ Петроградѣ, въ продолженіе котораго вы успѣли добыть столько историческаго добра и для Кіева съ его краемъ. Благодарю васъ и за вашу дружескую тамъ заботу обо мнѣ; и на этихъ же дняхъ буду писать къ достопочтенному Афанасію Θеодоровичу Бычкову. О моемъ 15-дневномъ пребываніи въ Питерѣ сохраняю пріятнѣйшія воспоминанія. Московское житье мое въ іюнѣ, какъ вы знаете, смущено было болѣзнію; Кіевское житіе въ сентябрѣ, по отъѣздѣ вашемъ, было еще болѣзненнѣе и скучнѣе; а здѣсь нынѣшняя зимовка моя такая тяжкая для меня и скучная, что и говорить объ ней не хочется: сидень, лежень, изнемогшій не только тѣломъ. но и головою, въ хандрѣ и спячкѣ. Обновлюсь-ли духомъ и тѣломъ съ наступленіемъ новой весны—то *Онъ* единый вѣдаетъ.

Моя Марья Вас., съ Θеодорою [3]), вернулась сейчасъ изъ церкви и поручила свидѣтельствовать вамъ ея глубочайшее почтеніе и сердечный привѣтъ. Θ. Радецкая, еще въ августѣ отпущенная въ Кіевъ, для держанія экзамена по географіи и исторіи, который кончила она только передъ святками рождественскими,—и къ намъ явилась вновь 12 генваря. Я назначилъ ей по 10 р. с. въ мѣсяцъ, при всемъ готовомъ, пока найдется для нея выгодное мѣстечко, преимущественно въ Кіевѣ, гдѣ у нея три брата и двѣ сестры. Прошу и васъ имѣть въ виду эту достойную питомицу вашего Кловскаго училища, посвящающую себя педагогическому дѣлу.

---

[1]) Тесть И. П. Хрущова.

[2]) М. А. Тулэвъ, помощн. попечителя Кіев. Уч. Округа.

[3]) Θ. А. Радецкая (см. раньше).

О многомъ, многомъ хотѣлось бы, и надобно мнѣ, говорить съ вами, когда уже возобновилось письменное общеніе съ вами; но на первый разъ довольно и вамъ читать, и мнѣ писать.

Съ вашимъ дружескимъ благословеніемъ, остаюсь неизмѣнно преданный вамъ Михаилъ Максимовичъ.

P. S. 3 февраля.—Попытался было я вчера настрочить замѣтку для К. Е. Вѣдомостей; но вышла неудачная и потому отложена до иного дня.

А вотъ сейчасъ принесли съ почты письмецо изъ Кіева, отъ Платона Александровича [1]), гдѣ онъ и Мих. Влад. Юз. привѣтствуютъ меня, что мнѣ *разрѣшена ферма*, но гдѣ и какъ еще неизвѣстно... Скоро будетъ извѣстно, и тогда возблагодаримъ князя Александра Михайловича [2]).

Начавшееся еще въ 1871 году дѣло о пріобрѣтеніи Максимовичемъ отъ казны фермы въ юго-западномъ краѣ на льготныхъ условіяхъ закончилось въ январѣ 1873 года; ему былъ данъ участокъ въ 382 десятины въ балтскомъ уѣздѣ за сумму 5500 р., съ долгосрочной выплатой этой суммы въ казну. Дѣло это устроено было генералъ-губернаторомъ кн. А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ, при непосредственномъ участіи попечителя учебнаго округа П. А. Антоновича. Когда Максимовичъ получилъ въ февралѣ мѣсяцѣ оффиціальное извѣщеніе объ этомъ, можно сказать, подаркѣ, онъ написалъ Лебединцеву письмо съ рядомъ сомнѣнныхъ для него вопросовъ, на которые Лебединцевъ даетъ отвѣтъ въ своемъ письмѣ отъ 7 марта.

Въ первыхъ числахъ февраля я писалъ къ вамъ, дражайшій и глубокочтимый Петръ Гавриловичъ,—въ Кіевъ, гдѣ и нынѣ васъ воображаю, въ упованіи, что васъ не отзовутъ уже отъ него и въ предстоящую весну. Съ отбытіемъ вашимъ изъ Кіева, не поздоровился мнѣ прошлогодній сентябрь, также какъ и вся зимовка моя 1869—1870 г. въ печальной квартирѣ Горецкаго... Вотъ почему, я желалъ бы знать заблаговременно, будете ли вы въ своемъ Софійскомъ дому въ *маѣ* мѣсяцѣ, прежде котораго не двинусь отсюда, по сложившимся всяческимъ тяготамъ житейскимъ и санитарнымъ, весь вѣкъ мой одолѣвающимъ меня.—

---

[1]) П. А. Антоновичъ—попечитель Учебн. Округа.

[2]) Кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ.

Мой отзывъ на провозвѣстіе о фермѣ Платона Алекс. [1]) и Михаила Владим. [2]), имъ обоимъ написанный въ письмѣ къ первому, не засталъ его уже въ Кіевѣ, какъ вижу по его письму, при отъѣздѣ въ Питеръ писанному.

Наконецъ 14 февраля я получилъ здѣсь письмо отъ самаго князя Александра Михайловича [3]), 6 февраля подписанное съ извѣщеніемъ и поздравленіемъ меня. Дай Богъ ему здоровье и всякое благоуспѣяніе за его вниманіе ко мнѣ, порадовавшее меня на исходѣ вѣку!—Я отвѣчалъ ему благодарственнымъ письмомъ на другой же день (15 ф.), и полагаю, что оно получено уже благодѣющимъ мнѣ княземъ Кіевскимъ, по милости котораго съ 22 генваря я становлюсь въ балтскомъ уѣздѣ собственникомъ Маншуровскаго 2-го участка въ 382 десятины за 5500 р., т. е. вдесятеро противъ моего Михайлогорскаго землевладѣнія, въ 38-ми десятинахъ нынѣ округлившагося (въ томъ числѣ 10 неудобныхъ!), но стоившаго мнѣ не меньше оныхъ 382 матеріально, а душевно—и вдесятеро больше; но за то впрочемъ давшаго мнѣ неожиданныхъ 32 года новой жизни, длящейся и до сего дня. А потому я надднѣпровскій Михайлогорецъ даже до конца дней моихъ.

Въ совершенномъ невѣденіи нахожусь, откуда будетъ мнѣ свѣдѣніе, въ чемъ состоитъ оный Маншуровскій участокъ, гдѣ именно онъ, въ какомъ разстояніи отъ Балты и желѣзной дороги,—въ безводной-ли онъ степи, или прилежитъ къ какой-либо рѣчкѣ или ручью,—есть-ли тамъ какое-нибудь жилье, и почемъ тамъ можно арендовать десятину окружающему православному люду южнорусскому, съ условіемъ, чтобы тамъ не было мѣста ни ляхамъ, ни жидамъ, ни армянамъ?.. Кто меня введетъ во владѣніе тѣмъ участкомъ Подольской земли?.. А кромѣ того,—на сколько лѣтъ разсрочена уплата оныхъ 5500 р., и по-скольку въ годъ надо взносить въ казну, и куда именно?—Мнѣ къ маю мѣсяцу хотѣлось бы объ этомъ быть въ извѣстности, но къ кому обратиться съ моимъ желаніемъ того и просьбой о томъ,—если не къ вамъ, мой драгоцѣннѣйшій другъ и совѣтникъ кіевскій?—Припоминается при этомъ мнѣ ассигновка княземъ 500 р., въ генв. 1870 г., которую вы съ г. Снѣжкомъ прислали мнѣ сюда; а безъ того... А чего стоило мнѣ горемычное житье мое въ ту зиму въ д.

---

[1]) П. А. Антоновичъ.

[2]) М. В. Юзефовичъ.

[3]) Кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ.

Горецкаго, да и здѣшнее пребываніе, до поѣздки въ Кіевъ съ оной ассигновкою въ августѣ?—Такую долю уже судилъ мнѣ Господь,— весь вѣкъ проводить бѣднякомъ; да и награды получать въ ограниченныхъ размѣрахъ, какъ напримѣръ, за 50-лѣтній юбилей—*3000* (безъ *300*). Не почувствовать мнѣ себя въ полномъ довольствѣ, что называется—на широкую руку, и до конца дней;—развѣ слѣпая фортуна, 2 іюля, повернетъ свое колесо на одинъ изъ тѣхъ четырехъ билетовъ перваго займа, которые взялъ я изъ оныхъ юбилейныхъ 2700 р. 1871 г., и которые въ прошломъ сентябрѣ заложилъ у Теџнера [1]) за *480* рублей, чтобъ было чѣмъ продовольствоваться... Къ Великодю будетъ мнѣ изъ Кіева пенсіону за генварскую треть *248* р., на которые ужъ набѣжало уплаты около сотни. Весь этотъ лѣтній мѣсяцъ (февраль) я хлопоталъ, наконецъ, о метрическихъ и иныхъ свидѣтельствахъ для представленія въ Полтавскій окружной судъ, въ утвержденіе мнѣ права получить наслѣдство послѣ брата моего Виктора, состоящее въ *2100* р., которые, по моему прошенію, михайловское (Ряз. г.) полицейское управленіе переслало въ золотоношское. Въ будущемъ мартѣ ожидать буду отвѣтовъ на мои писанія и посланія— въ Полтаву и Лебедянь. Быть можетъ въ апрѣлѣ неумолимый непреклонный въ формализмѣ полтавскій окружной судъ разрѣшитъ мнѣ получить въ Золотоношѣ оныя *2* т. Тогда уже будетъ мнѣ съ чѣмъ двинуться отсюда въ Кіевъ и въ Балту, а оттуда на южный берегъ Тавриды, въ которомъ такъ давно уже нуждается мое изнеможенное бытіе.

Къ Аѳанасію Ѳ. по письму вашему, я написалъ 15 февр. достолюбезное посланіе, отправивъ еще 22 генваря ему и Гроту, и Заблоцкому бандерольные пакеты, съ моимъ фотогр. портретомъ и поясненіемъ, напечатаннымъ въ 149 н. прошлогодняго Кіевлянина, въ отповѣдь г. Хрущову.—Гротъ уже отвѣчалъ мнѣ—(NB. своимъ *первымъ*, безъ моего небывшаго никогда къ нему писанія, несмотря на то, что ему преимущественно обязанъ я цѣлою полкою академическихъ изданій... сказано нѣмецъ, разумѣется нѣмецъ русскій, не нашей русской, и особенно украинско-русской братіи,—къ ней же принадлежитъ и Костомаровъ, съ Кулишемъ, Бѣлозерскимъ и т. п.).

Мнѣ въ нынѣшнемъ февралѣ неудача на отвѣтныя письма: ни отъ кого и сегодня нѣтъ отголоска, ни изъ Кіева, ни изъ Полтавы. Получилъ только XII кн. *Бесѣды* да 23-й н. *Кіевлянина.*

---

[1]) Мѣняльная контора.

А мой милый *Алексѣйко*, какъ написалъ свое послѣднее письмо въ концѣ генваря, полученное мною 31 ч., и того же дня ему отвѣченное мною черезъ И. С. Паліенка[1]),—и послѣ нѣсколькихъ писемъ ему отъ меня и жены, не отзывается доселѣ, и никто о немъ не извѣщаетъ насъ,—даже Алексѣй Ѳомичъ[2]), которому 8 февраля писалъ я, по поводу его письма, чтобъ онъ своею ласкою ободрялъ моего сынишка.—Вскорѣ послѣ того писалъ я въ Кіевѣ и къ Г. П. Галагану, ведя рѣчь съ нимъ и о моемъ Алексѣйкѣ. Но и отъ него мнѣ ни полслова въ отвѣтъ. Такъ и отовсюду, куда писалъ я, не пришло еще мнѣ отзыва въ нынѣшній день послѣдній *Лютаго* мѣсяца.

Но кто меня смущаетъ всѣхъ болѣе своимъ упорнымъ молчаніемъ,—это, мой милый, такъ лелѣявшій меня въ маѣ мѣсяцѣ Барсуковъ. На три мои письма къ нему—въ началѣ ноября, въ половинѣ декабря, и въ началѣ февраля,—по поводу замѣтки вашей, что онъ «здравствуетъ», онъ не отзывается ко мнѣ, и мнѣ это чрезвычайно грустно, ибо не могу себѣ и вообразить, чѣмъ бы могъ я такъ охладить къ себѣ его прежнюю ко мнѣ пріязнь.

Немало печалитъ меня и неизвѣстность о благопріятелѣ нашемъ С. И. Пономаревѣ. Не говорю о ежедневномъ, по-истинѣ великодружественномъ его посѣщеніи меня въ юбилейное время мое и проводахъ его меня въ октябрѣ изъ Михайловской гостинницы на пароходъ;—его такъ мило болтливыя писанія сюда изъ Конотопа окончились 31 генваря 1872 г., съ моимъ отвѣтомъ ему того числа. И вотъ уже 11 мѣсяцевъ о немъ ни слуху, ни духу.

Съ 22 февраля (день рожденія Алексѣйкова) выпалъ здѣсь новый снѣгъ и разрушилъ рождавшіяся уже надежды на настоящую весну. Долго ли продолжатся эти снѣга, невыносимые своей бѣлизной для зрѣнія другой мѣсяцъ уже безвыходнаго изъ своей хаты отшельника, никто же вѣсть! А ужъ какъ бы хотѣлось мнѣ подъ открытый сводъ небесный, для дыханія свѣжимъ воздухомъ и ходьбы по простору Михайловой-Горы!..

Съ вашимъ дружескимъ благословеніемъ, мысленно лобзая уста и десницу вашу, остаюсь неизмѣнно преданный вамъ М. Максимовичъ.

28 февр. 1873 г., Михайлова-Гора.

---

[1]) Инспекторъ Кіевской 1-й гимназіи.

[2]) Андріяшевъ—директоръ той-же гимназіи.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Оба письма Ваши получены и лежатъ на письменномъ моемъ столѣ—первое, какъ и второе. Простите, что отвѣчаю на два за множествомъ накопившагося въ отсутствіе мое дѣла. И первѣе о дѣлѣ. Душевно порадовался и я вмѣстѣ съ многими Вашими почитателями, что и Васъ, наконецъ, пріурочили къ юго-западному краю хотя малою толикою, и прошу принять мое поздравленіе съ титуломъ землевладѣльца правой стороны Днѣпра. Надлежало бы Вамъ дать въ самой сердцевинѣ Украины—въ черкасскомъ или чигиринскомъ уѣздѣ, а не на турецкой границѣ, но чья власть, того и право. Какъ же Вамъ достать оную свою землю и что она,—желаете знать? Чтобы разрѣшить сіи вопросы, вчера я былъ въ канцеляріи генералъ-губернаторской. Но въ оной мнѣ, по приказанію Ф. П. Сабанѣева [1]), могли сообщить только то, что и Вамъ извѣстно, т. е. что Маншуровскій участокъ въ 382 десятины въ балтскомъ уѣздѣ, ибо всѣ спеціальныя свѣдѣнія въ Каменцѣ. Въ добавокъ Сабанѣевъ сказалъ, что кажется, это чистая земля, безъ всякихъ построекъ, что Вамъ первѣе всего нужно получить купчую крѣпость, совершивъ оную въ Каменецъ-Подольской казенной палатѣ, а затѣмъ съ купчею сдѣлать вводъ во владѣніе. Купчую крѣпость можетъ совершить и кто-нибудь по довѣренности Вашей въ Каменцѣ съ уплатой рублей 7-ми или 10 пошлинъ гербовыхъ. Ѣхать туда лично не стоитъ, ибо нужно проѣхать 90 верстъ отъ желѣзной дороги, а, по мнѣнію Сабанѣева, можно удобнѣе и дешевле совершить чрезъ довѣренное лицо, живующее въ Каменцѣ. Для ввода во владѣніе необходимо быть Вамъ или супругѣ Вашей лично въ Балтѣ и на мѣстѣ владѣнія. Теперь вопросъ: есть ли у Васъ въ Каменцѣ лицо, которое взялось бы быть Вашимъ повѣреннымъ для совершенія купчей крѣпости? Если бы Вы были въ Кіевѣ, то конечно не трудно найти таковое лице чрезъ Сабанѣева или Воронина [2]), а иначе не знаю. У меня тамъ есть только одинъ знакомый учитель гимназіи Николай Ивановичъ Гріельскій, котораго я думаю попросить о сообщеніи спеціальныхъ свѣдѣній касательно Вашей земли. Если онъ отозвется, тогда, пожалуй, можно навязать ему и совершеніе купчей крѣпости. Уплатить Вамъ придется на первый разъ

---

[1]) Правитель канцеляріи генералъ-губернатора.

[2]) А. Ф. Воронинъ—чиновникъ канцеляріи генер.-губерн.

по вводѣ во владѣніе 257 рублей сер. Вѣроятно по стольку же и за каждый годъ; стало быть это пойдетъ уплата лѣтъ на двадцать.

Къ Алексію Ѳомичу заѣду и спрошу Вашего Алексійка, а отъ Вашего имени попеняю того и другого. Съ Г. П. Галаганомъ видѣлся раза три. Онъ хлопочетъ о прінсканіи директора на мѣсто г. Григорьева, съ которымъ почему то разошелся.

Ник. Платон. Барсукову вчера въ письмѣ я прописалъ Вашъ отзывъ о его молчаніи: можетъ устыдится свидѣтеля. Впрочемъ мы разстались немножко сухо. Посмотрю, какъ отзовется нынѣ. Онъ изъ натуръ скоро возгрѣвающихся. Ст. Ив. Пономаревъ нынѣ, должно быть, у гроба Господня, куда направлялъ свой путь съ Аѳона. Куда онъ дѣвалъ оттиски Вашего біограф. очерка, высланные ему въ количествѣ 200 или 300 экз.? Въ Петербургѣ ихъ нѣтъ ни одного экземпляра, такъ какъ типографія распорядилась всѣ до одного услать къ Степану Ивановичу. Барсуковъ очень просилъ ихъ достать нѣсколько экземпляровъ. Не къ Вамъ ли они отправлены? Мнѣ впрочемъ, по возвращеніи моемъ, доставленъ одинъ экземпляръ съ надписью автора.

Изъ Петрограда отбылъ я 23 генваря и, отдохнувши день въ Москвѣ, благополучно прибылъ въ свой градъ. Петербургъ ужъ пресытилъ меня, и его погода, особенно минувшую осень, отзывается какъ мясо крастелей во устахъ израильтянъ. Но добрымъ людямъ спасибо, тамъ ихъ много, и всегда буду вспоминать ихъ съ удовольствіемъ и благодарностью. Работы наши внесены въ св. Синодъ въ послѣднее засѣданіе предъ масляной, но что изъ онаго проекта выйдетъ, трудно угадать, доколѣ всего не перечтетъ графъ Д. А. Толстой. Можетъ быть придется сказать отъ насъ св. Синоду: *пискахомъ и не плясасте, рыдахомъ вамъ и не плакасте*..

Общество св. Нестора собирается и бесѣдуетъ. И я былъ въ одномъ засѣданіи, въ которомъ И. И. Малышевскій разсказывалъ содержаніе посланія матери къ сыну окатоличевшемуся, въ родѣ посланія Исаіи Копинскаго къ кн. Вишневецкому, а оное посланіе въ одной изъ рукописей Соф. библіотеки, тоговременное. Предсѣдатель сдерживаетъ Хрущева, выжидая, что министерство сольетъ оба кіев. общества воедино, а уставъ историч. общества повезъ съ собою Пл. Алек. Антоновичъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ я така добылъ планъ Кіева и не одинъ еще, а два, одинъ изъ депо главн. штаба, а другой изъ главн. инженерн.

управленія. Побесѣдуемъ надъ нимъ, когда пожалуете въ Кіевъ. А что же опись Кіево-печер. лавры 16 вѣка? Страницы Кіевск. Епарх. Вѣдомостей ждутъ отъ васъ сего подарка нынѣ, при старомъ редакторѣ оныхъ.

Богъ да укрѣпитъ Васъ и благополучно въ здравіи препроводитъ въ нашъ градъ, а пока свидѣтельствуя Вамъ и почтеннѣйшей супругѣ Вашей Маріи Васильевнѣ глубокое почтеніе и прося сказать, мой поклонъ и благословеніе Θеодорѣ Радецкой, остаюсь неизмѣнно преданнымъ Вамъ съ душевнымъ уваженіемъ П. Лебединцевъ.

7-е марта 1873 г. Кіевъ.

Завтра диспутуетъ на степень доктора инспекторъ Академ. арх. Сильвестръ, а ректоръ съ своимъ Іовомъ сидитъ аки Іовъ.

Въ отвѣтъ на это любезное сообщеніе Лебединцева объ участкѣ земли въ балтскомъ уѣздѣ и о томъ, что и какъ надо устроить, Максимовичъ написалъ 12 марта длинное письмо, главнымъ образомъ посвященное личнымъ дѣламъ, равно какъ и вся остальная переписка этого года.

12 марта, 1873 г. Михайлова-Гора.

Отъ всего сердца благодарю васъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, за полученное мною вчера письмо ваше отъ 7 марта, усладившее мнѣ душу: оно такое прекрасное, проникнутое такимъ свѣтлымъ, спокойнымъ, вѣрнымъ взглядомъ на жизнь и міръ,—не говорю уже о дружескомъ участіи во мнѣ, по которому вы мнѣ такъ драгоцѣнны... Дай Богъ вамъ и на дальнѣйшіе годы того же душевнаго строя, при добромъ здравіи тѣлесномъ!..

Я долженъ вамъ признаться, что мое второе письмо къ вамъ писалъ въ неувѣренности—найдетъ ли оно васъ въ Кіевѣ, въ предположеніи, что можетъ быть васъ опять потянутъ туда на Неву,—какъ и мое письмо къ попечителю отъ 5 февр. не застало его уже въ Кіевѣ. Потому я въ началѣ марта написалъ о томъ же и къ М. В. Юзефовичу, зане онъ, во время зимовки моей въ несносной квартирѣ Горецкаго, говорилъ мнѣ, что въ случаѣ надѣла меня участкомъ, онъ возьмется устроить его такъ, что мнѣ будетъ доходъ вѣрный, безъ моего объ томъ попеченія. Конечно, то было любезно-пріятельское словосочиненіе, которое однако дало мнѣ право просить его потрудиться увѣдомить меня, что это за Маншуровскій участокъ, далеко ли онъ отъ

Балты и желѣзной дороги, и кто дастъ мнѣ на него данную?.. При этихъ вопросахъ, я былъ въ совершенномъ заблужденіи: мнѣ воображалось, что та ферма, со дня Высочайшаго повелѣнія, съ 22 генваря, уже моя, и что мнѣ откуда то послѣдуетъ формальная на нее данная!.. Вашимъ письмомъ вчера вразумился я, что дѣло состоитъ совсѣмъ не такъ, какъ мнѣ оно вообразилось!..

Премного благодаренъ вамъ за вашъ запросъ въ Каменецъ г. Гріельскому; но для совершенія купчей крѣпости (отъ кого?) тамъ есть у меня директоръ гимназіи В. П. Должиковъ, о которомъ нѣкогда я говорилъ Пл. Ал., и которому нынѣ довлѣетъ похлопотать объ оной купчей. Но для того, чтобы дать ему формальную довѣренность, мнѣ надо или протрястись на таратайкѣ въ Золотоношу 32 в. и 32 обратно, или спокойнѣе приплыть въ Кіевъ, но тамъ восходить на верхній этажъ присутственныхъ мѣстъ, тратя въ обоихъ случаяхъ деньги, и тѣлесныя силы, при настоящей скудости моей тѣхъ и другихъ.—Затѣмъ послѣдуетъ еще горшая операція—поѣздка мнѣ самому съ женою (что сама она тамъ безъ меня сдѣлаетъ?!) въ Балту хлопотать, чтобъ оттуда ввели меня онымъ маншуровскимъ участкомъ во владѣніе... Поѣздка туда и вводъ во владѣніе потребуютъ не мало деньги и подвига немощныхъ силъ. По вводѣ во владѣніе—тамъ, надо же будетъ и устроить оную ферму, отдачею ея въ наймы на извѣстные годы, на прочныхъ условіяхъ, и взнести 257 р. по вводѣ во владѣніе. Что же это за успокоеніе на исходѣ жизни моей,—когда мнѣ такъ необходимъ только, хотя и скудный, но тихій, беззаботный отдыхъ отъ трудовъ моей многопечальной жизни, при которомъ хотѣлось бы свести концы и привычныхъ мнѣ научныхъ работъ? Съ прошлогодняго августа, какъ я уже писалъ къ вамъ, кажется, одолѣваетъ голову мою постоянно забота о насущномъ продовольствіи,—при которой всѣ присѣсты мои за что-либо научное оказывались напрасными попытками, при которой смѣшались въ моей устарѣлой памяти даже послѣдніе годы моей собственной жизни: мнѣ вообразилось, что я зазимовалъ въ Кіевѣ (въ д. Горецкаго) подъ исходъ 1869 года, и съ этимъ недоумѣніемъ соединились разныя неправильныя представленія въ моихъ частныхъ письмахъ, даже въ запискѣ моей объ учрежденіи Истор. Общ. при университетѣ, даже въ печатной статейкѣ въ Кіевлянинѣ, на которую соблазнилъ меня Хрущовъ своею, тамъ же напечатанною выходкою, и безтактнѣйшею бесѣдою укоризненною, вечеромъ 23 сент., наканунѣ моего выѣзда изъ Кіева, когда Ѳеодора съ

Алексѣйкомъ приготовляли и укладывали мои пожитки къ завтрашнему, раннему выѣзду на пароходъ.—Онъ оказался совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ сначала мнѣ показался. Но чтобы развязаться съ помыслами о подобныхъ людяхъ, напишу вамъ 8-стишіе, набѣжавшее въ концѣ 1872 года.

Щелкопёры, марадёры,
Все впередъ идутъ, идутъ,
И науки въ свои руки
На барышъ себѣ берутъ,
Горе, горе, что актёры
Заглушаютъ тихій трудъ!
Но и прежде было тоже...
Будь же милостивъ къ намъ, Боже!

Мнѣ грезилось, что къ маю мѣсяцу состоится, наконецъ, утвержденіе меня Полтавскимъ окружнымъ судомъ въ правѣ получить наслѣдство послѣ брата—питомца моего, состоящее въ 2100 рубляхъ. Тогда бы я былъ въ возможности проѣздиться на южный берегъ Крыма, для поправленія совершенно разстроеннаго здоровья и головы моей и туловища, да потомъ заглянуть кстати и въ оный Маншуровскій участокъ. Но и въ этомъ, два года томящемъ дѣлѣ меня, есть своего рода замедленіе; а пока не прекратится оно, и пока я не получу тѣхъ денегъ, пересланныхъ уже въ Золотоношу, до тѣхъ поръ мнѣ не съ чѣмъ будетъ двинуться отсюда не только въ Крымъ и Балту, но и въ нашъ богоспасаемый градъ Кіевъ, всякій день, когда посѣщаю его, извлекающій изъ моего кармана болѣе дневного оклада, дающагося мнѣ моимъ пенсіономъ.—Но довольно объ этомъ говорить мнѣ, вспомянувши себѣ въ извиненіе слова незабвеннаго друга моего Гоголя: «Что жъ дѣлать, если уже таковы свойства сочинителя, что, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже и не можетъ онъ изображать ничего другаго, какъ только бѣдность, да бѣдность да несовершенства нашей жизни...»

По отправленіи моего втораго письма къ вамъ, я получилъ уже извѣстіе и отъ Алексѣйка, и отъ Алексѣя Ѳ., о книжныхъ дѣлахъ его и о моемъ сынишкѣ; но я радъ буду, если вы ихъ обоихъ попеняете; не завтра, такъ послѣзавтра, вѣроятно, отзовется и г. Паліенко на мое письмо о сынишкѣ, 2 марта писанное. Получилъ я

9-го марта отвѣтное письмо отъ Г. П. Галагана; но еще не успѣваю къ нему откликнуться.

На мое третье письмо къ Барсукову, гдѣ я привелъ слова письма вашего изъ Спб., что *Н. П. Б. здравствуетъ*, онъ немедленно отозвался достолюбезно, и я отвѣчалъ ему 6 марта.

Кому С. И. Пономаревъ поручилъ всѣ эти экз. біографическаго очерка меня грѣшнаго,—не вѣдаю; лишь одинъ экземпляръ, 6 сент., доставилъ мнѣ Ф. А. Терновскій.

Изъ вышесказаннаго, вы снисходительны будете, что я недѣльки двѣ-три не примусь еще ни за что либо научное, хотя съ удовольствіемъ читалъ я въ вашихъ К. Е. В-хъ не только архид. Павла, но и Ляссоты сказаніе и щелчокъ Ипатьичу за чепуху московскую. Лаврскую опись пришлю вамъ, хотя и безъ того комментарія, какой желательно было мнѣ сдѣлать къ нему; но его сдѣлать можно было, находясь въ Кіевѣ, а не здѣсь. Планы Кіева, вотще желанные мною отъ покойнаго П. А. Муханова, добыты вашимъ стараніемъ: исполать вамъ; но не пускайте ихъ въ ходъ, пока мы съ вами вмѣстѣ не разглядимъ ихъ; тогда и рѣшимъ вмѣстѣ, что сдѣлать. Авось еще благоволитъ Богъ, претерпѣвъ мнѣ годичное отрѣшеніе отъ научнаго дѣла—отъ сентября 1872 до сентября 1873 г., опять къ нему возвратиться, съ водвореніемъ на новую зимовку въ Кіевѣ.

Моя Марья Васильевна свидѣтельствуетъ вамъ глубочайшее почтеніе свое и благодарность за ваше о ней воспоминаніе. Ѳеодора, питомица ваша, тоже съ живѣйшею признательностью къ вамъ поручаетъ мнѣ свидѣтельствовать вамъ ея благодарный поклонъ за вашъ ей привѣтъ и благословеніе. Она донынѣ чистая сердцемъ и добрая дѣтина. У васъ въ кабинетѣ есть отъ меня и погодинскій портретъ, и фотографическій многоглавый листъ, гдѣ и моя рожица въ шапкѣ, но мнѣ весьма пріятно было-бы, чтобъ тамъ, объ руку съ Погодинымъ, на стѣнкѣ виднѣлась и моя ипостась; а для того препровождаю къ вамъ, съ сею же почтою, въ бандерольномъ пакетѣ, мой «кабинетный портретъ», работы кіевскаго Мезера, 2-го сент. 1872. г., когда мнѣ стукнуло 68.

«О, для чего я не младъ и не силенъ, какъ въ прежніе годы!»

Этимъ стихомъ Одиссея изъ Одиссеи кончаю нынѣшнее письмо мое къ вамъ, мой дражайшій кіевскій другъ, лобзая мысленно уста и десницу вашу, и прося вашихъ молитвъ о многонемощномъ и многоскорбномъ Михайлогорцѣ Максимовичѣ.

—

Въ дополненіе извѣстій о Вашей землѣ, имѣю честь сообщить Вамъ, глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ, слѣдующее свѣдѣніе, полученное мною изъ Каменца отъ г. Гріельскаго: 2-й маншуровскій участокъ заключаетъ въ себѣ земли пахатной 362,40 д., пастбищной 1,70 дес., неудобной 10,00 д., подъ водою 8,75 дес., лѣсу и строеній нѣтъ; почва земли глинисто-черноземная и песчано-черноземная, отъ Балты въ разстояніи 64 в., отъ желѣзной дороги 16 вер., отъ р. Днѣстра 120 в.; участокъ этотъ въ прежнее время былъ еврейской колоніей (слѣдов. хорошаго качества). Слѣдоват., Вамъ не трудно добраться изъ Кіева до Вашей землицы и удобно съѣздить въ Балту по желѣзной же дорогѣ для совершенія ввода во владѣніе. Взносъ вѣроятно Васъ не затруднитъ, такъ какъ уплата по вводѣ уже во владѣніе, и вступая во владѣніе, Вы тогда же можете и отдать въ аренду эту землю не менѣе какъ *по 4 руб.* десятину, а пожалуй и по 6 руб., какъ у нихъ въ черкас. уѣздѣ, т. е. получить 1,500 р. по меньшей мѣрѣ. Полагаю, что всего удобнѣе это можно будетъ сдѣлать Вамъ при посредствѣ приход. священника, ибо батюшки знаютъ и арендаторовъ, и цѣну земли. Не думаю, чтобы сдѣланы были Вамъ затрудненія и въ кіев. гражд. палатѣ при засвидѣтельствованіи Вами довѣренности, а впрочемъ Вамъ болѣе извѣстно, гдѣ для Васъ сіе болѣе удобно. Мнѣ кажется, что кто-нибудь арендуетъ же и нынѣ маншуровскій участокъ, и вѣрно Вамъ уплатитъ за провладѣніе со дня пожалованія Вамъ онаго.

Что Вы такъ влечетесь на югъ? Устройтесь лучше въ Кіевѣ прежде, а потомъ прогуляетесь и на югъ въ Крымъ. Поѣздка въ Балту вѣрно укрѣпитъ Ваши силы, ибо она такъ удобна; притомъ же она доставитъ Вамъ лучшія средства, а лучшія средства придаютъ всегда силы и тѣлу и душѣ. Если бы Вамъ угодно было, я предложилъ бы Вамъ квартиру на Соф. площади, бывшую мою, въ Сухобрусовскомъ домѣ, гдѣ есть всѣ удобства для семейнаго человѣка—цѣна 400 руб., весьма недорогая нынѣ, только дайте мнѣ знать о Вашемъ согласіи къ 1-му апрѣля.

Сегодня Михаилъ Владиміровичъ [1]) собираетъ у себя засѣданіе комиссіи. Попечитель возвратился изъ Питера въ субботу 16-го марта и объявилъ, что графъ Толстой посѣтитъ Кіевъ въ сентябрѣ сего

---

[1]) Юзефовичъ.

года, а то, какъ говоритъ Муравьевъ, все угодники печерскіе не допускали.

За кабинетную карточку приношу Вамъ глубокую благодарность, а свою новую некабинетную представлю по прибытіи Вашемъ въ Кіевъ. Съ Епарх. Вѣдомостями кое-какъ управляюсь, хотя весьма скучно читать корректуру. Вспоминаю Степана Ивановича Пономарева и его великую помощь въ семъ дѣлѣ. Матеріалецъ есть, да Епархіальн. дѣла поглощаютъ время. Впрочемъ, дѣлаемъ какъ можемъ.

Богъ да укрѣпитъ Васъ и благополучно препроводитъ въ нашъ градъ.

Душевно преданный Вамъ съ глубокимъ уваженіемъ П. Лебединцевъ.

19 марта 1883 г. Кіевъ.

---

27 марта, 1873 г. М. Гора.

Въ день св. Благовѣщенія получилъ я достолюбезное писаніе ваше, многочтимый и многолюбимый мною Петръ Гавриловичъ!—Благодаря вамъ, а черезъ васъ и г. Гріельскому, теперь я знаю, въ чемъ состоитъ будущее владѣніе мое,—и восемь десятинъ его, подъ *водою* сущихъ, радуютъ меня, что оно—не безводная степь. Вижу, что мнѣ прійдется поступить по вашему слову, отложа южный берегъ Крыма до иного времени, когда совсѣмъ уже устроятся дѣла мои житейскія въ Балтѣ и здѣсь. Подправить хотя нѣсколько свое здоровье приходится мнѣ на кіевскихъ минеральныхъ водахъ, водворясь бивачно въ какой-либо сосѣдней гостиницѣ, если не найдется тамъ спокойной квартирки у кого-либо. Но самый пріѣздъ мой въ Кіевъ можетъ быть тогда, какъ уже рѣшится, наконецъ, давнее, истомившее меня и опротивѣвшее мнѣ дѣло о полученіи наслѣдства, состоящаго въ 2,100 р., которые давно уже, по прошенію моему въ Михайловское (ряз. губ.) полицейское управленіе, оно переслало въ Золотоношское, для удобнѣйшаго тутъ полученія мною. Но мой присяжный повѣренный, г. Квачевскій, которому я уже переслалъ всѣ документы и справки, какихъ требовалъ онъ отъ меня для ходатайства о моемъ дѣлѣ въ Окружномъ судѣ, еще не могъ начать его, понеже—затормозилась выдача ему метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи моемъ (1804 г.) и брата Виктора (1810 г.), о нихъ же было мое формальное прошеніе и частное письмо, въ началѣ февраля, къ преосвящен-

ному нашему архипастырю, къ которому я вчера еще писалъ благодарственно за его. умилившее меня, прелюбезное писаніе и присланіе, съ выраженіемъ его добрѣйшаго, непреходящаго обо мнѣ памятованія и пастырской любви.—Пусть будетъ, какъ сбудется!—Комедію о метрическихъ свидѣтельствахъ перескажу вамъ, при нашемъ личномъ свиданіи въ Кіевѣ; а въ Кіевъ я непремѣнно буду во *второй* половинѣ *мая*, если бы даже и не кончилось къ тому времени оное дѣло мое въ *Полтавѣ*, столь противной душѣ моей, что я и донынѣ въ ней не былъ ни разу,—что не захотѣлось мнѣ видѣть ее даже въ 1850 г., когда я находился въ 30-ти верстахъ отъ нея, будучи въ гостяхъ у Гоголя, когда предлагали мнѣ прокатиться туда отправлявшіеся сутокъ на двое родичи Гоголевы...

Что касается до Кіева, то для меня еще преждевременно обзаводиться въ немъ постоянною квартирою; дума и дѣло о томъ могутъ быть—съ наступленіемъ сентября. А потому и прежняя ваша квартира въ д. Сухобрусова—пусть достается другимъ жильцамъ. Мнѣ она и не нравится: словно придавлена, угнетена верхнимъ этажемъ. Я и вамъ тогда—если припомните—желалъ болѣе возвышеннаго отъ половъ, болѣе просторнаго и свѣтлаго обиталища.

Сплю и вижу, чтобы съ наступленіемъ будущей осени обзавестись въ Кіевѣ постоянною квартирою, гдѣ-бы я могъ на исходѣ вѣку, до конца его, угнѣздиться и расположиться съ своими книгами и прочею бумажною рухлядью. Славную половину ихъ оставлю въ достояніе общественное послѣ себя. Въ той квартирѣ желалъ-бы я себѣ, для кабинета и логовища, возможно просторной и высокой горницы, сухой, и на зиму теплой; другая горница—гостинная, тоже не малая; третья, хотя и малая, для временнаго въ зимнее время посѣщенія меня жены и дѣтей; да четвертая—прихожая, съ ширменнымъ отдѣломъ для служителя.—Найдется-ли такая квартира мнѣ гдѣ-либо, на пространствѣ между Софійскимъ дворомъ и университетомъ? Увидимъ.

Моя Марья Васильевна будетъ въ Кіевѣ 30 и 31-го марта и доставитъ вамъ лично этотъ листокъ мой;—помолится она обо мнѣ немощномъ и въ нынѣшніе дни—у св. Софіи, и привезетъ сюда на свѣтлопраздничную вакацію нашего Алексѣйка Прошу васъ вспоминать меня, въ двѣ великія седмицы, въ святыхъ молитвахъ своихъ! Вседушевно преданный вамъ М. Максимовичъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Приношу Вамъ душевную благодарность и за Ваше всегда чтимое мною посланіе, и за Ваши книжицы, всегда мнѣ дорогія, равно какъ и другимъ южноруссамъ. Опись лавры хотя и безъ Вашихъ примѣчаній напечатается, но будетъ считаться по редакціи Вашей, ибо Вамъ она отъ меня поднесена. Во всякомъ случаѣ обнародованіе сего документа, хотя и въ голомъ видѣ, необходимо. А. Ѳ. Бычковъ совѣтовалъ мнѣ издать сборникъ историч. статей, помѣщенныхъ въ Кіев. Еп. Вѣдомостяхъ. Оно конечно хорошо бы, да какая будетъ выручка? Возвратится-ли затраченный капиталъ?

Ваши замѣчанія о бывшей моей квартирѣ вѣрны; я забылъ уже ея неудобство отъ низменности потолка. Если услышу о квартирѣ, подходящей подъ Ваши требованія, то сообщу или намѣчу.

Богъ да укрѣпитъ Ваши немощи молитвами Маріи Васильевны, позвонившей у моихъ дверей и явшейся было бѣгу послѣ врученія Вашего письма, но по моей просьбѣ удостоившей посѣтить мою квартиру хотя на нѣсколько минутъ; кажется, это можно считать первымъ еще нашимъ знакомствомъ, ибо не могу я считать знакомствомъ совершенное мною помазаніе ея елеемъ въ Соф. соборѣ, когда я только по присутствію Алексѣйка догадался, что имѣю честь видѣть Вашу супругу.

Духов. власть начала избивать докторантовъ своихъ: забастовали Янышева и Хрисанѳа, затормозили Филарета и проф. каз. Академіи Знаменскаго. Если сіи недостойны или лучше не православны, то что студенты? Аще въ суровѣ древѣ сіе творится, въ сусѣ что будетъ? Покойнѣе быть православнымъ магистромъ (?) чѣмъ попасть въ еретики.

В. Антоновичъ полагаетъ Кіев. Звенигородъ подлѣ Хотова, а я говорю, что это не совсѣмъ по дорогѣ, скорѣе въ Будаевкѣ, на пути, который идетъ отъ Шулявки къ Василеву справа почтовой дороги и котораго поднесь придерживаются мужички, какъ болѣе удобнаго и менѣе песчаного. И тамъ и здѣсь городище.

Дай Богъ Вамъ встрѣтить и радостно провести свѣтлый праздникъ

Душевнопреданный Вашъ П. Лебединцевъ.

31 марта 1873 г. Кіевъ.

2 апр. 1837 г. Мих. Гора.

Вчера, подъ исходъ дня, я обрадованъ былъ пріѣздомъ изъ Кіева моихъ Михайлогорцевъ и вашимъ посланіемъ, съ приложеніемъ новой свѣтописной ипостаси вашей, дражайшій Петръ Гавриловичъ?!... Благодарю многократно за все, за все ваше дружеское вниманіе ко мнѣ престарѣлому труженику!

Сегодня—въ базарный здѣсь день—такъ заторочили мнѣ голову, что я не силахъ уже написать вамъ ничего, что на разсвѣтѣ роилось въ головѣ моей сказать вамъ о нашей достолюбезной кіевской старинѣ и древности. Вспомяну развѣ, что о погребеніи Кн. Глѣба Всеславича въ Печерской церкви при гробѣ пр. Θеодосія упоминается не только въ Пат. I. Тризны, но и въ Тератургимѣ.

О подкіевскомъ *Звенигородѣ* вопросъ былъ мною поднятъ въ Москвѣ 1858 года, въ спорѣ съ Бѣляевымъ, и потомъ съ Погодинымъ, о мѣстѣ ослѣпленія Василька. И думать нечего, что его скорѣе надо предположить въ *Будаевкѣ*, чѣмъ въ *Хотовѣ* (удивительная несообразительность!). Но въ моей посылочкѣ бандерольной, съ этою-же почтою посылаемой, найдете вы первоначальную догадку или загадку мою, что оный городишко былъ—на р. Ирпени, въ *Дзвонковой*. Тамъ могло быть, на полудорогѣ къ Василькову, благонадежное перепутье для сбора воевъ Кіевской области въ походъ къ Василькову, и обратно оттуда въ Вышгородъ, не заходя даже въ Кіевъ.—Утвердительно просилъ бы я Вл. Б. Антоновича отречься отъ пріуроченья онаго Звенигорода—къ Хотову!—А вотъ что неоспоримо, что *Желань* есть *Желяне*, до сего дне такъ нарицаемые,—и что не разуменъ будетъ тотъ исторіографъ, который, подобно Берлинскому и Закревскому, не признаетъ этой мѣстности исторической, угаданной еще здравымъ смысломъ исторіографа Карамзина.

Объ изданіи сборника историческихъ статей въ К. Е. В. я раздѣляю выше сомнѣніе, не плакали бы денежки, на ихъ напечатанье истраченныя.—Подождать еще надо, какъ означать себя грядущіе годы сего десятилѣтія.

Сегодня отсюда послѣдняя надежная земская почта на Золотоношу; а потому я, благодаря васъ за вниманіе дружеское къ семейству моему, разстаюсь съ вами дней на десять, прося вашихъ молитвенныхъ воспоминаній, при богослуженіяхъ вашихъ въ Софійской церкви, о многонемощномъ еще и съ наступленіемъ апрѣля мѣсяца, сердечно любящемъ васъ и почитающемъ Михаилѣ Максимовичѣ.

P. S.—Говорятъ мнѣ, что теперь уже 3 четверти четвертаго по-полудни; пора же уже и за обѣдъ приняться, кто пробудился еще до восхода солнечнаго. Будьте здравы, свѣтлы духомъ на всѣ дни свѣтлопраздные!

Этимъ письмомъ и заканчивается переписка. Лѣтомъ 1873 г. Максимовичъ видѣлся съ Лебединцевымъ въ Кіевѣ, а потому переписка была не нужна; когда же онъ возвратился на Михайлову Гору, то начался послѣдній періодъ его болѣзни, вслѣдствіе чего переписка не возобновилась. Въ бумагахъ покойнаго П. Г. Лебединцева мы нашли только коротенькую записочку отъ 29 октября М. Товбычъ [1]), писавшей Лебединцеву съ Михайловой Горы, по порученію Максимовича, что «онъ очень желаетъ Васъ видѣть и проситъ, чтобы Вы поспѣшили его навѣстить», при чемъ отъ себя М. Товбычъ добавила: «и я прошу Васъ покорнѣйше поспѣшить, потому что онъ бѣдный очень боленъ и всякій день Васъ ожидаетъ; ему очень худо». А 14 ноября написано было Лебединцеву письмо М. В. Максимовичъ, которая извѣщала его, «что мой дорогой Михаилъ Александровичъ умеръ 10-го ноября въ половинѣ второго дня, а хоронили моего дорогого друга 12-го».

Сообщ. **В. Науменко.**

---

[1]) Марѳа Вас. Товбычъ—сестра жены М. А. Максимовича.

Буде паномъ.

Лавринъ Козубъ литъ 12 служыть на зализныци кондухторомъ. Уси ёго колышни товарышы уже давно «оберы», а винъ тильки у останни часы «исполняе» та й то на товарному. А все черезъ що? Разъ те, що не вміе винъ клапятысь начальству, а вдруге— мала ёго наука. Колы по дорози збиралы статистычни видомосты, Лавринъ запысавъ—«домашнёи освиты». А се, бачте, було трохы инакше, та Лавринъ не хоче оповидаты. Вчывсь винъ у дячка одну зиму. Дякъ лежыть на печы, бо у хати холодно, а вченыкы—ихъ трое—на лави, узброени велыкымы указкамы. «Азъ!» гука дякъ зъ печы. «Азъ!» репетують ученыкы, дывлячысь на дякови чоботы. «Букы», гуде наче зъ комина, «виды».

Оттака та наука.

«Якъ умерла моя маты, розсказувавъ Лавринъ своій жинци, то батько звелилы мени псалтырь чытаты надъ нею. А я зовсимъ забувъ! Що ёго робыты? Бабивъ повна хата... Отъ я й почавъ швыденько торохтиты, що выгадаю. Поторохчу тамъ скильки хвылынъ, а потимъ голосно: «Господы помылуй, Господы помылуй»... Бабы ажъ уприваютъ, бьючы поклоны, та похваляютъ мене, що такъ добре, выразно чытаю».

Вже жонатымъ трохы наломывся винъ пысаты; такы справди трохы, бо не що-разу прочыта те, що напыше. А попередъ нижъ напысаты яку литеру, Козубъ замахнется разивъ пьять, наче въ паци грае.

Отто вамъ и «домашня освита»

За таку освиту винъ и «йисть дрыжакы», бо лыха та служба стояты на тормази, колы и морозъ и витеръ разомъ вытають подорожнёго.

У ёго четверо дитей—тройко дивчатъ и одынъ сынъ. И «невыгласъ» же той сынъ! А проте вчытся въ повитовій школи добре. Якъ що батько й зве ёго и «дрючкомъ» и «ломакою», то це тильки для того, абы Йваня «не розопсивъ». Заклопотаный Лавринъ; усе думае, куды дытыну виддаты, у яку школу. Чы нехай кончае повитову, чы такы заразъ виддаты до техничнои школы. Се ёго давня, люба мрія—техпычна школа. Звидты, абы кончывъ, заразъ на машыну беруть, а черезъ рикъ, два—«машынистъ»... У думци винъ докладно переличуе, яки велыки грошi заробляють машынисты. Йистыме сынокъ хлибъ, буде й до хлиба; та й батькови старому буде прытулокъ. Ось же подумайте: жалування 50 кар., верстовыхъ линуючысь выйиздышъ на 50 кар., а ще жъ «премія» за дрова, угалля, то що... Бильшъ сотни карбованцивъ! «Нехай мени не поталаныло, то хочъ диты людьмы будуть», дума Лавринъ.

Козубъ жыве у злагоди зъ «брыгадою», бо винъ не такый, якъ инши жмыкруты-оберы, що потай видъ товарыства позбирають грошы зъ слипакывъ, а брыгади набрешуть. Ни, у ёго иншый звычай. Слипакы—се манна небесна: колы йе, а колы бигма; имы на товарному пойизди багато не заробышъ, не одкладешъ на хазяйство; тому найкраще у купи зъ брыгадою пропыты сю выпадкову копійчыну.

Отъ и сёгодня, заразъ якъ Лавринъ вицписъ рапортъ до начальства, уся брыгада гуртомъ посунула до Хаймыды, що держыть шынокъ саме коло вокзала.

— «Чулы, Лаврине Петровычу, спытавъ молодшый кондукторъ свого обера,—Рубцеви скынулы пьятёрку»?

— «Ни... А за вищо»?

— Э, ни за що! Васильковській давно на ёго лютый, а до того заразъ писля Велыкодня у ёго брыгади разъ не було одного

тормазного: выпылы, ну десь и загубылы коло буфета, а тутъ контроль.

— Дурный Рубець! У мене гиршъ бувало, та й то ничого. Обыдва тормазни и на станцію не прыходылы. Чую—у дижурній гомонять: на станціи N контролеръ буде; а я вже прыйнявъ вси документы, пидпысавъ що треба, отъ-отъ-о йихать. Уже й свыстка давъ, а моихъ нема. Що робытымешъ? А тутъ слипакы просятся. Сидайте, кажу, на тормази. Одному давъ свое литне пальто, другому поясъ и капелюхъ, фынари. Звеливъ, щобъ сказалы контролю, що недавно служать на цёму участку. Знаете, якый контроль: зійшло! Попереду було якось зручнійше.

Ось и Хаймыда. Брыгада, наче у своій хати, зайшла ажъ у самый кинець будынку, розташувалась коло столу. Незабаромъ выпылы по першій и охоче заходылысь закусуваты. Гомонилы гуртомъ, не дуже дослухаючысь одно другого; уважнійшъ слухалы тильки обера, бо якъ хочте, а все такы винъ начальство. А Лавринови давно кортыть погомониты на свою любу тему про те, якъ винъ сеи осены виддасть сына до технычнои школы,— ось дайте прычепку. Прычепка знайшлась дуже швыдко: Лавринивъ помищныкъ, довгый рудый чоловикъ, дуже охочый до сну, ставъ лаяты кондукторську службу.

— И яка се служба! Не зйисы до смаку, не выпъешъ у свій часъ; уставай опивночы, тягайся съ фынаремъ по станціи, лазь пидъ вагонамы. Та вы, обере, знаете,—здавна служыте!»

— Знаю, знаю. Тому й хочу вывесты сына въ люде. Се такы добре, що зъ насъ не беруть грошей за вчення въ технычному вчылыщи. Не люблю я тыхъ батькивъ,—додавъ Лавринъ дали,—що все переводять на себе, а дитей старцямы зоставляють.

Рыпнулы дверы. Увійшовъ Лавринивъ кумъ, Пицъ, що служыть стрилошныкомъ. Ёго сталы частуваты, прысоглашаты до розмовы.

— Отъ, порадьте куме,—звернувсь до нёго Козубъ,—чы не виддаты мени вашого хрыщеныка до технычнои школы. Тамъ такый башковытый! По совисти, то Козубови байдуже було, що кумъ порадыть. Ёму бильшъ усёго хотилось похвалытысь передъ

тымъ, що ёго дытына скоро паномъ буде. Хай, мовлявъ, визьмуть кума завыдкы. Кумъ бачывъ, куды витеръ віе, и пибы справди щыро ухвалывъ сю думку. Лавринъ хотивъ за таку щыристь подякуваты Пицови:

— «А чому-бъ тоби не виддаты разомъ и твого Андрія, га?»—промовывъ винъ.

— «Чому?—перепытавъ Пицъ, и въ очахъ ёго вже свитылась усмишка,—тому, що я виддавъ ёго до гимназіи у Кыивъ! Жыве тамъ у брата и жытыме. Дасть Бигъ, кончыть гимназію, та и въ унышерситетъ пиде; а тамъ и самъ буде вчытелемъ у гимназіи, отъ якъ»!

— «Опъ якый ты»,—наче байдужно сказавъ Лавринъ, а тымъ часомъ у думци почувавъ себе дуже ображенымъ. «Що воно таке! Стрилошныкъ, мае 12 кар. що мисяця, а дывиться, якъ пнется? Отъ ще й справди Андрій буде вчытелемъ... Невже-жъ мій Иваня чымъ поганьшый?»—спувалы гадкы у трохы спьянилій ёго голови.

Розмова перервалась, ухылылась на иншы темы; Лавринове облыччя выявляло досаду и стурбованнисть. «И якъ то такъ вийшло, що я й не подумавъ про гимназію?»—нарикавъ винъ у гадкахъ. «Мабуть що гимназія такы выща за технычне вчылыще».

Брыгада писля горилкы надолужувала пывомъ. Гоминка була така поплутана, що годи прыслухатысь; настрій робывся веселымъ, выбухувавъ голосною лайкою, роскотыстымъ реготомъ. Нарешти распочалась кумедна писня:

«Щепетытельный вопросъ
Кандухтóры и матросъ...

Іи спивано на голосъ салдацькыхъ, въ униссонъ одно одному, але ладу якось не було.

«Иване?»—сходячы зъ ґанку, гукала свого сына Лаврипова жинка, Марта. Вона дывылась у той бикъ двора, де не було ніякои огорожы, а темнивъ велыкый яръ, що зарисъ густымъ бурьяномъ, лозою, вербамы, и де, якось ненарокомъ, бовванивъ ве-

лычезный дубъ. Марти довелося гукнуты тричы, й тоди тильки почула вона, що десь далеко триснула лиса, щось гукнуло, зашамотило мижъ лопушыннямъ. Черезъ хвылю у двиръ убигло кругловыде хлопья, одягнене у сорочечку, убгану у куци штанци. Иванъ, не доходячы до матеры ступнивъ на десять, спынывся, бо зъ чымалого власного досвиду знавъ, якъ то гирко бувае, колы втратыть можлывисть утикты.

— «Чого вамъ?»—запытавъ винъ несмилыво.

— И де ты, лобуре, гасаешъ день-у-день, що тебе й не догукаешся? Хочешъ, мабуть, «робынзоныть», якъ Парасчына Одарка? Гляды, лышень, щобъ и тоби такъ не було, якъ ій»!

Иванъ бувъ напоготови даты драла, бо добре знавъ Одарчыну прыгоду. Та про се увесь кутокъ зна, бо прылюдно діялось. Пишла кудысь Одарка зранку, та й нема іи до вечора. Отъ маты пидстерегла доньку ще на вулыци и дуже іи выбыла, прыказуючы: «я тебе навчу «робынзоныть», я тебе»... То теперъ уси кутчане лякають дитей сымъ словомъ.

— «Клычъ сестеръ, нехай йдуть вечерять, бо батько дома и жде васъ»,—звелила Марта и зайшла у хату. Иванъ побигъ шукаты сестеръ, розмахуючы новымъ ципкомъ. Винъ ёго вырizавъ сёгодни у провалли и вже марыть, якъ завтра уранци обыграе у цуркы свого прыятеля Панька. Передъ вечерею ципокъ бувъ схованый десь у синцяхъ пидъ усякымъ громостомъ видъ злодія, наче бо'зна якій скарбъ.

Отъ и вечеря. Диты счыняють лементъ, бо бачать, що батько веселый, не гриматыме. Лавринъ розсказуе Марти, що на другому кинци свого участка бачывся зъ кумомъ, що той хвалывся, яка добра картопля уродыла на ёго городи, заклыкавъ до себе погостюваты. «А нуте,—звернувсь винъ до дитей—«Йваня, Улянко, засмійтесь»! Ти охоче вволылы батькову волю.

— А у нашихъ дитей, Марто,—пояснывъ винъ жинци,—окуратненьки роты, се по усмишци зразу выдко. Ты бъ глянула на кумыного Андрія—тамъ таке жабеня! Вже зроду не помылышся, що не панського воно кодла. Йваня,—казавъ винъ дали—завтра я поведу тебе опрыдиляты въ гымназію. Хочешъ? Щобъ мени не

липувався, вчывся пыльно—папомъ будешъ... Батько на васъ, диты, ничого не жалуе, може такы на старисть складете подяку!»

— «Чы ты не здуривъ часомъ, Лаврине?»--здывувалась Марта,--«чы у тебе скрыни грошей, чы що? Зъ чого настачышся? Тамъ же-жъ и одежынку треба, и кныжкы, и платыты за вчення, а дома робыты дило за нёго. Ось не дурій, старый»!

— Що ты знаешъ, дурна баба! Будуть гроши! На сёму тыжни намъ прывезуть казённи кожухы, валянкы, башлыкы. Я обглядивъ,—у мене и старе ще добре; а помишныкъ просе, чы не продамъ ёму, бо винъ ще годивъ зо два не получатыме, не вы-служывъ. Оть и гроши. Укукобымо Йваню у «форму», а тамъ подумаемо. А ты, Марто, жывы скупійшъ, то й будуть зайви гроши».

— Забажалось мерзлого въ Петривку! Та вже хай твое зверху. Лягайте, диты!

— Ще рано,—перепынывъ батько. «Нехай мени заспивають, тай ты слухатымешъ».

Якъ то любыть Лавринъ спивы! Винъ якъ пиде до церквы, то стае биля крылоса, щобъ пидтягуваты, и завжды коло пра-вого, бо на ливому таке верзуть, тилькы въ грихъ уводять. И дитей паломывъ у гурти спиваты, за рукой дывытысь.

Диты посидалы на кровати урядъ, а батько проты ныхъ на ослинчыку. Сей вечиръ Лавринъ дуже налягавъ на найулюблену свою писню.

Диты мои, диты,
Рожевыи квиты—
Вы у моёму саду
Щебечете до ладу.

Довго свитылося у хати надъ проваллямъ, ажъ сусиде ды-вувалыся, чого то Козубы не лягають спаты. А про те й не га-дають, якъ то швыдко часъ плыне, колы передъ очыма у чоло-вика яскраво зазоріе надія, выклыче ёму пышни малюнкы бу-дуччыны, геть усуне буденни турботы.

Пробигъ мисяць. Довго его памьятатыме Йванъ, бо чы й зазнае колы ще такого свята. Заразъ писля испытивъ, якъ було прочытано, що Йвана Козуба прыняли у першу клясу, батько повивъ его до камьяныхъ крамныць и купывъ картуза зъ гербомъ. Иванови здавалося, що вси дывлятся на нёго, бачать, що винъ сёгодни зробывся панычемъ, и ёму було и соромно и такъ весело, що сами губы складалыся въ усмишку. Эге-жъ! Ось и перекупкы клычуть: «панычу, возьмить у мене на почынъ бублыкивъ—дешево дамъ»! А попереду—то було гукають: «малый, бижы до мене»!

И на кутку пошана: хлопци прыйнялы граты «зъ паця» (се бачте, уси ставляють на кону по «пари» пацивъ, а винъ тильки «паця», бо не було бильшъ); а якъ проигравъ того паця, то Панько прысогласывъ—«грай за мене!», хочъ и знавъ, що така спилка ёму не дуже на корысть выйде. А якъ булы на майдани, то Павло (губошлёномъ дряжнять) давъ Иванови подержать свого змія зъ гуркаломъ. Зате-жъ и Иванъ дававъ хлопцямъ роздывлятысь, чы шкурятяный, чы зъ кардону козырёкъ въ его картузи; винъ навить не боронывъ имъ прыдягнуты, щобъ попробуваты, чы зручный «шкурятяный» козырёкъ.

На другый день, заразъ якъ изъ пойизда, Лавринъ повивъ сына до «кравця замовляты блюзу, штаны и «мундыръ». Головною умовою було—«до вивторка скинчыты».

У вивторокъ Иванъ, одягнутый въ усю «форму», що такъ прыязно блыщала золотенькымы кгудзыкамы, йшовъ зъ батькомъ у «дворянську» баню. Знаете, що то таке «дворянська» баня? Казённа вакзальна баня топытся двичы на тыждень—у суботу и у вивторокъ; отъ же въ суботу мыются пыжчи служащи: стрилошныкы, слюсары, нагружчыкы й инши; а у вивторокъ—вышчи, то-бъ-то «дворяне». Кондукторы, хочъ и «ныжчи», або якъ воны звутся—«пойиздна прыслуга», але имъ прывилегія, бо-жъ иноди воны не можуть потрапыты у суботу, то дозволено и у вивторокъ Лавринъ ходе тильки по вивторкахъ, бо тоди немае «мужланивъ», не чуты смороду ихнихъ портянокъ и менче московськои лайкы.

У прыбаннyку пара, мовъ туманъ, застылала одягнутыхъ и роздягнутыхъ людей. Лавринъ бережно за руку провивъ сына у выгиднійше мисце до викна, помигъ ёму роздягнутыся и поклавъ высоко на полыцю капелюха гербомъ впередъ, такъ що знаты було «N. Г.»

Де-хто зъ «обеоривъ» зразу помитывъ гимназиста коло Лаврина и, дывуючысь, поспытавъ: «чы не твій се сынъ, Козубе»? Мета була осягнута!...

Сёгодни воны мылысь довше звычайного, ажъ покы хлопець не вчадивъ и не почавъ плачучы прохатысь до-дому.

Та й яка дорога «форма»! До кожуха та валянокъ Марта прыклала свои дивочи оздобы: разкивъ пьять буйного коралю— «доброго намыста» и срибни дукачи. Навищо воны ій теперъ? Этъ, однаково, що дома у прыскрынку, що у Хаймыды у схованци, бо-жъ Уляна ще мала.

А такы,—осычына ёму гирка!—не выстачыло на кныжкы, але то ничого, не въ тому лыхо. И справди, на другому тыжни инспекторъ звеливъ зъявытысь усимъ у мундырахъ, зъ кныжкамы и зъ усимъ потрибнымъ учеnыкови прычандаллямъ. Середъ класу биля столу сивъ инспекторъ зъ двома надзырателямы. Сталы выклыкаты. Коженъ пидходывъ до столу, прыносывъ усе свое збижжя й роскладавъ на столи. Инспекторъ дуже гостро прыдывлявся, чы йе напысъ на козырку, чы дебела бляха; смпавъ за реминци ранця; личывъ кгудзикы на мундырахъ, котрыхъ повынно було буть обовьязково девьять и котри тыслысь иноди такъ густо, якъ на гною гадючкы, або печерыци. Було и такъ, що инспекторъ пучкою мирявъ, чы не дуже довге волосся, зазыравъ пидъ полы и въ кышени и за малымъ не вывертавъ хлопця, якъ панчоху. Але-жъ покы дійшла черга до Ивана, винъ вже мавъ уси кныжкы, олывци, каламарци й иншый «струментъ». Товарышы навить дозволылы зробыты напысы на палятуркахъ, нибы то ёго кныжкы, звычайно олывцемъ, щобъ потимъ вильно було стерты. Оттакъ и зійшло.

Не чуе Йванъ лыха, щыро берется коло свого дила. «Вы-бъ глянулы,—хвалытся людямъ Марта,—яки въ нёго буквы, наче

насиннячка. Нехай хочъ и выженуть, то хлибъ йистыме». Теперъ винъ дома не попыхачъ. Онъ батькови перепысавъ «Докладную запыску», та й ще не разъ стававъ у прыгоди. А онъ за що Лавринъ подарувавъ ёму свій старый гаманець. Якось знову стрився Козубъ зъ Пицомъ. Маючы дитей по гимназіяхъ, воны обыдва почувають себе освиченымы, а тому заразъ и счепылысь. Пицъ розсказуе: «мій сынъ уже «лепетыторомъ», а Лавринъ тутъ же прылюдно выправляе ёго: «не лепетыторъ, а репертыторъ треба казаты». Зъ того й посварылысь. И що-жъ?? Иваня и се знае и тежъ каже «репетыторъ», бо на Лавринову думку зовсимъ не чутно ніякои рижныци видъ зайвого «р». За це й дарунокъ.

А лыхо наблыжалось. Одного дня у класи було прочытано, хто не прынисъ грошей за вчення, а инспекторъ додавъ, що черезъ тры дни выжене всихъ неокуратныхъ. Иванови звелено нагадаты про це батькови: хай не барытся та прыносе гроши, якъ се уже казано у перши дни, колы брато «подписку».

Иванъ переказавъ.

Ранокъ. У коридори биля «инспекторской» кимнаты сыдыть Лавринъ на довгій, наче покутній ослинъ, скрыни для ховання колошъ. Винъ жде десяты годынъ,—тоди ёго поклычуть до инспектора. Нудно тягнется кожна хвылына, здается не диждаты тыхъ десяты годынъ. Але се тильки такъ здается Лавринови, бо не спокійно ёму на серци, «не буде дила»—вищуе ёму думка.

— «Пожалуйте!»— заклыкалы Козуба. «Що маете казаты?»— пыта ёго инспекторъ, гладкый, высокый, зъ насмишкуватымъ поглядомъ ажъ по-за двома парамы окуляривъ. Тремтяче, поплутаною мовою почына Лавринъ выкладаты свое прохання. Винъ просе узяты заразъ 11 карб., а остання 9 пидождаты до другого мисяця; винъ запевняе, що акуратно сплачуе довгы; що ёму можна пойняты виры...

Спершу инспекторъ ёго не розуміе; ажъ ось винъ почына чухаты свою кострубовату бороду—се погана ознака, казавъ батькови Йваня, и Лаврина пойняло холодомъ:—«Що вы?»—го-

лосно, на всю кимнату, почына инспекторъ. «Ніякъ не можно! Такыхъ прыкладивъ не було. Сёгодни гроши одправлятымутся до казначейства,—невже-жъ я власни докладатыму»? Лавринови й не сказаты якъ соромно; ёму здается, що голосна инспекторова гоминка мае метою звернуты на нёго увагу всихъ учытеливъ, пидняты на глумъ.

По дорози до-дому у голови Лаврина коилось щось незвычайне: думкы, якъ ти полёвы конықы зъ-пидъ нигъ подорожнёго, стрыбалы у-ростичъ,—шурхне и зныкне. И все якись недодильни: то майне надія на нагороду, хочъ Риздво ще бо'зна де; то—чы не прышле квартырантъ за батькову сильську хатыну, хочъ плата йшла впередъ на пивъ року и треба було ждаты й ждаты...

«Чы не порадытысь зъ Мартою?»—надумавъ винъ у останне и на сёму спынывся.

Марта справди параяла добре: «Ты-бъ, Лаврине, пишовъ та позычывъ у Довженка—у ныхъ одынъ сынъ, то, мабуть, складають гроши».

Лавринъ зрадивъ та задарма, бо Довженко не тильки не позычывъ, а ще й насміявся: «И що вы соби думаете, Козубы? якъ уси будуть панамы, хто-жъ греблю гатытыме»?

Ще Козубъ бувъ на тому боци проваллн, а вже по ёго ходи и похнюпленій голови Марта вгадала, що іи чоловикъ вхонывъ шыломъ патокы.

— «И чого це ты, невигласе, нарядывся, якъ чырка на болячци?»,—мокрымъ рядномъ напалась вона на сына, що не пишовъ до школы, але одягся, якъ звычайно, у форму.

— «Годи панить! Знимай блюзу та йды доглядаты мени жлукта! Чуешъ»?

Иванъ Труба.

Кіевъ въ 1654—1855 гг.

(*Окончаніе* [1]).

XVIII.

Близкіе свидѣтели совершившихся перемѣнъ въ Ю. З. краѣ говорятъ, что «никто изъ предшественниковъ Бибикова по управленію краемъ не могъ понять тогдашняго его положенія, обнять всѣхъ нуждъ его и принять соотвѣтственныя мѣры... Отличительными свойствами всѣхъ его начинаній и мѣропріятій были: широта и смѣлость замысла, глубина взгляда, быстрота и рѣшительность дѣйствій; твердое и непоколебимое выполненіе однажды задуманнаго»; а, обладая «могучимъ и сильнымъ характеромъ», онъ «платилъ дань времени», когда не стѣснялся въ выборѣ «формъ и способовъ въ достиженіи своихъ цѣлей». По этому поводу сложилась своего рода анекдотическія сказанія. Ему ничего не значило, если «отцы города» во время холеры 1847—1848 дѣлали затрудненія въ предоставленіи контрактоваго дома, гдѣ веселились ихъ семейства, больнымъ, напомнить о возможности осуществленія этого требованія черезъ полицію [2]; но онъ не могъ измѣнить

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 11.

[2]) «Въ уѣздахъ полиція была всемогуща: ей былъ предоставленъ обширный кругъ дѣятельности и въ вопросахъ политическаго харак-

глубоко укоронившихся нравовъ, хотя доходили до него слухи, что его ближайшій подчиненный всѣмъ распоряжается по своему. «Нерѣдко канцелярская обстановка представлялась мнѣ искусно сплетенной паутиной, которою главный дѣятель опутывалъ главнаго начальника; но, съ другой стороны, зная твердый характеръ непреклонную волю и замѣчательный умъ Бибикова, я не могъ объяснить себѣ такой возможности» [1]). Хотя онъ старался не доводить опасность до ея крайнихъ послѣдствій и тѣмъ нерѣдко

тера совершенный произволъ... Въ городѣ порядокъ и чистота небывалые, но и здѣсь полиціи предоставленъ такой просторъ, какимъ она не пользовалась въ другихъ городахъ... Разъѣзжая на тройкѣ, въ сопровожденіи двухъ конныхъ полицейскихъ.... старшій полиц. (кол. ассес. Голяткинъ) чинилъ расправу непосредственно... По ночамъ постоянно ходилъ обходъ, разъѣзжали конные патрули... Цѣны на всѣ предметы потребленія были самыя умѣренныя, монополія преслѣдовалась, базаръ и торговыя помѣщенія содержались превосходно» (Зап. П. Д. Селецкаго, К. Стар., 1884, т. X, 87, 89; ср. Ист. Вѣстн. 1901, № 9, с. 814; № 10, с. 51).

[1]) Записки П. Д. Селецкаго (К. Стар., 1884, т. X, 82—103); зап. Э. И. Стогова, бывш. дежурн. штабъ-офиц. (Р. Стар., т. CXV, 385—385), впрочемъ многорѣчивыя и хвастливыя; зап. Н. И. Мамаева, быв. слѣд. по полит. дѣл. (Ист. Вѣст. 1899, т. LXXXV, стр. 800—826; LXXXVI, 46—72, 428—470, 861—876; Кіевъ и дѣла на Волыни); Къ характ. Д. Г. Бибикова, воспом. кіевлян. (К. Стар. 1882, III, 61—80); Обозр. Кіев., Под. и Волын. губ. съ 1838—1850 г. (Р. Арх. 1874, III, 1—42 и др., см. ниже). «Бибиковъ хорошо говорилъ и читалъ пофранцузски и по нѣмецки, но правильно писать не могъ ни на одномъ языкѣ. «Не удивляйтесь этому, сказалъ онъ мнѣ однажды меня вѣдь учили на мѣдный грошъ» (Зап. Селецкаго», 82—90), какъ и часто тогда случалось. «Человѣкъ великихъ природныхъ дарованій, но безъ научнаго образованія», замѣчаетъ другой современникъ (Автоб. зап. ф. Брадке, 1875, Р. Арх., т. I, с. 282). Его замѣчательная библіотека (до 14000 томовъ) была пожертвована недавно его дочерью унив. св. Владиміра. О прав. канц. Писаревѣ (ib. 86—90); Мамаевъ, 60—61; ѣдкое замѣчаніе гр. Бутурлина (Русск. Арх., 1897, № 8, с. 586—587). Ср. еще зап. А. А. Солтановскаго (К. Стар. 1892, № 5, с. 232—36 и № 6, с. 420—422); а также Р. Арх. 1884, III, 42.

предупреждалъ необходимость болѣе суровыхъ мѣръ (впослѣдствіи поляки говорили: «ten karał po ojcowsku» [1]); но привлечь поляковъ къ службѣ ему не удалось [2]). На это обстоятельство имп. Николай обратилъ вниманіе въ 1848 г. Разсмотрѣвъ списки дворянъ Кіевской, Подольской и Волынской губ., которые въ возрастѣ 16—30 лѣтъ не служили, онъ предложилъ Комитету мин. сообщить, какія мѣры должно предпринять къ отклоненію такого преступнаго направленія дворянства въ томъ краѣ; но первоначально спрошено было мнѣніе Бибикова, который далъ такой отзывъ: «Оно (дворянство), по его словамъ, состояло изъ двухъ разрядовъ: 1) стариннаго высшаго дворянства, которое пріобрѣло о время польскаго неустройства разныя права и незнало надъ собою никакихъ законовъ, и 2) дворянства низшаго, обра-

---

1) Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова (Кіев. Стар. 1882, III, 61—80).

2) Между тѣмъ, по донес. ген.-губ. Желтухина, «многіе помѣщики Кіев. губ., избѣгая дѣйствительной службы, но желая имѣть между дворянами какой-нибудь почетный титулъ, весьма часто, по связямъ, пріобрѣтаютъ званія предсѣдателей главнаго суда и повѣтовыхъ маршаловъ, не исправляя до того никакой должности по выборамъ дворянства. Сверхъ того, по обыкновенію, существующему въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, повѣтовые маршалы считаютъ себя въ V классѣ, пользуются титуломъ высокородія, носятъ шляпы съ плюмажемъ и вообще присваиваютъ преимущества, соединенныя съ чиномъ V класса, чѣмъ они пользуются и по выходѣ въ отставку—обыкновеніе, получившее начало «во время безпорядковъ послѣдняго аристократическаго правленія Польши». Ген. Желтухинъ предлагалъ установить чиновную градацію и запретить пользоваться по оставленіи службы преимуществами, если служащія лица не получили соотвѣтственнаго чина. Мин. вн. дѣлъ нашло, однако, что «при выборахъ дворяне не могутъ быть стѣсняемы чинами избираемыхъ, доколѣ причина къ тому существовать будетъ, *ибо въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ и присоединенныхъ, чиновныхъ дворянъ слишкомъ мало*», а противъ пользующихся титулами по увольненіи отъ службы предлагалось «принять приличныя мѣры и прибѣгать ко внушеніямъ» (К. Стар. 1904, № 2, с. 50—51). Кн. Чарторижскій не одобрялъ стремленія къ чинамъ въ ученомъ классѣ въ Вилен. округѣ (ibid. 1887, XVII, 655).

зовавшагося изъ родовъ, служившихъ не правительству, а магнатамъ. Знатное дворянство можетъ быть раздѣлено на утвержденное герольдіей и неутвержденное [1]). Бибиковъ высказался противъ принудительныхъ мѣръ: во-первыхъ, невыгодно и неудобно для правительства было бы большую часть должностей въ краѣ замѣстить лицами польскаго происхожденія; во-вторыхъ, такія мѣры представлялись бы какъ нарушеніе дворянской грамоты, вызвали бы ропотъ и противодѣйствовали бы постепенному сближенію поляковъ съ русскими, между тѣмъ какъ бѣдные дворяне, роднясь съ простымъ русскимъ народомъ, мало-по-малу сливаются съ этимъ въ одну массу; богатыхъ же дворянъ полезно было бы, по мнѣнію Бибикова, назначать на службу въ великорусскія губ., въ противномъ случаѣ, при отказѣ съ ихъ стороны, облагать ихъ особымъ сборомъ съ ревизскихъ душъ (по 3 чет. муки и овса), не обращая, однако, сбора на крестьянъ. Послѣ обмѣна мнѣній въ Комитетѣ мин., вопросъ этотъ былъ отложенъ; но въ 1852 г. состоялся указъ о разборѣ молодыхъ дворянъ (18 лѣтъ), неправославнаго исповѣданія, родители которыхъ обладаютъ менѣе 100 душъ крестьянъ, въ военную и гражданскую службу (послѣднихъ въ великорос. губ.) и т. д. [2]). Заслуживаетъ также вниманія, что въ теченіе многихъ трехлѣтій въ Кіевѣ, губ. предвод. двор. состоялъ Генр. Юр. Тышкевичъ, «весьма ловкій и уживчивый человѣкъ», а уѣзд. предв.—Ламбертъ (Маврикій) Осип. Понятовскій [3]), и такъ было до событій 1862—1863 гг.

---

[1]) Неслужилыхъ дворянъ числилось:

	утвер. герольдіей:	неутвержденныхъ:
	1357	6732
быв. въ уч. завед.	637	571
не бывшихъ	720	6161
неграмотныхъ	267	4528

[2]) Ист. Комит. мин., I, 233, 240—243.

[3]) Зап. Селецкаго, 92; зап. гр. Бутурлина (Рус. Арх., 1897, № 8, 584).

Въ началѣ управленія кн. Васильчикова введены были «дополненія» къ инвентарнымъ правиламъ, которыхъ не допустилъ Бибиковъ и которыя парализовали самыя правила, и никогда утѣсненія крестьянъ помѣщиками не достигали такой сильной степени, какъ въ это время [1]); а введеніе инвентарей въ сѣв.-западномъ краѣ, когда Бибиковъ сталъ мин. вн. дѣлъ (22 авг. 1852), вопреки его настояніямъ, было задержано [2]). «Воровство и разбой были явленіями чрезвычайно рѣдкими въ Кіевѣ, говоритъ современникъ, можно сказать небывалыми. Жители пользовались полною безопасностью» [3]). Но уже преемнику Бибикова (1855) гу-

---

[1]) К. Стар. 1882, II, 104. При кн. Васильчиковѣ наступили облегченія для поляковъ даже въ учебномъ вѣдомствѣ (ib. 1892, № 8, стр. 211) и для евреевъ (ib. 1899, № 12, стр. 500). Перемѣнились порядки и въ личныхъ сношеніяхъ администраціи (1900, № 4, стр. 25).

[2]) Самаринъ, Сочин. I, 314; Семевскій, II, 512—513.

[3]) Записки П. Д. Селецкаго (К. Стар., 1884, т. X, 89). «Когда ѣхали мы (въ к. 40-хъ годовъ) черезъ Старый городъ у ц. св. Андрея обходъ опросилъ насъ: «кто ѣдетъ?» Подумаешь, что за время было тогда въ Кіевѣ! Въ 11 часовъ уже обходъ по городу, тишина гробовая» (Воспом. Н. Д. Богатинова; Р. Арх. 1899, № 3, стр. 438—439).

Число особенныхъ смертныхъ случаевъ распредѣляется такъ:

	1842	1843	1844	1845	1846.
Нечаян.	20	5	2	10	22
Невоздерж.	2	2	—	4	5
Болѣз. прип.	12	18	20	21	28
Утон.	13	16	9	18	30
Самоуб.	8	1	7	8	8
Убійствъ	4	2	4	2	7
Всего	59	44	42	63	100

Что составляетъ противъ общаго числа ум. (2647) 2—5% (Фундуклей, I, 358—359). Въ 1844 г. всѣхъ преступленій показано 328 (въ томъ числѣ грабежей 2, мошеннич. 19, кражъ 144, поджоговъ 15, побоевъ и дракъ 131, смертоуб. 4 и пр.). Всѣхъ дѣлъ производилось 1607 уголовн. и 382 гражд. (въ томъ числѣ личныхъ обидъ 250). Ibid., 395. Впрочемъ, въ 1844 Кіев. губ. показана въ числѣ мѣстн., въ которыхъ было наиболѣе убійствъ (Варадиновъ, ч. III, кн. III, 148).

бернаторъ доносилъ: «Въ городѣ Кіевѣ безпрестанно случаются воровства, повидимому происходящія образовавшеюся шайкою, подъ руководствомъ какого-нибудь мошенника довольно опытнаго. Средства полиціи такъ ограничены, что трудно ожидать прекращенія сего зла; къ предупрежденію онаго необходимо было бы усилить ночные патрули по городу и принять мѣры особенной предупредительности» [1]).

Пріѣзжій посѣтитель въ началѣ 30-хъ годовъ, побывавъ въ кіевскихъ храмахъ, писалъ: «Любопытны, величественны и очаровательны окрестности города, если смотрѣть на нихъ или съ крѣпостнаго вала, или съ главной площади, обсаженной стройными тополями, или съ Андреевской горы. При всемъ томъ, я долженъ сознаться, что внутренность Кіева разочаровала меня. Множество избъ ветхихъ, полуразваленныхъ, на Печерскѣ, Крещатикѣ и Старомъ Кіевѣ, и толпы жидовъ слишкомъ безобразятъ городъ. Если отнять отъ него великолѣпные соборы, монастыри, зданія въ крѣпости, присутственныя мѣста, гимназіи и десятка два частныхъ домовъ, то Кіевъ сдѣлается ничтожнымъ городомъ. Одинъ только Подолъ заслуживаетъ названія очень порядочнаго города. Могъ ли я думать, чтобъ этотъ многолюдный городъ, посѣщаемый жителями почти всей Россіи, стоящій на такой богатой судоходной рѣкѣ, существующій почти 15 вѣковъ(!), бывшій

---

[1]) Кіев. Стар. 1903, № 11, стр. 060.

Какъ видно, ослабѣлъ надзоръ и въ другомъ отношеніи. Въ томъ же донесеніи читаемъ: «Съ нѣкотораго времени ввелось и нынѣ, къ сожалѣнію, продолжается, что идущіе и ѣдущіе по городу днемъ и вечеромъ курятъ сигары и папиросы, даже извощики примѣру сему слѣдуютъ. Легко можетъ случиться, чего Боже храни, что по малѣйшей неосторожности курящаго произойдетъ какое несчастье» и пр. (донес. губ. воен. губ.). Вслѣдствіе этого сдѣлано было распоряженіе о напечатаніи объявленій, чтобы никто по улицахъ и въ городскомъ саду «не рѣшался курить». Объявленіе это приказано было разослать по дворамъ и вывѣсить въ гостиницахъ. (К. Стар. 1903, № 11, 060--61). При тогдашнемъ положеніи городовъ, куреніе на улицахъ считалось весьма опаснымъ и подвергалось суровымъ взысканіямъ.

долгое время столицей вел. князей, такъ мало двинулся во внутреннемъ благоустройствѣ. Харьковъ почти въ шесть разъ моложе его, но Харьковъ богатствомъ частныхъ домовъ гораздо выше Кіева» [1]).

Въ началѣ 40-хъ годовъ Кіевъ представлялся инымъ, по своему расположенію и внѣшности. «Кіевъ былъ не тотъ какъ теперь—онъ былъ главнымъ образомъ на Печерскѣ, Московская и Никольская улицы были главныя улицы; въ Липкахъ, какъ и теперь, затѣмъ на Подолѣ и на Старомъ Кіевѣ, который кончался у Золотыхъ воротъ, гдѣ былъ валъ, защищающій городъ. Остальное—были пустыри и провалья, носившіе разныя названія. На одномъ изъ пустырей строился университетъ и мѣсто это называлось «Новое строеніе» [2]). «Остановились мы въ извѣстной тогда «Зеленой гостиницѣ» (противъ лавры), изъ оконъ которой былъ виденъ плацъ для военныхъ упражненій; ходили мы по улицамъ и заходили каждый день въ конд. Беккерса, на Московской улицѣ» [3]),—такъ повѣствуетъ о Кіевѣ одинъ изъ многихъ провинціальныхъ жителей, наѣзжавшихъ сюда съ исключительною цѣлью—учиться [4]). Внѣшній видъ города принималъ другой обликъ, но это соединялось съ большимъ безпокойствомъ для жителей. Нѣсколько позже (въ к. 40-хъ годовъ) мы читаемъ: «Построеніе крѣпостныхъ зданій на Печерскѣ и ломка домовъ подъ эти сооруженія, а равно для очищенія мѣста передъ крѣпостью, уничтоженіе совершенное цѣлой части города (Клова)—вотъ событія кіевской городской жизни, бывшія предмѣтомъ оживленныхъ разговоровъ въ семьяхъ кіевлянъ... Одновременно съ ломкою

---

[1]) Записки И. М. Сбитнева (К. Стар. 1887, т. XVII, 305—306). «Харьковъ многолюдный, красивый, богатый и торговый городъ» и т. д., прибавляетъ путешественникъ, съ жалобой, впрочемъ, на неимовѣрную пыль въ городѣ (294).

[2]) Образовалось оно съ 1837 т. (Фундуклей, I, 329).

[3]) На Крещатикѣ потомъ была извѣстна конд. Финке (Р. Арх. 1897, № 8, стр. 597), въ домѣ нын. № 10; Ист. Вѣст. 1901, № 9, с. 787.

[4]) Кіев. 1-я гимназія въ 40-хъ годахъ. Воспом. Н. Ге (Сборн. въ пользу недост. студ. унив. св. Владиміра, Спб. 1895, стр. 52—53).

Клова и Печерска подъ крѣпость, шла ломка и на Старомъ городѣ: очищалась площадь между Софійскимъ соб. и Михайловскимъ мон. подъ постройку присутственныхъ мѣстъ вмѣсто сломанныхъ на Печерскѣ. У Бибикова была мысль вообще обновить уже очень обветшалый Кіевъ. На Печерскѣ, гдѣ и не предположено было ломать, строго воспрещены были по домамъ всѣ починки... Впослѣдствіи починки дозволялись, но, много хлопотъ нужно было, чтобы добиться дозволенія. Но и по всему Кіеву во всѣхъ частяхъ всѣ строенія были осмотрѣны и ветхія изъ нихъ отмѣчены съ улицы прибитою дощечкою: «предназначенъ къ сломкѣ». Но въ то время, какъ шла въ большихъ размѣрахъ ломка въ центрѣ города, городъ разрастался за своими окраинами: возникало мало-по-малу Новое строеніе. Домохозяева, чьи дома были сломаны на Печерскѣ, Кловѣ, Старомъ Кіевѣ, получали участки, которые образовали громадную часть города, начиная отъ Золотыхъ воротъ на Старомъ Кіевѣ и отъ Ббессарабской площади за Крещатикомъ. Участки отводились по новому составленному плану, который мало-по-малу приводился въ исполненіе... Долѣе прочихъ строеній оставалась, не мѣшая ничему, ц. св. Троицы, пока не построена была новая на «Новомъ строеніи». На моихъ же глазахъ пробивалась улица Владимірская, черезъ холмы, окружавшіе городъ и исполнявшіе въ то время назначеніе крѣпостныхъ валовъ, черезъ развалины храма св. Ирины, которыя я видилъ еще во всей ихъ обширности... Тотчасъ за «Золотыми воротами» дорога спускалась среди валовъ на поляну, совершенно свободную, на поле настоящее, и такъ полемъ доходили мы до университета, проходя мимо какихъ-то военныхъ или интендантскихъ сараевъ-магазиновъ. Гимназія (1-я) и Левашовскій институтъ уже начали строиться позже, а гдѣ намѣчена была Владимірская улица былъ построенъ уже по линіи ея одинъ только домъ (тамъ временно помѣщался анотомическій театръ [1]). Теперь» центръ торговли переносился съ Печерска, разрушеннаго и опустошеннаго, гдѣ Московская ул. была въ свое время гла-

---

[1]) Домъ давно сломанъ, гдѣ нынѣ усадьба № 45.

вною улицею въ городѣ, сосредоточивавшею всю лучшую торговлю вмѣстѣ съ лавками восточной Сибири, гдѣ тоже были въ то время лучшія лавки въ городѣ, братьевъ Литовыхъ [1]), и все это городское движеніе и торговля тогда же уже направлялись къ новому торговому руслу—Крещатицкой долинѣ, которая съ того времени и стала обстраиваться, скоро смѣняла свою первобытную простоту, свою тихую жизнь. Понятно само собою, что толкамъ, разговорамъ, въ городѣ во всѣхъ слояхъ населенія не было конца, что въ городѣ шла необычайная работа общаго обновленія и оживленія и многіе были живо затрогиваемы предстоящею имъ судьбою, особенно гдѣ уже висѣла эта роковая дощечка: «къ сломкѣ» [2]). Кіевъ какъ бы съизнова раждался, перетворялся, впрочемъ не покидая еще своей столь незабвенной простоты. Дѣти слышали всѣ эти толки, разговоры; на устахъ у всѣхъ было звучное имя великаго администратора Бибикова, предъ которымъ, кажется, и дѣти дрожали, не только взрослые, встрѣчая «безрукаго» въ прогулкѣ по улицамъ Крещатика [3]). По показанію другого наблюдателя, на Старомъ городѣ въ это время было два или три одноэтажныхъ дома изъ камня и столько же двухъэтажныхъ; были двѣ-три ветхія деревяныя церкви; одна изъ нихъ «Ѳкорбящей Б. Матери», которую каждую субботу посѣщала вся кіевская знать женскаго пола [4]) и гдѣ часто бывалъ всемогущій Д. Г. Бибиковъ (двѣ другія св.

---

[1]) Обѣ книжныя (К. Стар. 1892, № 4, стр. 76)—въ каменныхъ Никольскихъ рядахъ. Главный изъ нихъ Степ. Ив. Литова, пріобрѣтенный у книгопрод. Лапицкаго, въ 1830 г., съ переходомъ на Крещатикъ, помѣщался сначала на углу, на мѣстѣ дома № 1, а потомъ, гдѣ нынѣ Grand-Hôtel (оба дома были деревянные, но съ колоннами, по архитектурѣ того времени); а также лучшій мануф. маг. Былцева, потомъ на Крещатикѣ въ д. Эйсмана (В. Евр. 1903, № 1, с. 166).

[2]) Большая часть казенныхъ и частныхъ домовъ строилась плотниками и каменщиками, приходившими изъ великорос. губ. По скорости и прочности работы, если не по чистотѣ, они предпочитались мѣстнымъ мастеровымъ (Фундуклей, I, 344).

[3]) Р. Ар. 1899, № 3, с. 422—425. Лѣвую руку онъ потерялъ въ битвѣ при Бородинѣ.

[4]) Описаніе этихъ посѣщеній въ дневн. Аскоченскаго (Историч. Вѣстн. 1882 г.).

Троицы и І. Златоуста). Старый Кіевъ былъ обнесенъ еще валами; были въ немъ запустѣлые неогороженные сады и развалившіяся лачужки, вросшія въ землю. Одна изъ нихъ находилась противъ Софійскаго собора, подлѣ развалинъ ц. св. Ирины. На Старомъ Кіевѣ не было вовсе лавокъ. Все пространство между университетомъ, валами и житомирской заставой представляло пустырь, изрытый оврагами и холмами... За ботаническимъ садомъ строилось большое зданіе тюрьмы [1]), а оттуда къ Лыбеди и митроп. рощѣ стали строиться маленькіе деревянные домики, крытые гонтомъ и дранью; такими же домиками застроено было все пространство налѣво до Васильковской улицы и заставы—Новое Строеніе; такъ что вся эта мѣстность представляла совершенную деревню [1]). На Васильковской ул. тоже стояли старые деревянные дома, но было и нѣсколько каменныхъ одноэтажныхъ, напр. аптека... По лѣвую сторону пустыря тянулся къ Крещатику бульваръ, засаженный молодыми тополями, а за нимъ подъ старокіевскими валами вытягивалась улица къ Крещатику же со вновь строющимися полутораэтажными каменными домами (нын. Функлеевская, быв. Кадетская). Прямо съ бульвара можно было, поднявшись по тропинкамъ на гору, пройти къ крѣпости черезъ такъ наз. «кресты» (остатки кладбища), заселенные опаснымъ людомъ. Аристократическою частью считались Липки, гдѣ жили высшіе чиновники въ собственныхъ одноэтажныхъ домахъ съ садиками и нѣсколько помѣщиковъ, между которыми выдавался (на спускѣ Лютеранской ул.) огромный домъ съ круглымъ фронтономъ и колоннами—Сулимы [3]), завѣщ. благотв. заведеніямъ. По

---

[1]) Арест. роты гражд. вѣдомства. На Лыбеди тогда еще охотились. (К. Стар. 1889, № 12, с. 509).

[2]) Въ этой части, близъ университета, выдавался только домъ проф. Новицкаго, существующій до настоящаго времени (К. Стар., 1892, № 24, с. 74).

[3]) Потомъ жены ген. Ловцова; онъ долго стоялъ запущеннымъ и послужилъ предметомъ легендъ. Устройству въ немъ заведеній благотворит. общества способствовала жена быв. ген. губ. кн. Ек. Ал. Васильчикова; а открыты они уже въ 1859 г., въ присутствіи имп. Александра II (Сементовскій, 133—134).

другую сторону Липокъ противъ Царскаго сада (парка) шли каменные двухъ-этажные дома [1]). На Крещатикѣ возвышался двухъ-этажный домъ почтамта и большой трехъ-этажный домъ, еще неоконченный; сверхъ того нѣсколько каменныхъ лавокъ [2]), да два-три дома между Институтской (быв. Ивановской) улицей и другой, поднимавшейся къ крѣпости мимо Царскаго сада (Александровская [3]). Всѣ прочіе дома были одноэтажные, деревянные, даже

---

[1]) Въ Кіевѣ находился «смотритель государственныхъ садовъ» (въ 1828 г. имъ состоялъ кол. ас. Спиридоновъ). Въ к. XVII в. садовымъ мастеромъ былъ Лангаузъ, завѣдыв. теплицами и оранжереями, а въ это время—П. Волковъ. Подъ надзоромъ его были сады Кловскій, Виноградный (ул. того же имени) и Шелковичный (К. Стар. 1902, № 9, стр. 112—113). Признано было, что виноградъ въ Кіевѣ достигаетъ зрѣлости, но вино изъ него не выдѣлывалось. Въ Шполѣ находился «изрядный виноградный садъ и выдѣлывалось изъ него нѣсколько вина, но вкусомъ не отличнаго». Въ Яготинѣ Полт. губ. существовали виноградники, но также не винодѣліе (Варадиновъ, ч. III, кн. I, 185). При многихъ домахъ устроены были сады и огороды. Въ 40-хъ годахъ частныхъ садовъ считалось 127, б. ч. въ Плоской и Старокіевской чч. и въ предмѣстіяхъ Куреневкѣ и Звѣринцѣ, въ которыхъ находилась и б. ч. огородовъ, число коихъ простиралось до 409 (Фундуклей, I, 348). Картофель появился въ Кіевѣ въ к. XVIII стол. Печальную эпопею шелководства въ Кіевѣ до 50-хъ годовъ XIX ст. см. тамъ же II (453—463).

[2]) Почтовая контора въ XVIII ст. находилась на Подолѣ, а послѣ пожара (1811) въ камен. домѣ близъ набережн. ц. св. Николая. Въ 20-хъ годахъ пріобрѣтенъ для нея камен. домъ на углу Александр. и Андр. ул. (потомъ отдѣл.). Съ 1849 г. она помѣщается на Крещатикѣ, въ быв. домѣ помѣщ. поляка Он. Юр., Головинскаго (въ одномъ изъ флигилей помѣщался его оркестръ). Въ 1829 г. въ этомъ домѣ находился врем. лазаретъ для плѣн. турокъ, которыхъ лѣчилъ город. врачъ Гаммъ (Закревскій, 723). Въ 1851 сталъ строиться на Крещатикѣ новый дворянскій 2-хъ этажн. домъ съ магазинами (Москвит. 1851, VI, № 15, с. 20), потомъ надстроенный и расширенный.

[3]) Въ 1843 г., на Крещатикѣ, противъ театра, устроенъ былъ фонтанъ на счетъ губ. Фундуклея и на Крещатицкой площади, на счетъ ген.-губ. Бибикова (Фундуклей, 334; ср. Закревскій, 429). Вода однако считалась непріятною и пригодною лишь для пожара (Москвит. 1843, № 3, 261). Старожилы помнили на площади возлѣ думы остатки плотины и мельницы (К. Стар. 1902, № 5, с. 246).

крытые гонтомъ. Таковъ былъ внѣшній видъ полуразрушенныхъ, полустроящихся возвышенныхъ частей города, оспаривавшихъ уже первенство у Подола, гдѣ еще продолжала имѣть мѣсто торговля и ея главный двигатель—контракты. На Подолѣ особенно выдавались зданіе контрактоваго дома, магазинъ Барскаго и складъ хрусталя Мальцева, на набережной Днѣпра [1]). Если «ломка» старыхъ жилищъ много способствовала украшенію города, то такимъ средствомъ служили также жестокіе пожары [2]), много зависѣвшіе отъ устройства самыхъ жилищъ и недостатка воды, на который постоянно жаловалась администрація [3]).

Вотъ нѣкоторыя цифры, знакомящія насъ съ состояніемъ города въ разсматриваемый періодъ:

Народонаселеніе.

	1835 г.		1845 г.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Дух. монаш.	83	64	632	77
« бѣлаго	219	220	301	бѣлицъ 165

[1]) Лучшими домами въ нач. 50-хъ годовъ считались: Эйсмана и Миклашевскаго (на Крещатикѣ №№ 20 и 12), Серебряникова и Чернышева (на Подолѣ, по Александровской у.). Москвит. 1851, № 15, с. 20; К. Стар. 1892, № 4. (Изъ зап. Солтановскаго), стр. 73—77.

[2]) «Начались страшные пожары. Были изданы строгія предписанія домохозяевамъ имѣть на крышахъ бочки съ водою, держать ночныхъ сторожей... Разсказывали, какъ полиціймейстеръ и даже самъ Бибиковъ объѣзжаютъ ночью и повѣряютъ сторожей. Съ тревогой мы ложились спать, всегда ожидая несчастья» (Р. Арх. 1899, № 5, с. 47).

[3]) Въ 1817 г. считалось (при частныхъ домахъ) 54 колодца: на Печерскѣ 30, на Старомъ городѣ 12, на Подолѣ 4, въ Плоской ч. 8 (Берлинскій, 126). Въ 1845 ихъ было: 282; по частямъ города: въ Печерской 65, Лыбедской (Новое строеніе) 20, Дворцовой (Липки) 69, Старокіевской 30, Подольской 15, Плоской 22, на Куреневкѣ 57, въ Звѣрин. предм. (близъ Печерска) 4 (Фундуклей, I, 348). Пожаровъ показано ежегодно 2—5, въ 1841—10, въ 1843—6, въ 1844—11 (I, 396).

Дух. монаст. служит.	143	—	252	—
« р.-катол.	3	—	4	—
« лютер.	1	2	1	4
« церк. служ.				
« р.-католич.	5	—	5	—
« лютеран.	1	1	1	1
Православныхъ	—	—	168	213
Двор. потом.	1875	1602	2686	4533
« личныхъ	1123	1256	2807	1912
Куп. 1 гил. (п. гр.)	—	—	18	14
« 2 гильдіи	15	20	93	67
« 3 гильдіи	342	228	586	547
Мѣщанъ и цехов.	8689	8751	11885	9966
Гражд. и однодв.	—	—	343	238
Разночинц.	327	230	2247	985
Вольноотпущ.	25	14	484	268
Крест. (быв. магист.)	126	97	183	105
Казен. крест.	384	19	1345	739
Помѣщич.	543	144	972	572
Дворов.	632	340	1960	754
Отст. солдатъ	526	184	2330	2188
Безсроч. отпуск.	75	21	262	72
Кантон., нах. у род.	—	—	378	—
Казаковъ	—	—	268	—
Иностранцевъ	285	257	486	380
Учащ. въ уч. завед.	—	—	3253	293
Призр. въ завед.				
Прик. Общ. призр.	—	—	—	483

Такимъ образомъ, не считая войскъ, городскихъ жителей числилось въ 1835 г. не свыше 29000 (нѣк. не показаны); а въ 1845 до 50137 (муж. 24648, жен. 25489). Слѣдовательно, населеніе въ 1845 г. противъ 1797 г. нѣсколько болѣе, чѣмъ удвоилось, и въ значительной степени вслѣдствіе внѣшняго прироста [1]).

[1]) Показанія о бóльшемъ количествѣ жителей въ прежнее время, основанныя на теоретическихъ соображеніяхъ (Берлинскій, 129—131), не могутъ быть приняты.

Войска, постоянно пребыв. въ Кіевѣ, составляли: по артил. части: офиц. 89, ниж. чин. 1732; по инж. части: 68, ниж. чин. 494; воен. арест. роты: офиц. 30, ниж. чин. 1534; по пѣхотѣ: офиц. 148, н. чин. 6253; батал. кантон. 15 и 1741; жанд. 24 и 675; въ разн. управл., воен., духов. и чин. 328 и 910; а всего офицеровъ 705 и 13339 нижн. чин. Такимъ образомъ всего, гражд. и воен. насел. Кіева, было до 64000. Кромѣ того, въ Кіевѣ, въ теченіе года, при хорошихъ урожаяхъ, бывало свыше 80000, а при дурныхъ до 50000 богомольцевъ, простого класса; проходящихъ войскъ—до 1200 офиц. и 61367 солд. и пересылочныхъ командъ до 11772 чел. и нѣсколько десятковъ тысячъ судорабочихъ. Независимо отъ того, по разнымъ надобностямъ, въ Кіевъ пріѣзжало до 60000 чел. [1]), въ томъ числѣ 7650 чел. пріѣзж. на богомолье достат. классовъ, иностр. 949, евреевъ до 39000. На судахъ мимо Кіева проѣзжавшихъ было 108868 чел. [2]). Пріѣзжавшихъ на контракты показано:

	Въ 1835 г.	Въ 1846 г.	Въ 1852 г.
Помѣщ. дворянъ	944	1597	1357
Купцовъ	78	118	287
Иностр.	39	115	130
Евреевъ	1656	1731	1805
Прислуги	1936	3486	3905
При нихъ лошадей	3813	10130.	7100

Пріѣзжавшіе на контракты были преимущественно изъ южныхъ и западныхъ губ. и отчасти средней полосы Россіи; изъ

---

[1]) Въ 1846 г. пользовалось минерал. водами 114 чел., отчасти пріѣзжихъ (Фундуклей, 375).

[2]) Въ 1842 г. на Днѣпрѣ впервые появились два парохода (Закревскій, 121—275). Существовала и контора Днѣпр. пароходства, впослѣдствіи уничтожившаяся. Были, кромѣ того, конторы транспортовъ, застрах. отъ огня и застрахованія доходовъ и капиталовъ (Фундуклей, I, 375—76). Въ 1838 представленъ былъ проектъ желѣзной дороги отъ Петербурга черезъ Москву въ Кіевъ, сост. кол. сов. Зотовымъ, но признанъ неисполнимымъ (Варадиновъ, III, ч. 2, с. 361).

иностранцевъ большинство приходилось на Австрію, затѣмъ слѣдовали: Пруссія, Франція, Англія и др. Слѣдовательно, въ Кіевѣ, въ теченіе года, по своимъ надобностямъ, бывало свыше 200000 чел. Раждаемость выражается въ цифрахъ для 1835 г.—1815, для 1844 г.—2489 (въ этомъ послѣднемъ году—правосл. 2103, катол. 62, лютер. 27, раскольн. 2, и въ воен. частяхъ—муж. пола 175, ж. пола 295. Число умершихъ въ 1835—3835 (въ томъ числѣ въ воен. госпит. 1363), въ 1844—2138 (въ воен. госпит. 409 [1]).

Отмѣчая большую смертность, имѣвшую мѣсто до 30-хъ годовъ XIX стол., указываютъ на сильныя эпидеміи, свирѣпствовавшія въ то время (оспа, тифъ въ разныхъ формахъ, скарлатина, поносы и т. п.), не говоря о постоянныхъ болѣзняхъ (чахотка, воспаленія). Почти не проходило года, въ которомъ небыло бы большаго числа умершихъ отъ оспы; диссентерія свирѣпствовала почти постоянно. Особенно губительны были годы, совпадавшія съ передвиженіемъ войскъ (1826, 1827, 1828, 1831). Съ 1832—1842 г. населеніе Кіева увеличивалось быстрѣе; смертность на возвышенныхъ частяхъ города вообще была меньше; а Подолъ, по прежнему, находился въ худшихъ санитарныхъ условіяхъ, чѣмъ другія части города, что продолжалось до конца разсматриваемаго періода [2]). Одной изъ причинъ болѣзней признавалась вода въ колодцахъ, непріятная для вкуса и къ употребленію негодная, а потому ей предпочитали рѣчную и ключевую [3]). Въ 1830—31,

---

[1]) Фундуклей, I, 348—359. Статист. свѣдѣнія о контрактахъ 1835—1852 гг. (Москвитян. 1851, № 28, с. 327; 1852, № 13, с. 43).

[2]) Въ 1845 г. разливъ Днѣпра (на Подолѣ и Плоской части) уничтожилъ 77 дом., а 451 домъ были повреждены, причемъ пострадали лавки и магазины (Закревскій, 125—126; Фундуклей; I, 329). Въ 1839 г., послѣ проливнаго дождя, на Крещ. ѣздили въ лодкахъ (Р. Вѣст. 1881, № 11, с. 740).

[3]) Фундуклей, I, 348; ср. Пантюховъ, Статист. и санит. очерки Кіева, К. 1875 (стр. 20—49); Куреневка. Медико-антропол. очеркъ, К. 1904. Населеніе и позже (1856) выражало недовѣріе къ оспопрививанію (Пам. кн. 1858, с. 240).

1847 и 1852—53 и 1855 гг. въ Кіевѣ свирѣпствовала холера [1]. Въ 1826 г. впервые упоминается оффиціально сифилисъ, распространенный въ Кіевской губ. [2])

Вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, Кіевъ медленно улучшалъ свои жилища: съ 1832—1846 было сломано 533 дома, за которые хозяева получили 270133 р. серебр., но каменныя постройки все еще составляли незначительный процентъ [3]). Вотъ въ какомъ видѣ представляется это дѣло въ 1845 г.

	Печер.	Лыбед.	Дворц.	Старокіев.,	Под.,	Плос.	Отд. кварт. (Курен. и Звѣр.).	Всѣхъ.
Камен.								
3-хъэтаж.	4	—	4	3	6	—	—	17
2-хъэтаж.	28	—	11	15	122	3	2	181
1-этаж.	14	—	10	19	15	17	8	83
Деревян. на камен. этаж.	30	7	19	22	35	61	—	174
Деревян. на камен. фундам.	240	26	137	147	308	320	16	1374
Деревян.	1383	422	226	595	80	500	834	4040

---

[1]) Въ 1847 г. изъ 1680 заболѣв. ум. 990; въ 1853 г. заболѣло 1437. ум. 813 (Закревскій, 126, 127). Мѣры предосторожности, рекомендованныя ген. губ. Княжнинымъ отъ холеры въ 1831 г. (К. Стар. 1903, № 11 стр. 72—73). Въ Волын. губ. были распространены особые образки (ib. 1901, №№ 7—8, с. 016); въ Кіевѣ—молитвы, обращенныя къ Богородицѣ, которыя носились въ зашитыхъ ладонкахъ.

[2]) Варадиновъ, ч. III, кн. I, 104. Оффиц. статистика изъ года въ годъ отмѣчаетъ въ Кіев. губ. тифъ, оспу, поносы (ib. ч. II, 158, 221, 328, 490, 493, 494, 584, 585; III, 96, 99, 101, 158, 180, 181, 233, 267, 322, 392, 709, 711; ч. IV, 92, 170, 207), цынгу (1849, ib., ч. III, кн. III, 520).

[3]) Страховка домовъ производилась въ 1 и 2 Рос., въ Лонд. и Гамбургскомъ страх. общ. (Фундуклей, I, 346). Поднятый въ 1836 г. мин. вн. дѣлъ вопросъ о взаимномъ страхованіи не осуществился, по причинѣ малого количества изъявившихъ согласіе, а въ нѣк. городахъ жители требовали учрежденія компаній на акціяхъ съ присвоеніемъ имъ исключительныхъ правъ (Варадиновъ, III, ч. 2, 196).

Съ 1834 убыло 825 домовъ (отъ сломки 264, уничт. и поврежд. 500, сгорѣло 61), построено вновь и перестроено 1505, чистая прибыль=681 дому; 1% сборъ въ пользу города=11465 р., слѣд. стоимость имущества=1146500 или 200 р. за каждый домъ. Впрочемъ страховая сумма была поставлена гораздо выше. Въ 1856 г. камен. домовъ было 361, деревян. 4512 [1]).

Въ 1845 г. улицъ въ Кіевѣ считалось 80 и 30 переулковъ, изъ нихъ всего 30 мощеныхъ (не вполнѣ), преимущественно въ Печерской и Подольской частяхъ (въ 1817 г. было 49 ул. и 101 переулокъ [2]). Въ 1856 г. въ Кіевѣ населенія числились 57168 ч. (мужч. 38672, жен. 18496), потом. двор. 426 м. п., 385 жен., личн. 81 и 76; купц. 1-й гильдіи 41 и 34, 2-й г. 29 и 32, 3-й 265 и 268 (всего 335 и 334), мѣщ. 10418 и 10289, поч. гражд. (бывш. шляхты) 108 и 89; ремесл. 4399 и 2652; помѣщ. крест. 339 и 416. Смертность выражались цифрою 2207 и 1672 [3]).

Заводовъ въ 1845 г. считалось 59, фабрикъ 14, и, кромѣ того, 6 заведеній для пригот. варенья [4]), съ 820 чел. рабочими, про-

---

[1]) Памят. кн. на 1858 г., с. 243. Для сравненія присоединяемъ данныя за позднѣйшее время. По послѣднимъ окладнымъ книгамъ городской управы для плательщиковъ оцѣночнаго сбора значится 7043 усадьбы, въ которыхъ возведено 14015 жилыхъ построекъ и 13675 нежилыхъ сооруженій. Изъ общаго числа жилыхъ построекъ въ 1904 году каменныхъ домовъ было 4355, деревянныхъ 9574 и есть даже глиняные—7; кромѣ того, въ данное время еще строится 79 новыхъ домовъ. Изъ числа нежилыхъ построекъ каменныхъ сооруженій 2087 и деревянныхъ 11688. Изъ этихъ цифръ видно, что число деревяныхъ жилыхъ и нежилыхъ построекъ превышаетъ въ Кіевѣ болѣе чѣмъ вдвое число каменныхъ сооруженій. (Кіевлянинъ 1904 № 211).

[2]) Берлинскій 123; Фундуклей, I. 332. Въ городѣ было 6 частн. аптекъ.

[3]) Памятн. книж. Кіевс. губ. на 1858 г., 187—191. Въ 1862 г. въ Кіевѣ было католиковъ 8604, протест. 976, евреевъ 1411 (Семеновъ, Словарь, 622).

[4]) Заводы мало измѣнились по характеру производства. Необходимо имѣть въ виду, что еще въ началѣ XIX ст. Мед. хир. академія освѣщалась лучинами; послѣ пожара 1803 г. были введены свѣчи въ фонаряхъ, а затѣмъ лампады съ постнымъ масломъ. При вечернихъ

изводившими издѣлій на сумму 737600 р. сер., изъ которыхъ на 360000 сбывалось внѣ города, въ томъ числѣ на 15000 р. съ 1 завода стеар. свѣчей). Всѣхъ мастеровыхъ (16 родовъ мастерства) въ городѣ было 6048 (2089 иногор.); извощиковъ до 200 [1]).

занятіяхъ зажигались сальныя свѣчи (Г. Скориченко, Имп. Военно-мед. акад. Спб. 1904; Ист. Вѣст. 1904, № 10, с. 349). Въ 1832 г., при посѣщеніи имп. Николаемъ Кіева, для свиты покупались восковыя и сальныя свѣчи (К. Стар. 1888, № 7, с. 185). Заводъ сальныхъ свѣчъ (Ходунова), осн. въ 1811 г., перенесенъ въ 1840 г. въ Лыбед. часть. Другой заводъ устроенъ былъ куп. Бубновымъ въ 1844 г., а въ 1840 г.—заводъ стеар. свѣчъ (Финке). Заводы мѣдныхъ, желѣзн. и чугунныхъ издѣлій принадлежали бр. Дехтеревымъ въ Плоской части. Въ 1842 г. устроенъ былъ въ Лыбед. ч. заводъ химическихъ издѣлій учен. аптек. Сегетомъ. Ок. 1807 г. возникъ кожевен. заводъ иностр. Ланге (на Куреневкѣ), перешедшій въ 1837 г. къ орловскому купцу, Серебренникову и значительно расширенный (Фундуклей, III, 147, 159—187, 217—221). Работы на желѣзныхъ заводахъ, каменщиковъ, плотниковъ, печниковъ, выполнялись главнымъ образомъ мастерами изъ великорус. губ. и вообще мѣстные мастера и ремесленники считались небрежными и посредственными въ работѣ (Фундуклей, III, 256—257, 260—261, 275. 312; Памят. кн. Кіев губ. на 1858 г., 219).

Фабрики были: красильныя (2), табачныя (3), инструментальная (1), шляпная (1); мастерства, заслуживающія вниманія: часовое (11), золотыхъ дѣлъ (4), серебр. (30), ювелир. (3), рѣзчик. (13), переплетч. (28), фортеп. (6 иностр.) и особенно, по численности, выдавались мастерства одежды и обуви (Фундуклей, 379—80). Издѣлія фаянсовой фабрики все еще не отличались тщательной отдѣлкой и изяществомъ. (Р. Вѣстн. 1881, № 10, с. 737); но образцы ихъ попадали и въ Парижъ (1883, № 6, с. 697).

[1]) Фундуклей, I, 373—80, 387. Количество пріобрѣтаемаго вина крымскихъ садовъ (144980 бут.) беретъ верхъ надъ иностр. (75786 бут.; ромъ 10149 и 4965 и т. д.). Въ Кіевѣ производился значительный сбытъ хлѣба. Для этого были устроены обширныя магазины (8), изъ нихъ самый обширный гр. Браницкаго на берегу Днѣпра (371).

Въ к. 30-хъ годовъ посредническая роль контрактовъ въ хлѣбной торговлѣ слабѣетъ, благодаря увеличивающемуся значенію Одессы, какъ важнаго хлѣботорговаго пункта. Роль новаго фактора на контрактахъ занялъ сахаръ, которую и удерживаетъ до сихъ поръ. Смѣлу

Значительный доходъ доставляла городу и жителямъ зимняя ярмарка (контракты), а именно въ 1838 г. жителямъ (преимущественно подольскимъ)—25373 р. и городу 6584; въ 1846 г.—28465 р. и 9287 р. [1]). Обороты ярмарки въ этотъ періодъ достигли значительныхъ размѣровъ. Въ 1830 г. привозъ товаровъ=1482452 р., продажа=626875 р. [2]), въ 1836=34800650 и 30630250, въ 1838 г.—2236800 и 600610; въ 1839—1546800 и 467780 р. ас. [3]), въ 1847—1058704 и 473590 р. сер. [4]); въ 1856 г.,—1485020 и 869352 р. сер. [5]).

Еще съ начала XIX в. былъ учрежденъ рядъ комитетовъ для приведенія въ порядокъ городскаго хозяйства и устраненія дефицитовъ (1803, 1806, 1822, 1828), при постоянныхъ настояніяхъ о составленіи смѣты доходовъ и расходовъ, которая должна была представляться начальнику губерніи, повѣряться казенной па-

---

съ прилегающими деревнями купилъ у гр. Самойлова гр. Бобринскій, который на широкихъ началахъ завелъ здѣсь новую отрасль промышленности, устроивъ сахарный заводъ и свекловичныя плантаціи. Примѣру его послѣдовали гр. Потоцкій, Браницкій, Шуваловы и др. Въ 1824 г. въ Ю. З. краѣ былъ только одинъ сахарный заводъ, въ Кіев губ.—«Трощинскій», устр. гр. Понятовскимъ. Первые сахарные заводы были незначительны. Рафинированныя отдѣленія были только у гр. Потоцкаго и Бобринскаго, и только въ 1843 г. бр. Яхненко и Симиренко устроили первый въ Россіи паровой сах. заводъ съ рафинаднымъ отдѣленіемъ. Сахарные заводы росли какъ грибы. Въ 1842 г. въ Кіевской губ. было всего 15 заводовъ съ производствомъ на сумму св. 85000 р., въ 1843 г. прибав. 8; въ 1844—11, а въ 1847 г. было 56 съ ежегоднымъ производствомъ на $3^1/_2$ мил. слишкомъ р. (Фундуклей, II, 140—153; III, 12—82; Ulaszyn, 33—43). Въ 1850 г. половина сах. промышленности въ Россіи приходилась на Кіев. губ. (Москвит. 1850, № 9, с. 18).

[1]) Фундуклей, I, 372.

[2]) Варадиновъ, III, ч. I, 318.

[3]) Ibid. ч. II, 212, 406, 430.

[4]) Ibid. ч. III, 382—83.

[5]) Памят. кн. Кіев. губ. на 1858 г., с. 261. На остальныя четыре ярмарки привозилось товаровъ свыше 1 мил. р. (Семеновъ, 624).

латой и ревизоваться депутатами отъ города [1]). Требованія эти постоянно подтверждались [2]), но только въ 1834 г. поступили въ мин. вн. дѣлъ въ первый разъ смѣты изъ всѣхъ городовъ [3]). Такимъ обр. въ этомъ году доходъ города показанъ въ 192706 р. 94 к. ас. и расходъ въ 189928 р. 79 к. (остат.=2778 р. 15 к.). Уже въ 1840 г. Кіевъ причислялся къ наиболѣе доходнымъ городамъ Россіи [4]). Въ 1842 доходъ=79657 р., расходъ=88497 (передержка=8840); въ 1846 г. дох.=82016, расходъ=75104 (остатокъ=6912). До 1833 изъ доходовъ города отпускалось на заведенія Прик. общ. призр. по 10000 р., но такъ какъ состояніе приказовъ улучшилось вообще, а кіевскаго въ особенности, то эта статья была отмѣнена [5]). Въ 1845 и 1849 гг. прик. открылъ въ Кіевѣ два дѣтскихъ пріюта [6]). Въ 1833 г. въ Кіевѣ образовалось «общество для вспоможенія бѣднымъ»; въ 1837 г. была устроена губернская сельско-хоз. выставка [7]); а въ 1852 выставка сельскихъ произведеній и фабричныхъ издѣлій, въ контрактовомъ домѣ [8]). Въ 1840 г. по ходатайству Бибикова, было открыто общество врачей, еще до учрежденія медицин-

---

[1]) Кіев. Стар. 1888, № 9, стр. 617—620.

[2]) Варадиновъ, Ш, ч. I, 382; II, 205.

[3]) Ibid., 618.

[4]) Ibidem, Ш, кн. II, 572. Въ началѣ 60-хъ годовъ доходъ города=189224 р. (Семеновъ, 622), причемъ сборы съ промысловъ и косвенные налоги достигали 30000 р. (Дитятинъ, II, 349).

[5]) Варадиновъ, Ш, кн. I, 527; II, 219. Больше всѣхъ суммъ въ 1839 г. имѣли прик. петерб., моск. и кіевскій (9306183 р.) Ibid., Ш, 482. Въ 1847 г. вкладовъ поступило больше всего (2573218 р.) въ Кіевскій приказъ (Ш, 386). О доходахъ, расходахъ города, суммахъ и дѣятельности приказовъ см. прилож. ко II и Ш книгамъ.

[6]) Фундуклей, I, 393; Кіевлян. 1897, № 258.

[7]) Варадиновъ, Ш, кн. I, 525; кн. II, 274. Вполнѣ организовался «Комитетъ о бѣдныхъ» позже и председ. его была ж. ген.-губ. С. С. Бибикова, ур. Кушникова (Ист. В. 1901, № 10, с. 62).

[8]) Закревскій, I, 121—27. Въ Кіевѣ находился складъ сел.-хоз. машинъ бр. Бутеноповъ изъ Москвы (Фундуклей, I, 376) и депо Моск. Общ. сельскаго хозяйства (Москвитян. 1843, № 3, с. 257).

скаго факультета, по иниціативѣ 12 врачей-практиковъ [1]). Въ концѣ 1854 г. кіевское городское общество черезъ своего голову (куп. 1-й г. Бухтѣева) изъявило желаніе устроить домъ призрѣнія для 30 раненыхъ офицеровъ, внося ежегодно по $^1/_2\%$ съ объявленныхъ купеческихъ капиталовъ. Между тѣмъ, по примѣрному вычисленію, оказалось, что потребуется единовременно до 3000 р. и ежегодно—6000 р., а съ объявленнаго капитала (842000 р.) давало бы всего 4212 р. Тогда нач. края кн. Васильчиковъ убѣдилъ жертвователей отказаться отъ дома призрѣнія и ограничиться выдачею пособій, каковыхъ до 1856 года было оказано свыше 9000 р. 34 лицамъ [2]).

XIX.

Въ связи съ разсмотрѣнными нами правительственнымъ распоряженіями, касающимися Ю. З. края и въ частности Кіева, къ царствованію Николаю I относится рядъ мѣръ, направленныхъ къ развитію учебной части въ краѣ въ различныхъ ея отрасляхъ, соотвѣтственно тѣмъ же основнымъ началамъ. Въ 1831 г. въ Кіевской губ., существовали: Кіевская гимназія на особыхъ правахъ, наз. Вышнею, по окончаніи курса которой воспитанники получали чинъ 14 класса. Преподаватели ея были присылаемы изъ Педагогическаго института и Харьковскаго университета; кіево-подольское уѣзд. училище; каневское и уманское повѣтовыя училища о 6 классахъ, на степени гимназіи, находившіяся на иждивленіи базиліанъ, съ гимназическимъ преподаваніемъ и обученіемъ польской словесности и преподавателями, частью изъ монаховъ базиліанъ, а частью изъ Виленскаго ун. Кромѣ того, въ губерніи было 18 приход. училищъ. Въ Волынской губ., кромѣ

---

1) Записка о немъ въ Учрежд. унив. св. Владиміра, стр. 302—308.

2) К. Стар. 1903, № 11, с. 62--63.

Въ 1807 г. Кіев. губ. пожертвовала на милицію 176899 р. и 47 черв., въ томъ числѣ кіев. купеч. 15000 р. (Р. Арх. 1904, № 8, с. 542—543).

Кременецкаго лицея (или Волынской гимназіи, изъ 7 классовъ— 3 высшіе, препод. съ высшими учен. степенями, присыл. изъ Виленск. универ.), нѣсколько повѣтовыхъ училищъ (Клеванское, Овручское, Бердичевское, Меджирецкое, Теофипольское, Владимірское, Любарское, Домбровицкое), содержавшихся на счетъ монаховъ разныхъ орденовъ, за исключеніемъ перваго, существовавшаго на счетъ казны, и 137 приходскихъ училищъ, содержавшихся на счетъ латинскаго духовенства или помѣщиковъ. Въ Подольской губ., состояли Винницкая гимназія на счетъ казны, 3 повѣтовыхъ уч. (Меджибожское и Кам.-подольское на счетъ казны и Барское на счетъ тринитаровъ) о шести классахъ и приход. училищъ, содержимыхъ большею частью латинскимъ духовенствомъ. Дешевизна въ учебныхъ пособіяхъ, квартирахъ и содержаніи, свобода въ одеждѣ и любовь поляковъ къ образованію, при участіи богатыхъ и вліятельныхъ магнатовъ и духовенства, привлекали воспитанниковъ въ учебныя заведенія, которыя вообще были многолюдны: въ Кременецкомъ лицеѣ число воспитанниковъ доходило до 1000, а въ нѣкоторыхъ повѣтовыхъ училищахъ до 500 и болѣе того; языкъ преподаванія для всѣхъ предметовъ (въ томъ числѣ и русскаго языка) былъ польскій, за исключеніемъ Кіевскаго народ. училища (гимн.). Вообще, по выраженію гр. С. С. Уварова, «языкъ русскій едва былъ слышанъ на этомъ огромномъ пространствѣ» [1]). Всѣ училища часто посѣщаемы были визиторами, которые присылались изъ Виленскаго университета. Дѣвицы съ порядочнымъ состояніемъ получали воспитаніе преимущественно въ женскихъ монастыряхъ у визитокъ, которые визитировались лишь только бискупомъ или уполномоченнымъ отъ него. Вообще училища были обезпечены болѣе или менѣе щедрыми фундушами [2]). Въ значительной степени, если не вполнѣ, успѣхи

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, 1, 26. Даже русское духовенство въ Волынской, какъ и въ Подольской губ., а отчасти и Кіевской, употребляло въ обиходѣ польскій языкъ (Сбитневъ, т. XVIII, 60).

[2]) О состояніи ихъ передъ закрытіемъ и преобразованіемъ см. въ запискахъ И. М. Сбитнева (Кіев. Стар. 1887, т. XVII, 438—

такого роста училищъ были достигнуты благодаря энергіи и настояніямъ генер. визитатора трехъ губерній—Ѳ. Чацкаго († 1813[1]). Кременецкій лицей всецѣло былъ обязанъ ему и своими средствами, и своимъ значеніемъ въ краѣ [2]), какъ и самый городъ [3]). Въ 1831 г. послѣдовало выс. повелѣніе о закрытіи училищъ въ Кіевской, Подольской и Волынской губ. Такимъ обр. въ теченіе 1831—32 г. было закрыто 245 учеб. заведеній, а оставалось 19, которые должны были подвергнуться преобразованію по уставу 1828 г. [4]). До реформы учебныхъ заведеній смотрители училищъ

468, 649—666); ср. также: Е. Крыжановскій, Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ (ib. 1882, I, 263—300; 441—78 и т. II). «Производя ревизію въ Подольской и Волынской губ., я нашелъ школы въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ въ Кіевѣ и Черниговѣ, хотя и тутъ обнаруживались весьма существенные недостатки, а господствующее направленіе отличалось вполнѣ монашескимъ характеромъ», говоритъ ф.-Брадке (Р. Арх. 1875, I. 273).

[1]) Характеристику Чацкаго, по разнымъ даннымъ см. въ запискахъ Сбитнева (стр. 456—468). Оцѣнку его дѣятельности съ разныхъ точекъ зрѣнія см. въ ист. унив. св. Владиміра проф. Шульгина и Владимірскаго-Буданова, а также: T. Zemba, Czacki i jego zasługi zwłaszcza w dziejach naszego szkolnictwa, Krak. 1873; Majchrowicz, T. Czacki i jego poglądy za sprawy wychowania publicznego, Lw. 1894; Encyklop. wychow. (ст. П. Хмѣлевскаго, стр. 28—81).

[2]) Еще въ 1807 г. предположено было одновременно съ высылкою Чацкаго въ Харьковъ, послѣ его шумнаго объѣзда трехъ губерній, перевести лицей изъ Кременца въ Кіевъ, но предположеніе это было отклонено Чацкимъ, успѣвшимъ оправдаться отъ обвиненій, какъ и вновь въ 1810 и 1812 гг. (К. Старина XVII, 466—68). При принятіи имъ должности визитатора въ означенныхъ губ. было 5 учеб. заведеній, а когда онъ умеръ—127 (Шульгинъ, 25—26).

[3]) О состояніи Кременца послѣ закрытія лицея (зап. Сбитнева, К. Стар., т. XVIII, 59—60): «Бывало въ богатыхъ магазинахъ блестѣло золото, серебро, бронза, ослѣпляли дорогія ткани, произведенія Востока. Съ переводомъ лицея въ Кіевъ все исчезло какъ сновидѣніе и изъ Аѳинъ Волыни Кременецъ сталъ лишь уѣзднымъ городомъ Волынской губерніи».

[4]) Шульгинъ, 28—30.

и большинство учителей были поляки; даже русскій языкъ читали—поляки [1]).

Вскорѣ по усмиреніи польскаго мятежа (1830—31 г.) въ Юго-Западномъ краѣ предприняты были существенныя измѣненія въ системѣ народнаго образованія. Въ бытность импер. Николая въ Кіевѣ въ 1832 г. ему представлена была записка попечителя Харьковскаго учебнаго округа о переводѣ Кременецкаго лицея вмѣсто предположеннаго прежде Житомира, въ Кіевъ, но въ то же время ген.-губ. Левашовъ вошелъ съ представленіемъ объ учрежденіи въ Кіевѣ для образованія чиновниковъ «института правовѣдѣнія», подъ именемъ «института св. Владиміра». Между тѣмъ, 14 дек. 1832 г. состоялось учрежденіе отдѣльнаго Кіевскаго учебнаго округа изъ губерній Кіевской, Черниговской, Волынской и Подольской [2]), первымъ попечителемъ котораго назначенъ былъ Е. Ѳ. фонъ-Брадке, и предстояло преобразованіе среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній по уставу 1828 г.; а недавнее закрытіе (1831 г.) Виленскаго университета еще болѣе подкрѣпляло мысль о необходимости учрежденія въ Кіевѣ не института или лицея, а университета, который въ то время давалъ тонъ и направленіе всему учебному дѣлу въ округѣ [3]). Благодаря такимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, 31 октября 1833 г. состоялось утвержденіе доклада управл. мин. народн. просв. С. С. Уварова

---

[1]) Записки А. А. Солтановскаго (К. Стар. 1892, № 5, стр. 234—237): «Нужно отдать справедливость, что они преподавали не дурно и гуманно обращались съ дѣтьми въ томъ числѣ и русскими».

[2]) Учрежденіе округа рѣшено было еще въ мин. кн. Ливена. Въ метрической книгѣ Кіевской лютеран. общины значится, что первое крещеніе (1767) было совершенно пасторомъ Гралемъ надъ сын. полк. О. Г. Ливена—Карломъ Христоф. Ливеномъ (Карлъ Андреевичъ), впослѣдствіи мин. народн. просвѣщенія (Закревскій, 302), ум. въ 1844 г.

[3]) Кіевъ былъ намѣченъ для университета еще въ нач. царствованія Александра I и тогда же П. Г. Демидовъ заявилъ мин. нар. просв. о пожертвованіи на предполагающіеся университеты въ Кіевѣ и Тобольскѣ 100000 р., частію на учрежденія, а частію на содержаніе неимущихъ учениковъ.

объ учрежденіи въ Кіевѣ университета съ наименованіемъ его университетомъ св. Владиміра, пока изъ двухъ факультетовъ: философскаго (соединявшаго въ себѣ нынѣшній историко-филологическій и физико-математическій факультеты) и юридическаго, а медицинскій положено было имѣть въ виду. Важность скорѣйшаго открытія университета настолько признавалась правительствомъ, что сначала онъ помѣщенъ былъ въ наемныхъ домахъ (открытъ 15 іюля 1834 г. [1]), впредь до возведенія зданій въ 1842—43 гг., постройкою которыхъ завѣдывалъ архит. В. И. Беретти.

Открытіе университета вызвало большой съѣздъ дворянства Кіевской, Подольской и Волынской губ., а отчасти Черниговской и Полтавской [2]). Съѣхалось вообще больше, чѣмъ пріѣзжало обыкновенно на контракты, такъ что за три рубля въ сутки нельзя было достать крошечной комнаты. Многіе богатые люди распо-

---

[1]) Въ течніе 1834—42 гг. университетъ занималъ 3—7 частныхъ домовъ (б. ч. камен. двухъэтаж.) на Печерскѣ и въ Липкахъ б. ч. близъ нын. Никольскихъ воротъ (капит. Корта—для аудиторій и кварт. студентовъ, подп. Самойловича—для архива и отч. библіотеки, ген.-м. Ахте—для больницы, вдовы Иванской—для канцелярій, надв. сов. Гудимъ-Левковича—для кабинетовъ и р.-к. каплицы, ген. ад. Гербеля—для помѣщ. недост. студентовъ, ген.-м. Севастьянова—для больницы, купца Бухтѣева, противъ нын. губ. дома—для библіотеки). См. Шульгинъ, 94—96 (во дворѣ гимназіи былъ устроенъ манежъ). Средства университета составились изъ суммъ, назначенныхъ отъ казны, общаго училищнаго фундуша и доходовъ съ недвижимыхъ имѣній отъ прежнихъ училищъ (Всепод. рапортъ о сост. унив. св. Владиміра въ 1835 г., В. Науменка, К. Стар. 1890, № 2 стр. 349 - 355; а также ист. унив. Шульгина и Владимірскаго-Буданова). Какъ переходили фундуши въ распоряженіе правительства—зап. Сбитнева (К. Стар., тт. XVII и XVIII). Исторія фундушей, процессы о нихъ и т. п. см. въ прилож. къ Циркул. по управл. Кіев. учеб. окр. за 1900 г. (Приходскія фундушевыя училища въ Ю. З. краѣ, ихъ возникновеніе и средства содержанія, К., 1900, стр. 1—171 (крат. зам. В. Д. въ Кіев. Стар. 1901, т. LXXI, № 1, стр. 030—35).

[2]) Приглашеніе къ откр. унив-та и правила поступленія въ оный (Кіев. Стар. 1884, IX, 529—537).

лагались по сараямъ и въ клѣтяхъ, не находя нигдѣ подходящаго пристанища. «До такой степени три западныя губерніи сочувствовали этому торжеству», замѣчаетъ ф.-Брадке; «между тѣмъ актовая зала едва вмѣщала въ себѣ 350 чел. Зала, сосѣднія комнаты и лѣстница наполнились до невозможности: хотѣли по крайней мѣрѣ присутствовать. Для стараго фельдм. Сакена, ген.-губернатора (Левашова), духовенства (м. Евгенiй, рект, ак. Иннокентій и др.), начальниковъ губерній и предводителей дворянства приготовлены были особыя мѣста. Когда прочли императорскіе рескрипты и проф. исторіи Цыхъ окончилъ ученую рѣчь, я обратился къ публикѣ и изложилъ причины основанія университета и намѣренія правительства, послѣ чего три дворянскихъ предводителя въ нѣсколькихъ словахъ выразили государю благодарность за оказанное благодѣяніе и это были не пустыя слова: собраніе обнаруживало явно радостное и восторженное возбужденіе. Такое отношеніе объясняется, быть можетъ, и тѣмъ, что открытіе унивеоситета въ Кіевѣ въ оффиціальномъ актѣ объявлялось какъ преобразованіе Кременецкаго лицея въ высшее учебное заведеніе преимущественно для жителей тѣхъ же трехъ губерній» [1]), замѣчаетъ ф.-Брадке.

Въ тотъ же день, на деньги, собранныя членами университета, устроенъ былъ обѣдъ для властей и дворянства на 300 человѣкъ, который продолжался до поздняго времени. Затѣмъ слѣдовали большой обѣдъ у генералъ-губернатора, балъ отъ дворян-

---

[1]) Послѣ рѣчи ф.-Брадке въ рѣчахъ губ. предвод. двор.—кіев. гр. Тышкевича, волын.—Ленкевича и под. Раковскаго была выражена признательность за открытіе унив.; поднесены были дипломы на зв. поч. членовъ (м. Евгенію, кн. Сакену и ген.-губ. Левашову, врученныя рект. Максимовичемъ, а въ слѣд. году, въ числѣ нѣск. другихъ лицъ и представителямъ польской аристократіи: гр. Я. А. Илинскому поч. попеч. гимн. и гр. Ф. М. Чацкому, быв. предс. учил. фундуша). Сказаны были рѣчи проф. Якубовичемъ «De pulchro Platonico» и Цыхомъ: «О цѣли и пользѣ высшихъ уч. заведеній» (Шульгинъ, 55—59, 80—81).

ства и многія другія торжества [1]). По поводу открытія университета мѣстнымъ педагогомъ была написана кантата, впрочемъ въ псевдо-классическомъ стилѣ [2]). Левашовъ, въ интересахъ увеличенія числа студентовъ, настаивалъ на смягченіи испытаній, но ф.-Брадке отклонилъ его требованіе, на что имѣлъ основанія, такъ какъ письменныя работы студентовъ въ первые годы (1834—39), въ большинствѣ случаевъ, оказывались крайне слабыми въ отношеніи стиля и особенно грамотности. Впрочемъ необходимо имѣть въ виду и то, что на первыхъ порахъ въ университетѣ собралось юношество въ огромномъ большинствѣ не русскаго происхожденія, вовсе не учившееся или плохо учившееся русскому языку [3]).

Отношенія между администраціей и учебнымъ округомъ измѣнились съ отозваніемъ Левашова и назначеніемъ ген.-губ. гр. Гурьева. «Хотя лично между нами не было никакихъ неудовольствій, но по университскимъ дѣламъ вышли столкновенія, такъ что дѣла доходили до государя, рѣшавшаго ихъ въ мою пользу», замѣчаетъ фонъ-Брадке [4]).

Съ 1840 г. возникаетъ уже медининскій факультетъ въ замѣнъ мед. хир. академіи въ Вильнѣ, съ необходимыми при немъ учрежденіями (1844), которыя оставались въ главномъ зданіи, по 1888 г. [5]). Среди развалинъ Стараго города и легкихъ построекъ

---

[1]) Записки ф.-Брадке (Р. Арх. 1875, I, 278—279).

[2]) Кіев. Стар. 1885, XII, 483—490.

[3]) Владимірскій-Будановъ, 101; Изъ прошлыхъ лѣтъ Кіев. унив. (на осн. сборн. сочин. студентовъ 1834—39 въ библ. унив. св. Владиміра) В. К. Пискорскаго (Кіев. Стар. 1894, № 4, стр. 49—60). О практич. занят. студ. по предм. рос. слов. въ первые годы жизни ун. св. Владиміра, В. П. Науменка (ib., 169—74).

[4]) Русскій Арх. 1875, I, 282.

[5]) Постройка зданій продолжалась съ 1837—42 и обошлась до 4 мил. ас. (Владимірскій-Будановъ, 286—300). По переходѣ въ него оказалось не мало больныхъ въ инст. казеннокоштныхъ студентовъ (помѣщавшемся въ верхнемъ полуэтажѣ), вслѣдствіе сырости (К. Стар. 1889, № 12, стр. 507—508). Проектъ церемоніала, предполагавшагося при закладкѣ зданій университета (ibid. 1890, № 8, с. 323—324).

Новаго строенія, зданіе университета производило впечатлѣніе грандіозной постройки [1]), какой она оставалась до послѣдняго времени. Университетъ св. Владиміра, занявъ мѣсто Виленскаго университета и Кременецкаго лицея, унаслѣдовалъ отъ нихъ вполнѣ или отчасти принадлежавшіе имъ фундуши, коллекціи и библіотеку [2]). Такъ, на первыхъ порахъ были устроены: 1) нумизматическій кабинетъ; 2) музей изящныхъ искусствъ; 3) физическій кабинетъ; 4) химическая лабораторія; 5) минералогическій кабинетъ; 6) зоологическій кабинетъ; 7) ботаническій кабинетъ; 8) ботаническій садъ [3]). Благодаря же передачѣ въ вѣдѣніе университета типографскихъ и литографскихъ принадлежностей бывшаго главнаго штаба 1-й арміи (1835), съ отчисленіемъ на первое время части, находившейся при военной типографіи, служащихъ нижнихъ чиновъ, при университетѣ св. Владиміра учреждена была и типографія, существовавшая при немъ по 1885 г. [4]).

Въ 1841—1845 г. была построена отдѣльная отъ университета астрономическая абсерваторія (на возвышенной мѣстности

---

[1]) Моя жизнь, Романовича-Славатинскаго (В. Евр. 1903, № 1, стр, 165).

[2]) Сюда поступили: кременецкая библіотека въ полномъ своемъ составѣ, съ библ. польск. короля Станислава Понятовскаго, пріобрѣтенною послѣ его смерти Чацкимъ; значительная часть виленской университ. библ., виленской духов. рим.-катол. академіи и вилен. мед. хир. академіи. Въ началѣ 1841 г. въ библ. унив. считалось 34939 назв. книгъ и рукописей, въ 52157 тт., и 147 назв. періодич. изданій, всего на сумму 86177 р. сер., а число книгъ, пріобрѣтенныхъ университетомъ=лишь 3421 тому. Въ 1856 г. библ. имѣла 64841 соч. въ 96170 тт. и 250 назв. період. изданій. Еще въ 40-хъ годахъ учреждена была библіотека для казеннокошт. студентовъ (Учр. Имп. унив. св. Владиміра, К. 1884, стр. 309—334; пам. кн. на 1858 г., стр. 274).

[3]) Свѣдѣнія объ означен. учрежденіяхъ см. вь Учрежд. Имп. унив. св. Влад. К. 1884, а также въ ист. унив. Шульгина и Владимірскаго-Буданова. Ботан. садъ обязанъ своимъ возникновеніемъ на обширномъ пустырѣ проф. Р. Э. Траутфеттеру (см. его біогр. въ Біогр. Словарѣ профессоровъ унив. св. Владиміра, К. 1884).

[4]) См. Учрежден. унив. св. Владиміра, 341—366.

по Бульварно-Кудрявской ул.), возведеніе которой обошлось (съ устройствомъ подвижной башни для рефрактора) въ 34432 р., а въ 1851—1853 г.—построенъ былъ и анатотомическій театръ (по Фундуклеевской ул.), до того времени не разъ мѣнявшій свое помѣщеніе [1]), стоимостью въ 135000 р., въ счетъ суммы, перешедшей въ университетъ изъ Кременецкаго лицея [2]). Освященіе этого зданія (25 окт.) происходило во время пребыванія импер. Николая I въ Кіевѣ и онъ назначилъ для присутствованія на немъ лейбъ-медика Енохина.

Въ рѣчи своей, по поводу освященія зданія анатомическаго театра, проф. анатоміи А. П. Вальтеръ стремился опредѣлить все значеніе положительной медицинской науки, въ противоположность обветшалымъ теоріямъ, еще имѣвшимъ мѣсто. «Анатомическій театръ есть монументъ, говорилъ онъ, выражающій то направленіе, которому до сихъ поръ слѣдовалъ медицинскій факультетъ университета св. Владиміра, и состоящее въ томъ, что факультетъ дѣлаетъ ее благотворною для жизни». Упомянувъ объ особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ основаніе медицинскаго факультета въ Кіевѣ, онъ съ чувствомъ глубокой признательности произнесъ имя бывшаго своего наставника знаменитаго Пирогова, «котораго геній служитъ путе-

---

[1]) Сначала на Лютеран. ул. въ д. Краузе (потомъ Черкесова), а, по отстройкѣ зданія университета, въ этомъ послѣднемъ. Уединенность его отъ остального жилья въ то время послужила предметомъ легендъ о зарѣзанныхъ людяхъ или евреяхъ—такъ относились тогда къ обычнымъ секціямъ, а мѣсто вокругъ университета было вообще не безопасно въ ночное время (Воспом. Чалаго, К. Стар. 1884, № 21, стр. 508). По неудобству имѣть анат. театръ въ зданіи ун-та, онъ былъ выведенъ сначала въ д. Ѳадѣева на Тарасовской ул. (потомъ усадьба Матвѣева), а затѣмъ въ д. Беретти по Владимірской ул. (быв. усадьба кн. Репнина; нын. №№ 43 и 45).

[2]) Обѣ постройки исполнены архит. и препод. архитектуры въ унив. св. Владиміра А. В. Беретти—сыномъ, строителемъ (позже) Владимірскаго собора въ Кіевѣ (Учрежд. унив. св. Владиміра, 158—163, 246—286).

водною звѣздою къ наукѣ анатоміи и котораго указаніями руководствовался и здѣшній медицинскій факультетъ, не дающій у себя хода ни радемахеризму, ни гомеопатіи, ни старому эмпиризму, но слѣдующій вообще учено-практическому направленію, а изъ новѣйшихъ направленій давшій полное развитіе органической химіи, физіологической методѣ и патологической анатоміи». Далѣе, представивъ въ краткомъ очеркѣ исторію анатоміи въ Россіи, проф. Вальтеръ напомнилъ, что первымъ основателемъ анатоміи въ Россіи былъ Петръ В., который, изучая въ Саардамѣ искусство караблестроенія, учился въ то же время анатоміи у Рюйша и затѣмъ, обозрѣвъ успѣхи, оказанные съ тѣхъ поръ русскими этой наукѣ, замѣтилъ, что «если бы Великій преобразователь могъ посмотрѣть на великолѣпное зданіе кіевскаго анатомическаго театра, духъ его обрадовался бы, сравнивъ его съ душною и мрачною комнатой Рюйша, въ которой онъ самъ учился анатоміи». Въ то время специалисты утверждали единогласно, что «новый анатомическій театръ, удовлетворяя вполнѣ своему назначенію, *по великолѣпію и удобству* не имѣетъ ничего подобнаго *не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ*». Съ тѣхъ поръ требованія въ этомъ отношеніи существенно измѣнились [1]).

Составъ преподавателей университета въ теченіе 1834—55 гг. былъ чрезвычайно разнообразный, а въ начальный періодъ и случайный [2]). Такимъ образомъ, на 93 преподавателя, вступив-

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1863, т. LXXX, отд. VII, стр. 85—88; Учрежд. унив. св. Владиміра, 251.

[2]) Въ началѣ Кіевскій унив. управлялся уставамъ 1833 г., а потомъ уст. 1842 г., въ который вошли нѣк. особенности нѣмецк. университетовъ и нѣк. (невыгодныя) черты общаго устава 1835 г. Новыя ограниченія въ сферѣ автономіи произведены были подъ вліяніемъ событій 1848 г. Ректорами университета были: М. А. Максимовичъ (13 іюля 1834—дек. 1835, вышелъ по болѣзни); В. Ф, Цыхъ († 19 апр. 1837), правосл. испов. Историкъ университета Шульгинъ передаетъ, что слушатели Цыха считали его «врагомъ клерикальнаго направленія» (124—128), а ф.-Брадке сообщаетъ о его религіозномъ настроеніи въ послѣднее время (Р. Арх. 1875, I, 279—284). За нимъ

шихъ въ это время въ университетъ (не считая препод. богословія и новыхъ языковъ [1])—12 бывшихъ препод. Волынскаго лицея (б. ч. получившихъ образованіе въ Виленскомъ унив.), въ числѣ которыхъ выдавались лишь: А. Н. Мицкевичъ (братъ поэта), читавшій римское право, О. В. Коржневскій, читавшій рим. и польскую литературы, извѣстн. писатель, и матем. Выжевскій; 2 препод. Виленск. ун. и акад. (юристъ Даниловичъ и химикъ Фонбергъ; затѣмъ наибольшій контингентъ (14 преподавателей) падаетъ на воспитанниковъ Дерптскаго унив., нѣмцевъ и русскихъ всѣхъ факультетовъ, но преимущественно потомъ медиковъ (Гофманъ, Ѳедоровъ, Нейкирхъ, Траутфеттеръ, Миддендорфъ, Делленъ; Караваевъ и Козловъ—Казан. и Дерпт. ун.; Мирамъ, Беккеръ, Вальтеръ, Цильхертъ, Гюббенетъ, Мацонъ); Харьковскаго ун. (10: историки Цыхъ и Костомаровъ, словесникъ Метлинскій, математики бр. Дьяченки, медики Леоновъ, Курдюмовъ и Цыцуринъ, астр. Ѳедоренко). Главнаго педаг. института (9, въ томъ числѣ бр. Тихомандрицкіе, математикъ и технологъ, юристы Иванишевъ и Цвѣтковъ, минералогъ Ѳеофилактовъ, историкъ Павловъ, филологъ Яроцкій); нѣсколько менѣе приходится на долю Московскаго унив. (Максимовичъ, Красовъ и Селинъ по словесности, Корнухъ-Троцкій по ботаникѣ, Рахманиновъ по механикѣ, Кожевниковъ и Матвѣевъ по медицинѣ); почти въ равной степени дали: Петербургскій ун. (зоологъ Кесслеръ, агрономы Якубовскій и Ходецкій), Кіевская дух. академія (4, въ томъ числѣ даже физикъ);

слѣдовали: «чиновный», но образцовый предсѣдатель и властно державшій себя въ совѣтѣ К. А. Неволинъ (—фев. 1842); В. Ѳ. Ѳедоровъ (—мая 1847), «благороднѣйшая и добрѣйшая личность» (К. Стар. 1889, № 62, стр. 499); Р. Э. Траутфеттеръ (—мая 1859), съумѣвшій, въ качествѣ избраннаго и назначеннаго (съ окт. 1849) ректора, сохранять равновѣсіе (Владимірскій-Будановъ, 546—558). Заслуживаетъ упоминанія, что Иннокентій послѣ Максимовича ожидалъ избранія Даниловича (Письма о Кіевѣ, 67: «это обида!»).

[1]) Въ 1834 г. изъ 20 преподав. было 16—кременецкихъ; въ 1835 г. изъ 29—20 (Шульгинъ, Ю. З. край, Древ. и Н. Рос. 1879, II, 21).

юридическій институтъ при II отд. Е. В. канц. (слушали лекціи въ Глав. пед. инст., Петерб. унив. и за границею), изъ котораго четверо поступили въ Кіевскій ун. (Орнатскій, Богородскій, Неволинъ, Өедотовъ) и иностранные университеты (Бессеръ—ботаникъ, Кнорръ—физикъ, Мерингъ—медикъ), наконецъ Мед. хир. академія (Алферьевъ) и гимн. высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ (Домбровскій—историкъ).

Подавляющее большинство кременецкихъ преподавателей въ начальномъ періодѣ объясняется обстоятельствами возникновенія университета и было непродолжительно. Дерптъ считался тогда лучшею университетскою школою и вскорѣ (во второмъ періодѣ) ученики его стали давать тонъ въ Кіевскомъ университетѣ настолько, что можно было говорить уже о «нѣмецкой партіи» въ этомъ послѣднемъ [1]), получившей главное значеніе на медиц. факультетѣ. Юридическій институтъ, созданный Сперанскимъ, настолько оказался удачнымъ, что этотъ факультетъ въ Кіевѣ вскорѣ занялъ выдающееся мѣсто [2]). Кіевская академія въ короткое время дала университету трехъ философовъ (Авсеневъ, Новицкій, Гоцкій), изъ которыхъ первый является представителемъ философскаго аскетизма и кончилъ жизнь монахомъ [3]); второй отличался воодушевленною рѣчью, простотою изложенія и строгой системой чтеній, а третій замѣчательнымъ трудолюбіемъ и терпимостью въ философскихъ мнѣніяхъ. Москва дала и краснорѣчиваго историка литературы, вышедшаго изъ школы Шевы-

---

[1]) Біогр. Слов. профессоровъ унив. св. Владиміра, стр. 502; Владимірскій-Будановъ, Ист. университета, 224—25, 318.

[2]) Слушатели его, побывавшіе въ иностранныхъ университетахъ, утверждали, что лекціи Неволина и Богородскаго не уступали нѣмецкимъ профессорамъ, а новые проф. Берлинскаго унив. не могли даже сравниться съ ними (Зап. Селецкаго, Кіев. Стар. 1884, VIII, 614).

[3]) Онъ ум. наст. рус. миссіи въ Римѣ въ 1850 г. Направленіе указанныхъ лицъ см. въ Біогр. Слов. ун. св. Владиміра, К. 1884. Въ порывѣ ревности Авсеневъ уничтожилъ экз. чит. имъ соч. Штрауса „Das Leben Jesu“, принадлежавшій унив. библіотекѣ (тамъ же, стр. 516).

рева [1]), и поэта-романтика, Красова, вращавшагося въ кружкѣ Станкевича, а потомъ Бѣлинскаго и Грановскаго, несомнѣнно обладавшаго эстетическимъ вкусомъ, близко знакомаго съ нѣмецкой и англійской литературой, подражавшаго въ своихъ произведеніяхъ Пушкину и Байрону; но не обладавшаго качествами ученаго и потому пребываніе его въ университетѣ было непродолжительно (1837—1839 [2]). Уже съ нач. 40-хъ годовъ каѳедры замѣщаются собственными учениками университета, число которыхъ по 1855 г. достигаетъ 18 (Костырь, Романовскій, Странкевичъ, Тутковскій, Вернадскій, Слободзинскій, Пилянкевичъ, Митюковъ, Вигура, Роговичъ, Эйсманъ, Горецкій, Шульгинъ,

---

[1]) Любопытная характеристика его въ Воспом. Буслаева (Вѣст. Евр. 1890, № 10): «Способность всегда оригинальничать, вѣчно играть роль, всегда позировать, всегда казаться чѣмъ-то другимъ» и т. д. (682—683). «Впечатлѣнія Москвы и Шевырева, и восторженно поклоненіе умственнымъ и эстетическимъ богатствамъ З. Европы (съ 1843—45 г. онъ провелъ за границею), опредѣляютъ ту смѣсь въ натурѣ Селина, съ которою онъ и ушелъ въ могилу, не давши ключа къ его разгадкѣ. Онъ состоялъ въ тѣсной связи съ пражскими славистами, но не былъ славянофиломъ; онъ ввѣми симпатіями примыкалъ къ русскимъ либеральнымъ дѣятелямъ 40-хъ годовъ, но не былъ западникимъ» (Владимірскій-Будановъ, 356). О преподаваніи въ тогдашемъ университетѣ см. воспомин. Чалаго К. Стар. 1889, №№ 10 и 11) и Солтановскаго (1892, № 5).

[2]) Диссертаціи его, а также Домбровскаго по исторіи и по ботаникѣ Андржеіовскаго были признаны неудачными по защитѣ (см. Біогр. Слов.).

Стихотв. Красова печатались въ Биб. для Чт., Москвит., Галатеѣ, Моск. Наблюд., Кіевлянинѣ и др., преим. Отеч. Зап. 1830—50 гг.; отд. «Стихотворенія В. И. Красова», изд. П. Шейна, М. 1859. Всѣхъ поэтическихъ произведеній насчитывается до 100. Въ свое время имя его ставилось рядомъ съ именами выдающихся поэтовъ. Переводы онъ дѣлалъ изъ Овидія, Гёте Гейне, Байрона и преклонялся передъ Шекспиромъ и Вальтеръ-Скоттомъ. Нѣкоторыя изъ его стихотвореній были положены на музыку («Опять передъ тобой я стою очарованъ»). Бѣлинскій находилъ многія изъ нихъ прекрасными и поэтическими (Сочин., Ш, 93—94, 551).

Бунге, Чугаевичъ, Незабитовскій, Эргардтъ, Линниченко). Задачи общаго развитія ставились тогда шире: почти весь нын. историко-филологическій фак. былъ обязателенъ для естественниковъ [1]).

Политическія и мѣстныя условія, отражавшіяся на составѣ профессорскаго персонала, давали себя чувствовать и въ средѣ студентовъ: число послѣднихъ, состоявше въ началѣ изъ 62, въ 1838 г. доходитъ до 267, а въ 1839 г. падаетъ до 125 (катол. 35). Громадный процентъ въ числѣ ихъ (268) приходится на долю дворянскаго сословія (237), притомъ польскаго элемента (р. кат. 164, прав. 93 и 10 другихъ) и весьма незначительный на остальныя сословія (духов. зв. 7, гражд. 3, купц. 8, мѣщ. 5, иностр. 4, шлях. 1, козак. 1). По факультетамъ преобладающимъ былъ юридическій (145), затѣмъ физико-матем. отд. (67) и наконецъ ист. филологическое философскаго факультета; но вскорѣ затѣмъ верхъ беретъ медицинскій факультетъ, сохраняя это преимущество до конца періода и долго потомъ. Нѣсколько цифръ помѣщенныхъ здѣсь, даетъ полную иллюстрацію для характеристики этого послѣдняго. Такъ, въ 1844 г. (по откр. медиц. фак.) было студентовъ 403 (прав. 184, кат. 207, прот. 10, евр. 2), изъ нихъ дворянъ 331; по 1-му отд. фил. фак. 54, по 2-му 97 и 156, по медиц. 96, въ 1848 г. всего 656 (прав. 244, катол. 639, прот. 13, евр. 27; въ томъ числѣ двор. 509); по 1-му отд. фил. фак. 88, по 2-му--106, по юрид. 163, по мед. 209; въ 1849—всего 561 (прав. 209, кат. 289, прот. 15, евр. 21; двор 402; по фак. 77, 78, 112, 294). Подобное отпошеніе сохраняется до конца періода и въ 1855 г. представляется въ такомъ видѣ: всего 806 (прав. 336, кат. 413, прот. 13, евр. 33, двор. 643, дух. 41,

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, 240. Въ 1844 г. возникла мысль, чтобы избѣжать многопредметности I отд. философ. фак. (т. е. ист. филол.), о раздѣленіи его на два разряда, по примѣру II отд. (физ. матем.), а именно *историко-политическій* и *литературно-филологическій*, съ присоединеніемъ къ первому нѣк. юридическихъ наукъ, но она была отклонена министерствомъ, какъ и попытка въ 1848 и 1849 гг. о раздѣленіи того же фак. на *филологическій и философско-историческій разряды*. (Владимірскій-Будановъ, 349—353).

город. сост. 110, сел. 14; гимн. образ. 766, семин. 35, домаш. 7); по факультетамъ: 58, 75, 88, 587 [1]). Такимъ обр. университетъ является русскимъ по составу преподавателей и въ значительной степени польскимъ по составу слушателей [2]). Въ виду такого состава слушателей пришлось возбуждать вопросы, къ какому исповѣданію причислять студента уніата (послѣ 1839 г.), впрочемъ рожденнаго отъ католическихъ родителей (рѣшенный въ пользу послѣдняго испов.) и выдавать ли евреямъ дипломы (евреи поступали въ унив. съ 1836 г.), рѣшенный Сенатомъ въ ихъ пользу [3]).

Не смотря на недавнія репрессивныя мѣры въ краѣ, движеніе не улеглось совсѣмъ: въ 1837 г. оно обнаружилось появленіемъ пасквилей въ стихахъ на зданіи университета и возмутительныхъ прокламацій, которыя оказались потомъ у нѣкоторыхъ студентовъ [4]). Затѣмъ было открыто сообщество между польскими

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, прилож. с. XL. Дѣти кіев. граждан часто учились тогда въ духов. училищахъ (Р. Арх. 1899, № 3, стр. 439).

[2]) Ibid., 210. Студенты университета съ самаго его основанія въ большинствѣ были поляки Ю. З. и С. З. края и ополяченныя дѣти русскихъ чиновниковъ изъ тѣхъ же мѣстностей. Меньшинство составляли малороссы; не только въ тѣхъ домахъ, гдѣ матери были католички-шляхтянки, но даже и въ семьяхъ, прибывшихъ изъ Малороссіи (и Россіи) домашнимъ разговорнымъ языкомъ былъ языкъ польскій; православная прислуга также говорила попольски (К. Стар. 1895, № 6, стр. 234).

[3]) Ibid. 261—62, 263. Въ 1837 г. еврей Ак. Циммерманъ принялъ крещеніе причемъ воспріемникомъ былъ ректъ. К. Неволинъ; въ 1894 г. крещенъ еврей Гринбаумъ, который принялъ не только отчество, но имя и фамилію своего пріемнаго отца—рект. Вас. Ѳедорова,—оба занимавшіе потомъ не безъизвѣстное положеніе въ обществѣ; но большинство евреевъ принимало католическое исповѣда- (Владимірскій-Будановъ, 145, 478; о Ѳедоровѣ воспом. М. К. Чалаго, К. Стар. 1889, № 12, стр. 500).

[4]) Виноватыми оказались студенты поляки: Буяльскій, Богдановичъ и Рушковскій (Селецкій, VIII, 286; Шульгинъ, 178).

студентами, во главѣ котораго стоялъ—студ. Гордонъ; послѣдній бѣжалъ за границу, а четверо другихъ поплатились опредѣленіемъ въ армію солдатами, изъ которыхъ трое дослужились до офицерскаго званія, а одинъ умеръ въ Оренбургѣ. Фонъ-Брадке полагалъ, что въ этомъ случаѣ дѣло было преувеличено Гурьевымъ, какъ выяснилось потомъ [1]). Дѣло Конарскаго, нашедшее болѣе широкій пріемъ въ Кіевѣ, повлекло за собой болѣе суровыя мѣры. Открыта была филіація «союза польскаго народа», распространеннаго по Волынской губ., въ Кіевскомъ университетѣ. Въ Кіевѣ главными дѣйствующими лицами оказались: содержатель благород. муж. пансіона Боровскій, пользовавшійся огромнымъ авторитетомъ въ обществѣ и не малымъ значеніемъ въ глазахъ начальства [2]). У него жили студенты и гимназисты, происходили сходки, на которыхъ созрѣлъ и планъ дѣйствій. Сюда же примыкали докторъ Бопре и помѣщ. Михальскій. Когда заговоръ былъ открытъ, то всѣ трое, по совершеніи надъ ними обряда смертной казни, были сосланы въ каторгу. Прочіе участники, не принадлежавшіе къ учебному вѣдомству, поплатились также каторгой, ссылкой, высылкой во внутреннія губерніи и отданы были въ солдаты съ выслугой или безъ выслуги. Прикосновенныхъ къ дѣлу студентовъ оказалось 35, часть которыхъ (6) была отдана въ солдаты безъ выслуги, другая часть (5) съ выслугой, безъ лишенія дворянскаго званія, 14 опредѣлены въ службу на правахъ вольноопредѣляющихся, а остальные переведены въ Ка

---

[1]) Автобіогр. записки, (Рус. Арх. 1875, I, 286). Ср. Волын. револ. 1-й четв. XIX в. (К. Стар. 1883, т. V, №№ 1, 2, 4). Секретное предписаніе кіев. губ. звенигор. городничему отъ 23 дек. 1834 г. съ примѣтами высланныхъ изъ Парижа въ разныя государства злоумышленниковъ и заговорщиковъ, кои обращаютъ на себя особенное вниманіе (французы, поляки, нѣмцы, итальянцы и пр.). Ibid., 1903, № 11, стр. 73—74).

[2]) По словамъ Максимовича, онъ признанъ былъ отъ мѣстнаго начальства самымъ способнымъ воспитателемъ польскаго юношества (Письма о Кіевѣ, 78, 101).

занскій университетъ. Нити этого движенія скрывались въ Парижѣ [1]).

Впрочемъ этимъ дѣло не ограничилось. Въ ноябрѣ 1839 г. университетъ былъ закрытъ на годъ (лекціи открылись однако раньше—6 сент.); студентамъ, не подлежавшимъ слѣдствію, предложено было перейти въ другіе университеты или поступить на службу на разныхъ льготныхъ условіяхъ, а послѣдняго курса подвергнуться испытанію; профессора—поляки были уволены отъ службы съ пенсіей или перемѣщены въ другіе университеты (Мицкевичъ въ Харьковъ, Даниловичъ и Якубовичъ въ Москву и т. п.) и замѣнены новыми. Такимъ обр. изъ 267 студ. университетъ лишился 211, въ числѣ которыхъ только 19 было окончившихъ курсъ [2]). Высшая администрація края была перемѣнена (вмѣсто гр. Гурьева—Бибиковъ; вмѣсто попечителя ф.-Брадке—минскій губерн. кн. С. И. Давыдовъ; вм. пом. попеч. безцвѣтнаго полк. Гинцеля—бывш. полк. гвардіи Карлгофъ [3]). Въ 1837 и 1839 гг. посѣтилъ университетъ имп. Николай и высказалъ свое негодованіе по поводу случившихся событій; поэтому дважды былъ присланъ въ Кіевъ мин. нар. просв. (Уваровъ) для водворенія лучшаго порядка [4]). Несомнѣнно, что предшествовав-

[1]) Одинъ изъ агентовъ на слѣдствіи объяснялъ что мѣры, принятыя въ краѣ, заставляли опасаться (особенно реформа школы), что патріотизмъ совсѣмъ угаснетъ: «мы сочли себя обязанными начать борьбу во что бы то ни стало за наше дѣло и принять мѣры противъ возраставшаго разложенія» (Зап. ф.-Брадке, 285, 187).

[2]) Владимірскій-Будановъ, 161—186; 197—210; Шульгинъ, Исторія унив., 177—178; Древ. и Нов. Россія 1879, II. 26—27.

[3]) Зап. ф.-Брадке, 285—288; Зап. Селецкаго (К. Стар. 1884, VIII, 283—288; Прожить не поле перейти, зап. жены Карлгофа (Р. Вѣст. 1881, №№ 9, 10, 11; 1882, № 5; 1883, № 6; см. № 10, стр. 730—31), впрочемъ не поладившаго съ Давыдовымъ и вскорѣ перемѣщеннаго въ Одессу (742) и тамъ умершаго. Мѣсто его надолго занялъ М. В. Юзефовичъ, который игралъ видную роль въ послѣдующій періодъ.(В. Евр. 1903, № 2, стр. 609—610).

[4]) Записки Селецкаго (К. Скар. 1884, VIII, 285—286, 293—294). Въ 1837 мин. обозрѣвалъ университетъ съ австр. посл. гр. Фикель-

шія событія повліяли на измѣненія, внесенныя въ уставъ университета 1842 года [1]).

Современники говорятъ, что дѣятельность ф.-Брадке была изумительна. Независимо отъ канцеляріи, онъ ежедневно посѣщалъ гимназію и училища, поспѣвалъ къ ихъ обѣду; собиралъ у себя собранія для педагогическихъ совѣщаній и т. п.; «его неутомимая дѣятельность побуждала къ дѣятельности другихъ: всѣ суетились, работами весело и охотно» [2]). Онъ зналъ по фамиліямъ не только студентовъ, но и гимназистовъ. Преемникъ его былъ человѣкъ крайне лѣнивый; въ университетъ заглядывалъ рѣдко. На экзаменахъ обыкновенно садился на студентскую скамью и все время рисовалъ на лоскуткѣ бумаги головки. Въ дѣла округа также не входилъ и потому все зависѣло отъ всемогущаго правителя канцеляріи (Лазова [3]).

798номъ и тогда же были въ университетѣ Сперанскій и Жуковскій, избран. въ поч. члены (Шульгинъ, 227—228).

[1]) Въ 1837 г., говоритъ Максимовичъ, попеч. съ инспекторомъ Люце, своимъ шуриномъ, озаботились выучить студентовъ даже церемоніальному маршу» (Письма о Кіевѣ, 57). «И ходятъ вереницею по университету распространители русской народности: попеч. ф.-Брадке; за нимъ помощникъ его Гинцель; за нимъ инспекторъ студ. Гинглингъ, а за нимъ помощ. его Рутенбергъ» (86). Въ теченіе этого и слѣдующаго періодовъ инспекція состояла б. ч. изъ военнослужащихъ и отставныхъ военныхъ (Шульгинъ и Владимірскій-Будановъ).

[2]) Зап. Сбитнева (К. Стар. XVIII, 57—58). Максимовичъ выражается о Брадке, что онъ распоряжался «съ барабанною скоропоспѣшностью» (Письма, 10).

[3]) Воспом. М. К. Чалаго (К. Стар. 1889, № 12, стр. 495—96); т. с. кн. С. И. Давыдовъ былъ попеч. 1839—45; за нимъ: ген.-м. Траскинъ (1846—48), кавказскій генералъ, знакомившійся съ научными вопросами по энц. словарямъ (Будановъ, 531), часто посѣщавшій университетъ (не смотря на свою тучность) и рѣшавшійся иногда спорить съ Бибиковымъ; Д. Г. Бибиковъ (1848—1852) и кн. И. И. Васильчиковъ (1855—1856).

Ф.-Брадке заботился о сліяніи разнородныхъ элементовъ подчиненнаго ему вѣдомства [1]). Ежедевно приглашаемы были къ обѣду нѣсколько чиновниковъ, а по воскресеньямъ преподаватели, административныя лица, нѣсколько студентовъ и воспитанниковъ изъ пансіоновъ. Кромѣ того, по разнымъ поводамъ, бывали у него парадные обѣды и разъ въ недѣлю профессорскій вечеръ, а съ 8 час. до 11 ежедневно собиралось множество лицъ. Когда разъѣзжались всѣ посторонніе, тогда начинались серьезные разговоры, придававшіе вечерамъ педагогическое значеніе. По воскресеньямъ собиралось на вечеръ отъ 40—50 лицъ и устраивались танцы [2]). Разъ пять и болѣе въ зиму давалъ онъ балы, на которые приглашались дѣвицы изъ высшихъ частныхъ заведеній. Въ посты давались концерты, при содѣйствіи кіевскихъ и пріѣзжихъ музыкантовъ (м. прочимъ знаменитаго Липинскаго). «Въ западныхъ губерніяхъ, говоритъ Брадке, открытый домъ есть необходимое условіе для того чтобы пользоваться довѣреніемъ и уваженіемъ. Иначе мнѣ невозможно было войти въ близкія отношенія къ высшимъ сословіямъ, а равно къ преподавателямъ и воспитанникамъ». Так. обр. за семь лѣтъ жизни въ Кіевѣ ему пришлось всего одинъ вечеръ провести въ тѣсномъ семейномъ кругу и прожить до 50000 р. ас., доставшихся ему по наслѣдству. При отъѣздѣ онъ былъ вознагражденъ радушными проводами и прощаніемъ, устроенными ему студентами, не смотря на недавнія печальныя событія [3]). Близкій наблюдатель этихъ отношеній говоритъ: «Е. Ф. ф.-Брадке пользовался особенною любовью и высокимъ уваженіемъ всѣхъ студентовъ... У него собирались старшія воспитанницы частныхъ пансіоновъ, студенты и профессора.

---

[1]) При его назначеніи государь указалъ ему цѣль: «содѣйствовать укрѣпленію пріязненной связи между населеніемъ и правительствомъ» (281).

[2]) Такъ какъ въ Кіевѣ тогда трудно было найти подходящую квартиру, то пришлось купить домъ, что было легче. Поэтому почти всѣ служащіе обзаводились домами.

[3]) Автобіографія, 281—282, 288.

Танцовали и проводили время очень пріятно» [1]). Подобные вечера, по словамъ другого современника, много содѣйствовали сближенію; здѣсь сталкивался житель Кременца и Волыни съ москвичемъ и жителемъ Петербурга... Матеріальныя средства, при тогдашней дешевизнѣ, дѣлали возможнымъ подобныя собранія и въ профессорскомъ кругу. Чаще другихъ собирались у Выжевскаго, Якубовича и Мицкевича. Разговоръ шелъ о городскихъ и университетскихъ событіяхъ и новостяхъ, да кое-когда прерывался разсказами и воспоминаніями о старинѣ, впрочемъ не касавшимися тѣхъ серьезныхъ сторонъ старины, которыхъ всѣ, по безмолвному соглашенію, не затрогивали. Если же случалось, что разговоръ неосторожно шевелилъ неостывшее прошлое, проф. Мицкевичъ тотчасъ предлагалъ сѣсть за карточные столы. Одни (Цыхъ, Неволинъ, Богородскій, Ставровскій и др.) садились за карты (играли въ винтъ и бостонъ); а тѣ, которые не играли, вели общій разговоръ, перемѣнивъ разумѣется щекотливую тему его. Научные вопросы рѣшались на этихъ вечерахъ изрѣдка, развѣ бывало старикъ Зѣновичъ начнетъ, размахивая руками, одушевленный разсказъ о происхожденіи міра и людей изъ атомовъ. Глубиною и основательностью отличались разсказы и бесѣды Неволина. Живостью и практическимъ смысломъ поражала рѣчь Цыха. Своего рода неутомимостью и юморомъ отличались рѣчи Абламовича. Но, когда нитью разговора овладѣвалъ Максимовичъ, все умолкало и обращалось въ одинъ слухъ и вниманіе... Разсказъ былъ всегда спокойный и удивительно простой; онъ открывалъ поэтическіе таланты у женщинъ-писательницъ. Объ одномъ только не могъ говорить спокойно и интересно Максимовичъ: о Брамбеусѣ и его литературной лѣтописи. Тутъ онъ выходилъ изъ себя и, по поводу барона, подымалъ неосторожно такой разговоръ, при которомъ проф. Мицкевичу не разъ приходилось предлагать гостямъ карты. Максимовичъ обыкновенно бывалъ душею бесѣдъ и въ дамскомъ обществѣ [2]).

---

[1]) Зап. Селецкаго (VIII, 153).

[2]) Шульгинъ, Ист. унив., 166—174; воспом. Карлгофъ (Р. Вѣст. 1881, № 10, стр. 740—741). «Не смотря на свои долгія страданія

XX.

Вступивъ во второй періодъ своего существованія, университетъ не избѣгнулъ потрясеній. Въ 1841 г. (15 іюля, въ д. Корта [1]) проф. Иванишевъ произнесъ свою актовую рѣчь «объ идеѣ личности въ древнемъ правѣ богемскомъ и скандинавскомъ», на которой присутствовалъ м. Филаретъ [2]) и въ которой говорилось о конкубинатѣ. Она была прервана митрополитомъ и послужила предметомъ переписки съ министерствомъ и доклада государю, и хотя была напечатана въ Ж. М. Нар. просв., однако съ пропускомъ мѣста, вызвавшаго замѣчанія [3]). Тѣмъ не менѣе, не смотря на несочувствіе этой исторіи министерства, Иванишевъ не былъ утвержденъ тогда ордин. профессоромъ «по молодости въ службѣ» [4]). Въ 1846—47 въ Кіевѣ собрался кружокъ интеллигентныхъ южно-руссовъ; это были: Н. И. Гулакъ, В. М. Бѣлозерскій, П. А. Кулишъ [5]), Т. Г. Шевченко и др., на котораго уже тогда члены кружка взирали, какъ «на небесный свѣтильникъ», но

(ревматизмъ всѣхъ членовъ, особенно въ ногахъ), онъ сохранилъ очень пріятную наружность и поэтому, можетъ быть, возбуждалъ такое общее сочувствіе» (ibid.).

[1]) «Давно уже нѣтъ на Печеркѣ того Кортова дома, гдѣ помѣщался первоначально университетъ, гдѣ было кратковременно и мое первое пристанище въ Кіевѣ», писалъ Максимовичъ въ 1868 г. (Письма, 54)

[2]) Замѣч. о немъ въ зап. Селецкаго (К. Стар., т. X, 84—85).

[3]) См. Ром.-Славатинскій, Жизнь и дѣят. Н. Д. Иванишева 93—95, съ возстановленіемъ опущеннаго мѣста; Будановъ, 244—246; Актъ въ Кіев. унив. 15 іюля 1841 г., М. Сухомлинова (Древ. и Н. Россія 1876, № 5, стр. 60—64). Въ полномъ видѣ рѣчь напеч. въ книгѣ: Сочин. Иванишева, изд. унив. св. Владиміра, К. 1876.

[4]) См. въ письмѣ проф. Деллена (К. Стар. 1897, № 12, стр. 073). Вслѣдствіе того же инцидента Иванишевъ прекратилъ свои поиски въ лавр. библіотекѣ (ibid., 1898, № 11, стр. 057).

[5]) Въ 1839 г., въ числѣ весьма немногихъ, онъ былъ допущенъ въ вольные слушатели унив-та (Владимірскій-Будановъ, 252, 260, 275, 278), но переходилъ съ факультета на факультетъ.

средоточіемъ его служилъ Н. И. Костомаровъ, не задолго передъ тѣмъ получившій каѳедру русской исторіи въ Кіевѣ. Они образовали (послѣдніе два не были приняты) такъ наз. общество Кирилла и Меѳодія, которое не имѣло устава, но самое названіе и перстень славянскихъ апостоловъ, найденный у нѣкоторыхъ, какъ аттрибутъ, послужили основаніемъ для привлеченія ихъ къ отвѣтственности: члены общества (а также Кулишъ и Шевченко) были отправлены въ 3-е отдѣленіе, потерпѣли заключеніе и были посланы въ разныя мѣста со служебными ограниченіями—Костомаровъ въ Саратовъ, а Шевченко отданъ въ солдаты [1]). Одни видѣли въ этомъ обществѣ панславистскія стремленія, прежде всего опасныя Австріи, откуда будто бы шли первыя указанія, а другія—украинофильскія тенденціи на славянофильской подкладкѣ, отчего все это произвело безпокойство среди московскихъ славянофиловъ, впрочемъ вскорѣ улегшееся [2]). По этому же поводу гр. Уваровъ далъ циркулярное предписаніе попечителямъ уч. округовъ о томъ, какого понятія о «народноси» и «народномъ началѣ» слѣдуетъ держаться въ наукѣ и литературѣ. По его словамъ, мечты славянофильства безполезны и вредны; идея народности, которою слѣдуетъ руководиться, есть исключительно идея русской народности. Преподавателямъ русской словесности, русской исторіи и исторіи рус. законодательства предпочтильно передъ другими принадлежитъ «возбужденіе духа отечественнаго не изъ славянства, *игрою фантазіи созданнаго*, а изъ начала русскаго, въ предѣлахъ науки, безъ всякой примѣси современныхъ идей политическихъ. На преподавателяхъ же унив. св. Вла-

---

[1]) См. Біогр. Слов. проф. (автоб. Костомарова); Владимірскій-Будановъ, Исторія унив., 365—368; П. А. Кулишъ и его послѣдняя литер. дѣят., Костомарова (съ указаніемъ именъ двухъ студентовъ, сдѣлавшихъ сообщеніе), Кіев. Стар. 1883, V, 221—234; Воспом. о Шевченкѣ Костомарова (Р. Стар., 1880, XXVII, 597—610); Р. Стар. 1891, LXIX, 483—490 (автоб. очеркъ Костомарова). Въ 1847 г., мин-во имѣло въ виду допустить Шевченка къ преподаванію рисованія въ университетѣ (К. Стар. 1901, № 6, стр. 139).

[2]) Барсуковъ, Погодинъ, IX, 228—234; XII, 148—150.

диміра лежитъ обязанность тѣмъ настоятельнѣйшая, что подъ личиною славянства легко можетъ укрыться мятежный духъ польскій, готовый уловить умы неопытнаго юношества и коварно увлечь его за собою» [1]).

Любопытна характеристика тогдашняго студентства въ показаніяхъ одного (Андрузскаго) изъ лицъ, участвовавшихъ въ выясненіи роли Кирилло-Меѳод. общества. «Кромѣ нашего общества, студенты Кіев. унив. никакихъ другихъ тайныхъ обществъ не составляютъ и проектовъ не пишутъ, показывалъ онъ. Дѣлятся же на аристократію и бѣдняковъ; аристократы-богачи не различаютъ ни народа, ни вѣры, кромѣ увеселеній ничего знать не хотятъ. Бѣдные же за ними тянутся; но поляки любятъ поговорить о Польшѣ, занимаются чтеніемъ польскихъ книгъ и питаютъ тайное желаніе и надежду на возстановленіе Посполитой Рѣчи, но сборищъ и какихъ либо условій, соединявшихъ ихъ, не имѣютъ. Малороссы, меньшая часть, любятъ вспоминать гетманщину и чтеніе малороссійскихъ книгъ; но этимъ и ограничивается ихъ политическая дѣятельность. Русскіе большею частью занимаются науками и объ нихъ ничего нельзя сказать особеннаго. Смѣло можно утверждать, что кіевскихъ студентовъ болѣе интересуетъ психологія и биліардъ, чѣмъ политика... Съ котораго времени начались подобныя идеи (славянскаго общества) въ студентахъ, то должно полагать, что это послѣдки 1839 года... Отъ кого они получаютъ эти идеи, мнѣ неизвѣстно, хотя и должно предполагать, что поляки отъ своихъ родителей, а прочіе студенты отъ поляковъ. Профессора на лекціяхъ ничего недолжнаго не говорятъ и проф. Ф-въ открыто выражаетъ преданность къ царю. Притомъ же почти каждый день на лекціяхъ бываетъ попеч. ген. Траскинъ» [2]). Однако, лѣтомъ 1848 г., на стѣнѣ костела въ г. Летичевѣ, въ праздникъ Божьяго тѣла, появилась прокламація на польскомъ и русскомъ яз. (на послѣднемъ въ высшей степени безграмотная) съ

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, 532—534; Къ исторіи славяноф. на Руси (Кіев. Стар. 1892, № 1, стр. 131—136); Кіев. славянисты 40-хъ годовъ (ib. 1897, № 2, с. 176—187).

[2]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, 531.

заглавіемъ отъ «славянскаго союза», въ которой высказывалась полная солидарность поляковъ и русскихъ въ оппозиціи правительству. Подозрѣніе пало на двухъ студентовъ Кіевскаго университета, проѣзжавшихъ въ то время черезъ городъ и расписавшихся въ почтовой книгѣ чужими, вымышленными именами, на польскомъ языкѣ. По рѣшенію Бибикова, они были отправлены оканчивать курсъ въ Казанскій университетъ съ тѣмъ, что потомъ будутъ опредѣлены на службу въ великорос. губерніи на три года [1]).

Между тѣмъ, событія 1848 г. всецѣло отразились на судьбѣ русскихъ университетовъ. Свидѣтель того, что происходило тогда въ Кіевѣ, притомъ историкъ, вотъ какъ характеризуетъ эти явленія: «Каждый помнитъ, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Россіи февральскія событія дали сильный толчекъ умственнымъ движеніямъ въ нашемъ обществѣ, въ нашихъ университетахъ. Оживились и зашевелились умы и въ университетѣ св. Владиміра (появленіе молодыхъ ученыхъ, пять изъ которыхъ только-что воротились изъ-за границы): соціальные и политическіе вопросы выдвинуты были на первый планъ и стали интересовать даже медиковъ—спеціалистовъ; старое поколѣніе пробудилось отъ усыпленія, молодое съ увлеченіемъ кинулось слушать лекціи наукъ политическихъ и соціальныхъ. Въ университетѣ явилась борьба мнѣній и партій; въ результатѣ готово было уже явиться живое отношеніе къ наукѣ и у преподавателей, и у слушателей. Университетъ начиналъ быть университетомъ. И вотъ тутъ-то разомъ и круто обрушились на него суровыя мѣры, вызванныя также европейскими волненіями 1848 года» [2]).

Еще въ 1839 г. импер. Николай обратилъ вниманіе на бѣдность одежды и грубость манеръ нѣкоторыхъ студентовъ. Послѣ этого было положено, что всѣ студенты безъ исключенія (два раза въ недѣлю, по вечерамъ) должны упражняться въ искусствахъ танцованія, фехтованія и, по мѣрѣ удобства, гимнастики

---

[1]) Ibidem, 531—532.

[2]) Шульгинъ, Юго-Зап. край (Древ. и Н. Рос. 1879, II, 127).

(а желающіе и верховой ѣзды), для чего отдѣляется особая сумма отъ платы за слушаніе лекцій; а чтобы доставить студентамъ случай бывать въ хорошемъ обществѣ, какъ можно чаще, министръ разрѣшилъ попечителю завести въ залѣ института казеннокоштныхъ студентовъ танцовальные и литературные вечера, «которые, какъ полагалъ Уваровъ, при содѣйствіи ген.-губ. и по приглашенію попечителя, будетъ посѣщать все здѣшнее лучшее общество», на что также было ассигновано изъ платы за ученіе 1000—1800 р. сер. [1]). «Съ 1839 г., говоритъ современникъ, были введены новыя правила; правила эти несвоевременныя и въ существѣ совершенно безполезныя, значительно стѣсняли разумную свободу, которою мы пользовались доселѣ. Вся административная дѣятельность университета была обращена на водвореніе внѣшняго порядка между студентами и на улучшеніе ихъ наружнаго вида: стригли, брили [2]), одѣвали по формѣ и старались придать всѣмъ приличную и по возможности однообразную наружность... Между нами, какъ истыми буршами, продолжаетъ авторъ записокъ, въ большомъ ходу было фехтованіе. Училъ насъ драться на рапирахъ плѣненный въ 1812 г. французъ Базанкуръ; въ этомъ упражненіи я сдѣлалъ большіе успѣхи, и не разъ изъ состязанія съ учителемъ выходилъ побѣдителемъ. Вмѣсто шпагъ никуда негодныхъ, присвоенныхъ студенческой формѣ, мы завели длинныя шпаги, съ отпущенными клинками, и никогда съ ними не разставались, исключая лекцій. Часто ходили на охоту; въ стрѣльбѣ никто не могъ со мной соперничать, пистолетомъ владѣлъ я пре-

---

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, 254—255, 279; Зап. Селецкаго (Кіев. Стар., VIII, 294).

[2]) Ношеніе усовъ и бороды гражданскими лицами тогда строго преслѣдовалось (что называлось «по образцу жидовъ или подражая французскимъ людямъ») и начальникамъ гражд. вѣдомства предписывалось строго смотрѣть, чтобы ихъ подчиненные «ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру» (Письмо ст. секр. Танѣева кіев. ген.-губ. А. Д. Гурьеву, К. Стар. 1901, № 5, 082). Студентамъ запрещалось носить и бакенбарды (Воспом. Ге, стр. 67).

восходно, изъ ружья также промаховъ не давалъ» [1]). «По вечерамъ, послѣ занятій, говоритъ другой современникъ, институтская зала оглашалась музыкой Малавскаго. Изъ камеръ выскакивали студенты и составлялись танцы, а въ положенные дни въ институтъ приходили учителя искусствъ: танцмейстеръ Дебре и гимнастъ Урсó и зала оглашалась то звуками скрипки, то воинственными кликами вѣчно пьянаго вахтмейстера: «rompez»! сопровождаемыми звяканьемъ сабель и рапиръ. Желающіе могли пользоваться и уроками верховой ѣзды у старика Ольшанскаго, сынъ котораго, отличный наѣздникъ, впослѣдствіи былъ избранъ предводителемъ конницы, вошедшей въ составъ той грозной арміи изъ гимназистовъ и студентовъ, которая вышла изъ Кіева по житомирскому шоссе въ 1863 г. и была переловлена крестьянами. Танцмейстеръ нашъ былъ великій комикъ. Онъ весьма удачно копировалъ каждаго танцующаго, за что иногда долженъ былъ выслушивать крупную русскую брань, но онъ прикидывался непонимающимъ ни слова порусски. Французу было особенно много возни съ семинаристами, разучившимися подъ ферулою монаховъ и ходить полюдски, по причинѣ длиннополой одежды. Они-то охотнѣе другихъ накинулись на танцы. Прочіе принимали участіе въ танцахъ, потѣхи ради, «для моціона». Распотѣшить веселую кампанію и побѣсить Дебре козлиными прыжками и обезьянними ужимками для нѣкоторыхъ было большимъ удовольствіемъ. Особенно отличался по этой части своекоштный студентъ, жившій въ институтѣ—Кандыба, по адресу котораго было сочинено извѣстное четверостишіе» [2]).

На внѣшность студентовъ было обращено особенное вниманіе. «Бибиковъ, разъѣзжая верхомъ по Кіеву и окрестностямъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ, замѣчалъ студентовъ, которые не застегивали на всѣ пуговки сюртуковъ и мундировъ, или не имѣли всѣхъ пуговицъ; такихъ студентовъ Бибиковъ строго наказывалъ... На крупныя шалости, буйные кутежи студентовъ Би-

---

[1]) Записки Селецкаго (К. Стар., VIII, 293—295).

[2]) Воспом. М. К. Чалаго (К. Стар. 1889, № 12, стр. 519—520). Позже учит. музыки былъ Шмидтъ де-Бергъ, а танцевъ Сентъ-Мари.

биковъ смотрѣлъ сквозь пальцы и наказывалъ снисходительно, общимъ всему университету предостереженіемъ на словахъ, выговаромъ виновнымъ и рѣдко карцеромъ [1]). Но несоблюденіе формы, дисциплины, чиноначитанія (м. прочимъ отданіе чести генераламъ) наказывались строго» [2]). Тотъ же свидѣтель этихъ событій за-

---

[1]) Въ 1844 г. студентамъ воспрещено было посѣщать по субботамъ литургію и акаѳистъ въ ц. «Всѣхъ скорбящихъ», такъ какъ въ это время тамъ стекались всѣ страждующія сердечными недугами и установился такимъ обр. сборъ невѣстъ, что подавало поводъ къ разнымъ шалостямъ. Въ 1846 г., вслѣдствіе буйства въ купеческомъ клубѣ, воспрещалось студентамъ бывать въ кондитерскихъ, исключая баловъ, концертовъ, театровъ и клубовъ, позже 10 часовъ, подъ опасеніемъ строгаго взысканія. Входъ въ трактиры, исключая контрактовой залы, вовсе воспрещался. Привлекались къ отвѣтственности за излишній шумъ и хлопанье въ театрахъ, за крикъ «виватъ мазуры», «виватъ краковякъ», за карточную игру (1851), за демонстрацію, учиненную по случаю высылки товарища (1853) и т. п. Обычными наказаніями были карцеръ, хлѣбъ и вода, назначеніе на должность, отправка къ родителямъ; но любопытно, что битье прислуги или сторожей ботанич. сада взыскивалось слабѣе, чѣмъ нарушеніе формы—таковы были воззрѣнія крѣпостнической эпохи (Владимірскій-Будановъ, 284, 608). Въ 1856 г. отст. шт. кап. Г. заявилъ, что живущіе у него студенты (кажется поляки), во время контрактовъ устроили пирушку на 100 чел. «студентовъ и дворянъ» съ музыкой, нескромными танцами и пѣснями съ 7—3 час., причемъ хозяинъ жаловался на убытки, ему причиненные и пр. (ib., 519, 522, 611—622). Не смотря на мягкость, князь Васильчиковъ также строго взыскивалъ за нарушеніе дисциплины: въ 1852 г. одинъ студентъ, за неотданіе ему чести, былъ посаженъ въ карцеръ на 8 сутокъ. Въ особенности хлопоты администраціи причинялъ пріѣздъ тогда же гр. Клейнмихеля въ Кіевъ. По этому поводу, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, объявлено было студентамъ, чтобы никто изъ нихъ, во время пребыванія Клейнмихеля въ городѣ, не посѣщалъ дворцоваго сада, а кто пожелаетъ прогуляться, тотъ пусть гуляетъ въ ботаническомъ саду (ibid., 609—610).

[2]) Зап. А. А. Солтановскаго (К. Стар. 1892, № 5, стр. 246); далѣе (247—48)—характеристика инспекціи и штрафауза; ср. также объ «инспекціи» въ книгѣ М. Ф. Буданова, стр. 280, 513, 602. Казенныя квартиры студентовъ занимали верхній полуэтажъ въ универси-

мѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ: «Въ польскомъ университетскомъ кружкѣ 46, 47, 48 и 49 годовъ при ген.-губ. Бибиковѣ, который такъ строго слѣдилъ за польскими затѣями и пановъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, организовалось все то, что въ 1863 г. вывело въ Кіевской и Волынской губ. шляхту и пановъ въ банды [1]. Видную роль въ польскомъ кружкѣ, кромѣ Гедройцевъ [2], игралъ сынъ учителя верховой ѣзды при университетѣ

тетѣ; общія кв. (такъ наз. штрафгаузъ) vis-à-vis юж. стор. (быв. домъ Лыбедскаго уч., нынѣ д. Рахманинова, В. Евр. 1903, № 2, стр. 625).

[1]) Въ 1845 г. студентомъ Нагурнымъ († 1847) было положено основаніе между студентами Волын. губ. особой тайной корпораціи, по образцу которой въ к. 50-хъ годовъ формировались «гмины». Послѣ него эта община находилась подъ руководствомъ студ. Козачинскаго († 1850). О своей дѣятельности она стала заявлять въ 1857 г., а въ 1861 г. демонстраціями (Древ. и Н. Рос. 1879, II, 127—128).

[2]) Солтановскій о нихъ говоритъ: «Два брата, князья Гедройцы, очень богатые, изъ С. З. края; но они не водились съ аристократическимъ кружкомъ, а пристали къ шляхетскому, политикующему кружку, который часто цѣлыми десятками собирался въ ихъ обширной квартирѣ по вечерамъ, гдѣ, разумѣется, шли трактаты о политикѣ и читались запрещенныя сочиненія. Гедройцы, внѣ лекцій, особенно по вечерамъ, ходили въ нагольныхъ тулупчикахъ или въ свиткахъ и въ этихъ костюмахъ посѣщали театръ, всегда исключительно помѣщаясь въ райкѣ вмѣстѣ съ братьей шляхтой. При ихъ помощи и руководствѣ для образованія польской молодежи учреждена была очень богатая секретная студенческая библіотека, состоявшая изъ собранія сочиненій лучшихъ польскихъ писателей заграничнаго изданія, запрещенныхъ сочиненій политическаго и соціальнаго содержанія, такихъ же брошюръ и капитальныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ университетскаго образованія. Въ униврситетѣ находился еще настоящій аристократъ князь Коріатовичъ-Курцевичъ; но онъ былъ до такой степени пригнетенъ бѣдностью, что не только не связывался съ кружкомъ аристократовъ, но удалялся и отъ шляхетскаго кружка и спѣшилъ уничтожать конверты отъ писемъ изъ дому, чтобы товарищи не узнали о его громкомъ княжескомъ происхожденіи. Онъ жилъ въ такъ наз. штрафгаузѣ, гдѣ болѣе бѣднымъ студентамъ, за небольшое вознагражденіе, отпускалась пансіонерская пища, а помѣщеніе, освѣщеніе, прислуга, отопленіе и мытье бѣлья давались даромъ» (К. Стар. 1892,

Ольшанскій, который въ 63 году самъ исполнялъ эту должность и вывелъ изъ Кіева конный и вооруженный отрядъ въ 60 человѣкъ, состоявшій исключительно изъ студентовъ университета. Отрядъ этотъ былъ разбитъ, а Ольшанскій пойманъ и повѣшенъ» [1]).

Большинство своекоштныхъ студентовъ были сыновья помѣщиковъ западныхъ и малоросійскихъ губ. и большею частью люди достатка. Между ними встрѣчалось не мало титулованныхъ, графы Тышкевичъ и Нелинъ (дравшіеся на дуэли), князья Дабижа, Яблоновскій и др. Болѣе достаточные студенты квартировали у профессоровъ, чтобы пройти университетскій курсъ безъ работы. За это они платили большія деньги. Квартирантовъ держали проф. Новицкій, Дьяченко, Ѳедотовъ-Чеховскій, Ставровскій. «Вообще, студенчество въ то время было запечатлѣно аристократическимъ характеромъ: демократическіе элементы едва проступали... Въ аудиторіяхъ преобладалъ польскій яз. Составъ должностныхъ лицъ университетской библ. и канцеляріи былъ такъ же польскій» [2])... Русскіе либералы, профессора и студенты печаловались о судьбѣ Польши и ненавидѣли Бибикова, ополчившагося съ своей инвентарной политикой за права хлоповъ, которымъ почти негдѣ было молиться... «Русское студентство въ университетѣ не представляло собою такой сплоченной, солидарной группы, какъ студенчество польское. Состоя большею частью изъ сыновей лѣвобережныхъ помѣщиковъ, менѣе хозяйственныхъ и достаточныхъ, чѣмъ помѣ-

---

№ 5, стр. 240). Впрочемъ студенты тогда проживали и за 2 р. 83 к., имѣя квартиру со столомъ (ibid. 1889, № 10, стр. 123—136).

[1]) Ib., 1902, № 5, с. 240—341. «Университетскій берейторъ Ольшанскій въ своемъ манежѣ образовалъ кавалерійскую школу и, по данному сигналу, выступилъ во главѣ ея изъ Кіева. Въ концѣ апрѣля разнеслась вѣсть, что въ окрестностяхъ Кіева (Бородянка) идетъ война польскихъ повстанцевъ съ русскими войсками» и т. д. описаніе этого предпріятія (Моя жизнь, проф. Романовича-Славатинскаго, В. Европы 1903, № 5, 182—183).

[2]) См. Библіотека унив. (Учрежденія, стр. 309—334).

щики праваго берега, они проникнуты были атомизмомъ и распадались на маленькіе кружки—нѣжинцевъ, полтавцевъ. новгородсѣверцевъ, черниговцевъ и т. д. [1]). Не было у насъ никакихъ организацій: слова *сходка* въ студенческомъ лексиконѣ нашего времени совсѣмъ не было, не было ни кассы, ни библіотеки (послѣднія явились позже), ни общаго вожака. Выдѣлялась уже группа хлопомановъ—Черньшъ, Мельникъ, Носъ, но съ программой еще не опредѣлившейся [2]). Демократическіе элементы, напр. въ новгородсѣверской группѣ, уже были болѣе замѣтны въ русскомъ студенчествѣ, чѣмъ въ студенчествѣ польскомъ. Замѣтнѣе проглядывалъ и студенческій пролетаріатъ... Я не засталъ уже въ университетѣ, продолжаетъ авторъ воспоминаній, племянника ген.-губ. Бибикова, знаменитаго бурша и шалуна Сипягина [3]), о которомъ воспоминанія были еще такъ свѣжи, не засталъ и знаменитаго Котюжинскаго, обыгравшаго дочиста Листа, но засталъ много разсказовъ о немъ. Изъ аристократовъ я засталъ Судіенка и Ризнича, но демократы имѣли своихъ героевъ: поэта Рудольфа, силача Колесникова и др. [4]). Вообще, періодъ

---

[1]) «Впрочемъ нѣкотораго рода отчужденіе проявлялось между студентами—уроженцами лѣваго и праваго берега Днѣпра. Малороссіяне, въ особенности полтавцы и черниговцы, рѣдко сближались съ поляками. Между ними бывали иногда столкновенія, кончавшіяся по большей части посредничествомъ благоразумныхъ и развитыхъ товарищей, въ которомъ всегда почти добродушный юморъ малоросса бралъ верхъ надъ увлеченіемъ и заносчивостью поляка» (Зап. Селецкаго, VIII, 289—290).

[2]) Подъ вліяніемъ Шевченка многіе тогда стали писать малорусскіе стихи (В. Евр. 1903, № 1, стр. 169).

[3]) О немъ см. воспом. Солтановскаго (К. Стар. 1892, № 5, стр. 239—240). Бибиковъ былъ его опекуномъ. С—нъ, гр. М., Ризничъ К—скій и св. кн. Л—нъ принадлежали къ одному кружку; но послѣднему не позволялъ участвовать въ кутежахъ гувернеръ, сопровождавшій его даже въ университетъ на лекціи и просиживавшій на скамейкѣ вмѣстѣ со своимъ воспитанникомъ».

[4]) Моя жизнь, Романовича-Славатинскаго (В. Европы 1903, № 1, стр. 168, № 2, стр, 623—624).

этотъ въ исторіи кіевской студенческой жизни называется «героическимъ», а потому и сохранилась о немъ масса анекдотовъ и разсказовъ. Къ этому времени, относится и «сонъ студента» 1849—50 (экзаменъ у Курдюмова, пом. дир. хирур. клиники, который читалъ лекціи только въ этомъ году),—стихотворное произведеніе, описывающее неудачный экзаменъ «кутилы-мученика», который смутился на испытаніи и провалился, хотя онъ признается, что:

Средь жизни буйной, разудалой,
Среди студенческихъ проказъ,
Видалъ опасность я не разъ
И не тревожился нимало
И не терялся никогда.

Онъ припоминаетъ свои подвиги:

Я помню, какъ въ былые годы,
Зажавши гривны двѣ въ кулакъ,
Я расколачивалъ обходы:
Но сердце не болѣло такъ,
Когда и въ карцеръ запирали
За эти штуки молодца,..

Предъ нимъ картина прошлаго:

Я помню какъ-то разъ...
Меня купцы въ полночный часъ
Порядкомъ притузить хотѣли,
Но одному я вышибъ глазъ;
Другой, бутылкой оглушенный,
Качался долго, какъ шальной;
А я отправился домой
Разбитый, но не побѣжденный.
И страхъ былъ чуждъ душѣ, моей;
Ему не было мѣста въ ней.

Его желанья небольшія. Онъ хотѣлъ бы попасть врачемъ въ захолустный уѣздный городъ:

Гдѣ добродушный городничій,
Блюститель нравовъ и приличій,
Какъ древній патріархъ живетъ
И мирный судъ для всѣхъ даетъ
По долгу совѣсти и чести.

. . . .

Гдѣ всѣ въ объятьяхъ сладкой лѣни
Живутъ спокойно день за днемъ,
Не зная свѣтскихъ треволненій,
И не заботясь ни о чемъ.
Туда-бъ хотѣлъ я поселиться
Въ тиши природу наблюдать,
Въ странахъ фантазіи носиться
И плотно ѣсть, и крѣпко спать.
Въ бесѣдѣ съ музой и ланцетомъ
Я былъ бы медико-поэтомъ
И жизнь чудесную-бъ повелъ...

Но блаженство сна его нарушено:

Всѣ ждутъ; вотъ входитъ тихо гордо
Деканъ своей походкой твердой.

Приходится предстать предъ факультетомъ,

Гдѣ предъ зерцаломъ вкругъ стола,
Вся знаменитость тутъ была:
Цыцуринъ, Беккеръ и Матвѣевъ,
И Караваевъ, и Козловъ,
Короче, чтобъ не тратить словъ—
Соборъ всѣхъ нашихъ корифеевъ,
Весь сокъ ученыхъ докторовъ.

. . . .

Пришлося тяжкій дать отвѣтъ
За всѣ прошедшія пять лѣтъ!
Они, увы! прошли безплодно—
И въ медицинѣ я дуракъ,
Разсудокъ шепчетъ мнѣ холодный:
Ну, что жъ? пускай себѣ и такъ!

Какъ много дураковъ отмѣнныхъ
Мы видимъ на мѣстахъ почтенныхъ [1]).

Общій уровень умственнаго развитія студентовъ былъ не высокъ. Научныя стремленія, любовь къ наукѣ и увлеченіе ею составляли рѣдкое исключеніе; большинство занималось, сколько это было нужно, чтобы сдать экзамены и получить какую нибудь степень. Но существовали переклички и за пропускъ лекцій полагался карцеръ. Въ бибиковское время форма студентская соблюдалась строжайшимъ образомъ. За разстегнутый крючекъ, за незастегнутую пуговицу иногда исключали изъ университета, казеннокоштныхъ медиковъ отдавали въ фельдшера, а словесниковъ и др. въ учителя приходскихъ училищъ (впрочемъ скоро и возвращали). Въ праздничные табельные дни студенты должны были быть въ мундирѣ, при треуголкѣ и шпагѣ. Однажды Бибиковъ посѣтилъ клиники, которыя были въ зданіи университета. Собравъ студентовъ-медиковъ, онъ сказалъ имъ: «вы, господа, пляшите, картежничайте, ухаживайте, но политикой не занимайтесь» [2]). Такова была его этическая программа, прибавляетъ современникъ. Правда, это была этика сомнительная; но за нее мы получили царское спасибо на смотру имп. Николая I въ сент. 1850 г. Сообщенное студентамъ Бибиковымъ и оправленное въ въ золоченую рамку, оно висѣло въ нашей сборной залѣ, пока не было разорвано студентами-поляками во время безпорядковъ въ 1861 г. При преемникѣ Бибикова (1863), кн. Васильчиковѣ, многіе участники безпорядковъ (не политическаго характера) были исключены изъ университета. Бибиковъ, замѣчаетъ тотъ же повѣствователь, вѣрно не поступилъ бы столь сурово, такъ какъ

---

[1]) (Кіев. Стар. 1892, № 4, стр. 128—139).

[2]) Очевидно существовало нѣсколько версій этой рѣчи. Въ зап. Солтановскаго она связана съ шуткой студентовъ «о спасеніи дѣвицы N. Б.», въ поминаніяхъ на субботней литургіи въ ц. «Всѣхъ скорбящихъ», гдѣ присутствовалъ и Бибиковъ, благосклонный тогда къ последней (К. Стар. 1897, № 10, стр. 011—12).

событіе это не нарушало его программы. Поляки, напротивъ, занимались политикой и занимались крѣпко» [1]).

Въ особенные дни, а именно въ день акта и высокоторжественные праздники, студенты должны были посѣщать богослуженіе въ лаврѣ, но не всѣ, а имѣющіе хорошіе мундиры. Съ ними ректоръ и прочее начальство ходили послѣ обѣдни на закуску къ митрополиту. Надзоръ въ эти дни, разумѣется, усиливался. Иногда предписывался общій походъ въ лавру и въ такомъ случаѣ посѣщеніе послѣдней было обязательно и для католиковъ, какъ и вообще въ торжественныхъ случаяхъ; но абсентеизмъ какъ неправославныхъ, такъ и православныхъ, имѣлъ нерѣдко мѣсто и вызывалъ напоминанія. Напр. въ спискѣ за 15 іюля 1849 г. встрѣчаемъ такія объясненія: одинъ не былъ въ церкви по неимѣнію шпаги, другой по неимѣнію панталонъ, а 5 студентовъ-католиковъ объявили, что они, по исповѣданію своему, располагаютъ быть въ католической церкви. Прежде было обязательно для студентовъ посѣщеніе лишь литургіи, но съ 1850 г. и прочихъ службъ православной церкви; а это снова сопровождалось разными замѣчаніями и взысканіями [2]).

---

[1]) Моя жизнь, Романовича-Славатинскаго (В. Европы 1903, № 2, стр, 625—628).

[2]) Владимірскій-Будановъ, 510—521. Кромѣ названныхъ статей и трудовъ, для бытовой жизни университета имѣютъ интересъ: 1) Преданія о Рудольфѣ, студентѣ-гулякѣ и поэтѣ (Кіевлян. 1870, №№ 32 и 33); 2) Резановъ, послѣдній студентъ-рыцарь въ Кіев. унив. (ib. 1870, № 58); 3) Воспом. изъ унив. жизни конца 50-хъ годовъ (ib. 1876, №№ 85—88, 113, 115, 116); 4) Унив. воспом. (ib. 1865, №№ 3 и 5); 5) Эпизодъ изъ мѣстн. унив. жизни (1869, № 29); Записки студента (ib. 1871, №№ 148, 149); 6) Записки объ унив. жизни 1860—1874 гг. (1864, №№ 10, 12, 13, 19, 24, 27). Въ статьѣ подъ № 3—характеристика типовъ студентовъ: поляковъ, малороссовъ, евреевъ, семинаристовъ; ихъ быта (квартиры въ 3 р.); преобладаніе польскаго языка; ученіе—переклички, репетиціи и пр.; подъ № 5—разрывъ между русскими и польскими студентами; скандалы въ городѣ; первые признаки броженія (1861); рѣчь Пирогова къ студентамъ-полякамъ.

Событія 1848 г., вызвавшія новыя опасенія, сопровождались перемѣною министерства (кн. Ширинскій-Шихматовъ), ограниченіемъ университетской автономіи, подчиненіемъ учебнаго округа ген.-губернатору въ качествѣ попечителя (въ Харьковѣ это произошло еще въ 1847 г.), отмѣною преподаванія философіи и установленіемъ нормальнаго числа слушателей (300), которое, уменьшивъ количество послѣднихъ (а еще раньше повышеніе платы) на основныхъ факультетахъ [1]), не сократило, однако, ихъ общаго количества, такъ какъ па медицин. факультетъ (вслѣдствіе практическихъ и военныхъ потребностей) эта мѣра не распространялась: по прежнему польскій элементъ преобладалъ въ университетѣ (см. выше), какъ и оставалось до 1863 года [2]). Въ заключеніе отмѣтимъ, что въ 1854 и 1855 гг. многіе изъ студентовъ, особенно малороссійскихъ губерній, по случаю формированія конныхъ казачьихъ полковъ, а студенты изъ южныхъ славянъ почти поголовно, ушли въ военную службу. Современникъ этихъ перипетій въ жизни университета говоритъ: «Плодомъ сильнаго умственнаго возбужденія съ одной стороны и строго-дисциплинарныхъ правилъ съ другой,—было въ массѣ учащагося

---

[1]) Стремились къ тому, «чтобы молодые люди, не получившіе въ домахъ бѣдныхъ и низкаго происхожденія родителей никакого наружнаго образованія и не вознаграждающіе сей недостатокъ отличными способностями, не принимались въ университетъ, дабы чрезмѣрнымъ, стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній, практическое приложеніе коихъ впослѣдствіи весьма часто, не подтверждаясь успѣхомъ, обманываетъ надежды недостаточныхъ родителей и мечтательное ожиданіе юношей», причемъ распоряженіе это должно было оставаться никому неизвѣстнымъ, кромѣ попечителя и ректора (К. Стар. 1898, № 12, стр. 76—80). Такъ узко смотрѣли въ то время на просвѣщеніе массы даже самые просвѣщенные изъ сановниковъ, когда въ средѣ служилаго класса царило полное невѣжество, а между тѣмъ въ самой мѣрѣ, рекомендуемой этимъ предписаніемъ, всецѣло имѣлась въ виду именно практическая цѣль.

[2]) Владимірскій-Будановъ, 623.

молодого поколѣнія (особенно на медицинскомъ фак.) ремесленное, механическое обученіе наукѣ, какъ ремеслу, и нравственное огрубѣніе среди кутежей, и только въ очень немногихъ избранныхъ, сильная внутренняя работа духа, которая хотя вырабатывала развитыя и энергическія натуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ готовила изъ нихъ озлобленныхъ враговъ общества и всякаго порядка» [1]).

Вообще, до открытія университета, Кіевъ былъ бѣдный провинціальный городъ» [2]), замѣчаетъ одинъ изъ его старожиловъ. Гр. Уваровъ называлъ университетъ «умственною крѣпостью» [3]), которая, можно сказать, создавалась на виду другой, матеріальной крѣпости, располагавшейся на высотахъ Печерска. Старая академія служила своей специальной цѣли. Но на первыхъ порахъ между этими двумя умственными центрами, старымъ и новымъ, существовали еще точки весьма тѣснаго соприкосновенія.

Университетъ получилъ отъ академіи первыхъ насадителей философскаго міросозерцанія въ умахъ юношества; однако это не предохранило философію отъ погрома, нанесеннаго ей въ 1849 году [4]).

---

[1]) Шульгинъ (Др. и Н. Рос. 1879, II, 127).

[2]) Воспом. М. К. Чалаго (Кіев. Стар. 1889, № 12, стр. 508).

[3]) Владимірскій-Будановъ, 298.

[4]) Вотъ въ какомъ видѣ продставляетъ одинъ изъ современниковъ той эпохи положеніе общеобразовательныхъ предметовъ въ настоящій переходный моментъ: «Кромѣ аккуратнаго посѣщенія университета, соблюденія формы, исправности въ пуговицахъ и чинопочитанія, обращено было строжайшее вниманіе на то, чтобы профессора, особенно исторіи, философіи и словесности, читали свои предметы, строго придерживаясь предписанной программы; не смѣли зарождать въ умахъ слушателей недовѣріе или неуваженіе къ существующему порядку. Проф. Селинъ изощрялъ все свое краснорѣчіе на древнихъ памятникахъ русской литературы, едва скользя по памятникамъ XVIII в. и не позволяя себѣ проникать въ XIX стол. Проф. всеобщ. исторіи Ставровскій читалъ фактически, по гимназическому, позволяя только себѣ подолѣе останавливаться на безобразіяхъ инквизиціи, индульгенцій, католическихъ монастырей и жизни и дѣяніяхъ папъ (по Ранке), а также щекоталъ нервы своихъ слушателей изображеніемъ

Но была еще не менѣе тѣсная связь, это нравственная—между ф. Брадке (попеч.) и Максимовичемъ (рект. унив.) съ ректоромъ академіи (1830—1837; еп. чигир.—1841) Иннокентіемъ (Борисовымъ). «Двери келлій моихъ всѣ и всегда для васъ отверсты», писалъ онъ Максимовичу; онъ часто звалъ его къ себѣ и навѣщалъ его. Онъ принималъ близкое участіе въ его трудахъ и предпріятіяхъ. «Незабвенны мнѣ тогдашнія его бесѣды со мною по вечерамъ и его длинная келлія въ Братскомъ мон., говоритъ Максимовичъ, вся заваленная книгами и газетными листами, и выходная дверь изъ нея въ небольшой садъ отдѣленный отъ міра каменною стѣною и ушпигованный (по выраженію Гоголя) устремленными къ небу тополями. Сколько разъ я приходилъ туда, истомленный служебными дѣлами, и каждый разъ возвращался оттуда освѣженный душею и мыслью». Мысль объ изданіи альманаха «Кіевлянинъ» и планъ «Историческаго общества» въ Кіевѣ были рѣшены ими совмѣстно [1]). Когда университетъ былъ закрытъ (1839), Иннокентій убѣдилъ

гаремной жизни восточныхъ властителей и описаніемъ приготовленія къ брачной ночи дѣвицъ для персидскихъ царей. Новицкій прекрасно, толково и ясно излагалъ логику, психологію (онъ издалъ краткія и обширныя руководства этихъ предметовъ) и весьма сжато и сухо исторію философскихъ системъ древняго міра. Еще большею сухостью и туманностью отличалось изложеніе исторіи новыхъ философскихъ системъ Гогоцкаго. Но уже предполагалось упразднить эту каѳедру въ университетѣ. (Отрывки изъ зап. А. А. Солтановскаго, К. Стр. 1892, № 5, стр. 242—243; ср. еще о Новицкомъ, Кіев. Стар. 1899, № 3, с. 309) о фак., В. Г. Авсѣенка (Школьные годы. Ист. Вѣст. 1881, VI, 70—71, 734).

[1]) Письма о Кіевѣ, 10, 17, 76, 79, 88, 115; записки Карлгофъ (Р. Вѣстн. 1881, № 10, с. 741). «У Максимовича при всѣхъ его литературныхъ достоинствахъ, не хватало настойчивости для совершенія какого-нибудь важнаго труда: онъ за все брался и ничего не кончалъ. Причиной этому вѣроятно было его разстроенное здоровье» (ревматизмъ во всѣхъ членахъ; а одной ногой онъ почти не владѣлъ и ходилъ на костыляхъ, ib. 740).

Максимовича написать записку въ его защиту и вызвался дать ей ходъ, а когда университетъ открыли раньше назначеннаго, то выражалъ свою радость по этому поводу [1]). Онъ принималъ дѣятельное участіе въ университетскихъ диспутахъ [2]) и подавалъ иногда здѣсь рѣшающій голосъ. «Онъ жилъ (позже) въ Михайловскомъ мон. (въ качествѣ и викарія) по сосѣдству съ нами, и мы почти ежедневно видались, пишетъ ф. Брадке. Глубокое и основательное знакомство съ нѣмецкими философами навлекало на него подозрѣніе въ свободомысліи; онъ былъ также вполнѣ знакомъ съ богословскими сочиненіями исповѣданій евангелическаго и католическаго и отзывался о нихъ съ большою ясностью, глубокомысліемъ и терпимостью. Его лекціи въ академіи слушались съ восторгомъ; сочиненія его переведены на многіе языки; но въ общественномъ отношеніи онъ отличался великимъ даромъ сообщать поучительное и образовательное направленіе бесѣдѣ даже съ самыми пустыми людьми: тутъ проявлялись сила и ясность его духа и кротость его характера. Онъ умѣлъ всегда сказать кстати рѣшительное и мѣткое слово. Въ санѣ архіепископа херсонскаго и таврическаго онъ снискалъ себѣ между прочимъ любовь и уваженіе старовѣровъ, съ которыми вступалъ въ открытыя пренія, держа св. Писаніе въ рукахъ. Наша лютеранская церковь въ Кіевѣ находилась въ печальномъ состояніи» [3]). Большое свѣтское общество Иннокентій принималъ иногда на дачѣ въ «Виѳаніи» (Ѳеофанія). «Находчивость ума, разнообразіе свѣдѣній, увлекательность въ выраженіи мыслей изумляли меня. Съ ген. Ридигеромъ (корп. командиръ) и другими, бывшими тутъ военными, онъ говорилъ о турецкой кампаніи, съ Бибиковымъ разсуждалъ объ администраціи края, съ другими говорилъ о политикѣ, съ дамами о литературѣ и поэзіи, даже коснулся французскихъ романовъ въ разговорѣ съ баронессой Фредериксъ, женой начальника штаба, очень

---

[1]) Письма о Кіевѣ, 86—87 (записка, 93—103); Карлгофъ, 741. Записка напеч. также въ Рус. Стар. 1902, № 6, стр. 610—616.

[2]) Домбровскаго и «поэта» Красова (Письма, 81—82).

[3]) Рус. Арх. 1875, I, 284—285.

модною дамой. Глубоко любилъ онъ природу» [1]). Объ этой последней чертѣ свидѣтельствуетъ и Максимовичъ: «Иннокентій былъ великій любитель природы, говоритъ онъ, да и во мнѣ, кажется, полюбилъ онъ прежняго естествоиспытателя и сочинителя «Размышленій о природѣ» (50).

Академія мало оказывала вліянія на внѣшнія отношенія. И здѣсь первенствовала философія, отчасти въ лицѣ тѣхъ же представителей (Новицкій, Карповъ, Михневичъ, Авсеневъ; но исторія, и словесность не процвѣтали [2]), а богословіе и исторія русской церкви имѣли своихъ едва ли не самыхъ даровитыхъ представителей въ теченіе этого періода: Иннокентія Борисова, Димитрія Муретова, Макарія Булгакова. Послѣднему принадлежитъ обработка лекцій по исторіи русской церкви въ его обширномъ трудѣ и исторія Кіевской академіи до позднѣйшаго времени [3]). «Десять лѣтъ начальствованія его (Иннокентія), академіей, по словамъ м. Макарія, могутъ быть названы самымъ блестящимъ періодомъ ея исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это была, если не самая лучшая, то самая блестящая пора его славы, какъ проповѣдника» [4]).

---

[1]) Зап. Карлгофъ (Р. Вѣст. 1881, № 10, с. 737—738).

[2]) См. дневникъ В. И. Аскоченскаго (Ист. Вѣстн. 1882, VII, 319, 338—341, преподаватели; ср. также, т. VIII и IX—черты обществ. жизни и духовенства). Иннокентій выражался, что нигдѣ въ Россіи философія не читается лучше, какъ въ Кіевской академіи (Девн. Аскоченскаго, VII, 337—338).

[3]) Иннокентій, архіеп. херсон. и таврич., 1800—1857, Н. М. Востокова (Р. Стар. 1878, тт. XXI—XXIII; 1879, т. XXIV); переписка и бумаги его, изд. Н. И. Барсовымъ (Хр. Чтеніе, Тр. К. Дух. акад., въ Чт. Общ. ист. 1884—87 гг.) и отд. (изъ Хр. Чт., 2 вв. 1887—88); Нѣскол. словъ объ архіеп. Иннокентіѣ Борисовѣ, его же (Хр. Чт., 1884, №№ 3—4; 1886, № 11—12; Библіогр. 1890, № 11); И. Стрѣльбицкаго (Тр. К. ак. 1889, № 8); Макарій Булгаковъ, м. московскій; Ѳ. Титова, т. I, К., 1895; Пятидесятилѣтній юбилей К. Д. академіи К. 1869 (въ немъ ист. зап. И. И. Малышевскаго).

[4]) Барсуковъ, VI, 404—405.

Въ 1856 г. въ духовн. акад. было учащихся 89, въ семин. 486 (Пам. кн. на 1858 г. 272). Акад. библ. заключала въ себѣ 12760 назв. въ 21415 том. (ib., 274).

XXI.

Открытіе учебнаго округа въ Кіевѣ почти совпало съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уварова (1833—1848). До образованія округа въ трехъ западныхъ губерніяхъ училищъ оставалось всего 19. Всѣ они подлежали преобразованію по уставу 1828 г.; ни одно не имѣло ни полнаго состава, ни опредѣленной системы управленія и обученія; рѣдкое имѣло прочную осѣдлость, ожидая перевода съ одного мѣста въ другое. Учениковъ было мало: старые разошлись подъ вліяніемъ паническаго страха, новые приходили нерѣшительно и боязливо оглядываясь назадъ [1]).

Съ открытіемъ университета въ Кіевѣ, въ 1834 г., Высшая гимназія была преобразована по уставу 1828 г. и сравнена въ правахъ съ остальными гимназіями [2]). При ней учреждены были два благородныхъ пансіона: 1831—при гимназіи [3]); въ 1834—на Подолѣ. Въ 1836 г., при поддержкѣ ген.-губ. Левашова, хлопотавшаго объ умноженіи училищъ въ районѣ его края, изъ послѣдняго, Кіево-подольскаго пансіона, образована была 2-я гимназія [4]), ставшая губернскою и предназначавшаяся для вольно-приходящихъ воспитанниковъ; между тѣмъ, какъ первая продолжала сохранять характеръ закрытой,

---

[1]) Шульгинъ, Ист. унив., 30.

[2]) Въ связи съ этимъ содержаніе гимназіи въ 1833 г. отнесено на счетъ государственнаго казначейства; всѣ же доходы съ гимназич. капитала, составлявшаго тогда 740,683 р. ассигн., назначены были въ университетъ св. Владиміра, за исключеніемъ 31,000, опредѣленныхъ на содержаніе 2-хъ училищъ (Махновскаго и Радомысльскаго) и пансіона при гимназіи—21,528 р. с.

[3]) Онъ помѣщался въ Липкахъ, на углу Лютеранской и Левашовской уу., № 22 (Воспом. Ге, с. 55).

[4]) Н. С. Тумасовъ, Истор. Кіев. 2-й гимназіи (К. Стар. 1902, № 1, с. 40). Открыта на суммы съ доходовъ отъ имѣній упраздн. въ 1832 г. р.-католическ. монастырей и на средства, собранныя по подпискѣ (41).

дворянской гимназіи и была преобразована на общихъ основаніяхъ, въ 1860 г.

Въ 1835 г., предъ прибытіемъ импер. Николая въ Кіевъ, составлены были статистическія свѣдѣнія объ учебныхъ заведен. въ Кіевскомъ учебномъ округѣ. Свѣдѣнія эти представляются въ слѣдующемъ видѣ: университетъ св. Владиміра съ 123 учащимися; лицей кн. Безбородка въ Нѣжинѣ съ 170 воспитанниками. Въ Кіевской губ. 1 гимназія (губернская) съ 591 учащимся; уѣздныхъ училищъ въ губерніи—4 съ 324 уч.; приходскихъ училищъ 12 съ 251 уч. муж. пола и женскихъ 7 съ 196 уч. Въ Волынской губ.—2 гимназіи, Житомирская (губернская) съ 320 уч., и Клеванская съ 254 уч.; уѣздныхъ училищъ 4 съ 266 уч.; приходскихъ 19 съ 351 уч. (всѣ муж. пола); частныхъ женскихъ пансіоновъ 3 съ 48 учащ. Въ Подольской губ. 2 гимназіи: Каменецъ-Подольская (губернская) съ 210 уч. и Винницкая съ 322 уч.; уѣздныхъ училищъ 2 съ 146 уч., приходскихъ училищъ 3 съ 237 уч. (всѣ муж. пола); частныхъ пансіоновъ мужск. 2 съ 19 учащ. и женскихъ 4 съ 47 учащимися.—Въ Черниговской губ. 2 гимназіи: Черниговская (губернская) съ 160 уч. и Новгородъ-Сѣверская съ 268 уч., уѣздныхъ училищъ 17 съ 1005 уч. (въ томъ числѣ Александровское греческое въ Нѣжинѣ); приходскихъ училищъ 17 съ 669 уч. (всѣ муж. пола); частныхъ пансіоновъ не было.

Итого во всемъ округѣ было: 2 высшихъ учебныхъ заведенія съ 293 уч., 7 гимназій съ 2135 уч., 27 уѣздныхъ училищъ съ 1741 уч., 51 приходское училище съ 1508 уч. муж. пола и 94 женскаго; 5 частныхъ мужск. пансіоновъ съ 131 уч. и 14 женскихъ въ 291 уч. Такимъ образомъ всѣхъ учебныхъ заведеній было 106, всѣхъ учащихся—5808 муж. пола и 385 жен. [1]). Въ частности въ Кіевѣ показаны: кіево-подольское уѣздное училище со 162 уч., 4 приходскихъ училища: кіево-печерское мужское ланкастерское съ 45 уч., кіево-печерское дѣвичье съ 42 уч., кіево-

---

[1]) Брадке говоритъ, что онъ принялъ 2000 воспитанниковъ, а своему преемнику оставилъ 12000.

подольское муж. съ 47 уч. и кіево-подольское женское съ 52 уч.; 5 частныхъ пансіоновъ; мужской съ 20 уч. и 4 жен. съ 140 уч. [1]). Всего въ Кіевѣ 12 среднихъ учебныхъ заведеній съ 882 уч. муж. пола и 164 женскаго [2]).

Въ 1836 г., какъ сказано выше, была учреждена 2-ая гимназія съ пансіономъ при ней, сначала помѣщавшаяся на Подолѣ, а затѣмъ переведенная въ верх. часть города и, до отстройки собственнаго зданія, размѣщавшаяся въ частныхъ домахъ. Первымъ дир. ея былъ И. П. Милашевичъ, воспитан. Педаг. института [3]), а съ 1839—1848 г. проф. С. О. Богородскій [4]). Одинъ изъ воспитанниковъ

---

[1]) Муж. панс. Коваленкова (на Старомъ городѣ); женскіе—Тютэ съ 65 учениц., Залѣской (образцовый) съ 40 учащ. (на Старомъ гор.) и Смирновой съ 24 учащ. (на Подолѣ). О панс. Тютэ (Р. Стар. 1904, № 6, с. 627). О пансіонѣ въ Златополѣ (Кіевск. Стар. 1901, № 3, с. 151).

[2]) Нѣсколько данныхъ о состояніи Кіев. учебн. окр. въ 1835 г.. В П. Науменка (К. Стар. 1890, № 1; 127—130).

[3]) Въ началѣ 2-ю гимн. имѣлось въ виду помѣстить на мѣстѣ усадьбы Бѣгичева, предоставленной потомъ институту благ. дѣвицъ. Поэтому часть гимназіи (первыя отдѣленія) помѣщались противъ Царск. сада въ д. Гербеля (н. № 43), а другая (вторыя отдѣленія) въ Липкахъ въ д. Коробки, затѣмъ въ д. Киселевскаго, нынѣ Попова (уг. Лютер. у. и Крещатика), Бринкена, (№ 31) и Верхаловскаго (№ 43), на Крещатикѣ (домъ теперь новый). Затѣмъ парал. отд. были переведены въ дд. Матросова, Иржикевича (на Лютеранск. ул.). и Головни. Для гимназіи былъ отстроенъ новый домъ, предоставленный тогда же кадет. корпусу, а по возведеніи для него постройки (1857)—1-й гимназіи. Поэтому 2-я гимназія была помѣщена въ д. Козлова (нынѣ военно-окружной судъ), пока не было построено новое зданіе, въ настоящей усадьбѣ по Бибиков. бульв., въ 1856 г. (ib., 45—46; № 4, с. 137; Р. Арх. 1899, с. 247). Содержаніе учениковъ въ пансіонахъ обходилось 90—120 р., на частныхъ квартирахъ 70—300 р. По оффиціальнымъ даннымъ $^2/_5$ воспитанниковъ въ каждой гимназіи «недостаточнаго состоянія до такой степени, что значительная часть не можетъ пріобрѣсть книгъ для обученія за деньги» (К. Стар. 1900, № 3, стр. 141—142).

[4]) Противоположные взгляды на его управленіе (Шульгинъ, 76; Тумасовъ, Ист. Кіев. 2-й гимн., К. Стар. 1902, № 6, с. 449—452).

первой гимназіи 40-хъ годовъ съ большой похвалой отзывается о своихъ учителяхъ: по математикѣ Гренковѣ и Тихомандрицкомъ, по русской словесности Арсеньевѣ,—большомъ поклонникѣ Жуковскаго, и особенно о Костомаровѣ, разсказы котораго приковывали вниманіе учениковъ, не исключая и поляковъ. Ученики охотно занимались музыкой и многіе изъ поляковъ отлично играли на фортепіано. Съ такой же похвалой авторъ говоритъ о директорѣ Ал. Гр. Петровѣ (сынѣ названнаго раньше), назначенномъ уже Брадке [1]) и о которомъ одинъ изъ дѣятелей той же эпохи выражается, какъ «о блестящемъ молодомъ человѣкѣ по образованію, уму и службѣ» [2]). Наши враги были надзиратели, говоритъ Ге; тутъ были всякіе люди: былъ французъ, котораго любимое занятіе было говорить о гадостяхъ; нерѣдко онъ былъ пьянъ; былъ одинъ швейцарецъ, старый, въ парикѣ, большой чудакъ, былъ грекъ, одинъ полякъ, нѣмецкій еврей и даже одинъ графъ; но ни объ одномъ ничего нельзя сказать—самое лучшее забыть. У насъ были въ ходу наказанія ѣдой; были такіе уче-

---

Послѣ него директорами были: Н. М. Трахимовскій (—1850), Н. А. Ригельманъ (—1853), Е. П. Стеблинъ-Каменскій (—1854), Н. М. Гренковъ (—1860). Ист. Кіев. 2-й гимн. (К. Стар. 1902, № 4, с. 141—144); Первые годы Кіев. 2-й гимназіи, Слѣпушкина. Въ началѣ 1836 г. въ ней было 246 уч., а въ концѣ 354, изъ коихъ 308 поступило изъ 1-й гимназіи (ibid, № 1, с. 42); въ 1845 г.—453. Въ 1856 г. въ ней числилось уже 586 учен. (Памят. кн. на 1858 г., 271); а въ 1860—659 (Андріяшевъ, 81).

[1]) Кіев. 1-я гимн. въ сорок. годахъ (Сборн. въ пользу недост. студ. унив. св. Владиміра), 52—65; зап. ф. Брадке (Р. Арх. 1875, I, 275); ср. зап. Селецкаго (К. Стар. 1884, LVIII, 276: «директоръ былъ умный и просвѣщенный человѣкъ»).

[2]) Зап. Сбитнева (К. Стар., т. XVII; с. 307). Преемникомъ А. Г. Петрова (—1850) былъ А. П. Любимовъ (—1857). Позже выдавались преподаватели: матем. Рощинъ, физики Ѳ. Ѳ. Петрушевскій, естеств. наукъ— В. П. Девьенъ (Андріяшевъ, 102); словесности—А. П. Иноземцевъ и латин. яз.—И. Я. Ростовцевъ (Школьные годы, В. Г. Авсѣенка, Истор. Вѣстн. 1881, IV, 716. 729).

ники, которые оффиціально никогда не обѣдали. При 1-й гимназіи былъ частный панс. француза Гедуэна на 15 учен., считавшійся лучшимъ въ городѣ. «Не смотря на раздѣленіе насъ на двѣ національности, на поляковъ и русскихъ, вражды у насъ не было и этотъ вопросъ насъ совсѣмъ не занималъ. Насъ занималъ вопросъ о крѣпостныхъ. У насъ были слуги, крѣпостные родителей, которыхъ въ видѣ охраны дѣтямъ даже отъ начальствъ посылали родители. Они были вмѣстѣ съ тѣмъ слуги въ пансіонѣ, т. е. всѣхъ. И вотъ по поводу этихъ слугъ у насъ шли споры, среди насъ хотя немного, но были угнетатели слугъ (это—будущіе крѣпостники). Въ «Колоколѣ» Герцена я встрѣтилъ имя одного изъ такихъ нашихъ товарищей—вотъ имъ и доставалось отъ большинства послѣднихъ—за дурное обращеніе со слугами» [1]).

---

[1]) См. воспом. Ге (53) и зап. Солтановскаго (К. Стар. 1892, № 4, с. 75). Число учащихся въ 1-й гимназіи было: въ 1831 г.—320; въ 1835—586; въ 1837—279; въ 1847—300; въ 1849—260; въ 1850—216; въ 1856—213. Число выб. до окончан. курса: въ 1831—45; въ 1837—110; въ 1847—12; въ 1849—27; въ 1856—40. Число выб. по оконч. курса: 1831—16; 1837—14; 1849—51; 1856—22. Съ 1837 г. количество учениковъ падаетъ вслѣдствіе учр. 2-й гимназіи и перевода въ нее вольноприход. учен. 1-й гимназіи. Въ 40-хъ годахъ опять увеличивается, вслѣд. запрещ. принимать въ ун-тъ лицъ домашняго воспитанія и запрещенія учащимся жить по частнымъ квартирамъ, а также развитія системы закрытыхъ заведеній во всемъ Кіевскомъ окр. (Отчетъ Кіев. уч. окр. 1849 г.). Съ 1850 г., запрещеніе относительно помѣщенія на частныхъ квартирахъ ослабѣваетъ, а въ 1856 г. совсѣмъ отмѣняется, а также и запрещеніе принимать въ ун. неокончившихъ курса гимназіи. До 1837 г. 1-я гимн. состояла изъ благ. панс., фундушеваго конвикта, а съ 1838 г. и *училища землемѣровъ*. Въ 1837 г. учр. былъ 2-й благ. панс., а въ 1847 и 3-й (съ которымъ соедин. былъ и фунд. конвиктъ) «исключительно для гоноровыхъ пановъ съ очень почтенною платою и такою же обстановкою» (Шульгинъ, 128). Въ 1850 г. закрытъ былъ 2-й панс., а въ 1851 г. уч. землемѣровъ переведено во 2-ю гимн., а вслѣд. постояннаго уменьшенія своекошт. пансіон., въ 1861 г. гимназія была обращена въ открытое заведеніе (Андріяшевъ, 43, 82—83). Ученики обязаны были въ извѣстные дни говорить по-французски и по-нѣмецки (52).

Въ числѣ преподавателей 2-й гимн. были: извѣстный экономистъ И. В. Вернадскій, К. И. Гиршъ, трудившійся надъ исторической географіей Россіи, А. А. Николаевскій, воспит. Кіев. академіи, составившій учебникъ «исторіи русской литературы», одобренный факультетомъ, В. Я. Шульгинъ, И. В. Лашнюковъ, И. О. Самчевскій, извѣстный нѣсколькими статьями и участіемъ въ изданіи памятниковъ Кіев. арх. ком.—всѣ историки; В. А. Унтиловъ, З. Ф. Коробкинъ, А. И. Селинъ и М. К. Чалый—по исторіи словесности и русскому языку, Линовскій, Роговичъ—математики, Юскевичъ-Красковскій по латинскому яз. и др. [1]). Начало новаго учебнаго заведенія было омрачено, однако, печальнымъ эпизодомъ. Въ 1837 г. изъ учениковъ 2-ой гимн. и печерскаго училища (числомъ 11) образовалась, подъ предводительствомъ посторонняго лица, воровская банда, грабившая въ контрактовомъ домѣ магазины, а въ домѣ фельдм. Сакена похитившая сундукъ съ деньгами и цѣнными вещами, распродававшая ихъ и предававшаяся полному разгулу. Почти всѣ они подверглись тѣлесному наказанію и были исключены. Въ донесеніяхъ того времени мы постоянно встрѣчаемся съ весьма тяжкими пороками учениковъ, свидѣтельствующими о низкомъ уровнѣ среды, въ которой имъ приходилось вращаться [2]). Требованія относительно формы и внѣшней дисциплины поддерживались въ среднихъ уч. заведеніяхъ не менѣе строго, чѣмъ въ университетѣ, составляя предметъ заботъ не только своего начальства, но и высшей власти; а такъ наз. *субботники* вполнѣ процвѣтали и, вѣроятно превосходили систему наказаній, существовавшую въ иныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ того времени; по крайней мѣрѣ имена многихъ изъ педа-

---

[1]) К. Стар. (Тумасовъ), 1902, № 4, стр. 146, № 6, 153—154. Къ концу періода требованія русскаго языка были усилены (№ 3, с. 390) и обязанность эта возлагалась на университетъ, которому, какъ поставленному во главѣ здѣшняго народнаго образованія, вмѣнялось «возстановить, утвердить и усовершенствовать это основное начало отечественной народности».

[2]) К. Стар. 1902, № 5, с. 264—66. О 2-й гимн. также воспом. Н. Д. Богатинова (Р. Арх., 1899, № 6, с. 247—52).

гоговъ этого порядка до сихъ поръ сохраняются въ памяти потомковъ; а изобрѣтательность ихъ въ наказаніяхъ доходила до виртуозности. «Въ мое время никто не возмущался такими наказаніями», прибавляетъ Ге[1]). Но усердные исполнители требованія дисциплины доводили его до крайности. Въ 1849 г. Бибиковъ писалъ: «строго наблюдать, чтобы воспитанники занимались и играли всегда разстегнутые, такъ какъ сжатіе одеждой груди въ отроческомъ и юношескомъ возрастѣ можетъ имѣть вредное вліяніе на развитіе физическихъ силъ». Въ 50-хъ годахъ въ среднихъ[2]) учебныхъ заведеніяхъ введена была маршировка и военная выправка [3]). Увидавъ гимназистовъ, импер. Николай велѣлъ срѣзать воротники, подпиравшіе голову, чтобы дать свободу головѣ [4]).

Всѣ мѣры, предпринятыя въ разсматриваемомъ періодѣ, выясняютъ вполнѣ основную мысль законодателя—сдѣлать гимназіи исключительно мѣстомъ для образованія дворянскаго сословія. Къ причинамъ назначенія гимназій преимущественно для дворянъ служило и то обстоятельство, что съ 1827 г. поприще службы гражданской открыто было главнѣйшимъ образомъ дворянскому сословію [5]); а такъ какъ идея законодателя не всѣми была по-

---

[1]) Воспоминанія, 54, 63—64. Директоры, инспекторы и надзиратели часто назначались, а послѣдніе преимущественно изъ воен. лицъ (Ге, с. 62, К. Ст. 1902, № 1, с. 43; № 4, с. 150 и др.). Въ 1834 г. сдѣлана попытка ввести польскій яз., но была отклонена министерствомъ (К. Стар., 1902, № 4, с. 44). Впрочемъ, въ то время, какъ оффиціально говорилось (Отчетъ, 1848) объ успѣхахъ русскаго языка въ краѣ, было установлено умноженіе домашнихъ польскихъ школъ (Др. и Н. Рос. 1879, II, 129—130). Поч. попечителями въ учебн. заведеніяхъ обыкновенно бывали польскіе магнаты.

[2]) К. Стар. 1902, № 3, с. 391.

[3]) Ibidem, 1892, № 5, с. 246.

[4]) Воспом. Ге, 64. Распоряженія попеч. Давыдова о соблюденіи формы (К. Стар. 1900, № 12, с. 147—148).

[5]) Въ 1834 г. окончившимъ курсъ въ гимназіи въ западныхъ губерніяхъ, за успѣхи въ русскомъ языкѣ, предоставляется право на

нята и не вездѣ была приведена въ исполненіе, то въ 1837 г. признано было необходимымъ еще точнѣе и положительнѣе, особымъ постановленіемъ выразить новыя начала. Въ постановленіи этомъ прямо сказано, что «смѣшеніе состояній въ однихъ и тѣхъ же училищахъ нарушаетъ порядокъ соразмѣрности въ степеняхъ ученія и вводитъ противорѣчіе въ гражданскомъ положеніи лица съ умственнымъ его образованіемъ». Въ предупрежденіе вредныхъ послѣдствій, отъ сего произойти могущихъ, предписано было строгое соблюденіе условій принятія въ училища, сообразно предназначенію каждаго рода ихъ. Въ силу этого постановленія, подтвержденнаго въ 1852 г. запрещеніемъ принимать въ гимназію Кіевской, Подольской и Волынской губерній дѣтей податныхъ состояній, мало-по-малу установился порядокъ, по которому крестьяне пользоваливь одними приходскими училищами, а дворяне гимназіями. При этомъ, параллельно съ развитіемъ идеи о гимназіи, какъ о заведеніи, предназченномъ для образованія дворянскаго сословія и приготовленія воспитанниковъ къ служебному поприщу, развивается учрежденіе благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ [1]).

«Благородное юношество, писалъ С. С. Уваровъ, въ оффиціальномъ отчетѣ въ 1843 г., лучшій цвѣтъ возрастающаго поколѣнія, предназначеннаго самимъ происхожденіемъ своимъ и способами жизни къ занятію важнѣйшихъ должностей въ государствѣ, долженствовало по возможности имѣть и воспитаніе отдѣльное. Раздѣляя въ уѣздныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ выгоды публичнаго образованія съ юношествомъ другихъ свободныхъ сословій, оно получило еще и особые способы къ воспитанію: въ Москвѣ въ дворянскомъ институтѣ, въ С. Петербургѣ и Кіевѣ—въ опредѣленныхъ на то гимназіяхъ, въ Вильнѣ—въ

чинъ XIV класса; а съ 1849 г. обучающіеся въ гимнязіяхъ съ 4-го класса раздѣляются на два отдѣленія: готовящихся въ университетъ и въ службу, съ замѣною для послѣднихъ латинскаго языка русскимъ законовѣдѣніемъ.

[1]) Андріяшевъ, Истор. статист. обозр. 50-лѣтняго существов. Кіевск. 1-ой гимназіи, К. 1862, с. 36--40.

дворянскомъ институтѣ; въ другихъ же городахъ—въ благородныхъ пансіонахъ, заводимыхъ не только при гимназіяхъ, но и при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ.

«Съ самаго начала вступленія моего въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, я обратилъ вниманіе попечителей учебныхъ округовъ, гражданскихъ губернаторовъ и предводителей дворянства на эти полезныя учрежденія. Я объяснилъ имъ въ подробности прямую цѣль пансіоновъ, которые по преимуществу должны сосредоточивать въ себѣ благородное юношество, но при всемъ томъ не даютъ окончательнаго образованія молодымъ людямъ, а только приготовительное къ слушанію лекцій университетскихъ. Сіи внушенія не замедлили принести плоды самые утишительные.

«Дворянство съ готовностью приняло на себя обязанность устроить и содержать своимъ иждивеніемъ благородные пансіоны и нынѣ число ихъ возрасло уже до 46... Воспитаніе, даруемое такимъ образомъ юношамъ, не оставлено безплоднымъ для тѣхъ губерній, въ которыхъ юношеству доставляется ученіе на счетъ казны или жертвуемыхъ дворянскимъ сословіемъ суммъ... Сословію купеческому, мѣщанскому и, по мѣрѣ возможности, самымъ поселянамъ открыты приличные способы къ образованію, сообразному съ ихъ потребностями, образами жизни и положеніемъ въ государствѣ. Имъ, особенно двумъ первымъ классамъ, предоставлено пользоваться ученіемъ въ приходскихъ, уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ; дѣтямъ почетныхъ гражданъ открытъ безпрепятственно, наравнѣ съ дворянскими, доступъ къ университетскимъ курсамъ. Не принимая на себя обязанности учреждать на свой счетъ учебныя заведенія для мѣщанъ и поселянъ тамъ, гдѣ въ самыхъ жителяхъ еще не пробудилось стремленіе къ образованію, правительство разрѣшаетъ открывать приходскія училища всюду, гдѣ это желаніе развивается успѣхами промышленности и другими мѣстными причинами. Съ своей стороны оно обезпечиваетъ содержаніе 51-го изъ нихъ ежегоднымъ назначеніемъ достаточныхъ на то суммъ. Не исключая даже лицъ крѣпостнаго состоянія отъ участія въ благотворныхъ плодахъ знаній

и просвѣщенія, министерство, однако, считало необходимою обязанностію для себя привести ихъ въ мѣру истинныхъ нуждъ и прямой пользы умственной и нравственной людей этого сословія. Объемъ ихъ обученія ограниченъ одними приходскими и уѣздными училищами. Переходъ изъ низшихъ въ среднія учебныя заведенія, а изъ сихъ въ высшія, вездѣ и для всѣхъ состояній, подчиненъ опредѣлительнымъ правиламъ, всегда соблюдаемымъ въ точности, въ отношеніи же къ людямъ крѣпостнаго состоянія эта строгость еще болѣе усилена: они не иначе допускаются въ эти заведенія, какъ когда, по волѣ помѣщиковъ, получатъ увольненіе отъ сего состоянія. Мѣщанъ, свободныхъ поселянъ, вообще людей податнаго состоянія разрѣшено допускать въ высшія учебныя заведенія и даже университеты, но не иначе, какъ по представленіи ими свидѣтельствъ объ увольненіи изъ тѣхъ обществъ, къ которымъ они принадлежатъ» [1]).

Политическое положеніе Юго-Западнаго края вызвало полное сочувствіе этой системѣ со стороны главнаго его начальника. Закрытыя учебныя заведенія Бибиковъ почиталъ «важнѣйшимъ пособіемъ къ утвержденію воспитанія на незыблемыхъ нравственныхъ началахъ», и потому, по его собственнымъ словамъ, система этихъ заведеній въ подчиненныхъ ему губерніяхъ

---

[1]) Десятилѣтіе мин. нар. просвѣщенія 1883—1843, Спб. 1864, стр. 8—12.

Въ 1847 г., въ запискѣ, представленной государю, во время пребыванія его въ Кіевѣ, Бибиковъ писалъ: «По моему мнѣнію было бы полезно образованію молодыхъ людей въ учебныхъ заведеніяхъ дать направленіе болѣе матеріальное, которое, занимая умъ ихъ знаніями положительными, не давало бы времени воображенію отвлекать ихъ отъ полезныхъ занятій. Для сего нужны только нѣкоторыя преобразованія, особенно въ курсахъ гимназій и училищъ; тогда можно надѣяться, что мечтамъ о народности, о самостоятельной Польшѣ и пр. не было бы мѣста: дѣятельность матеріальная уничтожила бы обманы воображенія и успѣхи на этомъ поприщѣ увлекли бы всѣхъ и каждаго» (Шульгинъ, 125). Впослѣдствіи была признана вредная сторона этой сословной отчужденности (Барсуковъ, X, 264, 270, 259).

была доведена «до тѣхъ предѣловъ, которыхъ нельзя переступить, не касаясь правъ родителей надъ дѣтьми». И вотъ на постройку зданій для закрытыхъ заведеній дворянство 3-хъ губерній приглашено было жертвовать по 3 коп. съ души въ теченіе 12 лѣтъ. Сверхъ того, графы Браницкіе и гр. Б. Потоцкій построили на свой счетъ закрытыя гимназіи въ Бѣлой церкви и Немировѣ, гр. Пржездецкій—училище въ м. Черномъ-Островѣ, кн. Любомирскій и гр. Злотницкій пожертвовали дома: первый для гимназіи въ Ровно, второй—для училища въ Радомыслѣ. Вообще, закрытыя гимназіи (съ пансіонами или общими квартирами) устроены были: въ Кіевѣ (двѣ), Каменцѣ, Житомирѣ, Черниговѣ, Полтавѣ, Бѣлой церкви, Немировѣ, Ровно, Винницѣ, Нѣжинѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, и уѣздныя училища въ Черномъ-Островѣ, Златополѣ, Меджибожѣ и Ромнахъ [1]). Въ 1852 г. въ закрытыхъ заведеніяхъ изъ 9765 учащихся помѣщалось 1800, т. е. $^1/_9$ всѣхъ учащихся [2]). Д. Г. Бибиковъ въ непосредственное вѣдѣніе котораго съ 1848 г. перешелъ учебный округъ, стремился «водворить въ училищахъ вообще и особенно въ университетѣ св. Владиміра тотъ нравственный духъ покорности, который, по словамъ его доклада, представленнаго въ 1850 г., долженъ служить основою нашего отечественнаго воспитанія». А на сколько это удалось ему, можетъ служить подтвержденіемъ свидѣтельство одного современника, описывающаго сцену прощанія бывшаго начальника края съ дворянствомъ:

---

[1]) Десятилѣтіе, 42—43; Шульгинъ, Юго-Западный край, 124—125. При университетѣ св. Владиміра также устроены были общія квартиры (см. выше).

[2]) Къ 1845 г. всѣхъ учащихся въ Кіевѣ было 3546, муж. п. 3253, жен. п. 293 (Фундуклей, I, 450); въ 1856—3803 (муж. 2991, жен. 812), не считая дух. уѣзд. учил. (2) до 800 учен. и батал. кантон. 3619 (Пам. кн. 1858 г., с. 271—273). Въ частности, кромѣ гимназій, въ уѣзд. двор. учил. 83, уѣзд. (подольск.) 41; 6-ти приход. 190, въ 2-хъ дѣт. пріютахъ—55, част. муж. панс. (Гедуэна и Вейля)—38, муж. школѣ—43. Первый изъ нихъ—въ Липкахъ, второй на Ст. городѣ (н. Фунд. ул.).

«Въ большой актовой залѣ университета послѣ торжественнаго молебствія собраны были воспитанники кіевскихъ гимназій. Вошелъ ген. губернаторъ въ сопровожденіи болѣе 30 предводителей дворянства трехъ губерній, съѣхавшихся тогда въ Кіевъ. Все это было облечено въ полную мундирную форму. Началась команда ученикамъ: «ложись, вставай, спи, храпи, садись». Когда всѣ эти приказанія безъ словъ, послушно, какъ однимъ человѣкомъ, выполнены были цѣлою массою молодого поколѣнія—генер. губернаторъ обратился къ предводителямъ дворянства и, устремивъ на нихъ свой, многимъ памятный, взглядъ, сказалъ: «смотрите, вотъ, что значитъ повинованіе—и вотъ какъ я учу дѣтей вашихъ! Довольны ли вы?»—«И вся эта масса шитыхъ дворянскихъ мундировъ въ безмолвіи отвѣсила низкій поклонъ передъ оригинальнымъ наставникомъ въ повиновеніи», говоритъ историкъ событій [1]).

Преемнику Бибикова кн. Васильчикову [2]) приходилось уже наставлять о недостаточности «однѣхъ полицейскихъ мѣръ», «о необходимости нравственной власти», чтобы имѣть вліяніе «на умъ и сердце учениковъ», а эти качества пріобрѣтаются разумными требованіями, справедливостью и благодушіемъ съ ними. Съ дѣтьми прежде всего надо быть добрымъ... Боже сохрани уничтожать въ дѣтяхъ чувство ихъ нравственнаго достоинства. Теперь говорилось (а это было еще въ 1853 г.): «тѣлесное наказаніе допускается какъ необходимая крайняя мѣра, безъ которой *всевозможно должно* стараться обходиться. По числу тѣлесныхъ наказаній въ заведеніи можно *безошибочно заключить о его неудовлетворитель-*

---

1) Шульгинъ стр. 111.

2) «Убѣжденный аристократъ князь Васильчиковъ (1852—62 ген. губ.) былъ истиннымъ антиподомъ демократа Бибикова: если послѣдній заботился объ интересахъ крестьянъ, то главной заботой перваго было оберегать интересы мѣстнаго дворянства. Подъ охраной такой политики зрѣла мысль о возстановленіи Рѣчи Посполитой въ самыхъ стародавнихъ предѣлахъ» и т. д. (Моя жизнь, Романовича-Славатинскаго, В. Европы 1903, № 5, с. 182). Васильчиковъ—«человѣкъ благороднѣйшихъ чувствъ», по выраженію Бибикова.

номъ состояніи, а удаленіе изъ заведенія онъ считалъ такою мѣрою, которая не можетъ быть приведена въ исполненіе безъ подробныхъ каждый разъ свѣдѣній о всей школьной жизни воспитанника, представляемыхъ на его усмотрѣніе [1]) И ученикъ повстрѣчавшійся въ разстегнутомъ мундирѣ съ кн. Васильчиковымъ, на его вопросъ, могъ уже отвѣтить: «теперь не то, что было; нашъ князь очень добръ и навѣрное проститъ» [2]).

Женское воспитаніе въ западныхъ губерніяхъ также не было оставлено безъ вниманія, въ связи съ развитіемъ общей системы. Но преобразованіе его вначалѣ встрѣчало преграды особаго рода: съ давнихъ поръ жители этого края привыкли видѣть образованіе своихъ дочерей въ рукахъ нѣкоторыхъ женскихъ монашескихъ орденовъ, которые въ этомъ занятіи полагали исполненіе своего церковнаго обѣта и способы къ существованію. Не легко было преодолѣть вмѣстѣ и народныя предубѣжденія, и религіозныя чувства. Не смотря, однако, на эти затрудненія, заведенія министерства вскорѣ наполнились воспитанницами и достигли процвѣтанія. Благородный институтъ въ Бѣлостокѣ занялъ первое мѣсто между этими учрежденіями. Затѣмъ послѣдовали такіе же институты въ Кіевѣ и близъ Могилева (на дачѣ Пиленбергъ) и рядъ образцовыхъ частныхъ пансіоновъ въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Минскѣ, Гроднѣ, Вильнѣ. Подобные же пансіоны возникаютъ въ Кіевѣ, Житомирѣ, Винницѣ, Каменцѣ, Ровно и др. Содержательницами такихъ пансіоновъ назначались русскія, преимущественно бывшія воспитанницы институтовъ. Во всѣхъ частныхъ дѣвичьихъ пансіонахъ введено было преподаваніе русскаго языка. Въ 1840 г. всѣ монастырскія училища въ западномъ краѣ были закрыты и отпускавшаяся на нихъ изъ фундушеваго капитала сумма обращена на устройство свѣтскихъ женскихъ учебныхъ заведеній [3]).

---

1) К. Стар. 1902, № 3, стр. 391—394.

2) Шульгинъ, Ю. З. край, 116, 117, 123.

3) Десятилѣтіе мин. нар. просв. 43—44. Матеріалы для исторіи женск. образованія въ Россіи (1828—1856), Е. Лихачевой, 26.

Мысль объ учрежденіи института въ Кіевѣ возникла еще въ 1833 г. Кіев. ген. губ. гр. Левашовъ, въ своемъ представленіи государю, писалъ, что, присмотрѣвшись къ образу жизни мѣстнаго населенія, особенно высшихъ его слоевъ,и тщательно наблюдая за образомъ мыслей жителей Юго-Западнаго края, онъ пришелъ къ заключенію, что ни въ училищахъ этого края, ни въ семействахъ никто не стремится къ пріобрѣтенію полезныхъ для общества знаній, никто не заботится о нравственномъ себя усовершенствованіи; «одно только упражненіе ума пріятными искусствами, писалъ онъ, составляетъ цѣль образованія; отъ сего гражданскія добродѣтели и государственныя обязанности остаются въ небреженіи или затмеваются превратными понятіями». Для борьбы съ такими понятіями гр. Левашовъ считалъ необходимымъ поощрять жителей края къ воспитанію дѣтей въ общественныхъ заведеніяхъ и «примѣрному въ нихъ образованію». Но еще болѣе необходимымъ, чѣмъ воспитаніе юношей, онъ считалъ «нравственное и сообразно пользѣ общественной умственное образованіе будущихъ матерей семействъ», мотивируя это тѣмъ, что «владычество ихъ надъ сердцами и умами мужей и дѣтей своихъ все производитъ».

Такого же мнѣнія о необходимости правительству взять въ свои руки женское воспитаніе въ юго-западныхъ губерніяхъ былъ и попечитель Кіевскаго учебнаго округа фонъ-Брадке, который, во время своей ревизіи училищъ въ Подольской и Волынской губ., вынесъ убѣжденіе, что женщины въ западномъ краѣ питаютъ фанатизмъ молодежи и что онѣ имѣютъ большую надъ нею власть [1]).

Отчасти Левашову удалось осуществить эту цѣль пока въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Еще 1834 г. въ Кіевѣ было учреждено «училище для бѣдныхъ дѣвицъ, круглыхъ сиротъ всѣхъ сословій», на средства Общества вспоможенія бѣднымъ, предсѣдательницею котораго была супруга ген.-губ. графиня Ле-

---

[1]) Автобіогр. записки Е. Ѳ. ф.-Брадке (Рус. Арх. 1875, III, 273); ср. рѣчь Д. Г. Бибикова (Кіев. Стар., 1882, II, 532).

вашова [1]). По данному уставу въ 1840 г., которымъ оно передано было въ завѣдываніе совѣта Кіевскаго института и поступило подъ покровительство императрицы, цѣль его опредѣлялась «призрѣніемъ бѣдныхъ дѣвицъ, особенно сиротъ всѣхъ свободныхъ состояній, доставленіемъ имъ содержанія и нѣкотораго образованія до того возраста, когда онѣ сами будутъ въ состояніи добывать себѣ пропитаніе честно и благородно». По окончаніи курса воспитанницы могли поступать надзирательницами за домашнимъ хозяйствомъ въ частныхъ домахъ, наблюдать за физическимъ воспитаніемъ дѣтей и обучать ихъ грамотѣ. Впослѣдствіи въ немъ введено было преподаваніе иностранныхъ языковъ, а въ 1854 г. училище было преобразовано въ заведеніе для 80 воспитанницъ, дочерей недостаточныхъ чиновниковъ и дворянъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, въ числѣ которыхъ 50 могли быть лишь своекоштными пансіонерками изъ дочерей личныхъ дворянъ, гражданъ и купцовъ 1 и 2-ой гильдіи. Цѣль училища заключалась въ приготовленіи домашнихъ учительницъ для края и поэтому въ программу ученія были включены и иностранные языки [2]). Въ 1865 г. училище вновь было преобразовано—въ пансіонъ гр. Левашовой при Фундуклеевской гимназіи, на сто воспитанницъ.

Одновременно съ тѣмъ гр. Левашовъ входилъ съ представленіемъ о разрѣшеніи на скорѣйшее открытіе въ Кіевѣ института для Кіевской, Волынской и Подольской губерній и уже въ началѣ 1834 г. состоялось повелѣніе московскому опекунскому совѣту выдать изъ доходовъ воспитательнаго дома 500000 р. ассигн. на устройство означеннаго института, которому повелѣно отпускать и ежегодныя суммы, выдававшіяся до тѣхъ поръ приказами юго-

---

[1]) Хлопоты его о денежныхъ средствахъ увѣнчались успѣхомъ. (Р. Ар. 1894, № 10, с. 164).

[2]) Лихачева, Матер. для ист. женск. образ. въ Россіи (1828—56), стр. 31—32. Въ 1851 г. для училища гр. Левашовой построенъ былъ домъ на Владимірской ул. противъ усадьбы 1-ой гимназіи, архит. А. В. Беретти.

западныхъ губерній (по 14000 р.) институту полтавскому. При составленіи устава и штата Кіевскаго института, гр. Левашовъ руководствовался уставами и штатами названнаго заведенія, присланными ему ген.-губ. кн. Репнинымъ. Цѣль его заключалось въ томъ, чтобы «доставить безденежное воспитаніе дѣтямъ дворянъ бѣднаго состоянія губерній Кіевской, Волынской и Подольской и дать возможность за умѣренную плату получать такое же образованіе дочерямъ достаточныхъ родителей сихъ губерній» [1]). Совѣтъ института долженъ былъ состоять изъ ген.-губернатора, который, въ качествѣ предсѣдателя, былъ непосредственнымъ начальникомъ института во всѣхъ частяхъ его управленія; членами совѣта назначались: попечитель учебнаго округа, губернаторъ, членъ по хозяйственной части, избираемый изъ лицъ значительныхъ, кіевскій губернскій предводитель дворянства и три депутата отъ дворянъ югозападныхъ губерній. Всѣ они должны были утверждаться императрицею, подъ покровительствомъ которой состоитъ институтъ. Начальница и инспекторъ избирались совѣтомъ и утверждались императрицею. Наблюденіе надъ учебною частью ввѣрялось попечителю округа, подъ руководствомъ котораго долженъ былъ завѣдывать ею инспекторъ. Всѣхъ классовъ—три съ двухлѣтнимъ курсомъ. Комплектъ воспитанницъ опредѣленъ въ 120, изъ которыхъ приказамъ трехъ губерній Кіевскаго округа предоставлялось право содержать за свои взносы 60 бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей, а 60 другихъ, изъ какой бы то ни было губерніи, могли быть своекоштными съ платою по 800 р. ассигн. въ годъ. На этихъ основаніяхъ инстутутъ былъ открытъ въ 1838 г. во временномъ помѣщеніи (нынѣ губернаторскій домъ); а въ 1839 г. заложено новое зданіе въ 4 этажа на возвышенности по Ивановской (нынѣ Институтской) улицѣ [2]). Съ пере-

---

[1]) В. Я. Шульгинъ, Кіев. инст. благ. дѣвицъ съ 1838—71 г., К. 1871; М. М. Захарченко, Исторія Кіев. института благородныхъ дѣвицъ, К. 1889 г., съ портретами.

[2]) Бывшій домъ ген.-м. Мих. Сем. Бѣгичева, который поселился въ Кіевѣ въ 80-хъ годахъ XVIII стол. (Сборн. Р. И. Общ., LX, 71).

ходомъ института въ 1843 г. въ собственный домъ комплектъ воспитанницъ увеличенъ до 140, а въ 1852 г.—до 170 [1]). Первою начальницею института была родственница Державина (по второй женѣ) П. М. Нилова (урожденная Бакунина), о которой онъ сказалъ:

> «Коей мало въ свѣтѣ краше
> Взоромъ, сердцемъ и умомъ». (Параше).

Она занимала мѣсто начальницы по іюль 1851 г. († въ Москвѣ 1853 [2]). Преемницей ея была вдова ген.-м. Е. Д. Голубцова, занимавшая эту должность до нач. 1871 г. [3]). Къ этому прибавимъ, что въ Кіевскомъ институтѣ обыкновенно преподавали профессора университета (до 70-хъ годовъ) и лучшіе преподаватели мѣстныхъ гимназій. Кромѣ того, въ 40—50-хъ годахъ въ Кіевѣ существовало нѣсколько пансіоновъ [4]).

и не разъ упоминался нами. Онъ принесъ свою усадьбу въ даръ университету; въ ней былъ большой дерев. 3-этаж. домъ, оцѣненный имъ въ 22000 р. По открытіи университета, въ немъ помѣщались нѣк. коллекціи, доставшіяся отъ Вилен. ун. и Кремен. лицея. Затѣмъ здѣсь предположено было помѣстить 2-ю гимназію, въ пользу которой уплачено 15000 р. (М. М. Захарченко, Ист. Кіев. инст. благ. дѣв., с. 17—18).

[1]) Тамъ же; Матер. для ист. жен. образ. въ Россіи, Е. Лихачевой, 10—12. Въ 1856 г. воспитанницъ было 200.

[2]) Сочин. Державина, II, 184—186.

[3]) Инспекторами инст. состояли: А. Г. Петровъ (дир. 1-й гимн.), съ 1838—44; Н. Д. Иванишевъ (1844—1850); В. Я. Шульгинъ (1850—71) Съ 1838—1863 въ институтѣ преподавался польскій яз.

Посѣтивъ въ 1844 г. Кіевъ, имп. Николай I замѣтилъ, что въ здѣшнемъ инст. дѣти говорятъ хорошо порусски, а въ Полтавскомъ всѣ говорятъ помалорусски, не смотря на все стараніе весьма почтенной директрисы (Воспом. Ге, въ Сборн., изд. въ пользу студ. унив. св. Влад., 64).

[4]) Залѣской (въ нын. кол. Галагана), Ганфъ (потомъ Нельговской, противъ нын. мин. жен. гимн., а затѣмъ, гдѣ нынѣ военно-окр. судъ, Ленцъ (сначала на Лютер. ул., а потомъ возлѣ унив., н. д. Рах-

Той же идеѣ дворянскаго интерната долженъ былъ удовлетворять и открытый въ 1852 г. въ Кіевѣ Владимірскій кадетскій корпусъ на 200 воспитанниковъ, для дѣтей дворянъ юго-западныхъ губерній [1]). Сначала онъ помѣщенъ былъ въ зданіи, отстроенномъ для 2-ой гимназіи, а затѣмъ (въ 1857 г.) переведенъ въ обширное четырехъ-этажное зданіе (на 400 воспитанниковъ), заложенное еще въ 1849 г., въ такъ называемой Шулявщинѣ. Постройка послѣдняго выполнена была архит. Штромомъ, по собственному плану и обошлась до милліона рублей [2]). Зданіе, въ которомъ находился корпусъ до того времени, передано было учебному округу. Въ немъ, послѣ необходимыхъ приспособленій, помѣщена была 1-я гимназія [3]). Въ кадетскомъ корпусѣ, до преобразованія его въ военную гимназію, преподавали часто профессора университета (а именно 11).

манинова, см. Р. Арх. 1899, № 9, с. 105) и на Подолѣ—Виммеръ. Рогге и Смирновой. Въ 1856 г. считалось въ 2-хъ ж. панс. на степени гим. (одинъ образцовый)—218 уч., въ 2-хъ панс. на степ. уѣзд. учил.—121 и жен. школѣ на степ. прих. уч.—20 (Пам. кн. на 1858 годъ, 273).

[1]) Въ 1856 г. въ немъ было 284 воспит. (Пам. кн. на 1858 г., с. 270). Директоромъ корпуса съ 1852—1865 г. состоялъ полк., а потомъ ген.-м. фонъ-Вольскій 1-й.

[2]) По планамъ того же Штрома въ Кіевѣ построены Лютеранская церковь, городской театръ (сгорѣвшій въ 1896 г.) и отчасти Владимірскій соборъ (планъ былъ измѣненъ и сокращенъ архит. Спарро). Послѣдній, задуманный еще въ цар. Николая I, по желанію м. Филарета долженъ былъ составлять эквивалентъ за воздвигнутый Владиміру св. памятникъ-статую, какъ изваяніе, свойственное язычеству (К. Стар. 1884, IX, 346—353).

[3]) Кловскій домъ, въ которомъ находилась 1-я гимназія, потерпѣлъ отъ пожара 10 іюня 1858 г. (К. Стар., VIII, 698), а затѣмъ былъ переданъ дух. вѣдомству и, по отстройкѣ вновь, въ немъ (съ 1863 г.) помѣщено жен. (нынѣ 1-е) дух. училище (Сементовскій, Кіевъ, его святыни и пр., 106).

XXII.

Возстановленіе древнихъ святынь, возведеніе военныхъ построекъ и устройство города по новымъ планамъ привели въ свою очередь къ необходимости болѣе близкаго изученія и разысканія древностей.

Еще въ 1706 г., при постройкѣ Печерской крѣпости, найденъ былъ кладъ, содержавшій въ себѣ большое количество восточныхъ монетъ (2380) и послужившій потомъ основаніемъ нумизматическаго кабинета азіатскаго музея Академіи наукъ. Въ 1851 г., при устроиствѣ крѣпости, найденъ былъ снова богатый кладъ куфическихъ монетъ, разошедшійся большею частью по рукамъ и только часть его досталась музею Имп. Арх. общества. Затѣмъ значительный кладъ тѣхъ же монетъ найденъ былъ въ 1863 г. въ Плоской части, близъ Іорданской ц. Всѣ эти монеты приходятся на VIII—X вв. Другіе клады (не монетъ) встрѣчаются на мѣстѣ *стараго города*. Какъ извѣстно, Петръ В. обратилъ вниманіе на сохраненіе древностей въ Россіи [1]), но долго еще эти послѣднія не служили предметомъ постоянной заботливости правительства и научныхъ изслѣдованій [2]). Такъ, въ 1758 г., при возобновленіи церкви на мѣстѣ древней Десятинной, были найдены двѣ мраморныя надгробныя доски, но потомъ опять зарыты въ землю [3]); а въ 1760 г., на запросъ Сената о достопримѣчательностяхъ городовъ, губернская канцелярія отвѣчала, что при Кіевѣ старыхъ городовъ оставшихся развалинъ и городищъ ни-

---

[1]) Изв. Импер. Рус. Арх. Общ., I, 78—79; Труды Моск. Арх. Общ. т. IX, проток., с. 22 - 23; Рус. Стар. 1882, т. XXXVI, с. 60; Кіев. Стар., т. XXII, стр. 117—143, ст. Н. Бѣляшевскаго, Клады великокняж. эпохи, найд. въ Кіевѣ 1706—1885 (монеты, гривны, вещи); Древн., найд. въ Кіевѣ (золотыя серьги, серебр. запястья), въ саду Анненкова (противъ Десятинной церкви) въ 1847 г. (Зап. Арх. Общ., IV, проток., 152—154).

[2]) Изв. Арх. Общ., V, 360.

[3]) Карамзинъ, I, примѣч. 488; Закревскій, I, 284.

какихъ признаковъ почти не видно [1]). Впервые интересъ къ кіевскимъ древностямъ въ болѣе широкомъ смыслѣ возбужденъ былъ въ цар. Екатерины II, для которой въ 1785 г. составлялись краткія записки о кіевскихъ святыняхъ [2]), а въ 1795 т. появились: «Краткое историческое извѣстіе о Кіевѣ (и лаврѣ») въ типографіи Академіи кіевской, при Печерской лаврѣ [3]), «Достопамятнѣйшія древности въ Кіевѣ» и «Извѣстіе о погребенныхъ въ Кіевѣ князьяхъ и княжнахъ рода Рюрика, 1795 г. (тамъ-же 6 стр.). При Екатеринѣ II возобновляются распоряженія Петра В. относительно архивныхъ источниковъ и памятниковъ древности, хотя въ частности Кіева они мало коснулись. Но интересъ къ кіевскимъ древностямъ все болѣе возрасталъ: уже въ 1803 г. М. Берлинскій началъ составлять свое описаніе Кіева (отрывки въ журналѣ Улей 1811 г.); а въ 1811 и 1814 гг. производились раскопки въ усадьбѣ Михайловскаго мон. и Вышгородѣ, близъ Кіева (въ 14 верстахъ отъ него), хотя существенныхъ результатовъ онѣ не дали [4]). Болѣе живое отношеніе къ кіевскимъ древностямъ совпадаетъ съ эпохою знаменитаго въ исторіи русскаго просвѣщенія и археологіи—гр. Н. П. Румянцова Посѣтивъ, въ 1821 г. Кіевъ, онъ писалъ: «Въ Кіевѣ сердце сокрушается, видя, каковое тамъ господствуетъ нерадѣніе къ древностямъ нашимъ, никто ими не занятъ и всякій почти убѣгаетъ объ нихъ разговора» [5]). Но переписка того же гр. Румянцова съ кіевскимъ археологомъ М. Ѳ. Берлинскимъ (1815—1825 [6]) и появленіе въ Кіевѣ митр. Евгенія

---

[1]) Матер. изъ арх. кіев. губ. правл., III, 140.

[2]) Закревскій, I, 224.

[3]) Въ концѣ его сказано: «Сіе извѣстіе почерпнуто изъ Высочайшаго путешествія въ полуденный край Россіи, напечатаннаго при Горномъ училищѣ, 1786 г.» 33 стр. Оно перепечатывалось въ 1795, 1798, 1801, 1817 (см. каталогъ Смирдина),—м. Самуила.

[4]) Закревскій, I, 262, 281, 547, 554.

[5]) Чтен. въ Общ. ист. и древн. рос. 1882, I, 191.

[6]) См. его «Краткое описаніе Кіева», Спб. 1820 («также показаніе достопамятностей и древностей онаго», съ планомъ г. Кіева и снимкомъ надписи на стѣнѣ Десятинной церкви).

(съ 1822 г.), который далъ опредѣленное направленіе изслѣдованію и изученію кіевскихъ древностей, свидѣтельствуютъ уже, что изученіе послѣднихъ пріобрѣтаютъ систематическій, вполнѣ научный характеръ а затѣмъ они привлекаютъ вниманіе путешественниковъ [1]). Митр. Евгеній для подобной цѣли нашелъ здѣсь весьма дѣятельныхъ сотрудниковъ (М. Θ. Берлинскій, К. А. Лохвицкій, А. С. Анненковъ и др. [2]) и въ то время, какъ нѣкоторые чаяли уже отрыть могилу Дира, гробъ св. Ольги и крестъ ап. Андрея, м. Евгеній, чуждый подобныхъ увлеченій, заботился о собираніи положительныхъ данныхъ и осторожно дѣлалъ свои выводы.

Первый по времени и важнѣйшій по своей древности и значительности предметъ открытія составляетъ фундаментъ древней Десятинной церкви, созданной Владиміромъ св., разрушенный въ нашествіе Батыя (1240) и съ того времени представлявшій собою однѣ развалины и кучу камней, большая часть которыхъ разнесена была кіевскими жителями на свои потребности и изъ остатковъ которыхъ митр. Петръ Могила пристроилъ къ оставшейся незначительной части одной изъ стѣнъ малую церковь, носившую тоже названіе. Митр. Евгеній (съ 1824) озаботился открытіемъ фундамента ея на всемъ пространствѣ древней постройки, причемъ найдены были два каменныхъ гроба, большіе куски поясовъ, карнизовъ, колоннъ, выдѣланныхъ изъ бѣлаго мрамора, обломки частей съ сохранившимися остатками живописи (альфреско) мозаичнаго пола, краснаго гранита и шифера, относившихся къ церковному обиходу, многіе изъ которыхъ обнаруживали несомнѣнную принадлежность свою греческому искусству, четыре серебряные слитка и т. п. Впослѣдствіи для правильнаго веденія

---

[1]) Грибоѣдовъ (1825) передъ путешествіемъ въ Кіевъ, запасся описаніями его древностей. (Р. Стар. 1885, т. LX, 585, 595).

[2]) Письмо А. С. Анненкова кіев. ген.-губ. Бибикову, по поводу предполагавшихся въ его усадьбѣ раскопокъ въ 1845 г. Усадьба его служила отъ временъ ц. Алексѣя Мих. до постр. Печерской крѣп. складочнымъ мѣстомъ военныхъ снарядовъ и оружія, а также были въ ней погреба для пороха. (К. Стар. 1894, № 4, стр. 152—155).

этихъ работъ, и составленія плана и рисунковъ открытыхъ древностей присланъ былъ изъ Петербурга (1826) художникъ Ефимовъ. Большая часть этихъ предметовъ поступила въ ризницу Кіево-Софійскаго собора и кабинетъ древностей, образованный при вновь учрежденномъ университетѣ [1]). Курскій помѣщикъ А. С. Анненковъ, жившій въ приходѣ Десятинной церкви, принялъ на себя постройку новаго храма (1828—46), по рисункамъ архитектора Стасова, употребивъ въ дѣло остатки прежней церкви, куда поступили на храненіе и предметы древности, найденные при раскопкахъ [2]).

Между тѣмъ, уже съ первыхъ лѣтъ цар. Николая I идетъ рядъ распоряженій, направленныхъ на сохраненіе и приведеніе въ извѣстность старины, болѣе наглядно выразившіяся въ учрежденіи Археографической коммиссіи въ Петербугѣ (1834 г.) и Временнаго комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ (1835), а нѣсколько позже (1846 г.) Императорскаго Археологическаго общества въ Петербургѣ. Въ Кіевѣ дѣятельно ведется работа надъ изысканіемъ древностей путемъ научныхъ изслѣдованій и археологическихъ пріемовъ. Такъ, въ 1832—33 гг. были раскрыты изъ-подъ валовъ Золотыя ворота, причемъ императоръ Николай, будучи въ Кіевѣ (1832), прошелъ между открытыми стѣнами ихъ и назвалъ эти послѣднія «памятникомъ, достойнымъ сохраненія» [3]). Вслѣдъ затѣмъ были приняты мѣры для сохраненія остатковъ этого памятника на будущее время, а найденные при раскопкахъ

---

[1]) Труды и Записки Общ. ист. и древностей, кн. I, II и V; Отеч. Зап., 1825 г. и др.; Опис. Кіево-Соф. собора и кіев. іерархіи м. Евгенія.

[2]) О ходѣ работъ, съ рисункомъ церкви, построен. м. Петромъ Могилою (Кіев. Стар. 1888, XXII, с. 3—8; ср. 1896, № 6, с. 365—66). Сборн. Ак. Н. V, в. I, 34—36.

[3]) Проф. архит. Фр. Ив. Мѣховичъ, одинъ изъ самыхъ дѣловыхъ кременецкихъ переселенцевъ... О немъ напоминаютъ въ Кіевѣ— желѣзныя перекладины, вдѣланныя имъ въ древній остатокъ Зол. воротъ Ярославовыхъ», говоритъ Максимовичъ (Письма о Кіевѣ, 84).

предметы военнаго быта древняго періода переданы въ музей университета. На приведеніе Золотыхъ воротъ въ лучшее состояніе ассигновано было 2917 р., сверхъ назначенной отъ казны, въ распоряженіе кіевскаго губернатора, суммы по 1500 р. ежегодно, на разысканіе въ Кіевѣ отечественныхъ древностей.

Одновременно съ тѣмъ (въ 1833 г.) открыты были остатки церкви св. Ирины (монастыря, построеннаго Ярославомъ I) и производились раскопки на Старомъ городѣ, близъ Андреевской и Срѣтенской церквей; на Подолѣ, близъ Іорданской церкви, а по случаю проведенія улицъ, и на Крещатикѣ, гдѣ, при разрытіи земляного вала, найденъ былъ шлемъ съ частью панцыря. Большая часть предметовъ, найденныхъ въ означенныхъ мѣстахъ, направлялась въ университетъ [1]). Во всѣхъ этихъ разысканіяхъ м. Евгеній принималъ самое близкое и живое участіе. Конечно, въ виду производившихся работъ, онъ предложилъ студентамъ духовной академіи написать сочиненія на темы: «О древнѣйшей въ Кіевѣ церкви св. Иліи, въ которой присягали Игоревы Варяго-руссы въ 945 г.»; «О древнѣйшей кіевской церкви св. Ирины» и т. п. Съ другой стороны, онъ много содѣйствовалъ образованію мѣстнаго кружка археологовъ и средствъ для дальнѣйшихъ разысканій, вызвавшихъ въ 1835 г. возникновеніе въ Кіевѣ «временнаго комитета для изслѣдованія древностей». Въ 1837 г. Максимовичъ избралъ для торж. акта (2 окт.) въ университетѣ рѣчь: «Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи» [2]).

Археологическія разысканія значительно расширились и получили новое направленіе съ учрежденіемъ въ Кіевѣ университета (1834) и образованіемъ при немъ музея древностей (1837 [3]). Къ этимъ работамъ примкнули новые дѣятели изъ чле-

---

[1]) О ходѣ и открытіи древностей въ Кіевѣ до начала 1836 г. (Ж. М. Н, Пр. 1836, № 11).

[2]) Письма о Кіевѣ, 76.

[3]) Музей древностей, записка В. Б. Антоновича (Учрежд. ун. св. Владиміра, 60—76).

повъ университетской корпораціи (проф. Максимовичъ, Даниловичъ, Орнатскій и др.), а музей при университетѣ является главнымъ хранилищемъ древностей, добытыхъ какъ при указанныхъ раскопкахъ, такъ и вообще при изслѣдованіяхъ этого рода въ южной Россіи. Такимъ образомъ, для обогащенія музея, въ публичныхъ вѣдомостяхъ и посредствомъ печатныхъ объявленій, разосланныхъ къ разнымъ должностымъ лицамъ, приглашены были всѣ любители отечественныхъ древностей къ пожертвованію въ музей предметовъ, какъ находившихся въ обладаніи частныхъ лицъ, такъ и вновь открываемыхъ и притомъ не только въ г. Кіевѣ и его окрестностяхъ, но и вообще въ тѣхъ частяхъ Россіи, которыя имѣли болѣе или менѣе близкое отношеніе къ городу Кіеву или древнему великому княжеству Кіевскому, куда преимущественно относятся всѣ юго-западныя губерніи. А между тѣмъ въ теченіе 1837 и 1838 гг. производились дальнѣйшія разысканія въ предѣлахъ Андреевской горы, церквей Трехсвятительской и св. Ирины, бывшаго монастыря св. Димитрія (близъ Михайловскаго монастыря [1]) и др. Интересъ къ изученію кіевской старины выразился также въ цѣломъ рядѣ изданій, посвященныхъ собственно Кіеву, его исторіи и древностямъ. Сюда относятся: «Историч. извѣстія о Межигорскомъ монастырѣ» 1830; «Краткое описаніе Златоверхаго Михайловскаго мон.» 1835 г.; «Очеркъ исторіи г. Кіева», Н. Закревскаго, 1836 г., дважды потомъ дополненный

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1838, ч. XVIII, 77—89; 1839, ч. XXI, 67—84. (Отчеты комитета древностей); Закревскій, 224– 225. Въ 1838 г. презид. Акад. худ. А. И. Оленинъ писалъ Бибикову, что въ Кіевъ отправляется художникъ Шуруповъ, по выс. повелѣнію, «для снятія плановъ и разрѣзовъ тамошнихъ древнѣйшихъ церквей и для срисованія любопытнѣйшихъ памятниковъ старинной въ нихъ живописи и мозаики; такъ какъ государь имп-ръ изволитъ съ особеннымъ благоволеніемъ заниматься собраніемъ рисунковъ, изображающихъ въ точности старинное наше зодчество и всѣмъ, что можетъ напоминать степень прежнихъ нашихъ успѣховъ въ художествахъ». Оленинъ просилъ устроить художника такъ, чтобы онъ могъ выполнить данное ему порученіе (К. Стар. 1901, № 5, стр. 83—84).

(М. 1858 и 1868, въ 2-хъ томахъ), съ атласомъ рисунковъ и плановъ; «Кіевлянинъ», изд. М. А. Максимовичъ, К. 1840, 1841; М. 1850 и др. [1]).

Дѣятельность «комитета для изысканія древностей» продолжалась около 10 лѣтъ, когда онъ былъ замѣненъ другимъ учрежденіемъ, основаннымъ на болѣе широкихъ началахъ. Еще въ 1841 г. возникла мысль въ средѣ кіевскихъ ученыхъ и любителей старины объ учрежденіи въ Кіевѣ «Историческаго общества», но цѣль эта оказалась тогда неосуществимою [2]). Однако, вскорѣ затѣмъ (1843 г.), по ходатайству ген.-губ. Д. Г. Бибикова, въ Кіевѣ, по примѣру Виленской, была учреждена «Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ», находящихся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ и монастырей Кіевской, Подольской и Волынской губерній, съ отпускомъ на содержаніе ея по 500 р. изъ земскаго сбора каждой губерніи, въ которой приняли участіе профессора университета, нѣкоторыя лица духовной, гражданской и учебной администраціи, а также любители старины, не исключая и польскихъ помѣщиковъ. Дѣятельность коммиссіи еще болѣе расширилась, когда, во время своего пребыванія въ Кіевѣ въ 1843 г. (25 мая), импер. Николай повелѣлъ учрежденный при университетѣ комитетъ упразднить, а изысканіе древностей не только въ Кіевѣ, но и въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, возложить на Временную коммиссію для разбора древнихъ

---

[1]) Кромѣ названныхъ прежде плановъ и матеріаловъ для изученія положенія и древностей Кіева заслуживаютъ вниманія: Инж. Зап. 1853, т. XXIX, кн. 1 (прилож. планъ Кіева 1745 г. и виды лавры 1638 г.); С. Крыжановскій, К. Соф. мон., планъ г. Кіева съ изъясн. на 2-хъ лл., изд. 1849 (В. топогр. депо); П. Г. Лебединцевъ, О планахъ г. Кіева XVIII стол. (планъ 1706 въ арх. В. топ. депо; пл. 1728, 1731, 1740, 1745 въ арх. Воен. инж. упр. и планы зданій, пещеръ и пр., Чтен. въ Общ. Нест. лѣт., I, 268—269); С. Т. Голубевъ, О древнѣйш. планѣ г. Кіева 1638 г. съ прилож. плана въ 2-хъ картахъ (ibid., XII, 1898, стр. 20—96); Кіевъ теперь и прежде, М. М. Захарченка, К. 1888, fol 276, со множ. рисунковъ.

[2]) Письма о Кіевѣ, Максимовича, Сб. 1871 (стр. 114—116).

актовъ, учрежденну при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ [1]). Во многомъ успѣшная дѣятельность коммиссіи зависѣла отъ личнаго содѣйствія и сочувствія ея предпріятіямъ тогдашняго начальника края. Надо отдать полную справедливость Бибикову въ томъ, что онъ всегда съ величайшею заботливостью относился къ созданной имъ коммисіи, внимательно входилъ въ ея нужды, живо интересовался ея успѣхами, энергично содѣйствовалъ ея начинаніямъ и вообще окружалъ ее своими попеченіями. Помимо политическихъ соображеній, многое объясняется въ этихъ отношеніяхъ личными склонностями Бибикова. Будучи самъ страстнымъ археологомъ, онъ умѣлъ вдохнуть любовь къ ней и своимъ окружающимъ. При Бибиковѣ исторія съ археологіей по истинѣ были модными науками въ Кіевѣ: ими увлекалось и кіевское чиновничество, и кіевскій beau monde; волею-неволею увлекалось и польское дворянство. Благодаря этому, коммиссіи удается собрать массу документовъ не только въ оффиціальныхъ архивахъ, вполнѣ зависѣвшихъ отъ мѣстной администраціи, но и въ многочисленныхъ тогда семейныхъ архивахъ и библіотекахъ края. Были моменты, когда казалось, будто вся администрація цѣлаго края только и занята собраніемъ матеріаловъ для коммиссіи. Такъ продолжалось почти до конца управленія Юго-Западнымъ краемъ Д. Г. Бибикова. Такимъ образомъ въ самое короткое время вышли въ свѣтъ четыре полновѣсныхъ тома «Памятниковъ», посвященныхъ политеческой и церковной исторіи Юго-Западнаго края въ XV—XVIII стол. (1845, 2-е изд. 1848 г.; 1846, 1852 и 1859, съ приложеніемъ множества снимковъ [2]); три тетради «Древностей» (1846), преимущественно касающихся Кіевской губ.; «Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни» (два большихъ тома, 1859), изданные подъ редакціей проф. Н. Д. Иванишева, и «Малороссійскія лѣтописи» (С. Велички, Г. Грабянки, 1848—1855). Кромѣ того, председатель коммиссіи М. О. Судіенко издалъ на свой счетъ:

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1846, LI, 221.

[2]) Первые три тома вновь переизданы въ 1898 (съ дополн.).

«Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества», составленное въ 1786 г. А. Шафонскимъ (1851 г.) и «Матеріалы для отечественной исторіи (2 тома, 1853 и 1855), касающіеся исторіи края въ XVIII столѣтіи [1]).

Къ сожалѣнію, намѣренія коммиссіи издать хотя бы въ скромномъ видѣ археологическіе матеріалы, добытые изслѣдованіями 1845—48 гг., осталось невыполненнымъ, по недостатку средствъ, а многочисленныя и разнообразныя записки о древностяхъ Юго-Западнаго края (описаніе кургановъ, городищъ, древнихъ зданій, съ чертежами и планами ихъ, народныхъ преданій, легендъ и т. п.), какія были собраны командированными для этой цѣли чиновниками ген.-губернаторской канцеляріи, предводителями дворянства и другими административными и частными лицами, за весьма немногими исключеніями, не сохранились въ комиссіи и, на сколько извѣстно, погибли безъ слѣда. Благодаря такому общему увлеченію историческими и археологическими изслѣдованіями въ Кіевѣ, щедрый на пожертвованія для общеполезнаго дѣла гражданскій губернаторъ И. И. Фундуклей (1841—1853) предпринимаетъ рядъ изданій, посвященныхъ археологическиму и историко-статистическому описанію Кіева и Кіевской губерніи. Таковы были: 1) Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ (К. 1847 [2]); 2) Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи (К. 1848—оба in folio съ атласами рисунковъ) и 3) Статистическое описаніе Кіевской губ. (3 тома, in 4°, Спб. 1855, четвертый остался въ рукописи [3]).

---

[1]) Въ виду необходимости печатанія изданій коммиссіи разными шрифтами и съ соотвѣтственными изданію снимками, послѣдняя способствовала открытію въ Кіевѣ австрійскимъ подданнымъ І. Вальнеромъ новой типографіи съ необходимыми для того приспособленіями, такъ какъ Университетская типографія не могла принять на себя подобной работы (Пятидесятилѣтіе Кіев. ком. для разбора древнихъ актовъ, К. 1893, стр. 48).

[2]) Рукоп. II тома въ музеѣ древн. при университетѣ.

[3]) Въ этомъ изданіи принимали участіе по исторіи М. А. Максимовичъ, по археологіи С. Крыжановскій и по статистикѣ Д. П. Журавскій (см. Письма о Кіевѣ, 7—8, 24; Д. Журавскій, Пам. кн. на

Уже на первыхъ порахъ (1843) коммиссія обратила вниманіе Бибикова на пользу учрежденія въ Кіевѣ центральнаго архива для храненія историческихъ документовъ юго-западныхъ губерній. Въ этомъ архивѣ коммиссія предлагала сосредоточить актовыя книги по 1799 г., хранившіяся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ Юго-Западнаго края, и всѣ вообще акты, въ которыхъ не предвидится надобности для присутственныхъ мѣстъ. Послѣ продолжительныхъ перипетій, предположеніе это, по личнымъ настояніямъ Бибикова, осуществилось уже въ 1852 г., причемъ архивъ учрежденъ былъ при университетѣ св. Владиміра, ставъ со временемъ центральнымъ хранилищемъ важнѣйшихъ документовъ края и представляя неизсякаемый источникъ для изданій коммиссіи и многочисленыхъ отдѣльныхъ работъ [1]).

Въ свою очередь и церковная старина не была забыта. Въ 1842 и 1843 гг. произведено было возобновленіе стѣнной живописи въ лаврскомъ Успенскомъ соборѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго художника-археолога Ѳ. Г. Солнцева, въ назначеніи котораго для этой цѣли также принималъ дѣятельное участіе Д. Г. Бибиковъ. Въ церковно-археологическомъ отношеніи это возобновленіе лаврской живописи замѣчательно тѣмъ, что послѣдствіемъ его былъ законъ, охраняющій памятники древняго церковнаго искусства, который гласитъ такъ: «воспрещается приступать безъ выс. разрѣшенія къ какимъ либо обновленіямъ въ древнихъ цер-

1858 г., стр. 139—150); Восп. о Д. П. Ж-комъ (Соч. Ю. Ѳ. Самарина, I, 207—223). Объ изданіяхъ Фундуклея, Барсуковъ, (Погодинъ, X, 75—78).

[1]) Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, сост. А. В. Романовичемъ-Славатинскимъ, 208—237; Пятидесятилѣтіе Кіев. ком. для разбора древнихъ актовъ 1843—1893; Историч. записка, сост. О. И. Левицкимъ, К. 1893; Ист. учрежденія Кіев. центр. архива, О. М. Левицкаго (Чтен. въ Общ. Нест. лѣт., кн. XVII, вв. 1, 3 и дальн.); Къ ист. учр. Кіевскаго центр. арх. (К. Стар. 1902, № 5, стр. 81—86); Путевыя замѣтки Н. Д. Иванишева. Л. О. (ib. 1882, № 10, с. 78—88); Неудач. археол. экскурсія Н. Д. Иванишева (1890, № 3, с. 533—537; ср. 1887, № 12, с. 788—794); Археолог. экскурсія Т. Г. Шевченка въ 1845—46 гг., О. Левицкаго (ib. 1894, № 2, с. 231—254); Письмо Пл. Лукашевича къ ген.-губ. Д. Г. Бибикову, 1848 (о труд. коммиссіи, ib. 1893, № 3, с. 539—546).

квахъ и во всѣхъ подобныхъ памятникахъ. Вообще древній, какъ наружный, такъ и внутренній, видъ церкви долженъ быть сохраненъ тщательно, и никакія произвольныя поправки и перемѣны безъ вѣдома высшей духовной власти не дозволяются». Кромѣ того епархіальнымъ архіереямъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать, «дабы нигдѣ, ни подъ какимъ предлогомъ, въ древнихъ церквахъ не дозволялось ни малѣйшаго исправленія, возобновленія или измѣненія живописи и другихъ предметовъ давняго времени, а всегда испрашивалось на то разрѣшеніе отъ св. Синода» [1]).

Еще въ XVII в. Софійскій соборъ обращалъ на себя вниманіе мозаическими изображеніями, находившимися, какъ въ алтарѣ, такъ и въ главномъ куполѣ и на аркахъ, поддерживавшихъ послѣдній [2]), и даже въ первой четверти XIX в. иностранные и русскіе путешественники любовались значительною частью сохранившейся мозаики [3]). Но уже въ 1845 г. въ куполѣ отъ нея почти не осталось слѣдовъ, а на аркахъ она оказалась зна-

---

[1]) Сводъ Зак. Рос. Имп. 1842, т. XII; Уст. строит., ст. 207. О возобновленіи стѣнной живописи въ великой церкви Кіево-печерской лавры въ 1840—43 гг., прот. П. Г. Лебединцева (Чт. въ Ист. Общ. Нестора лѣт., кн. II, стр. 34—42).

[2]) Путешествіе Павла Алеппскаго. Какъ относились въ то время представители дух. власти къ древности, рисуетъ намъ извѣстный уже путеш. Лукьяновъ: «Ц. Софіи премудрости Божія, говоритъ онъ, зѣло хороша и образовата, да въ ней презорство строенія; нѣту ничего—пусто; а старое было стѣнное письмо, а митрополитъ нехай все замазалъ извѣстью». Рѣчь идетъ о митр. Варлаамѣ Ясинскомъ. Ср. ст. С. Яремича, Пам. искус. XVI и XVII ст. въ К. печер. лаврѣ (К. Стар. 1900, № 6, стр. 378—390.

[3]) Днéвникъ м. Серапіона (К. Стар., IX, 427). »Жаль, что никто не умѣетъ или не печется возобновлять ее», говоритъ кн. Долгоруковъ (Путеш. 1810, 276). Ср. Кіевскіе мозаики, С. Крыжановскаго (Зап. И. Р. Арх. общ., VIII, 235—270); рядъ его замѣтокъ о кіев. древн. (Изв. Р. Арх. Общ., I, 29, 178, 306—307, 379, 391); П. Л—въ, Откр. древ. мозаикъ въ глав. куполѣ К. Соф. соб. (К. Стар. 1884, № 9, стр. 162—165); Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Русскія древности, вв. IV и V.

чительно пострадавшею отъ времени. Такимъ образомъ, въ замѣнъ оставшейся мозаики написаны были изображенія масляными красками [1]). Независимо отъ того, въ 1843 г. открыты были въ соборѣ фрески (XI вѣка, сокрытыя подъ нѣсколькими слоями побѣлки, на которой въ XVIII в. сдѣлана была уже новая живопись масляными красками) и началось возобновленіе послѣднихъ и приведеніе собора въ его первоначальнный видъ, закончившееся лишь въ 1853 году.

По поводу открытія фресокъ Солнцевъ представилъ на возрѣніе государя краткую записку о Софійскомъ соборѣ, въ которой говоритъ: «Кіевскій Софійскій соборъ, древнѣйшій въ цѣломъ государствѣ, сохранился весьма хорошо. Онъ построенъ в. кн. Ярославомъ Владиміровичемъ между 1017—1037 годами и служитъ нынѣ хранилищемъ замѣчательной гробницы знаменитаго князя. Древняя греческая мозаика, можетъ быть единственная въ Россіи, украшаетъ алтарь и нѣкоторыя арки. Но стѣнная живопись въ куполѣ, на хорахъ и въ главномъ отдѣленіи храма значительно попортилась, почернѣла и даже обваливается, точно такъ, какъ и штукатурка. Иконостасы въ придѣлахъ, внизу и на хорахъ, совершенно обветшали, позолота полиняла, краски высохли и отпали. Посему, чтобы сохранить знаменитый сей храмъ въ должномъ благолѣпіи, слѣдовало бы предпринять исправленіе во всѣхъ подробностяхъ, но только съ тѣмъ, чтобы въ немъ осталось невредимо не только все древнее и нынѣ видимое, но даже очистить, гдѣ можно, штукатурку, покрывающую въ нѣкоторыхъ придѣлалъ древнюю живопись альфреско, которою храмъ сей былъ расписанъ при Ярославѣ,—альфреско это по возможности возобновить, а затѣмъ, гдѣ сего исполнить будетъ невозможно, то обить стѣны и купола мѣдью и расписать оные вновь изображеніемъ древнихъ священныхъ событій нашей церкви, въ особенности такихъ, кои совершились въ Кіевѣ».

---

[1]) Опис. Кіево-Софійскаго собора, прот. П. Л., К. 1892, стр. 30—36.

По разсмотрѣніи означенной записки, возобновленіе живописи въ соборѣ возложено было на того же Ѳ. Г. Солнцева, трудамъ котораго отечественная археологія обязана собраніемъ «Древностей Россійскаго государства», изданныхъ съ его рисунковъ по повелѣнію импер. Николая I. По его рисункамъ возобновлены въ Московскомъ кремлѣ царскіе терема, а также украшены палаты кремлевскаго дворца мебелями, коврами, утварями и пр. Съ его именемъ связаны открытіе и возстановленіе первоначальнаго вида многихъ остатковъ древняго русскаго искусства въ разныхъ городахъ Россіи. Во время своихъ работъ въ Софійскомъ соборѣ Солнцевъ составилъ обширное собраніе рисунковъ, которое, по высочайшему повелѣнію, было передано въ Московскую оружейную палату и затѣмъ издано Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ обществомъ (вв. I—IV, Спб. 1873—87).

Мы знаемъ, что импер. Николай въ это время неоднократно посѣтилъ Кіевъ и принималъ лично самое близкое участіе въ ходѣ этихъ работъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующій эпизодъ, случившійся по поводу возстановленія названныхъ древностей. Митрополитъ Филаретъ, по словамъ Солнцева, не особенно сочувствовалъ въ началѣ возобновленію фресокъ, а когда импер. Николай, по пріѣздѣ въ Кіевъ (1843), посѣтилъ Софійскій соборъ, то митрополитъ рѣшился высказать свой взглядъ на это дѣло:

— В. В., сказалъ онъ, открытіе и возобновленіе древней живописи здѣшняго собора повлечетъ старовѣровъ къ поощренію въ ихъ лжемудріяхъ [1]).—Я, владыка, отвѣчалъ государь, не смотрю какъ молятся, лишь бы молились. Ты любишь старину и я люблю· Теперь въ Европѣ дорожатъ малѣйшею старинною вещью. А мы, возобновляя древнюю живопись, можемъ ли думать, что оказываемъ предпочтеніе старовѣрамъ. Не противорѣчь. Митрополитъ ничего не сказалъ на это; но Бибиковъ, идя сзади, чуть слышно

---

[1]) У нѣкоторыхъ святыхъ на фресковыхъ ихъ и ображеніяхъ открылось *двуперстное*, подобное старообрядческому, *сложеніе руки* (см. ниже, въ статьѣ прот. П. Г. Лебединцева).

замѣтилъ: «паша береть». Впослѣдствіи митрополитъ и самъ измѣнилъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Возобновеленіе Софійскаго собора въ полномъ видѣ (стѣнной живописи, иконостаса, пола и пр.) обошлось до 115000 р., составившихся изъ церковныхъ суммъ, средствъ государственнаго казначейства и частныхъ пожертвованій. Въ это же время произведена была надстройка четвертаго этажа отдѣльной соборной колокольни, сооруженной еще въ началѣ XVIII вѣка. По высочайше утвержденному проекту колокольня повышена была до 35 саженей, съ устройствомъ на ней новаго высокаго купола, замѣнившаго собою прежній длинный спицъ. Разрѣшивъ при этомъ принять отъ графини А. А. Орловой [1]) пожертвованіе (50000 р.) на работы по возобновленію собора (1847), императоръ Николай опять подтвердилъ, чтобы соборъ возобновленъ былъ въ первобытномъ видѣ, не допуская отнюдь никакихъ новыхъ безвкусныхъ украшеній, но сохраняя старину во всей ея изящности [2]).

Вниманіе императора Николая къ исторической старинѣ снова подтвердилось по поводу открытія въ 1853 г. древнихъ пещеръ, во время производства земляныхъ работъ для устраивавшагося въ Кіевѣ спуска отъ Военнаго собора къ Цѣпному мосту. Въ одной изъ означенныхъ пещеръ найдено было на стѣнѣ изображеніе въ видѣ образа и земляное возвышеніе, имѣвшее повидимому назначеніе ложа для отдыха. Виднѣвшіяся на стѣнахъ пещеры надписи древними славянскими буквами (съ именами отшельниковъ, упоминаемыхъ въ Патерикѣ) и способъ начертанія нѣкоторыхъ изъ нихъ заставляли предполагать, что въ этихъ пещерахъ обитали отшельники въ первыя времена распространенія христіанства въ Россіи. По докладу о томъ министра внутр. дѣлъ,

---

[1]) Гр. А. А. Орлова пріѣзжала въ Кіевъ (Р. Арх. 1899, № 8, стр. 418) и сдѣлала большой вкладъ въ лавру (1 мил. р.), на который возобновленъ былъ иконостасъ (Москвитян. 1851, IV, 22).

[2]) Возобновленіе Кіево-Софійскаго собора въ 1843—53 гг., прот. П. Лебединцева (Труды Кіев. дух. акад. 1878, №№ 8 и 12 и отд.); Моя жизнь, восп. Ѳ. Г. Солнцева (Рус. Стар. 1873, тт. XV и XVI); Описаніе Кіево-Софійскаго собора, прот. П.Л., К. 1882.

государь повелѣлъ: «Главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями отнюдь не трогать этихъ пещеръ, а если сохраненіе сей святыни будетъ препятствовать устройству спуска, то чтобъ было представлено Его Величеству соображеніе, какъ отстранить сіе препятствіе». Составленный для изслѣдованія означенныхъ пещеръ комитетъ пришелъ, однако, къ заключенію, что въ археологическомъ отношеніи, при существованіи въ Кіевѣ и его окрестностяхъ пещеръ всѣхъ родовъ, въ новооткрытой пещерѣ имѣютъ цѣну и заслуживаютъ сохраненія только изображенія и надписи; а потому самая пещера, по снятіи съ нея рисунка и вѣрной копіи образа и надписей, безъ великой потери для церкви и для науки, можетъ быть срыта, особенно когда этого потребуютъ живые интересы современной нашей дѣятельности, тѣмъ болѣе, что изъ изслѣдованія пещеры въ гражданскомъ отношеніи открывается, что, находясь слишкомъ недалеко отъ поверхности земли и, будучи подвержена вліянію сырости, эта пещера въ такомъ видѣ, въ какомъ она теперь находится, грозитъ скорымъ разрушеніемъ». Выслушавъ докладъ комитета, имп. Николай повелѣлъ: »вести дорогу по проекту» [1]).

Обращаясь къ новому Кіеву, напомнимъ, что къ этому періоду относится возведеніе важнѣйшихъ общественныхъ зданій, послужившихъ помѣщеніемъ для административныхъ и учебныхъ учрежденій края и вмѣстѣ съ тѣмъ украшеніемъ города, подвергшагося перестройкѣ въ широкихъ размѣрахъ. Постройки времени Николая I отличаются основательностью, массивностью и въ соотвѣтствіе имъ внѣшней отдѣлкой [2]). Воздвигались онѣ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что могли впослѣдствіи, послѣ новыхъ приспособленій, удовлетворить болѣе широкимъ нуждамъ позднѣйшаго времени. Въ этотъ періодъ Кіевъ получилъ уже тотъ общій видъ города, въ предѣлахъ котораго намѣчено было его дальнѣйшее улучшеніе и развитіе.

---

[1]) Ж. М. Вн. Дѣлъ 1856, № 8; Ж. М. Н. Пр. 1853, №№ 9 и 11.

[2]) До постройки присут. мѣстъ, они временно помѣщались бл. Андреевской ц. (Трехсвят. ул., № 20).

Мы видѣли, что въ самомъ началѣ дѣятельности, университетъ, въ лицѣ своихъ членовъ, принималъ ближайшее участіе въ открытіи и приведеніи въ порядокъ древностей г. Кіева. Въ концѣ настоящаго періода онъ принимаетъ не менѣе дѣятельное участіе въ другомъ, важномъ для Кіева и всего края предпріятіи,—описаніи губерній Кіевскаго учебнаго округа. Съ 1851—1864 г. при университетѣ состояла «постоянная коммиссія» для описанія означенныхъ губерній, уставъ который былъ утвержденъ 22 дек. 1850 г. Поводомъ къ ея учрежденію послужили изслѣдованія членами университета Юго-Западнаго края въ естественно-историческомъ отношеніи. Д. Г. Бибиковъ, будучи въ то время ген.-губернаторомъ и управляющимъ Кіевскимъ учебнымъ округомъ (съ 1848 г.) пожелалъ сосредоточить эти изслѣдованія главнымъ образомъ въ предѣлахъ мѣстности, ближайшей къ университету. Усматривая же изъ представленія совѣта университета, что три губерніи Кіевскаго учебнаго округа—Кіевская, Подольская и Волынская—изслѣдованы уже довольно подробно въ естественно-историческомъ осноніеніи [1]), онъ полагалъ вполнѣ достойнымъ ученой дѣятельности университета привести имѣющіяся свѣдѣнія въ систему, дополнить ихъ новѣйшими изслѣдованіями и издать ихъ въ видѣ сборника или особаго сочиненія, для каковой цѣли предложилъ учредить редакціонный комитетъ изъ членовъ физико-математическаго факультета. Передавая свою мысль на обсужденіе совѣта, Бибиковъ предложилъ сообщить ему планъ изданія. Представленный планъ, въ который должны были войти изслѣдованія края въ зоологическомъ, ботаническомъ и геогностическомъ отношеніяхъ, былъ одобренъ, и въ то же время, по мысли Бибикова, составлены были также планы описанія края въ отношеніяхъ

---

[1]) Это были экскурсіи, совершенныя въ 1843—1850 гг. профессорами Кесслеромъ, Траутфеттеромъ, Роговичемъ, Ѳеофилактовымъ и др. по Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской губ., доставившихъ богатый матеріалъ для ботанической, зоологической и минералогической коллекцій университета (Владимірскій-Будановъ, Ист. унив. св. Владиміра, 577—580).

географическомъ, статистическомъ, историческомъ, сельско-хозяйстепномъ и технологическомъ.

Открытіе коммиссіи послѣдовало 21 февр. 1851 г. Каждый членъ университетскаго сословія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительнымъ членомъ коммиссіи, коль скоро изъявлялъ желаніе участвовать въ ея трудахъ. Въ дѣйствительные члены и сотрудники принимались лица изъ мѣстныхъ владѣльцевъ и вообще изъ людей, могущихъ содѣйствовать ученымъ цѣлямъ коммиссіи. Въ почетные члены и соревнователи принимались лица, желающія споспѣшествовать коммиссіи денежными средствами. [1]). Дѣятельность коммиссіи распредѣлена была, согласно уставу, по четыремъ отдѣленіямъ: *географическому*, *естественно-историческому*, *промышленному и статистическому*. Такимъ образомъ, коммиссія являлась въ то время и ученымъ обществомъ, учрежденнымъ при университетѣ. Коммиссія просуществовала съ 1850--64 гг., когда новыя явленія жизни потребовали иныхъ условій дѣятельности и иной организаціи учрежденія, несомнѣнно принесшаго пользу въ той скромной сферѣ, какая могла быть предоставлена ему тогда.

Въ теченіе своего существованія коммиссія издала четыре тома «Трудовъ» (1851, 1853, 1854 и 1861), большая часть которыхъ относится къ флорѣ, фаунѣ, минералогіи, геологіи и статистикѣ края. Въ числѣ статей по этой послѣдней находимъ изслѣдованія, посвященныя табачной, желѣзной, свекло-сахарной промышленности, кредитнымъ операціямъ въ Кіевской губ., статистикѣ населенія и т. п. [2]). Кромѣ того, въ трудахъ коммиссіи

---

[1]) Предсѣд. ком. назначенъ былъ пом. попеч. М. В. Юзефовичъ, вице-предсѣд.—ректъ. Р. Э Траутфеттеръ, потомъ Н. Х. Бунге; секр. Д. П Журавскій (—1852), Н. Х. Бунге (1852—1854) и кн. В. Д. Дабижа (1854—60). Въ 1851 состояло: дѣйст. член. 59, почет.—60, членовъ сотруд. 16, въ 1853 г. дѣйст. член. 67, почет.– 71, сотруд.—22, въ 1864 г.—д. член. 91, почет. чл.—69, сотруд. 40. Всѣмъ посторон. членамъ предоставлялось право носить вице-мунд. мин. нар. просвѣщ.

[2]) Въ «Трудахъ» ком., кромѣ назв. лицъ, принимали участіе: А. Л. Андржеіовскій, В. В. Тарновскій, С. М. Ходецкій, Г. Базинеръ, Г. Маркевичъ и др.

было помѣщено «Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, принадлежащихъ минцъ-кабинету университета св. Владиміра, изъ числа найденныхъ близъ Нѣжина въ маѣ 1852 г.», Я. Волошинскаго, съ рисунками [1]).

Такимъ обр., основаніемъ университета въ Кіевѣ положенъ былъ краеугольный камень для всесторонняго изученія края, не только въ интересахъ научныхъ, но и его благосостоянія въ частности. Значеніе университета въ этомъ отношеніи обнаружилось на первыхъ же порахъ, когда пришлось обратиться къ рѣшенію вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ исторіею края, его племенными особенностями и экономическими отношеніями. Не напрасно поэтому и въ надписи на университетскомъ храмѣ, въ видѣ девиза, были начертаны слова: «Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ».

XXIII.

Пребываніе м. Евгенія въ Кіевѣ привлекло вниманіе къ этому послѣднему ученыхъ. Польскій филологъ Линде въ 1826 г. направляетъ молодого ученаго Кухарскаго къ м. Евгенію, а затѣмъ въ Москву [2]). Быть можетъ здѣсь сказалось и уваженіе къ м. Евгенію, какъ почитателю польской ученой литературы [3]).

---

[1]) Коммиссія для опис. губерній Кіев. учебнаго округа, К. М. Ѳеофилактова (Учрежд. унив. св. Владиміра, 1—8).

[2]) Th. Wierzbowski, „Materyaly do dziejów pism. polsk.", II. Warsz. 1904 (инстр., сост. Линде).

[3]) «Поляки гигантскими стопами упреждаютъ насъ въ словесности. Намъ надобно у нихъ учиться», писалъ м. Евгеній канцлеру гр. Румянцеву (1823); на что тотъ отвѣчалъ: «Заключеніе ваше о превосходствѣ нынѣшнихъ польскихъ писателей надъ нашими весьма справедливо» и далѣе онъ говоритъ о критикѣ Лелевеля на Карамзина и пр. (Переписка Румянцева съ м. Евгеніемъ», 91). Тотъ же м. Евгеній писалъ гр. Хвостову: «Нельзя вполнѣ критиковать сочиненія, не сравнивая его со многими той же матеріи и рода. А у насъ едва по-

Съ нимъ былъ друженъ бар. С. И. Шодуаръ, представитель польской интеллигенціи, извѣстный своею нумизматическою коллекціею, а потомъ дѣятельный членъ Кіев. ком. для разбора древнихъ актовъ [1]). Въ 1829 г. посѣтилъ Кіевъ К. Ѳ. Калайдовичъ, выступившій въ своемъ изслѣдованіи противъ принятаго мнѣнія (по лѣтописи) о пребываніи въ Кіевѣ ап. Андрея, перенося это извѣстіе на Андрея юродиваго, славянина, жившаго въ V вѣкѣ. М. Евгеній писалъ Востокову: «теперь въ Кіевѣ у насъ гоститъ К—чъ и у меня часто бываетъ. Онъ отнюдь не сошелъ съ ума, какъ въ Москвѣ славили его, а только ипохондрически раздраженъ гоненіями» [2]). Сообщая нѣсколько позже о замѣчаніяхъ на исторію Погодина, которыми занятъ м. Евгеній, Иннокентій прибавляетъ: «лучшаго критика въ нашемъ Кіевѣ вѣрно не сыщется» [3]). Семейныя дѣла, болѣзнь и открытіе университета въ Кіевѣ потянули сюда Максимовича, за нимъ тянулся Гоголь, который хотѣлъ было и Погодина переселить въ Кіевъ, если-бы онъ не обзавелся домомъ въ Москвѣ [4]). Превратившись изъ ботаника въ словесника, Максимовичъ писалъ потомъ: «Поступивъ на каѳедру рус. словесности, я имѣлъ

одиначкѣ еще появились на каждый родъ. Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ приравниваніе нашихъ сочиненій къ иностраннымъ... Насъ надобно пока судить только по себѣ самимъ, кто у насъ лучше, а не во всемъ свѣтѣ. Литература наша во всесвѣтной—еще азбука. Вездѣ у насъ только-что переводы и самые журналы набиты ими, такъ что очевидно, что наши писатели, лучше сказать писцы, больше знаютъ чужое, нежели свое. Послѣ сего, какъ можно хвалиться литературою» (Сборн. Имп. Ак. наукъ, V, в. I, 180).

[1]) Библ. (съ славян. рукоп. и автогр. русскихъ дѣятелей) и коллекціи его находились въ м. Ивницѣ, Житом. уѣзда (см. Замѣтку Н. И. Петрова, К. Стар. 1888, № 8, стр. 33—39; Опытъ рус. исторіографіи II, 1421).

[2]) Сборн. Ак. Наукъ, V, 273. Къ 1822—29 гг. относится рядъ писемъ м. Евгенія къ Бантышу-Каменскому, кас. разныхъ вопросовъ по исторіи Малороссіи и портретовъ малорос. дѣятелей (Р. Стар. 1904, № 9, стр. 648—651).

[3]) Барсуковъ, IV, 404.

[4]) Ibidem, 191—193.

счастіе пользоваться бесѣдами многознающаго Евгенія и видѣлъ его любовь къ распространенію знанія. Въ какомъ бы памятникѣ ни представлялась надобность для моихъ лекцій, я находилъ у него немедленно пособіе»; а, похоронивъ (1837) ученаго митрополита, Максимовичъ, обязанный ему частыми вечерними бесѣдами, писалъ: «въ особенности, чувствую себя одолженнымъ, вспоминая тогдашнее занятіе мое исторіей русской словесности» [1]). Въ іюлѣ 1835 г. посѣтилъ Кіевъ, проѣздомъ въ Петербургъ изъ Васильевки или Яновщины,—Гоголь, прогостившій пять дней у Максимовича [2]) и почти весь день странствовавшій по Кіеву со своими лицейскими знакомцами. Возвращался онъ вечеромъ и только тогда зачиналась наша бесѣда, говоритъ. М—чъ Нельзя было мнѣ не замѣтить перемѣны въ его рѣчахъ и настроеніи духа: онъ каждый разъ возвращался неожиданно степеннымъ и даже задумчивымъ. Онъ, между прочимъ, откровенно сознавался въ своемъ небреженіи о лекціяхъ въ петербургскомъ ун-тѣ, и жалѣлъ очень, что его не принялъ фонъ-Брадке въ университетъ кіевскій. Я думаю, что именно въ то лѣто начался въ немъ крутой переворотъ въ мысляхъ--подъ впечатлѣніемъ древне-русской святыни Кіева, который у малороссіянъ XVII в. назывался русскимъ Іерусалимомъ» (у св. Димитрія Ростовскаго, гетм. Самойловича и др.). Съ с. з. угла балкона у ц. Андрея Первозв. они вдвоемъ обозрѣвали Кіевъ. «Я помню, прибавляетъ М—чъ, что

---

[1]) М. А. Максимовичъ, Н. Чаева (Р. Арх. 1874, II, 1077—78).

[2]) Давно уже нѣтъ на Печерскѣ того Кортова дома, гдѣ помѣщался первоначально университетъ, гдѣ было и мое кратковременное пристанище въ Кіевѣ, писалъ М—чъ въ 1868 г. Но уцѣлѣлъ еще отъ сломки на Никольской ул. тотъ Катериничевъ домикъ, въ который перемѣстился я къ веснѣ 1835 г., перезимовавши на Старомъ городѣ, во дворѣ о. Кирилла Ботвиновскаго. Тотъ Катериничевъ домикъ стоитъ на тычку, первый съ правой руки, при въѣздѣ въ новозданную печерскую крѣпость, возлѣ прежняго Ипсилантіева, нынѣ лаврскаго дома. Тамъ прежде всѣхъ, гостившихъ у меня друзей, былъ Гоголь, нарочно пріѣзжавшій ко мнѣ въ концѣ іюля» (Письма о Кіевѣ, 55—56).

изъ представляющейся оттуда обширной панорамы Кіева, тебѣ (Погодину) и Тургеневу (Ал. Ив.) и другимъ, съ которыми я бывалъ тамъ, всего болѣе нравился видъ на Подолъ и Днѣпръ; а особенно полюбился видъ на Кожемяцкое удолье и Кудрявецъ. Когда же мы снова обходили съ нимъ вокругъ той высоты, любуясь ненаглядною красотою кіевскихъ видовъ, стояла неподвижно малороссійская молодица, въ бѣлой свитѣ и намиткѣ, опираясь на балконъ и глазѣя на Днѣпръ и Заднѣпровьѣ. «Чего ты глядишь тамъ, голубко?» мы спросили. «Бо гарно дивиться!» отвѣчала она не перемѣняя своего положенія; и Гоголь былъ очень доволенъ этимъ выраженіемъ эстетическаго чувства въ нашей землячкѣ. Мы растались въ Кіевѣ надолго, до нашего свиданія въ октябрѣ 1849 г., въ Москвѣ. Гоголь, продолжаетъ М—чъ, завершилъ мнѣ собою въ Кіевѣ то *лѣто пріятное*; а на осень меня обрадовалъ мой родной (дядя) Е. Ѳ. Тимковскій, извѣстный своимъ путешествіемъ въ Китай, изд. въ 1824 г. [1]). Докончивъ въ свое консульство въ Молдавіи, онъ возвращался на отдыхъ въ осиротѣлую свою Тимковщину, и на перепутьи прогостилъ у меня въ Кіевѣ первую половину октября [2]).Въ томъ же 1835 г., на пути изъ-за границы, заѣхали въ Кіевъ Погодинъ, Д. М. Княжевичъ, Н. И. Надеждинъ и П. В. Кирѣевскій. У м. Евгенія Погодинъ «выпросилъ» листы Толковой Псалтири», а чрезъ Максимовича настолько «сдружился» съ Иннокентіемъ, что готовъ былъ уже, по свойственному ему, Погодину, эмфазу, посвятить послѣднему извѣстные «Афоризмы», но былъ удержанъ отъ того своимъ другомъ Максимовичемъ, чтобы «сберечь отъ лишнихъ возбужденій» [3]). Осенью того же года, на пути за границу, навѣстилъ Максимовича знакомый ему по Москвѣ—Н. В. Станкевичъ. На замѣчаніе Максимовича, что въ гегелевской философіи онъ не найдетъ себѣ счастья, послѣдній отвѣчалъ: «тогда я не хочу и жить на свѣтѣ, если не найду

---

[1]) Путеш. въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 гг., Егора Тимковскаго, 3 чч., Спб. 1824.

[2]) Письма о Кіевѣ, 54—57.

[3]) Барсуковъ, IV, 328—329; IX, 96.

его въ ней». То была душа любознательная, и ея скоро не стало», прибавляетъ съ грустью Максимовичъ [1]). Въ началѣ октября 1837 г. посѣтилъ Кіевъ наслѣд. цес. Александръ Николаевичъ, послѣ смотра въ Вознесенскѣ и путешествія по Крыму, а вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Кіевѣ и университетѣ Жуковскій.—«6-е и 7-е окт. провелъ я съ Жуковскимъ, будучи проводникомъ ему по всему Кіеву... Изъ представляющейся съ Андрея Первозваннаго обширной панорамы Кіева... Жуковскій пристальнѣе всего вглядывался въ ту сторону, гдѣ Вышгородъ, городъ Ольгинъ, и срисовалъ себѣ тотъ видъ... Рано утромъ 8 окт. обнялъ меня на прощанье, и это уже было послѣднее мое съ нимъ свиданіе» [2]). И въ томъ же мѣсяцѣ, на пути за границу, заѣхалъ въ Кіевъ Бодянскій. При посредствѣ Иннокентія, онъ осмотрѣлъ библ. Софійскую, Братскую и Михайловскаго мон. Въ послѣдней ему удалось въ одной книгѣ («Цвѣтодарованіе») найти списокъ тѣхъ вельможныхъ южно-русскихъ домовъ, которые приняли католицизмъ. «Я таки довольно порядочно смыслю въ малороссійской исторіи, писалъ онъ Погодину, а признаюсь весьма много встрѣтилъ тутъ такихъ домовъ, которыхъ прежде и не подозрѣвалъ въ православіи и русской крови. Въ этой же книгѣ попалось мнѣ еще другое исчисленіе, именно: *яко которая земля вѣру греческую держала*. Знаете ли, что здѣсь поименованы даже Козары» [3]). Въ то же время Максимовичъ писалъ Погодину: «Бодянскій напомнилъ мнѣ много изъ старой, и насказалъ много изъ новой Московщины, въ томъ числѣ много изъ круга твоей обширной дѣ-

---

[1]) Онъ отправлялся за границу въ авг. 1837 г. и 24 авг. былъ въ Кіевѣ (Н. В. Станкевичъ Анненкова, I, 117, 164), о чемъ вспоминалъ позже Максимовичъ (Барсуковъ, VIII, 236).

[2]) Письма о Кіевѣ, 56, 76; Барсуковъ, V, 9—10. «11 октября, по пріемѣ у себя въ залѣ всего корпуса профессоровъ», имп. Николай принялъ англ. послан., лорда Дургама съ его свитой. «И былъ онъ тогда свѣтелъ и ласковъ необычайно», прибавляетъ Максимовичъ (58).

[3]) Письма къ Погодину изъ словен. земель (1, 2, 37—38; 3, 15, 16, 40). Ср. Отчетъ Бодянскаго о библ. Михайл. мон. (Журн. Мин. Нар. Просв., ч. XVIII, 401—402).

ятельности. Радуюсь ей отъ души... Я заподозрѣлъ Бодянскаго, что онъ прихвастнулъ относитольно *восьми тысячъ* пѣсенъ малороссійскихъ, яко бы имъ собранныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ въ одной Полтавской губ., не выѣзжая изъ Москвы; но онъ говоритъ, что ты можешь это засвидѣтельствовать. Точно ли такъ? Правда ли? Полно, такъ ли? У меня только *три тысячи* въ десять лѣтъ. «Пѣсенъ я видѣлъ много», отвѣчалъ Погодинъ, «но восемь тысячъ ихъ не считалъ» [1]).

По свидѣтельству очевидцевъ, 11 янв. 1838 г., въ Кіевѣ (и нѣк. мѣстахъ юж. Россіи), въ 9 час. вечера, при 17 град. мороза, послышался необыкновенный гулъ, похожій на лѣтній шумъ экипажей по мостовой (я жилъ тогда на Печерскѣ въ быв. домѣ Семенюты). Смотрю: на стѣнѣ у меня закачался, какъ маятникъ, портретъ нашего приснопамятнаго проф. Даниловича, а на столѣ моемъ зашатался большой подсвѣчникъ. И продолжалось это около трехъ минутъ». Такъ описываетъ бывшее землетрясеніе Максимовичъ, прибавляя словами лѣтописца печерскаго: «се же знаменье не на добро бысть. Такъ и случилось въ то лѣто» (дѣло Боровскаго 1838 г.) [2]). По этому поводу сказалъ свое «слово» Иннокентій на тему «о покояніи», о которомъ (т. е. словѣ) «Кіевскій философъ» Авсеневъ выразился, что оно едва ли не лучшее явленіе, а Погодинъ простеръ еще далѣе свои размышленія по поводу того же событія. Не такъ легко поддававшійся чувству, Надеждинъ писалъ ему въ назиданіе: «Бойся суевѣрія, которое, конечно, извинительнѣе невѣрія,—но все есть крайность. Я не раздѣляю твоихъ боязливыхъ предчувствій... Великія эпохи всемірныхъ кризисовъ конечно сопровождаются особенными, чрезвычайными явленіями въ умственномъ и нравственномъ мірѣ. Но видѣнія и сны частныхъ лицъ ничего не значатъ. Я такъ увѣ-

---

[1]) Письма Погодина къ Максимовичу, 14. Барсуковъ, V, 100—103. — О Бодянскомъ см. также монографію Н. П. Василенка: «О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи, К. 1904 (изъ Кіев. Старины).

[2]) Письма о Кіевѣ, 77—78.

ренъ, что свѣтъ простоитъ еще долго» и т. д. Однако «кіевскій философъ» Авсеневъ писалъ Погодину: «Какъ рада наша академическая философія, что мнимое суевѣріе народа принято вами въ философію вашей исторіи. А мы съ этимъ образомъ мыслей боялись остаться одни, особливо послѣ *гегелевскаго тумана.* Есть философія въ народѣ, которой довѣдомо то, что и не снилось германскимъ мудрецамъ» [1]).

На осень 1842 г. Погодинъ собрался па воды за границу, побывалъ на Михайловой горѣ, гдѣ не засталъ Максимовича, въ Переяславѣ, гдѣ не примѣтилъ ничего древняго, и въ Кіевѣ, гдѣ обошелъ всѣ святыни, а, обозрѣвъ кіевскія пещеры и умилившись подвигами ихъ обитателей, описанныхъ въ Патерикѣ, воскликнулъ: «И мы, несмысленные, отъ такихъ живоносныхъ источниковъ обращаемся къ Уландамъ и Гейне, переводимъ со тщаніемъ ихъ мелочи и попираемъ ногами свои бисеры. Одно основаніе Печерской церкви есть такая поэма, которой позавидовала бы всякая европейская литература. О юноши! какъ мнѣ жаль васъ, когда я вижу васъ стремящихся за потокомъ. «Изъ лавры Погодинъ счелъ долгомъ заѣхать къ ген.-губ. Д. П. Бибикову, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, ибо столько наслышался «о его русскомъ духѣ». Опасаясь «шалостей въ окрестностяхъ», Погодину не хотѣлось выѣзжать изъ Кіева ночью; но опасенія его оказались напрасны. «Ночью, лѣсомъ, въ непогоду, говоритъ онъ, одному ѣхать было такъ безопасно, какъ въ го-

---

1) Барсуковъ, V, 126—130. Прибавимъ здѣсь, что въ то время была извѣстна въ Кіевѣ женщина-лунатикъ (Жучиха), которую весь городъ считалъ «страшной вѣдьмой». Никто не хотѣлъ сжалиться надъ нею, всѣ проклинали, боялись ея. «Суевѣры горожане, проходя мимо ея дома, ограждали себя крестнымъ знаменіемъ; нечаянная встрѣча съ нею считалась предвѣстіемъ несчастія; родныя дѣти выгоняли ее изъ дому, а съ ея внуками никто не хотѣлъ играть»; «но, замѣчаетъ авторъ записокъ, для меня, прослушавшаго курсъ исторіи души у Авсенева, женщина эта показалась лишь жалкою больною» (Воспом. Чалаго, К. Стар. 1889, № 12, стр. 542).

родѣ» [1]). По замѣчанію путешественника, «Малороссія за Днѣпромъ (т. е. отъ Москвы) имѣетъ уже другой характеръ, судя по большой дорогѣ: мѣстоположеніе хуже, селеній мало, кое-гдѣ видишь грязный шинокъ, и только. Поляки и жиды оказали на ней все свое вліяніе»... Но онъ прибавляетъ: «Замѣчательно, что русскіе крестьяне укрѣпились вполнѣ здѣсь за своими господами, т. е. поляками, тогда, какъ эти губерніи возвратились къ Россіи» [2]). Побывавъ въ Галиціи, Погодинъ писалъ, что тамъ говорятъ всякому русскому путешественнику: «Скоро ли вы насъ возьмете къ себѣ»; а одинъ старецъ сказалъ Погодину: «Хотя бы вы промѣняли насъ на Польшу» и вмѣстѣ съ тѣмъ давали совѣтъ: «выводить польскій духъ изъ губ. Волынской, Подольской и пр., скупая имѣнія отъ польскихъ помѣщиковъ, что очень легко бываетъ на кіевскихъ контрактахъ, возвышать и освѣщать Кіевъ пребываніемъ царской фамиліи, привлекая туда русскихъ капиталистовъ... Австрійское правительство трепещетъ за Галицію и принимаетъ строжайшія мѣры противъ патріотовъ. На обратномъ пути Погодинъ, заѣхавъ въ Кіевъ, опять побывалъ на Михайловой горѣ и столь же неудачно, и въ томъ же году еще разъ побывалъ здѣсь, въ Кіевѣ, Надеждинъ [3]).

Въ 1842 г., по выходѣ въ отставку, переѣхалъ на жительство изъ Москвы въ Кіевъ Даниловичъ; однако, вскорѣ затѣмъ, отправившись за границу (1843) для лѣченія, онъ тамъ и умеръ, послѣ того, какъ его письменное сокровище, пересланное черезъ контору дилижансовъ въ Кіевъ, оказалась пропавшимъ; а въ слѣдующемъ году (1843) прибылъ въ Петербургъ изъ Берлина бар. Августъ Гакстгаузенъ, «въ политикѣ крайній монархистъ, а въ религіи ультра-католикъ», предпринявшій путешествіе по Россіи для ознакомленія съ русскимъ сельскимъ бытомъ. По этому поводу сообщалось, что баронъ очень ласково принятъ былъ при дворѣ

[1]) Впрочемъ, поѣздка на контракты въ Кіевъ не считалась безопасною, а по этому поводу ходило не мало легендъ (Ulaszyn).

[2]) Барсуковъ VII, 10—16, съ путев. замѣч. о Малороссіи.

[3]) Ibidem, 48, 60—65.

и, напротивъ, недружелюбно встрѣченъ нѣкоторыми важными особами, которыя не сочувствуютъ его сужденіямъ объ отношеніяхъ дворянства къ крестьянству. По словамъ самого барона, онъ встрѣтилъ величайшую готовность къ содѣйствію его ученымъ изслѣдованіямъ. Имп. Николай приказалъ не только всѣмъ властямъ оказывать ему полное покровительство, но и сообщать ему документы изъ архивовъ и присутственныхъ мѣстъ. Онъ писалъ замѣчанія на указъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, которыя понравились. Онъ желалъ познакомиться съ Хомяковымъ и Петр. Кирѣевскимъ. Такимъ обр., бар. Гакстгаузенъ предпринялъ обширное путешествіе: изъ Петербурга онъ поѣхалъ на Новгородъ, Тверь, Москву, по Волгѣ до Саратова; потомъ чрезъ Пензенскую, Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую и Екатеринославскую губ., въ Крымъ, на Кавказъ, а черезъ Одессу въ Подолію, Волынь, *на Кіевъ*, Черниговъ и далѣе до Москвы. Плодомъ этого путешествія въ 1847 и 1852 г. явилась книга, подъ заглавіемъ: «Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи« [1]).

Мы упоминали, что въ Кіевѣ съ дек. 1849 по дек. 52 г. жилъ Самаринъ, правившій канцеляріей Бибикова, [2]) и А. О. Смирнова говоритъ: «Изъ Кіева Самаринъ писалъ часто, то комическія письма, то серьезныя, рисовалъ карикатуры. Самаринъ часто посѣщалъ кіев. митр. Филарета, который былъ совершенно какъ невинное дитя. Самаринъ написалъ мнѣ длинное письмо или вѣрнѣе диссертацію о кіевскихъ отшельникахъ, Ѳеодосіи печерскомъ и пещерахъ» [3]). Пребываніе Самарина въ Кіевѣ сблизило всѣхъ здѣшнихъ господъ съ Москвою и познакомило за-

---

[1]) Барсуковъ, VII, 254—256, 281—284.

[2]) Барсуковъ, IX, 471—72.

[3]) Ibidem, 133. Впослѣдствіи онъ написалъ статьи: «По поводу защиты кіевской администраціи М. В. Юзефовичемъ« (Сочин. I, 309—324) и «Замѣч. объ инвентаряхъ, введенныхъ въ 1847—48 гг.» (ib., II, 1—16).

очно со всѣми нами», говоритъ И. С. Аксаковъ [1]). Весною 1848 г. Гоголь, проѣздомъ изъ Одессы въ Васильевку, остановился въ Кіевѣ у А. С. Данилевскаго и видѣлся у него и Юзефовича съ Ѳ. В. Чижовымъ, который не разъ сюда наѣзжалъ. «Мы много ходили по Кіеву, но больше молчали, писалъ тогда послѣдній... Кто сильно вжился въ жизнь римскую, тому послѣ Рима только Москва и можетъ нравиться», сказалъ Гоголь [2]). Въ августѣ 1850 г. К. С. Аксаковъ со своими больными сестрами ѣздилъ въ Кіевъ и здѣсь встрѣтился съ кн. П. А. Вяземскимъ, возвращавшимся съ Востока [3]), и затѣмъ написалъ Максимовичу «Кіевъ всѣхъ насъ привелъ въ восхищеніе» [4]). Въ августѣ 1852 г. былъ въ Кіевѣ С. П. Шевыревъ [5]). Еще въ 1846 собирался сюда и И. С. Аксаковъ, но съ другой цѣлью: «Если я не поѣду въ чужіе края, писалъ онъ отцу, то на будущій годъ отправлюсь въ Кіевъ, разумѣется не для богомолья, но такъ—ради путешствія и любознательности. Оболенскій (кн. Ю. А.) даже можетъ вамъ разсказать теперь много замѣчательныхъ вещей про народъ и бытъ народный» [6]). Въ маѣ 1852 г. онъ посѣтилъ Кіевъ, откуда вмѣстѣ съ Ригельманомъ и кн. Дабижей, въ лодкѣ (а потомъ экипажемъ) отправился въ имѣніе Чижова близъ Триполья, который завелъ

---

[1]) Письма, III, 8.

[2]) Барсуковъ, IX, 471.

[3]) Барсуковъ, XI, 119, 122. К. С. Аксаковъ останавливалси въ гост. Лондонъ (на Печерскѣ). Письма къ Максимовичу (К. Стар. 1883, т. V, № 4, стр. 829--841).

[4]) Одесса чествовала кн. Вяземскаго, а Кіевъ проглядѣлъ (Москвит. 1850, № 21, стр. 33; К. Стар., ibid., 835).

[5]) Барсуковъ, XII, 75.

[6]) Ibidem, VIII, 338—339. Они останавливались въ существовавшемъ еще «Зеленомъ трактирѣ», въ 100 шагахъ отъ лавры (прежде считался лучшей гостиницей). Аксаковъ бывалъ у Юзефовича и Ригельмана, гдѣ видался съ проф. Селинымъ и Павловымъ; въ кондитерской онъ читалъ Journal de Francfort; онъ жалуется, что извощики въ Кіевѣ страшно дороги и берутъ вдвое противъ таксы (Письма, стр. 7—9).

тамъ «шелковое заведеніе» и пріучилъ къ этому дѣлу крестьянъ [1]). Въ 1852 г. напечаталъ въ «Сѣв. Почтѣ» свои статьи о Кіевѣ (числомъ три) побывавшій здѣсь А. С. Аѳанасьевъ-Чужбинскій [2]).

Можно сказать, что съ учреженія университета Кіевъ становится притягательнымъ пунктомъ—на пути за границу и оттуда, чему не мало способствовали и связи съ Москвою черезъ Максимовича, который былъ главнымъ посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ. Прежній путь за границу (отъ Карамзина до Грановскаго) замѣняется другимъ, много способствовавшимъ оживленію Кіева.

Академія пріучила кіевлянъ къ публичнымъ экзаменамъ, соединявшимся съ диспутами; ежегодные акты принадлежатъ уже позднѣйшему времени [3]). Съ основаніемъ университета въ стѣнахъ его открываются ежегодные акты (въ первые годы два раза), соединяемые обыкновенно съ отчетами и рѣчью. Иногда рѣчи эти произносились на извѣстную, отвѣчающую потребностямъ настоящей минуты, тему, или брали на себя защиту какой либо научной истины. Так. обр., при открытіи университета пр. Цыхъ произнесъ приличную случаю рѣчь: «О цѣли и пользѣ высшихъ учебныхъ заведеній» [4]); въ 1835 г. проф. Неволинъ.: «О соединеніи теоріи съ практикою въ изученіи законовъ и въ дѣлопроизводствѣ»; въ 1836 (15 іюля) проф. Орнатскій: «Объ отношеніи между общимъ и частнымъ въ законодательствѣ и законовѣдѣніи» и (3 окт.) Голубковъ: «О необходимости учрежденія ученыхъ преній»; въ 1837 г. (15 іюля) проф. Новицкій: «Объ упрекахъ, дѣлаемыхъ философіи, ихъ силѣ и важности» и (2 окт.) Максимовичъ: «О значеніи Кіева въ общей жизни Россіи»; въ 1838 г. (15 іюля) проф. Ѳедоровъ: «О мнимомъ противорѣчіи между истинами изъ познанія неба видимаго и истинами неба не-

---

[1]) Ibidem, XIII, 113—14.

[2]) О нихъ Москвитян. 1852, I, 15 (Изъ Кіева).

[3]) Кіев. Стар. 1885, т. XI, 773—776; Москвитян. 1851, V, 38—39. На обратномъ пути изъ-за границы Грановскій только „проѣхалъ“ черезъ Кіевъ.

[4]) Записки и рѣчи, читан. при откр. И. У. св. Владиміра К. 1840, стр. 85—119.

видимаго» и (20 окт.); Красовъ: «О современномъ направленіи просвѣщенія»; въ 1839 г. (15 іюля) проф. Нейкирхъ: «О важности изученія древней греческой словесности» [1]); въ 1840 г. проф. Домбровскій: «О вліяніи Греціи на развитіе гражданственности древ. Руси» [2]); въ 1841 г. проф. Иванишевъ читалъ: «Объ идеѣ личности въ древнемъ правѣ богемскомъ и скандинавскомъ» [3]); въ 1843 г., проф. Козловъ: «О развитіи идеи болѣзни» [4]); въ 1845 г. (28 янв.), проф. Леоновъ: «О развитіи судебной медицины отечественной и объ отношеніи ея къ рус. законодательству»; въ 1845 г. (20 дек.) проф. Траутфеттеръ; «О флорѣ сѣв. полосы Россіи»; въ 1846 г. проф. Кесслеръ: «О происхожденіи домашнихъ животныхъ»; въ 1847 г. проф. Алферьевъ: «Объ отношеніи патологической анатоміи къ терапіи»; въ 1848 г.—проф. Ѳедоровъ: «О формѣ и содержаніи правыхъ грамотъ»: въ 1849—проф. Вальтеръ: «Объ отношеніяхъ публики къ современной врачебной наукѣ»; въ 1850 г. проф. Фонбергъ: «О необходимости наукъ для успѣха искусствъ и ремеслъ»; въ 1851 г. проф. Дьяченко: «О вліяніи дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія на успѣхи геометріи и механики«; въ 1852 г. проф. Богородскій: «Объ успѣхахъ уголовнаго законодательства въ Европѣ съ начала XVIII в.»; въ 1853 г. проф. Гогоцкій: «Объ историческомъ развитіи воспитанія у примѣчательнѣйшихъ народовъ древняго міра»; въ 1854 г. проф. Гюббенетъ: «О значеніи гимнастики въ жизни человѣка и народовъ»; въ 1855 г. проф. Ходецкій: «Обозр. успѣховъ сельскаго хоз. въ Россіи съ историч. изложеніемъ правит. мѣръ по улучшенію хозяйства»; въ 1856 г.

---

[1]) Біогр. Слов. проф., стр. 816. Рѣчи, чит. 15 іюля, обыкновенно печатались.

[2]) Отчетъ и Ж. М. Н. Пр., т. XXIX.

[3]) О ней сказано выше и въ Собр. его сочиненій.

[4]) Одинъ изъ первыхъ онъ сталъ примѣнять въ распознаваніи болѣзней химико-гистологическія изслѣдованія; а впослѣдствіи съ его именемъ соединяется изданіе «Военно-Медиц. журнала», съ многочисленными приложеніями переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій, и устройство женскихъ медицинскихъ курсовъ.

Н. Х. Бунге: «О мѣстѣ, занимаемомъ полит. экономіей въ системѣ народнаго образованія» [1]).

Не менѣе важнымъ средствомъ сближенія науки съ обществомъ служили диспуты, въ которыхъ принимали участіе депутаты отъ другихъ факультетовъ и приглашенныя лица, а иногда самые диспуты рѣшали участь защитниковъ (Домбровскаго по рус. исторіи, Красова по словесности, Андржеіовскаго по ботаникѣ [2]). Въ періодъ 1838—55 годъ было удостоено 23 лица степени доктора и 32 степени магистра. Обыкновенно медицинскія и отчасти филологическія диссертаціи бывали на латинскомъ яз. [3]). Не касаясь вполнѣ спеціальныхъ тѣмъ, отмѣтимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ представляли общій интересъ, какъ: «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка», «О драматической поэзіи въ Россіи», «О романѣ», «О главномъ направленіи поэзіи въ англ. и нѣмец. литературѣ съ к. XVIII стол.», «О Батюшковѣ и Жуковскомъ», «Ист. очеркъ русской филологіи», «О характерѣ философіи среднихъ вѣковъ», «Исторія просв. въ Россіи въ XVIII в.», «Философія Гегеля, ея достоинства и недостатки», «О залогахъ безсмертія души, скрывающихся въ ея сущности», «Взглядъ на состояніе женщинъ въ языческой Руси», «О правахъ женщины въ Россіи«, «Объ историческомъ значеніи княж. Владиміра Мон.», «Теорія кредита», «Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра В.», «О сущности физіократическаго ученія», «О призрѣніи бѣдныхъ въ государствѣ», «О податной системѣ въ Московскомѣ государствѣ»,

---

[1]) Біогр. Слов. проф., стр. 55, 82, 88, 186, 199, 211, 299. 728, 799, 800, 816. Погреб. поч. членовъ (Сакена, м. Евгенія), рект. Цыха и др. также сопровождались рѣчами универс. членовъ, которыя печатались.

[2]) Подробности (Шульгинъ, 124); Владимірскій-Будановъ; 218—220, 457—465, 573—75; Біогр. Словарь; Максимовичъ, Письма о Кіевѣ, 81—83, 85.

[3]) Часть лекцій послѣдняго (по греч. и рим. литер.) долгое время и потомъ читалась на латин. языкѣ.

«Объ отличительномъ характерѣ Москов. государства», «О трудѣ въ сельскомъ хозяйствѣ», «О преобразованіи естественныхъ луговъ и постоянныхъ пастбищъ въ пахотныя поля» и пр., «О сосостояніи городскихъ обывателей въ Россіи до к. XVIII стол.», «О наслѣдствѣ по римскимъ законамъ», «О выкупѣ родовыхъ имуществъ», «О развитіи понятія о преступленіи въ исторіи рус. законодательства», «О платѣ за убійство въ древ. рус. и другихъ славян. законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою», «О температурѣ земнаго шара»; по вопросамъ, касающимся изученія края въ естественно-историческомъ отношеніи и т. п. [1]). Какъ посвященные вопросамъ большею частью общаго характера, подобные диспуты оказывались доступными большинству публики и, какъ видно, она охотно посѣщала эти собранія, не тяготясь даже продолжительностью споровъ [2]). По поводу диспута Бунге (1—3 ч.) замѣчено: «Уже эта продолжительность показываетъ, что онъ былъ интересенъ и многосторонень. Въ диспутѣ принимали участіе многіе профессора; диспутъ былъ необыкновенно оживленъ и разнообразенъ. Въ обширной университетской залѣ было тѣсно отъ множества посѣтителей» [3]).

Конечно, гораздо шире могло быть вліяніе публичныхъ лекцій; но въ то время онѣ открывались съ большими трудностями и далеко не по всѣмъ предметамъ. Тѣмъ не менѣе о нѣкоторыхъ попыткахъ подобнаго рода мы имѣемъ свѣдѣнія. Такъ, въ 1841 и 42 гг. двѣ зимы сряду читалъ публичныя лекціи по русской исторіи проф. Домбровскій, которыя усердно посѣщались кіевлянами. Лекціямъ этимъ, какъ и въ университетѣ, много помогало краснорѣчіе лектора [4]). Съ 1844—48 г. А. Н. Тихомандрицкій читалъ публичные курсы практической механики по 2 часа въ недѣлю [5]); а съ 1840 по 1856 г. такіе же курсы, по два часа

---

[1]) См. Академич. списки Унив. св. Владиміра, стр. 12—29.

[2]) Москвитянинъ 1850 г. (о диспутахъ Гогоцкаго и Митюкова).

[3]) Ibidem, 1852, № 13, стр. 47—48.

[4]) Біогр. Словарь проф., 184.

[5]) Ibidem, 645.

въ недѣлю, читалъ по технической химіи Фонбергъ. На его публичныя чтенія, какъ прекраснаго лектора и опытнаго экспериментатора, стекалась многочисленная публика, смотрѣвшая съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ на его опыты и пріемы, полные несмущаемой увѣренности [1]. Читалъ также лекціи по механикѣ Н. А. Дьяченко [2]. Съ 1846—1851 при университетѣ состоялъ проф. сел. хоз. И. Ѳ. Якубовскій, въ званіи преподавателя публичныхъ лекцій, организованныхъ еще раньше по мысли предсѣд. Вол. экон. общ. гр. Мордвинова, въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Въ университетѣ онъ считался весьма талантливымъ преподавателемъ [3]; однако, по неизвѣстной причинѣ, публичныхъ лекцій онъ не читалъ. Проф. Ходецкій, читавшій ихъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, свидѣтельствуетъ, что успѣхъ этихъ лекцій зависѣлъ отъ отношенія того начальства, гдѣ онѣ читались. «Въ высшихъ сферахъ замѣтно было какъ бы два противоположныхъ теченія: одно покровительствовало подобнымъ учрежденіямъ, другое игнорировало ихъ. Послѣднее повидимому одержало верхъ и преподаватели разбрелись въ разныя стороны, не поддержанныя достаточно, хотя предпріятіе требовало мало средствъ отъ казны». Тѣмъ не менѣе, начиная съ 1854 г., въ теченіе 5 семестровъ, проф. Ходецкій читалъ публ. лекціи по технологіи, учрежденныя при университетахъ мин. финансовъ и состоявшія почти исключительно изъ такъ наз. сельско-хозяйственной и лѣсной технологіи, куда входили: свеклосахарное производство, винокуреніе, пивовареніе, сыродѣліе, приготовленіе угля, смолы, дегтя, дубленіе кожъ и пр. [4]. Сообщая о публичныхъ лекціяхъ въ Кіевѣ по названнымъ предметамъ, мѣстный корреспондентъ пишетъ: «Намъ случается слышать въ обществѣ сожалѣніе, почему не читаются публичныя лекціи предметовъ, имѣющихъ бо́льшую степень интереса и болѣе общезанимательныхъ: исторіи и словесности. Много данныхъ ручается

---

[1] Ibidem, 676.
[2] Москвитянинъ, 1851, II, № 8, стр. 333.
[3] Біограф. Словарь, 789—790.
[4] Ibidem, 691—692, 704.

намъ за успѣхъ, который увѣнчалъ бы лекціи по этимъ предметамъ, имѣющимъ ревностныхъ и воодушевленныхъ представителей въ здѣшнемъ университетѣ» [1]). Напомнимъ, что въ то время въ числѣ его преподавателей по названнымъ предметамъ состояли Шульгинъ и Селинъ, публичныя лекціи которыхъ (позже) пользовались большимъ успѣхомъ [2]). Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ преподавателели университета и болѣе интеллигентные русскіе люди лучшаго круга кіевскагѣ общества собирались по вечерамъ другъ у друга послушать между прочимъ превосходнаго чтенія, или какой-нибудь извѣстной классической пьесы, или новой, только что вышедшей въ свѣтъ, или нигдѣ еще не отпечатанной. На этихъ-то soirées littéraires Селинъ читалъ трагедіи Шекспира, драму «Опричникъ», ходившую еще только въ рукописи, и т. п. Понятно, что широко образованный и прекрасно говорившій на нѣскольких иностранныхъ языкахъ (франц., нѣмецк., итальян.), Селинъ былъ тогда непремѣннымъ членомъ нѣкоторыхъ кружковъ мѣстнаго высшаго общества; а въ то время интеллигентный кругъ собственно русскаго общества въ Кіевѣ былъ сравнительно немногочисленъ и вообще подавляемъ польской интеллигенціей [3]).

Теперь, нужно ли укрѣпить Золотыя ворота (Мѣховичъ), перевести на русскій языкъ бумаги, присланныя изъ военно-судной коммиссіи надъ польскими мятежниками (ихъ переводили студенты), изыскать средства для истребленія червей, появившихся на поляхъ въ нѣк. уѣздахъ Кіевской губ. [4]), заняться ли борьбой съ холерой (1848, 1850), ея изслѣдованіемъ и описаніемъ [5]), изслѣ-

---

[1]) Москвит. 1851, № 8, стр. 333—334.

[2]) Біогр. Словарь, 591—593, 770—71.

[3]) Ibibem, 594.

[4]) Владимірскій-Будановъ, 92; Письма о Кіевѣ, Максимовича, 84.

[5]) Обязанности эти возлагались на Вальтера, Козлова, Цыцурина, Кожевникова, Мирама (Біогр. Словарь, 88, 269, 437, 438, 732, 792). Былъ изданъ: «Отчетъ о холер. эпид. въ Кіевѣ въ 1848», сост. проф. Вальтеромъ, Цыцуринымъ и Козловымъ, К. 1848. О холерѣ 1850 г.—Гюббенета. Въ 1852 г. Анд. Яцына защищалъ диссерт. на степень доктора «О холерѣ».

довать причины сильной смертности въ военномъ госпиталѣ (дважды давались порученія Мираму, въ 1846 и 1854) или распространенія скорбута въ разныхъ мѣстностяхъ Ю. З. края (1849) и болѣзней среди рабочихъ, производившихъ работы по сооруженію моста на Днѣпрѣ (Беккеръ, Цыцуринъ и др. [1]), устроить ли выставку (Ходецкій, 1852), командировать ли для поданія помощи раненымъ (Гюббенетъ и нѣсколько студентовъ) во время восточной войны, а также для изслѣдованія развившейся въ южной арміи тифозной горячки (Алферьевъ и Мерингъ [2]),—администрація обыкновенно обращалась въ университетъ и находила въ немъ всегда дѣятельную поддержку и необходимый совѣтъ. Проф. Вальтеръ избралъ предметомъ своей диссертаціи вопросъ «о колтунѣ» (1845). Онъ доказалъ, что колтунъ не болѣзнь, а послѣдствіе неопрятности и предразсудка народа и врачей, особенно польскихъ,—виленской школы, и роста особеннаго микроскопическаго грибка, на склеенныхъ и спутанныхъ волосахъ. Для своего изслѣдованія авторъ воспользовался препаратами быв. виленскаго музея, перенесенными въ Кіевъ, а также матеріалами, добытыми имъ во время поѣздки въ Минскую губ., совершенной на счетъ университета для изученія колтуна [3]). Мы упоминали о многочисленныхъ экскурсіяхъ, произведенныхъ членами университета и доставившими богатый матеріалъ для описанія края и сосѣднихъ съ нимъ губерній. Теперь стали производиться постоянныя метереологическія наблюденія; а затменіе 1851 г. сопровождалось рядомъ наблюденій въ разныхъ мѣстахъ учебнаго округа и подробными описаніями спеціалистовъ и любителей [4]).

---

[1]) Біогр. Словарь, 537—38, 730.

[2]) Владимірскій-Будановъ, 583—585. Отчеты ихъ были напечатаны (Біогр. Словарь, 19, 147, 405—406).

[3]) Біографич. Словарь, 85—86. Диссертація его написана на латин. языкѣ.

[4]) Отчеты Кнорра, Деллена, Полухтовича, Өедорова. (Біогр. Словарь, 178, 264, 556, 799).

Астр. наблюд. Полухтовичъ издалъ также «Кіевскій календарь на 1845 годъ» (556).

Въ 1841 г., въ бесѣдахъ между Максимовичемъ и Иннокентіемъ возникла мысль, что пора бы и въ Кіевѣ быть «Историческому обществу», когда есть оно не только въ Москвѣ, но и въ Одессѣ. Въ этомъ дѣлѣ принялъ близкое участіе попеч. учеб. округа кн. Давыдовъ, который собралъ у себя кружокъ любителей исторіи. Составленъ былъ протоколъ засѣданія, программа дѣятельности Общества (заглавіе писано рукою Иннокентія, остальной текстъ—Давыдовымъ). Въ числѣ 9 членовъ основателей были намѣчены: Иннокентій, кн. Давыдовъ, Максимовичъ, Неволинъ, губ. Фундуклей, пом. попеч. Юзефовичъ, бар. Шодуаръ, прот. Скворцовъ, гр. Ржевускій, и предполагалось имѣть 20 дѣйств. членовъ. Иннокентій очень торопилъ съ этимъ дѣломъ; представлена была записка, писанная Максимовичемъ, и уставъ ген.-губ. Бибикову, уѣзжавшему тогда въ Петербургъ. «Но видно не была еще пора исполниться замышленію Иннокентія о Кіевскомъ обществѣ, да и самъ онъ вскорѣ былъ оторванъ отъ Кіева», прибавляетъ М-чъ, а въ маѣ 1843 г. послѣдовало выс. повел. объ учрежденіи при кіев. ген.-губ. «Врем. ком. для разбора древнихъ актовъ» [1]).

Съ именемъ Максимовича и открытіемъ университета связано и другое дѣло—мысль о журналѣ. Мысль эта принадлежала ген.-губ. графу В. В. Левашову, отличавшемуся вообще широкими планами по части образованія края, и прежде всего сочли нужнымъ обратиться (черезъ губернатора) къ Максимовичу, вскорѣ по открытіи университета (2 мая 1835). Журналъ долженъ былъ носить названіе «Кіевскія Новости» и издаваться въ пользу «кіевскаго общества для помощи бѣднымъ». Онъ долженъ былъ заключать въ себѣ свѣдѣнія о распоряженіяхъ правительства, въ особенности относящихся къ краю, о замѣчательныхъ произведеніяхъ отечественной литературы, о новѣйшихъ событіяхъ вѣка, о направленіи современнаго просвѣщенія и открытіяхъ. Въ частности въ немъ должны были помѣщаться извѣстія, о контрактахъ, ярмаркахъ и вообще статистическія свѣдѣнія, относя-

---

[1]) Письма о Кіевѣ, 114—118; Барсуковъ, VI, 89.

щіяся къ краю, историческія, археологическія и статистическія свѣдѣнія о Кіев. учеб. округѣ и объ университетѣ, даже съ конспектами читаемыхъ въ немъ лекцій; новости политическія изъ лучшихъ иностранныхъ газетъ и журналовъ (въ рукописи прибавлено: «монархическаго направленія»); извѣстія о замѣчательнѣйшихъ книгахъ русскихъ и иностранныхъ, въ особенности относящихся къ мѣстнымъ губерніямъ; извѣстія объ открытіяхъ по части наукъ, искусствъ и промышленности (въ рукописномъ конспектѣ прибавлено: «фельетонъ журнала»). Журналъ предполагалось выпускать по два раза въ недѣлю, въ форматѣ «Сѣв. Почты», по цѣнѣ 25—30 р. ассигн., съ литературными приложеніями.

Быть можетъ чисто-оффиціальный способъ основанія журнала, обнаружившаяся недостаточность подписки (черезъ университетъ 8 подписчиковъ, служащихъ лицъ), а тѣмъ болѣе необходимымъ силъ, привели къ тому, что эта попытка свидѣтельствуетъ лишь о добрыхъ намѣреніяхъ тогдашняго начальника края, предполагавшаго, что съ учрежденіемъ университета, въ чемъ онъ принималъ столь дѣятельное участіе, легко создать— мѣстный литературный органъ, который въ то же время долженъ былъ служить и благотворительной цѣли [1]).

Пребываніе Максимовича въ Кіевѣ оживило занятія кіевскими древностями и исторіей. Къ этому времени относится нѣсколько его статей, посвященныхъ этой послѣдней [2]); а въ 1839 г., по настоянію того же Иннокентія и отчасти Карлгофа [3]), онъ рѣшился предпринять изданіе альманаха или сборника подъ заглавіемъ «Кіевлянинъ» (1-я и 2-я книги, 1840, 1841 изд. въ Кіевѣ, а 3-я въ Москвѣ, 1850), въ которыхъ нашли мѣсто его изслѣдованія и статьи другихъ авторовъ, касающіяся юга Россіи.

Въ подтвержденіе того, что необходимыхъ силъ въ Кіевѣ въ наличности не оказалось, свидѣтельствуетъ и другая попытка, со

---

[1]) Кіев. Стар. 1884, т. X: «Къ ист. газетно-журн. дѣла въ Кіевѣ», В. Науменка, стр. 529—534.

[2]) Біогр. Словарь, 387, 388, 389; Барсуковъ, V, 461; VI, 130.

[3]) Р. Вѣст. 1881, № 10, с. 741.

стороны ученаго сословія, издавать свой органъ, въ то время, когда университетъ уже вполнѣ организовался и пополнился новыми членами (1844—46). Предположено было, опять при участіи кн. Давыдова, поднявшаго этотъ вопросъ, издавать «Записки Имп. ун. св. Владиміря», въ 400 экз., съ обращеніемъ дохода въ пользу авторовъ, по 4 книжки въ годъ, соотвѣтственно факультетамъ, содержащихъ въ себѣ оригинальныя статьи, отчеты о состояніи наукъ и критическіе обзоры текущей литературы. Цензура статей принадлежала университету. Предположенія совѣта университета были утверждены министромъ, и преемникъ кн. Давыдова напоминалъ о бывшемъ проектѣ; оказалось, что были намѣчены уже статьи и избранъ общій редакторъ (Новицкій); но изъ этого предпріятія ничего не вышло, и только въ 1861 г. оно было осуществлено основаніемъ «Университетскихъ Извѣстій», сначала въ скромныхъ размѣрахъ и постепенно достигшихъ настоящаго своего объема [1]).

Между тѣмъ, въ означенный промежутокъ въ Кіевѣ появился мѣстный органъ—оффиціальнаго характера. Съ 1836 г. въ губернской типографіи стали издаваться «Кіевскія Объявленія», подъ ред. начальн. отдѣленія Данилевскаго, съ подписной цѣной 2 р., въ которыхъ помѣщались свѣдѣнія о продажѣ имѣній, домовъ, о наймѣ квартиръ, о концертахъ, театрахъ, курсахъ на золото и серебро; а черезъ два года стали выходить, на общихъ основаніяхъ (по закону 3 іюня 1837 г.) «Кіевскія Губ. Вѣдомости» (съ 1838 г.), по пятницамъ, раздѣленныя на оффиціальную и неоффиціальную части. Въ послѣдней помѣщались извѣстія о цѣнахъ, о ярмаркахъ, о лотереяхъ, о пріѣзжихъ и выбывшихъ лицахъ, о вліяніи погоды, о прививкѣ оспы, о разныхъ происшествіяхъ и частныя объявленія. Поэтому при губерн. правленіи былъ образованъ газетный столъ. Въ 1845 г., со времени преобразованія штата губерн. правленій, Вѣдомости получили тотъ

---

[1]) Исторія университета, 465—467. Въ то время Кіевскій унив. считался въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Харьковскій (Р. Арх. 1899, № 11, с. 387; К. Стар., VIII, 291).

видъ, въ которомъ онѣ издавались до позднѣйшаго времени. Онѣ подраздѣлялись на отдѣлы: *историческій* (мѣстная исторія) *статистическій* (подр. свѣдѣнія о контрактахъ, ярмаркахъ, городахъ, минер. водахъ въ Кіевѣ и т. п.), *этнографическій*, *промышленный*, *смѣсь* (городскія извѣстія, мѣстная хроника, театръ и пр.). Редакторомъ ихъ состоялъ Я. А. Загорскій. Въ числѣ болѣе постоянныхъ сотрудниковъ по археологіи и исторіи края встрѣчаемъ имена прот. Н. Дашкевича, В. Аскоченскаго (изд. статьи изъ его ист. академіи и Кіева), А. Сементовскаго, и въ промышленномъ отдѣлѣ—Н. Г. Киселевскаго. По поводу ихъ изданія мѣстный корреспондентъ писалъ: «Не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, «Кіев. Вѣд.» выходятъ всегда исправно не чужды разнообразія и нѣкоторой доли занимательности; у нихъ есть читатели, которые съ любопытствомъ ожидаютъ всякаго новаго нумера газеты... Прежде онѣ имѣли цвѣтущіе годы своего существованія (напр. 1846 и 1847 гг.), а теперь много уступаютъ имъ своимъ содержаніемъ... Мѣстная хроника чрезвычайно рѣдка, скудна и умалчиваетъ о многомъ (замѣчали даже въ то время). Не могу умолчать еще, что грамматика *всѣми своими частями* замѣтно и часто хромаетъ во многихъ статьяхъ здѣшней газеты» [1]). Одновременно съ возникновеніемъ этого органа появилось мѣстное періодическое изданіе духовнаго содержанія, это «Воскресное Чтеніе», издаваемое тогда дух. академіей (еженедѣльно отъ $^1/_2$—до 1 листа, подписная цѣна 5 р. 71 к., съ пересылкой) и имѣвшее исключительно назидательный характеръ [2]).

Понятно, что съ расширеніемъ научныхъ потребностей, вызванныхъ университетомъ, усилилась издательская дѣятельность Кіева по разнымъ отраслямъ знанія. Появились печатные труды

---

[1]) Москвитянинъ 1851, ч. V, № 18, стр. 49—52; К. Стар. 1900, № 11, с. 93—94; Крат. ист. оч. Кіев. губ. типогр. 1799—1899 (съ прилож. статьи изъ № 20, 1839 г., о бывшемъ проливномъ дождѣ 25 мая, причинившемъ разныя бѣдствія городу, 20—22).

[2]) Москвитянинъ 1851, VI, 119—123.

по логикѣ и психологіи (Новицкаго); по исторіи литературѣ (Ист. рус. слов. Максимовича, Очеркъ греч. литературы Деллена, 1851); по языкознанію (Чеш. грам. Конечнаго въ перев. Страшкевича, 1847); по исторіи поэзіи (Тулова, 1853); по энциклопедіи права (сочин. Неволина, 2 тт. 1839—1840, стр. 633+646); по естественной исторіи (Ест. ист. Кіев. уч. округа, Кесслера 1847—1850, 5 вып.; соч. Траутфеттера, Роговича, Общая ориктогнозія Гофмана, 1840); по анатоміи (пер. сочиненія Краузе, 1848; Курсъ Вальтера, 1852); по физіологіи (перев. соч. Вагнера, 1846); по патологіи (курсъ Козлова, 1846 и др.); по акушерству (курсы Матвѣева, 1853, 1856); отдѣльныя изслѣдованія (Очеркъ г. Чернигова и его области, Домбровскаго, 1846; Историческое развитіе судоустройства въ Россіи, К. Троцины, 1847; Критическій взглядъ на философію Канта, Гогоцкаго, 1847; О причинахъ усобицъ между русскими князьями и ихъ вліяніи на соврем. общество въ періодъ отъ Рюрика до Ивана Калиты и Гедимина, Лашнюкова, 1850); указатели древностей (Кіевъ, Сементовскаго, 1852); переводы: Жизнеописаніе прус. ген. Зейдлица, соч. Варнгагена ф.-Энзе; Разсужденіе о существѣ, характерѣ и необходимости религіи, Лихтенштейна, пер. съ нѣм.). Книгопрод. Іос. Завадскій предпринялъ на рус. яз. «Галерею польскихъ писателей», куда вошли сочин. Корженевскаго и Крашевскаго (5 вып., К. 1852). Печатались книги на франц., польскомъ и малорусскомъ языкахъ, беллетристическаго содержанія (м. прочимъ собр. соч. Корженевскаго); на нѣмец. языкѣ были изданы: изслѣд. Деллена о Ювеналѣ (1846), соч. Кнорра по геометріи (1849), Gedichte v. J. H. Bachmam, 16°, 1851, Ss. 96, Dichterkanon Нейкирха 1853 [1]). Не упоминаемъ о многихъ учебникахъ, изд. въ кіевскихъ типографіяхъ для среднихъ учебныхъ заведеній [2]).

---

[1]) Учрежден. Унив. св. Владиміра, 348—355; Москвитянинъ 1851, VI, 118--119, 190; 1852, I, 14—16; IV, 47—48; V, 44—48; VI, 187—189.

[2]) Отмѣтимъ еще, что въ 1852 г. вышелъ въ свѣтъ «Кіевскій Альбомъ», изд. И. К. Вильчинскимъ, посвященный изображенію древностей и замѣчательныхъ мѣстностей Кіева, Украины, Подоліи и Во-

Конечно, списокъ разныхъ изданій былъ бы и обширнѣе, и разнообразнѣе, если бы надъ печатнымъ дѣломъ не тяготѣла тогда суровая цензура, въ особенности къ концу періода, когда даже ученыя диссертаціи въ университетѣ перестали печататься. Нѣсколько примѣровъ изъ цензурной практики того времени могутъ освѣтить намъ и тогдашнія требованія, и положеніе литературы. Припомнимъ диспутъ Иванишева и исключеніе въ печатномъ изданіи заподозрѣннаго мѣста. Общая цензура находилась въ то время въ вѣдѣніи учебнаго округа, а предсѣд. комитета былъ пом. попеч., и не смотря на то, что «Кіевлянинъ» былъ предпринятъ Максимовичемъ по настоянію между прочимъ и Карлгофа, послѣдній не рѣшился пропустить нѣкоторыя статьи, для него приготовленныя [1]), а это весьма огорчило издателя и его друга Иннокентія, который тогда же написалъ Максимовичу: «Весьма жаль мнѣ вашего и нашего Кіева. Тутъ право нельзя не посѣтовать на цензуру вообще. А эти меценаты наукъ? Весь этотъ либерализмъ испаряется въ словахъ безъ дѣйствія благого» [2]). Во 2-й книжкѣ не была пропущена статья Надеждина о Палладіѣ Роговскомъ, не смотря на перемѣну цензора, а Надеждинъ сожалѣлъ, что не отдалъ ее на просмотръ въ Одессѣ, «гдѣ бы вѣрно не тронули ее ни волоскомъ». Онъ собирался отослать ее въ Петербургъ: «тамъ она пройдетъ, не зацѣпляясь за фарисейскія рогатки», писалъ онъ [3]). Въ университетѣ просмотръ сочи-

---

лыни, снятыхъ съ натуры, выполненныхъ лучшими художниками за границею и отпечатанныхъ въ Парижѣ (Москвит. 1852, IV, 43—44).

[1]) Такъ разсказываетъ съ сожалѣніемъ о случившемся жена Карлгофа (Р. Вѣстн. 1881, № 10, с. 741). По указанію Максимовича это было стих. Хомякова «Кіевъ», который, приславъ его, писалъ: «Я увѣренъ, что слово и мысли лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями» (Письма о Кіевѣ, 15—16). Максимовичъ винилъ Богородскаго, какъ цензора.

[2]) Письма о Кіевѣ, 14.

[3]) Ibidem, 111.

ненiй дѣлался нѣсколькими инстанцiями. Тѣмъ не менѣе невинный «Dichterkanon» Нейкирха вызвалъ переписку между университетомъ и академiей по поводу статьи о еврейской литературѣ. Дѣло обошлось, однако, здѣсь благополучно; но когда книга была разослана разнымъ лицамъ, то изъ мин. нар. просв. послѣдовало внушенiе, что авторъ, говоря объ извѣстной писательницѣ, пишущей подъ псевдонимомъ George Sand, не упомянулъ о пагубномъ ея направленiи и признаетъ романъ «Jacques» однимъ изъ лучшихъ ея произведенiй, а главное лицо, лишающее себя жизни, чтобы освободить отъ тягостнаго супружества молодую жену свою, влюбившуюся въ другаго, авторъ называетъ человѣкомъ строгой и высокой нравственности и т. п. Въ другомъ мѣстѣ, хваля трагедiю Гуцкова «Урiэль Акоста», авторъ соч. говоритъ, что весь смыслъ трагедiи выражается въ словахъ «вѣрьте въ то, чему вы вѣрите, но только съ чистымъ убѣжденiемъ. Сила не въ томъ, во *что*, но въ томъ, *какъ* мы вѣримъ». Поэтому кн. Ширинскiй-Шихматовъ усмотрѣлъ здѣсь предосудительное отношенiе къ вопросамъ вѣры, а оба мѣста тѣмъ болѣе не приличными, что книга напечатана была по опредѣленiю совѣта университета. Между тѣмъ весь вредъ этихъ мѣстъ былъ застрахованъ для русскихъ читателей уже тѣмъ, что книга Нейкирха издана была на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1852 г., въ положенiяхъ къ диссерт. Селина «О драматической поэзiи въ Россiи», подвергся исключенiю тезисъ: «существенное отличiе современной русской поэзiи—неясность идеала, *тоска*» [1]).

Преподавателямъ напоминалось, чтобы въ взглядѣ на новую философiю они слѣдовали мыслямъ, изложеннымъ въ соч. архим. Гаврiила, а также строго соблюдали согласiе съ ученiемъ православной церкви и съ отечественными законами и учрежденiями [2]).

---

[1]) Владимiрскiй-Будановъ, 571—574; Бiогр. Словарь; Барсуковъ (замѣч. на рец. въ Москвит. о польскихъ произведенiяхъ, XII, 276—278).

[2]) Даже ранѣе С. С. Уваровъ предписывалъ, чтобы въ преподаванiи философiи руководствовались статьей о ней Ботэна (Письма о

Адъюнктъ Пилянкевичъ не могъ получить (1843—50 г.г.) разрѣшенія на печатаніе своей «Исторіи философіи права» (напеч. въ Унив. Изв. въ 1870 г.), такъ какъ это было признано «несвоевременнымъ», что печально отразилось на судьбѣ молодаго ученаго [1]), и онъ съ тѣхъ поръ предался тому образу жизни, съ которымъ познакомился въ юности на патріархальномъ Подолѣ [2]). Соч. Шлейдена: «Die Pflanze und ihr Leben» считалось запрещеннымъ для публики и адъюнктъ Роговичъ, получивъ его, обязался (1851) распискою хранить его у себя, «отнюдь не сообщая онаго постороннимъ лицамъ» [3]). Печатаніе книги иногда сопровождалось оффиціальными запросами до выпуска ея изъ типографіи [4]).

Тѣмъ не менѣе потребности края и времени содѣйствовали расширенію типографскаго дѣла въ Кіевѣ. Губернская типографія (до 50-хъ годовъ, находившаяся въ Липкахъ) была нѣсколько расширена и улучшена [5]); а въ 1835 учреждена университетская типографія изъ остатковъ типографіи 1-й арміи, значительно потомъ увеличенная (съ литографіей). Принадлежности для нея пріобрѣтались въ Москвѣ и Берлинѣ. Съ 1850 1885 г. она была отдана въ арендное содержаніе І. І. Завадскому [6]). Однако, на первыхъ порахъ, типографія эта не могла удовлетворить всѣмъ научнымъ требованіямъ. Такъ, при изданіи «Памятниковъ» коммиссіи для разб. древ. актовъ (1845), въ ней не оказалось славянскихъ шрифтовъ и пришлось прибѣгнуть къ помощи лаврской типографіи [7]):

Кіевѣ, 39), напеч. въ Ж. М. Н. Пр. (ч. I, с. 271 и д.; ср. Система философіи Ботэна, Краевскаго, ib. 317 и д., а также ч. III, 527; IX, 449).

1) Ibid., 571; Віогр. Словарь, 551—53.

2) Біогр. Словарь, 552.

3) Владимірскій-Будановъ, 575.

4) Учрежд. унив. св. Владиміра, 347.

5) Крат. ист. оч. Кіев. тип., 34.

6) Учрежденіе, 341—355. Въ ней печатались преимущественно учебныя книги (Москвит. 1851, VI, 119).

7) Въ 1824 г. м. Евгеній исходатайствовалъ право печатать въ Лавр. типографіи книги всякими буквами и ок. 1830 г. имя типогр. академіи Кіевской (при лавр. тип.) прекратилось. На заведеніе же от-

а въ 1846 г., при содѣйствіи коммиссіи, въ интересахъ ея изданій (разные шрифты, рисунки), австр. подданнымъ І. Вальнеромъ открыта была спеціально приспособленная къ ея нуждамъ типографія (съ литографіей [1]), считавшаяся лучшею и устроенною по образцу заграничныхъ. Обладая значительнымъ составомъ, она печатала все необходимое для присутственныхъ мѣстъ Кіевской и др. губ., для помѣщиковъ, купцовъ, аптекарей, виды, портреты, планы и т. п. съ требуемымъ изяществомъ [2]). Кромѣ того, были типографіи—Ѳеоф. Глюксберга [3]), а съ 1852 иностр. Гаммершмидта [4]). Въ 1845 г., послѣ учителя рисованія въ университетѣ Павлова, претендентами на эту должность явились худ. Акад. худ., учен. Брюллова, Тарасъ Шевченко, и помѣщ. Подольской губ., обучавшійся въ Дюссельдорфѣ и Берлинѣ, Наполеонъ Буяльскій, который намѣревался открыть въ Кіевѣ (на Кадетской ул.), въ соб. домѣ, живописную, худож. и мануфактурную рисовальную школу. Министер. рѣшило допустить, въ видѣ опыта, на одинъ годъ Шевченка (но онъ былъ вскорѣ арестованъ) и еще двухъ кандидатовъ (учит. рисов. въ Инст. благ. дѣв. Шлейфера и худож. изъ Лондона Габерцеттеля). Съ своей стороны Акад. худ. разсмотрѣла проектъ «Публичной живописной школы» Буяльскаго, нашла его

дѣльной акад. типогр. ни Евгеній, ни Филаретъ не давали согласія (Максимовичъ, Письма о Кіевѣ, 47—48). Въ 50-хъ годахъ Лавр. тип. стала печатать общеупотребительныя богослуж. книги и гражд. шрифтомъ (Москвит. 1852, IV, 47).

[1]) Пятидесятил. Кіев. ком. для разб. древн. актовъ, 48.

Въ 1847 «Славянская миѳологія» Костомарова (лекціи) была отпеч. у Вальнера славян. шрифтомъ. «О неслыханное дѣло! Славянскими буквами! То-то подымется шумъ и гамъ между чертями. Онъ же приготовилъ къ печати «Исторію Хмельницкаго»; только нѣсколько страшно за его пристрастіе къ полякамъ» (К. Стар. 1899, № 5, стр. 192), писалъ Ригельманъ Г. П. Галагану. Впослѣдствіи Костомаровъ точку зрѣнія на этотъ вопросъ измѣнилъ.

[2]) Фундуклей, I, 375; Москвитянинъ 1851, VI, 119.

[3]) Учрежденія, 355. Въ ней печатались главнымъ обр. польскія книги (Москвит. 1851, VI, 119).

[4]) Памят. кн. на 1858 г., 275; Москвит. 1852, IV, 47.

заслуживающимъ вниманія и обѣщала оказать послѣднему пособіе своими принадлежностями. Въ 1849 г. школа уже функціонировала и въ объявленіи ея учредитель заявлялъ, что цѣлью школы «есть то, чтобы прославить себя въ своемъ искусствѣ и быть полезнымъ юношеству». Платы за преподаваніе не взимались, а вырученныя деньги отъ продажи произведеній учениковъ предоставлялись въ ихъ пользу. Учениковъ въ школѣ было 8. Въ 1852 г. Акад. худ. одобрила успѣхи, достигнутые школой, и ходатайствовала о разрѣшеніи Буяльскому устроить для печатанія рисунковъ, гравированныхъ на мѣди и деревѣ, заведеніе и литографію, которыя и были разрѣшены ему мин. вн. дѣлъ въ 1853 г. Въ 1852 г. въ школѣ обучалось 22 уч., изъ нихъ 6 платныхъ, и 13 учениць, всѣ платныя. Подъ зеведеніе былъ приспособленъ нарочно выстроенный домъ въ 5 комнатъ; а имущество школы состояло изъ 260 оригиналовъ (гравюръ и литографій), 244 медальоновъ и барельефовъ, 68 гипсовыхъ моделей, 52 картинъ, писанныхъ масляными красками, а также книгъ и пособій [1]).

Ёще въ 1844 г. издателямъ московскихъ журналовъ приходилось жаловаться, что, по состоянію книжной торговли, въ Москвѣ очень поздно получаются книги изъ Петербурга, а изъ другихъ городовъ, напр. Кіева, Одессы, Казани, Вильны почти не получаются; а потому аккуратное веденіе библіографіи дѣлается невозможнымъ [2]), и только съ расширеніемъ книжной торговли Ст. И. Литовымъ Кіевъ въ этомъ отношеніи могъ соперничать съ столичными издателями, благодаря постояннымъ сношеніямъ основателя фирмы съ важнѣйшими книжными центрами, весьма частымъ поѣздкамъ въ столицы и посѣщеніямъ важнѣйшихъ мѣсть Ю. З. края и Галиціи, вслѣдствіе чего книжныя новости стали проникать изъ Кіева и въ болѣе мелкіе пункты [3]). Въ

---

[1]) Кіев. Стар. 1904, № 6, стр. 139—140.

[2]) Барсуковъ, VII, 390.

[3]) При передачѣ своей торговли главному помощнику (Н. Я. Оглоблину) владѣлецъ магазина насчитывалъ въ немъ до 200000 тт.

1839 г. переселился въ Кіевъ І. І. Завадскій [1]), сынъ извѣстнаго виленскаго издателя и книгопродавца (съ 1803) и открылъ (на Крещатикѣ, въ соб. домѣ) въ 1841 г. магазинъ иностранныхъ книгъ, впослѣдствіи пріобрѣтенный новою фирмою (Гинтера и Малецкаго, затѣмъ перешедшій въ другія руки). Другіе магазины открылись позже. Такимъ обр. въ 1856 г. въ Кіевѣ было 5 магазиновъ, изъ которыхъ два съ иностранными книгами (Завадскаго и Глюксберга), а три съ русскими (бр. Литовы на Крещатикѣ и Өедорова на Подолѣ). Но еще издавна въ Кіевѣ существовалъ кабинетъ для чтенія, иначе наз. «Аптека для души», какъ значилось на каталогѣ, отстав.» капитана П. П. Должикова, сначала на Подолѣ (по Александр. ул.), а подъ конецъ (въ нач. 60-хъ годахъ)—на Крещатикѣ (№ 31). Съ кабинетомъ соединялась «контора порученій», нерѣдко солоно приходившаяся ея поручителямъ. Такъ, въ 1851 г., одинъ изъ старѣйшихъ нынѣ студентовъ университета, уже тогда предавшійся библіографіи, которой онъ служитъ съ честью и до сихъ поръ, С. И. Пономаревъ, уроженецъ Конотопа [2]), вотъ какъ сталъ жертвою стяжательности «аптекаря души». Въ 1852 г., проѣзжая черезъ Нѣжинъ, онъ пріобрѣлъ 20 дорогихъ монетъ изъ извѣстнаго, открытаго тогда, клада. Шесть изъ нихъ «выманилъ» у него Должиковъ съ «обѣщаніемъ предо-

---

Весь свой капиталъ, по завѣщанію, онъ пожертвовалъ (въ количествѣ 105000) на городскія и народныя школы въ краѣ. Чтобы судить о размѣрахъ означеннаго собранія, напомнимъ, что въ настоящее время на всю Россію (за исключеніемъ Ц. Польскаго) приходится 727 книж. торговца, т. е. меньше, чѣмъ на одинъ Лейпцигъ, гдѣ находится 884 книпрод., а изъ 727 торговцевъ едва ли найдется 30, которые дѣлали бы оборотъ на 200 р. въ мѣсяцъ, а въ большинствѣ случаевъ книга продается вмѣстѣ съ бумагой, канцел. принадлежностями и т. п. (Кіевлян. 1904, № 325: «Коммиссія по разсмотр. промысл. налога»).

1) Родомъ изъ дворянъ Вилен. губ., р.-катол. испов.; оконч. курсъ въ Вилен. гимн.; съ 1850 г. аренд. унив. типографіи; а съ 15 іюля 1860—15 іюля 1863 г. былъ город. головою въ Кіевѣ; † 1885 г. (Учр. унив. св. Владиміра, 355—356).

2) Барсуковъ, XI, 431—432.

ставить право пользоваться книгами изъ его магазина, *постоянно, безплатно и всъми*, уплативъ, кромѣ того, «по цѣлковому за монету». «По Должиковъ, пишетъ потерпѣвшій, надулъ меня самымъ безсовѣстнымъ образомъ: черезъ нѣсколько дней онъ вѣжливо отказалъ мнѣ въ пользованіи книгами» [1]).

Впрочемъ «Аптека для души» не стояла на высотѣ требованій университетскаго города. «Общественной библіотеки (писали въ 1856 г.) до сихъ поръ еще въ Кіевѣ нѣтъ (она явилась уже послѣ возстанія 1863 г., въ интересахъ патріотическихъ, и долгое время не была обставлена какъ слѣдовало бы), между тѣмъ какъ въ ней настоятельная потребность, по большему количеству жителей. Кабинетъ для чтенія Должикова не можетъ удовлетворить выборомъ книгъ всѣхъ читателей, различныхъ по воспитанію, образованію и возрастамъ. Въ кабинетѣ находятся только газеты, журналы (до 20 изданій), романы и повѣсти; но книгъ ученаго содержанія почти совсѣмъ не существуетъ» [2]).

Другой наблюдатель, прочитавъ въ журналѣ перечень литературныхъ изданій, получаемыхъ въ Воронежѣ, замѣчаетъ, что число журналовъ и газетъ въ Кіевѣ получается гораздо больше, чѣмъ въ Воронежѣ и рѣшительно всѣ, выходящія въ Россіи, литературныя изданія и нѣкоторыя заграничныя. Многіе кіевляне

---

[1]) Барсуковъ, XII, 72—75, съ повѣствованіемъ о другихъ тогдашнихъ пріобрѣтателяхъ, кіевскихъ и московскихъ. Другой случай, возникшій на денежныхъ же отношеніяхъ (Воспом. Чалаго, К. Стар. 1889, № 10 с. 126; ср. Воспом. Богатинова, Р. Арх. 1899, № 6, 255—257).

[2]) Памят. книжка на 1858 г., стр. 275.

Библ. открыта въ 1866 г., по мысли быв. губ. Н. Г. Казнакова (К. Стар. 1888, № 8, Кіев. публ. библ., В. Г., 27—31), которой было отведено помѣщеніе въ дворян. домѣ (при послѣднемъ выборномъ предвод. дворян., А. Горватѣ уступив. въ 1864 г. часть помѣщенія; потомъ помѣщалась въ част. домѣ, а нынѣ въ зданіи Думы). А. Горватъ—полякъ (одновременно съ нимъ и город. головою былъ избранъ полякъ І. І. Завадскій). Первый назначенный предвод. изъ русскихъ дворянъ—П. Д. Селецкій, быв. в. губерн., авторъ записокъ (К. Стар. 1884, тт. VIII, IX и X).

получали по два и по три изданія; но нельзя по этому перечню, какъ бы онъ ни былъ полонъ, прибавляетъ тотъ же корреспондентъ, заключать о литературномъ развитіи Кіева: въ насъ вообще сильна наклонность къ подражанію и такъ велика сила привычки, что многіе на одномъ этомъ основаніи, придерживаются того изданія, на которое впервые подписались и которое выписывали нѣсколько лѣтъ сряду. Что ни говорятъ наши журналы о развивающейся въ нашей публикѣ наклонности къ многосторонпему, энциклопедическому образовнію, въ ней все-таки еще сильно преобладаетъ наклонность къ литературѣ въ тѣсномъ смыслѣ и предпочтеніе къ веселой рѣчи и легкому фельетончику» [1]). «Книги тогда мало читали въ семьяхъ, замѣчаетъ о 40—50 гг. кіевлянинъ; книги были большою рѣдкостью [2]). Газетъ никакихъ, кромѣ правительственныхъ. Вообще литература и занятія ею уступали мѣсто жизни, житейскому дѣлу, семейному обиходу и задушевнымъ бесѣдамъ за пріятельскимъ угощеніемъ, предметы для которыхъ брались изъ случаевъ же жизни, въ томъ или другомъ отношеніи или замѣчательныхъ, или рѣдкихъ, или обращавшихъ на себя вниманіе своею высокою поучительностью». Иногда бесѣда разнообразилась пѣніемъ. Очень распространенъ былъ романсъ: «Звукъ печальный фортепьяно, не тревожь тоски моей»; пѣлись также: «Среди долины ровныя»; «Вотъ мчится тройка удалая»; «Віютъ витры буйны»; «Не шей ты мнѣ матушка красный

---

[1]) Москвитанинъ 1852, VI (Вѣсти изъ Кіева) 188—189.

Всѣхъ журналовъ и газетъ въ Кіевѣ въ 1856 г. получалось 366 экземпл., въ томъ числѣ черезъ почтамтъ 19 иностр. изданій! (Памятн. книжка на 1858 г., 275).

[2]) Въ учебномъ мірѣ были распространены: «Путешествіе Кука», Вальтеръ Скоттъ, Диккенсъ, соч. Загоскина, Отеч. война, Михайловскаго-Данилевскаго (Воспом. Ге, Сборникъ въ пользу студ. унив. св. Владиміра, 56). Другіе успѣвали прочесть лучшихъ русскихъ писателей, но выборъ прочихъ книгъ былъ крайне случайный (Р. Арх. 1899, № 5, стр. 68—69). Въ иныхъ гимназіяхъ читать вовсе не давали (Ист. Вѣстн. 1882, IV, 708).

сарафанъ»; были книжки или сборники романсовъ съ напѣвами и безъ нихъ» [1]).

Что касается молодежи, то близкій свидѣтель ея замѣчаетъ: «Мы были глухи и нѣмы ко всему, что дѣлалось внѣ стѣнъ университета. Съ полнымъ равнодушіемъ мы слушали о синопской битвѣ, о возможныхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, грозящихъ отечеству, но отечества мы не чувствовали; патріотизма въ насъ не было ни капли: такъ мертва была Уваровская формула, начертанная имъ на знамени русской школы. Мы даже газетъ совсѣмъ не читали, да и мало распространены онѣ были въ это время. Но событія разыгривались—война разгоралась; послышалась бомбардировка Одессы союзнымъ флотомъ наканунѣ свѣтлаго праздника 1854 г.... Мы готовы были послать адресъ герою Щеголеву. Я началъ съ интересомъ читать газеты: «Journal de Francfort» то въ кондитерской Розмитальскаго (уг. Крещатика и Александровской ул., н. № 1), то въ кафе при «Англійской гостиницѣ» (уг. Крещатика и Лютеран. ул., нынѣ д. Попова [2]).

Впрочемъ въ Кіевѣ были уже собиратели болѣе или менѣе цѣнныхъ коллекцій; у проф. Домбровскаго—было собраніе книгъ и рукописей [3]); у Лохвицкаго—рукописей, древностей и картинъ [4]); у Я. Я. Волошинскаго и М. В. Юзефовича—монетъ [5]); у С. И. Краузе (лекторъ университета)—гравюръ [6]), не говоря о прекрасныхъ библіотекахъ кн. Сакена и Бибикова, книгами которой послѣдній иногда ссужалъ постороннихъ лицъ [7]). Сочиненіе Кюстина (8 тт.) о Россіи, вызвавшее сенсацію за границею, среди

---

[1]) Воспом. Богатинова (Рус. Арх., 1899, № 2, стр. 302—303).

[2]) Моя жизнь, Романовича-Словатинскаго (В. Европы 1903, № 2, с. 637).

[3]) Біогр. Словарь профес., 809.

[4]) Барсуковъ, VII, 253 (эстампъ съ картины Рафаэля: «несеніе креста І. Христомъ, подъ тяжестью котораго онъ падаетъ внѣ Іерусалима»).

[5]) Опытъ рус. историографіи, II, 1419.

[6]) Воспом. Ге (Сборн. въ пользу студ. унив. св. Владиміра, 57).

[7]) Дневн. Аскоченскаго (Ист. Вѣст., т. VII, 558; VIII, 102).

ученыхъ и писателей, и въ высшихъ сферахъ Петербурга [1]), близко заинтересовало и Бибикова [2]).

Вліяніе романтизма выразилось въ собираніи народныхъ пѣсенъ и увлеченій поэзіей. Въ Германіи въ молодые годы увлекались ими даже такіе серьезные умы, какъ Моммзенъ [3]). П. В. Кирѣевскій собираетъ богатую коллекцію русскихъ пѣсенъ; Бодянскій, Метлинскій [4]), Максимовичъ—малорусскихъ [5]). Послѣдній пишетъ русскіе и малорусскіе стихи въ романтическомъ духѣ [6]). Поэзія широко была распространена въ университетѣ; студенты

---

[1]) Погодинъ въ своемъ дневникѣ отмѣчаетъ (1843 г.): «А много жестокой правды въ Кюстинѣ, хотя онъ и очень скученъ... Прочелъ цѣлую книжку Кюстина. Много есть ужасающей правды о Россіи. Когда онъ дышетъ своимъ аристократизмомъ, я жалѣю, что Робеспьеръ не поцарствовалъ дольше; когда онъ играетъ роль простого наблюдателя, котораго будто хотятъ обмануть и никакъ не могутъ, то бываетъ просто смѣшенъ; когда начинаетъ умничать, то дѣлается скученъ; но за изображеніе дѣйствій деспотизма, для насъ часто непримѣтныхъ, я готовъ поклониться ему въ ноги. Что-то чувствовалъ государь, читая его книги. Боюсь, что отъ него закрыли важныя мѣста... Оканчивалъ Кюстина, отъ котораго часто морозъ подираетъ по кожѣ... Съ Кубаревымъ о Кюстинѣ. Бодянскій пересказалъ ему все прочтенное со мною». Тутъ же мнѣнія Жуковскаго, Тютчева, Бенкендорфа, Герцена. «Императоръ крайне недоволенъ тѣмъ, что авторъ какъ бы старался вездѣ отдѣлить интересы государя отъ интересовъ его нанарода» (Барсуковъ, VII, 284—287).

[2]) По возвращеніи Селецкаго изъ-за границы Бибиковъ разспрашивалъ о познанскомъ происшествіи, о его путешествіяхъ (1843), о впечатлѣніи, произведенномъ за границей книгой маркиза Кюстина: «La Russie en 1839», и остался очень доволенъ его «разсказами» (К. Стар. 1885, IX, 616—617). Въ этомъ мѣстѣ заглавіе соч. Кюстина искажено.

[3]) В. Европы 1904, № 10, с. 615.

[4]) Біогр. Словарь профес., 417—423.

[5]) Малорос. пѣсни, М. 1827; Сборникъ украин. пѣсенъ, Кіевъ, 1849; Біогр. Слов., 347.

[6]) Рус. Архивъ 1874, II, 1079—1086; Кіев. Стар. 1891, № 12, с. 478—482.

подавали даже свои упражненія въ стихахъ; представляли цѣлыя поэмы [1]); писали дружескія посланія въ стихахъ и пр. [2]). Романтизмъ даетъ себя чувствовать и въ стѣнахъ академіи. До насъ дошла тетрадка со стихами студ. М. Булгакова, будущаго московскаго митрополита, показывающая, что онъ не лишенъ былъ и поэтическаго таланта [3]).

Кіевъ и Днѣпръ, въ частности, привлекали вниманіе къ себѣ и своей стариной многихъ поэтовъ и писателей [4]). Напом-

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, 498; Кіев. Стар. 1894, № 6, с. 169--174.

[2]) Воспом. М. В. Чалаго (К. Стар. 1889, № 12, с. 342).

[3]) «Три гимна»:

> Тебѣ, *о Юность дорогая*,
> Тебѣ мой первый сердца гимнъ!
> Тобой дышу я—и сгораю
> Огнемъ священнымъ, неземнымъ.
> О! сладко пить твой нектаръ чудный
> Изъ чаши полной, круговой,
> И сладко, сладко пѣснью звучной
> Пѣть прелесть жизни золотой,
> Тобой прекрасна мнѣ природа,
> Тобою люди мнѣ милѣй,
> Пріятны бури, непогода,
> Дороже счастье свѣтлыхъ дней.

Второй гимнъ: «Мечтѣ прелестной», а третій: «Истинѣ святой» и т. д. Напеч. по рукоп., сообщ. С. И. Пономаревымъ (Сборн. И. Ак. Наукъ, т. XXXI, 17—20).

[4]) См. Кіевъ въ русской поэзіи. Сборн. составл. С. И. Пономаревымъ. К. 1878 (произведенія И. Козлова, Н. Маркевича, Е. Гребенки, А. Хомякова, Н. Арбузова, Д. Минаева, С. Пономарева, А. Башилова, Н. Гоголя, М. Загоскина, А. Подолинскаго, А. Фета, М. Розенгейма, Д. Герасимова, А. Муравьева, А. Саларева, Ѳ. Рылѣева, И. Левицкаго. Ѳ. Тютчева, А. Апухтина; народныя пословицы и поговорки о Кіевѣ, къ библіографіи Кіева). Въ томъ же сборникѣ помѣщена поэтическая картина: «Зарожденіе и судьба Днѣпра», въ прозѣ, Иннокентія, архіеп. херсонскаго.

нимъ, что въ Кіевѣ родился (1806) и получилъ начальное образованіе поэтъ А. И. Подолинскій[1]), потомъ воспитанникъ Петерб. университета[2]); онъ долго жилъ и умеръ (1886) въ Кіевѣ. «Второстепенный поэтъ Пушкинской плеяды», онъ пользовался въ свое время вниманіемъ читающей публики[3]). Его перу принадлежитъ рядъ стихотвореній, посвященныхъ Кіеву («Дѣвичь-гора», «На развалинахъ Десятинной церкви въ Кіевѣ», «Разливъ Днѣпра», «Панъ Бурлай», «Пѣсня утопленницы», «Змѣй», кіевская быль), и картинъ южной природы въ другихъ произведеніяхъ[4]). Съ Кіевомъ связаны лучшія произведенія поэта-слѣпца, оцѣненнаго Пушкинымъ и Бѣлинскимъ, и талантливаго переводчика Байрона, Борнса, Мура, Шенье, Мильвуа, Мицкевича и мн. др.—И. И. Козлова. Сюда относятся его: «Чернецъ», «Наталья Борисовна Долгорукая», «Кіевъ». Намъ приходилось упоминать о поэтѣ Красовѣ, имя котораго соединяется съ начальной исторіей университета. Уроженецъ отдаленнаго сѣвера (Вологод. губ.), онъ близко сжился съ природой юга («Октябрьскій день»); украинскія ночи вдохновляли

---

[1]) «Въ частномъ, отлично веденномъ, пансіонѣ герман. урож. Графа (о немъ мы упоминали),—человѣка, котораго рѣдкія достоинства я могъ оцѣнить только впослѣдствіи и о которомъ и до сихъ вспоминаю съ глубочайшею признательностью», говоритъ онъ (Р. Стар. 1885, т. XLV, 74). Тутъ же онъ вспоминаетъ весьма образованнаго свитскаго (генер. штаба) офицера Ал. Ѳед. Фурмана, который увлекалъ дѣтей своимъ превосходнымъ чтеніемъ и знакомилъ съ прошлой и современной русской литературой (ibid.), чѣмъ пробудилъ у автора влеченіе къ поэзіи.

[2]) Послѣднія двѣ строки его юбилейнаго посвященія Петерб. унив. въ 1869 г. выбиты на медали въ память торжества:

> Гдѣ высоко стоитъ наука,
> Стоитъ высоко человѣкъ.

[3]) Въ послѣднее время особенно цѣнилось его стихотв. «Бывшимъ Тургеневскимъ крѣпостнымъ» (1884).

[4]) Сочин. А. И. Подолинскаго, 2 чч., Спб. 1860. Поздн. стихотв. (Р. Стар. 1884 №№ 4 и 5; 1885, № 1; 1886, № 7); некрологъ, Д. Д. Языкова (Ист. Вѣст. 1886, № 12, с. 100—101).

его, какъ и Пушкина, столь ему близкаго. Поэтъ въ Чайльдъ-Гарольдовскомъ плащѣ неоднократно любовался старымъ «Днѣпромъ» (Пѣснь); а разноплеменное населеніе города и края вызвало нѣсколько произведеній съ этнографическимъ оттѣнкомъ. Нѣкоторыя стихотворенія Красова получили широкое распространеніе, будучи переложены на музыку (см. выше [1]).

Отъ времени до времени въ Кіевѣ появлялись собственные поэты и писатели, о которыхъ сообщала современная хроника и даже критика; но они, можно сказать, не оставили слѣда въ исторіи литературы. Таковы произведенія: Н. Сементовскаго (Кочубей, историч. пов., Спб. 1845; Наталья Бор. Долгорукая, романъ и пр.); Альфреда ф. Юнка, который дѣлалъ переводы (пов. Корженевскаго), составлялъ водевили на малорусскомъ и русскомъ яз., писалъ украинскія повѣсти, стихотворенія и куплеты [2], а также о томъ, какъ приготовлять варенье (К. 1858) и, наконецъ, издавалъ безвременно погибшую газету «Кіевскій Телеграфъ» (съ 1859 г.). Были свои поэты: Глѣбовъ [3], Аѳанасьевъ и знаменитый впослѣдствіи В. И. Аскоченскій (Стихотворенія, К. 1846, тип. Вальнера, 200 стр.) и поэтессы: дѣвица Ал-дра Бѣдарева, издавшая свои «Стихотворенія» [4] (К. 1846, 16°) съ посвященіемъ гр. Ек. Ос. Меллиной и эпиграфомъ княг. З. А. Волконской (помѣщались также въ Маякѣ 1844) и многоизвѣстная Кіеву дѣвица Елизавета Сентимеръ, отличавшаяся богатствомъ литературной производительности, теперь вѣроятно совсѣмъ позабытая (Стихотв. дѣвицы Е. С., К. 1850, 12°; Достопамят. событія Кіева въ 1853 г., К. 1855; Голосъ патріотки, К. 1854; Поэмы и мелкія стихотв. дѣв. Е. С., К. 1851;

---

[1]) Оцѣнка произведеній Красова въ ст. проф. Дашкевича (Біогр. Словарь, 325—346).

[2]) Москвит. 1852, VI, 188—189; 1851, V, 44—45.

[3]) Учрежд. унив. св. Владиміра, стр. 354. Въ 1849 печаталось его произведеніе: «Прощальный привѣтъ родинѣ», два стихотв. въ 600 экз.; Москвит. 1847, IV, 47.

[4]) Кн. Н. Н. Голицынъ, Біогр. Словарь рус. писательницъ, Спб. 1889, стр. 38, 225.

2-е изд. 1852, 16° и 8°; изд. 3-е 1859, 8°; Элегія Франціи или французско-прусская война, въ стихахъ, К. 1871, 12°; Стихотв. на возвращ. Государя Имп-ра въ столицу съ поля брани (1878), за которое она получила выс. благод.; Разстрѣлъ, разсказъ Е. С., К. 1864; Отзывъ женщины о женщинѣ, К. 1870, 16°; Сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ, т. I, К. 1887). Но всѣ эти пробы пера перечисленныхъ писателей, какъ и нѣмецкаго ихъ соратника (Бахмана), иногда продолжительныя и мучительныя, оказываются лишенными не только поэтическаго творчества, но и соблюденія простаго требованія—размѣра, не говоря о мысляхъ иныхъ изъ нихъ [1]). «О самолюбіе, самолюбіе книжное!» восклицалъ въ свое время Сенковскій.

XXIV.

По словамъ Муравьева (Н. Н.), при дворѣ утвердилось мнѣніе, что м. Евгеній, будучи самымъ образованнымъ (какъ и Филаретъ московскій) изъ числа духовныхъ лицъ, не сохранялъ приличнаго своему сану отдаленія отъ мірскихъ обычаевъ [2]). Однако, тому же м. Евгенію приписываютъ «эпиграмматическій анекдотъ», наглядно характеризующій его взглядъ на отношенія тогдашнихъ кіевскихъ монастырей. «Изъ какого вы монастыря, батюшка»?—Съ Братскаго, смиренно отвѣчаетъ черноризецъ въ запыленной рясѣ и съ загорѣлыми руками, безъ перчатокъ.—«А вы изъ какого»?—Зъ Михайловскаго, говоритъ протяжно отецъ, сбрасывая перчатку и открывая бѣлую и полную руку, чтобы благословить.—«А вы, отче святой, изъ какого мона-

---

[1]) О стихахъ Аскоченскаго (Отеч. Зап. 1846, т. XLVIII, отд. VI, 43—46); о стихотв. Ал. Бѣдаревой (ib. 1846, XLIX, отд. VI, 47—48; Библ. д. Чт. 1846, LXXVIII, литер. лѣт. 17—18); о стихотв. дѣвицы Е. С. (Современникъ 1850, т. XXIV, № 11, отд. V, 25—28; тоже, Отеч. Зап. 1851, т. LXXIX, № 12, отд. VI, 72—77; Москвитянинъ 1850, № 23; 1854, IV, 76; Книж. Вѣст. 1864, сс. 336, 402).

[2]) Р. Арх. 1894, № 10, стр. 164—165.

стыря?»—«Спытай хлопца», отвѣчаетъ монахъ лаврскій, обыкновенно полный и не щедрый на разговоры» [1]). И отъ того же м. Евгенія дошло весьма суровое письмо, на имя намѣстника лавры Авксентія (1827), направленное къ искорененію, какъ онъ выражается, «развратовъ». «Еще бывшій губ. Бухаринъ, пишетъ м. Евгеній, со вступленія моего въ начальство лавры, предостерегалъ меня и обращалъ мое вниманіе на оные; но я, незная еще ясныхъ обстоятельствъ, ожидалъ открытія оныхъ и нѣкоторыя только гнѣздилища старался упразднить. Доходили о томъ до меня вѣсти и въ Петербургѣ. Но заочно не могъ я также войти въ изслѣдованіе». Затѣмъ, представивъ общую картину лаврскихъ непорядковъ, м. Евгеній заключаетъ: «А какъ вы ближе меня при нихъ находитесь, то вамъ предписываю строжайшее имѣть вниманіе на таковыхъ и отвращать ихъ и увѣщаніями, и угрозами наказаній начальническихъ, и страхомъ казней божіихъ; ибо и мы за нихъ, и за послабленіе имъ должны отдать отвѣтъ Богу» [2]).

Бѣлое духовенство, по свидѣтельству лица, близко стоявшаго къ нему, «здѣсь вовсе не на такомъ счету было, какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Не смотря на заслуги, щедро на-

---

[1]) Дневникъ В. И. Аскоченскаго (Ист. Вѣст. 1882, VII, 341—342; К. Стар. 1883, №№ 9—10, с. 301; 1894, № 10, с. 154). Ср. челобитную монаха Печер. лавры 1773 г. (К. Стар. 1893, № 4, стр. 156—161). Любопытна тяжба между Михайловскимъ мон. и кіев. купцами о продажѣ колецъ св. Варвары 1837—1842 г. (К. Стар. 1899, № 12, стр. 381—389); также воспом. Богатинова (Р. Арх. 1899). Въ кіевск. мон. были поселены и «неблагонадежные» политически уніатскіе монахи (Ист. Вѣст., т. XXI 547—50).

[2]) Древ. и Новая Россія 1877, I, стр. 118. Библіотека и рукописи м. Евгенія поступили въ библ. Соф. соб. въ Кіевѣ, составляя здѣсь важнѣйшую ея часть (Опытъ рус. исторіографіи, I, 645—647; II, 1168—1169). Библіотека тогдашняго коадъютора Кіев. еп. еп. Иринея Фальковскаго (92 тт. рукописей) также перешла сюда (см. ib., 646). О нем. см. Г. Булашевъ, Ириней Фальковскій, коад. кіевскій (Тр. К. Д. акад. 1883, №№ 6—10; К. Стар. 1883, тт. V и VI) и А. Титовъ (К. Стар. 1883, тт. VI и VII—о библіотекѣ).

граждаемыя монаршими милостями, оно мало пользовалось уваженіемъ, особенно людей высшаго класса. Простолюдины, правда, уважаютъ духовныхъ, но и то не искренно, не отъ души. Причина тому прежде всего давняя свычка съ католическимъ духовенствомъ, не въ примѣръ нашему образованнѣйшимъ и умѣющимъ держать себя [1]); наши духовные, по бóльшей части, погрязли въ семейныхъ, жизненныхъ разсчетахъ... Грубость и невѣжество это самыя обыкновенныя свойства причта; неопріятность, нечистота,—это второстепенныя его качества... Словомъ, кіевское духовенство не пользовалось тѣмъ уваженіемъ, какое приличествуетъ его сану», прибавляетъ тотъ же современникъ [2]). Преподаватель патрологіи, будучи иныхъ мыслей тогда, чѣмъ впослѣдствіи, онъ «старался внести нѣкоторыя новшества въ свои чтенія. И вотъ причина, отчего читатель мой найдетъ въ моихъ запискахъ столько смѣлости и заподозритъ меня быть можетъ въ кощунствѣ». Указавъ на два фоліанта записокъ, стоившіе многихъ трудовъ, онъ прибавляетъ: «Преподаваніе мое идетъ двумя путями: исотерическимъ и экзотерическимъ. Въ аудиторіи оставаясь глазъ на глазъ съ студентами, я говорю или все, что идетъ мнѣ голову и что уже пало подъ перо мое вслѣдствіе заранѣе подготовленнаго истиннаго убѣжденія. Это исотерическое преподаваніе, къ которому я не допускаю никого изъ непосвященныхъ и не преданныхъ мнѣ. Когда же приходятъ экзамены и ареопагъ монашескій судитъ меня, студентовъ и мои лекціи—тутъ мои записки становятся неукоризненны, какъ первыя четыре правила ариѳметики, уступчивы, какъ воздухъ, и невинны, какъ рѣчная вода. Это немножко по іезуитской логикѣ, но что-жъ дѣлать?» [3]). Однако, когда дѣло

[1]) До насъ дошло предостереженіе Бибикова (1840) одному русскому помѣщику и полковнику, который «всегда оказывалъ преимущество католическимъ ксендзамъ, которыхъ онъ сажалъ за столъ вмѣстѣ съ собой, а священниковъ отсылалъ обѣдать на кухню». Даже въ торж. праздникъ у большихъ русскихъ помѣщиковъ духовенство (низшее) обыкновенно угощалось въ конторѣ (К. Стар. 1882, III, 575—77).

[2]) Дневникъ Аскоченскаго (341—343,—подробности).

[3]) Ист. Вѣст. 1882, VII, 339—340.

касается университета, то авторъ сразу мѣняетъ свою точку зрѣнія. «Науки, взрощенныя непокорнымъ умомъ, который все желалъ бы подчинить своему деспотическому критеріуму, пошли противоположно тихому, но свѣтлому голосу евангельской истины, обращающейся прежде къ сердцу и уже оттуда приносящей чистый свѣтильникъ вѣры для успокоенія и разрѣшенія тревожныхъ вопросовъ ума. Нѣмцы профессоры, а потомъ и питомцы ихъ, русскіе наставники, не могли или не хотѣли этого понять и полною рукою продолжали сыпать гибельныя сѣмена сомнѣнія и отрицанія, во вредъ уже и безъ того униженному богословію». И если онъ, вопреки другимъ, желалъ бы видѣть въ университетѣ богословскій факультетъ, то не потому, что такъ было въ нѣмецкихъ университетахъ, а для того, чтобы онъ занялъ тамъ свой наблюдательный постъ [1]). Писалось это уже въ то время, когда университеты переживали тяжелыя условія своего существованія, послѣ событій 1848—1849 г. [2]). Но и самъ авторъ не уцѣлѣлъ на своемъ посту. На каѳедрѣ имъ овладѣло «уныніе», «тоска» и онъ превратился въ чиновника губернскаго правленія, а потомъ гражданской палаты [3]), пока не спустился еще позже до болѣе тяжелаго положенія—захудалаго публициста.

Путешественникъ, побывавшій въ Кіевѣ въ 50-хъ годахъ, писалъ: «Кіевъ городъ какой-то смѣшанный: по университету выглядитъ ученымъ, по монастырямъ—священнымъ, по крѣпости—военнымъ, по пристани—торговымъ. Народность тоже разнообразная: поляки, малороссіяне, евреи и русскіе, между коими разительная разница и въ костюмахъ. Я тогда же замѣтилъ между панами и студентами особые польскіе кружки, посматривающіе

---

[1]) Ист. Вѣст., т. IX, 473—482—разсужденіе на эту тему.

[2]) Кіевская хроника свидѣтельствуетъ, что Аскоченскій своею рукописью объ университетахъ (будто бы листовъ въ 70), ходившею по рукамъ, вызвалъ цѣлую бурю въ ученомъ и административномъ мірѣ, былъ призванъ къ воен. губ. кн. Васильчикову и посаженъ недѣли на двѣ на гауптвахту (Н. Лѣсковъ, Печерскіе антики, К. Стар., 1883, V, 706). Сатирич. стихотв. на Аскоченскаго (ibid. 1894, № 10, с. 145—48).

[3]) Ibid., VII, 83—88.

на все русское съ пренебреженіемъ. Извощики неопрятны и дерзки до нестерпѣнья [1]). Есть довольно много порядочныхъ магазиновъ и даже книжныя лавки. Жизнь не дорогая; климатъ умѣренный; мѣстоположеніе очаровательное» [2]).

Въ теченіе разсматриваемаго періода кіевское общество представляется двойственнымъ по своему составу и строго раздѣленнымъ въ своихъ отношеніяхъ и взглядахъ, къ которымъ прилагались различные способы управленія, однако мало измѣнившіе созданный историческими условіями внутренній строй жизни.

Еще въ 20-хъ годахъ, когда отношенія обѣихъ сторонъ были болѣе солидарны, попытка одного изъ видныхъ членовъ польской аристократіи, Густава Олизара, близко стоявшаго къ русскимъ, вступить въ бракъ съ дочерью «изъ общества намъ враждебнаго», по его выраженію, ген. Раевскаго, должна была сопровождаться предварительнымъ разрѣшеніемъ «извѣстныхъ польскихъ патріотовъ, а именно генераловъ Князевича и Крупинскаго, а также кн. Адама Чарторижскаго», причемъ онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что фамилія Раевскихъ, «судя по гербу, была польскаго происхожденія и состояла въ близкомъ родствѣ съ гетманшей Браницкой», а Раевскій, въ свою очередь, выставлялъ на видъ разность религіи и національности настолько существенною, что онѣ ставятъ непреодолимую преграду на пути къ цѣли столь желательной для обѣихъ сторонъ, и оба они искренно признавали эту причину настолько важною, что остались до конца друзьями, а Олизаръ не переставалъ хранить въ душѣ свѣтлый образъ своей Беатриче. М. Н. Раевская тогда же была сосватана за князя Волконскаго—декабриста [3]). Въ 1839 г. состоялся бракъ кн. Любомир-

---

[1]) Такой же отзывъ о нихъ И. С. Аксакова (Письма, т. III, ч. I, стр. 9).

[2]) Автобіогр. записка И. И. Сердюкова (К. Стар. 1896, № 12, стр. 364—365).

[3]) Хотя оба сына Раевскаго не принадлежали къ кружку послѣднихъ и успѣли оправдаться, но прикосновенность обоихъ зятьевъ

скаго съ извѣстной красавицей Голынской, мать которой была урожденная граф. Толстая (сестра Голубцовой), и условіемъ его женитьбы было, чтобъ молодая жена его перешла въ римскую церковь, какъ желала польская аристократія, что и случилось потомъ,—обстоятельство, вызвавшее рядъ репрессивыхъ мѣръ [1]). Мы уже знаемъ, какъ сложились отношенія въ Кіевѣ между «шляхетствомъ» и мѣстными гражданами и въ какомъ направленіи возможна была ассимиляція обоихъ элементовъ. Въ высшихъ слояхъ, при свойственной имъ приспособленности къ положенію вещей, эти отношенія устраивались легче и проще.

Кіевское общество, по свидѣтельству современниковъ, состояло изъ русскихъ и польскихъ семействъ, привлеченныхъ въ Кіевъ гр. Левашовымъ, который заботился о развитіи общественной жизни и добромъ согласіи между двумя національностями [2]). Изъ русскихъ были извѣстны своимъ гостепріимствомъ дома: кн. Кудашева, П. И. Голубцова [3]), А. В. Васильчикова [4]), П. Я. Лука-

---

его къ этимъ событіямъ послужили причиною непріятностей для ген. Раевскаго. Въ 1826 г. онъ былъ назначенъ член. Гос. совѣта.

[1]) Записки гр. М. Д. Бутурлина (Р. Арх. 1897, № 8, с. 588, 591). Подробности этого дѣла (см. въ К. Старинѣ. 1898, № 2, с. 54—57).

[2]) Левашовъ бралъ на себя иногда ходатайство за ссыльныхъ поляковъ (Зап. Муравьева, Р. Арх 1897, № 11, стр. 348).

[3]) Женатый на гр. Ек. Дмитр. Толстой (потомъ начальн. инст.). Р. Арх. 1897, № 8, стр. 584.

[4]) Семья Васильчиковыхъ (Ал. Ив., урожд. Архарова) принадлежавшая къ высшему петерб. обществу, переселилась въ Кіев. губ., чтобы воспитывать дѣтей вдали отъ пагубнаго вліянія большаго свѣта. Лѣто они проводили въ украинскомъ имѣніи. Ал Ив. въ молодости была красавицей, блистала при дворѣ имп. Маріи Өедоровны и была ея любимой фрейлиной. Мать ея отличалась строгостью правилъ, которыя передала и дочерямъ своимъ. Ал. Ив. была неприступной красавицей и за ней не дерзали ухаживать; а вышла она за человѣка весьма обыкновеннаго, но добраго, богатаго и имѣвшаго большія родственныя связи (Разумовскіе, Репнины, Загряжская; сестра его была за кн. Кочубеемъ... «Мы обѣ жили на Крещатикѣ, не далеко другъ отъ друга. Домъ ея велся па англійскій манеръ и гувернеръ-англичанинъ ми-

шевича и Ф. Р. Иваненка; изъ польскихъ—гр. Тышкевича и Илинскаго, Проскуры [1]), Шимановскаго и др. Во время контрактовъ съѣзжались въ Кіевъ почти всѣ помѣщики Юго-Западн. края съ своими семействами; многіе жители Заднѣпровья жили здѣсь открыто и весело; пріѣзжіе вели большую игру и разъѣзжались обыкновенно на первой недѣлѣ поста. Въ общественныхъ отношеніяхъ не было различія между русскими и поляками; многіе русскія семейства находились въ тѣсной дружбѣ съ польскими; о преобладаніи той или другой національности не было вопроса, театральныя представленія давались на французскомъ языкѣ труппою актеровъ, выписанною гр. Левашовымъ изъ Парижа; спектакли любителей шли также по большей части пофранцузски; концерты давались въ контрактовомъ домѣ и привлекали, многочисленную, блестящую публику. Тамъ же бывали общественные балы. Каждый годъ контракты открывались утромъ: молебствіемъ съ процессіей, а вечеромъ большимъ баломъ отъ дворянства въ честь генералъ-губернатора. Жизнь въ Кіевѣ была дешева, роскоши въ убранствѣ домовъ и экипажахъ не существовало. Дамы одѣвались просто, но со вкусомъ; на большихъ только балахъ, въ исходѣ сезона, появлялись богатые туалеты, драгоцѣнные камни; красавицъ было много: дѣвицы Муравьева, Астромова, Гинцъ, Швейковская; дамы: Писарева, граф. Илинская, Ржевуская, Понятовская. Студенты составляли принадлежность всѣхъ собраній; изъ нихъ было много хорошихъ танцоровъ и любезныхъ кавалеровъ [2]).

стеръ Джонсъ игралъ важную роль; дочери ея походили на англійскихъ леди, хотя имѣли русскую гувернантку, а старшій изъ двухъ мальчиковъ былъ настоящій мистеръ Peter» (Зап. Карлгофъ, Р. Вѣст. 1880, № 11, стр 734)..

[1]) «Довольно пріятное семейство Проскуры, состояло изъ отца, очень умной матери и двухъ взрослыхъ дочерей. Старшая была замужемъ за Шишкевичемъ и вышла послѣ за Н. С. Мартынова. Меньшая очень красивая брюнетка, вышла за Грабянку и тоже не надолго» (К. Стар. 1894, X, 92).

[2]) Селецкій (К. Стар. 1884, VIII, 290).

Между тѣмъ у воен. губ. Левашева съ (1 іюля 1833 г. графъ) возникли неудовольствія съ городомъ по поводу отмѣны мундировъ [1], такъ что крещенскій обѣдъ (въ контрактовой залѣ) 1835 г. былъ «и очень дуренъ, и скученъ», по выраженію Муравьева [2]). Левашовъ заставилъ духовенство и гостей ждать себя около часа. «Самъ я, говоритъ Муравьевъ, показалъ ему, что если я его дожидался, то не его лица, а не хотѣвъ оставить митрополита одного въ залѣ», а послѣ обѣда митрополитъ и военные поспѣшили уѣхать, «оставя Левашова съ его служащими». Положеніе послѣдняго усугублялось извѣстной уже распрей съ фельдм. Сакеномъ, которая давала себя чувствовать даже въ мелочахъ (тосты на обѣдѣ, перестановка военной музыки, игравшей ежедневно по вечерамъ у гауптвахты, по распоряженію фельдмаршала, несоблюденіе формы [3]); но были и болѣе серьезныя основанія (какъ возраженія по поводу желанія послѣдняго имѣть при себѣ на службѣ сына—ген. м. Гостомилова и т. п.; соперничество между военными и гражданскими чинами по учрежденію «дворянскаго собранія», сопровождавшееся столкновеніями и даже вызовомъ на дуэль уѣздн. предводителемъ дворянства По-

---

[1]) По словамъ Н. Н. Муравьева, Левашовъ сначала самъ поощрялъ введеніе мундировъ, а граждане украсили ихъ генералъ-адъютантскимъ шитьемъ на воротникѣ и онъ представлялъ ихъ въ такомъ видѣ фельдмаршалу, но государю это не понравилось, что и кончилось совершенною отмѣною мундировъ (Р. Арх. 1894, № 11, стр. 343—44).

[2]) Недовольство было и отъ того, что на этотъ парадъ всегда собирались деньги, на которыя «старшины городскіе обыкновенно еще три дня праздновали, что довольно накладно для гражданъ, между ними нѣтъ богатыхъ» (ibid., 343).

[3]) «До свѣдѣнія государя дошло, что будто графъ Левашовъ ѣздилъ по городу въ венгеркѣ и даже въ торжественный царскій день являлся къ фельд-лу въ вицъ-мундирѣ, тогда какъ всѣ были въ парадныхъ мундирахъ. Фельд-лу не могло сіе быть пріятно и, когда Левашовъ пріѣзжалъ сюда въ Петербургъ, государь восемь дней не принималъ его» (Р. Арх. 1894, № 11, стр. 380—381).

литовскимъ ген. Карпова, близкаго къ фельдмаршалу, причемъ Левашовъ поддерживалъ своихъ чиновниковъ и т. п. [1]). Но болѣе всего вносило вражды между гражданскимъ и военнымъ управленіемъ это несогласіе относительно сосредоточенія въ Кіевѣ управленія штаба 1-ой арміи, которое, по мнѣнію Левашова, отягощало жителей непомѣрнымъ постоемъ, а по мнѣнію лицъ, причастныхъ къ штабу, содѣйствовало обогащенію города и было необходимо въ военномъ отношеніи. Столкновенія эти тѣмъ болѣе обострялись, что къ мнѣнію воен. губернатора склонялся и военный министръ гр. Чернышевъ, а такъ какъ расформированіе 1-ой арміи, вопреки настояніямъ фельдмаршала, все-таки состоялось (1835) и сопровождалось неудовольствіемъ государя по поводу недостатковъ замѣченныхъ на смотру подъ Бѣлой церковью, то это обстоятельство еще болѣе внесло раздраженія въ отношенія обѣихъ сторонъ, печально окончившіяся для Левашова и чуть не вызвавшія самыхъ серьезныхъ мѣръ [2]). Было еще обстоятельсво, повліявшее, быть можетъ, на исходъ столь странной борьбы представителей двухъ вѣдомствъ. Левашова упрекали, за то, что онъ дѣлаетъ свои представленія въ пользу поляковъ и что въ дѣлѣ объ устройствѣ дворянскаго собранія въ Кіевѣ онъ принялъ сторону поляковъ же, въ чемъ видѣли тогда желаніе имъ понравиться. Если вспомнимъ, что все это происходило вскорѣ послѣ со-

---

[1]) Вслѣдствіе такого обостренія дѣла, собраніе тогда прекратилось (Р. Арх., стр. 393).

[2]) Государь пожелалъ знать: «что за женщина графиня Левашова (урожд. Евд. Вас. Пашкова).—«Добрая и хорошая женщина». «Ее такъ разумѣютъ въ Кіевѣ и вообще любятъ», отвѣчалъ нерасположенный къ Л—ву Муравьевъ. —«Полно, такъ ли? Но она кажется спѣсива и много беретъ на себя чванства», сказалъ государь.—«Да умна ли она»?—«Сколько для женщины нужно, ума есть» и т. д. «Конечно есть мѣра ума у нихъ, но чванство не доказываетъ его. Но оставимъ разговоръ сей, сказалъ государь, махнувъ рукой. Впрочемъ и Брадке говоритъ: «супруга Л—ва, въ высшей степени достойная женщина, оказывала мнѣ также много довѣрія и дружбы» (Р. Арх. 1875, I, 275).

бытій 1830—1831 гг. и что посѣщеніе польскихъ домовъ со стороны представителей военной администраціи признавалось нежелательнымъ, а новые слухи, затрогивавшіе тѣ же отношенія [1]), вызывали суровые отзывы со стороны императора Николая I, то легко понять, насколько подобные слухи о дѣйствіяхъ гр. Левашова могли вызывать неудовольствіе противъ него [2]). Прибавимъ къ этому, что среди текущихъ событій ставился одинъ вопросъ, совершенно мирнаго свойства, имѣвшій прямое отношеніе къ Кіеву. «Когда Левашовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ (1834 г.), говоритъ Муравьевъ, то ему государь говорилъ, что онъ желалъ бы изъ Кіева сдѣлать третью столицу, на что Левашовъ отвѣтилъ, что сіе бы можно сдѣлать, но присутствіе главной квартиры, стѣсняющей городъ, постоянно ему въ томъ препятствуетъ». Напомнимъ, что о перенесеніи столицы въ Кіевъ дѣлали представленіе императ. Николаю I кн. М. С. Воронцовъ, а имп. Александру II—кн. А. И. Барятинскій [3]).

Впрочемъ, отношенія, которыхъ намъ пришлось коснуться выше, мало измѣнились и въ кратковременное управленіе преем

---

[1]) Гр. Левашовъ искалъ примиренія съ кн. Сакеномъ черезъ польскихъ магнатовъ (Муравьевъ). Впрочемъ и губ. Катериничъ, въ моментъ самой смуты 1830—31 г. выражалъ свое сожалѣніе полякамъ, велъ знакомство съ помѣщиками и говорилъ, что ни войско, ни народъ не хотятъ принимать дѣятельнаго участія въ наступившихъ событіяхъ (Зап. Чайковскаго, Р. Стар. 1896, № 5, стр. 403). Впрочемъ, авторъ называетъ его «оптимистомъ» (404).

[2]) Всѣ подробности и перипетіи этихъ отношеній см. въ запискахъ Н. Н. Муравьева (Р. Арх. 1894, № 10, стр. 193—206; № 11, стр. 343—432); ср. также: «Къ біогр. фельдм. кн. Остенъ-Сакена», изъ воспом. ген. отъ инф. И. М. Старицкаго (Р. Стар. 1904, № 6, стр. 626—28). Положеніе Левашова было тѣмъ непріятнѣе, что фельдм. Сакенъ пользовался популярностью. У него была огромная библіотека, онъ любилъ принимать гостей, а чаще всѣхъ пріѣзжалъ м. Евгеній. Кн. Сакена приглашали на экзамены въ пансіоны. Онъ слушалъ внимательно и когда дѣвица отличалась игрой на фортепіано или бойкими отвѣтами, то подзывалъ ее къ себѣ, хвалилъ и какъ бы въ награду говорилъ: «поцѣлуй меня» (ibid.).

[3]) Р. Арх. 1897, № 11, стр. 398.

ника Левашова, гр. Гурьева. Гр. Бутурлинъ, близко знакомый съ послѣднимъ и жившій въ то время въ Кіевѣ, замѣчаетъ: «Польскій элементъ уживался, какъ рѣдкое исключеніе, съ русскимъ въ кіевскомъ высшемъ обществѣ» [1]). Онъ даетъ намъ между прочимъ нѣсколько новыхъ типовъ того и другого. «Кіевское общество было немногочисленное. При ген. губ. Гурьевѣ состояли полк. П. И. Голубцовъ и Звягинцевъ, мужъ одной изъ тамошнихъ красавицъ. Жили довольно открыто Трощинскіе. Онъ былъ племянникъ извѣстнаго дѣятеля этой фамиліи [2]); а она урожденная Кудрявцова, добрѣйшее созданіе, хотя собой не хороша, но имѣла неудачное поползновеніе быть пѣвицею итальянскихъ арій... Другой гостепріимный домъ былъ князя С. Д. Кудашева, женатаго на гр. Шуазель-Гуфье... Общество собиралось также у гр. Бержинскихъ. Онъ былъ полякъ и меломанъ на скрипкѣ, а она рожд. княжна Долгорукова [3])... Дочь ея, тогда еще ребенокъ 6 или 7 лѣтъ, была уже типъ итальянской или греческой красоты». Гражд. губ. былъ только что назначенный тогда нѣкто Переверзевъ, вопреки ходатайству гр. Евдокіи Петровны Гурьевой [4]) до-

---

[1]) Записки (Р. Арх. 1897, № 8, стр. 590).

[2]) Домъ гетм. Разумовскаго находился на Печерскѣ въ одной изъ лучшихъ мѣстностей надъ Днѣпромъ. Пріѣзжаетъ однажды къ быв. гетману комендантъ и докладываетъ, что на лѣто ожидаются многочисленныя войска, направляемыя черезъ Кіевъ въ Турцію, а потому проситъ позволить назначить въ его домѣ постой, наравнѣ съ другими обывателями. Разумовскій сначала согласился, а потомъ раздумалъ и распорядился доставкою изъ Яготина подводъ. Такимъ обр. домъ былъ разобранъ, перевезенъ въ Яготинъ, гдѣ и поставленъ; а мѣсто въ Кіевѣ и флигеля онъ подарилъ Трощинскому. Усадьба эта принадлежитъ теперь инженерному вѣдомству (Зап. П. Д. Селецкаго, (К. Стар., IX, 622).

[3]) Ек. Андр., родная сестра быв. потомъ моск. ген.-губ. (въ 70-хъ годахъ) кн. Долгорукова.

[4]) «Эксцентричная графиня Авд. Петр.—дочь гр. П. А. Толстого... Была она оригинальнаго и игриваго ума и не стѣснялась высказывать во всеуслышаніе, что приходило ей въ голову. Не стѣснялась она высказывать и свое нерасположеніе къ супругу» (Зап. гр. Бутурлина, 571—72).

ставить это мѣсто ея обычному партнёру въ картахъ в. губ. П—ну [1]). Жилъ тогда въ Кіевѣ Н. Н. Муравьевъ съ женою, ур. гр. Нат. Гр. Чернышевой. Ведя обширную переписку по своимъ собственнымъ внѣ службы дѣламъ и съ своими друзьями, онъ имѣлъ привычку, по полученіи какого либо письма, немедленно отмѣчать на немъ нумеръ и число дня полученія, и по порядку этой нумераціи отвѣчать на каждое по очереди. Благодаря, вѣроятно, такой аккуратности, мы имѣемъ рядъ его обширныхъ дневниковъ и военныхъ записокъ. Будучи человѣкомъ добрѣйшей души, онъ старался казаться злымъ для своихъ подчиненныхъ. Послѣ расформированія 1-й арміи его замѣнилъ въ Кіевѣ П. С. Кайсаровъ, въ качествѣ нач. штаба 4-го корпуса, «не подходившій къ картоннымъ генераламъ того времени» [2]); нач. корпуса былъ ген. Ридигеръ [3]), артил. генераломъ—кн. Яшвиль [4]). «Между фельдм. кн. Сакеномъ и кн. Яшвилемъ шла, какъ утверждали, курьезнѣйшая городская переписка, дружеская и вмѣстѣ съ тѣмъ переполненная, ради силы слога, болѣе чѣмъ площадными словами, въ видѣ любезностей». Затѣмъ авторъ записокъ называетъ еще нѣсколько семействъ: Могилянскихъ, Бѣлокопытовыхъ, Вишневскихъ, Лопухиныхъ. Послѣдніе жили, никуда не выѣзжая изъ боязни церковнаго преслѣдованія, вслѣдствіе того, что двѣ род-

---

[1]) Я. И. Пенкинъ (К. Стар. 1899, № 12, стр. 382—385).

[2]) Ср. о немъ замѣч. въ зап. Муравьева (Р. Арх. 1894, № 11). Чайковскій говоритъ, что Кайсаровъ былъ человѣкъ замѣчательно образованный и рыцарски благородный, такъ что при немъ военная власть не давала себя чувствовать жителямъ и даже оказывала сильное вліяніе на дѣйствія власти гражданской (Р. Стар. 1896, № 5, стр. 403—404),—въ Житомирѣ.

[3]) Зап. Карлгофъ (Р. Вѣст. 1881, № 10, стр. 736, 738).

[4]) По поводу его похоронъ (1836) гр. Бутурлинъ сообщаетъ черту изъ проповѣдничества Иннокентія. «Свидѣтели разсказывали мнѣ, что онъ весьма эффектно сдѣлалъ паузу въ своей рѣчи, во время которой послѣдовалъ залпъ изъ орудій, и затѣмъ онъ продолжалъ, указавъ на эту почесть, какъ на послѣднюю житейскую дань военнымъ заслугамъ покойнаго» (596).

ныя сестры вышли замужъ за двухъ родныхъ братьевъ. Семья Бутурлиныхъ была очень музыкальная и самъ авторъ записокъ положилъ тогда на музыку прекрасныя строфы Баратынскаго:

«Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей» и пр.

напечатавъ этотъ романсъ въ Кіевѣ [1]). Въ Липкахъ проживали гр. Растопчина, Судіенко [2]), женатый на Миклашевской, нѣкогда красавицѣ Ризничъ, г. М., съ именемъ которой связанъ эпизодъ о пропажѣ бриліантовъ, надѣлавшей много шуму и убѣдившей, что бибиковская полиція можетъ оправдать свое назначеніе [3]).

Польскій элементъ игралъ, по прежнему, немаловажную роль въ обществѣ. Губернскимъ предводителемъ былъ камерг. графъ Тышкевичъ, у котораго бывали вечера два раза въ недѣлю съ роскошно сервированнымъ ужиномъ [4]), уѣзднымъ—Л. О. Попя-

---

[1]) Тотъ же Бутурлинъ сообщаетъ, что «въ то время во французскихъ газетахъ (1836) явилось описаніе удачныхъ опытовъ Дагера въ свѣтописаніи; но, какъ почти одновременно съ этимъ появилась въ той же печати статья, описывавшая какой-то вновь изобрѣтенный телескопъ такой силы, что ясно усматривались на лунѣ дикіе люди, обросшіе волосами, то мы вмѣстѣ съ Олизаромъ, привезшимъ намъ эту газету, единогласно рѣшили, что все это журнальная утка» (Р. Арх. 1897, № 8, стр. 601).

[2]) Характеристика его (К. Стар. 1901), № 9, стр. 83—84); ср. Зап. Селецкаго (К. Стар., X, 91—82).

[3]) Записки Солтановскаго (К. Стар. 182, № 5, стр. 232—234—эпизодъ о бриліантахъ).

[4]) У гр. Гурьева и Тышкевича состояли метръ-д'отелями итальянцы, бывшіе тогда въ модѣ (Бутурлинъ).

По словамъ Чайковскаго, гр. Генр. Тышкевичъ, бывшій уже губерн. предвод. во время мятежа 1830—31 г., отличался большими военными и политическими способностями. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ Наполеона I и былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ польскаго войска; онъ зналъ многихъ знаменитыхъ политическихъ дѣятелей; бывалъ при дворѣ въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Дрез-

товскій. Здѣсь же, въ Липкахъ, жили: гр. Янушъ Илинскій, впослѣдствіи сенаторъ,—ярый меломанъ, посвятившій папѣ одну свою оркестрированную мессу, владѣлецъ помѣстья Романова (наз. Roma nuova), гдѣ отецъ началъ строить огромный костелъ, въ подражаніе римскому собору св. Петра; семья Маршицкихъ, имѣвшая также открытый домъ. Густавъ Олизаръ, поселившійся въ Кіевѣ послѣ длинныхъ перипетій, владѣлецъ Коростышева [1]). Онъ былъ крайне забавенъ въ обществѣ, смѣшилъ своими анекдотами и, сверхъ того, владѣлъ небывалымъ искусствомъ рвать пальцами бумагу безъ пособія ножницъ, изъ коей удивительно хорошо у него выходили всякія фигуры, животныя и деревья. Жена его привлекала своимъ пѣніемъ, усовершенствованнымъ въ Италіи. Сюда наѣзжали родственники Понятовскихъ, красавецъ Дзіаконскій съ женою, ур. Пржездецкою, вѣчно хандрившій и лѣчившійся у одной извѣстной тогда ясновидящей, Любомирскіе и др. Но звѣздою польскаго и всего кіевскаго общества была гр. Евелина Ганская, рожд. Ржевуская, сестра гр. Собанской и гр. Адама Рж-го. Въ бытность свою въ Парижѣ она произвела глубокое впечатлѣніе на знаменитаго Бальзака и, какъ говорятъ, онъ изобразилъ ее въ своемъ романѣ «Le lys dans la vallée». Она вела съ нимъ переписку и, по смерти своего стараго мужа, вышла замужъ въ 1850 г. (въ Бердичевѣ) за этого знаменитаго француза.

Въ польскомъ обществѣ до 1839 г. пользовался большимъ вліяніемъ одинъ изъ кременецкихъ профессоровъ, какъ человѣкъ свѣтскій и какъ извѣстный беллетристъ (Корженевскій), и онъ же знакомилъ своихъ товарищей съ тѣмъ, что особенно интересовало общество помѣщиковъ. Русскіе профессора чаще всего являлись у

денѣ, что несомнѣнно повліяло на его развитіе. Поляки надѣялись, что, будучи предводителемъ дворянства, онъ окажетъ вліяніе на возбужденіе движенія въ Украинѣ и тогда братъ его Викентій передастъ ему начальство надъ войскомъ. Авторъ записокъ прибавляетъ, что за это легкомысліе никто изъ ихъ единомышленниковъ не поплатился (Р. Стар. 1896, № 25, стр. 404—405).

[1]) Зап. Селецкаго (К. Стар. 1884, т. X, 92). О Коростышевѣ (Пам. кн. на 1858, стр. 92—93; Фундуклей, II, 117—118).

Троцинскаго, Лошкарева (губ.) и Голубцова; позже у Юзефовича. Вообще въ высшихъ слояхъ кіевскаго свѣта на профессоровъ была мода, все равно какъ имѣть чистый французскій разговоръ или дѣлать визиты. На Подолѣ, въ семействахъ чиновниковъ и гражданъ, профессоръ былъ почетнымъ гостемъ. Даже собратья по наукѣ, профессора духовной академіи, уступали имъ вездѣ первенство [1]. Кавалерами на тогдашнихъ балахъ бывали и студенты: меньшой братъ кн. Любомирскаго, Бутовичъ, изъ богатыхъ малороссійскихъ помѣщиковъ, и Д. А. Сверчковъ, родной плем. Гурьева, большой вѣтреникъ, попадавшійся въ студенческія исторіи, обнаруживавшій большія странности, кончившіяся позднѣе тѣмъ, что онъ впалъ въ умопомѣшательство [2]. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ бывали также съѣзды и пріемы у окружныхъ помѣщиковъ: въ Таганчѣ у О. И. Понятовскаго; въ Коростышевѣ—у Олизара; у Монтрезора, Казариновыхъ и др., на столахъ которыхъ царило венгерское и т. п. [3]).

Служба считалась тогда какою-то панацеею къ умиротворенію края. Когда надежда создать въ краѣ помѣстное русское дворянство потерпѣла неудачу, то Бибиковъ думалъ выдѣлить въ средѣ польскаго дворянства тотъ служебный элементъ, который могъ играть извѣстную роль въ краѣ, прежде всего лицъ, служившихъ по выборамъ [4]. Онъ всячески хлопоталъ о наградахъ и

---

[1]) Шульгинъ, Ист. унив. 169--174; Письма Аксакова, ч. I, т. III, с. 8. Одинъ Бессеръ, преданный исключительно наукѣ, нигдѣ не показывался.

[2]) Записки М. Д. Бутурлина (Р. Арх. 1898, № 8, стр. 591.

[3]) Записки Бутурлина, 1897, № 8, стр. 571—601.

[4]) Кіевскіе помѣщики владѣли (по даннымъ 1856 г.) болѣе $^3/_4$ всей губ. и болѣе $^2/_3$ всего населенія. Чиновники, по большинству лицъ, были польскаго происхожденія. Богатые помѣщики жили болѣе за границей или въ Варшавѣ (русскіе въ столицѣ) и отдавали свои имѣнія въ аренду (Пам. кн. на 1858, стр. 188—189). Почти $^2/_3$ всѣхъ помѣщ. имѣній Кіев. губ. и болѣе половины ихъ крестьянъ были заложены въ кредит. установленіяхъ, а ссуды, числившіяся на нихъ,=54 р. на каждую залож. душу. Улучшеній по хлѣбопашеству сдѣлано было немного, а больше ссуды ушли на фабрики и заводы, особ. сахарные, однако стоимость ихъ устройства составляетъ менѣе половины долговъ (1847), слѣд.

повышеніяхъ для нихъ, облегчалъ ихъ родственникамъ возвращеніе изъ ссылки или изгнанія, снятіе конфискаціи съ ихъ имуществъ, а одному изъ нихъ даже выхлопоталъ утвержденіе въ графскомъ титулѣ (личномъ), въ которомъ герольдія отказала бы ему, по недостатку ясныхъ документовъ. Въ его канцеляріи числились на службѣ: гр. Ворцель, Олизаръ, Рачинскій, гр. Генр. Тышкевичъ, Модзелевскій, Собанскій и др., которымъ онъ поручалъ переводы съ польскаго языка матеріаловъ въ изданія Коммисіи для разбора древ. актовъ [1]). Въ свѣтской жизни онъ оказывалъ ихъ семьямъ самое обязательное вниманіе, но въ близкія отношенія не вступалъ и дѣловаго значенія они не имѣли [2]). Въ первые годы управленія въ Кіевъ съѣхались было Олизары, Ивановскіе, Ганскіе, Пржездецкіе и др. На балахъ и вечерахъ у нихъ ген.-губернаторъ оффиціально проводилъ около четверти часа, не болѣе. Чаще и проще онъ проводилъ время въ нѣкоторыхъ русскихъ домахъ; а, подъ конецъ (въ 1850 г.) своего пребыванія въ Кіевѣ, ему пришлось констатиравать, что многія лица высшаго класса остаются безъ службы, отдаютъ имѣнія въ аренду и, получая большіе доходы съ нихъ, проживаютъ большія суммы за границей, часто не получая никакого образованія и питая въ себѣ огорченное самолюбіе, пораждающее непріязнь къ Россіи [3]).

болѣе половины (8 мил.) употреблено было на предметы, чуждые интересамъ имѣній (Фундуклей, II, 239 – 240). Богадѣльни еще встрѣчались, но школъ, за небольшими исключеніями, въ помѣщ. имѣніяхъ не было (ibid., 406—413).

[1]) Пятидесятилѣтіе Коммиссіи, 46.

[2]) «Польскіе помѣщики сидѣли у себя въ деревняхъ, занимаясь хозяйствомъ, пріѣзжали въ Кіевъ на контракты и выборы, вели себя прилично, самые благонадежные изрѣдка получали позволеніе ѣздить за границу» (Зап. Селецкаго, К. Стар. 1884, т. X, 88). Романическая исторія гр. Меч. Потоцкаго, надѣлавшая много шуму въ 40-хъ годахъ, разыгривалась частью въ Тульчинѣ, а частью въ Кіевѣ (К. Стар. 1892, № 4, стр. 77 – 88; ср. № 9 с. 429—430).

[3]) Шульгинъ, Ю. З. край (Древн. и Нов. Рос. 1879, II, 110—111; ср. 105--106, примѣч.). Утверждаютъ, что, по введеніи инвентарей, арендная цѣна на имѣнія, на контрактахъ значительно повысилась (ibid., 99).

Правитель канц. Бибикова, славянофилъ Самаринъ, по словамъ А. О. Смирновой, къ полякамъ не ѣздилъ [1]. И въ 1855 г., будучи въ Кіевѣ съ ополченіемъ, И. С. Аксаковъ писалъ: «Въ Кіевѣ польскій элементъ еще очень силенъ» [2].

Понятно, почему одинъ изъ кіевскихъ поэтовъ въ своей поэмѣ воспѣваетъ подвиги «пана Бурлая» на Волыни и Украинѣ среди веселья и пировъ [3]; а другой не разъ обращается то къ «еврейкѣ Сарѣ», то къ литвинкѣ («пана стараго жена», въ стих. «Флейта») то къ польской женщинѣ. Какъ живыя встаютъ въ воображеніи читателя фигуры польскаго магната, разъѣзжающаго по Кіеву на показъ, въ краковской каретѣ, и его молодой изящной жены, поселившихся по сосѣдству съ поэтомъ:

Что за пѣсни, за романсы,
Что за танцы каждый часъ!
У нея ль, у милой паньи,

Однако, введеніе ихъ вызвало неудовольствія и опасенія за спокойствіе въ краѣ (Ист. В., т. XXI, 550—56).

Весьма важнымъ матеріаломъ для этого времени должны служить записки правителя канцел. Бибикова—Н. Э. Писарева, которыя были доставлены въ ред. Р. Архива, но пока не могли быть напечатаны (Р. Арх. 1897, № 9, стр. 143). Въ 1847 г. Писаревъ былъ назначенъ губерн. въ Петрозаводскъ, но дѣятельность его здѣсь скоро оборвалась (№ 8, стр. 586—587; Зап. Мамаева, Ист. Вѣст. 1901, № 10, стр. 60—61). Ср. еще «Прохожд. службы Д. Г. Бибикова» (Р. Арх. 1897, № 9, стр. 139—143). Кн. П. А. Вяземскій посвятилъ ему, какъ сослуживцу, стихотвореніе—«Поминки по Бородинской битвѣ», гдѣ, между прочимъ, говоритъ:

Людямъ свойственны ошибки:
Ошибаться могъ и ты,
Но ты не былъ флюгеръ гибкій
У вертлявой суеты.

(Р. Арх. 1869, стр. 175—182 и Собр. сочин.).

[1]) Барсуковъ, XI, 132. А. Е. Тимашевъ командовалъ кавалеріей и онъ проводилъ всѣ вечера у Тимашевыхъ. (Ib., стр. 133).

[2]) Письма, ч. I, т. III, 165—175.

[3]) Стихотв. Подолинскаго, II, 57—88 (1840).

Все банкеты да пиры,
Все музыка да собранья,
До полуночной поры.
Старый полякъ, панъ вельможный,
Выѣзжаетъ чуть лишь день,
Усъ сѣдой крутя безбожно,
Вздѣвши шапку на бекрень

(«Сосѣди» въ Стихотв. Красова).

Дачная жизнь въ Кіевѣ еще не была такъ развита, какъ впослѣдствіи [1]). Помѣщики лѣтомъ обыкновенно уѣзжали въ деревни, а дачами пользовались главнымъ образомъ ихъ собственники [2]). Любимымъ дачнымъ мѣстомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прогулокъ кіевлянъ служило урочище «Кинь-грусть», названіе, какъ говорятъ, данное ему Екатериною въ 1787 г., когда посѣтила она этотъ

---

[1]) Шульгинъ, Ист. универс., 175.

[2]) Любопытно, что въ 1866 г. кіевскіе домовладѣльцы, дворяне и чиновники, обратились къ губ-ру съ ходатайствомъ (напеч. было въ Кіев. Телегр.), въ которой заявляли: 1) что «нынѣшнее управленіе городской думы и магистрата могло удовлетворять въ управленіи городскими дѣлами при населеніи города въ 15—20000 чел., теперь же населеніе его доходитъ до 80000 и постоянно возрастаетъ, что при такомъ населеніи производство дѣлъ до того увеличилось, что составъ членовъ нынѣшняго городскаго управленія затрудняется даже въ выполненіи по перепискѣ многочисленныхъ городскихъ дѣлъ и чрезъ это не имѣетъ ни времени, ни возможности обратить должнаго вниманія на управленіе и распоряженіе городскимъ хозяйствомъ, которое дошло до того, что на городѣ образовалось до 150000 р. долгу и вмѣсто возвышенія городскіе доходы упадаютъ. 2) городское населеніе составляютъ ок. 6000 домовладѣльцевъ, изъ которыхъ почти половина дворяне и чиновники, причемъ имущества послѣднихъ большей цѣнности, чѣмъ купцовъ и мѣщанъ, *въ числѣ же всѣхъ домовладѣльцевъ поляковъ не болѣе 300*». Конечно, ходатайство это удовлетворено не было и домовладѣльцы-дворяне получили отвѣтъ, что, на основаніи существующихъ законоположеній, они не могутъ допущены къ выборамъ, какъ и оставалось дѣло городскаго управленія до 1870 года (Кіевлянинъ 1896, № 8).

уголокъ вмѣстѣ съ Потемкинымъ. Оно находится къ зап. отъ Подола, за Кирилловскимъ мон., на ручьѣ Сырцѣ, обильномъ прудами, вдоль котораго образовалось много другихъ дачъ [1]). Дача «Кинь-грусть» принадлежала ген. Бѣгичеву, у котораго купилъ ее Ил. Як. Лукашевичъ. Послѣдній выстроилъ помѣстительный домъ, поселилъ нѣсколько семействъ крестьянъ и сталъ жить здѣсь (съ 1838 г.) постоянно. Превосходный садъ, обиліе цвѣтовъ и фруктовъ, обширный прудъ, домашній оркестръ, хорошій столъ и радушіе хозяевъ привлекали постоянно на дачу многочисленныхъ посѣтителей. Потомъ, по завѣщанію, дача «Кинь-грусть» перешла къ Гинцамъ [2]). Въ концѣ 40-хъ и нач. 50-хъ годовъ дача «Кинь-грусть» принадлежала гр. Кушелееву-Безбородку, а другая—М. П. Добринскому. Кромѣ того, кіевляне стали селиться на дачахъ въ Китаевской пустынѣ (въ 5 верст.). Вокругъ Кіева находилось нѣсколько селъ и урочищъ, которыя служили мѣстами прогулокъ: Шулявщина, Борщаговка, Межигорье, съ фаянсовой фабрикой и источникомъ, наз. «звонками», отъ звука струй, падавшихъ нѣкогда «на металлическій грунтъ» [3]), Выдубецкій мон., Китаевская и Голосѣевская пустыни. Въ городѣ, въ теченіе настоящаго періода любимымъ мѣстомъ для гуляній служили Царскій и (позднѣе) Ботаническій сады. Въ Ц. садъ по вечерамъ съѣзжался весь кіевскій beau monde. Тогда можно было увидѣть разомъ почти все общество Кіева; изящные уборы, цвѣтущія красотою лица, а Кіевъ, богатъ ими, замѣчаетъ корреспондентъ. Тутъ слышится бойкая французская или польская рѣчь, русскій или нѣмецкій говоръ. Здѣсь можно было встрѣтить постояннаго завсегдатая, пріобрѣв-

---

[1]) Закревскій, 727. Мѣсто это издавна заселялось (ibid., 28, 349, 524).

[2]) Записки Селецкаго (К. Стар., VIII, 276—77; IX, 616).

[3]) Кіевляне часто отправлялись (лѣтомъ) по вечерамъ на лугъ Днѣпра и весело проводили тамъ время за шумнымъ чаемъ, въ обществѣ близкихъ знакомыхъ (Москвит. 1851, т. V, 44). Необузданны бывали въ старину народныя гулянья въ Шулявской рощѣ 1 мая (К. Стар. 1892, № 5, стр. 232), сопровождавшіяся обыкновенно полицейскими мѣропріятіями.

шаго печальную извѣстность убійцы (на дуэли) поэта Лермонтова, присланнаго въ Кіевъ на епитемію къ о. Панову. Самоувѣренно и гордо шагалъ онъ по главной аллеѣ сада со своею неизмѣнной спутницей Ш. Бѣлый бешметъ, которымъ онъ плѣнялъ сердца пятигорскихъ красавицъ, въ Кіевѣ замѣненъ былъ синимъ халатомъ съ расшитыми по немъ золотыми звѣздами [1]). По утрамъ въ Ц. саду пользовались лѣчившіеся минеральными водами [2]), а по праздникамъ въ верхней части его играла музыка, почему сюда спѣшили жители со всего города, не исключая и болѣе отдаленнаго Подола [3]).

---

[1]) Москвит. 1851, т. IV. 31 – 32; т. V, 43 – 44; Кіевская Стар. (Воспом. Чалаго), 1889, № 12, стр. 517—519; ср. Зап. Селецкаго (К. Стар. 1894, X, 92). Говорятъ студ. П—скій пошелъ въ пари, что онъ на Крещатикѣ публично поцѣлуетъ Ш. и выигралъ. Бибикову очень понравилась такая смѣлая выходка (К. Стар., X, 518, примѣч.). Типы другихъ оригинальныхъ кіевскихъ личностей въ разныхъ отношеніяхъ (Аскоченскаго, фонъ-Юнка, Шіянова, старца Малахіи, о. Евгенія Б—го и др. см. въ воспом. Н. Лѣскова: «Печерскіе антики» (К. Стар. 1883, №№ 2, 3, 4 и Собр. сочин.).

[2]) Сезонъ начинался 15 мая и продолжается до 1 сент. Въ 1850 г. пользовалось водами 138 лицъ; получило облегченіе 125. Дохода заведеніе имѣло 8603 р., расхода 6833 р. (Москвит. 1851, IV, 32).

[3]) Воспом. Чалаго (ibd. 1889, № 9, стр. 718—719). 15 апр. 1828 г. ген.-губ. Желтухинъ писалъ м. Евгенію, что, «по пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ, въ бесѣдкѣ Государева сада найдено было множество начерченныхъ карандашныхъ знаковъ и въ особенности стиховъ, попоказывающихъ вольнодумство и безнравственность. Хотя стѣны по поводу сего были перекрашены, но надписи начали показываться по прежнему. Вчерашній день, обозрѣвъ лично Государевъ садъ, я видѣлъ въ бесѣдкѣ двухъ студентовъ духовнаго вѣдомства, которые, замѣтивъ меня, тотчасъ скрылись, но въ то же время на стѣнѣ я нашелъ недоконченную надпись, весьма неблагопристойную по своему содержанію». «Желая отвратить всякое нареканіе на счетъ людей, принадлежащихъ къ духовному званію», воен. губ. предлагалъ, чтобы воспитанники духов. учеб. заведеій для гулянья въ саду пускаемы были бы не иначе, какъ подъ надзоромъ старшихъ, по примѣру прочихъ учеб-

Изъ общественныхъ удовольствій въ лѣтнее время были обыкновенны пикники, загородныя гулянья и поѣздки на пароходѣ [1]). Поѣздки устраивались въ Китаевскую пустынь и Межигорье, для чего приглашался содержатель гостин. минеральныхъ водъ Линовскій (отецъ даровитаго профессора, трагически погибшаго отъ руки пьянаго лакея), который былъ мастеромъ устраи-

---

ныхъ заведеній. По разслѣдованіи этого дѣла, хотя и оказалось, что никто изъ студентовъ академіи не могъ быть въ саду въ такое время, но митр-тъ, для предотвращенія впредь и подозрѣній на академистовъ, предписалъ обязать подписками «всѣхъ наставниковъ и учениковъ академіи и семинаріи не ходить никогда въ Государевъ садъ, ибо и правилами св. Отецъ запрещено ходить духовнымъ людямъ на позорища» и просилъ приказать полиціи замѣчать ходящихъ туда вопреки запрещенью (К. Стар. 1902, № 4, стр. 017—18). Напомнимъ, что, по случаю ожидавшагося пріѣзда въ Кіевъ, гр. Клейнмихеля, студентамъ университета воспрещалось также въ это время посѣщать Ц. садъ, вѣроятно во избѣжаніе возможнаго нарушенія дисциплины. Впрочемъ „Gaudeamus igitur" академическаго студенчества (40-хъ годахъ) не говоритъ объ аскетическомъ воспитаніи послѣдняго, не смотря на строгость ферулы того времени. Въ заключеніе этой пѣсни читаемъ:

Избирай кому что мило—
Иль клобукъ, или вѣнецъ,
Или молотъ, или шило,
Все равно—одинъ конецъ.
Вспѣньте-жъ кубокъ и запьемъ!

(К. Стар. 1882, I. 431—434).

[1]) Первоначально контора пароходства завѣдывала двумя пароходами, которые дѣлали до 10 рейсовъ въ теченіе навигаціи на 700 и 500 верстъ, ограничиваясь подвозомъ камня для крѣпостныхъ сооруженій (Фундуклей, I, 376). Въ 1851 г. въ Кіевъ прибыли еще два парохода (Опытъ и Трудъ), бельгійской постройки, «превосходные по быстротѣ своего хода и изящности отдѣлки. Они изъ числа тѣхъ 12 пароходовъ, которые съ 1852 г. должны были курсировать по системѣ Днѣпра, и принадлежали какой-то польской компаніи. Замѣчательно, что они изъ Варшавы прибыли въ Кіевъ водою». (Москвит. 1851, VI, 189).

вать всякія празднества. Иногда въ этихъ пикникахъ принимали участіе Бибиковъ [1]), Ридигеръ и др. власти. «Шумное веселье наше встревожило безмолвіе уединенной обители; мы видѣли, какъ изъ засадныхъ мѣстъ благочестивые иноки посматривали на веселье сыновъ міра сего», говоритъ участница этого празднества. ....«На пароходѣ (на обратномъ пути), при свѣтѣ луны, устроились танцы и днѣпровскія русалки могли бы, если бы захотѣли, полюбоваться на грацію нѣкоторыхъ изъ своихъ земныхъ сестеръ» [2]). Впослѣдствіи, когда дачи въ Китаевѣ умножились, «благочестивые иноки» привыкли къ подобнымъ явленіямъ, нарушающимъ тишину ихъ обители.

Къ услугамъ кіевлянъ были также два клуба: дворянскій, устроившійся съ 1838 г., съ опредѣленнымъ уставомъ [3]), и купеческій (въ контракт. домѣ), отличавшіеся многолюдствомъ. Балы и маскарады составляли главную статью ихъ доходовъ. «Въ разнообразныхъ загородныхъ прогулкахъ, въ неутомимомъ плясаньѣ на ежедневныхъ балахъ въ заведеніи искусственныхъ водъ и на

---

[1]) Карлгофъ говоритъ: «Къ кружку дамъ подошелъ ген.-губ. Бибиковъ и расточалъ свои любезности преимущественно молодой супругѣ пожилаго генерала и m-lle Брамвель, очень милой дѣвушкѣ, за которой неотвязчиво ухаживалъ» (Р. Вѣст. 1881, № 10, стр. 736). О подобныхъ ухаживаніяхъ суроваго на видъ Б—ва постоянно говорятъ современные мемуаристы (зап. Селецкаго, Мамаева, Ге, Чалаго и др.).

[2]) Воспом. Карлгофъ (Р. Вѣстн. 1881, № 10, стр. 735—737). Она прибавляетъ: «По моему ни берега Рейна, ни Эльбы, ни Дуная, не могутъ сравниться съ Днѣпровскимъ прибрежьемъ, начиная съ Подола до самой Китаевской пристани» (736).

[3]) Члены платили по 25 р.; устроителемъ былъ тотъ же Линовскій († 1839 послѣ указаннаго выше пикника, отъ удара) въ одномъ изъ флигелей быв. дворца. На первыхъ порахъ членовъ было 86 (нѣск. профес. унив-та); на балахъ бывало до 200 чел. Гости получали за входн. плату и угощеніе. Для освѣщенія служили сальныя свѣчи и лампы и самая малая часть восковыхъ свѣчей. Вначалѣ выписывалась одна газета «Тыгодникъ». Играли въ карты и на билліардѣ (Кіев. дворян. собр. Первое 50-лѣтіе. 1838—78; К. Стар. 1888, № 2, стр. 495—499). Въ теченіе года бывало до 40 баловъ.

вечерахъ у знакомыхъ, быстро прошло время до половины іюня»—таково было препровожденіе его, по словамъ одной изъ участницъ въ нихъ [1]). Въ залѣ минер. водъ устраивались и концерты [2]). Жили мы въ Кіевѣ въ постоянномъ вихрѣ общественныхъ удовольствій и выѣздовъ, говоритъ гр. Бутурлинъ. Въ продолженіе весны и лѣта, когда удушливо было собираться въ городскихъ бальныхъ залахъ, устраивались загородные пикники по подпискѣ въ живописныхъ мѣстностяхъ: Вышгородѣ, близъ Выдубецкаго мон. и въ Китаевской пустынѣ. Танцоманія дошла до того, что, перепробовавъ почти всѣ способныя къ тому мѣстности, избрали наконецъ зданіе въ Броварахъ за Днѣпромъ, гдѣ помѣщался грязный трактиришка, одною степенью выше кабака, во второмъ этажѣ и гдѣ половицы гнулись подъ нашими плясками. Запѣвалою и распорядителемъ этихъ сборищъ былъ иногда Ламб. Ос. Попятовскій. Намъ обоимъ (т. е. автору записокъ и его женѣ) такъ весело жилось въ Кіевѣ, что не хотѣлось ѣхать съ матерью моею въ Италію» [3]).

Единственное эстетическое развлеченіе доставляли въ Кіевѣ—театръ [4]), а иногда концерты. Съ 1825—55 г. театръ пережилъ рядъ перемѣнъ. По прежнему антрепренеры его часто мѣнялись; труппы его не имѣли постояннаго характера; играли иногда съ перерывами (1835, 1843), а выборъ пьесъ не всегда соотвѣтствовалъ требованіямъ времени. Въ началѣ этого періода здѣсь появляется польская труппа изъ Каменецъ-Подольска, гдѣ католическій епископъ не разрѣшилъ представленій въ постъ, находя, что даже бой

---

[1]) Восп. Карлгофъ (№ 10, стр. 737). Въ прежнее время выборы сопровождались большими увеселеніями, но теперь они совершались тихо и скромно (Москвит. 1851, IV, 27).

[2]) Р. Арх. 1894, № 11, стр. 362.

[3]) Р. Архивъ 1897, № 8, стр. 590, 592, 598. Трактиръ въ Броварахъ—Рязанова (Р. Стар. 1883, V, 704), долго существовавшій потомъ и въ особенности привлекавшій сюда во время масленицы.

[4]) Шульгинъ, Ист. унив., 175.

быковъ лучше,—чѣмъ театральныя скачки [1]). Въ 1829—34 г. польскую труппу (Ленкавскаго) смѣнила русская—Штейна, игравшая раньше въ Полтавѣ и Харьковѣ. Репертуаръ ея состоялъ изъ пьесъ Коцебу, Озерова, Княжнина, фонъ-Визина, Ильина, водевилей Хмельницкаго и «Русалки», упомянутой раньше. Наибольшимъ успѣхомъ пользовались трагикъ Борисоглѣбскій и Острякова, болѣе извѣстная потомъ по мужу—Млотковская. Въ то же время въ верхней части Ц. сада былъ построенъ лѣтній театръ довольно примитивнаго вида (безъ крыши и задней стѣны), который посѣщали преимущественно жители Подола: купцы, мѣщане, ремесленники. Въ 1834 г. снова дѣйствовала въ Кіевѣ польская труппа (Рыкановскаго); на 1835—36 г. была выписана изъ Парижа французская труппа, дававшая спектакли по возвышеннымъ цѣнамъ и посѣщавшаяся аристократіей; но она до конца сезона не выдержала [2]). Затѣмъ снова чередовались (1836—37) то польская (Рыкановскаго), то русская (Млотковскаго) труппы (1837—38), съ чрезвычайно разнообразнымъ репертуаромъ (трагедіи, драмы, комедіи, водевили, оперы, балеты), а въ гастроляхъ участвовалъ знаменитый московскій трагикъ П. С. Мочаловъ, а потому театръ посѣщался усердно даже ученымъ міромъ [3]). Теперь выступили на сцену снова Шекспиръ и Шиллеръ. Тѣмъ не менѣе антреприза Млотковскаго едва продержалась до к. се-

---

[1]) Къ ист. польск. театра въ Кіевѣ (К. Стар. 1890, № 6, стр. 533—540; № 10, стр. 152); Къ исторіи театра въ Ю. З. краѣ (ib. 1885, № 7, стр. 455—177). Въ это время упоминается о театрахъ въ Минскѣ, Черниговѣ (Двѣ афиши черниговъ. театра 20-хъ годовъ, К. Стар. 1889, № 5, стр. 631—32, показ. м. прочимъ, что еще тогда могли удовлетворяться такими пьесами, какъ «Изгнаніе Адама и Евы изъ рая или смерть Авеля, первое убійство по сотвореніи міра»); въ Житомирѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, К.-Подольскѣ (ib. 1889, № 9, с. 774—776; 1904, № 11, с. 217—26).

[2]) «Порядочная весьма, хотя малолюдная, французская водевильная труппа, содержавшаяся по подпискѣ: обстоятельство, доказывающее цивилизованный уровень мѣстнаго общества и денежные его ресурсы» (Зап. Бутурлина, 592).

[3]) Шульгинъ, 175.

зона 1839—40 г. Въ 1840—42 здѣсь играла русско-малорусская труппа (Рыкановскаго), а когда пріѣхала въ Кіевъ (1841—42) французская труппа во главѣ съ извѣстной трагической, хотя уже состарѣвшейся, актрисой Жоржъ [1]), то первая переселилась на Подолъ (въ д. Коробкина). Передъ слѣдующимъ сезономъ, получивъ предложеніе антрепренера Каратѣева изъ Москвы, Бибиковъ обратилъ вниманіе губ. Фундуклея на необходимость озаботиться приглашеніемъ въ Кіевъ постоянной русской труппы, состоящей изъ достойныхъ артистовъ, которая могла бы привлечь въ городъ изъ другихъ мѣстъ, хотя бы временно, любителей изящныхъ искусствъ и *оживить здѣшнее общество*. Онъ содѣйствовалъ заключенію болѣе опредѣленнаго контракта (обязателенъ былъ одинъ благотв. спектакль, предоставлялось съ частью труппы отлучаться въ другія мѣста и пр.) и сталъ выдавать награды лучшимъ актерамъ изъ назначенной отъ города суммы (3000 р. [2]). Сезонъ 1842—43 г. (антр. Каратѣева) былъ самый оживленный какъ по количеству труппы, такъ и по обстановкѣ, разнообразію и богатству гастролей, въ которыхъ принимали участіе: Живокини, П. С. Мочаловъ (Гамлетъ, Отелло, Коварство и любовь, Разбойники, Эсмеральда), Щепкинъ (Ревизоръ, Мольеръ и др., Шельменко-деньщикъ, Наталка-Полтавка, артистическое исполненіе которымъ мало-русскихъ ролей вызывало бурю восторговъ), Мартыновъ и балетные артисты мадридскаго театра. Участникъ въ этихъ спектакляхъ свидѣтельствуетъ, что «кіевскіе театралы любили и хорошо понимали драматическое искусство», а Кіевъ имѣлъ репутацію «театральнаго города»; однако и настоящая антреприза окончилась печальнымъ образомъ [3]). Тогда снова взялся за это

---

[1]) О ней см. статью К. А. Военскаго: «Актриса Жоржъ въ Россіи» (Ист. Вѣст. 1901, т. LXXXVI, стр. 240—257).

[2]) Къ заботамъ ген. губ. Бибикова объ устр. въ Кіевѣ постояннаго театра (К. Стар. 1901, № 9 стр. 85—86). Пріѣзжихъ знаменитостей онъ приглашалъ къ себѣ на вечера (случай съ Щепкинымъ, Р. Стар. 1896, № 5, стр. 357—358).

[3]) При всемъ стараніи, Каратѣевъ жаловался на холодность публики и потерпѣлъ неудачу (К. Стар. 1901, № 9, стр. 88). Причина

дѣло Рыкановскій съ польско-русской труппой и оставался владѣльцемъ театра до августа 1851, когда старый театръ, придя въ ветхость [1]), былъ сломанъ. Не обладая большими талантами труппы, антрепренёръ обратилъ вниманіе на обстановку (костюмы, декораціи), разнообразіе пьесъ (въ томъ числѣ «Велизарій», «Ермакъ Тимоѳеевичъ») и представленій (польская опера—«Норма», «Фенелла», «Цампа» и др. въ 1845; итальянская опера изъ Одессы въ 1848, въ 1849—50 г. — балетъ; гастроли столичныхъ артистовъ [2]).

Съ прекращеніемъ существованія «стараго театра», возникаютъ частные театры: въ 1851—52, «товарищество» (домъ ген. Бринкенъ, уг. Лютер. и Крещатика, прот. Англ. гост.), гдѣ привлекалъ вниманіе подвизавшійся долго потомъ въ Кіевѣ — Протасовъ; въ 1852 — 55 гг., въ Липкахъ (д. ген. Бѣлоградскаго), играла труппа Федецкаго и съ 1852—1853, потомъ, соединившись съ предъидущимъ, въ театрѣ на Подолѣ (быв. д. пересыльной тюрьмы),—Морисъ-Піона (балетм. варшав. театровъ), переданномъ затѣмъ Энгельгардту, который образовалъ польскую и русскую труппы, а въ послѣдней тогда выдавались Никитинъ и Кравченкова, но предпріятіе это окончи-

---

этого, лежала въ томъ, что рядомъ съ выдающимися представителями драматическаго искусства часто выступали мало соотвѣтствовавшія имъ провинціальные актеры (К. Стар. 1889, № 12, с. 511, отзывъ объ игрѣ Мочалова). Въ іюнѣ 1843 г. посѣтилъ кіев. театръ кн. Паскевичъ, когда шелъ «Ревизоръ» съ пріѣзжими знаменитостями.

[1]) Уже въ 1843 г. онъ казался балаганомъ (В. Евр. 1903, 1673), а позже настоящей развалиной (Кіев. Стар. 1890, № 10, с. 152).

[2]) Польскіе спектакли имѣли наиболѣе успѣха (Москвит. 1851, VI, 1849.) Записные театралы въ этотъ сезонъ наслаждались «очаровательной актрисой, дочерью антрепр. Рыкановскаго, и ученицей славной Тальони танцовщицей Адель». Когда вышло запрещеніе студентамъ ходить въ рай, они наряжались въ партикулярныя шинели (Воспом. Чалаго, К. Стар. 1889, № 12, 511). Въ 1851 г. пріѣзжалъ, а затѣмъ и перешелъ въ Кіевъ (изъ Харькова) «трагическій актеръ» Львовъ, имѣвшій большой успѣхъ въ роли Гамлета и привлекавшій много публики въ театръ, который очень часто пустѣлъ (Москвит. 1851, IV, 26). Объ игрѣ Львова, Протасова, Кравченковой (V, 44).

лось опять неудачно, а затѣмъ завѣдываніе театромъ перешло въ руки администраціи, вмѣстѣ съ возобновленіемъ представленій въ новомъ зданіи [1]). Въ укоръ бывшимъ антрепенерамъ между прочимъ ставили то, что они пренебрегали новыми пьесами, какъ произведенія Островскаго, которыя ставились тогда въ Петербургѣ и Москвѣ. Преобладаніе польскаго театра сохранялось до 1863 г. (подъ управленіемъ Т. Борковскаго), когда онъ сходитъ со сцены, подъ вліяніемъ политическихъ событій.

Хотя уже въ 1845 г. театръ признавался «довольно выгоднымъ заведеніемъ» (въ 1836 г. доходъ составлялъ=6700 р., въ 1845—15647 р. и, сверхъ того, пособіе отъ города въ 3000 р. [1]), но, принимая во вниманіе все сказанное (разнообразіе труппъ, частыя гастроли) едва ли онъ былъ такимъ на дѣлѣ, не говоря о частныхъ театрахъ, находившихся въ менѣе выгодныхъ условіяхъ. Кромѣ того, бывали домашніе спектакли, на праздникахъ, изъ русскихъ и французскихъ пьесъ [2]). «Въ то время Викторъ Гюго былъ въ ходу и романтическая школа имѣла большое вліяніе на наше литературное воспитаніе. Мы часто играли между собою съ участіемъ дамъ драмы Гюго, трагедіи Шекспира и др. произведенія замѣчательныхъ писателей», говоритъ одинъ изъ устроителей

---

[1]) Воспом. арт. имп. театровъ А. А. Алексѣева (Ист. Вѣст. 1892, т. XLVIII—XLIX, №№ 5—9); Драматич. театръ въ Кіевѣ 1803—1893, Н. И. Николаева (20—38); Москвитянинъ 1852, II, 78—79 (о театрѣ въ д. Бринкена, въ устройствѣ котораго принималъ участіе П. П. Должиковъ); 1852, VI, 186 (о театрѣ въ д. Бѣлоградскаго), возлѣ дворц. сада (К. Стар., т. X, 93).

[1]) Фундуклей, I, 376—377.

[2]) Москвитянинъ 1852, I, 16—17. По словамъ кіевскихъ старожиловъ, въ 40-хъ годахъ имъ случалось видѣть представленіе «вертепной драмы» (конечно на малорус. яз.), въ которой вмѣсто прежняго запорожца главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Богданъ Хмельницкій (Малорусскій вертепъ, Г. П. Галагана съ предисл. П. И. Житецкаго, К. Стар. 1882, IV, стр. 7). Что же касается святочныхъ хожденій со звѣздой и виршами—по домамъ, то они удерживались до позднѣйшаго времени, въ особенности на патріархальномъ Подолѣ.

(директоръ) домашнихъ спектаклей [1]). Въ благородномъ спектаклѣ въ 1850 г. давалось два дѣйствія изъ ком. «Горе отъ ума» [2]). Затѣмъ слѣдовали концерты, панорамы, лотереи и разныя представленія, доставлявшія болѣе или менѣе значительный доходъ предпринимателямъ [3]). Въ концертахъ почти ежегодно принимали участіе: Ромбергъ, Леон. Мейеръ, Дрейшокъ, Іос. Вагнеръ, Тальбергъ, Листъ, Липинскій, Серве [4]), Дёлеръ, и др., Соф. Бореръ, Сеймуръ-Шиффъ, Дмитріевъ-Свѣчинъ). Въ 1838 г. была въ Кіевѣ Паста Мезъ-Мази, примадонна милан. театра [5]). Въ разное время давали концерты: пѣвецъ Соловкинъ, ученикъ Тамбурини, Венявскіе, Ап. и Ант. Контскіе, Джіордани, первый баритонъ милан. театра, барит. Феррари. Далѣе, слѣдовали: Франкенштейнъ, Щепановскій, Косовскій, Соколовскій,—«король гитаристовъ», піанистъ Верникъ, сестры Дулькенъ, леди Кольдъ, m-lle де-Лорренъ, — по ней сходила съ ума въ особенности молодежь и забрасывала ея букетами, которые едва успѣвалъ доставлять садоводъ Христіани; Ниссенъ-Саломонъ, прозванная «шведскимъ соловьемъ»; малютки Марцинкевичи, віолончелистъ Ад. Германъ (15 лѣтъ), слѣпецъ Вирскій, игр. на кларнетѣ, оркестръ помѣщ. Галагана (по утрамъ [6]).

Въ 1848 г. образовалось «Симфоническое общество любителей музыки и пѣнія», которое давало еженедѣльно музыкальные вечера, а разъ въ мѣсяцъ концерты въ залѣ университета, въ пользу пріютовъ [7]).

---

[1]) Записки Селецкаго (VIII, 395).

[2]) Москвитян. 1851, II, 332.

[3]) Въ 1840 выручено отъ конц. 4560 р. с.; отъ представленій 1750 р.; 1843—3600 и 750; въ 1845 г.—3300 и 700 (Фундуклей I, 377).

[4]) Ibidem, 377.

[5]) Ист. Вѣст. 1901, № 10, с. 48; Кіев. Стар. (зап. Селецкаго) 1884, X, 290. Въ 1846 г. на контракты пріѣхала польская труппа Шмидгофа, постановка которою оперы «Нѣмая изъ Портичи» имѣла особенный успѣхъ (Ulaszyn, 67).

[6]) Москвитян. 1851, II, 330—331; IV, 26—27. Объ игрѣ Ап. Контскаго см. 1851, VI, 186—187; 1852, III, с. 18; Ulaszyn, 64—65.

Конц. давались иногда съ благотв. цѣлью (въ пользу уч. Левашовой, пріютовъ и т. п.)

[7]) Москвит. 1851, II, 333.

Гастроли знаменитостей приходились большею частью на время контрактовъ, когда можно было пожать деньги и лавры. Являлись также то ученый физикъ и химикъ Леммергардъ (сеансы 3 и 5 февр. 1851 г. [1]), то фокусники и шарлатаны, а въ числѣ послѣднихъ привлекалъ вниманіе одинъ французъ который показывалъ «ученыхъ блохъ», возившихъ маленькія пушки, экипажи и т. п., и много собралъ денегъ, пока ни разгадали этотъ фокусъ [2]).

Кіевляне усердно посѣщали лотереи, которыя устраивались съ благотворительною цѣлью [3]), и сельско-хозяйственную и промышленную выставку, въ сент. 1852 г. Это была пятая выставка въ районѣ южнаго края Россіи, устроенная для семи губерній. Большая часть предметовъ была представлена губ. Кіевской, Черниговской, Волынской и Курской и меньшая губ. Подольской, Полтавской и Харьковской (въ Харьковѣ выставка была въ 1849 г.). Она состояла изъ 7 отдѣловъ (произведенія земледѣлія, огородничества и садоводства, шелководства и пчеловодства, крестьянскихъ ремесленныхъ и фабричныхъ издѣлій, хозяйственныя орудія, предметы живописи, рѣзьбы на деревѣ и слоновой кости, балаганъ животноводства). Награды состояли изъ медалей и похвальныхъ листовъ, послѣ раздачи которыхъ въ контрактовомъ домѣ было устроено сельское празднество, причемъ удостоенные наградъ сидѣли за особыми столами. Кромѣ того, крестьянамъ были выданы денежныя награды. Всѣхъ предметовъ было доставлено свыше полуторы тысячи, представителей явилось до 1000; цѣнность вещей опредѣлялась до 30000 р., изъ которыхъ было продано на сумму до 3000 р. Въ нѣкоторые дни число посѣти-

---

1) Москвит. 1851, II, 331.

2) Воспом. Мамаева (Ист. Вѣст. 1901, № 10, с. 48).

3) Въ 1850 году. лотерея, 2 маскарада и спектакль дали сбора 3474 р. (Москвит. 1851, II, с. 332 — 333). Лотерея, устроенная въ 1851 г. въ контр. домѣ въ пользу пріютовъ попеч. ихъ гр-нею А. П. Меллиной, съ выигрышами (до 200 вещей), дала 2500 р.; два маскарада съ тою же цѣлью — 1500 р. О гр. Меллиной (Зап. Селецкаго, К. Стар. 1884, X, 90 — 91).

телей простиралось до 3000 чел., а за все время выставку посѣтило около 20000. Въ числѣ выставленныхъ предметовъ находились издѣлія пріютовъ, монастырей (Флоровскаго), евреевъ-хлѣбопашцевъ и наиболѣе крестьянъ; но были также дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, иностранцевъ. Устройство выставки лежало на особомъ комитетѣ, членомъ котораго состоялъ проф. Ходецкій, завѣдывавшій ближайшимъ устройствомъ главныхъ ея отдѣловъ; а распорядительная часть на чиновникѣ, состоявшемъ при ген. губ., Н. М. Сементовскомъ. Выставки (а въ Кіевѣ это была третья въ такомъ родѣ) являлась въ то время совершенно новостью, общество знало о нихъ только по наслышкѣ и уже затѣмъ послѣдовалъ въ Кіевѣ рядъ выставокъ сельскихъ произведеній и заводскихъ издѣлій (1857, 1862, 1867, 1871, 1880). Судя по отчетамъ о выставкахъ, бывшихъ въ другихъ губерніяхъ, кіевская превосходила многія изъ нихъ. Городъ значительно оживился, проявились шумъ, движеніе, многолюдство, словно во время контрактовъ. Кіевляне заработали не мало денегъ за наемъ домовъ пріѣзжимъ и другія потребности и цѣлыхъ двѣ недѣли разговоры сосредоточивались лишь на выставкѣ [1]). Въ 1855 г. въ Кіевѣ праздновался юбилей Московскаго университета [2]), а осенью того же года кіевляне встрѣчали ополченцевъ, отправлявшихся на югъ [3]).

---

[1]) Москвитянинъ, 1852 I, 21; VI, 175 — 181; Біограф. Слов. профес., 696.

[2]) Барсуковъ, XIII, 348.

[3]) Письма И. С. Аксакова, ч. I, т. III, 163. Повидавши въ этотъ разъ городъ, Аксаковъ восклицаетъ: «Какъ хорошъ, какъ хорошъ Кіевъ, какъ я люблю этотъ городъ. Не смотря на осень (деревья, кромѣ тополей, почти всѣ пожелтѣли, а многія и совсѣмъ обнажились), на холодную и вѣтреную погоду, любуешься имъ безпрестанно». Далѣе авторъ сообщаетъ о пріемѣ ополченія, о вечерѣ у кн. Васильчиковой («вечеръ наискучнѣйшій, не то, что свѣтскій раутъ, а генералъ-губернаторскій, вечеръ подчиненныхъ у начальника»); объ обѣдѣ, данномъ въ универс. залѣ для офицеровъ четырехъ дружинъ отъ дворянства. Кн. Васильчиковъ, говоритъ онъ, сказалъ рѣчь на тему „Москва въ Кіевѣ", но сбился немного и вышло у него, что предки наши

Впрочемъ, ни оживленіе, ни денежные обороты, ни развлеченія не достигали въ другихъ случаяхъ такихъ размѣровъ, какъ во время контрактовъ. Это была въ полномъ смыслѣ слова бѣшеная пора кіевской жизни. Мы знаемъ уже цифровыя данныя о количествѣ пріѣзжаго населенія въ Кіевѣ въ это время и денежныхъ дѣлахъ, производившихся въ теченіе контрактовъ. Но была еще одна сторона этихъ послѣднихъ—бытовая, которая должна была всецѣло отражается на нравахъ и строѣ жизни населенія. Преобладающее значеніе въ этомъ движеніи занимали, по своей численности, польскій и еврейскій элементы, одинъ какъ болѣе культурный [1]), экономически господствовавшій; другой посредническій, въ роли хорошо извѣстнаго фактора по всѣмъ дѣламъ и услугамъ отъ найма квартиръ для вельможныхъ гостей и посыльнаго, функціи

ополчались по примѣру нашему; это наидобродушнѣйшій человѣкъ въ мірѣ» (конечно фразы пересыпались обычными его «стало быть»). Побывавъ затѣмъ въ провинціи, Аксаковъ набросалъ длинное письмо, посвященное состоянію края и населенія. Онъ говоритъ: «Какъ бы тамъ ни разсуждали, а инвентари *здѣсь*, по моему мнѣнію, истинное благо». Онъ отмѣчаетъ, что поляки хорошо встрѣчали ополченцевъ и прибавляетъ: «Поляки вообще люди довольно образованные, получаютъ и читаютъ иностранныя газеты и въ этомъ отношеніи останавливаться у нихъ было довольно пріятно». Дѣлаетъ онъ и общее замѣчаніе: «Народъ русскій (т. е. малорусскій, дополняетъ онъ) угнетенъ жидами и польскими панами; поляки угнетены правительственными лицами и всѣ угнетены роковою чепухой современной всероссійской жизни» (Письма, I, ч. III, стр. 167—175).

[1]) Объ этомъ сложились своеобразныя легенды. Такъ, разсказываютъ, что знатные польскіе вельможи привозили съ собою по нѣсколько бочекъ золота и серебра; по магазинамъ они не торговались; за квартиру платили назначенную цѣну; не задумывались заплатить баснословную цѣну за вещь хозяину дома, если она понравилась и пр. Въ походахъ пана по магазинамъ за нимъ ходилъ человѣкъ съ мѣшкомъ и по приказу его отсчитывалъ купцу столько денегъ, сколько послѣдній запрашивалъ, не заботясь о сдачѣ (Москвит. 1851, II, 318—332).

котораго тогда не существовало въ городѣ, до посредника въ широкихъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ и своего рода банкира [1]). Улучшеній въ этомъ отношеніи, какъ и вообще по части удобствъ и способовъ обстановки городской жизни, мы долгое время вовсе не замѣчаемъ въ Кіевѣ. Въ 1839 семья гр. Бутурлина останавливалась въ постояломъ дворѣ, гдѣ ея посѣщали кн. Сакенъ и воен. губ. гр. Гурьевъ [2]). Въ 1845 въ городѣ находилось всего 6 гостиницъ, остальные заѣзжіе дома (29) были постоялые дворы, въ томъ числѣ 2 еврейскихъ [3]). Притомъ только двѣ

---

[1]) Любопытны сцены пріѣзда поляковъ въ городъ, найма квартиръ, встрѣчи ихъ факторами, надеждъ и разочарованій хозяевъ, болтливости хозяекъ, видовъ дочерей и пр. Преимущественно они останавливались на Подолѣ, а кто желалъ подешевле — за канавой; но также на Старомъ городѣ и на Крещатикѣ; такъ какъ размѣститься бывало трудно (Москвитянинъ, 1852, III, 13—56). Большое количество прислуги и лошадей, приведенныхъ на контракты (см. выше), показываетъ, что помѣщики являлись сюда со своими экипажами, вещами и пр. Вотъ описаніе внѣшняго вида этихъ выѣздовъ: «Въ городѣ мимо меня часто ѣздятъ экипажи разныхъ польскихъ помѣщиковъ, почти все графовъ (впрочемъ, кто въ Польшѣ не графъ): лошади въ краковскихъ хомутахъ (какъ-то высокіе хомуты, съ лентами, перьями и всякимъ цвѣтнымъ убранствомъ, довольно безвкуснымъ); въ шорахъ, переднія лошади бѣгутъ однѣ безъ форейтера, кучеръ съ длиннымъ бичемъ, словомъ упряжь такая, какъ и за границей» (Письма И. С. Аксакова, ч. I, т. III, 173).

[2]) Р. Арх. 1898, № 8, стр. 596—97.

[3]) Кондит. считалось 6, кофеенъ 2, трактировъ 16, ресторацій—1, харчевенъ—4. Лучшими трактирами, привлекавшими публику, называютъ Бурхарда, Круга, Каткова—послѣдній на Подолѣ, бл. Братскаго мон. (К. Стар. 1883, V, 704). Любимымъ студ. погребкомъ былъ находившійся въ стѣнѣ Брат. мон., гдѣ собиралась веселая компанія (за недостаткомъ денегъ продавались универс. эконому вещи, слѣдовавшія къ получкѣ) за краснымъ виномъ и Жуковскимъ табакомъ съ неизмѣннымъ:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!

гостиницы считались—лучшими: «при заведеніи минер. водъ» и «Лондонъ», на Печерскѣ; а позже «Англійская». Прочія гостиницы, а равно постоялые дворы, трактиры и другія заведенія, не представляли ничего особеннаго и сходны были съ подобными же заведеніями въ другихъ губернскихъ городахъ [1]).

Съ первыхъ лѣтъ своего существованія въ Кіевѣ, контракты становятся центромъ хлѣбной торговли и вообще всѣхъ сдѣлокъ, имѣвшихъ связь съ землевладѣніемъ и сельскимъ хозяйствомъ. Хлѣбныя сдѣлки почти всего Приднѣпровскаго края совершались исключительно на кіевскихъ контрактахъ. Не менѣе значительно было количество сдѣлокъ по продажѣ и покупкѣ имѣній, по залогу ихъ, по сдачѣ въ аренду или такъ наз. «посессію» и т. п. Торговля землею въ Ю. З. краѣ въ к. XVIII и первой полов. XIX стол. приняла обширные размѣры, вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ и экономическихъ условій, заставлявшихъ польскихъ кладѣльцевъ распродавать свои огромныя земельныя имущества. Въ 1812 г. въ одной Кіевской губ. русскимъ помѣщикамъ принадлежала четвертая часть всего количества наличныхъ ревизскихъ душъ, сосредоточивавшаяся главн. образомъ въ Черкасскомъ и Чигиринскомъ уу. Въ указанномъ переходѣ земли изъ рукъ въ руки не маловажную роль играли и люди, разбогатѣвшіе

Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus! etc.

(К. Стар. 1889, № 12, стар. 511, воспом. М. К. Чалаго). Трактиръ Каткова славился своими пирожками (Р. Арх. 1899, № 3, с. 421).

[1]) Фундуклей, I, 374—375. Во время постройки моста двое служащихъ лицъ у англичанина Виньоля открыли «Англійскую гостинницу» (уг. Лютер. и Крещатика, д. Попова, уцѣлѣвшій, но перестроенный), которая считалась тогда лучшею въ городѣ. (Москвит. 1852, II, 78). Издавна существовали гостиницы у ц. Добраго Николая (на Подолѣ), въ лаврѣ (съ 1830 г каменная), въ Михайловскомъ мон. (до 1857 г. деревян., Закревскій, 144, 548, 575, 702), но онѣ предназначались преимущественно для богомольцевъ.

съ помощью торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, а все это значительно повысило цѣны на имѣнія, и помѣстья, за которыя въ нач. XIX в. платили по 200 р. ассиг. за ревиз. душу, въ полов. его шли уже по 200—250 р. сер. за туже душу, т. е. повысились въ цѣнѣ почти впятеро. Съ возвышеніемъ Одессы, какъ хлѣбнаго рынка, значеніе Кіева въ этомъ отношеніи ослабѣло, но зато эту роль на контрактахъ сталъ играть сахаръ, который и удерживаетъ свое положеніе до сихъ поръ. Если вообще, возвышеніе Одессы и Харькова въ торговомъ отношеніи и политическія обстоятельства края могли нѣсколько поколебать значеніе Кіева, какъ торговаго пункта[1]), то это было непродолжительно и позднѣйшія операціи кіевскихъ контрактовъ значительно превзошли ихъ прежнее назначеніе. Въ прежнее время контракты были въ полномъ смыслѣ слова и «биржей» [2]).

Въ сезонъ контрактовъ Подолъ становился, какъ въ старое время, центромъ городской жизни. Наибольшее оживленіе царило теперь на площади передъ контрактовымъ домомъ. Паны, шляхта, евреи, купцы, крестьяне, чиновники, лошадники, балагулы, ксендзы, священники, военные—всѣ снуютъ здѣсь взадъ и впередъ. Кромѣ польскаго языка и еврейскаго жаргона, можно услышать русскую и малорусскую рѣчь, нѣмецкій, армянскій, турецкій и татарскій языки. Съѣхавшіеся соединяются въ компаніи и нанимаютъ цѣлые дома, такъ какъ цѣны на квартиры выростаютъ до баснословныхъ размѣровъ. Контрактовый залъ, пустующій въ теченіи цѣлаго года, наполняется купцами, товарами и покупателями. Къ крыльцу контрактоваго дома безпрестанно подъѣзжаютъ кареты, дормезы, сани. Лицевая сторона дома, четыре огромныя колонны, поддерживающія фронтонъ его и всѣ стѣны на пространствѣ широкой лѣстницы, чуть не подъ самую крышу и потолокъ, облѣплены всякаго рода объявленіями. Отсюда обра-

---

[1]) Москвитянинъ, 1851, II, 323. Самаринъ оспариваетъ исключительное вліяніе инвентарей на повышеніе цѣнъ на имѣнія и указываетъ на другія экономическія причины (Соч., II, 1—16).

[2]) Ibidem 1852, III, 55.

щаются къ публикѣ Флери, дантистъ и фабрикантъ безвредныхъ румянъ; Жорго, изобрѣтатель новаго душистаго мыла и краски для сѣдыхъ волосъ; Матіасъ, владѣлецъ одеколона и албанскаго табаку и т. п.; лица, предлагающія свои услуги съ обезьянами, мопсами, бѣлымъ медвѣдемъ, воробьемъ, разрѣшающимъ самыя трудныя ариѳметическія задачи; концертъ знаменитости; еврей, играющій на деревянной гармоникѣ; опера Вебера, водевиль Скриба; кухмистерская Чоко; предлагаются устрицы, анчоусы, опытная горничная, кучеръ, объявленія о товарахъ, имѣніяхъ и т. п. Фраже и фирма «Норблинъ и бр. Вернеръ» привозили серебро, Марсикани раскрашенныя литографіи, Миклашевскій—фарфоръ, Губкинъ—массивныя серебряныя издѣлія [1]). Далѣе слѣдуютъ торговцы казанскаго мыла, тульскіе самовары, кавказскія издѣлія, персидскія матеріи, бухарскія лавки, книжная торговля Щепанскаго изъ Бердичева, русскія книги Литова, обыкновенно изъ года въ годъ занимавшія свои старыя мѣста [2]). Въ верхнемъ этажѣ ежегодно пріѣзжавшій итальянецъ выставлялъ значительное количество картинъ и эстамповъ, нерѣдко большой цѣнности. Около магазина Гайдукова обыкновенно толпился прекрасный полъ, привлекаемый выставленными послѣдними новинками модъ. Старожиламъ были еще памятны пестрые разноцвѣтные костюмы турокъ и татаръ. Многіе магазины помѣщались въ частныхъ домахъ: таковъ былъ магазинъ въ д. Киселевскаго—Шафнагеля, пріѣзжавшаго изъ Бердичева и опустошавшаго карманы различными диковинками: играющими табакерками, бронзами и т. п. Были здѣсь также роскошные мѣха, бархатъ, ліонскіе шелка, кружева, индійскія шали, зеркала, хрусталь, фарфоръ, и въ томъ же домѣ соперничали съ нимъ магазины Матіаса, Копи, Любе, Минтера

---

[1]) Въ 1841 и 42 гг. особенное вниманіе посѣтителей обращали на себя въ контрактовой залѣ бумажныя печи ген.-м. Карелина, который имѣлъ посредниковъ въ Кіевѣ (Москвит. 1843, № 8, стр. 257),

[2]) Число иногор. купцовъ было въ 1835—78; въ 1849—215 (Фундуклей, III, 530). Болѣе другихъ привозили купцы петерб., моск. варшав. и бердичевскіе (551; подроб. 552—560).

и Матье. Можно было встрѣтить раззолоченныя вывѣски съ надписями подобнаго рода: «Magasin de Moschko Bisk», «Magasin de Ryfka» и пр. [1]). Контракты считались своего рода школою свѣтскости. Ал. Еловицкій, упоминая, въ своихъ запискахъ, что отецъ велѣлъ ему ѣхать въ Краковъ для продолженія образованія, замѣчаетъ: «отъ этихъ словъ отца мнѣ чуть не сдѣлалось дурно, и я подумалъ: «я окончилъ школу, былъ въ Кіевѣ на контрактахъ, самъ ѣздилъ въ Одессу, убилъ стараго волка, зачѣмъ же мнѣ еще учиться». На контракты привозили барышень и такимъ образомъ иногда устраивались здѣсь матримоніальныя дѣла. Балы во время контрактовъ отличались обстановкой и роскошью въ нарядахъ. На одномъ изъ вечеровъ хозяинъ привѣтствовалъ каждую изъ дамъ букетомъ въ 10 польскихъ злотыхъ ($1^1/_2$ р.); на другомъ балѣ одни только конфекты, главнымъ поставщикомъ которыхъ былъ Беккерсъ, обошлись въ 100 дукатовъ, а шампанское въ 400 р. Для болѣе веселой компаніи («балагулъ»—въ соотвѣтствіе евр. повозкамъ) былъ подходящій на контрактахъ ресторанъ Белло, изъ Бердичева. Здѣсь гостей услаждали своимъ пѣніемъ арфянки и здѣсь же происходили вакханаліи, на которыхъ вино лилось рѣкой и спускались въ карты цѣлыя имѣнія [2]). Многіе пріѣзжали на контракты только ради картъ. Въ 30-хъ годахъ особенной

---

[1]) Контрактовый указатель. Въ память о столѣтіи контрактовъ. 1797—1897, Кіевъ; Uzaszyn, 47—61; Кіевлянинъ 1900, №№ 35 и 36 (Кіевскіе контракты).

[2]) Мѣстные торговцы бакалейныхъ лавокъ выручали въ день до 10 т. р. ассигн. и болѣе, такъ что едва успѣвали получать деньги; продавецъ пива продавалъ въ день болѣе 1000 бут., которыя тутъ же распивались, и до 150 полубочекъ (въ 20 ведеръ) на вывозъ; за наемъ дома въ 7 комнатъ платили за двѣ недѣли 2500 р. ас., а такой же домъ съ лавками приносилъ дохода за то же время до 7000 ас. Чтобы понять важность всѣхъ этихъ суммъ нужно припомнить то время и то значеніе какое имѣли деньги: тогда 2—3 тыс. руб.; считались за великое богатство» (Москвит. 1851, II, 322; Ulaszyn, str. 57—58).

извѣстностью въ этомъ дѣлѣ пользовался ген. Завадовскій, впослѣдствіи атам. черномор. казач. войска, ген. Исленевъ, ротм. Чорба, Черникъ, семья Нечаевъ изъ Херсонской губ., кн. Голицынъ, женатый на Ходкевичъ; изъ поляковъ: полк. Дембовскій, зять его Витославскій, Ал. и Исид. Собанскіе, полк. Млокосевичъ и др. Славились картежною игрой также нѣкто С—ичъ, странствовавшій за границею, быстро богатѣвшій и проматывавшійся, а также, піанистъ Листъ, нерѣдко спускавшій свою выручку съ концертовъ, въ игрѣ съ которымъ былъ болѣе счастливымъ соперникомъ студ. Котюжинскій [1]).

Въ зиму 1850 г. побывалъ на кіевскихъ контрактахъ знаменитый франц. писатель Бальзакъ, посѣтившій Ю.-З. край, чтобы жениться на Евел. Ганской, ур. гр. Ржевуской. Въ честь его губ. Фундуклеемъ былъ данъ обѣдъ, на которомъ присутствовали представители русскаго и польскаго общества [2]). О контрактахъ упоминаетъ Мицкевичъ въ «Панѣ Тадеушѣ»; ихъ описываютъ Крашевскій въ «Волшебномъ фонарѣ» и Корженевскій въ повѣсти «Эмеритъ» [4]).

Не смотря на благопріятный климатъ, на красоту мѣстоположенія, на удовольствія свѣтской жизни сравнительно съ другими русскими городами, Кіевъ не удовлетворялъ тѣхъ, кто успѣвалъ познакомиться съ обстановкою и условіями быта западноевропейскихъ городовъ. Путешественникъ, возвратившійся сюда въ нач. 40-хъ годовъ находилъ Кіевъ «скучнымъ и безлюднымъ» [3]). И спустя 15 лѣтъ другой путешественникъ писалъ: «Крещатикъ, которымъ такъ гордятся кіевляне, показался мнѣ ужасно невзрачнымъ. Что особенно поражало мой взоръ, взоръ, привыкшій видѣть западно-европейскіе города, присутствіе дерева въ городскихъ постройкахъ. Такъ вотъ въ какомъ городѣ придется намъ жить!—

---

[1]) Зап. Солтановскаго (Кіев. Стар. 1892, № 4, стр. 75—77); зап. Чайковскаго (Р. Стар. 1896, № 3, с. 635); Ulaszyn, 60—61.

[2]) Wspom. G. Olizara, str. 217.

[3]) Записки Селецкаго (К. Стар., IX, 626).

[4]) О польскихъ писателяхъ и др. извѣстн. лицахъ, побывавшихъ на контрактахъ (Ulaszyn, 68—70).

подумалось мнѣ, забывшему, какимъ великолѣпнымъ казался мнѣ Кіевъ, когда я пріѣхалъ въ 1850 г. поступать въ университетъ» [1]).

Образованный наблюдатель 40-хъ годовъ такъ характеризуетъ лучшія стороны кіевской жизни: «Общество кіевское это ни то, ни сё, но въ замѣнъ есть розноображзіе, которое врядъ ли можно встрѣтить въ какомъ нибудь изъ провинціальныхъ городовъ, писалъ Н. А. Ригельманъ Г. П. Галагану въ 1847 г.; тутъ есть люди, въ особенности женщины очень образованныя и даже довольно милыя; есть нѣчто въ родѣ красавицъ; наконецъ есть добродушныя и милѣйшія своею патріархальностью малороссіянки; потомъ есть клубъ; а главнѣйше есть университетъ, въ которомъ не безъ хорошихъ головъ, хотя зарытыхъ въ хламѣ; онѣ и не обнаруживаются яркимъ свѣтомъ» [2]).

Въ домашней жизни главную роль играли вечера, продолжавшіеся теперь уже до 3-хъ или 4-хъ часовъ утра, сопровождавшіеся обычными развлеченіями, изрѣдка литературными бѣсѣдами, предметомъ которыхъ въ началѣ 50-хъ годовъ служили повѣсти Писемскаго; но преимущественно танцами и картчной игрой [3]), которой такъ славился и прежде Кіевъ. Конечно, игра въ карты

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій, Моя жизнь (В. Евр. 1903, № 4, с. 561).

[2]) Часттная переписка П. Г. Галагана (К. Стар. 1899, № 5, стр. 195).

[3]) Москвитян. 1852, I, 16; ср. зап. Селецкаго (К. Стар. 1884. т. X, 91—92.

Въ небольшихъ городахъ играли поголовно. «Никто наукой не занимался, никто не слѣдилъ за своимъ предметомъ, говоритъ современникъ объ учителяхъ. Играли учителя въ карты главнымъ обр. потому, что установить другой родъ развлеченія было невозможно. Литературные вечера, музыкальные или просто собранія знакомыхъ и сослуживцевъ, если только на нихъ происходила картежная игра, никого не занимали. Траутфеттеровскіе (въ Кіевѣ) буттерброды тоже соединены были съ игрою въ карты» (Записки Солтановскаго, К. Стар. 1892, № 7, с. 100). Въ другомъ мѣстѣ (говоря о Ровно), авторъ записокъ продолжаетъ: «Играли днемъ, играли ночью, играли въ

процвѣтала и въ другихъ россійскихъ городахъ, что находилось въ полной гармоніи съ окружающами условіями. «Тогда, (съ 1848 г.) говоритъ Погодинъ, зеленые ломберные столы замѣнили всѣ каѳедры и трибуны, а карты, карты, единственное утѣшеніе, драгоцѣнный предметъ глубокихъ размышленій и горячихъ преній, сладчайшее занятіе, единственное искусство, покровительствуемое правительствомъ, сдѣлалось самымъ важнымъ препровожденіемъ времени, дороже всѣхъ хартій и конституцій, настоящее Habeas corpus, въ буквальномъ смыслѣ слова» [1]). Въ самомъ университетѣ, по словамъ его историка, «wissenschaftliche Tendenz» дѣлается нерѣдко предметомъ насмѣшки въ устахъ слушателей, а иногда и преподавателей. Отъ вліянія тѣхъ же обстоятельствъ страдаетъ и нравственное развитіе университета, и проявляется въ пошлости и огрубѣніи житейскихъ отношеній. Ни общество на университетъ, ни университетъ на общество вліянія не имѣютъ: между ними нѣтъ почти сближенія» [2]).

Припомнимъ, какъ открытіе университета потянуло въ Кіевъ Максимовича, отчасти вслѣдствіе болѣзни, а отчасти по естественной у него симпатіи къ югу. Но уже на первыхъ порахъ онъ не удовлетворился тѣмъ, что нашелъ здѣсь, вокругъ себя. «Посылаю вамъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ, образчикъ кіевскаго варенья,—на новоселье. Пусть хоть это докажетъ вамъ, что *не все въ Кіевѣ хуже московскаго*, писалъ прот. Скворцовъ. Покорно прошу снабдить меня тѣми пѣснями, которыя дока-

---

страстной четвергъ и пятницу; играли во время производства дѣлъ и слѣдствій; играли во время рекрутскихъ наборовъ, на свадьбахъ, поминкахъ, крестинахъ, играли почти непрерывно; карты мерещились во снѣ и похмельи. Другого разговора никогда не было, какъ только о картахъ, о карточной игрѣ. Горсть учителей въ такомъ кругу лишена была всякаго значенія и добрая часть ихъ цѣликомъ посвящала себя и свой досугъ карточной игрѣ» (ibid. 1892, № 8, стр. 206).

[1]) Барсуковъ, XIII, 163. Болѣе серьезныя люди жаловались на юдоль скуки и скорбки, царящей въ Кіевѣ (К. Стар. 1899, № 5, Переписка Галагана, 193—194).

[2]) Шульгинъ, Ист. унив. св. Владиміра, 62.

зываютъ, что и народная поэзія малороссійская *не хуже* великороссійской» [1]). Въ 1838 г. Максимовичъ писалъ Погодину: «Стосковалась душа моя по Москвѣ бѣлокаменной; вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ рѣдкій день пройдетъ, чтобъ я не задумался: какъ бы посмотрѣть Москву. Кіевъ прекрасенъ, но болѣе прошедшимъ, лишь для воспоминанія. Настоящее въ немъ надоѣло» [2]).

Прошло еще много лѣтъ (1854). Повидимому мало перемѣнился тонъ кіевской жизни. И тотъ же ея бытописатель пишетъ своимъ друзьямъ: «Хочется мнѣ переселиться въ Москву, не для службы, для которой уже изветшалъ я, а для того, чтобы дожить вѣкъ въ мирномъ кабинетномъ трудѣ, *въ той атмосферѣ, гдѣ мнѣ было лучше, какъ писателю и какъ человѣку*... Кіевъ хотя и родной мнѣ, но, выросши въ Москвѣ, я не сроднился съ нимъ для моей жизни... Люблю его святыню, старину и природу, но какъ посѣтитель и богомолецъ, а не какъ житель и труженикъ» [3]).

Послѣдующая хроника Кіева устанавливаетъ быстрый приростъ населенія къ началу XX стол. (до 300000) и созиданіе «каменнаго города» въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ. На основаніи картограммъ, составленныхъ по оффиціальнымъ даннымъ, Юго-Западный край выдѣляется густой, яркой окраской на сравнительно тускломъ фонѣ другихъ губерній, и областей, въ распредѣленіи разнаго вида мѣстныхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, а въ числѣ трехъ его губерній Кіевская большею частью отмѣчена самою яркою краской; грузовое и пассажирское движеніе, по ихъ доходности, показываютъ, что Кіевъ имѣетъ всѣ шансы стать однимъ изъ крупнѣйшихъ узловыхъ центровъ русской желѣзно-дорожной сѣти. Бюджетъ доходовъ города достигаетъ

---

[1]) Письма о Кіевѣ, 41.

[2]) Барсуковъ, V, 202. Поѣхать въ Москву ему удалось только спустя 15 лѣтъ со времени выѣзда (ibid., X, 382).

[3]) Письма Максимовича (К. Стар. 1896, № 9, стр. 282).

почти 3 мил. Въ соотвѣтствіе промышленнымъ и торговымъ потребностямъ края въ Кіевѣ, въ означенный промежутокъ возникъ рядъ новыхъ финансовыхъ учрежденій. Въ то время, какъ еще въ 70-хъ годахъ газовое освѣщеніе и водопроводъ многіе признавали ненужною и разорительною роскошью, въ послѣдніе годы (не считая ихъ), городъ обзавелся болѣе усовершенствованными способами освѣщенія и передвиженія. Въ сферѣ духовной жизни Кіевъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. По количеству періодическихъ и другихъ изданій онъ имѣетъ преимущество передъ Одессой, Харьковомъ, Ригой, Казанью, Тифлисомъ и пр. [1]). Его университетъ занимаетъ третье мѣсто по количеству слушателей и далеко превосходитъ слѣдующіе за нимъ; а недавно еще прибавилось одно высшее учебное заведеніе, основанное по частной иниціативѣ, не говоря о другихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, музеяхъ и т. п., и Кіеву же, одновременно со столицами, пришлось положить начало высшему женскому образованію въ краѣ, столь внезапно прерванному. Но всѣ эти факторы и явленія мѣстной жизни принадлежатъ позднѣйшему періоду, слагавшемуся на другихъ началахъ и при другихъ условіяхъ, исторія котораго можетъ составить предметъ особаго изслѣдованія.

9 дек. 1904 г.

В. Иконниковъ.

---

[1]) Кіевлянинъ, 1902, № 94.

В. Л. Беренштамъ.

(Некрологъ).

10-го ноября скоропостижно скончался, 65 лѣтъ отъ роду, нашъ ближайшій сотрудникъ *Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ*. Его общественно-педагогическая и ученая дѣятельность такъ была разнообразна и широка, что редакція нашего журнала рѣшила посвятить памяти его особую статью, которая и будетъ напечатана въ первыхъ номерахъ будущаго года. Теперь же мы, желая помянуть, еще у свѣжей могилы, память почившаго, рѣшаемъ пока познакомить читателей съ тѣми теплыми воспоминаніями о немъ, которыя появились сейчасъ послѣ смерти его въ мѣстной газетѣ «Кіевскіе Отклики».

---

10 ноября, въ 9 часовъ вечера, скоропостижно, отъ паралича сердца, скончался одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, достойный представитель 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, *Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ*. Принадлежа по роду своему къ потомственнымъ почетнымъ гражданамъ г. Кіева, покойный все свое дѣтство и юность провелъ въ этомъ городѣ, получивъ образованіе въ 1-ой гимназіи и въ университетѣ св. Владиміра. Пребываніе въ старшихъ классахъ гимназіи и затѣмъ въ университетѣ совпали съ тѣмъ знаменательнымъ періодомъ въ русской жизни, который характеризуется именемъ «эпохи реформъ» царствованія Александра II-го. Изъ стѣнъ университета вынесъ онъ тѣ чистые идеалы

общественности, ту глубокую вѣру въ созидательныя силы общественныхъ учрежденій, ту непритворную любовь къ народу, съ которыми, по окончаніи университетскаго курса въ 1862 г., вступилъ онъ на путь общественной дѣятельности въ скромной роли учителя гимназіи, и которые сохранилъ до послѣднихъ минутъ своей жизни. Учительская его работа началась съ кіевскихъ педагогическихъ курсовъ, на которыхъ въ тѣ годы будущіе педагоги вырабатывали свои силы и способности, посѣщая уроки учителей въ гимназіяхъ, а затѣмъ ведя самостоятельно преподаваніе своего предмета въ какомъ нибудь классѣ.

Пишущій эти строки живо помнитъ въ своемъ классѣ, въ качествѣ учителя географіи, молодого, энергичнаго, талантливаго кандидата-педагога В. Л. Беренштама, успѣвшаго въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ стать любимымъ учителемъ всѣхъ насъ, тогда малышей 2-го класса. Послѣ двухлѣтней практики кандидатъ-педагога, В. Л. Беренштамъ получилъ назначеніе на должность учителя исторіи въ Каменецъ-Подольскую гимназію, изъ которой черезъ 4 года, въ 1868 г., опять перебрался въ любимый свой Кіевъ, гдѣ занялъ должность учителя географіи въ военной гимназіи. Одиннадцатилѣтняя служба его въ Кіевѣ доставила ему извѣстность, какъ превосходнаго педагога, о которомъ не разъ приходилось слышать самые восторженные отзывы отъ его бывшихъ учениковъ, любившихъ и уважавшихъ его, какъ учителя и человѣка. Прекрасно выполняя свои учительскія обязанности, В. Л. Беренштамъ, будучи человѣкомъ чуткимъ ко всѣмъ общественнымъ дѣламъ, игралъ въ эти годы въ Кіевѣ видную роль въ разнаго рода общественныхъ предпріятіяхъ: онъ энергично работаетъ въ качествѣ члена юго-западнаго отдѣла Императ. географ. общества, къ сожалѣнію быстро исчезнувшаго съ горизонта кіевской жизни; онъ принимаетъ близкое участіе, въ качествѣ сотрудника, въ интересныхъ 90 номерахъ за 1875 годъ газеты «Кіевскій Телеграфъ»; онъ избирается гласнымъ кіевской городской думы; наконецъ, онъ усиленно работаетъ для поддержанія и развитія въ обществѣ тѣхъ идейно воспринятыхъ имъ началъ, которыми характеризуется дѣятельность національныхъ украинскихъ группъ, желающихъ

послужить своему народу. Вся эта его живая дѣятельность имѣла слѣдствіемъ своимъ переводъ его въ 1879 г. въ Псковскую военную гимназію на должность преподавателя исторіи и географіи; но уже черезъ годъ переводится онъ на ту-же должность въ Петербургскую гимназію.

Съ 1880 года и до времени выхода въ отставку, въ 1898 году, В. Л. Беренштамъ провелъ въ Петербургѣ, служа учителемъ въ военной гимназіи и въ учительскомъ институтѣ. Подобно тому какъ въ Кіевѣ, онъ и въ Петербургѣ не могъ жить вдали отъ участія въ общественной дѣятельности: будучи человѣкомъ вполнѣ научно-образованнымъ, любя книжное и литературное дѣло, онъ примкнулъ къ лучшимъ литературно-научнымъ силамъ столицы, и его постоянно можно было видѣть активнымъ участникомъ въ разныхъ учрежденіяхъ: литературный фондъ, союзъ писателей, редакціи журналовъ, не говоря уже о личныхъ близкихъ, а иногда даже дружественныхъ, связяхъ съ литераторами и учеными.

Слабѣвшія силы заставили его въ 1898 году оставить службу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Петербургъ для того, чтобы остатокъ дней своихъ дожить въ родномъ ему Кіевѣ. Здѣсь, въ эти послѣдніе шесть лѣтъ его жизни, мы встрѣчаемъ его все такимъ-же энергичнымъ, отзывчивымъ на все доброе работникомъ въ нѣсколькихъ общественныхъ учрежденіяхъ: онъ принималъ живѣйшее участіе въ издательствѣ журнала «Кіевская Старина»; онъ съ неизмѣнной аккуратностью работалъ въ Кіевскомъ обществѣ грамотности, въ качествѣ члена совѣта общества и члена нѣсколькихъ коммиссій его; занимаясь самъ археологическими изученіями, онъ примкнулъ къ обществу, устроившему въ Кіевѣ мѣстный музей древностей и искусствъ. Однимъ словомъ, покойный В. Л. Беренштамъ былъ та живая сила, которая не могла отдѣлить понятія о жизни отъ понятія объ общественной работѣ; а въ такихъ силахъ такъ нуждается наше время и наше общество!

До какой степени у покойнаго были логически выдержаны устои его общественныхъ міровоззрѣній, лучше всего видно изъ того, что самъ онъ, не будучи по происхожденію украинцемъ, не

унаслѣдовавши, значитъ, никакихъ родовыхъ традицій въ этомъ направленіи, а только выросши и воспитавшись въ Украинѣ, понялъ, какова дожна быть роль людей мѣстныхъ. Своимъ нравственнымъ обликомъ онъ доказалъ, что національное дѣло не есть шовинистическая утопія, а является естественнымъ выводомъ изъ основъ общечеловѣческаго міровоззрѣнія.

Пусть-же будетъ земля перомъ на твоей могилѣ, добрый, честный, благородный человѣкъ.

В. Науменко.

Скончался Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ...

Еще 10 ноября, послѣ полудня, мы видѣли его здоровымъ, бодрымъ, какъ всегда живо, можно сказать, юношески-страстно интересующимся общественной жизнью. Какъ всегда, неустанно работала его свѣтлая мысль, и взгляды на современное положеніе вещей отличались обычной ясностью, тонкостью анализа сложныхъ явленій, просвѣщенной опытностью долголѣтняго наблюдателя и работника нашей общественности, не сгибаемой принципіальностью и горячностью опредѣленныхъ симпатій...

А къ вечеру его не стало!..

Вѣсть о внезапной кончинѣ Вильяма Людвиговича поразитъ глубокой, искренней скорбью всѣхъ знавшихъ его, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля. Научно-литературныя, педагогическія и вообще общественныя заслуги покойнаго достойны внимательной оцѣнки. Но сейчасъ мысль и скорбное чувство слишкомъ поражены тяжкой утратой, и въ памяти, какъ живой, встаетъ обаятельный обликъ того, о комъ прежде всего хочется сказать: «человѣкъ онъ былъ!» — чуткій, отзывчивый, добрый, *хорошій* человѣкъ...

Мих. Могилянскій.

Отдавая сегодня послѣдній долгъ и произнося послѣднее «прости» одному изъ видныхъ дѣятелей 60-хъ годовъ, мы не можемъ не напомнить о той дѣятельности покойнаго В. Л., которая тѣсно связала его имя съ исторіей Кіева вообще, городского самоуправленія въ частности.

Одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелей этой его дѣятельности, я и посвящаю ей эти строки.

Дѣло происходило въ концѣ 1878 г. Два четырехлѣтія городомъ управляла группа лицъ, съ бывшимъ ректоромъ кіевскаго университета Н. К. Ренненкампфомъ во главѣ, и это же управленіе все яснѣе и яснѣе обнаруживало для кіевскихъ жителей несоотвѣтствіе между тѣми задачами, которыя должно было преслѣдовать городское самоуправленіе, и тѣмъ, что происходило въ дѣйствительности. Необходимость измѣнить составъ гласныхъ, измѣнить ходъ и направленіе хозяйственной политики городской управы, политики, направленной въ сторону страшно дорого обходившихся городскихъ построекъ (въ родѣ, напр., зданія нынѣшней городской думы), а не въ пользу удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей городского населенія (санитарныя мѣры, школьное дѣло и т. д.), вызывали все болѣе и болѣе недовольство и жалобы. Къ концу 1878 года движеніе противъ порядка вещей, установившагося въ управѣ и думѣ, стало сказываться съ особенною силою, благодаря въ особенности тому, что въ началѣ 1879 года заканчивались полномочія думы и предстояли новые выборы. Въ этотъ-то моментъ покойный В. Л. выступилъ на арену дѣятельности. Обладая рѣдкою энергіей, не знающей устали, онъ сразу же сталъ во главѣ движенія, сразу же сгруппировалъ вокругъ себя массу недовольныхъ. И здѣсь онъ являлся агитаторомъ не изъ-за личныхъ цѣлей, не изъ-за вопроса о личностяхъ, а агитаторомъ во имя опредѣленныхъ и ясно поставленныхъ цѣлей и принциповъ. Организуя предвыборныя собранія, участвуя лично въ каждомъ изъ нихъ, онъ постоянно выступалъ съ программой, которую онъ выставлялъ, какъ необходимое условіе для дѣйствительной замѣны стараго управленія городскимъ хозяйствомъ новымъ, соотвѣтственнымъ за-

дачамъ городского самоуправленія. И все это время, въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ, онъ не покладалъ рукъ, не зналъ покоя, не переставалъ работать. Нужно было видѣть его и до и во время выборовъ, чтобы понять, какую силу и энергію способенъ былъ онъ проявить. Выборы тогда носили иной характеръ, чѣмъ теперь, они производились по тремъ группамъ, и выборы второй группы длились болѣе сутокъ, выборы третьей цѣлыхъ три дня. И за все это время В. Л. былъ постоянно на своемъ посту, постоянно говорилъ, убѣждалъ, разъяснялъ, во имя какихъ принциповъ необходимо произвесть выборы новыхъ лицъ. Насколько при условіяхъ того времени это было возможно, цѣль была имъ достигнута: прежняя управа и прежній городской голова были замѣнены новыми лицами. Но на этомъ В. Л. не успокоился: какъ гласный, онъ обратилъ все вниманіе на организацію между самими гласными, на образованіе изъ ихъ среды группы единомышленной, которая взяла бы на себя проведеніе въ жизнь истинныхъ принциповъ самоуправленія, и былъ душою и центромъ цѣлаго ряда такихъ собраній, составлявшихся передъ каждымъ думскимъ засѣданіемъ.

Работать въ сферѣ общественной дѣятельности, притомъ сравнительно узкой, В. Л. пришлось всего нѣсколько мѣсяцевъ. Вспоминая, какое умѣніе, какую выдержку и одушевленіе, какое упорство онъ при этомъ проявилъ, чувствуешь невольно въ душѣ горькое сожалѣніе о томъ, что осталась безъ примѣненія сила, которая при другихъ условіяхъ жизни, при другой обстановкѣ, могла бы оказать значительныя услуги обществу.

Не его была вина, если дѣло скоро пріостановилось. Ему пришлось переѣхать въ томъ же самомъ 1879 году изъ Кіева въ Псковъ, а еще раньше ему, какъ и его единомышленникамъ по думѣ, пришлось попасть въ то положеніе, которое прервало всѣ задуманныя начинанія, положеніе, нашедшее своего бытописателя въ Салтыковѣ, въ его «Круглый годъ». «Апрѣль былъ ужасенъ, мая не было», говоритъ сатирикъ.

Не можемъ не вспомнить еще одного момента въ жизни и дѣятельности того же времени В. Л. Первое засѣданіе новой ду-

мы, въ составъ которой входилъ въ качествѣ гласнаго В. Л. состоялось 25 лѣтъ тому назадъ, 4 апрѣля. Правительство обратилось тогда къ обществу. Вопросъ поднятъ былъ объ адресѣ. Нынѣ покойный епископъИриней, тогда священникъ Орда, возбудилъ вопросъ о необходимости составленія соотвѣтственнаго адреса. Трое изъ бывшихъ тогда гласныхъ, вмѣстѣ съ В. Л., составили этотъ адресъ, поддержанный десятью гласными. Изъ этихъ десяти до нынѣшняго года оставалось въ живыхъ четыре. Еще одинъ изъ нихъ, изъ этихъ четырехъ, и самый видный, сошелъ въ могилу.

Да не умираетъ же память о В. Л., какъ о человѣкѣ, дѣятельность котораго должна служить образцомъ и примѣромъ для грядущихъ поколѣній.

И. Лучицкій.

Насъ просятъ напечатать слѣдующія строки, посвященныя покойному В. Л. Беренштаму: «Послѣднее трехлѣтіе покойный Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ состоялъ гласнымъ зѣньковскаго уѣзда полтавской губ. Здѣсь онъ быстро завоевалъ симпатіи мѣстной интеллигентной публики, посѣщавшей земскія собранія. Она (эта публика), утомленная и подавленная всевозможными недоразумѣніями и дрязгами, часто возникавшими на почвѣ узкой партійности, а иногда и личныхъ счетовъ, всегда съ нетерпѣніемъ ожидала слова Вильяма Людвиговича. Раздавалось оно, всегда спокойное, глубоко продуманное, внѣпартійное — и публика отдыхала: она узнавала, гдѣ справедливость. Весной этого года, Вильямъ Людвиговичъ отказался отъ баллотировки въ гласные. Всѣ были очень огорчены, но надѣялись, что разсѣются тучи, нависшія въ послѣднее время надъ уѣздомъ, и Вильямъ Людвиговичъ вернется. — Этой надеждѣ, къ глубокому сожалѣнію, не суждено было сбыться.

Миръ же праху твоему, неутомимый труженикъ, не задумавшійся отдать свои силы общему дѣлу даже въ то время, когда подточенное здоровье требовало полнаго покоя...

Голосъ изъ толпы.

Увы, на жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой, поколѣнья
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ,
Другіе имъ во слѣдъ идутъ...

Вчера мы опустили въ могилу тѣло В. Л. Беренштама. По случайному стеченію обстоятельствъ, на его могилѣ почти не было ничего сказано. Тѣмъ болѣе на его друзьяхъ и знакомыхъ лежитъ обязанность помянуть его добрымъ словомъ въ печати, однимъ изъ усердныхъ работниковъ которой онъ былъ.

Я узналъ Вильяма Людвиговича въ 1859 году. Семья состояла тогда изъ старика-отца, сыновей Вильяма и Ольгерда и дочерей — Софіи и Евгеніи; старшій братъ Альбертъ, съ которымъ я впослѣдствіи познакомился въ Москвѣ, уже и тогда жилъ тамъ. Старикъ Беренштамъ вышелъ изъ Курляндіи, и потому въ домѣ господствовалъ нѣмецкій режимъ и нѣмецкій языкъ. Вильямъ уже былъ студентомъ, Ольгердъ еще былъ въ гимназіи (старше меня однимъ или двумя классами), барышни были прекрасныя музыкантши. Семья Беренштамовъ жила тогда въ своемъ домѣ, въ тупикѣ, образуемомъ Александровскою улицею (позади нынѣшняго музея). Въ домѣ все было поставлено на европейскій ладъ, на цивилизованную ногу. Здѣсь я впервые услыхалъ хорошую, классическую музыку, здѣсь я впервые познакомился vivo voce съ нѣмецкой литературой, здѣсь я впервые вошелъ въ тотъ кругъ идей, которыми жила лучшая часть русскаго общества въ то время... Братья Вильямъ и Ольгердъ занимали особый флигелекъ во дворѣ; бывая у послѣдняго, я сначала лишь стороной прислушивался къ тому, о чемъ говорили Вильямъ и его товарищи; въ ихъ компанію я не могъ входить — я былъ на цѣлый вѣкъ, на полныхъ шесть лѣтъ моложе ихъ. Но постепенно, подъ вліяніемъ жгучаго любопытства и пробуждающагося сознанія, явились первые робкіе вопросы, неумѣлыя заключенія, и я живо помню, съ какою любовью, терпѣніемъ и умѣніемъ — въ этомъ сказался будущій великолѣпный педагогъ — отнесся Вильямъ Людвиговичъ къ запросамъ 15-лѣтняго мальчика; мало того, я и

теперь еще не могу надивиться той бережности, осторожности и разумности, съ которыми онъ посвящалъ меня въ свое credo.

Прошло много, очень много времени; цѣлыхъ двадцать лѣтъ я почти не встрѣчался съ В. Л. Въ 1879-мъ году, во время моего отсутствія (я ѣздилъ на Кавказъ по извѣстному Кутаисскому дѣлу) я былъ выбранъ въ гласные кіевской думы, гдѣ я встрѣтилъ и Беренштама. Вскорѣ мы образовали небольшую, но крѣпко сплоченную партію, которая, правда, почти всегда оставалась въ меньшинствѣ, но мы этимъ мало смущались: мы вели свою линію и находили нравственное удовлетвореніе въ своей работѣ. Увы, изъ этой кучки гласныхъ въ настоящее время осталось насъ только трое: В. Б. Антоновичъ, И. В. Лучицкій и я. Умерли и Кистяковскій, и Конисскій, — ген. Бутинъ, и священникъ Орда, проф. Афанасьевъ и Ильинскій. 4-го апрѣля 1879 г., въ думѣ обсуждался по предложенію тогдашняго головы Ренненкампфа, адресъ Императору Александру II по поводу покушенія Соловьева. Адресъ былъ написанъ въ обыкновенномъ, торжественно-оффиціальномъ тонѣ того времени. Мы рѣшили предложить нѣсколько иную редакцію. Редакція предполагаемаго адреса была возложена на Беренштама, Лучицкаго и меня, а устная мотивировка въ засѣданіи думы была поручена мнѣ. Но наше предложеніе не прошло.

Прошло еще около двадцати лѣтъ, и я вновь встрѣтился съ В. Л. Беренштамомъ въ кіевскомъ обществѣ грамотности, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ работниковъ, и въ которомъ онъ трудился до самаго смертнаго часа своего.

Резюмируя все, что я знаю и помню о покойномъ, я скажу, что на его умственномъ складѣ и характерѣ лежала печать необыкновенной глубины и сложности. Три культуры отразились на этомъ большомъ и глубокомъ умѣ, три темперамента чудно слились въ его очень выдержанномъ, рѣшительномъ, но въ то же время очень мягкомъ характерѣ. По происхожденію еврей, по первоначальному воспитанію нѣмецъ, по образованію и развитію русскій, Беренштамъ соединялъ въ своемъ характерѣ, жизни и

дѣятельности страстную убѣжденность семита, общественность и порядливость германца и широкій, свободный порывъ славянина. Это былъ гуманистъ въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова. Ничто человѣческое не было ему чуждо, и любовь къ родинѣ, ея интересамъ и старинѣ не заглушала ни въ его умѣ, ни въ его душѣ интересовъ высшаго порядка.

Миръ праху твоему, дорогой другъ и учитель!

Л. Куперникъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи „поповой плѣши“ или „гуменца“. Въ рукописномъ историко-статистическомъ описаніи Орловской епархіи, составленномъ въ 50-хъ годахъ XIX ст., главнымъ образомъ, профессоромъ Орловской семинаріи іером. Владиміромъ Петровымъ († 1897 г. въ санѣ казанскаго архіепископа), мы натолкнулись на интересный указъ Сѣвскаго и Орловскаго епископа Кирилла Флоринскаго отъ 16 дек. 1777 г.,—указъ, касающійся священническихъ волосъ.

Извѣстно, что у насъ на Руси духовенство, по примѣру греческаго, длинныхъ волосъ не носило, а поступало съ ними так. обр.: священники, во-первыхъ—подстригали свои волосы въ кружокъ, какъ и теперь подстригаютъ ихъ крестьяне, только значительно выше, при чемъ волосы спереди оставляли висѣть на лбу безъ пробора, и во-вторыхъ—гладко выстригали (или выбривали) большую часть головы, оставляя ниже этой выстрижки полосу подстриженныхъ волосъ шириной въ $2-2^1/_2$ пальца, такъ что эта полоса волосъ вокругъ всей головы образовывала какъ бы вѣнецъ, какъ у грековъ она и называлась (στέφανος). У насъ эта выстрижка носила названіе «гуменцо» или въ просторѣчіи—«попова плѣшь». О величинѣ же ея свидѣтельствуетъ пословица: «не грози попу плѣшью, у него плѣшь съ лопату». Когда вывелось на Руси подстриженіе волосъ у священниковъ и выстрижка ихъ, точно неизвѣстно. О первомъ проф. Голубинскій, у котораго мы и заимствуемъ данныя о гуменцѣ, думаетъ, что оно произошло «не во времена еще кіевскія и домонгольскія, а во времена уже московскія; остриженіе же или выстриженіе верха

головы (гуменцо) оставалось, сколько мы знаемъ въ настоящее время, никакъ не менѣе, какъ до начала XVIII в.» (Исторія рус. церкви, т. I, первая половина, изд. 2 (1901), стр. 578—580).

Печатаемый ниже указъ отодвигаетъ прекращеніе того и другого къ концу XVIII в. Хотя и неизвѣстно, каковы были послѣдствія указа, изъ содержанія его видно, что обычай стричь (брить) извѣстнымъ образомъ головы въ 1777 г. еще существовалъ въ Орловско-сѣвскомъ викаріатствѣ, которое входило въ составъ Московской епархіи, только далеко не всѣми соблюдался. Въ большей силѣ онъ, вѣроятно, оставался въ Малороссіи, такъ какъ Кириллъ Флоринскій, епископъ Сѣвскій (1768—1778), былъ родомъ малороссъ (изъ слоб. Ворожбы харьковской губ.) и первые годы службы провелъ на югѣ же (былъ учителемъ харьковскаго коллегіума).

—

«Между преданіями церковными не послѣднее, что бритіе іереевъ на главѣ значитъ корону, или терновый вѣнецъ, который вышній Архіерей Христосъ существеннѣ при страданіи своемъ понесъ и намъ знаки того оставилъ. Но понеже сіе благочестивое дѣло, по точному свѣдѣнію нашему, крайне въ Епархіи нашей не наблюдается, такъ что ни въ главѣ ни въ различіи главобритія попа отъ простолюдиновъ никакимъ образомъ различить неможно. Того ради повелѣваемъ во всю нашу епархію послать указы, да ни единъ никако священникъ, не имѣя короны на главѣ своей, въ церкви нашей Сѣвской не пресмыкается, виня Духовнымъ Правленіямъ за всякій разъ изъ преслушниковъ по рублю штрафу до двухъ разъ, за третій въ монастырь подъ начальство». (Кн. указовъ Орловской консист. 1777 г. дек. 16, № 102).

К. Харламповичъ.

Къ родословной гетмана Даніила Апостола. Апостолы принадлежатъ къ одной изъ старѣйшихъ малорусскихъ фамилій, нынѣ угасшей, начало которой восходитъ къ половинѣ XVII вѣка. Уже въ реестрахъ 1649 года (изд. Бодянскаго, стр. 261) мы видимъ въ Андреевской сотнѣ Миргородскаго полка реестроваго козака Апостола; противъ имени его стоитъ пропускъ, но можно почти безошибочно сказать, что этотъ Апостолъ былъ однимъ лицомъ съ Павломъ Апостоломъ, занимавшимъ въ 1659 году урядъ гадяцкаго полковничества. Впослѣдствіи Павелъ Апостолъ, повидимому, возвращался на свою ро-

дину въ Молдавію; этимъ только и можно объяснить, по мнѣнію А. М. Лазаревскаго, то обстоятельство, что въ переписныхъ книгахъ 1666 года (изд. Лазаревскаго, стр. 72) въ мѣстечкѣ Хомутцѣ показаны «два сада *измѣнника* Павла Апостола, а въ немъ яблоки да вишни; а тѣми садами не владѣетъ никто, стоятъ пусты». Въ 1670 году онъ, однако, снова былъ въ Малороссіи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ актъ этого года, по которому «Славетній товаришъ войсковій» Павелъ Апостолъ продаетъ свою усадьбу въ Гадячѣ» (А. Лазаревскій, Украинск. историч. мелочи, I, стр. 29). Переселившись въ Миргородщину, Павелъ Апостолъ вывелъ тамъ въ люди сына своего Даніила. Печатаемый документъ относится къ 1708 году, когда Даніилъ Апостолъ занималъ урядъ миргородскаго полковничества; въ это время онъ вмѣстѣ съ Григоріемъ Зарудным, сперва есауломъ (1690 г.), а затѣмъ миргородскимъ судьею (1695, 1700, 1708 гг.) даритъ Сорочинскому монастырю нѣкоторыя «добра», оставшіяся послѣ смерти своего «родича» п. Матвѣя Годлевскаго, его жены Пелагеи Григорьевны Зарудной и ихъ дѣтей, съ обязательствомъ, чтобы монахи «за преставшіе миліе дѣти ихъ при офѣрахъ безкровнихъ, при панихидахъ и иннихъ правилахъ церковнихъ щоденне Господа Бога молствовали и благодаренія чинили довѣчно». Кто такой былъ панъ Годлевскій и какимъ образомъ онъ приходился «родичемъ» Апостолу,—неизвѣстно. Терминъ «родичъ» въ актовомъ языкѣ того времени былъ равнозначущимъ слову *родитель, отецъ;* поэтому умѣстна догадка, не былъ-ли Годлевскій «родичемъ» Апостолу въ смыслѣ отчима, или, быть-можетъ, тестя? Упоминаемый въ документѣ Моисей Зарудный былъ сотникомъ миргородскимъ еще и въ 1723 году; онъ былъ сыномъ полкового судьи Григорія.

«За призволеннемъ его царского пресвѣтлого величества войска запорозкого его милости п: п: Даниила Апостола, полковника миргородского, якѳ тежъ і ми, Григорий Зарудний, судия полку миргор(одского), позосталие добра преставшихся од временыя сея дочасная(?) милихъ дѣтей нашихъ, якъ его мил(ости) славное памяти пана Матѳея Ѳодлевского, зятя нашего, а родича его мил(ости) добродѣя нашего пана полковника миргородского, такъ и милой дщери нашей Пелагии Зарудновни, малжонки его, и дѣтей ихъ: Василия, Феодора, Марии и Елены, а внуковъ нашихъ, до которихъ то позосталихъ добръ будучими сукцесорами и жадаючи родителско, аби за наши змершие дѣти било довѣчное за души ихъ по Богу молствование, якъ и з

ласки и уваги добродѣйской, такъ тежъ и з нашей, надаемо у вѣчность на монастиръ Сорочинский храма святаго архистратига Христова Михаила: напродъ млинъ, в которомъ куль три (двѣ мучнихъ, а третое ступное), стоячихъ на Пслѣ, (на) греблѣ Портянской, а до того еще лугъ в островѣ, межи млинами стоячий; плецъ, где хата била и нива, которое близко села Портянокъ, лежачое отъ Баранувки; а пребиваючие монахи в томъ монастиру, якъ теперешнего времены отецъ Арсений строитель з братиею, такъ тежъ и по нихъ наступуючимъ, належатие доходи ис тихъ ґрунтовъ отбираючы, повинны будутъ за преставшие милие дѣти наши прѣ офѣрахъ безкровнихъ, при панихидахъ и инниxъ правилахъ церковнихъ щоденне Господа Бога молствовати и благодарения чинить довѣчно; на що для лѣпшого успокоения в держаню номененнихъ ґрунтовъ предреченимъ монахомъ и сей записъ до рукъ ихъ подаемъ, с подписомъ рукъ и именъ нашихъ и под печатю нашею, которая естъ до сего запису притисненна.

Року 1708, мѣсяця генвара 13 дня.

Григорий Зарудний рукою.

Моисѣй Зарудний, сотникъ миргородский, рукою и печать приложилъ. М. П. М. П.

(Съ подлинника).

Сообщ. **В. Модзалевскій.**

Полтавскій уѣздъ сто лѣтъ назадъ [1]). Населеніе уѣзда въ началѣ XIX ст. состояло изъ 50884 д.; изъ нихъ помѣщичьихъ крестьянъ 24903, козаковъ 22973, остальное населеніе составляли казенные, ранговые, магистратскіе и монастырскіе крестьяне—1487 д. Крестовоздвиженскій монастырь имѣлъ крестьянъ, жившихъ въ нынѣшнемъ предмѣстьи Полтавы—Кривохаткахъ. Евреевъ было—мѣщанъ 285, а купцовъ—18. Генералитета, имѣющаго помѣстья, было 5, а штабъ-офицеровъ 29 д. Изъ помѣщиковъ наиболѣе богатыми были: В. П. Кочубей, министръ внутр. дѣлъ при Александрѣ I, владѣвшій родовой Диканькой, затѣмъ тайный совѣтникъ Поповъ, служившій при

---

[1]) Однородные статистич. матеріалы о другихъ уѣздахъ полт. губ., сообщенные тѣмъ же авторомъ, были помѣщены въ нашемъ журналѣ за 1902 г. №№ 6—11. Тамъ же указанъ и поводъ собранія этихъ свѣдѣній.

императрицѣ Екатеринѣ II, которому была пожалована Рѣшетиловка, съ 1 тыс. слишкомъ душъ крестьянъ, и В. И. Чарнышъ, занимавшій должность губернскаго предводителя дворянства (первый съ учрежденія полтавской губерніи). У Кочубея былъ большой каменный домъ, единственный въ уѣздѣ; у него же, а также у Чарныша, были оранжереи, а у Попова—«капеллія музыкантовъ». Всѣхъ церквей въ уѣздѣ было 55, изъ нихъ 7 каменныхъ; такого числа каменныхъ церквей не было въ то время ни въ одномъ уѣздѣ полтавской губерніи. Священниковъ и церковно-служителей было 120. Мѣстечекъ, гдѣ было нѣсколько церквей, было 3—Мачехи (4), Старый Санжаровъ—6 и въ Рѣшетиловкѣ—8 (изъ нихъ одна каменная). Священники не занимались обученіемъ грамотѣ, но во всякомъ селѣ этимъ занимались дьячки и пономари. Обучалось въ каждомъ приходѣ отъ 20—50 дѣтей.

Монастырь въ уѣздѣ былъ одинъ лишь женскій въ селѣ Пушкаревкѣ, въ которомъ въ 1804 г. было 22 монахини (нынѣ упраздненъ). Ярмарки были въ то время только въ 6 селеніяхъ уѣзда: въ Рѣшетиловкѣ—4, Старомъ Санжаровѣ—3, Мачехахъ, Черняховкѣ и Чутовѣ по 3 и въ Диканькѣ—1. Уѣздъ въ то время изобиловалъ строевымъ лѣсомъ; по сообщенію нижняго земскаго суда числилось его около 4500 десятинъ (Архивъ Губ. Правленія, по описи № 200).

И. Фр. Павловскій.

Приданое знатной малорусской паніи XVIII в. и расходъ на ея похороны и поминки. Пани эта—*Прасковья Андреевна Товстолѣсъ*, бывшая въ первомъ бракѣ за какимъ-то п. Стрыевскимъ, вѣроятно Иваномъ, значковымъ товарищемъ Черниговскаго полка, сыномъ Константина, служившаго сперва генеральнымъ бунчучнымъ у гетмана Многогрѣшнаго, а затѣмъ (въ 1671—1672 г.) бывшимъ переяславскимъ полковникомъ и подъ конецъ жизни—черниговскимъ полковымъ судьей. Овдовѣвъ, она вторично вышла за кіевскаго полкового обознаго (1722—1737 г.) Ѳедора Лаврентьевича *Ханенка*, родного племянника извѣстнаго уманскаго гетмана Михаила Ханенка, при чемъ былъ составленъ нижеслѣдующій реестръ ея приданаго:

172. году, мѣсяца іюля 15 дня.

«Реестръ для памъяты мнѣ *Параскевыи Андрѣевнѣ Стрыевской*, якъ веле вношенъя моего до второго мужа моего *Феодора Ханенка*, обозного Киевского полку, а какие вещи, то значитъ ниже сего.

Коновка сребряная позлочоная в полgарца; ковшъ сребряный в полgарца; роструханъ сребраній позлочоный из накришкою; кубковъ шѣсть сребрянихъ из накришками; кубковъ два рознихъ позлочонихъ; кубковъ два срѣбнихъ; кубочокъ маленъкий; чарка сребряная позлочоная с средѣ—лебедь; чарка срѣбная великая; душниковъ тры сребрянихъ; ложокъ сребрянихъ позлочонихъ тузень; два тузнѣ ложокъ сребрянихъ не позлочонихъ и пять ложокъ; поясъ сребряний позлочаний; рондзикъ сребряний из наперстьемъ и подоgоньемъ; шабля под срѣбромъ позлоцоная! кулбака добрая с подушечкою гаптованою и с потникомъ и с платомъ гаптованимъ; ножъ черенъка сребряний и ножна сребряннии; червонихъ золотихъ пятнадцятъ; монисто перловое червонихъ осмъ, всѣхъ двадцятъ пять червонихъ; коновъ двѣ мѣднихъ; пановокъ двѣ мѣднихъ; ковшовъ три мѣднихъ и кандѣйка; казанъцовъ чотири мѣднихъ; носокъ мѣдний; казанокъ мосендзовий; цѣни полумисковъ осмънадцятъ; тарѣлокъ цѣновихъ тузневъ два; пляшка цѣновря gарци в три; кухлевъ цѣновихъ два в полgарца; приставокъ цѣновихъ три; товару рогатого семнадцатеро; свынней тридцатеро великихъ; коней четверо»...

1752 году генваря 5 важили срѣбро: чашка з лебедемъ вѣсу полъ фунта и 8 лотовъ; в томъ числѣ лебедь—5 лотовъ 2 зол.; чарка бѣлая срѣбряная—10 лот. 2 зол.; роструханъ—полфунта 13 лот. безъ ползолотника; ковшъ бѣлый подъ іменемъ K. S. (т. е. *Константинъ Стрыевскій*)—полфунта 14 лот.; в двохъ кубкахъ позлоцаныхъ—полфунта 7 лот.; в другихъ двохъ кубкахъ—полфунта 7 лот. и 1 зол., с кришкою; полбарилца—7 лот.; в трохъ ложкахъ таких же и столко жъ вѣсу; в двохъ ложкахъ бѣлыхъ, на которыхъ подписъ K. S—7 лот.; в кубку простомъ бѣломъ подъ карпею лускою—6 лот. из золотникомъ.

Неизвѣстно, какъ долго прожила со 2-мъ мужемъ обладательница этого приданаго и когда именно умерла; но вотъ реестръ расходовъ на ея погребеніе и поминки, весьма интересный въ бытовомъ отношеніи, такъ какъ онъ дастъ довольно полную картину похоронъ и поминокъ малорусскаго панства XVIII в. Отсюда мы узнаемъ, наприм., что гробы въ то время снаружи раскрашивались малярнымъ способомъ, а внутри обивались матеріей съ тесьмой, звонили по душѣ покойника не въ одной приходской церкви, а по всѣмъ церквямъ и монастырямъ города, что къ участію въ церемоніи похоронъ привлекались городскіе цехи съ своими значками. Любопытно также не-

обыкновенное обиліе тогдашнихъ поминальныхъ обѣдовъ: въ день погребенія, на «третины» (3-й день по смерти), «девятины», «полсорочины» (20-й день), «сорочины» (40-й день) и т. под.

«Реестръ, что розійшлося денегъ, и на якіе потребности, по преставленной *Параскевіи Ханенковой*, такъ при погребеніи ея, яко для поминовенія души ея-жъ, на сорокоусти, и на другіе необходимости, и на обѣди поминалніе, что все слѣдуетъ нижей. 1751 года, октовріа 2 дня.

Попамъ за читанне Евангеліа—1 р.; на позвонное в катедру и в Елецкій монастири по рублю—2 р.; в Пятницкій монастиръ—40 коп.; къ церквамъ всѣмъ градскимъ и загороднимъ чернѣговскимъ по двадцяти копѣекъ—1 р. 80 коп.; за гробъ теслѣ—50 коп.; за маліованне гроба маляру—1 р.; дуклѣ к вибытю гроба полдесята локтя, локоть по 50 копѣекъ,—4 р. 50 коп.; цвяшковъ (гвоздей) и тясомъ к вибытю гроба—19 коп.; попамъ за похоронъ з дяками—3 р. 54 коп.; цехамъ—1 р. 35 коп.; неволникамъ за копанне ями—20 коп.; воску и свѣчокъ—96 коп.

На первій *обѣдъ по погребеніи* октовріа 2-го:

Купили рибы свѣжой и олѣю—1 р. 20 коп.; рибы вялой—18 коп.; булокъ пшеничнихъ—30 коп.; паляницъ—16 коп.; пива и меду—1 р.; вина кварту—14 коп. Итого 20 р. 48 коп.

На *третины* октоврія 3-го:

Курей и мяса—74 коп.; попамъ и дячкамъ—2 р. 4 коп.; пива и меду—58 коп.; на шпиталѣ старцамъ—50 коп.; вина 3 кварты—42 коп.; булокъ—20 коп.; кухарци—10 коп.; попамъ и дякамъ за панахиду—1 р. 10 коп.; неволникамъ мяса под шопу(?)—22 коп.; старцамъ на мясо и на пиво—43 коп.; до церкви Всемилостивого Спаса на вино—14 коп.; на воскъ для свѣчъ—28 коп.; итого 6 руб. 75 коп.

На *девятины* октоврія 9-го:

Попамъ и дякамъ с причетники за панахиду в церкви—60 коп.; при обѣдѣ в дому имъ-же 2 р.; булокъ и паленицъ—40 коп.; мяса—60 коп.; пива и меду—60 коп.; кухарци—8 коп.; на разные расходы—31 коп.;—итого 4 руб. 59 коп.

На *сорокоусты* въ монастирѣ:

Въ Катедралный—6 р.; въ Елецкій—10 р.; въ Троецкій—6 р.; в Пятницкій—6 р.; въ церквы градскіе: въ соборную церковъ святого Спаса—10 р., а на строеніе 10 р.,—20 р.; до Воздвиженія—5 р.; до Богоявленія—5 р.; до Николая—5 р.; до Воскресенія—5 р.; до

святой Екатерины—5 р.; до Вознесенія—5 р.; березанскому протопопу—6 р.; сѣлскимъ: киселювскому—5 р.; онисовскому—5 р.; петрушскому—5 р,;—итого 99 р

Да октоврія 14-го, в память тезоименитства покойной:

В монастиръ дѣвичій Пятницкій на панахиду, на трапезу и на милостыню черницамъ—3 р.

На *обѣдъ полусорочинный*, октоврія 19-го:

Булокъ, бубликовъ, мяса, рибы, курей, вина, пива, меду, свѣчокъ, ня милостиню по шпиталямъ, такожъ попамъ, дякамъ с причетники—5 р. Итого по сее мѣсто чинытъ росходу 138 руб. 82 коп.

Да сверхъ того за копіи крѣпостей паней дано писару магистратовому—2 р. 40 коп., с которими выходитъ сумма—141 руб. 22 коп

25-го дня октоврія: дано Красовскому 10 руб. для произвожденія з соперниками дѣла, а собѣ взялъ панъ Товстолѣсъ 23 рубля, такъ для оправы поминанія сорочинъ, яко и для росходу по дѣлу зачинаючомсь з соперниками, из чего повиненъ дать записный росходъ обстоятелный.

Тогожъ числа взялъ я, Янушкевичъ (бывшій черниговскій полковой писарь Иванъ Я., приходившійся какимъ-то свойственникомъ Ивану Стрыевскому и Товстолѣсамъ; весь документъ писанъ его рукой) 2 рубля для отдачи священнику замковому отцу Корогодскому для поминовенія».

Съ подлинниковъ

Сообщ. **В. Модзалевскій.**

О расширеніи предѣловъ Переяславской епархіи въ 1756 и 1757 годахъ. Въ началѣ 1756 г. протопопъ крѣпости св. Елисаветы Іоаннъ Орловскій обратился въ св. Синодъ съ ходатайствомъ о причисленіи церквей крѣпости и близлежащихъ 23 новонаселенныхъ козачьихъ слободъ къ кіевской епархіи, въ виду того, что эти приходы не были еще причислены ни къ какой епархіи. 26 іюня 1756 г. Синодъ постановилъ: приходы крѣпости св. Елисаветы и близлежащихъ 23 козачьихъ слободъ, недавно населенныхъ малороссійскими выходцами и состоявшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Сената, причислить въ церковномъ отношеніи къ переяславской епархіи, такъ какъ эта епархія ближе лежитъ къ крѣпости и слободамъ, чѣмъ кіевская;

изъ приходовъ этихъ образовать особый, въ зависимости отъ епархіальной власти переяславской, церковно-административный округъ съ духовнымъ правленіемъ, правителемъ («заказчикомъ») котораго назначить протопопа Орловскаго. 4 іюля объ этомъ посланы были указы—въ Кіевъ, Переяславъ и крѣпость св. Елисаветы. Но, получивъ этотъ указъ, переяславская епархіальная власть, пользуясь болѣзнью кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго, стала «привлекать» въ подчиненіе себѣ и сосѣдніе съ новопріобрѣтенными приходы, которые, «издревле» причисляясь къ кіевской епархіи, образовывали особую протопопію этой епархіи,—Крыловскую, только что, въ 1756 г., раздѣленную на двѣ—Крыловскую и Новомиргородскую. Болѣзнь кіевскаго владыки и близость Переяслава посодѣйствовали тому, что духовенство Крыловской и Новомиргородской протопопій охотно поддалось—въ началѣ 1757 года—«привлеченію» себя въ переяславскую епархію.

Однако кіевская консисторія не захотѣла примириться съ этимъ «ненадлежнымъ» положеніемъ вещей и 16 мая 1757 г. подала въ Синодъ жалобу на незаконныя дѣйствія переяславской епархіальной власти. По разсмотрѣнію дѣла, Синодъ 27 августа 1757 года опредѣлилъ: протопопіи Крыловскую и Новомиргородскую, дотолѣ числившіяся въ кіевской епархіи, «изъ кіевской, яко во оной і без тѣхъ протопопей доволное число црквей состоитъ, исключить» и причислить ихъ, принимая во вниманіе близость разстоянія, къ переяславской епархіи. Объ этомъ перечисленіи протопопій изъ одной епархіи въ другую посланы были 9 сентября указы, полученные на мѣстахъ въ октябрѣ. (См. дѣло архива св. Синода 1756 г., № 61).

Такъ произошло, въ два пріема, причисленіе приходовъ Новой Сербіи къ Переяславской епархіи—въ 1756 и 1757 годахъ, о которомъ сплошь и рядомъ въ печати встрѣчаются неточныя свѣдѣнія; именно утверждается: или 1) въ 1756 г. къ переяславской еп. были причислены двѣ протопопіи кіевской еп., или 2) въ 1756 г. къ переяславск. еп. приписаны слободы новопоселенныхъ сербовъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности, какъ видимъ, было не одно, а *два* причисленія: во-первыхъ, въ 1756 г. къ переяславской еп. былъ приписанъ одинъ церковно-административный округъ, новонаселенный малороссами-переселенцами; во-вторыхъ, въ 1757 г. изъ кіевской епархіи въ переяславскую перечислены были двѣ протопопіи (еще два

церковно-административныхъ округа), въ которыхъ жили преимущественно заграничные выходцы—сербы и молдавано-влахи.

Въ обоихъ случаяхъ расширеніе предѣловъ переяславской епархіи было дѣломъ вполнѣ оффиціальнымъ—совершилось силою синодскихъ указовъ, хотя и не противъ воли населенія.

Вл. П.

Древнѣйшее малорусское причитаніе. Украинскія похоронныя причитанія—плачи́, тужиння, голосиння,—связанныя съ древнимъ обычаемъ оплакивать умершаго, представляютъ въ этнографической литературѣ уже большое количество поэтическихъ, проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ образцовъ. Точная запись ихъ началась съ А. Метлинскаго (Народн. южнорусск. пѣсни, 1854 г.); раньше А. Терещенко въ своемъ сочиненіи «Бытъ русскаго народа» (1848 г.) приводилъ образецъ украинскаго причитанія, но въ русскомъ изложеніи. Самое же древнее причитаніе (по мѣстности принадлежащее Галиціи, а, можетъ быть, Волыни) относится къ XVI вѣку, и украинская этнографія можетъ гордиться столь древнимъ памятникомъ народнаго творчества, хотя и дошедшаго до насъ въ обработкѣ польско-латинскаго поэта. Я говорю о причитаніи, находящемся въ поэмѣ «Roxolania» Себастіана-Фабіана Клёновича-Acernus'а какъ онъ называлъ себя (отъ acer—кленъ; р. 1545 г.—ум. 1602 г.). Какъ самая поэма, такъ тѣмъ болѣе включенный въ нее памятникъ народной поэзіи мало кому знакомы, и не будетъ лишнимъ привести его здѣсь и посвятить ему нѣсколько строкъ. Насколько мнѣ извѣстно, въ русской литературѣ лишь въ книгѣ покойнаго проф. Кіев. унив. А. Котляревскаго «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ» приводится часть даннаго причитанія. Самой же поэмѣ «Roxolania» и ея автору посвящена статья А. Стороженка «Польско-латинскій поэтъ Севастіанъ-Фабіанъ Кленовичъ» (Кіевск. Унив. Из. 1881 г.). Тамъ же находится неполный переводъ относящагося къ причитанію мѣста поэмы. Прежде чѣмъ привести названное причитаніе, укажу на необходимую для пониманія его характеристику всей поэмы Кленовича, принадлежащую А. Стороженку.—«Roxolania»—говоритъ онъ—самое интересное для насъ изъ всѣхъ сочиненій Кленовича. Оно—настоящій кладъ для занимающагося южнорусской стариной. Въ сущности это не что иное, какъ записки о Червонной или Галицкой Руси археолога и этнографа

XVI вѣка въ родѣ современныхъ намъ записокъ о Южной Руси П. Кулиша. Къ сожалѣнію превосходный и драгоцѣнный матеріалъ загроможденъ напыщенными фразами классической учености [1]). Если бы всѣ свѣдѣнія, заключающіяся въ поэмѣ Кленовича, изложены были проще, безъ приторныхъ и ненужныхъ риторическихъ прикрасъ и съ удержаніемъ большого числа терминовъ народной рѣчи, они получили бы еще большее значеніе; но, впрочемъ, нужно признать, что и въ своей теперешней формѣ они незамѣнимы».

Привожу текстъ причитанія съ сохраненіемъ правописанія имѣвшагося у меня изданія поэмы (Roxolania Sebastiani (Sulmyrcensis) Acerni, civis Lublinensis. Cracoviae, Typis Andreae Petricovij. Anno Domini, M. D. LXXXIIII).

Restat Russicos in funere dicere fletus,
Exequiasue solent quo celebrare modo.
Cum volat exanimi postremus anhelitus ore,
Vitalis linquit frigida membra calor.
Mox anus ingeminat doctas mercede querelas,
Nonque suum deflet foemina iussa virum.
Venales lachrymas invitis torquet ocellis,
Et querulos luctus anxia fingit anus.
Conductis pretio resonat singultibus aether,
Ex oculis emptae progrediuntur aquae.
Et lamentratrix lugubria carmina miscens,
Exprimit in fletu talia verba suo.
Heu moreris coniux, moreris fidissime coniux,
Ibis in aeternas non rediture domos.
Cui viduata domus parebit? Cui me proles?
Qui pingues agros te moriente colet?
Qui pecudes pascet? qui promet stipite mella?
Quis calathos plectet caseolisque meis?
Miror cur moriare amens, quasi plurima desint,
Non te viventem prestit acerba fames.
Commoda fert hortus, fert commoda plurima campus,
Multa reposta tibi sunt alimenta domi.

---

[1]) См., напр., въ причитаніи „capitolinus anser" въ устахъ простой крестьянки. В. Д.

Sunt matura operi, bis septem colla juvencum.
Sunt quinquaginta libera colla jugo.
Ad mulctram veniunt viginti vespere vaccae,
Et totidem medio corpora lecta die.
Sus quoque dependet tugurri de parte suprema,
Est in fiscelis caseus esse meis.
Parturit exercens crebras gallina querellas,
Edit stramineis ova relicta toris.
Et capitolinus tacite mihi parturit anser,
Occultat nido callidus ova suo
Dulces exercent apiaria nostra susurros,
Truncus habet flavas ventre cavatus opes
Heu moreris coniux, moreris fidissime coniux,
Ibis in aeternas non rediture domos.
Cui mea colla viro cedent stringenda lacertis?
Cuius in amplexus ibo relicta viri?
Certe ego perpetuos producam te sine luctus,
Nil erit o coniux te sine dulce mihi
Ferreus, heu miserae, clausit tua lumina somnus,
Verba tibi infoelix non valitura loquor.
Jamque vale longum sommo requiesce perenni,
Surdus es in voces ferreus ipse meas.
Haec lamentratrix tumulo prostrata sepulti,
Hoc repetit lachrymas verba subinde modo.

Переводъ. Остается сказать о русскихъ плачахъ при погребеніи, съ которыми русскіе обыкновенно провожаютъ тѣло покойника. Когда послѣдній вздохъ вылетаетъ изъ бездыханныхъ устъ, и жизненная теплота оставляетъ холодные члены, тотчасъ за плату старуха заводитъ заученныя причитанія, и такъ по заказу женщина оплакиваетъ не своего мужа. Продажныя слезы противъ воли выжимаетъ она изъ глазъ. Печальная старуха измышляетъ скорбныя жалобы. Нанятыми за деньги рыданіями она оглашаетъ воздухъ, и на глазахъ выступаетъ купленная влага. Плакальщица, придумывая жалобные стихи, выговариваетъ среди своего плача такія слова: «Увы! ты умеръ, супругъ, умеръ, самый вѣрный супругъ. Ты пойдешь въ вѣчныя обители, обреченный не возвращаться домой. Кому будетъ повиноваться осиротѣлый домъ? Кому будетъ повиноваться мое потомство? Кто будетъ воз-

дѣлывать послѣ твоей смерти тучныя поля? Кто будетъ пасти скотъ? Кто будетъ добывать медъ изъ улья? И кто будетъ плести корзины для моихъ сыровъ? Я удивляюсь, чего ты, безумный, умеръ, какъ будто тебѣ не доставало многаго! Лютый голодъ не угнеталъ тебя при жизни. Прибыль приноситъ садъ, много выгодъ даетъ поле; много пищи у тебя запасено дома. У тебя семь паръ бычковъ, годныхъ въ работу, пятьдесятъ головъ скота для запряжки въ ярмо. Къ подойникамъ идутъ вечеромъ двадцать коровъ, и столько же отборныхъ коровъ доится въ полдень. На стропилѣ въ коморѣ виситъ свинная туша; въ моихъ плетенкахъ находится сыръ. Курица кладетъ яйца, постоянно кудахтая; кладетъ она яйца, оставляя ихъ на соломенной подстилкѣ. Молча несется у меня капитолійская гуска,—она, хитрая, прячетъ яйца въ въ своемъ гнѣздѣ. На нашихъ пчельникахъ раздается пріятное жужжанье; улей хранитъ внутри золотистыя соты. Увы, ты умеръ, супругъ, умеръ, самый вѣрный супругъ; ты пойдешь въ вѣчныя обители, обреченный не возвращаться домой. Къ какому мужу пойду я, чтобъ онъ сжалъ руками мою шею? Въ чьи объятья брошусь я, покинутая? Вѣрно, безъ тебя я вѣчно буду скорбѣть, безъ тебя, о супругъ, нѣтъ ничего для меня пріятнаго. Желѣзный сонъ—увы мнѣ несчастной!—сомкнулъ твои очи. Я, несчастная, говорю тебѣ слова, ничего для тебя не значащія. Такъ уже прощай надолго, покойся вѣчнымъ сномъ. Ты глухъ къ моимъ воплямъ, самъ ты желѣзный!—Плакальщица, простершись надъ могилою покойника, такимъ образомъ плачетъ и тотчасъ причитываетъ.

Если теперь мы сравнимъ современныя украинскія причитанія жены по мужѣ съ причитаніемъ Кленовича, мы найдемъ много общаго между ними даже въ деталяхъ. Для образца привожу нѣсколько отрывковъ.

Хазяину мій мылый,
Що мени теперъ безъ тебе робыты?
До кого мени головочку прыхылыты,
Кому мени своихъ дитокъ оддаты,
Хто ихъ буде годуваты?..
Хазяину мій мылый, хазяину мій любый,
Скажы мени хочъ одно словечко,
Якъ мени зъ диткамы горюваты,
Якъ мени ихъ до розуму доводыты?

Якъ мени зъ нымы роспоряжатысь?..[1])
Хазяинъ мій мылый,
Хазяинъ мій любый,
Чого жъ ты не хочешъ у сій хати жыть?..[2])
Ой мій муженекъ, мій ридненькый,
Та на що ты мене саму
Покынувъ одну?
Чы я тебе не любыла?
Чы у насъ тоби жыть не понравылось,
Чы мы тебе не годувалы и не одягалы?..[3])
Мій чоловиче, моя й дружыно
На кого жъ ты мене кыдаешъ?
Та кому ты свое хазяйство вручаешъ?..
Хазяину мій, дружыно моя,
Скажы мени, якъ жыть на билому свити безъ тебе?..
Осталыся мои плугы, мои волы?..
Скажы жъ мени, кого жъ мени просыты,
Да кого жъ мени зваты,
Щобъ у поле йихаты ораты?..[4])
Мій чоловиче, мій дружыне,
На що жъ ты мене покыдаешъ,
На що сыротышъ?
Не такъ ты мене сыротышъ,
Якъ дитокъ своихъ ридныхъ...
Мій чоловиче, мій хазяинъ,
Хто мени намолоте, хто й намеле?..
Що ты день и ничъ не спавъ,
А все хазяйнувавъ и прыдбавъ...
Що ты насивавъ, насивавъ,
Прыдбававъ, прыдбававъ,
А никому й прыбраты...
Прощай, чоловиче, прощай, дружыне!
Що я тебе пытала, що я тебе просыла,

---

[1]) Запись Ю. В. Федорцевой.
[2]) Этногр. Об. 1898 г. Малинка.
[3]) Милорадовичъ. Нар. обр. и пѣсни Луб. у.
[4]) Р. Фил. Вѣс. 84 г. Брайловскій.

А ты мени ничого не розсказавъ, не ростовкувавъ;
Що ты, якъ жывъ бувъ, то до мене говорывъ,
А теперъ що я до тебе говорыла и тебе просыла,
А ты и не озвався [1]).

При сопоставленіи этихъ отрывковъ съ причитаніемъ Кленовича нельзя не видѣть въ нихъ общаго характера лирическихъ обращеній и вопросовъ и не признать за причитаніемъ Кленовича значительной близости къ народнымъ произведеніямъ того же вида, хотя, съ другой стороны, ясно, что Кленовичъ имѣвшіяся у него или слышанныя имъ причитанія также значительно амплифицировалъ.

Владиміръ Даниловъ.

Православные sui generis. Въ напечатанной у насъ перепискѣ М. А. Максимовича съ П. Г. Лебединцевымъ (см. №№ 9—12) находится одно мѣсто, которое представляется какимъ-то страннымъ, такъ какъ сразу и не догадаешься, въ чемъ тутъ дѣло. Вотъ это мѣсто.

Максимовичъ въ письмѣ своемъ отъ 3 іюля 1865 года извѣщаетъ Лебединцева, что онъ прочелъ 12-й номеръ «Кіевскихъ Епархіал. Вѣдомостей» (редактировавшихся тогда Лебединцевымъ), «въ которомъ особенно понравилась мнѣ замѣтка о дорожныхъ крестахъ». Въ одномъ изъ отвѣтныхъ своихъ писемъ (11 окт. 1865 г.) Лебединцевъ замѣчаетъ по этому поводу: «за статью о крестахъ и стриженыхъ макушкахъ прозвали меня и латинникомъ, и уніатомъ или, по крайней мѣрѣ, сыномъ уніатскаго священника. Одинъ господинъ прислалъ даже ругательное по сему случаю письмо на меня—безъименное—въ двухъ экземплярахъ: одинъ Крамареву (каѳедральному протоіерею Софійск. собора), другой—мнѣ. Какихъ дураковъ нѣтъ на свѣтѣ! Мѣриломъ православія берутъ не исторію церкви, а status quo Великороссіи, и все отличное отъ великороссійскихъ обычаевъ въ южнорусской церкви клеймятъ титломъ католическаго» (См. № 9, стр. 398). Въ письмѣ Лебединцева отъ 16 яв. 1866 года встрѣчаемъ еще нѣсколько словъ, относящихся къ этому-же вопросу. Максимовичъ, услышавшій, что появилась книжка о *придорожныхъ крестахъ*, спраши-

---

[1]) Этн. Об. 98 г. Малинка.

валъ Лебединцева о ней, въ отвѣтъ на что Лебединцевъ написалъ: «О придорожныхъ крестахъ написалъ Малышевскій; вещь зѣло добрая въ обличеніе желавшихъ заводить на югѣ Россіи *нижегородское православіе»*. Какой былъ поводъ для этихъ всѣхъ строкъ въ письмахъ Лебединцева. мы узнаемъ изъ найденнаго нами письма къ нему, писаннаго въ 1865 году въ Житомірѣ тремя лицами, имена которыхъ не интересны для опубликованія, но каждый изъ нихъ характеризуетъ себя прибавленіемъ къ фамиліи справки, откуда онъ родомъ;—одинъ изъ Калуги, другой—изъ Нижняго-Новгорода. третій—изъ Воронежа. Какъ сей тріумвиратъ очутился въ Житомірѣ, догадаться не трудно, вспомнивши, что въ тѣ годы много было охотниковъ примоститься къ хлѣбному мѣстечку въ юго-западномъ краѣ для охраны его отъ полонизма и католичества. И вотъ въ невиннѣйшей статейкѣ о дорожныхъ крестахъ эти охранители усмотрѣли своего рода интригу даже со стороны *православнѣйшаго* П. Г. Лебединцева и закричали чуть не caveant consules! Для характеристики тѣхъ годовъ въ нашемъ краѣ это настолько любопытный документъ, что мы печатаемъ это письмо цѣликомъ, не увѣковѣчивая только для потомства именъ сихъ достославныхъ мужей.

В. Н.

Милостивый Государь.

Пріѣхавъ въ г. Житоміръ по своимъ дѣламъ, мы нечаянно наткнулись на издаваемыя Вами Епархіальныя Вѣдомости №№ 11-й и 12-й. Признаемся, читая ихъ, мы не вѣрили своимъ глазамъ.—Пусть бы тать пропоганды нашла уже путь, подъ разными видами и родами, въ нашу свѣтск. русскую литературу, но намъ и въ голову никогда не приходило, чтобы она нашла доступъ и въ духовенствомъ издаваемый журналъ. Ваши статьи въ защиту польскаго звона и польскихъ фигуръ такъ и дышатъ тѣмъ іезуитскимъ духомъ, который, прикрывая свои богомерзкія цѣли, ищетъ себѣ защиты будто-бы въ изысканіяхъ иностранной древности, желая отдѣлить обычаи этого края отъ православныхъ обычаевъ остальной Россіи. Неужели Вы не поняли, что пришло, наконецъ, намъ время бросить эти уніатскія привычки и брать примѣръ не съ древности привитой сюда чуждою намъ религіею и народностію, а съ обычаевъ остальной Россіи, которая также, благодареніе Богу, просуществовала 1000 лѣтъ, а, слѣдовательно, и обычаи ее также не очень новы. Къ чему намъ поддерживать обы-

чаи, усвоенные Польшею, когда мы и внутренно и наружно должны поскорѣе стараться примкнуть къ нашей матери Православной Россіи,—это наша первая и самая священная обязанность и тѣмъ болѣе эта обязанность должна быть священнѣе со стороны здѣшняго духовенства, еще такъ недавно возвращеннаго въ лоно Православной Церкви. Дѣйствовать такъ, какъ Вы,—это доказывать Правительству, что изъ уніата, Вы здѣлались Православнымъ Священикомъ только по наружности, внутренно же Вамъ все жаль за свой прежній звонъ и за Ваши фигуры католическаго характера, потому, что это рѣшительно не изображеніе Православною Русскою Церковію принятое Св. Креста. Отъ чего, наконецъ, Вы повѣрили тому что, напечатано въ 49-мъ номерѣ «Дня» неизвѣстнымъ авторомъ, что нѣкоторые чины будьто-бы рубили—уничтожали на Волынѣ кресты и не повѣрили открытому заявленію духовенства въ томъ же «Днѣ» № 7 этаго года, что это ложъ и что духовенство само способствовало даже, конечно не къ рубленію крестовъ, которое существовало только въ воображеніи клеветниковъ іезуитско-хохломанскихъ,—а къ снесенію ихъ на болѣе приличествующее мѣсто по православному Русскому обычаю, а именно на кладбища. Отъ чего же нашъ Высокопреосвященный Антоній также сочувственно и даже съ благодарностію отозвался къ искорененію этаго польско-уніатскаго обычая, обращеннаго даже въ послѣднѣе время въ кощунство самими же поляками. Думаете ли Вы, что и Митрополитъ Кіевскій Арсеній, Іерархъ уважаемый всею Россіею, поблагодаритъ Васъ за эти статьи возвратясь изъ С.-Петербурга?

Пріобщатся и исповѣдыватся, безъ предварительнаго говенья, во всякое данное время, есть тоже здѣшній обычай, оставшійся у простаго народа отъ уніатизма. Что жъ, напишитѣ и про этотъ обычай, что и въ древности дѣлали христіанѣ тоже самое, а потому и обязанность приступать къ этому величайшему Священному таинству, безъ предварительнаго приготовленія, какъ это дѣлается въ остальной Россіи, не есть особенная необходимость для жителей здѣшняго края, а можно, и даже, кажется, по Вашему лучше, и говѣть и звонить поуніатски и ставить польскіе фигуры.. Да не лучше ли ужъ надѣть и прежднія іезуитскія ризы, да завести и органы въ церквахъ, ведь Бога восхвалять дозволяется древностію не только на органахъ, но и на гусляхъ ..

Духовенство Волынское отрѣклось отъ обычая ставить кресты-фигуры, въ ущербъ даже своимъ матеріальнымъ выгодамъ; ужъ не защищаетѣ ли Вы этотъ обычай въ угоду *своихъ* выгодъ?

Вашъ покорный слуга С......,—изъ Калуги—Кіевскому уніату въ православіи г. Лебединцеву. 1865 г. 28 іюня г. Житоміръ.

NB. Вообще, какъ я замѣтилъ, Ваши историческія розысканія о древнихъ обычаяхъ Церкви, основываются на весьма фундаментальныхъ данныхъ—это «вѣроятно» «говорятъ» и т. д. Обрѣйте и Вы себѣ макушку и оставтѣ только вокругъ ея не много короткихъ волосъ, какъ совѣтуетѣ рисовать св. православныхъ,—это будетъ признакомъ терноваго вѣнка Вашимъ незбыточнымъ уніатскимъ мечтаніямъ, «вѣроятно» постепенное уничтоженіе которыхъ, все-таки послѣдуетъ въ недалекомъ будущемъ не смотря на желаніе Ваше применятся не къ обычаямъ Православной Россіи, а къ безплоднымъ изысканіямъ Польскихъ продѣлокъ и даже въ самой греціи, гдѣ Вы сами же говоритѣ, что были же такіе несчастные Императоры, которые тоже хлопотали, какъ и Вы, объ уніи.

Ежели Вы поступитѣ въ монахи и будитѣ носить свитку какъ носилъ «говорятъ» Θеодосій, то все таки Ваши іезуитски-хохломанскія продѣлки не повѣдутъ къ желаемому Вами результату, кромѣ позора, въ лице Вашемъ, Православнаго Духовенства.

Л........,—изъ Нижняго-Новгорода.

Г. редактору Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей съ уніатскимъ звономъ, съ польскими фигурами, но безъ иконостаса въ Православныхъ Церквахъ и безъ волосъ на макушкѣ какъ у древнихъ уніатскихъ Святыхъ.

1865 г. 29 іюня г. Житоміръ.

NB. Настоящее письмо наше, просимъ мы всѣ русскіе Л........ и С........ напечатать въ уважаемой Вашей газетѣ всѣми хохломанами, уніатами и даже поляками.

Не ужели и послѣ этого Васъ еще оставятъ редакторомъ, чтобы продолжать проводить идею Вашей уніи съ уніею и сеператизма съ остальною Россіею?

Л..... изъ Воронежа, г. редактору-хохломану Лебединцеву.

Текущія извѣстія.

Докладъ объ измѣненіи правилъ по изданію и распространенію народныхъ популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ. Въ общемъ собраніи членовъ Кіевскаго Общества Грамотности, состоявшемся 27 октября текущаго года, утвержденъ былъ слѣдующій докладъ совѣта Общества о необходимости ходатайствовать въ подлежащихъ вѣдомствахъ объ измѣненіи существующихъ правилъ по изданію и распространенію народно-популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ.

Вопросъ, который Совѣтъ предлагаетъ для обсужденія Общему Собранію не новъ. О расширеніи правъ малорусскаго печатнаго слова неоднократно возбуждались ходатайства уѣздными и губернскими земскими собраніями, сельско-хозяйственными комитетами, различными съѣздами, обществами грамотности и пр. Такъ, по докладамъ гласнаго г. Шрага и Борзенскаго уѣзднаго земства, Черниговское Губернское земское собраніе постановило (въ 1900 г.) ходатайствовать, между прочимъ, объ отмѣнѣ стѣсненій для изданія книгъ педагогическаго, научно-популярнаго и художественнаго характера на малорусскомъ языкѣ и о допущеніи таковыхъ книгъ въ школьныя и сельскія библіотеки-читальни на общихъ основаніяхъ. Вопросъ о языкѣ возникалъ въ Черниговскомъ губ. земскомъ собраніи еще въ слѣдующихъ случаяхъ.

Съѣздъ земскихъ врачей и представителей земствъ черниг. губ. высказался за необходимость изданія популярныхъ книгъ по медицинѣ и гигіенѣ на мѣстномъ народномъ языкѣ и о разрѣшеніи бесѣдъ съ народомъ по медицинѣ и гигіенѣ на томъ же языкѣ; по распоряженію губ. зем. собранія 25 января 1898 г. было возбуждено ходатайство объ измѣненіи всѣхъ распоряженій, стѣсняющихъ устныя публичныя бесѣды врачей съ народомъ, а также о дозволеніи такихъ бесѣдъ и чтеній на мѣстномъ языкѣ, съ цѣлью проведенія въ народъ здравыхъ понятій о сифилисѣ.

2 февраля 1898 г. губ. зем. собраніемъ возбуждено ходатайство о включеніи рекомендованныхъ комиссіей по народному образованію книгъ въ списокъ разрѣшенныхъ для народныхъ чтеній и для сель-

скихъ библіотекъ; въ числѣ рекомендованныхъ книгъ много малорусскихъ.

Въ экономическомъ совѣтѣ губ. земства вопросъ о малорусскомъ языкѣ возникъ по поводу доклада Г. Н. Волка-Карачевскаго о мѣрахъ къ поднятію и развитію сельско-хозяйственной промышленности; въ ряду мѣръ, предложенныхъ докладчикомъ и принятыхъ совѣтомъ, совѣтъ призналъ желательнымъ распространеніе брошюръ и др. изданій по сельскому хозяйству на мѣстныхъ народныхъ языкахъ [1].

Въ 1901 г. *Полтавскому* губернскому земству гласнымъ В. Н. Леонтовичемъ представленъ былъ подробно разработанный докладъ, въ которомъ были высказаны, въ числѣ другихъ, слѣдующія пожеланія: «малорусскія книги должны быть допущены какъ вспомогательный, развивательный матеріалъ, въ школьныя и народныя библіотеки, при чемъ, въ виду мѣста, занимаемаго Священнымъ Писаніемъ въ дѣлѣ народнаго развитія, необходимо возбудить ходатайство: о разрѣшеніи изданія Св. Писанія на малорусскомъ языкѣ, такъ какъ для распространенія знаній среди народа путемъ внѣшкольнаго чтенія лучшимъ средствомъ можетъ служить популярная литература на малорусскомъ языкѣ, то является необходимымъ возбудить ходатайство объ устраненіи существующихъ по отношенію къ ней спеціальныхъ ограниченій и о сравненіи малорусской литературы въ цензурномъ отношеніи съ литературою русскою» [2].

Разработкѣ вопросовъ, касающихся насущныхъ нуждъ населенія, много времени и труда посвятили сельскохозяйственные комитеты. Въ 14 изъ нихъ, насколько это намъ извѣстно, поднимался вопросъ о народномъ языкѣ, вездѣ встрѣчая полное вниманіе къ себѣ и сочувствіе: комитеты въ той или иной формѣ высказались въ пользу свободы національной рѣчи. Такъ, напр., *Полтавскій и Хотинскій* уѣздные комитеты признали необходимость допущенія въ народныя библіотеки и читальни книгъ на родномъ для населенія малорусскомъ языкѣ, особенно ощутительную при популяризаціи среди населенія прикладныхъ знаній, гдѣ требуется вполнѣ отчетливое усвоеніе; *Хорольскій уѣздн. комитетъ* высказался за необходимость свободно печатать и издавать книги, брошюры, руководства и объявленія спеціально агрономическаго

---

[1]) См. „Южныя Записки“ 1904 г. № 12. Статья *Черниговца* 4—5 стр.

[2]) См. Южныя Записки 1904 г., № 25. Ст. *Черниговца* 4–5 стр.

и промысловаго содержанія на народномъ малорусскомъ языкѣ; *Ново-московскій и Ананьевскій*—за допущеніе періодическихъ изданій на этомъ языкѣ. А *Лохвицкій уѣздн. ком.* по интересующему насъ вопросу постановилъ ходатайствовать, *чтобы права малорусскаго языка были уравнены съ русскимъ въ томъ смыслѣ, чтобы при разрѣшеніи къ печати книгъ и періодическихъ изданій на малорусскомъ языкѣ принималось во вниманіе ихъ содержаніе, а не языкъ* [1]). Не менѣе важны для насъ и мнѣнія, высказанныя по вопросу о народномъ языкѣ различными съѣздами, на которые собираются представители самыхъ разнообразныхъ идей, стремленій и направленій. *Агрономическій* съѣздъ, собиравшійся въ Москвѣ (въ 1901 г.) постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи издавать книги и сельско-хозяйственную газету на малорусскомъ языкѣ. *Кустарный* съѣздъ, бывшій въ Полтавѣ въ томъ же году, высказался за необходимость изданія книгъ и руководствъ для кустарей на малорусскомъ языкѣ. *Петербургскій* кустарный съѣздъ, состоявшійся въ мартѣ 1902 г. призналъ необходимымъ, согласно предложенію Н. В. Левитскаго, составленіе для кустарей руководствъ на инородческихъ и мѣстныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ по отдѣльнымъ отраслямъ кустарнаго производства.

Въ послѣднее время Харьковскимъ обществомъ грамотности возбуждено ходатайство о разрѣшеніи издавать популярно-научныя книги на малорусскомъ яз. и о допущеніи этихъ книгъ въ народныя библіотеки и читальни.

Помимо того, на страницахъ ежедневныхъ и періодическихъ изданій неоднократно различными авторами въ той или иной формѣ поднимался вопросъ о крайней нуждѣ украинскаго народа въ доступной для него по языку научно-популярной книгѣ.

Основанія, на которыя опираются всѣ вышеуказанныя ходатайства, въ общемъ сводятся къ слѣдующему. Малороссійскій языкъ—родной и общеупотребительный языкъ малорусскаго крестьянина, вслѣдствіе чего книга, написанная на малорусскомъ языкѣ, есть наиболѣе понятный способъ популяризаціи полезныхъ знаній среди простого украинскаго народа. Русскій языкъ мало распространенъ въ украинской деревнѣ; книга, написанная на русскомъ языкѣ, въ значительной степени недоступна для пониманія малорусскихъ крестьянъ не только

[1]) См. „Южн. Зап." 1904, № 25 ст. *Черниговца* 5—7 стр.

по своему лексическому матеріалу, но и по синтаксическому складу рѣчи, и это необходимо сказать въ особенности о научно-популярной книгѣ. Въ народномъ языкѣ нашли свое выраженіе особенности мѣстнаго сельско-хозяйственнаго быта, на немъ созданы термины для названій сельско-хозяйственныхъ работъ и всѣхъ вообще явленій промышленной жизни; мѣстный народный языкъ и земледѣлецъ неотдѣлимы. При исключительномъ господствѣ въ книгѣ русскаго литературнаго языка возникаетъ неуваженіе къ народному языку и къ самому поселянину, говорящему на этомъ языкѣ.

Не имѣя вполнѣ доступной по языку книги для домашняго чтенія, малорусскій крестьянинъ, научившись грамотѣ, постепенно теряетъ охоту къ чтенію, у него ослабѣваетъ жажда знанія, вслѣдствіе чего такъ часты въ украинской деревнѣ случаи рецидивизма безграмотности. Статистически провѣренъ тотъ фактъ, что наименьшій процентъ рецидивизма безграмотности замѣчается среди новобранцевъ московскаго округа, и наибольшій въ кіевскомъ военномъ округѣ. Любопытенъ также и тотъ фактъ, что въ губерніяхъ малороссійскихъ открыто по приговорамъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ гораздо меньше библіотекъ, читаленъ и другихъ самообразовательныхъ учрежденій, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ [1]), фактъ, свидѣтельствующій о томъ, насколько слабо поддерживается и питается у малорусскаго населенія жажда къ знанію и любовь къ чтенію и самообразованію, безъ которыхъ положительно невозможно дальнѣйшее духовное и экономическое развитіе крестьянина.

Всѣ ходатайства о правахъ народнаго языка, возбуждаемыя при томъ цѣлыми учрежденіями, близко знающими нужды народа, свидѣтельствуютъ о томъ, что вопросъ о расширеніи правъ малорусскаго языка въ печати, есть жгучій вопросъ и что необходимость такого расширенія вполнѣ сознана нашимъ обществомъ.

Между тѣмъ руководящія сферы относились и продолжаютъ относиться съ очевиднымъ предубѣжденіемъ ко всякой вообще малорусской книгѣ, а къ научно-популярной въ особенности. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что представляемыя для цензурнаго разрѣшенія малорусскія научно-популярныя брошюры, ничего предосудительнаго въ себѣ не заключающія, обыкновенно не дозволяются къ печати; лишь

---

[1]) См. „Южныя Записки“ № 25 ст. *Черниговца* 7 стр.

для весьма немногихъ брошюръ удается получить разрѣшеніе и то при томъ только условіи, если ихъ изложенію придана беллетристическая форма. Мы могли бы привести здѣсь длинный перечень научно-популярныхъ брошюръ, представленныхъ различными авторами въ цензуру и неразрѣшенныхъ для напечатанія вслѣдствіе того, что онѣ написаны по-малорусски. Для примѣра назовемъ одобренную особой комиссіей изъ спеціалистовъ при «Петербургскомъ Благотворительномъ Обществѣ» рукопись г. Задёры: «Якъ годуваты малыхъ дитей», которая была представлена «Обществомъ» въ цензуру и этой послѣдней не разрѣшена къ печати. Случается иногда, что дозволенная и уже бывшая въ печати рукопись не разрѣшается для вторичнаго изданія. Такъ запрещена, напр., брошюра «Де-що про свитъ Божый» и запрещена, очевидно, за языкъ, потому что раньше въ переводѣ на русскій языкъ она безпрепятственно разрѣшается къ изданію (подъ заголовкомъ «Божій свѣтъ» вышла уже едва ли не десятымъ изданіемъ).

Отношеніе руководящихъ сферъ къ украинской книгѣ яснѣе всего сказалось въ изданіи закона 1876 г., которымъ воспрещено печатаніе и изданіе оригинальныхъ произведеній и переводовъ на малорусскомъ языкѣ за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и б) произведеній изящной словесности. На основаніи этого закона запрещаются всѣ книги характера научно-популярнаго, педагогическаго и утилитарнаго. Равнымъ образомъ отклоняются всѣ ходатайства объ изданіи періодическаго органа на малорусскомъ языкѣ. Сверхъ того, изданныя при такихъ ненормальныхъ условіяхъ книги на малорусскомъ языкѣ, какъ научно-популярнаго, такъ и беллетристическаго содержанія, не допускаются подлежащими вѣдомствами въ школьныя сельскія и общественныя библіотеки. Всѣ ходатайства въ такомъ родѣ обыкновенно признаются не подлежащими удовлетворенію; только М. З. и Г. И. нашло возможнымъ допустить въ свои училища нѣкоторыя изъ изданныхъ «Петербургскимъ Благотворительнымъ Обществомъ» научно-популярныхъ брошюръ.

Признавая, что пользованіе народнымъ языкомъ есть наиболѣе цѣлесообразная мѣра для проведенія въ народъ наибольшей суммы знаній и для пробужденія въ народѣ жажды къ знанію, любви къ чтенію и самообразованію, Совѣтъ Общества предлагаетъ Общему Собранію обсудивъ этотъ вопросъ, обратиться съ заявленіемъ отъ имени К. Общ. Грамотности въ подлежащія вѣдомства о необходимости: а) устранить препятствія, затрудняющія разрѣшеніе къ печати науч-

но-популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, т. е. отмѣнить законъ 1876 года и б) устранить тѣ препятствія, въ силу которыхъ изданныя книги на малорусскомъ языкѣ не допускаются въ училищныя, сельскія и безплатныя библіотеки-читальни.

Ходатайства объ изданіи газеты и журналовъ на украинскомъ языкѣ. «Русскій Врачъ» сообщаетъ, что нѣсколько земскихъ врачей южныхъ губерній возбуждаютъ ходатайство объ изданіи народной медицинской газеты на малороссійскомъ языкѣ.

Въ Россіи, какъ извѣстно, болѣе 10,000,000 населенія говорятъ по-малорусски; едва ли поэтому можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что ходатайство это должно подлежать удовлетворенію, хотя бы для того понадобилось отмѣнить законъ 30-го мая 1876 года, допускающій печатаніе на малороссійскомъ языкѣ только произведеній беллетристики и историческихъ документовъ. По этому же закону до настоящаго времени воспрещалось изданіе на малороссійскомъ языкѣ общедоступныхъ брошюръ по медицинѣ и гигіенѣ.

Въ «Южн. Обозр.» (№ 2644) сообщаютъ, что въ отвѣтъ на ходатайство объ изданіи газеты «Громадянинъ» на украинскомъ языкѣ въ сл. Покровской сотрудникъ «Прив. Края» Г. Ф. Семешко получилъ отвѣтъ отъ главнаго управленія по дѣламъ печати, что газета на «малорусскомъ нарѣчіи» не можетъ быть разрѣшена.

Къ устройству музея имени Котляревскаго. Въ «Полт. Вѣстн.» (№ 562) сообщаютъ, что Полтавской городской думой принципіально рѣшенъ вопросъ о постройкѣ при школѣ им. И. П. Котляревскаго музея, и имѣется уже нѣкоторая сумма для образованія фонда на устройство музея. Управа, озабоченная сборомъ коллекцій для этого музея, проситъ всѣхъ, кто желалъ-бы придти на помощь этому дѣлу, приносить вещи, связанныя съ памятью знаменитаго полтавца-поэта, или указать адреса лицъ, имѣющихъ такія вещи, направляя свои сообщенія и приношенія въ музей Полтавскаго губернскаго земства на имя завѣдующаго, гдѣ онѣ будутъ храниться впредь до открытія музея въ спеціальномъ помѣщеніи.

Школа имени И. П. Котляревскаго въ Одессѣ. Одесскій городской голова Зеленый обратился къ городской думѣ съ предложеніемъ открыть на предмѣстьи Дальникъ школу имени Котляревскаго. «Вся интеллигентная Россія,—говорилъ въ своей рѣчи г. Зеленый,—всегда чтила и чтитъ память выдающихся своихъ писателей—главныхъ дѣятелей просвѣтительнаго движенія. Одесса, основу которой составляетъ элементъ украинскій, обязана почтить память своего поэта, открывъ одну изъ народныхъ школъ его имени». Городская дума приняла это предложеніе Постановленіе думы уже утверждено и Министерств. Вн. Дѣлъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ еще одну школу имени И. П. Котляревскаго (одну рѣшено открыть въ Полтавѣ); но съ чувствомъ сожалѣнія должны прибавить, что въ школѣ им. Котляревскаго обученіе происходитъ не на томъ языкѣ, на которомъ писалъ Котляревскій; да и самыя произведенія его остаются для учащихся этой и другихъ малорусскихъ школъ недоступными.

Новые труды по исторіи Украины. Извѣстный украинскій ученый, львовскій профессоръ М. Грушевскій, подарилъ недавно нашей литературѣ два выдающихся труда: одинъ на русскомъ языкѣ, «Очеркъ исторіи украинскаго народа» (Спб., 380 стр.),—первый у насъ цѣльный очеркъ исторіи нашего народа отъ древнѣйшихъ временъ и вплоть до нашихъ дней; другой—«Істория Украіни-Руси. Том I. До початку XI віка», (во Львовѣ, 628 стр.),—значительно переработанное и дополненное второе изданіе перваго тома обширнѣйшаго труда, начатаго печатаніемъ въ 1898 году. Перваго изданія перваго тома давно уже не имѣется въ продажѣ. Въ данное время во Львовѣ приступлено къ печати V тома «Істориі Украіни-Руси», обнимающаго внутреннюю исторію литовскаго періода.

Рукопись XI вѣка. По сообщенію «С.-Петерб. Вѣдом.», въ послѣдней книжкѣ данцигскаго журнала «Numismatiker» помѣщена интересная статья г. Карла Болсуновскаго о «русскихъ монетахъ при Ярополкѣ». Въ этой статьѣ авторъ упоминаетъ объ открытіи, сдѣланномъ графомъ Бобринскимъ, президентомъ Императорской русской археологической коммиссіи, во время путешествія его по Западной Европѣ.

Открытіе графа имѣетъ большое значеніе для исторіи княжества кіевскаго XI в. Имъ найдена рукопись въ формѣ псалтиря епископа Эгберта Тріё, которая хранится въ музеѣ собора въ Цивидалѣ, недалеко отъ Тріеста и извѣстна ученымъ въ Тріё. Рукопись носитъ названіе «Codex Gertrudianus». Гертруды—супруги великаго князя Изяслава Ярославовича (1054—1078), дочери короля польскаго Болеслава I Храбраго.

Рукопись эта необыкновенно цѣнна благодаря многочисленнымъ миніатюрамъ и византійскимъ рисункамъ. Кромѣ псалмовъ и различныхъ молитвъ, она содержитъ особую молитву княгини Гертруды за своего сына, Ярополка съ христіанскимъ именемъ «Петръ».

Въ псалтирѣ имѣется миніатюра, подъ которою, вмѣсто извѣстнаго въ исторіи имени Ярополка, стоитъ имя «Петръ». На миніатюрѣ, очевидно, изображены великій князь и великая княгиня въ богатыхъ византійскихъ одѣяніяхъ. По мнѣнію Геролофа, князь Ярополкъ на этой миніатюрѣ написанъ съ натуры.

Украинская художественная выставка во Львовѣ. «Товариство прихильників українськоі літератури, науки і штуки» устраиваетъ 1 января 1905 г. выставку картинъ украинскихъ артистовъ, художественной рѣзьбы на деревѣ гуцульскихъ мастеровъ и украинскихъ старинныхъ килимовъ и плахтъ. Выдилъ Товарыства обращается къ публикѣ и артистамъ съ просьбой принять участіе въ предположенной выставкѣ. На выставку будутъ приняты: украинскія плахты, кылимы (не позже первой четверти XIX ст.), ткани на этнографической территоріи Украины, гуцульская рѣзьба и картины артистовъ украинцевъ, не считаясь съ ихъ содержаніемъ и тенденціями. Въ объемъ выставки не войдутъ предметы, имѣющіе лишь этнографическое значеніе, не художественные, и тѣ произведенія искусства, которые были уже на выставкѣ во Львовѣ. Обращаться можно къ головѣ Товариства проф. М. Грушевскому или секретарю Ивану Трушу (Львовъ, ул. Чарнецкого, 26).

Постройка новаго русинскаго театра во Львовѣ. Бюджетная коммиссія галицкаго сейма, дѣйствуя подъ вліяніемъ воцарившагося въ послѣднемъ примирительнаго настроенія, согласилась на выдачу суб-

сидіи въ 300,000 коронъ на постройку новаго русинскаго театра въ Львовѣ, который по разсчету предпринимателей, долженъ обойтись въ 900,000 коронъ. Коммиссія требуетъ при этомъ, чтобы въ составъ совѣта, вѣдающаго дѣлами новаго учрежденія, который будетъ состоять въ общемъ изъ 11 членовъ, входило 5 членовъ, назначенныхъ автономными властями. При этомъ большинство этихъ членовъ отъ правительства должно принадлежать къ русинской національности. Директоръ утверждается правительствомъ. Такимъ образомъ, постановленіе коммиссіи, обезпечивая дѣло постройки (600,000 коронъ кредитуютъ банки на амортизаціонныхъ началахъ), въ тоже время гарантируетъ ея національный характеръ и обезпечиваетъ правительству извѣстное вліяніе на новое учрежденіе. Радикальные русинскіе листки недовольны такимъ рѣшеніемъ вопроса и угрожаютъ, что русины, построивъ театръ безъ помощи сейма, будутъ сдавать таковой, во время поѣздокъ русинской труппы въ провинцію, въ аренду труппѣ... нѣмецкой!

Мицкевичъ и галицкій сеймъ. На торжествѣ открытія памятника Мицкевичу во Львовѣ присутствовалъ проживающій обыкновенно въ Парижѣ сынъ автора «Пана Тадеуша» г. Владиславъ Мицкевичъ, которому участники празднества устроили рядъ горячихъ оваціи.

Галицкій сеймъ, желая почтить еще разъ память и заслуги его великаго отца, единогласно постановилъ назначить ему пожизненную почетную пенсію въ 4000 коронъ въ годъ. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить находчивость, съ которою поступили оппозиціонные русины. Такъ какъ они составляютъ въ сеймѣ незначительное меньшинство, то, конечно, неотложное предположеніе о назначеніи пенсіи было бы принято и безъ ихъ голосовъ. Съ другой стороны, естественно, желательно было, чтобы оно было принято единогласно. Не имѣя ничего противъ этого и сочувствуя самому проекту, но въ тоже время не желая подавать свои голоса за одно съ большинствомъ, оппозиціонные русины въ подходящій моментъ по одиночкѣ вышли изъ зала. Предложеніе прошло единогласно, а сумма 4,000 кр. внесена въ бюджетъ текущаго 1904 года.

Постановленіе сейма и отношеніе русиновъ къ данному дѣлу произвело во всѣхъ кругахъ польскаго общества прекрасное впечатлѣніе. Несомнѣнно, послѣднее обстоятельство замѣтно усилитъ уступ-

чивость, которую сеймъ сталъ въ настоящую сессію проявлять по отношенію къ требованіямъ русиновъ.

Къ польско-русскимъ отношеніямъ въ Галиціи. Гр. Дзѣдушицкій внесъ въ нынѣшнюю сессію галицкаго сейма предложеніе относительно обязательнаго изученія въ среднихъ школахъ Галиціи второго «Земскаго» языка (въ польскихъ—малорусскаго, въ малорусскихъ—польскаго). Это предположеніе, однако, не находитъ себѣ сочувствія въ мѣстныхъ педагогическихъ сферахъ. По крайней мѣрѣ, отрицательно отнеслось къ предложенію «Общество преподавателей средней школы» («Towarzystwo nauczycieli szkol wysszych»), которое устроило спеціальное собраніе для обсужденія вопроса. И вотъ, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, большинствомъ голосовъ была принята такая резолюція: «собраніе выражетъ свое убѣжденіе въ томъ, что предположеніе гр. Дзѣдушицкаго, практически излишнее, вредно съ точки зрѣнія педагогической и національной, а съ точки зрѣнія здоровья юношества въ рамкахъ современнаго учебнаго плана и неисполнимо»...

Библіографическія новости. Недавно въ Львовѣ вышла изъ печати (изданіе Укр.-руськоі Видавничоі Спілки) повѣсть И. С. Левицкаго «Хмары», впервые съ нѣкот. пропусками напечатанная въ Кіевѣ въ 1874 г., но затѣмъ не переиздававшаяся болѣе въ Россіи. Вторично повѣсть «Хмары» была издана во Львовѣ въ 1890 г. (въ XXXV т. «Бібліотеки найзнаменитших повістей» (съ незначительными отличіями отъ перваго изданія. Въ настоящеее время «Хмары» изданы въ третій разъ, но въ полномъ видѣ *впервые*: помимо нѣкоторыхъ измѣненій, сдѣланныхъ авторомъ, имъ даны для этого изданія три новыхъ, нигдѣ еще не напечатанныхъ главы (XIII—XV).

Въ № 317 «Кіевской Газеты» помѣщенъ фельетонъ г. Вс. Чаговца «Японская и малорусская легенда о мстящей женѣ», въ которомъ проводится параллель между одной японской легендой, помѣщенной въ «Мірѣ Божьемъ» (1904 года г., ноябрь: «Ингва банашии») и легендой, записанной авторомъ близъ Почаева. Послѣдняя приведена авторомъ въ фельетонѣ.

Художественный журналъ. Въ скоромъ времени во Львовѣ начнетъ издаваться новый журналъ: «Артистичний Вістник», посвященный музыкѣ, живописи, скульптурѣ и пр. изящнымъ искусствамъ. Журналъ будетъ издавать коммиссія, основавшаяся уже для этой цѣли. Кромѣ статей въ журналѣ будутъ помѣщаться также репродукціи произведеній нашихъ артистовъ и композиціи нашихъ композиторовъ,— послѣдніе въ видѣ приложеній. (Літерат.-Науковий Вістник).

—

Въ №№ 43—45 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена интересная статья «Суевѣрныя молитвы и сказанія, распространяемыя и распространенныя въ нашемъ народѣ». Интересъ представляетъ не статья сама по себѣ, а матеріалъ изъ области «отреченной литературы», заимствованный изъ тетрадки средины XIX ст., принадлежащей одному отставному солдату Каменецъ-Подольской губ. Въ этой тетрадкѣ имѣются: молитвы на разныя болѣзни, Сонъ Богородицы, Сказаніе Климента папы Римскаго, какъ подобаетъ каждому православному христіанину поститься въ году дванадесять пятницъ, Таблица, составленная великимъ Альбертомъ, что въ цѣломъ году находится 32 дня, въ которые не должно ничего предпринимать или совершать важнаго.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Руска Письменність. I. Твори Івана Котляревского, Петра Артемовского-Гулака, Евгенія Гребінки. *Видане «Просьвіта» у Львові, 1904, стр. 1—533; in. мал. 8⁰. Ціна 1 корона (40 коп).*

Г. Романчукъ, голова Товариства «Просьвіта», предпринялъ весьма важное и полезное изданіе—изданіе произведеній выдающихся писателей украинскихъ (галицко-украинскихъ), въ хронологическомъ порядкѣ, при томъ возможно лучшее (наиболѣе исправный текстъ) и возможно дешевое. Первый томикъ, вышедшій недавно, заключаетъ въ себѣ произведенія Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго и Гребенки; слѣдующій будетъ обнимать сочиненія Квитки-Основьяненка, третій—М. Шашкевича, Головацкаго, Н. Устіяновича и Могильницкаго, четвертый—Метлинскаго и Костомарова, пятый—Шевченка [1]). Судя по цѣнѣ перваго томика (40 коп. на наши деньги), изданіе при своемъ значительномъ изяществѣ, дѣйствительно будетъ чрезвычайно доступнымъ для галицкаго народа.

Разсматриваемое нами изданіе интересно не только, какъ начало систематическаго изданія произведеній лучшихъ нашихъ писателей, но и какъ изданіе, въ извѣстной степени наиболѣе совершенное и при томъ приносящее нашей литературѣ нѣчто новое—такъ какъ содержитъ нѣсколько *неизвѣстныхъ* доселѣ произведеній Гулака-Арте-

[1]) Г. Романчукъ еще въ 1901 г. издалъ „поезіі Т. Г. Шевченка", о которыхъ въ свое время (въ рецензіи на „Записки въ Тов. ім. Шевченка"—„Кіевск Стар.", 1904, февраль) мы имѣли случай говорить.

мовскаго. На этихъ послѣднихъ мы и остановимся спеціально, оставивъ въ сторонѣ произведенія Котляревскаго (провѣренныя и сличенныя по заявленію издателя, по всѣмъ изданіямъ отъ 1798 до 1898), а также и Гребенки (перепечатка извѣстныхъ произведеній).

Сочиненіямъ Гулака-Артемовскаго предпослана коротенькая біографія (2 страницы), не лишенная тѣмъ не менѣе нѣкоторыхъ промаховъ. Такъ, говорится, что Г.-Артем. родился въ *«селі* Городищі» (вмѣсто «мѣстечкѣ»); учился сначала дома, «потім въ Киівській Академіи»,—при чемъ не объяснено, что въ то время при Академіи было и низшее училище, которое долженъ былъ пройти Артемовскій, прежде чѣмъ попасть въ Академію; упоминается, по нашему мнѣнію, излишне о томъ, что «через кілька днів годувався тілько лушпинами з кавунів; які визбирував на базари»,—фактъ въ данномъ случаѣ мелкій, да къ тому же и не вполнѣ доказанный (хотя, впрочемъ, извѣстно изъ рукописнаго формуляра, что въ Академіи „онъ испытывалъ страшную нужду"). Далѣе говорится, что во время польскаго повстання 1831 г. «оден урядник зробив на него донос, що він враз з двома іншими профессорами стоіть на чолі тайноі революційноі громади». Это тоже не совсѣмъ вѣрно: на самомъ дѣлѣ упомянутый казусъ, по словамъ вдовы Артемовскаго, случился въ концѣ 40-хъ г.г. «*Въ тім же році* (т. е. 1831) поставлено его інспектором інститута «благородныхъ дѣвицъ», а в р.р. 1841 до 1849 він був ректором університета. В р. 1850 спенсіонував ся; умер в Харкові 1 жовтня 1866 р.» Здѣсь цѣлый рядъ неточностей, которыя мы исправляемъ по имѣющейся въ нашихъ рукахъ выписи изъ бумагъ Г. С. Чирикова, роботавшаго надъ составленіемъ «Біографическаго Словаря» Харьковского университета [1]). Оказывается, что инспекторомъ въ «Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ» въ Харьковѣ Артемовскій былъ съ 1827 г., а съ 1831 г. управлялъ учебной частью Полтавскаго и Харьковскаго Институтовъ; въ отставку вышелъ въ 1848 г. (а не 1850) и умеръ, какъ всѣмъ извѣстно, въ 1865 г. (а не 1866; эта ошибка повторена и въ рукописи Потебни,— «Кіевск. Стар.» 1888 г.—«Сочиненія П. П. Артемовскаго».

Но переходимъ къ произведеніямъ Г.-Артемовскаго. До послѣдняго момента, считая и новыя произвед. въ «Руской Письменності»

---

[1]) За любезное сообщеніе выписи приносимъ искреннюю благодарность г-жѣ В. А. Матушевской.

всѣхъ произведеній его извѣстно: 66—безусловно ему принадлежащихъ, и два «Пан» и «Муха» —лишь болѣе или менѣе гадательно [1]). Изъ этого количества г. Романчукомъ приведено въ данномъ изданіи лишь 49, при томъ нѣсколько, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, впервые или въ болѣе полномъ видѣ. Недостаетъ, такимъ образомъ, до полнаго собранія сочиненій, еще 19 произведеній: 5 —напечатанныхъ г. Романчукомъ послѣ выхода «Рускоі Письмености» в «Записках Наук. Товариства» (см. примѣчаніе) и 14, болѣе мелкихъ, напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ» 1897 г. («Неизданныя сочиненія Гулака-Артемовскаго»), а именно: «Петро мужыкъ Непокорный»; «Сыдыть Петро у Полтаві», «Надудлывсь чого», «Булы мы й въ Святогорськимъ», 2 письма къ Вагнеру: «Голывся я на тыждень разъ» и «Якъ тилько дозвонять 4 годыны», «Послухавъ жинку», «Ой мени тяжко, ой мени нудно», «Андрію, Андрію» (вторая часть напечатана въ «Рус. Письменості» подъ загл. «Пісні» (стр. 414, П), «Де ты бродышъ, моя доле», «Свитыть мисяць у виконце», «Ой дежъ вона залетила», «Ну вже такы далась въ знакы»... Столько пьесъ не достаетъ еще въ изданіяхъ г. Романчука, чтобы назвать собраніе сочиненій Г. Артемовскаго полнымъ!

Обращаемся къ каждому изъ помѣщенныхъ въ «Руской Письменности» произведеній Г.-Артемовскаго.

1. *Панъ та Собака.* Это стихотвореніе, впервые помѣщенное въ 1818 г. въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» и перепечатанное впослѣдствіи въ «Основѣ» Кулишомъ,—насколько намъ извѣстно, имѣло до сихъ поръ одну редакцію. Между тѣмъ у г. Романчука оно подверглось значительнымъ водоизмѣненіямъ. Значитъ ли это, что г. Романчукъ пользовался какомъ-либо новымъ источникомъ?—Вѣроятно, но на это не находимъ никакихъ указаній въ данномъ изданіи. Какъ бы то ни было, считаемъ необходимымъ отмѣтить всѣ разночтенія противъ редакціи «Основы»:

Стр. 365, стр. 2 у Романчука: *«Денегде»* — у Куліша *«де-куди»*
— „ 4 — *«на небі ні зорі»* — *«нема а ні* зорі»
— „ 5 — «*От* ледве кpадькома яка *сонлива* зірка»,
— у Куліша «*І* ледве крадькома яка *маленька* зірка»,

[1]) Изъ этого числа 5 (6-ое значит. часть „Справжней добрості") напечатаны въ LX томѣ „Запис. Н. Товариства", а именно „Нагайка", „До Юхима", „Сину моэму, „Слівіцкому" и „До Варки".

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 87-го:

октябрь, ноябрь, декабрь, 1904 г.

Книга первая—октябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая—ноябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—декабрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ LXXXVIII.

1905 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.